Жития святых
Димитрий (Туптáло), митрополит Ростовский и Ярославский, святитель

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского

Оригинал (2010 г.)

Введение • Январь • Февраль • Март • Апрель • Май • Июнь • Июль • Август • Сентябрь • Октябрь • Ноябрь • Декабрь

1 января

2 января

В тот же день память преподобного Сильвестра Печерского, продолжателя летописи после Нестора (первого русского летописца), жившего в XII веке и почивающего нетленно в ближней Антониевой пещере.

3 января

4 января

В тот же день память преподобного Феоктиста, игумена в Кукуме Сикелийском (†800 г.).

5 января

6 января

7 января

8 января

9 января

10 января

11 января

12 января

13 января

14 января

15 января

16 января

17 января

18 января

19 января

В тот же день память преподобного Макария, диакона Печерского [1].

20 января

21 января

22 января

В тот же день память святого преподобномученика Анастасия, диакона Печерского, скончавшегося в конце XII века и почивающего в пещере преподобного Антония.

23 января

24 января

25 января

26 января

27 января

28 января

В тот же день память преподобного Феодосия Тотемского

29 января

30 января

31 января

Февраль

1 февраля

В тот же день память преподобного отца нашего Петра Галатийского, скончавшегося около 429 года. Он же воспоминается 22 февраля и 25 ноября под именем Петра Столпника и Молчальника.

2 февраля

3 февраля

В тот же день память святого мученика Иадора, пострадавшего при императоре Декии [2].

4 февраля

В тот же день память святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича [3].

5 февраля

6 февраля

7 февраля

8 февраля

9 февраля

10 февраля

11 февраля

12 февраля

13 февраля

14 февраля

Перенесение мощей святого благоверного князя Михаила Всеволодовича Черниговского, и боярина его Феодора

В тот же день память святого равноапостольного Кирилла, учителя Словенского

15 февраля

В тот же день память преподобного Пафнутия и дочери его Евфросинии

16 февраля

17 февраля

18 февраля

19 февраля

20 февраля

21 февраля

22 февраля

23 февраля

24 февраля

25 февраля

26 февраля

27 февраля

28 февраля

29 февраля

Март

1 марта

В тот же день память святых мучеников Маркелла и Антония, огнем за Христа сожженных.

2 марта

В тот же день память преподобного Агафона, пустынника Египетского, скончавшегося в V веке.

В тот же день память мученика Троадия, юноши, пострадавшего при царе Декии в городе Неокесарии.

3 марта

В тот же день память святых Зинона и Зоила, в мире скончавшихся.

В тот же день память преподобной Пиамы девы, жившей в стране Египетской и имевшей дар прозрения; скончалась в 337

году.

4 марта

В тот же день память святого Григория, епископа города Констанции, на острове Кипре, скончавшегося в мире.

В тот же день преставление святого благоверного князя Московского Даниила Александровича, в 1303 году.

В тот же день убиение татарами блаженного князя Василия (Василька) Константиновича Ростовского, в 1238 году.

5 марта

Память святого мученика Онисия, жившего и пострадавшего в одно время с мучеником Кононом Исаврийским.

Память святого мученика Евлампия, мечом усеченного.

Память святой мученицы Ираиды, время и место кончины неизвестны.

Перенесение мощей святого благоверного князя Феодора Смоленского и Ярославского, и чад его Давида и Константина, в соборную церковь Спасо-Ярославского монастыря. Память святых – 19 сентября. Мощи обретены в 1463.

6 марта

7 марта

8 марта

9 марта

10 марта

11 марта

12 марта

13 марта

В тот же день память святой мученицы Христины, в IV веке в Персиде пострадавшей.

14 марта

В тот же день преставление святого Феогноста, митрополита Киевского и всея России.

15 марта

16 марта

В тот же день память святого мученика Иулиана Аназаврского, пострадав-шего в Антиохии, в царствование Максимиана, в III веке.

В тот же день память святого священномученика Александра, папы Римского, сожженного в печи, по повелению императора Адриана, в 119 году, 3 мая.

В тот же день преставление святого Серапиона, архиепископа Новгородского, скончал-ся в 1516 году.

17 марта

18 марта

19 марта

20 марта

21 марта

22 марта

23 марта

24 марта

25 марта

26 марта

27 марта

28 марта

29 марта

30 марта

В тот же день память преподобного отца нашего Зосимы, епископа Сиракусского.

В тот же день память святой Еввулы, матери св. Пантелеимона, жившей в III в. и скончавшейся ранее мучений своего сына (до 305 года).

31 марта

Апрель

1 апреля

В тот же день память преподобного отца нашего Макария исповедника, за почитание святых икон претерпевшего заключение в темницу и истязания, и скончавшегося в Афусии близ Царьграда, около 830 г.

В тот же день память святых мучеников Геронтия и Василида, от меча скончавшихся и память праведного Ахаза.

В тот же день убиение святого мученика Аврамия Болгарского, в 1299 году.

2 апреля

3 апреля

В тот же день память преподобного Иллирика чудотворца и святых мучеников: Елпидифора, Дия, Висония и Галика.

4 апреля

В тот же день память преподобного Георгия Безмолвника.

5 апреля

В тот же день память преподобных отцев Феоны, Симеона и Форвина.

6 апреля

В тот же день 120 мучеников в Персии, в IV в. сожженных царем Сапором.

В тот же день память святого равноапостольного Мефодия

7 апреля

В тот же день память святого Руфина диакона, святой мученицы Акилины, и с ними 200 во-инов, в Синопе скончавшихся около 310 года.

В тот же день память преподобного отца нашего Даниила Переяславского.

8 апреля

9 апреля

В тот же день память святых мучеников: Дисава епископа, Мариава пресвитера, Авдиеса и прочих 270, пострадавших от персидского царя Сапора, в 362–364 гг.

10 апреля

В тот же день память святых мучеников Иакова пресвитера, Азадана и Авдикия диаконов, в Персии, при Сапоре пострадавших около 380 года.

11 апреля

В тот же день память преподобного Фармуфия, жившего в IV в. в той же пустыни, где подвизался в колодце преподобный ИоаннФармуфий служил, питал его.

12 апреля

В тот же день памяти преподобномучеников Мины, Давида и Иоанна, от сарацинов стрелами пронзенными в Палестине.

13 апреля

14 апреля

15 апреля

16 апреля

В тот же день память святого мученика Леонида и с ним святых жен: Хариессы, Нунехии, Василиссы и Феодоры, в Коринфе страдавших и в море потопленных в 251 г.

17 апреля

18 апреля

19 апреля

20 апреля

21 апреля

В тот же день память святого отца нашего Максимиана, патриарха Константинопольского, управлявшего Церковью, в царствование Феодосия Младшего, два с половиною года и в мире преставившегося в 481 году, апреля 12.

22 апреля

23 апреля

В тот же день Память святых мученицы царицы Александры и святых мучеников Анатолия и Протолеона.

24 апреля

В тот же день память преподобного Саввы Печерского, подвизавшегося, по всей вероятности, в начале XIII века. Мощи его – в Антониевых пещерах.

25 апреля

26 апреля

27 апреля

28 апреля

29 апреля

В тот же день память святых мучеников Диодора и Родопиана диакона, пострадавших при Диоклетиане, в Афродисии Карийской.

30 апреля

Май

1 мая

В тот же день празднуется память священномученика Макария, митрополита Киевского, от татар в 1497 г. убиенного в селе Стриголове, Минской губернии.

2 мая

3 мая

4 мая

5 мая

6 мая

7 мая

8 мая

9 мая

10 мая

11 мая

12 мая

13 мая

14 мая

В тот же день память святого Исидора, Христа ради юродивого, Ростовского чудотворца, преставившегося в 1474 году.

В тот же день память преподобного отца нашего Никиты, затворника Печерского, потом епископа Новгородского, скончавшегося в 1108 году.

15 мая

В тот же день память во святых отца нашего Исайи епископа Ростовского, преставившегося в 1090 г.

В тот же день убиение святого благоверного царевича Димитрия, Московского и всея России чудотворца, в 1591 г.

В тот же день память преподобного Исайи Печерского чудотворца, скончавшегося в 1115 г.

16 мая

В тот же день память во святых отца нашего Георгия, епископа Митиленского, поставленного во епископа в 842 году.

В тот же день память святых мучеников Вита, Модеста и Крискентии, пострадавших в царство Диоклетианово.

В тот же день празднуется перенесение мощей преподобного Ефрема Перекопского, Новгородского чудотворца, скончавшегося 26 сентября 1523 года. Перенесение мощей было в 1545 году 16 мая.

17 мая

18 мая

19 мая

В тот же день память преподобного Корнилия Комельского, Вологодского чудотворца, скончавшегося в 1537 году в

основанной им Комельской обители (в 5 верстах от г. Грязовца), где и почивают его святые мощи.

20 мая

В тот же день преставление святого Довмонта-Тимофея, князя Московского, в 1299 году.

21 мая

В тот же день память преподобного Кассиана грека Угличского чудотворца, скончавшегося 2 октября 1504 года.

22 мая

23 мая

В тот же день празднуется обретение (в 1164 г.) мощей святого Леонтия, епископа ростовского, чудотворца.

В тот же день память преподобного Паисия галичского, бывшего архимандритом Успенского Николаевского монастыря (близ г. Галича), скончавшегося в 1460 г.

24 мая

25 мая

В тот же день празднуется третье обретение честные главы святого Иоанна Крестителя (о сем событии см. под 24 февраля)

26 мая

В тот же день память святых мучеников Аверкия и Елены, по некоторым памятникам, детей апостола Алфея. Святой Аверкий пострадал за Христа, быв привязан нагой среди пчел и изъязвленный их жалами; сестра же его Елена убита камнями.

В тот же день празднуется обретение мощей преподобного Макария Калязинского. Смотри житие его под 17 марта

27 мая

28 мая

29 мая

30 мая

31 мая

Июнь

1 июня

2 июня

3 июня

4 июня

5 июня

6 июня

7 июня

В тот же день память святого мученика Феодота Анкирского, усеченного мечом в 303 году (житие его см. под 18 мая

8 июня

9 июня

В тот же день память святых мучениц: Феклы, Марфы и Марии, в Персии пострадавших в 346 году.

В тот же день преставление преподобного Кирилла, игумена Белозерского, в 1427 году.

10 июня

11 июня

12 июня

В тот же день преставление преподобного Арсения Коневского, Новгородского чудотворца, в 1447 году.

В тот же день преставление преподобного Онуфрия Мальского в 1492 году.

В тот же день память преподобных Онуфрия и Авксентия Вологодских, подвизавшихся в конце XV в. и начале XVI в.

В тот же день память преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских, утонувших в Белом море в 1561 году.

13 июня

В тот же день преставление преподобного Андроника Московского, в 1395 году.

14 июня

15 июня

В тот же день память иже во святых отца нашего Ионы, митрополита московского и всея России, чудотворца.

16 июня

В тот же день память священномученика Тигрия пресвитера и мученика Евтропия чтеца, пострадавших в начале 5 века, в Константинополе.

В тот же день память преподобного Тихона Медынского (Калужского).

17 июня

18 июня

19 июня

20 июня

21 июня

22 июня

23 июня

24 июня

В этот же день память святых мучеников, семи братий по плоти Орентия, Фарнакия, Ероса, Фирмоса, Фирмина, Кириака и Лонгина воинов, пострадавших при Диоклетиане и Максимиане на берегах Черного моря.

25 июня

26 июня

В тот же день память святого отца нашего Дионисия, архиепископа Суздальского,скончавшегося в 1384 г.

27 июня

28 июня

В этот день память преподобных отцов Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, скончавшихся около 1353 г.

29 июня

В тот же день память преподобного Петра, царевича Ордынского, Ростовского чудотворца (ум. 29 июня 1290 года).

30 июня

Июль

1 июля

2 июля

В этот же день преставление святителя Фотия, митрополита Киевского и всея России, в 1431 году.

3 июля

В этот же день память преподобного Анатолия Печерского, в XII в.

В этот же день память святого отца нашего Антония, патриарха Цареградского, скончавшегося в 458 году.

В этот же день память благоверных князей Василия и Константина Ярославских, в XIII в.

В этот же день память святых мучеников Диомида, Евлампия, Асклипиодота и Голиндухи, пострадавших при Траяне во II в.

В этот же день память преподобных Иоанна и Лонгина, Яренгских чудотворцев, утонувших в Белом море и обретенных у моря около 1544–1545 годов.

В этот же день преставление блаженного Иоанна, юродивого Московского, в 1589 году.

В этот же день преставление преподобного Никодима Кожеозерского (Хозъюгского), скончавшегося в 1640 году.

В этот же день перенесение мощей святителя Филиппа, митрополита Московского

4 июля

В этот же день празднование памяти благоверного великого князя Андрея Боголюбского, убиенного в 1174 году.

5 июля

В этот же день память преподобного Лампада, чудотворца Иринопольского.

В этот же день обретение мощей преподобного Сергия, игумена Радонежского, чудотворца, в 1422 году.

6 июля

В этот же день память святых мучеников Исавра диакона, Иннокентия, Филикса, Ермия, Василия и Перегрина, происходивших из города Афин и пострадавших за имя Христово от руки военачальника Трипонтия в Македонском городе Аполлонии, при императоре Нумериане (283–284 г.). Вместе с ними были усечены и два градоначальника Руф и Руфин.

В этот же день обретение честных мощей святой Иулиании девицы, княжны Ольшанской.

7 июля

В этот же день преставление преподобной Евфросинии, в мире Евдокии, великой княгини Московской, в 1407 году.

8 июля

В этот же день память праведного Прокопия Устьянского.

В этот же день преставление праведного Прокопия Устюжского, Христа ради юродивого, в 1303 году.

9 июля

В этот же день память святого священномученика Кирилла(См. о нем 6 сентября

10 июля

11 июля

12 июля

В этот же день преставление преподобных: Арсения Новгородского (в 1570 г.) и Симона Воломского (в 1641 г.).

В этот же день память святых мучеников Феодора варяга и сына его Иоанна, в Киеве убиенных в 983.

13 июля

14 июля

В тот же день память преподобномученика Онисима чудотворца, страдавшего при Диоклетиане и скончавшегося в Малой Азии, в Магнезии.

В тот же день преставление преподобного Стефана Махрищского (1406 г.), основавшего монастырь на месте Махрище в 12 верстах от города Александрова Владимирской губернии.

15 июля

В тот же день преставление святого равноапостольного великого князя Киевского Владимира (1015 г.), во святом крещении Василия.

В тот же день память святого мученика Авудима, пострадавшего при Диоклетиане.

16 июля

17 июля

В тот же день перенесение честных мощей преподобного Лазаря, в Галисийской горе постившегося (память его празднуется 7 ноября

В тот же день преставление преподобного Иринарха, игумена Соловецкого.

18 июля

19 июля

В тот же день преставление святого Романа Олеговича, князя Рязанского, замученного в Орде в 1270 году.

20 июля

В тот же день обретение честных мощей святого мученика Афанасия Брестского.

21 июля

В тот же день память преподобного Онуфрия молчаливого Печерского, подвизавшегося в XII веке.

22 июля

23 июля

24 июля

25 июля

В тот же день преставление преподобного Макария Желтоводского в 1444 г.

26 июля

27 июля

В тот же день преставление блаженного Николая, Христа ради юродивого, Кочанова в Великом Новгороде в 1392 году.

28 июля

29 июля

30 июля

31 июля

Август

1 августа

2 августа

В тот же день память святого священномученика Стефана, папы Римского, мученически скончавшегося в 257 году 2 августа в царствование Валериана.

В тот же день память блаженного Василия, подвизавшегося в Спасокаменном монастыре на Кубенском острове Вологодского уезда.

3 августа

В тот же день преставления преподобного Антония Римлянина в Новгороде в 1147 году.

4 августа

В тот же день память преподобномученицы Евдокии, пострадавшей в Персии при Сапоре, около 362–364 года.

В тот же день память святого мученика Елевферия, служившего постельничим (кувикуларием) при дворе Максимиана и, по его повелению, за Христа мечом усеченного.

5 августа

В тот же день память святых мучеников: Кантидия и Кантидиана, побитых камнями в Египте и Сивела, в Египте же

умерщвленного стрелами.

В тот же день память святой праведной Нонны, матери святого

Григория Богослова.

6 августа

В тот же день память прп. Иова Ущельского, основавшего обитель в селе Ущелье Архангельской губернии и убитого разбойниками в 1628 году 5 августа и погребенного 6-го.

7 августа

8 августа

В тот же день память преподобного Григория, иконописца Печерского в XII в., почивающего в Антониевой пещере.

В тот же день память святых мучеников Елевферия и Леонида, брошенных в огонь за исповедание Иисуса Христа.

В тот же день память преподобного Григория Синаита, жившего в царствование Михаила IX Палеолога и Андроника, царей греческих, написавшего много душеполезных книг и скончавшегося в первой половине XIV века.

9 августа

В тот же день память преподобного Псоя, ученика Пахомия Великого, в IV веке подвизавшегося в Египте.

10 августа

В тот же день преставление блаженного Лаврентия Христа ради юродивого Калужского в 1515 году.

11 августа

12 августа

В тот же день память святых мучеников Памфила и Капитона.

13 августа

В тот же день перенесение честных мощей преподобного отца нашего Максима Исповедника, воспоминаемого в 21 день января

В тот же день обретение мощей блаженного Максима Московского, Христа ради юродивого.

В тот же день преставление (в 1783 г.) и открытие (в 1861 г.) мощей святого отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца.

14 августа

В тот же день память преподобного Аркадия, ученика Ефрема Новоторжского.

В тот же день память святого мученика Маркелла, епископа Апамийского, сожженного около 389 года идолопоклонниками за разрушение языческого храма.

15 августа

16 августа

17 августа

В тот же день память святых мучеников: Павла и Иулиании, сестры его; память их празднуется в четвертый день месяца марта (под сим числом подробно описано и страдание их).

В тот же день память святых мучеников: Фирса, Левкия и дружины их, пострадавших при императоре Декии (249–251 гг.) в Кесарии Вифинской; память их празднуется еще в четырнадцатый день месяца декабря (под этим числом можно читать и повествование о страдании их).

18 августа

В тот же день память святых патриархов Константинопольских Иоанна и Георгия. Иоанн патриаршествовал с 669 г. по 674 г., Георгий с 678 г. по 683 г., – оба при императоре Константине Погонате (668–685 гг.).

19 августа

20 августа

21 августа

В тот же день память преподобного Аврамия трудолюбивого печерского, подвизавшегося в Антониевой пещере ок. XII в.

В тот же день память преподобного Аврамия, смоленского чудотворца (скончался в первой половине XIII в.).

22 августа

23 августа

24 августа

В тот же день память святого Георгия Лимнеота, исповедника, подвизавшегося при императоре иконоборце Льве III Исавре (717–741 гг.).

В тот же день память преподобного Арсения комельского, вологодского чудотворца, скончавшегося в 1550 г.

В тот же день перенесение мощей святого Петра митрополита, всея России чудотворца (в 1479 г.).

25 августа

26 августа

27 августа

В тот же день память преподобного Саввы, в Венефалех (местность сия и время жизни преподобного Саввы неизвестны).

В тот же день память святой мученицы Анфисы, за исповедание имени Христова брошенной в колодезь (время ее подвигов и место ее кончины неизвестны).

28 августа

29 августа

30 августа

В тот же день обретение мощей святого благоверного князя Даниила Александровича Московского, в 1652 году. Мощи его почивают в Московском Даниловом монастыре (память преставления святого благоверного князя Даниила совершается 4 марта).

31 августа

Сентябрь

1 сентября

2 сентября

3 сентября

4 сентября

5 сентября

6 сентября

7 сентября

8 сентября

9 сентября

10 сентября

11 сентября

12 сентября

13 сентября

14 сентября

15 сентября

16 сентября

17 сентября
18 сентября
19 сентября
20 сентября
21 сентября
22 сентября
23 сентября
24 сентября
25 сентября
26 сентября
27 сентября
28 сентября
29 сентября
30 сентября

Октябрь

1 октября
2 октября
3 октября
4 октября
5 октября
6 октября
7 октября
8 октября
9 октября

В тот же день память святых мучеников Еввентия и Максима воинов. О них см. 5 сентября, где Еввентий иначе называется Иувентином.

10 октября
11 октября
12 октября
13 октября
14 октября
15 октября
16 октября
17 октября
18 октября

В тот же день страдание мученика Марина старца, пострадавшего при Диоклетиане в городе Тарсе.

19 октября

20 октября

21 октября

22 октября

В тот же день память святых семи отроков Ефесских: Максиминиана, Иамвлиха, Мартиниана, Дионисия, Антонина, Константина (Ексакустодиана) и Иоанна. Память их совершается еще 4 августаМинее 1870 года сказано, что св. отроки скончались 4 августа, а пробудились при царе Феодосии младшем 22 октября.

23 октября

24 октября

25 октября

26 октября

27 октября

В тот же день память мученика Марка и иже с ним убитых после различных мук за проповедь о Христе в Азии.

28 октября

29 октября

30 октября

31 октября

Ноябрь

1 ноября

2 ноября

3 ноября

4 ноября

5 ноября

6 ноября

7 ноября

8 ноября

9 ноября

10 ноября

11 ноября

12 ноября

13 ноября

14 ноября
15 ноября
16 ноября
17 ноября
18 ноября
19 ноября
20 ноября
21 ноября
22 ноября
В тот же день память святого благоверного князя Михаила Тверского
23 ноября
В тот же день память святого Митрофана, первого епископа Воронежского
24 ноября
25 ноября
26 ноября
27 ноября
28 ноября
29 ноября
30 ноября
Декабрь
1 декабря
2 декабря
3 декабря
4 декабря
5 декабря
6 декабря
7 декабря
8 декабря
9 декабря
10 декабря
11 декабря
12 декабря
13 декабря
14 декабря
15 декабря

16 декабря
17 декабря
18 декабря
19 декабря
20 декабря
21 декабря
22 декабря
23 декабря
24 декабря
25 декабря
26 декабря
27 декабря
28 декабря
29 декабря
30 декабря
31 декабря

Введение

Минеи-Четьи святого Димитрия Ростовского издавна и неизменно служат излюбленным чтением для русского православного народа. Изложенные славянским языком, Минеи-Четьи в течение 17 и 19 столетий разошлись во множестве экземпляров. Печатание их продолжается доселе, и требования на них не прекращаются. Но в последние годы наряду с этими требованиями в Московскую Синодальную типографию стали поступать заявления о желании иметь Минеи-Четьи на русском языке. Число таковых заявлений с каждым годом все более и более возрастает, что служит ясным свидетельством о настоятельной потребности в таковом издании. Чтобы удовлетворить этой потребности, Управляющий Московской Синодальной типографией С. Д. Войт принял на себя заботы об издании Миней-Четьих в переложении на русский язык. Его ходатайство об этом, встретив просвещенное сочувствие и энергичную поддержку со стороны господина обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, его товарища П. И. Остроумова, увенчалось успехом, и в мае 1900 года Святейшим Синодом было разрешено Московской

Синодальной Типографии приступить к первому изданию Миней-Четьих на русском языке.

Для изготовления этого обширного издания при Московской типографии учреждена Комиссия, в состав которой вошли многие духовные и светские лица, преимущественно с высшим богословским образованием [1*]. Председателем Комиссии состоит преосвященный Парфений, епископ Можайский, которому, по определению Святейшего Синода, поручена и цензура нового издания Миней-Четьих. Согласно выработанному плану, в основу издания положен текст Миней-Четьих святителя Димитрия. Кроме того, в тех случаях, когда в Минеях только указана память святого, сведения о нем заимствуются из Пролога. Текст житий святых сопровождается разнообразными объяснительными примечаниями. В издание будут введены также жития местно-чтимых русских, юго-славянских и грузинских святых. Что касается русских святых, то Комиссии предстоит составить многие жития вновь, пользуясь для этого рукописями, находящимися в различных библиотеках и монастырях нашего отечества.

Так как составление новых житий требует продолжительных исследований и сношений с различными учреждениями, то, чтобы не задерживать выхода в свет давно ожидаемого издания, решено печатать жития русских святых по мере их изготовления отдельными выпусками, которые потом будут соединены в особые дополнительные к четырем месяцам третные книги, а пока в очередные месячные книги войдут полные и проложные жития, находящиеся в Минеях-Четьих Димитрия Ростовского. В выборе и обработке агиографического материала при составлении житий русских святых Комиссия пользуется указаниями профессора Московской Духовной академии и Московского университета В. О. Ключевского.

В издании принимает также участие профессор того же Университета М. И. Соколов, взявший на себя труд составления житий святых русских – ростовско-ярославских и некоторых славянских святых. Редакционные же работы по изданию Миней-Четьих возложены на помощника Управляющего

типографией А. С. Орлова и справщика типографии А. Н. Соловьева.

«Жития и похвалы святых подобятся светлостию звездáм: якоже бо звезды, положением на небеси утвержденны суть, всю же поднебесную просвещают, ты́яжде и от индúан зрятся, ни сокрываются от скифов, землю озаряют, и морю светят, и плавающих корабли управляют; ихже имен аще и не вемы множества ради, обаче светлой доброте их чудимся. Сице и светлость святых, аще и затворены суть мощи их во гробех, но силы их в поднебесной земными пределы не суть определенны: чудимся тех житию и удивляемся славе, еюже Бог угодившия Ему прославляет».

Симеон Метафраст

* * *

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их

Евр.13:7

Повествования и записи о жизни и деяниях святых подвижников и исповедников, различными подвигами угодивших Богу, существуют в Церкви христианской с первых времен ее бытия. Начало этим повествованиям было положено святым евангелистом Лукой, описавшим в книге Деяний святых Апостолов подвиги и страдания первоверховных учеников Спасителя нашего и других Его последователей. Несколько ранее этого святой апостол Павел в одном из своих Посланий дал христианам заповедь поминать своих наставников, запечатлевших веру во Христа своею жизнью и мученическою смертью. Следуя примеру боговдохновенного повествователя и соблюдая заповедь первоверховного апостола, христиане всегда тщательно сохраняли сведения о жизни и деяниях святых.

Первыми по времени были записи и сказания о святых мучениках. В деле распространения и утверждения христианства мученичество имело весьма важное значение. Твердость и непоколебимость страдальцев, кои мужественно шли на смерть за свою веру, так сильно действовали на сердца

язычников, что нередко сами мучители, видя безропотность своих жертв, обращались к христианству. Таким образом, кровь христианских мучеников была, по выражению Тертуллиана, семенем новых христиан.

Точно записывая дни кончины святых мучеников, христиане собирались в эти дни для празднования их памяти. «Замечайте дни, – писал своему клиру святой Киприан Карфагенский, – в кои умирают исповедники Христовы, чтобы мы имели возможность праздновать памяти их вместе с памятями мучеников». С этой целью в Церкви христианской были особые писцы, которые записывали все, что происходило с христианами в темницах и судилищах. Таковых писцов, как известно, во время первых же гонений на христиан поставил в различных округах Рима святой Климеин. Несмотря на то, что языческое правительство угрожало этим писцам смертной казнью, записи продолжались беспрерывно во все время гонений на христиан [2*]. Эти записи, в которых, можно находить иногда подробные сведения о вопросах судей-мучителей и ответах на них страдальцев, известны под названием мученических актов. Среди таких актов встречаются целые судебные дела, составленные во время самого суда над мучениками. Это копии с официальных судебных протоколов, которые христиане за дорогую цену приобретали у язычников.

Дни кончины мучеников праздновались не только в тех церквах, к коим принадлежали сии мученики, но и во всех других, так как христиане каждой церкви о мучениках, среди них пострадавших, извещали другие церкви. Так церковь Смирнская, в коей принял мученическую кончину святой Поликарп, отправила послание об этом церкви Филадельфийской и просила передать это послание другим церквам. Описания страданий святых мучеников пользовались большим уважением. Они были читаемы в церковных собраниях вслед за Священным Писанием. Как можно заключить из мученических актов святого Игнатия Богоносца, обычай этот уже существовал во 2-м веке. В древнем житии мученика Евстратия указано и время чтения страданий святых – именно на утрени после пения псалмов. А в 418 году Карфагенский собор

постановил правило – в дни памяти мучеников читать в церкви об их страданиях.

Когда гонения на христиан прекратились, и Церковь Христова заняла в государстве господствующее положение, в ней явились заботливые и благоразумные люди, поставившие себе целью собрать воедино все записи и повествования о мучениках. Первым из таковых собирателей был Евсевий Памфил, епископ Кесарийский 3*. Он сначала собрал жития мучеников Палестинских, пострадавших при императоре Диоклетиане. Затем, по преданию, он обратился к Константину Великому с просьбой выписать из всех судебных учреждений Греко-Римской империи мученические акты. По императорскому указу все подобные дела были высланы Евсевию, и он, на основании этих актов, составил «Собрание древних мученичеств». Сборник содержал в себе сказания о мучениках, епископах, исповедниках, святых женах и девах по всем епархиям. Он состоял, по мнению одних, – из двадцати, а по свидетельству других – из шестнадцати книг. Но уже в начале 7 века сборник Евсевия был такой редкостью, что списков с него не могли найти ни в Александрийской, ни в Римской Церквах. Неудивительно после этого, что труд Евсевия в целом своем составе до нас не дошел, и только некоторые его части можно находить у других писателей. По всей вероятности, книга Евсевия вскоре после своего появления была распространяема и дополняема следующими собирателями и составителями житий, так что скоро потеряла свой первоначальный вид и имя первого своего составителя. Кроме того, ввиду трудности и дороговизны переписки всей книги Евсевия, ее разделяли на части, каковые и встречаются в более поздние времена в письменности разных стран.

Кроме Евсевия, в деле собирания воедино житий святых известен святой Маруфа, епископ Месопотамский. Он описал страдания мучеников, пострадавших в Персии, с историческою точностью. «Что касается, – говорит святой Маруфа, – мучеников, коих все муки, приговоры и смерть я описал, то при некоторых из них сам я был очевидцем, так как они пострадали в мое время. Историю же более ранних мучеников я писал по

повествованию престарелых епископов и правдолюбивых, стоящих доверия пресвитеров, которые сами были очевидцами деяний мучеников, совершившихся в их время».

Распространив и утвердив Свою Церковь кровью мучеников, засвидетельствовавших мужественным терпением и бесчисленными страданиями истину своей веры [4*], Господь наш Иисус Христос указал и другие способы ко спасению и прославлению Его последователей. После жестоких гонений, колебавших, но не погубивших Церковь Христову, Господь даровал ей мир и спокойствие и в это время явил в ней новых Своих угодников. Среди христиан воссияли великие подвижники, прославившиеся кто учением и проповедованием слова Божия, кто святостью своей жизни и наставлением других в добродетелях, кто постом и добровольным умерщвлением тела и страстей, кто другими различными трудами и деяниями. Как страдания мучеников христианских были тщательно и подробно описываемы, так и труды новых подвижников не оставлены были в забвении. Появился новый ряд церковных повествований об угодниках Божиих. Эти повествования мы находим, кроме некоторых церковно-исторических сочинений, в различных более или менее кратких сборниках, каковы патерики, синаксари и тому подобное [5*].

Ряд греческих патериков, которые ходили под общим названием πατερικα, γερονιτικα, μοναχικα βιβλια, составился в продолжение 15–16 веков. Наиболее известные из них:

1) Великий Лимонарь [6*] Египетский, до нас не сохранившийся, из которого произошли патерики Скитский и Азбучный (изречения святых старцев);

2) Лавсаик, повествующий о Египетских подвижниках, жития коих описал в 5 веке очевидец епископ Палладий для правителя Каппадокии Лавса;

3) История боголюбцев, то есть сирийских подвижников, составленная Феодоритом Кирским († 457 г.);

4) Собеседование (или Диалог), содержащее повествования о жизни и чудесах Италийских подвижников, написано около 593 года святым Григорием Великим, который

был назван по этому труду Двоесловом, и через сто шестьдесят пять лет после того переведено с латинского на греческий язык;

5) Луг Духовный, заключающий в себе изречения, чудеса и подвиги преподобных отцов Палестины, Египта и Сирии, собранные монахом Иоанном Мосхом († 622 г.).

Все перечисленные памятники – акты мученические, сборники сведений о подвижниках и другие – и послужили основанием для месяцесловов, синаксарей и Миней-Четьих, то есть расположенных по месяцам чтений о жизни и подвигах святых.

Из греческих месяцесловов и синаксарей известны следующие:

1) Месяцеслов, составленный по воле императора Василия (в 10–11 вв.);

2) Петров Синаксарь, по составу древнее Месяцеслова Василия (старшая рукопись 1249 г.);

3) Кларомонтанский Синаксарь 11–12 века, близкий по составу к Петрову Синаксарю.

Кроме того, было два вида стишных синаксарей, названных так потому, что в них перед каждым сказанием находились два или три стиха в честь святых. Стишные синаксари составлены в 12–13 веке на основании упомянутых нестишных.

По свидетельству Феодора Студита, в конце 8 века в Церкви христианской уже существовало двенадцать книг Миней-Четьих. Содержание их было разнообразное. Кроме житий, в них стали вносить слова знаменитейших отцов Церкви на великие праздники. Некоторые мученические акты или древние сказания о подвижниках начали переделывать в похвальные слова. Кроме того, некоторые древние жития стали излагать новым, более изящным и красивым слогом.

В этом последнем роде произведений всех превзошел своими трудами известный Симеон Метафраст. По поручению императора Константина [7*], он должен был, насколько это было возможно, собрать все древние жития и расположить их по месяцам и числам. Движимый великой ревностью к славе святых подвижников, Симеон не только собрал повествования о них, но многие из них переработал, отчасти сократил и, что

важнее всего, старинную, тяжелую и во многом неудобопонятную речь заменил современным ему чистым и лучшим слогом [8*]. Переработанных Симеоном житий некоторые насчитывают около пятисот. Кроме того, сто двадцать два жизнеописания составлены им вновь. К житиям святых Метафраст присоединил похвальные и поучительные слова на праздники Господни, Богородичные и некоторых святых, избранные из творений великих отцов и учителей Церкви.

Как в древней христианской, так и в Русской Церкви строго соблюдался обычай чтения житий святых во время церковного Богослужения. Более употребительным было чтение на утрени, по шестой песни канона, вслед за кондаком и икосом, с коими краткое житие проложное имело весьма близкое родство [9*]. Вследствие этого, в Русской Церкви весьма рано уже существовал Пролог в славянском переводе. Первоначально он носил название синаксаря, затем по первой своей статье – πρόλογος, то есть предисловие – был назван прологом.

Прологов славянских было три вида.

В основании первого лежит греческий месяцеслов императора Василия, дополненный во второй половине 11 века Студийским иноком Илиею (памяти из Петрова синаксаря) и Константином, митрополитом Мокисийским (шестьдесят пять пространных сказаний).

Второй вид пролога был составлен у славян на основании первого и древних Миней-Четьих.

Третий – стишный, переведен в 14 веке с древнейшего вида греческого стишного Пролога [10*].

Славянский перевод Миней-Четьих надо относить также к первым векам славянской письменности. Правда, от этого времени не сохранилось всех двенадцати книг Миней-Четьих: именно – от 11 века дошла одна мартовская книга в юго-славянском списке, от 12 же века – отрывок майской [11*]. Но на основании списков 15 века (13 и 14 веков нет), кои повторяют очень древние, следует думать, что в 10–11 веках славяне имели полный перевод Миней-Четьих за все двенадцать месяцев. Славянский перевод сделан был с Миней греческих,

подвергнувшихся незначительному влиянию переработок Метафраста.

Очень рано появились в славянских переводах патерики. В славянских рукописях большей частью употребляется название патерика Скитского безразлично для патериков различного состава, хотя Лимонарь в большинстве случаев называется патериком Синайским, или Цветником. Русские рукописи патериков Синайского и Скитского относятся уже к 12–13 векам и были известны многим писателям 13 века. С 16 века патерики сохранились во множестве списков и имели большое употребление.

Впервые на Руси патерик – Луг Духовный был издан в 1628 году. Собеседование святого Григория Двоеслова было переведено в 1671 году Симеоном Полоцким.

В глубокой древности были переведены с греческого языка на славянский торжественники (βιβλία πανηγυρικά). Они делятся на два вида.

Первый – Минейный – в порядке своих статей примыкает к Месячным Минеям, именно статьи его расположены в порядке праздников по месяцам и числам всего года, начиная с сентября. Этот вид содержит похвальные слова на Господские и Богородичные праздники, жития святых и сказания о происхождении праздников и церковных торжеств.

Второй вид торжественников – Триодный – имеет статьи, расположенные по порядку Триодей Постной и Цветной, то есть по неделям, с Недели мытаря и фарисея до Недели всех святых. Большую часть статей этого вида составляют поучения, применительно к значению недели, и несколько похвальных слов.

Переведенный в Болгарии Минейный торжественник перешел на Русь весьма рано, ибо имеется русский список его уже 12 века. История изменений Минейного торжественника на Руси сводится главным образом:

1) к уменьшению греческих житий,
2) к пополнению русскими статьями,
3) к слиянию с Триодным торжественником.

В 18 веке, по образцу древних Минейных торжественников, был составлен новый, отчасти на основании печатных прологов и Евангелий.

Торжественник Триодный также был переведен в Болгарии. Изменение торжественника этого рода на Руси сводится:

1) к дополнению словами Кирилла, епископа Туровского (12 в.), и

2) к внесению в 15 веке слов Григория Цамблака (старшая рукопись в библиотеке гр. Уварова 1473–1477 гг. [12*]).

В то же время с постепенным возрастанием Церкви Русской постепенно умножались и жизнеописания русских святых. Первыми составителями таковых были: Иаков Черноризец (Мних) (1074–1088), коему принадлежит житие святых Бориса и Глеба, и преподобный Нестор, написавший два сказания – одно о святых Борисе и Глебе, а другое – о преподобном Феодосии Печерском.

В письменности 15 века появляется Печерский патерик, составленный в подражание патерикам греческим [13*]. Он представлял собой собрание кратких, исполненных чудес, повестей о подвижниках Печерского монастыря и о самом монастыре. В основу патерика положены повести епископа Владимирского Симона [14*] и монаха Печерского монастыря Поликарпа.

Четырнадцать сказаний Симона написаны в форме послания к Поликарпу. Девять из них повествуют о чудотворцах Печерских и пять – о чудесах, сопровождавших построение главной Печерской церкви.

Собрание сказаний Симона по его же рассказам дополнил Поликарп, написавший одиннадцать повестей также в форме послания к архимандриту Печерскому Акиндину.

К этим основным частям патерика присоединены впоследствии вместе с некоторыми позднейшими статьями и произведения более раннего времени: поставленное во главе патерика житие преподобного Феодосия, написанное Нестором, и сказания, «что ради прозвася Печерский монастырь» и о первых черноризцах Печерских, взятые из Начальной летописи и приписанные в патерике тому же Нестору, но составленные

каким-то постриженником и учеником преподобного Феодосия, вероятно, Сильвестром, который был потом игуменом Михайловского монастыря в Киеве. Многочисленность дошедших до нас списков Печерского патерика свидетельствует, что он был любимой книгой наших предков [15*].

Жития русских святых сначала имели преимущественно характер записи, или «памяти», о святом. Это был сухой сжатый рассказ, лишь изредка оживляемый речью действующего лица или заимствованием из Библии. Но с умножением переводных греческих житий и особенно под влиянием церковно-ораторских произведений, каковы похвальные слова и поучения на праздники святых, с 15 века жития русских святых получают новый вид.

Первым из таковых произведений было житие святого Петра митрополита, составленное святителем Киприаном. «Праведнику подобает похвала, – говорит составитель в предисловии к житию, – и я, привлекаемый любовью к пастырю, хочу малое некое восхваление принести святителю». При таком взгляде на жизнеописание святого, как на похвальное ему слово, Киприан прежнее житие святителя Петра нашел слишком простым и сухим, не отвечающим такой задаче. Поэтому он написал вновь более подробное и витиеватое житие, закончив его торжественным похвальным словом святителю.

Это новое направление в области житий русских святых еще более утвердил и развил инок Епифаний [16*]. В составленных им житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского в обилии употреблены ораторские приемы и дан простор «доброславию», или красноречию.

Наиболее же видным деятелем в составлении житий русских святых был Пахомий Логофет [17*]. В церковном мире современной ему Руси он считался представителем книжной учености, всех превзошедшим разумом и мудростью. Поэтому и великий князь, и митрополит, и Новгородский владыка, и игумен Троице-Сергиева монастыря – все обращались к Пахомию с просьбой написать о том или другом святом. В своих произведениях Пахомий установил ту однообразную

литературную форму жития, которой потом много подражали русские «списатели» житий.

Новую эпоху в истории русской агиографии составляет деятельность митрополита Макария [18*]. Его время было вообще обильно новыми житиями русских святых. Это обилие объясняется канонизацией многих святых на Соборах 1547 и 1549 годов. После первого из этих Соборов епархиальные архиереи собрали жития, каноны и чудеса новых великих чудотворцев и, освидетельствовав их на Соборе 1549 года, установили по этим житиям и канонам праздновать многим новоявленным русским святым. Но главным делом Макария были его Великие Минеи-Четьи.

Будучи еще Новгородским архиепископом, Макарий принял на себя труд собрать всю духовную письменность своего времени или, говоря его собственными словами, «все книги чтомые, которые в Русской земле обретаются». Об этом своем труде так говорит сам Макарий: «Писал есми сия святые великие книги в Великом Новгороде, как есми там был архиепископом, а писал есми и собирал и во едино место их совокуплял дванадесят лет [19*], многим имением и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почестей, но и паче же многи труды подъях от исправления иностранских и древних пословиц, переводя на русскую речь, и сколько нам Бог дарова уразумети, толико и возмогохом исправити, иная же и доднесь в них неисправлена пребысть и сия оставихом по нас могущим с Божиею помощью исправити». В Москве Макарий пополнил свой сборник значительным количеством произведений, не входивших в первоначальный новгородский его состав.

Содержание Макарьевских Миней-Четьих весьма разнообразно. В них под каждым числом помещаются два пролога [20*], содержащие в себе краткие сведения о житии или мучении святого, о дневном празднике и разные мелкие статьи назидательного чтения, к дневному празднику не относящиеся; затем помещены подробные жития святых, повествования об открытии мощей, ранее существовавшие в многочисленных сборниках или отдельно, слова похвальные и торжественные,

помещавшиеся в особых сборниках, именуемых торжественниками. Кроме этого, в Макарьевских Минеях помещены и другие известные тогда произведения духовной литературы, большая часть книг Священного Писания, многие творения святых отцов, а также славянских и русских иерархов и духовных писателей, патерики (между ними и Киево-Печерский) и тому подобных [21*]. Вообще это была полная энциклопедия тогдашней русской духовной образованности.

В 1600 году в Московском Чудовом монастыре окончены составлением Четьи-Минеи, в тринадцати книгах, «занеже ноябрь месяц росплетен надвое». В настоящее время сохранилось лишь одиннадцать книг. Содержание их так определено во введении к каждому месяцу: «А в них писаны праздничные слова и пророческие проповеди, и апостольские мучения и похвалы, и всех святых жития, и мучения святых мученик и святых мучениц, и жития и подвиги преподобных и богоносных отец, и святых преподобных жен страдания и подвиги, и с новыми чудотворцы, в них же и патерик Киевские печеры, да иных книг...» Среди последних, между прочим, помещены Патерик Синайский и Римский Беседовник папы Григория Великого. От Четьих-Миней митрополита Макария Чудовские отличаются отсутствием прологов и меньшими заимствованиями из торжественников; есть и новые статьи, не внесенные в сборник Макария.

Столетием, позже Макарьевских Миней, в 1627–1632 годах, составлены Минеи-Четьи монаха Троице-Сергиева монастыря Германа Тулупова. В состав их вошли почти исключительно жития и сказания о русских святых.

Почти в то же время над Минеями трудился священник Христорождественской церкви в Сергиевом Посаде Иоанн Милютин. С тремя своими детьми он в продолжение восьми лет (1646–1654 гг.) переписывал жития святых. «Писах же, – говорит он в предисловии, – с монастырских Миней-Четий», то есть с Миней Троицкой лавры, составленных Германом Тулуповым. Некоторые дополнения сделаны по печатному Прологу 1642–1643 годов. Иоанн Милютин не просто собирал статьи, но и перерабатывал их. В его Минеях есть немало статей и житий

русских святых, кои не находятся в Минеях Макарьевских. В послесловии к каждому месяцу помещено следующее четверостишие: «Небеси убо высота неиспытаема, земли же широта и долгота неосяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема» [22*].

Тогда как в северной Руси памятники древней письменности и между ними жизнеописания святых сохранялись невредимо, церковь Южно-Русская вследствие нашествий татарских, а также польских и литовских разорений лишена была многих драгоценных духовных книг, а вместе о ними и житий святых. Поэтому любителям душеспасительного чтения приходилось здесь довольствоваться западными мартирологами, переведенными на польский язык и во многом несогласными с духом Православия. Желая устранить такие горестные неудобства, Киевский митрополит Петр Могила [23*] был весьма озабочен изданием житий святых на славянском языке. Для этой цели он задумал сделать новый перевод греческих жизнеописаний и уже выписал с Афонской горы жития Симеона Метафраста. Но преждевременная кончина знаменитого киевского первосвятителя не дала ему совершить задуманный труд.

После него с большим усердием заботился об издании житий святых архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель [24*]. В дополнение к материалам для этого труда, приготовленным уже Петром Могилой, Иннокентий попросил у Московского патриарха Иоакима великие Минеи-Четьи Макария, первые три месяца коих и были ему высланы. Но по причине военных смут того времени, не позволявших спокойно заниматься учеными делами, и Иннокентию не суждено было совершить это великое дело.

Его преемник архимандрит Варлаам [25*], вполне сочувствуя предположенному изданию житий святых, приложил все старания к его осуществлению. Он не решился, однако, принять этот труд на себя, а стал искать человека, более к этому способного и менее отвлекаемого другими делами. Выбор его пал на инока Батуринского Крупицкого монастыря Димитрия (в

миру Даниила Туптало) и составил эпоху в истории русской агиографии.

Даровитый и необыкновенно трудолюбивый, и скромный студент Киевского училища, военными обстоятельствами времени вынужденный покинуть его до окончания курса, Димитрий в ранней молодости принял монашество. Рано выйдя из школы, он сохранил живую связь с религиозным настроением народа, чутко понимал его духовные нужды. При наклонности к уединению и созерцательном направлении духа, при горячей любви к научным занятиям, Димитрий нашел в монастыре достаточно досуга для самостоятельного довершения начатого в школе образования и для обработки своих прекрасных дарований. Когда архимандрит Варлаам обратился к нему с своим предложением, Димитрий был уже знаменитым в Западной Руси проповедником, которого наперерыв звали к себе епископы и монастыри, чтобы послушать его задушевного слова.

Димитрий приступил к возложенному на него труду, как начинал он всякое важное дело, с самоотверженным воодушевлением и с недоверием к своим силам. «Нача трудолюбец, – писал о нем архимандрит Варлаам, – аще и по долгом смиренномудром отрицании, возложив надежду на помощь Божию и на молитвы Пречистыя Живота Матери и всех святых, врученное ему дело совершати». Из повествования самого Димитрия видно, что он иногда до заутрени просиживал за работой, продолжавшейся и во сне, в знаменательных видениях [26*].

Святой Димитрий приступил к своему великому труду в 1684 году. В 1685 году совершилось окончательное подчинение Киевской митрополии, до этого времени находившейся в зависимости от патриарха Константинопольского, Московскому патриарху. Последний тотчас же потребовал, чтобы все важнейшие действия иерархические и ученые предприятия в Киевской митрополии происходили не иначе, как с его благословения. Ввиду этого, когда для святого Димитрия потребовалась следующая четверть Макарьевских Миней (месяцы: декабрь, январь и февраль), архимандрит Варлаам,

прося патриарха выслать эти книги, дал обещание представлять ему на благословение и пересмотр новые жизнеописания святых. Вскоре, однако, патриарх потребовал выслать Минеи назад. Отправляя требуемые книги в Москву с нарочным, святой Димитрий послал патриарху следующее письмо (1688 г.):

«Пред святительство ваше, отца и архипастыря нашего, и аз овча пажити твоея, аще и последнейший, и нималоже знаемый, этим худым писанием моим (понеже сам собою не возмогох) прихожду и к стопам святых твоих ног припадаю, да сподоблюся у святейшаго ми Архипастыря знаемый и глашаемый быти по имени... Святительство ваше... изволил писати о книгах.... Тыи книги в монастыре Батуринском в моих недостойных руках доселе бяху держимы и со вниманием чтомы. От них же многую приемши пользу и согласившися со святых житиями, в них написанными, отдаю оныя святыне вашей с благодарением и извествую, яко в послушании святом, от Малороссийския Церкви мне врученном, с Божиею помощию потрудившися, по силе моей в немощи совершающейся преписующи от великих блаженного Макария, митрополита Московскаго и всея России, книг и от иных христиан историков, написал житий святых месяцев шесть, начав от септемврия перваго числа до февраля последняго числа, согласующейся со святыми теми великими книгами во всех историях и повестях и деяниях, святыми содеянных, в подвизех их и страданиях. И уже написанный тыи святых жития чтомы бяху по большей части и рассуждаемы от некоторых благородных людей, а наипаче во святей лавре Печерстей. Ныне же, належащу многих благоволению и желанию, хотех бы, к душевной Христианом пользе, типом издати, к чесому наипаче возбуждаем есмь частыми писании от преподобнейшаго архимандрита Печерскаго. На таковое убо дело, Церкви Божией (якоже мню) не непотребное, вашего верховнейшаго архипастырского ищу благословения. Да тем вашим архипастырским благословением управляемый, наставляемый и пособствуемый, возмогу предлежащее ми дело добре совершити, рассуждению церковному вдая и типом издая оные шесть написанные месяцы, яже егда Божиею помощию и благословением вашим

архипастырским совершатся и издадутся, то (аще Господь восхощет и живы будем) и на прочие простремся и вашему святейшеству челом бити станем и о других святых книгах». Ответа на это письмо, однако, не последовало. Тогда в следующем, 1689 году Киевская лавра приступила к печатанию первой четверти Миней-Четьих и в том же году его окончила, приняв издержки и ответственность на себя. Вопреки обещанию, архимандрит Варлаам не посылал патриарху приготовленных к изданию рукописей, а предоставил окончательное их рассмотрение себе и соборным старцам. Патриарх немедленно отправил обличительную грамоту, в коей выразил неудовольствие за напечатание книги без его рассмотрения и благословения, указал несколько ошибок в издании и велел заменить те листы, на коих оказались ошибки, другими исправленными и впредь без его разрешения других книг Миней-Четьих не печатать. Эти упреки, впрочем, относились только к издателям.

Что же касается составителя Миней, то в конце того же 1689 года он лично получил от патриарха благословение продолжать свой труд. А в следующем, 1690 году Варлаам, уже митрополит Киевский, привез Димитрию из Москвы благословение и похвальную грамоту от нового патриарха Адриана. В своем благодарственном ответе святой Димитрий просил патриарха выслать ему вновь Минеи Макарьевские за декабрь, январь и февраль. «Аще бы изволил архипастырство ваше, – писал он, – согласия ради пишемых нами святых житий, тыя же святыя книги триех реченных месяцей на время к моему недостоинству повелети прислать, потщался бых, помощию Божиею, приседя им нощеденственно, почерпсти многую пользу и ту в мир типом издати».

Получив просимые книги, святой Димитрий вскоре приготовил к изданию вторую четверть Миней (декабрь, январь и февраль) и 9 мая 1692 года сам привез ее в типографию Киево-Печерской лавры. Но книга вышла в свет только в феврале 1695 года. Причиной такой медленности был, вероятно, внимательный пересмотр этих книг митрополитом Варлаамом. Кроме того, сам составитель, получив из Данцига

«книги Болланда», желал сличить с ними приготовленный к печати текст и тщательнее его обработать. В предисловии ко второй четверти Четьих-Миней святой Димитрий исправил некоторые сомнительные места и погрешности первой.

Книги были отправлены в Москву к патриарху, коему святой Димитрий при этом между прочим писал, что приносит книгу во знамение благодарения за превысокую милость архипастыря, благоволившего письменным благословением ободрить «недостойного» составителя, чтобы он потщился исполнить возложенное на него послушание, трудясь по силе над писанием житий святых и «подавая пишемое мною церковному рассуждению, изряднее же Богомудрому архиерею преосвященному митрополиту Киевскому Варлааму. Благословение же то ваше архипастырское, – писал далее святой Димитрий, – дерзнух и в эту книгу новую вложити ради лучшаго ее украшения и несумнительного вероятия чтомым в ней святым чудесным деяниям, от святаго Симеона Метафраста и иных многих историографов собранным». Такового же благословения святой Димитрий испрашивал у патриарха и на следующую, третью часть книги с тем, чтобы митрополит Киевский Варлаам «прочитовал рассудительне та, яже аз грешный имам, Господу поспешествующу, благословением вашим архипастырским, написати, якоже и первые две тримесячные книги он прочитовал есть, и об этом благоволи святейшество ваше к его преосвященству особно писать. К предлежащему же мне делу и великих Миней-Четьих блаженнаго Макария, митрополита Московского и всея России, в соборной кафедральной вашего святейшества церкви обретающихся, триех месяцей – марта, апреля, мая, – зело требуя, покорственно молю, повели святейшество ваше послати ко мне тех на время, якоже первые месяцы посылаеми мне бяху, согласия ради пишемых святых житий».

После этого святой Димитрий получил новую одобрительную грамоту от патриарха Адриана, который писал: «Молим Господа, да и прочее шестимесячие пособствить всем вашея любви сыновской в каковом-либо образе труждаяся благосмотрением совершити и в конец богоугодное и Церкви

полезное дело это привести, тем же и благословение на то паки и паки даем. Ты же яко сын Церкве и нашея мерности христианом ради общия пользы и нашего прошения потщися… в вечную славу и в память вечную зачавших оныя испервa, ибо желаем, да во здравости и благоугождении и благополучии… совершенныя лета поживеши и сподобишися на небе во святых богоопределенном лике стати пред Господом». Обрадованный и ободренный Димитрий начал готовить к изданию третью четверть Миней-Четьих, которая и была напечатана в 1700 году. Последняя четверть была окончена уже в Ростове, среди великих архипастырских трудов, и в сентябре 1705 года вышла в свет.

В состав Миней-Четьих святителя Димитрия, кроме жизнеописаний святых, вошли синаксари на праздники Господские и Богородичные, на празднества по случаю перенесения мощей, а также и поучительные слова, содержание коих заимствуется из истории праздника; слова сии принадлежат или кому-либо из древних отцов Церкви, или самому святому Димитрию. Как видно из двух списков «учителей, списателей, историков и повествователей», помещенных перед первой и второй четвертью Миней-Четьих, святой Димитрий пользовался многими и различными источниками. В этих списках приведен длинный ряд знаменитейших отцов и учителей Церкви, писания коих дошли до нас на греческом или латинском языке, – древних историков церковных и многих современников и очевидцев описываемых событий. Кроме того, святой Димитрий и при самых житиях указывает источники, коими он пользовался. В этих частных указаниях всего чаще встречается имя Симеона Метафраста.

Что касается житий русских и славянских святых, то их святой Димитрий заимствовал из Макарьевских Миней-Четьих, Прологов, Печерского патерика и различных сборников Киево-Печерской лавры и других русских монастырей. Кроме перечисленных пособий, святой Димитрий имел под руками «Жития святых» Сурия [27*] и «Деяния святых», изданные Болландистами [28*]. Первый из этих трудов был важен тем, что в нем были напечатаны жития, известные с именем Метафраста,

а во втором, появившемся значительно позднее первого, помещены греческие подлинники повествований о святых.

Составляя свои Минеи-Четьи, святой Димитрий часто буквально переводил подлинные повествования на славянский язык или исправлял старинную славянскую речь, с целью сделать ее удобопонятной, без всяких изменений в содержании. Но по большей части ему приходилось составлять сказания из различных источников. В таких случаях, сводя в одно целое различные материалы, святой Димитрий то дополнял недостающее в одном источнике из другого, то изменял форму подлинника, обращая, например, надгробное или похвальное слово в простой исторический рассказ, то приводил в подтверждение повествования свидетельства других историков или только указывал их. Очень часто святой Димитрий сокращал подлинный текст. Сокращения состояли в опущении предисловий и заключений, а иногда и некоторых подробностей в описании событий и обстоятельств жизни святого. Признавая сокращения эти необходимыми, Димитрий так говорит об этом в предисловии ко второй четверти своих Миней-Четьих:

«Вся написанная в книзе сей, якоже и в первой, сокращение писана суть, и аки от превеликих наводненных рек, от истории церковных премногих малым сосудом, книгою сею почерплена. Аще бо вся святых деяния, и повествования и чудеса, по единою, простертою речию писати кто восхотел бы, то не достало бы тому все жития его время, еже и древним писателем церковным случися. К этому же и немощи ради человеческия сокращение вся зде написашася, дабы коегождо святого житие в память его неленостно было прочтено. Аще бо краткого коего слова ослабленнии людие чести или послушати не брегут, кольми паче долгими чтении стужают си. Суть же многих святых жития так пространна в великих Четиях и в иных рукописных книгах со излишеством словес написанныя, яко коегождо от них в два или три дня едва прочести возможно, аще и прилежно чтущи. Тоя убо ради вины сократишася в книзе сей, единое святых действо описующей, излишество же словес и речей продолжение оставляющей».

Еще в то время, как святитель занят был последней книгой Миней-Четьих, архимандрит Киево-Печерской лавры Иоасаф Кроковский просил его принять на себя новый труд. Об этом сам святитель писал своему другу Феологу [29*] следующее. «Извествую чести твоей, писал к моему недостоинству отец архимандрит Печерский, желая, чтобы первую трехмесячную книгу септемврия, октовриа и ноемврия паки начать исправляти ко вторичному печатанию, полнее, нежели первее, с приложением житий святых тех, иже преминушася».

Вследствие такой просьбы святитель не переставал до самой своей кончины заботиться об усовершенствовании своего труда и сделал в нем некоторые исправления. Эти исправления были введены во второе издание Миней-Четьих, к которому лавра Киевская приступила через год после кончины святителя. Первая четверть была напечатана в 1711-м, а вторая – в 1714 году – обе при архимандрите Афанасии Мислaвском; третья была выпущена в 1716 году при архимандрите Иоанникии Сенютовиче. Что касается до четвертой, то она, еще не будучи окончена печатанием, сделалась жертвой пламени во время пожара, совершенно истребившего в 1718 году Киевскую типографию и библиотеку.

Двести лет грамотная Русь всех состояний набожно читала, а неграмотная слушала Четьи-Минеи святого Димитрия Ростовского, находя в них неисчерпаемый источник нравственного назидания и церковно-исторического познания и с благоговением произнося имя их составителя.

В 1741 году Киево-Печерская лавра намеревалась вновь приступить к печатанию Миней-Четиих святого Димитрия Ростовского. Незадолго перед тем лавра получила от Святейшего Синода указ, чтобы «вновь никаких, кроме церковных прежних изданий, не печатать; а и оныя церковныя старые книги с такими же церковными книгами справливать прежде печати с великороссийскими печатьми, дабы никакой розни и особаго наречия в оных не было; других же никаких книг, ни прежних, ни новых изданий, не объявив об оных в Духовной коллегии и не взяв от оной позволения, не печатать, дабы не

могло в таких книгах никакой Церкви Восточной противности и с великороссийской печатью несогласия произойти».

Вследствие такого распоряжения Киево-печерский архимандрит Тимофей Щербацкий обратился к Святейшему Синоду с просьбой разрешить лавре печатание третьего издания Миней. Разрешение было дано, но с тем условием, чтобы «оныя книги жития святых отец, прежде издания в печать, архимандриту с другими учеными и в Священном Писании, и в церковных историях искусными людьми со всяким опасным смотрением достоверно освидетельствовать и ежели что в них как Священному Писанию, Духовному Регламенту и указам противное сыщется, так и недостоверное и церковными учительми и историками веры достойными не утвержденное, но весьма сумнительное окажется, то отметить в конце жития святаго, о котором идет история, или, ежели возможно будет, исправить. Что же касается до просодии и наречия, в том во всем согласить с великороссийскими книгами непременно». Получив такой указ, архимандрит ответил, что он не имеет ни достаточного числа способных людей, коим можно было бы поручить это дело, ни всех древних книг, с которыми нужно было сверять жития святых, так как библиотека лавры в 1718 году сгорела вся без остатка. Святейший Синод приказал архимандриту составить и прислать реестр этих книг, имея в виду, что они найдутся в Москве или в Синодальной, или в Типографских библиотеках. Реестр, однако, составлен не был.

Между тем Святейший Синод и Коллегия иностранных дел получили от Черногорского митрополита просьбу об ускорении издания Миней-Четьих. «Понеже, – писал митрополит, – Сербский, Болгарский, Далмацкий и Кроацкий народы все душевно желают достать таковых книг, токмо не имеют откуда». Чтобы удовлетворить этому желанию, Святейший Синод решил сам издать Минеи-Четьи и поручил их пересмотр проживавшему тогда в Санкт-Петербурге ректору Новгородской семинарии архимандриту Иоасафу Миткевичу (впоследствии епископу Белоградскому) и ректору Александро-Невской семинарии иеродиакону Никодиму Пученкову. В пособие им, кроме разных учительных и исторических книг, были даны Аннотации на

прологи иеромонаха Стефана Прибыловича [30*], выписки, присланные из Киевской лавры, и замечания Ростовского митрополита Арсения [31*], которому в то же время поручено было написать житие святителя Димитрия.

Иоасаф и Никодим приступили к исполнению возложенного на них поручения 6 ноября 1755 года и окончили свой труд к октябрю следующего 1756 года. Исправления их состояли в том, что они вместо малорусских слов вводили славяно-русские, простую речь заменяли более возвышенным слогом, некоторые выражения и даже целые повествования совершенно исключали. Кроме этих поправок, было признано необходимым произвести в Минеях-Четьих исправление «по великороссийской грамматике, – по свойству славянского диалекта, переменяя порядок речений и окончания». Этот труд был всецело возложен на типографских справщиков. 31 декабря 1756 года в Московской типографии было начато печатанием и в 1759 году появилось в свет синодальное издание Миней-Четьих, которое без изменений повторяется до этого времени.

По поручению Святейшего Синода Иоасаф и Никодим составили для нового издания Миней-Четьих особое предисловие, которое также печатается до сего дня. В этом предисловии между прочим предусмотрен вопрос со стороны читателей: «Можно ли кому после святителя Димитрия, мужа великого разумом и учением, святостию жития, напоследок же нетлением и чудесами прославленнаго, исправляти что-либо?» В ответ на это подробно объяснено, «коего ради винословия те Минеи-Четьи Святейшим Синодом были исправляемы». Указав на труды Евсевия Кесарийского, Симеона Метафраста, митрополита Макария, составители предисловия говорят: «И святитель Христов Димитрий со всяким смиренномудрием признает свои в первой книге учиненная недосмотрения и погрешности, и исправив сам оная, другие в книгах его обрестися могущия отдает на рассмотрение и исправление церковное, зная, что всякия историческия правды одна другую превзыти могут достовернейшими доказательствами».

Древние христиане при чтении житий святых главную цель видели в их нравственно-назидательной пользе. Чтобы устоять

против всяких угроз, против всяких обольщений со стороны мучителей во время того или другого гонения, христиане назидали и подкрепляли себя высокими образцами терпения, преданности и любви к Богу, какие они находили в актах мученических. По окончании гонений, христиане также с великой ревностью занимались чтением житий святых – для ограждения себя от соблазнов мира. Духовно-нравственная польза древних житий святых ярко изображена в следующих словах: «Аще бы не видела Церковь Божия в них пользы, не бы их прияла: не ухищренным бо лжесловесием, ни витийством речи составлена суть, но по всему здравая и смиренная имут словеса, могущая сокрушити сердце и умилити душу: сладка бо суть и полезна истинно хотящим спастися».

Так было в древней Церкви, так было и у нас. Чего искал в житиях русский читатель, об этом нам сообщает один из писателей древнерусских житий. «Святых жития, – говорит он, – страх Божий вселяют в душу, бесстрашие отгоняют, злых престатие, благих приятие вводят: тех бо жития зряще, в чувство своих дел приходят, престатие злых помышляют; свет бо есть святых жития и просвещение душам нашим». В одном старинном русском сборнике находим такое молитвенное обращение: «Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не токмо честѝ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь». Святой Димитрий заметил, что в его время многие, восстав от сна, почитали долгом своим среди молитв к Господу обращаться с молитвенными воззваниями и к дневному святому, стараясь в то же время припомнить главные события его жизни, хотя по кратким извлечениям прологов [32*].

Действительно, ищущий поучения и назидания духовного всегда найдет в житиях святых обильную пищу для удовлетворения своего желания. Поучительны многообразные явления силы Божией в неустрашимом мужестве и непобедимом терпении мучеников, в знамениях и чудесах, над ними и через них совершавшихся. Поучительна и сила

убеждения, с какой излагается учение веры ее защитниками. В ответах мучеников на суде слышится живой голос исповедующего истину веры, с полной уверенностью в Божественном ее достоинстве, с готовностью запечатлеть свое исповедание самой кровью.

Исповедники веры говорили немного в защиту исповедуемой истины, говорили просто; но их ответы были так искренни, так тверды, что только ожесточенные мучители могли не видеть дышащей в них истины.Подобно тому, как в Писаниях отцов и учителей Церкви, в житиях святых и описаниях мученичеств можно находить подтверждение и раскрытие различных догматических истин и опровержение ложных учений. В житиях святых иерархов и подвижников, защищавших Православие от еретиков и страдавших за верность учению Церкви, можно видеть и ясное изложение тех догматов, за которые они страдали, и предостережение от заблуждений, противоположных этим догматам. В этом отношении особенно поучительны жития и страдания защитников иконопочитания.

В житиях святых часто можно находить основания для решения различных затруднений, какие встречает христианин в своей жизни. Поэтому у старцев-подвижников на каждый исключительный жизненный случай всегда имеются пригодные примеры из жизни святых мужей. Припомним, что даже Сам Господь для решения вопроса фарисеев, можно ли в субботу голодным растирать колосья, указал на пример Давида. Отсюда следует, что примерами святых мужей возможно руководиться при всяком сомнении о дозволительности или недозволительности каких-либо действий, в законе ясно не обозначенных.

Вообще жития святых представляют богатую сокровищницу, из которой всякий может брать все, что нужно для преуспеяния в жизни духовной.

«Книги житий святых, – сказано в предисловии к Минеям-Четьим, – тебе, благочестивый читатель, в пользу душевную предлагаются, одно только ныне усердие и охота к прочитанию требуются, а прочитывая оные, не можеши не удивитися и не почитати премудрости и величия Божия. Увидиши бо оных, коль

различные Он человеку предложил стези, ведущие к Его славе. Все и всякого звания и чина люди довольно для себя в книгах этих обрящут примеров: высочайшие власти – подобных себе помазанников Божиих, управивших царство свое милостию и истиною, Церковь Христову защитивших и в приращение приведших; пастыри Церкви Христовой – великих церковных учителей и святителей, добре упасших и подвизавшихся за веру, ныне же с Пастыреначальником ликующих; уединенное житие избрав – постников, молитвенников, добровольных страдальцев и прочих нуждою восхитивших Царство Небесное и ныне веселием оного наслаждающихся; военачальники и воины – подвижников, кои, служа земным царям, послужили и небесному и, получая над телесными врагами победы, побеждали и душевных, ныне же с Подвигоположником Христом торжествуют; судьи и гражданские правители – любящих правду и хвалящихся милостию на суде, не мзду и лице приемлющих, но сиру и убогу равно судящих: купцы – не лихоимцев и скверного прибытка желающих, но праведным приобретением Царство Небесное купивших; простолюдины – подобных себе в правости души, в неповинных трудех и христианских добродетелях житие свое проводивших и туда достигших, куда многие со всею своею славою и великолепием не достигают. Осталось только всякому подражать своему примеру и шествовать предложенным путем».

Слово на Обрезание Христово

Память 1 января

Господь наш Иисус Христос, по истечении восьми дней от рождения, соизволил принять обрезание. С одной стороны, Он принял его для того, чтобы исполнить закон: «не нарушить закон пришел Я, – сказал Он, – но исполнить» (Мф.5:17); ибо Он повиновался закону, дабы освободить от него тех, кто пребывал в рабском подчинении ему, как говорит апостол: «Бог послал Сына Своего, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных» (Гал.4:5). С другой стороны, Он воспринял обрезание для того, чтобы показать, что Он принял действительно плоть человеческую, и чтобы заградились еретические уста, говорящие, что Христос не принял на Себя истинной плоти человеческой, но родился только призрачно[5]. Итак, Он был обрезан, чтобы явно было Его человечество. Ибо, если бы Он не облекся в нашу плоть, то как мог быть обрезан призрак, а не плоть? Святой Ефрем Сирин говорит: «Если Христос не был плотью, то кого обрезал Иосиф? Но как Он был воистину плотью, то и обрезан был как человек, и младенец обагрялся действительно Своею кровью, как сын человеческий; Он болел и плакал от боли, как подобает имеющему человеческую природу». Но, кроме того, Он принял плотское обрезание и для того, чтобы установить для нас духовное обрезание[6]; ибо, закончивши ветхий, касавшийся плоти[7], закон, Он положил начало новому, духовному. И как ветхозаветный плотской человек обрезывал чувственную свою плоть, так новый духовный человек должен обрезывать душевные страсти: ярость, гнев, зависть, гордость, нечистые желания и другие грехи и греховные вожделения. Обрезан же был Он на восьмой день потому, что предизображал нам кровью Своею грядущую жизнь, которая обыкновенно учителями Церкви называется восьмым днем или веком. Так писатель канона на обрезание Господне святой Стефан[8] говорит: «будущаго непрестанною осмаго века жизнь изображает, в нюже Владыка обрезася плотию»[9]. И святой Григорий Нисский так говорит: «Обрезание

по закону должно было совершаться в восьмой день, причем восьмое число предуказывало на восьмой будущий век[10]. Подобает также знать, что обрезание в Ветхом Завете было установлено во образ крещения и очищения прародительского греха, хотя тот грех и не очищался совершенно обрезанием, чего и не могло быть до тех пор, пока Христос добровольно не пролил за нас в страданиях Своей пречистой крови. Обрезание было только прообразом истинного очищения, а не самым истинным очищением, которое совершил Господь наш, взяв грех от среды и пригвоздив его на крест[11], а вместо ветхозаветного обрезания установив новое благодатное крещение водою и Духом. Обрезание было в те времена как бы казнью за прародительский грех и знаком того, что обрезываемый младенец зачат был в беззаконии, как говорит Давид, и в грехе родила его мать его (Пс.50:7), отчего и язва оставалась на отроческом теле. Господь же наш был безгрешен; ибо хотя Он и по всему уподобился нам, но не имел на Себе греха. Подобно тому, как медный змий, сооруженный в пустыне Моисеем, был по виду подобен змию, но не имел в себе змеиного яда (Числ.21:9), так и Христос был истинный человек, но непричастный человеческому греху, и родился, сверхъестественным образом, от чистой и безмужней Матери. Ему, как безгрешному и Самому бывшему Законодателем, не нужно бы и претерпевать того болезненного законного обрезания; но так как Он пришел взять на Себя грехи всего мира, и Бог, как говорит апостол, не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех (2Кор.5:21), то Он, будучи без греха, претерпевает обрезание, как бы грешник. И в обрезании Владыка нам явил большее смирение, нежели в рождении Своем. Ибо в рождении Он принял на Себя образ человека, по слову апостола: «сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп.2:7); в обрезании же Он принял на Себя образ грешника, как грешник претерпевая боль, положенную за грех. И в чем не был виновен, за то Он страдал как невинный, как бы повторяя с Давидом: «чего я не отнимал, то должен отдать» (Пс.68:5), т.е. за тот грех, коему я непричастен, принимаю болезнь обрезания. Обрезанием, им принятым, Он

предначал Свои страдания за нас и вкушение той чаши, которую Он имел испить до конца, когда, вися на кресте, произнес: «Совершилось» (Иоан.19:30)! Он изливает теперь капли крови от крайней плоти, а затем она потоками будет истекать впоследствии из всего Его тела. Он начинает терпеть в младенчестве и приучается к страданию, чтобы, став мужем совершенным, быть в состоянии вынести более лютые страдания, ибо к подвигам мужества следует приучаться с юности. Жизнь человеческая, полная трудов, подобна дню, для которого утро составляет рождение, а вечер кончину. Итак, с утра, из пелен, Христос, обожаемый человек, выходит на дело свое, на труды – Он в трудах с самой юности Своей и на работу свою до вечера (Пс.103:23), того вечера, когда солнце померкнет и по всей земле будет тьма, до часа девятого. И возглаголет Он иудеям: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Иоан.5:17). Что же соделывает нам Господь? – Наше спасение: «устрояющий спасение посреди земли» (Пс.73:12). А чтобы сделать это дело вполне совершенно, Он принимается за него с утра, от юности, начиная претерпевать телесную болезнь, а вместе и сердечно болезнуя о нас, как о Своих чадах, доколе не изобразится в нас Сам Он – Христос[12].

С утра Он начинает сеять Своею кровью, чтобы к вечеру собрать прекрасный плод нашего искупления. Обожаемому Младенцу было наречено при обрезании имя Иисус, которое было принесено с неба Архангелом Гавриилом в то время, когда он благовестил о зачатии Его Пречистой Деве Марии, прежде чем Он зачат был во чреве, т. е., прежде чем Пресвятая Дева приняла слова благовестника, прежде чем сказала: «се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему!» (Лк.1:38). Ибо, при этих словах Её, Слово Божие тотчас стало плотью, вселившись в пречистую и пресвятейшую Её утробу. Итак, пресвятейшее имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия, дано было при обрезании Христу Господу, что и служило извещением о нашем спасении; ибо имя Иисус значит – спасение, как объяснил тот же Ангел, явившись во сне Иосифу и говоря: «наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф.1:21). И святой апостол Петр свидетельствует об имени Иисусовом

такими словами: «нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян.4:12). Сие спасительное имя Иисус прежде всех веков, в Тройческом Совете, было предуготовлено, написано и до сего времени было хранимо для нашего избавления, теперь же, как бесценный жемчуг, принесено было из небесной сокровищницы для искупления человеческого рода и открыто всем Иосифом. В этом имени открыты истина и мудрость Божия (Пс.50:8). Это имя, как солнце, озаряло своим сиянием мир, по слову пророка: «А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды» (Малах.4:2). Как благовонное миро, оно напоило своим ароматом вселенную: разлитое миро – сказано в Писании – от благовония мастей твоих (Песн.1:2), не в сосуд оставшееся миро – имя Его, но вылитое. Ибо пока миро хранится в сосуде, до тех пор и благовоние его удерживается внутри; когда же оно прольется, то тотчас наполняет воздух благоуханием. Неизвестна была сила имени Иисусова, пока скрывалась в Предвечном Совете, как бы в сосуде. Но как скоро то имя излилось с небес на землю, то тотчас же, как ароматное миро, при излиянии во время обрезания младенческой крови, наполнило вселенную благоуханием благодати, и все народы ныне исповедуют, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца[13]. Сила имени Иисусова теперь открылась, ибо то дивное имя Иисус привело в удивление Ангелов, обрадовало людей, устрашило бесов, ибо и бесы веруют, и трепещут (Иак.2:19); от того самого имени сотрясается ад, колеблется преисподняя, исчезает князь тьмы, падают истуканы, разгоняется мрак идолопоклонства и, вместо него, возсиявает свет благочестия и просвещает всякого человека, приходящего в мир (Иоан.1:9). О сем имени выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних (Флп.2:10). Это имя Иисусово есть сильное оружие против врагов, как говорит святой Иоанн Лествичник: «именем Иисуса всегда поражай ратников, ибо крепче этого оружия ты не найдешь ни на небе, ни на земле». Как сладко сердцу, любящему Христа Иисуса, это драгоценнейшее имя Иисус! Как приятно оно тому, кто имеет его! Ибо Иисус – весь любовь, весь

сладость. Как любезно это пресвятое имя Иисус рабу и узнику Иисусову, взятому в плен Его любовью! Иисус – в уме, Иисус – на устах, Иисус – где сердцем веруют к праведности, Иисус – где устами исповедуют ко спасению (Рим.10:10). Ходишь ли ты, сидишь ли на месте, или что работаешь – Иисус всегда находится пред очами. Ибо я рассудил, – сказал апостол, – быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса (1Кор.2:2). Ибо Иисус для того, кто прилепляется к Нему, есть просвещение ума, красота душевная, здравие для тела, веселие сердцу, помощник в скорбях, радость в печалях, врачевство в болезни, отрада во всех бедах и надежда на спасение, и для того, кто Его любит, Сам есть награда и воздаяние.

Некогда, по сказанию Иеронима, неисповедимое имя Божие начертывалось на золотой дощечке, которую носил на челе своем великий первосвященник[14]; ныне же Божественное имя Иисус начертывается истинною Его кровью, излиянною при Его обрезании. Начертывается же оно уже не на золоте вещественном, а на духовном, т. е. на сердце и на устах рабов Иисусовых, как оно начертано было в том, о котором Христос сказал: «ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое» (Деян.9:15). Сладчайший Иисус хочет, чтобы имя Его как самое сладкое питие было носимо в сосуде, ибо Он воистину сладок всем, вкушающим Его с любовью, к которым и обращается псалмопевец с такими словами: «Вкусите, и увидите, как благ Господь» (Пс.33:9)! Вкусив Его, пророк вопиет: «Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя» (Пс.17:2)! Вкусив Его, и святой апостол Петр говорит: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Мф.19:27; Иоан.6:68). Сею сладостью для святых страдальцев настолько были услаждены их тяжкие мучения, что они не боялись даже и самой ужасной смерти. Кто нас, – вопияли они, – отлучит от любви Божией: скорбь, или опасность, или меч, ни смерть, ни жизнь, ибо крепка, как смерть, любовь (Рим.8:35, 38; Песн.8:6). В каком же сосуде неизреченная сладость – имя Иисусово любит быть носимой? Конечно, в золотом, который испытан в горниле бед и несчастий, который украшен, как бы драгоценными камнями,

ранами, принятыми за Иисуса и говорит: «Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал.6:17). Такого сосуда требует та сладость, в таком имя Иисусово желает быть носимым. Не напрасно Иисус, принимая имя во время обрезания, проливает кровь; этим Он как бы говорит, что сосуд, имеющий носить в себе Его имя, должен обагриться кровью. Ибо когда Господь взял Себе избранный сосуд для прославления Своего имени – апостола Павла, то тотчас же прибавил: «И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян.9:16). Смотри на Мой сосуд окровавленный, изъязвленный – так начерчивается имя Иисусово краснотою крови, болезнями, страданиями тех, кто стоит до крови, подвизаясь против греха (Евр.12:4).

Итак, облобызаем тебя с любовью, о сладчайшее Иисусово имя! Мы поклоняемся с усердием пресвятому Твоему имени, о пресладкий и всещедрый Иисусе! Мы хвалим Твое высочайшее имя, Иисусе Спасе, припадаем к пролитой при обрезании крови Твоей, незлобивый Младенец и совершенный Господь! Мы умоляем при сем Твою преизобильную благость, ради того Твоего пресвятого имени и ради Твоей драгоценнейшей изливаемой за нас крови, и еще ради Пренепорочной Твоей Матери, нетленно Тебя родившей, – излей на нас богатую Твою милость! Услади, Иисусе, сердце наше Самим Тобою! Защити и огради нас, Иисусе, всюду Твоим именем! Означай и запечатлевай нас, рабов Твоих, Иисусе, тем именем, дабы мы могли быть приняты в Твое будущее Царствие, и там вместе с Ангелами славить и воспевать, Иисусе, пречестное и великолепное имя Твое вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

На престоле огнезрачном в вышних седяй со Отцем Безначальным, и Божественным Твоим Духом, благоволил еси родитися на земли, от Отроковицы, Неискусомужныя Твоея Матере, Иисусе: сего ради и обрезан был еси, яко человек осмодневный. Слава всеблагому Твоему совету, слава смотрению Твоему, слава снизхождению Твоему, Едине Человеколюбче.

Кондак, глас 3:

Всех Господь обрезание терпит и человеческая прегрешения, яко благ, обрезует: дает спасение днесь миру. Радуется же в вышних и Создателев иерарх, и светоносный Божественный таинник Христов Василий.

Житие святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарийского

Память 1 января

Великий угодник Божий и Богомудрый учитель Церкви Василий родился от благородных и благочестивых родителей в Каппадокийском городе Кесарии[15], около 330 года, в царствование императора Константина Великого. Константин Великий царствовал от 324 до 337 года. Отца его звали также Василием[16], а мать – Еммелией. Первые семена благочестия были посеяны в его душе благочестивой его бабкой, Макриною, которая в юности своей удостоилась слышать наставления из уст святого Григория Чудотворца – и матерью, благочестивой Еммелией. Отец же Василия наставлял его не только в христианской вере, но учил и светским наукам, которые ему были хорошо известны, так как он сам преподавал риторику, т. е. ораторское искусство, и философию. Когда Василию было около 14 лет, отец его скончался, и осиротевший Василий два или три года провел со своею бабкою Макриною, невдалеке от Неокесарии, близ реки Ириса[17], в загородном доме, которым владела его бабка и который впоследствии был обращен в монастырь. Отсюда Василий часто ходил и в Кесарию, чтобы навещать свою мать, которая с прочими своими детьми жила в этом городе, откуда она была родом.

По смерти Макрины, Василий на 17-м году жизни снова поселился в Кесарии, чтобы заниматься в тамошних школах разными науками. Благодаря особой остроте ума, Василий скоро сравнялся в познаниях со своими учителями и, ища новых знаний, отправился в Константинополь, где в то время славился своим красноречием молодой софист Ливаний[18]. Но и здесь Василий пробыл недолго и ушел в Афины – город, бывший матерью всей эллинской премудрости[19]. В Афинах он стал слушать уроки одного славного языческого учителя, по имени Еввула, посещая вместе с тем школы двоих других славных афинских учителей, Имерия и Проэресия[20]. Василию в это время пошел уже двадцать шестой год, и он обнаруживал

чрезвычайное усердие в занятиях науками, но в то же время заслуживал и всеобщее одобрение чистотою своей жизни. Ему известны были только две дороги в Афинах – одна, ведшая в церковь, а другая – в школу. В Афинах Василий подружился с другим славным святителем – Григорием Богословом, также обучавшимся в то время в афинских школах[21]. Василий и Григорий, будучи похожи друг на друга по своему благонравию, кротости и целомудрию, так любили друг друга, как будто у них была одна душа, – и эту взаимную любовь они сохранили впоследствии навсегда. Василий настолько увлечен был науками, что часто даже забывал, сидя за книгами, о необходимости принимать пищу. Он изучил грамматику, риторику, астрономию, философию, физику, медицину и естественные науки. Но все эти светские, земные науки не могли насытить его ум, искавший высшего, небесного озарения и, пробыв в Афинах около пяти лет, Василий почувствовал, что мирская наука не может дать ему твердой опоры в деле христианского усовершенствования. Поэтому он решился отправиться в те страны, где жили христианские подвижники, и где бы он мог вполне ознакомиться с истинно христианскою наукою.

Итак, в то время как Григорий Богослов оставался в Афинах, уже сам сделавшись учителем риторики, Василий пошел в Египет, где процветала иноческая жизнь[22]. Здесь у некоего архимандрита Порфирия он нашел большое собрание богословских творений, в изучении которых провел целый год, упражняясь в то же время в постнических подвигах. В Египте Василий наблюдал за жизнью знаменитых современных ему подвижников – Пахомия, жившего в Фиваиде, Макария старшего и Макария Александрийского, Пафнутия, Павла и других. Из Египта Василий отправился в Палестину, Сирию и Месопотамию, чтобы обозреть святые места и ознакомиться с жизнью тамошних подвижников. Но на пути в Палестину он заходил в Афины и здесь имел собеседование со своим прежним наставником Еввулом, а также препирался об истинной вере с другими греческими философами.

Желая обратить своего учителя в истинную веру и этим заплатить ему за то добро, которое он сам получил от него, Василий стал искать его по всему городу. Долго он не находил его, но наконец за городскими стенами встретился с ним в то время, как Еввул беседовал с другими философами о каком-то важном предмете. Прислушавшись к спору и не открывая еще своего имени, Василий вступил в разговор, тотчас же разрешив затруднительный вопрос, и потом со своей стороны задал новый вопрос своему учителю. Когда слушатели недоумевали, кто бы это мог так отвечать и возражать знаменитому Еввулу, последний сказал:

– Это – или какой-либо бог, или же Василий[23].

Узнав Василия, Еввул отпустил своих друзей и учеников, а сам привел Василия к себе, и они целых три дня провели в беседе, почти не вкушая пищи. Между прочим Еввул спросил Василия о том, в чем, по его мнению, состоит существенное достоинство философии.

– Сущность философии, – отвечал Василий, – заключается в том, что она дает человеку памятование о смерти[24].

При этом он указывал Еввулу на непрочность мира и всех утех его, которые сначала кажутся действительно сладкими, но зато потом становятся крайне горькими для того, кто слишком сильно успел к ним привязаться.

– Есть наряду с этими утехами, – говорил Василий, утешения другого рода, небесного происхождения. Нельзя в одно и то же время пользоваться теми и другими – «Никто не может служить двум господам» (Мф.6:24), – но мы все-таки, насколько возможно людям, привязанным к житейскому, раздробляем хлеб истинного познания и того, кто, даже по собственной вине, лишился одеяния добродетели, вводим под кров добрых дел, жалея его, как жалеем на улице человека нагого.

Вслед за этим Василий стал говорить Еввулу о силе покаяния, описывая однажды виденные им изображения добродетели и порока, которые поочередно привлекают к себе человека, и изображение покаяния, около которого, как его дочери, стоят различные добродетели[25].

– Но нам нечего, Еввул, – прибавил Василий, – прибегать к таким искусственным средствам убеждения. Мы владеем самою истиною, которую может постичь всякий, искренно к ней стремящийся. Именно, мы веруем, что все некогда воскреснем, – одни в жизнь вечную, а другие для вечного мучения и посрамления. Нам ясно об этом говорят пророки: Исаия, Иеремия, Даниил и Давид и Божественный апостол Павел, а также Сам призывающий нас к покаянию Господь, Который отыскал погибшее овча, и Который возвращающегося с раскаянием блудного сына, обняв с любовью, лобызает, украшает его светлою одеждою и перстнем и делает для него пир (Лк.15). Он дает равное воздаяние пришедшим в одиннадцатый час, равно как и тем, которые терпели тягость дня и зной[26]. Он подает нам кающимся и родящимся водою и Духом то, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его[27].

Когда Василий передал Еввулу вкратце историю домостроительства нашего спасения, начав с грехопадения Адамова и закончив учением о Христе-Искупителе, Еввул воскликнул:

– О явленный небом Василий! Через тебя я верую в Единого Бога Отца Вседержителя, Творца всяческих, и чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь. А вот тебе и доказательство моей веры в Бога: остальное время моей жизни я проведу с тобою, а теперь желаю рождения от воды и Духа.

Тогда Василий сказал:

– Благословен Бог наш отныне и до века, Который озарил светом истины ум твой, Еввул, и привел тебя из крайнего заблуждения в познание Своей любви. Если же ты хочешь, – как ты сказал, – жить со мною, то я объясню тебе, каким образом нам заботиться о нашем спасении, избавляясь от сетей здешней жизни. Продадим все наше имение и раздадим деньги нищим, а сами пойдем в святой град видеть тамошние чудеса[28]; там мы еще более укрепимся в вере.

Раздав таким образом нуждающимся все имение свое и купив себе белые одежды, какие требовалось иметь принимающим крещение[29], они пошли в Иерусалим и по дороге обращали многих к истинной вере.

Пришедши в Антиохию[30], они взошли в одну гостиницу. Сын содержателя гостиницы Филоксен в это время сидел у дверей в большом огорчении. Будучи учеником софиста Ливания, он взял у него некоторые стихотворения Гомера[31], чтобы переложить их на ораторскую речь, но не мог этого сделать и, находясь в таком затруднении, весьма скорбел. Василий, увидев его грустным, спросил:

– О чем ты грустишь, юноша?

Филоксен же сказал:

– Если я и скажу тебе о причине моей скорби, какая мне будет от тебя польза?

Когда же Василий настаивал на своем и обещал, что не напрасно юноша скажет ему о причине своей скорби, то отрок сказал ему и о софисте и о стихах, прибавив, что причина скорби его та, что он не умеет ясно передать смысл тех стихов. Василий, взяв стихи, начал толковать их, перелагая их на речь простую; отрок же, удивляясь и радуясь, просил его написать ему тот перевод. Тогда Василий написал перевод тех Гомеровых стихов тремя разными способами, и отрок, взяв перевод с радостью, пошел с ними утром к учителю своему, Ливанию. Ливаний, прочитав, удивился и сказал:

– Клянусь Божественным Промыслом, что нет среди нынешних философов никого, кто мог бы дать такое толкование! Кто же написал это тебе, Филоксен?

Отрок сказал:

– В моем доме находится один странник, который написал это толкование очень скоро и без всякого затруднения.

Ливаний тотчас поспешил в гостиницу, чтобы увидеть этого странника; увидев здесь Василия и Еввула, он удивился их неожиданному прибытию и обрадовался им. Он просил их остановиться в его доме и, когда они пришли к нему, предложил им роскошную трапезу. Но Василий и Еввул, по обычаю своему, вкусив хлеба и воды, вознесли благодарение подателю всяких

благ Богу. После этого Ливаний начал задавать им разные софистические вопросы, а они предложили ему слово о вере христианской. Ливаний, внимательно выслушав их, сказал, что еще не пришло время для принятия этого слова, но что, если такова будет воля Божественного Промысла, никто не сможет сопротивляться учению христианства[32].

– Много ты одолжил бы меня, Василий, – заключил он, – если бы не отказался изложить свое учение на пользу ученикам, у меня находящимся.

Вскоре собрались ученики Ливания, и Василий начал учить их, чтобы они стяжали душевную чистоту, телесное бесстрастие, скромную поступь, тихую речь, скромное слово, умеренность в пище и питии, молчание при старейших, внимательность к словам мудрых, повиновение начальникам, нелицемерную любовь к равным себе и к низшим, чтобы они отдалялись от злых, страстных и привязанных к плотским удовольствиям, чтобы меньше говорили и более слушали и вникали, не были безрассудными в слове, не были многоглаголивы, не смеялись бы дерзко над другими, украшались стыдливостью, не вступали в беседу с безнравственными женщинами, опускали очи долу, а душу обращали бы горе, избегали споров, не искали бы учительского сана, и почести этого мира вменяли бы ни во что. Если же кто сделает что-либо на пользу ближним, то пусть ожидает награды от Бога и вечного воздаяния от Иисуса Христа, Господа нашего. Так говорил Василий ученикам Ливания и те с великим удивлением слушали его, а после этого он вместе с Еввулом снова отправился в дорогу.

Когда они пришли в Иерусалим и обошли с верою и любовью все святые места, помолившись там Единому Создателю всего Богу, они явились к епископу того города, Максиму[33], и просили его окрестить их в Иордане[34]. Епископ, видя их великую веру, исполнил их просьбу: взяв клириков своих, он отправился с Василием и Еввулом к Иордану. Когда они остановились на берегу, Василий пал на землю и со слезами молил Бога, чтобы Он явил ему какое-либо знамение для укрепления его веры. Потом, с трепетом вставши, он снял с себя свои одежды, а вместе с ними «отложил прежний образ

жизни ветхого человека»[35] и, войдя в воду, молился. Когда святитель подошел, чтобы окрестить его, внезапно спала на них огненная молния, и вышедшей из той молнии голубь погрузился в Иордан и, всколыхнув воду, улетел на небо[36]. Стоявшие же на берегу, увидев это, вострепетали и прославили Бога. Приняв крещение, Василий вышел из воды и епископ, дивясь любви его к Богу, облек его в одежду Христова воскресения[37], совершая при сем молитву. Крестил он и Еввула и потом помазал обоих миром и причастил Божественных Даров.

Возвратившись в святой град, Василий и Еввул пробыли там один год. Потом они отправились в Антиохию, где Василий был поставлен архиепископом Мелетием в диакона, потом занимался изъяснением Писания[38]. Немного времени спустя он ушел с Еввулом в свое отечество, Каппадокию. Когда они приближались к городу Кесарии, архиепископу Кесарии, Леонтию, было возвещено в сновидении об их прибытии и сказано, что Василий со временем будет архиепископом этого города. Поэтому архиепископ, призвав своего архидиакона[39] и нескольких почетных клириков, послал их к восточным воротам города, повелев им привести к нему с почетом двоих странников, которых они там встретят. Они пошли и, встретив Василия с Еввулом, когда те входили в город, отвели их к архиепископу; тот, увидев их, удивился, ибо именно их он видел в сновидении, – и прославил Бога. Спросив их о том, откуда они идут и как называются и, узнав имена их, он повелел отвести их в трапезу и угостить, сам же, созвав клир свой и почетных горожан, рассказал им все, что поведано ему было в видении от Бога о Василии. Тогда клир единогласно сказал:

– Так как за добродетельную жизнь твою Бог указал тебе наследника твоего престола, то поступи с ним как тебе угодно; ибо поистине достоин всякого уважения тот человек, которого прямо указывает воля Божия.

Архиепископ призвал после этого к себе Василия и Еввула и начал рассуждать с ними о Писании, желая узнать, насколько они понимают его. Слыша их речи, он дивился глубине их премудрости и, оставив их у себя, относился к ним с особым почтением. Василий же, пребывая в Кесарии, вел такую же

жизнь, какой он научился у многих подвижников, когда путешествовал по Египту, Палестине, Сирии и Месопотамии и присматривался к жившим в тех странах отцам-подвижникам. Так, подражая их жизни, он был добрым иноком, и архиепископ Кесарии, Евсевий[40], поставил его пресвитером и руководителем иноков в Кесарии. Приняв сан пресвитера, святой Василий все время свое посвящал трудам сего служения, так что отказывался даже от переписки со своими прежними друзьями[41]. Попечение об иноках, им собранных, проповедание слова Божиего и другие пастырские заботы не позволяли ему отвлекаться к посторонним занятиям. При этом на новом поприще он скоро приобрел себе такое уважение, каким не пользовался и сам архиепископ, еще не довольно опытный в делах церковных, так как он избран был на престол Кесарийский из оглашенных. Но едва прошел год его пресвитерства, как епископ Евсевий начал, по немощи человеческой, завидовать и недоброжелательствовать Василию. Святой Василий, узнал об этом и, не желая быть предметом зависти, ушёл в Понтийскую пустыню[42]. В Понтийской пустыне Василий удалился к реке Ирису, – в местность, в которой прежде его уединились его мать Еммелия и сестра его Макрина, – и которая им и принадлежала. Макрина устроила тут монастырь. Вблизи его, при подошве высокой горы, покрытой частым лесом и орошаемой холодными и прозрачными водами, поселился Василий. Пустыня так была приятна Василию своим невозмутимым безмолвием, что он предполагал окончить здесь дни свои. Здесь он подражал подвигам тех великих мужей, которых видел в Сирии и Египте. Он подвизался в крайнем лишении, имея для покрытия себя одну одежду – срачицу и мантию; носил и власяницу, но только ночью, чтобы её было не видно; питался хлебом и водою, приправляя эту скудную пищу солью и кореньями. От строгого воздержания он сделался весьма бледен и тощ и пришел в крайнее изнеможение. Никогда не ходил он в баню и не зажигал огня. Но Василий жил не для одного себя: он собрал в общежитие иноков; своими письмами привлек к себе в пустыню и друга своего Григория.

В своем уединении Василий и Григорий все делали вместе; вместе молились; оба оставили чтение мирских книг, за которыми прежде много тратили времени, и стали единственно заниматься Священным Писанием. Желая лучше изучить его, они читали сочинения предшествовавших им по времени отцов и писателей церковных, особенно Оригена. Здесь же Василий и Григорий, руководимые Святым Духом, написали уставы иноческого общежития, которыми иноки Восточной Церкви большею частью руководствуются и ныне[43].

В отношении к жизни телесной Василий и Григорий находили удовольствие в терпении; работали своими руками, нося дрова, обтесывая камни, сажая и поливая деревья, таская навоз, возя тяжести, так что мозоли на руках их долго оставались. Жилище их не имело ни кровли, ни ворот; никогда не было там ни огня, ни дыма. Хлеб, который они ели, был так сух и худо пропечен, что его едва можно было жевать зубами.

Наступило, однако, время, когда оба, Василий и Григорий, должны были покинуть пустыню, так как их услуги были потребны для Церкви, которая в то время была возмущаема еретиками. Григория на помощь православным взял к себе в Назианз отец его, Григорий, человек уже старый и потому не имевший силы с твердостью бороться с еретиками; Василия же уговорил возвратиться к себе Евсевий, архиепископ Кесарийский, примирившийся с ним в письме и просивший его помочь Церкви, на которую ополчились ариане[44]. Блаженный Василий, видя такую нужду Церкви и предпочитая ее пользе пустыннического жития, оставил уединение и пришёл в Кесарию, где много потрудился, словами и сочинениями ограждая православную веру от ереси. Когда же преставился архиепископ Евсевий, на руках Василия предав дух свой Богу, то на престол архиепископский был возведен и посвящен собором епископов Василий. Среди тех епископов был и престарелый Григорий, отец Григория Назианзина. Будучи слаб и утружден старостью, он повелел препроводить его в Кесарию, чтобы убедить Василия принять архиепископство и воспрепятствовать возведению на престол кого-либо из ариан.

Василий успешно правил Церковью Христовой, брата же своего, Петра, он посвятил в пресвитера, чтобы он помогал ему в трудах по делам Церкви, а впоследствии поставил его епископом города Севастии[45]. В это время матерь их, блаженная Еммелия, отошла к Господу, проживши более 90 лет.

Спустя некоторое время блаженный Василий просил у Бога просветить его разум, для того чтобы он мог совершать приношение бескровной жертвы Богу собственными своими словами, и чтобы ему для этого была ниспослана благодать Святого Духа[46]. Через шесть дней в седьмой, когда Василий, стоя пред престолом в храме, начал совершать предложение хлеба и чаши, ему в видении явился Сам Господь с апостолами и сказал:

– По просьбе твоей, уста твои пусть наполнятся хвалою, чтобы ты мог совершать бескровное служение, произнося свои молитвословия.

После этого Василий начал говорить и записывать такие слова: «Да исполнятся уста мои хвалением, да воспою славу твою», «Господи Боже наш, создавай нас и введи в жизнь сию» и другие молитвы святой литургии. По окончании молитвы он воздвиг хлеб, усердно молясь такими словами: «Услышь, Господи Иисусе Христе Боже наш, в небесах жилища Твоего и у престола царствия Твоего, и приди освятить нас, и на горе этой восседай и здесь с нами невидимым пребывай: и сподоби рукою Своей преподать нам Пречистое Тело Твое и Кровь всем нам людям»[47]. Когда святитель совершал сие, Еввул с высшими клириками увидели свет небесный, озарявший алтарь и святителя и неких светлых мужей в белых ризах, которые окружали святого Василия. Увидев сие, они пришли в большой ужас и пали ниц, проливая слезы и прославляя Бога.

В то время Василий, призвав золотых дел мастера, приказал ему изготовить из чистого золота голубя – во образ того голубя, который явился над Иорданом, – и поместил его над святым престолом, дабы он как бы охранял Божественные Тайны.

Господь Бог некоторыми чудесными знамениями засвидетельствовал еще при жизни Василия об его святости.

Однажды, когда он совершал Божественную службу, некий еврей, желая узнать, в чем состоят святые Тайны, присоединился к прочим верующим, как бы христианин, и, войдя в церковь, увидел, что святой Василий держит в своих руках младенца и раздробляет его на части. Когда верующие стали причащаться из рук святого, подошел и еврей, и святитель подал ему, как и прочим христианам, часть Святых Даров. Приняв их в руки, еврей увидел, что это была действительно плоть, а когда приступил к чаше, то увидел, что в ней была действительно кровь. Он спрятал остаток от святого причащения и, придя домой, показал его жене своей и рассказал ей обо всем, что видел своими глазами. Уверовав, что христианское таинство есть действительно страшное и славное, он пошел наутро к блаженному Василию и умолял удостоить его святого крещения. Василий же, воздав благодарение Богу, немедленно окрестил еврея со всем его семейством.

Когда святой однажды шел по дороге, некая бедная женщина, обиженная одним начальником, припала к ногам Василия, умоляя его о том, чтобы он написал о ней начальнику как человек, которого тот весьма уважал. Святой, взяв хартию[48], написал к начальнику следующее: «сия убогая женщина явилась ко мне, говоря, что письмо мое имеет для тебя большое значение. Если это так, то докажи мне то на деле и окажи милость этой женщине». Написав сии слова, святой отдал хартию той бедной женщине, и она, взявши, снесла ее начальнику. Прочитав письмо, тот написал в ответ святому так: «согласно письму твоему, святой отче, я хотел бы оказать милость той женщине, но не могу сего сделать, потому что она подлежит общенародной подати». Святой снова написал ему следующее: «хорошо, если ты хотел, но не мог сделать; а если ты и мог, но не захотел, то Бог поставит тебя самого в число нуждающихся, так что ты не сможешь сделать того, что захочешь». Эти слова святителя вскоре исполнились: немного времени спустя после этого царь разгневался на того начальника, ибо узнал, что он учиняет большие притеснения народу, и заключил его в узы, дабы он заплатил всем, кого

обидел. Начальник же из заключения послал к святому Василию прошение, чтобы он сжалился над ним и своим ходатайством умилостивил царя. Василий поспешил попросить за него царя, и через шесть дней пришел указ, освобождавший начальника от осуждения. Начальник, увидев как милостив к нему святой, поспешил к нему, чтобы принести ему благодарность, а вышеупомянутой бедной женщине отдал из своего имения вдвое против того, что взял с нее.

В то время, как сей угодник Божий, Великий Василий, мужественно боролся в Кесарии Каппадокийской за святую веру Христову[49], царь Юлиан Отступник, богохульник и великий гонитель христиан[50], похвалявшийся тем, что он погубит христиан, шел войною на Персов. Святой Василий тогда молился в церкви пред иконою Пресвятой Богородицы, у ног Которой было изображение и святого великомученика Меркурия в виде воина с копьем. Меркурий воин пострадал мученическою смертью в Кесарии Каппадокийской (память его 24 ноября). Молился же он о том, чтобы Бог не попустил гонителю и губителю христиани Юлиану возвратиться живым с Персидской войны. И вот он увидел, что образ святого Меркурия, стоявшего близ Пресвятой Богородицы, изменился, и изображение мученика на некоторое время стало невидимо. Спустя немного времени мученик снова показался, но с окровавленным копьем. В это самое время Юлиан был пронзен на Персидской войне святым мучеником Меркурием, посланным Пречистою Девою Богородицей погубить врага Божиего.

Имел святой Василий Великий и такой благодатный дар. Когда он во время литургии возносил Святые Дары, то золотой голубь с Божественными Дарами, висевший над святым престолом, движимый силою Божиею, сотрясался три раза. Однажды, когда Василий служил и возносил Святые Дары, обычного знамения с голубем, который своим сотрясением указывал сошествие Святого Духа, не было. Когда Василий размышлял о причине сего, то увидел, что один из диаконов, державших рипиды[51], смотрел на одну женщину, стоявшую в церкви. Василий повелел тому диакону отступить от святого жертвенника и назначил ему епитимию – семь дней поститься и

молиться, проводить целые ночи без сна в молитве и из имения своего раздавать милостыню нищим. С того времени святой Василий повелел устроить в церкви пред алтарем завесу и перегородку, для того чтобы ни одна женщина не могла смотреть в алтарь во время совершения Божественной службы; непослушных же повелел выводить из церкви и отлучать от святого причащения[52].

В то время, как святой Василий был епископом, Церковь Христову смущал царь Валент[53], ослепленный арианской ересью. Он, свергнув много православных епископов с их престолов, возвел на их места ариан, а иных, малодушных и боязливых, заставил присоединиться к его ереси. Он гневался и мучился внутренне, видя, что Василий безбоязненно пребывает на своем престоле, как непоколебимый столп своей веры, и подкрепляет и увещевает других гнушаться арианством как ненавистным для Бога лжеучением. Обходя свои владения и чрезвычайно притесняя повсюду православных, царь, по дороге в Антиохию, прибыл в Кесарию Каппадокийскую и здесь стал употреблять все меры к тому, чтобы склонить Василия на сторону арианства. Он внушил своим воеводам, вельможам и советникам, чтобы они то моленьями и обещаниями, то угрозами побудили Василия исполнить желание царя. И царские единомышленники настойчиво убеждали святого к этому; кроме того, некоторые благородные женщины, пользовавшиеся расположением царя, стали посылать своих евнухов к святому, настойчиво советуя ему, чтобы он мыслил заодно с царем. Но никто не мог заставить этого непоколебимого в своей вере иерарха отпасть от православия. Наконец, епарх Модест[54] призвал Василия к себе и, после того как оказался не в состоянии склонить его льстивыми обещаниями к отпадению от православия, начал с яростью грозить ему отнятием имущества, изгнанием и смертью. Святой же на угрозы его дерзновенно отвечал:

– Если ты отнимешь у меня имение, то и себя этим не обогатишь, и меня не сделаешь нищим. Полагаю, что тебе не нужны эти ветхие мои одежды и несколько книг, в которых заключается все мое богатство. Ссылки нет для меня, потому

что я не связан местом, и то место, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни сошлют, будет мое. Лучше же сказать: везде место Божие, где ни буду «странником и пришельцем» (Пс.38:13). А мучения что могут сделать мне? – я так слаб, что разве только первый удар будет для меня чувствителен. Смерть же для меня – благодеяние: она скорее приведет меня к Богу, для Которого живу и тружусь и к Которому давно я стремлюсь.

Изумленный сими словами, правитель сказал Василию:

– Никто так дерзновенно не говорил со мною до этих пор!

– Да, – отвечал святитель, – потому что тебе не случалось ранее говорить с епископом. Во всем ином мы показываем кротость и смирение, но когда речь идет о Боге, и против Него дерзают восставать, – тогда мы, все прочее вменяя ни за что, взираем только на Него Единого; тогда огонь, меч, звери и железо, терзающие тело, скорее будут радовать нас, нежели устрашать.

Донося Валенту о непреклонности и неустрашимости святого Василия, Модест сказал:

– Побеждены мы, царь, настоятелем Церкви. Этот муж выше угроз, тверже доводов, сильнее убеждений.

После этого царь запретил тревожить Василия и, хотя не принял общения с ним, стыдясь показать себя переменившимся, но стал искать оправдания более благоприличного.

Наступил праздник Богоявления Господня. Царь со свитою своею вошел в церковь, где служил Василий и, вступив в среду народа, сим самым хотел показать вид единения с Церковью. Взирая на благолепие и порядок церковный и внимая пению и молитвам верных, царь дивился, говоря, что в своих арианских церквях он никогда не видал такого порядка и благолепия. Святой Василий, подойдя к царю, начал беседовать с ним, поучая его от Священного Писания; слушателем этой беседы был и Григорий Назианзин, случайно бывший там в то время, который и написал об этом. С того времени царь стал лучше относиться к Василию. Но, удалившись в Антиохию, он снова раздражился против Василия, будучи возбужден к этому злыми

людьми, поверив доносам которых, он и осудил Василия на изгнание. Но когда царь хотел подписать этот приговор, престол, на котором он сидел, закачался и сломалась трость[55], которою он должен был сделать подпись. Взял царь другую трость, но и с тою было то же; то же случилось и с третьей. Потом у него задрожала рука, и страх напал на него; увидев в этом силу Божию, царь разорвал хартию. Но враги православия опять стали настойчиво докучать царю относительно Василия, чтобы он не оставлял его в покое, и от царя был послан один сановник по имени Анастасий, чтобы привести Василия в Антиохию. Когда сей сановник пришел в Кесарию и возвестил Василию о повелении царя, святой отвечал:

– Я, сын мой, некоторое время назад узнал, что царь, послушавшись совета неразумных людей, сломал три трости, желая подписать указ о моем заточении и помрачить через это истину. Бесчувственные трости удержали его неудержимую стремительность, согласившись лучше переломиться, чем послужить оружием для его неправедного приговора.

Будучи приведен в Антиохию, Василий предстал на суд епарха, и на вопрос: «почему он не держится той веры, какую исповедует царь? – отвечал:

– Никогда не будет того, чтобы я, уклонившись от истинной христианской веры, стал последователем нечестивого арианского учения; ибо я от отцов наследовал веру в единосущие[56], которую исповедую и прославляю.

Судья грозил ему смертью, но Василий отвечал:

– Что же? Пусть я пострадаю за истину и освобожусь от телесных уз; я давно желаю этого, – только вы не измените своему обещанию.

Епарх донес царю, что Василий не боится угроз, что убеждения его нельзя изменить, что сердце его непреклонно и твердо. Царь, воспылав гневом, стал думать о том, как бы погубить Василия. Но в это самое время сын царя, Галат, внезапно заболел, и врачи уже обрекли его на смерть. Его мать, придя к царю, с раздражением говорила ему:

– Так как ты неправильно веруешь и гонишь архиерея Божиего, то за это отрок и умирает.

Услышав сие, Валент призвал Василия и сказал ему:

– Если Богу угодно учение твоей веры, то исцели своими молитвами сына моего!

Святой отвечал:

– О царь! Если ты обратишься в православную веру и даруешь покой церквам, то сын твой останется жив.

Когда царь обещался это исполнить, святой Василий тотчас же обратился к Богу с молитвою, и Господь послал царскому сыну облегчение в болезни. После этого Василий отпущен был с почестями на свой престол. Ариане, слыша и видя сие, воспламенились завистью и злобою и говорили царю:

– И мы могли бы это сделать!

Они снова прельстили царя, так что он не воспрепятствовал им совершить крещение над своим сыном. Но когда ариане взяли царского сына, чтобы окрестить его, он тотчас же умер на руках у них. Это видел своими очами вышеупомянутый Анастасий и рассказал об этом царю Валентиниану[57], царствовавшему на западе, брату восточного царя, Валента. Валентиниан же, удивившись такому чуду, прославил Бога, а святому Василию, через Анастасия, послал большие дары, приняв которые Василий в городах своей епархии устроил больницы и дал там приют многим немощным и убогим.

Блаженный Григорий Назианзин сообщает еще, что святой Василий и того епарха Модеста, который был так суров к святому, исцелил молитвою от тяжкой болезни, когда тот в болезни своей со смирением искал помощи от его святых молитв.

По прошествии некоторого времени, на место Модеста был поставлен епархом родственник царя, по имени Евсевий. В Кесарии в его время жила одна вдова, – юная, богатая и очень красивая, по имени Вестиана, дочь Аракса, который был членом сената. Эту вдову епарх Евсевий хотел силою выдать замуж за одного сановника, она же, будучи целомудренна и желая сохранить чистоту вдовства своего незапятнанною, во славу Божию, не хотела выходить замуж. Когда она узнала, что ее хотят похитить силою и принудить к вступлению в брак, то

убежала в церковь и припала к стопам архиерея Божиего, святого Василия[58]. Он же, приняв ее под свою защиту, не хотел выдать ее из церкви пришедшим за нею людям, а потом тайно отослал ее в девичий монастырь, к сестре своей, преподобной Макрине. Разгневавшись на блаженного Василия, епарх послал воинов взять ту вдову из церкви силою, а когда там она не была найдена, повелел искать ее в опочивальне святого. Епарх, как человек безнравственный, думал, что Василий с греховным намерением удержал ее у себя и скрыл в своей опочивальне. Не найдя, однако, ее нигде, он призвал Василия к себе и с великою яростью бранил его, угрожал отдать его на мучение, если тот не выдаст ему вдову. Но святой Василий показал себя готовым на муки.

– Если ты повелишь строгать железом мое тело, – сказал он, – то этим уврачуешь мою печень, которая, как видишь, сильно беспокоит меня[59].

В это время граждане, узнав о происшествии, устремились все – не только мужчины, но и женщины – ко дворцу епарха с оружием и дрекольем, намереваясь умертвить его за святого отца и пастыря своего. И если бы святой Василий не успокоил народ, то епарх был бы убит. Последний же, увидев такое возмущение народное, весьма испугался и отпустил святого невредимым и свободным.

Елладий, очевидец чудес Василия и преемник его на епископском престоле, муж добродетельный и святой, рассказывал следующее. Один православный сенатор по имени Протерий, посещая святые места, вознамерился отдать дочь свою на служение Богу в один из монастырей; дьявол же, исконный ненавистник добра, возбудил в одном рабе Протерия страсть к дочери господина своего. Видя несбыточность своего желания и не смея ничего сказать о своей страсти девице, раб пошел к одному волшебнику, жившему в том городе, и рассказал ему о своем затруднении. Он обещал волшебнику много золота, если тот своим волшебством поможет ему жениться на дочери господина своего. Волшебник сначала отказывался, но, наконец, сказал:

– Если хочешь, то я пошлю тебя к господину моему, дьяволу; он тебе в этом поможет, если только и ты исполнишь его волю.

Несчастный же раб тот сказал:

– Все, что он ни повелит мне, обещаюсь исполнить.

Волшебник сказал тогда:

– Отречешься ли ты от Христа своего и дашь ли в том расписку?

Раб же сказал:

– Готов и на это, лишь бы только получить желаемое.

– Если ты даешь такое обещание, – сказал волшебник, – то и я буду тебе помощником.

Потом, взяв хартию, он написал дьяволу следующее:

– Так как я должен, владыка мой, стараться о том, чтобы отторгать людей от христианской веры и приводить их под твою власть для умножения твоих подданных, то я посылаю тебе ныне подателя этого письма, юношу, разожженного страстью к девице, и прошу за него, чтобы ты оказал ему помощь в исполнении его желания. Через это и я прославлюсь, и к тебе привлеку больше почитателей.

Написав такое послание к дьяволу, волшебник отдал его тому юноше и послал его с такими словами:

– Иди в этот ночной час и стань на еллинском кладбище[60], подняв кверху хартию; тогда сейчас же тебе явятся те, кои проведут тебя к дьяволу.

Несчастный раб быстро пошел и, остановившись на кладбище, начал призывать бесов. И тотчас предстали пред ним лукавые духи и с радостью повели обольщённого к своему князю. Увидев его, сидевшего на высоком престоле, и тьмы окружавших его злых духов, раб отдал ему письмо от волшебника. Дьявол, взяв письмо, сказал рабу:

– Веруешь ли в меня?

Тот же ответил: «верую».

Дьявол снова спросил:

– Отрекаешься ли от Христа своего?

– Отрекаюсь, – ответил раб.

Тогда сатана сказал ему:

– Часто вы обманываете меня, христиане: когда просите у меня помощи, то приходите ко мне, а когда достигнете своего, то опять отрекаетесь от меня и обращаетесь к вашему Христу, Который, как добрый и человеколюбивый, принимает вас. Дай же мне расписку в том, что ты добровольно отрекаешься от Христа и крещения и обещаешь быть моим навеки и со дня судного будешь терпеть со мною вечную муку: в таком случае я исполню твое желание.

Раб, взяв хартию, написал то, чего хотел от него дьявол. Тогда погубитель душ, змей древний (т. е. дьявол), послал бесов прелюбодеяния, и они возбудили в девице такую сильную любовь к отроку, что она, от плотской страсти, упала на землю и стала кричать отцу своему:

– Пожалей меня, пожалей дочь твою и выдай меня замуж за нашего раба, которого я со всею силою полюбила. Если же ты этого для меня, единственной твоей дочери, не сделаешь, то увидишь меня скоро умершею от тяжких мучений и отдашь за меня ответ в день судный.

Услышав это, отец пришел в ужас и с плачем говорил:

– Горе мне, грешному! Что такое случилось с моей дочерью? Кто украл у меня мое сокровище? Кто прельстил мое дитя? Кто помрачил свет очей моих? Я хотел, дочь моя, обручить тебя Небесному Жениху, чтобы ты была подобна Ангелам и в псалмах и песнопениях духовных (Еф.5:19) прославляла Бога, и сам я ради тебя надеялся получать спасение, а ты бесстыдно твердишь о замужестве! Не своди меня с печалью в преисподнюю, чадо мое, не срами своего благородного звания, выходя за раба.

Она же, не обращая внимания на слова родителя, говорила одно:

– Если не сделаешь по моему желанию, то я убью себя.

Отец, не зная что делать, по совету своих родственников и друзей, согласился лучше исполнить её волю, чем видеть ее умирающею лютою смертью. Призвав раба своего, он отдал ему в жены дочь свою и большое имение и сказал дочери:

– Иди же, несчастная, замуж! Но я думаю, что ты станешь после сильно раскаиваться в своем поступке и что тебе не

будет от этого пользы.

Спустя некоторое время после того как этот брак совершился и дьявольское дело исполнилось, было замечено, что новобрачный не ходит в церковь и не причащается святых Таин. Об этом было заявлено и несчастной жене его:

– Разве ты не знаешь, – сказали ей, – что муж твой, которого ты выбрала, не христианин, но чужд вере Христовой?

Она же, услышав это, чрезвычайно опечалилась и, упав на землю, начала терзать ногтями лицо свое, без устали бить себя руками в грудь и вопила так:

– Никто, ослушавшийся своих родителей, не мог когда-либо спастись! Кто расскажет о позоре моем отцу моему? Горе мне, несчастной! В какую погибель я попала! Зачем я родилась и для чего не погибла по рождении?

Когда она так рыдала, ее услышал муж её и поспешил к ней спросить о причине её рыданий. Узнав в чем дело, он стал утешать ее, говоря, что ей сказали о нем неправду, и убеждал ее, что он – христианин. Она же, немного успокоившись от речей его, сказала ему:

– Если ты хочешь уверить меня вполне и снять печаль с несчастной души моей, то утром иди со мной в церковь и причастись предо мною Пречистых Таин: тогда я поверю тебе.

Несчастный муж её, видя, что ему нельзя сокрыть правду, должен был, против желания своего, рассказать ей о себе все, – как он предал себя дьяволу. Она же, забыв женскую немощь, поспешно отправилась к святому Василию и возопила к нему:

– Сжалься надо мною, ученик Христов, сжалься над ослушницей воли отца своего, поддавшейся бесовскому обольщению! – и рассказала ему все в подробности о своем муже.

Святой, призвав мужа её, спросил его, правда ли то, что о нем говорит его жена. Он со слезами ответил:

– Да, святитель Божий, все это правда! И если я стану молчать, то будут вопить об этом дела мои, – и рассказал всё по порядку, как он предался бесам.

Святой же сказал:

– Хочешь ли снова обратиться к Господу нашему, Иисусу Христу?

– Да, хочу, но не могу, – ответил тот.

– Отчего же? – спросил Василий.

– Оттого, – отвечал муж, – что я дал расписку в том, что отрекаюсь от Христа и предаю себя дьяволу.

Но Василий сказал:

– Не скорби о сем, ибо Бог – человеколюбив и принимает кающихся.

Жена же, повергшись к ногам святого, умоляла его, говоря:

– Ученик Христов! Помоги нам, в чем можешь.

Тогда святой сказал рабу:

– Веришь ли в то, что ты можешь еще спастись?

Он же сказал в ответ:

– Верую, господин, помоги моему неверию.

Святой после этого, взяв его за руку, осенил крестным знаменем и запер его в комнате, находившейся внутри церковной ограды, заповедав ему непрестанно молиться Богу. Пробыл он и сам три дня в молитве, а потом посетил кающегося и спросил его:

– Как ты чувствуешь себя, чадо?

– Я нахожусь в крайне бедственном состоянии, владыка, – отвечал юноша, – не могу я выносить криков бесовских, и страхов, и стреляния, и ударов кольями. Ибо демоны, держа в руках мою расписку, поносят меня, говоря: «Ты пришел к нам, а не мы к тебе!»

Святой же сказал:

– Не бойся, чадо, а только веруй.

И, давши ему немного пищи, осенил его крестным знамением и опять запер его. Через несколько дней он снова посетил его и сказал:

– Как живешь ты, чадо?

Тот ответил:

– Издали я слышу еще угрозы и крик их, но самих не вижу.

Василий, дав ему немного пищи и помолившись за него, опять запер его и ушел. Потом он пришел к нему на сороковой день и спросил его:

– Как живешь ты, чадо.

Он же сказал:

– Хорошо, отец святой, ибо я видел тебя во сне, как ты боролся за меня и одолел дьявола.

Сотворив молитву, святой вывел его из затвора и привел в келью. Наутро он созвал весь причт церковный, иноков и всех людей христолюбивых и сказал:

– Прославим, братья, человеколюбца Бога, ибо вот теперь Добрый Пастырь хочет принять на рамо погибшее овча[61] и принести его в церковь: в эту ночь мы должны умолять Его благость, чтобы Он победил и посрамил врага душ наших.

Верующие собрались в церковь и молились всю ночь о кающемся, взывая: «Господи помилуй».

Когда наступило утро, Василий, взяв кающегося за руку, повел его со всем народом в церковь, воспевая псалмы и песнопения. И вот дьявол бесстыдно пришел туда невидимо со всею своею пагубною силою, желая вырвать юношу из рук святого. Юноша же начал вопить:

– Святитель Божий, помоги мне!

Но дьявол с такою дерзостью и бесстыдством вооружился против юноши, что причинял боль и святому Василию, увлекая с собою юношу. Тогда блаженный обратился к дьяволу с такими словами:

– Бесстыднейший душегубец, князь тьмы и погибели! Разве не довольно для тебя твоей погибели, какую ты причинил себе и находящимся с тобою? Ужели ты не перестанешь преследовать создания Бога моего?

Дьявол же возопил к нему:

– Обижаешь ты меня, Василий! – и этот голос дьявольский слышали многие. Тогда святитель сказал:

– Да запретит тебе Господь, о дьявол!

Дьявол же опять сказал ему:

– Василий, ты обижаешь меня! Ведь не я пришел к нему, а он ко мне: он отрекся от Христа своего, дав мне расписку, которую я имею в руке своей, и которую я в день судный покажу всеобщему Судье.

Василий же сказал:

– Благословен Господь Бог мой! Эти люди до тех пор не опустят поднятых к небу рук своих[62], пока ты не отдашь ту расписку.

Затем, обратившись к народу, святой сказал:

– Поднимите руки ваши горé и взывайте: «Господи помилуй!» И вот после того как народ, поднявши руки к небу, долгое время вопил со слезами: «Господи помилуй!», расписка того юноши, на глазах у всех принеслась по воздуху прямо в руки святителю Василию. Взяв эту расписку, святой возрадовался и воздавал благодарение Богу, а потом вслух всех сказал юноше:

– Знаешь ли, брат, эту расписку?

Юноша отвечал:

– Да, святитель Божий, это моя расписка; я написал ее своею собственною рукою.

Василий же Великий тотчас разорвал ее пред всеми на части и, введя юношу в церковь, причастил его Божественными Тайнами и предложил обильную трапезу всем присутствовавшим. После того, дав поучение юноше и указав подобающие правила жизни, возвратил жене его, а тот, не умолкая, славословил и благодарил Бога.

Тот же Елладий рассказывал о святом Василии еще следующее. Однажды великий отец наш Василий, будучи озарен Божественною благодатью, сказал своему клиру:

– Идите, чада, за мною, и мы увидим славу Божию, а вместе и прославим Владыку нашего.

С этими словами он вышел из города, но никто не знал, куда он хотел идти. В то время в одном селении жил пресвитер Анастасий с женою Феогнией. Сорок лет они прожили друг с другом в девстве, и многие думали, что Феогния бесплодная, ибо никто не знал хранимого ими в тайне чистого девства. Анастасий же за свою святую жизнь удостоился получить благодать Духа Божиего, и был прозорливцем. Провидя духом, что Василий хочет посетить его, он сказал Феогнии:

– Я иду возделывать поле, а ты, сестра моя, убери дом и в девятом часу дня, зажегши свечи, выйди навстречу святому архиепископу Василию, ибо он идет посетить нас грешных.

Она удивилась словам господина своего, но исполнила его приказание. Когда святой Василий был невдалеке от дома Анастасия, Феогния вышла к нему навстречу и поклонилась ему.

– Здорова ли ты, госпожа Феогния? – спросил Василий. Она же, услышав, что он называет ее по имени, пришла в ужас и сказала:

– Я здорова, владыка святой!

Святитель же сказал:

– Где господин Анастасий, брат твой?

Она отвечала:

– Это не брат, а муж мой; он ушел в поле.

Василий же сказал:

– Он дома – не беспокойся!

Услышав это, она еще больше испугалась, ибо поняла, что святой проник в их тайну, и с трепетом припала к ногам святого и сказала:

– Моли за меня, грешную, святитель Божий, ибо я вижу, что ты можешь творить великое и дивное.

Святитель же помолился за нее и пошел дальше. Когда он входил в дом пресвитера, встретил его и сам Анастасий и, поцеловав ноги святого, сказал:

– Откуда мне это, что ко мне пришел святитель Господа моего.

Святитель же, дав ему лобзание о Господе, сказал:

– Хорошо, что я нашел тебя, ученик Христов; пойдем в церковь и совершим службу Божию.

Пресвитер же тот имел обычай поститься все дни недели, кроме субботы и воскресенья, и не вкушал ничего, кроме хлеба и воды. Когда они пришли в церковь, святой Василий повелел Анастасию служить литургию, а тот отказывался, говоря:

– Ты знаешь, владыка, что сказано в Писании: «меньший благословляется большим» (Евр.7:7).

Василий же сказал ему:

– При всех других добрых делах своих имей также и послушание.

Когда Анастасий совершал литургию, то во время возношения святых Таин святой Василий и прочие, кто был

достоин, увидели Пресвятого Духа, сошедшего в виде огня и окружившего Анастасия и святой жертвенник. По окончании Божественной службы все вошли в дом Анастасия, и он предложил трапезу святому Василию и клиру его.

Во время трапезы святой спросил пресвитера:

– Откуда ты имеешь сокровище и каково житие твое? Расскажи мне.

Пресвитер отвечал:

– Святитель Божий! Я человек грешный и подлежу общенародным податям; у меня есть две пары волов, из которых с одной я работаю сам, а с другой – мой наемник; то, что получаю при помощи одной пары волов, истрачиваю на успокоение странников, а получаемое при помощи другой пары идет на уплату подати: жена моя также трудится со мною, услуживая странникам и мне.

Василий же сказал ему:

– Зови ее сестрою своею, как это и есть на самом деле, и скажи мне о добродетелях твоих.

Анастасий отвечал:

– Я ничего доброго не сделал на земле.

Тогда Василий сказал:

– Встанем и пойдем вместе, – и, восстав, они пришли к одной из комнат его дома.

– Открой мне двери эти, – сказал Василий.

– Нет, святитель Божий, – сказал Анастасий, – не входи туда, потому что там нет ничего, кроме хозяйственных вещей.

Василий же сказал:

– Но я и пришел ради этих вещей.

Так как пресвитер все-таки не хотел открыть дверей, то святой открыл их своим словом и, вошедши, нашел там одного человека, пораженного сильнейшею проказою[63], у которого уже отпали, изгнивши, многие части тела. О нем не знал никто, кроме самого пресвитера и жены его.

Василий сказал пресвитеру:

– Зачем ты хотел утаить от меня это твое сокровище?

– Это человек сердитый и бранчливый, – отвечал пресвитер, – и потому я боялся показать его, чтобы он не

оскорбил каким-либо словом твою святость.

Тогда Василий сказал:

– Добрый подвиг совершаешь ты, но дай и мне в эту ночь послужить ему, дабы и мне быть соучастником в той награде, какую ты получишь.

И так святой Василий остался с прокаженным наедине и, запершись, всю ночь провел в молитве, а наутро вывел его совершенно невредимым и здоровым. Пресвитер же с женою своею и все бывшие там, увидев такое чудо, прославляли Бога, а святой Василий после дружеской беседы с пресвитером и поучения, данного им присутствовавшим, возвратился в дом свой.

Когда о святом Василии услышал преподобный Ефрем Сирин[64], живший в пустыне, то стал молить Бога о том, чтобы Он показал ему, каков есть Василий. И вот однажды, находясь в состоянии духовного восторга, он увидел огненный столп, которого глава доходила до неба, и услышал голос, говоривший:

– Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий.

Преподобный Ефрем тотчас же, взяв с собою переводчика, – ибо не умел говорить по-гречески, – пошел в Кесарию и прибыл туда в праздник Богоявления Господня. Став вдали и незамеченный никем, он увидел святого Василия, шедшего в церковь с великою торжественностью, одетого в светлую одежду, и клир его, также облаченный в светлые одежды. Обратившись к сопровождавшему его переводчику, Ефрем сказал:

– Кажется, брат, мы напрасно трудились, ибо это человек столь высокого чина, что я не видел такого.

Войдя в церковь, Ефрем стал в углу, не видимый никем, и говорил сам с собою так:

– Мы, «перенесшие тягость дня и зной» (Мф.20:12), ничего не добились, а сей, пользующейся такою славою и честью у людей, есть в то же время столп огненный. Это меня удивляет.

Когда святой Ефрем так рассуждал о нем, от Духа Святого узнал Василий Великий и послал к нему своего архидиакона,

сказав:

– Иди к западным вратам церковным; там найдешь ты в углу церкви инока, стоящего с другим человеком, почти безбородого и малого роста. Скажи ему: пойди и взойди в алтарь, ибо тебя зовет архиепископ.

Архидиакон же, с большим трудом протеснившись через толпу, подошел к тому месту, где стоял преподобный Ефрем и сказал:

– Отче! Пойди, – прошу тебя – и взойди в алтарь: тебя зовет архиепископ.

Ефрем же, через переводчика узнав то, что сказал архидиакон, отвечал сему последнему:

– Ты ошибся, брат! Мы люди пришлые и незнакомы архиепископу.

Архидиакон пошел сказать об этом Василию, который в то время изъяснял народу Священное Писание. И вот преподобный Ефрем увидел, что из уст говорившего Василия исходит огонь.

Потом Василий опять сказал архидиакону:

– Иди и скажи пришлому монаху тому: господин Ефрем! Прошу тебя – взойди во святой алтарь: тебя зовет архиепископ.

Архидиакон пошел и сказал, как ему было приказано. Ефрем же удивился этому и прославил Бога. Сотворив затем земной поклон, он сказал:

– Воистину велик Василий, воистину он есть столп огненный, воистину Дух Святой говорит его устами!

Потом упросил архидиакона, чтобы тот сообщил архиепископу, что по окончании святой службы он хочет в уединенном месте поклониться ему и приветствовать его.

Когда Божественная служба окончилась, святой Василий взошел в сосудохранительницу и, призвав преподобного Ефрема, дал ему целование о Господе и сказал:

– Приветствую тебя, отче, умножившего учеников Христовых в пустыне и силою Христовою изгнавшего из нее бесов! Для чего, отче, ты принял на себя такой труд, явившись увидеть грешного человека? Да воздаст тебе Господь за труд твой!

Ефрем же, отвечая Василию через переводчика, сказал ему все, что было у него на сердце, и причастился со своим спутником Пречистыми Тайнами из святых рук Василия. Когда они после в доме Василия сели за трапезу, преподобный Ефрем сказал святому Василию:

– Отче святейший! Одной милости прошу я у тебя – соблаговоли мне дать ее.

Василий Великий сказал ему:

– Скажи, что тебе нужно: я в большом долгу у тебя за труд твой, ибо ты для меня предпринял столь далекое путешествие.

– Я знаю, отче, – сказал достопочтенный Ефрем, – что Бог дает тебе все, что ты просишь у него; а я хочу, чтобы ты умолил Его благость о том, чтобы Он подал мне способность говорить по-гречески.

Василий отвечал:

– Прошенье твое выше сил моих, но так как ты просишь с твердою надеждою, то пойдем, достопочтенный отец и пустынный наставник, в храм Господень и помолимся ко Господу, Который может исполнить твою молитву, ибо сказано: «Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их» (Пс.144:19).

Избрав удобное время, они начали молиться в церкви и молились долго. Потом Василий Великий сказал:

– Почему, честный отче, ты не принимаешь посвящения в сан пресвитера, будучи достоин его?

– Потому, что я грешен, владыка! – отвечал ему Ефрем через переводчика.

– О если бы и я имел грехи твои! – сказал Василий и прибавил, – сотворим земной поклон.

Когда же они поверглись на землю, святой Василий возложил руку свою на главу преподобного Ефрема и произнес молитву, положенную при посвящении во диакона. Потом он сказал преподобному:

– Повели теперь подняться нам с земли.

Для Ефрема же внезапно стала ясна греческая речь, и он сказал сам по-гречески: «Заступи, спаси, помилуй, сохрани нас, Боже, Своей благодатью»[65].

Все прославили Бога, давшего Ефрему способность понимать и говорить по-гречески. Преподобный же Ефрем пробыл со святым Василием три дня, в духовной радости. Василий поставил его во диакона, а переводчика его в пресвитера и потом с миром отпустил их.

В городе Никее[66] однажды остановился нечестивый царь, и представители арианской ереси обратились к нему с просьбою о том, чтобы он изгнал из соборной церкви того города православных, а церковь отдал их арианскому сборищу. Царь, сам будучи еретиком, так и сделал: силою отнял церковь у православных и отдал ее арианам, а сам отправился в Царьград. Когда все многочисленное общество православных было погружено в великую печаль, в Никею пришел общий предстатель и заступник всех церквей, святой Василий Великий; тогда вся православная паства пришла к нему с воплями и рыданиями, и поведала ему о причиненной им от царя обиде. Святой же, утешив их своими словами, тотчас пошел к царю в Константинополь и, представ пред ним, сказал:

– «И могущество царя любит суд» (Пс.98:4). Зачем же ты, царь, произнес несправедливый приговор, изгнав православных из святой церкви и отдав управление ею неправомыслящим?

Царь же сказал ему:

– Ты снова стал оскорблять меня, Василий! Не подобает тебе так поступать.

Василий ответил:

– За правду мне и умереть хорошо.

Когда они состязались и препирались друг с другом, их слушал находившийся там главный царский повар по имени Демосфен. Он, желая помочь арианам, сказал нечто грубое в укор святому.

Святой же сказал:

– Вот мы видим пред собою и неученого Демосфена[67].

Пристыженный повар снова проговорил что-то в ответ, но святой сказал:

– Твое дело размышлять о кушаньях, а не заниматься варкою догматов церковных.

И Демосфен, будучи посрамлен, замолчал. Царь, то возбуждаясь гневом, то чувствуя стыд, сказал Василию:

– Поди и разбери дело их; впрочем суди так, чтобы не оказаться помощником своих единоверцев.

– Если я рассужу несправедливо, – отвечал святой, – то пошли и меня в заточение, единоверцев же моих изгони, а церковь отдай арианам.

Взяв царский указ, святой возвратился в Никею и, призвав ариан, сказал им:

– Вот царь дал мне власть учинить суд между вами и православными относительно церкви, которую вы захватили силою.

Они же отвечали ему:

– Суди, но по суду царскому[68].

Святой сказал тогда:

– Ступайте и вы, ариане, и вы, православные, и затворите церковь; заперев ее, запечатайте печатями: вы – своими, а вы – своими, и поставьте с той и другой стороны надежную стражу. Потом сначала вы, ариане, помолитесь в течение трех дней и трех ночей, а потом подойдите к церкви. И если, по молитве вашей, двери церковные откроются сами собою, то пусть церковь будет на веки вашею: если же этого не случится, то мы тогда помолимся одну ночь и пойдем с литией[69], при пении священных песнопений, к церкви; если она откроется для нас, то мы будем владеть ею на веки; если же и нам не откроется, то церковь будет опять ваша.

Это предложение арианам понравилось, православные же огорчались на святого, говоря, что он судил не по правде, а по страху пред царем. Затем, когда обе стороны крепко-накрепко заперли святую церковь, к ней, по запечатывании её, была поставлена бдительная стража. Когда ариане, помолившись три дня и три ночи, пришли к церкви, ничего чудесного не случилось: они молились и здесь с утра до шестого часа, стоя и взывая: «Господи, помилуй». Но двери церковные пред ними не открылись, и они ушли со стыдом. Тогда Василий Великий, собрав всех православных с женами и детьми, вышел из города в церковь святого мученика Диомида и, совершив там

всенощное бдение, утром пошел со всеми к запечатанной соборной церкви, воспевая:

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!

Остановившись пред дверями церковными, он сказал народу:

– Поднимите руки свои к небесам и с усердием взывайте: «Господи помилуй!»

Потом святой повелел всем умолкнуть и, подойдя к дверям, осенил их трижды крестным знамением и сказал:

– Благословен Бог христианский всегда, ныне и присно и во веки веков.

Когда народ воскликнул: «Аминь», тотчас сотряслась земля, и начали сокрушаться запоры, выпали затворы, расселись печати, и врата открылись, как бы от сильного ветра и бури, так что двери ударились о стены. Святой же Василий начал воспевать:

– «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!» (Пс.23:7).

Затем он вошел в церковь с множеством православных и, совершив Божественную службу, отпустил народ с радостью. Бесчисленное же множество ариан, увидев то чудо, отстали от своего заблуждения и присоединились к православным. Когда о таком правосудном решении Василия и о том славном чуде узнал царь, то чрезвычайно удивился и стал хулить арианство; однако, будучи ослеплен нечестием, он не обратился в Православие и впоследствии погиб жалким образом. Именно, когда он был поражен и получил рану на войне в стране Фракийской, то убежал и скрылся в сарай, где лежала солома. Преследователи же его окружили сарай и подожгли его, и царь, сгоревши там, пошел в огонь неугасимый[70]. Смерть царя последовала уже по преставлении святого отца нашего Василия, но в тот же год, в который преставился и святой.

Однажды перед святым Василием оклеветан был брат его, епископ Севастийский Петр. Про него сказали, что он будто бы продолжает сожительство с женою своею, которую оставил

пред посвящением в епископы, – епископу же не подобает быть женатым. Услышав о сем, Василий сказал:

– Хорошо, что вы мне об этом сказали; я пойду с вами вместе и обличу его.

Когда же святой подходил к городу Севастии, Петр духом узнал о пришествии брата, ибо и Петр был исполнен Духа Божиего и жил с мнимою женою своею не как с женою, а как с сестрою, целомудренно. Итак, он вышел из города навстречу святому Василию на восемь поприщ[71] и, увидев брата с большим числом спутников, улыбнулся и сказал:

– Брат, как бы на разбойника ты выступил против меня?

Давши друг другу целование о Господе, они вошли в город и, помолившись в церкви святых сорока мучеников, пришли в епископский дом. Василий, увидев невестку свою, сказал:

– Здравствуй, сестра моя, лучше же сказать – невеста Господня; я пришел сюда ради тебя.

Она отвечала:

– Здравствуй и ты, пречестнейший отче; и я давно уже желала облобызать твои честные ноги.

И сказал Василий Петру:

– Прошу тебя, брат, ночуй в эту ночь с женой твоей в церкви.

– Я сделаю все, что ты мне повелишь, – отвечал Петр.

Когда наступила ночь, и Петр почивал в церкви с женой своей, там находился и святой Василий с пятью добродетельными мужами. Около полуночи он разбудил этих мужей и сказал им:

– Что вы видите над братом моим и над невесткою моею?

Они же сказали:

– Видим Ангелов Божиих, обвевающих их и намащающих ароматами их непорочное ложе.

Василий сказал тогда им:

– Молчите же, и никому не рассказывайте того, что видели.

Наутро Василий повелел народу собраться в церковь и принести сюда жаровню с горящими угольями. После этого он сказал:

– Простри, честная невестка моя, свою одежду.

И когда она сделала это, святой сказал держащим жаровню.

– Положите ей в одежду горящих углей.

Они исполнили это повеление. Тогда святой сказал ей:

– Держи эти уголья в своей одежде, до тех пор, пока я тебе скажу.

Потом он снова повелел принести новых горящих углей и сказал брату своему:

– Простри, брат, фелонь твою[72].

Когда тот исполнил это повеление, Василий сказал слугам:

– Высыпьте уголья из жаровни в фелонь, – и те высыпали.

Когда Петр и жена его долгое время держали горящие уголья в одеждах своих и не терпели от этого никакого вреда, народ, видевший это, дивился и говорил:

– Господь хранит преподобных Своих и дарует им блага еще на земле.

Когда же Петр с женою своею бросили уголья на землю, от них не чувствовалось никакого дымного запаху, и одежды их остались необожженными. Затем Василий повелел вышеупомянутым пяти добродетельным мужам, чтобы они всем рассказали о том, что видели, и те поведали народу, как они видели в церкви Ангелов Божиих, витавших над одром блаженного Петра и супруги его, и намащавших ароматами непорочное их ложе. После этого все прославили Бога, очищающего угодников Своих от лживой клеветы человеческой.

В дни преподобного отца нашего Василия в Кесарии была одна вдова знатного происхождения, чрезвычайно богатая; живя сластолюбиво, угождая плоти своей, она совершенно поработила себя греху и много лет пребывала в блудной нечистоте. Бог же, Который хочет, чтобы все покаялись (2Пет.3:8), коснулся Своею благодатью и её сердца, и женщина стала раскаиваться в своей греховной жизни. Оставшись однажды наедине сама с собою, она размышляла о безмерном множестве своих грехов и стала так оплакивать свое положение:

– Горе мне, грешной и блудной! Как стану я отвечать праведному Судье за сделанные мною грехи? Я растлила храм

тела моего, осквернила свою душу. Горе мне, самой тягчайшей из грешниц! С кем я могу сравнить себя по своим грехам? С блудницей ли, или с мытарем? Но никто не согрешил так, как я. И – что особенно страшно – я совершила столько зла уже по принятии крещения. И кто возвестит мне, примет ли Бог мое покаяние?

Так рыдая, она припомнила все, что сделала с юности до старости, и, севши, написала это на хартии. После же всего записала один грех самый тяжкий и запечатала эту хартию свинцовою печатью. Затем, выбрав время, когда святой Василий пошел в церковь, она устремилась к нему и, бросившись к его ногам с хартией, восклицала:

– Помилуй меня, святитель Божий, – я согрешила больше всех!

Святой, остановившись, спросил ее, чего она от него хочет; она же, подавая ему в руки запечатанную хартию, сказала:

– Вот, владыка, все грехи и беззакония мои я написала на этой хартии и запечатала ее; ты же, угодник Божий, не читай ее и не снимай печати, но только очисти их своею молитвою, ибо я верю, что Тот, Кто подал мне эту мысль, услышит тебя, когда ты будешь молиться обо мне.

Василий же, взяв хартию, поднял очи на небо и сказал:

– Господи! Тебе Единому возможно сие. Ибо если Ты взял на Себя грехи всего мира, то тем более Ты можешь очистить прегрешения сей единой души, так как все грехи наши, хотя сосчитаны у Тебя, но милосердие Твое безмерно и неизследимо!

Сказав это, святой Василий вошел в церковь, держа в руках хартию, и, повергшись пред жертвенником, всю ночь провел в молитве о той женщине.

Наутро, совершив Божественную службу, святитель призвал женщину и отдал ей запечатанную хартию в том виде, в каком получил ее, и при этом сказал ей:

– Ты слышала, женщина, что «кто может прощать грехи, кроме одного Бога» (Мк.2:7)?

Она же сказала:

– Слышала, честный отче, и поэтому-то я обеспокоила тебя просьбою умолить Его благость.

Сказав это, женщина развязала хартию свою и увидела, что грехи её были здесь изглажены; не изглажен был только тот тяжкий грех, который был записан ею после. При виде этого, женщина ужаснулась и, ударяя себя в грудь, упала к ногам святого, взывая:

– Помилуй меня, раб Бога Вышнего, и как ты смилостивился над всеми беззакониями моими и умолил за них Бога, так умоли и о сем, чтобы оно было вполне очищено.

Архиепископ же, прослезившись от жалости к ней, сказал:

– Встань, женщина: я и сам человек грешный, и нуждаюсь в помиловании и прощении; Тот же, Кто очистил прочие твои грехи, может очистить и еще не изглаженный твой грех; если же ты на будущее время будешь беречь себя от греха и начнешь ходить путем Господним, то будешь не только прощена, но и сподобишься небесного прославления. Вот что я тебе советую: ступай в пустыню, там найдешь ты мужа святого по имени Ефрем; отдай ему эту хартию и проси его, чтобы он испросил тебе помилование у Человеколюбца Бога.

Женщина, по слову святого, пошла в пустыню и, пройдя большое расстояние, нашла келью блаженного Ефрема. Постучавшись в дверь, она сказала:

– Помилуй меня, грешную, преподобный отче!

Святой Ефрем, узнав духом своим о цели, с какою она пришла к нему, отвечал ей:

– Отойди от меня, женщина, ибо я – человек грешный и сам нуждаюсь в помощи других людей.

Она бросила тогда пред ним хартию и сказала:

– Меня послал к тебе архиепископ Василий, чтобы ты, помолившись Богу, очистил грех мой, который написан в этой хартии; остальные грехи очистил он, а ты об одном грехе не откажи помолиться, ибо я к тебе послана.

Преподобный же Ефрем сказал:

– Нет, чадо, тот, кто мог умолить Бога о многих твоих грехах, тем более может умолить об одном. Итак, ступай, ступай

немедля, чтобы застать его в живых прежде, чем он отойдет ко Господу.

Тогда женщина, поклонившись преподобному, возвратилась в Кесарию.

Но пришла она сюда как раз к погребению святого Василия, ибо он уже преставился, и святое тело его несли к месту погребения. Встретив погребальное шествие, женщина громко зарыдала, бросилась на землю и говорила святому, как бы живому:

– Горе мне, святитель Божий! Горе мне, несчастной! Для того ли ты отослал меня в пустыню, чтобы, не тревожимый мною, ты мог выйти из тела? И вот я воротилась с пустыми руками, напрасно совершив трудное путешествие в пустыню. Пусть увидит это Бог и пусть рассудит Он между мною и тобою в том, что ты, имея возможность сам подать мне помощь, отослал меня к другому.

Так вопия, она бросила хартию поверх одра святого, рассказывая всем людям о своем горе. Один же из клириков, желая посмотреть, что было написано в хартии, взял ее и, развязав, не нашел на ней никаких слов: вся хартия стала чиста.

– Здесь ничего не написано, – сказал он женщине, – и напрасно ты печалишься, не зная проявившегося на тебе неизреченного человеколюбия Божиего.

Весь же народ, увидев это чудо, прославил Бога, давшего такую власть рабам Своим и по их преставлении.

В Кесарии жил один еврей, по имени Иосиф. Он был так искусен в науке врачевания, что определял по наблюдению над движением крови в жилах день наступления смерти больного за три или за пять дней, и указывал даже на самый час кончины. Богоносный же отец наш Василий, предвидя будущее его обращение ко Христу, очень любил его и, часто приглашая его к беседе с собой, уговаривал его оставить еврейскую веру и принять святое крещение. Но Иосиф отказывался, говоря:

– В какой вере родился я, в той хочу и умереть.

Святой же сказал ему:

– Поверь мне, что ни я, ни ты не умрем, пока ты «не родишься от воды и Духа» (Иоан.3:5): ибо без такой благодати нельзя войти в Царство Божие. Разве отцы твои не крестились «в облаках и в море» (1Кор.10:1)? Разве не пили они из камня, который был прообразом духовного камня – Христа, родившегося от Девы ради нашего спасения. Сего Христа твои отцы распяли, но Он, будучи погребен, на третий день воскрес и, взойдя на небеса, сел одесную Отца и оттуда придет судить живых и мертвых.

Много и другого, полезного для души, говорил ему святой, но еврей все пребывал в своем неверии. Когда же наступило время преставления святого, он заболел и призвал к себе еврея, как бы нуждаясь в его врачебной помощи, и он спросил его:

– Что скажешь ты обо мне, Иосиф?

Тот же, осмотрев святого, сказал домашним его:

– Приготовьте все к погребению, ибо с минуты на минуту нужно ожидать его смерти.

Но Василий сказал:

– Ты не знаешь, что говоришь!

Еврей отвечал:

– Поверь мне, владыка, что смерть твоя наступит еще до захода солнца.

Тогда Василий сказал ему:

– А если я останусь жив до утра, до шестого часа, что ты тогда сделаешь?

Иосиф ответил:

– Пусть я умру тогда!

– Да, – сказал на это святой, – умри, но умри греху, чтобы жить для Бога!

– Знаю, о чем ты говоришь, владыка! – отвечал еврей, – и вот я клянусь тебе, что если ты проживешь до утра, я исполню твое желание.

Тогда святой Василий стал молиться Богу о том, чтобы Он продолжил жизнь его до утра для спасения души еврея, – и получил просимое. Наутро он послал за ним; но тот не поверил слуге, сказавшему ему, что Василий жив, однако пошел, чтобы

увидеть его, как он думал уже умершим. Когда же он увидел его действительно живым, то пришел как бы в исступление, а потом, упав в ноги святому, сказал в порыве сердечном:

– Велик Бог христианский, и нет другого Бога, кроме Него! Я отрекаюсь от богопротивного жидовства и обращаюсь в истинную, христианскую веру. Повели же, святой отец, немедленно преподать мне святое крещение, а также и всему дому моему.

Святой Василий сказал ему:

– Я крещу тебя сам своими руками!

Еврей, подойдя к нему, дотронулся до правой руки святого и сказал:

– Силы твои, владыка, ослабели, и все естество твое вконец изнемогло; ты не сможешь окрестить меня сам.

– Мы имеем Создателя, укрепляющего нас, – отвечал Василий.

И, восстав, вошел в церковь и пред лицом всего народа окрестил еврея и всю семью его; он нарек ему имя Иоанн и причастил его Божественных Таин, сам совершив в тот день литургию. Преподав наставление новокрещенному о вечной жизни и обратившись со словом назидания ко всем своим словесным овцам, святитель оставался в церкви до девятого часа. Потом, дав всем последнее целование и прощение, он стал благодарить Бога за все Его неизреченные благодеяния и, когда еще слово благодарения было на устах его, предал душу свою в руки Божии и как архиерей присоединился к почившим архиереям, а как великий словесный гром[73] – к проповедникам в первый день января 379 года, в правление Грациана[74], воцарившегося после отца своего, Валентиниана.

Святой Василий Великий пас церковь Божию восемь лет шесть месяцев и шестнадцать дней, а всех лет жития его было сорок девять.

Новокрещенный же еврей, увидев святого умершим, пал на лицо его и со слезами сказал:

– Воистину, раб Божий Василий, ты и теперь не умер бы, если бы не захотел сам.

Погребение святого Василия представляло знаменательное событие и показывало, каким высоким уважением пользовался он. Не только христиане, но и иудеи, и язычники толпами стремились на улицу в великом множестве и настойчиво теснились ко гробу почившего святителя. На погребение Василия прибыл и святой Григорий Назианзин и плакал много по святом. Собравшиеся сюда архиереи воспели надгробные песнопения и погребли честные мощи великого угодника Божия Василия в церкви святого мученика Евпсихия[75], восхваляя Бога, Единого в Троице, Ему же слава вовеки. Аминь[76].

Тропарь, глас 1:

Во всю землю изыде вещание твое, яко приемшую слово твое, имже боголепно научил еси, естество сущих уяснил еси, человеческия обычаи украсил еси, царское священие, отче преподобне: моли Христа Бога спастися душам нашим[77].

Кондак, глас 4:

Явился еси основание непоколебимое церкве, подая всем некрадомое господство человеком, запечатлея твоими веленьми, небоявленне Василие преподобне.

Память святого мученика Василия Анкирского

Память 1 января

Святой мученик Василий принадлежал к знатным гражданам Анкиры[78]. В царствование императора Юлиана Отступника[79] за исповедание и проповедь христианской веры он был схвачен и приведен к игемону Сатурнину. На вопрос игемона, верует ли он во Христа, Василий громким голосом воскликнул:

– Нет иного Бога, кроме Него.

Так святой без малейшего страха засвидетельствовал о своей вере во Христа, за что и был подвергнут жестокой пытке: он был повешен на дереве, и тело его немилосердно строгали железными орудиями.

Затем дерзновенный исповедник Христов отослан был в Константинополь и там снова подвергся тому же тяжкому испытанию. После того мучители стали вытягивать тело страстотерпца с такой силой, что его кости вышли из своих суставов; при этом с воина Христова срезали кожу в виде ремней и кололи тело его раскаленными железными спицами.

Святой Василий мужественно претерпел все эти мучения, будучи подкрепляем Божественною силой. Наконец мучители ввергли его в раскаленную печь. Сохраненный силою Божией невредимым от огня, Василий в узах отведен был из Константинополя в Кесарию[80] и здесь осужден на растерзание зверям. С горячею молитвою ожидал святой Василий мученического венца и стяжал его, после того как был растерзан львицей[81].

Некоторые из сродников и друзей святого страстотерпца тщательно собрали священные его останки, умастили их благовониями и, обвив пеленами, предали честному погребению. Впоследствии при гробнице святого мученика Василия сооружен был храм.

Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского

Память 2 января

Преподобный Серафим, старец Саровский, родом был из Курска и происходил от благочестивых и состоятельных родителей по фамилии Мошниных, принадлежавших к именитому купеческому сословию города; он родился 19-го июля 1759 года и в святом крещении наречен был Прохором. Отец его, Исидор, имел великое усердие к храмам Божиим, а мать его, Агафья, еще более мужа своего, почитаема была за свое благочестие и благотворительность. На третьем году от рождения, Прохор лишился своего отца, и единственною воспитательницею его осталась благочестивая мать его Агафья, под руководством которой он возрос в благочестии христианском и в любви к молитве и храму Божию. С раннего детства над блаженным проявлялся дивный покров Божий, явно предсказывая в нем благодатного избранника Божиего. Однажды мать его, осматривая постройку церкви, начатую еще её мужем, взяла семилетнего Прохора вместе с собою на самый верх строившейся колокольни. По неосторожности отрок упал с колокольни на землю. Агафья в ужасе сбежала с колокольни, думая, что сын её разбился до смерти, но с удивлением и радостью увидела его стоящим на ногах целым и невредимым. Так над благодатным отроком исполнились слова Писания: «**не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею»** (Пс. 90:10–12).

На десятом году Прохора начали обучать грамоте, и отрок быстро стал постигать церковную грамоту, обнаруживая светлый ум и память и в то же время украшая себя кротостью и смирением. Но вдруг он впал в тяжкий недуг, так что домашние не надеялись на его выздоровление. В это тяжелое для него время Прохор видит в сонном видении Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. В скором

же времени слова Богоматери сбылись. В это время случился в Курске крестный ход во главе с чудотворной иконой Знамения Пресвятой Богородицы [33*]. По причине дождя и грязи крестный ход для сокращения пути направился через двор Мошниной. Благочестивая Агафья поспешила вынести больного сына, приложила его к чудотворной иконе Богоматери, после чего отрок совершенно выздоровел.

С любовью прилежал благочестивый отрок к книжному учению, изучая Священное Писание и другие Божественные и душеполезные книги, весь ум свой вперив к Богу, любовью к Которому пламенела его чистая душа. Между тем старший его брат, занимавшийся торговлей, понемногу стал приучать к ней Прохора, но сердце отрока не лежало к этому делу: душа его стремилась стяжать себе духовное сокровище, нетленное и неоскудеваемое. Не имея возможности посещать в будничные дни Божественную литургию, Прохор, несмотря на то, не пропускал почти ни одного дня без посещения храма Божиего и с рассвета поднимался, чтобы прослушать утреню; в воскресные же и праздничные дни он особенно любил заниматься на свободе чтением духовно-назидательных книг, причем иногда читал вслух и своим сверстникам, но более предпочитал уединение и безмолвие. От матери Прохора не утаилось направление её сына, но она не противоречила его желанию. И вот когда благочестивому юноше исполнилось семнадцать лет, он твердо решил оставить мир и, с благословения матери, напутствовавшей его медным крестом, с которым с тех пор никогда не расставался, посвятил себя иноческой жизни.

Оставив мир, блаженный отправился сначала на богомолье в Киево-Печерскую лавру, где один прозорливый затворник по имени Досифей, провидя в юноше доброго подвижника Христова, благословил его идти спасаться в Саровскую пустынь [34*].

– Гряди, чадо Божие, – говорил прозорливый старец юному подвижнику, – и пребудь в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение; с помощью Божией, там окончишь ты и свое

земное странствование. Святой Дух Сокровище благих управит жизнь твою в святыне.

Повинуясь завету прозорливого старца, Прохор пришел в Саровскую пустынь, где с любовью был принят настоятелем пустыни, старцем Пахомием, иноком кротким и смиренномудрым, много подвизавшимся в посте и молитве и бывшим – образцом иноков. Провидя благое произволение Прохора, Пахомий определил его в число послушников и отдал в научение старцу, иеромонаху Иосифу, бывшему казначеем обители. Находясь в келейном послушании у старца, Прохор с ревностью исполнял все монастырские правила и уставы и различные братские послушания: в хлебне, в просфорне, в столярне; кроме того, он исполнял в храме обязанности пономаря. Никогда не бывал он праздным, но постоянною работою старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений.

– Болезнь сия врачуется, – говорил он впоследствии по собственному опыту, – молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божиего и терпением, потому что и рождается она от малодушия, беспечности и празднословия.

На церковные службы Прохор являлся прежде всех, выстаивая неподвижно все богослужение, как бы оно ни было продолжительно. Вне церкви любил он уединяться в своей кельи. Занимаясь рукоделием или каким-либо иным послушанием, он беспрестанно имел в памяти и сердце молитву Иисусову, силою её препобеждая различные вражеские искушения. Не довольствуясь тишиною и безмолвием Саровской обители, юный подвижник, соревнуя некоторым старцам, которые с благословения настоятеля удалились на полное уединение из монастырской ограды в глубь монастырского леса [35*], – по благословению своего старца Иосифа также удалялся в свободные часы в лесную чащу для молитвенного безмолвия. С молитвою он соединял воздержание и пост, в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни принимал ее только один раз. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику, постоянные

и разительные подвиги которого трудно было укрыть, несмотря на глубокое его смирение. Особенно любовь и доверие являли к нему, как бы к своему родному чаду, старцы Пахомий и Иосиф. Эта любовь и всеобщее уважение Саровских иноков к юному подвижнику Христову особенно ясно выразились по следующему случаю.

В 1780 году Прохор тяжко заболел. Все тело его распухло, и он, претерпевая жестокие страдания, неподвижно лежал на своем жестком ложе. Врача не было, и болезнь не поддавалась никаким средствам; по-видимому, это была водянка. Недуг длился в течение трёх лет, половину коих страдалец провел в постели. Но слово ропота никогда не сходило с уст Прохора; всего себя, и тело и душу, он предал Господу и непрестанно молился, слезами своими омывая ложе свое [36*]. Духовный отец и наставник Прохора, старец Иосиф, служил ему, во время болезни, как простой послушник; настоятель обители, старец Пахомий, неотлучно находился при нем; старец Исаия и другие старцы и братия также много пеклись о нем. Наконец, опасаясь за самую жизнь страдальца, Пахомий с решительностью предлагал ему позвать врача. Но блаженный с еще большею решительностью отказался от врачебной помощи.

– Я предал себя, отче святой, – сказал он старцу, – истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой его Матери; если же любовь ваша рассудит снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством (т.е. причастием Св. Тайн).

Тогда старец Иосиф по просьбе больного и по своему собственному усердию отслужил о здравии Прохора всенощное бдение и литургию; на богослужение собрались братия из усердий помолиться о страждущем. После литургии Прохор был исповедан и причастился на болезненном одре своем святых Христовых Тайн.

И вот по причащении ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева Мария, сопровождаемая апостолами Иоанном Богословом и Петром. Обратившись Божественным ликом Своим к Богослову, Она сказала, указывая перстом на Прохора:

– Сей – нашего рода! [37*]

Потом Она возложила правую руку на его голову, – и тотчас же материя, наполнявшая тело больного, начала вытекать через образовавшееся в правом боку отверстие. В скором времени Прохор совсем исцелел и лишь признаки раны, бывшей истоком болезни, всегда оставались на его теле, как бы в свидетельство его дивного исцеления. На месте явления Богоматери вскоре затем, особым примышлением Божиим, была сооружена двухэтажная церковь с двумя престолами и при ней больница, на месте сломанной кельи Прохора. Последний, по поручению настоятеля, собирал пожертвования на это построение и собственными руками соорудил в нижней больничной церкви престол из кипарисового дерева. Когда престол этот был освящён, преподобный Серафим до конца своей жизни причащался св. Тайн преимущественно в этом храме – для непрестанного памятования о явленном ему на сем месте великом благодеянии Божием [38*].

Пробыв в Саровской пустыни восемь лет в звании послушника, Прохор 18-го августа 1786 года, 27-ти лет от роду, удостоился пострижения в иноческий образ, причем ему дано было новое имя – Серафим. С принятием иноческого сана самое значение нового имени [39*], напоминая Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу Ангелов, возвышало в нем еще сильнейшее желание и святую ревность служить Господу. Серафим усугубил свои труды и подвиги и стал держать себя еще уединеннее, погружаясь во внутреннее Богомысленное созерцание.

С небольшим через год после того преподобный был посвящен в сан иеродиакона [40*]. С того времени он около шести лет почти беспрерывно служил в этом сане и к трудам прилагал труды, к подвигам еще новые, горя духом и пламенея Божественною любовью. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил он в бодрствовании и усердной молитве, без отдыха, стоя на молитвенном правиле до самой литургии; по окончании же Божественной службы, оставался еще долгое время в храме, приводя в порядок священную утварь и заботясь о чистоте алтаря Господня. И при всем том блаженный Серафим почти не чувствовал трудов, не утомлялся, не

нуждался после них в продолжительном отдыхе, часто совсем забывая о пище и питье, и, отходя для отдыха, жалел, зачем человек не может подобно Ангелам беспрерывно служить Богу.

Все выше и выше восходила душа Серафима по лестнице добродетелей и Богомысленных созерцаний, – и, как бы в ответ на его пламенную святую ревность, Господь утешал и укреплял его в подвигах благодатными небесными видениями, созерцать кои он сделался способным вследствие чистоты сердца, непрестанного воздержания и постоянного возвышения души к Богу. Так, иногда при церковных служениях он созерцал святых Ангелов, сослужащих и воспевающих с братией, в образе молниеносных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; пения их нельзя было ни выразить словом, ни уподобить никакой земной мелодии. «**Сердце мое сделалось, как воск, растаяло**» (Пс. 21:15), – говорил он впоследствии словами Псалмопевца, вспоминая ту неизреченную радость, которую испытывал при этих небесных явлениях. И не помнил он тогда от той радости ничего; помнил только, как входил в церковь, да выходил из неё.

Но особенно благодатного, знаменательного видения сподобился преподобный однажды, во время Божественной литургии на страстной седмице. Это было в Великий четверг. Литургию совершали благоговейные старцы Пахомий и Иосиф вместе с блаженным Серафимом, – ибо Пахомий глубоко привязался к юному, но благоискусному иноку и Божественную службу почти всегда совершал с ним. Когда Серафим после малого входа и паремий возгласил: «Господи, спаси благочестивыя», и, вышедши в царские врата, со словами: «и во веки веков», навел на предстоящих орарем, его внезапно озарил сверху необыкновенный свет, как бы от лучей солнечных. Подняв взоры на сияние, блаженный Серафим узрел Господа нашего Иисуса Христа в образе Сына Человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел Небесными Силами; Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами. От западных церковных врат шел Он по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши руки Свои, благословил служащих и молящихся.

Затем Он вступил в местный образ близ царских врат [41*]. Сердце блаженного преисполнилось неизреченною радостью в сладости пламенной любви к Господу и озарилось Божественным светом небесной благодати. И сам он от сего таинственного видения мгновенно изменился видом, – и не мог ни сойти с места, ни проговорить ни слова. Многие заметили это, но никто не понимал настоящей причины происходящего. Тотчас же два иеродиакона подошли к Серафиму и ввели его в алтарь; но и после того он около двух часов стоял неподвижно на одном месте, – только лицо его поминутно менялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался в нем живой румянец. Служившим литургию старцам Пахомию и Иосифу казалось, не почувствовал ли Серафим неожиданную слабость сил, которая столь естественно могла случиться с ним в Великий четверг после продолжительного поста, особенно при том уважении, какое питал к нему издавна блаженный Серафим; но потом поняли, что ему было видение. Когда Серафим пришел в себя, старцы спросили его, что такое случилось с ним. Серафим кротко, с детскою доверчивостью поведал им о своем видении. Опытные в духовной жизни старцы сложили в сердце рассказ его; блаженному же Серафиму внушили, чтобы он не возгордился и не дал бы в душе места пагубной мысли о каком-либо своем достоинстве пред Богом. Но никто, кроме упомянутых старцев не узнал тогда, какого дивного посещения Божиего сподобился блаженный Серафим.

И святой, после этого благодатного небесного видения, не возмечтал о себе и о своих духовных дарованиях, но еще более утвердился в смиренномудрии. Ограждаемый глубоким смирением, он восходил от силы в силу и, непрестанно подвизаясь в духовном самоуничижении, верно и неуклонно шел царским путем Креста Господнего. С сего времени Серафим стал еще более искать безмолвия и чаще прежнего удалялся для молитвы в Саровский лес, где для него была устроена пустынная келья. Проводя дни с утра до вечера в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, вечером он удалялся в пустынную келью для

ночной молитвы, а рано утром опять возвращался в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793-м году Серафим на тридцать пятом году от рождения был рукоположен в сан иеромонаха [42*]. И в этом сане, он, как и прежде, но с еще большею любовью продолжал в течение долгого времени непрерывное священно служение, причащаясь ежедневно с верою и благоговением св. Христовых Тайн.

Вскоре после этого преподобный Серафим подъял на себя еще высший подвиг и добровольно удалился в пустыню. Это было по кончине любимого начальника и наставника его, блаженного старца Пахомия, который и благословил его пред своею кончиною на сей подвиг. С горьким плачем проводив тело своего наставника в землю, Серафим, приняв на то благословение нового настоятеля, старца Исайи, своего отца духовного, оставил обитель для безмолвных подвигов в пустыне [43*].

Келья преподобного Серафима находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на высоком холме, верст за 5–6 от монастыря, и состояла из одной деревянной комнатки с печкой. Подле кельи преподобный устроил небольшой огород, а потом и пчельник, которые обнес забором. Невдалеке от Серафима жили в уединении другие отшельники Саровские, и вся окрестная местность, состоявшая из разных возвышенностей, усеянная лесом, кустарником и кельями пустынножителей, как бы напоминала собою святую гору Афонскую. Поэтому преподобный наименовал пустынный холм свой горою Афонскою, дав и другим самым уединенным местам в лесу имена разных святых мест: Иерусалима, Вифлеема, Иордана, потока Кедрского, Голгофы, горы Елеонской, Фавора, – как бы для живейшего представления священных событий земной жизни Спасителя, Которому он окончательно предал свою волю и всю жизнь. Непрестанно упражняясь в чтении святого Евангелия, он особенно любил читать в этих местах о соответствующих их именам евангельских событиях. В Вифлеемском своем вертограде воспевал он евангельское славословие: «**слава в вышних Богу, и на земле мир, в**

человеках благоволение!» [44*]. На берегу Саровки, как бы на берегах Иордана, вспоминал он о проповеди святого Иоанна Крестителя и крещении Спасителя. Нагорную беседу Господа о девяти заповедях блаженства он слушал на одной горе, лежавшей у Саровки, а на другой возвышенности, названной горою Преображения, созерцал в мысленном соприсутствии с Апостолами славу Преобразившегося Господа. Забравшись в густоту дремучего леса, он вспоминал по Евангелию моление Господа о чаше [45*] и тронутый до глубины души внутренними его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. На так названной им горе Елеонской он созерцал славу Вознесения Христа на небо и Его сидение одесную Бога.

Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, даже убогую: на голове поношенную камилавку, на плечах полукафтанье как бы в виде балахона из белого полотна, на руках кожаные рукавицы, на ногах кожаные чулки и лапти; на балахоне его висел неизменно тот самый крест, которым благословила его некогда мать, отпуская из дома в святую обитель, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно носил при себе св. Евангелие, которое всегда напоминало ему о спасительном ношении благого ига и легкого бремени Христова. Все время проходило для ревностного подвижника Христова в непрестанных молитвах и псалмопениях, чтении священных книг и телесных трудах.

В холодную пору преподобный собирал сучья и хворост и рубил своим топориком дрова для отопления своей убогой кельи. Летом он работал на своем маленьком огороде, который он сам возделывал и удобрял и овощами которого он преимущественно питался. Для удобрения земли он ходил в жаркие летние дни на болотистые места за мохом, – и так как он входил туда, обнажившись и лишь препоясав чресла свои, то комары и другие насекомые, кишевшие над болотом, жестоко уязвляли тело его, так что оно часто не только опухало, но даже синело и запекалось кровью. Но подвижник Божий добровольно терпел эти мучительные язвы, Господа ради, и даже радовался им потому что, как говорил он впоследствии, «страсти истребляются страданием и скорбью или произвольною, или

посылаемою Промыслом», и потому для совершеннейшего и надежнейшего очищения души принимал на себя произвольные страдания. Собрав таким образом мох, угодник Божий удобрял гряды, сажал семена, поливал их, полол и собирал овощи, непрестанно славословя Бога и изливая тихую, святую радость свою в пении священных песнопений, которыми освежал и назидал дух свой среди однообразия телесных занятий. Обладая светлою памятью, с детства благоговейно внимательный к церковным службам, Серафим знал наизусть множество церковных песнопений, кои и любил воспевать среди трудов в своей безмолвной, уединенной пустыни, причем некоторые, наиболее близкие к преподобному, люди замечали, что многие из этих песнопений имели наибольшее приложение к местности и к его уединенному иноческому доброделанию. Так святой Серафим особенно любил часто воспевать: «**Всемирную славу**" [46*] – в честь Богородицы, Которую считал покровительницей своей пустыни, – **«Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, кроме мира суетного сущим»** [47*] – антифон, изображающий пустынную жизнь и воскрыляющий душу пустынника к предметам Божественным, а также песнопения, возносящие душу человека к великому делу любви Божией, к творению мира и человека, как-то: «**Есть в несущих вся правда, словом созидаемая, духом совершаемая**" [48*], **«Снизойди на нечистую землю повелением своим**" [49*] и т. д.

И вот среди этой трудовой молитвы, занимаясь где-либо работой в огороде, на пасеке или в лесу, преподобный погружался в столь глубокое созерцание духовных тайн, что незаметно для себя прерывал работу, орудия падали из рук его, руки опускались, глаза придавали лицу особенный, благодатный характер самоуглубления. Старец всею душою погружался в самого себя, умом восходил на небо и витал в Богосозерцании. И если кому-нибудь в такие минуты случалось быть подле или проходить мимо, то никто не смел нарушить благодатной тишины и покоя преподобного, и каждый тихо скрывался от него. В каждом предмете, в каждом делании Серафим видел сокровенное отношение их к духовной жизни и отсюда поучался

и возводил умные очи свои горе. Так, при рубке дров сделав один или три обрубка, он углублялся в созерцание великого таинства Единого Бога, в Троице славимого.

Сверх телесных трудов преподобный Серафим, дабы простираться все выше и выше в духовном совершенствовании, предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг, особенно – Священного Писания, а также святоотеческих [50*] и богослужебных. Самою первою книгою для него было св. Евангелие, с которым он никогда не расставался, нося его с собою. Подвижническая жизнь, чистота сердца, молитвенные собеседования с Богом, духовная самоуглубленность и огромная начитанность в Священном Писании и душеполезных книгах – озарили ум его таким светом, что он ясно понимал и всею душою проникал смысл слова Божиего. Он поставил себе в пустыне постоянным правилом ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по нескольку зачал из Евангелия и Апостола. «Душу снабдевать, – говорил он впоследствии, – надобно словом Божиим: ибо слово Божие есть хлеб Ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От чтения Св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроять и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтением слова Божиего в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит дара разумения». И святой старец от непрестанных упражнений в чтении Слова Божиего стяжал себе этот благодатный дар разумения, а вместе с тем – мир душевный и высший дар сердечного умиления. В Священном Писании он искал уже не одной истины, но и теплоты духа, и нередко, за священным чтением из его глаз текли слезы умиления, от которых человек, по собственному признанию старца, согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Ежедневно преподобный совершал по Следованной Псалтири иноческое молитвенное правило, по чину древнейших христианских пустынножителей; в свое время пел и читал 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы, вечерню, малое повечерие, молитвы на сон грядущим, причем часто также, вместо вечернего правила, полагал по тысяче поклонов за один раз, полуночницу и другие службы церковные. Изведав все образы и степени молитвы, он восходил не только до подвига так называемой умной молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, когда ум и сердце бывают соединены в молитве, помыслы не рассеяны и сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

Так спасаясь в пустыне в течение недели, святой Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в Саровскую обитель, слушал вечерню, всенощное бдение или утреню и за ранней литургией причащался св. Таин, после чего до вечерни принимал приходивших к нему по своим нуждам братий, и потом, взяв с собою хлеба на неделю, возвращался в свою пустынную келью. Всю первую неделю Великого поста он проводил в монастыре и в эти дни говел, исповедовался и причащался св. Тайн.

С молитвенными подвигами блаженный старец соединял подвиги великого воздержания и поста. В начале своей пустынной, отшельнической жизни он питался черствым и сухим хлебом, который брал с собою из обители по воскресеньям, на целую неделю, но и из этого количества хлеба он уделял добрую долю пустынным животным и птицам, которые очень любили его и часто посещали место его молитвенных подвигов. Даже диким зверям старец внушал благоговение. Так, к нему часто приходил громадный медведь, которого он кормил; по его слову, медведь уходил в лес и потом приходил снова, и старец кормил его и давал иногда кормить его своим посетителям. Впоследствии, преподобный Серафим еще более усугубил свой пост, отказавшись даже от хлеба, и приучил тело к такому воздержанию, что питался, по слову Апостола, «**работая своими руками»** (1Кор. 4:12), – одними овощами своего

огорода. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения св. Тайн в субботу. Совсем перестав брать хлеб из обители, он в течение более двух с половиною лет жил без всякого содержания от неё, и братия недоумевала, чем мог питаться старец все это время, не только летом, но и зимою; только незадолго до смерти старец поведал некоторым близким ему лицам, что он около трех лет питался лишь отваром из травы снити [51*], которую летом собирал и сушил на зиму.

Между тем многие стали нарушать безмолвие блаженного пустынника, часто посещая его ради духовного наставления и утешения. Многие из Саровской братии приходили к нему за советами и наставлениями или для того, чтобы только повидать его. Умея узнавать и различать людей, старец от некоторых уклонялся, сохраняя молчание. Но тех, кто имел до него действительную духовную нужду, он охотно принимал и с любовью руководил их своими советами, наставлениями и духовными беседами. Таковыми были, например, его постоянные посетители схимонах Марк и иеродиакон Александр [52*]: но и они, находя иногда старца совершенно погруженным в Богомыслие, не осмеливаясь нарушить его покой, или дожидались конца его молитвенных подвигов или, прождав некоторое время, тихо удалялись от старца. Бывали у преподобного и посторонние посетители. Если же, вне своей пустынной кельи, старец неожиданно встречал кого-либо в лесу, то обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и уходил прочь, ибо от молчания, как говорил он впоследствии в своих наставлениях, никто никогда не раскаивался. Но вообще Серафим тяготился посетителями, нарушавшими его безмолвие. Особенно было для него тяжело, когда приходили к нему женщины; но уклоняться от наставлений им он не мог, считая это делом неугодным Богу. Тогда святой старец на том случайном основании, что женскому полу возбранен вход на св. гору Афонскую, решился распространить это запрещение и на свой холм, названный им тем же именем. Придя однажды в монастырь во время совершения Божественной литургии, Серафим просил на то благословения у

строителя Саровского, старца Исайи, который, после некоторого недоумения [53*], благословил его на то иконой Богоматери, именуемой «Блаженное Чрево» [54*]. Вместе с тем старец Серафим обратился с горячею мольбою к Богу и Пресвятой Богородице, дабы желание его исполнилось, и женщинам был бы возбранен вход на его пустынный холм, так чтобы это не было камнем преткновения и соблазна, как некоторым из братий, так еще более и мирянам; в удостоверение изволения Божия на сие прошение, он просил знамения в виде преклонения ветвей дерева, мимо которого он проходил, возвращаясь с праздника Рождества Христова из Сарова в свою пустынную келью. И вот, когда он на 26-е декабря ночью, пошел в Саров к Божественной литургии, то, дошедши до места, где грунт земли круто спускается вниз увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и преградили проход к его кельи, тогда как с вечера ничего подобного не было. Тогда святой старец в чувстве живейшей благодарности Богу пал на колени, уразумев из происшедшего, что желание его угодно Господу. И сам он поспешил завалить колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще посторонним лицам с этих пор вход к нему был совершенно закрыт.

При виде таких подвигов великого старца исконный враг рода человеческого вооружился против него всевозможными искушеньями и кознями. Так, он наводил на подвижника различные страхования, то испуская за дверями как будто вой дикого зверя, то представляя, что как будто скопище народа ломит дверь его кельи, выбивает косяки, бросает в старца обрубок дерева и т. п.; по временам и днем, но особенно ночью, во время молитвенного предстоянья преподобного старца Серафима, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается и со всех сторон врываются с яростным ревом страшные звери; иногда вдруг пред ним появлялись отверстые гробы с восстающими из них мертвецами. И когда впоследствии один мирянин в простоте сердца своего, спросил его: «батюшка, видали ли вы злых духов?» – он отвечал с улыбкою: «они гнусны, – как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно,

так и бесов видеть ужасно, потому что они – гнусны». Но все эти страшные видения, ужасы и искушения, сопровождаемые иногда и телесными страданиями, благодатный старец превозмогал теплою молитвою и препобеждал силою Честного и Животворящего Креста Господня. Неоднократно старец Серафим был искушаем духом честолюбия, избираемый в игумены и архимандриты разных монастырей [55*]; но он всегда в таких случаях с непоколебимою твердостью, растворенною глубокими смирением, отклонял от себя эти назначения, стремясь к истинному подвижничеству и в иноческом житии ища лишь спасения души своей и ближних.

Видя смиренномудрие святого старца, дьявол воздвиг на него сильную мысленную брань [56*], поддерживая ее с такою силою, от которой падали некоторые и из великих подвижников. Тогда старец Серафим, в тяжком душевном обстоянии, обратился с сердечною молитвою к Подвигоположнику нашего спасения Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Деве Матери, и в то же время для устранения и истребления дьявольских козней, решился подъять на себя новый высший молитвенный подвиг по примеру древних христианских столпников. В глубине дремучего леса, в ночное время, никем невидимый, всходил он на высокий гранитный камень, для усиления своего молитвенного подвига, и долговременно молился на нем, стоя на ногах или коленопреклоненный, взывая от глубины души мытареву молитву:

– **Боже, милостив будь мне грешному!**

В келье своей этот новый столпник поставил также небольшой камень, на котором молился с утра до вечера, оставляя тот камень лишь для отдохновения от крайнего изнурения сил или для небольшого укрепления себя скудною пищею. В этом великом подвиге преподобный Серафим провел тысячу дней и тысячу ночей. Враг окончательно был побежден, и мысленная брань прекратилась. Но от такого необычайного молитвенного подвига и почти трехлетнего стояния на ногах старец пришел в крайнее телесное изнурение и получил тяжкие, болезненные язвы на ногах, кои не оставляли его до самой смерти. И только тогда, наконец, прекратил он свой невыносимо

тяжкий подвиг столпничества, на который и в древности решались лишь весьма немногие подвижники. Но при жизни старца никто не знал об этом необычайном молитвенном его подвиге, который он сумел скрыть от любопытствующего взора человеческого. К бывшему после старца Исайи игумену Нифонту был о Серафиме от преосвященного епископа Тамбовского тайный запрос, на который настоятель Саровский отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно» [57*]. И лишь незадолго до блаженной кончины своей преподобный Серафим, по примеру многих других подвижников, в числе других обстоятельств своей жизни поведал некоторым из Саровской братии и об этом своем дивном подвиге. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих. На сие святой старец заметил со смирением веры:

– Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе: а мои труды похожи ли на его подвиг?

Когда же собеседник заметил что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати укрепляющей, преподобный отвечал:

– Да, иначе сил человеческих не хватило бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, свыше нисходящим от Отца светов.

Потом, немного помолчав, прибавил:

– Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами [58*].

Посрамленный дьявол начал строить новые козни святому старцу для удаления его из пустыни. Он послал на него злых людей, которые, встретив преподобного в лесу, стали требовать от него денег, будто бы получаемых им от приходящих к нему мирян. Старец отвечал, что он ни от кого не получает денег. Но они не поверили, и один из злодеев бросился на него, но сам упал. Серафим обладал телесной силой и, с топором в руках, мог бы защищаться против трех разбойников. Но он вспомнил слова Спасителя: «**все, взявшие меч, мечом погибнут»** (Мф.

26:52); и, опустив топор, сложил крестообразно на груди руки и кротко сказал:

– Делайте, что вам надобно.

Один злодей, подняв топор, так сильно ударил старца обухом топора по голове, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Преподобный Серафим в беспамятстве упал. Злодеи продолжали яростно бить его обухом топора, поленьями, руками и ногами. Наконец, заметив, что он не дышит и считая его мертвым, они связали ему веревками руки и ноги, намереваясь бросить тело его, для сокрытия своего преступления, в реку; сами же бросились в келью старца за предполагаемой добычей, но, тщательно пересмотрев перебрав и переломав все в келье, ничего не нашли, кроме святой иконы и нескольких картофелин. Тогда они пришли в страх и раскаянье, что убили, без всякой пользы для себя, святого, нестяжательного человека Божиего, и бросились бежать. Между тем Серафим, очнувшись и кое-как развязав себе руки, вознес к Богу молитву о прощении своих убийц и с трудом дополз до своей кельи, где провел всю ночь в жестоких страданиях. На другой день с величайшим трудом добрел он в обитель во время литургии. Вид его был ужасен: волосы были смочены кровью, спутаны и покрыты пылью и сором, лицо и руки избиты, уши и уста запеклись кровью, несколько зубов было вышиблено. На вопросы ужаснувшейся при сем зрелище братии старец молчал, но, попросив к себе настоятеля, старца Исайю, и монастырского духовника, поведал им о случившемся. И вот, к злорадству дьявола, Серафим принужден был остаться в монастыре. Нестерпимо страдал он и лежал еле живой, не принимая никакой пищи. Так прошло восемь суток. Тогда, отчаявшись за его жизнь, послали за врачами, которые, освидетельствовав Серафима, нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами, и удивлялись, как старец мог остаться в живых после таких побоев. Для совещания о том, что лучше предпринять к облегчению старца, братия собрались в его келье. В то же время послали за настоятелем. И вот, – в ту минуту, когда оповестили, что

настоятель идет, преподобный Серафим забылся и уснул тонким, легким, спокойным сном. Во сне увидел он дивное видение, подобное тому, какое видел некогда ранее, когда, еще в бытность свою послушником, лежал в смертельной болезни. К нему подошла Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная небесною славою; за Ней шли апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла:

– Что вы трудитесь?

Потом, обратясь опять лицом к старцу Серафиму, произнесла:

– Сей – от рода Моего!

После этого, видение, которого присутствовавшие и не подозревали, кончилось, – а когда настоятель вошел в келью, больной снова пришел уже в себя. Отец Исаия стал настоятельно и с любовью уговаривать его воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, несмотря на отчаянное свое положение, после стольких забот о нем к удивлению всех, твердо отвечал, что теперь он не желает никакого пособия от людей, умоляя настоятеля позволить ему предоставить свою жизнь Богу и Пресвятой Богородице. Настоятель принужден был исполнить желание старца, который от дивного Божественного посещения в продолжение нескольких часов находился в несказанной, неземной радости. Потом старец успокоился и почувствовал облегчение от болезни и постепенное возвращение сил. Немного времени спустя он уже встал с постели, начал немного ходить по кельи и вечером подкрепился пищею. С того же самого дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Со дня болезни старец пробыл в монастыре около пяти месяцев. Болезнь сделала его согбенным, что еще и ранее замечалось в нем, после того как однажды при рубке он был придавлен деревом. Но, почувствовав в себе опять силы к провождению пустынной жизни, Серафим обратился к настоятелю с просьбою отпустить его в пустыню. Старец Исаия и братия упрашивали его остаться навсегда в монастыре. Но

преподобный твердо отвечал, что ни во что вменяет подобные нападения, как случившееся с ним, и готов перенести до смерти все оскорбления, какие бы ни случились. Тогда отец Исаия благословил то желание, и Серафим возвратился в свою пустынную келью.

Вскоре после этого разбойники, избившие старца, были найдены; то были крепостные люди некоего местного помещика Татищева. Тогда преподобный Серафим, с любовью простив их, просил настоятеля и помещика не наказывать их, объявляя, что в противном случае он оставит Саровскую обитель и тайно удалится в другие отдаленные святые места. По мольбе старца злодеев простили, но Бог покарал их за Своего угодника: вскоре сильный пожар совершенно истребил их жилища. Тогда разбойники пришли в раскаяние и со слезами просили у преподобного Серафима прощения и святых молитв, возвратившись его благословением на путь добродетельной жизни.

За свои высокие подвиги и богоугодную жизнь святой старец сподобился от Бога благодатного дара прозорливости. Но тем более он избегал славы человеческой и стремился к безмолвию.

В 1806 году настоятель Саровской обители, старец Исаия, по своему болезненному положению и преклонности лет удалился от дел, и братия единодушно избрала на его место преподобного Серафима. Но Серафим уклонился от этого, как по своему глубокому смирению, так и по крайней любви к пустыне и безмолвию. Тогда настоятелем был избран отец Нифонт, с детства известный Серафиму. Между тем старец Исаия, вследствие недугов своих и слабости сил, не имея возможности ходить за шесть верст в пустынь к преподобному Серафиму и вместе с тем не желая лишиться утешения беседовать с ним, сильно скорбел о том. Тогда братия, по усердию, стали возить престарелого Исайю в пустынь к преподобному Серафиму, за телесною немощью обоих. Но вскоре и этот последний из самых дорогих друзей преподобного Серафима по жизни духовной отошел к Господу. Эта потеря поразила Серафима глубокою скорбью, и с того времени он еще

более и чаще стал размышлять о тленности привременной сей жизни, о жизни будущей и Страшном Суде Христовом. Вместе с тем он с особенным усердием стал молиться о упокоении душ дорогих сердцу его блаженного Пахомия, Иосифа и Исайи и, проходя мимо монастырского кладбища, всегда на их могилках возносил пламенные моления ко Всевышнему о них и о других Саровских старцах и подвижниках, называя их по пламенности и высоте молитв «огненными от земли до небес». И другим старец завещевал чаще поминать их в молитвах. Так, одной знакомой инокине, нередко бывавшей в Сарове и посещавшей Серафима, последний дал такую заповедь:

– Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исайи, Пахомия, Иосифа, Марка и прочих, и потом говори про себя: простите, отцы святые, и помолитесь обо мне.

По смерти старца Исайи преподобный Серафим не изменил своего образа пустыннической жизни, но придал новый характер своему подвижничеству, возложив на себя тяжкий подвиг молчальничества. Приходили ли к нему в пустыню посетители, – он не выходил к ним. Случалось ли ему самому встретить кого в лесу, – он падал ниц на землю и до тех пор не поднимал очей, пока встретившийся не проходил мимо. В таком безмолвии прожил он около трех лет. Незадолго до этого срока он перестал посещать даже Саровскую обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему и пищу в пустынную его келью, особенно зимою, когда у старца не было своих овощей. Пища приносилась раз в неделю, в воскресный день. Когда брат входил в сени, старец, сказав про себя: «Аминь», отворял двери, потупив лицо в землю, и лишь когда брат уходил, старец клал на лоток, лежавший на столе, небольшую частицу хлеба или немного капусты, в знак того, что принести ему в следующее воскресенье.

Но это все были только наружные знаки молчальничества. Сущность же многотрудного подвига старца заключалась собственно не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего, совершеннейшего посвящения себя Богу.

Многие из братии весьма сожалели о таком удалении благодатного старца от общения с ними и о подъятом им на себя подвиге молчальничества, а некоторые даже как бы укоряли его за то, что он уединяется, тогда как, пребывая в близком общении с братией, он мог бы назидать их и словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении своей души. Но на все сии упреки старец отвечал словами преподобного Исаака Сирина: «Возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире» и – святого Григория Богослова: «Прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

И подъятый преподобным Серафимом на себя многотрудный подвиг молчальничества совершеннейшим образом очищал и просвещал праведную душу его и еще более и выше возводил в тайны Богосозерцания, совершенно обезоруживая дьявола для борьбы с пустынножителем. Какие плоды духа приносил для Серафима этот подвиг, – об этом ясно можно судить по наставлениям святого старца касательно безмолвия, несомненно основанным и на собственном опыте. «Когда мы в молчании пребываем, – говорил впоследствии преподобный Серафим, – тогда враг, дьявол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость. В соединении с другими занятиями духа молчальничество возводит человека к благочестию. Молчание приближает человека, к Богу и делает его как бы земным Ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: **«А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим»** (Ис. 66:2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысел неразвлекаемым. Наконец, приобревшего это ожидает мирное состояние». Так проходил преподобный Серафим подвиг

молчальничества и, достигая высших дарований духовных, получал и новые благодатные утешения, ощущая в сердце неизреченную «**радость во Святом Духе»** (Рим.14:17).

Переходя далее по лестнице добродетелей и иноческого подвижничества, преподобный Серафим возложил на себя еще высший подвиг затворничества. Это произошло следующим образом. В это время после Исайи настоятелем Саровским был отец Нифонт, муж богобоязненный и добродетельный, и в то же время великий ревнитель устава и порядков церковных. Между тем Серафим со времени смерти Исайи, положив на себя обет молчания, жил в пустыне своей безысходно, как в затворе. Прежде он хаживал по воскресным дням в Саровскую обитель для причащения св. Тайн. Но теперь он от болезни ног, развившейся от долговременного стояния на камнях, и ходить не мог. Многие из иноков соблазнялись этим обстоятельством, недоумевая, кто же причащает его св. Тайн, и потому строитель созвал, наконец, монастырский собор из старших иеромонахов, представив им на разрешение вопрос относительно причащения старца Серафима. После совещания старцы решили предложить Серафиму, чтобы он или ходил, если здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель в воскресные и праздничные дни для причащения св. Тайн; если же ноги не служат ему, то навсегда бы перешел на жительство в монастырскую келью. Общим советом было положено спросить через брата, носившего по воскресеньям пищу старцу Серафиму, что он изберет. Брат так и сделал, но на первый раз старец не отвечал ему ни слова. Брату поручили вторично передать Серафиму в следующий воскресный день предложение монастырского собора. Тогда старец Серафим, благословив брата, отправился вместе с ним пешком в обитель, знаком дав при этом понять, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде по воскресным и праздничным днями в обитель. Это было 8-го мая 1810-го года, когда преподобному Серафиму было пятьдесят лет от роду. Возвратившись в обитель после пятнадцатилетнего пребывания пустыне, Серафим, не заходя в свою келью, отправился в больничный корпус. Это было днем пред наступлением всеночного бдения.

По удару в колокол старец явился на всенощное бдение в Успенский храм. Все братия пришли в сильное удивление, когда между ними мгновенно разнесся слух, что старец Серафим решился поселиться в обители. На другое же утро, 9-го мая, в день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая, Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился св. Христовых Тайн. Из храма он направился в келью строителя Нифонта и, приняв от него благословение, поселился в прежней своей монастырской келье. Но при этом старец никого, однако, не принимал к себе, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, подъяв на себя таким образом новый, труднейший подвиг затворничества.

О подвигах преподобного Серафима в затворе известно лишь очень немного, ибо он никого к себе не допускал и ни с кем не промолвил ни слова. В келье своей он не имел ничего, даже самых необходимых вещей: икона Богоматери, пред которой всегда горела лампада, и обрубок пня, заменявший стул составляли все. Для себя самого он не употреблял даже огня. На плечах своих под рубашкой он носил на веревках большой пятивершковый железный крест для умерщвления плоти, **«чтобы дух был спасен»** (1Кор. 5:5). Но вериги и власяницы он не носил никогда. «Кто нас оскорбит словом или делом, – говорил он, – и если мы переносим обиды по-евангельски – вот вериги нам, вот и власяница. Эти духовные вериги и власяницы выше железных». Одежду преподобный Серафим продолжал носить ту же, что и в пустыне. Пил он одну только воду, в пищу же употреблял лишь толокно, да белую квашеную капусту. Воду и пищу приносил ему живший с ним по соседству инок по имени Павел. Сотворив молитву у кельи старца, брат ставил пищу у дверей. А затворник, чтобы никто его не видал, накрывал себя большим полотнищем и, приняв блюдо, стоя на коленях, уносил его в свою келью, как бы принимая его из рук Божиих. Затем, подкрепившись, ставил посуду на прежнее место, скрывая опять лицо свое полотном, по примеру пустынножителей, которые под кукулем [59*] скрывали лицо свое.

Молитвенные подвиги старца в затворе были никому недоведомы; известно лишь, что они были весьма тяжелы, велики и многообразны. И здесь он по-прежнему совершал свое пустынное правило и все ежедневные службы, кроме Божественной литургии. Кроме того, он часто совершал «умную» молитву [60*] Иисусову или Богородичную. На молитве святой старец погружался иногда в глубокое созерцательное, молитвенное настроение, стоя пред иконой, но, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом созерцая в сердце Господа. В течение недели он прочитывал по порядку весь Новый Завет: с понедельника по четверг четыре Евангелия – по одному каждодневно. В сенях сквозь дверь иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя новозаветные священные книги, и многие приходили и слушали слово его в свое наслаждение, утешение и назидание. В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался св. Тайн Христовых. Чтобы никогда не забывать о часе смертном, яснее представлять и ближе видеть его перед собою, святой Серафим попросил сделать для него гроб и поставить его в сенях затворнической его кельи. Желание святого старца было исполнено: ему выдолбили из цельного дуба гроб с крышкой, и он, некрашеный, всегда стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. В беседах с Саровскими братьями блаженный Серафим часто говорил относительно сего гроба:

– Когда я умру, умоляю вас братия, положите меня в моем гробе.

Вместе с духовными подвигами старец-подвижник стал соединять и телесный труд, освежая иногда усталую старческую грудь свежим воздухом. По предрассветным утрам, когда все еще спало, святой старец часто, читая молитву Иисусову, быстро двигался по кладбищу, среди могильных памятников или еще где-либо, взад и вперед, перенося тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое, ближайшее к кельи, место. Когда однажды послушник – будильщик, обрадованный таким видением, бросился к старцу, целуя его ноги и прося у него благословения, – Серафим благословив его, сказал:

– Оградись молчанием и внимай себе!

Пробыв в затворе пять лет, святой старец потом несколько ослабил его, сначала более лишь внешним образом: и келейная дверь у него была открыта, и всякий мог приходить к нему, но на вопросы имевших нужду в его наставлениях он, приняв на себя обет молчания пред Богом, не отвечал, безмолвно продолжая свое духовное делание. Бывший тогда Тамбовский епископ Иона, часто посещавший Саровскую обитель, однажды пожелал видеть лично отца Серафима и с этою целью подошел было к его кельи; но преподобный, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодия, и на сей раз не нарушил своего молчания и затвора [61*]. Видно, преподобному Серафиму не наступило еще тогда время оставить затвор. Так понял это и преосвященный, который на предложение игумена Нифонта снять двери кельи старца с крючков отвечал отказом, говоря: «Как бы не погрешить нам». И оставил старца в покое.

Но вскоре после этого для преподобного Серафима действительно приспел час – совершенно оставить подвиг своего затворничества и молчальничества. С полным самоотречением, терпением, смирением и непостыдною верою пройдя путь общежительного инока, пустынника, столпника, молчальника и затворника, он стяжал себе великую чистоту душевную и сподобился от Бога высших благодатных дарований духовных. И тогда, по Вышней воле, ему надлежало оставить безмолвие и, продолжая жизнь всю в Боге и для Бога, исполненную высшего отречения от мира, выступить на служение тому же миру – своею любовью, ниспосланными от Бога благодатными дарованиями учительства, прозорливства, чудес и исцелений, своим духовным руководством, молитвою, утешением и советами. Таким образом, преподобный Серафим подъял на себя высочайший подвиг так называемого старчества [62*], в котором и окончил свое многотрудное и праведное житие.

Сей подвиг великого старца начался с того, что он еще через пять лет уже начал вступать в беседы с приходившими к нему посетителями и, прежде всего, иноками. В своих беседах с ними преподобный Серафим главным образом направлял их к утверждению в соблюдении всех иноческих правил, внушая

неопустительно совершать и слушать церковное молитвословие, неукоснительно и усердно проходить со смирением свое послушание, за трапезою сидеть со страхом Божиим, без уважительной причины не выходить за монастырь, удерживаться от своеволия и самочинения, хранить взаимный мир и т. д. После этого святого старца стали навещать и посторонние, мирские посетители. Двери его кельи стали открыты для всех – от ранней литургии до восьми часов вечера. И старец всех принимал, преподавая каждому благословение и соответствующие краткие наставления. Посетителей благодатный старец принимал одетый, обыкновенно, в длинную белую одежду в виде балахона и в полумантию, с епитрахилью и в поручах; впрочем, последние он носил лишь в воскресные и праздничные дни, когда причащался св. Христовых Тайн.

С особенною любовью святой старец принимал к себе искренно и смиренно кающихся и тех, кто проявлял в себе горячее усердие к духовной жизни христианской. После беседы с ними, преподобный Серафим имел обыкновение возлагать на их преклоненные головы конец епитрахили и правую свою руку. При сем он предлагал им произносить за собою краткую покаянную молитву, после чего сам произносил разрешительную молитву [63*], отчего приходившие получали облегчение совести и какое-то особое духовное наслаждение; затем старец крестообразно помазывал чело посетителя елеем из лампады, горевшей пред находившимся в его келии образом Божией Матери Умиления, которую он называл иконою Божией Матери – *Радости всех радостей*, а в том случае, когда это было до полудня (т. е. до надлежащего времени вкушения пищи), давал вкушать *великой агиасмы* (Богоявленской воды) и благословлял частицею антидора или освященного на всенощном бдении благословенного хлеба; потом – с каждым христосовался, в какое бы время то ни случилось, напоминая тем о спасительной силе Воскресения Христова, и давал прикладываться к образу Божией Матери или к висевшему на груди его кресту. Одних открывавших ему какие-либо особые свои недуги и скорби сердечные, он утешал и облегчал особыми, соответственными, добрыми отеческими советами и

врачеваниями духовными; в других случаях – старец предлагал общехристианское назидание, особенно о непрестанной памяти о Боге, молитве и целомудрии. Во всех таких случаях он особенно завещевал всегда хранить на устах и в сердце молитву Господню – «Отче наш», Архангельскую молитву – «Богородице Дева, радуйся», Символ веры и молитву Иисусову – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного», которые он считал особенно действенными и спасительными. Среди других посетителей, иногда являлись к святому Серафиму и знатные лица и государственные деятели, коим он делал соответствующие наставления, относясь к ним с должною честью и христианскою любовью, обращая внимание на важность их сана и отсюда поучая их верности святой Православной Церкви и отечеству. Посещали старца и лица царской фамилии; так в 1825-м году у него принял благословение великий князь Михаил Павлович. Но особенно много являлось к святому старцу простолюдинов требовавших от него не только наставлений, но иногда и житейской помощи, с верою на его святость и прозорливость, – и он не только утешал таковых нравственно, но и помогал им в их горе и нуждах силою своей прозорливости, с которою он указывал, например, бедным крестьянам, где найти потерянное или украденное у них добро, заповедуя им только при этом ограждаться молчанием. Нередко он также исцелял недужных, помазуя их в таких случаях елеем из лампады, висевшей пред упомянутым келейным его образом Божией Матери Умиления. Но при всем том преподобный Серафим вполне не оставлял еще своего затвора; сняв с уст печать молчания и принимая посетителей, он сам никуда, однако же, не выходил из своей кельи.

Вскоре наступило для преподобного Серафима время совсем оставить свой затвор. Но прежде чем решиться на это, он обратился к Богу с молитвою о высшем изволении на открытое окончание затвора. И вот в ночь на 25-е ноября 1825-го года старцу явилась в сонном видении Божия Матерь, вместе с празднуемыми в этот день святителями Климентом Римским и Петром Александрийским и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. На другой день, восстав от сна и сотворив

свое обычное молитвенное правило, он сообщил о своем желании игумену Нифонту, от которого и получил на то благословение. С этого времени преподобный Серафим стал посещать свою пустынную келью и молиться в ней.

Особенно часто старец ходил на так называемый «Богословский» родник. Этот родник находился верстах в двух от монастыря и существовал с давних пор еще до поступления Серафима в Саров; но он находился в запустении: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землею; вода утекала из него только одною трубою. Вблизи родника, на столбике, стояла икона св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, отчего родник и получил свое наименование. Место это очень полюбилось преподобному Серафиму. Согласно его желанию, родник был расчищен и возобновлен; накат, закрывавший бассейн снят и вместо того сделан новый сруб с трубою. Здесь старец и стал проводить подолгу время, занимаясь Богомыслием и телесными трудами; ибо в прежнюю келью, по болезни, он ходить уже не мог. Старец собирал в реке Саровке камешки и унизывал ими бассейн родника; устроил подле для себя гряды, сажал овощи. На горке, около родника, для старца был устроен маленький сруб без окон и даже без дверей, с земляным входом со стороны под стенкой. Подлезши под стенку, преподобный Серафим отдыхал в этом убогом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя; впоследствии была поставлена ему новая келия с дверями и печью, но без окон. Здесь, в своей пустыни, он проводил все будничные дни, к вечеру возвращаясь в монастырь. Место это стали называть нижней пустынькой отца Серафима, а родник – колодцем отца Серафима.

Умилительно было видеть этого смиренного, согбенного старца, подпиравшегося мотыкой [64*] или топором, в пустыни за рубкою дров или за возделыванием гряд в убогой камилавке без крепа, в холщовом белом балахоне с сумою на плечах, где лежало Евангелие и груз из камней и песка для умерщвления своей плоти. На вопросы некоторых, для чего он это делает, – старец отвечал:

– Я томлю томящего меня.

Число посетителей благодатного старца значительно увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, другие посещали его в пустыне, жаждая увидеть его и принять от него благословение и наставление. Умилительно было видеть, когда преподобный Серафим возвращался в свою пустыньку после принятия св. Тайн – в мантии, епитрахили и поручах. Шествие его замедлялось от множества толпившегося около него народа. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы никого не видал, погруженный весь в размышления о благодатной силе Св. Таинства. Глубоко уважавший и любивший благодатного старца игумен Нифонт по поводу множества посетителей святого Серафима говаривал:

– Когда отец Серафим жил в пустыне (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских.

С этих пор в преподобном Серафиме Бог открыл верующим поистине великое и драгоценное сокровище. Особенно усладительна была душеполезная беседа благодатного старца, проникнутая какою-то особенною любовью и в то же время дышащая тихою, живительною властью. И все обхождение его с посетителями отличалось, прежде всего, глубоким смирением и всепрощающею, действенною любовью христианской. Речи его согревали сердца, даже черствые и холодные, озаряли души духовным разумением растворяли их к слезному и сокрушенному покаянию, возбуждали отрадную надежду на возможность исправления и спасения даже в закоренелых и отчаявшихся грешниках, наполняли душу благодатным миром. Никого не поражал угодник Божий жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагал тяжкого бремени. Высказывал он нередко и обличения, но кротко растворяя слово свое смирением и любовью. Стараясь возбудить голос совести советами, он указывал пути спасения, и часто так, что слушатель на первый раз и не понимал, что речь идет о его душе; но потом сила слова, осоленного благодатью, непременно производила свое действие. Слово свое, как и всю свою жизнь, и все свои действия, преподобный Серафим всегда

основывал на Слове Божием, на святоотеческих творениях и на поучительных примерах из жизни святых, благоугодивших Богу. При этом старец особенно чтил тех святых, которые явились наиболее доблестными ревнителями и поборниками православной веры, как-то: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, Климента, папу Римского, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Амвросия Медиоланского и т. д., и при этом постоянно убеждал стоять за непоколебимость веры и любил объяснять, в чем состоит чистота православия. Любил он также говорить об угодниках отечественной Церкви, например, о святителях Московских Петре, Алексии, Ионе и Филиппе, о Димитрии Ростовском, преподобном Сергии, Стефане Пермском и т. д., поставляя жизнь их правилом на пути к спасению. Все эти речи благодатного старца, помимо вышеуказанных их свойств, имели особенную силу еще и потому, что прямо прилагались к потребностям слушателей и имели ближайшее отношение к их жизни и тем частным нуждам и случаям, ради коих они приходили в Саров к преподобному Серафиму.

Особенно соблюдал и охранял святой Серафим чистоту православия. Так, на вопрос одного раскольника, какая вера лучше: нынешняя церковная, или старая, старец с властью заметил:

– Оставь свои бредни. Жизнь наша есть море, святая Православная Церковь наша – корабль, а кормчий – Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское, и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чём утверждаешь свою надежду – спастись без кормчего?

В другой раз в Саровскую обитель привезли больную женщину, скорченную до такой степени, что колени её сведены были к груди. Когда ее внесли в келью преподобного Серафима, он стал расспрашивать ее, откуда она и отчего приключилась с нею такая болезнь. Вольная чистосердечно, ничего не утаивая, раскрыла пред старцем, как на духу, свою душу, что она родилась в Православной Церкви, но замуж вышла за

раскольника, весьма закоснелого в своем лжеучении; вследствие долговременного влияния мужа и его семьи, она оттолкнулась от православия, и за то Бог внезапно покарал ее: ее как бы опалило, после чего начались сильные корчи. Страшная ломота терзала несчастную женщину четыре года, в продолжение коих она не могла двинуть ни ногой, ни рукой. Благодатный старец спросил больную, верует ли она ныне в матерь нашу святую православную Церковь, и, на утвердительный ответ приказал больной перекреститься троеперстным сложением. Та отозвалась немощью, по которой не может даже руки поднять. Когда же преподобный с молитвою помазал ей елеем из висевшей у него лампады грудь и руки, недуг мгновенно оставил ее, и она возблагодарила старца, даровавшего ей исцеление. Народ дивился при виде сего чуда, весть о коем быстро распространилась по монастырю и его окрестностям.

По чистоте своего духа стяжав дар прозорливости, преподобный Серафим нередко давал иным наставления, относившиеся прямо к их внутренним чувствам и мыслям сердечным, прежде чем они раскрывали пред ним те обстоятельства, ради которых они обращались к нему, – и тем неотразимее в таких случаях действовало слово его. Вот особенно поразительный пример сего.

Однажды приехал в Саров из-за любопытства заслуженный генерал-лейтенант Л. Осмотрев монастырские здания и ничего не получив для души своей, он хотел уже уезжать, но его остановил один помещик по фамилии Прокудин, убеждая генерала зайти к затворнику – старцу Серафиму. Надменный собою, генерал сначала отказывался, но потом, уступая усиленным убеждениям Прокудина, согласился видеть старца. Как только вошли они в келью, преподобный, идя к ним на встречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордого генерала. Прокудин же, заметив, что ему не следует оставаться с ними в кельи, вышел в сени, и украшенный орденами генерал около получаса беседовал со старцем. Через несколько минут послышался из кельи Серафима плач: то плакал, как малое дитя, генерал. Через полчаса дверь

отворилась, и святой Серафим вывел генерала под руки; тот продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им в кельи старца. Преподобный вынес их и надел ордена на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о возможности такой прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до самых тайных подробностей. Между прочим, ордена генерала, во время беседы его с Серафимом свалились, причем старец заметил:

– Это потому, что ты получил их незаслуженно.

Любовь благодатного старца была, казалось, всеобъемлюща и безгранична; казалось, что он любил всех и каждого больше, чем мать любит единственного сына своего возлюбленного. Не было такого страдания, такой скорби у ближнего, которых бы он не разделил, не принял бы в душу свою и для врачевания которых не нашел бы соответствующих цельбоносных средств. И вот он стал в глазах православного русского народа прибежищем, духовною опорою и утешением всех страждущих и обремененных, скорбящих и озлобленных, милости Божией и благодатной помощи требующих. Лица всех возрастов, званий и состояний и обоих полов с полною, как бы детскою доверчивостью, искренно и чистосердечно раскрывали пред ним свой ум и сердце, свои сомнения и недоумения, свои духовные нужды и печали, свои прегрешения и греховные помыслы, для смиренного исповедания коих, без всякого ложного стыда и утайки, нередко на помощь приходил сам облагодатствованный старец, прозорливо читая в душе посетителя и вслух пред ним раскрывая его грехи и помыслы. И любвеобильный святой старец всех удовлетворял и успокаивал, никто не уходил от него без облегчения и душевного умиротворения, без действительного наставления и благодатного утешения, – ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни униженные, ни знатные. Народа, особенно за последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно до тысячи человек, а иногда до двух и более. Но святой старец

не тяготился этим и со всяким находил время побеседовать на пользу души, в кратких словах объясняя каждому то, что ему именно было благопотребно. И все ощущали его великую любовь и её благодатную силу, и потоки слез нередко вырывались и у таких людей, кои имели твердые и окаменелые сердца.

Нередко преподобный Серафим возбуждал во многих зависть, нарекания или же недоумения, что он всех принимал к себе без разбора, всем одинаково делал добро, всех равно выслушивал, утешал и наставлял, не различая ни пола, ни звания, ни состояния и нравственных достоинств приходивших к нему посетителей. По поводу этого преподобный Серафим говорил не раз:

– Положим, что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу принести Богу на Страшном Суде Его?

В другой раз, когда один инок спросил старца: «Что ты всех учишь?» – тот отвечал:

– Я следую учению Церкви, которая поет: «**не скрывай слов Божиих, но возвещай о чудесах Его**" 65*.

Таким образом, святой старец прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством своей жизни, в котором Бог потребует от него отчета на Страшном Суде. Но при всем этом, когда старец видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям и с пути греха и погибели становились на путь добродетели и спасения, то не восхищался этим как плодом своего дела, ничего не относя к себе, но за все благословляя Благодателя – Бога, говоря в таких случаях:

– "**Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей**" (Пс. 113:9).

И еще говорил он о том же:

– Мы должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: «**тому не**

радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10:20).

Однажды к преподобному Серафиму пришли одновременно в келью один купец Владимирской губернии и строитель Высокогорской пустыни отец Антоний [66*]. Преподобный с любовью стал кротко и ласково обличать купца в его пороках и предлагать ему соответствующее наставление. Речь благодатного старца была настолько растворена теплотою сердца, что и купец, к которому она относилась, и случайно присутствовавший при сем отец Антоний были тронуты до слез. Последний, когда купец вышел из кельи, обратился к святому старцу с такими словами:

– Батюшка! Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: еще совсем не выслушавши сего богомольца, вы сами ему все уже высказали. Вижу я теперь, что ум ваш так чист, что от него ничто не скрыто в сердце ближнего.

Но, преподобный Серафим, как бы заграждая уста своего собеседника, возложил на них свою руку и промолвил:

– Не так ты говоришь, радость моя: сердце человеческое открыто единому Господу и один лишь Бог – сердцеведец, а »**даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца**" (Пс. 63:7).

– Да как же вы, батюшка, – снова вопросил отец Антоний, – не спросили ни одного слова от купца и все сказали, что ему потребно?

Тогда преподобный Серафим со смирением ответил:

– Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел яко к рабу Божию: я, грешный Серафим, так и думаю, что я – грешный раб Божий, что мне повелевает Господь как рабу Своему, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия для его пользы. Как железо – ковачу, так я передаю себя и свою волю Господу Богу: как ему угодно, так и действую; своей воли не имею; а что Богу угодно, то и передаю.

Между тем эта благодатная прозорливость преподобного Серафима была поистине необычайна. Получая письма, он часто, не распечатывая их, знал их содержание и давал ответы: «вот что скажи от убогого Серафима» и т. д. После блаженной кончины его нашли много таких нераспечатанных писем, на которые в свое время даны были ответы. Духом святой старец был в единении со многими подвижниками, которых никогда не видел и которые жили от него за тысячи верст. Когда в затворнике Задонского Богородицкого монастыря Георгии возник помысел, – не переменить ли ему своего места на более уединенное, и никто, кроме него самого, не знал об этом его тайном смущении, вдруг приходит к нему какой-то странник из Саровской пустыни от отца Серафима и говорит ему:

– Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.

С этими словами странник поклонился и ушел. Когда же его стали искать, то не могли уже найти его ни в монастыре, ни за монастырем.

Еще ничего не было слышно об угоднике Божием Митрофане, первом епископе Воронежском, и о предстоящем его прославлении: не было еще никаких ни откровений, ни явлений, а между тем преподобный Серафим в нескольких словах, собственноручно написанных, поздравлял преосвященного архиепископа Воронежского Антония с открытием святых мощей угодника Божия Митрофана.

Одному мирянину, некоему А.Г. Воротилову, старец не раз говорил, что на Россию восстанут три державы и много изнурят ее; но за Православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда речь эта была непонятна; но впоследствии события объяснили, что старец говорил это о Крымской кампании.

С 1831 года Серафим многим предвозвещал о предстоящем голоде, и, по его совету, в Саровской обители сделали запас хлеба на шесть годовых потреб и, вследствие этого, в обители не было голода. Когда явилась первая холера в России, преподобный открыто предвозвещал, что её не будет

ни в Сарове, ни в Дивееве, – и предсказания эти исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Сарове, ни Дивееве не умерло ни одного человека.

Старец равно видел прошедшее и будущее, в нескольких словах очерчивал предстоящую жизнь человека и говорил речь и давал советы, казавшиеся странными, но впоследствии обстоятельства оправдывали их и они оказывались полными духа прозрения.

Кроме дара прозорливости, Господь продолжал являть в преподобном Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Еще ранее, в 1823 году, до окончательного оставления старцем своего затвора, одним из первых и разительнейших явлений этой Богодарованной ему чудодейственной благодати были исцеление им от неподдававшейся никакому лечению болезни одного соседнего помещика Ардатовского уезда М.В.Манторова. Когда недуг принял угрожающие размеры, так что у болящего выпадали даже кусочки кости из ног и всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, Манторов, по совету своих ближних и знакомых, решился ехать в Саров, за сорок верст от своего имения Нуч, к отцу Серафиму, молва о святой жизни которого в то время распространилась уже по всей России. С большим трудом Манторов внесен был в сени кельи благодатного затворника, которого слезно стал просить об исцелении его от ужасного недуга. Тогда старец с сердечным участием и отеческою любовью спросил его, верует ли он в Бога. Получив от болящего троекратное твердое и искреннее уверение в безусловной вере в Бога, преподобный ласково сказал ему:

– Радость моя! Если ты так веруешь, то верь и в то, что верующему все возможно от Бога, а поэтому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь.

После того он удалился в свою келью и, немного времени спустя, вышел оттуда со святым елеем из лампады, висевшей пред образом Божией Матери Умиления, велел Манторову обнажить ноги и помазал больные места. И тотчас же струпья, покрывавшие тело, мгновенно отпали, и Манторов получил исцеление и без посторонней помощи вышел из кельи

Саровского чудотворца. Когда же Манторов почувствовав исцеление, в радости бросился в ноги преподобному, лобызая их и благодаря за исцеление, старец, приподняв его, строго сказал:

– Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить, – что ты, батюшка? Это – дело Единого Господа, Который творит волю боящихся его и молитву их слушает. Господу Всемогущему, да Пречистой Его Матери дай благодарение.

С этими словами смиренномудрый угодник Божий отпустил Манторова.

Не менее поразительно было совершенное святым старцем в 1827 году исцеление некоей женщины Александры, жены дворового человека Лебедева. Она более года страдала по-видимому беспричинно овладевшими ею страшными припадками, сопровождавшимися рвотой, скрежетом зубов судорогами всего тела, после чего болящая впадала в полное беспамятство; такие припадки повторялись с нею ежедневно. Принимаемые лекарями к прекращению недуга страдалицы средства не имели никакого успеха, а один опытный, верующий и честный врач, принявший в больной особенно сердечное участие и истощивший над ней все свое внимание, познания и искусство, наконец дал ей совет положиться на волю Всевышнего и просить у Него помощи и защиты, ибо из людей никто ее вылечить не может. Это привело в глубокую скорбь всех присных больной и повергло ее в отчаянье. И вот в одну ночь явилась к ней незнакомая, весьма старая женщина и, когда болящая в испуге стала читать молитву святому кресту, сказала ей:

– Не убойся меня: я – такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к отцу Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя.

Больная осмелилась спросить ее:

– Кто ты такая и откуда?

Явившаяся отвечала:

– Я из Дивеевской общины, первая настоятельница – Агафья.

На другой день родные повезли больную в Саров, причем по дороге с ней делались страшные обмороки и судороги. Сарова больная достигла после поздней литургии во время трапезы братии, когда преподобный затворился и никого не принимал. Но не успела еще больная, приблизившись к его келье, сотворить обычной молитвы, как старец вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Здесь он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице, потом напоил больную Богоявленскою водою, дал ей частицу антидора и три сухарика и сказал:

– Каждые сутки принимай по сухарю со святою водою, да сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафьи, возьми себе земли и сотвори, сколько можешь, поклонов: она (Агафья) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления.

Преподав еще несколько кратких наставлений о молитве, преподобный с миром отпустил больную, причем недуг тогда же отошел от нее весьма ощутительно и как бы с неким шумом. Впоследствии болезнь к ней не возвращалась, и она имела многих сыновей и дочерей.

Много различных исцелений совершил над тяжко болящими преподобный Серафим, многие из них записаны, другие остались записанными лишь на скрижалях сердец облагодетельствованных им; в кратком сказании о жизни угодника Божиего недостало бы им места. Во всех этих случаях старец, как мы о том упоминали, имел обычай мазать больных маслом из лампады, горевшей пред его келейною иконою Богоматери – *Умиления* и, когда его вопрошали, почему он это делает, отвечал:

– Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?

И помазанные преподобным больные получали исцеления.

В келье у Серафима горело много лампад и теплилось множество восковых свечей, больших и малых, на разных

круглых подносах. На тайный помысел одного из посетителей, к чему это, прозорливый старец отвечал:

– Как вам известно, у меня много особ, усердствующих ко мне и благотворящих «мельничным сиротам» моим (сестрам Серафимо-Дивеевского монастыря). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться о них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала однажды. А как я не смогу повторять их на каждом месте правила, то и ставлю эти свечи за них в жертву Богу – за каждого по свече; за иных – за несколько человек одну большую – и, где следует, не называя имен, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка или так, простое мое усердие, ни на чем Божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «**вне завесы ковчега откровения в скинии собрания Аарон [и сыны его] должны ставить оный пред Господом от вечера до утра всегда: это вечное постановление в роды ваши»** (Ср. Лев. 24:3). Вот почему святая Церковь Божия прияла в обычай возжигать в святых храмах и в домах верных христиан кандилы или лампады пред святыми иконами Господа, Божией Матери, святых Ангелов и святых человеков, Богу благогодивших.

А о Богословском роднике, получившем наименование колодца «Серафимова», старец впоследствии поведал:

– Я молился, чтобы вода сия в колодце была целительною от болезней.

И тогда вода этого родника получила особые, необыкновенные и целебные свойства, сохраняющиеся доселе. Вода эта не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Ею во всякое время года обливаются и омываются больные и здоровые, даже в сильные холода, и получают пользу. Многим, тяжко страдавшим от болезненных язв преподобный Серафим приказывал омыться водою из его источника, – и все получали от этого исцеление. Некоторые от омытия сею водою получали прозрение; другие, вкушая ее,

получали скорое исцеление от внутренних недугов и с одра тяжкой болезни восставали здоровыми и бодрыми. Некая женщина, М.В. Сипягина, была тяжко больна, чувствовала ужасную тоску от болезни, несмотря на свое усердие, не могла в постные дни есть пищи, положенной уставом. Преподобный Серафим приказал ей напиться воды из его источника. После этого у неё без всякого принуждения вышло горлом много желчи, и она исцелела. Во время холеры в 30-х годах прошлого столетия не мало верующих стекалось на колодец «Серафимов» из отдаленных даже стран и, по вере своей, получали от его целебных вод облегчение и исцеление. Так, ротмистр Теплов, у которого было имение в Екатеринославской губернии, где холера начала производить большую смертность, при виде повальных заболеваний своих людей вспомнил, что преподобный Серафим ранее, как бы невзначай, говаривал ему:

– Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится.

Воспоминание это побудило его с женою обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил их от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, старец является жене Теплова и приказывает ей отправиться на Богословский родник взять оттуда воды, напиться и омыться ею, как им Тепловым, так и их людям. С полною верою в силу ходатайства угодника Божия Серафима, Тепловы отправились на родник, напились и умылись из него и наполнили водою из него целую бочку, которую отвезли в свое именье. И действительно, больные люди Теплова, из коих многие были уже при смерти, получали дивное исцеление, пользуясь исключительно присланною им водою, и никто с тех пор не умирал от холеры в имении Теплова.

Но преподобный Серафим видел не только земное: неоднократно открывались ему и небесные тайны. Однажды после продолжительной беседы с иноком Иоанном с младенческою доверчивостью относившимся к святому старцу, о житии святых Божиих, их дарованиях и небесных обетованиях, последний несколько раз повторил ему:

– Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя.

Потом преподобный поведал и о себе:

– Усладился я словом Господа моего Иисуса Христа: «**В доме Отца Моего обителей много**» (Иоан. 14:2). И остановился я, убогий, на этих словах, и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтобы Он показал мне их, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Вот я и был восхищен в эти небесные обители, – только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал – сказать тебе невозможно.

С сими словами преподобный замолчал, склонился несколько впредь, голова его поникла, глаза закрылись, и старец протянутою кистью правой руки мирно и тихо водил против сердца. Лицо его дивным образом изменилось и издавало такой необычайный свет, что невозможно было даже смотреть на него; на устах же и во всем выражении его просветленного лица сияла такая духовная радость, что он казался как бы земным Ангелом, как будто что-то умиленно созерцая и слушая.

Так прошло с полчаса, после чего преподобный заговорил:

– Ах, если бы ты знал, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидает праведного на небе, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби с благодарением. Если бы самая эта келья была полна червей, и они бы всю жизнь нашу ели нашу плоть, то и тогда надо бы на это со всяким желанием согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости.

Влияние благодатного старца не ограничивалось лишь Саровскою пустынью. Исключительное значение он имел для развития местного женского иночества. Особенно трогательны были отношения преподобного Серафима к Дивеевской общине, основанной около 1780 года помещицей Владимирской губернии, вдовой полковника Агафьей Семеновной Мельгуновой. В молодых летах лишившись мужа, она возымела намерение посвятить жизнь свою Богу и с этою целью обошла многие святые места. И вот, отдыхая верстах в двенадцати от

Саровской обители, в селе Дивееве, она в полусне увидала Божию Матерь, поручавшую ей остаться на сем месте и воздвигнуть храм в честь Казанской чудотворной иконы Ее. Впоследствии к Мельгуновой, принявшей монашество с именем Александры, присоединились еще и другие подвижницы, и таким образом было положено начало Дивеевской обители, с которою неразрывно связано имя преподобного Серафима Саровского. Еще сама первоначальница Дивеевской обители, умирая, поручила будущую участь сестер преподобному Серафиму, бывшему в то время иеродиаконом, и блаженный старец Пахомий, игумен Саровский, оставляя мир сей, на него же возлагал попечение о Дивеевской общине. Преподобный Серафим заботился о ней с истинно отеческою любовью и попечительностью. Дивеевские сестры ходили к нему за благословением и разрешением различных недоумений, передавали о своих нуждах. Старец же попечительно преподавал им добрые и душеполезные советы, со всею заботливостью вникая в жизнь и порядки общины.

По молитвам преподобного, на средства благотворителей, питавших особенную веру к нему и получивших по его молитвам исцеления, Дивеевская община значительно расширилась, чего требовала и самая населенность ею. Вместе с тем святой Серафим разделил обитель под общим начальством и руководством на две половины, так что в некотором расстоянии за особой оградой воздвиглись новые кельи с отдельным храмом, и явился как бы новый монастырек. «На это, – говорил он, – есть изволение Господа и Божией Матери». Так сделал угодник Божий потому, что считал неудобным и неполезным, чтобы чистые девы жили вместе со вдовами, проведшими некоторое время в брачной жизни. По указанию Пресвятой Богородицы, старец выбрал для этого место саженях в ста от Казанской Дивеевской церкви на пожертвованном для этого участка, причем на вновь приобретенной земле устроил для Дивееских сестер собственную мельницу. Таким образом, преподобный Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую

общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутою Агафъей Семеновной Мельгуновой [67*].

Заботясь о сестрах Дивеевских, в особенности о «своих мельничных сиротах», как обыкновенно называл преподобный Серафим сестер вновь отделенной общины, он неустанно утешал их в скорбях их многотрудной, исполненной тяжких лишений, иноческой жизни, удерживал малодушных, из коих некоторые хотели возвратиться даже к мирской жизни, ибо многие стеснялись крайними лишениями, так как обитель тогда ничем не была обеспечена. Но благодаря благодатному влиянию преподобного Серафима Дивеевская обитель стала привлекать к себе более и более сестер, искавших под отеческим руководством святого старца, богоугодной иноческой жизни. Некоторые посвящали жизнь свою Богу в Дивеевской обители из благодарности за исцеления, полученные по молитвам святого старца. Иных он, по своей прозорливости, с малолетства как бы предназначал к сему, и заранее, в духе сего предназначения, руководствовал к поступлению в обитель. А когда сестры общины, боясь за ее будущность ввиду ее материальной необеспеченности и неопределенности положения, скоробели о том, старец, утешая их, говорил, что сие место избрала для них Сама Царица Небесная, Которая во всем им поможет, так что у них и хлеба свои будут и церкви, и устав церковный будет как в Сарове, и что он «убогий Серафим», всегда за них колени преклоняет. Сестры Дивеевской обители находились в полном послушании преподобного Серафима. Без благословения старца ничего не начинали. Когда какая-либо сестра хотела на время отлучиться из обители, то, как пред выходом, так и по возвращении в обитель, являлась к преподобному на благословение.

Для сестер Дивеевской обители Серафим оставил особое молитвенное правило, равно как преподал им наставления относительно хранения ризницы и церковного имущества и т. д. Сначала сестры «мельничной общины» не имели отдельного, особого храма, что представляло для них довольно значительные неудобства. Но после того как угодник Божий дивным образом исцелил вышеупомянутого Манторова, тот из

благодарности к старцу, согласно его убеждениям, продал свое имение и отдал все свое достояние на построение большого каменного храма для «мельничных» сестер. Храм был воздвигнут двухпрестольный: во имя Рождества Христова и Рождества Богородицы и освящен в 1829 году.

Что касается до трудов и подвигов рукоделия, то преподобный Серафим постановил для Дивеевских сестер заниматься исключительно трудом, свойственным простому классу людей. Но рисования, шитья шелками и золотом и других подобных работ, требующих некоторого углубления ума и более относящихся к искусству и предметам роскоши, старец не хотел допускать.

Все эти завещания старца строго исполнялись в Дивеевской общине. Уклонения же от них влекли обычно за собою неприятные для обители последствия; но Серафим своими молитвами охранял ее от нужды и бедствий. Так, преподобный завещал, чтобы в созданном им Христорождественском храме, где всегда должна быть читаема Псалтирь, горели пред иконой Спасителя неугасимая свеча и пред иконой Божией Матери – неугасимая лампада, и присовокупил, что, если это завещание его будет в точности исполняться, Дивеевская община не будет терпеть нужды и бедствий, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. Но однажды церковница, когда все вышли из храма, увидела, что масло все выгорало, и лампада потухла, а между тем это было последнее масло. Тогда, вспомнив о завещании старца Серафима, она подумала, что вот слова его не исполнились, и что, следовательно, и другим предсказаниям его доверять нельзя. Вера в прозорливость благодатного старца начала оставлять ее. Но вдруг она услыхала треск и, склонив голову, увидела, что лампада зажглась и полна масла, и в ней плавают две мелких ассигнации. В смятении духа поспешила она к старице Елене Васильевне Манторовой, у которой была в послушании, поведать о дивном видении. На пути ее встретил крестьянин, вручивший ей для передачи 300 рублей ассигнациями на масло для неугасимой лампады за упокой его родителей.

Не ограничиваясь данными Дивеевским инокиням завещаниями и простирая виды гораздо далее, преподобный Серафим еще при жизни своей приготовил место для построения собора, тогда как ранее сестры пользовались для молитвы приходским храмом.

– У нас, матушка, – говорил он одной Дивеевской старице, утешая ее, – и свой собор будет. На нашей земле и свои стада будут, и овечки, и волы. Что нам, матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять.

Помышляя о построении собора, преподобный выбрал и место для него недалеко от Казанской церкви, на половине расстояния между старою и новою обителью, и прибрел денег на покупку земли; но, по обстоятельствам, постройка храма была остановлена на неопределенное время.

Таким образом Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутою Агафьей Семеновной Мельгуновой. Но по духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню Александру (Мельгунову), память которой глубоко чтил. Покровительницей же новоустроенной общины старец признавал Божию Матерь.

– Вот, матушка, знайте, – говорил он одной старице, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления Своего имени: Она вам будет стена и защита.

С такою же попечительностью и любовью преподобный Серафим заботился также еще об Ардатовской обители [68*] и Зеленогорской женской общине [69*], во исполнение благодатного завета Богоматери, поручившей ему в дивном видении для руководства и устроения эти три женские обители.

К концу своей жизни преподобный сподобился от Бога необыкновенно дивных даров благодати. Дверей своей кельи он более уже никогда не запирал. В обхождении с ближними в нем всегда явно проявлялся дух христианской кротости и смиренномудрия. Беседы его, как с монашествующими, так и с мирянами, поражая своей дивной простотой, производили глубочайшее, неотразимое впечатление даже на неверующих и

маловерных, обращая их на путь спасательного покаяния. И простецы, и ученые, и раскольники – получали от бесед с ним великое духовное назидание и утешение. Дар прозорливости и чудотворений возрастал в благодатном старце все более и более. По свидетельству многих генералов, офицеров и солдат, участвовавших в Севастопольской кампании, получившие от преподобного в напутствие благословение и освященной воды и с верою повторявшие на поле битвы: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима!» – оставались целы и невредимы даже в виду крайней опасности и неизбежной смерти. Весьма часто преподобный Серафим давал душеполезные наставления для будущего, которого обыкновенному смертному никак не предусмотреть, и прозорливо читал в душе вопросы ищущих наставления, прежде чем их успевали высказать. Однажды к нему пришли две девицы – одна уже пожилая, от юности пламеневшая любовью к Богу и желавшая иночества, другая – молодая, о монашестве совсем и не думавшая. Но святой старец первой из них сказал, что к монашеству ей дороги нет, а в браке она будет счастлива, а второй сказал, что она будет инокинею, назвав даже монастырь, в котором она будет подвизаться. Обе девицы вышли от старца с недоумением и неудовольствием, но последствия оправдали его, и предсказания святого старца сбылись в точности. Душа человеческая была открыта пред преподобным, как бы лицо в зеркале. Некоторых, из ложного стыда боявшихся обличения старца, он исповедовал, сам сказывая их грехи, как будто они при нем были совершены. Часто угодник Божий одним своим видом и простым словом приводил грешников к сознанию, и они решались исправиться от своих пороков. Так, однажды к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как бы кем-то был отталкиваем. Наконец сам старец обратился к нему и строго спросил: «А ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения в присутствии всех бывших начал вслух раскаиваться в своих пороках и особенно в совершенной им перед тем краже, сознаваясь, что он недостоин явиться пред лицо такого светильника.

Неоскудные исцеления истекали от святого подвижника, но он, когда то замечали, со смирением возражал, что это творится не им «убогим», а молитвенным предстательством Богоматери и Апостолов Христовых. Все пившие и умывавшиеся из источника Серафимова, по его благословению, получали дивные исцеления от своих недугов; такую целебную силу вода эта получила по молитве преподобного Серафима. Одному иноку, страдавшему полным расслаблением рук, старец, взяв сосуд со святою водою, сказал: «бери и пей», тот выпил воды и исцелел.

Других исцелял он елеем из лампады, горевшей всегда у него в келье перед иконой Божией Матери. Одного крестьянина, умиравшего от холеры, угодник Божий исцелил, приложив к иконе Богоматери, напоив его святой водой и велев обойти кругом обители и, зайдя в собор, помолиться в нем, где, согласно предсказанию старца, «милосердие Божие» исцелило умиравшего. Многим преподобный Серафим являлся еще при жизни своей и в сонных видениях и исцелял от пагубных болезней, особенно в холерное время, когда от освященной из Серафимова источника воды исцелялись, по милости Божией, не только отдельные личности, но и жители целых селений. Бесноватых угодник Божий исцелял иногда одним своим присутствием, крестом и молитвою. Молитвы Серафима были так сильны пред Богом, что бывали примеры восстановления болящих от смертного одра. Так, жена некоего Воротилова была при смерти; муж ее, питая большую веру к преподобному, обратился к нему со слезной просьбой помочь болящей жене его; но старец объявил, что жена его должна умереть. Тогда Воротилов, обливаясь слезами, припал к ногам его, умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Преподобный погрузился минут на десять в «умную» молитву, потом раскрыл глаза, поднял Воротилова на ноги и радостно сказал ему: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей жизнь. Гряди с миром в дом свой». Воротилов с радостью поспешил домой, где узнал, что жена его почувствовала облегчение и именно в ту минуту, когда преподобный Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Иным старец предсказывал близкую смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского погребения; другим предсказывал для исправления о наказании Божием, имеющему постигнуть их в случае нераскаянности. В Боге почившему наместнику Троице-Сергиевой Лавры, архимандриту Антонию [70*], бывшему в то время строителем Высокогорской обители, он предсказал скорое и неожиданное перемещение в «великую Лавру, которую вверяет ему Промысел Божий».

Приближаясь к концу своего многотрудного жития, преподобный не только не смягчал скорбей его, но к прежним подвигам присоединял новые труды и подвиги. Спал старец в последние годы своей жизни, сидя на полу, спиной прислонившись к стене и протянувши ноги; иногда же преклонял голову на камень или на деревянный обрубок, или ложился на мешках, кирпичах и поленьях, находившихся в его келье; приближаясь же к минуте своего отшествия из сего мира, становился на колени и спал лицом к полу на локтях, поддерживая руками голову. Пищу он вкушал однажды в день, вечером; одежду носил убогую и бедную. А на вопрос одного богатого человека, зачем он носит такое рубище, старец отвечал:

– Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы [71*].

Преподобный Серафим совсем уже умер для мира, не переставая в то же время с беспредельной любовью молитвенно предстательствовать пред Богом за живущих в нем. Небо стало для него совсем родным. Когда Курские посетители спрашивали Серафима, не имеет ли он передать чего своим родственникам, он, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкой промолвил:

– Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец.

Вся Россия в это время знала и чтила преподобного Серафима как великого подвижника и чудотворца [72*]. Однажды замечено было, что во время молитвы старец стоял на воздухе, и когда видевший это в ужасе вскрикнул, старец строго запретил

ему рассказывать о том до его кончины, под угрозою возвращения болезни, от которой исцелил его [73*].

За год и десять месяцев до своей кончины преподобный Серафим сподобился благодатного посещения Богоматери. Это было в праздник Благовещения, 25-го марта. За два дня он известил о том одну благочестивую Дивеевскую старицу, которая сподобилась сего дивного видения, ради утешения ее и других Дивеевских сестер в их многоскорбном иноческом житии. Угодник Божий предупредил старицу, чтобы она ничего не боялась, а сам стал на колени, воздев руки к небу, Послышался шум, как бы от большого ветра, потом раздалось церковное пение.

– Вот Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядет к нам! – произнес преподобный.

Келью озарил яркий свет, распространилось дивное благоухание

Впереди шли два Ангела, держа ветви с только что распустившимися цветами. За ними шли в белых блестящих одеждах святой Иоанн Предтеча и евангелист Иоанн Богослов, далее Богоматерь, сопровождаемая двенадцатью святыми девами – мученицами и преподобными. Царица Небесная была облечена в мантию, какая пишется на образе Скорбящей Божией Матери, и сияла необыкновенным светом и несказанной красотой; сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи; на голове была возвышенная прекрасная корона, разнообразно украшенная крестами и сиявшая таким светом, что невозможно было смотреть на нее, равно как и на Божественный лик Самой Богоматери. Девы шли за Богоматерью попарно, в венцах, в несказанной небесной славе и красоте. Келья вдруг сделалась просторной и вся наполнилась огнями особенного света, светлее и белее солнечного. Пресвятая Дева милостиво беседовала с преподобным старцем, как бы с родным человеком. Старица же в страхе пала ниц; но Богоматерь успокоила ее и велела встать. А святые девы, утешая старицу в многоскорбной жизни, поведали ей, указывая на свои светлые венцы, что они получили их за земные страдания и поношения. Пресвятая

Богородица много беседовала с преподобным Серафимом, но старица не расслышала их беседы; слышала она только, что Пречистая просила его не оставлять Ее дев Дивеевских, обещая ему Свою помощь и заступление. Видение кончилось тем, что, показывая на венцы святых дев, Богоматерь обещала таковые же и другим девам и подвижницам. Затем, обращаясь к святому старцу, прибавила:

– Скоро, любимиче мой, будешь с нами.

Потом благословила его, после чего простились с ним и все бывшие здесь святые.

Восходя все выше и выше по лестнице добродетелей и подвигов иноческих, преподобный Серафим приблизился, наконец, к отшествию своему из сего мира. Еще за год до смерти он почувствовал крайнее изнеможение. В это время он достиг 72 лет. В пустыньку свою он стал ходить уже не часто, тяготился даже в Сарове принимать многочисленных посетителей. Тяжкие страдания ног, которые мучительно болели от непрестанных бдений, от раннейшего молитвенного стояния на камне в продолжение тысячи дней и ночей и от жестоких истязаний разбойников, не давали ему покоя до конца его жизни, и из язв на ногах непрестанно истекала материя, но видом преподобный оставался светлым и радостным духом, чувствуя ту небесную радость и славу, которую уготовал Бог любящим его.

По прежнему подавая многим верующим благодатные исцеления и содействуя благоустройству и спасению многих чудным даром своей прозорливости, преподобный Серафим начал теперь предрекать и о своей близкой кончине. Преподавая иным последние наставления, он упорно твердил: «Мы с тобою более не увидимся»; иным монашествующим лицам, а также мирянам рекомендовал впредь входить во все распоряжения и заботы о своем спасении самим, замечая, что они никогда более не увидятся и прощаются навсегда, и прося их молитв о себе. Часто видали святого старца за это время в сенцах около кельи на приготовленном для него по его просьбе гробе, где он предавался размышлениям о загробной жизни, нередко сопровождавшимся горьким плачем. О том же он

полунамеками, а иногда и прямо говорил некоторым из Дивеевских сестер, повторяя:

– Ослабеваю я силами, живите теперь одни, оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери.

Некоторые просили у угодника Божиего благословения навестить его еще предстоящим великим постом в Сарове, но он отвечал:

– Тогда двери мои затворятся, вы меня не увидите.

И по телесному виду стало очень заметно, что жизнь преподобного Серафима быстро угасает, но духом он еще более прежнего бодрствовал. Намекал он о своей близкой кончине и ближайшим друзьям и сподвижникам своим, например, блаженному иеромонаху Тимону, верному ученику своему, подвизавшемуся в Надеевской пустыне, причем преподал ему последние душеполезные наставления.

– Сей, – повторял он ему, – сей, отец Тимон, данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей и на камене, сей при пути, сей и в тернии, все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от Господина своего: но отдавай его торжникам, – пусть куплю дают.

За четыре месяца до блаженного преставления преподобного Серафима, в августе 1832 года, его навестил в его пустыни преосвященный Арсений, епископ Тамбовский (впоследствии митрополит Киевский). Осмотрев Саров, владыка подробно осмотрел и пустыню Серафимову, его убогую келью, причем побывал и в том небольшом между стеной кельи и печкой, помещении, где угодник Божий часто подвизался в молитвенных трудах и куда едва мог войти один человек, оставаясь там в стоячем или коленопреклоненном положении, ибо присесть или облокотиться нельзя было там никак. При этом святой старец поднес преосвященному в подарок «от убогого, грешного Серафима» четки, пук восковых свечей, обернутых холстиной, сосуд с красным вином и бутылку с деревянным маслом. Преосвященный, радушно приняв приношение, не понял его значения; но последствия показали ему, что подвижник Божий прикосновенно предвозвещал ему о своей

близкой кончине и предназначал вино, масло и свечи для своего поминовения, о каковом он просил преосвященного и словесно. Впоследствии преосвященный Арсений в точности исполнил желание святого старца, холстину и четки оставив у себя, а прочее употребив на поминовение на заупокойной литургии о преподобном Серафиме.

Своему келейнику преподобный неоднократно говорил, намекая на свою близкую кончину:

– Скоро будет кончина!

Одному из Саровских старцев, преподав наставления, он приказал дунуть на свечку, и, когда та погасла, сказал:

– Вот так и я погасну.

Незадолго до кончины преподобный поручил послать некоторым близким ему лицам письма, призывая их к себе в обитель, а другим, кои не могли поспеть к нему, просил после смерти своей передать от него душеполезные советы, прибавляя в объяснение сего поручения:

– Сами-то они меня не увидят!

Перед наступлением 1833 года преподобный отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора. За неделю до своего преставления, в праздник Рождества Христова, он был на Божественной литургии, причащался святых Христовых Таин и после литургии беседовал со строителем обители, игуменом Нифонтом, причем просил его заботиться о братьях особенно из младших, и завещал похоронить его по смерти в приготовленном им для себя гробе. В воскресенье 1-го января 1833-го года святой старец в последний раз пришел в больничную Зосимо-Савватиевскую церковь, приложился ко всем иконам, сам поставил свечи, и потом причастился по обычаю святых Христовых Тайн. По окончании литургии, он простился со всеми молившимися братьями, всех благословил, целовал и, утешая, говорил:

– Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь вам венцы готовятся.

Потом святой старец приложился ко святому Кресту и иконе Божией Матери и затем, обошедши кругом престола и сделав ему обычное поклонение, вышел из алтаря северными дверями,

как бы знаменуя этим, что одними вратами – путем рождения – человек входит в жизнь, а другими – вратами смерти – исходит из нее.

В тот же день соседний со старцем по келье брат Павел, часто исполнявший обязанности его келейника и приносивший к нему пищу, заметил, что преподобный раза три выходил на приуготовленное им для себя место погребения, где довольно долго оставался и смотрел на землю. Вечером тот же инок слышал, как старец пел в своей келье пасхальные песни, прославляя Воскресение Христово.

На другой день, 2-го января, отец Павел в шестом часу утра вышел из своей кельи к ранней обедне и почувствовал в сенях запах дыма и гари. В келье Серафима всегда горели не гасимые никогда старцем свечи, который на все предостережения относительно этого обыкновенно отвечал:

– Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром.

Так и было.

Сотворив обычную молитву, инок Павел постучался в двери старца, но они оказались запертыми. Тогда он сообщил об этом другим, предполагая, что старец ушел в свою пустынь и в келье горит.

Когда дверь была сорвана с внутреннего крючка, то увидали, что огня нет, но в беспорядке лежавшие книги, а также различные холщовые вещи, которые многие по усердию приносили преподобному, тлели, самого же старца не было ни слышно, ни видно. Тлевшие вещи погасили, а обо всем происшедшем сообщили и другим инокам, присутствовавшим за ранней литургией. Многие из братии поспешили к келье старца. Зажегши свечу, они увидели Серафима в обычном его белом балахончике на всегдашнем месте его молитвенных подвигов на коленях пред малым аналоем с медным распятием на шее. Руки его, крестообразно сложенные на груди, лежали на аналое на книге, по которой он совершал свое молитвенное правило пред иконой Богоматери. Думая, что старец уснул, иноки стали будить его; но душа его уже оставила земную свою храмину и возвратилась к Создателю своему. Глаза Серафима были

закрыты, но лицо оживлено и одушевлено богомыслием и молитвою; тело же его было еще тепло.

С благословения настоятеля, игумена Нифонта, братия омыли почившему подвижнику тело, одели его по иноческому чину, положили в приуготовленный им при жизни дубовый гроб, согласно завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, присланным ему его возлюбленным учеником, наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Антонием.

Весть о кончине святого старца быстро распространилась повсюду, и вся окрестность Саровская быстро стеклась в обитель. Особенно тяжка была скорбь Дивеевских сестер, потерявших в нем своего любимого духовного отца и попечителя, и скорбь их была тем безутешнее, что не было человека, который бы в состоянии был заменить его в качестве духовного руководителя.

В ночь блаженной кончины преподобного Серафима подвизавшийся в Глинской пустыни Курской губернии иеромонах Филарет, выходя из храма от утрени, указал братии на необыкновенный свет на небе и произнес:

– Вот так-то души праведных отходят на небо! Ныне душа отца Серафима возносится на небо.

В продолжение восьми дней тело преподобного Серафима было открытым в Успенском соборе. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим. Саровская обитель еще до дня погребения была наполнена тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Все единодушно оплакивали кончину благодатного старца. В день погребения его за литургией было так много народа, что местные свечи около гроба от духоты гасли. Погребение тела преподобного Серафима было совершено игуменом Саровским Нифонтом с многочисленной братией; тело было предано земле по правую сторону соборного алтаря. Над могилою воздвигнут был впоследствии чугунный памятник в виде гробницы, с надписью: «Жил во славу Божию 72 года, 6 месяцев и 12 дней».

И по блаженном преставлении своему преподобный Серафим всем обращающимся с верою к нему подавал различные исцеления и чудотворения. И тогда, когда кончилось для него земное странствование, он продолжал являть людям ту же любовь и помощь, вкладывая во все отношения к ним неизъяснимые сокровища сочувствия, именуя их с неизъяснимой добротой: «радость моя», как звал всех при жизни. Особенно часто являлся он Саровским инокам и Дивеевским сестрам для их исцеления и утешения.

Так, спустя не более полгода после блаженной жизни старца Серафима, одна сестра Дивеевской обители подверглась припадкам беснования. Но вот в одну ночь она видит, будто находится в Дивеевской церкви, где был и преподобный Серафим. Старец, взяв больную еще с другой находившейся здесь сестрой за руки, как будто бы ввел больную в алтарь, обошел с ней кругом престола, и она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение и вполне пришла в себя; проснулась она совершенно здоровой, и с тех пор не подвергалась прежним припадкам и пользовалась полным здоровьем.

Другая сестра Дивеевской обители сильно заболела глазами. Накануне нового 1835 года видит она сон, что находится в церкви Тихвинской Божией Матери и что из царских врат выходит в белой ризе преподобный Серафим, подает воздух и велит отереть им глаза.

Она спросила его:

– Ты ли это, батюшка?

Серафим отвечал:

– Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю.

После этого старец сделался невидим. С того времени болезнь глаз прошла у инокини.

Известный и всеми уважаемый под именем «Святогорца» русский подвижник Афонской горы, иеромонах Серафим, в схиме Сергий, в своих келейных записках передает следующее:

«В 1849 году я заболел. Болезнь моя была убийственная, я не думал, что останусь живым. Никакие средства не могли восставить меня. Я отчаялся. Только в поздний вечер 1850 года вдруг кто-то тихо говорит мне; „Завтра день кончины отца Серафима, Саровского старца; отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду, и он тебя исцелит”. Это меня сильно утешило. Я хотя лично не знал отца Серафима, но в 1838 году, бывши в Сарове, возымел к нему веру и любовь. Эти чувства еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что служу молебен отцу Серафиму от всей души и громко воспеваю; „Преподобие отче Серафиме, моли Бога о нас!” Только, когда нужно было читать Евангелие, я не знал, какое читать, преподобного или другое. Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-е зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренне верю, что отец Серафим – великий угодник Божий. Но обращусь к начатому (т.е. к рассказу о своей болезни в 1849 году). По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению отца Серафима, я попросил, сам будучи не в силах отслужить по нем литургию и панихиду, и лишь только это сделал – болезнь моя миновалась: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприязненного. И с той поры поныне благодатью Божией здоров».

В 1858 году Дивеевская инокиня Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами, набивала льдом огромный общий ледник и, нечаянно поскользнувшись, упала на дно с высоты трех сажен. Ее подняли замертво, причем она жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, и малейшее прикосновение повергало ее в продолжительный обморок. Приехавший лекарь нашел положение ее очень опасным. Спустя две недели, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на Великий четверг забылась она тонким сном, в котором увидала, что преподобный Серафим вошел к ней в келью и сказал: «Я пришел навестить своих нищих (так и при жизни называл он вверенных его попечению Дивеевских сестер); давно здесь не был». Больная с горькими слезами воскликнула: «Батюшка, как у меня бок-то болит!»

Старец же, сложив три перста правой руки, три раза перекрестил расшибленное место, говоря: «Прикладываю тебе пластырь и обвязания», – после чего стал невидим. Евдокия проснулась, но в келье было совершенно пусто и тихо, и она снова заснула. В пять часов утра она проснулась лежащею на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней старца Серафима, она говорила, что «долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте». В тот же день она одна без всякой помощи встала с кровати и поведала всем о чудесном своем исцелении.

Многим преподобный подавал исцеления, советуя пить воду из своего источника и омываться ею. Так, два года спустя после кончины старца одна сестра Дивеевской обители была больна горячкой и находилась при смерти, причем совершенно потеряла способность владеть рукою. И вот видит она во сне преподобного, который спрашивал, почему она не придет к нему на источник, и, взяв за больную руку, поднял, приказывая непременно исполнить это. Проснувшись, инокиня почувствовала, что рука ее исцелена; когда же сестры отвезли ее в Саров на источник Серафимов и облили водою из него, то она получила полное выздоровление.

Ротмистр Теплов, питавший особое уважение к преподобному Серафиму, в 1834 году приехал в Саров с трехлетней дочерью, болевшей ногами. Отслужив панихиду на могиле старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив ребенка водою из сего источника и омыв ему ноги, взяли воды в монастырь, с намерением отслужить над нею молебен с водоосвящением. Но, при входе в монастырь, девочка вырвалась из рук няньки и побежала вперед, как здоровая, и получила совершенное исцеление.

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии А. А. Борзко, восьми лет, начал страдать спазмами в желудке, превратившимися в сильную болезнь со страшными, изнурительными припадками, так что родители стали отчаиваться за его жизнь. В это время рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С. Д. Давыдова

подарила матери больного ребенка описание жизни и подвигов Серафима Саровского, которое и стали читать оба родителя ребенка, дивясь действиями благодати Божией, явившимся в преподобном. В одну ночь ребенок увидел во сне Спасителя, окруженного Ангелами, Который обещал больному выздоровление, если он исполнит то, что прикажет ему старец, который придет к нему. Потом явился ему старец и, называя себя Серафимом, сказал:

– Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым, и три дня утром и вечером омывай голову, грудь, руки и ноги, и пей.

Утром ребенок рассказал свой сон родителям, которые недоумевали, как достать воды, и скорбели о том. На другое утро ребенок рассказал другой сон: к нему являлась окруженная Ангелами Божия Матерь, и с любовью приказывала исполнить слова старца. В этот самый день вернулась путешествовавшая в Саров госпожа Давыдова, и родители просили помочь им достать воды из источника Серафимова. Та тотчас же прислала им бутылку этой воды. И когда поступили по наставлению старца, дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело.

Иных преподобный Серафим спасал от разбойников и воров, чудесно являясь им с угрозами. Так, однажды Муромскими лесами шла богомолка. Услыхав в глухом месте страшные крики и стоны, она вынула находившееся при ней изображение Серафима и перекрестила им себя и то место, откуда раздавались крики. Вскоре неподалеку были найдены два изувеченных человека, которые рассказали, что разбойники хотели их убить, но вдруг разбежались. Пойманные впоследствии разбойники, каясь о разбое в Муромском лесу, рассказали, что, когда они готовились нанести своим жертвам последний удар, вдруг из лесу выбежал седой, согбенный, в измятой камилавке монах с грозящим пальцем в белом балахоне, с криком: «Вот я вас!» А за ним бежала с кольями толпа народа. Им показали изображение Серафима, отобранное от странницы, и они признали его.

Шацкой купчихе Петаковской, знавшей старца при жизни и глубоко чтившей его, однажды явился во сне преподобный Серафим и сказал:

– В ночь воры взломали лавку твоего сына, но я взял метелку, и стал мести около лавки, и они ушли.

Действительно, поутру все запоры были найдены вырванными, но лавка – целой и нетронутой.

В 1865 году, в доме некоей госпожи Бар, перед Рождеством, когда там раздавали, по обычаю, пособия нуждающимся, преподобный явился в виде согбенного, седого старца. Раздатчице подаяний он объяснил, что пришел не за подаянием, а ему нужно самому видеть хозяйку. Когда одна прислуга шепнула другой, что это, вероятно, бродяга, старец, обещая вскоре зайти, когда будет хозяйка, ушел. На раздатчицу напало раскаянье, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез, а от хозяйки все скрыли.

Подозрительной же слуге кто-то сказал во сне:

– Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий.

На следующее же утро госпоже Бар была прислана по почте посылка с изображением преподобного Серафима кормящим медведя, в каковом изображении беседовавшие накануне со святым старцем узнали его.

Много и иных чудесных знамений и исцелений являл преподобный Серафим по блаженном своем преставлении. В продолжение семидесяти лет со дня кончины преподобного Серафима совершались непрерывно исцеления по вере прибегающих к нему с молитвою и с верою в предстательство его пред Господом. В 1891-м году над гробницей преподобного Серафима выстроена была часовня. Память о высоком подвижническом житии святого старца и вера в силу его молитвенного предстательства с течением времени не только не ослабевала, но все более и более возрастала и утверждалась среди православного народа во всех его сословиях. Вполне разделяя народную веру в святость старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к надлежащим распоряжениям о

прославлении угодника Божия. В 1895-м году преосвященным Тамбовским было представлено в Святейший Синод произведенное особой комиссией расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам старца Серафима, коих обследовано было до 94 случаев. После того преосвященным Тамбовским дважды, в начале и в конце 1897 года, представлялись в Святейший Синод собрания копий письменных заявлений разных лиц о чудесных знамениях и исцелениях совершавшихся по молитвам святого Серафима. Наконец, в 1902-м году, 19-го июля, в день рожденья старца Серафима, его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу благоугодно было вспомянуть и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца. В начале следующего 1903 г. Святейший Синод в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, совершающихся по молитвам старца Серафима, определил признать его в лике святых, благодатью Божией прославленных, а всечестные останки его – святыми мощами. Иждивением Их Императорских Величеств для них была изготовлена богатая сребропозлащенная рака. Торжественное прославление новоявленного угодника Божиего было совершено в присутствии Их Императорских Величеств Государя Императора и Государынь Императриц и других членов Августейшей фамилии и многотысячных масс народа 19-го июля 1903 года и сопровождалось многочисленными исцелениями, истекавшими по молитвенному предстательству преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Молитвами его да сохранит Господь Бог и нас всех от всякой скорби и болезни! Богу же, дивному во святых Своих, да будет всякая честь, слава и поклонение – всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и тому единому работати пламенне вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем

любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Кондак, глас 2:

Мира красоту и яже в нем тленная оставив, преподобне, в Саровскую обитель вселился еси: и тамо Ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению: сего ради и Христос тебе, отче Серафиме, прослави, и даром исцелений и чудес обогати. Темже вопием ти: радуйся, Серафиме, преподобне отче наш.

Житие святого отца нашего Сильвестра, папы Римского

Память 2 января

Святой Сильвестр родился в Риме. Он был воспитан в святой вере и учился у пресвитера Квирина, как наукам, так и доброй нравственности. Достигши совершеннолетия, он стал великим страннолюбцем и из любви к Богу и ближним вводил в свой дом странников и, омыв им ноги, угощал их, доставляя им полное успокоение. Когда из Антиохии пришел в Рим святой муж и исповедник Христов[82] епископ Тимофей, чтобы проповедать здесь Евангелие Царствия Христова, то Сильвестр принял его в свой дом и, видя его святое житие и слушая его учение, еще более преуспел в добродетелях и вере. Пробыв в доме Сильвестра год и несколько месяцев, Тимофей обратил из идолопоклонства к истинному Богу многих римлян, за что и взят был городским префектом[83] Тарквинием в темницу. После долговременного пребывания в узах и темнице, он был подвергнут биению, но и после того отказался принести жертву идолам, за что был усечен мечом и принял мученическую кончину. Блаженный Сильвестр, взяв ночью его святые мощи, похоронил их с подобающими погребальными песнопениями в своем доме. Впоследствии одна благочестивая женщина, по имени Феонисия, на свои средства построила храм в честь святого Тимофея, с благословения римского епископа Мелхиада[84], который и перенес в этот храм мощи святого мученика. Городской же префект Тарквиний, призвав Сильвестра, требовал у него имущества, оставшегося после Тимофея, и принуждал его принести жертву идолам, угрожая за неповиновение страшными муками. Сильвестр же, предвидя неожиданно скорую смерть префекта, сказал ему евангельскими словами:

– «В сию ночь душу твою возьмут у тебя» (Лк. 12:20), а то, что ты угрожаешь сделать со мною, то не сбудется.

Разгневавшись на эти слова, префект повелел заключить святого в железные оковы и бросить в темницу; сам же сел

обедать. Во время обеда в горле у него остановилась рыбья кость, которую не могли извлечь никакими средствами, даже при помощи врачей; промучившись с обеда до полночи, Тарквиний умер, согласно предсказанию святого, и наутро родные отнесли тело его с плачем на место погребения. Сильвестра же верующие с радостью вывели из темницы, и он стал почитаем с этого времени не только верующими, но и неверующими, ибо многие из служителей со двора префекта, видя, как исполнилось предсказание Сильвестра, убоялись и припадали к ногам его, опасаясь, чтобы и с ними не случилось какого-либо несчастья, как с их господином; другие же, будучи убеждены тем чудом, прямо обратились ко Христу. Вскоре после того святой Сильвестр был принят в клир римской церкви и принял сан пресвитера от папы Марцеллина[85]. После кончины папы Римского Мелхиада он был избран единодушно всеми папой[86] и взошел на епископский престол. Он поставлен был на вид всех, как ярко горящая свеча на свечнике, и пас стадо Христово, как новый апостол, словами и делами своими направляя его на спасительную пажить.

Заметив, что некоторые члены клира забыли об обязанностях своего служения и занялись светскими житейскими делами, он снова заставил их возвратиться на служение Церкви и при этом издал постановление, чтобы никто из посвященных не занимался торговыми делами. Он же установил для римских христиан новые названия дней седмицы. Римляне в то время первый день, который мы называем неделей, называли днем солнца, а остальные дни именовались у них днями Луны, Марса, Меркурия, Зевса, Венеры, Сатурна[87]. Гнушаясь нечестивыми именами языческих богов, Сильвестр повелел называть первый день днем Господним[88], потому что в этот день совершилось преславное Воскресение Господа нашего из мертвых, прочие же дни так, как и ныне именуют их римские христиане[89]. Сделал также он постановление о том, чтобы христиане держали пост только в одну субботу, в которую Христос умер и сошел в ад, чтобы разорить его и извести оттуда прародителя нашего Адама

вместе с другими праотцами; в прочие же субботы поститься запретил[90].

В то время в Риме, в глубокой пещере, под Тарпейскою скалой[91], гнездился огромный змей, которому язычники всякий месяц приносили жертвы, как богу; когда же этот змей выходил из пещеры, он отравлял своим ядовитым дыханием воздух, и многие из живых вблизи того места умирали, чаще всего дети. Святой Сильвестр, желая избавить людей от пагубного змея и обратить их от безбожия[92] к истинному Богу, созвал живших в городе христиан и заповедал им три дня поститься и молиться, причем сам постился и молился больше всех. В одну ночь явился ему в видении святой апостол Петр и повелел, чтобы он взял с собою несколько священников и диаконов и пошел без страха к пещере, где жил змей. При входе в пещеру Сильвестр должен был совершить Божественную службу, потом войти внутрь пещеры и, призвав имя Господа Иисуса Христа, заключить там змея, чтобы он уже никогда не выходил оттуда. Святой, по повелению Апостола, пошел к пещере и, по совершении Божественной службы, вошел туда и, найдя в ней какие-то двери, затворил их говоря:

– Да не открываются сии двери до дня Второго Пришествия Христова!

Так, заключив в пещере змея, он лишил его выхода навеки. Язычники же думали, что Сильвестр со своим клиром будет пожран змеем. Но когда они увидели его вышедшим без всякого вреда для него, то удивились; видя, что змей уже больше не выходит с тех пор, многие познали силу истинного Бога и присоединились к верующим.

В то время царством римским правил Константин Великий, который еще не принял святого крещения, хотя и уверовал всем сердцем во Христа. Он издал указ о том, чтобы никто не дерзал хулить Христа и преследовать христиан, приказал запереть идольские храмы и прекратить языческие жертвоприношения, а христиан находящихся в изгнании, выпустил на свободу и освободил заключенных в темницы. Вместе с тем царь был внимателен к просителям и исполнял всякую справедливую просьбу; из имения своего он раздавал щедрую милостыню

нищим. В Риме и за пределами его, по империи, Константин велел воздвигать христианские храмы. Церковь Христова день ото дня возрастала и умножалась в числе своих чад, а идолопоклонство умалялось. Это привело в радость верующих, которых в Риме было уже так много, что они хотели изгнать из города всех не желавших стать христианами, Царь, однако, запретил это народу, сказав:

– Бог наш не хочет, чтобы кто-нибудь обращался к Нему, будучи принужден к этому; а кто по своему расположению и с добрым намерением приступает к Нему, к тому Он благоволит и милостиво его принимает. Итак, кто как хочет, так пусть и верует с полною свободою, и пусть один не преследует другого.

От этого царского слова народ еще больше возрадовался, видя, что царь представляет каждому жить по своей вере, как кому желательно.

Радовались верующие не только в Риме, но и по всей империи, ибо повсюду верные, мучимые за Христа, были выпускаемы из уз и темниц, возвращались из заточения исповедники Христовы, безбоязненно возвратились домой христиане, скрывавшиеся в пустынях из страха пред мучителями, и гонение повсюду прекратилось.

Но исконный враг христианства – дьявол, не вынося такого зрелища церковного мира и распространяющегося света благочестия, внушил евреям мысль обратиться к достохвальной Елене, матери царя, жившей тогда в своем отечестве, Вифинии[93].

– Хорошо поступил царь, сын твой, сказали они Елене, – что оставил нечестие и ниспроверг идольские храмы; но нехорошо, что он уверовал в Иисуса и чтит его, как Сына Божия и истинного Бога, тогда как Он был еврей и волшебник, прельщавший людей разными привидениями, которые Он вызывал Своею волшебною силой; Его, как преступника, Пилат после мучений, повесил на кресте. Итак, ты, царица, должна вывести царя из такого заблуждения, чтобы Бог не прогневался на него и чтобы с ним не приключилось какого-нибудь несчастья.

Выслушав это, Елена уведомила о том письменно сына своего, Константина. Прочитав письмо, он ответил своей матери также через письмо, чтобы иудеи, сообщившие ей это, явились с нею в Рим и чтобы здесь вступили в состязание о вере с христианскими епископами; какая сторона одолеет, той, значит, и вера правильнее. Когда царица объявила об этом повелении царя иудеям, тотчас собралось множество ученых евреев, изучивших свой закон, знавших и учение пророков, и греческую философию и готовых к состязанию, и все они с царицею Еленою отправились в Рим. Между ними был один мудрейший раввин[94], по имени Замврий, который не только изучил в совершенстве эллинскую философию и еврейские книги, но в то же время был и великим волшебником. На него-то евреи возлагали всю свою надежду, думая, что если он не одолеет христиан в словесном споре, то поразит их своими волшебными знамениями.

Когда настал день препирательства евреев с христианами, царь сел на престоле, окруженный всем своим синклитом,[95] и пред ним предстал святой Сильвестр с небольшою дружиною сопровождавших его, в числе которых было и несколько приехавших в то время в Рим епископов. Вошли затем и евреи, в количестве ста двадцати человек, и тотчас началась беседа, которую царица Елена слушала, сидя за занавесом, а царь с синклитом обсуждал то, что говорилось с той и другой стороны. Сначала евреи потребовали, чтобы со стороны христиан на прение с ними выступили двенадцать мудрейших христиан, но святой Сильвестр воспротивился им, говоря:

– Мы полагаем надежду не на множество людей, но на Бога, всех укрепляющего, призывая Которого на помощь говорим: пробудись, Боже, рассуди дело Твое![96]

– Это – слова из нашего писания, – возразили иудеи, – ибо наш пророк написал их; тебе следует говорить словами своих книг, а не наших!

Сильвестр отвечал на это:

– Правда, сначала вам сообщено было писание Ветхого Завета и проповеди пророков, но они в то же время и наши, потому что в них говорится много о Христе, Господе нашем.

Итак, наш спор должен основываться на ваших книгах ибо, тогда как ваши книги стали и нашими, наши вам чужды и вы скорее поверите книгам своим, чем нашим. Поэтому мы на основании ваших книг покажем вам истину, коей вы противитесь; такая победа будет славнее и очевиднее, когда мы, взяв оружие из рук врага, этим оружием и победим его!

– Сии слова епископа, – заметил царь, – справедливы, и в этом ему нельзя прекословить; ибо если из ваших книг, иудеи, христиане приведут вам свидетельство о своем Христе Боге, то, конечно, за ними останется верх и вы будете поражены своими же собственными книгами.

Весь синклит выразил похвалу этому царскому решению. Тогда евреи начали говорить христианам следующее:

– Вседержитель наш Бог в книге Второзакония говорит: Видите ныне, видите, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня (Втор. 32:39). Как же вы называете Богом Иисуса, Который был простым человеком и Которого отцы наши распяли? Как вы вводите трех богов: Отца, в Которого и мы веруем, и Иисуса, называя его Сыном Божиим, а третьего Бога называете Духом? Веруя так, разве вы не идете против Создателя всего, Бога, учащего, что других богов, кроме Него, нет?

На это богодухновенный Сильвестр отвечал:

– Если вы без всякого предубеждения и раздражения вникнете умом своим в Писания, то убедитесь, что мы не вводим ничего нового, когда исповедуем Сына Божия и Святого Духа, ибо это – не наши слова, но Откровение Божие, содержащееся в книгах пророков Божиих. Прежде всего, пророк и царь Давид, предвозвещая восстание отцов ваших на нашего Спасителя, сказал: Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его? (Пс. 2:1–2) Итак, здесь, называя его Христом и Господом, он указывает не одно лицо, а два. А что Христос есть Сын Божий, об этом возвещает тот же пророк такими словами: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне (днесь) родил Тебя» (Пс. 2:7). Иной родивший и иной – рожденный!

На это иудеи сказали:

– Говоря, что Бог родил, ты бесстрастного делаешь страстным. Каким образом и Сын, рожденный в известное время и имевший временное бытие, может быть Богом? Ибо слово «днесь" указывает на известное время и не позволяет признавать Сына вечным Богом.

Сильвестр отвечал:

– Мы не говорим, что в отношении к Богу имело место рождение страстное; мы исповедуем, что Божество – бесстрастно и что рождение Сына было таким, каково бывает рождение слова из мысли. Мы не вводим учения о временном рождении Сына от Отца, но веруем в вечное рождение Его, не подлежащее условию времени, ибо знаем, что Творец времени есть Сын вместе с Отцом и Духом, а Творец времени Сам не находится под временем. Выражение же: Я ныне родил Тебя, обозначает не горнее и предвечное Божественное рождение, но дольнее, которое имело место в известное время и совершилось во плоти, принятой ради нашего спасения[97]. Пророк знал, что Христос – Бог предвечный, почему и говорит: «Престол Твой, Боже, вовек» (Пс. 44:7). Предвозвещая же имевшее совершиться в последующее время воплощение, он сказал: «Ты – Сын Мой! Я ныне родил Тебя». Итак, этими словами: «Ты – Сын Мой» он указывает не на временное, но на предвечное Его рождение; а словами: «Я ныне родил Тебя» обозначает Его рождение, совершившееся в известное время. Сказав: «Я ныне родил Тебя», пророк показал что и то рождение Сына, которое должно было совершиться в известное определенное время, Отец приписывает Себе Самому, потому что оно должно быть по Его воле. Но уже и то даже выражение: «Я ныне родил Тебя» указывает на вечность рождения Божия, в которой нет действия прошедшего и будущего, а всегда только одно настоящее. О Духе же Святом тот же Давид свидетельствует такими словами: Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32:6). Итак, здесь упоминает он о Трех лицах: Бог – Отец и Сын, Которого называет Словом ради его вышнего и бесстрастного рождения и о Святом Духе. И в другом месте он говорит: «Духа Твоего Святого не отними от меня» (Пс. 50:13). И опять: «Куда пойду от

Духа Твоего» (Пс. 138:7)? Сими словами пророк ясно показывает, что существует Дух Святой, Который наполняет Собою все. И еще говорит: «пошлешь дух Твой – созидаются» (Пс. 103:30). Не Давидом ли все это сказано? Но и Боговидец Моисей в книге Бытия приводит такие слова Божии: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1:26). С кем же тогда говорил Бог, если с Ним не было какого-то другого Лица? Никто не скажет, чтобы это сказал Бог Небесным Силам, ибо те самые слова: «по образу Нашему» не дают никакой возможности так думать; не один и тот же образ и подобие у Бога и Ангелов, как не одинаково существо и сила их с Богом, но иное – существо Божие и иное – Ангельское. Итак, нужно предположить, что был Кто-то Иной в беседе, с Кем Бог сказал те слова: «по образу Нашему». Этот Иной должен был быть таким, Который бы имел одинаковое существо с говорящим Богом совершенно тождественный с Богом по образу и подобию. Кто же это мог быть, как не Сын, Который единосущен Отцу, равен с Ним по славе и власти, будучи неизменным образом Божиим? Что же мы вводим нового, когда веруем и утверждаем, что существуют Отец и Сын и Святой Дух? И если язычникам это представляется невероятным и неосновательным, то это неудивительно, ибо они не знают Священного Писания. Но почему не веруете этому вы, которые изучаете слова святых пророков, из коих ни одного, который бы не пророчествовал о нашем?

После того святой Сильвестр хотел подробнее говорить о Пресвятой Троице, но царь, прервав его речь, сказал иудеям:

– Те слова, которые предложил нам из Писания епископ, так ли читаются, иудеи, и в ваших книгах?

Они отвечали:

– Так.

Тогда царь сказал:

– Итак, в том споре о Пресвятой Троице, мне кажется, вы побеждены.

– Нет, добрый царь, – возразили иудеи, – Сильвестр ни за что не победит нас, если и мы выскажем против него, что имеем; а мы могли бы сказать многое, но видим, что напрасно

нам препираться с таким усердием о Троице. Не о том мы пришли говорить, один ли Бог или три, а о том что Назарянин – не Бог. Ибо если и согласиться с тем, что существуют три Бога, все-таки из этого еще не следует что нужно веровать в то, что Иисус есть Бог. Он был не Бог, а человек, рожденный от людей и живший с грешными людьми, евший и пивший с мытарями и, как пишется о нем в Евангелии, он был искушаем от дьявола, потом предан учеником, взят, осмеян, избит, напоен желчью и оцтом, лишен одежд, разделенных между воинами по жребию, пригвожден ко кресту, умер и погребен. Как такой может назваться Богом? Об этом-то, царь, говорим мы теперь против христиан, что они вводят сего нового Бога. Итак, если они могут что сказать о Нем и если у них есть какие-либо свидетельства, то пусть скажут нам!

После этого начал говорить святой Сильвестр:

– Не трех Богов мы признаем иудеи, как вам кажется, но исповедуем единого Бога, Которого почитаем и Которому поклоняемся, как Сущему в Трех Лицах или Ипостасях. Вам бы следовало рассудить о справедливости тех слов, какие я привел из ваших же книг в ответ на первый предложенный вами вопрос, и по поводу их вступить в прение, но так как вы отказываетесь теперь говорить о сем, то побеседуем о Господе нашем Иисусе Христе, чего вы и сами хотите. Начнем со следующего. Бог, приведший все в бытие, когда создал человека и увидел его склонившимся ко всякому злу, не презрел погибающего дела рук Своих, но соблаговолил, чтобы Сын Его, пребывая нераздельно с Ним (ибо Бог находится везде), сошел к нам на землю. Итак, Он сошел и, родившись от Девы, стал под законом, «чтобы искупить подзаконных» (Гал. 4:4–5). А о том, что Он имел родиться от Девы, предсказал Божественный пророк Исаия в таких словах: «се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис. 7:14). Имя же это, как и вы знаете, указывает на пришествие Божие к людям и в переводе на греческий язык значит: с нами Бог. Итак, пророк задолго предсказал, что Бог родится от Девы.

Иудеи возразили:

– В нашем еврейском тексте книга пророка Исайи не имеет в себе выражения «дева», но упоминает об «отроковице» – молодой женщине; вы исказили писание, написав в своих книгах вместо «отроковица» слово – «дева».

Святой епископ Сильвестр отвечал:

– Если в ваших книгах написано не «девица», а «отроковица», то не все ли одно и то же, что «отроковица», что «девица»? Когда пророк Исаия от лица Божия сказал Ахазу: проси себе знамения у Господа Бога твоего в глубину или в высоту[98], то Ахаз сказал: не буду просить и не стану искушать Господа[99]. Тогда пророк сказал: «сего ради даст Господь Сам вам знамение». Какое же? «Се дева во чреве зачнет». Если же вы говорите, что пророк говорил не о деве, а об отроковице и, что отроковица – не дева[100], то и обещанное пророком знамение не может называться знамением, ибо если отроковица, вышедшая замуж, родит, то тут нет никакого чуда, но дело обычное. Родить же, не входя в общение с мужем, есть действительно чудо; это дело необыкновенное, превышающее «естества уставов». Итак, Та Отроковица, о Которой у вас написано, была Девою, потому что Господь обещал через Нее дать знамение, и именно такое знамение, что Она, не познавши мужа, родит сверхъестественно Сына. И мы не исказили Писание, написав вместо отроковицы Деву, но, скорее, точно выразили его мысль, чтобы яснее можно было увидеть в сем оное пречудное Божественное знамение, превосходящее естество человеческое. Кто же из людей родился без семени мужского, кроме Адама, созданного из земли, и Евы, сотворенной из ребра его? И где женщина родила, не входя в общение с мужем? Итак, не было бы никакого знамения, которое обещал дать Бог, – именно если бы та отроковица зачала во чреве не сверх естества, а по естеству соединившись с мужем, – но было бы обычное для природы человеческой дело. А так как Дева чистая зачала без мужа от Святого Духа, то это и должно считаться Божиим новым и преславным знамением, и с нами теперь Бог, согласно обещанию, сверх естества рожденный от чистой Девы».

– Но так как рожденный от Марии назван не Эммануилом, а Иисусом, – возразили иудеи, – то, значит он не тот, которого обещал Бог через пророка, а другой?

Святой Сильвестр отвечал:

– В Священном Писании иногда вместо имени указывается на деятельность того или другого лица, как например: «нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз» (Ис. 8:3). Если в самом деле никогда не было того, кто назывался бы таким именем, то все-таки, так как Христос должен был победить врагов и взять у них добычу, вместо имени Его пророком указаны те дела Его, которые Он должен был совершить. В каком смысле тот же пророк говорит и об Иерусалиме: тогда будут говорить о тебе: город правды! (Ис. 1:26) Хотя никто никогда не звал тот город городом правды, а все зовут его обычным ему именем – Иерусалим, но так как в то время Иерусалим исправился пред Богом, то поэтому, от события, в нем совершавшегося, ему дано в пророчестве имя – город правды[101]. И еще в Писании могут встретиться места, где указывается вместо имени на какое-либо событие. А что Бог имел пребывать с людьми, послушай о том пророчествующего Варуха: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми»[102]. И о том, что Он должен был быть искушаем дьяволом, предсказал Захария: «И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему. И сказал Господь сатане: Господь да запретит тебе, сатана, да запретит тебе Господь, дьявол»[103]. О взятии же его предсказано в книге Соломоновой: «Неправо умствующие говорили сами в себе. Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим» (Прем. 2:1, 12). А то, что Он имел быть предан Своим учеником, предсказал псалмопевец: «который ел хлеб мой, поднял на меня пяту» (Пс.40:10). И о лжесвидетелях сказал: «ибо восстали на меня свидетели лживые» (Пс. 26:12). О распятии же его сказал: «пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои»[104]. Тот же пророк предсказал и о

разделении риз Христовых: «делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» (Пс. 21:19). И о напоении оцтом с желчью он же сказал: «И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом»[105]. И далее о погребении его он предвозвестил: «Ты положил меня в ров преисподний» (Пс. 87:7). И Иаков, ваш праотец, провидя сие духом сказал: «Преклонился он, лег, как лев и как львица»[106].

Приводя эти и многие другие свидетельства святых пророков о Христе Господе, святой Сильвестр победил евреев, ибо, так как Сам Дух Святой говорил его устами, он ясно доказал, что Христос есть истинный Бог, рожденный от Девы.

Тогда евреи сказали:

– Какая нужда была Богу родиться во плоти человеческой? Разве Он не мог иначе спасти человеческий род?

Святой отвечал:

– Для Бога нет ничего невозможного, но дьявола должен был победить тот, кто был им прежде побежден. Им побежден был человек, – человек, рожденный не обычным порядком естества, не от семени мужеского, но созданный из земли и притом из земли чистой и непорочной, как дева, – ибо она еще не была тогда проклята Богом и ее еще не осквернила ни кровь убитого брата, ни умерщвление животных, так что она еще не заражена была тлеющими телами, не осквернена какими-либо нечистыми и непотребными делами. Из такой земли была создана для нашего прародителя плоть, которую оживотворило Божественное дуновение. Но если всезлобный дьявол победил такого человека, то нужно было, чтобы и сам он был побежден таким же человеком. А таков и есть Господь наш Иисус Христос, рожденный не по обычаю и закону естества, но из чистой и святой девической утробы, подобно тому, как Адам произошел из незараженной грехом земли. И как Адам был оживлен дуновением Божественным, так и Сей воплотился под действием Духа Святого, сошедшего на Пресвятую Деву, и стал совершенным Богом и совершенным человеком – во всем, кроме греха, имеющим два естества – Божеское и человеческое, но в одном лице; и поэтому человеческая природа страдала за нас, а Божество оставалось бесстрастным.

При этом святой привел такой пример:

– Когда дерево, озаренное лучами солнца, подсекается топором, то с подсекаемым деревом луч солнечный не подсекается. Так и человечество Христово, соединенное с Божеством, если и претерпело страдания, то эти страдания не коснулись Божества.

Эти доказательства, приведенные святым Сильвестром, царь и весь синклит одобрили и признали его победителем в споре, потому что евреи не могли уже более сказать что-нибудь против Сильвестра. Тогда волхв Замврий сказал царю:

– Хотя Сильвестр и одолевает нас своими словами, будучи многоречив и искусен в беседе, но все-таки мы из-за этого не отступим от нашего отеческого закона и не последуем за человеком, которого наши отцы, по общему соглашению, предали на смерть. А что один только есть тот Бог, Которого мы почитаем, и нет иного, то я готов доказать это не словом, как делает Сильвестр, а самым делом; прикажи лишь, царь, привести сюда большого и свирепого быка, и тотчас же твое державство и все присутствующие убедятся, что нет Бога, кроме Бога нашего.

Один же из присутствовавших сказал:

– Такой бык есть в моем стаде, недалеко от городских ворот. На него никто не может возложить ярма, никто не может даже погладить его рукой или дотронуться до него.

Царь тотчас же приказал привести того быка. Между тем продолжая беседу, святой Сильвестр спросил Замврия:

– Зачем тебе бык и, когда его приведут, что ты с ним будешь делать?

Замврий отвечал:

– Хочу доказать силу нашего Бога, ибо если я пошепчу быку на ухо, то он тотчас издохнет. Ибо смертное существо не может стерпеть имени Божиего и не может остаться в живых тот, кто услышит сие имя. И наши отцы, когда быки были приводимы для жертвоприношения, говорили то имя в уши быковы, и те тотчас же падали с громким ревом и издыхали, будучи таким образом готовыми для жертвоприношения.[107]

Сильвестр возразил:

– Но если это имя, по твоим словам, убивает всякого, кто его слышит, как же ты узнал его?

Замврий отвечал:

– Тебе нельзя знать эту тайну, потому что ты – враг нам.

Когда Замврий дал такой ответ, царь сказал ему:

– Если ты не хочешь открыть этой тайны епископу, то открой ее нам, ибо поистине это дело сомнительное, если только не предположить, что то имя можно узнать, прочитав, как оно написано где-нибудь.

Замврий отвечал:

– Ни кожа, ни хартия, ни дерево, ни камень и ничто иное не может содержать в себе начертания оного имени, ибо тотчас же и сам пишущий и то, на чем пишется, погибают.

– Скажи же, – заметил царь, – как сам ты узнал его? Ибо нельзя узнать его, если оно не передается в словах, не называется в письмене?

– Я, царь, – отвечал Замврий, – семь дней постился, потом в новую серебряную умывальницу налил чистой проточной воды и стал молиться; тогда невидимым перстом на воде написаны были слова, которые и сделали мне известным имя Божие.

Премудрый же Сильвестр сказал:

– Если ты действительно узнал то имя таким способом, как ты говоришь, то все-таки, когда ты говоришь его кому-нибудь на ухо, разве ты не слышишь сам того имени так же, как слышит его тот, кому ты его говоришь? Как и сам ты, слыша его, не умираешь?

Волхв отвечал:

– Я уже сказал, что тебе не следует знать этой тайны, так как ты нам враг. Да и какая нужда в словах, когда лучше всего на деле доказать то, что говоришь? Выбери одно из двух: или ты, призвав имя своего Назарянина, умертви быка, чтобы и мы могли уверовать в того Назарянина, или я скажу на ухо быку имя нашего Бога и умерщвлю быка, так что ты тогда должен будешь уверовать в нашего Бога.

Все присутствовавшие, услышав это, одобрили решение Замврия; христиане же пришли в колебание, хотя святой

епископ успокаивал их.

Царь же сказал Замврию:

– Тебе следует сначала исполнить обещание, ибо ты обещал одним словом убить быка.

Волхв отвечал:

– Если ты приказываешь это мне сделать, царь, то смотри на силу моего Бога!

Сказав это, он подошел к быку, которого едва могли вести сильные люди, зацепив крепкие веревки за его рога. Подойдя к быку, Замврий пошептал ему что-то на ухо и бык тотчас же, испустив сильный рев затрясся и пал мертвым[108]. Все, видевшие это, весьма изумились, а иудеи возопили громким голосом хлопая в ладоши:

– Победили мы, победили!

Тогда Сильвестр просил царя приказать, чтобы все замолчали, и когда воцарилось молчание, епископ сказал иудеям:

– Не в ваших ли книгах написано, что сказал всемогущий Бог: «Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю» (Втор. 32:39)?

Они же отвечали:

– Да, это так написано.

Тогда Сильвестр сказал:

– Если Замврий именем Божиим убил быка, то пусть он и воскресит его тем же именем. Ибо Бог есть Бог, творящий добро, а не зло, и, по существу Его, Ему свойственно делать добро, а творить зло – противно Его существу; воля Его, всегда благая, хочет творить всегда доброе. Случается иногда, что Он каким-либо злом накажет кого-нибудь для пользы других, но это бывает не потому, чтобы Он хотел этого, но потому, что к сему побуждается Он нашими злодеяниями. Итак, если Замврий легко сделал то, к чему Бог не благоволит по самому Существу Своему, то тем легче он может сделать то, что Богу естественно. Пусть он оживит быка тем же Божиим именем, которым умертвил его, и я обращусь в его веру.

– Царь! – возразил Замврий, – Сильвестр опять хочет вести словесный спор, но какая надобность в словах, когда

совершилось явное дело?

Обращаясь потом к Сильвестру, он продолжал:

– Если и ты, епископ, владеешь какой-нибудь силою, то сотвори и ты чудо именем твоего Иисуса!

– Если хочешь, – отвечал святой Сильвестр – я покажу тебе силу моего Христа в том, что через призывание Его святого имени я воскрешу того быка, которого ты убил.

– Напрасно ты, Сильвестр, хвалишься, – возразил Замврий, – не может того быть, чтобы бык ожил!

Тогда царь сказал Замврию:

– Итак, если то, что, по твоим словам невозможно, епископ все-таки сделает, уверуешь ли ты в его Бога?

Замврий отвечал:

– Клянусь тебе, царь, что если увижу быка ожившим, то исповедую, что Христос есть Бог и приму Сильвестрову веру.

То же сказали и все иудеи. Тогда епископ, преклонив колени, помолился усердно и со слезами Богу, а потом, вставши и подняв руки к небу, произнес в слух всех:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Боже, Ты, Который можешь умерщвлять и оживлять, поражать и исцелять, благоволи через призвание пресвятого и животворящего имени Твоего оживить того быка, которого Замврий умертвил через призвание бесов, ибо наступило время совершиться чудесам Твоим для спасения многих; услышь меня, раба Твоего, в сей час, чтобы прославилось пресвятое имя Твое!

После молитвы он подошел к быку и громко произнес:

– Если проповедуемый мною Иисус Христос, рожденный от Девы Марии, есть истинный Бог, то поднимись и стань на ногах своих и, оставив прежнюю свою свирепость, будь кроток!

Лишь только святой произнес это, как бык тотчас ожил, встал и стоял тихо и спокойно. Святой приказал снять веревки с рогов его и сказал:

– Ступай туда, откуда пришел и никому не причиняй вреда, но будь тих; так повелевает тебе Иисус Христос, Бог наш!

И бык ушел тихо, хотя прежде был крайне свиреп. Увидев это, все воскликнули как бы в один голос:

– Велик Бог, Которого проповедует Сильвестр!

Иудеи же вместе с Замврием, подбежав ко святому и обняв его честные ноги, просили его помолиться за них Богу и принять их в христианскую веру. Также и блаженная Елена, подняв завесу, за которой сидела, слушая прения и взирая на бывшее при этом, вышла оттуда и припала к ногам святого, исповедуя Христа истинным Богом. Все бывшие здесь иудеи во главе с Замврием и бесчисленное множество народа обратились к истинному Богу и присоединились к Христовой Церкви.

После этого торжества святой веры христианской святой Сильвестр провел остаток дней своей жизни в непрестанных трудах и заботах о Церкви Христовой, после чего, добре управив вверенное ему словесное стадо и достигнув глубокой старости[109], отошел к Господу. На епископском престоле он пробыл двадцать один год и одиннадцать месяцев. Ныне же в бесконечной жизни он вместе с Ангелами прославляет Отца и Сына и Святого Духа, единого в Троице Бога, ему же и от нас да будет слава вовеки, аминь.

Кондак, глас 4:

Во священницех священник явился еси, царя и Бога богоносе, постником собеседник быв: отонудуже срадуешися ныне ликом Ангельским, отче, веселяся в небесных, Сильвестре славне пастырю, спасай любовию совершающыя память твою.

Память святого священномученика Феогена, епископа Парийского

Память 2 января

Святой священномученик Феоген был епископом в городе Парии[110]. Взятый при Ликинии[111] во Фригии[112] воинами, он был принуждаем трибуном[113] Заликинтием к военной службе; но, по причине сопротивления, повешен на четырех столбах и подвергнут жестокому биению палками. Святой мужественно переносил мучения и при этом предсказал опциону[114] и трибуну сокрушение голеней, а Ликинию поражение. После того Феогена заключили в темницу, находясь в которой святой отвергал всякую пищу. Когда донесли о нем Ликинию, последний приказал бросить его в море. Тогда святой, испросив у исполнителей казни времени на молитву, стал, обратившись к востоку, и, подняв руки горе, молился в продолжение трех часов. Во время молитвы он был озарен необычайным светом так что исполнители казни – корабельщики и некоторые воины – обратились к христианской вере. Так священномученик Феоген предал святую душу свою Господу, потопленный в глубине морской[115]. Впоследствии христиане достали тело его из воды и погребли близ городских стен. При мощах святого Феогена совершалось много чудес и истекали исцеления от различных болезней.

Страдание святого мученика Гордия

Память 3 января

Мученик Христов Гордий родился в Кесарии Каппадокийской от христианских родителей и был воспитан в православной христианской вере. По достижении возмужалости он взят был в военную службу и поставлен на должность сотника, потому что превосходил многих и крепостью тела, и силою духа.

В то время римский император Ликиний[116] излил на христиан всю свою злобу и воздвиг богоборческую руку свою на Христову Церковь. По всем торговым площадям и по всем наиболее людным местам были разосланы царские повеления и указы о том, чтобы не поклоняться Христу и чтобы всякий нарушитель этого царского запрещения был подвергаем смертной казни. Все были приводимы к каменным и деревянным идольским изображениям, чтобы поклоняться делу рук человеческих, а неповинновавшиеся были принуждаемы к сему мучениями. По всему городу началось смятение; имение христиан предавалось разграблению, дома опустошались, люди избивались; благочестивые женщины были влачимы по городу; – не было пощады ни юности, ни почтения к старости; те, кто были ни в чем не повинны, страдали, как злодеи; в темницах было тесно; и хорошие и богатые дома лишились своих обитателей; пустыня наполнялась людьми, изгнанными только за то, что они веровали во Христа; отец выдавал на смерть сына своего, сын влек на суд своего отца, брат неистовствовал против брата и раб восставал против своего господина; дьявол навел на души людей как бы некую ужасную ночь безумия, так что один другого не узнавал, как бы в темноте. Молитвенные дома разорялись руками нечестивых, святые алтари ниспровергались, и не было никакого приношения, ни каждения, ни места, где бы можно было совершить Божественную службу: все было объято унынием, как бы каким-то темным облаком; служители Божии были изгоняемы, всякое благочестивое

собрание проходило в ужасе, а демоны ликовали, оскверняя вселенную чадом и кровью жертвы.

Видя таковые бедствия, Гордий решился добровольно удалиться из города; свергнув с себя воинское препоясание[117] и оставив богатство, родственников друзей, рабов и житейские удобства и все, что вожделенно для людей, любящих мир и его наслаждения, он ушел в глубокие и непроходимые для людей пустыни, жизнь со зверями почитая для себя более приятною, нежели общение с идолопоклонниками; он подражал святому пророку Илии, который, увидев служение сидонским кумирам, удалился на гору Хорив, вошел в пещеру, взыскуя Бога, Которого и увидел, поскольку Его могло узреть человеческое око (4Цар.19). Таков был и сей Гордий, бежавший от городских волнений, от торжищных кликов, от высокомерия чиновников, от судилищ клеветников, продающих, покупающих, клянущихся, лгущих, сквернословящих, бежавший от игр и глумления и от неприличной веселости городской, так как он имел чистый слух, чистые очи и прежде всего чистое сердце, которое могло зреть Бога. Он сподобился Божественных откровений и познал великие тайны «не человеками и не через человека» (Гал.1:1), но имея великого учителя – Духа истины (Иоан. 15:26). Отсюда перешедши к размышлению о жизни, как она бесполезна и коротка, подобно сновидению и тени, он возжелал со всею силою души вечного пребывания на небесах и, как сильный борец, стал готовиться к борьбе постом, бдением, молитвою и поучением в слове Божием. С особенным же нетерпением он ожидал того дня, в который весь город должен был совершать праздник скверного бога Марса или, правильнее, демона, любящего брани[118]. Когда этот день наступил, весь народ пришел в цирк смотреть на конские бега, и все расположились на высоких местах. В городе тогда не осталось никого; в числе зрителей, смотревших на быстрый бег коней и на искусство возничих, было и множество христиан, не радевших о своей жизни и не уклонявшихся от праздного сборища. В тот день рабы освобождаемы были от работ и собирались там же, дети из школ спешили сюда, и здесь же присутствовали блудные и бесстыдные женщины.

Так цирк наполнился бесчисленным множеством людей, внимательно смотревших на конские бега. Тогда доблестный и великий духом Гордий, сойдя с высокой горы в цирк, не устрашился народа, не стал раздумывать, какому множеству вооруженных рук он предает себя, но с бестрепетным сердцем и бесстрашною душою, протеснившись сквозь сидевших в цирке людей, стал посредине, подтверждая слово Писания: «праведник смел, как лев» (Прит. 28:1)[119]. Но мало сего, с таким дерзновением став на открытом месте в цирке, он громогласно, подобно апостолам, провозгласил слова пророка Исайи: «Меня нашли не искавшие Меня» (Ис. 65:1), показывая им ясно, что он не был приведен сюда необходимостью, но добровольно отдает себя на мученический подвиг в подражание Владыке Христу, Который Сам предал Себя в руки искавших его во тьме ночной иудеев. Когда присутствовавшие в цирке узнали, кто стоял пред ними, то тотчас поднялся крик: верующие рукоплескали от радости, а неверующие кричали судье, чтобы тот отдал приказ казнить Гордия. Все наполнилось криком и смятением, перестали смотреть на коней, перестали смотреть на возниц; напрасно шум от колесниц наполнял воздух: никто не хотел видеть ничего, кроме Гордия, никто не хотел ничего слышать, как только слова Гордия. Весь цирк наполнился криком, который, разносясь в воздухе подобно ветру, покрывал собою шум от коней. Когда же глашатай подал знак к молчанию, – умолкли трубы, утихли свирели, замолчали музыкальные инструменты: все смотрели только на Гордия, все слушали его одного. Сидел там, в цирке, и градоначальник, который наблюдал за порядком на бегах и назначал награды участникам бега. К нему тотчас подвели святого и сему последнему был дан вопрос:

– Кто он и откуда? Из какого он семейства и рода?

Тогда Гордий рассказал о себе все, – какой он имел сан, и почему, оставив службу, удалился в пустыню и зачем вернулся.

– Вернулся я, – сказал Гордий, – чтобы самым делом показать, что пренебрегаю твоими повелениями и исповедую Иисуса Христа, мою надежду и защиту. Узнав же, что ты многих

превосходишь своею свирепостью, я нарочно выбрал этот день, как удобное время для исполнения моего намерения и обета.

От этих слов гнев градоначальника возгорелся, как огонь, и он обратил всю свою лютость на святого Гордия.

– Позовите ко мне палачей! – воскликнул он. – Где бичи? Где свинцовые шары? Где колеса? Пусть растянут его на колесах и растерзают ему тело[120]; пусть повесят его на дереве, принесут орудия казни; пусть он отдан будет зверям, усечен мечом и брошен в пропасть. Впрочем, всего этого еще мало для этого нечестивого человека, который достоин погибнуть не одной смертью, а многими.

Тогда святой Гордий сказал:

– Поистине, большой вред я причинил бы себе, если бы не захотел умереть за Христа!

Эти слова привели градоначальника в еще большую ярость, усилив его природную лютость. Но чем более делался он жестоким, тем более являлся мужественным в муках святой Гордий. Никакие муки, никакие смертоносные орудия не могли отвратить его от принятого намерения. Возводя очи к небу, он пел стихи из псалма: «Господь за меня – не устрашусь: что сделает мне человек?» (Пс. 117:6) и еще: «не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс. 22:4); и иные сим подобные изречения, которым он научился из Божественных книг, воспевал Гордий, возбуждая себя к мужеству и терпению. Он так далек был от страха, что сам призывал на себя мучения.

– Чего, – говорил он, – вы медлите? Зачем стоите? Строгайте мое тело и раздробляйте его на части, мучьте меня, как вам угодно. Не лишайте меня надежды на получение тех благ, кои мне обещаны: чем более вы усиливаете мои мучения, тем большую награду я получу от Владыки моего. Скорбь этой жизни доставляет вечное веселие, и мы, вместо ран, какие вы возлагаете на тело наше, получим в день всеобщего воскресения светлые одежды; за бесчестие – нам будут даны небесные венцы. Вместо осуждения со злодеями, нам будет дано пребывать с Ангелами.

Не имея возможности отвратить святого Гордия от святой веры своею яростью и пытками, лукавый градоначальник начал

прельщать его ласками: ибо таковой обычай у дьявола – боязливых он устрашает, а твердых умягчает лестью и расслабляет. Итак, мучитель стал предлагать святому различные подарки и еще большие награды обещал от лица царя.

– Царь, – говорил он, – даст тебе высокую должность в войске, большое имение, богатство и славу и все, что ты пожелаешь.

Святой же, услышав его обещания, посмеялся его безумию и сказал:

– Ужели ты можешь дать мне что-нибудь такое, что могло бы быть лучше Царства Небесного?

Тогда нечестивый градоначальник, с гневом обнажив меч и повелев позвать палача, осудил святого Гордия на отсечение головы. Пред совершением казни в присутствии множества народа Гордия окружили знавшие его люди, обнимали его и давали ему последнее целование. Со слезами они умоляли его, чтобы он не предавал сам себя на смерть, не губил бы своей жизни во цвете лет и не оставлял бы этого приятного всем солнца. Они советовали ему, чтобы он хотя бы только на словах отрекся от Христа, и говорили:

– Одним словом ты можешь избавить себя от смерти, отрекись от Христа устами; сердцем же веруй в Него, как хочешь, ибо Бог внемлет не языку, но мысли говорящего. Если ты поступишь так, то и гнев судьи смягчишь, и Бога умилостивишь.

Он же, как утес, стоящий посреди моря, который остается несокрушимым, несмотря на то, что на него с силою бьют волны морские, оставался непоколебим в своем добром решении. И как дом, стоящий на камне, не разрушается ни от каких сильных ветров, ни от проливных дождей и разливающихся рек, так и крепкий тот муж незыблем был в своей вере.

Увидев же своими духовными очами, что дьявол ходит вокруг его знакомых и одного побуждает к слезам, другого же к молениям и недоброму совету, мученик сказал плачущим словами Господа: «не плачьте обо Мне» (Лк. 23:28), но плачьте о врагах Божиих, которые преследуют христиан; о тех говорю,

плачьте, которые, «готовя для нас огонь, возжигают и для себя геенну и собирают себе гнев на день гнева» (Рим. 2:5). Перестаньте сокрушать мое сердце; ибо я не однажды, а много раз готов умереть за имя Господа нашего Иисуса Христа.

Тем, которые советовали Гордию отречься от Христа только на словах, он отвечал так:

– Язык, который дан мне милостью Христа, я не могу заставить отречься от своего Творца: «потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим.10:10). Как же отрекусь от Господа, Которому поклоняюсь с самого детства? Я воспитан во святой вере. Не ужаснется ли небо, если я отрекусь от Бога? Не скроют ли светила небесные света своего предо мною? Стерпит ли меня земля и не пожрет ли меня живым? «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает» (Гал. 6:7)[121] «и от уст наших Он судит нас и от словес наших оправдывает нас и от словес осуждает» (Лк. 19:22; Мф. 12:37). Ужели вы не слышали страшной угрозы Господней: «кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:33)? Зачем же вы советуете мне устами отречься от Бога моего? Ужели для того, чтобы продлить свою жизнь? Ужели для того, чтобы на время избавиться от смерти и выгадать несколько дней жизни? Но ведь через это я лишусь жизни вечной. Ужели для того, чтобы избежать телесных мучений? Но при этом я не увижу благ, уготованных праведным там, где нет болезней. Это будет явным безумием, если я буду покупать себе недолговременною жизнью вечную муку и погибель вместе с душою. Нет, я и вам советую: если вы так худо мыслите, то поучитесь благоразумию и истине и, «отвергнув ложь, говорите истину» (Ефес. 4:25), скажите, что «Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фил. 2:11), ибо такие слова изречет каждый язык, когда «пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Фил. 2:10).

Сказав сие и сотворив на себе крестное знамение, святой Гордий без боязни пошел на казнь, не изменив светлости лица своего, и остановился на месте казни в таком расположении духа, как будто позади его не было палача, и как будто он пред

собою видел Ангелов, которым хотел отдать в руки свою душу. Будучи усечен мечом, он стяжал блаженную жизнь: подобно Лазарю, он при радостных кликах был перенесен на место вечного упокоения, где, приемля воздаяние, он вместе с Ангелами вовеки прославляет Подвигоположника – Христа, за Коего пострадал.

Кондак, глас 8:

Твоя поты, преславне, всю землю напоиша, и честными кровьми, Гордие, мир весь возвеселил еси, молитвами твоими, Богомудре, спасай вся верою тя воспевающыя, и ублажающыя, вопиющыя песнь достойную, всехвальне, яко многострадалец.

Память святого пророка Малахии

Память 3 января

Святой пророк Малахия происходил из колена Завулонова[122]. Он жил и пророчествовал во времена Неемии[123] по возвращении иудеев из плена Вавилонского[124], когда храм иерусалимский был снова построен, и в нем совершалось богослужение и приносились священниками жертвы. Благочестивою своею жизнью он приводил в удивление народ, который, видя, что он по чистоте своей жизни подобен Ангелу Божиему, назвал его Малахия, что значит – Ангел Господень. Призванный к пророческому служению, Малахия явился ревностным поборником веры, закона и благочестия. По возвращении Иудеев из плена среди них было много неустройств в нравственно-религиозном их состоянии, которые от нерадения и беспечности священников еще более умножались и возрастали, и не могли не возмущать и не огорчать пророка. Он выступил с сильным и грозным обличением народа и священников. Пророк обличал народ и священников за то, что они не имеют должного благоговения к Богу, приносят ему худые жертвы (Мал.1), обличал священников, что они своими неправдами, уклонением от правого пути, несоблюдением заповедей и лицемерием в делах закона бесславят Бога, производя соблазн в народе (Мал.2:1–9). Грозно обличая народ за его вероломство и нарушение завета отцов своих, что беззаконно поступают с женами своими, несправедливо отвергая законных жен, берут жен иноплеменных (Мал.2:10–16), святой пророк Малахия угрожал им судом Божиим и за разные другие их пороки, за их чародейства и прелюбодеяния, за их ложные клятвы, за удерживание платы у наемников, за притеснение вдов и сирот, за отвержение пришельцев и за неисполнение закона, касательно десятин и приношений в храм Божий (Мал. 3:5–12). Наконец, пророк обличал евреев за их богохульство, за их дерзкие и хульные слова, что напрасно будто бы служить Богу, бесполезно соблюдать Его постановления и ходить пред лицом

Его в печальной одежде, что нечестивые и делающие беззакония счастливее живут, лучше устраивают свои дела и остаются целы (Мал. 3:13–15, 2:17). Обличая эти пороки, святой пророк Малахия вместе с тем провидел славу второго храма и яснейшим образом предсказал пришествие Мессии, явление Предтечи пред его пришествием, грядущий суд Божий на нечестивых, прославление праведных и распространение славы Божией пред всеми народами (Мал. 1:5, 11, 2:1–5, 3:16–18, Мал.4).

Святой пророк Малахия скончался в молодых летах и был погребен со своими предками в своем отечественном селении Суфа. Он был последним ветхозаветным пророком, почему у св. отцов он называется печатью пророков[125].

Кондак, глас 4:

Пророчества дарованием богатея, пророче, Христово предвозвестил еси пришествие яве и мирови спасение, егоже сиянием мир просветися.

Собор святых семидесяти Апостолов

Память 4 января

Кроме двенадцати апостолов Господь Иисус Христос избрал еще семьдесят других. Святой евангелист Лука об этом говорит так: «После этого избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два пред лицом Своим» (Лк.10:1). Двенадцать находились при Нем, как свидетели его жизни, а семьдесят подготовляли людей к принятию Христа Спасителя, проповедуя раньше в тех городах, какие намеревался посетить Христос Господь. Впоследствии многие из учеников Господних и, конечно, в том числе многие из семидесяти отпали от Христа и перестали служить Ему. Святой евангелист Иоанн пишет: «Многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?» (Иоан.6:66–67) Когда же наступили дни страданий Христовых, число учеников Христа умалилось еще более, и едва ли кто из числа семидесяти остался при Нем, когда и один из двенадцати отпал от Него. По воскресении Христовом, лик святых двенадцати апостолов был восполнен Матфием, лик же семидесяти наполнился не сразу, а мало-помалу – из числа тех, кто был обращаем ко Христу двенадцатью апостолами и проповедью святого апостола Павла, свыше призванного в тот же первенствующий лик и ставшего, вместе с Петром, первоверховным в том лике.

На основании Божественного Писания, предания святых отцов древних историков и достоверных церковных повествователей, можно представить лик святых семидесяти апостолов в следующем виде.

Первым из семидесяти апостолов был святой Иаков, брат Господень, о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Галатам, говоря: «ходил я в Иерусалим видеться с Петром; другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня» (Гал.1:18–19). Он был поставлен первым епископом Иерусалимским по свидетельству предания, избранный к этому и посвященный Самим Христом во время Его

земной жизни. Проповедуя Христа в Иерусалиме, апостол Иаков был сброшен иудеями с крыши храма на землю, потом побит камнями и скончался от удара палицею по голове[126].

Святой евангелист Марк, написавшей Святое Евангелие под руководством святого апостола Петра, который упоминает о нем в первом своем соборном послании в таких словах: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1Пет.5:13). Тот же святой апостол Петр поставил Марка епископом в город Александрию[127], где за проповедь о Христе идолопоклонники, связав его, влачили по камням и били. В это время ему явился Господь Иисус Христос, призывая его к небесной славе, и апостол предал Ему свой дух[128].

Святой евангелист Лука, написавший Святое Евангелие под руководством святого апостола Павла, который и упоминает о нем в послании к Колоссянам: «Приветствует вас Лука, врач возлюбленный» (Кол.4:14). Он же написал и книгу Деяний Апостольских и много проповедовал о Христе[129], преимущественно в Беотии[130]. Скончался мученически в Ахаии[131].

Святой Клеопа, младший брат святого Иосифа Обрученника. Он на дороге в Еммаус вместе со святым Лукою видел Господа по воскресении Его, потом узнал воскресшего Христа, когда Он явился собравшимся ученикам в одном доме, где совершил преломление хлеба (Лк.24:13–35). За проповедь о Христе святой Клеопа был умерщвлен иудеями[132].

Святой Симеон, сродник Господень по плоти, был вторым епископом после апостола Иакова в Иерусалиме, где и окончил свою жизнь, будучи распят за распятого Христа.[133]

Святой Варнава, названный так Апостолами, а прежде называвшийся Иосия (Деян.4:36). О нем упоминается в книге деяний Апостольских (Деян.11:24) и в послании святого апостола Павла к Галатам: «ходил я, – говорит апостол Павел, – в Иерусалим с Варнавою» (Гал.2:1). Сей апостол Варнава вместе со святым апостолом Павлом послужил благовестию и сначала проповедовал о Христе в Риме, а потом был поставлен епископом в Медиолан[134]. Скончался он на своей родине, на

острове Кипре, где был побит камнями гонителями веры Христовой. Христиане с честью погребли его и положили с ним в гроб, согласно его завещанию, Святое Евангелие от Матфея, которое Варнава некогда сам переписал и с которым никогда не разлучался[135].

Святой Иосия, или Иосиф, называвшийся также Варсава и Иуст. О нем упоминается в Деяниях Апостольских, где повествуется, что он был вместе с Матфеем избирался на место отпавшего апостола Иуды Искариотского (Деян.1:23), и в послании святого апостола Павла к Колоссянам, в котором Апостол, перечисляя приветствия верных Колосской церкви, говорит: «также Иисус, прозываемый Иустом» (Кол.4:11). Учители Церкви говорят, что сей Иосия был сын Иосифа Обрученника, как и Иаков, и Симон, и Иуда, не Искариот, и занимал епископскую кафедру в Елевферополе[136], где и скончался мученическою смертью.[137]

Святой Фаддей был сначала учеником святого Иоанна Предтечи, а потом учеником Христовым. Его нужно отличать от святого апостола Иуды Фаддея, или Левия, одного из двенадцати. Он крестил Едесского князя Авгаря и исцелил его от проказы. После долговременных трудов в деле благовестия о Христе он почил о Господе[138] в Финикийском город Берите[139].

Святой Анания, крестивший апостола Павла (Деян.9:10–18), был сначала епископом в городе Дамаске[140]. Окончил же свою жизнь святой Анания в Елевферополе, где был побит камнями по приказанию игемона Лукиана[141].

Святой первомученик Стефан, архидиакон, первый принял мученический венец за Христа, будучи побит камнями, почему и назван «Первомучеником»[142]. Незадолго до смерти он удостоился видеть отверстые небеса и Господа Иисуса, в образе Сына Человеческого, стоящего одесную Бога (Деян.7:55).

Святой Филипп, один из семи диаконов, крестивший Симона волхва в Самарии[143] и евнуха Кандакии царицы (Деян.8:26–39), был епископом в городе Траллии[144] и там, просветив многих Христовою верою, в глубокой старости отошел к Господу.[145]

Святой Прохор, один из семи диаконов (Деян.6:5), спутник святого апостола Иоанна Богослова и участник его трудов. Он был первым епископом в Вифинском городе Никомидии[146], а потом проповедовал о Христе в Антиохии[147], где и скончался мученически.

Святой Никанор, один из семи диаконов, был умерщвлен вместе с двумя тысячами уверовавших во Христа, в тот же день, в который был побит камнями святой Стефан первомученик; случилось это, как написано в книге Деяний Апостольских, во время великого гонения, воздвигнутого на церковь Иерусалимскую (Деян.8:1).

Святой Тимон, один из семи диаконов, был епископом города Востры в Аравии[148] и, в то время, как проповедовал имя Христово, много потерпел страданий от евреев и греков. Затем, будучи брошен в разожженную печь, он вышел оттуда невредимым и потом отошел к Господу.

Святой Пармен, один из семи диаконов, совершая порученное ему Апостолами дело благовестия, умер мученически пред очами Апостолов[149].

Святой Тимофей, трудившийся в деле благовестия Христова вместе со святым апостолом Павлом, который написал к нему два послания, был епископом в Ефесе[150], где и скончался мученическою смертью[151].

Святой Тит также трудился вместе со святым апостолом Павлом в деле благовестия. Святой апостол Павел упоминает о нем в своих посланиях (2Кор. 2:12–13, 12:18; 2Тим. 4:10), а также написал и к нему послание. Святой Тит был епископом Гортины, на острове Крит. Скончался в глубокой старости в мире.[152]

Святой Филимон, к которому святой апостол Павел написал особое послание, был епископом в Газе[153]. Скончался мученически в царствование Нерона.[154]

Святой Онисим, о котором пишет святой апостол Павел в своем послании к Филимону (Флм.1:10–19), проповедовал христианство в Испании, Греции и Малой Азии. Скончался мученически вскоре после кончины святого Игнатия Богоносца, будучи побит камнями в Риме.[155]

Святой Епафрас, о котором также святой апостол Павел упоминает в том же послании к Филимону, говоря: «Приветствует тебя Епафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса» (Флм.1:23), был епископом города Колосс и церквей Лаодикии и Иераполя[156]. Вместе со святым апостолом Павлом он содержался в узах в Риме, откуда Павел писал Колоссянам: «Приветствует вас Епафрас ваш, раб Иисуса Христа, всегда подвизающийся за вас в молитвах, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу. Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе» (Кол.4:12–13).

Святой Архипп, упоминаемый в том же посланий к Филимону, был после святого Епафраса (заключенного в узы в Риме), епископом в городе Колоссах[157]; о чем святой апостол Павел пишет Колоссянам: «Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе» (Кол.4:17). Там святой Архип и скончался мученической смертью.[158]

Святой Сила был учеником и ближайшим сотрудником святого апостола Павла, вместе с которым проповедовал слово Божие и претерпел многие страдания, раны и тюремное заключение (Деян.16:13–24). О нем упоминается в Деяниях Апостольских: «Павел, избрав себе Силу, утверждал церкви» (Деян.15:40–41). Впоследствии он был епископом в Коринфе[159] и, немало потрудившись в деле проповедования слова Божия и сотворивши знамения и чудеса, отошел к Господу.[160]

Святой Силуан проповедовал слово Божие вместе со святыми апостолами Петром и Павлом. О нем упоминает святой апостол Петр в своем соборном послании в таких словах: «Сие кратко написал я вам через Силуана, верного, как думаю, вашего брата» (1Пет.5:12). Также и святой апостол Павел во втором послании к Коринфянам: «Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном» (2Кор.1:19). Апостол Силуан был епископом в Солуни[161], где, претерпев немало бедствий во время своих подвигов для утверждения святой веры Христовой, отошел к Подвигоположнику Христу.

Святой Крискент[162], о котором святой апостол Павел упоминает в своем втором послании к Тимофею (2Тим.4:10), был епископом в Галатии[163], а потом проповедовал Христа в Галлии. Там, в городе Вьенне[164], Крискент поставил епископом ученика своего, Захарию, и снова возвратился в Галатию, где и скончался мученически в царствование Траяна[165].

Святой Крисп, о котором упоминают Деяния Апостольские в следующих словах: «Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим» (Деян.18:8), и о котором святой апостол Павел в послании к Коринфянам говорит, что он «крестил Криспа» (1Кор.1:19), был епископом на острове Эгин, близ Пелопоннеса[166], между Эгейским и Ионическим морями. Скончался в мире.

Святой Епенет, о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам, говоря: «Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа» (Рим.16:5), был епископом в Карфагене[167].

Святой Андроник, о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании к Римлянам, говоря: «Приветствуйте Андроника», и называет его своим сродником и сопленником, одним из важнейших апостолов, ранее его уверовавших во Христа (Рим.16:7), был епископом в Паннонии[168]. Скончался в мире[169].

Святой Стахий, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: «Приветствуйте и Стахия, возлюбленного мне» (Рим.16:9), был святым апостолом Андреем Первозванным поставлен первым епископом Византийским. Вместе с ним святой Стахий воздвиг в Аргирополе[170] церковь, куда собиралось много верующих, и он поучал их заповедям Христовым.

Святой Амплий, о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании, говоря: «Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе» (Рим.16:8), был епископом в городе Диосполе[171], где проповедовал Христа. Скончался в городе Одиссе[172], будучи умерщвлен еллинами за свою проповедь о Христе[173].

Святой Урбан, о котором святой апостол Павел вспоминает в том же послании, говоря: «Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе» (Рим.16:9), был епископом в Македонии[174] и скончался мученически[175].

Святой Наркисс (Память его 31 октября), о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании, говоря: «Приветствуйте из домашних Наркисса тех, которые в Господе» (Рим.16:11), был епископом в Афинах[176].

Святой Апеллий, о котором упоминает в том же послании святой апостол Павел, говоря: «Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе» (Рим.16:10), был епископом города Смирны[177].

Святой Аристовул, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: «Приветствуйте верных из дома Аристовулова» (Рим.16:10), был епископом в Британии[178] и там после долгих трудов и страданий скончался[179].

Святой Иродион, или Родион, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: «Приветствуйте Иродиона, сродника моего» (Рим.16:11), был епископом в Патрах[180]. Скончался мученически в Риме[181].

Святой Агав имел дар пророчества. О нем упоминается в Деяниях Апостольских в таких словах: «пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников» (Деян. 21:10–11; ср. 11:28). Апостол Агав проповедовал во многих странах и многих обратил ко Христу.[182]

Святой Руф (Память его празднуется 8 апреля), о котором упоминает святой апостол Павел в Послании к Римлянам, говоря: «Приветствуйте Руфа, избранного в Господе» (Рим.16:13), был епископом в Фивах, городе Греции[183].

Святой Асинкрит, который упоминается в том же послании (Рим.16:14), был епископом в Гиркании, малоазийской области, где много пострадал за имя Христово[184].

Святой Флегонт, упоминаемый в том же послании (Рим.16:14), был епископом в Марафоне, городе Фракии[185].

Святой Эрм, который упоминается в том же послании (Рим.16:14), был епископом в Филипполе[186], где и скончался мученически[187].

Святой Патров, упоминаемый в том же послании (Рим.16:14), был епископом в Неаполе[188] и Путеолахе[189], где многих обратил ко Христу[190].

Святой Ермий (Память святого апостола Ермия празднуется Православной Церковью дважды в год: 8 апреля и 31 мая), о котором упоминается в том же послании, был епископом в Далмации[191].

О этих пяти апостолах упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам в таких словах: «Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия» (Рим.16:14).

Святой Лин, о котором упоминает святой апостол Павел во втором послании к Тимофею (2Тим.4:21), был епископом в Риме, после святого апостола Петра[192].

Святой Гаий, о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Римлянам, говоря: «Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви» (Рим.16:23), был епископом в Ефесе, после святого Тимофея.

Святой Филолог, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании, говоря: «Приветствуйте Филолога» (Рим.16:15), святым апостолом Андреем был поставлен в епископа в Синопе[193], где и скончался в мире.[194]

Святой Лукий, или Лука (Память его празднуется 10 сентября), о котором святой апостол Павел упоминает в том же послании (Рим.16:21), был епископом в Лаодикии Сирской[195].

Святой Иасон, который упоминается в том же послании (Рим.16:21), был епископом в Тарсе[196], где много пострадал за имя Христово. Скончался в глубокой старости в мире[197].

Святой Сосипатр, также упоминаемый в послании к Римлянам (Рим.16:21), был епископом в Иконии[198]. Скончался Сосипатр в мире[199].

О последних трех апостолах святой апостол Павел в послании к Римлянам пишет так: «Приветствуют вас и Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои» (Рим.16:21).

Святой Олимпан, или Олимп, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании (Рим.16:15), присутствовал при страдальческой кончине святого апостола Петра в Риме, и потом сам вместе со святым апостолом Иродионом был обезглавлен по повелению Нерона, как пишет Метафраст в сказании на день святых апостолов Петра и Павла[200].

Святой Тертий писал послание святого апостола Павла к Римлянам, о чем он сам говорит в этом послании: «Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание» (Рим.16:22). Он был вторым епископом в Иконии, после святого Сосипатра, и там стяжал себе мученический венец[201].

Святой Ераст, о котором упоминает святой апостол Павел в том же послании (Рим.16:23), был диаконом и казнохранителем иерусалимской церкви, а потом епископом в Панеаде[202].

Святой Куарт, или Кварт, о котором упоминается в том же послании, был епископом в Берите.

Об этих двух апостолах святой апостол Павел пишет так: «Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель, и брат Кварт» (Рим.16:23).

Святой Евод был епископом Антиохийским после святого Петра. О нем упоминает святой Игнатий Богоносец в своем послании к Антиохийцам, говоря: «Поминайте блаженного Евода, отца вашего, он же первый ваш пастырь». Скончался мученически[203].

Святой Онисифор, о котором упоминает святой апостол Павел во втором послании к Тимофею, говоря: «Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих» (2Тим.1:16), был епископом в Колофоне[204] и Кирине[205]. Скончался мученически[206].

Святой Климент, о котором упоминает святой апостол Павел в послании к Филиппийцам, говоря: «подвизавшийся вместе со мною и с Климентом» (Флп.4:3), был епископом в Сардике[207].

Святой Сосфен, который после святого Криспа был начальником иудейской синагоги в Коринфе, обращен был в

христианство святым апостолом Павлом. О нем в Деяниях Апостольских говорится: «А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем» (Деян.18:17). Его имя упоминает и сам святой апостол Павел наряду со своим в послании к Коринфянам, которое начинается так: «Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат» (1Кор.1:1). Впоследствии святой апостол Сосфен был епископом в Колофоне[208].

Святой Аполлос упоминается в Деяниях Апостольских: «Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес. Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно» (Деян.18:24–25). Упоминает о нем и святой апостол Павел в первом послании к Коринфянам, говоря: «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1Кор.3:6). Впоследствии Аполлос был в Крите[209] и еще позднее был епископом Кесарии[210].

Святой Тихик упоминается в Деяниях Апостольских (Деян.20:4) и в посланиях святого апостола Павла к Колоссянам (Кол.4:7) и к Ефесянам, где говорится: «дабы и вы знали о моих делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель, которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши» (Еф.6:21–22). И снова, во втором послании к Тимофею, апостол Павел говорит: «Тихика я послал в Ефес» (2Тим.4:12; ср. Тит.3:12.). Тихик был епископом Колофонским после святого Сосфена[211].

Святой Епафродит упоминается в послании святого апостола Павла к Филиппийцам, где апостол Павел говорит: «Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего, а вашего посланника и служителя в нужде моей» (Флп.2:25). Епафродит был епископом в Адриаке[212].

Святой Карп, о котором святой апостол Павел упоминает во втором послании к Тимофею в таких словах: «Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги»

(2Тим.4:13), был епископом в Берии Фракийской[213]. Окончил жизнь в мире[214].

Святой Кодрат был епископом в Афинах и Магнезии, где, проповедуя слово Господне, принял от руки афинян мученическую кончину[215] при царе Адриане[216].

Святой Марк, он же и Иоанн, о котором, как спутнике Павла и Варнавы, много раз упоминают Деяния Апостольские, как например, в следующем месте: «А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком» (Деян.12 и др.), был епископом в городе Библосе, в Финикии[217]. Святой Марк творил многие чудеса и имел такую благодатную силу, что от одной его тени исцелялись болящие[218].

Святой Зина, по прозванию Законник, т. е. учитель закона Моисеева, о котором святой апостол Павел упоминает в послании к Титу, говоря: «Зину законника позаботься отправить ко мне» (Тит.3:13), был епископом в Диосполе.

Святой Аристарх, о котором упоминается в Деяниях Апостольских (Деян.19:29) и в посланиях святого апостола Павла к Колоссянам (Кол.4:10) и к Филимону (Филим.1:23), был епископом в городе Апамеи[219].

Святой Пуд, о котором упоминает святой апостол Павел во втором послании к Тимофею, говоря: «Приветствует тебя и Пуд» (2Тим.4:21), был членом римского сената. Он был человек благочестивый, принимал в своем доме святых апостолов Петра и Павла и многих верующих. Впоследствии дом его был обращен в церковь, которая называлась «Пастырскою» и в которой, по преданию, священнодействовал святой апостол Петр.

Святой Трофим, о котором дважды упоминают Деяния Апостольские (Деян. 20:4, 21:29) и святой апостол Павел в том же послании к Тимофею, говоря: «Трофима же я оставил больного в Милите» (2Тим.4:20), вместе с апостолами Пудом и Аристархом сопутствовал во всех гонениях апостолу Павлу и, наконец, когда святой апостол Павел в Риме при Нероне был усечен мечом, вместе со своими двумя сотоварищами также был обезглавлен[220].

Святой Марк (Память его совершается 30 октября), племянник апостола Варнавы, был епископом в Аполлониаде Вифинской[221]. О нем упоминает святой апостол Павел в послании к Колоссянам вместе с выше упомянутым апостолом Аристархом: «Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы» (Кол.4:10).

Святой Артема (Память его совершается 30 октября), о котором говорит святой апостол Павел в послании к Титу: «Когда пришлю к тебе Артему» (Тит.3:12), был епископом в Листрах[222].

Святой Акила, о котором упоминается в Деяниях Апостольских (Деян.18:1–3) и в посланиях апостола Павла (Рим.16:3–4 и др.), был епископом в Гераклее, слово же Божие проповедовал в Азии и Ахаии и за проповедь свою приял мученический венец[223].

Святой Фортунат, о котором упоминает святой апостол Павел в первом послании к Коринфянам (1Кор.16:17–18), неустанно трудился, проповедуя имя Христово; и после многих трудов воспринял блаженную кончину.

Святой Ахаик, о котором вместе с Фортунатом упоминает в том же послании к Коринфянам святой апостол Павел, говоря: «Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили» (1Кор.16:17–18).

Святой Дионисий Ареопагит, о котором упоминают Деяния Апостольские (Деян.17:34), сначала был епископом в Афинах, а потом проповедовал Христа в Галлии[224] и здесь был обезглавлен. О том, что и он принадлежал к апостольскому лику, свидетельствует Евсевий, епископ Кесарии Палестинской[225], который, перечисляя 70 апостолов говорит: «прибавь к ним того Ареопагита, по имени Дионисия, о котором Лука в Деяниях Апостольских пишет, что он был обращен к вере проповедью Павла в Афинах».

Святой Симеон, по прозванию Нигер; о нем упоминает в Деяниях святой апостол Лука, говоря: «В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учители: Варнава, и Симеон, называемый Нигер» (Деян.13:1). О том же, что и он

принадлежал к лику апостольскому, свидетельствует святой Епифаний, поставляя его между апостолами, ибо он так перечисляет их имена: «Марка, Луку, Иуста, Варнаву, Апеллия, Руфа, Нигра (т. е. Симеона Нигра) и прочих семьдесят два[226]. Таким образом, святой Епифаний удостоверяет нас, что лик этих меньших апостолов состоит из семидесяти двух лиц и что святой Симеон Нигер – был один из этого числа апостолов. Кроме того, святой Иоанн Дамаскин[227], в Октоихе пятого гласа в среду на вечерне, после двенадцати апостолов упоминает и собор семидесяти двух апостолов, говоря: всехвльная десятица во двоицею показася совершенне, видяща единоревнительный собор, седмидесяти и дву.

Благодатными молитвами всех этих апостолов да сподобимся и мы быть причастниками небесного блаженства и лицезреть Высшего Апостола и Архиерея исповедания нашего Иисуса Христа, восхваляя его с Богом Отцом и Святым Духом, во веки веков, аминь.

Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, в первой книге своей истории, в двенадцатой главе пишет следующее: «имя каждого (из двенадцати) апостола Христова довольно известно всякому из свидетельств евангельских, а перечня семидесяти апостолов вполне точного, нет нигде. Если же внимательнее всмотреться в дело, то можно найти их более семидесяти, придерживаясь только одного свидетельства святого апостола Павла, который в первом послании к Коринфянам говорит: «Что явился (Христос по воскресений Своем) Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили» (1Кор.15:5–6). Из таковых многих трудившихся в деле благовествования о Христе, в первенствующей Церкви, просветивших верою разные страны подобно святым апостолам и достойных поэтому имени апостольского, о некоторых упомянем здесь особливо.

Святой Лазарь, бывший мертвым в течение четырех дней и воскрешенный Господом. Во время гонения на церковь Иерусалимскую, после убиения святого первомученика Стефана, он был изгнан из пределов Иудеи (Деян.8:1) и пущен в

море на лодке без весел, вместе со святым учеником Господним, Максимином, и со святым Келидонием, который родился слепым, но был исцелен Господом. По Божественному произволению лодка приплыла к острову Кипру, и святой Лазарь начал проповедовать в городе Кидонии о Христе. Впоследствии он был в этом городе рукоположен апостолом Варнавой в сан епископа, и там же на острове Кипре он почил в мире. Святое тело его спустя много лет было обретено на том острове в мраморном ковчеге, на котором была надпись: «Четвородневный Лазарь, друг Христов»[228].

Святой Иосиф, происходивший из Аримафеи[229] и бывший тайным учеником Иисуса Христа, а потом испросивший пречистое Его тело у Пилата (Лк.23:50–52; Мф. 27:67; Мк. 15:42; Иоан. 19:38), также был изгнан завистливыми иудеями из пределов иудейских и проповедовал Христа в Англии, где и преставился. Жителями Англии он почитается как апостол их страны[230].

Святой Никодим, приходивший к Иисусу ночью послушать его учения (Иоан.3:1–2) и давший благой совет иудеям не осуждать Его, прежде чем услышат Его Самого и рассмотрят Его дело (Ин.7:50–51), а потом предавший вместе с Иосифом тело Иисусово погребению и намастивший его ароматами (Ин.19:39), – также пострадал от иудеев за веру во Христа и Апостольскую проповедь, и был изгнан из Иудеи[231].

Святой Гамалиил был учителем святого апостола Павла. Он подал благоразумный совет синедриону относительно проповеди святых апостолов, сказав: «Если это дело от человеков, то оно разрушится; а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян.6:34–40). После мученической кончины архидиакона Стефана он взял его тело и похоронил у себя в селе недалеко от Иерусалима. Также он скрывал изгнанного за проповедь Христову святого Никодима, которого и похоронил после кончины его близ гроба святого первомученика Стефана, где потом был погребен и сам[232].

Евнух царицы Эфиопии Кандакии, крещенный святым апостолом Филиппом на дороге (Деян.8:26–39) и обративший

эту царицу ко Христу, был первым проповедником о Христе в Эфиопии[233], где и скончался мученическою смертью.

Святой Закхей, который принял с радостью в доме своем Господа и услышал от Него: «ныне пришло спасение дому сему» (Лк.19:1–10). По вознесении Господнем Закхей последовал за святым апостолом Петром, им был поставлен епископом Кесарии Палестинской[234], где и проповедовал о Христе[235].

Святой Корнилий сотник, крещенный святым апостолом Петром (Деян.10), которым был потом поставлен епископом, проповедовал Христа в городе Скепсии[236], где и скончался с миром[237].

Святой Лонгин сотник, который стоял на страже при Кресте Господнем и исповедал, что Иисус есть воистину Божий Сын (Мф.27:54). После погребения Господа Лонгин опять стоял на страже у Гроба Господня и был очевидцем Воскресения Христова, о чем и свидетельствовал пред всеми. Впоследствии он проповедовал о Христе в Каппадокии, где и пострадал мученически[238].

Святой Игнатий Богоносец, по преданию, то самое дитя, которое Господь взял на руки к Себе и на которое указал Апостолам, сказав: «если не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:2–5; Мк.9:37). Святым апостолом Петром он был рукоположен в епископа Антиохийского, где проповедовал о Христе. Окончил жизнь мученическою смертью в Риме, будучи отдан на растерзание львам[239].

Святой Поликарп был епископом города Смирны. Он, подобно Апостолам, неустанно проповедовал слово Божие, писал послание ко вновь обращенным христианам и неусыпно заботился о благе и душевной пользе своей паствы. Блаженный Симеон Метафраст[240] в житии святого Игнатия Богоносца прямо называет Поликарпа Божественным апостолом, говоря: «Прибыли они в Смирну и там святой Игнатий целовал святого Поликарпа, Божественного апостола, своего соученика». Скончался мученическою смертью в Риме[241].

Святой Ерофей, один из членов Афинского ареопага; святой вере христианской был научен святым апостолом

Павлом, которым и был поставлен епископом в Афинах. Вместе с другими святыми Апостолами и святой Ерофей был перенесен по воздуху ко гробу Богородицы, по Успении Пречистой Богоматери в Иерусалим. Скончался мученически[242].

Святой Антипа, епископ Пергамский, также пострадал за апостольскую проповедь о Христе[243]. О нем Сам Господь Иисус Христос в Откровении святого Иоанна Богослова сказал так: «Антипа, свидетель мой верный, был убит» (Откр.2:13).

Святой Димитрий, о котором упоминает святой апостол Иоанн Богослов в своем третьем послании (3Ин. 1:12). Святой Димитрий был епископом в Асийском городе Филадельфии[244].

Кондак, глас 2:

Христовых учеников лик седмьдесят, Божественно, вернии, в песнех восхвалим: теми бо вси навыкохом Троицу почитати нераздельную, и пребывают светильницы Божественныя веры

Житие святого Евстафия, архиепископа Сербского[245]

Память 4 января

Святой Евстафий жил и подвизался во второй половине тринадцатого столетия, в дни благочестивого сербского короля Стефана Уроша II Милутина, правившего Сербией с 1262 года по 1320. Родился он в области Будимльской[246] от благочестивых родителей. Горячо любя своих родителей, он с раннего детства укреплялся в любви к Богу: избегая суетных забав, он старался усваивать добрые нравы, постоянно ходил в церковь и с наслаждением внимал Божественному пению и чтению, запоминал слышанное, и старался уразуметь смысл оного. Раз он приходит к своим родителям и говорит:

– У меня возгорелось сильное желание учиться, отдайте меня на изучение словес книжных.

Родители, слыша такие слова, возрадовались, возблагодарили Бога, внушившего такое благое желание их детищу, подыскали учителя, отдали ему своего сына на обучение книжной мудрости. Споспешествуемый благодатью Святого Духа, он вскоре выучился так, что, будучи молодым учеником, он являлся сведущее многомудрых учителей. Юноша нисколько не думал и не заботился о еде, питье, одежде, мало думал даже о родителях, но всецело направив ум свой на Божественное учение, всю свою сердечную любовь и упованье возложил на Господа. Достигнув же большей зрелости и строго размыслив о своем призвании, он решил оставить родительский дом и идти в путь Господень. Он отправился в область Зетскую[247], в монастырь Архангела Михаила, где находилась Зетская епископская кафедра. Здесь от епископа Неофита он принял пострижение в иноческий чин и начал жизнь подвижническую, строго выполняя монашеские обеты. Отличаясь воздержанием, чистотою жизни, изнуряя себя постом и бдением, он неукоснительно спешил в церковь на дневные и ночные службы, строго соблюдал келейное молитвенное правило, а в остальное время предавался богомыслию и умной

молитве. Не имея никакой собственности, он старался сберегать от урочной своей монастырской доли в пище и одежде для раздачи нищим.

Подвизаясь в монастырской тишине с полным смирением, он скоро, однако, сделался известным по всей той стране, как великий подвижник, подражавший древним отцам.

Не довольствуясь иноческим подвижничеством в своем монастыре, Евстафий горел желанием посетить святой град Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню и прочим святыням на месте страстей Господних. Не открывая никому своего намерения, он обратился с горячею молитвою к Господу Иисусу Христу, чтобы Он сподобил его благополучно совершить путь во святой град и видеть то место, где Он пролил Свою кровь за спасение рода человеческого и где сотворил великие чудеса. Молитва угодника была услышана. Когда он размышлял о том, где бы обрести ему богобоязненных спутников, являются к нему, как бы посланные Самим Господом два инока и сообщают в беседе, что они идут в Иерусалим поклониться Гробу Господню и честным страстям Христовым. Возблагодарив Господа Бога и поклонившись пречистому Его образу и образу архистратига Михаила, с радостью и весельем в сердце он пустился в давно желанный путь.

При помощи Божией он легко и благополучно совершил путь и достиг Иерусалима. Здесь он с благоговением поклонился Гробу Господню и всем святыням на месте страстей Господних; не спеша обходил он все святые места и насладился их созерцанием. Посетил он и все окрестности Иерусалима, где жительствовали преподобные и богобоязненные мужи-подвижники, наблюдал и усваивал их правила жизни и подвигов.

Пробыв долгое время в Святой земле, он отправился в обратный путь, но не прямо на родину, а на святую гору Афонскую, желая видеть тамошнюю иноческую жизнь и насладиться душеполезными беседами относительно подвижничества и чистоты душевной и телесной.

Придя на святую гору, преподобный Евстафий поселился в Сербском монастыре Пресвятой Богородицы Хиландарском,

построенном святым Симеоном, в мире – великим Сербским жупаном Стефаном Неманей, и сыном его Саввой, первым архиепископом Сербским. Здесь он с великим усердием предался подвигам монашеским, со смирением и покорностью исполняя всякую работу, которая ему назначалась в послушание, неопустительно посещая все церковные службы и предаваясь наедине ночной молитве и богомыслию. Так провел он много лет и сделался известным среди всех афонских подвижников. Многие древние старцы, а не только более молодые иноки, почасту приходили к Евстафию и вели с любовью и духовным утешеньем душеспасительные беседы.

После нескольких лет такой подвижнической жизни, общим советом и убеждением собора всей святой горы Евстафий возведен был в сан игумена Хиландарского монастыря. Став правителем монастыря, Евстафий еще усерднее стал подвизаться, подавал пример во всяком труде и добродетели, уча словом и делом. Заняв такое видное место и ведя добродетельную жизнь, преподобный Евстафий приобрел большую известность и всеобщую любовь не только у афонских подвижников, но и у мирян, не только у простых людей, но и у вельмож и царей. Все спешили оказать Евстафию честь и давали щедрые дары. Но эти дары он не для себя собирал, а щедрою рукою раздавал бедным, вдовам, сиротам, не имущим пропитания и крова.

Неудивительно, что при таких достоинствах и добродетелях преподобный Евстафий был избран и рукоположен в епископа Зетской епархии, в которой он принял пострижение. Став владыкой, опытный в духовной жизни и в делах церковных, Евстафий с великим успехом отправлял свои пастырские обязанности, стал самым выдающимся сербским епископом, и когда скончался сербский архиепископ Иоанникий, благочестивый король сербский Стефан Урош Милутин созвал собор епископов игуменов и бояр, и этот собор единогласно избрал на сербский архиепископский престол св. Саввы этого благочестивого Зетского епископа Евстафия. Преподобный Евстафий по своему смирению пытался было отказываться от столь высокого сана, соединенного и с великою

ответственностью, но его слов не послушали, и он вскоре торжественно при всем соборе возведен был на архиепископский престол. Св. Евстафий покорился промыслу Божию и возблагодарил Господа Бога в горячей молитве за его великие милости, которых он считал себя недостойным.

Неослабно трудясь на спасение своей души, святой Евстафий приложил горячие заботы о благе вверенной ему сербской церкви. Архиепископская сербская кафедра тогда уже обладала большими богатствами, и святой Евстафий приложил все старания к тому, чтобы ни одна церковь его области не испытывала недостатка в насущных потребностях, щедро уделяя из сбережений своей кафедры на нужды церквей бедных.

Немного лет правил святой Евстафий сербскою церковью: через семь лет после своего вступления на высокую кафедру он впал в болезнь и увидел приближение своей кончины. Находясь в предсмертной болезни, он не роптал, но с радостью ждал исхода из сего земного мира в обители небесные. Находясь тогда в своей архиепископии, в Жиче[248], он усердно готовился и молил Господа о даровании ему мирной кончины. Вокруг постели больного собрался весь церковный Сербский собор: окрестные епископы, игумены монастырей и чернецы, и весь причт церковный; все плакали, видя приближение кончины своего учителя и архипастыря. Но больной, привстав с постели, обратился к плачущим:

– Оставьте таковую жалость, «Величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе» (Пс.33:4).

Все присутствовавшие от плача обратились к молитве и песнопениям на исход души. Затем святой Евстафий приобщился Святых Таин и после некоторого отдохновения обратился к окружающим:

– Идите, возлюбленные, воздадим взаимно последнее целование, ибо я уже разлучаюсь с вами.

Много рыданий вызвало это прощание у духовных чад святого Евстафия. Наконец, воздев руки к небу, он произнес:

– Ведающий кончину жизни каждого, Боже богов и Господь господней, в руки Твои предаю дух мой!

Так благолепно и славно преставился святой Евстафий, радуясь о Господе.

Собравшиеся при гробе духовные лица, совокупно с мирянами, совершили торжественное погребение в Жиче, в храме Спасителя, положив тело в мраморной раке, которую ранее приготовил себе сам Евстафий.

Вскоре после погребения, внутри помянутого храма Спасителя, стали совершаться при раке почившего знамения и чудеса. Иногда видели у раки как будто горящие свечи, иногда ночью ясно слышали у гроба какие-то речи, говор, как будто тут собралось много тысяч людей. Один человек, служивший при храме Спасителя, страдал болезнью носа. Много испробовал он средств и много истратил денег на излечение, но пользы не было. Потеряв надежду на земные средства, больной обратился с горячей молитвой к Господу Богу и Пречистой Его Матери в храме Спаса, стоя неустанно за всяким богослужением у раки преподобного Евстафия. В одну ночь больной видит во сне, что он стоит, как по обычаю и наяву, подле раки Евстафия; к нему является благолепный муж в святительской одежде и спрашивает, в чем он нуждается. Больной рассказал все по порядку. Тогда пришедший муж говорит:

– Меня Господь послал исцелить тебя, только не согрешай более, чтобы не пострадать хуже.

С этими словами он перекрестил больного и коснулся его раны. Больной спросил:

– Кто ты такой, владыка святой?

Пришедший отвечал:

– Я – раб Христов, инок по имени Евстафий, лежащий в сем месте.

Больной проснулся и ужаснулся; с трепетом он поспешил к тогдашнему архиепископу Иакову и сообщил ему и всему собору об этом чудесном видении. Больной тогда же совершенно исцелился, и все прославили Господа и его святого Евстафия. Чудеса при гробе Евстафия стали умножаться. Однажды нашли три цветка дивной красоты, выросшие на его мраморной раке, хотя она представляла совершенно сухой

камень, – ни земли, ни даже никакой влаги не было на ней. Это чудесное знамение навело всех на мысль, что Бог прославляет Своего угодника и обновляет тело его нетлением. Тогда же одному из иноков того монастыря, экклисиарху, в ночном видении является некий страшный юноша с пламенным оружием в руках и с гневом говорит:

– Почему вы нерадите, видя таковые знамения? Или не разумеете, что телу усопшего не предназначено видеть истления, но оно должно быть изъято из земли?

О всех этих чудесах возвещено было благочестивому королю Урошу Милутину, который, по совещании с архиепископом, повелел торжественно открыть раку, в которой и обретено было тело святителя Евстафия нетленным и положено открыто в новой раке. Спустя некоторое время, ввиду опасности от неприятельских нашествий, мощи святого Евстафия старанием архиепископа Иакова перенесены были из Жичи в Ипек (или Печь)[249] и поставлены в тамошнем архиепископском кафедральном храме святых апостолов Петра и Павла.

Память святых преподобномученика Зосимы и мученика Афанасия

Память 4 января

Преподобномученик Зосима был родом из Киликии[250] и подвизался в пустыне. По приказанию нечестивого Диоклетиана[251] он был взят и предан мучениям за веру Христову. Раскаленным железом ему сожгли уши, бросили его в котел, наполненный нечистотами, повесили его за ноги вниз головою и предавали различным пыткам. Но чудесным образом святой был избавлен от смерти. Во время мучений его, пришел из пустыни лев и заговорил человеческим голосом. При виде этого чуда всех объял ужас, и Зосима был отпущен. Комментарисий[252] Афанасий, увидев его невредимым после жестоких мучений, уверовал во Христа и крестился. Зосима удалился вместе с Афанасием в пустыню, и там, среди молитвенных подвигов, в расселине одной горы оба они мирно предали души свои Господу.

Страдание святых мучеников Феопемпта и Феоны

Память 5 января

Царь Диоклетиан в первый год воздвигнутого им на христиан гонения однажды во время своего путешествия прибыл в город Никомидию и здесь, поставив множество идольских изображений, поклонялся им.

Через несколько дней в городских окрестностях был захвачен епископ Никомидийский Феопемпт (он первый пострадал в гонении христиан Диоклетианом), который, будучи представлен на суд царю, сказал:

– Эти боги, серебряные и золотые, деревянные и каменные, которым ты поклоняешься, – вовсе не боги, ибо они не могут ни дышать, ни говорить, ни сделать что-либо доброе или злое; Всемогущий же Небесный Бог сотворил небо, землю и море и все, что в них находится.

Когда святой говорил это и многое другое о вере христианской, царь в гневе сказал ему:

– Я призвал тебя не для того, чтобы рассуждать, а для того, чтобы ты без разговоров принес жертву богу Аполлону.

Святой Феопемпт отвечал на это такими словами:

– Таким богам я никогда не принесу жертву и никогда не испугаюсь мучений, какие ты можешь мне назначить, ибо написано: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10:28). А ты, имея власть над моим телом, делай, что тебе угодно!

Тогда царь повелел растопить печь, чтобы потом бросить в нее святого епископа, и воины растопляли печь как можно жарче, с утра до полудня. В это время святой епископ сказал им:

– Подождите немного, и я покажу вам силу Господа Бога моего, за святое имя Которого эта печь растопляется для меня.

Сказав это, святой бросился в разгоравшуюся печь и сел в ней посредине, а воины, полагая, что он тотчас же сгорел, ушли. Но в полночь святой муж, выйдя из печи, вошел в

царскую опочивальню, двери коей пред ним отворились сами собою, и, разбудив царя, сказал ему:

– Я – Феопемпт епископ, служитель Иисуса Христа: я не умер, но жив, хотя ты и повелел меня умертвить.

Сказав это, он снова вошел в печь. Царь, увидев святого и услышав его слова, пришел в ужас и как бы онемел от сильного страха. Наутро, призвав своих воинов, он сказал им:

– Бросили ли вы в разожженную печь того христианина, которого я повелел вам бросить?

Воины отвечали:

– Мы сделали, государь, как ты повелел – бросили его, и он вчера погиб в огне.

Тогда Диоклетиан встал, пошел с воинами к печи и там услышал, как святой епископ посреди разожженной печи пел и славословил Бога. Это привело царя в чрезвычайное удивление, и, когда святой вышел из печи невредимым, царь сказал окружавшим его:

– Смотрите, как сильно волшебство христианское; я слышал, что христиане совершают свои волшебные дела во имя какого-то Иисуса.

После этого царь тотчас повелел взять пса и бросить в печь, чтобы видеть, не останется ли целым пес, как чудесно остался целым епископ; но пес тотчас же сгорел. Увидев это, царь сказал человеку Божиему:

– Я предам тебя жесточайшим мучениям как нечестивца, потому что я убедился, что ты – обольститель и волшебник.

Он повелел заключить его в тесную темницу и не давать ему ни хлеба, ни воды до того дня, в который царь захочет судить его, и человек Божий пробыл в той темнице двадцать два дня без пищи и питья, будучи укрепляем Богом. По окончании этого времени царь сказал своим воинам:

– Пойдем, посмотрим, жив ли тот христианин или уже умер?

Найдя его живым и радостным, как бы после царского обеда, Диоклетиан разгневался и, выведши блаженного епископа из темницы, разодрал на себе одежды, всплеснул руками и сказал:

– Смотрите же, как сильно христианское волшебство!

Но блаженный епископ на это сказал:

– Доколе, несчастный, ты будешь оставаться ослепленным и до каких пор не будешь признавать истинного Бога, в Которого я верую? Ибо Он дал мне силу и крепость, чтобы я победил тебя и чтобы я возвысился над всеми мучениями, какие ты для меня изобретешь, и презрел их.

Царь же при этих словах повелел вырвать у святого правый глаз и положить его в правую руку мученика, а потом отвести его в темницу. Когда святой здесь стал молиться, великий свет воссиял пред ним в темнице, и тотчас же зеница ока его открылась и стала цела и здорова, как и другая. Узнав об этом и увидев святого, царь разгневался еще больше и сказал:

– Клянусь римским Аполлоном[253], что не успокоюсь до тех пор, пока не найду более сильного волшебника, который мог бы разрушить все твои хитрости и волшебные действия!

Сказав это, царь снова повелел увести его в темницу, а сам послал указы по всем странам, ему подвластным, такого содержания:

– Если какой-либо волшебник, – писал царь, – может разрушить христианские волхования, тот пусть как можно скорее явится; он получит большие подарки и великие почести.

И вот пришел один волшебник по имени Феона, который, представ пред лицо Диоклетиана, сказал:

– По вашему повелению я пришел, чтобы как можно скорее разрушить христианское волшебство, и я непременно исполню то, что обещаю тебе.

Услышав это, царь обрадовался и сказал:

– Есть у меня в темнице один христианский князь. Когда ты разрушишь его волшебную силу, то получишь от нас великие почести.

Феона на это сказал ему:

– Пусть этот христианин сотворит предо мною какое-нибудь чудо, и я в твоем присутствии разрушу все его дела.

Царь обрадовался этому и сказал Феоне:

– Однако мне хотелось бы сначала видеть какое-либо знамение, совершенное тобою.

Феона испросил тогда привести к нему самого свирепого быка. Когда бык был приведен, Феона пошептал ему в уши какие-то слова, и бык в то же мгновение распался на две части, и каждая часть лежала особо.

Тогда изумленный царь сказал:

– Действительно, ты можешь разрушить христианское волшебство!

– Подожди еще царь, – отвечал ему Феона – и ты поймешь все величие происшедшего чуда!

Сказав это, он повелел принести себе весы и положил на них обе части вола, которые оказались обе равными по весу. Немедленно после этого Диоклетиан повелел привести к себе святого епископа Феопемпта и, поставив его против волхва, сказал ему:

– Знаю, что ты – обманщик и волшебник! Вот сей волхв пришел из Египта, и я теперь хочу узнать, кто из вас обоих сильнее в волшебстве.

Тогда Феона сказал епископу:

– Я покажу над тобою два действия моей волшебной силы, и если они не повредят тебе, то и я уверую в твоего Бога.

Приготовив из муки две круглые лепешки, он предложил епископу съесть их. Епископ взял и съел их, и они показались ему на вкус сладкими как мед и не причинили ему никакого вреда.

Увидев это, Феона удивился и сказал:

– Я испытаю на тебе еще одно чудесное действие моего искусства, и если оно тебе не повредит, то уверую в твоего Бога.

Взяв чашу с водою, он положил в нее одну ядовитую траву и призвал на помощь себе могущественнейших бесов, чтобы яд подействовал сильнее, а потом дал выпить воду святому.

Когда святой выпил ее без всякого вреда для себя, Феона тотчас же упал к ногам святого епископа и сказал:

– Нет другого Бога, на Которого можно было бы уповать, кроме единого Иисуса!

А потом сказал царю:

– Я – христианин и поклоняюсь Распятому!

Услышав это, царь пришел в большое смущение и воскликнул:

– Велики чудеса христианских волшебников!

И повелел обоих отвести в темницу. Там святой епископ, научив Феону вере, переименовал его в Синезия (что значит: исполненный разума, так как он чистым сердцем уразумел и познал Христа Бога и Господа) и окрестил его.

Наутро царь повелел привести к себе святого епископа и, преклонив пред ним голову, сказал ему:

– Здравствуй, учитель волшебников.

И потом стал убеждать его обратиться к нечестивой эллинской вере. Когда же святой отказался принести жертву богам, царь повелел растянуть его на земле, лицом кверху, и привязать к четырем деревьям за руки и за ноги, а потом принести довольно большой обломок каменного столба, который восемь человек едва могли снести, и положить его на чрево святого. Но святой епископ обратился с молитвою к Богу – и тотчас же тот камень, который был положен ему на чрево, поднялся сам собою и был отброшен от него далеко, почти на пятнадцать локтей расстояния. Тогда Диоклетиан повелел повесить святого за ноги, вниз головою, а к шее привязать тяжелый камень и оставил его висящим в таком положении с утра до третьего часа дня. Потом он приказал обрезать внезапно веревку, на которой святой был повешен за ноги; он думал что при падении он будет раздавлен тяжелым камнем, расшибется и таким образом позорно погибнет. Но когда это было сделано, святой епископ, силою Божией, стал прямо на ноги свои. После этого мучитель произнес над ним смертный приговор.

Святой, с радостью услышав его, громко воскликнул:

– Благословен Бог, Отец Господа моего Иисуса Христа, что Он сподобил меня достигнуть того дня, наступления которого я всегда желал. Итак, молю Тебя, Господи, поминай меня вовеки и в настоящий час!

Сказав это, он преклонил колена и, подвергшись усечению главы, преставился в мире, исповедуя Пресвятую Троицу.

Потом царь повелел привести к себе волхва Феону, уверовавшего во Христа, и когда ни ласкательством, ни угрозами не смог склонить его к идольскому жертвоприношению, то повелел бросить его в глубокий ров и засыпать землей. Приведены были и свирепые кони, которые топтали ногами землю, насыпанную на святого, брошенного в ров. Так святой Феона, посыпаемый землею и долгое время попираемый конскими ногами, отошел к Господу[254].

Свой страдальческий подвиг святые мученики, епископ Феопемпт и Феона, он же и Синезий, совершили в Никомидии, при царе Диоклетиане, пребывая под властью верховного Царя, Господа нашего Иисуса Христа, Ему же с Отцом и Святым Духом слава вовеки, аминь.

Память преподобной Синклитикии

Память 5 января

Преподобная Синклитикия родилась в Египте в городе Александрии, куда из Македонии[255] переселились ее родители – люди знатного рода, известные своим благочестием и очень богатые. Когда она достигла девического возраста, то многие благородные и богатые юноши, очарованные необычайною красотою ее лица и всеми признанным ее добронравием, искали вступить с нею в брак. Но она не хотела выходить замуж, еще с юности пламенея любовью к Небесному Жениху Христу Богу. Вот почему она заботилась не о внешнем украшении себя, а о внутреннем, очищая душу свою постом, целомудрием и чистотою ума, дабы явиться угодною очам Христовым. Устремив к Богу весь свой ум, она одержала победу над невидимым врагом, дьяволом, возбуждающим людей к грехам. По смерти своих родителей она раздала все имение свое нищим и убогим, а сама отреклась от мира, дошедши ради Бога до крайнего обнищания, взяла с собою сестру, лишенную зрения, и поселилась в могильном памятнике своего родственника. Иноческий сан она считала столь великим, что не знала, как возблагодарить за него Бога, ущедрившего ее. В первые годы подвижнической жизни она превзошла многих, но скрывала свои подвиги. Она не только вкушала мало хлеба и скудную меру воды, но и хлеб у нее был из отрубей. Пост свой она увеличивала, если воздвигалась против нее брань врага. Слава о ее подвигах привлекла к ней многих жен, которые просили у нее назидания. Долго она одним молчанием отвечала на их просьбы, но неотступные мольбы заставили ее давать наставления уже многим подвижницам, которые собрались вокруг нее и составили общежитие. В конце своей жизни она потерпела от искусителя то же, что потерпел некогда праведный Иов, ибо лютые недуги постигли ее, и все ее тело было покрыто струпьями, истощено и изъедено язвами и червями. Так страдала она три года и шесть месяцев, не дозволяя, чтобы врач оказывал ей помощь и только возлагая на Бога одного

свою надежду. Когда же наступило время ее отшествия из этой жизни, она узрела в видении святых Ангелов и лик пресветлых дев, призывавших ее к себе, и увидела райские селения. После этого видения, обратившись со словом к девицам-инокиням, она предсказала день и час своего разлучения с телом. Оно должно было совершиться через три дня после этого. Как сказала она, так и было: ибо спустя три дня, в назначенный ею час, она разлучилась со своим многоболезненным телом и лютыми язвами и перешла, как мученица, к Господу в жизнь безболезненную, какою наслаждаются на небесах святые[256]. Она прожила на земле около восьмидесяти лет во многих трудах и подвигах; ныне же пребывает в вечных небесных обителях.

Житие преподобной Аполлинарии

Память 5 января

По смерти греческого царя Аркадия[257] сын его Феодосий[258] остался малым, восьмилетним отроком и не мог управлять царством; поэтому брат Аркадия, римский император Гонорий[259] вручил попечительство над юным царем и управление всем греческим царством одному из важнейших сановников, анфипату[260] по имени Анфемию[261], мужу мудрому и весьма благочестивому. Этот анфипат до тех пор, пока Феодосий вырос, всеми в то время почитался как царь, почему и святой Симеон Метафраст, начиная писать сие житие, говорит: «в царствование благочестивого царя Анфемия», – и во всей этой истории называет его царем. У сего Анфемия было две дочери, из коих одна, младшая, с самых детских лет имела в себе нечистого духа, а старшая от юности проводила время в святых церквах и молитвах. Имя сей последней было Аполлинария. Когда она достигла совершеннолетия, родители ее стали помышлять о том, как бы выдать ее замуж, но она отказывалась от этого и говорила им:

– Я хочу уйти в монастырь, слушать там Божественное Писание и видеть чин монастырской жизни.

Родители говорили ей:

– Мы хотим выдать тебя замуж.

Она же отвечала им:

– Не хочу идти замуж, но надеюсь, что Бог и меня сохранит в страхе пред Ним чистою, как Он соблюдает в непорочности Своих святых дев!

Родителям ее казалось весьма удивительным, что она говорила так, будучи еще столь юною, и что до такой степени она была объята любовью к Божественному. Но Аполлинария снова стала умолять своих родителей, чтобы они привели к ней какую-нибудь инокиню, которая бы научила ее Псалтири и чтению святых писаний. Анфемий же немало скорбел о ее намерении, потому что ему хотелось выдать ее замуж. Когда же девица не изменила своего желания и отказалась от всяких

подарков, которые предлагались ей искавшими ее руки знатными юношами, родители сказали ей:

– Чего же ты хочешь, дочь?

Она отвечала им:

– Прошу вас, отдайте меня Богу – и вы получите награду за мое девство!

Видя, что намерение ее непоколебимо, крепко и благочестиво, они сказали:

– Да будет воля Господня!

И привели к ней опытную инокиню, которая научила ее читать Божественные книги. После этого она сказала родителям:

– Прошу вас, отпустите меня в путешествие, чтобы я могла увидеть святые места в Иерусалиме. Там я помолюсь и поклонюсь Честному Кресту и Святому Воскресению Христову!

Они не хотели отпустить ее, потому что она была для них в доме единственной утехою, и они сильно любили ее, так как другая ее сестра была одержима бесом. Аполлинария же в течение долгого времени умоляла родителей своими просьбами, и вот они, против желания своего, согласились наконец отпустить ее. Они дали ей многих рабов и рабынь, немало золота и серебра и сказали:

– Возьми это, дочь, и ступай, исполни обет свой, ибо Бог хочет, чтобы ты была Его рабою!

Посадив ее на корабль, они простились с нею и сказали:

– Помяни и нас дочь, в молитвах на святых местах!

Она же сказала им:

– Как вы исполняете желание моего сердца, так пусть и Бог исполнит ваши прошения и избавит вас в день скорби!

Итак, разлучившись с родителями, она отправилась в плавание. Достигнув Аскалона[262], она пробыла тут несколько дней из-за волнения морского и обошла там все церкви и монастыри, молясь и подавая милостыню нуждающимся. Здесь же нашла она себе спутников для путешествия в Иерусалим и, придя во святой город, поклонилась Воскресению Господнему и Честному Кресту, совершая усердную молитву за родителей своих. В эти дни своего богомолья Аполлинария посещала и

женские монастыри, жертвуя большие суммы на нужды их. В то же время она стала отпускать на свободу излишних рабов и рабынь, причем давала им щедрою рукою награду за их службу и поручала себя их молитвам. Через несколько дней, по окончании своих молитв на святых местах, Аполлинария, посетив Иордан, сказала оставшимся с нею:

– Братия мои, я хочу освободить и вас, но сначала отправимся в Александрию и поклонимся святому Мине.

Они же сказали:

– Пусть будет так, как ты, госпожа, повелеваешь!

Когда они приближались к Александрии, о ее прибытии узнал проконсул[263] и послал почетных людей встретить ее и приветствовать ее, как дочь царскую. Она же, не желая приготовленных ей почестей, ночью вошла в город и, сама явившись в дом проконсула, приветствовала его и его супругу. Проконсул же с супругой упали ей в ноги, говоря:

– Зачем ты так поступила, госпожа? Мы послали приветствовать тебя, а ты, наша госпожа, пришла к нам сама с поклоном.

Блаженная Аполлинария сказала им:

– Хотите ли вы сделать мне приятное?

Они же отвечали:

– Конечно, госпожа! Тогда святая сказала им:

– Отпустите же меня немедленно, не докучайте мне почестями, ибо я хочу идти и помолиться святому мученику Мине.

И они, почтив ее драгоценными дарами, отпустили. Блаженная же раздала те дары нищим. После того она в течение нескольких дней оставалась в Александрии, обходя церкви и монастыри. При этом она нашла в том доме, где имела пребывание, одну старицу, которой Аполлинария подала щедрую милостыню и упросила тайно купить ей мантию, параманд[264], клобук и кожаный пояс, и все мужские одежды иноческого чина. Старица же, согласившись, купила все это и, принеся к блаженной, сказала:

– Да поможет тебе Бог, мать моя!

Получив монашеские одежды, Аполлинария сокрыла их у себя, чтобы про то не узнали ее спутники. Потом она отпустила оставшихся при ней рабов и рабынь, кроме двоих – одного старого раба и другого евнуха, и, сев на корабль, отплыла в Лимн. Оттуда наняла она четырех животных и отправилась к гробу святого мученика Мины. Поклонившись мощам святого и совершив свои молитвы, Аполлинария в закрытой колеснице поехала в скит поклониться жившим там святым отцам. Был вечер, когда она отправилась в путь, и она велела евнуху находиться позади колесницы, а раб, находившийся впереди, правил животными. Блаженная же, сидя в закрытой колеснице и имея с собою иноческие одежды, совершала тайную молитву, испрашивая у Господа помощи в предпринятом ею деле. Наступила темнота и приближалась полночь; приблизилась и колесница к одному болоту, находившемуся при источнике, который после стал называться источником Аполлинарии. Откинув покрывало колесницы, блаженная Аполлинария увидала, что оба ее служителя, евнух и возница, задремали. Тогда она сняла с себя мирские одежды и облеклась в иноческое мужское одеяние, обращаясь при сем к Богу с такими словами:

– Ты, Господи, дал мне начаток сего образа, сподоби же меня до конца понести его, по Твоей Святой воле!

Потом, осенив себя крестным знамением, она тихо сошла с колесницы, между тем как слуги ее спали, и, войдя в болото, скрывалась здесь до тех пор, пока колесница не уехала дальше. Святая поселилась в той пустыне при болоте и жила одна пред лицом Единого Бога, Которого она возлюбила. Бог же, видя ее сердечное к Нему влечение, покрывал ее Своею десницею, помогая ей в борьбе с невидимыми врагами и подавая ей телесное пропитание в виде плодов с финикового дерева.

Когда же колесница, с коей тайно сошла святая, двинулась дальше, слуги, евнух и старец, проснулись при свете наступавшего дня, заметив, что колесница пуста, очень испугались; они видели только одежды своей госпожи, а ее самой не находили. Они удивлялись, не зная, когда сошла она,

куда отправилась и с какою целью, сняв притом с себя все одежды. Долго они искали ее, звали ее громким голосом но, не найдя, решили возвратиться назад, не зная, что другое им сделать. Итак, вернувшись в Александрию, они объявили обо всем проконсулу Александрийскому, а тот, чрезвычайно удивленный сделанным ему донесением, тотчас обо всем с подробностями написал анфипату Анфемию, отцу Аполлинарии, и отослал ему с евнухом и старцем оставшиеся в колеснице ее одежды. Анфемий, почитав письмо проконсула, вместе с супругою своею, матерью Аполлинарии, долго и неутешно рыдали вместе, рассматривая одежды любимой своей дочери, а с ними плакали и все вельможи. Потом Анфемий молитвенно воскликнул:

– Боже! Ты избрал ее, Ты и утверди ее в страхе Твоем!

Когда вслед за этим все снова зарыдали, то некоторые из вельмож стали утешать царя такими словами:

– Вот истинная дочь добродетельного отца, вот истинная отрасль благочестивого царя! В этом, государь, получила свидетельство пред всеми твоя добродетель, за которую Бог благословил тебя такою дочерью!

Говоря это и многое другое, они несколько успокаивали горькую скорбь царя. И все молились Богу за Аполлинарию, чтобы Он укрепил ее в таком житии, ибо поняли, что она ушла на трудное пустынническое житие, как это и случилось на самом деле.

Святая же дева несколько лет прожила на том месте, где она сошла с колесницы, пребывая в пустыне около болота, из которого поднимались целые облака язвительных комаров. Там вела она борьбу с дьяволом и с телом своим, которое было прежде нежно, как тело девицы, выросшей в царской роскоши, а потом стало похожим как бы на броню черепахи, ибо она иссушала его трудами, постом и бдением и отдавала на съедение комарам, а кроме того, ее опалял и зной солнца. Когда же Господь восхотел, чтобы она нашла себе приют среди святых отцов пустынников и чтобы о ней уведали люди для своей пользы, то вывел ее из того болота. Ей явился во сне Ангел и повелел идти в скит и именоваться Дорофеем. И она

вышла из своего местопребывания, имея такую наружность, что никто не мог бы сказать, наверное, мужчина ли пред ним или женщина. Когда она однажды рано утром шла по пустыне, ее встретил святой пустынник Макарий и сказал ей:

– Благослови, отче!

Она же испрашивала у него благословения, и потом, благословив друг друга, они пошли вместе к скиту. На вопрос святой:

– Кто ты, отче?

Он отвечал:

– Я – Макарий.

Тогда она сказала ему:

– Будь добр, отче, позволь мне остаться с братией твоею!

Старец, приведя ее в скит, отвел ей келью, не зная о том, что она женщина, и считая ее скопцом. Бог не открыл ему этой тайны, для того чтобы впоследствии все получили от того большую пользу и для славы Своего святого имени. На вопрос же Макария, как ее зовут, она отвечала:

– Имя мое – Дорофей. Слыша о пребывающих здесь святых отцах, я пришел сюда пожить с ними, если только окажусь этого достойным.

Старец спросил ее тогда:

– Что ты можешь делать, брат?

И Дорофей отвечал, что он согласен делать то, что ему будет повелено. Тогда старец указал ей делать циновки из тростника. И святая дева стала жить, как муж, в особой келье, посреди мужей, как живут пустынные отцы: Бог не давал никому проникнуть в тайну ее. Дни и ночи проводила она в непрестанной молитве и занятии рукодельем. С течением времени она стала выделяться среди отцов строгостью своей жизни; сверх того, ей дана была от Бога благодать исцеления недугов, и имя Дорофея было у всех на устах, ибо все любили сего мнимого Дорофея и почитали его великим отцом.

Прошло довольно времени, и злой дух, которым была одержима младшая дочь царя Анфемия, сестра Аполлинарии, стал сильнее мучить ее и кричал:

– Если вы не отведете меня в пустыню, то я не оставлю ее.

К этой хитрости дьявол прибег для того, чтобы обнаружилось, что Аполлинария живет среди мужчин и чтобы изгнать ее из скита. А так как Бог не допускал дьяволу говорить что-нибудь об Аполлинарии, то он мучил ее сестру, чтобы ее отправили в пустыню. Вельможи советовали царю послать ее к святым отцам в скит, чтобы те помолились о ней. Царь так и сделал, послав к пустынным отцам свою бесноватую с множеством слуг.

Когда все прибыли в скит, навстречу им вышел святой Макарий и спросил их:

– Зачем, чада, вы пришли сюда?

Они же сказали:

– Благочестивый государь наш Анфемий прислал свою дочь, чтобы вы, помолившись Богу, исцелили ее от болезни.

Старец, приняв ее из рук царского сановника, отвел ее к авве Дорофею, или иначе к Аполлинарии, и сказал:

– Вот это царская дочь, которая нуждается в молитвах здесь живущих отцов и в твоей молитве. Помолись о ней и исцели ее, так как тебе от Господа дарована сия способность исцеления.

Аполлинария же, услышав это, стала плакать и говорила:

– Кто такой я, грешный, что вы приписываете мне власть изгонять бесов?

И, склонившись на колена, умоляла старца такими словами:

– Оставь меня, отец, плакать о многочисленных грехах моих; я немощен и не в силах сделать что-либо в таком деле.

Но Макарий сказал ей:

– Разве другие отцы не творят знамений силою Божией? И тебе также предоставлено это дело.

Тогда Аполлинария сказала:

– Да будет воля Господня!

И, умилосердившись над бесноватой, взяла ее в свою келью. Узнав в ней свою сестру, преподобная со слезами радости обняла ее и сказала:

– Хорошо, что ты пришла сюда, сестра!

Бог же запретил бесу объявлять об Аполлинарии, которая продолжала скрывать свой пол под видом и именем мужчины, и святая боролась с дьяволом молитвою. Однажды, когда дьявол стал особенно сильно мучить девицу, блаженная Аполлинария, воздев руки к Богу, со слезами молилась о сестре своей. Тогда дьявол, не будучи в состоянии противиться силе молитвы, громко закричал:

– Беда мне! Меня гонят отсюда, и я удаляюсь!

И, повергнув девицу на землю, вышел из нее. Святая же Аполлинария, взяв с собою выздоровевшую сестру свою, привела ее в церковь и, припадая к ногам святых отцов, говорила:

– Простите мне, грешному! Я много грешу, живя посреди вас.

Они же, призвав посланных от царя, отдали им исцеленную царскую дочь и отпустили ее с молитвами и благословением к царю. Родители весьма обрадовались, когда увидели свою дочь здоровою, и все вельможи обрадовались счастью царя своего и прославляли Бога за столь великую Его милость, ибо видели, что девица стала здорова, прекрасна лицом и тиха. Святая же Аполлинария еще более смиряла себя среди отцов, принимая на себя все новые и новые подвиги.

Потом дьявол снова прибег к хитрости, чтобы огорчить царя и обесчестить его дом, а также обесславить и причинить зло мнимому Дорофею. Он снова вошел в царскую дочь, но не мучил ее как прежде, а дал ей вид зачавшей женщины. Увидев ее в таком положении, родители ее чрезвычайно смутились и стали допрашивать ее, с кем она согрешила, девица же, будучи чиста телом и душою, отвечала, что она сама не знает, как это с нею случилось. Когда родители побоями стали принуждать ее к тому, чтобы она сказала, с кем пала, дьявол сказал ее устами:

– Тот черноризец в келье, у которого я жила в скиту, виновен в моем падении.

Царь пришел в сильное раздражение и повелел разрушить тот скит. Царские воеводы пришли с воинами в скит и с гневом требовали выдать им черноризца, оскорбившего так жестоко царскую дочь, а в случае противления угрожали истребить всех

скитников. Услышав это, все отцы пришли в чрезвычайное смятение, но блаженный Дорофей, выйдя к слугам царским, сказал:

– Я тот, кого вы ищете; возьмите меня одного как виновного, а прочих отцов как невинных оставьте в покое.

Отцы, услышав это, огорчились и говорили Дорофею: «И мы пойдем с тобою!» – потому что они не считали его виновным в том грехе. Но блаженный Дорофей говорил им:

– Господа мои! Вы только молитесь обо мне, я же надеюсь на Бога и на ваши молитвы и думаю, что скоро благополучно вернусь к вам.

Тогда они повели его всем собором в церковь и, сотворив о нем молитву и поручив его Богу, отдали его посланным от Анфемия; авва Макарий и другие отцы были, однако же, уверены в том, что Дорофей ни в чем не повинен. Когда Дорофея привели к Анфемию, он упал к его ногам и сказал:

– Умоляю тебя, благочестивый государь, терпеливо и в молчании выслушать то, что я скажу о твоей дочери; но я скажу вам все только наедине. Девица же чиста и не потерпела никакого насилия.

Царь с царицею остались тогда с Дорофеем одни, и он сказал им:

– Умоляю вас именем Божиим, – обещайте мне, что вы, узнав истину, отпустите меня на мое место жительства.

Когда они дали ему в этом свое царское обещание, то блаженная Аполлинария сказала им:

– Это я, смиренный, исцелил вашу дочь, с помощию Божией и по молитвам святых отцов.

Царь и царица как бы онемели от удивления и со вниманием слушали блаженную.

– Я открою вам, – продолжала та, – великую тайну, доселе тщательно сохранявшуюся мною, для того чтобы посрамить диавола, клевещущего на невинных.

Сказав это, она сняла покров с груди своей, и царь с царицею увидели, что пред ними – не мужчина, а женщина.

– Отец, – сказала тогда блаженная, – я дочь твоя – Аполлинария!

Услышав это, родители сначала как бы омертвели от ужаса и удивления, но потом, узнав в ней свою дочь, чрезвычайно обрадовались и пролили в тот день немало радостных слез. Затем они привели к блаженной Аполлинарии и сестру её, которую считали беременной, и сказали ей:

– Знаешь ли ты этого черноризца?

Она отвечала:

– Да, это действительно тот самый человек, который исцелил меня силою Божиею.

И, упав святой в ноги, девица умоляла ее, чтобы она исцелила ее чрево. Аполлинария же, подняв с земли сестру свою, положила ей на чрево руку свою, и бес тотчас же бежал, а девица стала здорова, как прежде. Увидев это, родители прославляли Бога и говорили:

– Действительно, это наша дочь, Аполлинария!

И поднялся в царском дому радостный плач и о том, что нашлась неожиданно старшая дочь, Аполлинария, о коей дотоле не было вести, и о том, что другая дочь освободилась от незаслуженного позора. Святая же Аполлинария пробыла у родителей своих несколько дней и подробно рассказала им всё о себе, а слушавшие ее родители прославляли Бога за Его чудесное промышление.

Когда же святая вознамерилась уйти в свое местопребывание, родители стали молить ее о том, чтобы она осталась у них. Но они не могли упросить ее, а притом и не хотели нарушить царское свое слово, данное ей, что отпустят ее на место ее жительства, ранее открытия тайны ее. Итак, они, против собственного желания, отпускали свою любимую дочь, плача и рыдая, но в то же время радуясь в душе такой добродетельной дочери, которая предала себя на служение Богу. Блаженная же Аполлинария просила своих родителей молиться о ней, и они сказали ей:

– Бог, Которому ты уневестила себя, да довершит тебя в страхе и любви к Нему и да покроет тебя Своею милостью; а ты, возлюбленная дочерь, поминай нас в своих святых молитвах.

Ей хотели дать много золота, чтобы она отнесла его в скит на нужды святых отцов, но она не захотела взять его.

– Отцы мои, – говорила она, – не имеют нужды в богатствах сего мира; мы заботимся только о том, чтобы не лишиться благ небесных.

Итак, сотворив молитву и долго проплакав, обнимая и лобзая свою любимую дочь, царь и царица отпустили ее на место ее жительства. Блаженная же радовалась и веселилась о Господе.

Когда же она пришла в скит, отцы и братия возрадовались тому, что брат их Дорофей вернулся к ним невредим и здрав, и устроили в тот день празднество в благодарение Господу. Никто так и не узнал, что приключилось с нею у царя, а равно осталось в безвестности и то, что Дорофей женщина. И жила святая Аполлинария, этот мнимый Дорофей, среди братии, как и прежде, пребывая в своей келье. Через некоторое время, провидя свое отшествие к Богу, она сказала авве Макарию:

– Сделай мне милость, отче: когда мне наступит время отойти в иную жизнь, то пусть братия не омывают и не опрастывают моего тела.

Старец, же сказал:

– Как же это возможно?

Когда она преставилась к Господу[265], братии пришли омыть ее и, увидев, что пред ними женщина, громогласно восклицали:

– Слава Тебе, Христе Боже, имеющий много сокровенных святых у Себя!

Святой же Макарий удивлялся тому, что ему не была открыта эта тайна. Но в сонном видении он увидел одного человека, который говорил ему:

– Не скорби о том, что от тебя была сокрыта эта тайна, и тебе подобает быть увенчанным со святыми отцами, жившими в древние времена.

Явившийся сказал при сем о происхождении и жизни блаженной Аполлинарии и назвал ее имя. Воспрянув от сна, старец созвал братию и рассказал им о том, что видел, и все дивились и славили Бога, дивного во святых Своих. Украсив тело святой, братия с почетом погребли его на восточной

стороне храма, в гробнице святого Макария. От святых мощей этих совершались многие исцеления, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки, аминь.

Память святого пророка Михея

Память 5 января

Святой пророк Михей, сын Иемвлая[266], был современником пророка Божия Ильи и жил во времена Ахава, царя Израильского[267] и Иосафата, царя Иудейского[268]. Михей пророчествовал изустно и предвозвестил несчастный конец войны Ахава против Сирии. Однажды Иосафат прибыл в Самарию[269], чтобы посетить Ахава. Вспомнив, что Рамоф, город Галаадский[270], которым владели Сирийцы, прежде принадлежал царству Израильскому, Ахав просил Иосафата идти общими силами войною против Сирии[271]. Благочестивый царь иудейский соглашался на это, но прежде выступления в поход хотел узнать волю Божию из уст пророков. Тогда Ахав призвал к себе пророков Ваала[272]. Сии ложные пророки, представ пред обоими царями, сидевшими на великолепных престолах во вратах Самарийских, предвозвещали Ахаву победу над Сирийцами. Но Иосафат спросил, нет ли здесь еще пророка Господня, чтобы через него вопросить Господа.

– Есть еще один человек, через которого можно вопросить Господа, – отвечал Ахав, – но я не люблю его, потому что он не пророчествует обо мне доброго, а постоянно пророчествует худое; это – Михей, сын Иемвлая.

– Не говори так, царь, – возразил Иосафат.

Тотчас же Ахав велел позвать Михея.

Царь спросил его:

– Михей, идти ли нам на Рамоф Галаадский или удержаться?

Михей отвечал:

– Я видел всех сынов Израиля, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря, и сказал Господь: нет у них начальника, пусть возвратятся каждый в дом свой с миром.

Тогда Ахав дал приказание отвести пророка Михея в темницу и давать ему там лишь понемногу хлеба и воды, доколе он (Ахав) не возвратится с миром.

На это Михей заметил:

– Если возвратишься в мире, то не Господь говорил через меня.

Ахав не послушался пророческих слов святого Михея и открыл войну с Сирийцами, но в первом же сражении получил смертельную рану[273], а Иосафат со своим войском возвратился в Иудею.

Память преподобного Григория Критского

Память 5 января

Преподобный отец наш Григорий родился в 760 году на острове Крите[274] от благочестивых супругов Феофана и Иулиании. При добром домашнем воспитании он получил и книжное образование. В то время исповедники православной веры терпели великие притеснения от еретиков-иконоборцев. С детства преданный Православию и горячо желая соблюсти правую веру во всей ее чистоте, юноша однажды взял из дома запас пищи и удалился в Селевкию[275]. Немалое время прожил он здесь, питаясь хлебом и водою и проводя в подвигах благочестия богоугодную жизнь.

По смерти императора Льва IV иконоборца[276] преподобный Григорий на двадцатом году своей жизни отправился в святой град Иерусалим поклониться его святыням. Здесь он пробыл двенадцать лет, с терпением и радостью перенося жестокие притеснения от арабов[277] и евреев. Оттуда св. Григорий переселился в Рим, где принял пострижение в ангельский образ, в коем и подвизался, умерщвляя свою плоть воздержанием.

В 811 году св. Никифор, патриарх Константинопольский, отправил папе св. Льву III[278] св. Михаила исповедника, епископа Синадского[279], с соборною грамотой о венчании на царство императора Михаила Куропалата[280]. В Риме св. Михаил духовно сблизился с преп. Григорием и, возвращаясь в Константинополь, взял его с собою, а потом поместил в обители на мысе Акрите[281]. Здесь преподобный ради Христа подвергал себя великим лишениям: ходил босой, имел только одну одежду, пищу, состоявшую из небольшого количества хлеба и воды, вкушал только по одному разу через два или три дня; спал на рогоже, жилищем избрал себе глубокую яму и здесь горько оплакивал смуты, которые волновали тогда христианские церкви[282]. Впоследствии святой подвижник затворился в тесной келье; отсюда выходил он одетый в одну только кожаную одежду, чтобы наносить воды в чан, стоявший у монастырской

ограды. Исполнив эту тяжелую работу, преподобный уединялся в своей келье и здесь совершал келейное правило. Так подвизаясь добрым подвигом, он предал в руки Божии святую душу свою[283].

Память преподобного Фостирия

Память 5 января

Преподобный Фостирий, подобно солнцу воссияв на востоке, просветил пребывающих во тьме. Уединившись на высокой пустынной горе, он пребывал в непрестанной молитве к Богу, умерщвляя свою плоть постом, ночными бдениями, полной лишений жизнью. Великим подвижничеством сиял он, как светило во вселенной, оправдывая тем имя, которое носил[284]. Очистив свое тело и освятив свою душу через исполнение заповеди Господней: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф.16:24), преподобный сделался обиталищем Святого Духа. По дарованной от Бога благодати он исцелял недуги и всевозможные раны у притекавших к нему с верою.

Подобно славному пророку Илии, преподобный отец наш Фостирий получал пищу с небес. Но не вороны носили ем пищу, как повествует писание о пророке (3Цар.17:6), а Ангел Господень. Сей небесный посланник ежедневно полагал хлеб для преподобного на известном месте, когда же к святому мужу приходили посетители, то на том месте преподобный находил хлебы и на их долю. Сие преславное чудо благоволения Божиего совершалось не в течение немногих дней, как во времена святого пророка Ильи на горе Кармиле, а во все те многие годы, когда преподобный Фостирий пребывал в уединении и безмолвии.

Когда впоследствии, с Божией помощью, преподобный Фостирий основал монастырь, в котором собралась многочисленная братия, то он не получал уже с неба хлебов, как прежде, но подавал им пищу от трудов рук своих. Это произошло не потому, чтобы Бог изнемог во Своей благодатной помощи и не потому, чтобы Он отвращался от молитвы святого, тем более, что и сам святой отец никогда не молился о пище, памятуя заповедь Христову: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Но так восхотел Господь подавать им пищу за труды и поэтому

повелел угоднику Своему Фостирию ничего не принимать ни от кого, а все потребное получать от трудов рук своих. Не принимая сам никаких приношений, преподобный и братию свою поучал прилежно упражняться в молитве, душеполезном чтении и в рукоделиях, и сам служил для них в сем постоянным примером.

При жизни святого Фостирия в Церкви возникли некоторые ереси; для прекращения сего соблазна составился собор из многих отцов, на который был приглашен и преподобный Фостирий. Не уклонился блаженный от сего нового подвига и, прибыв на собор, мужественно и убедительно исповедал правую веру, так что многие из еретиков возвратились в общение церковное. Другие же поступали в иноки, движимые к тому святою жизнью великого подвижника, по молитвам которого совершались многие чудотворения и во время временного его жития, и по блаженном его к Богу преставлении, последовавшем вечером накануне праздника Богоявления Господня.

Память преподобного Мины

Память 5 января

Преподобный отец наш Мина подвизался в одной из общежительных обителей Синайской горы[285] в шестом веке по Рождестве Христовом. Пятьдесят лет исполнял он различные иноческие послушания. В третий день после блаженной кончины сего подвижника вся братия собралась в храм, чтобы, по уставу церковному, совершить отпевание усопшего. Во время этого богослужения храм внезапно исполнился благовония, исходившего от того места, где лежал усопший. Когда по приказанию настоятеля гроб с останками почившего преподобного Мины был открыт, все присутствовавшие увидели, что по обеим его ногам двумя ручьями протекало благовонное миро. Тогда настоятель сказал братии:

– Смотрите, это выступил как бы пот от трудов, подъятых ногами почившего при жизни; он исполнен благоухания в свидетельство того, что труды эти приняты Богом. Несите же и вы по чистой совести и с полным прилежанием возлагаемые на вас послушания, чтобы получить воздаяние за труды от Господа Бога и Спаса нашего.

Крещение Господне

Память 6 января

Господь наш Иисус Христос, по возвращении Своем из Египта, пребывал в Галилее, в городе Своем Назарете, где был воспитан, сокрывая от людей силу Своего Божества и премудрость до тридцатилетнего возраста, ибо невозможно было у иудеев никому ранее тридцатилетнего возраста принять сан учителя или священника. Поэтому и Христос не начинал Своей проповеди и не являл Себя Сыном Божиим и «первосвященником великим, прошедшим небеса» (Евр. 4:14), до тех пор, пока не достиг означенного возраста. В Назарете Он пребывал с Пречистою Своею Матерью, сначала при мнимом отце Своем, Иосифе древоделе, пока тот был жив, и занимался вместе с ним плотнической работою; а потом, когда Иосиф умер, Сам продолжал то же дело, добывая трудами рук Своих пропитание для Себя и для Пречистой Богоматери, дабы и нас научить трудолюбию (Лк. 3:23). Когда же исполнялся тридцатый год Его земной жизни и наступало время Его Божественного явления народу Израильскому, то, как говорит Евангелие, «был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне» (Лк. 3:2), – глагол, посылавший его крестить водою и возвестивший ему знамение, по коему Иоанн должен был узнать пришедшего в мир Мессию. Об этом говорит в своей проповеди сам Креститель такими словами: «Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым» (Иоан. 1:33).

И так Иоанн, внимая глаголу Божиему, ходил по всей стране иорданской, проповедуя «крещение покаяния для прощения грехов» (Лк. 3:3), ибо Он был Тот, о Котором предрек Исаия: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему» (Ис. 40:3; ср Лк. 3:4). И выходила к нему вся иудейская страна, и иерусалимляне, и крестились все у него в реке Иордане, исповедуя свои грехи (Мк. 1:5). Тогда пришел и Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну, чтобы креститься от него (Мф.

3:13). Он пришел в то время, когда Иоанн возвестил о Нем народу, говоря: «Идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его; я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (Мр.1:7–8). После этого возвещения пришел Иисус креститься. Хотя Он и не имел нужды в этом, как безгрешный и непорочный, рожденный от Пречистой и Пресвятой Девы Марии и Сам бывший источником всякой чистоты и святыни, но, так как Он взял на Себя грехи всего мира, то и пришел к реке, чтобы очистить их посредством крещения. Пришел Он креститься и для того, дабы освятить естество воды, пришел креститься, чтобы и для нас устроить купель святого крещения. Он пришел к Иоанну еще для того, дабы тот, узрев сходившего на крещаемого Святого Духа и услышав свыше глас Бога Отца, был неложным свидетелем о Христе.

«Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» (Мф. 3:14) Он духом узнал Того, о Ком за тридцать лет «взыграл радостно» во чреве матери своей (Лк. 1:44), потому и сам требовал от Него крещения, как находящийся под грехом ослушания, перешедшим с Адама на весь род человеческий. Но Господь сказал Иоанну: «оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15).

Под правдою святой Златоуст разумеет здесь заповеди Божии, как будто бы Иисус говорил так: «поелику я совершил все заповеди, какие даны в законе, и осталась только одна – относительно крещения, то Мне подобает исполнить и эту». Крещение же Иоанново также было Божественною заповедью, как это видно из слов Иоанна: «Пославший меня крестить в воде сказал мне» (Иоан. 1:33). Кто же посылал? Очевидно, Сам Бог: «был – сказано в Евангелии, – глагол Божий к Иоанну» (Лк. 3:2). И еще потому крестился Иисус, будучи тридцати лет от роду, что возраст тридцатилетнего, – по словам Златоуста и Феофилакта, удобопреклонен ко всякому греху. Ибо возраст юношеский подвержен огню плотских страстей, при тридцатилетнем же возрасте – времени полного раскрытия сил мужских – человек подчиняется златолюбию, тщеславию,

ярости, гневу и всяким грехам. Поэтому-то Христос Господь медлил с принятием крещения до этого возраста, дабы во всех возрастах человеческой жизни исполнить закон и освятить все естество наше и подать нам силу побеждать страсти и остерегаться смертных грехов.

После принятия крещения Господь тотчас же, без всякого замедления, вышел из воды. Есть сказание, что святой Иоанн Креститель каждого крестившегося у него человека погружал до шеи и так держал его, доколе тот не исповедовал все грехи свои; после этого крещаемому дозволялось выйти из воды. Христос же, не имевший грехов, не был задержан в воде, и потому Евангелие прибавило, что Он вышел из воды тотчас (Мф. 3:16).

Когда же Господь выходил из воды, над Ним отверзлись небеса, блеснул свыше свет в виде молнии и Дух Божий в виде голубя сошел на Крестившегося Господа. Подобно тому, как в дни Ноя голубица возвестила об умалении воды потопа, так и здесь подобие голубя предуказало на окончание потопа греховного. А в виде голубя святой Дух явился потому, что эта птица чиста, любит людей, кротка, незлобива и не терпит ничего смрадного: так и Святой Дух есть источник чистоты, пучина человеколюбия, учитель кротости и устроитель мира: притом же Он всегда удаляется от человека, пресмыкающегося в смрадной тине грехов. Когда же Дух Святой сходил, как голубь, на Христа Иисуса с неба, то слышался глас, говоривший: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:17). И Ему подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово святого Иоанна Златоустого на Богоявление Господне

Память 6 января

Хочу, возлюбленные, праздновать и торжествовать, ибо святой день просвещения есть печать праздника и день торжества. Он запечатлевает Вифлеемский вертеп, где Ветхий деньми, как младенец у груди матери, лежал в яслях; он же отверзает иорданские источники, где Тот же Ветхий деньми крещается ныне с грешниками, даруя миру Своим пречистым телом оставление грехов. В первом случае происшедший из утробы Пречистой Девы явился для младенцев как младенец, для матери – сыном, волхвам – как дар, пастырям – как добрый пастырь, полагающий, по слову Божественного Писания, душу Свою за овец (Иоан. 10:11). Во втором случае, именно при крещении Своем, Он приходит на иорданские воды с тем, чтобы омыть грехи мытарей и грешников. Говоря о необычайной чудесности такого события, премудрый Павел восклицает: «явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков» (Тит. 2:11). Ибо ныне мир просветляется во всех частях своих: радуется прежде всего небо, передавая людям сходящий с небесных высот глас Божий, освящается полетом Духа Святого воздух, освящается естество воды, как бы приучаясь омывать вместе с телами и души, и вся тварь земная ликует. Один только дьявол плачет, видя святую купель, приготовленную для потопления его могущества.

Что же еще сообщает Евангелие? «Приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» (Мф. 3:13, 14). Кто видел Владыку, стоящего пред рабом? Кто видел царя, преклонившего голову перед своим воином? Кто видел пастыря, которому бы овца указывала путь? Кто видел начальника ристаний, который бы получал награду от упражняющегося в бегах[286]? «Мне надобно креститься от Тебя», – т.е. преподай, Владыка, Ты Сам мне то крещение, какое Ты хочешь преподать миру. Я нуждаюсь в том,

чтобы Ты окрестил меня, так как я нахожусь под бременем прародительского греха и ношу в себе змеиный яд. Я нуждаюсь в омытии скверны древнего преступления, а Ты ради каких грехов пришел креститься? О Тебе и пророк свидетельствовал, говоря: «потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его» (Ис. 53:9). Как же, Сам подавая избавление, Ты ищешь очищения? Крещаемые, по обычаю, исповедуют грехи свои; Ты же что имеешь исповедать, когда Ты вовсе безгрешен? Зачем Ты требуешь от меня того, чему я не научен? Не отваживаюсь сделать то, что превышает мои силы; не знаю я, как омывать свет, не умею осветить солнце правды. Ночь не освещает дня, золото не может быть чище олова, глина не может исправить горшечника, море не заимствует струи у источника, река не нуждается в капле воды, чистота не освящается скверною, и осужденный не отпускает на свободу судью. «Мне надобно креститься от Тебя». Мертвец не может поднять живого, больной не исцеляет врача, и я знаю немощь моего естества! «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего» (Мф. 10:24). Ко мне не приступают Херувимы со страхом, мне Серафимы не поклоняются и не возглашают Трисвятое[287]. Я не имею престолом небо, меня не предуказывала волхвам звезда, Моисей, угодник Твой, едва сподобился видеть «сзади Тебя» (Исх. 33:23), как же я дерзну прикоснуться ко пресвятой главе Твоей? Зачем повелеваешь Ты мне совершать то, что превосходит мои силы? Не имею я длани, которою бы мог окрестить Бога: «мне надобно креститься от Тебя». Я родился от престарелой, ибо Твоему повелению не могла противоречить природа. Находясь в утробе моей матери и не имея возможности говорить сам, я воспользовался тогда ее устами, а теперь сам своими устами, прославлю Тебя Невместимого, Которого вместил девический ковчег[288]. Я не слеп, как иудеи, ибо знаю, что Ты – Владыка, Который только на время принял вид раба, чтобы уврачевать человека; знаю, что Ты явился для того, чтобы спасти нас; знаю, что Ты – камень, отсеченный от горы без посредства рук, – камень, верующий в который не будет обманут. Меня не приведут в заблуждение видимые знаки Твоего смирения, и я духом уразумеваю величие Твоего

Божества. Я – смертен, Ты же – бессмертен; я – от бесплодной, а Ты – от Девы. Я родился раньше Тебя, но не выше Тебя. Я мог только раньше Тебя выступить на проповедь, но не смею крестить Тебя: я знаю, что Ты – секира, лежащая у дерева (Мф. 3:10), та секира, которая подсекает бесплодные деревья иудейского сада. Я видел серп, готовый отсекать страсти, и возвещал, что скоро повсюду откроются источники исцелений, ибо какое место останется недоступным для Твоих иудеев? Ты будешь очищать одним словом прокаженных, течение крови прекратится через одно прикосновение к краю риз Твоих, от одного Твоего повеления расслабленный снова укрепится силами. Ты напитываешь дочь хананеянки крупинками Твоих чудес, брением отверзаешь очи слепому. Как же Ты просишь, чтобы я возложил на Тебя руки? «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне, призирающий на землю, и она трясется» (Мф. 3:14; Пс. 103:32), по водам как по земле ходяй, – Ты, о Ком я много раз восклицал во время проповеди: «идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его!» (Мр. 1:7). Только на Твою неизреченную благость полагаюсь и надеюсь на Твое безмерное человеколюбие, по которому Ты и блудницу допускаешь отереть пречистые Твои ноги и прикоснуться к Твоей пресвятой главе.

Что же говорит ему Господь? «Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15). Послужи Слову, как глас человеческий, поработай, как раб – Владыке, как воин – царю, как глина – горшечнику. Не бойся, но смело крести Меня, потому что Я спасу мир; Я отдаю Себя на смерть, дабы оживить умерщвленное естество человеческое. Ты, несмотря на Мое повеление, все-таки медлишь простереть руку свою, иудеи же скоро не постыдятся простереть на Меня свои нечестивые руки для того, чтобы предать Меня на смерть. «Оставь теперь, ибо так надлежит». По Своему человеколюбию, Я прежде всех веков решил спасти род человеческий. Ради людей Я стал человеком. Что может быть удивительнее того, что Я как простой человек прихожу креститься? Это делаю Я потому, что не презираю создание Моих рук, не стыжусь земного естества.

Я остался таким же, каким был от века, и принял новое естество, причем, однако, Мое существо осталось неизменным: «оставлю вас теперь». Ибо враг человеческого рода, будучи свержен с неба и изгнан с земли, гнездится в естестве водном, а Я и оттуда пришел изгнать его, как возвещал о Мне пророк: «Ты сокрушил головы змиев в воде» (Пс. 73:13) «Оставь теперь». Ибо сей враг хочет искусить Меня как человека, и Я претерпеваю это для того, чтобы доказать его бессилие, ибо скажу ему: «не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4:7; Втор. 6:16).

О новое чудо! О неизреченная благодать! Христос совершает подвиг, а я получаю почесть; Он воюет с дьяволом, а я оказываюсь победителем; Он змеиную голову сокрушает в воде, а я как бы настоящий борец увенчиваюсь[289]; Он крестится, а с меня снимается скверна; на Него сходит Святой Дух, а мне подается оставление грехов; о Нем Отец свидетельствует как о Своем возлюбленном Сыне, а я становлюсь сыном Божиим ради Него; ему отверзлись небеса, а я вхожу в них; пред Ним, крещаемым, является горнее царство, а я его получаю в наследственное владение; к Нему обращается голос Отца, и вместе с Ним я призываюсь; Отец благоволит к Нему, и меня также не отвергает. Со своей же стороны я прославляю Отца, с небес давшего глас Свой, Сына, крещающегося на земле, и Духа, сошедшего как голубя, Бога, Единого в Троице, Которому я и буду всегда поклоняться. Аминь.

Слово на Богоявление Господне

Память 6 января

Празднуя Богоявление Господне на водах Иорданских, припомним, что Господь Бог наш и прежде являлся над водами для того, чтобы сделать различные дивные дела. Так, когда Он явился над водами Чермного моря, то «глубины открыл есть дно»[290] и провел Своих людей посуху; когда в ковчеге переходил через Иордан то возвратил вспять воды этой реки: «Иордан, – сказано, – обратился назад» (Пс. 113:3). Наконец, вначале, когда Дух Божий носился над водою (Быт.1:1), Бог создал небо, землю, птиц, зверей, человека и вообще весь видимый мир.

И ныне над водами иорданскими является Бог, Единый в Троице: Отец – во гласе, Сын – во плоти, Дух Святой – в виде голубя. Что же Он производит в этом Своем явлении? Он созидает новый мир, и все обновляет, как и в предпраздничном тропаре сделать новый мир, отличный от первого. «Древнее прошло, – говорит Писание, – теперь все новое» (2Кор. 5:17). Мир первый по природе своей был тяжел, не мог вознестись к небу и нуждался в суше, на коей мог бы стоять, как бы водруженный. А мир новый, изведенный из вод Иорданских так легок, что не нуждается в суше, не созидается на земле, не имеет «преград, но ищет вышину», устремляется быстро из воды к отверстым над Иорданом небесным дверям: «Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса» (Мф. 3:16). Для мира первого, обремененного житейскими тяготами, в том случае, когда бы он возжелал достигнуть неба, потребна была бы лестница, утвержденная на земле, вершина которой доходила бы до неба, – но и та была Иаковом только созерцаема, сам же он не восходил по ней, – для мира же нового возможен восход на небо и без лестницы. Каким же образом? Се, вместо лестницы, Дух Божий, в виде голубя, летает над водами. И это означает следующее. Человеческий род уже не как пресмыкающийся по земле гад или ползающее животное, но как птица пернатая выходит из воды крещения;

поэтому и Дух Святой явился над водами крещения как птица, дабы возвести без лестницы на небо Своих птенцов, коих породил Он банею крещения. И исполняются здесь слова песни Моисеевой: «носится над птенцами своими» (Втор. 32:11), или, как читается в переводе Иеронима, вызывает птенцов своих летать. Такой именно новый мир созидает Бог Своим явлением на водах Иорданских, который не прилепляется к земле, но как птица пернатая стремится на крыльях к отверстому небу.

Припомним здесь выражение Писания: «И сказал Бог: да произведет вода, птицы да полетят по тверди небесной» (Быт. 1:20), и посмотрим, как одно из лиц Святой Троицы, явившееся ныне над водами иорданскими при обновлении мира, выводит из воды крещения своих духовных птенцов и призывает их летать, дабы они на своих крыльях добродетели вознеслись к открывшимся над Иорданом небесам. Но прежде, чем рассматривать это, убедимся, на основании учителей Церкви, что всякий человек, родящийся от воды и духа, бывает небесным птенцом. Святой Иоанн Златоуст говорит: раньше было сказано: да «произведет вода пресмыкающихся, душу живую»; а с тех пор, как вошел в иорданские струи Христос, вода производит уже не «пресмыкающихся, душу живую», но разумные и духовные существа – души, которые не ползают по земле, но как птицы парят к небу. Поэтому и Давид сказал: «душа наша как птица» (Пс. 123:7). Эта птица не земная, а небесная, ибо жительство наше, которое нам уготовляется начиная с крещения, находится, по слову Писания, на небесах». Святой же Григорий Нисский, укоряя тех, которые после принятия крещения обращаются к прежним злым делам, говорит: «люди бесстыдные, принявшие крещение, приведенные, неизвестно чем, как бы в неистовство, теряют спасение, полученное водами крещения, хотя, будучи спогребены Христову телу, они облеклись крыльями орла и через это имеют возможность взлетать к тем небесным птицам, каковыми являются бесстрашные духи». Обратим внимание на эти слова: «будучи спогребены Христову телу (через крещение), они облеклись крыльями орла, так что могут взлетать». Этим сей святой учитель убедительно доказывает, что люди,

выходящие из вод крещения, бывают птицами, парящими к небу. Но это мы увидим также из истории.

Преподобный Нонн, епископ Илиопольский, когда должен был в Антиохии обратить к Богу явную грешницу Пелагию, увидел ночью во сне такое видение[291]: ему представилось, что он стоит в церкви за литургией, – и вот около него стала летать какая-то черная голубица, запачканная грязью; он взял ее, омыл в купели, и голубица после того тотчас же стала чиста, как снег, и красива, и прямо отсюда полетела к небу. Это видение указывало на то, что этот блаженный отец обратит к Господу грешницу и просветит ее святым крещением. Итак, воды святого крещения столь могущественны, что могут человека сделать небесною птицею. Сие совершают и иорданские воды, придавая человеку крылья, на коих он мог бы лететь в «раскрывающиеся пред ним небеса».

Но не только обновление человеческой природы в водах Иорданских изображается в явлении, но и явившиеся три достопоклоняемые Лица Божества принимают на себя подобия различных птиц. Так, мы знаем, что Священное Писание уподобляет Бога Отца орлу: «как орел вызывает гнездо свое» (Втор. 32:11). Читаем также, что и Бог Сын подобен кокошу[292]: «Иерусалим, Иерусалим, – говорит Он, – сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья» (Мф. 23:37). Знаем, наконец, что и Бог Дух Святой явился над Иорданом в подобии голубя. Итак, почему Лица Пресвятой Троицы уподобляются означенным трем породам птиц? Воистину потому, что Они стаи таких же птенцов духовно изводят из воды крещения, т. е. делают людей духовными птенцами, кого наподобие орла, кого наподобие кокоша и кого как бы голубем.

Церковь, торжествующая на небе, разделяет верных служителей Божиих, происходящих из Церкви воинствующей, в небесном селении на три особых лика: на лик учителей, на лик мучеников и на лик девственников. Мы не ошибемся, если скажем, что эти три лика суть три стаи птенцов рожденных и изведенных из воды крещения. Лик учителей – это стая орлов, которые парят в небе и, не смежая очей своих, смотрят на

солнечное сияние; ибо святые учители, подразумевая Бога, взлетают высоко, как бы имеющие крылья, а светлым умом, как бы оком, созерцая свет Трисиятельного Божества, просвещают себя и других премудростью. Лик мучеников есть стая многочадных кокошей, ибо они через пролитие за Христа своей крови породили много других чад Христу: кровь мучеников действительно породила многих чад для первенствующей Церкви, которых стало более чем звезд на небе и песка, находящегося на берегу моря. Лик девственников – это стая чистых голубей, ибо они всецело приносят себя в живую жертву Богу и заботятся о том, чтобы угождать не плоти, а Единому Господу. Сии три стаи духовных птиц, говорили мы, родились в воде крещения. Рассмотрим, каким образом это происходит.

В книге Песнь Песней говорится: «Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня» (Песн. 6:4). Это значит: призри на меня, Господи, милостивыми очами твоими и не отвращай их от меня, ибо, по твоей милости, я делаюсь птицей, взлетающей к небесам. И в явлении Своем на Иордан Бог призрел на природу человеческую: призрел Бог Отец, отверзши над Сыном небеса; призрел Бог Сын, пришедши из Назарета Галилейского креститься у Иоанна на Иордане, – призрел, говорю, ибо всю грязь греха Адамова, все немощи нашего естества Он собрал и принес сюда для того, чтобы омыть их и очистить нас от грехов наших, – призрел и Бог Дух, сходя на Божественного человека, принимавшего крещение. Призрев на нас, Единый в Троице Бог ужели не воскрылил естества человеческого? Воистину воскрылил, ибо через это Божественное призрение тотчас появились стаи орлов кокошей и голубей, т. е. лики учителей, мучеников и девственников. Разъясним это на основании Священного Писания.

Богослов видел в откровении, ему бывшем, пред престолом Божиим стеклянное море, как бы из хрусталя (Апок. 4:6); это море обозначало собою тайну святого крещения, ибо между Божиим престолом и человеком, намеревающимся приблизиться к престолу Божиему, находится вода крещения, и не иначе кто-нибудь может приблизиться к сидящему на небесном престоле Богу, как перейдя сначала море крещения,

по словам Писания: «если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Иоан. 3:19). Но почему это море, означающее собою тайну крещения, стеклянное и хрустальное? Знаем, что толкователи Божественного Писания скажут, что оно – стеклянное потому, что имеет в себе чистоту, очищающую душу человека, принимающего крещение, а хрустальное потому, что дает твердость сердцу человека. Еще и потому оно является стеклянным и хрустальным, что подобно тому как сквозь стекло и хрусталь проходит солнечный луч, так и благодать Божия проникает через тайну крещения, и ею приходит к человеку и просвещает храм души его. Наконец, и для того море, находящееся пред Престолом Божиим и означающее тайну крещения, – стеклянное и хрустальное, чтобы восседающая на престоле Пресвятая Троица отразилась и была видима в нем, как в стеклянном и хрустальном зеркале, ибо во святом крещении явился образ Троицы. «Итак, идите, – сказал Иисус Христос – научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19). По-человечески рассуждая, если Бог Отец воссел на престоле Своем как орел, то в море, находящемся пред Престолом, как бы в стеклянном и хрустальном зеркале, должен был отразиться образ орла. Если Бог Сын воссел на престоле как кокош – ибо Он так называет Себя в Евангелии, – то в том находившемся пред Престолом море, должен был, как бы в зеркале, явиться образ кокоша. Если Дух Святой воссел на том престоле как голубь, то и в том море должен был показаться образ голубя. Но разъясним духовный смысл этих образов.

Мы сказали, что море, виденное пред престолом Божиим, означает собою тайну святого крещения, в котором наше естество крещающееся очищается, как стекло, «от всякой скверны плоти и духа» (2Кор. 7:1), душа же наша укрепляется и просветляется, как бы хрусталь. И когда Бог в Троице взирает во время крещения нашего на это таинственное стекло и хрусталь, тогда воистину в нем является образ Троицы. Взирает ли Бог Отец, как духовный орел, или Бог Сын, как духовная кокош, или Бог Дух Святой, как духовный голубь, всегда таинственное стекло и хрусталь, т. е. наше крещающееся естество, являет в

Себе отображение оных духовных птиц и становится птенцом орла, или кокоша, или голубя, т. е. чадом Бога, Единого в Троице – Отца и Сына и Святого Духа, как сказано: «верующим нам во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Иоан. 1:12). Пресвятая Троица воззрела на человеческое естество, принимавшее крещение в водах Иорданских, и отобразилась в нем, снабдив его, как птенца, духовными крыльями орла, кокоша и голубя, т. е. умножила в церкви воинствующей учителей, мучеников, девственников. Итак, ясно, что каждое лицо Пресвятой Троицы извело из вод Иорданских своих особых духовных птенцов. Бог Отец как орел извел из Иордана орлов духовных, т. е. учителей церковных. Святой Кирилл Иерусалимский говорит: «начало мира – вода, начало Евангелия – Иордан. От воды воссиял свет дневной, ибо Дух Божий, носившийся сперва над водой, повелел из тьмы воссиять свету. От Иордана воссиял свет святого Евангелия. Первый Учитель всего мира Христос – Божия сила и Божия Премудрость – откуда начал Свое учение? Не от вод ли иорданских? «С того времени, – сказано в Евангелии, – Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь» (Мф. 4:17). И тотчас за Ним явилось много учителей – это святые апостолы, коих Он посылал на проповедь. Таким образом, воды дали жизнь и птицам естественным (Быт. 1:21), и птицам духовным. Ибо откуда были призваны к апостольскому и учительскому служению Петр и Андрей, Иаков и Иоанн (Мф. 4:18, 21)? Разве не от воды? Из рыбарей Господь избрал Себе апостолов. Откуда жена самарянка явилась как проповедница об истинном Мессии в своем городе? Не от воды ли источника Иаковлева (Иоан. 4:6–7). Откуда и прозревший слепец выступил как свидетель чудесной силы Христовой? Не от воды ли Силоамский купели (Иоан. 9:7)? Все это было предуказанием на святое крещение, в котором и исцеляется слепота душевная, и омываются греховные скверны, и церковные учители получают Божественную премудрость. Ибо крещением подается человеку та благодать, при помощи коей он может приобрести великое разумение, оттуда же у наставников веры вырастают духовные

крылья, по слову Писания: «поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут» (Ис. 40:31).

Бог Сын, как кокош, собирающий под Свои крылья расточенных чад, изводит из воды крещения Своих птенцов – святых мучеников, Сам первее всех отдавая на раны Свою плоть, крещенную в воде, Сам прежде всего полагая за нас на кресте Свою жизнь, дабы и мы были готовы умереть за Него. Припомним здесь слова апостола: «мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились» (Рим. 6:3). Это значит почти то же, как если бы апостол сказал: всякий, крестившийся во Христа, должен за Него умереть, должен «быть соединен с Ним подобием смерти Его» (Рим. 6:5). А кто так крестился в смерть Его, как не святые мученики, говорящие: «за Тебя умерщвляют нас всякий день» (Пс. 43:23)? Кто другой был так «соединен с Ним подобием смерти Его» (Рим. 6:5), на которую Он «как овца, веден был Он на заклание» (Ис. 53:7), как не святые мученики, говорящие: «считают нас за овец, обреченных на заклание» (Пс. 43:23). Оттого-то им поется: «проповедавши агнца Божиего, будьте обречены на заклание, как агнцы» [293]. В смерть его крестились святые сорок девять мучеников, которые, будучи ввергнуты со святым Каллистратом в озеро «сообразни быша подобию смерти Его» (*Память их 27 сентября*), а также десять тысяч мучеников, которые со святым Ромилом в один день были распяты в Армянской пустыне (*Память их 6 сентября*). Да и все святые страстотерпцы, пролившие за Христа кровь свою, приближались «к подобию смерти Его», как крестившиеся в смерть Его. Еще в воде крещения своего они были уже предопределены к венцу мученическому. Обыкновенный кокош имеет обычай выбирать в пищу лучшие зерна и, находя таковые, созывает к себе своих птенцов. Приняв за верное, что все добродетели суть пища духовная, всякий должен сознаться, что нет лучшего зерна, или нет высшей добродетели, чем любовь: «но любовь больше всех» (1Кор. 13:13), – и именно такая любовь, которая полагает за любимого душу свою: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15:13). Это зерно любви нашел и указал птенцам Своим духовная кокош –

Христос Господь, положив душу Свою за друзей: «вы, – сказал Он апостолам, – друзья Мои» (Иоан. 15:14). К этому зерну стекались призванные птенцы – святые мученики и начали, побуждаемые любовью, полагать души свои за Господа, как вещает к Господу одна мученица: «Тебя, жених мой, люблю и за Тебя приму страдания»[294]. Откуда же были призваны эти духовные птенцы к зерну любви? Не от воды ли крещения, в которой они в смерть Его крестились? Послушаем святого Анастасия Синаита [295], который о благоразумном разбойнике, для коего вода, истекшая из ребер Христовых, стала водою крещения, говорит: «К этим птицам (т. е. к небесным духам) отлетел из животворной воды, истекшей из ребер Господних, первейшая всех птиц, святой разбойник, воспаряя по воздуху в рое птиц вместе с Царем птиц – Христом воспаряя по воздуху в рай».

Бог Дух Святой, как голубь, изводит из воды крещения своих птенцов – чистых телом и душою голубей, т. е. девственников. Ибо до тех пор, пока естество человеческое в лице Господа Иисуса Христа через снисхождение и действие Святого Духа не было соединено с Божеством и омыто иорданскими водами, до тех пор супружество было выше девства, до тех пор о девственной чистоте, соблюдаемой во славу Божию, мало где было известно. «Рожденное от плоти есть плоть»[296]. Тогда плоть одна рождала, дух же оставался бесплодным, почему Бог некогда говорил: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть» (Быт. 6:3). Когда же человеческое естество сошло на Иордан, и на него сошел Дух Святой, тогда внезапно от Духа родилось в жизнь высшее супружества девство, стремящиеся не к плотскому, а к духовному, по словам Иоанна Богослова: «рожденное от Духа есть дух» (Иоан. 3:6). А так как дух имеет честь большую, чем плоть, то и девство, соединяющееся в один дух с Господом, стало почетнее, чем плотской супружеский союз. Наше естество, восшедшее в духовный супружеский союз с Христом во Иордане, стало плодоносным и произвело из себя целые девственные лики. И такое духовное супружество не может производить что-либо иное, кроме девства, на что указал

еще пророк Захария, сказавши: «вино – у отроковиц» (Зах. 9:17). Под девами пророк разумеет девственные лики. Дух Святой, по слову пророка, как вино изливается и производит дев, ибо где Дух Святой изливает Свою благодать, там не может не родиться девство. Блаженный Иероним, в своем переводе Священного Писания, удачно передает смысл означенного места словами: «вино, производящее дев». В самом деле, то вино благодати Святого Духа излилось некогда на апостолов и упоило их так, что некоторым они представлялись опьяненными вином, и сделало их такими девами, что в них не оставалось никакого порока и они стали чисты и целы как голуби. В праздник Сошествия Духа Святого и Церковь поет: «дух спасения созидает чистые апостольские сердца»[297]. Итак, ныне изливается оное вино на воды Иордана, и кто сомневается в том, что воды крещения, смешанные с вином Духа Святого, производят девство, согласно со словами пророчества: «вино родящее дев», – и при том таких дев, к которым апостол говорит: «я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2Кор. 11:2)? От духовного супружества естества нашего с Богом рождается от Духа девство, которое Дух Святой, изведя из воды крещения, вводит в небесные обители.

Так каждое Лице Пресвятой Троицы, явившееся на Иордане, изводит из вод крещения своих особенных духовных птенцов и, изведши их, призывает летать на данных им крыльях добродетелей в отверстые небеса.

Во-первых, Бог Отец, как духовный орел, призывает к полету птенцов Своих – духовных орлов, т. е. учителей, как имеющих особенные крылья, о которых Церковь поет: «Бог раздал прилетевшим птенцам, и они вознеслись к небесам».[298] Какие же крылья у тех птенцов? Несомненно, что их, кроме других общих всем добродетелей, – два: дело и слово. Тот есть учитель церковный, тот – высокопарящий орел, кто и сам на деле исполняет то, чему учит других на словах. А что крылья духовных орлов действительно есть слово и дело, это ясно показано в книге Иезекииля пророка, который однажды видел четырех животных с четырьмя крыльями каждое, везущих

колесницу Божию. Те животные издавали шум своими крыльями: «И когда они шли, я слышал, – говорит пророк, – шум крыльев их, как бы шум многих вод, как бы глас Всемогущего (или, по переводу Симмаха, как гром могущественного Бога), сильный шум, как бы шум в воинском стане» (Иез. 1:24). Поистине великий то был голос, необычайная песнь! Впрочем, удивителен не столько самый голос, сколько то, откуда исходил этот голос. Голос этот исходил не из гортани, слово выходило не с языка, песнь не из уст, а из крыльев оных животных. Пророк говорит: «я слышал шум крыльев их». Пели они, но не гортанью, славословили Бога, – но не красноречивыми и многоречивыми устами и языком, а теми же крыльями, на которых летали: «я слышал шум крыльев их».

Какая же здесь скрывается тайна? Эта тайна такая: животные, везущие Божию колесницу, означали собою учителей церковных, которые представляют собою сосуды, избранные для того, чтобы распространить имя Божие по всей вселенной, и своим учением увлекают на прямую дорогу, ведущую к небу Церковь Христову, как бы Божию колесницу, в которой находятся многие десятки тысяч верующих душ. Крылья же оных животных, издающие голос и поющие, означают собою дело и слово учителя. Крылья, которые дают возможность летать, указывают на то, что учитель церковный сам прежде должен явить собою образец добродетели, сам прежде должен пред лицом всех своею богоугодною жизнью, как бы пернатый, возноситься к небу. Голос же, выходивший из крыльев оных животных означает собою учительное слово; учитель должен издавать такой голос, который был бы сообразен с силою его полета, т. е. должен учить стадо и в то же время сам обязан жить так, как учит. Ибо такой пользы не приносит голос учителя, когда у него не видно крыльев богоугодной жизни. Только тот учитель возносится прямо к отверстому над Иорданом небу, который летает не на одном крыле слова, но и на другом крыле – добродетельной жизни, который в одно и то же время учит словом и делом. Не так легко возносят к небу и учителя и ученика замысловато составленное слово, или сладкогласные уста, или громкая гортань, как крылья добрых дел.

Бог Сын, как духовная кокош, призывает летать Своих птенцов – святых мучеников. А крылья добродетели, принадлежащие им одним, кроме других общих добродетелей, суть следующие два: вера и исповедание. Об этих мученических крыльях Апостол говорит: «потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10:10). Непоколебимая вера в сердце – одно крыло; дерзновенное исповедание устами имени Христова пред царями и мучителями – крыло другое. Первая духовная птица, влетевшая в рай, благоразумный разбойник, пострадавший с Христом на кресте, взлетел именно на таковых крыльях веры и исповедания. Ибо в то время, когда Господь наш добровольно за нас пострадавший, был всеми покинут и когда от Него отрекся даже Петр, обещавший умереть с Ним, один разбойник уверовал в Него сердцем и исповедал устами, нарекши его царем и Господом: «помяни меня, Господи, – сказал он, – когда придешь в Царствие Свое». Как велика была эта вера разбойника, когда во всех учениках Христовых оскудела (Мф. 26:56)! Когда все веровавшие соблазнились о Христе, он один не соблазнился, но помолился ему с верою, почему и услышал от Него такие слова: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:42–48). Святой Амвросий так говорит об этом: «в тот час, когда рай принял Христа, он принял и разбойника, но эту славу разбойнику даровала одна вера». Итак, ясно, что сия птица, т. е. распятый с Христом на кресте мученик, взлетела в рай не на каких-либо иных крыльях, как только верою, исповеданною устами. «Эту славу, – говорит святой Амвросий, – даровала разбойнику одна вера».

Наконец, Бог Дух Святой, явившийся в виде голубя, призывает летать и Своих птенцов – девственников, ибо ему свойственно делать человека крылатою птицею, которая бы могла проникать в самые высокие области. Святой Дамаскин поет: Святому Духу, всякая всеспасительная вина, аще коему Сей по достоянию дхнет, скоро землет от земных, восперяет, возращает, устрояет горе. Он и духовных голубей, святых девственников, горе устрояет, призывая их летать.[299]. Особые же крылья добродетелей у тех голубей суть: умерщвление

плоти и духа. А что умерщвление плоти есть одно из крыл, возносящее человека к небу, об этом святой Амвросий Медиоланский, толкуя слова Евангелия: «вы лучше многих птиц» (Мф. 10:31), говорит так: «плоть, расположенная к исполнению Закона Божиего и совлекшаяся греха, по чистоте чувств уподобляется естеству души и возносится к небу на духовных крыльях». Здесь святой учитель Церкви говорит об уподоблении естеству души, имея в виду умерщвление, в котором действительное естество плоти как бы переходит в естество души, когда худшее подчиняется лучшему и плоть порабощается духу, когда человек освобождается от греха и очищает свои чувства, что невозможно без умерщвления. Умертвив же свою плоть, человек становится легким и пернатым как птица, и возносится к небу на духовных крыльях. Итак, умерщвление тела для девства, воспаряющего к небу, есть первое крыло, ибо желающему соблюдать чистоту прежде всего подобает умертвить свою плоть, на что указывает словами пророка Давида Святой Дух, когда обращается ко Христу с такими словами: «Все одежды Твои, как смирна и алой и касия» (Пс. 44:9). Здесь толкователи Божественного Писания разумеют под смирною – умерщвление страстей, под стактями – смирение, под кассией – веру[300]. Эти благоухания исходят от одежд Христа, т. е. от Его Святой Церкви, от верующих, в которых Он облекся как в одежду, приняв на Себя плоть и вселяясь в тех, кто живет чисто и свято. Итак, Дух Святой как бы так говорит: умерщвление страстей, смирение и вера, как драгоценные ароматы, благоухают пред Отцом Твоим от Твоей Церкви, от чистых и девственных людей, которые сохраняют указанные добродетели в своих сердцах, как бы в сосудах для сохранения ароматов. Но спросим: для чего Дух Святой, за разные добродетели прославляя Церковь Христову, прежде всего хвалит ее за умерщвление страстей верующих, поставляя именно на первом месте смирну? Поистине для того, чтобы показать, что вслед за подавлением беззаконных вожделений, за прекращением плотского сластолюбия, за умерщвлением тела идут все другие добродетели, как бы за вождем своим. Итак, духовным птенцам Духа Святого, т. е. девственникам,

желающим иметь гнездом своим небо, прежде всего нужно иметь это крыло, т. е. умерщвление плоти.

Второе их крыло – умерщвление духа, которое состоит в том, чтобы не только делом не совершать греха, но и не желать его в духе, не помышлять о нем в уме. Можно быть чистым по телу, но в то же время иметь различные неподобные желания, услаждаясь помыслами о нечистом. Не напрасно апостол увещевает: «очистим себя от всякой скверны плоти и духа» (2Кор. 7:1). Эти слова ясно свидетельствуют о том, что существует сугубая скверна – нечистота плоти и нечистота духа. Ибо плоть привыкла проявлять себя – в делах, а дух – в помыслах и расположениях сердца. Напрасно хвалится своею чистотою и уповает достигнуть небесного прославления то девство, которое хранит нерастленным только тело, душу же, оскверняющуюся помыслами и хотениями, не старается очистить. Ибо как птица не может летать на одном крыле, так и девственник с одною чистотою телесной, без чистоты духовной, не войдет в чертог небесный. Тот же, кто бережно хранит ту и другую чистоту, как голубь, полетит вслед Явившегося «в виде голубя».

Итак, мы слышали, что сделал Бог Единый в Трех Лицах, явившийся на водах Иорданских при обновлении мира, – как Он извел из вод крещения духовных птенцов церковных – учителей, мучеников, девственников и призвал их «в раскрытые небеса». Да будет же как от учителей, мучеников и девственников, так и от нас грешных – Отцу и Сыну и Святому Духу, – явившемуся на Иордане Богу, честь, слава, поклонение и благодарение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителев бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленнаго Тя Сына именуя: и Дух в виде голубине, извествоваше словесе утверждение. Явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе.

Кондак, глас 4:

Явился еси днесь вселенней, и свет Твой, Господи, знаменася на нас, в разуме поющих Тя: пришел еси, и явился

еси, Свет Неприступный.

Собор святого Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня

Память 7 января

На другой день праздника св. Богоявления Церковь с самых первых времен совершает празднование собора честного и славного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. И вполне прилично было почтить особым празднованием того, кто послужил таинству Божественного крещения, возложивши руку свою на главу Владыки. Итак, тотчас после праздника Крещения Господня соборно почитается и прославляется песнопениями Креститель. Само же слово – «собор» означает, что народ собирается в церковь для совершения богослужения в честь и похвалу прославляемого ныне великого Предтечи и Крестителя Иоанна. Таковой собор, хотя совершался и совершается во всех храмах вселенной, но с особенною торжественностью совершается в храмах, посвященных имени Крестителя, как это было прежде в храме его при Иордане, где он крестил Христа, и в Севастии[301], где он был погребен по умерщвлении Иродом[302], и в Антиохии, куда была первоначально принесена правая его рука святым евангелистом Лукой, и в Царьграде, куда впоследствии та же святая рука была перенесена из Антиохии, и где в особенности торжественно справляем был собор Крестителя, так как рука его была перенесена в самое навечерие святого Богоявления, когда бывает освящение воды: казалось, что тогда сам Креститель прибыл невидимо на освящение воды, и великая радость была царям и всему народу. Потому-то тогда с великим торжеством совершен был собор Крестителя на другой день Богоявления Господня и продолжал праздноваться также и в последующее время. И мы с радостью духовною совершаем собор сего великого Предтечи и Крестителя Иоанна, моля его о том, чтобы он просил за нас Владыку Христа собрать нас в церкви торжествующих в вечном нерукотворенном храме на небе, и где бы мы могли слышать голос празднующих и совершить празднество в честь вечного явления Бога. Там мы можем насыщаться со Христом видением

лица Бога, явственно показывающего Себя святым Своим, и славить со всеми небесными ликами Отца и Сына и Святого Духа вовеки, аминь!

Сказание о десной руке святого Иоанна Предтечи, крестившей Господа

Память 7 января

После усекновения беззаконным царем Иродом главы святого Иоанна Предтечи, Крестителя Господня, его честное тело погребено было его учениками близ могилы пророка Елисея в знаменитом самарийском городе Севастии. Когда же святой евангелист Лука, проповедуя Христа и обходя многие страны и города, пришел в Севастию, имея в виду отправиться отсюда в свой отечественный город – Антиохию, то сему апостолу пришло на мысль взять с собою и отнести в Антиохию тело святого Предтечи, Иоанна Крестителя. Оно было нетленно и цело, но взять было нельзя, потому что жители Севастии очень чтили мощи Крестителя и бережно их хранили. Поэтому святой евангелист Лука мог отделить от святого тела Предтечи только правую руку, крестившую Владыку нашего Господа Иисуса Христа; ее-то он и принес с собою в свой город Антиохию, как некое драгоценное сокровище, которым он хотел возблагодарить Антиохию за воспитание свое, полученное им в этом городе. С того времени святая рука Крестителя с великим благоговением была хранима антиохийскими христианами, ибо от нее совершалось немало чудес. По прошествии долгого времени, на царском престоле воссел Юлиан Отступник[303], который явно отрекся от Христа и кланялся идолам. Он стал преследовать Церковь Божию так же, как и языческие императоры, преследовавшие христиан раньше его, и не только гнал и умерщвлял живых христиан, но восстал с яростью и против умерших: останки святых, пострадавших за святую веру, он вынимал из гробов и сжигал, а храмы Божии и всякие святыни обращал в пепел. Однажды он явился и в Антиохию, частью для того, чтобы принести там гнусные жертвы своему мерзкому богу Аполлону[304], идол которого находился близ города, в местности именовавшейся Дафне, частью для того, чтобы преследовать христиан и сжечь те святыни их, какие ему удалось бы найти. Христиане антиохийские, услышав о его

прибытии, поспешили сокрыть святую руку Крестителя в одной городской башне, называвшейся Гония, чтобы гонитель не причинил ей бесчестия и не сжег бы ее. Юлиан, явившись в Антиохию и причинив здесь много зла христианам, стал отыскивать руку Крестителя, а когда его поиски оказались напрасными, то послал приказ в Палестинский город Севастию о том, чтобы все тело Крестителя, – находившееся там за исключением головы и руки, – а равно и гробница с храмом Крестителя были преданы разрушению и огню, что и было исполнено, как сообщают историки Никифор и Кедрин[305]. Впрочем, блаженный Симеон Метафраст[306] сообщает, что сожжено было не Крестителево тело, а чье-то другое, ибо патриарх Иерусалимский, узнав заблаговременно о приказе Юлиана, тайно взял из гроба мощи Крестителя и послал их на сохранение в Александрию; вместо них же он положил кости одного мертвеца, и эти последние были сожжены, по словам Метафраста, вместо мощей Крестителя, с гробом его и храмом.

Когда беззаконный тот царь погиб и истинная вера снова осияла в мире, то и рука святого Предтечи была вынута из башни, в коей скрыта была, как бы светильник из-под спуда. Снова христиане стали воздавать ей почитание и снова стали совершаться от нее чудеса, как и прежде. Из этих чудес сообщим о следующем.

В пределах Антиохийских гнездился великий и страшный змей, которого язычники обоготворяли и которому как богу ежегодно приносили жертвы. В эту жертву обыкновенно назначаема была особо избиравшаяся непорочная девица, которая и отдавалась на съедение змею, в присутствии всего народа, смотревшего на это зрелище с особых мест, построенных невдалеке от пещеры, где жил змей. Змей же выползал из пещеры и производил всеобщий ужас своим страшным видом, шипением и широко отверстою пастью, а потом хватал представленную ему жертву и, терзая ее своими губами, пожирал. Для такой жертвы дочери антиохийских граждан были назначаемы по жребию. В один год жребий этот пал на дочь одного антиохийского христианина. Христианин этот молил со слезами Христа Бога и его святого Крестителя об

избавлении его дочери от лютой смерти. Когда наступал уже самый день того гнусного праздника, отец с воплями и рыданиями вопиял к Богу и призывал на помощь святого Иоанна Крестителя. В это время он пришел к храму Иоанна Крестителя, где хранилась рука Крестителя, и усердно просил ключаря, чтобы тот отпер ему храм и пустил его поклониться той честной и святой руке. Сие же делал он с тайною целью, для достижения которой он положил за пазуху несколько золотых монет. Когда он стал совершать поклоны пред ковчегом, в котором была хранима та святая рука, то как бы нечаянно просыпал из-за пазухи золотые монеты. Ключарь, который любил деньги, бросился подбирать монеты, а в это самое время христианин тот лобызал святую руку Крестителя, тайно откусив зубами один состав малого перста, спрятал его и, помолившись, вышел, неся с собою сустав пальца. Когда настал тот день, в который девица должна была неповинно подвергнуться смерти, и когда народ собрался к полночному часу на позорище, туда явился и отец, ведя дочь на съедение змею, и в душе вознося к Богу молитвы о спасении. И вот выполз из своей пещеры страшный змей, шипящий, с разинутою пастью, и стал подползать к приготовленной для него жертве – девице, чтобы пожрать ее. Но отец не отступал от дочери, призывая на помощь Всевидящего Спасителя Христа Бога и его Крестителя. Когда змей подполз совсем близко и еще шире раскрыл свою пасть, отец девицы бросил состав священного перста Крестителя прямо в середину гортани змея, и змей тотчас же издох. Девица спасена была таким образом от лютой смерти, отец же ее со слезами радости громким голосом воссылал благодарение Спасителю Богу и его святому Крестителю, разъясняя всему народу, какое великое чудо совершил Господь Бог. Народ, присутствовавший на позорище, видя змея мертвым, а девицу – живою и восхваляющею вместе с отцом Бога, сначала весьма удивился и ужасался при виде столь славного чуда, а потом, обрадовавшись, стал прославлять едиными устами Единого Истинного, Живущего на небе и Призирающего на смиренных Бога. И началось празднование и торжество великое в Антиохии, ибо множество

язычников присоединилось к христианам, уверовав во Христа Бога. На том же месте, где совершилось то великое чудо, создана была церковь, великая и прекрасная, во имя святого Иоанна Крестителя. Рассказывают, что в этой церкви в день праздника Воздвижения Честного Креста Господня архиерей воздвигал и честную руку Крестителя, причем она иногда держалась прямо, иногда же сгибалась: первое предуказывало на большой урожай хлеба и всяких плодов и овощей, а последнее служило предзнаменованием неурожая и голода.

Когда, по Божиему попущению, арабы завладели Антиохией и всеми ее пределами, то и великое сокровище – честнейшая рука св. великого Иоанна Крестителя оказалась как бы в плену. Благочестивые цари христианские немало стараний приложили к тому, чтобы взять из-под власти арабов пречестную руку Предтечи и иметь ее в своем царствующем городе, но им долго не удавалось достигнуть этой цели, и они не могли ничего сделать ни золотом, ни иными какими-либо способами. Но в правление багрянородных братьев Константина и Романа [307] этот дар, более ценный, чем все сокровища земные, получен был следующим образом.

Одному антиохийскому диакону, по имени Иову, внушено было Самим Богом вынести святую руку Крестителя из под державы арабской в страну, где сияла благочестная вера Христова. Так как Святая рука та лежала в прекраснейшем храме Антиохии, посвященном имени св. Апостола Петра, то Иов стал служить при этой церкви и вошел в дружбу с церковным сосудохранителем, чтобы ему было удобнее исполнить то, что он замыслил. Он много раз покушался склонить сосудохранителя на задуманное им дело, но тот никак не хотел согласиться на это. Тогда Иов однажды устроил большой пир, на который позвал сосудохранителя. Он усердно угощал последнего, и когда тот, выпив много вина, тут же заснул, Иов пошел тайно в церковь и, открыв ковчег, взял руку Крестителя и спрятал ее у себя. Сосудохранитель, проснувшись поутру, не заметил пропажи. Между тем Иов, нимало не медля, ушел с честною рукою из Антиохии и поспешил к пределам христианского царства, боясь, как бы антиохийским христианам

и варварскому правительству не сделалось известным похищение святой руки и как бы за ним не послана была погоня. Однако под охраною Божией, будучи защищен молитвами св. Крестителя, он вскоре достиг до христианских владений. Прибыв в Халкидон[308], он открыл, что хранилось у него, и показывал это сокровище, принесенное им из Антиохии, христианам. Тотчас было донесено об этом благочестивым царям и они, услышав таковую весть, превышавшую их надежды, исполнились неизреченной радости и немедленно послали в Халкидон свой царский корабль. На этом корабле находились святейший патриарх и некоторые наиболее почтенные сенаторы, которые должны были встретить принесенную руку Крестителя и с почетом отнести ее в столичный город. Когда из Халкидона возвращался корабль со святою рукою, которую держал сам патриарх, то цари и весь народ вышли на берег, встречая как бы самого святого Крестителя, невидимо приходившего с неба, и воздавали ему почтение поклонением псалмами и песнопениями, возжжением свечей и каждением. С благоговением приложившись к честной руке, цари положили ее в своей дворцовой церкви[309]. Это перенесение св. руки Крестителя совершалось в навечерие св. Богоявления, пред освящением воды. И отпразднован был этот праздник, а вслед за ним собор Крестителя с великим весельем в честь высшего между пророками святого Иоанна Крестителя и во славу Самого в Троице Бога, от всех славимого и поклоняемого вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Память праведнаго с похвалами, тебе же довлеет свидетельство Господне, Предтече: показал бо ся еси воистину и пророков честнейший, яко и в струях крестити сподобился еси Проповеданнаго. Темже за истину пострадав радуяся, благовестил еси и сущым во аде Бога явльшагося плотию, вземлющаго грех мира, и подающаго нам велию милость.

Кондак, глас 6:

Плотскаго Твоего пришествия убоявся Иордан, страхом возвращашеся: пророческое же служение исполняя, Иоанн трепетом спряташеся; Ангельския чини ужасахуся, зряще Тя во

струях плотию крещаема; и вси, сущии во тьме, озаряхуся, воспевающе Тя, явльшагося и просветившаго вся.

Житие и страдание святых мучеников Иулиана и Василиссы и других с ними

Память 8 января

Святой Иулиан родился в египетском городе Антиное[310], от знатных и богатых родителей. От юности возлюбив чистоту девства, он желал сохранить ее до самого конца своей жизни. Положив сию чистоту в основание всех других добродетелей, он пребывал в страхе Божием, прилежно читая и изучая Божественные книги. Иулиан учился и еллинской мудрости, и христианскому учению, прошел и светскую философию, и в то же время хорошо изучил все Божественное Писание. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, родители стали понуждать его к вступлению в брак, так как он был у них единственный сын, а они хотели, чтобы их род продолжился. Иулиан же всячески отказывался от брака. Когда родители и родственники стали крайне докучать ему своими советами и просьбами, принуждая его к женитьбе, то целомудренный юноша попросил себе на размышление одну неделю. Всю эту неделю он провел в посте, молитве и слезах, днем и ночью умоляя Бога, чтобы Он сохранил в непорочности девство, которое он, Иулиан, Ему обещал. В седьмой день, когда настала ночь, Иулиан, изнемогши телом от поста и молитвы, лег и заснул; и вот во сне ему явился Господь, Который утешал его, ободрял и говорил:

– Не бойся исполнить волю и совет твоих родителей, ибо ты возьмешь себе такую жену, которая не нарушит твоего девства и не отлучит тебя от Меня. Мало того, – ради тебя, она и свое девство сохранит, и после этого и тебя и ее, как девственников, Я приму в Мои небесные обители, ибо, по вашему примеру, немало юношей и девиц сделаются девственниками и наследниками Небесного Царства. Я буду с тобою всегда, обитая в тебе и побеждая все телесные вожделения твои и плотскую брань. Девицу же, которая будет сопряжена с тобою браком, Я сделаю такою, какою захочу. Я сделаю то, что и она захочет последовать твоему доброму намерению, и вы оба увидите Меня в уготованном вам чертоге, с Ангельскими ликами

и бесчисленными девственниками обоего пола, которых природа разделила, а вера в Меня – соединила, и которым ты явишься подражателем.

Сказав это, Господь прикоснулся к Иулиану и произнес:

– Мужайся, и да крепится сердце твое!

Будучи так укреплен и утешен сим Божественным видением, благородный юноша воспрянул от сна и сказал:

– Благодарю Тебя, Господи Боже, испытующий наши сердца, за то, что Ты далеко отгоняешь от меня сладости и утешения мира сего и обещаешь быть хранителем моей чистоты и помощником моим. Твердо надеюсь я, что Ты дашь мне то, что «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор. 2:9), то, что уготовал Ты любящим Тебя. А так как Ты сподобляешь меня идти путем Твоим, то я молю Тебя, чтобы Ты Сам был для меня добрым путем, а также путем для всех любящих чистоту. Ты знаешь, Господи, что с самого дня моего рождения и до этого часа, в который Ты соблаговолил призвать меня, я не любил и не желал ничего иного, кроме одного Тебя. Поэтому утверди обещания, вышедшие из моих уст, и приведи их в осуществление.

Вышедши из спальни своей, юноша заявил родителям, что он согласен исполнить их желание и не отказывается от брака. Они же, исполнившись радости, тотчас стали выбирать девицу, которая бы соответствовала их сыну по знатности происхождения и богатству. Наконец, они нашли таковую в лице Василиссы, которая была единственною дочерью у своих родителей и отличалась красотою и добродетелями. И была повенчана она с Иулианом. Когда, после брачного пира, жениха с невестою ввели в опочивальню и затворилась за ними дверь, невеста почувствовала необыкновенное благоухание, какое бывает в саду от лилий и роз и других благовонных цветов. С удивлением она сказала жениху:

– Что это значит, господин мой? Теперь – зима, а между тем я обоняю благоухание благовонных цветов, как бы весною, и так наслаждаюсь этим благоуханием, что ни о чем другом не хочу и думать.

Тогда жених ее, блаженный Иулиан, сказал:

– Благоухание, какое ты ощущаешь, – не обыкновенное, а происходит от Христа, Который любит чистоту и дарует жизнь вечную тем, кто сохраняет свое девство непорочным. Итак, если хочешь сохранить со мною заповеди Христовы и угодить Христу, то возлюбим Его всею душою своею и будем соблюдать для Него в непорочности свое девство. Мы сделаемся его избранными сосудами в настоящем веке, чтобы воцариться с Ним в будущем, и никогда не разлучимся друг с другом.

На эти слова блаженная невеста Василисса отвечала:

– А что другое более нужно, как не спасение, которое, соблюдши девство, мы получим вместе с жизнью вечною? Верю твоим словам и вместе с тобою желаю пребывать в девстве до самой кончины, чтобы получить воздаяние от Христа, моего Господа.

Когда она сказала это, блаженный Иулиан повергся на землю, поклоняясь Богу, и лежал, простершись долу и вопия к Нему:

– Утверди, Господи, то, что Ты начал совершать в нас!

Девица же Василисса, видя своего жениха молящимся, и сама стала молиться. И вот внезапно потряслись основания брачной опочивальни, и в ней воссиял такой необыкновенный свет, что и самые свечи, горевшие в опочивальне, потускнели пред лучами небесными. И явилось великое Божественное видение: на одной стороне виден был Царь Славы, Христос, с бесчисленным множеством девственников, а на другой стороне Пречистая Владычица наша Богородица с ликами дев; и с обеих сторон слышались исполненные неизреченной сладости небесные песнопения, которых еще не слыхало ухо человеческое.

В это время два сияющих мужа в золотых поясах подошли к Иулиану и Василиссе, подняли их и показали им положенную на одр их большую и прекрасную на вид книгу; около же одра стояли четыре почтенных и благообразных старца с золотыми чашами в руках и из этих чаш, полных ароматов исходило чудное благоухание, которое наполняло комнату. И сказал один из старцев:

– Эти чаши изображают ваше совершенство, ибо вы блаженны тем, что, победив временные утехи сей жизни, устремились к жизни вечной, которая не может быть еще постигнута человеческим умом. Прочти же, Иулиан, что написано в сей книге жизни!

Тогда Иулиан посмотрел в книгу и увидал там написанные имена свои и своей супруги. Золотыми буквами там было написано следующее:

– Иулиан, отвергшийся от мира ради любви ко Мне, будет причислен к тем, «кто не осквернил себя с женами» (Апок. 14:4); Василисса же за свою чистоту и девственность непорочную причтется в лику дев, сопровождающих истинную Деву Марию, Мою Пречистую Матерь!

Когда Иулиан прочел это, книга закрылась и стоявшие по обеим сторонам светозарные мужи и девы единогласно воскликнули:

– Аминь!

Тогда старец опять обратился к Иулиану и Василиссе и сказал:

– В этой книге, которую вы видите, перечислены люди чистые, трезвенные, правдивые в слове, милосердные, смиренные, кроткие, любящие нелицемерно, претерпевшие всевозможные тяжкие испытания, скорби и бедствия, – люди, которые так возлюбили Христа, что ради любви к Нему оставляли и отца, и мать, и жену, и чада, и поместья, и богатство, и, кроме того, не побоялись и самую жизнь свою отдать за Христа; к их лику и вы единены теперь.

После этих слов почтенного старца Божественное видение прекратилось, и блаженные супруги, исполнившись необыкновенной радости, провели остальное время ночи в псалмопении. Когда наступил день, родители их и родственники, а равно и прочие приглашенные на брак гости все еще пировали, празднуя плотское соединение жениха и невесты, не подозревая о чудном их соединении духовном. И жили таким образом Иулиан и Василисса друг с другом в совершенной чистоте и целомудрии, сохраняя неповрежденный цвет своего непорочного девства. При этом они, однако,

скрывали эту тайну от людей, так что о девственной их жизни не знал никто из людей, даже родители и родственники, до тех пор пока Сам Господь не открыл ее на пользу многих.

Спустя немного времени после бракосочетания Иулиана и Василиссы родители их скончались, оставив им богатое наследство; они же, получив свободу для своей духовной жизни, задумали послужить спасению и других людей, а не только заботиться о своем собственном. Для этого они построили два монастыря мужской и женский и, разошедшись, постриглись – он в мужском, а она – в женском монастыре. Собрав там около себя лики иночествующих, они приняли начальство над ними.

В обители святого Иулиана жило до десяти тысяч братий, усердно служивших Богу; ибо Господь дал ему такую благодать, что к нему со всех сторон стекались хотевшие спасти свои души. Оставляя свои дома, жен, родителей, родственников, имение и все утехи мира, они вручали ему свои души, чтобы он привёл их в Царство Небесное. Также и святая Василисса собрала в своем монастыре и сделала невестами Христовыми до тысячи чистых дев и, кроме того, множество жен. И в обоих монастырях, как бы в двух садах райских, процветала Ангельская чистота и торжествовало девство над сладострастным бесом нечистоты.

Но время уже сказать о кончине святых, о том, как они с чадами своими, собранными о Боге, перешли в небесные обители, взывая ко Христу Богу: «Вот мы и дети, которых дал нам Господь».[311]

В то время царствовали два нечестивых царя – Диоклетиан и Максимиан[312] и против христиан было воздвигнуто сильное гонение[313], которое, переходя из одной страны в другую и возмущая Церковь Христову, приближалось и к границам той страны, где жили св. Иулиан и Василисса. Многие из верующих впали в смущение и страх, а блаженный Иулиан и Василисса, пребывая в посте и молитвах, со слезами молили Бога, чтобы Он укрепил верующих в Него и собранные ими лики иночествующих и всех до единого сохранил бы от падения и погибели, дабы все они могли войти в Небесное Отечество.

Господь услышал эту молитву и в особом видении явился святой Василиссе и сказал, что ей предстоит скоро отойти из этой жизни в вечный покой, но что еще ранее отойдут из этой жизни все бывшие под ее попечением святые девы, чтобы ни одна из этих дев, оставшись после нее, не отпала, из боязни мучения, от веры и не была исключена из святого лика; для этого Василисса проживет на земле еще полгода, пока святые девы, жившие под ее попечением, не перейдут к Богу; после же смерти Василиссы духовный брат ее, Иулиан, со многими братьями совершит подвиг мученичества и, победив своим мужеством врага, отойдет из сей жизни для того, чтобы получить двойной венец девства и мученичества «в радость господина твоего» (Мф. 25:21). Так и случилось. В течение полугода весь лик дев, собранный святой Василиссой, обычной смертью перешел в небесный чертог своего бессмертного Жениха, и из них осталась в живых одна Василисса. По прошествии непродолжительного времени, все те святые девы явились ей во сне, одетые в царские светлые одежды, и говорили ей:

– Ждем тебя, мать наша, чтобы вместе с тобою поклониться Господу и Царю нашему. Иди же и передай нас Христу, Которого невестами ты нас сделала!

Восстав от сна, преподобная Василисса весьма обрадовалась, частью потому, что весь лик собранных ею дев вошел «в радость господина твоего», частью потому, что ей там, как оказалось, приготовлена была небесная обитель. Она рассказала все это своему духовному брату, святому Иулиану, а потом через несколько дней, во время усердной молитвы, она предала дух свой в руки бессмертного Жениха своего – Бога, и святое тело ее преподобный Иулиан похоронил с подобавшими ему почестями.

Вскоре после этого явился в тех местах правитель Маркиан со своею женою и сыном и стал с яростью преследовать христиан, отдавая их на истязание и смерть. Узнав об Иулиане, что он человек знатного происхождения и верует во Христа, а также услышав о множестве живших с ним и исповедовавших одну с ним веру братиях, он послал к нему видных граждан,

чтобы они убедили Иулиана принести жертвы идолам, как того требовал император. В то время в обители преподобного Иулиана из окрестных городов собралось множество священников, диаконов и других клириков, вместе с епископами, и все они, пламенея любовью к Господу своему, готовы были охотно принять за Него мученическую смерть. Когда явились к ним посланные от правителя, то все собравшиеся отвечали им, что у них один Царь – пребывающий на небе Господь Иисус Христос, и Он повелел им не поклоняться идолам и скрывающимся в них бесам, но поклоняться только Единому Истинному Богу; и вот они повинуются Христу и готовы тотчас умереть за Него. Посланные возвратились к правителю и донесли ему о том, что услышали, и правитель, разгневавшись, послал отряд войска взять одного Иулиана, – а монастырь, со всеми находившимися в нем сжечь. Итак, блаженный Иулиан был взят и, связанный, отведен в темницу, а находившаяся в монастыре братия его, числом до 10 тысяч, вместе с бывшими там епископами и клириками, были сожжены, вместе с монастырем, как благовонная жертва Богу. И долгое время после этого на том месте слышалось сладкогласное пение большого хора поющих именно в те часы, когда обычно совершаема была Божественная служба – в первый, третий, шестой и девятый. На том же месте совершалось множество исцелений от разных болезней – над теми именно больными, которые удостаивались услышать упомянутое пение.

Наутро святой Иулиан был представлен на суд правителя. Святого долго то убеждали хитрыми словами и ласками, то устрашали страхом наказания, но он не послушался ни угроз, ни убеждений. Тогда его стали бить без жалости суковатыми палками. Во время этого истязания одна палка, от силы удара, переломилась и кусок ее попал в глаза одного родственника правителя и повредил их, отчего правитель пришел в еще большую ярость. Святой страдалец сказал правителю:

– Послушай, Маркиан! Вели собраться всем своим самым искусным жрецам, и пусть они призовут имена богов и богинь своих, умоляя их подать исцеление твоему родственнику. Если

же они не смогут этого сделать, то я, призвав имя Господа моего Иисуса Христа, не только возвращу ему выпавшее око телесное, но и очи ума его сделаю такими, что они увидят истину.

Правитель принял предложение и, собрав всех жрецов, повелел им идти в ближайший идольский храм принести там жертвы и умолить богов и богинь, чтобы они исцелили око раненого. Жрецы пошли и исполнили то, что им было приказано, но после принесения множества жертв услышали от богов своих такие слова:

– Уходите от нас, ибо мы преданы вечному огню и пребываем во тьме. Как можем мы дать зрение слепому, когда и сами ничего не видим? А молитва Иулиана к Вышнему Богу настолько сильна, что с того времени, как его стали мучить, наше мучение в геенне стало во сто раз тяжелее.

Когда в храме послышались эти бесовские слова, все идолы, которых там было до пятидесяти, тотчас упали и сокрушились в прах.

Правитель же закричал на святого Иулиана:

– Волшебник! Твои чарования так сильны, что ты сокрушил даже богов наших! Но мы посмотрим, даруешь ли ты ослепленному прежнее зрение, как ты обещал.

И повелел правитель облить нагого мученика нечистотами, чтобы от него отступила, как говорил правитель, его волшебная чудодейственная сила. Но смрад тех нечистот внезапно превратился в удивительное благоухание, которое наполняло весь воздух, так что все были поражены изумлением. Святой же Иулиан, сотворив крестное знамение над оком раненого, призвал имя Господне; и тотчас больной исцелился, и око его стало видеть по-прежнему. Ослепленный злобою правитель приписывал это исцеление волшебству, а не Христовой силе, а исцеленный громко взывал:

– Действительно Иисус Христос есть Истинный Бог, и Его одного должно почитать и Ему поклоняться!

Тогда правитель повелел отсечь исцеленному голову, и таким образом прозревший телесно и духовно, получив

крещение в своей собственной крови, отошел к духовному созерцанию невидимого Бога.

Святого же Иулиана нечестивый Маркиан повелел оковать тяжелыми оковами по рукам и ногам, и в таком виде повелел водить его по городу на всеобщее поругание и во время остановок на улицах мучить его различными пытками. Во время этого истязания и поругания глашатай восклицал:

– Вот чему подвергаются те, кто не кланяется богам и презирает царские повеления!

Когда же пришли мучители вместе со святым к тому дому, где обучался наукам единственный сын правителя, по имени Кельсий, то отрок, который также смотрел на святого, сказал своим товарищам, что он видит нечто удивительное. Те стали спрашивать его, что он видит, и Кельсий сказал:

– Я вижу, что того осужденного христианина, которого водят воины скованным, окружает множество лучезарных юношей; – из коих одни ему оказывают услуги и помощь, а другие возлагают на главу его столь блестящий венец, что сияние его превосходит свет солнечный. Думается мне, что хорошо веровать в такого Бога и служить Ему, Который так охраняет Своих служителей и украшает такою славою; поверьте мне, друзья мои, что я также хочу стать таковым служителем, если Бог этого христианина соблаговолит быть моим Богом!

С этими словами Кельсий бросил книги и красивую одежду, оставляя миру то, что ему принадлежит, и поспешил вслед за святым. Припав к ногам мученика, он воскликнул:

– Тебя хочу иметь вторым отцом своим; от нечестивого родителя своего по плоти, врага праведников, истязателя, я отрекаюсь совершенно. Я присоединяюсь к тебе, я желаю так же, как и ты, страдать за Христа Господа и Спасителя моего, Коего я доселе не знал!

Воины, истязавшие Иулиана, были удивлены, и весь город сбежался на необычное зрелище и дивился, видя, как сын правителя обнимал мученика и лобызал его раны. И сказал отрок народу:

– Знайте, что я сын правителя; вместе с моим нечестивым отцом я доселе преследовал неповинных святых. Но так

поступал я по неведению, ныне же, познав Бога и будучи сам познан Им, отвергаюсь от ложных богов, отрекаюсь от отца и матери и презираю свое богатство; я исповедую Христа и верую в Него и заявляю, что я последователь блаженного Иулиана. Зачем вам медлить, слуги и воины? Идите и объявите моим родителям, что я познал истинного Бога и хочу пребывать вместе с Его верным служителем.

Когда об этом было донесено отцу и матери Кельсия, то они, услышав эту неожиданную весть, были глубоко опечалены и тотчас послали за отроком, чтобы взять его от Иулиана и привести домой. Но Бог, охраняющий младенцев, сделал так, что никто не мог прикоснуться к нему, ибо всякий, кто прикасался к нему, тотчас чувствовал сильную боль в руке и плече; и потому никто не осмеливался взять его и отлучить от мученика. Узнав об этом, правитель велел привести к себе обоих вместе и сказал блаженному Иулиану:

– Ты своею хитростью стараешься отнять от меня всю мою надежду и юное сердце прельщаешь дурными речами, искореняя в нем любовь к родителям!

В то время, когда правитель говорил, прибежала мать Кельсиева с толпою родственников обоего пола. Она рвала на себе волосы, раздирала себе на груди одежду, и крики ее так были ужасны, что правитель сам разодрал на себе одежды и сказал мученику:

– Жестокий Иулиан! Посмотри на мучения отца и матери и на рыдания всех родных и освободи невинного отрока от действия твоей волшебной силы! Отдай нам единственного сына и нашему дому вороти наследника и господина. Тогда и я попрошу за тебя царей, чтобы была прощена тебе вина твоя, и ты будешь отпущен на свободу невредимым.

Святой Иулиан на это отвечал:

– Я не нуждаюсь в твоей помощи и не ищу прощения от царей твоих, но о том только умоляю Господа моего Иисуса Христа, чтобы меня вместе с агнцем, который родился в волчьей утробе[314], и со всеми верующими, причел Он к лику сожженных, когда я довершу свой мученический подвиг. Пред тобою же находится тот, кто родился от тебя по плоти, а ныне

возродился духом, веруя вместе со мною во Христа. Он сам уже на возрасте, – пусть он сам тебе и отвечает, пусть сам сжалится над материнскими слезами и пожалеет вскормившую его грудь.

На это благородный и благоразумный отрок сказал:

– От терния вырастает шипок, но ни он не утрачивает своего благоухания от того, что произошел от терния, ни терние, производящее шипок, не теряет через то своих острых колючек. Итак, родители мои, вы, по своему обычаю, продолжайте, как терния, терзать невинных, а меня оставьте, как шипок, издавать благоухание для верующих; пусть вам повинуются те, кто стоит на пути погибели, а за мною пусть следуют те, кто стремится перейти из царства тьмы в царство света. Ради Господа моего Иисуса Христа я отрекаюсь от вас, родителей, вы же из почтения к богам своим мучьте сына вашего, ибо я через смерть временную хочу достигнуть вечной жизни. Не могу быть для вас добрым, а для себя злым, и любовь к вам не поставлю выше радостей вечных. Зачем медлить, отец? Поступи со мною, как поступил со своим сыном Авраам! Возьми меч и принеси меня, сына своего, в жертву Христу. Если тебе мешает это сделать естественная любовь родительская, то отошли меня к самым жестоким мучителям, чтобы я мог пострадать за Господа моего, Иисуса Христа. Напрасны ваши рыдания и слезы, ибо они не могут меня заставить изменить моему исповеданию.

Услышав это, правитель повелел отвести Иулиана и Кельсия в смрадную и мрачную темницу, но, когда они вошли туда, тьма в темнице превратилась в свет; и смрад – в благоухание. Двадцать воинов, бывшие при этом, уверовали во Христа, но так как блаженный Иулиан не был пресвитером и не мог крестить уверовавших, то это повергло его в печаль. Однако Бог, исполняющий желания боящихся Его, послал им пресвитера.

В том городе был один человек, весьма знатного происхождения, которого цари Диоклетиан и Максимиан очень уважали как родственника одного из бывших императоров, Карина[315]. Этот человек со всем своим семейством исповедовал христианскую веру. Он и супруга его скончались в

вере и благочестии, оставив после себя семерых сыновей, которые хотя и были юны годами, но зрелы разумом. Из уважения к их родителям цари позволили им исповедовать отцовскую веру и безбоязненно прославлять Христа своего. Поэтому у них был свой пресвитер, по имени Антоний, из рук которого они принимали Св. Таинства. Им-то Бог в особом откровении и повелел идти вместе со своим пресвитером в темницу и посетить находившихся там Иулиана и Кельсия. Когда они пошли туда ночью, пред ними шел Ангел, при одном прикосновении которого отверзлись темничные двери, и они, войдя в темницу, облобызали святых узников и стали вместе с ними молиться Богу. Пресвитер окрестил блаженного отрока Кельсия, сына правителя, и двадцать воинов, а семеро тех братьев возгорались ревностью к общему с ними страданию за Христа и не хотели уходить из темницы. Узнав об этом, игемон дивился, что те, которым царями было разрешено свободно исповедовать христианскую веру, сами идут в узы и на мучения, и, призвав братьев к себе, он долго увещевал их идти домой и славить своего Христа, как им угодно, раз им дано такое позволение от царей. Но они стремились в узы и темницу и не желали свободы.

– Не годится для царского венца, – говорили они, – то золото, которое не было раньше переплавлено и очищено в горниле. Так и мы не будем достойны нашего Христа, если наша вера в Него не будет испытана, как золото. Немного цены в дереве, украшенном только листвою, но не приносящем плодов. Так и мы не будем благоугодны нашему Христу, если не принесем Ему прекрасных плодов нашей веры.

Тогда правитель повелел исполнить их желание, а сам обещал донести о них царю.

Итак, блаженные отроки возвратились от правителя не домой, а в темницу, к святым Иулиану и Кельсию и двадцати воинам, а с ними пошел и пресвитер Антоний. Правитель же послал к царям донесение о Иулиане, о сыне своем Кельсии, о воинах и о тех семи братьях. По прошествии немногого времени пришло от царей повеление сжечь всех, кто окажет непобедимое упорство; если же они, благодаря своим чарам,

сохранят себя от действия огня, то правитель сам пусть умертвит их, как найдет удобным. Получив такое повеление от царей, правитель повелел устроить посреди города судилище и, сев пред народом, велел поставить пред собою святого Иулиана со всею его дружиною, с Кельсием, семью братьями, пресвитером Антонием и двадцатью воинами. Он стал увещевать их к поклонению идолам, указывая им на царское повеление, требовавшее их казни, если они не покаются. Но они дерзновенно стояли в правой вере, утверждая, что идолопоклонникам Царь Небесный определил вечную погибель, если они не покаются; и так долгое время прошло во взаимных препирательствах.

В это время мимо судилища проносили одного мертвеца на погребение, и правитель, увидев этого мертвеца, повелел принести его к себе и положить пред ним. Народ был в недоумении, не зная, что намерен сделать с тем мертвецом правитель.

И сказал правитель святому Иулиану:

– О вашем учителе, Христе, сказывают, что Он, прежде чем был распят, воскрешал мертвых. Воскресите и вы мертвеца этого, как делал ваш Учитель, и тогда будет ясно, действительно ли Он Бог.

Святой Иулиан произнес в ответ:

– Какая польза слепому, когда ему говорят, что восходит солнце?

– Оставь свои присловья, – сказал правитель, – и если ты и Бог твой имеете силу, то воскреси этого мертвеца, как я сказал тебе.

И сказал Святой Иулиан в ответ:

– Хотя ваше неверие и недостойно видеть такое чудо от Господа, однако вы сейчас же увидите его, так как уже настало время для того, чтобы явилась Божественная сила Его, и чтобы вы знали, что Бог может это сделать. Я надеюсь, что Господь пошлет мне все, чего я с верою буду просить у Него, и не посрамит меня пред вами.

Сказав это, святой Иулиан возвел к небу очи и сердце свое и молился во всеуслышание, между тем как лицо его все сияло

светом.

И говорил он такую молитву:

– Господи Иисусе Христе, Истинный Сыне Божий, – Ты, Который рожден от Отца прежде век, а по исполнении положенного времени принял человеческую плоть бессеменно, от Пречистой Девы Марии! Призри ныне с небесной высоты, чтобы постыдились враги Твои и укрепились верующие в Тебя! Услышь меня ныне с небесного Твоего престола и воскреси этого мертвеца, дабы живые не умерли духом, а мертвые духом ожили, видя Твое всемогущество.

Так молился он некоторое время, а потом, обратившись к умершему, сказал:

– Тебе говорю, сухая земля, именем Того, Кто воскресил четверодневного Лазаря: воскресни и стань на ноги твои.

Как только святой сказал это, мертвец тотчас же ожил и встал и весь народ пришел в ужас. Воскресший же громко провозгласил:

– О как всемогущи молитвы раба Божиего и его непорочное девство! Ибо куда несли меня и откуда я возвращен?

Правитель Маркиан со вниманием смотрел на происходившее и удивлялся, но так как его ослеплял бес, то он не видел здесь действия силы Христовой, а приписывал все волшебству. Потом, желая посмеяться над воскресшим, он спросил его:

– Откуда ты вернулся?

Но тот подробно стал отвечать ему такими словами:

– Веден я был неведомыми мне эфиопами исполинского роста, страшными на вид и с огненными очами, с зубами как у льва, с когтями как у орла, от которых, видимо, нельзя было ожидать помилования. Радуясь, они влекли меня в ад, но когда я очутился уже при самом входе в пропасть, те эфиопы стали ожидать предания земле моего тела, которое было взято от земли. Но вдруг весь ад пришел в смятение и с престола Божиего послышался голос:

– Ради возлюбленного Моего Иулиана пусть эта душа возвратится в свое тело!

И тотчас пришли двое в белых ризах и, взяв меня из рук нечистых, возвратили в этот мир, чтобы я мог через Того, Кто воскресил меня, познать после смерти Истинного Бога, Коего я отрицался при жизни.

Услышав это, правитель смутился и не знал, что ему делать; но потом, опасаясь смятения в толпе народной, он повелел воскресшего вместе со святым Иулианом и прочими святыми отвести в темницу и запечатать двери темницы своим именным перстнем. Там, в темнице, св. Иулиан повелел блаженному Антонию пресвитеру окрестить воскресшего, и в святом крещении сей последний получил имя Анастасий, что значит, в переводе с греческого, – воскресший.

Наутро правитель Маркиан повелел приготовить тридцать одну смоляную бочку, по числу святых мучеников, и до половины наполнить их смолою и серою, приготовив при этом большой запас дров и хвороста для сожжения святых. Когда все было приготовлено, вывели из темницы связанных страстотерпцев Христовых, причем Иулиана с Кельсием связали вместе. Многие из народа не могли удержаться от слез, жалея о том, что столь юные и прекрасные отроки идут на смерть, будучи ни в чем не повинны. Святой же Иулиан говорил им:

– Не мешайте золоту пройти сквозь огонь, для того чтобы оно было еще чище!

Правитель не хотел смотреть на сожжение своего сына, о котором он мучился в сердце своем и, оставив своего наместника для приведения в исполнение царского приказа, удалился в печали. Тогда каждого святого посадили в приготовленную для него бочку со смолою и потом, обложивши все бочки дровами, сором и хворостом, зажгли их. Пламень от этих бочек поднимался до тридцати локтей в вышину, но святые стояли посреди огня, пели и хвалили Бога. Когда же сгорели бочки и весь костер, то оказалось, что святые остались живы, целы и невредимы, и что лица их сияли радостью. Весь народ, видя это, был поражен удивлением, и когда об этом было донесено правителю, то он поспешил убедиться в том собственными глазами и, убедившись, пришел в совершенное

недоумение. Однако он снова повелел отвести святых в темницу, куда поспешила прийти и жена его, мать Кельсия, узнавшая, что сын ее остался жив и невредим. Увидев сына, она уверовала во Христа и окрещена была в темнице пресвитером Антонием. Имя ей было Марионилла. Правитель же, узнав скоро о том, что жена его приняла христианское крещение, заключил в темницу и ее.

Потом, сев на судилище, он повелел казнить мечом святых двадцать воинов и семерых братьев, отроков Иулиана же с Кельсием, а также пресвитера Антония, Анастасия и жену свою Мариониллу решил снова судить, и потому оставил их в узах.

Когда настал день суда, святые сделали вид, что они как бы повинуются воле царя и совету правителя и хотят поклониться идолам. По этой причине их с радостью повели к идольскому храму, но когда шествие приблизилось к храму, святой Иулиан обратился с молитвою к Богу, – тотчас храм упал и задавил всех бывших в нем жрецов и до тысячи других людей. Самая земля, на которой стоял храм, разошлась, и огонь, выходивший из расселин, пожирал язычников, приближавшихся к ним. После этого святые были снова отведены в темницу, где им во время молитвы явилось в сиянии великое множество прежде них пострадавших мучеников, которые были одеты в белые одежды и пели небесные песнопения. Посреди них было двадцать воинов и семеро братьев, недавно усеченные мечом. Явилась также и святая Василисса со всем своим ликом святых дев и возвестила святому Иулиану, что он скоро со своею дружиною совершит подвиг, окончит жизнь и с торжеством войдет в небесные селения.

– Тебе открыто, – сказала она, – Царство Небесное, и Господь наш Иисус Христос возьмет тебя к Себе, а равно и находящихся с тобою; навстречу вам с торжеством выйдут лики патриархов, пророков, апостолов и мучеников, и вы навеки пребудете с ними.

Сказав это, она стала невидима, а с нею удалились и все явившиеся святые, оставив узников в неизреченной радости и веселии душевном.

После этого мучитель снова воссел на судилище и, выведя святых, предал их разным мучениям. Сначала он повелел обвить их пальцы на руках и ногах пряжею, смоченною в масле, и зажечь эту пряжу; но пряжа на руках и ногах святых сгорела, не причинив им никакого вреда. Потом он повелел содрать с головы святого Иулиана и Кельсия кожу, блаженному же пресвитеру Антонию и Анастасию выколоть глаза. Когда же хотели мучить святую Мариониллу, то у палачей омертвели руки, и они ее не коснулись. После этого святые были отданы на съедение зверям, но и от зверей они были сохранены силою Божией, которая заградила уста зверям. Наконец, правитель повелел собрать из всех темниц преступников, осужденных на смерть, чтобы вместе с ними казнить и святых мучеников. И когда это повеление было исполнено, он приказал всех отвести на казнь, а вместе и мучеников, не пощадив при этом своего сына и супруги. Таким образом святые скончались, будучи усечены мечом вместе с преступниками[316]. Тотчас после казни, совершенной над ними, началось землетрясение, которое разрушило целую треть городских зданий, причем не уцелело ни одно место, где стоял какой-нибудь идол. В то же время блистала молния, гремел гром и шел град, и от грозы погибло немало язычников. Правитель Маркиан сначала едва не умер от страха, а потом вскоре заболел и действительно умер: его заели черви, образовавшиеся в его теле.

На следующую ночь после совершения казни над святыми пришли священники с благочестивыми мужами собрать тела мучеников. Но так как эти святые тела находились посреди многих трупов, то они не могли их признать и, преклонив колена, стали молиться. И вот явились им души святых в образе дев, причем каждая душа находилась при своем теле. Узнавши через это святые тела мучеников, пришедшие собрали их и похоронили в храме, под алтарем. Бог же, Который прославляет святых Своих, повелел источнику живой и целебной воды открыться на том месте, на котором были погребены тела святых мучеников, и всякие болезни исцелялись тою водою и молитвами святых, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки. Аминь.

Память преподобного Григория Печерского

Память 8 января

Как Неокесария гордится святым Григорием Чудотворцем, так и святая великая Лавра Печерская величается соименным этому святому преподобным. Когда Бог показал Свое величие во святых Своих, Антонии и Феодосии, прославившихся разными чудесами, в то же самое время Он избрал на дело чудотворений и преподобного Григория, которого и призвал в Свою святую Лавру. Итак, сей блаженный в то время, когда преподобный Антоний проводил уединенную жизнь в пещере, пришел к преподобному Феодосию, заведовавшему монастырем, и, приняв от него иноческий образ, был утвержден в нестяжательности, чистоте, смирении, послушании и прочих добродетелях, преимущественно же упражнялся в молитве. Совершив в недолгое время много подвигов, он сподобился дара чудотворений и, прежде всего, получил от Бога власть над бесами, которые, еще издали завидя святого, восклицали:

– О Григорий! Ты выгонишь нас своею молитвою.

Григорий же, действительно, имел обычай после всякого богослужения читать заклинательные молитвы. Побежденный враг, будучи отовсюду изгоняем, стал, однако, злоумышлять против святого, желая положить преграду его подвигам в добродетели. Не имея силы сделать этого сам, он допустил злых людей обокрасть святого, который, впрочем, не имел никакого имущества, кроме книг, содержавших в себе молитвы и песнопения. Итак, однажды ночью к келье Григория пришли воры и, спрятавшись, ожидали того времени, когда старец уйдет к утрене в церковь, чтобы взять все его имущество. Блаженный же узнал об их приходе, потому что он целые ночи не спал, молясь посреди кельи Богу. Он стал молиться и за них такими словами:

– Боже! Ниспошли сон рабам Твоим, которые понапрасну истомились, угождая врагу.

Бог услышал молитву старца, и воры проспали пять дней и пять ночей, пока блаженный, в присутствии многих братий, не разбудил их, обратившись к ним с такими словами:

– До каких пор вы будете сторожить напрасно, желая обокрасть меня? Ступайте скорее по домам!

Они же, проснувшись, не могли двинуться с места, потому что лишились сил, не евши ничего столь продолжительное время. Тогда блаженный предложил им поесть и, покормив, отпустил их. Узнав об этом, правитель города приказал наказать этих людей, но Григорий, опечаленный тем, что из-за него они были отданы на мучение, пошел к правителю, подарил ему несколько своих книг и освободил воров. Другие же книги он продал и полученные деньги раздал убогим, говоря:

– Как бы еще кто-нибудь не подвергся беде, соблазнившись желанием обокрасть меня! Итак, пусть исполнено будет повеление Господа, сказавшего: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает» (Лк. 12:33).

Воры же те, по причине совершившегося над ними чуда, вернулись на свои прежние дела, но раскаялись и, явившись в тот же Печерский монастырь, стали работать на братию. Но враг не оставил своих злых умыслов. Так как у преподобного Григория был свой небольшой сад, где он сеял овощи и сажал плодовые деревья, то враг однажды подучил других воров влезть в этот сад и набрать в свои мешки овощей. Но когда они взвалили на себя мешки и хотели уйти, то не могли этого сделать и целых два дня и две ночи стояли на одном месте, под гнетом тяжести мешков. Тогда они начали вопить:

– Святой отец Григорий! Отпусти нас; мы покаемся во грехе своем и больше не станем этого делать.

Услышав их крики, явились иноки и схватили их, но с того места свести их не могли. Тогда они спросили воров:

– Когда вы пришли сюда?

Воры отвечали:

– Уже два дня и две ночи мы стоим здесь.

Черноризцы сказали им:

– Но мы сколько раз проходили здесь и, однако, не замечали вас.

Воры же в ответ заявили:

– И мы, если бы видели, как вы ходите мимо нас, стали бы со слезами просить у вас ходатайства пред старцем; только уже когда окончательно изнемогли, мы стали кричать. Умолите за нас святого чудотворца, чтобы он отпустил нас.

Григорий пришел в это время и сказал им:

– Так как вы целую жизнь провели в праздности, воруя чужое достояние, а сами не хотели трудиться, то отныне вы будете стоять остальные дни вашей жизни на этом самом месте.

Они же со слезами умоляли старца отпустить их и обещались больше не воровать.

Старец сжалился над ними и сказал:

– Отпущу вас, если вы обещаете трудиться и трудом рук своих питать других.

Когда воры поклялись в том, что не ослушаются его, то Григорий сказал им:

– Благословен Бог, подкрепляющий вас! С этих пор вы будете работать на святую братию и от ваших трудов доставлять им то, в чем они нуждаются.

После этих слов он отпустил их. Воры же, в заглаждение зла, которое они совершили в том небольшом саду, стали усердно работать на огородах Печерского монастыря и скончали за этою работою дни свои.

Хитрый искуситель, однако, в третий раз попытался повредить святому такою хитрою уловкою. Однажды к Григорию явились трое просителей, которые приняли вид нуждающихся в помощи, желая испытать преподобного. Двое из них, указывая на третьего, говорили такую ложь:

– Отче! Этот друг наш осужден на смерть. Мы просим тебя дать ему что-нибудь, для того, чтобы он мог внести за себя выкуп и избавиться от смерти.

Блаженный же, провидя, что эта выдумка окажется истиною, от горя прослезился и сказал:

– Горе этому человеку, потому что пришел день его погибели!

Они же сказали:

– Если ты, отче, что-нибудь дашь, то он не умрет.

Это говорили они, желая у него что-нибудь выманить и поделить между собою. Чудотворец же, будучи прозорлив, сказал:

– Если я и дам, то он все равно умрет! Впрочем, скажите мне: какою смертью он должен умереть?

– Его повесят на дереве, – ответили обманщики.

– Правду вы сказали, – заметил на это прозорливец, – завтра это и случится.

С этими словами он сошел в пещеру, куда он скрывался от любопытных взоров и мирской суеты и где он обыкновенно совершал свои молитвы. Вынеся оттуда оставшиеся у него книги, он отдал их пришедшим и сказал:

– Возьмите это, а если вам будет не нужно, воротите мне.

Они же, взяв книги, ушли и стали смеяться, говоря:

– Продадим это и разделим то, что получим.

Увидев плодовые деревья, принадлежавшие святому, они сказали:

– В эту ночь мы еще придем сюда и сорвем эти плоды.

Когда наступила ночь, три вора пришли снова; в это время Григорий молился в своей пещере, и они загородили снаружи дверь в пещеру, где молился старец. Один из них, о котором было сказано, как об осужденном на повешение, влез на дерево и стал рвать яблоки. В это время сук, за который он держался, отломился, и он упал, а сторожившие его двое других воров в страхе убежали. Упавший же повис в это время на другом суку, и притом так, что скоро задохся, так как его некому было освободить.

Григорий, будучи заперт, не мог быть с братией в церкви за утреней; потому братия, выйдя из церкви, пошли посмотреть, почему святой, против своего обыкновения, не пришел к утрене. Тут они увидели висевшего на дереве мертвого человека и пришли в ужас. Тотчас они нашли и Григория, запертого в пещере, который, выйдя из пещеры, повелел снять висевшего.

Потом, увидев его соучастников, которые пришли вместе с другими и смотрели на мертвеца, он сказал им:

– Смотрите, как ваша гнусная ложь стала правдой, ибо «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6:7). Если бы вы меня не заперли, то я пришел бы и помог ему, но так как враг научил вас хранить «суетных и ложных», то поэтому вы и «оставили Милосердаго своего».[317]

Дерзкие насмешники, видя, что слова блаженного сбылись, пали к его ногам, умоляя о прощении. Григорий присудил их к работе на Печерский монастырь, чтобы они с этого времени ели хлеб свой, трудясь в поте лица, и имели возможность питать трудами рук своих и других людей. Так они и скончали жизнь свою, работая с детьми своими в Печерском монастыре на рабов Пресвятой Богородицы и учеников преподобных отцов наших Антония и Феодосия.

Но уже время сказать о страдальческой кончине преподобного.

Однажды в монастырский сосуд попало нечистое животное, и преподобный для очищения его от осквернения сошел к Днепру почерпнуть воды. В это время туда же приехал князь Ростислав Всеволодович[318], чтобы помолиться в монастыре и принять благословение на брань против Половцев[319], куда он отправлялся вместе с братом своим Владимиром Мономахом[320]. Слуги Ростислава, подущаемые древним врагом, стали смеяться над старцем и досаждать ему неприличными речами. Старец же, провидя своим пророческим духом, что им угрожает смерть, сказал:

– О дети! Вам нужно бы с умилением в душе просить у всех молитв о себе, а вы делаете зло, которое противно Богу. Плачьте же о своей погибели и кайтесь в грехах своих, чтобы вам иметь некоторую отраду в страшный день последнего суда. Ибо о вас уже в суде Божием решено, что вы утонете вместе с вашим князем.

Князь же Ростислав, услышав эти слова преподобного, не поверил им и, полагая, что он только грозится, а не пророчествует, с гневом сказал ему:

– Мне ли ты предвещаешь смерть от воды, когда я хорошо умею плавать? Нет, – ты сам умрешь такою смертью!

И тотчас же, забыв страх Божий, он повелел связать старцу руки и ноги, надеть ему на шею камень и бросить в воду.

Так был утоплен святой старец!

Братия два дня искали его, но не могли найти. Когда же потом, на третий день, они пришли в его келью, желая взять кое-какие вещи, оставшиеся после святого, то неожиданно нашли его в келье мертвым со связанными руками и ногами и с камнем на шее. Одежды его были еще мокры, лицо – светло, а все тело – как бы живое. Подивились братия, кем и как мог быть принесен сюда старец, потому что келья была заперта, но потом, воздав хвалу Богу, с почестями вынесли те чудотворные мощи святого и положили их в пещере, где они и доселе пребывают нетленными.

Ростислав же, не считая совершенное им грехом, распаленный яростью, не захотел даже войти в монастырь, вопреки своему обещанию, чтобы получить благословение, – и Божие благословение удалилось от него. Только Владимир Мономах побывал в монастыре для испрошения себе молитв и благословения. Когда же русские князья были у Триполя[321] и перешли реку Стугну[322], то направили полки свои на Половцев. Полки их не устояли и побежали; бежал и князь Владимир и переправился снова благополучно через реку Стугну, по молитвам и благословению Печерских святых, а Ростислав со всем своим войском потонул в реке, и так исполнилось пророчество святого: «какою мерою мерил злой убийца, будут мерить и ему»[323]. Незлобивый же Григорий чудотворец обрел источник жизни и, вкушая из потока вечной сладости при водах, «которые превыше небес» (Пс. 148:4), хвалит имя Господа, Которому подобает слава и честь и присно и в безконечные веки. Аминь.

Память преподобной Домники

Память 8 января

Святая Домника с четырьмя другими девицами прибыла в Царьград из Карфагена в царствование императора Феодосия Великого, будучи еще язычницей[324]. Она пламенела сильным желанием принять христианство и жить по правилам чистой небесной веры. Архиепископ Царьграда святой Нектарий[325] получил о ней особое откровение. Поэтому, приняв ее, он не только сподобил ее святого крещения, но и поставил в диаконисы[326]. Император Лев подарил ей землю за чертою города. На этой земле святая Домника основала монастырь в честь святого Захарии, собрала вокруг себя девственниц и стала жить с ними, подвизаясь в посте. Она сотворила немало чудес: например, она спасла мореплавателей, погибавших от бури на море, тем, что с благословением пустила в море масло, отчего морское волнение прекратилось. Она имела также дар пророчества, ибо предузнала и предсказала кончину царя. Видела она однажды, как сошел с неба Ангел, святил естество воды, а также получала и другие откровения Божественных тайн. Святая мирно почила в глубокой старости, дожив до царствования Льва и Зенона[327], причем предсказала время своего отшествия к Господу.

Память преподобного Георгия Хозевита

Память 8 января

Преподобный Георгий Хозевит[328] родился на острове Кипр[329] в семье, отличавшейся благочестием. Старший брат его, Ираклид, еще при жизни родителей ушел в святой град Иерусалим. Поклонившись здесь местам, освященным стопами и кровью Господа Иисуса, он удалился затем в Иорданскую долину[330] и поселился в Лавре, называемой Коломановой[331], приняв иночество. Святой же Георгий один оставался у родителей, воспитываясь в благочестии и страхе Божием.

Когда умерли родители Георгия, осиротелый отрок со всем имением, оставшимся от родителей его, принят был на попечение одним своим родственником. Последний так полюбил его, что хотел выдать за него замуж свою единородную дочь. Но святой, тяготясь мирскою суетою, и не желая сожительства с женою, скрылся у другого родственника своего, который был игуменом монастыря. О местонахождении Георгия стало известно покинутому им родственнику, желавшему иметь кроткого юношу своим духовным сыном; он пришел к игумену, у которого скрывался Георгий, и стал требовать, чтобы тот возвратил ему отрока. Узнав об этом, Георгий тайно покинул тот монастырь и, сев на отплывавший корабль, отправился с Кипра в святой град Иерусалим. Поклонившись святым местам, он спустился в Иорданскую долину и пришел к брату своему в лавру Коломана. Тот же, видя его еще молодым и безбородым, по заповедям святых отцов не захотел держать его в Лавре, пока он не обрастет бородою, но привел в обитель Пресвятой Владычицы нашей, называемую Хузива[332], и передал тамошнему игумену. Здесь Святой Георгий облечен был в иноческий образ и вступил на путь подвижничества. Трудясь во славу Божию и для спасения своей души, он особенно упражнялся в смирении и послушании. Бог прославил Своего угодника и наградил его даром чудотворения. И вся братия немало удивлялась, видя такое совершенство и такое дерзновение к Богу в юном отроке и к

тому же новоначальном. Святой же, опасаясь обольщений пустой славы мира сего, тайно вышел из обители и снова прибыл к своему брату в лавру.

Поселившись здесь, он занял вместе с братом так называемую Старую Церковь, и здесь они пребывали в молитве, богомыслии и трудах пустыннических. Братья не приготовляли себе горячей пищи, за исключением тех случаев, когда к ним приходил кто-либо.

Однажды авва Ираклид сказал своему брату:

– Возьми топор, и пойдем рубить дрова!

И когда тот взялся за топор, то старший брат приказал ему срубить бесплодную пальму, которая росла около их кельи. Поклонившись брату, Георгий стал просить:

– Нет, отче, не будем рубить ее, может быть, она даст нам вайи.

Но тот с угрозою сказал:

– Сруби ее; вот уже несколько лет она не приносит плодов, – зачем же она занимает место?

Тогда Георгий, снова со смирением поклонившись, произнес:

– Я ручаюсь, что скоро она принесет плоды.

После таких слов Ираклид уступил, и с тех пор пальма стала приносить многочисленные и прекрасные плоды.

В то время в Иерихоне жил один землевладелец, любимый святыми братьями-подвижниками. У него скончался малолетний единородный сын. Положив мертвого в корзинку и прикрыв его начатками своих плодов, отец поспешно принес его в лавру. Войдя в келью к Ираклиду и Георгию, он поставил пред старшим братом корзинку, прося его благословить плоды его земледелия, а сам немедленно вышел. Вынув плоды из корзинки и нашедши в ней мертвого младенца, Ираклид сказал меньшому брату:

– Призови этого человека, ибо он хочет искусить нас грешных.

Но Георгий возразил ему:

– Не печалься и не гневайся, отче, но с верою призовем благоутробного и милостивого Бога, и если Он услышит нас

грешных и воскресит младенца, то отец возьмет его от нас живым в награду за свою веру; а если Бог не восхочет сотворить сего, то скажем отцу, что мы, будучи грешниками, не достигли такого дерзновения к Богу, чтобы помочь его беде.

Старец послушался брата, и оба они стали на молитву со слезами и с сокрушением сердечным. И всемилостивый Господь, творящий волю боящихся Его, услышал их и воскресил младенца. Тогда, призвав его отца, братья отдали ему младенца живым, повелев ему, чтобы он никому не рассказывал об этом чуде.

Так святые Ираклид и Георгий мирно и богоугодно жили вместе, со всяким смирением и скромностью, и никто не слышал спора и разноречия между ними, не видел и тени презрения их друг к другу или к кому-нибудь иному.

По прошествии некоторого времени Ираклид скончался, достигнув семидесятилетнего возраста от рождения. Авва Георгий, оставшись в келье один, рыдал и скорбел о кончине брата своего, в то же время доблестно подражая его жизни и трудам. И кто может поведать об его пустыннических подвигах, неустанной молитве и Богомыслии? Кто может рассказать о его воздержании и посте? За свою подвижническую жизнь старец был удостоен диаконского сана, и по должности диакона часто прислуживал священным отцам за Богослужением. Между тем в лавре скончался игумен, и произошло великое разделение и несогласие по поводу избрания нового настоятеля. Тогда святой Георгий, не терпя смуты, со скорбью удалился из Коломана и снова поселился в Хузевитской обители, в отдельной келье, которую дал ему игумен монастыря.

Подвизаясь на прежнем месте своей отшельнической жизни, преподобный Георгий не приобретал ни вина, ни елея, ни хлеба, ни одежды, но, обходя кучи мусора, собирал тряпки и, сшивая их, делал себе одежду; из этих же тряпок была устроена и постель его. Обитавших в обители иноков он просил сберегать ему за неделю остатки от стола отцов и пришельцев, будут ли то овощи, или плоды, или даже кости. Потом он толок все это в каменной ступе, делал шарики и сушил на солнце; эти шарики он и употреблял в пищу, вместе с водою, – через два или три

дня. Кроме того, старец просил, чтобы братия не пекли без него хлебов, ибо он веровал, что занимающимся этим делом в тех святых местах будет великая награда на небе, так как в Палестине было в обычае издерживать излишек хлеба на странников, приходивших поклониться тамошним великим святыням. В хлебнице, предпочтительно пред другими работами, преподобный Георгий топил печь. Занятие это особенно тягостно в тех местах в летнее время, когда от сильного зноя тают даже свечи на церковных подсвечниках. Но преподобный Георгий, несмотря ни на какой зной, неустанно работал в хлебнице по дважды и по трижды в день, растопляя печь и приготовляя хлебы. Другие из братий не могли переносить такой работы и постоянно чередовались. Поэтому неустанным трудам Георгия все удивлялись и называли его железным.

Так подвизался сей земной Ангел и небесный человек, назидая своими подвигами и других.

Когда же случилось нашествие персов на Святую землю[333], он на время оставил Хузевитскую Лавру и скрылся в Коломане; по миновании же опасности старец снова возвратился в Хузиву. Здесь он снова предался подвижническим трудам и в то же время поучал всех, приходящих послушать его Богомудрых речей. Никого он не оставлял без поучительных бесед, но всех наставлял в слове Божием и в благочестии.

Благочестиво пожив и угодив Богу, преподобный Георгий был отозван в небесные обители, достигнув глубокой старости. О блаженной кончине старца ученик его, преподобный Антоний, рассказывает следующее.

«После многих трудов заболел святой отец наш Георгий недугом, от коего и скончался. В вечер же, в который он скончался, по устроению Божию, случилось множество пришельцев, и я был весьма занят послушанием. И некоторые из братии, сидевшие у старца, часто приходили, говоря мне:

– Спрашивает тебя старец, говоря: «Где Антоний? Призовите мне его, ибо я уже умираю».

Я уже колебался надвое, желая и исполнить послушание, и пойти к старцу. И старец, узнав это духом, объявил мне через

посланных:

– Не скорби и не смущайся, чадо, но исполни послушание твое, а я подожду до тех пор, пока ты придешь.

И пока пришельцы встали из-за трапезы и пришли другие, время протянулось почти до полуночи, и старец был еще жив. Исполнив свое послушание и отпустив пришельцев, я пришел к нему. Когда он меня увидел, то обнял и облобызал и, благословив, обернулся к востоку и сказал:

– Изыди, душе моя, ныне о Господе, изыди.

И сказав это трижды, он предал дух Господу; так он преставился, мирно и тихо, явно предав дух в руки Божии, как пишется: «А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их» (Прем. 3:1), и паки: «Дорога в очах Господних смерть святых Его».[334] Я же, узнав, что он предал дух Господу, припал к груди его и плакал и рыдал о лишении преподобного отца. И, опрятав тело его с псалмами и пениями и песнями духовными, мы положили его в гробнице преподобных отцов; и ныне он находится с ликами святых, сомолитствуя за нас и за весь мир». Аминь.

Кондак, глас 4:

Явился еси светило пресветлое Георгие, озаряя Божественными зарями верно зовущыя ти: моли о нас Владыку Христа, явльшагося во струях и просвещшаго земнородныя.

Память святого священномученика Картерия

Память 8 января

Святой Картерий жил в царствование императора Диоклетиана[335] и был священником и учителем Христовой веры в Кесарии Каппадокийской, при прокураторе[336] Урване. Он построил храм Божий, собрал около себя многочисленную паству, которую поучал почитать Христа с Отцом и Святым Духом, как Единого истинного Бога. На ревностного служителя Христова поступил навет к прокуратору; тогда блаженный иерей скрылся от преследования. Но ему явился Господь и сказал:

– Иди, Картерий, и предстань пред прокуратором. Я буду с тобою; тебе надлежит много пострадать ради Моего имени, и многие через тебя уверуют и спасутся.

Святой, исполнившись великой радости, возблагодарил Господа и известил прокуратора о своем местопребывании, после чего был заключен в темницу. Когда же святой Картерий приведен был к прокуратору, тот приказал ему принести жертву Серапису[337]. По молитве святого истукан сего ложного бога повергся на землю; тогда, по повелению прокуратора, шестнадцать воинов стали бить палками исповедника Христова, которого четверо слуг распростерли на земле. Потом мучители повесили святого Картерия на дерево, бритвою отрезали у него ногти на руках и ногах и терзали его тело железными крючьями.

Тогда святому страстотерпцу явился Ангел Господень и облегчал его страдания, и воин Христов остался невредимым при столь тяжких истязаниях.

По повелению мучителя его сняли с дерева, прокололи ступни ног железными прутьями, возложили на грудь раскаленный сошник, посадили на раскаленный железный стул и раскаленными железными прутьями тянули его ноги. После того блаженный страдалец снова был ввергнут в темницу.

Вечером Господь наш Иисус Христос явился доблестному Своему страстотерпцу, разрешил его от оков и извел из темницы. Тогда многие, видя святого мученика исцеленным от

ран, нанесенных гонителями, стали принимать святое крещение, получая в то же время исцеление от болезней, которыми страдали.

Снова схваченный мучителями, святой Картерий предан был новым истязаниям: к его рукам и ногам подвешены были тяжелые камни, причем палачи били его палками по животу, жгли огнем, поливая серу и смолу на зияющие раны, вливали в уста расплавленное олово, на голову надели добела раскаленный шлем, наконец, бросили святого страстотерпца в огонь. Воспевая Господу благодарственные песни, Святой Картерий вышел из пламени невредимым.

Тогда один еврей, присутствовавший при истязании, придя в ярость, схватил копье и нанес смертельный удар в ребра святого мученика; из раны истекло такое количество воды, что она залила костер; потом потекла кровь, и страстотерпец Христов предал Богу свою святую душу[338].

Память преподобного Ильи Пустынника

Память 8 января

Преподобный Илья вступил с ранней юности в иноческое житие и семьдесят пять лет провел в полном уединении в отдаленной суровой пустыне близ Антиноя Фиваидского[339]. Невозможно передать словом те великие подвиги, которым он предавался на вершине дикой пустынной горы, откуда ни разу не выходил в населенные места, и куда вела к нему проложенная среди острых камней узкая тропинка, на которую едва можно было ступить ногою.

Усердствующие посетители находили старца сидящим под каменным навесом пещеры, темнота которой едва позволяла рассмотреть пустынника; от дряхлости он весь трясся, ибо житие его было более ста десяти лет. Другие отцы пустынники говорили о преподобном Илии, что никто не помнит, когда он поселился на горе.

Под старость он вкушал только по три малых куска хлеба утром и столько же вечером и по три соленых маслины; в юности же он принимал пищу лишь один раз в неделю. Приходивших к нему для назидания он поучал так: «Не предавайте себя во власть сатаны. Есть три проявления дьявольской силы, которые вызываются грехопадениями иноков. Первое – забвение, второе – леность, третье – похоть. Когда на инока нападёт забвение, рождается леность, а от нее проистекают похоти, а от похоти падает человек. Если же инок внимателен и имеет страх Божий, не бывает у него ни лености, ни дурного пожелания, – потому и бессилен против такого сатана, не силен он ввергнуть такого человека в грех, и спасется такой человек Божией благодатью».

Являя благой пример истинно иноческой жизни, преподобный Илия отошел к Господу в глубокой старости.

Память святых мучеников Феофила и Елладия

Память 8 января

Святые мученики диакон Феофил и Елладий мирянин пострадали в Ливии[340]. Безбоязненно исповедуя Господа нашего Иисуса Христа истинным Богом, они поносили языческих ложных богов и укоряли идолопоклонников, за что и схвачены прокуратором и преданы мучениям. Святых исповедников Христовых сначала жестоко бичевали, потом строгали им тело острыми черепками; связав им руки и ноги, палачи опаляли чресла их огнем. После каждого такого истязания мучители принуждали страстотерпцев отречься от Христа и принести жертву идолам; но святые Феофил и Елладий остались непоколебимы в любви ко Христу. Как непокорных, мучители с поруганием влачили их по земле и разбивали камнями их кости; после того доблестные мученики прияли венец от Христа, за Которого пострадали[341].

Память преподобного Емилиана Исповедника

Память 8 января

Емилиан, епископ Кизический[342], пострадал за почитание икон в 815 году, при императоре Льве Армянине[343]. Вторично память его 8 августа.

Страдание святого мученика Полиевкта

Память 9 января

Во времена Декия и Валериана[344], царей римских, в городе Мелитине, в земле Армянской[345], жили два уважаемых воина, Неарх и Полиевкт, которые питали такую взаимную любовь друг к другу, какая редко бывает даже между единоутробными братьями: каждый из них любил своего друга, как свою жизнь и дыхание. Неарх был христианин, твердый в вере и верный исполнитель закона Господнего, а Полиевкт был язычник, непросвященный еще светом истинной веры. Однако этот последний жил по христианским обычаям и подвизался в разных добродетелях, так что его можно было назвать плодовитой маслиной, и ему недоставало только приобщиться к Церкви Божией. Неарх старался обратить его в христианскую веру, часто читал ему Божественные Писания и говорил о Едином истинном Боге, показывая в то же время суету и мерзость идолопоклонства. Но не наступил еще для Полиевкта час обращения и спасения его, назначенный ему от Бога. В скором времени на базарах и улицах стали читать безбожное повеление нечестивых царей, которое призывало всех к поклонению их мерзким богам и угрожало различными муками и казнями тем, кто оказался бы непослушным этому повелению. Неарх, как верный раб Христов, стал приготовляться к смерти; но в то же время он начал скорбеть о своем друге, Полиевкте, полагая, что тот, которого он рассчитывал видеть христианином из страха пред угрозами царя, останется неверующим и через это лишится вечного спасения. Постоянно скорбя об этом и плача о погибели, ожидавшей его друга, Неарх изменился даже в лице и всем видом своим выдавал свое душевное смущение. Полиевкт, видя своего друга столь смущенным, спрашивал его о причине его печали и, так как тот ничего не говорил, то опечалился и Полиевкт, сочувствуя тяжкому горю своего друга. Наконец, Полиевкт стал особенно настоятельно спрашивать Неарха:

– Не оскорбил ли я тебя чем-нибудь? В чем вина моя? Что я сделал ужасного, что ты не хочешь простить своему другу?

Тогда Неарх, заплакав и воздохнув из глубины сердца, сказал:

– Когда я, друг, думаю о том, что наша любовь и приязнь должны кончиться, то унываю и скорблю душою.

Услышав это, Полиевкт весьма огорчился и сказал:

– Как это может случиться, друг? Зачем ты говоришь о таких невозможных вещах? Отчего наша любовь должна прекратиться, когда и сама смерть не в силах ее расторгнуть?

– Любезнейший друг, – отвечал Неарх, – то меня так и угнетает до глубины души, что наше разлучение будет хуже, чем естественная смерть.

Полиевкт, не поняв, что говорит Неарх, крепко обнял своего друга и еще настоятельнее стал просить его:

– Скажи, Неарх, и разъясни, в чем будет состоять это разлучение наше? Я не могу более выносить твоего молчания, и если ты будешь продолжать молчать и ничего не скажешь мне, то тотчас же увидишь меня пред собою мертвым.

Тогда Неарх сказал ему:

– Любезнейший Полиевкт! Нас разлучит с тобою тот царский указ, который читается повсюду; ибо я принадлежу к христианской вере, а ты к языческой. И вот, когда меня возьмут на смерть, ты откажешься от меня и покинешь меня.

Услышав это, благоразумный Полиевкт тотчас понял, чего хочет Неарх, и, будучи просвещен благодатью Божией, стал помышлять о Божественном. Он припомнил бывшее ему за несколько дней пред сим видение и сказал:

– Не бойся, возлюбленный друг мой Неарх! Мы не расстанемся с тобою, ибо я видел во сне Христа, Которому ты служишь и Который, приблизившись ко мне, снял бывшую на мне одежду и облек меня в другую, новую, прекрасную и драгоценную, с золотыми петлями, и, кроме того, дал мне еще крылатого коня.

Неарх, услышав это, обрадовался и объяснил видение в том смысле, что снятие прежней одежды и облечение в новую указывает на перемену жизни к лучшему:

– Предстоит тебе, – сказал он, – оставить языческое нечестие и облечься во Христа истинною верою; крылатый же конь означает скорый переход к небу.

Затем он промолвил:

– Вот ты уже познал Христа, Бога истинного!

Полиевкт отвечал:

– Когда же я не знал Его? Не горел ли я сердцем, когда ты рассказывал мне о Нем? Не дивился ли я Его словам, когда ты читал мне Святое Евангелие? Мне недоставало только христианского имени, а по расположению своему я уже был христианином, ибо я всегда только и думал о том, как бы мне, оставив суетных идолов, стать рабом Христа Господа. Итак, что же медлить, Неарх? Докажем самым делом нашу преданность Христу!

Неарх услаждался его речью и возрадовался; но, боясь того, чтобы друг его не стал жалеть об имуществе своем, о жене и детях, а также о своей жизни, он начал беседовать с ним о суетности сего мира и изображать невидимые блага и славу небесную.

– Для меня, Полиевкт, – говорил он, – ни богатство, ни слава, ни воинская честь, – ничто мирское так не дорого и так не вожделенно, как жизнь во Христе Иисусе: только ее я желаю, а все прочее кажется мне ничтожным.

Полиевкт же, как бы искушая его, сказал:

– А разве ты не дорожишь почестями своего воинского звания?

Неарх ответил:

– Мне кажется, Полиевкт, что ты еще не представляешь себе истинной чести и славы и непрестанного блаженства, которое Господь Христос уготовал рабам Своим.

Полиевкт на это сказал:

– Ты думаешь, что я не имею понятия о славе, чести и блаженстве, которые приготовлены для нас у Христа на небе? А я думаю, что я пошел далее тебя в этом случае, потому что уже получил, как говорил тебе, в видении царскую хламиду. Но вот о чем я спрошу тебя: можно ли, не приняв христианских Таинств, приступить ко Христу и быть Его воином?

– Не сомневайся в этом, верный друг, – отвечал Неарх, – «Бог может из камней этих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3:9), ибо Он не затворяет дверей Своего милосердия ни перед кем, кто обращается к Нему, и приходящим в виноградник Его позже, платит то же, что получают и те, кто работал целый день[346]. Так, Он отверз рай разбойнику, распятому на кресте, и за краткое исповедание веры даровал такое возмездие, из-за которого другие положили много труда.

Услышав это, Полиевкт сказал:

– Да будет слава Христу, истинному Богу! С этого часа я оставляю миру всю его суету и исповедую себя рабом Христа, Которому послужу, как Он мне повелит. А теперь пойду и прочитаю царский указ, изданный против христиан и против Господа и Бога моего, Иисуса Христа.

С такими словами Полиевкт пошел на площадь и, прочитав царский указ, плюнул на него и разорвал его на части при народе. После этого, увидев что в капище несут идолов, пред которыми люди преклонялись, он сначала рассмеялся на это языческое неразумие, а потом, делая вид, что хочет поклониться им, начал хватать этих идолов одного за другим и разбивать их о землю, как глиняные сосуды; всего он сокрушил таким образом двенадцать языческих богов. В это самое время пришел сюда тесть Полиевкта, Феликс, которому было поручено царями преследовать христиан. Увидев произведенное Полиевктом разрушение богов своих, он весьма опечалился и со стоном сказал:

– Горе мне! Ныне я неожиданно лишился чад своих, ибо ни боги, ни люди не помилуют Полиевкта, который сделал такое дело.

Полиевкт же, радуясь разрушению бездушных идолов, сказал своему тестю:

– Что смущаешься, отец? Ныне я ясно показал, как бессильны ваши боги; если у тебя есть еще такие, пусть их принесут сюда, и ты увидишь, как рабы Христовы надругаются над ними.

– Всемогущие цари наши, – отвечал Феликс, – повелели немедленно казнить таких людей, и ты уже близок к смерти,

тебе предстоит казнь, – иначе и быть не может, потому что царского повеления отменить нельзя. Но я даю тебе некоторое снисхождение: ты можешь пойти домой и проститься со своею женою и детьми.

– Могу ли я печалиться о жене и детях, – возразил святой, – когда я пренебрег земным и ищу небесного, помышляю о вечности? Если дочь твоя захочет идти за мною, то она будет блаженна; если же нет, то погибнет с вашими богами.

Услышав это, Феликс стал плакать о своем зяте и говорил ему:

– Горе мне, любезный сын мой Полиевкт! И тебя прельстила волшебная сила Христова.

Святой Полиевкт отвечал на это:

– Не скрываю, что Христос призвал меня к познанию истины. Своею Божественною всесильной десницею Он вывел меня из тени на свет, от смерти в жизнь, направил меня от заблуждения на путь правый и удостоил меня причисления к Своему воинству.

Когда святой сказал это, его схватили мучители и стали бить по устам, но он не обращал на это внимания. Пришла тогда и жена его и стала плакать о нем вместе с отцом своим Феликсом. Святой же так говорил тестю своему:

– О беззаконнейший служитель скверных идолов! Зачем ты своими слезами и слезами дочери своей хочешь прельстить меня к отпадению от веры Христовой? Зачем ты плачешь о Полиевкте, когда тебе следует гораздо более плакать о себе, именно о том, что ты, служа земным царям, обрекаешь себя на огонь вечный?

Жена же святого, которой имя было Павлина, с рыданиями говорила ему:

– Что сделалось с тобою, возлюбленный муж мой Полиевкт? Что соблазнило тебя сокрушить двенадцать богов наших?

Святой же сказал ей с улыбкою:

– Если я один победил и разбил твоих двенадцать богов, то тебе не к кому уже прибегнуть за помощью: у тебя не осталось богов. Послушай меня, Павлина, и познай Единого истинного,

живущего на небесах Бога; поклонись Ему и променяй эту жизнь на вечную.

Слушая эту беседу святого с женою, многие из язычников, стоявшие около них, наслаждались его словами и, познавая истину, умилялись душою и обращались ко Христу. Судьи же городские и все советники, собравшись, потребовали к себе на суд святого Полиевкта и то ласками, то угрозами старались снова обратить его к служению идолам. Когда же их попытки окончились неудачно, они произнесли святому смертный приговор, обрекши его на усечение мечом.

Святой шел на смерть с несказанною радостью и говорил сопровождавшему его народу, что он беседует с одним лучезарным юношей, который его укрепляет и велит забыть все мирское; но юношу того никто, кроме мученика, не видел. Увидев также среди толпы блаженного Неарха, своего друга и отца по вере в истинного Бога, он закричал ему:

– Прощай, возлюбленный друг мой, и помни скрепленный между нами союз любви!

Изрекши эти слова, он преклонил под меч свою святую главу и крестился в своей собственной крови, будучи казнен за Христа Иисуса[347].

Святой Полиевкт был первым мучеником в Армянском городе Мелитине, и его смерть содействовала умножению Церкви воинствующей и пополнению торжествующей, в честь и славу Христа Бога, Который есть Глава той и другой, Коему с Отцом и Святым Духом подобает всякая честь и слава в бесконечные веки. Аминь.

Память святого Филиппа, митрополита Московского

Память 9 января

Святой митрополит Филипп родился[348] в царствующем городе Москве от благочестивых и благородных родителей, из славного рода бояр Колычевых. Отец его, по имени Стефан, принадлежал к числу ближних бояр великого князя Василия Иоанновича; набожная мать его, по имени Варвара, окончила дни свои инокинею с именем Варсонофии. За благочестивую жизнь их, в свидетельство их добродетелей, Бог благословил их добрым плодом: от них родился блаженный Филипп, который во святом крещении наречен был Феодором. Родители воспитывали его во всяком благочестии. Когда он немного подрос, его отдали в обучение книжное, в котором он преуспевал с особенным усердием, чуждаясь в то же время свойственных детскому возрасту игр и забав. Таким образом, Феодор в скором времени постиг всю книжную премудрость и навык в душеполезном чтении. Родители, видя такое доброе его поведение, радовались о том. Спустя некоторое время к Феодору приставили «отроков»[349] для обучения его верховой езде; но он нисколько не прилежал тому, предпочитая конской езде чтение книг, в которых он находил жития святых и досточудных мужей и через то поучался совершенствоваться в добродетелях. Потом его стали обучать и воинскому искусству; но и это не переменило благочестивого настроения его души; он избегал своих сверстников и их рассеянной жизни, так что многие дивились такому его благочестию.

По смерти великого князя Василия Иоановича[350] скипетр царства принял сын его великий князь всея России Иоанн Васильевич[351]. В это время Феодор, пришедший уже в совершенный возраст, был взят ко двору на служение царское и успел заслужить любовь и благоволение малолетнего князя Иоанна Васильевича. Но Феодор недолго служил при дворе. Когда он достиг тридцатилетнего возраста, случилось ему, по особому Божиему промышлению, призревшему на него, войти в

церковь во время совершения Божественной литургии. Здесь он услышал слова Евангелия: «Никто не может служить двум господам» (Мф. 6:24). Пораженный этими словами, он размышлял в себе, что эти слова относятся и к нему, и решился оставить мирскую жизнь. Вспомнив о Соловецком монастыре[352], что там добре подвизаются иноки, он вознамерился удалиться туда. Сотворив молитву пред святынями, со слезами припадая к чудотворным ракам святых и приложившись к святым мощам, Феодор пошел с молитвою в путь, тайно ото всех оставив царский двор, отечество и родных, взяв с собою лишь самую необходимую одежду[353]. Сначала он пришел в пределы Великого Новгорода, к озеру Онеге[354], и там поселился в селении Хижах у одного крестьянина. Хозяин, видя его добрый нрав и смирение, поручил ему пасти своих овец: так Бог предназначил о нем, чтобы прежде овец словесных, он добре упас бессловесных. Между тем родители повсюду разыскивали его по городам и, нигде не нашедши, много плакали о нем. Благочестивый же юноша, прожив немало дней в вышеупомянутом селении, удалился оттуда на Соловецкий остров и был принят игуменом Соловецкой обители, который повелел ему трудиться на монастырских службах. Он же, оградившись страхом Божиим, с усердием и смирением, в простоте сердца, исполнял все, что ему повелевали делать. Он рубил дрова, копал в огороде землю, переносил камни, иногда на плечах своих выносил помои и исполнял другие, еще более тяжелые работы. Много раз от некоторых из иноков ему приходилось принимать оскорбления и даже побои, но он никогда не гневался и с радостью и смиренномудрием переносил все, и никто не знал кто он и откуда.

Так искусившись в терпении, Феодор просил игумена постричь его в иночество. Он был пострижен в иночество с именем Филиппа. Его отдали в послушание одному опытному иноку, по имени Ион, коим он и был наставлен на всякую добродетель.

Потом игумен послал его на поварню, и там он смиренно работал на братию, разжигая огонь и рубя дрова. Пробыв довольное время в той службе, Филипп перешел оттуда в

монастырскую кузницу, где неленостно трудился, нося дрова и воду.

И всеми работавшими на кузнице он был похваляем за свои труды. Тогда, избегая славы, он удалился из монастыря в пустыню и там, вперив ум свой к Богу, непрестанно упражнялся в одних только молитвах. Так долго подвизался святой Филипп в пустыне, в лесах Соловецких, и потом снова возвратился в обитель к своим трудам. Игумен Алексий, видя его столь усердствующим в иноческих подвигах и украшенным глубоким смирением, весьма утешался им и держал его при себе своим помощником, поручив ему надзор за начальными послушниками. Филипп все это исполнял с ревностью и в этих трудах провел девять лет, вспомоществуем молитвами и благословением своего игумена. Потом игумен Алексий, отказавшись по старческой немощи от управления обителью, советом братии поставил святого Филиппа на игуменство[355]. Но хотя святой и принял начальствование, однако нисколько не изменил своего прежнего жития. Напротив, он еще более усилил свои подвиги и предался еще большим трудам телесным, а когда видел себя хвалимым и почитаемым за это, считал то тщетным, ибо от юности был украшен смирением. Поэтому он оставил игуменство и снова удалился в пустыню, приходя в монастырь только для причащения честного Тела и Крови Христа Бога нашего. Управлять монастырем стал прежний игумен Алексий, который через полтора года после того скончался. Тогда, по просьбе братии, святой Филипп снова принял игуменство. Он предался еще большим подвигам и достиг еще высшего совершенства в добродетелях. Обитель же Соловецкая во время его управления процветала и благоукрашалась[356]. Между тем слава о святом Филиппе дошла до благоверного царя и князя Иоанна Васильевича. В то время митрополит всей России Афанасий оставил престол[357]. Царь пожелал, чтобы на престол Российской митрополии возведен был святой Филипп, – и вот он вызывает святого в Москву для «духовного совета»[358]. Православный народ тогда пребывал сначала в мире и любви; враг же (дьявол), видя это и искони ненавидя истину, воздвиг многомятежную бурю, возбудив

вместо любви в православных христианах ненависть друг к другу. При дворе среди бояр начались свары, ожесточенная вражда и всякого рода злоумышления друг на друга. Своим коварством и междоусобиям они в самом царе возбудили сильнейший гнев и ярость. От тех злых наветов боярских он начал бояться даже своих верных слуг, ближних родственников и друзей и был в неукротимом гневе на бояр, видя в них своих врагов и крамольников. И вот он разделил государство на две части, устроив себе особых телохранителей, под именем опричников, которые состояли при особе царя и составили особое управление[359]. Опричники злоупотребляли данною им властью, угнетали народ, отнимали имущество, сопровождая свои разбои убийствами и пытками. Царь же верил в их верность и преданность, и потому управы на них нельзя было найти. В это время царь и вызвал из Соловецкой обители Филиппа. С честью приняв его, царь объявил ему о своем желании видеть его на митрополичьем престоле. Филипп, по своему смирению, отказывался от этого высокого сана; но потом должен был уступить непреклонному желанию царя и был возведен на митрополичью кафедру[360]. В первое время все было покойно; царь уважал святителя и благоволил к нему. Но потом, когда зверства опричников достигли крайнего предела, то блаженный Филипп стал умолять царя прекратить неистовства опричников и обличать самого царя за его казни. Тогда царь пришел в сильный гнев на святого, угрожал ему муками и ссылкою. Он же, оставаясь непоколебим, как адамант, пренебрегал царскими угрозами и не переставал высказывать истину[361]. К прискорбию, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшиеся только об угождении царю. Пимен, архиепископ Новгородский, и некоторые другие с ним[362] вместе с царскими советниками Малютою Скуратовым[363] и Василием Грязным[364] с их единомышленниками, измышляя против святого различные козни, старались низвергнуть его с престола и уговаривали царя своего намерения не оставлять. Царь же не хотел просто низвергнуть Филиппа с митрополичьего престола. В непродолжительном после того времени, по доносу лживых свидетелей, он послал в Соловки Суздальского епископа

Пафнутия и князя Василия Темкина расследовать, какова была прежняя жизнь Филиппа. Достигнув Соловецкого монастыря, посланные стали стараться действовать так, чтобы угодить царю. Одних из иноков ласками и мздоимством, других – обещанием высших духовных почестей, третьих – угрозами убедили они сделать нарекание на святого. Честным же старцам, которые говорили о Филиппе правду, нанесли тяжкие побои, повелевая им говорить о святителе непристойное. Они же, исполненные благочестия, все сии оскорбления принимали с радостью и едиными устами продолжали говорить истину о Филиппе, что житие его в обители было непорочно, по Боге. Но царские посланцы не хотели о том и слушать, но, сделав, что им было нужно, возвратились в Москву. При этом они взяли с собою игумена Соловецкого Паисия, которому обещали епископский сан, и других клеветников, лжесвидетельствовавших на святого Филиппа. Немедленно был созван собор для суда над святителем. Прибывшие из Соловок клеветники представили царю свитки, в которых были написаны их лжесвидетельства. Царь, услышав о письменных свидетельствах против Филиппа, угодных ему, повелел во всеуслышание прочесть их, после чего лжесвидетели начали словесно клеветать на святителя. Святитель не оправдывался и стал снимать все знаки своего сана[365], но царь велел ждать судебного приговора. На другой день, когда святой митрополит Филипп священнодействовал в Успенском соборе[366], царь послал туда боярина своего Алексея Басманова с большим числом опричников. Вошедши в собор, Басманов приказал в слух всего народа прочитать судебный приговор о низложении митрополита. Потом опричники бросились на святого, как дикие звери, совлекли с него святительское облачение, одели его в простую, разодранную монашескую одежду, с позором выгнали из церкви и, посадив на дровни, повезли в Богоявленский монастырь, осыпая бранью и побоями[367]. Потом, по воле царя, Филипп был сослан в Тверской Отрочь монастырь[368], причем святой много зла претерпел от приставников. Прошло около года, как святой находился в заточении, удручаемый от приставников различного рода скорбями. В это время царь,

путешествуя в Новгород[369] и приближаясь к Твери, вспомнил о святом Филиппе и послал к нему вышеупомянутого Малюту Скуратова. Последний внезапно вошел в келью святого. Между тем святитель еще за три дня до этого говорил бывшим при нем:

– Вот приблизился конец моего подвига, – и причастился честных и животворящих Таин Христа Бога нашего. Вошедши в келью святого Филиппа, Малюта Скуратов с притворным благоговением припал к ногам святого и сказал:

– Владыка святой, дай благословение царю идти в великий Новгород.

Но Святой отвечал Малюте:

– Делай, что хочешь, но дара Божиего не получают обманом. Тогда бессердечный злодей задушил праведника подушкою[370].

Между тем врагов святого Филиппа, восставших на него, в скором времени постигло наказание Божие. Царь, сознав свою несправедливость против святого мужа и лукавство его врагов, повелел разослать их в заточение по различным монастырям, а иных предал смерти[371].

По смерти царя Иоанна Васильевича престол русского царства занял сын его, благочестивый царь и великий князь Феодор Иоаннович[372]. В седьмой год его царствования, в 21-м году по преставлении святого Филиппа, игумен Соловецкого монастыря Иаков и братия обратились с молением к благочестивому царю, чтобы он повелел перенести тело святого из Отроча монастыря в Соловецкий. Царь дал им на сие разрешение, и они нашли тело святого целым и неповрежденным, так что тление не коснулось даже его одежд, а от мощей святого истекло миро и наполнило воздух благовонием. С честью перенесли иноки тело святого Филиппа в свой монастырь и погребли на том самом месте, которое сам он для этого приготовил[373]. В царствование благочестивейшего царя Алексия Михайловича[374] нетленные мощи святого митрополита Филиппа с честью были перевезены митрополитом Новгородским Никоном[375] из Соловецкого монастыря в

первопрестольную Москву и положены в новой раке в Успенском соборе, где и почивают открыто доныне[376].

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Память преподобного Евстратия

Память 9 января

Преподобный Евстратий родился в Тарсийской области[377] от богатых и благочестивых родителей, Георгия и Мегефы. Будучи воспитан ими в добрых нравах, он, по достижению двадцатого года от рождения, распалился желанием послужить Богу и, оставив родителей, бежал к горе Олимп[378], в Авгаровскую обитель, где уже прославились своею добродетельною жизнью в иноческом образе два дяди матери его, Григорий и Василий, из которых первый был игуменом той обители. Будучи принят ими и остригши свои волосы, Евстратий стал проходить трудное иноческое житие и был любим всеми за свое смирение и кротость. Он вовсе не заботился о мирском – ничего не имел, кроме одной власяницы и овчины, на которой спал. Он даже не имел своей кельи и особого места, которое бы мог назвать своим, почему обыкновенно спал там, где приходилось, да и то понемногу. Отцы говорили о нем, что во время сна он с самого дня своего пострижения не протягивался во всю длину тела, а также никогда, в течение целых семидесяти пяти лет своей подвижнической жизни, он не ложился на левую сторону тела. Когда он подвизался так в обители, вышеупомянутые преподобные отцы – Григорий и Василий скончались, и блаженному Евстратию по особым настоятельным просьбам братии пришлось взять на себя управление монастырем. Но вот царским скипетром беззаконно завладел человек носивший имя зверя, Лев Армянин[379], восставший против царя Михаила и изгнавший его из царства. Так как он старался снова восстановить угасшее было иконоборчество, то все православные оставляли свои дома и обители, скрываясь от преследования царя; по совету преподобного Иоанникия Великого, оставил свою обитель и блаженный Евстратий и скитался в горах и пустынях, пока нечестивый царь не был убит. Когда же после его погибели святая Церковь снова украсилась иконами и стала совершать им поклонение, тогда вместе с другими отцами,

возвратившимися в свои обители, возвратился в Авгаровский монастырь и блаженный Евстратий, и стал по-прежнему неленостно подвизаться и трудиться в монастырских работах вместе с братией. Молитва не сходила с уст его, и даже во время богослужения, находясь в святом алтаре, он непрестанно повторял про себя: «Господи помилуй!»

Совершил он также и много чудес, которые несомненно свидетельствовали о богоугодности его жизни. А когда ему пришло время отойти от этого мира, то он, созвавши братию, сказал ей:

– Время моего отшествия наступило; поэтому умоляю вас, чада мои любимые, сохранять те предания, какие вы приняли, зная, что все блага этой жизни скоропреходящие; они – временны, тогда как блага жизни будущей – вечны. Старайтесь и вы войти в число спасающихся.

Сказав это, он помолился и, осенив их крестным знамением и возведя очи к небу, произнес:

– В руки Твои, Господи, предаю дух мой!

С этими словами он почил сном покоя о Господе. Прожив всего девяносто пять лет, он перешел в вечную жизнь и причтен был к лику преподобных.

Память святого пророка Самея

Память 9 января

Святой пророк Божий Самей родился в Силоме[380] в царствование Соломона[381]. При сыне и преемнике последнего, Ровоаме[382], царство еврейское разделилось, причем колена Иудино и Вениаминово остались верными Ровоаму, а прочие десять колен признали царем Иеровоама, сына Наватова. Тогда Ровоам собрал многочисленное войско, намереваясь силой возвратить под свою власть отторгнутые Иеровоамом колена Израилевы. И было откровение от Господа Самею, человеку Божиему:

– Скажи Ровоаму, сыну Соломонову, царю иудейскому, и всему дому Иудину и Вениаминову и прочему народу. Так говорит Господь: не ходите и не начинайте войны с братьями вашими, сынами Израилевыми; возвратитесь каждый в дом свой, ибо от Меня это было.

Царь и народ повиновались повелению Господню, и братоубийственная война была предотвращена (3Цар. 12:21–24; 2Пар.11:1–4).

На пятом году царствования Ровоама за то, что он отступил от Господа, царство иудейское подверглось нашествию Сусакима[383], царя египетского; многочисленное войско фараона взяло все иудейские крепости и подступило к Иерусалиму. Тогда пророк Самей пришел к Ровоаму и князьям Иудеи, спасавшимся от неприятеля в стенах столицы, и объявил им:

– Так говорит Господь: вы оставили Меня, за то и Я оставляю вас в руки Сусакима.

Услышав это, царь и вожди Иудейского народа смирились и сказали:

– Праведен Господь!

После того Самею, человеку Божиему, было новое откровение, ибо Господь сказал ему:

– Они смирились; не истреблю их и вскоре дам им избавление, и не прольется гнев Мой на Иерусалим рукою

Сусакима; однако же они будут слугами его, чтобы знали, каково служить Мне и служить царствам земным.

Пророческое слово исполнилось. Сусаким разорил Иерусалим и ушел в Египет, а Ровоам царствовал еще двенадцать лет, и отвратился от него гнев Господний (2Пар. 12). Святым пророком Самеем ведены были и записи о царствовании Ровоама.

Память святого Петра, епископа Севастийского

Память 9 января

Святой Петр был братом Василия Великого, десятым и последним сыном родителей его. В воспитании святого Петра большое участие приняла старшая сестра его, Макрина. Она дала ему самое возвышенное образование, с младенчества упражняя его ум изучением слова Божиего. Благодаря заботам Макрины, юноша достиг такой высоты добродетели, что, по выражению брата его, Григория Нисского, «в последующей жизни своей был, кажется, не меньше Василия Великого по превосходству добродетелей». Когда Петр пришел в возраст, то Василий, сделавшись епископом Кесарии Каппадокийской, посвятил его в пресвитера. Впоследствии святой Петр был поставлен в епископа Севастии Армянской[384]. В сане епископа он присутствовал на втором Вселенском соборе против Македония[385], бывшем в Константинополе в 381 году. Скончался в конце IV-го века.

Житие святого отца нашего Григория, епископа Нисского

Память 10 января

Святой Григорий Нисский был братом по плоти святого Василия Великого, которого он был значительно моложе. Это видно уже из того, что святой Григорий Нисский называет Василия Великого своим учителем и отцом. Что касается года рождения святого Григория, то он неизвестен. Детским воспитанием его занималась та же благочестивая бабка его Макрина, которая учила и святого Василия[386], а первоначальные наставления в грамматике и риторике получил он от своего отца. Дальнейшие уроки, с 12 года своей жизни, когда умер отец его, он слушал у кесарийских наставников красноречия. Знания, приобретенные Григорием в языческой школе Кесарии, были потом восполнены самостоятельными научными занятиями и уроками святого Василия Великого, которым Григорий, по его словам, был очень многим обязан. При своих природных дарованиях и прилежании в изучении наук святой Григорий с успехом изучил риторику[387] и философию[388] и готовил себя к званию светского оратора. Но Бог судил иначе, и в самой душе Григория, более склонного в то время к светским занятиям и к изучению светских наук, вскоре произошла перемена. Однажды в имении его матери предположено было совершить празднество в честь перенесения мощей сорока мучеников. Позван был на это семейное торжество и Григорий, обучавшийся тогда в Кесарии. Недовольный тем, что он оторван от своих занятий и что празднество не было отложено до другого, более благоприятного времени, Григорий равнодушно, без внимания, слушал песнопения богослужения, происходившего в саду и длившегося всю ночь, и, наконец, удалившись в одну из своих беседок, лег спать. И вот во сне он видит, что хочет войти в сад, но какие-то светоносные воины не пропускают его, и только благодаря заступничеству одного из них ему удается избежать наказания. Это устрашающее сновидение произвело на Григория сильное впечатление, и он,

оставив мирские занятия и науки, обратился к чтению священных и душеспасительных книг, а потом вскоре принял на себя обязанности анагноста, состоявшие в чтении Священного Писания на богослужебных собраниях. Однако такая настроенность сначала ненадолго укоренилась в душе Григория. По смерти Юлиана Отступника[389], воспретившего христианам быть наставниками риторики и грамматики, Григорий опять обратился было к любимому занятию, избрав для себя призвание преподавателя риторики, что вызвало недовольство со стороны его друзей и строгие обличения со стороны святого Григория Богослова[390]. Впрочем, Григорий недолго стремился к славе ритора. Вскоре под влиянием членов своей аскетически настроенной семьи и друзей он обратился всею душою к изучению памятников веры, оставил мир и удалился в пустыню, поселившись в монастыре, основанном Василием Великим на берегу реки Ириса. Вскоре после того святой Василий, желая иметь в Григории верного помощника для борьбы с арианскою ересью, поставил его во епископа города Ниссы[391]. Святой Григорий действовал, как истинный пастырь Христов, доблестно управляя Церковью и охраняя ее мир от козней ее врагов. Благочестивая сестра его Феозва была при нем диакониссою и весьма много помогала брату в делах церковных, так что впоследствии смерть ее была для него великою потерею.

В царствование Валента[392] святой Григорий Нисский подвергся несправедливым гонениям со стороны правителей – ариан[393]. Наместник Понта[394] Демосфен составил в Анкире[395] из покорных правительству епископов собор, на котором Григорий был ложно обвинен в неправильном употреблении церковного имущества и лишен кафедры. По приказанию Демосфена святой был схвачен и под стражей отправлен в Анкиру, причем дорогою много пострадал от грубости воинов. Потом он решился бежать и, ускользнув от стражи, скрылся в безопасное место. На следующий год был созван новый собор из епископов Понта и Галатии в самой Ниссе; святой Григорий не явился на суд и снова был заочно низложен. Но, лишившись кафедры, Григорий не оставался в бездействии: он переходил

из одного места в другое, чтобы утверждать Православие и утешать православных. По смерти Валента святой Григорий был возвращен к своей кафедре и с восторгом встречен своей паствой. Вскоре после того он огорчен был смертью святого Василия Великого[396], которого он глубоко любил и уважал, как своего наставника. В годичную память почтил он его надгробным словом и из благодарного уважения к нему, как к своему наставнику, окончил его описание шести дней творения, где недоставало описания человека и где другие желали видеть решенными еще некоторые недоуменные вопросы. В том же году святой Григорий Нисский принимал участие в Антиохийском соборе[397]. На этом соборе определено было послать опытного в деле веры мужа для обозрения церквей в Аравии и Палестине, где оскорбляли веру ереси антикомариан, не чтивших непорочного девства Богоматери, и коллиридиан, чтивших Богоматерь как божество. Для утверждения мира и веры избран был святой Григорий. Перед отправлением в это путешествие он посетил свою старшую сестру, блаженную Макрину[398]. По погребении ее он с успехом окончил в Аравии данное ему на Антиохийском соборе поручение; но в Иерусалиме, где с благоговейной радостью он посетил священные места, не мог совершить всего того, что было ему поручено, и со скорбью писал, что грехи и заблуждения и там находят крепкую защиту в сердцах людей. Между тем в отсутствие святого Григория в его епархию снова было занесено арианство, которое ему с трудом удалось побороть по возвращении домой. В то же время он принимал участие в избрании епископов для Иворы и Севастии[399] по просьбе жителей, опасавшихся, что преемниками почивших епископов будут еретики. Когда в царствование Феодосия Великого[400], был созван в Константинополе второй Вселенский собор против духоборца Македония[401], то святой Григорий Нисский был там же, вместе с другими святыми отцами, поборником благочестия, возражая и посрамляя противников силою истины на основании Божественного Писания. На этом соборе старанием святого Григория дополнен был никейский Символ веры членом о Святом Духе, причем к символу были присоединены еще

девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый члены. Вообще Григорий Нисский был одним из главных деятелей собора.

Вместе с другими епископами он участвовал также в утверждении святого Григория Богослова и читал ему и блаженному Иерониму свое сочинение против Евномия[402]. Когда против святого Григория Богослова возникла ожесточенная борьба со стороны некоторой части духовенства, зараженного еретическими лжеучениями или расположенного к еретикам, вследствие чего он должен был оставить Константинопольскую кафедру, – святой Григорий Нисский, вместе со многими другими, всячески старался разрушить эту вражду, но, не будучи в состоянии сделать это, преподал советы о вере и новом призвании преемнику Григория Богослова Нектарию[403], избранному из оглашенных. Во время пребывания своего в Константинополе святой Григорий Нисский произнес две проповеди – одну по случаю избрания святого Григория Богослова епископом столицы, другую – надгробную, на погребении Мелетия.

Вскоре после Второго Вселенского собора Григорию пришлось переезжать из одной церкви в другую для приведения в порядок церковных нестроений и утверждения православия, так как на втором Вселенском соборе он был объявлен в числе трех архипастырей охранителем православия для Понта. В 383 г. святой Григорий Нисский был на соборе в Константинополе, где произнес слово о Божестве Сына и Духа Святого. В 386 году он снова был в Константинополе и здесь ему, как знаменитому оратору, было поручено произнести слово над гробом любимой всеми императрицы Плакиллы[404]. В 394 г. он снова присутствовал в Константинополе на соборе, созванном для решения вопросов по церковным делам Аравии[405].

Паству свою святой Григорий, как пастырь верный и истинный, ревностно утверждал в вере и благочестии; случалось, что по нескольку дней сряду говорил он ей поучения. В то же время он был ходатаем и защитником несчастных пред судьями, отличался сострадательностью к нищим, терпеливостью, миролюбием и прямодушием. Достигнув

глубокой старости, святой Григорий почил о Господе[406], оставив после себя много полезных и драгоценных для святой Церкви писаний[407].

Кондак, глас 2:

Церкве Божественный иерарх и премудрости честный тайноглагольник, Ниссийский бодрый ум Григорий, со Ангелы ликовствуя и наслаждаяся Божественным светом, молится непрестанно о всех нас.

Другой кондак, глас 1:

Оком душевным бодрствуя, святителю, бодр пастырь явился еси миру, и жезлом мудрости твоея, и теплым предстательством твоим, вся отгнал еси злославныя яко волки, невредно соблюд стадо, Григорие всемудре.

Память святого Дометиана, епископа Мелитинского

Память 10 января

Святой Дометиан родился в царствование Иустина Младшего[408] от благочестивых и богатых родителей, Феодора и Евдокии. Окончив образование, он вступил в брак, но когда в скором времени супруга его преставилась от сей жизни, он тотчас, по склонности к духовному любомудрию, из любви к Богу, оставил мир и проводил свою жизнь в постничестве. Потом, по изволению Божию, на тридцатом году своей жизни, он был поставлен епископом Мелитинской[409] церкви. И он был не только добрым пастырем для своего стада, но светильником и помощником и для других народов, и приносил великую пользу всему Греческому царству, как радетель общего благоденствия. Святой много раз был посылаем царем Маврикием[410] в Персию[411] по делам народного управления, был посредником пред Хозроем, персидским царем, и способствовал заключению мирного договора между греками и персами. Некоторого же князя Варама, восставшего против Хозроя[412] и дерзко покусившегося на царский сан в Персии, он лишил власти, сделав его данником греков. Через это Дометиан сделался возлюбленным другом царя Маврикия. Царь одарил его большим количеством золота и имениями, но он раздал все это святым церквам и странноприимным домам для пропитания нищих. По прибытии в царствующий город Константинополь, он вскоре с миром отошел к Царю Небесному[413]. Честное тело его было с великою честью погребено в присутствии царя с его синклитом и многочисленного собора священнослужителей и перенесено в отечественный город его Мелитину. Святой Дометиан совершил много чудес и при жизни, и по своем представлении во славу Христа Бога нашего.

Житие преподобного Маркиана

Память 10 января

В царствование Маркиана и Пульхерии прославился добродетелями предивный муж, блаженный Маркиан, родом из Древнего Рима[414], у которого были благочестивые, благородные и богатые родители. Когда они переселялись из древнего Рима в новый, то привели с собой и сына своего Маркиана, с усердием проходившего книжное учение и воспитывавшегося в добрых нравах. Так как он любил «быть у порога в доме Божием»[415] (Пс. 83:11), неопустительно ходя всегда к церковным службам, то поэтому тогдашний патриарх полюбил его и сделал своим клириком[416]. Немного спустя, видя, что хотя он и молод летами, но стар по разуму и чистоте жизни, ибо «мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь, – возраст старости» (Прем. 4:9)[417], признал его достойным пресвитерского сана, а потом поставил и икономом[418] великой церкви[419]. Когда родители его преставились от сего мира, после них осталось блаженному Маркиану много имений, ибо он был у них один, и потому все богатства родителей достались по наследству в его руки ему одному. Эти богатства он истратил не на житейские нужды, но посвятил все Богу, – благотворя нищим, обновляя ветхие храмы Господни и созидая и украшая новые. Он соорудил с большими издержками новую прекрасную церковь во имя святой мученицы Анастасии. Когда же один из его друзей изъявил удивление такой трате золота на сооружение и украшение этой церкви, святой сказал ему:

– Если бы ты имел дочь и захотел бы обручить ее невестою какому-либо знатнейшему человеку, разве ты не истратил бы множество золота, чтобы украсить ее драгоценными нарядами? Итак, ныне, вознамерившись устроить церковь прекраснейшей невесте Христовой, которая обручилась с Тем, Кто «прекраснее сынов человеческих» (Пс. 44:3)[420] и пролила за Него свою кровь, – буду ли я жалеть своего имущества и не тем более ли позабочусь о таком украшении?

Таким щедрым и доброхотным дателем на благолепие святых храмов был блаженный; для себя же самого он был скуп и немилостив – не только совершенно отвергал украшение одежд и покрывался худым одеянием, но иногда снимал с себя и эту самую худую и необходимую одежду и отдавал ее просящим, как это можно видеть из следующего. Когда церковь святой Анастасии была выстроена и украшена со всяким благолепием, наступило освящение ее в самый день памяти сей мученицы, 22 декабря, в который она некогда страдальчески скончалась за Христа. Святейший патриарх Геннадий со всем клиром и царь со всем синклитом и народом совершали торжественное шествие к этой церкви, перенося мощи святой мученицы Анастасии из малой ветхой церкви в новую большую, созданную Маркианом. Когда во время этого шествия преподобный Маркиан вместе с прочими пресвитерами шел, одетый в фелонь[421], пред колесницей, на которой были мощи святой, какой-то убогий, подойдя, попросил у него милостыни. Он же, не имея при себе ничего, кроме одной одежды (никогда в течение своей жизни он не приобрел даже двух перемен одежд), и не желая отпустить нищего ни с чем, незаметно отделился от всех и пошел в укромное место; сняв с себя одежду, он отдал ее нищему, и остался одетым по нагому телу в фелонь, совершив дело по слову Господню: «просящему у тебя дай» (Мф. 5:42). По возвращении в свой ряд он, как и прежде, шел между пресвитерами, между тем как никто не знал о сделанном им. Когда все вошли в церковь, совершили освящение и с честью положили мощи святой мученицы Анастасии, святейший патриарх повелел совершать вместе с ним Божественную литургию и блаженному Маркиану. При наступлении времени умовения рук, Маркиан закрывался своею фелонью, озираясь, чтобы не увидал кто, что он наг. Бывшие там пресвитеры и диаконы, посмотрев на него, увидели под фелонью его некоторую дивную одежду, блещущую золотом, подобно царской драгоценной порфире. При этом одни удивлялись, другие негодовали, говоря в себе, что не должно пресвитеру ходить и совершать литургию в такой одежде. Особенно же эту чудесную одежду, которою Бог покрывал наготу Своего раба,

все видели тогда, когда он приступил причаститься Пречистых и Животворящих Таинств. Некоторые из пресвитеров сказали об этом святейшему патриарху Геннадию.

Патриарх сказал:

– И я видел то, что вы говорите.

По окончании службы он призвал преподобного Маркиана в сосудохранилище[422] и начал укорять его, говоря:

– Что ты делаешь, брат, – украшаешься одеждами сверх обычая? Хорошо ли тебе служить литургию в такой одежде, которая более прилична царю, чем пресвитеру?

Преподобный припал со смирением к его ногам, говоря:

– Прости меня, Владыко, – я не делал того, что вы говорите. Я с юности не привык носить красивых и драгоценных одежд, стал ли бы теперь одеваться в них?

– Мы все видели тебя в царской одежде, – зачем ты запираешься? – сказал ему патриарх и повелел поднять его на ноги.

Открыв фелонь, они увидели его нагое тело и удивились. На вопросы патриарха блаженный должен был, против своего желания, откровенно рассказать все, что было: как он отдал нищему, ради Христа, последнюю одежду. Все, слышавшие это и видевшие у него под фелонью царскую одежду, прославили Бога, подающего такую тайную благодать любящим Его. С того времени многим стала известна его, исполненная милосердия, жизнь.

Преподобный до такой степени претерпевал добровольную нищету и пренебрегал имуществом, что однажды, когда, походив где-то под дождем, промочил свою одежду, то, возвратясь в свою комнату и заперев за собою двери, разжег угли и начал сушить эту мокрую одежду, ибо не имел для обычного употребления другой. В это время патриарху случилось потребовать к себе иконома для некоторых дел. Когда посланные пошли звать Маркиана, то нашли комнату его запертою и, стоя снаружи, звали, чтобы он скорее шел к патриарху. Он обещался прийти и не приходил, потому что еще не высохла одежда его. Один из них, посмотрев в скважину,

увидел, что он сушит над углями свою одежду, и сказал бывшим с ним. Возвратившись, они сообщили это патриарху.

– Не удивляйтесь этому, – сказал патриарх, – Маркиан с юности научился добровольной нищете и смирению, всецело посвятив себя Единому Богу; он на деле исполняет Апостольское слово: имея пищу и одежду, довольствуется сим (1Тим. 6:8).

Слышавшие это восхвалили Бога, у Которого есть таковые служители Его. За такую добродетельную жизнь Бог дал ему дар чудотворений – изгонять бесов и исцелять больных. Однажды, когда совершался праздник в церкви святой Анастасии и собралось множество народа, некоторая женщина, будучи беременна, поднялась, по причине тесноты внутри церкви, на церковную кровлю, но случайно упала оттуда на землю и умерла. Святой Маркиан, будучи не в силах видеть, что праздник омрачается рыданиями, поднял вверх свои руки и усердно помолился Богу. И женщина эта внезапно ожила и встала на ноги свои здоровою, жив оказался и носимый ею во чреве плод; народ же дивился этому преславному чуду.

Однажды в Константинополе случился великий пожар, и когда огонь уже окружил церковь святой Анастасии, преподобный Маркиан взошел на кровлю храма и, подняв руки к небу, молился. Тотчас огонь обратился назад и удержал свой неукротимый пламень, и молитвами святого, как великими водами, он был совершенно погашен, нисколько не повредив церковного здания.

Преподобный Маркиан создал церковь и другой мученице, святой Ирине, на том месте у моря, где был ветхий и уже разрушавшийся храм в честь ее, и обновил другие бывшие там же поблизости храмы святого Феодора и святого Исидора, снабдив их всем потребным. Достигнув глубокой старости, перед своей блаженной кончиной, он ходил ночью по улицам – и где находил лежащего мертвым, омывал его и одевал. При этом он говорил мертвецу:

– Встань, брат, поцелуемся!

Мертвец, встав по слову святого, целовал его в уста и снова опочивал. Святой спас много блудниц, то увещаниями, то

щедрою помощью склоняя их избрать себе мужа и жить по закону: тех же, которые предавались такому образу жизни под влиянием нищеты, он обращал к целомудренной жизни, тайно наделив и обеспечив их из вышеупомянутых родительских имений. Сего блаженного мужа приобрел Себе Бог, восхвалили Ангелы, почтили святители, благоговели перед ним цари, народы дивились ему и прославляли за него Бога; бесы же боялись его и избегали. Святой Маркиан преставился ранее окончания и освящения церкви в честь святой Ирины. При кончине он говорил:

– Господи! В руце Твои предаю обеих сих: душу, которую Ты Сам создал, и церковь, которую я создал по воле Твоей.

Тело святого Маркиана со славою было погребено в монастыре святого Иоанна Предтечи, который называется еще и Даниловым монастырем, близ церкви святого мученика Мокия. А об окончании сооружения церкви святой Ирины позаботилась по смерти преподобного благочестивая царица Верина, супруга царя Льва Великого[423], который воцарился после Маркиана и Пульхерии; она окончила ее, украсила крышу золотом и внутри отделала церковь со всевозможным великолепием, в память преподобного Маркиана и в честь Самого Христа Бога, Которому слава со Отцом и Святым Духом вовеки, аминь.

Память преподобного Павла Комельского

Память 10 января

Преподобный Павел родился и воспитывался в царствующем славном городе Москве[424]. Родители хотели сочетать его браком, но святой Павел не пожелал сего и, тайно оставив родительский дом, не взял с собою ничего, ушел в местность, называвшуюся Прилук, находившуюся во владении монастыря Живоначальной Троицы[425], основанную преподобным Сергием, Радонежским чудотворцем. Здесь, в обители в честь Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа[426], блаженный юноша принял иноческое пострижение. Пожив здесь недолго, святой Павел перешел в обитель преподобного Сергия, где и пробыл под духовным руководством великого старца пятнадцать лет, живя в отшельнической келье[427]. После того святой Павел испросил у преподобного Сергия благословение удалиться в пустыню и жить там в полном уединении, переходя с одного места на другое.

Потом блаженный подвижник отправился на Белое озеро к преподобному Кириллу в основанную им обитель Успения Пресвятой Богородицы[428]; у преподобного Кирилла святой Павел жил некоторое время в уединенной келье и затем снова удалился в пустыню, на реку Одрол. После недолгого здесь уединения преподобный Павел пришел в Галичскую область в великую пустынь Пресвятой Богородицы[429], и поселился в отшельнической келье, но изгнан был оттуда игуменом пустыни и перешел в Городец, на Волге, где и пребывал в Феодоровском монастыре[430]; затем уединенно предавался иноческим подвигам в разных пустынных местах, пока не пришел в Комельский лес[431].

Здесь на берегу речки Грязовицы преподобный поселился в дупле большого липового дерева; три года прожил святой пустынник в этом дупле, день и ночь проводя в молитве и посте, со слезами работая Богу. Потом святой Павел перешел на то место, где ныне находится честная его обитель[432]; там остался преподобный до конца своей жизни, пребывая в

строгом посте. Пищею служили ему хлеб и вода, притом в самом малом количестве; эту пищу он вкушал в субботу и в воскресенье. В остальные дни святой Павел вовсе не принимал пищи, проводя все время в своей уединенной келье в молитвенном славословии. Великие лишения претерпел блаженный пустынник Христа ради и многие страдания от бесов, и все это он перенес, вспомоществуемый благодатью Божией.

Однажды бесы сделали нашествие на келью преподобного и намеревались ее разрушить, но блаженный Павел не испугался бесовских козней и посрамил диавола силою Креста Христова. В другой раз на святого напали разбойники, нанесли ему жестокие побои и, ограбив келью, оставили пустынника связанным по рукам и ногам. Несколько дней пролежал преподобный в келье, пока не пришли в пустыню, по внушению Божию, добрые люди и не развязали блаженного старца. Все это безропотно переносил преподобный ради имени Христова. К отшельнической келье преподобного пустынника во множестве слетались лесные птицы; сюда же приходили и дикие кровожадные звери, которые становились кроткими по молитвам святого и исполняли все, что приказывал им блаженный отец.

Много раз слышал святой Павел церковный звон на том месте, где поселился, и видел свет на одном месте, где впоследствии сооружен был храм во имя Пресвятой Троицы. В сопровождении ученика своего Алексия преподобный отправился в Москву и поведал об этом небесном откровении святому митрополиту Фотию. Святитель благословил преподобного построить храм в его пустыне, поставил Алексия в сан пресвитера и, дав богатую милостыню на сооружение храма, отпустил святого с миром. Возвратившись в Комельскую пустыню, преподобный построил храм во имя Живоначальной Троицы[433], собрал братию и устроил обитель, настоятелем которой поставил упомянутого выше иеромонаха Алексия. Сам же блаженный отец наш Павел жил по-прежнему в уединенной своей келье, приходил в монастырь только в субботу и в день

воскресный и поучал тогда своих учеников; жил по заповедям Господним и по уставам святых отцов[434].

В то время татары напали на город Кострому, сожгли его и опустошили окрестные поселения; множество православных христиан было тогда перебито неверными, а другие захвачены в плен и отведены в рабство вместе с женами и детьми[435]. Вскоре после того преподобный Павел преставился ко Господу от трудов временной сей жизни в вечный неизреченный покой, оставив в своих учениках светлое о себе воспоминание. Скончался преподобный 10 января 1429 г.; жития его было 112 лет[436].

Тропарь, глас 1:

Божественною любовию от юности распалаем, Павле преподобне, вся яже в мире красная возненавидев, Христа единаго возлюбил еси и сего ради во внутреннюю пустыню вселился еси, со зверьми жити весь Христу. Отонудуже и Всевидящее Око твоя труды видев, даром чудес и по преставлении обогати тя. Темже вопием ти: моли непрестанно о всех нас, честную память твою присно в песнех почитающих.

Кондак, глас 8:

Все твое умное желание к Богу вперив, и тому невозвратно от души последовал еси, в пустыню вселився, и, тамо Ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению: сего ради и Христос тя прослави и даром чудес обогати. Темже вси вопием ти: радуйся, Павле преподобне, пустынный жителю.

Житие преподобного отца нашего Феодосия Великого

Память 11 января

Преподобный Феодосий родился в селении Могарионском, в Каппадокии[437], от благочестивых родителей – отца Проересия и матери Евлогии – и был воспитан в благонравии и книжном обучении. Когда отрок пришел в совершенный разум и хорошо изучил Божественное Писание, ему приказано было читать в церкви назначенные для чтений места из богослужебных книг, и он был чтецом сладкогласным и искусным, как никто другой. Читая поучительные слова на пользу слушающих, он еще более пользы извлекал из этого сам для себя. Внимая Господу, то повелевающему Аврааму выйти из земли своей и от родства своего (Быт. 12:1), то убеждающему в Евангелии оставить, ради вечной жизни, отца, мать и братьев (Мф. 19:29), он пылал сердцем и горел духом, желая, оставив все, последовать за Христом путем тесным и прискорбным. Помышляя об этом, он молился Богу: «Наставь меня Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей» (Пс. 85:11).

Потом, возложив упование на Бога, он отправился в Иерусалим. Сие было в царствование Маркиана[438], под конец жизни его, когда в Халкидоне[439] собирался Четвертый Вселенский собор[440] на Диоскора и Евтихия[441]. Проходя через Антиохию[442], блаженный Феодосий пожелал видеть преподобного Симеона и сподобиться от него благословения и молитв. Он пошел к нему и когда был близ столпа, то услышал голос преподобного:

– Добре пришел ты, человек Божий Феодосий!

Услышав, что его назвал по имени тот, который никогда не видел его и не знал, Феодосий удивился и, упав на колена, поклонился прозорливому отцу. Потом, по приглашению его, он взошел на столп к святому и припал к честным его ногам. Тот же, обняв, поцеловал богодухновенного юношу и предсказал ему, что он будет пастырем словесных овец и спасет многих от мысленного волка[443]; предсказал ему еще многое и,

благословив его, отпустил. Феодосий, подкрепленный благословением преподобного и имея его святые молитвы вместо сопутствующего наставника и хранителя, пошел предлежавшим ему путем и достиг Иерусалима; это было в патриаршество Ювеналия. Обошедши там святые места и помолившись у Гроба Господня в храме Воскресения, он размышлял, какой начать образ жизни: отшельнический или – в общежительстве с другими ищущими спасения? И пришел он к убеждению, что безмолвствовать наедине, совсем еще не научившись, как бороться с лукавыми духами, – небезопасно. «Если из мирских воинов нет никого, кто был бы настолько несмыслен, чтобы в самом начале своего пребывания на военной службе, будучи еще неискусным и необученным ратному делу, тотчас броситься в середину сражающихся, то как я, – говорил себе святой, – не приучив еще своих рук к вооружению и своих перстов к войне и не будучи препоясан силою свыше, дерзну один, в отшельничестве, восстать против начал, властей и миродержателей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6:12). Мне надлежит прежде присоединиться к святым подвижникам и научиться у опытных отцов, как мне бороться с врагами невидимыми; потом, со временем, будут собраны и плоды, произрастающие из уединения и безмолвия». Так благоразумно рассудив об этом, – ибо в нем, наряду с другими добродетелями, было и совершенное благоразумие, способное обо всем хорошо рассуждать, – он тотчас стал искать себе наставника.

В то время знаменитейшим из всех отцов, живших в Иерусалиме и его окрестностях, был некий старец, по имени Лонгин[444], имевший свою келью при столпе, который с древности назывался Давидовым[445]; затворившись там, он со тщанием выделывал сладкий мед добродетели. Придя к нему, блаженный Феодосий принял начало иноческих трудов и, привязавшись к старцу всей душой, учился у него всякой добродетели, ибо тот преподобный был велик словом и житием. По прошествии довольно долгого времени он был переселен старцем, хотя и помимо своего желания, на место, называемое «ветхим седалищем»[446]. Это произошло по следующей причине:

некоторая благочестивая женщина, честная вдова и Христова служительница, по имени Гликерия, создала на том месте церковь Пречистой Владычицы нашей Богородицы и докучала преподобному Лонгину многими и усердными просьбами, чтобы он отпустил Феодосия жить при новосозданной церкви. Хотя ученик не хотел разлучаться со своим отцом, однако, по повелению его, переселился туда. Когда он пребывал там, повсюду прошел слух о его добродетели. Добродетель так же делает явным стяжавшего ее, как зажженная свеча обнаруживает носящего ее ночью. И начали к святому приходить ищущие душевной пользы, начали собираться к нему желающие быть подражателями его жизни.

Прожив там некоторое время, блаженный стал тяготиться отсутствием покоя, ибо он не терпел людского почитания и молвы. Он ушел оттуда на гору, где была пещера; в ней, по древнему преданию, отдыхали с дороги и ночевали те три волхва, которые приходили в Вифлеем ко Христу с дарами и возвращались в свою страну иным путем (Мф. 2:1–12). Преподобный Феодосий переселился в пещеру из «старого седалища». Это переселение его туда было по особому смотрению Божию – чтобы на том месте была воздвигнута преславная лавра[447] и собрались ко Христу Богу полки духовных воинов.

Изменив свое местопребывание, блаженный изменил вместе с тем и свою жизнь, начав проходить теснейший путь. Желанием его было – исполнять всегда все заповеди Господни; он был настолько объят Божественною любовью, что все свои душевные силы направлял не к чему-либо настоящему, а всецело – к одному только Создателю Богу, чтобы любить Его всею душою, всем сердцем и всем помышлением и чтобы являть эту любовь самым делом в телесных трудах и подвигах, которых нельзя и пересказать подробно. Молитва его была непрестанной, стояние всенощным, слезы всегда исходили из его очей, как потоки из источников. Пост его был безмерен: тридцать лет он совсем не вкушал хлеба, питался только финиками, сочивом[448] или травами и кореньями пустыни, да и этого употреблял так мало, лишь бы только не умереть с голоду.

Когда же у него не было и такой пищи по причине скудости пустынной, то он питался косточками фиников, размоченными в воде, душу же он питал непрестанно словом Божиим, насыщая ее внутренним Боговидением. Живя так, он просиял, как светлая звезда, и сделался известным всем жителям Палестины, ибо не может укрыться город, стоящий наверху горы (Мф. 5:14). Некоторые из любящих добродетель приходили к нему, и пустынную жизнь с ним в пещере предпочитали веселой гражданской жизни.

Вначале у преподобного было семь учеников. Зная, что для начинающих жить по-Божиему нет ничего полезнее, как памятование о смерти – что называется и считается истинным любомудрием – святой повелел ученикам выкопать могилу, чтобы, взирая на нее, они учились помнить о смерти, как бы имея ее пред глазами. Когда могила была готова, преподобный пришел посмотреть ее и, стоя над могилой, сказал ученикам своим, как бы усмехаясь, душевными же очами провидя имеющее быть:

– Вот, чада, могила готова; не найдется ли между вами кого-либо готового к смерти, дабы обновить собою эту могилу?

Когда святой сказал это, один из предстоявших учеников его, по имени Василий, по сану – иерей, тотчас, предупреждая других, пал на колена пред старцем и, распростершись лицом на землю, просил благословения умереть и быть погребенным в той могиле.

– Благослови, отец, – говорил он, – мне обновить могилу, чтобы мне первому из братьев, поучающихся о смерти, быть мертвецом.

Старец соизволил на его просьбу и повелел совершать поминовение по живом Василии, как уже по умершем, согласно закону о поминовении усопших, в третий, девятый и сороковой день. Когда окончилось все поминовение, скончался и блаженный Василий, без всякой болезни; как бы уснув сладким сном и почив, он перешел ко Господу. По прошествии сорока дней после погребения его, старец увидел Василия, который явился посреди братии во время правила и пел вместе с ними. Он помолился Богу, чтобы и у прочих открылись глаза, чтобы и

они увидели явившегося. Увидев его, один из братии, по имени Аетий, от радости устремился обнять его руками, но явившийся тотчас исчез и стал невидим. Удаляясь, он сказал во всеуслышание:

– Спасайтесь, отцы и братии, спасайтесь, а меня больше здесь не увидите!

Это было первым свидетельством добродетели преподобного Феодосия, – что у него был такой ученик, готовый, по его наставлению, на смерть и оказавшийся после телесной смерти живым душою, по слову Господню в Евангелии: верующий в Меня, если и умрет, оживет (Ин. 11:25). Прочие же обнаружения данной старцу от Бога чудесной благодати будут видны из следующего повествования.

Наступал праздник Христова Воскресения. Ученики святого, которых в то время было уже двенадцать, скорбели, что у них ничего не было на праздник поесть – ни хлеба, ни масла, и ничего съестного, а более всего скорбели, что в такой пресветлый праздник не могло быть Божественной литургии, так как не было для службы ни просфоры, ни вина, почему они должны были лишиться и причащения св. Таин. Тайно они роптали несколько между собою на преподобного. Он же, имея несомненную надежду на Бога, повелел братиям украсить Божественный алтарь и не скорбеть.

– Тот, – сказал он, – Который препитал в древности Израиля в пустыне[449] и после того насытил малыми хлебами многие тысячи людей[450], промыслит и о нас: ибо Он ни силою не сделался слабее, чем был прежде, ни ревность Его в промышлении над миром не сократилась, но Он – Один и Тот же Бог вовеки.

Так, с надеждою, говорил преподобный, – и тотчас сбылись слова его. Как в древности Аврааму предстал в чаще овен, готовый для жертвы (Быт. 22:13), так и у сего блаженного старца, по Божию промышлению, оказалось все нужное. При заходе солнца пришел к пещере их некоторый боголюбец, везя из своего дома на двух лошаках различную пищу для пустынных постников, кроме того и просфоры и вино для совершения Божественных Таинств. При виде этого ученики

блаженного возрадовались и познали, какой благодати сподобился старец их у Бога. Они в веселии отпраздновали Пасху, а принесенной пищи им достало на всю Пятидесятницу. Потом снова не стало пищи, и снова братия, мучимая голодом, скорбела. В то время один богатый муж творил много милостыни всем палестинским обителям – не подавал помощи только одной Феодосиевой обители, находившейся в пещере, ибо не знал о ней. И докучали братья отцу, чтобы он дал знать этому благодетелю о себе и о них, чтобы, подобно прочим обителям, получить от него милостыню на пропитание. Преподобный Феодосий, отнюдь не желая быть известным кому-либо в мире и надеясь не на людей, а на Бога, открывающего Свою руку и насыщающего все живущее по благоволению (Пс. 144:16), утешал учеников своих и поучал их, чтобы они терпеливо ожидали милости Божией, уповая на Того, Кто насыщает всякую алчущую душу: если Он дает пищу бессловесным скотам и птенцам ворона, взывающим к Нему (Пс. 146:9), тем более Он не лишит нужной пищи разумную и словесную тварь. Когда святой утешал таким образом малодушествующую братию, пришел к ним некто, ведя лошака, навьюченного большим количеством съестных припасов. Он шел не к Феодосиевой пещере, но переправлял припасы, чтобы отдать их в каком-то другом месте. Когда же он был близ пещеры и хотел миновать ее, лошак остановился и не двигался далее с места; даже и после многих побоев от своего господина, оставался на месте неподвижным, подобно камню. Человек этот, уразумев, что лошак его удерживается и остается неподвижным по воле Божией и силою невидимою, ослабил ему поводья и пустил его идти, куда хочет. Лошак, как бы ведомый некоей рукой, пошел прямо к обители преподобного Феодосия, находившейся в пещере, и человек тот, познав благословение Господне и промышление Его о Своих рабах, отдал все припасы преподобному старцу и ученикам его. И с того времени ученики святого перестали малодушествовать и старались быть ревнителями твердой веры и надежды своего преподобного отца на Бога.

Число братии ежедневно увеличивалось, ибо источники благодати, которой был исполнен святой отец, привлекали к себе много душ, любящих добродетель, которых можно было бы назвать разумными ланями, желающими духовных вод (Пс. 41:2), причем немало приходило сановитых и богатых людей, чтобы жить с преподобным. Пещера сделалась тесною для помещения столь большого количества людей. Приступив к преподобному, братия стала докучать ему просьбами, чтобы он основал возле пещеры монастырь и устроил широкую ограду для словесных овец.

– Не заботься, отче, – говорили они, – о средствах для построения монастыря; только прикажи, – и наших рук будет достаточно для совершения этого дела.

Святой, видя, что его призывают быть пастырем весьма многочисленного стада, и что нарушается его безмолвие, смущался различными помыслами – то не желая оставить безмолвие, как нелицемерную матерь, то попечение о братии считая за дело немаловажное, ибо не для себя одного только человек должен жить, но гораздо более – для ближнего, образом чего был Сам Христос Господь, Который собрал учеников, явился Пастырем словесных овец и положил за них душу Свою. Размышляя об этом, преподобный Феодосий недоумевал, чего держаться: безмолвия ли или попечения о спасении братии, и склонялся мыслию то к сему, то к другому. Что же делает блаженный? Он возлагает все на Бога, могущего соединить и то и другое для одной пользы, чтобы и плод безмолвия не потерять и не лишиться награды за начальствование над братьями и попечение о них; ибо жизнь инока укрепляется не в уединении тела, но – через твердость в добре и мир сердца. Преподобный держал еще в уме и пророчество святого Симеона Столпника, который предсказал ему пасение словесных овец. Впрочем, он поручал дело, принимаемое им, Божию изволению и молился Ему, чтобы Он дал знать, если Ему будет угодно создание монастыря, и указал чудесным знамением место, на котором должно было бы полагать основание обители. Взяв кадило и наполнив его

холодным углем, он положил фимиам, без огня, и пошел по пустыне, молясь так:

– Боже, уверивший Израиля многими и великими чудесами и убедивший различными знамениями угодника Своего, Моисея, чтобы он принял бремя начальствования над Твоими людьми, изменивший жезл в змия и здоровую руку в побелевшую от проказы и потом сделавший ее снова здоровой (Исх. 3:3, 6:7); обративший воду в кровь и легко обращающий кровь снова в воду (Исх. 7:20); давший Гедеону на руне знамение победы (Суд. 6:37–38), Творец всего и Вседержитель; начертавший Езекии продолжение жизни тенью, возвращенною назад по ступеням (4Цар. 20:1–11; Ис. 38:7–8); услышавший молитвы Илии и пославший огонь с неба для обращения нечестивых и попаливший дрова и жертвы, и камни и воду (3Цар. 18:38) Ты и ныне – Тот же Бог, услыши меня, раба твоего, и покажи место, где будет угодно Тебе, чтобы я воздвиг святой храм Твоей Державе и устроил обитель рабам Твоим, моим ученикам. Укажи всеконечно такое место там, где повелишь сим углям возгореться самим по себе, во славу Твою, для познания и возвещения истины многим.

Говоря в молитве это и подобное сему, он обходил места, которые казались более удобными для построения монастыря. Он прошел далеко по пустыне и с теми же невозгорающимися и холодными углями в кадиле достиг места, называемого Кутилла, и берегов Смоляного озера[451]. И когда увидел, что угли не загораются и его желание не исполняется, то вознамерился возвратиться в пещеру. Когда он возвращался, и пещера была уже недалеко (о, кто достойно восхвалит Твою, Бессмертный Царю, силу!), из кадильницы внезапно вышел благоухающий дым, ибо угли сильно разгорелись. Святой познал, что это – место, на котором, по благоволению Божию, должна быть создана обитель, чудесно отмеченная не языком, но огнем. Ученики святого тотчас принялись за дела: положив основание, они построили церковь, кельи и ограду и скоро, с помощью Всевышнего, устроили просторную обитель.

Лавра преподобного Феодосия сделалась знаменитою и славною, и в ней было установлено общежитие. Господь

даровал этой лавре всякое изобилие, чтобы живущие в ней не только могли обогащаться духовными богатствами добрых дел, но и не были лишены потребного для тела. И находили там успокоение не только иноки, но и миряне, странники и пришельцы, нищие и убогие, больные и немощные. Ибо преподобный Феодосий был милосерд, человеколюбив и милостив, являясь для всех сердобольным отцом, для всех – любезным другом, для всех – усердным рабом и служителем, очищая язвы и струпья больных, омывая кровь, поя их из своих рук и оказывая им всякие услуги. Он обнаруживал великую любовь и к приходящим отовсюду, угощая их, успокаивая и снабжая всем необходимым. Преподобный был общим пристанищем, общей врачебницей, общим домом, общим пиром, общим сокровищем недугующих, алчущих, наготствующих, странствующих; все утешались его любовью, милостью и щедростью, и никого он не презирал. Служащие в обители за трапезой замечали, что иногда случалось в один день подавать до ста обедов для приходящих, странников и нищих: так был человеколюбив и страннолюбив преподобный отец. Бог, Который Сам есть Любовь (1Ин.4:8), видя такую любовь Своего угодника к ближним, благословил монастырь его, так что и малое количество пищи невидимо умножалось в нем и насыщало бесчисленное множество народа.

Однажды в Палестине был голод, и множество нищих и убогих собралось отовсюду у врат монастыря в неделю цветоносную, чтобы получить обычную милостыню. Ученики опечалились, что не имеют столько пищи, чтобы подать столь многочисленным просителям, и сказали об этом блаженному. Он же, с гневом взглянув на них, укорил их за неверие и сказал:

– Скорее отворите ворота, чтобы вошли все!

Нищие и убогие, войдя, сели рядами.

Преподобный приказал ученикам дать им хлеба; ученики пошли к хлебопекарне со скорбью, не надеясь найти ничего, но, открыв пекарню, увидали, что она полна хлебов, ибо рука Промыслителя всех – Бога – наполнила ее, ради веры раба Своего. Братия восхвалила Бога за такое чудо и подивилась великому упованию на Бога своего аввы.

Когда в другой раз, в праздник Успения Пречистой Богородицы, пришло в монастырь много народу, пищи же было мало, чтобы предложить ее столь великому множеству, преподобный Феодосий, воззрев на небо и благословив несколько небольших хлебов, велел предложить их, и народ насытился, так как Бог умножал эти хлебы, как некогда – пять хлебов (Мф. 14:21; Лк. 9:14); так что еще и на дорогу каждый взял себе, сколько было нужно. Братия, собрав оставшиеся укрухи, наполнила ими много корзин и, высушив на солнце, питалась в продолжение немалого времени. И много раз в обитель собиралось несметное множество народа, так что, казалось, и колодцев было недостаточно для напоения столь великого количества людей, однако неоскудевающие руки Питателя всех – Бога – вполне всех насыщали.

Преподобный устроил много странноприимных домов и различных больниц, особую – для начальствующих и состарившихся в трудах. Он посещал, кроме того, и находящихся в горах и пещерах, заботился и болел о них сердцем, как отец о детях. Он доставлял им все потребное и для тела и для души, уча и наставляя их и избавляя многих от сатанинского обольщения.

Так как в обители преподобного братия была не из одного народа и не одного языка, но различных, то поэтому он устроил и другие церкви, в которых каждый народ мог бы на своем языке славить Бога. Так, в великой церкви Пречистой Богородицы – греки[452], в другой – иберийцы[453], в третьей – армяне[454] – пели церковное правило на своих языках, по семь раз в день, согласно уставу Давидову: Седмикратно, – сказал он, – в день прославляю Тебя (Пс. 118:164); для больных была особая церковь. Во время же причащения пречистых Таин вся братия собиралась из всех церквей в одну великую церковь, в которой пели греки, и все причащались вместе. Всех братьев, чад преподобного отца, которых он возродил духовно, воспитал в отеческом наставлении и направил к добродетели, было числом шестьсот девяносто три. Многие из них были пастырями в других монастырях, научившись доброму управлению от святого Феодосия, исполненного духовной премудрости и

разума; он пас свое стадо, не жезлом наказывая, но воспитывая словом, – словом, растворенным солью[455], трогающим за душу, проникающим до самой глубины внутренних движений; вместе со словом он учил и делом, являя самим собою пример для паствы. Поэтому и тогда, когда кого-либо ласково увещевал, он был, однако, страшен для многих, и когда кого-либо обличал, был любезен и обходителен. Удивительно в нем было то, что, не будучи научен мирскому любомудрию и не будучи сведущ в греческих книгах, он излагал поучения с такою обстоятельностью, что с ним не мог сравниться никто из состарившихся над книгами и в совершенстве изучивших ораторское искусство. Ибо он учил не от человеческой мудрости, но от благодати Духа Божия, тайно вещающего к нему, как к другому Иеремии: Я вложил слова Мои в уста твои (Иер. 1:9). И говорил блаженный еще много душеполезного, иное – от себя, иное – от апостольских изречений, отеческих завещаний и постнических слов Василия Великого, жизни которого он подражал и Богомудрые писания которого особенно любил. Из многих больших поучений его хорошо привести на память следующее небольшое:

«Умоляю вас, братия, ради любви Господа нашего Иисуса Христа, предавшего Себя за наши грехи, позаботимся, наконец, о своих душах, поскорбим о суетности прошлой жизни и поревнуем о будущем, во славу Бога и Сына Его; не будем пребывать в лености и настоящем расслаблении, проводя нынешний день в унынии и отлагая начало добрых дел на завтра, чтобы нам не оказываться пред Судьею наших душ без добрых дел, не быть изгнанными из чертога радости, не плакаться праздно и безнадежно о дурно прожитом времени жизни, рыдая тогда, когда не будет никакой пользы в раскаянии: ныне – время благоприятное, ныне – день спасения. Настоящий век – покаяния, а будущий – воздаяния, этот – делания, а тот – получения награды, этот – терпения, тот – утешения. Ныне Бог – Помощник для обращающихся от злого пути, а тогда Он будет страшным Судьей человеческих дел, слов и помышлений, от которого ничто не может укрыться. Ныне мы наслаждаемся Его долготерпением, а тогда познаем Его правосудие, когда

воскреснем одни в муку вечную, другие в жизнь вечную, и получим каждый по своим делам. Долго ли нам медлить повиновением Христу, призывающему нас в Свое Небесное Царство? Не пора ли нам опамятоваться? Не пора ли обратиться от суетной жизни к Евангельскому совершенству? Как мы посмотрим на страшный и ужасный день Господень, когда стоящих одесную[456] Бога и близких к Нему по добрым делам примет Царство Небесное, а находящихся ошую[457], отверженных за неимение добрых дел, скроют геенна огненная, тьма вечная и скрежет зубовный? Мы говорим, что желаем Царства Небесного, а как его получить, о том не заботимся. Не потрудившись нисколько над исполнением заповеди Господней, мы надеемся, по суетности нашего ума, на честь, равную с теми, которые боролись против греха до смерти».

Поучая так своих учеников, преподобный побуждал их к последней ревности о спасении. Хотя он был во всем кроток нравом, однако, там, где совершалось насилие над благочестием, он был подобен палящему огню, или рубящей секире, или неодолимому воинскому оружию.

В то время царствовал Анастасий[458], унаследовавший державу после Льва Великого[459] и Зенона[460]. Вначале его царствование казалось подобным сладостному раю, впоследствии же оказалось как бы полем погибели. Он сделался подобным тем пастырям, которые растеривают и губят свое стадо и поят овец мутною водою; ибо он совратился в ересь Евтихия и безглавного Севера[461] и смущал ею Церковь Божию, отвергая Халкидонский четвертый Вселенский собор святых отцов, изгоняя православных епископов с престолов их, а еретических поставляя на их места, и склоняя к единомыслию с собою многих из православных – одних угрозами, других почестями и дарами. Он дерзнул коснуться своим льстивым коварством и этого непоколебимого в вере столпа, преподобного отца нашего Феодосия. Попытка обольщения заключалась в том, что он прислал преподобному тридцать литр[462] золота – как бы для пропитания и одеяния нищих и на нужды больных, на самом же деле – стараясь снискать расположение к себе преподобного, которого слушала вся

Палестина, разуму и совету которого она следовала. Великий отец, понимая лукавство царя, был как бы орел, летающий в облаках, недоступный и недосягаемый, который скорее сам мог уловить своего ловца. Он не отказался от присланного золота, чтобы не показаться безрассудно презирающим веру царя и не подать повода к его гневу, чтобы, кроме того, милостынею, совершаемою на это золото, исходатайствовать ему у Бога милость, для наставления его на путь истинный. Но милостыня не имела никакого успеха, потому что золото было прислано не по правде, а с лукавством. Царь получил надежду иметь в лице Феодосия своего единомышленника, так как он принял золото; но напрасна была его надежда.

Наступило время, когда царь стал требовать от преподобного, через своих посланных, исповедания веры, на которое он рассчитывал, именно – согласного с учением Евтихия и Севера. Преподобный, собрав всех пустынников, твердо восстал, как муж сильный и вождь духовного воинства, против еретического зловерия, царю же отвечал следующим посланием:

«Царь! Когда нам предстоит одно из двух: или жить нечестиво, лишившись, в следовании за безглавным и свободы, или честно умереть, последуя истинным догматам святых отцов, – то знай, что мы предпочитаем смерть, ибо не принимаем новых догматов, но следуем законам ранее живших отцов. А тех, которые утверждают, помимо этого, иное, благочестиво отвергаем и предаем проклятию, и не примем никого, рукополагаемого безглавными, по принуждению. Да не будет с нами сего, Христе-Царю! Если же случится что-либо подобное, то, призвав во свидетельство истины Бога, ныне хулимого ими, будем противиться даже до смерти. Как за отечество, так и за Православие с радостью положим наши души – даже в том случае, если увидим эти святые места погибающими в огне. Ибо какая нужда в одном только наименовании – называться святыми местами, если на самом деле эта святыня терпит ругательство от еретичествующих? Мы никаким образом не решимся не только сказать, но даже помыслить что-либо несогласное со святыми Вселенскими

соборами. Первый из них украшается тремястами восемнадцатью отцами, которые собрались на Ария[463] и, предав окаянного анафеме, отсекли от тела Церкви; ибо он отчуждал Сына от существа Отца – по естеству и вводил догматы неправой веры. Второй собор, по внушению Божию, собрался в Царьград на Македония, который хулил Святого Духа. Третий величественно сошелся в Ефесе[464] на сквернoязычного и нечестивого Нестория, хулившего воспринятую от Пречистой Девы плоть Христову[465]. После этого был собор шестисот тридцати богоносных отцов в Халкидоне, которые изрекли согласное с первыми соборами и пояснили сказанное ими. Они отсекли от священного тела Церкви окаянного и злочестивого Евтихия, вместе с Диоскором, и утвердили апостольскую веру, всякого же мыслящего противно ей отлучили от Церкви Христовой. За противление сим соборам да возгорится на нас огонь, да будет изощрен против нас меч, да постигнет нас лютейшая смерть, и даже, если возможно, вместо одного раза, смерть пусть постигнет нас бесчисленное множество раз. Мы же ни в каком случае не отступим от истинного благочестия и не обесчестим отвержением то, что доблестно приняли отцы. Свидетелями этого пусть будут их поты и многие подвиги, которые они приняли за веру; но это будет хранимо крепко и неизменно и нами, и теми, которые сочтут за благо последовать Богу и нам. Мир же Божий, превосходящий всякое разумение (ср. Фил. 4:7), да будет хранителем и наставником державы твоей».

Этим посланием преподобный ясно показал свою великую ревность по благочестию. Прочитав его, царь устыдился и несколько смирился и на время прекратил внутри своего государства гонения на православных. Он отписал к преподобному со смирением, обвиняя других же в церковной смуте.

«Человек Божий, – писал он, – в новшестве этом мы неповинны. Призываем дерзновенно во свидетельство всевидящее око Божие, – от тех происходит эта смута, которым много более других следовало бы в молчании почитать догматы веры и соборы. Они же желают каждый показаться выше других

в слове и в достоинстве, нападают друг на друга и нас привлекают к себе. Небезызвестно твоему преподобию, что некоторые из иноков и клириков, считающие себя правомыслящими, вызвали эти соблазны, стараясь, как мы сказали, показать свое превосходство».

Однако царь смирился ненадолго и по прошествии некоторого времени снова восстал против православия. И снова всюду, даже и во святом граде Иерусалиме, были возвещены постановления царя, отвергающие святые соборы, в особенности же Халкидонский. Снова духовный воин, преподобный Феодосий, хотя уже и престарелый летами, обнаружил юношеский подвиг. Когда все молчали из страха и весьма многие изъявляли согласие, преподобный пришел в Иерусалим из своей обители и, став в великой Иерусалимской церкви на возвышении, с которого обыкновенно священники предлагают чтения народу, и сделав рукою знак молчания, громко возгласил:

– Кто не почитает четыре Вселенские собора, как и четыре Евангелия. Да будет анафема!

Сказав это, он, как Ангел, поразил народ, и никто из противников не осмелился ничего возразить. Потом, призвав из своих учеников усерднейших к вере, он обходил с ними окрестные города и селения, уничтожая зловерие и утверждая благочестие. Царь, услышав об этом, осудил его на изгнание, – окаянный не знал, что смерть стояла уже у дверей его. Преподобный был сослан в заточение, а царь Анастасий скоро лишился сей временной жизни, после чего исповедник Христов Феодосий вместе с другими, претерпевавшими изгнание за Православие, немедленно возвратился в свою обитель. Писал к нему Феликс, епископ древнего Рима[466], также и Ефрем, епископ Антиохийский[467], ублажая блаженного многими похвалами за то, что он обнаружил такую ревность – потерпел за истинную веру изгнание и готов был принять смерть. Но уже время перейти нам к сказанию о чудесах святого.

В то время, когда злочестивое повеление царя Анастасия было возвещаемо во святом городе Иерусалиме, для этого были собраны все отцы из палестинских обителей, и

преподобный Феодосий, как мы сказали, пришел туда же со своими учениками. И весь этот собор был на месте, называемом Иерафион[468]. Место же это есть сооруженное Константином Великим седалище, на котором ежегодно бывало воздвижение Честного Креста Господня.

В это время одна женщина, имевшая на груди болезнь, которую врачи называют «канкрум»[469], страдая долгое время и не получая от врачей никакого облегчения, пришла туда и стояла в изнеможении, близ лика святых отцов. Подойдя к одному из них (то был преподобный Исидор, бывший впоследствии игуменом Сукийской обители[470]), она сказала ему со слезами о своей болезни и спрашивала: есть ли в том соборе преподобный Феодосий, и каков он видом? Исидор указал ей перстом святого. Она, подойдя и став сзади, подобно кровоточивой, коснувшейся края одежды Господней (Мф. 9:20–22), тайно прикоснулась к иноческому одеянию, которое было на преподобном, и тотчас получила исцеление. Это не утаилось от преподобного, который, обратившись к женщине, сказал:

– Дерзай, дочь, ибо Владыка мой сказал: «Вера твоя спасла тебя» (Мф. 9:22).

Блаженный Исидор поспешно подошел к женщине, желая видеть совершившееся чудо, и нашел, что не осталось и знака на том месте, где была неизлечимая язва.

По смерти царя Анастасия и по возвращении из заточения преподобного отца у Феодосия было в обычае ходить в Вифлеем для молитвы. Однажды, желая отдохнуть от труда, он свернул с пути в обитель преподобного Маркиана. Тот, с любовию приняв дорогого гостя, не имел чем угостить его, ибо у него не было в то время ни хлеба, ни пшеницы. Когда они довольно долгое время пребыли в духовной беседе друг с другом и настало время трапезы, Маркиан приказал своим ученикам, чтобы они сварили сочиво и подали им. Феодосий же, видя такую бедность его, велел своим ученикам вынуть из мешка и предложить своих хлебов, взятых из дому на дорогу. Когда они ели, преподобный Маркиан сказал преподобному Феодосию:

– Не обессудь, отче, на том, что приготовили скудное угощение, и не укоряй нас, что не предложили хлеба, ибо мы очень обеднели и у нас совсем нет пшеницы.

Когда он сказал это, дивный Феодосий, посмотрев на бороду Маркиана, увидел неизвестно откуда попавшее в нее пшеничное зерно. Осторожно и тихо сняв его правою рукою, он сказал с радостной улыбкой на лице:

– Вот и пшеница, – как же вы говорите, что у вас нет пшеницы?

Блаженный Маркиан, взяв с радостью из Феодосиевых рук вынутое из своей бороды зерно, как некоторое плодородное семя, повелел отнести его в житницу, веруя, что, по благословению святого Феодосия, оно без труда принесет плод больший, чем на возделанной ниве, что и случилось. По уходе Феодосия, когда ученики хотели поутру открыть двери житницы, то увидели, что она полна пшеницы, так что даже и двери не открывались. Маркиан послал к преподобному Феодосию с известием о совершившемся чуде и с благодарностью за умножение пшеницы.

Преподобный отвечал:

– Не я, но ты, отче, умножил пшеницу, ибо зерно было взято из твоей бороды.

Одна знаменитая женщина из Александрии[471] пришла в обитель преподобного Феодосия с сыном своим, маленьким отроком, который, увидев издали святого отца и указывая на него пальцем, воскликнул к своей матери:

– Вот кто спас меня от потопления в колодезе, поддержав меня за руку, чтобы я не утонул в воде.

Мать, упав к ногам преподобного, рассказала следующее:

– Отрок этот, – сказала она, – играя со своими сверстниками, упал по неосторожности в глубочайший колодезь, и мы думали, что он разбился там и утонул. Рыдая о нем как уже об умершем, мы спустили одного человека в колодезь, чтобы вынуть из воды труп отрока, но нашли ребенка живым на поверхности воды. Когда мы изумлялись и спрашивали, каким образом он не утонул в воде, он рассказал нам: «Какой-то

престарелый инок, явившись, взял меня за руку и держал на воде».

С того времени, взяв отрока, я обхожу города и селения, горы и пустыни, – пока не найду этого отца. И вот я нашла твое преподобие, и тебя узнал ребенок мой, спасенный тобой от потопления.

Другая женщина очень страдала во время рождения детей, она рождала мертвых детей и всякий раз с весьма тяжкими страданиями. Она была и многочадна, и бесчадна: многочадна – потому что рождала часто, бесчадна – потому что дети рождались мертвыми. Со слезами просила она преподобного Феодосия помолиться о ней, чтобы ей не рождать более мертвых детей и чтобы облегчились ее жестокие страдания. Еще просила она и о том, чтобы, когда она родит мальчика, позволил назвать его своим именем – Феодосием.

– Если ты позволишь, – сказала она, – назвать твоим именем имеющего родиться от меня, то надеюсь, что ребенок будет жив.

Преподобный согласился на ее просьбу, усердно помолился о ней Богу, и когда настало время женщине родить, то у нее не было прежних страданий, она родила легче, и ребенок оказался живым, мужского пола, и был назван именем преподобного. Когда окончилось кормление его грудью и он несколько подрос, то его привели в обитель к преподобному отцу и посвятили на иноческое служение Богу. Также и другая женщина из Вифлеема, скорбевшая о своих умиравших детях, когда назвала новорожденного именем преподобного, сохранила через то ему жизнь; он вырос здоровым и был мужем искусным, ибо стал превосходным архитектором.

Однажды гусеницы и саранча производили опустошения в Палестине. Преподобный был в то время уже весьма стар и не мог ходить. Однако он приказал ученикам вести себя в поле, где угрожала плодам земным погибель, и там остановил саранчу и гусениц, сказав:

– Общий нам всем Владыка повелевает вам, чтобы вы не погубляли человеческих трудов и не съедали пищу бедных.

И тотчас саранча рассеялась, как облако, и гусеницы погибли.

Однажды братия очень нуждались в одежде и не имели, чем прикрыть наготу. Приходя к преподобному, они докучали ему просьбами. Он же, не имея средств на покупку одежд, мог разве только соболезновать им, однако, словами обещания Владыки сказал им:

– «Не заботьтесь о завтрашнем дне: ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения» (Мф. 6:34, 33, 8).

В то время как святой утешал так братию, пришел один муж, который никому не был известен и не сказал о себе, кто он и откуда. Он дал преподобному на монастырские нужды сто золотых монет и ушел. Преподобный, воздав благодарение Богу за таковое промышление Его, отдал это золото на одежды для братии, и все были обеспечены ими на долгое время.

Иулиан, пастырь Бострской[472] церкви, который учился в ранней молодости у преподобного чтению книг, сообщил о нем следующее:

– Однажды, – сказал он, – мы пришли с преподобным отцом в Бостру, и вот одна женщина, известная особенной злобою, встретив нас, посмотрела с гневом на преподобного отца и назвала его льстецом и лжецом, и тотчас ее постигло наказание от Бога: она внезапно упала и умерла.

– Случилось нам, – говорит он же, – идти мимо монастыря, в котором были черноризцы, придерживавшиеся ереси Севера. Увидев нас, они начали ударять в церковное било[473] для собрания братии прежде обычного времени пения. Преподобный, уразумев, что они замышляют против нас какие-то козни, воспылал праведным гневом и пророчески сказал слово Владыки:

– «Не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф 24:2).

Слова эти не замедлили сбыться: спустя немного времени агаряне[474] напали ночью на тот монастырь; ограбив все, бывшее в нем, и взяв в плен всех иноков, они зажгли

монастырь и разорили, согласно предсказанию святого, то место.

Начальник греческого войска, называемый восточным комитом, по имени Кирик, смелый в боях, но благоговейный пред Богом, отправляясь в поход против персов[475], сначала пришел в Иерусалим поклониться святым местам и приобрести помощь Божию против врагов. Он пришел и в обитель Феодосия, потому что слава о святости преподобного отца распространилась повсюду, всех привлекала к нему. Беседуя со святым, он получил от него большую пользу: он услышал от него, что нужно полагаться не на лук свой, не на множество войск надеяться, но знать одного Помощника – Бога и уповать на непобедимую силу Его, ибо для Него легко сделать то, что один погонит тысячу, а двое обратят в бегство многие тысячи неприятелей. Через такое поучение и беседу этот комит почувствовал великую любовь к святому и выпросил у него власяницу, которую носил святой, чтобы она была ему щитом в битве. Когда греческое войско сошлось с персами и вступило в жестокую битву, комит, одетый во власяницу преподобного Феодосия, как в броню, оставался невредимым от стрел, копий и мечей и обнаружил великую храбрость. Возвратившись по окончании войны, он снова пришел к преподобному и заявил:

– Я видел в бою, сказал он, – тебя самого, отче, помогающим мне и делающим меня страшным для врагов, пока мы не победили персидскую силу.

Преподобный Феодосий Великий явился не только этому комиту, когда он был далеко, но он являлся и многим другим во многих местах, принося скорую помощь: он являлся, избавляя от бед, то погибающим на кораблях среди волнений и бури, то блуждающим в пустыне, то попавшим в пасть диких зверей: иным во сне, другим же наяву.

Он был скорым помощником не только для людей, но и для бессловесных животных. Один странник шел, ведя осла. Встретившийся ему на пути лев, не обращая внимания на человека, бросился на осла, чтобы растерзать и пожрать его. В трепете человек громко призвал имя преподобного, говоря:

– Человек Божий Феодосий, помоги мне!

И тотчас лев, услышав имя святого, обратился назад и побежал в пустыню.

Вспомним нечто относящееся и к прозорливости преподобного. Однажды, уже незадолго до своей кончины, он повелел ударить в било, чтобы братия собралась. Когда все пришли, он вздохнул, прослезился и сказал:

– Молиться нужно, отцы и братья, молиться нужно, ибо я вижу гнев Божий, который уже надвигается на восточную страну.

После этого, по прошествии шести или семи дней, услышали, что великое землетрясение разрушило Антиохию и – в то самое время, когда преподобный, видя гнев Господень, приказывал молиться братьям.

После этого преподобный отец наш Феодосий, приближаясь к блаженной кончине, лежал на одре болезни в течение целого года. На его устах непрестанно была молитва, так что когда он даже засыпал, уста его двигались и произносили те псалмы и молитвы, к которым привыкли. И когда святой пробуждался, то в устах его был псалом, так что на нем сбывалось изречение Давида: «ночью песнь Ему у меня» (Пс 41:9). Часто поучал он добродетели и братию. А за три дня до своей кончины он призвал трех любимых им епископов и, возвестив им о своем отшествии к Богу, дал последнее целование плачущим и рыдающим о разлуке с ним. На третий день после этого, среди молитвы к Богу, он предал Ему дух свой, прожив всего сто пять лет. Преставление его Бог почтил следующим чудом; один муж, по имени Стефан, родом из Александрии, был одержим в течение долгого времени бесом. По преставлении преподобного он, прикоснувшись к одру его, освободился от своего мучителя и выздоровел. Тотчас повсюду узнали о кончине святого, и из всех городов собралось множество народа и иноков из обителей; пришел и первосвятитель Иерусалимский Петр с епископами, и с честью погребли святое тело отца нашего Феодосия в пещере, в которой он первоначально жил, во славу Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Кондак, глас 8:

Насажден во дворех Господа твоего, преподобными твоими добродетельми красно процвел еси, и умножил еси чада твоя в пустыни, слез твоих тучами напаяемая, стадоначальниче Божий Божественных дворов. Темже зовем: радуйся, отче Феодосие.

Память преподобного Феодосия Антиохийского

Память 11 января

Преподобный Феодосий постник происходил из Антиохии[476]; родители его были люди благочестивые, и он от них получил доброе наставление в законе Господнем. Внимая высочайшей заповеди Спасителя нашего (Лк. 14:26, 27), блаженный Феодосий, оставив родной дом, сродников, богатство и прочие блага житейские, удалился в лесистую местность на берегу моря и здесь построил себе малую келью, в которой и поселился. Здесь преподобный проводил свое высокое иноческое житие, облекшись во власяницу и возложив тяжелые вериги – одни на шее, другие на чреслах и третьи на обеих руках. Все свое время святой Феодосий употреблял на молитву и труды, порабощая тем плотские желания, гордость и прочие человеческие страсти. Волосы на главе его отросли до того, что покрывали ноги. Преподобный трудился то над плетением веревок, то на огороде, сам копал гряды, сеял семена и собирал овощи, которые потом шли на пищу и самому подвижнику, и приходившим к нему посетителям.

Слава о подвигах преподобного Феодосия распространялась все больше и больше, и многие посетители стали выражать желание поселиться около блаженного подвижника, чтобы подражать житию его. Принимая их, святой Феодосий обратил свою пустыню в подобие небесной обители. Однажды на область, где была обитель преподобного, агаряне[477] сделали нашествие; опустошив окрестность, враги причинили вред монастырю, но при этом ощутили пребывание в нем Божественной силы и скоро удалились. Вследствие этого нашествия, преподобный оставил пустыню и возвратился на свою родину; здесь он построил небольшую келью и продолжал обделывать свое спасение, окруженный некоторыми из своих учеников. Немного пожив в новом месте своего подвижничества, святой Феодосий с миром почил о Господе[478].

Память преподобного Михаила Клопского

Память 11 января

В пятнадцати верстах от Великого Новгорода, на берегу реки Веряжи, находился монастырь, именуемый Клопским, и в нем храм во имя Живоначальной Троицы[479]. В прежние годы монастырь этот мало кому был известен, впоследствии же получил широкую славу, благодаря чудесам святого Михаила. В обители этой игуменом был Феодосий, муж добродетельный; при нем и пришел в Клопский монастырь блаженный Михаил[480].

Осталось доселе неизвестным, откуда пришел в обитель святой Михаил и кто были его родители. Событие это совершилось летом, в то время, когда вся братия была на утрене; на девятой песни канона иеромонах, совершавший Божественную службу, окадил храм и пошел покадить в своей келье, которая находилась около храма; найдя келью открытой, между тем как он ее запер, уходя в храм, иеромонах вошел в нее и увидел сидящего человека в иноческой одежде; перед ним горела свеча, и он переписывал книгу Деяний святых Апостолов. Возвратившись в храм, иеромонах сказал о виденном игумену и братии. Те по окончании богослужения пошли к келье и нашли ее запертой изнутри. Игумен сотворил молитву, но ответного возгласа из кельи не последовало. Начали стучать в дверь; но она оставалась запертой. Тогда игумен приказал разобрать крышу над сенями; войдя в них, нашли запертой и внутреннюю дверь. Когда по приказанию игумена она была взломана и все пошли в келью, то нашли там старца, который сидел и писал. Настоятель спросил его: «Скажи мне, человек ты или дух?» Старец повторил слова игумена. Игумен сотворил молитву, старец произнес те же молитвенные слова, что и игумен. Тогда настоятель стал осенять пришельца крестным знамением и окаждать ладаном; старец же уклонялся от каждения и вел себя как юродивый.

Вместе с братией святой Михаил вошел в храм к литургии, во время которой пел на клиросе с монастырскими певцами. Игумен поручил ему прочесть Апостол, и все были до глубины

души утешены красотою и вдохновенностью его чтения. По выходе из трапезы, на которой святой исполнял положенное чтение, игумен ввел преподобного Михаила в назначенную ему для жительства келью, и с того времени блаженный остался в монастыре Живоначальной Троицы, неся послушание чтеца в храме и на трапезе, и великое сердечное умиление испытывали все слушавшие его чтение.

Ни игумен, ни братия не могли узнать, однако, имени новоприбывшего брата, откуда он пришел и каково его происхождение. Однажды посетил Клопскую обитель князь Константин Димитриевич[481]; услышав во время трапезы чтение святого Михаила, князь подошел к нему близко, узнал его и сказал:

– Это Михаил, сын Максимов.

Преподобный ответствовал на это:

– Один Создавший меня знает, кто я.

Тогда игумен заметил:

– Сын мой, отчего ты не скажешь своего имени?

И святой подтвердил, что имя его – Михаил[482].

Во время жития своего в Клопской обители преподобный Михаил вкушал только хлеб и воду, притом один раз в неделю и в малом количестве. Когда после великих молитвенных подвигов святой испытывал утомление, то отдыхал, лежа прямо на земле; в келье у него не было никакого имущества, ни одежды, кроме той, которая покрывала его тело. Нет возможности рассказывать о тех великих трудах, которые подъял преподобный Христа ради; от подвигов и воздержания тело его уподобилось как бы тени.

В то время в великом Новгороде и его окрестностях была засуха, продолжавшаяся три года: пересохли не только ручьи, но и реки. Тогда, по молитвам преподобного Михаила, близ монастыря произошло сотрясение земли и стал бить обильный водою ключ, который и доселе служит на потребу и братии, и пришлым людям[483]. После засухи настал в той области голод, во время которого толпы бедных стали приходить в обитель за кусками хлеба. Игумен, опасаясь оскудения запасов, не знал, что делать; но преподобный Михаил, указав на то, что Господь

напитал семью хлебами четыре тысячи человек, уговорил игумена кормить всех голодных. Когда же братья возроптали на то, преподобный повел их с игуменом в хлебный амбар, и те с изумлением увидели, что запасы хлеба, по молитвам святого, не уменьшались. Много пророчествовал преподобный Михаил о взятии Великого Новгорода[484] и, сотворив во имя Христово многие чудеса, мирно почил о Господе[485]. Честное и многострадальное его тело предано было игуменом с братиею погребению в монастыре Живоначальной Троицы[486], где подвизался преподобный Михаил, и положено в правой стороне соборного храма; здесь почивает оно и до наших дней, источая многоразличные исцеления с верою притекающим, во славу Христа Бога нашего.

Тропарь, глас 8:

Иже на земли Христа ради волею в буйство преложився, мира сего красоты отнюд возненавидел еси, и, плотская играния увядив постом и жаждею, и на земли леганием, от зноя же и студени, от дождя и снега, и от прочия воздушныя тягости никогдаже уклонился еси, душу же очистил еси добродетельми, яко злато в горниле, отче преподобне Богоносне Михаиле, и ныне на Небесех предстоиши Престолу Пресвятыя Троицы. Но яко имея дерзновение многое, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Духа святаго силою уподобился еси богоглаголивым древним пророком, сказав безвестная и тайная, и еже годе судьбам Божиим в сбытие, и ина многа чудеса о Христе сотворив, и люди удивив, торжествовати устроил еси, вопиющыя: слава Богу, прославляющему святыя Своя.

Страдание святой мученицы Татианы

Память 12 января

Святая мученица Татиана родилась в Древнем Риме от знатных родителей. Отец ее, трижды бывший консулом, был тайным христианином и отличался богобоязненностью. Свою дочь, святую Татиану, он воспитал в благочестии и страхе Божием и научил ее Божественному Писанию. Когда святая Татиана достигла совершеннолетнего возраста, она восхотела проводить жизнь свою в девстве и целомудрии; невестой была она Христу; пламенея к Нему любовью, она Ему единому служила день и ночь, молитвою и постом умерщвляя плоть свою и порабощая ее духу. За свою добродетельную жизнь она сподобилась послужить Церкви: она была поставлена диаконисой и, подобно бестелесным Ангелам, она служила Богу во плоти. И Христос Бог венчал невесту Свою мученическим венцом. Она пострадала следующим образом. Когда был убит своими же римлянами нечестивый царь Антонин Гелиогабал[487] и тело его, влекомое по граду с поруганием было брошено в реку Тибр[488], на царский престол был возведен Александр[489], юный шестнадцатилетний отрок. Он имел матерью – христианку, именем Маммею; от нее он научился почитать Христа, но несогласно с верою Христовою, ибо в то же время он продолжал служить идолам и поклонялся им как древним богам римским. В его дворце были изображения Христа и почитаемого язычниками Аполлона[490], ветхозаветного Авраама и языческого Орфея[491] и многих других. Сам Александр, как сын христианки, не преследовал христиан, но наместники его, правители областей и консулы, сильно притесняли христиан. Так как сам Александр был слишком молод, то управление государством было поручено некоторым из членов совета; главным среди них был городской епарх[492] Ульпиан, жесткий нравом и великий враг христиан. Эти советники от имени царя управляли всем. Они-то и разослали повсюду повеление, чтобы галилеян (так они называли христиан) всюду принуждать поклоняться римским богам, угрожая им, в случае неповиновения, лютыми мучениям

и даже смертью. Наблюдать же за тем, исполняется ли христианами это повеление, были избраны следующие лютейшие враги христиан и верные слуги дьявола: комит[493] Виталий, кувикулярий[494] Васс, доместик[495] Кай. Тогда и в Риме, и во всех областях римского государства полилась кровь христиан подобно воде. Их не щадили, но подвергали мучениям и предавали смерти.

В то время и святая дева Татиана была схвачена язычниками и приведена в храм Аполлона. Ее хотели принудить поклониться этому идолу. Она же помолилась истинному Богу, и вдруг произошло землетрясение: идол Аполлона упал и разбился на части, обрушилась также часть храма и придавила многих язычников и жрецов. Дьявол, обитавший в идоле, с громким криком и рыданием бежал от того места, причем все слышали вопль его и видели тень, пронесшуюся по воздуху.

Тогда нечестивые повлекли святую деву на суд и мучения. Сначала они стали бить ее по лицу и терзать очи ей железными крючьями. По долгом мучении сами мучители изнемогли, ибо тело Христовой страдалицы для наносивших ей раны было твердо, как бы наковальня, и больше приняли муки сами мучители, чем святая мученица. И Ангелы невидимо стояли около святой и наносили удары тем, кто мучил святую Татиану, так что мучители взывали к беззаконному судье и просили его, чтобы он приказал прекратить мучения; они говорили, что сами они больше страдают, чем сия святая и невинная дева. Татиана же, мужественно претерпевая страдания, молилась за своих мучителей и просила Господа, чтобы Он отверз им свет истины. И молитва ее была услышана. Небесный свет озарил мучителей, и духовные очи их отверзлись. Они увидели четырех Ангелов окружающих святую, услышали глас с небес бывший к святой деве, и пали пред нею на землю и стали молить ее:

– Прости нас, служительница истинного Бога, прости, ибо не по нашей воле мы причиняли тебе мучения.

Все они (их было числом восемь человек) уверовали во Христа и восприяли крещение в своей собственной крови, ибо их за исповедание Христа жестоко мучили и, наконец, усекли им главы.

На другой день неправедный судья, воссев на судилище, опять приказал привести на мучение святую Татиану. Она же предстала пред своим мучителем совершенно здравой. Лицо ее было спокойно и радостно. Судья стал убеждать святую деву, чтобы она принесла жертву идолам, но старания его оставались тщетными. Тогда он приказал обнажить святую и бритвами резать ее. Девственное тело ее было бело, как снег, и когда стали резать его, то из ран вместо крови истекало молоко, причем распространилось великое благоухание, как бы от сосуда с ароматами. Святая же, воззрев на небо, молилась среди этих мучений. Затем ее крестообразно распростерли на земле и долгое время били жезлами, так что мучители изнемогали и часто сменялись. Ибо, как и прежде, Ангелы Божии невидимо стояли около святой и наносили раны тем, кто причинял удары святой мученице. Слуги мучителя изнемогали, заявляя, что им кто-то наносит удары железными палками. Наконец, девять из них умерло, пораженные десницею Ангельской, а остальные упали на землю еле живыми. Святая же обличала судью и его служителей и говорила, что боги их – бездушные идолы. Так как уже приближался вечер, то святую ввергли в темницу. Здесь она провела всю ночь, молясь Господу и воспевая Ему хвалы. Небесный свет озарил ее, и Ангелы Божии славословили вместе с нею. Утром ее снова привели на суд. Увидев святую мученицу вполне здоровой, с лицом еще более прекрасным, чем прежде, все были изумлены и удивлены. Сначала стали ласково и льстиво уговаривать, чтобы она принесла жертву великой богине их – Диане[496]. Святая дева показала вид, что согласна последовать их совету. Ее повели в храм Дианы. Бес, обитавший в идоле Дианы, почувствовал приближение святой девы и стал громогласно взывать:

– Горе мне, горе мне! Куда бежать мне от Твоего Духа, Небесный, ибо огонь, возгорающийся со всех углов сего храма, гонит меня?

Святая, приблизившись к храму, ознаменовала себя крестным знамением и, возведя свои очи к небу, стала молиться. Вдруг раздался страшный удар грома и заблистала

молния: огонь, упавший с неба, попалил храм с идолом, жертвы, жрецов; множество из неверующих, опаленные молнией, замертво упали на землю. Тогда повели святую Татиану в претор[497], подвесили ее там и терзали железными крючьями и даже вырвали ей сосцы. После этого святую заключили в темницу, и снова светозарные Ангелы небесные явились к святой страстотерпице, совершенно исцелили ее от ран и восхваляли ее мужественное страдание. Наутро святую Татиану привели в цирк[498] и выпустили на нее страшного льва, чтобы он растерзал святую. Но свирепое животное не коснулось святой. Лев ласкался к ней и покорно лизал ее ноги. Когда же льва хотели было увести обратно из театра в клетку, он внезапно устремился на одного знатного сановника, по имени Евмения, и растерзал его. Святую Татиану снова повесили и снова начали строгать ее тело, но снова Ангелы невидимо наносили удары ее мучителям и те падали мертвыми. Тогда святую ввергли в огонь, но и огонь не вредил ей: сила огненного пламени стихала, как бы почитая рабу Христову. Нечестивцы же все сии дивные знамения приписывали не силе Христовой, а волхвованию; они остригли святой волосы, надеясь, что ее чары будут более недействительны. Они думали, что в волосах своих святая имеет некоторую волшебную силу, так что ничем нельзя повредить ей. Поэтому они остригли ей волосы и заключили ее в храм Зевса[499]. Безбожные думали, что святая никак не может более повредить их божеству, потому что с потерей волос она лишилась и силы волхвования. Два дня провела святая заключенной в том храме. Небесный свет, который всегда ее осиявал, разливался и в храме, и Ангелы ободряли и утешали ее. На третий день пришли жрецы с народом, чтобы принести жертву своему богу Зевсу. Отворив храм, они увидели, что идол их упал и разбился, а святая Татиана пребывала в радости о имени Господа Бога. Тогда ее привели в судилище. Судья, не зная, что еще сделать с ней, изрек ей смертный приговор, и святая Татиана была усечена мечом.[500] Вместе с нею казнили и отца ее, ибо узнали, что и он христианин. Сначала мучители лишили его почетного звания, отняли у него все его имение. Осужденный на смерть, он умер

от меча вместе со своею дочерью за имя Христово. Оба они сподобились от Господа получить венцы мученические от Христа Бога, Ему же слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Светло во страдании твоем возсияла еси, страстотерпице, от кровей твоих преиспещрена, и, яко красная голубица к Небеси возлетела еси, Татиано: темже моли присно за чтущыя тя.

Житие святого Саввы, архиепископа Сербского[501]

Память 12 января

Святой Савва был сын знаменитого основателя самостоятельного сербского государства, Великого сербского жупана Стефана Немани, в иночестве Симеона, прославляемого Церковью как святого покровителя Сербии. Стефан Неманя жил в двенадцатом столетии. Он объединил большую часть сербских земель и доставил им политическую независимость. Сын его Савва явился создателем независимой сербской церкви.

Савва был самым младшим из детей Стефана Немани и супруги его Анны. Родители, имея уже несколько детей, обратились к Господу с молитвой, чтобы Он даровал им еще сына, который был бы насадителем благочестия в их отечестве и прославил его. Они давали обет после того оставаться до смерти в чистоте. Молитва родителей была услышана: у них родился сын, которого в святом крещении они назвали Растько, иначе Ростислав, как бы предвидя возрастание в духовной славе, как их сына, так вместе с ним и их дорогого отечества.

Обрадованные милостью Божией, родители приложили все старания к доброму воспитанию сына. По миновании лет младенчества они поместили его в особых палатах, приставили воспитателей и позаботились о своевременном обучении его грамоте. Благодать Божия не оставляла отрока, дарованного родителям по особой их молитве: он возрастал телом и совершенствовался духовно, несказанно утешая своих родителей, проводя жизнь в благочестии и чистоте.

По окончании воспитания родители дали ему отдельную область, в которой он мог бы жить самостоятельно вместе со своими слугами и развлекаться охотой и другими забавами, приличными знатным юношам.

Юноша удалился из дома родительского. Но забавы мирские его не прельщали. Мысль и сердце его были заняты совсем иными предметами. Ему всего чаще вспоминались

слова псалма: «Блажен муж, боящийся Господа» – и слова Спасителя: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Пс.111:1; Мф.10:37–38). его увлекал «путь Господень» – отречение от мира, искание прежде всего Царствия Небесного и правды его. Вместо того чтобы предаваться пустым забавам, Растько предавался размышлениям о подвижнической жизни и молился Господу, чтобы Он указал ему надлежащий путь Свой. Растько слыхал о подвижнической жизни на святой горе Афонской и страстно желал встретить человека, который поведал бы ему все, что хотелось ему знать. И вот Бог послал ему одного чернеца, который хорошо знал святую гору. Это был русский инок из русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Он удовлетворил все желания знатного юноши, рассказал обо всех афонских святых обителях и о всех видах подвижничества на святой горе.

Рассказы захожего инока вполне соответствовали намерениям и чаяниям благочестивого юноши: он тогда же бесповоротно решил и дал обет Богу оставить мир и подвизаться на Афоне. Было всего семнадцать лет юноше, когда он решил оставить мирскую жизнь.

Горячо помолившись Господу Богу, он уговорил несколько богобоязненных мужей содействовать ему в исполнении его намерения и быть его спутниками, и немедля отправился в путь, прежде всего – в дом своих родителей. Несказанно обрадовались отец с матерью прибытию своего любезного сына, устроили по этому случаю пиршество и старались всячески оказывать ему свою ласку.

Через несколько дней пребывания в гостях у своих родителей Растько просится у них на охоту в одну неблизкую дикую местность, богатую всякого рода добычей. Родители охотно дают свое согласие. Получив родительское благословенье, Растько в сопровождении своих верных людей отправляется в путь, но не для звериной ловли в пустыню, а на святую Афонскую гору, для подвигов ради душевного спасения.

Достигши благополучно Афона, Растько поселился в русском Пантелеимоновом монастыре, инок которого подробно повествовал ему ранее о святогорском подвижничестве.

Родители вскоре хватились сына. Догадываясь, что сына их увлек не кто иной, как русский монах и не в иное место, как на Афон, Стефан Неманя немедленно послал одного из своих старших воевод с великим отрядом. Получив от греческого императора Исаака Ангела[502] строгое предписание к проту (настоятелю) Афонской горы и ко всем святогорцам и военный отряд от Солунского воеводы, уполномоченный Стефана Немани явился на Афон и нашел разыскиваемого знатного беглеца в монастыре святого Пантелеимона. Сильно обрадовался верный слуга Немани, что так скоро нашел, кого искал, и надеялся вскоре возвратить юношу к родителям, так горевавшим о нем, и получить за сие достойную награду. Не надеясь, чтобы беглец добровольно и охотно вернулся на родину, оставив свое намерение, посланные не спускали с глаз юношу и стерегли, чтобы он снова не скрылся от них. Но Растько давно уже решился, несмотря ни на какие препятствия, принять иноческое пострижение на Афоне и остаться там. Это намерение было известно игумену Пантелеимонова монастыря, который и решился оказать содействие отважному юноше.

Однажды в субботу Растько распорядился, чтобы устроено было обильное угощение присланным за ним от отца воинам с тамошними обитателями. Когда после пиршества полегли заснуть, по распоряжению игумена ударили в било, призывавшее всех по обычаю на ночное бдение в храм Божий. Не только иноки, но и воины должны были идти в церковь. Отягченные пиршеством и продолжительным бдением стражи во время чтения кафизм заснули на своих местах в своих седалищах. Воспользовавшись сим обстоятельством, Растько приказал одному из своих слуг надеть его одежды и стоять на его месте до конца богослужения, сам же пошел в святой алтарь, произнес там иноческие обеты и, переодетый, вышел неузнанный из храма. Вместе с одним старцем-иноком он взошел в пирг, или башню, и заключился там. Не теряя

времени, он принял там иноческое пострижение с именем Саввы и облекся в иноческие одежды.

Ночное бдение близилось к концу; под утро проснулись стражи и к ужасу своему убедились, что разысканный ими юноша опять скрылся. С великим негодованием они приступили к инокам монастыря и, грозя насилиями, требовали выдать им юношу или указать, куда он делся. Слыша сверху башни великое смятение и сожалея об участи иноков, могших много потерпеть из-за него, затворник склонился из окна башни и, показывая свою постриженную главу и монашескую одежду, закричал:

– Я здесь, но уже не Растько, а инок Савва: вот волосы главы моей и мои княжеские одежды; отнесите их родителям моим в доказательство того, что произошло со мною.

Страшное горе поразило старого воеводу и его спутников: все труды их пропали даром; теперь уже невозможно было возвратить юношу к его родителям таким, каким он с ними расстался, да и незачем: он отрекся от мира сего.

С печалью посланные Стефана Немани пошли в обратный путь в свое отечество.

Оставшись в монастыре святого Пантелеимона, новопостриженный инок Савва положил начало своим монашеским подвигам и дал много золота на строение принявшего его русского Пантелеимонова монастыря.

Немного времени спустя подошел праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, торжественно празднуемый в Ватопедском монастыре на Афоне. К сему празднику приглашались все подвижники Афона. Получил приглашение и царственный инок Савва. С великою радостью и охотою он отправился на славное торжество, на которое собрались все афонские подвижники во главе с протом афонских обитателей. Встреченный вниманием всех афонских властей, Савва получил возможность видеть вполне церковное торжество на Афоне, этом излюбленном Пресвятою Богородицею святом месте. Он так был поражен всем виденным и слышанным, что тотчас же решился остаться в обители Пресвятой Богородицы, и стал усердно просить игумена Ватопедской обители Феостирикта

принять его в число братии монастыря. Искренняя просьба Саввы была принята и удовлетворена: он вступил в число рядовой братии и усердно начал выполнять все иноческие обязанности и послушания. При самом своем вступлении в Ватопедский монастырь Савва поспешил сделать богатый вклад в обитель, которая так поразила его и удовлетворила его давние благочестивые желания.

Между тем известие, принесенное в Сербию посланными Стефаном Неманей для розысков его сына, глубоко потрясло не только его родителей, но и всю страну: царственный юноша отказался от родной семьи и всего мирского и стал монахом! На первых порах родители грустили, разлучившись с сыном, но скоро они сознали, что на все есть воля Божия, а будучи благочестивыми христианами, печаль переменили на радость, видя в своем сыне служителя Божиего и ожидая от него блага как себе самим, так и отечеству.

Собравши свои мысли и чувства, родители отправили Савве слезное послание, в котором, выражая сожаление о разлуке, но вместе воздавая славу Господу Богу, все устроящему Своей премудростью ко благу, убеждают и умоляют сына навестить родителей, приехать в родную Сербию и доставить всем утешение, обещая после свидания беспрепятственно отпустить его обратно на святую гору.

Вместе с посланием родители отправили сыну большую сумму золота как для его личных потребностей, так и для раздачи афонским церквам и убогим людям.

Святой Савва был утешен сим родительским посланием, но не пожелал отправиться на родину: он горел желанием подвизаться на Афоне, куда так стремился и где благополучно водворился.

Имея пребывание в обители Ватопедской, Савва часто предпринимал путешествия по святой Афонской горе, желая видеть святые обители, помолиться в них, видеть великих подвижников, побеседовать с ними и получить духовное назидание. Босыми ногами в простой одежде он ходил по всему Афону, взбирался на самые крутые и высокие скалы, ходил по пропастям и стремнинам, отыскивая уединенных подвижников,

ютившихся, подобно птицам, на едва доступных человеку утесах гор. Совершая такие хожденья, Савва имел целью не только удовлетворить свое желание видеть и изучить афонскую подвижническую жизнь: он вместе с тем желал помочь материально тем беднякам, каковыми были обыкновенно одиночные афонские подвижники. На помощь им он не щадил тех средств, какие были у него в изобилии.

При таких странствиях по Афону не раз он подвергался большим опасностям, но Господь помогал ему. В те времена Афонская гора много страдала от морских разбойников, которые, высаживаясь на берег, грабили там целые обители и подстерегали прохожих и проезжих как на море около берегов, так и на суше. Савва имел обычай по временам заготовлять теплые хлебы и самолично развозить их по пустыням для раздачи одиночным подвижникам, не имевшим никакой теплой и вареной пищи, а питавшимся разною растительностью. Савва любил это делать в святую Четыредесятницу по субботам. В одну из таких суббот, рано утром, навьючив мулов теплыми хлебами, он отправился спешно, идя впереди босой и горя желанием доставить утешение Христовым подвижникам. Дорога шла близ моря, Савва проходил близ места, именовавшегося Милопотам. Здесь напали на него разбойники и схватили как его самого, так и бывших с ним. Савва был очень огорчен тем, что путь его так внезапно замедлился. Из глубины души он обратился с молитвою к Господу Богу о своем избавлении, и Господь спас его. Разбойники приступили к допросу:

– Кто ты и откуда идешь?

Савва отвечал:

– Я – ученик отца Макария; он послал меня вчера в Есфигмен по одному духовному делу, но братия удержала меня до сегодняшнего утра, чтобы послать со мною хлебы на благословение старцам, ибо большие монастыри имеют обычай посылать хлеб на утешение пустынникам, страждущим Христа ради и не имеющим иного утешения, как только милостыню, которую посылает им Господь Бог.

Эта речь святого Саввы смягчила жестокие сердца разбойников, они умилились по вере и отпустили Савву, так что

он поспел к старцу вовремя. Только что встали на молитву, как в монастырь явились и разбойники: раскаявшись в своих поступках, они пошли вслед за Саввой и, увидевши старца, попросили у него благословения и рассказали все, что случилось с ними в пути. Старец наставил их словами Божиими, и они умилились и доверились старцу. Эти корсары, или морские разбойники, принадлежали к числу известных знатных лиц. Они спросили старца:

– Поведай нам Христа ради, действительно ли этот чернец (т.е. Савва) твой ученик? Мы видим на нем некое преславное знамение.

Старец отвечал:

– Христа ради я скажу вам дети мои: сей чернец – Божий ученик, а нам один из братии; сын он благоверного царя Сербского; всеблагий Бог послал его нам на посещение Своих рабов: как видите, он оставил свое царство и обходит пустыню сию, посещая и утешая, питая и одевая страждущих Христа ради в пустынях и горах в пещерах и пропастях земных, подобно солнцу все осиявая и милуя, чая помилования и утешения в жизни вечной. Разбойники, слыша это, пали к ногам Саввы и просили благословения. Получив благословенье как от него, так и от старца, они дали обещание больше не заниматься разбоем и отправились в свои дома.

Другой подобный случай произошел в одно из посещений святым Саввой лавры святого Афанасия Афонского. Савва ехал в лавру на лодке по морю в сопровождении нескольких лиц из братии. Когда они приближались к лавре, напали и захватили их разбойники. Одному из спутников Саввы удалось как-то избежать рук разбойников, и он поспешил в лавру св. Афанасия и сообщил игумену о постигшей их напасти. Игумен и братия, услышав о сем, очень встревожились и поскорее послали одного из своей братии, отличавшегося своим умом. Между тем святой Савва, находясь в руках разбойников внутреннею молитвою взывал к Господу об избавлении. Вскоре является посланный из лавры брат и приветствует разбойников:

– Со счастливым прибытием! Добро пожаловать в монастырь, там можно отдохнуть и получить все, что

необходимо для вас!

Взглянув же на молодого инока Савву, хитроумный чернец как бы с великим гневом сказал ему:

– А ты куда пришел? Не в такое ли то место послал тебя игумен, а ты чинишь по своей воле?

И хотел, как бы ударить Савву. Савва же, как бы от страха бросился от него, выскочил из лодки и побежал. Изумленные разбойники пришли как бы в забытье от всего случившегося и ничего не сказали. Только потом в монастыре, куда укрылся Савва, они увидели его, узнали, кто он такой, и очень сожалели между собою о том, какое сокровище выпустили из своих рук.

Пробыв некоторое время в лавре, приняв духовное и телесное утешение вместе с игуменом и братией, святой Савва возвратился благополучно в Ватопедскую обитель.

Пользуясь теми средствами, каковые получены были от благочестивых родителей, святой Савва приступил к построению и украшению храмов в Ватопедской обители. Прежде всего он создал храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, в монастырской крепости, на восток от великой церкви. Затем там же в крепости, по соседству с упомянутым храмом он стал воздвигать церковь во имя св. Иоанна Златоуста, имея в сердце своем надежду, что со временем поселится здесь и его стареющий державный родитель Стефан Неманя.

По совершении и украшении этих двух новых церквей Савва не оставил втуне и главного Ватопедского храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы: храм этот был крыт черепицею; находя такую кровлю непрочною, Савва заменил ее оловянною, на что потребовались немалые средства.

Затем Савва построил еще церковь – в монастырской башне, или пирге, во имя Преображения Спасова.

Кроме этих главных построек Святой Савва не щадил средств на внутренние украшения и утварь для главного Ватопедского храма Благовещения; все эти драгоценности остались здесь на память потомству о великом благодетеле св. горы, прибывшем из земли Сербской.

Мысль о привлечении на Афон своего благочестивого отца Стефана Неманю не оставляла святого Савву. Он решился, наконец, написать своим родителям красноречивое послание, в котором убеждал отца оставить царство земное и искать пути в Царство Небесное, приняв ангельский образ и переселившись к нему на святую гору.

Стефан Неманя давно уже помышлял об этом; давно уже он желал отказаться от мирской власти и всего мирского и принять иночество. Теперь, после красноречивых убеждений сына, он решился осуществить свое намерение. Посоветовавшись с единомышленною с ним супругою благочестивою Анною, Стефан Неманя призвал сына своего Стефана и, в присутствии вельмож и властей со всего государства, вручил ему власть над Сербией, назначил его великим жупаном, а сам объявил свое намерение отречься от мира. Прощаясь со своими вельможами и слугами, он всех богато наградил и одарил, несвободным дал свободу и обеспечил неимущих. Порвав таким образом все мирские связи, он произнес иноческие обеты и с именем Симеона принял пострижение от руки своего епископа Каллиника в своей задужбине, в построенном им самим монастыре Студеницком.

Супруга его Анна последовала его примеру и также приняла пострижение от того же епископа и поселилась в одном из женских монастырей.

Первое время по своем пострижении новый царственный инок Симеон провел в монастыре Студеницком, навыкая иноческому правилу и исполняя первые иноческие послушания. Многие из вельмож, соревнуя благочестию своего государя, не захотели оставаться в мире, приняли пострижение и решили сопутствовать на новом пути своему бывшему государю; когда Симеон решил отправиться на Афон, они последовали за ним.

Отправляясь на святую гору, Симеон взял с собою много золота, одежд, коней и всякой сбруи, и других вещей, и когда прибыл в Ватопедский монастырь, то принес все это в дар обители, в которой он должен был поселиться и где ожидал его сын Савва.

Трогательная и чудная была картина встречи двух царственных иноков – молодого еще Саввы и престарелого отца его, теперь носившего имя Симеона. Такое необычайное событие взволновало всю Афонскую гору. Все желали видеть этих чудных иноков, начиная с прота святой горы и кончая самыми простыми подвижниками: в Ватопед устремились даже из самых глухих недоступных стремнин и пещер никогда не выходившие из своих убежищ подвижники и молчальники, желая насладиться чудным и необычайным зрелищем пришествия на их гору подвизаться вместе с ними этих двух царственных иноков.

И не одни Афонские подвижники с изумлением слышали и взирали на таковых слуг Божиих: весть о них дошла, конечно, и до царствующего града, и не только все дивились сему происшествию, но многие из вельмож и знатных людей последовали их примеру.

Новый пришелец на Афон, царственный инок Симеон, сразу мог видеть всех тех подвижников, о которых давно знал. И никого он не оставил без своей милости и благодеяния. Раздав много милостыни бедным, он по всем обителям Афонским разослал свои приношения золотом и церковными вещами на память о себе. Особенно же он одарил принявшую его в число своей братии обитель Ватопедскую, вручив настоятелю большую сумму золота и множество облачений и других церковных вещей для храма, а также коней, лошаков и сбруи для монастырских потреб.

Старец Симеон, ослабленный болезнями, желая, однако, слышать церковную службу, пристроил со стороны алтаря главного храма Благовещения келью с окном в алтарь, и через сие окно видел и слушал ежедневно церковное богослужение.

Между тем святой Савва, заботясь о своем родителе и не оставляя обычных ежедневных иноческих подвигов, широко развивал свою благотворительную и строительную деятельность по святой горе. Обратив внимание на церковь святого Стефана, разрушенную разбойниками и опустевшую, он восстановил ее, снадбил всем необходимым для того, чтобы при ней могли жить иноки, и передал сие иноческое прибежище

в ведение Ватопедской обители. При обустройке этого монастырька он озаботился о возведении крепости и сторожевой башни (пирга) для защиты от нападений разбойнических.

В Ватопедский монастырь приходило много богомольцев из ближних и дальних стран; много было людей, работавших на монастырь из усердия. Все сии люди часто ничего не имели и могли питаться только монастырской милостыней. Человеколюбивый Савва принял к сердцу нужды этих людей: он сделал крупный взнос в Ватопедскую казну для того чтобы все сии люди не терпели нужды, всегда имели пищу и питие, не обременяя монастырь.

Много было и таких, которые приходили в монастырь только потому, что слышали о необычных знаменитых подвижниках, желали посмотреть на них. И всех таковых Савва ублаготворял из своих средств; много было просителей, и ни один не оставался без удовлетворения.

Святой Савва создал в Ватопедском монастыре палаты, одну с именем своего отца Симеона, другую со своим именем; эти палаты остались навсегда в память их.

Все, что было при монастыре ветхого и заброшенного, он обновил и восстановил.

Святой Савва, обозрев на Афоне и в его пределах многие метохии, т. е. монастырские земли, запустевшие и никем не возделываемые, рассудил приобрести для Ватопедского монастыря: испросив разрешение византийского императора, он обстроил их, населил и укрепил за принявшей его и его родителя обителью.

Между тем старец Симеон, пожив некоторое время в Ватопеде, решил осуществить давнее свое желание – обозреть всю святую гору, поклониться святым церквам, посетить подвижников и побеседовать.

Вместе со святым Саввою они прежде всего отправились в монастырь Карею, где пребывал прот горы Афонской. Получив его благословение и поклонившись святыням, Симеон и Савва богато одарили монастырь и деньгами, и, особенно, драгоценными вещами: сосудами церковными и прочею

утварью, облачениями, покровами. За такие жертвы оба записаны были навсегда в синодик как вторые ктиторы монастыря, ибо первым ктитором был греческий царь Михаил, создавший храм во имя Пресвятой Богородицы в благодарность за исцеление от болезни.

Подобным образом Симеон и Савва посетили лавру Иверской Пресвятой Богородицы, именуемой Портатисса, и великую лавру святого Афанасия Афонского. И сии обители были обогащены их вкладами, и в них оба сербских благотворителя записаны были вторыми ктиторами.

Посещая монастыри и пустыни, делая богатые вклады, Симеон и Савва одаряли везде иноков и щедро раздавали милостыню всем нуждающимся.

Во время этого путешествия сербские иноки присматривали место, где они могли бы устроить свой монастырь. Но для этого нужно было разрешение греческого царя. Случай испросить таковое вскоре представился.

Ватопедскому игумену встретилась неотложная надобность отправиться в Царьград к императору по монастырским делам. На совещании с иноками игумен попросил Савву сходить в Константинополь вместо него. Савва охотно согласился.

В Константинополе он благосклонно был принят царем Алексеем[503], которому Стефан Неманя приходился сватом. Царь, конечно, давно знал о пострижении Немани и о пребывании его на Афоне, а потому подробно расспрашивал об их жизни.

Воздав Савве большую честь, царь послал богатые дары и Симеону.

Царь благосклонно удовлетворил все ходатайства Ватопедского монастыря. При этом случае Савва обратился к царю и с личною просьбою: уступить ему и его отцу на Афоне запустелый небольшой монастырь, по имени Хиландарь. Царь охотно дал им на сие согласие, пожаловал монастырь со всеми принадлежавшими ему метохиями и утвердил сие грамотою.

Возвратившись на Афон, Савва с радостью рассказал своему родителю о своем успехе. Получив во владение свое

Хиландарь, они присоединили его к монастырю Ватопедскому, в котором жили, и приступили к его устроению.

Это приобретение удовлетворяло лично Симеона и Савву, но не удовлетворяло их сербских соотечественников, во множестве притекавших на Афон для поклонения святыне. Один из таких благочестивых поклонников обратился к святому Савве с советом об устроении такого монастыря на Афоне, который был бы постоянным и независимым прибежищем для их отечества, и в котором могли бы принимать пострижение и подвизаться желающие из Сербии. Такой совет был по сердцу святому Савве, горячо любившему свое отечество и пекшемуся о его пользах. Он сообщил об этом и родителю своему старцу Симеону, который также одобрил это намерение.

Савва обратился к игумену Ватопедского монастыря об уступке им запустелого местечка для построения келий для сербов и для устройства для них особого монастыря. Но игумен опасаясь ухода из Ватопеда таких благотворителей, – не согласился на сию просьбу. Тогда Савва и Симеон обратились со своей просьбой к проту горы Афонской и общему собору афонских монастырей. Собор во главе с протом охотно согласился удовлетворить просьбу и предложил выбирать любое свободное место для устроения монастыря для сербов.

И вот престарелый Симеон вместе с Саввой снова отправляются путешествовать по Афону. Не имея возможности по старости лет ездить на коне, Симеон путешествовал на носилках, укрепленных между двух коней. Много они видели прекрасных мест, но все-таки не нашли ничего лучше излюбленного ими Хиландаря. Когда они вернулись из путешествия и сообщили свою мысль Ватопедскому игумену, тот теперь согласился, боясь, чтобы не разгневались царственные иноки и не оставили совсем Ватопедского монастыря.

Тогда святой Савва принялся за окончательное устроение монастыря. Прежде всего он возобновил и расширил древний главный храм Хиландарский во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Вокруг монастыря построил крепостную стену с высоким пиргом, или башней. Внутри стен он воздвиг обширные

палаты для жительства иноков. Желая расширить владения монастыря, он испросил у прота и всех святогорцев разрешения присоединить к Хиландарю местечко Малею.

Великолепно украсив все здания, святой Савва вместе с отцом своим Симеоном перешел из Ватопеда на постоянное жительство в Хиландарь, и здесь стали оба подвизаться.

Желая более обеспечить за собою и за Сербией воссозданный монастырь, Савва, после совета со своим родителем, снова отправился в Царьград к царю Алексею. Принятый благосклонно царем, он рассказал ему обо всем, что устроено было ими на Афоне, и просил вновь укрепить за ними и за их отечеством Сербией их создание, а вместе просил от царя и личного его участия в сем предприятии. Царь отнесся сочувственно, утвердил все их приобретения и от себя пожаловал в их владение свой царский монастырь на Афоне, по имени Зиг, и утвердил за ними грамотою. Хиландарь со всеми присоединенными к нему приобретениями и пожалованиями причислен был к монастырям царским ставропигиальным, поставлен был таким образом в особое льготное положение на Афоне.

Велика была радость святого Саввы и его отца, старца Симеона, когда Савва вернулся с таким успехом от царя и вручил грамоты царские проту и собору святогорцев, которые теперь, согласно воле царя, передали монастырь Зиг во владение Хиландаря. Вскоре были сделаны и новые приобретения; куплен был у собора старцев монастырь святых исповедников. В пользу Хиландаря пожаловано было основателями много метохий, или доходных имений, в их отечестве Сербии.

Итак, под общим именем Хиландаря объединено было до четырнадцати отдельных монастырей и владений на Афоне, что, вместе с денежными вкладами, обеспечило вполне безбедное жительство двумстам инокам из сербского народа. Чтобы обеспечить за Сербией монастырь Хиландарский и на будущее время, он передан был основателями в ведение Великого сербского жупана Стефана, старшего сына Симеонова и брата

святого Саввы, как наследственное владение сербских государей.

Так благополучно осуществились заветные желания св. Симеона и Саввы относительно создания на Афоне монастыря для сербов. Обеспеченный материально и прославленный подвигами Симеона и Саввы, Хиландарь надолго сделался средоточием просвещения христианского не только для сербов, но и для других православных славян.

Монашескую жизнь в Хиландаре святой Савва устроил по правилам монастырей общежительных и написал свой устав, который оставил в руководство и последующим поколениям подвижников.

На святой горе существовали не только общежительные монастыри, но и другие различные образы подвижничества. Многие иноки избирали для себя подвижничество скитское: собираясь по два и по три, иноки предавались подвигам молчания и богомыслия.

Святой Савва, усердно изучая разные виды иноческого подвижничества и стараясь себя испытать во всех оных, восхотел подвизаться в ските. Скитническое подвижничество было особенно распространено около монастыря, носившего наименование Карея. Здесь святой Савва купил местечко и устроил в нем сихастарию, или «молчальничество», построил при ней церковь во имя св. Саввы Освященного, иерусалимского, для пребывания при ней двоим или троим подвижникам. В этой сихастарии он и сам пожил некоторое время в подвигах молчания и богомыслия и написал устав для подвижничества здесь; этот устав служил для руководства подвижникам и в последующие времена.

Между тем престарелый отец его Симеон приближался к исходу из этой жизни. Преподобный Савва, постоянно имевший неослабное попечение о своем родителе, не оставлял его перед кончиной. Однажды целую ночь Савва бодрствовал в молитве, предвидя кончину старца. Оставив у ложа отца одного из иноков, сам отправился на утреннее богослужение. Вскоре он был позван к отцу и увидел, что тот готовится к кончине. Савва снял отца с одра и в знак великого смирения положил его на

пол на рогожку и на ней перенес в церковную припрату, или паперть. Здесь старец Симеон, пробудившись как бы от сна, стал благословлять своего сына и собравшуюся вокруг его братию Хиландарского монастыря. В это время послышался какой-то шум и старец Симеон стал петь псалом: «всякое дыхание да славит Господа», с начала до конца. Все слышали Ангельское пение, а старец пел вместе с Ангелами – и затем испустил дух. Раздались рыдания о кончине присно блаженного, и Савва проливал слезы и радости и скорби вместе: радости потому, что сподобился видеть блаженную кончину старика, скорби же потому, что лишился своего родителя и сподвижника.

После торжественного отпевания тело усопшего положено было в мраморной раке в церкви Пресвятой Богородицы Хиландарской.

Перед своей кончиной старец завещал сыну своему Савве со временем перенести его останки в отечество Сербию, что потом и было исполнено.

Теперь преподобный Савва остался на Афоне опять один и предавался духовным подвигам, непрестанно воспоминая в молитвах своего покойного родителя. Не раз в ночных видениях усопший являлся Савве, утешал его, открывал о своем пребывании в обителях небесных и предсказывал, что ему, Савве, предстоит устроить дела веры и благочестия в их отечестве.

По-прежнему и еще с большим усердием Савва предавался делам благотворительности. Непрестанно он раздавал милостыню убогим и нищим, помогал бедным, разыскивал нуждающихся подвижников и поддерживал их; он не мог отказать ни в какой просьбе о помощи в деле построения или возобновления и поддержания церквей и монастырей, и не только на Афоне, но и в других, часто отдаленных местах. Иногда оскудевали его обыкновенные средства, которые разнообразно получались им из отечества. Но тогда являлась ему помощь свыше. Вот какое чудо совершилось со святым Саввою предстательством Пресвятой Богородицы.

Не раз святой Савва бывал в Царьграде и по обычаю благотворил монастырям и церквам. Особенно же он питал

любовь к храму Пресвятой Богородицы Евергетиссы, или Благодетельницы. Еще при жизни своего отца он сделал большой вклад на поминовение их рода; потом он вместе с родителем стал вносить ежегодный оброк в пользу этого храма; наконец, святой Савва на свой счет сделал в монастыре пристройку, чтобы иметь себе местопребывание во время посещений Царьграда. В одно из таких посещений является к нему одна благочестивая и благообразная женщина и говорит, что Божественною волею ей повелено открыть Савве, что на святой горе в пределах владений Хиландарского монастыря в двух местах в земле сокрыты сокровища, которыми он может воспользоваться для своих надобностей. Жизнеописатель святого Саввы высказывает мнение, что сие откровение получено было Саввою от Самой Пресвятой Богородицы, но, по своему смирению, он не явил этого. По возвращении в святую гору преподобный Савва воспользовался полученным указанием и действительно открыл сокровища в двух местах, но взял их не ради своей корысти, а ради милостыни убогим и нищим и для поддержки святогорских церквей и подвижников.

Афонские монастыри, особенно приморские, часто беспокоили и разоряли морские разбойники, или корсары. Раз они захватили монастырь Каракалл, разграбили сокровища и пленили иноков вместе с игуменом для продажи хотя бы в рабство. Корсары привели пленников к лавре св. Афанасия Афонского, рассчитывая на выкуп. Лавриоты и выкупили их у разбойников, но под условием лишения монастыря Каракалла самостоятельности и подчинения его, как метохий, лавре. После этого выкупленные игумен и братия были немилосердно удалены из Каракалла. Тогда они обратились к неизменному благотворителю Савве, который, приняв к сердцу бедствия иноков, снова выкупил у лавры монастырь Каракалл со всеми его правами, возвратил туда изгнанников и, восстановив монастырь после разбойнического разрушения, снабдил его всем необходимым для возобновления богослужения и мирной иноческой жизни.

Подобным образом он восстановил запустевший от разбойнических разорений монастырь святых сорока мучеников

именуемый Ксиропотам, богато украсил его живописью и снабдил всем необходимым. Святой Савва явился таким образом новым ктитором монастыря и установил здесь навсегда поминовение своего державного рода.

Из года в год святой Савва устраивал в Хиландаре торжественное поминовение своего родителя на день его кончины. Тогда собирались по его приглашению иноки ото всех монастырей афонских с протом во главе. По откровению свыше, благочестивый Савва знал, что родитель его за гробом приобщился к лику святых и молил Господа о прославлении его и пред людьми на земле, надеясь и веруя, что благочестивое желание его не останется тщетным.

Накануне одного из годичных поминальных празднеств по старце Симеоне святой Савва после вечернего богослужения обратился к проту с прошением наутро помолиться Господу при гробе Симеона о его прославлении и вручил ему ключи от церкви, сам же со своими сербскими сподвижниками удалился для утреннего богослужения в другую церковь в пирге, или башне. Во время Великого славословия на утрени внезапно распространилось по храму необыкновенное благоухание, приведшее всех бывших в храм в сладостную духовную радость; и усмотрели тогда, что иссохшие кости старца Симеона из мраморного гроба источали благовонное миро. Сообщили об этом служившему утреню проту, который поспешил сообщить об этом святому Савве. С великою радостью Савва поспешил со своими собратьями к гробу старца Симеона и воочию увидел великую милость Божию, непостыдно оправдавшую его горячую веру. Со слезами умиления он облобызал раку, чудесно источившую благодатное миро. Многие больные или одержимые духами нечистыми получили исцеление, помазуясь благовонным миром и прикасаясь к раке мощей. Вследствие этих чудес собор афонских иноков причислил нового чудотворца к лику прежних святых и положил праздновать ему вместе со святым Симеоном Богоприимцем. Святому Савве собор поручил составить стихиры и канон и описать чудотворения, что и было им вскоре исполнено.

Три дня праздновали в Хиландаре по случаю прославления св. Симеона. Святой Савва приготовил обильную трапезу для всех собравшихся на торжество и отпустил, щедро всех одарив.

Святой Савва подвизался уже довольные лета, но все оставался простым иноком. Прот святой горы Дометий, особенно чтивший и любивший Савву, давно убеждал его принять священный сан, но Савва, считая себя недостойным, долго отказывался. Наконец, склоненный доводами Дометия, он решился принять посвящение сначала в диакона, а потом иерея, что и совершено было приглашённым в Хиландарь епископом ближнего города Иериссо Николаем, имевшим право поставлять на священство на Афоне.

Спустя некоторое время святой Савва отправился по делам монастыря в город Солунь, где остановился в монастыре Филокалия, которого он был благотворителем и считался ктитором. Митрополит Солунский Константин, много слышавший о Савве от епископа Иерисского Николая, после неоднократных бесед призвал Савву служить в кафедральном храме вместе с собою и епископами Николаем Иерисским, Михаилом Кассандрским и Димитрием Адрамитским. Сии иерархи соборные благословили его носить набедренник и возвели в сан архимандрита. С этою новою честью возвратился он в Хиландарь.

Обо всем, что совершилось на Афоне, святой подробно сообщал своему державному брату, великому жупану Стефану, в Сербию; послал и миро от гроба новоявленного чудотворца – родителя их – и описание чудес, и службу.

С великой радостью принимал сии послания державный Стефан; радовалась с ним вместе и вся Сербия. Стефан горячо желал перенесения мощей Симеона в Сербию согласно и с волей самого святопочившего.

Во время бедствий, вызванных междоусобной войной, поднятой против него братом Волканом, Стефан написал святому Савве обширное послание, горячо убеждая прийти в Сербию и перенести святые мироточивые мощи Симеона, с глубокой верой, что благодатная сила их будет содействовать умиротворению отечества по их молитвам.

Святой Савва не замедлил исполнить просьбу брата и вместе завещание своего отца. Подняв св. мощи, он понес их в Сербию в сопровождении многих афонских подвижников. Не доходя еще границ Сербии, он предупредил брата о приближении св. мощей. Стефан в сопровождении духовного клира, сановников и народа вышел навстречу. Велика была всеобщая радость при этой встрече, когда видели возвращение в отечество прославленных мощей прежнего великого жупана – отца и цветущего добродетелями сына его, архимандрита Савву. Стефан горячо облобызал мощи и обнялся с братом после столь долгой разлуки.

Св. мощи Симеона поставлены были в построенном им Студеницком монастыре, в котором он принял и пострижение, и обильно источали миро, чудесно исцелявшее недуги и вселявшие духовную радость во всех с верою притекавших.

Святой Савва вместе с сопровождавшими его афонскими иноками водворился также в Студеницком монастыре к всеобщей радости его соотечественников.

Пребывая здесь, а также обходя обители, грады и веси, Савва постоянно поучал всех вере и благочестию. Все видели с утешением, как водворяется в отечестве мир и тишина, как укрепляется вера и добрые нравы. Вражда между братьями утихла, и Волкан покорился брату.

По обычаю, святой Савва раздавал милостыню, благотворил церквам, возобновлял ветхие и созидал новые, как он делал на Афоне, куда и теперь он горячо желал возвратиться, несмотря на видимое для всех благо, принесенное им в отечество. Он не раз обращался к державному брату Стефану с просьбой об отпуске на святую гору; но Стефан горячо убеждал брата остаться при нем и послужить на пользу церкви и веры. Он предложил святому Савве принять игуменство в Студенецком монастыре, на что тот имел полное право, как уже посвященный в сан архимандрита. После некоторого колебания Савва согласился править дорогим для обоих братьев и всех Сербов монастырем, предаваясь неусыпной деятельности по созиданию храмов и насаждению всюду веры и благочестия.

Вместе с братом своим Стефаном святой Савва решил основать новый Спасов монастырь Жичу (во славу Вознесения Господня), который потом сделался кафедральным монастырем сербской архиепископии. Устраивая как сей, так и другие монастыри, святой Савва вводил в них те обычаи подвижничества, какие он видел на Афоне: киновии, лавры, сихастарии. Желая, чтобы всюду в его отечестве славилось имя Божие, святой Савва старался создавать как можно более церквей, а где этого достигнуть не удавалось, там он водружал, по крайней мере, святой крест, взирая на который все помнили бы о Распятом.

Уже при жизни своей святой Савва сподобился дара чудотворений. Так, однажды в Студеницком монастыре он увидел расслабленного, который в беспомощном состоянии просил при дороге милостыни, воспевая псалмы Давидовы. Прослезился Савва о немощи человеческой, перенес расслабленного в храм пред икону Спасову и вознес горячую молитву о болящем, помазал его миром от раки святого Симеона и разрешил от грехов.

Расслабленный встал здравым. Весть об этом чудесном исцелении разнеслась всюду, болящие из разных мест спешили в Студеницкую обитель и прибегали к молитвам святого Саввы об исцелении. Савва молился, помазывал больных миром от раки своего родителя, и больные получали исцеление.

Деятельность Саввы и слава о новом мироточивом чудотворце Симеоне привлекали внимание к Сербии и окрестных стран. В тяжелые тогдашние времена многие искали убежища у сербского великого жупана Стефана и находили защиту. Чудотворная молитва святого Саввы касалась и таковых.

К великому жупану сербскому Стефану бежал под защиту болгарский боярин Стрез, родственник царя болгарского Калояна, погибшего при походе на Солунь во время занятия латинянами Царьграда. Новый болгарский царь Борис (или Борил) требовал выдачи Стреза, как родственника прежнего царя. Стефан не только не выдал искавшего защиты беглеца, но оказывал ему всякое покровительство и даже дал во

владение город Просек, на реке Вардаре, с областью. Стрез оказался, однако, неблагодарным и жестоким. Он мучил своих подданных и, наконец, поднял восстание против Стефана. Должна была произойти кровавая битва. Святой Савва был глубоко огорчен и употребил свои меры, чтобы предотвратить кровопролитие. Он смело пошел в лагерь Стреза и, что удивительно, был благосклонно принят этим жестоким владетелем, который встречал его и знал при дворе Стефана. Савва всячески убеждал его не проливать напрасной крови, отказаться от своего намерения, вспомнить благодеяния Стефана и заключенный с ним перед святым Евангелием в церкви союз названного братства. Стрез оставался упорным. Тогда Савва сказал, что между ним и Стефаном рассудит Бог, и удалился. Ночью Савва обратился с горячей к Господу молитвой, чтобы Он направил оружие неблагодарного Стреза против него самого. И в ту же ночь к Стрезу является неизвестный грозный юноша, взимает орудие Стреза и, поразив его, исчезает. Стрез издает вопли и умоляет позвать к нему Савву, считая поразившего его посланцем Саввы. Но Савва удалился из лагеря, и его не нашли. Стрез скончался, а дружина его быстро рассеялась; кровопролитие было устранено.

Много дела полезного и благотворного было святому Савве в его отечестве, которое он горячо любил. Но сильна была его любовь к святой горе, по которой он тосковал и непрестанно стремился туда возвратиться. Много раз заявил он об этом своем желании брату Стефану, который с горестью выслушивал эти заявления и всячески старался удержать Савву при себе. Савва оставался, но потом опять обращался с просьбами об отпуске, наконец, решился окончательно. С грустью проводил его до греческих пределов державный Стефан, не теряя, однако, надежды, что это удаление будет опять только временным; сокрушались, провожая Савву, и все его соотечественники.

Как грустны были проводы Саввы из Сербии, так радостна была его встреча на Афоне не только иноками Хиландарского монастыря, но и всеми святогорцами.

С новым усердием Савва опять стал подвизаться на святой горе, предаваясь уединению, молчанию и богомыслию. Но в то же время он продолжал и дела благотворительности, без чего никогда и нигде он не мог жить: снова он призирал убогих, подавал милостыню нищим, благотворил церквам и помогал подвижникам.

Так прошло несколько лет. В Сербии сожалели об удалении Саввы и желали его возвращения. Не раз писал к нему об этом брат Стефан. Савва оставался, однако, непреклонным. Но вот произошло такое событие, которое заставило всех особенно желать возвращения Саввы в отечество: вдруг прекратилось истечение мира от раки святого Симеона. Все увидели в сем гнев Божий и горячо желали молитв Саввы при гробе Симеона. Приведенный в ужас Стефан написал убедительное послание к Савве, умоляя его прибыть в Сербию и вместе с ним и со всем народом помолиться у гроба мироточивого старца Симеона о возвращении благодати мироточения. Святой Савва внял этому молению, но и на сей раз лично сам не отправился в Сербию, а послал некоего инока Илария, вручив ему горячее молитвенное послание к своему свято почившему родителю Симеону, которое должно было быть прочитано у гроба святого в присутствии державного Стефана и народа после богослужения и молебна. В своем послании сын по естеству обращался к Симеону – как отец к духовному сыну, ибо таковым при жизни своей старец Симеон признавал Савву, склонившего его оставить мир и избрать иноческий путь к спасению. Инок Иларий исполнил все так, как указал Савва. После прочтения послания Саввы при раке Симеона вдруг по храму разнеслось благоухание и снова стало истекать от раки благодатное миро, приносившее тут же целение болящим. Все горячо возблагодарили Господа Бога за великую его милость и дивились духовной мощи его подвижника Саввы. Это чудо принесло утешение и ободрение всей Сербии.

В те времена совершились великие события на православном востоке, который тяжко пострадал от латинян. Царствующий град Константинополь взят был в 1204 году латинянами. Греческий царь и патриарх должны были искать

иного места для того, чтобы стараться о восстановлении разоренного царства и утверждении много пострадавшего православия. В соседних православных державах Болгарии и Сербии были свои беды и нужды, и государи сербские и болгарские усердно старались отстоять и свою независимость в эти тяжелые времена, и чистое Православие. Святой Савва лучше, чем кто-либо из его славянских современников знал положение дел, беды и нужды на православном востоке. Как в благоприятные дни царства греческого он нередко бывал в Царьграде и имел сношения с царями, так и теперь, во времена бедствий, он не прекратил сношений с греческим царем и патриархом. Царь Феодор Ласкарис и патриарх имели тогда местопребывания в Малой Азии, в городе Никеи, прославленном бывшими в нем святыми вселенскими соборами первым и седьмым. У святого Саввы немало было надобностей явиться к царю и патриарху как по делам Хиландарского афонского монастыря, так и по нуждам из отечества, Сербии. Он решился отправиться в Никею.

Царь Феодор Ласкарис находился в близких родственных отношениях с сербским великим жупаном: сын Стефана, стало быть, родной племянник святого Саввы, был женат на дочери царя Феодора Ласкариса. Сербский царствующий дом, начиная со Стефана Немани, в это время уже прославленного святого Симеона, и с прежними государями был в родстве и пользовался уважением с их стороны. Теперь же особенно близки стали отношения между сербским и греческим государями и по родственным отношениям, и по общим нуждам защиты свободы и православия от латинян. Неудивительно поэтому, что святой Савва принят был в Никее царем и патриархом не только благосклонно, но весьма радушно. Все просьбы Саввы относительно дел Хиландарского монастыря были вполне удовлетворены.

Но мысли и заботы святого Саввы не ограничивались только Хиландарским монастырем: они не менее устремлены были и на нужды и пользы отечества, на его независимость и самостоятельность, государственную и церковную.

Мудрый Савва нашел, что теперь представилось благоприятное время для приобретения для Сербии церковной самостоятельности.

Покончив с делами по Хиландарскому монастырю, святой Савва обратился к царю Феодору с важной просьбой относительно сербской церкви. Он красноречиво и подробно изложил состояние веры в своем отечестве; указал на заботы и успехи в деле сохранения и поддержания чистоты православия в те трудные времена, когда распространялась на православном востоке у южных славян и греков нечестивая богомильская ересь, и когда как на греков, так и на славян православных наступили с запада латиняне. Но чтобы эти заботы и успехи в деле веры были прочны, необходимо было, как доказывал Савва, иметь Сербии не одного епископа, поставляемого царьградским патриархом, как было доселе, а архиепископа, самостоятельного или автокефального, который сам учреждал бы епархии и поставлял на них епископов вместе с сербским духовным собором. Такая важная просьба привела сначала в смущение царя и патриарха. Но после размышлений и рассуждений, и царь, и патриарх признали, что, удовлетворив такую просьбу, они и Сербии принесут, и для себя получат великую пользу: Сербия, получив самостоятельного архиепископа и учредив новые епархии, будет легче защищать и утверждать Православие и не поддастся на соблазны латинства, а вместе возвысится среди соседних государств; Греция, в благодарность за это благодеяние, получит в лице сербского государя друга и союзника в борьбе с врагами империи.

Когда таким образом сей важный вопрос в основе был благоприятно для Сербии решен, святой Савва просил возвести в сан архиепископа сербского одного из сопутствовавших ему старцев иеромонахов. Но ни царь, ни патриарх не нашли возможным поступить согласно предложению Саввы: они сказали, что никого не желают возводить в сей высокий сан, кроме самого просителя и ходатая. Такой оборот дела был для смиренного Саввы совершенно неожиданным: он и не помышлял об этом. Но воля царя и патриарха была

непреклонна. По обычаю помолившись Господу Богу и вняв убеждениям как царя с патриархом, так и своих спутников Савва усмотрел в сем волю Божию и согласился. Царь распорядился дать из своей казны все необходимое для поставления в высокий сан автокефального архиепископа. И вот вселенский патриарх Герман в праздник Успения Пресвятой Богородицы в 1222 году рукоположил Савву в архиепископа сербского в присутствии царя и вельмож.

Обласканный, почтенный высоким саном и богато одаренный царем и патриархом, Савва пошел в обратный путь. Морем он достиг святой горы Афонской. Весть о возведении Саввы в архиепископа предупредила его возвращение. Все афонские подвижники от прота до последнего отшельника старались и спешили получить благословение от новопоставленного и приветствовать его. Особенно велика радость была в монастыре Хиландарском, но вместе и печаль: предстояло, быть может, навсегда расстаться с великим основателем обители и незаменимым руководителем иноков. Прот и игумены всех важнейших монастырей афонских один за другим просили Савву посетить их обители, совершить архиерейское служение и рукоположить некоторых в сан диакона и иерея. Святой Савва с тщанием исполнял сии прошения: его душе отрадно было вновь посетить обители, которые он так чтил и любил, и помолиться в них.

Наставив в последний раз братию своего Хиландарского монастыря жить по его уставам и заветам, святой Савва отправился в отечество в сопровождении немалого числа иноков из учеников и сподвижников, которых он намеревался поставить потом в Сербию на важные духовные должности. Грустил Савва, расставаясь со столь любимой им святой горой, но утешался от сознания высоты того служения, на которое он шел в свое отечество.

Свой путь с Афона Савва держал на знаменитый город Солунь. Здесь он прежде всего поклонился мощам великомученика Димитрия мироточца, а затем отправился к солунскому владыке, митрополиту Константию, с которым издавна находился в любви и тесной дружбе. С сим

митрополитом Савва много беседовал о трудных делах церковного управления и искал у него советов и указаний. Святой Савва пробыл в Солуни значительное время, живя в своем монастыре Филокалии, которому теперь он принес новые и богатые дары.

Просвещенный Савва посвятил проведенное здесь время книжному делу: для управления самостоятельною церковью ему нужны были церковные и гражданские законы. Приобретением таковых книг на греческом языке, который Савва знал в совершенстве, и переводом их на славянский язык, он и занялся. Плодом трудов его было появление в свет на славянском языке Кормчей книги, которою потом воспользовались для церковного управления не только сербы, но болгары и русские.

Подготовившись таким образом к своему высокому служению, Савва пошел в отечество, послав предварительно своему брату великому жупану сербскому Стефану послание, извещая обо всем происшедшем с ним и о своем возвращении.

Стефан и вся Сербия возрадовались возвращению Саввы в сане архиепископа. Ему устроена была на границе Сербии торжественная встреча, в которой, однако, Стефан лично не мог принять участия, так как был болен и лежал в постели. Встреченный с великою радостью вельможами и народом, Савва прибыл к брату и молитвою своею воздвиг его от одра болезни, благословил и братски облобызал.

Тут же оба брата стали заботиться об устроении церкви. Прежде заложенный монастырь Жичу они порешили скорее окончить и в нем основать архиепископскую кафедру.

Повидавшись с братом и приняв необходимые первоначальные меры относительно церковных дел, святой Савва отправился в Студеницкий монастырь к гробу своего родителя и братии, которою он правил перед своим путешествием на восток как архимандрит.

Облобызав гробницу святого Симеона, обильно источавшую целебное миро, Савва занялся поучением иноков и устроением церковных дел.

Теперь, облеченный архиепископскою властью, он решительнее стал продолжать дело насаждения в Сербии иноческого подвижничества по образцам подвижничества афонского. Он вводил порядок и уставы касательно как общего церковного богослужения, так и келейного правила и всего поведения иноческого.

Уже ранее святым Саввою вместе с братом Стефаном было положено основание новому монастырю в Жиче с великою церковью Вознесения Господня. Здесь решено было утвердить сербскую архиепископскую кафедру. Савва отправился сюда и приступил к быстрому завершению постройки и украшения обители.

Самою первою и главною заботою святого Саввы, ставшего теперь архиепископом, было устроение сербской церкви. Все пространство сербских владений Савва разделил на двенадцать епархий и поставил для них епископов, избрав достойных лиц главным образом из своих учеников и сподвижников. Новопоставленных епископов он научил, как следует править паствою, и вручил им книги законов для церковного управления.

Спустя некоторое время Савва собрал общий сербский церковный собор из епископов черного и белого духовенства и мирян для укрепления истинной православной веры. Тогда в Сербии было много неустройств в деле веры: существовала и нечестивая ересь богомильская, были и остатки язычества, много было вообще разных нестроений и пороков среди христиан. На соборе святой Савва произнес обширное и красноречивое поучение об утверждении православия. Изложено было вновь православное исповедание веры, обсуждены ереси и приняты меры к искоренению разных суеверий, нестроений и пороков.

Между прочим выяснилось, что много было живших в брачном сожительстве, но без церковного венчания; многие так жили давно и имели уже детей, даже взрослых. Святой Савва из своих учеников избрал достойных, поставил их протопопами и разослал по стране венчать тех мужей и жен, которые оставались без венчания, причем приказано было вместе с

родителями венчать и их взрослых детей. Тем же протопопам поручено было искоренять и другие недостатки в духовной жизни страны.

Сербский государь носил доселе титул великого жупана, между тем соседние государи имели титулы царей или королей. Брат Саввы Стефан, соответственно силе и значению своего государства, желал быть венчанным королевским венцом. Это было теперь вполне возможно, так как Сербия имела самостоятельного иерарха, который мог совершить обряд венчания. Сие и совершил святой Савва в кафедральном храме монастыря Жичи. Так как короли соседних государств получали корону от римского папы, то ради признания королем и сербского государя со стороны соседей найдено было нужным обратиться к римскому папе за согласием, которое и последовало и выразилось в присылке короны; но это обстоятельство не повело к подчинению папе и не повредило православию.

Возвышение Сербии было неприятно для соседнего короля Венгерского Владислава, который готов был выступить войною против первовенчанного короля сербского Стефана. Желая избежать кровопролития, Стефан просил брата своего, архиепископа Савву, отправиться к венгерскому королю, для того чтобы дело устроить миром. Савва отправился и принят был благосклонно; но король не хотел делать никаких уступок. Чудодейственная молитва Саввы, однако, содействовала благому концу. Совершилось следующее чудо. Переговоры с королем происходили в жаркий день. Истомленный от жары и жажды, Савва попросил подать льду. Но лед оказался растаявшим в погребах. Тогда святой Савва обратился с молитвою к Господу, и вдруг нашла туча, засверкала молния, ударил гром и посыпался обильный град, покрывший землю. Савва повелел набрать граду в сосуд, благословясь, испробовал сам и предложил королю, со словами:

– Так как у вас лед истаял, то я с молитвою обратился к Господу Богу, и Он послал нам сей прохлаждающий дар!

Все были удивлены сим чудом и с благоговением стали относиться к святому Савве. Король переменил свои отношения

к Сербии; мысль о войне была оставлена. Сверх того, король возымел такое почтение и уважение к Савве, что пожелал исповедать ему свои грехи и получить разрешение от него. Савва тщательно исполнил сие и убеждал короля не без успеха отказаться от латинства и возвратиться к православию.

Вернувшись в Сербию, святой Савва все поведал брату своему, и оба они возблагодарили Бога за сии благодеяния.

Король Стефан Первовенчанный достиг старости и нередко впадал в недуги. Он имел горячее желание принять пред смертью ангельский образ, постричься от своего брата Саввы. Но архиепископ отклонял эту просьбу, говоря, что не настало еще время. Однажды Стефан сильно заболел, а святой Савва находился в дальней отлучке. Тотчас же послали за ним. Савва немедленно поспешил к больному брату; но на дороге встретил его новый посланец, сообщивший, что король скончался уже и незачем очень спешить – в живых его нет. Но святой Савва, напротив еще более ускорил свой путь, огорчаясь тем, что он не облек вовремя своего брата в ангельский образ и молясь Господу о сохранении брата в числе живых. И что же? Когда Савва с горячею молитвою приблизился к одру брата, он нашел в нем признаки жизни, и Стефан немедленно очнулся. Возрадовался святой Савва, облек Стефана в великий ангельский образ с именем Симеона и воздал ему предсмертное целование. Король Стефан, в иночестве Симеон, тихо почил на руках своего брата, святого Саввы. Прах его положен был в монастыре Студеницком рядом с ракой его отца, святого Симеона Немани.

Сербский престол занял старший сын Стефана Первовенчанного, Радослав, которого святой Савва торжественно венчал королевским венцом.

Давно святой Савва горел желанием посетить святую землю, поклониться Гробу Господню и походить по тем местам, которые прославлены жизнью и смертью нашего Спасителя. Он желал также посетить знаменитые палестинские обители и видеть жизнь палестинских подвижников. Теперь свою мысль и решение Савва сообщил своему племяннику, королю Радославу. Тяжело было королю расставаться с дядей, который

мог быть его мудрым советником и руководителем, но он не смел отказать ему в просьбе и отпустил, снабдив его на путешествие большою суммою золота.

Святой Савва отправился через принадлежавшее Сербии Адриатическое приморье, сел на собственный корабль и направился к Святой земле. Совершив благополучно плавание, он вскоре достиг святого града Иерусалима, где был с любовью принят иерусалимским патриархом Афанасием, и приступил к обозрению святынь и поклонению им в Иерусалиме и окрестностях. Вместе с патриархом он служил в великом храме Воскресения, равно как с благословения патриарха, и в других знаменитых храмах на Сионе, в Вифлееме, Гефсимании, на Елеоне, в Вифании. Во всех этих храмах, как и других посещенных им святых местах, Савва щедро раздавал милостыню и вносил жертвы на поддержание, устроение и украшение святых храмов.

Святой Савва ходил на Иордан видеть место Богоявления и в пещерную церковь Иоанна Крестителя, а оттуда опять в Иерусалим через обитель святого Герасима. После некоторого отдыха он отправился в знаменитую лавру своего соименника, святого Саввы Освященного, где с почетом был принят братией. Оттуда путешествовал он к Мертвому морю, посещал пещеры молчальников и беседовал с ними. Посетил он также обитель Великого Евфимия и Феодосия Киновиарха. Возвратившись в Иерусалим, оттуда он снова путешествовал в разные места: и в Назарет, и на Фавор.

Живя в Иерусалиме, обходя обители и другие замечательные места, святой Савва старался приобрести полезное и для себя, и для своего отечества. Он изучал уставы и правила церковные, приобретал книги, беседовал с просвещенными иерархами и подвижниками о делах церковного управления и душевного спасения. Сверх того, для отечества своего он приобрел много святых мощей и церковной утвари.

Обозрев Святую землю и поклонившись святыням, Савва направился к греческому царю Иоанну Ватаце, имевшему местопребывание еще в Никее, где Савва ранее посетил прежнего царя Феодора Ласкариса, тестя Ватацы. Святой Савва

был радушно принят царем особенно же царицей, которая и ранее при своем родителе видела святого Савву и питала к нему великую любовь и почтение. Царь и царица щедро одарили сербского архиепископа казной и дорогою утварью для святых церквей. С честью был отпущен Савва на царском корабле с военною охраною. Он отправился на святую Афонскую гору, где посетил Ватопед, в котором принял пострижение, Ивер и монастыри, главным же образом пребывал в своем сербском Хиландарском монастыре. Рады были на Афоне видеть своего прежнего сподвижника и собрата все святогорцы. По обычаю, святой Савва благотворил щедро церквам, инокам и нищим как из своих средств, так и из пожалованных греческим царем и царицей.

Со святой Афонской горы Савва направился в город Солунь, где независимо от Никейского царя, держал власть также именовавший себя царем Феодор из фамилии Ангелов. И для этого властителя, и для Сербии было важно соблюдать мир в смутные времена, и потому святой Савва был радушно принят Феодором и это посещение Саввою Солуня принесло немалую пользу Сербии.

Оттуда Савва отправился в свое отечество. Весть об этом побудила сербского короля Радослава выйти навстречу Савве в сопровождении духовенства, вельмож и народа. Радостна была эта встреча и для святого Саввы, и для сербского народа, во главе с государем.

Отдохнув от долгого странствования в Студеницком монастыре при гробе своего родителя, святого Симеона Мироточца, архиепископ Савва усердно принялся за дела веры и церкви.

Прежде всего он созвал духовный собор в Студенецкой лавре на память кончины своего брата, Стефана Первовенчанного, в иночестве Симеона. После богослужения и особенного молебствия святой Савва приказал открыть раку усопшего, в которой и были обретены нетленные мощи, наполнившие храм благоуханием. Велика была всеобщая радость о сей новой милости Божией. Тогда же решили торжественно перенести святые мощи в общую задушбину

Стефана Первовенчанного и святого Саввы в новосозданный ими кафедральный монастырь Жичу.

После этого святой Савва отправился обозревать епархии всей своей архиепископии сербской, творя владычный суд, исправляя недостатки, поучая вере и благочестию и щедро раздавая милостыню неимущим и убогим, и благотворя церквам и монастырям. Никто не оставлен был Саввою в сем странствии без поучения и наставления: и вельможи, и воины, и простые люди слышали от него мудрые уроки христианской жизни.

Но святому Савве пришлось испытать и тяжелые огорчения. Произошла междоусобная распря между королем Радославом и его младшим братом Владиславом, который беззаконно восстал на старшего брата. Король Радослав сначала пользовался любовью народа, но потом некоторыми недобрыми поступками, особенно в своей семейной жизни, он вызвал к себе нерасположение: многие вельможи отложились от него и приняли сторону возмутившегося младшего брата. Радослав был свергнут с престола, изгнан и бежал в Драч на Адриатическое море, откуда, испытав насилие от одного франкского латинского властителя, должен был бежать. Прибежище и защиту он нашел у своего дяди, архиепископа Саввы, который убедил его после бурной мирской жизни искать успокоение в жизни иноческой: Радослав пострижен был Саввою в иночество под именем Иоанна и, подвизавшись недолгое время, скончался.

После смерти Радослава святой Савва венчал королевским сербским венцом младшего племянника Владислава, признанного теперь всеми сербами. Владислав благоговейно относился к своему дяде, слушался его наставления и тщился в делах благочестия подражать отцу своему и деду. С благословения святого Саввы он выстроил себе задушбину, величественный храм Вознесения Господня в Милешеве.

Много и с любовью трудился святой Савва для блага сербской церкви, много он сделал добра и принес пользы как владыка – архиепископ; но душа его все-таки стремилась к святым дальним местам и подвигам в отшельническом уединении. И вот, отдаваясь своему внутреннему влечению, он

решает сложить с себя бремя архиепископства и снова пуститься в странствие на восток. Мысль свою он сообщает прямо Владиславу, епископам и вельможам. Все горячо упрашивают его не покидать своей паствы, но святой Савва остается непреклонным, он говорит, что должен посетить такие святые места, в которых еще не был, а затем, возвратившись, он будет до конца дней пребывать с ними в безмолвном подвижничестве.

Собрав церковный собор, он выбрал достойнейшего из своих учеников иеромонаха Арсения и рукоположил его в сербские архиепископы на свое место, а сам, наставив паству, снова пустился в дальнее странствование.

И на этот раз он держал свой путь морем из Далмации. На морях тогда везде было много морских разбойников. Распространился слух, что Савва везет с собою великие богатства. Разбойники подстерегали корабль Саввы и готовы были напасть, но, по горячей молитве Саввы, корабельщики его удачно избежали подстерегавших разбойников и приплыли в безопасную пристань Бриндизи в Италии. Разбойники раскаялись и, прибыв в ту же пристань, просили прощения у святого Саввы. Отправившись в дальнейшее путешествие, святой странник подвергся новой опасности. Поднялась страшная буря. Корабельщики отказались управлять кораблем и ждали только помощи свыше. Все единодушно они обратились к Савве, прося его молитв и заступничества. Савва горячо помолился Господу Богу, воздевая руки к небу против ветра, поддерживаемый корабельщиками. И Господь услышал его молитву: внезапно буря стала утихать, и все воздали благодарение Господу Богу и святому Савве. Когда прибыли в приморский город Палестины Акру, святой Савва остановился здесь на подворье лавры Саввы Освященного, которое ранее он выкупил у франков. Слава о чуде укрощения молитвою Саввы бури на море от корабельщиков распространилась в народе, и многие стремились видеть чудного старца и получить от него благословение.

Из Акры святой Савва направился в Иерусалим морским же путем на другом корабле через Великую Кесарию и Иоппию, или

Яффу.

В Иерусалиме он остановился в монастыре святого Иоанна Богослова, который он ранее еще выкупил и передал для заведования инокам лавры святого Саввы Освященного. С иноками сей лавры, радостно встретившими его, он отправился в храм Воскресения Христова для поклонения святыне. Там он увидался с иерусалимским патриархом Афанасием, который подробно расспрашивал его о путешествии, о родине святого Саввы, о войне и мире в пройденных им странах. Святой Савва участвовал в богослужении вместе с патриархом, который при сем случае пророчественно говорил присутствующим о заслугах, благодеяниях и чудотворениях Саввы.

В Иерусалиме Савва был уже известен, и новое появление его здесь привлекало к нему много народа, искавшего его молитвы и благодеяния.

Утвердив свое местопребывание в монастыре святого Иоанна Богослова, святой Савва посещал святые места, беседовал с подвижниками, из коих многие издавна были ему знакомы, особенно в лавре святого Саввы. Но поклонением Иерусалимским святыням Савва не ограничился. Из Иерусалима он предпринял несколько дальних путешествий. Так, он пожелал посетить египетскую Александрию.

Здесь он благосклонно и с честью был принят Александрийским патриархом, который имел уже некоторые сведения о знаменитом сербском архиепископе, а теперь при личной встрече подробно расспрашивал об его отечестве. Святой Савва в Александрии посетил святые церкви, поклонился святыням и всюду делал приношения, а в патриаршей кафедральной церкви вписал свой род в церковный синодик, сделав богатый вклад. С патриархом они обменялись богатыми дарами.

Получив от патриарха благонадежных и знающих руководителей из иноков, святой Савва отправился путешествовать по пустыням, прилегающим к Александрии, чтобы видеть пустынническое подвижничество и побеседовать с отшельниками; он побывал в Мареоте и в пустынях Ливийских. С любовью и смирением он искал и принимал поучения от

молчальников, подвижничество которых всеми прославлялось как совершеннейший путь к спасению. Оттуда он прошел в Фиваиду и в Черную Гору, славившуюся скитническим подвижничеством, побывал в некоторых местах Сирии и даже Персии, и, наконец, возвратился в Иерусалим.

После некоторого отдохновения он отправился в новое путешествие – на Синай. Пройдя долину Иорданскую, он достиг Вавилона, где поклонился гробам трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила. Местный султан отнесся к нему благосклонно и дал проводников к султану египетскому, который также оказал святому Савве внимание и проводил на гору Синай.

На Синае святой Савва принят был радушно Синайским епископом и поселился при монастыре Пресвятой Богородицы. На Синае святой Савва пробыл в подвигах целую святую Четыредесятницу, поклоняясь святыням и изучая тамошнюю подвижническую жизнь и молясь в сем святом месте о своем отечестве.

С Синая святой Савва снова возвратился в Иерусалим. После некоторого отдохновения он вновь обозрел все святыни и поклонился им, а затем стал готовиться к новому путешествию. Сердечно простившись с иерусалимским патриархом Афанасием и с игуменом лавры Саввы Освященного Николаем, равно как со всем патриаршим клиром и братиями монастырей, святой Савва направился в город Антиохию, где был радушно принят антиохийским патриархом. Посетив святые церкви в самой Антиохии, святой Савва совершил путешествие для поклонения гробу святого Симеона на Дивной горе.

Из Антиохии Савва направился в Царьград через Армению и Анатолию. Сухопутное путешествие он совершил благополучно, на море же его постигла тяжкая болезнь. Спутники трепетали за его жизнь, уговаривали его принять пищу, ибо несколько дней он ничего не вкушал; но Савва не мог принять никакой пищи, кроме свежего чего-либо. Но берега были далеко, и кормчий корабля грубо отказал в остановке для означенной цели. Спутники Саввы сообщили ему о сем, но он успокоил их, говоря, что на все есть воля Божия, и сетовать не должно. Вдруг в это время волною выкинуло на корабль к тому

самому месту, где лежал болящий Савва, большую живую рыбу. Савва, указывая на нее, сказал:

– Вот и послал нам Господь Бог потребное!

Рыба была приготовлена, и все бывшие на корабле ею напитались. Святой Савва, подкрепившись свежею пищею, встал совершенно здоровым, а устыженный происшедшим кормчий просил прощения у владыки.

Прибыв в Царьград, святой Савва, прежде всего, направился в монастырь Пресвятой Богородицы Евергетиссы, где имел свое помещение для пребывания. Затем отсюда он отправился в средину города к храму святого апостола Андрея, где имел переговоры по разным делам с правившими тогда Царьградом латинскими магистрами.

Из Царьграда обычный путь для святого Саввы лежал, по-видимому, на Святую гору, чтобы оттуда возвратиться в отечество. Но Богу угодно было путь его направить иначе. Святой Савва из Царьграда морем доехал до города Месемврии на Черном море, а оттуда пошел в болгарскую столицу, город Тернов, к своему свату, болгарскому царю Иоанну Асеню, дочь которого была за сербским королем Владиславом, племянником святого Саввы. Болгарский царь устроил торжественную встречу Саввы и с великою честью принял его в столичном городе Тернове, предоставив в его пользование собственные палаты и слуг. Святой Савва накануне праздника Богоявления святил крещенскую воду в кафедральном храме сорока мучеников, а наутро служил вместе с патриархом болгарским.

Вскоре болгарский царь, приняв благословение святого Саввы, выехал из города ради охоты; между тем святой Савва тяжко заболел и чувствовал приближение кончины.

Он собрал около себя своих учеников и спутников и сделал предсмертные распоряжения. Во время своего путешествия по Востоку он собрал множество святынь и драгоценных вещей для своего отечества: святых мощей, сосудов, книг, риз и иной утвари церковной; многое из этих предметов он получил в дар, многое приобрел покупкою. Все сии сокровища он распределил

точно, что куда следует отдать, и послал вперед себя в отечество.

Между тем болезнь усиливалась. В один субботний вечер Савва призвал своих учеников и велел им почить на некоторое время, потому что потом предстоит им бодрствовать более. В полуночи святой Савва исполнился особенной духовной радости и в горячей молитве к Господу ждал своей кончины, которая засим вскоре и последовала в присутствии его учеников.

Благоговейно обрядив тело почившего, ученики стали заботиться о погребении. Немедленно послано было извещение царю болгарскому, который приказал патриарху болгарскому Иоакиму торжественно похоронить святого Савву в храме сорока мучеников в Тернове, что и было исполнено со славою и честью. Царь приказал по случаю погребения сербского архиепископа раздать из своей казны большую сумму золота нищим и убогим. Сам святой Савва пред смертью своею завещал так же вклады и вещами и казною на свое погребение и поминовение в храм сорока мучеников.

Спустя немного лет по преставлении святого Саввы преемник его, архиепископ сербский Арсений, и сербский король Владислав решили перенести прах покойного первого сербского архиепископа из Тернова в отечество. Король отправил посольство к тестю с просьбою о разрешении перенести останки почившего пастыря. Но болгарский царь Иоанн, патриарх и народ никак не хотели отпустить и для них драгоценный гроб. Они отвечали, что если бы гроб оставался в небрежении, то сербы могли бы требовать перенесения праха, между тем гробница находится в главном храме, богато украшена и окружена всяческим попечением.

Владислав отправил второе посольство, но и оно не имело успеха. Тогда он решил отправиться к тестю лично, в сопровождении вельмож и епископов. Но и личное прошение Владислава сначала не могло склонить болгарского царя на отпуск тела святого Саввы. Как ни ласково, ни почтительно царь Иоанн принял своего зятя, он все-таки не хотел расстаться с дорогим и для болгар гробом. Только ниспосланное свыше

ночное видение царю Иоанну заставило его не противиться просьбе сербского короля и народа. Царь Иоанн после видения уразумел, что здесь воля Божия, а не человеческая.

Торжественно совершено было перенесение праха святого Саввы. Когда, готовясь к подъему и перенесению, открыли гроб, то обрели тело нетленным. Приспособив все тщательно к далекому путешествию, после молебствия, подняли святые мощи и пустились в путь. Король Владислав дивился, как все скоро и благоприятно устроилось, ибо царь болгарский, поощренный видением, хотя и решился отпустить тело Саввы, но все еще не вполне освободился от своего неудовольствия.

Но вскоре после унесения мощей один расслабленный чернец по имени Неофит прилег на деревянных досках, которые были при гробе святого Саввы; прикосновение к сим древам принесло ему внезапное исцеление. Сие чудо принесло великую радость болгарскому народу: чудотворная сила святого Саввы сохранилась на месте его погребения и по унесении его святых мощей. И после совершалось много чудес на месте, где стоял гроб святого Саввы в храме сорока мучеников.

Когда шествие со святыми мощами приблизилось к пределам Сербии, архиепископ Арсений, с епископами и прочим духовенством, равно как бояре и множество народа, вышли в сретение, воспевая духовные песнопения с духовною радостью и весельем.

С чувством глубокой радости и утешения все лобызали нетленные мощи святого Саввы и торжественно принесли их в монастырь Милешево, только что построенный сербским королем Владиславом как его задушбина. Здесь был уже уготован Владиславом честный гроб для положения мощей святого Саввы, к которым стало стекаться множество народа со всех концов сербской земли.

Немного времени спустя было явление святого Саввы одному из учеников его; святой Савва объявил, что с того времени, как Господь взял его от мира земного, ему не надлежит жить в гробе, а лежать в церкви на видение всем.

Тогда вновь вынули мощи его из земли и положили в деревянном ковчеге и поставили посреди великой церкви.

Святой Савва при своей долгой святой жизни совершил много благих дел и для отдельных людей, и главным образом для своего отечества Сербии, укрепив в нем веру и благочестие, создав церковную иерархию и правильное церковное управление, дав пример и образец подвижничества. Все свои заветы он предал в своих немалочисленных письменных трудах.

И люди, жившие с ним в одно время и во все последующие времена, не только одни сербы, но и все православные чтили и чтят этого святого, великого благодетеля и покровителя земле сербской и всего Православия.

Тропарь, глас 3:

Пути, вводящаго в жизнь, наставник, и первопрестольник и учитель был еси, первее бо пришед святителю Савво, отечество твое просветил еси и, породив тое Духом Святым, и яко древа маслинная в мысленнем раи насадил еси всеосвященная твоя чада. Тем яко Апостолом и святителем сопрестольна чтуще тя молим: моли Христа Бога даровати нам велию милость.

Кондак, глас 8:

Яко первосвятителя великаго и апостолов сообщника, Церковь прославляет тя людей твоих, преподобне, но яко имея дерзновение ко Христу Богу, молитвами твоими от всяких нас бед спасай, да зовем ти: радуйся отче Савво Богомудре.

Страдание святого мученика Петра Авесаламита

Память 12 января

Петр, называемый Авесаламитом, уроженец Елевферопольской[504] страны, был схвачен при наступлении гонения на христиан[505] в городе Авлоне[506]. Когда его привели на допрос к правителю Северу, тот спросил:

– Как тебя зовут?

Петр отвечал:

– По отцу меня зовут Авесаламит, духовное же имя, полученное мною при крещении, – Петр.

– Какого ты рода? – спросил правитель.

Петр отвечал:

– Я христианин.

– Какого ты звания? – спросил правитель.

– Высшего и лучшего звания, чем звание христианина, я не могу иметь, – отвечал Петр.

– Есть ли у тебя родители? – спросил правитель.

– Нет, – отвечал Петр.

– Ты лжешь, – сказал правитель, – ибо я слышал, что у тебя есть родители.

– В Евангелии мне дано повеление, – отвечал Петр, – отрекаться от всего, когда я иду на исповедание имени Господня (Лк.14:26; Мф.10:37, 19:29; Мк.10:29–30; Лк.18:29–30).

– Известно ли тебе царское повеление? – спросил правитель.

– Я знаю, – отвечал Петр, – то, что повелел мой Бог истинный и вечный Царь.

Правитель сказал:

– Всемилостивые цари[507] повелели, чтобы все христиане или принесли жертвы богам, или были погублены посредством разных казней.

Петр отвечал:

– А истинный вечный Царь заповедал, что если кто принесет жертву идолам, а не живому Богу, тот погибнет навеки.

Рассуди по справедливости: можно ли нарушить эту заповедь Небесного Царя?

– Послушай меня, – сказал правитель, – принеси жертву богам и исполни приказание наших царей.

Петр отвечал:

– Я не принесу жертвы изделию человеческих рук – богам деревянным и каменным, которым вы подобны.

– Ты оскорбляешь нас, – возразил правитель. – Разве ты не знаешь, что я могу предать тебя смерти?

– Я не оскорбляю тебя, – отвечал Петр, – но говорю то, что написано в законе Господнем: «А их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих: у них есть уста, глаза, ноздри, уши, руки и ноги, но не говорят; не видят; не обоняют, не слышат, не осязают, не ходят». Господь говорит в Писании: «Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них» (Пс.113:12–16). [508] Если же Дух Святой от Господа сказал сие через уста пророков, то как же ты говоришь, будто бы я оскорбил тебя, назвав подобным глухим и немым, каменным и деревянным идолам, – и даже еще и мне советуешь, чтобы я сделался подобным тебе.

Правитель сказал:

– Послушайся меня, пожалей сам себя и принеси жертву богам.

Петр отвечал:

– Именно тогда я и пожалею себя, если не принесу жертвы вашим богам и не отступлю от истины. Но так как ты – неверный, то поэтому и не веришь ни мне, ни закону Божиему, – что если кто принесет жертву богам, то погибнет. Но что же ты медлишь? – делай, что тебе приказано.

– Я еще жду, – отвечал правитель, – пока ты раздумаешь, принесешь жертву богам и тем избавишься от мучений.

– Напрасно ждешь, – отвечал Петр; делай, что замыслил делать, исполняй волю отца своего – дьявола, ибо я не исполню вашей воли, и не допустит меня сделать это Господь мой Иисус Христос, Которому я усердно служу.

Правитель приказал повесить его и потом сказал ему:

– Что скажешь, Петр? – Принесешь или нет жертву богам?

– Дай железные когти, – отвечал Святой, – строгай меня, ибо я не один раз говорил тебе, что не принесу жертвы никому, кроме Единого Бога моего, за имя которого я страдаю.

Правитель Север приказал жестоко мучить его. Доблестный мученик Божий не издал при этом ни одного стона, но только воспевал:

– «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей» (Пс.26:4) [509].

И еще воспевал:

– «Чашу спасения прииму и имя Господне призову» (Пс.115:4)[510].

Когда он говорил так, правитель пришел в еще большее раздражение и призвал других палачей. Стоявший вокруг народ, видя текущую по земле в большом количестве кровь, соболезнуя о святом, говорил:

– Пожалей себя и принеси жертву богам, чтобы избавиться от этих лютых мучений.

– Эти муки, – отвечал Святой Петр, – ничто и не причиняют мне никакой боли. Если же я отрекусь от моего Бога, то тогда я действительно впаду в тягчайшие и бесконечные мучения.

Правитель сказал:

– Что это говоришь ты, Петр? Принеси жертву богам, чтобы не раскаяться после, когда уже будет поздно.

– Не раскаюсь и не принесу жертвы, – отвечал Петр.

– Я предам тебя смерти, – сказал правитель.

– Этого именно я и желаю, – чтобы умереть за Бога моего, – отвечал Петр.

Тогда правитель произнес над ним следующий смертный приговор:

– Петра, пренебрегшего ради закона Бога своего повелением непобедимых царей, приказываю распять на кресте.

Так доблестный воин Христов, оканчивая свой подвиг, удостоился сделаться, через распятие на кресте, причастником страданий Владыки[511]. Мученик Христов Петр Авесаламит пострадал в городе Авлоне, когда в Риме царствовал

Максимиан, над всеми же – Господь наш Иисус Христос, Которому слава вовеки, аминь.

Память святого мученика Мертия

Память 12 января

Святой мученик Мертий был воином при Диоклетиане. Во время похода против мавров[512] начальник стал принуждать его принести жертву идолам. Святой Мертий отказался повиноваться, за что и предан был жесточайшим истязаниям, которые претерпевал столь мужественно, что мучитель, пораженный ужасом и удивлением, впал в исступление: мучения продолжались до тех пор, пока на теле святого не осталось целого места; все оно покрыто было рубцами от ударов и ранами. Брошенный затем в темницу, мученик Христов восемь дней томился здесь от голода и жестокости тюремщиков. После того, помолившись Господу, святой страдалец воскликнул: «В руки Твои, Сыне Божий, предаю дух мой» – и отошел ко Христу, ради Которого доблестно пострадал.

Страдание святых мучеников Ермила и Стратоника

Память 13 января

В царствование Ликиния[513], нечестивого и весьма ревностного идолопоклонника, всем христианам угрожала мучительная смерть. Их разыскивали по всем странам, городам и селениям. И всякий, кто, найдя христианина, доносил о нем царю, входил через то в милость к нему и удостаивался великих почестей. Поэтому все, из угождения царю, начали разыскивать и преследовать христиан.

Однажды, когда Ликиний сидел на троне и производил суд, один воин подошел к нему и сказал:

– Есть здесь христианин по имени Ермил, имеющий среди христиан сан диакона; давно уже служа Христу, он смеется над нашими богами и над тобою, царь, и не хочет знать тебя.

Услышав это, царь повелел отыскать и схватить Ермила. Святой молился, воздевая руки к Господу Богу своему, когда пришли к нему посланные от царя. Узнав, что его берут на суд и мучение за Христа, он возрадовался и возвеселился, и последовал за воинами не как насильственно ведомый, но – с бодрою поспешностью, как будто бы шел для получения почестей. Полный благородного мужества, предстал он пред царем. Увидев его, Ликиний спросил:

– Скажи нам, точно ли ты христианин, как мы слышали о тебе?

– Я, – отвечал Ермил, – не только свободно признаю себя христианином, но заявляю, что я посвящен пред невидимым Богом и предстою пред Ним в сане диакона.

– Будь же диаконом, то есть служителем[514], и наших богов, – сказал царь.

На это предложение царя мученик с презрением ответил:

– Мне думается, царь, – ты или глух, или безумен. Я сказал тебе, что служу невидимому Богу, а не тем вашим идолам, которые, будучи видимы, сами ничего не видят и не понимают, что значит быть диаконом. В обольщении ты почитаешь их за

богов, между тем как они суть бездушные и глухие камни и деревья, изделия рук человеческих, которые больше заслуживают того, чтобы над ними смеялись, чем – чтобы поклонялись им.

Царь не мог более слышать свободных речей мученика и тотчас приказал бить его по ланитам особенными медными орудиями, заранее приготовленными для мучения, и при этом – приговаривать:

– Не будь, Ермил, дерзок языком, почитай царя, принеси жертву богам и избавь себя от мучения.

Святой же, казалось, не только не чувствовал никакой боли во время сильнейших побоев, но еще смеялся над бессилием мучителя. Потом, возвысив голос, он громко сказал царю;

– Множество ран примешь ты сам и страшную руку Божию познаешь на себе за то, что, оставив своего Создателя, обращаешься к глухим и немым богам, в особенности же – за то, что и других, как бы завидуя их спасению, хочешь насильственно привести к такой же погибели.

После этого царь повелел отвести святого Ермила на три дня в темницу, рассчитывая, что он одумается и раскается в своей смелости. Мученик же по дороге воспевал:

– «Господь за меня – не устрашусь: что сделает мне человек?» (Пс.117:6). «На Бога уповаю, не боюсь; что сделает мне плоть» (Пс.55:5).

При входе же в темницу он воспел:

– «Пастырь Израиля! Внемли; водящий, как овец, Иосифа, восседающий на Херувимах, яви Себя, и приди спасти нас» (Пс.79:2–3).

И Господь не забыл раба Своего, но послал для утешения и укрепления его Ангела, который, явившись, сказал ему:

– Ермил! Будь мужествен, говори, не умолкай и не бойся, ибо скоро ты одержишь победу над замыслами мучителя и получишь за страдание пресвятый венец свыше.

Так Бог, вооружив Своего воина на подвиг, опоясал его силою, укрепил руки его на борьбу и дал мышцам его как бы медный лук и щит спасения.

По прошествии трех дней царь снова потребовал Ермила на суд и сказал ему:

– Раскаялся ли ты и согласен ли принести жертвы богам, чтобы освободиться от предстоящих тебе мук? Или ты все еще одержим безумием и сам готовишь себе погибель?

Воин Христов, во славу укрепившего его Господа, мужественно отвечал на это:

– Царь! Я уже сказал тебе раз, и тебе следовало бы удовольствоваться моими первыми словами и более не спрашивать меня. У меня есть Бог небесный; Им Одним я живу, Ему готов принести себя самого в жертву, и от Него ожидаю получить великую помощь себе.

– Посмотрю я, поможет ли тебе Живущий на небе, – сказал царь, и тотчас приказал шести сильным и жестоким воинам растянуть его на земле и нещадно бить.

Святой терпеливо переносил мучение, – как будто бы били не его, – и так молился Богу:

– Господи Боже мой! Ради меня Ты претерпел раны и побои при Понтийском Пилате[515]; укрепи же меня Сам в моих страданиях за Тебя, пошли мне силу перенести эти муки, чтобы через участие в страданиях Твоих сделаться мне достойным быть участником и вечной славы Твоей.

Когда Святой молился так, вдруг внезапно послышался голос с неба, который говорил:

– Аминь, аминь, Ермил! Через три дня ты избавишься от этих мучений и получишь великую награду за свои страдания.

Этот голос придал мученику великое мужество и силу, на мучителей же навел великий страх и трепет; они пали на землю и не могли ничего делать. Пришел в трепет и царь, однако, не хотел признать силы Божией. По его приказанию святой мученик снова был отведен в темницу.

Сторожем темничным, которому было поручено стеречь мученика, был Стратоник. Он был тайным христианином и другом святого Ермила. Сердце его сокрушалось при виде страданий мученика, но в то же время он радовался в душе его мужеству и твердости, лишь не решался сам пойти на такие страдания.

Входя в темницу, святой Ермил пел:

– «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс.26:1)

Небесный свет свыше озарил его, и опять послышался голос, который призывал мужественно переносить страдания и обещал конец их по прошествии трех дней.

Поутру на другой день царь снова призвал святого на судилище. Он предстал пред ним со светлым лицом, веселым взором и с радостью в сердце. Мучитель, качая головой и смеясь над мучеником, сказал:

– Отвечай нам, – какую пользу принесла тебе мрачная темница? Убедили ли тебя перенесенные страдания подчиниться царскому закону и воздать богам приличествующую им честь? Или нужно будет придумывать еще мучения против упорства твоего сердца?

– Мрачная темница, – отвечал мученик, – просветила меня; на душе у меня покойно, радостно и светло, что подает мне добрую надежду на получение будущей награды; и я весьма удивляюсь, почему нисколько не рассеивается тьма, в которую ты погружен и которая скрывает истину от твоих душевных очей.

Когда святой обличал таким образом заблуждение царя, Ликиний воскликнул:

– Ты, как видно, ни к чему другому не способен, как только к тому, чтобы, по невоздержности своего языка, по дерзости и безумию, открыто глумиться надо мною. Отвечай же и говори прямо, принесешь ли жертву богам и подчинишься ли нашему приказанию, или же подвергнешь себя заслуживаемым тобой мучениям?

– Ты уже слышал, царь, что я отвечал, – сказал мученик Христов Ермил, – и ничего не услышишь от меня более; делай, что хочешь, исполняй – что задумал.

Разгневанный Ликиний приказал растянуть святого нагим на земле и бить палками по животу. Святой среди истязания имел одну радость – во Христе и молился, возводя к Нему душевные очи:

– «Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне» (Пс.69:2).

Терпение святого привело мучителя в еще большую ярость, и он приказал терзать живот его орлиными когтями:

– Пусть видит, – сказал он, – своими глазами внутренности свои.

Мученик же говорил:

– «Сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому» (Пс.83:3). «Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои» (Пс.62:6).

Стратоник, смотря на такие нечеловеческие мучения святого Ермила, своего друга, и на растерзание утробы его, начал плакать.

Увидев это, некоторые из окружающих тотчас донесли царю, говоря:

– Темничный сторож Стратоник не скрывает своего участия в христианском заблуждении и своей дружбы с Ермилом, потому что жалеет и плачет о нем.

Царь, призвав Стратоника, спросил: «Друг ли ты Ермилу?» Стратоник не желая, как ученик истины, говорить неправды, и видя, что настало для него время совершить подвиг, назвал себя другом Ермила и христианином, обличил бездушие идолов и безумие поклоняющихся им и прославил Единого Бога, Творца неба и земли. Разгневанный царь приказал обнажить Стратоника и бить его палками по всему телу. Среди мучений страдалец возводил очи к своему другу, святому Ермилу, и говорил:

– Молись обо мне Христу, Ермил, чтобы Он помог мне твердо и непоколебимо соблюсти веру и возвыситься над своими мучителями.

При этом он убеждал Ликиния перестать поклоняться слепым и бездушным идолам и бояться наказания от истинного Бога, в руки Которого впасть страшно (Евр.10:31).

Святого били до тех пор, пока он не замолчал в изнеможении от ран. После этого царь приказал обоих – и Стратоника и Ермила – заключить в темницу. Святой Стратоник молился и говорил:

– «Не помяни грехов моих предков» (Пс.78:8).

И оба взывали к Богу:

– «Помоги нам, Боже, Спаситель наш, ради славы имени Твоего» (Пс.78:9).

В ответ на это послышался Божественный голос, который говорил:

– Вы совершили течение, сохранили веру, и вам уготован венец правды (ср. 2Тим.4:7–8), который получите поутру.

С наступлением утра Ермил был снова приведен на судилище, и Ликиний спросил его:

– Принесешь ли жертву богам?

– Что прежде говорил тебе, – отвечал святой, – то повторю и теперь. Жги, секи, и – как хочешь – мучь меня, ибо я привык не бояться убивающих тело, души же не могущих убить (ср. Мф.10:28).

Мучитель приказал повесить святого на дереве и резать ножами тело его. Среди жестоких мучений святой непрерывно молился и говорил:

– Будь мне Помощником, Господи, Спаситель мой!

– Не бойся: с тобою Я, Бог твой! – услышал он голос свыше.

После этого царь осудил святого Ермила на потопление в реке Истре[516]. Он увещевал потом и святого Стратоника принести жертву богам.

– Иначе и ты, окаянный, – говорил он, – пострадаешь подобно своему другу.

Блаженный Стратоник отвечал:

– Действительно, я был бы окаянным, если бы послушался твоего безумного приказания. Как же я могу желать жизни, когда мой друг умрет за Христа?

– Что же? Разве ты хочешь умереть с Ермилом? – спросил Ликиний.

Святой Стратоник отвечал:

– Весьма хочу! Истинным друзьям надобно вместе и бедствия переносить, и благами наслаждаться. Что же для нас приятнее страданий и смерти за Христа?

Потеряв всякую надежду на успех, Ликиний осудил и святого Стратоника на такую же смерть, – чтобы его утопили в

воде вместе со святым Ермилом. Обоих святых мучеников повели к реке. По дороге они радостно пели:

– «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!»[517]

Когда воины привели их к реке Истре, то положили их в сети и бросили в глубокое место; и таким образом река приняла тела святых мучеников, Небо же вселило в свои обители души их[518]. На третий день верующие нашли на берегу их святые тела и с честью похоронили их на расстоянии восемнадцати стадий от города Сингидона[519]. При этом их положили в одном гробе, чтобы у них все было: общее исповедание Христа, общая темница, общие мучения, общее потопление, общее погребение тел их, общая и слава на небе благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие святого Иакова, епископа Низибийского

Память 13 января

Святой Иаков родился в городе Низибии[520], находившемся в пределах области, переходившей то в руки римлян, то персов, а во время рождения сего святого мужа принадлежавшей римлянам. Придя в возраст, святой Иаков удалился в пустыню и жил на высоких горах. Весну, лето и осень он проводил в лесах под открытым небом, на зиму же поселялся в одной пещере, в которой и укрывался от мороза. Пищей ему служило то, что земля рождала сама по себе, без какой-либо обработки ее: он собирал плоды с лесных деревьев и съедобные коренья, подобные огородным, и подкреплял ими свою слабую плоть лишь настолько, чтобы только быть живу. Умерщвляя таким образом тело, угодник Божий непрестанно насыщал в то же время свою душу пищей духовною; он приуготовлял через очищение свой ум к боговидению, делая его зеркалом Святого Духа, и, как говорит Святой апостол, открытым лицом взирая на славу Господню, преобразовался в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа (2Кор.3:18). Через это у него постоянно увеличивалось молитвенное дерзновение к Богу, – и когда он просил у Бога чего-либо, тотчас получал: он провидел пророчески будущее, и ему была дана от Святого Духа благодать чудотворений. Из этих его чудес расскажем о некоторых немногих и откроем неведущим о сиявшей в нем Божественной благодати.

В то время неразумные люди поклонялись идолам и воздавали Божественную честь бездушным камням. Многие не только пренебрегали истинным богопочтением, но даже ненавидели тех, которые, будучи совершенными в добродетели, познали истину и, уклоняясь от идолослужения, смеялись над ничтожеством идолов и поклонялись Творцу всего. Тогда святой Иаков, оставив пустыню, отправился в Персию[521], чтобы посмотреть на новонасажденный сад святой веры и самому,

насколько возможно, потрудиться над распространением истинной веры.

Однажды, когда он переходил через встретившийся по пути поток, несколько девиц, мывших одежды, с высоко обнаженными ногами, смотрели на одетого в необычные одежды пустынника бесстыдным взором, не стыдясь ни его почтенного вида, ни своей наготы, и стояли пред ним с наглостью, не покрыв своих голов. При виде такого бесстыдства, святой разгневался, желая проявить через наказание их силу Божию, а также – посрамить идолопоклонство нечестивцев через совершение чуда, он проклял источник, из которого выходил поток; источник и поток тотчас же высохли, так что в них не осталось ни капли воды. Проклял он также этих девиц и наказал их бесстыдную юность внезапною старостью. По чудодейственному слову святого, черные волосы на их головах тотчас поседели, и они сами вдруг состарились, изменившись подобно листьям на молодых деревьях, когда вдруг поразит их мороз. При виде внезапного исчезновения воды и появления на каждой седины, девицы пришли в ужас и, придя в город рассказали всем об этом.

Увидев чудо, граждане пошли к великому чудотворцу, святому Иакову, и стали усиленно просить его сжалиться над ними и возвратить им воду. Просьбы их тронули святого, он помолился Богу, и источник снова наполнился водою, и по-прежнему стал течь поток. Народ просил святого, чтобы он помиловал также девиц и, вместо преждевременной старости, снова возвратил им молодость. Святой готов был и это сделать; но когда спросил, где девицы, то их не оказалось, ибо они не пришли к святому с раскаянием. За такую нераскаянность он так и оставил их в наказании, чтобы они помнили о чудесной силе Божией, и для того, чтобы и другие поучались из этого целомудрию и благопристойности.

Таково было чудо этого нового Моисея, которое он совершил не ударом жезла, но знамением святого Креста. И более, чем чуду, следует удивляться его кротости, именно – тому, что он не послал, подобно великому пророку Елисею (4Цар.2:24), медведиц для растерзания бесстыдных девиц, но,

уча их благонравию и богобоязненности, ограничился только незначительным наказанием – уменьшением красоты их наружности. Говорим это отнюдь не в поношение гневу пророка, а лишь – чтобы показать, что Святой Иаков имел ту же чудотворную силу, как и пророк, но обнаруживал он ее в духе благости Христовой и соответственно Новому Завету.

Однажды святой Иаков увидел, что персидский судья неправедно осудил невинного человека. Он опечалился и, обличая беззаконие судьи, повелел разбиться и рассыпаться в прах одному большому камню, находившемуся поблизости. Все, видевшие это, ужаснулись. Пришел в страх и сам неправедный судья; он раскаялся в своем грехе и переменил свое решение на другое – справедливое. И здесь чудотворец поступил так из подражания своему Господу. Христос, желая показать, что Он добровольно идет на страдания, и что, если бы захотел Он, легко мог бы погубить Своих убийц, однако, не погубил их, но обнаружил Свою силу тем, что по одному Его слову засохла смоковница (Мф.21:19). И святой Иаков подражая милосердию Господа, не судью неправедного предал казни, но сокрушил камень и через то научил судью правосудию. Такие чудесные дела святого снискали ему славу и общее почтение, и он, против своего желания, был избран в епископа жителями его родного города Низибии; сам он не искал такого высокого сана, даже уклонялся от него, уступив лишь усиленным просьбам верующих.

Оставив свое уединенное, пустынное житие и поселившись с соотечественниками, святой Иаков не переменил своей пищи и одежды; на новом месте он проводил прежний образ жизни и трудился даже больше прежнего. К посту, земным поклонам и ношению рубища прибавились теперь заботы о людях, – чтобы питать вдов и сирот, защищать притесняемых, всем помогать и всех учить добродетели. Но зачем подробно исчислять свойственные такому сану труды и заботы о людях? Об этом знают те, кто принимает на себя это иго, особенно же любящие и боящиеся Небесного Владыки, Который вручает им питание словесного стада. Чем больше трудился святой Иаков в

епископском сане, чем более совершал он добрых дел, тем более он собирал себе даров Святого Духа.

Однажды, когда святой шел в некоторое селение, по дороге к нему подошли нищие и стали просить милостыни на погребение умершего. При этом они показывали на лежащего при дороге мертвеца, который на самом деле был жив и лишь притворялся мертвым. Эти нищие, издали увидев идущего епископа, велели одному из них притвориться мертвым, чтобы с помощью такого обмана выпросить у епископа больше милостыни. Святитель подал им просимую милостыню и помолился об умершем, чтобы Бог простил ему грехи и упокоил душу его с праведными, и пошел своею дорогою. По уходе святого друзья мнимого мертвеца стали говорить ему, чтобы он встал; но тот лежал недвижимым, ибо и на самом деле был мертв и бездыханен. Нищие, увидев, что их ложь обратилась в правду, побежали за святым и, припав к ногам его, каялись в своем грехе. Ссылаясь, в свое оправдание, на бедность, они умоляли простить их и воскресить умершего. Чудотворец, следуя примеру милосердного Господа, простил их, и, по его молитве, умерший ожил. Это, как мы видим, подобно чуду апостола Петра, который поразил внезапной смертью Ананию и Сапфиру, согласившихся солгать Святому Духу и утаивших из цены проданного имущества (Деян.5:1). И святой Иаков отнял жизнь у человека, утаившего дух свой и ложно притворившегося мертвым. Но святой Петр предал смертной казни утаивших деньги, просвещаемый Духом Святым и зная о краже; Иаков же отнял жизнь у этого нищего своею молитвою, не зная о хитрости, ибо он ложно притворился мертвым. Петр не воскресил из мертвых скончавшихся по его слову Ананию и Сапфиру, ибо начало спасительной проповеди требовало устрашения нечестивцев, – чтобы и прочие имели страх, Иаков же, имея апостольскую благодать, наказал смертью только временно и потом утешил возвращением жизни.

Вскоре после того Арий, этот древнейший хулитель единосущия с Отцом Сына Божиего и Святого Духа, изощрил свой язык против Творца и смутил весь Египет. Тогда величайший из христианских государей Константин,

освободивший, как бы второй Зоровавель (Зоровавель – потомок Давида, был вождем еврейского народа; под его предводительством евреи вышли из плена вавилонского в свою родную страну) вселенную от языческого плена, воссоздавший ниспровергнутые на землю храмы Божии и возвысивший их, созвал первый Вселенский собор святых отцов в Никее[522]. Среди святых отцов собора был и святитель Божий Иаков, епископ Низибийский, который участвовал в защите православия и в отлучении Ария от Церкви.

Низибия, как мы сказали, была в то время под властью римских царей. По смерти же Константина Великого[523] персидский царь Сапор[524] пришел со всем своим войском и, осадив город Низибию, теснил его в течение долгого времени. Но, по молитвам святого епископа Иакова, усилия его оставались напрасными, и он не мог взять города. Тогда Сапор запрудил выше города камнями и землею реку, которая протекала через город и остановил таким образом ее течение. Когда же воды набралось много, он всю ее сразу вдруг пустил на город. От сильного напора воды стены города пали, часть города оказалась затопленною. Граждане города пришли в страх; персы же обрадовались, думая, что теперь город уже в их руках.

Однако они не нападали в тот день на город, потому что препятствовало наводнение, и решили на другой день утром сделать общий приступ. С наступлением же ночи все население города, возбуждаемое и одушевляемое своим епископом, принялось за исправление городских стен, и, с помощью его молитв, стены были возобновлены настолько, что в город нельзя стало проникнуть ни конному, ни пешему без лестницы. Тем не менее город легко мог быть взятым, если бы жители его не стали искать помощи свыше. Все стали умолять святого епископа Иакова, чтобы он взошел на городские стены и проклял вражеское войско. Святой Иаков взошел и, увидав бесчисленное множество персидских полков, стал молить Бога – послать на них комаров и песьих мух[525], дабы они познали силу Божию и сняли с города осаду. Бог услышал молитву раба Своего и тотчас навел на персидский стан целую тучу комаров и

мух. Укусы их были настолько жестоки, что кони и слоны, будучи не в силах терпеть их, порвали поводья и узды и с неудержимой силой носились туда и сюда. Эти комары и мухи были нестерпимы не только для животных, но и для самих персов, – хуже, чем тьмы вооруженных воинов. Сам нечестивый царь, видя, что труды его оказались напрасными и что войско его терпит поражение от комаров и мух, пришел в недоумение и великое смущение. Кроме того, он увидал на городских стенах сего Божественного мужа, епископа Иакова, и принял его за царя, ибо ему казалось, что он одет в царскую порфиру и что на голове у него сияет ослепительным блеском царский венец. Он разгневался на своих лазутчиков, донесших ему, что в городе нет царя, и предал их смертной казни. Сняв осаду с города, он побежал в свою землю, гонимый мухами и комарами. Такое чудо сотворил Господь по молитвам Своего угодника, который просил не о том, чтобы упал с неба огонь на врагов и попалил их, как некогда просил такого огня на пятидесятников пророк Илья (4Цар.1:10–12), и не о том, чтобы земля, разверзши свои уста, поглотила их (Числ.16:31–33), но – только о том, чтобы посланы были на них комары и мухи и чтобы они познали Божию силу. И действительно, было явлено тогда великое чудо, ибо огромное персидское войско не могло устоять против ничтожных насекомых и, побежденное ими, бежало со стыдом. Так велика была благодать, какую имел от Бога святой Иаков, и так велико было дерзновение веры!

Достигнув глубокой старости, святой угодник почил о Господе[526]. Спустя некоторое время после его смерти город Низибия отошел под власть персов. Верующие, когда выходили из него, взяли с собой мощи своего заступника и вождя, святого Иакова, при жизни которого город никогда не подпал бы под власть варваров, ибо его защищал от них великий угодник Божий непобедимою силою Христа Бога нашего, Которому с Отцом и Святым Духом слава вовеки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье[527]

Память 13 января

Преподобный Иринарх родился в Ростовской области, в селе Кондакове[528]. Родители его были крестьяне, отец по имени Акиндин, мать по имени Ирина. В святом крещении младенцу дано было имя Илия. Радовались родители, видя, как быстро растет ребенок: двадцати недель он уже встал на ноги и начал ходить. Родители воспитывали сына в благочестии и чистоте христианской веры. Ребенок не занимался играми, но возлюбил смирение и кротость, был тих и ко всем относился ласково.

Будучи еще только шести лет, он однажды сказал своей матери:

– Как вырасту, так постригусь и стану монахом; буду носить на себе железа и трудиться ради Бога, и буду учителем всем людям.

Удивилась мать таким речам своего малолетнего сына, но вместе и радовалась. Эти пророчественные слова шестилетнего ребенка впоследствии сбылись в точности.

Около того же времени случилось, что отец Ильи Акиндин позвал к себе на обед своего сельского священника, именем Василия. За обедом священник рассказывал житие преподобного Макария, Калязинского чудотворца[529]. Прислушиваясь к речам священника, Илья вдруг сказал:

– И я буду таким же монахом.

Священник Василий удивился, видя ребенка, говорящего речи, приличные взрослому, и строго сказал:

– Как ты, чадо, осмелился сказать такое слово?

Илья отвечал:

– Кто тебя не боится, тот это и говорит.

Илья рос при своих родителях. Но вот во всей той округе случился голод. Илья, будучи уже восемнадцати лет, расстался

с отцом и матерью и отправился на заработки к Нижнему Новгороду.

Два года сын не возвращался домой и не давал о себе вести. Родители решили отыскать его и послали своих двух старших сыновей – Андрея и Давида. Братья нашли Илью близ Нижнего в одном селении у крестьянина, у которого он работал; обрадовавшись встрече с братом, они пробыли с ним у того же крестьянина еще целый год.

Во время своего пребывания у крестьянина Илья однажды, сидя вместе с другими в комнате, стал неутешно плакать. Все, видевшие его, изумились и, не могши утешить, с горестью спрашивали, отчего он так плачет и рыдает. Он отвечал им:

– Вижу преставление своего отца; несут родителя моего светлые юноши на погребение.

Все, окружавшие его дивились, как он мог видеть преставление отца за триста верст. Когда в том же году он возвратился домой и спросил мать об отце, то услышал, что отец его преставился в Успенский пост того же года. Тогда он припомнил видение и сказал матери:

– В то время я видел родителя моего: несли его светлые юноши на погребение.

И мать утешилась, видя сына своего и слыша его необычные речи.

Теперь, после смерти своего отца, Илья с матерью и старшим братом Андреем переселились в город Ростов, купили дом и завели торговлю, чем вскоре увеличили свое благосостояние.

Младший брат Илья, всегда имевший страх Божий в своем сердце, особенно стал прилежать к церкви и творить милостыню нищим. Строго соблюдая девственную чистоту, он желал совершенно оставить мирскую жизнь, и принять ангельский образ, неуклонно посещая церковь Божию.

Он познакомился с одним человеком, купеческого звания, по имени Агафоник, любившим читать книги, подружился с ним и стал постоянно беседовать о Божественном Писании, ища душевного спасения.

Подготовившись таким образом, Илья взял святой крест, благословился им и собрался в путь. На вопрос своей матери, что он предпринимает и куда собрался, Илья ответил:

– Иду в монастырь к святым страстотерпцам Борису и Глебу на Устье помолиться.

Мать стала плакать, но вспомнила, как ее сын, будучи еще только шести лет, уже говорил, что он будет монахом. Сын поклонился матери, облобызал ее и отправился в путь.

Приблизившись к монастырю Бориса и Глеба и увидев его, Илья возрадовался от всего сердца и направился к игумену, поклонился и попросил благословения. Игумен благословил и спросил:

– Зачем, чадо, ты пришел сюда?

Илья отвечал:

– Желаю, отче, Ангельского образа, постриги меня Бога ради, невежду и селянина, и причти к избранному Христову стаду и к святой дружине твоей!

Игумен сердечными очами узрел, что юноша пришел от Бога, и принял его с радостью, постриг в ангельский образ и нарек ему в иночестве имя – Иринарх.

Игумен, по монастырскому обычаю, отдал Иринарха под начало старцу, у которого молодой инок и стал пребывать в послушании и покорении, в посте и молитве.

После того как Иринарх с успехом прошел первое послушание, игумен для испытания и смирения послал Иринарха в пекарню, где он и трудился на братию день и ночь в послушании и смирении, нисколько не заботясь ни о чем телесном и никогда не уклоняясь от посещения церкви Божией, куда приходил прежде всех братий; стоя в церкви, он ни с кем не разговаривал; во время чтений не садился, а всегда выстаивал на ногах, как твердый камень, и никогда не выходил из церкви до отпуста. Узнав о пострижении Ильи, друг его Агафоник пришел в монастырь посетить Иринарха и пробыл у него в монастыре немало дней. Иринарх проводил друга за монастырь версты за две и, облобызав его, стал возвращаться обратно. На пути он размышлял в своем сердце о том, как бы ему спастись, и давал обещание идти в Кириллов Белозерский

монастырь или в Соловецкий. И вот послышался ему голос свыше:

– Не ходи ни в Кириллов, ни на Соловки, здесь спасешься!

Он усомнился относительно этого голоса, но услышал вторично тот же голос:

– Здесь спасешься!

Иринарх убоялся, стал плакать и помышлять, что это означает. И в третий раз он услышал тот же голос:

– Здесь спасешься!

Осмотревшись кругом, Иринарх никого не увидел и укрепился в той мысли, что голос этот был ему откровением свыше.

Возвратившись в монастырь, он снова стал трудиться в прежнем послушании, предаваясь по ночам молитве и бдению и ложась спать лишь ненадолго, и то не на постели, а прямо на земле.

После этого послушания игумен назначил Иринарха в пономарскую службу, которую он стал отправлять с радостью.

Раз Иринарх увидел одного странника, который был бос и, сжалившись над ним, обратился к Господу с такою молитвою:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, сотворивший небо и землю и первого человека, прародителя нашего Адама, по образу Своему, и почтивший его теплотою в святом рае, да будет воля Твоя святая со мною, рабом Твоим: дай, Господи, теплоту ногам моим, чтобы я мог помиловать этого странника и дать с себя сапоги на ноги его!

И, сняв с себя сапоги, Иринарх отдал их нищему. И с того часа Бог дал ему терпение и теплоту: он стал босой ходить по морозу, как в теплой келье. С того же времени он стал и одежды носить всегда ветхие.

Такое поведение Иринарха, по внушению дьявольскому, неугодно было игумену, который начал смирять подвижника различными способами. Так, он часа на два на морозе ставил его на молитву против оконца своей кельи и потом заставлял подолгу благовестить на колокольне. Иринарх все это терпел и переносил с кротостью, поминая слово Господне, «что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян.14:22).

После этого игумен посадил Иринарха на три дня в заключение и не давал ни есть, ни пить, – все для того, чтобы заставить его носить новую одежду и ходить в обуви. Но и это не помогло. Тогда игумен послал его снова на прежнюю службу. Иринарх продолжал ходить босой по морозу, подражая терпению Исаака Печерского, у которого ноги примерзали к камню, между тем как он не чувствовал холода.

Услышал Иринарх, что в Ростове стоит на правеже от заимодавцев один христолюбивый человек, и захотел выкупить сего человека с правежа. С этою целью он босой пошел в Ростов, а в то время был лютый мороз. Отошедши от монастыря верст семь, Иринарх отморозил у ног пальцы и от стужи вернулся в монастырь. Три года он проболел ногами, на которых образовались раны и текла кровь, но и в болезни он не оставлял своего правила и по-прежнему трудился для Бога. Когда Господь исцелил Иринарха от болезни, он по-прежнему и зимой и летом ходил без обуви, и по-прежнему игумен за сие смирял его. Он решил теперь послать Иринарха на работы вне монастыря. Это отлучение или отогнание от храма Божиего сильно огорчило подвижника: он не стерпел такого гонения и решился уйти из Борисоглебского монастыря. Проходя окружавшие в те времена монастырь леса, он подвергался нападению хищных зверей, волков и медведей, но, ограждая себя крестным знамением и творя про себя молитву, прогонял их от себя. Иринарх ушел в Ростов и направился в Аврамиев Богоявленский монастырь. Принятый с радостью архимандритом монастыря, он остался здесь в числе братий и вскоре был назначен келарем монастыря. С радостью Иринарх стал трудиться для братии, не оставляя при этом никакой церковной службы. Состоя келарем, он видел, как братия монастырская и прочие монастырские служители брали без меры и без воздержания всякие монастырские потребы и истощали монастырское достояние. Видя все это, он внутренне воздыхал и молился:

– Преподобный Авраамий, не я твоему монастырю разоритель!

Раз во сне Иринарх видит: в келью его входит преподобный Авраамий и говорит:

– Что скорбишь, избранное и праведное семя и житель святого рая, – что скорбишь о монастырских выдачах? Давай им безвозбранно, ибо они захотели здесь жить пространно, а ты алчешь и наготуешь; и ты в вышнем царствии поживешь пространно и насладишься пищи небесной, а они взалчут вовеки. Что же касается здешнего места, то я умолил и упросил Всевышнего Творца, чтобы дом мой был неоскуден монастырскими потребами алчущим и здесь живущим.

Пробудившись от сна, Иринарх никого не видал уже. С того времени он утешился и выдавал без всякого сомнения.

Однажды, стоя в церкви на литургии, во время Херувимской песни, Иринарх заплакал и зарыдал на всю церковь. Изумленный архимандрит подошел к нему и сказал:

– Что ты, честный старец, так плачешь и рыдаешь?

– Мать моя преставилась! – отвечал Иринарх.

Архимандрит удивился его словам и сам прослезился. Еще не окончилась литургия, как пришел к нему брат его Андрей и сообщил, что мать их Ирина преставилась. Взяв благословение у архимандрита, старец с братом своим Андреем отправился в дом родительницы и совершил честное погребение.

Вернувшись после погребения матери в Аврамиев монастырь, Иринарх стал размышлять об ином пути спасения: келарское служение ему казалось высоким и почетным, ему же хотелось подвизаться в уничижении и смирении.

Оставив Аврамиев Богоявленский монастырь, Иринарх перешел в ростовский же монастырь святого Лазаря[530] и здесь вселился в уединенную келью и прожил в ней три года и шесть месяцев, пребывая в слезах и молитвах, скорби и тесноте, терпя голод, ничего не вкушая подряд по несколько дней. Здесь часто навещал его преподобный Иоанн юродивый, и оба подвижника находили себе утешение в духовной беседе.

Старец Иринарх неопустительно посещал церковь Божию и часто ходил в соборную церковь Пресвятой Богородицы и молился со слезами.

Раз, возвратившись с церковной службы, он сидел в своей келье и молился со слезами и воздыханием страстотерпцам Христовым Борису и Глебу и взывал:

– Святые страстотерпцы Борис и Глеб и вся монастырская братия! Есть у вас в монастыре много места, а мне грешному места нет.

Сидя, он задремал и в тонком сне видит: идут к монастырю Лазареву святые страстотерпцы; он вопрошает их:

– Далеко ли идете, святые страстотерпцы Борис и Глеб?

– Идем, старец, за тобой, – отвечают они, – поди в наш монастырь!

Он пробудился от сна и слышит, что у окна кто-то творит молитву. Отворив свое оконце, он увидел старца Борисоглебского монастыря, по имени Ефрема, который сказал:

– Отче, прислал меня к тебе строитель Варлаам: поди к нам в монастырь на свое обещание; строитель спрашивает: подвода ли тебе нужна, или сам придешь в монастырь?

Старец Иринарх отвечал ему:

– Господину строителю Варлааму мир и благословение, а я со временем сам приду в монастырь.

А в это время он носил уже на себе железа тяжелые и на ногах путы.

Вскоре он собрался и с великою радостью пошел на свое обещание в Борисоглебский монастырь. На пути, утомившись от великой тяжести своих вериг, он присел отдохнуть и слегка заснул. Во сне он видит: подползла к нему змея и хотела ужалить, он же ударил ее своим посохом в гортань, и змея уползла. Старец пробудился от сна, встал, перекрестился и пошел далее без всякого вреда.

Завидев монастырь, он возрадовался от всего сердца, подошел к воротам и горячо помолился. Вошедши в монастырь, где шла тогда литургия, он вошел в церковь, встал на место, помолился и поклонился строителю. Строитель Варлаам был весьма рад прибытию Иринарха, с любовью облобызал его и поставил рядом с собою.

По зависти дьявольской один из старцев по имени Никифор подошел и сказал строителю:

– Зачем ты принял старца: ведь он игумена не слушает, в ветхих и худых ризах и бос ходит, и железа на себе многие носит.

Но строитель Варлаам своим посохом отстранил этого старца, действовавшего по навету дьявола, и принял вновь Иринарха в монастырь с радостью и дал ему отдельную келью.

Преподобный Иринарх неопустительно ходил в церковь и, стоя со страхом и трепетом, усердно молился пред святыми иконами. Особенно часто взирал он на изображение распятия Господа нашего Иисуса Христа и его страданий. Однажды, стоя пред сею иконою, он в слезах обратился с такою молитвою:

– Праведное солнце, свет наш пресветлый, Владыка Человеколюбче, Иисусе Христе! Ты, Господи, претерпел такое великое страдание: и распятие, и поругание, и оплевание, и по ланите ударение, и оцта и желчи напоение, и для нашего спасения все претерпел сие от Своего же создания, от неразумного и беззаконного сборища иудейского и от зависти людей сих! Ныне, Господи, открой, как мне грешному и неразумному поселянину спастись и Тебе Единому Иисусу Христу, Сыну Божиему, распятому и нераздельно со Отцом и Святым Духом в Троице славимому, угодить! Да будет воля Твоя, Владыко, надо мною!

И в тот же час от Владычного образа было Иринарху извещение:

– Иди в келью свою, будь затворником и не исходи: так и спасешься!

Иринарх отправился к строителю Варлааму и просил у него благословения на затвор, то есть неисходно молиться в келье, по евангельскому слову Господню: «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян.14:22). «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк.8:35).«Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь» (Лк.6:21). Строитель Варлаам благословил его на затвор, молиться неисходно из кельи.

– И прославил Бог российскую землю и дом великих страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба и преподобных отцов

наших Феодора и Павла в нынешнее время! – восклицает составитель жития, ученик Иринархов инок Александр, – прославил досточудными мужами, и страдальцами, и учителями, и наставниками!

С тех пор Иринарх с дерзновением принялся за новый подвиг: стал молиться в келье неисходно, поминая иноков древних и первых времен, как они по дебрям, по островам и в вертепах жили, не любили тленного мира и не хотели и смотреть на суету его.

Начав свой подвиг, Иринарх сковал себе железную цепь в три сажени длины и приковал ею себя к стулу деревянному. Все движение его ограничивалось только размерами этой цепи. Кроме этой цепи, он наложил на себя и другие железные тяжести и трудился в них в поте лица. Много претерпел он поругания и посмеяния от братии, но переносил сие с кротостью и молился за них Богу:

– Господи Иисусе Христе! Не поставь им в грех сие, не ведят, что творят рабы твои, Владыка!

В это время пришел к Иринарху некто, именем Алексей, и поревновал житию его – многим страданиям, посту и молитве, крепости и смирению, и тяжким веригам, которые он непрестанно носил на своем теле. Он стал умолять Иринарха, чтобы тот принял его к себе и научил заповедям Господним. Старец, видя, что желание его исходит от чистого сердца, принял пришлеца с радостью и любовью и, призвав священника и диакона, велел постричь его и нарек ему имя – Александр. Этот Александр стал первым учеником Иринарха и прожил все время с ним в келье под его началом с послушанием великим и радением в посте и молитве день и ночь.

Пришел навестить Иринарха в затвор давний друг его, блаженный Иоанн, ростовский и московский юродивый, по прозванию Большой Колпак. В беседе с подвижником Иоанн говорит:

– Старец Иринарх, сделай себе сто крестов медных по полугривенке весом (то есть по четверти фунта).

– Невозможно мне, бедному, сделать столько, – отвечал Иринарх: – в нищете нахожусь.

Иоанн возразил:

– Это не мои слова, а от Господа Бога: «небо и земля прейдут, но слова Господни не прейдут» (Мф.24:35), все сказанное сбудется, Бог тебе поможет.

И многое иное Иоанн говорил старцу.

– Не дивись тому, что так будет с тобою; устами человеческими невозможно выразить или исписать всего. Бог даст тебе коня, и на том от Бога данном коне никто, кроме тебя, не сможет ездить и сесть на твоем месте после тебя.

Эти иносказательные пророчественные слова Иоанна о великих и тяжких подвигах Иринарха сбылись. Прощаясь с Иринархом, Иоанн пророчески поведал еще следующее:

– Господь Бог заповедал верным ученикам Своим от востока и до запада наставлять и научать людей, отводить мир от беззаконного пьянства. За это пьянство Господь наведет на нашу землю иноплеменных. И эти иноплеменники подивятся твоему многому страданию; меч их не повредит тебе, и они прославят тебя более верных. – А я иду в Москву к царю просить себе земли: там у меня на Москве столько будет видимых и невидимых бесов, что едва можно будет поставить хмелевые тычки. Но всех их изгонит Своею силою Святая Троица.

Так говорил блаженный Иоанн о предстоявшей кончине своей и о нашествии на Москву литвы.

После этого старец Иринарх, согласно с речами блаженного Иоанна, стал еще усерднее трудиться и молиться и все думал о медных крестах. Однажды ему снилось, что приходит к нему друг и дает медный крест, а в другой раз снится, что иной друг дает ему палицу железную. И что же? Спустя несколько дней действительно приходит к нему друг – посадский человек Иван – и приносит, по пророчеству блаженного Иоанна, честный крест, из которого Иринарх слил сто крестов, возблагодарив Бога и блаженного Иоанна. – Другой же друг, по имени Василий, пришел и дал ему палицу железную, которую Иринарх взял и присоединил к прочим своим «трудам» или тяжестям, которые носил.

В Борисоглебском монастыре был старец Леонтий, он поревновал добродетели и трудам старца Иринарха; подобно ему, он сковал себя железами и носил на себе тридцать три медных креста. Кресты эти он передал ученику Иринарха Александру, а сам отправился к старцу просить благословения идти в пустыню. Старец Иринарх уговаривал его в пустыню не уходить, чтобы не быть убитым разбойниками. Но Леонтий не отставал просить благословения.

Не будучи в силах убедить его, Иринарх благословил, но, прощаясь, сказал ему со слезами:

– Дорогое чадо, Леонтий! Ты уже не возвратишься сюда за честными крестами.

– Если так, – отвечал Леонтий, – то пусть кресты мои останутся тебе!

Простившись с Иринархом, Леонтий отправился в переяславский уезд в монастырь Пресвятой Богородицы, на Курбуй, и там был убит разбойниками.

Кресты Леонтия Иринарх присоединил к крестам своих «трудов», и всех крестов составилось у него сто сорок два. Трудился старец на цепи в три сажени шесть лет; один христолюбец из города Углича прислал старцу цепь также трех саженей, и в этих двух цепях Иринарх трудился 12 лет. Один старец Борисоглебского монастыря, по имени Феодорит, сделал себе железную цепь трех саженей и трудился в ней двадцать лет и пять недель, но игумен Гермоген приказал ему ходить на монастырские службы, трудиться на братию. Феодорит отдал свою цепь Иринарху, у которого таким образом цепь стала в девять сажень, и в такой цепи он продолжал трудиться. Всего в цепях он провел двадцать пять лет.

Суровая жизнь Иринарха и строгое учительное слово его служили обличением для тех иноков, которые не старались соблюдать иноческие обеты, а во многом нарушали их. Такие иноки из Борисоглебской братии, подстрекаемые внушением вражеским, приступили к игумену Гермогену, осуждая образ жизни Иринарха и жалуясь на него.

– Старец Иринарх, – говорили они, – сидит в затворе и постится, носит на себе многие и тяжелые железа, не пьет

хмельного и мало ест, да и братию учит делать то же: пребывать «в трудах» и поститься, хмельного и в уста не брать, говоря, что это есть самое большое зло; следует, говорит, монахам быть, как Ангелам, ни о чем не скорбеть и плоти своей не щадить: «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян.14:22); не велит братии ходить в службы, то есть работы монастырские, а полагает на них «труды» великие.

По внушению вражьему и по своему немилосердию, игумен Гермоген внял сим наветам и сослал старца Иринарха из монастыря, не убоявшись Бога и не уважив подвигов и трудов старца. Старец Иринарх смиренно покорился, поминая слово Господне: «если вас изгонят из дома, идите в другой, а Я с вами до скончания века» (Мф.10:23, 28:20).

Изгнанный из Борисоглебского монастыря, Иринарх опять направился в Ростов и снова поселился в монастыре святого Лазаря, где и провел там год и две недели, пребывая непрестанно в посте и молитве и помышляя о смертном часе.

Между тем игумен Гермоген сознал свой несправедливый поступок с Иринархом, покаялся перед братией и послал одного из иноков звать Иринарха обратно. Посланный сказал:

– Отче, не помяни нашей вины пред тобой, пойди на свое обещание в наш монастырь, ко святым страстотерпцам Борису и Глебу.

Старец Иринарх возвратился в монастырь, молясь:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, не лиши меня вечных Твоих благ, дай мне, грешному старцу, дотерпеть свое обещание.

Возлагая всю вину удаления из монастыря на самого себя, он говорил:

– Господи, я живу в темнице сей вопреки братии; они праведны и праведные труды тебе приносят, я же, смрадный, лишен добродетели.

Вошел он опять в свою келью, вновь возложил на себя свои железные «труды» и стал подвизаться, молясь за царя и за всех православных христиан и любя ненавидящих его, как свою душу.

Господь даровал Иринарху прозорливость, постижение тайн души человеческой. Из многих городов приходили к нему люди и просили и получали от него благословение. Многие боголюбивые люди приносили ему милостыню; он принимал и с радостью раздавал нищим и странникам, снабжая их пищей и одеянием.

Всех приходящих он учил заповедям, отводя их от грехов и обличая тайные согрешения; получая его благословение, они обращались на путь заповедей Господних.

В монастыре Борисоглебском был некто старец, по имени Тихон. Помыслив о том, как ему угодить Богу, он сделал себе «труды», сковал железную цепь и в этих «трудах» сидел семь лет. В это время на Руси уже производили свои опустошения и разорения польские и литовские паны, нашествие которых было предсказано Иринарху блаженным юродивым Иоанном. Старец Тихон убоялся нападения от панов и удалился из монастыря, а свою железную цепь отдал Иринарху, у него цепь стала уже в двадцать сажень. В этой длинной цепи Иринарх продолжал трудиться по-прежнему, не давая рукам своим покоя: то он вязал волосяные свитки, то клобуки, то приготовлял на нищих одеяние. Он постоянно подавал нищим, помогал нуждающимся, защищал слабых от притеснения сильных и молился за всех Богу. Подолгу он иногда совсем не видел людей и от тяжелых подвигов иногда впадал в болезнь, которой всегда радовался и благодарил Бога. Спал он только ночью и то лишь час, два или три, а тело свое бил своею железною палицею, творя молитву.

Еще до нашествия литвы во время тонкого сна Иринарху было видение: город Москва разорена литвою, все Российское царство пленено и пожжено по местам. Проснувшись, он стал неутешно плакать о предстоящем пленении и разорении святых Божиих церквей. Когда он несколько утешился от плача, вдруг облистал его сверху свет, и из этого света послышался голос:

– Поди к Москве и поведай, что все так будет.

Он осенил себя крестным знамением и сотворил молитву. Послышался вторично тот же голос:

– Так будет!

Старец вторично перекрестился и стал молиться:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй меня грешного от искушения: я – раб Отца и Сына и Святого Духа и не желаю ничего на свете сем видеть.

Но тот же голос в третий раз послышался:

– Не ослушайся и делай по сему гласу: все будет так роду сему непокоривому.

Убоялся старец видения и глагола свыше, призвал игумена и поведал ему все. Игумен велел ему ехать к Москве и возвестить царю Василию Иоанновичу[531], что царству московскому и всей русской земле предстоит пленение от литвы.

Старец Иринарх отправился в Москву. По дороге в Переяславле он остановился на перепутье на конюшенном дворе у Никитского монастыря и послал за другом своим Никитским диаконом Онуфрием, а сам пошел помолиться святому Никите, переяславскому чудотворцу, и приложиться к его мощам. Диакон Онуфрий был в то время сильно болен лихорадкой, так что, мучимый ознобом, влезал в печь, чтобы согреться. Было мнение, что болезнь сия произошла от козней дьявола. Диакон Онуфрий, по благословению старца Иринарха, уничтожил в Переяславле суеверное почитание большого камня, находившегося за Борисоглебским Переяславским монастырем. К этому камню ежегодно в праздник апостолов Петра и Павла собиралось множество народа, мужей, жен и детей, и камню воздавалась честь. Диакон приказал повергнуть камень в яму, чтобы впредь народ не собирался около него. Этот подвиг Онуфрия многим не был угоден; благочестивый диакон от многих, даже родных и из духовного чина, терпел порицания, брань и насмешки, – даже клевету и убытки при судебных преследованиях; сверх того, постигла его и болезнь, – но все это диакон Онуфрий переносил и терпел с твердостью, не роптал, уповая на милость Божию и помня час смертный, и не обращался за исцелением к врагам Божиим, разным знахарям. Едва Онуфрий вошел к Иринарху, как старец заметил его тяжкую болезнь и, облобызав его, дал ему четверть хлеба, благословил его и сказал:

– От этого яства будь здоров!

И диакон сейчас же почувствовал облегчение и стал здоров. В Москву приехал Иринарх вместе с учеником своим, старцем Александром. Приехали они ночью, за час до рассвета. Утром отправились в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы и помолились Владычице и чудотворцам Петру митрополиту и Ионе. Один сын боярский, именем Симеон, пошел к царю и известил о приходе старца. Царь обрадовался и приказал, чтобы Иринарх пришел в Благовещенский собор. Старец пришел в церковь, помолился Пресвятой Богородице, благословил царя честным крестом и целовал его. Царь также целовал старца любезно и подивился великим «трудам», которые он носил на себе. Старец сказал царю Василию Иоанновичу:

– Господь Бог открыл мне, грешному старцу: я видел город Москву, плененную ляхами, и все Российское государство. И вот, оставя многолетнее сиденье в темнице, я сам пришел к тебе возвестить сие. И ты стой за веру Христову мужеством и храбростью.

Сказав это, Иринарх направился вон из церкви. Царь Василий Иоаннович взял старца под руку, а ученик его Александр под другую.

Царь сказал старцу, чтобы он благословил и царицу. Старец не ослушался, пошел в палату к царице вместе с царем благословить царицу Марию Петровну и вышел из палаты. Царица вслед послала старцу два полотенца, но он не хотел взять. Царь Василий уговаривал его:

– Возьми Бога ради!

Но Иринарх сказал царю:

– Я приехал не ради даров; я приехал возвестить тебе правду!

Царь проводил Иринарха из палаты царицыной и приказал во дворце боярину потчевать старца. Затем царь приказал дать старцу свой возок и конюха и проводить его до Борисоглебского монастыря. Вкусивши хлеба у боярина, Иринарх пустился в обратный путь, пробыв в Москве всего двенадцать часов.

Вернувшись в Борисоглебский монастырь, Иринарх вошел в свою келью и вновь предался своим трудам и подвигам в посте

и молитве, а конюха государева и возок отпустил к Москве, помолившись, чтобы Господь утолил свой гнев и смиловался над Москвой, как древле над Ниневией.

Спустя немного времени после путешествия преподобного Иринарха в Москву и предсказания бедствий явилась в русскую землю литва, злые и свирепые люди и немилостивые ругатели. Литвою звали тогда у нас всех подданных польско-литовского королевства: поляков, или ляхов, собственно литовцев и русских из Белой и Малой Руси; в числе этих малороссов было много казаков. По вере почти все враги наши были католики или униаты, не щадившие православных храмов и прочих святынь. Они стали пленить русскую землю и избивать жителей, завоевали много городов, например, выжгли город Дмитров, оскверняли церкви Божии, ниспровергали престолы святые, снимали с них одежды, обдирали с икон оклады, а самые иконы бросали, грабили книги, часто самые церкви сжигали. Многие из русских, боясь посечения, признавали их власть, давали дань и кормы. Им покорилось много городов. В 1609 году был взят город Ростов Великий и выжжен; соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы осквернена, раки великих чудотворцев Леонтия и Исайи и вся церковная утварь и казна были пограблены. Множество людей обоих полов и всяких возрастов было посечено. Много терпели тогда от тяжести налогов православные и, не предвидя облегчения, многие города стали от врагов запираться. Это было время, когда при царе Василии Иоанновиче Шуйском враги наши выставили второго Лжедмитрия и требовали покорности ему или его покровителю, польскому королю.

Имея целью овладеть Москвой и царским престолом, враги собрались около Москвы и оттуда производили набеги и опустошения в разные стороны. Второй самозванец устроил лагерь при деревне Тушине.

Не оставили враги в покое и Борисоглебского монастыря, где подвизался Иринарх. Некто, неприятельский воевода Микулинский, повоевав город Ростов, пожегши посады под Ярославлем, разорив город Углич, пришел на Устье в

монастырь к Борису и Глебу. Здесь он, со многими панами, вошел в келью старца и стал испытывать его веру:

– В кого ты веруешь?

– Я верую в Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, – отвечал старец.

– А земного царя кого имеешь?

И старец громогласно произнес:

– Я имею Российского царя Василия Иоанновича: живу в России, Российского царя и имею, а иного никого и нигде не имею.

Один из панов сказал старцу:

– Ты, старец, изменник: ни в нашего короля, ни в Димитрия не веруешь.

Старец отвечал:

– Вашего меча тленного я нисколько не боюсь, и вере своей и Российскому царю не изменю; если за это ты меня посечешь, то я претерплю сие с радостью: немного во мне крови для вас, а у моего живого Бога есть такой меч, который посечет вас невидимо, без мяса и без крови, а души ваши пошлет в вечную муку.

Пан Микулинский подивился: так велика была вера в старце.

Спустя некоторое время стали собираться русские силы против врагов. Князь Михаил Скопин-Шуйский пришел из Новгорода с русскими и шведскими войсками и стал в Калязине, против литвы. Из-под Троице-Сергиева монастыря пришел против него с войском пан Сапега. Но, Божией помощью, заступлением великих чудотворцев и по слову старцеву, Московская сила побила литву, и пан Сапега со своим войском отступил и остановился за два ночлега от Борисоглебского монастыря на Устье, намереваясь выжечь монастырь и побить братию. В монастыре поднялась кручина великая и печаль, братия прощалась друг с другом. Старец же Иринарх стал утешать своих учеников Александра и Корнилия:

– Не убоимся сожжения и посечения от иноверных: если нас пожгут или посекут, то мы явимся новыми мучениками и получим венцы на небе от Христа, Бога нашего.

Затем Иринарх обратился с горячей молитвой к Господу Богу об избавлении от угрожавшего бедствия и о вселении в сердца врагов милости и жалости к святой обители. В то время пришел в монастырь пан ротмистр Кирбитский и вошел в келью старца: он благословился у него и подивился старцевым трудам. Вернувшись к Сапеге, он сказал:

– В монастыре у Бориса и Глеба я нашел трех старцев скованных.

Сапега сам пожелал видеть старца и вперед послал одного пана известить о своем приходе. Старец посланному сказал:

– Если пан захочет посетить, то по своей воле приедет к нам.

Услышав такой ответ, Сапега приехал в монастырь, вошел в келью старца и сказал ему:

– Благослови, отче! Как ты терпишь такую великую муку?

Старец отвечал ему:

– Бога ради сию темницу и муку терплю в келье сей.

Многие из панов стали говорить Сапеге:

– Сей старец за нашего короля и за Димитрия Бога не молит, а молит Бога за Шуйского царя.

Старец возразил:

– Я в России рожден и крещен, за русского царя и Бога молю.

Сапега сказал:

– Правда в батьке велика: в которой земле жить, тому царю и служить.

– Ограбили тебя, старец? – спросили паны.

Старец отвечал:

– Приехал лютый пан Сушинский и пограбил весь монастырь, не только меня, старца грешного.

Сапега сказал:

– За то пан Сушинский повешен.

После этого старец дал такой совет пану Сапеге:

– Возвратись, господин, в свою землю: полно тебе в России воевать! Если же не уйдешь из России или опять придешь в Россию и не послушаешь Божии слова, то будешь убит в России.

Пан Сапега умилился душою вследствие этих слов и сказал:

– Чем мне тебя одарить? Я ни здесь, ни в иных землях монаха такого крепкого и безбоязненного не видывал.

Старец сказал:

– Я Святому Духу не противник, от Святого Духа и питаюсь. И как Святой Дух тебе внушит, так ты и сделаешь.

Сапега сказал:

– Прости, отче! – и, поклонившись, вышел с миром.

Сапега прислал затем старцу на милостыню пять рублей денег и воспретил своему войску чем-либо вредить монастырю. Вскоре Сапега с ратью направился к Переяславлю, а в монастыре была великая радость, что Бог избавил от разорения; старец же непрестанно со слезами молил Бога об избавлении всей русской земли от пленения.

После победы под Калязином князь Михаил Шуйский начал преследовать литву и из Переяславля послал к старцу Иринарху за благословением. Иринарх послал ему благословение, просфору и крест и наказал сказать:

– Дерзай, и Бог поможет тебе!

Князь послал отряд в Александровскую слободу, и, с Божией помощью, русские воины побили литву. Вскоре пошел туда и сам князь и остановился в слободе. Неприятели стали собираться против него из-под осажденного Троицкого монастыря и из-под Москвы. Князь узнал об этом и был очень озабочен. Он снова отправил гонца к преподобному Иринарху. Старец вновь послал ему благословение и просфору и велел сказать:

– Дерзай, князь Михаил, и не бойся: Бог тебе поможет.

И князь побил литву. Потом князь послал одного из воевод к Троице с войском, и воевода благополучно прошел в монастырь. Князь опять послал гонца к Иринарху с дарами, и старец, посылая благословение и просфору, велел ему идти под Троицу, что князь и сделал. Услышав об этом, Сапега направился к Дмитрову. Князь пришел благополучно к Троице, вошел в монастырь и помолился Пресвятой Троице и преподобному Сергию, воздавая славу Богу, Пресвятой

Богородице и российским чудотворцам. Посланное против Сапеги войско разбило его под Димитровым, Сапега бежал к Иосифову Волоколамскому монастырю. В то же время из Тушина бежал второй самозванец в Калугу, где впоследствии и был убит. После этих успехов князь Михаил от Троицы пришел в Москву, помолился в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, приложился к образу Пресвятой Богородицы Владимирской и ракам чудотворцев и с радостью вернулся в свой дом.

Старец Иринарх, знавший о всех этих событиях, послал ученика своего Александра к князю Михаилу в Москву за честным крестом, который был дан ему на помощь и прогнание супостата. Князь отдал крест и послал старцу благодарственное послание и дары. Александр все сие доставил своему учителю.

Приняв с радостью святой крест, преподобный Иринарх произнес такую молитву:

– Слава тебе, Владыка Человеколюбче, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, претерпевшему на сем честном и животворящем Кресте распятие и смерть ради нашего спасения и показавшему сему нашему роду милость и чудеса от сего Честного Креста, помощь князю Михаилу на литву, на побеждение и прогнание, как древле при царе Константине на супостатов.

Вскоре после отсылки креста князь Михаил отошел к Господу. Враг же рода человеческого, посрамленный от старца Иринарха, замыслил против него новые козни.

В Борисоглебский монастырь от патриарха Гермогена был прислан новый игумен по имени Симеон, который оказался лютым, немилостивым, невоздержным и предававшимся пьянству. Он приказал старцу Иринарху ходить в церковь молиться, старец же, нося на себе тяжкие железные «труды», не мог свободно пройти и по келье, иссушая плоть свою день и ночь в посте и молитве. Жестокосердый игумен Симеон, превосходя лютостью неверующих, пришел к старцу в келью с братиею и без милости отнял все, что у старца было запасено. Остались только неотобранными четыре пуда меду, о чем и сказал старцу ученик Александр. Старец по этому случаю

вспомнил об некоем отце затворнике, которого ограбили разбойники, оставив одну какую-то вещь; затворник догнал разбойников и сказал что они не все забрали; разбойники умилялись и все возвратили затворнику. Теперь же, когда по приказанию Иринарха ученик его Александр сообщил игумену, что не все забрано, то игумен оказался не милостивее древних разбойников и забрал оставшееся.

В тот же вечер старец Иринарх видел юношу в белых ризах, который стоял близ него и, смотря на него, говорил о немилостивом поступке игумена, а потом вдруг исчез. Старец всю ночь пребыл в молитве. Наутро снова пришел игумен к старцу в келью и приказал вывести старца из кельи: четыре человека взяли его под руки и поволокли, а игумен с пятью другими людьми понес железную цепь его. Когда волокли старца, то выломили ему левую руку и бросили его в трех саженях от церкви. Старец пробыл в таком положении девять часов, молясь Господу Богу, чтобы Он не поставил сего гонителям его в грех ибо всуе мятутся, не ведая, что творят.

Учеников старца, Александра и Корнилия, удалили от Иринарха и разослали по другим кельям.

Когда Иринарх лежал один, всеми покинутый, явился ему юноша в светлых ризах и сказал:

– Услышал Бог молитву твою и терпение твое: если испросишь чего, будет дано тебе.

После этих слов юноша стал невидим.

Между тем ученик Иринархов Александр ночью пришел в прежнюю келью и обратился с молитвой:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Долго ли нам Господи, в скорби сей быть с учителем своим и терпеть от этих зверообразных людей и пьяниц? Но да будет воля твоя святая!

И от крестов честных был ему глас:

– Иди к игумену и скажи ему: зачем противишься судьбам Божиим?

Старец Александр пришел в церковь к игумену и стал ему говорить:

– Отпусти старца Иринарха в его келью, на обещание, вместе с его учениками, чтобы тебе не погубить свою душу,

борясь против судеб Божиих.

Игумен благословил старца и обоих учеников его. Старец пришел в свою келью, благодарил Бога за избавление от гонения и молился о даровании ему терпения. И свыше был ему голос:

– Дерзай, страдалец Мой, Я с тобою всегда: Я ждал твоего подвига и терпению твоему дивились Ангелы. Теперь уже больше не будет на тебя гонений, но ждет тебя уготованное тебе место в Царстве Небесном.

Старец Иринарх слышал голос, но никого не видел и в трепете только творил молитву со слезами:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного и избавь от искушения, – и ограждал себя крестным знамением.

После того вскоре игумен Симеон удален был из монастыря.

Между тем, по преставлении князя Михаила Скопина-Шуйского, литва снова ободрилась, враги собрались снова под Москву. Сами москвичи, под влиянием лести врагов, свели с престола царя Василия и пустили в город Москву ляхов, которые отправили бывшего царя Василия Шуйского в ссылку в Польшу. Москва подверглась пленению и разорению.

Литва снова стала разорять области вокруг Москвы на далекое пространство. В 1612 году литва пришла в Ростов. От страха перед нею игумен Борисоглебского монастыря бежал со всею братьей на Белое озеро, а старец Иринарх с учениками своими остался в келье своей, молясь беспрестанно Богу. Литва заняла монастырь и пробыла в нем десять недель. Один пан пришел раз в келью Иринарха и сказал:

– Благослови, батько! А Сапега убит под Москвою, по твоему слову!

Старец отвечал:

– Подите и вы в свою землю – и будете живы; если же не уйдете из нашей земли, и вам быть убитыми!

Пан ушел и поведал слова Иринарха прочим всем панам. И стали паны приходить к старцу, и старец говорил им:

– Подите в свою землю; если не пойдете, то будете убиты.

Пришел к старцу сын воеводы, по имени Воин, и благословился у старца идти в свою землю. Старец благословил; воеводин сын поклонился до земли, пошел к своему отцу и рассказал о благословении. Тогда и сам воевода Иоанн Каменский пришел к старцу в келью, поклонился старцу до земли и сказал:

– Благослови, батько, и меня идти в свою землю, как благословил сына моего.

И старец благословил его и сказал:

– Только не трогай монастыря и братии и города Ростова.

И пан Каменский ушел в свою землю, не тронув ни монастыря, ни города Ростова. В монастыре снова была радость по случаю избавления от опасности.

Между тем как в самой Москве, так и во всей земле было великое смятение и печаль, что в Москве засела литва. Везде, а особенно в Нижнем Новгороде, молились о том, чтобы Господь Бог явил милость свою и очистил город Москву от врагов, и избавил землю от великой скорби.

Нижегородцам был известен князь Дмитрий Михайлович Пожарский, проживавший близ Нижнего. Нижегородцы начали просить его, чтобы он шел к Москве и очистил ее от врагов. Они стали собирать и давать ему людей, деньги и запасы на войну. В помощь и содействие ему выбрали нижегородского посадского человека Косму Минина. И военный предводитель, и земский выборный были единодушны в своих мыслях и все делали с общего совета и согласия. И Бог подал им Свою помощь. Двинулись они со всею собранною силою к городу Ярославлю и остановились в нем. Изо всех городов стали собираться к ним русские люди, желавшие стать за веру и отечество и умереть за святые Божии церкви.

Услышав о прибытии в Ярославль князя Димитрия Михаиловича Пожарского с войском, один из предводителей стоявшего под Москвой русского ополчения, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, прислал гонца, чтобы скорее шли под Москву. Но князь Пожарский и Косьма Минин боялись идти под Москву: там, среди русского ополчения не было единодушия, и

один из предводителей русского войска, Иван Заруцкий, убил под Москвою другого воеводу, Прокофия Петровича Ляпунова.

Старец Иринарх, за всем следивший и все понимавший, послал князю Димитрию Михайловичу Пожарскому свое благословение и просфору и велел идти под Москву со всем войском, не боясь Ивана Заруцкого.

– Увидите славу Божию, – наказывал старец сказать князю.

Князь был рад словам старца, без страха пошел со всею братией к Москве и остановку сделал в Ростове. Отсюда князь Пожарский и Косма Минин нарочно отправились в Борисоглебский монастырь, чтобы лично получить благословение от старца Иринарха. Старец благословил их в поход под Москву и дал им крест свой на помощь. Приняв благословение и крест у старца, князь с радостью пошел с войском от Ростова к Переяславлю, а от Переяславля к Троице, где остановился и поклонился Пресвятой Троице и преподобному Сергию.

От Троицы Пожарский послал воеводу князя Дмитрия Лопатина под Москву к князю Трубецкому. Трубецкой был рад, а Заруцкий из-под Москвы бежал.

Между тем к засевшей в Москве литве подошли новые люди с запасами. Услышав об этом, князь Трубецкой послал гонца к князю Пожарскому, чтобы он шел скорее на помощь под Москву со всею ратью. Нижегородский воевода немедленно двинулся от Троицы к Москве. И помощью Божией и заступничеством московских чудотворцев русским удалось одолеть литву. После этого князь Пожарский овладел Китай-городом, так что литва засела только в Московском кремле. Немного времени спустя сдался и кремль, и князь Димитрий Михаилович Пожарский вступил в кремль, помолился Пресвятой Богородице и московским чудотворцам.

И была в Москве радость великая, что Господь очистил Москву от литовских людей.

В монастыре же Борисоглебском на Устье-реке была тогда большая печаль: монастырь был несколько раз разорен и опустошен литовскими людьми, в монастыре ничего не было, а между тем с него требовали больших даней на прокормление

ратных людей. Игумен с братией и с монастырскими крестьянами пришли к старцу Иринарху, чтобы он благословил ученика своего Александра отправить в Москву. Старец внял их просьбе, предоставил все на их волю и отпустил ученика своего в Москву с челобитьем. Он повелел ему взять у князя Пожарского честный крест, данный на помощь против супостатов.

Когда Александр прибыл в Москву, там была великая радость по случаю того, что король Польский из города Вязьмы ушел в свою землю.

Старец Александр пришел к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и передал ему от старца Иринарха благословение и просфору. Князь был рад прибытию посланца от Иринарха, дал ему грамоту, чтобы не давать Борисоглебскому монастырю на ратных людей никаких запасов по причине литовского разорения. Александр взял у князя грамоту и честный крест и возвратился в монастырь.

Рад был игумен, получив для монастыря льготу, рад и преподобный Иринарх, когда Александр пришел в его келью, возвратил честный крест и справил поклон от князя.

По устроению Божиему и по приговору всей земли князей, бояр, воевод, преосвященных митрополитов, архимандритов и игуменов и прочих людей, в 1613 году на царский престол был избран юный князь Михаил Феодорович Романов и поставлен в цари на Москве обладателем над всеми принадлежавшими России землями и венчан был царским венцом. Вся русская земля радовалась о новом желанном царе.

Но еще во многих местах и городах, в Угличе, Вологде и в других окрестных была великая печаль от продолжавшихся разорений: главным образом отряды казаков проливали много христианской крови и опустошали города и села. Для очищения земли от этих грабителей и губителей царь Михаил Феодорович послал боярина своего и воеводу, князя Бориса Михайловича Лыкова, с значительным войском. Князь Лыков направился в Ярославль.

В это время литва и казаки пришли в село Даниловское (теперь – город Данилов Ярославской губернии). Князь Лыков

прислал старца Иоакима к старцу Иринарху за благословением, как делали и прежние русские полководцы. Старец послал князю просфору и благословение и велел идти за литвою. Князь рад был благословению старца и двинулся в поход. Две недели он гнался за врагами, настиг их за Костромою, не доходя Нижнего, и, с помощью Божией, побил, многих взял в плен и отправил в Москву к царю. Отсюда Лыков возвратился к Вологде против казаков, которые грабили вологодский и Белозерский уезды. Князь послал погоню за казаками, которые от Белозерска направились в Углич, где стояли две недели. Лыков послал туда свои полки, которые и прогнали казаков к Москве. Сам князь, направляясь к Москве вслед за врагами, зашел в Борисоглебский монастырь, помолился страстотерпцам Борису и Глебу и лично принял от старца Иринарха благословенье. Двинувшись дальше к Москве, князь Лыков догнал казаков, забрал в плен и привел к царю.

Велика была радость по случаю уничтожения казацкой грабительской шайки милостью Божией и заступлением Пресвятой Богородицы и московских чудотворцев, и молитвами и слезами затворника Иринарха.

С того времени настала на Руси тишина. Старец же Иринарх по-прежнему непрестанно молился и проливал слезы, постился, принимал странных и защищал обидимых от притеснения сильных.

Еще при жизни Бог прославил Своего угодника Иринарха чудесами: его молитвами Бог исцелял больных и бесноватых, чудесную силу имело его благословение для приходивших к нему с верою. Составитель жития Иринарха, ученик его Александр, записал девять чудес Божиих, совершенных молитвами борисоглебского затворника и страдальца при его жизни.

К преподобному Иринарху приходили или были приводимы больные разными болезнями, особенно же одержимые духом нечистым. Старец молился, заставляя и больных молиться и поститься, возлагал на них свой честный крест, нередко налагал на больных часть своей цепи или приказывал лежать на этих цепях. Иногда издалека от больных посылали к Иринарху за

благословением, которое он давал и вместе посылал просфору или крест, которым святили воду и давали ее больным пить. Так преподобный исцелил бесноватого из села Давыдова[532] возложением на него своего креста; другой бесноватый из Вощадиникова[533] был исцелен, когда на буйного ученик Александр возложил старцеву цепь и привел больного к старцу и к образу Пресвятой Богородицы. На заболевшего исступлением ума в Борисоглебском монастыре воеводу, сына боярского Матфея Тихменева, преподобный Иринарх возложил свой крест и привязал к своей цепи, приставив для охраны двух воинов; так больной провел целую ночь, а утром старец послал воеводу в церковь молиться; от литургии больной пришел здоровым, но преподобный заповедал ему всю неделю поститься, ни мяса не есть, ни вина, ни пива не пить. Подобным же образом получил исцеление иступивший из ума в монастыре крестьянин Никифор: старец повелел возложить на него свой крест и привязать цепью к грядке; через час старец снял крест и цепь и приказал больному лечь на свои цепи, где он и спал целую ночь, – встал же совершенно здоровым.

От питья или окропления водою, освященною посланным Иринархом крестом, получили исцеление один боярский сын, по имени Роман, от головной боли, одна крестьянская жена от болезни глаз, одна бесноватая женщина в Угличе, жена одного подьячего в Москве от какой-то тяжкой болезни.

Настало время кончины преподобного Иринарха. Праведный и многострадальный муж призвал учеников своих и сказал им:

– Братья мои и спостники! Молю вас: вот ныне я отхожу от жизни сей к Господу Богу моему Иисусу Христу: помолитесь за меня Богу и Пречистой Богородице, дабы по преставлении моем душу мою взяли милостивые Ангелы и дабы я избежал сетей вражьих и воздушных мытарств, вашими святыми молитвами, ибо я грешен. Вы же, господа мои, после моей смерти пребудьте в посте и молитве, в трудах, в бдении и слезах, а также в любви между собою без ропота, в послушании и повиновении, ибо вы знаете Христову заповедь о блаженствах.

Преподобный проговорил все сии заповеди и дал много других наставлений своим ученикам.

Видя своего учителя при последнем издыхании, ученики его, Александр и Корнилий, пришли в великое умиление и в горьких слезах взывали:

– О добрый наш пастырь и учитель! Вот уже ныне видим тебя при последнем издыхании: к кому же прибегнем, от кого насладимся учением, кто попечется о наших грешных душах? Но молим тебя, если обретешь благодать перед Богом, по отшествии своем от жизни сей, моли о нас неослабно Бога и Пречистую Богородицу, как угодно будет твоей святыне, ибо тебе известны все наши тайные страдания.

Старец Иринарх сказал ученикам своим:

– Я отхожу от вас телом, а духом с вами буду неразлучно.

И к этому еще прибавил:

– Если кто начнет притеснять сию обитель мою, свыше данную от Бога и искупленную и выпрошенную у игумена и братии, то пусть им судит Бог и Матерь Божия.

Около отходящего находилась и братия монастырская. Дав прощение братии и ученикам о Христе и последнее целование, преподобный стал на молитву, долго молился и тихо отошел к Господу в вечный покой.

Кончина преподобного Иринарха последовала в 1616 году, января 13 дня, на память святых мучеников Ермила и Стратоника с пятницы на субботу в девятом часу ночи. По благословению и повелению преосвященного митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла[534] погребение схимонаха Иринарха совершал Борисоглебский игумен Петр и отец его духовный иеромонах Тихон, диакон Тит и ученики его старцы Александр и Корнилий. По завещанию преподобного Иринарха, гроб его положен в уготованной им самим пещере.

После старца Иринарха осталось праведных «трудов» его: сто сорок два креста медных, семь трудов плечных, железная цепь в двадцать сажен, которую он надевал на шею, железные пута ножные, восемнадцать медных и железных оковцев, которые он носил на руках и на груди, связки, которые носил на поясе, весом в один пуд, палка железная, которою он смирял

свое тело и прогонял невидимых бесов[535]. В этих «трудах» праведных своих старец Иринарх прожил тридцать восемь лет и четыре месяца, а в мире жил тридцать лет, всего же он прожил шестьдесят восемь лет и четыре месяца.

По преставлении преподобного Иринарха совершалось много чудес при его гробе. Составитель жития, ученик его Александр, записал тринадцать чудесных исцелений от разных недугов, особенно же от беснования. На больных обыкновенно возлагали животворящий крест трудов Иринарха, иногда цепь его или другие, носившиеся им тяжести. Брали также землю от его гробницы и пили с нее воду. Совершалось немало чудес и впоследствии.

И в настоящее время нередко многие страждущие, во время молебна преподобному Иринарху, надевают на себя те или другие из оставшихся после него тяжестей, веруя в целебную их силу.

Первое избиение преподобных отцов в Синае и Раифе

Память 14 января

В 14-й день января вспоминается двукратное избиение иноков, подвизавшихся в обителях и пещерах горы Синайской[536] и в сопредельной с Синаем прибрежной пустыне Раифе. Первое избиение совершено было в четвертом веке. Оно описано Аммонием, египетским иноком, очевидцем этого события. Аммоний повествует об этом так:

«Однажды, когда я сидел в своей скромной келье, в стране Александрийской, в месте, называвшемся Каново, у меня явилась мысль пойти в Палестину. Я не мог спокойно смотреть, как христиане терпят нескончаемые страдания от нечестивых мучителей, и святой отец наш, патриарх Петр, вынужден переходить с места на место и скрываться, лишенный возможности твердо управлять своим словесным стадом. Вместе с тем я желал поклониться святым местам в Иерусалиме, по которым ходил Господь наш Иисус Христос, совершая тайну Своего промышления о нас. Придя туда, я глубоко радовался о всех чудных делах Божиих и горячо благодарил милосердного Господа, что Он удостоил меня поклониться святым местам. Потом я отправился с некоторыми иноками в пустыню и, с помощью Божией, достиг через восемнадцать дней Синайской горы и поклонился там святым местам. Оставаясь там, я наслаждался общением и беседами с ангелоподобными синайскими отцами и ежедневно, для своей душевной пользы, приходил в кельи каждого из них. У них был такой устав: безмолвными сидели они все дни в своих кельях; вечером же в субботу, при наступлении воскресного дня, все собирались в церковь и вместе совершали всенощное бдение; причастившись поутру за святой литургией святых бессмертных Христовых Таин, каждый из них снова уходил в свою келью. Вид их был подобен Ангельскому: от сильного воздержания и непрестанного бодрствования тела их были изнурены, и они жили подобно бесплотным, – не употребляя в пищу ничего

такого, что может возбуждать и питать страсти. Они совсем не вкушали ни вина, ни масла, ни хлеба, но довольствовались лишь небольшим количеством фиников или желудей и только этим поддерживали свою жизнь. Однако для странников имелся иногда у настоятеля и хлеб.

Спустя несколько дней после того на эту страну внезапно напало множество варваров, называвшихся Влеммианами[537]. Они нещадно избили всех отцов, которых нашли в окрестностях. Мы, жившие близ пирга[538], смутились и встревожились; поспешно собрались мы в укрепленное место, вместе со своим святым отцом настоятелем, по имени Дулой, – ибо он поистине был рабом Христовым, отличавшимся между всеми особенным терпением и кротостью, почему некоторые называли его и Моисеем. Упомянутые варвары избили всех отцов, живших в Хориве[539], в Тефровиле, много святых погубили они в Кидаре, опустошили и прочие окрестности Синайской горы. Подошли они и к нам и, не встречая ниоткуда сопротивления, едва было не погубили нас. Но милосердный Бог, являющий Свою помощь тем, которые призывают Его всем сердцем, ниспослал на вершину горы великий пламень, и мы видели, что вся гора была покрыта дымом, и из нее выходил огонь, поднимавшийся до неба. При виде этого, мы пришли в трепет и едва не умерли от страха. Упав ниц на землю, мы молились Господу, чтобы миновало нас угрожающее нам бедствие. Ужас напал на варваров, когда они увидели огонь, и они тотчас же обратились в бегство, причем некоторые побросали даже свое оружие и оставили верблюдов, ибо вид этого ужасного огня был для них совершенно невыносим. Мы же благодарили и прославляли Бога, Который не оставляет до конца обращающихся к Нему. После того мы сошли с пирга и нашли в различных местах убитых мечом тридцать восемь отцов, из которых каждый был убит там, где был захвачен. На телах их было множество разнообразных ран, – и кто мог бы описать образ их мученической смерти? Двое же из них, Исаия и Савва, оставались еще живы, но были весьма изранены и еле дышали. Мы тотчас же с великими слезами похоронили убитых отцов и позаботились о живых. Да и кто бы мог быть настолько

жестоким и немилосердным, чтобы не оплакивать горько столь многих и таковых отцов, – мужей праведных и святых, жалостным образом распростертых на земле? У одного голова была отрублена совсем, у другого держалась только на коже с одной стороны; один был перерублен пополам, у другого отсечены руки и ноги, у одного выколоты глаза, другой с головы до ног рассечен надвое. Да и кто мог бы описать подробно все, что мы видели, убирая и погребая тела святых? Двое еще живых братьев лежали, тяжко страдая. Один из них, по имени Исаия, умер во втором часу ночи, другой же – Савва – оставался жив, и была надежда на его выздоровление, ибо раны его были не особенно тяжелыми. Он благодарил Бога за свои страдания, но скорбел, что не удостоился умереть вместе со святыми отцами и с плачем говорил:

– Горе мне грешному! Горе мне, не вошедшему в число святых отцов, пострадавших и умерших за Христа! Горе мне, непотребному рабу, отвергнутому в одиннадцатый час (Ср. Мф.20:6), стоявшему уже на пороге спасительного Царства Христова, но не вошедшему в него!

Со слезами молился он Богу и говорил:

– Боже Вседержитель, ниспославший для спасения рода человеческого Своего Единородного Сына, единый и благой Человеколюбец, не разлучай меня с умершими прежде святыми отцами, но да восполнится через меня четыредесятное число их! Соблаговоли на это, Господи Иисусе Христе, ибо я с самого рождения был Твоим последователем и Тебя единого возлюбил!

Среди такой молитвы на четвертый день по избиению святых отцов он и предал свой дух в руки Господни.

Когда мы еще скорбели и плакали, пришел к нам один измаильтянин[540], и сообщил, что варварами перебиты все подвижники, жившие во внутренней пустыне, называемой Раифой[541]. Эта пустыня, находившаяся от нас на расстоянии более двух дней пути, лежала в приморских местах, по берегу Чермного моря. Там было двенадцать источников воды и, как говорится в книге Чисел (Числ.33:9), семьдесят финиковых пальм, число которых потом весьма увеличилось. Мы

спрашивали этого человека, при каких обстоятельствах и сколько было избито отцов, но он ничего не мог рассказать нам об этом, ибо и сам он слышал от других только то, что жившие в Раифе отцы избиты были все без исключения – от старшего до младшего. Спустя несколько часов это известие подтвердил нам и другой. А через несколько дней пришел, чтобы поселиться на Синайской горе, один из тамошних иноков. Узнав о нем, игумен Синайской горы, отец Дула, начал тщательно расспрашивать его, желая в подробности узнать о всем постигшем святых отцов, также и о том, каким образом ему самому удалось спастись бегством. Тогда инок рассказал следующее:

– Я, отцы, немного жил с ними, – только около двадцати лет, – но были там и такие, которые жили подолгу: одни по сорок лет, другие по шестьдесят, а некоторые и по семьдесят. Местность эта весьма ровная и очень широкая; в длину она простирается на семьдесят поприщ, с востока ограничена горою, – как бы какою-либо стеною, – до самого Чермного моря[542]. Там обитало много отшельников, которые, согласно апостольскому слову (Евр.11:38), скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. У подошвы горы стояла церковь, в которую еженедельно собирались эти поистине небесные мужи. Живя на земле, они были похожи по душе и образу жизни на Ангелов. Тела свои они так изнуряли, – как будто то были не их тела, а чужие; души же они украшали не одною какою-либо добродетелью, но весьма многими. Желая изобразить их страдания и смерть, вообще – все причиненное им бесами искушение, не могу, возлюбленные, рассказать по порядку о всех их добродетелях. Но я передам вам об одном или о двух отцах, и этого будет довольно для вас, чтобы иметь понятие о жизни и всех прочих.

Был между ними один старец, по имени Моисей. Происходя по рождению из соседней страны Фаранской[543], он с юности возлюбил иноческую жизнь. Он был настоятелем у живших там прежде отцов, пробыв в иночестве семьдесят три года. Живя в одной пещере, поблизости от монастыря, он поистине был вторым Илией Фесвитянином[544], ибо Господь подавал ему все,

чего бы он ни просил у Него. Чудесными знамениями и исцелением всяких болезней он обратил в христианство всех жителей, находившихся в пределах фаранских, равно как и измаильтян, живших в этой стране. Видя чудеса и совершаемые Моисеем исцеления, все преисполнялись верой во Христа и, принимая крещение, вступали в святую Церковь Христову. Много святой отец исцелял и бесноватых, ибо, по благодати Христовой, имел власть и над бесами. С самого начала своей подвижнической жизни он ни разу не вкусил хлеба, хотя и имел его в небольшом количестве для странников; этот хлеб давали ему навещавшие его Египтяне. Сам же он довольствовался несколькими финиками и простой водой; из той же финиковой пальмы он приготовлял и одежду себе; время проводил в строгом молчании – как никто другой, – нарушая его лишь ради приходивших к нему для исповедания своих помыслов; таких он принимал со вниманием и кротостью. Спал он очень немного, да и то уже после утренней службы, ночь же всю проводил без сна. В продолжение всего Великого поста, до самого Великого Четверга, он не говорил ни с кем. Во все это время пища его состояла приблизительно из двадцати фиников, питье – из одной кружки воды, и этого, по свидетельству его ученика, часто доставало ему до самых Страстей Христовых[545]. Однажды Великим постом к нему привели для исцеления Ведиана, начальника одного эфиопского племени, который был одержим нечистым духом. Когда подошли к келье старца на расстояние одного поприща, нечистый дух поверг Ведиана на землю и начал восклицать:

– Горе мне! К кому ведут меня! Ни на минуту не мог я соблазнить и искусить этого человека!

После таких слов он вышел из Ведиана и тот тотчас выздоровел, уверовав во Христа вместе со многими другими, и потом удостоился святого крещения. Следовало бы рассказать вам и многое другое об этом праведнике, но по недостатку времени приходится умолчать. Он умер от руки напавших на нас варваров.

У этого дивного и блаженного отца был одноименный ему ученик, называвшийся тоже Моисеем. Будучи родом из

Фиваидской страны[546], он прожил при нем в безмолвии сорок шесть лет, ни в чем не отступая от правил своего отца, и был примером для прочих молодых иноков. Вместе с ним первоначально жил и я, но потом, по причине крайнего воздержания его, отделился от него. Вместе со святыми отцами и он был также убит. Весьма полезно было бы вспомнить и рассказать о жизни и добродетелях каждого из этих отцов. Но, за недостатком времени, умолчав о прочих, я скажу лишь об одном еще праведнике.

Был между ними один отец, по имени Иосиф, родом Аналитин. Живя от моря на расстоянии двух поприщ, он построил себе своими руками жилище; он был человек святой жизни и поистине муж мудрый и добродетельный. Он пробыл на том месте около тридцати лет; ученик его жил не вместе с ним, но недалеко от него в другой келье. К сему преподобному Иосифу пришел однажды за наставлением один из братий. Он постучал в дверь, но, не слыша ответа, заглянул в оконце и увидел старца стоящим посреди кельи как бы в пламени с головы до ног. Он упал от страха и лежал в оцепенении, как мертвый, до двух часов. Придя в себя, он сел у дверей кельи. Погруженный в богомыслие старец не знал о случившемся. В пять часов брат этот снова постучал. Старец впустил его и спросил:

– Когда ты, сын мой, пришел?

– Часа четыре или больше, – отвечал он, – прошло с тех пор, как я пришел, но не стучал до этих пор, чтобы тебе, отче, не помешать.

Святой старец догадался, что брат знает о бывшем с ним; ничего он не сказал ему об этом и, дав ему душеполезное наставление, с миром отпустил его. Но, по уходе этого брата, дивный старец, боясь человеческой славы, оставил свою келью и скрылся. Спустя несколько дней ученик его Геласий, придя в келью старца, уже не нашел его. Сколько потом он ни искал его в той пустыне, все поиски его оставались тщетными. С горькими слезами возвратился он в келью старца и поселился в ней, чтобы хотя в этом найти утешение для своей души.

Прошло шесть лет, и вот однажды, в девятом часу дня, кто-то постучался в двери кельи. Выйдя, Геласий вдруг увидал своего авву, стоящим около кельи. Изумленный неожиданному появлению его, он подумал, не дух ли это, но все же радостно сказал ему:

– Сотвори, отец мой, молитву.

Старец сотворил молитву, поцеловался с учеником и потом сказал ему:

– Хорошо ты сделал, сын мой, что сначала попросил о молитве, ибо многоразличны бывают козни дьявола.

Брат сказал ему:

– Почему захотел ты уйти от отцов и оставить меня, своего сына, – и вот я до этих пор был в горе и слезах?

– Сын мой! – отвечал старец, – почему я уходил, это ведает один Бог. Однако знай, что на самом деле до этого самого времени я не покидал ни этого места, ни тебя, и не было ни одной недели, в которую я не причащался бы в церкви, вместе с отцами, святых бессмертных Таин Христа Бога, нашего.

Брат очень удивился, что старец жил среди них, и никто не видел его.

– Зачем же ты, отец мой, теперь пришел ко мне, сыну твоему? – спросил он.

Старец отвечал:

– Уже настало, сын мой, время моей смерти, и я пришел, чтобы ты похоронил меня.

Преподав брату много душеполезных наставлений и утвердив его в благочестии, старец поднял к небу свои руки, помолился о нем и потом с миром почил о Господе. Тотчас же, после того как брат рассказал нам об этом, мы собрались с пальмовыми ветвями в руках, и с песнопениями перенесли его в церковь, причем лицо почившего сияло, как в древности – у пророка Моисея (Исх.34:29–30, 35). Мы похоронили его вместе с почившими раньше святыми и Божественными отцами. Много и другого я мог бы еще рассказать вам, но не буду, ибо уже пора приступить к рассказу о варварах: я вижу, что вы хотите знать, как они перебили святых отцов.

Так добродетельны были эти блаженные отцы, которые, живя в полной нищете, твердо претерпевали ради Господа всякие скорби и непрестанно пребывали в молитве и богомыслии. Всех нас жило там сорок три человека. И вот однажды пришли к нам двое каких-то людей и сообщили, что из Эфиопской страны приплыло через море на корабле множество варваров.

– Они схватили нас, когда мы плыли на лодке, – говорили пришельцы, – взяли в плен и стали говорить: покажите нам дорогу к городу, и мы пощадим за это вашу жизнь. Мы, против своей воли, должны были дать обещание, но сами стали выжидать, не подует ли южный ветер, чтобы нам уплыть от них. С Божией помощью, нам удалось ночью спастись на лодке, из их рук. И вот мы предупреждаем вас, чтобы вы побереглись на некоторое время, – как бы эти варвары не открыли вашего убежища и не перебили вас; их триста человек.

Узнав об этом, мы поставили при море сторожей, чтобы те известили нас, когда увидят корабль. Сами же мы собрались на всенощную службу и молились, чтобы Господь послал нам то, что служит на пользу душам нашим.

В первом часу ночи показался корабль с поднятыми парусами, который направлялся к нам. Жившие в Фаране миряне приготовились к битве, чтобы защищать своих жен и детей. Их было двести человек, не считая женщин и детей. Мы же собрались в свою, обнесенную оградою, церковь. Корабль с варварами, достигнув, под управлением кормчих, пристани, оставался в продолжение ночи у западного берега, под прикрытием горы, близ источников. При наступлении утра варвары, связав кормчих, удалили их, оставив на корабле только одного, а чтобы он не уплыл с кораблем, они оставили для надзора за ним своего товарища. Высадившись у источников, они вступили в бой с местными жителями, и с обеих сторон было пущено очень много стрел. Варвары, будучи более опытными в стрельбе, победили и обратили жителей в бегство, перебив из них сто сорок семь человек; остальные же убежали – кто куда мог, причем жен и детей их нечестивые варвары захватили себе. После этого они бросились, как дикие звери, на

нашу, упомянутую выше, ограду, рассчитывая найти у нас много золота. Окружив стены ограды, они начали громко поносить нас, намереваясь устрашить своими свирепыми криками. Среди такого бедствия и горя мы не знали, что делать, – только плакали и взывали к Богу. Одни из нас переносили эту скорбь мужественно, другие плакали, иные же молились и благодарили Бога; все же вместе, утешая друг друга, восклицали:

– Господи, помилуй!

Настоятель наш, святой Павел, стал среди церкви и сказал нам:

– Отцы и братия! Послушайте меня, грешного и недостойнейшего из всех. Всем вам хорошо известно, что мы по любви к Господу нашему Иисусу Христу удалились из суетного мира и, пребывая в этой суровой пустыне, удостоились понести Его благое иго в голоде, жажде и крайней нищете. Всяческую земную суету презрели мы, чтобы удостоиться участия в Небесном Царстве Его, и ничего другого мы не желаем, как чтобы постигла нас сейчас смерть. Зачем же нам предаваться печали и скорбеть, если наш Владыка хочет скорее освободить нас от этой суетной жизни и взять к Себе? Не радоваться ли нам должно, напротив? Радоваться и благодарить Господа должны мы, но отнюдь не унывать! Что может быть для нас более любезного и сладостного, как созерцать славу Господню и видеть Его Святой Божественный Лик? Отцы и братия! Вспомните, как мы всегда величали и прославляли святых мучеников, живших прежде нас, как, рассказывая друг другу о страданиях их за имя Христово, пылали желанием последовать им. Вот, наконец, время настало, и наше желание – пребывать вместе с ними в будущей жизни – исполняется. Поэтому не унывайте, не скорбите и не бойтесь, но соберите все свои силы и ободритесь, с твердостью примите смерть, и Бог с любовью примет вас в Свое Царство.

Иноки единогласно отвечали:

– Как ты сказал, честный отец, так мы и поступим, ибо, что «воздадим Господу за все благодеяния Его к нам? Чашу спасения примем и имя Господне призовем» (Ср. Пс.115:3–4).

Став лицом к востоку и подняв руки к небу, святой отец наш возгласил:

– Господи Иисусе Христе, Боже Вседержитель, упование и помощь наша! Не забудь нас, Своих недостойных рабов, но вспомни о нашем бедствии и нашей скорби, ибо весьма прискорбна душа наша. Укрепи нас в этот час бедствия нашего, прими с благоволением, как приятную жертву, наши души, ибо Тебе подобает слава и честь, ныне и всегда и во веки веков.

И лишь только успели все сказать: «аминь», тотчас же из святого алтаря во всеуслышанье раздался голос:

– «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28).

Страх и ужас напали на нас от этого голоса, у всех ослабели колена и сердца, ибо хотя дух и бодр, как сказал Господь (Мф.26:41), плоть же немощна; так что мы уже отчаялись в своей жизни и только обращали лица наши к небу. Между тем варвары, не встречая никакого сопротивления, перелезли с помощью длинных бревен через стены нашей ограды. Открыв двери, они ворвались внутрь с обнаженными мечами в руках, подобно диким волкам и хищным зверям. В дверях церкви сидел один святой, почтенного вида, старец по имени Иеремия. Схватив его, они стали требовать:

– Укажи нам вашего начальника!

Старец, нисколько не смутившись при виде их свирепых лиц и обнаженных мечей в руках, посмотрел на них и сказал:

– Что вы устрашаете меня, враги Христовы? Ничего не скажу я вам о том, о чем вы меня спрашиваете.

Стоял там поблизости и настоятель. Варвары удивились смелости этого мужа, – что он не только не боится их, но еще более раздражает. Удивление их перешло потом в ярость. Они связали ему руки и ноги, поставили его посреди себя обнаженным, и стали пускать в него стрелы. Все тело праведника было изранено стрелами. Восстав таким образом мужественно на дьявола и сокрушив главу змея, он прежде всех сподобился мученического венца и показал пример страдания старым и молодым.

Вслед за этим вышел к варварам и святой отец наш Павел и, указывая на себя перстом, воскликнул:

– Вот я, кого вы ищете!

И мужественный раб Христов безбоязненно предал себя врагам. Он не хотел и думать о тех ранах и муках, которые причинят ему нечестивцы, прежде чем умертвят его.

– Скажи нам, – где у тебя спрятано золото? – спросили они.

Он отвечал им тихо и кротко, как всегда привык говорить:

– Поверьте мне, что ничего земного я не приобрел во всю свою жизнь, кроме этих ветхих одежд, которые вы видите на моем теле.

При этом, взяв в руку одежды, он показывал их.

Тогда варвары изранили стрелами все тело его и пробили голову камнем, приговаривая: «Отдай свое богатство». Не достигнув ничего, после долгих истязаний они разрубили ему голову надвое, так что половины головы повисли на плечах, одна в одну сторону, другая – в другую. Получив множество и других ран, он лежал мертвым у ног убитого ранее отца – второй после него победитель дьявола. Я же, недостойный, при виде мучительной смерти святых, их крови и распростертых на земле тел, испугался и стал искать места, чтобы скрыться и потом спастись бегством. Заметив, что по левую сторону от церкви лежат сучья финиковой пальмы, я побежал туда и, пока варвары были заняты истязанием святого отца нашего Павла, успел спрятаться под ней. При этом я думал, что со мной непременно будет одно из двух: или я скроюсь здесь и избавлюсь от смерти, или меня найдут здесь и убьют вместе с отцами. Нечестивые варвары, оставив двух упомянутых отцов, когда те умерли, ворвались в церковь; неистово крича и размахивая мечами, они бросились на отцов и беспощадно перебили всех без исключения, от старого до малого.

Рассказывая нам об этом, инок горько плакал и рыдал; его рассказ, – передает Аммоний, – вызвал и с нашей стороны громкий плач и рыдание. Плакали все много. Слезы, подобно ручьям, струились из наших очей и омочали наши одежды.

– О братия, – продолжал со слезами этот инок свой рассказ, – как мне изобразить или как описать все горестное,

что видели глаза мои! Был там один великий отец, по имени Адам. У него был молодой ученик Сергий, лет пятнадцати. С младенческого возраста он воспитывал его, поучая иноческой жизни и борьбе с бесами. Варвары сжалились над красотой и молодостью Сергия и не умертвили его. Они вывели его за руку вон и хотели взять с собою. Юноша, видя, что его не хотят убивать вместе с отцами и братьями, но что он должен сопутствовать нечестивым варварам, горько плакал и рыдал. Потом, воспылав духом и отбросив всякий страх, он смело подбежал к варвару и, выхватив у него меч, ударил им в плечо одного варвара; он хотел возбудить этим против себя злобу варваров, чтобы они убили его. Желание его исполнилось. Обезумев от злобы, варвары изрубили его в куски. Под ударами мечей он улыбался и говорил:

– Благословен Господь, Который не предал нас живыми в руки грешников, – и потом почил о Господе.

Я видел все это и молил всемилостивого и человеколюбивого Бога, чтобы нечестивые варвары не заметили меня, и чтобы таким образом было кому похоронить тела святых.

Тела убитых святых отцов наполняли кровью всю святую церковь. Они приняли смерть без страха и скорби, радуясь и благодаря Бога за свою участь. Мысли их были обращены к своему Владыке. Через праведную жизнь они сделали себя храмами для Святого Духа. Презрев прелесть и суету мирскую, они последовали одному Богу и, наконец, умерли за имя Его среди разного рода мучений.

Между тем варвары, перебив отцов, стали обыскивать весь монастырь, рассчитывая найти в нем много всяких богатств. Нечестивцы не знали, что святые отцы не заботились о приобретении ничего земного, но, живя во плоти, были подобны Ангелам. Пока все это происходило, я, хотя не имел на себе ни одной капли крови, лежал, однако, как мертвый. Я боялся, что варвары, ища сокровищ, могут приподнять сучья. Часто я высматривал из-под них и ждал, когда, наконец, придут ко мне и, найдя, убьют меня, как прочих. Смерть стояла пред глазами моими, и я молил Бога спасти меня, если это угодно Ему.

Действительно, варвары подошли к сучьям, но Бог ослепил их сердца и глаза: вещь эта показалась им нестоящей внимания, и они ушли. Затем, оставив мертвых святых отцов и не найдя никакой добычи, они снова возвратились к пристани, чтобы отправиться морем в свой путь. Но когда они пришли на место, то нашли свой корабль разбитым, ибо оставленный для охраны корабля кормчий перерезал, тайно от бывшего с ним варвара, веревку корабля. Ветер прибил корабль к берегу, и он разбился об него, кормчий же, убив варвара, убежал и скрылся в горах. Потеряв корабль, варвары не знали, что им делать и как возвратиться в свою землю. В отчаянии и свирепой злобе, они бросились с мечами на своих пленников и перебили их всех, не исключая женщин и детей, потом развели огонь и пожгли все финиковые деревья.

Между тем из города Фарана пришло множество отборных воинов, числом до шестисот, ибо до них уже дошел слух об избиении святых отцов в Раифе. Узнав об этом, варвары приготовились к битве и с восходом солнца вступили на берегу моря в бой с пришедшими. С обеих сторон было пущено множество стрел, причем фаранские жители, как более многочисленные, стали одерживать верх и перебили уже много варваров. Так как для последних не было надежды на спасение, то они защищались и держались до девятого часа. Ими было убито восемьдесят четыре фаранских жителя, не считая многих раненых. Варвары же пали все поголовно, отнюдь не сдаваясь врагам и не сходя со своего места. Пока это происходило, я, собравшись понемногу с духом, выполз из места, в котором скрывался. Когда я ощупал тела убитых святых, то оказалось, что умерли уже все, кроме лишь троих: Домна, Андрея и Ориона. Из них Домн мучился жестоко от тяжкой раны в боку. Андрей, хотя имел и много ран, но не очень тяжелых, почему и остался жив. Орион же совсем не был ранен. Варвар ударил его мечом в правый бок, и меч, совсем не коснувшись его тела, вышел через одежду с левой стороны. Варвар, думая, что Орион убит, оставил его и обратился к другим; Орион же лег между убитыми и лежал как мертвый. Встав теперь, он обходил

вместе со мною тела святых, плача и рыдая о постигшем их бедствии.

После этого фаранские жители, оставив тела варваров у морского берега на растерзание зверям и хищным птицам, собрали тела своих друзей и с плачем похоронили их под навесом горы, где были источники. Потом они возвратились к нам; пришел с ними и князь их Ведиан, которого, как раньше было сказано, преподобный Моисей исцелил от беснования. Войдя вместе с ним в церковь, мы рыдали, били себя в грудь и горько плакали, видя стадо Христово поверженным на землю, – подобно овцам, растерзанным зверями. Почтенные старцы, украшенные честными сединами, казались юными, подобно Ангелам, ибо добродетельность их жизни сияла на их лицах, как свет утренней зари. Рабы и мученики Христовы лежали, покрытые страшными и тяжкими ранами: один имел рану от плеча до живота, другой лежал перерубленный пополам; у одного была отсечена голова, у другого выколоты глаза, третьему отрубили руки и ноги, четвертому в сердце вонзилось копье. Так скончались они все с различными ранами на своих телах. При жизни они всегда носили в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле их (2Кор.4:10). После богоугодно проведенной жизни они просветились при кончине своею кровью и причислились через то к сонму святых.

Мы собрали тела святых в одно место. Благочестивый князь Ведиан принес, вместе с другими, из Фарана светлые одежды, и мы похоронили тридцать девять святых отцов. Все, кто оказался там в то время, взяли вербы и финиковые ветви и понесли честные мощи святых с пением псалмов, вместе – и с горькими слезами. Их похоронили всех вместе, кроме лишь Домна. Вышеупомянутый же Домн, по происхождению римлянин, был еще жив; к вечеру же и он почил о Господе. Его похоронили рядом со святыми отцами. Святые мученики Христовы скончались четырнадцатого числа месяца января, в девятом часу дня. Отец Андрей и отец Орион колебались, не зная, на что решиться – оставаться ли там, или уходить. Я же не мог вынести печали и запустелого вида этого места, не мог

осилить слез об убитых отцах, и вот пришел к вам, хотя благочестивый Ведиан и уговаривал меня остаться там, обещая часто посещать меня и приносить нам все нужное. Прошу вас, отцы, в свою очередь, рассказать мне о всем случившемся здесь, подобно тому как сами подробно узнали от меня обо всем.

– Мы, – говорит Аммоний, – рассказали ему обо всем, что произошло здесь, и дивились чудным судьбам Божиим, – как в один день и в одно число и там и здесь были убиты святые отцы, – и снова все вместе стали плакать и рыдать. Преподобный отец наш Дула встал и сказал:

– Возлюбленные мои! Святые мученики, как избранные рабы Христовы, поистине удостоились теперь, когда запечатлели свои подвиги мученическим венцом, блаженства в Царстве Небесном, великой славы и чести. Мы же, уцелевшие от недавнего бедствия, позаботимся о себе и будем просить их молитв за нас ко Господу, чтобы и нам унаследовать вместе с ними Царство Небесное; теперь же вознесем благодарственное пение Богу, спасшему нас от руки варваров.

Такими словами он ободрил всех нас, обратил в радость печаль наших сердец и утешил наши души.

Я, грешный Аммоний, с помощью Божией возвратился в Египет и написал рассказ обо всем этом. Я не пошел уже снова на прежнее место, называемое Каново, но поселился в небольшой келье, близ Мемфия[547]. Живя в ней, часто с благоговением я вспоминаю о мучениях и подвигах преподобных мучеников Христовых. Вместе с ними, да подаст Господь и нам удостоиться участия в Его Небесном Царстве и насладиться неизреченными и нетленными благами со всеми любящими Его, ибо Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, с Безначальным Его Отцом и Всесвятым и Благим и Животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Тропарь, глас 4:

Боже отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не остави милость Твою от нас, но молитвами их в мире управи живот наш.

Кондак, глас 2:

От мирския молвы избегосте и к тихому пристанищу преставистеся, мученичества кровьми и постничества трудами венчаеми. Темже и показастеся мучеников и преподобных единовсельницы.

Второе избиение преподобных отцов в Синае и Раифе

Память 14 января

Прошло много лет после первого избиения преподобных отцов Синайских, и снова, в дни преподобного Нила Постника, варвары напали на Синайскую гору. Они кочевали в пустыне, простиравшейся от Чермного моря, между Аравией и Египтом, до Иордана, и проживали не в городах и домах, но в шатрах. Переходя с места на место, они останавливались станом на более продолжительное время там, где находили хорошую воду и пастбище для своего скота. Средства к жизни они добывали не каким-либо ремеслом, или торговлей, или земледелием, но – охотой на зверей, главным же образом, разбоем. Вооруженные мечами, луками и копьями, они только тем и занимались, что нападали на чужие селения и производили разбой по дорогам.

Преподобные отцы, избравшие себе, для Бога, уединенную жизнь в Синайской пустыне, жили – одни в пещерах и каменных ущельях, другие – в небольших кельях, выстроенных вблизи водных источников, иные же – при церкви. Питались они сырыми кореньями и финиками, равно как и овощами, встречавшимися в той местности. Редко кто из них вкушал хлеба, ибо они проводили жизнь в великом воздержании и строгом посте: один из них вкушал пищу через день, два, или три дня, а были и такие, которые подкрепляли пищей свою немощную плоть только один раз в неделю. Жизнь всех их была подобна Ангельской. Как бы забывая о своем теле, они заботились о душе своей и думали только о том, чтобы угодить Господу. Они служили Ему усердно и пламенно, славословя Его день и ночь. Непрерывно молясь и воспевая псалмы, они все в воскресный день собирались в церковь и, проведя всю ночь в молитве, причащались поутру Божественных Таин и потом, снова разойдясь по своим кельям, пребывали в безмолвии.

Был между ними и преподобный Нил Постник. Ранее он занимал место епарха[548] в Царьграде и, живя в честном супружестве, имел двоих детей. Потом, по согласию со своей

женой, он оставил мир: супруга Нила с дочерью удалилась в Египет и там, в одном из женских монастырей, восприяла иноческий образ. А блаженный Нил с сыном своим Феодулом удалился на Синайскую гору; здесь он был очевидцем причиненного варварами бедствия и впоследствии описал это избиение святых отцов. Живя на горе, преподобный Нил имел обыкновение посещать отцов, проживавших в окрестностях. Однажды он спустился вместе с сыном с горы и пришел к отцам, которых застал за общей трапезой. Пресвитер тамошний, блаженный Феодул, сказал, между прочим, во время трапезы:

– Кто знает, придется ли нам еще раз до смерти собраться всем вместе за этой трапезой?

Так сказал он, провидя духом близкое бедствие. На другой день, после утрени, варвары неожиданно напали на святое место. Подобно неистовым псам, они окружили обитель и, потрясая воздух дикими криками, старались привести в страх находившихся в ней. Потом они бросились к кладовым, где было собрано для постников немного пищи и хранились на зимнее время сушеные овощи для подкрепления иноков среди великих их трудов. Прежде всего варвары разграбили эту пищу, потом устремились к церкви, в которой собрались отцы, вывели из нее всех вон, сорвали с них ветхие одежды и преклонных летами старцев поставили нагими в ряд, чтобы удобнее было убивать их. Блаженному Феодулу, пресвитеру святого места, который накануне сделал предсказание о смерти, они приказали первому наклонить голову под меч; два свирепого вида варвара стали с обнаженными мечами по сторонам его. Наклонившись под мечом, он не обнаруживал никакого страха, лишь тихо сказал:

– Благословен Господь!

Оба варвара, один за другим, ударили его; одна рана была от хребта и до челюсти, другая – от плеча до груди; праведник упал на землю. После этого взяли и умертвили и другого старца, который жил вместе с пресвитером. У тамошнего пресвитера был в услужении один отрок; ему варвары приказали подбирать рассыпанные плоды, причем они показывали вид, – будто бы хотят пощадить его, как пригодного

для услужения. Когда же он нагнулся и стал подбирать плоды, один из стоявших позади варваров, извлекши незаметно меч, нанес отроку жестокий удар и умертвил его.

Когда происходило избиение и других отцов, некоторые из варваров, очевидно – по особому воздействию на них Божиему, дали рукою знак прочим инокам, чтобы они бежали. Те, которые были покрепче телесными силами и могли бежать, действительно побежали, направляясь через долину к малодоступной для варваров горе. Собрав свои силы, побежал с ними и блаженный Нил и таким образом избавился от смерти. Сын же его Феодул остался в руках варваров. Так как он был весьма красив лицом, то они не убили его, а, связав, взяли с собою с тем, чтобы принести его в жертву утренней заре, которую почитали вместо Бога. Не зная истинного Бога, они не поклонялись и идолам, не почитали никого из языческих богов; они служили лишь утренней заре; и всегда отдавали ей в жертву лучшую добычу, чаще же всего закалали в честь ее наиболее красивых из пленных юношей, для каковой цели они пощадили и сына преподобного Нила.

Разграбив и другие, находившиеся по соседству, иноческие обители и перебив в разных местах много святых отцов, варвары ушли.

Нил Постник, взирая с вершины горы на отведение в плен сына и на жестокую смерть преподобных отцов, безутешно рыдал и с плачем говорил:

– О блаженные, трижды блаженные отцы! Где теперь труды вашего воздержания? Где непрерывное перенесение скорбей? Получили ли вы венец за многие подвиги ваши? Это ли награда за долговременное иночество? Неужели вы тщетно проходили предлежавший вам путь? Справедливо ли терпеть за добродетель бедствие? Ибо Промысл Божий оставил вас без помощи, когда убивали вас, правда не защитила вашей невинности против убийц, но нечистая рука возмогла вооружиться на святые тела, и нечестие может хвалиться, что оно победило. Как не возожгла купина своего древнего пламени и не попалила беззаконников (Исх.3:2)? Как земля не раскрыла своих уст и не поглотила их, как некогда – Корея со всеми его

единомышленниками (Числ.16:32)? Как не возгремели раздававшиеся некогда с Синая страшные трубные звуки, молнии и громы (Исх.19:16), которые устрашили бы нечестивых? – Но замедлило возмездие Всемогущего: ни убийц не поразил Он свыше, ни убиваемых не избавил всесильною рукою, – чтобы варвары познали, при виде чудес, непобедимую силу Божию. Так беспомощно, подобно бессловесным жертвам, пали святые отцы среди купины[549], на той самой горе, с которой был дан закон. Где была тогда та сила, которая потопила в море Египтян и приготовила им гроб на дне моря (Исх.14:28)? Та сила, что побила каменным градом врагов израильтян и дала победу своему народу без крови и труда (Нав.10:11)? Где скрыл Свою помощь Всевышний, заградивший пасти львов, чтобы они не причинили вреда Даниилу (Дан.6:16), и угасивший, для вавилонских отроков, силу огня, чтобы сделать через то явным благочестие их (Дан.3:24)? Как же Он мог скрыть добродетель этих рабов Своих, оставив их беззащитными, как будто бы они вовсе не заслуживали Его помощи?

Блаженный говорил так по причине сердечной боли и великой скорби. Душа, пораженная тяжкими страданиями, склонна бывает иногда говорить многое без размышления; ибо помощь Божия нередко оставляет праведников, отдавая их под власть мучителей на разного рода мучения и неповинную смерть, и это с тою целью, – чтобы добродетель их явилась очищенною, подобно золоту, вера их воссияла подобно светильнику, и чтобы они сподобились тем большей награды на небесах. Несомненно, и сии преподобные, вместе с избранными ранее отцами, причислены к лику святых мучеников и ныне прославляются в Царствии Христовом.

При наступлении вечера преподобный Нил и другие спасшиеся вместе с ним осмелились сойти с горы, чтобы предать погребению тела перебитых святых. Преподобного Феодула пресвитера они нашли еще дышащим и едва могущим говорить. Они сидели возле него в течение всей ночи и плакали. Старец же говорил им:

– Не смущайтесь при виде постигшего нас бедствия, ибо сатана имеет обыкновение просить у Бога, чтобы Он попустил

искусить тех, которые стараются угодить Ему; подобным образом он просил позволения поразить бедствиями Иова, у которого погубил и детей. Но Господь-Подвигоположник знает, для чего предает во власть врага Своих подвижников: сие Он делает для того, чтобы дать терпимым страдальцам величайшую награду. Если Иову Господь воздал вдвое против того, что он потерял (Иов.42:10), то любящих Его и ради Него страдающих ожидает несравненно большее – «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор.2:9).

Говоря так и простившись с окружающими, старец скончался и был погребен, вместе с прочими убитыми отцами, еще до восхода солнца. Тем временем явился в обитель один юноша, убежавший от варваров. То был раб боярина Магедона, которому случилось быть тогда в этих местах по делам народного правления. Этого боярина варвары схватили где-то на дороге вместе с сыном его. Ограбив их, они убили сначала сына на глазах у отца, а потом умертвили и его самого. Юноша же, находившийся в числе рабов его, спасся бегством и явился в разгромленную обитель, трепеща от страха, как будто бы за ним гнались и настигали его. Святой Нил стал расспрашивать этого юношу, как ему удалось бежать. Тот рассказал:

– Я был связан вместе с твоим сыном; вчера варвары начали говорить между собой и совещаться – как мне тайно рассказал один из пленников, знающий их язык, – чтобы при наступлении утра принести в жертву утренней заре нас обоих – меня и твоего сына, для чего они уже соорудили и жертвенник из камней и возложили на него дрова. Я сообщил об этом твоему сыну и говорил ему, что если мы не спасемся бегством, то нам уже не видеть более восхода солнца. Он же из боязни быть пойманным остался, говоря:

– Если так угодно Богу, то невозможно избежать смерти и укрыться, – даже если бы кто скрылся в самых неприступных и тайных местах.

Я же глубокою ночью, пользуясь тем, что варвары, сильно упившись с вечера, крепко спали, освободился от связывавших меня веревок и выбрался ползком, подобно змее, далеко за

пределы их стана, а потом, встав на ноги, стремительно побежал и, подгоняемый страхом, несся, как на крыльях. Я боялся, как бы они, заметив мой побег, не погнались и не настигли меня; даже и сейчас еще я не могу освободиться от страха и трепета: жестокие мучения, которым подвергали варвары в моем присутствии других, живо стоят в уме моем, и я как бы сейчас вижу их своими глазами.

И рассказал юноша тот об убиении многих святых отцов.

– На одном привольном месте, – говорил он, – где была вода, варвары остановились на отдых. И вот они увидали в горе небольшую пещеру. Бросившись к ней, они вывели оттуда старца почтенного вида, которого потащили с горы и побили камнями. Потом, пройдя немного еще, схватили и побили камнями одного молодого инока – худощавого и с бледным лицом. После этого им встретилось густо заросшее лесом место с небольшой пещерой, в которой спасался один пустынник; он был молод годами, но стар по великим качествам своей души. Когда варвары потребовали, чтобы он вышел вон и отдал им свою одежду, пустынник отвечал:

– Жилище мое, в котором я проводил свою жизнь, пусть будет и гробом моим; здесь меня убейте. Одежды же своей я не сниму, чтобы не видеть своей наготы, на которую я не смотрел до этих пор. Сами снимите ее, когда убьете меня, – тогда я буду мертв и ничего не буду знать о себе.

Варвары снова обратились к нему и потребовали, чтобы он указал тайные монастыри в той пустыне, обещая пощадить ему за это жизнь. Но он отвечал:

– Хотя я и знаю места, где живут святые мужи, однако, не скажу вам, ибо не хочу быть предателем рабов Божиих.

Мужество и смелость пустынника привели в ярость нечестивцев, и они, проникнув в пещеру, изрубили его мечами в куски. Пройдя еще далее пустынею, они встретили троих отцов и, бросившись на них, убили их мечами. Потом они увидели издалека два монастыря, находившиеся на небольшом расстоянии один от другого. Разделившись на два отряда, они направились к ним, но что они сделали там, как и кого из отцов убили, этого я не знаю (так говорил тот юноша, спасшийся

бегством); видел я только издали, как один инок бежал, а варвары, преследуя, поражали его стрелами; потом, когда он упал обессиленным, умертвили его мечами и копьями. В следующую затем ночь я убежал, как о том сказал вам ранее. Что стало с твоим сыном, – Бог знает. Я оставил его живым, но без надежды на жизнь, ибо с появлением утренней зари он непременно должен был умереть, будучи принесен ей в жертву.

Услышав это, преподобный Нил неутешно плакал и рыдал о смерти своего сына. Больше всего удручало его то, что сын его должен быть заклан нечестивцами в жертву. Он взывал к Богу такими словами:

– Господи мой, Господи Боже отцов! Ради родившей Тебя Пречистой Богоматери, ради Твоей благости, – не попусти сыну моему погибнуть от руки варваров!

И Бог Своим особым промышлением сохранил отрока Феодула невредимым. Варвары крепко проспали до самого восхода солнца. Проснувшись и видя, что утренняя звезда уже скрылась и что один из оставленных для жертвы отроков убежал, они не стали совершать обычного жертвоприношения, но повели оставшегося отрока в свою сторону. Между тем жители Фарана послали своих вестников к агарянскому князю Аману с жалобой на его разбойников, – что они, в нарушение мирного договора, напали на иноков и причинили им такое зло. В то время блаженный Нил пошел с оставшимися в живых отцами в пустыню, чтобы, отыскав тела убитых святых, предать их погребению. И оказалось, что в Вефрамве убит Прокл, в Гефе Ипатий, Исаак был убит в монастыре, по имени Салаил, Макарий и Марк были убиты в соседней пустыне, Вениамин – за Елимом, Евсевий в Фоле, Илья в Азе[550]; последнего они нашли еще дышащим, – и принесли и положили его в келью, а сами возвратились для погребения других. Когда же возвратились, то нашли и его умершим возле сосуда с водою: мучимый жаждою по причине многих ран, он, лишь только вкусил воды, – тотчас упал и умер. Предав погребению всех, кого могли найти, они отправились в Фаран, чтобы узнать, какие известия принесут посланные от агарянского князя. Когда они входили в город, то одновременно возвратились и скороходы с мирным от князя

посланием. В нем он давал обещание немедленно наказать и предать смерти разбойников, которые осмелились на такие злодеяния; фаранским же жителям приказывал идти к нему безбоязненно и брать без выкупа пленников своих, кого застанут в живых. Жители Фарана собрались и отправились к агарянскому князю; пошел вместе с ними и блаженный Нил, чтобы узнать о своем сыне, – жив ли он в плену, или уже умер от руки варваров. И узнал он, что сын его жив. Он был продан в город Емесу[551], епископ же этого города выкупил его и сделал своим клириком. О всем этом сам преподобный Нил Постник подробно говорит в своем слове. Придя туда, преподобный нашел своего сына невредимым и здоровым. Весьма утешенный этим, он благодарил Бога. Епископ принял его с любовью, убедил его принять пресвитерский сан и потом обоих их – преподобного Нила и его сына Феодула – с честью отпустил к себе домой. Они пошли на Синайскую гору, к своему прежнему местопребыванию, и прожили там немало лет[552], усердно служа своему Владыке, Господу нашему Иисусу Христу, пред Которым сподобились потом, вместе с ликами преподобных отцов, предстать на небесах, славя Бога вовеки, аминь.

Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Иверии

Память 14 января

По благочестивому преданию, доселе хранимому в иверийской, равно как и всей восточной Православной Церкви, Иверия, которая называется также Грузией[553], есть удел Пренепорочной Божией Матери: по особой воле Божией, Ей выпал жребий благовествовать там для спасения людей Евангелие Своего Сына и Господа Иисуса Христа.

Святой Стефан Святогорец рассказывает, что, по вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо, ученики Его, вместе с Матерью Иисуса Марией, пребывали в Сионской горнице и ожидали Утешителя, согласно с повелением Христа – не отлучаться из Иерусалима, но ждать обетования от Господа (Лк.24:49; Деян.1:4). Апостолы стали бросать жребий, чтобы узнать, кому из них в какой стране назначается Богом проповедовать Евангелие. Пречистая сказала:

– Хочу и Я бросить вместе с вами Свой жребий, чтобы и Мне не остаться без удела, но чтобы иметь страну, которую Богу будет угодно указать Мне.

По слову Божией Матери, они бросили жребий с благоговением и страхом, и по этому жребию Ей досталась Иверийская земля.

Получив с радостью этот жребий, Пречистая Богородица хотела тотчас же, по сошествии Святого Духа в виде огненных языков, отправиться в Иверийскую страну. Но Ангел Божий сказал Ей:

– Не отлучайся теперь из Иерусалима, но оставайся до времени здесь; доставшийся же Тебе по жребию удел просветится светом Христовым впоследствии, и владычество Твое будет пребывать там.

Так рассказывает Стефан Святогорец. Это предопределение Божие о просвещении Иверии исполнилось спустя три столетия по вознесении Христовом, и исполнительницей его с ясностью и несомненностью явилась

Преблагословенная Богоматерь Дева. По прошествии указанного времени Она послала со Своим благословением и Своею помощью на проповедь в Иверию святую деву Нину.

Святая Нина родилась в Каппадокии и была единственною дочерью знатных и благочестивых родителей: римского воеводы Завулона, родственника святого великомученика Георгия, и Сусанны, сестры Иерусалимского патриарха. В двенадцатилетнем возрасте святая Нина пришла со своими родителями в святой город Иерусалим. Здесь отец ее Завулон, пылая любовью к Богу и желая послужить Ему иноческими подвигами, принял, по соглашению со своей супругой, благословение от блаженного патриарха Иерусалимского; затем, простившись со слезами со своей юной дочерью Ниной и поручив ее Богу, Отцу сирот и Защитнику вдов, он ушел и скрылся в Иорданской пустыне. И для всех осталось неизвестным место подвигов этого угодника Божиего, равно как и место смерти его. Мать святой Нины, Сусанна, была поставлена при святом храме братом ее – патриархом в диаконисы, чтобы служить нищим и больным женщинам; Нина же была отдана на воспитание к одной благочестивой старице Нианфоре. Святая отроковица имела такие выдающиеся способности, что по прошествии всего двух лет, при содействии благодати Божией, уразумела и твердо усвоила правила веры и благочестия. Ежедневно с усердием и молитвой читала она Божественные Писания, и сердце ее пылало любовью ко Христу, Сыну Божиему, претерпевшему для спасения людей крестные страдания и смерть. Когда она читала со слезами евангельские повествования о распятии Христа Спасителя и о всем происходившем при Кресте Его, мысль ее остановилась на судьбе хитона Господнего.

– Где же теперь находится сия земная порфира Сына Божиего? – спрашивала она свою наставницу. – Не может быть, чтобы погибла на земле столь великая святыня.

Тогда Нианфора сообщила святой Нине – что ей самой было известно из предания, именно: что к северо-востоку от Иерусалима есть страна Иверская и в ней – город Мцхет[554], и что именно туда хитон Христов был отнесен воином, которому

он достался по жребию при распятии Христовом (Иоан.19:24). Нианфора прибавила, что жители этой страны, по названию Картвелы[555], также соседние с ними армяне и многие горные племена до этих пор остаются погруженными во тьму языческого заблуждения и нечестия.

Глубоко запали в сердце святой Нины сии сказания старицы. Дни и ночи проводила она в пламенной молитве к Пресвятой Богородице Деве, чтобы Она удостоила ее увидеть Иверийскую страну, найти и облобызать хитон возлюбленного Сына Ее Господа Иисуса Христа, сотканный перстами Ее, Богоматери, и проповедать святое имя Христа не знающим Его тамошним народам. И Преблагословенная Богородица Дева услышала молитву Своей рабы. Она явилась ей в сонном видении и сказала:

– Иди в страну Иверийскую, благовествуй там Евангелие Господа Иисуса Христа, и обрящешь благоволение пред Лицом Его; Я же буду твоей Покровительницей.

– Но как, – спросила смиренная отроковица, – я, слабая женщина, буду в состоянии совершить столь великое служение?

В ответ на это Пресвятая Дева, вручая Нине крест, сплетенный из виноградных лоз, сказала:

– Возьми сей крест. Он будет для тебя щитом и оградой против всех видимых и невидимых врагов. Силою сего креста ты водрузишь в той стране спасительное знамя веры в возлюбленного Сына Моего и Господа, «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим.2:4).

Пробудившись и увидев в руках у себя чудный крест, святая Нина стала целовать его со слезами радости и восторга; потом она связала его своими волосами и пошла к дяде своему патриарху. Когда блаженный патриарх услышал от нее о явлении ей Богоматери и о повелении идти в Иверийскую страну для евангельского благовествования там о вечном спасении, то, увидев в этом явное выражение воли Божией, он не усомнился дать юной деве благословение идти на подвиг благовестия. И когда настало время, удобное для отправления в дальний путь, патриарх привел Нину в храм Господень к

святому алтарю и, возложив на голову ее свою святительскую руку, молился такими словами:

– Господи Боже, Спаситель наш! Отпуская сию сироту – отроковицу на проповедь Твоего Божества, предаю ее в Твои руки. Благоволи, Христе Боже, быть ей спутником и наставником всюду, где будет она благовествовать о Тебе, и даруй словам ее такие силу и премудрость, которым никто не в состоянии противиться или возражать. Ты же, Пресвятая Богородице Дева, Помощница и Заступница всех христиан, облеки свыше Своею силою, против врагов видимых и невидимых, сию отроковицу, которую Ты Сама избрала для благовествования Евангелия Сына Твоего, Христа Бога нашего, среди народов языческих. Будь всегда для нее покровом и неодолимой защитой и не оставь ее Своею милостью, пока не исполнит она Твоей святой воли!

В то время из святого града отправлялись в Армению пятьдесят три девы – подруги, вместе с одною царевною, Рипсимиею, и наставницею их Гаианией. Они бежали из древнего Рима от гонения нечестивого царя Диоклетиана, который хотел жениться на царевне Рипсимии, несмотря на то, что она дала обет девства и уневестилась Небесному Жениху-Христу. Святая Нина вместе с этими святыми девами достигла пределов Армении[556] и столичного города Вагаршапата[557]. Святые девы поселились за городом, под навесом, устроенным над виноградным точилом, и добывали себе пропитание трудами рук своих.

Вскоре жестокий Диоклетиан узнал, что Рипсимия скрывается в Армении. Он послал письмо к армянскому царю Тиридату – в то время еще язычнику [558] – чтобы тот отыскал Рипсимию и прислал ее в Рим или же, если хочет, взял бы ее себе в жены, ибо она, – писал он, – весьма красива. Слуги Тиридата скоро нашли Рипсимию, и когда царь увидел ее, то объявил ей, что желает иметь ее своею женою. Святая же с дерзновением сказала ему:

– Я обручена Небесному Жениху-Христу; как же ты, нечестивый, посмеешь прикоснуться к Христовой невесте?

Нечестивый Тиридат, возбужденный скотскою страстью, гневом и стыдом, отдал приказание подвергнуть святую мучениям. После многих и жестоких мучений Рипсимии вырезали язык, выкололи глаза и разрубили все тело ее на части. Точно такая же участь постигла и всех святых подруг святой Рипсимии и наставницу их Гаианию [559].

Лишь одна святая Нина спаслась чудесным образом от смерти: направляемая невидимой рукою, она скрылась в кустах дикой, еще не распустившейся розы. Потрясенная страхом при виде участи своих подруг, святая подняла очи свои к небу с молитвою о них и увидела вверху светоносного Ангела, опоясанного светлым орарем. С благовонным кадилом в руках, сопровождаемый множеством небожителей, он сходил с небесных высот; от земли же – как бы навстречу ему – восходили души святых мучениц, которые примкнули к сонму светлых небожителей и вместе с ними вознеслись в небесные высоты.

Увидав сие, святая Нина с рыданиями восклицала:

– Господи, Господи! Зачем же Ты оставляешь меня одну среди этих ехидн и аспидов?

В ответ на это Ангел сказал ей:

– Не печалься, но подожди немного, ибо и ты будешь взята в Царство Господа славы; сие будет тогда, когда окружающая тебя колючая и дикая роза покроется душистыми цветами, подобно розе, посаженной и возделанной в саду. Теперь же встань и иди к северу, где зреет жатва великая, но где жнецов нет (Лк.10:2).

Согласно этому повелению, святая Нина отправилась одна в дальнейший путь и, после долгого путешествия, пришла к берегу неизвестной ей реки, близ селения Хертвиси. Река же эта была Кура, которая, направляясь с запада к юго-востоку, до Каспийского моря, орошает всю среднюю Иверию[560]. На берегу реки ей встретились пастухи овец, которые дали немного пищи утомленной дальностью дороги путешественнице. Люди эти говорили на армянском наречии; Нина понимала армянский язык: с ним ознакомила ее старица Нианфора. Она спросила одного из пастухов:

– Где находится и далеко ли отсюда город Мцхет?

Тот отвечал:

– Видишь ли эту реку? По берегам ее, далеко вниз по течению, стоит великий город Мцхет, в котором господствуют наши боги и царствуют наши цари.

Продолжая отсюда путь далее, святая странница присела однажды, утомившись, на камне и стала раздумывать: куда ведет ее Господь? Каковы будут плоды трудов ее? И не напрасным ли будет столь далекое и столь нелегкое странствование ее? Среди таких размышлений она заснула на том месте и видела сон: ей явился муж величественного вида; волосы его ниспадали на плечи, и в руках у него был книжный свиток, писанный по-гречески. Развернув свиток, он подал его Нине и повелел читать, сам же вдруг стал невидим. Пробудившись от сна и увидев в руке своей чудесный свиток, святая Нина прочитала в нем следующие евангельские изречения: «Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (жена) (Мф.26:13). «Нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал.3:28). «Говорит им Иисус (женам): не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим» (Мф.28:10). «Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф.10:40). «Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам» (Лк.21:15). «Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк.12:11–12). «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28). «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф.28:19–20).

Подкрепленная сим Божественным видением и утешением, святая Нина с воодушевлением и новой ревностью продолжала свой путь. Преодолев по дороге тяжелые труды, голод, жажду и страх пред зверями, она достигла древнего Карталинского города Урбнисе[561], в котором оставалась около месяца,

проживая в еврейских домах и изучая нравы, обычаи и язык нового для нее народа.

Узнав однажды, что все мужчины этого города, равно как и прибывшие из окрестностей, собираются идти в столичный город Мцхет для поклонения своим ложным богам, отправилась туда с ними и святая Нина. Когда они подходили к городу, то встретили близ Помпеева моста поезд царя Мириана и царицы Наны; сопровождаемые многочисленной толпой народа они направлялись к находившейся против города горной вершине, чтобы совершить там поклонение бездушному идолу, называвшемуся Армазом.

До полудня погода стояла ясная. Но день этот, бывший первым днем прибытия святой Нины к цели своего спасительного для Иверийской страны посланничества, был последним днем господства там упомянутого языческого идола. Увлекаемая толпой народа, святая Нина направилась к горе, к месту, где находился идольский жертвенник. Найдя для себя удобное место, она увидала с него главного идола Армаза. Он был похож по виду на человека необыкновенно большого роста; выкованный из позолоченной меди, он был одет в золотой панцирь, с золотым же шлемом на голове; один глаз его был яхонтовый, другой же был сделан из изумруда, оба необыкновенной величины и блеска. Справа от Армаза стоял другой небольшой золотой идол, по имени Каци, слева же – серебряный идол, по имени Гаим.

Вся народная толпа, вместе со своим царем, стояла в безумном благоговении и трепете пред своими богами, между тем как жрецы делали приготовления к принесению кровавых жертв[562]. И когда, по окончанию их, воскурился фимиам, потекла жертвенная кровь, загремели трубы и тимпаны, царь и народ пали лицом на землю пред бездушными истуканами. Воспылало тогда ревностью пророка Илии сердце святой девы. Воздохнув из глубины души и подняв со слезами глаза свои к небу, она стала молиться такими словами:

– Всесильный Боже! Приведи народ этот по множеству милости Твоей в познание Тебя, Единого истинного Бога. Рассей эти истуканы, подобно тому, как ветер развевает с лица земли

пыль и пепел. Воззри с милостью на этот народ, который Ты создал Своею всемогущею десницею и почтил Своим Божественным Образом! Ты, Господи и Владыка, – так возлюбил Свое создание, что даже Сына Своего Единородного предал за спасение падшего человечества, – избавь души и этих людей Твоих от всепогибельной власти князя тьмы, который ослепил их разумные очи, так что они не видят истинного пути ко спасению. Благоволи, Господи, дать очам моим увидеть окончательное разрушение гордо стоящих здесь идолов. Сотвори так, чтобы и этот народ и все концы земли уразумели даруемое Тобою спасение, чтобы и север и юг возрадовались вместе о Тебе, и чтобы все народы стали поклоняться Тебе, Единому Предвечному Богу, во Единородном Твоем Сыне, Господе нашем Иисусе Христе, Которому принадлежит слава вовеки.

Еще не окончила святая сей молитвы, как вдруг грозовые тучи поднялись с Запада и быстро понеслись по течению реки Куры. Заметив опасность, царь и народ обратились в бегство; Нина же укрылась в ущелье скалы. Туча с громом и молниями разразилась над тем местом, где стоял идольский жертвенник. Гордо возвышавшиеся ранее идолы были разбиты в прах, стены капища были разрушены в прах, причем дождевые потоки низвергли их в пропасть, а воды реки унесли их вниз по течению; от идолов и от посвященного им капища не осталось таким образом и следа. Святая же Нина, хранимая Богом, невредимо стояла в ущелье скалы и спокойно смотрела, как внезапно вдруг разбушевались вокруг нее стихии, и потом снова воссияло с неба светозарное солнце. А все это было в день преславного Преображения Господня, – когда воссиявший на Фаворе истинный свет впервые преобразил на горах Иверии тьму язычества в свет Христов.

Напрасно на другой день царь и народ искали своих богов. Не найдя их, они пришли в ужас и говорили:

– Велик бог Армаз, однако, есть какой-то другой Бог, больший его, Который и победил его. Уж не христианский ли это Бог, Который посрамил древних армянских богов и сделал царя Тиридата христианином? – Однако в Иверии никто не слыхал

ничего о Христе, и никто не проповедовал, что Он – Бог над всеми богами. Что же такое совершилось, и что будет потом?

Спустя много времени после того святая Нина вошла, под видом странницы, в город Мцхет, причем называла себя пленницей. Когда она направлялась к царскому саду, то жена садовника, Анастасия, быстро вышла на встречу ей, как бы к знакомой и давно уже ожидаемой. Поклонившись святой, она привела ее в свой дом и потом, омыв ее ноги и помазав голову ее маслом, предложила ей хлеба и вина. Анастасия и муж ее упросили Нину остаться жить у них в доме, как сестру, ибо они были бездетны и скорбели о своем одиночестве. Впоследствии, по желанию святой Нины, муж Анастасии устроил для нее небольшую палатку в углу сада, на месте которой и до этих пор стоит небольшая церковь в честь святой Нины, в ограде Самтаврского женского монастыря[563]. Святая Нина, поставив в этой палатке врученный ей Богоматерью крест, проводила там дни и ночи в молитвах и пении псалмов.

Из этой палатки открылся светлый ряд подвигов святой Нины и чудес, совершенных ею во славу Христова Имени. Первым в Иверии приобретением Христовой Церкви была честная супружеская чета, приютившая у себя рабу Христову. По молитве святой Нины, Анастасия разрешилась от своего бесчадия и сделалась впоследствии матерью многочисленного и счастливого семейства, равно как – и первою женщиною, которая уверовала в Иверии во Христа раньше мужчин.

Одна женщина с громким плачем носила по улицам города своего умирающего ребенка, взывая ко всем о помощи. Взяв больное дитя, святая Нина положила его на свое устроенное из листьев ложе; помолившись, она возложила на малютку свой крест из виноградных лоз и потом возвратила его плакавшей матери живым и здоровым.

С этого времени святая Нина начала открыто и всенародно проповедовать Евангелие и призывать иверийских язычников и иудеев к покаянию и вере во Христа. Ее благочестивая, праведная и целомудренная жизнь была известна всем и привлекала к святой взоры, слух и сердце народа. Многие – и особенно жены еврейские – стали часто приходить к Нине,

чтобы послушать из ее медоточивых уст новое учение о Царствии Божием и вечном спасении, и начинали тайно принимать веру во Христа. Таковы были: Сидония, дочь первосвященника карталинских евреев Авиафара, и шесть других женщин – евреянок. Вскоре уверовал во Христа и сам Авиафар, – после того как услышал толкования святой Нины на древние пророчества об Иисусе Христе и как они исполнились на Нем, как Мессии. Впоследствии сам Авиафар так рассказывал об этом:

– Закон Моисеев и пророки вели ко Христу, которого я проповедую, – говорила мне святая Нина. – Он есть конец и завершение Закона. Начав с сотворения мира, как об этом говорится и в наших книгах, эта дивная жена рассказала мне о всем, что Бог устроил для спасения людей через обетованного Мессию. Иисус поистине есть Мессия, сын Девы, по пророческому предсказанию. Отцы наши, движимые завистию, пригвоздили его к кресту и умертвили, но Он воскрес, вознесся на небо и снова придет со славою на землю. Он – Тот, Кого ожидают народы и Кто составляет славу Израиля. Именем его святая Нина на моих глазах совершала много знамений и чудес, которые может совершить только одна сила Божия.

Часто беседуя с этим Авиафаром, святая Нина услыхала от него следующий рассказ о хитоне Господнем:

– Я слышал от своих родителей, а те слыхали от своих отцов и дедов, что, когда в Иерусалиме царствовал Ирод, евреями, жившими в Мцхете и во всей карталинской стране[564], было получено известие, что в Иерусалим приходили персидские цари, что они искали новорожденного Младенца мужского пола, из потомства Давидова, рожденного Матерью, без отца, и называли Его иудейским царем. Они нашли Его в городе Давидовом Вифлееме, в убогом вертепе, и принесли Ему в дар царское золото, целебную смирну и благовонный ладан; поклонившись Ему, они возвратились в свою страну (Мф.2:11–12).

Прошло после этого тридцать лет, – и вот прадед мой Елиоз получил из Иерусалима от первосвященника Анны письмо такого содержания:

«Тот, к Кому приходили на поклонение персидские цари со своими дарами, достиг совершенного возраста и стал проповедовать, что Он – Христос, Мессия и Сын Божий.

Приходите в Иерусалим, чтобы видеть смерть Его, которой Он будет предан по закону Моисееву».

Когда Елиоз собрался вместе со многими другими идти в Иерусалим, мать его, благочестивая старица из рода первосвященника Илии, сказала ему:

– Ступай, сын мой, по царскому зову; но умоляю тебя, – не будь заодно с нечестивыми против Того, Кого они вознамерились умертвить; Он – Тот, Кого предвозвестили пророки, Кто представляет Собою загадку для мудрецов, тайну, сокрытую от начала веков, свет для народов и вечную жизнь.

Елиоз вместе с Каренийским Лонгином пришел в Иерусалим и присутствовал при распятии Христа. Мать же его оставалась в Мцхете. Накануне Пасхи она внезапно почувствовала вдруг в своем сердце как бы удары молотка, вбивающего гвозди, и громко воскликнула:

– Погибло ныне царство Израиля, потому что предали смерти Спасителя и Избавителя его; народ сей отныне будет повинен в крови своего Создателя и Господа. Горе мне, что я не умерла ранее сего: не слыхала бы я этих страшных ударов! Не увидеть уже мне более на земле Славы Израиля!

Сказав это, она умерла. Елиоз же, присутствовавший при распятии Христа, приобрел хитон Его от римского воина[565], которому тот достался по жребию, и принес его в Мцхет. Сестра Елиоза Сидония, приветствуя брата с благополучным возвращением, рассказала ему о чудной и внезапной смерти матери и предсмертных словах ее. Когда же Елиоз, подтвердив предчувствие матери относительно распятия Христова, показал сестре хитон Господень, Сидония, взяв его, стала целовать со слезами, прижала потом его к груди своей и тотчас пала мертвой. И никакая сила человеческая не могла исторгнуть из рук умершей эту священную одежду, – даже сам царь Адеркий, пришедший со своими вельможами видеть необычайную смерть девицы и желавший также вынуть из рук ее одежду Христову. Спустя некоторое время Елиоз предал земле тело своей

сестры, вместе же с нею схоронил и хитон Христов и сделал это столь тайно, что даже и до сего времени никто не знает места погребения Сидонии. Некоторые предполагали только, что это место находится посредине царского сада, где с того времени сам собою вырос стоящий там и теперь тенистый кедр; к нему стекаются со всех сторон верующие, почитая его, как некоторую великую силу; там, под корнями кедра, по преданно и находится гроб Сидонии.

Услышав об этом предании, святая Нина стала приходить по ночам молиться под этот кедр; однако она сомневалась, действительно ли под корнями его скрыт хитон Господень. Но таинственные видения, бывшие ей на этом месте, уверили ее, что место это свято и в будущем прославится. Так, однажды, по совершении полуночных молитв, святая Нина видела: вот из всех окрестных стран слетались к царскому саду стаи черных птиц, отсюда же они полетели к реке Арагве[566] и омывались в водах ее. Спустя немного они поднялись вверх, но – уже белыми как снег, и потом, опустившись на ветви кедра, они огласили сад райскими песнями. Это было ясным знамением, что окрестные народы просветятся водами святого крещения, а на месте кедра будет храм в честь истинного Бога, и в сем храме Имя Господне будет славимо вовеки. Еще видела святая Нина, что будто горы, стоявшие одна против другой, Армаза и Задена, потряслись и пали. Слышала она также звуки битвы и вопли бесовских полчищ, как будто бы вторгшихся, в образе персидских воинов, в столичный город, и страшный голос, подобный голосу царя Хозроя, повелевающий предать все уничтожению. Но все это страшное видение исчезло, лишь только святая Нина, подняв крест, начертала им в воздухе знамение креста и сказала:

– Умолкните, бесы! Настал конец вашей власти: ибо вот Победитель!

Будучи уверяема этими знамениями, что близко Царство Божие и спасение иверийского народа, святая Нина непрестанно проповедовала народу слово Божие. Вместе с нею трудились в благовести Христовом и ученики ее – особенно же Сидония и отец ее Авиафар. Последний настолько ревностно и

настойчиво спорил с прежними своими единоверцами-иудеями об Иисусе Христе, что потерпел от них даже гонение и был осужден на побиение камнями; только царь Мириан спас его от смерти. И сам царь начал размышлять в своем сердце о Христовой вере, ибо он знал, что эта вера не только распространилась в соседнем Армянском царстве, но что и в Римской империи царь Константин победил именем Христа и силою Креста Его всех своих врагов, сделался христианином и покровителем христиан[567]. Иверия находилась тогда под властью римлян, и сын Мириана, Бакар, был в то время заложником в Риме; поэтому Мириан не препятствовал святой Нине проповедовать Христа и в своем городе. Питала злобу против христиан лишь супруга Мириана, царица Нана, женщина жестокая и усердная почитательница бездушных идолов, которая поставила в Иверии статую богини Венеры[568]. Однако благодать Божия, «немощных исцеляющая и оскудевающим восполняющая»[569], скоро исцелила и эту болящую духом женщину. Царица расхворалась; и чем более усилий употребляли врачи, тем сильнее делалась болезнь; царица была при смерти. Тогда приближенные к ней женщины, видя великую опасность, стали упрашивать ее, чтобы она позвала странницу Нину, которая одною только молитвою к проповедуемому ею Богу исцеляет всякие недуги и болезни. Царица приказала привести к ней эту странницу: святая Нина, испытывая веру и смирение царицы, сказала посланным:

– Если царица хочет быть здоровой, пусть придет ко мне сюда в эту палатку, и я верую, что она получит здесь исцеление силою Христа, Бога моего.

Царица повиновалась и приказала нести себя на носилках в палатку святой; следом за ней шли сын ее Рев и множество народа. Святая Нина, распорядившись, чтобы больную царицу положили на ее лиственное ложе, преклонила колена и усердно помолилась Господу, Врачу душ и тел. Потом, взяв свой крест, она положила его на голову больной, на ноги ее и на оба плеча и сделала таким образом на ней крестное знамение. Лишь только она совершила это, царица тотчас встала с одра болезни здоровой. Возблагодарив Господа Иисуса Христа, царица там

же пред святой Ниной и народом, – а после и дома – пред супругом своим царем Мирианом – громко исповедала, что Христос есть истинный Бог. Она сделала святую Нину своею приближенною подругою и постоянной собеседницей, питая свою душу ее святыми поучениями. Потом царица приблизила к себе мудрого старца Авиафара и его дочь Сидонию, причем научилась от них многому в вере и благочестии. Сам царь Мириан (сын персидского царя Хозроя и родоначальник в Грузии династии Сассанидов), еще медлил открыто исповедать Христа Богом, а старался, напротив, быть ревностным идолопоклонником. Однажды он вознамерился даже истребить исповедников Христовых и вместе с ними святую Нину, и это – по следующему случаю. Близкий родственник персидского царя, человек ученый и ревностный последователь Зороастрова учения, пришел в гости к Мириану и, спустя некоторое время, впал в тяжелый недуг беснования. Боясь гнева персидского царя, Мириан умолял через послов святую Нину, чтобы она пришла и исцелила царевича. Она приказала привести больного к кедру, который был посредине царского сада, поставила его лицом к востоку с поднятыми вверх руками и велела ему три раза повторить:

– Отрекаюсь от тебя, сатана, и предаю себя Христу, Сыну Божиему!

Когда бесноватый сказал это, тотчас дух, потрясши, повалил его на землю, как мертвого; однако, не будучи в силах противостоять молитвам святой девы, вышел из больного. Царевич же, по выздоровлении, уверовал во Христа и возвратился в свою страну христианином. Последнего Мириан испугался более, чем если бы этот царевич умер, ибо он боялся гнева персидского царя, который был огнепоклонником, за обращение ко Христу его родственника в доме Мириана. Он стал грозить предать за это смерти святую Нину и истребить всех находившихся в городе христиан.

Обуреваемый такими враждебными помыслами против христиан, царь Мириан отправился в Мухранские[570] леса, чтобы развеяться охотою. Беседуя там со своими спутниками, он говорил:

– Мы навлекли на себя страшный гнев своих богов за то, что дозволили чародеям-христианам проповедовать веру их в нашей земле. Впрочем, скоро я истреблю мечом всех, кто поклоняется Кресту и Распятому на нем. Прикажу отречься от Христа и царице; если же она не послушает, погублю и ее вместе с прочими христианами.

С такими словами царь поднялся на вершину обрывистой горы Тхоти. И вдруг внезапно светлый день обратился в непроглядную тьму, и поднялась буря, подобная той, которая ниспровергла кумир Армаза; блеск молнии ослепил глаза царя, гром рассеял всех спутников его. В отчаянии царь стал взывать о помощи к богам своим, но они не подавали голоса и не слышали. Почувствовав над собою карающую руку Бога Живого Царь воззвал:

– Боже Нины! Рассей мрак пред очами моими, и я исповедую и прославлю имя Твое!

И тотчас стало светло вокруг, и буря утихла. Изумляясь такой силе одного лишь имени Христова, царь обратился лицом к востоку, поднял руки свои к небу и со слезами взывал:

– Боже, Которого проповедует раба Твоя Нина! Ты один поистине Бог над всеми богами. И вот ныне я вижу великую Твою благость ко мне, и мое сердце чувствует отраду, утешение и близость Твою ко мне, Боже благословенный! На сем месте я воздвигну древо креста[571], чтобы на вечное время было памятно явленное Тобою мне ныне знамение!

Когда царь возвращался в столицу и шел по улицам города, он громко восклицал:

– Прославьте, все люди, Бога Нины, Христа, ибо Он – Бог вечный, и Ему Единому подобает всякая слава вовеки!

Царь искал святую Нину и спрашивал:

– Где та странница, Бог которой – мой Избавитель?

Святая совершала в это время вечерние молитвы в своей палатке. Царь и вышедшая навстречу ему царица, сопровождаемые множеством народа, пришли к этой палатке и, увидев святую, припали к ногам ее, причем царь восклицал:

– О мать моя! Научи и сделай меня достойным призывать имя Великого Бога твоего, моего Спасителя!

В ответ ему из очей святой Нины потекли неудержимые слезы радости. При виде ее слез заплакали царь и царица, а вслед за ними громко зарыдал и весь собравшийся там народ. Свидетельница, а впоследствии и описательница этого события, Сидония говорит:

– Каждый раз, когда я вспоминаю об этих священных минутах, слезы духовной радости невольно льются из моих очей.

Обращение ко Христу царя Мириана[572] было решительным и непоколебимым; Мириан был для Грузии тем, чем император Константин Великий был в то время для Греции и Рима. Господь избрал Мириана руководителем спасения всех иверийских народов. Немедленно Мириан отправил послов в Грецию к царю Константину с просьбою прислать к нему епископа и священников, чтобы крестить народ, научить его вере Христовой, насадить и утвердить в Иверии святую Церковь Божию. Пока же не возвратились послы со священниками, святая Нина непрерывно учила народ Христову Евангелию, указывая через это истинный путь к спасению душ и наследованию Небесного Царства; учила она их и молитвам Христу Богу, подготовляя таким образом к святому крещению.

Царь пожелал еще до прихода священников построить храм Божий и выбрал для этого место по указанию святой Нины, в своем саду, именно – там, где стоял упомянутый великий кедр, говоря:

– Пусть этот тленный и скоропреходящий сад обратится в нетленный и духовный сад, произращающий плоды в жизнь вечную!

Кедр был срублен, и из шести сучьев его вытесали шесть столбов, которые и утвердили, без всякого труда, на предназначенных им в здании местах. Когда же плотники хотели поднять седьмой столб, вытесанный из самого ствола кедра, чтобы поставить его в основание храма, то все были изумлены, так как никакой силой невозможно было сдвинуть его с места. При наступлении вечера опечаленный царь пошел к себе домой, размышляя, что бы это означало? Разошелся и народ. Только одна святая Нина осталась на всю ночь на месте постройки, со

своими ученицами, молясь и обливая слезами пень срубленного дерева. Рано поутру явился святой Нине дивный юноша, опоясанный огненным поясом, и сказал ей на ухо три каких-то таинственных слова, услышав которые, она упала на землю и поклонилась ему. Потом этот юноша подошел к столбу и, обняв его, поднял с собой высоко на воздух. Столб блестел подобно молнии, так что освещал весь город. Царь и народ собрались к этому месту; со страхом и радостью смотря на чудное видение, все удивлялись, каким образом этот тяжелый столб, никем не поддерживаемый, то поднимался вверх локтей[573] на двадцать от земли, то опускался вниз и касался пня, на котором рос; наконец, он остановился и стал неподвижно на своем месте. Из-под основания столба начало истекать благовонное и целебное миро, и все страдавшие различными болезнями и ранами, с верой мазавшиеся этим миром, получали исцеление. Так, один еврей, слепой от рождения, лишь только прикоснулся к этому светоносному столбу, тотчас прозрел и, уверовав в Христа, прославил Бога. Мать одного мальчика, семь лет лежавшего в тяжкой болезни, принесла его к живоносному столбу и умоляла святую Нину исцелить его, исповедуя, что проповедуемый ею Христос Иисус воистину Сын Божий. Лишь только святая Нина, коснувшись столба своею рукою, положила ее потом на больного, мальчик тотчас же выздоровел. Чрезвычайное стечение к живоносному столбу народа побудило царя отдать распоряжение строителям, чтобы они поставили вокруг него ограду. Место это с того времени стали чтить не только христиане, но и язычники. Вскоре было закончено и сооружение первого в Иверийской стране деревянного храма.

Посланные Мирианом к царю Константину были приняты им с великою честью и радостью и возвратились в Иверию со многими дарами от него. Вместе с ними пришел, посланный царем, Антиохийский архиепископ Евстафий с двумя священниками, тремя диаконами и со всем необходимым для богослужения. Тогда царь Мириан отдал приказание всем правителям областей, воеводам и придворным, чтобы все непременно явились к нему в столичный город. И когда они собрались, царь Мириан[574], царица и все дети их тотчас же в

присутствии всех приняли святое крещение. Крещальня была устроена близ моста на реке Куре, где ранее стоял дом еврея Елиоза, а потом было капище языческих жрецов; там епископ и крестил военачальников и царских вельмож, почему это место было названо «Мтаварта санатлави», т. е. «купель вельмож». Несколько ниже этого места два священника крестили народ. С великим усердием и радостью шел он креститься; помня слова святой Нины, что если кто не получит возрождения от воды и Духа Святого, тот не увидит жизни и света вечного, но душа его погибнет во мраке ада. Священники ходили по всем окрестным городам и селениям и крестили народ. Таким образом, вскоре мирно была крещена вся Карталинская страна, кроме лишь кавказских горцев, еще надолго оставшихся во тьме язычества. Не приняли крещения и Мцхетские евреи, кроме лишь первосвященника их Авиафара, крестившегося со всем своим домом; с ним же крестились пятьдесят еврейских семейств, бывших, как рассказывают, потомками разбойника Вараввы (Мф.27:17). Царь Мириан, в знак своего благоволения за принятие святого крещения, подарил им местечко повыше Мцхета, называемое «Цихе-диди».

Так, при помощи Божией и утверждении Господом слова евангельского благовестия, архиепископ Евстафий Антиохийский, вместе со святою Ниною, в несколько лет просветили Иверийскую страну. Учредив на греческом языке чин богослужения, освятив первый в Мцхете храм во имя двенадцати апостолов, устроенный по образцу Цареградского, и заповедав юной Церкви Христовой мир, архиепископ Евстафий возвратился в Антиохию[575]; епископом Иверии он поставил пресвитера Иоанна, который находился в зависимости от Антиохийского престола.

По прошествии нескольких лет благочестивый царь Мириан отправил к царю Константину новое посольство, умоляя его прислать в Иверию как можно больше священников, чтобы никто в его царстве не был лишен возможности слышать слово спасения и чтобы вход в благодатное и вечное Царство Христово был открыт для всех[576]. Просил он также прислать в Грузию искусных зодчих для сооружения каменных церквей.

Константин Великий со святой любовью и радостью исполнил просьбу Мириана. Он вручил послам Мириана, кроме большого количества золота и серебра, еще часть (подножье) животворящего древа Креста Господня, который в это время уже был обретен (в 326 г. по Р. Хр.) святою Еленою, матерью Константина Великого; вручил им также он и один из гвоздей, которыми были пригвождены к Кресту пречистые руки Господни. Им были даны еще кресты[577], иконы Христа Спасителя и Пресвятой Девы Богородицы, равно как – в основание церквей – и мощи святых мучеников. В то же время сын Мириана и наследник его Бакурий, проживавший в Риме заложником, был отпущен к своему отцу.

Послы Мириана, возвращаясь в Иверию со многими священниками и зодчими, заложили основание первого храма в селе Ерушети, на границе Карталинской земли[578] и оставили для этого храма[579] гвоздь от Креста Господнего[580]. Второй храм они основали в селе Манглисе, в сорока верстах к югу от Тифлиса, и здесь оставили вышеупомянутую часть животворящего древа[581]. В Мцхете же ими был основан каменный храм во имя Преображения Господня; по желанию царя и указанию святой Нины он был заложен в саду царском, близ палатки святой Нины. Она не видала окончания сооружения этого величественного храма. Избегая славы и почестей, которые воздавали ей и царь и народ, пламенея желанием послужить к еще большему прославлению имени Христова, она ушла из многолюдного города в горы, на безводные высоты Арагвы и стала там молитвою и постом приготовляться к новым благовестническим трудам в соседних с Карталией областях. Найдя небольшую пещеру, скрытую за ветвями деревьев, она стала жить в ней. Здесь она источила себе слезною молитвою воду из камня. Из источника этого и до этих пор капают капли воды, как слезы, почему он называется в народе «слезным»; называют его также и «млечным» источником, ибо он подает молоко иссохшим грудям матерей.

В то время жители Мцхета созерцали чудное видение: в продолжение нескольких ночей новосозданный храм украшал сиявший над ним на небе светлый крест с венцом из звезд. При

наступлении же утренней зари от этого креста отделялись четыре самых светлых звезды и направлялись – одна к востоку, другая к западу, третья освещала церковь, дом епископа и весь город, четвертая, осветив убежище святой Нины, поднималась к вершине утеса, на котором росло одно величественное дерево. Ни епископ Иоанн, ни царь не могли понять, что означает это видение. Но святая Нина приказала срубить это дерево, сделать из него четыре креста и поставить один на упомянутом утесе[582], другой – к западу от Мцхета, на горе Тхоти, – месте, где царь Мириан сначала ослеп, а потом прозрел и обратился к истинному Богу; третий крест она велела отдать царской невестке, жене Рева, Саломии, чтобы та водрузила его в своем городе Уджарме; четвертый же – она предназначила для селения Бодби (Буди) – владения Кахетинской царицы Соджи (Софии), к которой вскоре и сама отправилась для обращения ее к христианской вере.

Взяв с собою пресвитера Иакова и одного диакона, святая Нина пошла в горные страны, на север от Мцхета, к верховьям рек Арагвы и Иоры[583] и огласила евангельскою проповедью горные селения Кавказа. Дикие горцы, обитавшие в Чалети, Ерцо, Тионети, и многие другие, под действием Божественной силы евангельского слова и под влиянием чудесных знамений, совершавшихся по молитве святой проповедницы Христовой, приняли Евангелие Царствия Христова, уничтожили своих идолов и приняли крещение от пресвитера Иакова. Пройдя потом Кокабети и обратив всех жителей в христианскую веру, святая проповедница направилась к югу Кахетии и, достигши селения Бодби (Буди), границы ее святых подвигов и земного странствования, поселилась там. Устроив себе на склоне горы палатку и проводя дни и ночи в молитве пред святым крестом, святая Нина скоро привлекла к себе внимание окрестных жителей. Они стали постоянно собираться к ней, чтобы послушать ее трогательных поучений о Христовой вере и о пути к вечной жизни. В Бодби в это время жила царица Кахетии Соджа (София); пришла и она, вместе с другими, послушать дивную проповедницу. Пришедши однажды и с наслаждением послушав ее, она уже не хотела потом оставить ее: она

преисполнилась искренней верой в спасительную проповедь святой Нины. В скором времени София, вместе со своими царедворцами и множеством народа, приняла от пресвитера Иакова святое крещение.

Совершив таким образом в Кахетии последнее дело своего апостольского служения в Иверийской стране, святая Нина получила от Бога откровение о приближении своей кончины. Сообщая об этом в письме к царю Мириану, святая призывала на него и на царство его вечное благословение Божие и Пречистой Девы Богоматери и ограждение неодолимою силою Креста Господня, и далее писала:

– Я же, как странница и пришелица, ухожу теперь из этого мира и пойду путем своих отцов. Прошу тебя, царь, пришли ко мне епископа Иоанна, чтобы приготовить меня в вечный путь, ибо близок уже день моей смерти.

Письмо было отправлено с самой царицей Софией. По прочтении его царь Мириан, все придворные его и весь освященный клир, во главе с епископом, поспешно отправились к умирающей и застали ее еще в живых. Многочисленная толпа народа, окружая смертное ложе святой, орошала его слезами; многие из больных получали через прикосновение к нему исцеление. Под конец своей жизни святая Нина по неотступной просьбе плакавших у ее ложа учениц рассказала им о своем происхождении и своей жизни. Саломия же Уджармская записывала рассказываемое ею, что кратко изложено и здесь (на основании записей Саломии составлялись и все последующие сказания о святой Нине). Святая Нина говорила:

– Пусть будет описана моя бедная и ленивая жизнь, чтобы она была известной и детям вашим, равно как – и вера ваша и любовь, которою вы возлюбили меня. Пусть даже отдаленные потомки ваши знают о тех знамениях Божиих, которые вы удостоились видеть своими глазами и которых вы – свидетели».

Затем она преподала несколько наставлений о вечной жизни, благоговейно причастилась из рук епископа спасительных Таин Тела и Крови Христовых, завещала предать погребению тело ее в той же убогой палатке, где она теперь, чтобы новооснованная Кахетинская церковь не осталась

сиротствующею, и с миром предала дух свой в руки Господни[584].

Царь и епископ, а с ними и весь народ были глубоко опечалены смертью великой подвижницы веры и благочестия; они вознамерились перенести драгоценные останки святой в Мцхетскую соборную церковь и предать их погребению у живоносного столба, но, несмотря ни на какие усилия, не могли сдвинуть гроб святой Нины с выбранного ею самой места упокоения. Тело Христовой благовестницы похоронили на месте ее убогой палатки в селении Буди (Бодби). На могиле ее в скором времени царь Мириан заложил, а сын его, царь Бакур, достроил[585] и освятил храм во имя родственника святой Нины, святого великомученика Георгия. Храм этот обновляли много раз, но он никогда не подвергался разрушению; он уцелел и до этих пор. При этом храме была учреждена Бодбийская митрополия, старшая во всей Кахетии, из которой евангельская проповедь стала распространяться до глубины гор восточного Кавказа.

Всеблагой Бог прославил нетлением тело святой Нины, скрытое по ее повелению под спудом (и после нее в Грузии не было в обычае открывать мощи святых). У гроба ее происходили многочисленные и непрерывные знамения и чудеса. Эти благодатные знамения, святая и ангелоподобная жизнь и апостольские труды святой Нины, которые она предприняла и со славою докончила, побудили юную церковь Иверийскую признать святую Нину, с благословения церкви Антиохийской, равноапостольною просветительницею Иверии, присоединить ее к лику святых и установить в честь ее ежегодный праздник 14 января, в день ее блаженной кончины. И хотя год установления этого праздника неизвестен с точностью, однако, очевидно, он был установлен в скором времени по смерти святой Нины, потому что спустя немного после этого в Иверии начали уже сооружать церкви во имя святой равноапостольной Нины. До этих пор цела еще небольшая каменная церковь против Мцхета в честь святой Нины, построенная царем Вахтангом Гург-Асланом[586] на той горе, на

которой святая Нина в первый раз уничтожила своею молитвою идола Армаза.

И Православная Российская церковь, которая приняла к себе, как в спасительный ковчег, Иверийскую церковь, возмущаемую многочисленными нападениями со стороны иноверных соседей ее, никогда не сомневалась почитать святую Нину равноапостольной. Поэтому и иерархи ее, поставляемые во главу управления Иверийской церкви, с титулом экзархов Грузии[587], освятили во имя равноапостольной Нины уже множество церквей, особенно в зданиях женских училищ. Один же из бывших экзархов Грузии, впоследствии предстоятель Всероссийской церкви, митрополит Исидор, перевел с грузинского языка на славянский даже и службу святой равноапостольной Нине и издал ее в 1860 году, с благословения Святейшего Синода, для церковного употребления.

Справедливо православная Иверская церковь, старшая сестра Российской церкви, прославляет свою основательницу, святую Нину, как равноапостольную, просветившую святым крещением всю Иверийскую страну и обратившую ко Христу многие тысячи душ. Ибо если будет как уста Божии тот, кто одного грешника обратит от ложного пути его (Иак.5:20) и извлечет драгоценное из ничтожного (Иер.15:19); то – насколько же больше оказалась поистине устами Божиими та, которая обратила к Богу от гибельного языческого обольщения столько народов, не ведавших прежде истинного Бога! Она присоединилась к сонму святых в Царствии Христа Бога нашего, Которому, с Отцом и Святым Духом, подобает честь, слава, благодарение и поклонение ныне и присно и во веки веков, аминь.

Не лишним будет сказать здесь еще и о следующем. В пределах нынешней Грузии (в которую входят: Кахетия, Карталиния, Имеретия, Гурия, Мингрелия, Абхазия, Сванетия, часть Осетии, также и Дагестан), в особенности по западному берегу Каспийского моря, были, хотя и в небольшом количестве, христиане и ранее святой Нины, и впервые благовествовал о Христе Спасителе в горах Кавказа тот же первозванный апостол Андрей, благовестническим словом

которого были оглашены, по преданию, и Киевские горы. Древнее предание, записанное в грузинских летописях, согласное и со сказанием Четьих-Миней (под 30 ноября[588]), говорит, что апостол Андрей проповедовал о Христе в следующих местах: в Кларжете, который находится невдалеке от Ахалцыха, на юго-западе[589]; в Адхвере, ныне – село Ацхуры, близ входа в Боржомское ущелье; в Цхуме, что ныне – город Сухум-Кале, в Абхазии, в Мингрелии и в северной Осетии. В Ацхуре апостол основал церковь и оставил там чудотворный образ Божией Матери, который во все последующее время пользовался великим почитанием не только среди христиан, но и со стороны неверующих горцев; он существует и до сего времени в монастыре Гаенатском[590], который находится невдалеке от города Кутаиса и называется Ацхурским. Спутник апостола Андрея, Симон Кананит, проповедовал Святое Евангелие диким суанам (сванетам[591]), которые и побили его камнями. По местному преданию, могила его находится в древнем городе Никопсии или Анакопии.

О святом кресте из виноградных лоз, который Матерь Божия вручила святой Нине, известно следующее: до 458 года по Р. Х. крест Нины сохранялся в Мцхетском соборном храме; впоследствии же, когда огнепоклонники воздвигли гонение на христиан, святой крест был взят из Мцхета одним иноком Андреем, перенесен им в область Тарон, в Армении, тогда еще единоверной Грузии, и первоначально хранился в церкви святых апостолов, называвшейся у армян Газар-Ванк (Собор Лазаря). Когда и здесь открылись гонения со стороны персидских магов, повсюду предавших истреблению все, почитаемое у христиан, святой крест Нины был переносим и скрываем в армянских крепостях Капофти, Ванаке, Карсе и в городе Ани; так продолжалось до 1239 года по Р. Х. В это время грузинская царица Русудань, вместе со своими епископами, выпросила у монгольского воеводы Чармагана, завладевшего тогда городом Ани, чтобы святой крест Нины был возвращен в Грузию, которой он принадлежал изначала. И этот святой крест был снова поставлен в Мцхетском соборном храме. Но и здесь он ненадолго нашел себе покой: много раз крест Нины, во

избежание поруганий со стороны врагов, был укрываем в горах, то в храме Святой Троицы, который и до этих пор стоит на малой горе Казбек, то в крепости Анануре, в древнем храме Божией Матери. Митрополит грузинский Роман, отправляясь из Грузии в Россию в 1749 году, тайно взял с собою крест Нины и вручил его проживавшему тогда в Москве царевичу Бакару Вахтанговичу. После того, в продолжение лет около пятидесяти, крест этот оставался в селе Лыскове, Нижегородской губернии, в имении грузинских князей, потомков переселившегося в Россию в 1724 году царя Вахтанга. Внук вышеупомянутого Бакара, князь Георгий Александрович, поднес в 1801 году крест Нины императору Александру Павловичу, которому благоугодно было снова возвратить Грузии принадлежащую ей эту великую святыню. С того времени и до этих пор этот символ апостольских трудов святой Нины сохраняется в Тифлисском Сионском кафедральном соборе, близ северных врат алтаря в кивоте, окованном серебром. На верхней доске сего киота – чеканное изображение святой Нины и чудес, совершенных через нее силою Честного и Животворящего Креста.

Что касается Господня хитона, искать который святая Нина приходила из города Иерусалима в Иверию, то грузинские летописи говорят о нем кратко. Из их свидетельств видно, что Нина с несомненностью нашла только место, где был скрыт хитон Господень, т. е. могилу, в которой, вместе с умершею девицею Сидонией, был зарыт и честный хитон Господень. Хотя кедр, выросший на этой могиле, и был срублен по повелению святой Нины, однако пень его, под которым был скрыт гроб Сидонии и в нем – риза Господня, оставлен был в целости, как думают, – по приказанию светоносного мужа, явившегося Нине и сказавшего ей на ухо три таинственных слова, когда она ночью слезно молилась возле этого корня. Так думают потому, что с этого времени Нина никогда уже не помышляла удалить корень кедра и отрыть гроб Сидонии, равно как не искала и в другом каком-либо месте столь дорогого для нее хитона Господня.

Однажды она утешала царя Мириана, когда тот печалился о том, что послы его, получив от царя Константина часть

животворящего древа Креста Господня и гвоздь, не принесли их в Мцхет, но оставили первую в Маиглис, а второй в Ерушети. Святая говорила ему:

– Не печалься, царь! Так нужно было, – чтобы и границы твоего царства находились под защитою Божественной силы Христова Креста, и вера Христова распространилась. Для тебя же и для твоего столичного города достаточно той благодати, что здесь пребывает пречестный хитон Господень.

Присутствие хитона Господня под корнем кедра, как при жизни святой Нины, так и после, проявлялось истечением от столпа и его корня целительного и благовонного мира; это миро перестало течь лишь в 13-м веке, когда хитон был вырыт из земли; обнаруживалось присутствие святого хитона и через наказание тех неверующих, которые из любопытства осмеливались прикасаться к этому месту. Католикос[592] Николай I, который управлял грузинскою церковью в половине двенадцатого века (в 1150–1160 годах), известный святостью жизни и мудростью, замечая, что многие в его время сомневались, действительно ли находится под живоносным столбом хитон Господень, говорит, что хотя сомнение таких людей и естественно, ибо хитон Господень никогда не был открыт, и никто никогда не видал его, но те знамения и чудеса – и прежние, и те, которые пред глазами у всех ныне совершаются, – происходят от хитона Господня, лишь при посредстве мироточивого столба. При перечислении бывших от хитона Господня чудес, католикос Николай вспоминает, как была попалена вышедшим из земли огнем жена одного турецкого султана, которая из любопытства захотела открыть гроб Сидонии и посмотреть на хитон Господень; посланные же ею гробокопатели-татары были поражены невидимою силою.

– Это чудо, – говорит он, – многие видели, и оно известно каждому.

Лет за 40 до смерти католикоса Николая Тифлис и Мцхет были, действительно, заняты сельджукскими турками, которые были потом изгнаны из Грузии царем Давидом Возобновителем, царствовавшим с 1089 до 1125 года. Католикос Николай

указывал на истекавшее миро как на постоянное чудо, всегда и всеми видимое.

– Все видят, – говорит он, – влагу на восточной стороне столба; по невежеству некоторые пытались замазать это место известью, но оказались не в силах остановить истечение мира. А сколько от него было исцелений, – мы все тому свидетели.

Сей католикос Николай составил службу в честь обретения под живоносным столбом хитона Господня (впоследствии эта служба была исправлена и дополнена католикосами Виссарионом и Антонием), причем он говорил:

– Нужно украсить блистательным празднеством поставленный Самим Богом столб и находящийся под ним хитон Спасителя нашего Иисуса Христа.

(Этим и оканчиваются сведения, заимствованные у католикоса Николая).

Истечение мира из упомянутого живоносного столба прекратилось, когда, по воле Божией, хитон Господень был вынут из земли.

«Это было, – говорит неизвестный по имени грузинский писатель, – в тяжкие для всей Грузии годы нашествия варварских полчищ Тамерлана, вернее же – Чингисхана[593], когда они овладели Тифлисом, перебили жителей его в числе около ста тысяч человек, разрушили все тифлисские храмы и храм Сионский, предали поруганию все христианские святыни, равно как и Сионскую чудотворную икону Божией Матери, топтать которую ногами они заставляли самих христиан. После этого они бросились на город Мцхет, жители которого бежали, вместе со своими архиереями, в леса и в недоступные ущелья гор. Тогда один благочестивый человек, предвидя погибель Мцхета и не желая оставить на поругание варварам святыню храма его, открыл, после предварительной молитвы к Богу, гроб Сидонии, вынул из него пречестный хитон Господень и потом передал его главному архипастырю. Храм же Мцхетский, величественное сооружение царя Вахтанга Гург-Аслана, был тогда разрушен до основания. С этих пор хитон Господень был сохраняем в ризнице католикосов, вплоть до восстановления Мцхетского храма в прежнем величии (в котором он пребывает

и до сего времени) царем Александром I, царствовавшим в Грузии с 1414 до 1442 года. Хитон Господень внесли тогда в этот соборный храм и для большей сохранности скрыли его в церковном кресте, и он оставался там до XVII века. В 1625 году шах персидский Аббас, завоевав Иверийскую страну и овладев ею, чтобы заручиться расположением Российского царского двора, уже покровительствовавшего тогда Грузии, взял из Мцхетского храма хитон Господень, положил его в золотой ковчег, украшенный драгоценными камнями, и, при особом письме, послал его, как бесценный дар, всероссийскому святейшему патриарху Филарету, отцу царствовавшего тогда государя Михаила Феодоровича. Благочестивый царь Михаил и святейший патриарх Филарет, приняв с радостью этот великий дар, бесконечно превышающий все самые драгоценные земные дары, собрали от оказавшихся тогда в Москве греческих архиереев и мудрых старцев известные им предания об одежде Господней – хитоне Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа (Иоан.19:23–24); предания эти согласны с тем, что изложено и здесь. Сподобившись, после молитвы и поста, удостоверения, – через множество чудесных исцелений, полученных после возложения этой одежды на больных, – что она действительно – одежда Христова, царь и патриарх приказали устроить особое, с драгоценными украшениями, помещение в правом углу западной стороны Московского Успенского собора и положили там одежду Христову. Здесь она находится и по сие время; все созерцают ее и почитают с должным благоговением; от нее и поныне подаются исцеления больным и помощь всем, приходящим с верою. В Российской Церкви, со времен святейшего патриарха Филарета, был установлен 10-го числа месяца июля[594] праздник положения ризы, т. е. хитона Господня. Хотя в Иверийской Церкви праздник хитону Господню 1-го числа октября был установлен только уже в двенадцатом веке, однако, можно думать, что в Иверии, особенно в Мцхете, день этот светло праздновался, – как и теперь празднуется, – если не со времени первого христианского царя Мириана, то, по крайней мере, с пятого века, т. е. со времени славного царствования Вахтанга Гург-

Аслана; праздновался он, как знаменательный день освящения сооруженного им, на месте древнего Мирианова храма, нового великолепного Мцхетского храма.

Тропарь святой Нине:

Слова Божия служительнице, во апостольстей проповеди первозванному Андрею и прочым Апостолом подражавшая, просветительнице Иверии и Духа Святаго цевнице, святая равноапостольная Нино, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Память преподобного Стефана

Память 14 января

Преподобный Стефан Хинолаккский просиял святым житием своим в Палестине. От юности стремясь к житию подвижническому, он часто посещал обители благочестивых мужей, расположенные по Иордану, а также находившиеся в пустыне, недалеко от Иерусалима, монастыри святых: Евфимия Великого, Саввы Освященного и Феодосия Великого; в каждой обители святой подвизался, собственным опытом ознакомляясь с ее уставом. После того преподобный пришел в Константинополь, при императоре Льве Исавре, и принят был святым патриархом Германом; у него он и жил некоторое время, поучаясь в духовной жизни и со своей стороны являясь благополезным советником святителю. Потом преподобный Стефан основал Хинолаккову обитель[595], в которой собралось множество иноков, которых святой воспитал в учении Господнем и добрых наставлениях и возвел в меру возраста исполнения Христова. Добродетельно пожив на земле и в непрестанной молитве приблизившись к небожителям, преподобный Стефан получил откровение, что час его отшествия в небесные обители близок. По отрешении от тела святую душу его приял Господь чрез Ангелов со славою, так как она была исполнена чистоты; некоторые из братии удостоились видеть это славное отшествие преподобного в горние селения и поведали об этом многим.

Житие преподобного отца нашего Павла Фивейского

Память 15 января

Когда преподобный Антоний жил со своими учениками в Египетской пустыне[596], ему пришло однажды на мысль, что нет еще другого инока, который бы был так совершен, как он, нет никого, кто поселился бы раньше его в пустыне и избрал столь уединенную жизнь. Он сам рассказывал впоследствии, что когда подумал так, то услышал в видении голос, который говорил:

– Антоний! Есть один раб Божий, который пришел сюда прежде тебя и который совершеннее, чем ты. Если хочешь, можешь найти его в отдаленной пустыне; только ступай к нему скорее, пока он не отошел к Господу.

Услышав это и придя в себя, старец тотчас взял свой посох и поспешил в пустыню, пламенно желая поскорее найти того, о ком ему было открыто. Был полдень, и стало так жарко, что от солнечного зноя раскалились даже камни; старец изнемогал телом, но дух его был бодр, и он не думал возвращаться назад с предпринятого пути. Хотя он и не знал, куда далее идти, но сохранял твердость и говорил:

– Я верю, что Бог покажет мне, как обещал, Своего раба.

Проходя по этой суровой и недоступной пустыне, старец не видел ничего, кроме следов зверей; пробыв в пути уже второй день и проведя вторую ночь в молитве, он не знал, куда направиться далее. На рассвете третьего дня он увидел вдруг волчицу, которая шла по краю горы и выла. Следуя за ней издалека, он подошел к пещере, в которой жил святой угодник Божий Павел[597]. Старец пришел в радость при виде пещеры; но обитатель ее, заметив приближение Антония, запер дверь. Подойдя, старец постучал, но ответа не было, и он продолжал стоять снаружи и безуспешно стучать. Видя, что ему не отворяют двери, он упал на землю пред входом в пещеру и молился до самого шестого часа, чтобы сподобиться ему войти внутрь и увидеть того, кого он отыскал с таким трудом.

Святой говорил:

– Отопри мне, раб Христов, отопри! Ведь ты знаешь, кто я, откуда и зачем пришел, ибо тебе открыл то Бог. Знаю я и сам, что недостоин видеть твое святое лицо, тем не менее, не уйду отсюда, пока не увижу тебя. Не скрывай же себя, если тебя открыл мне Бог: ты принимаешь зверей, – зачем же отвергаешь человека? Я нашел тебя после долгих поисков, и вот стучу, чтобы ты отпер мне. Если же ты не отопрешь, то я умру на твоем пороге, и ты похоронишь здесь труп мой.

Многое и другое говорил он ему со слезами и укорял его за суровость. Тогда угодник Божий отвечал ему изнутри пещеры и сказал:

– Можно ли просить с угрозами или укорять со слезами? Ты удивляешься, что я не отпираю тебе; это – потому, что ты хвалишься, что пришел умирать здесь.

С такими словами святой отпер дверь, и они обняли друг друга и облобызались, называя один другого по имени, потому что каждому из них Бог открыл имя другого. Когда они сели, преподобный Антоний сказал.

– Радуйся, Павел, избранный сосуд и огненный столп, житель этой пустыни!

Святой Павел отвечал:

– Хорошо, что ты пришел, солнце, просвящающее всю вселенную, наставник спасаемых, уста Божии, населивший пустыню и прогнавший из нее дьявола! Но зачем ты предпринял такой великий труд, идя ко мне, грешному и ничтожному человеку? Вот ты видишь пред собою дряхлого старца, беспорядочно покрытого сединами, видишь человека, готового обратиться в прах и тление. Но любовь не знает препятствий, – и ты пришел; скажи же мне, прошу тебя, – как живут теперь люди, в каком положении находится мир? Есть ли все еще идолопоклонники, и вместе с тем, не продолжаются ли гонения на верующих?

– Твоими молитвами, – отвечал Антоний, – мир находится в благополучии, гонения прекратились, и Церковь прославляет Истинного Бога; но так как ты упомянул о гонениях, то прошу

тебя, – расскажи мне, ради Бога, о себе и открой, по какой причине ты ушел из мира в эту далекую пустыню?

– Я родился[598] в Фиваиде[599], – начал свой рассказ Святой Павел, – и у меня была сестра, которую родители еще при жизни своей выдали замуж. Будучи сами православными, они, дав мне светское образование, наставили меня и в истинах православной веры. Умирая, они разделили между нами свое богатое имение. По смерти их, муж моей сестры, из лихоимства, задумал присвоить себе следующую мне часть имущества и вознамерился предать меня, как христианина, на мучение нечестивому князю, чтобы, погубив меня таким образом, завладеть моим наследством. Царем был тогда Декий[600]. Он преследовал всех христиан, и от страха пред измышляемыми им жестокими мучениями трепетала вся Фиваида. В то время был взят нечестивыми гонителями один христианский юноша. Его долго мучили, чтобы склонить к отречению от веры Христовой, но – напрасно. Наконец, его привели в цветущий и душистый сад и, положив навзничь на роскошную постель, привязали к ней мягкими веревками его руки и ноги. Когда все ушли из сада, то пустили туда к юноше одну молодую девушку, чтобы она соблазнила его на грех. Бесстыдная девица обнимала и целовала юношу, всячески стараясь обольстить его. Что же сделал доблестный страдалец, после того как уже претерпел столько мучений? – Видя себя в опасности плотского прельщения, он откусил зубами язык и выплюнул его в лицо блудницы; страшною болью он поборол в себе страсть, оплевал кровью лицо и одежды развратницы, сам же, с помощью благодати Христовой, устоял в чистоте. Другого юношу, оставшегося твердым в христианской вере, после многих мучений обнажили и, вымазав все тело медом, поставили его со связанными в плечах руками на солнечный зной; думали, что, жалимый пчелами, осами и шершнями, он не стерпит и согласится на принесение идольской жертвы. Но мужественный страдалец, хотя все тело его было искусано и покрыто кровью до такой степени, что он утратил даже образ человеческий, не отрекся, однако, от Христа. Видя все это, а также – и все более возрастающую злобу мужа моей сестры, которой не могли

укротить ни слезы сестры, ни родство, я оставил ему все и убежал в эту пустыню. С помощью Божией, я постепенно дошел до этого места. Найдя эту пещеру с источником воды внутри ее, я понял, что Сам Господь назначил мне здесь место обитания. Я поселился здесь и живу, питаясь финиками и изготовляя себе одежду из листьев.

Когда святой рассказывал это, вдруг прилетел ворон, держа в клюве хлеб; тихо положив пред ними хлеб, он улетел и скрылся в воздухе. Видя изумление блаженного Антония, святой Павел сказал:

– Это Господь многомилостивый и человеколюбивый послал обед нам, Своим рабам. Вот уже шестьдесят лет я получаю полхлеба. Но по случаю твоего прихода Христос Господь удвоил дар и послал Своим воинам целый хлеб.

Взяв этот хлеб, великие угодники Божии стали просить друг друга благословить и преломить его, каждый поставляя другого выше себя по чести. Святой Павел хотел почтить преподобного Антония, как гостя, преподобный же Антоний – святого Павла, как хозяина дома и старшего по возрасту; и долго они с любовью спорили между собой. Наконец, блаженный Павел взял хлеб с одного края, а другой вложил в руки преподобному Антонию: хлеб тотчас сам переломился посредине, и каждый получил свою половину.

Сев у источника, рабы Христовы ели и насытились; потом они напились из этого источника, имевшего чистую и весьма приятную воду. По совершении благодарственной молитвы они снова сели и пробеседовали всю ночь до утра. С наступлением дня святой Павел сказал авве Антонию:

– Я давно, брат мой, знал, что ты обитаешь в этой пустыне, и хотел бы, живя с тобою, вместе служить нашему Владыке. Но так как пришло время моей кончины, которой я всегда ждал с радостью, желая «разрешиться и быть со Христом» (Фил.1:23), то Господь и послал тебя ко мне, чтобы ты схоронил мое смиренное тело и предал землю земле.

Услышав это, Антоний воскликнул со слезами:

– Не оставляй меня, отец мой, одного, но возьми меня с собою!

– Тебе нужно не о себе заботиться, – отвечал святой Павел, – но о благе ближнего, если для тебя благо было бы в том, чтобы, освободившись от тягости плоти, последовать за Агнцем на небеса, то польза прочей братии требует, чтобы ты пока еще наставлял и укреплял их. Прошу тебя, сходи поскорее в свой монастырь и принеси подаренную тебе епископом Афанасием мантию, чтобы покрыть ею мое тело.

Святой Павел просил об этом не потому, что нуждался в мантии. Он не заботился о том, нагим или покрытым будет схоронено в земле его тленное тело, которое он одевал столько времени финиковыми листьями; он хотел лишь того, чтобы его душа разлучилась с телом в безмолвии уединения, поэтому он и отсылал от себя преподобного Антония в монастырь.

Антоний был очень удивлен тем, что услышал об Афанасии и о мантии. Видя в Павле как бы Самого Христа и почитая пребывающего в нем Бога, он не осмелился более возражать ему; долго молча и со слезами он целовал его очи, и руки и потом поспешил исполнить приказание: против своего желания отправился в монастырь, изнемогая телом, но духом побеждая немощи своей старости. Когда он подходил к своей келье, два ученика встретили его и спросили:

– Где ты пробыл столько времени, отец наш?

– Горе мне, дети мои, – отвечал Антоний, – горе мне, грешному, мнимому иноку. Сам я только называюсь иноком, но видел того, кто поистине есть Илия, Иоанн в пустыне; я поистине видел Павла в раю.

Ученики хотели услышать об этом подробнее и стали просить его, чтобы он рассказал. Антоний же, закрывая уста рукою, сказал:

– Для всякой вещи есть время: время говорить, и время молчать (Еккл.3:1–7).

И захватив с собою мантию, нисколько не отдохнув, не взяв с собою даже пищи на дорогу, он вышел и снова поспешно отправился в пустыню, чтобы застать еще в живых святого Павла, ибо боялся, как бы, в случае замедления, тот не умер без него.

На другой день часу в третьем, находясь в пути, авва Антоний увидел в воздухе чины Ангелов и соборы пророков и апостолов, а посреди их – душу святого Павла, которая, блистая более чем солнце, восходила на небо. Святой Антоний, упав на землю, посыпал свою голову песком и с рыданиями восклицал:

– Зачем ты, Павел, оставил меня? Зачем уходишь без последнего целования? – Так долго я не знал тебя, и так скоро, когда узнал, ты оставляешь меня!

Впоследствии блаженный Антоний рассказывал, что прошел потом остальную часть пути с такою скоростью, как будто бы летал на крыльях по воздуху, так что от быстрой ходьбы даже не чувствовал земли под своими ногами. Скоро он достиг пещеры и, войдя в нее, увидел святого стоящим на коленах с простертыми вверх руками и вверх же обращенным лицом. Думая, что он жив и молится, стал вместе с ним на молитву и Антоний. Прошел час, и, так как от святого Павла не было слышно ни слов, ни вздохов молитвенных, блаженный Антоний подошел к нему ближе и, увидев, что он уже мертв, понял, что тело святого мужа и по смерти воздает поклонение Богу, пред Лицом Которого все живо. Долго он плакал и рыдал, целуя святое тело преподобного; потом обвил его принесенною с собою мантиею и по христианскому обычаю начал петь употребляемые при погребении псалмы. Но он не мог придумать, как ему совершить погребение святого, так как не принес с собою заступа, чтобы вырыть могилу.

– Возвращаться ли в монастырь за орудием? – размышлял он. – Но туда три дня пути. Здесь ли оставаться? Но без заступа я не могу сделать ничего. – Останусь я лучше здесь и умру, как должно, испустив последнее дыхание близ Твоего, Христе, воина!

Когда он думал об этом, вдруг из глубины пустыни приходят два льва, рыкая и как бы плача о потере святого. Антоний сначала несколько испугался, но потом, когда увидел, что кроткие, подобно агнцам, звери лежат у тела святого и жалостно рыкают, точно плачут, дивился кротости этих зверей. Они же начали когтями своими рыть землю и, выкопав яму

значительной глубины, снова припали к телу святого с сильным рыканьем, как бы прощаясь с ним; потом, подойдя к преподобному Антонию, стали лизать руки и ноги его, как бы прося благословения и молитвы. Преподобный, видя, что и звери преклоняются пред Богом, славил Христа и говорил:

– Господи, – без Твоей воли не падают на землю ни лист с дерева и ни одна птица, – дай, как Ты знаешь, благословение Свое этим зверям.

Потом, указывая рукою на пустыню, он велел зверям уйти туда. Когда они скрылись, авва Антоний похоронил честное тело святого и преподобного отца Павла, первого пустынножителя, скончавшегося 113 лет от роду[601]. Всю следующую за погребением ночь преподобный Антоний провел над могилою святого в слезах и молитве; с наступлением же утра отправился обратно в свой монастырь, захватив с собою сплетенную из финиковых листьев одежду святого. Придя в свою обитель, он подробно рассказал обо всем своим ученикам, в назидание их; одежду же св. Павла он берег и чтил настолько, что надевал ее только два раза в год: в праздник св. Пасхи и в Пятидесятницу.

Святыми молитвами преподобных отцов Павла и Антония, да сподобит нас жребия Своих угодников Христос Господь наш, Которому, с Отцом и Святым Духом, честь и слава вовеки, аминь.

Житие преподобного Иоанна Кущника[602]

Память 15 января

В Царьграде, в царствование Льва Великого[603], жил один богатый и именитый военный сановник, по имени Евтропий, с женою Феодорою. У него было три сына, из которых двое были отданы на царскую службу и уже достигли на ней значительных чинов, третьего же, младшего, по имени Иоанна, он отдал на обучение разного рода наукам. Будучи еще двенадцатилетним мальчиком, Иоанн весьма заметно выделялся из среды своих сверстников, так что даже сами учителя удивлялись его способностям и выдающемуся для юного возраста развитию. Но он преуспевал не только в мирском, но и в духовном любомудрии. Под благодатным действием на него Святого Духа, он рос кротким, незлобивым и скромным мальчиком и, по окончании уроков, проводил время не в играх, свойственных детскому возрасту, но в чтении святых боговдохновенных книг и в усердном посещении церковных богослужений. Его сердце было согрето любовью к Богу, и в его душе сильным пламенем начал разгораться огонь этой любви.

В то время как Иоанн столь преуспевал в благочестии, случилось однажды одному иноку войти в дом, в котором учился блаженный. Увидев его, отрок спросил:

– Откуда ты, отче, и куда идешь?

– Я из обители «неусыпающих»[604], – отвечал инок, – и иду в Иерусалим поклониться святым местам.

С разгоравшимся сердцем Иоанн начал спрашивать его об иноческой жизни, о молитве и посте, о неумолкаемом пении и о других подвигах и трудах иноков. Инок, видя благочестие и рассудительность мальчика, подробно рассказал ему о всех обычаях и уставах своего монастыря.

Иоанн, выслушав внимательно, что говорил инок, сказал ему:

– Возвратишься ли ты, отче, снова в свой монастырь, или останешься в Иерусалиме?

– Я имею, – отвечал инок, – приказание от своего игумена возвратиться и, поклонившись, если будет угодно Богу, святым местам, немедленно приду назад.

Тогда Иоанн, взяв инока за правую руку, сказал:

– У меня есть к тебе, отче, тайное слово.

Затем отвел его в сторону и стал говорить:

– Послушай меня, отец мой, – прошу тебя, – и окажи мне милость. У меня есть сильное желание оставить суетный мир и служить Христу. Но родители думают обо мне совсем иное. Любя меня больше старших братьев, они хотят доставить мне какую-либо высокую должность и женить меня. Я же, часто слушая в святой церкви слово Божие и сам читая святые книги, понял, что все мирское – суетно, и что полезно только одно – отрекшись от мира, служить Христу в вашем иноческом образе. Заклинаю тебя Богом, Который хочет нашего спасения, чтобы ты взял меня при возвращении в свой монастырь.

В этих словах инок почувствовал, что отрока призывает к Себе Сам Бог. Он клятвенно обещался взять его с собою при возвращении назад, и таким образом расстались.

По отбытии инока в Иерусалим блаженный Иоанн, желая жить по Евангелию, стал просить своих родителей приобрести для него Евангелие, чтобы, учась в нем словам Христовым, научиться совершать и дела, угодные Христу. Родители весьма порадовались при виде такого усердия сына к Божественному Писанию. Они тотчас наняли искусного писца, чтобы тот изготовил красивый список Евангелия; потом они обложили его золотом и украсили драгоценными камнями, чтобы сына их привлекали к усердному чтению книги не только сладость написанных внутри ее слов Христа, но и внешняя красота книги. Изготовив такое Евангелие, они подарили его сыну. С радостью приняв святую книгу, Иоанн стал усердно читать ее; сердце его услаждалось словами Христовыми, и он, возгораясь со дня на день все большею любовью к Богу, с нетерпением ждал возвращения из Иерусалима инока, которому открыл тайну своего сердца.

По прошествии долгого времени инок тот возвратился и был встречен Иоанном с великой радостью.

– Вот, сын мой, я возвратился, как обещал, – сказал инок, – и если хочешь, возьму тебя с собою в монастырь.

Блаженный Иоанн отвечал:

– Благодарю Бога, возвратившего тебя в добром здоровье, удостоившего меня вновь увидеть тебя. Я готов в путь. Но что нам делать, если родители не захотят отпустить меня? Мать моя очень чувствительна сердцем, и когда она узнает, что я хочу оставить их, то будет обливать землю слезами и удержит меня, воспрепятствовав таким образом моему желанию. Умоляю тебя, отец мой, уйдем отсюда тайно, чтобы никто из моих родных и знакомых не знал ни о моем отбытии, ни о дороге, какой я ушел.

– Сделаем, сын мой, так, как ты хочешь, – сказал инок, – и пусть Бог исполнит желание сердца твоего.

Так они пришли на берег моря к пристани корабельной и, найдя корабль, стали просить владельца его, чтобы он отвез их в обитель неусыпающих. Но тот потребовал с них в уплату за провоз много золота, ибо говорил, что ожидает для корабля большого груза, равно как и для найма его для обратного пути.

Иоанн спросил его:

– А сколько стоит доставка на твоем корабле полного груза?

– Сто златниц, – отвечал корабельщик.

– Подожди, брат мой, до трех дней, – сказал Иоанн, – и я найму твой корабль.

Поговорив с ним, Иоанн и инок ушли. Наедине Иоанн сказал иноку:

– Корабельщик просит за провоз дорого; но еще дороже для меня тайно уйти от родителей; пойду поэтому к родителям своим и попрошу их дать мне на некоторые нужды золота.

– Иди, сын мой, – отвечал инок, – и Господь да исполнит твое намерение, как угодно Его воле.

Придя в свой дом, Иоанн сказал матери:

– Хочу просить у вас, матушка, одной милости, да не смею.

– Проси, чего хочешь, сын мой, – отвечала мать.

– Все товарищи мои по учению, – сказал Иоанн, – не один раз и не два, но многократно звали меня к себе в гости, я же ни разу не позвал их к себе и не отплатил им за гостеприимство; мне стыдно пред ними, и я уже не могу ходить от стыда в

училище. Прошу вас, дайте мне столько денег, сколько нужно было бы для угощения моих товарищей.

– Подожди до утра, – отвечала мать, – я скажу твоему отцу, и он даст, что тебе нужно.

Когда она передала о просьбе Иоанна своему мужу, тот, из любви к сыну, дал ему сто златниц, и это произошло по особому Божиему промышлению, чтобы исполнилось доброе намерение отрока.

Дав сыну золота, отец поручил его надзору верного слуги, с приказанием смотреть, чтобы мальчик не тратил денег без нужды. Иоанн с радостью пошел с ним на морской берег, говоря:

– Поищем и купим хорошей рыбы.

Когда они подошли к кораблю, он послал слугу в училище со словами:

– Пойди, посмотри, собираются ли товарищи, и потом снова возвратись ко мне.

По уходе слуги Иоанн поднялся с иноком на корабль; вручив корабельщику плату, они отплыли от берега и пустились в путь. Иоанн взял с собою и Евангелие, подаренное ему родителями, и утешался в дороге чтением его.

Слуга, возвратившись из училища, долго искал Иоанна на берегу, но, не находя, подумал, что отрок отправился домой; тогда он пришел к своим господам и спросил об Иоанне. Тотчас стали поспешно всюду искать его. Но долгие поиски и в Царьграде, и в окрестностях его не привели ни к чему, и в доме Евтропия горько плакали и рыдали о возлюбленном сыне Иоанне. Между тем когда Иоанн находился в пути, Бог явно помогал ему: он послал кораблю попутный ветер, и путешественники в непродолжительном времени приплыли к обители неусыпающих. Здесь инок рассказал игумену Маркеллу и братиям все, что знал об отроке Иоанне, также – и то, с какою верою и ревностным усердием он стремится к принятию иноческого образа и служению Господу.

Видя крайнюю молодость отрока, игумен сказал ему:

– Сын мой! Не под силу будет тебе нести иноческие подвиги и соблюдать строгие посты, так как ты еще очень молод. Кроме

того, у нас есть обычай – не тотчас же постригать каждого ищущего иноческого звания, но лишь – по долгом испытании искренности его намерений и усердия в подвигах благочестия. Поэтому, если хочешь проходить иноческое служение совместно с нами, то должен сначала пожить у нас так, без иноческого пострига, присмотреться к нашей жизни и испытать себя, под силу ли будут тебе такие труды.

Тогда блаженный Иоанн упал к ногам игумена и, горько плача, стал просить:

– Умоляю тебя, отец мой, постриги меня теперь же. Смотри не на молодость мою, но на усердие мое, ибо я всем своим сердцем стремлюсь к тому, чтобы удостоиться принятия вашего Ангельского образа. Не отвергай моей мольбы, но ради Пресвятой, Единосущной и Животворящей Троицы прими меня иноком в свою обитель.

Игумен, тронутый усердием и слезами отрока, живо ощущая благодать обитающего в нем Духа Святого, тотчас согласился принять и постричь его и потом приказал ему неуклонно проходить все степени монастырского послушания и учиться у опытных старцев.

Иоанн, когда желание его наконец исполнилось, с ревностью и смирением исполнял все, что ему приказывали и, преуспевая постепенно в иноческих подвигах, в скором времени достиг такого совершенства в добродетели, что превзошел принявших иночество ранее него и для всех сделался примером непрестанной молитвы, кроткого послушания и терпеливого перенесения самого строгого поста. Часто он в течение многих дней ничего не вкушал – кроме лишь Причащения Пречистых и Животворящих Христовых Таин, – и только этим поддерживал себя. Удивлялся Иоанну даже сам игумен и говорил ему:

– Сын мой! Зачем при своей молодости ты предпринимаешь такие подвиги? Смотри, как бы тебе не ослабеть от неумеренного поста телесными силами и, расстроив свое здоровье, не оказаться неспособным на последующие подвиги и на служение во славу Христа.

Иоанн, смиренно по обычаю кланяясь игумену, отвечал:

– Прости, святой отец, меня, негодного раба, и помолись за меня, ленивого и малодушного, чтобы Господь сподобил меня на подвиги и помог моей слабости.

Среди таких подвигов блаженный Иоанн прожил в обители шесть лет. И вот восстал на него враг и ненавистник всякого добра – дьявол. Чтобы ослабить в Иоанне силу на дальнейшие подвиги, затруднить и воспрепятствовать столь доблестное преуспеяние в исполнении Господних заповедей, он пробудил в нем мысль о родителях и заставил сердце его мучиться жалостью к ним при воспоминании о великой любви к нему отца и матери. Он стал внушать Иоанну такие мысли: «Что-то теперь делают без тебя твои родители? Как они скорбят, печалятся и плачут о тебе, так как ты ушел из дому без ведома их! – Плачет отец, рыдает мать, скорбят братья, жалеют о тебе родные и знакомые, в горе из-за тебя весь дом отца твоего». Еще лукавый приводил ему на память богатство и славу родителей, почести, которые имеют братья его, и разные другие суетные блага земные. Он смущал его такими помыслами непрерывно и днем и ночью, так что Иоанн, наконец, крайне ослабел телесными силами и был едва жив: от великого воздержания и иноческих подвигов и от внутреннего мучения помыслами – иссохла, как черепок, сила его[605], и плоть его сделалась подобной тростнику, колеблющемуся от ветра[606].

Игумен, видя, как Иоанн с каждым днем слабеет, сказал ему:

– Не говорил ли я тебе, сын мой, что Бог не требует от рабов Своих неумеренного труда, но хочет, чтобы каждый служил Ему, во славу Его святого имени, по своим силам. Ты, сын мой, не послушал меня в свое время, и вот теперь уже изнемог от неумеренного поста и непосильных трудов.

– Не пост иссушил меня, отец мой, – отвечал Иоанн, – и не труды изнурили меня, но помыслы, внушаемые лукавым, мучают меня и днем и ночью в течение уже долгого времени.

При этом Иоанн признался игумену в своих помыслах о родителях и о доме. Игумен сказал ему:

– Не говорил ли я тебе и раньше, сын мой, что тяжелы иноческие подвиги, что иноки много несут с собой и трудов, и

вражеских нападений, и невыразимых искушений.

При этих словах игумен прослезился и долго плакал об Иоанне. Бог же, Который все обращает на пользу, особым тайным воздействием на сердце игумена внушил ему, чтобы он не препятствовал Иоанну пойти к своим родителям: Господь хотел сделать в нем впоследствии дивными Свои желания[607]. Игумен благословил Иоанна идти, куда он хочет, лишь увещевал его тщательно беречься от сетей врага и сохранить в пути непорочность.

– Хотя я и пойду к родителям, – отвечал Иоанн, – однако и там, с помощью Божией и ваших молитв, сокрушу главу моего врага и покажу его бессилие.

Затем Иоанн пошел в свою келью, чтобы приготовиться в путь. Приготовление же это состояло не в чем-либо другом, а только в молитвах, слезах, воздыханиях сердца, соединенных с коленопреклонениями, – чтобы Господь не дал восторжествовать врагу, но Сам, как знает и хочет, направил его путь по Своей благой и всесовершенной воле. Придя на другой день поутру к игумену, Иоанн пал к его ногам и начал умолять его не гневаться за уход его из монастыря, но напутствовать его своим отеческим благословением и святыми молитвами.

Тогда игумен созвал к себе всех братьев и, объявив, что Иоанн хочет уйти от них, приказал молиться за него. Сам же Иоанн, прощаясь, говорил братьям:

– Знаю я, что дьявол хочет совсем удалить меня из этого святого места под предлогом свидания с моими родителями. Но я надеюсь на Бога и на ваши святые молитвы, что я и с родителями увижусь, и дьявола поборю, победив его обольщение.

После этого все пошли в церковь и там со слезами помолились об Иоанне. Игумен же, благословляя его в путь, сказал:

– Иди, сын мой, во имя Отца и Сына и Святого Духа, и Господь наш Иисус Христос да сопутствует тебе и да управит путь твой по Своей воле.

Также благословили его, поднимая руки, и все прочие отцы. Иоанн целовал их всех и говорил:

– Да спасет вас Господь, отцы и братия, да спасет Он вас, – благословенную Им дружину, добрых подвижников, с любовью принявших меня в свое сообщество, которого теперь я лишаюсь, по своему недостоинству жить вместе с такими угодными Богу людьми.

С этими словами он вышел из монастыря и отправился в свой путь.

Отойдя от монастыря на расстояние стадии[608], он оглянулся назад и, увидев монастырь, горько заплакал. Он пал на колена и, рыдая и орошая землю слезами, стал молиться Богу. Потом он встал и снова отправился в путь, поручая себя Богу и возлагая свои надежды на Его промышление и покровительство. По дороге ему встретился один нищий, одетый в лохмотья. Иоанн обратился к нему и сказал:

– Вижу, что у тебя, брат мой, одежда очень ветха и вся изорвана; прошу тебя, дай ее мне, сам же возьми мою лучшую.

Нищий очень обрадовался и тотчас же, сняв свое рубище, подал его Иоанну, а тот отдал ему взамен свою лучшую одежду.

Когда Иоанн подошел к Царьграду, то, увидев издали дом своих родителей, упал лицом на землю и стал молиться такими словами:

– Господи Иисусе Христе, не оставь меня!

Был вечер, и блаженный Иоанн остался здесь ждать наступления ночи. В полночь же, подойдя к дверям родительского дома, он снова упал на землю и молился:

– Господи Иисусе Христе! Вот дом отца моего, видеть который я так желал. Но не попусти мне лишиться из-за него Твоей благодати. Молю Тебя, Владыка, даруй мне свыше помощь и силу победить дьявольское искушение, не попусти его торжества надо мной и моего падения, но дай мне доблестно окончить на этом месте жизнь свою.

Так он молился до рассвета утра. С наступлением дня, когда открылись двери и вышел управитель дома, начальствовавший над прочими рабами, то он, увидев одетого в лохмотья нищего, спросил у него:

– Кто ты, откуда и зачем осмелился прийти сюда? Ступай скорее прочь отсюда, так как сейчас выйдут мои господа.

– Как видишь, – кротко отвечал ему Иоанн, – я – нищий, не имею где приклонить голову, прошу тебя, господин мой, сжалься надо мной, не гони меня отсюда, но позволь остаться в этом углу. Я никому не сделаю зла, сам же ты получишь милость от Бога, если пожалеешь меня и позволишь мне остаться здесь.

Сжалившись над нищим, управитель дома оставил его. Спустя немного времени вышли из дому родители Иоанна, направляясь в царский дворец. При виде их, блаженный заплакал и стал говорить в своем уме:

– Желание мое наконец исполнилось, – я вижу своих родителей. Но не порадуешься, дьявол, потому что, по благодати моего Господа, я считаю за ничто твои, обращенные против меня, палящие стрелы.

И снова от всей души воззвал он к Богу:

– Господи Иисусе Христе, не оставь меня до конца!

Блаженный Иоанн оставался неподвижным в углу у ворот и лежал там, как Лазарь (Лк.16:20), или как Иов на куче пепла (Иов.2:8). Отец его, видя лежащего у ворот бедного нищего, начал посылать ему кушанья со своего стола, говоря:

– Велико терпение у этого нищего, – оставаясь без крова, он переносит и зиму и зной, и мороз и дождь; поистине таковые именно наследуют Царство Небесное. Ради него Бог, может быть, и нас спасет, почему и направил его к нам, – чтобы, оказывая милость ему, мы через это и сами удостоились потом быть помилованными Им. Кто знает, – быть может, такую же нищету переносит сейчас и наш возлюбленный сын Иоанн, о котором мы даже не знаем, где он; мы делаем этому нищему то самое, чего желали бы в таком случае нашему сыну от других.

Однажды мать Иоанна, выйдя из дому, увидела этого нищего лежащим на куче навоза в своих лохмотьях. Это показалось ей настолько отвратительным, что она сказала слугам:

– Оттащите прочь отсюда этого противного человека, так как я не могу ходить сюда, пока вижу, что он здесь лежит.

Слуги тотчас оттащили его в другое место. Блаженный мог теперь только издали смотреть на ворота дома своего отца.

Однажды, увидев вышедшего из ворот управителя дома, он подозвал его к себе и сказал:

– Умоляю тебя, господин мой, – как с самого начала ты был милостив ко мне, так и теперь пожалей меня и сделай мне небольшую палатку, чтобы госпожа ваша не видала меня и чтобы у меня было хотя какое-нибудь прикрытие от холода.

Управитель исполнил просьбу Иоанна и вскоре построил небольшую палатку, в которой святой и оставался, проводя все время в молитве к Богу. Каждый день отец посылал ему со своего стола пищу; Иоанн с благодарностью принимал ее, но раздавал посещавшим его другим нищим, сам же всегда терпел голод и жажду и от такого чрезвычайного воздержания и поста настолько исхудал, что можно было пересчитать все суставы его костей.

В течение целых трех лет Иоанн терпеливо переносил такую жизнь, скрывая от своих родителей, что он сын их. По прошествии же трех лет, преблагой и человеколюбивый Господь наш Иисус Христос, видя терпение и смирение Своего раба, определил положить конец его бедствиям и трудам. Он явился ему в видении и сказал:

– Радуйся, Иоанн, уподобившийся возлюбленному ученику Моему Иоанну Девственнику[609], потому что ты, оставив все, последовал за Мной в чистом девстве. Вот уже приближается предел твоей жизни, и наступает конец твоим великим страданиям: через три дня ты придешь ко Мне и наследуешь покой праведных.

Придя в себя после видения, Иоанн начал со слезами молиться Господу и говорил:

– Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, что Ты хочешь даровать мне, недостойному, покой праведных. Но умоляю Тебя, Владыка мой, вспомни и о моих родителях, помилуй их по Своей великой милости и очисти их грехи, потому что Ты один благ и многомилостив.

После такой молитвы он позвал к себе вышеупомянутого слугу своих родителей, управителя дома, и сказал ему:

– С самого начала и до этих пор ты был милостив ко мне. Умоляю тебя, господин мой, будь милостив до конца. Об одном

прошу тебя, – поди и скажи своей госпоже следующее: тот нищий, которого ты приказала прогнать от ворот, умоляет тебя через меня такими словами: ради Владыки Христа, не погнушайся мною, убогим, но соблаговоли прийти ко мне, ибо мне нужно поговорить с тобой.

Слуга передал своей госпоже слова нищего. Та же сказала:

– О чем еще нищему говорить со мною? Я и смотреть-то на него не могу, а он еще беседовать хочет со мной.

Об этом она рассказала мужу, но тот стал уговаривать ее:

– Иди, жена моя, не гнушайся нищим, ибо Сам Бог избрал нищих.

Тем не менее, она не послушала мужа и не пожелала идти. Преподобный Иоанн снова послал к ней с такими словами:

– Через три дня я умру, ты же, если не захочешь видеться и говорить со мною, очень потом будешь сожалеть.

Она стала колебаться в раздумье, – идти ей или нет, – не столь желая послушать нищего, сколько любопытствуя, что именно он хочет сказать ей; едва победила она свою нерешительность и вознамерилась пойти, только услышав о приближении его смерти и рассчитывая узнать от него что-нибудь новое. Она вышла из дому и приказала своим рабам принести и положить пред ней нищего, так как преподобный Иоанн, по причине тяжкой болезни, сам не мог уже подойти. Чтобы не быть узнанным, он закрыл свое лицо и начал так говорить ей:

– Скоро уже, госпожа, я перестану нуждаться в оказываемых мне приюте и помощи, и уже уготована вам награда за милостыню, по слову Господнему в Евангелии: «так как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф.25:40). Я же, не обладая по своему убожеству никаким имуществом, хочу оставить тебе некоторое благословение, но прежде умоляю тебя: поклянись мне исполнить то, что я скажу тебе, – и тогда ты получишь благословение.

Она поклялась исполнить, что он скажет. Тогда преподобный Иоанн стал просить:

– Умоляю тебя, госпожа, чтобы ты распорядилась, по смерти моей, похоронить меня на том месте, где стоит моя палатка. Не позволяй покрывать меня никакими другими одеждами, кроме этих лохмотьев, которые сейчас на мне, так как я не стою более почетного места и лучшей одежды.

После этого он вынул из-за пазухи Евангелие и, подавая ей, сказал:

– Пусть это будет тебе утешением в настоящей жизни и добрым путем в вечность тебе и твоему мужу, моему господину.

Взяв Евангелие, она стала рассматривать его, обращая к себе то той, то другой стороной и думая про себя:

– Как это Евангелие похоже на то, которое господин мой переплел для нашего сына!

И потом пошла и показала его своему мужу. Тот признал его и сказал:

– Это, действительно, то самое Евангелие, которое мы подарили нашему возлюбленному сыну, а не другое, пойдем и спросим: откуда оно у него, и не знает ли он чего-либо о нашем сыне Иоанне.

Родители пришли к нему вдвоем и стали ему говорить:

– Заклинаем тебя Святой и Живоначальной Троицей, – скажи нам, откуда ты взял это Евангелие и где наш сын Иоанн?

Будучи не в силах скрывать более муку своего сердца и удерживаться от слез, он отвечал:

– Я – ваш сын Иоанн, и это – то самое Евангелие, которое вы мне подарили; правда, я виноват в причиненной вам скорби, но подаренное мне вами Евангелие научило меня любить Христа и терпеливо нести Его благое иго.

Услышав это, они припали к его изголовью, обнимали его и в течение долгого времени орошали его обильными слезами. Одновременно их сердце было переполнено и радостью и скорбью: радовались они тому, что нашелся наконец их любимый сын, сокрушались же сердцем оттого, что нашли его в такой нищете и убожестве и что не узнали его, когда он лежал у ворот. Все соседи, друзья и знакомые собрались к ним; слух о возвращении Иоанна прошел по всему городу, и все, прославляя Бога, дивились сему. Между тем преподобный

Иоанн предал душу свою в руки Божии[610]. Богу было угодно, чтобы жизнь Иоанна, и при самой его кончине, осталась неосквернённой мирскими почестями и отрешившейся от любви родительской; Господь потому и поспешил взять его к Себе, чтобы он вошел в небесное жилище чуждым мира и мирской дружбы.

Забыв клятву, мать сняла с него ветхое рубище и одела его в драгоценные, золототканые одежды; но неожиданно тотчас же впала в расслабление и опасно занемогла. Евтропий же, отец Иоанна, сказал:

– Мы должны исполнить волю своего сына, так как он не хочет, чтобы его хоронили в таких дорогих одеждах.

С тела преподобного сняли мирские одежды, вновь одели в нищенские лохмотья, и Феодора, мать Иоанна, тотчас же исцелела и стала по-прежнему здоровой. Честные и святые мощи преподобного Иоанна родители его похоронили в той же палатке, в которой он жил. Над гробом его они выстроили потом церковь и большой странноприимный дом, все же свое имущество пожертвовали на содержание странников и пропитание нищих. Вскоре после того они и сами мирно скончались и были погребены в той же церкви, которую устроили над гробом своего сына.

Такова жизнь святого и преподобного Иоанна Кущника, таковы подвиги и труды, которые он претерпел ради Христа, такова его борьба с дьяволом, победив которого, он увенчан теперь небесным венцом в Церкви торжествующих, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки, аминь.

Память святого мученика Пансофия

Память 15 января

Святой Пансофий был сыном Александрийского проконсула[611] Нила. Обладая большим богатством, Нил не жалел средств на воспитание своего сына, и святой Пансофий, при своих прекрасных способностях, получил основательные познания в христианских истинах наряду с широким светским образованием. По смерти отца святой употребил свое богатство на вспомоществование нуждающимся, после чего удалился в пустыню, отвергнув житейские помыслы, чтобы взыскать Господа. Двадцать семь лет прожил он в уединении, возводя ум свой от земных вещей к созерцанию Небесного Царствия и пребывая в непрестанной молитве к Богу. Слава о добродетельном житии святого отшельника дошла до Александрийского префекта[612], бывшего при императоре Декии – гонителе христиан. Представ на суд префекта, святой Пансофий изобличил лживость языческих учений сказаниями самих же язычников об их богах, с доказательствами, исполненными истинности, проповедал, что Христос есть Бог, и тем посрамил высокомерие мучителя. За это исповедник Христов подвергнут был жестокому бичеванию и таким образом воспринял мученический венец[613].

Поклонение честным веригам святого Апостола Петра

Память 16 января

Святой апостол Петр по приказанию царя Ирода[614], был ввергнут в темницу и скован двумя железными цепями.

Но ночью, когда он спал среди двух воинов, Ангел Господень разбудил его, толкнув в бок, и вывел из темницы, причем железные вериги упали с рук апостола, как повествуется об этом в книге Деяний Апостольских (Деян.12:7). Весть о чудесном избавлении Петра от оков и темницы разошлась по всему Иерусалиму, – и некоторые из верующих, взяв тайно эти вериги, стали хранить их у себя, чтобы, смотря на них, иметь пред глазами как бы самого первоверховного апостола Петра, который немедленно по выходе из темницы отправился для проповеданья слова Божиего в другие страны и не возвращался в Иерусалим. Эти вериги получили от тела апостола, который был крепко ими связан, целебную силу. Известно, что головные повязки и платки святого апостола Павла исцеляли болезни и изгоняли нечистых духов, потому что были пропитаны потом его (Деян.19:12); такое же действие оказывали вериги святого Петра, потому что некогда плотно охватывали тело апостола. Верующие с глубоким благоговением чтили эти честные вериги, воздавали им поклонение и тщательно хранили их, как дорогое наследство, из рода в род, причем каждый раз родители – детям, а те – своим наследникам объясняли, какого великого узника касались эти вериги и чьим телом они освящены. Так перешли они по наследству в руки святейшего иерусалимского патриарха Ювеналия. И когда благочестивая царица Евдокия, супруга царя Феодосия Младшего[615], возвращалась в Царьград из Иерусалима, – где за время своего пребывания построила много церквей и украсила из своих царских средств святые места, – то патриарх Ювеналий подарил ей за ее благочестие и любовь к святыне немало разных духовных сокровищ. В числе их он подарил ей и эти честные и чудотворные вериги святого апостола Петра[616]. По возвращении в Царьград Евдокия одну

веригу принесла в дар храму святого апостола Петра, находившемуся внутри Великого Софийского собора[617], а другую послала в Рим своей дочери Евдоксии, которая была замужем за римским царем Валентинианом III. [618] Благочестивая, подобно матери, Евдоксия с любовью приняла этот драгоценный дар и, построив на Эксквилийской горе храм во имя святого апостола Петра, положила там эту веригу вместе с найденной в Риме другой веригой святого апостола Петра, которою связал его во время мучений Нерон[619]. После того было установлено совершать 16 января праздник поклонения этим честным веригам[620], в память и честь святого апостола Петра и во славу Христа Бога нашего.

Тропарь, глас 4:

Рима не оставль, к нам пришел еси честными веригами, яже носил еси, Апостолов первопрестольне. Имже верою поклоняющеся, молимся: твоими к Богу молитвами, даруй нам велию милость.

Кондак, глас 2:

Камень Христос, каменя веры прославляет светло, учеников первопрестольника: созывает бо вся праздовати, Петре, чудеси твоея честныя вериги, и подает согрешений прощение.

Кондак, глас 2:

Верховнаго и перваго Апостолов, истины Божественнаго ученика, Петра великаго восхвалим, и того верою целуем вериги, прегрешений разрешение приемлюще.

Страдание святых мучеников Спевсиппа, Елевсиппа и Мелевсиппа, бабки их Леониллы и других с ними

Память 16 января

Святой Поликарп, ученик святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, желая, по действию Духа Святого, умножить словесное стадо верующих во Христа, послал в различные страны своих учеников, с тем чтобы они безбоязненно проповедовали всюду слово Божие. Узнав, что в Галлии[621] повсеместно происходит гонение на христиан по царскому указу, которым все они приговорены к смерти, святой Поликарп послал туда двух священников Божиих – Андохия и Венигна и третьего – диакона Фирса. Это были истинно добродетельные люди, преданные Богу, усердные в подвигах, с любовью готовые всегда отправиться на благовестнический труд, сушею ли, морем ли, больше жаждавшие, чем боявшиеся мучений и смерти за Христа. Получив приказание от своего епископа, они тотчас же взошли на корабль. Отпуская их, святой епископ Поликарп напутствовал их такими словами:

– Идите, доблестные мужи, и с благодатной помощью Христа крепко стойте за Него. Через святое исповедание пресвятого имени Христова вы приобретете себе многих сподвижников и, радуясь вместе с ними победе, достигнете славы и вечных почестей. Да умножатся обильные плоды ваших трудов и да возвеличится радость в райских жилищах праведников при виде ваших святых приобретений!

Напутствованные этими и многими другими благословениями святого Поликарпа, они взошли на корабль и скоро, по особому указанию Божиему, прибыли к Массилийским берегам[622]; сойдя на землю, они тотчас отправились в путь, и Ангел Божий шел впереди их. Прибыв в город, называвшийся Эдуя[623], они встретили, по Божиему о них промышлению, сенатора Фавста, человека благороднейшего, который с честью и любовью оказал им гостеприимство. Когда он узнал, что гости – пресвитеры, то стал усердно просить их, чтобы они привели ко

Христу через святое крещение его семейство, родных и знакомых; сам он уже был христианином, лишь – тайным по причине гонения на христианство. Он привел к ним и своего сына, юношу Симфориана; впоследствии этот юноша, по научению святых, главным же образом – по Божиему предопределению, пострадал за Христа, когда потребовали того обстоятельства. Представив юношу священникам, Фавст умолял святого Венигна крестить его, а святого Андохия – быть ему восприемником, и служители Божии исполнили благочестивое желание отца.

Потом, вспомнив о своей сестре и ее внуках, Фавст сказал:

– У меня есть родная сестра, по имени Леонилла, которая проживает в одном из Лингонийских[624] городов. У нее есть три внука – дети ее сына, близнецы по рождению. Они, хотя и получили прекрасное образование, но, следуя примеру отцов, остаются в язычестве, поклоняясь идолам. Бабка же их, а моя сестра, желала бы сделать внуков воинами Христовыми и посвятить на служение Ему. Умоляю вас, священники Божии, помогите ей и доведите до конца начатое дело: просветите весь благородный дом.

Услышав это, святые решили разделиться для проповеди: Андохий отправился вместе с Фирсом в Августодонийское селение[625], где, после обращения многих в христианскую веру, скончался потом мученическою смертью. Святого же Венигна Фавст отправил в Лингонийский город к своей сестре.

Леонилла, сестра Фавста, встретила святого Венигна, как бы упавшую с неба манну, с великою радостью. Внуки ее в этот день были в селении, называвшемся Пасмасия, для принесения нечистых жертв идолу богини Немезиды[626], причем, возвращаясь домой, они принесли своей бабке остатки жертвенного мяса. Но она, гнушаясь скверными языческими жертвами, выбросила это мясо на съедение собакам, к внукам же обратилась при святом пресвитере Венигне с такими словами:

– Любезные мои внуки! Познайте Господа нашего Иисуса Христа, истинного и живого Бога, Которому воздают должное поклонение Ангелы и все твари, Который Своим словом

сотворил весь мир, простер Своим повелением высоту небесную, распространил широту земле, собрал морские бездны и оградил их песком, украсил небо звездами, утвердил на нем два великих светила, чтобы они освещали своими лучами все созданное Им, населил воды рыбами, одел землю деревьями и травою и создал на ней, по Своей воле, всяких животных. Потом Он благоволил создать по образу Своему и подобию человека и украсил его особым даром премудрости, ведения и разума, чтобы он усердно искал Господа – Владыку всех тварей и не обнаруживал непочтения к Нему через пренебрежение познанием Его, чтобы познавал добро и научался различать его от зла, чтобы не только не воздавал какого-либо почтения бесчувственным идолам, измышленным дьяволом для обольщения людей, но отвергал их, как нечистых, и избегал всякого общения с ними, так как эти идолы появились в мире по коварству дьявола, еще в раю прельстившего первого человека. Любезнейшие внуки! Оставьте всех нечистых идолов и твердо уверуйте в Творца всего – Господа нашего Иисуса Христа. Вот, по благодати Божией, к вам прислан из далекой страны этот святой муж, которого вы видите пред собой. Послушайте его, потому что устами его Сам Бог возвещает вам Свои заповеди, и учитесь от Него тому, что может содействовать вашему спасению.

Когда блаженная Леонилла, вместе со святым Венигном, увещевала так своих внуков, благодать Божия проникла незримо в их сердца. С удивлением слушали юноши слова своей бабки, смотря друг на друга и размышляя, и потом все в один голос отвечали ей:

– Зачем же ты молчала до этих пор пред нами о деле такой большой важности? Зачем в течение столь долгого времени скрывала от нас путь истины и лучезарный свет?

Подняв свой взор, и благоговейно воздев руки к небу, Леонилла возблагодарила Бога за то, что внуки ее начинают познавать истину, и с любовью сказала им:

– Сын мой, а вам – отец, который теперь сошел в преисподнюю, не отличаясь ни умом, ни мудростью, настолько был ожесточен сердцем и погружен в мрак нечестия, что не

хотел не только веровать во Христа Бога, но даже – произнести Его святого имени. Какую же пользу могло принести слово Божие тому, сердце которого всецело было одержимо злобой неверья, так что, ослепленный идолопоклонством, он и не мог видеть света правды? Только ради него я молчала и не говорила вам о том, что служит к вашей пользе: я боялась, что он своим пагубным влиянием навсегда отклонит вас от правого пути. Но так как теперь, по воле Божией, его уже нет на свете, то исчезли для вас все препятствия. Время настало благоприятное, – откройте и обратите к небу свои телесные очи и сердечные и, с помощью благодати Господа нашего Иисуса Христа, искорените из своих душ всякую склонность к идолопоклонству, чтобы исполниться через то непрестанной радости.

Многое и другое говорила юношам блаженная Леонилла вместе со святым пресвитером, и под влиянием их речей юноши вспомнили виденные ими в предыдущую ночь сны, которыми предуказывалось их обращение в Христову веру, и стали рассказывать друг другу.

– Я видел, – сказал старший, Спевсипп, – будто бы припал к груди нашей бабки и сосал переполненные молоком сосцы, она же ласково говорила мне: пей, Спевсипп, спасительное молоко, чтобы, подкрепившись им, ты мог устоять против врагов и получить славную победу.

– А я видел, – сказал Елевсипп, – какого-то мужа, сидящего на небесном престоле и сияющего невыразимою славою, от блеска которой у меня потемнело в глазах, и всего меня охватили ужас и страх. Он же, обратив ко мне свое лучезарное лицо, сказал: не бойся, потому что ты удостоишься получить венец победы!

Третий брат Мелевсипп так стал рассказывать о бывшем ему сновидении:

– Я видел – и сам не знаю, какого – Великого Царя, в руках которого был скипетр. Всех нас троих вместе Он принял в Свое войско, возложив на нас воинские пояса и выкупив нас за дорогую цену из оков плена, предписал нам золотыми словами вечную свободу, причем сказал мне: «Мелевсипп! Я назначил

вас, трех братьев, быть Моими приближенными и увенчать вас вечными наградами, потому что ваша бабка непрерывно – и днем и ночью – молится Мне о вашем спасении, чтобы вы были направлены по истинному пути жизни и, избавившись от обольщений злого духа, сподобились увидеть свет истины и вместо смерти наследовать жизнь».

Дивны были эти видения трех братьев, одинаково означавшие их обращение к Богу! Под впечатлением этих видений и под влиянием увещаний Леониллы и пресвитера братья обратились, наконец, к своей блаженной бабке с такими словами:

– Скажи, что нам делать, чтобы ваша проповедь могла привести нас к спасению, освободив от прежних заблуждений?

Святая Леонилла и пресвитер Божий обрадовались и, с благодарностью Господу в душах своих, отвечали:

– Соблюдайте все заповеди Божии, твердо веруйте в Царя царей – Христа Бога и, отвергнув нечистых идолов, всецело посвятите себя на служение Создателю своему – Богу.

После этого святой пресвитер Венигн, тщательно научив юношей истинам христианской веры, крестил их и окончательно утвердил в исповедании Христовом, сам же удалился в один из Дивионийских[627] городов, где, обратив в короткое время многих ко Христу, скончался мученически.

Трое святых братьев-близнецов немедленно, по своем утверждении в христианской вере, послали своих слуг с приказанием разбить вышеупомянутого идола богини Немезиды, причем и сами уничтожили двенадцать находившихся в их доме истуканов. Тотчас же по всей Лингонийской стране прошла молва о том, что внуки Леониллы, столь знатные по происхождению юноши, уверовали во Христа и уничтожили идолов. Озлобился против них народ, восстали власти, судьи и языческие жрецы воспылали гневом. Собравшиеся со всех сторон начальники начали допрашивать святых юношей:

– Откуда так неожиданно напало на вас безумие? Кто внушил вам отвергнуть почитание богов, которым с давних времен служили ваши предки? Неужели вы так легко готовы

отвергать повеление царя и считать Богом распятого иудеями Христа?

Исполнившись Духа Святого, юноши отвечали:

– О слепые сердцем, объятые вечным мраком, закоснелые в грехах и обреченные на вечные мучения и смерть! Зачем сами, обольщаемые дьяволом, склоняете и нас поклоняться камню или какому-либо другому предмету, которому придано подобие человека? Ведь это – изделия человеческих рук: они бездушны, бесчувственны и ничтожны, – и однако же вы почитаете их, по своему безумию, за богов. Наш же Господь Иисус Христос есть Бог живой, равносущный, по учению нашей веры, другим Лицам Пресвятой Троицы – Отцу и Святому Духу, Бог от Бога, Свет от Света, Сияние от Сияния, Который всегда был, есть и будет, Творец всего, что в мире.

Такие слова святых братьев привели язычников в большую ярость, особенно – их жрецов и начальников. Один из них, по имени Квадрат, не стерпел и ударил по щекам Спевсиппа и Елевсиппа, потому что только эти двое юношей говорили против язычников. Мелевсипп же, видя причиняемые братьям побои, воскликнул:

– Зачем и меня не бьешь, как братьев? Зачем лишаешь меня такого благодеяния? Вот они уже начали переносить страдания, которых мы все так желаем, мне же не даешь потерпеть святого страдания, как будто бы считаешь меня неверующим во Христа и своим единомышленником. Мы все одинаково твердо веруем в Христа, одинаково презираем ваше языческое нечестие и надеемся получить от Христа одинаковую награду.

– За бесчестье нашим богам, – сказал Квадрат, – мы подвергнем теперь вас различным мучениям.

Елевсипп отвечал:

– Чем больше приготовите нам мучений, тем больше укрепите нас в благодати Божией.

– Если не вырежете им языков с корнем, – сказал другой нечестивый начальник Палмат, – они не перестанут бесчестить нас и наших богов.

Спевсипп отвечал:

– Если вы отрежете нам, по своей жестокости, телесные языки, то мы внутренними языками своих душ будем прославлять величие Божие, и ваша злоба никогда не заставит нас отречься от святой веры во Христа.

– Окаянные! – воскликнули Палмат и третий начальник Гермоген, – вы все вместе готовите себя к смертной казни.

– Умирать за Христа, – отвечал Спевсипп, – мы считаем за счастье для себя, потому что таким образом мы скорее перейдем в вечную жизнь, где нет никакой скорби, но одна лишь непрестанная радость.

Тогда Лингонийские судьи, Палмат, Квадрат и Гермоген, видя непоколебимую твердость святых юношей в христианской вере, стали совещаться между собой, каким бы самым жестоким мучениям, на страх прочим, предать их и какою бы наиболее лютою казнью умертвить их. Первоначально они решили, впрочем, позвать к себе всеми уважаемую Леониллу, чтобы попытаться через ее посредство отклонить юношей от христианской веры и снова обратить их в язычество.

Они сказали ей:

– Если хочешь избавить своих внуков от мучений и спасти от смерти, то ступай и убеди их снова соорудить разбитых ими богов, поклониться и принести им приличные жертвы.

На эти и другие подобные увещания судей Леонилла отвечала:

– Пойду и постараюсь убедить их позаботиться о своем спасении.

Когда она пришла к своим святым внукам и узнала об их твердости в святой вере, то очень обрадовалась. Она с любовью целовала каждого из них, плача от радости и благодаря Христа Бога, и после долгой молитвы Ему сказала внукам:

– Не было в вашем роде ни одного человека благороднее, богаче, лучше, угоднее Богу, чем вы; исповеданием веры Христовой вы просвещаете весь свой род, и хотя вы молоды, однако же превзошли мудростью всех старших из своего рода. Сделавшись воинами Христовыми, вы приобрели себе огромное и бесценное сокровище. Будьте же непреклонны и тверды в

святом Христовом законе и, вооружившись верою во Христа, не бойтесь угроз и мучений. Видимые царства этого мира, вместе со всей настоящей жизнью, ничтожны, и их ожидает скорый конец. Невидимое же Царство Божие вечно, и его желать, к нему стремиться – свойственно истинной мудрости; за кратковременные подвиги вы можете получить его и через скоропреходящие страдания можете войти в обладание вечными радостями.

Видя юношей исполненными благодати Божией и твердыми в вере, она, с этими словами, поручила их Христу и, успокоенная, ушла.

Вскоре затем судьи позвали святых и спросили, – согласны ли они поклониться богам и громко заявить о том пред всем собравшимся народом. Но юноши открыто пред всеми исповедали свою веру в Единого истинного Бога и свою полную готовность пойти из любви к Нему на всякие истязания и смерть, и вместе с тем отреклись от ложных и ничтожных языческих богов. Тогда святых братьев связали по рукам и ногам, повесили на одном дереве и растянули, подобно струнам на гуслях, так крепко, что кости в их телах стали выходить из суставов. Но, подкрепляемые благодатною силою Христовою, они терпеливо сносили ужасные страдания и смеялись над своими мучителями – судьями.

Святой Мелевсипп говорил им:

– Господь и Спаситель наш Иисус Христос был пригвожден для искупления наших грехов к Кресту, от какового святого дерева мы получили в помощь и защиту себе крестное знамение. Мы же, три раба Его, вися на одном этом дереве, делаемся мучениками за имя Его. Счастлив плод того дерева, которое держит трех мучеников, принесенных в жертву Пресвятой Троице.

Судьи, видя, что святые юноши не только не ослабевают духом среди мучений, но как бы еще более укрепляются, сказали им:

– Вы умрете не на этом дереве, как вам хочется, но погибнете в огне.

– Еще больше будет наше блаженство, – отвечал снова Мелевсипп, – если мы предстанем Богу после того как очистимся огнем и через пламень огня перейдем из тьмы к вечному свету.

Тогда судьи приказали набрать дров, хворосту и других легко воспламеняемых предметов и разожгли огромный костер, в который и бросили связанными трех святых братьев. Но святые, с помощью Спасителя своего – Христа, оставались среди огня невредимыми; веревки, которыми они были связаны, перегорели и распались, и они, подобно трем древним Вавилонским отрокам, ходили среди пламени и славословили Бога. Нечестивцы стали сильнее разжигать огонь, желая сжечь Христовых рабов; но чем более усиливался огонь, тем очевиднее становилась слава святых, и когда, наконец, спустя долгое время, огонь погас, то оказалось, что святые живы, невредимы и даже нисколько не опалены. Они лишь смеялись над мучителями и говорили:

– Нам дана власть перейти ко Христу Богу нашему только тогда, когда захотим мы сами; но мы решили еще посмеяться в этой жизни над вашим безумием, хотя все-таки и не замедлим явиться на небесный пир.

Наконец трое святых братьев-близнецов, видя пред собою сонмы святых Ангелов, готовых сопровождать души их в Царство Небесное, склонили на землю свои колена и, помолившись все вместе, предали Богу свои святые души. Честные тела их были погребены на расстоянии двух поприщ[628] от города, в селении, по имени Урват, где впоследствии был выстроен в честь их храм, причем там совершались чудеса и больные получали исцеления.

По смерти святых мучеников одна женщина, по имени Иовилла, воспламенившись Божественною ревностью и пренебрегая мужем и своим единственным малолетним сыном, воскликнула среди неверующих язычников:

– И я – раба Христова, и я непоколебимо исповедую Христа, Бога живого и истинного, нечистых же и ничтожных идолов ваших отвергаю.

Ее тотчас же схватили, повесили за волосы и стали предавать всевозможным мучениям. Когда она, несмотря на то, не захотела отречься от Христа, ее привели вместе со святою Леониллой, бабкою святых юношей, в вышеупомянутое селение Урват и там усекли их обеих мечом. Некто Неон, бывший свидетелем подвигов святых и описавший их страдания, вручил свою рукопись Турвону, а сам открыто исповедал веру в Христа и был бит до тех пор, пока не скончался мученически, предав Господу свою душу. И сам Турвон, подражая примеру святых страдальцев, перешел через мученическую смерть в вечную жизнь.

Все это происходило в 16 день месяца января в царствование Аврелия Вера, иначе – Антонина[629], точнее же – когда царствовал над миром Господь наш Иисус Христос, Которому с Отцом и Святым Духом честь и слава и ныне и всегда и во веки веков, аминь.

Память святого мученика Данакта чтеца

Память 16 января

Святой мученик Данакт был родом из Иллирии, из города Авлона[630], и состоял чтецом церковным. Во время нашествия язычников он взял церковные сосуды, чтобы спрятать их от неверных, но в одном месте был захвачен ими. Язычники понуждали его принести жертву их богу Дионису[631]. Но святой Данакт не повиновался им и претерпел мученическую кончину[632], пронзенный мечом.

Житие преподобного отца нашего Антония Великого

Память 17 января

Преподобный Антоний был родом из Египта[633]. Родители его были люди благородные и известные своим христианским благочестием; своего сына они воспитали так, чтобы он не знал никого другого, кроме них и своего дома. Придя в отроческий возраст, он не спешил ни приниматься за науки, ни сближаться с другими отроками, но, оставаясь в своем доме, хранил чистоту сердца и стремился к преуспеянию в благочестии. Не предаваясь забавам отроческого возраста, Антоний любил ходить вместе с родителями в храм Божий и, слушая там чтения из Божественных книг, старался извлекать отсюда всю возможную для себя пользу и жить именно так, как они учили. Он не просил у старших сладкой пищи, как это свойственно детям, и вообще не обращал на пищу много внимания, довольствуясь всегда тем, что ему давали.

Родители преподобного Антония умерли, когда ему было около двадцати лет. Оставшись после них с малолетнею сестрою, он первоначально заботился о доме и о должном воспитании сестры. Часто, по своему обыкновению, посещая храм, он слышал из читаемых там Божественных книг, как апостолы, оставив все, последовали за Спасителем, и как, по свидетельству книги Деяний Апостольских, многие из христиан продавали свое имущество и полагали цену проданного к ногам апостолов для раздачи нуждающимся (Деян.4:34). Антоний размышлял о том, как тверда была вера этих людей и какая великая награда уготована им на небесах. С такими мыслями он приходит однажды в храм и здесь вдруг снова слышит слова Христа, сказанные к богатому юноше: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф.19:21). Антоний принял это за напоминание свыше, – как бы Христос сказал эти слова лично ему самому, – и тотчас по выходе из храма продал свое имущество, а вырученные

через продажу большие деньги раздал нищим, оставив лишь незначительную часть их для своей слабой и малолетней сестры. У него было триста очень хороших и обильных плодами финиковых пальм, и он подарил их соседям, чтобы освободить и себя и сестру от всяких забот о них.

Когда вскоре после этого он вновь пришел в храм и услышал слова Господа в Евангелии: «не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф.6:34), то тотчас же вышел вон и раздал нуждающимся и остальную часть имущества. Не желая более проживать в своем дому, он поручил сестру верным и известным ему девственницам[634], посвятившим себя на служение Жениху – Христу, чтобы она воспитывалась среди них примером их жизни, сам же начал вести суровую и строгую подвижническую жизнь.

В то время в Египте было еще мало монастырей и пустынножительство было еще не распространено; но всякий, кто желал служить Христу и спасаться, упражнялся в добродетели, уединившись где-либо вблизи своего селения. В то время в недальнем расстоянии от селения Антония проживал один старец, который с молодых лет предавался в уединении иноческим подвигам. Повидавшись с ним и получив для души пользу от этого, Антоний начал подражать ему и также искать уединения в различных местах поблизости от своего селения. Если и после этого ему доводилось слышать о каком-либо отшельнике, он, подобно благоразумной пчеле, отправлялся искать его и не возвращался назад, пока не находил отыскиваемого и через свидание и беседу с ним не извлекал, подобно тому как пчела извлекает мед, – некоторой пользы для себя.

Таковы были первые подвиги блаженного, преуспевая в которых, он все более и более укреплял свои помыслы в добром направлении. Вместе с этим он снискивал себе пропитание трудом своих рук, помня слова Писания: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес.3:10). На вырученные от продажи своих изделий деньги он покупал хлеб и питал голодных; его душа была в постоянном молитвенном общении с Богом, так как он знал из Писания, что молиться нужно

непрестанно (1Фес.5:17). Чтение Священного Писания он выслушивал с таким глубоким вниманием, что не забывал из читаемого решительно ничего, и, при строгом соблюдении всех заповедей Господних, память стала заменять ему самые священные книги. Так жил Антоний, и его любили все братья, к которым он приходил, чтобы получить от них душевную пользу и, пребывая в подчинении у них, поучиться от них добродетели, – какою кто преимущественно отличался: одному он старался подражать в воздержании, другому в бодрости, тому – в кротости, другому в неусыпности, иному – во внимательности к читаемому; у одного он учился подвигам поста, у другого дивился лежанию на голой земле, прославлял смирение одного, терпение другого. Приобретя общую всех их любовь и от всех получив для себя пользу, он возвращался к себе в келью и там, размышляя о всем виденном, старался усвоить и совместить в себе добродетели всех, направляя свои усилия к тому, чтобы ни в одной из упомянутых добродетелей не оказаться самым последним. Поступая так, он, хотя и начал всех превосходить славою, однако же продолжал пользоваться общею любовью: соседи и иноки, которых он часто навещал, видя такую жизнь Антония, называли его боголюбивым и любили одни – как сына, другие – как брата.

Когда Антоний так преуспевал и укреплялся в добре, враг христианского имени – дьявол, будучи не в силах видеть такие добродетели в юноше, восстал против него со своим древним коварством и начал пытаться отклонить его через обольщение от добрых намерений и совратить с правого пути. Он приводил ему на память мысль о проданном и розданном имуществе, о необеспеченности сестры, о величии рода, о суетной мирской славе, об удовольствии, какое можно получить от различной пищи и прочих прелестях мирской жизни. Одновременно он представлял Антонию мысленно трудный путь и тяжелый конец добродетели, и немощь тела и продолжительность времени подвига; этими и многими другими помыслами искуситель старался омрачить его ум и развратить сердце. Когда же дьявол увидел себя побежденным Антонием через молитвы его к Богу, терпение и веру, то обратился к обычным в юношеском

возрасте искушениям: начал смущать его ночными мечтаниями, страхом и привидениями, шумом, голосами и воплями среди ночи, днем же – и открытыми нападениями. Антоний твердо противился дьяволу: тот влагал ему нечистые помыслы, Антоний же прогонял их непрерывною молитвою; тот стремился привести его чувства в услаждение естественным раздражением и волнением похоти, а этот ограждал свое тело верою, бодрствованием и постом; дьявол принимал ночью образ прекрасной женщины и всячески пытался возбудить в Антонии страсть, но тот погашал ее мыслью о геенском неугасающем огне и неумирающем черве; дьявол склонял юного Антония ступить на путь скользкий и близкий к падению, а он, приводя себе на мысль вечные мучения после Страшного Суда, ненарушимо соблюдал среди искушений чистоту души. Все это послужило лишь к посрамлению дьявола: окаянный, возмечтавший быть подобным Богу, был теперь пристыжен юношей; восстающий против плоти и крови был побеждаем человеком, имеющим плоть, потому что Своему рабу содействовал Господь, принявший ради нас плоть и даровавший через то плоти силу побеждать врага, чтобы все, искушаемые таким образом один за другим, могли – каждый повторять слова апостола: «не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1Кор.15:10).

Злобный змей убедился, наконец, что он не в силах победить Антония такими своими коварными искушениями, и, видя себя всегда только прогоняемым, бессильно скрежетал зубами. Потом он явился ему видимо – в образе черного и страшного отрока, который с плачем так говорил человеческим голосом:

– Многих я ввел в искушение, многих обольстил, но теперь как другими святыми, так и тобой через твои подвиги побежден.

В самом деле коварный искуситель говорил это, рассчитывая привести смиренного юношу к высокому мнению о себе.

– Кто ты, что так говоришь о себе? – спросил его блаженный Антоний.

– Я соблазнитель на блуд, – отвечал дьявол, – многоразличными хитростями я стараюсь склонить на этот грех всех юношей, почему и называюсь духом блуда. Скольких уже людей, давших обет целомудрия, я склонил к такому греху! Скольких, уже начавших жить воздержно, мне удалось возвратить к прежней нечистой жизни! Я – тот, за кого и пророк Осия укоряет падших, говоря: «ибо дух блуда ввел их в заблуждение» (Ос.4:12), и действительно, они были обольщены мною; я же часто искушал и тебя самого, но всякий раз был прогоняем тобою.

Антоний, когда услышал это, то возблагодарил Господа и с еще большею, чем прежде, безбоязненностью сказал врагу:

– Во многом ты посрамлен, во многом пристыжен, почему и чернота твоя и принятый тобою образ отрока суть не иное что, как лишь знаки твоего бессилия. Теперь я уже и не опасаюсь более тебя: «Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих» (Пс.117:7).

От этих слов Антония привидение тотчас бесследно исчезло. Такова была первая победа Антония над дьяволом, одержанная с помощью благодатной силы Христовой. Однако же ни Антоний не пришел в нерадение о себе после этой одной победы, ни у дьявола после одного поражения не ослабели еще силы, потому что он «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Пет.5:8). Антоний, помня из Писания, что много бывает козней дьявольских, неослабно упражнялся в тяжелых подвигах, рассуждая, что если сатана и был побежден, когда искушал плотскою похотью, то он может подвергнуть каким-либо еще более тяжелым и опасным искушениям. Поэтому Антоний все более и более изнурял и порабощал себе свое тело, чтобы, победив в одном, не дать над собою победы в другом. Приучая себя постепенно к еще более суровой жизни, многие чрезвычайные подвиги служения Богу он сделал привычными для себя, привычки же обратил как бы в природу: каждый день он постился до захода солнца и все ночи проводил в молитве; иногда он вкушал пищу только через два дня и лишь на четвертую ночь несколько забывался сном. Пищу его составляли хлеб и соль, при небольшом количестве воды,

постелью служила рогожа или власяница, а иногда – и голая земля. Масла он вовсе не употреблял в пищу, о мясе же и вине не нужно и говорить, так как их не употребляют и менее усердные монахи. Блаженный говорил, что юношескому телу и невозможно победить врага, если оно будет размягчаемо сладостью масла, и что нужно налагать на тело возможно более тяжелые подвиги, чтобы с ослаблением его делался сильнее дух, по слову апостола: «когда я немощен, тогда силен» (2Кор.12:10). Принимая на себя каждый день все новые и новые подвиги, он вспоминал пророка Илию, который говорил: «жив Господь (днесь), пред Которым я стою» (3Цар.18:15).[635] И он так рассуждал сам с собою:

– Не напрасно прибавлено здесь в Писании это слово «днесь», ибо Илия не считал подвигов минувшего времени, но как бы каждый день вновь принимался за подвиги, всеми силами стараясь предстать пред очами Божиими таким, каковым, по его мнению, должен быть человек достойный лицезрения Божия, т. е. – чистым сердцем и готовым исполнять волю Божию.

Он думал и о том еще, что каждый подвижник должен подражать великому Илии и, имея пред собой его образ, изучать по нему, – как пред зеркалом, – свою жизнь. Поэтому он отправился к находившимся недалеко от селения гробницам, упросив прежде одного из знакомых, чтобы он приносил ему в известные дни пищу. Тот запер его в одной из таких гробниц и там, в уединении, блаженный предавался безмолвию. При виде этого, дьявол стал опасаться, что Антоний со временем вооружится против него пустынническим подвижничеством: собрав демонов, он, по попущению Божиему, подверг его таким ужасным побоям, что блаженный лежал после недвижимым и безгласным, о чем впоследствии он сам много раз рассказывал; причиненные ему мучения превосходили всякие человеческие страдания. Но, по милосердию Господа Бога, никогда не оставляющего надеющихся на Него, Антоний не умер. Спустя несколько дней к Антонию пришел упомянутый ранее знакомый его, неся обычную пищу. Открыв двери и увидя его замертво лежащим на земле, он поднял его и принес в свое селение.

Когда разнесся слух об этом, к Антонию собрались соседи и сродники и с великою скорбью стали совершать над ним, как над умершим уже, заупокойную службу. Но в полночь, когда все крепко заснули от утомления, Антоний стал приходить понемногу в себя; вздохнув и приподняв голову, он заметил, что не спит лишь тот, кто принес его сюда. Подозвав его к себе, он стал просить его, чтобы тот, не будя никого, отнес его на прежнее место, что и было исполнено, и Антоний снова стал жить в уединении. Не имея сил, по причине ран, стоять на ногах, он молился лежа ниц и после молитвы громко воскликнул:

– Бесы! Вот я, Антоний, здесь. Не избегаю я борьбы с вами; знайте, что если сделаете что-либо и большее прежнего, ничто не может отлучить меня от любви ко Христу.

Блаженный пел при этом:

– «Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое» (Пс.26:3).

Тогда ненавистник добра – дьявол, удивляясь, что Антоний осмелился возвратиться сюда после таких побоев, сзывает своих бесов и с яростью говорит им:

– Видите, – нам не удалось победить его ни духом блудодеяния, ни телесными ранами, – после того и другого он лишь с еще большею смелостью глумится над нами; вооружитесь же каждый на еще более сильную и упорную борьбу с ним, чтобы он почувствовал, кому сделал вызов.

И тотчас после этого все множество бесов пришло в неистовое движение, потому что у дьявола есть много способов борьбы с людьми. Вдруг раздался такой гром, что место это поколебалось в самом основании, и стены распались; и тотчас сюда ворвалось и заполнило жилище Антония множество демонов, явившихся в виде призраков львов, волков, аспидов[636], змей, скорпионов[637], рысей и медведей, и каждый из этих призраков обнаруживал свою ярость соответственным его виду способом: лев рыкал, готовясь поглотить Антония, буйвол устрашал своим ревом и рогами, с шипением извивалась змея, стремительно бросались волки, рысь по-своему изловчалась к нападению; все эти призраки были крайне

страшны по своему внешнему виду, а производимый их ревом шум был прямо ужасен. Антоний, поражаемый и терзаемый ими, переносил мучительнейшие страдания, но не впал в страх и сохранил бодрость и ясность ума. Хотя телесные раны и причиняли ему боль, но, оставаясь непоколебимым в душе, он как бы глумился над врагами и говорил:

– Если бы у вас было сколько-нибудь силы, то для борьбы со мной достаточно было бы и одного из вас, – но так как Господь отнял у вас силу, то вы и пытаетесь устрашить своею многочисленностью; уже одно то служит очевидным знаком вашей слабости, что вы приняли на себя образы неразумных животных.

И снова он мужественно продолжал говорить им:

– Если по попущению Божиему вы имеете силу напасть и поглотить меня, то вот я, – чего медлите? А если вам не дано такой силы надо мной, – то зачем понапрасну и трудиться? Знамение креста и вера в Бога служат для нас неодолимой стеной отражения.

Так демоны, после многих покушений и напрасных стараний устрашить блаженного Антония, лишь скрежетали своими зубами, потому что не только ни один из них не имел никакого успеха, но, напротив, сами были побеждаемы и посрамляемы им.

Милосердый Господь Иисус, покровительствуя Своему рабу, не оставил его во время такой тяжкой борьбы с демонами. Подняв кверху свой взор, Антоний увидел, что свод гробницы раскрылся над ним и к нему нисходит, рассевая тьму, светлый луч. С появлением света демонов не осталось ни одного, телесная боль мгновенно утихла, гробница же, которая распалась при появлении демонов, снова оказалась невредимою. Уразумев в этом посещение Господне и глубоко, от сердца, вздохнув, блаженный воскликнул с лицом, обращенным к озарявшему его свету:

– Где был Ты, милосердный Иисусе? Где был Ты и почему с самого начала не явился исцелить мои раны?

И был к нему голос:

– Антоний! Я был здесь, но ждал, желая видеть твое мужество; теперь же, после того как ты твердо выдержал борьбу, Я буду всегда помогать тебе и прославлю тебя во всем мире.

Услышав это, Антоний встал и почувствовал себя настолько крепким, что, как казалось ему, он получил вновь силы много больше, чем сколько потратил в борьбе. Блаженному Антонию было тогда тридцать пять лет.

После этого Антоний пошел к вышеупомянутому старцу, у которого он искал руководства в самом начале, и стал упрашивать его пойти и поселиться вместе с ним в пустыне в каком-либо малодоступном месте. Когда старец отказался – и по причине старости, и по причине новизны такого образа подвижничества[638], Антоний бесстрашно отправился один в далекий путь к неизвестной среди монахов горе в пустыне. Но враг, не прекращая искушать его и желая воспрепятствовать исполнению его намерения, бросил на пути его серебряное блюдо, – чтобы искусить его сребролюбием. Увидев блюдо, Антоний понял коварство врага и приостановился несколько в размышлении. Смотря в сторону – на блюдо, он стал обличать скрывающегося в призраке серебра обольстителя и так говорить в себе:

– Откуда быть этому блюду в пустыне? – Это лишь путь для зверей и птиц, здесь нет даже ни одного человеческого следа; к тому же, если бы оно упало из мешка, то, по причине его больших размеров, это не могло бы остаться незамеченным для обронившего, и он, во всяком случае, возвратился бы и, поискав на пройденном пути, нашел бы утерянную вещь, так как место здесь пустынное. Это твоя, дьявол, хитрость, но не воспрепятствуешь этим моему намерению: «серебро твое да будет в погибель с тобою» (Деян.8:20).

И лишь только он проговорил это, блюдо мгновенно исчезло, как рассевается дым от огня.

В другой раз после этого он увидел золото, в большом количестве лежавшее на его дороге. Он быстро перепрыгнул через него, как через какой-нибудь огонь, и поспешил в пустыню. Перейдя там реку, он нашел в горе какое-то пустое

огороженное место, которое, по причине давнего запустения, было полно разного рода ядовитых гадов и змей. Антоний поселился здесь[639], и все множество скорпионов, как бы гонимое кем, тотчас же разбежалось. Он заложил камнями вход; принеся с собою хлеба на шесть месяцев, – поскольку запасать его было в обычае у фивян, у которых он нередко не портился в течение целого года, – и, имея внутри ограды немного воды, он стал там жить в полном уединении, отшельником, никогда сам не выходя вон и к себе никого не принимая. Лишь два раза в год он принимал через кровлю хлеб, приносимый ему другом, которого он ранее просил об этом; но с приносившим он не говорил ни слова.

Когда многие, желая видеть Антония, чтобы получить от него душевную пользу приходили к дверям его жилища, то слышали различные обращенные против Антония голоса нечистых духов, которые кричали:

– Зачем ты пришел в наши владения? Какое тебе дело до этой пустыни? Ступай прочь из чужих пределов, тебе не под силу жить здесь и переносить наши нападения!

В такой непрерывной борьбе с бесами и в таком уединении вдали от людей преподобный Антоний прожил целых двадцать лет.

Когда же наступило время потрудиться не для своего только спасения, но и на пользу другим, к жилищу Антония собралось много лиц, желавших подражать его подвижнической жизни, и они насильно разломали вход в его жилище. Увидев, что лицо у него светло и телом он здоров, они удивлялись, как после таких постов и подвигов и после такой борьбы с бесами он не изменился ни лицом, ни телом. С этого времени преподобный сделался и для других наставником, пастырем, учителем подвижнической жизни и вождем на пути к небу. Бог до такой степени помогал ему, что впоследствии у него явилось бесчисленное множество учеников, которых он склонил к отречению от мира и от самих себя. В течение непродолжительного времени образовалось множество монастырей, в которых он с любовью руководил в подвижнической жизни иноков новых и старых – и по возрасту, и

по времени такой жизни. Однажды братия, собравшись, стали просить его, чтобы он дал им устав иноческой жизни. Возвысив голос, он отвечал:

– Для научения исполнению заповедей Божиих совершенно достаточно и Божественных Писаний; однако нельзя не считать делом весьма добрым и хорошим, если братия взаимно утешают друг друга словами. Поэтому открывайте мне, как дети отцу, то, что знаете, я же, как детям, буду сообщать вам то, что узнал из продолжительного опыта. Прежде всего пусть у всех вас будет общим правилом, – чтобы никто не ослабевал в подвиге, который он предпринял на себя, но каждый пусть всегда стремится, как лишь начинающий, умножать и увеличивать начатое.

Продолжая свою речь, Антоний сообщил им много полезных наставлений, как это видно из беседы его, подробно излагаемой в составленном Афанасием Великим житии Антония. Из этой беседы здесь будет приведено лишь важнейшее. О жизни вечной святой Антоний так говорил:

– В этой настоящей жизни цена покупаемой вещи бывает равна тому, чего она стоит, и не более того получает продавец. Но обетование вечной жизни приобретается за слишком малую цену: оно подается нам за жизнь кратковременную, о которой написано: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь» (Пс.89:10). Если бы мы даже прожили, трудясь на служении Богу, восемьдесят или сто лет, все же в будущей жизни нам предстоит царствовать не какое-либо ограниченное время, но за вышеупомянутое количество лет воцаримся на веки веков, притом – не землю получим в обладание, но небо, сложив с себя тленную плоть, получим ее же вновь в нетлении. Итак, дети мои, не предавайтесь скорби, потому что «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим.8:18).

Об оставляющих мир и склонных преувеличивать значение своего подвига он говорил:

– Пусть никто из отрекшихся от мира не думает о себе, что он оставил нечто великое, потому что, по сравнению с

небесными благами, вся земля ничтожна и мала. Если же весь мир в совокупности не стоит небесных обителей, то пусть каждый подумает и поймет, что, отрекшись от нескольких виноградников, или нив и домов, или от ничтожного количества золота, он не может – ни говорить, что оставил великое, ни скорбеть, что награду получит незначительную. Подобно тому, кто отказывается от малой медной монеты для приобретения ста золотых монет, – отрекающийся от всего мира, если бы он весь был в его власти, все же в Небесном Царстве, получил бы во сто крат большую награду.

О призрачности земных благ и великой пользе добродетелей преподобный сказал следующее:

– Особенно твердо мы должны помнить то, что если бы кто и не захотел расставаться со своими богатствами, все же смерть насильно разлучит его с ними. Если так, то почему же нам самим не сделать того же для добродетели? Почему ради Небесного Царства не отказаться добровольно от своего имущества, которое все равно потеряем в конце этой жизни? Пусть же христиане не заботятся о том, чего, умирая, не могут взять с собой. Будем, лучше, всеми силами души стремиться к приобретению того, что возводит нас, по смерти, на небо, как то: премудрости, целомудрия, справедливости, добродетельной жизни, рассудительности, нищелюбия, твердой веры в Христа, негневливости, странноприимства. Стремясь к этому, мы и на земле будем проводить жизнь беспечальную[640].

О ревностном и непрестанном служении Христу Богу святой Антоний говорил так:

– Не следует нам забывать, что мы – рабы Христа и должны служить Ему, своему Творцу. Раб не может отказываться от исполнения приказаний, относящихся к настоящему или будущему времени, под тем предлогом, что он работал уже в прежнее время, и не посмеет сказать, что, утомившись на прежней работе, теперь должен быть свободен, – напротив, каждый день с одинаковым усердием исполняет все то же дело, чтобы и господину своему угодить, и самому не подвергнуться за леность побоям и наказанию. Подобным образом и мы должны всегда ревностно исполнять заповеди Божии, твердо

помня, что Господь – праведный мздовоздаятель и что в каком грехе смерть застигнет человека, за тот он и будет осужден. Об этом Он с ясностью свидетельствует и через слова пророка Иезекииля: «он умрет от неправды своей, какую сделал» (Иез.33:13). Вот почему и окаянный Иуда в одну ночь за совершенное им злодеяние потерял плоды своих трудов в течение всего прежнего времени. Поэтому мы должны всегда с одинаковым усердием стараться исполнять заповеди Господни, и Сам Бог будет при этом помогать нам, как написано: «любящим Бога все содействует ко благу» (Рим.8:28).

А чтобы не предаваться лености, Антоний убеждал помнить всегда о смерти и приводил слова апостола, который так говорил о том, что он ежедневно умирает: «мы ежечасно подвергаемся бедствиям. Я каждый день умираю» (1Кор.15:30).

– Поэтому, – продолжал Антоний, – и мы, люди, будем стараться жить праведно и, размышляя о смертном часе, не грешить. Вставая от сна, не будем надеяться дожить до вечера, и, отходя ко сну, будем помнить, что, быть может, не доживем до утра; не будем забывать, что мера нашей жизни нам неизвестна, и что мы всецело во власти Божией. А проводя так каждый день, мы не будем ни грешить, ни обольщаться какими-либо пагубными пожеланиями, ни гневаться друг на друга, ни собирать себе земных богатств, но, как ежеминутно ожидающие смерти, пренебрежем всем тленным: потеряет для нас всякое значение женская любовь, погаснет огонь похотливости, будем мы тогда прощать друг другу грехи, держа всегда пред своими мысленными очами день Страшного Суда; страх пред этим Судом и трепет при мысли о вечных адских мучениях заранее будут устранять приятность телесного удовольствия и удерживать душу от впадения в греховную пропасть.

О Царствии Божием Антоний говорил еще:

– Еллины, ища мудрости, едут за море и о пустых учениях расспрашивают чужеземных учителей; нам же вовсе не нужно переходить из одной чужой страны в другую или переплывать, ища Царства Небесного, море, так как Самим Господом нашим Иисусом Христом сказано в Евангелии: «Царствие Божие внутрь

вас есть» (Лк.17:21), и для достижения его нужна лишь одна наша добрая воля.

Относительно борьбы с демонами Антоний дал следующие наставления:

– Самим Богом указано нам с неослабным вниманием следить всегда за тем, что происходит у нас в душе, потому что у нас есть очень хитрые в борьбе враги, – разумею демонов, – и нам, по словам апостола (Ефес.6:11–12), предстоит непрестанная борьба с ними. Бесчисленное множество их носится в воздухе, целые полчища врагов окружают нас со всех сторон. Я не мог бы разъяснить вам все различия между ними; скажу лишь кратко о тех известных мне способах, какими они пытаются обольщать нас. Прежде всего мы должны твердо помнить то, что Бог не виновник зла, и что демоны сделались злыми не по Его воле: такая перемена в них произошла не по природе, а зависела от их собственной воли. Как созданные благим Богом, они первоначально были добрыми духами, но за самопревозношение были низринуты с неба на землю, где, коснея во зле, обольстили народы ложными мечтами и научили их идолопоклонству; нам же, христианам, они безмерно завидуют и непрестанно поднимают против нас всякое зло, опасаясь, что мы наследуем их прежнюю славу на небесах. Различны и разнообразны степени погружения их в зло: одни из них достигли крайнего ниспадения в бездну нечестия, другие кажутся менее злобными, но все они, по мере своих сил, борются разными способами против всякой добродетели. Поэтому нам нужны усиленные молитвы и подвиги воздержания для получения от Бога дара рассуждения, – чтобы постигать различия между злыми духами, чтобы узнавать в каждом отдельном случае их разного рода хитрости и обольщения и все отражать одним и тем же христианским знамением – Крестом Господним. Получив этот дар, святой апостол Павел внушал: «чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы» (2Кор.2:11). Нужно, чтобы и мы подражали апостолу и предупреждали других о том, что потерпели сами, и вообще – наставляли взаимно друг друга. Со своей стороны я видел от демонов много коварных обольщений и говорю вам об

этом, как детям, чтобы, имея предупреждение, вы могли сохранить себя среди таких же искушений. Велика злоба бесов против всех христиан, в особенности же – против иноков и девственниц Христовых: они всюду расставляют им в жизни соблазны, силятся развратить их сердца богопротивными и нечистыми помыслами. Но никто из вас пусть не приходит от этого в страх, так как горячими молитвами к Богу и постом бесы немедленно прогоняются. Впрочем, если они прекратят на некоторое время нападения, не думайте, что вы уже совершенно победили, ибо после поражения бесы обыкновенно нападают потом с еще большею силою. Хитро изменяя способы борьбы, они если не могут прельстить человека помыслами, то пытаются обольстить или запугать его призраками, принимая образ то женщины, то скорпиона, то превращаясь в какого-нибудь великана, высотою с храм, в целые полки воинов или в какие-либо другие призраки, которые все исчезают по первом же совершении крестного знамения. Если в этом узнают их обольщение, то они являются прорицателями и силятся, подобно пророкам, предсказывать о будущих событиях. Если и в этом случае они потерпят посрамление, то на помощь себе в борьбе призывают уже самого своего князя, корень и средоточие всяческого зла.

Много раз преподобный отец наш Антоний Великий рассказывал и о являвшемся ему точно таком же дьявольском образе, который предносился просвещенному Богом взору Иова: «Глаза у него как как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя» (Иов.41:9–10). В таком страшном виде являлся князь бесовский. Он хотел бы мгновенно погубить весь мир, но в действительности не имеет никакой силы: всемогущество Божие укрощает его, подобно тому, как животное управляет уздой, или как свободу пленника уничтожают оковы его. Он боится и крестного знамения, и добродетельной жизни праведников, и Святой Антоний так говорит об этом:

– Великую силу, возлюбленные братья, имеют против дьявола чистая жизнь и непорочная вера в Бога. Поверьте моему опыту, – для сатаны страшны бодрствование живущих по воле Божией людей, их молитвы и посты, кротость, добровольная нищета, скромность, смирение, любовь, сдержанность, больше же всего – их чистосердечная любовь ко Христу. Высоко превозносящийся змей сам хорошо знает, что он осужден на попирание его ногами праведников, по слову Божиему: «се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью» (Лк.10:19).

Преподобный Антоний рассказал для душевной пользы слушателей и вот что еще:

– Сколько раз бесы нападали на меня под видом вооруженных воинов и, принимая образы скорпионов, коней, зверей и различных змей, окружали меня и наполняли собой помещение, в котором я был. Когда же я начинал петь против них: «Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся» (Пс.19:8), то, прогоняемые благодатною помощью Божией, они убегали. Однажды они явились даже в весьма светлом виде и стали говорить: «Мы пришли, Антоний, чтобы дать тебе свет». Но я зажмурил свои глаза, чтобы не видеть дьявольского света, начал молиться в душе Богу, – и богопротивный свет их погас. Спустя же немного времени они снова явились и стали предо мною петь и спорить друг с другом от Писания, – но я был как глухой и не слушал их. Случалось, что они колебали самый монастырь мой, но я с бестрепетным сердцем молился Господу. Часто вокруг меня слышались крики, пляски и звон; но когда я начинал петь, крики их обращались в плачевные вопли, и я прославлял Господа, уничтожившего их силу и положившего конец их неистовству.

– Поверьте, дети мои, тому, – продолжал Антоний, – что я расскажу вам: однажды я видел дьявола в образе необычайного великана, который осмелился сказать о себе:

– Я – Божия сила и премудрость, – и обратился ко мне с такими словами:

– Проси у меня, Антоний, чего хочешь, и я дам тебе.

Я же в ответ плюнул ему в уста и, вооружившись Христовым именем, всецело устремился на него, и этот великан на вид тотчас растаял и исчез у меня в руках. Когда я постился, он снова явился мне под видом чернеца, который принес хлебов и уговаривал меня поесть.

– Ты, – говорил он, – человек и не свободен от человеческой слабости, сделай же некоторое послабление своему телу, иначе можешь заболеть.

Но я понял, что это – коварное обольщение лукавого змея, и, когда обратился к своему обыкновенному оружию – знамению Креста Христова, – он тотчас превратился в струю дыма, которая, потянувшись к окну, исчезла через него. Бесы часто пытались прельстить меня в пустыни являвшимся вдруг призраком золота, рассчитывая соблазнить или видом его, или через прикосновение к нему. Не скрою и того, что демоны много раз принимались бить меня. Но я терпеливо переносил побои и лишь восклицал:

– Никто не может отлучить меня от любви Христовой!

От этих слов они приходили во взаимную друг против друга ярость и, наконец, были прогоняемы не по моему, но по Божиему повелению, согласно словам Христа: «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк.10:18).

Однажды демон постучался в ворота монастыря. Выйдя вон, я увидел пред собой огромного великана, голова которого, казалось, достигала до небес. И когда я спросил:

– Кто ты?

Он отвечал:

– Я – сатана.

Я спросил:

– Чего тебе здесь нужно?

– Напрасно, – отвечал он, – меня обвиняют все монахи, – и за что проклинают меня все христиане?

– И справедливо поступают, – сказал я в ответ, – потому что часто бывают обольщаемы тобой.

– Я ничего им не делаю, – отвечал он, – но сами они смущают друг друга. Ведь я проклят и низвергнут, – а не слышал ли ты из Писания, что «у врага совсем не стало оружия,

и города Ты разрушил» (Пс.9:7). И действительно, вот я уже лишен всякого места в мире, не осталось под моею властью ни одного города, и нет у меня оружия, все народы во всех странах исповедуют имя Христово, пустыни наполнились монахами. Пусть же сами смотрят за собой, а меня напрасно не проклинают.

Подивившись тогда благодати Божией, я отвечал ему:

– Это столь новое и неслыханное от тебя признание приписываю не твоей правдивости, которой у тебя нет нисколько, но – единственно Божией силе; ты же, будучи отцом лжи, должен был признаться в том, что есть в действительности, и на этот раз, против своей воли, сказал правду, потому что Христос Своим пришествием окончательно низложил твою силу, и, лишенный Ангельской славы, ты влачишь теперь жалкую и позорную жизнь во всяческой нечистоте.

– И лишь только я проговорил это, демон тотчас исчез.

Так преподобный убеждал братию не страшиться силы бесов, укрощенной и низложенной Христом, но мужественно, с Божией помощью бороться с ними, укрепляя свои сердца верою во Христа. Слушая это, братия радовались и запоминали на пользу себе наставления своего отца. В одних усиливалось стремление к добродетели, в других укреплялась слабая прежде вера, некоторые очищались от ложных обольщений помыслами, сердца других освобождались от действия на них страшных призраков, все же вместе преисполнялись бодрой готовности презирать демонские обольщения и дивились данной Антонию от Бога столь великой благодати разумения и различения духов.

На той горе, где жил преподобный Антоний, возникло множество монастырей, которые, покрывая ее подобно шатрам, были переполнены Божественными сонмами псалмопевцев, чтецов Писания, молитвенников, постников, людей, радостно надеющихся на будущие блага и трудящихся лишь для подачи милостыни. Взаимная любовь и согласие господствовали между ними, и жилища их были подобны городу, чуждому волнению мира сего, преисполненному лишь благочестия и праведности.

Не было между ними ни какого-либо непотребника, ни ругателя, ни ненавистника, ни клеветника, ни ропщущего; было лишь множество подвижников, единодушно служащих Богу, так что каждый, кому доводилось видеть эти монастыри и такой образ жизни их, не мог, восклицая, не повторить слов Писания: «как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! Как сады при реке, как алойные дерева, насажденные Господом» (Числ.24:5–6).

Время шло, и Антоний продолжал все ревностнее и ревностнее трудиться. Между тем возникло жестокое гонение на церковь Христову со стороны нечестивого царя Максимиана[641].

И когда святых мучеников повели в Александрию, то последовал за жертвами Христовыми и преподобный Антоний, оставив для этого свой монастырь.

– Пойдем, – говорил он, – и мы на светлый пир наших братьев, чтобы или и самим удостоиться того же, или видеть других подвизающимися.

По своей любви и доброй воле преподобный поистине был мучеником. Но хотя он и желал пострадать за имя Христово, мученичество, однако, не было ему суждено, так как Господь для пользы Своего стада хранил учителя и наставника Антония. Он открыто обнаруживал свою преданность святым мученикам: соединенный с ними узами неразрывной любви, прислуживал им, когда они были в оковах, сопровождал их на суд, являлся пред лицо мучителей и, не скрывая, что он христианин, прямо как бы домогался таким образом пострадать за Христа. Однако никто не осмелился поднять на него руку, потому что так было угодно Богу, хранившему жизнь Антония, которая была полезнее для людей, чем его мученическая смерть. После того как претерпел мученическую кончину святейший Петр, архиепископ Александрийский, и гонение прекратилось, блаженный Антоний возвратился в свой прежний монастырь и, подражая в течение всей последующей жизни святым мученикам в вере и надежде, изнурял свое тело особенно строгими подвигами и постоянным бодрствованием. Нижнею одеждою его была власяница, верхнею кожаный плащ. Тела своего он никогда не омывал,

кроме разве тех случаев, когда нужно было переходить через воду, и до самой смерти его никто никогда не видал наготы его.

Однажды, когда он пребывал в уединении и, затворившись в своей кельи, никого не принимал, пришел к нему с бесноватою дочерью военачальник Мартиниан. Он стал стучаться и умолять преподобного выйти вон помолиться и помочь его страждущей дочери. Антоний, не отпирая дверей, выглянул сверху и сказал:

– Зачем ты обращаешься к моей помощи? Я смертен, как и ты, одинаково мы оба немощны по природе. Если веруешь во Христа, Которому я служу, то ступай, помолись по своей вере Богу, и дочь твоя выздоровеет.

Мартиниан уверовал, призвал имя Христово и пошел домой с тотчас же исцелившейся дочерью. Господь совершил много и других чудес через раба Своего Антония. В Евангелии Он обещал: «Просите, и дано будет вам» (Мф.7:7), и согласно с этим, найдя человека, достойного его благодати, не отказал ему и в чудотворной силе: много бесноватых лежало пред входом в его келью, – так как двери ее были заперты, – и все они получали исцеление по его богоугодным молитвам. Антоний увидел, что эта многочисленность посетителей препятствуют ему пребывать в излюбленном им безмолвии; с другой стороны, он опасался, чтобы его собственный ум не начал превозноситься обилием совершаемых через него знамений, – и вот он задумал идти в верхнюю Фиваиду, где он никому не был бы известным. Взяв хлеба, он сел на берегу реки и стал поджидать корабля, чтобы переплыть на другую сторону. Вдруг он услышал голос свыше, который спрашивал:

– Антоний! Куда и зачем ты идешь?

Не смутившись, так как уже не в первый раз слышал такой голос, Антоний бестрепетно отвечал:

– Так как люди не дают мне здесь покоя, то я решил отправиться в Верхнюю Фиваиду, чтобы не побуждали меня делать то, что превышает мои силы, и чтобы не нарушали моего безмолвия.

– Если пойдешь в Фиваиду, – продолжал голос, – то в еще большей степени должен будешь претерпевать те же

затруднения. Если же действительно хочешь подвизаться в строгом уединении, то ступай теперь во внутреннюю пустыню.

– Кто же укажет мне дорогу туда, потому что место это незнакомо мне? – спросил Антоний.

В ответ на это голос указал ему на сарацин, которые обыкновенно ходили этою дорогою в Египет для торговли. Теперь они возвращались уже назад, и Антоний, подойдя, стал просить их, чтобы они взяли его с собою и довели до пустыни. Они охотно согласились, видя в Антонии посланного Самим Богом спутника. Проведя три дня и три ночи вместе с сарацинами в пути, блаженный Антоний встретил весьма высокую гору, из-под которой истекал источник хорошей воды; гору окружала небольшая равнина, на которой росли несколько диких финиковых пальм. Антонию понравилось это место, – как будто оно было указано ему Самим Богом, – и Тот, Кто невидимо беседовал с ним на берегу реки, действительно, внушил ему избрать эту гору для своего местопребывания. Взяв от спутников хлебов, стал он жить на этой горе один, и с ним не жил никто. Сарацины, видя его подвижническую жизнь, стали приносить ему хлебов, иногда же он имел некоторое скудное утешение и в финиках диких пальм. Впоследствии же, когда братия узнали о его местопребывании, то стали с любовью, как дети – отцу, присылать ему пищу. Но Антоний, видя, что доставляет братьям труд и желая избавить их от такого труда, упросил одного из пришедших, чтобы он принес ему заступ, мотыгу и небольшое количество семян. Когда тот исполнил это, Антоний обошел гору и выбрал небольшое местечко, пригодное для копания и посева, потому что для орошения его можно было провести сверху воду. Взрыхлив здесь землю, он посеял зерна, и с того времени он уже каждый год имел свой хлеб; работая, он радовался, что, не отягощая никого, кормится в пустыне трудами своих собственных рук. Но так как и там многие начали приходить к нему, то для угощения посетителей он посеял еще несколько овощей: бобов, гороха и прочего. Первоначально сюда стали приходить на водопой звери, которые топтали и пожирали овощи. Однажды, когда они по

обыкновению собрались сюда, преподобный взял одного из них и, ударив его слегка прутом, сказал всем им:

– Зачем вы причиняете мне вред, сами не видя от меня никакого притеснения? Именем Господним приказываю вам: ступайте от меня прочь и не подходите сюда.

И с того времени звери, послушные запрещению, уже не приходили больше. Так уединенно жил преподобный, пребывая в молитве и непрестанных подвигах. Впрочем, движимые любовью к старцу, братия приходили к нему и старались чем-нибудь послужить ему. Каждый из них приносил маслин и елея или чечевицы и других овощей, умоляя подкрепить свое одряхлевшее от старости тело. Сколько должен был перенести блаженный, живя там, нападений, как об этом мы знаем от приходивших к нему!

Воистину сбылись на нем слова апостола: «наша брань не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных» (Ефес.6:12). Сколько там слышалось ужасных воплей, как бы криков толпы и звуков оружия, – вся гора, казалось, была полна демонов! Но преподобный Антоний был подобен крепости и один всех победил, отражая все полчища демонов коленопреклонною молитвою. И подлинно достойно удивления, как один человек мог жить в необитаемой пустыне, не боясь ни постоянных нападений демонов, ни такого множества четвероногих зверей и ядовитых гадов. Справедливо воспевал Давид: «Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется: пребывает вовек» (Пс.124:1).

В одну ночь, когда Антоний молился и бодрствовал на служении Господу, вдруг он увидел, что вся его обитель и даже окружающая пустыня полны зверей, которые страшно разевали пасти и скрежетали зубами. Но преподобный, тотчас уразумев в этом коварство врага – дьявола, сказал:

– Если от Господа дана вам власть надо мною, то я готов быть пожранным вами; если же вы явились по сатанинскому наваждению, то бегите прочь, потому что я – раб Христов.

И, по слову преподобного, все звери обратились в поспешное бегство, гонимые силою Божией.

Спустя несколько дней произошла новая борьба с тем же врагом. Святой имел обыкновение давать на память какой-нибудь подарок каждому, приходившему к нему с приношением, и для этой цели плел корзину. Потянув за полоску, из которой он плел корзину, он вдруг почувствовал, что кто-то держит ее. Преподобный поднялся и увидел зверя, который до пояса имел образ человека, другая же половина его туловища имела вид ослиный. Антоний, перекрестившись, сказал:

– Я – Христов раб; если ты послан на меня, то вот я, – не бегу.

И тотчас призрак, вместе с множеством других бесов, обратился в бегство и исчез.

Спустя некоторое время братия упросили преподобного навестить их. Движимый отеческой к ним любовью, Антоний, положив вместе с ними на верблюда хлеба и воды, – так как предстояло идти по безводной местности, – отправился в путь. По дороге взятая им вода вышла вся, и по причине сильной жары путникам угрожала смерть от жажды. Напрасно они обходили окрестности, ища где-либо в углублениях остатков дождевой воды; от жажды и солнечного зноя издыхал уже и верблюд. В таком бедственном положении старец по обыкновению обратился к помощи молитвы. Отойдя от спутников на небольшое расстояние, он, преклонив колена, поднял к небу руки и начал молиться. И тотчас же на этом месте показался источник воды. Утолив жажду и взяв запас воды с собою, путешественники благополучно прибыли к ожидавшим их братьям. Те, собравшись все вместе, вышли навстречу старцу и, с почтением целуя его, принимали от него благословение, а он, как бы принеся с горы закон или некоторый дорогой для них дар, предлагал им духовную пищу, – одобрял подвиги старших и давал наставления младшим.

Пробыв здесь некоторое время, он вскоре опять ушел на свою гору. Имея власть над нечистыми духами, преподобный исцелил много бесноватых, изгоняя из них бесов. Об этом подробно рассказывает Афанасий Великий в составленном им житии Антония. Преподобный исцелял своею молитвою и разные другие болезни, не лишен он был и пророческого дара, –

прозревал будущее и находящееся вдали видел так, как бы оно было пред его глазами. Однажды к преподобному издалека шли два брата; дорогою у них вода вышла вся, и один из них волею Божией уже умер, а другой лежал в изнеможении на земле и ждал смерти. Пребывавший в то время на горе Антоний поспешно призвал к себе двух иноков и приказал им, чтобы они, взяв с собою сосуд воды, шли скорее по дороге, ведущей в Египет, причем сказал:

– Один брат, шедший сюда, уже преставился Господу; умрет и другой, если не поспеете на помощь.

Монахи, поспешно отправившись по его указанию в путь, нашли все так, как сказал старец. Изнемогавшего от жажды они напоили и привели с собою, а умершего похоронили. В другое время случилось, что он сидел на горе и, поднявши взор к небу, увидел какую-то душу, восходящую на небо в сопровождении веселящихся о ней Ангелов. Дивясь этому, преподобный помолился, чтобы ему было открыто, что означает это видение. И был к нему голос:

– Это – душа инока Аммония, жившего в Нитрии.

Аммоний был старец, который с ранней юности и до смерти проводил строгую подвижническую жизнь, как это видно из жития его (за четвертое число месяца октября); а расстояние от горы, на которой жил Антоний, до Нитрии было на тринадцать дней пути. Ученики Антония, видя своего старца радующимся и дивящимся, стали просить его, чтобы он объяснил им причину своей радости и удивления.

– Сегодня опочил Аммоний, – отвечал им старец.

Аммоний же был известен им, так как часто приходил сюда. Запомнив этот день, ученики Антония стали расспрашивать пришедших через тридцать дней братьев и узнали от них, что Аммоний действительно скончался в тот самый день и час, в который старец видел вознесение на небо его души[642]. Те и другие много дивились чистоте Антониевой души, по которой он так скоро мог узнать о событии, случившемся очень далеко.

Однажды около девятого часа преподобный, встав помолиться пред вкушением пищи, был восхищен умом и увидел себя несущимся по воздуху. При этом демоны

воздушные пытались заградить путь и воспрепятствовать его восхождению. Но Ангелы сопротивлялись им и требовали указания причин задержания. Те стали припоминать грехи Антония с самого его рождения. Но Ангелы остановили их и сказали:

– Что было от рождения, то Господь изгладил; но если что знаете о каких-либо грехах его с того времени, как он сделался иноком и дал обет Богу, то об этом можете говорить.

Тогда демоны, по злобе своей, стали клеветать на Антония, обвиняя его в грехах, каких он не совершал; и когда это ни к чему не привело, для Антония открылся свободный путь. Придя в себя, Антоний увидел, что стоит на прежнем месте. Потрясенный видением, он забыл о пище и всю ночь провел в пламенной молитве, воздыханиях и размышлениях о том, как много у человека врагов и как труден воздушный путь души к небу.

В одну ночь он услышал голос свыше, который сказал ему:

– Встань, Антоний, выйди и посмотри!

Антоний вышел и, подняв кверху свой взор, увидел кого-то страшного и настолько высокого, что голова его касалась облаков; увидел он и какие-то другие существа, как бы окрыленные, которые стремятся подняться к небу, но страшный великан протягивает руки и пытается преградить им путь, причем одних он действительно схватывает и бросает вниз, другие же, минуя его, смело улетают вверх, и о таковых он в бессильной ярости лишь скрежещет зубами. И снова услышал Антоний голос:

– Постарайся понять – что видишь!

Тогда открылся ум его, и начал он понимать, что то – восходили на небо человеческие души, дьявол же препятствовал им, причем грешников ему удавалось удерживать и оставлять в своей власти, на святых же его сила не простиралась, и он не мог задержать их. Преподобный рассказывал о таких откровениях братьям не из тщеславия, но для их пользы. К тому же и они сами, видя его удивленным чем-либо, упрашивали рассказать им о бывшем ему видении. Лицо его было всегда озарено какою-то особенною благодатью и

сияло, так что, хотя бы кто и не видал его никогда прежде, все же тотчас же узнавал его среди многих других: душевная чистота святого отражалась в веселии его лица, и, озаряемый внутренне боговидением, он всегда был радостен, как написано: «Веселое сердце делает лице веселым» (Притч.15:13).

Насколько он был приветлив по внешности, настолько же чист и дивно непоколебим – в вере, никогда он не становился на сторону вероотступников, видя самовольное искажение ими веры, никогда дружески не беседовал с манихеями[643] и другими еретиками, кроме лишь тех случаев, когда они обнаруживали готовность отказаться от прежнего заблуждения; преподобный прямо говорил, что дружба и беседы с еретиками причиняют вред душе. Больше же всего он избегал ариан, запрещая и всем православным иметь с ними общение. Когда некоторые из ариан пришли к нему и он из беседы с ними увидел их зловерие, то тотчас побежал от них с горы, говоря:

– Слова их ядовитее самих змей.

Когда однажды ариане распустили ложный слух, будто бы Антоний мыслит заодно с ними, преподобный удивился их дерзости и, воспылав справедливым гневом, пришел в Александрию; там, пред архиепископом и всем народом, он проклял ариан, назвав их предтечами антихриста, и исповедал Сына Божиего не тварью, но единосущным Отцу, Творцом мира[644]; и все православные христиане преисполнились великой радости, что христоборная ересь проклята таким столпом Церкви. Тогда все люди, без различия пола и возраста, не только христиане, но и еретики, даже сами язычники, собирались к преподобному, говоря:

– Желаем видеть человека Божиего.

Так все называли Антония, и имя его пользовалось такою необычайною славою, что стремились прикоснуться хотя бы к краю одежд его, надеясь и через это получить великую для себя пользу. Нельзя и пересказать, сколько бесноватых и страдавших различными болезнями получили тогда исцеления, сколько закрылось идольских капищ, сколько присоединилось к стаду Христову язычников – через пребывание Антония в городе, его слова и чудеса[645]. Некоторые, думая, что большое стечении

народа стесняет святого, стали отгонять от него народ; но он кротко сказал таким:

– Число приходящих ко мне не больше полчищ демонов, с которыми ведем непрестанную борьбу на горе.

Составитель этого жития, святой Афанасий Великий, говорит: Когда Антоний возвращался к себе, и мы пошли провожать его, то одна женщина кричала сзади:

– Подожди, человек Божий, умоляю тебя, – подожди! Дочь моя жестоко мучится от беса. Умоляю тебя, – подожди, чтобы и мне, бежа за тобой, не потерпеть несчастья!

Тронутый этими словами и нашими просьбами, дивный старец остановился и не пошел дальше. Когда женщина подошла, а дочь ее была брошена нечистым духом на землю, Антоний помолился в душе Господу Иисусу Христу, – и тотчас нечистый дух оставил больную. Мать ее и весь народ возблагодарили Бога; радовался и сам Антоний, что возвращается в свою любимую пустыню.

Было и то еще удивительно в преподобном, что, не учившись грамоте, он был мудр и весьма рассудителен. Однажды два языческих философа, еллины по происхождению, пришли к Антонию, чтобы испытать и, если можно, победить его в мудрости. Он был на вершине горы и, когда увидал их, то, поняв с первого взгляда, – кто они, сам встретил пришедших и спросил через переводчика:

– Зачем вы, мудрецы, приняли на себя труд идти издалека к неразумному и хотите спорить с неосмысленным?

– Мы считаем тебя не глупым, но, напротив, весьма мудрым, – отвечали они.

– Если вы пришли к неразумному, – снова смело обратился к ним святой, – то труд ваш напрасен. Если же, как говорите, я человек мудрый, то должны следовать тому, кого называете мудрецом, потому что следует подражать мудрым и благочестивым. Если бы я пришел к вам, то мне нужно было бы подражать вам; но так как вы пришли ко мне, как мудрецу, то будьте же, как я, христианами.

И философы ушли, изумляясь и проницательности его разума, и изгнанию им бесов, что они видели своими глазами.

Приходили к нему и другие ученые, подобные этим философам, желая посмеяться над ним, как над человеком неученым и неграмотным. Но он пристыдил их и заставил замолчать таким рассуждением:

– Ответьте мне, – сказал он, – что появилось раньше – ум или письмена, и что из этого дало начало другому: письмена ли создали разум или разум произвел письмена?

– Ум изобрел и передал письмена, – отвечали они.

Тогда Антоний сказал:

– Итак, поэтому, в ком здоровый ум, тот может и не нуждаться в письменах.

Также и в третий раз пришли к нему люди, изучившие всякую мирскую мудрость и превосходившие всех современников своею ученостью. Искусными вопросами стали они допытываться у него основания нашей веры во Христа, – с явною целью поглумиться над Крестом Христовым. Помолчав немного и поскорбев об их заблуждении, старец начал так говорить им через переводчика, хорошо знавшего греческий язык:

– Что лучше и приличнее: почитать ли Крест Христов, или превозносить прелюбодеяния, детоубийства и кровосмешения ваших богов? Прославлять ли открывшееся в Кресте Христовом презрение к смерти и величайшую добродетель или хвалить непотребства, которым учит ваша порочная вера? Что может быть лучше, как говорить и веровать, что Слово Божие приняло на Себя человеческую плоть, чтобы через соединение с нашей смертною природою возвести нас на небо и приобщить к небесному, Божественному? Как же вы осмеливаетесь смеяться над христианской верой, – что Христос Сын Божий, без какого-либо ущерба для Своей природы, начал быть тем, чем не был[646], и пребывает тем, чем стал быть[647], – если вы сами, низводя душу с неба, поселяете ее не только в тела человеческие, но и в змей и животных и перемещаете ее то туда, то сюда и утверждаете, что она переселяется иногда в человека, иногда в животное, иногда в птицу или какое-либо другое живое существо? Христианская вера, исповедуя всемогущество и милосердие Божие, по этому самому считает

возможным для Бога воплощение, причем, однако, честь не исключает чести[648]. Вы же пустословите, что душа, истекая из чистейшего источника божества, падает потом низко, и осмеливаетесь утверждать, что, умаляясь, она терпит изменения и превращения. Впрочем, нам нужно говорить здесь о Кресте Христа Бога нашего. Не лучше ли претерпеть крест или какую-либо другую смерть, чем, доверяя вашим нелепым выдумкам, воздавать поклонение египетской богине Изиде, оплакивающей Озириса, своего брата и вместе мужа? Постыдитесь, прошу веры в злого Тифона, брата вашего бога Озириса[649]. Да будет вам стыдно за бегства Сатурна[650], за его противоестественное поглощение детей. Устыдитесь кровожадности и развратности Зевса, его похотливости, о чем говорят ваши же древние сказания. Вот во что вы верите, вот каковы ваши боги, каковы украшения ваших храмов! Вы смеетесь над Крестом и страданиями Господними. Но почему же умалчиваете о воскресении Его? Почему не обращаете внимания на чудеса Его: возвращение зрения слепым, слуха глухим, исцеление хромых, очищение прокаженных, хождение по морю, изгнание бесов, воскрешение мертвых и многие другие, из которых с ясностью открывались Его Божественные сила и слава? И если бы вы оставили предубеждение, которым преисполнены, то тотчас же убедились бы, что Иисус Христос есть истинный Бог, очеловечившийся ради нашего спасения.

Этими и многими другими доводами преподобный до такой степени пристыдил совопросников – философов, что они не нашлись сказать ему ни слова в ответ. О всем этом желающий может подробно узнать из жития Антония, составленного Афанасием Великим, у которого эта беседа излагается полностью. Мы же, ввиду обширности повествования, оставив речь преподобного к еллинам, скажем теперь кратко о делах самого преподобного, имевших выдающееся значение в его жизни и для нас наиболее полезных.

В преподобном Антонии было удивительно и то, что, хотя он проживал на самой окраине тогдашнего мира, царь Константин и его сыновья Констанс и Констанций[651] заочно пламенно

полюбили его и в письмах своих сыновне просили его прийти повидаться с ними.

– Идти или нет мне к царям? – спросил он у своих учеников.

– Если пойдешь, – отвечали те, – будешь Антонием, если же не пойдешь, будешь аввой Антонием[652].

– Так как, – сказал преподобный, – если я пойду, не буду аввой, то уж лучше мне не ходить, – и не пошел.

Цари после этого стали просить его, чтобы он, хотя в письмах своих преподал им благословение и утешение. В ответ преподобный действительно послал им письмо, в котором, похвалив их за исповедание веры Христовой, внушал им, чтобы не гордились властью в этой жизни, но чтобы, хотя и сидят на царских престолах, не забывали, однако, что они – люди, больше же всего, чтобы помнили о будущем Страшном Суде, на котором должны будут дать отчет в том, как они пользовались властью. Преподобный убеждал их быть милостивыми к людям, наблюдать правосудие, быть отцами для нищих и несчастных сирот.

Однажды, сидя среди братии за работой, он был как бы в состоянии восхищения и, внимательно смотря вверх на небо, вздыхал, потом, молитвенно преклоняя колена, горько в течение долгого времени плакал. Присутствующие пришли в страх и начали неотступно упрашивать его рассказать, что он видит.

– Лучше бы было, дети мои, умереть, прежде чем наступит приближающееся бедствие, – с великою скорбью отвечал старец.

Так как они снова стали упрашивать его о том же, преподобный Антоний, заливаясь слезами, сказал:

– Неизъяснимое бедствие надвигается на Церковь Христову, и будет она предана людям, подобным бессловесным скотам. Видел я алтарь храма Господня и в нем множество лошаков, которые, окружив святой престол, яростно ниспровергают все, что стоит на нем и, рассыпав по полу, топчут ногами; и слышал я голос, который говорил: «Осквернен будет жертвенник Мой!» Вот в чем причина моих вздохов и плача.

Это видение преподобного сбылось через два года, когда открылось жестокое арианское гонение: церкви Божии были разграблены, священные сосуды осквернены, и Святых Таин касались нечистые руки язычников. Целые скопища нечестивых устремились тогда против Христа и силой заставляли православных ходить в церкви с ветвями деревьев в руках. Последнее объясняется тем, что у язычников в Александрии был обычай входить в свои капища с пальмовыми ветвями в руках, и ариане, желая привлечь их на помощь себе против православных, из подражания им, также стали ходить с ветвями в свои храмы; согласившись совместно действовать против православной христианской веры, они и стали подражать друг другу в обычаях – ариане язычникам и язычники арианам. К этому нечестивому обычаю принуждали и православных, чтобы они были заодно с арианами. О ужас! О беззаконие! Женщины и девушки были оскверняемы, кровь православных проливалась в храмах и обрызгивала престолы, купели крещения были осквернены похотливостью язычников. Все увидели тогда в этом исполнение видения Антония, – что лошаки попирают жертвенник Божий. И много тогда слабых людей, из боязни пред арианами, переходили на сторону их ереси.

Говоря о предстоящем бедствии, святой Антоний в то же время утешал братию и говорил:

– Не унывайте, дети: как разгневался Господь, так и умилосердится Он потом, и Церкви опять будет возвращена ее лучезарная красота и сила, и сохранившие непоколебимо среди гонений веру Христову будут сиять светом благодати. Змеи возвратятся тогда в свои норы, и благочестие еще более умножится. Наблюдайте лишь за собой, чтобы не иметь гибельного для себя общения с арианами, потому что учение их – не апостольское, но дьявольское и отца их сатаны; по этой именно причине они и были обозначены в видении под образом неразумных животных.

В то время в Египте жил один военачальник, по имени Валакий, который, побуждаемый злобными арианами, нещадно преследовал христиан. Он был настолько жесток, что всенародно на площади обнажал и бил даже девиц и иноков.

Преподобный Антоний послал к нему письмо такого содержания:

– Вижу идущий на тебя гнев Божий. Перестань преследовать христиан, и тогда приближающаяся к тебе погибель удалится.

Нечестивец, прочитав письмо, только посмеялся над ним; оплевав письмо, он бросил его на землю, подверг позорному наказанию посланных Антонием и, понося преподобного, произносил против него разные злые угрозы. Но вскоре же над нечестивым, согласно пророчеству преподобного, разразилась следующая казнь Божия. На пятый день после этого отправился он вместе с начальником египетским Несторием в место, по имени Хереум, что в Александрии; поехали они на конях самых смирных и спокойных. Вдруг кони начали играть под ними, стремясь один к другому, и конь, на котором сидел Несторий, неожиданно схватил вдруг зубами Валакия, сбросив его на землю и начал грызть мягкие части его тела. Замертво принесли его после этого в город, где на третий день он и испустил свою нечестивую душу. И все увидели в этом исполнение предсказания Антония, справедливо постигшее гонителя.

Но пора уже сказать о кончине преподобного. Он имел обыкновение спускаться с вершины горы, где пребывал сам, к жившим при подошве горы братьям и посещать их. В одно из таких обычных посещений он сказал им о приближении своей смерти, что было открыто ему Богом.

– В последний раз пришел я к вам, чада мои, – сказал он, – видеть вас я больше уже не надеюсь в этой жизни, и пора уже мне разрешиться от этой жизни и почить, так как я прожил уже сто пять лет.

При этих словах братия предались глубокой скорби, они плакали и целовали старца, как бы уже уходящего из мира. А он убеждал их трудиться с неослабным усердием, не унывать среди подвигов воздержания, но жить – как бы ежедневно готовясь к смерти, с успехом охранять душу от нечистых помыслов, следовать примерам святых, не сближаться с раскольниками – мелетианами, не входить в общение с нечестивыми арианами; напротив, убеждал их держаться

отеческих преданий и хранить во всей чистоте благочестивую веру в Господа нашего Иисуса Христа, какой научились из Писания и из его многократных наставлений.

После этого братия настойчиво стали упрашивать его, чтобы он остался с ними, так как все желали удостоиться чести присутствовать при кончине его. Но он не согласился на это, потому что знал о желании их почтить его тело, по смерти, торжественным погребением. Избегая даже и посмертного воздаяния ему от людей чести и славы, преподобный поспешил уйти от них и скрыться в уединении: простившись с братиями, он отправился на вершину горы в свое излюбленное жилище, место его подвигов. Через несколько месяцев он тяжко захворал. Подозвав тогда к себе двух иноков, подвизавшихся вместе с ним в течение последних пятнадцати лет и прислуживавших преподобному по причине старости его, он сказал им:

– Чада мои! Как написано (3Цар.2:2. Ср. Нав.23:14), «я отхожу в путь всей земли», меня зовет к Себе Господь, и я надеюсь вкусить небесных благ. Но вас, мои милые дети, умоляю, – не потеряйте плодов своего многолетнего воздержания, но ревностно и с успехом продолжайте начатые вами подвиги. Вам известно, сколько различных препятствий ставят нам бесы, но не страшитесь их ничтожной силы. Надейтесь на Иисуса Христа, твердо веруйте в Него всем сердцем своим, и от вас будут бегать все демоны. Помните все, чему я учил вас, старайтесь проводить благочестивую жизнь – и, несомненно, получите награду на небе. Избегайте всякого общения с раскольниками, еретиками и арианами; вам известно, что я ни разу дружески не беседовал с ними, по причине их дурных замыслов и христоборной ереси. Больше же всего старайтесь исполнять заповеди Господни, чтобы святые приняли вас после вашей смерти в вечные обители, как сродников и друзей. Помните, размышляйте и всегда рассуждайте об этом. И если вы действительно заботитесь о мне, любите меня, как отца, и готовы исполнить мою волю, то не позволяйте никому переносить в Египет моих останков, чтобы там не предавали тела моего пышному погребению, так

как по этой причине, главным образом, я и удалился на эту гору. Сами похороните меня, дети мои, в земле и исполните следующую заповедь своего старца: пусть никто, кроме вас, не знает могилы, где будет похоронено мое тело, которое, по вере моей в Господа, восстанет нетленным при общем воскресении мертвых. Разделите мои одежды так: милоть[653] и изветшавшую нижнюю одежду, на которой лежу, отдайте епископу Афанасию[654], другую милоть отдайте епископу Серапиону[655], власяницу же возьмите себе. Прощайте, мои милые дети! Антоний уходит, и его уже не будет более с вами в этой жизни.

Когда после этих слов ученики, прощаясь, поцеловали его, Антоний простер ноги и с тихой радостью на лице, взирая на пришедших за его душой Ангелов, как на друзей своих, умер и приложился к святым отцам[656]. Ученики святого, согласно завещанию его, облачив тело, предали его земле, и, кроме них никто до этих пор не знает о месте погребения преподобного Антония.

Афанасий, получив от учеников изношенную одежду и милоть святого, принял в этих подарках как бы самого Антония. Как бы осчастливленный богатым наследством, он всегда с благоговейной радостью взирал на эти одежды, приводя себе на память его святой образ.

Таковы жизнь и кончина преподобного Антония, любовь к которому и слава которого распространились по всем странам. И не искусно составленными сочинениями[657], не мирскою мудростью, не знатностью рода, не огромными богатствами прославился он, но – благочестивою жизнью. И исполнилось на нем слово Спасителя: «Я прославлю прославляющего Меня» (1Цар.2:30). Жил он не в каком-либо знаменитом месте, которое бы все знали; напротив, – удалился почти на самый край света в непроходимую пустыню. Однако же и оттуда он сделался известным и в Испании, и в Африке, и в Италии, и в Иллирии, и в самом даже Древнем Риме. Антоний, нарочито скрывавшийся от всех в горе, не хотел и не искал такой славы. Но Господь Сам открыл и показал всем этот светильник веры и благочестия, чтобы, взирая на него, учились добродетели и, удивляясь такой жизни преподобного, прославляли Отца Небесного, Которому с

единородным его Сыном и Всесвятым Духом, честь, слава, благодарение и поклонение вовеки, аминь.

Тропарь, глас 4:

Ревнителя Илию нравы подражая, Крестителю правыми стезями последуя, отче Антоние, пустыни был еси житель, и вселенную утвердил еси молитвами твоими. Темже моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Житейския молвы отринув, безмолвно житие скончал еси, Крестителя подражаяй всяким образом преподобнейший, с ним убо тя почитаем, отцев начальниче Антоние.

Житие святого отца нашего Афанасия, архиепископа Александрийского

Память 18 января

Святой Афанасий Великий, – этот живой и бессмертный образ добродетели и богоугодной жизни, родился в знаменитой столице Египта Александрии[658]. Родители его были христиане, – люди благочестивые и добродетельные. Еще в дни отрочества Афанасия следующий случай предзнаменовал его будущую великую святительскую деятельность.

Однажды Афанасий играл со своими сверстниками на морском берегу. Дети подражали тому, что видели в церкви, изображая своей игрой священнослужителей Божиих и церковные обряды. Афанасия они избрали себе епископом; он же наименовал: одних – пресвитерами, других – диаконами. Эти последние приводили к нему других детей – языческих, которые были еще не крещены. Афанасий же крестил их морскою водою, произнося установленные для таинства святого крещения слова, как то слышал от священника в церкви; к этому он присоединял поучение, сообразно своему детскому возрасту. В то же время патриархом Александрийским был святой Александр[659]. Случайно взглянув из окон своего дома, находившегося на возвышенном месте, недалеко от моря, на берег моря и увидев детскую игру, он с изумлением следил за совершаемым Афанасием крещением. Немедленно же он приказал привести всех детей к себе. Подробно расспрашивая детей, патриарх старался разузнать, кого именно они крестили, как вопрошали их перед крещением и что те отвечали, и узнал, что они в своей игре совершали все согласно уставу церковному. После того, посоветовавшись с клиром своим, он признал совершенное Афанасием крещение языческих детей истинным и довершил его миропомазанием, потом позвал родителей детей, действовавших в качестве пресвитеров, и посоветовал им, чтобы они воспитали их для священства. Родителям же Афанасия, призвав их, святой Александр поручил воспитать его в благочестии и книжном научении, и потом, когда

он придет в возраст, привести к нему и посвятить его Богу и святой Церкви.

Когда Афанасий достаточно изучил науки и получил широкое умственное образование[660], родители привели его к святому патриарху Александру и, подобно тому, как некогда Анна – Самуила (1Цар.1), посвятили его в дар Богу. Вскоре после того патриарх поставил его клириком и рукоположил в диакона Александрийской церкви[661]. Как он в этом звании с юности мужественно боролся с еретиками и что от них претерпел, – всего невозможно и перечислить; но нельзя и умолчать о некоторых его наиболее замечательных подвигах и Деяниях. В то время нечестивый Арий распространял свою безумную ересь и своим зловредным учением колебал всю Церковь. Хотя он был уже проклят на первом Вселенском соборе святых отцов в Никее[662], отлучен от общения с Церковью Христовой и осужден на заточение, однако, низверженный и еле живой, не прекращал своей борьбы против православия. Он стал действовать через своих учеников и единомышленников, распространяя повсюду яд своей ереси. Имея за себя пред царем многих ходатаев, особенно Евсевия, епископа Никомидийского[663], с другими епископами, державшимися той же ереси, Арий через них испрашивал у Константина Великого себе милости, чтобы его освободили из заточения и позволили возвратиться в Александрию. Евсевий коварно убеждал царя, что Арий не вносит никакого учения противного Православию и не проповедует ничего несогласного с учением Церкви, но по зависти терпит от лукавства епископов, и что между ними – спор не о вере, а только из-за пустых, отвлеченных слов[664]. Царь, по своему простосердечию и незлобию, не подозревая еретической хитрости и коварства, поверил ложным уверениям и повелел прекратить спор и не препираться из-за слов, чтобы между церквами не было раздора. Совсем не расследовав дела, он, по своему милосердию, позволил Арию возвратиться в Александрию. И вот этот нечестивый еретик, к общему церковному бедствию, вернулся в Александрию. Это обстоятельство было весьма тяжело и прискорбно для православных, в особенности же для

святого Афанасия, как воина Христова и твердого защитника истинных преданий Православия. В то время он был удостоен уже архидиаконского сана. Сей воин Христов преследовал еретика, вторгшегося, подобно волку, в Церковь Христову, изобличая его злоумышления и писаниями своими, и проповедью. В то же время Афанасий побуждал и святейшего архиепископа Александра написать послание к царю, и сам вместе с ним писал, выставляя на вид простодушие, по которому царь, поверив обольщениям и басням еретическим, приемлет ныне Ария, отвернувшегося Православной Церкви, отверженного Самим Богом и всеми святыми отцами, и попускает ему потрясать отеческие законоположения. Но царь, по внушению Евсевия, отвечал им еще более резким посланием, угрожая им, если они не умолкнут, извержением от сана. Поступил же так благочестивый и добрый царь не для удовлетворения своего гнева и не потому, что бы был расположен к арианству, но, имея ревность, хотя и не по разуму, о том, чтобы между церквами не было раздора. Кротким сердцем своим любя мир, царь искал мира там, где его совершенно быть не может: ибо как еретичество может жить в мире с Православием?

Вскоре после этого святейший Александр преставился; преемником его на Александрийскую кафедру был единогласно избран всеми православными Афанасий, как сосуд, достойный такового мира[665]. Тогда тайные плевелосеятели – ариане на время умолкли, не вступая в открытую борьбу с Афанасием; но потом, по бесовскому подстрекательству, обнаружили свое лукавство и явно открыли яд, гнездящейся внутри их злобы, так как святой Афанасий не принимал нечестивого Ария в церковное общение, хотя последний имел у себя царское предписание о том. Повсюду стали ариане возбуждать на неповинного вражду и распространять злую клевету, стараясь, чтобы тот, кто достоин небесных селений, был не только низвержен с земного святительского престола, но и изгнан из города. Но Афанасий остался непоколебим, воспевая с Давидом: «Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое» (Пс.26:3).

Руководителем коварного замысла был Евсевий, который только носил имя благочестия[666], а на самом деле представлял собою сосуд нечестия. Воспользовавшись со своими единомышленниками незлобием царя и предполагая, что теперь наступило удобное для того время, возбуждал всех, дабы низложить с престола Афанасия. Евсевий думал, что если он низложит Афанасия, то потом легко одолеет и прочих православных и утвердит ариево учение. Он стал распространять на праведника несправедливые и ложные наветы, которые еретикам казались достоверными. Для этого он нанял за деньги последователя Мелетия[667] Исиона, изощрившегося в коварстве Евдомона и сильного злобою Каллиника. Обвинения против Афанасия заключались в следующем:

1) будто он принуждает египтян платить подати на облачения священнические, льняные одежды, алтарные завесы и ткани и иную церковную утварь;

2) будто он недоброжелательствует царю и презирает царские предписания;

3) будто он любостяжателен и послал к одному из своих друзей на сохранение ящик, полный золота. К этому присоединилось еще обвинение касательно лжесвященника Исхира[668], который был лукав, коварен и хитер в своей злобе; присвоив себе без обычного посвящения имя пресвитера, он совершил столько злых, беззаконных и преступных дел, что заслуживал не только извержения и поношения, но и сурового наказания. Узнав все об Исхире, блаженный Афанасий, всегда тщательный и осторожный в решении таких дел, послал в Мареоты[669] пресвитера Макария, чтобы расследовать все о беззаконных деяниях Исхировых. Исхир же, боясь допроса и изобличения, бежал оттуда и, придя в Никомидию, стал клеветать на Афанасия пред Евсевием. Евсевий и его сообщники приняли Исхира, этого отступника Божиего и нарушителя священных правил, как истинного священника, и отнеслись к нему с почтением: ибо естественно любить подобного себе в злобе ли, или в добродетели. Сами, от чрезвычайной ненависти пылая гневом на Афанасия, они с

великою радостью встретили Исхира. Они поощряли его дерзость и наглость и обещали почтить его епископским саном, если только он сумеет возвести на праведника какой-либо оговор и клевету. Исхир, будучи хитрым и искусным в таких делах, усиливался взвести на неповинного Афанасия обвинения. Он говорил, что по приказанию Афанасия пресвитер Макарий, разбойнически вторгнувшись в церковь, с великою яростью оттащил его от престола, опрокинул престол, чашу же с Божественными Тайнами разбил и священные книги сжег. Приняв эту клевету Исхира за истину и присовокупив ее к другим наветам, враги Афанасия приступили к царю Константину, наговаривая на святого Афанасия. В особенности они старались возбудить гнев царя, обвиняя Афанасия в том, что он не обращает внимания на царские письменные предписания и не слушает повеления царского, не принимая Ария в церковное общение. Кроме того, на блаженного возводили также обвинение по поводу какой-то мертвой руки, что Афанасий, будто бы, посредством ее, волшебно творил чудеса и чарования (сами, будучи воистину окаянными и явными чародеями); рука же эта будто бы принадлежала некоему клирику Арсению, и отсечена была по козням Афанасия.

Царь, рассмотрев дело, пришел в недоумение: он хорошо знал и добродетель Афанасия, и в то же время возводимые на него обвинения казались ему более или менее вероятными. Поэтому он избрал средний путь: не осуждая Афанасия, он в то же время не отказал и в расследовании его дела. А так как в то время в Иерусалиме совершался праздник обновления храма Воскресения Христова и сюда со всех стран собирались епископы[670], то царь, воспользовавшись этим случаем, повелел епископам собраться в Тир[671] для тщательного расследования обвинений против Афанасия Великого, а также для рассмотрения дела Ария, действительно ли он, как сам утверждает, учит согласно учению святой веры и держится истинных православных преданий: если он низвержен по зависти, то чтобы снова был принят причтом и собором и присоединен, как один из членов, к телу Церкви; если же он

верует противно ее учению и учит нечестиво, то да будет судим по священным законам и примет достойную казнь по делам своим. По делу же Арсения царь повелел произвести прежде расследование с тем, чтобы, если бы Афанасий оказался виновным, подвергнуть его осуждению, согласно с законами. Для достоверного исследования этого дела Константин послал одного из своих домоправителей, по имени Архелая, вместе с финикийским князем Ноном. Когда эти последние пришли в Тир (Афанасий в то время был здесь, ожидая изобличения взводимой на него клеветы относительно мертвой руки и волхования), то они отложили расследование, пока не придут из Александрии ожидаемые клеветники, утверждающие, что то беззаконие Афанасия (отсечение руки Арсения и волхование) видели сами своими глазами. Эта отсрочка расследования произошла по смотрению Божиему, как это ясно показал конец дела. Ибо Бог, свыше на всех призирая и избавляя обидимого от обижающих его, продолжил время, для того чтобы сам Арсений успел прийти в Тир. Арсений был одним из клириков Александрийской Церкви, по должности чтец; совершив одно большое преступление, он должен был подвергнуться суровому суду и жестокому наказанию; убоявшись этого, он бежал и в течение продолжительного времени скрывался – неизвестно где. Коварные же противники Афанасия, изощрившись в кознях и совсем не ожидая, чтобы Арсений когда-либо явился из-за страха и стыда о содеянном им грехе, дерзко писали, что существует мертвая рука Арсения, и повсюду распространяли молву, что Афанасий совершил это гнусное преступление. Когда молва о том, что Афанасий за усечение Арсениевой руки подвергается суду, распространилась по всем странам, дошел слух этот и до самого Арсения, скрывавшегося в неизвестных местах. Соболезнуя о своем отце и благодетеле и скорбя сердцем о том, что истина беззаконно побеждается ложью, он тайно пришел в Тир и явился к самому Афанасию, припадая к его честным ногам. Блаженный Афанасий, радуясь прибытию Арсения, повелел ему до суда никому не показываться.

Шел тридцатый год царствования Константина[672], когда из разных городов собрались в Тире епископы[673]. Пресвитер

Макарий был приведен воинами; среди них был и воевода, хотевший вместе с епископами производить суд, а также и некоторые из других светских властей; явились и клеветники, и суд начался. Потом позван был и Афанасий. Сначала его ложно обвиняли по поводу льняных церковных облачений и завесе, а также – в любостяжании; но тотчас же ложь этой клеветы была изобличена, и всем стала ясной злоба клеветников.

Между тем злобная ненависть противников Афанасия не укрощалась; они все еще не насытились ложными клеветами на Афанасия, но прилагали к одной козни – другую, к одной лжи – еще новую. Нечестивые еретики подкупили одну бесстыдную женщину взвести клевету на Афанасия в том, будто он, пребывая у нее, против ее воли, совершил с нею беззаконие.

Когда начался суд, судьи сели на своих местах и клеветники предстали, была введена и эта женщина. С плачем жаловалась она на Афанасия, которого никогда не видала, и даже не знала, каков он по виду.

– Я ради Бога приняла его в дом свой, – говорила она об Афанасии, – как мужа почтенного и святого, желая себе и дому моему благословения. И вот, напротив, я пострадала от него. С наступлением полночи, когда я спала на постели, он пришел ко мне и насильственно надругался надо мною, так как никто не освободил меня от рук его, ибо все в доме уснули глубоким сном.

В то время как бесстыдная женщина так злословила и со слезами клеветала, друг Афанасия, пресвитер Тимофей, стоя с ним за дверями и слыша упомянутую клевету, возмутился духом и, неожиданно вошедши внутрь судилища, с поспешностью стал пред глазами той клеветницы, как будто он был сам Афанасий; он смело обратился к ней с следующими словами:

– Я ли совершил над тобою, женщина, ночью насилие, как ты говоришь? Я ли?

Женщина же та с еще большим бесстыдством возопила к судьям:

– Сей человек – мой растлитель и злоумышленник против моей чистоты; он, а не иной кто, пребывая у меня, за

благодеяние мое воздал мне надругательством.

Услышав это, судьи рассмеялись, противники же Афанасия весьма устыдились, ибо явно открылась ложь их. Все удивились такой наглой клевете и признали Афанасия совершенно невинным во взводимом на него грехе. Но противники Афанасия стали обвинять святого мужа в чародействе и убийстве Арсения, внесли пред взоры всех какую-то страшную на вид мертвую руку и, с бесстыдством махая ею на святого, восклицали:

– Эта рука безмолвно вопиет на тебя, Афанасий, сия рука тебя обличает; она тебя улавливает и крепко удерживает, чтобы ты не избежал осуждения; ее свидетельства ты не будешь в состоянии избежать ни речами, ни хитростью, ни какою-либо кознью. Все знают Арсения, которому несправедливо и без всякого милосердия отсек ты эту руку. Итак, скажи нам, наконец, для чего это тебе потребовалось и с какою целью ты отсек ее?

Афанасий же терпеливо выслушивал их, подражая Христу Господу своему, некогда осужденному иудеями и при этом не перекавшему, не вопиявшему, но «как овца на заклание веденному» (Ис.53:7); он сначала молчал, потом, отвечая на обвинение, с кротостью сказал:

– Есть ли среди вас кто-либо, который бы хорошо знал Арсения? Нет ли кого-либо также, кто бы точно признал, действительно ли это его рука?

Когда многие поднялись со своих седалищ, утверждая, что они хорошо знают самого Арсения и его руку, Афанасий тотчас раскрыл занавес, за которым стоял Арсений, и повелел ему стать посреди собрания. И вот Арсений стал посреди судилища живым и здоровым, имея целыми обе руки. Блаженный же, с гневом взирая на клеветников, сказал:

– Не это ли Арсений? Не это ли тот, у которого, как вы говорите, отсечена рука? Не тот ли это, кого знают все александрийцы?

И, повелев Арсению, чтобы он протянул вверх сначала правую, потом левую руку, громко воскликнул, как бы призывая находящихся далеко от истины:

– Вот, мужи, и Арсений! Вот и руки его, которые совсем не были отсечены! Покажите же и вы своего Арсения, если такого имеете, и поведайте, кому принадлежит отсеченная рука, которая осуждает вас самих, как сделавших это преступление.

Когда суд производился таким образом, от царя пришло на собор послание, сильно обличающее клеветников, Афанасия же повелевающее освободить от несправедливого обвинения и милостиво призывающее его к царю. Это произошло таким образом. Два пресвитера Александрийской церкви, Апис и Макарий (не тот, который связанным был приведен на суд, но другой того же имени), пришедши в Никомидию, рассказали царю, все об Афанасии, о том, как враги возвели на святого мужа ложные обвинения и составили несправедливое совещание. Царь же, уразумев истину и клеветы, происшедшие по зависти, написал к епископам на суд в Тире такого рода послание, что когда оно прочтено было на суде, приверженцев Евсевия охватил страх, и они не знали, что делать; однако побуждаемые великою завистью, не перестали неистовствовать, не ограничились тем, что один раз уже были побеждены и посрамлены и, обратившись к другим лжеобвинениям, клеветали на приведенного на суд Макария. Лжеобвинителем явился Исхир, а лжесвидетелями приверженцы Евсевия, которых Афанасий прежде отверг как лживых и недостойных веры. Афанасий желал, чтобы было достоверно исследовано об Исхире, действительно ли он истинный священник, и только тогда обещал отвечать по поводу взводимых на него обвинений. Судьи не согласились на это и продолжали производить суд над Макарием. После того как оговорщики истощили все свои клеветы, слушание дела было отложено, потому что требовалось произвести расследование на том самом месте, где будто бы Макарием был низвергнут алтарь, т. е. в Мареотах. Видя, что для этого посылаются в Мареоты те самые оговорщики, которые с самого начала были отвергнуты им как лжецы, Афанасий, не вынося совершаемой несправедливости, не умолкая восклицал:

– Угасла правда, попрана истина, погибло правосудие, исчезло у судей законное расследование и осторожное

рассмотрение дел! Разве законно, чтобы желающий оправдаться содержался в узах, а суд всего дела был бы поручен клеветникам и врагам, и чтобы сами оговорщики судили того, на кого клевещут?

Так святой Афанасий Великий в слух всех взывал об этом и засвидетельствовал всему собору. Видя же, что он не будет иметь никакого успеха, вследствие возрастающего количества врагов и завистников, тайно отправился к царю. И тотчас собор тот, или, лучше сказать, лукавое сонмище, осудил отсутствовавшего Афанасия. По окончании же в Мареотах несправедливого расследования по вышеупомянутому делу, произведенного согласно воли и желанию врагов святого Афанасия, судьи, сами достойные низвержения, определили, что Афанасий должен быть окончательно низвергнут. Потом отправились в Иерусалим, где приняли в церковное общение богоборного Ария те самые люди, которые только на словах держались благочестия и на бывшем Никейском соборе притворно подписали догмат об единосущии Сына Божиего с Богом Отцом. Но те, которые и сердцем, и устами содержали православную веру, внимательно обдумав слова и речи Ария и осторожно рассмотрев их, распознали обольщение, которое таилось под прикрытием многих слов и речей, и, уловив его, как бы лисицу, обличили его, как врага истины. В это время пришло от царя другое послание (Афанасий тогда еще не успел дойти к царю), повелевающее Афанасию и всем оговорщикам и судьям его немедленно явиться к нему. Это произвело великий страх среди членов собора, ибо враги Афанасия, произведшие незаконный суд, боялись, как бы не была изобличена их неправда; поэтому многие из них разошлись по своим странам. Евсевий же и Феогний, епископ Никейский[674], и некоторые другие, ухитрившись придумать некоторые правдоподобные предлоги, для того чтобы замедлить в Тире, оставались здесь довольно продолжительное время, а царю отвечали письмами. Между тем Афанасий, явившись к царю в Никомидию, оправдался от взводимого на него обвинения в любостяжании. И в то время как приверженцы Евсевия медлили и не спешили явиться к царю, последний отправил Афанасия на

Александрийскую кафедру со своим посланием, в котором были засвидетельствованы неосновательность и несправедливость всех клевет на святителя.

Когда таким образом святой Афанасий управлял своей кафедрой, а Арий находился в Александрии, ариане производили большое смущение и молву в народе. Блаженный Афанасий, будучи не в состоянии видеть, что Арий возмущает и колеблет не только одну Александрию, но и весь Египет, письменно сообщил обо всем этом царю, увещевая его наказать богоборца и возмутителя народного. В ответ на это от царя немедленно пришло в Александрию повеление представить Ария связанным на суд царский. Во время пути к царю из Александрии Арий, достигнув Кесарии, увидался с единомышленниками своими: Евсевием, епископом Никомидийским, Феогнием Никейским и Марием, епископом Халкидонским[675]; посоветовавшись вместе, они составили на Афанасия новые клеветы, ни Бога не боясь, ни щадя невинного мужа, но имея одно желание – прикрыть истину ложью, как говорит Божественный Исаия: «Зачинают зло и рождают злодейство» те, которые сказали: «потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя» (Ис.59:4, 28, 15).[676] Такое старание прилагали беззаконные еретики, чтобы низложить блаженного Афанасия с его патриаршего престола и захватить власть над православными. И так они пришли к царю – Арий, желая оправдаться, а Евсевий и его сообщники – чтобы способствовать его несправедливому делу, и открыто лжесвидетельствовать против истины и Афанасия. Когда они предстали пред царем, то немедленно были допрошены по поводу бывшего в Тире собора, о том, что они там определили и какой суд произнесли над Афанасием. Они же отвечали царю:

– Царь! Мы не особенно скорбим о заблуждениях Афанасия, но мы объяты скорбью и ревностью об алтаре, который он разорил, и о чаше со св. Тайнами, которую он сокрушил и разбил на части, а также и о том, что он возбранил и запретил посылать обычно посылаемую в Царьград из Александрии пшеницу[677]: это особенно нас опечаливает, это уязвляет нашу душу. Свидетелями таких его злодеяний были

епископы: Адамантий, Анувион, Арвестион и Петр[678]; обличенный ими во всем этом, Афанасий избежал суда, по справедливости заслуженного им по его делам, однако низвержения не мог избежать, но единодушно всем собором был низвержен за то, что дерзнул на такие беззаконные дела.

Слушая эти речи, царь первоначально молчал, смущаясь в душе своей; потом, не имея возможности остановить оговорщиков, распорядился, чтобы праведник на время был отправлен в Галлию[679], – не потому, что бы он верил клевете или был охвачен гневом, но ради умиротворения Церкви (как свидетельствуют люди, достоверно узнавшие царское намерение). Царь видел, сколько епископов восстало на Афанасия, и сколь великое смятение возникло из-за этого в народе Александрийском и египетском. И вот, желая утишить такую бурю, прекратить молву и уврачевать болезнования столь многих епископов, он приказал святому мужу на время удалиться из города[680].

После этого сам царь Константин, на 31-м году своего царствования, скончался, будучи шестидесяти пяти лет от роду. Умирая, он оставил наследниками своего царства трех сыновей: Константина, Констанция и Констанса, между которыми, по завещанию, и разделил царство, назначив старшему сыну Константину большую часть царства. Но так как при кончине Константина Великого не было ни одного из его сыновей, то он вручил свое завещание одному пресвитеру[681], который был тайным последователем Ария. Тайно скрывая внутри себя ересь, пресвитер этот утаил также и царское завещание; когда многие расспрашивали его, сделал ли царь, умирая, завещание, – ничего не сказал об этом. Тайными же сообщниками в сем деле он имел некоторых из царских евнухов. В то время как старший сын Константин замедлил прийти к умершему отцу, Констанций поспешил поскорее отправиться из Антиохии и пришел прежде всех. Ему вышеупомянутый пресвитер передал тайно завещание его отца, причем, в благодарность, не просил себе никакой награды, кроме того, чтобы он перешел на сторону ариан и помогал им; он хотел, чтобы Констанций, вместо благодарности бессмертному Царю Христу, за свое земное

царство, безумно признавал его не Богом и Владыкой всех и не Творцом, а тварью! Вышеупомянутый Евсевий и все его сообщники содействовали этому, радуясь, что настало вожделенное для них время; они надеялись распространить и укрепить еретическое учение ариево не иначе как в том лишь случае, если и новый царь утвердит определение о заточении Афанасия как справедливо и вполне законно состоявшееся. В то время они склонили к своей ереси и единомыслию с собою находившегося в царских палатах препозита[682], а через него недуг арианского еретичества проник и в прочих евнухов[683], которые по самой природе своей весьма склонны как к восприятию, так и к распространению среди других всякого зла. Потом и супруга царя, понемногу развратившись богохульными речами, сама заразилась тем же еретическим ядом.

Наконец, и сам царь, прельщенный арианским лжемудрованием, восстал на Христа, Господа и Владыку своего, так что на Нем исполнились слова Божественного Иеремии: «пастыри отпали от Меня» (Иер.2:8).[684] И повелел Констанций публично, чтобы было утверждено арианское лжеучение, и чтобы все епископы мудрствовали так же, как он, а неповинующихся приказал убеждать угрозами.

Среди этой великой бури и смятения истинными кормчими для церквей были следующие архипастыри: Максим Иерусалимский[685], Александр Константинопольский и Афанасий Александрийский (о коем идет речь), который, хотя и находился в заточении, однако не оставлял кормила Церкви, утверждая Православие словом и посланиями своими. Евсевий же Никомидийский со своими единомышленниками всеми силами распространял свое еретическое лжеучение, воздвигая борьбу против православных и угнетая Церковь Христову. В особенности они вооружились против нее после ужасной кончины Ария. Хитрый и коварный Евсевий с великою честью ввел в Константинополь Ария на большое прельщение и соблазн верующих, ибо тогда не было там никого, кто бы противостал Арию, после того как к нему присоединились многие из властей, так как Афанасий находился в заточении. Но Бог, премудро свыше все устраивающий, разрушил планы их,

пресекши злобу и жизнь Ария. И с какою силою язык его при жизни извергал хульные слова на Православие, с такою же и даже большею силою лопнуло чрево его, внутренности его выпали, и, он, окаянный, валялся в своей крови в нечистых местах[686]. Так свершился достойный суд над необузданным языком и злым сосудом, напоенным зловонным гноем еретичества, каковым был Арий!

После того как этот ересиарх столь ужасным образом погубил душу и тело, Евсевий и его соумышленники приняли на себя весь труд о защите и распространение ереси и производили повсюду смущение, имея при этом ревностными помощниками евнухов, – как бы свои собственные руки. Они особенно старались как бы заградить уста Афанасию, находившемуся в изгнании, чтобы он не распространял своих посланий в защиту православия. Но Божий Промысел преклонил на милость сердце старшего сына Константина Великого, по имени – также Константина[687], который и годами, и первородством был первым среди братьев. Сей последний освободил святого Афанасия из заточения и послал его со своим посланием в Александрию, на кафедру. В этом послании было написано: «Победитель Константин Александрийской церкви и народу желает радоваться. Думаю, что среди вас нет ни одного, который бы не знал о том, что недавно случилось с великим проповедником православия и учителем закона Божиего – Афанасием, о том, как против него врагами истины была воздвигнута общая борьба, и о том, что ему поведано было пребывать у меня в Галлии, чтобы иметь возможность уклониться на некоторое время от грозивших ему бедствий; но он не был осужден на постоянное изгнание. Мы относились к нему со всякою предупредительностью, заботясь, чтобы с ним не случилось какой-либо непредвиденной неприятности, хотя он поистине терпелив, как никто другой; воспламеняемый ревностью по Боге, он легко может перенести всякую тяготу. Отец наш Константин желал вскоре возвратить его на патриарший престол, но, скончавшись и не успев привести в исполнение своего намерения о нем, оставил это дело мне, своему наследнику, завещав об этом муже последнюю

заповедь. Итак, мы повелеваем вам принять его ныне со всяким почетом и торжественной встречей».

С этим царским посланием святой Афанасий достиг Александрии, и все православные радостно приветствовали его[688]. А те, которые держались арианской ереси, стали устраивать между собою злоумышленные сходки и снова воздвигать против святителя гонение и возбуждать смятение в народе; они измышляли различные поводы для оболгания на святого: будто он без соборного суда возвратился на патриарший престол и по своей воле вошел в церковь[689]; обвиняли его также в том, будто он был причиною различных смятений, убийств и ссылок и возводили на него другие, прежние и новые, обвинения. В то же время восстал против святого Афанасия сильно зараженный арианской ересью народ; однажды толпа народа окружила святителя, ругая его оскорбительными словами и поднимая руки, чтобы растерзать и убить его. Афанасию едва удалось спастись и тайными путями выйти из города. Между тем арианские епископы, рассылая всюду послания, объявляли, что Афанасий, законно, соборным определением, низложенный, без соборного определения снова занял престол Александрийский; в то же время разглашали о насилиях, которыми будто бы сопровождалось его возвращение в Александрию. Таким образом они закрывали для него доступ во всех странах в города и церкви. Между тем Константина, покровителя Афанасьева, не стало: он был убит в Аквиле воинами[690]. Этим воспользовались враги Афанасия и возбудили в покровительствовавшем им царе Констанции такой гнев против святого, что он обещал имущества и почести тем, кто возвестит, где находится Афанасий, если он жив, или принесет ему главу убиенного архипастыря. Афанасий же довольно продолжительное время скрывался в одном глубоком, безводном и сухом рве запустевшего колодца, и никто о нем не знал, кроме одного боголюбца, который питал его, охраняя его в том месте[691]. Потом, когда некоторые стали догадываться о присутствии здесь Афанасия, ибо повсюду его тщательно искали и расспрашивали о нем, и уже хотели в одно утро захватить его, он, направляемый Божественным Промыслом,

вышел ночью изо рва и перешел в другое место; боясь, что и там его найдут и схватят, он удалился из восточных стран в пределы западной империи.

В то время на западе по смерти Константина II царствовал младший из сыновей Константина Великого, Констант. Достигнув Европы, блаженный Афанасий отправился в Рим и, явившись к папе Юлию[692] и к самому царю Константу, подробно все рассказал им о себе. Между тем в Антиохии тогда происходил собор восточных епископов, сошедшихся для освящения церкви[693], которую начал созидать Константин Великий, а закончил сын его Констанций. Для этого собрались там все восточные епископы, среди которых было немало ариан. Эти последние, пользуясь покровительством царя, собрали беззаконный собор и снова объявили святого Афанасия, находившегося тогда на западе, низверженным, написав в послании к папе клеветы на Афанасия, побуждая и папу признать его низложенным. В Александрию же на патриарший престол они избрали сначала Евсевия Емесского[694], отличавшегося красноречием, но тот отказался, зная, как глубоко чтут александрийцы своего архипастыря Афанасия. Тогда поставили на Александрийский патриарший престол некоего Григория, родом каппадокиянина[695]; но тот не успел дойти до Александрии, как туда пришел уже из Рима Афанасий. Это произошло следующим образом.

Папа Юлий, тщательно рассмотрев клеветы, взведенные на Афанасия, признал их ложными, и потому снова отпустил его на Александрийскую кафедру вместе со своим посланием, в котором резко, с угрозами, изобличал дерзнувших низвергнуть его. Святой был принят православными александрийцами с великою радостью. Противники же его, узнав об этом (глава их, Евсевий Никомидийский в это время уже умер[696]), весьма смутились и тотчас внушили царю послать в Александрию вместе с Григорием войско, чтобы возвести его на патриарший престол. И вот царь послал вместе с еретиком Григорием, еретиками же избранным на патриарший престол, воеводу, по имени Сириана, с множеством вооруженных воинов, повелев ему Афанасия умертвить, Григория же возвести на

архиепископскую кафедру. Однажды, накануне одного праздника, когда в Александрийской соборной церкви совершалось всенощное бдение и все православные молились в церкви с пастырем своим Афанасием и воспевали церковные песнопения, внезапно ворвался Сириан с вооруженными воинами. Обходя церковь, он искал одного только Афанасия, чтобы убить его. Но святой, покрываемый промышлением Божиим, тайно вышел из церкви, окруженный народом, и, так как в это время наступила ночная тьма, то он прошел незаметно среди всеобщего смятения и множества народа, избежав таким образом гибели, как бы рыба из самой середины сети, после чего снова возвратился в Рим. После этого нечестивый Григорий занял, как хищник, престол Александрийский. В народе поднялось сильное волнение, так что мятежники подожгли даже один храм, называвшийся Дионисиевым.

Святой Афанасий пребывал в Риме в продолжение трех лет, пользуясь глубоким уважением царя Константа и папы Юлия. Имел он там себе другом святого Павла, архиепископа цареградского, также изгнанного нечестивыми еретиками со своего престола. Наконец, по общему согласию обоих царей: Констанция и Константа, в Сардике[697] был созван собор восточных и западных епископов по вопросу об исповедании веры, а также по делу Афанасия и Павла[698]. Среди них западных было более трехсот, а восточных немного более семидесяти, в числе которых находился и прежде упомянутый Исхир, в то время уже епископ Мареотский[699]. Сошедшиеся из асийских церквей[700] епископы не хотели даже видеться с западными до тех пор, пока те не удалят с собора Павла и Афанасия. Западные же епископы не хотели даже об этом и слышать. Тогда восточные епископы отправились в обратный путь и, дошедши до фракийского города Филиппополя[701], составили там свой собор, или, лучше сказать, беззаконное собрание, и единосущие открыто предали анафеме; это нечестивое свое определение они письменно разослали всем зависимым от них церквам. Узнав об этом, святые отцы, собравшееся в Сардике, прежде всего предали анафеме это богохульное собрание еретическое и нечестивое их

исповедание[702]; потом они извергли клеветников афанасиевых из занимаемых ими иерархических степеней и, утвердив составленное в Никее определение веры, ясно и точно исповедали Бога Сына единосущным с Богом Отцом.

После всего этого западный царь Констант, в письме к брату своему Констанцию о Павле и Афанасии, умолял его разрешить им возвратиться на свои престолы. Когда же тот все отлагал их возвращение, царь Констант снова написал к нему уже в более резких выражениях. «Если ты, – писал он, – добровольно меня не послушаешь, то и без твоего согласия я посажу каждого из них на престоле его, ибо тогда я с вооруженною силою пойду на тебя». Испугавшись угрозы брата, Констанций принял Павла, пришедшего прежде, и с честью отослал на его престол. Потом он через послание, написанное в духе кротости, призвал к себе из Рима святого Афанасия и, после беседы с ним, увидел, что это муж весьма премудрый и боговдохновенный. Подивившись великой премудрости Афанасия, Констанций оказал ему великий почет и со славою возвратил его на патриарший престол; при этом он написал к народу Александрийскому и ко всем находившимся в Египте епископам и князьям, к августалию[703] Несторию и к находившимся в Фиваиде и Ливии[704] правителям, чтобы они приняли Афанасия с великою честью и уважением. Снабженный вышеупомянутым царским посланием, блаженный пошел через Сирию и Палестину и посетил Святой град Иерусалим, где с любовью был принят святейшим Максимом исповедником; они рассказали друг другу о своих бедствиях и напастях, которые претерпели за Христа. Созвав восточных епископов, которые прежде, из страха пред арианами, дали свое согласие на низвержение, Афанасий привлек их к единомыслию и общению с ним, – и они воздали ему достойную честь; он же с радостью простил им содеянное против него согрешение их. Это было третье возвращение святого Афанасия на патриарший престол после трех его изгнаний[705]. И вот после бесчисленных трудов, скорбей и болезней он наконец немного отдохнул и думал остальное время провести в облегчении от них и покое. Между тем на него надвигались новые волнения и жестокие бедствия. В это время

нечестивый Магненций, начальник римских войск, составив со своими единомышленниками заговор, убил Константа, государя своего[706]. Тогда ариане подняли голову и воздвигли жестокую борьбу против Церкви Христовой. Против Афанасия снова начались наветы и гонения, и все прежнее зло возобновилось. Снова появились против Афанасия царские указы и угрозы, снова Афанасию пришлось испытать бегства и страхи, снова его стали разыскивать по всей стране и по всему морю. Царь послал в Александрию для занятия патриаршего престола каппадокийца Георгия[707], который, пришедши в Александрию, потряс Египет, поколебал Палестину и весь восток привел в смятение. Снова низвержены были со своих престолов: святой Максим с Иерусалимской кафедры, святой Павел – с Константинопольской. А о том, что происходило в это время в Александрии[708], святой Афанасий сам рассказывает следующее: «Снова некоторые, ища убить нас, – повествует святой Афанасий, – пришли в Александрию, и наступили бедствия, жесточайшие прежних. Воины внезапно окружили церковь, и вместо молитв раздались вопли, восклицания и смятение; все это происходило в святую Четыредесятницу. Завладев патриаршим престолом, Георгий Каппадокийский, избранный македонянами и арианами, еще более возрастил зло. После Пасхальной седмицы девицы были заключаемы в узы, епископы связанными уводились воинами, дома сирых и вдовиц расхищались, и в городе происходил совершеннейший разбой. Христиане ночью выходили из города, дома запечатывались; клирики же бедствовали за своих братий; все это воистину было крайне бедственно, но несравненно большее зло последовало вскоре затем. После святой Пятидесятницы народ постился и собрался помолиться при гробнице святого священномученика Петра, ибо все гнушались Георгием и избегали общения с ним. Узнав об этом, коварный Георгий возбудил против них стратилата[709] Севастиана, державшегося манихейской ереси. Севастиан с множеством воинов, вооруженных обнаженными мечами, луками и стрелами, ворвался в самую церковь и напал на бывший там народ, но нашел мало молящихся, так как большая часть вследствие

позднего времени удалилась. Тем же, которые находились в церкви, Севастиан причинил жесточайшую скорбь. Он приказал разжечь огромный костер и, поставив дев близ огня, принуждал их исповедать ариеву ересь. Но когда Севастиан оказался не в силах принудить их к этому, так как увидел, что они совсем не обращают внимания ни на огонь, ни на угрозы, – обнажил их и повелел бить без пощады, лица же их иссек ранами настолько, что, по прошествии продолжительного времени, родные едва могли узнавать их. Мужей же, которых числом было сорок человек, предал новому мучительству: мучители подвергли их ужасному бичеванию жесткими и колючими ветвями только что срубленной финиковой пальмы и содрали им плечи, так что у некоторых пришлось несколько раз вырезать тело, вследствие того, что иглы глубоко вонзились в него; другие же, не вытерпев боли, умерли от язв. Всех же тех дев, которых с особенною жестокостью мучил, послал в заточение в великий Оасим[710], а мертвые тела убиенных ни православным, ни своим не позволил взять, но воины скрыли их в одном месте непогребенными, думая, что таким образом останется никому неизвестной такая жестокость; так они поступили, будучи безумны и повреждены смыслом. Православные же радовались о мучениках своих за их твердое исповедание православной веры, но в то же время рыдали о телах, что они находятся – неизвестно где. И через это еще более изобличались нечестие и жестокость мучителей. Вслед затем из Египта и Ливии были сосланы на изгнание епископы: Аммоний, Моин, Гаий, Филон, Ермий, Павлин, Псиносир, Линамон, Агафон, Агамфа, Марк, еще другие Аммоний и Марк, Драконтий, Аделфий, Афинодор и пресвитеры Иеракс и Диоскор; мучители так жестоко угнетали их, что некоторые умерли в пути, а другие в местах заточений. На вечное же заточение ариане осудили более тридцати епископов; ибо злоба их, подобно Ахаву[711], была настолько сильна, что если бы было возможно, они готовы были бы изгнать и истребить истину с лица всей земли».

Между тем царь Констанций, по смерти брата своего, царя Константа, победив Магненция, стал обладать востоком и западом[712]. Как на востоке, так и на западе он начал

распространять арианскую ересь, склоняя западных епископов всякими способами: и посредством страха, и посредством ласк, подарков и различных соблазнов, – к тому, чтобы они согласились на ариево вероопределение и приняли их ересь. С этою целью он повелел составить собор в итальянском городе Медиолане[713] – для низвержения Афанасия: он думал, что арианство только тогда утвердится, когда Афанасий будет совершенно низвержен и истреблен из числа живых. Много явилось тогда у царя единомышленников, одни принимали арианство из-за страха, другие – привлекаемые царскими почестями; те же, которые тверды были в православии, уклонились от этого беззаконного собора[714]. Таковы были: Евсевий, епископ Верцеллинский, Дионисий Медиоланский, Родан Толосанский, Павлин Тривиринский и Лукифор Калаританский[715]; они не подписали определения о низвержении Афанасия, считая низвержение его отвержением правой веры и истины. Вследствие этого, они были сосланы в изгнание в Аримин[716]; прочие же епископы, собравшиеся в Медиолане, осудили Афанасия на низвержение. Здесь надлежит сказать о том, как Евсевий и Дионисий не подписали определения сего беззаконного собора. Когда арианские епископы собрались в Медиолан и, не ожидая других епископов, православных, составили собор и подписали свои имена под определением о низвержении Афанасия, Дионисий Медиоланский, недавно возведенный в епископский сан и еще молодой годами, был убежден арианскими епископами подписать соборное определение: ибо он устыдился столь многих благообразных и много послуживших епископов и против воли подписал свое имя вместе с ними. После того православный епископ Верцеллинский Евсевий, почтенный годами, пришел в Медиолан (когда тот беззаконный собор уже закончился подписанием имен) и расспрашивал Дионисия о том, что совершалось на соборе. Дионисий же, рассказывая о совершившемся беззаконном суде над святым Афанасием, исповедал со многим сожалением и раскаянием свое согрешение, как он был обольщен и подписал свое согласие на низвержение Афанасия. И укорял его за то блаженный Евсевий,

как отец сына: ибо Дионисий имел себе в лице Евсевия как бы отца духовного, частью – ради его преклонной старости, частью – ради того, что он и епископствовал уже много лет; при этом и по своему положению епископ Верцеллинский стоял выше Медиоланского[717]. Видя же сердечное покаяние Дионисия, Евсевий не велел ему скорбеть: «Я знаю, – сказал он, – что мне сделать для того, чтобы имя твое было изглажено от среды их». И произошло следующее.

Епископы арианские, узнав о пришествии Евсевия, призвали его в свое собрание и, показав ему составленное ими осуждение Афанасия на низвержение с подписью их имен, хотели, чтобы и он подписал свое имя под определением. Евсевий же, притворившись, что соглашается с их собором, и, как будто желая подписать, взял хартию и стал читать имена подписавшихся епископов. Дошедши до имени Дионисия, – как бы оскорбленный, воскликнул:

– Где я подпишу имя мое? Под Дионисиевым? Ни в каком случае! Дионисий выше меня да не будет! Вы говорите, что Сын Божий не может быть равен Богу Отцу: почему же вы сына моего предпочли мне?

И отказывался старец подписаться, до тех пор пока имя Дионисия не будет изглажено с высшего места. Епископы же арианские, весьма домогаясь подписи Евсевия и желая его успокоить, повелели, чтобы имя Дионисия было изглажено. Дионисий своею рукою изгладил с хартии свою подпись, как бы предоставляя высшее место старейшему епископу Евсевию Верцеллинскому, а сам, как будто желая подписаться под ним. Когда имя Дионисия было изглажено, так что не оставалось и следов письмен, блаженный Евсевий перестал притворно соглашаться с собором ариан и явно исповедал истину, насмехаясь над арианами.

– Ни я не оскверняюсь вашими беззакониями, – говорил он, – ни сыну моему Дионисию не позволю быть участниками вашего нечестия, ибо незаконно подписывать беззаконное осуждение на низвержение невинного архиерея, – это воспрещают закон Божий и церковные правила. Да будет всем известно, что Евсевий и Дионисий более не подпишут вашего

осуждения, исполненного злобы и беззакония. Благодарение Богу, избавившему Дионисия от соучастия с вами и научившему нас, как изгладить из среды имен ваших его имя, которое было беззаконно подписано.

Ариане, увидев себя осмеянными Евсевием и Дионисием, подняли на них руки для того чтобы причинить им насилие, и, оскорбив их многочисленными ругательствами, сослали обоих в заточение, каждого отдельно, и так сильно угнетали блаженного Евсевия в заточении, что он там страдальчески и умер. Услышав о том и узнав, что воины епарховы, по царскому повелению, идут, чтобы схватить его, святой Афанасий, вразумленный неким Божественным явлением, в полночь вышел из епископии и скрылся у одной добродетельной девицы, которая была посвящена Богу и жила как истинная раба Христова. Он скрывался у нее до самой кончины царя Констанция, и никто о нем совершенно ничего не знал, кроме Бога и одной только той девицы, которая сама прислуживала ему и приносила ему от других книги, какие он требовал; во время пребывания там Афанасий написал много сочинений против еретиков[718].

Между тем Александрийский народ разыскивал пастыря своего, святого Афанасия, обходя с этою целью повсюду; все весьма скорбели о нем и с таким усердием искали его, что каждый готов был с радостью отдать жизнь свою за нахождение его, – и святую Церковь удручала глубокая печаль. Ариева же ересь весьма усилилась не только на востоке, но и на западе. По царскому повелению в Италии и по всему Западу те епископы, которые не соглашались подписать «иносущие», еретического учения о том, что Сын Божий – иного существа, чем Отец, были низлагаемы со своих престолов. В то время и святой Ливерий, папа Римский, бывший преемником блаженного Юлия, наследника святого Сильвестра изгнан был с римского престола за свое Православие; на его место избран из еретиков некто, по имени Феликс[719]. После того как отовсюду святая Церковь продолжительное время была утесняема и преследуема, приблизилась кончина царя Констанция. Находясь между Каппадокией и Киликией, на месте, называемом –

«Мопсийские источники», – он лишился там и царства, и жизни[720]. Равным образом поставленного еретиками лжеепископа Александрийского постиг суд Божий, «и погибнет нечестивый с шумом», будучи убит еллинским народом, поднявшим мятеж из-за одного места в Александрии, принадлежавшего ему, которое Георгий хотел отнять[721].

По смерти Констанция на престол царский вступил Юлиан[722], который принялся уничтожать Констанциевы уставы и законы и возвращал всех из изгнания. Узнал об этом и Афанасий, но он опасался, как бы ариане не привлекли к своему нечестью Юлиана (тогда еще не обнаружилось отступничество Юлиана и совершенное отречение его от Христа). Тем не менее святой Афанасий среди глубокой ночи вышел из вышеупомянутого дома девицы, в котором скрывался, и явился посреди церкви Александрийской. Кто в состоянии изобразить радость, охватившую всех православных, – как отовсюду стекались они, чтобы увидеть его, со сколь великим наслажденьем клирики и граждане и весь народ смотрели на него и с любовью его обнимали?! Прибытие его возбудило в православных мужество, и они немедленно изгнали ариан из Александрии, город же и себя самих поручили Афанасию, пастырю и учителю своему.

Между тем беззаконный Юлиан, прежде тайный язычник, теперь уже явно показал свое отвержение. Утвердившись на царстве, он пред всеми отрекся от Христа и похулил пресвятое Имя Его, поклонился идолам, соорудил повсюду капища и повелел приносить мерзостные жертвы нечестивым богам: и были повсюду воздвигнуты жертвенники, разносился смрад и дым, совершались заклания животных, и проливалась их кровь. Обличаемый великими столпами и учителями церковными, Юлиан воздвиг на Церковь жестокое гонение, и в самом начале гонения вооружился против святого Афанасия. Когда царь советовался со своими единомышленниками и премудрыми своими волхвами и вопрошал еще и волшебников и чародеев, как истребить с лица вселенной христианство, всем пришло на мысль, что должно истребить с лица земли и погубить Афанасия. Они так рассуждали: «Если низвержено будет

основание, то тогда легко будет отдельно разорить и прочие части христианской веры». Снова составился беззаконный суд над Афанасием, снова в Александрию было послано войско, снова пришел город в смятение. Церковь была окружаема и потрясаема руками вооруженных воинов, но разыскивали только одного Афанасия, чтобы убить его. Он же, как и прежде, покрываемый промыслом Божиим, прошедши среди толпы, избег рук ищущих его и ночью достиг реки Нила. Когда святой сел на один корабль с целью отплыть в Фиваиду, догнали его любящие его и со слезами говорили:

– Куда опять уходишь от нас, отче? На кого оставляешь нас, как овец, не имеющих пастыря?

Святой отвечал:

– Не плачьте, чада, ибо этот мятеж, который ныне видим, вскоре прекратится.

Сказав это, он отплыл в путь свой. Между тем за ним поспешно следовал один военачальник, которому мучитель[723] повелел немедленно убить Афанасия, как скоро настигнет его. Когда же один из находившихся с Афанасием издали заметил того военачальника, плывшего вслед за кораблем и уже настигавшего их, и хорошо признал его, то стал увещевать своих гребцов грести поспешнее, чтобы убежать от преследователей. Но святой Афанасий, немного повременив, и прозревая имеющее с ним быть, повелел гребцам направить корабль снова к Александрии. Когда те сомневались по поводу этого и боялись исполнить повеление Афанасия, он велел им мужаться. Тогда, обратив корабль направо, они поплыли в Александрию прямо навстречу гонителям; когда они приблизились к ним, то взоры варваров были омрачены как бы мглою, так что видя – не видели, – и поплыли мимо. Афанасий же спросил их:

– Кого вы ищете?

Они отвечали:

– Ищем Афанасия: не видали ли вы его где?

– Он плывет, – отвечал Афанасий, – немного впереди вас, как будто бежит от каких-то преследователей: поторопитесь, и тогда вы скоро догоните его.

Так святой спасся от рук убийц. Достигнув Александрии, он вошел в город, и все верующие радовались его возвращению, однако он скрывался до смерти Юлиана[724]. Когда вскоре после того нечестивый царь погиб, на престол царский вступил Иовиниан, бывший благочестивым христианином. И снова Афанасий безбоязненно воссел на престол свой, благопопечительно управляя церковью. Но и Иовиниан царствовал недолго – всего семь месяцев[725] – и умер в Галатии. На престол вступил Валент[726], зараженный арианский ересью. Снова бедствия постигли Церковь. Нечестивый царь, приняв власть, заботился не об общем мире, не о победах над врагами, но начал снова стараться, как бы распространить и утвердить арианство. Православных архиереев, несоизволяющих на его ересь, он низлагал с их кафедр. Таким образом он изгнал прежде всего святого Мелетия, архиепископа Антиохийского[727]. Когда эта внутренняя борьба, утесняющая повсюду Церковь Христову, достигла Александрии и по повелению епарха воины должны были взять под стражу святого Афанасия, – блаженный тайно вышел из города и, скрывшись в семейном склепе, пребывал там в продолжение четырех месяцев, – и никто не знал, где он. Тогда вся Александрия, скорбящая и сетующая о святом Афанасии, подняла большой мятеж, тревожимая от царей столь великими и столь многими скорбями. Александрийцы хотели уже отпасть от Валента и приготовили оружие для восстания.

Узнав об этом, царь, боясь их отпадения, и мужества, и междоусобной войны, позволил Афанасию, хотя и вопреки желанию, безбоязненно управлять Александрийскою церковью. Таким образом, Афанасий, престарелый воин Христов, после долгих трудов и многих подвигов за Православие, перед самою уже кончиною своею пожив непродолжительно в тишине и мире на своей кафедре, почил о Господе[728] и присоединился к отцам своим, патриархам, пророкам, апостолам, мученикам и исповедникам, подобно которым подвизался на земле. Он епископствовал сорок семь лет[729] и преемником по себе на Александрийской кафедре оставил Петра[730], блаженного друга своего, участника во всех своих бедствиях. Сам же преставился

для получения светлых венцов и воздаяния неизреченных благ от Христа Господа своего, Ему же со Отцом и Святым Духом, слава и держава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Столп был еси православия, Божественными догматы подтверждая церковь, священноначальниче Афанасие: Отцу бо Сына Единосущна проповедав, посрамил еси Ария. Отче преподобне, Христа Бога моли, даровати нам велию милость.

Кондак, глас 2:

Православия насадив учения, злославия терния изсекл еси, умножив семя веры одождением Духа, преподобне. Темже тя поем, Афанасие.

Житие преподобного отца нашего Макария Египетского

Память 19 января

Преподобный Макарий Египетский[731] родился в египетской стране, в селении, носившем название Птинапор[732]. Родители его были соименные древним святым праотцам – Аврааму и Сарре, ибо отец преподобного Макария назывался Авраамом (он был пресвитером), мать же Макария носила имя Сарра. Так как супружество родителей Макария было неплодным, то они решили проводить целомудренную жизнь, впрочем, не разлучаясь друг с другом, а проживая вместе. И так в течение многих лет жили родители Макария, соединенные духовным сожитием, а не плотским. Они украшали свою жизнь воздержанием и постом, частыми молитвами, неослабным бдением, щедрою раздачею милостыни, страннопримством и многими другими добродетелями. В то время, по Божественному произволению, напали на Египет варвары, которые разграбили все имущество жителей Египта. Вместе с другими и родители Макария лишились всего своего имущества, почему хотели даже удалиться из своего отечества в какую-либо иную страну. Но однажды ночью, когда отец Макария – Авраам спал, явился ему во сне святой патриарх Авраам, в виде почтенного, убеленного сединами старца в блестящей одежде. Явившийся святой патриарх утешал Авраама в его несчастии, повелевая ему уповать на Господа и не отлучаться из пределов египетских, но переселиться в селение Птинапор, находящееся в той же стране. При этом патриарх Авраам предсказал родителю Макария, что Бог скоро благословит его рождением сына, как некогда благословил Он самого патриарха Авраама, когда он был пришельцем в земле Ханаанской, дав ему сына в старости (Быт.21:2). Пробудившись от сна, пресвитер Авраам пересказал бывшее ему видение жене своей Сарре, и они оба воздали хвалу Богу. Немедленно после этого Авраам и Сарра переселились в указанное селение Птинапор, которое находилось в недалеком расстоянии от пустыни Нитрийской.

Все это произошло по Божественному произволению, дабы имевший родиться от них сын – преподобный Макарий – сильнее возлюбил пустынническое житие, коему он предался, как мы увидим впоследствии, всей душой. Во время жительства родителей Макария в селении Птинапор случилось, что отец Макария – Авраам так сильно заболел, что был близок к смерти. Однажды ночью, когда он лежал на одре болезни, он увидел в сонном видении, будто Ангел Господень вышел из алтаря в храме, где служил Авраам, и, приблизившись к нему, сказал:

– Авраам, Авраам! Встань с одра твоего.

Авраам отвечал Ангелу:

– Я болен, господин, и потому не могу встать.

Тогда Ангел, взяв больного за руку, с кротостью сказал ему:

– Бог помиловал тебя, Авраам: Он исцеляет тебя от болезни твоей и дарует тебе Свое благоволение, ибо жена твоя Сарра родит сына, соименного блаженству. Он будет жилищем Святого Духа, ибо в Ангельском образе будет жить на земле и многих приведет к Богу.

Пробудившись после этого видения, Авраам почувствовал себя совершенно здоровым; исполнившись страха и радости, он тотчас рассказал своей жене Сарре все, что он видел в видении и что говорил ему Ангел. Истинность же этого видения удостоверялась внезапным исцелением его от тяжкой болезни. И оба они, Авраам и Сарра, возблагодарили премилосердого Господа Бога. Вскоре после этого Сарра зачала в старости, и по прошествии определенного времени у нее родился ребенок мужского пола, которому нарекли имя Макарий, что значит «блаженный», и просветили его святым крещением.

Когда отрок Макарий достиг совершенного возраста и научился разумению Священного Писания, родители его, как бы забыв предсказанное о нем Ангелом, явившимся в видении Аврааму, пожелали, чтобы Макарий вступил в супружество, хотя сам Макарий не имел к этому никакого желания. Напротив, он всеми силами противился уговору своих родителей, желая обручиться единой нетленной невесте – чистой и непорочной девственной жизни. Однако, подчиняясь воле родителей, Макарий повиновался им, предав всего себя в руки Господа и

надеясь, что Он укажет ему дальнейший путь жизни. По совершении брачного пира, когда новобрачные были введены в брачную комнату, Макарий притворился больным и не прикоснулся к своей невесте, от глубины своего сердца молясь Единому истинному Богу и на Него возлагая свое упование, дабы Господь в скором времени даровал ему оставить мирскую жизнь и сделаться иноком. Спустя несколько дней случилось одному из родственников Макария отправиться на Нитрийскую гору[733], чтобы принести оттуда селитры, которая находилась там в громадном количестве, от чего и самая гора носила название «Нитрийская». По желанию своих родителей отправился вместе с ним и Макарий. Придя по дороге туда, к Нитрийскому озеру, Макарий отошел от своих спутников в сторону, желая немного отдохнуть от пути, и заснул. И вот, в сонном видении, пред ним предстал некий дивный муж, блистающий светом, который сказал Макарию:

– Макарий! Взгляни на эти пустынные места и внимательно рассмотри их, ибо тебе предназначено поселиться здесь.

Пробудившись от сна, Макарий стал размышлять о сказанном ему в видении и был в недоумении относительно того, что с ним произойдет. В то время еще никто не селился в пустыне, кроме Антония Великого и никому неизвестного пустынника Павла Фивейского, подвизавшегося где-то во внутренней пустыне и виденного лишь одним Антонием. Когда после трехдневного путешествия к Нитрийской горе Макарий со спутниками возвратился домой, то застал свою супругу страдающей такой сильной горячкой, что она находилась уже при смерти. Вскоре она скончалась на глазах Макария, непорочной девственницей отойдя в вечную жизнь. Макарий возблагодарил Бога, что Он сподобил его видеть кончину жены, и в назидание себе так размышлял и о своей смерти:

– Внимай себе, Макарий, – говорил он, – и имей попечение о своей душе, ибо и тебе вскоре предстоит оставить эту земную жизнь.

И с этого времени Макарий уже не стал заботиться ни о чем земном, непрестанно пребывая в храме Господнем и занимаясь чтением Священного Писания. Родители Макария, видя, какой

образ жизни он ведет, не осмеливались уже в присутствии его упоминать даже имени женского, но весьма радовались таковой его целомудренной жизни. Между тем Авраам, отец Макария, вступил уже в преклонные лета и сделался сильно болен, так что от старости и болезни лишился зрения. Блаженный Макарий с любовью и усердием ухаживал за своим престарелым и больным отцом. Вскоре старец отошел к Господу, а спустя шесть месяцев после его кончины скончалась о Господе и Сарра, мать Макария. Преподобный Макарий похоронил родителей своих обычным христианским погребением и сделался совершенно свободным от уз плоти, раздав после погребения их все свое имущество бедным на помин души почивших. На сердце Макария была великая печаль, что теперь он уже не имеет никого, кому он мог бы открыть свою тайну и получить добрый совет для Богоугодной жизни. Поэтому он усердно стал молиться Богу, чтобы Он послал ему доброго наставника, который руководствовал бы его на пути к спасению.

Спустя некоторое время наступил день празднования памяти одного святого, в честь которого, по обычаю своих родителей, и Макарий пожелал устроить праздник. Ввиду сего, он приготовил обед, предназначая его не столько для своих соседей, сколько для нищих и убогих. Присутствуя в этот день за церковным Богослужением, Макарий увидал одного почтенного старца – инока, вошедшего в храм. Инок этот имел длинные седые волосы и бороду, доходившую почти до пояса; лицо его было бледно от продолжительного поста; весь же вид его был благолепен, ибо и внутренний его душевный образ был украшен красотою добродетелей. Этот старец проживал невдалеке от селения Птинапор в пустынном месте, где он имел отшельническую келью. Он никогда никому не показывался из людей, и лишь в настоящий день, по Божественному устроению, пришел в находящуюся в селении церковь, чтобы причаститься Пречистых Христовых Таин. По окончании Божественной литургии Макарий упросил сего инока прийти к нему в дом на общую трапезу. После трапезы, когда все приглашенные Макарием разошлись по домам, Макарий задержал инока и,

отведя его в уединенное место, припал к ногам старца и сказал ему:

– Отче! Позволь мне завтра утром прийти к тебе, ибо я хочу спросить твоего опытного совета относительно дальнейшей моей жизни!

– Приходи, чадо, – отвечал старец, – когда желаешь, – и с этими словами ушел от Макария.

На другой день рано утром Макарий пришел к старцу и открыл ему тайну своего сердца, что он желает всеми своими силами работать для Господа, и вместе усердно просил старца научить его, что ему делать для спасения души своей. Душеполезными беседами старец в течение целого дня удержал Макария у себя, и когда зашло солнце, они вкусили немного хлеба с солью, и старец повелел Макарию лечь спать. Сам же старец стал на молитву, устремив ум свой горе; при наступлении глубокой ночи, он пришел в восторженное состояние и увидел собор иноков, одетых в белые одежды и имеющих крылья. Они обходили вокруг спящего Макария и говорили:

– Встань, Макарий, и начни указанное тебе Богом служение; не откладывай этого на другое время, ибо ленивый поступает неблагоразумно, а неленивый зарабатывает и его плату.

Это свое видение святой старец наутро рассказал Макарию и, отпуская его от себя, сделал ему такое наставление:

– Чадо! Что имеешь намерение сделать, делай скорее, потому что Бог призывает тебя для спасения многих. Поэтому с настоящего времени не будь леностен на дела богоугодные!

Преподав еще Макарию наставления относительно молитвы, бдения и поста, старец отпустил его с миром. Возвратившись от старца домой, блаженный Макарий раздал бедным все свое имущество, не оставив себе ничего даже для насущных потребностей. Освободившись таким образом от всех житейских забот и сделавшись и сам как бы нищим, Макарий снова пришел к старцу для того, чтобы всецело предаться давно желаемому им служению Господу. Старец с любовью принял смиренного юношу, показал ему начатки безмолвного иноческого жития и обучил его обычному иноческому рукоделью

– плетению корзин. При этом старец устроил для Макария отдельную келью в недалеком расстоянии от своей, ибо сам любил в уединении служить Господу. Во вновь устроенную келью он отвел своего нового ученика, вновь преподав ему необходимые наставления о молитве, пище и рукоделии. Так блаженный Макарий, с помощью Божией, начал проходить трудное иноческое служение и день ото дня преуспевал в иноческих подвигах. Спустя некоторое время в селение Птинапор случилось прийти епископу той страны, и он, узнав от жителей селения о подвигах блаженного Макария, призвал его к себе и, против его желания, поставил клириком местной церкви, хотя Макарий был еще молод. Но святой Макарий, тяготясь должностью клирика, которая нарушила его безмолвное житие, спустя несколько дней, убежал оттуда и поселился в пустынном месте около другого селения. Сюда к нему пришел один благоговейный человек простого звания, который и стал служить Макарию, продавая его рукоделия и покупая на вырученные деньги ему пищу. Ненавистник всякого добра – дьявол, видя, как он побеждается юным иноком, замыслил против него брань и стал усиленно воевать с ним, строя против него многоразличные козни, иногда внушая ему греховные помыслы, иногда же нападая на него в образе разных страшилищ. Когда Макарий бодрствовал ночью, стоя на молитве, дьявол до самого основания потрясал его келью, а иногда, превратившись в змея, ползал по земле и с яростью устремлялся на святого. Но блаженный Макарий, ограждая себя молитвою и крестным знамением, ни за что считал козни дьявола, восклицая, как некогда Давид:

– «Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке» (Пс.90:5).

Тогда дьявол, не имея возможности победить непобедимого, изобрел против него новую хитрость. Один из жителей того селения, близ которого подвизался Макарий, имел дочь – девицу, которую один юноша, также живший в этом селении, просил отдать себе в жены. Но так как юноша был очень беден и притом простого звания, то родители девицы не соглашались отдать в замужество за него свою дочь, хотя сама

девица и любила того юношу. Спустя некоторое время девица оказалась непраздною. Когда она стала спрашивать юношу, какой ей дать ответ своим родителям, то последний, научаемый учителем злобы – дьяволом, говорил ей:

– Скажи, что это сделал с тобою живущий около нас отшельник.

Девица послушалась коварного совета и обострила против невинного инока свой язык, как бы змеиный. И вот, когда родители заметили, что девица должна быть матерью, то с побоями стали ее спрашивать, кто виновник ее падения. Девица тогда отвечала:

– В этом виновен отшельник ваш, которого вы считаете святым. Как-то раз, когда я находилась за селением и подошла к тому месту, где он живет, отшельник встретил меня на дороге и сделал надо мною насилие, а я из-за страха и стыда никому не сказала об этом до этого времени.

Уязвленные этими словами девицы как бы стрелами, родители и родственники ее все вместе бросились к жилищу святого с громкими криками и бранными словами. Вытащив Макария из кельи, они долго его били, и потом привели с собою в селение. Здесь, собрав множество разбитых сосудов и черепков и связав их веревкою, повесили святому на шею и в таком виде водили его по всему селению, без милосердия надругаясь над ним, нанося ему побои, толкая его, терзая за волосы и ударяя ногами. При этом они восклицали:

– Этот монах осквернил нашу девицу, бейте его все!

Случилось в это время проходить мимо одному благоразумному человеку. Увидев происходящее, он сказал бьющим святого:

– Долго ли вы будете бить невинного странствующего инока, достоверно не узнав, справедливо ли обвинение против него? Я думаю, что это искушает вас дьявол.

Но они, не слушая слов этого мужа, продолжали истязать святого. Между тем тот человек, который ради Бога служил Макарию, продавая его рукоделие, шел в отдалении от святого и горько плакал, не будучи в состоянии воспрепятствовать бить святого и освободить Макария из рук тех, которые «как псы

окружили его» (Пс.21:17). А бьющие святого, обернувшись, бросались с бранью и угрозами и на этого человека.

– Вот, что сделал, – кричали они, – отшельник, которому ты служишь! – и продолжали бить Макария палками, пока не удовлетворили своей ярости и гнева; и Макарий остался полумертвый на дороге. Родители же девицы не хотели и теперь его оставить, но говорили:

– Не пустим его до тех пор, пока он не представит нам поручителей в том, что он будет кормить нашу дочь, которую он обесчестил.

Еле переводя дух, Макарий просил служившего ему человека;

– Друг! Будь за меня поручителем.

Последний, готовый даже умереть за святого, поручился за него, и, взяв Макария, совершенно обессилевшего от ран, с великим усилием отвел его в келью. Несколько оправившись от ран, Макарий стал усиленнее трудиться над своим рукоделием, говоря сам себе так:

– Ты теперь, Макарий, имеешь жену и детей, и поэтому тебе необходимо работать день и ночь, дабы доставлять им необходимое пропитание.

Делая корзины, он продавал их через указанного человека, а вырученные деньги отсылал на прокормление девице. Когда же ей наступило время рождать, то ее постиг праведный суд Божий за то, что она оклеветала невинного святого. Долго она не могла разрешиться от бремени и страдала многие дни и ночи, горько плача от весьма сильной боли. При виде таких ее мучений страдали вместе с нею и родители ее и в недоумении спрашивали ее:

– Что это случилось с тобой?

Тогда девица, хотя и сильно не желала того, принуждена была открыть истину. С громкими воплями она сказала:

– О горе мне окаянной! Я достойна ужасного наказания за то, что оклеветала праведника, сказав, что он виновник моего падения. Не он виновник сего, но тот юноша, который хотел жениться на мне.

Слыша вопли девицы, родители ее и родственники, находившиеся около нее, были сильно поражены ее словами; и напал на них сильный страх, и они весьма устыдились, что дерзнули так оскорбить невинного инока, служителя Господня. В страхе они взывали: «Горе нам!» Между тем весть о происшедшем разнеслась по всему тому селению, и все жители его, от мала до велика, стеклись к дому, где жила девица. Услышав там вопли девицы, что отшельник невиновен в ее позоре, жители сильно укоряли себя и весьма скорбели, что без милосердия все они били святого. Посоветовавшись с родителями девицы, все они решились пойти к преподобному Макарию и с плачем припасть к его ногам, прося прощения, дабы не постиг их гнев Божий за то, что они оскорбили невинного человека. Узнав такое решение их, прислуживающий Макарию муж, который и поручился за него, быстро побежал к нему и радостно сказал ему:

– Радуйся, отче Макарий! – Счастлив и радостен нынешний день для нас, ибо Бог сегодня прежнее твое поношение и бесчестие изменил в прославление. И мне уже не надобно более быть поручителем за тебя, ибо ты оказался бесстрастным, праведным и преславным невинным страдальцем. Сегодня суд Божий постиг ту, которая несправедливо обвинила тебя и оклеветала тебя невиновного. Она не может разрешиться от бремени и призналась, что не ты виновник ее падения, но один юноша. Теперь все жители селения, от мала до велика, хотят прийти к тебе с покаянием, дабы прославить Бога за твое целомудрие и терпение и испросить у тебя прощения, чтобы не постигло их какое-либо наказание от Господа за то, что они несправедливо тебя оскорбили.

С прискорбием выслушал слова этого человека смиренный Макарий: он не желал почести и славы от людей, ибо ему гораздо приятнее было принимать от людей бесчестие, нежели честь; поэтому, с наступлением ночи, он встал и удалился из тех мест, пойдя прежде всего на Нитрийскую гору, где он некогда имел во сне видение. Прожив там три года в одной пещере, он пошел к Антонию Великому, постнически

подвизавшемуся в пустыне Фаранской[734], ибо Макарий уже давно слышал о нем, еще тогда, когда он жил в мире, и сильно желал его видеть. Принятый с любовью преподобным Антонием, Макарий соделался искреннейшим учеником его и прожил у него в течение долгого времени, получая наставления для совершенной добродетельной жизни и стараясь во всем подражать отцу своему. Потом, по совету преподобного Антония, Макарий удалился для уединенной жизни в скитскую пустыню[735], где он так просиял подвигами и столь преуспел в иноческой жизни, что превосходил многих братий и получил от них название «юноша старец», так как, несмотря на молодость свою, обнаружил вполне старческую жизнь. Здесь Макарию приходилось бороться с бесами и день и ночь. Иногда бесы явно, обратившись в различные страшилища, с яростью устремлялись на преподобного, иногда в виде вооруженных воинов, сидящих на конях и скачущих на сражение; с великим криком, ужасным воплем и шумом устремлялись они на святого, как бы собираясь его умертвить. Иногда же бесы воздвигали против святого невидимую брань, внушая ему различные страстные и нечистые помыслы, разными хитрыми способами стараясь поколебать эту твердую стену, устроенную Христом, и разорить ее. Однако они нисколько не могли преодолеть этого мужественного борца истины, который имел своим помощником Бога и, как Давид, восклицал:

– «Иные колесницами (с оружием), иные конями, а я именем Господа Бога нашего хвалюсь: они поколебались и пали, с Богом я окажу силу» (Пс.19:8–9, 59:14) и Он уничтожит всех врагов моих – бесов, столь свирепо нападающих на меня.

Однажды ночью спящего Макария окружило множество бесов, которые будили его и говорили:

– Встань, Макарий, и пой с нами, а не спи.

Преподобный же, уразумев, что это бесовское искушение, не вставал, но, лежа, говорил бесам:

– «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный отцу вашему Диаволу» (Мф.25:41) и вам.

Но они говорили:

– Зачем ты оскорбляешь нас, Макарий, понося нас такими словами?

– Разве может быть, – возразил преподобный, – чтобы кто-либо из бесов пробуждал кого-нибудь для молитвы и славословия Божиего или наставлял в добродетельной жизни?

Но бесы продолжали призывать его на молитву, и в течение долгого времени не могли этого сделать. Тогда, исполнившись ярости и не вынося пренебрежения от Макария, они во множестве устремились на него и стали наносить ему побои. Святой же возопил к Господу:

– Помоги мне, Христе Боже мой, и «окружаешь меня радостями избавления, ибо псы окружили меня, раскрыли на меня пасть свою» (Пс.31:7, 21:14, 17–18).

И внезапно все множество бесов исчезло с великим шумом.

В другой раз случилось, что Макарий набрал в пустыне много пальмовых ветвей для плетения корзин и нес их в свою келью. На пути его встретил дьявол с серпом и хотел ударить святого, но не мог. Тогда он сказал Макарию:

– Макарий! Из-за тебя я терплю великую скорбь, потому что не в состоянии победить тебя. Вот и я, все, что делаешь ты, делаю. Ты постишься, ничего вовсе не ем и я; ты бодрствуешь, и я никогда не сплю. Одно, впрочем, есть, в чем ты превосходишь меня.

– Что это такое? – спросил его преподобный.

– Смирение твое, – отвечал дьявол, – вот почему я и не могу бороться с тобою.

Когда преподобному Макарию исполнилось сорок лет, он получил от Бога дар чудотворения, пророчества и власть над нечистыми духами. В то же время он был посвящен в сан священника и сделан настоятелем (аввой) иноков, проживающих в скиту. О его пище и питье, т. е. о том, как он постился, не надлежит много и говорить, потому что даже и самые немощные из братий его скита не могли быть укоряемы ни в объедении, ни в употреблении какой-либо изысканной пищи. Хотя это происходило отчасти и по недостатку в тех местах какой-либо изысканной пищи, но главным образом – ради соревнования пребывающих там иноков, которые

старались не только подражать в постничестве один другому, но и превзойти друг друга. О других же подвигах Макария, этого небесного человека, среди отцов ходят различные сказания. Рассказывают, что преподобный непрестанно возносился умом в горнее и большую часть своего времени устремлял свой ум к Богу, нежели к предметам мира сего. Часто Макарий посещал и учителя своего Антония Великого и получал от него много наставлений, ведя с ним духовные беседы. Вместе с двумя другими учениками преподобного Антония и Макарий сподобился присутствовать при блаженной кончине его и, как некое богатейшее наследство, получил посох Антония, которым тот поддерживал в дороге свое немощное тело, удрученное старостью и постническими подвигами. Вместе с сим посохом Антония преподобный Макарий принял сугубо и дух Антония Великого, как некогда воспринял таковой пророк Елисей после Илии пророка (4Цар.2:9). [736] Силою этого духа Макарий сотворил многие дивные чудотворения, к повествованию о которых мы теперь и переходим.

Один нечестивый египтянин распалился нечистою любовью к замужней красивой женщине, но никак не мог склонить ее к измене мужу, ибо она была целомудренна, добродетельна и любила своего мужа. Сильно желая овладеть ею, египтянин этот отправился к одному чародею с просьбою, чтобы он посредством своих волшебных чар устроил так, чтобы женщина эта полюбила его, или же чтобы муж ее возненавидел ее и прогнал от себя. Чародей, получив от того египтянина богатые подарки, употребил свои обычные волшебства, пытаясь силою волшебных чар соблазнить целомудренную женщину на дурной поступок. Не будучи в состоянии склонить непоколебимую душу женщины к греху, чародей очаровал глаза всех, смотревших на женщину, устроив так, что она казалась всем не женщиною, имеющею человеческий вид, но животным, имевшим вид лошади. Муж той женщины, придя домой, с ужасом увидал вместо своей жены лошадь и сильно удивлялся, что на постели его лежит животное. Он обратился к ней со словами, но не получил никакого ответа, только заметил, что она приходит в ярость. Зная же, что это должна была быть его жена, он понял,

что это сделано по чьей-либо злобе; поэтому он весьма огорчился и проливал слезы. Потом он призвал в свой дом пресвитеров и показал им свою жену. Но они не могли понять, что пред ними человек, а не животное, так как и их глаза были очарованы, и они видели животное. Прошло уже три дня с того времени, как женщина эта стала всем казаться лошадью. В течение этого времени она не принимала пищи, потому что не могла есть ни сена, как животное, ни хлеба, как человек. Тогда муж ее вспомнил о преподобном Макарии и решился отвести ее в пустыню к святому. Надев на нее узду, как бы на животное, он пошел к жилищу Макария, ведя за собою жену, имеющую вид лошади. Когда он приближался к келье преподобного, иноки, стоявшие около кельи, негодовали на него, зачем он желает с лошадью войти в монастырь. Но он сказал им:

– Я пришел сюда для того, чтобы животное это, по молитвам святого Макария, получило милость от Господа.

– Что же дурного случилось с нею? – спросили иноки.

– Это животное, которое вы видите, – отвечал им человек, – моя жена. Как же она обратилась в лошадь, я не знаю. Но вот уже три дня прошло с того времени, когда это случилось, и она все это время не вкушает никакой пищи.

Выслушав его рассказ, братия тотчас поспешили к преподобному Макарию, чтобы рассказать ему об этом, но ему уже было откровение от Бога, и он молился за женщину. Когда иноки рассказали святому происшедшее и указывали ему на приведенное животное, то преподобный сказал им:

– Вы сами подобны животным, так как глаза ваши видят скотский образ. Она же, как создана женщиною, так и остается ею, а не изменила своей человеческой природы, но лишь кажется животным вашим глазам, обольщенным волшебными чарами.

Затем преподобный освятил воду и с молитвою вылил ее на приведенную женщину, и тотчас она приняла свой обычный человеческий вид, так что все, смотря на нее, видели женщину, имеющую лицо человека. Повелев дать ей пищи, святой сделал ее совершенно здоровою. Тогда и муж, и жена, и все видевшие это предивное чудо возблагодарили Бога. Макарий дал

наставление исцеленной женщине, чтобы она как можно чаще ходила в храм Божий и причащалась Святых Христовых Таин.

– Это случилось с тобою, – сказал преподобный, – от того, что прошло уже пять недель, как ты не причащалась Божественных Таин.

Сделав наставление мужу и жене, святой отпустил их с миром.

Подобным образом исцелил Макарий и одну девицу, которую один волшебник превратил в ослицу и которую в таком виде привели к святому родители ее. Другую же девицу, всю гнившую от ран и струпьев и кишевшую червями, он сделал совершенно здоровою, помазав ее святым елеем.

К преподобному Макарию приходило весьма много разных людей – одни просили его молитв, благословения и отеческого наставления, другие, чтобы исцелиться от своих недугов. По причине такого множества приходившего к нему народа, Макарий имел мало времени, чтобы в уединении предаваться Богомыслию. Поэтому преподобный выкопал под своею кельей глубокую пещеру, длиною около полстадии[737], куда и скрывался от постоянно приходящих к нему и нарушающих его Богомыслие и молитву.

Преподобный Макарий получил от Бога такую благодатную силу, что мог воскрешать даже мертвых. И вот, один еретик, по имени Иеракит, который учил, что воскресения мертвых не будет, пришел из Египта в пустыню и смущал умы братий, проживавших там. Потом пришел к преподобному Макарию и, в присутствии многочисленных братий, состязался с ним о вере. Будучи сам искусен в слове, он насмехался над простотою речей преподобного. Преподобный Макарий заметив, что братия начинает колебаться в вере от речей этого еретика, сказал ему:

– Какая польза препираться нам словами, более для колебания слушающих наш спор, чем для утверждения в вере? Пойдем на могилы скончавшихся о Господе братий наших, и кому из нас дарует Господь воскресить мертвого, то тогда все убедятся, что вера того правая и свидетельствуется Самим Богом.

Братия одобрили эти слова преподобного, и все отправились на кладбище. Там преподобный Макарий сказал Иеракиту, чтобы он вызвал из гроба какого-нибудь усопшего из братии. Но Иеракит сказал Макарию:

– Сначала ты это сделай, потому что ты сам назначил такое испытание.

Тогда преподобный Макарий простерся на молитву к Господу и после продолжительной молитвы возвел свои глаза горе и воззвал к Господу:

– Господи! Ты Сам яви ныне, кто из нас двоих правильнее верует (в Тебя), яви же это, устроив так, чтобы восстал из гроба один из лежащих здесь мертвецов.

Помолившись так, преподобный назвал по имени одного недавно погребенного инока, и мертвый тотчас ответил на его голос из гроба. Тогда иноки поспешно раскопали могилу и нашли в ней своего собрата воскресшим. Развязав бывшие на нем повязки, они вывели его живым из могилы. При виде столь дивного чуда, Иеракит пришел в такой ужас, что обратился в бегство. Все иноки гнали его, как прогоняют врагов, и отогнали далеко за пределы той земли.

В другой раз преподобный Макарий также воскресил еще другого умершего, о чем повествует авва Сисой.

– Я находился, – рассказывает он, – с преподобным Макарием в скиту. Наступила в это время пора жатвы хлеба. Семеро из братий нанялись для жатвы. Во время ее одна вдова подбирала за нами колосья и при этом все время плакала. Преподобный Макарий, призвав хозяина нивы, спросил его:

– Что это такое произошло с этой женщиной, и почему она непрестанно плачет?

Хозяин нивы рассказал преподобному, что муж той женщины, взяв на сохранение у одного человека деньги, внезапно умер, не успев открыть своей жене, куда он положил взятое им. Поэтому и желает заимодавец тот взять эту женщину с ее детьми в рабство. Тогда Макарий сказал ему:

– Скажи женщине, чтобы она пришла к нам на то место, где мы отдыхаем в полдень.

Когда она исполнила слова преподобного и пришла к нему, преподобный Макарий спросил ее:

– Отчего ты постоянно плачешь, женщина?

– От того, – отвечала вдова, – что мой муж внезапно умер, а незадолго до смерти взял у одного человека на сохранение золото и не сказал мне о том, куда положил взятое золото.

– Покажи нам, где погребен твой муж, – сказал Макарий.

Взяв с собою братию, преподобный пошел на указанное место. Подойдя к могиле мужа той вдовы, преподобный сказал ей:

– Ступай к себе домой, женщина!

Затем, помолившись, Макарий воззвал к мертвецу, спрашивая его, где положил он взятое им золото. Тогда мертвый отвечал из могилы:

– Я спрятал его в своем доме в ногах под моею постелью.

– Почивай опять, – сказал ему авва Макарий, – до дня всеобщего воскресения!

Братия, увидав такое чудо, от сильного страха упали к ногам преподобного. Старец в назидание братии сказал:

– Все это произошло не ради меня, ибо я – ничто, но ради вдовицы этой и детей ее сотворил Бог чудо сие. Знайте же, что Бог соизволяет безгрешной душе, и чего она ни попросит от Него, получает.

Затем преподобный пошел к вдовице и указал ей, где скрыто взятое ее мужем золото. Та взяла спрятанное сокровище и отдала владельцу его, и таким образом избавила от рабства как себя, так и детей своих. Услыхав о таком дивном чуде, все прославили Бога.

Руфин пресвитер[738] повествует еще и о воскрешении преподобным Макарием третьего мертвеца. Однажды, – рассказывает он, – невинный человек был обвинен в убийстве, случившемся в тех местах, где была келья преподобного. Обвиняемый прибежал к жилищу Макария, куда за ним пришли и те, которые хотели схватить его как убийцу и предать законному суду. Он же божился и клялся, что невиновен в крови убитого, но обвинители старались представить его виновным.

Когда и обвинители и обвиняемый в течение продолжительного времени спорили между собою, преподобный Макарий спросил:

– Где погребен убитый?

Узнав место погребения, преподобный встал и отправился туда вместе с пришедшими к нему. Помолившись долгое время над могилой коленопреклоненно, преподобный сказал предстоящим обвинителям:

– Сам Господь ныне явит, действительно ли этот человек, обвиняемый вами в убийстве, виновен в нем.

Воззвав затем громким голосом, Макарий назвал убитого по имени. И тот отвечал из могилы на его зов, и преподобный спросил его:

– Верою Иисуса Христа, Сына Божиего, повелеваю тебе ответить нам, тем ли человеком убит ты, который приведен сюда.

Тотчас мертвец ясным голосом ответил из могилы, что он убит не этим человеком, и его обвиняют в убийстве напрасно. Все пришедшие на могилу, пораженные сим дивным чудом, пали на землю. Припав затем к ногам преподобного, они стали усиленно просить его, чтобы он вторично вопросил мертвеца о том, кем он убит. Но преподобный Макарий ответил им:

– Не буду спрашивать об этом, ибо достаточно для меня того, что я избавил от гибели невинного человека, виновного же предавать суду не буду.

Палладий в Лавсаике[739] повествует еще о преподобном Макарии следующее.

Один раз к преподобному был приведен матерью одержимый бесом юноша. Он был связан, и его держали двое сильных мужей. В него вселился бес обжорства: так, он съедал три огромных хлеба и выпивал большой сосуд воды и все это извергал вон, обращая все съеденное и выпитое как бы в какой пар или дым. А пища и питие истреблялись в нем, как бы огнем. Если же мать того юноши не позволяла ему столь много есть и пить, то он употреблял в пищу даже свои испражнения. Она с плачем умоляла преподобного Макария, чтобы он помиловал сына ее и исцелил его от такого ужасного беснования. Преподобный начал усердно молиться за юношу к Господу, и

спустя два дня юноше уже сделалось легче, и он меньше стал просить есть и пить. Тогда преподобный спросил мать юноши:

– Сколько ты желаешь, чтобы съедал твой сын?

– Десять литр[740] хлеба, – отвечала женщина.

Но преподобный с укоризною сказал ей:

– Зачем ты желаешь столь много, женщина?

После семидневного поста и усердной молитвы к Богу, преподобный изгнал из юноши беса – и, по молитвам преподобного, юноша стал насыщаться в день тремя литрами хлеба. Сделав наставление юноше проводить жизнь свою не в праздности, но жить трудом рук своих, преподобный, по благодати Божией, совершенно исцелив его, передал его матери и отпустил обоих с миром.

В прологе о преподобном Макарии рассказывается еще следующее. Однажды преподобный находился в пути и, когда его застигла ночь, он вошел на языческое кладбище, чтобы там переночевать. Найдя там одну старую кость умершего язычника, преподобный положил ее себе в изголовье. Бесы, видя таковое дерзновение Макария, ополчились на него и, желая его устрашить, стали кричать, называя кость женским именем:

– Ступай мыться в баню.

На этот призыв ответил демон, который находился в мертвой кости, положенной преподобным Макарием под голову.

– Странника я имею над собою, – сказал он, – и потому не могу прийти.

Преподобный не устрашился этих бесовских козней, но с дерзновением стал бить взятую им кость, сказав:

– Встань и иди, если можешь.

Лишь только он произнес эти слова, бесы громкими голосами возопили и закричали ему:

– Во всем ты побеждаешь нас, Макарий, – и отступили от преподобного посрамленные.

В другой раз преподобный Макарий шел по пустыне и нашел высохший человеческий череп, лежавший на земле. Повернув его своим жезлом, преподобный услыхал, как будто он издал какой-то звук. Тогда Макарий спросил череп:

– Кто ты такой?

– Я, – отвечал тот, – был начальником языческих жрецов, обитавших на сем месте. Когда ты, авва Макарий, исполненный Духа Божия, умилосердившись над находящимися в муках в аду, молишься за нас, мы тогда получаем некоторое облегчение.

– Какое же облегчение получаете вы, – спросил Макарий, – и каковы ваши мучения, расскажи мне?

– Как далеко отстоит небо от земли, – отвечал со стоном череп, – так велик огонь, среди которого мы находимся, палимые отовсюду с ног до головы. При этом мы не можем видеть лица друг друга. Когда же ты молишься за нас, мы видим немного друг друга, и это служит нам некоторым утешением.

Услыхав такой ответ, преподобный прослезился и сказал:

– Проклят тот день, когда человек преступил Божественные заповеди.

И снова он спросил череп:

– Есть ли какие-либо другие мучения, лютейшие ваших?

– Внизу, намного глубже под нами, находятся многие другие, – отвечал, тот.

– Кто же находятся среди тех лютейших мучений? – спросил Макарий.

– Мы, незнавшие Бога, – ответил череп, – хотя и немного еще ощущаем милосердие Божие. Те же, которые познали имя Божие, но отверглись Его и заповедей Его не соблюдали, мучаются внизу нас гораздо более тяжкими и лютейшими мучениями.

После этого преподобный Макарий взял тот череп, закопал его в землю и удалился оттуда.

Преподобный Макарий, – повествует еще о нем Руфин, – проживал в великой пустыне, имея там келью, а монастырь его находился ниже в другой пустыне; в нем было много братий. Однажды Макарий сидел на дороге, ведущей в монастырь. Вдруг он видит дьявола, идущего в человеческом образе, одетого в мохнатую одежду и всего обвешанного тыквами. Макарий спросил его:

– Куда ты идешь, дышащий злобою?

– Иду искушать братию, – отвечал тот.

– Для чего ты несешь эти тыквы, надетые на тебе? – спросил Макарий.

– Я несу, – отвечал дьявол, – кушанья братии.

– Во всех ли тыквах находятся кушанья? – спросил преподобный.

– Во всех, – отвечал дьявол, – если кому-нибудь не понравится одно, я предложу другое, третье и т. д., чтобы каждый попробовал хотя одного.

Сказав это, дьявол удалился.

Преподобный же остался на дороге, желая видеть возвращение дьявола. Увидев, что он возвращается, Макарий спросил:

– Хорошо ли сходил в обитель?

– Плохо, – ответил дьявол, – да и как я мог достигнуть успеха?

– Почему же? – спросил преподобный.

– Потому, что все иноки ополчились на меня, – отвечал дьявол, – и никто меня не принял.

– Неужели ты не имеешь ни одного инока, который бы слушался тебя? – спросил снова Макарий.

– Только одного и имею, – отвечал дьявол, – который меня слушается. Когда я прихожу к нему, он вертится около меня, как волчок.

– Какое он носит имя? – спросил преподобный.

– Феопемпт! – отвечал дьявол; и, сказав это, удалился.

Тогда авва Макарий встал и пошел в дальнюю пустыню в названный монастырь. Братия, услышав, что к ним идет преподобный, с пальмовыми ветвями вышли ему навстречу, и каждый из них приготовил свою келью, думая, что у него преподобный захочет остановиться. Но Макарий спросил иноков:

– Кто из вас называется Феопемптом?

Когда ему указали Феопемпта, он вошел к нему в келью. Тот принял преподобного с великою радостью. Оставшись наедине с Феопемптом, преподобный Макарий спросил его:

– Как ты поживаешь, брат?

– Хорошо, – отвечал тот, – по молитвам твоим, отче!

– Не искушают ли тебя, – спросил преподобный, – какие-либо греховные помыслы?

Стыдясь открыть свои греховные помышления, инок ответил:

– Нет! Теперь меня ничто не искушает.

Тогда преподобный Макарий сказал с вздохом:

– Вот уже сколько лет я подвизаюсь в посте и молитве, так что меня все почитают, но все же, несмотря на мои старые годы, меня сильно искушает бес любодейства.

На это Феопемпт сказал:

– Действительно, отче, и я сильно охвачен духом любодейства.

Преподобный таким же образом спрашивал инока и о других грехах, смущающих его душу, пока тот не исповедал ему все свои согрешения. После этого преподобный спросил инока:

– Сколько времени ты постишься?

– До девятого часа, – отвечал тот.

– Постись до вечера, – сказал преподобный, – и поучайся из святого Евангелия и из других святых книг, чтобы всегда упражняться в Богомыслии. Если же на тебя нападут какие-либо греховные помыслы, борись с ними и никогда не спускайся умом долу, но устремляй свой ум всегда горе, и Господь тебе поможет.

Утвердив таким образом Феопемпта, преподобный возвратился в свою пустыню. Там, сидя при дороге, он снова увидал дьявола, идущего в монастырь. Преподобный спросил его:

– Куда ты идешь?

– Иду искушать братию, – отвечал дьявол.

И, сказав так, пошел дальше. Когда же возвращался, преподобный спросил его:

– Как ты нашел братию?

– Теперь все ополчились против меня, – отвечал дьявол, – даже и тот, который прежде был моим другом и всегда слушался меня, и тот теперь, не понимаю, кем-то развращен и совершенно не слушается меня. Напротив, он теперь

ополчается против меня больше, нежели все другие иноки. И я теперь поклялся уже более не приходить в тот монастырь, разве только спустя долгое время.

Сказав так, диавол удалился. А преподобный Макарий возвратился в свою келью.

Однажды к преподобному Макарию пришли в скит два странника – один был с бородой, другой моложе – имел только одни усы. Пришедшие спросили преподобного:

– Где находится келья аввы Макария?

– Чего вы желаете от него? – спросил их преподобный.

Они отвечали:

– Мы много слышали о нем и о его жизни от скитских отцов и пришли, чтобы увидать его.

Тогда преподобный сказал им:

– Это я самый.

Они, поклонившись ему до земли, сказали:

– Мы желали бы поселиться здесь.

Преподобный, видя, что они еще молоды и люди состоятельные, ответил им:

– Вы не сможете прожить здесь.

На это младший возразил ему:

– Если ты не дозволишь нам здесь остаться, мы уйдем в другое место.

Преподобный Макарий тогда подумал: «Зачем я прогоню их, а они соблазнятся? Лучше я приму их, и они сами от великих пустынных трудов убегут отсюда». Обратясь к ним, он сказал:

– Селитесь здесь и, если можете, постройте себе келью.

И он дал им топор, корзину с хлебом и соль и, отведя их вглубь пустыни, указал им одно каменистое место и сказал:

– Постройте здесь себе келью, принеся для этого деревья с луга, и живите здесь.

При этом преподобный подумал, что они не вынесут трудности пустыннической жизни и убегут оттуда. Юноши те спросили Макария:

– Каким рукоделием занимаются иноки?

– Они плетут корзины, – отвечал преподобный.

И, взяв финиковые ветви, начал плести веревку, сказав:

– Из этого плетутся корзины. Так и вы делайте и готовые отдавайте церковным сторожам. Они же за это будут приносить вам хлеб и соль.

И преподобный оставил их одних.

Юноши стали терпеливо исполнять все, что заповедал им преподобный Макарий, и не приходили к нему в течение трех лет. Вспомнив о них, преподобный подумал: «Что делают эти два юноши и почему не приходят ко мне открыть свои помышления? Вот многие приходят издалека, а эти и близко живут, но не приходят ко мне». Это же происходило потому, что юноши те никуда не ходили, только в церковь, (где стояли в молчании), чтобы причаститься Пречистых Христовых Таин. Преподобный в течение целой недели молился Богу, совершенно не вкушая пищи; он просил, чтобы Господь открыл ему подвиги двух братьев. По прошествии недели преподобный Макарий отправился к ним, желая видеть, как они живут. Когда он, придя, постучался в дверь их кельи, они отворили ему и, увидав преподобного, поклонились ему до земли. А преподобный, сотворив молитву, сел. Старший дал знак младшему, и тот вышел из кельи, а сам он сел и стал плести корзину, не произнося ни слова. В девятом часу дня, постучавшись, пришел младший и, приготовив немного вареной пищи, предложил трапезу, положив три ломтя хлеба, а сам стал молча.

– Подойдите, – сказал преподобный, – и вкусим хлеба.

И ели, благодаря Господа. Затем младший принес воды, и они напились. Когда же наступил вечер, иноки спросили преподобного:

– Отче! Уйдешь ли ты отсюда?

Но он сказал им:

– Нет! Я ночую здесь.

Тогда они постелили преподобному в одном углу кельи рогожу, а в другом легли сами также на рогоже. Наступила ночь. Преподобный Макарий встал и стал молиться Богу, чтобы Он открыл ему добродетель юношей. В полночь внезапно раскрылась крыша кельи, и воссиял сильный свет. Но два брата те не видали света; думая, что преподобный спит, старший

толкнул младшего, и, встав, оба они препоясались и, воздевая руки к небу, тайно молились. Преподобный увидал множество демонов, которые, как мухи, окружили младшего брата, и одни из демонов хотели сесть на устах его, другие на глазах. Но явился Ангел Господень с огненным мечом в руках, которым и защищал его, отгоняя от него демонов. К старшему же брату демоны не осмеливались даже и приблизиться. К утру оба брата снова легли и уснули. Наутро преподобный Макарий сделал вид, будто он только что проснулся. И все они встали. Старший брат спросил преподобного:

– Отче! Желаешь ли, чтобы мы стали читать двенадцать псалмов?

– Желаю, – отвечал преподобный.

Сначала начал петь младший брат, и после каждого стиха из уст его выходила как бы огненная свеча и поднималась на небо. Потом начал петь старший; из его уст выходил огонь как бы какая длинная веревка и достигал до неба. После окончания утреннего правила преподобный пожелал удалиться в свое жилище. Когда он уходил, то сказал братиям:

– Молитесь обо мне, братия.

В ответ на его слова они поклонились ему до земли молча; и преподобный ушел от них. Так преподобный Макарий узнал, что старший брат уже достиг полного совершенства в добродетелях, а с младшим еще борется враг-дьявол. Спустя немного времени после посещения братьев преподобным Макарием преставился к Господу старший брат, а через три дня после его кончины почил и младший. Когда впоследствии приходили к преподобному кто-нибудь из честных отцов, он приводил их в келью тех двух братьев и говорил:

– Пойдемте, посмотрим на то место, где подвизались великие рабы Христовы.

Однажды, когда преподобный Макарий молился, к нему был голос, который говорил:

– Макарий! Ты не достиг еще такого совершенства в добродетельной жизни, как две женщины, проживающие вместе в ближайшем городе.

Получив такое откровение, преподобный взял свой посох и пошел в тот город. Найдя там дом, где жили означенные женщины, Макарий постучался в дверь. Тотчас одна из тех женщин вышла на стук и, увидав преподобного, с великою радостью приняла его в свой дом. Призвав к себе обеих женщин, преподобный сказал им:

– Ради вас я принял на себя такой великий подвиг, придя сюда из дальней пустыни, ибо я желаю знать ваши добрые дела, о которых и прошу вас рассказать мне, ничего не скрывая.

– Поверь нам, честный отче, – отвечали женщины, – что мы еще прошлую ночь разделяли ложе свое со своими мужьями: какие же добродетели ты желаешь найти в нас?

Но преподобный настаивал, чтобы они рассказали ему образ своей жизни. Тогда, убежденные им, женщины сказали:

– Мы не были родственницами между собою прежде, но потом мы вышли замуж за двух родных братьев, и вот уже пятнадцать лет мы живем все вместе, в одном доме; во все время своей совместной жизни мы не сказали друг другу ни одного злобного или дурного слова и никогда не ссорились между собою. Но до настоящего времени прожили в мире и согласии между собою и недавно единомысленно решили оставить своих плотских супругов и удалиться в сонм святых дев, служащих Богу. Но мы не можем упросить наших мужей, чтобы они отпустили нас, хотя с большою настойчивостью и многими слезами молили их об этом. Не получив желаемого разрешения, мы заключили завет с Богом и между собою – не произносить ни одного мирского слова до самой смерти нашей.

Выслушав их рассказ, преподобный Макарий сказал:

– Поистине Бог не ищет ни девы, ни замужней, ни инока, ни мирянина, но свободного намерения, принимая его, как самое дело, и добровольному произволению всякого человека подает благодать Святого Духа, действующего в человеке и управляющего жизнью каждого, желающего спастись.

В дни жизни этого преподобного Макария Египетского просиял добродетельной жизнью в тех же пустынных местах, где жил и Макарий Египетский, другой преподобный – Макарий Александрийский. Он был пресвитером в монастыре, носившем

наименование Кельи[741]. Местность эта находилась в пустыне между Нитрией и скитом. Сей блаженный Макарий Александрийский часто приходил к преподобному Макарию Египетскому и многократно они вместе ходили по пустыне, ибо они питали друг к другу великую любовь. Когда воцарился нечестивый император Валент арианин[742], то воздвиг весьма жестокое гонение на православных. В Александрию, по царскому распоряжению, прибыл Лукий, арианский епископ[743], с многочисленным войском, который сверг с епископской кафедры православного епископа, блаженного Петра, преемника святого Афанасия Великого. Кроме этого епископ Лукий послал воинов в пустыню, чтобы схватить и отправить в изгнание всех святых отцов пустынников. В числе первых были схвачены оба преподобных Макария. Воины взяли их ночью и, посадив на корабль, отвезли на один отдаленный остров, жители которого не знали истинного Бога, но поклонялись идолам. У одного из идольских жрецов, бывших на том острове, была дочь, одержимая бесом. Почувствовав пришествие преподобных вместе с другими отцами на остров, девица эта побежала навстречу им, громко взывая:

– Для чего вы пришли сюда? Ведь этот остров наше давнишнее жилище.

Преподобные, сотворив молитву, изгнали беса из девицы, и она стала совершенно здоровою. Увидав это, отец ее, идольский жрец, тотчас уверовал во Христа и принял святое крещение. Также и все жители того острова обратились ко Христу и обратили свой языческий храм в христианскую церковь. Узнав о случившемся, нечестивый епископ Лукий был сильно пристыжен, что он таковых великих отцов изгнал из их монастырей. Поэтому он тайно послал, чтобы снова возвратили блаженных Макариев и всех бывших с ними святых отцов в места их прежнего обитания. Таким образом преподобный Макарий Египетский снова возвратился в скитскую пустыню, а преподобный Макарий Александрийский в вышеназванное место Келий; также и прочие честные отцы возвратились в свои обители.

Между тем к преподобному Макарию Египетскому отовсюду приходило множество народа: одни – ради душевной пользы, чтобы получить от него наставления, иные – для исцеления от недугов своих, и таковых болящих к нему стекалось великое множество. Поэтому явилась необходимость в построении гостиницы, где бы могли находить приют странники и больные. Это и устроил преподобный Макарий. Каждый день он имел обычай исцелять одного болящего, помазуя его святым елеем и совершенно здоровым отпуская домой. Так поступал преподобный, имея ту мудрую цель, чтобы другие болящие, не сразу им исцеленные, проживали у него некоторое время и тем получали врачевание не только тела, но и души, внимая в это время его боговдохновенным поучениям. Для служения при гостинице преподобный поставил одного из иноков. Инок этот, смущаемый бесом, предался страсти любостяжания, для удовлетворения которой стал утаивать понемногу из того, что отпускалось на содержание бедных. Преподобный Макарий узнал об этом и, призвав к себе инока, сделал ему наставление, сказав:

– Брат Иоанн! Послушайся меня и прими мое наставление, которое да послужит тебе на пользу. Вот тебя искушает дух сребролюбия, – ибо это открыто мне, – и я знаю, что если ты примешь мое наставление и перестанешь поступать греховно, то окончишь дни свои в страхе Божием, и в делах благих успеешь, и на месте сем прославишься, «и язва не приблизится к жилищу твоему» (Пс.90:10). Если же ты не послушаешь меня и не перестанешь согрешать, то тебя постигнет участь Гиезия, страстью которого ты страдаешь (4Цар.6:15–16, 20–27).

Но Иоанн не послушался преподобного и не переставал совершать свое дурное дело. Спустя пятнадцать или двадцать лет после блаженной кончины преподобного Макария, в течение которых названный инок продолжал работать на наложившего на него петлю сребролюбия Иудина, присваивая себе часть содержания, назначенного для убогих, внезапно все тело его было поражено проказой, и он умер, не только погубив греховно собранное им имущество, но и душу свою.

Однажды преподобный Макарий пошел из скита к Нитрийской горе с одним из своих учеников. Когда они уже приближались к горе, преподобный сказал своему ученику:

– Пойди немного впереди меня.

Ученик пошел впереди преподобного и встретил языческого жреца, поспешно идущего ему навстречу и несшего большое бревно. Увидав его, инок закричал:

– Слышишь ли, слышишь ли, ты, демон! Куда ты идешь?

Жрец остановился и сильно побил инока, так что он едва остался жив. Схватив затем брошенное было бревно, жрец убежал. Спустя немного ему встретился преподобный Макарий, который сказал ему:

– Спасайся, трудолюбец, спасайся.

Удивленный такими словами преподобного, жрец остановился и спросил его:

– Что хорошего ты усмотрел во мне, что приветствуешь меня такими словами?

– Я вижу, что ты трудишься, – отвечал преподобный.

Тогда жрец сказал:

– Умилился я, отче, от твоих слов, ибо я вижу через это, что ты человек Божий. Вот пред тобою встретился со мной другой инок, который бранил меня, и я исколотил его до смерти.

И с этими словами жрец припал к ногам преподобного, обнимая их и говоря:

– Не оставлю я тебя, отче, до тех пор пока ты не обратишь меня в христианство и не сделаешь иноком.

И он пошел вместе со святым Макарием. Пройдя немного, они подошли к тому месту, где лежал избитый жрецом инок и нашли его едва живым. Взяв его, они принесли его в церковь, находящуюся на Нитрийской горе. Проживающие там отцы, увидя вместе с преподобным Макарием языческого жреца, весьма изумились. Потом, окрестив его, они сделали его иноком, и ради него множество язычников обратилось в христианство. Авва же Макарий дал по сему случаю такое наставление:

– Злое слово, – говорил он, – и добрых делает злыми, доброе же слово и злых соделывает добрыми.

Однажды преподобный Макарий пришел в обитель аввы Памвы. Здесь старцы просили преподобного:

– Скажи, отче, слово для назидания братии.

Соглашаясь на их просьбу, Макарий стал так говорить:

– Простите меня, ибо я плохой инок; но я видел иноков. Так, однажды я сидел в скиту в своей келье, и мне пришло помышление пойти во внутреннюю пустыню, чтобы посмотреть, что там такое. В течение пяти лет я боролся с этой мыслью, думая, что это меня искушают бесы. Но когда и по истечении пяти лет меня преследовала та же мысль, то я решился отправиться во внутреннюю пустыню. Придя туда, я нашел громадное болото, посредине которого увидал остров. В это время пустынные звери пришли, чтобы напиться воды. Среди зверей я увидал двух нагих людей, и все тело мое затрепетало, ибо я подумал, что вижу бестелесных духов. Увидав, что я очень испугался, люди эти сказали мне:

– Не бойся, ибо и мы такие же, как и ты, люди.

Тогда я спросил их:

– Откуда вы пришли в эту пустыню?

– Мы из киновии, – ответили они, – посоветовавшись друг с другом, мы решились прийти сюда. И вот уже тридцать лет, как мы ушли из обители. Один из нас египтянин, другой – ливиянин.

Потом и они спросили меня:

– В каком положении находится теперь мир? Наполняются ли еще реки своими ручьями? Изобилует ли земля обычными своими плодами?

Я отвечал им: «Да». Затем снова спросил их:

– Каким образом могу я сделаться иноком?

Они отвечали мне:

– Если человек не откажется от всего, что находится в мире, он не может быть иноком.

На это я сказал:

– Немощен я, и потому не могу быть таким, как вы.

– Если ты не можешь быть таким, как мы, – сказали они, – тогда сиди в своей келье, и сокрушайся о грехах своих.

И снова я спросил их:

– Когда наступает зима, не страдаете ли вы от сильной стужи? Равно также, когда наступает весьма жаркое лето, не опаляются ли ваши тела жарою?

Они на это ответили мне:

– Господь Бог даровал нам такие тела, что мы ни зимой не страдаем от мороза, ни летом – от зноя.

– Вот почему я сказал вам, братия, – окончил преподобный Макарий свою речь, – что я еще не сделался иноком, но иноков видел.

Однажды преподобного Макария спросили скитские отцы, каким образом он достиг того, что тело его всегда остается худощавым? Ибо не только тогда, когда он постится, но даже и тогда, когда вкушает пищу – тело его всегда остается худощавым.

Преподобный Макарий дал такой ответ вопрошавшим его:

– Как кочерга, которой переворачивают горящие дрова и хворост в печи, всегда опаляется огнем, так у человека, который устремляет ум свой всегда к Господу и всегда содержит в памяти страшные мучения в огне геенском, – этот страх не только снедает тело, но и иссушает кости.

Затем братия снова спросили преподобного:

– Скажи нам, отче, как надлежит молиться?

Преподобный дал им такое наставление:

– Для молитвы не требуется многоглаголания, но надобно воздевать свои руки горе и говорить: «Господи! Как Ты желаешь и как Ты Сам знаешь, помилуй меня». Если же враг воздвигнет в душе греховную брань, надлежит только произносить: «Господи помилуй». Господь знает, что для нас полезно и сотворит нам милость.

В другой раз авва Исаия попросил преподобного:

– Скажи мне, отче, какое-нибудь наставление на пользу душевную.

– Бегай от людей, – отвечал ему преподобный Макарий.

– Что значит бегать от людей? – спросил тогда авва Исаия.

Преподобный отвечал ему:

– Сиди в своей келье и сокрушайся о грехах своих.

Ученику же своему Пафнутию[744] преподобный сказал:

– Никого не обижай, не клевещи ни на кого, – поступая так, спасешься.

Кроме того, преподобный дал еще и такое наставление:

– Не ночуй в келье брата, имеющего дурную славу.

Пришел к преподобному и другой инок и спросил его:

– Авва, что мне сделать, чтобы спастись?

– Ступай на кладбище и брани умерших, – отвечал ему преподобный.

Инок пошел на кладбище и, как сказал ему преподобный, бранил там мертвецов, разбивал камнями гробницы их и, возвратившись, рассказал обо всем преподобному. Преподобный спросил его:

– Сказали ли что-либо тебе умершие?

– Нет, ничего не сказали, – отвечал инок.

Тогда преподобный сказал:

– Ступай опять, и теперь хвали их.

Инок пошел и начал ублажать мертвецов разными похвалами:

– Апостолы, святые и праведники, – говорил он.

Затем, снова придя к преподобному, он рассказал ему, что хвалил умерших.

– И теперь мертвые ничего не отвечали тебе? – спросил преподобный.

– Нет, не отвечали, – сказал тот.

Тогда преподобный дал ему такое наставление:

– Видишь, – сказал он, – что ни тогда, когда ты бранил умерших, они ничего тебе не отвечали, и ни тогда, когда ты ублажал их похвалами, они ничего тебе не ответили. Так и ты, если желаешь спастись, будь как мертвец: – не гневайся тогда, когда тебя бесчестят, не превозносись тогда, когда тебя восхваляют. Поступая так, как эти мертвецы, спасешься.

Братия рассказывали еще о преподобном Макарии следующее. Если кто-либо приходил к нему из братий, как к святому и великому человеку, преподобный ничего не говорил с таковым. Если же какой-нибудь инок, нисколько не почитая преподобного, говорил ему:

– Авва! Когда ты был погонщиком верблюдов и самовольно брал селитру и продавал ее, не били ли тогда тебя старшие тебя?

И когда кто-либо подобным образом разговаривал с преподобным, он с радостью беседовал с таковым и охотно отвечал на все его вопросы.

Однажды старцы, жившие на Нитрийской горе, прислали в скит к преподобному Макарию, с такой просьбой:

– Отче! Чтобы не утруждать все множество братий пришествием к тебе, ты сам, прежде нежели отойдешь к Господу, приди к нам.

Преподобный исполнил их просьбу и пришел на Нитрийскую гору. Узнав о его пришествии, собрались к нему все иноки, живущие там, и старцы усердно просили его, чтобы он сказал что-либо в назидание братии. Преподобный, прослезившись, стал так говорить:

– Братия! Будем плакать и пусть из наших глаз текут слезы, очищающие нас прежде, нежели мы не перейдем туда, где слезы сожгут в муках наши тела.

Внимая наставлению преподобного, все проливали слезы и, упав ниц, просили его:

– Отче! Молись за нас ко Господу.

Однажды преподобный Макарий, в то время, когда он проживал еще в Египте, застал в своей келье вора, похищающего вещи, находившиеся в ней. Снаружи, около кельи, был привязан осел, на которого вор накладывал украденные вещи. Преподобный, увидя это, не дал понять вору, что он домохозяин, но показался как бы чужим. И не только не воспрепятствовал вору, но даже сам стал ему помогать брать вещи и класть их на осла. Потом с миром отпустил его, размышляя в себе:

– Мы ничего с собой не принесли в этот мир, – ясно поэтому, что мы ничего не можем и унести отсюда. Все нам дал Господь, и как Он желает, так все и происходит. Да будет благословен Бог во всем!

О сем же преподобном Макарии отцы рассказывали, что он сделался как бы земным богом, ибо, подобно тому как Бог, хотя

и видит весь мир, но не карает грешников, так и преподобный Макарий покрывал немощи человеческие, какие он видел. И был он видящий, как бы не видящие, и слышащий, как бы не слышащие.

Случилось, что один из учеников преподобного Макария отправился в город, чтобы продать рукоделие: корзины и рогожи. В городе с ним встретилась блудница, которая, увидав красивого юношу, соблазнилась и призвала его к себе, как бы желая купить продаваемые им корзины. Инок, не поняв ее лукавого замысла, вошел к ней в дом. Взяв одну из корзин, женщина та стала спрашивать инока: за какую цену он желает продать ее. Но вскоре она стала говорить ему любодейные речи, покушаясь соблазнить его на грех, подобно тому как в древности египтянка пыталась прельстить целомудренного Иосифа. Инок, увидав себя в большой беде, ибо он уже был близок к греху, устремил свой ум горе и стал молиться:

– Христе Царю! Избавивший пророка Своего из чрева китова, избавь и меня от этого греха и душевной смерти молитвами угодника Своего, отца моего Макария.

Тотчас он был восхищен невидимою рукою, как некогда пророк Аввакум Ангелом, и был поставлен среди своей кельи. Там он увидал преподобного Макария, который прилежно молился о нем Богу, чтобы Он избавил ученика его от нашедшей на него напасти, ибо преподобный узнал, что произошло с иноком. Он мысленными очами видел дальнее так же ясно, как бы близкое. Увидав своего ученика, преподобный сказал:

– Чадо! Воздадим благодарение Человеколюбцу Богу за то, что Он избавил тебя от уст змеиных и от врат адовых, восхитив Божественною Своею силою от грехопадения и принеся в твою келью, подобно тому как некогда принес в Азот апостола Своего Филиппа (Деян.8:39).

Такую силу имела молитва преподобного Макария у Бога. В другой раз и сам преподобный был восхищен на воздух и через огромное расстояние был перенесен туда, куда ему нужно было идти. Он нес корзины из скита и, утомившись от дальнего пути, сел отдохнуть. При этом он помолился Господу:

– Боже! Ты ведаешь, что я изнемог.

Тотчас преподобный оказался около той реки, куда ему было надобно идти.

Благовременно теперь рассказать и о блаженной кончине этого преподобного отца, о чем Серапион, писатель жития его, повествует так.

Наконец, надобно было и преподобному Макарию, как смертному человеку, отдать дань смерти, ибо он уже достиг преклонного возраста, имея девяносто семь лет от роду. Время кончины не осталось неизвестным преподобному. Незадолго до его преставления, явились ему в видении два благолепных мужа и сказали:

– Радуйся, Макарий!

Один из явившихся был преподобный Антоний, наставник и начальник пустынножителей, а другой – преподобный Пахомий, первоначальник общего монашеского жития. Затем явившиеся сказали Макарию:

– Нас послал Господь Иисус Христос, чтобы возвестить тебе твою радостную кончину. В девятый день после нынешнего ты отойдешь в вечную жизнь. В тот день и мы снова придем к тебе и с радостью возьмем тебя с собою, чтобы вместе с нами предстать тебе пред Владычным престолом и насладиться бессмертною жизнью.

Сказав затем: «Мир тебе», – преподобные стали невидимы Макарию. Тогда Божественный Макарий призвал своих учеников и сказал им:

– Чада! Вот наступило время моего отшествия отсюда, а вас я передаю благости Божией. Итак, сохраняйте отеческие уставы и предания постников.

Кроме сего, некоторым, о которых преподобный знал, что они совершеннее других в добродетельной жизни, он поручил попечение о вновь поступающих в монашество, которые являлись младенцами по своему духовному возрасту. Возложив затем руки на учеников своих, достаточно поучив их и помолившись за них, преподобный начал приготовляться к своей смерти. Когда наступил девятый день со времени

явления преподобных Антония и Пахомия, преподобному Макарию явился Херувим с множеством Ангелов и сказал ему:

– Восстань, последователь Господень, и перейди вместе с нами в вечную жизнь. Возведи окрест твои очи и посмотри, сколько послано Вседержителем бесплотных ликов святых, чтобы привести тебя к Нему. Взгляни: вот собор апостольский, вот сонм пророков, вот множество мучеников, лик святителей, постников, преподобных и праведных. Предай мне теперь свою душу, которую мне повелено было Богом охранять и во время ее земной жизни; освобожденную же от уз плотских, как бы некое великое сокровище, я с честью приму ее и, пройдя через супротивные силы, представлю к Божественному Владычному престолу, чтобы она вечно веселилась со всеми святыми, предстоящими престолу Божиему от начала мира.

После таковых слов Херувима блаженный Макарий простился со всеми бывшими при нем и помолился о них Богу; возведя затем свои очи и простерши руки горе, он произнес:

– В руки Твои, Господи, предаю дух мой!

И с сими словами предал свою блаженную душу Господу, оставив учеников своих в глубокой скорби о нем.

Описатель жития преподобного Серапион[745] прибавляет следующее, что он слышал от преподобного Пафнутия, одного из учеников преподобного Макария. Когда святая душа Макария была взята Херувимом и возносилась им на небо, некоторые из отцов мысленными очами видели, что воздушные бесы в отдалении стояли и вопили:

– О какой славы сподобился ты, Макарий!

Святой отвечал бесам:

– Я боюсь, ибо не ведаю ничего доброго, что я бы сделал.

Затем те из бесов, которые находились еще выше по пути следовавшей души Макария, вопили:

– Действительно избежал ты наших рук, Макарий!

Но он сказал:

– Нет, но надобно и еще избежать.

И когда преподобный был уже во вратах рая, бесы с сильным воплем кричали:

– Избежал нас, избежал.

Тогда Макарий громким голосом ответил бесам:

– Да! Ограждаемый силою Христа моего, я избежал ваших козней.

Такова жизнь, кончина и переход в жизнь вечную преподобного отца нашего Макария[746].

Окончив повествование о житии преподобного, прославим Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, во святых Своих прославляемого вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

В дому Господь воздержания воистинну тя положи, якоже звезду непрелестную, световодящу концы, отче отцев, Макарие преподобне.

Другой кондак, глас 1:

Блаженную жизнь скончав в житии с мученическими лики, в земли кротких достойно водворяешися, богоносне Макарие, и пустыню якоже град населив, благодать приял еси от Бога чудес: темже тя почитаем.

Житие преподобного отца нашего Макария Александрийского

Память 19 января

Преподобный Макарий Александрийский происходил из города Александрии[747]. Первое время своей жизни он был торговцем овощей и святое крещение принял уже сорока лет от роду. После этого, отрекшись от мира, он сделался иноком и, когда достаточно потрудился в иноческих подвигах и трудах, сподобился принять священный сан, вместе с которым принял начальство над монастырем, называемым Кельи и находившимся в египетской пустыне между Нитрией и скитом. Он был самым искреннейшим другом преподобного Макария Египетского, вместе с которым, – в царствование Валента, – по происками Александрийского лжеепископа, – арианина Лукия, – был изгнан из отечества. Неоднократно с сим преподобным Макарием он и проживал вместе. Оба Макария по своему характеру и образу жизни были весьма похожи друг на друга и имели одного и того же общего учителя и наставника – Антония Великого, от которого они, будучи его учениками, неоднократно получали наставления для усовершенствования в добродетельной жизни. Макарий Египетский был старше и первый отошел к Господу. Сей же преподобный Макарий Александрийский прожил еще несколько лет по смерти Макария Египетского. Епископ Палладий в Лавсаике пишет о преподобном Макарии Александрийском следующее:

– Я видел того, который был другом и соревнователем в благочестии святому Макарию Египетскому, – носившего и имя то же самое. Я разумею святого Макария Александрийского, который состоял пресвитером в местности, называемой Кельи, где и я пребывал в течение девяти лет. Из них я три года прожил вместе со святым Макарием, дела и знамения богоугодной жизни которого одни я сам видел, а относительно других узнал от живших с ним ранее. Увидав однажды у Великого отца Антония набранные финиковые прутья, из которых тот вил веревки и плел корзины, святой Макарий

попросил у него один пучок тех прутьев, святой Антоний на это ответил ему:

– Написано: «Не желай вещи ближнего твоего» (Втор.5:21).

Но лишь только он произнес эти слова, все прутья внезапно, как бы от действия огня, высохли. Видя сие, Антоний сказал Макарию:

– Вот на тебе почил Святой Дух, и ты будешь после меня продолжателем моих дел.

Спустя некоторое время преподобный Макарий находился в пути в пустыне и от продолжительности путешествия весьма сильно изнемог. Внезапно явился ему дьявол и сказал:

– Вот ты воспринял благодать Антониеву, почему же ты не пользуешься ею и не просишь у Бога пищи и подкрепления в пути?

Преподобный ответил ему:

– Господь моя сила и слава, ты же не искушай раба Божиего.

Тогда дьявол стал искушать святого призраками, – святому представлялся верблюд, навьюченный разнообразными съедобными предметами и блуждавший по пустыне. Когда святой заметил как бы подошедшего к нему верблюда и понял, что это призрак, то он стал на молитву, – и внезапно это привидение было поглощено землею.

Однажды преподобный Макарий Александрийский пришел к Макарию Египетскому, который находился в скиту. И вот, когда они оба отправились в путь и желали переправиться через реку Нил, то им нужно было переправляться на большом пароме, на который взошли также два трибуна (тысяченачальника) с большою важностью и наружным блеском, имеющие медную колесницу, коней с вызолоченными уздами и свиту из войска, оруженосцев и дружинников, изукрашенных цепями и золотыми поясами. Когда эти трибуны заметили двух преподобных старцев, одетых в ветхие одежды и стоящих в углу, они восхвалили их смиренную и бедную жизнь и один из тысячников сказал старцам:

– Блаженны вы – пренебрегающие миром.

Макарий Александрийский на это ответил:

– Мы действительно пренебрегаем миром, а над вами смеется мир. Знай же, что произнесенное тобою произнесено не по твоей воле, но пророчески, потому что мы оба называемся Макариями, то есть, «блаженными».

Умилившись этими речами Макария Александрийского, трибун по возвращении домой совлек с себя свои одежды и, раздав свое имущество бедным, избрал отшельническую жизнь.

Случилось, что преподобному Макарию Александрийскому прислали очень хороших свежих ягод, и он пожелал их съесть. Но потом, вознамерившись воздержанием победить свое пожелание, он отослал ягоды к одному более слабому брату, желающему такой же пищи. Но и тот, приняв присланное, поступил так же, хотя сам весьма сильно голодал. Когда таким образом ягоды эти пересылались от одного к другому и обошли многих братий, они снова попали к преподобному Макарию уже от последнего брата и, как дорогой подарок, были возвращены целыми, потому что никто не пожелал вкусить от них. Когда преподобный Макарий узнал, что те ягоды обошли всю братию, весьма изумился и, возблагодарив Бога за таковую добродетель воздержания всей братии, ничего не отведал от них и сам.

Когда же преподобный узнавал, что кто-нибудь совершает какой либо подвиг, то он всячески сам старался подражать таковому и тщательно выполнял то же самое. Так, например, узнав об иноках, живших в Тавенкском монастыре[748], что они в течение всей великой Четыредесятницы ничего не вкушают из приготовленных на огне кушаний, он положил себе за правило в течение семи лет не вкушать ничего из того, что бывает приготовлено на огне, – ни печеных, ни вареных кушаний. При этом преподобный Макарий увеличил свой подвиг до того, что не ел ни хлеба, ни варева, кроме жесткого проса или каких-нибудь семян, размоченных в воде. В таком воздержании преподобный прожил целых семь лет. Услыхав однажды о каком то другом иноке, который в течение дня съедал лишь один фунт хлеба и желая ему подражать, Макарий раздробил хлеб на небольшие части и положил их в сосуд, имеющий весьма узкое отверстие, в которое едва можно было просунуть руку. При этом преподобный Макарий поставил себе за правило столько

вкушать в течение дня хлеба, сколько может взять рука, однажды просунутая в тот сосуд.

Это служило для преподобного Макария весьма сильным умерщвлением плоти, как повествует об этом вышеупомянутый Палладий. Ибо преподобный Макарий после рассказывал с улыбкою:

– Я за многие ломти хватался рукою в сосуде, но, вследствие узости горла сосуда, не мог вытащить их. Таким образом, сосуд мой не позволял мне есть столько, сколько бы я пожелал!

Так голодая, Макарий прожил три года, съедая в день только по небольшому куску хлеба, равно также и воды выпивая такою же мерою. Масла же для пищи он употребляя один секстарий[749] на целый год. Однажды, желая вконец побороть сон, он не входил под кров кельи в течение двадцати дней и ночей, а пребывал около нее днем под палящим зноем, а ночью, дрожа от холода, употребляя при этом все усилия, чтобы не заснуть. И, как впоследствии сам он рассказывал для назидания других, от такого подвига высох его головной мозг, и если бы он еще дольше не вошел в келью и не уснул, то сошел бы с ума. Преподобный при сем прибавлял:

– Насколько я имел силы, я одолел сон, но человеческой природы, требующей сна, я не был в силах одолеть, а потому и должен был повиноваться ей.

Однажды преподобного Макария стал весьма сильно искушать бес любодеяния. Для того чтобы преодолеть этого врага, Макарий решил в течение шести месяцев нагим сидеть в скитском болоте, находящемся в далекой пустыне. В нем было множество таких больших комаров, как осы, которые могли прокусывать даже кожу диких вепрей. Комарами этими преподобный был так сильно искусан, что некоторые думали, не в проказе ли он. Когда же он после шести месяцев вернулся в свою келью, то только едва по голосу узнали ученики, что это их авва Макарий. Но святой Макарий и вторично осудил себя на таковое же истязание от комаров. Случилось это после того как он однажды убил на своей ноге сильно его беспокоившего комара, из которого вытекло много крови. После этого он

раскаялся и стал укорять себя, как убийцу и мстителя до тех пор, пока не отомстил сам себе, отдавшись нагим для уязвления комаров.

В другой раз преподобный пожелал посмотреть сад и гробницу, называемую «Кипотафион», в которой были погребены Ианний и Иамврий, волхвы египетские, жившие во времена фараона (Исх.7:11, 22, 8:7), чтобы там побороться с бесами; ибо про это место говорили, что в нем было множество лютейших бесов, которых собрали туда названные волхвы посредством своего волшебства. Волхвы те между собою были братья и вследствие своей хитрости и большого искусства в волшебстве были у фараона в большом почете и имели весьма большую силу во всем Египте. В отдаленном месте пустыни они устроили из четвероугольных камней сад, а в нем построили с большим искусством себе гробницу, в которую положили множество золота, около нее насадили множество разнообразных деревьев, выкопали большой колодезь, так как место там было низменное и было много влаги. Все это волхвы устроили потому, что твердо надеялись после своей смерти жить там вечно, наслаждаясь, как бы в раю, всеми благами, находящимися в том месте. Так как преподобный Макарий не знал дороги к названному месту, то он шел, соображаясь со звездами, подобно тому как корабельщики переплывают море, и таким образом пешком перешел всю пустыню. При этом Макарий взял с собою несколько тычинок и после каждого пройденного поприща[750] втыкал в землю одну тычинку, чтобы возможно было ему по этим заметкам вернуться обратно. Когда же он, пройдя в течение девяти дней через всю пустыню, приблизился к названному вертограду и с наступлением ночи захотел немного отдохнуть от пути и заснул, тогда дьявол, – вечный противник Христовых подвижников, – собрав все те тычинки, которыми Макарий замечал свою дорогу, во время сна преподобного положил их около головы святого. Когда Макарий проснулся, он нашел все те тычинки лежащими около него и связанными в пучок. Это произошло по Божественному произволению, чтобы усилить подвиг преподобного, дабы он не на тычинки надеялся, но на помощь Бога, путеводившего

некогда огненным столпом Израиля в продолжение сорока лет по этой громадной пустыне (Исх.14:19–20). Впоследствии святой Макарий рассказывал про свое путешествие следующее:

– Когда я приближался к вертограду, – говорил он, – к названному кладбищу, навстречу мне выбежало до семидесяти бесов в различных образах; одни из них сильно кричали, другие со страшною злобою скрежетали на меня своими зубами, третьи летали подобно воронам, кидались мне в лицо и вопили:

– Чего ищешь ты здесь, Макарий? Зачем ты пришел к нам? Не соблазнили ли мы когда-нибудь кого-либо из ваших иноков? Владей, на месте твоего жительства, с подобными тебе тем, что принадлежало прежде нам. Ведь ты владеешь пустыней, из которой выгнал подобных нам бесов. У нас же нет ничего общего с тобою. Зачем ты пришел в наши места? Как пустынник довольствуйся пустынею, это же место устроившие его отдали нам. Ты не можешь здесь оставаться. Для чего ты хочешь войти в наше владение, куда не входил еще ни один из живущих людей с того времени, когда мы совершили погребение братьев, устроивших это место?

И когда бесы подняли сильнейший вопль и крик, то святой Макарий сказал им:

– Я только войду, посмотрю и потом уйду отсюда!

Бесы сказали ему:

– Обещай нам это по совести твоей.

Христов раб отвечал:

– Я сделаю так.

И бесы исчезли. Когда Макарий входил в вертоград, его встретил страшного вида дьявол с обнаженным мечом и загородил ему дорогу. Святой Макарий сказал дьяволу:

– Ты идешь на меня с мечом, я же иду на тебя во имя Господа Саваофа в силе Бога Израилева (1Цар.17:45).

И дьявол отбежал от него. Войдя внутрь вертограда, преподобный осмотрел все там находившееся, а именно: колодезь, в котором висела лишь старая медная бадья, прикрепленная к железной цепи, гранатовые яблоки, не имевшие ничего внутри, потому что они высохли от солнца, красивое здание гробницы, обильно украшенное золотом.

Рассмотрев все подробно, святой без препятствий и затруднений вышел оттуда и, по прошествии двадцати дней, отправился обратно в свою келью. Во время обратного пути у него вышли весь хлеб и вода, которые он взял с собою на дорогу. Макарий стал ослабевать от голода и жажды, так что едва не упал. Тогда, – как он впоследствии сам о том рассказывал, – предстал пред ним призрак какой-то девицы, одетой в белые одежды и несущей в далеком от него расстоянии, – как бы с версту, – ведро чистой воды. Часто останавливаясь, девица показывала ему воду и звала его к себе, обещаясь дать ему напиться. Однако святой не был в силах дойти до нее. Впрочем, увлекаемый возможностью утолить жажду, он, употребляя страшные усилия, шел за нею три дня, в течение которых девица появлялась впереди него. Затем показалось стадо буйволиц (в той стороне их очень много), одна из которых, имеющая при себе малого теленка, стала против уставшего и изнемогшего старца; из сосцов же ее вытекало молоко. При этом преподобный услышал голос, говорящий свыше:

– Подойди, Макарий, и пей ее молоко.

Приступив, он долго пил молоко и укрепился телом.

Святой Макарий добавлял при этом следующее: «Господь мой, желая явить на мне еще большую Свою милость и научить мою немощь надеяться лишь на Его благой промысел, явил такое чудо. По Его повелению я приказал той буйволице идти за мною до моей кельи и кормить меня во все время моего пути. Покорная буйволица по повелению Создателя своего действительно последовала за мною и не подпускала теленка к сосцам своим, чтобы питать лишь меня одного».

Некогда этот святой и дивный муж копал колодезь для питья инокам. На том месте, где копал преподобный, находилось много хвороста и терновника, откуда выполз аспид и ужалил святого.

Тогда святой, схватив руками аспида за обе челюсти, растерзал его, сказав:

– Так как Господь мой не послал тебя на меня, то как осмелился ты приблизиться ко мне и укусить меня?

И, о чудо! Ужаление аспида не причинило преподобному никакого вреда.

Услыхав вторично относительно тавеннисиотов, что у них очень строгий устав жизни, преподобный Макарий переменил иноческую одежду на мирскую и отправился к ним. После пятнадцатидневного пути по пустыне преподобный прибыл в тавеннисиотский монастырь, как бы мирской человек. Здесь он пожелал видеть архимандрита Пахомия[751], мужа опытного и прозорливого, имеющего дар пророчества, но которому тогда еще не было открыто Богом, кто такой Макарий. Войдя к Пахомию, Макарий сказал:

– Отче, умоляю тебя, прими меня в монастырь твой, ибо я желаю быть в нем иноком.

Пахомий отвечал:

– Ты не можешь быть иноком, так как ты стар, и не в силах трудиться. Здешние братия с юности привыкли к иноческим трудам, а ты, будучи уже престарелым, не сможешь перенести подвигов и, ослабев, уйдешь отсюда и станешь злословить нас.

И Пахомий не принял его ни в первый, ни во второй день, – и так до седьмого дня. Макарий же все это время провел в строгом посте и на седьмой день сказал архимандриту:

– Авва, прими меня! Если же я не буду поститься и делать то же, что делают прочие братия, то ты тогда повели изгнать меня из монастыря.

Тогда святой Пахомий сказал братии, чтобы они приняли его. Братий же было тысяча четыреста человек, и Макарий был принят ими в монастырь. По прошествии затем некоторого времени, наступил пост святой Четыредесятницы, и Макарий видел каждого из братий постящимся по мере сил своих. Один принимал пищу вечером, другой – по прошествии двух дней, иной вкушал по истечении пяти дней, иной стоял всю ночь на молитве, а в течение дня сидел за работой. Подражая им, и сам Макарий, намочив финиковых ветвей, стал в одном углу и в течение всей Четыредесятницы до Пасхи не вкушал ни хлеба, ни воды, за исключением небольшого количества сухих листьев капусты, которые он вкушал в воскресные дни. И это он делал лишь для того, чтобы другие иноки видели, что он ест и чтобы

не впасть ему в грех высокомерия. Стоя же в углу, преподобный Макарий непрестанно работал и не отдыхал от трудов, ни разу во все время ни сел, ни лег. Если же по необходимости он уходил со своего места, то, возвратившись, снова стоял, не отверзая своих уст, ни с кем не разговаривая, но в молчании всем сердцем своим вознося молитвы к Богу. Увидав такой подвиг преподобного, подвижники того монастыря разгневались на своего авву и стали говорить ему:

– Откуда ты привел к нам, к нашему посрамлению, такого бесплотного человека? Или его удали, или мы уйдем из монастыря.

Выслушав это от братии и узнав о строгом посте Макария, преподобный Пахомий стал молиться Богу, чтобы Он открыл ему о пришельце, кто он такой. И было ему открыто, что это – Макарий. Тогда преподобный Пахомий, взяв за руку преподобного Макария, ввел его в церковь и, любезно обнимая его, сказал:

– Добре пришел ты, честный отче! Я знаю, что ты Макарий, но ты не открыл своего имени мне. В течение многих лет я слышал о тебе и очень желал видеть тебя. Благодарю тебя за то, что ты научил смирению моих чад, дабы они не возносились умом, гордясь своими подвигами и постом; ты много принес нам пользы.

Услышали о Макарии и прочие братия и, придя отовсюду во множестве, любезно целовали его и просили, чтобы он молился за них. Преподобный Макарий, преподав всем наставление, возвратился в свое место.

Сей бесстрастный муж, преподобный Макарий, рассказывал о себе еще и следующее:

– Однажды я пожелал так направить свой ум, чтобы, ни о чем земном не помышляя, он пребывал в непрестанном созерцании Единого Бога, ни на мгновение не отлучаясь от Него. Для этого Богомыслия я назначил себе пять дней. И вот, затворив келью и двор мой, чтобы никто не входил ко мне, и я не мог ни с кем беседовать, я, начиная с понедельника, стал и повелел своему уму, сказав так: «Смотри! Не сходи с неба! Ты имеешь там вместе с собою Ангелов, Архангелов, Херувимов,

Серафимов, все небесные силы и Творца их Бога. Итак, оставайся на небе и не спускайся в поднебесную, чтобы не впасть тебе в земные помышления. Когда таким образом я стоял в течение двух дней и двух ночей, вперив свой ум горе, я так раздражил дьявола, что тот, превратившись в пламень, сжег все, что находилось в моей келье, так что даже и рогожа, на которой я стоял, загорелась, и я думал, что и сам сгорю. Устрашившись этого, я на третий день оставил свое намерение; будучи не в силах более удерживать свой ум в помыслах о небесном, я снизошел, по изволению Божиему, до земных помыслов, дабы не впасть в грех высокоумия.

О сем же преподобном Макарии епископ Палладий повествует также следующее:

– Однажды, придя к нему, – рассказывает он, – я застал пред его кельей какого-то сельского пресвитера, голова которого так была изъедена болезнью, называемою гангреной, что со стороны затылка можно было разглядеть уста его. Он пришел к преподобному Макарию, прося исцеления; но святой не допускал его до себя, не желая с ним разговаривать. Тогда и я стал умолять святого, говоря:

– Помилуй этого несчастного и ответь ему.

Но блаженный сказал мне:

– Он недостоин исцеления, так как это наказание ему от Господа. Если же ты желаешь, чтобы он получил исцеление, то посоветуй ему, чтобы он перестал с этого времени священнодействовать.

Я спросил святого:

– Почему?

Он же ответил:

– Он совершал литургию после прелюбодеяния и за то так наказан. Если же он побоится Бога и отстанет от своего порока, который он совершал без страха, то Бог исцелит его.

Когда я, – продолжал Палладий, – рассказал о том пресвитеру, то он с клятвою обещался более не священнодействовать. После этого преподобный Макарий, взяв того пресвитера, сказал ему:

– Веруешь ли ты, что существует Бог, для которого нет никакой тайны?

Пресвитер отвечал:

– Да, отче, верую и умоляю тебя, – помолись ему о мне грешном.

Тогда Макарий спросил:

– Так ты не мог утаиться пред Богом?

– Да, не мог, – ответил тот.

– Если ты исповедуешь свой грех и сознаёшь Божие за него наказание, – продолжал Макарий, – то с этого времени исправься.

И пресвитер исповедал свое грехопадение и обещался более не грешить и не священнодействовать, но жить мирским человеком. После этого святой Макарий возложил на него руки и помолился о нем Богу, и спустя несколько дней пресвитер исцелился от гангрены; у него отросли волосы на голове, и он возвратился в дом свой здоровым, прославляя Бога и воздавая благодарность великому Макарию.

Преподобный Макарий имел несколько келий в различных местах: одну в ските, находящемся во внутренней пустыне, другую в Ливии, третью на месте называемом Келью, и четвертую на Нитрийской горе. Ни одна из его келий не имела ни дверей, ни окон. И преподобный Макарий пребывал в этих кельях в темноте во все дни святой Четыредесятницы. Одна из его келий была тесна настолько, что в ней нельзя было протянуть ног, другая была просторнее, и в ней преподобный беседовал с приходившими к нему; в то же время он исцелил бесчисленное множество людей страждущих от нечистых духов.

Палладий вспоминает об одной благородной девице, которая в течение многих лет была расслабленною и которую принесли к преподобному Макарию из Фессалоник[752]. Преподобный исцелил ее, помазуя в течение двадцати дней святым елеем и молясь Богу, и совершенно здоровою отпустил девицу в ее отечественный город. После своего исцеления она раздала по монастырям обильные милостыни.

В другой раз к преподобному был приведен одержимый бесом отрок, который был весь опухший от водянки. Возложив

на голову его правую руку, а на сердце левую, преподобный стал молиться Богу. Внезапно отрок вскричал громким голосом, и немедленно из тела его вылилось огромное количество воды. После этого тело отрока пришло в естественное состояние, каким оно было раньше. Помазав отрока святым елеем и окропив его святою водою, преподобный передал его отцу. При сем он заповедал отроку, дабы в течение четырнадцати дней он не вкушал мяса и не пил вина. Так преподобный сделал отрока здоровым.

Бес, исконный враг рода человеческого, сильно озлобился на преподобного Макария за его строго подвижнический образ жизни и за многие исцеления приходящих к нему недужных. Тогда он стал искушать его ум тщеславием. У преподобного стали являться мысли, что ему надобно уйти из кельи и отправиться в Рим. При этом ум его представлял все благовидные побуждения к тому, указывая, что преподобный, имеющий обильную благодать и дар изгонять нечистых духов, много пользы может принести страждущим в Риме. Преподобный долгое время боролся с искушавшими его помыслами, хотя они сильно нападали на него. Наконец, упав на пороге своей кельи, он протянул за келью свои ноги и сказал:

– Влеките меня, бесы, если можете, а сам я не пойду!

Так, на пороге, преподобный пролежал до позднего вечера.

Ночью те же помышления снова с великою силою напали на него. Тогда блаженный, взяв корзину вместимостью в два четверика, наполнил ее песком и, возложив на свои плечи, стал ходить по пустыне. Там с ним встретился инок Феосевий, антиохиец родом, который спросил его:

– Отче! Что ты носишь? Отдай мне свою ношу, а сам не трудись.

– Я томлю томящего меня, – отвечал Макарий, – когда он пребывает в лености и праздности, он зовет меня странствовать.

Таким образом, трудясь в течение долгого времени, преподобный возвратился в келью, хотя измученный телом, но одержав победу над лукавыми помышлениями.

Ученик преподобного Макария блаженный Пафнутий повествует о святом следующее.

– Однажды преподобный сидел на дворе; вдруг прибежала гиена и принесла в зубах своего щенка, который был слеп; подбежав к Макарию, гиена бросила щенка к его ногам. Святой, подняв щенка, плюнул ему в глаза, помолился Богу, – и щенок прозрел. Гиена, взяв своего щенка, убежала. Наутро она снова прибежала к преподобному, неся огромную баранью шкуру, увидав которую святой сказал гиене:

– Откуда у тебя эта кожа, разве ты съела чью-нибудь овцу? Если ты добыла ее насилием, я не возьму ее.

Гиена же, наклонив голову к земле и приклонив колена, положила принесенную шкуру к ногам святого. Но преподобный сказал зверю:

– Я сказал, что не возьму до тех пор, пока ты не обещаешься мне, что не станешь более обижать бедных, съедая их овец.

Тогда гиена наклонила свою голову, как бы соглашаясь со словами святого и обещаясь повиноваться ему. После этого преподобный Макарий взял кожу у гиены и отдал ее святой Мелании Римлянине (кончина ее 31 декабря), часто посещавшей святых отцов в пустыне. С тех пор кожу эту прозвали «дар гиены». И что удивительно в мужах отрекшихся от мира, так это то, что даже зверь, получив во славу Божию и в честь святых Его благодеяние, уразумел то и принес дар блаженному. Укротивший львов для пророка Даниила (Дан.14:31) дал и гиене разумение полученного благодеяния и научил ее благодарности.

Вышеупомянутый Палладий, придя однажды к сему преподобному, смущаемый помыслами и унынием (как он сам впоследствии о том сообщал), спросил:

– Что мне делать, авва Макарий, ибо меня осаждают помышления, говорящие: ты ничего здесь не делаешь – уходи отсюда!

Святой отец Макарий отвечал ему:

– Скажи и ты своим помышлениям: я стерегу сии стены ради Христа.

Для назидания Палладия преподобный Макарий рассказал о преподобном Марке (память его 5 марта), как он принимал причащение Божественных Тайн от самих Ангелов. Святой Макарий видел то своими глазами, когда во время служения Божественной литургии он причащал братию.

– Я никогда, – говорил он, – не преподавал Божественных Тайн подвижнику Марку, но ему невидимо преподавал их Ангел из алтаря, а я только видел пальцы рук подающего.

Сей преподобный Марк, когда был юношею, знал наизусть весь Ветхий и Новый Завет; он был также весьма кроток и воздержен.

– В один день, будучи ничем незанят в своей келье, – рассказывал святой Макарий, – я пошел к нему, уже состарившемуся в это время, и сел при дверях его кельи. Я считал его кем-то высшим из людей, каков он и был в действительности, и хотел узнать (я тогда был еще, – замечает Макарий, – бесхитростен и несведущ), что старец делает или о чем беседует. Он же, находясь внутри кельи, боролся с собою и с дьяволом, будучи уже ста лет от роду, так что у него даже выпали и зубы. Он говорил сам с собою:

– Чего ты, наконец, хочешь, злой старец? Вот ты уже и вина выпил, и елея вкусил. Чего ты еще желаешь, ненасытный раб чрева, в старости?

Дьяволу же Марк говорил:

– Отойди от меня, дьявол! Ты состарился в борьбе со мною. Ты наложил на меня телесную слабость, сделав так, что я стал пить вино и вкушать елей; ты сделал из меня сластолюбца. Ужели я тебе еще должен что-либо? Ты ничего у меня не найдешь такого, чтобы тебе можно было украсть. Враг человеческий! Отступи от меня наконец.

О сем святой Макарий рассказал Палладию, который и записал сказанное. Пресвитер же Руфин к житию преподобного этого Макария Александрийского присоединяет следующее.

В одну из ночей дьявол, постучавшись в двери кельи Макария, сказал:

– Встань, авва Макарий, и пойдем в собор на пение.

Он же, будучи исполнен Божественной благодати, узнал вражеские козни и отвечал:

– О лжец и ненавистник добра! Какое тебе общение и какая дружба с собранием святых?

– Разве ты не знаешь, Макарий, – сказал на это дьявол, – что без нас не совершается ни одно церковное пение и ни одно монашеское собрание? Иди же, и ты увидишь наши дела.

Старец отвечал:

– Да запретит тебе Господь, лукавый бес!

И, обратившись затем с молитвою к Господу, стал просить, дабы Он явил ему – справедливо ли то, о чем, похваляясь, говорил дьявол. И вот, когда наступило время полуночного пения, Макарий пошел в собор и снова молился про себя Богу, дабы Он открыл ему – справедливо ли сказанное дьяволом. Спустя некоторое время преподобный увидал в церкви, в образе неких малых отроков, черных эфиопов, быстро бегавших туда и сюда, как бы летающих. В монастыре был обычай, чтобы псалмы произносил один инок, между тем как все прочие братия сидели и слушали. И вот малые эфиопы эти подсаживались к каждому брату и смеялись, и если они двумя пальцами касались чьих-либо глаз, тогда тот брат немедленно начинал дремать, а если кому клали палец на уста, тот скоро отрезвлялся. Пред иными же они ходили в виде женщин, а пред другими представлялись как бы желающими нечто создать или принести или устроить различные дела. И то, что бесы, насмехаясь над кем-либо, представляли, то же самое иноки те помышляли в сердцах своих. От некоторых же иноков, если бесы начинали пред ними делать что-либо подобное выше сказанному, они внезапно были отгоняемы некоей силой, стремглав выталкиваемы и более не осмеливались ни останавливаться пред таковыми, ни проходить мимо них. Над иными же, слабейшими братиями, нисколько не внимательными к молитве, они надругались, сидя на их шеях и плечах. Видя это, преподобный Макарий тяжко вздохнул и, заплакав, начал молиться Богу:

– Господи! Взгляни и не умолкни! Воскресни, Боже, и пусть рассеются враги Твои и да бежат от лица Твоего, так как душа

наша наполнилась поруганием.

После отпуста авва Макарий начал подзывать к себе каждого инока поодиночке и испытывать у него, о чем он помышлял во время церковного пения. Каждый исповедовал ему свои помышления, и таким образом явно обнаружилось, что помышление каждого было именно о том, о чем, надругаясь, представляли пред ним бесы.

Сей же преподобный Макарий рассказывал еще другое, более дивное и ужасное, а именно, что в то время, когда братия приступали к Божественным Тайнам и простирали руки к принятию Тела Христова (в то время причащались еще не лжицею, но принимали Тело Христово в руки, как ныне антидор, а Честную Кровь пили из чаши; так было до самого времени святого Златоуста, о чем есть свидетельство в житии святой Феоктисты), тогда преподобный замечал, что некоторым из братий эфиопы влагали в руки горящие угольки, а преподаваемое иерейскою рукою Тело Христово возвращалось обратно в алтарь. От тех же, кто были достойны святого Причащения, бесы отбегали далеко. Между тем около алтаря с иереем стоял Ангел Господень и вместе с иерейскою простирал свою руку для раздаяния Божественных Тайн.

Таким образом, преподобный Макарий, будучи прозорливым, распознавал достойных и недостойных и предугадывал помыслы человеческие, внушаемые бесами.

Много и иного рассказывал преподобный Макарий для пользы и назидания братии; исправлял ленивых и совершал различные чудеса. Пожив такою Богоугодною жизнью, преподобный Макарий с миром отошел к Господу, имея сто лет от рождения[753].

Ныне он вместе с другими преподобными отцами в бесконечной жизни прославляет Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же и от нас грешных да будет слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Память святой мученицы Евфрасии

Память 19 января

Святая дева Евфрасия происходила из города Никомидии[754] и жила в царствование императора Максимиана[755]. Она была знатного рода, прекрасна собою, благочестива и служила Христу как верная его раба. Во время гонения на христиан святая Евфрасия была схвачена идолопоклонниками и принуждаема принести жертву бесам. Когда она отказалась повиноваться, то ее стали жестоко бить; но она мужественно претерпела побои. После мучений святую Евфрасию отдали для осквернения одному варвару, который, взяв ее, привел в свой дом. Святая непрестанно молилась Пречистому Жениху своему Христу Господу, дабы Он сохранил ее невредимою. И вот, когда нечестивый варвар привел святую в спальную комнату, Евфрасия стала просить его, чтобы он подождал недолгое время, обещая дать ему некоторое чудодейственное растение.

– Если ты всегда будешь носить при себе это растение, – говорила она, – то никакое неприятельское орудие не коснется тебя.

Святая говорила так, представляя себя как бы волшебницей.

Но варвар сказал ей:

– Ты после дашь мне это растение.

Мудрая дева отвечала:

– Растение это не может быть взято руками женщины, но только непричастная браку дева может взять его. Если оно будет взято не девою, то оно не будет имеет никакой силы.

Тогда варвар согласился не трогать Евфрасию, пока она не сорвет ему названного растения. Придя в сад и найдя там какое-то растение, святая забрала его и показала варвару. Последний спросил ее:

– Как я узнаю, правда ли то, что ты говоришь мне?

– В ответ на это святая Евфрасия положила сорванное растение на свою шею и сказала ему:

– Возьми острый меч, замахнись обеими руками и ударь меня по шее насколько можешь сильно, и тогда ты увидишь, что твой меч нисколько не повредит мне.

Варвар, поверив словам святой, взял меч и, замахнувшись, весьма сильно ударил и отсек честную главу святой Евфрасии, и она упала мертвой[756]. Увидав, что он осмеян святою, варвар стал скрежетать своими зубами. Мудрая же дева отошла неосквернённою к своему Жениху – Христу, оставив нам образец сохранения целомудрия, ибо она предпочла лучше умереть, чем погубить свое девство.

Память святого Арсения, архиепископа Керкирского

Память 19 января

Святой Арсений, архиепископ Керкирский[757], происходил из Палестины от благочестивых родителей. С юности он посвятил себя на служение Богу и принял иноческое пострижение. Ведя строго подвижническую жизнь, святой отличался при этом высоким образованием. Достигнув зрелого возраста, он получил сан священства, а потом, спустя некоторое время, был рукоположен в архиепископа Керкирского. В сане архипастыря он прославился своею мудростью, учительностью[758] и неоднократным заступничеством за невинных пред властями. Так, уже в старости, он отправился в Константинополь ходатайствовать за свою паству, которой угрожал неправедный гнев императора Константина Порфирородного[759]. Возвращаясь из Константинополя, Арсений на пути заболел в Коринфе[760] и с миром предал дух свой Богу[761].

Житие преподобного отца нашего Евфимия Великого

Память 20 января

Преподобный Евфимий происходил родом из города Мелитины, в Армении, близ Евфрата[762]. Родители его Павел и Дионисия, оба христиане, происходили из знатного рода и были украшены добродетелями. В течение многих лет они были бесплодны и бездетны, о чем они глубоко скорбели. Посещая находившуюся вблизи от города церковь святого мученика Полиевкта, они всегда молились Богу, чтобы разрешилось их бесчадие. И вот, когда они в одну ночь пребывали в усердной молитве, последовало им некое Божественное видение, и они услышали:

– Утешьтесь, ибо Бог дарует вам сына, тезоименитого утешению[763], потому что при рождении его Бог подаст утешение церквам Своим.

После этого видения Дионисия зачала сына, которого еще до рождения родители его обещали посвятить Богу. И вот родился у них сын, и они нарекли его Евфимием. В то время на востоке царствовал Валент, а на Западе – племянник его Грациан[764]. Для церквей Христовых, смущаемых арианами, не было еще мира и тишины. Начиная со времени царствования Констанция, сына Константинова, до самой смерти Валента православные в течение почти сорока лет, терпели преследования и насилия. Когда же родился святой Евфимий, все скорби святых церквей превратились в утешение и радость: не исполнилось еще пяти месяцев после рождения Евфимия, как нечестивый император Валент был побежден варварами, опустошавшими Фракию и во время бегства, скрывшись в одном селении, близ Адрианополя[765], в сарае, сгорел. Таким образом, этот нечестивец ужасно погиб от огня временного, который был для него как бы преддверием огня вечного. С погибелью этого нечестивого царя погибла и вся сила арианская, и вскоре, со вступлением на царство Феодосия Великого[766], для святых церквей наступили тишина и мир.

По прошествии довольно непродолжительного времени отец Евфимия скончался. Дионисия же, исполняя обет свой, привела отрока Евфимия к брату своему, пресвитеру Евдоксию, который был духовным отцом епископа Мелитинской церкви Отрия[767], посвящая сына своего, как некогда Анна – Самуила, Богу (1Цар.1). Евдоксий же привел отрока к епископу и поведал ему все о нем: как после некоего Божественного явления и гласа он был дарован неплодным родителям, ради усердной их о том молитвы, и что он еще до рождения был обещан на служение Господу. Епископ Отрий, услыхав это и удивившись поведанному, сказал:

– Воистину Дух Божий почивает на сем ребенке.

Приняв отрока к себе вместо сына, Отрий тщательно заботился об его обучении, поручив это дело двум учителям из клириков, Акакию и Синодию, мужам благоразумным и добродетельным, из которых каждый впоследствии, в свое время, был епископом той же Мелитинской церкви. Когда блаженный Евфимий хорошо изучил Божественные книги, епископ поставил его в чтеца, а мать его, блаженную Дионисию, с непрестанным усердием служившую Богу, посвятил в диаконисы своей церкви. Затем святой Евфимий, с юности известный своею добродетельною жизнью и непорочным девством, прошедший все низшие церковные степени и бывший уже иноком, посвящен был в сан пресвитера. Вместе с тем ему поручено было, хотя он и не хотел начальствования, и попечение о монастырях, находившихся в том городе, так как он с детства весьма возлюбил иночество и безмолвие. Поэтому преподобный Евфимий часто пребывал в монастыре святого мученика Полиевкта, отстоявшем в некотором отдалении от города. В дни же святой Четыредесятницы он удалялся в одну пустынную гору и там предавался безмолвию среди подвигов и трудов, известных Единому Богу. Сознавая же, что настоятельство и управление монастырей препятствуют его безмолвию, вместе с тем избегая славы человеческой, преподобный, на двадцатом году своей жизни, тайно ушел в Иерусалим[768]. Поклонившись честному Кресту и Гробу Христову и прочим святым местам, он посетил святых отцов, живших в

окрестной пустыне, и, рассмотрев житие и добродетель каждого, потщился к подражанию им. Потом он пришел в лавру Фаранскую[769], отстоявшую от святого града в расстоянии шести поприщ, и, нашедши вне монастыря одну пустую келью в уединенном месте, поселился в ней, не имея совсем ничего; обучившись плетению корзин, он питался от труда рук своих. И так, освободившись от всякой земной заботы, он имел лишь одно попечение – как угодить Богу.

Был у святого Евфимия сосед и друг, преподобный Феоктист, с которым он соединился такою духовною любовью, что оба имели одну волю, одно стремление к Богу, один общий подвиг. Они передавали друг другу свои мысли, и каждый из них как бы заключен был в душе другого: чего бы один ни пожелал, к тому и другой стремился, как будто в двух телах была одна душа. Ежегодно после восьмого дня святых Богоявлений Евфимий и Феоктист удалялись в пустыню Кутиллийскую[770] и там пребывали до недели Цветоносной[771], тело изнуряя постом и трудами, душу же питая духовною пищею. Потом они возвращались каждый в свою келью с обильным богатством добродетелей, которое они и приносили Воскресшему Христу. Проживая таким образом в Фаранской лавре, преподобный Евфимий однажды вместе с блаженным Феоктистом в обычное время удалился в Кутиллийскую пустыню[772]. Проходя по пустыне, они пришли к одному утесу, около которого был расположен дикий овраг, в глубине которого протекал поток; на север от потока на утесе находилась пещера, в которой жили звери и в которую можно было лишь с трудом пробраться по стене. Обрадовавшись, как будто место это было приуготовано им Самим Богом, они поселились там, питаясь растущими кругом травами, и в лавру уже не возвратились.

По прошествии некоторого времени, когда Бог благоизволил явить преподобных для пользы верующих, то, по Его устроению, некоторые пастухи из Лазарии[773] привели стада свои к этому потоку. И когда они подняли взоры свои вверх на гору к пещере, то заметили неожиданно двух мужей, ходивших по утесу, и, испугавшись, обратились в бегство. Отцы же кротким голосом кричали им вслед:

– Не бойтесь, братия, не бойтесь: ибо и мы – люди, но ради грехов наших живем в этом месте.

Тогда пастухи, ободрившись, пришли к ним и вошли в пещеру; не найдя там ничего потребного для земной жизни, они изумились и потом возвратились домой, рассказав о преподобных своим домашним. После того к преподобным Евфимию и Феоктисту начали приходить жители Лазарии, принося им необходимое для житейских потребностей. Между тем и фаранские отцы, заметив, что преподобные не возвращаются, долгое время искали их по пустыне, пока не узнали, где они находятся, и, после того как нашли их, стали их часто посещать. Потом некоторые пожелали поселиться вместе с ними; первыми, пришедшими к преподобным Евфимию и Феоктисту и не возвратившимися в лавру, были Марин и Лука[774]. Потом стали стекаться и другие, ибо слава о преподобном Евфимии в непродолжительное время распространилась повсюду, и многие стали стремиться узреть его и подвизаться под его руководством. Он же, принимая приходивших, поручал их руководству друга своего, блаженного Феоктиста, ибо сам возлюбил более всего уединение. В скором времени в пустыне была устроена киновия[775], а пещера была обращена в церковь. Преподобный Евфимий был духовным врачом всех: каждый из братий раскрывал пред ним свою совесть, исповедуя свои помышления; он же, обладая большою духовною опытностью, наставлял каждого с пользою, поучая и увещевая, отечески наказывая и утешая. Ко всем же братиям преподобный Евфимий говорил:

– Братия! Для чего вы вышли из мира, над тем и подвизайтесь, и не нерадите о своем спасении, но ежечасно бодрствуйте, по слову Господа: «бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф.26:41); прежде всего, знайте, что отрекающимся от мира и желающим проводить иноческую жизнь должно не иметь собственной воли, но блюсти всегда послушание и смиренномудрие, а в уме иметь память смертную и час судный, бояться огня вечного и желать славы Царства Небесного.

И еще говорил, что инокам должно, при внутреннем Богомыслии, трудиться и телесно, особенно юным, для телесного удручения, дабы плоть повиновалась духу, быть подражателями апостола Павла, который трудился день и ночь, не только избегая праздности, но служа и себе, и другим, как сам он говорит: «нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян.20:34). Ибо если миряне подъемлют столь многие труды и страдают, непрестанно работая, чтобы прокормить жен своих и детей, и от того же труда приносят жертвы Богу, творят милостыню и платят подати: то не мы ли, тем паче, должны трудиться на необходимую телесную потребу, дабы избежать праздности и не поедать чужих трудов, по заповеди апостола (2Фес.3:10).

Так преподобный отец наш Евфимий, наставляя братию, побуждал их к трудолюбию. Он заповедовал не разговаривать ни в церкви – во время богослужения, ни на трапезе – во время еды братии, но повсюду хранить молчание, внимая слову Божиему. Когда он видел кого-либо из братий, особенно юных, хотевшего поститься более прочей братии, то не одобрял этого и не допускал, чтобы брат следовал своей воле, но требовал, чтобы он соблюдал общее со всеми время воздержания и время трапезования; преподобный наставлял, чтобы брат ел на трапезе с воздержанием, не пресыщая чрева, но вкушая менее, чем оно требует, дабы таким образом скрыть свое постничество, не разглашая о нем открыто, а тайно вооружившись против возрастающих страстей. Просвещаемые такими наставлениями и поучениями преподобного Евфимия, братия подвизались и приносили плод, достойный своего звания.

Теперь надлежит нам сказать об Аспевете и Теревоне, начальниках сарацинских, о том, как они были обращены Евфимием к Богу.

Жил в Персии один еллин, по имени Аспевет, имевший юного сына Теревона, который был поражен бесом, вследствие чего вся правая сторона его, от головы до ног иссохла; и никто не мог его вылечить, хотя к нему приводили многих опытнейших врачей. Потом Аспевет вместе со своим больным сыном переселился в Аравию. Это произошло следующим образом. В

начале поднятого тогда в Персии магами[776] гонения на христиан, в конце царствования Издегерда[777], всем военачальникам, среди которых был и Аспевет, было приказано тщательно стеречь все дороги, так чтобы ни один из христиан не мог убежать из Персии к грекам. Тогда Аспевет, видя столь великую злобу против ни в чем не повинных христиан, сжалился над ними и не только не препятствовал бежать им из земли персидской, но и сам, насколько мог, помогал им, защищая от опасностей и смерти. Вследствие этого, он был оклеветан неверными пред царем Издегердом. Боясь мучений, Аспевет, взяв своего сына, имущество и всех домашних, поспешно бежал из Персии в пределы греческого царства. Царь же греческий, приняв его, вручил ему начальство над сарацинами, жившими под властью греков в Аравии. Когда Аспевет поселился там, сын его Теревон увидел в сонном видении преподобного Евфимия, обещавшего ему выздоровление, если обратится ко Христу. Проснувшись, Теревон рассказал отцу о своем сновидении; тот же немедленно взял отрока и в сопровождении множества слуг пришел к монастырю преподобных Евфимия и Феоктиста. Братия, увидев множество сарацин, испугались. Блаженный же Феоктист, вышедши к сарацинам, спросил их:

– Чего вы здесь ищете?

Они отвечали:

– Раба Божиего Евфимия ищем.

Феоктист сказал им:

– Здесь живет тот, кого вы ищете, но до субботы он ни с кем не видится, потому что безмолвствует.

Аспевет же, взяв за руку Феоктиста, показал ему на своего больного сына и приказал ему самому рассказать все о себе.

Отрок начал говорить:

– Я год тому назад получил эту язву в Персии и, испытав на себе врачебное искусство врачей и волшебные заклинания магов, не получил никакой пользы, но еще более заболел. Придя же сюда в Аравийскую страну и не чувствуя никакого облегчения, я в одну из ночей, лежа на своем одре, размышлял о том, получу ли я когда-нибудь исцеление, и говорил сам с

собою: «О Теревон! Где же врачебное искусство эллинов и персов? Где волхования и чары? Где сила наших идолов, и какая от них польза? Где выдумки звездочетов и басни нашего учения и бесполезные призывания наших богов? Поистине все это – только мечтания достойные смеха, ибо совершенно не помогает никому, без соизволения Единого истинного Бога». Рассуждая так, я обратился к молитве и со слезами молился, говоря: «Боже великий и страшный, сотворивший небо и землю, если помилуешь меня и избавишь от этой лютой болезни, то я буду христианином, оставив все беззакония и заблуждения эллинской веры». Так помолившись, я уснул и увидел во сне некоего инока с проседью и большою бородою; он сказал мне: «Чем ты страдаешь?» Когда я показал ему свою болезнь, он мне сказал: «Исполнишь ли то, что обещал Богу?» Я отвечал: «Исполню, если освобожусь от этой болезни». Тогда старец сказал мне: «Я – Евфимий, живущий в восточной пустыне, в расстоянии десяти поприщ от Иерусалима, недалеко от пути, ведущего в Иерихон. Итак, если хочешь исцелиться, – приди ко мне, и Бог через меня исцелит тебя». Обо всем этом, что я видел и слышал во сне, я рассказал своему отцу, – и вот мы пришли сюда по повелению явившегося мне в видении. Молим тебя, покажи нам того врача, Богом явленного.

Блаженный Феоктист пошел и поведал великому Евфимию о всем, что слышал. Тот же, рассудив, что неуместно противиться Божиему повелению, вышел из своего безмолвия и, пришедши к больному, помолился о нем Богу, ознаменовал его крестным знамением, – и тотчас Теревон выздоровел, как будто никогда и не болел. Варвары, пораженные столь внезапным исцелением Теревона, уверовали во Христа, и все, пав ниц на землю, просили крестить их. Евфимий же чудотворец, видя, что они от всей души уверовали в Бога, совершил над ними оглашение и крестил сначала Аспевета, которого наименовал Петром[778], после него Марина, брата жены Аспевета, потом Теревона, а также всех, с ним пришедших сарацин. Продержав их у себя сорок дней, преподобный просветил их словом Божиим и, утвердив в вере, отпустил в их отечество. Марин же, дядя Теревона, не ушел из монастыря, но

принял в нем пострижение и пребывал здесь до самой своей кончины; он много угодил Богу и был игуменом обители той после преподобного Феоктиста, как о том будет видно из дальнейшего. Что же касается значительного имения его, которое он принес в дар монастырю, то оно частью роздано было нищим, частью истрачено на построение и расширение монастыря.

Между тем после того как молва о чудесном исцелении Теревона повсюду распространилась, к блаженному Евфимию, врачу безмездному, отовсюду стало стекаться множество больных, и все скоро получали исцеление и возвращались здоровыми.

Вследствие этого имя святого прославилось не только в Палестине, но и по окрестным областям. Преподобный же, видя, что нарушается его безмолвие, скорбел и тужил о том, что многие приходят и прославляют его, памятуя о прежнем своем безмолвии и помышляя тайно уйти в пустыню, называемую Рува[779]. Блаженный Феоктист, узнав об этом, возвестил братии. И вот все, собравшись, пришли и пали к ногам преподобного Евфимия, умоляя его со слезами не оставлять их сирыми. Он же, желая утешить их, обещался сначала не удаляться оттуда, но по прошествии немногих дней, побуждаемый желанием пребывать в непрестанном безмолвии и будучи не в силах более терпеть мирскую молву, ночью тайно вышел из монастыря, взяв с собою одного ученика Дометиана, добродетельной жизни, происходившего родом, как и преподобный, из Мелитины, и пошел в Руву. Проходя по южной пустыне около Мертвого моря, он взошел на высокую гору, отделенную от других гор, называемую Марда[780], и, нашедши на ней колодезь с водою и развалившуюся хижину, перестроил ее и поселился там и прожил некоторое время, питаясь пустынными травами. Потом преподобный ушел в пустыню Зиф, расположенную близ селения Аристовулгады[781], желая увидеть там пещеру, в которой некогда скрывался Давид, убегая от Саула. Увидев то место, преподобный Евфимий устроил там монастырь.

Поводом к построению монастыря послужило следующее. Сын старейшины селения Аристовултады был одержим нечистым духом и с воплем громко призывал имя Евфимия, ибо так невидимо повелел ему Бог. Отец же юноши и родственники тщательно расспрашивали повсюду о Евфимии, кто он и где находится. Узнав, что он пребывает между Капарварихом[782] и Аристовултадой в Давидовой пещере, отец больного привел к нему бесноватого сына. Как только последний увидел святого, бес тотчас поверг его на землю и вышел из него. Когда весть о чуде распространилась, то пришли к святому многие из окрестных селений и выстроили ему монастырь. Собрались братия около него, и Бог посылал им пищу. Святой обратил там многих, принадлежавших к манихейской ереси, в Православие, убедив их предать проклятию ересеначальника Манеса. Потом, чувствуя беспокойство от множества приходивших посетителей, сказал ученику своему Дометиану:

– Пойдем, чадо, и посетим преподобного Феоктиста и братию.

И они пошли. Приближаясь к киновии, преподобный Евфимий нашел на горе место, которое ему понравилось и на котором впоследствии возникла его лавра: место это было ровное, уединенное, и воздух был здоровый. И остановился он там в попавшейся небольшой пещере, где впоследствии, по преставлении его, было погребено тело его[783]. Блаженный Феоктист, узнав о приходе преподобного Евфимия, поспешно вышел приветствовать его и молил его прийти на жительство в свое место в киновии вместе с братиею. Но Евфимий не согласился и лишь обещался по всем воскресеньям приходить на церковное богослужение. Аспевет, он же и Петр, услышав, что преподобный Евфимий возвратился в свое место, возрадовался и пришел к нему с множеством сарацин с женами и детьми и просил его сказать им слово спасения. Старец же, преподав им поучение, обратил ко Христу всех пришедших с Аспеветом; приведши их в нижний монастырь, он просветил их святым крещением и пробыл с ними семь дней, поучая и утверждая их в вере. После этого, стремясь к безмолвию, он возвратился в свою пещеру.

Аспевет Петр, видя, что старец не имеет кельи, но живет в небольшой пещере, призвал каменщиков и соорудил святому три кельи, небольшую церковь и пекарню; потом он сделал двуустый водоем и удовлетворил преподобного всем необходимым, дабы он ни в чем не испытывал лишений. Новокрещенные сарацины не хотели более отлучаться от преподобного, но, желая всегда насыщаться его поучениями, просили святого позволить им жить близ него. Но Евфимий не согласился на это, боясь, что тогда совершенно нарушится его безмолвие, но, приведя их на другое удобное место, велел им построить для себя келью и церковь и назначил для них пресвитеров и диаконов. С каждым днем собрание их умножалось, ибо приходило много сарацин, которые принимали святое крещение. Преподобный часто посещал их, поучая слову Божиему. Когда селение их стало представлять как бы большой город, преподобный обратился к патриарху иерусалимскому Ювеналию[784] с просьбой посвятить Петра, отца Теревонова, в епископы для новопросвещенных сарацин. И был поставлен Петр в епископы, удовлетворяя духовным нуждам множества сарацин, принявших святую веру.

Преподобный Евфимий не хотел иметь сожителей на том месте, где безмолвствовал, и потому не устраивал ни киновии, ни лавры, но отсылал приходивших к нему для пострижения в нижний монастырь к преподобному Феоктисту; также если кто приносил ему что-либо для телесных потребностей, – все то отсылал в монастырь Феоктистов. Когда же Бог благоизволил заселить то место многими иноками, то повелел великому Евфимию в видении, чтобы не отгонял приходящих к нему ради спасения. Однажды к нему пришли три брата по плоти, родом каппадокийцы, воспитанные в Сирии: Косма, Хрисипп и Гавриил; они горели духом к духовному совершенствованию. Но старец не хотел принять их, частью потому, что любил свое безмолвие, частью потому, что они были молоды, особенно же потому, что младший из братьев Гавриил от чрева матери был скопцом и очень юн, а лицом походил на женщину. Тогда ночью последовало преподобному некоторое Божественное явление, в котором к нему был голос:

– Прими этих братьев, потому что Бог послал их, и впредь не отклоняй никого, хотящего спастись.

Тогда святой принял их и сказал старейшему из них Косме:

– Вот я принимаю вас, как повелел мне то Бог; сделай же и ты, что я прикажу: не позволяй младшему брату выходить из кельи, чтобы никто из прочих братий его не видал: ибо не подобает жить в лавре женскому лицу, дабы не поднялась против кого-либо вражья брань.

Потом святой предрек ему то, что имеет последовать.

– Как я полагаю, – сказал он, – ты недолго пробудешь здесь: ибо Бог хочет вручить тебе епископство в скифопольской церкви[785].

Предсказание это впоследствии действительно сбылось.

После этого преподобный начал принимать всех приходящих. Так он принял Домнина, родом из Антиохии[786], племянника Иоанна, архиепископа антиохийского[787]; принял и трех других братьев мелитинцев, племянников того Синодия, который вместе с Акакием был учителем Евфимия, по имени Стефана, Андрея и Гайана, затем Иоанна, пресвитера раифского[788], Анатолия и Фалассия, также Кириона из Тивериады[789], пресвитера церкви святого мученика Василия в Скифополе; приняв всех их, он повелел епископу Петру сделать им небольшие кельи и украсить церковь со всевозможным благолепием. Таким образом он устроил лавру по образцу Фаранской. И пришел в лавру патриарх Иерусалимский Ювеналий со святым Пассарионом[790], бывшим тогда хорепископом[791], и Исихием[792], пресвитером и учителем церковным, и освятил лаврскую церковь[793]. Евфимию было в то время пятьдесят два года от роду. Поставил патриарх и двух диаконов для лавры Дометиана и Домнина; пресвитерами же были Иоанн и Кирион. Радовался духом великий Евфимий об освящении своей лавры, особенно же о том, что увиделся с патриархом, преосвященным Пассарионом и Исихием богословом, которые оба были преславными светильниками. Но святой Пассарион почил, когда не исполнилось еще семи месяцев после этого, находясь в глубокой старости.

В первый год по освящении лавры, когда братия вместе с преподобным Евфимием находились в великом стеснении относительно телесных потреб, на первое время был поставлен экономом Дометиан[794]. Случилось однажды, что толпа армян, шедших из святого града к Иордану, свернула с пути вправо и пришла в лавру, ибо Бог так устроил, дабы добродетель и вера великого отца просияла еще более. Их было не менее четырехсот человек. Увидев их и заметив, что они голодны, преподобный призвал эконома Дометиана и сказал:

– Предложи этим людям поесть.

Дометиан же отвечал:

– Отче! Келарь[795] не имеет чем насытить десять человек: откуда же я возьму хлебов для такого множества народа?

Святой, исполненный пророческой благодати, сказал:

– Ступай и исполни, что я повелеваю тебе, ибо Дух Святой говорит, что люди эти будут есть досыта, и нам останется пища в изобилии.

Дометиан, пойдя в хлебню, где лежало немного хлебов, не мог отворить дверей, потому что Божие благословение наполнило келью до верха. Призвав некоторых из братий, он с помощью их вышиб дверь, и хлебы посыпались из кельи. Тоже благословение произошло и с вином и елеем, ибо сосуды внезапно все наполнились. И ели все и насытились. В течение целых трех месяцев не могли вставить дверь на свое место по причине преизобилия хлебов: хлебы не умалялись, как некогда не оскудевали у страннолюбивой вдовицы в Сарепте Сидонской водонос муки и чванец елея (3Цар.17:14)[796]. Дометиан, удивившись тому чуду, бросился к ногам учителя, прося прощения. Старец же, вразумив его, преподал поучение о страннолюбии и надежде на Бога.

С того времени лавра стала умножаться, благословляться всяким изобилием и расширяться зданиями келий; и совершалась в церкви каждодневно Божественная служба. Эконом вынужден был для потреб монастырских приобретать скот ради служения братии. В лавре был некий брат, родом из Асии[797], по имени Авксентий, весьма пригодный для этой монастырской службы. Эконом просил его стеречь и пасти

лошаков и ослов монастырских, но он не послушался. Тогда эконом обратился к пресвитерам Иоанну и Кириону и вместе с ними упрашивал Авксентия взять на себя эту службу; но тот не послушался и их. По наступлении субботы, когда явилась возможность беседовать с великим Евфимием о монастырских делах, эконом поведал преподобному о непослушании Авксентия. Преподобный, призвав Авксентия, сказал ему:

– Послушай нас, чадо, и прими возлагаемое на тебя послушание.

Тот же отвечал:

– Не могу, честный отче, – мне препятствуют исполнить это три причины: первая – это то, что я – иноплеменник и не могу говорить на местном языке; вторая – страх греховного падения; третья – что, имея попечение о скоте, я уже не буду в состоянии сидеть в келье в Богомыслии и безмолвствовать.

Великий Евфимий сказал на это:

– Молим Бога, чтобы ты не получил никакого вреда от всего того, ибо Бог знает, что ради страха пред Ним ты служишь рабам его. Послушай Господа, глаголющего: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф.20:28) и еще: «не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца» (Иоан.6:30).

Но и после таких увещаний преподобного Авксентий ожесточился и не послушался. Тогда преподобный, разгневавшись, сказал:

– Мы, чадо, советуем тебе, что для тебя полезно, а ты не слушаешь; увидишь, какова награда за неповиновение.

И тотчас Авксентий упал на землю в припадке беснования, трепеща и трясясь; присутствовавшие же отцы просили за него святого, и тот, едва умоленный, поднял его и, знаменовав знамением креста, исцелил. Придя в себя, Авксентий, припав к ногам святого, просил прощения. Святой сказал ему:

– Послушание есть великая добродетель, ибо Бог послушания требует паче, нежели жертвы; преслушание же соделывает смерть.

Потом, сотворив об Авксентии молитву, преподобный Евфимий благословил его и сказал:

– «Ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Иоан.6:14).

После этого Авксентий принял возложенное на него послушание и с усердием стал исполнять его.

Два брата, Марон и Климатий, обременяясь суровою жизнью в лавре, сговорились ночью бежать, и когда уже приготовились к тому, намерение их стало известным преподобному Евфимию: он узрел в видении дьявола, набрасывающего на них узду и влекущего в смертоносные сети. Тотчас же призвав их, преподобный обратился к ним с продолжительною беседою, поучая о терпении, убеждая и наставляя их оставить свое пагубное намерение. Говорил он о том, что должно тщательно блюсти себя: Адам, будучи в раю, преступил заповедь Божию; Иов же соблюл ее, сидя на гноище. К этому увещанию он прибавил и следующее:

– Не должно нам допускать лукавых помыслов, вселяющих в нас печаль или ненависть к месту, в котором живем, или к сожителям; не должно слушать помыслов, советующих перейти на другое место; но нам необходимо ежечасно быть трезвыми и отвращать ум свой от козней бесовских, дабы с переходом нашим не разрушилось наше правило, ибо дерево, часто пересаживаемое, не приносит плода. Если кто захочет сотворить что-либо хорошее на месте, где живет, и не сможет, то пусть не думает, что он в состоянии управить это в другом: ибо доброе дело достигается не местом, а изволением и верою. Выслушайте один рассказ, который я слышал от египетских иноков. Один брат жил в Египте в киновии и часто гневался и волновался, и бранные слова были постоянно на его устах; придя в уныние, он ушел из монастыря и поселился в уединении, полагая, что если ему не с кем будет беседовать, то освободится от своей привычки гневаться. В один день, когда он ради некоей потребы налил сосуд воды, тот опрокинулся; он наполнил его во второй раз, но сосуд опять опрокинулся; то же случилось и в третий раз. Брат, будучи обольщен бесом, разгневался на сосуд и, схватив, разбил его.

Когда святой Евфимий говорил это, Климатий рассмеялся. Старец же, взглянув на него, сказал:

– Не прельщен ли и ты, брат, бесом, что безумно смеешься? Разве ты не слышал, что Господь смеющихся считает отверженными, а плачущих ублажает?

Сказав это, преподобный отворотился от Климатия и пошел в свою внутреннюю келью. Климатий же тотчас пал ниц, объятый трепетом, ибо на него напал какой-то страх и ужас. В то время находился там Дометиан; он собрал некоторых из отцов и, вошедши к преподобному, просил простить Климатия.

Вняв им, святой вышел и поднял лежащего и знамением креста уврачевал его, причем сказал:

– Впредь внимай себе и не пренебрегай наставлениями отцов, принимая их как бы Божии слова, и сделайся весь оком, как мы слышали о Херувимах. Тщательно соблюдай себя отовсюду, ибо ты ходишь посреди сетей.

Так наказав брата и наставив обоих, сговорившихся бежать, преподобный отпустил их в свои кельи утвержденными.

В те времена был собран в Ефесе на нечестивого Нестория III Вселенский собор[798]. Тогда пришел из Мелитины в Палестину для поклонения вышеупомянутый Синодий, который, вместе с Акакием, во время юности преподобного, был его учителем. Имея в лавре Евфимия трех вышеназванных племянников: Стефана, Андрея и Гайана, Синодий пришел туда и, облобызав преподобного Евфимия, рассказал ему о нечестивой ереси Нестория, который, по попущению Божию, был некоторое время патриархом Константинопольским и возмутил своими лжеучениями всю вселенную; рассказал ему о ревности в православии блаженного Кирилла, архиепископа Александрийского[799], и Акакия, епископа Мелитинского, бывшего некогда учителем его. И радовался за них преподобный. Петру, некогда именовавшемуся Аспеветом, а в то время бывшему уже епископом сарацинским, который, вместе с другими палестинскими епископами отправлялся на собор Ефесский, преподобный повелел держаться учения Кирилла и Акакия и всячески их защищать. По окончании собора и низложении Нестория, Петр, возвратившись, подробно рассказал старцу обо всем, происходившем на соборе; старец радовался об утверждении православия, но скорбел об Иоанне,

архиепископе Антиохийском, который, будучи православным, защищал Нестория.

Диакон Домнин, скорбя о дяде своем, просил великого отца отпустить его в Антиохию для исправления своего дяди. Но святой сказал ему:

– Не ходи, чадо: если останешься на том месте, на которое призван, и не послушаешь помысла, хотящего отторгнуть тебя от пустыни, то преуспеешь в добродетели и прославишься в Боге; если же преслушаешь меня и пойдешь, то примешь престол дяди твоего, но не на пользу, и не долго будешь почитаться на нем, ибо он вскоре будет отнят у тебя злыми людьми.

Но Домнин, не послушав заповеди отца своего, пошел без его благословения в Антиохию, – и сбылось на нем все, предсказанное святым[800]; впоследствии он возвратился к старцу, плача и каясь, и удивляясь прозорливости святого.

О сем преподобном отце нашем Евфимии преподобный Кириак отшельник, ученик его, свидетельствует следующее: «Никогда мы не видали его вкушающим, кроме субботы и воскресенья, ни беседующим с кем-либо, за исключением великой необходимости, ни спящим его на боку, но иногда лишь дремлющим сидя; иногда же он брался обеими руками за веревку, протянутую в углу его кельи и так, по телесной необходимости, немного спал, следуя изречению великого Арсения о сне: «Гряди, злой раб!» Ибо он подражал в житии своем святому преподобному Арсению и с услаждением слушал о нем от приходивших из Египта братий».

Некий Анастасий, сосудохранитель церкви святого Воскресения[801], желал видеть великого Евфимия и вместе с друзьями своими, клириками иерусалимскими, пошел в его лавру. Преподобный Евфимий, провидя духом их пришествие, призвал лаврского эконома Хрисиппа и сказал ему:

– Приготовься к принятию гостей, ибо вот идет патриарх Иерусалимский.

Когда гости пришли, преподобный принял Анастасия, как патриарха, и беседовал с ним, как с патриархом. Все

присутствовавшие удивились; эконом же Хрисипп, подошедши, сказал на ухо старцу:

– Честный отче, здесь нет патриарха; это – Анастасий сосудохранитель.

Святой, удивившись, сказал:

– Верь мне, чадо, что доселе я видел его облеченным в патриаршие одежды. И воистину я не обманулся: ибо что Бог предопределил, то так и сотворит.

Сие слово преподобного было сказано во всеуслышание и сбылось в свое время, когда Анастасий был поставлен патриархом[802].

Вышеупомянутый Теревон, сын епископа Петра, называемого Аспевета, взяв жену из своего рода и долгое время пожив с ней, не имел детей, так как она была бесплодна. Приведя ее к чудотворцу Евфимию, он молил его, говоря:

– Знаю, отче, что Бог послушает молитвы твоей, ибо Он творит волю боящихся его. Итак, умоляю твою святыню: помолись за нас Человеколюбцу Богу, да дарует нам чадо.

Святой знаменовал его и жену трижды знамением святого Креста и сказал им:

– Се Бог дарует вам чадородие, и вы будете иметь трех сыновей.

Был некий брат в лавре, по имени Емилиан, который однажды ночью, на рассвете воскресенья, от бесовского наваждения возгорался плотскою страстью и смущался нечистыми помыслами, чувствуя в сердце вожделение греха. Случайно преподобный Евфимий, идя к утрене в церковь, проходил мимо того места, где стоял брат, смущенный похотением; обоняя смрад блудного беса и уразумев происходящее, святой сказал:

– Да запретит тебе Бог, проклятый нечистый дух.

И тотчас брат упал на землю, изрыгая пену и беснуясь. Собрались братия, принесена была свеча, – и сказал преподобный братии:

– Видите ли брата сего? От юности своей доселе он жил добродетельно, в чистоте телесной; ныне же, когда он ненадолго увлекся плотскою похотью и помышлял с

вожделением и услаждался нечистыми теми помыслами, им овладел бес. Получим же и мы наставление из таковой его скорби, и пусть каждый знает, что если кто, хотя и не прикасается к чужому телу и не творит нечистого греха, но умом любодействует, увлекаясь нечистыми помыслами, удерживая их, соизволяя на них и услаждаясь ими, – тот – блудник, и бес им обладает.

К этому старец присоединил еще следующее повествование:

– Послушайте, братия, – сказал он, – повествование, которое рассказали мне некоторые египетские отцы об одном брате, которого все считали святым, но сердцем прогневлял Бога, увлекаясь нечестивыми помыслами и любодействуя умом. Когда он приблизился к кончине, пришел туда некий прозорливый старец и услышал о нем, что он болен при смерти, и нашел всех жителей плачущими и говорящими: «Если скончается этот святой, то нам уже нет надежды на спасение, потому что все мы спасаемся его молитвами». Услышав это, прозорливый старец с поспешностью пошел к больному, желая получить благословение от этого мнимого святого, и, приблизившись к жилищу его, увидел множество народа со свечами, иереев и диаконов, ожидающих епископа к торжественному погребению того святого. Войдя в горницу, старец застал его еще дышащим и, воззрев душевными очами, увидел беса, держащего трезубец; пронзив им сердце умирающего, бес со многими муками извлекал душу его. При этом святой услышал голос с неба, глаголющий: «Как не упокоила Меня душа его ни один день, так и ты непрестанно мучь его и исторгай из него его душу». Итак, тот брат скончался в муках, ибо сверху он казался святым, внутри же сердца прогневлял Бога». «Внимая сему, братия, – продолжал преподобный Евфимий, – тщательно оберегайтесь от помыслов, оскверняющих душу: ибо во время разлучения души с телом воспримут одинаковое мучение мечтающие о блуде, как и творящие грех тот. Но помолимся о брате сем Емилиане Богу, наказующему его, но не предающему смерти, да освободит его от беса и плотских страстей.

Когда святой помолился, вышел бес, вопия: «Я – дух любодеяния» и наполнил все место смрадом как бы от сжигаемой серы. С тех пор Емилиан освободился от нечистых похотений и сделался избранным сосудом Божиим.

В то время наступило бездождье, и была великая засуха, и исполнилось слово Писания: «И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом» (Втор.28:23). И были все по причине засухи в великой скорби. Братия с преподобным Феоктистом просили преподобного Евфимия помолиться Богу и испросить дождь, ибо они знали, сколь действенна его молитва пред Богом; но он не соглашался. Наступил праздник Богоявления Господня и приблизился день, в который святой обычно до самой Цветной недели уходил в пустыню. В обитель собралось множество народа из святого града и окрестных селений, нося крест и взывая: «Господи, помилуй!» И пришли к великому Евфимию, не давая ему уйти в пустыню, пока не умолит Бога, да ниспошлет дождь. Услышав вопли, преподобный вышел к ним и сказал:

– Что ищете у человека – грешника? Я, чада, не имею дерзновения молиться об этом Богу, ибо я грешен и паче иных имею нужду в Его милосердии, особенно в это настоящее время гнева Его. Грехи наши разделяют нас от Него, омрачили мы Его образ, осквернили церковь Его, работая похотям и различным страстям, живем в лихоимстве и зависти и достойны ненависти, так как ненавидим друг друга; сего ради Он навел на нас казнь сию, чтобы, вразумленные ею, мы покаялись; когда же мы исправим себя покаянием, тогда Он услышит нас, ибо писано: «Близок Господь ко всем призывающим Его в истине» (Пс.144:18).

Когда святой говорил так к народу, все как бы одними устами взывали:

– Ты сам, отче, помолись за нас; веруем мы, что Бог услышит молитву твою, ибо Он творит волю боящихся Его.

Умоленный этими словами, преподобный, взяв бывших с ним отцов, пошел в церковь, повелев молиться и народу. Повергшись ниц в церкви, он со слезами молил Бога

помиловать творение Свое и посетить землю милостью и щедротами и напоить ее дождем. Когда он молился, внезапно подул южный ветер, небо покрылось облаками, загремел гром и пролился большой дождь. Тогда святой, восстав и окончив молитву, вышел и сказал народу:

– Вот Бог услышал молитвы ваши, Он благословит лето это пред прочими годами. Поэтому потщитесь и вы угодить добрыми делами Богу, сотворившему с вами милость.

С этими словами преподобный отпустил народ. И продолжал дождь ливмя лить в продолжение многих дней, так что святой не мог по обычаю своему уйти в великую пустыню. И лето это благословилось изобилием плодов земных пред прочими годами согласно слову святого.

На семьдесят пятом году жизни преподобного Евфимия был четвертый Вселенский собор в Халкидоне против Диоскора, нечестивого патриарха Александрийского[803]. На соборе присутствовали и некоторые из учеников преподобного, удостоившиеся епископского сана: Стефан, епископ Иамнии[804], и Иоанн, епископ сарацинский, преемник Петра Аспевета; записав определения Халкидонского собора, они сообщили их своему авве, святому Евфимию. Он принял исповедание веры, изложенное на Халкидонском соборе, и признал его православным, – и быстро пронеслась молва по всей пустыне Палестинской и между всеми иноками, из которых многие веровали неправославно, что великий Евфимий последует Халкидонскому собору. В то время пришел в Палестину некий еретик Феодосий, по образу – инок, на самом же деле нечестивец, исполненный лжеучения Евтихия; он произносил хулы на святой Халкидонский собор, утверждал, что будто бы на нем был отвергнут догмат православной веры и восстановлено Несториево лжеучение, и распространял многие другие непристойные и ложные речи. В Палестине находилась тогда царица Евдокия, супруга благочестивого царя Феодосия Младшего[805]; по смерти своего мужа она проживала в святых местах. И вот тот вышеупомянутый еретик Феодосий сначала увлек к отвержению Халкидонского собора царицу Евдокию; потом заразил своей ересью многих пустынных отцов и сделал

их своими единомышленниками. Затем он с множеством прельщенных иноков, поднял возмущение против патриарха Ювеналия: он настойчиво убеждал его отвергнуть постановления Халкидонского собора; когда же тот отказался, его свергли с патриаршего престола, – и ушел Ювеналий в Константинополь к царю Маркиану.

Феодосий же, опираясь на содействие царицы Евдокии и силу ослепленных ересью иноков, ему помогающих, взошел на патриарший престол[806] и много зла причинял православным; епископов и клириков, не хотевших иметь с ним общения, одних низвергал, других мучил и убивал, и уже всех палестинских иноков увлек вслед за собою, кроме тех, которые были в монастырях Евфимия: имея пред глазами пример отца своего – великого Евфимия, они твердо стояли в православии. Лжепатриарх Феодосий употреблял много стараний привести преподобного Евфимия к общению с собой, непрестанно посылая к нему, умоляя и угрожая и всеми способами стараясь уловить его в свою ересь. Но преподобный не был уловлен вражьими сетями и не поколебался от его лукавства, как бы крепкий столб и стена неподвижная. Обременяясь каждый день присылаемыми коварными просьбами Феодосия, он созвал братию и, заповедав им тщательно остерегаться ересей и твердо держаться православия, удалился в великую пустыню. Многие из братий поступили так же, избегая притеснений со стороны еретиков, и, подражая отцу своему, ушли в пустыню.

В это время в пустыне иорданской[807] был некий отшельник, пришедший незадолго пред тем из Ликии[808], по имени Герасим, он прошел все правила иноческого жития и с успехом боролся против нечистых духов. Но, побеждая и прогоняя бесов невидимых, он был уловлен и прельщен видимыми бесами – еретиками, ибо впал в Евтихиеву ересь. Услышав же о преподобном Евфимии, слава о добродетельной жизни которого распространялась повсюду, Герасим пошел к нему в пустыню Рува, где он тогда пребывал. Увидав его, он получил от него большую духовную пользу; пробыв с преподобным Евфимием долгое время, Герасим, насыщаясь полезными беседами от его сладкоречивого языка и наставлениями о православии, отверг

лжеучение еретическое и обратился к православной вере и глубоко каялся в своем прежнем заблуждении.

Смятение, произведенное еретиками в Палестине через Феодосия, продолжалось целый год. Потом пришло от благочестивого царя Маркиана повеление схватить лжепатриарха Феодосия, дабы он принял суд и наказание по делам своим; он же, узнав об этом, бежал на гору Синайскую[809] и скрылся – неизвестно куда. Тогда преподобный Евфимий возвратился из пустыни в лавру свою.

Когда преподобный совершал однажды Божественную литургию, Теревон сарацин и евнух Гавриил, брат Хрисиппов, во время Трисвятой песни видели огонь, сошедший с неба и окруживший святого, и стоял преподобный пред Божественною трапезою в столпе огненном до самого окончания службы. И сам преподобный иногда передавал некоторым из братии, что он часто видел Ангела, совершающего с ним литургию. Имел он и тот дар, что по внешнему виду прозревал внутренние движения духа и узнавал помышления человеческие, злые и добрые. Когда братия причащались Божественных Тайн, он видел, кто с какою душою причащается: иных видел он освящающимися от причащения, кои приступали достойно: других же – помрачившимися, с лицом как бы умерших, так как они дерзали недостойно. Поэтому преподобный непрестанно поучал всех апостольскими словами:

– Внимайте тщательно, братие, как вы приступаете к причащению: «Да испытывает же себя каждый из вас, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе» (1Кор.11:28–29), ибо сия святыня приуготовлена для святых, а не для осквернённых, – и если вы имеете чистую совесть, то «кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не постыдятся» (Пс. 33:6).

Когда святейший Ювеналий снова занял свой престол и стал исправлять возникшие в церкви беспорядки, царица Евдокия, увлеченная вышеупомянутым Феодосием в Евтихиеву ересь, колебалась в мыслях, не зная, какого держаться исповедания, и послала в Антиохию к преподобному Симеону

Столпнику, прося у него полезного совета и наставления. Он же написал ей следующее:

– Знай, что дьявол, видя богатство твоих добродетелей, просил, «чтобы сеять» тебя «как пшеницу» (Лк.22:31), и через того губителя Феодосия растлил твою боголюбивую душу; но дерзай: ибо не оскудела вера твоя. Я же весьма удивляюсь тому, что, имея источника вблизи, пренебрегаешь им, и тщилась почерпнуть той же воды издалека: ты имеешь там богоносного Евфимия, следуй его учению, – и спасешься.

Получив от преподобного Симеона такое послание, царица немедленно стала расспрашивать о преподобном Евфимии. Узнав же, что он никогда из пустыни не выходит в город, она задумала выстроить столп в восточной пустыне, на высоком холме, в расстоянии тридцати стадий от лавры Евфимиевой[810], чтобы иметь возможность там часто видеть преподобного и услаждаться его поучениями; выстроив столп тот, она поселилась в нем в уединении. Она послала к преподобному Евфимию вышеупомянутого Анастасия, бывшего тогда хорепископом после Пассариона, и Космy крестохранителя, умоляя, чтобы он позволил ей видеться с ним; они же, пришедши, не нашли его в лавре, ибо он давно уже ушел в Руву. Взяв с собою преподобного Феоктиста, они пошли с ним в ту пустыню и, нашедши его, много умоляли идти к царице, спасти ее заблудившуюся душу, – и лишь с трудом убедили старца идти к ней. Увидев великого Евфимия, царица весьма обрадовалась и, припав к его честным ногам, сказала.

– Ныне я узнала, что Бог воззрел на мое недостоинство.

Старец же, достаточно наставив ее касательно православия, завещал держаться святых четырех Вселенских соборов: Никейского, собравшегося против Ария, Константинопольского – против Македония, Ефесского – на Нестория и Халкидонского – на Диоскора и Евтихия, и повелел примириться с патриархом Ювеналием, с которым она прежде боролась; сказав много другого на пользу ее, он благословил ее и, помолившись о ней, ушел. Царица же приняла его слова так как бы они были произнесены из уст Божиих, и постаралась исполнить их на деле; тотчас пойдя в Святой град для

примирения со святейшим Ювеналием и явно отвергнув ересь, она вошла в общение с православною Церковью. Увидев это, весьма многие из мирян и иноков, которые были прельщены Феодосием, по примеру царицы обратились к православию.

На восемьдесят втором году жизни Евфимия[811] пришел в лавру его блаженный Савва, бывший еще юным; старец, приняв его, отослал его в нижний монастырь к преподобному Феоктисту и предсказывал о нем, что в скором времени он просияет в иноческом житии более других, что и сбылось, как это видно из жития преподобного Саввы. Еще пришли тогда к преподобному Евфимию Мартирий, каппадокиец родом, и Илия, родом араб. По убиению царя Маркиана, Тимофей Елур[812] поднял в Египте смятение и мятеж, во время которого был убит и святейший Протерий, патриарх Александрийский[813]; не вынося сего мятежа, Мартирий и Илия ушли из Египта и притекли к великому Евфимию, как к небурному пристанищу. Преподобный оказывал им любовь и почтение: он провидел, что оба в свое время будут занимать престол апостола Иакова, брата Господня, в Иерусалиме. Он брал их с собою и в пустыню Кутиллийскую, и в Рувийскую, вместе со святым Герасимом, и там пребывал с ними, по обычаю своему, до Недели ваий; каждый воскресный день преподобный совершал Божественную литургию, и великие те отцы причащались из его рук Пречистых Тайн.

Вскоре после того, в царствование христолюбивого Льва[814], вступившего на престол после Маркиана, святейший патриарх Ювеналий умер. По его смерти общим советом всех единодушно избран был Анастасий[815], бывший прежде сосудохранителем и хорепископом. И исполнилось пророчество преподобного Евфимия, которое он изрек, когда посетил его Анастасий и святой прозорливыми очами увидел его в патриаршей одежде. Вспомнив об этом, Анастасий послал к святому честных клириков со следующими словами: «Вот, отче, ныне исполнилось твое пророчество: умоляю тебя, позволь мне прийти к тебе – приветствовать твою святыню».

Преподобный Евфимий отвечал на это так:

– Я всегда желаю видеть ваше святительство и получать пользу от беседы вашей; но так как первый приход ваш к моей

худости был тихий и имел мало спутников, а нынешний ваш сан требует, чтобы с вами шло множество сопровождающих, то поэтому приход вашего блаженства превосходит мои немощные силы. Итак, прошу вашу святыню не трудиться шествовать к моему смирению. Если же изволишь прийти, то я приму с радостью, но тогда я буду должен и других приходящих принимать, и потому мне будет невозможно оставаться на этом месте, вследствие беспокойства от многих приходящих.

Услышав об этом и размыслив в душе, патриарх сказал себе: «Если я пойду, то оскорблю старца. Итак, не пойду». Однако спустя некоторое время, вызванный нуждою, он ходил к преподобному и виделся с ним, о чем речь после.

Блаженная же царица Евдокия создала много церквей и такое множество монастырей, богаделен и странноприимниц, что трудно их и перечислить. При созданной ею церкви святого Петра, отстоявшей от лавры Евфимиевой приблизительно в двадцати стадиях, она повелела сделать большой и глубокий водоем для приходящих. В дни Пятидесятницы она сама пришла туда посмотреть на работу и послала к преподобному, прося его прийти к ней, дабы она сподобилась его молитвы и благословения и насладилась его поучением; при этом она еще хотела дать святому пожертвование на общие потребности лавры. Великий же Евфимий отвечал к ней через посланных:

– Не ожидай еще увидать меня в плоти. Ты же, чадо, к чему заботишься о многом? Я думаю, что ты до наступления зимы отойдешь к Богу. Поэтому потрудись этим летом приготовиться к исходу, а пока еще ты в плоти, не старайся помнить меня, ни письменно, ни без писания, ни о подаянии нам чего-либо, ни о взимании. Но когда отойдешь к Владыке всех, то там вспомни меня, дабы и меня принял с миром, когда восхочет человеколюбие Его.

Услышав это, блаженная Евдокия весьма восскорбела, в особенности при словах: «не старайся помнить меня ни письменно, ни без писания», ибо она хотела оставить ему по завещанию много дохода. Поспешно придя в Святой град Иерусалим, она передала патриарху Анастасию слова Евфимия. В то время царица сооружала церковь во имя святого

первомученика Стефана и, когда храм был еще не окончен, повелела освятить его 15 июля, отделив ему большие доходы. Потом она обошла все церкви, ею созданные, присутствуя при их освящении и отделяя для каждой достаточное количество доходов. По истечении четырех месяцев по освящении церквей благочестивая царица Евдокия предала душу свою в руки Божии[816].

В девятидесятый год жизни великого Евфимия, преподобный Феоктист заболел тяжкою болезнью. Преподобный Евфимий пришел посетить болящего Феоктиста и дать ему последнее целование и пробыл в монастыре том несколько дней, ожидая кончины друга и спостника своего, чтобы предать тело его погребению; в той болезни блаженный Феоктист скончался 3 сентября[817]. Патриарх Анастасий, узнав о кончине Феоктиста и о том, что святой Евфимий находится там, поспешно пошел с клиром своим, под тем предлогом, что хочет предать погребению блаженного Феоктиста, но более ради того, чтобы видеть и целовать святого Евфимия. Увидав его, патриарх взял его за руки и облобызал, говоря:

– Давно я хотел облобызать сии святые руки, и вот ныне сподобил меня Бог. И теперь прошу тебя, честный отче, помолись о мне Господу, чтобы исполнившееся на мне твое пророчество сохранилось до конца; ты же часто пиши мне, наставляя меня управлять Христовой Церковью, ибо я вижу в тебе действие даров Божиих, и на себе испытал их силу.

Святой же со смирением сказал:

– Прости меня, святой владыка, прошу твое блаженство воспоминать обо мне в молитвах твоих к Богу.

Предав вместе погребению честное тело преподобного Феоктиста и насладившись беседой друг с другом, они разошлись.

Игуменом Феоктистовой киновии был поставлен Марин, дядя Теревонов, муж богоугодный; но спустя два года он скончался, и преподобный Евфимий, пришедши, похоронил его близ преподобного Феоктиста; на место же Марина поставил игуменом Лонгина, мужа добродетельного. С этим Лонгином однажды, в январе месяце, пришел в лавру к преподобному

Евфимию блаженный Савва, чтобы проводить его, уходившего в великую пустыню. Видя готовность Саввы, Евфимий взял его с собою на подвиги пустыннические. Когда они ходили в Руве по местам безводным, Савва сильно возжаждал от труда и не мог идти далее, потому что изнемог от жажды. Тогда преподобный Евфимий, сжалившись над ним, молитвою извел воду из сухой земли, как о том написано в житии преподобного Саввы.

После многих и бесчисленных своих трудов преподобный Евфимий приблизился к блаженной кончине своей, которую провидел по Божественному откровению. В один год, когда наступило время его обычного удаления в пустыню, в восьмой день праздника Богоявления Господня, т. е. января 14-го, братия, собравшись, пришли к преподобному, одни – желая проводить его, другие – ожидая идти с ним; среди них были Мартирий и Кия, пришедшие из Нитрии. Видя, что преподобный не приготовляется в путь и не делает никаких распоряжений относительно того, кто из братии пойдет с ним и кто останется в лавре, они спросили его:

– Разве ты завтра не уходишь, честный отче, в пустыню?

Святой отвечал:

– Эту неделю я остаюсь с вами в лавре, в субботу же в полночь расстанусь с вами.

Святой сказал это, предсказывая братиям время своего отшествия к Богу, но они его не поняли. На третий день, 17 января, наступила память преподобного отца нашего Антония Великого, и святой Евфимий приказал, чтобы в церкви совершено было всенощное бдение. По совершении бдения, созвав пресвитеров лаврских к алтарю, преподобный сказал им:

– Отныне, братия, я не совершу с вами ни одного бдения, ибо зовет уже меня Бог из временной сей жизни. Поэтому пришлите ко мне Дометиана, а утром пусть соберутся сюда все братия.

Услышав это, пресвитеры зарыдали, и немедленно стало известно братиям сказанное великим Евфимием. Утром все собрались к преподобному, и он начал говорить им так:

– Отцы и братия мои и чада, возлюбленные о Господе, я отправляюсь в путь отцов моих, вы же, если любите меня,

блюдите заповеди мои: более всего приобретайте чистую любовь, которая есть союз совершенства. И как невозможно есть хлеб без соли, так невозможно управить добродетель без любви, ибо всякая добродетель оказывается крепкой и постоянной – любовью и смирением: смирение возносит радеющего о нем на высоту добродетелей, а любовь крепко держит и не допускает с высоты той упасть вниз: ибо «любовь никогда не перестает» (1Кор.13:8), и что любовь выше смирения, – это ясно из примера Самого Господа нашего, ибо ради Своей любви к нам Он добровольно смирился и стал человеком, как и мы. Поэтому мы должны непрестанно исповедоваться Ему и воссылать хвалы, в особенности же мы, отрешившиеся от этого мятежного мира. Каждый из вас да внимает себе, братия, и да соблюдает в чистоте тело и душу. Обычных собраний церковных никогда не оставляйте, все предания и уставы монастырские тщательно сохраняйте, бедствующим в напастях по силе помогайте. Если кто из братий борется с нечистыми помыслами, того непрестанно наставляйте, поучайте, утверждайте, дабы непреткновен был он дьяволом и не пал бы. Сию же последнюю присоединяю вам заповедь: ворота монастырские пусть никогда не будут заперты для приходящих, но да будут всегда открыты для странников, и самая кровля да будет у вас общая со странниками, и все, что имеете, предлагайте нуждающимся. И тогда свыше вам от Бога будет подаваться изобильное благословение.

Заповедав все это братиям, преподобный Евфимий спросил их, кого после него желают иметь своим пастырем. Они же единогласно назвали Дометиана. Но святой сказал:

– Это невозможно, ибо Дометиан после меня недолго останется в жизни сей, но в седьмой день пойдет за мною.

Пораженные таковым дерзновенным и ясным пророчеством святого, братия избрали Илию, родом происходившего из Иерихона, эконома нижнего монастыря[818]. Евфимий, обратившись к нему, сказал:

– Вот все отцы выбрали тебя пастырем себе и наставником: поэтому внимай себе и всему стаду твоему.

Преподав ему много наставлений и поучив его относительно руководства братиями, преподобный предрек о некоторых обстоятельствах, имеющих совершиться в его монастырях по его смерти; потом сказал следующее последнее слово:

– Если я обрящу дерзновение пред Богом, прежде всего буду просить у Него благодати, да буду с вами духом всегда с желающими подвизаться здесь после вас до Века.

Сказав это, преподобный отпустил всех, кроме Дометиана. Он пробыл внутри алтаря три дня и с миром почил в ночь субботнюю и был причтен к своим отцам, прожив на земле девяносто семь лет. Это было 20 января[819]. Немедленно весть о кончине преподобного Евфимия разнеслась по всей Палестине, и стеклись из всех монастырей и пустынь иноки, среди которых был и великий Герасим, и собралось великое множество народа. Прибыл и святейший патриарх Анастасий со всем клиром своим. По причине множества народа невозможно было предать погребению честного тела преподобного до девятого часа, пока, наконец, воины, по повелению патриарха не отогнали народ, – и тело святого было торжественно погребено. Все плакали о разлуке с ним; особенно неутешно плакали о нем пришедшие из Нитрии Мартирий и Илия, которые впоследствии занимали патриарший престол в Иерусалиме, согласно пророчеству святого: ибо после Анастасия вступил на престол Мартирий, после Мартирия был Саллюстий, а после него Илия[820], как о том пишется в житии преподобного Саввы. Блаженный же Дометиан, ученик Великого Евфимия, не отходил от гроба аввы своего шесть дней и ночей; при наступлении же седьмого дня явился ему ночью в видении святой Евфимий, радостный, со светлым лицом, и сказал ему:

– Гряди к уготованному тебе покою, ибо умолен Владыка Христос, чтобы ты был со мной.

Исполнившись неизреченной радости, Дометиан возвестил о том братиям и, пришедши с весельем в церковь, предал дух свой Господу, и погребен был при гробе отца своего. По преставлении преподобного отца нашего Евфимия при гробе его совершалось много чудес и подавались исцеления[821] во славу

Бога во святых Своих прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Веселися пустыня нераждающая, благодушествуй неболящая, яко умножи тебе чада муж желаний духовных, благочестием насадив, воздержанием воспитав в добродетелей совершенство. Того молитвами Христе Боже, умири живот наш.

Кондак, глас 8:

В честнем рождестве твоем радость тварь обрете, и в Божественней памяти твоей, преподобне, благодушие прият многих твоих чудес: от нихже подаждь богатно в души наша, и очисти грехов скверны, яко да поем: аллилуиа.

Память святых мучеников Васса, Евсевия, Евтихия и Василида

Память 20 января

Святые мученики Васс, Евсевий, Евтихий и Василид пострадали в царствование Диоклетиана. Сначала они служили при царском дворе, были богаты и принадлежали к членам царского синклита[822]. Увидев страдание святого священномученика Феопемпта, епископа Никомидийского, они уверовали во Христа и приняли святое крещение. Вследствие этого они были приведены к нечестивому царю для мучений и приняли мученическую смерть с пятью своими рабами. Святой Васс был закопан до половины тела в ров и, изрубленный по всему телу, предал дух свой Богу. Святой Евсевий повешен вниз головою и рассечен на части. Святой Евтихий был связан за руки и ноги и, сильно растянутый между четырьмя столбами, растерзан. Святой Василид был зарезан ножом. И так все они приняли венцы мученические[823].

Память святых мучеников Инны, Пинны и Риммы

Память 20 января

Святые мученики Инна, Пинна и Римма[824] были родом из Скифии, из северной страны[825], ученики святого апостола Андрея Первозванного. Они учили о имени Христовом и многих из варваров, обратив к правой вере, крестили. По этой причине они были схвачены князем варваров, но не могли быть доведены до того, чтобы отречься от Христа и принести жертву идолам. Тогда стояла жестокая зима; реки скреплены были морозом так, что по льду ходили не только люди, но и кони и возки. Князь приказал поставить в лед большие бревна, как целые деревья, и привязать к ним святых. Итак, когда вода взволновалась и лед постепенно умножался, так что дошел до шеи святых, они, измученные страшною стужею, предали Господу блаженные свои души[826].

Житие преподобного отца нашего Максима Исповедника

Память 21 января

Великий не только по имени[827], но и по жизни, преподобный Максим родился в великом царственном городе Константинополе. Происходя от высокопоставленных и благочестивых родителей, он получил серьезное научное образование. Он основательно изучил философию и богословие, достиг высшей славы своею мудростью и был уважаем даже в царских палатах. Царь Ираклий[828], видя его разум и праведную жизнь, почтил его, помимо его воли, званием первого своего секретаря и включил его в число своих советников. Преподобный Максим пользовался любовью и уважением среди придворных и был весьма полезен всему царственному городу.

В это время возникла ересь монофелитов, признававших в Христе Господе нашем только одну волю и одно хотение[829]. Развилась эта ересь из прежде бывшей евтихианской ереси, которая безрассудно признавала во Христе одно только естество, вопреки православному исповеданию, требующему признавать в Господе нашем, воплотившемся Боге, два естества и две воли, два хотения и действия, особенные для каждого естества, но соединенные в одном Лице Христовом, ибо Христос есть Бог, не на два лица разделяемый, но в двух естествах неслитно познаваемый. Защитниками и распространителями ереси монофелитов были вначале: Кир, патриарх Александрийский, Сергий Константинопольский[830] и даже сам царь Ираклий, увлеченный ими в эту ересь. Созвав поместные соборы, Кир – в Александрии, а Сергий – в Константинополе, они утвердили эту ересь, повсюду разослали свое постановление и совратили весь Восток. Один только святой Софроний, патриарх Иерусалимский, противился ереси, не принимая лжеучения. Блаженный Максим, видя, что ересь проникла и в царские палаты и совратила самого царя, стал опасаться, как бы и ему не совратиться в ересь по примеру

многих. Поэтому он оставил свое звание и всю славу мирскую и пошел в монастырь, отстоявший далеко от города, по названию Хрисопольский[831], где и стал иноком, предпочитая «быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс.83:11).[832] Там, спустя несколько лет, он за свою добродетельную жизнь был избран настоятелем (аввой).

Между тем патриарх Сергий внушил царю Ираклию написать исповедание их неправой веры. Это последнее, исполненное монофелитской ереси, царь назвал «экфесис», то есть изложение[833], и повелел всем так веровать в своем государстве, вследствие чего Церковь Христова была раздираема смутою. Авва Максим, видя, какую смуту переживали церкви в Константинополе и по всему Востоку и как множились и укреплялись еретики, между тем как Православие умалялось и было колеблемо бурею гонения, скорбел духом, воздыхал и много плакал. Услышав же, что на Западе эта ересь не нашла последователей и совершенно отвергнута, так как папа римский Северин[834] не принял царского «изложения», а преемник его на римском престоле, папа Иоанн[835], предал на соборе это «изложение» анафеме, блаженный Максим оставил свой монастырь и пошел в западные страны. Он хотел найти себе приют в старом Риме, так как жить в Иерусалиме не было возможности по случаю нападения на Палестину сарацин[836]. В Рим он пошел, предпочитая жить с православными, твердо хранившими веру. Направляясь туда, он посещал в лежавших ему на пути городах африканских епископов и, беседуя с ними, утверждал их в вере, научал, как избежать коварства противников и как избавиться от их хитросплетенных сетей[837]; к некоторым же, находившимся далеко, он посылал письма, поучая правоверию и убеждая всячески остерегаться ереси.

В это время умер Сергий, патриарх Константинопольский, а место его занял Пирр, приверженец той же ереси[838]; равным образом умер и Кир, патриарх Александрийский, а затем скончался и сам царь. Однако ранее своей кончины, видя, что многие великие и святые архиереи и Богомудрые отцы не только отвергают его изложение веры, но и предают его анафеме, царь сильно устыдился и повсеместно известил, что

это не его исповедание, а прежде бывшего патриарха Сергия, который сам написал «изложение» и только убедил царя подписать его. Когда умер царь Ираклий, преемником ему был сын его Константин[839], но и тот, процарствовав только четыре месяца, умер, тайно отравленный своею мачехою Мартиною, которая, при содействии и патриарха[840], возвела на престол своего сына Ираклиона. Но спустя шесть месяцев против Ираклиона восстали все сановники; схватив его, они отрезали ему нос, равно как и матери его Мартине, и затем с позором изгнали их в ссылку. На престол же они возвели сына Константина, внука Ираклия, по имени Констанса, от которого впоследствии родился Константин, прозванный Погонатом[841]. По воцарении Констанса тогдашний Константинопольский патриарх Пирр, единомышленник Мартины, по народному мнению вместе с нею отравивший сына Ираклия – Константина, отца новопоставленного царя Констанса, сильно испугался и, самовольно сложив с себя патриарший сан, бежал в ссылку в Африку. После него занял Константинопольский патриарший престол Павел[842], также еретик-монофелит. Той же ересью увлекся и царь и стал великим ее поборником и распространителем.

Когда преподобный оставался в Африканской стране, прибыл туда Пирр, патриарх Константинопольский, который бежал со своего престола и, обходя города, совращал православных в свою ересь. Много вреда причинил бы он там Христовой Церкви, если бы не имел противника себе в лице преподобного Максима, встречаясь с которым он по целым часам состязался в прениях о вере. Епископы африканские по необходимости должны были собираться в Карфаген, чтобы послушать прения обоих о вере, так как этого желал патриций[843] Григорий, правитель той страны. Когда составился собор и начались прения, Богомудрый Максим победил Пирра, опровергнув его доводы на основании Божественных книг и догматов святых отцов[844]. Он доказал, что как во Христе Боге два естества, так должны быть в Нем и две воли, два хотения и действования, – нераздельные, однако, в одном лице. Побежденный в споре Пирр присоединился к православным и

был принят Церковью с любовью и почетом, с титулом патриарха. Тогда же он составил и книгу православного исповедания. Затем он пошел в Рим к папе Феодору, который был преемником Иоанна. Папа принял его с почетом, как православного Константинопольского патриарха. Когда в Константинополе распространился слух, что Пирр присоединился к православным, то сонмище еретиков омрачилось завистью. Сочинив ложный рассказ, они распространили в народе слух, будто бы африканские епископы и папа принудили Пирра, помимо его воли, присоединиться к единомыслию с ними. Этот слух дошел до самого царя. Царь тотчас послал в Италию одного своего сановника, еретика, по имени Олимпия, чтобы он снова обратил Пирра к монофелитскому исповеданию. Олимпий, прибыв в Италию, остановился в городе Равенне[845] и, вызвав к себе из Рима Пирра, убедил его вернуться к прежней ереси. Пирр же, уподобившись псу, возвращающемуся на свою блевотину, стал достоин анафемы, которой и был впоследствии предан святыми отцами вместе со своими единомышленниками.

В это же время царь Констанс, по внушению Константинопольского патриарха, еретика Павла, написал, подобно деду своему Ираклию, составившему «изложение», – свое исповедание веры, исполненное ереси, и, назвав его типосом (образцом), разослал повсюду, повелевая так веровать[846]. Этот образец веры дошел до Рима, когда папа Феодор был уже на смертном одре. После его кончины преемником ему был блаженный Мартин. Царь желал, чтобы и новопоставленный папа принял написанный им типос веры, но папа отверг его, говоря:

– Если бы и весь мир захотел принять это новое учение, противное православию, я не приму его и не отступлю от евангельского и апостольского учения, а равно и от преданий святых отцов, хотя бы мне пришлось претерпеть смерть.

Святой Максим, авва Хрисопольского монастыря, находясь в это время в Риме[847], советовал блаженному папе Мартину созвать Поместный собор и осудить соборно царское исповедание, названное «типосом», как еретическое и

противное учению Христовой Церкви. Так и было сделано[848]. Папа, созвав своих епископов, числом сто пять, в среде коих был и авва Максим, предложил на обсуждение заблуждения Кира, Сергия, Пирра и Павла, а равно и царское еретическое исповедание, – предал лжеучения анафеме и написал повсеместно ко всем верующим, утверждая их в православии, разъясняя еретические заблуждения и предостерегая всячески беречься этих последних. Царь, услышав об этом, исполнился гнева и необычайной ярости и послал в Италию своего наместника Феодора Каллиопу, поручив ему захватить папу Мартина – после возведения на него обвинений: будто он вступил в соглашение с сарацинами, научая их вторгнуться в греко-римское царство и идти войною против царя, – будто веру, преданную св. отцами, он неправо содержит, а равно и хулит Пречистую Богоматерь. Прибыв в Рим, царский наместник публично возводил на папу эти обвинения. Блаженный Мартин, не будучи виновен ни в одном возводимом на него преступлении, защищался против злонамеренной клеветы.

– С сарацинами, – говорил он, – я никогда не вступал в какое-либо соглашение, а только посылал милостыню православным братьям, живущим среди сарацин в крайней бедности и убожестве. Если же кто не почитает Пречистую Богоматерь, не исповедует Ее и не поклоняется Ей, тот да будет проклят в нынешнем веке и в будущем. Веру же святую, преданную святыми апостолами и святыми отцами, не мы, а иначе мудрствующие неправо сохраняют.

Царский наместник, не слушая оправданий папы, признал его виновным во всем, присоединив еще и то, будто он незаконно взошел на престол. После этого он ночью тайком захватил папу, при помощи военной силы, и отправил его к царю. Папа был заточен в Херсонесе, где и скончался[849].

Несколькими днями ранее захвата папы был схвачен в Риме преподобный Максим вместе с учеником своим Анастасием и в оковах был отправлен в Константинополь. Это было сделано по царскому повелению, ибо царь знал, по чьему совету и внушению был созван собор для осуждения монофелитов и его послания. Когда преподобный прибыл

водным путем в Византию, к нему явились посланные царем мужи, уже в самом взоре обнаруживавшие сильную неприязнь. Они бесстыдно схватили преподобного, босого и без одежды, скованного узами, и влачили его по улицам, в сопровождении огорченного ученика его. Приведши его в одно темное помещение, они заперли его одного, не дозволив быть с ним его ученику, которого заключили особо в темнице. Спустя несколько дней преподобный был приведен для допроса в царский дворец, в полное собрание сената, однако без царя во главе. Когда он вошел туда, взоры всех, исполненные злобы и неприязни, устремились на него. Снять допрос было поручено одному из сановников, казнохранителю[850]. Это был муж способный к обильному словопрению, красноречивый, хорошо умевший излагать ложные обвинения и превращать правду в неправду; в искажении же истины он был сведущ больше всех. Какой только злобы и бесстыдства он не показал, каких упреков и оскорблений он не нанес! Он не постыдился ни почтенной старости святого, который имел тогда более семидесяти лет от рождения, не смутился пред благодатью, сиявшею в его взорах, не пощадил ни кроткого и степенного, открытого и любвеобильного характера, ни звания преподобного. В то время как неправедный обвинитель говорил на неповинного многое, нисколько не соответствовавшее ни истине, ни здравому смыслу, и обнаруживал в своем многословии злонамеренную хитрость, дерзость и лукавство нрава, он проявлял тем самым во всех своих речах величайшее бесстыдство и неразумие. Конечно, он не мог отвечать основательно на убедительные, исполненные кротости и благоразумия возражения преподобного, а только проявлял в своих речах безрассудство и сбивчивость, а потому и был побеждаем. В частности, что тогда было сказано и сделано, какие обвинения возлагались на неповинного, как лживые люди старались представить свою неправду под видом истины, – это описал подробно ученик преподобного Максима, другой Анастасий, бывший апокрисиарием[851] Римской Церкви. Мы приведем здесь на память немногое из его обширного повествования.

Как только беззаконный обвинитель, по званию казнохранитель, стал пред лицом святого, он тотчас начал поносить его, незлобивого, бранными словами и стращать угрозами, называя его бессовестным, предателем отечества, врагом царю, и приписывать ему все постыдное и преступное. Когда же святой спросил обвинителя, почему он возводит на него такие обвинения и в каком предательстве упрекает, – сановник возвел на него возмутительную клевету и представил заведомо ложных свидетелей. Он упрекал преподобного, будто он многие великие города предал варварам: так, отторгнув от родных пределов Александрию, весь Египет и Пентаполь[852], он присоединил их к владениям сарацин, к которым был дружески расположен и доброжелателен. Святой разъяснил, что возводимое на него обвинение ложно и достойно смеха.

– Какое мне дело, иноку, – говорил он, – до завоевателей городов, и мог ли я, как христианин, иметь общение с сарацинами? Напротив, я всегда желал только одного полезного для христианских городов.

Но бесстыдный клеветник обратился к иным видам лжи, сплетая их, как какие-либо сновидения, и, возвышая до неприличия голос, кричал, будто блаженный Максим хулил восточного царя, называя более достойными почета царей западных. При этом он ссылался на лжесвидетелей. Преподобный, тяжко вздохнув, сказал на это:

– Благодарю Бога моего за то, что я предан в ваши руки и терплю истязания за несправедливые вины, чтобы очистить ими свои вольные согрешения и пороки моей жизни. Но чтобы ответить кратко на ваши ложные обвинения, спрошу вас прежде всего: от меня ли самого вы слышали ту хулу на царя, о которой говорите, или иной кто-либо сказал вам о ней?

Они ответили:

– Мы слышали от других, слышавших это из уст твоих.

Когда же святой просил призвать их, чтобы они засвидетельствовали лично, обвинители сказали, что их уже нет в живых.

Святой сказал на это:

– Если вы говорите, что те, которые слышали хулу из уст моих, уже умерли, то почему вы не привлекли меня к допросу раньше, когда они еще были живы? Тогда и вы освободились бы от излишнего труда, и я понес бы наказание за явную вину. Но достоверно одно: как ложны ваши клеветы, возводимые на меня, так и те, которые привлекли меня к суду, не имели пред очами своими Бога, испытующего сердца человеческие. Да не буду я достоин видеть пришествие Господне и перестану называться христианином, если когда-либо я даже помыслил то ложное сновидение[853], выдуманное вами, или рассказал его пред кем-либо, или слышал от кого!

Тогда призвали одного лжесвидетеля, по имени Григорий, который утверждал, что слышал в Риме, как ученик Максима Анастасий называл царя «попом», а этому научился он у своего учителя Максима. Святой Максим, возражая против Григория, мужественно опроверг его лживую клевету. Он говорил:

– Когда Григорий был в Риме, то вел с нами беседу только о единоволии, предлагая нам принять догматическое сочинение, названное «типосом». Но на это мы ответили отказом, предпочитая полезное душам нашим. Того же, что вы говорите теперь, ни я не знаю, ни ученик мой никогда не говорил, – в этом Бог свидетель! Однако я помню, как я говорил тогда, не ученику своему, а самому Григорию следующее: исследовать и определять догматы веры есть дело священнослужителей, а не императоров, потому что им предоставлено и помазывать царя, и возлагать на него руки, и совершать таинство Евхаристии, и предстоять алтарю, и совершать все прочие Божественные и величайшие таинства. Вот что я говорил тогда и ныне говорю. Припомнить эти мои слова не откажется и сам Григорий, а если бы отказался, то отказался бы от самого себя. За все это пусть всякий или обвинит, или оправдает меня пред судом.

Не зная, что делать, обвинители, надеявшиеся на силу лжесвидетельства, вывели преподобного вон из собрания. Затем был введен ученик его Анастасий. Последнего они старались смутить строгими речами и резкими угрозами, убеждая его, чтобы он подтвердил клевету на учителя своего. Они вынуждали его засвидетельствовать, будто учитель его

жестоко обращался в Риме с Пирром, когда состязался с ним о вере. Анастасий мужественно утверждал, что учитель его не только не сделал никакого зла Пирру, но и обращался с ним с особенным почтением. За такое прямодушие они начали бить Анастасия кулаками по шее, по лицу и по голове, желая таким образом победить истину насилием, – а затем отправили его в прежнюю темницу. После этого, не довольствуясь прежним ложным обвинением и пристрастным допросом, они снова призвали святого Максима и покушались победить его твердость новою клеветою. Клевета состояла в том, будто бы святой Максим был последователем учения Оригена[854] и соглашался с ним во всем. Святой легко и свободно опроверг их ложные обвинения как совершенно бездоказательные. Об Оригене он выразился как об отлученном от общения с Христом и с христианами, а последователей его учения признал достойными суда Божиего. Тогда они снова стали допрашивать святого Максима о Пирре и о тех причинах, по которым он отделился от Константинопольского патриарха и не желает вступить с ним в общение. Испытывали они святого и другими вопросами, предлагали ему принять царский «типос» и относиться к последнему с особенным почтением, как к совершеннейшему и обязательному догматическому изложению веры. Святой возражал им, а они досаждали ему многими резкими упреками. Однако, видя себя побеждаемыми преподобным Максимом во всех своих спорах и запутывающимися в собственных сетях, они распустили собрание и поспешно отправились к царю, чтобы засвидетельствовать непобедимое мужество Хрисопольского аввы.

– Максим, – говорили они, – непобедим в речах, и никто не может убедить его, чтобы он стал нашим единомышленником, – даже если бы кто-либо стал его мучить!

После этого преподобный опять был посажен в темницу. Спустя немного времени пришли к нему другие собеседники, полагая, что если часто с ним состязаться и устрашать его грозными словами, то гораздо скорее можно будет склонить его

к своей вере. Пришедшие заявили, что они посланы патриархом, и затем стали спрашивать святого:

– Какой ты Церкви: Византийской или Римской, Антиохийской, Александрийской или Иерусалимской? Ибо все эти церкви с подчиненными им областями находятся в единении. Поэтому, если и ты принадлежишь к Кафолической церкви, то немедленно вступи в общение с нами, – если только не желаешь подвергнуться тяжкому изгнанию и испытать то, чего не ожидаешь.

На это праведный муж весьма разумно ответил им:

– Христос Господь назвал Кафолическою церковью ту, которая содержит истинное и спасительное исповедание веры. За это исповедание он и Петра назвал блаженным, и на нем обещал основать Вселенскую Церковь[855]. Однако я хочу узнать содержание вашего исповедания, на основании которого все церкви, как вы говорите, вступили в общение. Если оно не противно истине, то и я не отступлю от него.

Послы ответили ему:

– Хотя нам и не поручено говорить с тобою об этом, однако – скажем. Мы исповедуем во Христе два действия по причине различия естеств и одно действие вследствие соединения обоих естеств в одном Лице.

Святой сказал на это:

– Если вы говорите о двух действиях, что они сделались единым действием вследствие соединения естеств в одном Лице, то значит, кроме тех двух действий, вы признаете еще новое, третье действие, слиянное, или Богочеловеческое.

– Нет, – ответили послы, – мы признаем два действия, а говорим об одном по причине соединения их.

Святой возразил на это:

– Вы сами создаете себе шаткую веру и исповедуете, что Бог может существовать, не имея бытия. Ибо, если вы сольете два действия в одно, по причине соединения естеств в одном Лице, и затем разделите единое действие на два, по причине различия естеств, тогда не будет ни единства, ни двойства действий, так как двойство единением и единство раздвоением взаимно исключаются; мало того, эти ухищрения делают

совершенно недействительным то, в чем пребывают действия (т. е. Богочеловечество), – даже вовсе устраняют его, как не имеющее свойственного ему по природе такого обнаружения, которое не могло бы быть ни отнятым у естества, ни измененным. В противном случае естество, как не проявляющее себя в сродных ему действиях, по разумению святых отцов, лишилось бы всего бытия[856]. Но этого я признать не могу, и не научился от святых отцов так веровать. Вы же, как имеющие власть, делайте со мною, что вам угодно.

Они, не зная, что возразить на это, сказали, что неповинующийся им должен подлежать анафеме и принять положенную ему смерть. Святой кротко и смиренно отвечал:

– Да совершится на мне воля Божия во славу святого имени Его.

Тогда послы отправились к патриарху и передали все, сказанное преподобным. Царь, посоветовавшись с патриархом, как некогда Пилат с иудеями, осудил святого на изгнание в небольшой городок, находившийся во Фракии, по имени Визию[857]. Равным образом и ученика его Анастасия они послали в заточении на далекую окраину Греческого царства, в одно весьма суровое место, называемое на варварском языке Перверою[858]. То же было сделано и с другим учеником преподобного, также Анастасием, бывшим некогда в Риме апокрисиарием, который впоследствии написал житие преподобного Максима. Его сослали в Месемврию[859], город во Фракии.

В это же время был привезен в Царьград блаженный Мартин, папа Римский, и после многих страданий сослан в заточение в Херсонес[860]. Еще ранее его ссылки, когда он находился в Константинополе, умер Павел, патриарх Константинопольский. После него был поставлен патриархом упомянутый выше Пирр[861], но и тот спустя четыре месяца скончался. Тогда на патриарший престол вступил Петр[862], упорный последователь той же монофелитской ереси.

Прошло много времени, и снова были посланы от имени царя и патриарха Петра к святому Максиму почтенные мужи: Феодосий, епископ Кесарии Вифинской[863], и два консула –

Павел и Феодосий, чтобы обратить его к своему единомыслию. Они употребили к обращению святого много разнообразных способов, то льстя преподобному, то угрожая, то испытуя его в вере, то вопрошая. Когда они явились вместе с визийским епископом и повелели святому сесть, епископ Феодосий обратился к нему со словами:

– Как поживаешь, господин, авва Максим?

Он отвечал:

– Так, как Господь от века предузнал и предопределил обстоятельства моей жизни, сохраняемой Его промыслом.

Феодосий возразил на это:

– Как так? Разве Бог от века предузнал и предопределил деяния каждого из нас?

Святой отвечал:

– Бог предузнал наши помышления, слова и деяния, которые зависят от нашей воли; предуставил же и предопределил то, что должно случиться с нами, но что находится уже не в нашей власти, а в Его Божественной воле.

Епископ Феодосий спросил:

– Что же находится в нашей власти и что не в нашей?

Святой Максим ответил:

– Все это ты знаешь, господин мой, и, только испытывая меня, раба своего, вопрошаешь.

Епископ сказал на это:

– Воистину я не знаю этого, и хочу уразуметь, какое различие между тем что состоит в нашей власти и что не состоит и как одно относится к Божественному предведению, а другое к предопределению?

Преподобный Максим ответил:

– Все наши добрые и дурные дела зависят от нашего произволения; не в нашей же власти – наказания и бедствия, случающиеся с нами, а равно и противоположное им. В самом деле, мы не имеем власти над изнуряющею нас болезнью или над здоровьем, но только над теми условиями, которые причиняют болезнь или сохраняют здоровье. При этом, как причиною болезни служит невоздержание, а воздержание служит условием доброго здоровья, – так и соблюдение

заповедей Божиих служит условием достижения Царства Небесного, а несоблюдение их – причиною ввержения в геенну огненную.

Епископ сказал ему:

– Зачем ты мучаешь себя этим изгнанием, совершая достойное такого бедствия?

– Молю Бога, – ответил святой, – чтобы Он, наказывая меня тем бедствием, простил мне грехи, сделанные преступлением святых Его заповедей.

Епископ возразил на это:

– Не для испытания ли со многими случаются беды?

– Искушаемы бывают святые, – отвечал преподобный, – чтобы обнаружились для всех их тайные добродетели, как это было с Иовом и Иосифом. И подлинно, Иов был искушаем ради обнаружения никому неизвестного в нем мужества, а Иосиф подвергся напасти, чтобы стали явными его целомудрие и воздержание, соделывающие человека святым. Да и каждый из святых, если недобровольно страдал в этом мире, то страдал для того именно, чтобы попускаемыми ему от Бога бедствиями победить гордого отступника, дьявола – змея; самое терпение в каждом святом было следствием искушения.

На это епископ Феодосий сказал:

– Поистине, хорошо и поучительно ты говоришь, и я хотел бы о подобных вещах всегда беседовать с тобою, – но так как я и спутники мои, почтеннейшие патриции, пришли к тебе, несмотря на громадное расстояние, ради другого дела, то просим тебя: прими то, что мы предложим тебе, и доставь радость всей вселенной.

– Что именно, господин мой? – спросил святой. – Да и кто я такой и откуда я, чтобы мое соизволение на ваше предложение могло обрадовать весь мир?

Епископ сказал:

– Как непреложны истины Господа моего Иисуса Христа, так и то, что я буду говорить тебе, а равно и сотрудники мои, уважаемые патриции, – мы слышали непосредственно от нашего патриарха и благочестивого царя.

– Скажите же, господа мои, – ответил Святой Максим, – чего вы хотите и что вы слышали?

Тогда Феодосий стал говорить:

– Император и патриарх, прежде всего, желают узнать от тебя: почему ты удаляешься от общения с Константинопольским престолом?

Святой Максим ответил:

– Вы знаете нововведения, принятые шестого индикта истекшего круга[864]. Они начались в Александрии через обнародование Киром, бывшим там патриархом, девяти глав, одобренных и утвержденных Константинопольским престолом. Были и иные изменения и дополнения (экфесис и типос), искажающие соборные определения. Эти нововведения были сделаны первыми представителями Византийской церкви – Сергием, Пирром и Павлом – и известны всем церквам. Вот причина, по которой я, раб ваш, не вступаю в общение с Константинопольскою Церковью. Пусть будут уничтожены в Церкви эти соблазны, введенные упомянутыми выше мужами, – пусть будут устранены введшие их – и очистится путь спасения от преград, и вы пойдете тогда гладким путем Евангелия, очищенным от всякой ереси! Когда же я увижу Константинопольскую Церковь такою, какою она была прежде, тогда и я обращусь к ней, как был и раньше ее сыном, и вступлю в общение с нею без всякого увещания человеческого. Пока же в ней будут еретические соблазны и еретики архиереи, никакое слово или дело не убедит меня, чтобы я когда-либо вступил в общение с ними.

– Но что же худого, – спросил епископ Феодосий, – в нашем исповедании, что ты не хочешь иметь общения с нами?

Святой Максим ответил:

– Вы исповедуете, что было одно действие у Божества и человечества Спасителя, – между тем если доверять святым отцам, утверждающим, что у кого есть одно действие, у того и естество одно, то вы исповедуете Святую Троицу не как Троицу, а как четверицу, как будто воплощение было единосущным Слову и отступило от тождества с человеческим естеством, которое есть у нас и было у Пречистой Девы Богородицы; по

отступлении же от сродного человеку тожества, как будто образовалась новая сущность, единосущная Слову в той же мере, в какой Слово единосущно Отцу и Духу; таким образом, является уже не Троица, а четверица. Равным образом, когда вы отрицаете действия и утверждаете, что у Божества и человечества Христова была одна воля, вы умаляете свободную самодеятельность Его в делании добра. Ибо если то и другое естество не имеет собственного, присущего ему действия, то если и захочет кому-либо благодетельствовать, не сможет этого, так как у него отнята способность к деланию добра. Ведь без способности действовать и без свойственного естеству действия никакая вещь не может что-либо произвести или сделать. С другой стороны, признавая вочеловечение Христа, вы исповедуете одну волю в двух естествах, но тем самым вы признаете, что и Плоть Его, по своей воле, была создательницею всех веков и всей твари, совокупно с Отцом, и Сыном, и Святым Духом; между тем по естеству, она сама создана. Или лучше сказать: плоть по своей воле безначальная, – ибо воля Божия безначальная, как и Божество не имеет начала, – а по естеству своему плоть создана во времени. Но так исповедовать не только безумно, а и безбожно, ибо вы не просто говорите об одной только воле во Христе, но называете ее Божественною, а у Божественной воли не может предполагаться ни начала, ни конца, как и у Самого Божества. Вы отнимаете также у Христа Господа все обнаружения и свойства, по которым познается Его Божество и человечество, когда экфесисом и типосом требуете не говорить ни об одной, ни о двух волях в Нем, ни о действиях Его. Эта воля не едина, потому что вы разделяете ее на две самым подчинением человеческой воли Божественной; их и не две, потому что вы сливаете их в едину.

Когда святой Максим говорил это и многое другое, о чем подробно сообщает ученик его Анастасий, Феодосий и патриции начали сознавать свое заблуждение. Однако епископ сказал:

– Прими написанный царем типос не как положительный догмат веры, но как способ решения сомнительных вопросов.

Он и написал не в смысле законодательства, а в смысле истолкования веры.

Святой Максим отвечал:

– Если типос не есть положительный закон, утверждающий единство воли и действия Господа нашего, то зачем вы сослали меня в страну варваров и неведущих Бога язычников? За что я осужден оставаться здесь в Визии? За что сотрудники мои изгнаны: один в Перверу, а другой в Месемврию?

Когда затем вспомнили о том Поместном соборе, который был созван в Риме блаженным папою Мартином для осуждения монофелитов, епископ Феодосий сказал:

– Не имеет значения этот собор, потому что он был созван не по царскому повелению.

Преподобный ответил:

– Если утверждаются только постановления соборов, созываемых по царскому повелению, то не может быть православной веры. Вспомните о соборах, созываемых по царскому повелению против единосущия, на которых установлено богохульное учение, что Сын Божий не единосущен Богу Отцу. Таковы соборы: первый в Тире, второй – в Антиохии, третий в Селевкии, четвертый в Константинополе при Евдоксии арианине, пятый в Никее, шестой в Сирмии, а спустя много времени – седьмой в Ефесе под председательством Диоскора. Все эти соборы созывались по царским повелениям; однако все они отвергнуты и преданы анафеме, так как на них были составлены вероопределения безбожные и богопротивные. Притом, почему вы не отвергаете того собора, который осудил Павла Самосатского и предал его анафеме? Ведь во главе этого собора стояли: Дионисий, папа Римский, Дионисий Александрийский и Григорий Чудотворец, который и председательствовал на этом соборе. Этот собор происходил без царского повеления; однако он тверд и неопровержим. Православная Церковь признает истинными и святыми только те соборы, на которых установлены истинные и непреложные догматы. И подлинно, как знает это и твоя святость, и других поучает тому же, каноны повелевают – в каждой христианской стране созывать поместные соборы дважды в год – как для

защищения спасительной веры нашей, так и для исправления того, что требует исправления; однако церковные правила не говорят о царских повелениях.

После продолжительной беседы и упорного спора с обеих сторон уста преподобного Максима исполнились Божественной мудрости и красноречия, и язык его, движимый Святым Духом, одолел противников. Последние долго сидели молча, склонив головы и опустив глаза. Затем они умилились и начали плакать, после чего встали и поклонились святому, равно как и он им. После совместной молитвы они с радостью согласились с истинным учением святого Максима и с любовью приняли это учение, причем и сами обещали веровать согласно с ним и царя надеялись убедить к тому же. Для подтверждения же своего обещания они облобызали Божественное Евангелие, честный крест и святые иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы. Затем, побеседовав достаточно о полезных для души вещах, они дали друг другу целование о Господе и, пожелав взаимно мира, возвратились – епископ Феодосий и патриции – в Византию. Когда они изложили царю все сказанное и сделанное, царь сильно разгневался. Тогда Феодосий и оба патриция, убоявшись царского гнева, снова обратились к ереси. Затем опять был послан в Визию патриций Павел с поручением доставить преподобного Максима в Константинополь, однако – с почетом. Когда святой Максим был привезен, ему повелено было жить в монастыре святого Феодора[865].

Наутро были посланы царем к преподобному два патриция – Епифаний и Троил. Они явились в сопровождении многих знатных мужей, с отрядом войска и слугами, с пышностью и суетным величием. Вместе с ними пришел и вышеупомянутый епископ Феодосий, его ожидал преподобный Максим и надеялся на исполнение его обещания, по которому не только он сам должен был истинно веровать, но и царя, и всех других представителей народа возвратить православию. Но Феодосий солгал, предпочитая угождать царю земному и суетному миру, нежели следовать Царю Небесному и Его святой Церкви. Когда все сели и убедили сесть преподобного, начал беседу патриций Троил.

– Царь, владыка вселенной, – начал он, – прислал нас к тебе возвестить то, что угодно его царской власти, утвержденной Богом, но прежде скажи нам: исполнишь ли ты волю государя или нет?

Святой Максим ответил:

– Прежде я выслушаю, господин мой, что повелевает мне государь, и сообразно с этим отвечу тебе. Ибо как я могу отвечать на то, чего еще не знаю?

Троил же настаивал, говоря:

– Не скажем тебе, с чем мы явились, пока ты не ответишь нам, окажешь ли повиновение царю.

Преподобный муж, видя, что посланные требуют настойчиво, смотрят злобно и резкими словами допрашивают его, будет ли он повиноваться царской воле, отвечал:

– Так как вы не хотите сказать мне, рабу вашему, что угодно господину нашему, царю, то объявляю вам, пред лицом Самого Бога и Его святых Ангелов, следующее: если царь повелит мне что-либо такое, что имеет временное и преходящее значение, притом непротивное Богу и безвредное для вечного спасения души, то я охотно исполню.

Когда святой сказал это, патриций Троил тотчас встал, и хотел уходить, говоря:

– Я ухожу, потому что вижу, что сей муж не исполнит царской воли.

Но тотчас поднялся шум и началось сильное смятение среди пришедшего сюда множества народа. Тогда епископ Феодосий сказал:

– Объявите ему волю государя и выслушайте его ответ, ибо нехорошо уйти, ничего не сказав ему и не выслушав его ответа.

После этого патриций Епифаний начал говорить преподобному:

– Вот что царь приказывает объявить тебе: так как весь Восток и те на Западе, которые увлечены в соблазн, взирая на тебя, производят смуты и волнения, являясь отступниками от веры и строя козни, причем не хотят в деле веры иметь с нами общения, то да смягчит Господь кротостью твое сердце, чтобы ты вступил в общение с нами, приняв изданный нами типос. Мы

же, приняв тебя с любовью, с великою честью и славою введем тебя в церковь и поставим рядом с нами, где обычно стоят цари, и приобщимся вместе с тобою Пречистых и Животворящих Таин Тела и Крови Христовых. Потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет радость не только во всем христолюбивом граде нашем, но и во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение со святою Константинопольскою Церковью, то присоединятся к нам и все, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения с нами.

Святой авва Максим, обратившись к епископу Феодосию, со слезами сказал:

– Все мы, владыка, ожидаем Великого дня Судного. Ты помнишь, что было недавно говорено и обещано пред святым Евангелием, животворящим Крестом и святыми иконами Спасителя нашего Иисуса Христа и Пренепорочной Его Матери, Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии.

Епископ, с потупленным вниз взором, кротко сказал:

– Что же могу я сделать, когда благочестивый царь хочет иного?

Авва Максим отвечал ему:

– Зачем же ты и бывшие с тобою касались святого Евангелия, когда у вас не было твердого намерения исполнить обещанное? Поистине, все силы небесные не убедят меня сделать то, что вы предлагаете. Ибо, какой ответ дам я, не говорю – Богу, но моей совести, если из-за пустой славы и мнения людского, ничего не стоящего, отвергну правую веру, которая спасает любящих ее?

Когда святой сказал это, тотчас все встали, исполненные гнева и бешенства и, бросившись к нему, начали не только ругать его бранными словами, но и возложили на него руки. Схватив его, они били его руками, терзали, туда и сюда влачили его по полу, толкали и топтали его ногами, и каждый старался достать его, чтобы ударить. Они непременно убили бы святого, если бы епископ Феодосий не укротил их ярости и не успокоил волнения. Когда перестали бить и терзать святого, то начали плевать на него, и оплевали человека Божиего с головы до ног.

Смрад исходил от их гадких плевков, которыми была испачкана вся одежда его.

Тогда епископ сказал им:

– Не следовало бы делать этого; нужно было только выслушать его ответ и донести царю, ибо дела, подлежащие церковным правилам, иначе судятся.

С трудом епископ убедил их прекратить шум и снова сесть. Они, не переставая поносить святого грубыми ругательствами и оскорбительными упреками, уселись.

Тогда патриций Епифаний, дыша яростью, с гневом обратился к святому:

– Скажи нам, злой старик, одержимый бесом! Зачем ты говоришь такие речи? Не считаешь ли ты еретиками всех нас, и город наш, и царя нашего? Знай, что мы более тебя христиане и более тебя православные. Мы признаем в Иисусе Христе, Господе нашем, Божественную и человеческую волю и душу разумную, ибо всякое разумное существо всегда имеет и силу произволения, по самому естеству своему, и способность деятельности. Вообще, живому существу свойственно движение, а уму присуща воля. Мы признаем и Господа имеющим власть хотения не по Божеству только, но и по человечеству, а особенно мы не отрицаем его двух волей и двояких действий.

Авва Максим отвечал:

– Если вы веруете так, как учит Церковь Божия, и как прилично разумному существу, то зачем принуждаете меня принять «типос», который совершенно отрицает то, что вы говорите теперь?

Епифаний возразил:

– Типос написан ради улажения не совсем понятных истин, чтобы не впал в заблуждение народ вследствие особенной тонкости их выражения.

На это авва Максим ответил:

– Это противно вере, а между тем всякий человек освящается правильным исповеданием веры.

Тогда патриций Троил возразил:

– Типос не отрицает двух волей во Христе, а только заставляет молчать о них ради мира Церкви.

Авва Максим сказал на это:

– Замалчивать слово, значит, отрицать его, как об этом говорит Дух Святой через пророка: «Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их» (Пс.18:4). Поэтому, если какое-либо слово не высказывается, то это вовсе не есть слово.

Тогда Троил сказал:

– Имей в сердце своем какую угодно веру; никто тебе не запрещает.

Святой Максим возразил:

– Но полное спасение зависит не от одной сердечной веры, а и от исповедания ее, ибо Господь говорит: «кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф.10:33). Равно и Божественный апостол учит: «сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим.10:10). Если же Бог и Божественные пророки и апостолы повелевают исповедовать словом и языком таинство веры, которое приносит всему миру спасение, то нельзя принуждать к молчанию относительно исповедания, чтобы не умалялось спасение людей.

На это Епифаний злобным голосом воскликнул:

– Подписал ли ты постановления собора, бывшего в Риме?

– Подписал, – ответил святой.

Тогда Епифаний продолжал:

– Как ты осмелился подписать и анафемствовать исповедующих веру так, как прилично разумным существам и как учит Кафолическая Церковь? Воистину, собственным судом мы приведем тебя в город и поставим на площадь связанного, соберем всех комедиантов, и блудниц и весь народ, и заставим их бить тебя по щекам и плевать тебе в лицо.

На это Святой отвечал:

– Да будет так, как ты сказал. Если же ты утверждаешь, что мы анафемствовали тех, которые признают два естества, соединившиеся в Господе нашем, а равно две воли и два действия, соответствующие каждому естеству во Христе Господе, Который по естеству Божественному есть истинный

Бог, а по естеству человеческому – истинный человек, то прочти, господин мой, книгу, заключающую в себе деяния этого собора, и если вы найдете то, что сказали, делайте, что хотите. Ибо я и сотрудники мои, и все подписавшие деяния собора, анафематствовали тех, которые, подобно Арию и Аполлинарию[866], признают в Господе одну волю и одно действие и не исповедуют Господа нашего и Бога имеющим два естества, в которых Он пребывает, а равно имеет силу хотения и действования, коими совершает наше спасение.

Тогда друзья Епифания и патриции, и все, пришедшие с ними, начали говорить между собою:

– Если мы и далее станем слушать его, то нам не придется ни есть, ни пить. Поэтому пойдем и пообедаем и затем возвестим царю и патриарху то, что мы слышали. Вы видите, что этот окаянный предал себя сатане.

Затем, встав, они ушли обедать. Было же в этот день предпразднство Воздвижения Честного Креста и уже наступало время всенощного бдения. Отобедав, они отправились в город крайне недовольные.

На другой день (14 сентября), рано утром, явился к преподобному Максиму патриции Феодосий, отнял все книги, какие имел святой, и сказал от имени царя:

– Так как ты не захотел почета, то иди в изгнание, которое ты заслужил.

Святой старец тотчас был взят воинами и отведен сначала в Селемврию, где он оставался два дня. В течение этого времени один воин из Селемврии, отправившись в армию, распустил по лагерю молву, возбуждая против старца народ словами: «Пришел к нам один инок, который хулит Пречистую Богородицу». Начальник армии, призвав важнейших клириков города Селемврии, а равно пресвитеров, диаконов и почетнейших иноков, послал их к блаженному Максиму – узнать: правда ли то, что говорят о нем, будто он хулит Божию Матерь? Когда они пришли, преподобный встал и поклонился до земли, воздавая почет их званию. Они также поклонились святому и затем все сели. Тогда один из пришедших, весьма почтенный

старец, очень кротко и почтительно спросил преподобного Максима:

– Отче, так как некоторые соблазнились относительно твоей святости, утверждая, будто бы ты не признаешь Госпожу нашу Пречистую Деву Богородицу Матерью Божией, то заклинаю тебя Пресвятою единосущною Троицею сказать нам истину и изъять соблазн из сердец наших, чтобы и мы не погрешили, неправильно думая о тебе.

Преподобный Максим преклонился на землю крестообразно, а потом, вставши, воздел руки к небу и торжественно произнес со слезами:

– Кто не исповедует Госпожу нашу, всепетую, Святейшую и пренепорочную деву, честнейшую всех разумных существ, истинною Матерью Бога, сотворившего небо и землю, море и все, что в них, тот да будет анафема от Отца, и Сына, и Святого Духа, единосущной и преестественной Троицы, и от всех сил небесных, от лика святых апостолов и пророков, и бесконечного множества мучеников, и от всякой праведной души, скончавшейся в вере, ныне, всегда и во веки веков!

Услышав это, все прослезились и высказали ему благопожелания в словах:

– Бог да укрепит тебя, отче, и да сподобит тебя достойно и беспрепятственно совершить свое поприще!

После этого собралось туда множество воинов послушать благочестивые речи отцов, беседующих между собою. Тогда один из приближенных начальника армии, видя большое стечении войска, усердно слушающего слова святого и порицающего правительство за изгнание его, повелел немедленно вывести оттуда святого и вести его далее за два поприща[867], пока снарядятся те, которые должны вести его в Перверу в заточение. Клирики, подвигнутые Божественною любовью, шли те два поприща пешком, провожая святого. Когда пришли воины, чтобы вести его в изгнание, клирики понесли святого на руках и посадили на коня. Затем они обнимали его со слезами и, простившись с ним, возвратились в свой город. Святого же повели в Перверу и там заключили в темнице.

Прошло много времени[868], и царь снова послал привести в Константинополь из заточения преподобного Максима и обоих его учеников. Когда они пристали к городу на корабле, при захождении солнца, явились два начальника стражи с десятью воинами и, выведши их из корабля полунагих и необутых, разлучили и заключили каждого особо. Спустя несколько дней их повели в царскую палату. Оба ученика были оставлены на дворе под стражей, а старец был введен внутрь, где заседали сановники и многие почетнейшие лица. Святой был поставлен среди восседавших правителей. Тогда царский казнохранитель, с раздражением в голосе, обратился к нему:

– Христианин ли ты?

Старец отвечал:

– По благодати Христа, Бога всяческих, я – христианин.

Казнохранитель исполнился гнева и сказал:

– Ты говоришь неправду.

Святой отвечал:

– Ты говоришь, что я не христианин, а Бог говорит, что я неизменно пребываю христианином.

– Но если ты христианин, – возразил казнохранитель, – то за что же ты ненавидишь царя?

– Откуда это видно? – спросил святой. – Ведь ненависть есть сокровенное чувство души, точно так же, как и любовь.

– Из дел твоих, – ответил казнохранитель, – всем стало известно, что ты враг царя и его царства. Ибо ты один предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполис и Африку.

– Где же достоверные доказательства этого? – спросил святой.

Тогда ввели некоего Иоанна, бывшего когда-то сакелларием[869] Петра – в то время, как Петр был наместником Нумидии Африканской[870]. Этот Иоанн сказал:

– Двадцать два года тому назад, дед господина нашего царя повелел блаженному Петру, чтобы он вел войска в Египет против сарацин. Петр, доверяя тебе, как рабу Божию, писал к тебе, прося полезного совета. Но ты отписал ему, что не благоугодно Богу помогать царю Ираклию и наследникам его.

Тогда святой сказал ему:

– Если ты говоришь правду и имеешь письмо Петра ко мне и мое письмо к Петру, то покажи их; пусть их прочтут, и я приму достойную казнь по закону.

Иоанн ответил:

– Я не имею писем ваших, и даже не знаю, писали ли вы друг другу, но в лагере тогда все об этом говорили.

Святой возразил:

– Если целое войско об этом говорило, то почему только ты один на меня клевещешь? Видел ли ты даже меня когда-либо или я тебя?

– Нет, – отвечал Иоанн. – Я никогда не видел тебя.

Тогда святой, обратившись к собранию, сказал:

– Судите сами: справедливо ли ставить в свидетели таких людей? Сказано ведь: «каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф.7:2). От Бога, праведного Судьи всех.

Затем ввели Сергия Магуду. Тот сказал:

– Назад тому девять лет блаженный авва Фома, пришедший из Рима, рассказывал мне следующее: посылал меня, говорил он, папа Феодор к Григорию, префекту Африки, отложившемуся в то время от греческой империи, сказать ему, чтобы он не боялся греческих войск, ибо раб Божий, авва Максим, видел сон, будто на небесах, на востоке и на западе, стояли лики Ангелов. Из них, бывшие на востоке, восклицали: «Константин Август, ты победишь!» Находившиеся же на западе восклицали: «Григорий Август, ты победишь!» При этом голос западного лика был яснее и громче, чем восточного.

Когда Магуда изложил это, казнохранитель сказал святому:

– Вот тебя привел Бог в этот город на сожжение огнем.

Святой ответил:

– Благодарю Бога, очищающего вольные мои согрешения невольными наказаниями. Но «горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф.18:7). Поистине, не следовало бы говорить этого пред христианами, а тем более оставлять без наказания тех, которые говорят и думают только угодное

людям, ныне живущим, а завтра не существующим. Все это нужно было объявлять в то время, когда был еще жив Григорий. Тогда следовало бы призвать сюда патриция Петра, авву Фому и блаженного папу Феодора; я в присутствии всех их сказал бы патрицию Петру: скажи, господин мой, писал ли ты когда-либо ко мне о том, о чем свидетельствует твой сакелларий, или, быть может, я писал к тебе? Равным образом и блаженному папе я сказал бы: скажи, владыка, рассказывал ли я когда-либо тебе сон? Но если бы и папа обличил меня относительно сна, то в этом была бы его вина, а, не моя, ибо сонное видение есть вещь непроизвольная, а закон наказывает только те деяния, которые зависят от свободной воли человека.

Возводились при этом на неповинного и святого мужа и другие клеветы и несправедливые обвинения, особенно относительно хулы на царя, – будто он и его ученики порицали в Риме царя. Однако святой, доказывая свою невинность, опровергал все эти клеветы, в кротости своей, смиренными, премудрыми и вдохновенными речами.

Затем введен был отдельно ученик его Анастасий. Его побуждали, чтобы он сказал что-либо дурное о своем учителе, и когда тот не хотел говорить неправды на праведного мужа, его избили кулаками и затем отвели его и учителя его, каждого порознь, по своим местам в темницы.

На другой день вечером пришли к преподобному в темницу патриций Троил и Сергий Евфратас, начальник царской трапезы. Они сели и, заставив сесть преподобного, спросили:

– Скажи нам, авва, какую беседу вел ты в Африке и в Риме с Пирром и какими доводами убедил ты его отказаться от его собственного догмата и принять твой догмат?

Святой ответил:

– Если бы были со мною мои книги, в которые я записал бывшие у нас там с Пирром беседы и споры, то я все подробно рассказал бы вам; но так как книги у меня отняты, то что могу припомнить, то и скажу.

Затем святой рассказал по порядку все, что мог припомнить, прибавив в заключение следующее:

– Я никакого собственного догмата не имею, а только общий всей Кафолической Церкви; я не внес в свое исповедание ни одного нового слова, по которому оно могло бы называться моим собственным.

Затем посланные спросили его:

– Что же ты не вступишь в общение с Константинопольским престолом?

– Нет, – ответил святой.

– Почему же? – спросили они.

– Потому, – ответил Святой, – что предстоятели этой церкви отвергли постановления четырех святых соборов, приняв за правило «девять глав», изданных в Александрии, а затем приняли экфесис, составленный Сергием, Константинопольским патриархом, и наконец, типос, в недавнее время обнародованный. С другой стороны, все, утвержденное в экфесисе, они отвергли в типосе и много раз сами себя отлучили от Церкви и изобличили в неправомыслии. Мало того, сами себя отлучив от Церкви, они низложены и лишены священства на Поместном соборе, бывшем недавно в Риме. Какое же тайнодействие они могут совершать? Или какой Дух снизойдет на тех, которые ими рукополагаются?

– Значит, ты один спасешься, – возразили ему, – а все прочие погибнут?

Святой ответил на это:

– Когда все люди поклонялись в Вавилоне золотому истукану, три святые отрока никого не осуждали на погибель. Они не о том заботились, что делали другие, а только о самих себе, чтобы не отпасть от истинного благочестия (Дан.3). Точно так же и Даниил, брошенный в ров, не осуждал никого из тех, которые, исполняя закон Дария, не хотели молиться Богу, а имел в виду свой долг и желал лучше умереть, чем согрешить и казниться пред своею совестью за преступление Закона Божиего (Дан.14:31). И мне не дай Бог осуждать кого-либо, или говорить, что я один спасусь. Однако же я соглашусь скорее умереть, чем, отступив в чем-либо от правой веры, терпеть муки совести.

– Но что ты будешь делать, – сказали ему посланные, – когда римляне соединятся с византийцами? Вчера ведь пришли из Рима два апокрисиария, и завтра, в день воскресный, будут причащаться с патриархом Пречистых Тайн.

Преподобный ответил:

– Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним. Ибо я знаю из писаний святого апостола Павла, что Дух Святой предает анафеме даже Ангелов, если бы они стали благовествовать иначе, внося что-либо новое (Гал.1:8).

Тогда посланные спросили:

– Неужели совершенно необходимо исповедовать во Христе две воли и двоякого рода деятельность?

– Совершенно необходимо, – отвечал святой, – если мы хотим благочестиво мыслить, ибо никакое существо не лишено природной деятельности. Святые отцы ясно говорят, что ни одно существо не может ни существовать, ни быть познаваемым без сродного ему действования. Если этого нет и если естество не обнаруживается в действовании, то каким образом можно признавать Христа истинным Богом по естеству и истинным человеком?

На это ему сказали:

– Мы видим, что это – истинная правда, однако – не огорчай царя, который, ради мира Церкви, составил типос не для того, чтобы отрицать что-либо из признаваемых во Христе свойств, но ради спокойствия Церкви, повелевая молчать о тех вещах, которые порождают разногласие.

Тогда человек Божий, простершись на землю, отвечал со слезами:

– Не следовало бы огорчаться доброму и боголюбивому царю по поводу моего недостоинства, ибо я не хочу прогневать Бога, умалчивая о том, что Он повелел признавать и исповедовать. Ибо если, по слову Божественного апостола, Сам Он положил «в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями» (1Кор.12:28), то ясно, что Сам Он и говорит чрез них. Из всего же Священного Писания, из творений святых учителей и из постановлений соборных мы

научаемся, что воплотившийся Иисус Христос, Господь и Бог наш, имеет силу хотеть и действовать по Божеству и по человечеству. Ибо у Него вовсе нет недостатка в тех свойствах, по которым Он познается, как Бог, или как человек, кроме греха. Если же Он совершен по обоим естествам и не лишен ничего, свойственного им, то, поистине, тот совершенно извращает тайну Его вочеловечения, кто не признает в Нем самого существа обоих естеств с соответствующими им свойствами, – естеств, через которые и в которых Он пребывает.

Когда святой изложил это и многое другое, пришедшие похвалили его мудрость и не нашли, что возразить ему. Сергий же сказал:

– Один ты огорчаешь всех, – именно тем, что из-за тебя многие не хотят иметь общения со здешней Церковью.

Преподобный Максим возразил:

– Но кто может утверждать, что я кому-нибудь повелевал не иметь общения с Византийскою Церковью? На это Сергий отвечал:

– То самое, что ты не сообщаешься с этою Церковью, сильнее всего отвращает многих от общения с нею. Человек Божий сказал на это:

– Нет ничего тягостнее и печальнее того состояния, когда совесть в чем-либо обличает нас, и нет ничего дороже спокойствия и одобрения совести. Затем Троил, обращая внимание на то, что «типос» царя Константа анафематствован по всему Западу, сказал святому:

– Хорошо ли, что толкование благочестивого государя нашего так бесславится? Святой ответил:

– Да простит Бог тем, которые внушили императору и допустили его издать этот указ!

Троил спросил:

– Кто же внушил и кто допустил?

Святой ответил:

– Предстоятели Церкви научили, а сановники допустили, и таким образом позор соблазна падает на неповинного и чуждого всякой ереси царя. Однако посоветуйте государю сделать то же, что сделал некогда блаженной памяти дед его Ираклий. Когда

он узнал, что многие отцы на Западе не принимают «изложения» веры, а равно обличают и осуждают заключающуюся там ересь, – очистил себя от упрека в этом, разослав повсюду свои послания и утверждая в них, что «изложение» принадлежит не ему, а бывшему патриарху Сергию. Пусть сделает то же и ныне царствующий государь, и тогда он будет освобожден от всякого упрека.

Они долго молчали, качая головою, а затем сказали:

– Неудобно и даже невозможно сделать все то, что ты советуешь, авва.

Побеседовав еще достаточно о разных предметах, они простились и дружелюбно расстались.

Чрез неделю после этого разговора, в следующую субботу, святого и обоих его учеников опять позвали в царскую палату к допросу. Прежде был введен более ранний ученик его Анастасий, а другой Анастасий, бывший апокрисиарий Римской церкви, был поставлен вне палаты. Когда первый Анастасий был введен в залу, где сидели среди членов сената два патриарха: Фома, Константинопольский патриарх, и какой-то другой, тотчас вошли и клеветники, возводившие на преподобного Максима ложные обвинения. Присутствующие заставляли Анастасия подтверждать клеветы, возводимые на его учителя. Но он дерзновенно изобличал ложь, мужественно возражая пред патриархами и сенатом. Когда же его спросили: анафематствовал ли он «типос», он ответил, что не только анафематствовал, но и составил против него книгу. Тогда сановники спросили:

– Что же? Не признаешь ли ты, что ты дурно поступил?

– Да не попустит мне Бог, – ответил Анастасий, – считать дурным то, что я сделал хорошо, согласно церковному правилу. Когда затем его спрашивали о многих других вещах, он отвечал, как ему помогал Бог. После этого его вывели, а ввели преподобного старца Максима. Патриций Троил обратился к нему со словами:

– Послушай, авва, скажи правду, и Бог помилует тебя. Ибо если мы станем допрашивать тебя законным порядком и

окажется истинным хотя бы одно из возводимых на тебя обвинений, то ты будешь казнен по закону. Старец отвечал:

– Я уже сказал вам и опять скажу: настолько же возможно хотя бы одному обвинению быть справедливым, насколько сатане возможно стать Богом; но так как сатана не есть Бог и стать Им не может, будучи отступником, то и те обвинения не могут стать истинными, которые совершенно ложны. Поэтому, что хотите сделать, то и делайте; я же, благочестно почитая Бога, не боюсь обиды.

На это Троил возразил:

– Но разве ты не анафематствовал типоса?

Старец отвечал:

– Несколько раз уже я говорил, что анафематствовал.

– Но если ты, – сказал Троил, – анафематствовал «типос», то, следовательно, – и царя?

– Царя я не анафематствовал, – ответил преподобный, – а только хартию, ниспровергающую православную и церковную веру.

– Где же ты анафематствовал? – спросил Троил.

– На Поместном соборе, в Риме, – отвечал святой Максим, – в церкви Спасителя и Пресвятой Богородицы.

Тогда обратился к нему председатель:

– Вступишь ли ты в общение с нашею церковью или нет?

– Нет, не вступлю, – отвечал святой.

– Почему же? – спросил председатель.

– Потому что она, – отвечал святой, – отвергла постановления православных соборов.

– Но если церковь наша отвергла соборы, – возразил председатель, – то как же они записаны в месяцесловном диптихе[871]?

– Какая польза, – отвечал святой, – от названий и воспоминания их, если догматы тех соборов отвергнуты?

– Можешь ли ты, – спросил председатель, – ясно показать, что нынешняя Церковь отвергла догматы бывших ранее святых соборов?

– Если не будете сердиться и повелите, – ответил старец, – то я легко могу показать.

Когда все умолкли, к нему обратился казнохранитель:

– За что ты так любишь римлян и ненавидишь греков?

Святой ответил:

– Мы имеем от Бога заповедь – никого не ненавидеть. Я люблю римлян, как единоверных со мною, а греков – как говорящих одним со мною языком.

– А сколько тебе лет? – спросил казнохранитель.

– Семьдесят пять, – отвечал святой.

– А сколько лет, – продолжал казнохранитель, – находится при тебе твой ученик?

– Тридцать семь, – отвечал святой.

В это время один из клириков воскликнул:

– Да воздаст тебе Бог за все, что ты сделал блаженному Пирру.

Святой ничего не ответил этому клирику.

Во время этих довольно продолжительных допросов ни один из находившихся там патриархов ничего не сказал. Когда же стали распространяться о соборе, бывшем в Риме, некто Демосфен заявил:

– Не истинен этот собор, потому что созвал его Мартин, отлученный папа.

Преподобный Максим отвечал:

– Не отлучен папа Мартин, а подвергся гонению.

После этого, выслав святого вон, они советовались, что с ним сделать? Бесчеловечные мучители находили, что было бы слишком милостиво оставить его жить по-прежнему, в заточении, и что лучше подвергнуть его мучениям более тяжким, чем смерть. Поэтому предали его в руки градского воеводы. Префект велел отвести святого Максима и учеников его в преторию[872]. Здесь беззаконный мучитель, прежде всего, обнажив святого старца и повергнув его на землю, велел бить его острыми воловьими жилами, не устыдившись ни старости его, ни почтенного вида, – не умиляясь и видом его тела, изможденного постническими подвигами. Святого били так жестоко, что земля обагрилась его кровью, а тело его было настолько иссечено, что не оставалось на нем ни одного неповрежденного места. Затем свирепый зверь с яростью

обратился к ученикам преподобного и избил их в такой же степени. Когда их били, глашатай восклицал:

– Неповинующиеся царским повелениям и остающиеся непокорными достойны терпеть такие страдания.

Затем их, еле живых, ввергли в темницу.

Наутро снова привели в судилище из темницы святого и преподобного мужа с первым учеником его Анастасием. Святой был еще жив и весь покрыт ранами, так что нельзя было смотреть без сострадания на почтенного старца, святого постника, Богомудрого учителя и исповедника-богослова, всего окровавленного и изъязвленного глубокими ранами, не имеющего с ног до головы неповрежденного места. Однако не сжалились над ним жестокосердные мучители, а пришли в еще большее озлобление. Извлекши его многоглаголивый язык, источавший реки премудрых учений и потоплявший еретические умствования, глубоко, у самой гортани, отрезали без всякого милосердия, и таким образом хотели наложить молчание на богословствующие уста святого. То же сделали и с более ранним учеником его Анастасием, а затем снова заключили их в темницу. Но Господь Бог, сделавший некогда грудных младенцев способными к восхвалению Своего святого имени, а равно давший немому способность речи, и этим Своим истинным и верным рабам, преподобному Максиму исповеднику и мученику, а равно и ученику его преподобному Анастасию, подал возможность и без языка говорить еще лучше и яснее, чем раньше, до усечения языка. О сколь тогда устыдились окаянные еретики, узнав об этом! Воспылав еще большею злобою, они отрезали его правую руку и бросили на землю. Точно так же они отрезали руку и ученику его, святому Анастасию. Другого же ученика его, также Анастасия, бывшего апокрисиария Римской Церкви, они пощадили, так как он по временам бывал секретарем у государей.

После этого преподобного Максима и ученика его вывели из претории, и влачили их по всему городу с поруганием, – показывали их отрезанные языки и руки всему народу и безобразными голосами производили клик и насмешки. После такого бесчеловечного издевательства и бесчестного поругания

сослали всех троих, каждого порознь, в дальнее изгнание, без всякой заботы о них, без пищи и одежды, нагих и босых. Много бедствий и страданий испытали они в пути. Преподобный Максим, вследствие тяжких ран, не мог держаться ни на лошади, ни в повозке. Воины сплели корзину, наподобие постели, и, положив в нее тяжко страдавшего старца, с большим трудом могли нести его к месту заточения. Препроводив его в отдаленную скифскую страну, которая в Европе называется Аланией[873], они заключили его в темнице, в городе Шемари. Преподобный же ученик его Анастасий, которому были отрезаны язык и рука, еще на пути почил своим многотрудным и многострадальным телом, а душа его перешла к Богу в жизнь бессмертную.

Преподобный Максим в своем последнем изгнании прожил, среди тяжких страданий, еще три года. Заключенный в темнице, он не пользовался ни от кого ни необходимыми в его старости услугами, ни человеколюбивым попечением. Когда же Господь восхотел положить конец его болезням и скорбям и вывести его из темницы на вечный простор и веселие Небесного Царствия, то утешил его прежде одним Божественным явлением на земле, а затем возвестил ему час кончины. Блаженный страдалец исполнился великой радости, и хотя всегда был готов к кончине, однако, начал усердно готовиться к ней. Когда же наступил радостный для него час смерти, он с весельем предал душу свою в руки Христа Бога, Которого возлюбил от своей юности и за Которого столько пострадал.

Так исповедник Христов и мученик исполнил свой жизненный путь[874] и вошел в радость Господа своего. Погребен он в том же городе. После погребения святого на могиле его были видны три чудесные лампады, светившие пламенем несказанного сияния и озарявшие то место. Святой, который при жизни своей был светом миру, и по кончине своей не переставал светить и ныне светит всем людям примером своей добродетельной и многострадальной жизни и великой ревности по Богу. Те три виденные на гробе святого лампады служили ясным знамением того, что Святой угодник Божий вселился в светлых обителях Пресвятой Троицы, немерцающих в Царствии

Божием, где он сияет с праведными, как солнце, и наслаждается созерцанием Троичного света. После кончины преподобного Максима остался в живых, в отдельном заточении, другой ученик его, апокрисиарий Анастасий, который впоследствии с особенною подробностью описал житие, подвиги и страдания отца и учителя своего. Из этого описания здесь взято в сокращении то, что достаточно для пользы нашей, для прославления Бога, во святых славимого, Отца, и Сына, и Святого Духа, Которому и от нас грешных да будет честь, слава и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 8:

Троицы рачителя и великаго Максима, научающа ясно вере Божественней, еже славити Христа во дву естествах, волях же и действах суща, в песнех достойных, вернии, почтим взывающе: радуйся, проповедниче веры.

Другой кондак, глас 6:

Свет Трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя всеблаженне, являюща Божественная концем, неудобостижных разумений ты сказуяй, блаженне, и Троицу всем, Максиме, возпроповедуяй ясно, Пресущную, Безначальную.

Страдание святого мученика Неофита

Память 21 января

В городе вифинском Никее[875] жил муж, по имени Феодул, имевший супругу Флоренцию. Оба они были богобоязненные христиане и благоговейно соблюдали заповеди Божии. У них родился сын, которого они назвали Неофитом. Просветив его святым крещением, они воспитывали его по-христиански. По мере того как отрок возрастал годами и разумом и, приближаясь к десятилетнему возрасту, начал учиться в школе, в него вселилась благодать Божия, из уст младенцев хвалу Христу совершающая (ср. Пс. 8:3; Мф.21:16.), ибо Святой «Дух дышит, где хочет» (Иоан.3:8): отрок стал чудотворцем. У него был такой обычай: когда дети были отпускаемы из училища по домам своим, блаженный отрок Неофит брал с собою домой беднейших детей, своих сверстников, и разделял между ними ту пищу, которую получал от родителей своих на обед, – а сам оставался голодным. Затем он шел к восточным воротам города, начертывал там своим перстом крест и, поклоняясь ему, молился Христу Богу, распятому за нас на Кресте. Сотоварищи же его, насытившись от обеда его, приходили к нему в то время, как он молился у восточных ворот. Там был в стене камень. Ударяя в этот камень рукою, блаженный Неофит изводил для своих сотоварищей воду, как из источника, – и они пили. Это делал святой отрок во все дни, питая своих сверстников обедом и чудесно напаяя водою, изводимою из камня. При этом он запрещал им говорить кому-либо об этом, и они не рассказывали. Таким образом, никто не узнал в этом году о чудотворениях его, ни даже родители его, а только те беднейшие отроки.

На следующий год матери Неофита Флоренции, исполненной особенной любви к Богу, было открыто Богом в сонном видении, что сын ее изводит воду из камня, подобно Моисею, и напаяет жаждущих отроков. Она же, восстав от сна, молилась Богу, чтобы Он открыл ей в подробностях все о сыне ее Неофите. И вот прилетел с небесной высоты белый голубь,

блистающий несказанным светом. Сев на постели Неофита, голубь обратился к нему с человеческою речью:

– Я послан, сказал он, от Спасителя сохранить твой одр непорочным.

Услышав это, мать его пала мертвою от ужаса. Тотчас стало известно по всему городу Никее, что Флоренция, жена Феодора, умерла внезапно. Немедленно собралось в дом умершей множество народа, – мужчины и женщины, соседи и знакомые, и все недоумевали, что случилось с нею, что она умерла неожиданно. Феодор, муж ее, находился в это время на поле. Его тотчас известили о внезапной смерти жены его. Разодрав на себе одежды от скорби, он поспешил домой, рыдая. Неофит, встретив его у ворот, сказал:

– Зачем ты скорбишь, отец? Не умерла мать моя, а крепко уснула.

Затем, вошедши с отцом в дом, он взял за руку мать и сказал:

– Встань, мать моя; ты заснула крепко.

Она, вставши как бы от сна, обняла своего сына и лобызала его с любовью. Видя это, все собравшиеся в дом прославили Бога. Флоренция же рассказала по порядку своему мужу все, что было с нею в сонном видении и наяву. Тогда же стало известно и то чудо, что Неофит изводил из камня воду. Все немало дивились этому, а многие из язычников, бывших там, слыша обо всем этом и дивясь благодати Божией, обитавшей в чистом и непорочном отроке Неофите, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа.

Между тем голубь всегда являлся к одру святого и, сидя на одре, говорил человеческим голосом. Однажды он сказал святому:

– Выйди, Неофит, из дома отца твоего, и иди вслед за мною.

Святой отрок встал, простился с родителями своими и пошел за голубем. Голубь, доведши его до горы Олимпа[876], к одной расселине в камне, влетел в находившуюся там пещеру. Неофит, вошедши вслед за ним, нашел там огромного льва и сказал ему:

– Выйди отсюда и поищи себе другую пещеру, потому что жить здесь мне повелел Господь.

Услышав это, лев облизал языком прах от ног его и ушел. Святой остался жить в львиной пещере и был питаем Ангелом. По истечении одного года святой, по повелению Божию, пошел опять в город Никею к родителям своим, близким уже к кончине, и, дав им последнее целование, предпослал их к Богу, а сам, раздав нищим оставшееся после них имущество, снова возвратился на гору Олимп, в свое прежнее местопребывание. Там он оставался все время до исполнения пятнадцатилетнего возраста, подобно Ангелу, прославляя Бога и получая пищу от руки Ангела.

В это время царствовали на Востоке и на Западе мучители Диоклетиан и Максимиан[877], а в области Вифинской был правителем Декий и помощник его Уар. Церковь Христова была гонима по всей вселенной нечестивыми идолопоклонниками. Тогда же пришел Декий в Никею, а глашатай его объявил, чтобы все граждане города и окрестные жители собрались принести жертвы богам. Был назначен и день для этого гнусного празднества. В это же время находились в Вифинской области и цари; они также прибыли в Никею. Когда наступил этот бесовский праздник и всенародно приносились жертвы идолам, тогда Ангелы Божии, взявши святого Неофита с горы Олимпа, поставили его среди никейской площади, с просветленным лицом, подобно Моисею. Святой громогласно воскликнул:

– Я открылся не искавшим меня и являюсь не спрашивающим обо мне, чтобы обличить заблуждения и обманы нечестивой веры.

Совершавший празднество народ, а с ним и правитель Декий, увидев внезапно явившегося среди них светлого юношу, громко говорившего, удивились и спрашивали, кто он и откуда. И тотчас же граждане узнали, что это Неофит, сын Феодора и Флоренции. Тогда правитель Декий повелел, чтобы и он принес, вместе с ними, жертву их богам. Святой отверз свои дерзновенные уста и начал говорить:

– Беззаконник и кровопийца, что ты делаешь, приводя к погибели столько человеческих душ? Разве ты не знаешь, что за

всех тех, которых ты приводишь к бесовской жертве, ты понесешь страшную ответственность и будешь вечно мучиться в геенне огненной?

Правитель Декий страшно рассердился по поводу этого обличения и повелел обнажить святого юношу и, зацепив за руку, повесить на дереве и бить немилосердно воловьими жилами, а затем положить его в уксус, смешанный с солью. Святой мужественно переносил страдания и взывал громким голосом к стоявшему вокруг народу:

– Мужи, одержимые безбожием и страждущие слепотою, покайтесь и избавьтесь от этой тьмы; придите к истинному свету, Христу Богу, и посвятитесь святым крещением, чтобы удостоится вечной жизни!

Правитель, слыша такие слова святого юноши, исполнился еще большей ярости и повелел снова повесить его на дереве и строгать ножом его ребра. Мучимый так, святой Неофит не говорил ничего иного, кроме слов:

– Сыне Божий, помилуй меня!

Тогда предстал пред ним один из приближенных правителя и сказал:

– Что ты беснуешься, Неофит, противясь царскому повелению? Обещай принести богам жертвы, – и тотчас будешь освобожден от этой жестокой казни.

Но святой ответил ему:

– Я приношу Богу Небесному жертву хваления, а бездушным идолам и живущим в них бесам никогда не поклонюсь.

Тогда правитель повелел своим слугам еще более жестоко строгать святого по всему телу попеременно. Слуги, сменяясь, строгали его беспощадно, так что кости его обнажились. Святой же, укрепляемый Богом, во время этих мучений пел: «если пойду посреди сени смертной, не убоюсь зла, так как ты со мной» (Пс.22:4), Господи.

Правитель, видя, что ничего не успевает, повелел перестать мучить святого и снять с дерева, причем, утешая его, говорил:

– Видя твою юность и щадя твое здоровье, я не налагаю на тебя еще больших мучений, но советую тебе поклониться

нашим богам. Тогда будут присланы к тебе царями искуснейшие врачи, которые скоро исцелят тебя от этих ран.

Мученик ответил ему:

– Я имею иного Врача, Владыку моего, Господа Иисуса Христа, за Которого страдаю; на Него я и надеюсь.

Тогда правитель повелел заключить его, связанного, в темницу. Наутро пошел правитель в царские палаты и рассказал царям о Неофите.

– Я вчера, – говорил он, – мучил, связав, одного христианского юношу, так как он не хочет поклониться богам. Однако он пренебрегает муками и непрестанно призывает Христа своего.

Цари повелели сжечь живыми как этого юношу, так и всех, исповедующих Христа. Правитель Декий и старейшина Уар вышли из царской палаты и пришли к месту, называемому «школою Геркулеса»[878]. Здесь были поставлены царские изображения, и Декий повелел привести из темницы юношу Неофита. Когда святой был приведен, правитель обратился к нему со следующими словами:

– Неофит, подойди и принеси жертву богу Геркулесу; тогда ты будешь угоден богам, а царям и нам приятен.

Святой ответил ему:

– Я молюсь Богу моему, Иисусу Христу, чтобы оказаться приятным и угодным Ему.

Тогда по повелению мучителя была сильно раскалена печь для сожжения святого Неофита. Он был ввергнут в печь, и отверстие ее было закрыто на три дня и три ночи, чтобы не осталось и костей мученика. Но святой мученик Неофит, посреди огня охлаждаемый Божественною росою, веселился как на месте спокойном, воспевая: «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях» (Пс.22:1–2). Он оставался совершенно невредимым, подобно трем Вавилонским отрокам, ввергнутым в печь (Дан.3).

По прошествии трех дней пришли слуги мучителя открыть печь и высыпать пепел; они думали, что печь угасла и тело мученика сгорело. Но лишь только они открыли отверстие, тотчас неожиданно из печи изверглось огромное пламя и

попалило множество нечестивых, пришедших туда, так что едва ли кто остался невредимым. Святой же громким голосом воскликнул:

– Благословен Ты, Господи Боже мой, сохраняющий меня здравым и невредимым среди мучений, избавляющий меня от лукавства мучителей, претворяющий для меня огонь в росу и попаливший пламенем достойных вечного и неугасающего пламени! Молюсь Тебе, Владыка, не посрами меня, раба Твоего, до конца, пока я совершу свой подвиг при Твоей помощи.

После этого святой вышел из печи здравым, не получив никакого вреда от огня. Нечестивые слуги, оставшиеся от сожжения пламенем, взяли его и повели к правителю. Все язычники удивлялись такому чуду и приписывали его, по нечестию своему, волхвованию, сами будучи исполнены бесовского чародейства: злоба ослепила их, и они не могли уразуметь силы Христовой.

Затем святой был осужден на съедение зверями. Было приготовлено возвышение; обнаженного святого привязали к укрепленному на нем столбу и выпустили на него медведя. Зверь с ревом пошел к святому, но, приблизившись, остановился, посмотрел на него и затем возвратился на свое место. Правитель и все собравшиеся на это зрелище удивлялись этому. Затем выпустили самую свирепую медведицу, которая только дважды в год была выпускаема на ристалище, так как была очень зла и убивала многих. Она, подбежав, поверглась у ног святого, почитая в нем угодника Божиего, а затем отошла на свое место. Когда это происходило, пастухи привели к правителю огромного и весьма свирепого льва, которого, по их словам, они поймали в пустыне пять дней тому назад и вовсе не давали пищи. Обрадованный правитель повелел ввести этого льва внутрь ристалища, где святой мученик нагой был привязан к столбу. Все ужасались, глядя на этого льва, так как он был очень велик и свиреп. Лев, подошедши к святому, посмотрел на него, остановился и склонив голову, испускал из очей своих слезы, точно реки из источников, а затем стал лизать ноги святого. Это был тот лев,

которого святой Неофит нашел на горе Олимп, в каменной пещере, и отослал в другое место, сам поселившись в его пещере. Узнав его, святой повелел ему возвратиться в первое свое жилище, на горе Олимпе, которое он уступил святому; при этом святой запретил ему когда-либо вредить людям. Лев, поклонившись мученику, пошел от него со страшным ревом, разломал двери ристалища и быстро прошел среди народа. Все бросились бежать, опасаясь свирепости зверя, но он никого не тронул и побежал в пустыню, по повелению святого, на прежнее свое место. Мучитель, исполненный страха и ужаса, и, не зная, что еще делать, повелел убить мученика. Там стоял один звероподобный и свирепого нрава иноплеменник, имевший в руках копье. Он бросился на святого и, ударив его копьем в грудь, проколол насквозь. Так святой мученик Неофит, закланный как агнец, предал свою душу в руки Господа своего в 21 день января[879], прожив от рождения своего пятнадцать лет и четыре месяца. Ныне же он, наследуя бесконечную жизнь, славит Источника жизни Христа Бога, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки.

Житие и страдание святой мученицы Агнии девы

Память 21 января

Святая мученица Агния родилась в Древнем Риме и была воспитана родителями в христианской вере. На тринадцатом году жизни она временною смертью избавилась от смерти вечной и обрела нескончаемую жизнь, так как возлюбила единого Подателя жизни и привязалась к Нему от юности. Она была юна годами, но стара совершенным разумом, – юна телом, но сединою души ее была мудрость (Прем.4:9), прекрасна лицом, но еще прекраснее глубиною веры. Воспламененная любовью к Сладчайшему Иисусу, родившемуся от Пречистой Девы, она обручилась с Ним своим девством и, кроме Него, никого другого не хотела иметь своим женихом. Благородная по происхождению и прекрасная лицом, она своею красотою настолько привязала к себе очи и сердце одного юноши, сына областеначальника Симфрония, что, когда он увидел ее возвращавшуюся из женской школы, тотчас воспламенился любовью к ней, а затем, расспросив о ней и узнав дом ее родителей, начал посылать к ней обильные дары, обещая еще больше и прося, чтобы она согласилась стать его невестою и сочеталась с ним браком. Святая Агния отвергла все эти дары, как бы сор, нисколько их не ценя; о себе же она говорила, что она обручена лучшему Жениху и имеет от Него лучшие и более ценные дары: будучи невестою Его, она не может оставить его и изменить своей преданности и любви к Нему. Но этот юноша со дня на день воспламенялся все большею любовью к ней и признавал себя почетнейшим и более достойным, сравнительно со всеми другими благородными юношами. Полагая же, что девица желает от него лучших даров, он приготовил в большем количестве и более ценные камни и жемчуг, драгоценные сосуды и одежды, и сам принес их к ней, умоляя то лично, то через знакомых, друзей и соседей, чтобы она никого не предпочитала ему. Он указывал на свое знатное происхождение, на богатства, дома,

наследственные земли, которыми она будет владеть, если согласится обручиться с ним. Тогда святая начала говорить более ясно:

– Отойди от меня, разжигатель греховного пламени, страстный любитель скверны, снедь, уготованная вечной смерти! Отступи от меня, так как тебя предупредил уже другой Жених, Который подарил мне гораздо большие украшения и обручил меня перстнем веры Своей. С Ним ты не можешь сравниться ни по происхождению, ни по званию. Он возложил на меня иные отличия духовной красоты. Он обложил мою десницу и шею многоценными камнями, дал в уши мне серьги из бесценных изумрудов, опоясал меня светло-блестящим жемчугом, положил знамение на лице моем, чтобы я не предпочитала Ему никакого другого жениха, одел меня златотканою одеждою и украсил меня бесчисленными ожерельями; кроме того, Он показал мне бесценное сокровище, которое обещал дать мне, если я сохраню веру в Него. Потому-то я не могу ни смотреть на кого-либо другого, чтобы не обесчестить первого Жениха своего, ни оставить Того, с Кем я крепко связана союзом любви. Его знатность – высочайшая, могущество – самое крепкое, красота – великолепнейшая, любовь – сладчайшая, превосходящая всякую благодать; Им уже уготован и чертог для меня. Голос Его приятен мне; уста Его уже источили для меня мед и молоко; Его чистыми объятиями я уже искренно привязалась к Нему; плоть Его уже объединилась с моею плотью, и кровь Его красила мое лицо. Матерь Его – Дева, а Отец Его жены не знал. Ему служат Ангелы; солнце и луна удивляются Его красоте; по Его повелению мертвые воскресают; от прикосновения к Нему больные исцеляются; богатства Его никогда не умаляются, и сокровищницы не пустеют. В Него Одного я храню веру и Ему всецело вверяю себя. Имея Его своим мужем, я останусь девою; любя Его, буду непорочна; прикасаясь к Нему, останусь чистою; от этого брака не бывает детей; чадородие в нем безболезненно, а плоды сожития с каждым днем умножаются.

После этих слов безумный юноша еще более воспламенился к ней горячею любовью и, страдая сердцем от

любовной раны, впал в тяжкий недуг от скорби и печали. Когда он слег на одре болезни и тяжко вздыхал из глубины сердца, врачам стала ясною сердечная рана его. Отец его, услышав обо всем этом и узнав из расспросов о причине болезни, послал немедленно к девице и к родителям ее, желая обручить ее в невесту своему сыну. Она же, как и в первый раз, отказалась, говоря:

– Я никогда не изменю моему первому Жениху.

Разгневанный начальник области старался обстоятельно расследовать, кто может сравниться с его сыном и унизить знатность его рода? Тогда один из присутствовавших разъяснил, что Агния – из детства христианка и христианским волшебством так обольщена, что считает Христа, Которого христиане признают Богом, своим Женихом. Узнав об этом, начальник области обрадовался, так как он мог, будучи судьей, признать ее достойною казни за оскорбление богов своих; притом он надеялся собственною властью принудить ее к брачному союзу с сыном. Немедленно он послал своих слуг привести ее и начал свой нечестивый суд над нею. Сначала он пытался ласками, а затем угрозами отвратить ее от Христа и обещанного Христу девства. Однако дева Христова не прельстилась ласками и не убоялась угроз, но, будучи мужественна духом, одинаково насмехалась и над ласками, и над угрозами. Областеначальник Симфроний, видя такое мужество девицы, обратился к ее родителям и много беседовал с ними об обручении, а так как они были благородного происхождения, то, не смея допустить насилие над ними, советовал лишь всячески убеждать дочь свою к браку. Но они отказывались, говоря:

– Правитель, мы не в состоянии будем убедить ее, ибо насколько мы с детства знаем ее волю, она никогда этого не сделает и никогда не откажется от своего намерения.

Тогда правитель снова повелел представить к нему девицу на суд, наговорив ей много о плотской любви и о супружестве; когда все ласковые и льстивые речи оказались бессильными, он сказал, наконец:

– Выбирай себе одно из двух: или сочетайся браком с моим сыном, или, если желаешь сохранить девство, посвяти себя на всегдашнее служение богине Весте[880], ибо она таких девиц требует.

На эти слова блаженная Агния ответила:

– Если я презрела твоего сына, хотя и развращенного бешеною страстью, однако – живого человека, притом имеющего разум, способного слышать, видеть, ходить и пользоваться благами мира сего, – если я не могу даже смотреть на него, ввиду обета Христу моему, то тем более я не могу почитать истукана глухого и немого, бездушного и неразумного. Чтобы не причинить оскорбления всемогущему Богу, я не преклоню головы своей пред бесчувственным камнем, ибо я несомненно знаю, что нет иного Бога, кроме Того, Который создал небо и землю через Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, нас ради воплотившегося, пострадавшего и погребенного, в третий день воскресшего и ныне царствующего на небе бесконечным царством. Ему Единому я поклоняюсь и служу, как Истинному и Живому Богу, а твою лживую богиню и всех ваших гнусных богов проклинаю.

Выслушав это, правитель Симфроний сказал:

– Щадя твою юность, прощаю тебе хуления, которые ты изрекла на богов наших, ибо вижу, что ты имеешь несовершенный разум; пощади же и ты себя и не прогневляй богов.

Святая Агния ответила:

– Зачем ты мою юность, точно неразумную, презираешь и почему ты думаешь, что я ищу у тебя какой-либо милости? Знай же, что достоинство веры зависит не от годов жизни и не от телесного возраста, а от разума, и всемогущий Бог превозносит человека более умом, нежели годами, и более благодетельствует через разум, чем через долголетие. А богов своих, от гнева которых ты меня предостерегаешь, оставь; пусть они сами гневаются на меня, пусть сами говорят, пусть сами повелевают мне почитать их и поклоняться им.

Правитель области сказал на это:

– Одно что-либо выбирай себе: или с другими девицами, для спасения чести дома своего, принеси жертву богине Весте, или, на вечный позор своему роду, ты пойдешь в непотребный дом к бесстыдным женщинам.

Святая Агния мужественно ответила ему:

– Если бы ты знал, Кто Бог мой, ты не говорил бы этого. Я же, зная силу Господа моего Иисуса Христа, не придаю никакого значения твоим угрозам, ибо вполне уверена, что и богам твоим не поклонюсь, и девство мое сохранится чистым и неповрежденным. Я имею хранителя тела моего, Ангела Божиего. Господь же мой, Иисус Христос, Единородный Сын Божий, Которого ты не знаешь. Он для меня крепость несокрушимая, страж неутомимый, защитник постоянный, – не так, как ваши боги, которые суть или куски меди, годные для изготовления котлов, полезных в домашнем обиходе, или камни, которыми мостят улицы. Божество же не в камне обитает, а имеет престолом небо, и не в меди обитает, или какой-либо более ценной вещи, а в вышнем царствии, будучи прославляемо и почитаемо всяким созданием. Ты же и подобные тебе, если не обратитесь от идолослужения к Истинному Богу, то вместе с богами твоими, которые отливаются ваятелями в огне и в огне растаивают, будете мучиться в вечном огне.

Начальник области сильно разгневался, повелел обнажить святую и вести ее нагую в непотребный дом, а глашатай должен был восклицать:

– Агния, нечестивая дева, похулившая богов, ведется в непотребный дом, как блудница.

Но в то время как святая девица была обнажена для поругания, Бог не оставил ее в ее уповании и не допустил посмеяния и посрамления невесты Своей. По Божию изволению, у нее выросли немедленно столь длинные волосы на голове, что покрыли все тело ее, как какая-либо плотная одежда, и никто не мог видеть наготы ее. Когда она вошла в дом блудниц, то увидела Ангела Божиего, готового охранять ее девическую чистоту, который покрыл ее таким несказанным блистающим сиянием, что, по причине сильного блеска, не

могли взирать на нее глаза бесстыдных и нечестивых юношей. Вся комната та заблистала светом, подобно солнцу, сияющему во всей своей красе, и когда кто-либо пытался посмотреть на нее любопытным оком, тотчас сильно помрачались глаза его от незримой, по причине того света, святой. Когда же девица начала молиться, то увидела пред собою белую одежду, сотканную не человеческими, но Ангельскими руками. Одевшись в нее и увидев себя одетою сообразно своему возрасту, святая произнесла:

– Благодарю Тебя, Господи мой, Иисусе Христе, что Ты, включая меня в число рабынь Твоих, даровал мне эту одежду!

Тогда дом греховный стал домом молитвы, место бесовских потех стало селением славы Божией, нечистый дом блудниц стал великолепным чертогом, где невеста Христова с явившимся ей Ангелом прославляла и воспевала Бога. Приходили сюда многие, развращенные умом и воспламененные страстью, но убоявшись славы, окружавшей девицу, и видя Божественную силу, защищавшую ее девство, становились целомудренными и, поклонившись, уходили. Пришел со своими сверстниками и сам тот юноша, виновник зла, исполненный нечистой страсти. Он хотел совершить над святою девицею насилие и, видя других, прежде него входивших и уходивших без всякого успеха, смеялся над ними, называя их ничтожными и слабыми. Вошел он с дерзким намерением в комнату, в которой молилась святая, и, видя небесное сияние, не воздал чести славе Господней и бесстыдно устремился к невесте Христовой. Но прежде чем он коснулся ее рукою, им мгновенно овладел бес, с силою поверг его на землю и, удавив его, сделал бездыханным. Пришедшие с ним юноши, видя, что он долго замедлил в комнате, думали, что он творит греховное дело. Тогда один из ближайших приятелей его, желая похвалить его и поздравить по поводу исполнения и достижения желания его, вошел в комнату и, нашедши его бездыханным, начал громко кричать:

– Мужи римские, помогите! Эта волшебница своим чародейством убила сына правителя.

Тотчас сбежалось множество народа. Видя случившееся, одни называли ее чародейкою, а другие признавали неповинною в смерти юноши. Узнав об этом, отец умершего поспешно явился в толпе и, увидев сына своего лежащего бездыханным, с рыданием обратился к святой:

– О бесчеловечная и жесточайшая из всех женщин! Зачем ты уморила сына моего? Разве ты не могла на ком-либо другом показать силу своего чародейского искусства? Горе мне! Что ты сделала? Расскажи, как ты убила его?

Святая кротко ответила ему:

– Тот, волю которого он хотел исполнить, исконный враг рода человеческого, имеющий власть над блудниками и не боящимися Бога, и особенно над развратителями девства, тот убил его. Ибо все, сколько их ни входило сюда раньше его, остались живыми и здоровыми, так как они воздали честь Богу, пославшему Ангела Своего одеть меня этою одеждою милосердия и сохранить неповрежденным мое девство, от колыбели завещанное Христу. Видя блеск Ангельского сияния, они все поклонялись и выходили без вреда, а сын твой, будучи бесстыдным и не боящимся Бога, лишь только вошел, начал свирепствовать и неистовствовать, и когда он бесстыдно простер свою руку, чтобы прикоснуться ко мне, Ангел Божий тотчас предал его сатане на эту горькую и постыдную кончину, которую ты видишь. Таким образом, не моим чародейством, как ты полагаешь, но властно и повелением Ангела Божиего, он умерщвлен.

На это правитель сказал:

– Тогда лишь станет ясно, что ты не волшебством сделала это, когда ты умолишь своего Ангела, чтобы он воскресил моего сына.

Святая ответила:

– Хотя вы и недостойны за свое неверие такого чуда, но так как настало время, чтобы обнаружилось и было прославлено могущество Господа моего Иисуса Христа, то выйдите отсюда все, и я сотворю обычные молитвы к Богу моему.

И в то время как она молилась, лежа на земле ниц, явившийся ей Ангел Божий поднял ее плачущую и воскресил

умершего юношу. Последний, вышедши из дома, начал восклицать громким голосом:

– Един есть Бог на небе и на земле, и на море, Бог христианский; иные же боги суть ничто, а только обман и заблуждение, приносящие верующим в них вечную гибель!»

Видя и слыша это, многие из народа уверовали в тот день, числом сто шестьдесят человек, и крестились. Спустя некоторое время язычники отсекли головы им и воскрешенному юноше.

По поводу такого чуда сильно смутились языческие жрецы и чародеи. Распространив молву о чуде и вызвав сильное волнение в народе, они громко кричали, обращаясь к судье:

– Истреби из нашей среды эту волшебницу, убей чародейку, которая не только убивает тела, но и производит переворот в душах и сердцах!

Симфроний, видя это чудо, пришел в недоумение: он хотел отпустить святую, но, опасаясь возмущения против себя жрецов и даже изгнания из отечества, оставил для усмирения народного волнения своего наместника, по имени Аспазия, а сам ушел, скорбя, что не мог освободить, по воскрешении сына, святую девицу. Аспазий, приняв власть, повелел разжечь среди города костер и бросить в него святую Агнию на сожжение. Когда святая была брошена в огонь, тотчас пламя разделилось на две части и дало ей место посреди себя пространное и прохладное; наоборот, оно устремлялось на стоящих вокруг и опаляло их. Народ же, видя девицу неопаляемою, приписывал это не всемогуществу Божию, а силе чародейства и, рассуждая об этом, волновался и хульными голосами взывал до облаков. Между тем святая мученица, стоя среди огня и воздевши руки вверх, молилась:

– Слава Тебе, всемогущий, всеми исповедуемый и прославляемый Отец Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого Ты избавил меня от руки нечестивых людей, сохранил от скверны мою душу и тело мое соблюл чистым! Вот и теперь небесною росою от Духа Святого прохлаждается для меня огонь, пламя разделяется, и вся сила огня устремляется на слуг, старающихся сжечь меня. Благодарю Тебя, достойно славимый Боже, за то, что и среди пламени Ты даешь мне

безбоязненный путь к Тебе. Я уже вижу исполнившимся то, во что я веровала; на что я надеялась, то имею, и желаемое получила. Исповедую Тебя устами и сердцем; к Тебе я устремилась всеми чувствами и вот иду к Тебе, Живому и Истинному Богу, с Господом нашим Иисусом Христом и Святым Духом, живущему и царствующему во все веки, аминь.

Когда эта молитва была произнесена святою и весь огонь костра угас до конца, Аспазий, опасаясь продолжения народной смуты, повелел воткнуть меч в гортань святой. Таким образом, Христова мученица Агния, обагрившись собственною кровью, пошла на брак Бессмертного Жениха[881]. Родители святой Агнии взяли с радостью честное тело своей дочери и положили на поле своем, недалеко от города, при дороге, называемой Нументана. Здесь многие верные собирались на молитву, особенно ночью, по причине боязни язычников, которые, подстерегая и там и на пути, причиняли верующим много притеснений. Однажды, напав нечаянно, они многих ранили брошенными камнями и всех разогнали; осталась лишь одна девица, сверстница святой Агнии, по имени Емерентиана. Она, исполнившись дерзновения, поносила разбойников, говоря:

– За что вы, жестокосердые, побиваете камнями неповинных людей? Какую вину вы нашли в тех, которые прославляют Единого Бога и своими молитвами испрашивают для вас многие блага?

Язычники, рассвирепев, побили ее камнями. Таким образом, она, молясь у гроба святой Агнии, предала дух свой Господу. И тотчас начались – сильное землетрясение, молнии и страшные громы; большая часть убийц пали мертвыми, пораженные свыше. С этого времени язычники более не осмеливались притеснять верующих, идущих к гробу Христовой мученицы. Родители же святой Агнии, пришедши ночью с пресвитерами, омыли окровавленное честное тело святой Емерентианы и похоронили вблизи святой Агнии, а сами постоянно находились у гроба возлюбленной дочери своей, бодрствуя и плача по ночам. В одну из ночей они увидели лик девиц, идущих мимо них, – украшенных светлыми златоткаными одеждами и сияющих небесною славою, а среди них они

увидели и дочь свою, святую Агнию, подобно им сияющую и имеющую по правую сторону себя Агнца – белее снега. Она, обратившись к подругам своим, чтобы они остановились и обождали немного, сказала родителям:

– Не плачьте обо мне, как об умершей, но лучше радуйтесь и торжествуйте вместе со мною, так как я вместе с этими девами вселилась в светлые обители и ныне я соединилась на небе с Тем, Кого я всем сердцем возлюбила на земле.

Сказав это, она стала невидима.

Спустя много лет вступил на царство Константин Великий. Дочь его Констанция тяжко заболела. Все тело ее было обложено гнойными струпьями, и не было здорового места на ее теле с головы до ног. Врачи ничем не могли помочь ей. Последовав доброму совету, она пошла ночью к гробу святой мученицы Агнии и там, помолившись с твердою верою и со слезами, она уснула и увидела в сонном видении святую Агнию, которая сказала ей:

– Дерзай, Констанция, и веруй в Господа Иисуса Христа, Сына Божиего, верою в Которого ты ныне исцеляешься от ран твоих.

Проснувшись, Констанция почувствовала себя настолько здоровою, как будто она никогда не болела. Возвратившись домой, она рассказала отцу своему и братьям, как исцелила ее святая Агния. Великая радость была в царском доме; радовался и весь город, прославляя Бога за это великое чудо. Многие стали приходить к гробу святой мученицы и получали различные исцеления. После этого царевна Констанция упросила отца своего построить церковь во имя святой мученицы Агнии на месте погребения ее. Там устроив себе жилище, она оставалась девою со многими другими благородными и знатными девицами до своей кончины. Так основался девичий монастырь при церкви девицы и невесты Христовой, святой Агнии, в честь и похвалу ее, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Валериана, Кандида, Евгения и Акилы

Память 21 января

Сии святые прославленные мученики пострадали в царствование Диоклетиана и Максимиана от правителя Лисия. Прежде всего, Валериан, Кандид и Акила были схвачены в горах Трапезунтских, так как с наступлением тяжкого гонения они оставили дома свои, и все имущество, и весь суетный мир и скитались в горах, предпочитая лучше жить со зверями, чем с богопротивными идолопоклонниками. Схваченных троих мучеников нечестивые, прежде всего, послали в страну Лассийскую, в один городок, по имени Пина, в тяжкое заточение в тамошней темнице, а затем, спустя некоторое время, привели их в Трапезунт[882] и представили правителю Лисию. Когда святые, допрашиваемые о Христовой вере и побуждаемые к принесению идольских жертв, оказали неповиновение, тогда их прежде били нагих жилами, а затем повесили и строгали железными когтями, опаляя при этом горящими свечами. Святых страдальцев укрепляла Божественная сила, невидимо пребывавшая в них среди мучений. Она внезапно так устрашила мучителей, что они пали ниц, как мертвые. Видя это, Лисий ужаснулся и повелел отвести мучеников в темницу. Спустя несколько дней был схвачен и святой Евгений и подвергнут был жестокому биению за исповедание имени Иисуса Христа. Когда затем правитель пошел в идольский храм, то за ним был веден и мученик Евгений. Вошедши в храм, святой помолился Богу, и тотчас идолы пали и рассыпались в прах. Тогда по повелению мучителя слуги его оцепили веревками руки и ноги святого и, растянув его на земле, били в продолжение долгого времени толстыми палками. Затем повесили его нагого, строгали тело его железными когтями, опаляли свечами и раны его поливали крепким уксусом, смешанным с солью. После этого всех четырех святых мучеников вместе ввергли в огненную печь, а когда они вышли

оттуда без всякого вреда для себя, они были усечены мечом[883]. Таким образом окончились страдания этих святых.

Житие святого апостола Тимофея

Память 22 января

Святой апостол Тимофей происходил из Ликаонской области[884], а воспитание и образование получил в знаменитом городе Листры[885], который не столько прославился изобилием плодов земных, сколько этою богонасажденною плодоносною ветвью. Этот молодой побег произрос, однако, от не совсем здравого корня: ибо как благоухающая роза вырастает из терния, так и святой Тимофей произошел от неверующего еллина, который был известен своим языческим нечестием и настолько погряз в пороках, насколько впоследствии сын его превосходил всех людей добродетелями и высокою нравственностью. Матерь же и бабка святого Тимофея были родом евреянки, обе святые и праведные, украшенные добрыми делами, как об этом свидетельствует святой апостол Павел в словах: «желаю видеть тебя, воспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости, приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе» (2Тим. 1:4. 5).

Еще будучи отроком, блаженный Тимофей, питаемый своею матерью не столько телесною пищею, сколько словом Господним, всячески уклонялся от языческого и иудейского заблуждения и затем обратился к святому апостолу Павлу, сей богогласной церковной трубе. Это произошло таким образом. Святой апостол Павел вместе с учеником и апостолом Христовым Варнавою пришел в Листры, как об этом повествует Божественный Лука в Деяниях Апостольских: «они удалились, говорит он, в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их» (Деян. 14:6). По прибытии своем туда святой апостол Павел совершил великое чудо: хромого от чрева матери исцелил единым словом. Видя это, жители города сильно удивились, говоря: «Боги в образе человеческом сошли к нам». Когда же они узнали, что это не боги, а люди, и называются апостолами и проповедниками Живого Бога, притом

суть противники ложных богов, и для того именно и посланы, чтобы обращать людей от бесовского заблуждения к Истинному Богу, могущему не только хромых исцелять, но и мертвых воскрешать, тогда многие от заблуждения своего обратились к благочестию (Деян. 14:8–18). В числе таких была и матерь сего блаженного апостола Тимофея, оставшаяся вдовою по смерти своего мужа. Она с радостью приняла святого апостола Павла в дом свой, заботилась о его содержании и удобствах жизни и, наконец, отдала ему в обучение сына своего, святого Тимофея, как дар за совершенное в их городе чудо и за воспринятый от него свет истинной веры. Святой Тимофей был еще очень молод годами, но весьма способен и подготовлен к восприятию семени слова Божия. Святой Павел, приняв юношу, не только нашел в нем кротость и расположение к добру, но и прозрел в нем благодать Божию, вследствие чего возлюбил его даже более, чем его родители по плоти[886]. Но так как святой Тимофей был еще очень юн и не мог переносить тягостей путешествия, то святой апостол Павел оставил его в доме матери, приставив к нему искусных учителей, которые научили бы его Божественному Писанию, как об этом он сам вспоминает в послании к Тимофею: «Ты из детства знаешь священные писания» (2Тим. 3:15). Сам же апостол Павел, по наущению иудеев побитый народом камнями, был вытащен за город, после чего пошел в другие города.

Спустя несколько лет, когда святой апостол Павел, вышедши из Антиохии, захотел посетить братию во всех городах, в которых раньше проповедовал слово Божие, то, взяв с собою Силу, пришел в Листры[887], где жил святой Тимофей. Видя, что он достиг совершенного возраста и преуспевает во всякой добродетели, притом пользуется высоким уважением у всех тамошних христиан, апостол Павел принял его к себе на апостольское служение и сделал его своим постоянным спутником во всех трудах и сослужителем о Господе. Когда же он хотел выйти из города, то ради некоторых иудеев, во множестве проживавших там и в окрестных местах, обрезал Тимофея по закону Моисееву (Деян. 16:3), – не потому, чтобы это было необходимо для спасения, ибо новая благодать

подается вместо обрезания во святом крещении, но для того, чтобы не соблазнялись о нем иудеи, так как все они знали о его происхождении от язычника. Вышедши из Листр, святой апостол Павел проходил города и селения, уча и благовествуя Царствие Божие и всех просвещая светом благочестия. За ним, как звезда за солнцем, воссиявшим от третьего неба, следовал Божественный Тимофей[888], воспринимая немерцающий свет благочестия учение благовествования Христова и научаясь высоким подвигам и добродетельной жизни, как об этом и сам святой апостол Павел свидетельствует: «ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, в гонениях, страданиях» (2Тим. 3:10, 11).

Так святой Тимофей почерпнул все добродетели от сосуда избранного, апостола Павла, и воспринял от него, ради Христа, апостольскую нищету. Не приобретая себе никаких богатств, ни золота, ни серебра, ни каких-либо других вещественных благ, он переходил с места на место, возвещая Евангелие Царствия Божия. Он усвоил обычай воздавать добром за зло; укоряемый – он благословлял, гонимый – терпел, поносимый – радовался духом, и во всем являл себя Божиим слугою, будучи истинным подражателем своему учителю. Святой апостол Павел, видя ученика своего столь преуспевающим в добродетелях, поставил его сначала диаконом, затем пресвитером и, наконец, – епископом[889], хотя он был и молод годами. Сделавшись через возложение рук апостольских служителем Христовых Тайн, святой Тимофей сделался усерднейшим подражателем тягостей и трудов апостольских, не уступая другим апостолам в страданиях и трудах во время благовествования учения Христова. Ни юность, ни слабость тела не могли когда-либо воспрепятствовать ему в исполнении принятого им на себя подвига. Во всей своей деятельности он обнаруживал величие духа, как об этом свидетельствует учитель его, святой апостол Павел, в первом своем послании к коринфянам: «если придет к вам Тимофей, смотрите, чтоб он был у вас безопасен, ибо он делает дело Господне, как и я. Поэтому никто не пренебрегай его» (1Кор. 16:10–11). Несколько выше, похваляя его, святой апостол Павел писал: «Я послал к вам Тимофея, моего

возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе» (1Кор. 4:17). Подобным образом и в других своих посланиях он называет святого Тимофея своим братом, говоря: «Павел, узник Иисуса Христа, и Тимофей брат» (Флм. 1:1), «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат» (2Кор. 1:1), «Павел, волею Божиею посланник Иисуса Христа, и Тимофей брат» (Кол. 1:1). И еще он пишет: «Мы послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия, и сотрудника нашего в благовествовании Христовом, чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей» (1Сол. 3:2). Эти и многие другие свидетельства в похвалу святому Тимофею находятся в посланиях апостола Павла. Однако св. Тимофей не превозносился этим, но, живя в смиренномудрии и строгом соблюдении себя от греха, постоянными трудами и постом так изнурял себя, что и сам учитель его, взирая на его подвиги и посты, сильно жалел его. Он убеждал святого Тимофея – не пить одной воды, но употреблять и немного вина ради его желудка и частых недугов (1Тим.5:23), которыми, хотя и постоянно тело его было обременено, но зато душевная чистота оставалась нетронутою и свободною от всякого повреждения. Святой Тимофей с учителем своим проходил все концы мира: то в Ефесе, то в Коринфе, то в Македонии, то в Италии, то в Испании, они возвещали слово Божие, так что с полным правом можно было сказать о них: «По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их» (Пс.18:5). При этом святой Тимофей был проницателен в рассуждениях, быстр в ответах, – в проповеди слова Божия – искусный оратор, в изложении Божественных Писаний – увлекательный истолкователь, в церковном управлении и защите истин веры – достойнейший пастырь. В особенности же достойно внимания то, что он получил изобильную благодать, так как учение свое он почерпнул из двоякого источника: он не только имел своим учителем святого Павла, но поучался и у святого Иоанна, возлюбленного ученика Христова[890]. Когда же святой Иоанн был сослан императором римским Домицианом[891] в изгнание на остров Патмос[892], то Тимофей был вместо него епископом

города Ефеса, где спустя немного времени и пострадал за свое свидетельство об Иисусе Христе следующим образом.

Однажды в Ефесе совершался особенно торжественный праздник, называемый «катагогиум», в который идолопоклонники, мужчины и женщины, надев на себя изображения различных странных существ, брали в руки идолов и дреколия и с бесстыдными плясками обходили улицы города. При этом они пели нестройными голосами песни и бросались на встречных, как разбойники, и даже многих убивали. Совершали они и много других скверных беззаконий, которыми думали выразить почитание своих мерзких богов. Видя это, блаженный Тимофей воспламенился огнем Божественной ревности и, явившись на это богопротивное зрелище, открыто и смело проповедовал Единого истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, – ясно показал заблуждения и самообольщения их относительно своих богов и свободно высказал многое, что было полезно для убеждения их. Они же, блуждая во тьме языческих заблуждений, не поняли и не уразумели речей апостола, но, единодушно устремившись против него, жестоко били его имевшимися в руках их дреколиями, немилосердно и бесчеловечно влачили его по земле, попирая ногами, и, наконец, замучили его до смерти[893]. Пришедшие затем христиане нашли его едва дышавшим. Они вынесли его за город, и когда он преставился, погребли его на месте, называемом по-гречески Пион, т.е. тучное. Спустя много времени честные мощи святого апостола Тимофея по повелению царя Констанция, сына Константина Великого, были перенесены святым мучеником Артемием[894] из Ефеса в Константинополь и положены в церкви святых апостолов вместе с мощами святого апостола Луки и Андрея Первозванного. Так было благоугодно Богу, ибо в житии их все было общее: характер, учение и проповедь Евангелия. Поэтому и общий гроб приличествовал им по смерти, тем более что и упокоение их на небесах – общее в Царстве Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом царствующего вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Благости научився и трезвяся во всех, благою совестию священнолепно оболкся, почерпл еси от сосуда избраннаго неизреченная, и веру соблюд, равное течение совершил еси, Апостоле Тимофее, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 1:

Божественнаго ученика и спутешественника Павлова Тимофея вернии воспоим вси, с сим почитающе мудраго Анастасия, возсиявшаго от Персиды яко звезду, и отгонящаго душевныя наша страсти и недуги телесныя.

Житие и страдание святого преподобномученика Анастасия Персянина

Память 22 января

Когда святой город Иерусалим был взят персидским царем Хозроем[895] и святые места пребывания Христа Господа нашего, ознаменованные Его вольными страданиями, распятием, смертью, погребением и воскресением, были завоеваны нечестивыми варварами, – когда и Животворящее Древо Креста Господня было взято в плен и отнесено вместе с богатой военной добычей[896] в Персию, тогда в этой последней слава имени Христова начала, подобно солнцу, сиять в чудесах, исходивших от Животворящего Крестного древа. Само будучи в плену, оно пленяло души человеческие Богу, и подобно уде, уловляя людей, влекло их ко Христу, просвещая познанием истины и воспламеняя сердца Божественною любовью. Тогда обратился к познанию Христа и святой мученик Анастасий, о котором нам предстоит повествовать.

Родом он был перс из селения Раснуни, расположенного в области, называемой Разы. Первоначальное его персидское имя в язычестве было Магундат. Он был сыном одного волхва, по имени Вава, весьма знаменитого в своей стране учителя чародейской науки, которой он обучил в совершенстве и сына своего в ранней его юности. Когда Магундат достиг возраста зрелого юноши, он вместе со многими другими юношами поступил в военную службу и оставался в столичном городе, служа царю персидскому Хозрою. Услышав о славе и могуществе крестного древа, которое приводило в изумление все персидские области и устрашало необычайными чудесами, так что все говорили: «Бог христианский пришел в Персию», Магундат начал усердно расспрашивать об этом. Внезапно душа его воспламенилась тайно тем огнем, который Христос пришел «низвести на землю» (Лк.12:49). Без устали этот прекрасный юноша обращался ко многим с расспросами, желая с достоверностью узнать, что это за древо, имеющее столь

великую силу чудотворения. Когда верующие разъяснили ему, что это – тот самый Крест, на котором был распят, ради спасения рода человеческого, Христос, Сын Божий, исповедуемый и почитаемый христианами, тогда в нем еще более возгорелось внутреннее желание приобрести совершеннейшее познание о Сыне Божием. Он ставил вопрос за вопросом, а в ответах находил поводы к дальнейшим исследованиям, пламенея усердием узнать, как Бог сошел с неба, как стал человеком, почему и кем осужден на крестную смерть, когда снова вознесся на небо, откуда сошел. Он слушал об излагаемом ему христианами Божественном таинстве воплощения Христа, и уши его с любовью воспринимали семя благочестия, а душа его постепенно возращала зерно веры и возбуждалась к подражанию Христу. Магундат имел родственника по плоти, и оба они находились в полку одного славного воеводы Саина. Когда последний был послан с войском персидским царем на войну в области Греции и достиг славного христианского города Халкидона[897], пришел туда и Магундат, служивший в полку с родственником своим. Против персов ополчился благочестивый греческий царь Ираклий[898]. Тогда персидский воевода Саин поспешно возвратился назад с полком своим. Магундат же, оставив полк и своего родственника, предпочел лучше жить с христианами в бедности и безвестности, нежели в богатстве и почете в отечестве своем среди неведущих Бога. Сначала он пришел в Иераполь[899]. Там нашел он одного человека, родом перса, по вере христианина, а по ремеслу золотаря. Поселившись у него, Магундат учился золотарному искусству. Руки его были обращены к делу, а ум его постоянно был устремлен ко Христу Богу, любовью к Которому он горел. Он умолял учителя своего приготовить его к святому крещению; но желание его не могло осуществиться, ибо святое крещение было отлагаемо на неопределенное время из опасения войны со стороны персов. Между тем часто приходя с учителем своим в церковь на молитву, он видел на церковных стенах картины, изображавшие страдания и чудеса святых мучеников. Он спрашивал своего учителя, что это значит? Учитель рассказывал ему о подвигах и жизни святых: как они

мужественно приняли смерть за Христа и с ревностью положили за Него свои души, что они претерпели от мучителей ради Христа и каких наград они сподобились от Него на небе. Слушая все это со вниманием, Магундат удивлялся и ужасался; сердце его еще более воспламенялось Божественною ревностью. Пробыв в Иераполе некоторое время, он пошел в Иерусалим, чтобы там принять святое крещение.

Прибыв во святой город Иерусалим, Магундат, названный впоследствии Анастасием, остановился у одного христолюбивого мужа, также золотаря по ремеслу. Ему он открыл желание сердца своего – соединиться со Христом через святое крещение. Тот повел его к святому Илии, пресвитеру великой церкви Воскресения Христова. Блаженный Илия, приняв его с любовью, известил о нем святейшего патриарха Модеста и, по его благословению, крестил перса Магундата, нарекши его в святом крещении Анастасием, после чего удержал его у себя в течение восьми дней. Святой Илия спрашивал его: какое он хочет избрать себе житие – мирское или иноческое? Блаженный Анастасий не только словами утверждал, но и кротким нравом своим обнаруживал, что он желает иноческого звания и жизни. Спустя восемь дней, когда он снял возложенные на него при крещении белые одежды, пресвитер отправил его в один из иерусалимских монастырей, в десятый год царствования Ираклия. Там он был поручен одному мудрому и добродетельному старцу, который скоро стал настоятелем того монастыря. У него святой Анастасий научился не только греческому языку, но и пониманию Псалтири и прочих священных книг, а равно получил наставление относительно многих подвигов, приличествующих иноческой жизни. Поэтому-то он был любим всеми, а особенно своим наставником, который, на основании первых опытов его подвижнической жизни, предусматривая дальнейшее прохождение ее, постриг его в иноки и сделал своим духовным сыном.

Блаженный Анастасий был иноком добродетельным, смиренномудрым, кротким и трудолюбивым. Он исполнял охотно всякую монастырскую работу – в поварне, пекарне, огороде, а равно и другие послушания; при этом он никогда не

опускал церковных служб или чтения правил. Руки его всегда были заняты работой, а уста – прославлением Бога. Кроме того, он читал Божественные Писания, жития святых отцов, а особенно страдания святых мучеников. Читая их, он орошал книгу слезами и, пламенея сердцем, обнаруживал свое внутреннее сочувствие их терпению. Он и сам как бы страдал вместе с ними и внутренне являлся подражателем их ревности, ублажал их кончину и удивлялся их мужеству, усердно моля Владыку Христа, чтобы сподобил его претерпеть за Него такие же страдания, так же умереть и присоединиться к лику мучеников. Между тем враг души человеческой, негодуя на то, что он утверждается в добродетели, начал приводить ему на память прежнюю его жизнь в Персии, оставленные им богатства, славу, отцовское чародейское искусство, воинские почести и прочую суету, желая тем смутить его душевный покой и отвратить его от обители и от сожительства со святыми отцами. Но помощью Бога, в Котором святой Анастасий имел крепкое утверждение против врага, а равно молитвами и наставлением своего учителя и духовного отца, которому исповедовал все свои мысли, он остался непобедимым и непоколебимым при всех искушениях врага.

После того как преподобный Анастасий провел в монастыре семь лет и собрал обильное духовное сокровище добродетелей, он был призван Господом к мученическому венцу таким видением. Пред самым наступлением светлого праздника Воскресения Христова, в вечер великой субботы, он лег отдохнуть немного после дневных трудов и, уснув, увидел себя стоящим на высокой горе. К нему подошел какой-то светоносный муж, державший золотую чашу, украшенную драгоценными камнями и наполненную вином. Передав ему чашу, муж сказал: «Возьми и пей». Он взял и испил. Душа его тотчас исполнилась несказанной радости, и он еще во сне уразумел, что это было для него знамением желаемой им мученической кончины, к которой призывает его Господь[900]. Проснувшись, он, исполненный радости и веселья, поспешил в церковь к началу службы Воскресению Христову. Там, отозвав в сторону, в ризнице, своего духовного отца и наставника,

бывшего уже настоятелем, он пал к ногам его и, орошая их слезами, умолял помолиться о нем Владыке всех Христу, так как уже близок день отшествия его из сей жизни. Он говорил:

– Я знаю, святой отец, какие труды ты принял ради меня и как часто я злоупотреблял твоею отеческою заботливостью обо мне. Благодаря тебе, очи мои узрели истинный свет и через тебя я освободился от тяжкой тьмы; не переставай же молиться обо мне, рабе твоем, преблагому Господу.

Отец духовный сказал ему:

– Что с тобою, дитя мое? Откуда ты узнал, что этими днями ты перейдешь от нас в иную жизнь?

Анастасий рассказал ему про сонное видение с большим умилением и настойчиво утверждал, что в ближайшие дни он непременно должен умереть или общею всем смертью, или какою-либо иною; о своем же желании мученической кончины за Христа он боялся говорить, чтобы старец не запретил ему этого и чтобы таким образом не угасло пламя его ревности по Христе, а он не лишился венца страдальца. Духовный отец долго утешал его ласковыми словами. Когда наступил день, преподобный Анастасий во время Божественной литургии приобщился Святых Таин и вкусил с братиями от общей трапезы. На следующую ночь он, немного уснув с вечера, поспешно встал, так как несказанное внутреннее желание мученичества не давало ему спать. Встав тайно от всех, он вышел из монастыря, ничего не взявши с собою, кроме иноческой одежды, в которую был одет.

По выходе из монастыря святой Анастасий пошел сначала в Диосполь палестинский[901], а оттуда на гору, называемую Харизим, чтобы помолиться. Прошедши и многие другие замечательные местности, он пришел в Кесарию палестинскую[902] и пробыл там в церкви Пречистой Богородицы два дня. Затем он пошел поклониться в церковь святой и всехвальной великомученицы Евфимии, находившуюся в той же Кесарии. В это время Палестиною владели персы, и их было здесь много. Случилось блаженному, во время прохождения мимо дома одного перса, увидеть производимые персами

волшебные фокусы. Исполнившись Божественной ревности, он подошел к ним и сказал с гневом:

– Зачем вы и сами заблуждаетесь и, обманывая других, увлекаете их души к тому же заблуждению? Они удивились его смелости и спросили его:

– Кто ты такой, что так говоришь с нами?

Он ответил им:

– И я некогда держался того же заблуждения, какого держитесь вы. Я был сведущ в этой же нечестивой науке и весьма искусен в обманах.

Говоря это, святой долго обличал их безбожие, причем выяснял, насколько противна Богу и вредна для людей их чародейская хитрость и обольщение. Он изложил им, как он достиг познания истины и обратился к Богу, причем убеждал их, чтобы они, взяв его себе за образец, также познали истину и, отказавшись от волхвования, обратились ко Христу Богу с покаянием. Они же не только не хотели слушать слов святого, но и убеждали его настойчиво, чтобы он не порицал столь славные у персов волшебные знания и не изобличал их пред народом. Тогда святой, оставив их, пошел своим путем, поспешая к святому храму всехвальной мученицы. Лишь только святой отошел от них немного, его увидели персидские воины, сидевшие у ворот здания суда. Когда святой миновал их, они, беседуя между собою на персидском наречии, сказали о нем:

– Это – лазутчик.

Святой, хорошо понимая их слова, так как сам был персом, гневно посмотрел на них и сказал:

– Что вы говорите? Я не лазутчик, а раб Господа моего Иисуса Христа; я гораздо лучше вас, потому что я сподобился работать Тому, Который изволил сойти с небес ради грешников. Я понимаю вашу речь, потому что и сам некогда был в той же воинской службе, в которой вы ныне состоите.

Тогда воины схватили его и сообщили о нем своему начальнику, находившемуся в здании суда. Тот, допросив его, кто он и откуда, повелел содержать его под строгим присмотром в тюрьме. Будучи заключен, святой три дня не принимал ни пищи, ни пития. Он ничего не хотел принимать из рук

нечестивых, но питался только ожиданием давно желаемых страданий за Христа. В это время прибыл в Кесарию палестинскую один персидский князь, по имени Марзаван. Узнав о преподобном узнике, он повелел привести его к себе в преторию связанным на допрос. Когда святой был приведен, Марзаван занимался различными другими делами, а преподобный Анастасий стоял в отдалении связанный. Тут же находился один христианин. Он, узнав святого, так как видел его в церкви Пречистой Девы Богородицы, подошел к нему и тихо спросил, за что он взят, связан и приведен на суд.

Святой сказал ему о желании сердца своего, – именно, что он желает пострадать и умереть за Христа. Услышав об этом, христианин прославлял святого за его доброе намерение и утешал его словами Божественного Писания, убеждая не бояться мук и не страшиться смерти за имя Господа нашего Иисуса Христа, но твердо и смело отвечать Марзавану на вопросы его, памятуя слова, сказанные Господом в Евангелии: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10:22). Когда затем преподобный Анастасий был поставлен на суд пред Марзаваном, он не поклонился ему и не воздал подобающей чести. Между тем у персов был обычай преклонять колени пред своими князьями ради их сана. Святой же не сделал этого, внешним непоклонением и безбоязненным взором обнаруживая свое внутреннее мужество и величие духа. Марзаван, посмотрев на него пристально, спросил:

– Кто ты, откуда и как называешься?

Святой ответил смело:

– Я христианин, – а если ты хочешь знать о происхождении моем, то я перс, из области Разы, из селения Раснуни. Я был волхв и воин, но оставил тьму и пришел к истинному свету; имя мое прежде было Магундат, а ныне по-христиански я именуюсь Анастасием.

Марзаван сказал ему:

– Оставь это заблуждение и возвратись к прежней своей вере. Я дам тебе коней и денег и много всякого другого имущества.

Святой, взглянув на него, сказал:

– Да не будет этого со мною, Царю Христе, чтобы я отрекся от Тебя!

Тогда Марзаван спросил:

– Нравится ли тебе эта одежда, которую ты ныне носишь?

Блаженный ответил:

– Это одеяние особенно приятно мне, потому что оно – Ангельское; притом оно почетнее для меня, нежели для тебя твой сан.

Марзаван, разгневавшись, сказал:

– В тебе сидит бес, и ты говоришь не иное что, как то, чему тебя научает бес.

Святой ответил:

– Когда я держался персидского заблуждения и нечестия, тогда я имел в себе неистового беса, а ныне обитает во мне Христос Спаситель мой, изгоняющий твоих бесов.

Марзаван на это спросил его:

– Что же? Разве ты не боишься царя, который, когда узнает о тебе, то повелит распять тебя?

– Зачем мне бояться человека, – ответил святой, – такого же тленного, как и ты? Если он и убьет мое тело, зато никакими кознями не сможет уловить мою душу.

Не будучи в состоянии слушать такие речи, Марзаван повелел возложить на святого железные цепи, – одну на шею, а другую на ноги, – отвести его к каменотесам и заставить его вместе с прочими узниками постоянно носить на себе камни. Там блаженный страдалец претерпел бесчисленные и тяжкие невзгоды. Некоторые, находившиеся в Кесарии с его родины, из того же селения Раснуни, персы, некогда знакомые ему, друзья и соседи, видя случившееся с ним, стыдились его и считали его труды бесчестием для себя. Они поносили святого, говоря:

– Что ты сделал? Зачем ты обесчестил прежнее благородство своего происхождения, сделавшись христианином, и на нас навел такое бесславие? Ты закован в цепи и осужден на казнь, как злодей, чего глаза наши не могут видеть. Никогда и никто из страны нашей не был христианином, и вот ты причинил нам такое поругание.

Говоря такие укоризненные слова, нечестивые нередко возлагали на неповинного святого руки, били его немилосердно, терзали за бороду, рвали на нем одежду, и не только причиняли ему такие обиды, но и возлагали на плечи и шею его одного такие тяжелые камни, которые едва могли понести четверо. Так, окованный цепями по шее и ногам и тяжко обремененный камнями, трудился угодник Божий. Всякого рода притеснения испытывал святой от знакомых персов во все время, но он все это переносил с радостью ради имени Иисуса Христа.

Спустя некоторое время князь Марзаван снова повелел привести к себе святого и спросил его:

– Если ты действительно сын волхва и знаешь искусство волхвования, то сообщи нам что-либо из этой области, чтобы и нам узнать о твоих способностях.

Святой ответил:

– Сохрани меня Бог, чтобы из моих уст вышло что-либо подобное! Я не хочу осквернять ни ума своего воспоминанием о волшебных хитростях, ни языка своего речью о них.

Тогда князь сказал ему:

– Зачем ты остаешься христианином? Возвратись к прежней своей вере; иначе – знай, что я сообщу о тебе царю Хозрою.

Святой сказал на это:

– Делай, что хочешь. Я думаю, что ты уже писал к нему и уже получил от него ответ?

Князь отвечал:

– Я еще не писал, но хочу написать ныне, и что повелит он мне о тебе, то я и сделаю. Святой Анастасий отвечал:

– Пиши все, что хочешь дурное обо мне. Я – христианин, и еще раз говорю, что я – христианин.

Тогда Марзаван велел растянуть святого на земле и бить его до тех пор, пока он не согласится исполнить то, что повелят ему. Но когда слуги хотели связать мученика по рукам и ногам, чтобы бить его, святой сказал им:

– Оставьте меня так: нет нужды вязать и держать меня, ибо я не по неволе хочу страдать за Христа моего, а добровольно. Я настолько же хочу пострадать за Него, насколько иной жаждет студеной воды в знойный день.

Сказав это, он осенил себя крестным знамением и простерся ниц на земле, отдаваясь на раны. Тогда начали жестоко бить его палками; но святой обратился к бьющим со словами: – Повремените немного и снимите с меня иноческое одеяние; пусть не терпит унижения иноческое звание! Бейте только нагое мое тело, но знайте, что причиняемые вами мне раны я принимаю как шутку. Ибо, если вы даже раздробите меня на части, я никогда не отвергнусь Господа моего Иисуса Христа.

Но, и будучи биен, обнаженный, святой мужественно переносил мучения, лежа неподвижно и никем не удерживаемый, а только одним добрым своим изволением на муки ради Бога, каковым побеждал и самое свое естество. Князь и все находившиеся там удивлялись такому его терпению, ибо он во время продолжительного и мучительного биения ни повернулся, ни воскликнул, ни застонал. Ум его был направлен только к Богу, за Которого он страдал. Затем князь повелел перестать бить святого и снова устрашал его именем царя.

– Я напишу, – говорил он, – к царю, и он – повелит казнить тебя смертью.

Святой ответил ему:

– Пиши, что хочешь.

Князь возразил ему:

– Разве ты не боишься царя?

Святой ответил:

– Почему я должен бояться царя твоего? Разве он не такой же смертный человек, как и ты? Разве он не увидит тления так же, как и ты? Почему ты внушаешь мне бояться его, подобного тебе праха земного? Не более ли я должен бояться Господа моего Иисуса Христа, сотворившего небо и землю, море и все, что в них, – нетленного вовеки?

Гордый Марзаван, удивляясь ответу мученика, повелел снова отвести его в темницу. Спустя немного времени он опять призвал его к себе и начал говорить с ним кротко, надеясь обольстить его ласковыми словами. Он сказал святому:

– Вспомни свою волшебную науку и принеси жертвы богам, чтобы не умереть в муках и не лишиться сего видимого света.

Преподобный ответил:

– Какому богу я должен принести жертву: солнцу, луне, огню, морю, горам и холмам или всем прочим стихиям? Не дай мне, Боже, поклониться когда-либо вашим истуканам! Ибо все, перечисленное мною, создал Христос, Сын Божий, на службу и потребу нам людям, тварям разумным. Вы же заблуждаетесь, служа бесам и четвероногим животным, и всякой другой видимой твари, как будто не они созданы ради наших потребностей, а мы созданы ради них. Странно и нелепо называете вы их богами! Вы созданы по образу Божию, – и не знаете Бога, Создателя своего. Если бы вы познали Христа, создавшего вас, то вы обратились бы к истинному свету и избавились бы от власти демонов.

Говоря это и многое другое, святой удивил Марзавана и всех слушателей. Марзаван, видя, что ни ласками, ни угрозами не может победить святого, отослал его снова в темницу, пока от царя придет распоряжение, что с ним делать. Таким образом, ночью мученик был содержим в темнице, а днем был выводим в оковах на работу – носить камни с прочими узниками.

Между тем стало известно о святом Анастасии и в том монастыре, где он постригся. Все отцы и братия, услышав о том, что он тяжко страдает за Христа, исполнились несказанной радости, – особенно настоятель, его духовный отец и учитель, который, представляя себя как бы связанным вместе с возлюбленным учеником своим, думал, что и сам страдает в его теле. Но так как он сам не мог идти к своему ученику, будучи настоятелем монастыря, то послал двух иноков с письмом, исполненным утешений, поручив им, чтобы они, тайно навещая мученика, ободряли его к мужественному перенесению страданий. Сам же с прочими отцами днем и ночью молился о нем Богу, чтобы Бог помог мученику до конца доблестно пострадать за Его имя и быть победителем и венценосцем в лике святых мучеников. В это же время преподобномученик Анастасий, находясь в темнице, не переставал днем и ночью славословить всесильного Бога. Вместе с ним находился и

другой узник, один юноша из слуг Марзавана, осужденный за какое-то преступление. Он был скован вместе со святым – одною цепью за шею, а другою за ноги. Святому было слишком тягостно это, так как когда он вставал в полночь на молитву, то вынужден был, вопреки своему желанию, пробуждать и своего сотоварища. Он вменял себе в грех против ближнего то, что беспокоил его слишком утомленного той же дневною тяготою, ношением камней и затем сладко уснувшего. Поэтому, очень часто желая совершить полунощные молитвы, он не смел вставать на ноги, чтобы не пробудить друга и не нарушить его покоя. Держа ногу рядом с его ногою и склоняя шею свою к его шее, он совершал свои обычные молитвы к Богу. Были там и другие узники, остававшиеся нескованными. Среди них был один еврей, честного рода и кроткого нрава. Он, видя святого Анастасия, днем трудившегося над ношеняем камней, а ночь проводившего в славословии Божием, удивлялся, говоря сам себе: «Что это за человек и какова будет его кончина?»

Однажды ночью, когда святой молился, по обычаю своему, Богу, еврей этот, лежа на полу, не спал. Внезапно увидев свет в темнице, он обратил глаза свои к святому и заметил входивших к нему через темничные двери мужей, одетых в белые, блистающие одежды и окруживших святого мученика. Исходившее от них великое сияние освещало всю темницу несказанным светом, которого никто из узников не видел, ибо все спали. Только один тот неспавший еврей смотрел на это пристально и говорил себе с большим удивлением: «Боже Святой, это Ангелы!»

Продолжая смотреть внимательнее на тех мужей, он увидел на них омофоры и кресты в руках их. Тогда он подумал: «Это епископы». Затем, смотря на святого мученика, он увидел одного светлого юношу, стоявшего пред Анастасием с золотою кадильницей, наполненной горящими углями. Положив в кадильницу благовония, он кадил вокруг мученика. Наблюдая это, бодрствовавший узник разбудил рукою другого, близ него спавшего узника, христианина, бывшего некогда скифопольским судьею. Он хотел, чтобы и тот увидел столь дивное и очевидное чудо, но не мог разбудить его скоро, так как он уснул глубоким

сном. Когда же тот, наконец, разбуженный, проснулся и спрашивал, в чем дело и зачем его разбудили, – еврей, указывая ему на происходившее, говорил:

– Посмотри, посмотри!

Но едва только он произнес это слово, как видение исчезло. Тогда еврей рассказал христианину с особенным восторгом и сердечным умилением обо всем, виденном им, и оба вместе прославили Христа Бога.

Скоро после этого князь Марзаван, получив от своего царя Хозроя ответное письмо, послал к преподобному мученику Анастасию в темницу, говоря:

– Тебе повелевает царь, чтобы ты одним словом сказал: я не христианин, – и тотчас ты будешь отпущен, после чего иди, куда хочешь: или к христианам и инокам, или на родину – снова в военную службу. Мученик Христов ответил:

– Да не случится со мною того, чтобы я отрекся от Христа моего умом или словом!

Тогда князь снова послал наместника своего ко святому, говоря:

– Я знаю, что ты стыдишься многих, особенно знакомых своих, и потому не хочешь пред ними отречься от Христа твоего; но так как царское повеление необходимо исполнить, ибо никто не может ослушаться его, то, если хочешь, наедине, только предо мною и другими двумя советниками моими, скажи, что отрекаешься от Христа, и я тотчас отпущу тебя. В самом деле, какая тебе потеря будет от того, что ты только устами выскажешь отречение, а сердце твое, не согласуясь с устами, будет верить своему Богу?

Мученик отвечал:

– Да не будет этого со мною! Ни пред тобою, ни пред другими я не отрекусь от Господа моего – ни явно, ни тайно, ни даже во сне, и никто никогда не будет в силах меня чем-либо принудить к этому.

Когда наместник возвратился к князю и возвестил о слышанном от мученика, князь повелел привести его к себе и сказал ему:

– Царь повелел тебя, скованного цепями, послать к нему в Персию.

Святой мученик Анастасий отвечал:

– Если ты соизволишь отпустить меня, то я и сам, без оков, пойду к царю вашему. Какая надобность налагать цепи на меня, страдающего добровольно и желающего претерпеть за любимого моего Христа Владыку?

Князь, видя, что никаким образом: ни ласками, ни угрозами, не может обратить мученика от христианской веры к своему персидскому нечестию, назначил его с двумя другими узниками, также христианами, осужденными по какому-то несправедливому обвинению, через пять дней послать в Персию на суд к царю, после чего святой снова был отведен в темницу. В это время наступал праздник Воздвижения честного и Животворящего Креста Господня. В городе же этом жил один уважаемый и знатный человек, христианин по вере и жизни. Он обратился к князю Марзавану с просьбой отпустить из темницы инока Анастасия к нему на праздник, чтобы он мог вместе с христианами совершить это великое празднество. Марзаван, уважая почетного горожанина, повелел исполнить его просьбу, и святой Анастасий на этот день был отпущен к христианам, однако, в железных оковах. Приняв его, этот благочестивый муж повел его в церковь, на Божественную литургию. Для всех верующих было великою радостью и двойным празднеством смотреть на мученика, обложенного тяжкими оковами за пострадавшего на Кресте Христа Господа. Окружив его, мужчины и женщины проливали от радости горячие слезы и с умилением лобызали его оковы, прославляя его страдания за Христа. По совершении Божественной литургии ходатайствовавший о нем муж повел его в свой дом с теми двумя иноками, которые были присланы из монастыря, чтобы тайно утешать мученика и добывать ему пищу. Радушно угостив их, когда пришло время, он снова отвел святого Анастасия в темницу. Спустя пять дней святой, вместе с другими двумя узниками в оковах был отправлен в Персию. Его провожали многие христиане с радостными слезами. Проводили его и те два инока. Один из них возвратился затем в монастырь, а

другому повелено было настоятелем идти с блаженным Анастасием, чтобы служить ему, видеть его кончину и по возвращении рассказать о совершенных им подвигах страдания и мученичества.

По прибытии в Персию святой преподобномученик Анастасий посажен был в темницу в городе, называемом Вифсалией[903], вместе со многими другими узниками, среди которых одни были осуждены за какое-либо преступление, а другие были пленники, главным образом христиане. Прибывший с ним инок поместился у некоего Кортакта, сына Эсдина, а Эсдин был главнейший царский домоправитель, тайный христианин. Спустя несколько дней царь Хозрой послал одного из судей вместе с трибуном допросить святого Анастасия. Судья, пришедши ко святому, спрашивал: кто он, откуда и по какой причине, оставив Персидскую веру, стал христианином? Мученик Христов Анастасий отвечал ему через переводчика, так как не хотел более говорить по-персидски, гнушаясь и нечестивою верою персов, и самым языком. Святой говорил:

– Вы заблуждаетесь, почитая бесов, вместо Бога. Пребывал и я некогда в этом вашем заблуждении, но ныне я верую и поклоняюсь всемогущему Владыке Иисусу Христу, создавшему небо и землю, море и все, что в них. Я достаточно знаю, что вера ваша есть диавольское обольщение, ведущее вас к погибели.

Судья сказал ему на это:

– О окаянный! Разве иудеи не распяли Того Христа, Которого вы почитаете? Как же ты впал в заблуждение, оставив свою веру и сделавшись христианином?

Святой ответил:

– Ты верно говоришь, что Иисус мой был распят иудеями, но отчего же ты не говоришь и того, что Он Своею Божественною волею соблаговолил предаться на распятие ради нашего спасения? Он Создатель всего, сошедший с неба на землю и воплотившийся от Пречистой и Преблагословенной Девы Марии действием Духа Святого. Он распялся добровольно, чтобы спасти род человеческий от обольщения диавольского. Вы же почитаете диавола и поклоняетесь солнцу,

луне, огню и всякому другому созданию, а не Создателю своему.

Судья сказал ему:

– Зачем ты говоришь так много суетного? Вот царь немедленно предоставит тебе великие почести, даст золотые пояса, хороших коней и много всякого имущества; ты будешь одним из знатных сановников его, только возвратись к прежней своей вере.

Святой Анастасий возразил ему:

– Дары царя вашего, богатства, почести и славу, и все, что вам приятно и желательно, я давно презрел и возненавидел. Все это противно мне, как сор и навоз. Избрав иноческое житие и возлюбив его, я питаюсь надеждою вечных благ, которые, по благодати Христа Бога моего, думаю получить. Сей честный иноческий чин и сия ветхая мантия служат для меня достоверным ручательством в этом. Каким же образом я ныне стану презирать и отрекусь от того, на что я надеюсь и ради чего предпринял весь труд и приложил все усердие? Могу ли я прельститься дарами царя временного и имеющего скоро погибнуть?

Услышав это, судья обо всем сообщил царю. Царь исполнился гнева и повелел наутро мучить святого. Когда наступило утро, пришел от царя тот же судья и, выведши святого из темницы, прежде всего немилосердно бил его палками, а затем, поместив его голени между двумя тяжелыми колодами и повелев сильным мужам вспрыгивать на оба конца верхней колоды, старался сокрушить их. Так промучив святого долгое время и увидев его непреклонность, судья повелел снова ввергнуть его в темницу, а сам пошел к царю возвестить о бывшем. Трибун же, тюремный начальник, был тайный христианин. Он служил узникам, страждущим за Христа, оказывая им всякое снисхождение. Он и сопутствовавший святому инок, вошедши к нему в темницу, утешали и ободряли страдальца. Вместе с ними вошли и другие верующие во Христа, между прочим и сыновья указанного выше Эсдина, царского домоправителя, тайного христианина. Они, припадая к ногам мученика, лобызали его оковы и просили, чтобы он

молился о них Господу. Святой же, будучи смиренным, отсылал их от себя, признавая себя грешным и непотребным нуждающимся в чужих молитвах и помощи. Тогда они брали воск и прикладывали к его веригам, чтобы они отобразились на воске. Это они сохраняли у себя в качестве благословения, для исцеления от различных недугов, а равно пересылали тот воск друг другу, как многоценный дар. Спустя немного времени тот же судья, снова посланный царем, пришел в темницу к мученику Христову и, допросив его, признал непреклонным противником царской воли: тогда он беспощадно избил святого палками. То же произошло и в третий раз спустя несколько дней. Тот же судья, пришедши в темницу, бил святого, а затем присоединил к этому и новое лютое мучение: зацепив за одну руку и привязав огромный камень к ноге, он повесил святого. Так святой страстотерпец висел два часа. Затем, сняв святого, он ввергнул его в темницу, а сам пошел к царю возвестить о непобедимом мужестве мученика. При этом он советовал царю поскорее казнить святого, чтобы не было бесчестимо более и поносимо великое персидское царство одним христианином. Спустя пятнадцать дней царь осудил мученика Анастасия на смерть вместе со многими другими узниками, бывшими с ним в темнице.

Накануне дня своей кончины святой мученик Анастасий, сидя в темнице и предвидя свой близкий конец, говорил некоторым товарищам своим по заключению:

– Я, братия, наутро со многими здесь находящимися скончаюсь и перейду от жизни сей в вечность. Вы же останетесь в живых и спустя несколько дней, будете выпущены на свободу, ибо этот нечестивый царь будет вскоре убит.

Когда наступило утро, пришел судья с воинами и вывел из темницы на смерть вместе со святым Анастасием до семидесяти узников, среди которых были большею частью благоверные христиане. Между ними находились и те два узника, которые вместе со святым Анастасием в оковах были приведены в Персию из Кесарии, также христиане. Некоторые же узники были оставлены в темнице, – между ними и те, которым святой предсказал скорое избавление и кончину царя.

Изведенных из темницы на смерть привели за город, на берег реки, и там каждого поодиночке, зацепив веревкою за гортань, мучительно удавляли. По удавлении каждого мучители обращались к святому Анастасию со словами:

– Неужели ты хочешь так же погибнуть сейчас, как и они? Не лучше ли тебе оказать повиновение царской воле и, оставшись в живых, получить от царя дары, почести и славу?

Святой, возведя очи свои к небу, благодарил Бога, а им отвечал:

– Я желал бы быть раздробленным вами на части за Христа моего. Эта смерть для меня ничтожна, и я благодарю Господа моего, что этим малым страданием Он дает мне возможность перейти к великой неизреченной славе святых мучеников.

Так святой преподобномученик Анастасий после всех узников с радостью принял смерть, будучи удавлен в 22 день января[904]. Для того же, чтобы удостоверить пред царем смерть Анастасия, воины отрезали его святую голову и отнесли к царю, а тело его, вместе с трупами прочих удавленных, было брошено на съедение псам. Но псы, с жадностью пожирая трупы других, не только не коснулись тела святого, но и заметно начали стеречь его, чтобы не коснулся кто-либо другой. Когда же трибун, тюремный страж, хотел взять честное тело святого мученика, то ему не дозволили этого издалека стерегшие воины, так как многие из них были иудеи по вере. Когда настала ночь, приснопамятный инок, посланный из монастыря к святому Анастасию, чтобы видеть кончину его, – взял рабов у сыновей Эсдина, много золота и чистые пелены и пошел к тому месту, где лежало невредимым тело святого между другими трупами, пожираемыми псами. Наполнив руки стражей золотом, он подошел к святому телу Христова мученика, над которым видима была пресветлая звезда, воссиявшая с неба, и, взяв его, отнес в находившийся недалеко оттуда небольшой монастырь святого мученика Сергия. Там он похоронил с почетом многострадальное тело страстотерпца Христова Анастасия, а сам оставался в монастыре том до убиения царя Хозроя. Когда же царь был убит, то были выпущены на свободу и те узники, которым предсказал это святой в темнице пред

своею кончиной. Таким образом исполнилось двоякое пророчество святого: о скором убиении царя Хозроя и об освобождении узников. Когда греческое войско вступило в персидские области, тогда стал свободен путь сопровождавшему святого иноку для возвращения в свой монастырь. Он возвратился и подробно все рассказал о преподобномученике Анастасии настоятелю и всей братии. Все прославили Бога, укрепившего на страдальческий подвиг раба Своего. Настоятель монастыря тотчас послал того же инока и некоторых других с ним, и они принесли оттуда с почетом мощи возлюбленного ученика его, Христова мученика, в тот монастырь[905]. От мощей святого мученика совершались многие чудеса и подавались исцеления недугов – во славу Христа Бога нашего со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Мануила, Георгия, Петра, Леонтия, Сиония, Гавриила, Иоанна, Леонта, Парода и прочих, числом 377, с ними пострадавших

Память 22 января

Сии святые мученики происходили из разных областей Римской империи и жили в Адрианополе[906] при императоре Льве Армянине[907]. В то время болгарский царь Крум опустошил Фракию и Македонию и подошел к самому Константинополю, затем после трехмесячной осады овладел Адрианополем[908] и взял в плен всех его жителей, уцелевших от избиения, до сорока тысяч человек; в числе них был и местный епископ, которого язычник царь приказал стремглав бросить на землю и растоптать. Крум погиб злой смертью; преемник его Дукум умер вскоре после него, и над болгарами воцарился Диценг, властитель грозный и бесчеловечный. Он приказал распилить надвое епископа адрианопольского Мануила и отрубить до плеч руки святителя, после чего священные его останки брошены были на съедение псам. Гнев Божий поразил изверга слепотой, и вскоре Диценг был убит своими подданными. Ему наследовал Муртагон, который стал жестоко преследовать христиан, не повиновавшихся его повелению – отречься от Христа; верных рабов Христовых он томил в темнице, истязал пытками и предавал смерти в бесчеловечных мучениях. Святых епископов Георгия Девельтского[909] и Петра, утверждавших свою паству в Христовой вере, бесчеловечный мучитель предал жесточайшим палочным ударам и потом отсек мечом честные их главы; той же казни вместе со святителями подверглись семь христиан; усечены мечом и христианские воеводы Иоанн и Леонт; святому Леонтию – скопцу, епископу Никейскому, язычники пронзили чрево мечом; от меча же прияли мученическую кончину Гавриил и Сиоций; Парод, благоговейнейший пресвитер, побит камнями. Много и других верных рабов Христовых было избито и заключено в темницы в это время. И не только свирепый

Муртагон, но и его преемники на болгарском престоле жестоко преследовали христиан, которые различными истязаниями и мучительной смертью стяжали себе вечное царство.

Житие и страдание святого священномученика Климента, епископа Анкирского, и святого мученика Агафангела и прочих с ними

Память 23 января

Спустя двести пятьдесят лет по Рождестве Господа нашего Иисуса Христа, в царствование Валериана[910], стольный город Галатии Анкира[911] возрастил от честного рода святого мученика Климента, как сочную молодую ветвь винограда, обильно исполненную гроздьями многих духовных дарований. Но родители его не были единоверными: отец был язычник, служивший идольскому нечестию, а мать – христианка, происходившая от родителей-христиан и воспитанная в христианском благочестии и добрых навыках. Имя ей было Евфросиния. Она была отдана замуж по принуждению, и не по своему желанию вступила в союз с неверным мужем, так как родители ее надеялись на исполнение слов святого Апостола: «Неверующий муж освящается женою верующею» (1Кор.7:14). Но не случилось так, как они надеялись, ибо муж оставался погруженным в глубине нечестия и объятым тьмою идолослужения. Он не только не хотел обратиться к свету Христову, но и супругу свою Евфросинию всячески пытался увлечь к своему нечестию. Она также старалась наставить его на путь истины, денно и нощно убеждая его и показывая ему своим примером спасительный путь жизни, но ничего не успела в этом, так как очерствело сердце его. Она молилась Христу о ниспослании им милости, – о том, чтобы они, соединенные телесным союзом, соединились и духом во святой вере; если же это невозможно, то чтобы они разлучились и телесно, так как нет у них единодушия в вере. Господь наш Иисус Христос, слыша молитвы рабы своей и милосердуя о ней, вскоре освободил ее от ига неверного мужа: его, как человека непотребного, ожесточенного сердцем, Он совершенно отверг и повелел перейти ему в вечность. Язычник умер, оставив после

себя супруге малое первородное дитя, мужеского пола, еще в колыбели. Блаженная мать его Евфросиния питала его более благочестием, нежели молоком, а затем принесла его ко Христу, просветив святым крещением. Она дала ему имя Климент, что в переводе с греческого языка значит «виноградная молодая ветвь»[912]. Весьма удачно она дала ему это имя, подобно пророчице предвидя, что он будет отпрыском истинной лозы, Христа, имеющим принести много зрелых кистей – душ человеческих, обращенных ко Христу. Самым именем она предсказала, что он будет знаменитым исповедником пресвятого имени Иисуса Христа, прольет кровь свою и душу свою за Него положит и станет страдальцем и мучеником за Христа. Она учила сына чтению священных книг и доброму поведению, а равно наставляла его на всякую добродетель. Между тем как отрок возрастал годами и разумом и уже достигал двенадцатилетнего возраста, мать его, святая Евфросиния, приближалась к блаженной кончине своей. Предузнав о последней и уже возлежа на одре болезни, она желала, чтобы сын ее не столько был наследником ее скудного вещественного приобретения, сколько наследником невещественного, духовного богатства ее добродетелей. С материнской заботливостью она наставляла его, обнимая и лобызая:

– Дитя мое, дитя возлюбленное, дитя с колыбели осиротевшее и узнавшее о сиротстве своем прежде, чем об отце своем! Ты, однако, не осиротел, сын мой, ибо Отец для тебя есть Христос Бог, обогащающий тебя Своими дарами. Я родила тебя, сын мой, плотью, а Христос Бог возродил тебя духом. Поэтому знай, что Он тебе Отец; признавай себя Его сыном и постарайся, чтобы не напрасным было твое усыновление Богу. Служи Единому Христу Господу и во Христе полагай свои надежды, ибо Он поистине есть спасение наше и источник бессмертия. Он с небес сошел к нам, чтобы возвести нас с Собою на небо; Он сделал нас Своими возлюбленными чадами и установил наше общение с Богом. Служащий Сему Владыке освободится от всяких диавольских козней, уничтожит змиев и скорпионов и победит всякую вражескую силу. Он не

только посрамит нечестивых царей, князей и мучителей, поклоняющихся идолам и бесам, но и сокрушит главы самих бесов, почитаемых ими.

Проливая обильные слезы во время этой беседы, мать святого исполнилась Божественной благодати и начала пророчески предсказывать имеющее с ним случиться.

– Умоляю тебя, возлюбленный сын, – говорила она, – умоляю, чтобы ты воздал мне единственный дар за все мои болезни и заботы о тебе, ибо наступает время тяжкое. Уже близко гонение, дышащее страшною яростью и угрозами. Поэтому будь готов, как говорит Господь наш, что поведут тебя к правителям и царям за Него (Мф.10:18). Сын, окажи мне эту честь: стань за Христа дерзновенно и мужественно и сохрани крепко и непоколебимо исповедание Его имени. Я же уповаю на Христа моего, о дитя мое! Вскоре процветет на тебе венец мученичества в честь меня и для спасения многих душ. Приготовь же сердце свое к подвигу страдания, чтобы не застигло тебя неприготовленным время подвигов. Знай, что полезно быть искушаемым бедствиями, подобно золоту в горниле. Но ты не бойся: страдание будет временным, а воздаяние за него вечным; скоро пройдет скорбь и вечно продлится радость; кратковременно будет бесчестие здесь, но вечная слава ждет тебя у Бога. Козни мучителей и язвы продолжаются один какой-либо день, причем ярость царей земных бывает осмеиваема мучениками, слава их увядает, огонь, уготованный ими на Христовых мучеников, угашается. Меч их поедает ржавчина, сила их погибает. Поэтому нет ничего такого, что могло бы отлучить тебя от Христа Господа; ты же взирай на небо и оттуда ожидай себе великого, богатого и вечного воздаяния от Бога. Бойся Его величия, ужасайся Его суда, трепещи всевидящего ока Его, ибо отвергшиеся Его унаследуют уготованный им огонь неугасимый и мучения от червя неусыпающего. Тех же, которые, познав славу Божества Его, никогда от Него не отпадают, ожидает неизреченное веселье, радость и утешение со святыми исповедниками. Да будет мне от тебя, возлюбленнейший сын мой, воздаянием за принятые мною, при рождении твоем, болезни и за труды по

воспитанию то, что ты, исшедший из утробы моей, станешь исповедником Господним, а я буду называться матерью мученика и прославлюсь через сына, пострадавшего за Христа. Поэтому постарайся претерпеть за Пострадавшего за нас, и ты сподобишься многих благ от Него, а я, ради тебя, сподоблюсь общения со святыми. Вот я, сын мой, стою у дверей кончины моей; для меня не воссияет завтра этот видимый свет, – но ты – свет мой о Христе и жизнь моя о Господе! Поэтому умоляю тебя, сын мой, чтобы ты не посрамил меня в надеждах моих, которые я имею, но да спасусь, по слову Апостола, ради чадородия (1Тим.2:15). Я родила тебя, сын мой, чтобы пострадать в тебе, как в своем собственном теле. Кровь, принятую от меня, пролей, не щадя, чтобы и я, ради нее, получила почести. Отдай тело свое на раны, чтобы и я возвеселилась о них пред Господом нашим, как бы сама пострадавшая за Него.

Одна еврейская женщина некогда семь сыновей принесла Богу в качестве мучеников за благочестие и страдая единою душою в семи телах своих сыновей осталась непобедимою[913]. Тебя же одного достаточно мне для славы у Господа моего, если ты будешь ревностно подвизаться за благочестие. Ныне я отхожу от тебя и явлюсь ранее тебя пред Богом. Я отхожу телом, но останусь духом с тобою, чтобы сподобиться вместе с тобою припасть к престолу Христову, похвалиться пред Ним твоими страданиям и увенчаться твоими подвигами, ибо и корень дерева, скрытый под землею, орошается той же росою, которою орошаются ясно видимые на земле ветви.

Так в течение всего дня блаженная мать пред святою своею кончиною наставляла своего возлюбленного сына, обнимая и лобызая его голову, лицо, очи, уста, грудь и руки.

– О блаженна я ныне, – говорила она, – ибо лобызаю члены тела мученика!

После столь обильных наставлениями речей она, преклонив голову, предала душу свою в руце Господа своего и почила с миром.

После того как естественная мать Климента умерла блаженною кончиною и была погребена, отрок Климент,

совершенно осиротел, имея единого Бога своим отцом. Бог, общий промыслитель о всех, пекущийся о сиротах и нищих, дал блаженному Клименту, в то время еще ребенку, другую мать. В том же городе жила одна благородная, честная и богатая женщина, по имени София, подруга матери Климента, блаженной Евфросинии. София жила богоугодно, проводя в молитве день и ночь. Будучи бездетною, она приняла к себе, вместо сына, сего блаженного отрока, святого Климента, и любила его как свое собственное дитя, всячески заботясь о нем. В это время был великий голод в Галатии. Нечестивые язычники бросали детей своих при дорогах, так как не имели чем питать их и сами умирали от голода. Тогда святой Климент собирал тех детей в дом Софии, второй своей матери, и питал их от ее достатков, – одевал, учил и приводил их к святому крещению. Таким образом, он сделал дом Софии воспитательным приютом и училищем, а сама она стала матерью по Боге для многих детей, гораздо лучшею, чем их матери по плоти, ибо она рождала их духовно, воспитывая в христианской вере.

Святой Климент, будучи еще очень юным по возрасту, но уже приобрел разум совершенного мужа, начал от юности умерщвлять свою плоть постом и воздержанием, живя подобно иноку. Он воздерживался от мясной пищи, а питался только хлебом и злаками; питьем ему была вода. В этом он уподоблялся трем святым отрокам, тела которых, благодаря посту, оставались неповрежденными двойным огнем, – как внутренним – естественной похоти, так и внешним – горящей печи[914]. Для немногих христиан, живших тогда в этой стране, блаженный Климент был как бы Божественным светилом, просвещавшим всех светом Богопознания. Но уже наступало время сему сияющему светильнику быть поставленным на свещнице, – святому Клименту, светящему добродетелями, взойти на ступень освящения, чтобы просвещением наибольшего количества людей наставить их на путь спасения. По Божию промышлению и изволению и по единогласному избранию всех находившихся в Галатии христиан, он поставлен был сначала чтецом, а затем диаконом и пресвитером. Спустя

же два года он был возведен и в епископский сан, будучи еще молод годами: ему было тогда не более двадцати лет. Он стал вторым Даниилом, который, будучи юным, превзошел старцев разумом и добродетелью и показал, что старость определяется не количеством лет, но добродетельною жизнью и премудростью. Приняв епископский сан, святой Климент стал учителем не только детей, собрав которых во множестве учил книгам, но и старцев: приводя язычников к христианской вере и крестя их, он все более увеличивал Христову Церковь.

Затем начало сбываться пророчество блаженной матери его Евфросинии и начал сплетаться для него мученический венец. Гонитель христиан Диоклетиан, вступив на римский престол, в первый год своего царствования разослал свои указы во все области Римской империи, к князьям и начальникам, наместникам своим, к игемонам, воеводам и градоначальникам, повелевая убивать и губить многоразличными видами смерти всех исповедующих имя Христово. При этом в своих посланиях он угрожал казнями всем тем правителям и князьям, которые осмелились бы не вполне ревностно исполнять его указ об истреблении христиан, и назначал таковым подобные же муки и казни, как и христианам; более же ревностным в мучительстве обещал богатства и почести. Тогда по всем областям и городам царские наместники и правители, одни из опасения гнева царя, а другие из желания угодить ему и получить от него почести, начали прилагать всякое старание, чтобы уничтожить в государстве само имя христиан. В это же время прибыл в Галатию царский наместник Домициан и ревностно разыскивал по царскому повелению христиан – с целью истребить их. Святого Климента, епископа Анкирского, язычники оклеветали в том, что он запрещает многим поклоняться великим богам и приводит ко Христу своему. Домициан тотчас повелел схватить его и привести к себе. Сначала он пытался ласковыми и льстивыми речами привлечь святого к своему нечестию. Он говорил:

– Клевету, возведенную на тебя, я вовсе не считаю истиною, ибо твое лицо, правдивый взгляд и кроткий нрав обнаруживают в тебе человека достойного, благородного,

мудрого и разумного, а все, сказанное о тебе, изобличает детское безумие клеветников. Скажи же нам сам о себе: от тебя самого мы скорее узнаем истину, если ты хотя немного что-либо скажешь нам от своей мудрости.

Святой епископ ответил ему:

– Наша премудрость и разум есть Христос, Сын Бога Отца, словом Которого все создано. От Него же мы имеем дар речи и разумения.

– Вот ты уже, – прервал его мучитель, – незаметно оскорбил нас, сверх всякой надежды, в самом начале начав пустословить; но я советую тебе: оставь все эти бесполезные разговоры и принеси жертвы богам нашим. Знай, что всякого, унижающего богов, ждут муки, а почитающего их и поклоняющегося им, ожидают почести. Пример этого ты видишь на нас: благодаря почитанию этих богов мы достигли столь высокого сана и благодарим богов за их благодеяния, воздавая почести почитающим их и казня нежелающих поклоняться им.

На эти слова наместника святой рассмеялся и сказал:

– Мы, правитель, думаем совершенно наоборот словам твоим. Ваши дары мы признаем ничтожеством, ваш почет бесчестием и высокий сан – работою пленника. Напротив, бесчестие, угрозы, мучения доставляют нам радость и утешение, и что больше всего соединят нас с Богом. Зная это, ты не надейся отвратить нас от благочестия – ни обещанием почестей и даров, ни угрозами мучений.

Такие слова святого вызвали гнев Домициана. Пристально взглянув на святого, он сказал:

– Как вижу, я возбудил в тебе гордость, кротко беседуя с тобою, и это неудивительно, ибо, как я слышал, ты, постоянно пребывая с детьми, подобно им и разум детский имеешь. Однако знай, что если ты не умилостивишь богов жертвами, то будешь казнен смертью, притом не такою, какою ты надеешься скоро умереть, но прежде примешь многие и различные муки, а затем в страданиях умрешь от самой тяжкой казни. Итак, будучи нечестивым, ты тяжко пострадаешь и послужишь для других примером, чтобы и они вынесли поучение для себя от твоей страшной гибели.

Святой Климент ответил на это:

– Так как ты напомнил мне о детях, то знай, что я прилагал старание научить детей той премудрости, которой не знают у вас старейшие и мудрейшие мужи, ибо истинная Божия премудрость сокрыта от премудрых и разумных мира сего и открыта для младенцев. Я же с гордостью утверждаю, что приношу Богу моему разумные и словесные жертвы, а не так, как ваши жрецы приносят потоки крови, дым и всякую мерзость, чем вы и ублажаете почитаемых вами богов. Когда же я пролью кровь свою за Бога моего и принесу Ему ее в жертву, то если и не вполне, по крайней мере отчасти воздам Господу моему за пролитие Им крови за меня, ибо Христос, Царь мой, искупил меня Своею честною кровью.

Когда мученик с большим дерзновением изложил эту речь, наместник оставил свою притворную кротость и ясно обнаружил свои природные – свирепость и безумие. Он повелел повесить святого на дереве нагого, а затем строгать и резать его тело острыми железными орудиями. Исполняя приказанное, слуги кричали мученику, чтобы он не пренебрегал царским повелением. Они взрывали на теле святого глубокие борозды, точно на ниве, так что тело его отваливалось кусками: уже виднелись ясно его внутренности; сами мучители не могли равнодушно смотреть на это. Он же нисколько не поколебался умом, не изменил выражения лица своего, не испустил ни одного звука от нестерпимой боли, не сказал ни одного слова жалобы, даже не застонал при столь тяжких мучениях. Он был крепче и мужественнее, нежели те, которые смотрели на такие его мучения. Казалось, он менее страдал, чем мучители его. Он спокойно благодарил Подвигоположника – Христа Бога, с радостным лицом взирая на небеса и говоря: «Слава Тебе, Христе, свет мой и жизнь, дыхание мое и радость! Благодарю Тебя, Податель жизни, что удостоил меня такого спасения. Возрадовалась душа моя на пути исполнения заповедей Твоих. Приятно мне всякое страдание за любовь Твою. Слава Тебе, что Ты укрепляешь меня терпением! Ты простер ко мне грешному Свою всесильную руку, избавляя меня от ярости

правителя и от рук мучителей моих, ибо Ты Сам – прибежище для всех скорбящих».

Когда святой молился так, мучители его ослабели и прекратили мучения. Видя бездействие слуг, наместник сказал мученику:

– Не думаешь ли ты, что я побежден уже твоим терпением, если в один час утомились мои слуги?

Святой отвечал:

– Я не думаю так, но верую и надеюсь на пребывающего во мне Христа, ибо Он победил, побеждает и будет побеждать всякого врага.

Тогда наместник повелел другим слугам приступить ко святому и сильнее первых терзать его тело. Они так же мучили непобедимого страдальца долгое время, пока и сами не изнемогли и не стали как мертвые. Наместник, смотря на это, и то удивляясь, то стыдясь бессилия слуг своих, повелел снять мученика с дерева. Святой имел такой вид, что смотреть на него было страшно, а руками прикоснуться и невозможно. Он был совершенно обнажен от тела, как от какой-либо одежды; только одни кости его виднелись в крови, и едва можно было признать в нем человека. Наместник, видя, что мучениями ничего не достигнешь, снова начал беседовать с мучеником кроткими словами. Он же, бодро возражая мучителю, как это и приличествовало мужественному воину Христову, снова привел его в ярость. Тогда Домициан громко воскликнул:

– Поистине дерзок этот человек! Бейте его по лицу и по устам, ибо эти части тела его еще целы; потому-то и отвечают они так дерзко. Пусть же будут они подобны и всему телу. Бейте их беспощадно.

Тогда слуги стали сильно бить святого ладонями по лицу и по устам, так что он упал на землю от сильных ударов; но и после того на земле они били немилосердно камнями в уста его и сокрушили ему зубы. Мученик же, радуясь, говорил:

– Ты, правитель, скорее оказываешь мне почесть, чем мучаешь, ибо и Господь мой Иисус Христос был бит по устам и заушаем по ланитам, и я, недостойный, сподобился ныне того же. Стефан первомученик был побит камнями, и я украсился

тем же. Мне приносит облегчение в моих муках то, что я вижу себя подражателем страстей Христа моего. Облегчает мне все страдания и то, что я сподобляюсь одинаково великой чести с большими и лучшими меня, будучи участником в тех же страданиях.

Мучитель, удивляясь такому величию духа мученика, повелел отвести его в темницу. Полагая же, что он не будет в силах идти сам, так как все тело его представляло сплошную язву, повелел слугам нести его за руки и ноги. Но святой отстранил хотевших взять его, встал и пошел сам, укрепляемый силою Христовою, воспевая слова псалма: «Это лучший елей, который не повредит голове моей» (Пс.140:5). Видя это, наместник сказал окружающим его:

– О каково терпение и каково мужество этого человека! Таким следовало бы быть царскими воинами, чтобы они были выше всяких бедствий. Не подобает мне судить его снова; отошлю я его к царю Диоклетиану, ибо разве только сам он будет в силах одолеть его, так как очень искусен в мучительстве. Он всегда изобретает такие мучения и казни, что весь город Рим трепещет его суда.

Спустя несколько дней святой, находясь в темнице, благодатью Христовою исцелился от ран и стал здоровым. Тогда наместник послал его в Рим, к царю Диоклетиану, написав подробно о нем. Когда святой выходил из города, ведомый воинами, он молился Богу так: «О Боже, Царю неба и земли и всей вселенной, Единый, все наполняющий и не оставляющий без промышления ни одного места! В руце Твои я предаю этот город; сохрани его и души всех верующих в Тебя. Сохрани и Церковь Твою невредимою, чтобы псы и волки не разогнали в этом городе малого стада Твоего. Не дай погибнуть или уменьшиться числу словесных овец Твоих, но еще более умножь их ради славы святого имени Твоего. Не удаляй меня совершенно от города сего, но пребывая со мною в пути и во время страданий моих, снова возврати меня сюда, как некогда возвратил Иакова в дом отца его и избавил его от руки Исава, как повелел некогда людям своим изнести из Египта кости

Иосифа и положить их в отеческом гробу (Быт.36; Исх.13:19), дабы прославилось имя Твое во веки веков».

После этой молитвы святой был отправлен в путь. Когда он был приведен в Рим и поставлен пред нечестивым царем, царь сильно удивлялся, видя сияние на лице мученика и его телесную крепость. Он не хотел верить письму Домициана, сообщавшему какие страдания претерпел этот христианин. Он видел, что святой здоров телом и весел лицом, как будто никогда не переносил никаких бедствий. Он спрашивал:

– Ты ли это славный Климент, претерпевший столь великие муки?

Затем он повелел предложить святому с двух сторон многие и различные вещи, взаимно противоположные: с одной стороны – много золота и серебра, царские указы, дарующие великомученику высокие почести, драгоценные одежды, всякие богатства и отличия, а с другой стороны – орудия мучения: железные клещи и когти, железные одры с гвоздями, острые бритвы, раскаленные угли, накаленные докрасна котлы и шлемы, заостренные колы, колеса, тяжелые цепи и прочие бесчисленные орудия мучения. Когда было предложено это мученику, царь, взглянув на него и указывая рукою на золото и богатые дары, сказал:

– Это дарят тебе боги наши, если ты, обратившись к ним, начнешь почитать их поклонением и жертвами.

Святой отвратил глаза свои от этих даров, как вещей ничтожных, скверных и смрадных, даже недостойных созерцания, и сказал со вздохом:

– Да будут эти дары богов ваших на погибель вам!

Тогда царь, грозно взглянув, указал рукою на орудия мучения и сказал святому:

– Это уготовано для неверующих в наших богов.

На это мужественный Христов мученик ответил ему:

– Если ты думаешь, что изобретенные тобою мучения страшны, то зачем ты пренебрегаешь теми мучениями, которые уготовал Бог для неверующих в Него? Равным образом, если дары ваши представляются заманчивыми, достойными удивления и почетными тем, которые ищут земных благ, то во

сколько раз достойнее дары, воздаваемые на небе, которые уготовил Бог любящим Его, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор.2:9). Золото и серебро суть бесплодная земля и добываются людьми для внешнего украшения. Их изменяют огонь и железо, поедает ржавчина, уничтожает трение; их отнимают разбойники и крадут воры. Светлые одежды суть дело червя (шелковичного) и пища для моли; они изготовляются из шерсти, по необходимости отнимаемой у бессловесных животных. Тем, которые делают одежды, нужно удивляться более, чем вам, украшающимся ими, ибо они, благодаря некоему искусству, создают вещь, превращая худшее в лучшее; между тем такие художники презираются как простые и ничтожные люди. Наоборот, те, которые украшают себя их изделиями, гордятся и превозносятся, хотя и заимствуют свою пышность от ничтожных бессловесных животных. Дары же благого Бога нашего не заимствованы ни от кого, но суть Его собственные и неизменные достояния, пребывающие в Нем по Его изволению, а не вследствие человеческого искусства. Они имеют славу безмерную и достоинство вечное; они не боятся какого-либо изменения от продолжительности времени; их не съедает моль и не портит тление, и даже в бесконечные веки они не могут обветшать. Диоклетиан сказал ему на это:

– Хорошо ты говоришь, но плохо разумеешь. Я потому стараюсь привести тебя к познанию богов и ради того кротко беседую с тобою, убеждая тебя, чтобы ты не надеялся на смертного человека, что Тот, Которого вы почитаете как Христа, претерпев от иудеев множество мучений, наконец был убит и умер, а боги наши всегда бессмертны и никогда не страдали.

Святой отвечал:

– Справедливо ты говоришь, царь, что боги ваши бессмертны и бесстрастны, ибо как они могли бы умереть, если они никогда не жили? Как они могли бы пострадать, если они бесчувственны? Разве ты не знаешь, что они после биения и ковки, резания и трения вышли из рук человеческих? В самом деле, каменные боги ваши выбиты топором и скобелем, деревянные вырезаны ножом и пилой, а медные и железные

выкованы молотом; нимало и других бесчестий, биений и оскорблений они приняли, – однако, остались бесчувственными. Подлинно, они бессмертны, потому что никогда не жили, а сокрушаются они так, как будто никогда ранее и не существовали. Господь же мой и Бог, Иисус Христос, по естеству человеческому изволил умереть плотью, чтобы спасти мир и уничтожить самую смерть Своею Божественною силою. Сотворив это, Он воскрес в третий день и даровал нам для вечной жизни Себя Самого.

Диоклетиан, слушая эту свободную и дерзновенную речь святого, сильно разгневался и повелел привязать его к колесу нагого, вращать колесо и бить святого железными палками. При вращении колеса, когда святой был наверху, его били палками, и когда оказывался внизу, где нарочно было устроено слишком узкое пространство, там был сильно терзаем острым колом, так что кости его ломались, а тело его, отросшее после первых мучений, отваливалось. Мучимый в течение многих часов, Христов мученик молился так: «Господи, Иисусе Христе! Помоги мне и облегчи мои муки, устрани лютую боль, ибо, на Тебя надеясь, я отдал себя на раны. Помоги мне, как некогда помог святому апостолу Твоему Павлу, и воззри на плоть мою, сильно изъязвленную! Я же желаю быть невредимым и здравым ко славе и исповеданию святого имени Твоего и для принятия за Тебя больших мук – в посрамление и бесславие нечестивых. Укрепи меня ради имени Твоего, ибо я возложил упование на Тебя, Подателя жизни!»

В то время как святой молился таким образом, колесо остановилось неподвижно, а вращавшие его утомились и изнемогли. Святой же, отвязанный невидимою рукою, снова стал невредим всем телом и здрав. Многие, собравшиеся там, видя это, восклицали с изумлением:

– Велик Бог христианский!

А святой Климент, эта истинная лоза Христова винограда, уразумев духом, что от его страдальческих подвигов могут произойти многие гроздья, громогласно воссылал Богу хвалу, восклицая: «Благодарю Тебя, Боже, Отец Небесный, за то, что Ты удостоил меня страдать в этом великом городе за

Единородного Сына Твоего, пострадавшего за нас и пролившего драгоценную кровь Свою для искупления нашего, – Которого здесь святой Петр проповедовал, Павел возвещал, соименный мне Климент прославил, а равно и Онисим исповедал. (Здесь разумеются свв. апостолы Петр и Павел, и из лика семидесяти апостолов: Климент папа Римский (память празднуется 25 ноября) и Онисим (память отмечается 15 февраля)). Они и пострадали за Него, и умерли, а ныне прославляются на небе, почитаются многими на земле, и еще большим числом людей скоро будут прославляемы превыше царей земных. Сами цари верные будут поклоняться им».

Святой говорил это, возвещая наступающее время, когда поклонение идолам исчезнет как тьма, а вера Христова воссияет как солнце, и просветит всю вселенную. Эти слова святого жгли сердце мучителя Диоклетиана, как пламя, и возбуждали в нем еще большую ярость. Не обращая никакого внимания на соделанное Божиею силою чудо и ослепленный злобою, он распалился еще большею лютостью мучительства. Он велел бить по устам святого толстыми железными палками и сокрушить ему зубы. Святой же и во время этого истязания не переставал говорить, раздражая мучителя, хотя ему и запрещали это слуги, повелевая молчать. Но подобно меди, в которую чем сильнее ударяют, тем более ясный звук она издает, мученик Христов, чем более ему запрещали говорить, сокрушая уста и зубы железом, тем громче взывал, говоря то, что служило к славе Божией и к посрамлению гордого мучителя. Когда, наконец, сам Диоклетиан утомился и изнемог от ярости, он повелел сковать мученика железными цепями и ввергнуть в народную темницу.

Когда святой сидел в темнице, пришло к нему в вечернее время множество народа, мужи и благоразумные женщины с детьми, бывшие на площади во время казни и видевшие мужество святого. Они единодушно припадали к его святым ногам и просили святого крещения. Святой благодарил Бога за то, что при столь тяжком гонении число исповедников Его умножалось. Он немедленно приступил к научению их святой вере во Христа и крестил всех от мала до велика, ибо в

темнице этой было достаточно воды. При этом он воспевал радостно: «Блажен, кому отпущены Беззакония, и чьи грехи покрыты» (Пс.31:1). Когда наступила полночь, великий свет с неба осветил эту темницу, и все, смотревшие вверх, увидели прекрасного юношу, сияющего молниеносною одеждою и с распростертыми крыльями сходящего к святому мученику. Приблизившись к нему, юноша дал ему в руки чистый хлеб и чашу вина, и тотчас стал невидим. Святой Климент, уразумев, что это – Тело и Кровь Христовы, сотворил обычные молитвы и подал всем новокрещенным причастие Божественных Таин, когда уже стало светать. Приходили к нему верующие и во все последующие дни, приводя с собою многих, жаждавших святого крещения. Так умножалось Христово стадо, а темница стала как бы церковью, в которой воссылались хвалы Богу. Видя это, стражи возвестили о том царю. И вот, когда ночью собралось ко святому множество верующих, пришли, по повелению царя, воины и, захватив всех, вывели их за город, как овец на заклание. Пред усечением головы каждого спрашивали:

– Отрекаешься ли ты от Христа, чтобы остаться в живых?

И не нашлось ни одного, кто устрашился бы смерти; напротив, все предпочитали умереть за Господа своего. Тогда было усечено за Христа многое множество мужей, жен и детей. Один только юноша избежал рук палачей, не из боязни смерти, а вследствие желания претерпеть большие мучения за истинного Бога. Имя этому юноше, о котором речь предлежит ниже, было Агафангел.

После этого Диоклетиан опять призвал святого на суд и подверг его продолжительным и лютым пыткам: сначала, обнажив и протянув на земле, долго и крепко бил воловьими жилами, а затем, повесив, строгал железными когтями, пока не обнажились кости и пока все тело не было острогано. Святой же говорил мучителю:

– Это тело, которое вы строгаете, – не то, что вышло из утробы матери; то уже давно и совершенно снято с костей наместником Домицианом. В это же новое тело облек меня Христос, мой Создатель. А так как вы стараетесь острогать его от костей моих, то я верую Христу моему, что Он снова облечет

меня в такую же плоть по Своему всемогуществу: но в самом деле, разве не будет недостатка в глине для горшечника? Напротив, не найдется ли для него изобилия в материале?

Затем мучитель повелел опалять свечами бока его, но святой все с радостью терпел за Сладчайшего Иисуса. Диоклетиан, удивляясь терпению и мужеству мученика, говорил окружающим:

– Многих окаянных из христиан я замучил и не видел еще ни одного такого непобедимого. Теперь пошлю его в Никомидию к Максимиану, как нечто новое, никогда невиданное и неслыханное. Пусть и он подивится непобедимости в муках этого тела! Я думаю, что и он никогда не встречал такого твердого умом и крепкого телом.

Он повелел связать святого и, посадив на корабль, везти в Никомидию к другому царю Максимиану[915], причем написал к нему обо всем, что святой Климент претерпел от него в Риме, а ранее того от Домициана в Анкире. Когда святой должен был вступить на корабль, упомянутый выше Агафангел, убежавший ночью от рук воинов, убивавших мечами за городом Христово стадо, ранее его незаметно вошел на корабль и ожидал святого Климента. Когда святой был уже введен, он припал к его ногам и, поведав о себе, что он крещен святым, рассказал ему все о гибели верующих и о своем бегстве, разъяснив, что он ради того пришел к святому, чтобы претерпеть с ним за Христа Господа всякие муки и вместе умереть. Святой Климент возрадовался о блаженном Агафангеле, видя его ревность и любовь ко Христу Богу, а самое прибытие его считал как бы пришествием Ангела Божия. Он воздавал благодарение Владыке всех и просил у Него укрепления и помощи, дабы Он подал молодому юноше мужество и силу претерпеть до конца и сподобиться венца мученического.

Во время плавания святые пребывали в молитве день и ночь и вовсе не принимали пищи. Святой Климент совершенно не заботился об этом и говорил:

– Я имею хлеб в сердце моем, Самого Иисуса Христа, а потому не взалкаю; я имею живую воду, благодать Христову, а потому не возжаждаю вовеки.

Воины, видя, что Климент и Агафангел не едят и не пьют в течение многих дней, сжалились над ними и предлагали им хлеб и воду. Они похвалили воинов за это доброе дело, но пищи и питья не приняли от них, сказав, что их питает Промыслитель о всех Бог: Ангел Господень приносил им ночью с неба пищу и укреплял их. После продолжительного плавания они пристали к острову Родосу[916]. В то время как многие выходили с корабля в город купить пищи, святые умоляли оставшихся воинов – отпустить их в христианскую церковь, чтобы причаститься Божественных Тайн, животворящего Тела и Крови Христовых, ибо день был воскресный. Епископ этого острова, боголюбивый Фотин, услышав о святом Клименте, пришел со своим клиром и с прочими христианами и просил начальника воинов освободить от оков Климента и отпустить его к ним на малое время вместе с учеником его Агафангелом. Он обещал без замедления снова привести их на корабль. Святой Климент был отпущен по просьбе епископа. Святых ввели в небольшую церковь, так как и христиан тогда на острове этом было мало. Когда епископ повелел совершить чтение из Божественного Евангелия, то клирик раскрыл книгу и начал читать следующие открывшиеся слова: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28). Слыша это, святые возвели очи свои вверх со вздохом, а христиане, стоявшие в церкви, смотря на них, стали плакать, так что вся церковь наполнилась стенаниями и воплями. Тогда епископ стал просить святого Климента совершить Божественную литургию. Когда святой священнодействовал, некоторые из клириков и даже из простых людей, которые были достойны, видели на дискосе большой уголь, сильно раскаленный и горящий. От него исходил несказанный блеск, который освещал святого и предстоящих, а над алтарем были видимы святые Ангелы, парящие по воздуху. Видевшие это чудо пали ниц на землю и не смели взирать на святого. По совершении службы епископ Фотин взял святых и прочих христиан к себе в дом и предложил угощение. Многих больных приводили и приносили к святому Клименту не только из верующих, но и из язычников. Всех их мученик Христов исцелял

молитвою и крестным знамением. Поэтому множество язычников начали явно исповедовать, что Христос есть Истинный Бог, и просили крещения. Воины, видя, что стекается множество народа к святому Клименту, испугались, чтобы народ не отнял у них узника и не совершил на них нападения. Поэтому, взяв святого, повели его на корабль и снова возложили на него оковы. Верующие провожали его со слезами и рыданиями, не желая расставаться с ним. Наконец, простившись со святым и облобызав узы Климента, они возвратились, так как воины побуждали поскорее плыть оттуда. При помощи попутного ветра они переплыли Эгейское море и достигли Никомидии.

Живший в Никомидии нечестивый царь Максимиан, получив письмо Диоклетиана и увидев мученика, удивлялся его великому терпению и непобедимому никакими муками мужеству.

Но сам он боялся истязать его, чтобы не быть посрамленным, а потому передал его для истязания воеводе Агриппину; сам же показал вид, что очень занят другими государственными делами. Агриппин, призвав к себе на суд святых, обратился к Клименту:

– Ты ли Климент?

– Я – раб Христов, – отвечал мученик.

Воевода повелел бить его кулаками по устам, говоря:

– Почему ты не называешь себя рабом царским, а Христовым?

Святой же, подвергаемый побоям, отвечал:

– Следовало бы и вашим царям быть рабами Христовыми; тогда было бы мирно их царствование и все народы покорил бы их власти Христос мой.

Тогда воевода, посмотрев на святого Агафангела, спросил:

– А ты кто такой? О тебе ничего не написано в письме Диоклетиана.

Агафангел, воззрев на небо, сказал:

– Я – христианин, а сподобился я имени христианина через сего слугу Божия Климента.

Воевода сказал на это:

– Значит, он виновник твоего заблуждения и ожидающей тебя лютой смерти.

Затем он велел повесить святого Климента нагого и резать бритвами его тело, а святого Агафангела, также нагого, велел сильно бить жилами. Святой Климент во время мучений молился Богу, дабы Он укрепил Агафангела в его страданиях. После этих мучений воевода повелел обоих страдальцев ввергнуть в темницу. В темнице находилось множество других узников, осужденных за различные вины. Они, видя усердные молитвы святых к Богу и созерцая, что Ангелы Божии посещали и утешали рабов Христовых, умилились сердцем и, припадая к ногам их, просили, чтобы они привели их к Богу своему. Случилось, по Божию усмотрению, что там было достаточно воды для крещения. Наставив их в вере христианской, святой Климент крестил всех, затем отверз темницу молитвою и отпустил их, говоря:

– Выйдите, чада, и спаситесь от рук нечестивых. Да сохранит вас Господь Иисус Христос!

Наутро воевода Агриппин, узнав об освобождении узников, сильно разгневался на святого и, устроив высокий помост, отдал их на съедение зверям. Но звери не причинили вреда святым; напротив, они ласкались к ним, как домашние псы к своим господам. Тогда мучитель повелел – раскаленными железными рожнами вращать каждый палец на руках мучеников до самого локтя. Видя это, народ не мог переносить такого мучительства и требовал от воеводы с угрозами, чтобы он отпустил невинных. Но воевода разгневался еще больше и повелел другими остроконечными раскаленными орудиями вращать руки их до плеч. Тогда негодующий народ, схватив каменья, бросал в воеводу и громогласно восклицал:

– Велик Бог христианский!

Воевода, убоявшись волнения и ропота народного, бежал и скрылся в своем доме, а святые мученики совершенно беспрепятственно пошли на гору, называемую Пирамис, на которой язычники обычно приносили жертвы своим богам. Там они, войдя в языческое капище, молитвою сокрушили идолов, изгнали оттуда бесов. Спустя несколько дней воевода узнал о

местопребывании святых и пошел туда со жрецами и с войсками своими. Там он крепко избил святых мучеников толстыми палками и, сокрушив их кости, повелел зашить в мешок каждого особо вместе с положенными туда камнями, и бросить с горы в море. Святые, скатившись в мешках на горной стремнине, упали в море и потонули в глубокой пучине. Все уже считали их погибшими. Некоторые из верующих, узнав о потоплении святых, ходили по берегу в надежде, что море, обычно выбрасывающее мертвецов, выбросит и тела святых мучеников. Скоро они заметили два мешка, плавающие по морю, и, сев в лодки, подплыли к ним. Развязав мешки, они нашли святых нисколько не пострадавшими и прославили Бога. Святые в ту ночь почивали на берегу. Ангелы Божии, посетив их, укрепили их пищею. Когда наступило утро, святые Климент и Агафангел пошли в город и, став среди площади, говорили людям о величии Божием, затем, простерши руки свои к небу, стали молиться: «Благодарим Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты не оставил нас, надеющихся на Тебя, но избавил нас от лютых мук и не обрадовал врагов наших о нас, но прославил в нас Твое святое имя».

Тут находились два слепца; кроме того, один сухорукий и один расслабленный. Святые исцелили их тотчас через возложение своих рук. Видя это, народ начал приводить к ним своих больных и одержимых нечистыми духами. Все они исцелились молитвами и прикосновением рук мучеников. Имя Господа Иисуса Христа велегласно прославлялось народом. Услышав об этом, воевода Агриппин пришел в страх и, будучи в недоумении, отправился возвестить обо всем бывшем царю. Сильно удивился и царь тому, что считавшиеся погибшими в море святые оказались живыми. Узнав же, что святой Климент – родом из Анкиры, он повелел послать его вместе с учеником его в Анкиру, говоря:

– Произведший и воспитавший его город пусть возьмет его себе и казнит, как хочет.

Затем он написал о святом Клименте к анкирскому князю Курикию; воины же обоих святых, связанных, повели в Анкиру.

Святой мученик Климент, входя в родной город, говорил с радостью:

– Слава Тебе, Боже, за то, что услышал смирение мое! Слава Тебе Христе, что сподобил меня увидеть родной город!

Оба святые были представлены князю Курикию. Он же, допросив их, начал мучить. Прежде всего он велел опалить бока святого Климента железными, сильно раскаленными, досками, а затем, привязав его к столбу, бил немилосердно, так что тело его отпадало кусками. Святого же Агафангела он велел повесить и строгать железными когтями. При этом он, усмехаясь, спрашивал их:

– Не ощущаете ли вы боли в телах ваших?

Святой Климент ответил апостольскими словами: «Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2Кор.4:16).

Тогда мучитель повелел разжечь докрасна железный шлем и возложить его на голову святому Клименту. Когда это было сделано, начал исходить густой дым из ноздрей, ушей и рта святого. Он же, претерпевая несказанное мучение, взывал ко Господу своему: «Источник неисчерпаемый, вода живая, дождь спасительный! Исцели меня росою благодати Твоей. Ты извел нас из воды; избавь и от огня рабов Твоих».

В то время как святой так молился, немедленно остыл железный шлем на голове его. Видя это, князь Курикий пришел в ужас и, недоумевая, что еще делать с ними, отправил их в темницу, а к царю Максимиану написал подробно, сообщая о случившемся. В темницу пришла ночью блаженная София, вторая мать Климента. Она лобызала его с великою радостью и слезами, веселясь о своем нареченном сыне, который оказался достойным страдальцем Христовым и славным победителем над муками. Она лобызала язвы и узы святых; затем она омыла и отерла кровь их и обвязала раны их чистыми платками. При этом она подробно расспрашивала святого Климента: как он пострадал, где и от кого. Она принесла им и пищу и укрепила их. Во все последующие дни она приходила и служила узникам Христовым.

Спустя некоторое время пришло от царя повеление к князю Курикию отослать святых мучеников в другой город, называемый Амисией[917], к другому, более жестокому мучителю, наместнику царскому по имени Домицию. Блаженная София далеко провожала святых мучеников вместе с теми детьми, которые были собраны святым Климентом во время голода в дом ее и воспитаны ею, после чего стали как бы ее собственными детьми. Некоторые из них не хотели расстаться со святыми страстотерпцами и пошли за ними, привязанные к ним сердечною любовью. На пути они были, по повелению царя, заколоты воинами, о чем немедленно и было сообщено царю. В Амисии святые страстотерпцы были брошены Домицием в кипящую известь в пятницу, во втором часу дня, а в субботу, в третьем часу, оказались живыми и здоровыми. Видя это, два воина уверовали во Христа и публично объявили себя христианами, за что, в ту же субботу, в седьмой день сентября, были распяты нечестивыми. Имена их – Фенгон и Евкарпий. А святым Клименту и Агафангелу мучитель повелел содрать кожу с плеч и бить палкою долгое время. Затем он повелел положить их на раскаленных железных одрах и сильно обжигать их, поливая серою и смолою. Святые же, почивая без всякого вреда, как бы на мягкой царской постели, заснули сладким сном и видели в сонном видении Христа Господа со множеством святых Ангелов Его. Господь сошел к ним свыше и сказал:

– Не бойтесь. Я – с вами.

Проснувшись, они с радостью рассказали друг другу об этом видении. Святых мучили на раскаленных железных одрах долгое время. Когда же Домициан увидел, что огонь нисколько не вредит им, то недоумевал, что с ними делать: он велел снять их и отвести в темницу. Долго пробыли святые в этой темнице, а затем были отосланы снова к царю Домициану, проживавшему в то время в Тарсе. Когда они шли туда, то страдали от жажды, а особенно изнемогали ведшие их воины, ибо страна эта была пустынна и безводна. По молитве своей святые извели из сухой земли источник живой воды. Все пили и прохладились; воины же взяли с собою в путь сколько нужно было воды. Во время этого пути святой Климент усердно молился Христу Богу, чтобы

Бог сподобил его во все дни его жизни терпеть мучения за Его святое имя. Тогда он получил откровение от Бога, что с прошедшими уже годами его мучения до полного совершения мученического подвига он должен прожить двадцать восемь лет среди непрерывных страданий. Святой весьма обрадовался этому, ибо он был всецело поглощен несказанною любовью ко Христу Богу своему. Он желал пребывать в лютых мучениях за Христа долгое время и умирать многократно во все дни жизни.

Когда царю Максимиану были представлены святые, он сильно удивился, как они доселе остаются живыми и непобедимыми после стольких мучений. Снова допросив и найдя их непреклонными, он велел разжечь огненную печь, как некогда Навуходоносор в Вавилоне, и ввергнул в нее Христовых воинов. Святые пробыли в этой печи день и ночь и оказались живыми и невредимыми. Видя это чудо, многие из народа уверовали во Христа. Затем святые были ввергнуты в темницу и пробыли в ней четыре года. Нечестивый царь надеялся, что святые, утомившись продолжительным заключением и перенесши в темнице много бедствий, скорее обратятся к языческой вере.

По истечении четырех лет темничного заключения царь, признавая их как бы недостойными своего царского суда, но вместе с тем стыдясь обнаруженного ими самим делом непобедимого величия духа, поручил их одному весьма жестокому правителю по имени Сакердону, который погубил бесчисленное множество христиан жестокими мучениями и страшной смертью. Он должен был принудить святых узников к поклонению языческим богам. Не успев убедить святых мучеников Климента и Агафангела ни льстивыми словами, ни угрозами, он повелел, привязав их нагих к дереву, бить жестоко и строгать их тело так сильно, что плечи и спины святых были совершенно остроганы до костей. Уже виднелись обнаженные кости и суставы, плоть же вся отпала. Мучитель, полагая, что они тотчас умрут, повелел отвязать их и отнести в темницу. Но увидев, что святые стоят на своих ногах и чувствуют себя бодро, а в темницу идут сами, он сильно устыдился и от ярости и стыда изнемог телом. Он был едва жив, так что был отнесен

на руках слуг своих из судилища домой. У святых, идущих в темницу, плоть отпадала частями вместе с кровью от тел их. Верующие собирали ее на пути вместе с песком и хранили у себя как величайшее и драгоценное сокровище. Когда царь узнал о телесной слабости Сакердона, то рассмеялся и сказал:

– Вот, славный Сакердон, одолевший многих христиан, сам побежден двумя!

В это время стоял пред царем один князь по имени Максим. Он умолял царя, чтобы он отдал святых мучеников в его руки, похваляясь, что он или принудит их к жертве, или уморит их муками. Когда царь разрешил это, он взял святых к себе, и не тотчас начал их мучить, но прежде в продолжение многих дней с ними дружески беседовал, увещевал их поклониться богам, – а затем однажды призвал их к себе и сказал:

– Радуйтесь, мужи, – вас любят бессмертные боги, как подлинных сынов своих, и заботятся о вас. Они много раз говорили мне о вас во сне и ясно сказали мне на мои вопросы, что вы обратитесь к ним. Потому-то они удержали мучителей ваших, чтобы они не погубили вас, ибо боги ждут вашего обращения, которое уже близко. Еще в прошлую ночь великий среди богов Вакх[918], явившись мне, сказал: «Приведи тех двух мужей ко мне». Теперь же, мужи, храм Вакха открыт, алтарь украшен, жертвы приготовлены; придите и принесите ему жертвы.

Святые ответили ему:

– Ты лжешь бесстыдно, судья! Ибо твои боги, как известно, немы; точно так же и во сне они ничего не могут говорить. Притом, который Вакх говорил тебе? Ведь два у вас здесь идола Вакха: один каменный, а другой медный. Коли говорил каменный, то мы пророчествуем ему, что скоро придет то время, когда он будет разбит на части, или будет положен вместе с другими камнями в стену, создаваемую из камня, или, наконец, будет брошен в огонь и превратится в песок. Если же говорил тебе медный Вакх, то скоро он будет переделан в кувшины и другие ничтожные сосуды.

Не будучи в состоянии слушать эти речи, Максим начал жестоко мучить их. Мучение было таково: он велел вонзить в

землю различные острые железные орудия: рожны, ножи, гвозди, трезубцы и другие весьма острые предметы, какие только мог изобрести, – притом острием вверх и на близком расстоянии друг от друга. Высотою эти острия равнялись длине одной стопы ноги. Он велел положить на острия святого Климента нагого спиной, лицом вверх, и бить его толстыми палками, а святому Агафангелу велел лить на голову растопленное олово. В то время как святой Климент был бит палками по груди и по всему телу, от головы до ног, все тело его снизу искололось и изрезалось на тех острых орудиях; одни железные острия прошли до сердца, иные до груди, иные до внутренностей желудка, и иные, наконец, прошли насквозь и явственно виднелись наверху. Когда после долгого биения мучитель повелел снять мученика с того места, то едва несколько человек могли с большими усилиями освободить его оттуда. Максим недоумевал и изумлялся столь великому терпению, тем более что никакие муки не могли ни обратить мучеников к богам, ни умертвить их. Сам Всевышний Бог соблюдал в них души их, не разлучившиеся с телом, ради большого прославления Своего святого имени и для постыждения нечестивых. Святые снова были ввергнуты в темницу.

Узнав об этом, царь Максимиан осудил святых на вечное темничное заключение, в котором они должны были умереть естественною смертью. Тогда еще один вельможа по имени Афродисий, родом перс, искусный изобретатель всяких самых лютых мучений для христиан, просил царя, чтобы он дозволил ему взять этих мучеников, надеясь погубить их. Получив согласие, он повел их в дом свой и, предложив им богатую трапезу, надеялся угостить их. Он убеждал их есть и пить и повеселиться с ним. Но они ответили ему:

– Мы питаемся небесною пищею и питием. Ядущий и пиющий от них никогда не будет ни алкать, ни жаждать, и вечно пребудет в веселии.

Афродисий, считая отказ их бесчестием для себя, сказал:

– Завтра я устрою вам другую вечерю, которой вы ищете, – самую лютую смерть.

Когда наступило утро, Афродисий повелел принести два жерновых камня и, повесив их на шеи святым, влачить их по всему городу для поругания над ними. Когда святых влачили по городу, многие безумные из народа, взяв камни, побивали влачимых, а другие, удивляясь столь продолжительным и тяжким страданиям их, считали их бессмертными и обращались ко Христу. После этого святые, по царскому определению, были заключены в темнице пожизненно в том соображении, что они, изнемогши от продолжительного заключения, погибнут. Святые пробыли в темничных узах много лет, пока не приблизился конец двадцативосьмилетнего времени их страдания, о чем святому Клименту еще в Тарсе, когда вели его к царю, было возвещено откровением от Бога. Уже многие из святых исповедников Христовых, начавшие свои страдальческие подвиги, окончили свое поприще, а эти два страдальца продолжали свое мученическое поприще и совершали свои подвиги.

После царя Максимиана вступил на царство Максимин[919]. В это время много христианской крови пролилось беспощадно. Темничные стражи, соскучившись стеречь Климента и Агафангела, которые слишком долго содержались в темнице, пришли к царю Максимину и сказали:

– Что ты повелишь относительно этих двух узников, которые в течение многих лет были мучимы многими царями и правителями, притом всеми совершеннейшими орудиями самых лютых мук, и все-таки не умерли? Они доселе живы и находятся в узах. Хотя они не пользуются никаким уходом и попечениями, необходимыми для жизни, однако здравы и светлы лицом. Мы думаем, что они бессмертны.

В ответ на это царь Максимин сначала похулил своих богов многими позорными словами за то, что они были не в силах отнять у тех узников временной жизни. Затем расспросил о них: кто они и откуда? Узнав, что они из Галатии, из города Анкиры, повелел немедленно отослать их туда к князю Лукию, в то время начальствовавшему в Анкире. Святые, узнав об этом, сильно обрадовались, ибо святой Климент очень желал окончить поприще своей подвижнической жизни в родном

городе. Он молился об этом Владыке Христу и получил просимое. Когда святые были приведены в город Анкиру и представлены для допроса князю Лукию, он не сразу стал допрашивать их, но предварительно посадил их в тяжкое заключение; при этом он велел забить ноги их в колоду, возложить железные оковы на шею, на руки и на все тело, а равно обвешать их тяжелыми камнями, так что им не было возможности ни двинуться телом, ни протянуть ног. На следующий день он велел привести на суд одного святого мученика Агафангела. Вначале он долго обольщал святого ласками, стараясь привлечь к своему зловерию; но видя непреклонность его убеждений, начал мучить его: он проколол его уши железными кольцами, раскаленными на огне, горящими свечами обжег его ребра и, наконец, усек мечом его святую голову. Честное же тело мученика взяла упомянутая выше блаженная София, названная мать Климента; она обвила его чистыми пеленами, умастив ароматами, и положила его в пещере, в которой была небольшая христианская церковь. По причине тяжкого гонения со стороны нечестивых верующие не могли иметь лоно своей церкви, но сделали себе небольшую церковь в пещере и там совершали службы Богу. Таким образом, святой мученик Агафангел страдал от различных мучителей: от двух царей, Диоклетиана и Максимиана, и от правителей: Агриппина, Курикия, Домиция, Сакердона, Максима, Афродисия и Лукия. Окончил он подвиг страдания пятого ноября.

Святой Климент, узнав о кончине своего ученика и сострадальца, святого мученика Агафангела, исполнился несказанной радости, так как послал его к Богу ранее себя в качестве предстателя. Лежа ниц на земле и обремененный тяжестью уз, он воздавал глубокое благодарение Богу о святом Агафангеле за то, что Бог сподобил его окончить жизненное поприще, сохранить веру, мужественно претерпеть все мучения и быть причисленным к лику святых мучеников, торжествующих на небесах. Молился он и о себе, чтобы Бог сподобил его претерпеть до конца, стереть многокозненную главу врага и перейти с торжеством в вожделенные небесные обители.

После казни над святым Агафангелом мучитель Лукий повелел ежедневно мучить святого Климента в темнице. Мучение состояло в следующем: жезлами, усеянными острыми сучьями, били мученика по лицу и по голове, налагая ежедневно на теле святого по ста пятидесяти ран. Так мучили святого от пятого ноября до пятого января. Между тем как святой в течение дня был сильно изъязвлен ранами, так что вся темница его обагрялась его кровью, – ночью благодать Божия, ниспосылаемая ему через святых Ангелов, исцеляла его язвы. Язычники были в большом недоумении: приходя ежедневно и находя его здоровым, они изумлялись и били его еще более жестоко; голову и лицо его они уязвляли крепкими и глубокими ударами, числом до ста пятидесяти. Когда приближался праздник Богоявления Господня, прибыл от царя в город Анкиру другой воевода по имени Александр, вместо Лукия, отозванного к царю. С наступлением ночи, когда должно было совершаться всенощное бдение празднику Богоявления, блаженная София собрала к себе христиан, а равно своих слуг и воспитанных ею отроков и отроковиц и пошла с ними в темницу к святому Клименту. Бог, споспешествующий намерениям верующих в Него, навел на стражей крепкий сон. Один только страж не спал, но он был тайный христианин; он и отверз темницу для пришедших. Верующие, вошедши внутрь с премудрою Софиею, освободили святого от оков и повели его в церковь, которая была в пещере. Здесь они с радостью праздновали, благодаря Бога. С наступлением дня святой Климент совершил Божественную литургию, и все приобщились Божественных Таин из святых рук своего пастыря. Архиерей Божий предложил собравшимся обширное поучение, в котором предсказал о своей кончине. Он предрек, что скоро будет убит, и утешал их словами:

– Не бойтесь, братия, никто из вас не погибнет и не пострадает. Ни одного из вас не похитят волки; только я с двумя клириками положу душу мою за великого Архиерея Христа, положившего за нас душу Свою.

Предсказывал он и о том, что скоро прекратится гонение, исчезнет идолопоклонство и процветет святая вера, ибо

Небесный Царь воздвигнет на земле такого царя, который, сам просветившись святым крещением, просветит и все области римского государства и воздвигнет новый Рим, после чего воссияет повсюду благочестие. Предсказав это своему словесному стаду, священномученик Климент возвеселил души слушателей. Затем он пошел в дом названной матери своей Софии, которая пригласила к себе и всех людей, бывших в церкви, и предложила им обильное пиршество. Святой Климент пробыл в доме ее до двадцать третьего числа января. Во все это время воевода Александр рассматривал различные дела, касавшиеся народа и управления. Наконец ему было донесено, что епископ христианский Климент ушел ночью из темницы. Тогда его стали разыскивать. Когда наступил день воскресный, архиерей Божий, святой Климент, пошел в пещерную церковь совершить Божественную Литургию. Нечестивые узнали об этом и известили воеводу. Последний тотчас сам отправился с воинами и, вошедши внутрь церкви, нашел святого Климента предстоящим престолу Божию и приносящим бескровную жертву. Воевода повелел одному из воинов извлечь меч и ударить архиерея сзади в шею. Когда воин ударил мечом, голова святого священномученика Климента упала на Божественный престол и на приготовленные Дары[920]. Таким образом кровью его обагрилась Бескровная Жертва и весь святой алтарь. Все верующие находились в великом страхе и ужасе: они и себе ожидали смерти; однако, не о себе сожалели, а о своем пастыре, а потому начали громко рыдать. Воевода тотчас вышел вон, не причинив собравшимся никакого вреда, и только два клирика были усечены в алтаре вместе со святым Климентом. Имена их – Христофор и Харитон, оба они были диаконы. Блаженная София со слезами и радостью приготовила к погребению честное тело своего любезного приемного сына, на самом же деле духовного отца и пастыря. Она плакала, что лишилась его на земле, и радовалась тому, что он, ревностно прошедши поприще страданий, отошел ко Христу Господу. Святой был погребен с почетом вместе с обоими диаконами усердием Софии и всего бывшего там христианского населения

близ гроба святого мученика Агафангела, в пещерной церкви, двадцать третьего января.

Так святой священномученик Климент окончил продолжительный подвиг своего страдания, терпя бесчисленные и несказанные муки за Христа в течение двадцати восьми лет. Греческий историк Никифор[921] говорит о нем так: «От самого создания мира всех тех, которые каким-либо видом мучений страдали за Бога, а именно: от огня, железа, от каменьев, от повешения на дереве, а равно и тех, которые сражались со зверями в цирках или были замучены продолжительным заключением в оковах, или скончались от различных смертей в воде, в земле и на воздухе, или были погублены сильным морозом, или зноем, или от каких-либо других видов мучений и казней лишились жизни, – всех таких мучеников святой Климент с Агафангелом значительно превзошли своими страданиями. Он пострадал в различных городах от одиннадцати мучителей: в Анкире от галатийского наместника Домициана, в Риме от царя Диоклетиана, в Никомидии от воеводы Агриппина, снова в Анкире от князя Курикия; в Амисии от царского наместника Домиция, в Тарсе от царя Максимиана, там же от правителя Сакердона, а затем от князя Максима и вельможи Афродисия, опять в Анкире от князя Лукия и, наконец, от воеводы Александра. Все тогда бывшие мучители посылали его друг к другу, как какое-то чудо, никогда не виданное, ибо в течение столь многих лет и столь многоразличными лютыми муками он не мог быть побежден или поколеблен вместе с учеником своим Агафангелом». Ради славы святого Своего имени его укреплял Бог, Господь наш Иисус Христос, Которому, вместе со Отцом и Святым Духом, от всякой твари приличествует слава, честь и поклонение. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Лоза преподобства и стебль страдальчества, цвет священнейший и плод богоданный, верным, всесвященне, присноцветущ, даровался еси: но яко мучеников сострадалец и священноначальник сопрестольников, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Лозы был еси честная розга Христова, многострадальне Клименте всехвальне, явлься, со страждущими же взывал еси: ты мучеников Христе светлое радование.

Житие святого Павлина Милостивого, епископа Ноланского

Память 23 января

Угодник Божий Павлин был родом из Аквитании[922]. Во время мирской жизни он был одним из старших сенаторов при римском императоре. Он был благочестивой жизни и боялся Бога[923]. Супруга его, по имени Тарасия, по вере и добродетелям своим была подобна своему мужу и также была благочестива. Не имея собственных детей, они брали убогих сирот и заботились о них, как о своих детях, питая их и поучая страху Божию. Со дня на день они преуспевали во всякой добродетели и обильно раздавали милостыню нищим. Наконец, они и сами пожелали, ради угождения Богу, стать нищими. Они продали свое большое имение и, раздав все нуждающимся, сами жили в добровольной нищете, подобно людям убогим, и возлагали свое упование на промысл Божий. Раз, когда они уже сильно обнищали, пришел к ним нищий просить милостыни; но у них не было ничего, кроме одного хлеба. Блаженный Павлин посоветовал своей супруге – и этот последний хлеб отдать нищему.

– Нам поможет, – говорил он, – Бог, а мы не пожалеем дать просящему ради Бога.

Тарасия, однако, не дала, но сохранила хлеб ради собственной нужды, так как в тот день не было ничего у них самих на обед. В это время вошел к блаженному Павлину посланный от одного его богатого друга – с извещением, что ему отправлено этим другом морским путем множество пищи, и вот один, последний корабль, именно с пищей, потонул и погиб в морских волнах. Услышав об этом, Павлин сказал своей супруге:

– Видишь ли, если бы ты отдала нищему последний хлеб, то не потонул бы в море последний корабль с пищею. Только по причине скупости многих Бог погубляет их имущество.

После того, оставив вместе с имуществом и славу мирскую, и все интересы мира сего, они вышли из Рима в страну

Кампанию[924], так как там было оставлено ими себе на пропитание одно незначительное поместье. Они поселились в городе, называемом Нолою[925], вблизи гроба святой мученицы Фелицаты, и там работали Господу, скрываясь от мира. Но не могла долго таиться добродетель Павлина. Ради нее он был взят, по принуждению, на престол Ноланской церкви, и против воли принял епископский сан[926]. Он управлял своею паствою свято и неусыпно, как верный и мудрый домоправитель, «которого господин поставил над слугами своими» (Лк.12:42)[927]. Он питал своих овец не только пищею духовною, научая и наставляя их, а грешников приводя к покаянию и обращая каждого на путь истины, но заботился и о телесной пище и обо всех нуждах овец своих, – питал и одевал нищих и убогих, сирот и вдовиц, а плененных выкупал на свободу.

В те годы, по Божию попущению, случилось нашествие вандалов[928] на Италию, которые всю ее завоевали. Пришли они и в область Кампанию, в которой находился город Нола. Опустошая многие селения и города, они проникли и в епархию Павлина, где производили то же самое: они взяли в плен множество народа и отвели за море, в свою африканскую страну. Тогда блаженный епископ Павлин все, что имел в епископии, стал отдавать на выкуп пленных и на пропитание обнищавших от нашествия варваров, так что у него совершенно уже ничего не оставалось. Когда же вандальские воины, будучи лютыми и бесчеловечными, мучили христиан, требуя, чтобы они указали сокрытые в земле сокровища, святой Павлин сочувствовал верующим сердцем и взывал к Богу: «Господи, сотвори так, чтобы меня мучили из-за золота и серебра. Ибо Ты знаешь, где я скрыл свое богатство, – именно в руках нищих и убогих рабов Твоих».

Однажды пришла к нему одна бедная вдова, говорившая с плачем:

– Сын мой взят в плен вандалами, и я узнала, что он находится у зятя вандальского царя Риги, в Африке. Умоляю твою святость: дай мне, чем выкупить сына, единственную надежду моего пропитания и опору моей старости.

Человек Божий, внимательно поискав вокруг себя в надежде, не найдет ли чего-либо дать просящей, и ничего не нашедши, кроме самого себя, сказал убогой вдовице:

– Женщина, я решительно ничего не имею, чтобы дать тебе, кроме самого себя. Возьми меня, я отдаюсь в твою власть, как раб. Продай меня и выкупи своего сына, иди же отдай меня в рабство взамен сына.

Женщина, слыша эти слова из уст такого человека, подумала, что это скорее насмешка, чем милость. Но он, будучи красноречивым и премудрым, своими рассуждениями убедил сомневавшуюся женщину, что он не ради насмешки, но совершенно справедливо говорит ей. Он убедил ее, чтобы она поверила его словам и не боялась продать епископа в рабство ради освобождения своего сына. Тогда они пошли оба в Африку и, пришедши к вандалам, остановились у ворот того князя, зятя царя, у которого жил сын бедной вдовицы. Когда князь вышел куда-то из дому, вдовица упала к ногам его и умоляла его со слезами, чтобы он отпустил ее сына. Но варвар, будучи гордым, не только не хотел отпустить ее сына, но даже и не выслушал ее просьбы. Тогда вдовица, указывая на служителя Божия Павлина, сказала:

– Вот этого человека я отдаю вместо сына; только окажи милость, отпусти мне сына, ибо он у меня – единственный.

Князь, посмотрев внимательно на человека Божия, спросил его:

– Какое ремесло ты знаешь?

Святой Павлин отвечал ему:

– Ремесла никакого я не знаю, а только хорошо умею возделывать сады.

Услышав это, князь обрадовался, ибо он нуждался именно в таком человеке, и отдал сына вдовице. Она с сыном возвратилась домой, а святой Павлин, оставшись работать, принял попечение о садах и стал ревностно трудиться. Господин его начал часто приходить в сад и вести беседы со своим садовником о разных вещах. Заметив же его мудрые и обширные познания, он беседовал с ним обо всем, многократно оставляя своих домашних и друзей, чтобы наслаждаться

рассуждениями своего слуги. Блаженный Павлин ежедневно приносил ему на обед различные овощи из огорода и, получая из рук его хлеб, возвращался к своему делу.

Однажды, когда господин его беседовал с ним, святой Павлин сказал ему:

– Смотри, ты собираешься куда-то отлучиться. Между тем тебе предстоит позаботиться о принятии вандальского царства, ибо этот царь, твой тесть, внезапно умрет неожиданною смертью. Если же ты отлучишься, то другой без тебя захватит царскую власть.

Князь, услышав эти слова от своего садовника, не умолчал об этом, но пошел и рассказал царю, ибо был вполне верен ему и за это более всех был любим им. Царь усомнился и сказал:

– Я хочу видеть того мужа, о котором ты говоришь.

Зять царя сказал на это:

– Я ныне же повелю ему, чтобы он принес овощи из огорода на обед тебе, и ты его увидишь.

Когда царь сел обедать, вошел к нему Павлин, принесший по повелению господина своего овощи для царской трапезы. Когда царь увидел его, тотчас затрепетал и, призвав господина его, своего зятя, открыл ему тайну, которую хотел скрыть от него.

– Истинно то, – сказал он, – что ты слышал от этого человека, ибо ночью, в сонном видении, я видел различных князей, севших на престолах и производивших суд надо мною. Сидел и он среди тех судей. Судом их были отняты у меня жезл и власть, которую я некогда получил. Спроси у него, кто он такой. Я не думаю, чтобы этот муж был простым человеком, ибо я видел его в великом сане.

Тогда зять царя отвел блаженного Павлина в сторону и спросил его:

– Кто ты?

Человек Божий ответил ему:

– Я раб твой, которого ты принял вместо сына вдовы.

Князь же настойчиво допрашивал его, требуя разъяснить не то, чем он стал теперь, но чем был в своей стране? Он заклинал святого и клятвенно требовал, чтобы он не скрыл от

него своей тайны, но открыл ему всю истину. Человек Божий, смутившись допросом и не будучи в состоянии преступить клятву, сказал, что он епископ. Господин его, услышав это, сильно испугался и со смирением сказал ему:

– Проси у меня, чего хочешь, и затем возвращайся в свою страну с богатыми дарами.

Угодник Божий Павлин сказал ему:

– Единственного благодеяния, которое ты можешь сделать, я попрошу у тебя: всех пленников города и страны моей, приведенных сюда, отпусти на свободу в родную землю.

Тотчас усердием князя этого были разысканы во всей африканской стране христиане, плененные из области Кампании, и приведены к святому Павлину. Святой пастырь был отпущен с почетом со всеми словесными овцами своей паствы, со многими богатыми дарами и съестными припасами в изобилии. Они возвратились в свою землю на кораблях с весельем и радостью. Спустя несколько дней, согласно пророчеству святого, умер Рига, царь вандальский, а вместо него вступил на престол зять его.

Таким образом, святой Павлин, предав себя одного в рабство, многих людей извел из рабства на свободу, последовав Христу Господу, принявшему зрак раба и избавившему человеческий род от рабства диаволу. По выходе из рабства у вандалов святой Павлин прожил много лет, и как пастырь добрый, душу свою за овец полагающий, доблестно управлял врученным ему стадом и, не щадя себя самого, оказывал много благодеяний убогой братии. Затем он перешел к Пастыреначальнику Христу, Господу своему[929], от Которого ныне приемлет мзду сторицею и наследует жизнь вечную, прославляя Его вовеки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Геннадия Костромского[930]

Память 23 января

Преподобный Геннадий, названный во святом крещении Григорием, был единственным сыном боярина по имени Иоанна и жены его Елены, живших в Литовской земле[931]. Григорий с детства любил посещать церковь Божию и постоянно пребывал среди церковного клира, посещая все службы. Родители были недовольны таким поведением сына и говорили ему:

– Зачем ты так делаешь? Разве ты – сторож церковный? Ты стыдишь нас перед людьми. Довольно с тебя ходить в церковь вместе с нами, а остальное время быть дома и в общении со сверстниками; особенно же не должно лишать себя покоя ночью.

Но Григорий отвечал:

– Любезные родители, не докучайте мне такими речами: я не хочу заниматься детскими играми. Бог творит, что хочет, а человек, что может; Дух же Святой наставляет всякого человека на путь истинный.

С тех пор Григорий стал помышлять о том, как бы ему уйти в русскую страну и там поселиться в какой-либо святой обители и подвизаться подвигом добрым.

И вот, улучив благоприятное время, он ушел от родителей, снял с себя светлое платье и отдал бедным, а от них взял рубище и оделся в него.

Проходя литовскую землю, пустыни, села и города в виде странника и пришельца, он много претерпел бед и напастей от злых людей. Однако, хранимый Богом, он дошел до русской земли, пришел в великий и славный царствующий град Москву и обходил его, притекая к ракам святых чудотворцев, проникая во святые обители и рассуждая, где бы ему постричься и предаться молитве.

В Москве он нашел себе друга по имени Феодора, молодого, но богобоязненного и также искавшего пострижения.

Из Москвы они вместе отправились в Великий Новгород и там ходили по святым местам и церквам и обителям.

Из Новгорода они отправились на реку Свирь в пустыню к подвижнику преподобному Александру и стали усердно просить его:

– Мы желаем, святой отец, Господу Богу молиться: облеки нас Христа ради в монашеское одеяние.

Преподобный Александр обратился сначала к другу Григориеву Феодору и сказал:

– Ты, чадо Феодор, будешь водить зверя белоголового.

Григорию же сказал:

– А ты, чадо Григорий, сам будешь пастырь словесным овцам и наставник множеству иноков. Иди, чадо, на Комельский лес к преподобному Корнилию, и тот научит тебя, как Богу молиться и как тебе пасти словесное стадо иноков, а в нашей пустыне молодым отрокам невозможно жить. Однако отдохните здесь, чада мои, сколько дней пожелаете.

Они пробыли четырнадцать дней в пустыне у преподобного Александра и, взявши от него благословение, пошли в пределы города Вологды на Комельский лес. Пришли они внутрь пустыни к преподобному Корнилию Комельскому[932] и постучались у ворот с молитвою Иисусовою.

Преподобный Корнилий, отворяя двери свои, сказал им:

– Чада, как прошли вы места непроходимые и зачем вошли в сию убогую пустыню? Чего ищете вы?

Они отвечали ему:

– Владыка наш, преподобный отец Корнилий, нами овладело великое желание облечься в иноческое одеяние. Христа ради – причти нас к своему богоизбранному стаду.

Преподобный Корнилий сказал Григорию:

– Ты, чадо Григорий, войди в убогую мою обитель, а ты, чадо Феодор, останешься в мирской жизни, возьмешь жену и родишь детей.

На Григория преподобный Корнилий наложил искус иноческий по преданию святых отцов. В этом искусе Григорий прожил значительное время, после чего преподобный Корнилий, вошедши в церковь, постриг Григория в монашеский чин и

сказал ему слово от святого Евангелия: «Всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф.19:29–30). Затем старец говорил по отеческим вопросам и ответам новопостригаемому и нарек имя ему вместо Григория – Геннадий. Наконец сказал:

– Усвой, чадо, разум древних святых отцов: терпение, любовь и смирение, особенно же молитву общую или соборную, и келейную и потрудись в подвигах нелицемерных.

Друг Геннадия Феодор, по пророчеству преподобных отцов Александра и Корнилия, провел жизнь свою в мире и в глубокой старости скончался в Москве.

Преподобный Геннадий, по благословению Корнилия, усердно подвизался в молитвах и трудах, особенно же в хозяйственных монастырских службах в поварне, пекарне и прочих. Многие из братии негодовали на Геннадия за такие его подвиги и роптали.

Слыша этот ропот, преподобный Корнилий укреплял святого, говоря:

– Чадо Геннадий, не скорби об этом на братию, ибо они так говорят по внушению бесовскому.

Потом ненавистник добра диавол возбудил возмущение среди братии и на самого Корнилия. Видя это, преподобный дал место гневу и, взяв с собою ученика своего Геннадия, оставил свой новосозданный монастырь и ушел в костромские пределы, в дикий лес, на Сурское озеро, за шестьдесят верст от своего первого монастыря. Немного далее версты отсюда жили царские крестьяне, оброчные бортники. Эти крестьяне очень обрадовались приходу Корнилия и Геннадия, построили им келью, приносили хлеб, мед и прочее необходимое, так как поблизости находилось бортное угодье, пчельник.

Преподобный Корнилий и Геннадий подвизались в молитве и посте, прилагая труды к трудам: рубили лес, пахали землю и выкопали четыре пруда.

Однажды православному великому князю Василию Иоанновичу угодно было предпринять труд путешествия на

Бело озеро, помолиться по обещанию своему о благочадии. Когда великий князь достиг пустыни преподобного Корнилия и увидел, что тот удалился оттуда в иное место, весьма огорчился на братию и говорил ей:

– Ради вашего ропота и непослушания не живет отец Корнилий в своей пустыни.

И тотчас же послал слуг своих просить преподобного возвратиться на первое свое начинание. Преподобный Корнилий пришел пред великого князя Василия[933], припал к ногам его и просил прощения за отход свой от пустыни. Благоверный князь поднял его и сказал:

– Любимиче мой, отец Корнилий, моли за нас милостивого Бога, дабы Господь Бог даровал нам плод благочадия в наследие роду нашему и в устроение честным обителям, в державу российскому царству и в утверждение веры христианской.

Затем великий князь говорил преподобному Корнилию:

– Пребывай, отче, здесь, в первом своем начинании и трудах, отходною же пустынею, по нашему повелению, благослови ученика, которого хочешь.

Когда великий князь удалился, преподобный Корнилий благословил новою пустынею ученика своего Геннадия и повелел ему там воздвигнуть церковь во имя боголепного Преображения Господня.

Преподобный Геннадий, по благословению отца Корнилия и по повелению великого князя, все устроил в пустыни: и церковь Божию воздвиг и украсил ее иконами и книгами и всяким благолепием церковным.

Когда в пустыни стали умножаться братия, он построил и вторую церковь, теплую, во имя преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, и украсил ее, как и первую.

Сам же преподобный, трудясь постоянно, подавал братии образец смирения и терпения; он устроил для братии удобные жилища; днем рубил дрова и по ночам разносил их на своих плечах по братским келиям, трудился в поварне и пекарне, мыл на братию власяницы, делал свечи, варил кутью, пек просфоры, – особенно же преуспевал в церковных службах, в посте и

молитве. Сверх этого, он на себе носил вериги и кресты железные и тяжкие цепи. Такое великое бремя преподобный носил для усмирения плоти.

Вследствие этого, на нем почила благодать Пресвятой Троицы; сподобившись ее, преподобный стремился к большим и большим подвигам, подавая образец своим ученикам во всех обычаях и нравах, ибо он учил их не столько словом, сколько делом, показывая то, что изложено выше.

«Кто в состоянии изобразить все подробности жизни его и всех подвигов и терпения или кто может перечислить болезни и труды его и попечение о братии!» Так восклицает составитель жития его, ученик его Алексий, который далее, в похвалу преподобному Геннадию, а более во славу Божию, повествует о чудесах его, совершенных, благодатью Божиею, при его жизни и по смерти.

Вот некоторые из этих чудес. Однажды случилось преподобному Геннадию прийти в царствующий город Москву с учениками своими Серапионом и Уаром. Он был с честью принят боярыней Иулианией Феодоровной, женой Романа Юрьевича. Иулиания просила Геннадия благословить сыновей ее Даниила, Никиту и дочь Анастасию. Когда святой благословлял Анастасию, то сказал:

– Ты лоза прекрасная и ветвь плодовитая, будешь нам государыней-царицей благоверной.

Слыша эти слова, боярыня Иулиания вместе со своими детьми и всеми бывшими при этом людьми удивилась, что за непонятные речи произносит Геннадий и откуда они возвещены ему.

Боярыня Иулиания щедро довольствовала Геннадия, и в продолжение не одного года.

Все сказанное пророчески старцем сбылось: Анастасия Романовна сделалась царицей, первой супругой Иоанна Васильевича Грозного[934]. Она питала глубокую веру и почтение к дому всемилостивого Спаса и к преподобному Геннадию, посылала ему честные иконы и ризы и другие нужные для церковной службы вещи.

Однажды боярин Борис Палецкий, постигнутый болезнью, пришел в обитель Преображения Господня помолиться. Преподобный Геннадий весьма обрадовался прибытию князя, созвал братию и встретил посетителя в святых воротах с подобающею молитвой и дал ему в руки свой посошок. С того часа князь стал здоров и прославил Бога, и все радовались выздоровлению князя. Давши довольную милостыню преподобному и братии, князь возвратился в свой дом со всеми людьми. Посошок, благословение старцево, князь поручил везти бывшему с ним священнику Василию. Этот священник почему-то рассердился на князя и, похулив благословение святого, бросил тот посошок в реку Кострому. Князь очень опечалился, лишившись благословения старцева. Когда же названный священник прибыл к себе в дом, то нашел там жену свою умершею, а спустя некоторое время и сам впал в тяжелый недуг. Тогда он начал каяться в грехе своем, что посмеялся над князем и преподобным старцем по поводу посошка, и дал обещание постричься в дому Спасовом у старца Геннадия.

Спустя немного времени священник сей пришел в обитель Спасову, припал к преподобному и, поведав о случившемся, просил прощения в своей дерзости и умолял святого, чтобы он причел его к своему богоизбранному стаду. Преподобный же, благословив его, сказал: «Брат, Христос сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон» (Ин.6:37).

Потом повелел постричь его в монашеский чин и нарек имя ему Варлаам. Варлаам подвизался довольно продолжительное время в обители Преображения Господня, а потом, по благословению святого старца Геннадия, был игуменом в Богоявленском монастыре в городе Костроме.

Вышеупомянутый князь Борис Палецкий пожертвовал в дом Спасов, в обитель Геннадиеву, ценный колокол.

Случилось некогда вологодскому и велико-пермскому владыке Киприану впасть в сильную болезнь. Имея усердие к обители Преображения Господня, а также питая духовную любовь к преподобному старцу Геннадию, послал одного из слуг своих за старцем Геннадием, прося его посетить по случаю болезни. Преподобный пришел со своими учениками,

иеромонахами Мисаилом и Алексием, в город Вологду и попросил благословения у епископа Киприана. Владыка обрадовался приходу святого старца и, не имея до того времени никакой возможности встать со своей постели, встал навстречу святого, благословив его с учениками крестным знамением, и, взяв преподобного за руку, ввел его во внутреннюю келью. Долгое время беседовал святитель с преподобным старцем. Люди же, видя облегчение епископа от болезни вследствие посещения преподобного, весьма удивились и прославили Бога, творящего через угодников Своих преславные чудеса. После беседы оба вкусили благословенного хлеба. На другой день епископ пред всеми людьми просил преподобного:

– Наставник пустынный, преподобный отец Геннадий, моли за нас милостивого Бога, чтобы Он облегчил мне телесную болезнь и исцелил недуг ноги моей.

Преподобный сказал святителю:

– Человеколюбец Бог помогает от скорби и целит недуги душевные и болезни телесные и облегчает немощь страждущим людям, – и не наше это дело великое. Господин мой, святитель, все возможно от Бога, а от человеков – ничто. Вот ты, господин мой, теперь уже здоров от общей скорби телесной, нога же твоя пусть напоминает тебе о последнем часе и не исцелится до последнего твоего издыхания. Мир тебе, господин мой, святой отче!

Владыка после этого прожил еще пять лет и отошел ко Господу.

Описатель жития преподобного Геннадия, ученик и преемник его по игуменству Алексий, рассказывает о себе самом следующее. Будучи оскорблен братией Геннадиевой обители Всемилостивого Спаса, Алексий удалился отсюда в город Кострому и поселился в обители Богоявления Господня. Но вскоре сильно заболел и не мог стоять в церкви. По этой причине он переселился из Костромы в Адрианову пустыню близ Пошехонья. Но болезнь не прекращалась. По откровению Божию он возвратился в Геннадиеву обитель Всемилостивого

Спаса и, притекши с мольбой ко гробу Геннадия, просил прощения в своем малодушии и получил исцеление.

Из многочисленных посмертных чудес преподобного Геннадия упомянем еще следующие.

Некто боярский сын Иван Лихарев пожертвовал Геннадиеву Спасову монастырю одно свое село, но потом передумал и передал это село в Троице-Сергиеву лавру. Вскоре после этого сын его Алексий умер неожиданно, а жена впала в тяжкую болезнь. Соседи и знакомые стали говорить, что муж ее поступил нехорошо, оставив Спасову обитель и отдав село в другой монастырь, и советовали ей написать письмо мужу, который находился в Переяславле Залесском. Жена написала и тотчас же почувствовала облегчение. Между тем в Переяславле Иоанн тоже впал в болезнь: на него напал какой-то страх и исказилось его лицо. Окружавшие также упрекали его, зачем он оставил обитель Спасову. Тогда Иоанн внял посланию жены и советам ближних, возвратил село в обитель преподобного Геннадия и обещался от нее не отходить. Вскоре он получил исцеление от своей болезни. Молившиеся при гробе Геннадия с верою и усердием получали исцеление от различных болезней: от боли зубной, от болезни глаз, от расслабления, особенно же от исступления ума и беснования.

Было и такое чудо. Один иеродиакон Геннадиевой обители украл церковные книги и скатерти и, прошедши только несколько верст до реки Андомы, почувствовал расслабление и не мог двинуть ни руками, ни ногами. Дали знать игумену, и он послал за диаконом, которого и привезли в обитель с книгами. Диакон повинился в своем согрешении, припал ко гробу преподобного Геннадия, прося прощения и исцеления рук и ног. И, по молитвам преподобного Геннадия, Бог помиловал его и возвратил ему здоровье.

Посадский человек города Костромы Лука Густышов не имел веры к чудесам преподобного Геннадия и решил не бывать в обители Спасовой и у гроба преподобного.

Будучи выбран в целовальники в таможню (т.е. в присяжные сборщики таможенных пошлин), он отправился со своими товарищами для сбора государевых денег. Но вдруг он был

поражен тяжкою болезнью: опухли щеки, разболелась нестерпимо голова, и он пришел в исступление. Родственники привезли его домой, где он и лежал при смерти. Пришедши в сознание, он вспомнил грех свой, обещался идти в обитель Спасову и ко гробу преподобного Геннадия. Отслужив там молебен, он молитвами преподобного Геннадия получил исцеление.

Одна дворянка Галицкого уезда, Корежской волости, из рода Лаптевых, имела четверых сыновей, из коих один, по имени Кирилл, пожелал постричься в Геннадиевом монастыре и свою долю из отцовского имения хотел отдать вкладом в монастырь. Мать, узнав об этом, стала клясть сына и не позволяла ему отдать его долю в монастырь. Вдруг ее постигла тяжкая нестерпимая болезнь головная. Мучимая сей болезнью, она вспомнила свой грех, дала обещание идти в обитель Спасову помолиться у гроба преподобного Геннадия и внести долю сына. Тогда же она почувствовала облегчение от болезни и вскоре исполнила свое обещание. Сын ее постригся под именем Корнилия, она же прославила Бога за дарованное ей исцеление.

Преподобный Геннадий перед своею кончиною оставил поучение, в котором изложил свои мысли и заветы об иноческой жизни как своим ученикам, так и всем православным. Вот сие простое и назидательное поучение.

«Великой лавры Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы обители Ипатской брату о Христе и присному пастырю словесных овец игумену Вассиану, а также Спасовой обители нашей паствы строителю Иосифу и всему братству нашему. Говорю вам, духовные мои братья и спостники: для меня день уже при вечере и секира при корени, ибо отхожу уже к судилищу Христову. Ради святой Господней заповеди, не забывайте меня, когда будете молиться, но, видя мой гроб, вспоминайте мою любовь и молитесь Христу, чтобы Он вселил дух мой с праведными. Вы же, дети мои, бойтесь Бога, повинуйтесь вашим наставникам во всем, по апостолу. Царя православного почитайте, святителей ублажайте, им повинуются все игумены духовною совестью. А вы, мои дети,

живущие в обители Спасовой, повинуйтесь игумену, которому поручена будет паства наша, и покоряйтесь ему во всем с послушанием. Особенно же умоляю вас и завещаваю, чтобы вы не уходили из сего места без благословения настоятеля. Прекословия брат с братом не заводите, стремитесь к свету, а тьму оставляйте. Пусть жизнь ваша будет по преданию святых отцов и согласна с тем, как нам писал преподобный Корнилий[935] и как в обители нашей установлено иноческое житие. Тебя же, благочестивый игумен Вассиан, умоляю, не оставь обители сей своею верою. Вы же, братия и дети мои, не разоряйте общего нашего предания и не уклоняйтесь от церковного собора, ибо первая мерзость для монахов – это не ходить в церковь; а пришедши в церковь, стойте без глумления, не пересуживайте, главным образом, и в келейной молитве не ослабевайте, чтобы не изнемогла ваша плоть вместе с душою и чтобы труд ваш не погиб, ибо возбуждением лености сатана лукавый хочет монаха живым свести в ад. Умоляю вас, братия мои и спостники, будьте неленивы во всяких монастырских службах, не скорбите и не унывайте в трудах ваших, ибо труды ваши – для того, чтобы иметь возможность есть и пить. На пастыря во всяком случае не ропщите, ибо ропщущий чернец приготовляет себе гибель. Равным образом, со вниманием слушайте учительное слово и творите благие и добрые дела, ленивых возбуждайте к службе и к молитве, святыни Божией не отлучайтесь: если монах шесть недель Святых Таин не причастится, то он не монах. Еще же умоляю вас, братья мои, не крадите монастырских орудий, ни хлеба, ни овощей, и не выносите за монастырь ради своих прихотей. Одежду имейте все равную, по кельям всякой пищи не имейте, из трапезы хлеба не выносите, исключая крайней нужды и болезни. Пусть питание ваше происходит в трапезе и будет для всех равное; пусть еда и питье будут в надлежащее время; на трапезе же не объедайтесь и не упивайтесь, ибо это мерзко пред Богом, и отягчение и болезнь – для плоти. Непристойно также вам враждовать между собою, ибо заводящие вражду и сквернословцы Царствия Небесного не наследуют; таковы же и те лукавые лицемеры, которые братию свою посылают туда и сюда, а сами и пальцем не касаются

дела. О горе! Пучина горького ада наполняется нерадивыми монахами, праведники же, немного потерпевши и сохранивши Божии заповеди, будут радоваться вовеки. Христос вселяет в дом Свой единомышленных. Так-то и вы, дети мои, постарайтесь пройти сквозь тесные врата и прискорбным путем, чтобы приобрести живот вечный. Слугам же и прочим рабочим повелеваю – не гневаться и не враждовать друг с другом; следует во всем повиноваться настоятелю и слушаться, а братию не оскорблять ни словом, ни делом, не причинять неподобающих дерзостей, а стараться быть угодными всем людям. Орудия монастырские и домашние вещи следует беречь, чтобы ничто из них не гибло. К чужому имуществу не прикасайтесь и отнюдь ничего не похищайте, ибо собирание собственного имения великий вред причиняет монаху, а душу предает огню негасимому и мукам вечным. И вы, дети мои, от такого зла и безумия берегитесь и прочим людям напоминайте эти наши слова. Монастырские дела следует исполнять без ропота, неленостно и без мятежа, чтобы не быть лицемерами и человекоугодниками, делая только на глазах, но старайтесь быть богоугодными, за глаза работая верою и правдою. Крестьян не обижайте насилием и среди гостей не превозноситесь, занимайте последние места, а главное – ни с кем не враждуйте и ложных слов о братии игумену не говорите. Будьте, братья мои, поспешливы на добро и поучайтесь слову Божию во святом Евангелии и в Апостольских писаниях. Храните в дому Спасовом книги, нами приобретенные; следует вам, дети мои, вникать в них и прилагать ум свой к пониманию их: здесь находятся труды святых отцов. Если кто соблюдет заповеди Божии и веру Христову, таковой возрадуется вовеки».

Преподобный Геннадий скончался 23 января 1565 года; тихая и мирная кончина его последовала после непродолжительной болезни.

Ученик преподобного Геннадия и преемник его, игумен Алексий, в похвальном слове святому перечисляет его добродетели и отмечает, что за них почитали его и в царской семье: он был восприемником дочери царя Иоанна Васильевича Грозного от первой супруги его Анастасии Романовны, которой

ранее предсказал брак с царем и чадородие. Со слов старца Антония, постриженника Иосифова-Волоколамскаго монастыря, Алексий рассказывает о преподобном Геннадии еще такое обстоятельство. Когда однажды Геннадий находился в Москве за богослужением в церкви, в которой стояли царские слуги и боярские жены, вошла бедная и убогая женщина с детьми, которые плакали одни у нее на руках, другие подле нее. Смотря на нее, знатные боярыни, воздыхая ко Господу и Пресвятой Богородице, про себя думали: «Господь даровал детей таким нищим, которым нечем кормить их, а нам, имеющим возможность от царского жалованья воспитывать детей, Господь не дал чадородия, конечно, за наши грехи». Преподобный Геннадий уразумел их мысли и сказал им:

– Не скорбите, госпожи: если будете жить благочестиво в своем положении, то, по повелению Божию, с сего времени будете рождать детей.

По пророчеству преподобного сбылось сие не с одной, но со многими благородными женами. И в других городах преподобный Геннадий предсказывал многим благочестивым женщинам чадородие.

Обретение мощей преподобного Геннадия совершено в 1644 г. в дни благочестивого царя Михаила Феодоровича и при патриархе Иосифе, когда ветхий деревянный храм Преображения Господня разобрали и начали строить каменный храм; при копании рвов обрели гроб с нетленным телом и ризами преподобного.

Память преподобного Мавсимы Сирина

Память 23 января

Преподобный Мавсима был сириец, из окрестностей города Кира[936]; получив простое воспитание в деревне, святой показал преуспеяние во всех добродетелях. Прославившись в частной своей жизни, он получил духовное начальствование в одном селении, близко от города. Священнодействуя и пася овец стада Божия, он и говорил, и делал то, что повелевает закон Божественный. Он имел одну только одежду; когда она разрывалась от ветхости, преподобный нашивал на нее новые и новые заплаты и так покрывал свою наготу. Святой Мавсима столь усердно заботился о призрении странников и нищих, что дверь его жилища была всегда открыта для всех приходящих. У преподобного, говорят, было два сосуда: один с хлебными семенами, а другой с маслом, из которых святой и уделял всем нуждающимся. Милосердый Господь, благословивший Сарептскую вдовицу, ниспослал такое же благословение и на сосуды преподобного Мавсимы: «Благ и милосерд и многомилостив ко всем, призывающим Его» (Пс.85:5); повелев, чтобы не истощалась мука в кадке и масло в кувшине, из которых вдова напитала великого пророка[937], Господь и дивному Мавсиме подал изобилие, равное его попечению о бедных. Благочестно и богоугодно прожив до глубокой старости, святой мирно отошел ко Господу[938].

Память преподобного Саламана Молчальника

Память 23 января

Сей преподобный отец наш Саламан происходил из селения Каперсана, расположенного на западном берегу Евфрата[939]. Возлюбив уединение, он отыскал на другом берегу реки маленькую хижину и затворился в ней, заложив наглухо дверь и окно; раз в год он выходил наружу через подкоп под стеною и запасался пищей. Местный епископ, узнав о добродетельном житии преподобного, пожелал удостоить его священства. Прибыв с сею целью к жилищу святого, архипастырь приказал разобрать часть его стены, после чего и вошел в келью. По рукоположении преподобного Саламана во пресвитера, епископ преподал ему наставление о благодати священства; во все время пребывания своего в келье святитель не услышал от преподобного молчальника ни одного слова и удалился, приказав снова заложить разобранную часть стены. Жители того селения, из которого происходил преподобный Саламан, желая иметь человека Божия в своей среде, однажды ночью перешли реку в брод, взяли святого, который не спорил, не сопротивлялся, но не выражал и согласия, и отвели на свою сторону; здесь поселяне построили для преподобного хижину, подобную прежней, и затворили его там; святой Саламан продолжал хранить молчание, никто не слышал от него ни одного слова. Вскоре жители селения, расположенного на другом берегу, где ранее спасался преподобный, пришли ночью к новому его жилищу и услышали, что он творит такую молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня и всех служащих имени Твоему и поклоняющихся Тебе, Истинному Богу нашему».

Поселяне разобрали келью и отвели святого к себе, блаженный молчальник и на этот раз нисколько не противился и не требовал, чтобы его оставили. Соделав, таким образом, себя мертвым для сей жизни, он в самом точном смысле мог повторись апостольское слово: «И уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в сына

Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал.2:20). В такой высокой степени, как никто другой, умертвив в себе плотского человека, блаженный Саламан до конца совершил свой подвиг и, ликуя, переселился в небесные обители[940].

Воспоминание VI Вселенского собора

Память 23 января

VI Вселенский собор был в 680 году при императоре Константине Погонате[941] в Константинополе, против монофелитов, которые, для примирения монофизитского учения с православным, признавали в Иисусе Христе два естества подобно православным, но, подобно монофизитам, допускали в Нем лишь одну волю – Божественную[942]. Распространение этого учения вызвало большие смуты в Церкви и вызвало со стороны православных ревностных защитников православия, которые открыто выступили против монофелитства, видя в нем лишь прикрытое монофизитство[943]. Эдикты государей, явно признававшие во Христе одну волю, но в то же время для прекращения смут предписывавшие избегать выражений и об «единой» и о «двух волях» во Христе[944] и даже наистрожайше повелевавшие прекратить безусловно все прения о спорном вопросе, под опасением гражданского преследования ослушников[945], дали только повод к большему раздражению и произвели со стороны доблестных защитников православия даже мучеников[946]. При этом восточные и западные отцы и представители церквей разделились, так как среди первых было много монофелитов, а западная Церковь открыто заявила себя против ереси и выступила в защиту православного учения. Это и побудило, наконец, императора Константина Погоната к созванию Вселенского собора, который и был открыт в 680 году, по предварительном сношении с Римом. На соборе присутствовало 170 отцов, среди которых лично присутствовали два восточных патриарха: Георгий Константинопольский[947] и Макарий Антиохийский[948], оба монофелита; папа же римский Агафон прислал от себя легатов. Император сам присутствовал при заседаниях собора, который продолжался около года. Изуверство монофелитов дошло до такой степени исступления, что один из фракийских монахов, по имени Полихроний, вызвался пред собором в доказательство правомыслия монофелитов воскресить мертвеца, но при дозволенном ему

всенародном опыте был жестоко посрамлен. После многих жарких прений собором определено было признавать две воли в Иисусе Христе, Божественную и человеческую, соответствующие двум естествам. Георгий, патриарх Константинопольский, сознался в заблуждении и был принят в общение с Церковью. Но Антиохийский патриарх Макарий остался упорно при монофелитской ереси, вследствие чего и был предан анафеме со всеми предшествовавшими монофелитами. Собор, начавшийся 7 ноября 680 года, окончился 16 сентября 681 года.

Житие преподобной матери нашей Ксении, в мире Евсевии

Память 24 января

Жил в Риме один знатный и почтенный муж, принадлежавший к сословию старших сенаторов, по вере христианин, глубоко благочестивый, имевший единственное дитя, как зеницу ока, – дочь, по имени Евсевию. Когда она достигла девического возраста, один вельможа, также из сословия сенаторов, просил родителей Евсевии отдать дочь свою за сына его. Родители Евсевии, посоветовавшись между собою, обручили ее благородному юноше, равному им почестями и богатством, и уже назначен был день, когда должен был совершиться законный брак. Девица же, исполненная любви к Богу, пожелала остаться вечною невестою нетленного Жениха, прекраснейшего по Своим совершенствам всех сынов человеческих, Самого Христа Господа, и сохранить свое девство навсегда. Однако она утаила свое желание от родителей, ибо знала, что если бы они угадали ее намерение, то не захотели бы и слышать об этом. Они всячески препятствовали бы ей, и то лестью и ласками, то приказаниями, принудили бы ее к браку, тем более, что она была единственною наследницей всех их богатств; они пожелали бы утешаться ее супружеством и детьми ее.

Блаженная Евсевия имела двух верных ей рабынь, которые с детства выросли с нею и служили ей со всем усердием и преданностью. Уединившись с ними, она сказала:

– Я хочу открыть вам одну тайну, но предварительно заклинаю вас Господом Богом, чтобы вы никому не говорили о том, что услышите от меня: я хочу поведать вам сокровенную мысль и желание моего сердца. Смотрите же, чтобы никто из смертных не узнал моей тайны; еще лучше, если и вы сами согласитесь со мною. Тогда и вы спасете свои души, и моему недостоинству поможете.

Рабыни ответили ей:

– Все, что повелишь нам, госпожа наша, мы исполним, тем более что и нашим душам будет польза от твоего замысла. Мы готовы скорее умереть за тебя, чем сказать кому-либо о том, что ты имеешь открыть нам.

Тогда девица сказала им:

– Вы знаете, что родители мои хотят выдать меня замуж; но мне и на ум никогда не приходило даже помыслить о браке. Слишком тяжело для меня это дело, которое родители советуют мне исполнить. Что для меня такая жизнь? Только призрак, туман и сон. Послушайте же меня: решимся сообща на чистое житие, и если воля Господня благословит мое намерение, а вы последуете моему совету и сохраните в тайне, что я сказала вам, – то обдумаем все, что нам следует делать. Поверьте мне, что если бы родители мои и узнали об этом и захотели бы насильно принудить меня к браку, то, при Божией помощи мне, они никогда не будут в состоянии изменить моего намерения, даже если бы предали меня огню, мечу или диким зверям.

Выслушав это, обе рабыни сказали:

– Да будет воля Господня! Мы согласны с твоим намерением и стремимся к тому же, к чему и ты, госпожа наша. Мы скорее желаем умереть с тобою, чем без тебя царствовать.

Услышав от своих рабынь такие речи, блаженная Евсевия прославила Бога. После этого все три девицы, имевшие одинаковую любовь ко Христу, постоянно размышляли о том, что бы им сделать, дабы желание их могло осуществиться. И молили они Бога подать им благой совет.

Начиная с того дня, когда они предали себя с любовью Господу, решившись на безбрачную жизнь, Евсевия тайно от родителей раздавала нуждающимся, руками своих отроковиц, все что имела: золото, серебро и все драгоценные вещи. Отроковицы раздавали и свое имущество, какое имели, готовясь к нищете ради любви ко Христу. Когда уже приближался день брака и все готовились к нему, блаженная Евсевия, посоветовавшись со своими отроковицами, переоделась вместе с ними в мужские одежды и, взяв немного необходимого из имущества, вышла с ними тайно из дому, так

как двери оказались незапертыми. Осенив себя крестным знамением, они обратились ко Христу Богу с молитвою:

– Пребудь с нами, Сын Божий, и укажи нам путь, которым мы должны идти, ибо ради любви к Тебе мы оставляем дом и все, что в нем, и решаемся лучше странствовать и жить в скорбях, к Тебе стремясь и Тебя желая обрести.

Так они помолились со слезами, выходя из дому, и затем пошли, плача и радуясь в одно время.

Во время пути святая Евсевия обратилась к рабыням своим:

– С этого времени будьте мне сестрами и госпожами; лучше я вам буду служить в течение всей моей жизни. Только, госпожи мои, оставим все ради Бога и ничего иного не станем искать на земле, как только спасения душ наших. Будем избегать всяких суетных житейских забот, вредных для души; будем веровать Господу, заповедавшему: «всякий, кто оставит домы, или отца, или мать, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф.19:29). Да, сестры мои, позаботимся о спасении душ наших.

Между тем как святая так беседовала с ними, они пришли к морю и, нашедши корабль, готовый отплыть в пределы Александрии, дали плату и поместились на нем. Так как дул попутный ветер, то они через несколько дней достигли Александрии. Оставив корабль, они прибыли на один остров, по названию Коя, отстоявший от Карийского города Галикарнасса[949] в пятнадцати тысячах шагов. Они переходили с места на место, желая найти никому неизвестную местность, чтобы не быть отысканными родителями. Находясь на этом острове без опасений относительно поисков, они снова переменили мужской вид на женский и, сняв в наем небольшой уединенный домик, жили в нем, благодаря Бога, Которому и молились постоянно, чтобы Он послал им имеющего духовный сан человека, могущего облечь их в иноческий чин и позаботиться о душах их. Святая Евсевия убеждала подруг своих, говоря:

– Молю вас, сестры мои, ради Господа: сохраним нашу тайну и никому не скажем об отечестве нашем и о том

намерении, ради которого мы ушли из дома, а равно и о имени моем, чтобы по моему имени, которым я называюсь, и по отечеству, из которого мы ушли, родители мои не нашли меня. Заклинаю вас Богом, чтобы все это вы сохранили в тайне до конца моей жизни и никому не говорили ничего о бывшем с нами или имеющем случиться. Если же кто-либо спросит вас о моем имени, скажите, что я называюсь Ксенией, что значит – чужестранка[950]; ибо, как видите, я странствую, оставив дом и родителей ради Бога. Отселе и вы зовите меня не Евсевией, а Ксенией, так как я не имею здесь постоянного жительства, но, странствуя вместе с вами в этой жизни, ищу будущего.

В ответ на эту речь святой Евсевии к своим подругам они обещали сохранить в тайне все сказанное им, и с этого времени святая невеста Христова стала называться, вместо Евсевии, Ксенией.

Однажды она, преклонив колени свои вместе с подругами, начала плакать и говорить:

– Боже, сотвори с нами, странницами и убогими, великую Твою милость, как это Ты сотворил и со всеми Твоими святыми. Пошли нам, Владыка, человека благоугодного Тебе, через которого и мы, смиренные, могли бы спастись.

Помолившись так, святая Ксения вышла с сестрами из дома, в котором они жили, – и вот они увидели почтенного седовласого старца, идущего от пристани, одетого по-иночески, лицо которого было подобно лицу Ангела. Подошедши к нему, святая девица припала к ногам и, плача, стала говорить:

– Человек Божий, не презри странствующей по чужой стране, не отвергни убогой нищей, не погнушайся мольбою грешницы, но уподобись святому апостолу Павлу и будь нам наставником и учителем, каким он был для святой Феклы. Вспомни о воздаянии, уготованном праведным от Бога, и спаси меня вместе с этими двумя сестрами.

Услышав это, служитель Божий почувствовал жалость и, взирая на слезы их, спросил:

– Чего ты хочешь и что я должен сделать вам?

Она ответила:

– Будь нам отцом по Богу и учителем. Веди нас туда, где мы могли бы спастись; мы – странницы и не знаем, куда нам идти; мы стыдимся показаться людям.

Он спросил тогда:

– Откуда вы и какова причина, что вы так одиноки?

Святая ответила:

– Мы из очень далекой страны, раб Христов. Мы согласились вместе уйти с родины и пришли в эту местность. Мы молили Бога день и ночь, чтобы Он послал нам человека, который помог бы нам спастись. И вот Бог указал нам тебя, духовного отца, могущего принять немощи наши.

Святой старец сказал на это:

– Поверьте мне, сестры, – и я странник здесь, как вы видите. Я иду от святых мест; поклонившись там, я возвращаюсь в свое отечество.

Раба Христова спросила

– Из какой страны ты, духовный отец, – господин мой?

Он ответил:

– Я из страны Карийской, из города Миласса.

Тогда раба Христова опять обратилась к нему:

– Умоляю твою святость: скажи нам, каков твой сан, ибо я думаю, что ты – епископ.

Старец сказал ей на это:

– Прости меня, сестра! Я – человек грешный и недостойный иноческого сана. По щедротам Божиим, я – пресвитер и игумен небольшого собрания братии, в монастыре святого и преславного апостола Андрея; имя мое Павел.

Услышав это, раба Христова прославила Бога, говоря:

– Слава Тебе, Боже, что Ты услышал меня, убогую, и послал мне, как некогда святой Фекле, святого Павла с этими двумя сестрами.

Затем она обратилась к старцу:

– Умоляю тебя, раб Божий, не отвергни нас, странниц, но будь нам отцом по Богу.

Блаженный Павел ответил им:

– Я сказал вам, что и я странник, и не знаю, что хорошего я могу сделать вам здесь? Если же вы хотите идти в мой город,

то я надеюсь, что Господь сотворит милость Свою с вами, а я, по мере сил своих, буду заботиться о вас.

Девы, со слезами преклоняясь пред старцем, говорили:

– Да, раб Божий! Возьми нас с собою. Мы пойдем туда, куда повелишь нам, но только окажи милость странницам и будь нам руководителем к вечной жизни.

Человек Божий взял с собою святых дев и пошел с ними в город Миласс. Там он нашел им жилища на уединенном месте, находившиеся близ церкви. Святая девица купила их за деньги, взятые из дому, а затем построила небольшую церковь во имя святого первомученика Стефана и в скором времени устроила женский монастырь, собрав несколько девиц и посвятив их Христу. Игумен, святой Павел, заботился о них. Он и постриг святую Ксению с ее двумя рабынями в иноческий чин. Никто и никогда не узнал, до самой кончины ее, откуда была эта святая девица и по какой причине она оставила отечество и каково ее подлинное имя, в то время как она называла себя Ксенией, то есть странницей. Преподобный же Павел тем, кто спрашивал об этих девах, говорил:

– Я взял их с острова Кои и привел сюда.

Так все и думали, что они прибыли оттуда. Потому-то и монастырь тот называли по имени острова Кои.

Спустя немного времени Кирилл, епископ того города, почил о Господе, а на его место был избран преподобный Павел, игумен Андреевского монастыря. По принятии епископского сана он пришел в девичий монастырь и посвятил Ксению, помимо ее желания, в диаконисы, как вполне достойную этого сана. Ибо она, еще живя во плоти, проводила Ангельскую жизнь. Хотя она, как дочь сенатора, была воспитана в роскоши и среди всяких удобств, однако, устремилась к столь трудной и подвижнической жизни и заметно обнаруживала на себе совершенно новые, необычные и трудные пути к постническому совершенству. Воздержания ее боялись даже бесы; побеждаемые ее постом и подвигами, они убегали, не смея и приступить к ней. Она вкушала пищу или на второй, или на третий день, а много раз и всю седмицу оставалась без пищи. Когда же наступало ей время принимать пищу, она не

вкушала ни зелени, ни бобов, ни вина, ни елея, ни огородных овощей, ни чего-либо другого из питательных яств, а только немного хлеба, орошенного собственными слезами. Она брала из кадильницы пепел и посыпала им хлеб. Делала она это во все годы своей жизни, исполняя пророческое изречение: «Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами» (Пс.101:10). При этом она всячески старалась скрыть такое свое воздержание от прочих сестер, и только две ее рабыни, жившие вместе с нею, наблюдали тайно, что она делает, и сами подражали ее добродетельной жизни. При этом она всегда сохраняла столь великую бодрость, что с вечера и до утрени простаивала всю ночь на молитве, простерши свои руки вверх. В таком виде сестры наблюдали ее тайно во все дни ее жизни. Иногда же она, преклонив колени с вечера, совершала молитву до утра, проливая обильные слезы. Так она всегда служила Господу и делала это с таким смирением, как будто считала себя хуже всех людей.

Но кто может перечислить все прочие ее добродетели? Какое слово будет достаточным для изображения всех ее подвигов! Что, прежде всего, сказать о ее кротости? Никто и никогда не видел ее гневающеюся; никакое тщеславие или горделивость, не омрачили ее жизни. Лицо ее было всегда смиренно, ум – без всякого превозношения, лицо – без прикрас, тело – изможденное постническими трудами, сердце ее – спокойное, не тревожимое никакими сомнениями. Какой только добродетели у нее не было! Ей были присущи: всегдашнее бдение, необычайное воздержание, несказанное смирение, безмерная любовь. Она помогала бедным, обнаруживала сострадание к страждущим, была милосердна к грешникам, а соблазнившихся наставляла на путь покаяния. Об одеждах ее нечего и говорить: она носила очень ветхие – платье и рубашку, но и тех считала себя недостойною. Вся жизнь ее проходила в сердечном умилении и постоянном пролитии слез. Скорее можно было видеть обильные водные источники пересохшими в знойное время, нежели глаза ее – переставшими лить слезы. Всегда взирая на возлюбленного Жениха Христа, глаза ее источали целые потоки слез. Она желала видеть Его лицом к

лицу и говорить с Давидом: «когда приду и явлюсь пред лице Божие», лицу сладчайшего Жениха моего? «Слезы мои были для меня хлебом день и ночь» (Пс.41:3–4).

Когда же приблизилось для этой приснопамятной девы, непорочной невесты Христовой, время отшествия из настоящей земной жизни, наступил праздник в память святого Ефрема, бывшего некогда в том городе епископом. Блаженный епископ Павел отправился со всем клиром своим в селение, называемое Левкином. Там была церковь святого епископа Ефрема, а в ней почивали его честные мощи. В этот день преподобная Ксения призвала всех сестер своих в монастырскую церковь и начала говорить им:

– Госпожи мои и сестры! Я знаю, какую любовь вы обнаруживали по отношению ко мне, – как вы терпели мои немощи и помогали мне, страннице. Ныне я умоляю вас: продлите до конца любовь вашу ко мне, рабе вашей; поминайте меня убогую, грешную и странную в молитвах ваших, умилостивляя ко мне Бога, чтобы меня не затруднили грехи мои, но чтобы, по молитвам вашим, я могла беспрепятственно перейти ко Христу моему. Вот уже приблизилась кончина моя; душа моя сильно страдает и скорбит, так как я без надлежащего приготовления оставляю тело мое. Ныне здесь нет отца нашего и господина, епископа Павла. Поэтому вы, вместо меня, скажите ему, когда он придет: так говорила убогая Ксения: «Бога ради, честный отче, поминай меня странницу: ты наставил меня на путь и ввел в эту жизнь, – молись же за меня, чтобы не посрамил меня Господь в моей надежде».

Слыша это, все сестры начали плакать и говорить:

– Госпожа наша и наставница душ наших! Ты оставляешь нас в сиротстве и для бедствий. Кто же будет наставлять нас на истинный путь жизни? Кто будет поучать нас? Кто помолится за нас в унынии нашем? Нет, госпожа наша. В это время не оставляй нас. Вспомни, как ты сама собрала нас в эту ограду. Позаботься, госпожа, о душах наших и умоли Бога, да продлит Он для тебя еще некоторое время ради нас убогих, чтобы ты наставила нас на путь спасения.

Обе рабыни ее также начали преклоняться к ногам ее и горько плакать, говоря:

– Ты уже оставляешь нас, наша госпожа, и без нас уходишь отсюда. Что же мы сделаем без тебя, убогие? Что мы будем делать, странницы, в чужой стране? О горе нам, убогим, бедным и странницам. Мы не радели о себе, и поэтому одних нас хочешь ты оставить, госпожа наша. Вспомни наши скорби, которыми мы скорбели вместе с тобой. Вспомни наше общее странствование, в котором мы были тебе спутницами. Вспомни, как всегда мы усердно служили тебе. Вспомни о нас и помолись за нас Богу; возьми и нас с собою, чтобы мы не разлучались с тобою, госпожа наша.

Когда затем наступило громкое рыдание и произошло смятение, начала и сама Ксения говорить со слезами:

– Вы знаете, сестры мои, на сколько времени ранее этого провозгласил Святой апостол Петр: «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью» (2Пет.3:9–10). Зная это, сестры мои, не будем лениться в продолжение этого малого времени, но будем бодрствовать. Зажжем наши светильники, наполним елеем наши сосуды, приготовимся к встрече Жениха, так как мы не знаем, в какой час призовет нас Господь: ибо вот наступает жатва и делатели готовы, но только ждут повеления Владыки.

Когда святая сказала это, а все плакали и припали к ногам ее, она воздела руки свои к небу и, проливая обильные слезы, так начала молиться:

– Боже, промышлявший о моем земном странствии до сего дня! Услышь меня, убогую и грешную рабу Твою: будь милостив к этим Твоим рабыням, моим сестрам. Сохрани их и спаси от всяких козней дьявольских ради славы и величия Твоего святого имени. Молюсь Тебе, Боже мой: помяни и этих двух сестер моих, вместе со мною странствовавших ради любви Твоей. Как в этой временной жизни они не разлучались со мною, так не разлучи нас и в Царствии Твоем, но всех вместе сподоби чертога Твоего.

Помолившись так, она попросила всех сестер выйти на время и оставить ее одну для молитвенных размышлений. Когда все вышли из церкви, она затворилась там одна, а две рабыни ее, оставшись пред дверьми, наблюдали внутрь через скважину. Они видели, как она молилась, преклонив на землю колени свои, а затем среди молитвы она крестообразно простерлась на земле ниц. Когда она лежала так довольно долго, внезапно воссиял в церкви свет, по виду подобный молнии; при этом сильное благоухание начало исходить из церкви. Сестры поспешно вошли внутрь и хотели поднять ее с земли, но уже нашли ее почившею о Господе. Это было 24 января[951], в субботу, в шестом часу дня. Эти обе сестры с плачем вышли из церкви и призвали прочих, говоря:

– Матери наши и сестры! Пойдем и возрыдаем по поводу общего нашего сиротства. Пойдем и будем плакать о кончине той, которая была столпом нашим. Мы лишились честной нашей матери. Отошла от нас наставница наша, и мы остались одни. Святая Ксения, мать наша, почила.

Войдя в церковь, все увидели ее перешедшею от здешней жизни в иной мир. Тогда начался плач и великое рыдание. Человеколюбец же Бог, восхотев показать всем, какое сокровище было утаено от всех на земле, явил на небе великое и пресвятое знамение. В тот самый час, когда преподобная Ксения предала свою святую душу в руки Господа, после полудня, при совершенно ведреной и ясной погоде, явился на небе, над девичьим монастырем, очень светлый венец из звезд, имевший посредине крест, который сиял ярче солнца. Это знамение было видимо всеми. Миласские граждане, бывшие вместе со своим епископом, преподобным Павлом, в Левкийском селении, видя на небе знамение, удивлялись и в недоумении спрашивали друг друга: что это может значить? Блаженный епископ Павел, уразумев духом значение знамения, сказал всему собранию народа:

– Госпожа наша Ксения умерла, и по этому случаю явилось знамение венца.

Немедленно по окончании литургии он возвратился в город со всем народом, бывшим на празднике, и там граждане нашли,

как и сказал им епископ, святую Ксению почившею.

Тотчас собралось к девичьему монастырю многое множество народа, много мужей и жен с детьми, привлеченных видимым на небе знамением. Они громко восклицали:

– Слава Тебе, Христе Боже, что Ты имеешь множество святых, втайне угождающих Тебе! Слава Тебе, воплотившийся Сын Божий и волею распявшийся за нас грешных, – за то что Ты явил всем Твое великое сокровище, которое доныне таилось здесь! Слава Тебе, Владыка, что Ты сподобил убогий город Миласс быть обиталищем и хранилищем этому Твоему сокровищу. Ты хранил в нем доселе дорогую жемчужину, многоценный бисер, Свою святую невесту! Приняв ее в Свой небесный чертог, Ты ее чистое и святое тело оставил для хранения Твоему городу.

Так все, плача, восклицали и взирали на венец и на крест, видимый на небе. Тогда же весь христолюбивый народ, и особенно женщины, возбужденные ревностью, громким голосом взывали к святому епископу Павлу:

– Не скрой славы города нашего, преподобный епископ! Не умолчи о славе нашей, не утаи бисера, обнаруженного нам Богом. Покажи всем яркую свечу, доселе бывшую под спудом и светившую тайно. Покажи ее всем, чтобы и противники наши видели и узнали, какому Владыке мы служим. Пусть увидят язычники и устыдятся; пусть увидят и иудеи тайну креста и пусть узнают, что Тот, Которого они распяли, есть Бог. Пусть увидят это все враждующие против Креста Христова и возрыдают. Пусть увидят, как и по смерти прославляет рабов Своих Владыка Ангелов. Пусть увидят, какою славою от Христа Бога венчается невеста его Ксения, которую люди считали совершенно безвестной странницей и пленницей. Пусть увидят все, какого дара и благодати сподобился наш убогий город!

Когда народ с усердием так взывал к епископу, он с пресвитерами подошел к честному телу святой Ксении. Положив его как подобает на одре носильном, – зажегши много свечей и воскурив фимиамы, епископ преклонил свою выю и вместе с пресвитерами поднял одр на рамена свои, после чего понесли его с пением до середины города. Все дивились

происходившему славному чуду, ибо, когда шествовал несомый одр с телом святой, шествовал над одром и явившийся на небе венец с крестом. Когда же поставили среди города одр, остановился и венец вверху одра. Тогда собралось и из окрестных селений бесчисленное множество народа, видевшего на небе чудное знамение. Весь город наполнился от стечения множества людей, и была в нем великая теснота. Блаженный епископ Павел, вместе с народом, всю эту воскресную ночь оставался при святой, бодрствуя и совершая песнопения до утра. Было много и исцелений от мощей ее: всякий, страдавший каким-либо недугом, лишь только прикасался к одру святой, тотчас получал исцеление.

Когда наступил воскресный день, честное тело преподобной Ксении покрыли чистыми покровами и с пением надгробных песен понесли к месту, находившемуся у входа в город с южной стороны и называвшемуся сикинией (смоковничьим): там, прежде кончины своей, святая завещала похоронить свое тело. Весь народ опять видел, что во время несения ее тела с одром венец с крестом из звезд, видимый на небе, шел вслед за одром. И снова, когда был поставлен одр, остановился вверху и венец. Когда же совершалось погребение, то ближе стоявшие люди разделили покровы, находившиеся на честных мощах, на мелкие части и хранили их с верою – для исцеления от различных болезней. Епископ, помазав по обычаю миром святое тело преподобной Ксении, положил его в новом гробе. Как только совершено было честное погребение, тотчас сияющий на небе звездный венец с крестом стал невидим. При этом много исцелений подавалось от святого гроба всем, приходившим к нему с верою.

Спустя немного времени умерла одна из рабынь преподобной Ксении; затем, довольно скоро, и другая отошла к вечной жизни. Обе они были погребены у ног своей святой госпожи. Когда преставлялась другая рабыня, пришли к ней все инокини и, заклиная ее, умоляли, чтобы она рассказала им о всех деяниях госпожи ее Ксении. Она, видя себя уже на смертном одре, рассказала им подробно все о святой: откуда она была, кто ее родители, по какой причине она бежала из

дома и из отечества своего с двумя своими рабынями, – как она утаила свое имя; ибо подлинное ее имя было Евсевия, а назвалась она Ксениею, потому что странствовала ради любви к Богу. Таким образом все узнали о неизвестном раньше житии невесты Христовой Ксении.

Так преподобная благоугождала Богу: для мира она была странница, а для неба гражданка; она была видима в плоти, а сравнилась с бесплотными Ангелами; она освободилась от тела, как от одежды, и попрала дьявола, как змия; она считала все мирское как сор, но сохранила как бездонное сокровище свое непорочное девство; она любовью своею стала невестою Христу, увенчалась верою, и чего надеялась, то получила, и радуется ныне в чертоге своего бессмертного Жениха. Своими молитвами она много помогает верующим, ибо смерть не уничтожила ее силы и не ограничила какими-нибудь пределами места ее благодеяний. Так как она много добродетелей сделала ради Христа, то ради нее и Христос являет нам многие милости, принимая святые молитвы возлюбленной своей невесты.

Спустя несколько лет после преставления святой Ксении преставился и преподобный епископ Павел, ее духовный отец. Он также до конца благоугодил Богу, ибо молитвами его были прогоняемы бесы и исцелялись всякие болезни. Он был погребен в церкви святого апостола Андрея, где раньше был игуменом, а святая душа его предстала пред Богом во славе святых. Его теплым за нас предстательством пред Богом, молитвами преподобной Евсевии, принявшей имя Ксении, и ходатайством обеих святых рабынь ее да сподобит нас Господь Своей милости, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Кондак, глас 2:

Твою страннонравную, Ксение, память совершающе, любовию почитающии тя, поем Христа во всех тебе подающаго крепость исцелений, Емуже всегда молися о всех нас.

Память святых мучеников Вавилы Сицилийского и учеников его Тимофея и Агапия

Память 24 января

Святой Вавила происходил с Востока, из славного города Антиохии[952]; родители его были люди знатные и благочестивые.

В родном городе он получил образование и наставление в заповедях Господних, скоро и тщательно изучив Священное Писание, которое всегда приводит к Богу. С юных лет святой возлюбил Христа и отрекся от мира; рано оставил он родительский дом, раздал свое имущество нищим, сиротам и вдовицам и, отказавшись от всякой житейской суеты, поселился на вершине горы, где и пребывал в молчании; с ним было два ученика Агапий и Тимофей; блаженный молчальник удостоен был сана пресвитерского и благоговейно чтил почивавшую на нем благодать священства. Когда же упорные и кровожадные язычники вознамерились предать его начальнику области, Святой вместе с учениками оставил Рим и удалился в Сицилию[953], где и прожил один год. Здесь он, по благодати Божией, многих просветил и привел к разумению Христовой истины.

«Не может город укрыться стоя поверх горы» (Мф.4:14), и о блаженном Вавиле известно стало начальнику Сицилии; тот приказал схватить святого с обоими учениками. Услышав, с какою смелостью исповедовал Христа доблестный его служитель, начальник подвергнул его, вместе с учениками, бичеванию и другим истязаниям; обагренных кровью святых мучеников водили по городам Сицилии, всячески бесчеловечно издеваясь над ними; этим мучитель хотел и устрашить граждан, и утолить собственную ярость. Святые же страстотерпцы укреплялись в силах, созерцая вечные будущие блага. Наконец, палачи закололи блаженных мучеников мечами и тела их бросили в огонь; но пламя не коснулось священных останков, некоторые из верующих взяли их и предали честному погребению на том же острове Сицилии[954].

Память преподобного Македония Пустынника

Память 24 января

Преподобный Македоний местом и поприщем своих подвигов избрал вершины гор, не останавливаясь где-либо на долгое время, но постоянно переходя с одного места на другое в пределах Финикии, Сирии и Киликии[955], чтобы избегнуть тем разговоров с посетителями. Сорок пять лет блаженный прожил таким образом, не имея ни хижины, ни палатки, но проживая в глубокой пещере. Когда преподобный Македоний состарился, то попросил посетивших его богомольцев построить ему малую келью, в которой и жил двадцать пять лет, не выходя ни к братиям, поселившимся около него, ни к посторонним. Всего святой Македоний подвизался семьдесят лет; более сорока лет он питался одним семенем, столченным и смоченным водою; после, вследствие слабости, стал вкушать немного хлеба с водою. Господь прославил его даром чудотворений: преподобный изгонял бесов, исцелял разные болезни и совершал иные чудотворения. Однажды к преподобному Македонию привели женщину, которая страдала недугом, проявлявшимся в чрезмерном употреблении пищи: она съедала в день по тридцати кур. Родственники со слезами просили преподобного помочь больной. По молитвам святого женщина эта исцелилась и потом не могла съесть в день даже четверти курицы. Ангельски пожив на земле, удостоившись дара пророческого, сподобившись благодати священства, преподобный Македоний мирно почил о Господе[956].

Житие святого отца нашего Григория Богослова, патриарха Константинопольского

Память 25 января

Отечеством святого Григория Богослова была вторая, или южная, Каппадокия, город Назианз[957], по имени которого он и называется Назианзином. Родители его были благородные и почтенные люди: отец по имени также Григорий и мать Нонна. Но отец его раньше был неверующим, так как происходил от неверующих родителей: от отца язычника и матери иудейки. В своей вере он и следовал обоим, придерживаясь как языческого заблуждения, так и иудейского неверия. В этом и состоит так называемое ипсистарийское лжеучение[958]. Матерь же святого Григория, блаженная Нонна, происходила от христианских родителей и сама была благочестивою христианкою. С раннего детства она была воспитана в благочестии и совершеннейшим образом научена страху Божиему, который есть начало всякой премудрости. По Божиему же предназначению, она была соединена брачным союзом с неверующим мужем, чтобы и его привести к святой вере: «Ибо неверующий муж освящается», по слову Апостола, «женою верующею» (1Кор.7:14). Так и случилось. Нонна, постоянно убеждая своего мужа Богомудрыми речами и со всем усердием молясь о нем Богу, привела его, с помощью Божией, к христианской вере. Мужу ее было от Бога такое видение во сне: ему казалось, что он поет из псалма Давидова слова, которых он никогда не имел в своих устах, а разве только слышал когда-либо от своей супруги, часто молившейся. Сам он никогда не молился: он и не знал, как молиться, и не хотел этого. Слова же, которые он пел в сонном видении, были следующие: «Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень» (Пс.121:1). Во время этого пения он ощущал в сердце особенную сладость и, проснувшись, возрадовался, а затем рассказал об этом своей супруге. Она уразумела, что Сам Бог призывает мужа ее к Своей святой Церкви, – начала еще усерднее поучать его

христианской вере и наставила его на путь спасения. В это время случилось святому Леонтию, епископу Кесарии Каппадокийской, отправлявшемуся на Первый Вселенский собор, созванный в Никее[959], остановиться в городе Назианзе. К нему привела блаженная Нонна своего мужа, и Григорий был крещен руками святителя. По принятии святого крещения он начал праведную и богоугодную жизнь, подобающую истинному и совершенному христианину. При этом он настолько преуспел в благовестии и добрых делах, что избран был впоследствии на епископский престол в том же городе Назианзе (о чем будет речь ниже).

Живя с таким мужем в честном супружестве, блаженная Нонна желала стать матерью младенца мужского пола. Она воссылала усердные молитвы к Подателю всех благ, чтобы Он даровал ей сына, и еще ранее зачатия его обещала, как некогда Анна Самуила[960], посвятить его на служение Богу. Господь, исполняющий волю боящихся Его и внимающий их молитвам, исполнил прошение сердца благочестивой жены и в ночном сонном видении Своим откровением предсказал ей имеющего от нее родиться отрока. И видела блаженная Нонна, еще раньше рождения сына, каков он будет лицом, и предузнала его имя. Когда затем она родила младенца мужского пола[961], то нарекла его по имени отца Григорием, как это было ей предвозвещено в сонном видении. Она возносила великое благодарение Богу и Его промыслу вручала рождённого отрока; с полным усердием она приносила в дар Богу то, что получила от Него по молитве. Однако не тотчас крестили младенца. В те времена существовал у многих христиан добровольный обычай отлагать крещение до зрелого возраста и до того года, на котором Христос Господь наш крестился от Иоанна в Иордане – чаще всего до тридцати трех с половиною лет[962]. Впоследствии этот обычай по уважительным причинам был устранен тем же святым Григорием Богословом, Василием Великим, Григорием Нисским и другими великими отцами. Таким образом, святой Григорий был крещен не тотчас по рождении, но, согласно древнему обычаю, принятому у христиан, крещение его было отложено до возраста лет Христовых.

Отрок был воспитываем согласно христианским обычаям. Когда он достиг школьного возраста, его тотчас начали учить книгам. Возрастая годами, Григорий возрастал и разумом. В соответствие своему имени[963], он был рассудителен, бодр духом, усерден в учении и превосходил по уму своих сверстников. Даже отроческие годы не служили ему препятствием понимать то, чему поучаются достигшие совершенного возраста и разума. Еще в детстве он обнаруживал такое поведение, какое свойственно старцам. Детские игры, пустые забавы и всякого рода зрелища он ненавидел, а упражнялся в гораздо лучшем и проводил время в учении, а не в праздности. Когда он достиг юношеского возраста, благочестивая мать многими своими материнскими наставлениями поучала его благочестию. Она поведала ему, что он есть плод ее молитвы, что усердными молитвами она испросила его у Бога и еще прежде зачатия обрекла его на служение Богу. Добрый юноша слагал слова матери в сердце своем и просвещался душою в вере, надежде и любви ко Христу, истинному Богу. Более всего он возлюбил целомудрие души и чистоту тела, а равно поставил себе законом тщательно хранить свое девство до самой кончины. К этому он был вразумлен частью многократными и сердечными материнскими наставлениями, а частью бывшим ему в юношеских годах сонным видением. О последнем он сам, много спустя, рассказывал так: однажды, во время сна, ему показалось, что вблизи него стояли две девицы, облеченные в белые одежды. Обе были красивы лицом; возрастом и годами одинаковы. На них не было никаких наружных украшений: ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни драгоценных камней, ни дорогих ожерелий; они не были украшены ни шелковыми мягкими одеждами, ни золотыми поясами; они не гордились ни красотою лица, ни роскошными бровями, ни распущенными волосами, ни какими-либо другими особенностями, которыми мирские девицы стараются нравиться и уловлять сердца юношей. Одетые просто в чистые белые одежды и скромно опоясанные, они имели не только головы, но и лица, покрытые тонкими покрывалами. Глаза их были опущены вниз; ланиты краснелись

от девического смущения и свидетельствовали о целомудрии; уста напоминали цвет ярко-красной розы; молчанием своим они обнаруживали величайшую скромность. Святой Григорий, смотря на них, ощущал в своем сердце великую радость и думал, что это не земные существа, а высшие, превосходящие природу человеческую. Они, видя, что он очень доволен созерцанием их, возлюбили его и обнимали его, как дитя свое. Тогда он спросил их: кто они и откуда пришли? Первая сказала, что она есть Чистота, а другая назвалась Целомудрием. При этом они разъяснили, что предстоят пред престолом Царя славы Христа и услаждаются красотою небесных девиц. Они говорили:

– Будь, чадо, единомысленным с нами; ум свой соедини с нашим умом и лицо свое сделай подобным нашему. Тогда мы тебя, блистающего величайшею светлостью, вознесем на небеса и поставим близ бессмертного Троичного света.

Сказав это, они стали подниматься на небо и, подобно птицам, вознеслись вверх. Отрок Григорий проводил их радостным взглядом, пока они не скрылись в небесах. Проснувшись, он ощущал несказанную радость, и сердце его исполнилось веселья. С этого времени он воспламенился ревностью к тщательному охранению своего девства. Он старался соблюсти его полным воздержанием, избегая всякой вкусной пищи, пьянства и пресыщения.

По рождении святого Григория блаженная Нонна родила и другого сына, по имени Кесария и дочь Горгонию. Она воспитывала их в благочестии и книжном учении. Между тем блаженный Григорий, желая усовершенствоваться в ораторском красноречии, в школьной мудрости и всякой мирской эллинской учености, отправился сначала в Кесарию Палестинскую[964], которая в то время славилась школами и ученостью. Там он имел учителем ритора Феспесия. Затем он перешел в Александрию[965], собирая сокровища мудрости у многих мужей и обогащаясь умом. После этого он пожелал отправиться в Афины[966] и сел на эгинский[967] корабль вместе с язычниками. Когда плыли мимо острова Самоса[968], поднялась на море сильная буря. Все отчаивались в спасении своей жизни и

плакали в виду телесной смерти. Григорий же плакал, боясь духовной смерти, так как еще не был крещен, а только оглашен. Он вспоминал прежде бывшие чудеса Божии в водах: переход Израильтян через Чермное море и спасение Ионы из чрева кита. Он с воплями молился Богу, прося избавления от гибели в волнах. Эти его бедствия во время морского путешествия были открыты родителям его в сонном видении. Они тотчас стали на молитву и проливали пред Богом горячие слезы, прося у Него помощи бедствующему на море сыну. Бог, хранивший раба Своего Григория на пользу многим и приготовлявший его в столпы Церкви, укротил свирепую бурю и запретил ветрам; на море наступила полная тишина. Все, находившиеся на корабле, видя себя, сверх ожидания, спасенными от гибели и как бы вырванными из уз смерти, прославили Христа Бога. Они знали, что только призыванием Его всесильного имени в молитве Григория укрощено море. Сверх того, один юноша, товарищ святого по путешествию, видел ночью во сне, во время волнения и бури, что мать Григория, блаженная Нонна, поспешно пришла по морю, взяла погружавшийся корабль и привела его к берегу. Когда волнение улеглось, он рассказал всем о видении, и все исповедали Бога Григориева как великого Помощника, – возблагодарили Его и уверовали в Него. Кроме того, отцу Григория, со слезами молившемуся в Назианзе о сыне своем и затем уснувшему после молитвы, было и другое видение. Он видел одного яростного беса, Эринна, который старался погубить Григория на море, Григорий же схватил его руками и победил. Из этого видения узнал отец Григория об избавлении сына от гибели и вознес с супругою благодарение Богу.

Последующее путешествие по морю святой Григорий совершил благополучно и прибыл в Афины. Там, изучая светские науки, он был для всех предметом удивления вследствие необычайной остроты своего ума и целомудренной жизни. Спустя немного времени прибыл в Афины и Святой Василий ради усовершенствования в светской мудрости. Оба они – Григорий и Василий – стали искренними друзьями и сожителями. Один у них был дом, одна пища, один дух, одна

мудрость, один нрав, – точно у единоутробных братьев. Оба они стали знаменитыми и уважаемыми в Афинах, ибо в течение небольшого времени они превзошли своих учителей; сами будучи учениками, они стали учителями для своих учителей. В это же время, когда Констанций, сын Константина Великого, царствовал над греками и римлянами, Юлиан, ставший впоследствии царем и отступником от Бога, учился в Афинах философии. О нем часто говорил Григорий:

– Какое великое зло воспитывает греческая и римская земля!

Он уже провидел, что должно было случиться.

Григорий и Василий прожили в Афинах много лет, изучили все науки[969] и усовершенствовались в них настолько, что сами возвысились над всею афинской мудростью. Тогда Василий отправился в Египет к боговдохновенным мужам учиться мудрости духовной, как об этом повествуется в его житии, а Григория афиняне убедили своими просьбами принять учительское звание. Прожив там недолго после Василия, Григорий услышал, что отец его поставлен в Назианзе в епископа. Немедленно он возвратился на родину к отцу своему, имея уже тридцать лет от рождения, и принял святое крещение от рук отца. Он хотел тотчас отречься от мира и идти в пустыню, но, будучи удерживаем отцом, оставался при нем дома. Он поставил для себя правилом – никогда не употреблять клятвы и не призывать имени Божиего всуе, и сохранил это правило до конца своей жизни. Он постоянно занимался чтением Божественных книг и проводил в Богомыслии дни и ночи; неоднократно он созерцал в видениях и Христа. Отец против воли поставил его пресвитером, а затем хотел посвятить его и в епископа, но святой Григорий, уклоняясь от такого сана и почестей, а также стремясь к иноческому безмолвию, тайно бежал из дома и пришел в Понт к своему другу, святому Василию. Последний также был уже пресвитером и устроил в Понте монастырь, куда собралось множество иноков. Он писал к Григорию из Понта, настойчиво приглашая его к себе. Таким образом, они снова, как и раньше в Афинах, начали жить вместе, имея каждый в другом образец добродетели и подражая

один другому. Вместе же они писали для иноков уставы постнической жизни. Так прожил святой Григорий со святым Василием довольно долго.

Между тем умер брат Григория Кесарий. Родители много плакали о нем. При этом отец писал к Григорию, слезно убеждая его возвратиться домой и помочь ему в старости. Блаженный Григорий, частью боясь ослушаться отца, а частью видя нужды Церкви, сильно смущаемой в то время ересью Ария, в которую и отец Григория, как не получивший богословского образования, был отчасти совращен, возвратился из Понта в Назианз. Здесь он помогал состарившемуся отцу в церковном управлении и в хозяйственных заботах, разъяснил ему вред арианской ереси и утвердил его в православии.

По смерти царя Констанция, сына Константина[970], на престол вступил Юлиан, и тогда исполнилось о нем пророчество Григория: великое зло принес этот беззаконник; он открыто отрекся от Христа и воздвиг гонение на Церковь Христову. Святой Григорий боролся с ним многими своими Богомудрыми сочинениями, изобличая его заблуждения, пагубные языческие увлечения и ложные еллинские басни. Этот законопреступник царствовал недолго и погиб с позором[971]. После него вступил на престол благочестивый царь Иовиан[972], и снова стала процветать вера Христова. После Иовиана вступил на царство арианин Валент[973], и снова арианская ересь стала распространяться; православные были притесняемы повсеместно. Тогда же и в Кесарии Каппадокийской арианство многих совратило к заблуждениям и внесло смуту в Церковь Христову. Даже епископ Евсевий[974], недостаточно сведущий в Божественном Писании, начал колебаться и допускать уклонения от истинной веры. Узнав об этом, святой Григорий написал к нему, советуя упросить авву Василия – возвратиться в Кесарию для борьбы с заблуждениями. Также он писал и к самому святому Василию, дружески советуя и прося, чтобы он, забыв прежний гнев на него Евсевия, отправился в Кесарию на помощь православным и снова утвердил Церковь, колеблемую арианами. Таким образом, святой Григорий, устроив своими письмами мир между епископом Евсевием и святым Василием,

дал возможность святому Василию возвратиться в Кесарию Каппадокийскую. Тотчас по его возвращении ариане были посрамлены, и одни из них умолкли, а другие бежали. Епископ Евсевий обрадовался святому Василию. Прожив с ним в дружбе некоторое время, он скончался, а на его место на престол был возведен православными, против воли, святой Василий Великий. Еретики, негодуя по этому поводу и чувствуя озлобление, устроили отделение города Тиан от Кесарии. В Тианах[975] был в это время епископ Анфим, притворно казавшийся православным, а на самом деле еретик. Он с единомысленными ему епископами отделился от Василия и стал митрополитом Тианским. Таким образом, он устроил разделение Каппадокийской области на две части, благодаря чему возникли продолжительные споры о пределах епархии. Святой Василий, видя, что некоторые города и селения отторгаются от его епархии, задумал устроить дело так: был между Кесарией и Тианами один незначительный и мало известный город Сасима[976]. В нем святой Василий рассудил устроить новую епископскую кафедру и поставить там епископом мужа благочестивого; он надеялся этим и прекратить распрю, и многих людей сохранить для благочестия. Не имея в виду для этой цели опытного мужа, он писал к другу своему, святому Григорию, прося его принять посвящение в епископа на кафедру в Сасиме, ибо никто другой не был бы настолько способен утвердить там благочестие, как именно он. Святой Григорий настойчиво отказывался в письмах. Василий много раз писал к нему, но, не достигая желаемого, отправился сам в город Назианз и там, посоветовавшись со старым Григорием, епископом Назианзским, отцом Григория, начал вместе с ним убеждать своего друга Григория принять посвящение в святительский сан. Таким образом, Григорий был вынужден занять епископскую кафедру в городе Сасиме. Когда узнал об этом Тианский митрополит Анфим, причислявший Сасиму к пределам своей епархии, то привел туда войско с целью не допустить Григория к занятию кафедры; он подстерегал Григория по пути его следования. Святой Григорий, узнав во время пути о кознях Анфима и о приведенных им войсках, ушел

в один монастырь и там ухаживал за больными, а затем поселился в пустыне, ища желательного ему безмолвия. Спустя немного времени он снова, по просьбе родителей, возвратился в Назианз. Родители его уже сильно состарились и нуждались, по преклонности лет, в его помощи, тем более, что у них уже не было других детей, кроме его одного. Кесарий, другой сын их, уже умер, как об этом уже сказано, – а равно и дочь Горгония уже отошла в вечность[977]. Погребение их обоих брат, сей святой Григорий, почтил надгробными словами. Затем он остался у родителей один, как зеница ока, и ему не представлялось возможности не исполнить просьбы своих родителей. Он должен был послужить их старости и после их кончины совершить над ними обычное погребение.

Когда святой Григорий возвратился из пустыни в Назианз, отец его Григорий, уже изнемогая от старости, хотел еще при жизни своей устроить сына на епископской кафедре в Назианзе. К этому он побуждал сына не только убеждениями и просьбами, а и клятвою. Он же не отказывался от попечений о благоустройстве Церкви, не хотел также и ослушаться приказания отца, но принять епископский престол отнюдь не желал.

– Невозможно мне, отец, – говорил он, – пока ты еще жив и не отошел в вечность, принять твой престол.

Отец, не настаивая более на принятии сыном престола и только возлагая на него попечение о Церкви, говорил:

– Пока я жив, будь мне, сын мой, опорою старости, а после моей смерти сделай так, как тебе будет угодно.

Скоро отец святого Григория, престарелый епископ Назианзский, преставился[978], пробыв на епископском престоле сорок пять лет. Прожил он всего сто лет. Погребен он был с большим торжеством, при участии святого Василия Великого, прибывшего на погребение. Оставалась еще в живых Нонна, мать святого Григория, друга Василия, но и она в скором времени почила о Господе, также достигши столетнего возраста[979]. Святой Григорий, похоронив своих благочестивых родителей, стал свободен от попечений о них; но он хотел еще освободиться и от славы, тем более что жители родного города

понуждали его занять, после отца, епископский престол. Он отправился тайно в Селевкию[980] и там оставался при церкви святой первомученицы Феклы. Оттуда он был вызван дружескими просьбами Василия Великого и, возвратившись, принял попечение о богадельнях и больницах. Святой Василий, чтобы дать приют не имеющим, где главу приклонить, построил обширные здания и, собрав туда нищих и больных, вдовиц, сирот и странников, заботился об ежедневной пище для них, а попечение о них поручил своему возлюбленному другу. Таким образом, святой Григорий был питателем нищих, служителем больных, успокоителем странников.

В это время от арианской ереси, в течение уже многих лет смущавшей Церковь Божию, произошла, подобно новой голове от какой-то гидры[981], новая ересь и соблазняла многих. Это была ересь Македония, хулившего Духа Святого. Ариане исповедовали, что Отец есть Бог несозданный, предвечный, а Сын сотворен, притом не единосущен и не соприсносущен Отцу; македоняне же признавали Сына равным Отцу, но хулили Духа Святого, причем одни говорили, что Он есть тварь, а не Бог, а другие не признавали Его ни Богом, ни тварью. Святой Григорий называл их полуарианами, так как они почитали Сына, но унижали Духа Святого. Эта ересь особенно сильно распространялась в Византии. По убеждению святого Василия Великого и по общему совету многих других православных епископов, сошедшихся на собор, святой Григорий, как муж глубокого разума и сильный в красноречии, должен был отправиться в Византию для опровержения еретического мудрствования и для защиты правых догматов святой веры. Но прежде чем он отправился в Византию, святой Василий, проболев немного, скончался[982]. Так угас всемирный светильник веры. Святой Григорий много плакал о нем и, почтив его надгробным словом, отправился в предлежавший ему путь. Когда он достиг царственного города Византии, то был встречен благочестивыми христианами с радостью. Он нашел Церковь Христову до крайности умалившеюся. Количество верующих легко было сосчитать, так как большая часть города пошла в след ересей. Все храмы Божии, величественные и богато

украшенные, были в руках еретиков. Один только небольшой и ветхий храм святой Анастасии, отвергнутый еретиками, был оставлен православным. Святой Григорий тотчас, подобно Давиду, вооружившемуся некогда пращей против филистимлян, вооружился словом Божиим против еретиков, побеждал их в спорах и уничтожил их догматические заблуждения, как бы паутинную сеть. Ежедневно он обращал многих от заблуждения к православию своими Богомудрыми и боговдохновенными речами и в течение малого времени так увеличил состав верующих членов Церкви Христовой, что невозможно и исчислить; число же еретиков со дня на день уменьшалось, так что сбывалось то, что сказано в Священном Писании о доме Давидовом и доме Сауловом: «Дом Давида все более и более усиливался, а дом Саулов более и более ослабевал» (2Цар.3:1). Еще не миновало зло, причиненное Церкви арианами и македонянами, как явился новый еретик из Сирии, Аполлинарий, который неправильно мудрствовал о воплощении Господнем. Он признавал воплощение неистинным: Христос будто бы не имел души, а вместо нее – Божество. Будучи красноречив и искусен в эллинской мудрости, он многих увлек в свою ересь, а ученики его разошлись повсеместно, улавливая несведущих в богословской науке и увлекая их, как бы удою, в погибель. Тогда снова добрый подвижник благочестия, святой Григорий, предпринял великий подвиг, вступил в борьбу с еретиками, отпавших от правой веры обличал, умолял, запрещал, причем одних утверждал в вере, а других восстановлял от падения. В это же время ученики Аполлинария, вращаясь среди народа, клеветали на святого Григория, будто он разделял Христа на два лица. Усердно рассевая такую ложь повсеместно, они возбудили гнев и злобу народа против святого: ведь и капля воды при частом падении пробивает камень. Люди, неспособные понимать хитросплетенные еретические речи и уразуметь глубину таинства вочеловечения Христа, почитали еретиков как истинных пастырей и признавали их православными учителями; истинный же пастырь, поучавший благовестию, был признаваем еретиком. Возбудив толпу, они бросали в святого камни, как

некогда иудеи – на святого первомученика Стефана; однако они не могли убить его, так как Бог хранил Своего угодника. Не будучи в состоянии удовлетворить своей злобы, они зверски напали на него и представили на суд начальнику города, как какого-либо бунтовщика, виновника смуты и волнений. Святой, будучи неповинным ни в каком преступлении, притом отличаясь кротостью и смирением, среди этого бедствия и беспричинного нападения на него народа, молился только Богу, Христу Своему: о имени Твоем, Христе, «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс.22:4). Начальник, зная его невиновность и видя неправедную человеческую злобу, отпустил его на свободу. Так он оказался мучеником, но без ран и истязаний, венценосцем – но без язв, и имел одно лишь желание – пострадать за Христа.

Просияв такими подвигами и упорною борьбою с еретиками, святой Григорий стал известен всем; повсеместно прославлялась его мудрость, и за нее он получил новое имя от всей святой Православной Церкви, имя богослова, подобно первому богослову, святому Иоанну девственнику, возлюбленному ученику Христову. Это имя богослова, хотя свойственно и всем великим учителям и святителям, так как все они богословствовали, достойно прославляя Святую Троицу, однако святому Григорию оно усвоено особенным образом и стало его дополнительным именем. Оно дано было Церковью в знак его торжества и победы над многими и великими еретиками. С этого же времени и все стали называть его Богословом. Он был глубоко любим православными. Весь сонм благочестивых людей желал видеть его на патриаршем престоле. Притом и Александрийский патриарх Петр[983], принявший престол после Афанасия Великого, писал к святому Григорию Богослову, поручая ему Константинопольский патриарший престол, как достойнейшему и понесшему много трудов на пользу Церкви Христовой. Но тотчас явилось препятствие этому со стороны злобных людей.

Был в Константинополе один греческий философ, из школы циников[984], по имени Максим, родом египтянин. Он отличался хитростью, лукавством, лицемерием и злобными намерениями.

Явившись к святейшему пастырю, Григорию Богослову, он отрекся от эллинского безбожия и после крещения вступил в лоно святой Церкви. Однако он жил в суете мира и лицемерно прикрывался благоговением, точно овечьей одеждой, в душе оставаясь волком, что и не замедлило обнаружиться. Святитель Божий Григорий, не подозревая его лукавства, а обращение его из язычества в христианство считая великим делом, приютил его у себя как сожителя и друга, сделал своим сотрапезником и затем – членом церковного клира. Он же последовал примеру Иуды, – замыслил отступить от своего учителя и духовного отца и начал против него борьбу. Для исполнения своего замысла он нашел и помощника в лице одного пресвитера, не боявшегося Бога и искусного в коварных предприятиях. В союзе с ним Максим начал хитро и тайно действовать, с целью восхитить патриарший престол в Константинополе. Но так как для удачи такого дела необходимо было много денег, чтобы подкупом и подарками склонить к своему единомыслию большинство, то они и начали прежде всего заботиться о деньгах. При сатанинской помощи они скоро нашли желаемое следующим образом. Пришел в Византию с острова Фазоса[985] один пресвитер, с большою суммою денег, для покупки на церковное строение мраморных досок, привозимых с Проконниса[986]. Обольстив его различными несбыточными обещаниями, заговорщики отняли деньги, которых было достаточно для достижения лукавого замысла, и послали тайно в Александрию много богатых даров патриарху Петру, а равно его епископам и клирикам, и убедительно просили прислать в Византию епископов, которые возвели бы Максима на патриарший престол. Петр, прельстившись дарами и как будто забыв о прежнем своем письме к святому Григорию, тотчас склонился на их просьбы. Он послал в Константинополь египетских епископов, которые и прибыли туда без замедления. Никому не показавшись, ни пастырю Григорию, ни клиру, ни кому-либо из начальников, они явились с Максимом в церковь во время совершения утрени и уже приступили к рукоположению, желая посвятить Максима в архиепископы. Святой Григорий Богослов был болен. Тотчас об этом стало известно всем. В церковь

немедленно собрались пресвитеры, члены клира и множество народа, – как православные, так и еретики. Все, удивляясь такой тонкой хитрости и незаконному посвящению, воспламенились гневом и стали кричать на прибывших епископов, всячески стараясь помешать им в этом совершенно незаконном деле. С позором удаленные из церкви, они отправились в дом одного флейтиста и там окончили неправильное посвящение, а затем провозгласили Максима Константинопольским патриархом при содействии помощников, как из духовных, так и из мирских лиц. Одни из них за согрешения были отлучены от Церкви, другие наняты за плату, а иные обольщены обещаниями даров и почестей; все такие были приверженцами Максима и поддерживали его. Большинство же, притом почетнейшие граждане, воспламенились гневом и порицали Максима резкими укоризнами и упреками; они выражали неудовольствие и самому святому Григорию Богослову за то, что он принял такого человека в сожители себе и удостоил его своей дружбы.

Святой отвечал им:

– Не гневайтесь на меня, мужи, за то, что я благодетельствовал этому человеку, не предвидя его злобы, разве мы повинны в том, что не можем предвидеть чьей-либо злобы? Только одному Богу свойственно знать тайну внутренней жизни человека. Притом, не самым ли законом повелено нам – отечески и с любовью отверзать свое лоно всякому приходящему к нам: «приходящего ко Мне», – говорит Спаситель, «не изгоню вон» (Иоан.6:37). Для меня было важно уже и то, что Максим от еллинского заблуждения пришел ко святому крещению и, вместо служения Геркулесу[987], стал служить Святой Троице. Притом, он казался добродетельным, хотя и лицемерно, – но лицемерие его и злоба только теперь явно обнаружились. Нам не дано исследовать такие дела; мы не проникаем в человеческие помышления, не знаем и будущего, разве только когда Бог откроет нам его. Мы смотрим только на лицо, а сердце видит Бог.

Этими словами народ был успокоен и затем стал относиться еще с большею любовью к святому Григорию

Богослову. Максим же отправился вместе с собором египетских епископов, поставлявших его в архиереи, к благочестивому царю Феодосию Великому[988], находившемуся тогда с войсками в Фессалонике[989], и просил об утверждении его прав на Цареградский престол. Он, отверженный человек, не мог получить утверждения на основании церковных уставов, а потому и хотел получить власть управления в церкви по царскому повелению, имея в виду скорее мучительствовать, чем святительствовать. Благочестивый царь сильно разгневался и с угрозами прогнал от себя Максима и прибывших с ним епископов. Тогда все они отправились в Александрию, и там Максим начал строить подобные же козни. Подкупив значительною суммою денег клириков Александрийской церкви, Максим дерзко и бесстыдно обратился к патриарху Петру: «Или Цареградский престол мне исходатайствуй, или я от твоего не отступлю». Пользуясь коварными средствами, он копал ров для патриарха, и непременно осуществил бы свое злобное намерение, если бы об этом не узнал скоро начальник города. Опасаясь, чтобы в народе не вспыхнуло волнение, он с позором изгнал Максима из Александрии.

Между тем святой Григорий Богослов настолько был удручен в Константинополе телесными болезнями, что вынужден был отказаться от забот по управлению Константинопольскою церковью и хотел возвратиться на родину свою, в Назианз. Он решил сказать народу последнее слово, в котором убеждал ревностно хранить веру и творить добрые дела. Народ понял, что он хочет оставить Константинополь. Послышались в церкви восклицания и громкий плач. Все единогласно начали говорить:

– Отец! Уходя от нас, ты уводишь с собою и учение о Святой Троице. Без тебя не будет в этом городе и правого исповедания Святой Троицы. Вместе с тобою уйдет из города Православие и благочестие.

Слыша эти восклицания и народный плач, святой Григорий отложил свое намерение и обещал оставаться с ними, пока не будет созван ближайший собор. В это время ожидали, что скоро соберутся епископы и изберут на патриаршество достойного

мужа. Этого же ожидал и святой Григорий: только увидев на патриаршем престоле достойного пастыря, он намеревался возвратиться на родину. Между тем благочестивый царь Феодосий вел войну с варварами и, после победы над ними, возвратился в Константинополь с торжеством. Ариане по-прежнему владели соборною патриаршею церковью и имели своим патриархом арианина Демофила; у православных же оставался небольшой и ветхий храм святой Анастасии. Царь призвал Демофила и убеждал его – или принять православное исповедание, или же уступить свое место другому. Демофил, будучи ожесточен сердцем, предпочел лучше лишиться престола, чем оставить свои заблуждения. Тогда царь отдал святому Григорию Богослову и всему сонму православных соборную церковь, которою ариане владели сорок лет, а равно и все другие церкви. Когда же архиерей Божий Григорий с клиром и народом хотел войти в церковь, толпа ариан, вооружившись как бы на войну, стала около церкви, заграждая для православных вход, а святому угрожали смертью. Ариане наняли одного юношу, отважного и дерзкого, чтобы он, незаметно подошедши к Григорию, вонзил ему меч в чрево; но Бог спас Своего верного служителя. Тогда поднялся крик, шум и говор среди ариан. Они непременно причинили бы насилие и зло православным, если бы не явился сам царь и не ввел святого архиерея в церковь. Православные же с великою радостью и весельем восклицали, прославляя Бога, проливая от восторга слезы и воздевая руки кверху. В самом деле, после стольких лет они снова получили свою святыню! При этом они единогласно взывали к царю, прося возвести на патриарший престол Григория Богослова. Святой Григорий, будучи слишком ослаблен своими постоянными телесными недугами и не имея сил обратиться к народу с речью, в виду общего крика, объявил через одного из своих клириков:

– Дети! Теперь время благодарения и прославления Единого, в Троице, Бога, Который даровал нам опять принять Его святую Церковь. Поэтому прославим ныне Его великие милости, а о патриаршем престоле подумаем после, в другое время.

Народ, выслушав этот ответ святителя, перестал кричать. Затем, по совершении литургии, все разошлись, прославляя Бога; ариане же замолкли, посрамленные.

Благоверный царь Феодосий весьма уважал святого Григория Богослова, как отца своего, но он не часто приходил к царю, хорошо памятуя слова Соломона: «Не учащай входить в дом друга твоего, чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя» (Прит.25:17). Святой имел большое усердие всегда поучать народ, посещать больных и лечить их, помогать обиженным, защищать слабых и очищать свое стадо от еретических заблуждений. Он удалялся иногда и в деревни, любя безмолвие и стараясь уврачевать отдыхом свои частые болезни и таким образом сделать свое тело способным к дальнейшим трудам. Владея большим церковным имуществом, он не присвоил себе ни одной серебряной монеты, не допрашивал также он и церковных строителей, сколько ими собрано и сколько истрачено. Последнее он считал делом не епископа, а светского правителя. Он наставлял всех хранить чистую совесть. Изнемогши от непрестанных трудов и почтенного возраста, он однажды заболел и лежал в постели. Народ, узнав об этом, пришел посетить его. Он сел на постели и стал спрашивать:

– Чего вы хотите, дети? Зачем вы пришли ко мне?

Пришедшие кланялись ему и благодарили за все труды его, за то, что очистил город от ереси, – за то, что святые церкви, бывшие много лет в руках ариан, возвратил православным, – за то, что много благодетельствовал всем и своим учением, и пастырским попечением.

– Ныне же, отче, – говорили они, – если ты отходишь к Богу, то помолись о своем стаде, о благоверном царе и обо всей Церкви.

Святой объявил, что болезнь его не к смерти, а затем, поучив их по обычаю, отпустил. Когда они начали расходиться, остался один юноша, который, ухватившись за ноги святого, со слезами и рыданиями умолял его – простить ему его грех. Святой спрашивал, в чем состоит его грех, но юноша ничего не

отвечал, а только рыдал и просил прощения. Один из находившихся тут сказал святителю:

– Это – твой убийца, отче! По подстрекательству еретиков, он хотел вонзить меч тебе в чрево, но Христос защитил тебя. Вот, он теперь кается, и просит прощения.

Святой сказал юноше:

– Господь наш Иисус Христос да будет милостив к тебе, возлюбленный сын, и да простит тебе твои грехи. Только ты будь с этого времени нашим; оставь ересь и обратись ко Христу Богу и служи Ему верно.

Так он отпустил юношу, простив его. Весь город, узнав об этом, подивился его незлобию и воспламенился к нему еще большею любовью. Скоро после этого начали собираться в Византии епископы, частью для поставления патриарха в царственном городе, а частью для того, чтобы предать анафеме ереси на втором Вселенском соборе[990]. Когда собрались православные епископы в количестве ста пятидесяти, председателем собора был избран святой Мелетий Антиохийский. Тогда же святой Григорий Богослов вопреки своей воле и со скорбью, будучи больным, принял патриарший престол, согласившись на просьбы царя и всего народа. Спустя несколько дней святой Мелетий, патриарх Антиохийский, разболелся и отошел к Господу. Вслед затем явились епископы из Египта и Македонии и стали выражать неудовольствие по поводу назначения Григория патриархом, тем более что он был избран в их отсутствие. Они утверждали, что это назначение было неправильное, так как Григорий поставлен не Александрийским, а антиохийским патриархом; между тем Александрийский патриарший престол – первый после римского и от него должно исходить назначение патриарха Константинопольского. Между епископами произошли большие несогласия, смуты и распри: одни говорили, что поставление Григория было правильным, а другие возражали; при этом епископы ссорились между собою. Святой Григорий Богослов, видя происшедшие из-за него между епископами распри и ссоры, обратился ко всем им в соборе со словом:

– Я, священные и уважаемые пастыри, – говорил он, – не стремился получить власть над Константинопольскою Церковью, а если она возросла и прочно утвердилась моим потом и трудами, то для меня достаточно угодить этим Богу и от Него ожидать себе воздаяния. Только любовь моего словесного стада и общий суд святителей принудили меня принять престол; ныне же я вижу неприязнь многих ко мне. Знайте же, что я не ищу ни богатства, ни высокого положения и почестей; я не желаю носить звание Константинопольского патриарха и без огорчения оставляю епископство; вы же совещайтесь между собою и делайте, что вам угодно. Мне издавна приятна пустыня, и лишающие нас престола не могут лишить нас Бога.

Сказав это, он вышел и оставил патриарший дом. Он поселился в небольшом, отстоявшем далеко от церкви домике, избегая разговоров и споров приходивших к нему людей. Однако многие из народа, приходя к нему, просили его, чтобы он оказал милость своей пастве и не оставлял ее, после того как воспитал и увеличил ее столькими трудами и потом.

– Покажи, отец, – говорили они, – свое расположение к твоим детям, ради которых ты так много потрудился; посвяти им и остаток дней своих, чтобы мы, просвещенные твоим учительством, имели, после твоей кончины, твое тело.

Святой Григорий, как чадолюбивый отец, смягчился сердцем и, недоумевая, что ему делать, просил Бога указать ему путь жизни.

Когда увеличилось число собравшихся епископов, а раздоры и несогласия между ними все еще продолжались, блаженный Григорий, став посреди собора, обратился к ним с речью:

– Мужи и сопастыри мои по управлению святым Христовым стадом! Стыдно вам, поучающим других хранить мир, входить в раздоры между собою! Как вы можете других убедить к согласию и единомыслию, если не можете согласиться сами с собою? Но я умоляю вас пред единосущною и Пресвятою Троицею установить мир и показать взаимную любовь друг к другу, чтобы вы в полном согласии могли устроить церковные дела. Если же я – виновник разногласия и разъединения между

вами, то я нисколько не достойнее пророка Ионы. Выбросьте меня за борт корабля, – и тогда прекратится для вас волнение. Хотя я и неповинен в этой буре, но я предпочитаю пострадать, если вы этого хотите. Только примиритесь между собою и будьте единомысленны; свергните меня с престола, изгоните из города, только истину и мир, говорю с пророком Захарией (Зах.8:19), возлюбите. Желаю вам здравствовать, священные пастыри! Не забывайте и моих трудов!

Когда он произнес эту речь, все противники его устыдились и умилились его словами. Святой же, оставив собор, задумал возвратиться на родину и пошел просить царя – отпустить его на родину.

Он говорил царю:

– Царь! Да воздаст тебе Христос в день суда за все твои благодеяния, оказанные Церкви. Но не откажи мне, державный владыка, в той милости, о которой я ныне попрошу тебя: я не прошу тебя ни о имениях, ни о сродниках; я не ищу многоценных покрывал для жертвенников, а хочу только облегчения трудов своих. Пусть этим прекратится зависть многих; пусть твоим старанием достигнут согласия епископы! Ты, устранивший дерзость варваров, устрани и раздоры святителей. Укрась твою победоносную державу тем одним, чтобы епископы достигли мира и согласия между собою. Это будет достигнуто, если ты отпустишь меня на родину. Об этой милости я прошу тебя; окажи мне это последнее благодеяние.

Царь был поражен словами святого и прослезился. Прослезились и бывшие тут сановники. Все чувствовали сильную любовь к святому и не хотели отпускать его. Он же, то ссылаясь на свою старость и постоянные болезни, то указывая на происходящие из-за него раздоры между епископами, продолжал просить царя и, наконец, убедил его – не удерживать его, а отпустить, куда он хочет, дабы остаток дней своих провести в мире и отдохнуть от многих трудов своих. Отпущенный царем, он простился со всеми и дал благожелания мира своим словесным овцам. Когда он удалялся из города, весь народ провожал его и плакал горькими слезами. Тотчас же и некоторые епископы, любившие святого Григория и

оплакивавшие его, ушли из города и, оставив собор, возвратились каждый к месту своего служения. Таковы были: Григорий Нисский, брат Василия Великого, – Амфилохий Иконийский, Евлогий Эдесский, Елладий Кесарийский, Отрий Мелитинский и многие другие. Оставшиеся же на соборе епископы избрали патриархом сенатора Нектария[991].

Святой Григорий Богослов удалился в Каппадокийскую область и поселился на родине, в деревне Арианз. Там он отдыхал, будучи очень слаб. Однако он не оставлял трудов во славу Божию: он нашел свой отечественный город Назианз зараженным аполлинариевою ересью и старался очистить его и личными увещаниями, и посланиями своими. Когда граждане просили его принять отцовский престол, он отказался, а поставил им епископом одного пресвитера, по имени Евлалия, мужа ревностного в вере и благочестивого. Сам он оставался в полном уединении в селении Арианзе. Там, прожив некоторое время и оставив после себя много назидательных сочинений[992], он, в глубокой старости, отошел к нестареющейся жизни 25 января[993]. Он был с почетом погребен в городе Назианзе. Спустя много лет благочестивый царь Константин Багрянородный перенес его честные мощи из Назианза в Константинополь и положил в церкви Святых Апостолов – в помощь и защищение городу и во славу Христа Бога, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Пастырская свирель богословия твоего риторов победи трубы: якоже бо глубины Духа изыскавшу, и доброты вещания приложишася тебе. Но моли Христа Бога, отче Григорие, спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Богословным языком твоим, сплетения риторская разрушивый славне, православия одеждею, свыше истканою, Церковь украсил еси, юже и носящи, с нами зовет твоими чады: радуйся, отче, богословия уме крайнейший.

Память святой мученицы Фелицаты и семи сыновей ее

Память 25 января

Святой Григорий, папа римский[994], поучает нас о сей святой мученице Фелицате в своем толковании на Евангелие следующими словами[995]. «Когда евреи сказали Господу: «вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою» (Мф.12:47), Господь назвал братьями и сестрами и матерью Своими верующих во Имя Его и творящих волю Отца Его Небесного, не по плотскому родству, но по единению духа. Сия святая Фелицата была римлянка, из богатой семьи; у нее было семь сыновей. Возлюбив Христа, она раздала все свое имущество нищим и исповедала пред языческим царем и судьями, что она христианка[996]. Претерпевая тяжесть гонения, она укрепляла сердца детей в любви к небесному отечеству. Она по вере была рабою Христовою, сыновья же ее наименовались братиями Христовыми по единению веры и мужественному терпению». «Мы видели – продолжает святой отец, – в женской груди мужескую доблесть: бесстрашно предстала она на смерть, поучая тем истинному Богопознанию. Таким образом и я эту жену назвал не только мученицею, но и более нежели мученицею, потому что она взирала на мучения семи сынов своих и сама, подвергаясь истязаниям, желала только, чтобы дети прежде нее вошли в Царство Небесное и не уклонились бы от пути к нему; святая мать – мученица боялась за живых детей, радовалась за умирающих и возвеличилась тем, что семь сыновей прежде ее вошли в Царство Небесное, куда за ними последовала и сама она восьмая, восприяв с детьми своими мученическую кончину ради Имени Господа нашего Иисуса Христа»[997].

Память преподобного Поплия

Память 25 января

Преподобный Поплий принадлежал к сословию сенаторов[998] и происходил из города Зевгма[999], на Евфрате. Избрав место на высокой горе, в тридцати верстах от города, святой Поплий построил небольшую хижину и затем роздал все, полученное от родителей, имущество нищим; сам же стал пребывать в добродетельном и постническом житии, слава о котором широко распространилась. К преподобному начали стекаться во множестве желавшие разделять его подвиги; им он приказывал устраивать тесные кельи, в которых посещал своих учеников очень часто, строго наблюдая, чтобы у них в кельях не было ничего, кроме самого необходимого; хлеб, который оказывался у монахов, преподобный Поплий взвешивал на весах, и если у кого находилось более определенного количества хлеба, того называл чревоугодником, чрезмерно заботящимся о своем теле; тех же, у которых находил приготовленное кушанье, называл вкушающими скверну. По ночам святой отец не искал себе покоя, а обходил келью учеников, останавливаясь снаружи у дверей каждого. Молча отходил преподобный, если заставал обитателя кельи на молитве; если же тот спал, святой Поплий ударял рукою в дверь и сурово укорял леностного инока. Благодаря постоянному общению преподобного с учениками, многие из них уподобились святому в подвижничестве; двое из таковых, Феотекн и Авфоний, по преставлении преподобного Поплия, несли на себе попечение о братии и настоятельство в обители, основанной святым подвижником. Блаженный же Поплий мирно совершил великий свой подвиг и отошел к Господу[1000].

Память преподобного Мара Певца

Память 25 января

Преподобный Мар в юности отличался красивой наружностью и обладал хорошим голосом; во время праздников в честь святых мучеников он в совершенстве исполнял обязанности певца. Больше всего возлюбил он Бога и свято соблюдал Его заповеди. Окруженный многими искушениями, святой Мар сохранил тело свое в девственной невинности, а душу – в непорочности и чистоте. Отвратив свою душу от мирских соблазнов, юноша удалился в селение Омиру[1001] и устроил себе там небольшую хижину, в которой провел тридцать семь лет; много страдал в этой хижине преподобный от сырости, которая вредно действовала на его здоровье, но не хотел оставить своей хижины и прожил в ней до конца своей жизни. Преподобный Мар отличался простотою и не терпел лукавства, а бедность считал за величайшее благополучие. Прожив девяносто лет, он довольствовался одеждами из козьей шерсти, а для подкрепления телесных сил употреблял немного хлеба с солью. Долго питал святой в своей душе горячее желание присутствовать при совершении Божественной литургии. Когда же священник совершил у него сие великое и спасительное Тайнодействие, преподобный Мар говорил, что душа его была исполнена неизреченной сладости, и он долго предавался размышлению, в глубоком смущении не дерзая взирать на небо. Совершив долгий свой и спасительный подвиг, святой мирно предал дух свой Богу и ныне блаженствует в вечных обителях.

Житие преподобных Ксенофонта и Марии и сыновей их Иоанна и Аркадия

Память 26 января

Святой Ксенофонт был одним из знатнейших сановников в Константинополе. Он был богат мирскими благами, но еще богаче внутренними сокровищами: верою, благочестием и усердным соблюдением всех заповедей Божиих. Будучи знатным по своему сану и благородному происхождению, он был еще знатнее по своему благочестию и добродетельной жизни. Насколько он был высок по своим почестям, настолько же он был смиренномудр умом; он не превозносился сердцем над людьми и не гордился своею временною мирскою славою. Он собирал для себя сокровища на небесах, предпосылая туда свои богатства руками нищих. Была у него подруга жизни, по имени Мария, подражательница ему во всех добрых делах и во всем одинаковая с ним по характеру. Ксенофонт жил с нею добродетельно, угождал Богу, исполняя беспорочно все заповеди и соблюдая правду Божию. Когда у них родились два сына, Иоанн и Аркадий, они воспитывали их добрыми наставлениями и учили не только книжной мудрости, но и страху Божию, который есть начало всякой премудрости, а равно поучали их всякой добродетели. Они желали видеть в детях не только наследников своих богатых имений, но главным образом подражателей их богоугодной жизни. Они послали их учиться эллинской мудрости в финикийский город Берит[1002], славившийся в то время своими школами. Когда они жили там некоторое время ради учения, Ксенофонт сильно заболел и уже ожидал смерти. Мария, не надеясь на выздоровление мужа, написала в Берит к сыновьям о тяжкой болезни отца и просила их поскорее возвратиться домой, – прежде чем отойдет в вечность отец. Она хотела, чтобы дети получили последнее благословение от отца и приняли участие в погребении его. Они поторопились возвратиться домой. Отец, увидев их, обрадовался, и от радости болезнь его ослабела. Он велел им сесть у своей постели и начал поучать их так:

– Как мне кажется, дети мои, я приближаюсь к кончине своей жизни; вы же, если любите меня, отца своего, сделайте, что я завещаю вам. Во-первых, бойтесь Бога и жизнь свою устройте по Его святым заповедям. Затем то, что я скажу вам далее, буду говорить не по тщеславию, но с целью наставить вас на путь добродетели: если вы мою жизнь будете иметь для себя образцом, то я думаю, не нужно вам будет другого учителя, ибо домашнее учение, выраженное словом и делом, гораздо полезнее всякого другого учения. Знайте же, что я дожил до этих пор, сохраняя постоянное благоговение и простоту сердца. Я был всеми уважаем и любим не за свой высокий сан, а за свою кротость и добрый нрав: никого и ничем я не обидел, никогда никого не укорял, не клеветал, не завидовал, не гневался напрасно, не враждовал ни с кем. Я всех любил и со всеми жил в мире; я не уклонялся от посещения церкви Божией ни вечером, ни утром; я не презирал ни нищего, ни странника, ни опечаленного, но каждого утешал словом и делом; часто посещал находившихся в темницах, многих пленников выкупил и отпустил на свободу. Как положил я устам своим преграду, чтобы не говорить ничего дурного и лукавого, точно так же я положил завет для очей своих, – чтобы не смотреть на чужую красоту и не иметь похотения к ней. Бог меня хранил, и я не знал иной жены, кроме вашей матери, но и с нею я жил в плотском союзе, пока не родились вы, а затем мы условились оставаться чуждыми друг для друга по плоти и сохранили телесную чистоту о Господе доселе. Последуйте же, дети, жизни родителей, подражайте вере, терпению и кротости нашей, и живите так, чтобы угождать Богу; тогда Бог пошлет вам долгую жизнь. Подавайте милостыню убогим, защищайте вдовиц и сирот, посещайте больных и находящихся в темницах, избавляйте обиженных и неправильно осужденных от бедствий, храните мир со всеми. Будьте верны своим друзьям, благодетельствуйте врагам, не воздавая им злом за зло; по отношению ко всем будьте добры, кротки, любезны, смиренны. Сохраняйте в непорочности чистоту душевную и телесную, а если Бог благословит вас супружеством, то да будет не скверно ложе ваше. Благотворите церквам Божиим и монастырям;

священников и иноков почитайте, ибо ради них Бог являет всему миру милосердие. Особенно не забывайте скитающихся ради Бога в пустынях, в горах, в вертепах и пропастях земных, но подавайте им необходимое для жизни. Достаточно питайте нищих, и вы не обеднеете. Вы знаете, что дом мой никогда не оскудевал, несмотря на частые трапезы, предлагаемые убогим. Часто молитесь и внимайте поучениям святых мужей. Матери вашей воздавайте должный почет и слушайте ее со страхом Господним, всегда исполняя ее волю и никогда не отступая от ее повелений. Будьте милостивы к рабам, любя их как членов семьи и детей своих; стариков отпускайте на свободу и подавайте им пищу и все потребное до самой кончины их. Короче сказать, повторяю вам: что вы видели меня творящим, тоже делайте и сами, – и вы сподобитесь чести и славы святых. Помните всегда и то, что скоро прейдет мир сей и слава его исчезнет. Дети, сохраните заповеди Господни и мои наставления, и Бог мира да будет с вами!

Слушая эту речь, Иоанн и Аркадий плакали и говорили:

– Не оставляй нас, отец, но умоли Бога, да подаст тебе еще некоторое время прожить с нами. Мы веруем, что ты умолишь Бога, если захочешь: Бог послушает тебя. Для нас же юных весьма необходима твоя жизнь здесь, чтобы ты совершеннейшим образом наставил нас на добрые дела и сам устроил нашу жизнь, как должно.

Отец тяжко вздохнул и, прослезившись, сказал:

– С тех пор как посетил меня Бог этою болезнью и я возлег на одре, я много молил и молю Бога о том, чтобы Он, ради вашей юности, ниспослал мне еще немного времени прожить на земле, пока я увидел бы вас совершенными во всем.

В следующую же ночь было святому Ксенофонту откровение в сонном видении, что Бог повелевает ему еще оставаться в этой жизни. Он возвестил об этом супруге и детям, и все они радовались и славили Бога. Больной начал мало-помалу выздоравливать от недуга. Он сказал сыновьям:

– Дети, отправляйтесь и оканчивайте ваше учение, а по окончании немедленно возвращайтесь: я устрою ваш законный брак.

Затем он посадил их на корабль и, снабдив всем необходимым, отпустил их снова в Берит.

Когда они отправились в путь морем, плавание вначале было благоприятным, так как дул попутный ветер. Но затем внезапно поднялся противный ветер, и на море наступили неожиданная буря и сильное волнение. Корабельщики скоро оставили руль, и корабль был понесен бурею неведомо куда, все более погружаясь в волнах. Все находившиеся на корабле отчаялись в спасении жизни и под влиянием бедствия и страха смерти горько плакали. Плакали и оба брата, Иоанн и Аркадий, вознося молитвы к Богу.

«Владыка преблагий и промыслитель о всякой твари! – молились они. – Не презри создания Своего, помяни добрые дела наших родителей и ради них не оставь нас: не дай нам прежде времени умереть в молодых годах нашей цветущей юности. Пусть пощадит нас водная буря и не поглотит нас глубина морская. Помяни милости Твои и щедроты, призри с высоты святой славы Твоей и воззри на бедствие наше. Услышь стенание наше и вопли наши! Сердцем сокрушенным и духом смиренным мы молимся Тебе: простри к нам Твою всесильную десницу и избавь нас от смертной гибели; не предай нас смерти ради Твоего имени, но поступи с нами по милости Своей и по множеству милосердия Своего. Избавь нас от потопления ради славы Своей, ибо не мертвые восхвалят Тебя и не те, которые нисходят в ад (ср. Пс.113:25), а мы, живые, прославим Твое величественное имя».

Корабельщики, видя, что сильное волнение не прекращается, а наступает еще большее, так что уже невозможно кораблю избавиться от потопления, – как бы желая помочь бедствующему кораблю, сошли в небольшое судно, особенным образом устроенное, покрытое сверху и безопасное от погружения, и затем поспешили удалиться от корабля, плывя туда, куда несли волны. Они надеялись, что волны выбросят где-либо их на берег. Юноши, Иоанн и Аркадий, оставшись на корабле со своими рабами, видели и бегство корабельщиков, и неизбежную гибель корабля, так как последний уже разбивался и, наполняясь водою, погружался в волнах. Они совершенно

отчаялись в спасении жизни и совлекли с себя одежды ради большого удобства в плавании, чтобы не тотчас погрузиться и погибнуть в пучине. Ожидая окончательной разлуки и смерти, они с плачем и умиленными голосами взывали к своим родителям, остававшимся далеко в дому, представляя их как бы находящимися здесь.

– Желаем тебе, – говорили они, – здравствовать, любезнейший отец! Будь здрава и ты, любезнейшая мать! Не увидите вы нас более, равно как и мы вас; не будем уже более наслаждаться вместе с вами в дому земными благами.

Затем они стали говорить друг другу:

– Горе нам, возлюбленный брат! Горе, свет очей моих! О как тяжко разлучаться! Где теперь родительские молитвы? Где их благодеяния нищим? Где их милостыни, подаваемые инокам и оказываемое им уважение? Неужели ни одна из их молитв о нас не дошла к Богу или, если и дошла, все же оказалась бессильною, так как ее превысило множество грехов наших, за которые мы уже недостойны жить? Горе нам, недавно плакавшим по поводу ожидаемой смерти отца, а ныне имеющим быть виновниками неутешного плача и бесконечного рыдания наших родителей! О отец! Ты, усердно пекущийся о нашем воспитании и благоустроении нашей жизни, не увидишь нас даже мертвых. О мать, надеявшаяся увидеть брак сынов твоих и готовившая прежде времени прекрасные палаты! Ты не увидишь даже гроба детей твоих. Подлинно, тяжко родителям видеть своих умирающих детей и погребать их, – а вам, милые родители наши, насколько тяжелее будет страдание при потере детей своих, когда вы не видели ни смерти их, ни даже вести о их неожиданной и горькой кончине не можете получить! Вы надеялись, что мы похороним вас в глубокой старости, а ныне и мы не удостаиваемся быть погребенными вашими руками.

Затем они обнялись и, прощаясь, говорили друг другу:

– Спасайся, брат, и прости меня!

При этом они еще раз воззвали к Богу:

– О Царю и Владыко всех! Какую смерть Ты попустил нам! Если по неизреченным судьбам Твоим нам невозможно избавиться от нее, то, по крайней мере, не разлучи нас

умирающих. Пусть одна волна покроет нас и одна утроба морского зверя пусть будет нам гробом!

Обращались они и к рабам своим:

– Спасайтесь, добрые братья и друзья, и простите нас.

Когда корабль окончательно разбился, каждый из них ухватился за первую попавшуюся доску, и таким образом они были разнесены волнами в различные стороны друг от друга. Но, по благодати Божией, все были спасены от потопления и гибели, и только занесены в различные стороны: рабы были выброшены волнами на сушу в Тире[1003], Иоанн выброшен на одно место, называемое Малмефетан[1004], а Аркадий – в Тетрапиргию[1005]. Каждый из них, ничего не зная об избавлении от смерти брата своего, не столько радовался о своей жизни, сколько скорбел о смерти брата.

Вышедши на сушу, Иоанн рассуждал сам с собою так: «Куда я пойду теперь? Я стыжусь явиться нагим на глаза людям. Пойду лучше в монастырь, где живут благоговейные иноки, и там поработаю Богу, спасшему меня от смерти, в нищете и смирении лучше, чем в богатстве мира сего. Я думаю, что Бог потому не послушал нас, молившихся к Нему на корабле, что родители наши хотели сочетать нас браком и оставить нам богатства и большие приобретения. Мы погибли бы в суете мира сего скорее, чем на море. Всевидящий Бог, устрояя для нас лучшую жизнь, попустил для нас такое бедствие, и как Ему угодно было, так и случилось. Он, Благий, знает все, что на пользу нам, а мы ничего не знаем, что должно случиться с нами. Он знает все и творит, как хочет, уготовляя спасение душе каждого».

Затем, воздев руки к Богу, он так молился: «Господи мой, Господи, спасший меня от морских волн и гибели смертной! Спаси и раба Твоего, брата моего Аркадия. Избавь его от горькой смерти, как избавил и меня по милости Своей; и если Ты сохранил его живым и извел на сушу, то отверзи ему ум, чтобы он размыслил и восхотел иноческой жизни, и сподоби его благоугодить Тебе. Спаси и слуг, бывших с нами, чтобы ни один из них не погиб в море, но спасением всех их да прославится пресвятое имя Твое!»

Идя по берегу, он продолжал молиться: «Господи Иисусе Христе, Единородный Сын Божий! Снизойди к молению раба Твоего и направь стопы мои к исполнению заповедей Твоих, наставь меня по Твоей святой воле, ибо Ты знаешь, Владыко, что иного помощника, кроме Тебя, я не имею в сей час».

Прошедши немалое расстояние, он нашел монастырь и постучался в ворота. Привратник отпер и увидел его нагого. Он снял с себя верхнюю одежду, дал ему одеться и, введши его в свою келью, предложил ему хлеб и сочиво. Когда встали от трапезы, привратник черноризец спросил:

– Откуда ты, брат?

Он ответил:

– Я странник, – господин мой, – и убогий, спасшийся от гибели на море. Когда корабль разбился и погрузился в воду, я ухватился за доски и был носим волнами. Бог, по молитвам вашим, сохранил меня живым, и я был выброшен в вашу страну.

Привратник черноризец, услышав это, умилился и прославил Бога, спасающего надеющихся на Него. Затем спросил у Иоанна:

– Куда ты хочешь идти, брат?

Иоанн ответил ему:

– Куда укажет Бог. Я хотел бы стать иноком, если бы милосердый Владыка, презрев мои согрешения, сподобил меня принять Его благое иго.

Черноризец сказал ему:

– Воистину, чадо, ты желаешь доброго дела, и будешь блажен, если со всем усердием поработаешь Богу.

Тогда Иоанн обратился к нему со следующей просьбой:

– Умоляю тебя, отче, скажи мне: могу ли я здесь с вами оставаться?

Инок ответил:

– Подожди немного, я сообщу о тебе отцу нашему игумену. Не будет ли ему откровения от Бога о тебе? Затем то, что он повелит тебе, ты сделаешь, и спасешься.

Привратник пошел к игумену и рассказал ему подробно все о юноше. Игумен повелел привести его к себе и, увидев его,

уразумел в судьбе его Божие призвание. Провидя его добрую жизнь, он сказал:

– Благословен Бог отца твоего и матери, спасший тебя от гибели в море и приведший сюда!

Затем, преподав ему подробные наставления о спасительной иноческой жизни, осенил его крестным знамением и повелел ему оставаться в монастыре. В скором времени он постриг Иоанна в иноческий Ангельский чин. Таким образом, блаженный Иоанн подвизался в молитве и посте и во всех монастырских трудах, исполняя послушания. Но он постоянно скорбел о брате своем Аркадии, думая, что тот погиб в морских волнах.

Аркадий также, по Божию изволению, остался в живых и, вышедши из моря на сушу в Тетрапиргии, пал ниц и молился Богу так: «Господи Боже Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог отца моего! Благодарю Тебя за то, что Ты избавил меня от волнения и бури и от смерти извел меня к жизни, которой я уже не ожидал, и поставил мои ноги на суше. Но как Ты, премилостивый, спас меня от потопления, так спаси и раба Твоего, брата моего Иоанна. Я молюсь Тебе, Господи мой, Господи, – сохрани его по милосердию Твоему, чтобы не потопили его волны и буря, и не поглотила его бездна. Услышь меня, Господи, так как велики милости Твои, и сподоби меня увидеть брата моего. Помяни дела отца нашего и не сведи Иоанна в преисподние глубины моря. Не предай юного отрока преждевременной и нечаянной смерти. Дай мне прежде увидеть его и тогда умереть».

Так молясь, он сильно плакал и даже изнемог от плача; затем, встав, пошел в находившееся недалеко селение, где встретившийся ему один христолюбец дал ему ветхую одежду. Он оделся и, попросив немного хлеба, укрепил свое изнемогшее тело. После этого он пошел к находившейся там церкви и, еще раз помолившись со слезами о брате, прислонился к стоявшему у церкви столбу и заснул. Тотчас в сонном видении он увидел брата своего Иоанна, говорившего ему:

– Брат Аркадий! Зачем ты так горько плачешь обо мне и сокрушаешь свое сердце? Я, по благодати Христовой, остался жив; поэтому не печалься обо мне.

Аркадий, проснувшись, уверовал, что это сновидение истинно; он исполнился великой радости и благодарил Бога. При этом он размышлял сам с собою: что ему делать?

«Пойду ли я, – думал он, – к родителям, – они, не видя брата моего со мною, будут печалиться по поводу моего возвращения. Если я опять пойду в школу и, по окончании философских наук, возвращусь к родителям, то также не обрадую их. Увидев только одного меня, они начнут горько плакать. Что мне делать, я не знаю. Помню, как отец мой всегда восхвалял иноческую жизнь, связанную с безмолвием и приближающую к Богу. Итак, пойду в монастырь и стану иноком».

Так размыслив сам с собою, Аркадий сотворил молитву и пошел в Иерусалим. Поклонившись там святым местам, в которых Господь соделал спасение миру, он вышел из города и хотел пойти в какой-либо монастырь, который случится на пути. Продолжая идти, он встретил одного почтенного инока, украшенного сединами, человека святой жизни и прозорливца. Подошедши к нему, юноша припал к его ногам, лобызал их и говорил:

– Моли Господа о мне, святой отче, так как я нахожусь в большом унынии и страдаю.

Старец сказал ему:

– Не скорби, чадо! Брат твой, о котором ты скорбишь, так же жив, как и ты. Все другие, бывшие с вами на корабле, хранимые Богом, спаслись от гибели и пошли в монастыри ради иноческой жизни. Брат твой Иоанн уже принял первое иноческое посвящение. Будет время, когда ты увидишь брата собственными глазами, ибо услышана твоя молитва.

Аркадий, слыша эти слова великого старца, стоял изумленный и удивлялся прозорливости святого, а затем, опять припав к ногам его, стал говорить:

– Так как Бог не скрыл от тебя ничего, что случилось со мною, то и ты не отвергни меня, – умоляю тебя. Каким

способом знаешь, спаси мою убогую душу и введи меня в иноческую жизнь.

Старец сказал ему:

– Да будет благословен Бог! Ступай за мною, дитя мое.

Старец повел его в лавру святого Харитона, которая на сирийском языке называлась Сукийскою[1006]. Там он постриг юношу в иноки и дал ему келью, в которой раньше подвизался один из великих отцов в течение пятидесяти лет. С Аркадием провел один год и сам этот прозорливый старец, наставляя его в правилах иноческой жизни и научая его бороться и противодействовать невидимым врагам. По окончании года старец ушел в пустыню, оставив в келье одного Аркадия и обещая ему свидеться с ним по истечении трех лет. Аркадий, получив наставления от старца, ревностно исполнял их, работая Богу денно и нощно.

Спустя два года после гибели корабля Ксенофонт, не зная о том, что произошло с его детьми на море, послал одного из рабов своих в Берит, поручив ему разыскать Иоанна и Аркадия и узнать подробно о них все: здоровы ли они и скоро ли окончат свое учение. Отец и мать сильно удивлялись, что в течение столь продолжительного времени дети ни разу не известили их о себе и не прислали ни одного письма своим родителям. Раб, прибыв в Берит и узнав, что дети господина его Ксенофонта не являлись в этот город, подумал: не изменили ли они своего намерения и не пошли ли они в Афины? А потому пошел в Афины искать их. Не найдя их и там и не будучи в состоянии собрать где-либо о них сведений, он пошел обратно в Византию смущенным. Когда он отдыхал на пути в одной гостинице, какой-то странствующей инок остановился там же отдохнуть. Во время разговоров он рассказывал, что идет в Иерусалим поклониться святым местам. Раб Ксенофонта, всмотревшись в инока внимательно, постепенно узнал в нем своего бывшего друга, одного из рабов, посланных господином с детьми в Берит. Раб спросил инока:

– Не так ли ты называешься? – и, назвав его имя, сказал:

– Ты – раб господина нашего Ксенофонта, отправившийся с Иоанном и Аркадием в Берит.

Черноризец ответил:

– Действительно это я, а ты товарищ мне, так как мы одного господина рабы.

Тогда раб спросил:

– Что случилось с тобою, что ты принял образ инока? Где также господа наши Иоанн и Аркадий? Расскажи мне, прошу тебя, – ибо я много трудов понес, отыскивая их, и нигде не нашел.

Инок тяжко вздохнул и с глазами, полными слез, начал рассказывать ему подробно.

– Ты должен знать, друг, что господа наши погибли в море, а равно и все, бывшие с ними. Как я думаю, я один только спасся от гибели. Я решил лучше скрыться в иноческом звании, чем возвратиться домой и принести ужасную весть господину нашему и госпоже и всем домашним. Таким образом, я стал иноком и иду в Иерусалим на поклонение.

Раб, услышав это, начал громко восклицать и горько плакать. Он начал вопить от жалости, бил себя в грудь и говорил:

– О горе мне, господа мои! Что приключилось с вами? Что я слышу о вас! Как вы пострадали! Какая горькая кончина постигла вас! Кто возвестит отцу и матери об ужасной смерти вашей? Чьи глаза смогут смотреть на отцовские слезы и материнское горе! Можно ли слушать без содрогания плачь, рыдание и вопли их! Увы мне, мои добрые господа! Вы погибли, надежда наша! Мы надеялись, что вы, став наследниками после своих родителей, доставите счастье нам, рабам, осыплете своими благодеяниями нуждающихся, успокоите странных, облагодетельствуете нищих, украсите Божии храмы, будете подавать необходимое монастырям, – а ныне, о горе нам! Все наши надежды обмануты. Что мне делать, я не знаю. Если я возвращусь домой к господину моему, то я не посмею рассказать ему столь прискорбные известия. В самом деле, как возвестить отцу и матери о том, что сыновья их погибли в море? Услышав об этом, не упадут ли они тотчас мертвыми, изнемогая от тяжкой сердечной скорби? Поэтому я не пойду домой, чтобы вследствие столь дурного известия, которое я принесу, не

умерли раньше времени господа мои, и я не стал виновником их смерти.

Когда раб этот так говорил и плакал, не желая возвращаться к господину своему Ксенофонту, случившиеся там странники и жители селения убеждали его перестать плакать и советовали ему идти домой и рассказать обо всем господам своим, чтобы они не проклинали его.

– Если ты не возвестишь господам о горе их, – говорили они, – и сам неожиданно исчезнешь, то не будет тебе спасения.

Раб послушался совета их и возвратился в Константинополь. Вошедши в дом господина своего, он сел, поникши головою, с осунувшимся лицом, и в смущении молчал.

Госпожа его Мария, услышав, что раб их, посланный к детям, возвратился, тотчас призвала его к себе и стала спрашивать:

– Как живут наши дети?

– Ничего, здоровы, – ответил раб.

Госпожа продолжала спрашивать:

– Где же их письма?

– Я потерял их на пути, – ответил раб.

Тогда начало смущаться сердце ее, и она обратилась к рабу:

– Заклинаю тебя Богом, расскажи мне истину. Душа моя сильно смутилась, и силы оставили меня.

Тогда он громко воскликнул, горько заплакал и начал рассказывать истину.

– Горе мне, госпожа моя! – говорил он. – Оба светила ваши угасли в море: разбился корабль, и все утонули.

О сколь мужественною оказалась, сверх ожидания, госпожа, услышавшая эту весть! Крепко веруя в Бога, она, вместо того чтобы упасть на землю от изнеможения и горя и рыдать в отчаянии, несколько помолчала от изумления, а потом сказала:

– Благословен Бог, устроивший все сие! Как было угодно Господу, так Он и сотворил. Да будет имя Господне благословенно отныне и до века!

Рабу же, принесшему ей весть, она сказала:

– Молчи и никому об этом не говори: Господь дал, Господь и взял; Он Сам знает, что нам служит на пользу.

Когда прошло часа три и день склонялся к вечеру, возвратился домой из царских палат Ксенофонт. Он возвращался торжественно, в предшествии и сопровождении многих. Войдя в дом и отпустив пришедших с ним людей, он сел трапезовать. Он один только раз в день принимал пищу, и то вечером. Когда он возлег за трапезою, супруга его Мария обратилась к нему:

– Знаешь ли ты, господин мой, что раб наш пришел из Берита?

Ксенофонт ответил на это:

– Да будет благословен Бог! Где же возвратившийся раб?

Госпожа сказала ему:

– Он болен и отдыхает.

Тогда Ксенофонт спросил:

– Принес ли он нам письма от детей?

Она сказала на это:

– Оставь на сегодня, господин! Сейчас мы вкусим пищи, а завтра ты увидишь письма. Раб имеет многое рассказать нам о них словесно.

Но Ксенофонт настаивал:

– Сегодня и немедленно пусть принесут письма. Я прочту их и узнаю: здоровы ли дети наши? А все, что имеет сказать он изустно, пусть скажет завтра.

Тогда Мария, будучи не в состоянии удержать сердечное горе, залилась слезами и не могла ничего отвечать по причине рыданий. Ксенофонт, видя, что она так сильно плачет, удивился и стал спрашивать:

– Что это, госпожа моя Мария? Почему ты так плачешь? Разве дети наши больны?

Она едва-едва могла вымолвить:

– Лучше бы было, если бы они были больны, но они погибли в море, наши любезные дети.

Ксенофонт громко застонал и, прослезившись, сказал:

– Да будет благословенно имя Отца и Сына и Святого Духа, вовеки, аминь! Не скорби, госпожа моя. Я верю, что Бог не

попустит нашим детям совершенно погибнуть, и надеюсь, что Его милосердный промысл не причинит горя моим сединам, как и я никогда не осмеливался оскорбить Его благостыню. Помолимся же Его великой милости в продолжение всей этой ночи, и будем надеяться, что Бог откроет нам о детях наших: живы ли они, или нет?

Затем они тотчас встали, затворились в молитвенной комнате и всю ту ночь провели в молитве, обращаясь к Богу с обильными слезами и твердою верою. Когда начало светать, они возлегли отдохнуть, каждый особо, на острых волосяных рубищах. И было им обоим одно и то же сонное видение. Им казалось, что они видят обоих сыновей своих предстоящими Христу Господу в великой славе: Иоанн имел уготованный для него престол, скипетр и царский венец, украшенный многоценным бисером и дорогими каменьями; у Аркадия же был венец из звезд, крест в правой руке и светлый одр, приготовленный для отдыха. Когда они встали от сна и рассказали друг другу о своем видении, они поняли, что сыновья их живы и сохраняются милостью Господнею. Они сильно обрадовались, и Ксенофонт сказал своей супруге:

– Мария, я думаю, что наши дети в Иерусалиме. Пойдем туда и поклонимся святым местам. Может быть, там как-нибудь найдем и детей наших.

Посоветовавшись так между собою, Ксенофонт и Мария приготовились в путь и, сделав распоряжения управителям обо всем, касавшемся дома и имущества, раздав много милостыни и взяв с собою много золота, сколько было необходимо для подаяния милостыни и для пожертвований на святые места, отправились в Иерусалим. Прибыв туда, они обошли все святые места, молясь и раздавая милостыню. Затем они начали обходить все находившиеся в окрестностях Иерусалима монастыри, отыскивая детей своих, но нигде не находили их. Случилось им в одном месте на пути встретить одного из рабов своих, бывших с их детьми на корабле, уже ставшего иноком. Они обнимали его, целовали и земно кланялись. Инок, в свою очередь, земно кланялся им и говорил:

– Молю вас, ради Господа, не кланяйтесь мне: не приличествует вам, моим господам, так кланяться мне, рабу вашему.

Ксенофонт сказал ему:

– Мы почитаем святой иноческий образ, а потому и кланяемся. Ты же не печалься об этом, а лучше расскажи нам, умоляем тебя, – где наши сыновья? Скажи нам, ради Господа, скажи!

Инок прослезился и сказал:

– Когда разбился на море корабль, мы, схватив каждый доску, какую кто мог, плавали порознь, носимые бурею. Больше я ничего не знаю. Не знаю, спасся ли кто от гибели или нет. Только я был выброшен на сушу у берегов тирской страны.

Узнав это, Ксенофонт и Мария отпустили инока в путь, щедро одарив его милостынею, чтобы он молился о них и о детях их. Они направились в иорданские страны, чтобы и там помолиться и раздать оставшееся золото. Когда они шли преднамеченным путем, то, по Божию промышлению, встретили того святого старца – прозорливца, который облек сына их Аркадия в иноческий образ. Припав к ногам святого отца, они просили у него молитв за себя Богу. Святому старцу было открыто о них от Бога все. Сотворив молитву, он сказал им:

– Кто привел в Иерусалим Ксенофонта и Марию?

Никто, – кроме любви к детям.

Но вы не скорбите: ваши дети живы, и Бог открыл вам во сне славу, уготованную им на небе. Идите же, возделыватели винограда Господня, куда вы идете ныне, и когда вы окончите там свои молитвы, то по возвращении в святой город вы увидите детей своих.

Побеседовав так, они разошлись: Ксенофонт с Мариею пошли к Иордану, а прозорливый старец пошел к святому городу и, побывав в церкви Воскресения Христова, сел близ святой Голгофы на земле и отдыхал. Когда святой старец сидел там, юный инок Иоанн, сын Ксенофонта, пришедший из Малмефетанского монастыря в Иерусалим на поклонение, увидел святого старца и поклонился ему до земли. Старец с любовью приветствовал его и, благословив, спросил:

– Где был ты доселе, господин мой Иоанн? Вот отец твой и мать твоя ищут тебя, а ты пришел, отыскивая своего брата.

Иоанн удивлялся тому, что этот великий старец знает все. Поняв, что это – прозорливец, он припал к ногам святого и сказал:

– Умоляю тебя, отче, скажи мне, Господа ради, где брат мой. Душа моя сильно изнемогает от желания видеть его. Я много подвизался, молясь Богу, чтобы Он открыл мне: жив ли мой брат, или нет? Но Господь не благоволил мне открыть доселе, – разве только ныне через тебя, святой отец!

Старец сказал ему:

– Сядь около меня; ты скоро увидишь брата своего.

Когда они посидели немного, подошел другой инок, юный Аркадий, с изможденным телом и высохшим лицом. Глаза его глубоко впали от чрезмерного поста и воздержания. Кланяясь святым местам, он скоро увидел сидящего старца и, подбежав к нему, упал к ногам его, говоря:

– Отче, ты оставил свою ниву и уже третий год не посещаешь ее; много терниев и сорной травы выросло без тебя, и тебе предстоит много потрудиться, пока ты очистишь ее.

Старец сказал ему:

– Знай, дитя мое, что я ежедневно посещал свою ниву, и верую Господу, что не терния выросли на ней и не сорная трава, а зрелая пшеница, достойная трапезы Царя царствующих. Сядь около меня.

Аркадий сел. Старец помолчал некоторое время и затем обратился к Иоанну:

– Откуда ты, брат Иоанн?

Иоанн ответил:

– Я, отец мой, убогий человек и странник. Об исполнении одного только желания сердца моего я прошу милости Господней и твоей святой молитвы.

Старец сказал ему:

– Да, это так. Но скажи мне, какого ты рода и какой город – отечество твое, а равно какова твоя жизнь, – чтобы прославилось имя Господне.

Иоанн начал рассказывать все по порядку, – что он родом из Константинополя, сын одного сановника, имел брата Аркадия, с которым был послан в Берит учиться, – что на море, во время сильного волнения разбился корабль и все потонули, кроме него.

Аркадий, слушавший этот рассказ, внимательно всматривался в инока и, наконец, узнал в нем своего брата. По духу родственной любви, он не мог долее слушать излагаемый иноком рассказ и воскликнул:

– Воистину, отче, это брат мой Иоанн!

Старец сказал на это:

– Знаю и я, но молчал, чтобы вы сами друг друга узнали.

Они поспешно бросились друг другу на шею, обнимали и лобызали друг друга с радостью и слезами и затем, встав, прославили Бога, сподобившего их свидеться живыми, в святом иноческом образе и в такой добродетельной жизни, посвященной Богу.

Спустя два дня пришли от Иордана Ксенофонт и Мария. Помолившись на Голгофе и поклонившись живоносному Гробу Господа нашего, они раздали на этом святом месте много золота во славу Божию. Увидев там же и святого прозорливого старца, они узнали его и, припадая к ногам его, просили молитвы. После молитвы они сказали старцу:

– Ради Господа, отче, исполни свое обещание и покажи нам детей наших.

Оба же сына их, Иоанн и Аркадий, стояли около старца, но он повелел им не говорить ни слова и даже не поднимать глаз, а смотреть вниз, чтобы не быть узнанными. Дети узнали своих родителей и радовались сердцем, а родители не могли узнать детей своих, частью потому, что они были в иноческом одеянии, а частью потому, что от продолжительного воздержания поблекла красота лица их. Тогда святой старец сказал святым Ксенофонту и Марии:

– Идите в свою гостиницу и приготовьте нам трапезу. Я приду с учениками своими и, вкусив вместе с вами пищи, скажу вам, где ваши дети.

Родители сильно обрадовались, так как святой отец обещал им показать их детей, и, отправившись, быстро приготовили обильную трапезу. Святой старец сказал ученикам своим:

– Пойдем туда, где остановились ваши родители, но вы постарайтесь ничего не говорить, пока я не скажу вам.

Оба брата сказали ему:

– Как повелишь ты, отче, так и будет.

Тогда старец продолжал:

– Разделим с ними трапезу и беседу. Это не повредит спасению вашему. Верьте мне, что какой бы труд вы ни предприняли ради добродетели, вы не достигнете меры совершенства вашего отца и матери.

Затем они пришли в гостиницу, приютившую Ксенофонта, и сели за предложенную им трапезу. Они ели вместе и беседовали о назидательных вещах. После этого блаженные Ксенофонт и Мария обратились к старцу:

– Отче святой, как живут наши дети?

Святой ответил:

– Они доблестно трудятся ради своего спасения.

Родители сказали на это:

– Бог, устрояющий спасение всех людей, да дарует им быть истинными делателями винограда Христова!

Затем снова Ксенофонт обратился к старцу:

– О как хороши, отче, эти твои ученики! О если бы и наши дети были таковы! Сильно возлюбила душа наша этих юных иноков. Лишь только мы увидели их, возвеселялось сердце наше, как будто мы увидели собственных детей.

Тогда старец сказал Аркадию:

– Расскажи нам, чадо, где ты родился, как воспитался, как пришел сюда?

Аркадий начал рассказывать так:

– Я, отче, и этот мой брат – родом из Византии, сыновья одного из первейших сановников в царских палатах. Воспитаны мы в благочестии. Родители послали нас в Берит учиться эллинской мудрости. Когда мы плыли, наш корабль разбился от волнения и бури, и каждый из нас, ухватившись за доску от разбившегося корабля, плыл туда, куда несли его волны. По

Божию милосердию, мы остались в живых и выброшены морем на сушу.

Когда он еще говорил, родители узнали, что это их дети, и тотчас воскликнули:

– Вот они, наши дети! Вот плод утробы нашей! Вот светила очей наших!

Бросившись им на шеи, они лобызали их с любовью и плакали от радости. Старец также прослезился. Затем все встали, воздали славу и благодарение Богу и веселились, прославляя великое и дивное промышление Божие.

После этого Ксенофонт с подругою своею просили святого старца постричь и их в иноческий чин. Рукою прозорливого отца были пострижены Ксенофонт и Мария и им же научены иноческим правилам. Старец заповедал им, чтобы они жили не вместе, а каждый особо. Спустя немного времени они все разлучились. Мария ушла в монастырь иночествующих женщин, а Иоанн и Аркадий, простившись с родителями, отошли со старцем в пустыню. Ксенофонт же, послав в Византию, велел продать дом свой и все имущество, раздал все нуждающимся, отпустил на свободу рабов, а сам, нашедши келью в пустыне, предался безмолвию.

Все они послужили Богу до конца и сподобились от Него великих даров: Иоанн и Аркадий просияли среди пустынножителей, как светила, и, прожив много лет, предузнали о своей кончине и отошли ко Господу. Преподобная Мария соделала много чудес, исцеляла слепых, изгоняла бесов и после блаженной кончины перешла от земли к небу. Преподобный Ксенофонт также получил от Бога дар чудотворения и прозорливства: он предсказывал будущее и был созерцателем великих таин, а затем отошел созерцать то, чего не видело человеческое око, и наслаждаться видением Лица Божия. Так преподобный Ксенофонт, блаженная Мария и святые дети их, Иоанн и Аркадий, усердно возлюбившие Бога, ревностно послужили Господу праведною и богоугодною жизнью[1007], и причтены к лику святых Святейшим Владыкою, Христом Спасителем нашим, Которому со Отцом и Святым Духом слава, честь и поклонение, вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Житейскаго моря избегше, Ксенофонт праведный с сопружницею честною на небесех свеселятся с чады, Христа величающе.

Память преподобного Симеона Ветхого

Память 26 января

Преподобный Симеон, именуемый «Ветхим»[1008], с юных лет проводил пустынное житие, поселившись в одной небольшой пещере, в Сирии, в совершенном уединении. Жизнь его протекала в строгом посте, непрерывной молитве и богомыслии. Пищею ему служили только травы, произраставшие вокруг пещеры. Так подвизался он в продолжение многих лет. Когда же к нему стали стекаться желающие видеть его и чрез это нарушали его безмолвие, он оставил пещеру и переселился на гору Аман[1009]; но и здесь не нашел покоя от многих стекавшихся к нему. Тогда он удалился на Синайскую гору[1010]. Но Бог не благоизволил, чтобы преподобный остался на Синае, ибо надлежало ему послужить спасению других в прежнем месте своих подвигов. Поэтому Симеон возвратился на Аман. Под его руководством в непродолжительном времени здесь были устроены две иноческие обители: одна – на вершине горы, другая – внизу, у подошвы горы. Управляя обителями, преподобный Симеон наблюдал над вверенными его руководительству подвижниками, ободрял и укреплял их в подвигах благочестия, предупреждал их о нападениях и кознях врага нашего спасения и руководствовал в борьбе с ним, возбуждал к внутреннему вниманию, располагал их к кротости, снисходительности к ближним, великодушию к врагам. За свои неусыпные подвиги преподобный получил от Бога благодать повелевать даже лютыми зверями. Богоугодно пожив, преподобный в глубокой старости с миром почил о Господе[1011].

Память святых мучеников Анании пресвитера, Петра темничного ключаря и с ним семи воинов

Память 26 января

Святой Анания от младенчества отличался благочестием. Отданный в книжное научение, он в отрочестве прилежал чтению Божественных книг. Поэтому, когда он возрос, то был сделан народом, хотя и против воли, диаконом, а потом и пресвитером, несмотря на свои юные годы. В гонение Диоклетиана Анания, как христианин, был представлен суду. Несмотря на убеждения и угрозы, он оставался непреклонен и всенародно исповедовал Христа, осмеивал языческих богов в храме, одним дуновением ниспроверг идолов и самый храм разрушил. После того Анания был заключен в темницу, где на седьмой день удостоился явления Христова, а на двенадцатый день – явления Святого Духа в виде голубя. После этих видений темничный страж, по имени Петр, уверовал во Христа, и оба они были представлены новому правителю, который приказал положить Ананию на раскаленную сковороду, после чего тело его строгать и посыпать солью, а Петра – на горячие уголья; затем они заключены были в сильно натопленную баню, но через три дня найдены невредимыми. При этом чуде семь воинов обратились ко Христу и за это были жестоко биты плетьми. Потом все девять человек были брошены в огонь, но, после того как явился им Дух Святой в виде голубя, остались невредимы. Анания был предан диким зверям, но остался цел. Наконец, все они были потоплены в море. На пути Анания крестил семь обратившихся воинов. Тела святых мучеников волнами были вынесены на берег, с честью погребены христианами, причем источали многоразличные исцеления[1012].

Память святого Иосифа Солунского

Память 26 января

Святой Иосиф, архиепископ Солунский, брат преподобного Феодора Студита, вместе с ним с юных лет подвизался под руководством дяди своего, преподобного Платона, основавшего монастырь в Сакудионе[1013]. Вместе с братом своим святой Иосиф изобличал незаконное бракосочетание императора Константина[1014]. Приведенный в Константинополь, он был томлен голодом и, наконец, послан в заточение на бесплодный остров, где брошен был в темницу. Император Михаил Куропалат[1015] позволил Иосифу возвратиться из заточения. При Льве Армянине[1016] святой Иосиф претерпел гонение за иконопочитание. Лев подверг его, вместе с его братом Феодором Студитом, пыткам и потом заключил его в темницу; через некоторое время царь потребовал, чтобы они подписались под иконоборным исповеданием веры. Иосиф отказался, и его бросили в другую смрадную темницу. Впоследствии Михаил Косноязычный[1017] освободил вместе с прочими иноками, пострадавшими за иконопочитание, и Иосифа. Святой Иосиф с миром скончался в Студийской обители, где провел последние годы своей жизни[1018].

Перенесение мощей святого отца нашего Иоанна Златоуста

Память 27 сентября

После того как прошло тридцать и даже более лет со времени кончины[1019] великого вселенского учителя, святого Иоанна Златоуста в городе Команах[1020], – святейший Прокл, бывший некогда учеником его, а затем заместителем его престола[1021], совершая летом в память его богослужение в Великой Константинопольской церкви, произнес слово к народу, прославляя угодника Божиего многими похвалами.

«Никто не может, – говорил он, – восхвалить святого Иоанна по достоинству, – разве только другой бы такой же Иоанн ныне явился. Подобно переполненной водами реке, память его, слагающаяся из воспоминания его бесчисленных трудов, подвигов и наставлений, напаяет души верных. В нем сияют лучи благодати Божией, в которых одному с ясностью является солнце Божества, другому представляется очищение православия от ересей, иному показывается гибель идолов, для иного обнаруживается лживость заблуждений, иной видит утверждение веры и исправление нравов, для иного блистают небесные венцы. О архиерей, память которого подобна исполненному благоуханий воздуху! О имя Иоанново, соответствующее делам! О прозвание Златоустом, явственно показывающее, каким он был в проповеди слова Божиего! О язык, высший небес! О учитель, распространяющий евангельские громы! Это – Иоанн, подобный Иоанну Предтече Господнему, проповедовавшему покаяние. Тот был проповедник, этот – богогласная труба. Тот был непоколебим, этот непобедим. Тот – девственник, этот – защитник чистоты. Тот крестил в пустыне, этот в городе расстилал мысленные сети. Тот обличал прелюбодея, этот грозно обличал хищников. Тот был брошен в темницу, этот заточен в изгнании. Тот был усечен мечом, этот желал принять такую же смерть за истину. Много у него было подвигов на земле; много венцов уготовано ему на небе. Иоанн ныне взывает вместе со святым апостолом

Павлом: я – Христово благоухание (2Кор.2:15), ибо я все места очистил от заблуждений, как бы от зловония: в Ефесе я устранил обманы Мида, во Фригии матерь ложных богов я сделал бесчадною, в Кесарии я разорил народные блудилища, в Сирии я упразднил богопротивные сонмища, в Персии я посеял семя благочестия. Повсюду я насадил корни православной веры; весь мир посредством своего учения я просветил познанием Бога. Составляя книги, я всюду распространил сети спасения. С Иоанном Богословом я богословствовал о Слове Отчем. Вместе с рыбарями я бросил в мир мрежи Православия. – О Иоанн! Жизнь твоя поистине была исполнена скорби, но смерть твоя почетна, гроб твой славен, награда твоя велика!»

Когда беседовал так святой Прокл в церкви, народ, горевший любовью к святому Иоанну Златоустому, не мог дождаться конца беседы, но громким голосом все, точно одними устами, взывали к святейшему Проклу, прося его поторопиться возвращением святых мощей Иоанна из Коман в Константинополь. Громкие клики раздавались в церкви так долго, что патриарх не мог окончить своей беседы. Тотчас после отпуска церковного святейший Прокл отправился к царю Феодосию[1022], сыну Аркадия, внуку Феодосия Великого, и просил его о перенесении честных мощей Иоанна Златоуста, говоря:

– Возврати, царь, евангельски родившего тебя святым крещением и святительскими руками внесшего тебя в церковь, как некогда старец Симеон Господа. Церковь взывает к тебе: красота моя поблекла, уста закрылись, великолепие омрачилось. Дикий вепрь растерзал пастырей Златоустовых овец, и кровожадные звери уничтожили плоды уст моих.

Зависть осквернила святыню служителя моего; как в лесной дубраве секирами, отсекли его от меня и заключили его в гробе молчания. Друзья еретиков говорили между собою: заградим уста, говорившие многое против нас. Посрамим его речи, ибо никто уже не сможет так учить и никто уже не возразит нам. Доколе, царь, будет враг поносить меня ради Златоуста? Возврати мне того, который был подобием Жениха моего

Христа. Даруй мне, своей матери, твоего духовного отца. Хотя и отстранила его от меня твоя плотская мать, но ты не следуй ее немилостивому сердцу и дурному намерению, а поревнуй святыне духа, без которой никто не увидит Господа. Прошла слава Евдоксии[1023], а Церковь всегда пребывает. Я – твоя мать на вечные времена. Дай мне возможность повсеместно распространять радость возвращением Златоуста, и ты будешь иметь во мне ходатаицу о тебе пред Богом. Приобрети душу Златоуста в качестве молитвенницы о тебе. Будь сыном правды, утверждаемым отеческою молитвою!

Так, сказав многое от лица Церкви, он склонил царя к согласию. Были посланы в Команы почетнейшие мужи с серебряною ракою, чтобы перенести святые мощи Иоанна Златоуста с великим почетом. Когда они прибыли туда и показали царское послание команскому епископу и всему народу, наступила великая скорбь между людьми, печаль и рыдание по поводу лишения такого Великого сокровища. Народ не хотел отдавать святых мощей. Много рассуждали по этому поводу; однако не могли противиться царскому повелению. Когда же посланные царем люди хотели взять из гроба святые мощи, они тотчас стали тяжелее камня и всякой другой тяжести, так что при всех усилиях невозможно было сдвинуть их с места. Посланные много потрудились, но ничего не достигли. Поняв из этого, что святой не соизволяет, чтобы его мощи были взяты оттуда, они тотчас письменно известили об этом царя. Царь, посоветовавшись со святейшим патриархом и другими святыми мужами, понял свою ошибку, – именно, что он не с молением, а с повелением послал взять из Коман мощи святого Иоанна. Он задумал написать к нему послание как бы к живому, прося прощения за свое дерзновение и умоляя его, чтобы он соизволил возвратиться на свой престол и утешить свое стадо. Он написал своею рукою следующее:

«Вселенскому учителю и духовному моему отцу, святому Иоанну Златоусту Феодосий царь: твое честное тело, честнейший отец, признав как бы бездушным, подобно телам прочих умерших, я повелел немедленно перенести к нам, но не получил желаемого по причине моего недостоинства. Ныне же к

тебе, как к живому, посылаю сию мою собственноручную просьбу и с верою прошу прощения мне и людям твоим. Прости мне дерзновенно предпринятое начинание, покрыв его глубиною твоей мудрости. Ты, учивший всех покаянию, прости кающегося. Как детям, любящим отца, возврати нам отца и обрадуй пришествием твоим любящих тебя. Помимо великой нужды, усердно умоляю тебя прийти к нам, а не повелеваю. Не посрами меня вторично, честнейший отец! Даруй себя желающим тебя видеть: возвратись с миром к себе, и свои примут тебя с любовью».

Написав это послание, царь отдал его скороходам и повелел, открыв гроб святого, положить его на груди святого и затем совершить всенощное бдение. Когда присланное царем в Команы царское письмо было положено на груди святого Иоанна и когда затем по совершении всенощного бдения царские мужи коснулись честных мощей, святой тотчас отдался им: он стал так же естественно легок, как и был. Присланные обрадовались и, взяв из гроба честные мощи, положили их в царскую раку. Там находился один убогий человек, имевший от укушения змеи хромую ногу и живший при церквах, прося милостыни. Он взял небольшой покров от гроба святого и отер им свою ногу. Тотчас нога его стала крепка, как и другая, и он стал ходить, прославляя Бога. Весь народ собрался со свечами для поклонения честным мощам святого и проводил их при перенесении с обильными слезами и рыданиями. Царские люди отправились в путь и, прошедши беспрепятственно большое расстояние, достигли Халкидонской пристани[1024]. Навстречу святым мощам вышли царь со всем синклитом, патриарх с клиром и бесчисленное множество народа, севшего на корабли. Был приготовлен особый царский корабль для принятия честных мощей Иоанна, в который и была поставлена рака с мощами. Когда возвращались в Константинополь, поднялась внезапно, по Божиему попущению, буря на море. Все корабли были разбросаны туда и сюда; корабль же, на котором была рака с мощами святого, лишившись руля, носился сам по себе, невидимо управляемый не человеческою рукою, а Божией силою. Он пристал к берегу в том месте, где находился

виноградник вдовицы, за который святой Иоанн Златоуст претерпел столько бедствий и самое изгнание. Так он и по смерти явил ревность по правде и изобличил неправедно причиненную обиду. Тотчас море затихло, корабли сошлись в одно место неповрежденными, и никто не пострадал от морского волнения.

Когда рака с мощами была перенесена с корабля на берег, поднялся весь город и вышел со свечами, кадилами и песнопениями. Клирики, взяв раку, внесли ее первоначально в церковь святого апостола Фомы, а затем в церковь Ирины, иначе называемую церковью мира Христова. Здесь царь и патриарх открыли раку и нашли тело святого Иоанна подобным виноградной лозе, цветущим красотою и нетлением и издающим великое благоухание. Царь, сняв свою багряницу, простер ее над мощами, а затем, припав на перси святого, со слезами говорил:

– Прости, отче, прегрешение, причиненное тебе завистью. Не считай меня сообщником греха моей матери и не допусти, чтобы я страдал от оскомины за родительскую невоздержность. Хотя я и сын твоей гонительницы, однако, я неповинен в причиненном тебе бедствии. Прости ей согрешение, чтобы и я был свободен от упрека, тяготеющего на ней. Преклоняю свой сан к ногам твоим и всю мою власть подчиняю твоему молению. Прости оскорбившую тебя безрассудным насилием, ибо она раскаялась в сделанном тебе и просит прощения, обращаясь к тебе со смирением моими устами так: помяни, отче, твое учительное слово о непамятозлобии и сам забудь мою злобу. Я хочу восстать от падения, но подай мне руку, ты, говоривший: если кто пал однажды, встань, и спасешься. Я не могу перенести твоего недовольства мною; даже гроб мой сотрясается, сокрушая мои кости. Боюсь я и вечной казни, и того, чтобы не быть устраненною от стояния одесную на Страшном Суде Христовом. Многих спас ты своими поучениями; да не буду я одна лишена того же спасения. Не оставь меня, зовущей тебе вслед, но отомсти за меня врагу моему – дьяволу, ибо это он научил меня оскорбить тебя, как некогда научил Еву согрешить Богу. Не гневайся на меня, незлобивый;

непамятозлобствовавший в жизни тленной, не памятозлобствуй и в нетленной. Если я, живя временною жизнью, причинила тебе зло, то ты, живя вечною жизнью, будь полезен душе моей. Миновала моя слава, и ничто мне не помогло; помоги же мне ты, отче, во славе своей, которую ты принял от Бога, и прежде чем я буду осуждена на Страшном Суде Христовом, прости меня безответную.

Говоря эти слова от лица своей матери, царь не переставал плакать, но орошал слезами тело святого и лобызал его со страхом. Также и святейший Прокл, с любовью лобызая тело святого, взывал:

– Радуйся, христолюбивый отче, сладчайший учитель! Я твое чадо, воспитавшееся от твоего духовного млека. Как ты был прежде меня пастырем, так и ныне ты пастырь: мои овцы суть твои; на твоей пажити доселе питается твое стадо и, стремясь к тебе, не желает следовать другим пастырям. Яви же нам лицо твое и снова заставь услышать голос твой.

Весь народ стремился хотя прикоснуться только к честной раке святого и не отходил от нее день и ночь. Наутро мощи святого были возложены на царскую колесницу и отвезены с великою честью и славою в великую соборную церковь святых Апостолов. Когда рака была внесена внутрь и поставлена на патриаршем престоле, весь народ восклицал как бы едиными устами:

– Прими престол свой, отче!

Тогда патриарх Прокл, а с ним и многие достойнейшие мужи увидели, что святой Иоанн, раздвинул свои мертвые уста, как бы живой, произнес архиепископское благожелание:

– Мир всем!

Во время совершения святой литургии много чудесных исцелений было подаваемо от святых Златоустовых мощей болящим, а равно и гроб царицы Евдоксии остановился от своего долговременного сотрясения. Пресвитеры положили святое тело Иоанна в алтаре под жертвенником, с весельем и радостью прославляя Христа Бога, с Отцом и Святым Духом превозносимого вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Уст твоих якоже светлость огня возсиявши благодать, вселенную просвети: не сребролюбия мирови сокровища сниска, высоту нам смиренномудрия показа. Но твоими словесы наказуя, отче Иоанне Златоусте, моли Слова Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 1:

Возвеселися таинственно честная церковь возвращением честных твоих мощей, и сия сокрывши, яко злато многоценное, поющым тя неоскудно подавает молитвами твоими исцелений благодать, Иоанне Златоусте.

Житие преподобного отца нашего Ефрема Сирина[1025]

Память 28 января

Святой Ефрем был родом из Месопотамии из города Низибии[1026]. Он родился в царствование Константина Великого от христианских родителей[1027] и дожил до царствования Феодосия Великого[1028]. Еще в юных годах святой Ефрем отрекся от мира и ушел в пустыню, где стал иноком[1029]. Он получил от Бога дар премудрости; из уст его истекала благодать, подобно сладкой реке напаявшая умилением души всех, слушавших его поучения. Это было предзнаменовано ему в самом раннем возрасте. Когда он был еще ребенком, родители его видели о нем следующий сон: виноградная лоза взошла на языке мальчика и, выросши, наполнила ветвями и гроздьями всю поднебесную. Птицы небесные собирались и ели ягоды винограда, и сколько они съедали, настолько же количество винограда увеличивалось. Когда затем святой Ефрем подвизался на одной пустынной горе, исполненный великого умиления и сердечного сокрушения, один из богоносных отцов видел во сне светлого, сиявшего, подобно Ангелам, мужа. Он держал в руке исписанный свиток и спрашивал:

– Кто может принять и сохранить этот свиток?

Голос свыше отвечал ему:

– Никто другой, кроме Ефрема, угодника Моего.

Перед явившимся мужем стоял Ефрем. Он открыл свои уста, а муж вложил ему в рот свиток. Преподобный Ефрем съел свиток, а затем, вскоре после этого, начал говорить и писать назидательные речи, приводившие в умиление каждого, читавшего их и слушавшего. Они могли в каждом возбудить страх Господень и наставить на путь покаяния, как это ясно из его боговдохновенных книг. Равным образом и другой великий и святой старец имел подобное же видение во сне о святом Ефреме. Он видел сонмы Ангелов, сходивших с неба по

повелению Божиему и имевших в руках свиток, исписанный внутри и извне. Они говорили друг другу:

– Кто может этот свиток принять?

В ответ одни называли одно имя, другие вспоминали другое, а некоторые говорили:

– Поистине святы и праведны упомянутые мужи, но ни один из них не может принять этого свитка, а только Ефрем, кроткий и смиренный сердцем.

Затем старец видел, как Ефрему был отдан этот свиток. Встав наутро, он слышал, как блаженный Ефрем предлагал братии поучительные назидания. Как будто источник истекал из уст! Из них исходили речи, преисполненные великой пользы. Он уверовал, что все, исходящее из уст святого Ефрема, внушается Духом Святым, и прославил Бога, подающего такую благодать рабам Своим.

В 363 году Низибия подпала под власть персов, и многие из христиан оставили Низибию. Тогда и преподобный Ефрем вознамерился пойти отсюда в город Эдессу[1030]. Он обратился к Богу с такою молитвою:

– Господи Иисусе Христе! Сподоби меня увидеть город Твой, и когда я буду входить в него, пошли мне навстречу такого человека, который побеседовал бы со мною от Священного Писания с пользою для меня.

Когда он, так помолившись, приближался к городу и входил в ворота, встретила его женщина. Увидев ее, раб Божий опечалился и обратился мысленно к Богу:

– Господи, Ты презрел моление раба Твоего. Ибо каким образом может она беседовать со мною о книжной мудрости?

Женщина же стояла и смотрела на него. Святой Ефрем обратился к ней с вопросом:

– Скажи мне, женщина, зачем ты стоишь и смотришь на меня?

Женщина ответила:

– Я смотрю на тебя, потому что женщина от мужа взята, а ты смотри не на меня, а в землю, из которой ты взят.

Услышав это, Ефрем подивился такому ее ответу и прославил Бога, давшего женщине такой ум. Он понял, что не

презрел Господь молитвы его. Вошедши в город, он жил в нем много времени[1031].

Случайно близ того дома, в котором обитал святой, жила другая женщина, блудница, бывшая его соседкою. Подстрекаемая бесовским лукавством, она хотела оскорбить старца. Открыв оконце, откуда был вид на жилище святого, она увидела, что Ефрем стоит и варит себе пищу. Женщина громко обратилась к нему:

– Благослови, господин!

Преподобный посмотрел на оконце и, заметив, что она наблюдает, сказал ей:

– Господь да благословит тебя.

Тогда женщина продолжала:

– Чего недостает для твоей пищи?

Святой ответил:

– Три камня и немного песку необходимо, чтобы заградить оконце, из которого ты смотришь сюда.

Женщина бесстыдно сказала ему на это:

– Я обратилась к тебе с речью первая, и ты ответил мне. Я хочу лечь с тобою, а ты отказываешься с первого слова.

Раб Божий отвечал ей:

– Если ты хочешь лечь со мною, то иди на то место, какое я тебе укажу.

Блудница сказала:

– Укажи мне это место, и я приду.

Тогда святой сказал:

– Если ты избрала меня, то не можешь возлечь со мною ни на каком другом месте, как только среди города.

Блудница изумилась:

– Разве не стыдно нам будет людей?

Святой ответил:

– Если нам стыдно людей, то насколько больше должно стыдиться, а вместе и бояться Бога, знающего все тайны человеческие! Ведь Он будет судить весь мир и воздаст каждому по делам его.

Услышав это, блудница умилилась речами святого Ефрема. Она пришла и припала к ногам его, плача и говоря:

– Раб Божий! Наставь меня на путь спасения, чтобы я могла избавиться от многих моих злых деяний.

Преподобный Ефрем, преподав ей много наставлений из Священного Писания, утвердил ее в покаянии и, отдав ее в женский монастырь, спас душу ее от беззаконий и греха.

Затем еще одна блудница, подошедши к преподобному Ефрему, когда он куда-то шел, соблазняла его на грех, чтобы по крайней мере рассердить его, так как никто и никогда не видел его гневающимся.

Преподобный сказал ей:

– Иди за мною.

Женщина пошла за ним. Когда они подошли к одному многолюдному месту, святой сказал ей:

– Здесь ляжем и совершим грех.

Она же, видя народ, сказала ему:

– Как можно здесь остановиться, когда кругом столько народу! Разве не стыдно?

Преподобный ответил ей:

– Если ты стыдишься людей, то насколько больше мы должны стыдиться Бога, знающего сокровенные тайны?

Так женщина отошла от него посрамленная, не будучи в состоянии ни прельстить святого к греху, ни возбудить в нем гнев, ибо он был муж поистине незлобивый и кроткий и совершенно неспособный гневаться.

О его добросердечии рассказывают следующее. Когда он постился в пустыне, ученик его в обычное время приносил ему пищу. Однажды, когда он нес пищу, то случайно разбил на пути сосуд, в котором была пища. Он боялся гнева старца, но последний, увидев смущенного ученика, сказал:

– Не скорби, брат, – если пища не захотела к нам прийти, то мы пойдем к ней.

Затем, подошедши, он сел у разбитого сосуда и, собирая пищу, стал есть. Так он был незлобив! О нем рассказывали, что с тех пор, как он стал иноком, никогда ни на кого не гневался.

Преподобному Ефрему было однажды откровение о святом Василии Великом. Он видел в сонном видении огненный столп, достигавший до неба, и слышал голос:

– Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий.

Тогда Ефрем пожелал видеть святого Василия. Взяв с собою переводчика, – ибо он не умел говорить по-гречески, – святой Ефрем пошел в Кесарию Каппадокийскую[1032]. Он нашел святого Василия в церкви поучающим людей и начал славить его громким голосом, говоря:

– Воистину велик Василий! Воистину он есть столп огненный! Воистину Дух Святой говорит его устами!

Тогда некоторые из народа стали говорить:

– Кто этот странник, так восхваляющий архиепископа? Не льстит ли он ему, чтобы получить что-либо из рук его?

После отпуста церковного, когда преподобный Ефрем вступил в дружескую беседу со святым Василием, последний спросил его:

– Почему ты так прославлял меня?

Преподобный Ефрем ответил:

– Потому что я видел белого голубя, сидевшего на правом плече твоем и говорившего тебе на ухо то, что ты внушал людям. Кроме того, огненный язык вещал твоими устами.

На это святой Василий сказал ему:

– Поистине я вижу ныне то, что слышал о тебе, житель пустыни и любитель безмолвия! Так пишется и у пророка Давида: «Ефрем крепость главы Моей» (Пс.59:9). Поистине к тебе относятся эти пророческие слова, ибо ты многих наставил на путь добродетели и укрепил в ней. Кротость же твоя и незлобие сердца сияют для всех, как свет.

После того Василий Великий сказал:

– Почему, честный отче, ты не принимаешь посвящения в сан пресвитера, будучи достоин его?

– Потому что я грешен, владыка! – отвечал ему Ефрем через переводчика.

– О если бы и я имел грехи твои! – сказал Василий, и прибавил: – Сотворим земной поклон.

Когда же они поверглись на землю, святой Василий возложил руку свою на главу преподобного Ефрема и произнес молитву, положенную при посвящении в диакона. Преподобный

Ефрем пробыл после того со святым Василием три дня, в духовной радости. Василий поставил его в диакона, а переводчика его в пресвитера и потом с миром отпустил их.

Преподобный Ефрем имел великую любовь к преподобному Аврамию затворнику, память которого празднуется 29 октября. Они часто посещали друг друга и умилялись взаимно назидательными дружескими беседами. А когда блаженная Мария, племянница Аврамия, подверглась обольщению врага, преподобный Ефрем своими молитвами много содействовал спасению ее. Он много болел сердцем о согрешающих и много заботился об исправлении их.

Преподобный Ефрем то пребывал в пустыне[1033], в безмолвии работая Богу, причем собрал там и множество учеников, – то, по повелению Божиему, жил в городе Эдессе, приводя многих людей к покаянию и приобретая для Бога погибшие души своими поучениями. Настолько он изобиловал душеполезными словами и был преисполнен благодати Божией, что много раз у него изнемогала гортань от напряжения голоса, а язык от произнесения слов; однако речи его не становились короче, тем более что ум его был преисполнен глубины премудрости и разума[1034]. Кроме того, он был исполнен глубокого смирения, всячески избегал человеческого почитания и временной славы. Один раз народ хотел схватить его и насильно поставить в епископы. Ефрем, узнав об этом, притворился юродивым и начал бегать по площади, влача за собою свою одежду, как безумный, – схватывал продаваемые хлебы и овощи и ел. Видя это, люди сочли его помешанным, а он бежал из города и скрывался, пока не был поставлен другой епископ на то место, на которое его хотели поставить. В молитве святой пребывал непрестанно, – днем и ночью. Обладая даром умиления и слез, он плакал всегда, поминая день суда, о котором он много писал и говорил. Он мало спал, мало вкушал и пищи, – только бы не изнемочь и не умереть от голода и лишения сна. Он был совершенно нестяжателен и любил нищету больше богатства, как и сам говорит о себе в своем завещании:

– Ефрем никогда не имел ни золота, ни серебра, ни какого-либо хранилища, исполняя волю благого Учителя Христа, заповедовавшего: ничего на земле не приобретайте (ср.Мф.6:25 и след.).

В те годы жил еретик Аполлинарий, ложно мудрствовавший о воплощении Господнем. Он находчив был в словах и искусен в эллинской премудрости, вследствие чего сильно смущал Церковь Божию и многих увлек в свою ересь. Этот еретик весь труд свой и все старание, от самой юности своей и до старости, прилагал к тому, чтобы развращать православных и увлекать их в свое заблуждение. Он написал много книг против православных, из коих особенно замечательны две, так как в них наиболее полно выражено все его душевредное учение. Их он и употреблял как оружие, ведя борьбу с православными путем словесных состязаний. Эти его книги были положены на сохранение у одной женщины, сожительницы его. Преподобный Ефрем, узнав об этих книгах, изобрёл против еретической хитрости свою, еще более изумительную: он пришел к той женщине тайно и весьма хвалил Аполлинария, называя себя при этом учеником последнего. Как бы желая научиться неизвестной ему мудрости, он просил женщину дать ему на малое время Аполлинариевы книги, которые она хранила, чтобы из них списать вкратце наиболее замечательные места. Женщина, будучи уверена, что это действительно ученик ее друга, дала ему обе книги с условием, чтобы он поскорее возвратил их и никому о них не говорил. Святой Ефрем, взяв книги, отнес в свою обитель и, приготовив клей, все листы в них, отгибая по одному, склеивал, пока, наконец, не склеил все их так, что книги стали как бы одним куском дерева, или камнем, причем ни одного листа нельзя было отделить от другого. Затем он отнес книги женщине. Она же, взяв их и не посмотрев внутрь, положила на своем месте. Случился потом спор православных с еретиком Аполлинарием, состарившимся уже. Не обладая уже прежнею находчивостью в спорах и имея слабую память по причине старости, он хотел достигнуть победы над православными при помощи тех своих книг; но, взяв их, он не мог их раскрыть, так как листы были крепко

склеены и окаменели. Он исполнился великого стыда и вышел с собора побежденным и посрамленным, а затем скоро от скорби и великого стыда он лишился жизни, с позором извергнув свою окаянную душу.

Преподобный отец наш Ефрем, прожив богоугодно много лет и приведши многих к спасению, заблаговременно провидел свою кончину и написал для своих учеников поучительное завещание. Проболев немного, он в глубокой старости отошел к Господу[1035]. Честное тело его было погребено в его обители, находившейся в пустыне, в пределах Эдесских, в Сирии, а святая душа его предстоит ныне престолу Владыки, ходатайствуя о нас, чтобы мы получили прощение грехов наших, по его молитвам, благодатью и милосердием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Ефреме отче наш. Моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Час присно провидя суда, рыдал еси горько, Ефреме, яко любобезмолвный, делателен же был еси в делех учитель, преподобне. Темже, отче всемирный, ленивыя воздвизаеши к покаянию.

Житие святого Ефрема Печерского, епископа Переяславского

Память 28 января

После блаженного Варлаама, боярского сына, блаженный Ефрем евнух, человек знатного рода и благородного происхождения, весьма любимый князем Изяславом[1036] и заведовавший у него всем его хозяйством, пришел из княжеского дома к преподобному отцу нашему Антонию и просил его, вместо служения князю, приобщить его к слугам Царя Небесного и возложить на него святой ангельский образ иноческого чина. Преподобный Антоний, преподав ему наставление о спасении души, поручил блаженному Никону постричь его. Согласно этому повелению, Никон постриг блаженного Ефрема и облек в иноческую одежду. Но ненавидящий добро враг, дьявол, навлек великую скорбь на преподобных за пострижение сего блаженного Ефрема, равно как и за пострижение блаженного Варлаама, о чем записано в житиях преподобных Антония и Никона. В самом деле, князь тьмы, видя, что он побеждается тем священным сонмом, который собирался в темной пещере, и, поняв, что с этого времени место сие будет прославляться, скорбел о своей гибели. Он начал своими враждебными кознями разжигать сердце князя Изяслава против преподобных, побуждая его разогнать священный сонм. Однако он не мог этого достигнуть и сам был прогнан молитвами преподобных; он впал в яму, которую готовил. Правда, и постригший блаженного Ефрема преподобный Никон был приведен к князю и резко обличен, и сам начальник братии, преподобный Антоний с братьею, вследствие гнева князя, был изгнан из пещеры, но затем скоро, по ходатайству княгини пред князем Изяславом, а лучше сказать – по молитвам Царицы Небесной, Пресвятой Богородицы, пред Царем славы, Христом Богом, иноки возвратились в пещеру свою, как храбрые воины с поля брани, победив своего супостата – дьявола. После этого они всегда оставались в пещере, прославляя и благословляя Бога.

После всего бывшего преподобный отец наш Ефрем, видя, какую скорбь причинил враг всему священному сонму, сильно вооружился против него богоугодною жизнью в пещере, постоянною молитвою, постом и всенощным бдением. Повинуясь во всем советам отца и наставника своего, преподобного Антония, он обнаруживал большое усердие в подражании всем его добродетелям. Потому-то, по примеру преподобного Антония, который совершал путешествия из России на святую Афонскую гору, и сей преподобный отец наш Ефрем горел духом, стремясь к святым местам. Он желал быть самовидцем равноангельского жития святых афонских отцов, чтобы вдохновиться любовью к их добродетельным трудам. Поэтому он умолял преподобного Антония дать ему благословение на путешествие в греческую страну. Преподобный, не желая лишить его награды за странничество, отпустил его с благословением и молитвою, подобно тому, как некогда Ной отпустил голубку из ковчега, чтобы она принесла масличную ветвь. Тогда преподобный отец наш Ефрем, приняв, как два голубиные крыла, благословение и молитву, устремился в предлежавший ему путь и достиг до Константинополя. Везде по пути он наблюдал жизнь святых людей, посещал жилища отшельников, земных Ангелов, насыщаясь в изобилии духовною пищею, душеспасительными беседами и наставлениями святых отцов. Вследствие этого он несколько замедлил в своем путешествии. Когда же его повлекла назад любовь к родине, он, чтобы не возвращаться в свой мысленный ковчег без какой-либо масличной ветви, списал устав святого Студийского монастыря[1037] и принес в Печерский монастырь, по поводу чего и посылал к нему, в бытность его в Греции, блаженный игумен Феодосий от имени преподобного Антония. По возвращении своем из святых мест он пожил в Печерском монастыре недолго, но за то послужил образцом многих добродетелей к душевной пользе иноков, так что все благодарили о нем Бога. В это время преставился блаженный епископ переяславский Петр. По благоволению Божию, по совету всех и по желанию великого князя Всеволода Ярославича[1038], преподобный отец наш Ефрем

поставлен был Переяславским епископом преосвященным митрополитом Киевским Иоанном.

Приняв великий сан святительства, он начал обнаруживать великую ревность об устроении церквей в своей епископии. Он считал это для себя самым почетным и самым дорогим делом, имея в виду умножить прославление пресвятого имени Божиего. Бог споспешествовал ему в этом деле: спустя всего несколько лет он построил большую и величественную каменную церковь святого Архистратига Михаила, которую и сделал соборным храмом Переяславской епископии; затем на вратах этой устроил церковь святого Феодора, и, наконец, пред вратами каменной церкви построил церковь святого Андрея Первозванного. Он украсил также город Переяславль различными церковными зданиями, притом каменными, чего прежде не было[1039]. Все это, спустя немного времени, было уничтожено, когда, по Божию попущению, в наказание за грехи наши, сделал нашествие на землю Российскую злочестивый татарский князь Батый[1040]. Тогда пал жребий и на славный город Переяславль.

Преподобный Ефрем во время своего епископства присутствовал и на перенесении честных мощей преподобного отца нашего Феодосия Печерского. Пожив добродетельно и богоугодно, он почил от временной жизни, а душою восшел к нерукотворному Владычному престолу[1041]. Честное же тело его было положено с честью в созданной им церкви, в которой он учредил престол Переяславской епископии. Да удостоимся и мы предстать пред престолом Владыки, Небесного Царя, подобно овцам, собранным гласом молитв преподобного отца нашего Ефрема, чтобы вместе с ним прославлять Пастыреначальника Иисуса, а в Нем и с Ним Бога Отца и Святого Духа, в бесконечные веки. Аминь.

Память преподобного Ефрема Новоторжского

Память 28 января

В дни благоверных великих князей, святых страстотерпцев Российских Бориса и Глеба, были в России три единоутробных брата: Ефрем, память которого празднуется 28-го января, Георгий и Моисей. Все они происходили из Угорской земли[1042] и все они, в звании бояр, служили великим князьям Борису и Глебу. Когда святой Борис был убит на реке Альте[1043], боярину Ефрему не случилось быть там с князем Борисом. Поэтому он и спасся от убиения, а брат его Георгий был убит вместе со святым Борисом: он пал рядом с господином своим, причем убийцы отрезали у него голову, ради того украшения из золота, которое возложил на него святой Борис. Третий же брат Моисей[1044], бывший при князе во время убиения, спасся бегством от смерти, а после этого пострадал за свое целомудрие от одной польки больше, чем некогда Иосиф от Пентефрии. Наконец, он стал святым иноком в Киевском Печерском монастыре, как об этом пишется в его житии. – Сей же блаженный Ефрем, после убиения благоверного князя Бориса, прибыл на то место, где было совершено беззаконное убийство, и, плача и рыдая, искал тело своего брата, – но нашел только голову, которую и хранил до своей кончины. Оставив свой боярский сан и дом, он прибыл в город Торжок[1045] и, нашедши одно весьма красивое место близ города, на берегу реки Тверцы, построил там храм во имя государей своих, великих князей, святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и, собрав много иноков, устроил обитель, а сам стал архимандритом[1046]. Доблестно потрудившись в посте и молитвах, он благоугодил Богу и преставился в 1053 году. После преставления его, у гроба его[1047] многие чудеса совершались и подавались исцеления болящим; подаются они и ныне приходящим с верою, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Память преподобного Палладия Пустынника

Память 28 января

Преподобный Палладий благоугождал Богу затворничеством. Построив себе на одной горе небольшую хижину и заключившись в ней, он подвизался в непрестанном бдении, молитве и посте. За свои подвиги Бог прославил его даром чудотворений. Однажды некий купец, носивший при себе много золота, был убит, и тело его убийцы ночью бросили пред дверями хижины преподобного. Когда рассвело и преступление было обнаружено, все стали обвинять преподобного в убийстве купца. Теснимый народной толпой, святой помолился и молитвою воскресил мертвого. Восстав, он назвал своих убийц и доказал непричастность святого к убийству. И много других чудес совершил преподобный. Преуспевая в добродетелях, преподобный Палладий с миром отошел к Богу, оставив Церкви Божией душеполезные сочинения[1048].

Перенесение мощей святого священномученика Игнатия Богоносца

Память 29 января

После того как святой Игнатий Богоносец, по повелению царя Траяна, был растерзан зверями в Риме за Христа[1049], как об этом повествуется в его житии, остались после него некоторые, более крупные, кости. Бывшие в это время в Риме верующие собрали их и положили благоговейно в том же городе в почетном месте, а затем, в царствование того же Траяна, перенесли их в Антиохию – на защиту городу, в исцеление болящим, в утешение всему его словесному стаду и во славу Христа Бога, за имя Которого он ревностно пострадал[1050]. Более подробные сведения об этом изложены в его житии 20 декабря.

Житие преподобного отца нашего Лаврентия, затворника Печерского

Память 29 января

После искушения, постигшего преподобных затворников Печерских Исаакия и Никиту, приобрел известность подвизавшийся в том же святом Печерском монастыре блаженный Лаврентий, который также возымел дерзновение, как добрый воин Христов, одними собственными силами вести борьбу с противоборствующим душе губителем-дьяволом, врагом подвижников. Он пожелал посвятить себя молитве в строгом затворе, утвердившись в той мысли, что именно о затворническом житии Господь говорит в словах: «Ты же, когда молишься, войди в дом свой, затвори за собою дверь и помолись Отцу твоему, Который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф.6:6). Но преподобные отцы решительно не советовали ему делать это в святом Печерском монастыре, где дьявол наиболее строил козни спасающимся отцам. Они вспоминали, как здесь враг одолел Исаакия и Никиту, боровшихся с ним наедине, в затворе; их обоих, едва лишь после многих молитв, привели в чувство. Тогда Лаврентий, простившись с братией, отошел в монастырь святого великомученика Димитрия, построенный князем Изяславом[1051], и там подвизался в затворе. Он начал вести самую строгую жизнь и проявлять величайшую ревность о своем спасении, предпринимая с каждым днем все большие труды, умерщвляя все страстные вожделения воздержанием и голодом, искореняя их мечом духовным, то есть – силою молитвы, и угашая разожженные стрелы врага водою своих слез. Так, по благодати Божией, он не только сам избежал бесовских стрел, но и получил от всещедрого Господа дар чудесно исцелять различные язвы и недуги людей, а равно изгонять бесов.

Раз к преподобному Лаврентию, среди многих других, был приведен из Киева для исцеления один человек, одержимый бесом, настолько свирепым и сильным, что то дерево, которое с трудом могли понести десять человек, он один брал легко и

отбрасывал вдаль. Блаженный затворник, желая прославления благодатью своему духовному отечеству, святому Печерскому монастырю, повелел отвести этого человека туда. Тогда бесноватый начал вопить:

– К кому ты посылаешь меня? Я не смею даже приблизиться к пещере, так как в ней почивает много святых. В самом же монастыре есть тридцать святых черноризцев, которых я боюсь, – а с прочими я веду борьбу.

Когда бесноватый поведал это о благодати, почивающей на святом Печерском монастыре, блаженный снова повелел отвести его туда насильно, чтобы лучше удостовериться во всем, сказанном им. Ведшие бесноватого, зная, что он никогда не бывал в Печерском монастыре и никого не знает там, спрашивали его:

– Кто эти подвижники, которых ты боишься?

В это время всех братий в Печерском монастыре было сто восемнадцать.

Бесноватый перечислил по именам тридцать из них и сказал:

– Все они одним словом могут изгнать меня.

Тогда ведшие его сказали ему снова:

– Мы хотим заключить тебя в пещере.

Он на это ответил им:

– Какая мне польза вести борьбу с мертвыми? Ибо они имеют гораздо большее дерзновение молиться Богу о своих черноризцах и о всех приходящих к ним. Если же вы хотите видеть мою способность вести борьбу, то ведите меня в монастырь: кроме указанных тридцати мужей, я могу бороться со всеми остальными.

Затем он начал показывать свои способности, произнося речи по-еврейски, по-римски, по-гречески, словом – на всех языках, которых он никогда и не слышал. Провожавшие его устрашились и много дивились изменению его речи и способности говорить на разных языках. После этого, прежде чем они вошли в монастырь, нечистый дух оставил бесноватого; исцелившийся начал со смыслом рассуждать, и бывшие с ним пришли в радость. Затем все вместе они вошли в святую

чудотворную Печерскую церковь воздать хвалу Богу. Узнав об этом, игумен пришел со всею братией в церковь. Исцеленный не знал ни игумена, ни кого-либо из тех тридцати мужей, именами которых называл во время беснования. Тогда стали спрашивать его:

– Кто исцелил тебя?

Он, взирая на чудотворную икону Пресвятой Богородицы, ответил:

– С нею встретили нас святые мужи, числом тридцать, и я исцелился.

При этом имена всех их он помнил, а в лицо не знал ни одного.

Тогда они все вместе воздали хвалу Богу, Его Пречистой Матери и святым угодникам Его.

Так прославилось святое место Печерской обители по благоустроению Божиему, возвещенному блаженным затворником Лаврентием, который по прошествии некоторого времени оставил Печерскую обитель и был возведен на Туровскую кафедру[1052]. По блаженной кончине святого Лаврентия[1053] тело его было перенесено в Киево-Печерский монастырь и с честью положено в пещерах, в которых и доселе его чудотворные мощи пребывают нетленными, в честь видящего втайне, но воздающего затворникам явно, прославляемого в Троице Бога, Которому слава вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Сильвана епископа, Луки диакона и Мокия чтеца

Память 29 января

В царствование римского императора Нумериана[1054] было великое гонение на христиан; к правителю города Эмезы[1055] поступил тогда донос на местного епископа, святого Сильвана; святитель вместе с диаконом Лукою и чтецом Мокием, связанные, предстали пред судьей. Убедившись, что они исповедуют Христа Бога истинного, идолов же не почитают и поносят, правитель пришел в ярость, не в силах будучи склонить исповедников Христовых к идолопоклонству льстивыми речами, судья подверг бичеванию, после чего заключил в темницу; долго томились там святые, пока правитель не потребовал их к себе вторично. Он приказал томить страстотерпцев голодом и жаждою, после чего приговорил отдать их на растерзание зверям. Когда святые мученики приведены были на место казни, и на них выпущены были разные звери, воины Христовы помолились, чтобы здесь Господь послал им кончину. Молитва их была услышана, и Господь приял святые их души; к честным их останкам приблизились звери, но не коснулись их; христиане же ночью тайно взяли мощи святых мучеников и предали их погребению, вознося благодарение Богу.

Память святых мучеников Романа, Иакова, Филофея, Иперихия, Авива, Иулиана и Паригория

Память 29 января

Все сии святые мученики, воинствуя по Христе, изобличали всенародно языческие заблуждения, за что были подвергнуты жестоким мучениям: плечи и колена их были сокрушены; потом их беспощадно строгали, надели на шеи их тяжкие железные оковы и ввергли в темницу; потом снова вывели из темницы, опять строгали их тела, повесили и пригвоздили главы их ко кресту. В таких мучениях предали они души свои Богу[1056].

Собор трех великих вселенских учителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста

Память 30 января

В царствование благоверного и христолюбивого царя Алексея Комнина[1057], который принял царскую власть после Никифора Ботаниата[1058], был в Константинополе великий спор об этих трех святителях между искуснейшими в красноречии учителями мудрости. Одни ставили выше прочих святителей Василия Великого, называя его возвышеннейшим витией, так как он всех превосходил словом и делами, причем видели в нем мужа, мало чем уступающего Ангелам, твердого нравом, не легко прощающего согрешения и чуждого всего земного; ниже его ставили Божественного Иоанна Златоуста, имевшего отличные от указанных качества: он был расположен к помилованию грешников и скоро допускал их к покаянию. Другие, наоборот, возвышали Божественного Златоуста, как мужа человеколюбивейшего, понимающего слабость человеческого естества, и как красноречивого витию, наставлявшего всех на покаяние множеством своих медоточивых речей; поэтому и почитали они его выше Василия Великого и Григория Богослова. Иные, наконец, стояли за святого Григория Богослова, утверждая, что он убедительностью речи, искусным истолкованием Священного Писания и изяществом построения речи превзошел всех славнейших представителей эллинской мудрости, как ранее живших, так и современных ему. Так одни возвышали славу святого Григория, а другие унижали его значение. От этого происходил между многими раздор, причем одни назывались Иоаннитами, другие Василианами, а иные Григорианами. Об этих именах спорили мужи, искуснейшие в красноречии и мудрости.

Спустя некоторое время после того как возникли эти споры, явились эти великие святые, сначала каждый отдельно, а затем все три вместе, – притом не во сне, а наяву, – Иоанну, епископу

Евхаитскому, ученейшему мужу, весьма сведущему в эллинской мудрости (как об этом свидетельствуют и его сочинения), а также прославившемуся своею добродетельною жизнью[1059]. Они сказали ему едиными устами:

– Мы равны у Бога, как ты видишь; нет у нас ни разделения, ни какого-либо противодействия друг другу. Каждый из нас отдельно, в свое время, возбуждаемый Божественным Духом, написал соответствующие поучения для спасения людей. Чему мы научились сокровенно, то передали явно людям. Нет между нами ни первого, ни второго. Если ты ссылаешься на одного, то в том же согласны и оба другие. Поэтому повели препирающимся по поводу нас прекратить споры, ибо как при жизни, так и после кончины, мы имеем заботу о том, чтобы привести к миру и единомыслию концы вселенной. Ввиду этого, соедини в один день память о нас и, как подобает тебе, составь нам праздничную службу, а прочим передай, что мы имеем у Бога равное достоинство. Мы же совершающим память о нас будем споспешниками к спасению, так как мы надеемся, что имеем некоторую заслугу у Бога.

Сказав это епископу, они стали подниматься на небо, сияя неизреченным светом и называя друг друга по имени. Блаженный епископ Иоанн тотчас своими стараниями восстановил мир между враждовавшими, так как он был муж великий в добродетели и знаменитый в любомудрии. Он установил праздник трех святителей, как и повелели ему святые, и завещал церквам праздновать его с подобающим торжеством[1060]. В этом ясно обнаружилась мудрость этого великого мужа, так как он усмотрел, что в январе месяце совершается память всех трех святителей, а именно: в первый день – Василия Великого, в двадцать пятый – Божественного Григория, а в двадцать седьмой – святого Златоуста, – то он соединил их в тридцатый день того же месяца, увенчав празднование их памяти канонами, тропарями и похвалами, как это и приличествовало.

Необходимо добавить о них и следующее. Святой Василий Великий превзошел в книжной мудрости не только учителей своего времени, но и древнейших: он прошел не только всю

науку красноречия до последнего слова, но и хорошо изучил философию, а равно постиг и ту науку, которая учит истинной христианской деятельности. Затем, проводя добродетельную жизнь, исполненную нестяжательности и целомудрия, и восходя умом к боговидению, он был возведен на архиерейский престол, имея сорок лет от рождения, и в течение восьми с лишком лет был предстоятелем церкви.

Святой Григорий Богослов был столь велик, что если бы можно было создать человеческий образ и столп, составленный по частям из всех добродетелей, то он был бы подобен великому Григорию. Просияв своею святою жизнью, он достиг такой высоты в области богословия, что всех побеждал своею мудростью как в словесных спорах, так и в истолковании догматов веры. Поэтому он и был назван богословом. Он был святителем в Константинополе двенадцать лет, утверждая Православие. Пожив затем малое время на патриаршем престоле (как об этом пишется в его житии), он оставил престол по преклонности возраста и, имея шестьдесят, отошел в горные обители.

О Божественном Златоусте по справедливости можно сказать, что он превзошел всех еллинских мудрецов разумом, убедительностью слова и изяществом речи; Божественное Писание он изъяснил и истолковал неподражаемо; равным образом в добродетельной жизни и боговидении он далеко превзошел всех. Он был источником милости и любви, был исполнен ревности учительства. Всего он прожил шестьдесят лет; пастырем Христовой Церкви был шесть лет. Молитвами этих трех святителей Христос Бог наш да низложит еретические распри, а нас да сохранит в мире и единомыслии и да сподобит нас Небесного Своего Царствия, ибо благословен Он вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Яко Апостолов единоравнии и вселенныя учителие, Владыку всех молите, мир вселенней даровати и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Священныя и боговещанныя проповедники, верх учителей, Господи, приял еси в наслаждение благих Твоих и упокоение: труды бо онех и смерть приял еси паче всякаго всеплодия, Едине, прославляяй святыя Твоя.

Память святого мученика Феофила Нового

Память 30 января

Святой Феофил родился и воспитывался в Царьграде при императоре Константине Порфирородном и матери его святой Ирине[1061]. Во время нашествия арабов[1062] он был назначен главнокомандующим греческих войск; благодаря личной храбрости и военному искусству, он потопил много неприятельских судов и не раз наносил поражения арабам. Божиим попущением однажды его флот был окружен более многочисленными неприятельскими кораблями, и святой Феофил взят был в плен. Когда его представили арабскому государю, тот, пораженный красотою и мужеством святого Феофила, стал убеждать его отречься от христианской веры; но ни обещания всяческих почестей, ни угрозы победителей не подействовали на доблестного христианского военачальника. Когда он увидел, что воины его перебиты, то стал упрекать варваров за их жестокость и обличал нечестивую их веру. Отведенный в их страну, святой Феофил заключен был там в темницу; через четыре года, по случаю совершавшегося арабами какого-то их религиозного торжества святого страстотерпца вывели из тюрьмы и стали принуждать к участию в торжестве; когда же святой Феофил отказался повиноваться, то ему отсекли голову, и так воин Христов восприял мученический венец[1063].

Память святых мучеников Ипполита, Кенсорина, Савина, Хрисии девицы и прочих двадцати мучеников

Память 30 января

Священномученики Ипполит, Кенсорин, Савин и Хрисия жили в царствование Клавдия[1064], в бытность игемоном, в звании наместника, Улпия Римлянина. Кенсорин был первым советником в сенате, в сане магистра[1065]. Подвергнутый допросу на основании доноса, он исповедал Христа и за это был ввергнут в темницу. Там он совершил много чудес Христовою силою и даже вопрошал мертвого. Случившиеся при этом воины, видя чудеса, уверовали во Христа, и за это им, числом до двадцати, были отсечены головы. Подвергнута была допросу, как христианка, и блаженная девица Хрисия. Воины, повесив ее, били воловьими жилами и опаляли огнем ее ребра, а затем ввергли в темницу. Спустя несколько дней снова вывели ее из темницы, раздробили камнем ее челюсти и били оловянным молотом по плечам, а затем, привязав камень на шею, ввергли ее в глубину морскую. Так святая девица окончила свое страдание за Христа. Блаженный Савин также был бит по телу тяжелым молотом и, повешенный на дереве, опаляем свечами. Претерпевая такие муки и благодаря Бога, он предал Ему дух свой. Узнав обо всем этом, великий Ипполит, святитель Римской церкви, пришел к игемону и обличал его жестокость и бесчеловечие, называя его кровопийцей. При этом он дерзновенно исповедал Христа Бога, Творца мира. За это он был бит слугами игемона по глазам; нечестивые подвергли его и другим мукам и, наконец, связав ему руки и ноги, бросили в море. Претерпев эти мучения, святой Ипполит сделался наследником Царствия Божиего[1066].

Память преподобного Зинона

Память 30 января

Сей блаженный отец наш Зинон происходил из Понта[1067]; оставив здесь огромное богатство, он напоялся источниками учения святого Василия Великого[1068], орошавшими Каппадокию, и принес плоды, достойные сего учения. Он служил при дворе императора Валента[1069] в числе воинов, с которыми посылались царские грамоты; по смерти этого государя святой Зинон отверг богатство и почетное звание и поселился в одну гробницу[1070], находившуюся в горе, близ Антиохии, и здесь жил в уединении, очищая душу. У святого отшельника не было никакого имущества, кроме ветхого рубища, в которое он одевался; пищу получал святой Зинон от одного из знакомых, который доставлял ему один небольшой хлебец на два дня, а воду он носил себе сам издалека. Являясь примером глубочайшего смирения, преподобный Зинон в исполнении иноческих подвигов достиг высокого совершенства; сорок лет провел он в постничестве, приходя каждый воскресный день в святой храм, где слушал Божественное Слово, преклонял слух свой к поучениям проповедников и приобщался Святых Христовых Таин; после того преподобный возвращался в свое убежище, не имевшее ни замка, ни сторожа, потому что оно недоступно было для злодеев и совершенно безопасно. Спустя некоторое время по удалении своем из мира преподобный послал одного из знакомых к себе на родину продать имущество, оставшееся после родителей его и выдать его брату принадлежавшую ему часть. Исполнив это, посланный доставил святому его долю; из нее преподобный Зинон стал благотворить неимущим; когда же почувствовал приближение кончины, то пригласил к себе Антиохийского епископа Александра[1071] и сказал ему:

– Так как я призываюсь к отшествию из этой жизни, то завещаю тебе: что мог, я раздал сам, как казалось мне лучше; это же остальное не успел раздать и назначаю распорядителем сего тебя, призывая Бога в свидетели.

После того, облобызав святителя, блаженный предал душу свою Богу.

Страдание святых чудотворцев и бессребреников Кира и Иоанна и святой мученицы Афанасии и трех дочерей ее Феоктисты, Феодотии и Евдоксии

Память 31 января

Святой угодник Божий Кир родился и получил воспитание в Египетской стране, в городе Александрии, построенном Александром Македонским. По своим познаниям он был знаменитый врач и исцелял телесные болезни совершенно бесплатно, а своими боговдохновенными речами и примером своей добродетельной жизни врачевал душевные недуги людей. Приходя к больным, он излагал им не советы Галена или Гиппократа[1072], но наставления святых апостолов и пророков о том, как сохранить себя от греховных недугов, которые бывают причинами телесных болезней: болезни душевные – суть более тяжкие недуги по сравнению со всеми болезнями тела; когда душа тяжко страдает грехами, то часто случается, что и тело подвергается тяжкой болезни, попускаемой Богом в наказание за грехи. Так поучая больных, а равно проповедуя им и Божественное учение, святой Кир многих язычников привел к познанию Бога истинного и сделал их христианами, уврачевав своим замечательным искусством их души и тела.

В это время царствовал нечестивый царь Диоклетиан, воздвигший гонение на христиан. Святой Кир, славный александрийский врач был обвинен пред начальником города в том, что он – христианин и многих наставляет в христианской вере; начальник повелел тотчас схватить его. Святой Кир, узнав об этом, бежал из города и из страны Египетской и пришел в Аравию. Это он сделал не из страха мук или смерти за Христа, но частью – последуя словам Христовым: «когда вас гонят в одном городе, бегите в другой» (Мф.10:23), частью из желания продолжать свою помощь ближним, а частью желая лучше приготовить себя к страданиям за Господа своего в иноческом звании. Ввиду этого, он, по прибытии в Аравию, тотчас принял

иноческий ангельский образ. Самое прибытие его в Аравию произошло по особому Божиему промышлению, чтобы он и там привел многих ко Христу, избавил от греховного служения идолам и наставил их на путь спасения. Он оставил там и врачебное свое искусство, ибо получил от Бога дар чудотворения, и уже не лечением и травами, а молитвами и словом исцелял всякие болезни. Через эти его чудотворения прославлялось имя Христово и многое множество идолопоклонников, оставляя свои заблуждения, обращались ко Христу, Истинному Богу.

В это время жил в Едесе[1073] святой Иоанн, благочестивый христианин, имевший почетное воинское звание. Когда началось Диоклетианово гонение на христиан, он оставил свое воинское звание и славу мира сего, свое отечество, дом и родных, свое богатство, – все это считая суетою, и пришел в Иерусалим, где, по прошествии некоторого времени, услышал о святом Кире и о совершаемых им чудесах, слава которых распространилась повсеместно. Он возымел сильное желание видеть святого Кира и жить вместе с таким великим угодником Божиим. Для этого Иоанн отправился прежде всего в Александрию, отыскивая Кира, но, не нашедши его там, усердно расспрашивал, где он. Затем, узнав, что святой Кир живет в Аравии, Иоанн поспешно отправился туда и, нашедши его, привязался к нему всею душою и был как самовидцем его чудес, так и усердным подражателем его добродетельной жизни.

В то же самое время была схвачена для истязания за имя Христа одна боголюбивая женщина, по имени Афанасия, со своими тремя дочерьми: Феоктистою, Феодотией и Евдоксией, и была отведена в город Каноп[1074], в котором жил языческий жрец Кассиан, а градоправителем был Сириан. Услышав об этом, святые Кир и Иоанн стали опасаться, чтобы юные отроковицы не отпали от Христа как вследствие страха пред угрозами мучений, так и вследствие соблазна льстивыми обещаниями, – тем более что они были очень юны: старшей из них Феоктисте было пятнадцать лет, второй – Феодотии тринадцать, а младшей Евдоксии – одиннадцать лет. Святой Кир сомневался и относительно твердости матери их Афанасии,

опасаясь, как бы она, ради дочерей, – чтобы не подвергнуть их тяжким мучениям и не видеть беспощадно проливаемой их крови, не склонилась к языческому нечестию; ибо известно, как матери, повинуясь естественному чувству, болеют сердцем о детях своих. Поэтому он отправился в тот город, чтобы утвердить в исповедании Христовой веры отроковиц и матерь их и подготовить их к безбоязненному и мужественному перенесению мучений. За святым Киром последовал и святой Иоанн, оба они отправились в город Каноп. Явившись к Афанасии с дочерьми, находившимися в заключении, они обширными вдохновенными речами утверждали их в любви к Господу Иисусу Христу и убеждали их ревностно предать за Него свои души. Об этом тотчас было донесено градоправителю Сириану. Один из язычников пришел к нему и сказал:

– В нашем городе явились какие-то новые и никому неизвестные люди: один в иноческой одежде, а другой в воинской. Они убеждают взятых ныне дев не поклоняться нашим богам, но оставаться в своей нечестивой вере, а равно не повиноваться царским повелениям. Они убеждают их почитать одного лишь некоего Иисуса и Ему воздавать Божественные почести, пренебрегая смертью.

Услышав об этом, Сириан исполнился ярости и повелел тотчас схватить обоих мужей и привести к себе. Святые Кир и Иоанн были немедленно схвачены и представлены нечестивому судье Сириану на допрос. Посмотрев на них, он спросил:

– Подлинно ли вы, окаянные враги наших богов, стараетесь обольстить девиц и всякими ухищрениями увеличить число христиан для уничижения царя нашего? Если вы доселе были безумны, то, по крайней мере, теперь оставьте вашу ложную веру, исполненную всякого волхования, и постарайтесь умилостивить богов молитвами и жертвами, чтобы не только избавиться мук, приготовленных для вас, но и удостоиться от нас почестей. Если же не сделаете этого, то узнаете ярость и неумолимый гнев не только Сириана или Диоклетиана, но и самих богов, которых вы хулите, – узнаете богов, хотя бы они были самыми милосердыми карателями своего бесчестия.

На это святые Кир и Иоанн отвечали:

– Мы не имеем обычая говорить много. Знай твердо, что мы ни пустых ваших почестей никогда не захотим, ни Христа не отвергаемся, хотя бы нам пришлось и пострадать за Него.

Тогда Сириан воспламенился еще большею яростью, заскрежетал зубами и сказал:

– Вам, нечестивым, следовало бы быть благодарными судье за человеколюбие. Если в вас есть сколько-нибудь разума, откажитесь от своего заблуждения, чтобы избавиться грозного наказания. Но так как я не вижу у вас ничего другого, кроме гордости, непокорства и суетного высокоумия, то нечего тратить много слов; нужно скорее взяться за дело. Тогда вы получите и желательную вам награду, и царскому повелению, хотя бы и против воли, покоритесь.

Сказав это, он велел привести девиц с матерью и начал различными способами мучить пред ними святых мучеников Кира и Иоанна: бил их бичами, сокрушал кости толстыми палками, опалял свечами, а обожженные члены поливал уксусом и посыпал солью, после чего обтирал их острыми рубцами власяницы, – ноги же обливал кипящею смолою. Употребляя на них все изобретенные яростью средства мучительства, он не оставил ни одного из них, частью, чтобы отомстить им за смелость и сломить их мужество, частью же, чтобы устрашить юных девиц и мать их, смотревших на лютые мучения. Но ни в чем не имел успеха богомерзкий мучитель: ни мужества святых страстотерпцев он не поколебал, ни девиц и их матери устрашить не мог. Тогда он повелел развязать святых и начал мучить святую Афанасию и ее дочерей. После долгих мучений он исполнился великого стыда, так как немощной женский пол в мужественном перенесении страданий ничем не отличался от стойких и непреклонных духом святых мужей – Кира и Иоанна. Они имели ту же веру и любовь ко Христу, те же муки перенесли за Него, то же самое мужество, при Божией помощи, обнаружили. Они страдали как бы в чужом теле, нисколько не обращая внимания на муки. Они обращали свои взоры к возлюбленному Жениху своему, Христу Богу, Который взирал с высоты Своей славы на страдания невест Своих и подавал им Свою помощь. Мучитель, повелев отвязать святых

мучениц от орудий страдания, осудил их на усечение мечом. Они шли на смерть с радостью, как бы на брак. Всем им: блаженной матери Афанасии и ее трем благословенным дочерям: Феоктисте, Феодотии и Евдоксии – были отсечены мечом их честные главы.

После казни святых мучениц святые Кир и Иоанн снова были подвергнуты допросу. Мучитель обратился к ним с пространною речью, как бы обнаруживая заботу о их здоровье, показывал дары, обещая новые мучения и, наконец, угрожая смертною казнью. Когда он увидел, что напрасно потерял труд, то произнес такое окончательное решение:

«Киру, последователю Галилейского Учителя, и Иоанну, его единоверцу, презревшим царское повеление и отказавшимся принести жертвы великим богам, повелеваем отсечь головы по закону царскому».

Воины, взявши мучеников, отсекли им головы на том самом месте, где и святые девицы с матерью положили свои души за Господа своего, в 31-й день января[1075]. Тайные христиане, взяв их святые тела, похоронили их с почетом в церкви святого апостола и евангелиста Марка в отдельных гробах: в одном – святых мучеников Кира и Иоанна, а в другом – святую Афанасию с дочерьми. Спустя много лет, в царствование благочестивого царя Феодосия Младшего[1076], святой Кирилл, патриарх Александрийский по повелению Божиему через Ангела, перенес мощи святых мучеников Кира и Иоанна в селение, называемое Мануфином[1077], для прогнания оттуда множества бесов, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки, аминь.

Тропарь, глас 5:

Чудеса святых Твоих мученик, стену необориму нам даровавый Христе Боже: тех молитвами советы языков разори, царства скипетры укрепи, яко Един Благ и Человеколюбец.

Кондак, глас 3:

От Божественныя благодати дар чудес приемше святии, чудодействуете непрестанно вся наша страсти рукодейством секуще невидимым, Кире Богомудре со Иоанном славным: вы бо Божественнии врачеве есте.

Житие святого Никиты, епископа Новгородского

Память 31 января

Более других заслуживают почтения те храбрые воины, которые имеют обычай вести борьбу с врагом не в общем строе, но поодиночке устремляются на врага. Им хотя и попускает Господь много раз пасть временно, чтобы они не превозносились, однако, никогда не оставляет их до конца без благодатной помощи, но восстановляет их и делает непобедимыми. Один из таких храбрых воинов Христовых, именно блаженный Никита, приобрел себе особенную известность после преподобного Исаакия затворника. О нем сообщает достохвальный Поликарп со слов святого Симона следующее.

В бытность игуменом преподобного Никона один брат святого Печерского монастыря, по имени Никита, начал просить игумена, чтобы он благословил ему подвизаться в одиночестве и уединиться в затворе.

– Сын мой! Не будет тебе пользы, при твоей юности, сидеть праздно. Будет гораздо лучше, если ты останешься с братией и, работая вместе, не потеряешь своей награды. Ты сам видел, как брат наш Исаакий пещерник был соблазнен в затворе бесами и погиб бы, если бы его не спасла великая благодать Божия по молитвам преподобных отцов наших Антония и Феодосия.

Никита ответил на это:

– Никогда, отец мой, я не соблазнюсь при каком-либо искушении. Я имею намерение твердо противостоять бесовским искушениям и буду молить Человеколюбца Бога, чтобы Он и мне подал дар чудотворения, как некогда Исаакию затворнику, который и доселе творит многие чудеса.

Тогда игумен сказал ему более настойчиво:

– Твое желание выше твоих сил. Берегись, сын мой, чтобы ты не пал за свое превозношение. Я повелеваю тебе служить

лучше братии, и за послушание свое ты будешь увенчан от Бога.

Однако Никита не хотел послушаться наставлений игумена: он не мог победить в себе сильной ревности к затворнической жизни. Поэтому, к чему он стремился, то и выполнил: он заключился в пещеру, крепко загородил вход и пребывал в молитве один, никуда не выходя. Тем не менее, спустя всего лишь несколько дней, он не избежал козней дьявола: во время молитвенного пения он услышал голос, молящийся вместе с ним, и ощутил несказанное благоухание. Соблазнившись этим, он так размышлял сам с собою: если бы это был не Ангел, то не молился бы со мною, и не было бы здесь благоухания Святого Духа.

Он начал еще прилежнее молиться, говоря:

– Господи! Явись мне Сам осязательно, чтобы я видел Тебя.

На это последовал голос:

– Не явлюсь я тебе, потому что ты юн; иначе ты возгордишься и можешь пасть.

Затворник продолжал слезно просить:

– Никогда, Господи, я не соблазнюсь. Меня научил игумен не внимать бесовским искушениям, – но я исполню все, что Ты повелишь.

Тогда душепагубный змей, получив власть над ним, сказал:

– Человеку, облеченному плотью, невозможно видеть меня. Поэтому я посылаю Ангела моего, чтобы он пребывал с тобою, а ты твори его волю.

Затем тотчас предстал пред ним бес в образе Ангела. Никита пал на землю и поклонился ему, как Ангелу. Бес сказал ему:

– С этого времени ты уже не молись, но читай книги. Этим путем ты будешь беседовать с Богом и будешь подавать полезные наставления приходящим к тебе, а я всегда буду молить Творца всех о твоем спасении.

Затворник поверил этим словам и, обольщенный, уже более не молился, но стал ревностно читать книги. При сем он видел беса постоянно молящимся о нем и радовался, думая,

что это Ангел творит за него молитву. С приходящими же к нему он много беседовал на основании Священного Писания о пользе души; он начал даже пророчествовать. О нем повсеместно распространилась слава, и все удивлялись исполнению его предсказаний. Однажды он послал к князю Изяславу[1078] с извещением: «Сегодня убит князь Глеб Святославич[1079]; пошли немедленно сына своего Святополка[1080] на княжеский престол в Новгород». Как он сказал, так и исполнилось. Действительно, спустя несколько дней пришло известие об убиении князя Глеба. С этого времени еще больше стали говорить о затворнике, что он пророк, и вполне верили ему и князья, и бояре. На самом деле бес, конечно, не знает будущего, но что он сам делал, – если, например, он научил злых людей убить или украсть, – то он и возвещает. Точно так же, когда приходили к затворнику искавшие у него слова утешения, то бес, почитавшийся им Ангелом, сообщал ему все, случившееся с ними. Никита пророчествовал, и все предсказанное им сбывалось.

При этом никто не мог сравниться с Никитою в знании книг Ветхого Завета; все он знал наизусть: книгу Бытия, Исход, Левит, Чисел, Судей, Царств, все пророчества по порядку. Вообще, все книги ветхозаветные он знал очень хорошо, а святых евангельских и апостольских книг, данных нам по благодати Божией для нашего спасения и утверждения в добре, он никогда не хотел ни видеть, ни слышать, не только – читать; ни с кем он не хотел и беседовать о Новом Завете. Отсюда и стало ясно для всех, что он соблазнен дьяволом. Удрученные этим, пришли к искушенному преподобные отцы: игумен Никон, Иоанн, который был после него игуменом, Пимен постник, Исаия, бывший впоследствии епископом Ростовским, Матфей прозорливец, Исаакий затворник, Агапит врач, Григорий чудотворец, Николай, бывший епископом Тмутараканским, Нестор летописец, Григорий составитель канонов, Феоктист, бывший епископом Черниговским, Онисифор прозорливец[1081]. Все они, прославленные добродетелями, пришедши, вознесли молитвы к Богу о Никите и отогнали от него беса, так что Никита уже не видел его. Затем, выведши его из пещеры, они просили,

чтобы он сказал им что-либо из Ветхого Завета. Он же стал клясться, что никогда даже не читал тех книг, которые очень недавно знал наизусть; притом, теперь он не знал из них ни одного слова. Теперь его едва-едва могли научить грамоте. Постепенно пришедши в себя по молитвам преподобных отцов, он исповедал свой грех и горько раскаивался в нем. После этого он наложил на себя особенное воздержание и подвиги, начал вести строгую и смиренную жизнь и превзошел других в добродетелях. Человеколюбивый Господь, видя такие подвиги блаженного Никиты, не отвергая и прежних его добродетелей, в которых он упражнялся со дня юности, принял его истинное покаяние, и подобно тому, как некогда принимая покаяние святого Петра, трижды отрекшегося от Него, сказал ему: паси овец Моих[1082], так подобное же знамение принятия покаяния дал и сему блаженному Никите. За премногую любовь его, обнаруженную в соблюдении заповедей, Господь сотворил его пастырем Своего словесного стада, возведши его на Новгородский епископский престол[1083]. Там Господь, для удостоверения пасомых и полного убеждения их в прощении святому случившегося с ним соблазна, прославил его добродетельную жизнь даром чудотворения. Так, однажды во время бездождья святой помолился Богу и низвел дождь с неба; в другой раз он своими молитвами угасил пожар города; много и других чудес он совершил. После доброго управления своею словесною паствою он перешел ко Господу в вечную жизнь в 1108 году, 30 января. Епископом он был тринадцать лет. Погребен он с почетом в приделе великой церкви святых богоотец Иоакима и Анны. Тело блаженного Никиты оставалось сокровенным в гробе в продолжение четырехсот пятидесяти лет, а затем в 1558 году, в царствование благочестивого государя Иоанна Васильевича, самодержца всей России, при митрополите Макарии и при архиепископе Новгородском Феодосии, мощи святителя Никиты были найдены целыми и совершенно невредимыми[1084]. До сего дня они источают многие исцеления приходящим к ним с верою. Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Тропарь, глас 4:

Насладився, Богомудре, воздержания и желание плоти твоея обуздав, на престоле святительства сел еси, и яко звезда многосветлая, просвещая верных сердца зарями чудес твоих, отче наш святителю Никито, и ныне моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 6:

Архиерейства саном почтився и чисте Чистейшему предстоя, прилежно моление за люди твоя приносил еси, яко и дождь молитвою свел еси, овогда же и града запаления угасил еси. И ныне, святителю Никито, моли Христа Бога, спасти люди твоя молящыяся, да вси вопием ти: радуйся, святителю отче предивный.

Память святых мучеников Викторина, Виктора, Никифора, Клавдия, Диодора, Серапиона и Папия

Память 31 января

Все сии святые мученики пострадали за веру Христову в царствование Декия. Викторин, Виктор и Никифор были вложены в каменную ступу и истолчены каменным пестом; Клавдий скончался по отсечении рук и ног; Диодор был сожжен огнем; Серапион усечен в главу; Папий ввержен в море[1085].

Память святой мученицы Трифены

Память 31 января

Святая мученица Трифена происходила из города Кизика[1086]; она была дочерью христиан: Анастасия синклитика[1087] и матери Сократии. Святая добровольно предалась на страдание. Всенародно изобличив идольское заблуждение и безумно чтущих идолов как богов, она убеждала отречься от суетного поклонения и обратиться к истинному Богу. За это правитель города Кесарий повелел ввергнуть ее в разожженную печь, но святая мученица вышла оттуда невредимой; потом она повешена была на высоком дереве и низвержена с высоты на острые гвозди, после чего предана на снедение зверям, но они не коснулись ее; наконец, она была растерзана рогами рассвирепевшего вола. Сохранилось известие, что там, где истекала ее кровь, истек источник воды, от которого многие получали помощь и исцеления.

Страдание святого мученика Трифона

Память 1 февраля

Святой Трифон родился в стране Фригийской, в селении Кампсад, близ города Апамеи[1088]. Еще с юных лет почила на нем благодать Божия и Господь даровал ему силу чудотворения[1089], дабы не только из уст сего младенца, но и из чудесных его дел совершить Себе хвалу. В Великих Минеях Четьих[1090] много повествуется об исцелениях от всяких болезней, совершенных святым отроком Трифоном, и об изгнании им бесов из людей, обращавшихся к нему. Мы же сначала расскажем об одном из многих его чудес, свидетельствующих о великой благодати Божией, почивавшей на нем, а затем будем повествовать об его страдании за веру Христову.

В двести тридцать восьмом году на престол римский вступил император Гордиан[1091] , который, хотя и был идолопоклонник, но христиан не преследовал. Этот царь имел взрослую дочь, по имени Гордиану, – девицу, отличавшуюся умом и красотою, так что многие великие и славные князья желали взять ее в жены своим сыновьям. Но эту девицу, а с нею вместе и все ее семейство, постигло великое несчастье: по Божию попущению в нее вошел диавол, который жестоко мучил ее, ввергая ее в огонь и в воду; приводимые к больной девице, известные своею мудростью врачи не могли помочь ей. Но вот, обитавший в девице нечистый дух сам, по повелению Божию, провещал:

– Никто не может изгнать меня отсюда, кроме отрока Трифона.

Царь тотчас послал искать повсюду Трифона. Много было приводимо к царю людей, носивших то же имя, но ни один из них не мог изгнать беса из царской дочери. Наконец, привели к царю святого отрока Трифона, которого нашли во Фригии, в селении Кампсаде, где он пас гусей при одном озере; – отроку было тогда семнадцать лет. Когда святой приближался к Риму,

диавол, узнав об его приходе и начав еще сильнее мучить девицу, громко закричал:

– Не могу больше здесь жить, потому что приближается Трифон и на третий день придет сюда, не могу более терпеть.

Прокричав так, нечистый дух вышел из девицы.

На третий день в город пришел святой Трифон и тотчас был приведен в царские палаты, где был весьма приветливо принят царем, ибо царь узнал в нем того Трифона, о котором упоминал диавол, выходя из девицы. Но чтобы больше убедиться в том, что именно Трифон исцелил его дочь, царь умолил его показать диавола воочию так, чтобы можно было видеть его телесными очами. Святой согласился на просьбу царя и шесть дней пребывал в посте и молитве и после того получил свыше еще большую и сильнейшую власть над духами нечистыми. На седьмой день, при восходе солнца, царь пришел к блаженному со всем своим синклитом, желая видеть диавола. Тогда Трифон, исполненный Святого Духа и духовными очами взирая на невидимого духа злобы, сказал ему:

– Тебе говорю, дух нечистый, во имя Господа моего Иисуса Христа, явись воочию перед находящимися здесь, и покажи им свой мерзкий и бесстыдный образ, и яви немощь свою.

И тотчас диавол предстал пред всеми в виде черного пса, которой имел огненные глаза, а голову влачил по земле.

Святой обратился к нему с вопросом:

– Кто послал тебя, демон, сюда, чтобы войти в отроковицу, и как ты дерзнул войти в созданную по образу Божию, сам будучи столь безобразен и немощен и исполнен всякой мерзости?

Диавол отвечал:

– Я послан отцом моим – сатаною, начальником всякого зла, пребывающим в аде, от которого я получил повеление мучить эту отроковицу.

Тогда святой спросил его опять:

– Кто же дал вам власть посягать на создание Божие?

Демон, хотя и против своего желания, но принужденный невидимою силою Божией, должен был сказать истину.

– Мы не имеем власти над теми, – сказал он, – которые знают Бога и веруют в Единородного Его Сына – Христа, за Которого Петр и Павел умерли здесь, – от этих людей мы со страхом бежим, и, только когда нам бывает попущено, мы причиняем им совне лёгкие искушения. Которые же не веруют в Бога и Сына Божия и, будучи послушны своим похотям, творят угодные нам дела, над теми мы получаем полную власть, чтобы мучить их. Угодны же нам дела такие: идолопоклонение, хула, прелюбодеяние, чародейство, зависть, убийство, гордость; этими и им подобными делами люди, как бы сетями, опутываются, отчуждаются от Бога, Своего Создателя, и самовольно делаются друзьями нам, и вместе с нами принимают вечные муки.

Услыхав это, царь и окружающие его были поражены великим страхом и пришли в ужас; и многие, оставив нечестие, уверовали во Христа; а верующие получили еще большее утверждение в своей вере и прославили Бога.

Царь, щедро одарив святого, отпустил его с миром домой, но святой всё, что получил от царя, раздал дорогою нищим; сам же, возвратившись в отечество, предался обычным своим занятиям, исцеляя недужных и благоугождая Богу святым и непорочным житием.

После Гордиана римский престол занял Филипп[1092], который царствовал недолго, будучи убит своими воинами; а после него воцарился свирепый Декий[1093], воздвигший жестокое гонение на христиан; во время этого гонения было убито бесчисленное множество христиан, причем многие из боязливых, страшась ужасных мук, отвратились от Христа и склонились к идолопоклонству. Царь этот издал приказ своим епархам и игемонам всюду преследовать христиан и убивать их беспощадно. На Востоке в это время епархом был некто Акилин; ему было донесено, что Трифон исповедует Христову веру и, проходя различные страны, врачует болящих, как весьма сведущий врач, и в то же время учит всех веровать во Христа и сим прельщает многих; повеления же царского Трифон не слушает, насмехаясь над всеми богами. Тотчас были посланы воины разыскать Трифона, которого вскоре и нашли:

ибо не мог укрыться светильник, горящий ревностью по Боге и светящий верою и благими делами. Но и сам святой, узнав, что его ищут, не бежал в пустыню и не скрывался в горах и пропастях земных, но, вооружившись молитвою и крестным знамением, смело вышел к ищущим его и, отдавшись им в руки, с радостию пошел к епарху Акилину, который в то время находился в Никее[1094]. Когда Акилин, окруженный оруженосцами, начальниками, слугами и множеством людей, воссел на суде, Помпиниан, скриниарий[1095] большого чина, сказал ему:

– Вот юноша из города Апамеи, присланный к твоему величеству, предстоит пред светлым судом твоей власти.

Акилин сказал:

– Предстоящий пусть скажет нам свое имя, и отечество, и фортуну[1096].

Святой отвечал:

– Имя мое – Трифон, отечество мое – селение Кампсада, близ города Апамейска, фортуны же мы не признаем, ибо веруем, что всё совершается по Божию промыслу и неизреченною Его мудростью, а не фортуною, и не зависит ни от течения звезды, ни от случая, как веруете вы. В жизни я руковожусь свободною своею волею, служа единому только Христу. Христос – вера моя, Христос – похвала моя и венец славы моей.

Епарх на это сказал святому:

– Вероятно, ты до нынешнего дня вовсе не слыхал о царском повелении, по которому всякий, кто называет себя христианином и не поклоняется богам, должен умереть злою смертью; итак, образумься и оставь свою льстивую веру, чтобы не быть ввергенным в огонь.

Но Трифон воскликнул:

– О если бы мне сподобиться через огонь и все муки получить кончину за имя Иисуса Христа, Господа моего и Бога!

Епарх продолжал:

– Трифон, советую тебе принести жертву богам, ибо вижу, что ты, хотя и молод телом, но имеешь совершенный разум, и я не желаю, чтобы ты умер злою смертью!

– Я тогда буду иметь совершенный разум, – отвечал святой, – когда принесу Богу моему совершенное исповедание, и если сохраню неизменною, как многоценное сокровище, благочестивую веру в Него, и сделаюсь жертвою Тому, Кто Сам принес Себя в жертву ради меня.

Тогда епарх, угрожая святому, с гневом вскричал:

– Огню предам твое тело, душу же твою укрощу самыми лютыми казнями.

– Ты угрожаешь мне огнем угасающим, – отвечал Трифон, – после которого остаётся только пепел, я же вам, неверующим, угрожаю огнём вечным, неугасающим; оставь суетную веру твою и познай истинного Бога, чтобы не раскаяться тебе после, когда впадешь в огонь вечный.

Но Акилин, воспламенившись сильнейшим гневом, повелел бить святого, повесив его на дереве. Услыхав это приказание, Трифон сам тотчас снял с себя одежды и с радостью отдал тело свое палачам на истязание. Палачи, повесив его на дереве со связанными сзади руками, жестоко истязали его в течение трех часов. Но святой мужественно терпел мучение, ни одного крика, ни одного стона не издав за всё время, пока его били. Когда кончили истязать его, Акилин снова обратился к нему с увещанием:

– Одумайся, Трифон, оставь свое безумие, обещай поклониться богам, ибо никто из нежелающих повиноваться царскому повелению не может избежать ужасной смерти.

Святой дерзновенно отвечал:

– И я тебе говорю, что никто, отвергающийся небесного Царя Христа, не может наследовать жизнь вечную, но будет послан в огонь вечный, никогда не угасающий.

Епарх на это сказал:

– Нет другого царя небесного, кроме Зевса, сына Сатурнова[1097], он есть отец и богов и людей, и если кто ему не кланяется, тот не может оставаться в живых; поклонись и ты ему, если хочешь наслаждаться сладостью сей жизни.

Тогда святой, желая просветить язычника светом истины и изобличить всю мерзость язычества, сказал Акилину:

– Пусть будут подобны твоему богу Зевсу все поклоняющиеся ему и надеющиеся на него; а о нем повествуется, что он был первым пребеззаконным волхвом и пагубным чародеем, отцом всякого нечестия и безбожия, по смерти которого люди, желавшие следовать его злым делам, устроили ему золотых и серебряных идолов, назвав его богом; и сделали это затем, чтобы иметь оправдание и для себя самих в своей нечистоте и беззаконии, дабы никто не укорял их в постыдных делах, потому что и бог их был таков же; подобным образом и другие мерзкие и всезлобные люди были возведены на степень богов своими подражателями[1098]; вы же, веруя в эти древние нечестивые предания и ложные басни, поклоняетесь бездушным и немым идолам, забывая о Боге живом, Который небо утвердил, землю основал на водах и излил воздух; Бог, создавший каждую тварь и давший ей видимый образ, господином над всем поставил человека, созданного после; но человек, по зависти диавольской, прельщенный лукавым змием (Быт.3), впал в бесчисленные бедствия; тогда Бог – Слово, умилосердившись над ним, по Своему изволению, Сам благоволил воплотиться, и явился в подобии человеческом, умер на Кресте, был погребен, в третий день воскрес, восшел на небеса и сидит одесную Бога Отца, пока не познает Его всё создание; тогда Он опять придет с силою и славою великою и воздаст каждому по делам его. Он есть Бог богов, и Царь царей, и Судия живых и мертвых; а почитаемые вами боги послужат на возжжение огня вечного со всеми поклоняющимися им.

После этого епарх Акилин, собравшись на охоту, велел захватить и святого Трифона, приказав привязать его к коню и вести за собою. Большие мучения пришлось выносить святому: пальцы ног его отрывались, потому что, при ужасном морозе, ноги его были босы, а конь наступал и давил их своими ногами, – и ступни его растрескались, но мученик, вперив духовный взор к Богу и, пламенея любовью к Нему, ни во что ставил эти мучения и пел слова Давида: «Утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои» (Пс.16:5), и другие: «Утверди стопы мои в слове Твоем и не дай овладеть мною никакому беззаконию» (Пс.118:133).

Повторяя вместе с тем и слова святого первомученика архидиакона Стефана:

– «Господи, не вмени им греха сего»[1099] (Деян. 7:60). Возвратившись после охоты, епарх призвал к себе мученика и сказал ему:

– Теперь, несчастный, не надумал ли ты благоразумно принести жертвы богам, или остаешься в своем прежнем безумии?

Святой отвечал:

– Ты сам, ослепленный диаволом, преисполнен безумия и невежества, потому что не можешь познать Создателя всех и поклониться Ему; а я остаюсь премудрым, не отступая от спасающей меня истины.

Епарх велел отвести святого в темницу; а сам отправился в ближайшие пределы страны, где и оставался некоторое время.

По прибытии обратно в Никею епарх, явившись в судилище, снова вызвал Трифона и сказал ему:

– Не научило ли тебя продолжительное пребывание в узах повиноваться царскому повелению и обратиться к богам?

– Бог мой и Господь Иисус Христос, – отвечал святой, – Которому я служу чистым умом, поучая, наставил меня и утвердил меня, дабы я мог неизменно и непоколебимо сохранить веру в Него: поэтому Ему Единому истинному Царю и Богу – я повинуюсь и к Нему прибегаю, твою же и царскую гордость я презираю, а от почитаемых вами богов отвращаюсь.

Епарх, сильно озлобясь, вскричал слугам:

– Вбейте острые гвозди в ноги его и, водя по городу, бейте его.

Слуги тотчас исполнили приказание мучителя. Святого стали водить, или, лучше сказать, влачить по городу, подвергая истязаниям, и он переносил ужасные страдания – как от вбитых в ноги гвоздей, так и от сильного мороза, по случаю суровой зимы. Но великий страдалец, имея пред духовным взором своим Христа и взирая на будущие воздаяние, всё переносил с великим терпением и радостью; когда же он опять был приведен к епарху, мучитель, удивляясь такому терпению святого, с великою досадою сказал ему:

– До каких же пор, Трифон, ты будешь нечувствителен к мукам и когда же ты почувствуешь всю ужасную боль мучений?

Святой отвечал:

– Когда же и ты познаешь силу Христову, во мне пребывающую; когда ты перестанешь, окаянный, искушать Святого Духа?

Тогда, пылая сильнейшею злобою, мучитель велел снова повесить его на дереве и нещадно бить железом, а бока его опалять горящими свечами. Всё это слуги исполнили с великим старанием; но внезапно свет небесный осиял святого, а на главу его спустился с неба прекрасный венец; пораженные этим видением мучители от страха пали на землю. Святой же Трифон, ощутив в себе пришедшую свыше помощь, исполнился радости и веселия и, молясь, говорил:

– Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты не оставил меня без помощи в руках врагов моих, но защитил меня в день брани и дал мне спасение, и рука Твоя поддержала меня. И ныне молюсь Тебе, Господи, не оставляй меня, утверждая и защищая меня, и сподоби меня беспреткновенно совершить подвиг этот, дабы сподобиться получить венец правды со всеми возлюбившими имя Твое святое, ибо Ты один препрославлен вовеки. Аминь.

После этого мучитель, приказав развязать связанного святого и призвав его к себе, начал с ласкою увещевать его, говоря:

– Трифон, принеси жертву великому Зевсу и поклонись царскому изображению, и я отпущу тебя.

Но Трифон, с улыбкою, отвечал:

– Если я самому царю оказал презрение и его нечестивыми повелениями пренебрег, то неужели я поклонюсь его бездушному изображению? Этого не будет. О Зевсе же и других ложных богах ты спроси своих же мудрецов, которые скажут тебе о том, какие сочиняются басни об этих богах для покрытия их гнусных дел, прилагая наименование их к другим вещам, назвав небо – Зевсом, воздух – Герою, землю – Цererой, море – Посейдоном, солнце – Аполлоном, луну – Дианою[1100]. Эти же баснотворцы именами богов ваших назвали также различные

дурные обычаи и страсти человеческие, измыслив бога гнева и войны – Марса, а блудную страсть назвав Венерою[1101]. И вот, вы, оставив Создателя всех, Бога, наполнили безумно всю вселенную идолами и тварь предпочли Творцу; и не только сами, будучи лишены здравого разума и совратившись с истинного пути, стремглав падаете в душепагубную пропасть, но и нас стараетесь увлечь туда же, чтобы сделать участниками вашей погибели, но, льстецы, вы не будете иметь никакого успеха! Ибо вы никогда не будете в силах совратить с истинного пути и склонить к вашим идолам надеющихся на истинного и живого Бога.

Выслушав эти слова, Акилин удивился такому дерзновению святого и, разгневавшись, приказал бить его без всякого милосердия; воины, взяв святого, истязали его в течение многих часов самым жестоким образом.

Наконец, мучитель, видя, что не может поколебать непоколебимого столпа веры и отвратить его от Христа, сделал о нем следующий окончательной приговор:

– Трифон Апамейский, противящийся царскому повелению и после многоразличных мук не пожелавший принести жертвы богам, должен быть казнен через усекновение главы.

И тотчас воины, взяв мученика, вывели его из города на место усекновения. Святой же Трифон, став лицом к востоку, обратился к Богу с такою молитвою:

– Господи Боже, Царь царствующих, святейший паче всех святых! Благодарю Тебя за то, что Ты сподобил меня совершить сей подвиг без преткновения. И ныне молюсь Тебе: не допусти коснуться меня уловляющей руке лукавого невидимого врага, дабы он не свел меня во глубину погибели, но введи меня в возлюбленные селения вместе со святыми Ангелами Твоими, и соделай меня наследником Твоего вожделенного царствия; приими в мире душу мою, всех же, которые будут воспоминать имя раба Твоего и в память мою святые жертвы Тебе принесут, услышь с высоты святыни Твоей; и призри на них от святого жилища Твоего, подавая им обильные и нетленные дарования, ибо Ты один благий и щедрый Податель во веки веков.

Так молился святой. И вот еще воины не успели усекнуть его главы, как Господь взял его душу; честное же тело Трифона осталось мертвым на земле. Находившиеся в Никее христиане обвили его чистыми плащаницами и умастили ароматами, намереваясь погребсти его у себя в защищение своему городу. Но святой, явившись им в видении, велел перенести мощи его в селение Кампсаду, место родины его, – и повеление его было исполнено[1102].

Так святой Трифон, от юности посвященный Богу, приведший множество людей ко Христу и исцеливший многих из них от болезней, после великих мучений, принятых за истину, увенчан нетленным венцом от Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому слава вовеки. Аминь[1103].

Тропарь, глас 4:

Мученик Твой, Господи, Трифон, во страдании своем венец прият нетленный от Тебе, Бога нашего: имеяй бо крепость Твою, мучителей низложи, сокруши и демонов немощныя дерзости. Того молитвами спаси души наша.

Кондак, глас 8:

Троическою твердостию многобожие разрушил еси от конец всеславне, честен во Христе быв, и, победив мучителей во Христе Спасителе, венец приял еси мученичества твоего и дарования Божественных исцелений, яко непобедимь.

Память преподобного Вендимиана пустынника Вифинийского

Память 1 февраля

Преподобный Вендимиан, родом из Мизии[1104], в молодости пришел к преподобному Авксентию в основанную им обитель на горе Оксии близ Халкидона[1105]. После принятия его Авксентий жил не долго. По кончине его Вендимиан сделал келью немного ниже кельи преподобного Авксентия, но прожив 5 лет, хотел уйти по трудности места. Господь Иисус Христос явился ему и укрепил его, и он прожил здесь еще 37 лет, творя чудеса при жизни. Преподобный Вендимиан скончался около 512 года.

Память святой мученицы Перпетуи и с нею святых юношей Сатира, Ревоката, Саторнила, Секунда и святой Филицитаты жены

Память 1 февраля

Святая Перпетуя происходила из знатного рода и жила в городе Карфагене[1106]. Она тайно от своего отца, язычника, приняла святое крещение и, несмотря на его слезные просьбы и увещания, пребывала непоколебимою в истинной вере. Двадцати двух лет от роду, Перпетуя овдовела, имея на руках грудного ребенка, которого она сама кормила. Брат ее Сатир, служанка Филицитата и юноши: Ревокат (слуга), Саторнил и Секунд (из благородного звания) также готовились принять святое крещение. Все они вместе с Перпетуей взяты были языческими судьями и заключены в тесную темницу. Явившийся сюда отец святой Перпетуи старался было поколебать твердость ее веры, возбуждая в мученице любовь к ее грудному младенцу; но любовь ко Христу была в святой Перпетуе выше всех земных привязанностей.

Прежде страдания своего святая Перпетуя сподобилась следующего видения[1107], которое она сама и описала, находясь в темнице.

«Я видела, – говорит святая Перпетуя, – золотую лестницу, чрезвычайно высокую, которая доходила от земли до неба; она была столь узка, что по ней едва можно было восходить только поодиночке; бока этой лестницы были увешаны и утыканы острыми мечами, ножами, копьями, кинжалами, гвоздями, крючьями и тому подобными острыми предметами. При нижнем конце лестницы обитал страшный змий, готовый броситься на тех, которые покушались взойти по ней. Не обращая внимания на этого змия, Сатир безбоязненно вошел первым на лестницу. Дошедши благополучно до самой последней ступени, он обратился ко мне с такими словами: «Перпетуя! Я жду тебя, но остерегайся, чтобы змий не поглотил тебя»».

– Я не боюсь его, – ответила ему Перпетуя.

И тотчас решилась во имя Господа нашего Иисуса Христа идти по лестнице. Подошедши к лестнице, она прежде всего наступила на голову змия, как бы на первую ступень. И когда взошла на верх лестницы, то увидала прекрасные райские селения и в них множество обитателей. Когда святая Перпетуя рассказала об этом видении своим сподвижникам, то все они поняли его как предсказание о своем страдальческом подвиге. С этого времени они всецело отрешились от земных привязанностей и все свои мысли сосредоточили на вечности.

После многих страданий в темнице святых мучеников, наконец, осудили на смерть. Юношей бросили на растерзание диким зверям в цирке[1108], а на святых жен Перпетую и Филицитату выпустили дикую и бешеную корову, дабы она забодала их рогами. Но звери не растерзали святых мучеников, а потому они все были после того усечены мечами и ножами. Когда закалали святую Перпетую, то рука исполнителя казни долгое время не могла попасть в гортань ее; тогда Перпетуя сама поднесла к шее меч его и таким образом мужественно скончалась за Христа[1109].

Сказание о Сретении Господнем

Память 2 февраля

По прошествии сорока дней после рождества Господа нашего Иисуса Христа и по исполнении дней законного очищения Пречистая и Преблагословенная Дева Матерь, вместе со святым Иосифом обрученником, пришла из Вифлеема в Иерусалим ко храму Божию, принеся сорокадневного младенца Христа для исполнения закона Моисеева. По сему закону нужно было, во-первых, по рождении очититъся через принесение Богу подобающей жертвы и через иерейскую молитву, – и во вторых, нужно было поставить пред Господом первородного младенца и сделать выкуп за него установленною ценою (Лев.12:7). Так было повелено Господом в Ветхом Завете Моисею, у которого в книгах о законе очищения матери пишется так: «Если женщина зачнет и родит младенца мужеского пола, то она нечиста будет семь дней; в восьмый же день обрежется у него крайняя плоть его: и тридцать три дня должна сидеть, очищаясь от кровей своих; ни к чему священному не должна прикасаться и к святилищу не должна приходить, пока не исполнятся дни очищения ее. По окончании дней очищения своего она должна принести однолетнего агнца во всесожжение и молодого голубя или горлицу в жертву за грех. Если же она не в состоянии принести агнца, то пусть возьмёт двух горлиц или двух молодых голубей, одного во всесожжение, а другого в жертву за грех, и очистит ее священник, и она будет чиста» (Лев.12:7–8, 12:2–4).

А о посвящении Богу первенцев мужеского пола в законе так говорится: «Освяти Мне каждого первенца (мужеского полу) перворожденного, разверзающего ложесна» (Исх.13:2)[1110]. И в другой раз: «Отдавай Мне первенца из сынов твоих» (Исх.22:29). Это требовалось за то великое благодеяние Божие в Египте, когда Господь, избивая Египетских первенцев, пощадил Израильских (Исх.11:5–7). Поэтому израильтяне приносили своих перворожденных младенцев в храм, посвящая их Богу, как должную дань, установленную законом. И опять

выкупали их у Бога себе установленною ценою, которая называлась «выкупным серебром» и отдавалась служащим при храме Господнем левитам, как об этом написано в четвертой книге Моисея (Числ.3:49–51). Установленная же цена выкупа состояла из пяти священных сиклей церковного веса, а каждый священный сикль имел в себе двадцать пенязей[1111]. Исполняя сей закон Господень, Матерь Божия ныне пришла в храм с Законодателем. Пришла очиститься, хотя и не требовала очищения, как нескверная, неблазная, нетленная, пречистая. Ибо Та, Которая зачала без мужа и похоти и родила без болезни и нарушения Своей девической чистоты, не имела скверны, свойственной женам, родящим по естественному закону: ибо родившую Источник чистоты, как могла коснуться нечистота? Христос родился от Нее, как плод от древа; и как древо, по рождении своего плода, не повреждается и не оскверняется, так и Дева, по рождении Христа, плода благословенного, осталась неповрежденною и неосквернённою. Христос произошел от Нее, как луч солнечный проходит сквозь стекло или кристалл. Проходящий сквозь стекло или кристалл солнечный луч не разбивает и не портит его, но еще более освещает. Не повредил девства Матери Своей и Солнце Правды – Христос. И дверь естественного рождения, чистотою запечатленную и девством охраняемую, не осквернил обычными для женщин кровотечениями, но, пройдя сверхъестественно, еще более усугубил ее чистоту, освятив ее своим происхождением, и просветив Божественным светом благодати. Совершенно не нужно было никакого очищения для Родившей без истления Бога-Слова. Но дабы не нарушить закон, а исполнить его, пришла очиститься всесовершенно чистая и не имущая никакого порока. Вместе с сим исполненная смирения, Она не гордилась Своею нетленною чистотою, но пришла, как бы нечистая, встать вместе с нечистыми женами пред дверьми храма Господня, – и требовать очищения, не гнушаясь нечистыми и грешными. Принесла и жертву, но не как богатые, приносившие непорочного однолетнего агнца, а как бедные, приносившие двух горлиц или двух птенцов голубиных, во всём проявляя смирение и любовь к нищете и избегая гордыни богатых. Ибо из

золота, принесенного волхвами (Мф.2:11), Она взяла немного и то раздала нищим и убогим, удержав для Себя только самое необходимое на дорогу в Египет. Купив упомянутых двух птиц, Она принесла их, по закону, для жертвы, а вместе с ними принесла и Своего первородного Младенца. «Принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа» (Лк.2:22) – говорит Евангелист Лука, т. е. возвратить Божие Богу, ибо в законе Господнем написано, что всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, должен быть посвящен Господу (Исх.13:2). Держа на руках Своих Новорожденного, Святая Дева Мария преклонила колена пред Господом и с глубоким благоговением, как драгоценный дар, возносила и предавала Младенца Богу, говоря:

– Се, Сын Твой, Превечный Отче, Которого Ты послал воплотиться от меня для спасения рода человеческого! Ты Его родил прежде веков без Матери, а я по Твоему благоволению, по исполнении лет, родила Его без мужа; вот плод чрева моего перворожденный, Духом Святым во мне зачатый, и неизреченно, как Ты Один ведаешь, от меня происшедший: Он Первенец мой, ранее же всего Твой, Тебе соприсносущный и собезначальный, первенец Тебе Одному подобающий, ибо Он есть от Тебя сошедший, не отступив от Твоего Божества. Приими Первенца, с Которым Ты веки сотворил (Евр.1:2) и с Которым вместе свету возсиять повелел: приими воплотившееся от Меня Твое Слово, Которым Ты утвердил небо, основал землю, собрал в соединение воды: приими от Меня Твоего Сына, Которого приношу Тебе на сие великое, да о Нем и о Мне устроишь так, как Тебе угодно, и да искупишь род человеческий Его плотию и кровию, принятою от Меня.

Произнеся сии слова, Она отдала Свое драгоценное Чадо в руки архиерею, как наместнику Божию, как бы отдавая Его Самому Богу. После этого Она выкупила Его, как требовал закон, установленною ценою, – пятью священными сиклями, число которых как бы предзнаменовало пять священных язв на теле Христа, принятых Им на Кресте, которыми весь мир был искуплен от клятвы законной и от работы вражией[1112].

В то самое время, когда Матерь Божия принесла младенца Иисуса для исполнения над Ним предписанного законом обычая, в храм пришел, руководимый Духом Святым, старец Симеон, человек праведный и благочестивый, ожидавший утехи Израилевой, имевшей наступить с пришествием Мессии[1113]. Он знал, что ожидаемый Мессия уже приближается, ибо скипетр перешёл от Иуды к Ироду, и исполнялось пророчество праотца патриарха Иакова, предрекшего, что не оскудеет князь от Иуды, пока не приидет ожидание народов, Христос Господь (Быт.49:10). Точно так же окончились и Данииловы седмины числом семьдесят, после чего, по пророчеству, должно быть пришествие Мессии. Вместе с тем и самому святому Симеону Духом Святым было обещано не видеть смерти, прежде чем он не увидит Христа Господня. Симеон, посмотрев на Пречистую Деву и на Младенца, бывшего на Ее руках, увидел благодать Божию, окружающую Матерь с Младенцем, и, уведав от Святого Духа, что Сей есть ожидаемый Мессия, поспешно подошёл и, приняв Его с неизреченною радостию и благоговейным страхом, воздавал Богу великое благодарение. Он, убеленный сединами, как лебедь перед своею кончиною, воспел пророческую песнь: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром».

«Не имел я, – как бы так говорил он, – мира в мыслях своих, все дни ожидая Тебя, и все дни пребывал в печали, пока Ты приидешь: ныне же, увидев Тебя, я получил Дар, и, освободившись от печали, отхожу отсюда с радостною вестью к моим отцам: возвещу о Твоем пришествии в мир праотцу Адаму и Аврааму, Моисею и Давиду, Исайи и прочим святым отцам и пророкам, неизреченную радость принесу я им, пребывающим доселе в печали; к ним и отпусти меня, дабы, оставив печаль, они возвеселились о Тебе – Избавителе своем. Отпусти меня раба Твоего, после многолетних трудов, успокоиться на лоне Авраамовом: очи мои уже видели Спасение Твое, уготованное для всех людей, очи мои видели Свет, уготованный для рассеяния тьмы, для просвещения народов, для откровения им неведомых Божественных Таин, – Свет, воссиявший для прославления людей Твоих Израиля, Который Ты обещал через

пророка Исаию, сказав: «Дам Сиону спасение, Израилю славу Мою» (Ис.46:2).

Иосиф и Пречистая Дева, слыша всё сказанное Симеоном о Младенце, удивлялись; притом они видели, что Симеон говорит к Младенцу не как к младенцу, но как к «Ветхому днями»[1114], и, молясь, обращается к Нему не как к человеку, а как к Богу, имеющему власть жизни и смерти и могущему тотчас отпустить старца к иной жизни или удержать в настоящей. Симеон обратился с благословением и к ним, восхваляя и величая пренепорочную Матерь, родившую в мир Бога и человека, и ублажая мнимого отца святого Иосифа, сподобившегося быть служителем такому таинству. Потом, обратившись к Марии, Матери Его, а не к Иосифу – ибо он прозревал в Ней очами своими безмужную Матерь, – Симеон произнес:

– Сей послужит на падение и восстание многим во Израиле: на падение тем, которые не пожелают веровать словам Его, на возстание же тем, которые с любовью примут святую проповедь Его, – на падение книжникам и фарисеям, ослеплённым злобою, на возстание простым рыбарям и людям немудрым. Он изберет не мудрых, мудрых же века сего посрамит, – на падение ветхозаветного иудейского соборища, и на возстание благодатной Церкви Божией. Сей послужит знаменем для пререканий[1115], ибо великий раздор произойдет в людях из-за Него: одни назовут Его благим, другие же скажут, что он обманывает людей, и положат Его, – по слову пророка Иеремии, «как бы целью для стрел» (Плач. 3:12), повесив на крестном древе, уязвив как стрелами, гвоздями и копьем. В то время, безмужная Матерь, – продолжал старец, – душу Твою пройдет оружие печали и сердечной боли, когда увидишь пригвожденным ко Кресту Сына Своего, когда Ты с великою болью в сердце и рыданиями будешь провожать из мира сего Того, Кого в мир Ты родила без болезни.

Здесь же в храме была и Анна пророчица, дочь Фануилова, из колена Ассирова. Она была вдова, уже сильно состаревшаяся, – ей было восемьдесят четыре года; она семь лет только прожила со своим мужем и, овдовев, проводила богоугодную жизнь, не отходя от храма, но в посте и молитве

служа Богу день и ночь. Придя в тот час в храм, Анна много пророчествовала о принесенном в храм Господень Младенце, ко всем ожидавшим избавления в Иерусалиме[1116].

Слыша и видя всё сие, книжники и фарисеи распалялись в сердцах своих и негодовали на Симеона и Анну за их свидетельства об Отроке. Они не умолчали, но обо всём случившемся и сказанном в храме известили Ирода царя[1117]. Тотчас он послал воинов с приказанием отыскать Божественного Младенца Христа-Господа и убить Его; но они не нашли уже Его: по повелению, данному Иосифу во сне, Он обретался в Египте. Святой Иосиф с Пречистою Богородицею, исполнив в храме всё требуемое законом, не возвращались в Вифлеем, а пошли в Галилею, в свой город Назарет[1118], а оттуда быстро скрылись в Египет (Мф.2:13–14). Отрок же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия пребывала на Нем (Лк.2:40).

Празднование Сретения Господня установлено в царствование Юстиниана, ранее же, хотя Сретение Господне и воспоминалось в Церкви[1119], но торжественно не праздновалось. Благочестивый же царь Юстиниан установил праздновать этот праздник как Господский и Богородичный, наряду с другими великими праздниками. Побуждением к установлению сего праздника были особенные обстоятельства. В царствование Юстиниана в Византии и окрестностях ее, в течение трех месяцев, начиная с последних чисел октября месяца, был сильный мор, так что сначала умирало по пяти тысяч человек в день, а потом по десяти тысяч; тела даже богатых и высокопоставленных людей оставались без погребения, ибо слуги и рабы все вымерли и некому было погребать самих господ. А в Антиохии[1120] к моровой язве, за грехи людей, присоединилась и другая казнь Божия – страшное землетрясение, от которого попадали все большие дома и высокия здания и храмы, и погибло много народа под их стенами; в числе погибших был Евфрасий[1121], епископ Антиохийский, задавленный до смерти при падении храма. В это страшное и погибельное время одному благочестивому человеку было откровение, чтобы установлено было

торжественное празднование Сретению Господню, как и прочим Господским и Богородичным великим праздникам. И вот, при наступлении дня Сретения Господня, февраля второго числа, когда начали праздновать со всенощным бдением и исхождением с крестами[1122], смертоносная язва, мор и землетрясение тотчас прекратились, по милосердию Божию и по молитвам Пречистой Богородицы. Ей с родившимся от Нее Христом Богом да будет честь, слава, поклонение и благодарение вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Радуйся благодатная Богородице Дево, из Тебе бо возсия Солнце Правды Христос Бог наш, просвещаяй сущыя во тьме. Веселися и ты, старче праведный, приемый во объятия Свободителя душ наших, дарующаго нам воскресение.

Кондак, глас 1:

Утробу Девичу освятивый рождеством Твоим, и руце Симеоне благословивый, якоже подобаше, предварив, и ныне спасл еси нас, Христе Боже: но умири во бранех жительство и укрепи Императора, егоже возлюбил еси, Едине Человеколюбче[1123].

Память святого и праведного Симеона Богоприимца

Память 3 февраля

По свидетельству Божественного Евангелия, старец Симеон был человек праведный и благочестивый, ожидавший утешения Израилева, и Дух Святой пребывал на нем. Ему было возвещено от Бога о приближающемся пришествии в мир истинного Мессии (Лк.2:2). Древние историки о получении Симеоном этого извещения повествуют так. По повелению египетского царя Птоломея был предпринят перевод закона Моисеева и книг пророческих с еврейского языка на греческий. Для этого дела избраны были из всего еврейского народа семьдесят ученейших мужей[1124]. В числе их был и Симеон, как человек мудрый и хорошо знающий Божественное Писание. Переводя книгу пророка Исайи, Симеон дошел до слов «се Дева во чреве приимет и родит Сына» (Ис.7:14). Читая их, он усомнился, думая, что невозможно, чтобы жена, не имеющая мужа, могла родить. Симеон взял уже нож и хотел вычистить эти слова в книжном свитке и изменить слово «дева» на слово «жена». Но в это время явился ему Ангел Господень и, удержав за руку, сказал: «Имей веру написанным словам, и сам увидишь исполнение их, ибо ты не увидишь смерти, прежде чем не узришь имеющего родиться от чистой Девы Христа Господа».

Уверовав в Ангельские и пророческие слова, Симеон с нетерпением ожидал пришествия в мир Христа. Он проводил праведную и непорочную жизнь, уклоняясь от всякого зла и пребывая непрестанно в храме Божием. Там Симеон молился Богу, да помилует Он мир Свой и избавит людей от вселукавого диавола.

Когда Господь наш Иисус Христос, по истечении сорока дней по рождестве Своем, был принесен руками Пречистой Своей Матери, по законному обычаю (Исх.13:2), в храм, в это время пришел туда же и праведный Симеон, водимый Духом Божиим. Увидев Предвечного Младенца и родившую Его Пренепорочную Деву, он познал, что Сей есть обещанный

Мессия, и Сия есть Дева, над Которой должно было исполниться и исполнилось пророчество Исайино. Видя Ее осененной небесным светом и сияющей Божественными лучами, Симеон со страхом и радостью приступил к Ней, принял Богомладенца[1125] на руки и произнес: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовил пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк.2:29–32)[1126].

После этого он пророчествовал о страданиях Христовых и о распятии Его, а также и о Богородице, что душу Ее пронзит оружие печали и скорби, когда Она увидит Сына Своего висящим на Кресте (Лк.2:34–35).

Достигнув глубокой старости, Симеон преставился ко Господу[1127]. О нем пишут, что он прожил всего триста шестьдесят лет, ибо Богу угодно было продлить жизнь святого старца, дабы он мог дожить до ожидаемого во все века вожделенного года, когда родился от Девы Безлетный Сын, Которому слава вовеки, аминь[1128].

Кондак, глас 4:

Старец днесь отрешитися от юз моляшеся сего жития тленнаго, Христа восприят на руки Зиждителя и Господа.

Память святой Анны Пророчицы

Святая Анна пророчица, воспоминаемая в Евангелии, вместе со святым Симеоном Богоприимцем встретив Господа Иисуса во храме, проповедовала о Нем, что Он есть ожидаемый Мессия – Христос[1129].

Память святого мученика Власия[1130]

Память 3 февраля

Святой Власий был пастух и происходил из Кесарии Каппадокийской[1131]. Когда наступило гонение и отыскивали христиан, то и Власия, как христианина, искали по всем окрестным местам. Узнав об этом, святой Власий добровольно отдался в руки мучителей, которые растянули и били его воловьими жилами. Но Бог излечил его болезни и исцелил от ран. Узнав об этом, правитель назвал это чудо волхвованием и велел после тех мучений ввергнуть святого в котел с кипящей водой. К ужасу всех присутствующих, мученик остался невредимым и в кипятке разговаривал с окружающим его народом, ибо явились Ангелы Божии и сохранили мученика невредимым. Вслед за этим, по повелению правителя, к мученику пришли воины, чтобы вынуть его из котла; увидев его поющим вместе с Ангелами, воины исповедали себя также христианами. Узнав об этом, правитель послал других воинов, но и те, придя, назвали себя христианами. Вслед за этим сам правитель пришел сюда и увидел святого находящимся в кипящей воде. Думая, что вода остыла, правитель умыл лицо свое в этой воде и тотчас обварил лицо свое и от того умер. Обратив многих своими чудесами ко Христу, святой Власий помолился Богу и предал Ему свою святую душу. Присутствовавшие при кончине его видели голубя, летающим над телом его. А пастушеский жезл Власия, будучи водружен в землю, возрос в огромное дерево, которое ветвями своими покрыло алтарь церкви, созданной над мощами святого[1132].

Память святых мучеников Адриана и Еввула

Память 3 февраля

Святые мученики Адриан и Еввул были родом из города Ваннии[1133]. Горя любовью к исповедникам Христа, они отправились в город Кесарию[1134] и там по их речам и непорочности их жизни узнали, что они – христиане. Поэтому они были схвачены и приведены на суд к начальнику области Фирмилиану. По повелению последнего их били по плечам и ребрам и подвергли другим, еще более жестоким мучениям с целью принудить их к отречению от Христа. Но так как они остались твердыми в своей вере, то Фирмилиан и бывшие при нем пришли в ярость, и было решено бросить святых на растерзание диким зверям. Блаженный Адриан брошен был первым. Схваченный львом, он мужественно вступил с ним в борьбу, после чего ему отсекли голову мечом. Святого же Еввула пытались еще склонить к отречению от веры различными увещаниями и прельщениями, но он остался непреклонным, а потому и его бросили зверям. Он также вступил в борьбу со львом и скончался, усеченный мечом, подобно святому Адриану.

Житие святого благоверного князя Романа, Угличского чудотворца[1135]

Память 3 февраля

Святой благоверный князь Роман Угличский жил в тяжкую пору нашествия татар на русскую землю. Он был второй сын второго угличского удельного князя Владимира Константиновича и внук Константина Всеволодовича, сначала удельного князя ростовского, ярославского и угличского, а потом великого князя владимирского[1136]. Владимир Константинович получил в удел Углече поле, или город Углич, в раннем детстве[1137]. Вступив в брак с княжной Фотинией, он имел двух сыновей – Андрея и Романа[1138].

Во время княжения Владимира в Угличе разразилась страшная гроза над русской землей, а вместе и над Угличем: Батый, по разорении Москвы и Владимира и избиения здесь семьи великого князя, двинулся за Волгу, куда великий князь Юрий Всеволодович удалился, собирая войска. На этом пути татары подчиняли своей власти все попадавшиеся города, а те, которые не хотели покоряться, разоряли и избивали их жителей. Ввиду явной и неотвратимой опасности угличский князь Владимир решил не сопротивляться бесплодно, а спасти город и жителей изъявлением покорности татарам. Впрочем, сам он с семейством не хотел вынести позора и искал спасения на севере, удалившись в новгородские пределы. После несчастной битвы на реке Сити и гибели великого князя Юрия русские князья должны были признать власть татар и платить им дань. Этой участи должен был покориться и угличский князь, который по удалении Батыя на юг подобно другим князьям, по миновании опасности, вернулся в Углич и стал править, уже как подручник хана. Неизвестно, ходил ли князь Владимир в орду с изъявлением покорности хану, как это требовалось и как должны были делать все владетельные князья. Предание, записанное в пространном житии, гласит, что в орду Владимир не пошел, но, во избежание ответственности, не оставался и в Угличе, а проживал по другим городам и скончался во

Владимире в 1249 году 27 декабря. Тело его тогда же было перенесено женой и детьми в Углич и погребено в Преображенском соборе.

Детство благоверного князя Романа, как и его старшего брата Андрея, прошло, таким образом, среди страшных тревог и бедствий, больше в изгнании и странствованиях, чем в спокойном пребывании с родителями в Угличе.

По смерти Владимира угличским князем стал старший сын его Андрей, которому было всего 16 лет. Но при нем находилась мать его, которая и руководила детьми. Андрей скончался в 1261 году, не оставив детей, и угличское княжение досталось брату его Роману, который имел тогда 26 лет от роду.

Возросши в благочестивой семье князя Владимира Константиновича среди страшных тревог и испытаний, проведя немало времени в странствовании, князь Роман отличался благочестием и не питал большой склонности к шумной жизни и веселью. Будучи достаточно просвещенным, он занимался чтением книг, любил храмы Божии, духовенство и службу церковную. К его княжению относят построение многих церквей в Угличе и пределах угличского княжества, которое при нем пользовалось миром, насколько это было возможно в тяжелое время татарского владычества. Власть князя Романа, кроме Углича, простиралась и на другие города: Кашин, Вежецкий Верх, Устюжну, Дмитров, Звенигород. Ему же принадлежит построение нового города Романова на левом высоком берегу Волги против слободы Борисоглебской.

Князь Роман отличался благотворительностью, заботился об устроении богаделен и странноприимных домов.

В 1265 г. князь Роман сочетался браком с княжной Александрой, но потомства не имел. Вместе с ним в Угличе жила благочестивая его мать, княгиня Фотиния, которая под старость приняла иноческий чин с именем Евдокии, в 1278 году скончалась и погребена была в Угличе подле своего супруга. В 1281 году князь Роман лишился и своей супруги Александры и доживал последние свои годы в одиночестве, предаваясь делам и подвигам благочестия. Блаженная кончина его последовала 3 февраля 1285 года, к великой печали его

подданных и родственных князей, которые любили и почитали его. Тело князя Романа положено было в соборном храме Преображения Господня, рядом с гробницами его отца, матери, брата и супруги.

Ровно через двести лет после кончины князя Романа, именно в 1485 году, угличский князь Андрей Васильевич[1139] приступил к постройке нового, уже каменного собора Преображения Господня в крепости города Углича. При копании рва для основания нового храма Бог даровал князю Андрею обрести нетленные мощи князя Романа, которые и были потом поставлены в новопостроенном храме и лежали здесь целы и невредимы более ста двадцати лет. От этих нетленных мощей истекали многочисленные чудесные исцеления от различных болезней. Как жители Углича, так и окрестных мест благоговейно чтили мощи святого князя, но свидетельства со стороны церковных властей не было.

После убиения царевича Дмитрия в Угличе в конце шестнадцатого и первых годах семнадцатого столетия стали особенно часто повторяться чудесные исцеления больных, притекавших к мощам святого князя Романа. Слава об этих чудесах распространилась повсюду, и патриарх Иов поручил казанскому митрополиту Гермогену освидетельствовать на месте святые мощи и сказания о чудесах. После этого освидетельствования святейший патриарх Иов благословил составить житие, стихиры и канон святому Роману, а равно и описание чудес с 3 февраля 1605 года[1140].

В 1609 году город Углич постигло великое бедствие, как и всю тогдашнюю Русь: литовское разорение. Город Углич был взят, жители во множестве перебиты, а дома, крепость и храмы Божии пограблены и пожжены. Враги ворвались и в Преображенский собор, разграбили и многое пожгли, а нарочито мощи святого князя Романа, покоившиеся там. Благочестивые почитатели святого Романа собрали обожженные кости его мощей: головы, ребер, рук и ног, положили в новую раку и опять поставили в соборном храме Преображения, где они и покоятся до настоящего времени.

Память святого пророка Азарии

Память 3 февраля

Святой Азария, сын Одеда, пророчествовал во дни Асы, царя иудейского[1141]. По случаю славной победы Асы над Зараем, царем эфиопским, Азария, объятый Духом Божиим, убеждал царя и народ оставить идолослужение и верно служить Богу Истинному. Возбуженные пророчеством Азарии, царь и народ отвергли идолов из всей земли Иудиной и Вениаминовой. Многие и из израильтян обратились тогда к Истинному Богу, и, собравшись в Иерусалиме, вступили в завет с Богом, дав клятвенное обещание никогда не удаляться от Него. И Бог благословил их продолжительным миром[1142].

Страдание святых мучеников Папия, Диодора и Клавдиана

Память 3 февраля

Святые мученики Папий, Диодор и Клавдиан пострадали в царствование императора Декия[1143] в Памфилийском городе Атталии[1144]. Они пасли стада скота в стране своей и, будучи христианами, распространяли среди язычников веру во Христа. Вследствие этого на них сделан был донос, и по повелению начальника области Павлина их схватили и привели к нему на суд. На допросе они безбоязненно исповедали Христа истинным Богом и, твердо веруя в Него, сказали, что Он есть Творец неба и земли и всего, что находится на них, и что, кроме Него, нет другого Бога. Услышав это, правитель области пришел в ярость и приказал подвергнуть святых различным мучениям. Но так как он не мог этим принудить их к отречению от веры во Христа, то повелел отсечь им головы мечом. Так скончались за Христа святые мученики и приняли от Него мученические венцы. Христиане с честью похоронили тела их во славу Христа, Бога нашего.

Память преподобного отца нашего Исидора Пилусиотского

Память 4 февраля

Преподобный Исидор был родом из Александрии[1145]. Он происходил от благородных и благочестивых родителей и был родственником Феофилу, архиепископу Александрийскому и святому Кириллу, преемнику Феофила. С успехом изучив светские науки и навыкнув в Божественной премудрости, Исидор пожелал посвятить себя на служение Богу. Еще в молодых летах он оставил славу мира сего и богатство и, презирая знатность своего происхождения и всё почитая как бы за прах, ушел в гору Пилусиотскую[1146]. Там, приняв иночество, он проводил строгую подвижническую жизнь[1147]. Духовная мудрость и строгая жизнь Исидора собрали к нему многих ревнителей благочестия, которыми он избран был в сан настоятеля и пресвитера[1148]. Строгими подвигами и высокой образованностью преподобный Исидор приобрел себе такое уважение, что не только епископы и вельможи, но и сам император и патриархи Александрийские обращались к нему за советами и наставлениями, и он у всех был в большом уважении.

Церковный историк Евагрий[1149], воспоминая об Исидоре, так говорит: «В царствование Феодосия[1150] был в великой почести Исидор Пилусиотский; слава о нем, как о добродетельном и учительном муже, распространилась далеко и широко, и имя его прославлялось всеми устами. Трудами он так изнурял плоть свою, что жизнь его казалась всем жизнью Ангельскою на земле. Он служил живым образцом монашеской жизни и богомыслия и много писал весьма полезного в наставление другим».

Историк Никифор[1151], свидетельствуя о добродетельной жизни Исидора, говорит: «Божественный Исидор от юности своей столь много пролил пота в иноческих трудах и так умерщвлял плоть свою, согревая душу таинственными и высокими учениями, что всем казался ведущим в полном

совершенстве евангельский образ жизни. Он был живым и одушевленным столпом иноческих уставов и Божественного видения и как бы самым высшим образцом теплейшего подражания и учения духовного. Исидор написал множество различных полезных наставлений. После него осталось до десяти тысяч посланий к различным лицам, исполненных Божественной благодати и мудрости человеческой, в которых он изъясняет всё Божественное Писание, и исправляет нравы в людях».

Из этих свидетельств ясно видно, сколь великим угодником Божиим был преподобный Исидор. Хотя и не сохранилось подробно написанного его жития, но уже и кратких слов историков достаточно для того, чтобы видеть святость и мудрость его, ибо он был для всех образцом добродетельной жизни и вселенную наполнил своими Богомудрыми писаниями. Он явился великим защитником святого Иоанна Златоустого, несправедливо лишенного епископской кафедры и много писал к Феофилу, архиепископу Александрийскому и к императору Аркадию[1152], увещевая их оставить свое злое дело, и, хотя не достиг успеха, однако изобличил их злобу и неправду. А по преставлении Златоустого письменно убедил святого Кирилла Александрийского, преемника Феофила, вписать имя Иоанна в церковные диптихи[1153] как великого исповедника, много пострадавшего за истину от злых людей.

Писал он и к Феодосию царю, наставляя его заботиться о церковном мире. И побудил его созвать третий Вселенский собор в Ефесе[1154] против злочестивых еретиков; ибо сам он был великим ревнителем благочестия, являясь сильным противником еретиков, готовым страдать и умереть за православную веру, как это видно из его слов. В послании к одному хулителю Ферасию он говорит:

«Спрошу тебя, издевающегося над нами и показывающего себя нам столь остроумным и строгим судиею: если бы царь поставил тебя на городских стенах, приказав стеречь и защищать город, и ты бы увидел, что враг прокапывает и разрушает стену, дабы удобнее войти в город, – то ты не стал ли бы сопротивляться, с помощью всех орудий и оружий,

препятствуя разорять стену и не пуская врагов; конечно, ты так стал бы делать, дабы защитить город и себя от врагов, и чтобы оказать верность и усердное повиновение царю. Не подобает ли и нам, которых Бог поставил в Церкви Своей учителями, крепко восстать против Ария[1155], не только ополчившегося бранью на стадо Христово, но и многих погубившего? Претерпеть всякое бедствие за это дело я считаю за ничто, и ничего так не желаю, как перенести всякие беды за истинную веру».

Из этих слов святого ясно видна его ревность о благочестии; но из его посланий можно узнать и о других его добродетелях.

Девство, которого Исидор сам был строгий хранитель, он восхваляет преимущественно пред прочими добродетелями, называя его царицею, которую всякий почитать должен, хотя не унижает и супружества честного. В послании своем к Антонию схоластику он говорит: «Хранящих девство должно уподоблять солнцу, вдовствующих непорочно – луне, а живущих честно в супружестве – звездам, подобно тому, как и святой Апостол Павел говорит: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1Кор.15:41). Людей, увлекающихся светской наукой, он увещевает поучаться более добродетельной жизни, чем красноречию. В послании к некоему монаху Патриму он говорит: «Я слышу о тебе, что ты имеешь большой ум и природные дарования, так что с усердием изучаешь риторское искусство, дабы стать красноречивым, но путь духовной жизни благополучно проходится только при совершении добрых дел, а не при помощи красноречия; поэтому, если ты желаешь получить бессмертную награду, то не заботься о красноречии, более попекись с усердием исполнять добрые дела».

Подобно сему Исидор пишет к епископу Аполлонию: «Так как неприлично и не следует с принуждением привлекать к благочестию людей, созданных с свободной волею, не выражающих своего изволения и противящихся, то должно тебе озаботиться о том, чтобы просвещать пребывающих во тьме добрым наставлением, доброю жизнью и добрыми нравами».

Сей святой поучает также, что добродетельному человеку не следует гордиться своими добрыми делами, но должно смиренно о себе думать: «Добродетельный в одной добродетели, – говорит он, – светлый венец имеет, а совершающий много добродетелей, но думающий о себе, что мало добра сделал, через такое смиренное мнение о себе будет иметь венец светлейший; при добродетелях самое помышление в себе о том, что мало сотворено, заслуживает не меньшей похвалы, чем самые (сотворенные) добродетели; но со всею истиною скажу: у кого сохраняется смиренное помышление, у того и добродетели бывают светлее, у кого же нет сего помышления, то и добродетели его светлые потемняются, а великие умаляются. Поэтому, кто желает, чтобы добродетели его были велики, пусть не считает их великими, и они окажутся на самом деле великими».

Поучая так других, преподобный Исидор сам прежде всех был исполнителем того, чему поучал. В этом он подражал Господу, Который прежде Сам исполнял, а потом уже поучал. Своими добрыми делами Исидор не гордился, но смиренномудрствовал; со смиренномудрием же соединял и целомудрие, как пару волов трудящихся, влекущих благий ярем Христов.

Целомудрие святого Исидора обнаруживается из послания к Палладию, епископу Еленопольскому[1156], в котором он много поучает блюстись со всею строгостью от собеседований с женщинами. «Если какие собеседования, – говорится в Писании, – и растлевают добрые нравы (1Кор.15:33), то именно беседы с женщинами, хотя бы и приличные, потому что они могут растлить тайным образом внутреннего человека, посредством дурных помыслов, и хотя бы тело оставалось в чистоте, душа будет осквернена. Поэтому преподобный Исидор обращается с советом к сему епископу, имевшему обыкновение в устных беседах наставлять женщин полезному, – и похвалявшемуся, что не ощущает в себе никаких вожделений. «Избегай, – пишет он, – сколько можешь собеседований с женщинами, добрый муж! Ибо имеющим на себе сан священства надлежит быть святее и чище поселившихся в горах

и пустынях. Первые имеют попечение и о себе, и о народе, а последние – только о себе. Притом, первые поставлены на высоте такой чести, что все разведывают и разбирают их жизнь, а последние живут в пещерах, или врачуя свои раны, или изучая свои недостатки, а иные и соплетая себе венцы. Если же вынужден будешь свидеться с женщинами, то склони очи долу, и тех, к кому пришел, поучай иметь целомудренные взоры. И после краткой беседы, достаточной для утверждения и просвещения их душ, тотчас быстро уходи, чтобы продолжительное свидание не расслабило и не расстроило твоих сил, и, овладев тобой, как грозным и величавым львом, не остригло гривы, которая льва действительно делает львом и охраняет царственное его достоинство. Если же хочешь быть в почтении у женщин (а об этом в особенности должен заботиться духовный муж), то не имей с ними содружества, и тогда ты будешь у них в почести. Ибо тогда это наипаче делается возможным, когда всего менее этого ищем. Человеку обычно пренебрегать теми, которые ему услуживают, а благоговеть пред теми, которые не льстят. Всего же более сему недугу подвержена женская природа. Женщина, когда ей льстят, несносна; а всего более благоговеет и приходит в изумление пред теми, которые ведут себя с нею свободно и повелительно. Но ты говоришь, что имеешь продолжительные беседы с женщинами и не терпишь никакого вреда. Пусть будет и так. Но всякому известно, что вода камни протачивает, и капли дождевые, непрестанно падающие на них, пробивают их. Рассуди, что мягче воды, или водяных капель? Однако их непрестанное действие преодолевает и естество. Если почти непреодолимое вещество преодолевается, – и от такой вещи, которая ничто по сравнению с ним, страждет и умаляется, то неужели воля человеческая, легко колеблемая, от продолжительного воздействия не будет побеждена и развращена?»

Наставляя так епископа Палладия, преподобный Исидор поучает и нас всех целомудренной жизни, чтобы мы не только тело свое хранили от плотского грехопадения, но и душу блюли в чистоте от греховных мыслей.

Преподобный Исидор оставил в своих писаниях много наставлений о всяких добродетелях, и в устных беседах научив всех сим добродетелям, достиг глубокой старости, и, благоугодив Богу, скончался в мире[1157].

Кондак, глас 4:

Денницу другую тя церковь обретши преславне, твоих словес молниями освещаема, взывает ти: радуйся, всеблаженне Богомудре Исидоре.

Житие преподобного отца нашего Николая Исповедника, игумена Студийского

Память 4 февраля

Преподобный отец наш Николай родился[1158] на острове Крите[1159], в селении, называемом Кидониею, откуда был родом и святой мученик Василид, пострадавший в числе десяти мучеников на острове Крите. Родители блаженного Николая были христиане. В раннем детстве он был отдан обучаться слову Божию. Когда же отроку исполнилось десять лет и он уже достаточно навык в чтении священных книг, родители отослали его в Константинополь, к дяде его, блаженному Феофану, который был иноком в Студийской обители[1160]. Феофан любезно принял своего племянника и отвел его к игумену Студийской обители, преподобному Феодору. Преподобный Феодор, провидя, что отрок имеет быть избранным сосудом Божиим, благословил его и велел ему до времени оставаться вне монастыря, в особом здании, где помещалось училище для юношей. Когда же Николай пришел в возраст, игумен, видя его благоразумие, а равно кроткий и смиренный нрав, поместил его внутри монастыря и постриг в иноческий чин. После нескольких лет добродетельной жизни в монастыре игумен принудил Николая принять и священство. Сюда же в Студийскую обитель пришел к Николаю и родной его брат, по имени Тит. Он бежал с острова Крита после нападения на остров сарацин[1161], и пришел к брату с печальною вестью, что родители их уведены в плен. Тит с великою скорбью и слезами передавал это известие брату. Николай, получив столь скорбную весть, хотя и болел сердцем о родителях, но старался утешить брата, увещевая его не скорбеть.

– Так угодно было Богу, – говорил он брату, – ибо без воли Его не падает и волос с головы (ср. Мф.10:30; Лк.12:7). Он знает, что делать для пользы человека. Поэтому возложим на Него нашу печаль и промышление о наших родителях. Нам же нужно самим заботиться о том, чтобы не быть плененными похотью плотскою и прелестями века этого и чтобы рука

невидимых врагов не отвела нас в землю тьмы и мрака непросветного.

Тит умилился и утешился этими словами брата и, по настоянию его, был пострижен и сам сделался добрым иноком.

В то время Церковь Христова, управляемая добрыми пастырями, пребывала в мире и тишине, но спокойствие ее внезапно было нарушено бурею возмущения, произведенного еретиками-иконоборцами, во главе которых стал злочестивый царь Лев Армянин[1162]. Лев Армянин был патрицием[1163] в царствование благочестивого царя Михаила, прозванного Рангавом[1164], но хитростью сместил Михаила с престола, заняв его сам. Для этой цели он воспользовался войною греков с болгарами. Царь, отправляясь на войну, начальником над восточными отрядами своего войска поставил Льва, не подозревая, что тот домогается обманом свергнуть его с престола. Когда произошла битва, греки начали побеждать и болгары готовы были обратиться в бегство. Но Лев, условившись заранее со своими, им же самим подкупленными, военачальниками, внезапно обратил свои отряды в бегство, хотя их никто не преследовал. Болгары, видя беспричинное отступление греков, сначала подозревали со стороны их обман, но потом, увидев, что греки не останавливаются в бегстве, ободрились и, выступив на них, долго преследовали их, уничтожив большое количество греческих воинов, так что царь Михаил потерпел полное поражение. Лев достиг своей цели, ибо войско и народ сочли царя трусливым и малодушным, неумеющим вести битву. Он поспешил воспользоваться таким настроением народа и войска против царя. Михаил после поражения вернулся в Константинополь. Лев же, оставшись с войсками в Вифинии[1165] для охраны границы, тотчас приступил к исполнению своего давно задуманного злого намерения против царя. Он распустил слух, что греки понесли поражение по причине лишь малодушия и совершенной неопытности царя в военном деле. Этим он возбудил против Михаила всё свое войско, которое отказалось признавать Михаила царем и провозгласило царем самого Льва. Когда слух о таком поступке Льва дошел до Михаила, то царь, несмотря на советы

окружающих, отказался противодействовать ему, говоря, что он не желает, чтобы ради него была пролита хотя бы одна капля христианской крови в междоусобной войне. Тайно от других послал он Льву царскую корону и порфиру, причем сказал ему: «Я уступаю тебе царство, приходи в Царьград безбоязненно и царствуй».

Но Лев весьма жестоко поступил с Михаилом, столь смиренно уступившим ему царствование. С великою пышностью вступив в Константинополь, он тотчас заточил Михаила и супругу его на один из островов; двоих же сыновей его Феофилакта и Игнатия – приказал оскопить.

Спустя некоторое время по воцарении нечестивый Лев восстал и на Самого Христа Бога и на Его Святую Церковь. Он созвал нечестивое соборище против иконопочитания, и приказал выбросить святые иконы из храмов Божиих. Святейший патриарх Никифор с собором благочестивых архиереев и архимандритов и всех богодухновенных отцов противостал такому злочестию царя, увещевая его не озлоблять и не смущать ересью Церковь Христову. Но нечестивый царь всех с бесчестием выгнал из палат, где происходило благочестивое собрание, и разослал в заточение в различные страны.

Святому Феодору Студийскому с учеником его, блаженным Николаем, пришлось особенно много пострадать от руки злочестивого Льва, так как они особенно сильно и смело противодействовали злочестию царя. Сначала они оба вместе были сосланы царем в местность близ озера Аполлониадского, в крепость Метопу[1166]. Оставаясь здесь в темничном заключении целый год, они всё-таки продолжали проповедовать истинное учение о почитании святых икон и успели многих отвратить от ереси. Услыхав об этом, царь отослал их в восточные страны, в местечко Вонита[1167]. Здесь они опять были заключены в темницу, где, по приказу царя, держали их под самым строгим надзором, так что вход к ним никому не был доступен и они ни с кем не могли беседовать. Но исповедники, не имея возможности устно поучать людей благочестию, проповедовали свое учение письменно. Они посылали из

темницы к верующим свои послания и, таким образом, как бы громогласными трубами, разрушали еретические учения, как стены иерихонские, исправляя и восстановляя разрушаемые еретиками догматы благочестия. Узнав об этом, царь послал жестокого воина, по имени Анастасия, с целью наказания их. Анастасий, прибыв на место, подверг исповедников жестокому истязанию, нанеся им посредством побоев ужасные раны, от которых тело их разрывалось на части. Отправляясь обратно, мучитель опять запер блаженных в темницу, закрыв совершенно к ним вход, и приказал морить их голодом. Страшные муки пришлось испытать святым узникам как от ужасных ран, так вместе и от голода и жажды, ибо стража подавала им хлеба и воды в самом малом количестве, – и то только через три, четыре дня, а иногда и через семь дней, причём бросала пищу им через окно с ругательством и издевательством. В этом заключении узники пробыли три года. Но не успели еще надлежащим образом закрыться раны на теле узников, как им пришлось испытать еще более ужасное мучение от нового мучителя, присланного царём. Сей посол пришел для разыскания о письме, перехваченном и доставленном царю. Письмо было написано к православным от лица Феодора рукою блаженного Николая. Послание это заключало в себе самое строгое обличение царского злочестия и душепагубной иконоборческой ереси и вместе содержало в себе прекрасное поучительное наставление в благочестии. Посол вызвал узников из темницы, показал им письмо и спросил, признают ли они его своим, на что исповедники открыто отвечали, что преподобный Феодор излагал устами, а блаженный Николай писал его своею рукою. Тогда разгневанный посол приступил к истязанию узников. Сначала он приступил к блаженному Николаю. По приказанию мучителя с Николая сорвали одежды, и, обнажив его, распростерли на земле и били продолжительное время. Оставив избитого полумертвого Николая, он начал истязать Феодора, которого били по телу, едва не сокрушив костей. Оставив полуживым Феодора, мучитель снова обратился к Николаю, желая ласкою склонить его к единомыслию с царем. Но блаженный не внял его словам и не склонился на его

ласкательство, оставаясь непоколебимым в благочестии. Придя в сильнейший гнев, мучитель приказал истязать Николая самым жестоким образом. Его долгое время били по всему телу и, причинив ему многочисленные раны, оставили на всю ночь нагим, распростертым на земле; время же было зимнее, холодное, ибо был февраль месяц. Но блаженный все муки терпел, благодаря Господа. После этого мучитель опять заключил обоих исповедников в темницу и, закрыв к ним вход, возвратился к царю. Преподобные же отцы испытывали ужасные страдания от многочисленных причиненных им ран, ибо язвы на теле их проникали до костей, а кожа была так истерзана, что висела на них как рубище. Вид истерзанных страдальцев был столь ужасен, что возбуждал сострадание даже в грубых сердцах воинов, составлявших стражу их. Из жалости воины подавали им теплую воду и масло. Страдальцы омывали омоченною в воде губою свои раны и помазывали их маслом, отчего раны их понемногу стали закрываться; кожу же, висевшую и не приставшую к телу, они отрезали небольшим ножом.

Но вот прошло девяносто дней, как блаженные томились в темнице, и еще следы от ужасных ран оставались на их теле, как злочестивый царь вызвал их в смирнские пределы[1168] и там, опять немилосердно истязав их, приказал заключить в темницу, забив им ноги в колодки. Здесь блаженные томились в течение двадцати месяцев, среди скорбей и утеснений. И Бог услышал рабов Своих, вопиющих к Нему день и ночь и, промышляя о заключенных, благоизволил, дабы злочестивый царь погиб: Лев был убит своими воинами в храме. По смерти Льва скипетр греческого царства принял Михаил, называвшийся Валвос[1169]. Этот царь, хотя сам склонялся на сторону иконоборцев, однако не преследовал верующих за почитание святых икон, и позволял веровать каждому, кто как желает. Он даже издал повеление освободить всех, кто был заключен в темницы за иконопочитание. В это время блаженный Николай с великим Феодором, выпущенные из темницы, прибыли в Халкидон[1170] к патриарху Никифору, находившемуся здесь в заточении. Блаженный Никифор был весьма утешен их пришествием и,

видя на теле их страдальческие раны, почитал их наравне со святыми мучениками. Пробыв в Халкидоне некоторое время, они вместе с патриархом Никифором, отправились в Царьград, с целью убедить самого царя оставить иконоборчество и склонить его к благочестию. Но святые исповедники благочестия не имели успеха в своем благом деле, ибо царь, по своему глубокому невежеству, не внял их увещаниям и не склонился к почитанию святых икон, хотя по-прежнему другим не возбранял поклоняться им. Впрочем, не воспрещая в окрестностях и в предградии ставить святые иконы, царь строго воспретил делать это в самом царствующем граде. По этой причине святые отцы Феодор и Николай, простившись с патриархом, оставили Царьград, дабы иметь возможность свободно сохранять свое благочестие, в соединении с почитанием святых икон. Они поселились в Акрите[1171], близ храма святого мученика Трифона. Здесь святой Феодор, спустя некоторое время, окончил свое земное поприще и в мире преставился Богу[1172]. Блаженный же Николай, оставшись при гробе своего духовного отца, проводил житие свое в иноческих подвигах.

После смерти Михаила воцарился сын его Феофил[1173]. Сей царь был ревностным иконоборцем и со всею жестокостью начал преследование верующих за почитание святых икон. Опять верующие стали терпеть гонения и мучения от иконоборцев. В это время много пострадали два брата по плоти и по духу, преподобные отцы Феодор и Феофан Начертанные. Тогда и блаженный Николай оставил местопребывание при гробе духовного отца своего Феодора и скитался, переходя с места на место, пока не умер царь-иконоборец Феофил.

По смерти Феофила царская власть перешла к супруге его, благочестивой царице Феодоре, которая правила государством совместно с сыном своим Михаилом[1174]. В Церкви Христовой, управляемой в Царьграде патриархом святым Мефодием, наступила опять тишина, и снова воссияло благочестие. Тогда и блаженный Николай пришел в Студийскую обитель. Здесь, по смерти Навкратия исповедника[1175], при патриархе святом Игнатии, бывшем вслед за святым Мефодием, он был поставлен игуменом. Спустя три года блаженный Николай,

предоставив игуменство свое блаженному Софронию, мужу добродетельному, сам удалился в уединение, где пребывал в безмолвии. Но, по истечении четырех лет, как только Софроний преставился ко Господу[1176], братия пришли к преподобному Николаю и после многих просьб убедили его опять принять игуменство. После этого блаженный Николай игуменствовал несколько лет.

Между тем царь Михаил, возмужав, стал весьма развратен нравом. По совету дяди своего, брата матери, по имени Варды, он изгнал мать свою, блаженную Феодору, из царских палат и принудил ее постричься в одной из женских обителей, а сам пригласил к совместному царствованию дядю Варду. Такой поступок царя с матерью возбудил сильное волнение в народе. Соблазн был еще сильнее, оттого что и соправитель царя – Варда позволил себе страшное беззаконие, оставив жену свою и взяв вместо нее жену своего сына. Святейший патриарх Игнатий, желая исправить такое развращение царей и прекратить беззаконие Варды, непрестанно увещевал их, но без всякого успеха. Однажды царь Варда явился в праздничный день с намерением причаститься Пречистых Таин; патриарх же не только не позволил ему причаститься, но пред всем народом изобличил в беззаконии и отлучил от Церкви. Варда воспылал сильнейшею злобою на патриарха и возбудил против него и Михаила: оба царя, согласившись, лишили патриарха престола, сослав его в изгнание, а вместо него поставили патриархом Фотия асинкрита[1177].

Видя такое нестроение в Церкви, блаженный Николай покинул монастырь свой и, взяв брата своего, ушел с ним в одно монастырское селение, на острове Приониссе[1178], и там проводил жизнь в безмолвии, не желая ничего слышать о беззаконии царей. Но здесь он недолго прожил, будучи изгнан отсюда. Однажды оба царя плыли на корабле мимо того места, где имел свое пребывание святой. Зная, что Николай, как муж добродетельный, пользуется большою славою у людей, они свернули к нему, дабы ласкательством склонить его к единомыслию с собою, чтобы он подтвердил своими словами справедливость изгнания патриарха, а равно признал бы и

беззаконный брак Варды. Но он не только не одобрил их злодеяний, но и предрек им, что они погибнут внезапною и злою смертью, если не раскаются в своих злых делах, что и исполнилось впоследствии. Услышав это от святого, цари озлобились на него и изгнали его оттуда, а игуменом Студийской обители, по их повелению, был поставлен другой. И вот блаженный Николай опять в свои старческие годы принужден был скитаться с места на место[1179]. Но и после этого беззаконные цари не оставили его в покое. По их повелению он опять был взят и в узах приведен в монастырь, где томился в темнице в течение двух лет[1180], пока оба царя действительно не погибли злою смертью: Варда был убит слугами Михаила во время ссоры между царями, когда они были в походе против сарацин на острове Крите, а Михаил был убит своими домашними в своем дворце.

После Михаила царский престол занял благочестивый Василий[1181]. Он тотчас возвратил на патриарший престол Игнатия, а блаженный Николай был освобожден из темницы. Царь призвал его к себе и убеждал его опять принять в управление свой монастырь. Николай, по старости лет, сильно не желал этого, и только по настоятельной просьбе царя согласился принять управление монастырем. Царь часто призывал святого к себе, беседовал с ним, поучаясь добродетельной жизни от его наставлений, и воздавал святому большую почесть.

Бог даровал Своему угоднику дар исцелять недуги в людях. Супругу царя Евдокию постигла тяжкая болезнь, так что она, не получая никакой помощи от врачей и совершенно отчаявшись в своем исцелении, ожидала близкой кончины. Но вот однажды, забывшись во сне, она увидела старца в иноческом одеянии, сиявшего светом славы. Приблизившись к ней, старец сказал:

– Уповай на Бога, ибо ты не умрешь ныне, но получишь исцеление и будешь здрава.

Проснувшись, она тотчас рассказала виденное во сне мужу и умоляла его призвать к ней из всех монастырей старцев, известных своею добродетельною жизнью. Вместе с другими старцами, приглашенными в палату к царице, явился и

блаженный Николай, лицо которого сияло светом, как у Моисея. Царица узнала в нем старца, виденного ею во сне, и, вставши, поклонилась ему, и тотчас сделалась совершенно здоровою.

Так же тяжко заболела другая женщина, по имени Елена, жена патриция Мануила. Она была близка к смерти, и родственники приготовили уже для нее погребальные одежды; но блаженный Николай, придя поспешно к ней в дом, перекрестил рукою своею главу ее и все тело, и умирающая встала от одра болезни, совершенно исцелев от тяжкого недуга. Заболел тяжко и сам супруг ее Мануил. Отчаявшись в выздоровлении, ибо врачи не оказали никакой помощи, Мануил ожидал приближения смерти. Перед смертью он пожелал принять иноческий чин; с просьбою о пострижении он обратился к блаженному Николаю. Но Николай на этот раз отказался исполнить его желание и предрек ему, что Бог исцелит его, и что он будет занимать высшее положение при дворе, проходя должным образом свое служение, и потом уже, приняв пострижение в иноческий чин, отойдет в другой мир с добрыми делами. Предсказание его сбылось. Мануил вскоре выздоровел, занимал высшие саны при дворе и потом уже под конец жизни, сильно разболевшись, будучи пострижен блаженным Николаем, отошел к Богу в иноческом чине.

Другой патриций, по имени Феофил Мелиссен со своею супругою были в большой скорби, потому что все дети их, после рождения, внезапно умирали. Когда однажды родилась у них дочь, они принесли новорожденную к святому и просили его быть восприемником ее от купели, веруя, что молитвы святого спасут ее от смерти. Блаженный отказался быть восприемником, но, возложив на младенца руку, помолился Богу и сказал патрицию:

– Дух Святой говорит: жива будет дочь ваша, и вы увидите сынов сыновей ее.

И все сбылось по его предречению: дочь их возросла в полном здоровье и, будучи красивою девицею, вскоре была отдана в замужество и имела добрых детей.

Под конец своей жизни блаженный Николай разболелся.

Когда все братия окружали его одр, блаженный обратился к инокам с вопросом:

– Скажите, братия, в чем вы в настоящее время имеете недостаток?

Они, удивившись такому вопросу, отвечали:

– Не имеем жита.

Блаженный сказал им на это:

– Бог, питавший Израиля в пустыне, не оставит и вас: в третий день, по моей кончине, Он в изобилии даст вам пшеницы.

Поставив игуменом Климента, бывшего экономом, преподобный Николай с миром почил в четвертый день февраля, прожив семьдесят пять лет, и был погребен с честью[1182].

На третий же день, как предрек святой, в монастырь прибыл корабль с пшеницею, присланный царем Василием. Климент с радостью принял дар царя и сказал инокам:

– Вот, отцы и братия, преподобный отец наш Николай исполнил свое обещание, прислав нам в изобилии пшеницы.

В том же монастыре был инок, по имени Антоний, много лет страдавший болезнью кровотечения. Потеряв надежду на врачей, он был близок к смерти. Игумен велел ему занять хижину преподобного отца Николая, в которой бы он и оставался до смерти. И вот, когда Антоний, войдя в хижину ту, лёг и забылся во сне, ему явился преподобный Николай и спросил:

– Чадо Антоний, чем ты болеешь?

Он назвал ему свою болезнь. Преподобный сказал:

– Не бойся, от этого времени ты будешь здрав.

Быстро пробудившись, Антоний не во сне, а уже наяву увидел преподобного выходящим из хижины, в которой осталось сильное благоухание. Он тотчас почувствовал исцеление и встал здоровым. После этого Антоний жил четырнадцать лет и не имел никакой болезни по молитвам преподобного Николая. Предстательством его да избавимся и мы от всяких болезней, душевных и телесных, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.

Память преподобного Кирилла, Новоезерского чудотворца

Память 4 февраля

Преподобный Кирилл родился от благочестивых и богатых родителей в городе Галиче[1183] . Еще будучи отроком, Кирилл почувствовал непреодолимое желание быть иноком. Тайно оставив родительский дом, Кирилл ушел из Галича на реку Обнору[1184], в обитель преподобного Корнилия[1185], о которой слышал от своих родителей[1186]. На пути туда Кирилл увидел старца, украшенного сединами. На вопрос старца, куда идет он, Кирилл отвечал, что идет к обители преподобного Корнилия. Одобрив его намерение, старец велел ему идти туда вместе с собой. На другой день они подошли вдвоем к обители преподобного Корнилия. Не доходя немного до обители, старец, дав наставление отроку, долгое время молился о нем и затем, показывая рукою на обитель, сказал:

– Иди, чадо, к блаженному Корнилию, а я буду просить блаженного Корнилия принять тебя в иноки.

После того старец благословил отрока и стал невидим. Оглядываясь вокруг и не видя старца, Кирилл уразумел, что то было Божие посещение, и возблагодарил об этом Бога. Придя затем в монастырь, отрок со слезами умолял преподобного Корнилия принять его иноком в свою обитель. Предвидя в нем избранный сосуд Святого Духа, Корнилий принял его с любовью и постриг в иноческий чин[1187]. Молодой инок весь предал себя Богу и с горячею любовью начал совершать подвиги иноческого жития.

Родители Кирилла долго искали его всюду и, не найдя нигде, плакали о лишении сына. Через несколько лет родители узнали, что Кирилл пребывает в обители Корнилиевой. На 12-й год пребывания там Кирилла, отец его пришел туда и постригся с именем Варсонофия, а через некоторое время получено известие о матери Кирилла, что и она, пожив добродетельно и благочестиво, также скончалась в иночестве с именем Елены.

Отец Кирилла, прожив в обители три года в посте и молитвах, преставился ко Господу.

По кончине родителей преподобный Кирилл стал подвизаться еще усерднее, прилагая труды к трудам, работая и в поварне, и в пекарне и обходя все монастырские службы.

Стремясь к высшему совершенству, преподобный Кирилл решился вести жизнь отшельническую в глуши лесов. По благословению святого Корнилия отправился он на север ходить по пустыням; пищу его составляли то разные травы и коренья, то кора сосновая; чаще приходилось ему видеть зверей, чем людей. Оттуда приходил он по временам в пределы Новгородские и Псковские и там поклонялся святым местам, молясь Господу, да укажет ему место для постоянного пребывания.

По небесному указанию блаженный Кирилл отправился оттуда к Белуозеру[1188], а затем пошел к Тихвинскому монастырю[1189], во имя Пресвятой Богородицы, где три дня молился Богу и Пречистой Его Матери. Во сне явилась ему Богородица и велела идти к Новому озеру. С Кобылиной горы преподобный увидел посреди озера Красный остров, поросший лесом. На этом острове увидел Кирилл огненный столп на том месте, где ныне стоит монастырь, из чего он понял, что то место указано ему Богом и Пречистой Богородицей.

Прибыв на тот остров, преподобный поселился там под высокою елью, устроив из ветвей ее хижину себе. Здесь явился ему во сне Ангел Господень и сказал, что это место уготовано ему Господом. Пробудившись от сна, блаженный пошел по тому острову и увидел около своей хижины следы от ног человеческих. По этим следам он дошел до селения Шиднем, и у крестьян этой деревни просил разрешения поселиться на том острове; получив просимое, он построил себе там келью. На следующий год он построил здесь две малые церкви: одну во имя Воскресения Христова, а другую – во имя Пречистой Богородицы Одигитрии.

Во время пребывания своего на острове преподобный усердно подвизался в посте и молитвах, претерпевая многие напасти и скорби от бесов и от злых людей. С течением

времени вокруг Кирилла собралось много братии и на Красном острове основалась обитель, известная под именем Новоезерской[1190].

Достигнув глубокой старости, преподобный Кирилл был награжден от Господа даром прозорливости и чудес. Пред кончиною своею преподобный предрек о бедствиях, готовившихся для Российской земли.

– Будет, – говорил он, – на нашей земле мятеж между людьми и беды великие, прольётся сильный гнев Божий, падут от меча многие, а другие будут отведены в плен.

Когда же к нему подошел ученик его Дионисий и начал спрашивать преподобного: «Скажи нам, отче, а потом что будет?», преподобный отвечал ему: – Вслед за этим я видел Царя сидящего на Престоле и пред Ним двух юношей, имеющих на головах своих венцы царские. И дал Господь им в руки оружие на врагов, – и все царства земные поклонятся Сидящему на Престоле, и наше царство будет умирено и устроено Богом. Вы же, отцы и братия, – прибавил преподобный, – молитесь со слезами Богу и Пречистой Его Матери о державе Российского царства.

Причастившись Святых Таин и оградив себя крестным знамением, святой Кирилл предал Господу дух свой, 4 февраля 1532 года, и погребен в основанной им обители[1191].

Память святого священномученика Аврамия, епископа Арвильского[1192]

Память 4 февраля

Святой Аврамий схвачен был по приказанию начальника волхвов[1193] в пятый год гонения, воздвигнутого на христиан в Персии[1194]. Начальник волхвов принуждал святого отречься от Христа и поклониться солнцу[1195], но блаженный Аврамий сказал ему:

– Жалкий нечестивец! К чему ты утруждаешь себя, повелевая мне совершить такое непотребное дело? Какое безумие – оставить Творца и поклоняться твари! Глупец! Разве солнце не есть творение Бога моего?

Эти слова привели в страшный гнев нечестивого мучителя, и он немедленно же повелел раздеть святого, разложить на земле и бить по всему телу суковатыми палками. Святой Аврамий мужественно переносил страдания и молился за своих мучителей, говоря:

– Господи, не вмени им греха этого, ибо они не знают, что делают.

Видя это, начальник волхвов повелел отсечь святому голову мечом. Мученическую кончину священномученик Аврамий принял в селении, называемом Фелман.

Воспоминание о некоем богобоязненном отшельнике

Память 4 февраля

В сей день воспоминается о некоем богобоязненном и благочестивом отшельнике, который жил в пустынной горе, находившейся в пределах египетского города Антинои[1196]; многие из приходивших к нему получали назидание от его бесед и добрых дел. Враг рода человеческого позавидовал добродетельной жизни отшельника и, пользуясь его богобоязненностью, внушил ему такую мысль: «не подобает, чтобы тебе работали или служили другие, ибо ты не только недостоин, чтобы кто-нибудь служил тебе, но и сам недостоин служить кому-нибудь, а поэтому работай только для себя. Итак, иди в город и продай корзины, которые ты делаешь, купи всё необходимое для себя и уходи отсюда, чтобы не быть в тяжесть другим». Диавол вложил этот помысл в ум отшельнику потому, что завидовал его безмолвию и подвигам, от которых и другие получали большую духовную пользу, ибо враг рода человеческого старается всех уловить в свои сети. И вот, всеми уважаемый и прославляемый за свою добродетельную жизнь отшельник, вняв этому злому совету как бы благому, вышел из своей кельи, не уразумев хитрых козней диавольских. Через некоторое время отшельник встретил женщину и после продолжительной беседы с нею от душевного невнимания своего был увлечен похотью. Придя затем, под внушением диавола, в одно уединенное место к реке, он уразумел, наконец, что впал в согрешение на радость своему врагу – диаволу. В отчаянии, что он опечалил Духа Святого, Ангелов и святых отцов, из которых многие, живя в городах, побеждали диавола, отшельник намеревался броситься в речную быстрину, забыв, что Господь всегда готов прийти на помощь всем уповающим на Него и желающим исцелиться от своих согрешений. От такой духовной скорби отшелъник изнемог телом, к великой радости диавола. И если бы Всемилосердый Бог не пришел ему на помощь, то он умер бы без покаяния, на

радость бесам. Придя затем в себя, инок стал раздумывать, какой бы труднейший воспринять на себя подвиг покаяния и христианского терпения, и умилостивить Бога – слезами и сердечным сокрушением. И вот он опять пришел в свою келью и, заградив вход в нее, стал молиться Богу и оплакивать свой грех, проливая над собою слёзы, как бы над мертвецом, в то же время постясь, скорбя и подвергая изможднию свою плоть; но и всем этим он не надеялся загладить свой тяжкий грех.

Когда же братия по обычаю приходили к нему ради душевной пользы и стучались в его дверь, то он отвечал им:

– Не могу отворить вам, ибо я дал обет целый год так каяться; вы же молитесь о мне недостойном.

Так отвечал им отшельник, не находя, что сказать им, боясь соблазнить их, если скажет им о своем грехопадении, ибо он всем известен был как строгий и искусный инок. Так он провел весь год, строго постясь и каясь в своем согрешении.

Когда же приблизился праздник Пасхи, то отшельник, в самую ночь перед Воскресением Христовым, взял новый светильник, налил в него елея и, положив его в новый сосуд, покрыл и стал с вечера на молитву и говорил:

– Щедрый и милостивый Господь, хотящий и язычников спасти и в разум истины им прийти! К Тебе прибегаю, Спасу душ наших: помилуй меня, сильно прогневавшего Тебя и сделавшего многое на радость врагу, так что теперь, послушав врага, я стал как бы мертвецом. Но Ты, Господи, милующий нечестивых и немилостивых и поучающий ближнего миловать, помилуй и ущедри мое окаянство, ибо Тебе Всемилосердому всё возможно. Сотвори милость мне, ибо Ты благ и милостив к Твоему созданию, и даже истлевшие тела хочешь восставить в день Воскресения. Услышь меня, Господи, ибо уныл во мне дух мой, и окаянная душа моя истаяла, и изнемогло тело мое, которое я осквернил; я и жить не могу, ибо недостоин того. Ныне же с покаянием прибегаю к Тебе и молю прощения моим согрешениям. Я сугубо согрешил, ибо и пал, и отчаялся; но оживи меня сокрушенного и повели сему светильнику возжечься от Твоего огня, дабы отсюда я уразумел, что Ты, превеликий в щедротах, даруешь прощение моим согрешениям. Всё

остальное время жизни моей, которое Ты, Господи, мне даруешь, я пребуду в страхе Твоем, соблюдая Твои заповеди.

Так молясь в ночь Воскресения Христова со многими слезами, отшельник встал посмотреть, не возжегся ли светильник, и, открыл сосуд, увидал, что светильник не возжегся. Тогда он снова пал на лицо свое и молил Господа, говоря:

– Знаю, Господи, что мне надлежало увенчаться подвигом добрым, но я не внимал заповедям Твоим, будучи увлекаем плотскою похотью, и за это должен подвергнуться мучению вместе с нечестивыми; но пощади, Господи, меня, согрешившего Тебе и исповедующегося в моем согрешении пред всеми Ангелами и праведниками. И если бы люди не соблазнились, то я пред всем миром исповедал бы мое согрешение. Помилуй меня, Господи, кающегося в грехопадении моем, оживи меня, дабы и других я мог наставить.

Так помолившись троекратно, он был услышан. Встав после молитвы, отшельник увидел, что светильник светло горит, и сильно возрадовался тому и укрепился добрым упованием на Бога. И дивился он столь великой благодати Божией и человеколюбию Господа, и возвеселился духом, что Бог простил ему согрешения и услышал его смиренное моление, и говорил:

– Благодарю Тебя, Господи, что Ты в сей временной жизни помиловал меня недостойного, великим и новым сим знамением подав мне дерзновение к Тебе: ибо Ты с милосердием прощаешь душам, созданным Тобою.

Когда он возносил это благодарение к Богу, воссиял день, и отшельник веселился о Господе и от радости забыл в тот день и о пище телесной. Огонь же того светильника он хранил во всю остальную жизнь свою, подливая в него елей, чтобы огонь не погас. И опять пребывал с ним Дух Божий, опять о нем все узнали и получали от него назидания. Когда же он приблизился к своей кончине, то за несколько дней до скончания узнал час своей смерти и почил в мире, предав душу свою в руки Божии.

В тот же день память святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича.

Страдание святой мученицы Агафии

Память 5 февраля

В царствование злочестивого Декия[1197], в то время, когда правителем Сицилии[1198] был поставленный им Кинтиан, разослано было по всем странам безбожное повеление предавать всех христиан избиению. В то время в городе Панорме[1199] жила девица, по имени Агафия, дочь благородных и богатых родителей, воспитанная в христианском благочестии. Услыхав о безбожном повелении гонителей относительно избиения христиан, Агафия воспылала ревностью о Христе Господе своем, Которому уневестилась чистотою девства своего. Она оставила любовь к отечеству своему и, считая за ничто достоинство своего высокого рода и презирая богатство, оставшееся ей после родителей, и всю славу мира сего, начала готовиться к страданию за Христа. Игемон Кинтиан, слыша о красоте, благородстве и богатстве сей святой девицы, воспылал к ней нечистой страстью и помышлял увидать ее и склонить к своей преступной похоти, и вместе овладеть ее имением. Узнав, что она верует во Христа, он тотчас послал воинов из города Катаны[1200] в Панорм привести святую на суд как христианку. Посланные, придя к святой Агафии, хотели ее взять, и обещали с честью доставить ее к своему военачальнику, если она даст слово поклониться их богам. Попросив их немного подождать, Агафия вошла в горницу внутри дома и, затворившись в ней, воздела руки к небу и начала молиться, говоря:

– Господи Иисусе Христе! Ты знаешь сердце мое и расположение души моей, любовь и веру в Тебя! Будь мне вождем и помощником против врага, которого я о Тебе, Боге моем, попрала уже и умертвила. И ныне, Владыко, молю Тебя, не попусти всескверному и всезлобному человеку, слуге демонов, осквернить тело мое, в котором я доныне прожила чисто и честно; поспеши и ускори победить диавола и слугу его Кинтиана, чтобы он не сказал: «Где ее Бог?» (ср. Пс.78:10)

Прими как жертву и приношение слёзы мои в воню благоухания, ибо Ты один Бог и Тебе подобает слава вовеки. Аминь.

Помолившись так, она пошла из города с воинами, в сопровождении некоторых граждан, соседей и знакомых; шла она с полною готовностью мужественно постоять за Господа своего, как стена несокрушимая; и размышляла в себе: «Вот я сначала имела брань с диаволом, стараясь соблюсти в чистоте свое девство, и победить свои плотские страсти, которые и победила с помощью благодати Христа моего, и попрала врага, воюющего через страсти и похоти против людей; теперь я иду на вторую брань, в которой я должна положить душу свою за Христа. Но, диавол, ты не порадуешься через меня, но более посрамишься сам: ибо я надеюсь на Христа Бога моего, что Он с высоты будет смотреть на подвиг мой со множеством святых Ангелов Своих и поможет мне немощной».

Размышляя так в себе, она горячими слезами омывала лице свое. Когда она продолжала путь, развязался ремень у сандалия ее; чтобы завязать его, она поставила ногу на камень и осмотрелась кругом, и она уже не увидела никого из провожавших ее соседей: все, оставив ее, возвратились назад. Поэтому она еще более прослезилась и обратилась с молитвою к Богу, говоря:

– Всемогущий Господь, ради моих граждан, не поверивших мне, что я хочу пострадать за Твое святое имя, покажи какое-либо чудо на сем месте!

И вот тотчас выросла дикая бесплодная маслина, изображавшая собою дикие умы граждан Панорма.

Когда святая Агафия прибыла в город Катану, военачальник повелел поместить ее в доме одной богатой женщины, по имени Афродисии. У ней было пять юных дочерей, которым он велел при помощи своих ласкательных речей и различных удовольствий совратить ум Агафии к плотской любви и убедить ее принести жертвы богам. Они, то хваля и превознося ее и высказывая многие обещания, то посредством угроз, старались склонить Агафию к исполнению воли Кинтиана, но не имели никакого успеха: ни словом, ни делом не могли они отвратить ее от Божественной любви к любви мирской. Они украшали ее

дорогими одеждами, предлагали подарки и различные дорогие кушанья и угощения, устраивали представления в лицах и пляски, при игре музыкантов, и творили перед ее глазами всякие бесчинства и смехотворные вещи. Но она, не желая даже глядеть на всё это, говорила:

– Пусть будет вам известно, что ум и помышления мои утверждены на камне и не могут быть отвращены от любви Христовой: ваши же льстивые слова подобны ветру, предоставление же мирских радостей – есть не более как дождь; а угрозы ваши – это реки, которые хотя и прильют к моей храмине, но не возмогут сдвинуть ее, ибо она стоит на твердом основании, как бы на камне, Которое есть Христос Сын Бога Живого.

Говоря так, она струями слёз обливала свою грудь: ибо как олень ищет источников воды (ср. Пс.41:2), так она стремилась к страданию за Господа своего.

Афродисия, видя твердость и непоколебимость сердца Агафии, пошла к военачальнику Кинтиану и сказала ему:

– Скорее можно камень раздробить и железо превратить в олово, чем убедить и отвратить от Христа сию девицу; я сама и дочери мои дни и ночи проводили только в том, что увещевали ее к единомыслию с нами – то ласками и просьбами, то угрозою: ожерелья и мониста редкие, дорогие одеяния, золото и драгоценные камни я полагала перед ее лицом, отдавала ей в подарок рабов и села свои, но она всё это презирает, как прах, попираемый ногами.

Тогда разгневанный военачальник Кинтиан велел привести Агафию в свою тайную палату; здесь, сидя на своем месте, он, исполненный нечистых помыслов, спросил девицу, какого она рода. Святая Агафия отвечала:

– Я – благородного происхождения и имею знатных и богатых родственников.

Кинтиан сказал ей:

– Если ты знатного рода, то зачем носишь бедную одежду, как какая-либо рабыня?

– Я – Христова раба, – отвечала святая, – и поэтому ношу образ рабыни.

Кинтиан же сказал:

– Как же ты называешь себя рабой, будучи свободною, как дочь благородных родителей?

– Благородство и свобода наша в том, – отвечала святая, – чтобы работать Христу.

Военачальник спросил:

– Неужели мы, не работающие Христу вашему и отрицающиеся от Него, несвободны?

Агафия отвечала:

– Вы находитесь в таком плену и рабстве, что не только сделались рабами греху, но и поклонниками мерзких и бесчувственных идолов, почитая дерево и камень за бога.

– Если ты будешь произносить такие хулы, – сказал ей Кинтиан, – то будешь предана многим мучениям; но скажи мне, почему ты отрицаешься от наших богов?

– Потому я отрицаюсь от них, – отвечала Агафия, – что они не боги, а бесы, изображения которых вы делаете из меди и мрамора, покрывая золотом их лица.

Кинтиан сказал:

– Послушай доброго совета, девица, и принеси жертвы, чтобы не испытать тебе различные муки и не навести бесчестия и поношения своему благородному происхождению, после чего ты, хотя и против воли, должна же будешь поклониться богам, владыкам вселенной.

Святая Агафия отвечала:

– Пусть будет жена твоя подобна Афродите[1201], богине твоей; а ты сам будь подобен Зевсу[1202], богу твоему.

Когда святая произнесла это, Кинтиан велел ударить ее по лицу и сказал:

– Не оскорбляй военачальника. Святая Агафия ответила:

– Где разум твой, военачальник? Я желаю тебе, чтобы ты был подобен богу твоему, а ты не желаешь быть ему подобным и сам стыдишься своих богов: поэтому вместе со мною отрекись от них.

Военачальник сказал:

– Ты заслуживаешь многие муки, на которые я тебя тотчас и отдам, если ты не исполнишь, что тебе приказывают.

– Не боюсь я ничего, – отвечала девица; – если ты отдашь меня на съедение зверям, то звери, увидев меня и услышав имя Христово, укротятся; если в огонь меня бросишь, то Ангелы с неба будут меня охлаждать росою; если ты причинишь мне раны и мучения, я имею на помощь Духа истины, Который меня избавит от руки твоей.

После этого военачальник велел отвести Агафию в мрачную и смрадную темницу; святая же пошла туда как на пир и веселье, вручая себя Господу своему. Утром Кинтиан, вызвав опять святую Агафию на суд, спросил ее, достаточно ли она подумала о своем здоровье. Святая Агафия отвечала:

– Здоровье мое – Христос.

Но начальник сказал:

– Отрекись от Христа, чтобы не погибнуть тебе в юности.

– Отрекись ты от своих богов, – отвечала святая, – которые суть не что иное, как камень и дерево, и приступи к истинному Богу, сотворившему тебя, дабы не подвергнуться тебе мукам вечным.

Тогда разгневанный мучитель велел повесить Агафию нагою на дереве и бить. Когда святую били, мучитель сказал ей:

– Перемени свои мысли и поклонись богам, чтобы остаться тебе живой.

Она же отвечала:

– Сими муками я приобретаю себе блаженство и радуюсь среди них так же, как радуется тот, кто приобрел великие сокровища: сии временные муки мне полезны. Как не собирают пшеницу в житницы, не очистив ее от плевел, так невозможно для души моей войти в рай, если сначала тело не будет истерзано муками.

Военачальник велел слугам сильнее мучить Агафию, потом приказал железными клещами рвать ее сосцы и отрезать их. Когда это исполняли, мученица сказала военачальнику:

– Безбожный и бесчеловечный мучитель! Не стыдишься ты у женщины отрезать сосцы, которыми ты сам питался у своей матери; но я имею другие сосцы в душе моей, которых ты не можешь коснуться, ибо они от юности посвящены Богу.

После этого святая была брошена в темницу. В полночь явился ей святой Апостол Петр, в образе благолепного старца, неся в руках своих многие врачевания для нее; ему предшествовал прекрасный юноша с горящею свечою; святая подумала, что это пришел какой-либо врач. Апостол сказал ей:

– Нечестивый мучитель, хотя и истерзал тебя ранами, но не имел никакого успеха; напротив, ты победила его своим мужеством; он велел сосцы твои не только истерзать, но и отрезать: за это душа его будет мучиться вечно. В то время, когда ты терпела муки, я стоял и смотрел, и размыслил, что можно исцелить твои сосцы, для чего и пришел сюда.

Святая мученица Агафия отвечала:

– Я никогда не употребляла никакого врачевания для своего тела; думаю, что и теперь не следует нарушать этого доброго обычая, от юности усвоенного.

– Ведь и я христианин, – сказал старец, – и пришел, надеясь исцелить тебя; поэтому не стыдись меня.

Святая же отвечала:

– Ты мужчина, а я девица, как же я могу без стыда обнажить перед тобою свое тело; я лучше буду терпеть боль от своих ран, нежели пожелаю обнажиться пред глазами мужчины. Благодарю тебя, честный отец, что ты пришел сюда с намерением исцелить мои язвы; но знай, что врачевания от рук человеческих никогда не коснутся тела моего.

Старец сказал ей:

– Почему же ты не желаешь, чтобы я уврачевал тебя?

Святая отвечала:

– Я имею Господа моего Иисуса Христа, Который одним мановением все исцеляет и одним словом восстановляет падших; Он, если пожелает, может исцелить меня, недостойную рабу Свою.

Апостол был обрадован такою великою верою святой мученицы и, с улыбкою, сказал ей:

– Он послал меня к тебе, девица, ибо я Его Апостол: посмотри – ты исцелилась.

Сказав сие, он сделался невидим. Тогда святая мученица Агафия, узнав, кто был являвшийся ей, возблагодарила Бога,

говоря:

– Благодарю Тебя, Господи мой, Иисусе Христе, что воспомянул меня и послал апостола Своего исцелить меня.

Посмотрев на тело свое, она увидела сосцы свои целыми и раны исцелевшими; и всю ночь необычайный свет наполнял темницу, освещая ее; испуганные сим, воины разбежались и оставили темницу незапертою. Другие узники, бывшие там, видя это говорили святой:

– Вот двери открыты, и никто их не стережет: выходи и беги.

– Я не хочу лишиться венца мученического, – отвечала Агафия, – и навлечь беду на стражей; имея помощником Господа моего Иисуса Христа, Сына Бога Живого, исцелившего меня, останусь здесь до конца, исповедуя Его.

По истечении четырех дней, на пятый, мучитель опять воссел на судище и, вызвав к себе святую Агафию, сказал ей:

– До каких пор ты будешь противиться царскому повелению? Принеси жертвы богам, иначе будешь предана самой лютой смерти.

Святая отвечала:

– Суетны слова твои и несправедливо повеление царя твоего, которое оскверняет и самый воздух; скажи мне, окаянный и безумный, кто ищет помощи от дерева и бесчувственного камня? Я же Тому приношу жертву хвалы, Кто исцелил сосцы мои и уврачевал тело мое.

Мучитель велел открыть ее сосцы и, видя их целыми и невредимыми, как они были прежде, спросил:

– Кто исцелил тебя?

Мученица отвечала:

– Иисус Христос, Сын Бога Живого.

Кинтиан воскликнул:

– Ты опять называешь Христа, о Котором я даже слышать не хочу!

И велел насыпать на земле разожженные в огне острые черепицы, и посыпать их горячими углями, и на них бросить святую нагою, жечь и мучить. Когда это исполняли, вдруг началось землетрясение не только близ того места, но и во всем городе; расселась земля и поглотила друга Кинтианова

Вултея и приятеля его Феофила, по совету которых Кинтиан производил такое мучительство. Все граждане, испуганные землетрясением, прибежали в преторию к Кинтиану, крича на него, чтобы он перестал мучить невинную девицу, ради которой произошло землетрясение. Кинтиан, испугавшись землетрясения и народного возмущения, велел отвести святую в темницу. Мученица, придя в темницу, воздела руки свои к небу и сказала:

– Благодарю Тебя, Господи, что Ты сподобил меня пострадать за имя Твое святое и, истребив во мне желание к временной жизни, подал мне терпение. Услышь, Господи, меня в этот час и благоволи, дабы я оставила этот мир и перешла бы к богатой и великой Твоей милости.

Помолившись так, она предала дух свой в руки Божии[1203]. Узнав об этом, граждане поспешили прийти, и взяв ее святое тело, несли с честью для погребения. Внезапно подошел к телу святой мученицы прекрасный юноша, который не был никому знаком в городе; с ним было сто прекрасных отроков. Проводив к месту погребения тело святой мученицы, он вложил в гроб ее каменную дощечку, на которой была надпись:

– Непорочный ум, добровольная жертва Богу и отечеству избавление.

Положив дощечку с таким надписанием при главе святой мученицы, юноша тот сделался тотчас невидим; и все поняли, что это был Ангел Божий.

После этого воевода Кинтиан, взяв своих воинов, пошел в город Панорм, чтобы взять богатство святой мученицы Агафии и присвоить себе все ее имение. На пути ему пришлось переправляться через одну глубокую реку. Он взошел вместе с конями на паром и поплыл через реку. Кони внезапно взбесились на него, причем один изгрыз зубами ему лицо и всё обезобразил, а другой стал бить его ногами, и бил до тех пор, пока не сбросил его в реку, в которой он и утонул, окончив злою смертью свою злую жизнь. Долго искали его тело, но не нашли: оно погибло вместе с душою. После этого ни один из царских правителей не дерзал причинять обид родственникам святой Агафии. Слава же о ней распространялась всюду, и над ее

мощами была построена церковь; одежда, в какой ходила святая, была положена на ее гробе для напоминания о ее смирении[1204].

Спустя год после кончины святой мученицы Агафии гора Этна[1205], около города Катаны, начала извергать огненную лаву, которая текла из отверстия на горе как громадная река, с сильным шумом, низвергая сверху, как воск, растопленные камни. Жители Катаны были в великом страхе, боясь за погибель своего города. Тогда не только христиане, но и неверные – все собрались к церкви святой мученицы Агафии, взяли ее одежду, встали против огня, устремлявшегося к городу, и сею одеждою, как бы щитом, защищались от губительного и грозного пламени. Огонь, как бы устыдясь одежды святой мученицы, возвратился назад и погас. При виде сего чуда жители сильно радовались, восхваляли Бога и величали святую мученицу Агафию. Чудо это произошло в пятый день февраля, в который пострадала святая мученица за Христа Господа своего, Которому слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Да украсится днесь Церковь порфирою славною, омоченою от чистых кровей Агафии мученицы: радуйся, вопиющи, Катанская похвало.

Страдание святой мученицы Феодулии

Память 5 февраля

В царствование Диоклетиана и Максимиана, царей римских[1206], правителем в городе Аназарве[1207] был некто Пелагий, жестокий гонитель христиан. Он приказал своим слугам идти и разыскивать по всей его области христиан, чтобы взять их и привести к нему на суд, где они, выслушав царское повеление, должны были поклониться богам. Слуги, отправившись исполнять приказание, взяли некую женщину христианку, по имени Феодулию. Она, боясь не столько мук, сколько того, чтобы не быть осквернённою неверными, предлагала им много золота, прося их, чтобы отпустили ее. Но они, не взяв золота, привели Феодулию к своему воеводе, сказав ему о ней, что она хотела откупиться от них золотом. Правитель похвалил слуг, не принявших золота и не отпустивших ее, и за сие наградил их дарами. Сам же, воссев на судилище и поставив пред собою сию блаженную жену, спросил ее о ее имени. Она отвечала:

– Я – христианка.

Воевода же Пелагий сказал:

– Прежде чем начну тебя мучить, скажи нам свое имя.

Святая отвечала:

– Я уже сказала и не солгала, что называюсь христианкою. Это имя мое почётное и вечное, люди же называют меня Феодулиею, родилась я от родителей христиан и получила доброе воспитание в законе христианском.

Правитель сказал:

– Я вижу, что ты безумно отвечаешь мне.

– Вы сами безумные, – отвечала святая Феодулия, – потому что, оставив Бога, поклоняетесь камню.

Правитель продолжал:

– Я увещеваю тебя как сестру, – принеси жертву богам, и тогда иди наслаждаться в моем имении, и будешь ты в великой почести.

Феодулия отвечала:

– Наслаждайся в своем имении ты сам вместе с отцом твоим – сатаною, и оба наследуете вечные муки.

На это правитель сказал:

– Я знаю, что вы – женщины вспыльчивы и гневливы и досаждаете властям; но я не быстро прихожу в гнев и с кротостью тебя наставляю, чтобы ты покорилась мне и принесла жертву богам, и не погубила бы своей души.

Святая отвечала:

– Пребывая в исповедании Божием, я души своей не гублю, но спасаю ее, а тело мое пойдет в землю; итак, я не как безумная говорю тебе: мучь мое тело, если хочешь. Бог же, видя терпение мое и полную готовность мою пострадать за Него, подаст мне Свою помощь, ибо и Он Сам пострадал за нас на Кресте, устрояя спасение людей Своих.

Пелагий сказал ей на это:

– Ты думаешь сими словами своими возбудить во мне ярость, чтобы я скорее тебя погубил; знай же, что я долго буду тебя мучить, отрезая по одному каждый член твой, пока не погублю тебя.

– Лукавый и хищный волк, – сказала на это святая, – как ты можешь погубить овцу, имеющую Пастырем своим Христа, Творца всех; от руки Его разве может кто меня похитить?

Тогда мучитель, разгневавшись, велел обнажить святую и повесить ее за волосы на кипарисе и мучить ее железными раскалёнными крючьями, обжигая ей сосцы. Святая же среди мучений сказала:

– Видишь, правитель, что я не чувствую мук, – ты же, как я вижу, более мучаешься и побеждён мною.

Правитель отвечал ей на сие:

– Боги наши милостивы и знают, что ты обратишься к ним, поэтому, щадя тебя, они устранили от тебя боль, чтобы ты не чувствовала мучений.

Святая же сказала:

– Где твои боги, которые щадят меня; покажи мне их, чтобы я могла воздать им честь.

Услышав сии слова, правитель сильно обрадовался и велел скорее отвязать ее и вести в храм Адриана, которого они

почитали как бы живым и могущественным богом[1208]. Войдя в сей храм, святая увидела идола Адриана и, помолившись Истинному Богу, дунула на идола, и он тотчас упал, как пораженный громом, и переломился на три части. Выйдя вон, святая сказала воеводе:

– Войди и окажи помощь своему богу, потому что он упал и разбился.

Войдя, правитель увидел идола лежащим на земле, разбитым на три части и зарыдал с великим плачем о нем. Слух о сокрушении идола Адрианова дошел до царей; они прислали от себя человека в город Аназарв удостовериться в истине этого слуха, и если он справедлив, то отдать правителя города на съедение зверям. Узнав сие, правитель припал к святой Феодулии с плачем, умоляя ее сделать опять целым их бога и обещаясь сделаться христианином, если он увидит сего бога стоящим на том же месте, где он был сначала.

Святая, сотворив усердную молитву всесильному Богу, велела идолу встать целым на своем месте, и идол тотчас встал целым, пошел и встал на том месте, где стоял прежде. Посланный же от царей человек, придя и увидев идола целым, возвратился к царям, не причинив правителю никакого зла. После этого пришло от царей предписание Пелагию, повелевающее предать Феодулию различным мукам и предать ее смерти. Пелагий же не только не исполнил своего обещания сделаться христианином, но забыл и о благодеянии святой Феодулии, и поэтому опять взял ее для мук, приказав раскаленными железными палками сверлить ее ноги. Когда исполняли это над ней, к Пелагию подошел комментарисий[1209] Елладий и сказал:

– Прошу твою светлость, отдай эту девицу под мою власть, и я склоню ее поклониться богам: если же не исполню этого, то ты отсечешь главу мою.

Правитель отдал святую в его власть. Он же, взяв пять длинных гвоздей, вонзил один в левое ее ухо так, что он прошел до правого, а другой гвоздь вонзил в правое ухо так, что он прошел до левого уха; третий гвоздь вбил в лоб ее, а двумя проткнул сосцы ее груди. Святая же, возведя очи на небо,

молила Бога, да сниспошлет Он ей терпение, – и тотчас получила Божию помощь и исцеление: гвозди выпали и она сделалась невредимою. Елладий взял святую к себе в дом и стал льстиво увещевать ее, чтобы она поклонилась вместе с ним богам, «дабы и я, – говорил он, – получил честь от градоправителя, и ты удостоилась великой славы от самих царей».

Святая же отвечала ему:

– Убедись лучше ты сам и сделайся христианином, чтобы удостоиться не кратковременной, но вечной чести во Царствии Господа нашего Иисуса Христа, Который будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его.

Елладий тогда сказал ей:

– Говори всю истину, раба Христова, потому что сердце мое разгорелось во мне от твоих слов.

Тогда Феодулия начала говорить ему:

– Мир этот и все богатства его, и вся слава – скоротечны, будущий же век бесконечен: и кто здесь сотворит благое, тот получит благое воздаяние в том веке: делающие же зло в сем мире будут вечно мучимы там; кланяющиеся же идолам, как вы, в особенности будут преданы вечным мукам.

Такими наставлениями святая Феодулия привела Елладия к познанию истины, и он в умилении сердечном сказал ей:

– Прошу тебя, госпожа Феодулия, не помяни того зла, какое я причинил тебе, но помолись за меня Богу твоему, дабы и я сделался христианином.

Когда настало утро, Елладий вместе с Феодулиею явился к воеводе и сказал:

– Я не мог рабу Истинного Бога совратить с правого и блаженного пути, но, наоборот, она меня наставила на правый путь, избавив меня от тьмы неведения и приведя ко Христу Истинному Богу, в Которого, без всякого сомнения, я верую, и имя Его святое исповедую и поклоняюсь Ему усердно.

Услыхав эти слова его, воевода приказал тотчас отсечь мечом ему голову, а тело его бросить в море. Так совершилось мучение его в двадцать четвертый день января месяца. Святая же Феодулия была брошена в сильно разожженную печь, но

осталась невредима. После этого мучитель повелел разжечь сковороду для блаженной Феодулии, распростер ее на той сковороде и обливал ее кипящей смолою, воском и маслом; но сковорода от огня, которым разжигалась, разлетелась на куски, причем искры и пламя попаляло многих из окружающего народа, сам же воевода, охваченный пламенем тем, умер ужасною смертью, а святая Феодулия опять осталась невредима.

При виде этого чуда во Христа уверовало множество людей, среди которых были почетные граждане, Макарий и Евагрий.

После этого неверующие опять разожгли печь, бросили в нее святую Феодулию и с нею Макария и Евагрия, а равно и множество веровавших во Христа. И все, помолившись там, приняли кончину, представ к бесконечной жизни, где увенчаны венцом победы и торжествуют со всеми святыми, прославляя Отца и Сына и Святого Духа вовеки. Аминь.

Житие святого отца нашего Феодосия, архиепископа Черниговского

Память 5 февраля

Святой Феодосий, архиепископ Черниговский, по происхождению своему принадлежал к заднепровской дворянской фамилии Углицких[1210]. Отец Феодосия, по имени Никита, был священником в Малороссии, мать называлась Мариею. Родители воспитывали своего сына в страхе Божием и христианском благочестии; под влиянием их наставлений он еще с самых юных лет получил задатки того благочестия, которым украшалась вся его последующая жизнь. По природе кроткий, послушный и впечатлительный, Феодосий с юных лет горел пламенною любовью к Богу и усердием к храму Божию. Получив первоначальное обучение в семье и там научившись читать и писать, Феодосий был отдан затем отцом для дальнейшего образования в Киево-Братскую Богоявленскую школу[1211]. Здесь, под влиянием и руководством благочестивых наставников, упражняясь в изучении Священного Писания и святоотеческих творений, святой стремился по ним устроять и свою жизнь; здесь он возрастал и укреплялся духом в познании истин православной веры и в подвигах благочестия. И еще здесь, во время обучения в школе, в юном Феодосии возникло стремление подражать, по мере сил, равноангельному житию преподобных Антония и Феодосия и других подвижников Печерских, – этих великих молитвенников и небесных покровителей древлепрестольного Киева, под благодатным осенением которых он жил и воспитывался, и нетленные, прославленные мощи которых он постоянно зрел пред собою. В свободные от занятий часы любимыми занятиями Феодосия были молитва, богомыслие и чтение слова Божия. Здесь же святой Феодосий хорошо ознакомился с церковным партесным пением, в певческой школе, устроенной преосвященным Лазарем Барановичем. Вообще, Киево-Братская Богоявленская школа, основанная для поддержания и защиты православной веры против нападений польско-католического духовенства и

иезуитов[1212], вела всё преподавание в строго-православном христианском духе, которым проникались и молодые души питомцев ее; имела среди наставников своих истинных светил православного духовного просвещения. Несомненно, что и святой Феодосий получил там высшее и лучшее по тому времени образование, которое должно было содействовать полному развитию всех богато одаренных способностей души его.

Вскоре же по окончании воспитания в Киево-Братской Богоявленской школе Феодосий принял монашество, к чему еще в школе стремилась пламенно жаждавшая духовных подвигов душа его. И вот, в молодых летах, этот истинный подвижник Христов вменяет ни во что все блага мира этого, оставляет многомятежный, суетный мир и принимает иноческий постриг в Киево-Печерской лавре с именем Феодосия, в честь великого подвижника Киево-Печерского и первооснователя общежительного иноческого жития в России – преподобного Феодосия, которого он так благоговейно почитал и к молитвенному предстательству которого он так часто обращался еще во время своего обучения в Киеве. С этого времени начинается строго подвижническая жизнь Феодосия, в скором же времени стяжавшая ему известность не только в иноческом мире, но и среди мирян.

Смирение и примерная жизнь юного подвижника обратила на себя внимание бывшего тогда киевского митрополита Дионисия[1213] (Валабана), который поставил его архидиаконом Киево-Софийского собора, где он многочестно потрудился до удаления из Киева митрополита Дионисия, после чего был назначен наместником митрополичьего кафедрального дома. Но, нарушаемая мирскою суетою, жизнь в Киеве не могла удовлетворять внутреннему влечению скромного инока к безмолвию и желанию его пребывать в постоянном молитвенном общении с Богом. Поэтому святой Феодосий, влекомый любовью к подвигам благочестия и иноческого безмолвия, вскоре оставил Киев и поселился в отдаленном небольшом Крупицком Батуринском монастыре[1214], издавна славившемся строгостью иноческой жизни, где был посвящен в

сан иеромонаха. Но как ни скрывался образованный, благочестивый и деятельный инок от мира, он все-таки не мог остаться незамеченным со стороны высшего духовного начальства. Святой Феодосий подвизался в Крупицком монастыре недолго; он резко выделялся из среды прочей братии своею духовною мудростью и строго подвижническою, добродетельною жизнью, почему через непродолжительное время был назначен игуменом Корсунского монастыря, Киевской епархии. Новое назначение святителя Феодосия удовлетворяло его внутренним влечениям. Корсунский монастырь[1215], находившийся на острове реки Роси, вдали от мирских жилищ, в живописной местности, вполне соответствовал стремлению святого к уединению и подвигам благочестия вдали от мирской суеты. И сам он здесь служил высоким примером для монашествующей братии по своей благочестивой, истинно-подвижнической жизни и проявил мудрую способность к управлению монастырем. Поэтому вскоре же потом он был переведен в настоятели знаменитого Киевского Выдубицкого монастыря[1216]. Эта древняя обитель незадолго перед тем была в руках униатов и поляков-католиков и разорена ими. Большая часть иноков рассеялась, ибо никому не хотелось идти на житье в разоренную обитель; монастырские здания были в упадке, некоторые монастырские земли несправедливо захвачены у обители. Вообще, монастырь нуждался и во внутреннем, и во внешнем благоустройстве, и нужно было много сил и уменья, чтобы восстановить его в прежнем виде. Но Феодосий не пал духом и, с помощью Божией, успешно исполнил свое дело и привёл знаменитую древнюю обитель в прежнее благолепие и благоустройство. Он исходатайствовал у гетмана Малороссии укрепление земли в разных урочищах и позволения у царя через каждые пять лет присылать в Москву своих чернецов для сбора подаяния и испрошения царской милости, что они и получали в щедрых размерах. В то же время он возобновил монастырские здания и храмы и вообще восстановил внешнее благоустройство обители; особенно заботился он о благочинии и благолепии богослужения в монастыре: хорошо знакомый с церковным

пением, святой Феодосий образовал в своей обители такой прекрасный хор, что он славился не только в Киеве и во всей Малороссии, но стал известен и в Москве, почему Феодосий, по запросу из Москвы, посылал туда певчих в качестве устроителей там пения. Но еще более достойны внимания труды этого истинного подвижника Христова по восстановлению иноческого благочиния и упорядочению внутренней жизни Выдубицкого монастыря. Ревностно исполняя обязанности иноческого звания, он служил для иноков высоким примером строгой подвижнической жизни, привлекая в свою обитель множество ищущих спасения. В то же время, желая еще более внедрить в иноках Выдубицкой обители дух истинного подвижничества, святитель устроил на монастырской земле, в Мозырском уезде[1217], небольшой скит для тех из братии, которые искали полного уединения и суровых аскетических подвигов.

Хотя вслед за тем, по слову Спасителя: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Иоан.16:33), святой Феодосий, этот верный делатель вертограда Христова, из-за клеветы и зависти человеческой, претерпел много несправедливых огорчений и скорбей[1218], – но его подвижническая жизнь и мудрое руководительство иноками заслужили ему всеобщее уважение киевлян. В особенности же отличал святого Феодосия своим благорасположением и вниманием тогдашний местоблюститель киевской митрополии, архиепископ Черниговский Лазарь Баранович[1219], бывший ранее его учителем и ректором по Киево-Богоявленской Братской школе. В одном из писем, относящихся к этому времени, преосвященный Лазарь пророчески высказывает свое желание, чтобы «имя его (Феодосия) написано было на небесах». Как местоблюститель Киевской митрополии, святитель Лазарь назначил Феодосия, бывшего тогда еще Выдубицким архимандритом, своим наместником по митрополии[1220]. Потом, когда Малороссиею был избран киевским митрополитом епископ Луцкий Гедеон[1221], то Лазарем Барановичем с просьбою об утверждении выбора, вместе еще с одним почтенным игуменом, был послан Феодосий, как человек, много

послуживший малороссийской Церкви[1222]. Этим святитель Лазарь и другие духовные и светские чины Малороссии хотели, явным образом, выставить Феодосия как человека особенно достойного и способного к высшей должности. Тогда же, в Москве, святой Феодосий исходатайствовал царскую грамоту о дозволении Выдубицкому монастырю присылать в Москву для сбора подаяний. С этого времени, при всяком представляющемся случае, обращались к Феодосию Углицкому, как достойному занять высшее место. Так, по смерти митрополита Киевского Гедеона, Феодосий был одним из кандидатов на кафедру Киевской митрополии. Еще ранее, по воле и желанию преосвященного Лазаря Барановича, возвратившегося из Киева в Чернигов к делам своей епархии, он был вызван в Чернигов и определен архимандритом Черниговского Елецкого монастыря[1223] на место скончавшегося настоятеля этой обители, знаменитого Иоанникия Голятовского[1224].

Елецкий монастырь в то время был весьма беден и скуден. Имений и духовных хозяйственных статей было мало, и вообще иноки терпели большую нужду в содержании. Новый настоятель деятельно принялся за устроение вверенной ему обители. Сразу же по вступлении в свои обязанности он вошел к гетману Малороссии Мазепе[1225] с представлением, что «Елецкая обитель скудна запасами хлебными и особенно дровами, так что жить с братиею трудно, а помочь нечем, так как во владении архимандрии мало подданных», – и Мазепа, вообще не отличавшийся щедростью по отношению к духовным лицам и обителям, исполнил просьбу святого Феодосия, из особенного уважения к нему, и отдал во владение монастырю село Мощонку. Также и других, обладавших достатками, уважение к Феодосию побуждало благотворить Елецкому монастырю.

Таким образом, при святом Феодосии, в продолжение двух-трех лет, Елецкая обитель достигла благосостояния, вполне обеспечивавшего ее существование. Заботясь о внешнем благоустроении обители, святой Феодосий не менее того заботился о ее внутреннем благосостоянии, об утверждении и поддержании в ней истинно монашеской жизни. В этом

отношении уже самые личные его подвиги служили высоко-поучительным примером для елецкой братии в прохождении иноческой жизни.

Среди этих и иных трудов монастырских Феодосий был в то же время деятельным помощником архиепископа Лазаря в деле проповедничества и, по желанию архипастыря, заведывал еще экономическими и частью епархиальными делами его архиерейского дома. С течением времени преосвященный Лазарь увидел, что архимандрит Феодосий Углицкий благоразумно и мудро ведет порученное ему дело, и вполне убедился, что он может быть ему наилучшим помощником по управлению Черниговскою епархиею, а потому, с согласия гетмана Малороссии, предложил ему отправиться в Москву к патриарху Адриану[1226] с просьбою определить его своим помощником. Это было в 1691 году. В Москве давно уже слышали о добродетельной жизни и духовной мудрости Феодосия, а потому патриарх охотно исполнил желание уважаемого всеми престарелого святителя Черниговского, причем уведомил об этом гетмана Малороссии своею святительскою грамотою, в которой с похвалою отзывался о святом Феодосии.

Но эта помощь была не достаточна для кончающего дни свои старца-святителя. Исполненный признательности к Феодосию за ревностное участие его в управлении паствою, преосвященный Лазарь пожелал еще при жизни своей видеть Феодосия в сане святительском, чтобы приготовить в нем достойного себе преемника.

В 1692 году он с гетманом обратились в Москву с письменными прошениями к царям Иоанну и Петру Алексеевичам и к патриарху Адриану о возведении архимандрита Елецкого Феодосия Углицкого в сан архиепископа[1227], причем оба они от своего имени свидетельствовали, что «пречестный архимандрит – муж благий, украшенный добродетелями монашеской жизни, которую ведет с молодых лет; опытен в управлении монастырями, исполнен страха Божия и духовной мудрости, просвещен, весьма усерден к церковному благолепию, способен управлять домом кафедры

и Черниговскою епархиею». Ходатайство уважаемого старца-святителя было уважено, и в том же году Феодосий отправился в Москву для хиротонии. Здесь 11 сентября было совершено наречение его в епископа, а 18 того же месяца он был хиротонисан во архиепископа. Новопосвященный архиепископ пробыл в Москве около двух месяцев, по желанию патриарха, относившегося с уважением к святителю Феодосию и воспользовавшегося удобным случаем задержать его в Москве для бесед и совместного совершения Богослужения.

Велика была радость престарелого архипастыря Черниговского Лазаря Барановича, когда он увидел своего возлюбленного помощника в святительском сане. Глубоко обрадована была этим и паства, благоговейно любившая и уважавшая святителя Феодосия. Таким образом, Черниговская Церковь осчастливлена была управлением двух знаменитых иерархов – столпов православия, умолявших милосердие Божие о мире всего мира и о благосостоянии своей богоспасаемой паствы. Между тем Феодосий и в святительском сане, помогая преосвященному Лазарю, а часто и совсем заменяя его, сохранял к нему беспредельную любовь и преданность сына, оказывая полное послушание своему благодетелю, ничего не предпринимая без согласия первосвятителя черниговского, стараясь в делах управления паствою поступать по его указанию и изволению.

Но не долго судил Господь двум великим, знаменитым столпам православия вместе стоять на страже паствы черниговской. 3 сентября 1693 года великий старец-архипастырь тихо и мирно скончался. Он управлял Черниговской епархией тридцать шесть лет. Святитель Феодосий торжественно похоронил его, совместно со всем черниговским и из других мест прибывшим духовенством в Черниговском Борисоглебском кафедральном соборе, за левым клиросом.

Прежде чем уведомить царя и патриарха о кончине преосвященного Лазаря, святитель Феодосий отправился к гетману Малороссии известить его о печальном событии. Вместе с ним он отправил иеромонаха Пахомия и некоторых

других лиц в Москву с донесением царю и патриарху о кончине и погребении преосвященного Лазаря, причем гетман писал, что он имел сетование и печаль о преставлении Лазаря, а ныне находит утешение и отраду, что, по кончине его, в неотложном времени тот архиерейский престол восприял преосвященный Феодосий Углицкий, который своими добродетелями может украсить церковь и искусным благорассмотрением устроить дела правления церковного.

В ответ царь писал, что он будет оказывать Феодосию такую же царскую милость, какою пользовался преосвященный Лазарь; патриарх же писал гетману, что рукоположение архиепископа Феодосия при жизни архиепископа Лазаря он относит к особенному Промыслу Божию, благодеющему черниговской пастве, и просил гетмана, как сына Церкви, помогать преосвященному Феодосию в его заботах о святой Церкви. В то же время патриарх прислал «напрестольную» грамоту для окончательного утверждения святителя Феодосия на черниговской кафедре в качестве самостоятельного архипастыря, где, между прочим, отзывается о нем как о муже добродетельном, с юных лет украшенном иноческим житием в добродетелях и искусном в управлении честными обителями, полном страха Божия и разумения духовного, любителе премудрости, усерднейшем радетеле церковного благолепия, вполне по справедливости заслужившем управление домом и епархией Черниговской.

Оставшись единоличным архипастырем черниговским, святитель Феодосий с отеческою ревностью заботился о благосостоянии своей паствы, причем еще более, чем прежде, проявлял, воочию всех, святость жизни, искреннюю любовь к подвижничеству, христианское милосердие и любовь ко всем обращавшимся к нему. Своими добрыми делами и христианскими добродетелями он светил не только для паствы черниговской, но и далеко за пределами ее.

В самой Москве уже давно имя его произносилось с особым уважением, так как он своею духовною мудростью и нравственными достоинствами выделялся из среды всех русских иерархов того времени. Благоустрояя дела Церкви

Черниговской, святитель Феодосий в самом себе являл для пасомых образец глубокой веры в Промысл Божий, усердия к молитве и церковному богослужению, кроткой снисходительности к немощам ближних и участливости к их нуждам, почему и приобрел единодушную беспритворную любовь и уважение паствы. До последних минут своей жизни он, как истинный воин и подвижник Христов, подвизался во славу святой православной веры и во благо своих ближних. Согласно словам апостола, он, «духом пламенея, Господу служил» (Римл.12:11); и для всех окружавших был «светильник, горящий и светящий» (Иоан. 6:35).

Паства черниговская сознавала, что ее архипастырь, святитель Феодосий, – истинный раб Божий, верный строитель в дому Божием, страж Церкви бдительный, труженик неусыпный, молитвенник и предстатель за всех пред Господом благонадежный. Особенно привлекал к себе святитель сердца всех своих судом – справедливым и милостивым и был сострадателен к беспомощным и сирым, для которых со тщанием отыскивал требуемое правдою, а также щедрою, в духе евангельском, благотворительностью и христианским милосердием.

Вообще, это был один из таких общественных деятелей, какие бывают только в Царстве Христовом, которые, успевают сделать для общего блага гораздо более, чем великие и сильные мира сего. «Будьте единомысленны между собою; не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе» (Рим.12:16).

С самым тщательным усердием заботился святитель Феодосий об усилении в своей пастве любви к житию подвижническому, которое он так возлюбил с самых юных лет своих и высокий образец которого являл всем в себе самом. С этою целью он усердно старался не только поддерживать существовавшие ранее в его епархии монастыри, но и основывать новые иноческие обители. Так, он основал девичий так называемый Печеникский монастырь[1228]. Наилучшим памятником отеческой заботливости святого Феодосия о благоустроении иноческих обителей служит его святительская

благословенная грамота, данная инокиням Печеникского монастыря. Благословляя с любовью отца новосозидаемую обитель, святитель заповедует инокиням «добродетель смирения и всецелого послушания» своей настоятельнице, как источник мира и залог его, святительского, и Божия благословения.

Вслед затем, по благословению святителя, основан был еще другой монастырь, в двух верстах от города Любеча[1229]. В то же время, наравне с заботами о развитии подвижничества и устроении иноческих обителей в Черниговской епархии, святитель Феодосий ревностно заботился о созидании и благоукрашении храмов Божиих[1230]. Заботясь о нравственном благосостоянии своей епархии, он главное внимание обращал на духовенство, стараясь выбирать на священнослужительские места лиц достойных и способных и всеми мерами усиливать пастырски-просветительную деятельность приходского духовенства.

Много также потрудился святитель Феодосий за время своего управления Черниговской епархией и для дела православия в Малороссии, для отпора в ней пагубному польскому униато-католическому влиянию и укреплению здесь русской народности. Немало также принес он русскому государству пользы тем, что всегда умел, благодаря своему нравственному влиянию, красноречию и христианскому миролюбию, успокаивать вспышки горячих своевольных украинцев и тем охранять государство от вредных и опасных волнений.

Но недолго сиял святитель Феодосий на кафедре Черниговской. Только около 8 лет прожил он в Чернигове: до 5 лет архимандритом Елецким, 3 года 4 месяца архиепископом, причем самостоятельно управлял паствою, по кончине преосвященного Лазаря Барановича, около двух лет. Предчувствуя свою близкую кончину, святитель вызвал к себе в Чернигов наместника Брянского Свенского монастыря, иеромонаха Иоанна Максимовича[1231], и в половине 1695 года посвятил его в архимандрита Елецкого монастыря, которым до того времени не переставал управлять сам, готовя в новом

архимандрите достойного преемника себе по кафедре. Вскоре после этого великий светильник Церкви Русской угас. Кончина святителя Феодосия последовала 5 февраля 1696 года. Горько оплакиваемый осиротевшею паствою, святитель Феодосий был погребен в Черниговском кафедральном Борисоглебском монастыре за правым клиросом.

Окончив чреду своего земного служения, святитель Феодосий не оставил своей паствы, возлегши нетленным своим телом в кафедральном храме, и с самых первых дней по своем преставлении не оставил своим благословением всех, прибегавших к его помощи, низводя благодать Божию в обильных чудесных исцелениях ищущим его молитвенного пред Богом предстательства. Ряд чудесных проявлений благодати Божией, явленных молитвенным предстательством святого Феодосия, открылся вскоре же после его блаженной кончины благодатным исцелением от тяжкой болезни его преемника по черниговской кафедре, преосвященного архиепископа Иоанна Максимовича. Преосвященный Иоанн тяжко заболел горячкою; болезнь быстро усиливалась, явился бред. Вдруг, в самом разгаре болезни, преосвященный призывает к себе келейника и делает распоряжение немедленно отправить в его покоях вечерню и прочесть для него служебное правило, а наутро приготовить всё для его служения в храме. Окружавшие больного архипастыря подумали, что он бредит, но принуждены были уступить его настоятельному требованию и исполнить его желание. На другой день, к удивлению всех, преосвященный, совершенно здоровый, отслужил Божественную литургию. Потом он объявил окружавшим, что накануне ему являлся святитель Феодосий и сказал: «Служи завтра и будешь здоров». В благодарность за свое мгновенное, чудесное исцеление от тяжкой болезни, преосвященный архиепископ Иоанн Максимович тогда же составил в честь угодника Божия написанную по тогдашнему обычаю стихами «похвалу»[1232], в которой называет его «земным Ангелом и святым, пребывающим в Серафимской пастве». По его распоряжению над гробом святителя Феодосия была устроена тогда в

фундаменте Борисоглебского соборного храма каменная пещера со входом в нее по витой лестнице.

Поразительное чудо исцеления преосвященного Иоанна Максимовича послужило началом чествования святителя Феодосия как благодатного чудотворца и угодника Божия. С течением времени это чествование распространилось далеко за пределами Черниговской губернии, вследствие новых обильных проявлений благодати Божией от целебных мощей святителя Феодосия. Эти чудеса были тем очевиднее и разительнее, что часто сопровождались явлениями святителя Феодосия болящим во сне, причем он приказывал молиться, поститься, отслужить молебен и т. д., обещая исцеление; иногда же он при этом наставлял, вразумлял и отечески упрекал обращавшихся к нему, в чем-либо согрешивших. Так, одному немому святитель является в сонном видении и говорит: «Иди в собор и справь молебен, и будешь здоров». На другой день немой, к изумлению своему, начал говорить, а затем, увидев в соборе портрет святителя, узнал в нем явившегося ему во сне угодника Божия. «Благословляю и прощаю», – говорит святитель священнику, исповедывавшему во сне пред ним свои грехи и молившемуся об исцелении сына, причем обещает исцелить младенца, которой на другой день и выздоровел. Женщине, в тяжких страданиях призывавшей святителя на помощь и с плачем молившейся ему во святую Четыредесятницу, он говорит, кротко укоряя и увещевая: «ты не говела, это нехорошо. Ты недостойна будешь вкусить Пасхи. Постарайся причаститься в Великую Субботу». Другой женщине, со слезами молившейся Богу и призывавшей святителя помолиться о выздоровлении ее мужа, чудотворец ласково говорит, утешая ее и обнадеживая: «Не плачь, я умолю Бога, и муж твой будет здоров». И вскоре после этого муж ее, страдавший от мучительной болезни около года, совершенно выздоровел. Святитель является к одной больной, призывавшей его, и говорит ей только одно слово: «успокойся», – и ее нравственные страдания окончательно прекращаются. Трудно перечислить все дивные исцеления, совершенные молитвенным предстательством святителя Феодосия: достаточно сказать, что

со всех концов Русской земли они стали привлекать к его гробу многочисленные толпы богомольцев.

Впервые тело святителя Феодосия было обретено нетленным через 76 лет после его блаженного преставления 14 февраля 1772 года, когда оно, по благословению местного епископа Феофила, переложено было в новый деревянный гроб, причем первый кипарисовый гроб угодника Божия был роздан по частям богомольцам. С начала прошлого столетия благоговейное чествование святителя Феодосия Углицкого, как благодатного чудотворца, особенно усиливается. Молва о нем и о чудотворениях, истекающих от его мощей, в это время распространяется уже далеко за пределы Черниговской губернии, среди православных различного звания и состояния. В 1824 году при гробе святителя Феодосия совершилось исцеление от тяжкой болезни черниговского купца-раскольника Горбунова, которой вслед за этим перешел в Православие и в память чудесного исцеления своего соорудил на собственные средства новый гроб для нетленных мощей святителя. С течением времени при кафедральном соборе мало-помалу стали вестись более или менее правильные и постоянные записи о бываемых от мощей святителя Феодосия исцелениях, достаточно проверенных и удостоверенных. С 1850 года при соборе Черниговском ведется уже постоянно подробная летопись о чудесах по молитвам к святому Феодосию, а также и в некоторых других местах.

Между тем постоянное обильное стечение богомольцев ко гробу с мощами святителя Феодосия, при тесноте и неудобности входа к нему, понудили в 1856 году пристроить с южной стороны к передней части притвора Борисоглебского собора полукруглый придел с удобной лестницей, а самую пещеру расширить и сделать светлой.

К концу истекшего столетия имя святителя Феодосия, как великого угодника Божия, защитника от бед и напастей, избавителя от всякого злого обстояния и теплого молитвенника пред Богом, известно было по всей России, и, хотя при гробе святителя совершались лишь панихиды, но в народе ему воздавалось почитание как бы уже прославленному святому.

Почитание народом святителя Феодосия как святого, многочисленные случаи чудесного исцеления от его нетленных мощей обратили на себя внимание и гражданской власти, что и выразилось во всеподданнейшем докладе черниговского губернатора за 1889 год, а этот доклад в свою очередь обратил на себя внимание в Боге почившего Государя Императора Александра Александровича. Ввиду этого Святейший Синод нашел благовременным приступить к удостоверению о нетлении тела почившего святителя и о чудесных явлениях, совершающихся при гробе его[1233]. Тело святителя, несмотря на почти 200-летнее пребывание в пещере, не отличающейся притом сухостью, оказалось нетленным; вместе с тем было обследовано надлежащим образом много случаев чудесных исцелений через молитвенное призывание святого Феодосия, засвидетельствованных под присягою самими исцеленными, их сродниками и очевидцами[1234]. Ввиду этого Святейший Синод определил – «во блаженной памяти почившего Феодосия, архиепископа Черниговского, причислить к лику святых, благодатиею Божиею прославленное и нетленное тело его признать святыми мощами» и совершить их торжественное открытие, на что и не замедлило последовать согласие Государя Императора Николая Александровича.

Торжественное открытие мощей святителя Феодосия последовало 9 сентября 1896 года. Оно было совершено высокопреосвященным митрополитом Киевским Иоанникием, в сослужении шести архиереев и сонма архимандритов и игуменов и прочего духовенства. Мощи угодника Божия были перенесены при этом из Борисоглебского собора в Спасо-Преображенский и переложены в новой кипарисный гроб и новую драгоценную серебряную раку; здесь, под сенью со множеством лампад, они положены были на правой стороне собора, где ныне и почивают. Все дни торжества прославления новоявленного угодника Божия, громадное, полуторастотысячное стечение народа переполняло город, с горячими мольбами обращаясь к святителю Феодосию, испрашивая его молитв пред Богом и спеша приложиться к его святым, нетленным мощам. Торжество прославления

ознаменовано было многочисленными дивными исцелениями и произвело глубокое впечатление не только на православных, но и на раскольников. Слава Богу, дивному во святых Своих!

Тропарь, глас 4:

Преудобрен во архиереех, святителю Феодосие, был еси светило своему стаду, таже преставился еси в вечныя обители: умоли у Престола Царя Славы избавитися нам от находящих на ны зол и спастися душам нашим, святе, молитвами твоими.

Кондак, глас 4:

Пастырей начальнику Христу трудился еси, святителю Феодосие, на пажити духовней питая словесныя твоя овцы, и приял еси от Христа Спаса целебный дар целити от немощи телесныя и душевныя всякаго с верою приходящаго к целебным твоим мощем. Моли, святе, о призывающих имя твое от наветов вражиих спастися душам нашим.

Страдание святой мученицы Фавсты девицы и с нею Евиласия и Максима

Память 6 февраля

В правление нечестивого царя Максимиана, в городе Кизике[1235], жила некая юная девица, по имени Фавста. Она была дочерью богатых христиан, которые воспитали ее в духе христианского учения; но тринадцати лет она осиротела. По смерти родителей девица Фавста всё время проводила в посте, молитве и в чтении Священного Писания.

Строго соблюдая свое девство, она презирала все прелести мира сего: и богатство, и роскошь, и всякое плотоугодие, и проходила тесный и прискорбный путь жизни, – почему и стала скоро всем известна и всеми прославляема; ибо столь добродетельная жизнь не могла утаиться от людей, по слову Господа: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14). Слух о Фавсте дошел до самого царя Максимиана. Максимиан тотчас же послал в Кизик первого своего жреца, по имени Евиласия, дабы он отыскал и схватил невесту Христову. При этом царь ему сказал:

– Если она согласится принести жертву богам, – да будет ей благо; если же нет, – то брось ее в глубину водную.

Евиласий, прибыв в Кизик, нашел Фавсту летами юною, но верою и разумом вполне совершенною. Взойдя на судилище свое, он стал принуждать ее принести жертву ложным богам. Но святая на это ему отвечала:

– Я не принесу жертвы тем богам, которые и глухи, и слепы, и не более как произведение рук человеческих. Я имею на небесах Отца и Жениха – Иисуса Христа, и не могу оставить Его, – не могу оставить наследия, которое имею у Господа моего.

Тогда Евиласий сказал ей:

– Фавста, принеси жертву богам, чтобы не умереть тебе злою и мучительною смертью.

Святая на это отвечала:

– Не считай меня женщиною неразумною: хотя мне и мало лет, но сердце я имею мужественное и совершенное.

Тогда Евиласий, исполнившись ярости, повелел остричь волосы на голове святой, на бесчестие и поругание ее, и, повесив на дереве, беспощадно бить ее. Фавста же, жестоко мучимая, возведя очи свои на небо, стала молиться Богу. Когда она молилась, блеснула вдруг столь ужасная молния, что многие были убиты ею. Увидев это, Евиласий сильно испугался и, призвав святую, сказал ей:

– Девица, скажи мне, кто ты? Ибо я вижу, что ты совершаешь волшебные дела.

Святая отвечала:

– Послушай меня, Евиласий, прикажи живописцу написать мое изображение, а также изобразить и все эти мучения, которые я претерпеваю.

Когда эта просьба ее была исполнена, Фавста сказала ему:

– Да будет тебе известно, что как это изображение не страдает и не претерпевает тех мук, которые здесь изображены, так и тело мое не ощущает тех страданий, которые ты мне причиняешь: душа моя всецело укреплена в Господе моем; ты же что хочешь надо мною еще делать, исполняй скорее.

Тогда Евиласий приказал положить святую Фавсту в деревянный ящик, и, забив его деревянными гвоздями, перепиливать. Слуги со старанием стали исполнять приказанное им, а святая в ящике воспевала, восхваляя Господа. Слуги долго перепиливали этот ящик, но не в состоянии были перепилить его: пила не могла коснуться мученицы, как какого-нибудь крепкого адаманта. Наконец от изнеможения слуги стали как бы мертвыми. Тогда, придя к Евиласию, они сказали:

– Господин наш, женщину, которую ты отдал нам на мучение, мы перепиливали заключенную в ящике от первого часа до шестого, но ничего не могли сделать: мы переменили шесть пил, но ее даже и не коснулись; мы поджигали этот ящик, чтобы сжечь ее в нем, но огонь не только был бессилен перед нею, но даже и не опалил ящика. Она же все это время пела: «Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, – через реки ли,

они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя» (Ис.43:2).

Выслушав это, Евиласий весьма смутился и, призвав к себе святую, сказал ей:

– Ты меня очень удивляешь, творя такие чудеса! Мне уже вот восемьдесят лет, но я никогда ничего подобного не видал. Заклинаю тебя Богом твоим, в Которого ты веруешь, скажи мне всю истину.

Святая Фавста ему ответила:

– Умоляю тебя, господин мой, прилежно выслушай то, что я тебе скажу: это сила Божия сохраняет меня среди моих мучений, как ты сам видел; и если ты теперь со вниманием послушаешь меня, то скоро и сам обратишься к моей вере.

На это Евиласий сказал ей:

– Говори скорее истину, я буду тебя слушать.

Тогда святая сказала ему:

– Бог бессмертен и вечен, и все дела Его суть истинны, суд же Его свят и праведен, и Он везде сохраняет рабов Своих, живущих праведно и свято и исполняющих свой доблестный подвиг; сохраняет всех тех, которые своею жизнью устыдили диавола, отвергли и презрели идолов, почитаемых вами за богов, и победивших зло мира сего. Всевышний Бог хранит от всякого зла, кои, презрев все земное, стремятся к небесному и, живя благочестиво, соблюдают заповеди Божии беспорочно. И это потому, что такие люди познали Его как Единого Бога и убедились, что нет другого бога, кроме Того, Который сошел с небес на землю и, вселившись в утробу Пресвятой и Пречистой Девы, благоволил неизреченно от Нее родиться; а потом, придя в возраст, совершил много преславного и чудесного и, научив людей истине, добровольно восшел на Крест и пострадал за нас, дабы спасти нас; будучи погребен, в третий день Он воскрес и во славе вознесся на небо, чтобы при скончании веков опять явиться, судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его. Вот почему мы и следуем Христу, отдавая себя ради Царства Небесного на раны и мучения, для того, чтобы нам не погибнуть вечно; мы здесь, на земле, умираем, там же будем жить нескончаемою жизнью.

Выслушав это, Евиласий познал великую силу Бога Живого. Умилившись сердцем, он переменился к лучшему. Сняв со святой мученицы Фавсты узы, он предоставил ей полную свободу.

Тогда один из рабов Евиласия, явившись к царю Максимиану, сказал ему:

– Государь, Евиласий оскорбил твое доверие к нему и теперь хочет стать христианином; поэтому, пока еще он не принял христианства, постарайся удержать его от этого заблуждения.

Царь, услышав это, весьма опечалился. Призвав тотчас же епарха своего Максима, который отличался великою жестокостью и бесчеловечием, он, после заклятия пред богами, послал его в Кизик к Евиласию.

Придя в Кизик, Максим стал, с великою яростью, так допрашивать блаженного Евиласия:

– Скажи мне, злой человек, как смел ты оставить наших великих богов и, презрев их, поверил безумным христианам и вступил в общение с ними?

Евиласий на это отвечал:

– Клянусь моею головою, что если ты выслушаешь девицу Фавсту, то скоро тоже познаешь истинного Бога и будешь чувствовать себя блаженным.

Тогда епарх Максим, сильно разгневавшись, повелел повесить Евиласия на дерево и жестоко бить его[1236]. И долго здесь терзали святого мученика; он же среди своих страданий так молился Христу Богу:

– Владыко, Боже всемогущий, помогший рабе Твоей Фавсте во всех претерпеваемых ею муках и показавший очам моим чудеса Твои, избавь меня смиренного от сего лютого и жестокого епарха, ибо я возлюбил Тебя, Господи, ради многих и великих чудес Твоих.

Тогда епарх приказал жечь бока святого мученика горящими свечами; будучи так опаляем, святой страдалец просил Фавсту, здесь же стоявшую и смотревшую на его страдания, дабы она помолилась за него Господу.

Святая, милосердуя о нем, стала так молиться:

– Господи Боже мой, яви благодать Твою и послушай меня рабу Свою: приими Евиласия в ограду словесного стада Твоего и вчини его в число праведных Твоих, ибо Ты благословен вовеки, аминь.

Тогда епарх повелел и святую Фавсту предать своему неправедному суду, за то, что она убедила Евиласия стать христианином.

– Нечестивая женщина, – сказал ей Максим, – как ты дерзнула нашего славного жреца Евиласия отторгнуть от великих богов и обратить к своему Богу?

Святая Фавста отвечала:

– Я уповаю на благого и премилостивого Бога моего, призвавшего Евиласия быть сыном света, что Он и тебя призовет к поклонению и познанию Себя.

– Фавста, – возразил епарх, – не считай меня столь же безумным, как и послушавшийся тебя Евиласий.

И тотчас же повелел связать ее и вколотить в ноги ее железные гвозди.

Когда слуги со старанием исполняли это приказание, святая совершенно не ощущала боли. Епарх Максим, видя, что святая Фавста даже не обращает внимания на эти раны, призвал отряд воинов и сказал им, что если кто может, тот пусть найдет для нее еще большее и жесточайшее мучение.

Тогда один из воинов, по имени Клавдий, сказал:

– Господин мой, если твоя светлость хочет скоро умертвить ее, то пусть будет отдана она на съедение зверям.

Епарх тотчас же повелел исполнить это, и святую нагою повели на то место, где обыкновенно отдавали христиан на съедение зверям.

Здесь выпустили на нее львицу, но львица, тихо подойдя, преклонила голову перед святой. Потом выпускали на святую Фавсту много и других зверей, но все они, припадши к ногам ее, преклонялись пред ней.

Епарх, видя это, очень удивлялся и повелел ее скованною по ногам и перевязанною веревкою влачить по земле. Когда святая нагою была так влачима, то возопила ко Господу:

– Господи Иисусе Христе, покрой Твое создание, дабы глаза бесстыдных и нечестивых не видали наготы тела невесты Твоей.

И тотчас же облако, сошедшее свыше, покрыло святую как бы прекрасною одеждою.

После этого опять один из воинов, по имени Евсевий, сказал епарху Максиму:

– Если позволит светлость твоя, отдай ее во власть мне.

Епарх на это ответил:

– Возьми ее и, как можешь и хочешь, мучай ее.

Воин, схватив святую мученицу, повел ее к кузнецу и, приказав ему сделать множество длинных железных гвоздей, велел вбивать их в голову ее, в лоб, глаза, в перси, голени, и во всё тело.

Святая же в это время так молилась:

– Господи Иисусе Христе, благодарю Тебя, ибо Ты, Сердцеведец, слава и венец праведных! Сподоби меня, смиренную и недостойную рабу Твою, идти путем, ведущим к безмятежному у Тебя пристанищу, и Максима, епарха, приведи ко святой вере и к любви Твоей, утверди его в страхе Твоем и вчини его вместе с исповедующими Тебя, Истинного Бога, дабы все познали, что Ты есть Единый Бог, и что Тебе подобает Божественная честь и слава во веки веков. Аминь.

Евсевий же, видя, что юная дева, вся изъязвленная гвоздями, истекает кровью, и в то же время не страдает и даже как бы не ощущает боли, приказал принести большой котел, наполнить его смолою и серою и, разжегши, бросить в него святую Фавсту вместе со святым Евиласием, и развести под котлом большой огонь.

Святые мученики, стоя в котле том, как на месте прекрасном и прохладном, воспевали и славословили Бога. И тотчас же огонь погас, а котел остыл.

Тогда епарх Максим, видя веру и терпение святых, сказал:

– Боже вечный, помогший Евиласию стать соучастником в страданиях за Тебя, вместе с рабою Твоею Фавстою! Приими и меня, окаянного и грешного, и приими меня в общение вместе с ними двумя, чтобы я, худший и меньший из них, исполнил

троичное число, во образ Пресвятой Троицы. Господи Боже сил! Яви на мне, недостойном рабе Твоем, Свою благость и скоро умилосердись надо мною, дабы через меня Ты еще более прославился!

Лишь только он это сказал, как разверзлись небеса и виден был на небе Сын Божий с ликами святых Ангелов и Архангелов и с собором всех святых, сияющих как свет. Видя это страшное и ужасное явление, Максим возопил громким голосом к Богу:

– Господи, приими и меня, как принял раба Твоего Евиласия, и не помяни беззаконий моих и неправд, но прости грешного и недостойного раба Твоего, и прости меня, как некогда разбойника.

Сказав это, он тотчас же подбежал к котлу, в котором находились святые Фавста и Евиласий и, возведя очи свои на небо, ознаменовал себя крестным знамением и сказал:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа – и я с вами!

После этого он совлёк с себя одежду и, снова ознаменовав все тело свое крестным знамением, бросился в котёл.

Тогда святая и блаженная Фавста, исполнившись великой радости и веселия, что Господь услышал ее и привел Максима ко святой вере, воскликнула:

– Слава Тебе, Христе Боже, что Ты никому не хочешь погибнуть, но всем желаешь спастись и прийти в познание истины! Вот я посреди двух Твоих рабов, как лоза виноградная, приносящая грозд, и как вервь «втрое скрученная» (Еккл.4:12), нерасторжима от них, ибо Ты сказал: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20). В то время как святая это произносила, слышен был голос с неба: «Придите ко Мне все труждающиеся в подвиге и обремененные страданиями имени Моего ради, и Я успокою вас» (Мф.11:28) во Царствии Моем Небесном.

Святые, услышав этот глас, исполнились неизреченной радости и, возблагодарив Господа, предали Ему в мире души свои; это было в шестой день месяца февраля[1237].

Молитвами их, Господи, прости нам наши прегрешения и, удостоив нас милосердия Твоего, соделай участниками жизни

вечной, ибо Ты благословен со Отцом и Святым Духом и препрославлен вовеки. Аминь.

Страдание святой мученицы Дорофеи и с нею Христины, Каллисты и Феофила

Память 6 февраля

В стране Каппадокийской, в городе Кесарии[1238], жила одна благочестивая дева, по имени Дорофея. Всё время она проводила в служении Богу, со смирением и кротостью, в чистоте, духовном трезвении и целомудрии. При этом она была девицею столь премудрою, что даже ученые люди не могли в этом сравниться с нею. И все знающие ее прославляли имя Господа нашего Иисуса Христа, имеющего рабою Своею такую деву: и взор ее был исполнен благоговения, и житие свято, и премудрость несравненна, и девство непорочно. В любви же Христовой она была столь совершенна, что вполне была достойна небесного чертога. Но она ради Его еще более усугубила свой подвиг. Побеждая плоть свою и диавола, святая Дорофея сплела себе сугубый венец: венец девства и венец мученичества; и радуясь, отошла к Жениху Своему Христу. А как она за Него пострадала, – об этом передаст дальнейшее повествование.

Когда слава о святой Дорофее разнеслась между людьми, слух о ней дошел и до игемона Саприкия – гонителя христиан. Он немедля отправился в город Кесарию и, схватив святую деву, велел представить ее на свой неправедный суд.

Святая же Дорофея, представ пред нечестивым судиею, молилась в душе Господу и призывала на помощь Бога и Спасителя своего.

Саприкий спросил ее:

– Скажи мне, как ты именуешься?

Святая отвечала:

– Мое имя – Дорофея.

– Я для того тебя призвал, – продолжал Саприкий, – чтобы ты, по повелению наших славных царей, принесла жертву великим богам.

Святая Дорофея отвечала:

– Бог, – Царь небес, заповедал мне, чтобы я Ему одному служила. Так и в Писании сказано: «Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф.4:10).«Так говорите им: боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер.10:11). Поэтому надо рассудить: повелению какого царя мы должны более повиноваться – земного или небесного? И кого должны слушать, – Бога или человека? Что такое цари? – не более как смертные люди; таковы же и ваши боги, идолам которых вы поклоняетесь.

– Если хочешь быть живою, здравою и неосквернённою, – возразил Саприкий, – оставь христианство и принеси жертвы богам; если же нет, то, по закону, будешь жестоко мучима, и послужишь для других страшным примером.

Святая отвечала:

– Я буду примером страха Божия для всех верных, – да устрашатся они Бога, жестоких же людей да не боятся; ведь они творят то, что делают злые псы: бессмысленно и безсознательно они терзают неповинных людей, неистовствуют, ярятся, лают и схватывают и терзают мимоходящих зубами своими.

– Как я вижу, – сказал на это Саприкий, – ты решила неизменно пребывать в этом нечестивом исповедании и хочешь с прочими умереть столь же мучительною смертью. Послушай меня, принеси жертву богам, – и ты избавишься лютых мук.

Святая отвечала:

– Твои муки – временны, муки же геенские – вечны. Итак, чтобы избегнуть страданий вечных, не убоюсь страданий временных! Я помню слова Господа моего: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф.10:28).

Тогда Саприкий сказал:

– Вот потому-то ты и должна убояться богов, чтобы они на тебя не разгневались: если ты не принесешь им жертвы, они погубят и душу, и тело твое.

– Я уже сказала тебе, Саприкий, – отвечала святая Дорофея, – что ты никаким образом не можешь убедить меня,

чтобы я принесла жертву бесам, обитающим в суетных идолах.

Выслушав это, Саприкий весьма разгневался и, обратившись к приготовившимся уже для казни слугам, сказал им:

– Поставьте ее на месте казней, дабы она, убоявшись мук, согласилась стать служительницею наших богов.

Тогда раба Божия Дорофея, стоя на месте казней, мужественно и безбоязненно сказала судии своему:

– Что медлишь в муках? Делай, что хочешь сделать, – дабы мне поскорее иметь возможность видеть Того, ради любви к Которому я не боюсь ни страданий, ни смерти.

– Но кто же это Тот, Кого ты так жаждешь? – спросил Саприкий.

Святая Дорофея отвечала:

– Христос – Сын Божий.

– Где же этот Христос? – спросил игемон.

Святая отвечала:

– Всемогуществом Своего Божества Он везде, человечеством же мы исповедуем Его сущим на небе и седящим одесную Отца Своего; с Ним, с Богом Отцом, и со Святым Духом Он есть едино Божество. Вот Он-то и призывает нас в рай радости вечной; там сады приносят плоды постоянно; там всегда цветут лилии, розы и другие прекрасные цветы; поля, горы и холмы в том раю вечно зелены, а источники сладки; души святых во Христе там непрестанно веселятся. О Саприкий, если бы ты веровал моим словам, то избежал бы погибели и вошел бы в этот рай неизреченного блаженства с Богом.

Тогда Саприкий сказал ей:

– Тебе нужно оставить это заблуждение и принести жертву богам, а потом выходи замуж и веселись в жизни своей, чтобы тебе не погибнуть так же, как из-за своего безумия погибли отцы твои.

Святая Дорофея отвечала:

– Я не принесу жертвы бесам, так как я христианка, и не выйду замуж, ибо я уже невеста Христа. И это есть моя вера; она введет меня в рай и чертог Жениха моего.

И мучима тогда была святая жестоко.

После истязаний Саприкий приказал отвести святую Дорофею к некиим двум женам – родным между собою сестрам, – по имени Христине и Каллисте; сначала они были христианками, но потом, убоявшись мук, отверглись Христа и, с отчаяния, стали жить нечестиво, проводя время в роскоши и суете мирской; за свое отступление от Христа они были обогащены идолопоклонниками. К этим женщинам Саприкий и отослал святую деву Дорофею; при этом он велел сказать им:

– Как вы, оставив заблуждение и волхвование христианское, принесли жертвы непобедимым богам и получили от нас дары, так и эту безумную женщину отвратите от христианского безумия и обратите к богам нашим; и мы, если сумеете это сделать, обогатим вас еще большими дарами.

Женщины эти, взяв святую деву в дом свой, так стали убеждать ее:

– Покорись судии и послушай его совета; подобно нам, спаси себя от муки: ведь более всего нужно заботиться о том, чтобы не погубить в муках этой временной и прекрасной жизни и не умереть прежде времени.

Святая Дорофея отвечала:

– О если бы вы, послушав моего совета, покаялись в принесенной вами идольской жертве и снова обратились ко Христу! Вы бы спасли себя от муки геенской; ибо благ Господь наш, богат в щедротах и милосерд к обращающимся к Нему всем сердцем.

Тогда Христина и Каллиста сказали ей:

– Раз уже мы погибли, отпадши от Христа, то как можем снова обратиться к Нему?

Святая на это им ответила:

– Гораздо больший грех отчаиваться в милосердии Божием, нежели поклоняться идолам; поэтому не отчаивайтесь и не сомневайтесь в нашем милосердом и искусном Враче: Он может исцелить все ваши язвы. Нет раны, которой бы Он не желал исцелить. Потому Он и называется Спасителем, что всех спасает, потому-то Он и Искупитель, что всех искупляет, от того то Он и именуется Свободителем, что всем дарует свободу. И

вы только обратитесь к Нему от всей души с покаянием, и вы, без сомнения, сподобитесь прощения.

Тогда две эти сестры – Христина и Каллиста, падши к ногам святой, заплакали и стали просить, дабы она помолилась о них милосердому Богу, чтобы Он принял их покаяние и подал им прощение.

После этого святая дева, со слезами на глазах, так воззвала к Господу:

– Боже, сказавший: «не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам» (Иез.33:11)?[1239] Господи Иисусе Христе, возвестивший нам, что «так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк.15:7). Яви благость Твою этим овцам Твоим, которых диавол хотел похитить и отторгнуть от Тебя и возврати их в ограду Твою ко стаду Своему, и, о добрый Пастырь, по примеру их да обратятся все отпадшие от Тебя!

По прошествии некоторого времени игемон Саприкий приказал призвать к себе, вместе со святою Дорофеею, Христину и Каллисту, и когда они пришли, спросил двух сестёр наедине:

– Смогли ли вы преклонить Дорофею к нашим богам?

Тогда Христина и Каллиста громким голосом ответили игемону:

– Мы согрешили и весьма нехорошо поступили, что, убоявшись мук временных, принесли жертву идолам. Поэтому мы умолили святую Дорофею, и она вразумила нас покаяться, дабы мы могли получить у Христа, Господа нашего, прощение грехов наших.

Саприкий, разодрав на себе одежду, исполнился великой ярости; он приказал связать двух сестер вместе, соединив их друг к другу по спине, и бросить их в насмоленный чан, и потом, подложив под него дров, жечь их.

Тогда святые сестры стали так молиться:

– Господи Иисусе Христе! Приими раскаяние наше и даруй нам прощение.

Когда так опаляемы были эти девы, святая Дорофея, смотря на это, возрадовалась и воскликнула:

– Предыдите мне, о сестры, и будьте убеждены в прощении грехов ваших и познайте, что венец мученичества, который вы потеряли сначала, вы ныне, без сомнения, снова приобрели; и вот теперь ваш милосердый Отец выйдет в сретение вам, как бы веселясь об обращении блудного сына; Он обнимет вас и как искренних дщерей Своих прославит, и возвеличит пред Ангелами Своими, и вчинит вас в сонме святых мучениц.

И так святые жены, Христина и Каллиста, единоутробные сестры, страдальчески скончались в покаянии, прияв от Христа, вместе с прощением, и венец победы.

После этого Саприкий повелел снова схватить святую Дорофею для истязания и, повесив ее, мучить, как и прежде.

Святая же среди столь великих мучений была объята такою радостью, что как будто она уже входила в чертог возлюбленного Жениха своего – Христа.

Тогда Саприкий сказал ей:

– Что это значит, что на лице твоем как будто проявляется радость, и ты, претерпевая муки, по-видимому, весьма счастлива?

Святая Дорофея отвечала:

– Во всей своей жизни я никогда так не радовалась, как ныне, и прежде всего я радуюсь о тех, души которых через тебя диавол отъял от Бога, а теперь снова восприял их Христос. Ныне на небе великое веселие; ибо о душах их радуются Ангелы, веселятся Архангелы, а вместе с ними торжествуют и все святые Апостолы, мученики и пророки. Итак, Саприкий, поспеши скорей исполнить, что ты задумал, дабы и я могла поскорей перейти к блаженству святых дев и возрадоваться на небе с теми, с кем плакала на земле.

Тогда Саприкий приказал горящими свечами опалять святую мученицу. Она же, еще более возрадовавшись, со светлым и радостным лицом, так воззвала к своему судье:

– Ты вместе с идолами своими – ничтожен!

После этих слов мучитель приказал снять святую Дорофею с дерева и бить ее руками.

– Да побьётся, – сказал он, – лицо, ругающееся надо мною.

Когда святую били, она не переставала радоваться, и изнемогли бьющие ее.

Тогда игемон издал такой смертный приговор:

– Гордейшую девицу Дорофею, которая не захотела принести жертвы бессмертным богам и быть живою, но пожелала лучше умереть неизвестно за какого Человека, именуемого Христом, – повелеваем усечь мечом.

Святая дева Дорофея, услышав это, громко воскликнула:

– Благодарю Тебя, душелюбец Христос, что Ты призываешь меня в рай Твой и вводишь в Твой пресвятой чертог.

И вот, когда святую мученицу повели на смерть и она выходила из претора, – некий ученый и советник игемона, по имени Феофил, – издеваясь, сказал ей:

– Послушай, невеста Христова, пошли мне из рая Жениха твоего яблоко и розовых цветов.

Святая Дорофея ответила на это ему:

– Я и действительно сделаю это.

Когда же они пришли на место казни, мученица умолила палача, чтобы он позволил ей немного помолиться Господу своему. И когда она окончила молитву, предстал ей Ангел Господень в образе весьма красивого отрока; на чистом плате он нёс три прекрасных яблока и три розовых цветка.

Тогда святая мученица сказала ему:

– Молю тебя, отнеси все это Феофилу и скажи ему: «Вот ты теперь имеешь, что просил».

Сказав это, она преклонила под меч святую свою главу и, будучи усечена, торжествуя, отошла ко Христу Господу, Жениху своему, возлюбив Которого от юности, приняла теперь от руки Его, в чертоге небесном, венец победы.

Феофил же, издеваясь над обещанием святой девицы Дорофеи, сказал друзьям своим:

– Ныне, когда вели на смерть святую Дорофею, которая именовала себя невестою Христовою и хвалилась, что войдет в рай Его, я сказал ей: послушай меня, невеста Христова, – когда ты войдешь в рай Жениха твоего, пошли мне оттуда несколько розовых цветов и яблоков.

И она ответила:

– Воистину я пошлю тебе их.

Сказав это, Феофил и друзья его засмеялись. И вот внезапно предстал ему Ангел с тремя прекрасными яблоками и тремя цветками и сказал ему:

– По обещанию своему святая дева Дорофея послала тебе всё это из рая Жениха своего.

Тогда Феофил, увидев яблоки и цветы и взяв их в руки, громко воскликнул:

– Христос есть истинный Бог, и нет неправды в Нем ни единой!

Друзья и товарищи на это сказали ему:

– Ты, Феофил, беснуешься или глумишься?

Он отвечал им:

– Не беснуюсь я и не глумлюсь, но здравый разум заставляет меня верить в истинного Бога, Иисуса Христа.

– Но что же означает эта внезапная твоя перемена? – спросили его.

– Скажите мне, какой теперь месяц? – спросил друзей своих Феофил.

– Февраль, – отвечали ему.

– В это зимнее время, – сказал тогда Феофил, – всю Каппадокию покрывает мороз и лёд, и нет ни одного дерева или какого-либо растения, чтобы оно украшалось листьями; итак, как же вы думаете, – откуда эти цветы и эти яблоки с сучками и листьями?

Сказав это, он показал им яблоки и розовые цветы. Друзья Феофила, видя эти плоды и обоняя их прекрасное благоухание, сказали:

– Мы и в обычное для плодов и цветов время не видали ничего подобного.

На это Феофил им ответил:

– Когда святую деву Дорофею вели на смерть, я считал ее безумною, так как она называла женихом своим Христа и все говорила про Его рай. Тогда, издеваясь, я сказал ей, как к безумной: когда придешь в рай Жениха своего, пошли мне оттуда яблоков и цветов. Она на это мне ответила: «Я и

действительно это сделаю». Тогда я смеялся на ее слова, но теперь вот, по ее усечении, внезапно предстал предо мною малый отрок, – возрастом не более четырех лет и красоты неизреченной; я не думал, чтобы он даже и говорить умел, но, толкнув меня, сей отрок стал говорить как муж совершенный:

– Святая дева Дорофея, – сказал он мне, – как и обещала, прислала тебе дары из рая Жениха своего.

Сказав это, он отдал мне всё присланное в руки и стал невидим. Проговоря это, Феофил воскликнул:

– Блаженны верующие во Христа и страждущие ради имени Его святого, ибо Он есть истинный Бог, и всякий верующий в Него поистине премудр!

После таких и подобных им воззваний Феофила некоторые пришли к игемону и сказали ему:

– Советник твой Феофил, доселе ненавидевший христиан и старавшийся погубить их лютою смертью, ныне во всеуслышание хвалит и благословляет имя некоего Иисуса Христа, и многие из слушающих речи его уверовали в этого Человека.

Игемон тотчас же велел привести к себе Феофила и спросил его:

– Что говорил ты сейчас во всеуслышание?

Феофил отвечал:

– Я хвалил Христа, Которого прежде, до сего дня, хулил.

Игемон сказал ему на это:

– Удивляюсь тебе, человеку разумному, что ты прославляешь теперь имя Того, чтителей Которого доселе преследовал.

– Оттого я и уверовал во Христа как истинного Бога, – отвечал Феофил, – что Он внезапно обратил меня от заблуждения на путь истины и соблаговолил, чтобы я познал Его, Бога Истинного.

Тогда игемон сказал:

– Все склонные к любомудрию всё более и более преуспевают в премудрости, ты же из мудрого стал внезапно безумным, именуя Богом Того, Кого иудеи распяли, как это ты слышал и от самих христиан.

На это Феофил отвечал:

– Я слышал, что Христос был распят, и заблуждался, не считая Его Богом и хуля ежедневно. Ныне же я каюсь в прежних своих заблуждениях и хулениях и исповедую Его Истинным Богом.

– Где же и когда ты стал христианином, – спросил его игемон, – если ты до самого нынешнего дня приносил жертвы богам?

– В тот самый час, – ответил Феофил, – когда уверовал во Христа и исповедал Его, – тогда и стал христианином; и теперь я от всего сердца верую в бессмертного Христа, Сына Божия, проповедую имя Его истинное, имя святое, имя непорочное, – имя, в коем не обретается ни лицемерия, ни того заблуждения, какое царствует в идолах.

Тогда игемон сказал:

– Итак, значит, наши боги есть заблуждение?

– Как может не быть лжи в тех идолах, – ответил Феофил, – которых рука человеческая сделала из дерева, выковала из меди и железа и изваяла из олова, – на коих гнездятся совы, и пауки ткут свои сети, внутри же они полны мышей? И если я теперь говорю неправду, то да буду человеком лживым; ты же сам рассмотри, не истину ли я говорю? А так как я не лгу, то ты и сам скоро согласишься с истиною и отвратишься от лжи. Ибо тебе, как судии, судящему за ложь других, должно и самому обратиться от лжи к истине – Христу Богу.

Тогда игемон сказал:

– Итак, наши боги не живые существа?

– В идолах мы видим подобие человеческое, – ответил на это Феофил, – но они бесчувственны: Бог же есть существо невидимое, живое и Податель всякой жизни. Идолы, если они сделаны из дорогого материала, обыкновенно стерегутся, чтобы их не украли воры, Бог же Небесный никем не охраняется, но Он охраняет всех, соблюдая Свое создание.

Тогда игемон воскликнул:

– О окаянный Феофил! Вижу, что ты желаешь погибнуть лютою смертью.

– Я стремлюсь обрести добрую жизнь, – отвечал блаженный Феофил.

После этого игемон сказал:

– Знай, что если останешься при этом своем безумии, то я предам тебя великим мукам, а потом повелю предать тебя жестокой смерти.

– Я теперь только того и желаю, чтобы мне умереть за Христа Бога, – ответил Феофил.

– Вспомни дом твой, жену, детей и сродников твоих, – сказал тогда игемон, – и безумно не выдавай себя на лютую смерть, ибо ведь это действительно безумие, – самовольно отдать себя на те муки и казни, которыми обыкновенно наказываются злодеи.

На это святой мученик ответил:

– Это не безумие, но великая премудрость, – кто ради несказанных и вечных благ и вечной жизни принял преждевременную смерть, не обращая внимания на сии краткие и временные муки.

Тогда игемон сказал:

– Итак, ты лучше избираешь для себя муку, нежели покой, и лучше смерти желаешь, чем жизни?

– Я и мук боюсь, – ответил на это Феофил, – и смерти трепещу, – но тех мук, которым не будет конца, и ужасаюсь той смерти, которая влечет за собою вечную казнь. Мучениям, которым ты можешь предать меня, настанет скорый конец, казнь же, уготованная идолопоклонникам, никогда не скончается!

Тогда игемон повелел повесить святого Феофила нагим на дереве и жестоко его бить. Когда стали бить святого, он произнес:

– Ныне я совершенно христианин, ибо повешен на дерево, а оно подобно Кресту. Итак, благодарю Тебя, Христе Боже, что Ты даровал мне быть повешенным на Твоем знамении.

– Окаянный, – сказал игемон, – пощади тело твое!

– Окаянный, пощади душу свою! – ответил Феофил. – Я не щажу своей временной жизни, но за то навеки будет спасена душа моя.

Тогда мучитель, еще более разгневавшись, повелел строгать мученика железными когтями и опалять свечами. Святой же, как бы не чувствуя страданий, радовался в муках своих и только произносил:

– Христе, Сыне Божий, я исповедую Тебя, – сопричти меня к лику святых Твоих!

Лицо его было при этом радостно.

После того как слуги мучителя изнемогли от своего труда, игемон Саприкий издал на святого такой смертный приговор:

– У Феофила, до этих пор не принесшего жертвы бессмертным богам, а ныне уже развратившегося и даже уклонившегося от наших богов к христианскому сонмищу, – повелеваем усечь главу мечом.

Святый Феофил, услышав это воскликнул:

– Благодарю Тебя, Христе Боже мой!

И, радуясь, преклонил под меч свою святую главу. Будучи усечен, он венчался венцом мученичества и, придя ко Господу в одиннадцатый час своей жизни, принял мзду равную первым (Мф.20:1–16), – в Царстве Христа Бога нашего, Ему же со Отцем и Святым Духом честь и слава вовеки, аминь.

Память святого мученика Иулиана

Память 6 февраля

Святой мученик Иулиан был родом из города Эмесы[1240]. Хорошо изучив в юношеском возрасте врачебное искусство, он исцелял не только тела людей, но и души их: ибо врачуя болезни, он учил веровать во Христа и многих из язычников обратил ко Христу Богу.

Когда схвачены были святые мученики Силуан епископ, Лука диакон и чтец Мокий, память коих совершается 29 января, – и ведены были из темницы на съедение зверям, Иулиан, припав к сим мученикам, лобызал их и умолял не страшиться смерти за Господа.

После этого он был взят язычниками и заключен в некий вертеп; там ему вбили в голову длинной гвоздь, а также пробили гвоздями его руки и ноги; после этого он предал Богу дух свой.

Память святого Вукола, епископа Смирнского

Память 6 февраля

Угодник Божий Вукол с младенчества своего отличался незлобием и целомудрием, и был преисполнен Духа Святого.

Всехвальный и возлюбленный ученик Христов и Его наперсник Иоанн Богослов, увидев, что он в духовной жизни человек опытный и достойный, поставил его епископом Смирнской церкви[1241]; для смирнских христиан это назначение было очень благовременно, и святитель Христов Вукол сделал для них много полезного. Просвещенный Духом Святым, он сиял как светильник на свещнике (Мф.5:15): пребывавших во тьме заблуждения и идольском прельщении он просвещал небесным светом и через святое крещение делал их сынами света (Иоан.12:36), и всех защищал от бесчисленных, невидимых, но свирепых и неукротимых зверей, которые так и ищут, как бы кого поглотить (1Петр.5:8).

Пред своим преставлением св. Вукол[1242] вручил свое словесное стадо блаженному Поликарпу и отошел от временной жизни к вечной. После того как тело святителя было погребено, Бог благоволил, чтобы у гроба его выросла мирсина[1243], которая отличалась тем, что исцеляла больных.

Память святых мучениц Марфы и Марии и брата их святого мученика Ликариона отрока

Память 6 февраля

Эти мученики жили в стране Асийской[1244], в те времена, когда на Церковь Христову было воздвигнуто гонение царями и князьями нечестивых идолопоклонников.

Марфа и Мария, пребывая в девстве, старались только об угождении Господу и горели желанием приять смерть за Него.

Случилось однажды мимо их дома проходить нечестивому воеводе. В это самое время Марфа, открыв двери дома своего, вместе с сестрою своею, воскликнула, обращаясь к воеводе:

– Мы – христианки!

Воевода, вместе со своими слугами, услышав эти слова, не обратил на них внимания и прошел мимо. Тогда сестры вслед воеводе опять возопили:

– Мы – христиане!

На это воевода сказал им:

– Я прощаю вам ради юности вашей: мне было бы неприятно умертвить вас.

На это святая Марфа воскликнула:

– О воевода, мученическая смерть не есть смерть, но жизнь!

Услышав это, воевода сильно разгневался и велел взять святую деву.

Тогда вышла из дому и Мария и сказала воеводе:

– Что сказала сестра моя, то же скажу и я.

Потом вышел из дому и малый отрок, брат мучениц, по имени Ликарион, и воскликнул:

– Что сказали Марфа и Мария, то же говорю и я, ибо я христианин.

И повелел воевода повесить их всех трех на крестах. Здесь же стояла и матерь их и говорила им:

– Спасайтесь, дети мои возлюбленные, и приимите венец от Христа.

И сказала Мария, вися на кресте:

– Да спасешься и ты, матерь наша с плодом чрева твоего, ибо принесла нас ко Христу.

После этого Марфа и Мария прободены были на крестах, а Ликарион усечен воином мечом.

Житие святого отца нашего Парфения, епископа Лампсакийского

Память 7 февраля

Соименный девству[1245], святой Парфений родился в Мелитополе[1246]. Отец его, по имени Христофор, был диаконом одной из церквей этого города. Парфений с детства не был научен грамоте, но, слушая в храме Божественное Писание, он многое из него так хорошо изучил, что мог сравняться со всяким искусным книжником. В юности он часто ходил на одно недалеко расположенное озеро и, ловя там рыбу и продавая ее, вырученные деньги раздавал нищим. С самых юных лет он был исполнен благодати Божией; восемнадцати же лет он, призыванием пресвятого имени Христова, стал изгонять из людей бесов и творить многие чудеса.

После того как слава о святом Парфении стала распространяться между людьми, Филипп, епископ мелитопольский, призвал его к себе. Исследовав о святом юноше все, что он слышал и удостоверившись во всем этом, он подивился его добродетели и Божией в нем благодати и велел научить его книжному искусству. Потом вскоре епископ Филипп назначил святого Парфения, вопреки его желания, пресвитером и поручил ему попечение над одним из храмов. В сане пресвитера святой Парфений еще более подвизался в добродетелях. Получив от Господа сугубую благодать святости и чудотворения, он исцелял всякие болезни и именем Господа нашего Иисуса Христа совершил много предивных чудес. Среди таких чудесных знамений, между прочим, было следующее.

Однажды, на пути, встретил чудотворца некий человек, которому какой-то юноша выколол глаз; больной глаз висел на щеке, и человек тот, страдая и плача, поддерживал его рукою. Святой Парфений, взяв выколотый глаз в руку, вложил его в свое место и промыл водою; через три дня больной совершенно исцелел.

В другой раз одна женщина, одержимая лютою и неизлечимою болезнью на теле своем, пришла к святому

Парфению и просила у него исцеления; когда преподобный сотворил на челе ее крестное знамение, она тотчас же получила исцеление.

Раз святой Парфений отправился посетить одного больного; когда он шел близ дома некоего вельможи, большая собака, сорвавшись с привязи, устремилась на святого и, бросившись передними лапами на плечи, хотела укусить его в лицо. Но святитель, дунув на нее, сотворил крестное знамение, и в то же мгновение пес издох: после того святой Парфений сбросил его с плеч своих.

Услышав о подобных чудесах, архиепископ кизический Ахиллий призвал к себе святого Парфения и поставил его епископом лампсакийским[1247]. Прибыв во врученную ему епископию, Парфений нашел всех жителей ее преданными нечестивому еллинскому идолослужению, христиан же в то время было там весьма небольшое число. Добрый пастырь Христов весьма скорбел о том. Он прежде всего стал увещевать, обличать и умолять своих пасомых; указывая им путь истины и совершая именем Христовым чудеса, он исцелял больных и тем приводил многих к познанию истинного Бога. Увидев, наконец, что жители того города в вере преуспевают, а идолослужения отвергаются, святой Парфений задумал разорить находившиеся там скверные капища, а вместо них построить благолепные святые храмы Божии. Для этого святой Парфений отправился к великому царю Константину испросить у него на это власть. Принятый благочестивым и христолюбивым царем с честью и очень любезно, святитель Христов получил от него желаемое: святой Константин великий дал ему свою царскую грамоту на разорение идольских капищ и при этом, вручив преподобному много золота на созидание святых Божиих церквей, отпустил его с миром.

Возвратившись в Лампсак, святитель Божий Парфений тотчас же разрушил до основания все капища и посреди города вскоре воздвиг обширный и прекрасный храм Божий; он сам принимал участие в его построении и своими руками помогал строителям.

В то время как строился сей храм, к святому Парфению пришел некий человек, имевший в себе духа нечистого; бес уже давно вселился в него, но он не мог понять сего. И вот этот одержимый бесом человек, приступив к святому Парфению, стал приветствовать его ласковыми словами. Святитель же Христов, заметив присутствие в нем духа нечистого, воздержался от приветствия.

Тогда посрамленный в сем человеке бес сказал святому:

– Я тебя желал видеть, оттого и приветствовал тебя; отчего же ты не ответил на мое приветствие?

– Вот ты видел меня, итак – что же тебе нужно? – ответил ему на это святой Парфений.

– Я увидел и узнал тебя, – сказал бес.

– Если бы ты, увидев, действительно узнал меня, – отвечал святой Парфений, – то ты вышел бы из этого Божиего создания.

На это бес сказал:

– Молю тебя, не выгоняй меня из моего жилища, в котором я так давно обитаю.

– А как давно ты находишься в этом человеке? – спросил святой.

– С самого детства его, – отвечал бес, – и до этих пор меня никто не заметил, один только ты; и теперь, как я вижу, ты изгоняешь меня; но если так, то куда же ты повелишь мне отойти?

– Я дам место, где тебе поселиться, – отвечал святой Парфений.

– Думаю, что ты непременно повелишь мне войти в свиное стадо, – сказал бес.

– Нет, я укажу тебе человека, в котором и обитай, только из этого выйди, – отвечал святой Парфений.

– Но действительно ли ты хочешь это сделать, или только так говоришь? Скажи мне об этом, – спросил бес святого Парфения.

– Я тебе правду говорю, – сказал святитель, – что знаю человека, в котором, если хочешь, можешь обитать, – только из этого выйди скорее.

После этого бес, убежденный словами святого, стал просить, чтобы он указал ему такого человека.

Тогда святой Парфений, открыв уста свои, сказал бесу:

– Вот этот человек: войди и обитай во мне.

Диавол, как бы опалённой огнём, воззвал на это:

– Увы мне! Если ты, после столь долгого времени, выгоняешь меня из постороннего человека, то какого же зла ты мне не сделаешь, если я вселюсь в тебя? И как я войду в дом Божий?

Сказав это, бес скрылся в местах пустынных и непроходимых; человек же тот, по благодати Божией, стал здоровым и восхвалил Господа.

После того как самое здание церкви было уже готово, святой Парфений стал заботиться о сооружении в алтаре престола, дабы на нем совершать Божественную литургию.

В это время он нашел в одном из разоренных идольских капищ большой камень; по своему виду он был очень удобен для построения святого престола, и вот святитель Христов приказал каменщикам обделать его получше и приготовить для совершения на нем святой трапезы.

Мастера, устроив и приготовив этот камень, как следует возложили его на повозку и впрягли в нее сильных волов, чтобы отвезти его в церковь.

Диавол, возъярившись за взятый из капища камень, устрашил впряженных волов, и они внезапно так быстро устремились, что их никто не мог сдержать. Шедший около них и управлявший ими возница, по имени Евтихиан, действием бесовским, упал навзничь под колеса, и тяжелая от камня колесница, переехав через упавшего, раздробила кости и раздавила его; и возница тотчас же умер.

Узнав об этом, святитель Божий Парфений сказал:

– Диавольская злоба сотворила сие, но, о диавол, не препятствуй Божиему делу!

Тотчас же восстав, он взял с собою бывших с ним благочестивых мужей и поспешно пошел на то место, где произошел этот несчастный случай. Увидев труп мертвеца, он

преклонил свои святые колена на молитву и со слезами, прилежно стал так молиться Господу:

– Боже всемогущий, податель жизни и смерти, Ты ведаешь, почему злобный враг кознями своими нанес смерть Твоему созданию; но, о Преблагий, как всегда, так и ныне, сотвори злое намерение его тщетным и возврати жизнь рабу Твоему Евтихиану и тем яви верующим непобедимую Твою силу, – ибо Ты един Бог и Тебе подобает слава вовеки. Аминь.

В то время как святой Парфений еще произносил эту молитву, мертвый в виду всего народа, ожил и воскликнул:

– Слава Тебе, Христе Боже, что Ты и мертвых восставляешь!

И тотчас же, став здоровым, как и прежде, он погнал волов и довез на них камень до самой церкви.

Тогда все видевшие это чудо и внезапное воскрешение мертвого воздали славу и хвалу Преблагому Богу и стали отовсюду приносить болящих и страждущих от нечистых духов, и они все, по молитве святого Парфения, благодатью и силою Божиею исцелялись, и в это время почти уже никто не прибегал ко врачебному искусству, так как считали его совсем ненужным, и народ перестал обращаться ко врачам, ибо все болезни, во имя Господа нашего Иисуса Христа, безмездно исцелял святитель Христов.

Между иными больными святой Парфений в три дня исцелил одержимую бесом дочь некоего Дионисия, из царского рода, по имени Дафну.

В другой раз он исцелил дочь смирнского князя Мамалия, по имени Агалматию; она тоже была одержима бесом и часто валялась по земле; изо рта ее истекала пена, а сама она казалась иногда как бы мертвою.

Святитель Парфений помог также одной знатной женщине, по имени Зоиле, которая ранее была одержима духом неверия, что ее сильно сокрушало.

Однажды приведен был к святому угоднику Божию юноша, сын пресвитера, по имени Никон; он был также одержим сильно мучившим его бесом. Родители, повергши сына своего к ногам

святого Парфения, молили его, чтобы он сжалился над ним и избавил его от нечистого беса.

Тогда Святитель Христов сказал им:

– Ваш сын недостоин исцеления, и злой дух дан ему в наказание, так как он отцеубийца: ведь вы сами, часто претерпевая от него поругание и обиды, в горести души своей молились, чтобы он наказан был Господом; итак оставьте его в этой болезни, – это наказание нужно для него.

Они же, как чадолюбивые родители, скорбя сердцем о своем сыне, со слезами на глазах, воззвали к святому:

– Помолись Богу о нем, святитель Божий, да избавится он от лютого диавола!

Тогда блаженный Парфений, видя слезы родителей, сжалился над ними; он помолился усердно Господу, и бес тотчас вышел из юноши. Родители же, увидев сына своего здоровым, возвратились в дом свой, восхваляя и благословляя Бога.

Приведена была также к святителю Божию Парфению некая жительница города Арисва, по имени Александра; женщина эта, силою диавола, была одержима как бы духом какой змеи: она иногда шипела наподобие этого гада и в это время многих умерщвляла. Святитель Христов, изгнав из нее злого духа, исцелил ее и здоровою отослал к родным.

В другой раз святой Парфений возложением своей руки и молитвою исцелил одну приведенную к нему родителями девицу, дочь авиденийского гражданина Синодия, которая также была одержима бесом и скиталась по горам.

Сотворил угодник Божий в то же время чудо и над одним воином, по имени Аксаном. Все члены этого человека были расслаблены, но святитель Христов омыл его водою и, сотворив над ним молитву, отпустил его здоровым.

Человек некий, по имени Алан, родом сириец, под влиянием обитавшего в нем злого духа, удавился в созданной святым Парфением церкви и мертвым висел в притворе оглашенных; узнав об этом, святитель пошел к трупу его и, молитвою своею изгнав из него диавола, воскресил его из мертвых.

Евтропий, житель Пареи, – города, находящегося между Лампсаком и Кизиком, привел к святому Парфению свою бесноватую жену. Святитель Христов, дунув в лице страждущей и сотворив молитву над ее головой, тотчас же исцелил ее.

Также угодник Божий исцелил и другую бесноватую женщину, по имени Акакию, приведенную к нему из селения Фелеи.

В то же время святой Парфений исцелил некую Евхерию, супругу вельможи Агапита; помолившись над нею и напоив ее святым елеем, он тотчас же исцелил ее, а перед этим, отравленная, она жестоко страдала и мучилась от смертоносного яда.

Некий юноша, по имени Максим, из города Виза, пребывая в Лампсаке, служил одному из диаконов. Захворав однажды болезнью желудка, он не мог вылечиться и умер. Родители, узнав о смерти сына своего, пришли из Виза в Лампсак, чтобы погребсти его; взяв там с одра тело Максима, они с плачем понесли его в церковь и по дороге положили его на том самом месте, где должен был пройти святитель Божий Парфений. Подойдя к этому месту и увидев лежащего мертвеца и плачущих родителей его, угодник Божий прослезился и, преклонив колена, помолился о нем Богу, – и тотчас же Максим ожил и, поднявшись, сел и начал говорить. Святой же Парфений простер к нему руки, поднял его и возвратил родителям здоровым. Все жители этого города весьма дивились столь преславному чуду и прославляли Господа.

Принесены были также к святому угоднику Божию – диаконисса Феофила, из селения Асермии, и вместе с нею, из того же селения, отроковица Руфина; они обе были расслаблены силою бесовскою. Парфений, окропив их святою водою и помолившись над ними, обеих их исцелил.

Также угодник Христов молитвою своею уврачевал некоего Феласия, единственного сына пресвитера Илария; сей больной, по действу сатанину, был расслаблен умом.

В другой раз он исцелил некую нищую старицу, по имени Каллиопу, и с нею отроковицу Кириакию; они обе страдали от

нечистых духов; дав им денег на пропитание, он отослал их здоровыми.

Кроме этих и многих других несказанных чудес святого, между прочим, произошло и следующее.

В дом, в коем приготовлялись царские порфиры и одеяние для царских сановников, вселился диавол и причинял работающим много вреда: он уничтожал их работы и устрашал привидениями. От этого все были в великой печали, а приставники над ними боялись царского гнева и даже казни за напрасную трату столь многих товаров. Святитель Божий Парфений, узнав об этом, по просьбе приставников, тотчас пришел сюда и заклял беса страшным и святым именем Христовым. Изгоняемый бес во услышание кричал и говорил, что какой-то Божественной огонь гонит его в геенну огненную; и с тех пор в этом доме прекратились все козни диавольские.

В другой раз нечистый дух стал мешать рыбакам: когда они опускали сети свои в воду, им, по наваждению диавольскому, всегда казалось, что в них попало множество рыбы, но когда с великим трудом они вытаскивали свои сети на берег, они не находили в них ни одной рыбицы; и так рыбаки напрасно трудились долгое время. Это происходило не только в Лампсаке, но и во всех окрестных городах и местностях той страны. И вот к святому Парфению собрались отовсюду рыбаки и просили, чтобы он помолился о них Богу, дабы их труд не был напрасным. Когда же угодник Божий со слезами молился о них Господу, ему от Бога было открыто, что эти козни рыбаки претерпевают от диавола. И тотчас же святой, восстав, пошел и обошел все берега и пристани, творя молитвы и прогоняя отовсюду гнездящегося в водах диавола; потом он велел рыбакам закинуть перед ним в воду сети. Когда они это с радостью исполнили, то, по молитвам святого, добыча их была так велика, что от множества рыбы едва можно было вытащить на землю сети, и с тех пор, как и прежде, улов рыбы у них был всегда обилен.

Когда однажды, во время ловли рыбы, святой Парфений сидел у Катаптелийской пристани, – в сети к рыбакам попала одна большая рыба, называемая финнос (тунец). Выскочив из

сети, она упала к ногам святого. Осенив ее крестным знамением, он повелел ее разрезать и раздать братиям для съедения во славу Божию.

Потом святитель Христов исцелил одного хромого человека, по имени Каллиста, который после этого стал ходить как следует.

Исцелил он также в это время и другого человека, по имени Лезвия; с ног до головы он был покрыт струпьями, так что ни в чем не отличался от прокаженного: помазывая его святым елеем и молясь над ним в продолжение трех дней, святитель отпустил его здоровым.

Однажды святитель Божий Парфений, по нуждам церковным, отправился во Фракию; прибыв в город Ираклию[1248], он посетил там сильно болящего в то время архиепископа Ипатиана и, беседуя с ним, спрашивал о причине его болезни. В ту же ночь Господь открыл угоднику Своему Парфению, что архиепископ Ипатиан страдает тяжкою болезнью по причине своего сребролюбия и скупости, так как он присвояет себе вещи и имение даже нищих и убогих.

Утром святой Парфений снова пришел к архиепископу и сказал:

– Востань, великий архиерей, ведь ты одержим не телесною немощью, но наказываешься по своей душевной немощи: оттряси ее от себя, и ты будешь здоров.

На это болящий ответил:

– Я и сам сознаю себя грешным, почему и наказывает меня Господь, но, прошу тебя, помолись обо мне, да очищусь я от беззаконий моих.

Тогда святой Парфений сказал ему:

– Если кто согрешит пред ближним, то не будет ли услышана молитва его, но ты согрешил пред Богом: – итак, что принадлежит нищим, возврати то Богу, и ты будешь здоров и душою и телом.

Растроганный этими словами, архиепископ сказал:

– Отче, я согрешил пред Господом моим, – Он же есть праведный Судия!

И тотчас же, призвав к себе эконома, он приказал принести собранное им от имущества убогих серебро. Увидев, как его много, он молил святого Парфения, чтобы он отдал всё это нищим. Но угодник Божий посоветовал ему, чтобы он сам раздал то, что принадлежит убогим.

Тогда больной архиепископ приказал положить себя на повозку и везти к церкви святой мученицы Гликерии: там, собрав нищих и убогих, он им раздал всё свое серебро. Благой же и премилостивый Бог, не презревший двух лепт вдовицы и слёз блудницы и приняв раскаяние мытаря, – принял покаяние и сего архиепископа и через три дня совершенно исцелил его. Святой же Парфений, обходя ежедневно церкви Ираклии, совершал в них свои обычные молитвы.

Однажды он вошел в некую церковь; здесь он увидел лежащим одного совершенно иссохшего больного человека. Умилосердившись над ним, святитель Божий преклонил свои колена и со слезами помолился о нем преблагому Богу; потом, восстав от молитвы, он помазал болящего святым елеем, и тотчас же исцелил его, и, поставив на ноги, повелел ему идти. И исцеленный, восхваляя Господа, пошел к себе домой совершенно здоровым.

Узнав об этом необычайном чуде, ираклийские граждане, какими бы они недугами и болезнями ни были одержимы, стекались к угоднику Божию, и все силою Господа нашего Иисуса Христа, по молитвам святителя, возвращались здоровыми.

В то время, как святой Парфений благодатью и силою Христовою совершал сии чудеса, исцеляя различные болезни, – при нем находился архидиакон Ираклийской церкви; его звали так же, как и архиепископа, Ипатианом.

Сей архидиакон, видя совершаемые Парфением чудеса, припал однажды к ногам угодника Божия и со слезами на глазах передал ему, что по причине засухи на его селе погибли посеянные семена и всякая растительность, и нивы, и сады, и виноградники.

– Честной отче, – умолял он его при этом, – пойди туда, посмотри на всё иссохшее там и помолись Богу, да подаст Он

дождь земле, чтобы спаслась от голода вся наша местность.

Святой Парфений с поспешностью пошел на нивы, в сады и виноградники и, увидев, как всё посеянное и все сады засохли, прослезился и, преклонив колена, со слезами на глазах долго молился Человеколюбцу Богу, прося Его, да подаст Он дождь на землю и да прозябнет всякая растительность.

Бог, исполняющий волю боящихся Его, еще во время молитвы святого, покрыл небо дождевыми облаками, и пошел сильной дождь, напоив землю до изобилия.

Оставшись на ночь вместе с архидиаконом на селе его, святитель Парфений всё время провел в молитвах, утром же он сказал архидиакону:

– Брат, будь осторожен к себе, ведь ты знаешь, что архиепископ твой был наказан от Бога тяжкою болезнью за его сребролюбие; нынешнею же ночью Господь мне открыл, что через несколько дней он прейдет от сей временной жизни, а ты вместо него будешь ираклийским архиепископом, итак, знай, что нужно всегда заботиться о нищих, ибо сие умилостивляет Бога больше всего.

Потом святой Парфений, благословив нивы, сады и виноградники архидиакона и своею молитвою и благословением сотворив их плодоносными, возвратился в город и там отправился прежде всего к архиепископу, дабы приветствовать его и потом отплыть на корабле в путь. Архиепископ, любезно встретив угодника Божия, облобызал его, и когда они сели и стали беседовать друг с другом святой Парфений сказал ему:

– Извещаю тебя, святитель, что через несколько дней ты, оставив тело, отойдешь ко Господу, ибо тебя призывает Христос, Истинный Бог наш; ты же, отходя к Богу, как мне открыл Господь, оставишь преемником своим доброго Ипатиана, архидиакона твоего.

Архиепископ ответил на это:

– Да будет воля Господня!

И, облобызав друг друга святым целованием, они расстались. Святой Парфений, отправившись из Ираклии, через несколько дней прибыл в свой город Лампсак; а архиепископ Ираклийский, через некоторое время снова разболевшись,

почил о Господе, вместо же него был поставлен Ипатиан, бывший архидиакон, и так исполнилось пророчество святого.

Когда настало время жатвы и собирания всяких плодов, архиепископ Ипатиан отправился в свои поместья, на нивы и виноградники, которые прежде иссыхали от бездождия, и нашел на них великое изобилие плодов, больше всех прежних лет – то было по молитвам и благословению святого Парфения.

Архиепископ, наполнив большой корабль пшеницею, вином и всякими плодами, отправился в Лампсак к чудотворцу, дабы принести ему благодарность за его благословение.

Святой Парфений принял архиепископа любезно, но привезённых даров не захотел принять, сказав:

– Благодари Бога за всё, а сие раздай братии.

После довольно продолжительной и любезной беседы со святым архиепископ Ипатиан, возвратившись к себе домой, по повелению святого, раздал братиям своим множество пшеницы, вина и всяких плодов и до самой своей кончины исповедовал пред всеми те великие чудеса Божии, какие Господь сотворил через раба Своего Парфения.

Таким образом угодник Божий и великий чудотворец – святой Парфений, сияя в равноангельном житии, обратил многих от идолопоклонства к истинному Богу и исцелил множество недужных от различных болезней; наконец, он сам разболелся и, призываемый от Господа, скончался месяца февраля, в седьмой день, почив с миром в старости маститой. Когда в окрестных городах и селах узнали о честном преставлении святого, отовсюду стеклись на погребение его архиереи – Ираклийский, Кизический, Мелитопольский, Парийский и многие другие епископы и священники. Все они, как будто сговорившись, прибыли в город Лампсак и устроили святому славное погребение; с пением псалмов и других песней духовных, они положили честное тело близ соборной церкви, в созданной им часовне[1249].

И подавались у гроба святого Парфения многие исцеления недужным: не только в жизни своей, но и по преставлении сей безмездный и чудотворный врач – прокаженных очищал, бесов от людей изгонял; и ныне он врачует и исцеляет души и тела

наши молитвами своими, благодатью же Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом да будет слава вовеки, аминь.

Кондак, глас 3:

Чудес приял еси Божественную благодать, Богомудре священне Парфение, чудотворче Богоносе, вся верных страсти очищая, духа лукавства, отче, изгоняя. Сего ради тя воспеваем, яко велия таинника Божия благодати.

Житие преподобного отца нашего Луки Елладского

Память 7 февраля

Святой Лука родился в Элладе[1250]; родители его были переселенцами из чужой земли: они прибыли сюда с острова, называемого Эгина, что лежит при Эгейском море[1251]. Не вынося постоянного нашествия арабов, они оставили отечество свое и, переселившись в пределы Греции, странствовали там, и наконец поселились в одной местности, называемой Касторией[1252]. Здесь у них и родился блаженный Лука; имена его родителей были – Стефан и Евфросиния.

С самых юных лет блаженный Лука, вращаясь среди детей, не проявлял в себе ничего отроческого; он с охотою оставлял все детские игры и забавы. Уже в отроческих летах он казался мужем совершенным: любил безмолвие, уединение и отличался скромностью.

А что удивительнее всего, – так это то, что он в таком возрасте был уже великим постником и воздержником. Он не только не вкушал мяса, но воздерживался и от молока, сыра и яиц; он не прикасался даже к яблокам и другим садовым плодам, которые так особенно сладостны и приятны для малых отроков: он питался только хлебом, водою и огородною зеленью. В среду же и пяток до захождения солнечного он ничего не ел.

Но еще большего удивления достойно то, что при таком посте и воздержании Лука не имел ни руководителя, ни наставника; он сам, силою действующей в нем благодати Божией, день ото дня восходил всё на больший и больший подвиг: – он избегал объядения и сладких снедей, – возлюбил пост, соединенный с трудом, скудость во всем, даже и необходимом, и вообще всё то, что умерщвляет плоть: – в этих подвигах он только и упражнялся. И всё, что для других казалось столь сладостным, радостным и приятным, – всё это для блаженного Луки было чем-то тяжелым, ненавистным и неприятным, и что почти для всех казалось в жизни тяжким,

неприятным и невыносимым, то для него было приятным и вожделенным.

Родители святого Луки, заметив такой необычный для юношей образ жизни его, весьма удивлялись, но особенно же удивлялись его постничеству и воздержанию. Думая, что это происходит не от какого-либо добродетельнего настроения, но только из детского легкомыслия, они задумали испытать его таким образом: в одном сосуде они сварили мясо и рыбу и предложили ему это кушанье на трапезе; отец, взяв рыбу, дал ее и блаженному Луке. Тот, не зная, что эта рыба варилась вместе с мясом, начал было ее есть, но по вкусу узнав, как эта рыба приготовлена, весьма опечалился и тотчас извергнул съеденное; и как будто самовольно сотворив некое великое беззаконие, рыдая и воздыхая, он не желал даже вкушать хлеба и в таком плаче и посте провёл три дня. Тогда родители его, увидев, что не по детскому легкомыслию, но по Божией благодати присуще ему такое стремление к благочестию, на будущее время предоставили ему жить по его доброму желанию.

Блаженный же Лука во всем повиновался родителям своим, исполняя со старанием всё, что они ни приказывали: он пас овец; когда пришел в возраст, стал обрабатывать землю, а по временам исполнял домашнюю службу, умерщвляя свою юную плоть и подавляя страсти. К нищим он был так милостив, что из-за них часто сам себя лишал всего необходимого. Когда он выходил на какое-либо дело из дому, то всю взятую им пищу раздавал нищим, а сам оставался голодным. Точно так же с великою охотою и любовью раздавал им и одежды свои и домой нередко возвращался нагим, за что родители укоряли его, бранили и даже наказывали, а иногда оставляли даже ходить его нагим и долгое время не давали ему никакой одежды, думая, что он устыдится наготы своей и перестанет раздавать свои одежды нищим. Но добродетельный юноша не переставал творить дела милосердия: он не стыдился наготы и не боялся наказания; нагота из-за нищих для него была царскою порфирою, а наказание и биение за них он считал для себя

честью и похвалою, – и еще более после того благотворил нищим.

Однажды блаженный Лука шел на поле сеять пшеницу и на дороге встретил нищих; тогда он разделил им пшеницу, а себе оставил для посева только немного. Господь же, Который за милостыню убогим воздает сторицею, благословил этот скудный посев: в это лето на ниве его пшеницы уродилось более, чем в прежние годы, так что когда пришло время жатвы, собрали так много пшеницы, как никогда.

Когда Стефан, родитель святого Луки, заболев, скончался, человек Божий, оставив земледелие, предался книжному научению. Усердствуя особенно в богомыслии и изучении молитв, Божественный юноша так преуспевал, что, вознося ум свой к Богу, иногда и телесно возвышался от земли, как это однажды ясно видела мать его Ефросиния. Заметив раз, что сын ее долго не выходит из комнаты своей, она, желая узнать, что он делает, посмотрела тайно в скважину и видела его молящимся: его ум был вперен к Богу, всем же телом своим он стоял в воздухе, совсем не прикасаясь земли и отстоя от нея как бы на один локоть; это Евфросиния видела не раз, но дважды или трижды, и весьма этому дивилась; после она с клятвою передавала о том другим.

У сего блаженного юноши уже давно было желание оставить многомятежный мир и предаться монашескому безмолвию и иноческим подвигам. Однажды, думая об этом, он, горя желанием принять иночество, тайно от всех, вышел из дому, намереваясь оставить Елладу; на пути он встретил воинов и сторожей, которые хватали рабов, убегавших от своих господ, и сажали их в темницу.

Они, увидев плохо одетого юношу, подумали, что это один из убегших рабов и схватили его; они спросили, чей он раб, откуда и куда бежит. Юноша на это ответил им, что он раб Христов и идет ради молитв ко святым отцам. Но воины не поверили ему; думая, что он хочет скрыть пред ними свое рабство и бегство, они стали безпощадно бить неповинного юношу; потом они заключили его в темницу – пока не объявит, чей он раб и как убежал от своего господина. На всё это

блаженный Лука смотрел как на искушение завистливого врага, который препятствовал его доброму намерению. Но чрез некоторое время святой был узнан некоторыми людьми; после их свидетельства о нем, блаженный Лука был освобожден от уз.

Когда раб Христов возвратился к себе домой, ему пришлось от домашних претерпеть не только выговоры и укоризны, но даже и биения. Днем и ночью молился святой Богу, дабы Он благоволил принять ему иночество, и вскоре получил желаемое следующим образом.

В местность ту из древнего Рима пришли два инока; увидев их, Лука тотчас же вспомнил о своем намерении, и сердце его еще более возжглось любовью к Богу. Беседуя с ними, он спросил их, куда они идут. Они сказали, что идут в Иерусалим. Тогда блаженный Лука стал умолять их, чтобы они взяли его с собою в путь и сделали бы его таким образом участником своей иноческий жизни. Но они отказывались взять его, отговариваясь то тем, что он еще юн, едва пошел ему семнадцатый год и к продолжительному странствованию не привык, то тем, что боятся родителей его, как бы им не претерпеть от них чего дурного, когда те, узнав обо всем, погонятся за ними и догонят их. Блаженный же Лука сказал им, что он сирота и странник и что за ним никто не следит, и умолял тех иноков взять его. Однако из этой местности они с ним вышли тайно и, придя в Афины, отправились помолиться в тамошнюю прекрасную церковь Пречистой Девы Богородицы, и в монастыре переночевали. Отходя же в путь к Иерусалиму, иноки оставили блаженного Луку в том монастыре.

– Здесь, юноша, – сказали они ему, – хорошее место для исполнения твоего намерения, здесь ты можешь получить желаемое и вскоре будешь причтен к прекрасному лику иночествующих.

Поручив его игумену, они отошли в путь.

Игумен несколько раз спрашивал, откуда он и какого рода, но ничего не мог узнать: раб Божий скрывал свое отечество и свой дом и не желал никому открывать себя. Однако, видя, что он юноша добронравный, тихий, кроткий, смиренный и послушливый, постриг его в новоначальный чин.

Матерь же блаженного Луки весьма скорбела о нем: она не могла перенести разлуки со своим возлюбленным сыном, на которого смотрела как на единую утеху своего вдовства и как на отраду в печали, и горько плакала о нем, взывая к Богу:

– Увы мне, Господи! Свидетель моего вдовства и сиротства, – сначала Ты опечалил меня, отняв смертью от меня друга, которого Ты сочетал со мною супружеством, после чего подверг меня бедам вдовицы, которая для меня ужасней самой смерти, – ныне же Ты удалил от глаз моих того, кто в столь великих бедах был для меня отрадою, и теперь я не знаю, где могу увидеть его – единственную зарю моей многобедственной жизни. Теперь мне следует вместе с Давидом воскликнуть: «Сердце мое трепещет; оставила меня сила моя, и свет очей моих, – и того нет у меня» (Пс.37:11). И почему отрок так далеко от нас удалился? Разве мы возбраняли ему непрестанно служить Тебе, Владыке нашему? Или разве мы приказывали ему исполнять какие-либо домашние работы, заставляя его через то пренебрегать обычными его молитвами? Разве учила я его любить более плотское, нежели духовное, земное – больше небесного, временное – больше вечного? Я научилась от родителей своих быть матерью не только по плоти, но и по духу, и хотела сына своего видеть совершенным в добродетелях; я ему предоставляла больше времени для молитвы, нежели на услужение мне; для меня было радостию, – видеть возлюбленное мое чадо, если не всегда, то по крайней мере хотя некоторое время; для меня довольно было только слышать от соседей похвалу его добронравию и этим утешать свою печальную душу. Итак, Владыко Царю, не презри слёз очей моих, но услышь их и благоизволи утолить мою великую печаль; утолишь же Ты ее тогда, когда снова подашь очам матерним зреть возлюбленное чадо: тогда я, найдя сына своего, соберу всех и исповедую величество Твое и буду прославлять Тебя во все дни жизни моей.

Так в печали своей помолившись, вдовствующая матерь преклонила на милость благого Бога, и о чем просила, то и получила.

Господь, всё мановением Своим соделывающий, сподобил видения игумена того монастыря, в котором в новоначалии подвизался блаженный Лука: он во сне увидел плачущую матерь, которая так взывала к нему:

– Зачем ты обидел меня, вдову? Зачем к страданиям моим ты приложил еще сию печаль? Зачем так беспощадно ты отнял от меня единую отраду моего вдовства? Зачем ты похитил моего сына, опору старости моей? Претерпевая сию печаль, я не перестану обращаться к Богу и Царю всех и вопиять на тебя.

Устрашенный таким сонным видением и сказанными словами, игумен сначала думал, что это простое бесовское наваждение, но когда в следующую ночь и в третью он увидел во сне ту же жену и услышал от нее те же гневные слова, тогда он понял, что это не бесовское прельщение, но от Бога посылаемое явление.

Утром игумен, призвав к себе находившегося у него в новоначалии юношу Луку, сказал ему с гневом:

– Зачем ты задумал всё о себе утаить, хотя я несколько раз спрашивал тебя, кто ты и откуда? Зачем ты говорил, что не имеешь ни родителей, ни сродников? И как ты дерзнул приступить к сему святому чину и к сожитию с нами, весь исполненный льсти и лжи, как о тебе свидетельствует самое дело? Если бы в начале ты сказал нам правду, то ныне, вопреки твоему желанию, не были бы о тебе откровения. Итак, отойди от нас и от всех нас, монашествующих, и возвратись к родившей тебя; от неё, очень сокрушающейся, я третью ночь весьма страдаю.

В то время как игумен так говорил, блаженный Лука, весьма испуганный, стоял как бы изумленным; он смотрел долу, и глаза его испускали слёзы: так ему не хотелось разлучаться со святою дружиною. Игумен, видя его слёзы и смирение, умилился и начал кротко с ним так беседовать:

– Нельзя, чадо, теперь тебе не вернуться к матери своей, а после не возбранена тебе будет и жизнь в монастыре; так и сделай, советую тебе; ибо явно, что ее молитва сильна умолить Бога и намного превосходит твою молитву.

Выслушав это, блаженный Лука ничего не возразил против слов игумена; поклонившись ему, он только испросил его молитв и благословения. И так, хотя он не желал даже и выходить из монастыря, но принужден был отправиться в путь к матери своей, в селение Касторийское.

Войдя в дом, он нашел матерь свою сетующею, но когда она увидела его, то исполнилась радости и умиления, но не тотчас же устремилась к сыну своему, дабы его обнять: как женщина сильная духом и богобоязненная, она прежде всего, возведя очи к Богу и воздев к нему руки свои, вознесла Ему благодарение, что, по Его содейству, она теперь снова приемлет возлюбленного сына своего, которого перед этим лишилась.

– Благословен Господь, – говорила она, – Который услышал молитву мою и не лишает меня милости Своей.

Так Лука, Божиим изволением, возвращен был матери; он служил ей как сын и пробыл при ней четыре месяца. Потом блаженный Лука, горя духом к Богу и к безмолвному по Боге житию, снова задумал уйти от матери своей. На этот раз она уже не препятствовала его доброму намерению и не удерживала его от пути, ибо знала, что сыну ее, как и всякому другому, Бога подобает почитать больше, чем родителей.

Итак, святой Лука, сопутствуемой молитвами матери, как добрым вождём, скоро пришел к одной приморской горе, которая называлась Иоанновой; там была церковь во имя святых бессеребренников – врачей Космы и Дамиана. Там, устроив себе небольшую келью, он и стал в ней жить по Боге. Какие он здесь подъял труды, борясь с бесами и умерщвляя свою плоть, – об этом подробно нельзя рассказать, однако нельзя и умолчать обо всём; итак, из многого расскажем только несколько, чтобы знать, каков был по житию этот угодник Божий.

У преподобного был один ученик, который соблазнялся о наставнике своем: он думал, что святой лицемерно непрестанно молится. Видя, что он ничем не занимается: ни чтением Божественных книг, ни изучением отеческих творений, ученик этот думал, что наставник его, как человек некнижный и не знающий Божественного Писания, все ночи проводит не в бдении, но во сне и лености. И вот, однажды поздно ночью,

когда старец уже затворил двери своей кельи, ученик его сел извне при дверях и, приклонив к ним голову, стал прислушиваться, что старец делал по ночам, – почивает или молится? И так подслушивая, он оставался при дверях всю ночь до утра. О том же, что он здесь слышал, – он после сам передавал. «Слышал я, – говорил он, – как святой, преклонив колена, ударялся головою о землю и с каждым поклоном благоговейно произносил: «Господи, помилуй!»» Потом, воспламенившись еще большим усердием к Богу, стал делать более частые поклоны, и еще усерднее взывал: «Господи, помилуй!» И так он молился до тех пор, пока не изнемог телом; но и упав ниц на землю, он не изнемог духом, ибо и лежа он в молитве взывал к Богу. А потом, восстав, он преклонил свои колена и стал делать то же самое, и в такой молитве провел всю ночь, до самой утренней зари. После этого ученик сей, уверившись в подвигах отца своего, раскаялся в прежнем своем сомнении и после кончины святого с клятвою исповедовал все это пред другими.

Но преподобный умерщвлял свою плоть не только ночными коленопреклонениями, но и дневными трудами. Он устроил себе небольшой сад и стал сажать там различные деревья и сеять всевозможные семена, но не для потребы своей или продажи, но для изнурения плоти, ибо каждый день до пота лица трудился в саду своем, а если и бывали плоды от его дерева и семян, он их раздавал приходящим к нему, иногда же, наполнив ими большую корзину, он относил ее на соседние, чужие нивы и там оставлял ее; так святой Лука питал других трудами своими, сам же пребывал всегда в посте.

Случилось, что в сад его стали приходить олени; одно съедая, а другое попирая ногами, они сильно портили его. Святой отгонял их, но когда возвращался в келью, они снова приходили туда; и так повторялось несколько раз. Тогда святой, раздосадованный, выйдя к оленям, сказал одному из них, который был больше других, как какому-либо разумному и словесному созданию:

– Зачем вы делаете мне неприятное и разоряете мои труды, между тем как я вас никогда не обижал? Ведь мы рабы Единого

Господа и создания Единого Бога; кроме того – я создан по образу Божию и имею власть над всем творением, ибо Создатель всё покорил человеку. Итак, по повелению Господа, не сходи с места, на котором стоишь, но приими достойное наказание.

И лишь только святой это произнес, олень, как бы пораженный какою-либо стрелою, упал на землю и лежал неподвижно, тогда как остальные олени убежали. Случилось увидеть все это ходящим в пустыне охотникам; они с поспешностью подошли к оленю и с радостью уже потащили для заклания свой нечаянный улов. Преподобный же, сжалившись над оленем, сказал им:

– Братия, вы не имеете права взять этого оленя: не вы охотились за ним и не вы уловили его, но подошли уже к пойманному и теперь хотите его заколоть. Вам должно было бы сжалиться над ним, ибо он упал от слабости и теперь лежит, не думая убегать.

Услышав это, охотники оставили оленя, удивляясь милосердию святого. Святой же отпустил оленя целым и здоровым в пустыню.

Будучи столь совершенным по житию иноком, преподобный отец наш Лука еще не был облечен в полный иноческий чин. Но он его весьма желал и прилежно молился Богу, да сподобит Он его этого святого Ангельского образа; и молитва его была услышана: он получил желаемое.

Однажды к нему, неизвестно откуда, пришли два старых инока, украшенные честными сединами и святолепными лицами: они говорили, что идут к старому Риму; эти-то иноки, сотворив молитву, и облекли преподобного Луку в полный иноческий образ; наставив его, они стали собираться в путь. Преподобный Лука, не имея чем их напутствовать, так как был нищ и телом и духом и не имел даже необходимой пищи, проводил их, питаясь на пути духовно-полезными беседами с ними. Придя на один морской берег, путники сели немного отдохнуть и уже хотели на том месте разлучиться с блаженным Лукою, дав ему целование о Господе. Но когда они еще сидели, внезапно из моря выскочила большая рыба и упала на берегу

пред их ногами; потом выскочила и другая, и обе они бились по земле, как бы сами отдаваясь в их руки. Это было по молитвам святого Луки; ибо он, не имея потребной пищи, дабы угостить на дорогу своих благодетелей, своею тайною, сердечною молитвою умолил Господа, Промыслителя всей твари, послать им на путь пищи. И Тот, Кто некогда через ворона посылал Илии хлеб и мясо, Тот и сим преподобным отцам из вод морских послал пищу. И они, взяв обе рыбы, возблагодарили Бога, отверзающего руку Свою и насыщающего всякое животное.

Преподобный же отец наш Лука, восприяв совершенный Ангельский чин, предпринял и более совершенное житие; он начал еще более подвизаться, прилагая к своим прежним подвигам еще более тяжкие труды, и увеличивал свое пощение слезами и всенощными бдениями. Пищею его был ячменный хлеб, а иногда сырая зелень и вода; сну же он редко когда предавался – для этого в келье своей он имел выкопанный ров, наподобие гроба; это он сделал для всегдашнего памятования о смерти. И когда нужно ему было ночью уснуть, он ложился в этот гроб, как бы умирая и погребаясь; и, немного почив, тотчас же вставал снова на молитву, произнося слова пророка Давида: «Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению» (Пс.144:16). «Предваряю рассвет и взываю; на слово Твое уповаю. Очи мои предваряют утреннюю стражу, чтобы мне углубляться в слово Твое» (Пс.118:147–148). Когда святой Лука начал проводить такую жизнь, вскоре слава о его добродетели распространилась между всеми окрестными жителями, и к нему отовсюду стал стекаться народ.

Однажды пришли к преподобному два родные брата и поведали ему, что отец их перед кончиною своею, неизвестно где, зарыл в землю всё свое золото, серебро и пенязи и, умирая не указал им того места, где закопал всё свое сокровище. Итак, отче, просим тебя, – говорили они, – помолись Богу, да укажет Он это сокровенное место, и тогда между нами прекратятся повседневные ссоры. Ибо мы, будучи братьями, друг про друга думаем, что один из нас украл отцовское наследие и утаил себе. Итак, сделай, чтобы по молитвам твоим и вражда бы

между нами утолилась, и нищета наша от найденного сокровища прекратилась.

Преподобный же отказывался и отсылал братьев от себя, говоря, что его молитва не может о том умолить Господа. Но те, часто приходя, просьбами своими докучали ему и наконец преклонили его на милость.

Святой, помолившись о них ко всевидцу Богу и в откровении узнав то место, где отец этих двух братьев сокрыл свое сокровище, указал им его. Тогда они, отправившись туда, стали рыть на том месте землю и скоро нашли золото и серебро своего отца и прославляли сие чудо по всем окрестным селениям. Ненавистник же добра – диавол, хотя и всегда был побеждаем сим храбрым воином Христовым, однако снова задумал воздвигнуть против него брань. Желая нанести ему оскорбление и зло, он своими кознями устроил следующее.

По его наущению из одного ближнего селения пришли к святому три женщины; с плачем и рыданием припав к ногам его, они стали исповедовать свои тяжкие грехи и просить, дабы он своим добрым советом и молитвою исцелил их души. Святой Лука, желая всячески избегнуть их докуки и устраниться от них, отослал их к иереям, так как сам не имел сего чина, но был лишь простым непосвященным монахом, однако женщины эти не послушались святого, и он услышал здесь от них исповедание самых ужасных женских грехов.

Когда эти грешницы ушли, враг людей, стреляющий в правых сердцем (Пс.10:2), снова напал на святого сквернымы помышлениями и в умерщвленных членах его возбудил греховную брань. Тогда святой Лука, уразумев коварство диавола, вооружился на него оружием молитвы. Три дня простояв на одном месте и всё время молясь Богу, он победил эту козню диавола, дождём слёз угасил пламень сей ужасный похоти и, таким образом, с помощью Божиею, стёр главу адского змия.

После трехдневной молитвы, когда тело святого уже совершенно изнемогло, он немного уснул; в это время в видении предстал ему Ангел во образе прекрасного юноши; в руке он держал удочку, которую и стал ввергать ему в уста и

гортань; и казалось, что блаженный Лука проглотил ее всю, и она дошла до самых его внутренностей; потом явившийся юноша исторгнул из него удочку и на ней извлек некую часть его тела, мясистую и кровавую и, выбросив ее, сказал ему:

– Дерзай и не бойся.

Тотчас воспрянув от сна, святой уразумел, что Господь избавил его от плотской греховной страсти и возблагодарил Спаса и Избавителя своего.

Преподобный Лука, при чистоте своей жизни, обладал и даром прозорливости и предсказывал будущее: он, например, заранее возвестил о нашествии болгарских войск на греческую землю, что и сбылось в свое время, как об этом будет сказано ниже.

Святой подвижник провидел и тайны сердца человеческого. У преподобного была сестра, по имени Гали; она была ему сестрою не только по плоти, но и по духу: во всем подражая брату своему, она проводила жизнь свою в девстве, целомудрии и иноческих подвигах. Иногда, вместе с послушницами, она приходила из своего монастыря к брату и здесь прислуживала ему, если в чем нужно было, – иногда же возделывала сад его, насаждая и очищая деревья.

Один раз преподобный сказал ей и вместе бывшим с ней:

– К нам идет человек, неся на плечах своих большую тяжесть, и потому сильно обременен.

Сказав это, он оставил пришедших к нему жён и сам пошел в свою гору. Они же, не поняв сказанного им и удивляясь, размышляли, что означают те слова, которые сказал преподобный: кто это обременённый и чем обременен? И вот, чрез некоторое время, пришел сюда некий человек, который не только не имел никакого бремени, но даже и ничего не нес, и стал спрашивать о преподобном: «Мне нужно его видеть по некоему делу», – говорил он. Сестра святого отвечала этому человеку:

– Его здесь нет, он ушел на время в пустыню, а если хочешь его видеть, то подожди, пока он придет.

Пришедший человек сказал:

– Не уйду, пока не увижу его, – и, в ожидании святого, просидел близ его кельи семь дней. По прошествии же семи дней преподобный пришел из своей пустыни, и, заметив этого человека, взглянул на него без обычной своей кротости и даже гневно, и грозным голосом сказал ему:

– Зачем ты пришел в сию пустыню? Зачем, оставив города, ты удалился в горы? Зачем, презрев пастыря и церковных священников, ты пришел к нам, некнижным простецам? И как ты дерзнул предстать пред наши очи, не боясь мести Божией, будучи виновен в безмерных беззакониях?

Устрашенный такими словами святого, пришедший человек заплакал и от страха не мог проговорить ни одного слова. Тогда святой Лука снова обратился к нему:

– Что же ты молчишь? – спросил он. – Что же ты не исповедуешь дел своих и не говоришь об убийстве, которое ты совершил, – дабы, раскаиваясь во всех своих беззакониях, хотя мало умилостивить Бога?

Тогда человек тот, едва имея возможность от плача и рыдания говорить, сказал святому:

– О человек Божий! Чего же еще более желаешь, чтобы я тебе рассказал? Просвещенный живущею в тебе благодатью Божией, ты сам, прежде моего исповедания, сказал о моем тяжком грехе. Как я вижу, тебе всё известно, что я делал тайно. Однако, если ты приказываешь, я во всеуслышание расскажу о беззаконии своем.

И начал человек тот подробно рассказывать перед всеми, как, где и из-за чего убил в пути друга своего, исповедуя грех сей с рыданием и смирением; потом, припав к ногам святого Луки, он стал молить святого, дабы не оставлял его увязшим в диавольских сетях. Святой же, много поучив человека того и наставив его на путь спасения, отослал его к священникам.

Всё это рассказано, чтобы показать прозорливость святого Луки, как он провидел даже тайные человеческие согрешения.

Да будет позволено сказать и о другом подобном случае.

Один корабельщик, по имени Димитрий, часто приплывая на своем корабле к пристани, которая находилась недалеко от кельи святого, хорошо с ним познакомился, и когда приходил к

нему, то сподоблялся его святых молитв и наслаждался его беседами.

Однажды, пристав к берегу и собираясь идти к преподобному, он задумал явиться к нему не с пустыми руками, но принести ему что-либо от своего улова; он часто у той пристани ловил рыбу, но на этот раз, закидывая вместе со своими матросами в море удочки, он ничего не выудил и весь день трудился понапрасну. Но, уже поздно вечером, он, вспомнив о преподобном Луке, закинул удочку во имя его и ему попалась такая большая рыба, что он едва извлек ее из воды; потом он второй раз во имя святого закинул удочку, и поймал другую рыбу, подобную первой, но только немного поменьше первой. Отправившись к преподобному, он взял с собою меньшую рыбу, а большую оставил себе. Святой Лука, будучи прозорливцем, узнал о всём происшедшем, однако гостя своего и принесенный им дар он принял любезно. Но, беседуя с ним, он между прочим напомнил ему, как Анания согрешил перед Богом, утаив от взятой за село цены, и как об этом узнал святой Апостол Петр (Деян.5:1–5). Выслушав это, Димитрий понял, что эти слова святого касаются и его, так как он утаил большую рыбу; исполнившись ужаса пред прозорливостью блаженного отца и устыдившись обличения своего греха, он припал к ногам его и, исповедуя свой грех и каясь, просил у него прощения. Святой Лука, наставив его кротко, простил ему, принесенную же рыбу приказал ученику своему сварить и отдать приходившим к нему братиям, так как сам он рыбы не вкушал. И много раз он, предвидя, что к нему скоро должны прийти братия, предсказывал то ученику своему и приказывал ему приготовить для них пищу и хлеб.

Спустя семь лет после пребывания святого Луки в своей горе начались нашествия на греческую страну болгарских войск, о чем еще прежде предвозвестил преподобный. Жители бежали, кто в города и крепости, кто на Евбейский остров и Пелопоннес[1253]; тогда и преподобный Лука, оставив свою гору, сел на корабль и отправился в Коринф[1254]. Там, услышав о некоем столпнике, подвизавшемся в Патрах[1255], он отправился к нему и пробыл у него десять лет, служа ему с полным

повиновением и усердием, как сын отцу своему. Об этом столпнике один пресвитер стал отзываться плохо и, соблазняя слышавших, хулил и поносил праведного мужа. Преподобный Лука, услышав хульные слова, поносившие его отца, оставил свойственную ему кротость и, вопреки пресвитеру, стал восхвалять подвижника и, обличая лживые слова того пресвитера, твёрдо стоял за невинность своего наставника. Пресвитер же, человек жестокий, ударил святого Луку по щеке, – и тотчас же постигла его казнь Божия: беснуясь, он упал на землю и так оставался до самой своей кончины, будучи предан сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен (1Кор.5:5).

По прошествии десяти лет преподобный Лука снова возвратился в свое отечество, в Елладу, и поселился на месте своего первого пребывания в горе Иоанновой.

Однажды случилось мимо горы святого проходить епископу коринфскому, который шел в Царьград и теперь остановился отдохнуть возле самой кельи преподобного; святой Лука, узнав об этом, пошел поклониться ему и принес с собою дары от своих трудов – древесные плоды и огородные коренья, и зелень. Епископ, любезно приняв его, отправился посмотреть его келью и, увидев его пустынное и безмолвное житие, сад и труды его, удивлялся и получил от того большое назидание. Он задумал подать пустыннику милостыню и приказал, чтобы каждый из пришедших с ним дал по несколько монет, сам же дал от себя золота, и так собрано было много денег, которые и хотел отдать ему; но святой Лука не хотел принять их.

– Владыка святой, – сказал он, – я ищу и прошу не золота, но твоих святых молитв и поучения; и зачем мне золото, когда я избрал нищету и сию убогую жизнь? Итак, дай мне то, чего я прошу и желаю: научи меня, простеца, как спастись?

Опечаленный епископ, думая, что святой Лука отвергает и презирает не милостыню, а его самого, сказал преподобному:

– Зачем ты отвергаешь наше даяние, а вместе с тем и нас самих? Ведь и я верный христианин, хотя и грешный; епископ, хотя и недостойный. И зачем ты, подражая во всем Христу, не подражаешь Ему в этом: ведь и Он принимал милостыню, подаваемую благочестивыми людьми; итак, если ты не

нуждаешься в золоте, то всё-таки прими его и раздай нуждающимся. Если ты благодеяние считаешь вещью ненужною, то отнимаешь у нищих потребное для них и не признаешь спасения людей подающих милостыню: ибо нищий, не принимая милостыни, откуда приобретет всё для него необходимое, мы же, не подавая милостыни, как спасемся?

Убежденный сими словами епископа, преподобный принял милостыню, но не всё золото, а лишь одну монету, и епископ, преподав ему свое благословение, отправился в путь.

У святого Луки был обычай в неделю Цветоносную рано утром восходить на верх горы и, неся в руках крест, воспевать: «Господи, помилуй». Когда однажды он так, по своему обычаю, восходил на гору, из норы выползла ехидна и, по наущению бесовскому, ужалила большой палец его ноги и повисла на нем. Святой, наклонившись, взял ехидну и, отбросив ее от ноги, сказал ей:

– Ни ты мне не вреди, ни я тебе не буду вредить, но пойдем каждый своей дорогой: ведь мы создание Единого Создателя и ничего не можем делать без желания и повеления нашего Создателя.

И ехидна поползла в свою пещеру, а святой пошел своим путем в гору, оставшись совершенно невредимым от уязвления ехидны.

Один придворный, заведовавший царскими сокровищами, послан был как-то царем в Африканскую страну; когда он был в Коринфе, везя с собою множество царского золота, у него совершена была покража, и всё царское золото погибло. При розыске похищенного многие были мучимы и казнимы, но золота не нашли, и царский сановник был в великой печали. Знатные из граждан, пришедши, утешали его, но не могли утешить: отчаявшись найти золото, он не думал остаться и живым, ибо боялся царского гнева. Тогда один из бывших там, став посреди, сказал:

– Никто не может указать, где находится украденное, кроме Луки монаха, через которого Бог творит многие чудеса.

Услышав это, остальные сказали: «Воистину так» – и стали все говорить о нем, восхваляя его добродетельную жизнь и

Божию в нем благодать. Сановник же царский, услышав это, послал к святому с таким молением:

– Подражай Тому, Кто ради спасения рода человеческого не отрекся сойти с небес, и приди на малое время в город наш посетить одержимых великою печалью.

Святой Лука сначала не хотел идти, избегая тщеславия и почести людской, но потом, ради многих страждущих из-за украденного золота, пошел; в городе он был встречен с почестью царским сановником и гражданами, и прежде всего приказал приготовить трапезу:

– Воздадим прежде всего должное чреву, – сказал он сановнику, – и возвеселимся во славу Божию: Напоивший нас вином умиления, Тот силен растворить нам человеколюбиво и чашу радости.

Когда они сидели и обедали, – больше же насыщали свои души добрым поучением святого, нежели тело пищею, – преподобный Лука, воззрев на одного из предстоявших и служивших им и назвав его по имени, подозвал его к себе и сказал ему:

– Зачем ты едва не навел на себя смерть, а на господина своего столь великую беду, дерзнув украсть царское золото? Иди скорее и принеси сюда золото, которое ты скрыл в земле, если хочешь сподобиться милосердия и прощения.

Услышав это, слуга весьма убоялся и стоял молча, весь трепеща: тот, кого обличала и самая совесть, не мог теперь проговорить ни одного слова; потом упав на землю и обняв ноги святого, он рассказал всю истину, со слезами прося прощения, что и получил. Святой хотел не только изобличить его греховную язву, но и исцелить ее. И тотчас же вор тот, выйдя, скоро вернулся, неся украденное золото всё целым, и положил его пред глазами всех; и была великая радость как для царского сановника, так и для всех бывших с ним, и все опасавшиеся за золото успокоились. А диавол, внушивший эту кражу, был пристыжен, что тать прощен, и уста всех прославляли Господа Иисуса. Святой же, нисколько не присвояя себе прославления от всех окружавших его, но приписывая всю славу сего чуда одному Богу, возвратился домой.

Спустя некоторое время, преподобный Лука пошел в один монастырь, находившийся в городе Фивах[1256], – посетить там игумена Антония: у него был такой обычай – приходить к богодухновенным мужам и вести с ними душеспасительные беседы. В то время, как он был у игумена Антония, случилось, что сын одного из знатных граждан смертельно заболел. Гражданин этот, услышав о том, что святой Лука пришел в их монастырь, тотчас же отправился туда и, припав к ногам, с плачем стал умолять его прийти к нему в дом и посетить болящего и теперь уже умиравшего отрока: он веровал, что после посещения угодника Божия сын его станет здоровым. Святой со смирением стал отказываться, говоря:

– Что я? И что великого вы во мне видите, что такого обо мне мнения? Один есть Врач душ и телес, Который может избавить нас от смерти, – это создавший нас Бог; грешный и смертный человек ничего не может такого сделать.

И ушел гражданин тот в скорби, рыдая и отчаиваясь в жизни сына. Вечером игумен, беседуя наедине с преподобным, сказал ему:

– Я думаю, честной отец, что ты нехорошо сделал, не посетив болящего и не утешив опечаленного отца; ведь так и нам придется услышать слово Христово: «болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мф.25:43).

На это святой Лука ответил:

– Исцелять болящих есть дело силы Божией, утешать же скорбных приличествует тем, кто имеет слово и премудрость на устах своих; я же и от первого далеко отстою, и второго совершенно лишен, будучи человеком простым и неученым; но если ты согласен и думаешь, что то угодно будет Богу, то иди первым и будь мне вождем, я же за тобой последую.

И тотчас же, уже поздно вечером, они оба отправились в город. Придя в дом того гражданина, они нашли отрока полумертвым и уже не разговаривающим, а всех домашних ожидающими его кончины. Отец болящего вместе со всеми бывшими в доме, припав к ногам святого, стал со слезами просить его, дабы он помолился об умиравшем сыне его, чтобы он возвращен был от врат смертных. Умоленный отцом

болящего и убежденный игуменом Антонием, преподобный, воздев руки, помолился о больном отроке и после молитвы тотчас же возвратился в монастырь, а лишь только воссияла утренняя заря, поспешно ушел в свою гору; так избегал он славы человеческой. С наступлением утра игумен Антоний послал слугу своего в город узнать, что делается с болящим отроком: успели ли что сделать молитвы преподобного Луки. И слуга этот, почти тотчас же вернувшись, рассказал игумену странную и чудесную вещь:

– Отрока, которой ночью был при смерти, – говорил слуга, – я встретил сидящим на коне и едущим мыться в баню.

Услышав это, игумен удивился и прославил Бога.

Многие, приходя к преподобному Луке по своим нуждам и нарушая дорогое для него безмолвие, докучали ему, и он задумал уйти в более пустынное место. Но он не сразу исполнил свое намерение, а сначала послал ученика своего Германа в Коринф, к некоему опытному и богодухновенному мужу Феофилакту, прося у него доброго совета: пребывать ли ему на одном месте, в горе Иоанновой, и терпеть докуку от приходящих, или же переселиться на другое, никому неизвестное место? Феофилакт послал ему ответ, данный некогда с неба святому Арсению Великому:

– Бегай людей, и спасешься.

Преподобный Лука с радостью принял сей совет и вместе с учеником своим ушел с Иоанновой горы и поселился близ моря, в некоем пустынном месте, называемом Калавие; пребывая здесь, он снискивал себе пищу трудами рук своих: святой копал землю, сеял пшеницу и, меля ее на жерновах, приготовлял себе хлеб.

Раз плыли мимо него моряки и пристали к берегу недалеко от кельи преподобного; войдя в нее, они никого там не нашли, так как святой Лука вместе с учеником своим куда-то ушел. Увидев хороший жерновный камень, они взяли его и унесли на корабль. Скоро пришел в келью преподобный и, увидев, что его камня нет, пошел к морякам, прося их возвратить ему камень. Но те заспорили и стали утверждать, что они его не брали. Тогда святой Лука сказал им:

– Если вы его не брали, то плывите в море, если же он у вас, то воздаст вам Господь, как Он захочет.

Сказав это, преподобный ушел, и тотчас же тот, который взял камень, упал мертвым. После этого все матросы исполнились великого страха и, придя, стали просить у святого прощения и возвратили камень. Угодник же Божий был весьма опечален нечаянною смертью матроса и плакал о нем много дней.

Спустя три года после пребывания преподобного на этом месте на Греческую страну произошло нашествие арабов, и святой переселился на один пустынный и лишенный водяных источников остров, называемый Ампиль; на нем он довольно продолжительное время претерпевал и голод и жажду, а оттуда он переселился уже на плодородное место, называемое Сотирие. Изгнав из этой страны беса, который хотел его устрашить привидениями, он пребывал здесь до самой своей блаженный кончины; сюда собрались к нему братия, и основался небольшой монастырь. Претор той страны, по имени Кринет, питавший любовь к преподобному, создал в монастыре его церковь во имя святой великомученицы Варвары; и пребывал святой в этом монастыре в посте и молитве, непрестанно работая Богу и служа спасению людей: ибо своими поучениями и житием он приносил духовную пользу душам братии своей, а молитвою своею врачевал телесные болезни. Инока Григория, всегда почти страдавшего от боли желудка, исцелил он одним словом. Исцелил также некую знатную женщину, жившую в Фивах; она была одержима лютым и продолжительным недугом и уже отчаялась в помощи от врачей; он послал к ней ученика своего Панкратия, который, пришедши, помазал ее святым елеем, и женщина та внезапно исцелела. Вообще преподобный от всех болезней подавал скорое исцеление, а многим предсказывал даже будущее. Прожив на месте том семь лет, святой Лука приблизился к кончине своей.

Пред кончиною его произошло следующее. У преподобного был между другими один ученик, по имени Феодосий, у которого был родной брат – мирянин Филипп. Раз он задумал прийти в

монастырь преподобного, отчасти посетить брата, а отчасти видеть святого Луку, о котором слышал много славного. Преподобный же, предувидев приход его, сказал Феодосию:

– Приготовь, брат, всё нужное к доброй трапезе; к нам на вечерю идет брат твой.

Феодосий, объятый удивлением и радостью, со тщанием приготовил снеди и, часто выходя за ворота, смотрел на дорогу и с нетерпением ожидал пришествия брата. Вечером пришел Филипп и принес с собою много всего, необходимого для трапезы. Он был с любовью принят святым, а вечером все вместе стали вечерять, вкушая всё поставленное, во славу Божию. На этой трапезе преподобный пил и ел более, нежели обыкновенно, – и это он делал ради Филиппова угощения. После вечери и обычных на сон молитв, Филипп лег почивать; но на ложе своем он соблазнился о святом угоднике Божием Луке: он подумал: «Сей старец – лицемер; он много пьет и ест, и только напускает на себя постничество и святость». После этого, уснув, Филипп увидел во сне двух пресветлых юношей, которые смотрели на него гневными очами; лица их были яростны, и говорили они жестокие слова:

– Зачем ты так нечестиво думаешь о преподобном? И зачем осуждаешь человека неповинного и святого? Возведи очи твои, которые видят одно только земное, и посмотри, сколь великой чести сподобился тот, который по твоему мнению есть лицемер и обольститель.

Филипп, воззрев, увидел некое преславное место, всё устланное порфирою, а на месте том стоящим преподобного Луку: он сиял Божественною славою, как солнце. Воспрянув от сна, Филипп ужаснулся и рассказал обо всем этом своему брату Феодосию и другим инокам, а потом с покаянием исповедал свой грех и самому преподобному Луке; испросив у него прощение, он ушел с великою духовною пользою для себя.

Предвидя свое скорое отшествие к Богу, святой Лука отправился посетить всех находившихся в пустыне той отцов и всех их целовал последним целованием.

– Молите обо мне, братия, – говорил он им, – молите Владыку Христа, неизвестно, увидимся ли мы после или нет.

Так обойдя всех, он потом затворился в своей келье и в продолжение трех месяцев готовился к кончине своей. Наконец, за восемь дней до смерти, святой Лука заболел; когда он был уже совершенно больным и лежал на земле, пресвитер Григорий спросил его:

– Что ты завещаешь о своем погребении? И где велишь положить свое тело?

На это святой ответил:

– Связав ноги мои цепью, бросьте меня в лесную дебрь, дабы я, уже ни для кого непотребный, пригодился хотя зверям на съедение.

Тогда пресвитер стал умолять святого, чтобы он иначе распорядился о теле своем и чтобы указал место для своего погребения. Спустя некоторое время преподобный сказал:

– Погреби меня на том самом месте, на котором я лежу: Господь хочет прославить его во славу имени Своего святого.

Сказав это, святой, уже при заходе солнца, возвел очи свои горе и сказал:

– В руце Твои, Господи, предаю дух мой!

И уснул сном временной смерти; это было в седьмой день месяца февраля; душа же его святая отошла к Богу, на жизнь бессмертную.

Когда настало утро, собрались в сию святую обитель из окрестных местностей все иноки и мирские люди, и было великое стечение народа; все плакали о лишении столь великого светильника миру. Погребли угодника Божия с честью на том самом месте, на котором он повелел, – в келье, в коей он подвизался.

Спустя шесть месяцев некоему иноку, Косме евнуху, шедшему из Пафлогонской страны[1257] в Италию, было Божие видение; в этом видении ему повелено было, чтобы он шел на то место, где почивает преподобный Лука, и чтобы он неотлучно пребывал при гробе его. Придя на это место и поселившись там, инок Косма изъял из земли ковчег с нетленными мощами преподобного и, поставив его на верх гробницы, оградил сей святой ковчег досками и решеткою, а самую келью его обратил в церковь; и были великие чудеса от этих святых мощей: из них

истекало благовонное миро, и помазующиеся им получали исцеление: хромые исцелялись, слепые прозревали, прокаженные очищались и бесы из людей изгонялись, молитвами преподобного Луки, силою же Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцем и Святым Духом, вовеки, аминь.

Память святых мучеников тысячи и трех, в Никомидии пострадавших

Память 7 февраля

В царствование нечестивого и лютого царя Диоклетиана на Церковь Христову было воздвигнуто большое гонение: в это время христиан за имя Христово всюду сажали в темницы и умерщвляли. Между ними пострадали и рабы Христовы, епископ Феопемпт и Феона, бывший волхв, и четыре царских сановника: Васс, Евсевий, Евтихий и Василид, страже которых был вверен святой мученик Петр, постельник Диоклетиана; и жены тех сановников, которые, приняв святую веру, пребывали непоколебимы в исповедании Христовом и положили за Господа души свои. После смерти этих мучеников домашние их, все слуги, рабы и свободные, поразмыслив между собою, единодушно сказали:

– Вот господа наши, владевшие нами в мире сем, ради святой веры во Христа презрев сие временное житие, обрели себе Царство Небесное и за презрение земного ныне наслаждаются небесными благами: почему же и нам не последовать господам нашим? Приступим к царю Диоклетиану и скажем ему: мы – христиане и желаем вместе с нашими господами, обладавшими нами в жизни сей, получить в будущей жизни венец нетленный.

Заключив между собою такое решение и все на него с охотою согласившись, они сочли, сколько их числом вместе с женами и детьми, и оказалось их тысяча три человека.

Отправившись все, они встали пред судилищем нечестивого мучителя Диоклетиана и единодушно стали взывать:

– И мы – христиане и последуем отцам и господам нашим, за Христа излиявшим кровь свою: бесам же не повинуемся, идолам слепым, глухим, немым и бездушным не поклоняемся!

Царь, видя, что их так много, исполнился великого гнева; однако, притворившись сначала кротким, он стал прельщать их ласковыми словами. Он сказал им:

– Зачем вы поступаете так неразумно и сами себя добровольно подвергаете такой пагубе? Лучше послушайтесь меня, как отца, желающего вам только добра, и принесите жертву богам; этим вы избежите того безумия, коим прельстились Евсевий и друзья его, за что и скончались такою лютою смертью. Вы же, если послушаете меня и принесете жертву бессмертным богам, удостоитесь от меня великой чести и даров и, милостью нашею, будете весьма обогащены.

Святые отвечали мучителю:

– Мы ни даров твоих не просим, ни угрозы твоей не боимся, но стараемся принести жертву хвалы Богу Живому и Истинному; ты же, что хочешь делать, делай с нами скорее: для нас ничего нет дороже Христа.

Диоклетиан, выслушав такие слова святых мучеников, испугался, как бы они не подняли какой-либо смуты в народе, так как видел, с каким великим дерзновением они защищали свою веру во Христа; мановением руки он дал приказание, чтобы воины с обнаженным оружием обступили всё это христианское собрание; среди него было много и малых детей, которых матери держали на руках: из них одним было по одному году, другим же по два или по три месяца.

Когда вооруженное воинство обступило христиан кругом, царь сказал им:

– Итак, послушайтесь теперь моего совета и объявите, что соглашаетесь принести жертву богам и поклониться им, дабы вам возвратиться в свои дома целыми и невредимыми; пощадите себя и младенцев ваших, как я вас щажу, чтобы не погибнуть из-за безумия и вам, и детям вашим; ведь если вы меня не послушаете, то и Христос ваш ни в чем вам не поможет.

На это святые ему ответили:

– Мы научились поклоняться Единому живущему на небесах Богу и Единородному Сыну Его и Слову, Господу нашему Иисусу Христу, через Которого всё произошло, и Святому Его Духу; поэтому не прельщай нас никакими обещаниями твоей суетной милости: ты нас не убедишь ни благами твоими, ни угрозами не устрашишь, чтобы мы отпали от

веры во Христа Господа нашего и поклонились бездушным идолам, почитаемым тобою: ничто нам не может быть дороже и желательнее Христа, живущего во веки веков.

Тогда Диоклетиан, разъярившись, отдал опять приказание воинам, чтобы они сейчас же засекли их всех. И они как какие-нибудь лютые звери напали на христиан со всех сторон и засекли святых Христовых мучеников; они никого не пощадили, даже и детей, сосущих материнские сосцы, и не осталось в живых от тысячи трех никого[1258].

Так святые Христовы мученики совершили в истинном исповедании Христа свой страдальческий подвиг, в месяц, называемой египтянами Мехир, 13 дня, по нашему же 7 февраля, в Никомидии, митрополии Вифинийской области[1259], в царствование Диоклетиана; – над нами же тогда царствовал как ныне и вовеки царствует и будет царствовать Иисус Христос, Истинный Бог и Спас наш, Которому да будет слава и хвала с Богом Отцом и со Святым, Благим и Животворящим Духом, во веки веков, аминь.

Страдание святого великомученика Феодора Стратилата

Память 8 февраля

Нечестивый царь Ликиний[1260], приняв скипетр после нечестивого Максимиана и подражая ему во всем, тотчас же воздвиг великое гонение на тех, которые отличались благочестием; указ об этом нечестивом повелении он разослал по всем городам и странам. В это время было убито множество храбрых воинов Христовых: Ликиний умертвил сорок мучеников Севастийских, также славных воинов и князей палаты своей и наконец убил триста мужей из Македонии.

Когда же нечестивый Ликиний увидел, что почти все христиане, презирая его повеление, предают себя за святую веру на смерть, тогда он приказал отыскивать только знаменитейших и благороднейших из них, т. е. только тех, кто находился в его войске или жил в городах, и только их повелел (не обращая при этом внимания на множество простого народа) принуждать к идолопоклонению; он надеялся страхом убедить всех находившихся под его властью оставаться верными идолопоклонству.

В то время, как повсюду с великим тщанием стали искать знаменитейших из христиан, Ликиний, находившийся тогда в Никомидии, узнал, что в Гераклее[1261], близ Черного моря, живет некий святой муж, по имени Феодор Стратилат, что он христианин и многих обращает ко Христу.

Святой Феодор был родом из Евхаит[1262], находившихся недалеко от города Гераклей; он был человеком храбрым и мужественным, по наружности – весьма красивым; кроме того он отличался своею мудростью и большим красноречием, так что его называли «вриоритором», т. е. – искуснейшим витиею[1263]. По царскому повелению он был поставлен стратилатом, т. е. воеводою, и под его управление был отдан город Гераклея; этим он был награжден за свою храбрость, которая всем стала известна после того как он убил змия в Евхаитах.

Недалеко от города Евхаит, на север от него, было пустынное поле, а в нем большая пропасть, внутри которой жил громадный змий. Когда он выходил из этой пропасти, земля на том месте тряслась; вышедши же, он пожирал всё, что только ему ни попадалось, и человека, и зверя.

Услышав об этом, храбрый воин Христов, святой Феодор, находившийся тогда еще среди войска, никому ничего не говоря о своем намерении, вышел один на того лютого змея.

Он взял с собою только обычное свое оружие, на груди же своей имел многоценный крест. Он сказал сам себе:

– Пойду и избавлю отечество мое силою Христовою от этого лютого змия.

Когда он пришел на то поле, то увидел высокую траву, сошел с коня и лег отдохнуть. В стране же этой жила некая благочестивая жена, по имени Евсевия. Это была женщина летами престарелая; за несколько лет перед этим, она, испросив честное тело святого Феодора Тирона, пострадавшего в царствование Максимиана и Максимина, погребла его с ароматами в дому своем в Евхаитах и каждый год праздновала память его. Женщина эта, увидев сего второго Феодора, воина Христова, именуемого стратилатом, спящим на этом поле, с великою боязнью подошла к нему, и, взяв его за руку, разбудила его, говоря:

– Встань, брат, и поскорее отойди от этого места: ведь ты не знаешь, что на этом месте многие претерпевали лютую смерть; итак, встав скорее, иди в путь свой.

Честной же мученик Христов Феодор, встав, сказал ей:

– Про какой же страх и ужас ты говоришь, матерь?

Раба Божия Евсевия ответила ему:

– Чадо, на месте этом завёлся громадный змий, и потому сюда никому нельзя прийти: каждый день змий этот, выходя из логовища своего, кого-нибудь да находит, – человека или зверя, и тотчас же умерщвляет его и пожирает.

Мужественный воин Христов Феодор сказал на это:

– Отойди и встань подальше от места сего, и ты узришь силу Христа моего.

Женщина, отойдя от этого места, поверглась на землю, плача и произнося:

– Боже христиан, помоги ему в час сей!

Тогда святой мученик Феодор, сотворив крестное знамение, ударил себя в перси и, воззрев на небо, стал так молиться:

– Господи Иисусе Христе, воссиявший от Отчего Существа, помогавший мне в битвах и дававший победу на сопротивных, – Ты и ныне Тот же есть, Господи Христе Боже: итак, пошли мне одоление с высоты Твоей святой, да поборю я врага этого – змия.

Потом, беседуя со своим конём как бы с человеком, он сказал:

– Мы знаем, что Божия власть и сила существуют во всех, и в людях, и в скоте, итак, помогай мне, при помощи Христа, – да одолею я врага.

Конь, выслушав слова господина своего, остановился, ожидая появления змия. Тогда мученик Христов, приблизившись к пропасти, воззвал громогласно к змию:

– Тебе говорю и повелеваю именем Господа нашего Иисуса Христа, распявшегося добровольно за род человеческий, выйди из логовища своего и приползи ко мне.

Змий, услышав голос святого, зашевелился, и тотчас земля на том месте потряслась. Святой же Феодор, назнаменовав себя крестным знамением, сел на коня, который, терзая и попирая вышедшего змия, встал на него всеми четырьмя копытами.

Тогда воин Христов Феодор поразил змия мечом и, убив его, произнес:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты услышал меня в час сей и даровал мне победу над змием!

После этого он благополучно возвратился к полку своему, радуясь и славя Бога. Граждане Евхаит и окрестные жители, услышав об этом, вышли на то поле и, увидев змия убитым святым Феодором, удивлялись и взывали:

– Велик Бог Феодоров!

Тогда уверовало во Христа множество из народа, и особенно воины, и все они, крестившись, стали единым стадом

Христовым, прославляя Отца и Сына и Святого Духа.

После этого святой Феодор, проживая в Гераклее, проповедовал Христа, истинного Бога, и многие из язычников обращались ко Христу. Каждый день граждане собирались для крещения, и уже почти вся Гераклея приняла святую веру.

Услышав обо всем этом, нечестивый царь Ликиний весьма огорчился и послал из Никомидии, где он тогда сам пребывал, в Гераклею сановников с телохранителями своими, дабы они, взяв Феодора Стратилата, привели его к нему с честью.

Когда они пришли в Гераклею, святой Феодор принял их с почетом: он угостил их и каждому дал по подарку, как слугам царя. Потом они стали звать святого к Ликинию:

– Иди, – говорили они, – в Никомидию, к царю, который тебя так любит; ибо он, услышав о твоей храбрости, о красоте и премудрости твоей, весьма желает видеть тебя, намереваясь почтить твою доблесть достойною почестью и дарами.

Святой Феодор отвечал им:

– Да будет воля царская и ваша, только веселитесь и радуйтесь сегодня, а завтра мы исполним то, что нужно будет исполнить.

Прошло уже три дня, а между тем несмотря на убеждения посланных, чтобы святой Феодор шёл с ними к царю, он оставался в своем городе. Потом, оставив некоторых из присланных мужей царских у себя, святой Феодор отослал остальных к царю с письмом, в котором говорил, что ему нельзя оставить город свой в то время, когда в народе такое большое смятение: ибо «многие, – писал он, – оставив отечественных богов, поклоняются Христу, и почти весь город, отвратившись от богов, славит Христа, и грозит опасность, что Гераклея отступит от твоего царства»; «поэтому, – продолжал он, – потрудись, царь, и приди сюда сам, взяв с собою изваяния более славных богов, – сделай это по двум причинам:

1) чтобы усмирить мятежный народ и

2) чтобы восстановить древнее благочестие; ибо когда ты сам с нами пред всем народом принесешь им жертвы, то народ, увидев нас поклоняющимися великим богам, станет подражать нам и утвердится в отечественной вере».

Такое послание святой Феодор написал к царю Ликинию, возбуждая его этим прийти в Гераклею: святой хотел пострадать в своем городе, дабы освятить его своею, пролитою за Христа, кровью и своим страдальческим и мужественным подвигом утвердить других в святой вере.

Царь Ликиний принял это письмо Стратилата и, прочтя его, обрадовался.

Нимало не медля, он, взяв с собою около восьми тысяч воинов и самых знатных из никомидийских граждан, с радостью отправился со своими князьями и сановниками в Гераклею; захватил он с собою и идолов более чтимых народом богов, – и золотых, и серебряных.

В ту же ночь, когда святой Феодор, по обычаю, молился, было ему такое видение: ему казалось, что он находится в храме, крыша которого разверзлась, и оттуда сиял небесный свет, как от какого-либо великого светила, и освещал главу его; и вот послышался голос:

– Дерзай, Феодор, Я с тобою!

После этого видение прекратилось.

Тогда святой Феодор понял, что настало время его страданий за Христа и радовался, пламенея духом. Услышав, что царь приближается к городу, он вошел в молитвенную комнату свою и так с плачем молился:

– Господи, Боже Всесильный, не оставляющий всех уповающих на милость Твою, но защищающий их, будь милостив и ко мне, и соблюди меня Твоим заступлением от вражеского обольщения, – да не паду я пред врагами моими и да не порадуется о мне враг мой; предстань мне, Спасителю мой, во время предстоящего мне подвига, который я так желаю понести за имя Твое святое; укрепи и утверди меня и подай мне силу мужественно, до крови, постоять за Тебя и положить душу мою ради любви к Тебе, как и Ты, возлюбив нас, положил на кресте душу Свою за нас.

Так со слезами помолившись, святой Феодор умыл лицо свое. Потом, одевшись в светлые одежды, он сел на коня своего, на котором некогда убил змия в Евхаитах, и вместе с воинством своим и гражданами вышел навстречу к царю; как и

подобало, он поклонился ему и, приветствуя его с почтением, произнес:

– Радуйся, Божественнейший царь, самодержец могущественнейший!

Царь тоже очень любезно встретил святого Феодора; он облобызал его и сказал:

– Радуйся и ты, прекраснейший юноша, храбрый воин, славный воевода и как солнце пресветлый, – премудрейший хранитель отеческих законов и диадимы достойный! Тебе подобает после меня быть царем.

Так любезно и весело беседуя, они, под звуки тимпанов и труб, вошли в город и оба в радости легли отдохнуть в тот день.

Утром, когда на высоком помосте на площади посреди города был приготовлен царский престол, пришел царь Ликиний со всею своею свитою и с Феодором Стратилатом и, воссев на престол, начал хвалить город, его граждан и святого Стратилата, говоря:

– Поистине, место сие достойно называться престолом Божиим: его должно почитать другим небом для людей; этот город и велик, и жителей в нем много, и притом они все благочестивы и привержены богам своим. Поистине, ни в каком другом месте не почитаются так наши великие боги, как здесь; да и нет более приличного и удобного места для служения великим богам, как это; вот почему и Геракл, этот чудный и мужественнейший бог наш, сын великого бога Дия и богини Алкмены[1264], возлюбил это место и во имя свое наименовал его городом Гераклеею; и поистине, Феодор, оно достойно стать твоим владением: тебе подобает обладать этим чудным городом и только ты достоин управлять таким народом. Ведь ты чтишь наших богов, и вся твоя любовь направлена к ним; день и ночь ты ничем другим не занимаешься, как только заботишься о том, чтобы благоугодить древним еллинским богам. Поэтому ты и ныне покажи свою любовь к ним и принеси им жертву с поклонением, дабы и народ весь увидел твое усердие к богам и познал, что ты искренний друг великих богов и угоден царю.

Так говорил Ликиний, обольщая и лаская святого. Святой Феодор на это так ответил царю:

– Будь долголетен, царь. Да будет воля твоя, только дай мне сегодня на дом изображения великих еллинских богов, которые ты взял с собою, и золотые и серебряные, дабы я в эту ночь и в следующую за ней прежде всего почтил их у себя, и жертвами, и каждением, и ароматами; а потом, если повелишь, принесу им жертвы явно пред всем народом.

Царь, услышав это, очень обрадовался. Он тотчас же велел принести золотых и серебряных идолов. Святой Феодор, взяв их с собою, отправился домой и там, ночью, сокрушив и разбив их на малые части, раздал эти части нищим.

Спустя два дня царь послал к святому, повелевая, чтобы он исполнил обещанное и в тот же день пред всем народом принес жертвы богам. Феодор, обещав исполнить всё это, с поспешностью отправился к царю, и царь, вместе с ним, поехал на площадь, находившуюся среди города, и там, сев на престоле своем, сказал святому Феодору:

– Премудрейший Феодор, прекрасный воевода, почтенный бывшими прежде нас царями! Вот настал день жертвы и празднества. Итак, всенародно принеси жертвы богам, дабы все жители видели твое благоговение к ним и через это стали бы еще более старательными и усердными в своих жертвоприношениях.

В то время как царь говорил это, один из стоявших здесь сотников, по имени Максентий, сказал ему:

– Клянусь великими богами, царь, обманут ныне ты этим нечестивым Феодором. Ибо я вчера видел золотую голову богини Артемиды[1265] в руках одного нищего, который шёл и радовался. Я спросил: где ты ее нашел? А он мне сказал, что ее дал ему Феодор Стратилат.

Услышав это, царь Ликиний содрогнулся и, недоумевая, долгое время молчал.

Тогда святой Феодор сказал ему:

– Вот что для меня сила Христа: всё то, что Максентий сотник сказал тебе, царь, – всё это правда, и я хорошо поступил, разбив твоих идолов. Ибо, если они сами себе не могли помочь, будучи сокрушаемы, то как они могут подать помощь тебе?

Ликиний, выслушав такой ответ святого Феодора, оставался некоторое время безгласным, как бы человек немой и потерявший рассудок. Сидя в большой печали и облокотив голову свою на правую руку, скорбя и сетуя, он, наконец, произнес:

– Увы мне, увы мне! Как я поруган! И что я теперь скажу, что сделаю, – не знаю. Будучи могущественнейшим царем и собрав такое большое количество воинов, я пришел к этому несчастному человеку, и теперь осмеян всеми моими врагами, особенно за то, что сей окаянный сокрушил победоносных моих богов и раздал их нищим.

Потом, обратившись к святому, он сказал:

– Феодор, это ли твое воздаяние богам за принятые от них дары? Этого ли я ожидал, когда осыпал тебя столь великими почестями? И ради того ли я оставил Никомидию, придя ныне к тебе? О злой и порочный человек! Поистине, ты сын коварства и скверное жилище лукавства, лестью меня заставивший прийти сюда. Но, клянусь тебе силою моих великих богов, я не потерплю этого, и не добром кончится для тебя твоя хитрость.

Святой отвечал Ликинию:

– Безумный царь, что ты так разгневался? Посмотри сам и уразумей силу твоих богов. Если бы они были действительно боги, то почему же они сами себе не помогли? Почему они не разгневались на меня, когда я их разбивал, и не послали с неба огня, дабы сжечь меня? Но они суть бездушные и бессильные вещи, которые так же легко рассекаются рукою человека, как золото и серебро. Ты, царь, гневаешься и возмущаешься, а мне смешно твое безумие. Ты гневаешься и яришься, а я мужаюсь и не обращаю внимания на твою ярость. Ты печалишься, а я радуюсь погибели твоих богов. Ты упорствуешь Господу, а я благословляю Его. Ты хулишь Бога истинного, а я восхваляю Его в песнопениях. Ты поклоняешься мертвым богам, а я поклоняюсь Богу Живому. Ты служишь скверному Серапису[1266], а я служу пречистому и честнейшему Владыке моему Христу, восседающему на чистейших Серафимах. Ты почитаешь мерзкого Аполлона[1267], я же чту Бога живущего вовеки. Ты уголь Фракийский[1268], я же князь римский; – ты Ликиний – веятель, я

же Феодор – дар Божий[1269]. Итак, царь, не гневайся и не ярись; поступая так, ты только проявляешь свою внутреннюю муку и уподобишься ослу или какому-либо мулу.

Тогда Ликиний царь, еще более разгневавшись, велел распростереть крестообразно святого обнаженным и сильно бить сырыми воловьими жилами.

И били воины святого мученика без пощады, меняясь между собою, так что его били то по трое, то и по четверо воинов, и в это время святому Феодору дано было шестьсот ударов по спине и пятьсот по чреву.

Царь же Ликиний издевался над ним, говоря:

– Феодор, потерпи немного, пока ни придет к тебе Христос Бог твой, Который освободит тебя от рук мучителя.

Святой отвечал:

– Твори со мной, что хочешь, и не останавливайся: ибо ни скорбь, ни теснота, ни раны, ни меч, никакая-либо другая мука не разлучит меня от любви Христовой.

Тогда царь, воспылав еще большею яростью, сказал:

– Ты всё еще исповедуешь Христа?

И повелел снова без пощады бить святого мученика по спине оловянными прутьями, а потом строгать тело его железными когтями и опалять горящими свечами, раны же его растирать острыми черепками.

Святой, перенося всё это мужественно, ничего другого не говорил, как только: «слава Тебе, Боже мой!» После всех этих мук царь велел заключить святого Феодора в темницу, ноги его связать путами и не давать ему пищи в продолжение пяти дней. По прошествии пяти дней он приказал приготовить крест и распять на нем святого.

И вот, как некогда Христос Господь наш Пилатом, так теперь и святой Феодор был распят Ликинием на кресте, и руки и ноги его были пригвождены.

Но жестокие мучители старались еще более увеличить страдания и муки святого. Они вбили в него острый и длинный гвоздь и резали тело его бритвами; юноши же и отроки напрягали свои луки и стреляли в лицо его, так что зеницы очей его были проколоты стрелами.

«Я, – говорит описатель страданий его, – нотарий[1270] Уар, – видя все эти ужасные муки и как бы слыша его внутренние страдальческие стоны, бросил книгу, в которую все это вписывал, и, повергшись с плачем к стопам его, сказал:

– Благослови меня, господин мой, благослови меня! Скажи мне, рабу твоему, последнее слово!

Господин же мой, воин Христов Феодор, сказал мне тихим голосом:

– Уар, не оставляй службы своей и не переставай смотреть на мои страдания; опиши их, опиши и кончину мою и пометь день ее.

Потом, взывая ко Господу, святой сказал:

– Господи, Ты мне еще прежде сказал: Я с тобою. Почему же теперь Ты оставил меня? Смотри, Господи, как дикие звери из-за Тебя всего меня истерзали: зеницы очей моих пробиты, тело мое раздробляется от ран, лицо уязвляется, зубы сокрушаются; одни только нагие кости висят на кресте; помяни же меня, Господи, претерпевающего ради Тебя крест: из-за Тебя я перенес и железо, и огонь, и гвозди; ныне же приими дух мой, ибо я уже отхожу из сей жизни.

Действительно, все тело Феодора было истерзано.

Ликиний, думая, что мученик скончался, оставил его висящим на кресте. Но вот, в первую ночную стражу, Ангел Господень снял святого мученика с креста и сотворил его целым и здравым, каким он был и прежде; приветствуя его, Ангел сказал ему:

– Радуйся и укрепляйся благодатью Господа нашего Иисуса Христа, вот – Господь с тобою; зачем ты сказал, что Он оставил тебя? Итак, соверши до конца подвиг твой, и ты придешь ко Господу приять уготованный тебе венец бессмертия.

Сказав это святому мученику, Ангел стал невидим. После этого святой мученик Феодор, благодаря Бога, начал так воспевать: «Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царь [мой], и благословлять имя Твое во веки и веки» (Пс.144:1).

А нечестивый Ликиний, еще до рассвета, послал двух своих сотников, Антиоха и Патрикия, приказав им:

– Идите и принесите мне тело умершего в страданиях Феодора: я положу его в оловянный ящик и брошу в глубину морскую, чтобы как-нибудь не взяли его безумные христиане.

Когда они пошли и приблизились к месту, где был распят Феодор, они увидели крест, распятого же на нем мученика не было. И сказал Антиох Патрикию:

– Правду говорят галилеяне[1271], что их Христос восстал из мертвых. Он то, как я думаю, воскресил и раба Своего Феодора.

В это время Патрикий, подойдя поближе ко кресту, увидел святого Феодора сидящим на земле и восхваляющим Господа. Тогда Патрикий громко воскликнул:

– Велик Бог христиан, и нет другого бога, кроме Его!

После этого оба сотника, подойдя к святому, сказали:

– Умоляем тебя, мученик Христов, приими нас, ибо с сего часа и мы христиане.

И уверовали во Христа в тот день оба эти сотника и с ними семьдесят воинов.

Ликиний, узнав об этом, послал наместника своего Сикста и с ним триста воинов, чтобы он убил всех уверовавших во Христа.

Когда эти воины пришли и увидели, какие чудеса силою Христовою совершал святой Феодор, тотчас же уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. И стеклось на это место бесчисленное множество народа и все взывали:

– Един есть Бог, Бог христиан, и нет иного бога, кроме Него!

И еще:

– Кто такой мучитель Ликиний? Побьем его камнями! Для нас один Бог и царь – Христос, проповедуемый Феодором!

И поднялся в народе шум и мятеж, и даже началось кровопролитие.

Некий воин, по имени Леандр, с обнаженным мечом прибежал на это место и устремился на Феодора, желая его ударить мечом. Сикст же, царский наместник, удержав его, вырвал у него из рук меч и рассёк его. А другой воин, по имени Мирпос, родом угрин[1272], бросившись на наместника царского Сикста, убил его.

Святой Феодор, желая успокоить народный мятеж, громко сказал:

– Перестаньте, возлюбленные! Господь мой Иисус Христос, вися на Кресте, удерживал Ангелов, дабы они не сотворили отмщения роду человеческому.

После того как мученик Феодор поговорил так с народом, умоляя и увещевая народ, – шум и народное смятение прекратились.

В это время святой мученик шел мимо темницы, и за ним следовал весь народ и воины; сидевшие же в темницах узники взывали громко к святому:

– Помилуй нас, раб Бога Вышнего!

Святой словом своим освободил их от уз, отворил темничные двери и сказал им:

– Идите с миром, мужи, и вспоминайте обо мне.

И собрался весь город, и все отвергались от идолопоклонства и прославляли Христа – Единого Бога.

В это время недужные исцелялись, бесы же из людей изгонялись. Кого только ни прикасался святой рукою своею, или кто даже только прикасался к одежде его, тот тотчас же получал исцеление.

Тогда один из приближенных Ликиния, видя, что творится, пошел к нему и сказал:

– Весь город, оставив богов, по учению и волхвованию Феодора, уверовал во Христа.

Царь, исполнившись ярости, немедленно же послал воина обезглавить святого Феодора. Народ же, увидев этого воина, снова поднял шум и мятеж: восстав против Ликиния, они хотели убить его слугу. Тогда святой стал увещевать народ оставить это намерение. Он сказал:

– Братия и отцы! Не воздвигайте мятежа против Ликиния: ведь он слуга отца своего диавола, а мне теперь подобает отойти ко Господу моему Иисусу Христу.

Сказав это, он начал молиться Богу и после довольно продолжительный молитвы благословил народ.

Потом, ознаменовав себя крестным знамением, он сказал рабу своему Уару:

– Чадо мое, Уар, позаботься описать день моей кончины, а тело мое погреби в Евхаитах, в имении моих родителей; когда же и ты будешь приближаться к смерти, завещай похоронить себя по левую сторону меня.

Потом мученик Христов снова помолился и, наконец, произнеся слово: «аминь», преклонил под меч свою честную и святую главу и был усекнут.

Это совершилось в 8 день месяца февраля, в субботу, в третий час дня[1273].

По усечении весь народ оказал мученику великую почесть: взяв свечи и кадила, христиане положили тело его на нарочитом месте, а потом восьмого июня оно было с великим торжеством перенесено в Евхаиты, и совершались там бесчисленные чудеса, во славу Христа Бога, – Ему же со Отцом и Святым Духом, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Воинствословием истинным, страстотерпче, Небеснаго Царя воевода предобрый был еси, Феодоре: оружиями бо веры ополчился еси мудренно, и победил еси демонов полки, и победоносный явился еси страдалец. Темже тя верою присно ублажаем.

Кондак, глас 2:

Мужеством души в веру оболкийся, и глагол Божий аки копие в руку взем, врага победил еси, мучеников превелий Феодоре, с ними Христу Богу моляся не престай о всех нас.

Память святого пророка Захарии Серповидца

Память 8 февраля

Как радостный благовест раздался для иудеев, находившихся в плену вавилонском, указ персидского царя Кира об освобождении[1274]; и те из них, которые томились в неволе на чужбине, как «во тьме и тени смертной, окованные скорбью» (Пс.106:10), поспешили в землю отцов своих. Взяв с собою священные сосуды, захваченные Навуходоносором при разрушении Иерусалима (1Ездр.1:7–8), переселенцы, под предводительством князя Зоровавеля, происходившего из царского дома Давидова (1Ездр.1:8, 2:2; 1Пар.3:19, 9–17), возвратились на родину. В седьмой месяц по возвращении они возобновили из груды развалин жертвенник (1Ездр.3:1–6), а затем приступили к восстановлению разрушенного храма. Во второй месяц второго года была произведена по уставу Давида закладка нового храма, «и весь народ восклицал громогласно, славя Господа за то, что положено основание дома Господня» (1Ездр.3:11); многие же старцы, видевшие прежний храм, не могли удержаться от слёз, зная, что, при бедности возвратившихся, второй храм далеко не может быть так великолепен; они плакали громко, примешивая рыдания к восклицаниям радости (1Ездр.3:12–13). Но самая постройка храма, несмотря на щедрый приток пожертвований в первое время, шла чрезвычайно медленно. Страна была неспокойна; всюду рыскали разбойники, и невозможно было вести правильных посевов и уборки хлеба; тяжелое бремя правления персидских чиновников (Неем.9:36–37), частые засухи, голод (Агг.1:6, 10–11) истощили народ. К этому присоединилась вражда с самарянами[1275]. Имея свое святилище на горе Гаризим и считая Палестину уже своим владением, они крайне враждебно относились к евреям, особенно после того как последние отвергли их предложение об участии в постройке храма; разными наветами перед персидским правительством

самаряне добились остановки работ почти на пятнадцать лет[1276].

Эти препятствия ослабили благочестивую ревность иудеев к восстановлению народной святыни; для поднятия религиозного чувства избранного народа нужны были особенно сильные духом мужи; таких мужей Господь и воздвиг в лице Своих пророков Аггея и Захарии, о котором нам предстоит слово.

Святой пророк Захария[1277], серповидец[1278], происходил из колена Левиина; он был сын Варахии и внук Адды или Иддо[1279]; последний возвратился вместе с Зоровавелем из вавилонского плена и в книге Неемии называется главою священнической фамилии[1280]. Священное Писание не сохранило подробных и определенных сведений о жизни пророка Захарии; оно лишь изредка приподнимает завесу, чтобы сообщить то или иное отрывочное известие о жизни пророка Божия. Так, оно умалчивает о времени и месте рождения пророка Захарии, начиная свое повествование о его жизни со времени выступления его на пророческое служение. На пророческую деятельность он был призван Богом еще в юношеском возрасте (Зах.2:4), во второй месяц второго года царствования Дария Гистаспа (Зах.1:1), – только двумя месяцами позднее пророка Аггея (Агг.1:1). Совместною пророческою деятельностью святые Аггей и Захария достигли того, что евреи перестали думать о своих нуждах и с усердием принялись строить храм. «Пророк Аггей и пророк Захария, сын Адды, – свидетельствует об этом Ездра, – говорили иудеям, которые в Иудее и Иерусалиме, пророческие речи во имя Бога Израилева. Тогда встали Зоровавель, сын Салафиилов, и Иисус, сын Иоседеков, и начали строить дом Божий в Иерусалиме, и с ними пророки Божии, подкреплявшие их» (1Ездр.5:1–2). «И старейшины иудейские строили и преуспевали, по пророчеству Аггея пророка и Захарии, сына Адды (1Ездр.6:14).

Служение пророка Захарии, вероятно, продолжалось и после построения храма; в последних речах его, составляющих содержание его книги с 9 гл. до конца, нет уже увещаний к неленостному окончанию постройки храма, и можно думать, что

во время произнесения этих речей последний был уже готов[1281]. Предание говорит, что святой пророк Захария дожил до глубокой старости и похоронен близ Иерусалима, рядом с пророком Аггеем.

После пророка Захарии осталось драгоценное наследие – книга, содержащая его пророческие видения и речи. Отличительная черта содержания книги пророка Захарии – обилие мессианских пророчеств: ни у одного пророка не встречаем такого множества подробностей о последних днях жизни нашего Спасителя, как у пророка Захарии. Книга пророка Захарии может быть разделена по своему содержанию на две части: в первой (с Зах. 1:1–21 по Зах. 6:1–15) находятся видения, и во второй (с Зах. 7:1–14 до конца) – речи. Всех видений восемь; большая часть их объясняется пророку Ангелом Божиим; цель их – уверить народ еврейский в покровительстве Божием. В *первом* видении всадников, объехавших всю землю и нашедших ее в покое, Бог открывает, что благоденствующие народы – угнетатели евреев будут поражены Его гневом, а Иерусалим будет восстановлен и города Иуды возвеличатся (Зах. 1:7–17). Какова будет участь язычников, разъясняет *второе* видение четырех кузнецов, которые идут сбить роги – символ народов, рассеявших иудеев и разрушивших Иерусалим (Зах. 1:18–21). После сокрушения притеснителей иудеев, мешавших постройке города и храма, Иерусалим снова будет заселен; это открывается в *третьем* видении Ангела Господня, которой идет с землемерной веревкой размерить Иерусалим, так как последний расселится от множества людей, и Сам Господь будет ему огненною стеною (Зах. 2:1–13). Грехи народа уже не будут препятствовать поселению Господа на Сионе, потому что они будут прощены, как показывает *четвертое* видение: пророк видит первосвященника Иисуса в запятнанных одеждах, – символ греховный нечистоты, причем его обвинял сатана; но Бог оправдывает его, и с первосвященника, представителя народа, снимаются запятнанные одежды и заменяются чистыми, чем предуказывалось на будущее великое дело милости Божией, – изглаждение грехов всей земли в один день Отраслью-Мессиею

(Зах. 3:1–10). В *пятом* видении пророку показан золотой светильник (символ Церкви – Откр. 1:13, 20), с семью лампадами, наполняемый маслом от двух стоящих по сторонам его маслин; это означало, что Сам Бог бодрствует над храмом и народом, а две маслины – Зоровавель и Иисус – орудия Его промысла (Зах. 4:1–14). Но народ еврейский недолго будет пользоваться милостями Божиими, о которых говорят предыдущие пять видений: он снова развратится и опять понесет наказание; эта мысль раскрывается в *шестом* видении свитка с проклятием воров и клятвопреступников (Зах. 5:1–4), и – в *седьмом* видении ефы (мера жидкости) с сидящей в ней женщиною – образ нечестия – унесенную двумя другими в Сеннаар или Вавилон (Зах. 5:5–10).

В созерцаемое пророком время, как показывают пятое и шестое видения, развращение избранного народа достигнет своей вершины; тогда проклятие полетит по всей Иудее и будет поражать нечестивых, пока не исполнится мера неправд народа и его не постигнет последнее наказание; нечестивая женщина – народ еврейский; ефа – мера неправд, вызвавших проклятие. Не останутся без наказания и язычники, как показывает последнее *седьмое* видение четырех колесниц с запряженными в них разношерстными конями, – символ Ангелов Господних, которые объедут всю землю для суда над врагами Божиими. По уничтожении языческого мира наступит царство Мессии, что пророк изображает следующим символическим действием: он надевает на голову первосвященника Иисуса два венца из золота и серебра, – символ первосвященнического и царского достоинства грядущего Мессии, – вместе с предсказанием, что приидет Отрасль (Мессия) и созиждет храм и будет первосвященником: когда это сбудется, то и отдаленные народы придут строить храм Богу Израилеву (Зах. 6:1–15).

Во второй части (с Зах. 7:1–14 до конца) содержатся речи пророка Захарии. В первой речи пророк по поводу вопроса его современников, нужно ли соблюдать посты, установленные в воспоминание печальных событий плена, учит, что с постами должно соединять дела правды и любви к ближним, тогда посты обратятся в дни торжества и на Израиле почиет благословение

Божие и радость спасения, имеющего объять и язычников (Зах. 7:1–14, 8:1–23). Во второй речи пророк предсказывает о гибели враждебных Израилю народов, а Иерусалим будет находиться под особым покровительством Божиим, и к нему не пройдет уже более никакой притеснитель. Затем пророк приглашает народ иудейский радоваться, ибо к нему грядет Царь праведный и кроткий; Он водворит на земле праведность и спасет народ Свой, уничтожит высокомерие и самонадеянность людей. Свое царство Он откроет, въехав в Свою столицу на ослице и молодом ослёнке, кротких животных, служащих символом мира[1282]. Царство Мессии – царство мира – из Иудеи распространится по всей земле; Царь будет привлекать в него не силою, но кровавою жертвою, которую Он принесет за всех людей для примирения их с Богом. Эллинам – врагам народа Божия – предсказывается поражение, а евреям – благословение плодородия и чадородия. После изображения светлой судьбы, ожидающей Израиля в недалеком будущем, пророк переходит к изображению предстоящего затем отвержения народу иудейскому: пророк обращается к Ливану с просьбою открыть двери врагу, который опустошит всю Иудею. Причину такого бедствия пророк Захария объясняет символической историей о двух жезлах Небесного Пастыря. На одном из них была надпись *благоволение,* а на другом *узы;* когда овцы, несмотря на заботы об них Пастыря, не исправились, то Он переломил жезл с надписью *благоволение,* что означало конец завета между Богом и Его народом, а потом потребовал Себе платы за пастырские труды, но иудеи оценили Его деятельность в 30 сребреников; эти сребреники Пастырь бросил для горшечника в дом Господень[1283]. Вслед за этим Пастырь переломил другой жезл – *узы* – в знак того, что расторгнуто братство между Иудою и Израилем. Когда был отвергнут добрый Пастырь, стадо впало в руки наемников (Зах. 9:1–17, 10:1–12, 11:1–17).

В последней речи пророк возвещает, что все народы мира восстанут на Иерусалим, но Сам Господь защитит его и истребит нападающих, на народ же еврейский Господь изольёт дух благодати и умиления, и иудеи воззрят на Того, Которого пронзили, и будут плакать о Нем, как о единородном сыне[1284].

Тогда откроется дому Давидову источник, омывающий грехи их, и уничтожится всякая память о идолах и лжепророках; поражен будет Пастырь, и рассеются овцы[1285]. Господь создает благодатное царство, небольшое по числу, составляющее только третью часть живущих на земле, но зато искушенное и святое. Наконец, народы языческие еще раз окружат Иерусалим, но Господь восстанет на его защиту и поражение, и тогда будет единственный день, ведомый только Господу: не станет света, светила удалятся, будет ни день, ни ночь; лишь к вечеру явится свет[1286]. Из Иерусалима потекут живые воды, он станет средоточием нового царства, в котором будут обитать только праведники – ничего нечистого не будет в нем более. (Зах. 12:1–14, 13:1–19, 14:1–21)[1287].

Страдание святого мученика Никифора

Память 9 февраля

В великой Антиохии Сирийской жили некий пресвитер, по имени Саприкий, и простец гражданин Никифор. Они питали друг к другу такую любовь и так были дружны, что некоторые считали их родными братьями.

После многих лет такой дружбы им позавидовал ненавидящий всё доброе диавол и посеял в них такие плевелы вражды, что они не желали даже встречаться друг с другом на дороге: так они возненавидели друг друга; и насколько прежде между ними царили любовь и дружба, настолько после, по действию сатаны, воскипела у них друг к другу ненависть и вражда.

Прожив в такой ненависти и вражде друг с другом довольно долгое время, Никифор, придя в себя и уразумев, что эту вражду сеет диавол, стал просить своих друзей и соседей, чтобы они отправились к пресвитеру Саприкию и умолили бы его простить его, кающегося, и возлюбить прежнею любовью; но пресвитер не захотел оставить своей вражды против него.

Тогда Никифор снова послал других друзей с той же просьбою, но пресвитер и их слушать не захотел. Он также отверг и в третий раз посланных и не послушал их моления и, таким образом, не преклонился на милость, дабы простить брата, смиренно ищущего прощения. Наоборот, ожесточив сердце свое, он оставался неумолимым, забыв слова Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: «прощайте, и прощены будете» (Лук. 6:37); и еще: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой… Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф. 5:23–24, Мф. 6:14).

Тогда Никифор, видя, что Саприкий пресвитер не хочет принять ходатайства о нем, сам пошел к нему и, припав к его ногам, сказал ему:

– Прости меня, отче, ради Господа прости.

А Саприкий даже и не взглянул на него; он был человеком немилосердым и не имел ни любви, ни страха Господня; будучи христианином и пресвитером, он и без просьбы должен был простить брата своего. Не получив прощения, Никифор пошел от него посрамленным и отверженным.

В это время – в царствование Валериана и Галлиена[1288] – как христианин схвачен был и Саприкий и представлен был игемону на истязание.

Игемон спросил:

– Как твое имя?

– Я называюсь Саприкием, – отвечал тот.

– Какого ты рода? – спросил игемон.

– Я христианин, – отвечал Саприкий.

– Ты клирик? – снова спросил игемон.

– Я пресвитер, – отвечал Саприкий. Тогда игемон сказал:

– Цари наши, владыки страны этой и всех пределов римских, Валериан и Галлиен, повелели, дабы те, кои именуют себя христианами, принесли жертвы бессмертным богам; а кто, презрев, отвергнет повеление царское, тот пусть да знает, что он, после всевозможных мук, осужден будет на тяжкую смерть.

После этих слов Саприкий, предстоя игемону, сказал:

– О игемон! Мы, христиане, имеем Царя – Христа Бога, ибо Он один есть Истинный Бог и Создатель неба и земли, моря и всего, что находится в них; все же боги языческие суть бесы, и да уничтожатся они с лица всей земли; как дела рук человеческих, они никому не могут помочь.

Тогда разгневанный игемон повелел растянуть его на колесо и безжалостно мучить. Среди этих истязаний Саприкий сказал игемону:

– Ты имеешь власть над телом моим, над душою же моею не имеешь никакой власти: над нею имеет власть только один Создавший ее Иисус Христос.

После этого Саприкий мужественно претерпел все причиненные ему муки.

Видя его непреклонным, жестокий судия издал на него такой смертный приговор:

«Пресвитера Саприкия, презревшего царское повеление и не пожелавшего принести жертвы бессмертным богам и оставить христианское заблуждение, повелеваем усечь мечом».

В то время как Саприкий шел на казнь, в надежде получить небесный венец мученичества, блаженный Никифор, услышав об этом, поспешил к нему навстречу и, припав к ногам его, сказал:

– Мученик Христов, прости меня, я согрешил пред тобою!

Тот же на это не ответил ему ничего, так как сердце его по-прежнему было объято бесовскою злобою.

На дальнейшем пути к месту казни святой Никифор снова припал к ногам Саприкия, говоря:

– Мученик Христов, прости меня, в чем я согрешил пред тобою, как человек; вот тебе дается с небес венец от Христа, так как ты не отвергся Его, но исповедовал имя Его святое пред многими.

Саприкий же, ослепленный ненавистью и жестокосердый для прощения, оставался неумолимым, вовсе не показывая намерения простить его. Он даже и слова не сказал к упрашивавшему его собрату, так что даже сами мучители удивлялись ожесточению Саприкия и говорили Никифору:

– Такого безумного человека, как ты, мы никогда не видали: теперь вот он идет уже на смерть, а ты еще усерднее умоляешь его: разве по смерти он может в чем-нибудь тебе повредить? И зачем тебе нужно примиряться с тем, кто сейчас умрет?

На это святой Никифор ответил им:

– Не знаете вы, чего я прошу у исповедника Христова, но Бог знает.

Когда они пришли на место, где Саприкия должны были усечь мечом, святой Никифор снова обратился к нему:

– Молю тебя, мученик Христов, сказал он, прости меня, если я в чем согрешил пред тобою, как человек. Писано: «Просите, и дано будет вам» (Мф.7:7), – вот я тебя умоляю, – и так подай мне прощение.

Но жестокосердый друг его Саприкий не преклонился на такие моления; он не вспомнил слов Господа: «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим…

возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф.22:37, 39); но, закрыв уши сердца своего и тела, оставался как глухой аспид, отвергая моление заклинающего его. Итак, Саприкий не внял реченному в Евангелии, что кто прощает ближнему своему, тот и сам будет прощен, и не послушал слов Господа: «какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф.7:2). Вот почему Господь, праведный Судия, по справедливому суду Своему, отъял благодать Свою от Саприкия, и тотчас же тот отпал от Господа и лишился сплетенного им для себя венца мученичества.

Когда мучители сказали Саприкию: «Преклони колени твои, чтобы мы могли отсечь голову твою», он сказал им:

– За что вы хотите усечь меня?

Воины на это ответили:

– За то, что ты не хотел принести жертвы богам и ослушался царского повеления ради некоего человека, именуемого Христом.

Услышав это, окаянный Саприкий сказал им:

– Не убивайте меня, ибо я исполню то, что повелевают цари: поклонюсь богам и принесу им жертву.

Так ненависть ослепила сердце Саприкия! Она отторгла его от благодати Божией, и он, прежде мучимый и не отвергавшийся Христа, теперь, вместо того чтобы приять уже мученический венец славы, отрекся от жизни вечной и стал отступником.

Услышав эти безумные слова Саприкия, Никифор стал со слезами на глазах умолять его:

– Не делай сего, о возлюбленный брат! Не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа! Не губи того венца небесного, которой ты сплел себе среди твоих страданий! Вот у дверей стоит Владыка Христос, Которой снова явится тебе, и воздаст тебе жизнь вечную за сию временную смерть, которую ты пришел принять на это место.

Саприкий же не слушал его молений: он спешил к вечной смерти, теряя вместе с тем ту бесконечную жизнь, которую должен был восприять через один удар меча.

Святой же Никифор, видя, что Саприкий совершенно отпал от святой веры и отторгся от Христа – Истинного Бога, начал

громким голосом так взывать к мучителям:

– Я – христианин и верую в Господа нашего Иисуса Христа, Коего отвергся Саприкий; итак, усеките меня вместо Саприкия.

Воины, не смея умерщвлять его без повеления игемона, весьма удивлялись, что он самовольно предает себя на смерть, совершенно свободно восклицая:

– Я – христианин и вашим богам не принесу жертвы!

Тогда один из мучителей, явившись к игемону, возвестил ему, что Саприкий обещался принести жертву богам, но есть некий, добавил он, который желает умереть за так называемого Христа, и потому громко восклицает:

– Я – христианин, богам вашим не принесу жертву и царских повелений не послушаюсь!

Услышав это, игемон приказал Саприкия отпустить на свободу, а Никифора вместо него усечь мечом. Так святой мученик умерщвлен был за Христа, в девятый день месяца февраля[1289], и, радуясь, отошел ко Христу Господу, дабы приять от десницы Его венец победы и предстать Ему в лике святых мучеников, славящих Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же честь и поклонение, слава и держава вовеки, аминь.

Кондак, глас 1:

Любве союзом связався, Никифоре, разрушил еси явле злобу ненависти и мечом во главу твою усечен был еси, мученик Божественный воплощшагося Спаса, егоже о нас моли, поющих славную память твою.

Другой кондак, глас 3:

Вперився, славне, Господнею любовию и Сего славный Крест на рамо взем, посрамил еси диаволи козни, пострадал еси даже до смерти и истины явился еси победоносец, оружник и таинник Божия благодати.

Память святых священномучеников Маркелла, епископа Сицилийского, Филагрия, епископа Кипрского

Память 9 февраля

Святые священномученики Маркелл и Филагрий были учениками святого Апостола Петра. Во время земной жизни Христа святой Маркелл проживал в городе Антиохии. Слыша о чудесах Господа, он пришел из Антиохии в Иерусалим, чтобы увидеть Его, и тогда же познакомился с Апостолом Петром. После воскресения Христа святой Маркелл был поставлен Апостолом во епископы Сицилии и мученически скончался там после того, как множество язычников обратил ко Христу. Святой же Филагрий был епископом на острове Кипре, ревностно проповедовал веру во Христа и, претерпев за это множество мучений, отошел ко Господу.

Страдание святого священномученика Харалампия, епископа Магнезийского, и с ним мучеников Порфирия и Ваптоса и трех мучениц жен

Память 10 февраля

В царствование нечестивого царя римского Севера[1290] при распространении Церкви Господа нашего Иисуса Христа, служение бесам стало упадать и самое идолопоклонство прекращаться. В это время в городе Магнезии[1291] жил святой епископ Харалампий. Он наставлял людей на путь спасения и поучал их слову Божию; он говорил: «Царь мой Иисус Христос Духом Святым послал апостолов и пророков, дабы люди, вразумившись их святой проповедью, пошли неуклонно путем правды. Ваш же царь Север лютыми муками принуждает людей к приношению жертв бездушным идолам и этим самым предает души их вечной смерти. Иисус Христос, Царь мой, через пророков и апостолов предал нам слова небесной жизни, – и этой проповедью враг наш изгоняется, змий попирается, неверие претворяется в веру, учение же бесовское погибает, и падает в своем лютом падении вся вражья сила. Итак, должно лучше веровать словам, наставляющим на путь вечной жизни, нежели стоять за дело, причиняющее вечную пагубу».

После подобных слов святой епископ был схвачен неверными и представлен на истязание и суд к игемону Лукиану и к военачальнику Лукию.

Когда священномученик Харалампий повторил пред ними то же самое, игемон сказал ему:

– Ты от избытка сердца своего говоришь безрассудные слова, не отличая добра от зла. Но, честный старец, не думай, что ты не будешь замучен за эти слова. Поэтому, послушавшись нашего совета, веди себя как подобает старцу и, хорошо размыслив, приступи к богам с жертвой, дабы нам не причинить тебе таких мук, каких ты не можешь себе и представить.

Святой Харалампий отвечал:

– Я уже состарился и оканчиваю это временное житие, ни за что не презрю предстоящих мне небесных благ.

Тогда судьи, придя в ярость, начали приготовлять все для лютых мук, причем говорили ему:

– Принеси жертву богам, злой человек! Святой Харалампий отвечал:

– Не принесу я жертвы бесам. Ведь вы видите, что бесы, которых вы почитаете, трепещут и содрогаются пред крестным знамением Христа.

После этого судьи приказали совлечь с Харалампия его священные одежды и обнаженным стали мучить этого ангелоподобного мужа. Повесив священномученика, двое из слуг стали терзать тело его железными когтями, и так продолжали до тех пор, пока не содрали всю кожу с головы до ног.

Святой же Харалампий, весь истерзанный, так говорил мучившим его: «Благодарю вас, братия, что, исстрогав мое бренное тело, вы обновили дух мой, стремящийся перейти в новую, вечную жизнь».

После этих слов святого обоих мучивших его воинов объял ужас и они сказали судьям: «Бесчестие, наносимое вами сему человеку, обращается ему в честь, а муки – в отраду. Не есть ли он сам Христос? Приняв подобие старца, не пришел ли он в Азию, дабы обратить к себе всех ее жителей? Тело его, терзаемое железными когтями, становится тверже железа, так что когти вбиваются в него, а оно само остается невредимым».

Когда воины это сказали, игемон, заскрежетав зубами, воскликнул: «О злые рабы и ленивейшие в исполнении повелений! Не делая, что вам приказано, вы еще защищаете осужденного на муки!»

Воины же, мучившие святого Харалампия, изнемогли, наконец, совершенно и стали уже открыто исповедовать и прославлять силу Христову, так укреплявшую страдальца, и потому тотчас же оба были усечены за имя Господне; имена их были Порфирий и Ваптос.

Также уверовали здесь в Христа и три женщины, смотревшие на страдание мученика. Они стали прославлять

пресвятое и всесильное имя Его и за это были замучены.

После этого полководец Лукий, встав со своего места и взяв орудие палачей, сам стал мучить святого Харалампия, жестоко терзая все тело его. И тотчас же руки его отнялись от локтей, как бы отсеченные мечом, и, прилипши к телу мученика, повисли на нем.

Лукий, без рук, упал на землю и стал взывать: «Сей человек – чародей! Помоги мне, игемон!»

Игемон, подойдя и увидев висевшие на теле мученика руки своего полководца, плюнул в лицо святого Харалампия, и в это мгновение голова игемона повернулась и лицо его уже стало смотреть назад.

Тогда магнезийцы, объятые великим ужасом, начали молить святого мученика, произнося: «Оставь свой гнев и отврати Божие мщение! Ведь тебе же повелено, чтобы ты не воздавал злом за зло».

Святой Харалампий сказал на это: «Жив Господь Бог, что в сердце моем нет злобы, а на языке – лести! Вы сами видите, как Христос Бог наказал этих беззаконных начальников, Он же дарует нам и жизнь вечную, а нечестивых – погубит».

Тогда все воззвали к Господу: «Господи, не погуби нас, согрешивших Тебе! Вот Ты ныне, Боже, наказал наших князей, дабы привести нас к свету и соделать достойными жизни вечной».

И уверовало здесь во Христа великое множество народа.

После этого Лукий сказал: «Человек Божий, Ангел Господень, помилуй меня, люто страждущего; мои вот руки отягощают тебя, вися на твоем теле: возврати их на свое место, тогда и ты избавишься от тягости, и я исцелюсь от своего недуга, и, если ты это сотворишь, я уверую в твоего Бога».

Тогда святой, изливая пред Господом свое моление, воскликнул: «Варух, Мануид, Марон-Афа, Раввуни, т.е. благословенный, с нами Боже, Господи наш, восприявший нашу плоть, Учитель мой, призри на смирение окованных, разреши от уз кары – судей моих этих и исцели меня – всего изъязвленного исповедника Твоего!»

И вот послышался голос с неба, произносивший: «Харалампий – земной светильник, озаряющий и небо, слуга Ангелов, сожитель пророков, друг апостолов, совоин мучеников и Моей беседы достойный, Я услышал молитвы твои и принял слова уст твоих, да будет это моление твое во исцеление сим болящим».

И тотчас же Лукий и игемон Лукиан исцелились от своих болезней.

Тогда Лукий, припав к ногам святого мученика, стал просить крещения, какового вскоре и удостоился, а игемон прекратил гонение на христиан: «пока, – сказал он, – я не извещу обо всем этом царя».

После этого многие, приходя к святому, по исповедании грехов своих, крестились, а больные различными недугами получали исцеление.

Игемон же Лукиан, отправившись к императору Северу, который тогда находился в Антиохии Писидийской[1292], рассказал ему обо всем, что произошло в Магнезии: «К нам явился, – говорил он, – некий человек из общества галилеян; он начал всех отвращать от богов, больным же – подавать исцеление; полководец Лукий, исцелев, уверовал во Христа, да и вся почти Магнезия приняла его веру; я же, тоже выздоровев, пришел сюда возвестить обо всем этом твоему царскому величеству».

Услышав это, Север, исполнившись гнева, воскликнул: «О вечные боги, опозоренные нечестивыми людьми! Зачем учение этих лживых людей так распространилось на земле!»

И тотчас он послал триста бесчеловечных и лютых воинов схватить святого Харалампия. Он приказал им сначала предать святого мукам, а потом привести его из Магнезии в Антиохию.

Воины, возвращаясь к царю, повели с собой и мученика Христова; они вбили в тело его острый железный гвоздь, в бороду же, довольно длинную, вплели веревку, и, обмотав ее вокруг шеи, так и влачили святого на пути к царю.

И когда они уже отошли от Магнезии на пятнадцать стадий[1293], шедший с правой стороны конь, обратившись к воинам, человеческим голосом ясно проговорил: «О триста

воинов, вы трижды скверные слуги диавольские! Разве вы не видите присутствующего с человеком сим Христа Бога и Святого Духа? Зачем же вы все это ему делаете? О жестокосердые! Освободите же того, кого не можете связать, дабы вам и самим освободиться от уз».

Воины были весьма устрашены такой человеческой речью, сказанной конем, однако, исполняя царское повеление, продолжали влачить святого мученика к Антиохии.

В это время диавол, преобразившись в старца, предстал царю Северу и сказал ему: «Увы мне, царь! Я сам владетель скифский, но во страну мою пришел некий человек по имени Харалампий – великий волхв, и все воинство мое отвратил от меня, народ же весь присоединился к легионам моим, и вот я, оставленный всеми, пришел предупредить тебя, как бы и с тобой не случилось чего подобного».

Лишь только диавол произнес это, как святой Харалампий, влачимый воинами, приведен был к царю. Царь, увидев его, тотчас же вонзил в грудь его три острых кола, а потом приказал принести дрова, зажечь их и палить мученика огнем понемногу, дабы он не сразу умер, но подольше терпел муки.

Когда так святого Харалампия долгое время мучили, некая женщина, стоявшая там в это время, из желания угодить царю взяла горячие уголья и посыпала ими голову, лицо и бороду мученика, говоря: «Умри, старец, умри; лучше тебе умереть, нежели соблазнять нас своим льстивым учением».

Эта женщина была царской наложницей. Сестра же ее сказала ей: «Или ты, окаянная, не боишься Бога? Исполняя волю царскую, ты прогневляешь Бога. Не поможет тебе Север, когда на тебя прогневается Христос».

И, обратившись к мученику, проговорила: «Человек Божий, честна есть старость твоя, и с тобою Бог, в Коего и я желаю уверовать и избавиться от грехов моих».

После этого, когда огонь уже погас, а слуги, мучившие святого, изнемогли, хотя сам мученик оставался невредимым и совершенно здоровым, царь произнес: «Перестаньте мучить человека сего: пусть он отвечает на мои вопросы».

И когда святой мученик приведен был ближе к царю, Север сказал ему:

– Харалампий, беседуя рано утром с царем скифским, я разгневался и похулил тебя; но, претерпев теперь сие мучение, ты останешься у нас в чести, если только будешь отвечать мне на то, о чем я буду тебя спрашивать. Много ли тебе лет?

Святой Харалампий отвечал:

– Много времени провел я в сей суетной жизни: я прожил сто тринадцать лет.

– Как же, прожив столько лет, – сказал Север, – ты до этих пор не познал бессмертных богов? Святой мученик отвечал:

– Прожив много лет, царь, я приобрел и великое знание: познав Христа – Единого Истинного Бога, я и уверовал в Него.

Царь после этого спросил его, имеет ли он жену или нет.

Святой отвечал:

– Я стяжал себе Небесную Деву, т.е. царство Христа моего; на земле же не имел жены. Тогда царь спросил его:

– Умеешь ли ты воскрешать мертвых?

– Это не во власти человеческой, – отвечал святой, – но во власти Христовой.

Тогда царь велел привести человека, уже долгое время одержимого злым духом; тридцать пят лет диавол мучил этого человека: желая погубить его, дух злобы то гонял несчастного по пустыням и горам, то ввергал в дебри, болота и расселины земные.

Когда человек этот был близко подведен к святому, то, обоняя благоухание от святого, тотчас же воскликнул: «Молю тебя, раб Божий, не мучай меня прежде времени! Но повели словом, чтобы я вышел, и, если хочешь, я тебе скажу, как вошел в сего человека».

Святой согласился, и диавол рассказал следующее: «Сей человек хотел обокрасть ближнего, но он сказал сам себе: если я сначала не убью наследника его, то не в состоянии буду захватить его богатства, и, убив ближнего, уже хотел восхитить его наследство; увидев его в таковом состоянии, я вошел в него, и вот уже тридцать пять лет как обитаю в нем».

Тогда святой Харалампий сказал диаволу: «Выйди из сего человека и не причиняй ему больше никакого вреда».

И тотчас же диавол оставил его, и бесноватый стал здоровым.

После этого царь воскликнул:

– Поистине велик Бог христиан!

Спустя три дня умер некий юноша; царь, приказав принести мертвеца к себе, сказал святому Харалампию:

– Помолись своему Богу, да воскреснет сей мертвец.

Святой, помолившись, воскресил мертвого, и уверовало при сем много народа во Христа; сам царь удивлялся, видя таковые чудеса.

В это время при царе был некий епарх по имени Крисп; на совете с Севером он сказал ему: «Сотри человека сего с лица земли – он волхв и свои чудеса творит чарованьем».

Царь, поверив словам Криспа и изменив свое прежнее доброе чувство к мученику, сказал ему:

– Харалампий, принеси жертву богам, и ты избежишь руки убийцы.

Святой отвечал:

– Муки приносят мне великую пользу: насколько тело мое покрывается ранами, настолько радуется во мне дух мой.

Тогда царь, разгневавшись, приказал бросать камни в уста святого, бьющие же его приговаривали: «Покорись царю, дабы не умереть тебе без вины».

Наконец, царь сказал воинам: «Возьмите горящие факелы и зажгите ему бороду и опалите лицо его».

И вот, когда воины поднесли факелы к бороде святого, из нее вышло большое огненное пламя и, устремившись на стоявших вокруг людей, опалило до семидесяти нечестивцев.

Увидев это, Север, исполненный ярости, сказал: «Правду сказал мне царь скифский, что Харалампий волхв и что он также хочет и от меня отвратить мое войско».

И потом, обратившись к своим вельможам, он спросил их:

– Не скажете ли вы мне, кто это Христос, в Которого верует Харалампий?

– Христос – это Сын Марии, – отвечал ему Крисп, – Он рожден Ею от прелюбодеяния.

Тогда некий человек по имени Аристарх сказал Криспу:

– Не буесловь; откуда ты слышал эту тайну и почему знаешь, кто такие были Мария и Христос?

На это Крисп с гневом сказал:

– Ты разве мудрее меня?

– Да, я больше знаю, чем ты, – отвечал Аристарх. Тогда царь Север воскликнул:

– О злой человек! Мне ли ты хочешь противоречить?

Аристарх на это ответил:

– Нет, царь, ни тебе не хочу противоречить, ни кому-либо другому; я только защищаю Христа.

После этого царь, горя яростью, взял лук, натянул его и, пустив стрелу вверх, сказал: «Христос, если ты живешь на небе, сойди к нам и поставь шатры Свои на земле; вот я готовлю на Тебя брань и имею много войска, чтобы восстать на Тебя; итак, сойди на землю и встань против меня. Если же Ты не сойдешь, я низложу небеса, угашу солнце и сам схвачу Тебя своими руками».

В то время, как царь так дерзко и бесстыдно говорил на Господа Христа подобные хулы, земля потряслась, и на всех напал великий страх. Разгневанный Господь, как лист, поколебал землю; и сверху были слышны страшные раскаты грома, и видны были молнии, так что все здесь стоявшие от страха как бы омертвели. Царь же и вместе с ним епарх Крисп, связанные какими-то невидимыми узами, поднялись от земли и как будто висели в воздухе.

Тогда царь воззвал к мученику: «Харалампий, все это случилось по моим грехам, и я справедливо терплю эту муку; но ты помолись Богу своему, дабы мне избавиться от этого мучения, – и я прославлю имя Его и твое по всему городу, ибо я объят от Христа твоего великим ужасом».

В это время к ним подошла царская дочь по имени Галина и сказала Северу: «Отец мой, никто не может противиться Богу: ибо для христиан Он есть надежда, а для нечестивых – погубитель. Уверуй в Него, и Он сохранит тебя и освободит от

тех невидимых уз, коими ты сейчас Им связан: Связавший тебя есть вечный и всемогущий Бог».

Пав перед святым мучеником, блаженная Галина сказала: «Молю тебя, раб Божий, помолись Господу Христу и своей молитвой освободи отца моего от этих невидимых уз».

И лишь только святой Харалампий помолился, как прекратилось это страшное прещение Божие, и царь, освобожденный вместе с епархом от казни, встал на землю и сказал: «Владыка неба и Создатель земли, помилуй меня! Живущий на небе, призри милостиво на землю!»

После этого царь вместе с епархом и всеми своими вельможами отправился к себе во дворец и оттуда не выходил три дня, все время размышляя о гневе Божием и о только что бывшем грозном прещении Господа.

В это время дочери царя – Галине – было видение, о котором она и передала святому Харалампию: «Мне казалось, – говорила она, – что я стою в какой-то обильно орошаемой местности; и вот внезапно я увидела большой огороженный сад, в котором были насаждены всякого рода благоухающие деревья; посреди же них рос прекрасный виноградник, а в этом винограднике стоял высокий кедр, при корнях которого струился источник. Около этого места стоял грозный страж, не позволявший никому войти в этот сад. Вблизи я увидела отца моего и епарха Криспа, которых стерегущий этот сад своим огненным мечом отгонял от сего места. В это время я была объята великим страхом и только молилась, чтобы сей страж позволил мне остаться там. Он же в это время сказал мне: «Подойди сюда, и я тебя на раменах (плечах. – *Ред.*) своих с честью внесу в этот сад». И когда я в нем была под кедром, при источнике, я услышала, что кто-то говорит: «Тебе и подобным тебе дано это место». Вот каково видение было мне, и я теперь умоляю тебя, – окончила Галина, – скажи мне, что оно означает?»

Тогда святой Харалампий сказал ей: «Твой сон означает следующее: изобилие воды – это есть дарования Духа Святого, сад же огражденный – это рай. Виноградник означает упокоение в раю праведников, а благоухающие деревья – лики святых

Ангелов. Высокий кедр знаменует крестную славу Христа, источник же – жизнь вечную, дарованную Крестом роду человеческому. А страж, который принял тебя на рамена свои, – это Господь Христос, Который, оставив в горах девяносто девять овец, стал искать пропавшую овцу и, найдя ее, взял ее на рамена Свои (Лк.15:4–5). Отец же твой вместе с епархом будут изгнаны от рая Божия, ибо они – теперь благодарные Богу – скоро снова будут непокорны Ему, впав в диавольские сети».

Действительно, вскоре после страшного наказания Божия царь Север опять впал в заблуждение и, оставив Бога, крепкую мышцу Коего он только что познал, снова обратился к идолам. Позвав к себе мученика, он сказал ему:

– Харалампий, послушайся совета моего, поклонись богам – и ты будешь у нас в чести.

Святой отвечал:

– Не может того случиться, чтобы раб Божий мог прельститься словами мучителя; поистине, царь, слова твои безрассудны и нелепы.

Тогда, разгневавшись, Север сказал:

– О безумный человек, ты считаешь мои слова безрассудными!

И приказал прицепить за его губы удилищный крючок и так водить его по всему городу.

Дочь же царя, приступив к отцу своему, сказала: «Отец, что ты делаешь? Зачем ты мучаешь сего праведника? Зачем увязаешь в диавольские сети и, оставив доброе, избираешь злое? Зачем, отвергнув жизнь, ты предпочитаешь смерть? Зачем ты с яростью мучителя восстаешь на сего раба Христова? Послушайся меня, отец, и как прежде ты стремился ко злу, так теперь поусердствуй ко всему благому; ибо кто сеет злое, тот злое и пожнет, сеющий же с благословения пожнет доброе. Вспомни о бывшем над тобой наказании Божием, когда ты был связан невидимыми узами и, вися в воздухе, исповедовал истинного Бога, теперь же, освободившись от уз, ты отрекаешься от Него; так многие властители, при каре Господа, познают силу Его, а освободившись от наказания, снова забывают своего Господа».

Выслушав это, царь Север нисколько не исправился, но, еще более возъярившись, сказал:

– Принеси жертву богам, Галина!

– Что ты хочешь, я все сделаю, отец, – сказала она ему на это.

Тогда царь, возрадовавшись, произнес:

– Да будет освобожден Харалампий, так как дочь моя согласилась принести жертву богам.

Когда святой мученик приведен был к царю, Север сказал ему: «Вот дочь наша Галина отпала от твоей веры в нашу и теперь хочет принести жертву богам, войди и ты, Харалампий, вместе с ней в храм богов наших и сотвори, чего мы от тебя желаем».

Так как Харалампий на это ничего не ответил, то царь подумал, что он согласился.

Между тем Галина отправилась к храму Дия и Аполлона и сказала там жрецам: «В покаянии я пришла умолить богов, коих прогневала, уверовав во Христа».

Жрецы же на это воскликнули:

– Великий Дий! Всесильный Аполлон! Творец неба и царь всем владыкам, призри на Галину и ради царя Севера помилуй ее!

Блаженная же Галина, войдя в идольское капище, подозвала к себе жрецов и спросила их:

– Какого идола мне прежде всего низложить – идола Дия или Геркулеса и Аполлона?

– Нет, Галина, – отвечали жрецы, – не замышляй подобного зла и не издевайся над спасителями нашими, а то, прогневанные, они низложат небо и сокрушат всю землю.

Тогда Галина, взяв Диева идола, сказала ему:

– Если ты бог, то как до этих пор не мог увидать, что я пришла сокрушить тебя?

Сказав это, Галина сильно ударила о землю идола, и он разбился на три части; потом она схватила и идола Аполлона и также разбила его, проговорив:

– Пади на землю и ты, сатана, сгорбленный старик, ведь ты – прах!

И она сокрушила всех идолов. Тогда жрецы, придя к царю Северу, сказали ему:

– О царь, погибла наша надежда, ныне и солнце угаснет, и мир погибнет, ибо наши боги умерли. Царь, удивившись, спросил:

– Что означают эти ваши слова?

– Галина, твоя дочь, сокрушила наших богов, – отвечали они.

Тогда Север сказал:

– Идите и призовите ко мне сегодня ночью пятьдесят кузнецов, идолов же, возобновив, поставьте снова в их храме и скажите, что они воскресли, как галилеяне говорят о Христе своем, что Он восстал от мертвых.

Жрецы исполнили все это с великим тщанием; утром, явившись к царской дочери, они сказали ей:

– Пойди в храм и посмотри на наших воскресших богов.

– Боги воскресли? – спросила Галина, – пойду же, посмотрю на них! Жрецы сказали:

– Поистине великое чудо: обесчещенные и поруганные вчера, они ныне сияют еще большей честью и славой.

Наутро блаженная Галина сказала:

– Новых идолов мне легче разрушить, чем старых.

И, обратившись к идолу Дия, добавила:

– Воскресший из мертвых Юпитер, тебе приказываю: иди опять к мертвецам!

Сказав это, Галина снова разбила все идолы.

Тогда жрецы, исполнившись ярости, вторично донесли царю о погибели своих богов.

Север, позвав к себе дочь свою, сказал ей:

– Зачем ты сокрушила наших богов?

Галина отвечала:

– Вы называете их своими богами только потому, что прельщены ложным учением: они не более как бездушная вещь.

На это царь воскликнул:

– Принеси жертву богам, семя нечестия, а не мое рождение!

На это блаженная Галина, как бы посмеиваясь над своим отцом, сказала:

– Я уже принесла им жертву, насколько сумела, но, если ты хочешь, я то же могу сделать и с остальными твоими богами.

Тогда разгневанный царь оставил дочь свою и обратился снова к истязанию святого мученика Харалампия: он отдал его на поругание одной вдове.

Когда Харалампий входил в дом этой вдовы, он приклонился к одному стоявшему там столпу, и тотчас столп этот стал большим деревом, покрывающим ветвями своими весь дом этой женщины.

Увидев такое чудо, вдова устрашилась и сказала: «Уйди от меня, Харалампий, я недостойна принимать такого мужа; мне кажется, что ты – или Христос, или Ангел, или пророк, или апостол; умоляю же тебя, уйди от меня: я недостойна принять тебя под кров свой».

На это святой мученик ей ответил: «Дерзай, дщерь, так как ты обрела благодать у Господа. Только веруй, что Он «Велик Господь», и милостив, «и всехвален» (Пс 47:2, 95:4)

На другой день, утром, соседи, увидев высокое и многолиственное дерево, сенью своею покрывавшее дом вдовицы, говорили друг другу:

– Что это за чудо?

Некоторые на это отвечали:

– Это от того, что там святой Харалампий: вот от чего этот столп и стал высоким деревом.

Взойдя в дом, соседи нашли святого сидящим и поучающим вдовицу; он ей говорил:

– Блаженна ты, что уверовала во Христа, блаженна, ибо тебе отпускаются грехи твои: ибо Господь кающихся приемлет.

И сказал ему пришедший народ:

– Что же ты нам не скажешь, действительно ли ты есть Христос?

Святой Харалампий отвечал:

– Простите мне, чада, я ваш слуга и раб Христа, и творю все сие Его именем.

Тогда вдова, с дерзновением, громким голосом, так воззвала:

– Радуйся, Харалампий, всегда сияющий неугасимым светом[1294], радуйся, Харалампий, благодатью ведший, радуйся, Харалампий, всесветлый светильник.

В то время как она это произносила, пришедшие соседи ее, уверовав сердцем в Христа, припали к коленам святого Харалампия, открыто исповедуя Христа, и все приняли спасительное крещение.

На другой день царь велел привести святого на судилище; уверовавшие же во Христа, придя к царю ранее, известили его о сотворенном чуде, как прозяб столп и стал большим деревом.

Север весьма удивился, епарх же Крисп сказал ему: «Царь, если ты не повелишь убить мечом сего волхва, скоро все прельстятся его чудесами и, оставив наших богов и нас, пойдут вслед его».

Тогда царь осудил святого на усечение мечом. Услышав об этом, мученик Харалампий радостно воспевал сей псалом Давидов: «Милость и суд воспою Тебе, Господи. Пою и разумею в пути непорочном: «когда приидеши ко мне?» (Пс 100:1–2 и до конца псалма).

Придя с весельем на то место, где должен был окончить свой земной подвиг, святой Харалампий сказал: «Благодарю Тебя, Господи Боже, что Ты так милостив и щедр ко мне; Ты, Иисусе, поразивший врагов, пленивший ад и исцелявший смертные болезни, помяни меня, Господи Боже мой, во Царствии Твоем».

Когда он так молился, разверзлись небеса и к мученику со множеством святых Ангелов сошел Сам Господь, и поставлен был прекрасный смарагдовый престол, и Царь славы, воссев на нем, сказал святому Харалампию:

– Приди, Харалампий, так много пострадавший за Меня, проси у Меня чего хочешь, и Я тебе дам. Святой мученик на это отвечал:

– Для меня, Господи, и то – великая милость, что Ты сподобил меня видеть страшную славу Твою; но, Господи, если Тебе угодно, воздай славу имени Твоему: пусть в той местности, где будут почивать мои мощи и где будет почитаться память обо мне, пусть там не будет ни голода, ни мора, ни

тлетворного ветра, погубляющего плоды, но да воцарятся в этом месте мир, благосостояние, изобилие пшеницы и вина; и спаси, Господи, души людей тех; ведь Ты Сам знаешь, что люди суть плоть и кровь, так оставь же им грехи их и подай им изобилие плодов земных, дабы они, насыщаясь и наслаждаясь среди трудов своих, прославляли Тебя, Бога своего, – Подателя всех благ; сходящая же с неба роса да будет им во исцеление. Господи Боже мой! Излей на всех благодать Твою!

После того как святой произнес эту молитву, Господь изрек:

– Да будет по прошению твоему, мужественный Мой воин!

После того Господь вошел на небеса, окруженный Своими Ангелами, а за Ним последовала и душа святого Харалампия.

Тогда воины, отправившись, возвестили царю о той славе, коей сподобился мученик, как ему явился Господь, как он скончался без всякого усечения мечом и как они видели душу его, восходящую на небеса. Север был всем этим очень удивлен и впал в великий страх. Блаженная Галина, дочь царя, испросила у него тело мученика и, взяв его, обвила его чистыми плащаницами, умастила ароматами и многоценным миром и, прославляя Господа, вложила его в золотой ковчег. Царь побоялся судить и наказать дочь свою; видя, что с нею пребывает Господь, он оставил ее жить в христианском благочестии, по ее изволению.

Этот непобедимый и непреодолимый великий мученик Харалампий, который теперь ходатайствует обо всем мире, пострадал в феврале месяце, в десятый день[1295]; стоя одесную престола Божия, он непрестанно молит о нас Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и царство, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Кондак, глас 8:

Подобствовав благодатию священства, славне, Церковь светло украсил еси Божественным страданием, еже за Христа приял еси доблественно, радуяся, Харалампие, честный светильниче всемирный, осияваяй концы, яко непобедимый.

Житие преподобного Прохора, Печерского чудотворца

Память 10 февраля

Богатый в щедротах и милосердый Господь часто посылает беды на человека, дабы через подобное наказание привести его к истине и привлечь на дела благие. Если Он и допускает, чтобы люди мучились и страдали, то не замедлит и помиловать их и даровать их ранам исцеление, – как это мы и видим из жития этого преподобного Прохора.

Во дни княжения Святополка Изяславича[1296] киевляне много насилия претерпели от этого князя, который дома даже и людей знатных без вины уничтожал, а имущество их отнимал; вот почему Господь попустил, чтобы враги Руси возымели тогда такую силу: на Святополка восстали великие рати половцев[1297]; к тому же и между князьями вспыхнула междоусобная брань, и настали тогда в русской земле великий голод и оскудение. В это время блаженный Прохор пришел из Смоленска в Печерский монастырь к игумену Иоанну[1298] и принял от него иноческий чин. В монастыре он стал усердно подвизаться в добродетелях и предал себя такому воздержанию, что даже отказывался от вкушения обыкновенного хлеба; он собирал траву лебеду и, протирая ее своими руками, делал себе из нее хлеб и тем питался. В летнее время он заготовлял такого хлеба на весь год и, когда снова наступало лето, делал то же для следующего года, так что он совершенно не нуждался в хлебе, и потому он получил прозвище «лебедника»; кроме просфоры, он ничего не вкушал, он никогда не ел даже овощей, но только лебеду, и не пил ничего иного, кроме воды. Господь же, видя терпение святого в столь великом воздержании, претворял для него горечь хлеба, приготовленного из лебеды, в приятное услаждение, и угодник Божий проводил все дни своей жизни не в печали и скудости, а в радости: блаженный Прохор никогда не скорбел, но всегда в веселье работал Господу. Он никогда не страшился набегов вражьих, ибо жил, как птица, не имея ничего, кроме лебеды. Он не мог похвалиться вместе с евангельским

богачом: «Душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк.12:19); но и за траву, заготовленную на год, он укорял себя, говоря: «Прохор, «в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»» (Лк.12:20). Святой на деле исполнил это слово Господне: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф.6:26). Подобно птицам, блаженный Прохор легко проходил на то место, где росла лебеда, и оттуда приносил ее в монастырь на плечах, как бы на крыльях. Так питался он, как птица небесная, не насеянной пищей, с непахотной земли. В это время на Руси от постоянных браней начался великий голод, так что людям угрожала смерть.

Но Господь, желая прославить угодника Своего и спасти от смерти людей, в этот год благословил урожай лебеды, и ее выросло более, чем в прежние годы. Тогда блаженный Прохор стал еще более трудиться. Беспрестанно собирая эту траву, он семена ее растирал руками и, делая из подобной муки хлебы, раздавал их бедным и умирающим от голода.

Некоторые, видя, как святой Прохор собирал лебеду, начали также запасаться ею, чтобы пропитаться во время голода, но от горечи не могли есть такого хлеба. Тогда все нуждающиеся стали обращаться к блаженному Прохору; святой никому не отказывал в своем хлебе из лебеды. И всем вкус этого хлеба казался приятным, как будто он был смешан с медом. Таким образом, хлеб, испеченный из лебеды руками блаженного Прохора, народ брал охотнее, чем хлеб, испеченный из пшеницы. И при всем этом вот что казалось особенно чудным – хлеб этот казался чистым и сладким на вкус только в том случае, если давался блаженным Прохором с благословением, но если кто брал его без благословения святого, то он казался черен, как земля, и горек, как полынь. Так один из братии взял у святого его хлеб тайно, без благословения, и стал его есть. Но он оказался в руках его как земля и горьким настолько, что его нельзя было есть. И так случалось несколько раз. Но инок сей стыдился открыть блаженному свой грех и попросить у него хлеба с

благословением. Однако, давно уже претерпевая большой голод, он больше не в состоянии был переносить его и, видя пред глазами своими неминуемую смерть, пришел к игумену Иоанну и, рассказав ему все происшедшее, стал у него просить прощения. Игумен, не поверив этому, велел другому брату взять тайно хлеб у святого Прохора, чтобы убедиться, действительно ли это так. Когда хлеб был принесен, подтвердилось то, что говорил первый брат: от горечи никто его не мог есть. Оставив этот хлеб у себя, игумен снова послал к святому испросить хлеба с его благословения; «а отходя от него, – сказал он, – возьмите тайно и другой хлеб». После того как хлебы эти были принесены, взятый тайно хлеб изменился пред ними и стал черным, как земля, и горьким, как полынь, подобно первому хлебу; а хлеб, взятый с благословения святого Прохора, оказался чистым и сладким, как мед. Вследствие этого чуда блаженный Прохор прославился повсюду и, питая многих, оказал тем большую пользу. В это время князь киевский Святополк Изяславич вступил в междоусобную брань с Давидом Игоревичем, князем владимиро-волынским. Он вступил с ним в борьбу за ослепление на Требовле князя Василько Ростиславича, которого, по наговору Давида Игоревича, князь Святополк приказал ослепить. В то же время Святополк Изяславич начал междоусобную борьбу и с Владимиром Ростиславичем, братом Василько, князем Перемышльским, и даже с самим Василько – за область отца своего Изяслава, которую захватили Ростиславичи[1299].

Князь Святополк прогнал Давида к ляхам и, посадив в его городе Владимире сына своего Мстислава, сам возвратился из похода в Киев. Но он не мог одолеть Владимира, и Василько послал на них с уграми Ярослава, другого сына своего. Во время этого великого общественного нестроения и беззаконного грабления запретили пропускать купцов из Галича и Перемышля в Киев, вследствие чего во всей почти южнорусской земле не стало соли, и для народа настало великое бедствие.

Видя это бедствие, блаженный Прохор собрал в келью свою множество золы со всех келий и, помолившись Господу, стал раздавать ее всем нуждающимся в соли: по молитвам святого,

она оказалась чистой солью. И чем обильнее он ее раздавал, тем более она умножалась; ее в изобилии доставало не только для монастыря, но и миряне, приходя к блаженному Прохору во множестве, брали ее для себя. И за все это блаженный Прохор ничего не брал: он всем раздавал свою соль даром, кто сколько требовал, так что часто можно было видеть, что базар пуст, а монастырь святого полон народа, приходившего для получения соли.

В это время диавол воздвиг великую ненависть к Прохору со стороны тех людей, которые продавали соль на торжище и теперь не получали ожидаемой прибыли. Они думали, что в те дни за соль приобретут громадные богатства, но весьма ошиблись, ибо то, что они сначала продавали по большой цене, потом уже никто не стал покупать и за бесценок. Собравшись вместе, все торговавшие солью явились к князю Святополку и стали клеветать на блаженного, говоря: «Прохор, черноризец Печерского монастыря, отнял у нас великое богатство, ибо он всех привлек к себе за покупкой соли, а мы, платящие тебе подати, не можем продать своей соли, и потому разорились».

Князь, выслушав их, задумал и прекратить среди продавцов ропот, и себе приобрести богатство. Он решил с советниками своими поднять цену на соль, дабы, отняв ее у Прохора, самому продавать ее через своих слуг. Князь сказал этим слугам-крамольникам: «За вас и я ограблю этого монаха».

Желая как бы угодить торговцам, он таил в себе мысль только о приобретении; самому же ему из-за зависти хотелось только причинить им зло: ведь зависть не может мириться с тем, что полезно для других.

Итак, Святополк послал отобрать у Прохора всю соль. И когда она была привезена, он пошел сам посмотреть на нее вместе с теми крамольниками, которые клеветали на блаженного. И все здесь увидели, что пред их глазами – пыль. Тогда князь приказал попробовать некоторым эту соль, но она оказалась пылью и на вкус. И все они дивились этому изменению и недоумевали.

Потом князь, желая достоверно узнать, чем все это чудо кончится, приказал эту пыль сохранить до трех дней. А между

тем к святому Прохору приходило множество народа, дабы изъять от него соли, но, узнав о ее разграблении, возвращались без нее, проклиная того, кто это учинил.

Блаженный же Прохор сказал им: «Когда эта соль будет выброшена князем вон, тогда подите и соберите ее себе».

Действительно, князь, продержав эту соль у себя до трех дней и ничего не видя в ней, кроме пыли, приказал выбросить ее. Но после того как ее высыпали, она снова превратилась в соль. Граждане, узнав об этом, стали стекаться на это место и с радостью собирали соль. Когда совершилось это дивное чудо, князь, нанесший святому такую обиду, пришел в ужас. Он не мог скрыть этого чуда, так как оно совершилось пред всем городом, и вот он начал исследовать, что бы это означало. Тогда ему рассказали все, что совершил блаженный Прохор, – не только о соли, претворенной из пыли, но и о хлебах из лебеды, которыми он кормил такое множество народа, и как эти хлебы становились сладкими, когда их брали из рук блаженного с его благословения, и как, наоборот, они казались горькими, когда кто их брал тайно.

Услышав все это, князь Святополк устыдился своего поступка; отправившись в Печерский монастырь, он примирился с игуменом Иоанном. Прежде же он имел вражду на него за обличения в ненасытной алчности и в притеснениях народа. Он за это даже заточил Иоанна в Турове[1300], но, убоявшись заступничества христолюбивого князя Владимира Мономаха, скоро с честью возвратил его в Печерский монастырь.

После этого чуда Святополк стал иметь великое усердие к Пресвятой Богородице и к преподобным отцам Антонию и Феодосию Печерским; блаженного же Прохора он весьма почитал и ублажал, считая его истинным рабом Божиим: он дал ему слово не причинять больше никому никакого насилия; при этом утвердил это обещание следующим уговором: «Если, по воле Божией, я прежде тебя умру, то ты своими руками положи меня во гроб, дабы показать твое незлобие ко мне; если же ты преставишься прежде меня, то я, взяв гроб твой на свои плечи, сам внесу тебя в пещеру, чтобы получить от Господа прощение в моем тяжком пред тобою грехе».

После такого уговора блаженный Прохор прожил немало лет, проводя богоугодно свое непорочное и полное лишений житие, и потом разболелся. Князь же в это время отправился в поход против половцев. Тогда блаженный Прохор послал князю извещение, что час его смерти уже приблизился.

«Если хочешь исполнить свое обещание, – оповещал он, – и получить от Бога оставление грехов, приходи ко мне, и получим друг от друга прощение, и ты положишь меня во гроб своими руками. Итак, я ожидаю твоего прихода. Если же ты замедлишь и я скончаюсь без тебя, то не моя будет вина, и твоя борьба не так окончится для тебя, как если бы ты пришел ко мне».

Услышав это, Святополк, оставив войско, немедля отправился к болящему Прохору. Блаженный много поучал князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни и бесконечных муках, подал ему прощение грехов и свое благословение и простился со всеми окружавшими князя; а потом, воздев руки к небу, предал дух свой в руце Божии. Князь Святополк, вместе с черноризцами, взяв тело преподобного, отнес его в пещеру и своими руками положил в гроб.

После этого он отправился в поход и одержал над половцами полную победу; он пленил почти всех жителей половецкой области и привел их в свою землю. Эта победа, дарованная Богом российской земле, была одержана по пророчеству молитвенника за нее – преподобного Прохора. С тех пор князь Святополк, идя на битву с врагами или на охоту, всегда заходил для благословения в Печерский монастырь и там, в Богосозданной церкви, с великим усердием и благодарением поклонялся чудотворной иконе Пресвятой Богородицы и пред гробницами преподобного Феодосия и Прохора и только тогда выходил в поход.

И после того счастливо текло княжение Святополка, получившее после многих жестоких испытаний, по молитвам блаженного Прохора, благословение Божие. Сам христолюбивый князь Святополк Изяславич, как свидетель, пред всеми явно исповедовал чудеса и знамения сего угодника Божия.

Святыми молитвами преподобного Прохора, Печерского чудотворца, да избавит и ныне всех нас от всякой напасти и злого обстояния Господь Христос, ибо Ему подобает со Безначальным Его Отцом и Пресвятым, Благим и Животворящим Его Духом всякая слава, ныне и присно, и во веки веков.

Память святых Еннафы, Валентины и Павлы

Память 10 февраля

Святые мученицы Еннафа, Валентина и Павла приняли мученическую кончину от Фирмилиана, правителя палестинской области. Святая Еннафа происходила из Газы[1301], а святая Валентина – из окрестностей города Кесарии[1302]. Обе они были девицами. Сперва на суд к Фирмилиану была приведена святая Еннафа. На допросе она мужественно объявила себя христианкой, и за это, по повелению правителя, ее подвергли сперва жестоким побоям, а потом привесили к столбу и стали строгать тело ее. После этого была приведена к Фирмилиану святая Валентина. Ее обвиняли в непочитании языческих богов, и правитель приказал ей принести жертву идолам. С этой целью ее повели в языческий храм, стоявший неподалеку от судилища. Но когда святая была приведена в храм, то вместо того чтобы принести жертву идолам, она смело бросила на жертвенник камень и обратилась к пылавшему на нем огню спиной. Тогда Фирмилиан пришел в ярость и повелел нещадно бить ее по ребрам, а затем приговорил ее, а с нею и святую Еннафу к усечению мечом. После всех была приведена на мучения святая Павла. По приказанию правителя ее подвергли многоразличным мучениям, но, при содействии благодати Христовой, она переносила свои страдания с великим мужеством, и мучитель повелел отсечь ей голову мечом. Перед казнью она вознесла благодарение Богу и, поклонившись присутствовавшим на казни христианам, склонила под меч свою голову и так предала дух свой Богу[1303].

Житие и страдание святого священномученика Власия, епископа Севастийского, и других, пострадавших с ним

Память 11 февраля

В те древние времена, когда нечестивые служили идолам и многие люди поклонялись созданию и делу своих собственных рук, тогда просияла и вера многих святых, и в числе их процвело благочестие святого славного мученика Власия. Этот святой, удаляясь от всякого злого дела, всю жизнь свою прожил кротко и праведно, богоугодно и беспорочно. Его сограждане – жители города Севастии, находившегося в Каппадокии[1304], – люди благочестивые, желали, чтобы Власий был поставлен у них епископом, и желание их было исполнено. Новый пастырь ревностно пас стадо Христово в то время, когда на Церковь Христову были воздвигаемы частые гонения, и многие, претерпев страдальческие подвиги, удостаивались венца мученического. В то время, в царствование Диоклетиана[1305], подвизался добрым подвигом и святой великомученик Евстратий один из пяточисленных мучеников, вместе со своими товарищами[1306]; он до крови стоял за веру Христову и за то был заключен в темницу. Здесь посетил его ночью святой Власий, подкупив стражу темничную большим количеством золота. Власий ублажал мученика Христова, который так мужественно переносил страдания. Евстратий отдал Власию свое завещание, составленное перед своей кончиной, делая в нем распоряжения о своем теле и об имении, о чем повествуется в его житии. Святой Власий скрывался от рук мучителей, что делали тогда и многие другие святые, не выдавая себя на мучения без особенного Божия соизволения; немногие христиане жили тогда в городе, да и то это были тайные поклонники Христа; большинство, из страха мук, бежало в пустыни, горы и вертепы; некоторые же, не будучи в состоянии вынести мучений, поклонялись на время идолам. Так и святой

Власий не только в Диоклетианово царствование, но также и в царствование Ликиния[1307] (при этом императоре он и пострадал) скрывался от лютых гонений в одной пустынной горе, которая называлась Аргеос[1308]; здесь он обитал в пещере и подвизался в безмолвии и постничестве, воссылая непрестанные молитвы Богу. К нему приходили дикие звери, и если заставали святого в безмолвной молитве беседующим с Богом, то они, как бы разумные существа, не прерывали его Богомыслия, но стояли перед пещерой, дожидаясь, пока святой, окончив свою молитву, не выйдет к ним, и не уходили до тех пор, пока святой, выйдя и возложив на них свои руки, не благословит их; если же какой-либо зверь чувствовал себя больным, то приходил к святому и через возложение святой руки его получал исцеление.

В это время игемон Агриколай всячески старался погубить возможно большее число христиан, предавая их разным ужасным мукам, одних он предавал мечу, других приказывал сжигать на огне, третьих – потопить в реках, иных же – отдать на съедение зверям. Для последней цели он приказал своим ловчим поймать возможно большее число хищных зверей. Исполняя это повеление, ловцы вышли на лов и, обходя горы и пустыни, пришли также и на гору Аргеос, где скрывался святой епископ Власий; подойдя к пещере святого и увидя перед ней множество резвящихся зверей, они сказали друг другу: «Пойдем и посмотрим, что это там происходит».

Приблизившись, они увидели, что святой Власий сидит у себя в пещере, как бы в каком-то чертоге, и воссылает Богу усердные молитвы. Ничего не сказав святому епископу, они возвратились домой и рассказали все, что видели, игемону Агриколаю; тот приказал большому числу воинов отправиться вместе с ловчими, схватить скрывающихся там христиан и привести их к нему. Придя на ту гору и войдя в пещеру, посланные воины нашли там одного только святого Власия, который возносил Богу молитвы и прославлял Его святое имя.

– Выйди отсюда, – сказали они Власию, – и ступай с нами в город: тебя зовет игемон.

Услышав это, святой обрадовался и сказал:

– Хорошо, дети мои, пойдем вместе; Господь вспомнил обо мне: Он являлся мне трижды в эту ночь, говоря: «Встань и принеси Мне жертву, как подобает тебе по твоему званию епископа». Итак, вовремя, дети мои, вы пришли сюда сегодня, Господь мой, Иисус Христос, да будет с вами».

На пути язычники, видя кротость святого и слушая его учение, а также поражаемые его чудотворениями, обращались к истинному Богу; ибо его молитвами многим болящим подавались от Господа исцеления, и не только людям, но и животным; когда к нему приносили или приводили больных, он возлагал на них руки свои, возносил о них молитву и отпускал совершенно здоровыми. У одной женщины был единственный сын; во время еды рыбья кость засела у него в горле, так что он не мог произнести ни слова и был уже при смерти; мать, взяв его полумертвого, отнесла к святому и положила у его ног, горько плача и взывая: «Помилуй сына моего, раб Спасителя нашего Иисуса Христа, он один только у меня».

При этом она рассказала Власию, что случилось с ее сыном. Святитель Божий, вложив свою руку в горло отроку и возведя очи к небу, стал так молиться Господу: «Спаситель мой! Ты помогаешь всем, кто с верою призывает Тебя: услышь мою молитву, и кость, засевшую в горле сего отрока, изыми невидимою Твоею силою и исцели его. И в остальное время, если случится что с человеком или с животным и станут поминать имя мое, говоря: «Боже, помоги молитвами раба твоего Власия», то Ты, Господи, скорый на помощь, помоги тем и подай исцеление в славу и честь святого Твоего имени».

Молясь так, он исцелил отрока и вернул его матери, которая в великой радости немолчно воссылала хвалы Богу. Вследствие таких чудес имя Власия прославилось не только в Севастии, но даже и в Никополе[1309]. Когда святой находился еще в дороге, недалеко от Севастии, то произошло следующее.

Одна бедная вдова не имела ничего, кроме одного только поросенка; волк, подкравшись, схватил его. Бедная женщина стала горько плакать; увидев, что идет святой, она бросилась к нему и со слезами стала рассказывать ему о своем горе. Святой, улыбнувшись, сказал ей: «Не предавайся скорби,

женщина, не плачь: твой поросенок будет возвращен тебе живым и невредимым».

Сказав это, святой продолжал свой путь, а к убогой вдовице прибежал тот волк, неся в зубах ее поросенка; он пустил его перед ней без всякого повреждения и убежал обратно в пустыню; вдова же взяла своего поросенка, радуясь и хваля Бога.

Когда святой Власий достиг Севастии, игемон Агриколай, узнав об этом, тотчас приказал заключить его в темницу. На другой день, воссев на судилище, Агриколай приказал принести к себе святителя Божия; увидев его, игемон сначала обратился к нему с такими льстивыми словами: «Радуйся, Власий, возлюбленный друг богов наших и наш!»

На это святой отвечал ему: «Радуйся и ты, державный игемон, но не называй богами бесов, которые будут преданы вечному огню вместе с теми, кто им поклоняется».

В гневе игемон приказал немилосердно бить святого; после долгого истязания святой снова сказал игемону: «Безумный обольститель душ человеческих, неужели ты думаешь своими муками отвратить меня от истинного Бога? Нет, это невозможно, ибо я уповаю на Иисуса Христа, Который укрепляет меня; впрочем, поступай, как хочешь».

Видя непоколебимую веру святого, игемон повелел снова отвести его в темницу.

Тогда та бедная вдова, пораженная мужественными страданиями, которые святой Власий претерпел за Христа, и его твердым постоянством в святой вере, заколола своего поросенка, которого невредимым получила из зубов волка, сварила голову и ноги, положила на блюдо; сюда же она добавила еще семян, земных плодов и огородных овощей, сколько можно было ей по ее бедности; спрятав все это в корзину и зажегши свечу, она принесла эту корзинку святому в темницу; припав к ногам мученика, она стала умолять его, чтобы он взял эту пищу и вкусил бы ее. Воздав хвалу Богу, святой вкусил принесенной пищи; затем, благословив вдову, он сказал ей: «Женщина, таким образом совершай каждый год мою память, тогда ничто из нужного в доме твоем не оскудеет; если

же кто другой уподобится тебе и будет совершать мою память, тот получит в изобилии дары Божии и благословение Господа пребудет на нем во все время его жизни».

Благочестивая вдова, получив такое наставление от святого, возвратилась в дом свой, славя Бога; и к ней применимо евангельское изречение: «в целом мире сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Мф.26:13).

Между тем нечестивый мучитель, вторично воссев на судилище, приказал привести на истязание святого Власия.

– Власий, – сказал он мученику, – принесешь ли ты жертву богам? Тогда останешься живым. Или же ты хочешь подвергнуть себя мучительной смерти?

На это святой отвечал:

– «Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер.10:11), а смерть, которой ты грозишь, дарует мне жизнь вечную.

Видя такую непоколебимость святого в вере, игемон повелел, обнажив, повесить его на дереве и сильно строгать железными орудиями. После долгого мучения святой мученик сказал игемону:

– Нечестивый и исполненный скверны человек, неужели ты хочешь устрашить меня ранами, когда мне помогает Иисус Христос? Я не боюсь твоих видимых мук, ибо взираю на будущие невидимые блага, обещанные любящим Бога.

После этого мучитель приказал снять его с дерева и отвести его снова в темницу. Когда святого Власия вели в заключение, за ним следовало семь благочестивых и богобоязненных женщин, которые, собирая каплющую на землю из тела святого кровь, помазывались ею. Слуги, сопровождавшие святого, увидев это, взяли их и привели к игемону, говоря:

– И эти женщины – последовательницы Христа. Тогда игемон обратился к женщинам и сказал:

– Одумайтесь, принесите жертвы богам, и получите от меня великие почести.

Честные и святые жены отвечали ему:

– Если тебе, игемон, хочется, чтобы мы поклонились богам твоим и принесли им жертвы, то прежде всего нам следует очиститься; итак, пойдем к ближайшему озеру и обмоем в нем по обычаю лица наши и все тело: повели нам принести туда и богов твоих; омывшись, мы поклонимся им на берегу того озера.

Обрадовавшись, игемон приказал принести своих идолов; вложив их в мешки и запечатав оловом, игемон отдал их женщинам; затем приказал воинам, чтобы они сопровождали женщин с идолами до берега озера и оттуда опять с честью привели бы их обратно. Взяв на свои плечи мешки с идолами, женщины понесли их к берегу озера; придя туда, где озеро было очень глубоко, они стали просить воинов отойти от них, как бы стыдясь раздеться при них, и немного подождать, пока они не совершат омовения. Когда те отошли, каждая из женщин бросила в озеро идола, которого несла, и скверные идолы быстро погрузились в воду, как олово. Увидев это, воины с гневом схватили их и, отведя к игемону, рассказали ему о потоплении идолов. Игемон изменился в лице от ярости и зарычал на воинов, словно лев: «Злые слуги, почему вы не удержали богов, зачем вы не препятствовали женщинам бросать их в глубину озера?»

В ответ на это воины сказали: «Светлейший игемон, эти женщины обманули тебя и с хитрым намерением взяли богов твоих; не зная их коварства, мы не держали их».

Тогда и святые жены сказали игемону: «Истинный Бог не знает людской лести, а боги твои, сделанные из бездушного камня и дерева, золота и серебра, лестью были взяты нами и потоплены; не в силах они были ни избавить себя от рук наших, ни спасти себя от потопления: как же могут они других спасать и избавлять от бед?»

Исполнившись ярости, игемон приказал разжечь печь, растопить олово, принести железные гребни и трезубцы и семь раскаленных докрасна медных досок, сделанных наподобие одежды; все это он приказал положить на одной стороне, а на другой положил мягкие одеяния и различные женские украшения и сказал тем святым женам: «Выбирайте себе одно из двух: или поклонитесь богам и принесите им жертвы, тогда

сохраните себе жизнь, будете ходить в тех светлых одеждах и драгоценных украшениях; если же вы не исполните этого, то потерпите все сии муки, приготовленные для вас».

Одна из тех женщин, у которой было два сына – отрока, схватила светлую одежду и бросила ее в печь, где та и сгорела; а отроки стали просить мать свою, говоря: «Дорогая мать наша, не оставь нас погибнуть на земле сей, но как ты воспитала нас сладким твоим молоком на земле, так помоги нам достигнуть и Царствия Небесного».

После того игемон повелел повесить их обнаженными и строгать тело их железными гребнями. Тогда воины увидели, что вместо крови из язв их истекает молоко, а тела их стали белы как снег; Ангелы Божии, сходя с небес, укрепляли святых жен среди мук и утешали их так: «Не бойтесь, но продолжайте свой подвиг, подобно доброму земледельцу, который, начав жатву, оканчивает ее; исполнив дело, он получает благодарность и награду от своего господина и возвращается с радостью в свой дом. Так и вы подвизайтесь, чтобы получить от Спасителя нашего Иисуса Христа вечную блаженную жизнь».

Потом игемон повелел снять их с того дерева и бросить в огненную печь. Когда их бросили туда, огонь тотчас же погас там, и они вышли из печи без всякого вреда. Тогда игемон сказал им:

– Оставьте волшебство ваше и принесите жертву богам нашим.

Святые жены единогласно отвечали ему:

– Не будет тебе добра, сын диавола, не оставим мы Господа нашего Иисуса Христа, не станем мы кланяться камню и дереву, идолам, тебе подобным, глухим и бесчувственным, ибо призваны мы в Царство Небесное.

Услышав это, игемон приказал отсечь им мечом головы. Когда они были приведены на место, где их ожидала кончина, они просили воинов:

– Переждите немного, пока мы помолимся Богу.

Преклонив свои колена, они стали так молиться: «Слава Тебе, великому и прославленному Богу нашему, слава Тебе, Христе, царствующему вовеки и призвавшему нас на путь

спасения, ибо кто так велик, как Ты, внушивший нам отречься от тьмы и приступить к истинному свету Твоему! Молим Тебя, Господи, причти нас к Твоей первомученице Фекле, прими молитву за нас от святейшего отца нашего и пастыря Власия, наставившего нас на истинный путь».

Помолившись так и поднявшись с земли, они простерли свои руки к небу и, возведя свои очи, с чистым сердцем единодушно возопили к Богу: «Слава Тебе, Христе Боже наш, что сподобил нам стать на сем месте, как бы овцам на заколение, за имя Твое святое: мы желаем быть жертвами Тебе, приими же души наши на небесный Твой жертвенник».

Два упомянутых отрока, приступив к матери своей, сказали ей:

– Мать, вам готовы венцы от Господа на небесах, а нас препоручи доброму страстотерпцу святейшему епископу Власию.

Тогда палач, приступив, отсек святым семи женам их честные головы; такова была кончина их.

После этого игемон, приказав привести из темницы святого Власия, спросил его:

– Принесешь ли ты ныне жертвы богам или нет?

– Окаянный слепец, – отвечал святой, – не видишь ты истинного света: кто из тех, кои познали Бога Живого, принесет жертвы или поклонится бездушным идолам? Знай же ты, омраченный и нечестивый человек, что оставил ты Бога Живого и поклоняешься бесчувственному камню; не боюсь я твоих угроз, мучай меня, как хочешь, – вот, я предаю тебе за Христа моего тело мое, один Бог имеет власть над душою моею.

Тогда игемон сказал святому:

– Если я прикажу бросить тебя в озеро, разве может помочь тебе тогда твой Христос, Которому ты поклоняешься?

– Слепой и неразумный, – отвечал святой, – ты, почитая идолов, считаешь себя спасенным; а я, почитая Христа, неужели не покажу тебе на водах силы Бога моего?

Тогда игемон приказал его вести к озеру и бросить в глубину; святой же, придя на берег, ознаменовал воду крестным знамением, пошел по воде, как по суху, и, достигнув середины

озера, сел на воде, как на земле, и обратился с такой речью к стоявшим на берегу воинам и слугам мучителя:

– Если вы имеете богов, то покажите их силу: идите и вы по воде.

Тогда шестьдесят восемь мужей, призвав имена богов своих, вступили в озеро, желая идти по воде, и все внезапно погрузились в воду, как бы олово, и погибли. Ангел же Господень, сойдя с небес к святому, сказал ему: «Исполненный Божией благодати архиерей, сойди с воды и восприми венец, уготованный тебе от Бога».

Сойдя на землю, святой с лицом, сиявшим подобно яркому снегу, пришел к игемону и стал укорять его. Тогда игемон издал смертный указ для Власия такого содержания: «Власий не повинуется мне, презирает царя, хулит богов наших, погубил в воде своим волшебством шестьдесят восемь мужей – за все сие он должен быть усекнут мечом вместе с двумя отроками».

Вместе с отроками Власий выведен был от игемона. Придя на место казни, он молился о своих согрешениях, о всем мире, в особенности же о тех, которые будут совершать его память; и о таковых он молился, чтобы их не касалась никакая болезнь, чтобы дома их были исполнены всяких благ и чтобы услышаны были молитвы их. В то время сошло свыше на него светлое облако, которое осенило его, и из облака послышался глас Христов: «Все прошения твои исполню, возлюбленный Мой подвижник».

Тогда палач усек честную голову его, а за ним и двум вышеупомянутым отрокам на одном утесе за городской стеной в Севастии; это произошло в одиннадцатый день месяца февраля[1310].

Одна благочестивая женщина по имени Елисса, взяв святые тела мучеников, с честью погребла их на том же месте; от гробницы святых подавались болящим исцеления.

Узнав о страдальческой кончине святителя Христова Власия, та вышеупомянутая женщина, имевшая одного поросенка, почтила память святого, собрав к себе соседей и знакомых, и Бог благословил ее дом всяким довольством. Подражая ей, другие благочестивые люди также начали

ежегодно совершать память святого Власия, принося в церковь свечи и фимиам, собираясь в домах своих единоверцев и подавая милостыню нищим и убогим. С тех пор и начался тот благочестивый обычай, которого и доныне некоторые еще держатся, а именно: совершать память святого священномученика Власия по примеру той вдовицы, которая первой совершила такое воспоминание, и бывает сие воспоминание в славу Господа нашего Иисуса Христа, с Отцом и Святым Духом славимого и поклоняемого вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Божественное прозябение, цвет неувядаемый, лозы Христовы розго многострадальная, Богоносе Власие, верою чтущыя память твою веселия твоего исполни, моляся непрестанно о всех нас.

Другой кондак, глас 8:

Священия помазанием, и мучения кровию украсился еси, славне Власие, и сияеши всюду в вышних ликуя и нас назирая, в храм твой пришедшия и в нем тебе непрестанно зовущыя: всех нас соблюди.

Память святой царицы Феодоры

Память 11 февраля

Святая Феодора была супругой царя Феофила иконоборца[1311], но она не разделяла иконоборческой ереси своего мужа. Царь – иконоборец изгнал из столицы Константинопольского патриарха Мефодия, на его место поставил Анния и сжег святые иконы. Пламенная же царица Феодора, хотя явно и не смела поклоняться святым иконам, но тайно имела их в своей спальне и ночью бодрствовала на молитве, молясь Богу, да ниспошлет Он Свою милость православным. Она имела сына по имени Михаил, которого воспитала в православной вере. По смерти своего мужа блаженная Феодора снова восстановила на Константинопольском патриаршем престоле святого Мефодия и созвала священный собор, на котором иконоборцы были преданы проклятию, Анний низведен с престола, и святые иконы внесены были в церкви Божии[1312]. По совещанию со всем святым собором отцов Феодора помолилась Богу о муже своем, чтобы изъял его от вечной муки, дабы он мог получить жизнь неизреченную. После того блаженная царица Феодора добре подвизалась в благочестии и потом вскоре предала душу свою Богу, к Которому стремилась, оставив царство сыну своему Михаилу[1313].

Память преподобного Димитрия Прилуцкого, Вологодского чудотворца

Память 11 февраля

Преподобный и богоносный отец наш Димитрий происходил из города Переяславля[1314] от благочестивых родителей. С молодых лет он отдан был в книжное научение и навык в чтении Божественных книг; многих сверстников он превосходил разумом и выделялся среди них своим смиренномудрием, которое всегда скрывал в сердце своем. Блаженный любил часто размышлять о будущем веке, о суде Божием, о воздаянии каждому по делам его, о Царстве Небесном, радости праведных и райском блаженстве. Изучив Священное Писание Ветхого и Нового Завета, святой познал, что жизнь в этом свете скоропреходяща. И потому он вскоре оставил этот суетный мир и, с умиленной душой, придя в страх Божий, в том же Переяславле принял иночество в Нагорном Борисоглебском монастыре. Здесь усердно подвизаясь в добродетельной жизни, он упражнялся в духовном трезвении и молитве, отличаясь чистотой, крайним смирением и духовной любовью ко всем. Таким образом этот трудолюбивый и неустанный богоугодный подвижник, поучаясь в законе Господнем день и ночь, обрел плод спасения, целомудрием и чистым сердцем взыскуя Бога и проводя равноангельное житие. Иноки и простой народ любили святого за его великую добродетель. По прошествии некоторого времени Бог сподобил преподобного Димитрия принять сан священства. В то время преподобный Сергий, Радонежский чудотворец, устроил близ Радонежа монастырь во имя Святой Троицы и, по изволению Божию, учредил там иноческое общежитие. Преподобный Димитрий часто посещал преподобного Сергия для духовных бесед, о том, как бы лучше управить иноческим общежитием и людей избранных привести к Богу. После этого преподобный Димитрий построил церковь во имя святого Николая Чудотворца и при ней создал монастырь на берегу Переяславского озера[1315], и был при той обители игуменом. К преподобному стало стекаться, ради духовной

пользы, много монахов и мирян, желавших жить в его обители, и блаженный принимал их, поучая со смирением и постригая мирян в святой иноческий чин. Так он собрал у себя большое Божие стадо словесных овец Христовых. Вскоре затем преподобный устроил в своем монастыре общежитие, утвердив его строгими правилами. Братия во всем повиновались святому с любовью и послушанием, как Ангелу Божию и истинному наставнику, в особенности же как ходатаю Царства Небесного. Потом, бегая славы человеческой[1316], блаженный Димитрий удалился отсюда на Вологду; там, недалеко от города, преподобный полюбил уединенное место при луке[1317], образуемом коленом р. Вологды, создал здесь храм во имя Всемилостивого Спаса и основал общежительный монастырь[1318]. Когда разнеслась молва о водворении преподобного в Прилуках, многие из учеников перешли из Переяславля к любимому наставнику, в Прилуки; приходило к преподобному много ищущих иноческой жизни и из разных других стран. Так составилась общежительная Прилуцкая обитель. И собрал здесь преподобный Димитрий многочисленную братию[1319]. Добре упасши Христово стадо вверенных его руководству овец словесных, преподобный преставился ко Господу 11 февраля 1392 года[1320].

Тропарь, глас 1:

Свыше от Бога, преподобне, благодать приял еси духовную и от Него убо познался еси, блаженне. Того ради и ты духом познал еси лучшая Его, будущаго века пребывание, и постнически испытався во своих обителех. И ныне со Ангелы ликовствуя, Спасу всех за ны молися святе Димитрие, да вси вопием: слава Давшему ти крепость, слава Венчавшему тя, слава Действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 8:

От юности, преподобне, крест твой взем, Христу последовал еси, в молитвах и пощениих, во бдениих же и злостраданиих плоть твою изнуряя. Темже и Всевидящее Око твоя труды видев, чудесы тя прославляет, и всех звати тебе научает: радуйся преподобне отче Димитрие, постников удобрение.

Память святого благоверного князя Всеволода, нареченного во святом крещении Гавриилом

Память 11 февраля

Святой благоверный князь Всеволод, нареченный во святом крещении Гавриилом, был сыном великого князя Мстислава, сына знаменитого Владимира Мономаха[1321]. В 1117 году престарелый Владимир Мономах посадил сына своего Мстислава в Киевском Белгороде[1322], чтобы иметь в нем помощника себе, а внука своего, сына Мстислава, блаженного князя Всеволода, поставил князем на его место в Новгороде. Блаженный князь Всеволод проводил богоугодную жизнь и справедливо управлял вверенным ему княжеством, как то и подобает православным князьям. Он отличался всякими добрыми делами и добрым нравом: был богобоязнен, правдив, тих и кроток и ко всем равно имел нелицемерную любовь. Князь Всеволод любил созидать храмы Божии, любил церковный и монашеский чин, давал им щедрую милостыню и чтил их как братию Божию. Памятником его ревности к созиданию церквей служит построенный им на торговой новгородской площади, на Петрятине дворище, великолепный храм во имя св. Иоанна Предтечи, с придельным храмом, снабженный дорогими иконами, весьма ценным Евангелием и всеми богослужебными книгами; особой грамотой он обеспечил содержание храма и причта, частью из пошлин со всех предметов торговли, из которых также значительная часть шла на содержание Софийского собора. Благочестивый князь был заступником вдов и сирот, был милостив к нищим, упокоевал немощных и раздавал обильную пищу. В 1132 г. отец блаженного князя Всеволода Мстислав[1323] скончался в Киеве, и великий престол киевский занял брат Мстислава Ярополк, который отдал Всеволоду южный Переяславль, считавшийся старшим после Киева[1324]. С неудовольствием отпустили новгородцы Всеволода; между тем младшие сыновья Мономаха, дяди Всеволода, восстали за Переяславль против великого князя,

предполагая, что он хочет сделать племянника наследником киевского престола. Один из этих князей, Юрий Владимирович[1325], поднял оружие против Всеволода и хотел взять Переяславль. Святой же, услышав об этом и избегая междоусобия, без кровопролития ушел из Переяславля в Новгород, оставив Переяславль князю Юрию.

Вольные новгородцы за это время уже успели забыть о благодетельном управлении Всеволода и не хотели было принимать его, но скоро одумались и пригласили к себе столь много благотворившего им князя. Вскоре после этого блаженный князь Всеволод, по требованию новгородцев, принужден был идти с новгородцами с походом на Суздаль и Ростов[1326]. Произошло кровопролитное сражение, но суздальцы и ростовцы одержали верх, хотя их пало более, чем новгородцев. В том же году блаженный князь вместе с благочестивым архипастырем Нифонтом основал великолепный каменный храм во имя святого Климента, но ему не удалось оканчивать его. В мае 1136 г. вспыхнул в Новгороде мятеж. Гордые своевольные новгородцы, в гневе за то, что не удалось им повеличаться победой над суздальцами, восстали против святого князя Всеволода и объявили его низложенным. «Нет нам от тебя помощи», – сказали они святому и изгнали его из Новгорода.

Тогда блаженный князь Всеволод пошел в Киев к дяде своему, великому князю Ярополку, сыну Владимира Мономаха. Ярополк дал Всеволоду в управление Вышгород[1327], но блаженный князь пробыл там недолго. Псковитяне, дорожа и благодеяниями и высокими качествами Всеволода, прислали выборных в Вышгород с усердным прошением, чтобы он пошел к ним княжить: в то время в Пскове не было князя. Святой Всеволод согласился и пошел княжить в Псков. На пути, когда он проходил мимо Полоцка[1328], князь полоцкий Василько, услышав о приходе святого, поспешно вышел к нему навстречу, обратился к святому с братским о Христе лобзанием и приветствием, дал ему много даров и проводил его с великим торжеством. Между тем жители Пскова вышли навстречу блаженному князю Всеволоду во главе с духовенством, с честными крестами, и так приняли его в город. И была великая

радость в Пскове по причине прихода святого. Равным образом и святой радовался по поводу прихода своего в Псков, как бы в горний Иерусалим, провидя духом, что честные мощи его будут положены в нем. И тотчас же начал княжить, справедливо управляя псковитянами до самой кончины своей. Благочестивый князь немедленно заложил каменный храм во имя Святой Троицы, оконченный в следующем году. Латинствующие народы все боялись самого имени святого и не смели нападать на Псков. Святой князь Всеволод княжил в Пскове один год с небольшим. Потом, по изволению Божию, он впал в тяжелую телесную болезнь; причастившись Пречистого Тела и Крови Христовых, на исход души своей, и, преподав мир домочадцам своим и всем гражданам псковским, он отошел к Господу и приложился к отцам своим, где все святые упокоеваются. Преставление блаженного князя Всеволода-Гавриила последовало в четверг Сырной недели 11 февраля 1138 года. Тело святого провожали с честью все граждане псковские, игумены и множество духовенства и положили в церкви святого великомученика Димитрия Солунского. Меч же и щит блаженного князя Всеволода поставлены были на его гробе, в похвалу и на утверждение города Пскова, где находятся и доныне в Троицком соборе. Спустя 52 года по блаженном преставлении святого благоверного князя Всеволода-Гавриила, мощи его были обретены нетленными. В 1192 г. святой князь явился в видении одному богобоязненному человеку и сказал: «Объяви властям, чтобы перенесли мощи в храм Святой Троицы: там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне город Псков, чтобы хранил я его».

Тогда же святые мощи его благоговейно перенесены были в Троицкий собор[1329]. С тех пор при гробе блаженного князя Всеволода начали истекать многоразличные исцеления с верой приходящим к его святым мощам, во славу Христа Иисуса, Господа нашего, Ему же подобает слава ныне, всегда и во веки веков.

Тропарь, глас 4:

Из млада явился еси, Богомудре княже Гаврииле, Божественный сосуд, избран Богови, благочестием воспитан,

веру непорочну соблюд и многи святыя церкви устроив, изгнание претерпел еси от своих, якоже и целомудрии прародители твои от брата убиение. С ними же предстоя Святей Троице, молися, Державе Российстей сохраненной быти и всем нам спастися.

Кондак, глас 8:

Многомудренно преселився во град Псков, блаженне княже Гаврииле, плод благий Богови в жизни сей был еси, присноцветущ добродетельми, и якоже Давид незлобием: того ради получил еси жизнь вечную на Небесех, всегда зря Святую Троицу. Моли избавитися нам от всяких бед, да зовем ти: радуйся, утверждение граду нашему.

Житие святого отца нашего Мелетия, архиепископа Антиохийского

Память 12 февраля

Святой Мелетий был сначала епископом Севастийским в Армении[1330], но потом следующим образом был возведен на архиепископский престол в Антиохии. Архиепископ Антиохийский Евдоксий[1331], последователь арианского заблуждения, прельщаемый богатством Константинопольского престола, захотел перейти туда, так как занимавший перед тем место архипастыря в Константинополе злочестивый еретик Македоний[1332] был извержен, а в царство Констанция[1333], сына Константина Великого, церковь Константинопольская изобиловала многими сокровищами и была гораздо богаче антиохийской и других церквей; поэтому Евдоксий, пренебрегая престолом антиохийским, начал домогаться престола Константинопольского. Узнав о происках своего архиепископа, жители Антиохии сильно обиделись на Евдоксия, негодуя на него за то, что он презирает свою церковь, и потому изгнали его. Отправившись в Константинополь, Евдоксий получил там престол[1334]; а жители Антиохии, собрав собор, совещались все вместе, кого бы выбрать на место Евдоксия; на этом соборе большую часть присутствующих составляли арияне, которые были тогда в большой силе; число же православных было невелико; к тому же их презирали и называли евстафианами, по имени святого Евстафия, который в бытность свою архиепископом Антиохийским потерпел изгнание за православную веру. На устах всех присутствующих на том соборе было имя святого Мелетия, все хотели иметь его у себя архиепископом, но особенно желали того ариане: ибо они считали его своим единомышленником и надеялись, что он и евстафиан склонит к их мудрованию и всю Антиохию научит арианскому заблуждению. Итак, на соборе общим голосом Мелетий был избран на архиепископскую кафедру; соборное постановление все подтвердили подписью своих рук и отдали его на сохранение бывшему на том соборе святому Евсевию,

епископу Самосатскому, мужу православному. Затем послали свою просьбу к святому Мелетию вместе с царской грамотой, и с великой честью при большом стечении народа привели его в Антиохию; прибытие в город этого святого мужа епископ Феодорит[1335] описывает так: «Когда призванный царем великий Мелетий приближался к Антиохии, ему вышли навстречу все, кто носил сан священника, церковнослужители и все граждане: здесь были и иудеи и неверующие, все желали одного – увидеть славнейшего Мелетия».

Так описывает это событие Феодорит. Итак, святой Мелетий был возведен на архиепископский престол в Антиохии, ибо был он муж достойный того, премудрый и исполненный святости; о нем свидетельствует и святой Епифаний, живший тогда же. Осыпая его похвалами, о нем так он пишет: «В великом почтении у нас тот муж (святой Мелетий), везде о нем идет добрая слава; в жизни своей он постоянен, честен, обычаи его достохвальны; народ любит его за непорочную жизнь; все весьма удивляются ему».

Так отзывается о Мелетии святой Епифаний. Насколько любил его народ, это видно из того, что при его посвящении каждый старался пригласить его к своему дому, желая, чтобы прибытие святого дало ему благословение.

Вступив на антиохийский престол, святой Мелетий стал ревностно поучать людей добродетельной жизни, благим нравам, приготовляя в сердцах их путь к истинному правоверию; ибо святой полагал, что с большим успехом он может всеять семена православия в души своей паствы, если сначала исправит злые нравы людей, исторгнув из сердечной нивы их терния и волчец. Тогда Мелетий поставил диаконом и великого Василия, пришедшего в Иерусалим из Антиохии. Другой знаменитый муж того времени, святой Иоанн Златоуст, в то время был еще небольшим отроком; он воспринял от святого крещение, был в числе народа, встречавшего Мелетия, а во время пребывания в Антиохии Василия он проходил книжное учение; впоследствии в своем похвальном слове святому Мелетию он описал тридцатидневное отлучение его от Церкви, которому подвергли святого еретики. Это произошло так. Весь

народ хотел точно знать, какого исповедания держится их новый архиепископ; когда просили об этом Мелетия, то он обратился к народу в церкви с проповедью слова Божия, в которой прославлял православную веру, утвержденную на первом Вселенском соборе, бывшем в Никее, исповедовал он также, что Сын Божий соприсносущен, соестественен, равен с Богом Отцом, что Он не создан, что Он – Творец всей твари. Так святой велегласно поучал народ; услышав это, архидиакон Антиохийской церкви, разделявший нечестивое учение Ария, подошел к своему архиепископу и дерзновенно рукой своей замкнул уста святого, чтобы он не мог ни исповедовать истинной веры, ни поучать православию. Хотя рука архидиакона и мешала говорить Мелетию, однако он, протянув свою руку к народу, перстами еще явственнее, чем языком исповедовал Святую Троицу: сначала он показал три перста, изображая таким образом Три Лица Божества; пригнув два, он оставил один, показывая так Единое в Трех Лицах Божество. Увидев то, архидиакон, отпустив уста святого, схватил его за руку, которая так ясно изображала Троицу. Освободившись, святой стал языком исповедовать и прославлять Единую Троицу, увещевал внимавший ему народ крепко и неотступно держаться исповедания, утвержденного на Никейском соборе: «Всякий, – говорил он, – кто отвергает догматы Никейского собора, – далеко стоит от истины». И так продолжалось долгое время: названный архидиакон или заграждал уста святителю, не давая ему таким образом говорить, или удерживал его руку, препятствуя ей изображать перстами Троицу, а святитель то устами, то перстами своими ясно проповедовал народу православную веру. Тогда православные, называемые еретиками «евстафианами», возвеселились великой радостью, видя на престоле апостольском такого благочестивого архиерея, и в ликовании восклицали, поддерживая истинное исповедание своего пастыря; сильно опечалились бывшим ариане. Они изгнали Божиего архиерея из церкви и всюду стали хулить его, утверждая, что он еретик, последователь учения Савеллия[1336]: они внушили также царю Констанцию, чтобы он осудил Мелетия и отправил бы его на заточение на родину в

Армению. Ночью святого вывели из Антиохии и отправили в Армению, а на место его был избран некий Евзой, последователь Ария, бывший во время избрания Мелетия еще диаконом.

Святой Евсевий, епископ Самосатский, видя, что в Антиохийской церкви происходит такое волнение от еретиков, которые изгнали неповинного своего епископа святого Мелетия, сожалел об этом весьма сильно. Встав, он вышел из Антиохии, не сообщая никому о том, и отправился в свой город. Узнав об уходе Евсевия, ариане вспомнили, что у него находится на сохранении грамота на архиепископство святого Мелетия, составленная и подписанная всем собором: они боялись, как бы святой Евсевий не стал обличать их когда-либо на соборе, что они сами себе единогласно выбрали архиепископа, а потом сами же и изгнали его: поэтому они упросили царя, который был тогда в Антиохии, чтобы он повелел послать за Евсевием и взять у него грамоту.

Царь тотчас же послал за Евсевием всадника, с тем чтобы он как можно скорее настиг епископа. Когда посланный настиг Евсевия и передал ему царское повеление, святой епископ отвечал: «Я не могу теперь отдать грамоты, а отдам ее только тогда, когда все вверившие мне ее соберутся опять вместе».

Так посланный вернулся к царю, не добившись ничего. Тогда царь сильно разгневался и, написав послание, отправил его к святому Евсевию; в этом послании было сказано, что, если Евсевий не отдаст грамоты, ему отсекут правую руку. Царь написал так для того, чтобы только устрашить святого, приводить же свою угрозу в исполнение он запретил посланному. Когда царский посол вторично прибыл к святому епископу и вручил ему грозное послание, Евсевий, прочитав его, простер обе свои руки со словами: «Вы можете отсечь не только одну правую руку, но даже и левую, но грамоты я не отдам, ибо она явно обличает злобу и беззаконие ариан».

Снова пришлось возвратиться послу ни с чем. Услышав такой ответ святого, царь весьма удивился неустрашимому мужеству и неизменному постоянству Евсевия и впоследствии пред многими отзывался о нем с великими похвалами.

После свержения святого Мелетия с архиепископского престола православные отделились от ариан; они взяли себе одну церковь, стоявшую за городскими стенами на месте, называемом Палея, и в церкви той пресвитер Павлин совершал для них службы по чину Православной Церкви. Спустя несколько лет царь Констанций умер, а на его место вступил Юлиан Отступник[1337]. В начале своего царствования Юлиан лицемерно показывал себя благочестивым, освободил всех бывших в изгнании епископов и повелел им возвратиться на свои престолы. Тогда, в силу царского повеления, и святой Мелетий возвратился из своего заточения в Антиохию. Он нашел, что в этом городе церковь православных разделилась на две части: одни ожидали возвращения на архиепископский престол его, святого Мелетия, другие же, не дожидаясь его, избрали епископом вышеупомянутого пресвитера Павлина; последние назывались тогда павлинианами, а первые мелетианами: причиной разделения было также и то, что павлиниане не принимали в общение с собой тех из последователей учения Ария, которые возвратились в Православие через учение святого Мелетия, а не принимали они к себе таковых по двум причинам: во-первых, эти лица получили крещение от ариан, во-вторых, потому, что и сам святой Мелетий был избран на архиепископство Антиохийское и арианами, которых на соборе было более православных: обе эти части одинаково держались православных догматов, но поводом к разделению служили только описанные обстоятельства. Вернувшись, святой стал ревностно заботиться о том, чтобы снова соединить разделившееся стадо Христово. Кроткий и смиренный сердцем архиепископ не отрицал и епископства Павлина, но признавал его, а сам пас новое стадо – именно обратившихся из арианства в Православие, которых тогда павлиниане не принимали в общение. Когда же беззаконный Юлиан, утвердившись на престоле, явно отвергся от Христа и стал поклоняться идолам, тогда снова святой Мелетий был изгнан из Антиохии. По всему обширному царству Юлиана было воздвигнуто на христиан гонение, которое особенно было сильно в Антиохии. Беззаконный царь,

отправляясь в поход со всем своим войском в Персию, прибыл в Антиохию: здесь он приносил много жертв идолу Аполлона, стоявшему на месте, называемом Дафна: это место находилось в предградии Антиохийском: здесь были положены и мощи святого мученика Вавилы с тремя младенцами. Однажды царь спросил лживого своего бога Аполлона, некогда дававшего людям ответы, победит ли он персов? Идол ничего не отвечал ему, ибо с тех пор, как были перенесены в то место мощи святого Вавилы, бес отбежал оттуда: с того времени и перестал давать ответы идол, прежде много предсказывавший, ибо сей бес прорицал через идола. Царь был опечален, что идол перестанет давать предсказания: узнав от тамошних жрецов, что мощи Вавилы были причиной молчания идола Аполлона, он приказал галилеянам – так называл он христиан – взять оттуда те мощи. Лишь только они были взяты, на храм Аполлона с небес ниспал огонь и сжег капище вместе с идолом: это очень опечалило и посрамило нечестивых жрецов, и они решили отомстить христианам. Для этого они стали говорить перед царем, что галилеяне из ненависти зажгли ночью храм Аполлона. Тогда царь исполнился ярости на христиан: он приказал преследовать и гнать их, тогда же и святой архиепископ Мелетий был изгнан из города; другие христиане, добровольно убежав из Антиохии, скрывались в тайных убежищах. Тогда были подвергнуты мучению и два святых пресвитера антиохийских – Евгений и Макарий, и святой Артемий. Когда богоненавистный этот царь Юлиан погиб ужасной смертью, на царский престол вступил благочестивый и христолюбивый Иовиан[1338]. Тогда опять святой Мелетий стал пастырем и учителем Православия в Антиохии, и царь Иовиан почитал преподобного и сильно любил. Поэтому и ариане стали бояться святого. Некоторые из их епископов стали даже лицемерно покровительствовать православному исповеданию, желая тем угодить царю и Антиохийскому архиепископу Мелетию.

В то время собрался Поместный собор в Антиохии, собранный святым Мелетием и Евсевием Самосатским. На нем ариане исповедали Единосущие Сына с Отцом и признали

правой веру, утвержденную на I Вселенском соборе в Никее; но это их исповедание было неискренне и ложно, ибо когда вскоре после этого умер царь Иовиан и на престол вступил Валент[1339], еретики ясно доказали, что они не отстали от своего зловерия; они обратили в свое заблуждение даже и царя через жену его Домникию. Тогда снова стали гнать церковь православных, снова стали изгонять ее пастырей: этот нечестивый царь Валент пробыл долгое время в Антиохии, утверждая там и насаждая ересь арианскую; наущаемый еретиками, он изгнал и святейшего архиепископа Мелетия; и находился в изгнании святой до самой смерти Валента.

После Валента на престол вступил благочестивый царь Грациан[1340]; тогда снова были возвращены из заточения царским повелением православные архиереи, которые беспрепятственно заняли свои престолы. Тогда и святой Мелетий уже в третий раз возвратился в Антиохию на свой престол, но разногласие между верными из-за двух архиереев – Павлина и Мелетия еще продолжалось: все еще одни считали архиереем одного, другие же другого, причем обе стороны чуждались друг друга; святой приложил все свое старание к тому, чтобы примирить тех и других. Тогда благочестивый и христолюбивый царь Грациан издал для всей своей области повеление, в силу которого все церкви должны быть отобраны у ариан и возвращены православным. С таким царским повелением прибыл в Антиохию некий князь по имени Сапор. Перед царским посланником и обратился святой Мелетий к епископу Павлину с такими словами: «Поелику и мне Господь поручил заботиться об этом стаде и ты некоторую часть из них взял от меня под свое руководство, сами же овцы ничем не отличаются друг от друга в вероисповедании, то соединим стадо, брат мой, прекратим всякий спор из-за первенства, будем вместе пасти словесных овец, сообща будем заботиться о них. Если же обладание архипастырским престолом производит распрю между нами, то я постараюсь истребить ее: я положу на сей престол Божественное Евангелие, и поступим так: оба мы сядем по обе стороны Евангелия, и, если я первый окончу свое жизненное поприще, то ты один будешь пасти

стадо: если же ты первым отдашь свою душу Богу, то я по силе моей буду заботиться о пастве». Так предложил святой Мелетий, отличавшийся необычайной кротостью, но Павлин не согласился на такое предложение. Тогда князь Сапор возвестил о том царю и, получив от него ответное послание, отнял соборный храм вместе с другими церквами у ариан и отдал его святейшему Мелетию, а Павлин продолжал пасти тех овец, которых он некогда взял у Мелетия. Итак, святой архиепископ принял тот престол, на который был единогласно избран соборным постановлением. Ревностно и мудро он стал управлять своею паствой в мире и тишине до самой блаженной своей кончины. Ариане уже не могли более возвышаться и причинять утеснение Христовой Церкви и ее добрым пастырям: в особенности же они не могли более преследовать святого Мелетия, который сиял как солнце, озаряя Церковь и прогоняя тьму ересей. Следуя его поучениям, многие антиохийцы преуспевали в добродетелях и православной вере и подобно ему стали совершенными светилами Церкви. Таков был Флавиан[1341], который после Мелетия вступил на престол его, Акакий, бывший впоследствии епископом Верийским, Диодор Тарсийский, Елпидий, доместик Мелетиев, занимавший потом епископскую кафедру в Лаодикии. В особенности же известны святой Иоанн, впоследствии нареченный Златоустым, который был рукоположен в диаконы святым Мелетием, и друг Иоанна, Василий, не Кесарийский, но другой, равноименный с последним, но только более молодой, уроженец Антиохии, возраставший вместе со святым Иоанном. Эти и многие другие украшали и просвещали потом Церковь Христову, каждый в своем месте, подобно свечам в подсвечнике. В то время в стране Сирской, где находилась и Антиохия, начал свой подвиг и святой Симеон[1342], который потом вошел на столп, а сначала сковал себя железной цепью на высоком холме, как о том рассказывается в его житии. Услышав о том, блаженный Мелетий пришел к нему и, увидев его в узах, сказал: «Человек может владеть собой и без оков, не железной цепью, но волей и разумом своим привязать себя к одному месту».

Услышав эти слова, преподобный Симеон принял этот совет; он снял оковы и связал себя свободной своей волей, чтобы быть добровольным узником Иисуса Христа.

Незадолго до блаженной кончины святого Мелетия воцарился благочестивый Феодосий[1343], который был сначала знаменитым воеводой у царя Грациана и пользовался большим почетом за свою храбрость, ибо он часто со славой побеждал варварские полки. Этот Феодосий, еще до вступления своего на царский престол, видел однажды во сне архиепископа Антиохийского, святого Мелетия; ранее он никогда его не видел наяву, но только слышал о нем. Во сне Феодосий видел, будто Мелетий стал рядом с ним и возложил на него царскую хламиду и венец царский. Проснувшись, Феодосий рассказал о своем видении одному из своих домашних и изумлялся, что бы это могло обозначать; вскоре после этого видение то исполнилось на самом деле. Царь Грациан, убедившись, что одному ему невозможно управлять востоком и западом вследствие обширности империи, и видя, что отовсюду грозят варвары, избрал помощником себе для управления государством воеводу Феодосия, как добродетельного, храброго и православного мужа: ему-то и поручил он всю восточную половину империи, которой сначала обладал царь Валент, а сам взял себе западную часть. Приняв восточную половину и победив наступавших на Фракию готов, Феодосий прибыл в Константинополь и пожелал увидеть святого Мелетия, который, как ему представилось в сонном видении, венчал его на царство. В то время, по согласию святых великих отцов, православных архиереев, и по изволению благочестивых царей Грациана и Феодосия начал собираться в Царьграде II Вселенский собор[1344]. Епископы со всей вселенной царскими посланиями призывались на сей собор. Тогда прибыл в Константинополь и святейший архиепископ Антиохийский Мелетий. Царь Феодосий приказал боярам и своим домашним, чтобы никто не указывал ему святого Мелетия: он сам хотел узнать его, судя по тому лицу, которое он видел во сне, и окончательно убедиться, что действительно Мелетий, а не другой какой-либо архиерей венчал его в видении на царство.

Когда большой собор епископов входил в царскую палату, царь, смотря на них, тотчас увидел и узнал святого Мелетия. Оставив всех и подойдя, он припал к стопам Мелетия и стал лобызать руки, перси, очи, уста, главу святого, словно почтительнейший сын встречал своего отца, которого давно желал видеть. Перед всеми царь рассказал, как явился ему в видении этот святой, надевая на него царский венец и порфиру, и оказывал ему предпочтение перед всеми архиереями. На том соборе святой Мелетий удивил всех следующим чудесным знамением. Когда ариане неправославно мудрствовали о Святой Троице и своим злочестивым учением развращали благочестивую веру, тогда сей Божественный муж, встав, показал людям, которые просили его поучения, три перста в знамение Трех Лиц Святой Троицы: затем, соединив два перста и пригнув один, он благословил людей. В то время его осенил огонь, словно молния, и святой громко воскликнул: «Три Ипостаси мы разумеваем и об Одном Существе беседуем».

Так святой Мелетий всех удивил, посрамил еретиков, а православных укрепил в вере православной: утвердил он также и святого Григория Богослова на патриаршеском Константинопольском престоле. Вскоре после этого, когда собор еще не состоялся и еще не все епископы съехались в Константинополь, святой Мелетий мало поболел, мирно предал Господу свою душу[1345], повергнув царя, архиереев и весь православный народ в сильную скорбь. Все с честью погребли сего славного архипастыря и перенесли в Антиохию: здесь его честное тело положено было близ священномученика Вавилы на защищение города во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Кондак, глас 6:

Духовнаго твоего дерзновения убоявся, отступник бегает Македоний: молитвенное же служение совершающе твои раби, любовию притекаем, Ангелом собеседниче, Мелетие, огненный мечу Христа Бога нашего, вся безбожныя закалаяй: воспеваем тя светильника, просветившаго вся.

Житие святого отца нашего Алексия, митрополита Московского и всея России чудотворца

Память 12 февраля

Святой чудотворец Алексий, митрополит Российский, происходил из боярского рода. Родители его Феодор и Мария были бояре Черниговского княжества. Святой Алексий родился в Москве[1346] при московском князе Даниле Александровиче[1347], сын и наследник которого князь Иоанн Даниилович[1348], бывший тогда еще отроком, был восприемником Алексия в святом крещении, причем младенцу было наречено имя Елевферий. Когда он подрос, его отдали учителям для книжного учения. Однажды, когда Елевферию было двенадцать лет, он как-то в поле расставлял сети для ловли птиц. В это время отрок случайно уснул и услышал голос: «Зачем, Алексий, ты напрасно трудишься? Я сделаю тебя ловцом людей».

Пробудившись ото сна, отрок никого не видел вокруг и сильно дивился тому, что он слышал. С этого времени он стал много думать и размышлять, что должен значить этот голос. Возлюбив Бога с юного возраста, он оставил своих родителей, отказался от женитьбы и, желая поработать Единому Владыке Христу, пришел в Богоявленский монастырь в Москве и здесь постригся в иноки, причем в пострижении ему дали то имя, которое он слышал в сонном видении – Алексий[1349]. Тогда игуменом в Богоявленском монастыре был Стефан, брат великого чудотворца Сергия Радонежского; он сам постриг святого Алексия, которому шел тогда двадцатый год от рождения.

С того времени до сорокалетнего возраста святой Алексий неустанно трудился; постился, молился каждую ночь и упражнялся в других иноческих подвигах, так что многие дивились его ревности. За его богоугодную жизнь все почитали и уважали святого Алексия; даже сам великий князь Московский Симеон Иоаннович[1350] и митрополит Феогност[1351] сильно

любили его. За многие добродетели он был поставлен епископом города Владимира[1352].

Когда преставился митрополит Феогност, великий князь Московский Иоанн Иоаннович[1353], принявший бразды правления после брата своего великого князя Симеона, по соборному постановлению избрал в митрополита святого Алексия и послал его на посвящение в Царьград к святейшему патриарху Филофею[1354]. Филофей поставил святого Алексия митрополитом Киевским и всея России. По возвращении из Царьграда святой Алексий принял на себя управление Церковью Русской[1355] и еще более стал подвизаться, к одним подвигам прилагая другие, и был светильником для всех, подавая пример словом, делом и жизнью, верой и чистотой, духом и любовью.

Слава о святителе Алексии распространилась не только между верующими христианами, но даже и среди неверных магометан, которые не знали Христа. Супруга хана татарского Джанибека Тайдула три года назад лишилась зрения. Слыша, что Бог творит многие чудеса по молитвам святого Алексия, Джанибек послал к великому князю Московскому Димитрию Иоанновичу[1356] с просьбой, чтобы он прислал к нему этого человека Божия, дабы он, помолившись о его царице Богу, дал ей прозрение. При этом Джанибек дополнил:

«Если царица получит исцеление по молитвам того человека, ты будешь иметь со мною мир. Если же ты не пошлешь его ко мне, то я разорю огнем и мечом твою землю».

Когда это прошение Джанибека пришло в Москву, святой Алексий восскорбел, считая это делом выше своих сил. Но, по просьбам великого князя Димитрия, он все-таки отправился к хану Джанибеку. Перед своим отшествием из Москвы он совершил с духовенством молитвенное пение в соборном храме в честь Успения Пресвятой Богородицы. Во время этого молебствования свеча у гроба святого чудотворца Петра зажглась сама собой, и все видели это чудо. Из этого святой Алексий уразумел, что Господь благоволил ему возвестить, что путешествие его будет благополучно. Взяв некоторую часть воска от той свечи и изготовив из него малую свечу, святитель

вместе со своим клиром стал готовиться в дорогу, твердо уповая на милость Божию.

Еще до прибытия блаженного в столицу монголов царица в сонном видении узрела святителя Божия Алексия в архиерейской одежде в сопровождении иереев. Пробудившись, она тотчас приказала изготовить драгоценные облачения для архиерея и священников по тому образцу, как она видела в сонном видении. Когда святой Алексий приближался к столице татар, Джанибек вышел навстречу ему с великой честью и ввел его в свои палаты. Святитель, начав молебное пение, повелел возжечь ту малую свечу, которую он взял с собой. После продолжительной молитвы он окропил освященной водой царицу, и та тотчас прозрела. Хан со своими вельможами и все бывшие там весьма изумлялись этому дивному и славному чуду и воссылали хвалы Богу. Почтив Алексия[1357] и бывших с ним и щедро наградив их, Джанибек отпустил их с миром.

Возвратившись из Орды, святой Алексий, по прошествии некоторого времени, принужден был снова отправиться в Орду. Хан Джанибек умер, а на его престол вступил жестокий и кровожадный сын его Бердибек. Убив своих двенадцать братьев, он хотел идти со своим войском на русскую землю. Тогда, по просьбе великого князя Иоанна, святой Алексий отправился в Орду к Бердибеку и своей кроткой, разумной беседой укротил ярость жестокого хана. Исходатайствовав пред грозным владыкой мир для христиан, святой Алексий возвратился в Москву, ибо сюда был перенесен святым Петром, митрополитом Киевским, престол Киевской митрополии вследствие частых войн и вторжений варварских народов.

Когда скончался великий князь Иоанн, на рамена святителя пала опека над несовершеннолетним князем московским Димитрием Иоанновичем. Власть великого князя выпросил себе в Орде суздальский князь Димитрий Константинович[1358]. Святитель должен был благословить суздальского князя на великое княжение, но решительно отказался исполнить просьбу великого князя жить во Владимире, оставаясь благопопечительным отцом для юного князя Димитрия Иоанновича. В Орде между тем шли смуты; каждый год

являлось по несколько ханов, истреблявших один другого; в 1362 году явилось два хана соперника. Юный Димитрий выпросил у одного из них звание великого князя России и заставил Димитрия Константиновича удалиться из Владимира. Святитель Алексий с радостью благословил питомца своего на великое княжение чудотворной Владимирской иконой Богоматери. Он был душой советов и дел князя Димитрия; трудами святителя росла и крепла власть великого князя Московского.

Между тем святитель Алексий занимался строением обителей иноческих. Так, он построил на берегу р. Яузы храм во имя Господа нашего Иисуса Христа, в честь Нерукотворенного Его Образа, устроил при этом храме монастырь и ввел в нем общежительный устав[1359]. Старейшинство в новой обители он вручил Андронику[1360], ученику святого чудотворца Сергия. Кроме сего монастыря, святитель Алексий построил еще другие церкви и монастыри в Москве и в других городах русских. Так, он построил в Москве каменную церковь во имя святого Архистратига Михаила, в честь славного чуда его, бывшего в Хонех[1361], и устроил монастырь, доныне именуемый Чудовым[1362]; при этом святитель заповедал положить здесь свое тело. Много других дел, достойных памяти, славных и дивных, соделал святитель Алексий во славу Божию, и добре пас свое словесное стадо до самой своей кончины.

Предузнав о своем отшествии к Господу, святитель совершил Божественную службу и причастился Святых Таин. Пожелав всем пребывать в мире, он воздал всем последнее целование и спокойно предал Господу свою душу 12 февраля 1378 года[1363]. Святительский престол этот великий служитель занимал 24 года, всех же лет жизни его было 85. С подобающею честью тело его было погребено в созданном им храме во имя Архистратига Михаила в приделе Благовещения Пресвятой Деве.

Спустя много лет обретены были святые и многоцелебные его мощи вполне нетленными[1364]. Даже ризы на почившем святителе были совершенно целы, как будто их надели

накануне. После чего эти святые мощи были перенесены в церковь, построенную во имя этого угодника Божия.

От них и доселе источаются, как бы от неиссякаемого источника, многие исцеления, и подается святыми его молитвами помощь всем с верой припадающим к ним по неизреченному милосердию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Яко апостолом сопрестольна, и врача предобра, и служителя благоприятна, к раце твоей честней притекающе, святителю Алексие Богомудре, чудотворче, сошедшеся, любовию в память твою светло празднуем, в песнех и пениих радующеся и Христа славяще таковую благодать тебе даровавшаго исцелений и граду твоему великое утверждение.

Другой тропарь, глас 4:

Апостольских догмат опасна хранителя, Церкве Российския пастыря и учителя, преблаженнаго Алексия святителя память празднующе, славословим Христа Бога нашего песньми достодолжными, даровавшаго нам угодника Своего, яко обильный источник, точащ врачевания, граду же Москве похвалу и утверждение.

Кондак, глас 8:

Божественнаго и пречестнаго святителя Христова, новаго чудотворца Алексия, верно вси поюще людие, любовию да ублажим, яко пастыря великаго, служителя же и учителя премудра земли Россйистей. Днесь, в память его притекше, радостно возопием песнь Богоносному: яко имея дерзновение к Богу, многообразных нас избави обстояний, да зовем ти: радуйся, утверждение граду нашему.

Житие преподобной Марии, подвизавшейся в мужском образе под именем Марина, и отца ее преподобного Евгения

Память 12 февраля

В Вифинии[1365] жил один благочестивый человек по имени Евгений. Жена его также была богобоязненна и имела страх Божий в сердце своем. У них была единственная дочь – Мария. Когда мать ее умерла, Евгений воспитал дочь свою в заповедях Господних. Когда отроковица возросла, отец сказал ей:

– Возлюбленная дочь моя, вот я отказываю тебе все свое имение, а сам пойду в монастырь спасать свою душу.

Отроковица же возразила отцу своему:

– Отец мой, ты сам хочешь спастись, неужели ты небрежешь спасти и меня. Ведь ты знаешь, что Господь сказал в Евангелии: «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин.10:11); ибо тот, кто спасает чью-либо душу, как бы созидает ее.

Услышав это, Евгений был весьма рад, что дочь его так благочестива. А юная Мария, ведя беседу с отцом, рыдала.

– Любезная дочь, – сказал Евгений, – не знаю, как мне поступить с тобою. Ведь ты женского пола, я же пойду в монастырь мужской. Как же ты можешь пребывать там вместе со мною? Диавол может твоим видом ввести кого-либо в грех.

Услышав это, отроковица сказала:

– Отец, я не войду в мужской монастырь в образе жены. Я остригу мои волосы, надену мужское одеяние, войду вместе с тобою в монастырь, и никто не узнает, что я жена.

Услышав это, блаженный Евгений возрадовался еще сильнее; раздав нищим и убогим, сиротам и вдовицам все свое имение, он постриг свою дочь, дал ей мужское одеяние и назвал ее Марином вместо Марии.

– Дочь моя, – сказал он ей, – ты должна соблюдать себя и скрывать твой пол; ты знаешь, что жены в монастырь не входят,

ты будешь посреди мужей, как бы посреди огня; соблюдай свое девство. Если мы исполним наше обещание, то сподобимся быть наследниками Царства Небесного.

Помолившись Богу, Евгений вместе с дочерью своею, облеченной в мужские одежды, вступил в монастырь. Оба они стали подвизаться среди других иноков. Дочь его день от дня все более и более успевала в добродетельной жизни. Она отличалась своим послушанием, смирением и всегда стремилась на большие подвиги. Прошло несколько лет. Иноки того монастыря считали ее за евнуха, ибо у нее не было усов и бороды, и голос ее был тонок. Другие же думали, что такой голос у Марина вследствие его великих подвигов и поста, ибо Марин принимал лишь немного пищи и то не ежедневно, а через день.

Спустя некоторое время преподобный Евгений преставился к Богу в иноческом чине, так что дочь его Мария, или иначе отрок Марин, осталась сиротой. С этого времени она еще более стала подвизаться, умерщвляя тело свое многими трудами и воздержанием. Благодатью Божией она до того преуспела в добродетелях, что получила даже власть над духами злобы: к ней часто приводили страждущих от нечистых духов; святая возлагала на них руки, молитвой своей изгоняла из них бесов, и больные становились совершенно здоровыми.

В этом монастыре было всего 40 человек братии, украшенных всякой добродетелью и духовной мудростью. Ежемесячно из числа братии 4 инока были посылаемы на огороды ради монастырских потреб, ибо монастырь тот имел села, удаленные от обители на значительное расстояние. Посредине, на пути между монастырем и огородами, находилась гостиница, в которую заходили для отдыха братия, идущие на работу или возвращающиеся оттуда. Сам хозяин той гостиницы с любовью относился к инокам, отвел им особое помещение и заботился о них. Враг человеческий, не терпя столь добродетельного жития юной отроковицы в мужском образе, ее любви к Богу, усердия в трудах и иноческих подвигах и неуклонного терпения, восстал на нее. Он хотел воспрепятствовать ей в ее подвиге и обесславить ее. Он

хитрым своим коварством устроил следующее. Однажды игумен того монастыря призвал к себе инока Марина и сказал ему: «Брат Марин, я знаю твою добродетельную жизнь, знаю, что ты подвизаешься в послушании, не откажись, сходи на монастырские работы. Ведь некоторым инокам неприятно, что ты неисходно пребываешь в монастыре и никогда не выходишь на огороды для работы, потребной для нашей обители. Отправься туда, чадо, и получишь множайшую мзду от преблагого Бога, ибо и Он Сам не возгнушался послужить Своим ученикам». Услышав это, Марин упал ниц пред игуменом и сказал: «Благослови меня, честный отче: я пойду, куда ты велишь».

Вместе с другими тремя иноками Марин отправился на монастырские работы. Дорогой он ночевал в упомянутой гостинице. У хозяина же той гостиницы была дочь, уже совершенно взрослая. Некий воин, ночуя в той гостинице, растлил ее, и она зачала. Тот же воин научил ее сказать своим родителям, что в падении ее виновен Марин. Когда родители ее спросили дочь свою, кто ее обольстил, она указала на Марина. Сильно опечалился ее отец. Он отправился в монастырь и с гневом стал кричать:

– Где у вас здесь сей лукавый и ложный христианин, который выдает себя за инока?

К нему вышел монастырский ключарь со словами:

– В добрый час ты пришел, но отчего же так печален, почему ты восклицаешь с таким гневом? Смирись, молю тебя.

На это гостиник отвечал:

– Проклят тот час, когда я свел знакомство с вашим монастырем. Горе мне! Что за несчастие случилось со мною. Как мне быть, не знаю.

Игумен, услышав об этом, призвал к себе гостиника и спросил, что с ним случилось, чем он столь опечален, чего желает он.

– Чего я хочу? – сказал гостиник, – я хочу, чтобы мне никогда и нигде не видеть ни одного инока и не говорить с ним.

Когда игумен спросил, почему он так говорит, гостиник отвечал:

– У меня была единственная дочь. Я думал, что она успокоит меня на старости – и вот что сделал с нею Марин, которого вы считаете добрым и благонравным христианином, – он обесчестил мою дочь, и она зачала от него во чреве своем.

Услышав это, игумен сильно удивился и отвечал гостинику:

– Что мне делать: сейчас Марина нет в монастыре, ибо он еще не возвратился с монастырских работ. Когда же он придет, я немедленно изгоню его из монастыря.

Между тем возвратился в обитель Марин вместе с прочими тремя иноками. Игумен тотчас призвал его и сказал:

– Таково ли, брат, твое житие, таков ли твой подвиг: ночуя в гостинице, ты растлил дочь хозяина той гостиницы, и теперь она непраздна. Отец ее пришел сюда и всячески поносил нас из-за тебя.

Услышав это, Марин упал в ноги пред игуменом и сказал ему:

– Отче, прости меня грешного, прости Господа ради, я согрешил, как человек.

Тогда игумен, сильно разгневанный этим, с бесчестием изгнал Марина из монастыря.

По изгнании из монастыря неповинный Марин пребывал пред воротами обители; сидя здесь без одежды, он терпеливо переносил и зной и холод. Входящие в монастырь или выходящие из него спрашивали его:

– Почему, авва, ты сидишь здесь обнаженным, перенося сии лишения?

– Я согрешил, – отвечал Марин, – и поэтому изгнан из монастыря.

Между тем дочь гостиника родила отрока; отец ее, взяв этого младенца, пришел к монастырю и, найдя Марина сидящим пред вратами, бросил пред ним младенца и ушел. Взяв его, Марин с рыданием говорил: «Увы мне окаянному и отверженному. Воистину я, скверный, воспринимаю достойное по делам моим, но сей бедный младенец почему должен страдать и умереть у меня?»

Марин начал просить у пастухов молока и им кормил младенца, как настоящий отец. Мало того, что Марин

претерпевал постоянно зной и голод, насмешки и скудость во всем, даже уход за младенцем доставлял ему много трудов и забот. Часто младенец грязнил его одежды, но преподобный Марин все то безропотно переносил в течение 3 лет, терпя и благодаря Бога. По прошествии трех лет братия стала жалеть о Марине. Иноки, собравшись, пришли к игумену и сказали ему: «Отче честный, довольно покаяние Марина; ныне мы просим тебя, прими его в монастырь. Ведь он раскаялся и перед всеми рассказал о своем падении».

Но игумен не хотел послушать их просьбы и опять принять Марина. Тогда иноки снова стали просить его и сказали:

– Если ты не примешь в монастырь брата Марина, то и мы все уйдем. Ведь как мы можем просить Господа, чтобы он оставил наши согрешения, когда мы сами не отпускаем их нашему брату, который уже три года страждет без покрова пред вратами нашей обители.

Услышав это, игумен отвечал инокам:

– Истинно, ради греха, который содеял Марин, он недостоин войти сюда, но ради вашей любви и вашего прошения я принимаю его.

Призвав Марина, игумен в присутствии всех иноков сказал ему:

– Брат, ради греха, содеянного тобою, ты недостоин занимать прежнее твое первое место среди братии. Но ради любви братии, которая просила меня за тебя, я даю тебе в монастыре последнее место – и должен ты быть последним среди иноков.

Со слезами Марин сказал игумену:

– Честнейший отче, для меня уже и того много, что ты позволяешь мне войти в монастырь, где могу я послужить всей братии.

Приняв Марина, игумен велел ему исполнять самые трудные и последние работы в монастыре. Святой Марин исполнял их с великим тщанием, в сокрушении сердца, в полном смирении. Вместе с ним был и отрок, который, следуя постоянно за Марином, называл его как отца и просил у него пищи. Преподобный Марин заботился о воспитании отрока.

Когда он подрос, то, по молитвам своего мнимого отца, стал преуспевать в смирении и молитвах: был любим всеми за свою добродетель и принял иноческий сан. Но это случилось уже по преставлении святого Марина, блаженная кончина которого происходила так.

Христос видел веру и терпение невесты Своей, потрудившейся во имя Его в мужском образе, перенесшей столь великие напасти и злострадания. И восхотел Господь утешить ее в скорбях и дать ей успокоение от ее многих трудов и вселить ее в райские обители. По Божию изволению она преставилась в своей келье – и никто не знал этого. Игумен, видя, что Марин уже три дня не приходит в церковь и на монастырские работы, спросил иноков: «Вот уже три дня прошло, как я не вижу Марина. Первым он всегда приходит к началу богослужения, а ныне нет его. Сходите к нему в келью и узнайте, не приключилась ли с ним какая болезнь».

Братия, отправившись, нашли, что Марин предал Господу свою душу; возле него сидел плачущий отрок. Братия немедленно сообщили игумену, что Марин преставился. Услышав это, игумен удивился и сказал:

– Душа его покинула тело его; какой ответ он даст Господу о своих согрешениях?

После этого он повелел, по обычаю, приготовить тело Марина для погребения. В это время иноки увидели, что брат Марин был женского пола. Они ужаснулись и все единогласно начали взывать: «Господи, помилуй!»

Игумен, услышав их восклицания, удивился и сказал:

– Что это такое? Ему отвечали:

– Брат наш Марин – естеством жена.

Игумен, приблизившись к преподобной, увидел эту дивную неожиданную вещь, упал на землю и, касаясь к ногам святой, взывал: «Прости меня, Господи Иисусе Христе, что в своем неведении я согрешил и столь много опечалил святую и чистую Твою невесту».

И снова, припав к ногам святой, взывал: «Здесь я умру при честных твоих ногах или буду призывать до тех пор, пока не получу прощения моих согрешений, коими я оскорбил тебя».

Так он долго плакал и рыдал. Вдруг с неба раздался глас: «Если бы ты совершил сие в ведении, то не было бы тебе прощено сие, но ты согрешил в неведении, поэтому ныне прощаются тебе грехи твои».

Тогда игумен, встав от честных мощей, послал сказать гостинику: «Приди к нам немедленно, я имею нечто сказать тебе».

Когда гостиник пришел в монастырь, игумен сказал ему:

– Брат Марин умер.

Он же отвечал:

– Бог да простит ему его грех! Но игумен прервал его, сказав:

– Покайся, брат, ибо ты согрешил пред Господом и меня прельстил своими речами и я согрешил из-за тебя. Марин – жена!

Услышав это, гостиник пришел в ужас и молчал, словно был немым. Игумен же, взяв его за руку, повел его к тому месту, где лежало святое тело блаженной Марии, и сказал ему, что напрасно он винил Марина в растлении его дочери. Увидев такое дивное чудо, гостиник стал плакать и раскаиваться в своем озлоблении, которое он имел прежде на святую. Между тем игумен вместе с иноками при пении надгробных песнопений честно положили чистое девственное тело непорочной невесты Христовой в монастыре в особо приуготованном месте. Сюда пришла и дочь гостиника, которая мучима была нечистым духом. Она открыто перед всеми рассказала всю истину. Когда ее подвели ко гробу святой Марии, нечистый дух тотчас вышел из нее, и она с того часа стала совершенно здоровой. Все, видевшие это чудо, прославили премилостивого Бога и Его святую угодницу Марию, которая неведомо для всех до смерти хранила тайну и многое претерпела ради Царствия Небесного[1366].

Да будем и мы, братие, подражать ее мученичеству, твердости и терпению; тогда и мы получим в будущей жизни благодать от великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава вместе с Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святого Антония, патриарха Константинопольского

Память 12 февраля

Родиной святого Антония была Азия, но вся жизнь его от младенчества и до блаженной кончины протекла в столице греческой империи Константинополе[1367]. В этом городе преподобный был вскормлен, провел свои детские и юношеские годы, получил образование и, наконец, стал епископом. О высоком служении святого церкви в сане епископа было весьма много предзнаменований. Между прочим, будучи еще младенцем, он внимательно присматривался к тому, как совершать проскомидию, как держать кадило, как вообще отправлять в храме Божественную литургию. Так, благодать Божия подготовляла преподобного еще с младенческих лет его к совершению богослужения. Достигнув совершеннолетия, святой Антоний в одной из Константинопольских обителей принял иночество и доблестно стал проходить подвиги иноческой жизни. Строгостью своих подвигов он вскоре обратил на себя внимание и, против своего желания, был рукоположен сперва в сан пресвитера, а потом, по повелению патриарха, поставлен и игуменом. В это время и отец преподобного вступил в иноческое звание. Неся новые труды игуменства, святой Антоний сверх того неизменно продолжал и обычные свои подвиги, пребывая в постоянном бодрствовании, посте и непрестанных молитвах. Проводя таким образом время, он занимался еще тем, что своими руками раздавал милостыню бедным. И вот в то время, когда этот великий подвижник, проходя свою многотрудную иноческую жизнь, совершал дела милости, однажды кто-то принес ему мешок золота и, подавая его, сказал: «Возьми это для раздачи нищим».

При этих словах явилась преподобному только рука, держащая мешок с золотом, а сам подававший его был невидим. С этого времени преподобный в изобилии стал раздавать милостыню всем, достойным ее.

Наступило время, когда патриарший престол в Константинополе стал праздным, и преподобный Антоний, по единогласному избранию епископского собора и императора, был возведен на кафедру Константинопольского патриарха[1368]. В это время он уже был в преклонном возрасте, но, невзирая на слабость своих старческих сил, крепкий силой Святого Духа, он обошел все церкви своей патриархии, преодолевая временные свои недуги, насколько это в его возрасте было возможно, силой молитвы. Видя стесненное положение клириков, вследствие недостатка материальных средств, преподобный выводил их из затруднения обильными денежными пособиями. При входе в церкви его встречали всегда тысячи нищих, и он всех их оделял милостыней. Вообще для многих во многом он был слугой. Совершив множество чудес, преподобный Антоний в глубокой старости отошел к Господу.

Житие преподобного отца нашего Мартиниана, и память святых жен Зои и Фотинии

Память 13 февраля

В Палестине, близ города Кесарии[1369], находится гора, называемая «Ковчежное место». Много пустынников подвизалось на ней, и между ними блаженный и достохвальный инок, исполненный Божественной благодати – святой Мартиниан. С юного возраста он возлюбил Бога и стал проводить иноческое житие. Прекрасный собою Мартиниан, восемнадцати лет от роду, оставил город, своих сродников, отрекся от мирской суеты и пришел на сию гору для безмолвного и пустынного жития. Проводя жизнь подобно бестелесным Ангелам, он пробыл здесь 25 лет. За свою добродетельную жизнь он удостоился получить от Бога дар исцелять недуги и болезни. Многие, по его святым молитвам, исцелялись от различных недугов; многие, одержимые злым духом, приходя к нему на гору, освобождались от козней лукавого. Много других чудес Бог творил по молитвам Своего угодника. День ото дня всё более и более преуспевал Мартиниан в своих подвигах; слава о его добродетельной жизни распространилась далеко за пределы той страны; все, слышавшие о нем, приходили к нему ради пользы душевной. Но враг рода человеческого диавол не мог стерпеть такой добродетельной жизни юного подвижника, столь украсившего себя духовными подвигами. Сначала он стал всячески искушать блаженного Мартиниана и старался различно устрашить его. Потом древний завистник рода человеческого употребил то оружие, коим некогда изгнал Адама из рая, желая и сего подвижника изгнать из его безмолвной пустыни и лишить вечного блаженства.

Однажды, когда блаженный Мартиниан воспевал псалмы Давидовы, диавол принял на себя образ великого змея и, приблизившись к стене кельи святого, начал сильно копать землю. Он хотел подкопать землю и обрушить келью на

блаженного. Но Мартиниан без страха и смущения, окончив пение, выглянул в оконце кельи и сказал тому змею:

– Воистину, тебе подобает ползать по земле; зачем напрасно ты трудишься? Не устрашат меня твои козни. Ибо Господь мой Иисус Христос помогает мне: Он победит твои козни и посрамит твою силу.

Услышав сие, диавол, изменившись в мрачный вихрь, побежал со стыдом, говоря:

– Погоди, погоди; знаю, как тебя победить. Сделаю я тебя своим рабом, развею я все твои надежды. Я наведу на тебя такое искушение, какого ты не можешь вынести; исторгну я тебя из твоей кельи, брошу тебя, как лист, гонимый ветром. Тогда посмотрю, кто поможет тебе.

Сказав сие, диавол исчез. Мартиниан же был столь крепок в вере, что пребывал без всякой боязни и страха, как будто он не видал никакого привидения. Он только восхвалял Господа, упражняясь в Богомыслии и в чтении и разумении Божественного Писания.

После этого случилось следующее. Некоторые жители Кесарии однажды беседовали между собою о добродетельном житии Мартиниана. Они много дивились его мужеству и терпению. Некая жена блудница случайно услышала сию беседу. По диавольскому наущению, она приступила к сим мужам с такими словами:

– Почему вы так дивитесь житию этого подвижника? Разве уже он столь твёрд в добродетели? Если только захочу, я могу поколебать его, как ветер колеблет лист на дереве. И что достойное хвалы нашли вы в нем? Уж не то ли, что он, подобно дикому зверю, удалился в пустыню, не будучи в состоянии бороться в городе с похотью плоти и мирскими соблазнами? И что удивительного, если он бесстрастным остается, не видя никогда ни одной женщины. Вы сами хорошо знаете, что без огня сено не горит; но то было бы весьма удивительно, если бы не загорелось сено, положенное близ огня. Так следует рассуждать и об этом человеке. Если я пойду к нему, и он останется столь же бесстрастным, и не соблазнится красотой

моей, тогда он будет велик не только пред людьми, но и пред Богом и Ангелами Его.

После этих слов она поспорила на деньги с теми мужами и отправилась к себе в дом. Здесь она сняла свои богатые одеяния, облеклась в худые и разодранные одежды, покрыла себе голову рубищем и опоясалась верёвкой. А всю свою богатую одежду, кольца и серьги, золотые перстни, мониста и всё, что прельщает ум и глаза юношей, – она вложила в мешок и взяла его с собою. Вечером она вышла из Кесарии и ночью пришла на ту гору в пустыне, где жил преподобный. Ночь была дождливая и бурная. Приблизившись к келье Мартиниана, та жена притворно со стоном стала просить святого:

– Помилуй меня, раб Божий! Не оставь меня, окаянную, на съедение зверям. Я заблудилась в пустыне и не знаю, куда идти. Умилосердись, сжалься надо мною в такой беде и не возгнушайся меня грешницы, ибо и я – создание Божие. Молю тебя, святой отче, не оставь меня без помощи.

Сие и многое подобное она говорила с плачем и воплем. Блаженный Мартиниан открыл свое оконце, поглядел и, увидев ее в таком плохом одеянии, стоящую под сильным дождём, помыслил в себе:

– О горе мне, окаянному грешнику. Се ныне предстоит мне искушение: или я должен исполнить заповедь Божию, повелевающую быть милосердным, или должен нарушить свой иноческий обет. Если я не приму в келью сию жену, находящуюся в таком бедственном состоянии, ее пожрут звери или она умрет от великой стужи. Тогда я оскверню свою душу и буду подобен убийце. Если же я введу ее в свою келью, то боюсь, как бы не постигло меня искушение. Тогда я оскверню и свое тело, и свою душу, и буду нечистым блудником пред моим Господом. Не знаю, как поступить мне.

И воздев руки к небу, блаженный Мартиниан воззвал:

– «К Тебе, Господи, возношу душу мою» (Пс.24:1), не попусти мне впасть в искушение и сделаться рабом льстивого диавола. Но сохрани меня в час сей и покрой от навета врага, ибо Ты благословен вовеки.

Помолившись, он открыл двери, ввел в келью ту женщину и, разведя огонь, предложил ей обогреться, затем принес финиковых плодов, которые сорвал с дерева, стоящего недалеко от его кельи, дал ей их и сказал:

– Женщина! Ешь, и грейся здесь у огня, утром же с миром оставь мою келью.

После этого он оставил ее во внешней половине келлии, а сам ушел во внутреннюю и запер за собою двери. В третьем часу ночи он, по заведенному им обычаю, стал воспевать псалмы и молитвы. После этого он лёг на землю и уснул. Но сатана смутил его в ту ночь похотью плотскою. В полночь жена, встав, вынула из мешка все свои украшения и надела их на прельщение святого. Убрав в мешок свое бедное одеяние, она ждала, пока Мартиниан не выйдет к ней. Утром святой вышел из своей половины, желая отпустить женщину из своей кельи. Увидав ее в богатой одежде и украшенную, он не узнал ее. В ужасе он остановился и долгое время молчал. Наконец сказал ей:

– Кто ты и откуда пришла, и откуда на тебе такие бесовские одеяния?

Она отвечала ему, что она та самая женщина, которую он сам впустил в свою келью.

– Зачем же ты переменила свои одежды? – спросил ее Мартиниан. – Вечером ты была в бедном рубище, теперь же в богатой одежде.

Тогда она сказала:

– Я из Кесарии Палестинской; я много слышала о тебе, о твоей красоте, и сердце мое воспылало любовью к тебе. Я совершила такой далекий путь ради тебя. К чему твое воздержание, к чему удручать тебе свое тело столь строгим постом. В каких книгах нашли вы, чтобы ни пить, ни есть, ни жениться. Разве не сказал Апостол Павел: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно» (Евр.13:4)?

Кто из пророков лишился Царствия Небесного лишь за то, что имел жену? Разве великий и дивный Енох не был женат? А он взят на небо и не вкусил смерти даже до сего дня (Быт.5:24; Евр.11:5). Праотец Авраам имел трех жен, и был наречен даже

другом Божиим; мало того, он даже сподобился принять в своей сени Самого Бога в Трех Лицах (Быт.18). Был женат и Исаак, сей прообраз Христа (Быт.24:67). У Иакова были две жены и две наложницы, а он мог бороться с Ангелом и удостоился зреть Божию славу (Быт.22). Великий Моисей, верховный пророк и служитель Божий, разве не был женат (Исх.2)? А ведь он беседовал с Богом, освободил народ Еврейский от тяжкого рабства иноплеменников и сподобился Небесного Царства. Также Давид, прочие пророки и святые мужи имели законных жен, чад – и все они водворяются в Небесном Царствии».

Говоря так, грешница старалась смутить святого и поколебать его; она хватала его за руки и начала увлекать святого к погибели.

– Но если я сделаю тебя своей женой, – сказал Мартиниан, – как мне быть с тобою? Чем мне содержать тебя, когда у меня ничего нет? Ты видишь мою жизнь, с юности я ничего из тленных благ не старался приобрести.

На сие та жена отвечала:

– Господин, ты только пребудь со мною и позволь мне насладиться твоей красотой, а о прочем не заботься. У меня есть дом, много имения: и золота, и серебра и рабов и рабынь. Всему этому ты будешь господином.

Слыша слова, какие говорила сия жена или, лучше сказать, сам диавол, древний человекоубийца ее устами, Мартиниан начал колебаться, помышляя о совершении греха. Наконец, он сказал жене:

– Пережди немного: некоторые обыкновенно приходят ко мне ради благословения. Я пойду и погляжу, нет ли кого, чтобы нас не увидели. От Бога не можем мы утаить греха нашего; утаим его, по крайней мере, от людей, чтобы нас не хулили и не поносили.

Сказав сие, он вышел из кельи и, став на находившемся там камне, начал внимательно осматривать дорогу. Но Человеколюбец Бог никому не хочет погибели. Он не пренебрег и трудами святого Мартиниана, подъятыми им с юности, вспомнил о молитвах его, оказал ему Свою помощь и злой помысл его пременил на добрый. Сходя с камня, Мартиниан

нашел иссохший хворост, взял его и внес в свою келью. Положив его посредине кельи, он зажёг его. Когда огонь сильно разгорелся, святой, сняв свои сандалии и вступив в огонь, стоял там до тех пор, пока огонь не начал опалять всё его тело. После этого он вышел из пламени и сказал, как бы укоряя самого себя:

– Что, Мартиниан, хорош ли сей временный огонь? Приятно ли это мучение? Если можешь ты его вытерпеть, то тогда и приступи к сей жене. Она, или диавол через нее, приуготовит для тебя вечный огонь. Нет, виновна не она, а диавол, внушивший ей сию мысль, – сие делает он потому, что хочет вовлечь тебя в погибельную пропасть. Помысли, недостойный Мартиниан, о предстоящей тебе муке, вспомни о вечном огне; сей временный огонь можно угасить водой. В нем есть и свет. Адский же огонь не имеет никакой светлости, не могут угасить его все моря и реки, сколько их ни существует под небом. Если ты можешь терпеть сей неугасимый огонь, то приступай к жене и соверши свое желание.

Так он говорил сам с собою. Когда же боль его начала немного утихать, он снова стал в огонь и стоял там долго, до тех пор, пока возможно было сие. Выйдя из костра, он пал на землю и с сердечным сокрушением, вздыхая и плача, он воззвал к Господу:

– Господи, Боже мой, милостив буди ко мне грешному, прости омрачение ума моего и мое поползновение ко греху. Ты, испытующий сердца и внутренние помышления, знаешь и мое сердце, Ты ведаешь, что я возлюбил Тебя с ранней юности и ради Тебя опалил огнём мое тело. Прости меня, Владыка мой Господи, ибо Един Ты благ и милостив, яко благословен еси вовеки.

Так молился святой, лежа лицом к земле: от сильных ожогов он не мог стоять. После этого он начал воспевать: «Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем! А я – едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои»[1370] (Пс.72:1–2).

Видя сие, жена удивилась, как святой, ради спасения своего, сам подверг себя огненному пламени. И сама она

вспомнила о своих согрешениях и воспрянула духом, как бы пробудившись от сна. Она сорвала свои одежды и все украшения, бросила их в огонь и, облекшись снова в бедное рубище, упала к ногам святого Мартиниана и со слезами начала говорить ему:

– Прости меня окаянную и грешную, раб Божий; тебе, господин, известно, как сильны и многообразны козни и прелести диавола. Он и мне внушил мысль искусить тебя. Помолись за меня, святой отче, чтобы по твоим молитвам могла получить спасение и я – великая грешница. Знай же, отче, что я уже не возвращусь более в город, не войду в дом мой, не увижу моих родных и знакомых. Нет, я твердо решила оставить мои скверные дела, я буду лишь заботиться о спасении моей окаянной души. Знай и то, господин мой: во имя Господа нашего Иисуса Христа я буду вести с диаволом борьбу тем же самым способом, каким он внушил мне восстать на тебя. И надеюсь посрамить его: сей древний льстец, восставляя меня на тебя, восставил меня на себя самого. Он хотел через меня одолеть тебя, но с помощью Владыки нашего, Который призывает к покаянию и блудниц, он сам побежден будет мною.

Сие сказала она, проливая слёзы. Блаженный же отвечал ей:

– Господь мой и Бог да простит тебе, жена, грех твой. Иди с миром и позаботься, как ты говорила, о спасении души своей. Веди борьбу со страстями, налагая на себя покаяние, и так сможешь ты посрамить лукавого.

В ответ на это она сказала блаженному:

– Прошу и умоляю тебя, отче, наставь меня на путь спасения; скажи, как мне получить спасение?

Он же отвечал:

– Иди в Вифлеем, отыщи там святую деву, по имени Павлу[1371], которая построила там святую церковь. Пришедши к ней, расскажи ей всё случившееся и спасайся у нее.

Жена, встав, поклонилась ему и сказала:

– Молись, отче, за меня грешницу!

Святой, удручаемый сильной болью, с большим трудом мог подняться с земли. Он дал на дорогу женщине немного

фиников, вывел ее из кельи и, указав ей дорогу к Иерусалиму, сказал:

– Иди с миром и спаси свою душу и подвизайся в покаянии. Смотри, не возвращайся назад: «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лук.9:62). Наблюдай за собою, чтобы тебе опять не быть поруганной врагом, неослабно пребывай в покаянии, ибо Бог приемлет кающихся.

Слыша сие, жена еще сильнее заплакала и сказала:

– И я уповаю на Того, на Кого уповали народы и не посрамились. Я твёрдо верю и надеюсь, что отныне диавол не найдет слуги во мне.

Блаженный Мартиниан, ознаменовав ее крестным знамением, сказал:

– Господь Бог мой да сохранит душу твою и соблюдет тебя до конца.

Сия женщина, поклонившись святому, ушла, а святой возвратился в келью, где со слезами стал молиться Господу. Между тем та женщина шла, со слезами молясь Богу, чтобы Он наставил ее на путь спасения. Уже наступила ночь, а она всё еще шла в пустыне. Здесь же она остановилась на ночлег. Встав утром, она снова продолжала свой путь, молясь и проливая слёзы. Лишь только поздно вечером на другой день она пришла в Вифлеем. Войдя в монастырь, построенный блаженной Павлой, она поклонилась ей и рассказала обо всем бывшем. Услышав ее рассказ, блаженная Павла прославила человеколюбца Бога, с радостью приняла ее в свой монастырь и каждый день поучала ее и наставляла на путь спасения. Сия жена стала столь подвизаться и поститься, что много раз блаженная Павла говорила ей:

– Щади, чадо, плоть свою, чтобы она не изнемогла, старайся, чтобы тебе возможно было до конца подвизаться в постничестве.

Но она не ослабляла своих подвигов. Незадолго до кончины блаженная Зоя – такое имя носила та женщина – просила у Господа, чтобы Он открыл ей, принято ли ее покаяние. Во извещение Своей милости, человеколюбивый Бог дал ей дар

исцеления. Одна женщина, сильно страдавшая глазами, пришла в тот монастырь, надеясь получить исцеление. Блаженная Павла, желая узнать покаяние Зои, сказала ей:

– Помолись, чадо, за сию жену: быть может, по твоей молитве Господь подаст ей исцеление.

Спустя немного времени, когда Зоя молилась о болящей, та получила исцеление. В благодарность за свое исцеление, та женщина постриглась в том монастыре и стала с большим рвением подвизаться в иноческих подвигах.

Двенадцать лет блаженная Зоя подвизалась в постничестве и с миром предала Господу свою душу. Во всё время своего покаяния она не вкушала вина, ни масла, ни овощей, но только немного хлеба и воды. Она принимала пищу только раз в день к вечеру, а иногда и через два дня, ложем ей была голая земля. Такова была подвижническая жизнь святой, такова была ее кончина.

Но обратимся снова к повествованию о блаженном Мартиниане.

Преподобный Мартиниан только через семь месяцев исцелился от ожогов. После того он начал так размышлять:

– Если я не уйду отсюда в какое-либо другое место, лукавый враг не оставит меня и не даст мне покоя. Да и мне следует жить в таком месте, куда бы вовсе не было доступа женщинам.

Помыслив так, он встал и помолился Богу:

– Владыка неба и земли и Творец моря! Сотвори то, что будет мне на пользу, не оставь меня, не попусти погибнуть мне до конца, будь мне помощник и покровитель. Господи сил! Укажи мне путь спасения.

Ознаменовав себя крестным знамением, блаженный вышел из своей кельи и направился к морю. Увидев, что подвижник покинул сие место, диавол возопил:

– Да будет славно имя мое, ибо я изгнал тебя, Мартиниан, из кельи, опалил твое тело, сделал тебя беглецом и своим пленником. Что же, Мартиниан, ты бежишь отсюда? Но знай, что куда бы ты ни пошел, я всюду последую за тобой; как изгнал тебя из сего места, так изгоню тебя отовсюду, где бы ты ни

поселился; не оставлю тебя прежде, чем вконец не одолею тебя и сделаю тебя своим рабом. Блаженный же отвечал:

– Немощный и окаянный! Неужели ты, сам не имея никакой силы, думаешь, что изгнал меня из сей кельи или думаешь, что я покинул ее в отчаянии? Нет, я вышел отсюда затем, чтобы лучше бороться с тобою и победить тебя. Если с тебя мало тех двух искушений, кои ты навёл на меня, то и еще старайся искусить меня. С помощью Бога моего я уничтожил твое лукавое коварство и пострадал не для тебя, а ради имени Господа Бога моего. Ведь даже та самая жена, коей ты внушил мысль искусить меня, и та знает ныне твое ничтожество и сравнивает тебя с дымом: она попрала твои нечестивые и злые козни, так что ты не смеешь приблизиться даже к ее тени.

Слыша сии слова святого, диавол исчез. Блаженный же начал воспевать псалом: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его» (Пс.67:2). С пением сего псалма он направился к морю. Дойдя до одной пристани, он нашел здесь некоего богобоязненного корабельщика и сказал ему:

– Брат! Не знаешь ли ты на море какого-нибудь малого и необитаемого острова?

Владелец корабля отвечал ему:

– Зачем ты спрашиваешь об этом? Зачем тебе это надобно?

– Я хочу удалиться от сего суетного мира и наложить на себя подвиг безмолвия, – отвечал Мартиниан, – но я не знаю места, удобного для этого.

Тот муж сказал:

– Есть одно такое место, но оно страшно: среди моря находится высокая каменная скала, откуда нельзя даже видеть земли.

– Такое место для меня удобно, – отвечал блаженный, – я желаю там поселиться, ибо туда не может быть доступа для жён.

– Но кто же тебе будет доставлять пропитание? – спросил его корабельщик.

Мартиниан сказал:

– Я хочу об этом просить тебя. Ты будешь доставлять мне пищу, а я буду молиться за тебя. Если же ты будешь привозить пальмовых ветвей, то я буду заниматься плетением; приезжая, ты будешь брать мое рукоделие и продавать его; а на сии деньги будешь покупать мне хлеб; привози мне также и воду в сосуде. Приезжать ко мне с хлебом и водою я прошу тебя два или три раза в год.

Слыша сие, корабельщик уразумел, что пред ним стоит святой муж; он обещался исполнить всё, о чем будет просить блаженный. Войдя в корабль, они отплыли на то пустынное место. При благоприятном попутном ветре они к вечеру достигли той каменной скалы. Увидев ее, блаженный возрадовался духом и восхвалил Бога. Благословив корабельщика, он вошел на скалу и стал воспевать: «Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Пс.39:2). (Ров страстей есть, по объяснению св. Афанасия, порок и невежество. И от брения тины, ибо в грехах, как в тине, увязают уловленные ими).

Окончив псалом, он помолился и сказал корабельщику:

– Иди с миром, брат, и привези мне хлеб, воду и ветвей, чтобы я мог делать корзины.

– Если ты желаешь, – отвечал корабельщик, – я привезу и деревьев. Здесь мы построим для тебя небольшую хижину.

Но блаженный не пожелал сего: он остался жить на сем камне под открытым небом, терпеливо перенося и дневной жар, и ночной холод. Ежегодно два или три раза корабельщик привозил ему хлеб и воду, как просил его святой. Живя на скале, блаженный Мартиниан был весьма рад, что он бежал мирской суеты. Он днем и ночью восхвалял Бога и беспрестанно поучался в Богомыслии. Но лукавый диавол и здесь не хотел оставить святого и старался ему всячески досадить. Однажды ночью он поднял на море великую бурю и воздвиг громадную волну над главой блаженного. Она возвышалась над скалой на пятнадцать локтей. При сем диавол взывал:

– Теперь потоплю тебя, Мартиниан!

Блаженный же без смущения ответствовал:

– Напрасно ты, немощный и окаянный, трудишься: не устрашат меня твои козни, не смутят меня твои ковы. Я уповаю на Господа моего Иисуса Христа и именем Его посрамлю тебя.

Сказав сие, блаженный начал воспевать: «Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души [моей]. Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня» (Пс.68:2).

Окончив сей псалом, Мартиниан стал молиться:

– Господи, Иисусе Христе, – взывал он, – Единородный Сын невидимого Отца, Ты сошел на землю ради нашего спасения, Ты властвуешь и над морем, повелеваешь ветрами. Всё со страхом слушает тебя. Услышь меня, Владыка, в час сей и прекрати сию бурю, посрами диавола, который хочет погубить меня; все возможно Тебе, Господи; все находится в Твоей власти. При этих словах святого диавол скрылся. Буря прекратилась, не причинив святому никакого вреда. После этого святой пребывал на той скале еще шесть лет, претерпевая ради своего спасения и дождь, и холод, и жар. Но диавол не прекращал своих козней. Он ввел святого в другое, еще тягчайшее искушение и подверг его еще большей напасти.

Однажды диавол увидел, что в море плывет корабль, где находились и мужи и жены. Он воздвиг бурю, и сильный ветер, пригнав корабль к одному камню, разбил его. Все бывшие на нем потонули, лишь только одна отроковица успела ухватиться за доску и на ней приплыла к той скале, где жил Мартиниан. Схватившись за камень, отроковица начала взывать:

– Помилуй меня, раб Божий, подай мне руку, спаси меня и не оставь меня на погибель.

Увидев, что отроковицу никто, кроме его, не может спасти, блаженный сказал:

– И сие – козни бесовские, но ныне, диавол, не можешь победить меня.

Размышляя о сем, блаженный говорил:

– Увы мне грешному, ибо опять предстоит мне искушение: как мне поступить? Если не подам отроковице руки и не извлеку

ее из воды, то она утонет, и на душе моей будет лежать тогда тяжелый грех, ибо я буду тогда ее убийцей. Если же я извлеку ее, то мне нельзя оставаться здесь с нею. Тогда будет для меня беда, большая первой. Прежде я, находясь на земле, мог бежать, но теперь – куда мне бежать? Ведь только и есть здесь одна малая скала, вокруг коей повсюду море.

Простерши затем свои руки к небу, блаженный начал молиться:

– Господи, не дай мне погибнуть, но устрой всё на пользу души моей.

Сказав сие, он подал отроковице руку и вывел ее из моря на скалу. Увидев, что она весьма красива, Мартиниан сказал:

– Воистину, не может быть вместе сено и огонь; невозможно, чтобы ты и я жили здесь вместе. Оставайся здесь и не бойся ничего: тут есть хлеб и вода: их доставляет сюда некий корабельщик. Вот через два месяца он приедет сюда. Расскажи ему обо всем случившемся, и он перевезет тебя через море.

После этого святой ознаменовал море крестным знамением и сказал:

– Господи Иисусе Христе! Ты запретил ветрам, кои слушают Тебя с трепетом, призри и помилуй меня и не дай мне погибнуть. Во имя Твое я ввергнусь в море, ибо лучше мне умереть в волнах, чем разжигаться телесной страстью к женщине.

Обратившись затем к отроковице, Мартиниан сказал:

– Спасайся, девица; Бог соблюдет твою душу от всех вражеских наветов и сохранит тебя до конца!

С сими словами он бросился в море и поплыл. По смотрению Божиему, два дельфина подняли его на свои хребты и понесли. Увидев сие, девица смотрела на него до тех пор, пока он не скрылся из виду. Дельфины вынесли блаженного на твердую землю. Выйдя на сушу, Мартиниан стал благодарить Господа:

– Восхваляю Тебя, Господи Боже мой, ибо Ты дивно проявил Свою милость на мне грешном и недостойном рабе Твоем. Не оставь меня и до конца.

После того он так начал размышлять:

– Не знаю, что мне делать? Враг не оставляет меня ни в горах, ни в пустынях. Не оставил он меня и на море. Но я должен всегда носить в сердце слова евангельские: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как приидет Сын Человеческий» (Мф.10:23).

Сказав сие, блаженный начал переходить из одного места в другое, из одного города в другой и говорил так:

– Бегай, Мартиниан, чтобы тебя не постигла напасть.

Так, постоянно странствуя, он проводил свою жизнь. При сем он не носил с собою ни жезла, ни мешка, ни хлеба, ни двух одежд, ни денег – словом ничего, что необходимо для нашей жизни. Когда он входил в город или какое-либо село, он спрашивал, кто из жителей отличается своим благочестием, и у того обитал и принимал пищу. Ночевал он там, где застигала его ночь: в пустыне или в поле; при сем он ложился отдохнуть лишь на самое краткое время. Странствуя так, он в два года посетил сто шестьдесят четыре города и наконец пришел в Афины[1372] . Епископу того города Бог благоволил открыть всё о блаженном Мартиниане. Здесь, чувствуя приближение своей кончины, святой, уже будучи болен, вошел в церковь, возлег на землю и сказал окружающим:

– Призовите сюда скорее епископа!

Окружающие подумали, что он безумный. Когда же Мартиниан стал снова просить их, они повиновались ему, пошли к епископу и сказали ему:

– Некий человек лежит в церкви; мы не знаем, безумный ли он, или что другое. Он просил нас призвать тебя к нему.

Епископ же отвечал им:

– Напрасно вы называете безумным сего человека: он гораздо лучше и выше меня!

Восстав, епископ отправился в церковь. Блаженный, увидев епископа, не мог подняться. Простирая к нему свои руки, он хотел сим воздать должную честь Божию архиерею. Епископ же также старался оказать ему честь и сказал:

– Некогда Бог обещал мне показать Своего раба. Вот ныне исполнилось Его обещание. Когда же ты удостоишься Небесного Царства, то помяни и меня.

Блаженный отвечал:

– Благослови меня, отче, и молись за меня Господу, чтобы мне неосужденным предстать пред Его праведным судом.

Сказав сие, святой возвел очи свои к небу и сказал:

– Господи Иисусе Христе! В руки Твои предаю дух мой!

И перекрестившись, сказал епископу:

– Предай погребению меня, отче, Господа ради!

При этом лицо блаженного озарилось улыбкой, – и так он предал Господу свою душу[1373]. Так святой Мартиниан скончал с честью свое земное поприще, сохранил веру и удостоился получить венец, приуготованный ему в Царстве Небесном. Епископ с великою честью предал погребению его святое тело в той церкви.

Кто не удивится сему подвижнику, кто не ублажит его память! Он до конца дней своих подвизался, чтобы спасти душу свою. И даже сам добровольно подверг себя мучениям. Тогда не было еще воздвигнуто на христиан гонений, но святой сам себе устроил мученичество. Он победил диавола и расторг все его козни. Он сам был для себя гонителем и добровольно налагал на себя страдания. Истинно, его следует назвать мучеником и добрым страдальцем; огнём временным он преодолел огонь вечный. Диавол воздвиг на него жену, а сей блаженный обратил ее на правый и добрый путь.

Но обратимся к той девице, оставленной Мартинианом на скале, и увидим, что ей много способствовала молитва блаженного.

Оставшись на скале, Фотиния – таково было имя сей девицы, – питалась хлебом и водой, как указал ей блаженный. По обычаю, через два месяца корабельщик направился к скале, везя для преподобного хлеб и воду. Приближаясь к скале, он увидел девицу вместо инока и подумал, что это привидение. В ужасе он стал отплывать от скалы. Фотиния же стала кричать ему:

– Не бойся ничего, я – действительно женщина и – христианка; не уезжай от меня, но приди и выслушай, что я расскажу тебе.

Но корабельщик не поверил ей. Тогда она, заклиная его, стала говорить:

– Клянусь тебе Христом, что я – христианка; без боязни подойди сюда и выслушай мой рассказ.

Тогда корабельщик, пристав к скале, сказал ей:

– Где находится бывший тут черноризец? Как и куда он мог уйти отсюда? Кто привёз тебя и оставил на сем камне?

Перекрестившись, Фотиния начала рассказывать обо всем, случившемся с нею. Услышав ее рассказ, тот человек весьма изумился и сказал ей:

– Иди, я перевезу тебя отсюда на землю, чтобы ты могла идти в свой город.

– Нет, брат, – отвечала она ему, – прошу тебя, не увози меня отсюда, но окажи мне милость: сходи в селение, принеси мне мужскую одежду из власяницы; приноси мне хлеба и воды, как ты делал сие для блаженного мужа, и ты получишь обещанное им Божие благословение. Ибо нет разницы между мужским полом и женским, как сказал Апостол: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал.3:28). Не гнушайся мной грешницей, ибо и я хочу получить спасение. Быть может, Бог, желая спасти меня, Своим мудрым смотрением благоизволил поселить меня на сей скале. Не оставляй меня только потому, что я – женщина; вспомни, что Бог сотворил Адама и Еву, и что Сам Он благоизволил родиться от Пресвятой Девы Марии. Послужи и мне, как служил ты тому праведнику, и принеси мне всё, о чем я просила тебя. Принеси также и шерсти, чтобы я могла заниматься рукоделием. Пусть с тобой приедет сюда и твоя жена: она облечёт меня в мужскую одежду, и я буду работать то, что она мне прикажет. Господь и Бог мой да пребудет с тобою во всю твою жизнь, и даст тебе и в сей и в будущей жизни благодать, милость и отпущение грехов.

Корабельщик же отвечал ей:

– Я сделаю всё, о чем ты просишь меня, только крепись и мужайся, и Бог исполнит твое желание.

С сими словами он отплыл домой; спустя два дня он приехал опять сюда вместе с женою, взяв всё, что просила девица. Выйдя из корабля, жена его поднялась на скалу к блаженной Фотинии. Она поцеловала ее и поклонилась до земли. Затем она принесла ей из корабля одежду и хлеб. Попросив корабельщика немного отойти, блаженная Фотиния совлекла с себя женскую одежду, отложив вместе с сим и женскую немощь, и облеклась в мужское одеяние и препоясалась мудростью и мужественной силой. При сем она молилась, взывая:

– Господи Боже! Ты от века внимал молитвам всех Твоих святых, послушай и меня грешную, помоги мне на сем месте в мужеском одеянии пожить тихо и благочестно; сохрани мою душу, утверди мое сердце, укрепи мое тело и наставь меня на путь спасения; воздай достойную мзду и сим людям, кои мне послужат. Ибо Ты благословен и препрославлен вовеки. Аминь.

После этого она сказала жене:

– Госпожа моя, прошу тебя: доставляйте мне и шерсть вместе с хлебом и водою, чтобы мне не есть без вознаграждения вашего хлеба, а сии одежды мои возьми себе в воспоминание моего смирения.

После этого она с миром отпустила их. На третий же месяц корабельщик вместе со своей женою снова приехали к Фотинии и привезли ей с собою хлеба.

Пребывая на острове, блаженная дева восхваляла Господа за свою жизнь. Ежедневно она возносила 12 молитв Богу, а каждую ночь она усугубляла сие благочестивое дело и двадцать четыре раза молилась Господу. Фунт хлеба служил для нее пищей на два дня. Так, при помощи Божией, она достигла конца своей жизни. Когда она поселилась на сей скале, ей было двадцать пять лет, а на скале она подвизалась шесть лет; поэтому с миром предала Господу чистую и святую душу свою. Уже через два месяца после ее смерти, когда в положенный срок прибыли корабельщик вместе с женою, они нашли блаженную Фотинию усопшей; руки ее были крестообразно

сложены, лицо ее было светло: она имела вид как бы спящей. Поклонившись ее святому телу и взяв его, они положили его в корабль и отплыли к городу Кесарии Палестинской. Здесь корабельщик отправился к епископу Кесарийскому и рассказал ему всё о добродетельной жизни святой Фотинии. Со всем клиром епископ с честью предал погребению ее тело, с пением боговдохновенных псалмов и пений воздавал честь и славу Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Пламень искушений слез теченьми погасил еси, блаженне, и морская волнения, и зверей стремления обуздавый, взывал еси: препрославлен еси, Всесильне, огня и бури спасый мя.

Кондак, глас 2:

Яко подвижника благочестия искусна, и страдальца произволением честнаго, и пустыни жителя и всельника, в песнех достойно восхвалим Мартиниана присночестнаго: той бо змия попра.

Память преподобного Симеона Мироточивого, царя Сербского[1374]

Память 13 февраля

Преподобный Симеон был правителем Сербии, но отказался от царства земного и всю свою жизнь посвятил на то, чтобы снискать себе нетленное Царство на небе. Он устроил в своей стране множество монастырей и на берегу реки Студеницы соорудил во имя Пречистой Божией Матери великолепный храм, повелел выложить его внутри от основания до потолка мрамором и украсить золотом. Всегда снабжая бедных всем необходимым, святой Симеон, наконец, всё свое неисчислимое богатство раздал нищим: после этого, добровольно передав в управление сыну своему Стефану все бывшие под его властью земли, он немедленно оставил мир и последовал за сыном своим, преподобным Саввою, который незадолго пред этим принял иночество в одной из обителей Афонской горы. Прибыв на святую гору, преподобный, при содействии сына своего, возобновил здесь запустевший монастырь с церковью, называемый Хиландарь, и стал подвизаться в нем. Научившись страху Божию и неуклонно исполняя правила иноческой жизни относительно молитвы и поста, святой Симеон достиг бесстрастия, смирил свой греховный разум и, при содействии благодати Божией, стал великим подвижником. В воздержании и посте он достиг такой высоты, что уподоблялся Ангелам.

Поэтому еще при жизни его в обитель его стеклось из разных стран для прославления Бога множество иноков, и многим из них он был наставником и руководителем на пути ко спасению. Прожив там благочестиво свою жизнь, преподобный Симеон в глубокой старости с радостью и светлою надеждою на вечное блаженство отошел ко Господу, Которого так возлюбил при жизни своей[1375].

По преставлении преподобного Господь удостоил его за великие его добродетели дара чудотворений. Тело его стало источать миро, и через него силою Божиею начали совершаться

многие чудеса. После этого сын святого, преподобный Савва, перенес тело своего отца в Сербию и с честью положил его в церкви во имя Пресвятой Богородицы, на реке Студенице, которую с такою любовью на свои средства построил сам святой Симеон. И до настоящего времени благочестивые христиане из раки, где покоятся мощи преподобного Симеона, берут миро, помазываются им при различных болезнях и получают исцеление.

Память святого Евлогия, архиепископа Александрийского

Память 13 февраля

Святой Евлогий был сперва игуменом Богородичной Юстиниановой обители в Антиохии. Император Тиверий[1376] избрал его на кафедру Александрийскую. Здесь святой Евлогий действовал против еретиков с неутомимою ревностью[1377], рассылал свои сочинения, одно за другим, по египетским монастырям, которые были сильно заражены евтихианством. Ему приходилось бороться и с Самарянами, выдававшими тогда какого-то Досифея за пророка, о котором говорил Моисей. Святитель собирал по этому делу собор. Евлогий скончался в глубокой старости около 608 года 18 февраля[1378].

Житие преподобного отца нашего Авксентия

Память 14 февраля

В царствование Феодосия Младшего[1379] в Царьграде при дворе царском занимал важную должность один благочестивый муж, сын Адды персянина, по имени Авксентий. Он был всеми почитаем как вельможа, хорошо знающий Божественное Писание, а также и светские науки, и как человек, известный своими добрыми делами. Сей Авксентий был знаком с преподобным Маркианом, который был потом иконом в великой Церкви, знал также и добродетельного монаха Иоанна, который жил при церкви святого Иоанна Предтечи в предместье Царьграда, которое известно было под именем «Евдома», вел дружеские сношения и с другими благочестивыми мужами. Желая подражать их житию, Авксентий оставил суету, славу и волнение этого мира, и стал воином небесного Царя Христа, приняв иноческое пострижение. Сначала он служил Господу в диаконском чине, потом в пресвитерском, и такую сподобился получить власть над бесами, что мог прогонять злых духов из людей, за что и прославляли его все в Царьграде. Но не славы человеческой искал святой Авксентий: она тяжела была ему; стремясь к безмолвному житию, он оставил многолюдный город, отправился в Вифинию и пришел на одну пустынную гору, называемую «Оксия», которая находилась в десяти стадиях от Халкидона. Понравилось ему то место; он взошел на холм и, воздев свои святые руки, стал там прославлять Бога, говоря: «ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности» (Пс.4:9).

И вселился святой на той горе, которая потом по имени его была прозвана «Авксентиевой», под каким названием упоминается гора сия в житии преподобного Стефана, пострадавшего от иконоборцев, который впоследствии жил на сей горе.

Жительствуя на сей горе, преподобный Авксентий был найден здесь пастухами; они искали своих заблудившихся овец,

которых и разыскали по молитвам преподобного. С того времени и разнеслась молва о святом, так что много людей стало приходить к нему: одни, чтобы получить телесное исцеление, ибо по молитвам святого выздоравливали от всяких болезней, другие же – для пользы душевной. Потом благочестивые люди из окрестных селений, собравшись, построили для преподобного келью на самой вершине горы. Заключившись в ней, святой через небольшое оконце беседовал с приходящими к нему, поучая добродетели и исцеляя недужных, ибо он был как бы целебный источник, исполненный Божией благодати, так что люди из разных городов приходили к нему, как к безмездному врачу. Однажды к Авксентию пришла из Никомидии жена некоего комита[1380], потерявшая зрение, и стала молить его:

– Помилуй меня, раб Бога Вышнего!

На сие преподобный отвечал ей, обращаясь ко всем там присутствовавшим:

– Я грешный человек; как и вы, я также подвержен страстям. Если же вы веруете, что Исцеливший слепого от рождения не презрит и сей женщины, то с усердием помолимся о ней все Господу.

Когда все молились, святой прикоснулся очей ее и сказал:

– Исцеляет тебя Иисус Христос, свет истинный.

Тотчас прозрела та женщина, и все стали прославлять Бога. В благодарность за свое исцеление, она подала щедрую милостыню нищим, которые находились у подножия той горы и просили милостыню у приходящих к святому; и сам он заботился о них, раздавая им через своих учеников приносимый ему хлеб. Кроме дара подавать исцеление у преподобного был еще и другой дар – дар прозорливости. Так, к нему пришли однажды два человека, один православный, другой же последователь еретиков; православного святой принял с лаской и долго беседовал с ним о душевной пользе, а с еретиком он и слова не сказал, провидя его неверие. Когда они отошли от святого, тогда тот еретик начал хулить преподобного и порицать его, называя лицемером. Не успели они еще дойти до своих домов, как на пути встречает еретика слуга, который сообщил

ему, что в дочь его вселился бес, который сильно ее теперь мучит. Весть сия сильно опечалила еретика; он раскаялся в своих грехах, отвел дочь свою, одержимую нечистым духом, к преподобному Авксентию и стал смиренно молить святого, чтобы он исцелил его дочь, и она исцелилась от мучений беса, а ее отец – от своего зловерия.

В другой раз к Авксентию пришли два прокаженных, с просьбой исцелить их. Святой спросил их:

– Какие же ваши согрешения, что на вас ниспослано такое наказание Богом?

Они же, поклонившись святому, просили:

– Помилуй нас, раб Христов, и помолись о нашем исцелении.

На сие святой отвечал им:

– Братия, вас постигла болезнь за то, что вы привыкли часто клясться и божиться, чем и воздвигли гнев Божий на себя.

Услышав сии слова святого, они сильно изумились тому, что святой знает их согрешения; пав пред преподобным на землю, они раскаялись в своем грехе. Авксентий сжалился над ними, помазал их священным елеем с головы до ног и сказал:

– Исцеляет вас Иисус Христос, а я сам – человек грешный.

Тотчас прокаженные исцелились от своего недуга.

Однажды привезли к святому на колеснице лежащего на одре расслабленного; родители сего человека, припав к преподобному, с плачем говорили ему:

– Нашего сына постигло расслабление по множеству грехов наших.

Тогда Авксентий спросил их:

– Веруете ли, что Бог может через меня грешного подать исцеление вашему сыну?

Они же отвечали:

– Воистину ты Ангел, ниспосланный на спасение наше, и мы верим, что Богу всё возможно.

На сие преподобный отвечал:

– По вере вашей буди вам.

И взяв священный елей, он помазал им всё тело расслабленного; последний тотчас же поднялся совершенно

здоровым; все, видевшие это чудо, прославляли Господа Бога. Рассказывать же о всех тех случаях, когда святой прогонял бесов, нет возможности: великое множество людей были избавлены по молитвам святого от нечистых духов, так что к преподобному постоянно приходило из разных, даже отдаленных стран большое число бесноватых, а иных силой приводили к святому, и все они получали избавление от нечистых духов по его святым молитвам. Такую великую силу и власть над бесами получил от Бога сей блаженный подвижник.

Святой Авксентий был также призван на Четвертый Вселенский святых отцов собор, который был в Халкидоне[1381]; здесь он много подъял трудов, противоборствуя Евтихиевой ереси и Несториеву зловерию, почему и потерпел много притеснений от еретиков. Но его сильно почитал благочестивый царь Маркиан, и все святые отцы весьма любили его; и действительно, он был знаменитым членом собора, отличаясь своей мудростью и чудесами, своею правою верою; невозможно было переспорить его, так как он хорошо знал все Священное Писание. Одним словом, к нему применимо написанное: «Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом» (Лук.24:19).

Утвердив на сем соборе вместе с прочими святыми отцами истинную православную веру, святой Авксентий снова возвратился на свою пустынную гору в свою уединенную келью. По дороге в Халкидон, как туда, так и обратно, он совершил много преславных чудес, изгоняя бесов из людей, исцеляя всякую болезнь и недуг. Даже находясь в своей келье, он оказывал вселенной большую пользу, подавая пример добродетельного жития, а также своими духовными поучениями, которыми наслаждались все приходящие к нему из разных стран, равно как удивлялись и творимым им чудесам. Своими прозорливыми очами святой Авксентий и далекое видел с такой ясностью, как бы оно находилось пред ним, – мог видеть и бестелесных блаженных духов и души праведников. Так, однажды заключившись на ночь в своей келье, он стал возносить свои обычные молитвы Богу, а ученики и пришедшие к святому находились вне его кельи и еще не успели отойти ко

сну; вдруг преподобный неожиданно, против обыкновения своего, отворил свое оконце и произнес громким голосом:

– Благословен Господь Бог! Благословен Господь Бог! Благословен Господь Бог!

С сими словами он тяжко вздохнул и склонил свою голову к земле. Когда все стояли и не смели вопросить его, он сказал:

– Чада! Светило на востоке, отец наш Симеон, отошел ко Господу

Промолвив это, он сильно заплакал; потом, спустя некоторое время, он опять сказал:

– Святой отец наш, столп и утверждение истины, – Симеон Столпник опочил; его непорочная и чистая душа, проходя мимо, не возгнушалась приветствовать меня грешного и скверного.

Слыша сии слова, все изумились и дивились силе его прозорливости и запомнили час, когда святой сообщил им сие известие; потом весть о кончине святого Симеона Столпника была принесена царю Льву, который вступил на престол после Маркиана, и слух этот распространился повсюду. Тогда и ученики Авксентия, узнав о смерти преподобного, могли еще раз убедиться в истинности слов своего святого наставника: время смерти его действительно совпало со временем предсказания святого.

Вскоре после преставления блаженного Симеона Столпника приблизилась и блаженная кончина святого Авксентия, который уже достиг преклонной старости; тогда с миром отошел ко Господу и сей угодник Божий, который вёл благочестивую и богоугодную жизнь, своим благословением устроил по разным местам много монастырей, был начальником духовным всей Вифинийской области и многих наставил на путь спасения[1382].

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и в телеси Ангел, и чудотворец явился еси богоносе отче наш Авксентие: постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляеши недужныя и души верою притекающих ти. Слава Давшему тебе крепость, слава Венчавшему тя, слава Действующему тобою всем исцеления.

Житие преподобного Исаакия, затворника Печерского

Память 14 февраля

Человеку невозможно избежать искушений; если искуситель дерзнул приступить в пустыне к Самому Господу (Мф.4:3), то тем более дерзает он искушать раба Господня; но подобно тому, как золото, очищенное огнем, светится перед людьми как солнце, так и человек, искушенный напастями врага, преданного вечному огню, просветится пред Богом своими добрыми делами, как яркое дневное светило. Сия истина ясно сказалась на преподобном отце нашем Исаакии, затворнике Печерском. Сей преподобный отец в миру был богатым купцом Торопецким[1383]; задумав стать иноком, он раздал все свое имение нуждающимся и монастырям, пришел в пещеру к преподобному Антонию и просил его принять его в число иноков. Преподобный Антоний, предвидя, что сей муж будет подобно Ангелам подвизаться в добродетелях и сам уподобится Ангелам, исполнил его желание. Сделавшись иноком, преподобный Исаакий возлюбил суровую жизнь: он не только надел на себя власяницу, но велел еще купить себе козла и снять с него кожу; из этой кожи, еще сырой и мокрой, он сделал себе одеяние и носил его сверх власяницы, так что кожа та высыхала на его теле. Тогда же Исаакий затворился в одной тесной пещере, которая была размером всего около четырех локтей[1384], и там молился Богу со слезами; пищей ему служила одна лишь просфора, но и ту он вкушал через день; жажду он утолял водой, и то лишь в небольшом количестве. И пищу и питье приносил ему преподобный Антоний и подавал через столь узкое оконце, что в нем могла поместиться одна только рука; кроме того, преподобный Исаакий никогда не ложился на одр, но сидя подкреплял себя кратковременным сном. Так, среди великих подвигов, он пробыл семь лет, не выходя из своей тесной кельи.

Однажды, при наступлении вечера, он по своему обычаю начал творить коленопреклонения, воспевая псалмы до

полуночи; когда же он утомился, то, погасив свечу, сел на месте своем. Внезапно пещеру озарил великий свет, яркий как солнечный, и к преподобному подошли два беса, в образе прекрасных юношей; лица их светились как солнце; они сказали святому:

– Исаакий! Мы – Ангелы, а вот грядет к тебе Христос с небесными силами.

Поднявшись, Исаакий увидел множество бесов; лица их светились как солнце; один же среди них сиял более всех, и от лица его исходили лучи; тогда бесы сказали Исаакию:

– Исаакий! Вот – Христос; пади пред Ним и поклонись Ему.

Не поняв бесовской хитрости и забыв ознаменовать себя крестным знамением, преподобный поклонился тому бесу, как бы Христу.

Тотчас же бесы подняли великий крик, возглашая:

– Исаакий – ты наш теперь!

Посадив его, они и сами сели вокруг него; вся келья и пещерная улица около той кельи наполнились бесами. Тогда один из бесов, мнимый Христос, сказал:

– Возьмите сопели, гусли и тимпаны и играйте на них, а Исаакий пусть пляшет перед нами.

Тотчас бесы стали ударять в сопели, тимпаны и гусли; схватив Исаакия, они стали скакать с ним и плясать в течение долгого времени; утомив преподобного и оставив его едва живым и таким образом надругавшись над ним, бесы исчезли.

На следующий день, при наступлении времени, когда обыкновенно Исаакий вкушал свою пищу, преподобный Антоний подошел по своему обычаю к оконцу и сказал:

– Благослови, отец Исаакий.

На сие не было никакого ответа; изумившись Антоний подумал, уж не преставился ли святой Исаакий? Тогда послал он в монастырь за преподобным Феодосием и за прочей братией. Придя, братия откопали пещеру и вынесли Исаакия, думая, что он умер, и положили перед пещерою; но тут заметили они, что Исаакий еще жив. Тогда игумен, преподобный Феодосий, сказал:

– Поистине, происшедшее с ним – дело бесовское.

Затем Исаакия положили на одре, и сам святой Антоний ухаживал за ним. В то время случайно князь Киевский Изяслав возвращался в Киев из Польши; князь Изяслав начал гневаться на преподобного Антония из-за Всеслава, князя Полоцкого, который при жизни преподобного занимал некоторое время киевский престол. Тогда князь Черниговский Святослав прислал ночью из Чернигова за святым Антонием; последний, придя к Чернигову, полюбил место, называемое горой Болдынской; выкопав пещеру, преподобный поселился там, где и ныне стоит монастырь. Узнав, что святой Антоний ушел к Чернигову, преподобный игумен Феодосий, взяв Исаакия, перенес его в свою келью и ухаживал за ним, – а был Исаакий расслаблен умом и телом, так что не мог ни сидеть, ни стоять, ни даже перевернуться на другую сторону, но лежал только на одном боку, так что часто под ним заводились черви. Сам преподобный Феодосий собственными руками омывал и оправлял его и служил ему таким образом целых два года, пока Исаакий лежал. Удивительно то, что в течение двух лет Исаакий не вкушал ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой другой пищи, но все-таки оставался живым, лежа на одре своем немым и глухим. Преподобный Феодосий творил молитву над ним, день и ночь, до тех пор, пока на третий год Исаакий не стал говорить; тогда он стал просить поставить себя на ноги и начал ходить как бы ребёнок; но не стремился он идти в церковь, так что его силою туда приводили, а потом он и сам стал приходить в церковь. Начал он затем посещать и трапезу, где его сажали отдельно от братий; пред ним клали хлеб, но он не хотел прикасаться к нему; братия стали было вкладывать ему хлеб в руки, но преподобный Феодосий сказал:

– Положите перед ним хлеб, но не влагайте его в руки ему, чтобы сам он ел.

Так целую неделю он не давал братии вкладывать хлеб в руки Исаакию; последний, смотря на других, стал сам вкушать хлеб и таким образом научился есть. Так преподобный Феодосий избавил его от козней и прельщения диавольского.

Когда преставился преподобный Феодосий и блаженный Стефан стал игуменом вместо него, Исаакий снова стал вести

суровую жизнь, сказав искусителю:

– Ты прельстил меня, диавол, когда я находился в уединении в пещере, но теперь уже я не затворюсь, но постараюсь, при Божией помощи, победить тебя, трудясь в монастыре.

Тогда Исаакий снова облекся во власяницу, поверх власяницы он надел толстую свиту[1385] и начал помогать поварам, работал на братию, входил в церковь на утреню прежде всех и неподвижно стоял на своем месте в церкви. Когда же наступила зима, он стоял в церкви, невзирая на сильный мороз, в сильно разорванной обуви, так что ноги его часто примерзали к камню, но он не переступал ногами до тех пор, пока не оканчивалась служба. После утрени он прежде всех шел на поварню, приготовлял огонь, дрова и воду; только тогда приходили и прочие иноки, на коих было возложено сие послушание.

Однажды один из этих иноков, по имени также Исаакий, сказал, подсмеиваясь, блаженному:

– Исаакий! Вот сидит ворон, иди и поймай его.

Поклонившись до земли, смиренный инок подошел и взял ворона и принес его в поварню к инокам. Удивились все такому делу и рассказали о том игумену и братии; и начали братия с тех пор уважать его. Но не желая славы от людей, блаженный принял на себя юродство и стал оскорблять то игумена, то братию, то мирян, так что многие даже били его. Сделавшись юродивым, он снова вселился туда, где был прежде, – в пещеру преподобного Антония, который уже преставился. Собрав к себе детей, он возлагал на них чернеческое одеяние. За сие он принимал наказание от бывшего тогда игумена блаженного Никона, а иногда принимал побои от родителей тех детей; но он претерпевал всё то с радостью, перенося и побои, и наготу, и холод.

Однажды ночью блаженный Исаакий затопил печь в пещере; печь была худая, и когда огонь разгорелся, то пламень начал подниматься кверху через трещины; не имея чем прикрыть эти скважины, Исаакий стал босыми ногами на пламень и стоял до тех пор, пока не прогорела печь; тогда он

сошел, не испытав никакого повреждения. Много и другого удивительного творил Исаакий. Он получил, наконец, над бесами такую власть, что не страшился их и не боялся их угроз и наваждений; а бесы часто причиняли ему досаждение и говорили:

– Ты наш, Исаакий, потому что поклонялся нашему князю.

Он же отвечал им:

– Князь ваш бесовский – веельзевул; я же боюсь его, как идола мух (так толкуется имя его)[1386]; не страшусь я и вас рабов его; если вы раньше и прельстили меня, потому что я не знал ваших козней и лукавства вашего, то ныне силою Господа моего Иисуса Христа и молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия я одержу победу над вами.

При сем он ознаменовывал себя крестным знамением и так отгонял их. Иногда бесы старались тем навести ужас на блаженного, что приходили к нему ночью, многочисленной толпой, с мотыгами[1387] и заступами, и говорили:

– Раскопаем мы пещеру твою и погребем тебя под развалинами.

Другие же из них говорили ему:

– Выйди, Исаакий: тебя хотят засыпать в пещере.

На сие блаженный отвечал им:

– Если бы вы были людьми, то ходили бы днем; но вы сыны тьмы, поэтому и ходите во тьме.

При этом он осенял себя крестным знамением, как и при всех наваждениях, и бесы тотчас же исчезали. Иногда, желая устрашить его, они являлись в образе медведей или львов и других лютых зверей, то приползали к нему в виде змей, жаб, мышей и других гадов, но ничего не успев сделать, сказали наконец:

– Исаакий, ты победил нас!

Он же отвечал:

– И вы некогда победили меня, явившись в образе Иисуса Христа и Ангелов, не будучи достойны такого образа; теперь являетесь вы в подлинном своем виде, в образе зверей и скотов, змеев и гадов, так как таковы вы и сами.

И с тех пор бесы не могли причинить святому никакой напасти; он вел с ними борьбу три года с тех пор, как сам вселился вторично в пещеру, по его собственному свидетельству о том. После этого он начал вести еще более суровую жизнь, являл еще большее воздержание, усиленнее стал он поститься и подвизаться. Среди таких подвигов наступило время его кончины; он сильно занемог в своей пещере. Братия перенесли болящего в монастырь; здесь он болел до восьми дней и в добром исповедании отошел ко Господу[1388]. Игумен Иоанн и вся братия, опрятав тело преподобного, погребли его честно в пещере, где находились и другие святые отцы. Так сей добрый воин Христов, побежденный сначала врагом, после сам победил диавола и сподобился получить Небесное Царствие. Святыми молитвами его да сподобимся и мы, победив врагов души нашей, царствовать с победителем ада, Иисусом, Царем славы, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и в бесконечные веки, аминь.

Память преподобного Марона

Память 14 февраля

Преподобный Марон избрал себе подвиги беспокровного жития. С этою целью он взошел на вершину одной горы, которая чтилась когда-то некоторыми из язычников, нашел там оставленный уже языческий храм и, посвятив его Богу, стал жить в нем[1389]. Впоследствии он соорудил для себя небольшой шалаш, но мало пользовался им. По природе болезненный сам, он уступал его другим больным, которые во множестве приходили к нему. И Подвигоположник Бог благодатью Своею подкреплял святого подвижника и по молитвам его исцелял приходивших к нему для исцеления. Вскоре преподобный стал известен тем, что одною только молитвою исцелял горячку, лихорадку и многие другие болезни, а также изгонял бесов. В течение своей жизни он основал множество обителей и подвигами поста многих иноков сделал угодными Богу. Таким образом, усердно подвизаясь в добродетели, святой Марон врачевал в то же время и тела, и души людей. Перенесши множество различных недугов, преподобный после кратковременной болезни оставил эту жизнь и с миром отошел ко Господу[1390].

Память святого Авраама, епископа Каррийского

Память 14 февраля

Преподобный Авраам жил в царствование императора Феодосия Великого[1391]. Местом его рождения и воспитания был остров Кипр[1392]. Пришедши в совершенный возраст, он раздал на монашеские обители свое имущество, принял в одной из них монашество и предался иноческим подвигам. Бодрствованием, молитвенным стоянием и постом он до того изнурял свое тело, что на долгое время терял способность двигаться, и совершенно не в состоянии был ходить. Узнав, что на Ливанских горах[1393] есть одно удобное для уединенных подвигов место, преподобный Авраам оставил обитель и пришел туда. Он соорудил небольшую келью и стал проводить время в подвигах отшельнической жизни. В строгом молчании он три дня проводил в келье и только на четвертой день так же безмолвно выходил из нее. Много страданий претерпел на этом месте преподобный. Язычники, узнав о нем, сперва засыпали его песком, а потом стали причинять ему и другие насилия, с целью заставить его уйти подальше из этого места. Кроме того, и бедные земледельцы из ближнего селения сильно досаждали ему тем, что часто приходили к нему и просили подаяния. Но преподобный терпеливо переносил всё, и чтобы избавить себя от мучительных издевательств, отдавал просившим подаяние всё то, чем снабжали его некоторые благочестивые посетители. Такое человеколюбие преподобного до того поразило жителей селения, что они построили церковь, и так как были христианами, то стали настойчиво просить его принять иерейский сан и быть их пастырем. Святой Авраам исполнил их желание и, утвердив свою паству в благочестивой жизни, оставил ей вместо себя другого иерея, а сам снова поступил в монастырь. Вскоре он прославился великими подвигами и, как муж высокого благочестия, был поставлен епископом города Карра[1394]. Примером своих строгих подвигов и боговдохновенными наставлениями он в короткое время привел

свою паству к богоугодной жизни. Во все время своего пребывания в священном сане святой Авраам никогда не вкушал ни хлеба, ни приготовленного на огне кушанья, ни вареных или квашенных в воде овощей; его пищею были только сырые овощи, дикие ягоды и прочее, сему подобное. Когда слух о преподобном Аврааме дошел до императора Феодосия Младшего[1395], то последний пригласил его к себе. Преподобный отправился в Константинополь и, прожив в нем недолгое время, предал душу свою Господу. Тело его, по повелению благочестивого императора, торжественно было перенесено из Константинополя в город Карр и там предано погребению.

Перенесение мощей святого благоверного князя Михаила Всеволодовича Черниговского, и боярина его Феодора

Память 14 февраля

Эти мученики пострадали от Батыя в 1244 году 20 сентября. Мощи их были принесены из Чернигова в Москву 14 февраля 1578 года и положены в Кремле в храме, созданном во имя их, близ Тайницких ворот; 25 августа 1770 года перенесены в Сретенский собор, что во дворце на «сенях»; 21 ноября 1774 года положены в Архангельском соборе, где и доныне почивают.

Житие и страдание святого апостола Онисима, одного из лика семидесяти

Память 15 февраля

Во времена апостольские во фригийском городе Колоссах[1396] жил христианин знатного рода по имени Филимон; впоследствии он удостоился епископского сана и был включен в число святых семидесяти Апостолов. У Филимона, еще до его апостольства, был раб, по имени Онисим. Провинившись пред своим господином и боясь наказания, Онисим бежал от него и прибыл в Рим[1397], где и нашел в узах святого Апостола Павла; услышав от него святую проповедь и научившись вере в Господа нашего Иисуса Христа, он был крещен Апостолом и усердно служил ему вместе со святым Тихиком. Святой Апостол Павел, отправляя святого Тихика со своим посланием к колоссянам, дал ему в спутники святого Онисима, как сам он пишет в конце послания: «О мне всё скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный служитель и сотрудник в Господе, которого я для того послал к вам, чтобы он узнал о ваших обстоятельствах и утешил сердца ваши, с Онисимом, верным и возлюбленным братом нашим, который от вас. Они расскажут вам о всем здешнем» (Колос.4:7–9).

К колоссянам Апостол написал через Тихика, а через Онисима он прислал особенное послание к Филимону, господину его; в этом послании Апостол просил Филимона, чтобы он простил Онисиму его прегрешение и чтобы принял его не как раба, но как самого его, Апостола Павла. В своем послании Апостол Павел называет Онисима своим чадом: «Прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце» (Флм.1:10–12). С радостью Филимон поступил так, как советовал Апостол: он не только с любовью принял Онисима, но и дал ему свободу и снова отослал в Рим к святому Апостолу Павлу с тем, чтобы Онисим служил там Апостолу, ибо того желал святой Павел: «Я хотел при себе удержать его, дабы

он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно» (Флм.1:13–14).

Итак, святой Апостол Онисим был в Риме, служа Апостолам до самой кончины их; он был поставлен ими епископом для благовествования слова. После кончины святых Апостолов он, выйдя из Рима, обошел много городов и стран, проповедуя Христа в Испании[1398], в Коринфе, в Колоссах, в Патрах[1399], затем занял престол в Ефесе[1400] после святого Тимофея и святого Иоанна Богослова. О епископствовании в Ефесе явно свидетельствует, в своем послании к Ефесянам из Смирны, святой Игнатий Богоносец; когда его вели из Антиохии в Рим на съедение зверям, его встретил святой Онисим на пути в Смирне с некоторыми жителями Ефеса. Святой Игнатий пишет об этом к Ефесянам так:

– Я, во имя Божие, принял многочисленное общество ваше в (лице) Онисима, мужа несказанной любви, вашего во плоти епископа. Любите его, умоляю вас Иисусом Христом, и все будьте подобны ему; ибо благословен Тот, Который даровал вам быть достойными иметь такого епископа. В своем же послании к антиохийцам он снова пишет:

– Вас целует Онисим, пастырь Ефесский.

Отсюда становится известным, что святой Онисим, обошедши много стран и городов, прибыл в Ефес, будучи уже старцем; там пас он некоторое время Церковь Божию, потом был схвачен неверующими и приведен из того города в Рим, что происходило в царствование Траяна[1401]; в Риме же он был отдан на пытку епарху Тертиллу. Епарх спросил святого:

– Кто ты?

Онисим отвечал:

– Я христианин.

Тогда епарх опять спросил:

– К какому сословию принадлежишь ты?

На это святой сказал:

– Некогда я был рабом одного мужа, а ныне я верный раб благого Владыки Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

Епарх продолжал допрашивать Онисима:

– Почему же ты перешел к другому господину?

Онисим отвечал:

– Потому что я познал истину и возненавидел идолопоклонство.

Тогда епарх спросил:

– Какой ценой ты был продан новому господину?

Онисим отвечал:

– Божий Сын Иисус Христос искупил меня от погибели честною Своею кровью, переселил в нетление, как писано о том в наших писаниях: «не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца» (1Петр. 1:18–19).

Епарх спросил:

– Скажи нам, какую жизнь называют ваши писания суетной?

– Суетная жизнь есть беззаконное прелюбодеяние, которое за малую сладость плотскую готовит вечный огонь страстным грехолюбцам; она же заключается и в сребролюбии, ради которого обижают ближнего, в чародеянии, когда жительствуют с бесами, – последнее зло есть корень всякого навета и ловительства; она есть гордость, когда своим высокоумием возносятся над другими, – зависть, научившая братоубийству Каина и многих других, – злословие и необузданный язык, который распространяет на всех издевательство, словно облако; она есть лицемерие и ложь, противница истины, пособница диавола, через которую и Еву прельстил всезлобный враг; она есть гнев, побуждающий на проклятие и возбуждающий брани и убийства отцов, – пьянство, которое сопровождается невоздержанием и порождает сладострастие, побуждая на сквернословие; нет в ней доброго помысла, одно безобразие. Все эти пороки и есть жизнь суетная. Источником такого жития и матерью всего является служение идолам, которое вы совершаете; оно есть основание блудодеяния, учитель неведения Бога, ослепление ума, возбудитель сладострастных страстей; в нем нет чести, оно воюет против Господа всяческих, старается разорить истинное Богопочитание; сие служение – вождь смерти, служитель змея, пища злых,

противник добродетели, оно бегает нетления; оно является проповедником пагубного вашего закона, горячим сторонником тьмы и мрака, другом кровопролития, князем ненависти; оно улавливает простых неведающих Бога, чуждо светлой благодати, связывает своих служителей узами бесчестных дел, научает тщеславию; оно исполняет бесчестием седых старцев, внушая им плясать под звук жреческой трубы; оно погубляет девическое целомудрие; оно растворяет свои праздники мечом и железом, пролитием крови животных и их сквернами; оно указывает на скверны своего бесстыдства; оно заставляет мужей обнажать свои тела среди города и нагими показывает их женам; оно сопровождает таинства свои убийствами и прелюбодеяниями; оно обуревает различными образами идолобесия умы человеческие, словно ладьи: то повелевает жрецам своим вкушать от ядовитых змиев, то, увещевая их съедать чужих богов, внушает им то закалывать вола, то приносить жертву волу, приносить в жертву овце овцу, одно и то же почитать за бога и скота[1402], то человека убивает в жертву человеку, сделанному из камня и дерева, так что вместо благодеяния оно творит убийство, принося в жертву бездушным одушевленных. Но к чему мне много говорить? Ваше зловерие даже чесноку воздает Божественную честь, чтобы в великом ослеплении и неведении низвести людей в ад. Рассмотрев такое суетное, нечестивое и скверное житие, которого вы придерживаетесь в своем идолопоклонническом служении, – житие, изобличенное Священным Писанием, я бежал от него, как от волнующегося моря, и прибыл в доброе пристанище – в праведное и преподобное житие, заключающееся в святой вере в Бога Единого и истинного, в вере и любви к ближнему. И тебя я увещеваю, Тертилл, исполни закон любви, повелевающий любить ближнего как самого себя; тогда и ты, познавши, как и я, истину, оставишь суету временную и всё, что в мире сем проходит словно как сон или тень; тогда ты приступишь к Создателю всех Богу и спасешься, придя в истинный разум; не радуется Бог смерти прогневляющих Его, но веселится о их обращении и покаянии и прощает их прежние грехи.

Тогда Тертилл епарх отвечал:

– Так ты не только сам не хочешь поклониться богам, не убоявшись мук, даже и нас хочешь привести в свое заблуждение.

– Твои муки не могут устрашить меня, – отвечал святой Онисим, – как бы сильны они ни были, ибо я, утешаемый ожиданием будущих благ и укрепляемый силою Христа моего, с легкостью перенесу страдания, коим ты подвергнешь меня.

Тогда епарх повелел заключить Онисима в темницу; святой пробыл здесь 18 дней, причем темница для него была не страшным местом заключения, а светлым, полным духовной радости, раем, где он находился, веселясь о Господе своем. Верные приходили к нему, прославляли страдание святого и своими словами укрепляли его на подвиг. Святой проповедовал Слово Божие неверным, приходившим сюда вместе с христианами, и обращал их к истинной вере Христовой. После этого епарх, желая показать себя милосердным пред народом, не осудил святого на смерть, но послал его на заточение в Путиолы[1403]. Святой Апостол и там ревностно проповедовал учение Христово и наставлял многих на истинный путь. Тертилл, узнав о сем, снова взял его и приказал в оковах привести его к себе на суд. Он допросил его и узнал, что святой, как и прежде, непоколебимо исповедует веру Христову. Тогда епарх приказал положить святого и немилосердно бить четырьмя палицами. Мучители долго и немилосердно наносили удары святому страдальцу, сокрушили ему голени и прочие кости, наконец усекли его главу мечом. Так скончался[1404] святой Онисим. Некая жена из царского рода взяла святое тело его, положила его в серебряной раке и совершала память мученика. Сим она снискала себе память у Господа в Царствии Небесном по молитвам святого Апостола Онисима, чего и нас да сподобит Господь Иисус Христос, Которому слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Яко луча, возсиял еси вселенней, зарями сияя солнца, блаженне, всесветлаго Павла, мир просветившаго: темже тя почитаем, Онисиме славне.

Память преподобного Евсевия пустынника

Память 15 февраля

О месте рождения и родителях сего преподобного не сохранилось никаких сведений. Известно только, что первоначально он поступил в один монастырь, а потом оставил его, взошел на вершину горы, близ которой было расположено селение, по имени Асиха[1405], и, сложив там из сухих камней себе ограду, стал изнурять тело свое. Во всю свою жизнь он ничего другого не носил на теле, кроме кожаной одежды, а питался только квашенным горохом и бобами. Пренебрегая телесною немощью, преподобный поступал так до самой глубокой старости, когда уже все зубы его выпали, так что нельзя уже было разжевывать ими пищу, и, мужественно перенося всякую непогоду, никогда не жил в доме. Лицо у него было сморщено и все члены тела до того истощены, что пояс не мог держаться на нем: так исхудали его ноги и поясница. Так как к преподобному стало приходить много народа, то он, боясь славы, ушел в ближний монастырь и, устроив у стены его небольшую ограду, продолжал свои обычные подвиги. Пост преподобного доходил до такой степени, что в течение семи недель Великого поста он употреблял в пищу только 15 смокв. Проводя такую строгую постническую жизнь, преподобный Евсевий прожил более 90 лет и после тяжкой болезни отошел ко Господу[1406].

В тот же день память преподобного Пафнутия и дочери его Евфросинии. Житие их 25 сентября.

Страдание святых двенадцати мучеников Памфила пресвитера и прочих с ним

Память 16 февраля

Сии двенадцать святых мучеников, удостоенные дара пророческого и апостольского, и равные по числу своему 12 Апостолам, пострадали за Христа в Кесарии Палестинской[1407], в царствование Диоклетиана. Из них старшим по своему сану и первым по времени страданий был святой Памфил, пресвитер Кесарии. Он был родом из Берита[1408], и с юности еще был научен языческому любомудрию; при этом Памфил был преисполнен и духовной премудрости[1409] и сиял своим добродетельным житием. После он стал славен и мужественным исповеданием имени Христова. Вторым из мучеников был Валент, диакон Елийской церкви – муж уже преклонного возраста. Он был также человеком сведущим и особенно отличался прекрасным знанием Священного Писания. Третий – Павел, – объятый верою во Христа, горел своею ревностью по благочестию. Он происходил из города Иамнии[1410] и еще раньше претерпел за Христа огненное жжение. Сии три страстотерпца после различных мук за имя Христово, которым их подверг префект Урбан, были ввержены в темницу. Здесь они томились целых 2 года, когда после Урбана префектом стал Фирмилиан. В правление этого игемона в Египте было осуждено на изгнание 130 исповедников Христовых: они были отправлены в Киликию[1411] для копания золотой руды. В это время некоторые юноши, братья не только по плоти, но и по духу, проводив тех мучеников от Египта до Киликии, снова возвращались оттуда в отечество свое Египет и подходили уже к Кесарии, так как мимо нее пролегал их путь; числом их было пять. Когда они входили в городские ворота, стражи спросили их, кто они и откуда? Мученики, не скрывая истины, отвечали, что они христиане и называли своим отечеством горний Иерусалим. Тогда они были схвачены как злодеи и брошены в темницу. На следующий день – именно 16 февраля – эти юноши выведены были из темницы вместе с вышеназванными

Христовыми исповедниками Памфилом, Валентом и Павлом и вместе с ними предстали пред судилищем нечестивого мучителя игемона Фирмилиана. Игемон сначала старался совратить юношей египетских, устрашая их различными муками. Одного из них – старшего по возрасту, он, поставив посреди, спросил, кто он? Святой мученик безбоязненно отвечал, что он и его спутники – христиане. Когда игемон спросил, как их зовут, сей юноша себя назвал Илией, другого – Иеремией, третьего – Исаией, четвертого – Самуилом, пятого – Даниилом. Ибо сии святые юноши, отрекшись от своих языческих имен, данных им не верующими во Христа родителями, вместо них называли себя именами пророков. Этим они хотели явно показать, что они – рабы Бога Израилева, не только по своим делам, но и по своим именам. Не зная таких имен, игемон Фирмилиан стал спрашивать их об отечестве.

Тогда Илия, памятуя слова Апостола Павла: «вышний Иерусалим свободен: он – матерь всем нам» (Гал. 4:26), и другие его слова: «Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев» (Евр.12:22), назвал себя гражданином Иерусалима Небесного, разумея под сим городом свое отечество духовное, а не земное. Игемон же Фирмилиан не знал, что это за город Иерусалим и где он находится. Ибо в то время святой град не назывался Иерусалимом, а Елией. Это наименование дал ему нечестивый царь римский Адриан. Он на месте прежнего Иерусалима, разрушенного Титом, построил новый город и дал ему свое имя, ибо он назывался Елий Адриан. При этом, назвав Иерусалим Елией, Адриан осквернил в нем все святые места, засыпал песком и камнями Гроб Господень и повсюду поставил скверных идолов. После этого он приказал, чтобы все называли сей город не иначе как Елия. Все это он сделал потому, что хотел уничтожить на земле даже самое воспоминание о имени Иисуса Христа. После того в течение двухсот лет нечестивые идолопоклонники не называли сей город Иерусалимом и пренебрегали им. Так продолжалось до времени благочестивого царя Константина и матери его Елены. Поэтому-то и игемон

Фирмилиан, живший в Палестине в царствование Диоклетиана, не знал, где находится город, называемый Иерусалимом, о котором говорил ему святой юноша. Он приказал тому блаженному юноше, который назвал себя Илией, связать сзади руки, повесить его нагим на мучилищном месте и жестоко бить, чтобы он сказал, что это за город Иерусалим и в какой стране он находится.

Благочестивый юноша отвечал, что Иерусалим есть отечество одних только христиан и никто из язычников не может войти в него и что град сей основан на востоке, где солнце начинает проливать на землю свои первые лучи. Так святой говорил игемону о вышнем, духовном Иерусалиме, не обращая внимание на мучения, словно он был бестелесным. Игемон же, не разумея, что святой говорит ему о духовном Иерусалиме, подумал, что христиане где-нибудь построили себе город и хотят сопротивляться Римлянам. Поэтому он велел еще большим мучениям подвергнуть святого юношу, чтобы он подробнее рассказал всё об этом христианском городе и указал бы, где он находится. Но когда игемон не мог ничего более услышать от него кроме исповедания имени Христова, он приказал усекнуть мечом главу святому юноше. Потом он подверг мучениям и прочих юношей: Иеремию, Исаию, Самуила и Даниила. Но услышав от них то же самое, что и от первого, он приказал и их усечь мечом. Узнав также, по исследовании, что святой пресвитер Памфил, диакон Валент и Павел уже за два года до него содержались долго в темнице его предместником игемоном Урбаном, Фирмилиан не захотел их более мучить. Он приказал их только спросить, послушаются ли они царского веления; и когда узнал, что они остаются непреклонными, он и их осудил на смерть.

Один из слуг Памфила, по имени Порфирий, юноша лет восемнадцати, очень любимый своим господином, святым пресвитером Памфилом, за свое целомудрие и благоразумие, услышав смертный приговор на святых мучеников, громко воскликнул из народа:

– Прошу, дайте мне телеса святых, чтобы можно было их предать погребению.

С этими словами он вышел из народа и стал пред игемоном. Узнав, что и Порфирий христианин, игемон приказал его повесить нагим на том же месте, на котором мучил и пять святых юношей, и велел жестоко его бить. Нечестивые мучители били его до тех пор, пока всё тело его не было покрыто ранами и уже кусками отпадало на землю, так что можно было видеть даже его кости и внутренности. Но святой Порфирий терпеливо переносил эти мучения; казалось, он ничего не чувствовал: он даже не стонал и не кричал, но молчал, словно мучители наносили раны не ему, а какому-либо столпу или стене. Всё это еще более усилило ярость игемона: Фирмилиан приказал терзать его раны колючей и жесткой власяницей, а после этого осудил его на сожжение. Мучители поставили столп, привязали к нему святого мученика, обложили вокруг дровами и зажгли. Когда огонь уже объял его со всех сторон, мученик громко стал взывать, призывая на помощь Иисуса Христа, Сына Божия; потом он умолк и предал Господу свою святую и чистую душу. И так он пострадал за Господа своего уже после своего господина, но прежде него удостоился получить мученический венец, ибо в то время, когда святой Порфирий, предав на костре свою душу, отошел ко Господу, святой Памфил вместе с другими мучениками еще не был усечен мечом.

В то время, когда святого Порфирия сожигали на костре, среди народа находился один благочестивый муж, по имени Селевкий, бывший прежде воином. Когда Порфирий уже предал Господу свою душу, он отправился вслед за святыми мучениками, коих повели на место страданий. Он нашел их еще живыми, так как святые упросили своих мучителей дать им немного времени для молитвы. Селевкий, подойдя к святому Памфилу, рассказал ему все о мучении святого Порфирия, и возрадовался Памфил и стал воссылать благодарение Богу. Здесь Селевкий в последний раз дал целование мученикам, уже готовым преклонить свои головы под мечное усечение. Бывшие тут воины, увидев это и узнав, что Селевкий – христианин, схватили его и привели к игемону. Фирмилиан приказал немедленно и Селевкия казнить мечом. Сей святой происходил из Каппадокии и был храбрым и славным воином в римских

войсках; в начале гонения на христиан, за исповедание Христа его сильно били, лишили воинского звания и чести и изгнали из полка. Но он ухаживал за больными, лежащими на городских улицах, заботился о нищих и сиротах, а потом, приобщившись к святым мученикам и исповедникам, радуясь, отошел ко Владыке своему Христу Господу.

В то же время после святого Селевкия к лику мучеников приобщился еще святой Феодул. Он был одним из слуг игемона Фирмилиана; этого мужа все уважали за его преклонную старость: у него были уже правнуки. Будучи тайным христианином, он, приступив к одному из святых мучеников, веденных на страдания, поцеловал его и просил, чтобы святой Христов мученик вместе с ним помолился о нем Господу Богу. Некоторые из слуг игемона, видя это, донесли своему господину о Феодуле и сказали, что и он христианин. Когда Фирмилиан стал расспрашивать святого Феодула и узнал, что этот муж действительно христианин, он сильно разгневался на него и приказал распять святого Феодула на кресте.

Заключая двенадцатичисленный лик Апостолов, после всех к числу мучеников присоединился и святой Юлиан. Он также происходил из Каппадокии и был мужем честным и добродетельным. Ему было необходимо по своим делам съездить в Кесарию Палестинскую. Приближаясь к городу, Юлиан заметил, что около города брошены на съедение псам и птицам телеса святых мучеников. Он возрадовался духом и, припав к ним, целовал телеса Христовых страдальцев и восхвалял их мученическую кончину, после которой они сподобились нескончаемой жизни со Христом. Но вдали были поставлены воины, которые должны были смотреть, чтобы кто-либо из тайных христиан не похитил их тела. Увидев, что какой-то человек припадает к телам святых и целует их, они поняли, что он тоже христианин; тогда воины схватили его и отвели к игемону. Допросив его, Фирмилиан осудил святого мужа на сожжение; и так святой Юлиан пострадал за Христа таким же точно образом, как и святой Порфирий.

Так сии двенадцать мучеников, равные по своему числу Апостолам, вместе с ними удостоились стать и пред престолом

Божиим в Небесном Царстве, украсившись победными венцами[1412]. Их святые тела лежали брошенными во прахе за городом четыре дня. Нечестивцы, увидев, что к ним не касаются ни псы, ни звери, ни птицы, объявили, что, кто хочет, может взять их и предать погребению; тогда христиане, взяв сии святые тела, благоговейно погребли их, прославляя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога. Аминь.

Кондак, глас 4:

Мучением страшным предлежащым Господни страдальцы доблии в небоязненном радующеся мудровании, сим собеседоваша, о плоти нерадивше: темже наследствоваша вечнующую славу, о нас молящеся присно, восхваляющих их подвиги.

Память святого Маруфа епископа и святых мучеников, пострадавших в Мартирополе

Память 16 февраля

Святой Маруф был епископом Тагрита[1413], главного города Месопотамо-Софосенской области: эта местность находилась на границах греческой империи и языческой Персии; в ней благочестивый епископ, как светильник, сиял светом своего богопознания: язычников-персов он своею проповедью обращал в христианство, ходатайствовал за христиан пред персидскими царями и всюду старался ввести мир и безмятежие. Так, при Феодосии Младшем Маруф два раза был посылаем к Издегерду[1414] для заключения мира между двумя империями и своим благочестием и умом приобрел полное уважение у Издегерда. Персидским магам это расположение царя к святому Маруфу очень не понравилось, и вот они решили погубить благочестивого епископа; после того как Маруф исцелил Издегерда от опасной головной болезни, которой не могли исцелить маги, решено было употребить меры против него. Однажды, когда царь, по обыкновению, взошел в храм для поклонения огню, он услышал голос:

– Вон царя, – нечестива любовь его к христианскому священнику!

После этого изумленный Издегерд хотел было удалить от себя Маруфа, но обман скоро был обнаружен, и маги были казнены; после этого между огнепоклонниками стала распространяться христианская вера.

В 414 году Маруф в другой раз исполнял должность посла при дворе Издегерда. Маги снова было восстали на святого епископа, но умысел их был опять неудачен, и Маруф еще более приобрел доверие пред персидским царем. В это же время святой Маруф вместе с епископом Авдою молитвою веры исцелил бесноватого сына Издегерда; после этого Издегерд намеревался даже принять крещение и дозволил свободно исповедовать христианскую веру в Персии.

Пользуясь таким расположением персидского царя, святой Маруф всюду распространял Христово учение, восстановлял храмы, ниспровергнутые во время гонения Сапора, созывал соборы.

В это же время он собрал останки святых мучеников, пострадавших при царе Сапоре, и перенес их в созданный им город Тагрит, где он и сам скончался около 422 года[1415].

Страдание святого великомученика Феодора Тирона

Память 17 февраля

Нечестивые цари Максимиан и Максимин[1416] разослали по всему царству своему повеление, чтобы все, принявшие закон Христов, были освобождены от казни, если только они вкусят от идольских жертв, тех же из них, кто откажется от сего, предать суду. В то время святой Феодор Тирон[1417], незадолго перед тем избранный в воины, был назначен в мармаритский полк, бывший под начальством препозита[1418] по имени Вринка; сей полк стоял тогда в Амасии, городе Понтийском[1419]. Когда святой Феодор был приведен в тот полк, то неверующие стали принуждать его, чтобы он принес жертву идолам; истинный же воин Христов Феодор, верный Богу, исполнившись Духа Святого, сказал во всеуслышание:

– Я – христианин, и мне велено не приносить жертвы мерзким языческим богам, ибо я поклоняюсь Иисусу Христу, Истинному Богу и Небесному Царю.

Тогда препозит Вринка стал убеждать святого:

– Послушай меня, Феодор, возьми с собой всё свое оружие и, как воин, приди и принеси жертву богам.

Святой Феодор отвечал ему:

– Я воин моего Царя Христа, и не могу быть воином какого-либо другого царя.

На сие препозит Вринка сказал:

– Вот эти все воины – христиане, и однако же они – воины римского царя».

– Каждый знает, кому он служит, – ответствовал святой Феодор, – я же служу моему Небесному Царю и Владыке – Богу и Единородному Сыну Его – Иисусу Христу.

Тогда сотник Посидоний, стоявший тут, спросил:

– Разве твой Бог, Феодор, имеет и Сына?

Святой Феодор отвечал:

– Он воистину имеет Сына, Слово Истины[1420], через Которое Он сотворил всё.

Препозит спросил его:

– Можем ли мы познать Его?

На сие святой ответствовал:

– Я желал бы, чтобы Бог дал и вам такое разумение, дабы вы познали Его.

Тогда Посидоний спросил его:

– Если мы познаем Его, то можем ли мы оставить царей наших и приступить к Нему?

– Ничто не препятствует вам, – отвечал святой Феодор, – оставив тьму и временных земных царей, приступить к живому Богу, Царю и Владыке вечному и быть воинами Его, подобно мне.

Тогда препозит Вринка сказал сотнику:

– Оставим его (Феодора) на несколько дней, пусть он поразмыслит и сам решит, что ему делать.

Во всё то время, которое дано было Феодору для размышления, он молился непрестанно и славословил Господа; а нечестивые, дыша яростью на некоторых других граждан, веровавших во Христа, взяли их и отвели в темницу; когда их вели, святой Феодор, идя вслед за ними, поучал их вере и терпению и убеждал, чтобы они не отвергались своего Небесного Царя – Христа. Когда они были заключены в темнице, святой Феодор, выбрав удобное время, зажег ночью капище матери богов[1421]. Некоторые граждане видели, как святой поджигал храм, и донесли на него властям. Тогда градоначальник Кронид, боясь, как бы ему не пришлось отвечать за Феодора, взял его, привел к игемону Публию и сказал:

– Господин мой, сей муж, избранный недавно в воины, человек вредный; со злым умыслом он пришел в наш город, сжег храм матери богов наших и обесчестил богов; взяв его, я привел к твоему величеству, чтобы он по Божественному повелению владык вселенной – по приказанию царей, воспринял вполне достойную казнь за свою дерзость. Игемон, призвав препозита Вринку, спросил его:

– Ты ли позволил воину Феодору сжечь храм матери богов наших?

Тот отвечал:

– Часто я увещевал его, и наконец назначил ему срок, чтобы он, поразмыслив, принес жертву богам. И если он поступил таким образом, то, значит, он совершенно отвратился от богов наших и презрел царское повеление; поэтому ты, как судия, исполни то, что приказали цари.

Тогда игемон, воссев на судилище, призвал к себе блаженного Феодора и спросил его:

– Почему, когда нужно было принести богине жертву и кадило, ты принес ей огонь?

Святой Феодор ответствовал:

– Не стану скрывать, зачем я сделал это. Я зажег дрова, чтобы огонь опалил камень. Неужели так бессильна ваша богиня, что огонь может касаться ее и опалять ее?

Разгневанный этими словами, игемон велел бить его, сказав:

– Моя кротость делает тебя дерзким. Но советую тебе не многословить. Ибо если ты не исполнишь царское повеление добровольно, то мы принудим тебя исполнить его жестокими муками.

На сие святой отвечал:

– Я не боюсь ни тебя, ни твоих мук, как бы люты они ни были. Делай что хочешь; я надеюсь на Господа моего, уповаю получить от Него награду себе на Небесах и готов пострадать за Него.

– Принеси жертвы богам, Феодор, – сказал судия, – и ты будешь свободен от предстоящих тебе мук, иначе тебя ждет ужасная смерть.

Но святой Феодор мужественно возразил ему:

– Твои муки мне не страшны. Ибо предо мною – Господь и Царь мой Иисус Христос. Он избавит меня от твоих мук. Но ты не можешь Его видеть, так как ты не можешь смотреть духовными очами.

Судья, исполнившись, подобно дикому зверю, ярости, приказал ввергнуть святого в темницу и, запечатав двери, оставить его там на голодную смерть. Но Святой Дух

подкреплял блаженного Своею благодатью. Сверх того, однажды ночью ему явился Господь Иисус Христос и сказал:

– Дерзай, Феодор, Я с тобою; не принимай пищи или пития земного, ибо для тебя уготована жизнь вечная со Мной на небесах.

После этого Господь сокрылся из глаз святого. Утешенный видением, блаженный Феодор начал воспевать псалмы и возвеселился душою. Великое множество святых Ангелов внимало ему. Темничные стражи, услыхав сие сладкопение, подошли к дверям темницы. Увидев, что двери заперты и печать цела, они посмотрели через окно и увидели множество мужей в белых ризах, воспевающих вместе со святым Феодором. В страхе они возвестили об этом игемону Публию. Он тотчас же отправился поспешно к темнице и, придя на место, увидел, что двери на запоре и замок с печатью целы. А так как игемон слышал голоса поющих внутри вместе со святым Феодором, то он приказал вооруженным воинам со всех сторон обступить темницу. Он думал, что вместе с Феодором находятся в темнице некоторые из христиан. Но войдя в темницу, он никого не нашел там, кроме верного раба Божия святого Феодора, который был связан. Страх и трепет напали на игемона и на всех бывших с ним. Выйдя из темницы, они снова затворили двери и ушли. Судья приказал давать каждый день святому небольшую часть хлеба и немного воды. Но в подтверждение слов Священного Писания: «праведный своею верою жив будет» (Авв.2:4; Рим.1:17), святой Феодор не восхотел принимать хлеба и воды, сказав:

– Господь и Царь мой – Иисус Христос – питает меня.

Утром судья приказал привести святого на судилище и сказал ему:

– Послушайся моего совета и не заставляй меня приказывать, чтобы тебя пытали и мучили: принеси жертву великим богам. Я тогда напишу о тебе нашим царям – властителям вселенной, и они сделают тебя главным жрецом богов, так что ты получишь тогда почести, равные со мною.

Воззрев на небо и осенив себя знамением креста, святой Феодор отвечал своему мучителю:

– Жги мое тело огнем, предавай меня разным мукам, секи меня мечами, отдай меня на съедение зверям, но я не отвергнусь Христа моего, до конца моей жизни.

Посоветовавшись с препозитом, мучитель повелел повесить святого на дереве и строгать тело его железными зубцами. Святого мучили так до тех пор, пока не стали видны кости. Блаженный при сем ничего не говорил своему мучителю, но только воспевал:

«В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет» (Рим. 1:17). «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс. 33:2). «Приобретение мудрости гораздо лучше золота, и приобретение разума предпочтительнее отборного серебра» (Притч. 16:16).

Мучитель, удивляясь такому мужеству и терпению святого Феодора, сказал ему:

– Неужели ты, сквернейший из всех людей, не стыдишься уповать на Человека, названного Христом, Который Сам был казнен бесчестной смертью? Неужели ты ради Сего Человека так безрассудно подвергаешь себя мукам?

Христов мученик отвечал на это:

– Пусть выпадет на мою долю и на долю всех призывающих имя Господа Иисуса Христа такое же бесчестие!

Тогда народ стал кричать и требовать, чтобы скорее была совершена казнь над святым Феодором. Слыша вопль народный, судья через глашатая спросил Феодора:

– Хочешь ли ты принести жертву богам, или же намерен претерпевать еще большие мучения?

Смело отвечал на сие Христов мученик:

– Нечестивый, всякие скверны и лести исполненный, слуга диавола, разве ты не боишься Бога, давшего тебе такую власть и силу: ибо – Им «цари царствуют и повелители узаконяют правду» (Прит.8:15). Как ты можешь принуждать меня оставить живого Бога и поклониться бездушному камню?

Подумав, судья сказал Феодору:

– Чего хочешь ты: быть ли с нами или с твоим Христом?

С великой радостью святой ответствовал:

– Со Христом моим я был, есмь и буду; ты же делай, что хочешь.

Судья, видя, что ничто не может одолеть твердости Феодора, произнес смертный приговор.

– Феодора, – сказал он, – который не повинуется власти великих царей, не признает великих богов и верует в Иисуса Христа, распятого, как говорят иудеи, при Понтийском Пилате, я повелеваю предать огню.

Сие приказание мучителя было быстро исполнено: слуги его собрали из ближайших домов и бань много дров, сложили огромный костёр и привели к костру святого Феодора. Подожженный со всех сторон костер разгорелся ярким пламенем. Войдя на костер, святой Феодор перекрестился, и вот внезапно сошел Дух Святой и посреди пламени дал прохладу святому страстотерпцу. Святой же, воспевая и славословя Бога, в мире предал Ему дух свой.

– И мы видели, – пишет один очевидец блаженной кончины великомученика, – его честную и святую душу, вознесшуюся как молния на небеса.

Одна благочестивая и добродетельная женщина, по имени Евсевия, просила тело святого славного великомученика Феодора. Когда ей отдали честные мощи святого, она помазала их благовонным миром и, обвив чистой плащаницей, погребла в своем доме в городе Евхаитах[1422], в митрополии Амасийской, и ежегодно совершала святую память мученика. Скончался святой великомученик Христов Феодор 17 февраля около 306 года, в царствование императора Максимиана.

О чуде святого великомученика Феодора Тирона.

После сына Константина Великого, Констанция, на царский престол вступил Юлиан Отступник[1423]. Он отрекся от Христа, стал поклоняться идолам и воздвиг на христиан великое гонение. Юлиан преследовал христиан не столько открыто, сколько тайно; ибо он не решался явно подвергать жестоким и бесчеловечным мучениям всех христиан, так как боялся, чтобы многие из язычников, видя мужественное терпение мучимых христиан, не обратились бы сами ко Христу. Поэтому сей нечестивый царь замыслил тайно осквернить христиан. Он знал,

что в первую седмицу Великого поста христиане соблюдают особенную чистоту и каются в своих согрешениях. И вот он призвал к себе Константинопольского градоначальника и повелел ему ежедневно в продолжение первой седмицы осквернять припасы, продаваемые на торжищах, кровью идольских жертв, от которых христиане всегда обязаны воздерживаться (см.: Деян.15:29). Приказание царя было исполнено, и на всех торжищах были положены яства, оскверненные неверующими. Но Всеведущий Господь, посрамляя язычников и заботясь об истинных рабах Своих, разорил сие тайное коварство. Он послал к Константинопольскому архиепископу Евдоксию[1424] святого страстотерпца Своего Феодора, за много лет пред тем пострадавшего за Христа и пребывавшего во славе в Небесном Царствии. Святой Феодор явился Евдоксию не во сне, но наяву и сказал ему:

– Собери немедленно Христово стадо и прикажи всем православным, чтобы никто из них не покупал на торжищах яств, ибо они, по приказанию нечестивого царя, осквернены идоложертвенной кровью.

Архиерей в недоумении стал спрашивать, чем же заменить покупаемые на торжищах яства людям бедным, имеющим недостаток в домашних запасах:

Святой отвечал:

– Дав им коливо, ты избавишь их от затруднений!

Но епископ продолжал выказывать недоумение, так как, не знал, что такое коливо. Тогда святой Феодор сказал:

– Коливо – это вареная с медом пшеница[1425]. Так называется это кушанье в Евхаитах. Тогда епископ спросил святого:

– Кто ты и почему так заботишься о православных христианах?

На сие святой отвечал:

– Я – мученик Христов Феодор; я, по Божию повелению, послан вам на помощь.

Сказав это, святой стал невидим. Епископ тотчас же собрал всех христиан и рассказал им, что видел и слышал. Приготовив

коливо, он сохранил свое стадо от вражеского коварства. Нечестивый царь, видя, что козни его разрушены, весьма устыдился и приказал доставлять на торжища неосквернённые яства. А христиане, благодаря Господа за Его неизреченное милосердие и восхваляя Христова великомученика святого Феодора, в субботу первой седмицы Великого поста совершили празднование святому великомученику, благословив в честь и память его коливо в пищу для употребления верным. И с того времени даже доныне Церковь творит в первую субботу Великого поста освящение колива в память бывшего при архиепископе Евдоксии чуда и прославляет страстотерпца Христова Феодора, чтобы дать верующим постоянное напоминание о милостивом Промысле Божием о рабах Своих – и о помощи святого великомученика Феодора христианам[1426].

Тропарь, глас 2:

Велия веры исправления, во источнице пламене, яко на воде упокоения, святый мученик Феодор радовашеся: огнем бо всесожегся, яко хлеб сладкий Троице принесеся. Того молитвами, Христе Боже, спаси души наша.

Кондак, глас 8:

Веру Христову яко щит внутрь приим в сердце твоем, противныя силы попрал еси, многострадальче: и венцем небесным венчался еси вечно, Феодоре, яко непобедимый.

Память святой Мариамны

Память 17 февраля

Святая Мариамна была сестрою святого Апостола Филиппа. Дав обет девства, она присоединилась к брату, вместе с Апостолом Варфоломеем, когда святой Филипп, проповедуя Евангелие в областях Малой Азии, пришел в Лидию и Мизию[1427]. С этого времени святая Мариамна была пособницей святых Апостолов Филиппа и Варфоломея в их Апостольских трудах и вместе с ними переносила все тяготы и скорби Апостольства. Проповедуя слово Божие, они пришли в Иераполь Фригийский[1428]. Здесь, едва прибыли они, – рассказывает о них на основании древних преданий церковный историк Никифор Каллист, – тотчас прекратилось служение идолам, боготворимая жителями Иераполя ехидна была изгнана из святилища, чтившие ее покрылись стыдом и досадою. Чтобы прекратить успехи их проповеди, градоначальник повелел схватить Филиппа, Варфоломея и Мариамну и заключить их в темницу. Затем Апостол Филипп был предан смерти через повешение на кресте. Мариамна же и Варфоломей, после чудесного проявления гнева Божия на градоначальника и жрецов ехидны (их поглотила земля), были освобождены. С любовью облобызав снятое со креста тело скончавшегося мученически брата своего, святая Мариамна прославила Господа и отправилась с проповедью Евангелия в Ликаонию[1429]. Здесь, среди успешного благовествования, она мирно скончалась, успокоившись от трудов своих.

Обретение мощей святого мученика Мины Калликелада

Память 17 февраля

Будучи родом из Афин, святой Мина получил прекрасное образование и славился красноречием, почему и получил наименование Калликелада (Красноглаголивого). При императоре Максимине[1430] он принял мученическую кончину около 313 года[1431]. Обретение мощей его было при византийском императоре Василии Македонянине[1432].

Память святого отца нашего Льва, папы Римского

Память 18 февраля

Великий святитель и пастырь Божией Церкви – Лев, папа римский, родом был из Италии; отец его именовался Квинтианом. С юных лет святой Лев был обучен всякой книжной премудрости, познакомился с внешней философией[1433] и был наставлен в добродетелях христианских. Возлюбив духовное житие более мирского, он сначала был архидиаконом[1434] у папы Сикста III-го[1435]. За свое высокое целомудрие и чистоту он, по смерти Сикста, единогласно был избран в первосвятителя Римской церкви. Как добрый пастырь, святой Лев усердно пас словесных овец Христовых, полагая за них свою душу.

В то время лютый мучитель Аттила, предводитель гуннов[1436], называвшийся бичом Божиим, завоевав много стран, пришел и в Италию, намереваясь и ее опустошить огнем и мечом. Видя, что никто не может сопротивляться грозному завоевателю, папа Лев обратился с прилежной молитвой к Богу и, наложив на себя пост, призывая на помощь святых первоверховных Апостолов Петра и Павла, со слезами умолял Господа, чтобы Он защитил Своих рабов от свирепого врага. Почерпнувши в молитве мужество и твердость, святой Лев решил отправиться к мучителю, чтобы утишить его гнев и прекратить его ярость, готовый в случае нужды даже положить душу за овец своих. Мудрыми сладкоглаголивыми и боговдохновенными словами беседовал он с Аттилою и превратил его из лютого волка в кроткую овцу; грозный и неукротимый воитель смиренно и мягко внимал словам угодника Божия, удивляясь его архиерейскому величию и ужасаясь пред святостью честного лица его. Исполнив всё по желанию святого Льва, грозный Аттила отошел от пределов Италии в свои земли.

Воеводы Аттилы немало удивлялись, как Лев мог так скоро и так необычно сделать Аттилу из столь лютого князя столь кротким; они спрашивали Аттилу:

– Почему ты убоялся одного только римлянина, пришедшего без оружия? Почему ты повиновался ему? Почему ты, словно побежденный, предался бегству, оставляя в Италии такое множество богатств?

– Не видели вы того, что я видел, – отвечал им Аттила, – а видел я двух ангелоподобных мужей, стоявших по обеим сторонам папы (это были святые первоверховные Апостолы Петр и Павел); в руках они держали обнаженные мечи и грозили мне смертью, если я не послушаюсь Божия архиерея.

Таков был великий угодник Божий Лев, наводящий страх не только на невидимых врагов, но даже и на видимых, горячо любимый овцами, так как ради них он не убоялся идти к страшному завоевателю, готовясь в случае нужды даже пострадать от него.

Во время его святительства после еретика Нестория[1437] выступили: Евтихий, архимандрит Цареградский, и Диоскор, патриарх Александрийский[1438], бесстыдные хулители, которые сливали два естества во Христе Господе нашем, Божеское и человеческое, в одно. Своею ересью они сильно смущали Церковь Божию. Собрав в Ефесе[1439] свое неправедное соборище[1440], они несправедливо осудили и замучили святого Флавиана, патриарха Цареградскаго, защитника православия, и много зла причиняли православным. Тогда святой папа Лев употребил всё свое старание к тому, чтобы укрепить и умиротворить Церковь, смущаемую еретиками; он писал к царям, сначала к Феодосию[1441], потом к Маркиану[1442], чтобы они созвали Вселенский собор. Наконец, в царствование Маркиана и Пульхерии созван был против Евтихия и Диоскора, проповедующих во Христе Господе единое естество, единое действование и волю, Вселенский собор в Халкидоне[1443], по счету четвертый, – на котором было 630 святых отцов[1444]. На сем соборе святейшему папе Льву нельзя было присутствовать, – как по причине продолжительности пути и преклонного возраста, так и потому, что невозможно было ему удаляться из Италии вследствие часто случавшихся тогда нашествий врагов на эту страну; поэтому он послал своих наместников: епископов Пасхазия и Лукентия и пресвитеров Вонифатия и Василия. Во

время прений с еретиками на том соборе многими овладело сильное сомнение; тогда по повелению святых отцов, по поводу возражений еретиков, было прочтено послание святого Льва, папы Римского, писанное к бывшему перед тем патриарху Цареградскому святому Флавиану, который созвал против Евтихия Поместный собор в Константинополе. Об этом послании рассказывается, что сам святой верховный Апостол Петр своей рукой апостольской исправил его; свидетельство об этом мы находим в Лимонаре святого Софрония Иерусалимского:

– Поведал нам, – пишет святой Софроний, – авва Мина, настоятель киновии, именуемой Саламановой, находившейся близ Александрии, что он слышал такой рассказ аввы Евлогия, Александрийского патриарха. Когда пришел я (рассказывал Евлогий) в Константинополь, я жил с господином Григорием, архидиаконом Римской Церкви, мужем поистине отменным и добродетельным и часто беседовал с ним. Он-то и рассказал мне о блаженнейшем и святейшем Льве, папе Римском: именно о нем записано в Церкви Римской следующее: когда святой Лев написал послание к святому Флавиану, епископу Константинопольскому, против злочестивого Евтихия и Нестория, он положил сие послание на гробе первоверховного Апостола Петра, а сам с молитвой и постом просил сего Апостола:

– Если я, как человек, в чем-либо ошибся или же чего-нибудь не пояснил, то ты, которому от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа поручена Церковь и этот престол, исправь это.

Спустя сорок дней ему во время молитвы явился Апостол и сказал:

– Прочитал и исправил. Взяв свое послание с гроба блаженного Петра, Лев раскрыл его и нашел его исправленным рукою Апостола. Это сообщает нам святой Софроний

Когда это послание святого папы Льва было читано на Вселенском четвертом соборе, то все святые отцы воззвали:

– Святой Апостол Петр глаголет устами Льва.

Таким образом, отцы собора в своих суждениях основывались на послании святого Льва и этим посланием посрамили еретиков. Не только тогда, но и потом грамота эта, утверждающая Православие и заграждающая уста еретикам, была в великом почитании у святых отцов и, между прочим, у вышеупомянутого блаженного Евлогия, патриарха Александрийского. Сей Евлогий, в то время как еретики сильно хулили послание Льва и возражали написанному в нем, крепко защищал его, поэтому он приятен был святому Льву, уже отшедшему в то время из сей жизни и предстоящему вместе со святыми пред Богом.

Об этом тот же святой Софроний повествует: «Святой Феодор, епископ города Дарны в Ливии[1445] рассказал нам следующее: когда я был кувикуларием[1446] святого патриарха Александрийского Евлогия, я видел во сне мужа священнолепного и светлого, который сказал мне: «Возвести о мне патриарху Евлогию"».

Я спросил:

– Кто ты, владыко, и как мне сказать о тебе?

Он ответил мне:

– Я – Лев, папа Римский.

Войдя к патриарху Евлогию, я сказал ему:

– Святейший и блаженнейший папа Лев, первосвятитель римский, хочет войти к тебе.

Услышав это, патриарх Евлогий, быстро поднявшись, вышел ему навстречу; совершив молитву, они поцеловались и сели. Тогда блаженный Лев сказал святому патриарху Евлогию:

– Знаешь ли ты, зачем я пришел к тебе?

Тот отвечал:

– Нет.

Лев сказал ему:

– Я пришел благодарить вас за то, что вы хорошо и сильно защищали мою грамоту, изъяснили мое разумение, заградили ею уста еретиков и объяснили таким образом мою грамоту, которую я писал брату моему Флавиану, патриарху Константинополя, на обличение злочестивой ереси Нестория и Евтихия: знай же, брат, что не только я работал и трудился над

сей грамотой, но также и святой первоверховный Апостол Петр прочитал и исправил ее, а более всех ее освятил Сам Христос Бог наш – проповедуемая нами Истина.

Такое видение (рассказывает епископ Феодор) видел я не один раз, но дважды и трижды: блаженные отцы – Лев и Евлогий пред моими духовными очами трижды сходились и беседовали друг с другом; об этом, повторенном троекратно, видении я возвестил святому Евлогию. Услышав сие, святой Евлогий прослезился и, простерев руки к небу, воздал благодарение Богу, говоря:

– Благодарю великую и неизреченную благость Твою, Владыка Христе Боже наш, за то, что Ты сподобил меня недостойного быть проповедником Твоей истины и, по молитвам рабов Твоих, Петра и Льва, благоволил принять малое дерзновение мое, подобное двум медницам вдовы[1447].

Таково известие Софрония. Изложенное здесь видение произошло много лет после преставления святого Льва, ибо святой Евлогий жил гораздо позднее, а именно: в царствование императоров Маврикия и Фоки[1448], между тем как святой Лев, папа римский, скончался прежде того, в царствование соименного себе царя Льва Великого[1449].

Вот что известно о последних днях жизни св. папы Льва:

Достигнув глубокой старости и приблизившись к скончанию дней своей земной жизни, святой Лев был извещен от Бога о прощении своих немощей человеческих. Это произошло при таких обстоятельствах: папа Лев пробыл сорок дней у гроба святого Апостола Петра в молитве и посте, умоляя святого Апостола, чтобы он просил у Господа, да отпустит ему всеблагой Бог его прегрешения; по прошествии сорока дней ему явился святой Апостол Петр и сказал:

– Я молился за тебя, и отпущены тебе все грехи твои, кроме грехов, которые ты совершил при хиротонии других на священные степени. Лишь о том ты должен будешь отвечать: законно ли ты рукоположил кого или нет».

После этого извещения святой Лев усилил свои молитвы, усугубил свой пост, умножил свои милостыни, вопия в сокрушении сердца своего до тех пор, пока не получил отрады

совершенного прощения. Потом, приготовившись как должно к исходу, он предал святую свою душу в руки Божии и присоединился к лику прежде почивших святых, великих иерархов и учителей[1450]; с ними он и предстоит ныне пред престолом Христа Бога нашего, славимого и поклоняемого со Отцем и Святым Духом вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

На престоле, славне, священства сед и львов уста словесных заградив, догматы Богодухновенными Честныя Троицы озарил еси свет Богоразумия твоему стаду. Сего ради прославился еси яко Божественный таинник Божия благодати.

Память святого отца нашего Флавиана Исповедника, патриарха Цареградского

Память 18 февраля

Труды

• Послание Флавиана, архиепископа Константинопольского, ко Льву, папе города старого Рима, о заблуждениях нечестивого Евтихия

• Список с (изложения) веры Флавиана, епископа Константинопольского, написанного собственною его рукою и предложенного императору, по его требованию

• Послание Флавиана, архиепископа Константинопольского, ко Льву, архиепископу святой римской церкви

Святейший отец наш Флавиан был сначала сосудохранителем и пресвитером в святой, великой Константинопольской церкви[1451]; потом, по преставлении святейшего патриарха Прокла, он за свою непорочную и богоугодную жизнь был возведен на патриаршеский престол. Это было в царствование Феодосия Младшего и сестры его Пульхерии. У царя был евнух, по имени Хрисафий, исполненный лукавства и злобы; мудрствуя еретически и зная, что Флавиан благочестив и твердо держится православной веры, Хрисафий не любил его и всячески противился поставлению святого на патриаршество. Когда же, несмотря на его противодействия, святой Флавиан был поставлен в патриарха, Хрисафий стал изыскивать какой-нибудь повод, чтобы причинить зло патриарху. И был он весьма искусен в лукавых делах своих, потому что пользовался благорасположением царя и имел великую власть.

Пользуясь своим влиянием на царя, Хрисафий скоро нашел повод к возбуждению неудовольствия последнего на святого патриарха. По свидетельству церковного историка Никифора[1452], он научил царя послать к патриарху сказать, чтобы он, как новопоставленный патриарх, приготовил царю дар, достойный его царского сана. Тогда святейший Флавиан, изготовив хлебы из чистой муки, послал царю на благословение

сей дар, поистине достойный рук царя. Хрисафий же отбросил сии хлебы, говоря, что патриарху надлежало прислать в дар царю не хлеб, но золото. Святейший патриарх отвечал через посланцев, что такого дара он не имеет.

– Я не имею золота, – говорил он, – потому что презрел все сокровища мира сего. Разве дам что-нибудь из церковных сокровищ? Но церковное серебро и золото принадлежит Богу и никому не должно подавать его, кроме нищих, – что должно быть хорошо известно и самому Хрисафию.

Впрочем, впоследствии, как добавляет историк Евагрий[1453], когда Хрисафий стал настойчиво добиваться присылки драгоценного подарка, патриарх послал ему несколько золотых сосудов, взяв их из алтаря; сим подарком патриарх хотел посрамить Хрисафия и обличить его ненасытную страсть к золоту.

Хрисафий пришел в сильный гнев и стал возбуждать против патриарха царя, говоря ему, что новопоставленный патриарх глумится над его державой. Но этот коварный царедворец не мог причинить большого зла патриарху, так как благочестивая царица Пульхерия, сестра императора Феодосия, управлявшая тогда всем царством Греческим, покровительствовала патриарху, защищая сего неповинного и святого мужа. Тогда Хрисафий стал строить козни и против благочестивой Пульхерии, коварным образом вооружив против нее царицу Евдокию, как об этом пространно изложено в житии святой Пульхерии. Хрисафий достиг даже того, что царская сестра была удалена из царского дворца и лишилась своей власти. Произошло это следующим образом: царь Феодосий, по совету супруги своей Евдокии и Хрисафия, пожелал, чтобы патриарх убедил сестру его принять иноческое пострижение, надеясь таким образом устранить ее от царской власти. Поэтому у царя тайно был собран совет, куда был приглашен и святейший патриарх; на совете патриарх показал вид, что исполнит желание царя, но в сердце своем он не одобрял его, так как считал несправедливым устранение от управления Греческим государством Пульхерии, которая отличалась премудростью, благоразумием, целомудрием и святостью, заменила царю

мать, когда во время его детства родители его скончались, и, сверх того, являлась защитницей благочестия и мудрою правительницею государства. Уважая и почитая Пульхерию, святой Флавиан тайно известил ее обо всем, что происходило на тайном совещании царя. Тогда благочестивая царевна Пульхерия, поняв вражду царицы и Хрисафия и видя намерение брата, сама оставила управление царством, оставила также и царские палаты и город и предалась тихому безмолвию. После того лукавый Хрисафий, дождавшись благоприятного времени, стал снова строить козни против святейшего патриарха Флавиана, восставляя на него самого царя и говоря, что он не сохранил царской тайны и держит сторону Пульхерии, а не царя. Ибо все вскоре узнали о том, что патриарх сообщил Пульхерии о царском намерении. Таким образом Хрисафий достиг того, что царь стал весьма гневаться на патриарха Флавиана.

В то время в Царьграде проживал архимандрит Евтихий, получивший печальную известность своим богохульным учением, так как он сливал два естества в Господе нашем Иисусе Христе – Божеское и человеческое – в одно естество. Сей Евтихий был духовным отцом Хрисафию, так как он был восприемником его при святом крещении. Созвав в Константинополе Поместный собор[1454], святейший патриарх Флавиан призвал на него Евтихия для того, чтобы он открыто перед всеми заявил о своем исповедании. Но Евтихий не хотел идти на собор, измышляя в оправдание своего нежелания различные предлоги: то он утверждал, что из своего монастыря он не может выходить, как из гроба, потому что дал обет о сем, то говорил, что стар и сильно болен. Но святейший патриарх снова посылал к нему архимандритов, пресвитеров и диаконов, с любовью приглашал его на собор, всячески содействовал его раскаянию, старался, чтобы он перед всеми отверг свое еретическое мудрование и присоединился к святой Православной Церкви, надеясь, что другие, следуя его примеру, оставят свое заблуждение и обратятся к истинной вере. Лишь после неоднократно повторенных призывов Евтихий согласился, и то неохотно, прийти на собор. Отправляясь на

собор, он прежде всего зашел в царские палаты, стараясь найти себе у царя защиту и помощь. Через Хрисафия он выпросил у царя послать вместе с ним на собор избранных сановников и несколько воинов. Царь послал с Евтихием патриция Флоренция и других сановников вместе с воинами. Так Евтихий отправился на собор, словно на какую-либо битву, окруженный воинами и царскими сановниками. Последние послали сказать отцам собора:

– Мы и сами не придем на собор, и Евтихию не дадим прийти, если вы нам заранее не обещаете, что отпустите его с собрания свободным.

Собравшиеся на собор отцы дали свое обещание. Когда Евтихий предстал пред собором, то сначала были прочитаны его книги, исполненные еретических догматов, которые он разослал по различным монастырям и тем многих склонил к своему пагубному заблуждению. Затем после долгих увертoк Евтихия отцы собора принудили его устно высказать свое исповедание. Евтихий сказал:

– Я исповедую, что Господь наш Иисус Христос два естества имел пред Своим воплощением, но после воплощения в Нем стало одно естество[1455].

Тогда бывшие на соборе отцы потребовали, чтобы он проклял свое еретическое мудрование и принял бы православные догматы, но он отказался от сего пред лицом всего собора, на котором присутствовало тридцать два епископа, двадцать три архимандрита и множество пресвитеров и диаконов. Тогда святейший Флавиан и все святые отцы, присутствовавшие на соборе, извергли Евтихия из священного сана и написали следующую грамоту: «Евтихий, бывший некогда пресвитером и архимандритом, в прежних своих писаниях и в нынешнем устном исповедании показал, что разделяет ересь Валентина и Аполлинария[1456]; неуклонно следуя заблуждению этих еретиков, он не послушался нашего увещания и, не принимая истинного учения, отказался следовать правым догматом. Поэтому мы, плача и стеная о его конечной гибели, решили во имя Господа нашего Иисуса Христа, Коего он хулит, отлучить его от иерейского сана,

начальствования над монастырем и нашего общения. Да будет сие известно всем, кто потом будет беседовать с ним или посещать его; пусть знают эти люди, что они навлекут на себя наказание и подвергнутся отлучению, так как не отклонились от его заблуждений».

Эту грамоту подписал Флавиан – епископ нового Рима[1457], а также и все прочие епископы и архимандриты.

Будучи извержен, Евтихий искал поддержки при царском дворе, так как ему сильно помогал во всем влиятельный Хрисафий. Сей лукавый евнух имел на святейшего Флавиана великую ярость и гнев; он всячески старался низложить с престола святого архипастыря, ибо тем он хотел и за Евтихия отомстить, и в особенности причинить неприятность Пульхерии, уважавшей святого Флавиана. Пользуясь своим влиянием на царя, которое было так велико, что он мог совершать всё, что ему было угодно, – Хрисафий написал послание к патриарху Александрийскому Диоскору[1458], человеку способному на всякое зло, опытному в коварстве, отличающемуся своим нечестием; в своем послании Хрисафий старался вооружить Диоскора против Флавиана, поручая Евтихия его покровительству, и обещал ему большую милость у царя. Письмо было написано от лица царя, именем которого Хрисафий повелевал Александрийскому патриарху, чтобы он, собрав подвластных ему единомышленных епископов, каких хочет, отправился бы поскорее в Ефес и составил бы там Вселенский собор относительно догматов веры, ибо Флавиан вносит в церковь некоторые еретические мудрования и смущает верующих. «Итак, – писал Хрисафий, – пусть Диоскор рассмотрит на соборе всё дело и извергнет Флавиана, а Евтихия, если он окажется невиновным, пусть разрешит от соборной клятвы и восстановит в его сане». Тот же Хрисафий привлек на сторону Евтихия и царицу Евдокию, так что и она помогала еретику против Флавиана. Диоскор же, взяв с собою более десяти единомышленных с ним епископов и некоего архимандрита по имени Варсума, сопровождаемый 1000 монахов, прибыл в Ефес. Здесь по царскому повелению составился, под председательством Диоскора, собор[1459], на котором присутствовало 128 епископов, съехавшихся из разных

стран; на этот собор прибыл и святейший Флавиан, призванный сюда на суд. Царь же или, вернее, Хрисафий от имени царя написал послание к комиту[1460] Елпидию и к другим комитам, бывшим там с войском, чтобы они не допускали на собор тех епископов, которые, вместе с Флавианом, осудили Евтихия на Поместном соборе, бывшем в Константинополе, и подписались под грамотою об извержении его.

Когда собралось то лукавое соборище, где председательствовал Диоскор, выступил Евтихий и подал написанное им самим исповедание веры, где изложил свое еретическое учение, искусно прикрытое двусмысленными выражениями. Лишь только Евтихий окончил чтение своего исповедания веры, среди участников собора поднялись разногласие и шум: одни защищали Евтихия и утверждали, что он неповинен, так как право исповедует святую веру, другие же стояли за Флавиана; но последних было мало, ибо все возлюбили тьму более света и ложь более истины, стараясь угодить земному царю, а не небесному. Ибо царь Феодосий, хотя и был благочестив, однако, как человек, согрешил по неведению, не поняв коварства Евтихия, Диоскора и Хрисафия. А последний постоянно лукаво льстил перед царем, стараясь уловить его душу в свои коварные сети. В своем неведении царь считал еретиков за православных и доверчиво внимал лжи, принимая ее за истину, ибо не было уже при нем его мудрой сестры, блаженной Пульхерии. Итак, после долгих разногласий и споров сторона противников истинного Православия на нечестивом соборище в Ефесе возобладала. Беззаконное соборище провозгласило догмат, будто во Христе не два естества, а одно, и объявило Евтихия неповинным и право верующим, тогда как он на самом деле был еретик; правоверного же и благочестивого патриарха Флавиана собор несправедливо осудил как еретика. Ему даже не было дозволено что-либо говорить в защиту себя. Председательствовавший на соборе Александрийский патриарх Диоскор объявил его изверженным из сана, лишенным святительства, иерейства и всякой духовной власти, и об этом было составлено письменное постановление. Сверх того, на

этом беззаконном соборе было решено отправить святого патриарха в заточение. Тогда встали Онисифор, епископ Иконийский[1461], и, вместе с другими епископами уверенными в невинности Флавиана, коснувшись колен Диоскоровых, стал просить его:

– Не приводи в исполнение своего намерения, честнейший отче, ибо Флавиан решительно ничего не сделал такого, что бы было достойно извержения; если же нужно наказать его, то накажи, но не извергай.

Диоскор, поднявшись с престола и став на возвышении перед троном, сказал:

– Если бы мне и язык грозили отрезать, я всё же не изменю приговора.

Тогда приближенный Диоскора архимандрит Варсума стал громко восклицать:

– Кто исповедует, что во Христе два естества, тот да будет рассечен пополам.

Когда епископы стали просить Диоскора о том, чтобы он не посягал на Флавиана, председатель спросил:

– Где комиты?

И тотчас комиты с Елпидием во главе и со множеством воинства вошли в церковь и принесли большие железные вериги, приготовленные для святого Флавиана; вместе с воинами вошли и монахи Варсума. Тогда епископы стали громко заявлять:

– Варсума – разбойник, разорил всю Сирию, привел и на нас своих монахов. Варсума – разбойник, анафема Варсуму!

А Варсума кричал:

– Убить еретика Флавиана, убить его!

В безумном дерзновении нечестивцы устремились на святого и стали наносить ему побои, кто просто кулаками, кто палками. Даже сам Диоскор, набросившись на Флавиана, поверг его на землю и попирал ногами; так они били его некоторое время, а затем возложили на него, едва живого, вериги. Диоскор понуждал епископов, чтобы они все подписали грамоту об извержении Флавиана. Сторонники Диоскора подписали ее немедленно; а те из епископов, которые видели происходящую

пред ними несправедливость и разбойничество, не соглашались подписать сей грамоты; но тогда их не стали выпускать из церкви расставленные вокруг нее вооруженные воины; монахи же Варсума яростно кричали и поносили их. И держали тех епископов в церкви до ночи, пока они, наконец, подписали сию грамоту, против своей воли, будучи устрашены угрозами. Так окончилось сие безбожное соборище, известное в истории под именем разбойничьего собора.

Святой же исповедник Христов Флавиан на третий день после того как претерпел жестокие побои, предал святую свою душу в руки Господа, за Которого невинно пострадал, подобно Авелю, и таким образом, вместо изгнания, переселился на небеса. На его место патриархом в Константинополе был избран Анатолий[1462].

Через некоторое время злые дела и коварство Хрисафия были изобличены, так что он бесчестно был изгнан из царских палат и погиб бесславною смертью; царица же Евдокия, сообщница его, устрашенная гневом Феодосия, отправилась в Иерусалим. После того сам царь убедительно и долго просил святую Пульхерию, сестру свою, возвратиться во дворец и по-прежнему помогать ему в государственных заботах; исполняя желание своего брата, святая возвратилась из своего уединения. Вскоре же после того как она приняла в свои руки бразды правления, святая Пульхерия озаботилась восстановить православное учение, а также честь защитников православия. Мощи святого исповедника Христова Флавиана она перенесла с великой честью в Константинополь[1463]. Диоскор же и Евтихий, преданные проклятию на четвертом Вселенском соборе, бывшем в Халкидоне[1464], навлекли на себя вечную гибель. А Церковь Христова, которую не смогли одолеть врата адовы, процветала, прославляя Христа, в двух естествах, неслитно и нераздельно познаваемого, хвалимого и превозносимого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Память святого Агапита Исповедника, епископа Синадского

Память 18 февраля

Преподобный Агапит родился в Каппадокии[1465] в царствование императоров Диоклетиана и Максимиана[1466]. Родители его были христианами. Еще в молодых годах он принял иночество и поступил в один из монастырей своей родины, где подвизалось более тысячи иноков. Научившись от них добрым иноческим навыкам, преподобный вскоре стал искусным исполнителем заповедей Господних. Он так ревностно подвизался в посте, бодрствовании и молитве, что у всех вызывал удивление и за свои строгие подвиги пользовался в обители всеобщею любовью. Он носил одежду из древесной коры, питался нередко в течение 80 дней золою вместо хлеба, отказывался от сна и, почитая и называя всех иноков обители своими господами, старался быть полезным им разными монастырскими услугами. За такие подвиги Господь сподобил преподобного благодати чудотворения. Молитвою он однажды умертвил змея, а потом исцелил одну девицу, которая страдала от тяжкого недуга.

Император Ликиний[1467], узнав о том, что преподобный Агапит обладает большою телесною силою, повелел взять его из обители и против его воли определил в число своих воинов. Исполняя обязанности военной службы, преподобный не оставлял и иноческих подвигов и удостоился благодати Божией одним своим появлением врачевать мучительные припадочные недуги. Кроме того, он чудесно исцелял различные болезни не только у людей, но и у лошадей, волов и других животных. В то время Ликиний воздвиг гонение на христиан, и когда славные мученики Виктор, Дорофей, Феодул, Агриппа[1468] и многие другие, по его повелению, были подвергнуты за веру во Христа жестоким мучениям, то в числе их пожелал быть и преподобный Агапит. После того как они приняли за Христа мученическую кончину, преподобный был ранен копьем, но Господь сохранил ему жизнь для того, чтобы впоследствии он спас многих.

Вскоре Ликиний умер, и по воле Божией власть над всею римскою империею принял император Константин Великий. В числе слуг императора находился один любимый им слуга, который был одержим нечистым духом. Узнав о преподобном, император призвал его к себе, привел к нему больного слугу и просил исцелить его. Преподобный помолился, и слуга немедленно же получил исцеление. Император хотел наградить святого, но преподобный не стал просить никакой другой награды, как только того, чтобы ему позволено было оставить военную службу и возвратиться к возлюбленной им иноческой жизни. Император оказал ему в этом содействие, и он, оставив воинское звание, возвратился в ту же обитель, где подвизался и раньше.

Спустя некоторое время после этого епископ города Синады[1469] призвал преподобного Агапита к себе и, против его желания, рукоположил в сан пресвитера, а затем вскоре скончался.

Тогда изволением Божиим и по избранию духовенства и народа святой Агапит был поставлен епископом Синадским. С принятием епископского сана преподобный удостоен был от Господа дара пророческого прозрения. Этот дар обнаружился при следующих случаях. Одна женщина, услышав о новопоставленном епископе, пришла однажды к нему, чтобы принять от него благословение. Когда она предстала пред святителем, то он рассказал ей всё, что произошло с нею в течение всей ее жизни, начиная с детства, дал ей при этом наставление, и она ушла от него с твердым намерением жить благочестиво. Потом преподобный обличил в растлении девицы слугу одного Ираклийского[1470] диакона, когда тот пришел к нему просить благословения. Обладая даром пророческого прозрения, преподобный Агапит творил также чудеса. Так, пришел однажды к нему епископ города Силандеи[1471] и сообщил, что протекающая близ города река в зимние месяцы так сильно наполняется водою, что затопляет нивы и поля и портит посевы. Тогда преподобный помолился Богу, и течение реки обратилось в другую сторону. Святой Агапит совершил множество (числом более ста, как сообщает запись о нем) и

других чудес, исцеляя одержимых падучею болезнью одним словом своим, прикосновением руки и тенью, падавшею от тела его. Окончив свою благочестивую и богоугодную жизнь, преподобный в глубокой старости почил о Господе Спасителе нашем Иисусе Христе[1472].

Житие преподобного отца нашего Досифея, ученика преподобного Дорофея

Память 19 февраля

Блаженный отец наш Дорофей, ревнуя о богоугодной жизни и возлюбив иноческое житие, отправился в киновию аввы Серида[1473], где нашел множество великих постников, подвизающихся в безмолвии; среди них особенно отличались два великих старца: священный Варсонофий и ученик и сопостник его, авва Иоанн, носивший наименование пророка, так как он получил от Господа дар прозорливости. Святой Дорофей вверил себя руководству этих постников и со всем усердием стал подражать им. Вместе со святым отцом Серидом преподобный Дорофей нередко приходил к великому старцу Варсонофию и беседовал с ним, а отцу Иоанну, отличавшемуся даром прорицания, он удостоился прислуживать. Так пребывал блаженный Дорофей в киновии аввы Серида, упражняясь в подвиге послушания. Тогда вышеназванные святые отцы положили, чтобы отец Дорофей устроил больницу и сам имел бы о ней попечение, ибо братия сильно страдали, когда впадали в болезни, – некому было заботиться о них и ухаживать за ними. С Божией помощью преподобный построил больницу при содействии брата своего по плоти, который, будучи благочестив и любя иноков, давал святому Дорофею необходимые для постройки средства. С тех пор авва Дорофей с некоторыми другими благоговейными иноками служил больным и странным, считая сие за послушание, возложенное на него отцами обители[1474]. Однажды призвал к себе преподобного Дорофея игумен Серид; придя к настоятелю, Дорофей застал у него некоего юношу в воинском одеянии, весьма младого и прекрасного собою: он пришел в монастырь вместе с некоторыми из слуг княжеских, которые пользовались любовью аввы Серида и часто приходили к нему. Когда пришел отец Дорофей, авва Серид пригласил его к себе одного и сказал ему:

– Вот эти люди привели сего юношу; они говорят, что он хочет вступить в нашу обитель; я же боюсь, что это сын какого-

либо вельможи, который, быть может, что-либо украл или совершил какое-нибудь зло и теперь хочет укрыться: тогда, если мы примем его, нам будет грозить прямая опасность. Думаю я так потому, что ни его одеяние, ни его облик не обличают в нем человека, хотящего подвизаться.

Юноша же действительно был родственником одного воеводы; живший доселе среди богатства, привыкший к изнеженному образу жизни, он никогда доселе не слышал слова Божия. Некоторые же слуги того воеводы рассказывали иногда при нем о святом граде Иерусалиме, так что юноша пожелал видеть святые места и просился у воеводы, чтобы он отпустил его посмотреть на святой град. Не желая огорчить его отказом, воевода обратился к одному близкому ему человеку, который намеревался посетить святые места, и стал просить его:

– Окажи мне свое расположение, возьми с собою сего юношу, чтобы он мог видеть святые места.

Отправлявшийся взял юношу, оказывал ему всякий почёт и много заботился о его удобствах.

Когда путники достигли святого града и поклонились там святым местам, они пришли также и в Гефсиманию[1475] . Там находилось изображение Страшного Суда Божия, где были представлены различные виды адских мучений. Увидев сие изображение, юноша внимательно рассматривал его и удивлялся. Неподалеку от себя он увидел честную жену, облеченную в багряницу; она стала объяснять ему мучение каждого из осужденных и, поучая его, прибавила несколько слов от себя. Слыша ее рассказ, юноша молчал и удивлялся, ибо он, как раньше было замечено, никогда не слышал слова Божия и ничего не знал о Страшном Суде. Наконец, обратившись к женщине, он сказал ей:

– Госпожа, что нужно делать каждому, чтобы избавиться от этих мучений?

В ответ на это она сказала ему:

– Постись, не употребляй мяса, возможно чаще молись, и будешь избавлен от этих мук.

Дав ему три таких заповеди, одетая в багряницу жена стала невидима.

Юноша обошел всё то место, тщательно стараясь встретить ее; он думал, что это была обыкновенная женщина, и нигде не мог найти ее, ибо то была сама Пречистая и Пресвятая Дева Мария Богородица.

Наставление таинственной жены произвело на юношу сильное впечатление: умилившись сердцем, он стал строго соблюдать три заповеди, которые дала ему виденная им в Гефсимании Жена. Друг воеводы, на обратном пути, видя, что юноша постится и не вкушает мяса, стал скорбеть, опасаясь воеводы, ибо он знал, что воевода сильно любит того юношу. Бывшие с ними воины, видя такое воздержание юноши, стали говорить ему:

– Господин, ведь ты делаешь то, чего не делают люди, живущие в миру. Так поступают только в монастырях. Иди туда, и там спасешь свою душу.

Ничего не зная о Боге и не представляя себе, что такое монастырь, юноша отвечал:

– Возьмите меня и отведите в какой-либо монастырь. Сам я не знаю, куда идти.

Некоторые из воинов, сопровождавших юношу, особенно уважали авву Серида. Поэтому они и пришли в его монастырь вместе с тем юношей.

Игумен послал блаженного Дорофея поговорить с юношей и узнать, кто он. На все вопросы преподобного Дорофея юноша давал один ответ:

– Я хочу спастись.

Тогда Дорофей пришел к игумену и сказал ему:

– Если ты желаешь принять его, то принимай без всякого опасения. Нельзя ожидать от него ничего злого.

Игумен ответил:

– Окажи ему милость, отче, и приими его к себе, чтобы он мог получить спасение, наставляемый тобою.

Но смиренный инок отказывался и говорил:

– Не могу я взять его к себе, ибо сие выше моих сил, не могу я наставить его на путь спасения.

На это игумен возразил ему:

– Я забочусь и о твоем спасении, и о спасении всех вас; ты же не хочешь позаботиться о спасении одного юноши.

– Если ты хочешь того, отче, – заметил Дорофей, – то спросим совета у великого старца Варсонофия.

– Хорошо, – ответил игумен, – я скажу ему.

Отправившись к Варсонофию, игумен возвестил ему обо всем происшедшем. Тогда святой Варсонофий сказал Дорофею:

– Приими сего отрока, ибо Господь через тебя благоволит спасти его.

После этих слов блаженный Дорофей с великой радостью принял юношу, поместив его вместе с собой в больнице. Имя тому юноше было Досифей. Когда наступило время обеда, авва Дорофей сказал Досифею:

– Ступай и подкрепи свои силы, только скажи мне, сколько пищи принял ты.

Возвратившись, Досифей сказал:

– Я съел хлеб и пол-хлеба, а в каждом хлебе было по четыре фунта.

Дорофей спросил его:

– Достаточно ли с тебя сего?

Юноша ответил:

– Да, господин мой, сего вполне достаточно с меня.

– И ты не голоден? – спросил Дорофей

– Нет, – отвечал Досифей.

– В другой раз, – сказал на это авва Дорофей, – ты съешь хлеб с четвертью хлеба, а другую четверть раздели на две части, и одну из них также съешь.

Досифей так и сделал в следующий раз.

– Голоден ли ты? – спросил его Дорофей

– Да, я чувствую некоторый голод, – отвечал Досифей. Спустя немного дней блаженный Дорофей снова спросил его:

– Чувствуешь ли ты, чадо, голод?

Юноша ответил:

– Нет, господин мой, твоими молитвами я чувствую себя очень хорошо.

– Теперь ты употребляй только хлеб и пол-четверти другого.

Досифей так и сделал. Через несколько дней преподобный Дорофей снова спросил его:

– Не чувствуешь ли ты теперь голодным себя, сын мой?

– Нет, я вполне сыт.

– Раздели, – сказал святой Дорофей, – и другую четверть на две части, одну из них ты можешь съедать, а другую сохрани.

Досифей исполнил слова своего наставника. Постепенно, с Божией помощью, Досифей стал употреблять в пищу вместо 6 фунтов всего только 8 лотов, ибо как и во всем, в пище важна привычка: каждый ест такое количество, к какому успевает привыкнуть.

Всякое дело блаженный Досифей делал тихо и кротко; он прислуживал больным в больнице, и каждый благодарил его за его уход, ибо он старался всё держать в чистоте. Если же ему от усталости случалось сказать какому-нибудь болящему что-либо с гневом, то он тотчас оставлял больницу, входил в келарню и там плакал. Другие больничные служители старались в этих случаях утешать его, но старания их оставались безуспешными: Досифей оставался неумолимым к себе. Тогда они отправлялись к отцу Дорофею и говорили:

– Окажи милость, отче, узнай, о чем рыдает брат Досифей, мы не знаем этого, и не можем его утешить.

Преподобный Дорофей входил и находил ученика своего сидящим на земле и плачущим. Он спрашивал его:

– Что с тобою, Досифей, о чем ты плачешь?

На это Досифей отвечал:

– Прости меня, отче, я в гневе сказал брату моему злое слово.

Тогда авва Дорофей говорил ему:

– Зачем ты гневаешься, Досифей, зачем позволяешь себе с гневом говорить своему брату? Разве ты не знаешь, что, оскорбляя его, ты оскорбляешь Христа?

Досифей склонял свою голову долу и ничего не отвечал. Когда же Дорофей говорил ему:

– Бог простит тебя; встань, и с сего дня положим начало твоему исправлению, усугубим свое усердие к деланию добра,

и Бог поможет нам.

Тогда Досифей вставал и с радостью принимался за свое дело, как будто получал прощение от Бога. Бывшие в больнице вскоре узнали обыкновение Досифея, и когда они видели, что Досифей плачет, то говорили:

– С Досифеем что-то приключилось, он в чем-то согрешил.

И затем обращались к блаженному Дорофею:

– Отче, ступай в келарницу, там есть для тебя дело.

Когда Дорофей входил и видел своего ученика плачущим, он разумевал, что опять Досифей сказал кому-либо злое слово, и говорил ему:

– Что с тобою, Досифей? Неужели ты опять оскорбил Бога? Неужели ты опять поддался чувству гнева? Неужели ты забыл о своем намерении исправиться?

Когда преподобный Дорофей видел, что его ученик пролил уже немало слёз, он говорил ему:

– Встань, Досифей, и да простит тебя Бог; ты же со своей стороны снова постарайся положить начало исправлению.

Утешенный сими словами, Досифей оставлял свою печаль и шел постилать постели, что он делал уже с кротостью. Постоянно исповедуясь пред своим наставником во всех делах своих и помышлениях, блаженный Досифей, постилая для болящих мягкие постели, часто говорил проходившему мимо Дорофею:

– Отче, моя совесть говорит мне, что я хорошо постилаю постели.

На сие авва Дорофей отвечал ему:

– Удивительное дело, Досифей, ты становишься хорошим слугою и отличным постельником, но из тебя не выходит хорошего инока.

Преподобный Дорофей никогда не позволял Досифею иметь к чему-либо пристрастия, и ученик исполнял все заветы своего учителя. Когда для Досифея нужна была одежда, авва Дорофей приказывал своему ученику самому сшить себе одежду и давал ткань. Блаженный Досифей удалялся и исполнял сие поручение с тщанием великим. Когда он кончал работу, авва Дорофей призывал его и говорил:

– Кончил ли ты, Досифей, свою работу?

– Да, мой отец, я хорошо сшил одежду, – отвечал Досифей.

– Иди, и отдай ее такому-то брату (он называл имя его) или больному.

Досифей с радостью исполнял сие приказание своего наставника, а блаженный Дорофей давал ему сшить другую одежду; когда он кончал и сию, наставник его говорил ему:

– Отдай ее такому-то брату!

И Досифей отдавал ее. Он никогда при сем не роптал и не говорил: «берет мою одежду и отдает ее другому», – но с усердием и любовью совершал всё, что приказывал ему его наставник.

Однажды монастырский строитель[1476] принес от кузнеца хороший острый нож. Досифей взял его, принес к авве Дорофею и сказал:

– Отче, брат строитель принес сей нож; я взял его, чтобы иметь его в больнице, если ты позволишь.

Блаженный же Дорофей всегда имел в больнице то, что было похуже; поэтому он отвечал Досифею:

– Покажи его мне; я посмотрю, хорош ли он. Досифей подал нож своему наставнику. Святой Дорофей хотя и видел, что нож хорош, однако, не желая, чтобы ученик его имел пристрастие к какой-либо вещи, сказал ему:

– Так ли ты хочешь, Досифей, чтобы тебе быть рабом сего ножа, и неужели ты не боишься того, что нож сей, а не Бог, будет обладать тобою?

Слыша сии слова, Досифей молчал. Достаточно пристыдив его, преподобный Дорофей сказал своему ученику:

– Ступай, положи где-нибудь этот нож, и не прикасайся к нему.

Блаженный Досифей свято исполнил сие приказание; он даже никогда не осмеливался подать сего ножа кому-либо другому, хотя другие служители и брали его: только он один не касался его; ни разу он даже не подумал:

– Зачем только мне одному приказано не брать его; разве я не равен с другими?

Никогда не помышлял так преподобный Досифей, но всегда совершал с радостью всё, что приказывал ему его наставник.

Даже когда авва Дорофей, порицая его, говорил что-либо иносказательно, святой Досифей и в таком случае старался угадать и исполнить желание своего наставника. Так, в его жизни имело место такое происшествие. Сначала Досифей имел обыкновение говорить очень громко. Блаженный Дорофей, желая, чтобы он говорил не так громко, сказал:

– Досифей, надобно принести чашу нерастворенного вина. Иди и возьми сосуд!

Он тотчас же отправился и принес полную чашу вина и хлеб. Подавая сие наставнику, он хотел получить от него, по обычаю, благословение. Дорофей, увидев сие, удивился и спросил его:

– Что ты хочешь сделать, Досифей?

– Отче, – ответил ему ученик его, – ты повелел принести мне сосуд нерастворенного вина; итак, дай мне благословение.

– Несмысленный, – отвечал авва Дорофей, – ты говоришь очень громко, словно готы[1477], когда они упьются вином. Поэтому и я сказал тебе: возьми чашу вина, ибо ты кричишь так же громко, как готы.

Святой Досифей, поклонившись, положил обратно то, что принес, и с того времени стал говорить тихо.

Однажды он пришел к преподобному Дорофею и просил его объяснить одно место из Священного Писания, – ибо, ревнуя о просвещении ума своего, он начал размышлять над некоторыми местами Священного Писания.

Но его наставник не хотел, чтобы Досифей упражнялся в изучении Писания, так как боялся, что тогда он возмечтает о себе и не сохранит смиренного сознания своей нищеты душевной. Поэтому на вопрос ученика преподобный Дорофей отвечал:

– Не знаю.

В другой раз, когда Досифей снова пришел к своему наставнику и спросил его о другом месте Священного Писания, он получил такой ответ:

– Поди к игумену и спроси его об этом, я же не могу тебе объяснить.

Повинуясь повелению наставника своего, блаженный Досифей отправился к игумену. Но авва Дорофей предупредил игумена:

– Если придет к тебе, отче, Досифей и станет спрашивать о разных местах Священного Писания, нанеси ему удар.

Когда Досифей пришел к игумену и просил его объяснить непонятные места Священного Писания, игумен начал наносить ему удары, говоря:

– Зачем ты не молчишь, если ничего не понимаешь? Зачем ты осмеливаешься спрашивать о сем? Не должен ли ты больше заботиться о своей чистоте, вместо того, чтобы заниматься испытанием Писаний.

Затем, еще ударив его дважды по ланитам, игумен отпустил его. Возвратившись к отцу Дорофею, преподобный показал ему свои покрасневшие от удара ланиты и сказал:

– Игумен нанес мне удар также и по спине, – и больше ничего не прибавил. Он не стал укорять своего наставника, не сказал ему: «зачем ты не вразумил меня, зачем послал меня к игумену». Нет, ничего подобного не сказал блаженный Досифей; он всё, что приказывал ему наставник его, принимал с верой и тотчас же исполнял его повеление без всякого рассуждения. Когда авва Дорофей спрашивал ученика своего о его помышлениях, Досифей рассказывал их своему наставнику и покорно выслушивал от него все наставления. При этом повеление своего учителя он старался соблюдать с такою точностью, что святому Дорофею никогда не приходилось повторять свои наставления. Так он поступал во всё время своего недолгого пребывания в обители, а пробыл он в ней всего около пяти лет. Так он и окончил жизнь свою, не выходя из повиновения наставнику и отцу своему, совершенно отказавшись от своей воли и не имея пристрастия ни к какой вещи.

Даже о своем здоровье преподобный Досифей нисколько не заботился. Когда он впал в тяжкую болезнь, так что у него шла кровь горлом, то он услыхал, что его болезни могут помочь

недоваренные яйца. Преподобный Дорофей, который прилагал все усилия, чтобы излечить от болезни ученика своего, также слышал об этом средстве, но в то время забыл о нем. И вот святой Досифей однажды сказал своему наставнику:

– Отче, я хочу сказать тебе об одной вещи. Я знаю одно средство против моей болезни, но хочу, чтобы ты приказал мне не употреблять его, ибо боюсь, что в противном случае будет возмущать дух мой суетный помысл о выздоровлении.

– Скажи мне, чадо, что это за средство? – спросил преподобный Дорофей

– Обещай мне наперед, что ты не дашь мне его, – снова стал просить отца Дорофея блаженный Досифей.

– Хорошо, – ответил наставник, – я исполню твое желание.

Тогда болящий сказал ему:

– Я слышал от некоторых, что для таких больных, как я, полезны недоваренные яйца, но прошу тебя, не приказывай мне употреблять их, чтобы суетный помысл о выздоровлении не смущал меня.

– Хорошо, сын мой, я не стану принуждать тебя, как ты сам об этом просил меня. Только ты не скорби и не падай духом.

И действительно, вместо недоваренных яиц преподобный Дорофей давал своему ученику другие средства, помогающие в его болезни. Так святой Досифей, даже заболев тяжкой болезнью, старался отречься от своей воли.

Преподобный всегда имел в уме и на устах память о Боге. Духовный отец его советовал ему постоянно произносить: «Господи, Иисусе Христе, Боже мой, помилуй меня», и «Сын Божий, помоги мне». Эти молитвы святой Досифей всегда имел на устах своих. Когда болезнь его усилилась, отец Дорофей сказал ему:

– Досифей, не забывай своих молитв и удвой свои моления!

– Моли, отче, Бога за меня, – ответствовал страдалец. Когда болезнь усилилась еще более, Дорофей спросил:

– Что, Досифей, творишь ли ты свои молитвы так же, как и прежде?

– Да, отче, по молитвам твоим, я не оставляю сего дела. Когда болезнь его еще более усилилась, так что Досифей сам уже не мог вставать и приходилось носить его на полотне, преподобный Дорофей спросил его:

– Продолжаешь ли ты, Досифей, молиться?

– Прости меня, отче, – отвечал больной, – более я не могу молиться.

– Тогда оставь молитву, – отвечал Дорофей, – только поминай имя Божие и имей всегда Его пред своими глазами.

Страдания святого Досифея все усиливались, и однажды он обратился к старцу Варсонофию с такою просьбою:

– Отпусти меня, отче, более я не могу жить.

Святой Варсонофий послал сказать ему:

– Терпи, чадо, ибо недалеко уже милость Божия.

Видя, что святой Досифей сильно недугует, преподобный Дорофей был весьма опечален этим. Через несколько дней болящий снова послал сказать святому Варсонофию:

– Владыко мой, не могу более жить.

На это великий Варсонофий отвечал:

– Иди с миром, предстань пред Пресвятой Троицей и моли за нас пред престолом Вседержителя.

Слыша сии слова великого Варсонофия, иноки стали негодовать; они говорили друг другу:

– Что же великого сделал Досифей? В чем был подвиг его? За что он получил такой ответ от великого старца?

Они действительно не видели особенных подвигов преподобного Досифея, не видели, чтобы он вкушал только через день, как делали некоторые из бывших там иноков; не видели они, чтобы Досифей раньше всех являлся в церковь, не видели, чтобы он проявлял особенное воздержание. Они все видели, как Досифей вкушал пищу, хотя и в небольшом количестве. Они знали, что святой Досифей иногда питался соком, который оставался после раздачи болящим, или головами рыб, или другими подобными кушаньями. А в сем монастыре было много иноков, которые долгое время ревностно подвизались в воздержании, вкушали пищу только через день, постоянно молились; сии, слыша ответ великого Варсонофия,

данный болящему, пробывшему не более пяти лет в монастыре, смутились; ибо они не знали безропотного и полного послушания святого Досифея, и не могли понять его великого подвига. Поэтому-то они и стали роптать, когда услышали обращенные к нему слова святого Варсонофия.

Но Господу было угодно показать славу, уготованную Досифею за его великое послушание, и вместе с сим пред всеми явить, насколько мудро и скоро наставил преподобный Дорофей своего ученика на путь спасения. Вскоре после преставления Досифея[1478] в монастырь пришел один святой старец, опытный подвижник, и был принят с честью. Сей старец, желая увидеть прежде почивших святых отцов обители, молился Господу, чтобы Он открыл ему что-либо о них. Молитва его была услышана, и он удостоился узреть всех отцов обители, стоящих в светлом месте, среди которых находился юноша с веселым лицом. После этого видения старец стал расспрашивать, кто этот юноша, которого он видел среди святых отцов. Когда он описал его наружный вид, все поняли, что это был блаженный Досифей. Тогда все прославили Бога и дивились Его неизреченной милости.

Так преподобный Досифей в малое время достиг великой славы в Царстве Небесном, потому что подвизался в послушании, отвергся воли своей и поработил ее воле наставника своего, как бы Самому Богу. За это он предстоит ныне со всеми святыми отцами на небесах Живущему и на смиренных и послушных призирающему Богу, Которому слава вовеки. Аминь.

Память святых апостолов Архиппа, Филимона и Апфии

Память 19 февраля

По свидетельству блаженного Амвросия, святой Апостол Архипп, один из числа семидесяти, был епископом после святого Епафраса в городе Колоссах[1479], во Фригии; святой Апостол Павел в своем послании к Филимону называет святого Архиппа своим сподвижником (Флм. 1:2). Святой Филимон был именитый гражданин в Колоссах, святая же Апфия, по свидетельству Иоанна Златоуста, была супругой Филимона. Последний, уверовав во Христа, сделал из дома своего церковь; таким образом в доме Филимона собирались все верующие в Колоссах и здесь совершались, как бы в церкви, Божественные службы[1480]. Потом святой Филимон был поставлен епископом с тем, чтобы помогать Апостолам в распространении Евангелия.

Во времена святых Апостолов одни из епископов имели постоянное жительство и занимали одну определенную кафедру, другие же, не имея сего, обходили различные города и селения; такие назывались епископами апостольскими, так как были посылаемы на апостольскую проповедь. Таким епископом был и святой Филимон, сподобившийся быть причтенным, подобно некоторым поместным епископам, к числу семидесяти святых Апостолов; он обходил города Фригии и некоторые другие и везде ревностно проповедовал слово Божие. Сохранилось до нас известие, что он был епископом и в Газе[1481].

Святая Апфия, устроив в своем доме в Колоссах церковь, усердно служила денно и нощно Господу, подвизаясь в молитве и посте; она с радостью принимала и давала пристанище тем, кто трудился, благовествуя учение Христово; она доставляла пищу нищим, убогим и странникам, так что дом ее был не только церковью, но также и странноприимницей, больницей и пристанищем для всех, кто не имел места, где бы мог отдохнуть и успокоиться.

Однажды в Колоссах совершался богомерзкий праздник в честь языческой богини Артемиды[1482]. В это время бывшие в сем городе святые Апостолы Архипп и Филимон, собрав всех верующих в дом Филимона и Апфии, возносили Господу обычные свои моления и отправляли Божественную службу. Между тем идолослужители, питавшие сильную ненависть к верующим, узнали, что все христиане собрались в доме Филимона. Воспользовавшись таким случаем, язычники напали внезапно на верующих, разогнали всё стадо Христово, одних избили, других убили; затем, схватив святых Апостолов Архиппа и Филимона, а также святую Апфию, привели их к ефесскому градоначальнику Артоклису и, по повелению последнего, подвергли святых мучениям: сначала мучители распростерли их на земле и стали влачить их, немилосердно нанося им при сем удары; затем каждого из них в отдельности закопали до бедер в землю и начали побивать камнями. Святого Филимона и святую Апфию они совсем закидали камнями; а святого Архиппа еле живого оставили на посмеяние детям; сюда собралось множество отроков, которые стали терзать святого ножами. Так сии трое святых предстали на Небесах пред престолом Пресвятой, Животворящей, Божественной и Неразделимой Троицы[1483].

Кондак апостола Архиппа, глас 4:

Яко звезду великую, тя церковь имущи, Архиппе, чудес твоих лучами просвещаема, зовет тебе: спаси верою почитающыя память твою.

Память преподобного Равулы

Память 19 февраля

Святой Равула родился в городе Самосатах[1484]. Образование он получил под руководством одного знаменитого, хорошо владевшего сирским языком, ученого мужа, по имени Варипсава. С юных лет проводя добродетельную жизнь, преподобный по достижении совершенного возраста принял иночество и избрал себе необыкновенные подвиги.

Подобно святому пророку Илии, он один обитал по горам и пещерам и в образе жизни своей подражал святому Иоанну Крестителю.

По прошествии некоторого времени преподобный вместе с другим иноком отправился в Финикию[1485] и, подвизаясь здесь, обратил на себя внимание высокими своими добродетелями, так что вскоре помимо своего желания стал всем известен. Получив денежное пособие от императора Зенона[1486], он при содействии Беритского[1487] епископа Иоанна построил в одном месте среди гор обширный монастырь и населил его иноками. В окрестностях монастыря проживало множество закоренелых язычников. Преподобный Равула и подвизавшиеся вместе с ним в обители иноки, уподобляясь святым Апостолам Павлу и Варнаве, а также Петру и Иоанну, стали то обличать их заблуждения, нередко вступая с ними в спор, то преподавать им наставление в вере, и вскоре привели всех их к познанию истинного Бога. Это было первое славное деяние преподобного.

После смерти императора Зенона управление империей принял император Анастасий[1488]. Преподобный Равула отправился в Константинополь и своими хлопотами достиг того, что император оказал ему новое денежное пособие, которое и было употреблено им на построение второго монастыря. Впоследствии он построил в разных местах много еще и других монастырей. Святой Равула всегда был ко всякому доброму делу рачителен, кроток, милостив, человеколюбив, никогда не предавался гневу, всегда пребывал в молитвах и ко всем относился благожелательно. И когда диавол, возбуждая в нем

страсти, вступал с ним в борьбу, то, в совершенстве зная и понимая Священное Писание Ветхого и Нового Завета, он противопоставлял ему и слово Божие, и дела благочестия и тем отгонял от себя противника. Преподобный жил до времени царствования Юстиниана Великого[1489], построившего знаменитый храм святой Софии в Константинополе[1490]. Достигши восьмидесяти лет, он услышал однажды голос с неба, сказавший ему: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28), после этого, немного поболев, отошел ко Господу[1491].

Память преподобных Евгения и Макария исповедников

Память 19 февраля

Когда в Римской империи царствовал Юлиан, то все христиане скрывались из-за того, что по повелению императора везде приносились жертвы языческим богам, и язычники в угоду своему государю, оскверняя себя и не боясь Суда Божия и вечного наказания, силою принуждали твердых в вере исповедников Христа принимать участие в этих жертвоприношениях. В это время были схвачены и приведены на суд к Юлиану два пресвитера Антиохийской церкви Евгений и Макарий. На суде они исповедали Христа истинным Богом и Судиею живых и мертвых и обличили императора отступника, как нечестивца и убийцу, нарушителя заповедей Божиих, язычника и служителя идолов, причем сказали ему:

– Горе тебе, нечестивец и наследник вечного, нескончаемого огня! Горе твоей суетности! Как ты решился вместо света снискать себе тьму?

От этих слов Юлиан пришел в гнев и повелел сперва связать святых тонкими ремнями, повесить вниз головами и окуривать ядовитым зловонным калом, а потом сильно раскалить железный лист и, обнажив их, разложить на нем. Подвергнутые таким мучениям, святые Евгений и Макарий возвели глаза свои к небу и, сохраняемые силою Божиею, оставались невредимыми, причем лица их сияли радостью и тем обличали злобу мучителя. После этого Юлиан приказал заключить их в оковы и сослать в Оасим аравийский[1492]. Идя на место ссылки, святые радовались, что терпят изгнание за Христа, и пели: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс.118:1).

С радостным духом они прибыли в Оасим, взошли на одну гору и одни стали жить на ней. Правители страны сказали им:

– Братия, уйдите из этого места, потому что неподалеку отсюда обитает свирепый змей, который пожирает всех, кто близко подходит к нему.

На это святые отвечали:

– Покажите нам пещеру, где обитает этот змей.

Их привели к месту обитания змея и издали показали пещеру, где он находился. Тогда святые, преклонив колени, помолились Богу, и внезапно последовал с неба удар грома и поразил змея. Убитый змей объят был пламенем и немедленно же сгорел, причем вместе с ним сгорел и песок, бывший в пещере, и над пещерою бурным зловонным вихрем поднялась пыль. Увидев такое чудо, начальники страны, бывшие язычниками, уверовали во Христа.

Между тем святые Евгений и Макарий вошли в пещеру, где обитал змей, и тридцать дней провели в молитве, не имея при себе ни пищи, ни питья. Наконец они услышали голос, сказавший им:

– Рабы истинного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, подойдите к камню, который находится вблизи вас.

Святые исполнили повеление и, когда подошли к камню, то сперва увидели в нем свет, а потом камень распался на две части, и из него в изобилии потекла вода. Взяв этой воды, они досыта напились ею и тем утолили и голод свой и жажду. Находясь в пещере, святые молились о том, чтобы Господь сподобил их умереть в одно время и вместе быть со Христом, и Господь принял молитву их: они оба вместе отошли ко Господу, благодаря и прославляя Его[1493].

В тот же день память святых мучеников Максима, Феодота, Исихия и святой мученицы Асклипиодоты, пострадавших при императоре Максимиане Галерии в Адрианополе[1494].

Житие святого отца нашего Льва, епископа Катанского

Память 20 февраля

Угодник Божий Лев, сын благородных и благочестивых родителей, происходил из области Равеннской[1495]. За свое чистое житие и разум он был удостоен всех по порядку священных степеней, а по преставлении блаженного Савина, епископа Катанского, избранием Божиим был возведен на епископский престол. Город Катана находится на острове Сицилии, недалеко от горы Етны, которая и доныне извергает огненную лаву. Приняв престол епископский, святой Лев принял на себя и все труды, соответствующие новому его сану. Он заботился о сиротах, нищих, вдовицах, больных, странных, питая и одевая их на счет церковных имений, и врачевал недуги их своими молитвами; он был милостивым отцом к своим чадам и верным пастырем своего стада, но для бесов и их служителей он был страшен, как лев для волков. Во дни его в Катане был некий волхв, по имени Илиодор; он был сыном верующих во Христа и благочестивых родителей, и сам был просвещен святым крещением, но потом тайно отвергся от Христа и стал служить бесам, научившись от одного иудеянина волхвованию. Таким образом он считался христианином, но на самом же деле был язычником, служителем бесовским и великим волхвом, нисколько не лучше того древнего волхва Симона, которого своею молитвою предали смерти святые верховные Апостолы Петр и Павел; во всем был подобен ему и Илиодор: совершая удивительные волшебные чудеса, он, через свое внушение, достигал того, что людям казалось, будто по сухой земле, на путях и стогнах, текут реки, так что граждане обоего пола, обнажившись, среди города переходили, как им казалось, реку; камни он обращал в золото, но лишь на малое время; на торжищах волхвованиями своими он причинял купцам большие убытки; благородных девиц, дочерей честных и сановитых граждан, он своим волшебством так возбуждал к плотскому греху, что они, забыв стыд, оставляли свои кровы и родителей и

ради любодеяния бегали по различным местам. Когда же игемон Луций сделал донесение о нем царям Льву и его сыну Константину Багрянородному[1496], то цари послали повеление – взять его; но Илиодор сам отдался в руки людей, искавших его; он сел с ними на корабль в Катане и в тот же день пристал к Царьграду, проплыв в один час такое расстояние, о котором имеют понятие только люди, переплывающие с Запада – от Сицилии на Восток – до Фракии. Явившись пред царями, он был осужден ими на смерть, но тотчас же на царских глазах стал невидим и опять появился в Катане; будучи вторично призван в Царьград и осужден на усечение мечом, волхв снова стал невидим в то самое время, когда воин, подняв меч над его головою, сильно взмахнул им, так что меч ударил только по воздуху; и опять этот чародей очутился в Катане.

Часто убеждал его святитель Христов Лев отстать от таких злых дел и, раскаявшись, обратиться к Богу, но нельзя было уговорить Илиодора, как нельзя сделать белым эфиопа и твердый камень обратить в мягкий воск. Нечестивец не только не исправился, но задумал и еще большее зло: он простер свое волхвование на самого архиерея Божия, желая своим волхвованием насмеяться над ним. Однажды в торжественный день одного праздника святитель, в присутствии всего народа, совершал со всем своим причтом в церкви Божественную службу; в храм вошел и волхв Илиодор, как лицемерный христианин, и начал тайно совершать свои волхвования; через них он достиг того, что одни из народа стали топотать в церкви, словно лошади, ногами и рычать, подобно зверям; другие стали неудержимо хохотать, а иные стали гневаться; волхв же хвалился, что сделает еще то, что и сам епископ со всеми своими пресвитерами и клириками, прекратив служение, будет тут же скакать и плясать, как будто под звуки музыки и органов. Святитель Божий, уразумев помышление Илиодора, преклонил колени пред престолом Божиим и, усердно помолившись, встал, вышел из алтаря и, взяв своим омофором за шею волшебника, связал его, и, выведя его затем из церкви на средину города, повелел народу, чтобы тотчас же принесли побольше дров и развели бы сильный огонь. Когда его

приказание было исполнено, святой расспросил Илиодора о всех его волхвованиях и чародеяниях, а после того, держа его связанным своим омофором, вошел с ним в огонь и, находясь среди пламени, держал его и не покидал своего места до тех пор, пока нечестивый волхв весь не сгорел; после этого архиерей Божий Лев, возвратившись в церковь, докончил Божественную службу. Это преславное чудо всех привело в ужас, ибо держа в пламени волхва, сам святитель не только не опалился в огне, но даже огонь не коснулся его святительских облачений: роса Духа Святого окружила его в пламени и защищала от опаления; слух об этом прошел по всем концам земли; цари, узнав о таком чуде, призвали святого с великой честью к себе в Царьград и, припав к его честным ногам, умоляли его помолиться за них. Входя же в царскую палату, блаженный нес на своей одежде горящие угли, и одежда его не опалялась. И много других чудес сотворил сей великий угодник Божий: он подавал слепым прозрение, больным исцеление, изгонял из людей бесов, сокрушил своей молитвой идольское капище и своим словом ниспроверг идолов; наконец, в старости он преставился Господу. В это самое время одна кровоточивая женщина из Сиракузской области[1497], сенаторского рода, пришла в город Катану к святому; долгое время страдала она недугом кровотечения: уже врачи отказались лечить ее; слыша, что святой епископ Лев своей молитвой подает людям исцеление от болезней, она пришла просить святого помолиться о ней; в то время как она входила в городские ворота, она услышала звон по умершем, когда же она спросила, кто это скончался, ей ответили, что преставился святой епископ Лев; исполненная глубокой жалости, она пошла к преставившемуся и, лишь только коснулась одра его, тотчас остановилось у ней кровотечение, и она совершенно исцелилась. Святое тело епископа Льва положено было в церкви святой мученицы Лукии; которое и исцеляло разные недуги во славу Христа Бога нашего.

Кондак, глас 8:

Якоже светильника превелика, Церковь имать, всеблаженне, тебе паче солнца сияюща, юже твоими

молитвами сохрани, блаженне, непобедиму и непоколебиму от ереси всякия, и нескверну, яко приснопамятный.

Страдание святого священномученика Садока, епископа Персидского, и с ним 128 мучеников

Память 20 февраля

Святой Садок вступил на епископский престол в персидских городах Салике и Ктизифоне после того как там пострадал святой Симеон, епископ Персидский. Однажды святой Садок увидел страшный сон; пробудившись, он призвал к себе свой клир, пресвитеров и диаконов – в то время все они скрывались, боясь царя – и начал им говорить:

– В эту ночь я видел во сне лестницу, касавшуюся своим верхом небес; на ней с великой славой стоял святой епископ Симеон, я же стоял на земле; святой Симеон громко сказал мне: «Взойди ко мне, Садок, и не бойся, – я вчера взошел, а ты взойди сегодня». После такого видения и слов святого я верую, что меня возьмут на мучение за Христа; слова святого Симеона: «я вчера взошел, а ты взойди сегодня», означают то, что он претерпел страдание в прошлом году, а мне в текущем году предстоит претерпеть мучение и смерть.

После этого святой Садок начал так поучать клир:

– Братия мои возлюбленные и отцы, возлюбим Бога от всей души и Господа нашего Иисуса Христа всем помышлением; облекшись в броню веры, не устрашимся никакого зла, не станем ужасаться, если постигнет нас мучение и смерть, – пусть каждый из нас будет добрым воином Иисуса Христа. Если нам должно умереть, то умрем как подобает совершенным; если же нам суждено жить, то будем жить подобно праведным. Если мы и умрем, то умрем за Спасителя нашего, и не станем страшиться меча, если через меч нам открывается вечная жизнь. Пока еще день[1498], станем ревностно трудиться над спасением своей души, чтобы нам обогатиться нетленными благами, удостоиться чести и славы бесконечной в Небесном Царствии, чтобы имя наше осталось славным в памяти христианского рода. Братия, станем молить Бога нашего, чтобы Он скоро исполнил то, что мне представилось в видении. Ибо

тот, кто от духа, с радостью и великой любовью стремится претерпеть мучение и смерть за Христа и не боится, так как он всегда готов на такой подвиг. Но страшен и ужасен смертный час для того, кто от плоти; люди добродетельные сами с тщанием и великодушием ищут такой смерти, чтобы через нее наследовать вечную жизнь; а ленивые и нерадивые скрываются, видя пред собой смерть. Ибо любящие Бога восходят к Богу, а любящие мир в мире пребывают; первые оставляют тело для радости и веселия, вторые же остаются в сей жизни на беды и воздыхания.

На второй год гонения царь персидский Сапор прибыл в упомянутые города Салик и Ктизифон; в сие время пред ним оклеветали святого епископа Садока, имя которого обозначает: «царев друг», и действительно он от всей души своей и всею крепостию любил небесного Царя-Христа: он отличался великим воздержанием и был исполнен правды и веры; он подражал святому Симеону, после коего вступил на святительский престол. Тогда Сапор послал воинов, чтобы они взяли епископа вместе с его клиром; вместе с ними было схвачено много других христиан и черноризцев, всего 128; все они были связаны железными веригами и заключены в темнице, в месте мрачном, смрадном и страшном. Здесь в течение пяти месяцев они томились в невыносимых страданиях, ибо нечестивые слуги безбожного царя связывали каждого мученика по всему телу тонкими бичевами, сгибали при помощи дерева, так что кости страдальцев трещали и кожа их трескалась – столь сильные муки переносили святые.

Мучители при этом говорили:

– Поклонитесь солнцу и огню, исполните волю царя, и останетесь живы.

Святой же Садок отвечал за всех:

– Мы – христиане, и поклоняемся Единому Богу, Творцу неба и земли; Ему мы и служим всей душою и всеми силами нашими; а солнцу и огню мы не поклоняемся и не почитаем их, ибо они созданы на службу людям. Не послушаем мы царского повеления и не отступим от Бога нашего, не устрашимся смерти, которая приводит нас из сей временной и суетной жизни

в вечное Царство; итак не медлите, убейте нас, не жалейте крови нашей, уже не раз проливавшейся пред вашими глазами.

После этого вторично пришло повеление царское к святым:

– Если вы не послушаете моего повеления и не исполните моей воли, то скоро вас постигнет злая гибель.

Святые же как едиными устами отвечали:

– Не погибнем мы у Бога нашего, не умрем мы во Христе Его, ибо Он оживляет нас блаженной и вечной жизнью и дает нам бессмертное Царство в наследие и покой; ты же не отлагай нашей смерти, ибо мы с усердием готовы пострадать за Бога нашего; не станем мы поклоняться солнцу и огню, не станем мы слушать нечестивых царских повелений, исполненных смерти и гибели.

Царь, видя их твердое постоянство в вере, издал указ, чтобы всех их посечь мечом. Святые же, услышав о распоряжении царя, все с радостью стали готовиться к смерти. Их повели за город. На пути туда они радостно воспевали:

– Суди нам, Боже, и рассуди спор наш, избавь нас от народа нечестивого, от людей неправедных и льстивых (ср. Пс.42:1), проливающих кровь, избави нас, ибо Ты, Господи, надежда наша.

Когда же пришли на место казни, все они единодушно стали взывать:

– Благословен Ты, Господи Боже наш, сподобивший нас сей благодати; Ты не презрел молитв наших, но даровал нам сей драгоценнейший венец – мученичество. Ты, Господи, ведаешь, как мы желали его. Благословен Бог наш Единородный Сын Твой, Отче, спасший и призвавший нас к вечной жизни. Не оставь нас, Господи, бедствовать в сем мире, но утверди нас пред Тобою вовеки ради Твоей благости, омой нас в крови нашей от грехов наших, ибо Ты Един Бог препрославленный и Единородный Сын Твой и Пресвятой Твой Дух вовеки. Аминь.

В то время, когда святые возносили Господу такое моление, нечестивые посекали их, но мученики продолжали славословить Бога до тех пор, пока не был умерщвлен последний из них. А честного и славного страстотерпца Садока мучители отвели в оковах в другой город, называвшийся Вифлапат, и там отрубили

ему честную и святую главу. Так в мире скончались все сии святые и славные мученики, восхваляя и славословя Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святаго Агафона, папы Римского

Память 20 февраля

Сей преподобный родился в Италии от богатых родителей, которые веровали во Христа и проводили благочестивую жизнь. Любя своего сына, они научили его всяким полезным и богодухновенным книгам. В знании Священного Писания преподобный так преуспел, что после кончины своих родителей собрал оставшееся после них богатство (около 1633 литр[1499]) и, созвав нищих, сирот и вдов, в один день все раздал им.

После этого в одном из монастырей он принял иночество и предался иноческим подвигам, и днем и ночью неленостно трудясь для угождения Богу и молясь о всем мире. Он так ревностно подвизался в добродетели, что удостоен был от Господа дара великих чудес. Добродетельная жизнь святого Агафона не могла укрыться от людей, и он поставлен был архиепископом города Рима. Наставив в добродетели свою паству и прославившись чудесами, преподобный в сане епископа отошел ко Господу[1500].

Память преподобного отца нашего Тимофея, пустынника в Символах

Память 21 февраля

Близ Олимпийской горы[1501] находилось одно пустынное место, прозываемое Символы, где стоял монастырь. Архимандритом того монастыря был преподобный Феоктист, муж добродетельный, у которого преподобный исповедник Платон поучался иноческому житию. Среди учеников блаженного архимандрита Феоктиста был и преподобный Тимофей; с юных лет он посвятил себя иноческим подвигам, подвизался в посте, воздержании и посвящал целые ночи молитве; окончательно умертвив в себе плоть, он был чужд страстей и отличался духовным совершенством и до самой кончины своей соблюдал девство душевное и телесное, ибо положил завет с самого раннего возраста никогда не взирать на лицо женское. Поэтому он и сподобился быть храмом Духа Святого и восприял дар исцеления и силу против бесов; по его молитвам происходило много чудес: святой исцелял всякие недуги и изгонял из людей нечистых духов. Много лет он скитался по горам и пустыням, жил один в Господе и в непрестанной молитве проливал обильные слезы, орошая ими свою душу, как росою. В такой жизни он достиг глубокой старости и отошел к Господу.

Кондак, глас 4:

Яко звезда многосветлая от востока возсияв, озарил еси в сердцах верных добродетели чудес твоих, чудотворче всеблаженне Тимофее.

Память святого Георгия, епископа Амастридского

Память 21 февраля

Родители преподобного, Феодор и Мигефуса, были люди благочестивые, происходили из знатного рода и отличались добродетельной жизнью[1502]. Будучи бездетными, они усердно молились Богу о даровании им детей, и только в глубокой старости Господь исполнил их молитву. Голос с неба возвестил им о рождении у них сына, нарек ему имя и предсказал, что родившийся удостоен будет благодати епископства. Сын родился. Это и был преподобный Георгий. Когда он достиг отроческих лет, то стало приходить в исполнение и предсказанное о нем, ибо он оказывал блестящие успехи в светских и духовных науках, и родители, видя это, прославляли Бога. Придя в совершенный возраст и окончив образование, преподобный Георгий оставил свое отечество и удалился в Сирикийские горы. Здесь он встретил одного благочестивого старца, принял от него иноческое пострижение и под его руководством стал проходить иноческую жизнь. После кончины старца преподобный ушел в Вониссу и предался здесь суровым подвигам постнической жизни. Благочестивая жизнь святого Георгия скоро стала известна всем, и когда скончался епископ города Амастриды[1503], то изволением Божиим он был избран клиром и народом епископом. Прибыв в Царьград для рукоположения, он приобрел расположение императора Константина VI и матери его Ирины и посвящен патриархом Тарасием. Таким образом, и сбылось, наконец, все то, что некогда предсказал о нем Господь его родителям, – преподобный был возведен на кафедру Амастридского епископа, подобно светильнику, которого не скрывают под сосудом, но ставят на подсвечнике (Мф.5:15). Когда он прибыл из столицы в свой кафедральный город, то утвердил свою паству в Божественном учении, умножил церковную утварь и украшения в храмах и составил церковные правила относительно алтаря. При этом он всегда был защитником вдов

и сирот, кормителем нищих и разрешителем долгов и для всех служил образом истинно богоугодной жизни. Преподобный совершал много чудес: так, например, своими молитвами он прогнал от города сарацин, опустошавших окрестную страну; спас чудесным образом амастридских купцов, взятых в Трапезунде и несправедливо осужденных на смерть. Прожив в таком благочестии земную жизнь, преподобный Георгий оставил ее и с миром предал дух свой Господу, Которому да будет слава теперь, всегда и во веки веков[1504].

Житие святого отца нашего Евстафия, епископа Антиохийского

Память 21 февраля

В сонме великих святителей Церкви Христовой святой Евстафий, епископ древней столицы Малоазийского Востока и Греко-Римской империи – Антиохии[1505], является одним из славнейших христианских исповедников и борцов-защитников истинной веры в Бога.

Жил святитель Евстафий[1506] с конца третьего до половины четвертого столетия. Родился он в городе Сиде[1507] Памфилийском, а архипастырствовал сначала в Берии[1508] Сирийской, откуда за свои достоинства и заслуги Церкви, по желанию народа, отцами I Вселенского собора перемещен был в Антиохию.

Время архипастырской деятельности святого Евстафия было временем чрезвычайным и единственным в ряду веков жизни Церкви Христовой. Это был век особенно светоносный и по числу и по величию светил Церкви, учителей вселенских. Века последующие хотя славны также учителями веры, но то были уже подражатели и ученики Богомудрейших отцов века четвертого. Брань христианства против язычества, совершавшаяся за первые три века под знамением Креста Христова, окончилась в начале четвертого века полной победой над язычеством, и уже не было более нужды защищать христианскую веру против язычества во всемирной Греко-Римской империи, уже не было нужды доказывать превосходство христианства над язычеством. Внешний покой, наступивший тогда для Церкви Христовой, дал возможность к всеобщему однообразному устроению внутренних дел Церкви и к беспрепятственным учительным беседам пастырей с пасомыми. Но тут-то и возникла еще большая нужда в брани еще труднейшей с внутренними врагами Церкви, с еретиками[1509].

Главным из еретиков, смущавших в то время Церковь, оказался ученый пресвитер Александрийской[1510] церкви в

Египте по имени Арий[1511]. В гордом увлечении своего ограниченного умствования Арий, возобновляя языческое учение о сообщении божества не богам, богохульно утверждал, что:

1) Бог Отец хотя вечен, но было время, когда Он не был Отцом и у Него не было Сына;

2) Сын создан, сотворен Отцом прежде всего и через Сына создан мир;

3) Сын не вечный, но высший всех тварей; Сын подобен Отцу – Бог по имени, но не по существу;

4) Бог Отец по благости сообщил Сыну мудрость: но Сын не знает вполне Бога Отца;

5) Дух Святой также не лицо Божие, а создан Сыном[1512].

Возмущенный таким богохульным лжеучением, Александрийский епископ Александр[1513] убеждал Ария отказаться от такого еретичества. А когда Арий не подчинился кротким увещаниям епископа, был созван Поместный собор из ста епископов Египта и Ливии. Этот Поместный собор Александрийской церкви отлучил, как богохульных еретиков, Ария с несколькими единомышленными ему пресвитерами и диаконами, а они деятельно стали стараться приобрести себе поддержку не только между пастырями соседних церквей, а также и среди народа. Для этого они рассылали своих единомышленников и письма со своим хитросплетенным лжеучением по всем церквам Востока и составляли в духе Ариева лжеучения песни, распеваемые на народные напевы. Страсть же к богословским рассуждениям и спорам была в то время на Востоке столь велика, что религиозными вопросами занимались не только в домах, а и на площадях и перекрестках; язычники даже осмеивали эти споры в своих театрах и обращали разногласия христиан в пользу отвергнутого язычества.

Смущаемые таким образом лукавыми еретиками арианами, волновались церкви и в Сирии и там, где архипастырствовал святой Евстафий, спорили о разрешении богословских вопросов и недоумений… Святой же Евстафий, отличавшийся глубокими богословскими знаниями и светской ученостью, был твердым,

неустрашимым исповедником[1514] православной веры Христовой и в Берии, во время последнего языческого гонения христиан, и теперь, при смущении Церкви арианством, одним из первых святителей ревностно восстал устно и письменно против богохульного лжеучения Ария и ариан.

Восстановить согласие и мир между православными и арианами в Александрии, в Сирии и в других церквах пробовал, но не смог даже равноапостольный император Константин Великий. Поэтому для прекращения раздора император решил прибегнуть к епископству всей Церкви христианской и созвал в Никее[1515] I Вселенский собор Церкви.

Император Константин, созывая этот собор, желал, по словам Евсевия, историка того времени, посвятить Христу Спасителю «священнический венец из прекрасных цветов, сплетенный и связанный единением мира». И на зов императора собралось в город Никею из Азии, Африки и Европы одних епископов до трехсот; были даже епископы из стран, не подчиненных Греко-Римской империи, например из Персии и Скифии[1516]. Число же сопутствовавших им пресвитеров, диаконов и прочих клириков было еще много больше числа епископов. Из мирян, кроме высших сановников, прибыло в Никею много философов[1517] и ученых. И вот на этом соборе святому Евстафию вследствие его великого благочестия и глубоких познаний богословских и мирских, соединенных с непоколебимой ревностью к сохранению чистоты православного вероучения, дано было святителями Церкви особенно выдающееся важное значение. Святому Евстафию поручено было первое председательство[1518] на великом Вселенском соборе; он занимал место первого епископа, сидя с правой стороны императора, и ему дана была честь от всего Вселенского собора приветствовать речью равноапостольного императора Константина. Вот эта красноречивая и сильная верой и духом речь святителя Евстафия:

«Благоверный государь!

Благословен Бог, избравший тебя царем земли, рукою твоею истребивший идолопоклонство и водворивший через тебя в сердцах верующих мир. Уже попрана власть духов

злобы; ниспровержены алтари многобожия; рассеивается мрак нечестия; и свет Божественного учения озаряет всю вселенную. Прославляется Отец, почитается и Сын, возвещается и Дух Святой – Троица Единосущная; Едино Божество в трех Лицах или ипостасях всюду проповедуется. На сем учении, государь, утверждается величие твоего благочестия. Сохрани его для нас целым и ненарушимым, да никто из еретиков, проникнув в Церковь, не расторгнет единства троичного Бога и не подвергнет нашей веры поруганию! Причина же настоящего собрания и рассуждений наших – неистовый Арий, который, прияв служение пресвитера в Александрийской церкви, оказался чуждым учения блаженнейших пророков и апостолов. Ибо Единородного Сына и Слово Отчее он не признает единосущным и равным Отцу, и почитатель твари хочет сопричислить Творца к творению. Повели, государь, чтобы он, оставив свое заблуждение, не восставал против учения апостольского или, если останется упорным в своем нечестивом мнении, изгони его из общества Православной Церкви, – да не колеблет он более своими нечестивыми мнениями веры душ слабых[1519]». Так говорил святой Евстафий.

На этот I Вселенский собор христиан прибыли в Никею многие языческие философы, одни с тем, чтобы ознакомиться лучше с учением христианским, а другие по ненависти к этому учению надеялись при помощи хитросплетенных рассуждений запутывать речи епископов и опровергнуть учение христианское. Церковные писатели упоминают, что одному тщеславнейшему из этих философов по имени Федон, который защищал нечестивого Ария и его хульное учение, первое опровержение от имени всего собора давал святитель Евстафий Антиохийский[1520], как владевший высокими философскими познаниями. И философ этот в конце своих прений со святым собором был поражен ответами святителей настолько, что громко воскликнул: «Слава Тебе Боже, открывшему святым Твоим, превышающее всякий ум, таинство чистого, безмерного и не созданного Божества. Молю Тебя, Христе, всеблагого Сына всеблагого Отца, прости мне все, сколько я согрешил против Тебя, увлекаясь доселе нечестивыми мнениями Ария… Отныне

я предаю навсегда проклятию Ария и нечестивые мнения его и всех, одинаково с ним мудрствующих и богохульствующих против Отца и Сына и Святого Духа…»[1521]

Но сам Арий с несколькими единомышленниками остался непреклонным в своих мнениях. Тогда отцы собора, между коими столь почетное место занимал святой Евстафий, торжественно и единогласно исповедали Сына Божия единосущным Богу Отцу; Ариево же учение, как противное слову Божию и отеческому преданию, со всеми, содержащими Ариево лжеучение, предали анафеме и отлучению от Церкви правоверующей. А чтобы утвердить в точности правое исповедание веры на все последующие времена, отцы собора изложили это исповедание в Символе веры, как данном от Бога[1522]. Ария и двух единомышленных с ним епископов Феона и Секунда[1523], после отлучения их от Церкви, император сослал в заточение.

Утвержденное Вселенским собором исповедание христианской веры подписали и многие покровители Ария, а Евсевий, епископ Никомидийский, и Феогний Никейский, подписав этот соборный Символ, отказались подписать осуждение Ария. За это, как защитников Ариевой ереси, император объявил их лишенными их церковных мест и отправил в ссылку, откуда, однако, они прислали письменное раскаяние в своем заблуждении и потому были прощены и возвратились в свои епархии.

Церковный историк того времени, блаженный Феодорит, епископ Кирский[1524], описывая I Вселенский собор, приводит, между прочим, следующий отрывок из сочинения святого Евстафия Антиохийского, написанного против ариан: «Когда для рассуждения о делах веры собрался в Никее великий Собор, на котором соединилось около 270 епископов (говорю около, потому что по многочисленности собравшихся не могу с точностью определить числа их, да притом и не исследовал этого с особенною заботливостью) и когда стали устанавливать Символ (веры) – на средину (собора) явилось сочинение Евсевия (Никомидийского), исполненное богохульного учения. Быв прочитано вслух всех, оно тотчас причинило слушателям

неизъяснимую скорбь своим безобразием, а самого сочинителя покрыло невыносимым стыдом. Теперь работа Евсевиан[1525] обнаружилась и нечестивое сочинение (Евсевиев символ) ввиду всех разодрано… Боясь, как бы по приговору столь великого Собора не быть изверженными из Церкви, приверженцы Ария[1526] также встали (на соборе) и предали анафеме осужденное Собором учение (Ария)… Таким образом, через многие происки они удержали за собою предстательство в Церкви (то есть свои епископские места), тогда как им надлежало бы находиться под покаянием; (и после Вселенского собора) они то скрытно, то явно стали покровительствовать отвергнутым собором мнениям и даже подтверждать их. Кроме того, желая укоренить насаждение плевел, они остерегались встречи с людьми сведущими (в Св. Писании), уклонялись от надзора и таким образом как бы попрали проповедников благочестия. Но мы веруем, что люди безбожные не могут преодолеть Божественного: «Аще бо паки возмогут и паки побеждены будут…»[1527]

Возвратясь со Вселенского собора из Никеи в Антиохию, святой Евстафий созвал собор из епископов и пресвитеров многих церковных областей, подчиненных его Антиохийской митрополии[1528], сообщил им акты всех постановлений Вселенского Никейского собора и убеждал их неизменно держаться этих постановлений и в особенности правильного исповедания веры, выраженного в Символе, утвержденном собором представителей всей Церкви христианской[1529].

В следующем затем 326 году святому Евстафию поручено было отправиться для крещения пожелавших принять христианство жителей страны грузинской, древней Иберии[1530], и для устроения там Православной Церкви. Племена, населявшие древнюю Иберию (Георгию), или Грузию, были идолопоклонниками и огнепоклонниками; находились они в некотором подчинении Греко-Римской империи, но имели своих царей и свое гражданское устройство. Впервые некоторым приморским племенам Грузии проповедовал Христа Спасителя святой Апостол Андрей, по местному преданию, и с Симоном Кананитом. Обращена же была в христианство большая часть

жителей и царская семья святою девою Ниною, пришедшей из Сирии в первой четверти четвертого века.

Когда по проповеди святой Нины, сопровождаемой чудесами, уверовали в Христа усерднейшие идолопоклонники – грузинская царица Нана и царь Мириан, они отправили к императору Константину Великому посольство с просьбой прислать в Грузию духовных лиц для крещения их и народа. Император сказал, что он обрадован обращению в христианство иберийцев более, чем присоединению целого царства к своей империи, и немедля повелел отправиться в Грузию святому Евстафию Антиохийскому[1531] с несколькими священниками, диаконами и прочими клириками. Они же привезли с собой в Грузию и всю церковно-богослужебную утварь. По прибытии святого Евстафия в столицу Грузии Мцхет царь Мириан послал повеление правителям областей, воеводам и царедворцам, чтобы все прибыли в столицу. Когда они собрались, царь Мириан в присутствии всех принял от епископа Евстафия святое крещение, а за ним царица и дети их; у моста же на реке Куре, где прежде находилось капище языческих жрецов, устроена была крещальня, где святой Евстафий крестил правителей областей грузинских, воевод и царедворцев, почему место это было названо «Мтаварта санатлави», то есть купель вельмож. Немного ниже этой купели священники, прибывшие со святым Евстафием, крестили народ, который притекал к крещению, побуждаемый проповедью святой Нины, – если кто не примет возрождения от воды и Духа Святого, тот не увидит жизни и света вечного… Священники же ходили потом по городам и деревням для крещения и научения прочих жителей Иберии. Итак, при помощи Божией, почти вся страна приняла крещение, и евангельское благовестие утвердилось в Иберии трудами в этом деле святой Нины и святого Евстафия Антиохийского. Во Мцхете святой Евстафий освятил только что перед прибытием его построенный в царском саду храм во имя двенадцати апостолов и даровал новоустроенной Церкви Грузинской чин богослужения и вероучения Православной Греческой Церкви. Первым епископом Грузинской Церкви поставлен был пресвитер Иоанн с подчинением его

Антиохийской митрополии, почему и доныне патриарх Антиохийский называется в титуле: «И Иверским»[1532]. Таким образом, при объединении ныне Церкви Грузинской с Российскою, святой Евстафий является первосвятителем целого древнейшего Православного Экзархата нынешней Всероссийской Православной Церкви.

По окончании благоустроения тогда новой Грузинской Православной Церкви святой Евстафий заповедал юной Церкви Христовой мир и возвратился в Антиохию.

В Антиохии ревностного святителя Евстафия уже ожидали усиленные труды и тяжкие испытания. Уверенность, что после Вселенского собора воцарится мир и полное единение во всей Церкви, была напрасна. Оказалось, что вышеупомянутые епископы, приверженные к арианству, соглашались с большинством членов собора не искренно, а только видимо, по своим личным соображениям и расчетам. Когда после Никейского собора император Константин поехал в западную часть империи, арианствующие снова подняли голову. Они прежде всего стали хлопотать через приближенного к императору пресвитера о возвращении из ссылки Ария с явно поддерживавшими его епископами и, убеждая, что они сделались жертвами ошибочного мнения и что сосланные дадут императору письменное заявление в принятии постановлений Вселенского Никейского собора, – достигли их возвращения. Всячески желая водворить мир в Церкви, император проявлял знаки своего благоволения даже и к возвращенным из ссылки, а они пользовались этим для распространения арианских заблуждений и под разными благовидными предлогами принялись преследовать главных поборников правоверия, святых епископов Александра, а потом Афанасия Александрийских и святого Евстафия Антиохийского.

Единомышленники Ария надеялись, что после Никейского собора, вследствие настоятельного требования императором Константином полного мира для Церкви от всех без исключения, никто уже не будет бороться с распространением арианских заблуждений. А святитель Евстафий еще с большей ревностью продолжал противодействовать распространению

арианства и обличал его еще сильнее, опираясь на осуждение его Вселенским собором. Зная же, что Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, который отчасти подчинен был Антиохийскому епископу, придерживался и до Вселенского собора арианских взглядов, коих не был чужд и опыт его символа, святой Евстафий писал и Евсевию увещания и обличения арианских заблуждений. Евсевий очень негодовал на это, отвечал осуждением понятий святого Евстафия, утвержденных собором, называя их савелианскими[1533], и, продолжая придерживаться понятий арианских, жаловался на святого Евстафия другу своему Евсевию Никомидийскому, возвращенному из ссылки. А этот Евсевий Никомидийский был самым хитрым и коварным арианствующим епископом. Даже император Константин, свидетельствуясь самим Богом, писал никомидийцам, что Евсевий был союзником и помощником жестокого гонителя и мучителя христиан Ликиния, что Евсевий с бесстыдством защищал отовсюду опровергнутую ложь ариан и обошел, низко обманул даже его, императора Константина[1534]… И вот этот-то лукавый Евсевий Никомидийский вместе с друзьями своими Феогнисом Никейским и Евсевием Кесарийским[1535] решили избавить ариан от святого Евстафия, неутомимо ревностного обличителя их заблуждений.

Император Константин до построения Константинополя находился очень часто в Никомидии и, чтобы польстить ему и выполнить свой план удаления святого Евстафия, лукавый Евсевий Никомидийский выразил императору пламенное желание видеть великолепный храм, тогда только что выстроенный Константином при Гробе Господнем. Польщенный таким желанием, император предоставил в распоряжение Евсевия свои царские колесницы, что придало путешествию Евсевия особенный почет. Под благовидным предлогом поклонения святыне иерусалимской к нему присоединился и Феогнис Никейский, верный сообщник его злых замыслов. Прибыв в Антиохию с личиною благочестия, они были приняты святым Евстафием добросердечно и с подобающею епископам честью. Когда же они достигли Иерусалима, продолжает древний историк[1536], и увиделись со своими

единомышленниками (арианствующими) Евсевием Кесарийским, Патрофилом Скифополиским, Аэцием Лидским, Феодотом Лаодикийским и другими, которые заражены были учением Ария, то открыли им тайное свое намерение удалить святого Евстафия. Под предлогом оказания чести Евсевию Никомидийскому эти единомышленники сопроводили его до Антиохии, где выражали большое уважение и святому Евстафию, чтобы он не подозревал расставленных ему коварных сетей. А так как в то время в Антиохии находились еще и некоторые из православных епископов, то арианствующие предложили составить братский собор для обсуждения некоторых общих предметов и дел Церкви, на что святой Евстафий и прочие епископы согласились.

И вот в то самое время, когда епископы собрались, вдруг явилась к ним женщина с ребенком на руках и с криком объявила, что отец ее младенца Евстафий. Нисколько не смутившись, святитель Антиохийский потребовал, чтобы женщина та представила свидетелей, которые бы знали высказанное ею, и сообщила бы какие имеет тому доказательства. Но она отвечала, что свидетелей у нее нет. На это арианствующие епископы заявили, что будет достаточно, если женщина подтвердит свое обвинение клятвой. Епископы же православные не согласились с этим, напомнив, что по древнему правилу и апостольскому указанию (1Тим.5:19) для принятия обвинения на священника требуется не менее двух или трех свидетелей, почему они и воспротивились определению, которое арианствующие хотели постановить об осуждении святого Евстафия Антиохийского[1537].

Между тем православный народ в Антиохии, услышав об оскорблении, по происках приезжих епископов, любимого своего архипастыря Евстафия, заволновался и готов был взяться за оружие против приверженцев арианства. Тогда Евсевий Никомидийский с Феогнисом Никейским, видя церковную неудачу своего замысла против святого Евстафия, поспешили уехать к императору и сообщили ему, что в Антиохии происходит народное волнение, которое возбудил будто бы епископ Евстафий Антиохийский в защиту своих религиозных

мнений, нарушая тем столь желанный мир Церкви; они присоединили к этому еще новую клевету, что епископ Евстафий оскорбительно отзывался о матери императора Константина[1538]. Им нужно было прибегнуть к такой возмутительной клевете, чтобы решительнее возбудить императора против святого Евстафия, потому что женщина, клеветавшая в Антиохии на святого Евстафия, пораженная после этой клеветы тяжкой болезнью, призвала многих священников и православных граждан и пред всеми созналась, что ее подкупили арианствующие, чтобы она оклеветала епископа Евстафия; она пояснила еще, что клятва ее пред епископами была не совсем ложна, так как отец ее дитяти, местный медник, именуется также Евстафием. Таким признанием женщины в подкупе ее арианами враги святого Евстафия были опозорены своею же сообщницей, и их замысел удалить епископа Евстафия по обвинению женщины оказался неудачным, почему они и прибегли к возмутительной клевете об оскорблении святителем Антиохийским царской матери.

Обманутый и возмущенный император, который всеми способами старался сохранить мир между христианами, прежде всего для прекращения волнения народа в Антиохии вызвал в Константинополь[1539] святого Евстафия.

Святой же Евстафий, предвидя свою высылку из Антиохии, еще чаще и чаще пред этим собирал православных граждан и настоятельно, со всею силою своего задушевного красноречия и глубоких познаний убеждал их не соблазняться в его отсутствие еретическими лжемудрованиями и непоколебимо пребывать верными Православию[1540].

Святой Иоанн Златоуст свидетельствует об этом так[1541]: «Святой Евстафий, бодрствуя и наблюдая и предвидя издалека все, имевшее случиться (нападение ариан на Православие), как мудрый врач, прежде чем болезнь вторгалась в город, пребывая здесь, приготовлял лекарства и управлял священным кораблем Антиохийской паствы с великою предусмотрительностью, посещая все места, воодушевляя всех и возбуждая к вниманию и бодрствованию, как будто морские разбойники нападали и покушались отнять сокровище веры… И, призвав всех,

увещевал не отлучаться (истинной веры), не уступать волкам и не предавать им паствы, но оставаться внутри, заграждая им уста и обличая их, а простейших из братьев утверждая... И повсюду он посылал людей, которые бы учили, убеждали, советовали, заграждали доступ противникам…»

И большинство паствы антиохийской осталось верным Православию, несмотря на назначение в Антиохию вместо святого Евстафия епископа из арианствующих, так как народ чуждался таких епископов и с многими православными священниками образовал отдельные от арианствующих собрания, почему ариане называли их «Евстафианами»[1542] за то, что они были верны Вселенскому апостольскому православному вероучению.

Но эта раздвоенность народа, ради преданности большинства антиохийцев православным наставлениям святого Евстафия, еще более возбуждала императора против святителя и послужила к изданию императорского указа об удалении без суда и без лишения епископства святого Евстафия в 331 году в ссылку во Фракию[1543]. Исповедник же Христов и там продолжал проповедовать истинную православную веру с обличением еретиков. «Он, – по свидетельству Златоустого, – был хорошо научен благодатью Духа, что предстоятель Церкви должен заботиться не о той одной Церкви, которая вручена ему Духом, но и о всей Церкви по вселенной; этому научился он из священных молитв. «Если должно, – говорил святой Евстафий, – творить молитвы за вселенскую Церковь, от концов до концов вселенной, то тем более должно проявлять и попечение о ней обо всей, равно заботиться о всех (церквах) и пещись о всех…» Изгоняли Евстафия, но голос его не замолк; человек был изгнан, а слово учения не было изгнано»[1544].

Еретики же арианствующие, которые при преемниках императора Константина приобрели уже полное влияние, для большего стеснения святого Евстафия и надзора за его деятельностью настояли на издании еще императорского указа о переселении его из Фракии в македонский город Филиппы[1545]. Там около 345 года святитель Евстафий Антиохийский, всю жизнь свою неустанно боровшийся против еретических

заблуждений и проповедовавший правильную веру в Бога истинного, скончался[1546].

Вскоре после II Вселенского собора, бывшего в 381 г. в Константинополе и подтвердившего исповедание веры I Вселенского Никейского собора с повторением анафематствования арианства, полуарианства и всех ересей, возникших против православного христианского учения, – настало благоприятное время для прославления святителя Евстафия Антиохийского, мученика за истинную веру. И в 382 году[1547] святые его мощи[1548] перенесены были в Антиохию с великой торжественностью в утешение горячо почитавших его антиохийцев.

Любимый народом, высокоуважаемый всеми православными отцами Церкви и превозносимый церковными писателями, святой Евстафий принадлежит к знаменитейшим, по трудам и заслугам для Церкви, епископам славного века четвертого. Св. отцы VII Вселенского собора[1549] называли святого Евстафия Антиохийского «твердым поборником православной веры и разрушителем арианского нечестия»[1550]. Знаменитейший из отцов-учителей древней западной Церкви святой Иероним[1551] свидетельствует, что святой Евстафий был первым, писавшим против Ария, изумляется учености святителя и говорит, что он был весьма образован в духовных и светских науках, особенно же в философии, и написал бесчисленное множество письмопосланий о вере. Святой Афанасий Александрийский, Иоанн Златоуст, Василий Великий[1552], Епифаний Кипрский[1553], Анастасий Синаит[1554] и другие также подтверждают высокую образованность, религиозную ревность святого Евстафия. Известный же историк того времени Феодорит, епископ Кирский, называет святого Евстафия величайшим столпом Церкви и благочестия, таким же, каким был и святой Афанасий Александрийский и прочие самые главные поборники Православия того времени[1555]. А историк половины пятого века Созомен говорит, что «искусству проповеди и красноречию святого Евстафия чрезвычайно удивлялись его современники. Это (искусство) можно видеть в книгах Евстафия, которые доселе целы», – утверждает

Созомен[1556]. «К сожалению, – замечает архиепископ Филарет Черниговский[1557], – ныне нельзя сказать, что книги Евстафия целы: но и в том, что до нас дошло, видны все те качества, которые хвалили древние в сочинениях Евстафия». Полностью сохранились только вышеприведенные, «Речь императору Константину на I Вселенском соборе» и об Аэндорской волшебнице; из многих остальных сочинений святого Евстафия дошли до нашего времени только выписки, сделанные древними писателями[1558].

По сохранившимся выпискам из книг против Ария видно, что святой Евстафий написал их восемь. Эти выписки показывают, что защитник истины прежде всего положил отличать места Священного Писания, которые говорят о человечестве Христа Иисуса, от мест, которые изображают Его как Сына Божия и Бога, и святой Евстафий выполняет это с особенным успехом, верно объясняя смысл тех и других мест[1559]. Этим он наносил самое верное поражение арианам, которые намеренно отыскивали места, относящиеся к уничиженному состоянию Христа Иисуса, и отклоняли от своего внимания, и особенно от внимания других, места другого рода. Против ариан же писаны замечания на Притчи Соломоновы (8:22) и на Псалмы Давида (15–56 и 92). Как первое место, так и некоторые слова из показанных псалмов ариане старались употреблять как свидетельство истинности своего учения. Святой Евстафий и здесь употребляет то же средство против них – соединяет и объясняет изречения Св. Писания, относящиеся к человеческой и Божественной природе Искупителя. Объясняя таким образом Священное Писание, святой Евстафий показывал арианам, что в Христе соединено было Божество и человечество, без изменения Своих свойств, что Сын Божий был под законом только для того, чтобы спасти рабов греха и осуждения. «Не Слово подлежало закону, как думают кощуны, – пишет святой Евстафий, – Слово Само – закон; и не Бог имел нужду в очистительных жертвах; Он единым мановением все очищает и освящает. Но так как Он носил человеческое орудие, заимствованное от Девы, то был

под законом, – да освободит от рабства закона преданных осуждению клятвы…»

Такое направление сочинений святого Евстафия вполне объясняет, почему в «сводах толкований» на Священное Писание весьма часто встречаются толкования святого Евстафия Антиохийского[1560].

Сочинение «о душе» составляло философско-богословское рассуждение святого Евстафия о душе Господа Иисуса Христа и направлено также против заблуждений ариан.

Наконец, сочинение святого Евстафия «о чревоволшебнице Аэндорской» является сочинением образцовым и по возвышенному изложению мыслей, и по красоте слога и изображений, оправдывая похвалу, которою отмечали сочинения святого Евстафия все писатели и отцы Церкви, имевшие в своих руках эти сочинения. В этом труде своем святой Евстафий, между прочим, делает строгие, но справедливые замечания Оригену[1561] за его излишнюю любовь к аллегорическому объяснению Священного Писания, т.е. не по прямому, не по буквальному смыслу слов. Так, Ориген «изъясняет аллегорически, отлично от буквального смысла слов, – пишет святой Евстафий, – колодцы, вырытые Авраамом и прочее, относящееся к тому, в длинной речи, давая всему делу другой смысл, тогда как колодцы эти доселе могут видеть в той стране обыкновенными очами»… И об Аэндорской волшебнице[1562] (1Цар.28) святой Евстафий доказывает, вопреки Оригену, что не могла она и не вызывала души пророка Самуила[1563], а являлся по ее чарам только призрак, представлявший Самуила для обмана и на пагубу Саулу[1564]. Здесь святой Евстафий учит, что в Ветхом Завете души праведников покоились в недрах Авраама[1565], но не могли восходит на небо прежде того, как Иисус Христос отверз двери Небесного Царства Своим воскресением; праведники Нового Завета счастливее тех праведников – они по разлучении с телом достигают уже славы небесной, уже некоторого общения с Господом Иисусом Христом[1566]…

Жизнь и деятельность святителя Евстафия Антиохийского весьма поучительна не только для пастырей Церкви, а также и

для всех положений жизни православных христиан. Вот об этом, кроме приведенных выше, еще некоторые общие указания, какие делает всем православным Златоуст, вселенский учитель веры христианской в своей пространной «похвале» святому отцу нашему Евстафию Антиохийскому[1567].

«Не удивляйтесь, что, начиная слово похвалы святому Евстафию Антиохийскому, я назвал этого святого мучеником; он своею смертью окончил жизнь, как же он мученик? Я часто говорил вашей любви, что мучеником делает не одна только смерть, но и душевное расположение. Не за конец дела, но и за намерение часто сплетается венец мученичества… Святой Евстафий потерпел смерть за Христа не в собственной стране, а в чужой. Это – дело врагов; они изгнали его из отечества, дабы посрамить его, но он сделался еще славнее и знаменитее через изгнание на чужбину, как доказал и конец дел… Святой Евстафий, подобно Апостолу Павлу, готов был на бесчисленные смерти, и все их претерпел расположением и ревностью, много опасностей, постигших его, перенес и самым опытом. И из отечества изгнали его и многое другое воздвигли тогда против этого блаженного, хотя не имели никакой справедливой причины к обвинению, а только то, что, по словам Апостола Павла, враги его «заменили истину Божию ложью, и поклонялись и служили твари вместо Творца» (Рим.1:25), он же удалился от нечестия и убоялся беззакония, но это достойно венцов, а не обвинения».

«Для чего же был изгнан святой Евстафий, для чего Бог попустил гонителям его? Для чего? Не подумайте, что слова эти послужат к разрешению одного только этого недоумения; нет, если случится вам говорить о подобном и с язычниками, или еретиками, то, что будет здесь сказано, будет достаточно к разрешению всякого недоумения. Бог попускает истинной и апостольской вере Своей подвергаться многим нападениям, а ересям и язычеству попускает наслаждаться спокойствием; для чего? Для того, чтобы ты познал слабость их, когда они, и не тревожимые, сами собою разрушаются, и чтобы ты убедился в силе веры, которая терпит нападения и через самих противников умножается… Видишь ли, что Бог для того попускает Ангелам сатаны нападать на рабов Божиих и

причинять им бесчисленные бедствия, чтобы проявилась сила Его. Поистине, с язычниками ли или с жалкими иудеями мы станем рассуждать, для нас достаточно будет для доказательства Божественной силы то, что вера Христова, подвергаясь бесчисленным войнам, одержала верх, и, тогда как вся вселенная противоборствовала и все с великим жаром гнали тех двенадцать человек, то есть апостолов, они, бичуемые, гонимые и терпевшие бесчисленные бедствия, были в состоянии в короткое время с полным превосходством победить причинявших им это. Для того Бог попустил и блаженному Евстафию Антиохийскому быть отправленным на чужбину, чтобы еще более показать нам и силу истины, и бессилие еретиков».

«Молитвами святителя Евстафия да спасет Господь Бог Церковь Свою от всякого лжеименного знания и разделения и да сохранит церковное единение и мир в духе кротости и любви христианской, и всех нас, верующих, да помилует и спасет».

«И, за все воздав благодарность Богу, будем подражать добродетелям святых, чтобы участвовать с ними и в венцах, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, честь и держава во веки веков. Аминь».

Страдание святого мученика Маврикия и сына его Фотина и с ними 70 воинов

Память 22 февраля

Беззаконный и нечестивый царь Максимиан[1568] полагал, что, служа своим ложным богам, получит себе помощь и возвышение своего царства, поэтому он повелел, чтобы все его подданные приносили жертвы нечестивым идолам. Он сам старался подавать пример ревностного и прилежного служения бесам, принуждая и других приносить скверные жертвы. Для него было мало, подобно прежним царям, ограничиваться рассылкой указов начальникам областей, где им предписывалось заботиться о почитании идолов: он сам лично без всякой лености обходил свои владения, совершая службы перед бесовскими алтарями; безбожный царь надеялся, что, благодаря его приходу, все, отвергнувшиеся от языческого заблуждения и сподобившиеся познать Христову истину, снова возвратятся к прежнему зловерию. С таким намерением он оставил Рим и направился по восточным областям; между прочим он прибыл в город Сирийский Апамию. Здесь к нему приступили идольские жрецы и стали клеветать на христиан, говоря:

– Державнейший царь, так как боги даровали нам возможность свободно говорить с тобою, то мы возвещаем тебе, что всякий из нас со страхом и усердием почитает великих богов отеческих, в особенности же Зевса[1569] и чудного Аполлона[1570], самых главных богов наших, защитников и покровителей державы твоей. Но Маврикий и вместе с ним других семьдесят твоих воинов, напыщенные почестями и обогащенные твоими великими дарами, презирают богов наших, противятся твоей великой и непобедимой власти – они прельстились заблуждением христианским.

Услышав об этом, царь Максимиан сильно разгневался; ярость охватила его сильнее пламени, пылающего в печи; он особенно негодовал на то, что в полках его нашлись такие воины. В один из торжественных дней он велел приготовить

судилище на месте для зрелищ, называемом Амаксика; оно было между северными городскими воротами. Это место Максимиан избрал для того, чтобы весь народ мог видеть суд; сюда повелел он привести святых мучеников. В назначенный день, когда сошлось множество народа на указанное место, даже девы и те не оставались дома, царь Максимиан воссел на высоком судилище. Тогда приведены были сюда оруженосцами и семьдесят святых Христовых воинов, вместе со своим начальником святым Маврикием. Взглянув на них, царь сказал Маврикию:

– Мы надеялись, Маврикий, что вы, как люди, не оставленные нашею царской милостью, кормившиеся нашим жалованьем и удостоившиеся от нас высших почестей, будете следовать нашему благочестивому примеру и своими мужественными делами и мудрым наставлением вразумите отвергающих наш угодный богам закон, уврачуете мнение заблуждающихся, измените к лучшему нуждающееся в исправлении, укрощая возбуждающих раздоры, – словом мы были уверены, что исправите всё, что делают не по нашему повелению, против нас и вопреки нашему желанию. Но мы слышим, что вы поступаете как раз наоборот – не только не усмиряете тех, кто восстает против нашего закона, но и сами являетесь противниками наших всесильных богов; вы пренебрегаете ими, не оказываете им чести, не приносите жертв и приношений; мало того, вы сделались даже для других руководителями и увлекаете их в погибельную пропасть, если только есть правда в том, что нам сообщили об вас.

На это святой Маврикий отвечал:

– Царь, та обида, которую мы наносим бесчувственным богам вашим, готовит нам славный венец победы у истинного Бога нашего. Мы не унижаем, не презираем, как ты полагаешь в своем безумии, Бога, сотворившего нас, но прославляем Того, Кто единый истинный Бог, Кто создал небо и землю, море и всё, что в них. И не подобает называть богами скверных и нечистых бесов, вводящих людей в гибель, и идолов их глухих, слепых и бесчувственных.

Тогда царь сказал:

– Так-то ты, Маврикий, воздаешь благодарность богам, которые удостоили тебя чести и даровали тебе первое место в воинстве?

Святой же Маврикий отвечал:

– Никогда никакой чести я не принимал от богов ваших и не хочу почитать их. Ибо кто из людей, знающих о Боге, захочет воздавать почитание бесчувственным вещам кроме не имеющих разума и уподобившихся несмысленным скотам (Пс.48:13); только такие люди обоготворяют камни и деревья, полагая что они имеют разум, – и почитают их как богов.

Царь же сказал:

– Ты получил первое место среди служащих нам; поэтому-то ты так дерзко и без всякого страха говоришь с нами.

Сказав это, царь велел отделить святого Маврикия от семидесяти воинов и обратился к последним с ласковой речью:

– Кто вас, братия, прельстил и внушил вам мысль отступить от спасителей – наших богов – и разделять заблуждение людей, почитающих Распятого Человека, какого-то злодея?

Тогда блаженный Феодорит вместе с Филиппом отвечали от лица всех святых мучеников:

– Безбожный мучитель, мы не только не заблуждаемся сами, но и тебя желаем освободить от заблуждения, от которого избавились, поклоняясь Единому истинному Богу – Отцу всемогущему и единородному Сыну Его Господу Иисусу Христу нашему – истинному Богу, и Божией Премудрости и святому Его Духу, Который вдохнул в нас познание и разумение, чтобы мы могли исповедовать Единосущную Троицу. Мы гнушаемся нечестивой веры твоей, оставляем сан временного воина, чтобы нам удостоиться быть воинами Бога, Царя Сил.

Тогда Максимиан сказал:

– Я вижу, Филипп, что ты уже достиг почтенной старости, но разумом ты далеко уступаешь юным; обратись лучше к нашим богам и тем покажи добрый пример прочим твоим сотоварищам по службе, чтобы и они сделали то же; тогда большую честь и дары получишь ты от нас.

Святой же Филипп отвечал:

– Знай, царь, что я не буду наставлять на злое тех, которые добровольно познали страх Божий, ибо писано: «горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф.18:7).

На это Максимиан сказал:

– Ты дерзок, Филипп, благодаря нашему терпению и кротости. Оставьте же лучше ваше зловерие, чтобы не возбудить в нас гнев и ярость; вы подвергнетесь лютым мукам, если осмелитесь исповедовать Человека, Которого вы считаете одним из богов.

Тогда святые семьдесят мучеников отвечали мучителю:

– Твоя суетная и тщетная угроза, богомерзкий царь, дает нам силу и крепость; мы не боимся никаких мук, ибо нет страха в душе того, кто любит Господа.

Максимиан разгневался на этот ответ и повелел снять с них пояса и одеяния воинские и сказал:

– Видите, какой славы и чести вы лишились и какое бесчестие навлекли на себя за свое непослушание.

Святые же отвечали:

– Ты, сняв с нас одежды и пояса, лишил нас чина воинского, но есть Бог на небесах, Которого мы почитаем: Он облечет нас в одежды и пояса нетления и сподобит вечной Своей славы, которой ты совершенно не достоин видеть, так как в тебе говорит и действует отец твой, сатана.

Тогда царь, разгневавшись еще более, сказал святым:

– Проклятые и недостойные даров богов наших, вы сами снискали себе бесчестие: мы удостоили вас великой чести, вы же обесчестили великих богов, презрели нашу милость, примите же теперь по заслугам вашим.

Святые отвечали на это:

– Царь, быть воином у тебя – дело суетное и преходящее, честь же твоя – бесчестие, ибо ты забыл Бога, давшего тебе власть царскую, и в своем безумии почитаешь богами суетных и бездушных идолов, хотя они не приносят тебе никакой пользы и не разумеют, почитает ли их кто, или бесчестит.

Тогда царь сказал:

– Желая, по моей царской милости, сохранить вашу жизнь, я еще даю вам время.

После этого он приказал заключить их в темницу на три дня, чтобы они, обдумав, могли бы избрать себе то, что пожелают. Святые же, заключенные в темницу и закованные в узы, так говорили:

– Возлюбленные братия, устремим души наши на молитву и станем прилежно молить благого и милостивого Бога нашего, чтобы Он ниспослал нам через Духа Своего Святого премудрость и разум: будем просить Его, чтобы Он вложил в уста наши то, что нам отвечать царю, так чтобы мучитель удивился истине нашей веры.

После этого они стали молиться, единодушно взывая:

– Господи, Иисусе Христе, Боже всесильный, Которого власть вечна и царство бесконечно, ниспошли нам Святого Твоего Духа, – пусть Он наставит нас и исполнит радости и веселия; пусть Он подаст нам победу над злобным заблуждением, и мы укрепимся в вере Святым Твоим Духом, Который да вещает в нас согласно Твоему истинному и неложному обетованию (Мф.10:19–20). За отнятие от нас мирской чести даруй нам быть воинами в Твоем небесном граде и пребывать в числе горних граждан со всеми святыми Твоими, от века Тебе благоугодившими. Ты Един Бог, и Тебе подобает слава и сила вовеки, аминь.

Спустя три дня царь Максимиан опять воссел на том же судилище у Амаксикийских ворот и велел привести святых мучеников; сюда же сошлись и все жители того города, чтобы посмотреть на суд. Мучитель, удерживая гнев свой, ласково обратился к святым:

– Мужи, изберите себе то, что для вас полезно: подойдите и принесите богам жертвы, тогда получите жизнь и избежите горькой смерти.

Тогда святые отвечали:

– Мы, царь, обдумали все как следует: послушай же нас внимательно и не заставляй нас более приносить жертв богам вашим; ибо мы твердо решились: возненавидеть временную жизнь и предпочесть предстоящую нам смерть из-за любви ко Христу, от Которого мы надеемся получить жизнь вечную. Поэтому поступай с нами как тебе угодно: мы не отступим от

Бога нашего и никогда не станем поклоняться твоим бесам; будучи осуждены на временную смерть, мы тем избавляемся от вечного осуждения.

Таков был ответ святых. Мучитель же, заметив в числе их юношу, спросил его:

– Скажи мне, юноша, как тебя зовут и откуда ты родом?

Юноша отвечал:

– Меня зовут Фотином, такое имя я получил от истинного света, я – воин Христа моего, посрамившего отца твоего диавола. Родом же я римлянин, сын – не только по плоти, но и по душе – Маврикия светлейшего; ибо от него я рожден и получил познание о Боге; он воспитал меня в святой вере в Господа Христа, Которого ты, царь, отвергаясь, уподобился бессмысленным животным.

На это мучитель отвечал:

– Неразумен ты, юноша, и слова твои обличают твой возраст; но пора тебе знать, что для тебя полезно, – приступи и принеси жертву великому Зевсу, пожалей свою юность.

Тогда юноша сказал:

– Ты называешь меня неразумным лишь только потому, что я не исполняю твоей воли и не поклоняюсь идолам. Нет, я всех вас разумнее, ибо верую в Господа моего Иисуса Христа, в Которого вы не веруете и знать не желаете.

Тогда мучитель снова сказал святым:

– Доколе нам терпеть ваше безумие, окаянные? Доколе мы, уступая нашей чрезмерной жалости, будем отдалять ваши мучения? Принесите жертву богам, не навлекайте на себя наш праведный суд, не возбуждайте нас к немилосердию и жестокости.

Святые отвечали:

– Скверный и нечестивый служитель бесов, если у тебя есть хоть сколько-нибудь ума, то ты уже узнал о вере нашей и о силе от Фотина; он хотя и юн летами, однако посрамил своей правою верою и исповеданием Христа твое нечестие; тем более стремимся мы к тому, чтобы претерпеть муки, чтобы посрамить отца твоего диавола и угодить Христу Богу нашему.

Тогда мучитель, исполнившись гнева, повелел обнажить святых и бить их воловьими жилами. Слуги начали исполнять то, что им было приказано: они распростирали каждого из воинов Христовых и без всякого милосердия наносили им удары по всему телу. Так святых мучили до тех пор, пока их святые тела не были раздроблены и множеством пролитой крови не обагрилось всё то место. Святые же среди мучений взывали ко Христу Господу, прося у Него помощи. Господь не оставлял их невидимою Своею силою, облегчал их страдание и укреплял сердца их в терпении и Божественной любви. Когда уже слуги совершенно изнемогли, царь обратился к святым:

– Познали ли вы, дерзкие и неразумные, как легко мы можем лишить вас жизни? Так принесите же жертвы богам, чтобы не навлекать на себя еще более сильных наказаний!

Святые же отвечали:

– Знай, нечестивый и неведующий Бога нашего царь, что как ты далеко отстоишь от любви Христа и истинного света, будучи помрачен тьмою бесовского заблуждения, так и мы не чувствуем мук, которые ты нам причиняешь, ибо ум наш просвещен верою и любовью Христа Бога нашего. Придумай же, мучитель и служитель бесов, каким новым и тягчайшим мукам предать нас; душа наша жаждет и Христова любовь в нас желает через страдание разрешиться от тела и увидеть Бога живого, царствующего вовеки.

Услышав это, мучитель возгорелся еще большею яростью и велел развести большой огонь, чтобы бросить в него святых мучеников.

Тогда был разведен большой огонь; святые же не ждали, чтобы слуги мучителя бросили их в огонь, но сами приступили к нему, как к воде, и войдя в средину костра, ходили невредимыми в огне, укоряя мучителя и посрамляя его богов. Все присутствовавшие дивились такому славному чуду. Но мучитель, как сосуд погибели, не хотел познать, что святым помогает сила Божия, которою они и побеждают силу огня, но с еще большей яростью старался погубить святых. Он повелел вывести из огня святых страдальцев, которым не причинило никакого вреда сильное пламя, и привязать их к тем деревьям,

на которых обыкновенно подвергали мучениям преступников, и безжалостно строгать тела святых железными когтями. Святые же мужественно претерпели и это лютое мучение, не боясь телесных страданий. Даже народ дивился ярости и безумию царя. Святой же Маврикий, обратившись к царю, сказал ему:

– Нечестивый и скверный мучитель, неужели ты не видишь своей слабости, неужели ты не сознаешь своего ничтожества; ведь Фотин, малый юноша, мог перенести столько лютых мучений; этим он сокрушил и сломил силу твоего беззаконного царства. Как же ты можешь одолеть всех нас, сам будучи побежден и посрамлен молодым юношей?

Максимиан с яростью взглянул на святого и, заскрежетав зубами, повелел тотчас же усекнуть мечом святого юношу Фотина пред глазами его отца; этим он хотел отомстить Маврикию; он думал, что сильно опечалит смертью сына отца его – святого Маврикия; но святой муж исполнился радости и веселия, взирая на мученическую кончину своего сына и его смерть за Христа Бога.

Когда святой Фотин, усеченный мечом, предал Господу свою душу, Маврикий сказал Максимиану:

– Ты исполнил наше желание, беззаконный мучитель, предпослав Фотина ко Христу Богу; теперь уже несомненно недалеко и наше отшествие на небеса: кто из нас не станет подражать воину Христову Фотину, который уже вселился в райские обители и посрамил сатану, отца твоего? Изобрети же еще большие и жесточайшие мучения и постарайся всячески испытать, крепка ли наша вера во Христа.

Когда Максимиан увидел, что святые мученики безропотно и мужественно переносят все мучения, не отступая от своей веры, то созвал всех своих злочестивых и безбожных советников и стал с ними придумывать, какой бы самой лютой смертью погубить мучеников на устрашение всех христиан, где бы они ни жили. Одни советовали ему одно, другие – другое; наконец, один из них, самый лютый и нечестивый, в высшей степени бесчеловечный и злобный, сказал Максимиану:

– Ныне, царь, лето – идет месяц июль; вне же нашего города находится к западу между двух рек и озером одно место,

болотистое и поросшее травой; там теперь множество комаров, оводов, ос и шершней, так что в этом месте и пройти человеку трудно, а остаться на час и совсем невозможно; вели сюда завести мужей, прикажи обнажить их и привязать к деревьям; кроме того их должно обмазать мёдом; тогда комары, шершни и всякие мухи будут жестоко терзать их; это самое сильное и ужасное мучение из всех, какие только можно придумать; тогда они и поймут, что нельзя поносить наших непобедимых и вечных богов.

Такой совет весьма понравился нечестивому царю и всем его скверным советникам, и святые страстотерпцы Христовы были осуждены на это мучение. Тогда воины, взяв их, связали и повели на вышеупомянутое место; здесь они накрепко привязали святых к деревьям, которые росли над источником и у болота, обмазали мёдом от головы до ног их обнаженные тела; кроме того, они повергли тело блаженного Фотина пред глазами его отца. После этого они удалились. Всякого рода мухи, комары, оводы, осы, шершни устремились на святых; словно густое облако они окружили страстотерпцев, немилосердно уязвляя их. Такое нестерпимое мучение святые переносили десять дней и десять ночей. Возведя взоры свои к небу, они молились, говоря:

– Господи, Боже наш, Ты создал нас по образу Твоему и подобию, сподобил нас познать истину Твою, благоволил нам открыть Свое Божество, Своего Единородного Сына и Пресвятого и Животворящего Духа. Мы вручаем Тебе наши души и молим Тебя, сопричти нас со всеми святыми Твоими, от века Тебе угодившими. Ибо мы возлюбили Тебя и стремились к Тебе всей душою нашей; Тебя ради мы преданы на это мучение. Ты Един Бог благий и милостивый, и Тебе подобает слава вовеки, аминь.

После этого они предали Господу святые свои души и сподобились венцев вечной славы. Беззаконный же мучитель Максимиан пылал яростью на святых даже после их смерти, когда они уже наслаждались в бессмертной жизни (ибо живы пред Богом скончавшиеся в Боге, хотя они и оставили сей мир). Услышав, что святые уже умерли, Максимиан повелел усекнуть

их честные главы и оставить их без погребения. Тогда святые их тела и главы были разбросаны по лугу и дубраве, бывшей там, на съедение птицам и зверям. Некоторые из верующих, придя ночью, со страхом и трепетом собрали разбросанные мощи святых мучеников и погребли их на том месте, славя Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом прославляемого вовеки, аминь.

Память преподобного Фалассия, пустынника Сирийского

Память 22 февраля

Преподобный Фалассий еще в юном возрасте построил себе на одной горе жилище и поселился в нем. Отличаясь по природе чистосердечием и смиренномудрием, он скоро почувствовал влечение к иноческим подвигам. Он удалился на вершину горы, расположенной близ селения Таргала, и провел на ней в подвигах 38 лет, причем не имел никакого жилища: ни кельи, ни палатки, ни даже какого-либо навеса, но, соорудив из камней лишь небольшую ограду и имея покровом одно небо, все время пребывал в ней. За такие подвиги Господь удостоил святого подвижника благодати чудотворений. Преподобный Фалассий изгонял бесов, исцелял различные болезни и силою своего чудодейственного дара уподоблялся святым Апостолам. Однажды на него напал змей и хотел пожрать его, но он помолился и молитвою спас себя от смерти. В другой раз его постигла желудочная болезнь, которая причиняла ему жестокие страдания, но он призвал имя Божие и тем исцелился от мучительного недуга. К преподобному стекалось всегда множество народа с тем, чтобы видеть его подвиги, и многие из приходивших просили его принять их в число его сподвижников. Преподобный не противился таким просьбам. Построив для желающих подвизаться с ним кельи, он дозволил им жить в них, причем раздавал им ту пищу, которую приносили для него с разных мест его почитатели. Прожив в таких подвигах жизнь свою, преподобный Фалассий с миром почил.

Память преподобнаго Варадата, пустынника Сирийского

Память 22 февраля

Преподобный Варадат был родом из Антиохии[1571]. Избрав себе подвиги созерцательной отшельнической жизни, он заключился сперва в одной хижине, а потом через некоторое время удалился на одну высокою гору и безвыходно стал жить в келье, которую сам соорудил себе. Эту келью преподобный нарочито устроил так, что по размерам своим она была меньше его роста, а потому он всегда стоял в ней, сгорбившись, а лежал согнувшись. Келья была без окон, с одною только дверью, да и ту святой держал всегда закрытою, чтобы оградить себя от сторонних посетителей, а для проникновения внутрь кельи дневного света вместо окон он устроил в стене скважины, которые были так широки, что он никогда не имел в своем жилище защиты ни от дождя, ни от солнечного зноя. В таком тесном и неудобном помещении святой Варадат прожил много лет. Впоследствии уступив убеждениям Антиохийского епископа Феодорита, он вышел из своего жилища, но зато с этого времени стал носить одежду из сшитых кож, которая с ног до головы покрывала всё тело его, и только около рта и носа для свободного дыхания в ней были оставлены небольшие прорезы. Не имея возможности в такой одежде ходить, преподобный постоянно стоял на ногах с воздетыми к небу руками и прославлял Бога. Таким образом, святой Варадат всегда пребывал в затворе. Он нёс такой подвиг не для услаждения плоти, а для того, чтобы принуждать себя переносить телесные боли и тем смирять свою плоть, так как он одержим был сильными страстями и его постоянно разжигали пламенные, неукротимые похоти. Когда преподобный ради получения обещанной подвижникам награды в вечности довёл до изнеможения плоть свою, то отошел ко Господу и принял от Него вечный покой.

Память преподобного Афанасия Исповедника

Память 22 февраля

Преподобный Афанасий родился в городе Константинополе от благочестивых родителей, которые проводили богоугодную жизнь и были очень богаты. Он с детства отличался благоговейным настроением души, и любимою мечтою его юности было провести жизнь в иноческом звании. Поэтому по достижении совершенного возраста он удалился в одну из Никомидийских обителей[1572] и там принял иноческое пострижение. В своих иноческих подвигах преподобный достиг такой высоты, что своим благочестием стал известен самому императору. В царствование Льва Иконоборца[1573] на преподобного сделан был донос, что он чтит святые иконы, и за это он был подвергнут различным мучениям, потерпел тяжкие изгнания и перенес много страданий. Но, несмотря на всё это, святой Афанасий остался непоколебимым. Сохранив до конца своей жизни православную веру, он отошел ко Господу[1574].

Житие и страдание святого священномученика Поликарпа, епископа Смирнского

Память 23 февраля

В городе Смирне; находящемся в малоазийской области Ионии, во времена святых апостолов епископом был святой Вукол; во дни этого епископа здесь жила благочестивая и боящаяся Бога вдова Каллиста. Ей во сне явился Ангел Господень и повелел взять к себе сироту – отрока Поликарпа; так как у Каллисты не было детей, то она с радостью взяла отрока и воспитывала его в благочестии, как своего родного сына. Когда он вырос и пришел в совершенный разум, вдова поручила ему все, что было у нее в доме. Как-то раз в это время ей понадобилось отлучиться далеко от дома по одному делу относительно своих имений, причем она довольно долго не возвращалась; во время ее отсутствия блаженный Поликарп, крайне милостивый к нищим, стал щедро подавать убогим, сиротам и вдовицам; он отпускал хлеб, вино, елей и всякую пищу всем просившим, так что хранилища его приемной матери оскудели. Когда Каллиста возвращалась, один из слуг, выйдя ей навстречу, стал жаловаться на Поликарпа, что он неразумно расточил все имение, так что теперь, клеветал он, в доме совершенная бедность. Каллиста сильно опечалилась этим: придя домой, она тотчас отправилась в кладовые и нашла там множество всяких сокровищ. Ибо блаженный Поликарп, до прибытия Каллисты, обратился к Господу с такой молитвой: «Господи Боже мой, Ты наполнил сосуды вдовы Сарептской при Твоем пророке Илии (3Цар.17:10–16), услышь меня в час сей, и сотвори, чтобы во имя Христово наполнились все хранилища дома сего».

И Господь тотчас услышал молитву его и наполнил дом его благодетельницы всякими благами. Увидев, что в доме теперь гораздо более всего необходимого, чем было прежде, Каллиста разгневалась на слугу, жаловавшегося на оскудение, произведенное святым Поликарпом: она думала, что слуга или

насмехается над ней, или же по ненависти оклеветал Поликарпа. Рассердившись, она хотела его наказать. Святой же Поликарп стал защищать его, говоря своей воспитательнице: «Умоляю тебя, госпожа, не наказывай другого вместо меня, но лучше меня подвергни наказанию; этот слуга не наказания достоин, но похвалы за свою верность и преданность тебе; он рассказал тебе всю правду: действительно, у нас оскудели все богатства и опустели все кладовые, ибо я, видя голодающих братий наших, нищих и убогих, раздал им все и истощил все запасы; они-то и умолили Бога, и Он послал Своего Ангела, который восполнил все твое имущество, чтобы и ты, по своему обычаю, могла оказывать неимущим щедрую милостыню».

Слыша и видя все это, Каллиста сильно удивлялась и с тех пор стала еще усерднее к добрым делам в благой вере, подавая обильную милостыню; еще сильнее, как своего собственного сына, полюбила она святого Поликарпа, удивляясь его добродетели; наконец, окончив свою богоугодную жизнь, она отдала в руки Господа свою душу, оставив наследником всего своего имения нареченного сына, святого Поликарпа. Все раздал блаженный нищим, а сам стал прилежно заниматься чтением Божественных книг, усердно предаваясь богомыслию и молитвам; он проводил жизнь в большом воздержании и непорочном девстве, работал неустанно день и ночь Господу, с любовью служа больным, немощным и престарелым. За такую жизнь его сильно полюбил Смирнский епископ святой Вукол; сначала епископ сделал Поликарпа клириком, затем диаконом; по свидетельству святого Пиония, который написал житие блаженного Поликарпа, св. Вукол возложил на Поликарпа, в бытность его диаконом, еще обязанность проповедовать слово Божие, ибо святой Поликарп отличался своим благоразумием и красноречием, так что святой подвижник обязан был как в церкви, так и в других местах поучать народ. Не только святой Вукол, но и святые апостолы, Павел и Иоанн Богослов с прочими учениками Христовыми любили святого Поликарпа; святой Поликарп участвовал вместе со святыми апостолами в их путешествиях, был их учеником, общником их трудов, подражателем их жизни; апостолы снова

послали его в Смирну к святому Вуколу, который и рукоположил его в пресвитеры. Написал также святой Поликарп много слов и посланий, полезных для Церкви Христовой, но большая часть его сочинений во время гонений погибла, так что из них осталась только небольшая доля. Святому епископу Вуколу было предвозвещено, что после его смерти епископский престол в Смирнской церкви должен занять пресвитер Поликарп, а не другой кто-либо; а поэтому, умирая, святой Вукол, взяв правую руку Поликарпа и положив ее к себе на грудь, поручил ему пасти свое словесное стадо и со словами «слава Тебе, Господи» с миром отошел в жизнь вечную. Епископы апостольские, собравшиеся на погребение святого Вукола, и посвятили святого Поликарпа; при этом многие из них удостоились ужасных видений. Когда началось посвящение во епископа, Божественный свет озарил всех, бывших в церкви; некоторые из достойных увидали белую голубицу, которая, сияя словно молния, летала вокруг головы святого Поликарпа; другим святой подвижник представлялся одетым словно воин: был опоясан воинским поясом и вооружен словно на сражение; иные видели его в царской порфире[1575] с сияющим лицом; одной девице он показался гораздо большего роста, чем был на самом деле, причем риза его на правом плече была красного цвета. Когда же для принятия посвящения святой Поликарп преклонил колена, он увидел пред собой ноги самого Христа Господа, Который невидимо присутствовал при его посвящении. Так, рукоположенный самим Христом и Св. Духом, Поликарп управлял Церковью Божией, по постановлениям святых апостолов; много трудов перенес он, спасая души человеческие, много дивных чудес сотворил он во время своего епископства.

Однажды святому Поликарпу случилось быть в одном из городов той же Ионийской области Теосе, который находился около теплых вод, называемых Леведией; он остановился у епископа того города по имени Дафн, о котором упоминает святой Игнатий Богоносец в своем послании к жителям Смирны. Святой Поликарп, видя бедность и недостаток в доме того епископа, помолился о нем Богу, чтобы Господь благословил

его дом, и с того часа епископ Дафн не испытывал более недостатка: нивы его и виноградники, бывшие до этих пор неплодными, приносили необычайные урожаи и сделались весьма плодоносными; вино, бывшее лишь в небольшом количестве, святой своей молитвой увеличил до изобилия. Однажды, возвращаясь в Смирну, Поликарп вместе с сопровождавшим его диаконом свернул с дороги и зашел в гостиницу, бывшую на пути; это было уже вечером, и уставшие путники хотели отдохнуть; вкусив немного пищи, Поликарп и его спутник заснули; но недолго продолжался сон их; в полночь Ангел Господень, толкнув в бок Поликарпа, сказал ему:

– Поликарп!

Тогда святой спросил:

– Что, Господи?

– Встань, – сказал ему Ангел, – и выйди немедленно из гостиницы, ибо она скоро разрушится: жившие в той гостинице не веровали во Христа Бога и совершали много беззаконий.

Тогда святой, встав, стал будить своего диакона, повелевая ему встать; диакону же, который перед тем крепко спал, не хотелось вставать; он стал отговаривать святого:

– Еще не прошел первый сон, святой отец, куда пойдем мы; ты в своем постоянном размышлении о Божественных Писаниях и сам не спишь, и другим не даешь спать.

Услышав эти слова, святой Поликарп замолчал, но Ангел вторично явился ему и повелел выйти вон; тогда снова святой стал побуждать диакона, говоря, что здание это должно разрушиться; но диакон отвечал:

– Я верую в Бога и думаю, что это здание не рухнет, пока ты, отец, находишься в нем. Поликарп же сказал:

– И я верую также в Бога, но не надеюсь на это каменное здание.

Между тем Ангел в третий раз явился и повторил то же самое приказание; только тогда епископ уговорил своего спутника выйти из гостиницы. Лишь только они вышли вон, тотчас здание рухнуло до самого основания и все, бывшие в нем, погибли до одного; а святой Поликарп, стоя и взирая на небо, молился так: «Господи, Боже Всесильный, Отец Иисуса

Христа, Твоего благословенного Сына, Ты предвозвестил ниневитянам через пророка Иону гибель их города, но умилосердился и пощадил их; воистину благословляю Тебя, ибо Ты через Ангела Своего вывел нас из этого здания и избавил нас от внезапной смерти, подобно тому как Ты вывел Лота из Содома; Ты постоянно сохраняешь рабов Своих от всякого зла, Ты благ и милостив вовеки».

После их прибытия в Смирну у князя того города, который не веровал в Христа, однажды ночью нечистый дух внезапно вошел в одного слугу; последний сильно кричал и поднимал великий шум, так что весь дом пришел в ужас, на всех обитателей напал страх и трепет. С наступлением дня в дом князя пришли иудеи, в большом числе, желая изгнать беса; но одержимый нечистым духом слуга бросился на них и, несмотря на то, что их было много, а он один, все-таки, всех сильно избил; никто не мог одолеть его, никто не мог ускользнуть от его руки, так что они ушли от него еле живыми и сильно окровавленными: всю одежду, бывшую на них, бесноватый сорвал и искусал их тела своими зубами. В том доме находился один христианин, который и сказал князю: «Если велишь, господин, я призову одного человека, который без всякого труда исцелит твоего раба».

Когда князь согласился на это предложение, слуга тот отправился к святому епископу Поликарпу и пригласил его в дом князя. Когда еще блаженный не вошел в дом князя, бес начал вопить: «Горе мне, сюда идет Поликарп, я против своей воли буду принужден бежать отсюда».

Лишь только святой вошел, бес тотчас с трепетом вышел и бежал из раба княжеского; князь же, видев это, сильно изумлялся. После того чуда ночью в Смирне вспыхнул пожар; так как все спали, то огонь сильно распространился и охватил большую часть города пламенем; при этом, как всегда бывает, поднялся сильный шум, крик и вопль, всех охватил ужас; весь народ принялся за тушение пожара, но ничего не могли сделать: огонь усиливался все более и более; собрались и иудеи, заговаривавшие огонь, но все их попытки оказались тщетными. Тогда князь вспомнил о святом Поликарпе и сказал

своим начальникам и советникам: «Никто не может прекратить пожара, кроме учителя христиан Поликарпа, который недавно изгнал из раба моего беса».

Послав за ним, они пригласили его к себе и просили помочь городу, который постигло такое несчастье. Воздев свои честные руки, святой тут же пред ними стал молиться, и огонь, словно залитый сильной водой, погас, и пожар прекратился. Видя такое чудо, люди стали думать, что святой – один из богов; но Поликарп пред всеми стал проповедовать Единого истинного, сущего на небесах Бога, Которого только рабом он сам является, так что многие уверовали и присоединились к святой Церкви Христовой. В другой раз случилось бездождие, продолжавшееся долгое время, настала засуха, а за нею и голод; тогда все люди с князем и его советниками стали молить святого, чтобы он сжалился над ними и испросил бы дождя на землю у Бога своего. Когда святой помолился, тотчас прошел сильный проливной дождь, так что земля наполнилась влагой, и в тот год урожай был гораздо лучше, чем прежде. Через такие и многие другие чудеса святого, равно как и через исцеление разных больных от недугов посредством возложения рук его, многие обращались к Господу Иисусу Христу; день ото дня увеличивалась Христова Церковь, а идольская вера уменьшалась в Смирне, где святой Поликарп принял на себя служение слову по апостольскому повелению, как об этом свидетельствует святой Ириней, что Поликарп не только был апостольским учеником и другом и собеседником многим, видевшим Христа очами, но и был послан апостолами в Азию, чтобы там в Смирне занять (после святого Вукола) епископский престол; его (добавляет святой Ириней) и мы видели во время нашей молодости, когда он был уже весьма преклонным старцем, и чему он сам научился у апостолов, тому и других поучал и передал Церкви лишь только то, что истинно и не ложно; о святом Поликарпе свидетельствуют также и все бывшие после него епископы в Асийской церкви, что он, действительно, был постоянный и верный поборник правды, не такой, как Валентин и Маркион и все ересеначальники, внесшие в Церковь Христову столь вредные заблуждения. Этот

блаженный Поликарп, придя в Рим, когда там папой был Аникита, многих отвратил от ереси маркионитов и привел их к истинной Церкви и вере, явно проповедуя истину, которую он принял от апостолов[1576]. Между прочим он рассказывал и следующее: ученик Господа Иоанн в бытность свою в Ефесе пришел однажды в баню; здесь он увидал моющегося еретика Херинта; апостол тотчас вышел из бани и других бывших с ним уговаривал последовать за ним, чтобы, добавил он, баня, где моется Херинт – враг правды Божией, как бы не обрушилась вдруг. Однажды тот же самый Поликарп встретился с еретиком Маркионом; последний с дерзостью сказал ему:

– Узнай нас.

На это Поликарп отвечал:

– Я знаю, что ты первородный сын диавола; от еретиков и сами апостолы, и их ученики так тщательно сохраняли себя, что даже и беседовать с теми не хотели, которые своим хитрым суесловием пытались затмить истину, и святой Павел повелевает: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит.3:10–11).

Сохранилось и послание Поликарпа к филиппийцам[1577], написанное чрезвычайно глубокомысленно, что не могут не заметить люди, пекущиеся о своем спасении и одобряющие его веру и проповедь.

Таков отзыв святого Иринея о Поликарпе. После двадцатидвухлетнего царствования Антонина на престол вступил сын его Марк Аврелий[1578], деливший власть свою вместе с братом своим Луцием. В это время было воздвигнуто в Асии сильное гонение на христиан, тогда и святой Поликарп запечатлел своею кровью свое исповедание. О страдании и кончине этого праведного мужа находятся известия в послании Смирнской церкви[1579], где святой Поликарп занимал епископский престол; содержание же этого послания таково.

«Церковь Смирнская церкви в Филомелии и всем другим святым кафолическим церквам, находящимся у разных народов, – милосердие, мир и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да будет с вами. Мы писали вам, братия,

о святом Поликарпе, который огонь гонения угасил пролитием своей крови, и о других мучениках. Многие святые мученики показали тогда непобедимое мужество; иные были биты в продолжение такого долгого времени, что все суставы и жилы их были раздроблены и виднелись внутренности; другие были влачимы по камням и острым черепицам, и они все лютейшие муки, какие только могли изобрести мучители, претерпевали с удивительным спокойствием, третьи были отдаваемы на съедение зверям. И глубоко изумлялись и сильно удивлялись нечестивые, видя пред собою такое мужественное страдание святых. Между прочих страстотерпцев, при Божией помощи, показал выдающееся мужество один юноша по имени Германик с безбоязненным сердцем, не колеблясь умом, он мужественно вышел на смерть, по природе столь страшную для всех. Долго увещевал Германика судия, чтобы он пощадил свою юность и не губил столь горькою смертью эту сладостную жизнь, но он, лишь только увидел выпущенных на него зверей, сам бросился на них, дразня их, чтобы они растерзали его. Один человек из Фригии по имени Квинт, увидев зверей и страшное мучение, тотчас убоялся и отпал от спасения своего, откуда стало ясно, что он безрассудно и не от чистого сердца, но по легкомыслию, словно гонимый внезапным порывом ветра, пришел на судище нечестивых и осмелился предать себя мучению. Он послужил для всех примером, что на столь великое дело, как предать себя на муки, не следует идти без осмотрительности. Поликарп, услышав об этих мучениях, узнал, что неверующий во Христа народ еллинский, взирая на мучения и других страстотерпцев, явно кричал судье: «Ищи Поликарпа, истребляй этих безбожников».

Слыша это, Поликарп, хотя и желал остаться в городе, пока его не схватят, но, уступая просьбам христиан, он вышел из города и скрылся в одном селении, где все дни и ночи, по своему обычаю, молился о мире церковном. За три дня до своего взятия нечестивыми он увидел во сне, будто возглавие его вспыхнуло от внезапного огня и сгорело. Восстав от сна, святой сказал бывшим с ним: «Меня сожгут в огне за Господа Иисуса Христа».

Спустя три дня после этого пришли в то селение посланные игемоном отыскивать Поликарпа. Они, схватив двух отроков, стали бить их лозой, чтобы те сказали, где находится Поликарп, и они указали его в одной комнате наверху; он хотя и мог бежать оттуда, однако не пожелал, говоря: «Буди воля Господа Бога моего».

Услышав слуг, идущих за ним, он сам вышел по лестнице навстречу и с радостным лицом дружелюбно приветствовал их. Не видавшие его ранее слуги, взирая на его седины и престарелость, на кротость и спокойную радость его благообразного лица, удивлялись и говорили: «Нужно ли было так много трудиться и стараться, чтобы отыскать этого старца?»

Тотчас же Поликарп приказал приготовить для них трапезу и просил их есть и пить, а ему – дать один час на молитву. И горячо молился Богу, воссылая благодарение за все бывшее о нем попечение Божие, – за малое и великое, со дней юности его и вручая Богу Церковь Святую, рассеянную по всему миру. После долгой его молитвы посланные взяли старца, посадили на осла и повели в город Смирну – это был день Великой субботы. На пути встретили его два честных сенатора Ирод и Никита и, посадив к себе в колесницу, советовали ему, чтобы он на суде только словом отказался от своей веры: «Разве так трудно сказать: «Владыко кесарь, я принесу жертву?» Ведь таким образом ты избавишься от смерти».

Поликарп молчал на их слова; когда же они настаивали, отвечал: «Никогда я не сделаю того, что вы мне советуете».

Они рассердились и стали укорять его и сбросили с колесницы; при падении старец повредил себе голень, но не заботился об этом. Когда же его привели на суд, то нечестивый народ закричал, радуясь, что Поликарп взят; он же услышал голос Господа нашего с небес, говорящий ему: «Мужайся, Поликарп, и подвизайся великодушно!»

Этот голос слышали и другие из наших (говорит послание смирнское).

Судья спросил его:

– Ты ли Поликарп?

– Это я, – отвечал он.

– Пощади свою старость, – говорил судья, – отрекись от Христа, поклянись царской фортуной. Судья, говоря это и тому подобное, сказал:

– Приди в чувство, Поликарп, и скажи: погуби безбожных.

Тогда Поликарп, возведя очи свои к небу и протянув руки свои на нечестивый народ, сказал к Богу.

– Погуби безбожных! Судья сказал:

– Отрекись от Христа, поругай Его, и отпущу тебя свободным.

– Восемьдесят шесть лет, – отвечал Поликарп, – служу я Христу, и не сделал Он мне никакого зла; как же Царя моего, Который и доныне меня сохраняет, стану поносить бесчестными словами?

Судья сказал:

– Я выпущу на тебя лютых зверей.

– Выпускай, – отвечал Поликарп, – но свое лучшее я не изменю на худшее.

– Я отдам тебя на сожжение, – сказал судья. Он отвечал:

– Ты грозишь мне огнем угасающим, но ничего не знаешь о неугасимом огне, где вовеки будут палимы безбожные и неверные. Не медли более, но делай скорее, что задумал со мной сделать.

Тогда судья приказал глашатаю объявить народу, что Поликарп исповедует себя христианином. Услышав это, еллины и иудеи громогласно возопили: «Он совратитель всей Азии, он – отец христиан, он уничтожает богов наших, живым сожги его».

И настоял народ с иудеями на том, чтобы Поликарпа сожгли. Когда приготовили множество дров и хвороста, Поликарп снял свой пояс и стал снимать с себя одежды, скинул также и сапоги с ног, а мучители приготовляли железные орудия и гвозди, намереваясь ими пригвоздить Поликарпа, чтобы он никак не мог избежать огня. Святой же сказал им: «Не подобает меня пригвождать, ибо Кто подаст мне терпение в огненном пламени, Тот подаст мне и мужество, чтобы я не подвинулся с места или обратился на какую-либо сторону».

Тогда мучители не пригвоздили его, но только связали, и возложили на огонь сего убеленного сединами старца, словно

овна лучшего из стада, связанного в жертву, в воню благоухания Богу. Святой же Поликарп молился, говоря: «Благодарю Тебя, Господи Боже, что Ты благоизволил вчинить меня с твоими мучениками и исповедниками; и пью чашу страданий Христа Твоего и есть участник Его страсти, чтобы в воскресение живота вечного мне быть с Ним. Прими же меня как жертву тучную и благоугодную очам Твоим, которую Ты сам предопределил и предуставил, и се ныне совершил ее истинный Бог, Которого я славлю и хвалю, Тебя и Сына Твоего, вечного Архиерея Иисуса Христа; с Ним и со святым Духом подобает Тебе всякая честь и слава и поклонение ныне и присно и во веки веков, аминь».

И когда произнес «аминь», слуги тотчас подложили огонь; когда дрова загорелись кругом и пламя высоко поднялось, произошло чудо, поразившее всех: пламя, окружающее святого и возвышающееся над его головой, не прикасалось и не приближалось к святому, но подобно надутым ветром корабельным парусам расходилось от него, соединяясь над ним в вышине. Святой же Поликарп стоял среди огня, словно золото очищенное в горниле, и огонь тела его не опалял; мы обоняли, говорят в послании смирняне, такое облагоухание, исходящее из огня, которое без сравнения превосходило все ароматы. Нечестивые же, видевши то, стали кричать спекулятору, чтобы он, подойдя, оружием бы достал через огонь до святого и убил бы его. Подойдя, спекулятор пронзил святого длинным оружием, и из раны вытекло необычайное множество крови; словно поток, выходящий из источника, она угасила совершенно огонь; все множество народа удивлялось тому, убеждаясь, как велико различие между верующими и неверующими. Был Поликарп выдающимся мужем нашего времени, епископ Смирнской кафолической церкви, учитель, идущий от апостолов, и святой пророк: все, что он ни говорил, сбывалось.

Тогда иудеи стали просить судью, чтобы он не отдавал христианам тела Поликарпова. «Будут они, – говорили иудеи, – считать его своим богом, как и Распятого».

Не знали нечестивые, что не могло быть, чтобы христиане отступились от Христа Господа, умершего на Кресте за

спасение всего мира, и кого-либо другого считали богом: Ему, как истинному Сыну Божию, мы воздаем Божественную честь, а мучеников достойно почитаем как учеников и подражателей Христовых, которые пострадали за Него по любви к Нему; мы с любовью объемлем их и хотим подражать им в благочестии, а в вечной славе желаем быть их сопричастниками. Сотник же, по приказанию судьи, которого упросили иудеи, предал пламени, по обычаю эллинскому, тело Поликарпа; при жизни сего подвижника его тело не пострадало от огня, а по его смерти поддалось огненной силе. Мы же (говорят смирняне) собрали из пепла кости его, чистейшие золота и гораздо более дорогие, чем камни многоценные, и сохранили их в подобающем месте, где и будем с весельем праздновать день страдания его, как в воспоминание таким подвигом за Христа пострадавшего, так и на утверждение имеющих такой же смертью исповедать и прославить Христа, истинного Бога нашего. Сие послали мы вам через брата Марка, и когда прочтете, то пошлите сие послание и прочим рассеянным братиям, чтобы и они прославили Господа, показавшего нам столь великого избранника между своими рабами, могущего и нас всех исполнить Своей благодати и ввести в вечное Свое Царство через единородного Сына Своего Иисуса Христа, Ему слава, честь и поклонение вовеки. Аминь. Целуйте всех святых, а вас целуют находящиеся с нами, и Еварест, написавший сие послание, приветствует вас вместе со всем домом своим. Страдание свое Поликарп окончил в седьмой день майских календ, то есть 25 апреля месяца в Великую Субботу, в восьмой час дня при великом архиерее Филиппе, во время игемонства Траллиана, в вечное царство Иисуса Христа. Желаем доброго здравия братиям, ходящим во благовестии слова Иисуса Христа, с Которым слава Богу за спасение избранных святых, – как совершил страдание святой Поликарп; да будем и мы наследники его в Царствии Христовом. Послание же сие переписал Гай, из учеников святого Иринея, ученика блаженного Поликарпа, с сего же переписал Сократ Коринфский, а я, пресвитер Пионий, опять принял все сие от вышеуказанных лиц и сверил с откровением, бывшим мне от святого Поликарпа,

явившегося мне в видении. И написал, обновив все заглаженное давностью времени, чтобы и меня вместе с избранными своими воспринял Господь наш Иисус Христос в Свое Небесное Царство; Ему же слава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь».

Кондак, глас 1:

Плоды словесныя Господеви принося, Поликарпе мудре, добродетелей жертвы, темже и от Бога достоин иерарх прославился еси. Сего ради днесь просвещшеся твоими словесы, воспеваем твою достохвальную память, славяще Господа.

Память преподобных Иоанна, Антиоха, Антонина и Моисея

Память 23 февраля

Из этих преподобных святой Иоанн знал преподобного Лимнея[1580], жившего и подвизавшегося в окрестностях селения Таргала, был его учеником и в образе своей подвижнической жизни подражал ему. Найдя на берегу реки один холм, открытый со всех сторон для ветра и лишенный всякой растительности, он, не имея никакого жилища, провел на нем в подвигах 25 лет. В течение всего этого времени он питался только хлебом и солью, а одежду носил из овечьей шерсти, причем все тело его было покрыто тяжелыми железными веригами. Отягченный последними и постоянно палимый жгучими лучами солнца, он никогда не входил под тень и никогда не искал прохлады. Однажды кто-то из обычных посетителей преподобного посадил у тропинки, ведущей к месту его пребывания, миндальное дерево, но когда дерево выросло и стало бросать на него тень, то он приказал срубить его для того, чтобы нигде не было для него прохлады. Среди таких подвигов преподобный отошел к Господу.

Преподобный Моисей воспылал любовью к образу подвижнической жизни святого Иоанна и подвизался подобно ему на вершине одной горы, которая возвышалась над селением, называемым Рама.

Преподобный Антиох, будучи уже в преклонном возрасте, соорудил себе в одном пустынном месте ограду и подвизался в ней также подвигами беспокровного жития, близ него подвизался и преподобный Антонин, тоже старец, и во всем подражал ему: и в пище, и в одежде, и в бодрствовании, а также во вседневных и всенощных молитвах. И ни преклонные годы, ни старость, ни естественные немощи этого возраста не могли преодолеть преподобных в терпеливом перенесении всех невзгод их подвижнической жизни. Они подвизались для угождения Богу с таким усердием, как бы чувствовали в себе юношеские силы. Среди таких подвигов они и предали с миром

души свои Господу. В подвигах телесного поста они потрудились так же, как преподобный Иоанн[1581].

Память преподобных Зевина, Полихрония, Моисея и Дамиана

Память 23 февраля

Преподобный Зевин подвизался на одной горе. Устроив себе на ней жилище, он всю жизнь свою до глубокой старости провел в иноческих подвигах на одном и том же месте. Жители окрестных мест всегда обращались к преподобному и большую пользу получали от его неустанных молитв. Достигнув преклонных лет, он не мог уже от старческой немощи стоять, но неослабно продолжал свои молитвенные подвиги, склоняясь на посох. Проведя в дивных и богоугодных подвигах свою жизнь, преподобный Зевин скончался.

Преподобный Полихроний был учеником святого Зевина и, подобно воску, сохраняющему на себе отражение прикоснувшегося к нему пальца, в жизни своей был полным отображением добродетелей своего учителя. Он уподоблялся последнему и в усердном бодрствовании, и в терпении, и в молитвенных подвигах. Вериг же преподобный не пожелал на себя наложить, так как, не имея на то примера в жизни своего учителя, опасался ввести кого-либо в соблазн, а вместо вериг он носил на плечах своих вырванный им из земли корень большого дуба, который был так тяжел, что его нельзя было сдвинуть с места двумя руками, и этим отягощал свое тело. За такие подвиги преподобному Полихронию дана была от Бога благодать чудотворений. Однажды во время бездождия он молитвою низвел дождь на землю, а в другой раз наполнил елеем пустой каменный сосуд. Сотворив множество и других чудес, он отошел к Господу.

Преподобный Моисей и Дамиан были учениками святого Полихрония. Преподобный Моисей подвизался вместе со своим учителем и, переняв от него его добродетели, жил, во всем подражая ему. Преподобный же Дамиан удалился в одну обитель по имени Иера и, найдя там пустую келью, стал жить в ней, подражая жизни своего учителя. В жилище его не было ничего другого, кроме небольшой коробочки с малым

количеством чечевицы, которой он и питался. Такую великую пользу получили эти преподобные от сожительства со святым Полихронием и в благочестии окончили жизнь свою[1582].

В тот же день память преподобного Александра монаха, обители «Неусыпающих» первоначальника[1583].

Первое и второе обретение честной главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

Память 24 февраля

Когда была усечена честная глава святого Иоанна Предтечи (Мф.14:11), тогда дочь Иродиады приняла ее на блюде и отнесла своей матери. Эта нечестивая жена пронзила иглой язык святого, который обличал ее беззаконие, и, надругавшись над честной главой, не позволила предать ее погребению вместе с телом святого: Иродиада боялась, что Иоанн, если погребут тело его вместе с главою, воскреснет и снова станет обличать ее. Ученики святого Иоанна Крестителя тайно взяли его тело и ночью погребли (Мф.14:12; Мк.6:29) в Севастии, городе самарийском[1584]. Главу же святого Предтечи Иродиада глубоко закопала в своем дворце в тайном бесчестном месте. Лишь только жена Иродова приставника Хузы по имени Иоанна, о коей упоминает святой евангелист Лука (Лк.8:3), знала то место. Она, скорбя сердцем об убиении великого святого пророка Иоанна и о поругании над его честной главой, взяла эту главу тайно ночью, положила ее в сосуд скудельный[1585] и погребла на горе Елеонской[1586], в одном из поместий Ирода. Между тем до Ирода дошли слухи об Иисусе Христе. Он вместе со своей женой Иродиадой стал думать, уж не Иоанн ли это, воскресший из мертвых. Они стали искать главу Иоанна и, не находя ее, приходили в недоумение. Ирод даже так сказал своим домашним об Иисусе: «Это – Иоанн, которому я повелел усекнуть главу. Ныне он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им» (Мф.14:2; Мк.6:16).

Спустя много времени некий весьма знатный вельможа по имени Иннокентий уверовал в Иисуса Христа. Оставив мир, он пришел в Иерусалим, купил на горе Елеонской то место, которое некогда принадлежало Ироду, построил там себе келью и стал иноком, исполняя заповеди Христовы. Желая построить для себя небольшую каменную церковь, он начал копать ров для фундамента. И вот, по Божию смотрению, он обрел сокрытый в земле скудельный сосуд с главой Предтечи

Христова. По различным благодатным знамениям и чудесам и по откровению от Бога он понял, что эта глава принадлежит святому Иоанну и стал с большим благоговением хранить ее у себя. Перед его кончиной по всей стране той распространилось неверие: цари чтили идолов вместо истинного Бога и повсюду в Иерусалиме поставили их изображения и творили им скверные жертвы. Видя это и предчувствуя свою кончину, этот инок снова скрыл в недрах земных святую главу Предтечи: он боялся, чтобы по его кончине кто-нибудь не стал поступать с ней бесчестно. Он положил ее на том самом месте, где была его келья и церковь. По его кончине та церковь пришла в ветхость, разрушилась и даже сравнялась с землей, так что долгое время никто не знал, где находится честная глава Крестителя Иоанна.

Когда вступил на престол великий царь Константин и просветил свою землю святым крещением, тогда мать его святая Елена стала возобновлять и очищать все иерусалимские святыни[1587]. Она-то и святую гору привела в цветущее состояние. В это время два инока, подвизавшихся на Востоке, сговорились вместе идти в Иерусалим поклониться там Честному Кресту, обретенному царицей Еленой, и Гробу Господню и увидеть все святыни той земли. Достигнув Иерусалима, они стали обходить святыни, поклоняясь им и молясь Господу. Здесь одному из них, в сонном видении, явился святой Иоанн Предтеча, открыл то место, где была погребена его честная глава, и повелел взять ее из недр земных. Пробудившись, инок рассказал о видении своему товарищу, но тот, считая все это за простой сон, и сам не поверил, и другому внушил то же. На следующую ночь святой Иоанн явился вторично, но уже каждому иноку, и притом отдельно, и сказал: «Воспряньте, оставьте ваше неверие и леность и сотворите то, что было вам возвещено».

Проснувшись, оба начали рассказывать друг другу виденное ими, а потом пошли на место, которое им было указано в сонном видении. Они начали там копать землю и обрели бесценное сокровище – святую главу Крестителя Христова. Положив ее в мешок, сделанный из верблюжьей шерсти, они пошли к себе обратно.

В это время один бедный скудельник из города Емесы[1588] был вынужден вследствие нищеты оставить свое отечество и жену и идти в другую страну. На дороге он встретился с теми двумя иноками, несшими с собой главу Крестителя; он присоединился к ним и продолжал путь свой вместе с ними. Иноки, найдя себе попутчика, дали ему нести вретище[1589] с главой Крестителя. А он, не зная того, что несет, продолжал спокойно путь свой. Вдруг явился ему святой Иоанн Предтеча и сказал: «Оставь своих спутников и беги от них с тем вретищем, которое ты держишь в руках».

Святой потому повелел это, что видел леность и нерадение тех иноков, которые сначала не верили его явлению, а потом не восхотели сами нести его честную главу, но вверили ее человеку простому, им неизвестному. В то же время святой хотел оказать благодеяние этому бедному человеку и направить его на путь доброй и богоугодной жизни. Этот человек, повинуясь святому, скрылся от иноков, бежал от них и возвратился домой к своей жене, благоговейно неся, как бы некое драгоценнейшее из всех сокровищ земных, честную главу Крестителя. И Господь, ради главы Иоанна Крестителя, благословил дом его всяким довольством. Скудельник стал жить среди изобилия, забыв о прежних своих несчастьях. Но он не возгордился: он подавал щедрую милостыню нищим и убогим от своего богатства. Памятуя твердо, что он получил все это ради благоговения пред Христовым Предтечею, он всегда почитал его святую главу, ежедневно кадил пред ней фимиамом, возжигал светильники, молился и старался всю жизнь свою проводить честно и поступать по заповедям Христовым. Когда приблизилось время его кончины, он, по повелению самого Крестителя Христова, положил святую главу в сосуд для воды, а сосуд этот заключил в ковчег и, запечатав, передал это сокровище своей сестре. При этом он подробно рассказал ей, как он ради этой честной главы избавился от крайней бедности и стал богатым человеком. Он завещал своей сестре, чтобы она всегда благоговейно и честно хранила эту святую главу и никогда не открывала ковчега до тех пор, пока сам святой Иоанн не благоизволит на это. Перед своей смертью

она должна была передать это сокровище какому-либо богобоязненному и добродетельному мужу.

Так святая и честная глава Предтечи Христова, переходя долгое время от одного человека к другому, преемственно была хранима среди благочестивых христиан; наконец, она была передана некоему священноиноку Евстафию, жившему недалеко от Емесы в одной пещере; он был заражен ересью Ария и не имел страха Божия. Недужные, приходившие к нему, получали исцеления от чудесной благодати, исходившей от главы Иоанна Предтечи, которую он держал втайне. Но Евстафий стал, подобно вору, приписывать себе и своей ереси эту благодать, стараясь скрыть от людей истинную причину тех чудесных исцелений, и через это многих совратил в свою ересь. Но жители Емесы, наконец, узнали его зловерие. Князь емесский, посоветовавшись с епископом, приказал изгнать его из пещеры и из пределов той области. Евстафий стал умолять посланных, чтобы они оставили его в пещере на этот день, обещаясь на другое утро уйти. Когда посланные согласились на это, он ночью скрыл сосуд со святой главой глубоко под землей в той пещере; ибо он надеялся по прошествии некоторого времени обратно вернуться, взять это сокровище и, производя чудеса при помощи святой главы Предтечи, снова распространять и утверждать свою ересь. Но не сбылись надежды еретика. Когда он оставил пещеру, в ней поселились некие благоверные и добродетельные иноки, так что ему нельзя было войти в нее и достать сокровища, оставленного им.

Спустя некоторое время на том месте собралась братия, и был основан монастырь. Но никто не знал, что в этой пещере обретается честная глава Предтечи. Лишь только после долгого времени архимандрит этой Емесской обители Маркелл, муж исполненный добродетели, открыл ее, о чем он сам повествует так:

«Благословен Бог Иисус Христос! Он сподобил меня, раба Своего Маркелла, узреть видение во время сна ночного. Это было 18 февраля в средопостную седмицу[1590] святой и великой Четыредесятницы. Я видел – все врата нашей обители открыты. Меня объял ужас, и я захотел выйти, чтобы закрыть ворота. Но

в это время я увидел, как чрез ворота обители вливается река. Я удивился и подумал, откуда такая сильная вода. Размышляя об этом, я вдруг услышал голос многих чинов, которые с шумом шествовали по воде к нам с востока. Все они – каждый на своем особом языке – возглашали: «Се является святой Иоанн, Креститель Христов».

С такими возгласами они вошли в монастырь. Я же, объятый страхом, уже забыл и думать о воде; оставив ворота, я вошел на верх лестницы. Стоя на ней, я – казалось мне – видел два двора в обители: один был к западу, другой – к югу; посреди них стояла великая церковь. Каждый чин, входя на западный двор, направлялся к церкви; поклонившись здесь, он выходил через южную дверь. Когда шествие чинов прекратилось, я снова услышал глас других, которые взывали: «Се святой великий Иоанн Креститель».

Взглянув, я увидел его в церкви. С ним было два мужа, которые стояли по сторонам его. В это время чины стали подходить к святому Иоанну и принимать от него благословение. И я задумал приступить к Крестителю и получить от него благословение. Со страхом и трепетом я последним вошел через особые двери, совершил земной поклон пред Крестителем и прикоснулся к его ногам. Он же, повелев встать, с любовью обнял меня, касаясь моего лица, взял сосуд, наполненный медом, и подал его мне со словами: «Приими благословение!»

Сказав это, он удалился. Когда я пошел было вслед за ним, я заметил огненный столп, предшествующий святому. В ужасе от такого видения я проснулся. Когда наступил следующий вечер, я повелел братии петь стихи псалмов, положенные в обычном правиле. Во время этого пения один брат, по имени Исаакий, взглянув вверх, увидел через окно, что в пещерной церкви, где была скрыта честная глава святого Иоанна, горит огонь. Видя сие, он воскликнул: «Отче! Посмотри, в святой пещере горит огонь». – «Не бойся, брат, – сказал я ему, – но, ознаменовав себя крестным знамением, храни об этом молчание».

После этого прошло пять дней. Ночью на шестой день, когда я заснул, то некая рука трижды толкнула меня в правый бок и раздался голос: «Вот, я дарован вам; восстав, следуй за звездою, которая пойдет пред тобою, раскопай то место, куда она приведет тебя, и обрящешь меня».

С трепетом и страхом я восстал от сна, сел на своем одре и – вижу: пред дверями моей кельи сияет звезда. Ужаснулся я, но, сотворив крестное знамение, я вышел; звезда шла предо мною; следуя за ней, я вошел в пещеру; когда я дошел до места, где находилась честная глава Предтечи, звезда вдруг стала невидима. Я упал на землю и воздал хвалу Господу. После долгой молитвы я возжег свечу, воскурил фимиам и начал копать, призывая имя Господне. Когда я копал, был слышен великий шум и стук, земля же была тверда, словно медь. Долго я трудился; наконец я нашел кирпичи; отняв их я увидел каменную доску; с большим трудом я мог вынуть ее из ямы – и там-то нашел священный сосуд, где почивала честная глава Предтечи: радуясь, но в то же время и ужасаясь, я взял свечу и фимиам, дерзнул взять сосуд, поклонился и, закрыв его снова, вышел из пещеры. В дверях меня встретил архимандрит Геннадий, пришедший в нашу обитель. Он ввел меня в пещеру и, сотворив молитву, начал рассказывать мне о своем видении.

«Я видел, – так начал он свой рассказ, – будто оба мы стоим на том самом месте, где находимся и теперь. Здесь было множество ячменного хлеба, который был чище и светлее солнца. В пещеру входило множество народа, который воспринимал из наших рук этот хлеб. Однако количество его не только не умалилось, но наоборот, все возрастало».

Это поведал мне Геннадий. Тогда я уразумел, что это видение было ему от Бога, и что оно обозначало неоскудеваемую благодать Крестителя Христова, которая изобильно будет подаваться всем на том месте. Поэтому и я рассказал ему о своем видении и показал бесценное сокровище, обретенное мною. Увидев это, он возрадовался и мы стали совещаться, как нам лучше поступить. Я посоветовал сначала об этом никому не говорить, даже главному пастырю церкви – Емесскому епископу Уратию, но прежде всего

известить об этом блаженного старца Стефана, который, пребывая в Даромийском монастыре, подвизался постническим подвигом. Он же должен сообщить об этом и епископу, с которым был в большой дружбе. Но, придя в Даромийский монастырь, мы не застали там Стефана, который отправился обозревать другие свои монастыри. Тогда мы послали за диаконом Кириаком, который занимал первое место в соборном храме того города. Пришедши к нам, Кириак приветствовал нас во Христе и рассказал нам о своем видении. Оно было во всем подобно тому, какое видел Геннадий. Тогда мы рассказали ему нашу тайну. Оба они, Геннадий и Кириак, стали говорить, что об этом следует сказать епископу, но я стал дожидаться возвращения Стефана. Уже прошло 5 дней. На шестой – то была суббота – мы вместе все сидели и беседовали. Вдруг я упал на колена: какая-то болезнь внезапно поразила меня. Я даже не мог ни встать, ни двинуться. Мои спутники, дивясь такому случаю, стали молить за меня Господа. Окончив молитву, они сказали мне: «Не говорили ли мы тебе, что надо было рассказать епископу о тайне?»

Я и сам сознал тогда, что нехорошо поступил, не рассказав епископу о такой тайне, о которой следовало поведать ради славы Божией; а между тем болезнь моя не проходила. Вечером, после совершения обычного молитвенного пения, ко мне пришли Геннадий и Кириак и сказали:

– Мы дали себе слово: рассказать о твоей тайне архиерею во время утрени до восхода солнца.

Я же отвечал им:

– Хорошо решение ваше; пусть будет так, как вы сказали.

В то самое время, как я согласился с ними, я почувствовал себя совершенно здоровым: болезнь моя прошла. Наутро мы все вместе отправились в город и нашли епископа в то самое время, когда он выходил из церкви после утрени, и рассказали ему все об обретении честной главы Крестителя Христова Иоанна. Епископ сильно возрадовался при таком известии. Однако он запретил нам пока рассказывать другим об этом и приказал нам возвратиться в нашу обитель. Утром же он и сам пришел туда с пресвитерами и диаконами. Совершив соборно

Божественную литургию, он приступил к тому месту, где находился сосуд с честною главою. Когда диакон возгласил: «преклоним колена, Господу помолимся», все пали ниц. Епископ Ураний в это время возносил молитву; окончив ее, он взял сосуд с честною главою и вынес его из земли. Один из пресвитеров, бывших с епископом, по имени Малх, не верил сему, говоря: «Откуда здесь могла появиться глава Предтечи?»

Говоря так, он дерзновенно положил руку свою на сосуд и прикоснулся до влас честной главы Крестителя. Вдруг за его неверие рука его иссохла и пристала к сосуду. Видя это, все весьма ужаснулись. Епископ со всеми предстоящими стал прилежно возносить молитву Богу. Тогда Малх едва с большим трудом мог отнять руку от сосуда, но сам остался больным. Ураний со всем церковным причтом взял священный сосуд с лежащим в нем сокровищем, перенес его в святую церковь и положил в алтаре в диаконнике[1591]. Здесь эта святыня хранилась до тех пор, пока не был выстроен в Емесе в честь Предтечи Христова особый храм, благолепно украшенный[1592]. Незадолго до перенесения святой главы в этот храм Иоанн Креститель явился в видении не веровавшему пресвитеру Малху и повелел ему, при перенесении главы, рукой коснуться священного сосуда. Пресвитер, поступив так, получил исцеление». Этим оканчивается повествование блаженного Маркелла.

Другой писатель, святой Симеон Метафраст[1593], в житии преподобной Матроны повествует еще следующее об обретении честной главы Предтечи. «В то время один человек, пахавший свое поле, заметил, что на одном месте – именно там, где были когда-то пещера и монастырь – исходит огонь из земли. Не один раз видел он это: в течение многих дней огонь непрестанно исходил из земли. В воскресный день, именно в тот, когда Маркелл вместе с Геннадием и Кириаком прибыли к епископу, этот человек также приехал в город Емесу и рассказал епископу Уранию о чудесном огне. Епископ вместе с духовными лицами направился к тому месту – это была та пещера, где некогда жил еретик Евстафий. Сотворив молитву, епископ повелел копать на том месте. Когда его приказание было исполнено, нашли на том

месте сосуд. Не золото и не серебро было в нем, но в нем хранилось сокровище, гораздо более драгоценное, чем все земные сокровища, – глава святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Слух об этом распространился повсюду: не только жители Емесы, но и обитатели всех окрестных городов и сел стали собираться сюда. Пришла сюда из своего монастыря на поклонение честной главе и преподобная Матрона вместе со всеми сестрами. Честная глава Крестителя Христова источала благовонное миро, коим священники помазывали крестообразно главы собравшихся людей. Преподобная Матрона взяла в маленький ковчег некую часть того мира, желая отнести его в свой монастырь на благословение. Но множество народа теснилось вокруг нее: все хотели получить благословение от священников и быть помазанными миром. Некоторые, заметив, что преподобная Матрона несет в ковчеге миро, просили ее, чтобы она помазала их миром, ибо сами они никак не могли дойти до священников, и она исполнила их прошение. Среди народа находился некий слепец, который от рождения не видал дневного света. И он обратился к преподобной Матроне, чтобы она ознаменовала его священным миром. Она помазала ему очи, и он тотчас прозрел. Так передает святой Симеон Метафраст об обретении главы Предтечи.

Через некоторое время святая глава Иоанна Крестителя была перенесена из Емесы в Константинополь. Здесь, на месте, называемом Евдом, по царскому повелению был построен прекрасный храм, в котором и положили честную главу. Во время ереси иконоборцев, когда много святых икон сжигали, другие бросали в море и реки, попирали ногами и различно бесчестили, тогда некоторые благочестивые христиане, убегая из наполненного еретиками Константинополя, взяли тайно вместе с собою главу Крестителя и принесли ее в Команы[1594], где преставился некогда святой Иоанн Златоуст. Здесь они снова скрыли ее в земных недрах, положив в серебряный сосуд. Эта драгоценная святыня здесь в неизвестности хранилась до времен царя Михаила, сына Феофила, и матери его царицы Феодоры, которая вновь утвердила Православие[1595]. В царствование Михаила эта святыня была вновь обретена[1596] по

Божественному изволению и перенесена в Царьград патриархом Игнатием, в честь и славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От земли возсиявши, Предтечева глава, лучи испущает нетления, верным исцелений, свыше собирает множество Ангел, доле же созывает человеческий род, единогласную возсылати славу Христу Богу.

Кондак, глас 2:

Пророче Божий и Предтече благодати, главу твою яко шипок священнейший от земли обретше, исцеления всегда приемлем, ибо паки, якоже прежде в мире, проповедуеши покаяние.

Память преподобного Еразма Печерского

Память 24 февраля

«Венец мудрых, – говорит Соломон, – богатство их» (Притч.14:24), но особенно приличествует употреблять свое богатство на украшение церквей Христовых, ибо через сие возможно получить Царство Небесное. Таковым благоукрасителем храмов Божиих был преподобный отец наш Еразм, инок Печерский. За это он сподобился получить венец Царствия Небесного. Имея большое богатство, он рассудил, что иноку не подобает владеть земными сокровищами; возлюбив церковное благолепие, он издержал все свое имение на церковное украшение – оковал золотом и серебром много икон в Печерской церкви. Молясь пред ними и с верою взирая на них, он украшал свою душу – сей храм Живого Бога, не серебром и златом вещественным, но чистотой, любовью и прочими добродетелями, приличными иноку. Вместе с пророком он мог воззвать о благолепии своем: «Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра» (Пс.118:72).

С преподобным Еразмом случилось такое искушение. Когда он истратил свое имение и стал бедняком, то все стали мало обращать на него внимание. Лукавый бес начал тогда внушать ему в сердце злую мысль, что он, истратив на церковное украшение все свое имение, не получил за это никакого возмездия или награды. «Лучше было бы, – говорил ему бес, – раздать все имение нищим». Не рассудив, что эти мысли ему внушает диавол, Еразм впал даже в отчаяние, начал жить нерадиво и перестал заботиться о спасении своей души. Но щедрый и праведный Господь, помня о прежних добродетелях Еразма, спас его. Он навел на него лютую болезнь; Еразм уже помышлял о скорой кончине и в болезни своей лежал, ничего не говоря, с сомкнутыми очами семь дней; только по дыханию можно было видеть, что он еще жив. На восьмой день к нему собрались все иноки и, видя его, ужаснулись и говорили: «Горе, горе душе этого брата; он жил в грехах и лености; ныне же душа

его зрит некое видение и мятется, не будучи в состоянии выйти из тела».

Вдруг блаженный Еразм, как будто никогда не болел, поднялся, сел и сказал инокам: «Отцы и братия! Истинно слово ваше. Я грешен и не покаялся. Но вот ныне мне явились преподобные отцы наши Антоний и Феодосий и сказали: «Мы молились за тебя Господу, и Господь даровал тебе время для покаяния». После этого я узрел Пречистую Госпожу Богородицу – как Ее изображают на иконах, – на Ее честных руках был Предвечный Младенец, с Нею было множество святых. И Она сказала мне: «Еразм! Как ты украсил Мою церковь и обогатил ее иконами, так и Я тебя украшу и возвеличу в Царствии Сына Моего. Нищие везде с вами, церковь же Моя не везде у вас. Встань, покайся, восприими великий ангельский образ; а на третий день Я возьму тебя, после твоего покаяния, к Себе за то, что ты так возлюбил благолепие дома Моего»».

Сказав это, Еразм начал перед всей братией исповедовать свои грехи, ничего не утаивая и не стыдясь. Затем, поднявшись, отправился в церковь, был пострижен в схиму и на третий день с радостью предал свою душу Господу и Пресвятой Его Матери, как Она и Сама о том прорекла.

Из этого явствует, как угодно Богу украшение церквей иконами и что Господь вселяет таковых в лик святых Своих.

По молитвам святого Еразма да поможет Господь и всем, украшающим святые церкви, получить вечное блаженство в будущей жизни со Христом Иисусом Господом нашим, Которому слава с Богом Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь[1597].

Житие святого отца нашего Тарасия, архиепископа Константинопольского

Память 25 февраля

Святой Тарасий родился в Константинополе; отец его Георгий и мать Евкратия были люди благородные и принадлежали к сословию патрициев[1598]. Достигнув совершеннолетнего возраста и получив хорошее образование, Тарасий исполнял различные должности при царском дворце; за его благоразумие и добрый нрав здесь все любили и уважали его, и он был сделан одним из царских советников. А на царском престоле восседал тогда Константин Порфирородный[1599], сын Льва Хозара[1600], внук Копронима[1601]; он царствовал не один, но вместе с матерью своею Ириною[1602], так как ему ко времени воцарения было всего 10 лет. Патриархом же был тогда Павел Кипрянин[1603], муж добродетельный и благочестивый, но слишком слабовольный и боязливый. Он возведен был на патриаршество в царствование упомянутого Льва Хазара, сына Копронимова, при котором ересь иконоборцев, получившая начало от Льва Исаврянина[1604], все более и более усиливалась. Видя, что многие претерпевают от злочестивого царя великие муки за поклонение святым иконам, патриарх убоялся и стал скрывать свое благочестие и даже имел общение с еретиками. По смерти Льва Хозара патриарх и хотел восстановить благочестивый обычай поклоняться святым иконам, но не мог, потому что не было у него помощника, между тем как ересь иконоборцев все усиливалась как в самой столице, так и в других областях государства. Это сильно печалило патриарха. Видя, что он ничего не может сделать для торжества православия, Павел задумал оставить патриарший престол, который занимал не более четырех лет. Заболев, он тайно оставил патриаршие палаты и прибыл в монастырь святого Флора, где и восприял святую схиму. Слух о пострижении патриарха скоро распространился повсюду, и все были сильно удивлены этим обстоятельством. А царица Ирина сильно опечалилась, так как

патриарх оставил престол, не известив заранее о своем намерении. И вот она отправилась к нему с сыном своим, царем Константином, и спросила его:

– Что это ты, отче, сделал с нами? Почему так неожиданно оставил престол святительский?

Павел ответствовал:

– Моя болезнь и ожидание скорой смерти, а в особенности настроения в церкви нашей побудили меня оставить патриарший престол и восприять святую схиму. Церковь много терпит от иконоборцев и, вследствие продолжительного торжества иконоборческой ереси, она получила неисцельную язву. Подобно многим другим, я, окаянный, не мог избежать сетей зловерных и погряз в них, в чем ныне горько каюсь; ибо три раза я собственноручно подписывал еретические постановления. Но вот что особенно печалит и удручает меня: я вижу, что все области, подвластные вам, соблюдая ненарушимо правила веры и следуя православному учению, чуждаются нашей церкви и, считая себя стадом Христовым, отгоняют нас от себя, как будто мы овцы не одного стада. Поэтому я отказываюсь быть пастырем в еретическом сонме и предпочитаю лучше умереть, чем подвергнуться анафеме от первосвятителей четырех апостольских престолов. Вам Бог даровал в руки власть царскую, чтобы вы заботились о христианском стаде, живущем на земле. Итак, воззрите на скорбь матери вашей – Церкви, не допустите, чтобы она пребывала в неутешимой печали, но порадейте, чтобы она могла воспринять прежнее свое благолепие. Не попустите, чтобы богомерзкая ересь, подобно вышедшей на луга свинье, опустошала и губила вертоград Христов во время вашего царствования и осквернила бы его злочестивым мудрованием. У вас есть искусный делатель, который поможет вам в ваших благих начинаниях. Он может возделать грозд истинного исповедания и, вложив его в точило Божией Церкви, наполнить им чашу премудрости и приготовить для верующих питие истинной православной веры.

После этих слов патриарха царица Ирина спросила его:

– О ком ты говоришь, отче?

– Я подразумеваю здесь Тарасия, который занимает первое место в вашем царском совете, – отвечал патриарх, – я знаю, что он вполне достоин управлять Церковью, так как он может жезлом своего разума отразить лживое учение еретиков, быть добрым пастырем словесного стада Христова и собрать его воедино.

Услышав это от патриарха Павла, благочестивая царица Ирина и ее сын царь Константин со скорбью оставили Павла. Он же сказал некоторым сенаторам, оставшимся у него:

– О, если бы мне не занимать патриарший престол в то время, когда наша Константинопольская церковь была в смятении от притеснителей и навлекала на себя проклятие четырех вселенских патриархов: Римского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Если не будет собран VII Вселенский собор и не будет осуждена ересь иконоборцев, невозможно нам спастись.

Тогда сенаторы спросили его:

– Зачем ты при посвящении твоем в патриархи подписался под грамотой иконоборцев?

Павел отвечал:

– Потому-то ныне я и раскаиваюсь, что подписался тогда, и боюсь, как бы Господь не наказал меня, так как я из-за страха молчал и не противодействовал ереси; ныне же я раскаиваюсь и утверждаю, что невозможно вам спастись, если пребудете в ереси.

Вскоре после этого патриарх Павел отошел с миром к Господу. В то время жители Царьграда без всякого страха и опасения стали беседовать и препираться с еретиками о святых иконах, между тем как до этих пор со времени Льва Исаврянина никто не осмеливался заговорить в защиту святых икон[1605].

Благочестивая же царица Ирина со всем царским советом стала отыскивать на место Павла человека вполне достойного и мудрого, который бы мог прекратить церковное смятение; но никого другого, кроме Тарасия, они не находили. Тарасий был тогда мирянином; но так как вспомнили, что и Павел советовал избрать его, то выбор всех остановился на нем. Но Тарасий сильно отказывался. Тогда царица Ирина собрала людей

всякого чина, и светских, и духовных, и весь народ во дворец, называемый Магнаврой – он находился в предградии на Едомском месте – и пред всем Освященным собором сказала: «Вам известно, что патриарх Павел оставил нас; ныне мы должны избрать себе на его место другого доброго пастыря и учителя Церкви».

На это все громко закричали:

– Таковым никто другой, кроме Тарасия, быть не может.

Блаженный же Тарасий, став посредине, сказал:

– Я вижу, что Церковь Божия разделена и разъединена. Как восточные, так и западные христиане проклинают нас; тяжело сие разъединение и страшно отлучение от Царствия Божия. Пусть будет собран Вселенский собор, где мы должны объединиться в вере; пусть будет вера наша едина, подобно тому как мы просвещены единым крещением; ведь ничто так не угодно в очах Божиих, как пребывание всех в единстве веры и любви. Вот этого я, недостойный и малоопытный, и требую, принимая на себя управление Церковью. Если не будет созван Вселенский собор, если иконоборческая ересь не подвергнется достойному осуждению и не будет единения в вере между православными восточными и западными церквами, то я не соглашусь принять патриаршество, чтобы не навлечь на себя проклятия и осуждения, ибо тогда никто из земных царей не может избавить меня от Божия суда и вечной казни.

Услышав это, все постановили собрать VII Вселенский собор и просили святого Тарасия, чтобы он не отказывался быть пастырем над ними. Они обещали ему во всем послушание, подобно тому, как овцы внимают гласу своего пастыря, ибо они были твердо уверены, что святой Тарасий может наставить на истинный путь словесное стадо. Таким образом, они склонили Тарасия восприять первосвятительский сан и управление Церковью Константинопольской. Посвященный последовательно во все иерархические степени, святой был возведен на патриаршество[1606], имея крепкое упование, что Господь поможет ему истребить ересь иконоборцев.

С переменой положения святой Тарасий переменил и образ жизни, хотя и прежде, находясь в миру, он по духу был уже

иноком; теперь же, заняв святительский престол, он с еще большей ревностью стал упражняться в духовных подвигах и сделался Ангелом во плоти, пламенея духом, ревностно работая пред Господом, подчиняя свою плоть духу и умерщвлением ее достигая непорочной чистоты, которой облечены Ангелы. Изумительно было его воздержание, велико было его пощение и неустанна бодрость; немногие часы он уделял на сон, по целым ночам пребывал в молитвах и размышлении о Боге, не имел мягкого ложа, избегал мягких одеяний. Никто из прислужников патриарха не видел, чтобы Тарасий снимал с себя пояс и одежды, когда хотел на немногое время подкрепить сном свои силы; никогда святой муж не заставлял кого-либо другого снимать обувь с его ног, памятуя слова Спасителя: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили» (Мф.20:28), и всегда был сам слугою себе, подавая другим пример смирения. К нищим и убогим он был весьма милостив, питал алчущих, одевал нищих, устраивал больницы и каждый день отпускал пищу со своего патриаршего двора, а в день Воскресения Христова и в другие праздничные дни устраивал для неимущих трапезу, во время которой сам прислуживал убогим. Кроме того, святой Тарасий устраивал странноприимницы и на средства, оставшиеся ему после родителей, устроил монастырь на Босфоре Фракийском[1607], в котором собрал лик добродетельных иноков; из них многие достигли такого совершенства, что были призываемы на архиерейские престолы и являлись непоколебимыми столпами кафолической веры. Особенно же старался святой Тарасий о том, чтобы восстановить почитание святых икон и ниспровергнуть богохульную иконоборческую ересь. Поэтому он всегда напоминал царям, чтобы они созвали Вселенский собор.

И вот царь Константин и царица Ирина, мать его, которая вследствие малолетнего возраста сына своего управляла тогда всем царством, вместе со святейшим Тарасием написали послания ко всем патриархам и епископам, призывая их на собор. Епископы из разных мест собрались в Царьград, патриархи же прислали своих наместников: римский папа Адриан[1608] вследствие затруднительности далекого

путешествия сам не прибыл на собор; а Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархи в то время уже находились под игом агарян, так что не имели возможности лично присутствовать на соборе; потому в качестве своих заместителей они прислали духовных лиц, отличавшихся своим благочестием и премудростью.

Местом для соборных совещаний была избрана великая церковь[1609], воздвигнутая Константином Великим и великолепно отделанная императором Юстинианом[1610]; в сей церкви и собрались со святейшим Тарасием епископы и наместники прочих патриархов; здесь же присутствовал и юный царь Константин с матерью Ириною. Вдруг в храм ворвался многочисленный полк вооруженных воинов, последователей ереси иконоборческой, в которую они были вовлечены дедом царским Константином Копронимом и в которой пребывали до сего дня. Побуждаемые тайно некоторыми епископами и вельможами, зараженными той же ересью, эти закоренелые в иконоборческих заблуждениях воины, вооружившись, пришли к церкви и устремились внутрь ее с великим воплем. «Не допустим, – кричали они, – чтобы вы отвергли догматы царя Константина[1611]; пусть будет твердым и непоколебимым то, что на своем соборе он утвердил и законоположил; мы не допустим, чтобы в храм Божий вносили идолов (так они называли святые иконы); если же кто осмелится не повиноваться определениям собора Константина Копронима[1612] и, отвергая его постановления, станет вносить идолов, то сия земля обагрится кровью епископов».

Видя такое волнение и возмущение, царица с царем подали знак епископам, чтобы те поднялись со своих мест, – и тогда все, бывшие на соборе, разошлись. Но по прошествии нескольких дней воины и их предводители были как следует наказаны благочестивой царицей Ириной, лишены воинского чина и разосланы по селам для обрабатывания земли. После этого место для заседаний собора было приготовлено в вифинском городе Никее[1613]. Здесь уже происходил I Вселенский собор, созванный для осуждения ереси злочестивого Ария[1614], здесь же решено было собраться и

теперь. И вот сюда прибыли святейший Тарасий, патриарх Константинопольский, и вместе с ним наместники патриаршие, коими были: от Адриана, папы Римского, – главный пресвитер римский Петр и другой Петр – инок, от Полициана, патриарха Александрийского[1615] – священноинок Фома, от Феодорита Антиохийского[1616] и Илии Иерусалимского[1617] – священноинок Иоанн. Кроме этого, святой Тарасий взял с собою также некоего мужа из царских советников – Никифора, который по смерти святого Тарасия был возведен на патриарший престол за свою добродетельную жизнь. Всего же явилось на сей собор 367 святых отцов. Собравшись с ними в Никее, святейший патриарх Тарасий открыл заседания собора в самой большой церкви сего города[1618].

Первое заседание VII Вселенского собора происходило 24 сентября, в день памяти святой первомученицы Феклы. Заседание открылось вступительной речью святого Тарасия, в которой он, изложив причины созвания собора, обратился к епископам с увещанием, чтобы они рассуждали справедливо и искоренили бы неправославные учения, недавно внесенные в Церковь. Прочтено также было и царское послание к собору, в котором упоминалось о том, как патриарх Павел, умирая, советовал созвать собор для искоренения ереси иконоборцев. Святые отцы благословили царя и его мать за их великое попечение о православной вере. После этого приступили к слушанию выражений раскаяния со стороны епископов, впавших в ересь, которые анафематствовали свои прежние заблуждения и высказали православное исповедание веры. Один из них – Василий Анкирский[1619], держа в руках этот свиток, читал: «Не почитающим святые иконы – анафема; именующим святые иконы идолами – анафема; приводящим изречения Священного Писания против поклонения святым иконам – анафема; отвергающим предания святых отцов, как отвергали их Арий, Несторий, Евтихий, Диоскор – анафема; утверждающим, что не от святых отцов исходит почитание икон, – анафема; утверждающим, что кафолическая церковь приемлет идолов, – анафема».

Также поступили и многие другие епископы, и всем покаявшимся епископам дано было место на соборе среди прочих епископов православных. Суд же над теми, которые колебались, был отложен на некоторое время. При этом святой Тарасий сказал: «Трудно поддаются излечению застарелые болезни и трудно искореняются злые нравы. Но если люди, недугующие духовно, истинно каются, то святой собор принимает их и не лишает их сана».

Святой собор продолжался 30 дней[1620]; в это время участники собора, сходясь, рассматривали в Божественном Писании и в учении святых отцов и учителей Церкви те места, которые имели отношение к догмату о почитании святых икон, и на основании Священного Писания и церковного предания поражали зловерное мудрование еретиков. При этом они приводили достоверную историю о святом убрусе, на коем Христос Господь изобразил святой лик Свой и послал его Авгарю Едесскому[1621], который лишь только поклонился пред изображением, тотчас получил исцеление от болезни[1622]; приводили на память также и предание об иконе святых Апостолов Петра и Павла, которую святой Сильвестр, папа Римский, показал царю Константину; говорили и об иконе Христовой, над коей надругались в Берите иудеи, за что и были наказаны; воспоминали, как об этом свидетельствует святой Афанасий. Когда читали повесть об этой иконе, все святые отцы плакали. Наконец, они прокляли ересь иконоборцев и утвердили почитание святых икон; великая радость была по сему случаю во святых церквах, которые принимали с сердечным ликованием утверждение иконопочитания, и весь народ торжествовал, провозглашая благие пожелания царям и пастырям. Так, великим попечением святейшего патриарха Тарасия и тщанием благочестивой царицы Ирины ересь иконоборцев была отвержена и попрана, и Церкви Христовой был дарован мир.

Святой Тарасий мудро правил Церковью Божией, был заступником обиженных, помощником находившимся в бедах. Так, царский протоспафарий[1623] Иоанн подвергся за некую вину заключению и жесточайшим пыткам; избавившись ночью от

оков, он прибежал к храму и укрылся в трапезе церковной, умоляя о милости и об избавлении от смерти. Тогда святитель Божий Тарасий защитил его и не выдал пришедшим за ним воинам от царицы Ирины. Они стали стеречь его при дверях того храма днем и ночью, дожидаясь того времени, когда он выйдет. Ибо они думали, что он все-таки в конце концов принужден будет выйти из церкви. Но святитель Божий, посылая ему пищу от своей трапезы, дал ему возможность не выходить из алтаря церковного; когда же ему необходимо было выходить из храма, он сам провожал его, скрывая его под своей мантией, и потом снова возвращал его с такими же предосторожностями в церковь. Так действовал он долгое время и служил человеку тому, как раб, не гнушаясь такого дела. И пас добрый пастырь свою овцу, защищая ее от смерти; наконец, своей архиерейской властью смело святой Тарасий положил предел искательству тех лиц, которые хотели умертвить находящегося под его покровительством человека: он заявил им, что наложит на них отлучение от Церкви, если они будут продолжать преследовать заключенного. Так протоспафарий освободился от суда и избежал казни, благодаря заступничеству своего доброго пастыря святого Тарасия.

Между тем царь Константин, достигнув двадцатилетнего возраста, по навету злых своих советников устранил от власти мать свою, благочестивую царицу Ирину, которая мудро правила всем государством, и стал править единолично. При этом, освободившись от опеки матери, он предался излишествам и стал вести неблагопристойную жизнь. Он без всякого повода возненавидел законную супругу свою царицу Марию[1624] и распалился преступной любовью к другой, по имени Феодотия; с нею он стал тайно жить и задумал сделать ее своей супругой и царицей, а законную свою супругу – заточить. Стараясь обвинить Марию, он возвел на нее ложную клевету, будто она хотела погубить его посредством отравы. Эту ложь царь всем выдавал за истину и всем рассказывал об этом. Царю поверили, и слух о намерении царицы отравить его распространился в народе. Весть об этом дошла и до святейшего патриарха Тарасия. Патриарх опечалился, уразумев

коварство царя, ибо он твердо был уверен в невиновности царицы Марии. Поэтому он стал помышлять, как бы вразумить Константина и раскрыть ему его греховность и неправду. В это время к святейшему патриарху пришел один из любимых царских вельмож и стал ему передавать известие о том, как царица приготовила яд для царя, выдавая ложь за истину. В конце рассказа он прибавил: «Теперь тебе, святейший отец, надлежит благословить царя на новый брак с вернейшей супругой».

Эти слова сильно опечалили святого Тарасия; он даже прослезился и начал говорить так: «Если царь действительно замыслил то, что ты говоришь, если он на самом деле желает отлучить от себя Марию, которая сопряжена с ним по закону Божию и образует с ним одну плоть, то я не знаю, как перенесет он стыд и поношение от лица всех людей? Приводит меня в недоумение и то, как может он после того быть примером целомудрия для своих подданных, как может он возбуждать всех к воздержанию? Неужели он будет в состоянии судить и казнить за грехи прелюбодеяния, сам будучи омрачен таким беззаконным вожделением? Допустим, что все сказанное тобой, – истина, но ведь следует же внимать гласу Господню: «Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаст ей повод прелюбодействовать» (Мф.5:32). Да и правда ли то, что царица приготовила для царя смертоносный яд? Ведь в таком случае разве мог быть у нее другой муж, более доблестный и красивый, чем наш государь, который отличается своей красотой и цветущей молодостью. Нет, я ясно вижу, что вся эта ложь направлена только на то, чтобы обесчестить честный брак, осквернить нескверное ложе и дать восторжествовать прелюбодеянию. Таков мой ответ, и не только мой лично, но и всех, подобных мне, пастырей и отцов. Возвести тем, кто послал тебя, что мы не верим сказанному тобою, мы скорее готовы перенести смерть и тяжкие муки, нежели дать благословение на такое беззаконное дело. Пусть царь знает, что нет нашего согласия на его неправедный умысел».

Услышав это, вельможа со скорбью оставил патриарха и возвестил царю все, что он слышал от блаженного Тарасия. На царя напало тогда раздумье, и дивился он такой твердости и неустрашимой ревности патриарха; он даже стал несколько бояться, как бы святой Тарасий не воспрепятствовал ему в достижении его намерения. Поэтому он решил призвать к себе святого мужа и принять его с честью, надеясь своими словами умягчить сердце патриарха и склонить его на свою сторону.

Святой Патриарх Тарасий пришел к царю вместе с честным старцем Иоанном, который был на VII Вселенском соборе наместником от патриархов Антиохийского и Иерусалимского. Когда Константин и пришедшие к нему, по обычаю, сели, царь обратился к патриарху со следующей речью: «Чрез посланника я сообщил уже тебе, честнейший отче, о том, что случилось с нами. Я почитаю и уважаю тебя как отца, поэтому ничего не хочу скрывать от тебя. Но мне кажется необходимым самому лично сообщить тебе о той вражде и о тех кознях, кои мне строит моя супруга. Не от Бога она дана мне; ибо ей надлежало бы быть моей помощницей, а она оказалась не помощницей мне, а злейшим моим врагом. Самый закон повелевает мне разлучиться с ней, и сему моему намерению никто не может воспрепятствовать. Ведь ее вина, ее злой умысел у всех на глазах. Поэтому она должна по определению суда или претерпеть смертную казнь, или же быть пострижена в иночество. Желая оказать ей милосердие, я готов ограничиться пострижением ее в монастырь: пусть она скорбит и раскаивается до самой своей смерти в своем прегрешении. Ведь она захотела умертвить отравой не простого человека, не чужого кого-либо, но своего супруга, царя, грозного для врагов. Если бы удался ее гнусный замысел, то все царство было бы охвачено немалым смятением, и о злодеянии ее пронесся бы слух по всей земле».

При последних словах царь дал знак слугам. Они немедленно принесли стеклянный сосуд, где находилась какая-то мутная жидкость. Царь показывал его святейшему патриарху, говоря, что это смертоносный яд, которым царица тайно хотела лишить его жизни.

При этом он добавил: «Нужно ли еще доказательство виновности царицы, когда мы имеем в руках это орудие ее злого умысла? Не ясно ли, чего она достойна? К чему же теперь отлагать нам суд над нею? Нет, отче, скорее посоветуй ей принять на себя пострижение, если хочешь видеть ее в живых. Я не могу более жить с ней в супружестве, не могу смотреть на нее, не могу переносить ее, ибо всегда у меня пред глазами сие смертоносное питье, которое она приготовила для меня».

Видя, что царь уязвлен нечистой похотью, и понимая, что он несправедливо обвинил неповинную и целомудренную царицу для удовлетворения своего желания, святейший Тарасий, не страшась, сказал ему:

– Царь, не воздвигай брани на закон, установленный Самим Богом, не восставай с тайным коварством против истины, прикрываясь лукавым измышлением и преступая и разрушая заповеди Божии. Царю надлежит все делать явно, свободно, с чистой совестью; ничего не должен он предпринимать тайно и коварно против Бога, даровавшего ему венец царский, преступая Божественные повеления. Ясно для всех, что царица совершенно невиновна в том, в чем ее обвиняют, будто она умышляла умертвить царя. Ибо кто может сравниться с тобою по красоте, кого бы она могла полюбить более тебя, чтобы возыметь злую мысль отравить тебя? Кто более тебя обладает властью и пользуется почетом, кто по своему благородству и по богатству выше тебя, почтенного царственной властью и честью и владеющего большими богатствами, – кого бы царица могла предпочесть? Велика держава твоя, ты превосходишь всех своим благородством, ибо отец твой, дед и прадед занимали царский престол; ты славишься во всех концах земли, и невозможно пересчитать твоих сокровищ. Кто же может быть лучше тебя для твоей царицы? Нет, царь, не может быть того, что говоришь ты, это – ложь, измышленная для подорвания твоей царской державы и на посмеяние народов, чтобы тебе быть притчею во языцех. Мы не дерзаем разрушить ваш законный супружеский союз, так как страшимся Суда Божия, и не можем дать веры тем слухам, коими стараются оклеветать царскую супругу. Нет, мы не сделаем этого, хотя бы нам

пришлось претерпеть мучения и страдания. Мы знаем, что ты имеешь греховное вожделение к некой женщине и даже хочешь сочетаться с ней беззаконным браком. Как можем мы почтительно относиться к тебе, царь, когда увидим, что ты явно нарушаешь заповеди Божии? Как можешь ты тогда входить в алтарь к Божественному престолу, чтобы вместе с нами причаститься Пречистых Христовых Таин? Свидетельствуем Самим Богом, что мы не можем допустить тебя в алтарь для Божественного причащения, хотя ты и царь. Ибо еще древним иереям было сказано: «Не давайте попирать алтаря моего».

Сказав это, святейший патриарх смолк. После него много увещевал царя вышеупомянутый старец Иоанн. Но царь не хотел их и слушать, а приходил в большой гнев и ярость. Недовольны были и все окружавшие царя сановники и властители. Один из них, патриций по своему происхождению, хвалился даже, что он своими руками всадит меч во чрево старца Иоанна за то, что он говорит противное воле царской. Исполненный гнева, царь приказал их обоих – и святейшего патриарха Тарасия, и честного старца Иоанна – с бесчестием изгнать из царского дворца. И ушли от него эти два мужа, изгнанные правды ради, подражая святому Иоанну Крестителю, который некогда обличил беззаконный брак Ирода[1625]. Исходя, они оттрясли прах от своих ног и сказали: «Мы не ответственны в вашем беззаконии».

Царь же изгнал из своих палат законную царицу в женский монастырь, насильно постриг ее там, а сам отпраздновал брак с наложницей своей Феодотией, которая была дальней родственницей ему по отцу. Этот беззаконный брак совершил без ведома патриарха иконом церковный, пресвитер Иосиф, который за свое дерзостное деяние впоследствии был отлучен от Церкви. Святейший патриарх всячески старался расторгнуть этот прелюбодейный брак, но не мог, ибо царь похвалялся, что он снова воздвигнет ересь иконоборцев, если ему запретят этот брак. Поэтому святой Тарасий оставил царя пребывать в его беззаконии, чтобы Церковь Христову не постигло еще большее зло. Ибо святой патриарх всегда помнил, что отец, дед и прадед сего царя были еретиками-иконоборцами, избившими

многих христиан за почитание святых икон. Царь, гневаясь на патриарха, всячески притеснял его, но святитель все это терпеливо переносил, благодаря Бога и поступая согласно со своим высоким саном архипастыря. Но через некоторое время царя постигла Божия кара. Мать его, благочестивая царица Ирина, уже давно видела злое и беззаконное житие его; она видела, как сын ее попирает закон Божий и готов воздвигнуть снова иконоборство. Более любя Бога и Его правду, чем своего собственного сына, она, посоветовавшись с главнейшими сановниками, восстала на сына своего, взяла его под стражу и заключила в том дворце, где он родился и который был известен под именем Порфириева дворца. Потом она приказала ослепить его, подобно тому, как пять лет тому назад он ослепил трех братьев своего отца: Никиту, Анфима и Евдоксия. Так царь, получив наказание по своим делам, умер от болезни. А Ирина снова приняла царский скипетр и исправила все то, что пришло в расстройство в царствование ее сына.

С того времени святой угодник Божий Тарасий пребывал в мире и тишине, ревностно пася словесное свое стадо и управляя Церковью, очищенной от еретиков. С самого дня своего посвящения, он ежедневно сам совершал Божественную литургию и никогда не оставлял этого обычая, разве только по болезни. Когда святой достиг преклонного возраста, он впал в недуг телесный. Даже чувствуя приближение своей кончины, святейший патриарх Тарасий не оставлял своего обыкновения, пока не сделался настолько слаб, что уже не мог подниматься с одра. Лишь тогда только он перестал сам совершать Божественную литургию.

При своей кончине святой Тарасий боролся с нечистыми духами и победоносно поражал их. Когда они, исследуя жизнь его с самой юности, старались ложно приписать ему много неправедных дел, он отвечал им: «Я неповинен в том, о чем вы говорите; вы ложно клевещете на меня; нет у вас надо мной никакой власти».

При этом был описатель жития его Игнатий, епископ Никейский, бывший тогда еще диаконом. Наклонившись к болящему, Игнатий слышал эти слова святого. Когда уже святой

Тарасий не мог владеть языком, он рукой отгонял бесов и преодолевал их. При исходе дня, когда по обычаю воспевали псалмы Давидовы и начали петь этот псалом: «Приклони, Господи, ухо Твое и услышь меня» (Пс.85:1), святой Тарасий мирно предал Господу святую свою душу, причем лицо его просветлело. Этот святитель пас Церковь Божию 22 года и скончался в царствование императора Никифора[1626], взошедшего на престол после Ирины. Царь, весь народ, вельможи, духовные и миряне, а особенно нищие и убогие, сироты и вдовицы, сильно скорбели о нем. Ибо ко всем он был милостив, ко всем относился как добрый пастырь, любвеобильный отец и опытный наставник, каждому помогал в бедах и несчастиях.

Честное тело святого Тарасия погребли в устроенном им же самим монастыре на Босфоре, и многие получали исцеления от его гроба.

Такова, например, одна женщина, страдавшая много лет кровотечением. Так как в тот монастырь был возбранен вход женщинам, то она вошла в монастырь, одевшись в мужские ризы. С верой она коснулась гробницы святейшего Тарасия, взяла елей из лампады, висевшей пред гробницей, – и тотчас же получила исцеление от своего недуга. То же делали и другие женщины, – и все исцелялись от своих недугов. Некий муж, видевший одним только глазом, получил исцеление у гроба святого, когда помазал свое невидевшее око елеем из лампады. Один сухорукий, придя с верою, помазал елеем свою руку и получил исцеление. Много и других недужных получали исцеление по молитвам святого Тарасия; исцелялись от своего недуга также и бесноватые.

Этот великий ревнитель православия вооружался против еретиков иконоборцев не только при жизни, но даже и после своей кончины. При Льве Армянине[1627], царе греческом, иконоборческая ересь опять возымела силу, вследствие того, что сам царь покровительствовал ей. Святой Тарасий явился в сонном видении Льву и с великим гневом повелел некоему воину Михаилу ударить мечом этого зловерного царя. Тот ударил и пронзил царя. В страхе и трепете пробудился Лев от

такого сна и сильно недоумевал. Думая, что в монастыре святого Тарасия находится какой-либо Михаил, который злоумышляет на его жизнь, он послал туда узнать об этом Михаиле. Он не знал, что этот Михаил был при нем, – это был воевода по прозванию Валвос, или Травлий[1628], который потом поразил царя мечом в самый день Рождества Христова. Так погиб сей злочестивый царь, будучи побежден молитвами святого Тарасия, утверждающего веру в Пресвятую Троицу. Аминь.

Кондак, глас 3:

Православными догматы Церковь уяснив, и Христову, блаженне, честную икону почитати и поклонятися всех научив, обличил еси иконоборцов безбожное веление. Сего ради вопием ти: о отче, радуйся, мудре Тарасие.

Житие святого отца нашего Порфирия, епископа Газского

Память 26 февраля

Газа есть город Палестинский[1629], находящийся по соседству с Египетской страной, принадлежавшей сначала сынам Израилевым, племени Иудину, потом завоеванный филистимлянами[1630], – тот самый, в котором некогда Самсон взял на плечи затворенные ворота (Суд.16:3). Этот город был исполнен идолопоклоннического нечестия. По воплощении Христа Бога нашего он был отчасти просвещен святою верою, проповеданною святыми Апостолами и епископами бывшими после них; но всё же большая часть жителей его долгое время блуждала во тьме идолослужения, поклоняясь истукану, называемому: «Марнас»[1631], а также Венере[1632] и иным нечестивым еллинским богам. При этом в нем неоднократно проливалась кровь христианская, особенно во время богомерзкого царя Юлиана Отступника[1633]: ибо тогда всех священников, иноков и посвященных Богу дев неверные немилосердно избивали. Такое нечестие продолжалось в городе Газе долгое время, и никто не мог очистить его от идолослужения и совершенно просветить святою верою, пока в епископы Газы не был избран святой Порфирий, о котором будет у нас слово. Он совершенно просветил Газу, сокрушил всех идолов, воздвиг церковь посреди города и приобрел Богу весь город с великим трудом, как покажет предлежащее повествование. Святой был сыном богатых родителей, родом из Фессалоники[1634]. Оставив дом отца своего, братьев и богатство, он, будучи двадцати пяти лет, пошел сначала в Египет, потом в Скит[1635], где и принял на себя иноческое одеяние с намерением проводить постническое житие. Пребывши со святыми отцами в Ските пять лет, он пришел в Иерусалим и, поклонившись Животворящему Кресту и Гробу Христову и обошедши все святые места, отошел в страны Иорданские[1636]. Здесь, поселившись в некоем вертепе, святой Порфирий жил и подвизался в посте и молитвах непрестанных. По прошествии

пяти лет он впал в недуг и умолил одного из знакомых своих, чтобы довел его в Иерусалим, так как он, по болезни, не мог идти без посторонней помощи. Однако в Иерусалиме он каждодневно, несмотря на болезнь свою, обходил святые места, поклоняясь Господу; когда же не мог идти вследствие своего недуга, то полз на коленях, – но ни одного дня не оставлял, чтобы не прийти к святой церкви Воскресения и Кресту святому. Видев его так каждодневно трудящегося, несмотря на болезнь свою, некоторый молодой инок, именем Марк (впоследствии описатель жития его), начал служить ему ради Бога. Сей Марк был послан святым Порфирием в Фессалонику с письмом, дабы разделить между младшими братьями его оставшееся после родителей имение, а часть, принадлежащую Порфирию, принести к нему, чтобы он мог раздать ее нищим. Марк, отправившись, разделил все как следовало, а часть Порфириеву продал за три тысячи златниц; кроме того, из родительского золота Порфирию досталась еще часть – тысяча и четыреста златниц, а также одежда и серебро. Всё это Марк доставил в Иерусалим святому Порфирию, которого он обрел совершенно здоровым. Порфирий же, приняв принесенное, тотчас раздал то нищим и на бедные монастыри, а сам стал нищ. Потом святой рассказал о том, как он исцелился от своей болезни.

«Когда я был на всенощном недельном бдении в великой церкви, – поведал он, – то сделался у меня приступ болезни. Не имея сил терпеть более, я пошел и возлег при святой Голгофе, и от великой болезни был как бы в исступлении. И увидел я Спасителя нашего, ко Кресту пригвожденного, и одного разбойника с Ним, на другом кресте висящего, и начал взывать, говоря: «Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствии Твоем». Спаситель же сказал разбойнику: «Сойди с креста и исцели его от телесной болезни, как Я тебя исцелил от душевной». Разбойник, сошедши ко мне с креста своего, обнял меня и облобызал и воздвиг от земли говоря: «Приди ко Спасителю». Приступив к Господу, я увидел Его сшедшим с Креста, и Он сказал мне: «Приими древо сие и храни его». Я же,

приняв Крест Христов, начал носить его и тотчас пришел в себя и оказался весь здоровым, как будто никогда не болел».

В непродолжительном времени после этого блаженный Порфирий был поставлен от патриарха Иерусалимского пресвитером, и было ему вручено на хранение Честное Древо Животворящего Креста, положенное в особый закрытый златой ковчег, а другая часть его была отнесена в Царьград святою царицею Еленою. Так исполнилось видение Порфирия, в котором он видел Господа, дающего ему хранить Свой Крест.

Прошло три года после того, как преподобный Порфирий был поставлен в пресвитеры. В это время в городе Газе преставился епископ, именуемый Эней. Верные из жителей Газы пришли вместе с клириками в Кесарию Палестинскую[1637] к митрополиту, под ведением которого была Газа, блаженному Иоанну, моля его дать им епископа, могущего словом и делом сопротивляться идолопоклонникам, которых в Газе было очень много. Митрополит Иоанн, заповедав всем пост, молился Богу, чтобы Он указал ему мужа достойного и способного к тому делу; и было ему открыто в видении о преподобном Порфирии, пресвитере Иерусалимском, хранителе Животворящего Древа. Тотчас же митрополит написал послание к святейшему патриарху Иерусалимскому, в котором он просил послать к нему отца Порфирия, не говоря, однако, о причине такой просьбы. Патриарх же, призвав Порфирия и показав ему письмо митрополита, повелел ему идти в Кесарию. Сперва преподобный Порфирий усомнился, а потом сказал:

– Да будет воля Господня!

Потом, вышедши от патриарха, он сказал своему ученику:

– Брат Марк, пойдем и поклонимся святым местам и Древу Честного Животворящего Креста: ибо мы не скоро его увидим.

Ученик сказал:

– Почему ты так говоришь, отче; я думаю, что ты пробудешь в Кесарии не более одной седмицы?

Святой отвечал:

– В прошедшую ночь я видел Спасителя, сказавшего мне: «Отдай Мне сокровище (Древо Крестное), которое Я положил у тебя: ибо Я хочу сочетать тебя с невестой, правда убогой и

отверженной людьми, но добронравной; а ты, взяв ее, укрась, чтобы она забыла прежнюю нищету свою, ибо хотя она и бедна, но не чужая Мне, искренняя сестра Моя. Смотри же, чтобы, взяв ее и строя дом, ты не приобрел что-нибудь неправдой или хищением, или беззаконно: ибо и Меня прогневаешь сим, и ее оскорбишь. Надейся и не малодушествуй, и все тебе будет послано, откуда и не ожидаешь». Вот что возвестил мне Господь в ночном видении, и я боюсь, как бы не было наложено на меня бремя чужих грехов, когда я имею множество своих.

Сказав сие ученику, святой Порфирий пошел и поклонился всем святым местам, также Животворящему Древу Честного Креста: и заперев его в ковчеге, пошел и отдал ключ святейшему патриарху. Взяв от патриарха благословение, он отправился в путь в Кесарию Палестинскую с учеником своим Марком и с другим юношею Варухом, которого за некоторое время пред этим нашел на гноище больного и покрытого струпами, и которого исцелил своею молитвою. Когда преподобный Порфирий пришел в Кесарию, то был принят здесь с великою радостью. Преосвященный же митрополит Иоанн стал убеждать его принять посвящение в епископа города Газы. Преподобный горько и неутешно плакал, говоря, что он не достоин такого сана, а потом предал себя в волю Божию и отпущен был в Газу с клириками и людьми газскими. Но нечестивые жители одного селения около Газы, ожидая его прихода, весь путь тот, которым надлежало идти христианскому епископу святому Порфирию, устлали тернием, выкопали на нем рвы, навозили множество смрадного навоза и закурили дым великий и смрадный, так что сделали путь тот неудобным для прохода: это они сделали из ненависти к христианам и из бесовской вражды против святого Порфирия. Таким образом, много препятствий претерпевал на пути святой вместе с спутниками своими, терпя и от рвов, и от терния, и от дыма и трудившись весь день; наконец, ночью они пришли в город. В городе же была только одна христианская церковь, да и то малая, ибо не много в нем было христиан. Напротив идольских храмов находилось в городе множество, и идолы стояли даже на улицах, посредине же города был храм Марнаса, старейшего

бога их, великий и прекрасный, построенный в древние времена, украшавший весь город своим величием, высотою и прекрасным устройством. И начал преподобный Порфирий, приняв престол свой, пасти малое стадо Христово, которое было там.

В тот год, в который святитель Христов Порфирий пришел в Газу, случилось быть бездождию и великой засухе и голоду. И говорили все нечестивые граждане, что ради пришествия в город Порфирия боги, разгневавшись, заключили небо; а жрецы пустили в народ слух, будто бы бог Марнас возвестил им, что Порфирий виновник всему злу. И вот, все идолопоклонники, собравшись в храм Марнаса, приносили многие жертвы, молясь и вопия к Марнасу, чтобы он ниспослал дождь, ибо они говорили, что он бог дождей. Так молились они семь дней, воспевая свои священные песни и торжественными шествиями выходя за город; но дождя всё не было. Потом собрались все христиане с женами и детьми, так что число их было двести восемьдесят: ибо столько лишь и было тогда в Газе душ верующих во Христа. И просили они святого Порфирия, своего епископа, чтобы он сотворил соборное моление и вышел с крестами за город и испросил у Бога дождь, ибо уже для всех был тягостен голод, а при том и поношение и досады терпели они от нечестивых, приписывающих вину бездождия христианскому епископу. Святитель Порфирий заповедал пост и повелел собраться всем верующим с вечера в церковь; и совершив всенощное бдение, наутро отслужил литию с преднесением Честного Креста. Таким образом, христиане с крестным ходом вышли за город к древней ветхой церкви, бывшей на западной стороне, которую некогда создал блаженнейший епископ Асклипий, исповедник Христов, много пострадавший за православную веру; оттуда с песнопением они пошли на место мучения святого Тимофея, где были положены мощи и других святых. Так помолившись, они с крестным ходом возвратились к городу в девятый час дня и нашли ворота города затворенными; ибо нечестивые идолопоклонники, видев христиан вышедших со своим епископом за город, затворили ворота, не желая пускать верующих внутрь. Христиане же

стояли пред вратами два часа, и никто не отворял им. И вот Бог, видя терпение и слёзное моление рабов Своих и послушав молитв угодника Своего Порфирия, воздвиг ветер с полудня, как некогда при Илии пророке (3Цар.18:17–45), и покрыл небо облаками дождевыми, и были молнии и громы, и при заходе солнца выпал великий дождь. Тогда некоторые из язычников, видя такое чудо, отворили город и, присоединившись к христианам, шли, восклицая:

– Один Христос есть Бог Истинный!

И все вошли в церковь с великою радостью, а уверовавшие язычники приняли от епископа святое благословение и оглашение к крещению, и возблагодарив Бога, разошлись в свои дома. Из числа уверовавших было сто семь мужчин, тридцать пять женщин, четырнадцать детей. А дождь был великий во всю ту ночь, и во второй и в третий день, и напоил землю довольно. Видя это, на третий день присоединилось к стаду Христову еще 127, и после них в тот же год еще 105. И, приняв святое крещение, все они были усердными в святой вере. А прочие идолопоклонники не переставали враждовать на святого Порфирия и досаждать христианам, ибо когда приезжал в город игемон, они, давая ему множество золота, настраивали его мучить христиан, и сверх того томили верных городскими работами, как некогда Египтяне Израильтян. Святой же Порфирий, видя обиды, причиняемые верующим, весьма скорбел и непрестанно днем и ночью со слезами молился Богу, чтобы Он обратил заблудших на путь познания истины.

После того вышеупомянутой ученик святого Варух послан был в ближнее селение, чтобы получить годовую плату в пользу христианской церкви с одного идолопоклонника, жившего на церковной земле. Желая отложить уплату на другое время, тот начал препираться с Варухом, и между ними произошел спор. Во время спора сбежались другие идолопоклонники, которые стали бить блаженного Варуха кольями насмерть, потом подумав, что он уже мертв, увлекли его за село и повергли в пустом месте. И вот на другой день диакон Корнилий и с ним два другие христианина, проходя тем местом, нашли Варуха лежащим, подобно мёртвому, ибо он не мог ни говорить ничего,

ни слышать, ни очами зреть, ни подвигнуть руками или ногами, и только дух его был в нем. Взяв Варуха на спину, они понесли его в город. Некоторые же идолопоклонники, увидев несомого Варуха, подумали, что несут в город мертвеца; поэтому они устремились на несущих и начали их бить, говоря:

– Зачем делаете такую мерзость, внося мертвеца в город?

Ибо у газян был обычай выносить мертвых для погребения за город. Отняв Варуха, нечестивые зацепили его за ноги и повлекли опять за город. Диакон же Корнилий, побежав, возвестил о том святому епископу Порфирию. И пошел епископ с поспешностью и прочая братия с ним, и догнав влекущих, со смирением умолял их оставить такое немилосердие, а они и епископу стали досаждать. Сбежалось множество народа и, видя терпение и смирение епископа, что он против досаждающих ему ничего не отвечает сопротивного, начали препираться с досадителями, влекшими Варуха; и произошла между ними распря и ссора, так что они подняли друг на друга руки, начав бить друг друга; и было великое смятение и шум. Между тем святой епископ с христианами, взяв блаженного Варуха, понесли его в церковь, когда был уже поздний вечер. Когда же увидели, что дух его еще в нем, то все верующие стали прилагать заботы к исцелению его. Святой же во всю ту ночь со слезами молился о нем Богу. И вот больной открыл очи свои и проговорил, прося пить, и когда напоили его, начал разговаривать и рассказал всё бывшее с ним. Утром же пришли к церкви старейшины города со множеством народа и начали кричать и вопиять:

– Зачем мертвеца внесли в город против древнего отеческого закона?

Тогда святой епископ Порфирий вышел к ним со всеми бывшими с ним. Увидев епископа, они начали злословить и бесчестить его, а потом устремились на бывших с ним христиан и стали их бить. И внезапно блаженный Варух, получив необычайную силу от Бога, быстро встал, как будто никогда не болел, и схватив палку, начал бить и гнать шумящий нечестивый народ. Язычники, увидев его живым, ужаснулись великим страхом, ибо думали, что он из мертвых восстал: и гонимые

частью страхом, частью биением сильным, бежали, попирая друг друга. И прогнал их от церкви Варух, как некогда Самсон Филистимлян, до самого скверного их Марнасова храма. С того времени все нечестивые боялись Варуха и опасались даже на пути встречаться с ним. А святой Порфирий, возблагодарив Бога о внезапном исцелении Варуха, поставил его диаконом; в этот же сан он возвел и другого ученика своего Марка.

Видя же постоянные гонения неверных против верующих, святитель Божий Порфирий послал Марка, диакона своего, в Царьград к благочестивому царю Аркадию[1638], умоляя его, чтобы он повелел ниспровергнуть идольские капища в Газе. Также написал он послание и к святейшему патриарху цареградскому Иоанну Златоустому, прося помощи и ходатайства пред царем. И царь повелел затворить и запереть идольские храмы в Газе, чтобы в них более не совершались скверные жертвы, но разрушить их не повелел, чтобы не слишком опечалить язычников. Исполнить это царское повеление прибыл в Газу некоторый царедворец, именем Иларий, который, взяв много помощников и воинов из Азота и Аскалона[1639] и показав Газянам царскую грамоту, затворил идольские храмы и запер их. Но нечестивые, собрав множество золота, принесли его царскому сановнику Иларию, умоляя его не затворять одного большого их храма Марнасова, стоящего посреди города. Тогда Иларий, возлюбив более золото, нежели Христа Бога, оставил им главнейший храм Марнасов свободным для доступа, а меньшие храмы затворил, сокрушив в них идолов. И отошел сей златолюбец, как бы исполнив царское повеление: ибо воистину только по внешности был христианином, внутри же был исполнен неверия и тайно старался всячески помогать язычникам. Нечестивые же, имея для себя доступным великий Марнасов храм, о прочих запертых храмах не печалились и не переставали творить христианам досаждения.

В то время святым Порфирием было совершено одно чудо, приведшее немало людей к святой вере. Некоторой знатной женщине, дочери одного из первейших граждан и супруге знатного человека, по имени Елии, бывшей беременной, пришел

час родить; но она не могла разрешиться от бремени и с каждым днём умножались её болезни, ибо на другой день ей было хуже, на третий еще хуже; многие бабки, волшебницы и волхвы, приводимые к ней, не могли помочь ей. Так мучилась она семь дней. Муж её, а также отец с матерью и все сродники во все эти дни совершали непрестанные жертвоприношения и усердно молились о ней в храме Марнаса, со слезами прося помощи от своего бога. Но помощи не было, напротив, большая немощь и умножение лютейших болей было у ней, не могущей родить. И уже все отчаивались в жизни сей женщины, смотря на такое мучение её, и сами болели сердцами своими, плакали и рыдали о ней, ожидая её кончины. Была же среди них одна старица христианской веры; она, побежавши к церкви, молилась со многими слезами Христу Богу о той болящей женщине. Увидев эту старицу плачущую и с коленопреклонением молящуюся, святой епископ Порфирий спросил ее о причине такого плача. Припав к ногам святителя, она рассказала ему о всем происходящем и умоляла его помолиться человеколюбивому Богу о люто страждущей. Святитель отослал ее обратно к болящей, научив, что делать и говорить. Итак, пришедши в тот дом, старица собрала родителей, мужа и всех сродников болящей и сказала им:

– Здесь есть один добрый и искусный врач; он послал меня к вам, спрашивая, что дадите ему, если он исцелит болящую?

Услышав это, родители сказали:

– Если хочет, то пусть возьмет всё имение наше, только бы мы видели живой и здоровой нашу возлюбленную дочь.

То же говорил и муж, будучи готов всё отдать за жизнь и здоровье своей супруги. Тогда старица сказала им:

– Возденьте руки ваши кверху и утвердите слово клятвою, чтобы верно было слово ваше, что вы не презрите врача того.

Они же, с усердием и слезами воздев руки, говорили:

– Во все дни жизни нашей будем рабы его, только бы исцелил он единородную дочь нашу, без которой не можем и живы быть: ибо какая нам будет жизнь и веселие без неё?

Услышав это, старица велегласно воскликнула над болящей:

– Великий иерей Божий Порфирий говорит тебе так: исцеляет тебя Иисус Христос, Сын Бога Живого. Веруй в Него, и будешь жива.

И тотчас женщина, восстенавши, родила плод свой, и облегчилась её болезнь. Все бывшие там, удивившись, возопили:

– Велик Бог христианский, велик иерей Его Порфирий.

Поутру же родители, муж и все сродники той женщины, пришедши к святому Порфирию, пали к ногам его, прося крещения христианского. Святой, огласив их, повелел им поститься и приходить в святую церковь; по прошествии же некоторого времени он крестил их, а также и женщину родившую, и дитя рожденное, которого назвал именем своим, Порфирием, так как он был мужеского пола. И присоединилось тогда к Церкви Христовой шестьдесят четыре человека.

Когда умножалось стадо Христово, умножалась и вражда идолопоклонников, и день ото дня они всё более и более преследовали верных, отягощая их непрестанными городскими работами и принуждая, как рабов, побоями ко всякому труду. Кроме того, они досаждали верным на нивах и в виноградниках, так что верные пребывали в великой нищете, и не могли платить обычных народных оброков и царских податей. Видя это и не вынося такого притеснения, причиняемого неверными верным, святитель Божий Порфирий пошел в Кесарию к блаженному Иоанну, своему митрополиту, и умолял его или освободить его от епископства, или пойти с ним в Царьград упросить царя, чтобы он повелел совсем разорить идольские храмы и ниспровергнуть гордыню язычников. Митрополит Иоанн соизволил лучше подъять труд путешествия, даже в зимнее время, чем освободить блаженного Порфирия от епископства. Итак, севши на корабль, они отправились. Имея благополучное плавание, они через десять дней достигли острова, называемого Родос[1640]; услышав здесь о некоем иноке, отшельнически живущем в пустынном месте, по имени Прокопий, муже святом и прозорливом, они пошли посетить его. Тот же, провидев приход их и познав сан их святительский, встретил и почтил их, как подобает почитать таких архиереев, и,

узнав причину путешествия их, научил их, что они должны делать в Царьграде, чтобы получить желаемое.

– Прибегните, – сказал он, – прежде к святейшему патриарху столицы Иоанну Златоустому. Правда, сам он теперь не бывает в царских палатах, потому что царица Евдоксия гневается на него, но за то к нему привержен кувикуларий царицы[1641], евнух[1642] Амантий, муж благочестивый и добродетельный, которому он поручит вас. Через ходатайство сего евнуха вы получите всё; ибо он введет вас к царице, и вы сами скажете ей о вашей нужде. При этом предреките ей, что она родит сына, который будет царствовать, и она, услышав от вас это, возрадуется, ибо она непраздна вот уже девятый месяц. Поэтому, услышав ваше пророчество, она исполнит всё по желанию вашему.

Святые епископы Иоанн и Порфирий, получив такое наставление и уверение, с радостью отправились в дальнейший путь и в продолжение других десяти дней достигли Византии. Повинуясь совету преподобного Прокопия, прежде всего они пошли к святейшему патриарху Иоанну Златоустому. Тот принял их с честью и, узнав причину их пришествия, обещал им свое содействие. На следующий день, призвав кувикулария царицы, евнуха Амантия, он показал ему епископов, пришедших из Палестины, и поручил ему иметь о них попечение и ходатайствовать о них пред царем. Евнух же, услышав от святых епископов подробный рассказ обо всех огорчениях, какие претерпевают в Газе верующие от язычников, прослезился и, исполнившись Божественной ревности, сказал:

– Не скорбите, отцы святые, ибо Господь Иисус Христос Сам защитит верных рабов Своих и избавит их от обидящих. Итак, молитесь вы Господу, а я буду говорить царице, и уповаю на Бога всяческих, что Он преклонит её сердце к милосердию. Поутру же я введу к ней вас самих, и вы скажете всё своими устами.

Сказав это епископам, евнух ушел. Утром же он призвал святителей Божиих Иоанна и Порфирия в царские палаты и ввел к царице. Царица, увидев святителей, первая сказала:

– Благословите, отцы.

Они же поклонились ей. Принимая святых епископов, царица сидела на златом одре, поэтому она сказала им:

– Простите меня, архиереи Божии, что я не могу вам воздать подобающей чести, имея бремя во чреве, ибо подобало бы мне в дверях встретить вашу святыню; но молите Господа о мне, чтобы Его благодатью я могла родить младенца, находящегося в утробе моей.

Святые отцы, удивившись смирению её, сказали:

– Благословивший утробу Саррину, и Ревеккину, и Елизаветину, Тот да благословит и твою утробу, и плод в ней носимый да оживит!

Тогда царица, повелев им сесть, начала говорить:

– Я знала, для чего вы подняли такой труд путешествия, ибо мне все сказал Амантий. Впрочем, если хотите, говорите сами, чтобы я лучше узнала, чего вы требуете.

И рассказали епископы царице подробно о всех притеснениях, какие претерпевают христиане от идолопоклонников, и умоляли ее подать помощь притесняемым. Она же, выслушав изложенное, сказала:

– Не печальтесь, отцы святые; ибо я надеюсь на Господа Иисуса Христа, Сына Божия, что я умолю царя исполнить вашу просьбу; а теперь пойдите, отдохните от дороги; я вижу, что вы утомлены. И молите Бога о мне, да поможет Он моему ходатайству о вас.

Сказав это святым епископам, царица отпустила их. Когда же царь пришел к царице, она рассказала ему о пришедших Палестинских епископах и о причине пришествия их и умоляла его, чтобы он разорил в Газе идольские храмы. Услышав такую просьбу, царь сказал:

– Я знаю, что в этом городе с великим усердием служат идолам, но он доставляет нам немало богатств, благодаря даням, взимаемым оттуда. Итак, если мы разорим немедленно храмы богов Газы и тем озлобим языческих жителей его, то они, устрашившись, разбегутся и город опустеет, мы же лишимся стольких даней. Поэтому, не лучше ли понемногу смирять их? Сперва исторгнуть из их рук начальство над городом, потом затворить храмы их и воспретить приношение идольских жертв?

Увидев, как их смиряют, они познают истину и присоединятся к верующим.

При таких словах императора царица весьма огорчилась и со слезами сказала:

– Сам Христос Бог поможет рабам Своим христианам, если мы не хотим им помочь.

Слышав беседу царскую, кувикуларий Амантий пересказал её святым епископам. На следующий день царица снова призвала святых епископов и сказала им:

– Я говорила царю о вас, о вашей нужде и прошении вашем, но он не хочет слушать меня, считая неудобным оскорбить идолопоклонников газских. Но не скорбите; я не перестану утруждать царя просьбами, доколе он не исполнит прошение ваше.

Услышав это, епископы поклонились ей. Тогда святой Порфирий, вспомнивши пророческие слова святого Прокопия, сказал ей:

– Потрудись для нас, владычица, Христа ради. Он же за труд твой даст тебе сына, который и воцарится при жизни твоей, и долгие годы поживет во всяком благополучии царском.

Услышав это, царица исполнилась веселия, и от радости просветлело лицо её. Потом она сказала:

– Молитесь за меня, святые отцы, чтобы я родила сына, и если это будет, то обещаю исполнить всё, что только вы пожелаете; мало того, я сделаю с помощью Христовой не только то, что вы просите, но и чего не просите, ибо я устрою посреди города Газы святую церковь. Итак, идите в мире и ждите, молясь за меня Человеколюбцу Богу.

Потом исполнилось время родить царице, и родила она дитя мужеского пола, как прорекли святые отцы, и наречено было ему дедовское имя – Феодосий, ибо отец царя Аркадия был Феодосий[1643], царствовавший вместе с Грацианом[1644]. Сей второй Феодосий родился в «сорочке», как бы порфире, что было предзнаменованием его царствования; и была великая радость царю Аркадию и всему царствующему граду. Царица же Евдоксия послала своего кувикулария Амантия к святым отцам Иоанну и Порфирию со словами:

– Благодарю Христа Бога, Который вашими святыми молитвами даровал мне сына. Испросите же у Господа, отцы святые, рожденному жизнь и многолетие, а мне, смиренной, здравие, чтобы я могла исполнить свое обещание вам.

Через семь дней царица снова призвала к себе святителей Божиих Иоанна и Порфирия и встретила их в дверях своей спальни, неся на руках новорожденное дитя. Преклонив пред ними главу свою, она сказала:

– Благословите, отцы, меня и сына моего, которого даровал мне Бог вашими святыми молитвами.

Святые Иоанн и Порфирий осенили ее и сына её крестным знамением и, севши, беседовали с ней о многом полезном. Между прочим царица сказала:

– Знаете ли, отцы, что я надумала сделать относительно вашей просьбы?

Святой Порфирий отвечал:

– Всё, что ты надумала, госпожа, от Бога надумала; ибо в сию ночь открыто мне в видении следующее: представилось мне, что я стоял в Газе, в храме идольском Марнасовом; ты же, также стоя там, подала мне Святое Евангелие, произнеся при этом: «Возьми и читай». Взяв Евангелие из рук твоих, я разогнул его и нашел место, где Господь говорит Апостолу Петру: «Я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф.16:18).

Ты же, госпожа, в соответствие этому сказала мне: «Мир тебе, мужайся и крепись». Я воспрянул, и отсюда уверяюсь, что Сын Божий вложил в сердце твое о нас совет благой. Итак, скажи, владычица, что благое о нас надумала?

Царица отвечала:

– Если Христос изволит, то по прошествии некоторого времени младенец сподобится святого крещения. Вы же до этого времени пойдите и приготовьте свиток, в котором напишите все, что хотите, и когда дитя будет износимо от святого крещения, вручите свиток тому, кто будет нести новорожденного на руках, а я научу его, что должен он делать, и надеюсь на Сына Божия, что Он всё устроит ко благу.

Они же, выйдя, приготовили свиток, написав на нем просьбу не только о сокрушении идолов и разорении их храмов, но и об облегчении верующих от работ и податей и о предоставлении им управления городом. Просили они также о том, чтобы святому христианскому храму, который был весьма беден и убог, дано было что-либо из имений царских и чтобы подаваемо было пропитание служителям его. Много и иного отрадного для притесняемых и обнищавших христиан написали они в своем прошении и потом стали ждать того дня, в который будет крещен царский сын. Прежде же крещения его было оповещено, что он будет царём, так как родился в порфире и сначала был одет не пеленами, а порфирою. Потом будущего царя торжественно понесли в храм для крещения, между тем как весь город был великолепно украшен, народ же оделся в дражайшие и светлейшие одеяния. Нёс же будущего царя, покрытого царской багряницей, некоторый особо избранный человек, сияющий многоценными одеждами; множество князей и бояр шли впереди и сзади его; кругом же шло воинство, носящее броню и оружия, блиставшие золотом. И можно было видеть всю славу царскую, и красоту, и величие, так что святой Порфирий говорил:

– Если такова слава царя земного, временного; то какова же слава Царя Небесного, Вечного!

Когда же внесли царевича в церковь, оба святые епископа стали у дверей церковных, держа приготовленный свиток, и, по совершении святого крещения, когда выходили все с новокрещенным царевичем из церкви, святые епископы воскликнули:

– Умоляем тебя, новорожденный царь, прими прошение наше и в начале твоего царствования покажи себя милостивым.

Говоря это, святые отцы положили свиток на младенца. Несший царевича муж остановился и, взяв этот свиток и развернув его, стал читать во всеуслышание, ибо так был научен от царицы. И прочитав часть свитка, опять свернул его, и, подложив правую руку под голову младенца, немного поднял ее, как бы для выражения соизволения, и воскликнул:

– Повелевает его царское величество, чтобы всё здесь написанное исполнено было непременно; это – его царское повеление, которое никак не может быть изменено.

Все видевшие и слышавшие это удивились, благословляя новорожденного царя и многолетствуя ему, начинающему свое царствование делом милосердия, ублажая также императора Аркадия и говоря, что он благословен Богом, что сподобился иметь сына, ему соцарствующего, и уже дающего свои повеления на такие добрые дела. Обо всем этом возвещено было царице. Она же, исполнившись радости, поклонилась Богу, воздавая благодарение. Когда же новокрещенное дитя вносили в царские палаты, мать вышла навстречу ему и, взяв на руки свои, матерински лобызала его. Потом, принесши к мужу своему царю Аркадию, она поздравила его, говоря:

– Блажен ты, господин мой, что видят очи твои еще при жизни твоей царя, изшедшего из чресл твоих.

Царь Аркадий, слышав это, весьма радовался. А царица, видя его светлым и весёлым, сказала:

– Если тебе угодно, господин мой, то узнаем, что написано в свитке сем, поданном царственному сыну нашему, чтобы первое повеление его о всем написанном здесь было скорее исполнено.

Царь повелел читать свиток, и когда он был прочтён, сказал:

– Трудно исполнить это прошение, но тяжело и отказать, так как тем самым мы отменим первое повеление нашего сына, а это неудобно и неприлично.

Царица отвечала:

– Не только неприлично отменять первого сыновнего указа, но также грешно презреть и моление святых мужей, предрекших мне рождение сына.

И тотчас царь Аркадий повелел утвердить царскими грамотами всё то, что было написано в свитке Палестинскими епископами. Когда же приготовлены были грамоты, написанные от лица обоих царей Аркадия и Феодосия, царица призвала архиереев Божиих, Иоанна и Порфирия, и показала им те грамоты, спрашивая, угодны ли они для них. Те, поклонившись,

благодарили её за милостивое и мудрое тщание её и стали просить, чтобы для исполнения царского повеления послали в Газу мужа благочестивого, честного и верного, а не такого, каким был посланный прежде. И был найден человек благоверный и боящийся Бога в лице некоего Кинегия, которому было поручено от царей, чтобы он шёл в Газу и устроил всё наилучшим образом согласно повелению. Царица же дала святому Порфирию много золота на создание каменной церкви посреди города Газы, а также на устроение странноприимницы, и еще обещала дать, сколько будет потребно, на устроение церкви; кроме того, обоим епископам она дала дары и сосуды церковные, золотые и серебряные, для Кесарийской и Газской церквей, и золото на дорогу. Также и царь, почтив святых епископов и в избытке снабдив их дарами и деньгами, отпустил их с миром. Они же, приветствовав святейшего патриарха Иоанна Златоустого, отплыли в свои епархии; а после них отправился в путь и царский вельможа Кинегий, которому даны были царские повеления.

Когда путники приблизились к острову Родосу, святые отцы Иоанн и Порфирий умоляли кормчего пристать к берегу, чтобы они могли приветствовать преподобного Прокопия отшельника; но тот не хотел, говоря, что ветер неудобен, и совершенно не внимал просьбе святителей Христовых; ибо он был втайне арианин и ненавидел православных епископов. Но когда они миновали тот остров, тотчас в море сделались буря и волнение, и были все в страхе великом, боясь потопления. Волнение это продолжалось целый день и всю ночь. Когда же показалась утренняя заря, святой Порфирий немного уснул и во сне увидел преподобного Прокопия, говорящего ему: «Убедите кормчего отречься от ереси арианской[1645] и проклясть ее, и приготовьте его к святому крещению, и тотчас страшное волнение прекратится». Воспрянув от сна, святой Порфирий рассказал об этом блаженному митрополиту Иоанну и прочим бывшим с ним; потом, призвав кормчего, святые сказали ему:

– Если хочешь, чтобы корабль твой и все мы были спасены от потопления, а наипаче, чтобы душа твоя избавилась от

вечной погибели, то отрекись зловерия твоего, ереси арианской, и присоединись к Кафолической Церкви.

Кормчий удивился, что святые епископы узнали тайну, которой никто не знал, и сказал им:

– Так как Бог открыл вам тайны сердца моего, то я отвергаюсь Ариева мудрования и верую, как вы веруете: утвердите же вы меня во святой вере.

Когда он сказал это, тотчас прекратилась буря, и сделалась тишина в море. А святые, наставив его от Божественного Писания и утвердив в православии, огласили его и крестили. Дальнейший путь был совершен благополучно, причем святые епископы пристали к берегу в Маиюме[1646], отстоящем от Газы на двадцать стадий[1647], а отсюда пошли сушей к городу Газе. Узнав о пришествии их, верные вышли им навстречу с псалмами и пением, преднося святой крест, и с великим веселием и торжеством ввели в город архиереев Божиих. Идолопоклонники же, видя это, весьма злобились, скрежеща зубами, но не дерзали сделать им какое-либо зло: ибо уже слышали, что христианские епископы были с почётом приняты у царя и что вслед за ними посылается царское повеление смирить свирепство язычников и разорить капища богов их. Между тем христиане, идя с честным крестом и со своими архиереями, приближались к идолу Венеры; этому идолу жители Газы, в особенности женщины, оказывали великую честь, вжигая свечи и кадя благовонными кадилами: ибо бес, живущий в том идоле, многих прельщал в сонных привидениях, склоняя дев или жен к всевозможным плотским грехам. Итак, когда христиане приблизились к тому идолу, стоявшему на улице на возвышенном месте, то бес тотчас бежал, повергши идола на землю; а идол, пав на землю, сокрушился на многие части, ибо был мраморный, и убил двоих из неверных, которые, стоя там, смеялись, понося христианское богослужение. Увидев это чудо, многие из язычников уверовали во Христа и, присоединившись к христианам, пошли к святой церкви и просили святого крещения: уверовавших же было тридцать два мужа и семь жен. И была сугубая радость для верных о благополучном прибытии пастырей своих и о спасении душ

человеческих. После того блаженный митрополит Иоанн пробыл в Газе два дня и потом отошел в Кесарию, а христиане проводили его. По прошествии же немногих дней прибыл в Газу и царский вельможа, вышеупомянутый Кинегий, имея с собою многих сановников и воеводу с воинской силою. Язычники весьма устрашились, некоторые же из них бежали из города. Собрав поутру всех старейшин города и весь народ, Кинегий показал им царское повеление, в силу которого идольские храмы в Газе должны быть разорены, а идолы сокрушены. Когда это повеление стали читать во всеуслышание, толпы нечестивых, подняв вопль, начали плакать и рыдать. Кинегий же, не терпя вопля, дал знак воинам, а те, устремившись на язычников, начали бить их; и разогнано было собрание нечестивых, а христиане, веселясь радостью великою, благодарили царей, многими похвалами ублажая их. Потом вместе с воинами они устремились на идольские храмы и начали с великим шумом их разорять. Было же в городе более важных идольских капищ восемь: Солнца[1648], Венеры, Аполлона[1649], Прозерпины[1650], Гекаты[1651], Фортуны[1652] и Марнаса; последнее капище было самое большое и всего чаще посещалось нечестивыми язычниками. Стояли и иные бесчисленные идолы по торжищам и на улицах, в различных зданиях и на стенах городских, и около города по путям и вертоградам и нивам: и христиане в десять дней всех тех идолов сокрушили, идольские скверные храмы разорили, кроме большого и прекраснейшего храма Марнасова, о коем многие говорили, что не надо разорять его, но очистив от скверн идольских, освятить в церковь Божию. Ввиду такого желания многих сохранить храм Марнаса святой Порфирий стал молиться Богу, прося от Него указания; и вот когда он совершал в святой церкви Божественную службу, из среды народа раздался голос ребенка:

– Пусть сожжётся и разорится храм Марнасов, так как он осквернен кровью людей, приносимых в жертву бесам, и пусть основание его будет выкопано из земли и разметано, а на том месте да созиждется новый храм во славу Божию.

Этому дитяти было семь лет, поэтому клирики подумали, что оно сказало так по научению матери. Взяв его, они начали устрашать, как бы желая бить его, чтобы он сказал, кто научил его сказать это. Дитя же начало говорить по-гречески, говоря то же – чтобы сожжен и разорен был храм Марнасов; тогда все познали, что он говорит от Духа Святого, ибо будучи семилетним и ненаученным греческому языку, ребёнок теперь хорошо говорил по-гречески. Итак, поверив словам детским, сожгли и разорили прекрасное капище Марнаса до самого основания, которое, выкопав из земли, разметали по улицам и дорогам, чтобы оно было всеми попираемо. Потом воины стали ходить по всем зданиям и жилищам язычников и везде собирали сокрытых идолов; собрав их многое множество, они сложили идолов вместе и подожгли; так было искоренено в Газе идолослужение. Кинегий же, достаточно смирив нечестивых начальников и наказав их за притеснение христиан, возвратился к царям, а часть воинства, по прошению святителя, оставил в городе, чтобы идолопоклонники опять не вознесли рог свой на христиан. После того святитель Христов основал на месте, где было капище Марнаса, крестообразную церковь, изображение которой царица Евдоксия прислала написанным на хартии. Для этой церкви она прислала также тридцать столпов мраморных, среди которых два были блестящие, как смарагд. Так, с помощью царицы, в пять лет была построена церковь, несравненно более прекрасная, чем прежде бывший храм Марнаса. Освятив эту церковь, архиерей Божий стал совершать Божественную службу, воздавая Христу Господу великое благодарение за то, что на месте, где прежде совершали скверные кровавые жертвы ложным богам, теперь начала приноситься Бескровная Пречистая Жертва Истинному Богу. Потом святой Порфирий на золото, данное от благочестивой царицы, построил странноприимницу и упокоевал в ней странных, питал нищих. С Божией помощью он мудро пас стадо Христово словом Божиим, так что число верных увеличивалось всё более и более: ибо многие из язычников, оставляя идольское нечестие, обращались ко Христу Богу; а прочие язычники снедались гневом и завистью, видя прекрасно

цветущую и умножающуюся церковь христианскую, язычество же увядающее и умаляющееся. И вот они снова покусились восстать на святого пастыря и на стадо его. Однажды произошла распря иконома церковного с одним идолопоклонником, знатным гражданином, которому имя Сампсихий, по поводу некоторой вещи, принадлежащей церковным имениям. На шум сбежались верные и неверные, помогая каждый своему – верные иконому, неверные же Сампсихию. Но так как неверных было больше, то они одолели верных и воздвигли брань, схватив дреколие и оружие. Убив из числа верных семь человек, а многих сильно поранив, язычники с бесчинным криком и шумом побежали на двор епископский, желая убить святого Порфирия. Он же, узнав это, сказал диакону Марку:

– Побежим, брат, укроемся на некоторое время, покуда не пройдет мимо гнев Господень.

И перелезши стену, они побежали в противоположную от мятежников сторону и скрылись у некоторой девицы, именем Салафы, которая по вере была язычница. Оставшись сиротою после родителей, она жила вместе с бабкою своею, которая, была больна; ей она служила и питала ее от труда рук своих. Эта девица скрыла у себя святого епископа и диакона его, дав им пищу и питие. И пробыл у нее святой Порфирий тот день и ночь и другой весь день. В следующую за тем ночь, когда утихли шум и мятеж, пришел святой с Марком в свой дом и нашел всё, что было, расхищенным, а блаженного Варуха лежащего избитым и покрытым ранами, так что он едва дышал. Обо всём этом христиане возвестили анфипату[1653], проживавшему в Кесарии. Тот, прославши воинов, взял всех тех, которые воздвигли этот мятеж и совершили убийство, и одних казнил смертью, а других, бив жестоко, отпустил живых. С этого времени нечестивые притихли. И святитель Христов Порфирий прочее время жизни своей жил в мире и доброй тишине. Вышеупомянутую девицу Салафу, у которой он скрывался от убийственных рук, святитель возблагодарил и просветил ее святым крещением; а болящую старицу её исцелил и также крестил и давал им от церковных имений

пропитание. Он хотел было девицу сочетать браком с законным мужем, но она захотела уневеститься Христу, о чем святой весьма возрадовался духом; посвятив ее в Христово служение, он и причислил ее к лику непорочных дев: она же угождала Богу до конца жизни, соблюдая непорочно девство свое в посте и молитвах, при пособии Богоприятных молитв угодника Божия Порфирия, который воссылал непрестанные моления к Богу о стаде своем – ночью и днём.

Святитель Христов прославился как великий чудотворец. Так он молитвою своею сотворил целыми и невредимыми трех отроков, упавших в глубокий колодезь, а некоторую женщину, принадлежавшую к ереси манихейской, хитрости бесовской и баснословия еретического исполненной, весьма хулившую Православие и многих прельщавшую на свое злочестие, умертвил молитвою: ибо, внезапно падши, она испустила дух. И много других чудес соделал во славу Божию святой Порфирий. Пасши Церковь Христову двадцать четыре года, одиннадцать месяцев и восемь дней, святой отошел к Пастыреначальнику Иисусу Христу, Сыну Божию, Архиерею Великому, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки[1654]. Аминь.

В тот же день память святого мученика Севастиана, усеченного мечом при императоре Нероне[1655].

Кондак, глас 2:

Священнейшими твоими нравы украшаемь, священства одеждею озарился еси, всеблаженне Богомудре Порфирие, и исцелений удобряеши возвышеньми, моляся непрестанно о всех нас.

Память преподобного отца нашего Прокопия Декаполита, Исповедника

Память 27 февраля

Страна Декаполитская, получившая свое название от десяти городов, расположенных в ней, находится при море Галилейском; об этой стране упоминает святой Евангелист Марк, говоря: «Иисус опять пошел к морю Галилейскому через пределы Десятиградия»[1656] (Мк.7:31). Из этой страны был родом преподобный Прокопий Исповедник. Опытный в монашеских подвигах, испытанный в строгом пощении, украшенный чистотою душевною, он был славен и знаменит среди подвижников. В то время наступили тяжелые времена иконоборческой ереси; её первым возбудителем был беззаконный царь греческий Лев Исаврянин[1657], несправедливо называвший святые иконы идолами, а поклоняющихся им – идолопоклонниками. Без милосердия он убивал многих безвинных православных, предавал проклятию всех бывших до него правоверных царей, святителей и христиан, как почитавших святые иконы, заслужив за это ото всех проклятие. Тогда великий и незыблемый столп православия и крепкий защитник правой веры, преподобный Прокопий, стал мужественно против множества еретиков, в своем нечестии хуливших воплощение Бога Слова и бесчестно отрицавших святые иконы. Он постыдил еретиков, обличая их безумное мудрование и преодолевая его непобедимыми Боговдохновенными словами; точно паутину разорвал преподобный Прокопий их хитроумные словесные плетения.

Этим он навлек на себя гнев безбожного царя, который подобно дикому льву, вышедшему из пустыни, рыкал, ища добычи. По его приказанию преподобного схватили и жестоко били; мучители строгали его тело железными орудиями, и затем они ввергли его в мрачную и смрадную темницу. Но святой твёрдо переносил все страдания. С ним вместе страдал и преподобный Василий, который прежде подвизался вместе с Прокопием в постничестве и добродетели. Оба они теперь

вместе много претерпели мучения за святые иконы. Оба вместе были заключены в темницу и находились там до самой смерти безбожного мучителя. Когда же Лев умер, лишившись не только временной, но и будущей вечной жизни, святой Прокопий вместе со своим другом Василием и другими святыми был выпущен из темницы. Прочее время своей жизни он прожил в постнических трудах, многих наставлял на добродетели и приводил ко спасению. В маститой старости он отошел ко Христу Богу, чтобы видеть Его уже лицом к лицу, а не в иконном изображении и чтобы, как постнику и страдальцу Христову, подвизавшемуся до крови за Его святую икону, принять достойную награду за труды свои.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Прокопие отче наш: моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Денницу днесь Церковь имущи, всякую злославия мглу разгоняет, почитающи тя небеснотаинниче, Прокопие преславне.

Память преподобного Фалалея

Память 27 февраля

Святой Фалалей был родом из Киликийской[1658] области. Презрев мирскую суету, он сначала пришел в обитель преподобного Саввы Освященного. Возлюбив постнические подвиги иноческого жития, он принял ангельский образ и за свою добродетельную жизнь удостоился сана пресвитера. Спустя несколько лет он пришел в Гавалу, один из Сирийских городов, принадлежавший к Лаодикийской митрополии. В расстоянии двадцати стадий от города была большая могила. На ней стояло пришедшее уже в ветхость языческое капище, окруженное древними гробницами; здесь обитало множество нечистых духов. Все проходившие мимо боялись сего места, ибо нечистые духи не только страшили путников привидениями, но часто даже нападали на них и причиняли много зла и людям и животным. Слыша об этом, преподобный Фалалей отправился туда и поселился там. Он построил себе небольшую палатку и жил в ней, подвизаясь в посте, умерщвляя плоть лишениями, молясь непрестанно день и ночь. Не могли перенести такого соседства нечистые духи. Собравшись целым полчищем, они с великой яростью устремились на святого мужа, старались устрашить его дикими голосами, грозили ему и всякими кознями пытались заставить святого оставить то место, которое они издавна считали своим. Но крепкий своей верой в Бога, преподобный Фалалей, ограждаясь молитвой и крестным знамением, бодро стоял, как храбрый и непобедимый воин, и попирал немощную силу злых духов.

Так долгое время, каждый день и особенно по ночам, мужественно боролся святой с нечистыми духами и наконец с Божией помощью победил их. Они бежали со стыдом, не будучи в состоянии одолеть непобедимого воина Христова.

Изгнав бесов, угодник Божий построил себе совсем не по своему росту келью малую и тесную, всю два локтя в высоту и один в ширину; в ней он не только не мог стоять, но даже и сидеть обычно: преподобный Фалалей был высокого роста,

поэтому, сидя в своей келье, он всегда принужден был голову пригибать к коленам. В такой тесноте он прожил около десяти лет. В то время его посетил епископ Киринейский Феодорит и застал преподобного Фалалея за чтением Евангелия. Когда епископ спросил его, почему он избрал себе такой образ жизни, святой отвечал:

– Я – великий грешник; веруя, что меня в будущей жизни должны постигнуть великие мучения, я и изобрел для себя добровольно столь малое узилище, надеясь, что этими небольшими стеснениями я избавлюсь от вечных мук.

Беседуя с ним, епископ получил для себя великую пользу.

Бог даровал преподобному Фалалею и дар чудотворения: преподобный по своим молитвам мог исцелять недугующих всякими болезнями, и исцелял не только людей, но и скот. Поэтому многие приходили к нему, как к целебному источнику, и обретали у него здравие не только телесное, но и душевное, так что многие из окрестных эллинов обратились ко Христу Богу. Среди христиан, живущих в пределах города Гавалы, было много язычников. Все они просветились святою верою, будучи приведены к познанию истины чудесами святого Фалалея. При помощи этих новообращенных христиан преподобный разорил языческое капище и уничтожил могилы. Очистив это место от бесовских скверн, он построил здесь храм Божий во имя всех святых мучеников и завел в нем ежедневное богослужение во славу Божию. Прочее время своей жизни он проводил в тех же подвигах, что и раньше, и, угодив Богу, преставился в преклонной старости. Святой Софроний Иерусалимский так пишет об этом преподобном в «Лимонаре»[1659]:

«Авва Петр, пресвитер лавры святого Саввы, поведал нам о авве Фалалее Киликийском, что сей блаженный отец шестьдесят лет был иноком и никогда не прекращал слёз, говоря: «Это время дал нам, братия, Бог на покаяние и если мы его погубим, то за это будем строго судимы»».

Преподобный Фалалей скончался около 460 года, пребыв в иночестве 60 лет.

Житие преподобного Тита, пресвитера Печерского

Память 27 февраля

Как «открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие» (Рим.1:18) и как нисходит «мир Божий», превосходящий ум (Флп.4:7), охраняющий тело и душу стремящегося к нему человека, всё это видим в житии блаженного Тита. Он был инок Печерского монастыря[1660], почтенный саном пресвитера. На подвиги, достойные вечного блаженства, преподобный Тит был наставлен следующим обстоятельством: у него был брат не по плоти, а по духу, черноризец того же монастыря по имени Евагрий, по сану диакон. Великая и нелицемерная любовь соединяла двух иноков, так что все дивились их единодушию и взаимной любви. Но ненавидящий всякое добро диавол, обыкший сеять плевелы среди пшеницы (Мф.5:22), и между ними посеял вражду. Гневом и ненавистью он так омрачил их сердца, что они не могли даже взглянуть друг другу в лицо и поэтому всячески старались избегать один другого. Когда один шел в церкви с кадильницей, тогда другой убегал от каждения; если же один не отходил, то другой проходил мимо него, не покадив. В столь греховном мраке они пребывали долгое время, так что, по диавольскому внушению, даже дерзали возносить Божественные дары и причащаться их, не примирившись друг с другом, не испросив прощения друг у друга. Много раз просила их братия примириться, но они и слышать не хотели. Однажды, по Божиему смотрению, случилось преподобному Титу так сильно захворать, что он уже не думал остаться в живых. Тогда он горько стал плакать о своем прегрешении и смиренно послал к диакону Евагрию сказать ему:

«Прости меня, брат, ради Господа за то, что я оскорбил тебя гневом своим».

Но тот не только не простил Тита, но стал еще более поносить его и даже проклинать. Однако братия, увидев, что Тит уже умирает, силою привели к нему Евагрия, чтобы он

примирился с братом. Увидев его, больной, приподнявшись, упал к ногам Евагрия, говоря со слезами:

– Прости меня, отче, и благослови!

Но немилостивый и бесчеловечный Евагрий отвратился от брата и пред всеми сказал полные ненависти слова:

– Я никогда не хочу примириться с ним: ни в сем веке, ни в будущем!

Сказав сие, он вырвался из рук братий и упал. Иноки хотели поднять его, и нашли его мертвым. Они не могли ни сложить ему рук, ни затворить уст, ни закрыть очей – словно он умер давно. В это время блаженный Тит встал совершенно здоровым, как будто бы никогда не болел. Все ужаснулись, видя внезапную кончину одного и быстрое исцеление другого. Они начали спрашивать блаженного пресвитера Тита, чтобы это значило? Блаженный Тит поведал им то, что ему было открыто об этом свыше:

– Во время болезни, – так начал блаженный Тит свой рассказ, – я, еще одержимый гневом, увидел, как Ангелы отступили от меня. Они рыдали о гибели моей души, а бесы радовались, что я имею гнев на своего брата. Поэтому-то я и начал просить вас, чтобы вы пошли и испросили мне у брата моего прощения. Когда вы привели его ко мне, и я поклонился ему, а он отвернулся от меня, я увидел одного немилостивого Ангела с пламенным копьем, коим он ударил непростившего меня, и тот упал мёртвым. Тот же Ангел подал мне руку, поднял меня, и вот я выздоровел.

Устрашенные рассказом, иноки много плакали об умершем Евагрии. Они погребли его, но не могли сложить ему руки и закрыть глаза и уста. Сами же особенно стали блюстись гнева, прощая друг другу всякое слово обидное, памятуя слова Господни: «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5:22). Также и святой Ефрем Сирин сказал: «Если кому случится умереть в вражде, то такового ожидает неумолимый суд». И можно было сказать тогда о вразумленной братии: «Велик мир у любящих закон Твой» (Пс. 118:165).

Но особенно сам пресвитер Тит, видя, как за примирение со своим братом он получил примирение с Богом и был избавлен от смерти не только телесной, но и душевной, с сего времени даже и не думал гневаться на кого-либо, но, отбросив гнев, приобрел постоянную любовь к братии, которая, как корень мира, есть союз совершенства, она исходит от «чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1Тим. 1:5), она «долготерпит, милосердствует, любовь не завидует» (1Кор.13:4) содержит в себе все добродетели и особенно: пост, целомудрие, постоянную молитву. Блаженный с сего времени всегда имел в своем сердце слова Писания «будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (1Пет. 4:7–8).

Принося бескровную жертву, пресвитер Тит исполнял и следующее Евангельское слово: «любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв» (Мк.12:33). Он стяжал себе столь невозмутимый мир, что, пылая чувством совершенной любви, не мог, скорбя, сказать: «Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих» (Пс. 37:4). Совершенный мир души сего постника был таков, что на нем истинно исполнилось изречение Апостола: «Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим.14:17).

Поэтому и на Небесах блаженный Тит удостоился получить упокоение, стремясь к которому, он после многих трудов и подвигов отошел к Господу. Святое тело его почивает в одной из печерских пещер, полной святых, как дольнее небо, духом же он присутствует на Небе, куда вознесен руками явившихся ему Ангелов. Они могли сказать об этом прежде грешнике, потом же достойно покаявшемся праведнике только то, что сказал святой Павел об Апостоле Тите: «Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита» (2Кор.7:6). Мы, также радуясь, можем сказать в ответ сим небесным жителям из того же Писания: мы утешились, видя ваше утешение, и особенно возрадовались радостью Тита, упокоившегося среди вас. Святыми молитвами преподобного Тита да сподобимся и мы, отложив всякий гнев,

получить прощение грехов и восприять упокоение временное и вечное от Христа Иисуса Господа нашего, Который есть «Бог любви и мира» (2Кор.13:11). Ему же слава со Отцом и Святым Духом вовеки[1661]. Аминь.

Житие и страдание святого священномученика Протерия, патриарха Александрийского

Память 28 февраля

После смерти святого Кирилла на патриарший престол Александрии[1662] вошел еретик Диоскор[1663]. Этот беззаконник распространил свою ересь по всему Египту. В то время там жил один благочестивый пресвитер, твердый в истинной вере, по имени Протерий. Он известен был святостью своей жизни и был преисполнен боговдохновенного разума и премудрости. Протерий видел, что многие уклонились в ересь патриарха, который ложно утверждал, что во Христе – едино естество, и сильно ратовал против еретиков. Патриарх Диоскор сильно гневался на него; желая и этого защитника православия склонить к своему единомыслию, он коварно ласкал Протерия и почтил даже саном протопресвитера, но старания его были безуспешны. Святой Протерий, утвержденный в вере святейшим патриархом Александрийским Кириллом, был непоколебим. На четвертом Вселенском соборе, происходившем в Халкидоне при царе Маркиане[1664], Диоскор был обличен в своей ереси, был лишен патриаршего сана, отлучен от Церкви и изгнан в Пафлагонскую область[1665] в город Гангру, где через некоторое время и умер. Вместо изверженного Диоскора, в Александрии на престол патриарший был избран православными архиереями, клириками и благочестивыми христианами святой Протерий, поистине достойный такого сана.

Но большинство Александрийского народа, напоенного ядом ереси Диоскора, возбуждаемого притом некоторыми клириками еретиками, было против постановления Протерия патриархом. И когда святой Протерий, поставленный православным патриархом, вступил в управление и стал исповедовать правую веру, утвержденную святыми отцами на Халкидонском соборе, в народе произошел мятеж и вспыхнула распря. Некоторые из клириков во главе с пресвитером Тимофеем по прозванию Элур и диаконом Петром Монгом –

ставленниками Диоскоровыми и сторонниками его ереси вместе с прочими отреклись от православных, не захотели иметь общение со святым Протерием и воздвигали в народе раскол. Поэтому в Александрийской Церкви произошел великий раздор: одни признавали новопоставленного патриарха и держались православия, другие же требовали возвращения Диоскора и проклинали догматы, установленные на Халкидонском соборе. Обе стороны вели сильную борьбу друг с другом. Приверженцы Диоскора восставали на святого Протерия, называли его прелюбодеем, ибо он еще при жизни Диоскора принял его невесту – Александрийскую Церковь, называли Протерия еретиком, недостойным сана патриарха. Много бед святой Протерий терпел от еретиков; боясь, чтобы еретики его не убили, он требовал воинской охраны; он всегда находился в страхе, ожидая народного волнения, ибо приверженцы Диоскора уже восставали на городских начальников и на войско, бывшее в городе. В это время консул из Фиваиды прибыл в Александрию, чтобы усмирить волнение. Мятежники стали бросать камнями в прибывших вместе с консулом воинов. Последние, видя народное восстание, направились в храм Серапидис и затворились в нем. Мятежники обступили храм и, взяв его, сожгли всех бывших в нем воинов. Когда известие об этом достигло до благочестивого царя Маркиана, он сильно разгневался и послал великую воинскую силу и смирил волнение, приказав, чтобы хлеб и жито, которые привозили в Александрию на кораблях из городов Египта, с сего времени отправлять не в Александрию, а в Пилусию, а оттуда в Царьград. Кроме того, Маркиан отнял у александрийцев народные бани и другие угодья, ограничил свободу жителей, закрыл бывшие у них народные представления. Граждане, скорбя об этом и главным образом чувствуя недостаточность хлеба, смирились и просили святейшего патриарха Протерия, чтобы он отправился к царю и просил бы его за них. Святой Протерий, отправившись, ходатайствовал пред царем о своем городе, и царь, смилостивившись, исполнил все просьбы святого мужа. Гражданам была возвращена прежняя их свобода, и хлеб стали прямо подвозить к Александрии. После

этого патриарх некоторое время мирно управлял своей паствой и предал извержению не захотевшего покаяться Тимофея Элура.

После кончины благочестивого Маркиана еретики опять подняли голову и стали возбуждать простой народ, и перестали только тогда, когда достигли своего. Пронырливый и лукавый Тимофей Элур, занимавшийся и волхвованием, следующим образом хитро обольстил египетских монахов, живших по монастырям или подвизавшихся в пустыне.

В темную безлунную ночь Тимофей, одевшись в темную одежду, стал обходить кельи иноков и каждого называл по имени. Когда иноки спрашивали его, кто он и чего ему нужно, он отвечал:

– Я – один из Ангелов, послан от Бога, чтобы вы не имели общение с Протерием и не принимали бы постановлений Халкидонского собора. Епископом в Александрии вы должны поставить Тимофея Элура.

Так хитрый льстец, при помощи демона, прельстил их. Иноки же, не поняв козней вражеских, приняли ложь за истину и, рассказывая друг другу о видении Ангела, согласились и собрались все вместе. Посоветовавшись, все они отправились в Александрию – словно на борьбу; все они были ослеплены яростью против святого архиерея Протерия и хотели изгнать его из церкви. В то время Тимофей в Александрии собрал вокруг себя много мятежников; одних он прельщал, другим же тайно давал деньги. Дождавшись удобного времени, когда консула Дионисия не было в городе – он задержался в Верхнем Египте – Тимофей с многочисленными единомысленниками с вооруженным войском, нанятым им, и с пришедшими иноками отправился в храм. Среди мятежников было два изверженных епископа и несколько клириков, тоже отлученных. Они посвятили Тимофея во епископа и нарекли его патриархом Александрийским. Он сделал это вопреки всем церковным правилам, презрев все законы царские, надеясь только на мятежный народ и на прельщенных иноков.

Святейший патриарх Протерий, видя такой мятеж и не имея ни от кого, по причине отсутствия консула, помощи, умыслил

бежать. Тайно ночью он вышел из города. Когда он в одном скрытом месте заснул, в сонном видении ему явился пророк Исаия и сказал:

– Возвратись во град, там я буду ждать тебя!

Размышляя о видении, Протерий понял, что ему предстоит мученическая кончина. Он возвратился и вошел в церковную крестильницу. Между тем мятежники, желая убить святого Протерия, всюду разыскивали его. Узнав, что он находится в крестильнице, они затворили его там. Потом некоторые из них вошли к нему и убили его и бывших при нем 6 человек, истерзав при этом всё тело святого острыми наконечниками железных жезлов, которые мучители носили с собой. Они пролили неповинную кровь в то самое время, когда был заклан за нас наша Пасха – Христос; убийство совершено было в Великую Субботу. Но убийцы не насытились кровью и еще далее простерли свою лютость. Привязав к ногам Христова мученика веревки, они влекли его святое тело на средину града, причем наносили ему удары разными орудиями, растерзывая его на части. Некоторые даже в величайшей ярости, словно псы или дикие звери, зубами впивались в его тело. Разложив большой костер, они сожгли тело Христова страдальца, а прах его развеяли по воздуху[1666]. При сем они, по повелению своего ложного патриарха Тимофея, сожгли даже архиерейский престол, на коем восседал святой Протерий, как будто осквернённый святым мужем; так скверные и нечестивые объявили безбожным угодника Божия.

После бесчеловечного убиения святого Протерия Тимофей послал по всем городам Египта своих воинов, чтобы изгнать православных архиереев, а вместо них посадить других, которых он сам поставит. Тогда притесняемые православные епископы и клирики и все правоверные послали прошение благочестивому царю Льву, который вступил на престол после Маркиана; такое же прошение православные послали и к святейшему Анатолию, патриарху Цареградскому; в своих прошениях они рассказывали о всем случившемся и слезно просили избавить от такого бедствия Александрийскую Церковь. Сильно жалели царь и патриарх о бесчеловечном убиении

святого, неповинного архиерея Божия, Протерия. Царь немедленно послал в Александрию своих сановников с войском, и многие из мятежников были казнены: одним были отсечены руки, у других был отрезан язык, некоторые заключены в темницы, другие были биты и изгнаны. Сам же Тимофей Элур, ложный патриарх, был отдан на суд. Осужденный православными епископами, он восприял мзду по своим делам: они не только лишили его архиерейства, но даже извергли из Христовой Церкви, послали на заточение в город Гангры, где был некогда в заточении и его учитель Диоскор. Вместо него на патриаршество в Александрии был возведен другой Тимофей, по прозванию Салофакиол. Он отличался своей твердой верой, мудростью и добродетельной жизнью, за что и пользовался от всех уважением. И наступил мир в Александрийской Церкви, которая с сего времени стала со всеми православными восхвалять Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога в Троице. Аминь.

Память преподобного отца нашего Василия Исповедника

Память 28 февраля

Святой Василий жил в царствование Льва Исаврянина-иконоборца. Оставив мир с его соблазнами, он поступил в монастырь и добродетельно проводил иноческое житие. Когда было гонение на почитание святых икон, святой Василий мужественно сопротивлялся иконоборцам. За это он был взят и предан многим мучениям; но, несмотря на то, Василий отвергал еретическое учение иконоборцев и стоял вместе со святым Прокопием за истину до пролития крови. Подобно преподобному Прокопию, его строгали по всему телу; потом его заключили в темницу, где он томился долгое время – до смерти нечестивого царя. По смерти мучителя преподобный Василий был отпущен вместе со святым Прокопием и другими исповедниками и жил как и прежде в постнических трудах, многих обращая к православной вере и наставляя на добродетельное житие. После нескольких лет богоугодной жизни он сподобился блаженной кончины и с молитвою, благодарением и несказанною радостью отошел ко Господу[1667], Коего возлюбил с раннего детства.

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель и в телеси Ангел и чудотворец явился еси богоносе отче наш Василие, постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляеши недужныя и души верою притекающих ти. Слава Давшему ти крепость, слава Венчавшему тя, слава Действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 8:

С высоты приимь Божественно откровение, изшел еси, мудре, от среды молв и, монашествовав преподобно, чудес приял еси действо и недуги исцеляти благодатию, Василие всеблаженне священнейший.

Память святого священномученика Нестора, епископа Магидийского

Память 28 февраля

Святой Нестор был взят в своём доме во время молитвы, в которой был предуведомлен о своем мучении видением овна; начальником города Магидиса (в малоазийской области Памфилии) Иринархом он был лично представлен в Пергию[1668]. На пути святой Нестор был укреплен землетрясением и голосом с неба. В Пергии, после страшных мучений, он окончил жизнь на кресте в гонение Декиево, в 250 году.

Память преподобных жен Марины и Киры

Память 28 февраля

Преподобные Марина и Кира происходили из города Берии[1669] от знатных и известных в городе родителей. Но они пренебрегли знатностью своего происхождения и, достигши совершенного возраста, удалились за город, сами обгородили для себя один небольшой уголок земли и, завалив вход в убежище камнями и глиною и оставив только небольшое отверстие для подачи им необходимой пищи и бесед с приходящими, стали подвизаться в огражденном месте, на открытом воздухе. Прославляя в душе своей Бога, преподобные всё время пребывали в молчании и прерывали его через каждые пятьдесят дней только на один день. На теле своем под широкими иноческими одеждами святые носили весьма тяжелые железные вериги и с необыкновенным терпением переносили голод и происходящие от него страдания. В течение трех лет подряд они принимали пищу только один раз через сорок дней. Отправившись однажды на поклонение Живоносному Гробу Господню, они не принимали никакой пищи до тех пор, пока не совершили поклонения, а возвращаясь назад, они прошли всё пространство своего пути, заключавшее в себе 20 стадий, ничего не вкушая. Такой же подвиг совершили они и тогда, когда предприняли путешествие в храм святой мученицы Феклы. Прославив себя такою подвижническою жизнью, сии святые жены перешли, наконец, к вечной жизни, которой так желали[1670].

Память преподобного отца нашего Кассиана Римлянина

Память 29 февраля

Преподобный Кассиан происходил из Рима и был сын знатных и славных родителей. С ранней юности своей он проявлял любовь к наукам и книгам Священного Писания. Отличаясь прилежанием и ясностью ума, он сначала изучил философию и астрономию, а потом перешел к благоговейному изучению Священного Писания и прекрасно изучил его, так что по своим познаниям он был одним из выдающихся людей своего времени. Кроме того, он соблюдал девство, отличался душевной чистотой, благонравием и другими добродетелями. Оставив свое отечество, он пришел в Царьград к святому Иоанну Златоусту. Приобретши от него еще новые знания и научившись добродетельной жизни, он удалился в скит. В одном из бывших там монастырей святой Кассиан принял на себя иночество, всецело предав себя послушанию и всем монастырским трудам, приучая себя к тяжелой, требующей поста и других подвигов, иноческой жизни. Эти подвиги возбудили в нем желание новых, высших, и он ушел в пустынное место, чтобы там вести безмолвную жизнь. Немало времени подвизался так святой Кассиан, научаясь понимать искушение и изнуряя себя великими трудами. Желая получить от других святых отцов большую пользу для себя, он вышел из своего места, где соблюдал полное безмолвие, и посетил все монастыри в Египте, Фиваиде, на Нитрийской горе, в Азии, в Понте и Каппадокии. Ознакомившись, благодаря путешествию, с житиями многих великих отцов и изучив различные образы иноческих подвигов, святой Кассиан основал два монастыря в Массилии, мужской и женский. Кроме этого, он написал несколько книг поучительных слов, исполненных назидательными предостережениями премудрости и пользы, так что всякий читающий их со вниманием и прилежанием может почерпнуть немалую пользу для своей души и узнать, каково было житие и рассуждение святого составителя этих

душеполезных книг[1671]. Преподобный Кассиан писал еще против Нестория о воплощении Божия Слова от Пречистой Девы Богородицы[1672]; православно прославляя Богоматерь, святой угодил рождшемуся от Нее Богу. Пожив много лет среди таких трудов и подвигов и оказав своими писаниями инокам великую пользу, святой Кассиан отошел в вечные обители[1673].

Память преподобного Иоанна, нареченного Варсанофия

Память 29 февраля

Преподобный Иоанн был родом из Палестины; восемнадцати лет он крестился и воспринял на себя иноческий образ и особенно стал подвизаться в посте. За свою добродетельную жизнь он был поставлен архиепископом в Дамаск[1674]. Но, не многое время пребыв на кафедре архиепископа, он заметил, что обязанности его высокого положения трудно совместимы с иноческими подвигами, поэтому Иоанн оставил епископию и тайно удалился из Дамаска. Придя в Александрию[1675], он переименовал себя Варсонофием, чтобы кто его не узнал и не открылось его действительное положение. Из Александрии он отправился, как убогий странник, в Нитрийскую гору[1676]; поклонившись игумену бывшего здесь монастыря, святой Иоанн просил его, чтобы он принял его для услуг братии. Игумен принял его и дал ему монашеское одеяние. Святой стал ревностно служить инокам, днём он был занят сим делом, а ночью без сна пребывал в молитве. Ранним утром он собирал из всех келий тыквы и сосуды, шёл к реке; почерпнув воды он приносил ее и ставил сосуд с водой перед каждой кельей.

Один из иноков, человек малоумный, сильно досаждал святому, то давал ему укоризненные прозвища, то обливал его помоями. Наущаемый диаволом, недостойный инок провертел стенку той кельи, где жил преподобный Иоанн, и через отверстие «совершал водный исход» на ложе святого, так что оно стало издавать зловоние.

Узнав об этом, игумен призвал к себе брата, чтобы наказать его. Но Варсонофий упал в ноги игумену, с плачем говорил, что он сам виновен в сем:

– Я сам, – говорил святой, – раздражаю брата и возбуждаю его гнев; прости ему Господа ради.

Так он избавил брата от наказания. Но через некоторое время Иоанн был узнан преподобным Феодором Нитрийским,

оставил гору и бежал в Египет. Здесь он проявил дар такой прозорливости, что узнавал даже помыслы людские. Он освободил Церковь от еретиков, написал много душеполезных книг и с миром отошел во Христе Иисусе[1677], Ему же, со Отцом и Святым Духом, честь и слава вовеки. Аминь.

Память святого мученика Феоктириста, игумена Пеликитского

Память 29 февраля

В VIII веке, при Константине Копрониме[1678], пострадал за иконопочитание: ему были обожжены нос и руки смолою. Святой Феоктирист был участником страданий святого Стефана Нового.

Житие и страдание святой преподобной мученицы Евдокии

Память 1 марта

В царствование Траяна[1679] в городе Илиополе[1680], что в Келесирии[1681], в области Финикии Ливанской[1682], сопредельной с иудейской страной, жила девица по имени Евдокия. По происхождению и по вере она была самарянка[1683]. Прельщая своей великой красотой, она многих безжалостно увлекала к погибели, собирая посредством плотской нечистоты, этого легкого способа приобретения, свое постыдное достояние от богатства тех стран. Лицо ее было настолько красиво, что и художник затруднился бы изобразить эту красоту. Повсюду шла о ней молва, и множество благородных юношей и даже представителей власти из других стран и городов стекались в Илиополь, как будто бы за другой надобностью, на самом же деле только для того, чтобы видеть и насладиться красотой Евдокии, греховными делами собравшей богатство, чуть ли не равное царской казне. И через это продолжительное собирание сокровищ, Евдокия так омертвела душой в своей нечистой жизни и окаменела в сердечном ожесточении, что никакая сила, кроме Божественной, не исцелила бы безнадежной душевной болезни этой отчаянной грешницы. Однако настало время, когда избавляющая от погибели рука доброго пастыря, ищущего заблудшей овцы, поспешила и к ней: воззрел Творец на Свое создание, растленное злобой диавола, и восхотел обновить его. Истинный Домохозяин позаботился о плодах Своего виноградника, подвергавшихся вражескому расхищению. Владыка небесных сокровищ поспешил принять в вечную сокровищницу валявшуюся на земле в грязи и гибнущую драхму. Хранитель благ, ожидаемых праведными, призвал эту отчаянную самарянку к Своей совершенной надежде, а диавола оставил посрамленным. Он сделал то, что валявшаяся некогда в болоте, как скот, стала нескверною, как агница; прежний сосуд нечистоты наполнился чистотою; навозный ров сделался чистым, невозмутимым источником; грязный поток

преобразился в благовонное озеро; смрад прогнившего и засмердевшего колодца оказался алавастром многоценного мира; та, что для многих людей являлась духовной смертью, та самая для многих же оказалась виновницей спасения. Вот как началось обращение к Богу этой великой грешницы.

Один инок, по имени Герман, возвращался через Илиополь из путешествия в свою обитель. Он пришел в город вечером и остановился у одного знакомого христианина, жившего близ городских ворот, причем комната его была смежной со стеной дома той девицы, о которой идет речь. Инок, уснув немного, ночью встал по обыкновению своему для пения псалмов и, по окончании положенного правила, сел и, взяв книжку, которую носил с собой за пазухой, надолго углубился в чтение. В книжке было написано о Страшном Суде Божием и о том, что праведные просветятся, подобно солнцу, в Царстве Небесном, а грешные пойдут в огонь неугасимый, где будут преданы навеки лютым мучениям. В эту самую ночь Евдокия, по Божественному смотрению, была одна. Спальня, в которой она затворилась, примыкала к той стене, за которой инок подвизался в молитве и чтении. Когда начал инок свое псалмопение, Евдокия тотчас же проснулась и, лежа на постели, слушала все до самого конца чтения. Ей слышно было все, что читал инок, ибо одна только стена, и та не толстая, разделяла их, тем более, что инок читал громко. Слушая чтение, грешница пришла в великое умиление и не спала до самого рассвета, с трепетом сердечным размышляя о множестве своих грехов, о Страшном Суде и нестерпимой муке грешников. Как только настал день, она (под действием Божественной благодати, возбуждавшей ее к покаянию) велела позвать к ней того, кто читал ночью книгу, и, когда он пришел, спросила его:

– Что ты за человек и откуда? Как ты живешь и какая твоя вера? Умоляю тебя, скажи мне всю правду. Услышав, что ты читал ночью, я смущена, и душа моя истомилась, ибо я слышала что-то страшное и удивительное, до этих пор мне неизвестное. И если правда, что грешники предаются огню, то кто же может спастись?

Блаженный Герман сказал ей:

– Госпожа! Какой же ты веры, если ты никогда не слыхала о Страшном Суде Божием и не понимаешь значения читанных мною слов?

– По своему отечеству и по вере, – сказала Евдокия, – я самарянка; богатство мое безмерно, и меня особенно смущает и устрашает то горе и тот вечный и неугасимый огнь, которыми угрожает богатым читанная тобой книга. В книгах нашей веры я таких слов никогда не встречала и поэтому немало встревожилась, услышав что-то новое и неожиданное.

Блаженный Герман спросил:

– Есть ли у тебя муж, госпожа? И откуда у тебя безмерное, как ты говоришь, богатство?

– Законного мужа не имею, – ответила она, – а богатство мое собрано от многих мужей. И если богатые осуждены будут по смерти на такую тяжкую и вечную муку, то какая же мне польза от моего богатства?

Герман сказал ей:

– Поведай мне истинную правду (ибо и Христос мой, Коему я служу, неложен и истинен), хочешь ли ты быть спасенной без богатств и жить благополучно, в веселии и в радости, бесконечные века? Или хочешь с богатством своим жестоко мучиться в вечном огне?

– Гораздо лучше мне без богатства получить жизнь вечную, – ответила Евдокия, – чем с богатством погибнуть однажды навеки. Но я удивляюсь, за что богатый будет так казнен по смерти? Ужели Бог ваш питает такую жестокую и неумолимую ненависть к богатым?

– Нет, – сказал Герман, – не отвращается от богатых Бог и не запрещает им быть и богатыми, но ненавидит неправедное приобретение богатства и употребление богатства на жизнь в наслаждениях и похотях греховных; потому, если кто приобретает богатство законным путем и приобретенное тратит на добрые дела, тот безгрешен и праведен пред Богом, а кто собирает богатство хищением, грабежом и неправдою или вообще каким-либо греховным делом, кто бережет богатство в своих сокровищницах, не милосердуя о нищих, не подавая

просящим, не одевая нагих, не насыщая алчущих, – тому будет мука без милости.

Евдокия спросила:

– А мое богатство не кажется тебе неправедным?

Герман отвечал:

– Поистине оно неправедно и противнее Богу всякого греха.

Тогда она сказала:

– Почему же так? Ведь я многих нагих одела, многих алчущих накормила досыта, а некоторым немного и золотом помогла. Как же ты богатство называешь злом?

– Госпожа, – сказал Герман, – послушай меня со вниманием: ведь никто, пойдя в баню мыться, не захочет погрузить свое тело в воду нечистую, мутную, противную и вонючую, но омывается там, где окажется чистая вода. Как же ты можешь некоторыми только делами милосердия очиститься от смрадной и мерзкой скверны греховной, когда ты валяешься в ней добровольно и в то же время презираешь чистую воду Божия милосердия? Во всяком случае, это болото скверны греховной, как потоп, с великой силой ввергнет тебя в пропасть серную и смоляную, горящую вечным пламенем гнева Божиего. Ибо богатство, которое у тебя так велико, противно великому Владыке и вечному Судии и уже осуждено раньше Страшного Суда, как нажитое в прелести и блуде. И нисколько тебе не поможет то, что ты из этого большого, но скверного и греховного богатства уделяла иногда частицу немногим убогим, – ибо награду за эту малую добродетель уничтожает безмерное множество злых деяний, подобно тому, как тонкое благоухание заглушается сильным зловонием. Нет, никогда ты не получишь никакой благодати, пока будешь добровольно пребывать в нечистоте, и не иначе сподобишься милосердия Божиего, как только отвергнувши безмерный греховный свой смрад, омывши себя слезами покаяния и украсившись праведными делами. Как у того, кто ходит босой по тернию, много острых заноз, так что если некоторые и вытащить, все же много их останется в теле и будут причинять мучения; так и сделанная тобою когда-нибудь маленькая милостыня нищему если и поможет тебе уничтожить какой-либо небольшой грех, то самое большое терние

греховное остается на совести твоей и приведет тебя на тягчайшее мучение. Страшен и праведен мздовоздатель – Бог, прогневанный тобою и угрожающий тебе вечными и нестерпимыми муками, уготованными для грешников нераскаянных. Но если ты захочешь меня выслушать, то можешь спастись от ожидающих тебя мучений и получить радость вечную.

Евдокия сказала:

– Раб Бога живого, умоляю тебя, побудь немного со мной, расскажи мне подробно о тех делах, коими можно сподобиться милости Божией, дабы и я, следуя этому образцу, могла получить спасение. Я готова употребить свое богатство на добрые дела. Ты сказал, что Бог любит справедливое и добродетельное распределение богатства: мне же ничто не мешает, даже и с некоторым уменьшением домашнего имущества, избавить себя от тех мучений, которые, по твоим словам, должны принять в день суда ненавидимые Богом. Вот, честный отче, у меня немало рабов. Под твоим предводительством поведу я их, нагруженных золотом, серебром и драгоценными вещами, к твоему Богу, если только Он, по твоему ходатайству, благоизволит принять мое приношение и даровать мне спасение.

– Не суди о Боге, – сказал ей Герман, – по нравам человеческим, не думай, что Ему нужны те ничтожные вещи, которые драгоценны для людей; ибо Он, будучи несравненно богаче всех царей земных, по Своей воле обнищал для нас, чтобы этой скорбной нищетой купить нам вечное спасение. Дочь моя, раздай свое богатство больным и убогим, ибо они любезны Богу: данное им кем-либо Он считает данным Себе и за временное имение, розданное нищим, воздает небесными, никогда не оскудевающими сокровищами. Сделай так и потом приступи к святой и спасительной купели крещения, и, омывшись от скверны всех своих грехов, будешь чиста и непорочна, возродишься благодатью Святого Духа и получишь блаженный удел, где будешь наслаждаться нетленным вечным светом, где нет ни печалей, ни болезней, ни злодеяний. Будешь ты святой агницей, пасомой на небесных пажитях Иисусом

Христом, Спасителем нашим. Одним словом: если хочешь ты спастись, дочь моя, сделай, как я тебе советую, и будешь блаженна вовеки.

Евдокия отвечала:

– Если бы не запечатлелись в моем уме читанные тобой слова, которые я так ясно слышала в прошедшую ночь, я и не позвала бы тебя сюда. Возьми же у меня, отче, сколько хочешь золота и побудь здесь несколько дней, поучая меня вашей христианской вере и наставляя в добродетели, чтобы я, раздав мои богатства и имение и все, как следует, устроив, могла следовать за тобой, куда бы ты ни пошел.

Блаженный Герман на это сказал:

– Не надо мне золота: довольно для меня и надежды на твое спасение, и это для меня – уважительная причина замедлить здесь несколько дней, если я найду погибшую овцу и приведу ее в ограду Христову. Поэтому, хотя я и спешил в свою обитель, однако, пробуду здесь немного дней ради твоего обращения к Богу. Ты же сделай все, что я говорю, – призови одного из христианских пресвитеров, которые живут в этом городе, и пусть он, научив тебя, крестит по церковному чину, ибо в этом начало и основание спасения, а затем все другие богоугодные занятия пойдут своим порядком.

Услышав это от блаженного старца, Евдокия призвала одного из слуг своего дома и велела ему сейчас же идти в церковь христианскую и просить пресвитера немедленно прийти к требующему его; при этом запретила говорить, кто именно требует и зачем. Пресвитер скоро пришел. Увидев его, Евдокия поклонилась ему до земли, облобызала его ноги и сказала:

– Умоляю тебя, господин мой, поведай мне о вашей вере: хочу и я сделаться христианкой.

Пресвитер, удивленный такою речью, спросил Евдокию:

– Какая же твоя вера, что ты желаешь перейти в благоверие христианское?

Она ответила:

– Я самарянка, как по происхождению, так и по вере, и была я супругой всего мира. Исповедаю перед тобою в одном слове всю истину. Я – море многих зол, когда же я услышала,

что грешники, если не покаются и не сделаются христианами, то будут по смерти мучиться в вечном огне, тогда я решила в уме своем стать христианкой.

Пресвитер на это сказал:

– Если ты была морем грехов, будь теперь пристанищем спасения; если ты была колеблема многими ветрами, войди ныне в тихую пристань; и если ты подвергалась сильному волнению, ищи теперь утренней росы, с неба сходящей; если ты долгим наводнением была затоплена, ищи отныне доброго кормчего, да направит он тебя безопасно в свою тихую пристань, где сокровища всякой правды; приложи старание, чтобы сделаться наследницей находящихся там благ. Земное свое богатство раздай нуждающимся и освободи себя от печали греховной, а вместе и от тьмы и от огня неугасимого, ожидающего тебя, если не раскаешься.

Евдокия, слыша это, прослезилась и, ударив себя в грудь, сказала:

– Правда ли, что у вашего Бога нет милости к грешникам?

Пресвитер ответил:

– Кающимся грешникам, по принятии ими знамения веры, т.е. святого крещения, Господь прощает все грехи прежней жизни, жизни неверия, а остающимся в грехах и не думающим о покаянии нет прощения, и таковые без милости будут мучимы.

– Скажи мне, пресвитер, – спросила Евдокия, – думаешь ли ты, что на небе есть нечто большее и лучшее того, что находится на земле? Ведь у нас воистину много сокровищ золота, серебра и дорогих каменьев, всякого рода удовольствий и наслаждений, к тому же есть изобилие рыб и птиц и безмерное количество всяких снедей и напитков. Что же больше всего этого найдется там, на небе?

– Если не отвлечешь ума своего от прелести этого мира, – сказал ей пресвитер, – и не проникнешься презрением к временным наслаждениям, то и не сможешь устремить взор к вечной жизни и познать те невыразимые наслаждения и несказанные богатства, которые там есть. Но если хочешь их получить, забудь гордость и радости этой жизни, не вспоминай сладостей этого мира.

Евдокия отвечала:

– Да не будет, господин мой, того, чтобы я возлюбила что-нибудь временное и скоро погибающее больше бессмертной и блаженной жизни, но вот в чем я хочу увериться, отче: ужели, приняв христианскую веру, я могу иметь твердую и несомненную надежду на то, что приду к той бессмертной жизни, о которой ты говоришь? И какое ты мне дашь доказательство, чтобы увериться мне в справедливости твоих слов? Каким, наконец, образом узнаю я о прощении множества моих грехов вашим Богом? Ибо если имеющиеся у меня богатства, которых с избытком хватит на всякие удовольствия и наслаждения в течение многих лет моей жизни, я раздам нуждающимся, как ты мне советуешь, а потом не получу обещанного тобою; тогда что может быть прискорбнее и затруднительнее этого последнего бедственного положения, из которого у меня уже не будет никакого выхода? Ведь люди, которых я оскорбила дурным к ним отношением, если б я вздумала у них попросить помощи в своем несчастии, с презрением отвернулись бы от меня. Потому я и печалюсь и смущаюсь, что недостаточно уверена в будущем. Мне хотелось бы большего знания и уверенности в том, что ты с таким великодушием обещаешь, ссылаясь на милосердие Бога вашего, легко прощающего грехи кающимся. Если я уверюсь в этом вполне, то спокойно уже стану раздавать все свое имение и пойду, куда ты зовешь меня, и буду служить Единому Богу все дни моей жизни и, как прежде я для многих служила образцом беззакония, так теперь буду лучшим образцом покаяния. И не удивляйся, отче, моим сомнениям: я впервые слышу все это, новое и неожиданное, чего в наших книгах и вере самарийской, в которой я воспитана, я никогда не только не слыхала, но даже и следа такого учения не находила.

Пресвитер сказал ей:

– Не смущайся, не колеблись мыслями, Евдокия! Не давай рассеиваться уму своему: то, что тебя смущает, есть ухищрение начальника злобы и завистника твоего спасения, диавола. Этот злобный дух, как только увидел, что ты пробуждаешься для служения Христу, тотчас же, чтоб уничтожить это доброе

намерение, поднял в сердце твоем такие сомнения. Он надеется через страх отвратить тебя от правого пути и опять укрепить в прежней греховной жизни для того, чтобы, позорно связав тебя пристрастием к мирским наслаждениям и похотям и совершенно поработив себе, увлечь тебя к смерти и погибели. Ибо его коварный замысел, его единственное и усердное старание – отвлекать людей от доброго пути, вести их к развращению и тем сделать их сообщниками своего вечного мучения в неугасимом огне. Господь Бог же наш, в благости, неизреченной милости и человеколюбии Коего ты желаешь увериться, готов, как ты уже слыхала, издали, принять кающихся по-отечески, с распростертыми объятиями, и, простив грехи, даровать им жизнь вечную. В этом ты уверишься, если устремишь ум свой от земли горе, если, оставив временные заботы, будешь размышлять о вечной жизни. Но для этого нужна сосредоточенная и смиренная молитва, ибо только таким образом Бог примиряется с душою, в душе замечается Божественный свет, открывающий всю истину, и человек ясно видит, в чем ничтожество этого кратковременного мира и что такое век будущий, насколько пагубны наслаждения этой жизни и насколько благ Господь и безмерно Его милосердие. Итак, если только хочешь спастись, послушай меня, отбрось свои драгоценные одежды, оденься в плохие и, затворившись в уединенной горнице твоего дома, пробудь там семь дней, вспоминая свои грехи и исповедуя их со слезами пред Богом, Создателем твоим. Постись и моли Господа нашего Иисуса Христа просветить тебя и наставить, что должна ты делать, чтобы благоугодить Ему. Поверь мне, не напрасно сделаешь ты все, что я советую тебе: милосерд и безмерно благоутробен наш Владыка и еще издали встречает Своею благодатью заботящихся об обращении к Нему, ибо всегда Он радуется покаянию грешника.

Видя, что Евдокия согласна на его советы, пресвитер встал и пошел, говоря ей на прощанье, как бы пророчески, такие утешительные слова:

– Христос Бог, оправдавший мытаря и помиловавший грешницу, плакавшую у ног Его, да оправдает и помилует и

тебя, и сделает имя твое славным по всей земле. Аминь.

Как только пресвитер ушел, блаженная Евдокия тотчас призвала рабыню и сказала ей:

– Если кто-либо пожелает видеть меня и придет сюда с намерением войти ко мне, позаботься, чтобы он не узнал, что я дома; пусть никто и ни в каком случае не говорит ему обо мне; скажите, что я по некоторому делу ушла в дальнее селение и пробуду там немалое время; строго прикажи и привратнику никого не впускать сюда; пусть прекратятся все обычные работы и занятия в моем доме, и те, что готовят мне ежедневно кушанья для обеда, отныне пусть не вносят их сюда; затворите также большие ворота при доме, пока я не велю опять открыть их, и сделайте вообще все так, как будто меня нет дома.

Отдав рабыне такие приказания, она сказала блаженному Герману:

– Умоляю тебя, отче, объясни мне, о чем я тебя спрошу: зачем вы, монахи, живете в пустынных местах, уклоняясь от удовольствий общественной жизни? Ужели вы находите в пустынях больше наслаждения?

– Нет, чадо мое, – отвечал блаженный Герман, – ничего такого, что ты считаешь наслаждением, мы в пустынях не находим; оставляем же города и мирские наслаждения и удаляемся в пустыни единственно для того, чтобы избегнуть суетной гордыни и умертвить плотские похоти голодом, жаждою, трудом, худыми рубищами и недостатком всего нужного, вообще – чтоб быть подальше от всех мест, представляющих удобства для греха. Живущий в городе очень легко подвергается греховному падению либо одолеваемый слабостью природы, либо прельщаемый диаволом, или же соблазняясь видом красивых лиц и слыша блудные речи: отсюда и возникают нечистые помыслы и сквернят душу. А для оскверненной души уже закрыт вход в Царство Небесное до тех пор, пока она не очистится покаянием, ибо на небе престол только вечного света, истинного веселья и необманчивых наслаждений, престол, не имеющий никакой тьмы, печалей и скорбей, ни злых дел. Вот видишь, почему мы в пустыни уходим: мы хотим сохраниться от греха в предстоящие дни жизни нашей, а прежние наши

прегрешения очистить суровостью пребывания в пустыне и таким образом облегчить себе путь к указанному блаженству. Все старания и заботы наши устремлены на то, чтобы сохранить тела наши неосквернеными и ум неповрежденным злыми помыслами и чуждым всяческой злобы, лукавства, лицемерия, ропота и клеветы, зависти, ярости и гнева. И таким-то образом мы уподобимся Ангелам, как возвестил нам святыми Своими устами Христос в Евангелии. Богатство, как бы ни был к нему привержен человек и как бы ненасытно его не собирал, нисколько не поможет в получении Небесного Царства: оно, как мертвец, лежащий в гробу, не окажет содействия. Поэтому, если мы хотим получить прощение грехов своих, то постараемся в остальное время жизни нашей идти путем заповедей Господних, по стезям правды и истины, растерзаем, как одежду, сердца свои сокрушением о грехах и станем непрестанно взывать к Богу; таким образом мы и очистим греховную грязь, о которой говорит Давид: «Смердят, гноятся раны мои от безумия моего» (Пс.37:6). А чтобы мы всегда воспевали в молитве словеса Господни, тот же Давид вспоминает: «Как сладки гортани моей слова твои! Лучше меда устам моим» (Пс.118:103). Настолько сладки словеса Господни, что превосходят всякую сладость всех самых сладких яств и самых дорогих напитков и гораздо более укрепляют душу, нежели пища тело. Поэтому и говорит о них Божественное Писание: «Вино веселит сердце человека, и хлеб укрепляет сердце человека» (Пс.103:15), обозначая тем вином и хлебом заповеди Господа нашего Иисуса Христа. Они поистине являются как бы хлебом и вином для души человеческой, ибо если человек прилежно и неустанно поучается в них, то они, давая крепость и веселье сердцу, освобождают грешника от всех скверных дел и оправдывают пред Господом. Поэтому, сняв с себя красивую одежду и одевшись в наиболее скромную, всей мыслью устремись к покаянию через добрые дела, сей на земле обильные слезы, чтобы пожать на небе радость и вечное веселье; загаси слезами пламень грехов твоих, и сподобишься утешения от Господа и войдешь в радость праведных. Плачь о беззакониях своих, которые диавол сделал сладкими для твоего сердца, и пусть

ради слез твоих Ангел, ходатай о спасении, приблизится к тебе; высуши зловонную грязь тления, в которой ты долго валялась, ту грязь, что засосала и удерживала тебя во власти творца всякого зла, дабы стать тебе с этого времени участницей райского наслаждения; отплати и отяготи унынием того, кто, соблазняя тебя похотями, обременил грехами. Потрудись усердно для Бога, чтобы явиться наследницей немеркнущего света и, как пчела, будь доброй делательницей, собирая правду со многих святых дел и непрестанно заботясь об угождении Богу.

Эта речь Германа глубоко запала в сердце Евдокии, уже приготовленное тем, что он говорил ей прежде. Скорбя о грехах, в умилении поверглась она пред ногами его, говоря:

– Умоляю тебя, человек Божий, заверши то дело, что ты начал для меня, с подобающей честью и представь меня чистой Богу твоему, чтобы не стать мне посмешищем для желающих прельстить меня, а совершивши начатое дело, сподобиться блаженства через твое спасительное учение. Не отнимай искусной руки от приготовленной доски, пока не изобразишь во мне Христа вполне.

Герман отвечал ей:

– Пребывай, чадо мое, в страхе Господнем и, затворившись в своей горнице, молись Ему неустанно со слезами, пока Он истребит и очистит все грехи твои и даст тебе несомненную уверенность в Своей милости: благ и милосерд Господь наш Иисус Христос, скоро Он окажет тебе Свою милость и не замедлит утешить тебя Своею благодатью.

Сказав это, блаженный Герман помолился Богу, осенил Евдокию крестным знамением и затворил ее в ее спальне, обещав остаться в Илиополе для нее семь дней.

Когда Евдокия провела семь дней в посте и молитве, блаженный Герман пришел к ней и, отворивши двери, велел ей выйти из спальни. Увидевши, что она стала лицом бледна, телом исхудала, имеет смиренный взор и вообще вид ее далеко разнится от прежнего, он взял ее за руку и велел сесть. Потом, помолившись Богу, сам сел с ней и стал спрашивать ее:

– Скажи мне, чадо мое, о чем размышляла ты в эти семь дней, что ты узнала, что видела, что тебе было открыто?

Она сказала:

– Все расскажу, отче святой. Я усердно молилась все семь дней, как ты научил меня. В прошедшую ночь, когда я так же, лежа крестообразно ниц на земле, молилась и плакала о грехах своих, осиял меня великий свет, превосходящий свет лучей солнечных. Я подумала, что это взошло солнце, встала с земли и вдруг увидела светлого и страшного юношу, одежды которого были белее снега. Он, взяв меня за правую руку, поднял на воздух и, поставив на облако, повел меня к небу. И был там великий и пречудный свет, и видела я бесчисленное множество белоризцев, радующихся и улыбающихся друг другу и несказанно веселящихся. Они, увидевши, что я направляюсь к ним, встречали меня с ликованием и радостно приветствовали, как сестру. Когда же я, окруженная ими и сопровождаемая, хотела войти в эту светлую область, несравненно превосходящую светом лучи солнечные, вдруг на воздухе явился некто, страшный видом, черный как сажа, уголь и смола. Это было страшилище, превосходящее всякую черноту и тьму.

Устремивши на меня ужаснейший и яростнейший взор, скрежеща зубами и бесстыдно нападая, он пытался вырвать меня из рук моего провожатого; при этом он сильно закричал, так что голос его разнесся по всему воздуху:

– Ужели вы, – кричал он, – хотите ввести ее в Царство Небесное? За что же я, усердно занимаясь на земле уловлением людей, напрасно трачу труд? Вот эта, например, всю землю осквернила блудодеянием и всех людей развратила мерзостью своего прелюбодейства. Все, что у меня было хитрости и силы, все я потратил на нее одну: я достал для нее любовников из людей благороднейших и богатейших, и притом бесчисленное множество, и из растраченных на любовь ее богатств она собрала такое множество золота и серебра, какое едва ли найдется и в царских сокровищницах. Я с гордостью думал, что имею ее в своих руках, как свое победоносное знамя и непобедимое оружие, при посредстве коего я могу торжествовать над людьми, отпадающими от Бога и

попадающими в мои сети. И что же теперь, ужели ты до такой ярости на меня дошел, архистратиг Божиих сил, что повергаешь меня под ноги этой блудницы? Разве гнев твой на меня еще не утолился тем, что ты мстишь мне все больше и безжалостнее с каждым днем? Ужели даже и эту мою истинную рабу, купленную мною столь дорогой ценой, ты хочешь у меня отнять? Должно быть, ничего уж не остается на земле истинно и неотъемлемо моего! Я боюсь, что ты и всех, что доселе живут, грешных, исторгнешь из рук моих, представишь Богу, как достойных быть наследниками Царства Небесного! Тщетны мои заботы! Напрасен мой труд! За что ты так свирепо нападаешь на меня? Оставь ярость и ослабь немного узы, коими я связан, и ты увидишь, как я в мгновение ока истреблю с земли род человеческий и даже наследников у него не оставлю. Я свержен с неба за одно только неповиновение, а ты злейших грешников, дерзнувших посмеяться над Богом и многими годами тяжко Его прогневляющих, вводишь в Царствие Небесное! Если тебе это так приятно, так собери лучше в один час со всех концов земли всех людей, проводящих не человеческую, а скотскую, звериную жизнь, и приведи их всех к Богу, а я скроюсь в тьму и совсем погружусь в бездну уготованных мне вечных мук.

Когда он гневно и с великою яростью говорил такие и им подобные речи, водящий меня грозно взирал на него, а обращаясь ко мне, ободряюще улыбался. И послышался голос из оного света, говорящий:

– Так угодно Богу, милосердующему о сынах человеческих, дабы грешники, если принесут покаяние, были приняты на лоно Авраамово.

И снова был голос к водящему меня:

– Тебе говорю, Михаил, хранитель Моего Завета, отведи сию жену туда, откуда ты взял ее, – пусть совершит свой подвиг: ибо Я Сам буду с нею во все дни ее жизни.

И он тотчас же поставил меня в моей спальне и сказал мне:

– Мир тебе, раба Божия Евдокия! Мужайся и крепись, благодать Божия теперь с тобою и всегда будет во всяком месте.

Ободренная этими словами, я спросила:

– Господин мой, кто ты? Скажи мне, чтобы я знала, как веровать истинному Богу и как мне получить истинную жизнь?

– Я, – ответил он, – начальник Ангелов Божиих, и обязан заботиться о кающихся грешниках, принимать их и вводить в блаженную и бесконечную жизнь. И велика радость бывает на небе в Ангельском лике всякий раз, как какой-нибудь грешник обращается к чистому свету покаяния, ибо Бог, Отец всех, не хочет, чтобы погибла душа человеческая, которую Он издревле Своими пречистыми руками создал по подобию Своего образа. Потому и Ангелы все сорадуются, когда видят человеческую душу, украшенную правдой, поклоняющуюся вечному Отцу, и все приветствуют ее, как сестру свою, ибо, отвергнувши греховную тьму, она обращается к живому Богу, общему Отцу всех сынов света, и безвозвратно к Нему присоединяется.

Сказав это, он осенил меня крестным знамением; я поклонилась ему до земли, и, когда я кланялась, он отошел на небеса.

Блаженный Герман сказал ей:

– Уверься отныне, дочь моя, и более не сомневайся, что есть на небе истинный Бог, готовый принимать кающихся во грехах своих и вводить их в Свой вечный свет, где Он царствует, окруженный служителями Своего царства – святыми Ангелами. Ты видела этих Ангелов в том небесном свете, где ты созерцала царскую и бессмертную славу Господа нашего Иисуса Христа и убедилась, как Он предупредителен в милосердии и прощении грехов, как скоро подает Свою благодать желающим примириться с Ним; ты познала Его Божественную славу и видела Его небесный двор, полный несказанной красоты, где Он пребывает; поняла ты, как мал и ничтожен свет этого мира против небесного сияния. Что же ты еще думаешь, о чем размышляешь, скажи мне!

Блаженная Евдокия, имея непреклонное намерение служить от всего сердца своего Единому Богу, Царю славы, ответила:

– Веровала я и верую, что нет иного Бога, спасающего грешных человеков, кроме Того, небесные врата Коего, блистающие неизреченным светом, я видела.

Герман сказал:

– Приготовься, дочь моя, к усердному служению Богу, тщательно заботься, чтобы плоды твоего покаяния, положенные на весах, перетянули грехи твоей прежней жизни, и самое себя принеси бессмертному и вечному Богу как благоприятный дар; плачь и рыдай, пока все твои скверны совсем омоешь слезами и таким образом сподобишься стать чистой невестой Христовой. Забудь о прежней своей гордости, о вредоносной и лютой вожделениями своей юности, дабы и Христос взаимно забыл грехи твои; освободи шею свою из-под тяжкого ярма постыдной работы, которое наложил на тебя диавол через грехи, возьми на себя благое и легкое бремя оживотворяющего покаяния и будь отселе свободна от греха и знаемой для всех праведников и святых Ангелов. Итак, укрепи себя для истинной веры и целомудрия и, имея отселе чистую совесть, смело говори в лицо диаволу: «Теперь уже нет у меня с тобой ничего общего, ни у тебя со мной, ибо я нашла моего истинного Владыку и Ему я отдала себя в вечное владение; окончательно уже оставила я и отбросила мою прежнюю растлительницу – плотскую любовь и облеклась в новую нетленную и светлую одежду правды. В этой одежде я обрету благодать Божию, спасающую меня вовеки; нет уже у меня ни одного земного пристрастия, нет влечения к мирским наслаждениям, ничтожество и скоропроходимость коих я узнала; желаю я теперь и усердно стараюсь о приобретении благ небесных. Поэтому владей, диавол, тем, что имеешь, а от меня, чуждый обольститель, вор и раб вечной тьмы, иди дальше».

Евдокия, укрепленная еще больше этими словами, сказала иноку:

– Отче честный, что теперь повелишь мне сделать?

– Хочу, – ответил он, – чтобы ты прежде всего приняла знамение веры – святое крещение, которое сохранит тебя невредимой во все дни жизни твоей, а я, с Божией помощью, пойду в свой монастырь и возвращусь к тебе опять, если Господу будет угодно.

Она со слезами стала умолять его:

– Не оставляй меня, господин мой, не оставляй до тех пор, пока я не буду в состоянии совершенно обратиться к Богу и не получу ожидаемой мною Его благодати, чтобы исконный обольститель, увидя меня оставленной и беспомощной, не отвлек как-нибудь опять, куда ему захочется, и не возвратил меня к прежней блудной жизни.

И сказал ей блаженный Герман:

– Вот это настойчивое стремление к лучшей жизни, которое в тебе пробудил Сам Бог, и благая надежда твоя и сохранят тебя от вражеских сетей, коих ты боишься. Побудь же еще некоторое время в смиренной молитве к Богу и исповедании грехов своих и позаботься о принятии святого крещения. Я же вскоре возвращусь к тебе, поискав, с помощью Святого Духа, полезного для твоей жизни.

Поручив ее Богу, блаженный Герман пошел своей дорогой. По уходе Германа блаженная Евдокия пробыла еще несколько дней в посте, ничего не имея на своей трапезе, кроме хлеба, масла и воды; днем и ночью она молилась и плакала. Потом, отправившись к епископу того города, она приняла от него крещение во имя Святой Единосущной Троицы. Спустя несколько дней после своего просвещения она написала молитвенное послание к тому же епископу; она извещала его о своем богатстве, подробно перечисливши его, и просила, чтобы епископ взял его Христу. Епископ, прочитавши присланное письмо, призвал блаженную Евдокию к себе и спросил:

– Ты, дочь моя, писала эту грамоту мне, грешному?

– Я писала, – отвечала Евдокия, – и теперь снова умоляю твою святыню: прикажи эконому церковному принять мой дар, раздайте его нищим и убогим, сиротам и вдовам, как сами знаете, ибо я уверилась, что эти мои богатства неправедны, как приобретенные через беззакония.

Тогда епископ, которого звали Феодотом, видя ее доброе намерение, а также веру и любовь к Богу, взглянув на нее и прозрев духом ее будущее житие, сказал:

– Молись обо мне, сестра моя о Господе, сподобившаяся наречься невестой Христовой, ты, возненавидевшая нечистую любовь плотскую, возлюбившая чистоту и отвергнувшая

блудную жизнь; ты, которая стала подражать девственному целомудрию и продала ничтожный мир, чтобы купить себе единую небесную жемчужину; ты, прожившая небольшое время в греховной прелести и покаянием исходатайствовавшая себе бесконечные веки небесной жизни, смерть уже имевшая пред глазами и бессмертие приобретшая; ты, которая прежде многих влекла к погибели и ныне через Христа многих же оживотворишь! Из мрачной тьмы облекшись в свет веры, достойна ты именоваться агницей Христовой. Истинно, ты Евдокия, что значит благоволение: благоволил Господь к тебе, отнесшейся с презрением к сладострастным людям и возлюбившей лик Ангельский. Молись обо мне, снова умоляю тебя, раба и друг Божий, и помяни меня в Царстве Небесном.

Побеседовав с ней о многом со слезами, епископ сказал своему диакону:

– Позови ко мне поскорее заведующего церковной странноприимницей.

Когда тот явился, епископ обратился к нему с такими словами:

– Я знаю тебя как благочестивого и богобоязненного мужа, имеющего попечение о многих душах. Поручаю тебе поэтому и сию рабу Божию, стремящуюся к лучшему, чтобы ты о ее спасении позаботился, а все, что она отдает, ты через руки нищих передашь Богу.

Муж сей был саном пресвитер; с самой юности сохранял он чистое девство, все свое имение, оставшееся после родителей, отдал святой Божией Церкви и себя самого посвятил на служение Господу. Взяв с собой Евдокию, он пошел к ней в дом, и, когда они взошли туда, Евдокия призвала управляющих своим домом и сказала им:

– Принесите мне каждый из вас все, что кому вверено.

Они тотчас же принесли к ней золота две тьмы, т.е. двадцать тысяч, посуды хорошей всякой бесчисленное множество, драгоценных каменьев и жемчуга царского без числа, сундуков с шелковыми одеждами двести семьдесят пять, одежд белых льняных четыреста десять сундуков, одежд, затканных золотом, шестьдесят сундуков, других одежд,

украшенных дорогими камнями и золотым шитьем, сто пятьдесят два сундука, чеканного золота двадцать пять тем, т.е. двести пятьдесят тысяч, благовонных ароматических веществ двадцать ящиков, настоящих индийских мастей тридцать три ковчега, серебра в различных сосудах восемь тысяч литр[1684], шелковых, шитых золотом, тканей сто тридцать две литры, тканей просто шелковых семьдесят литр, других же одежд и вещей менее ценных было бесчисленное множество. Кроме этих движимых богатств у Евдокии были еще и недвижимые: земли, села, целые волости, с которых ежегодно собиралось до восьмисот двух тысяч[1685]. Положивши все эти богатства пред ногами пресвитера, который был заведующим церковной странноприимницей, блаженная Евдокия призвала всех своих рабов и рабынь и раздала им взятые из сундука две тысячи монет, а также и сосуды, занавеси, ценные постели, позолоченную мебель, и все красивое в дому, что было вне сундуков, она подарила им и разделила. Наконец, произнесла последнее приветствие:

– Я освобождаю вас, – сказала Евдокия, – от этой кратковременной работы, вы же, если хотите, поспешите еще освободиться от работы бесовской. Освободитесь же, если послушаете меня и приступите ко Христу, истинному Богу, и Он дарует вам вечную свободу, которую имеют сыны Божии, и запишет вас в Свои воинства.

Потом, обратившись к пресвитеру, Евдокия сказала:

– Теперь, господин мой, уже тебе следует заботиться о всем предложенном тебе и распорядиться, как ты хочешь, ибо я ищу ищущего меня Владыки.

Пресвитер, удивляясь такой быстрой и неожиданной в ней перемене, раскаянию и столь великой любви к Богу, сказал ей:

– Блаженна ты, Евдокия, что сделалась достойной быть записанной в число девиц чертога Христова: не безвестен тебе час пришествия Жениха, не находишься ты в неведении относительно того, каким путем следует войти во двор брачный. Воистину, ты тщательно озаботилась, чтоб не остаться вне чертога: ты наполнила светильник елеем, и не осилит тебя тьма. Преуспевай же в этой силе добродетельной, и Бог

поможет тебе, а обо мне грешном молись, ибо ты достойна быть в лике святых.

В это время пришел и честный Герман, просвещенный благодатью Святого Духа, и, увидев, что Евдокия отдала Богу своему имение, освободила рабов и рабынь и стала нища и духовно и вещественно Христа ради, взял ее и повел в женский монастырь, который имел в своей стране недалеко от своего мужского монастыря, и там постриг ее в инокини; и она пребывала в трудах и подвигах иноческой жизни, день и ночь служа Богу.

Блаженный Герман имел в своей киновии[1686] братии семьдесят иноков, а в пустынном женском монастыре тридцать инокинь, в числе коих была и святая Евдокия. По прошествии тринадцати месяцев умерла игуменья этого монастыря, по имени Харитина, проводившая святую жизнь. Под ее руководством Евдокия значительно преуспела в подвигах, выучила наизусть Псалтирь, и, просвещаемая Святым Духом, все священное Писание, прочитавши однажды со вниманием, хорошо уразумела. Так как она подвигом постничества превзошла всех сестер, то всеми единогласно была избрана в игуменьи. И Бог не замедлил засвидетельствовать ее достоинство и избрание ее утвердить чудом.

Один юноша из прежде ее любивших, по имени Филострат, человек богатый, вспомнил прежнюю любовь к Евдокии и, разжигаясь, по бесовскому наущению, похотью, стал думать, как бы возвратить ее к прежнему любодеянию. Долго размышляя об этом и день ото дня распаляясь большею любовью к ней, он, наконец, придумал такую хитрость. Одевшись в иноческое одеяние и взяв, сколько мог нести, золота, отправился пешком в монастырь Евдокии в твердой надежде исполнить свое намерение.

Когда он постучался в ворота монастыря, привратница, выглянув в окошко, спросила:

– Чего здесь ищешь, человек?

Он ответвил:

– Я, грешник, пришел, чтобы вы помолились обо мне и благословили меня.

Привратница сказала:

– Мужчинам нельзя входить в это место, брат, но неподалеку отсюда ты найдешь монастырь господина Германа: там получишь молитву и благословение, а здесь не беспокой нас стуком: все равно – не войдешь.

Сказавши это, девица затворила окно. Полный стыда и сожаления, горящий любовью к Евдокии, Филострат отправился в монастырь Германа и пришел туда в удобное время. Встретившись с блаженным Германом, сидящим у ворот монастыря и читающим книгу, он поклонился ему до земли. Святой старец по монастырскому обычаю сотворил молитву, и Филострат принял у него благословение. Преподобный Герман сказал:

– Сядь, брат, и скажи: из какой ты страны и из какого монастыря?

Он ответил:

– Я – единственный сын у родителей, недавно умерших; не пожелал я вступить в брак, но восхотел служить Богу в иноческом чине и тотчас надел знак иноческого образа – эти одежды – и намереваюсь найти место и наставника, который поучил бы меня монашеской жизни. Услыхав о твоей святости, честный отче, я долго шел сюда, желая припасть к стопам твоим и умолять принять меня, желающего покаяться в прежних грехах, в твой монастырь.

Во время этой речи блаженный Герман пристально глядел на него и, замечая его сладострастный нрав, сказал:

– К великому труду хочешь ты приступить, чадо; не знаю, будет ли это тебе по силам. Мы, старцы, и то едва можем противостоять диавольским искушениям, влекущим к нечистоте; что же будет с тобою, цветущим юношею, в годах жгучей пламенной страсти?

Филострат возразил:

– Отче! Разве нет примеров добродетельной жизни подобных мне юношей, мужественно преодолевших искушения? Ваша Евдокия, о которой я так много слышал, потому что слава ее добродетельной жизни распространяется повсюду, разве она не молода и не жила в роскоши? А вняла она вашему

наставлению и теперь постоянно и непоколебимо пребывает в иночестве, победив свою плоть. Не хочу скрывать, отче, я особенно ее примером и возбужден и желаю подражать ей. Вспоминаю я о ней, как она была прекрасна, как богата, в каких удовольствиях проводила время, а потом мгновенно изменилась и начала служить Христу путем тесным и прискорбным. Если она могла всем этим пренебречь и умертвить свои похоти ради любви ко Христу, то почему же, отче, ты не надеешься на меня, мужчину, более сильного, чем женщина? Если бы я однажды увидел ее, то, надеюсь, из ее беседы и наставления я почерпнул бы столько горячего усердия к Богу и силы на подвиг, что сего достаточно было бы мне на всю жизнь для победы и отражения всех диавольских искушений.

Раб Божий Герман, слыша такие речи, принял ложь за истину и, думая, что он истинно хочет работать Богу, сказал ему:

– Не будем тебе препятствовать, чадо, видеть Евдокию и слышать от нее полезное наставление, так как ты по ее примеру хочешь идти путем добродетели.

После этого игумен Герман призвал почтенного старца монаха, который носил в женский монастырь фимиам и часто посылался туда для исправления необходимых дел. Ему Герман сказал:

– Когда пойдешь в женский монастырь, возьми с собою этого брата: пусть увидит Евдокию, потому что хочет получить от нее душевную пользу и подражать ее богоугодной жизни.

Спустя некоторое время тому монаху нужно было идти в женский монастырь, и он, по приказанию игумена, взял с собою юного брата. Филострат, одетый в иноческую одежду, как волк в овечьей шкуре, вошел в женский монастырь и, увидев невесту Христову, святую Евдокию, изумился ее смиренному виду, нищете и изнуренному телу. Ее лицо было бледно, очи опущены вниз, на устах – молчание, одежды – худы, постель – на земле рогожа, а на ней колючая власяница. Найдя удобное время, он тихим голосом (другие инокини стояли вдали) начал говорить ей:

– Что это значит, Евдокия? Кто тебя, жившую в палатах, подобных дворцу, изобиловавшую богатством и всякою роскошью, пребывавшую постоянно в веселии и радости, обольстил и привел в эти жалкие места? Кто лишил тебя великого города, где ты ходила украшенная прекраснейшими одеждами и все почитали тебя, удивлялись твоей красоте и прославляли тебя всякими похвалами? Какой обольститель от такого блаженства привел тебя в крайнюю нищету и убожество, в эту бедную и гнусную жизнь? И теперь весь Илиополь ищет тебя, все желают тебя видеть, самые стены твоих прекрасных палат плачут о тебе. Я высказываю народное желание, я от имени всех послан к тебе умолять тебя возвратиться в город и своим приходом прекратить народную скорбь. Послушай меня, госпожа, последуй за мною, уйди из этого жалкого монастыря, уйди от голода, смрадных одежд, от жесткой власяничной постели и возвратись опять в твои палаты, к прежним увеселениям, к прежним удовольствиям, бывшим у тебя в изобилии. Если ты и расточила свое богатство, напрасно раздав его чужим людям, – то все готовы вновь обогатить тебя. Зачем медлишь и колеблешься? Зачем, когда все тебя любят и желают тебе добра, ты сама делаешься себе врагом и мучителем? Не напрасно ли, не стыдно ли такую красоту лица скрывать в этой тьме иночества? Не напрасно ли такие очи, подобно солнечным лучам, испортить ненужным плачем и слезами? Какая польза изнурять голодом и жаждой и другими страданиями это прекрасное юное тело? Где теперь твои благовония, которыми ты наполняла воздух в городе и всем казалась богиней?[1687] И вот этим благовониям ты добровольно предпочла смрад нищенской и презренной жизни! Кто увлек тебя в это заблуждение? Какая ложная надежда отвлекает тебя от таких великих богатств, которые могли еще увеличиться? Кто из богачей отвергает свое богатство или понапрасну раздает его, как сделала ты? Но мы знаем, где находятся отверженные тобою богатства, и легко можем возвратить их тебе – вернись только в город наш, госпожа Евдокия! Я принес достаточно золота на дорогу, а остальное, растраченное тобой, вернем, придя в Илиополь.

Когда он произносил эти безумные речи, Евдокия гневно смотрела на него и, не будучи в состоянии более слушать его лукавые и льстивые слова, с гневом сказала ему:

– Бог отмщений да запретит тебе! Господь наш Иисус Христос, Праведный Судья, Которого я раба, хотя и недостойная, не допустит тебя, пришедшего сюда со злым умыслом, возвратиться к себе, потому что ты – сын диавола.

Сказав это, она дунула в лицо ему, и тотчас мнимый инок и окаянный обольститель упал мертвым на землю. Сестры, видевшие их беседующими и не слыша их разговора, сильно ужаснулись, когда увидели, что собеседник Евдокии пал на землю от ее дуновения и мертвым лежал у ее ног. Сначала они удивлялись такому сверхъестественному событию и уразумевали в нем Божественное действие, но потом начали бояться, как бы мирские люди и судьи не узнали об этом случае и не произвели бы расследование, как об убийстве, и не сожгли бы монастырь, потому что идолопоклонники эллины ненавидели христиан и монастыри. Не смея спросить Евдокию, они между собою рассуждали о случившемся. И сказала одна из них:

– Подождем пока: уже начинается ночь, помолимся ночью, может быть, Господь и откроет нам причину смерти этого инока и наставит, что нам делать.

Наступила полночь. Перед началом обычного полуночного пения Господь явился во сне Евдокии и сказал:

– Встань, Евдокия, прославь Бога твоего. Помолись коленопреклоненно близ мертвого тела посланного тебе диаволом искусителя, и Я повелю ему встать; и он восстанет и узнает, кто Я, в Которого ты веруешь, и преизобильна будет на тебе благодать Моя.

Пробудившись, Евдокия сотворила молитву своему Владыке и воскресила умершего. Филострат, восстав от смерти, как от сна, познал истинного Бога, помиловавшего его, пал к ногам блаженной и сказал:

– Умоляю тебя, блаженная Евдокия, истинная раба Истинного Бога, прими меня, кающегося, прости меня, огорчившего тебя лукавыми и нечистыми словами. Теперь я понял, сколь Великому и Милосердому Владыке ты служишь.

И сказала ему блаженная Евдокия:

– Иди к себе с миром, не забывай благодеяний Божиих, явленных на тебе, не отступай от познанного тобой истинного пути святой веры, которую ты обещаешь принять.

Тогда страной управлял царь Аврилиан (не римский кесарь, но другой того же имени, бывший под властью римских кесарей), и перед ним была оклеветана Евдокия. Собрались прежние ее поклонники и, посоветовавшись между собою, написали царю письмо, донося, что Евдокия отнесла с собою в пустыню множество золота, равняющееся царской казне. Они просили царя дать им отряд воинов, чтобы, найдя бежавшую, возвратить ее в город, а золото взять в царскую казну, потому что она приняла галилейскую веру в некоего Христа и отвергла богов, которым поклоняются и цари. Услыхав о множестве золота, Аврилиан легко согласился на их просьбу и, призвав одного комита[1688], велел ему взять воинов, захватить Евдокию вместе с ее золотом и привести к нему. Взяв триста воинов, комит направился в пустыню, в женский монастырь, где жила Евдокия. Когда они шли, Господь явился ночью Евдокии и сказал:

– Царь разгневался на тебя, но не бойся: Я всегда с тобою.

Когда комит с отрядом воинов увидел монастырские стены, то приостановился в ожидании темноты, ибо день склонялся к вечеру, и разделил свой отряд на части, чтобы ночью со всех сторон напасть на монастырь. И когда уже они хотели произвести нападение, всемогущая сила невидимой руки Божией воспрепятствовала им, и всю ночь не могли они ни на шаг подступить к монастырю. Настал день. Они видели монастырские стены, но не могли к ним подойти, и три дня и три ночи их попытки оставались безуспешными, и они недоумевали, что им предпринять дальше.

И вот напал на них внезапно страшный громадный змий, и они, побросавши оружие, в ужасе бежали. Но, хотя они спаслись от зубов змея, не избежали его яда. Пораженные смертоносным дыханием змея, одни из них внезапно пали мертвыми, другие еле живые валялись на дороге, и только с

тремя воинами возвратился комит к царю. Разгневанный царь сказал своим вельможам:

– Как нам поступить с этой волшебницей, умертвившей своими чарами такое множество воинов? Что посоветуете? Нельзя оставить без наказания такого злодеяния.

После совещания царский сын сказал:

– Я пойду с многочисленным войском, сравняю с землей эту обитель блудниц и приведу сюда Евдокию.

Царь и все согласились, и на другой день царский сын с воинами отправился разорить пустынную обитель и схватить Евдокию. По дороге он приблизился к селу, принадлежавшему его отцу и, ввиду наступления ночи, захотел остановиться на ночлег в этом удобном для отдыха месте. По юношеской живости он быстро соскочил с коня, ударился о камень и сильно разбил себе ногу, так что на руках воинов отнесен был в постель. Ночью болезнь его усилилась, и он умер; и возвратились воины к царю, везя с собою его мертвого сына. При виде внезапно умершего сына царь упал замертво. Собрался весь город, и плакал народ, сожалея царского сына и самого царя, умирающего от скорби. Среди народа был и Филострат. Подойдя к царским приближенным, он говорил им, что Евдокия – раба Божия, и никто не может причинить ей вреда, ибо ее охраняет небесная сила. Но если царь хочет видеть сына живым, то пусть пошлет к ней почтительную просьбу, чтобы она умолила Бога оживить мертвеца.

– Я сам, – говорил Филострат, – на себе испытал силу ее молитвы и Божие милосердие.

Услыхав это, царь немного пришел в себя и, точнее узнав от Филострата о случившемся с ним, поверил словам его и тотчас послал к Евдокии трибуна[1689] Вавилу с почтительным, смиренным и просительным письмом. Когда он прибыл в обитель, святая Евдокия, смиренно поклонившись, приняла царское письмо и сказала:

– Зачем царь посылает свое письмо мне, убогой и недостойной грешнице?

В ожидании, пока святая прочтет царское письмо, трибун вошел в одну из монастырских комнат и, увидев там открытую

книгу, наклонился и прочитал: «Блаженны, хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его» (Пс.118:2) и, дочитав до конца псалма, задремал и, положив голову на книгу, заснул. Во сне явился ему некий светлый юноша и, толкнув его в бок жезлом, бывшим у него в руке, сказал:

– Вавила, встань! Мертвый дожидается тебя.

Пробудившись, Вавила пришел в ужас от явления Ангела и рассказал об этом блаженной Евдокии, прося скорее отпустить его. Она, созвав всех сестер, сказала им:

– Как вы посоветуете мне поступить относительно того, о чем пишет царь моему ничтожеству?

Сестры единогласно ответили:

– Благодать Святого Духа наставляет тебя: пиши царю, что угодно Богу.

После довольной молитвы, святая села и написала царю так: «Я, ничтожная женщина, не знаю, по какому случаю твое величество изволил прислать мне послание. Я, женщина недостойная и полная грехов, обличаемая совестью во многих и ужасных беззакониях, я не имею дерзновения умолять Христа Бога моего, да смилуется над тобою и возвратит тебе сына живым. Но надеюсь на известную благость и силу Господа моего, что Он явит на тебе и на сыне твоем великое Свое милосердие, если ты всем сердцем уверуешь в истинного Бога, воскрешающего мертвых, и будешь надеяться на Него. Невозможно призывать святое и страшное имя Его и молить Его о чем-либо, если предварительно не уверуешь в Него всею душою. Итак, если ты всею душою веруешь, то увидишь великую славу бессмертного Бога, сподобишься Его милости и насладишься Его благодеяниями».

Написавши и троекратно запечатлев письмо крестным знамением, она отдала посланному и отпустила его. Возвратившись к царю, трибун не отдал ему послания святой Евдокии, но положил его на грудь умершего, призвав громогласно имя Христово. Тотчас мертвец ожил, открыл глаза, заговорил и встал, как после сна, живым и здоровым. Все изумлялись и ужасались такому необыкновенному зрелищу. И громогласно воскликнул царь:

– Велик Бог христианки Евдокии! Бог истинный и праведный – Бог христианский! Справедливо многие к Тебе прибегают и благочестиво поступают верующие в Тебя, Христа Господа! Прими и меня, грядущего к Тебе, ибо я верую Твоему святому имени и признаю, что Един Истинный Бог, святой и благословенный вовеки!

Уверовав во Христа Бога, царь крещен был городским епископом вместе с женою и сыном, воскресшим из мертвых, и с дочерью Геласией. После этого, раздав щедрую милостыню нищим и убогим, он послал много золота святой Евдокии на сооружение святой церкви. Кроме того, он повелел построить город на том месте, где жила Евдокия, и часто писал ей, прося ее святых молитв. В скором времени царь, преуспевши в святой вере и добрых делах, почил о Господе, а за ним умерла и жена. Сын был поставлен диаконом, а потом, когда скончался епископ, был посвящен во епископа. А сестра его Геласия, презирая суету мира и избегая брачной жизни, но желая послужить Господу, тайно удалилась в монастырь святой Евдокии и в нем жила до смерти, усердно служа и благоугождая Господу.

В это время господствовало языческое нечестие и многие, тайно служившие Господу, были открываемы богоненавистными и принуждались к той же погибели. Тогда в городе Илиополе был наместником Диоген, ревнитель скверных богов, усерднейший их служитель и гонитель отказывающихся от поклонения идолам. Он хотел взять за себя в замужество вышеупомянутую царскую дочь Геласию, на что был согласен, пока находился в неверии, и отец ее, Аврилиан. Когда же он был просвещен святым крещением, то не захотел отдать ее за неверного мужа, если только он не примет христианской веры. Скоро Аврилиан скончался, и Геласия, боясь, что насильно будет взята Диогеном, убежала, как было сказано, в монастырь святой Евдокии, но никто не знал точно, где она скрылась. Носился только слух, что скрывается где-то у Евдокии. Наместник Диоген послал пятьдесят воинов взять Евдокию, как христианку, для расследования. Когда воины шли за ней, Господь явился ночью Евдокии и сказал:

– Дщерь Евдокия! Бодрствуй и стой мужественно в вере. Пришло для тебя время исповедать Мое имя и прославить Мою славу. Приблизился подвиг, который ты совершишь. Вот сейчас нападут на тебя люди, страшные, как звери, но ты не смущайся и не ужасайся, потому что Я буду с тобою близким спутником и крепким помощником во всех твоих подвигах и трудах.

Когда видение окончилось, воины ночью перелезли через монастырскую стену. Преподобная, узнавши об этом духом, вышла к ним и спросила:

– Что вам здесь надобно? Кого ищете?

Воины схватили ее и спрашивали о Евдокии. Она обещалась предать им Евдокию, если только они на малое время освободят ее. И, придя в церковь, она взошла в святой алтарь, открыла ковчежец с Пречистыми Животворящими Христовыми Таинами и, взяв часть сей великой святыни, скрыла у себя на груди. После этого она вышла и сказала воинам:

– Я – Евдокия, возьмите меня и ведите к пославшему вас.

Они взяли и повели ее с собою. Была безлунная и темная ночь, и вот явился светлый и прекрасный юноша, неся перед ней свечу и освещая путь. Это был Ангел Господень, видимый только Евдокиею, а воины ни его, ни света не видели. Воины хотели посадить Евдокию на осла, но она не пожелала и сказала:

– «Иные – колесницами, иные – конями» (Пс.19:8), а я, надеясь на Христа, дойду и пешком.

По прибытии в город, наместник велел заключить Евдокию на два дня в темницу, а на третий день призвал темничного стража и спросил его:

– Не давал ли кто той волшебнице пищи или питья?

Страж ответил:

– Клянусь твоею милостью, господин мой, что ни пищи, ни питья ей никто не давал, и сколько раз я ни смотрел на нее, всегда видел ее распростертой на земле и молящейся (как думаю) своему Богу.

Наместник сказал:

– Завтра я произведу расследование и суд о ней, а ныне я занят другими делами.

На четвертый день наместник Диоген сел на судилище и велел привести Евдокию. Увидев ее, смиренную видом, в плохой одежде, с опущенной головой, он приказал слугам открыть ей лицо, и оно тотчас заблистало, как молния. Изумился Диоген и долго молчал, удивляясь неизреченному благородству и красоте ее лица, сияющего Божественною благодатью. Долго созерцая ее красоту, он смутился духом и, обратившись к судьям, сказал:

– Клянусь моим богом солнцем! Нельзя предать смерти такую, подобную солнцу, красоту. Не знаю, как поступить!

Один из судей сказал:

– Не думает ли твое величество, что такая красота естественна! Нет, это волшебный призрак. Разве ты не знаешь, какой силой обладают чародеи! А когда разрушено будет волшебное очарование, сейчас же явится ее природное безобразие.

Наместник обратился к блаженной:

– Прежде всего, скажи нам свое имя, происхождение и жизнь.

Оградив себя крестным знамением, святая сказала:

– Мое имя – Евдокия, а о моем происхождении и образе жизни нет нужды меня спрашивать, поэтому прошу тебя, наместник, не трать времени на праздные речи, но делай со мной то, что вы обычно делаете с христианами. Суди меня, мучай меня, как тебе угодно, предай меня смерти, а я надеюсь на Христа, истинного Бога моего, что Он не презрит меня и не оставит.

Наместник сказал:

– На краткий вопрос ты так много отвечаешь, сколько же ты наговоришь, когда начнем терзать тебя? Скажи же нам: зачем, оставив город и отвергнув богов, ты ушла в пустыню, унеся с собою народное имущество, лукавым образом опустошив городскую казну?

Святая ответила:

– Почему я оставила город – скажу одним словом: я была свободна и что захотела, то сделала. Какой закон запрещает свободному человеку идти, куда он хочет? А что касается

обвинения в похищении золота, то желаю, чтобы стал пред мной клеветник, и тогда обличена будет клевета и ложь исчезнет пред истиною. Ужели я ушла, похитив чужое?

После долгого препирательства святая осталась неодоленной в слове и непреклонной в вере. Тогда наместник велел повесить ее на дереве и четырем воинам жестоко бичевать. Воины взяли ее, обнажили до пояса и повесили. Когда ее раздевали, с груди ее спала часть Пречистого и Животворящего Тела Господня, взятая ею при выходе из монастыря. Слуги, не зная, что это такое, подняли и принесли наместнику. Протянув руку, он хотел взять ее, и тотчас часть Пречистого Тела Владыки превратилась в огонь, и великий пламень попалил слуг мучителя и повредил левое плечо самому наместнику. Он упал от боли на землю и взывал к солнцу, почитаемому им за Бога:

– Владыка солнце! Исцели меня, и я тотчас предам огню эту волшебницу. Я знаю, что ты наказываешь меня за то, что я до этих пор не погубил ее!

При этих словах ниспал на него огонь, как молния, и умертвил его, опалив тело, как головню. Страх и ужас напал на всех. А один воин видел, что светлый Ангел Божий стоял близ святой, говорил ей на ухо и утешал ее, покрывая тело полотном белее снега. Увидев это, воин приблизился к святой и сказал:

– Верую и я в Бога твоего, прими меня кающегося, раба Бога Живого.

Святая ответила ему:

– Благодать искреннего обращения да придет на тебя, чадо. Вижу, что начинаешь ты новую жизнь, как вновь рожденный, – если хочешь спастись, избегай прежнего неверия.

Воин сказал:

– Умоляю тебя, раба Господня, смилуйся над наместником, испроси ему у Бога твоего возвращение к жизни, чтобы многие познали Истинного Бога и уверовали в Него.

После этих слов он, подойдя к дереву, освободил святую мученицу, и она, преклонив колена, долго молилась. Затем встала и громко воскликнула:

– Господи Иисусе Христе, ведающий тайны человека, утвердивший небеса словом и все премудро создавший! Повели, да по Твоей всесильной и всемогущей воле оживут все попаленные ниспосланным от Тебя огнем, чтобы многие верные утвердились в святой вере, а неверные обратились к Тебе, Богу Вечному, и тем прославилось пресвятое имя Твое во веки веков!

После этого она подошла к мертвым и, взяв каждого за руку, произносила:

– Во имя Господа Иисуса Христа Воскресшего встань и будь здоров по-прежнему.

И так всех по одному оживила, поднимая и пробуждая, как бы ото сна. Когда все с изумлением и ужасом смотрели на происходящие дивные чудеса, внезапно послышался вопль и плач: к комиту Диодору, бывшему там с воинами, пришло известие о внезапной смерти его жены Фирмины, угоревшей в бане. Пораженный нечаянною вестью, Диодор растерзал свою одежду и, объятый жалостью, со слезами устремился туда, где умерла его жена. За ним побежали многие из народа, и наместник Диоген, восставший из мертвых, также направился туда. Увидав, что жена комита действительно умерла, он возвратился к святой Евдокии и сказал ей:

– Воистину верую, что Бог твой безмерно выше и могущественнее наших богов, но если ты хочешь усилить и укрепить мою начинающуюся и еще слабую веру, то, умоляю тебя, пойдем со мною к умершей Фирмине. Если ты воскресишь ее, тогда без замедления и сомнения окончательно уверую в твоего Бога.

Святая Евдокия сказала ему:

– Не только ради тебя Бог явит Свою волю в безмерном милосердии, но и ради всех, желающих войти в Его Царство. Итак, пойдем, при Божией помощи, туда, куда меня зовешь.

Когда они шли вместе с народом, встретились им несущие мертвое тело. Святая повелела остановить носилки, прослезилась, помолилась некоторое время и, взяв умершую за руку, сказала громким голосом:

– Боже Великий и вечный, Господи Иисусе Христе, Сущее Слово Отчее, Воскрешающий мертвых! Молимся Тебе: во уверение предстоящих благоволи сотворить великое чудо, повели ожить Фирмине и даруй ей дух покаяния, да обратится к тебе, всегда Живому и вечному Богу.

После этой молитвы Фирмина тотчас встала с носилок, и весь народ громким голосом единогласно воскликнул:

– Велик Бог Евдокии, Истинен и Праведен Бог христианский! Умоляем тебя, раба Бога Живого, спаси нас, потому что и мы веруем в твоего Бога.

А Диодор, увидя свою жену живой, чрезвычайно обрадовался и, падши к ногам преподобной, говорил:

– Умоляю тебя, раба Христова, сделай и меня христианином, потому что ныне я истинно познал, Кто есть Всемогущий Бог, Которому ты служишь.

И крестился Диодор с женою и со всем домом своим во имя Отца и Сына и Святого Духа, – и множество народа, также и Диоген-наместник с домом своим крестились и до смерти пребывали во святой вере.

После этого святая Евдокия по просьбе Диодора жила в его доме, поучая Божественному слову новопросвещенных христиан. Один отрок Зинон, работая в близлежащем саду, был умерщвлен смертоносным дыханием змея, и неутешно плакала о нем мать его, вдова. Узнав об этом, агница Христова Евдокия сказала Диодору:

– Пойдем утешить плачущую вдову, и увидишь дивное милосердие Бога нашего.

Придя, они увидели, что отрок опух, раздулся и почернел от змеиного яда. Святая сказала Диодору:

– Настало время показать, сколь великую веру имеешь ты в Бога. Итак, помолись, возведя на небо душевные очи, и воскреси умершего.

Диодор сказал:

– Госпожа моя, раба Христова! Я еще недавно уверовал, не могу богомыслием утвердить очи сердца в Боге.

Святая сказала ему:

– Несомненно верую, что Бог слушает кающихся грешников и скоро исполняет их прошения. Итак, призови от всей души Всемогущего Господа, и Он явит нам Свое милосердие.

Тогда Диодор, преклонив свою выю и ударяя себя в грудь, начал со слезами вслух молиться:

– Господи Боже, благоволивший призвать меня, недостойного грешника и неверного, ко святой вере, пославший сию честную рабу во спасение наших душ! Зная мою неизменную и непоколебимую веру, услышь мою грешную и недостойную молитву и повели отроку, убиенному змеем, ожить для славы Твоей, чтобы и он, и всякая душа прославляли вовеки Твое Пресвятое имя.

После молитвы Диодор сказал мертвецу:

– Зинон! Во имя Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате, встань!

И тотчас мертвый встал, отер черноту, стало тело его здоровым, как прежде, и все уверовали и прославили Бога, Творца неба и земли. Когда народ стал расходиться, блаженная агница Христова Евдокия сказала:

– Братья! Подождите немного. Еще раз прославится Христос Спас наш.

Народ остановился. Святая помолилась, и вот змей, умертвивший отрока, приполз со страшным свистом, гонимый чудесным огнем, и стал перед глазами всех метаться и извиваться, расторгнулся и издох. Тогда все, видевшие это, вместе с женами и детьми отправились к епископу Илиополя и приняли святое крещение. А преподобная Евдокия возвратилась в свою обитель и проводила жизнь в обычных иноческих трудах. Иногда приходила она в город, утверждая верных и приводя неверных к вере во Христа Бога. После своего крещения она прожила пятьдесят шесть лет и скончалась мученическою смертью следующим образом. После кончины наместника Диогена, умершего в христианской вере, его должность занял Викентий, человек жестокий и враг христиан. Он, услыхав о преподобной Евдокии, послал воинов отсечь ее честную голову.

Итак, святая преподобномученица Евдокия в первый день месяца марта скончалась от меча о Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава с Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Правостию умною душу твою привязавши в любовь Христову, тленных и красных, и временных забытием претекла еси, яко Слова ученица: пощением страсти первее умертвивши, страдальчески второе врага посрамила еси. Тем Христос сугубых венца сподоби тя, славная Евдокие, преподобная страстотерпице, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Во страдании твоем добре подвизавшися, и по смерти нас освящаеши чудес излиянии всехвальная, верою прибегающыя в Божественную церковь твою. И торжествующе, молим тя, преподобная мученице Евдокие, да избавимся недуг душевных и чудес благодать почерпем.

Страдание святых мучеников Нестора и Тривимия

Память 1 марта

Святые Нестор и Тривимий жили в царствование нечестивого Декия[1690] и были родом из города Пергии[1691]. Будучи христианами, они безбоязненно проповедовали о Христе, и за это язычники сделали на них донос правителю области. Последний немедленно же послал большой отряд воинов с приказанием связать их и привести к нему для суда. Когда святые мученики были представлены на суд, то правитель, чтобы устрашить их, велел разложить пред ними все орудия мучений, но они, видя эту угрозу, громким голосом стали проповедовать о Христе. Тогда правитель велел раздеть их и без пощады бить сухими воловьими жилами, после чего их повесили на дерево и строгали тела их до тех пор, пока не обнажились их внутренности. Убедившись, наконец, что святые непоколебимы в своей вере во Христа, Бога нашего, правитель приказал палачам снять их с дерева и отрезать им головы ножами. Благодаря Господа, так скончались святые мученики, и Христос Бог принял их в Царство Свое.

Страдание святой мученицы Антонины

Память 1 марта

Святая мученица Христова Антонина пострадала в городе Никее[1692], в царствование Диоклетиана и Максимиана[1693]. Так как она веровала во Христа, то Максимиану донесли на нее, что она – христианка. Приведенная в Никею и представ перед императором, она безбоязненно исповедала свою веру. Чтобы принудить ее отречься от Христа и принести жертву идолам, ее подвергли жестоким мучениям, но она не покорилась желанию мучителей и была заключена в темницу. Вскоре после этого Максимиан повелел вывести ее из темницы и стал снова принуждать ее к отречению от Христа, но и на этот раз она не послушалась императора. Тогда Максимиан приказал повесить ее и строгать по ребрам. Среди мучений святая Антонина все время обличала заблуждение императора и проповедовала о Христе. Видя это, Максимиан велел палачам снять с нее одежду и бить ее по голому телу. Но когда палачи хотели исполнить повеление императора, явились Ангелы и, охраняя святую мученицу, подвергли мучениям самих мучителей. После этого святую положили на раскаленный железный одр, но она осталась невредимою. Тогда ее в мешке бросили в Никейское озеро.

Память преподобной Домнины

Память 1 марта

Преподобная дева Домнина подвизалась в Сирии. Живя в палатке, ею самой устроенной в саду при доме ее матери, она непрестанно источала слезы, питалась только чечевицею, смоченною водой, и каждые утро и вечер ходила в храм Божий для молитвы, покрытая с головы до колен покрывалом, чтобы никто не видел ее лица. Она скончалась в мире между 450 и 460 годами.

Страдание святого священномученика Феодота, епископа Киринийского

Память 2 марта

Святой священномученик Феодот, по происхождению галатянин[1694], был епископом города Киринии на острове Кипре[1695]. Сын христианских родителей, он научен был грамоте и с юных лет преуспевал в премудрости и добродетели. Он пришел на остров Кипр с проповедью Слова Божия и поучал язычников, чтобы они оставили свое заблуждение и идолопоклонство и веровали во Христа. Своею проповедью он многих отвратил от языческого нечестия и наставил на путь спасения и поэтому был поставлен епископом кипрского города Киринии. В это время царствовал нечестивый Ликиний[1696], а наместником острова Кипра был Савин, и тогда происходило сильное гонение против христиан. Святой Феодот, желая пострадать за Христа, смело спорил с язычниками, обличая их заблуждения, и открыто проповедовал о Христе. Услыхав об этом, наместник Савин велел взять святого на мучения, но служитель Божий, узнав о сем, не дожидаясь посланных, сам немедленно явился к наместнику и сказал:

– Я тот, которого ты ищешь. Я ни скрылся от тебя, ни силой приведен к тебе, но добровольно явился, чтобы проповедовать Христа Бога моего, истину, которую не должно скрывать, и обличить ничтожество и бессилие вашего нечестия. Не нужно много говорить о вашем бессилии: само дело ясно показывает, что вы трусливее жаб. Из-за одного христианина смутился весь город и войско, потому что бесы трепещут и одного раба Христова и стараются погубить его, боясь, чтобы он, избегнув мучений, не посрамил их бессилия, победив их слуг, не надеющихся на них.

Наместник не мог стерпеть такого обличения и повелел бить святого твердыми жилами без пощады, а он, во время долгих истязаний, восклицал словами Давида:

– «На хребте моем делаша грешницы, продолжиша беззаконие свое» (Пс.128:3)[1697].

Когда слуги перестали бить мученика, наместник сказал:

– Видишь, какую пользу принесла тебе твоя дерзкая речь?

Святой ответил:

– Если бы твои душевные очи были просвещены, я показал бы тебе, какую пользу принесло мне мое мужество, называемое тобою дерзостью. Но ты слеп, и не можешь видеть ожидающего меня блаженства. Обрати внимание хотя на то, что я, взирая душой на небесные воздаяния, уготованные мученикам за Христа, непоколебим в страданиях и не чувствую мучения, потому что моя душевная радость преодолевает все страдания тела.

Савин сказал:

– Напрасно ты гордишься, Феодот, и обольщаешь слушателей; меня ты не прельстишь своими словами: я буду тебя мучить до тех пор, пока ты не признаешь владычество наших богов.

Святой ответил:

– Мучай меня, как хочешь, употреби все твое искусство – и узнай силу воина Христова. Увидишь, кто победит: мученик ли, или мучащие!

Наместник сказал:

– Разве ты не знаешь, что я, по царскому повелению, могу раздробить твое тело и совершенно погубить тебя?

Святой ответил:

– Бог, Которому я служу, сделал меня могущественнее царей и сильнее князей, – поэтому я говорю с тобою, как с рабом, и считаю тебя ничтожнее пленника. При помощи Бога моего, научившего презирать все блага жизни, как сено, мякину, помет, я пренебрегаю всеми мучениями. Не думай устрашить меня твоими горделивыми угрозами. Ты хвалишься, что имеешь власть над моим телом, но ведь и разбойники в пустынях имеют такую же власть, когда нападают на путников и мучают их. Ты считаешь себя могущественным, надеясь на твой меч, меч беззаконный, потому что законную власть ты заменил тиранством: прелюбодеев и мужеубийц ты освобождаешь от наказания, подвергая ему людей невинных и благочестивых.

Сильно разгневанный наместник велел повесить обнаженного мученика на дерево и строгать его бока острыми орудиями. Терпя эти лютые мучения, Христов страдалец молился так:

– Господи Иисусе Христе, Творец всего видимого и невидимого, плениший смерть, разрушивший ад, умертвивший на Кресте начала и власти преисподней, осудивший князя века сего, даровавший свыше силу святым Твоим апостолам и соблюдший их от искушения, даровавший некогда отроку Давиду победу на гиганта Голиафа, укротивший пламень Вавилонской пещи, остудив огонь росою, так что он не повредил телам святых отроков, укрепи и меня в этих муках. Ты знаешь человеческую немощь, знаешь, что ничтожнее сора наша крепость, и сила наша отцветает скорее цветка. Даждь славу имени Твоему, Господи, и подай силу моему бессилию. Разрушь крепость восстающих на святую Твою паству, да разумеет вся вселенная, что Ты Един Бог Вышний, дающий крепость и силу надеющимся на Тебя!

Во время молитвы палачи настолько истерзали тело святого, что обнажились кости его, и наместник велел отвести его в темницу.

По дороге к темнице святой громогласно восклицал:

– Разумейте, видящие мои мучения, что я страдаю не без надежды. Есть награда за мученические подвиги у Христа, на Которого я и уповаю. Если земной, временный царь своих храбрых воинов, проливающих кровь, чествует и награждает, убитых прославляет в книгах, делает их изображения и старается о сохранении памяти о них, тем более наш Подвигоположник, Вечный, Небесный Царь подает Своим воинам и подвижникам славу в нынешней жизни, а по воскресении – участие в Своем Царстве. Свидетели сему – честные кости прежде подвизавшихся святых мучеников. Эти кости благоговейно почитаются всеми христианами и считаются дороже всех земных драгоценностей и богатств. Сим почитанием ясно изображается небесная слава душ мучеников, воздаваемая им от Бога и Его Ангелов.

Много и другого говорил мученик, сопровождаемый всем народом до темницы, где и пробыл пять дней, а потом вновь был приведен на суд к наместнику.

И сказал наместник мученику:

– Я думаю, тебя не надо более наказывать, чтобы ты одумался, испытав тяжесть первых мучений, ты почтишь наших богов, не желая повторения страданий. Но если не покоришься, то принудишь меня еще сильнее мучить тебя. Поэтому послушайся меня и избавь себя от готовящихся тебе мучений.

Святой Феодот ответил:

– Неужели ты не понимаешь, треокаянный, что хотя тело мое разбито мучениями и мои бока истерзаны, однако я и ныне с мужеством явился к тебе, готовый принять все страдания, пока окончу подвиг моего течения, и приму приготовленный мне венец от Господа моего Иисуса Христа.

– Не произноси здесь имени Распятого, потому что оскверняешь им место суда, – прервал его наместник.

– Безумный и полный всякой нечистоты! – сказал Феодот. – По твоему мнению ты не оскверняешь этого места, произнося имена твоих скверных и нечестивых богов, а когда я произношу имя Пречистого Владыки моего Христа, Царя и Господа всего, ты негодуешь, богохульствуешь и скорбишь, как бы об осквернении судилища именем Христовым? Так мучается твой ум, когда я произношу Его пречистое имя. Так вот и чтимые вами бесы страдали, не перенося мук от лицезрения Христа, и вопияли:

– «Что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» (Мф.8:29). Не удивительно, что и ты не можешь слышать имени Христа, ибо ты подобен бесам, подражая и служа им, как и твои предки.

Савин сказал:

– Я думал, что после прежних мучений ты будешь уступчивее и послушаешь меня, предлагающего тебе спасение, но ты стал еще хуже и все споришь с нами, обольщаясь надеждой, что терпишь за Христа. За это я предам тебя новым мучениям и покажу, что надежда твоя на Христа тщетна. Не

поможет тебе этот льстец, в надежде на которого ты идешь на страдания.

И ответил святой мученик:

– Если бы я терпел ради человека, то был бы несчастнее вас, безбожных, и не имел бы никакой надежды на будущую жизнь. Если бы я не взирал на Небесное Царство, где Христос награждает выше заслуг, то не мог бы и страдать до конца, не в состоянии был бы переносить таких мучений. Поэтому, при помощи Христовой, не перенесу ли я большие муки ради обещанного вечного блаженства? Узри же во мне помощь Христову и убедись, что я надеюсь на Него. Под защитой Его руки я не боюсь твоих мучений и даже не страдаю. Пусть страдает бренное тело, но непоколебимо намерение, утвержденное в Боге.

Тогда наместник Савин велел положить мученика на железный одр и зажечь под ним хворост и солому. Когда и это мучение претерпел страдалец, наместник удивился и сказал:

– Откуда у вас, христиан, такое немилосердие? Кого вы можете миловать, будучи так немилостивы к себе, к кому вы будете добры, не будучи добры к себе?

Святой Феодот ответил:

– Не знаешь ты истинного человеколюбия, а говоришь о милосердии. Тогда я буду тебе благодарен, когда ты осудишь меня на смерть, избавишь от временной жизни и отпустишь в Небесное Царство. Ведь ты хочешь меня возвысить, ибо чем больше мучаешь меня, тем большую приготавливаешь мне награду. Если ты действительно желаешь оказать мне милость, то избавь меня страданиями от временной жизни. Умножь здесь мои мучения: они присоединятся там к моему венцу правды. Замучай меня до смерти, чтобы совершенным подвижником отошел я к Подвигоположнику моему Христу, чтобы с радостью и весельем приняли меня все Ангельские лики.

Наместник сказал:

– Изобрету лютейшие мучения и сделаю тебя совершенным подвижником.

И ответил Христов мученик:

– О, если бы ты знал милосердие Бога моего, на Которого я надеюсь, что за эти маловременные муки сподоблюсь вечной жизни у Него! Ты сам бы восхотел страдать так, как страдаю я, но ожесточили ваши сердца чтимые вами бесы, и нет у вас надежды после смерти. Поэтому вы погрязли в мирской суете, предпочитая временное и мимоидущее вечному.

Услышав эти слова, наместник с изумлением сказал:

– Мне говорили о тебе, что ты человек простой, но я вижу, что ты великий мудрец!

Святой Феодот ответил:

– Если во мне говорит Христос, то какие ораторы могут противостоять мне? Знай, что правду тебе сказали, что я человек простой, но помогающая мне благодать Христа моего и говорить научает меня, и в муках укрепляет, облегчая мои страдания.

– Не помилую тебя, Феодот, – сказал наместник.

– Делай, что хочешь, я готов, – ответил святой.

Тогда Савин велел воинам вбить ему в ноги гвозди и заставить его идти. И когда вбивали ему гвозди, он, подняв руки к небу, говорил:

– Благодарю Тебя, Господи мой Иисусе Христе, что Ты сподобил меня, недостойного, быть участником Твоих страданий. Откуда мне, отверженному, столь великая благодать – вот я уже как бы на небе?! Благодарю Тебя, Спаситель мой, ибо Ты избавил от гонителей душу мою. Да прославится, Владыко Христе, имя Твое в теле моем! Сыне Божий! Ты моя жизнь, и смерть за Тебя – мне приобретение! Тебе вручаю страждущих за имя Твое, будь им помощником. Повели прекратиться сей буре, рассей восстающих на Церковь Твою святую, да в мире прославляют Тебя люди вовеки!

Также окружающим его христианам сказал:

– Братие! Мой подвиг кончается, близок венец, залог моей правды, который подаст мне Иисус Христос. Он распялся за меня, я ради Него отдал мое тело на мучения. Он умер за меня, чтобы избавить меня от тления, я умираю за Него, чтобы сподобиться Его Царства. О великая благодать Христова! За кратковременное страдание ради Него – Он свыше заслуг

награждает вечным и неизреченным блаженством: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим.8:18).

И так говоря, он шел, понуждаемый воинами, ступая нагвожденными ногами. Видя его терпение и слыша медоточные речи, многие язычники уверовали во Христа, поругали скверных идолов, укоряли мучителя и прославляли имя Христово. Узнав об этом, Савин повелел опять ввергнуть святого в темницу, чтобы не обольщался народ его волшебным (как он говорил) учением, а засим начал обдумывать со своими советниками, какою смертью погубить святого мученика. Спустя некоторое время, раны мученика начали гнить и приходящие благочестивые христиане чистыми платками отирали его струпы.

Когда же Константин Великий и даровал свободу веры всем христианам, то пришел от него указ прекратить гонение и освободить всех содержащихся за Христа в узах. Святой Феодот, услыхав, что его хотят освободить, весьма опечалился, ибо желал в муках умереть за Христа. После своего освобождения он отправился в свой город Киринию и, пробывши два года на епископском престоле, почил о Господе и сугубый венец святительства и мученичества получил от Христа Господа, венчающего Своих подвижников вечною славой, которой и мы да сподобимся молитвами святого священномученика Феодота и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Море зловерия обличил еси, и идольскаго безбожия лесть верою правоверия уязвил еси и всесожжение Божественное быв, чудодействием орошаеши концы, отче святителю Феодоте, Христа Бога моли даровати нам велию милость.

Память святой мученицы Евфалии

Память 2 марта

Святая Евфалия жила в III веке и была родом из Сицилии. Мать ее была язычница и страдала кровотечением. Ей явились во сне святые мученики Алфий, Филадельф и Киприн (память их празднуется 10 мая) и сказали ей, что она исцелится, если уверует во Христа. Она крестилась и исцелилась; потом крестила и дочь свою. Сын ее, Сермилиан, узнав об этом, хотел убить мать свою, а сестру Евфалию жестоко бил и отдал слуге на растление. Молитвою своею святая Евфалия ослепила слугу, а сама усечена мечом от брата.

Житие святого отца нашего Арсения, епископа Тверского[1698]

Память 2 марта

Святой Арсений родился в городе Твери от благочестивых, благородных и зажиточных родителей. Ни год его рождения, ни имена родителей неизвестны. Испросив у Бога себе сына, родители блаженного всего более заботились о том, чтобы насадить в сердце его страх Божий. Спустя некоторое время они отдали отрока для обучения грамоте. С Божией помощью он скоро обнаружил такие успехи, что превзошел всех своих сверстников. Арсений был юн возрастом, но хорошо понимал, что все блага сей жизни непостоянны и скоропроходящи. Он помышлял и заботился лишь о том, чтобы угодить Богу и спасти свою душу. По прошествии некоторого времени родители преподобного скончались, перед кончиной заповедав сыну жить свято и богоугодно, твердо хранить заповеди Господни и соблюдать веру христианскую, и оставили ему все свое имение. Предав погребению своих родителей, святой еще чаще стал помышлять о спасении своей души. Он думал:

– Знаю, что я пришлец и странник на земле. Кратка и недолговременна жизнь здесь, а будущая жизнь бесконечна. Большое имение оставили мне родители, но душа моя не радуется о том. Ибо сказано в Писании: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф.16:26.)

Размышляя так, он стал раздавать свое имение бедным: одевал нагих, посещал больных, помогал вдовам и сиротам, заступался за обиженных. Но завистник рода человеческого, видя благочестивую жизнь святого Арсения, воздвиг на него брань. Он вложил некоторым сродникам блаженного мысль, что юноша нехорошо делает, щедро раздавая родительское имение. Сродники святого то советовали ему вступить в брак, то поносили и укоряли его, говоря:

– Смотрите, этот святоша разорил весь дом родительский и без дела проводит свою жизнь.

Но такие слова не смущали благочестивого юношу. Господь вложил ему мысль – отправиться в Печерскую обитель, где некогда подвизались и просияли своими добродетелями преподобные Антоний и Феодосий. Отпустив на волю всех рабов и раздав нищим свое имение, юный подвижник тайно покинул родной город и направился в Киево-Печерскую обитель, куда его звал голос, услышанный им во сне. Придя в монастырь, святой упал на колена пред настоятелем и просил его:

– Помилуй меня, отче, помилуй грешного. Не удаляй меня из святой обители; вспомни, что и Христос не отвергает кающихся грешников.

Так усердно просил святой игумена Печерского. Игумен удивился и спросил его:

– Почему, чадо, ты так сильно сокрушаешься о грехах своих, ведь ты еще молод возрастом?

– Я великий грешник, – отвечал святой Арсений, – ибо нет человека, кто бы не согрешил, если даже он прожил всего один день. Помилуй меня, отче, и не отгоняй от святой обители. Знаю, что и мне некогда предстоит явиться на страшное судилище Христово, – какой ответ я дам тогда нелицеприятному Судье?

Удивился игумен ответу юноши. Он прозрел своими духовными очами, что на отроке почивает особенная благодать Божия. Но видя, что Арсений еще молод, игумен Печерский сказал ему:

– Трудна жизнь иноческая, много в ней лишений и скорбей. Нелегко тебе будет в таких молодых годах переносить все подвиги монашеские. Но много стезей указал Господь для спасения людей. Избери себе другой путь, более легкий.

– Не страшусь я трудов иноческих, – отвечал святой, – сладки и приятны они для меня. Об одном прошу тебя: сделай меня последним рабом в святой обители, и с благодарностью я буду исполнять все. Бог да будет моим покровителем и да помогут мне твои святые молитвы. Твердо помню я слова Писания: «никто, возложивший руку свою на плуг и

озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк.9:62). Только прими меня, отче.

Удивленный благочестием юноши, игумен принял Арсения в монастырь и облек его в иноческое одеяние. Новоначальный инок был отдан для руководства добродетельному старцу, опытному в духовных подвигах.

Много подвижников, как яркие звезды, сияли только в Киево-Печерской обители. Добрый пример показывали они благочестивому юноше: один отличался твердой верой, другой на Единого Господа возлагал все свое упование, тот процветал безмолвием и послушанием, иной вел победоносную брань со своей плотью и покорял ее духу. Святой Арсений видел эти подвиги благочестия и начал подражать каждому из них, стараясь не оставлять ни одного доброго примера. С величайшим смирением он исполнял все повеления игумена и других иноков, непрестанно работал, не пропускал ни одной Божественной службы, довольствовался самой скудной пищей, лишь на самое короткое время забывался сном.

В Печерской обители было принято, чтобы всякий инок проходил все степени послушания, начиная с самых низших до более высоких. Подобно прочим, и святой Арсений исполнял все послушания и проходил он их с великой ревностью. День и ночь трудился, не оставляя рук своих в праздности ни на один час: готовил пищу для братии, колол дрова и носил воду; никто никогда не слыхал от него слова ропотного или праздного. Он так украсил себя добродетелями, что был выше всех иноков в обители. Братия удивлялись его усердным трудам и незлобию.

В Киеве тогда проживал святой Киприан, будущий святитель Московский[1699]. Увидев, что Арсений отличается острым разумом и преуспевает в добродетелях, он приблизил к себе и полюбил молодого инока, часто беседовал с ним, наставляя его в заповедях Божиих. И когда святой занял престол Московской митрополии, он не пожелал разлучаться со святым Арсением. Святитель взял его с собою в Москву, поставил во архидиаконы и поручил ему заведовать письмоводством[1700]. Сначала святой Арсений просил не налагать на него бремени, говорил, что хотел бы в тишине

молиться и подвизаться в добродетелях. Но потом, убежденный святителем, он согласился, – только просил не возводить его на высшие степени священства.

Между тем на родине блаженного Арсения, в Твери, возникли нестроения. Тверской епископ Евфимий[1701] внес немалое смущение в свою паству; отличаясь неуступчивым характером, вступался он в мирские дела; не имея смирения христианского, он отличался великою гордостью и тщеславным высокоумием. Своим поведением епископ вооружил против себя не только князя и бояр, но и духовенство, монахов и простых мирян. Тверской князь Михаил Александрович[1702], видя, что раздор умножается, отправил в Москву посольство и звал митрополита Киприана, чтобы рассудить дело. Святой митрополит Киприан отправился в Тверь, пригласив с собою двух греческих митрополитов, Михаила и Никандра, святого Стефана епископа Пермского, епископа Смоленского Михаила, взял святого Арсения, многих архимандритов и игуменов. Когда Освященный собор приближался к Твери, сам князь Михаил со множеством народа вышел ему навстречу и с честью принял прибывших. Лишь только Киприан с прочими отцами достиг города, тотчас же отправился в церковь во имя честного и славного Преображения совершить здесь сначала молебен, потом Божественную литургию и преподал всем свое благословение.

Четыре дня спустя митрополит со всем Освященным собором разбирал дело Тверского епископа. Евфимий сначала защищался. Но отцы собора обличили его неправые деяния; его лишили сана и послали на заточение в Московский Чудов монастырь.

Уже давно в Твери знали о добродетельной жизни святого Арсения. Теперь же князь Михаил просил митрополита поставить его епископом в свой город.

– Я думаю, что Арсений может утвердить мир и тишину в нашем городе, – говорил князь митрополиту. – Другого мужа, более добродетельного и более достойного, я не знаю. К тому же он и родился здесь. Не только я, но многие граждане знают его и его благочестивых родителей.

Преосвященный Киприан одобрил намерение князя и призвал Арсения. Когда святой услышал о желании князя, он решительно отказался:

– Простите мне, господа мои, я человек грешный и недостоин такого сана. Призываю Господа в свидетели, что я никогда не имел и ныне не имею другого желания, кроме того, чтобы в уединении оплакивать грехи свои. Поэтому я и ранее отказался от сана пресвитерского; о епископстве же мне грешно и помышлять.

Долго еще отказывался святой, но наконец князь и митрополит сказали ему:

– Если не хочешь повиноваться нашей воле, то мы с Освященным собором имеем власть наложить на тебя запрещение.

Святой Арсений не захотел более противиться и дал свое согласие. Так он был избран епископом (24 июля 1390 г.), но страшился бремени управления, боялся раздоров и мятежей, которые не успели утихнуть в Твери после удаления епископа Евфимия, и всей душой желал подвизаться наедине. Поэтому, спустя некоторое время, святой Арсений вторично обратился с просьбой к митрополиту Киприану, чтобы снял с него столь тяжелое бремя. Но митрополит ободрил и снова уговорил его. Видя в сем Промысл Божий, Арсений покорился воле митрополита и 15 августа 1390 года был рукоположен в епископа Тверского.

Вступив на архипастырский престол, святой Арсений более всего старался утвердить мир и согласие в своем духовном стаде, истребить мятеж. Ревностно проповедовал он слово Божие: всех, кто приходил к нему, святой Арсений поучал, как чадолюбивый отец; в храме Божием назидал свою паству, как заботливый пастырь. Он всегда помнил слова пророка Иезекииля: «И тебя, сын человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву, и ты будешь слышать из уст Моих слово и вразумлять их от Меня» (Иез.33:7). Так поучал всех святитель и своим словом привлекал к себе всех. Граждане тверские с великим усердием стремились слушать своего учительного пастыря. В самой своей жизни святой Арсений подавал всем

добрый пример: со вступлением на престол он стал вести еще более суровую и строгую жизнь, совершенно подчинил плоть свою духу. Все удивлялись чистоте его жизни и непрестанному бдению. Строгий к самому себе, он кротко обращался с другими и был милостив к бедным: защищал притесняемых, раздавал одеяния и пищу неимущим, выкупал рабов и пленных. Слава о его добродетельной жизни далеко распространялась повсюду; многие приходили издалека, прося его молитв и благословения.

За свою добрую жизнь святой удостоился восприять от Господа дар чудотворений. Много народа стекалось к нему; все, кто был одержим каким-либо недугом, обращались к святому, и, по милости Божей, он подавал различные исцеления. На одних больных возлагал руки, над другими читал молитвы, иных благословлял и окроплял святой водой или помазывал елеем – всех исцелял он усердной молитвой к Господу.

Находясь в Твери, святой Арсений не забывал и обители Печерской, где положил начало своим иноческим трудам, и постоянно памятовал о жизни ее преподобных основателей – Антония и Феодосия. Святитель помыслил основать свой монастырь, напоминающий ему Печерский, и желал, чтобы в нем было положено его тело. О своем намерении святой Арсений сказал князю тверскому. Князь похвалил доброе желание святителя и сам обещался помогать ему во время постройки монастыря, снабдить его земельными угодиями, необходимыми для его содержания. Тогда святитель избрал на реке Тьмаке, в 4 верстах от города Твери, одно место, которое ему сильно понравилось. Оно называлось Желтиково. Призвав Божие благословение, он повелел построить здесь деревянную церковь во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских, своих великих наставников. Устроив кельи, святой собрал братию, поставил им игумена. Это произошло в 1394 году. Спустя десять лет святитель заложил в Желтиковом монастыре каменный храм и освятил его во имя Пречистой Богоматери, честного и славного Ея Успения, конечно, помня Успенский храм Печерского монастыря. Церковь освящена 30 августа 1405 года; она была благолепно украшена и расписана живописью. Великий князь тверской исполнил свое обещание – пожертвовал

монастырю несколько вотчин. Святитель часто приезжал в свою обитель и принимал участие в трудах братии, показывая всем пример монашеской жизни. Он не искал среди братии чести и славы, но в монастыре, устроенном им самим, желал быть простым иноком. Великий своими добродетелями, он наставлял и просвещал всю братию: как месяц сияет между звездами, так и святой Арсений блистал своим благочестием среди иноков обители. Желтиков монастырь святитель желал сделать местом своего упокоения. Своими руками он вытесал себе здесь из белого камня гробницу, а из другого крышку к ней. Желая, чтобы иноки новой обители всегда назидались подвигами Печерских отцов, святой Арсений повелел списать древний Патерик Печерский – книгу, в которой изложены были подвиги и великие труды святых Киево-Печерских подвижников[1703]. Отсюда видно, что святитель старался и делом, и словом, и назидательными писаниями просвещать и поучать свою паству; он непрестанно носил в своем сердце слова Писания: «Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым» (2Тим.2:24). Таким пастырем и был святой Арсений. Немало церквей Божиих построил он в самом городе и в его окрестностях; он же возобновил и главный Спасо-Преображенский собор в Твери.

Князь тверской Михаил искренно уважал достойного пастыря. Он часто беседовал со святым Арсением и получал немалую душевную пользу от этих бесед. Кроткие слова святителя глубоко западали в сердце князя. Наставляемый святителем, великий князь строил храмы Божии, творил дела милосердия, помогал неимущим в своем княжестве и посылал милостыню в Царьград. Чувствуя приближение своей кончины, князь изъявил желание воспринять иноческий образ. Святой Арсений одобрил его благое намерение, постриг князя, причем нарек его в иночестве Матфеем, и вскоре после того, напутствуемый святителем, инок-князь отошел из сей временной жизни. Любя мир, святой Арсений старался всегда примирять враждовавших. В то время часто происходили раздоры между князьями, и святитель всегда старался положить конец княжеским распрям. С Божией помощию ему

удалось в 1403 году примирить тверского князя Иоанна Михайловича с братом его, Кашинским князем Василием Михайловичем, которого тверской князь обидел. Но спустя некоторое время вражда между князьями-братьями снова возгорелась. Тогда святитель, грозя страшным Божиим гневом и вечным осуждением, положил конец сей вражде в день праздника Животворящей Троицы 1406 года.

Примиряя враждующих, святитель старался обходиться со всеми тихо и кротко: никого не позволял обидеть, всякий приходивший к нему находил защиту и прибежище; святой был защитником сирот и вдов, с любовью обходился с нищими и убогими, ободрял ослабевших, всем помогал добрым советом, деньгами или отеческим наставлением.

Подражая Небесному Пастырю Христу, он всегда заботился о заблуждавшихся овцах своего стада и вводил их в ограду покаяния.

Святитель Киприан не раз вызывал святого Арсения в Москву для соборных совещаний.

Блаженная кончина святителя Арсения последовала великим постом 1409 года. К сборному воскресенью духовенство Тверской епархии съехалось в Тверь на обычный ежегодный собор[1704]. В воскресенье оно приветствовало своего владыку; во вторник святой Арсений произносил поучение к пастырям, наставлял их в делах пастырского служения и решал дела; в тот же день он благословил собравшихся пастырей, простился с ними и распустил собор. В четверг Второй седмицы святитель тяжко заболел и лишился языка. Утром в пяток (1 марта) пришел к нему великий князь Иоанн Михайлович[1705] с братиею и боярами; он созвал архимандритов, игуменов и священников, чтобы совершить елеосвящение над заболевшим святителем. У одра больного сидели десять чернецов, которые желали услышать от своего епископа прощальное слово. Но он был безмолвен. Следующею ночью святой Арсений скончался. 19 лет и 7 месяцев с великой ревностью он пас врученное ему Богом словесное стадо. Услышав о кончине праведного святителя, князь Иоанн Михайлович со множеством народа

пришел к его мощам. Все скорбели и плакали: «померкло солнце наше, лишились мы доброго пастыря и отца».

На другой день мощи святого Арсения были вынесены из архиерейского дома в соборную церковь, где граждане тверские прощались со своим пастырем, и погребены в Желтиковом монастыре, в притворе правого придела Успенской церкви (во имя Нерукотворенного образа), в той самой каменной гробнице, которую святитель изготовил своими руками.

При погребении его было много недужных. Они просили святого об исцелении и получали облегчение от своих недугов. Таково было житие святого Арсения, такова была его блаженная кончина; ныне же он предстоит пред престолом Господним вместе с Ангелами, славя Пресвятую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа.

По смерти святого Арсения граждане не переставали чтить его память. Видя чудеса, проистекавшие от его гроба, благочестивые жители Твери призывали в молитвах святителя Арсения и получали помощь и заступление в бедах. По истечении 74 лет после его преставления (в 1483 году) епископ Тверской Вассиан[1706], по повелению царя Иоанна Васильевича, восхотел открыть его мощи. Собрав собор со множеством народа, он направился к Желтикову монастырю. Гроб, в котором почивали мощи угодника Божиего, был вынут из земли и внесен в соборный храм. Когда открыли крышку, вся церковь наполнилась благоуханием. Тление не коснулось мощей святого Арсения, даже самые ризы оставались совершенно целыми. Тогда епископ повелел снова покрыть гроб крышкой, приказал написать образ святого (он цел и доныне) и поставил его у Гроба на поклонение приходящим. На гроб был возложен покров с изображением чудотворца. По благословению епископа Вассиана составлена была и служба святому Арсению. Тогда было установлено местное празднование ему в Желтиковом монастыре. С того времени еще более чудес стало совершаться при его гробе. Местное празднование святителя Арсения в Твери установлено Московским собором 1547 года.

Наиболее замечательное и разительное из чудес святого Арсения произошло в 1566 году. В то время в Твери проживал

один рыболов, по имени Терентий. Сначала он имел великую веру ко святому Арсению, а потом впал в неверие и подвергся исступлению ума. Родители привезли его в Желтикову обитель, надеясь, что сын их здесь получит исцеление. Но он умер. Спустя два дня внесли его тело в храм Пречистой Богородицы, где почивали святые мощи. Родители сильно скорбели, даже роптали на святителя:

– Мы надеялись получить от тебя милость, а сын наш умер. Погасает у нас усердие к тебе, и вера наша оскудевает.

Не потерпел Господь таких укорительных речей на Своего угодника. Во время чтения Евангелия мертвец вдруг поднялся и стал горько плакать о своем прегрешении. Каялись и родители Терентия в своем ропоте на святого.

Акакий, бывший тогда епископом Тверским[1707], муж праведный и благочестивый, сам видел воскресшего и удостоверился в действительности происшествия.

В 1606 году, когда Русская земля страдала от нашествия поляков и литовцев, неприятели силою опустошили многие области русского государства, и в том числе Тверскую обитель. Не пощадили враги и Желтиковой обители. Они ворвались в нее, думая найти много сокровищ. Но иноки заблаговременно успели скрыть монастырские сокровища и сами удалились в Тверь. Только на мощах святого оставался шитый золотом покров с его изображением. Не найдя ничего в обители, враги были сильно обмануты в своих ожиданиях. Один из неприятелей, досадуя на неудачу, схватил с мощей святого покров и положил на своего коня. Но лишь только он сел на лошадь, как вдруг неведомой силой лошадь и всадник были приподняты на воздух, потом низвергнуты на землю. От сильного удара они умерли, а покров дивным образом поднялся на крышу Успенского храма. Покров этот и доныне сохраняется в монастыре.

В 1637 году в обители строили новый соборный каменный храм. Поэтому мощи святителя были перенесены на время в деревянную церковь преподобных Антония и Феодосия Печерских. Один из братии, по имени Гермоген, в нетрезвом состоянии зашел после вечерни в церковь и заснул недалеко от

мощей святителя. Проснувшись ночью, он был поражен дивным видением. Храм был ярко освещен; святой Арсений приподнялся и сел на своей каменной гробнице. Гермоген, объятый ужасом, хотел было бежать. Но святой Арсений, взглянув на него, грозно сказал:

– Зачем ты, дерзновенный, нетрезвым вошел в храм Божий?

Гермоген упал как мертвый. Долго лежал он, но потом, придя в себя, с большим трудом вышел из храма северными дверями, которые запирались изнутри. После того долго был он болен. Но святитель хотел только вразумить неразумного и избавить от порока. Когда Гермоген, чистосердечно исповедав пред всеми свой грех, просил у святителя прощения, он получил исцеление от своего недуга пред мощами святого Арсения.

Часто святой угодник Божий являл страждущим свою дивную помощь, и по его молитвам болящие получали исцеление. Из многих чудотворений упомянем о следующем.

В Твери проживал отрок Герасим, сын священника Василия. На свадебном пиру Герасима напоили вином, смешанным с ядовитым зельем. Он сильно заболел и уже помышлял о смерти. Страдая, Герасим обратился к безмездному целителю – святому Арсению, пришел к его мощам в день его памяти (2 марта), усердно молился, и угодник Божий дивным образом исцелил болящего отрока.

Спустя много лет Герасим, сделавшись клириком, переселился на жительство в Москву. В его доме проживала племянница его, Дарья, которая долго страдала болезнью глаз. Чем больше проходило времени, тем более болезнь усиливалась, так что Дарья не могла даже спать по ночам и все время стонала. Смотреть на свет она была не в силах. Наконец, в день памяти святого Арсения священник из храма, посвященного его имени, пришел в дом Герасима со святою водою и омыл ею глаза Дарьи. Она тотчас исцелилась.

Велико было изумление Герасима, когда он увидел свою племянницу здоровой. И ранее питал он благодарность к своему небесному заступнику. Видя же новую милость его,

Герасим пожелал иметь у себя дома службу и житие его. Но в Москве жития святого Арсения не нашлось. По просьбе Герасима архимандрит Желтиковой обители прислал ему житие и канон святителя и просил, по прочтении, обратно прислать их в монастырь. Герасим поспешно начал переписывать житие. Но с ним случилось несчастье. Когда перед началом своей работы он молился, то, поклонившись в землю, попал правым глазом на торчавший на полу гвоздь. Он едва мог подняться на ноги и громко возопил:

– О Владыко, Господи, смилуйся надо мной грешным!

В доме Герасима проживали тогда иноки из Желтиковой обители Иона и Феофил, которые привезли житие святого Арсения. Видя мучение Герасима, они стали обтирать кровь, струившуюся из раны, и советовали Герасиму помолиться Арсению. Лишь только Герасим стал просить святителя о своем исцелении, кровь тотчас же перестала течь. Тогда все увидели, что Герасим раздробил себе веко и бровь, но самый глаз по милости Божей остался цел. Вскоре рана зажила совершенно, и Герасим с благодарностью и умиленным сердцем дописал житие святителя, по молитвам которого так скоро получил исцеление.

При архимандрите Савватии[1708] произошло следующее дивное чудо. Один крестьянин, живший близ обители святого Арсения, закопал в лесу свое сокровище, желая сохранить его. Спустя некоторое время сей человек пришел опять туда, где были спрятаны его деньги, начал отыскивать их, но не мог найти. Крестьянин впал в великую скорбь, начал тужить и плакать. Он хотел даже повеситься и уже накинул петлю на дерево. Вдруг пред ним предстал благообразный муж и сказал:

– Зачем ты, чадо, умыслил злое в сердце своем? Зачем хочешь ты погубить свою душу и обречь себя на вечное мучение?

На крестьянина напал трепет: он начал плакать. На вопрос дивного мужа, почему он так горько плачет, крестьянин сказал, что он спрятал свои деньги и не может отыскать.

Благообразный муж ударил жезлом в землю и сказал:

– В сем месте ты найдешь то, что ищешь.

Крестьянин, раскопав землю, нашел свое сокровище. Пораженный этим, он стал благодарить явившегося и спросил его:

– Откуда ты, честный отче, и как твое имя, чтобы я мог возблагодарить тебя за свое спасение и за нахождение сокровища!

– Я – Арсений и живу в обители, построенной моими трудами. Ступай туда и воздай достойное благодарение Богу.

Крестьянин хотел было пасть на колени пред старцем, но он стал невидим. Тогда крестьянин понял, что благообразный муж был сам святой Арсений; придя в Желтикову обитель, он благодарил Бога и Его угодника и рассказал все, что с ним произошло.

В 1657 году у раки святого Арсения произошло новое чудо. В Желтиковой обители проживал тогда диакон Иоанн. Наущаемый диаволом, он замыслил украсть серебряную и золотую утварь из храма, где почивали мощи святителя. Однажды в полдень он испросил у пономаря ключи от храма, вошел в церковь и взял всю утварь серебряную и золотую, которая стояла недалеко от раки преподобного. Побуждаемый жадностью, он хотел еще взять с мощей и серебряную панагию, которую святой носил на себе во время своей жизни. Вдруг неведомой силой вора так далеко отбросило от святых мощей, что он ударился о церковный помост и лишился чувств. Через некоторое время вошедшие в храм иноки увидели, что Иоанн лежит посреди церкви как мертвый. Поняв случившееся, они вынесли его из церкви, отправили в Тверь к архиепископу Иоасафу[1709] и рассказали все, что видели. Сам же Иоанн ничего не мог говорить: не владел языком и весь был расслаблен. По повелению епископа расслабленного диакона опять отвезли в монастырь и затем приводили в церковь. Мало-помалу он начал приходить в себя и, наконец, раскаявшись, совершенно выздоровел.

Много других чудотворений проистекало от святых мощей славного святителя и пастыря стада Христова по благодати Господа нашего Иисуса Христа[1710]. Слава Богу вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Благочестно пожив во святительстве, люди просветил еси учением твоим, и о храме Пречистыя вельми подвизався, и любитель монахов быв, сего ради от Христа паствы твоея венец приял еси. Темже, яко апостольского престола наместника и святителя великаго чтуще тя, молим, чада твоя блаженне, от всех бед избави нас яже ко Христу молитвами твоими, святителю Христов Арсение, отче наш.

Кондак, глас 8:

Восприемши радостно честныя твоя мощи, пречистая церковь, в нюже честно вносимы множеством священномонахов и князи благоверными, и яже приемше яко сокровище многоценное. Темже и мы ныне, твоея ограды словесныя овцы, окрест раки твоея предстояще, любезно вопием ти: не забуди чад твоих, отче, ихже мудре собрал и возлюбил еси, яко да зовем ти: радуйся, святителю Арсение, пастырю и учителю наш.

Страдание святых мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска

Память 3 марта

После страданий и мученической кончины святого великомученика Феодора Тирона в темнице остались заключенные за Христа его соратники и близкие друзья Евтропий, Клеоник и племянник его Василиск. Правитель города Публий, мучивший святого Феодора, уже погиб, пораженный Божиим гневом. На его место был назначен другой, по имени Асклипиодот, родом из Фригии, человек жестокий и безбожный. Много зла причинил он христианам, ибо получил от императора Максимиана[1711] власть принуждать христиан к принесению жертв идолам, и тех, кто не повинуется, погублять в жестоких муках.

Однажды, заседая на судилище со своими советниками, он призвал книгохранителя Евласия и приказал ему читать прежние судебные дела. Когда Евласий читал о страданиях Феодора Тирона, то все дивились терпению святого мученика, а правитель спросил:

– Где друзья Феодора, упоминаемые в книге?

Евласий отвечал:

– Они содержатся в темнице с прочими узниками.

Видя сожженное Тироном капище скверной их богини Юноны, именуемой матерью богов, правитель зарычал, как лев, и тотчас повелел послать воинов в темницу, чтобы привести к нему святых мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска.

Евтропий и Клеоник были родными братьями, родом из Каппадокии, а Василиск, племянник святого Феодора, родился в Амасии, но все трое, вследствие взаимной любви, называли друга друга братьями.

Пришедши к темнице, воины сказали темничному сторожу:

– Выдай нам друзей Феодора.

Тогда сторож вошел к святым и сказал:

– Вставайте! Пришло время, которого вы ждали с нетерпением день и ночь; вас зовет правитель. Но умоляю вас,

помяните и меня в своих молитвах.

Так говорил темничный сторож, так как видел их день и ночь на молитве и происходившие с ними чудеса: необыкновенный свет сиял среди них, темница много раз сама собою отверзалась. Поэтому он и уверовал, что Господь пребывает с ними. На призыв правителя святые пошли с радостью, а оставшиеся узники печалились, что лишались дружеского общения со святыми мучениками. Тогда святой Евтропий сказал им:

– Не плачьте, друзья, ибо мы снова увидимся, но молитесь ко Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он даровал нам страдание и кончину за Него и чтобы прекратилось бесовское язычество, а вселенная исполнилась Божией благодати.

Утешивши такими словами узников, святые вышли с воинами. Святой Евтропий пел: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс.132:1)

И вот раздался глас с неба:

– Не разлучу тебя с твоей братией, пока не придете все к Феодору и не почиете на лоне патриархов, живущих в Божественном свете.

Евтропий был очень красив и премудр. Когда святые были приведены и стали перед правителем, то он спросил их:

– Почему лица ваши не сумрачны от долгого пребывания в темнице, а радостны, как будто от постоянного веселия?

Блаженный Евтропий ответил:

– Воистину, правитель, наш Христос всегда нам дает радость, посещая нас Своей благодатью, и сбываются на нас слова Писания: «Веселое сердце делает лицо веселым» (Притч.15:13)

Правитель спросил:

– Как твое имя?

– Первое мое имя, – отвечал святой, – христианин, а родители меня назвали Евтропием.

Тогда правитель с ласкою сказал:

– Вижу, что ты так же благонравен, как и красив; думаю, давно уже ты сделался таким мудрецом.

Святой отвечал:

– Духовной мудрости я научился от Господа моего Иисуса Христа, на Него я возлагаю надежду, что Он поможет мне мудро ответить на ваши вопросы.

Правитель сказал:

– Послушай меня, Евтропий, и убеди свою братию повиноваться царскому повелению, принести жертвы богам. За это я напишу о тебе царям, и они назначат тебя в этой стране воеводою, почтут тебя как князя и осыплют тебя большими богатствами. Тогда ты на деле увидишь, как хорошо слушаться царей и повиноваться их приказаниям. А если не убедишься моими словами, то я рассеку твое тело на части и брошу на съедение псам и зверям. Что от твоих костей останется, то все сожгу на огне и прах брошу в реку. Не надейся, что христиане соберут твои останки и, как святыню, помажут миром. Итак, покорись, принеси жертвы богам или только скажи при народе, что покоряешься и хочешь принести жертву: все смотрят на тебя, ожидая твоего решения. Не отвращай от богов тех, кто хочет приносить им жертвы, чтобы не запятнать свое имя, подвергаясь позорным и жестоким мучениям.

На это Евтропий ответил правителю:

– Перестань пустословить, сын диавола, наследник геенны! Перестань прельщать слуг Божиих, враг Бога, отринутый от нетленных благ и райского блаженства, вечный узник ада преисподнего! Перестань говорить неподобные речи, ты, заграждающий путь к добрым делам, учитель и начальник нечестия! Не знаю, что и сказать еще тебе, лукавый соблазнитель! Ты обещаешь мне временную честь и богатство, оставляемые здесь, на земле. Какая мне польза от того, что вызывает душевредные страсти, приводит к хвастовству, любодеянию, грабежу, убийству и другим преступлениям? Какую пользу получил от временной славы и богатства прежний князь Публий, мучивший святого Феодора? Теперь он погребен в земле, снедаем червями и мучится в аде, в огне неугасимом. И тебя не замедлит постигнуть гнев Божий, и погибнешь ты, беззаконник нечестивый. Ты угрожаешь мне жестокими мучениями, мечом, огнем и зверями, но не надейся устрашить меня такими угрозами и муками принудить меня к безбожию:

пострадать за Христа Бога моего – это мое первое желание, так как Он есть наше богатство, честь, сила и слава. Нет, не отступим от Него ни я, ни моя братия, но пострадаем за Спасителя нашего: в Его руках наша жизнь, Он воевода непобедимый, избавляющий от бед призывающих Его; Он и нас может избавить от рук твоих.

Услышав это, правитель исполнился гнева и приказал бить святого по лицу, говоря:

– Негодный! Ты призван сюда, чтобы принести жертву богам, а не укорять нас!

Но когда начали сильно бить святого, то руки бьющих высохли.

По приказу правителя все, что делалось и говорилось на суде, подробно записывалось. И вот когда писцы увидали, что руки истязателей высохли, то в ужасе бросили писать. Однако один христианин, стоявший среди народа, записал происходившее. Правитель обратился к мученику с такими словами:

– Поклонишься ли ты, наконец, богам, чтобы сохранить свою жизнь, или хочешь, чтобы я предал тебя смерти?

– Нет, – отвечал святой Евтропий, – не поклонюсь богам бесчувственным. Ты и сам бесчувственный, если так поступаешь. Но поклонюсь я Богу моему и Ему принесу в жертву свою хвалебную песнь. Так говорит блаженный Давид, и его устами Сам Христос: «А их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих. Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят» (Пс.113:12–13). И прибавляет к этому: «Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них» (Пс.113:16) Ты глух и слеп, и не хочешь ли и меня сделать таким же? Но я не отступлю от Господа моего Иисуса Христа.

Тогда правитель обратился к святым Клеонику и Василиску:

– А вы что скажете: принесете ли вы жертвы богам, чтобы сохранить свою жизнь или, как Евтропий, будете упорствовать и тогда подвергнетесь таким же мукам?

Святые Клеоник и Василиск отвечали:

– Как верует наш брат и господин Евтропий в Иисуса Христа, так и мы веруем в Бога Отца, Сына и Святого Духа. Как

страдает Евтропий за Христа, так и мы хотим страдать, и диавол не может разлучить нас, соединенных святой верой во Христа и взаимною любовью. Как трижды сплетенная веревка не разорвется, так и мы трое будем крепки, и как Пресвятая Троица нераздельна, так и мы соединены верой и любовью. Так мучай нас еще более жестоко, мы пойдем на эти муки во славу Господа нашего Иисуса Христа, Которому ты враг.

Когда они это сказали, правитель приказал, чтобы четыре воина растянули каждого и били крепкими жилами без всякой пощады. Святых били так сильно, что на землю падали куски тела, обагренные кровью. Но они мужественно терпели и молились Богу. Жестоко было мучение, но при помощи Божией страстотерпцы, казалось, совершенно не страдали. Святой Евтропий молился такими словами:

– Боже Вседержитель, благий и милостивый! Не презри нас, Владыка, Ты, Который спасаешь праведных, вразумляешь нечестивых, исправляешь строптивых, охраняешь мудрых и наставляешь безумных. Ты связал диавола и освободил человека. Ты помощник заключенных в узы, заступник мучимых, источник благости, Спаситель душ наших. Ты насылаешь страдания и подаешь мужество претерпеть муки. Дай и нам претерпеть страдания ради мученического венца. Приди нам на помощь, как помог рабу Твоему, Феодору. Покажи людям злобу диавола, Твою милость и всесильной Твоей помощью яви всем, что мы Тебя одного почитаем царем нашим Иисусом Христом, славя Тебя с Отцом и Святым Духом вовеки.

Святые Клеоник и Василиск произнесли:

– Аминь.

Вдруг сделалось страшное землетрясение, так что потряслось все судилище, утомленные и испуганные палачи отошли, а святые, освобожденные невидимой силой, остались целы. И вот им явился Господь с Ангелами и со святым Феодором. Святой Евтропий обратился к Господу:

– Слава Тебе, Владыка мой Христос, что так скоро меня услышал, и кто такой я, что ко мне пришел Сам Господь мой?

А святым Клеонику и Василиску святой Евтропий сказал:

– Видите ли вы, вот Царь наш Иисус Христос стоит с Феодором во всей славе?

– Видим, – отвечали они.

Святой Феодор, явившийся с Господом, сказал:

– Брат Евтропий! Твоя молитва услышана, и пришел к вам на помощь Спаситель с возвещением о вечном блаженстве.

Сам Господь сказал им:

– Когда вас мучили, то Я стоял перед вами, глядя на терпение ваше. Так как вы мужественно перенесли первые страдания, то Я буду вашим помощником, пока не окончите ваш подвиг, и впишутся имена ваши в книгу жизни.

После этих слов Господь сделался невидим со святым Феодором.

Воины же, мучившие святых, стали просить правителя:

– Умоляем тебя, господин, освободи нас от этого дела, мы не можем мучить этих людей.

Указывая на святых, правитель сказал:

– Эти волхвы делают заклинания и тем устрашают воинов.

Многие из народа, сподобившиеся видеть Божественное явление, воскликнули:

– Нет, не заклинания и не волхвования, а Бог христианский помогает Своим рабам: сейчас мы видели Царя их Христа и слышали глас Ангельский.

– Ничего я не видел, – сказал правитель, – никакого голоса не слышал.

Святой Евтропий обратился к нему с такими словами:

– Правильно говоришь, что не видел Божественного явления и не слышал небесного гласа: ты не видишь душевными очами, потому что тебя ослепил диавол, и на тебе сбывается пророчество Исайи: «Ушами с трудом слышат и очи свои сомкнули» (Ис.6:10).

Услышав это и увидев, что народ волнуется, правитель приказал связать святых и отвести их в темницу. Когда святые вошли туда, то узники очень обрадовались, а Христовы страдальцы воспели песнь: «Помощь наша в имени Господа, сотворившего небо и землю» (Пс.123:8).

Обедая уже поздно в этот день со своими советниками, правитель так говорил им:

– Не знаю, что делать с этими людьми: весь город волнуется из-за них. Как вы думаете?

Один из советников сказал:

– Умоляю тебя, поскорее убей их. Если же замедлишь казнить их, то весь город отступит от богов и пойдет за этими людьми. Особенно не позволяй столько говорить многоречивому Евтропию.

– Я его увещевал поклониться богам, – сказал правитель, – и просьбами и угрозами, а он и богов, и царя похулил, да и мне досадил своими укорами. Но позовем его одного и будем убеждать просьбами. Если он нас послушает, то будет слава милостивым богам, а если нет, то предам их смерти.

Так сказав, он послал воинов привести к нему Евтропия из темницы. Евтропий вошел, и правитель, сидя за обедом, обратился к нему:

– Хочешь, я сам с честью введу тебя в храм богов наших, и ты принесешь им жертвы?

Святой Евтропий отвечал:

– Жив Господь Бог мой! У меня и в помышлении нет отступить от веры Христовой, утвержденной на камени непоколебимом.

Правитель приглашал мученика сесть с ними обедать, но он отказался. И другие сидящие убеждали его:

– Садись с нами, Евтропий, ешь и пей, покорись начальнику!

Святой отвечал:

– Нет, я, раб Христов, не сяду со скверными, как говорит блаженный пророк Давид: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не сидит в собрании развратителей» (Пс.1:1). И в другом месте: «Не сидел я с людьми лживыми, и с коварными не пойду» (Пс.25:4). Другой пророк возвещает: «Выходите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и нечистот их не касайтесь, и Я приму вас» (Ис.52:11).

Правитель сказал:

– Прежде ты был добронравен, Евтропий, а теперь кажешься злонравным.

– Я не злонравен, – отвечал святой, – но соблюдаю заповеди Божии. Если ты стараешься исполнить приказания царей земных, то я еще более стараюсь исполнить повеления Царя Небесного и бессмертного, Коему служу.

Правитель продолжал убеждать святого:

– Ты один без своей братии принеси завтра жертвы богам, чтобы народ, видя это, убедился не отступать от богов, но почитать их жертвами.

Святой Евтропий отказался:

– Нечестивец! Не хочешь ли ты сделать из меня совратителя стада Христова? Нет, этого не будет, ибо говорит Господь мой: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (Мф.18:6). А в другом месте говорит: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф.6:24) и «Что общего у света со тьмою? Какая совместность храма Божия с идолами?» (2Кор.6:14, 16).

Услышав это, правитель приказал принести золото, разные дорогие одежды и 150 литр[1712] серебра и сказал:

– Все это я дам тебе и даже больше, только скажи завтра народу, что покорился правителю, а потом молись своему Богу, сколько хочешь.

– Лукавый соблазнитель: – воскликнул святой Евтропий. – Нет, ты не искусишь раба Божия! Я твердо помню слова Писания: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф 16:26). Как брат твой Иуда, возлюбивший серебро, погубил свою душу, так и ты погибнешь с ним. Но чего ты медлишь убить нас? Знай, что ничто не отвратит нас от любви ко Христу. Долго спорил с ним правитель, но мученик не только не повиновался ему, но все более укорял его и бесчестил богов. Наступила уже полночь, пора была ложиться спать, и правитель сказал слугам:

– Уведите Евтропия в темницу и там свяжите его и его друзей. Видно, злое никогда не изменится и нельзя ждать от

него добра.

Уходя, святой сказал правителю:

– Ты, сад лукавства, не приносящий плода правды, скоро погибнешь и будешь ввержен в огонь. Ты – негодная земля, произрастающая не пшеницу, а сорные травы! Твоею душою завладел сатана и засеял ее семенами зла.

Так сказав, он вышел. Когда он пришел в темницу, то нашел святых Клеоника и Василиска горячо молящимися: всю ночь они за него молились.

На следующее утро правитель пожелал всенародно принести богам жертву и приказал глашатаям кричать на улицах, чтобы все собрались с жертвами в храм Артемиды. Когда там собрался народ и пришел правитель, то, по его повелению, были приведены и святые мученики Евтропий, Клеоник и Василиск. Все поклонялись идолам и приносили в жертву кто ладан, кто животных.

– Евтропий, – сказал правитель, – иди и ты со своей братией и принеси жертву богам, а то умрешь злой смертью.

Святой Евтропий и его друзья стали так говорить:

– Господи, Боже Вседержителю, вечный, нескверный, пречистый, неизменный, живущий на небе, славимый на земле! Ты утвердил небо, поставил землю на основания, устроил горы, сосчитал бесчисленные звезды и всем им дал названия, дивно проливаешь на нас Свой свет. Ты некогда избавил трех святых отроков из печи Вавилонской, спас святого Даниила от пасти льва, освободил от смерти рабу Твою Сусанну, святую Феклу сохранил от огня и зверей, был со святым Феодором при его страданиях. Будь и с нами и, пришедши на место сие, покажи силу Свою и уничтожь все языческое беснование. Даруй, чтобы на сем месте христиане приносили Тебе, Истинному Богу, бескровные жертвы, ибо Ты Отец Господа нашего Иисуса Христа. Слава Тебе, единородному Твоему Сыну и Святому Твоему Духу ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Когда святые произнесли эти слова, загремел гром и поколебалась земля, так что сотряслось капище, и правитель со всеми присутствовавшими выбежал из храма, боясь, чтобы не

погибнуть. Идол Артемиды упал и разбился на мелкие части. Среди шума землетрясения раздался глас свыше:

– Молитва ваша услышана, и на этом месте будет дом для молитвы христиан.

Святые возрадовались о Господе.

Когда землетрясение прекратилось и все понемногу оправились от страха, правитель воссел на судилище и, скрежеща зубами от ярости на святых, приказал принести серу и смолу, растопить их в трех котлах и поливать на тела святых. Правитель приказал также вбить в землю крепкие колья, между ними поставить святых нагими и распять их, привязавши руки к разным кольям. Когда это было исполнено и смола в котлах стала сильно кипеть, святой Клеоник обратился к святому Евтропию:

– Брат, помолимся Господу, предстоит нам великое страдание.

Святые стали молиться:

– Господи Иисусе Христе, приди нам на помощь и покажи силу Твою: мы немощны, укрепи нас претерпеть муки.

Слуги принесли котлы, кипящие серой и смолой, держа их железными клещами. Блаженный Евтропий сказал слугам:

– Господь да обратит дело ваше на вас самих.

Вдруг с помощью силы Божией мученики отвязали свои руки от кольев, сами взяли руками кипящие котлы и вылили смолу на спины друг другу. Стекая с их тела, смола полилась, как вода, по мраморному полу, настигла слуг и обожгла их до костей. Увидав это, правитель ужаснулся, но приписал это волхвованию христиан. Он приказал другим слугам обдирать тела святых железными когтями, а раны поливать горчицей и солью, разведенной в уксусе. Все это святые доблестно претерпели. Среди мучений святой Евтропий сказал правителю:

– Нечестивец, ненавистный для славы Божией! Придумывай мучения еще большие, чтобы нам за большее страдание с большей славой принять мученический венец.

Раздраженный этими словами, мучитель приказал своим слугам сильнее мучить святых, а те говорили:

– Постарайся, всескверный, скорее разделаться с нами: мы стремимся, избавившись от тебя, увидеть лицо Господа нашего Иисуса Христа.

Долго мучили святых, и только при закате солнца правитель приказал снова бросить их в темницу и заковать в оковы. Святые так молились в темнице:

– Господи Боже! Не оставь нас, пока мы не претерпим всех страданий и, освободившись от мучителя нашего, не достигнем тихого пристанища, где нет ни болезней, ни скорби, ни печали, ни воздыхания.

Когда они так молились, в полночь явился Господь, сказавший им:

– Истинно говорю вам: так как вы за Меня идете на смерть, то получите от Меня вечную жизнь со святыми.

Утешенные посещением Господа, мученики еще укрепились в вере.

Утром правитель опять воссел на судилище и, призвав святых, сказал:

– Ну что же? Надумали вы поклониться богам и принести им жертвы или хотите умереть злою смертью?

Святой Евтропий отвечал:

– Разве ты, омраченный, ослепленный и нечувственный губитель, не слыхал от нас, что мы не поклонимся твоим богам – глухим и немым бесам, и не принесем им жертвы?!

Услышав это, правитель осудил святых Евтропия и Клеоника на распятие, издав такое постановление:

– Учитель волхвов Евтропий и другой волхв, Клеоник, не послушавшие повелений вечных царей, но исповедующие христианскую веру, по приговору всечестнейшего суда да будут распяты. Василиск же да будет заключен в темнице с прочими узниками.

Услышав это, святой Василиск возопил к правителю:

– Осуди и меня на смерть; я не хочу отстать от моих друзей, но стремлюсь вместе с ними предстать пред Христом, Богом нашим.

– Нет, – сказал правитель, – мне так внушили боги: вы дали обет не покидать друг друга; но я не погублю вас всех вместе,

чтобы обет был нарушен и желание ваше не было исполнено.

– Воистину, – воскликнул Евтропий, – ты свирепее всех зверей, из всех животных самый лютый! Ты разделяешь дружину, нераздельную по вере и любви. Но скоро Бог тебе отомстит, процветут цветы Божией благодати и дадут плод церквам Божиим.

После этих слов святой Евтропий был выведен со святым Клеоником за город, где стояли кресты. Весь город пошел за ними: не только христиане, но и язычники. Увидев свои кресты, святые мученики сказали:

– Господи Боже наш, Иисусе Христе! Хвалим и благодарим Тебя, что сделал нас достойными смерти на кресте подобно Твоему вольному страданию. Сподоби нас венца правды, чтобы, страдая с Тобой, мы прославились в Царствии Твоем. Молим Тебя о святой Церкви; смири восстающих на рабов Твоих и даруй мир роду христианскому.

Во время этой молитвы воины пригвоздили мучеников к крестам. И вот послышался глас с неба, призывающий святых к вечному покою. Святые Евтропий и Клеоник предали души свои Господу с молитвою: «В руки твои, Владыко, предаем души наши».

Так скончались они марта в 3-й день. Два благочестивых мужа, граждане города Амасии, Коинт и Велоник, просили правителя, чтобы он позволил им взять тела мучеников. Правитель не отказал в просьбе. Тогда Велоник взял тело святого Евтропия и, помазав его миром, с честью похоронил его в своем селе, отстоящем на 18 стадий[1713] от города. Тело Клеоника взял Коинт и с такою же честию положил в селе Киме. В этих местах при гробах мучеников во славу Божию совершались многочисленные исцеления.

Оставшийся в темнице святой Василиск содержался в узах еще долгое время. Правитель Асклипиодот погиб; при преемнике его Агриппе святой Василиск был обезглавлен месяца мая в 22-й день. В этот день почитается его память во славу Христа, Бога нашего, славимого с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

В тот же день память святых Зинона и Зоила, в мире скончавшихся.

В тот же день память преподобной Пиамы девы, жившей в стране Египетской и имевшей дар прозрения; скончалась в 337 году.

Житие преподобного отца нашего Герасима, жившего на Иордане

Память 4 марта

Великий постник преподобный Герасим был родом из Ликии[1714]. Еще с молодости он воспитал себя в страхе Божием и, приняв монашеский сан, удалился в пустыню вглубь египетской страны Фиваиды. Проведя там некоторое время в подвигах благочестия, он снова возвратился в свое отечество в Ликию. Затем он пришел в Палестину, в конце царствования Феодосия Младшего[1715], и поселился в Иорданской пустыне, где, как светлая звезда, блистал своею добродетельною жизнью. Там при реке Иордане он устроил обитель. Во время его пребывания в Палестине, в царствование Маркиана и Пульхерии, был в Халкидоне четвертый Вселенский собор святых отцов против нечестивого Диоскора, патриарха Александрийского, и архимандрита Евтихия, учивших, что во Христе только одно естество – Божеское; святые отцы осудили их. После появились некоторые еретики, хулившие собор и утверждавшие, будто на нем отвергнуты догматы истинной веры и восстановлено учение Нестория[1716]. Таков был один инок Феодосий, зараженный нечестием Евтихия. Пришедши в Иерусалим, он смутил всю Палестину, прельстив не только простых людей, но даже многих святых и царицу Евдокию, вдову царя Феодосия Младшего, жившую в то время в Иерусалиме. С помощью последней и многих, им совращенных палестинских иноков, он согнал блаженного Ювеналия, патриарха Иерусалимского, с престола и сам занял его. Оставшиеся верными правоверию много терпели от лжепатриарха Феодосия и уходили в самую глубь пустыни. Первый удалился преподобный Евфимий Великий; за ним последовали и другие святые отцы. В это время, по попущению Божиему, совращён был и преподобный Герасим, но скоро раскаялся, как пишет Кирилл Иерусалимский[1717] в житии. Был тогда, говорит он, в Иорданской пустыни один отшельник, недавно пришедший из Ликии, по имени Герасим. Он прошел

все уставы иноческого жития и доблестно боролся с нечистым духом; но, побеждая и прогоняя невидимых бесов, он был прельщен видимыми бесами – еретиками и впал в ересь Евтихия. В это время слава добродетельной жизни Евфимия распространилась повсюду. К нему и пошел преподобный Герасим в пустыню, называемую Рува, и поселился там надолго. Насытившись сладостью поучений и вразумлений святого, он отвергнул лжеучение еретиков, обратился к правой вере и горько каялся в своем заблуждении. Так рассказывает Кирилл. Наконец святейший Ювеналий снова занял патриарший престол: благочестивый царь Маркиан послал схватить лжепатриарха Феодосия, чтобы отдать его под суд за его дела. Но Феодосий, узнав об этом, бежал на Синайскую гору и скрылся неизвестно куда. Таким образом в Иерусалиме и во всей Палестине вновь воссияла правая вера, и многие, совращенные в ересь, снова обратились к благочестию. Также и царица Евдокия, познав свое заблуждение, воссоединилась к Православной Церкви.

Обитель преподобного Герасима отстояла от святого града Иерусалима на расстоянии 35 стадий, а от реки Иордана на одну стадию. Сюда он принимал вновь поступающих, а прошедшим искус давал отшельнические кельи в пустыне. Всего у него было не менее 70 пустынножителей, для которых преподобный Герасим установил следующий устав. Пять дней в неделе каждый проводил в своей уединенной келье в молчании, за какой-либо работой, вкушал немного сухого хлеба, принесенного из монастыря, воды и кореньев. В эти пять дней не позволялось есть ничего варёного и даже не допускалось разводить огонь, чтобы и мысли не было о варении пищи. На субботу и воскресенье все приходили в монастырь, собирались в церковь на Божественную литургию и причащались Пречистых и Животворящих Христовых Таин, потом на трапезе вкушали варёной пищи и немного вина во славу Божию и представляли настоятелю работу, исполненную в продолжении пяти дней. В воскресенье после полудня снова каждый удалялся в свою уединенную келью в пустыню, взяв с собою немного хлеба, кореньев, сосуд с водой и финиковые ветви для плетения

корзин. Нестяжание и нищета была у них таковы, что никто из них ничего не имел, кроме одной ветхой одежды, рогожи для спанья и малого сосуда с водой. Настоятель даже запретил им, выходя из кельи, затворять дверь, чтобы всякий мог войти и невозбранно взять, что хотел, из этих убогих вещей. И вот они жили по апостольскому правилу «единое сердце и едина душа», и никто не называл ничего своим, но всё было общее. Рассказывают, что некоторые из пустынников просили у преподобного Герасима позволения зажечь иногда ночью свечу для чтения или развести огонь, чтобы в случае нужды согреть воду. Но святой Герасим говорил им на это:

– Если хотите иметь огонь в пустыне, то приходите жить в монастырь с вновь поступающими: я, пока жив, никогда не попущу, чтобы у пустынножителей был огонь!

Жители города Иерихона, услышав о таком строгом подвижничестве под руководством святого Герасима, приняли за правило каждую субботу и воскресенье приходить в обитель преподобного и приносить в изобилии пищи, вина и всего потребного для монастыря.

Преподобный Герасим так строго соблюдал посты, что в Святую и Великую Четыредесятницу совершенно ничего не вкушал до самого Светлого дня и подкреплял свои телесные и душевные силы только причащением Божественных Таин. У этого благочестивого наставника подвизался и блаженный Кириак, как о том написано в житии его: «Дружелюбно приняв пришедшего к нему Кириака и провидя в нем Божественную славу, преподобный Евфимий сам облек его в схиму и послал на Иордан к святому Герасиму. Святой Герасим, видя юность Кириака, приказал ему жить в монастыре и нести послушания. Готовый исполнить всякую работу, Кириак целый день проводил среди монастырских трудов, а всю ночь стоял на молитве, иногда только предаваясь сну на короткое время. Он наложил на себя пост и только через два дня вкушал хлеба и воды. Видя такое воздержание Кириака, несмотря на юные годы его, преподобный Герасим изумлялся и полюбил его. Святой Герасим имел обычай на Четыредесятницу уходить в отдаленнейшую часть пустыни, называемую Рува, где некогда

жил преподобный Евфимий; любя блаженного Кириака за его великое воздержание, он брал его с собою, и там Кириак каждую неделю причащался Святых Таин из рук святого Герасима, пребывал в безмолвии до Вербного воскресенья и возвращался в обитель, получив великую пользу душевную.

Через некоторое время преставился преподобный отец наш Евфимий, и об его кончине преподобный Герасим узнал, находясь в своей келье: он видел, как Ангелы Божии радостно возносили на небо душу преподобного Евфимия. Взяв с собою Кириака, он пошел в обитель Евфимия и нашел его уже умершим. Предав погребению честное его тело, он возвратился вместе с любимым учеником своим Кириаком в свою келью.

Великому угоднику Божию Герасиму даже бессловесной зверь служил как разумный человек, как пишут в «Лимонаре»[1718] блаженные отцы Евират и Софроний Софист: «Пришли мы в обитель отца Герасима, отстоящую на расстоянии одного поприща от Иордана, и жившие там иноки рассказывали нам об отце Герасиме. Однажды шел он по Иорданской пустыне и встретил льва, показывавшего ему свою ногу, опухшую и наполненную гноем от вонзившегося шипа. Лев кротко глядел на старца и, не умея выразить свою просьбу словами, умолял об исцелении своим смиренным видом. Старец, видя льва в такой беде, сел, взял ногу зверя и вытащил из нее шип. Когда вытек гной, он хорошо очистил рану и обвязал платком. Исцелённый лев с тех пор не покидал старца, а ходил за ним как ученик, так что святой Герасим дивился уму и кротости зверя. Старец питал его, давая ему хлеб или иную пищу. У иноков был осёл, на котором они привозили для братии воду из святого Иордана. Старец поручил льву сопровождать осла и охранять его, когда тот пасется на берегах Иордана. Случилось однажды, что лев отошел от пасшегося осла на значительное расстояние и уснул на солнце. В это время шёл мимо с верблюдами один человек из Аравии и, увидев, что осёл пасется один, взял его и увел с собою. Проснувшись, лев стал искать осла и, не нашедши его, с унылым и печальным видом пошел в обитель к отцу Герасиму. Старец подумал, что лев заел осла, и спросил:

– Где осёл?

Лев стоял молча, опустив глаза вниз, как человек. Старец тогда сказал:

– Ты его заел! Но благословен Господь, ты не уйдешь отсюда, а будешь делать для обители всё то, что делал осёл.

По повелению старца с тех пор на льва стали навьючивать, как прежде на осла, бочонок, мерою в четыре меха[1719], и посылать на Иордан за водой для монастыря.

Однажды пришел к старцу помолиться один воин и, увидев льва, носящего воду, сжалился над ним. Чтобы купить нового осла, а льва освободить от работы, он дал инокам три золотые монеты. Осёл для монастырской службы был куплен, а лев освобожден от работы.

Через некоторое время купец из Аравии, уведший осла, пошел в Иерусалим с верблюдами продать пшеницу; с ним был и осёл. Около Иордана с караваном случайно встретился лев; узнав осла, он зарычал и бросился к нему. Купец и его спутники в ужасе убежали, а лев, схватив узду зубами, как делал прежде, повел осла с тремя привязанными один за другим верблюдами, обремененными пшеницей. Выражая рёвом свою радость, что нашел потерянного осла, лев привел его к старцу. Преподобный старец тихо улыбнулся и сказал братии:

– Напрасно мы бранили льва, думая, что он заел нашего осла.

Льву дано было имя Иордан. После этого он часто приходил к старцу, принимал от него пищу и не отлучался из обители более пяти лет. Когда преподобный отец Герасим отошел ко Господу[1720] и был погребен братиею, по устроению Божиему, лев тогда не оказался в обители, а пришел через некоторое время и стал искать своего старца. Отец Савватий и один из учеников отца Герасима, увидев льва, сказали ему:

– Иордан! Старец наш оставил нас сиротами: отошел ко Господу!

Они стали давать ему пищу, но лев пищи не принял, а озирался во все стороны, ища преподобного отца Герасима, и скорбно рычал. Отец Савватий и другие старцы гладили его по спине и повторяли:

– Отошел старец ко Господу, оставил нас!

Но этими словами они не могли удержать льва от вопля и скорбного рычания, и чем больше они старались утешить его словами, тем печальнее он рычал, и голосом, и лицом, и глазами выражая скорбь, что не видит старца. Тогда отец Савватий сказал:

– Если не веришь нам, то иди с нами; мы покажем тебе место, где покоится старец.

И пошли с ним в гробницу, где был погребен преподобный Герасим. Гробница находилась около самой церкви. Став над гробницей, отец Савватий сказал льву:

– Вот здесь погребён наш старец.

И, преклонив колена, стал плакать. Услышав это и увидев, что Савватий плачет, лев ударялся головой о землю и страшно ревел. Сильно рыкнув, он умер над гробницей старца. Не мог ничего выразить лев словами, но всё-таки, волею Божией, прославил старца и при его жизни, и после смерти, показав нам, как послушны были звери Адаму до его грехопадения и изгнания из Рая».

Так повествуют Иоанн и Софроний. Из этого рассказа видно, как преподобный Герасим был угоден Богу, работая во славу Его от юности до старости. Ко Господу он и отошел в жизни вечной, где со святыми славит Отца и Сына и Святого Духа вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Возгоревся рачением Горним, жестость пустыни Иордановы, паче всех мира сладких предпочел еси; отонудуже повинуся тебе зверь даже до смерти, отче, послушне и жалостне на гробе твоем скончася, прославльшу тя тако Богу, к Немуже моляся, и о нас, отче Герасиме, поминай.

Страдание святых мучеников Павла и сестры его Иулиании и прочих с ними

Память 4 марта

Римский император Аврелиан[1721] издал повеление по всей империи, чтобы все христиане приносили жертвы богам. Сопротивляющихся сему повелению приказано было лишать жизни в жестоких мучениях. Сам царь, пройдя Исаврию, прибыл в Финикийский город Птолемаиду[1722], дабы принудить там всех христиан к принесению идольской жертвы. При въезде царя в город находились блаженный Павел с сестрою Иулианией. Павел, видя въезжающего царя, осенил лице свое крестным знамением и сказал Иулиании:

– Дерзай, сестра моя, и не устрашись, ибо великое бедствие приходит на христиан.

Аврелиан увидав, что Павел перекрестился, повелел взять его и держать в оковах до утра. Утром, приказав поставить себе трон на видном месте, царь сел в присутствии всего народа и приказал привести на мучение блаженного Павла. Когда его привели, царь сказал:

– Дерзкий человек, как ты осмелился, во время въезда моего в город, сделать на лице своем христианское знамение? Разве ты не слыхал о нашем царском указе, изданном против христиан?

Блаженный Павел ответил царю:

– Я слышал твой указ, но нас, христиан, никто и никогда не может так устрашить, чтобы мы ради страха решили отречься от истинного Бога и перестали исповедовать веру во Христа Сына Божия. Мучения, причиняемые нам тобою, кратковременны, тогда как муки, назначенные по нелицемерному суду Божию, будут вечны, равно как и прославление, которое дает Бог христианам, также вечно. Кто же из нас будет настолько безумен, что оставит живого Бога и поклонится глухим и немым идолам? Сам Спаситель наш Иисус Христос в Евангелии говорит: «Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:33).

Аврелиан сказал Павлу:

– Вижу, что долго я терплю твои дерзкие слова, подойди и принеси жертву богам, дабы я не предал тебя жестокой смерти.

Блаженный Павел снова сказал:

– Я не знаю иного Бога, кроме Господа нашего Иисуса Христа, Коему с детства служу в чистоте сердца.

Тогда царь Аврелиан сказал воинам:

– Повесьте его и жестоко мучьте, пока не придет его Христос и не освободит его из ваших рук.

Воины тотчас привели в исполнение царское повеление: повесивши блаженного Павла нагим на дереве, они мучили его. А святой громким голосом молился Богу:

– Господи Иисусе Христе, Истинного Бога Отца Истинный Сын, рождества Коего никто не может уразуметь, ни Ангелы, ни Архангелы, ни престолы, ни господства, ни начала, ни власти, ни силы, ни Херувимы, ни Серафимы[1723], а только Один Бог Отец, – помоги мне смиренному и отверженному Твоему рабу и избавь меня из рук Аврелиана.

По молитве его, Господь Иисус Христос облегчил его жестокие мучения, так что святой не чувствовал боли от причиненных ему ран. В это время святая невеста Христова Иулиания, увидав, что брат её предан мучениям, пришла на судилище и громко сказала мучителю:

– Мучитель Аврелиан, за что ты так жестоко мучишь моего невинного брата?

Разгневанный её словами, Аврелиан сказал слугам:

– Откройте голову сей женщины и бейте ее по лицу, дабы она не говорила с нами так дерзко, а нечестивого мужа мучьте еще суровее, и увидим, защитит ли и поможет ли ему Христос.

Блаженная Иулиания, насмеявшись над царскими словами, сказала:

– Удивляюсь я, как ты, царь, безумствуешь и не разумеешь силы Христа, облегчающего мучения призывающих Его с верою.

Аврелиан, обратившись к стоящим вокруг него, сказал:

– Моя кротость, с которою говорю с этой женщиной, приводит ее в бешенство.

И посмотрев яростно на святую, сказал ей:

– Приблизься к богам и поклонись им, ибо не избегнешь моих рук.

Но святая Иулиания с твёрдостью отвечала:

– Я не боюсь твоих мук и не обращаю внимания на твои угрозы, ибо есть на небе Бог, Которой может избавить нас от твоих нечестивых рук. Предай меня всем мучениям, и увидишь помощь, оказанную мне среди них Господом моим Иисусом Христом.

Тогда Аврелиан с хитростью стал говорить святой:

– Вижу твою красоту и ради неё хочу пощадить тебя; умоляю тебя послушаться моих увещаний и принести жертву богам; я сделаю тебя своею законною женою, и ты во все время нашей жизни будешь царствовать вместе со мною. Твоему брату я дам большую награду за его страдания и почту его высшим саном.

В ответ на лукавые слова святая Иулиания, возведя свои глаза к небу и осенив свое лице крестным знамением, засмеялась.

– Своим смехом, – сказал Аврелиан, – ты оскорбляешь мою великую снисходительность к тебе.

Но святая отвечала:

– Нет, я не оскорбляю тебя, а радостно засмеялась потому, что созерцаю сейчас духовными очами Божественную красоту моего Небесного Жениха, восседающего на Своем святом престоле и желающего спасения всех людей. Он говорил мне, чтобы я добровольно совершила подвиг страданий, а тебя – лукавого и пустословного человека – презирала, так как ты, хотя и называешься царём, но поклоняешься дереву и камню.

Такой ответ мученицы привел Аврелиана в сильную ярость, и он сказал воинам:

– Повесьте эту женщину и жестоко мучьте ее, дабы она уразумела, что находится на царском суде.

Когда воины начали мучить святую, то брат её, святой Павел, взглянул на нее и сказал ей:

– Не страшись мучений, сестра моя, налагаемых мучителем, и не бойся его угроз, ибо, немного пострадавши здесь, получим вечную награду у Христа Бога нашего.

Между тем Аврелиан говорил воинам, мучившим святую:

– Мучьте ее суровее, убеждая оставить гордость и безумие.

Святая Иулиания, мучимая без милосердия, услыхав царские слова, снова рассмеялась и сказала:

– Аврелиан мучитель! Ты думаешь, что мучишь меня, но я при помощи Христа моего не чувствую мук.

На это Аврелиан сказал ей:

– Хотя ты и лжёшь, будто не чувствуешь мучений, но я преодолею твое упрямство и буду продолжать мучить тебя.

Святая сказала:

– Не оставит меня Господь мой Иисус Христос и не допустит быть побеждённой тобой, ибо Он помощник мне теперь и всегда и поможет мне до конца, дабы ты познал силу Его и мое христианское терпение. Тебя же Бог мой повелит мучить вечным негасимым огнём и потребует от тебя те человеческие души, которые ты погубил своими коварными прельщениями.

Слова святой привели Аврелиана в сильную ярость. Он повелел принести котёл со смолой и развести под ним сильный огонь. Когда смола в котле закипела, так что нельзя было подойти к нему, мучитель повелел бросить в котёл святых мучеников Павла и Иулианию. Брошенные туда, они, возводя глаза к небу, как бы одними устами молились:

– Господи Боже отец наших, Авраама, Исаака и Иакова, сошедший в Вавилонскую огненную пещь к Седраху, Мисаху и Авденаго и не допустивший им быть поврежденным от огня (Дан., 3), Ты Владыка Иисус Христос, непостижимый свет, Отчее таинство и прославление, денница Бога Вышнего, воплотившийся ради наших грехов и живший с людьми, желающий спасти души, которые враг наш диавол дерзновенно прельстил, расточил и низвел в преисподнюю, подобное чему и теперь совершает ученик его Аврелиан, – Ты Господи, избавь и нас от сего тяжкого мучения.

Во время этой молитвы страдальцев клокотавшая смола обратилась в холодную воду, и все предстоящие дивились силе Бога и прославляли Его. Аврелиан же, обезумевший от гнева, не прославил Бога, но, думая, что это волшебство, повелел

вынуть святых из котла, в котором не осталось и запаха смолы, а была холодная вода. Когда мученики были вынуты Аврелиан сказал им:

– Вы думаете, что присутствовавшие здесь и видевшие всё происходившее люди, обольщенные вами, поверят, что Бог вспомнил о вас, – а не вы силою волшебства остудили котёл? Клянусь моими богами, я сделаю так, что не поможет вам ваше колдовство, и вы от многих и долговременных мучений, – опалённые огнем, израненные и изнемогшие, против воли своей, принесете жертву богам.

Святой Павел отвечал на сии дерзкие слова:

– Никогда мы не оставим живого Бога, сотворившего небо и землю, освободившего нас от тьмы и избавившего нас из твоих рук; никогда, мучитель Аврелиан, ты не сможешь убедить нас поклониться вашим безгласным, бездушным и бесчувственным идолам. Предай нас, каким знаешь, мучениям, и в них познаешь силу нашего Бога.

Тогда Аврелиан повелел принести два железных одра, взять множество углей из народных бань и раскалить ими одры, потом положить святых мучеников нагими на раскалённых одрах и при этом поливать их растопленным свиным салом. Во время этого мучения Аврелиан говорил мученикам:

– Теперь я победил вашу волшебную силу, и вы узнаете, кто такой Аврелиан, – пусть придет ваш Христос и поможет вам.

– Христос наш, – отвечала мучителю святая Иулиания, – уже с нами здесь и помогает нам и не допускает огню вредить нам, – ты же не видишь Его, ибо не достоин. Советую тебе оставить свое безумие и обратиться ко Христу. Если ты пожелаешь уверовать в Него, то Он примет тебя покаявшегося, ибо Он человеколюбиво и милостиво прощает грехи людские; а если ты не обратишься к Нему, то будешь предан вечному огню.

В это время два воина, видя, что святые, опаляемые на одрах, остаются неповрежденными огнём, громким голосом вскричали:

– Нет иного Бога, кроме небесного Бога, которой помогает Павлу и Иулиании.

Царь, разгневанный за это на воинов, повелел немедленно усечь их обоих мечом. Он думал, что они подкуплены и взяли от христиан много золота, дабы не мучить жестоко святых. Когда повели этих воинов на казнь, святой Павел дал им такое наставление:

– Не бойтесь, – говорил он, – вы никогда не умрёте, но будете вместе со святыми наследниками Небесного Царствия.

Услыхав его слова, воины остановились и стали молиться:

– Владыка Господи Иисусе Христе! Истинный Боже, Которого проповедают Павел и Иулиания, будь и с нами, ибо мы умираем, не совершив никакого злодейства.

После этих слов они были усечены мечом. Имена их – Квадрат и Акакий. По кончине этих воинов были приставлены другие, чтобы опалять святых, лежащих на раскалённых одрах. Они сыпали соль, чтобы огонь сильнее разгорался; но святые не чувствовали мучений и продолжали укорять мучителя. Посрамлённый бессилием против мучеников, Аврелиан повелел посадить их в темницу, наложить на их шеи тяжелые деревянные колодки, на ноги оковы, а на руки надеть железные обручи. В темнице мучитель повелел набросать на пол острых гвоздей, как колючий терновник и волчец на поле, и положить на них мучеников, чтобы они не только не имели никакого облегчения в страданиях, но еще сильнее бы мучились от гвоздей, раздирающих их тело. При этом мучитель приказал строго наблюдать, чтобы никто из христиан не приходил к ним и не подавал им пищи или питья. В полночь, когда святые лежали на острых гвоздях и молились, внезапно в темнице воссиял свет, явился Ангел Господень и сказал мученикам:

– Павел и Иулиания, рабы Господа Вышнего, встаньте и прославьте Бога!

Сказавши так, Ангел подошел и прикоснулся к веригам и оковам мучеников, – и тотчас узы поломались и спали с их тела, язвы их исцелились, и они сделались вновь здоровыми. И вот они увидали два покрытых чистою пеленою стола и приготовленную пред ними трапезу, полную всяких яств. Ангел сказал святым:

– Примите пищу, которую послал вам Иисус Христос.

Святые мученики Павел и Иулиания сели за трапезу и, взяв в руки хлеб, возвели свои очи к небу и благодарили Бога; потом они ели и пили посланное Господом и укрепились.

Находившиеся в темнице узники видели, как воссиял свет, как святые, освобожденные от оков, сели на приготовленные им места за трапезу, ели и веселились. Они, в изумлении, подошли к ним и сподобились быть участниками сей трапезы, уготованной невидимою рукою. Прославив Бога, являющего таковую милость Своим рабам, и, уверовавши в Него, они все сделались христианами.

На третий день император Аврелиан снова сел на судилище и, повелев привести к нему святых мучеников Павла и Иулианию, сказал им:

– Надеюсь, что подействовали на вас муки и вы, отказавшись от вашего безумия, теперь приступите к богам и принесете им жертву.

Святой Павел отвечал ему:

– Сие безумие – не отрекаться от Христа, пусть останется навеки у меня и у всех любящих Бога: «потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1Кор.1:25). «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (1Кор.3:19). И я действительно обезумел бы, если бы, отступив от Истинного Бога, поклонился вашим бесам.

Аврелиан снова пришел в ярость и повелел повесить обоих мучеников на дереве нагими и строгать их ребра железными когтями. Они же, преданные мучению, молились Богу:

– Господи Иисусе Христе, Сын Бога Живого, Свет христианства, вера незыблемая, явись нам и помоги и не оставь нас, ради Твоего Святого Имени.

По молитве их Спаситель, находясь около них невидимо, облегчил их страдания, и святые не ощущали мучений. Один из воинов, по имени Стратоник, поставленный с левой стороны святой Иулиании, чтобы строгать её ребра, пожалел её красоту и удерживался от строгания. Святая, уразумев его помышление, толкнула его левой ногой и сказала ему:

– Стратоник, исполняй приказание мучителя и не щади меня, ибо мне помогает Сам Царь мой Господь Иисус Христос, вечный Бог, Он охраняет мою душу и облегчает мои телесные мучения.

Стратоник, бросив орудие, бывшее у него в руках, побежал к месту царского суда и вскричал:

– Аврелиан, нечестивый мучитель! Зачем ты предаешь так несправедливо на мучение христиан? Какое зло сделали сии люди, почитающие Истинного Бога? За что они так сильно страдают? Неужели только ради того, что почитают Христа, Владыку всех?

Услыхав его слова, царь пришел в ужасный гнев и в продолжение целого часа не мог говорить. Наконец проговорил:

– И ты, Стратоник, сделался участником в том же безумии! Что прельстило тебя? Красота ли Иулиании, или ты был побежден её женскою речью?

Стратоник, подняв свои глаза к небу, увидал, что лица святых мучеников, висящих на мучении, светлы, как лица Ангелов Божиих. Тотчас, оградив себя крестным знамением, он подбежал к устроенному там нечестивому идольскому жертвеннику, опрокинул его и, попирая ногами, вскричал:

– И я христианин! Делай со мной, мучитель, что хочешь. Аврелиан сильно разгневался и повелел отсечь ему голову.

Когда Стратоник был приведен на место казни, то так помолился Богу:

– Господи Иисусе Христе, проповедуя Коего Павел и Иулиания остаются непобедимыми, сохраняемые Твоим Божеством, и посрамляют мучителя, молю Тебя – прими и мою душу в Твое Небесное Царство, не отвергни меня только короткое время исповедывавшего Твое святое Имя пред мучителем Аврелианом.

После этой молитвы он был усечен мечом, а христиане, взявши его тело, спрятали. Святые же Павел и Иулиания были мучимы весь тот день и нисколько не изнемогли от мучений. Аврелиан, обратившись к Иулиании, сказал ей:

– Скверная и нечестивая женщина! Как ты смогла во время мучений крестить сего воина? Ты повинна в его смерти.

Святая отвечала:

– Я не прельщала его, и невиновна в его смерти; Христос, избравший меня в невесту Себе, призвал к Себе сего воина как достойного, ибо если бы он не был достоин, то никогда не мог бы получить мученический венец. Ты сам будешь мучиться в пламени геенны, а его увидишь в Царстве Небесном. Тогда ты станешь бить себя в нечестивую грудь, видя, что некогда твой подчиненный, человек незначительный и тобою отверженный, поставлен выше тебя и увенчан от Христа славою Небесного Царства. Ты тогда исполнишься великой печали и возопиешь, прося себе милости, но никогда её не получишь.

После этого Аврелиан повелел прекратить мучения святых и снова заключить святых в темницу. Вечером в тот же день Аврелиан повелел перевести их из темницы в народную баню. Потом, призвав чародеев, волшебников и заклинателей гадов, повелел им принести всех каких они имели самых злых гадов: ехидн, аспидов и змей и пустить их в баню, где были заключены мученики. Чародеи, исполняя царское повеление, собрали множество гадов и пустили их в баню к святым. Но гады ползали у ног святых мучеников и не вредили им, а святые бесстрашно воспевали и славословили Бога. В таком заключении в бане, вместе с гадами, святые находились три дня и три ночи; в четвертую ночь Аврелиан послал узнать, съедены ли гадами Павел и Иулиания. Когда посланные подходили к дверям бани, то услышали, что святые воспевают псалмы и славословят Бога. Желая лучше узнать, что делается внутри, посланные влезли на крышу бани и стали смотреть сверху в окошко. Они увидели яркий свет и святого Павла, сидящего вместе со своей сестрой, святой Иулианией. Около них стоял Ангел Божий и не позволял гадам прикасаться ко святым. Увидав сие, посланные пошли к царю Аврелиану и возвестили ему, что видели. Он на следующее утро снова сел на судилище и повелел чародеям и заклинателям взять гадов из бани, а мучеников привести к себе на суд. Чародеи, подойдя к дверям бани, начали посредством заклинаний призывать к себе гадов, но гады их не слушали. Когда же были открыты двери бани, тотчас все гады бросились на своих заклинателей и на

других людей, пришедших с ними; ужаливши их смертельно, гады исчезли. После того как гады разбежались, пришли посланные мучителем и, взявши святых мучеников, привели к нему на суд. Мучитель, посмотрев на них и улыбнувшись, сказал:

– Я рад снова беседовать с вами, ибо надеюсь узнать от вас нечто великое. Клянусь богами, если вы скажете мне правду, то получите от меня многие и великие дары и будете знатными лицами в моем царстве. Скажите мне, – правда ли то, что я слышал от смотревших в окошко к вам в баню, будто владыка наш Аполлон пришел к вам и помог вам, защитив вас от гадов, и вы видели его лицо своими глазами.

Святой Павел отвечал царю:

– Мы не знаем Аполлона и никогда его не видали, ибо мы служим Истинному Богу, уготовавшему спасение Своим рабам. Твоя же душа смертельно погибла, ибо ты не желаешь познать истину и покаяться. Сильное бешенство от измышляемых тобой мучений довело тебя до того, что ты осмеливаешься хулить бесплотного служителя Божия, святого Ангела, коего Господь наш Иисус Христос послал к нам, дабы заградить уста гадов, и дерзновенно называешь его Аполлоном.

Слова мученика привели Аврелиана в сильный гнев, и он повелел бить святого Павла по лицу оловянными прутьями и при этом говорить ему:

– Как ты осмеливаешься отвечать так гордо и дерзко, – знай, что ты предстоишь пред царем.

После этого мучения Аврелиан повелел отвести святого Павла и приблизить к себе святую Иулианию. Мучитель сказал ей:

– Владычица моего сердца, Иулиания! Умоляю тебя, не следуй безумию твоего брата; вижу, что ты девица рассудительная и с большим умом, поэтому послушай моего совета, и будешь со мной царицей, ибо я возьму тебя в жены себе и поставлю твои золотые статуи во всех городах империи.

Но святая отвечала царю:

– Ничем ты не прельстишь меня, нечестивый мучитель, не уловишь своею хитростью рабу Вышнего Бога и не сделаешь

повинною вечной смерти. Хотя ты и желаешь, но не можешь лишить меня славы Христовой и Небесного Царства.

Тогда Аврелиан повелел отвести святую от судейского места и снова подвести к себе святого Павла, кому он стал так говорить:

– Вот, Павел, сестра твоя Иулиания дала нам обещание принести жертву богам, ради сего я хочу взять ее в жену себе, и она будет владычицею всего моего царства. Убедись и ты и исполни мое повеление принести жертву богам: ты будешь моим другом и получишь в награду высокую должность.

Но святой Павел ответил на сии лукавые слова:

– Воистину ты солгал, будто моя сестра отступила от пречистого и бессмертного своего Жениха-Христа и стала подругой тебя, скверного и тленного, и твоих бесов. Но не удивительно, что ты солгал, ибо имеешь отцом диавола, которой есть отец лжи (Иоан.8:44); научившись от него лгать, ты и делаешь то же, что он, и не можешь никого прельстить иначе, как только ложью. Но напрасно ты трудишься, ибо нас не прельстишь твоею лживою хитростью, хотя бы и обещал нам царство всего мира.

Разгневанный таким ответом мученика, Аврелиан сказал ему:

– До каких пор ты будешь так дерзко говорить с нами, бессмысленный человек? Клянусь богами, что буду мучить вас всякими муками, и никто не сможет освободить вас из моих рук.

Сказав так, царь повелел развести большой костер, принести четырнадцать железных палок и раскалить их на огне; затем он велел связать святому Павлу руки и ноги, просунуть раскаленную палку между рук и ног, вкопать его в землю и раскалёнными палками бить его двум воинам попеременно. Повеление было исполнено. Иулианию же мучитель повелел отвести в дом блуда и там предать осквернению. Услыхав такое повеление, многие из народа поспешили туда, перегоняя друг друга, дабы вперед войти к ней, возбужденные, как кони, её красотою. Когда святая была приведена в дом блуда, явился ей Ангел Господень и сказал:

– Не бойся, Иулиания, ибо Господь Иисус Христос, Коему ты служишь, послал меня охранять тебя, дабы прославилось святое имя Его среди боящихся Его.

И стал Ангел поражать слепотою распутников, кои хотели прикоснуться ко святой, отрясая их, как пыль, от ног Христовой невесты, так что они не могли приблизиться к ней, шли ощупью и натыкались на стены. Видя сие чудо, народ как бы одними устами громогласно вскричал:

– Велик Бога Павла и Иулиании, везде спасающий и охраняющий боящихся Его!

Ослепленные же развратники, преклонив свои колена, взывали ко святой:

– Иулиания, раба Вышнего Бога, согрешили мы пред тобой, желая осквернить тебя, но ты, как служительница благого Бога, прости нам, и помолись за нас Христу Твоему, да дарует нам прозрение.

Святая милосердовала о них, взяла немного воды и, возведя глаза свои к небу, стала так молиться Богу:

– Иисусе Христе, Истинный Бог, Спаситель всех людей, услышь меня, рабу Свою, и покажи ныне знамения и чудеса, каковые Ты творишь людям, даруй сим прозрение, дабы они прославили Твое святое Имя.

Помолившись, святая окропила водою всех ослепших, и они тотчас прозрели; исцеленные пали на землю, возблагодарили Бога и, придя в христианский храм, покаялись в своих грехах и сподобились святого крещения. Между тем воины, по повелению царя, продолжали мучить святого Павла, без пощады нанося ему удары железными, раскаленными в огне палками, причем и слуги и палки часто переменялись. Среди этих страданий святой воззвал к царю:

– Аврелиан, нечестивый мучитель, какое зло я сделал, что ты так жестоко и безбожно мучаешь меня? Но воистину Владыка мой Иисус Христос облегчает мои страдания, а тебя ждет вечный огонь, уготованный тебе и диаволу, научающему тебя против нас.

Аврелиан, желая опечалить святого, сказал:

– Павел, где твоя сестра Иулиания? Ты думаешь, что она девица; а она сегодня предана на поругание в дом блуда.

Святой Павел отвечал на сию хулу:

– Верую, что мой Бог, облегчающий мои страдания и избавляющий меня от твоих лукавых злоумышлений, защитит и сестру мою и сохранит ее непорочною от всякой скверны, и пошлет с неба своего Ангела охранять ее.

Спустя какое-то время Павел снова сказал:

– Вот возвращается моя сестра беспорочною, сохранившею свое девство, и идет видеть мои страдания и мои раны.

Так говорил святой потому, что прозорливыми очами видел все, что случилось со святой Иулианией. Мучитель приказал возвратить святую. Когда святая Иулиания снова была приведена на судилище и святой Павел увидал ее, то исполнился великой радости и встретил сестру со светлой улыбкой. Аврелиан спросил святую:

– Иулиания, насладились ли любодеи твоей красотой?

Святая отвечала:

– Моя радость, красота и всё украшение мое – Христос, Который послал Своего Ангела и сохранил меня, Свою смиренную рабу: я на Него возложила свое упование и прославляю Его Пресвятое Имя, ибо Он Бог Истинный, совершающий чудеса, и нет другого Бога, кроме Его Одного.

Повелев прекратить мучение святого Павла, царь распорядился, чтобы выкопали яму, глубиною в три сажени, наполнили ее дровами и зажгли их. Когда дрова совершенно сгорели и в яме осталось множество раскаленных углей, мучитель повелел бросить туда святых мучеников, Павла и Иулианию. Но они сами пошли к огненной яме, благословляя Бога и призывая Христа Спасителя, Помощника своего. Придя к яме, мученики осенили себя крестным знамением и бросились в огонь. Находясь в огне, они воспевали и прославляли Господа, ибо Ангел Господень сошел с неба, ослабил силу огня и разметал угли, а мучеников сохранил целыми и нисколько неповрежденными. Святые стояли в яме и воспевали:

– Благословен Бог, царь веков, что помянул наше смирение и Сам угасил пламень огненный, простив наши грехи, по Своей

великой благости; Ты сохранил нас недостойных целыми и неповрежденными от ярости Аврелиана мучителя.

Весь народ слышал пение святых, и многие язычники, увидав славу Божию, умилились сердцем и, отвергнув идолов, уверовали во Христа. Царь повелел находящихся в яме святых закидать камнями. Но внезапно появилась молния и послышался сильный гром, явилось огненное облако, из которого вышел огонь на землю, и с неба был слышен голос:

– Аврелиан, ты пойдешь в геенну огненную, уготованную тебе и твоему отцу – диаволу.

Аврелиан и весь народ пришел в страх, и мучитель повелел извлечь святых из ямы и посадить в темницу. Они же прославляли Бога за все чудеса, какие сотворил Бог ради них. Спустя семь дней Аврелиан снова сел на судилище и повелел жрецам принести всех идолов, каких они имели – золотых, серебряных, украшенных дорогими каменьями и постлать под их ногами свою царскую порфиру. Потом, призвав святых мучеников Павла и Иулианию, с великою яростью сказал им:

– Приступите теперь и поклонитесь богам, ибо не избегнете моих рук.

Святой Павел, посмеявшись над его словами, сказал ему:

– Никогда, мучитель, мы не оставим Бога, сотворившего небо и землю, не надейся склонить нас когда-нибудь к идолопоклонству.

Тогда Аврелиан сказал мученику:

– Достойный жестокой смерти, ты думаешь, что сии суть идолы. Разве ты не разумеешь находящейся в них силы?

Святой Павел отвечал:

– Зевс, которого ты называешь богом, был волшебник, исполненный страсти, и самый невоздержанный блудник. Он, видя красивых женщин и девиц, прельщал их волшебством различным способом, иногда обращаясь в быка, иногда в птицу, в орла или лебедя, иногда в золото, и прельстив таким образом и осквернив множество лиц, он называется ими богом и почитается. Но не буду по порядку перечислять всех его блудных, бесстыдных и беззаконных дел, ибо вижу, что ты гневаешься, слушая мои слова, – тем не менее я не боюсь

твоего гнева, но, чтобы не соблазнить слышащих сие, умолчу о прочем. Другой ваш бог – Аполлон. Он не от прелюбодеяния ли рожден одной женщиной, по имени Латоной, которая родила его между двух деревьев? Сей Аполлон также сотворил много непотребства, подражая своему отцу Зевсу. Подобным образом и знаменитый ваш бог Дионис разве не рожден от прелюбодеяния Семелою, дочерью Кадма?[1724]

– Лжешь, дерзкий! – вскричал Аврелиан, – Дионис рожден от Юноны, матери богов.

Святой Павел рассмеялся и сказал:

– Может быть богом рожденный женою? Может ли стать кто-нибудь богом, не будучи им прежде? Имеет ли бог жену и может ли рождать от жены детей?

Аврелиан, разгневавшись на такой ответ, сказал святому:

– Нечестивый и дерзкий человек! Доколе ты будешь лукавыми словами порицать и хулить наших богов? Разве ваш Христос, Коего вы называете Небесным Богом, не рожден от жены?

Святой Павел ответил хулителю:

– Хотя ты и недостоин знать тайну Божественного Откровения, но дабы не прельстились твоими словами стоящие вокруг тебя, необходимо хотя кратко рассказать о том, о чем ты спрашиваешь. Бог в начале сотворил небеса и землю и всё, что на них находится, моря и всё, что в них; создал также и человека, по образу Своему и по подобию, чистым, не имеющим никакого греха, праведным, благочестивым и поселил его в раю, полном всякого блага, создав из ребра его и помощницу ему. Но отец ваш диавол, завидуя такому блаженству людей, соблазнил Еву и через нее довел и Адама до преступления против заповеди Божией. Адам и Ева были изгнаны из рая, родили сыновей и дочерей, от которых весь мир наполнился людьми, – и весь род человеческий подлежал смерти, через вошедший в мир грех, так что все праотцы наши и праведные низводились в ад наравне с грешниками: «смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего» (Римл. 5:14), как говорит Христов Апостол Павел. Ради сего Отец Небесный, Всемогущий Бог,

милосердовав о человеческом роде и восхотев помочь ему, послал Сына Своего принять плоть человеческую, спасти Адама и заключенных вместе с ним в оковах ада. Сей Сын Божий есть Отчее Слово, рожденное от Отца прежде всех веков, Его Мудрость и Сила и Десница, о воплощении Коего благовестил Архангел Гавриил Пресвятой Деве, происходившей из пророческого и царского рода; в Ее пречистую и освященную утробу невидимо вселился Сам Бог, т. е. Отчее Слово, приняв на Себя плоть, когда говорил к Ней Ангел: «радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; поэтому и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк.1:28, 35). И родился от непорочной Девы Сын Божий, Слово Отчее, облекшийся в плоть, как бы в ризу, ради спасения людей. Никто не может видеть Истинного Бога, ибо Бог как Огонь, всё истребляющий; не может человек, живущий на земле, видеть Лицо Божие и остаться живым. Поэтому наш Бог, воплотившись, родился и как младенец питался молоком, будучи совершенным по Божеству. Он был отроком, юношей, возросший плотью в совершенного человека, поживший с людьми тридцать три года, обходя города, страны и селения, оказывая всем благодеяния и избавляя нас, побежденных и плененных диаволом. Потом Он добровольно был распят на Кресте, дабы даровать спасение миру, погибавшему от диавольского лукавства, и умер плотью, сошел во ад вместе со святою душой своей и сокрушил медные врата, сломал железные запоры и вывел из тьмы и сетей диавольских души святых и возвел их в горние страны. В третий день Он воскрес из мёртвых вместе со Своею плотью, явился ученикам, Своим Апостолам, и иным многим истинно веровавшим в Него, ел и пил с Апостолами сорок дней, потом вознёсся на небо и сел одесную Бога Отца Своего со Своею плотью. Теперь диавол в муках сокрушается, ибо Христос Бог повергнул его под ноги христианам, дабы попирали его входящие в Царство Небесное, коего ты чужд, а будешь в вечном геенском огне, наследии отца твоего диавола.

Выслушав все это, Аврелиан изменился в лице от ярости, заскрежетал зубами и вскричал:

– Дерзкий и скверный человек! Я терпеливо выслушал твои лукавые слова, оскорбляющие нас и хулящие богов. В последний раз говорю вам: если не принесете жертвы богам, я предам вас лютой смерти.

Святые Павел и Иулиания громко воскликнули:

– Мы христиане и имеем надежду на Христа, твоим богам не поклонимся и бесам твоим не послужим, мучений же твоих не боимся, сколько бы ты не изобретал их для нас. Ибо мы веруем в Бога и надеемся, что ты будешь побежден нами, как и диавол побежден Христом, укрепляющим нас и разрушающим твои злобные измышления.

Тогда Аврелиан повелел привязать святого Павла к дереву и огнём опалять ему лице, а глашатаю возглашать:

– Не говори дерзких слов царю и не порицай богов.

Видя истязание брата, святая Иулиания вскричала:

– Нечестивый мучитель! Какое зло сделал мой брат, что ты предал его такому жестокому мучению?

Аврелиан повелел привязать также и святую Иулианию и мучить ее, опаляя огнем ее лицо; при этом он сказал Иулиании:

– Бесчестная, смирись, как подобает женщине.

Святая ответила ему:

– Аврелиан, я послушаю тебя, приказывающего мне женщине смириться, но страшусь Христа, Бога Живого, сущего пред моими глазами; я не могу оставить Его, и не поклонюсь бесам.

Аврелиан, видя, что он посрамлён святыми мучениками, сильно разгневался и снова повелел опалять и жечь тела мучеников. Весь народ, видевший таковое страдание святых, вскричал:

– Царь Аврелиан, ты несправедливо судишь и мучишь их за то, что они не хотят принести жертву богам; ты дашь за них ответ по смерти.

Аврелиан, испугавшись, чтобы в народе не произошло какого-либо волнения, отдал приказание обезглавить святых мучеников и бросить их тела на съедение псам, зверям и

птицам. И повели святых на смерть. Они радовались и веселились и воспевали: «но Ты спасешь нас от врагов наших, и посрамишь ненавидящих нас» (Пс. 43:8).

Когда их привели за город, на место усекновения, то святой Павел стал просить воина отсечь главу сначала святой Иулиании, ибо боялся, как бы она не устрашилась, смотря на усечение его главы. Святая Иулиания, осенив себя крестным знамением и радуясь, протянула свою шею и была усечена мечом. Святой Павел, увидя, что сестра его скончалась мученическою смертью, возвел свои глаза к небу и возблагодарил Бога, – потом и сам, оградив себя крестным знамением, протянул шею и был усечён мечом. Святые тела мучеников остались за городом непогребёнными, ибо, по повелению царя, невдалеке были поставлены воины стеречь, чтобы христиане не взяли их. На место казни прибегали псы, но не прикасались к телам мучеников; также прибегали волки и также не прикасались к телам, но даже охраняли их, неотступно находясь при них; прилетали хищные птицы, но не опускались на честные тела, они летали над ними, охраняя их и не давая сесть на них мухам. Так продолжалось семь дней и ночей, после чего воины известили об этом Аврелиана. Он, выслушав их, сказал:

– Как сильно волшебство христиан! Мы не могли победить их даже и по смерти.

И повелел Аврелиан воинам уйти со стражи, но не днём, а ночью, дабы не быть в посмеянии у христиан.

При наступлении дня христиане, увидав, что стражи нет, взяли многострадальные тела святых мучеников Павла и Иулиании и с честью погребли их. Господу нашему Иисусу Христу, царствующему вместе со Отцом и Святым Духом слава и честь, всегда, ныне и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Иакова Постника

Память 4 марта

В стране финикийской[1725] близ города Порфириона[1726] жил отшельник по имени Иаков, который, оставив суету сей временной жизни и приняв иноческий образ, пребывал в пещере в течение пятнадцати лет. Иаков весьма преуспел в постнических подвигах и сделался столь великим в добродетелях и угодным Богу, что сподобился от Него власти над бесами и именем Спасителя нашего Иисуса Христа совершал многие исцеления. Все люди дивились таковой его добродетельной жизни, и стекались к нему не только верующие, но и неверующие. Прозорливо узнавая, кто беседует с ним, боговдохновенный муж поучал их от Божественных Писаний и обращал к истинной христианской вере. Но исконный враг человеческого рода диавол, особенно враждующий против усердных служителей Христа, видя, что он посрамляется многими добродетелями и совершенною жизнью сего святого мужа, восстал против него своими кознями, желая изгнать святого мужа из тех мест. С этой целью он вошел в одного из неверующих самарян, живущих в городе Порфирионе, как некогда в Иуду, и научил его хлопотать об изгнании Иакова. Этот самарянин собрал многих единомышленников, родственников, друзей, знакомых, соседей и рабов и пришел с ними в дом их нечестивого жреца. Там они устроили совет, как бы изгнать из пределов их страны Иакова, который обращает от их веры многих ко Христу. После долгого совещания они придумали коварное средство. Призвав к себе одну блудницу, они дали ей двадцать золотых монет и обещали дать еще столько же, если она пойдет и склонит ко греху Иакова отшельника. Тогда бы они обвинили его и с бесчестием прогнали из своей страны как блудника. Нанятая ими женщина пошла к Иакову и, стуча в его двери, просила отворить ей и пустить ее внутрь. Когда же блаженный не отворил ей, она еще усерднее стучалась, досаждая ему многими мольбами. Наконец святой отворил

дверь и, увидав стоящую женщину, подумал, что это привидение, а поэтому, оградившись крестным знамением, тотчас тщательно запер дверь и, возвратившись в келью, стал лицом к востоку и с усердием молился Богу, чтобы Он отвел от него бесовское искушение. Между тем наступила полночь, а женщина не переставала стучаться; наконец, она громко закричала святому:

– Помилуй меня, истинный раб живого Бога! Отвори мне дверь, дабы я не была пред твоей кельей съедена зверями.

Преподобный Иаков, подумав, что уже полночь, а кругом множество зверей, хотя и неохотно, отворил ей дверь и сказал:

– Откуда ты пришла и чего здесь ищешь?

Женщина отвечала:

– Я из монастыря и по делу послана игуменьею в город, но вот, когда я возвращалась, меня настигла тёмная ночь, и я заблудилась и пришла сюда. Молю тебя, Божий человек, смилуйся надо мной и не допусти быть растерзанной зверями около твоих дверей, но разреши мне сию ночь остаться у тебя, пока не наступит день, и я пойду своей дорогой.

Преподобный Иаков милосердовал о ней, ввел ее к себе и, предложив ей хлеб и воду, сам затворился во внутренней келлии, а ее оставил во внешней. Она, вкусивши хлеба, немного уснула. Потом, притворившись больною, начала горько плакать и стонать и, припав к двери внутренней кельи, молила преподобного помочь ей. Святой, посмотрев через окошко и увидев, что она заболела, недоумевал, что сказать ей или что сделать. Женщина же молила его:

– Умоляю тебя отче, – говорила она, – снизойди к моей немощи и огради меня крестным знамением, поелику у меня сильно болит сердце.

Святой, послушав ее мольбы, вышел к ней и тотчас, зажегши огонь и принеся святой елей, какой имел у себя, сел около нее. Держа свою левую руку на огне, святой обмакнул правую руку в святой елей и прикоснулся телу женщины, то творя крестное знамение, то помазуя и согревая рукою ее сердце, ибо она жаловалась на сильную боль в сердце. Движимая нечистыми пожеланиями, женщина хотела и в святом

возбудить похоть и склонить его ко греху, и потому говорила ему:

– Умоляю тебя, отец, еще помажь меня елеем и согрей рукой мое сердце, дабы совсем прекратились мои страдания.

Блаженный Иаков, будучи прост сердцем и незлобив, поверил словам женщины и исполнил, что она просила. Но зная бесовское прельщение, воздвигающее брань против плоти, и боясь как бы от излишнего милосердия и соболезнования к женщине не привести свою душу к вечной погибели, в течение двух или трех часов держал свою левую руку на огне с твердостью претерпевая боль, до тех пор, пока не отвалились суставы пальцев. Так блаженный боролся с диавольским искушением, чтобы от нестерпимой боли ни один нечистый помысл не пришел ему на ум. Увидав, что сделал святой, женщина пришла в ужас. Она умилилась сердцем и, тотчас встав, припала со слезами к ногам святого, бия себя в грудь и восклицая:

– Горе мне окаянной и ослеплённой! Горе мне, что я сделалась жилищем диавола.

Святой, видя, что она плачет, и слыша слова её, сильно удивился и сказал ей:

– Встань, женщина!

Поспешно подняв ее с земли и сотворив усердную молитву к Богу, он спросил:

– Поведай мне, что это значит? Зачем ты пришла ко мне?

Женщина, едва придя в себя, подробно рассказала святому всё: как нечестивые самаряне научили ее соблазнить святого, говорила, что сам диавол устроил это искушение, дабы уловить в плотской грех праведного мужа, подражающего своею жизнью бесплотным. Выслушав женщину, преподобный вздохнул и, пролив многие слёзы, воздал благодарение Богу; затем, поучив и благословив женщину, отослал ее к епископу Александру. Женщина, придя к церкви, исповедала все свои грехи пред епископом. Святитель, довольно поучив ее и видя, что она истинно покаялась, просветил ее святым крещением и отослал ее в женский монастырь. Так блудница сделалась невестою Христовою.

Потом, собрав всех христиан и свой клир, епископ изгнал из города всех самарян. После этого, придя к блаженному Иакову, епископ отеческими наставлениями еще более укрепил сего в его блаженной жизни. А женщина, бывшая раньше грешницей, своею жизнью угодила Богу и сподобилась получить власть над бесами.

Спустя немного времени дочь одного знатного и богатого человека, мучимая нечистым духом, стала призывать по имени святого Иакова. Родители её привели её к святому и молили его, чтобы он, милосердовав о юной девице, изгнал из неё нечистого духа. Святой, помолившись Богу о ней и возложив на нее руку, тотчас силою Божией изгнал из неё беса, и девица стала здоровою. Видя сие чудо, родители девицы возблагодарили Бога и, желая принести благодарность Божию человеку, принесли ему триста золотых. Но праведный муж не только не пожелал взять золото, а и не посмотрел на него, сказав:

– Не подобает ни покупать, ни продавать Божественных даров, как и говорит Св. Писание: «больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф.10:8). Золото следует раздавать нищим, ибо, живя в пустыне, я не нуждаюсь в нем.

Сказав так, святой отослал обратно присланных с золотом людей. В той же стране был один юноша, расслабленный, по действу диавола, обоими ногами; родители принесли сего юношу к святому Иакову и просили его помолиться о нем Богу. Преподобный постился и молился три дня и исцелил расслабленного; потом, благословив его, повелел ему на своих ногах возвратиться в свой дом. Много и других, одержимых различными недугами, приходило к сему чудотворцу, и все, по молитвам его, исцелялись и возвращались от него здоровыми. Угодник Божий, видя, что все его почитают, убоялся, дабы не впасть в тщеславие, и поэтому оставил пещеру и бежал, удаляясь от славы человеческой. Отойдя на сорок поприщ от города, он нашел при реке большую пещеру в скале и поселился там. Здесь он прожил тридцать лет, проводя в молитвах и слезах все дни и ночи. Питался он долгое время

водорослями, растущими при реке, а потом устроил себе небольшой огород, где и работал часть дня, и питался от посеянных и возращенных плодов. Подвижническая жизнь святого Иакова так прославила его, что ради пользы душевной к нему приходили из двадцати или тридцати монастырей иноки и клирики. И не только духовные, но и множество мирских людей стали приходить к нему, получали наставление в добродетельной жизни и, сподобившись благословения и молитв его, возвращались со многою пользой для души своей.

Такой великий муж, сподобившийся благодати Божией, впал, однако, в тяжкое прегрешение. Это произошло, вероятно, потому, что он стал много думать о своей святости и богоугодной жизни и считать себя великим подвижником. Начало его падения было таково. Исконный враг рода человеческого, диавол, завидующий проводящим жизнь богоугодно и непрестанно копающий для них ров погибели, вошел в отроковицу, дочь одного богача, и стал мучить ее, призывая её устами имя Иакова и говоря:

– Не выйду из неё, если не отведете меня к Иакову пустыннику.

Родители отроковицы, взявши ее, ходили с нею по монастырям и пустыням долгое время, отыскивая святого отца Иакова. Найдя, наконец, его, они пали к ногам его и стали умолять его:

– Помилуй нашу дочь, ибо она сильно страдает от нечистого духа; вот уже двадцатый день, как она не принимает ни пищи, ни питья, но, испуская вопли, терзает себя и призывает твое имя.

Святой, став на молитву, столь усердно помолился о ней Богу, что даже самое место, где он стоял, потряслось. По окончании молитвы Иаков дунул на отроковицу и сказал нечистому духу:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из сей отроковицы.

И тотчас диавол, как бы опалённой огнём, вышел из девицы. Она же упала на землю и долгое время оставалась безгласною. Но святой Иаков снова помолился Богу, взял ее за

руку и, подняв с земли, отдал её родителям. Те, видя такое чудо, прославили Бога. Но опасаясь, как бы опять не возвратился к ней нечистый дух, они умоляли святого, дабы он позволил дочери их остаться у него на три дня, пока совершенно не выздоровеет. И осталась отроковица у старца, а родители её ушли домой.

Когда осталась отроковица у святого Иакова, диавол, видя, что святой находится в пустынном уединенном месте вдвоем с отроковицей, и находя, что настало самое удобное время для его козней, воздвиг на подвижника бурю нечистых помыслов и скверного плотского вожделения и так разжёг его похоть, что святой муж, – тот самый, который раньше не мог быть уловлен прельщением посланной к нему самарянами блудницы, тот, который ради сохранения целомудрия и чистоты жёг на огне свою руку, тот, кто сотворил многие чудеса и изгонял бесов, – тот сильно был разожжён блудною похотью, что, забыв страх Божий и свои многолетние постнические подвиги и посланную ему от Бога благодать и силу исцелений, будучи уже в маститой старости, был побеждён диаволом и пал. Он изнасиловал девицу, растлил её и свое девство и, осквернив тело и душу, погубил все свои прежние постнические труды. Не довольно было для него сделать один грех, и он прибавил к нему еще более тяжкий. Подобно тому как поскользнувшийся с горы летит вниз, падая с камня на камень и разбиваясь, так случилось и со святым Иаковом: – совершив один великий грех, он впал и в другой больший и лютейший, усугубляя беззаконие беззаконием. Враг возбудил в нем страх, и он стал размышлять: девица теперь скажет своим родителям, что я насиловал ее, и будет мне стыд и поношение, и я буду в большой беде из-за неё. Поддавшись наущению бесовскому, он убил неповинную девицу, думая скрыть от людей свой грех и избегнуть позора. Но и на сем не остановился, а еще более предался греху: ибо тело девицы, которое он осквернил и без милосердия убил своей рукой, не предал обычному погребению в земле, а бросил в реку. Таков плод горделивого самомнения, ибо если бы сей инок не считал себя святым и великим в добродетели, то не впал бы

в такие лютейшие грехи и не поругался бы враг над старостью того, кто в юности некогда победил его ухищрения.

После этого диавол стал низводить Иакова как связанного пленника в последний ров погибели, в самой тяжкий из всех грехов, в Каиново и Иудино отчаяние. Старец, сидя в келье, не знал, что остается ему сделать. Сильно обличаемый совестью, воздыхая и предаваясь отчаянию, не смел он уже ни открыть уст для молитвы, ни обратить свой ум к Богу. Он задумал бежать в другую какую-нибудь отдаленную страну и, оставив иночество, поселиться в миру, и на старости служить миру и диаволу. Выйдя из пещеры, он быстро отправился в путь, гонимый и волнуемый отчаянием, как сильною морскою бурею,

Но превеликая, безмерная и человеколюбивая благость Христова, коей не могут преодолеть грехи всего мира, хотящая, чтобы спаслись все люди и ни один из них не погиб, не оставила и сего старца погибшего, не допустила бесам до конца возрадоваться его погибели, но по неизглаголанным своим судьбам, устроила ему восстание от падения и обновления. Ибо когда он отправился в путь, то на дороге увидал монастырь, войдя в который приветствовал игумена с братиею. Те предложили ему вкусить хлеба, но он не хотел и слышать о сем, и только часто и тяжело вздыхал. Когда же братия умоляли его подкрепиться пищею, он сказал им:

– Горе мне окаянному! Как я осмелюсь поднять свои глаза к небу? Как дерзну призывать имя Христа, Коего я оскорбил? И как прикоснусь к Его дарам, будучи блудником и убийцей?

Вслед затем он исповедал пред всеми по порядку всё, что случилось с ним. Игумен и братия, услыхав его исповедь, смутились и, сочувствуя ему, стали утешать, дабы он не предавался отчаянию, но, покаявшись, принял эпитимию за свои грехи. Долго они просили Иакова остаться у них, но он не послушал их и ушел в мир. Долго он странствовал по пустыне. Наконец, по произволению Божию, встретился ему некий боговдохновенный муж и просил старца свернуть с пути и войти к нему в его келью. Убедив Иакова, он привел его к себе, омыл его ноги и предложил ему пищу, какая у него была, прося вкусить ее. Но Иаков, обличаемый и мучимый своею совестью,

часто вздыхал из глубины сердца и бил себя в грудь, не желая даже прикоснуться к пище. Тогда муж тот пал к ногам Иакова, утешал его и с клятвою сказал, что до тех пор не встанет с земли, пока старец не согласится вкусить предложенной пищи. Когда Иаков согласился, инок поднялся с земли, и они оба вкусили от трапезы, какая возможна в пустыне. По вкушении пищи оба встали, возблагодарили Бога и снова сели. Тогда пустынножитель сказал Иакову:

– Отец, дай мне наставление на пользу души, поучи меня, как сына твоего о Христе, и укрепи мое сердце, потому что меня часто и сильно смущают различные помыслы.

Иаков сильно зарыдал и, плача неутешными слезами и бия себя в грудь, сказал:

– Оставь меня, брат, плакать о своих тяжких грехах, коими я прогневал Бога; ибо я как бы слабый отрок, прельщённый диаволом, впал в погибель в сей моей суетной и бесчестной старости и теперь погиб совершенно. Я в старости побеждён теми страстями, кои победил во дни своей юности: я впал в нечистое блудодеяние и более тяжкие грехи дерзнул сотворить.

Выслушав Иакова, пустынник исполнился сильной скорби и печали и стал просить старца, чтобы он подробно рассказал ему всё диавольское искушение. Просил он сделать это по двум причинам: во-первых, дабы старец, исповедуя свои грехи, подвигнулся к покаянию, во-вторых, дабы он сам, выслушав историю падения старца, был научен осторожности и не впал в таковое же искушение. Тогда Иаков начал свое повествование.

– Я, – говорил он, – служил Господу в постничестве и в пустынном житии более пятидесяти лет, упорно сопротивляясь страстям, знамения чего имею даже на своем теле, ибо я сжег на огне ради целомудрия свою руку. И я, недостойный, сподобился получить великую благодать от благого Бога, ибо через меня грешного Бог сотворил многие чудеса. Наконец, сатана вошел в одну девицу, родители которой, услыхав о бывшей во мне благодати Христовой, привели ее ко мне, чтобы я помолился о ней. При помощи Божий я изгнал из неё беса. Они просили, чтобы их дочь осталась у меня в течение трех дней, до совершенного выздоровления, и, оставив ее у меня,

ушли. Я же, разожженный плотским вожделением, помрачившим мой ум, забыв в то время о Боге, не убоявшись геенны, не пощадив своих многолетних трудов, насиловал девицу и растлил её девство. И не довольно для меня было сотворить один грех, но, по наущению беса, дерзнул совершить и другой более тяжкий, чем первый, ибо я убил ту девицу и бросил в реку её тело. Отчаявшись в своем спасении, я бежал с того места и теперь иду в мир, ибо как я могу возвести свои глаза к высоте небесной? Если дерзну я призвать имя Христово, огонь небесный истребит меня.

Когда Иаков, проливая обильные слёзы и горько рыдая, окончил свою исповедь, то пустынник умилился сердцем, и, падши на шею старцу, лобызал его и говорил:

– Умоляю тебя, отец, не изнемогай душевно, не отчаивайся в своем спасении, но с верою, что Бог внемлет покаянию, исповедуй Ему твои согрешения, ибо многомилостив Господь и милосердие Его к нам неизреченно. Если бы Бог не принимал покаяния, то как Давид, уже сподобившийся дара пророчества и впавший в грех прелюбодеяния и убийства, мог бы получить прощение таковым грехам? Как святой Петр, первоверховный Апостол, коему Господь вручил ключи Небесного Царства, троекратно отрекшийся от Господа во время Его вольного страдания, горьким плачем раскаяния мог не только получить прощение грехов, но и сподобиться великой чести, быть пастырем словесных овец Христовых? Покаемся же, пока еще имеем для этого время.

Укрепляя сими словами душу Иакова, пустынник молил его, дабы он остался жить вместе с ним. Но Иаков не соглашался. Тогда пустынник, припавши к ногам старца и лобызая их, сильнее молил его, чтобы он не уходил от него, ибо опасался, как бы старец не погубил совершенно своей души, впав в отчаяние. Не будучи в состоянии умолить Иакова, пустынник сильно скорбел и плакал. Наконец, сотворив усердную молитву о нем к Богу, отпустил его, снабдив потребною в пути пищею, и провожал его пятнадцать стадий, всё время убеждая покаяться. Затем, обняв Иакова и со слезами облобызав его, пустынник возвратился в свою келью. Иаков, пройдя значительное

расстояние по дороге в мир, свернул немного в сторону и увидал старинную погребальную пещеру, где было множество костей, от времени уже превратившихся в прах. Войдя в ту пещеру, Иаков собрал все кости, положил их в одном из углов и поселился в пещере[1727]. Преклонив колена, Иаков с великим плачем и рыданием, бия себя в грудь, стал пламенно молиться Богу, восклицая:

– Как я посмею обратиться к Тебе, Боже мой? Какое начало положу моему спасению? Как дерзну произносить молитву моим нечистым языком и осквернёнными устами? Какому греху начну сначала просить прощение? блуду или убийству? Преблагой Владыка, прости мои тяжкие грехи; будь милостив ко мне недостойному, премилосердный Господи, и не погуби меня с моими нечестивыми делами, ибо велики мои беззакония: я впал в блуд, стал убийцею, пролив неповинную кровь, предав тело воде, зверям и птицам на съедение; ныне, Господи, я исповедую все грехи мои Тебе всеведущему, прося прощения. Не презри меня, Владыка, но по неизглаголанному человеколюбию Твоему помилуй меня нечестивого и скверного, яви мне превеликую благость Твою и очисти все мои беззакония, дабы не потопил враг меня, уже погруженного в бездну греха, и змий преисподний не пожрал меня.

В таком исповедании своих грехов и покаянии блаженный Иаков пребывал в течение десяти лет, всё время проживая в той погребальной пещере. И стал он как живой мертвец, живя среди мёртвых и никогда не появляясь в среде живых. Если и случалось кому-нибудь приходить в то место, Иаков ни с кем не вступал в беседу, если кто спрашивал его о чем, не отвечал ни одного слова, отверзая свои уста только для молитвы к Богу и покаяния в своих грехах. Пищею ему служили травы, какие произрастали в тех пустынных местах, да и те вкушал он очень редко и немного, только чтобы не умереть с голоду. Так Иаков провел целых десять лет в непрестанных слезах, воздыханиях и молитвах, днём и ночью взывая с плачем к Богу, исповедуя свои грехи и без пощады бия себя в грудь.

Всещедрый и многомилостивый Господь, не желающий погибели грешника и ожидающий обращения его, не презрел

столь долгого покаяния блаженного Иакова; услышав вопли его и исповедание грехов, простил ему согрешения и снова даровал благодать чудотворения.

Случилось в той стране бездождие и сильная засуха. Все наложили на себя пост и молились, прося Бога послать на землю дождь. И было откровение епископу того города, добродетельному и святому. В сем откровении ему было сказано:

– Если святой старец, живущий в погребальной пещере, помолится за вас Богу, то прекратятся все бедствия ваши и прольётся плодоносный дождь.

Епископ на другой день собрал клир, и весь народ и поведал бывшее ему откровение. С крестным ходом и молебным пением тронулись все к той пещере. Придя к ней, епископ и весь народ стали стучаться в затворенные двери и молить Божия угодника, дабы он, милосердовав об их стране, помолился Богу, чтобы Он отвратил от них Свой праведный гнев и прещение и прекратил засуху, ниспослав на землю дождь. Но блаженный ничего не отвечал им из пещеры, не смея возвести свои глаза к небу; он только бил себя в грудь и говорил мысленно:

– Будь милостив, Христе, ко многим и тяжким моим согрешениям!

Епископ же долгое время усердно стучался и молил Иакова; но, не получив никакого ответа от него, возвратился со всеми пришедшими с ним, скорбя и плача. Войдя в церковь, все снова совершили молебное пение, проливая слезы. Между тем буря еще сильнее стала свирепствовать, а вместе с нею и сильная засуха и голод; поэтому люди еще усерднее стали молиться Богу, усугубив свой пост и молитвы. Тогда епископу снова было откровение, во время коего он ясно слышал голос, говорящий так:

– Пойди к рабу Моему Иакову, о котором Я прежде возвестил тебе, и, если он помолится Мне о вас, вы тотчас избавитесь от обрушившихся на вашу страну бедствий.

После этого откровения епископ опять со всем клиром и народом пошел к пещере и усердно умолял раба Божия, даже

докучая ему, чтобы он сотворил молитву о них; затем насильственно открыл дверь и вывел оттуда святого. Блаженный Иаков, хотя и не желал, возведя свои глаза к небу и подняв кверху руки, долгое время молился о этих людях. И молитва еще была на устах его, как вдруг на землю пролился обильный дождь, а буря прекратилась. Ибо Господь исполнил моление боящегося Его и услышал его просьбу, самым делом являя то, о чем пишется в пророчестве: «Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: вот Я!» (Ис.58:9).

Епископ и весь народ, удивленные и вместе обрадованные сим преславным чудом, воспевали Богу благодарственную песнь в веселии и с торжеством и много почтили Его святого угодника Иакова. А тот день, в который, по молитвам святого Иакова, они были избавлены от бедствий и получили милость Господню, установили праздновать во все годы.

Преподобный Иаков после этого получил откровение, что Бог принял его покаяние и простил его грехи. Поэтому он снова начал, по благодати Христовой, совершать многие чудеса, ибо все приводимые и приносимые из всей той страны больные, одержимые каким-либо недугом, тотчас получали исцеление, а бесы были прогоняемы словом святого. Спустя немного времени Иаков сотворил еще большие чудеса, нежели какие творил до согрешения.

В тот же год, когда он испросил у Бога дождь, Иакову была возвещена и кончина его. Призвав епископа, святой завещал ему, дабы по смерти его тело его было погребено в той пещере, где он жил. После этого, спустя несколько дней блаженный Иаков почил о Господе и водворилась его святая душа во благих Господа своего вместе со святыми, угодившими Богу покаянием. Прожил Иаков от рождения своего семьдесят пять лет. О кончине святого тотчас стало известно во всей стране, и на погребение его стеклось отовсюду великое множество народа, со свечами, кадильницами, курениями и ароматами; прибыл и епископ со всем клиром, и с пением подобающих песнопений, помазав многоценными ароматами святое тело Иакова, с честью погребли его в той пещере, как и завещал сам святой Иаков пред своей кончиной епископу. Спустя немного

времени епископ построил церковь во имя этого святого Иакова недалеко от пещеры, где он жил, и взяв честные мощи его из пещеры, перенес их в церковь и установил праздновать во все годы святую память честного угодника Божиего преподобного отца нашего Иакова, во славу Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

В тот же день память святого Григория, епископа города Констанции, на острове Кипре, скончавшегося в мире.

В тот же день преставление святого благоверного князя Московского Даниила Александровича, в 1303 году.

В тот же день убиение татарами блаженного князя Василия (Василька) Константиновича Ростовского, в 1238 году.

Житие и страдание святого мученика Конона Исаврийского

Память 5 марта

Святой Апостол языков[1728] Павел, во время одного из своих благовестнических путешествий[1729], просветил жителей города Исаврии[1730] светом истинной веры в Господа нашего Иисуса Христа. В это же время в селении Вифании, находившемся в 18 стадиях[1731] от города Исаврии, жил один человек, по имени Нестор, с женою Надою. У них родился сын Конон. Когда отрок вырос, родители задумали его женить и обручили его с красивою девицей Анной. Но еще раньше того Конону явился в виде светлого мужа святой Архистратиг Михаил. Научив Конона истинной вере, Архистратиг повёл Конона на реку, крестил его во имя Пресвятой Троицы, причастил Божественных Таин, а затем, осенив его крестным знамением, стал невидим. С того времени отрок исполнился Святого Духа, а Архистратиг Михаил невидимо всегда пребывал с ним. В день брака, жених с невестой при общем веселии были отведёны в брачной чертог. Здесь Конон покрыл сосудом зажжённую свечу и спросил девицу:

– Что лучше – тьма или свет?

Девица отвечала:

– Свет, конечно, лучше тьмы.

Тогда святой Конон открыл свои исполненные Божественной благодати уста и стал убеждать невесту сохранить свое девство и чистоту жизни и веровать во Христа, Истинного Бога.

– Это и есть, – говорил он, – свет немерцающий, а плотская жизнь и языческая нечестивая вера – тьма.

Девица имела доброе сердце, так что семена слова Божия пали на хорошую почву, и невеста скоро согласилась во всем со своим женихом. Она уверовала во Христа и дала обет сохранить навсегда свое девство. Так эта святая чета жила в девственной чистоте, как брат с сестрой, или, лучше сказать, как два Ангела Божии, подобно Серафимам горя любовью к

Богу и Ему Единому угождая. Прошло еще немного времени, и блаженному Конону удалось убедить и родителей своих оставить идолопоклонство и обратиться ко Христу. Конон крестил отца своего, мать и невесту, и все они, наставляемые и поучаемые святым Кононом, угождали Богу. Отец Конона, блаженный Нестор, сподобился и мученического венца, быв умерщвлен идолопоклонниками за обличение их заблуждений. Спустя немного времени и мать святого, блаженная Нада, с миром отошла ко Господу, а за нею и святая дева Анна, обрученница Конона, переселилась в нетленной чертог небесного жениха Христа. Всех их святой Конон предал честному погребению в одном месте.

Оставшись одиноким, Конон продолжал жить для Бога, упражняясь в Богомыслии, умерщвляя свое тело постом, трудами и всенощными молитвами. За свои подвиги он удостоился благодати Святого Духа, которая, как некое сокровище, долго таилась в нем и обнаружилась уже во время старости святого Конона. Это было так.

В той стране, в пустынном месте, в непроходимых горах была пещера, страшная и тёмная. В пещере было идольское капище, где стоял громадный каменный идол нечестивого бога Аполлона[1732], которого особенно почитали в Исаврийской стране. У исаврян был обычай каждогодно собираться там в день празднования Аполлону для жертвоприношения и совершения богомерзкого праздника. Когда наступил день этого праздника и все жители города собрались идти в капище, находившееся в пещере, святой Конон, подвигнутой Духом Божиим, пришел в город. Увидав множество вооруженного народа, на конях, и пеших, как бы приготовившихся на сражение, он громким голосом закричал им:

– Мужи исаврийские, подождите немного, я хочу вам сказать слово. Зачем вы вооружены? Разве на вашу страну напало внезапно неприятельское войско и вызывает вас на битву?

Народ отвечал Конону:

– Нет, но мы идем принести жертву богу Аполлону и совершить ему празднование.

Святой Конон вновь спросил их:

– Я хочу узнать от вас, кто этот Аполлон и какова его власть?

Люди отвечали:

– Он наш промыслитель, дарует нам все блага; он укреплял и наших отцов, от которых мы и приняли обычай праздновать ему.

Тогда святой, смеясь над ними, предложил им такой вопрос:

– Слышали ли вы когда-нибудь голос или какое-нибудь слово своего бога?

Они отвечали:

– Нет! Но наши отцы заповедали нам веровать в него.

Святой Конон на это сказал им:

– Ваши отцы, как бессловесные животные, сами находились в прельщении, не ведая Истинного Бога; ибо если бы они знали Его, то не оказывали бы такого почитания глухому, немому и скверному идолу. Дайте мне власть над вашим богом, и я покажу вам, кого вы почитаете, кто сей ваш бог. Если я вымажу его краскою, сможет ли он вымыться? Если разобью его железным молотом, сможет ли он снова оказаться в целости? Если дам ему есть, протянет ли он руку, чтобы взять пищу и начать есть?! Доколе вы будете безумствовать? Послушайтесь меня, ибо я из вашего же города, но чужд ваших дел; оставьте идолопоклонство, и я научу вас как надобно почитать Истинного Бога и поклоняться Седящему в вышних. Сей есть Бог невидимый, но всевидящий, Творец неба и земли и моря, и всего, что в них, Царь крепкий и всемогущий, спасающий рабов Своих и погубляющий Своих врагов, тех, кто поклоняется идолам и приносит жертвы бесам. Сей Бог не требует кровавых жертвоприношений, но хочет, дабы приходящие к Нему познавали Его без злобы и лукавства и веровали, что Он есть Истинный Бог, Отец Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, не разлучающегося от Отца, Который через Него сотворил веки; с Ними царствует и вечный Дух Святой, от Отца исходящий. Сие три лица по существу Един Бог, попаляющий огнём ненавидящих Его идолослужителей, но

любящий любящих Его; милосердию Его нет предела, ибо Он милостив ко всем возлагающим надежду на Него и с верою призывающим Его.

Народ пришел в волнение от этих речей святого, и среди него произошел большой шум: одни бросились на святого, чтобы его убить, другие их удерживали, не давая поднять на него рук, ибо желали услыхать от него еще что-нибудь. Когда народное волнение несколько утихло, некоторые из народа спросили святого:

– Чем ты можешь убедить нас, что есть Бог выше нашего бога Аполлона, которого мы почитаем более всех других богов; покажи нам какое-нибудь знамение от твоего Бога, дабы мы уверовали в Него.

Святой Конон, услыхав, что просят знамения, возложил свое упование на Бога и сказал народу:

– Вот, многие из вас на конях, и немало пеших людей, молодых и сильных юношей. Пойдемте же все к пещере Аполлона, на место вашего собрания, вы впереди, а я, как старик, буду следовать за вами, и дадим друг другу слово, что кто из нас придет раньше, того Бог велик и истинен, и Ему и подобает веровать. Если одни из вас на конях, другие, сильные и молодые, пешком опередите меня, старого и слабого телом, и достигнете прежде меня Аполлонова капища, то ваш бог поистине Бог. Если же я, старик, пешком скорее вас приду туда, то мой Бог больше вашего бога и вы должны будете уверовать в Него.

Все одобрили его речь и согласились и на предложенное им условие, говоря между собой:

– Этот старик в четыре дня не сможет дойти туда: путь далёк и неудобен, так как тянется среди высоких гор и глубоких долин, покрытых густым кустарником.

После того все поспешили к пещере: одни – надеясь на своих коней, другие – на свои ноги, – а святой Конон пошел за ними, двигаясь с трудом. Дорогою он горячо помолился Богу, и тотчас пред ним предстал святой Архистратиг Михаил, взял его и в одно мгновение перенёс на то место, куда все стремились. Людей же, спешащих на конях и пешком, Архангел невидимою

силою привел в смятение, и они блуждали по горам и дебрям, и люди и кони падали с горных высот и разбивались, и весь день и всю ночь они не могли добраться до Аполлоновой пещеры и даже не были уверены, по тому ли пути они идут. Утром неожиданно для них вышел им навстречу святой Конон. Увидав его, народ пришел в великое изумление. Святой же, смеясь над ними, спросил:

– Отчего вы не могли прийти скорее? Я долго ждал вас и решил идти к вам навстречу.

Люди, сильно измученные, рассказали святому всё, что с ними случилось, и умоляли его показать им дорогу к Аполлонову капищу. Тогда святой Конон пошел впереди их и, приведя их к пещере, сказал им:

– Вот, я исполнил свое условие и пришел сюда прежде вас. Теперь вы должны признать, что мой Бог велик, и уверовать в Него, а вашего бога предайте в мои руки, и я воздам ему за то, что он до этих пор прельщал вас.

Но они кричали святому:

– Нет, не возлагай вины на нашего бога и не мсти ему: мы сами виноваты, что замедлили прийти: мы заблудились в пути, и потому не могли исполнить условленного.

Такой ответ сильно разгневал святого, и он сказал им:

– Если вы и теперь не уверовали в моего Бога, а продолжаете верить своему идолу, то исполните ли то, что он сам вам возвестит?

Они все отвечали:

– Если воистину мы услышим голос бога нашего, то немедленно исполним его слово, ибо без сомнения веруем в него.

И снова заключили со святым уговор и дали слово твёрже первого, что поверят всему, что скажет их бог. Тогда святой, ставши пред пещерой, где находилось капище Аполлона, громким голосом воззвал к идолу:

– Идол! Тебе говорю: так повелевает Господь мой Иисус Христос, выйди из капища и приди сюда ко мне.

И тотчас бездушный истукан, как живой, закачался, упал с своего места и, катясь по земле, прикатился ко святому и,

поднявшись с земли, стал пред ним. Все множество народа пришло в сильный ужас и с громкими криками устремилось в бегство. Святой Конон махал им рукою, уговаривал их не бояться и едва остановил их. Успокоив их, он снова обратился к идолу, и все стали внимательно смотреть, что еще произойдет. А святой стал спрашивать идола:

– Скажи нам, бездушный истукан, кто Истинный Бог, ты ли, или проповедуемый мною Господь мой Иисус Христос?

Тотчас каменный идол с трепетом простёр свои руки к небу и громко человеческим голосом произнес:

– Един Истинный Бог, проповедуемый тобою Христос.

Сказавши так, идол упал и рассыпался. Видя это чудо, весь народ воскликнул:

– Един Истинный Бог, Бог Конона: Он победил.

И множество народа уверовало во Христа и, разбивши идолов, приняло святое крещение. Иные же ожесточенные остались в прежнем неверии и сильно скорбели о гибели Аполлонова идола. Но впоследствии, видя много различных чудес, совершаемых святым Кононом, уверовали во Христа и остальные язычники той земли.

В той же Исаврийской стране, в другой пещере, находившейся также в пустынном месте, обитал страшный бес. Он, как воин или разбойник, нападал на проходивших мимо людей и животных и умерщвлял их. Исавряне приносили ему множество жертв, умоляя его не делать им вреда и не умерщвлять их, но их мольбы не приносили им пользы, а служили еще к большей погибели. Тогда собралось множество людей, верующих и язычников, и они все вошли к святому Конону и усердно молили его, чтобы он прогнал беса из их страны. Верующие молили, нисколько не сомневаясь в силе Христовой, содействующей святому Конону; язычники же коварно искушали святого Конона, ибо сами думали, что он не сможет изгнать свирепого беса, а напротив бес умертвит его. Снисходя к мольбам исаврян, святой Конон отправился, сопровождаемый множеством народа. Он подошел к самой пещере, где обитал бес, народ же с трепетом стал в отдалении. Обратясь лицом к пещере, святой именем Христовым повелел

нечистому духу выйти из пещеры, в виду всего народа. Бес извнутри воззвал к святому, прося его, дабы он разрешил ему выйти невидимо, чтобы люди не видали его мерзкого образа. Но святой с угрозой повелел ему явиться пред всеми. Тогда бес на глазах у всего народа вышел из пещеры в виде страшной трясущейся женщины. Святой, запретив бесу причинять кому-либо вред, отослал его в геенну[1733]. Тотчас бес сделался невидим, а весь народ воскликнул:

– Велик Бог Конона!

Множество язычников уверовало во Христа. А святой Конон, довольно поучив народ вере в Истинного Бога, возвратился в город. Народ сопровождал его с радостным пением; святой сам начинал пение, а народ подпевал, прославляя Христа, Истинного Бога. Возвратясь, святой Конон поселился в своем селе, в доме отца, совершая чудеса, исцеляя всякие болезни с верою приходящих к нему и изгоняя бесов, над которыми дана была ему от Бога власть.

Один из знатнейших жителей Исаврии был обокраден ворами, которые унесли у него множество золота. Многие были оклеветаны в этом воровстве и преданы мучениям: невинных держали в оковах и в темницах, но золото не находилось. Тогда к святому Конону пришел тот, у кого украли, и родственники невинно оклеветанных и томившихся в заключении, и, припадая к ногам святого, молили, чтобы он просил Бога помочь найти украденное золото. Святой, сожалея об оклеветанных и страдающих невинно, согласился исполнить просьбу граждан. Он отправился в город. Здесь, ставши на площади, он поднял к небу свои руки и усердно молился Богу, до тех пор пока Бог не открыл ему, где спрятано украденное золото. Взявши многих из народа, святой Конон пошел с ними за город и, пройдя довольно большое расстояние по пустыне, подошел к одному камню. Под камнем оказалось скрытое ворами золото; святой Конон велел пришедшим с ним взять золото и отнести его в город. Весь исаврийский народ сильно дивился и прославлял Бога. Когда же тот, у кого было украдено золото, пожелал узнать, кто были воры, и вопросил об этом Конона, то святой ответил ему:

– Возьми свое золото, и будь доволен тем, что оно возвращено тебе без ущерба, томящихся же в заключении освободи.

Тот так и поступил. Слух об этом чуде прошел по всей стране, многие обратились к Богу, и день от дня росла и умножалась Христова Церковь.

Спустя некоторое время святой Конон, пребывая в своем доме в безмолвии, увидал множество бесов, ополчившихся на него. Все бесы, жившие на острове и изгнанные из людей и из идольских капищ, вооружились против святого. Увидав бесов, святой именем Иисусовым связал их, так что они не могли двигаться. Тогда бесы стали молить Конона, что бы он не посылал их в бездну, но пусть повелит им сделать, что ему угодно. Святой, запретив им делать вред людям, послал их на различные работы: одним велел копать в огородах землю и вырывать худые травы, терновники, крапиву, другим – вспахивать нивы и сеять на них, иным – стеречь плоды, кому – пасти стада и охранять их от зверей, кому – колоть дрова и носить воду, и исполнять всякую домашнюю работу. Бесы, как рабы и пленники, служили блаженному Конону до тех пор, пока ему было угодно, исполняя с усердием всякое указанное им дело, ибо связанные непобедимою силою Божией, они были порабощены Божию угоднику.

Случилось, что ночью на дом святого напали разбойники, надеясь найти у него богатую добычу, ибо он был славен по всей той стране.

Связав святого, разбойники хотели пытками заставить его указать место, где спрятано у него золото. Они уже начали его мучить, как вдруг, по повелению Божию, явились служащие святому бесы, схватили разбойников и немилосердно били их; потом развели огонь в печи и стали опалять их тела, а святого освободили из уз. Святой, смилостивившись над разбойниками, запретил бесам, и те прекратили истязания над разбойниками, которые были едва живы. По молитве святого разбойники пришли в себя, и блаженный отпустил их с миром, дав им заповедь оставить свои разбои. Бесы не только освободили святого Конона от разбойников, но по Божиему произволению

даже оберегали честь его имени. Ибо если кто-либо из неверующих исаврян дерзал хулить Конона, тотчас на таковых невидимо нападали бесы и били, так что имя Конона для всех стало предметом почитания и страха. Однажды двое идолопоклонников вспомнили о Кононе и стали поносить его дурными словами. Тотчас же на них напали бесы, били их, протащили по дороге за волосы и повергли хулителей к ногам святого. После того у всех неверующих страх пред Кононом так был силен, что они не дерзали даже помыслить что-нибудь худое про святого Конона. Однажды какой-то человек проник в сад Конона, с намерением украсть яблоки. Но невидимые стражи схватили его, избили и вместе с ослом и мешком, наполненным плодами, привели к святому. Святой дал ему наставление и, заповедав более не красть, отпустил с миром.

Одна бедная вдова, во время жатвы, пришла на поле и ходила за жнецами, подбирая оставшиеся колосья. На руках у ней был малолетний единственный её сын. Вдруг выбежал из леса волк, выхватил ребенка из рук матери и унёс его в пустыню. Народ погнался за ним, но догнать волка и освободить дитя из его пасти не мог. Огорчённая женщина пришла к святому чудотворцу Конону, плакала и, припадая к ногам его, поведала ему свое горе. Он тотчас дал повеление своим невидимым рабам, и те в одно мгновение схватили волка, державшего ребёнка в зубах, и поставили пред святым. Святой возвратил матери её сына живым и невредимым, а волку велел уйти в свое место.

Не все бесы были, однако, связаны словом святого; и вот некоторые из них начали наводить на жителей той страны различные болезни, а всего больше оспу. Святой, уразумев козни бесовские, помолился Богу и тотчас получил власть и над этими бесами. Собрав их всех, он запретил им, и одних прогнал в пустыню, других отослал в бездну, а иных связал и заключил в тридцати залитых оловом глиняных горшках, и, запечатлев их крестным знамением, зарыл в землю под своим домом.

В то время настало гонение на христиан, и в Исаврию прибыл с царским указом воевода, по имени Магдон. Воевода прежде всего замучил до смерти святого Онисия в селе

Усорове. Потом был взят и святой Конон. Его подвергли многим и жестоким мучениям, принуждая принести жертву идолам. Исавряне, услыхав, что воевода предал мукам святого Конона, собрались во множестве с оружием и отправились к селению Усорову, чтобы умертвить воеводу. Узнав о их намерении, воевода со своими слугами сел на коней и бежал из пределов той страны. Исавряне гнались за ним, но не могли догнать его. Найдя святого мученика Конона связанным и покрытого ранами по всему телу и окровавленного, они развязали его и плакали о нем. Отирая его кровь, они мазали ею свои тела, желая получить освящение от крови святого, и с умилением лобызали язвы, принятые им за Христа. Святой мученик сильно скорбел и болел душою, что ему не дали пострадать до конца, ибо он желал умереть в мучениях за своего Христа. После этого верующие отвели святого в его отеческий дом, в селе Вифании, и приложили все заботы, чтобы излечить его раны. Через два года после страданий святой Конон преставился к Богу. Жители всей Исаврийской страны собрались и плакали о святом. Его погребли вместе с блаженными родителями и со святою его невестою, до конца жизни сохранившею непорочное свое девство. После погребения святого Конона исавряне задумали обратить дом мученика в церковь. Когда начали рыть землю для фундамента, то нашли в земле тридцать глиняных сосудов, в коих святой Конон заключил бесов. Не зная, что находится в тех сосудах, но предполагая скрытое в них золото или серебро, нашедшие обрадовались и разбили один сосуд. Тотчас вышли из него бесы в виде густого и смрадного дыма и, помрачив воздух, произвели страшный вихрь. Все люди пришли в ужас, – некоторые попадали от страха, а некоторые бежали оттуда. Бесы же летали по воздуху и, производя большой шум, призывали друг друга по именам. Все в том селении пришли в сильный ужас, так что никто не осмеливался после солнечного заката выходить из своего дома, ибо ночью являлись многие бесовские страшилища и пугали людей и животных, – что на время было допущено Богом в наказание сребролюбивым людям, ожидавшим найти в сосудах сокровище. По молитвам святого Конона были прогнаны бесовские привидения. Прочие

двадцать девять сосудов, заключавшие в себе бесов, были зарыты под церковью святого Конона. Его святыми молитвами да пребудем и мы всегда невредимы от бесов, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа – Единого Бога в Троице, вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Чистотою яко Ангел на земли пожив, отонудуже собеседник Ангелом быти сподобился еси, и родители ко Христову познанию привел еси, и, единаго Бога в Троице исповедав, пострадал еси до крове, мучениче Кононе, моли Его непрестанно о всех нас.

Память святого мученика Конона, по прозванию Огородника

Память 5 марта

Святой Конон жил в царствование Декия и был родом из Назарета Галилейского. Отсюда он переселился в Памфилию, в город Мандон (или Магидо), и здесь на месте, называемом Кармена, устроил для себя огород, плодами коего и питался. Он был человек добрый, незлобивый и простосердечный. Хотя он и не был обучен грамоте, но проводил богоугодную жизнь. Когда услыхал о нем игемон Публий, пришедший в город для преследования христиан, тотчас послал воинов взять его. Посланные пришли к Конону и, в насмешку, приветствовали его добрыми словами. Конон с радостью отвечал на их приветствие и любезно принял их. Тогда воины сказали ему:

– Тебя зовет игемон Публий.

Святой отвечал:

– Какое может быть у него дело до меня? Ведь я – христианин. Пусть лучше зовёт он к себе своих единомышленников.

Воины связали святого Конона и привели к игемону. Когда его стали принуждать, чтобы он принёс жертву идолам, он, сокрушаясь в глубине сердца об ослеплении и заблуждении неверующих и укоряя игемона в нечестии, остался непоколебим в исповедании веры во Христа. Тогда в ноги его набили железных гвоздей и гнали пред колесницею игемона до тех пор, пока святой страдалец пал от изнеможения на колени, и с молитвой на устах предал душу свою Господу.

Память преподобного Исихия Постника

Память 5 марта

Великий угодник Божий Исихий с самых малых лет был наставлен и воспитан в добродетели. Отрекшись от пристрастия ко всем земным благам, он непрестанно помышлял о вечных благах горнего Сиона. Ради этого он оставил свой родной город Адрапу и удалился в пустыню близ Адрании[1734].

Для того, чтобы подвизаться в уединении, святой восхотел поселиться на горе, называемой Майонис; но бесы, обитавшие здесь, предвидя свое изгнание с горы святым и не желая допустить святого на гору сию, вошли в некоторых двух человек, Иоанна и Илариона, и, встретив угодника Божия, спросили его:

– Куда ты идешь?

Узнав о намерении его, они сказали ему:

– Разве ты не знаешь, что это место весьма опасное? Ты идешь на верную смерть, потому что здесь обитает множество плотоядных зверей; кроме того, здесь же живут и разбойники, так что ты и одного дня здесь не проживешь.

Святой, уразумев духом, что это были слова не людей, а бесов, сказал:

– По множеству грехов моих я давно достоин смерти; потому и пойду, чтобы умереть или от зверей, или от разбойников.

Сказав это, святой сотворил молитву и, отогнав силою креста нечистых бесов, продолжал путь свой. Возшед на гору, святой выбрал себе место, выстроил келью и начал подвизаться в постнических трудах; устроил также святой здесь и сад и, возделывая его и сея семена, питался от труда рук своих.

Случилось раз, что налетело на сад святого множество птиц, которые поедали злаки и семена и уничтожали труды святого. Тогда святой обратился с молитвою к Богу, и тотчас птицы, вкусившие от трудов его, падали на землю и, не будучи в состоянии летать, лежали, распростёрши крылья, на земле; все

те птицы, которые касались семян, не могли уже подняться на воздух, но, как бы поражённые некою отравою, валялись на земле; и место это наполнилось множеством птиц, лежавших на земле.

Спустя некоторое время святой, сжалившись над птицами, выйдя из кельи, сказал им:

– Удалитесь отсюда и не съедайте более трудов иноческих.

Как только святой изрек слова сии, тотчас же все бывшие на земле птицы полетели кверху и с тех пор уже более никогда не приближались к саду святого.

Нашед в некоей долине источник воды, преподобный выстроил здесь небольшую церковь во имя святого Апостола Андрея, где и пребывал в богомыслии с учениками своими.

Однажды к святому привели бесноватую отроковицу, родители которой, падши к ногам святого, умоляли его, чтобы он изгнал духа нечистого из дочери их. Преподобный, помолившись Богу, тотчас изгнал беса из отроковицы, а родителям её сказал:

– Так говорит Дух Святой: на месте сем по смерти моей будет монастырь святых жён постниц, молитвы коих отгонят отсюда все полки бесовские.

Это пророчество святого сбылось в свое время.

Однажды, выйдя из кельи, преподобный увидел некоего человека с тяжело нагруженным возом. Воз везли волы, и один из них споткнулся, пал на землю и не мог подняться на ноги. Человек тот старался поднять его, но не мог; упавший вол оставался недвижимым, как большой камень; изнемогши от труда, человек тот начал плакать.

Увидев это, преподобный сжалился над ним и, подойдя к волу, погладил его по шее и сказал бессловесному, как бы понимающему слова:

– Встань, ленивый, и продолжай путь свой, чтобы не сделаться тебе орудием злобы вражьей.

Сказав это, святой осенил вола крестным знамением. И тотчас вол поднялся и спокойно потащил тяжёлый воз. Человек тот весьма удивился происшедшему и, поклонившись святому, поблагодарил его и с радостью продолжал путь свой.

Святой день ото дня устремлялся к большим подвигам и восходил к более совершенным добродетелям, так что сподобился быть собеседником Ангелов. От Ангела Божия он узнал и о своем преставлении, за тридцать дней до смерти. Готовясь к исходу, святой исполнился великой радости.

Пред кончиной своей святой призвал к себе живших с ним учеников и много поучал их. В полночь внезапно облистал с неба свет, осиявший не только келью святого, но и всё то место; преподобный же, с радостью сказавши: «В руки Твои предаю дух мой», отошел в небесные селения[1735].

Святое и честное тело его погребено в вышеупомянутой церкви в честь святого Апостола Андрея, в каменной раке, пред святыми вратами.

Впоследствии честные мощи святого были перенесены Феофилактом, епископом Амасийским, в город Амасию[1736] и положены по правую сторону алтаря, в 792 году, в царствование Константина и Ирины[1737]. А на том пустынном месте, где подвизался преподобный, был построен женский монастырь, как предсказано было святым.

Память преподобного Марка Постника

Память 5 марта

Сей святой подвижник превзошел всех иноков постническою жизнью своею. Предавшись вместе с тем изучению Божественных Писаний, он достиг совершенства в добродетели, как свидетельствуют о том написанные им поучения[1738], и совершил много чудес. Душевная чистота преподобного была так велика, что монастырский пресвитер, как сам с клятвою свидетельствовал, никогда не преподавал ему Божественных Таин своею рукою, но всякий раз, когда он приступал к святому Причащению, то принимал Святые Дары от Ангела, который держал лжицу и сам причащал его. Слуга преподобного говорил, что никогда не видел, чтобы он плюнул когда-либо на землю, такова была его кротость. Преподобный пребывал в иноческом звании сорок лет и нёс подвиг поста в течение шестидесяти лет[1739]. Ста лет от роду он отошел ко Господу[1740].

Память святого мученика Евлогия

Память 5 марта

Святой мученик Евлогий был родом из Палестины. Родители его были люди неверующие. По смерти их святой раздал нищим доставшиеся ему в наследство богатства, а сам, обнищав ради Христа, стал обходить, как странник, страну Палестинскую, поучая неверных и обращая их ко Христу. Будучи оклеветан пред правителем той страны, святой претерпел многие мучения, так как не соглашался принести жертвы идолам. Наконец ему усечена была глава.

Память святого мученика Онисия, жившего и пострадавшего в одно время с мучеником Кононом Исаврийским.

Память святого мученика Евлампия, мечом усеченного.

Память святой мученицы Ираиды, время и место кончины неизвестны.

Перенесение мощей святого благоверного князя Феодора Смоленского и Ярославского и чад его, Давида и Константина, в соборную церковь Спасо-Ярославского монастыря. Память святых – 19 сентября. Мощи обретены в 1463 году.

Страдание святого преподобномученика Конона и сына его Конона, в Иконии пострадавших

Память 6 марта

В царствование нечестивого Аврелиана[1741] в городе Иконии[1742] жил человек по имени Конон. Он был красив лицом и богообоязнен. Жена Конона имела также твёрдую веру в Господа. Оба супруга горели любовью к горнему отечеству и искали более небесных почестей и славы, нежели земных. В продолжение долгого времени они молились Богу, дабы Он даровал им сына. Господь услышал их молитвы и послал им сына, коего они назвали также Кононом. Мать в самый день рождения младенца отошла ко Господу, имея твёрдую надежду на спасение, по слову Апостола: «Впрочем спасется через чадородие» (1Тим. 2:15).

Сам блаженный Конон проводил все дни и ночи в молитвах. Когда исполнилось сыну семь лет, Конон раздал всё, что имел, нищим и, взяв отрока, ушел в монастырь, где и проводил иноческую жизнь. Господь даровал ему благодать, так что он слепым давал прозрение, прокаженных очищал, изгонял бесов и исцелял различные болезни и творил много преславных чудес.

Река, протекавшая в Иконии, весною бывала очень полноводна, выходила из берегов и причиняла много бедствий жителям той страны, затопляя их нивы, сады и дома. В одно из таких наводнений река затопила гораздо больше селений, нежели обыкновенно. Иконийские жители пришли к человеку Божию Конону и, припадая к ногам его, молили его:

– Помоги нам, раб Божий, ибо наводнение больше обыкновенного и затопило нас и всё наше добро и имущество; много народа осталось на другой стороне реки, и не могут прийти сюда.

– Я, братия, – отвечал им блаженной Конон, – человек грешный и недостойный, что я могу сделать?

Но весь народ начал громогласно взывать к нему:

– Святой Конон, раб Божий, помоги нам!

Тогда святой Конон пошел на берег реки и, возведя свои глаза к небу, стал молиться:

– Господи Иисусе Христе, как некогда Ты услышал Моисея, раба Твоего на берегу Чермного моря и провел по суху сынов Израилевых, услышь так же ныне, Владыка, и меня, услышь ради народа сего, чтобы они увидали чудеса Твои и прославили Твое благословенное Имя во веки веков.

Весь народ отвечал:

– Аминь.

Тотчас река разделилась на две части: одна часть внезапно потекла назад, а другая своим путем. Все предстоящие, мужчины и женщины, единогласно возопили, восхваляя Бога, спасающего всех уповающих на Него. Люди и животные вернулись в свои селения, откуда были прогнаны водою. Но воды, возвратившиеся вспять, затопили находившиеся вверху реки селения, и не только наполнили долины и леса, но покрыли даже и возвышенные места. Тогда весь народ снова пришел к человеку Божию и поведал, что случилось. Святой Конон подошел к реке и, осенив ее крестным знамением, сказал:

– Послушай повеления Всесильного Бога, собери все твои воды в свое русло, не выходи из своих берегов и не затопляй людских селений.

Тотчас река, как послушный своему господину раб, потекла по своему руслу, не выливаясь из своих берегов, хотя пред этим вода в ней стояла как гора.

Так исполнилось слово Господа: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет» (Мф. 17:20).

Святой Конон, заботясь о спасении душ человеческих, разрушал много идольских капищ и обращал неверующих ко Христу. Так было не только в Иконии, но и в окрестных странах. Случилось, что весть о святом Кононе дошла до правителя Домитиана. Сей нечестивый беззаконник прибыл в Иконию и произвёл в этом городе такой страх и смятение, что никто не осмеливался открыто признавать себя христианином. Многие

удалились в горы и пустыни, где и проживали вместе со зверями, не желая по страху отказаться от исповедания христианской веры. Правитель Домитиан, по наущению диавола, повелел взять человека Божия Конона и привести к себе.

Когда святой был приведен на мучение, Домитиан с приветливою улыбкой посмотрел на него и сказал ему:

– Здравствуй, благородный старец.

– Здравствуй и ты, – отвечал святой.

– Вижу, – продолжал Домитиан, – что справедливо то, что я слышал о тебе, ибо твой вид светел и внушает почтение, глаза твои блестят как звёзды и старческий твой возраст не может быть порицаем. Мы получили известие, что ты поражен смертоносным ядом христианства, и не только сам заблуждаешься, но и многих других совращаешь к тому же заблуждению. Тем не менее мы не поверили этому слуху, ибо знали, что ты человек благородный и предан нашей вере.

На слова Домитиана святой Конон отвечал:

– Написано, что следует следовать полезным советам, а не вредным. Почему же ты отверг Господа нашего, взятого и осужденного на смерть, умершего на Кресте и положенного во гроб? Почему ты не подивился Его рождению от Пречистой Девы, Которая хотя и родила, но осталась Девою? Почему не удивился рождеству, о коем благовестили Ангелы, радуясь и воспевая: «слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:14). Почему не удивляешься силе Того, Который насытил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек? Кто мог сотворить такое чудо, как не Тот, Кто отверз слепорожденному глаза, даровал жизнь мёртвому Лазарю, четыре дня бывшему во гробе, а напоследок, по Своей воле, пострадал для спасения всего мира, при смерти Коего камни разбились, гроба отверзлись и много святых умерших воскресло?

– Но если бы истинен был твой рассказ, – возразил святому Домитиан, – весь мир веровал бы в твоего Христа и уничтожилась бы сила Зевса.

Святой Конон сказал:

– Так и будет – уничтожится сей Зевс и все ваши боги непобедимою силою Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего мне проповедовать истину, коей я и пребуду верен до конца, ибо написано в законе Христовом: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан.14:2). Подобает нам верующим через много бедствий войти в Царство Божие, а дети века сего, роскошно живущие в мирских благах, будут изгнаны вон и пойдут во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов.

Сии слова мученика привели Домитиана в сильный гнев, и он повелел бить святого Конона и предать различным мучениям. Святой бесстрашно сказал:

– Я не страшусь твоих мучений, исполняй скорее то, что задумал; молю тебя предать меня тягчайшим мучениям, дабы я сподобился и большей награды у моего Христа.

Домитиан сказал:

– Я дам тебе полезный совет: послушай нас, и сделаешься достойным наслаждаться вместе с нами.

Но святой Конон ответил:

– Я желаю спасти свою душу, а не тело, и желаю насладиться духовными радостями, а не телесными. А ты, нечестивый, будешь предан мучениям вместе с отцом твоим диаволом в аду, где не будет конца твоим мукам.

После этого Домитиан спросил святого:

– Какой ты имеешь сан в твоей вере, нечестивый старец? Ты священник?

– Нет, – отвечал мученик, – я простой человек и не достоин сего священного сана, сподобившиеся коего радуются вместе со Христом и со святыми Его Ангелами духовною радостью. Тем не менее и я живу для Господа моего Иисуса Христа, Ему кланяюсь и веселюсь о имени Его.

– Имел ли ты жену? – продолжал спрашивать Домитиан.

– Имел, – отвечал святой, – но недолго жил с нею, ибо она отошла ко Христу Богу нашему.

– Есть ли у тебя дети? – снова спросил Домитиан.

– Имею одного сына, – ответил святой, – он остался в моем дому, но я желаю, чтобы и он предстал пред тобой.

– Неужели и он не поклоняется нашим богам? – спросил Домитиан.

– Каково дерево, – отвечал святой, – таковы и ветви, но, прошу тебя, повели привести моего сына сюда, дабы мы вместе приняли мученический венец.

Тотчас, по распоряжению Домитиана, были посланы воины за юным Кононом. Когда его привели и поставили пред мучителем, он спросил старшего Конона:

– Сколько лет твоему сыну?

Конон отвечал:

– Семи лет я отдал его в монастырь для обучения, и там он научился грамоте. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он был сделан церковным чтецом. А теперь ему семнадцать лет, и, по благодати Христа, он имеет сан диакона и находится в числе священных служителей Божиих. Я с детства научил его жить целомудренно, и он достоин мученического венца. Прошу тебя: не медли долго, а повели нас предать мучениям, дабы мы вместе были увенчаны от Христа Бога нашего, ибо мы христиане и желаем умереть за Христа.

– Как звать твоего сына? – спросил Домитиан. Мученик отвечал:

– Он имеет одно имя с отцом.

Домитиан обратился к юному Конону и стал ему говорить:

– Ты слышал, юноша, отец твой прожил много лет, был женат, родил сына и довольно продолжительное время наслаждался жизнью, а теперь уже старик; неудивительно поэтому, что он желает смерти. А ты еще юн и только что начал познавать всю прелесть жизни, неужели ты хочешь послушаться своего отца?

На лукавые слова мучителя юноша отвечал:

– Мой отец научил меня почитать Единого Истинного Бога, Творца всего видимого и невидимого творения, жить свято и благочестиво, показал мне путь спасения и сказал мне, что сия жизнь не жизнь, а смерть, и все любители временной жизни умирают для вечности, а у Владыки нашего Иисуса Христа есть жизнь бесконечная, которую Он дарует любящим Его. Кроме того, я научен моим отцом, что нечестивым идолослужителям

уготовано вечное мучение в геенском огне, никогда не угасающем, а праведным рабам Христовым уготованы нетленные венцы в славе Небесной, в нескончаемом Царстве Христа Бога нашего, ради Коего мы оставили мир, и мир нас оставил. Наученный так моим отцом, я одних мыслей с ним, я желаю идти к Богу тем же путем, каким идет и он, и отдаюсь на те же мучения, на какие и он отдал себя. Ибо так сказал Владыка мой Христос: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю», «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также» (Иоан. 5:17, 19).

– А если я отца твоего погублю в жестоких мучениях, то пожелаешь ли ты погибнуть так же? – спросил Домитиан.

– Да, желаю, – отвечал блаженный юноша Конон, – желаю умереть вместе с моим отцом, дабы и ожить вместе в Царстве Владыки нашего, ибо умереть за Христа – это не смерть, а получение вечной жизни.

Тогда Домитиан, обратившись к старцу Конону, сказал ему:

– Воистинну сей юноша мудрее тебя, и лишь одного не достаёт ему, – это, познав истину, поклониться нашим богам.

Старец Конон ответил мучителю:

– Юноша хорошо знает истину, ибо поклоняется вместе со мною Тому, Кто сказал: «Я есмь Истина» (Иоан. 14:6), бесовским же идолам, лживым вашим богам, ни он, ни я не поклонимся вовеки.

– В последний раз говорю вам: послушайте меня и поклонитесь богам, – сказал Домитиан, – дабы избавиться от жестоких мучений и смерти и получить от нас богатые дары.

Ему ответил старший Конон:

– О отверженный от Бога беззаконник, ненасытный человеческою кровью мучитель и нечестивейший из всех людей, не сказал ли я тебе с самого начала, что я христианин и желаю вместе со своим сыном умереть за Христа, а ты, как опьяненный злобою и безумный, не помнишь моих слов?

Тогда Домитиан повелел принести железный одр и, сильно раскалив его, положить святых мучеников обнаженными на этом одре и опалять их. Исполняя приказание мучителя, одни из слуг

разжигали горящие угли, другие лили на святых мучеников кипящее масло, – но святые оставались невредимыми. Старший Конон при этом говорил мучителю:

– Разве ты не помнишь, Домитиан, что я просил тебя предать меня жестоким мучениям? А ты и этого не постарался сделать, ибо сие мучение для нас незначительно и мы не чувствуем опаления.

Видя, что мученикам это нисколько не повредило, мучитель повелел приготовить медный котёл и, наполнив его оловом, серой и смолою, разжечь его и бросить в котёл святых мучеников. При этом он сказал:

– Если на раскалённом одре им прохладно, то я согрею их в кипящем котле и посмотрю, сможет ли их Бог освободить их из огненного пламени.

Святые, брошенные в котёл, возвели свои глаза к небу и молились:

– Создатель всего, Господи! Услыши нас, молящихся Тебе пошли к нам Твоего святого Ангела, дабы он остудил сей сильно разженный котёл, как некогда остудил для трех отроков огненную Вавилонскую печь; услышь нас, Владыко, и поспеши к нам на помощь, дабы все уразумели, что Ты Сын Бога живого, пришедший в мир.

Тотчас, по молитве их, Господь послал Своего Ангела, который небесною росой остудил котёл и сказал им:

– Мир вам, добрые воины, верные подвижники! Не бойтесь и не страшитесь, ибо Христос с вами; Он сделает вас победителями и причастниками вечной радости.

После этого Домитиан повелел повесить святых мучеников вниз головами и подкуривать их смрадным дымом. Святой Конон старший, улыбнувшись на такое распоряжение, сказал:

– Безумный! Огонь не повредил нам, неужели же мы испугаемся дыма?

Когда святых продолжали мучить смрадным дымом, они смеялись над мучителем и говорили:

– Не стыдно ли тебе, окаянный, что два воина Христовы победили всю вашу горделивую силу, посрамили отца вашего

диавола и сокрушили и преодолели все его злокозненные хитрости.

Домитиан исполнился великой ярости и, постыженный, не зная, что еще сделать, повелел, прекратив сие мучение, перепилить мучеников деревянною пилою пополам. Когда слуги поставили их и хотели пилить, святые просили слуг дать им время для молитвы, и так молились Богу:

– Владыко, Всесильный Боже, Творец неба и земли, Царь царствующих и Господь господствующих, благодарим Тебя, что сподобил нас пострадать за Твое святое Имя, укрепил нас в мучениях и не допустил врагам Твоим поругаться над нами, а нас сделал победителями диавола. Прославляем Тебя – Христа Бога, Всесильного и Всеблагого Человеколюбца – и молим Тебя: подай мир Твоей святой Церкви, сущей во вселенной, посрами и победи гонящих ее, скоро ниспровергни и разори мерзкия идольския капища, воздвигни Твою силу и распространи хвалу Твоего святого Имени, сохрани и умножь христианский род, право прославляющий Тебя до скончания жизни. Еще просим Тебя, Владыко, прими с миром души наши, пусть не исполнится повеление мучителя и мы не будем перепилены, дабы сие не дало радости нашему врагу, желающему похвалиться, что он погубил нас. Пусть Твое милосердие всегда будет с нами и возьмёт нас к Себе, а Домитиан пусть узнает, что мы – Твои рабы, и Ты, что восхотел, то сотворил с нами, и когда кто услышит сие бывшее, прославит Твое Пресвятое Имя вовеки.

Когда святые произнесли «аминь», с неба послышался голос, призывающий их в небесные селения; святые мученики, оградив себя крестным знамением, предали свои святые души в руки Божии. Тотчас произошло сильное землетрясение, идольские храмы пали и все бывшие в городе идолы разбились, а Домитиан бежал и спрятался в своем доме.

Братия, находившиеся в монастыре, услыхав, что случилось со святыми мучениками, пришли и взяли честные тела их и, принеся в монастырь, с честью предали их погребению, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, от всей твари прославляемого вовеки. Аминь.

Страдание святых 42 мучеников

Память 6 марта

Греческий император Феофил[1743], сын императора Михаила, по прозванию Валвос, или Травлос и бывшего родом из Аммореи[1744], вёл частые войны с арабами, иногда побеждая их, а иногда бывая побеждаем ими.

Однажды, выступив в поход с большим войском против агарян, Феофил осадил город, называемый Созопетра и бывший родиною князя сарацинского Амирмумны, и желал взять сей город.

Князь же агарянский Амирмумна (он же Ависак) находился в это время в другом месте; он послал к царю Феофилу послов, усердно прося отступить от города Созопетра и не разорять любимого его родного города. Но Феофил не послушал его просьбы, взял город, совершенно его разорил и с большою добычей вернулся домой.

Амирмумна, сильно скорбя о разорении своего родного города, весьма разгневался и начал за большие деньги нанимать повсюду воинов – в Вавилоне, в Финикии, в Палестине, в Келесирии и в дальней Африке.

Через некоторое время он, собрав все свое войско в Тарсе[1745], задумал идти на прекрасный город Амморею, во Фригии, каковой город был родиною царя Михаила Травлоса, отца императора Феофила, дабы отомстить за свой родной город Созопетру, разрушенный Феофилом.

Услышав о сем, греческий царь Феофил также собрал большое войско с востока, с запада и из Персии и, отправясь на войну против неприятеля, прибыл в город фригийский Дорилей, отстоящий от города Аммореи на три дня пути. Многие из приближенных царя, узнавши достоверно, что сарацинское войско гораздо многочисленнее греческого, советовали царю не вступать в битву с войском князя агарянского, а жителей Аммореи вывести и поселить в других укреплённых городах. Но Феофил сказал, что стыдно уклоняться от сражения и оставлять пустым прекрасный город Амморею.

Он стал готовить войско к битве и часть его послал на защиту Аммореи. Вместе с войском были следующие полководцы: Константин, по прозванию Друнгарий[1746], имевший сан патриция[1747], Аеций, также патриций, Феофил, то же патриций, Феодор, по прозванию Кратир[1748], имевший чин протоспафария[1749], Милиссен и Каллист, по прозванию Турмарх[1750], Васой и многие другие полководцы и знатные мужи.

Спустя немного времени сошлись войска Феофила и Амирмумны, произошло великое сражение и много было побито людей с обеих сторон. Сначала греки одолевали агарян, потом, по попущению Божию, сражение изменилось, ибо Владыка Христос, прогневавшись на Феофила за его иконоборство, лишил греков мужества; агаряне оправились и стали одолевать греков.

Вдруг всё греческое войско обратилось в бегство, оставив своего царя, которого защищало только одно персидское войско, нанятое им за деньги.

Несомненно, царь Феофил был бы убит здесь, если бы не наступила ночь. Но Небесный Царь, Который «не до конца гневается и не вовек негодует» (Пс.102:9), смилостивился над христианами и внезапно послал сильный дождь на агарянские полки, так что луки их ослабли и они перестали преследовать бежавшего царя Феофила и потерпевших поражение греческих воинов.

После сей жестокой сечи агарянский князь Амирмумна тотчас подошел к городу Амморее и обложил его, окопав его кругом глубоким рвом. Долгое время осаждал он его со всех сторон, намереваясь его взять.

Греческий же царь Феофил бежал со стыдом в Дорилей; оттуда он послал к князю Амирмумне послов с многими и дорогими дарами, прося князя отступить от города Аммореи. Но этот последний, сильно разгневанный за свой разоренный город Созопетру, был неумолим. Посмеявшись над просьбой царя и над его дарами, назвав его трусом и беглецом, князь повелел держать царских посланников в оковах в ожидании окончания

дела, и в течение многих последующих дней приказывал делать сильные приступы к городу.

Находившиеся же в городе сильно сопротивлялись, и с городских стен было умерщвлено множество агарянского войска и знатнейших военачальников. Сомневаясь в возможности взять город, князь Амирмумна хотел уже было оставить его и уйти в свое отечество. И это непременно бы случилось, если бы не произошло коварного предательства одного из военачальников амморейских, по имени Вадитзиса. Этот последний, поссорившись с воеводой, и замыслил предать город в руки врагов.

Он пустил стрелу с привязанною к ней бумагой к агарянам, которые уже собирались уходить от городских стен; на бумаге он написал следующее:

– Для чего, проведши здесь так много времени и употребивши такие усилия, вы отходите отсюда без победы? Осмельтесь, будьте храбрыми, сделайте приступ к той стороне городской стены, где находится столб с мраморным изображением льва, а наверху столба изображение финиковой пальмы, сделанное из камня; здесь нахожусь я и стерегу эту сторону; я помогу вам, и вы легко возьмете город, ибо здесь стены нет. Вы сами решите, какую мне оказать почесть за мою услугу вам.

Когда эту записку, привязанную к стреле, нашли и принесли к агарянскому князю Амирмумне, он прочёл ее и весьма обрадовался. Тотчас повелел всему своему войску подойти к указанной стене и, при содействии коварного Вадитзиса, все агарянское войско вошло в город, в коем произошло великое избиение, так что кровь христианская текла рекой по городским улицам, город же был уничтожаем не только мечом, но и огнем, ибо он тотчас был зажжен со всех сторон, и это было наказанием Господним людей за умножившиеся в то время среди греков ереси. Из жителей сего города почти никто не уцелел тогда от агарянского меча или огня, а оставшиеся в то время невредимыми впоследствии не избегли умерщвления, а иные плена.

Когда избиение жителей прекратилось, были взяты в плен вышеназванные воеводы, присланные царем на защиту города: Константин, Аеций, Феофил, Феодор, Милиссен, Каллист, Васой и другие высшие военачальники, каковых было сорок два человека. Оставшиеся в живых мужчины и женщины, юноши и девицы были взяты в плен, причем князь агарянский повелел отделить мужей от женщин, юношей и девиц, и оказалось мужчин около семидесяти тысяч, а женщин, девиц и юношей без числа. Всех мужчин князь повелел усечь мечом, оставив в живых лишь вышеназванных воевод и военачальников, а женщин и детей разделил своим воинам. Так сей прекрасный город Амморея в один день погиб от меча и огня, ради грехов нечестивого царя Феофила, отнявшего иконы у церквей и жестоко замучившего многих святых исповедников за поклонение иконам.

После этого мучитель Амирмумна повелел освободить от оков посланных Феофилом людей, видевших все разорение города, и отослал их к царю возвестить ему о всем виденном.

Получив такое известие, царь впал в сильную печаль. Потом он послал в Амирмумне послов, желая выкупить своих воевод и военачальников за двести кентенариев[1751]. Но этот последний не захотел возвратить пленников за такую цену, говоря, что он издержал тысячу кентенариев на собирание войска; посмеявшись над царским посланием и над посланниками, князь с бесчестием отпустил их.

Тогда Феофил от сильной печали сделался больным и по прошествии недолгого времени от той болезни умер. Пленники же были отведены в Сирию. Предавший город врагам военачальник Вадитзис отвергся от Христа и, ставши отступником, принял агарянскую веру, за что и получил от князя большие почести и дары.

Князь Амирмумна, приведя плененных греческих воевод с их дружиною, в числе сорока двух, в свою страну, повелел заключить их в оковах в мрачной темнице, где им надели колодки на ноги и морили голодом и жаждою. Так святые пребывали в сильном стеснении, претерпевая страдание не

столько от агарян, сколько от вышеназванного отступника Вадитзиса, сильно злобствовавшего против них.

Спустя некоторое время нечестивые агаряне, по наущению своего князя, начали совращать святых узников в свою агарянскую веру, потому что сей нечестивый князь считал заслугою для себя пленять и души тех, коих пленил тела.

Однажды в темницу ко святым вошли некие люди и, как бы милосердуя о них, подали им небольшую милостыню, причем советовали святым пощадить себя и освободить от тяжкого темничного заключения, – освобождение же это произойдет тогда, когда они перейдут в магометанскую веру. Но святые не хотели слушать этих лукавых слов, желая лучше во все дни своей жизни терпеть тяжкую нужду и темничное заключение и даже принять самую жестокую смерть, нежели отречься от Христа и перейти в нечестивую Магометову веру. С таким прельщением сии лукавые совратители не однажды приходили ко святым, но много раз. Однако они ничего не достигли, хотя и обещали святым от имени своего князя не только свободу, но и почести и большие дары.

Однажды некоторые из знатнейших мужей, придя и подав узникам милостыню, сели около них и, притворно прослезившись, стали плакать, как бы сожалея о них, столь долгое время содержимых в заключении, и говорили между собою:

– Ко сколь многим страданиям приводит неверие в великого пророка Магомета! Вот, которых мы теперь видим в тяжелых оковах, не благородные ли мужи, у царя своего бывшие в почести, храбрые на войне и прославленные в своем народе. Не имели ли они под своим начальством более семидесяти тысяч воинов и сильно укрепленный город Амморею? Но вот они преданы в руки нашего протосимвола[1752] (так они называли своего князя); кто отнял от них их силу и твёрдость? Разве только то их сделало бессильными, что они отвергают великого пророка Магомета, рабы которого, верующие в него, одержали такую славную победу? Но не дивно, что они еще не веруют в него, ибо еще не познали его, так как не были никем научены;

непознавшие и согрешающие только по неведению легко могут получить прощение.

Потом, обратившись ко святым, царедворцы сказали им:

– Вы, мужи, о которых мы теперь беседуем и которых сожалеем, послушайте нас, советующих вам доброе: удалитесь с того тесного пути, коим повелевает вам идти Сын Марии, а идите по тому пути, каковой пространен как в нынешнем, так и в будущем веке и каковой указывает нам великий пророк. Разве о невероятном говорит наш пророк, когда учит, что Бог имеет власть повинующихся Ему и здесь наградить всякими благами, и на том свете сделать наследниками рая? Разве у Бога недостает золота или есть недостаток в каких-либо вещах? Отступите от неверия людей невежественных, ибо противно здравому смыслу гнушаться даров Божиих, подаваемых и здесь, и на том свете. Или вы хотите сами быть распределителями Божественных даров, принимая их не тогда, когда Бог посылает их, но когда вы сами пожелаете? Сие вы делаете от сильной гордости, презирая Божию благостыню и обращая Его милость на гнев, ибо и вы сами, если что-либо даете вашим рабам, а они откажутся от ваших даров и отвернутся от вас, не разгневаетесь ли на них и, так как сильно оскорблены ими, то не наложите ли на них, вместо даров, наказание? Если смертные люди так поступают, то тем более не поступит ли с вами так бессмертный Бог? Примите учение нашего пророка; тогда вы освободитесь от настоящих бедствий и усладитесь Божественными дарами, подаваемыми вам, еще находящимся в живых, и обещанными и по смерти. Ибо, будучи весьма милосердым, Бог, видя, что человек, желающий в жизни осуществить тяжёлый закон Иисуса, изнемогает, послал своего пророка Магомета, чтобы он освободил людей от сего труда и от всяких неудобств, обещая после всех радостей настоящей жизни и на том свете блаженство и уча, что те, кто его послушают, могут спастись одною верой, не творя добрых дел.

Выслушав сии нечестивые речи агарян, премудрые мужи посмотрели друг на друга и кротко улыбнулись. Потом сказали вместе с псалмопевцем:

«Яму вырыли мне гордые, вопреки закону Твоему. Все заповеди Твои – истина» (Пс. 118:85–86).

Посмотрев на агарян, они отвечали им:

– Неужели это учение вашего пророка? И неужели вы веруете, что действительно праведно и приятно Богу, когда плоть бывает побеждаема всякими вожделениями, нечистыми и страстными похотениями и наш разум до того покоряется страстям, что даже никогда и на мысль не придет воспрянуть от скверных плотских деяний посредством воздержания? Какая будет разница между человеком, живущим так, и бессмысленным животным? Нет, мужи, нет! Мы не желаем быть таковыми и не отступим от добродетельного и чистого христианского закона, ибо мы ученики тех, кои взывали к Богу: не отступим от Тебя, ибо «за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, [обреченных] на заклание» (Рим.8:36). «Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим.8:38–39). Выслушав такой ответ святых, агаряне ушли от них, не склонив их к своей вере.

По прошествии некоторого времени снова в темницу ко святым пришли, подобно первым, посланные князем совратители, называемые гимнософистами[1753]. Они также, подавши милостыню узникам и поцеловавши каждого из них, сели и спросили святых:

– Что невозможно для Бога?

– Ничего, – отвечали святые, – всё возможно для Него, ибо так и свойственно естеству Божию.

– Если Богу всё возможно, – продолжали гимнософисты, – то посмотрим, кому своим всемогуществом Он оказывает милости в настоящее время, – грекам или измаильтянам? Кому плодороднейшие и прекраснейшие страны земли отдал Бог, – вам или нам? Чьё войско Бог увеличивает? И чьи полки губит, как сено? Неужели Бог несправедлив? Если бы Он не видел, что мы соблюдаем Его заповеди, то не оказывал бы нам столь великих благодеяний, – и напротив, – если бы не знал, что вы

не веруете в посланного им пророка Магомета, не покорил бы вас нам и не отдал бы в плен.

Выслушав речи гимнософистов, святые отвечали им:

– Если бы вы верили пророческим свидетельствам, то узнали бы, что ваши мудрствования ложны, ибо то, что вы говорите, может ли быть подтверждено Божественным Писанием? Никогда. А всё, что не имеет свидетельства, ложно. Ответьте на следующий наш вопрос: если бы случилось двум людям спорить за обладание одним полем и один из них, не имея свидетелей, кричал и говорил бы, что это поле его, а другой без спора и ссоры представил бы многих свидетелей, честных и заслуживающих доверие, которые бы говорили, что поле его, а не того (первого), – что вы, сарацины, подумали бы, кому бы вы присудили это поле? Они отвечали:

– Поистине, поле принадлежит тому, кто имеет свидетелей.

– Справедливо вы рассудили, – сказали святые. – Точно так же и мы рассуждаем о Магомете, вашем учителе, и о Единородном Сыне Божием, Господе нашем Иисусе Христе. Господь наш Иисус Христос, придя в мир и быв человеком, от Пречистой Девы рожденным, о чем так же, как мы слышали, и вы часто говорили, имел о Себе свидетельства всех древнейших святых пророков, предвозвестивших Его пришествие в мир. Пришел и ваш великий пророк и законодатель Магомет, которого вы называете посланным от Бога, и что же? Не подобало ли бы ему иметь свидетельства от двух пророков или хотя от одного, дабы было ясно, что он действительно послан от Бога?

Сии речи святых привели в стыд гимнософистов, увидавших себя побеждёнными после этих слов.

Тогда заговорил, улыбнувшись, святой Васой:

– Имеет и сарацинский законодатель, – сказал он, – славного и истинного пророка, пророчествовавшего о нем, святого Исаию; и если бы я не опечалил этих премудрых мужей (т. е. гимнософистов), то сказал бы им сие пророчество.

– Нисколько не опечалимся, – сказали они, – ибо умеем прощать согрешающим по неразумию, хотя бы и сказали что нехорошее о нашем пророке.

– Не вы ли говорите, – продолжал святой, – что пророк Магомет самый последний из пророков?

– Да, это так, – ответили те.

Тогда святый Васой сказал:

– Исаия, коего и вы исповедуете как пророка Божия, говорит в одном своем пророчестве: «отсечет Господь у Израиля голову и хвост» (Ис. 9:14). При этом сам же Исаия объясняет свои слова дальше, разумея под главою – смотрящих на лица, т. е. творящих неправедный суд, а под хвостом разумея пророка, – «а пророк-лжеучитель есть хвост» (Ис. 9:15). Не разгневайтесь, мужи, – ваш пророк не «хвост» ли, как самый последний (по вашему же слову) из пророков? И не учит ли вас беззаконным делам? Ибо разве не беззаконие то, что ваш пророк положил для вас законом, например, если какой-нибудь муж, возненавидев свою жену, отвергнет ее, то снова может взять ее к себе не прежде, чем она будет взята другим мужчиной. Умолчим о других беззаконных постановлениях Магометова закона; сказанного довольно для уразумения пророчества Исайи, что не о ком-либо ином, а только о вашем пророке Магомете изрёк он пророчество, говоря: «И вожди сего народа введут его в заблуждение, и водимые ими погибнут» (Ис. 9:16).

– Умеем и мы философствовать, – сказали гимнософисты, но, поелику так угодно Богу, кто мы, чтобы противиться Его воле? А Магомет не имеет нужды в свидетельстве человеческом, ибо поставлен от Бога, от Коего и принял такие законы.

– Неужели от Бога он принёс вам такой закон, чтобы иметь многих жён и с ними, во время ваших постов, проводить целые ночи до восхода солнца в объядении и телесных удовольствиях? – спросил святой Васой.

Они ответили:

– Да, это истинно.

Тогда сказали другие святые:

– Надо ответить и на первый ваш вопрос, по которому будто бы лучшая вера у тех, у кого бывает большее мужество на войне и победа. Если вы производите вашу веру от воинской силы, то вспомните древнюю силу персов, которые завоевали

многие страны и покорили себе почти всю вселенную; после них настало господство греков, когда Александр Великий победил персов; потом Рим завоевал всю вселенную. Что же? Неужели все они имели истинную веру, ибо были сильны на войне? Нисколько. Все они сильно были преданы идолопоклонству, не зная Истинного Бога, Творца всего. Как же вы говорите, что ваша вера истинная, потому что вы (по попущению Божию за наши грехи) в последнее время победили нас силою своего войска? Ведь часто случается и нам, христианам, истинно исповедывающим Бога, при Его помощи, иметь одоление над врагами и побеждать. Когда же мы, прогневавши Христа, Господа нашего, не приносим покаяние, тогда Он наводит на нас нечестивых людей, отмщая нам за наши грехи. Тем не менее мы, и наказываемые, не отрекаемся от нашего Владыки, но просим Его милости, веруем и имеем надежду, что Он помилует нас. Вашего же учителя, не имеющего свидетельств от пророков и даже противного святым пророкам, мы нисколько не почитаем, но совершенно отвергаем.

После сей беседы гимнософисты, посрамленные и разгневанные, возвратились к своему князю.

Между тем прошло уже семь лет, как святые страдали, заключенные в оковах в той тесной и мрачной темнице. Днем и ночью они пребывали в молитве, непрестанно воспевая псалмы Давида и благодаря Бога за всё Его промышление о них: ибо Он очищал этим темничным заключением и скорбью прошедшие годы их жизни, проведенные в удовольствиях и удобствах, укреплял их на столь долгое терпение, о каком раньше они не могли даже помышлять.

Когда они так страдали, вышеуказанный отступник Вадитзис, предавший варварам город Амморею и отвергшийся от Христа, пришел в пятый день месяца марта к темнице, когда уже заходило солнце, и, подозвав через отверстие одного из узников, бывшего раньше нотарием[1754] у своего господина Константина патриция и называвшегося также Константином, сказал ему тайно:

– Узнай, премудрый муж, какую любовь я имею к твоему господину Константину патрицию в течение многих лет и даже

теперь. Ныне я достоверно узнал, что князь замыслил в завтрашний день убить всех вас, если вы не примете его веры, и я пришел известить вас об этом. Посоветуй твоему господину избавиться от смерти притворным согласием принять сарацинскую веру и сам поступи также, – а в помышлениях своих нисколько не отступайте от христианской веры, но ради случившегося бедствия притворно угодите князю, и ваш Христос не прогневается на вас за сие.

Но сей боголюбивый муж, изобразив на себе правою рукою крестное знамение, отвечал отступнику:

– Отойди от нас, делатель беззакония, – и Вадитзис отошел от него.

Господин же Константин патриций спросил Константина нотария:

– Кто призывал тебя к оконцу темницы и ради чего?

Он, не желая пред всей дружиной его сказать ему о сем, дабы кто-либо, убоявшись смерти, не стал печалиться и колебаться в мыслях, отошел в сторону с господином Константином и сказал ему, что возвестил Вадитзис. Константин патриций, возблагодарив Бога, произнёс:

– Да будет Воля Господня.

Потом, обратившись к своей дружине, он сказал:

– Пребудем, братия, всю сию ночь в молитве.

Все, вставши, молились, воспевая до рассвета псалмы Давида.

На другой день, рано утром, пришел в темницу присланный князем жестокий воевода с вооруженными воинами и, изведя сорок два святых мученика из внутренней темницы и приказав затворить двери наружной ограды, стал их допрашивать:

– Сколько лет вы находитесь в сем заключении? – спросил он.

– Зачем ты спрашиваешь о том, что знаешь? – отвечали святые. – Уже седьмой год оканчивается, как мы заключены здесь.

– Неужели в течение столь продолжительного времени, – сказал воевода, – вы не познали, какое человеколюбие оказывает вам наш справедливейший князь? Ибо он столько лет

щадит вас, хотя бы мог уже давно предать вас смерти. Вам надлежало бы за такое оказываемое вам милосердие быть благодарными ему, молиться за него и любить его всем сердцем.

Святые отвечали:

– Наш закон повелевает молиться за наших врагов и оказывающих нам притеснение и обиды, – поэтому и за вашего князя мы молимся Богу. А любить его всем сердцем мы не можем, ибо нам возбраняет это святой пророк Давид, взывающий к Богу так: «Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя?» (Пс. 138:21).

На это воевода сказал:

– Как может быть, чтобы кто молился за того, кого ненавидит? Поистине вы лжёте, говоря, что молитесь за князя, коего ненавидите.

Святые ответили:

– Мы истину говорим, что молимся о нем Богу, дабы Бог просветил помраченные неверием душевные очи его, чтобы ему познать путь правды и благочестно почитать Бога, приняв истинную веру (христианскую) вместо той ложной, которую он теперь имеет и о которой думает, что она истинная. Если бы ваш князь узнал и принял истинную веру, тогда мы не только возлюбили бы его всем сердцем, но и воздавали бы ему должное почитание, по словам пророка Давида: «мне же зело честни была друзи твои, Боже».

Воевода тогда сказал:

– Не безумны ли греческие и римские князья, если думают, что столь вольный наш народ, мужественный и сильный, мог быть собран воедино без Божественного промышления? Если бы мы были ненавидимы Богом и Он не имел бы о нас никакого промышления, мы не умножились бы так и не были бы такими, каковы теперь, что вы и сами видите.

Святые отвечали:

– Мы не то говорим, что вы живете без Божественного промышления, ибо никто не лишен Его промышления. Если кто и не знает Бога, если кто нечестивыми делами оскорбляет Его,

тем не менее он живет на земле и движется не без Божественного промышления. Мы говорим только, что вы неправильно веруете в истинного Бога, ибо, исповедуя Его Создателем всего видимого и невидимого творения, вы смеетесь над Ним, утверждая, что Он Творец и Виновник как всего доброго, так и всего злого, истины и лжи, правды и неправды, смирения и гордости, кротости и гнева, целомудрия и невоздержного блуда, и прочих добродетелей и противных им пороков, каковых подробно здесь нет надобности перечислять. Если бы было истинно то, что вы говорите о Боге, то мы сказали бы, что вы имеете правильное понятие о Боге. Но ввиду того, что, как отличается тьма от света, так и ваше исповедание отличается от истины, – мы не можем не обличить вас в том, будто вы имеете истинное познание о Боге, так как на деле его не имеете. Нисколько не было бы удивительно, если бы на вас гневался Бог, хотя вы и охраняетесь Его промыслом.

Воевода сказал им:

– Что же тогда? Или вы утверждаете, что есть другой Бог, Создатель всех зол и всякого греха? Как могут существовать два Бога – один добрый, другой злой? Как может устоять мир, когда два Бога между собой будут враждовать?

Святые отвечали воеводе:

– Мы не говорим, что есть иной Бог, творец зла, отличающийся от Бога, Создателя всего благого, нет, – этого нет, но говорим вам, что нашелся один из Ангелов, который, по добровольному решению своему, избрал себе вредное, противное добру и, возлюбив сие, сначала возненавидел своего Творца Бога, а потом и человека. Потом ему было позволено искушать нашу добрую волю – стремится ли она к Богу, или повинуется его искусительному наущению; вы приведены им в заблуждение, и потому его лукавство ложно приписываете совершенно безгрешному и неизменному Богу.

– Тем не менее, – возразил воевода, – наш пророк Магомет учит, что всесильный Бог – виновник всякого злого дела человеческого, равно как и доброго.

На это святые ответили:

– Как видно, он ложно изобрел иного Бога, подобно тому как некогда еллины выдумали агафодемона[1755], и заставляет вас почитать такого Бога, какого никогда не было и не будет. А мы знаем истинного Бога и исповедуем Того, о Ком проповедано в Ветхом Завете святыми пророками, в Новом же – святыми Апостолами Христовыми, Творца всего благого; другого Бога мы никакого не знаем.

Тогда воевода сказал им:

– Не пожелаете ли сегодня, вместе со справедливейшим князем, протосимволом, совершить моление Богу по обычаю нашей веры? Ибо ради сего я и послан к вам. Я знаю, что среди вас некоторые согласны на это. Несогласные же, когда увидят этих награжденных дарами, пожалеют о своем безрассудном упорстве.

На это все святые единодушно отвечали:

– Мы молим Единого Истинного Бога, дабы не только протосимвол, ваш князь, но и весь сарацинский народ отступили от нечестивого Магометова заблуждения и воздали достодолжную честь и поклонение Единому Богу, проповеданному пророками и Апостолами Христовыми. Мы не можем оставить свет и добровольно перейти во тьму.

– Смотрите, что говорите, дабы не раскаяться после, – произнес воевода, – ибо за ваше сопротивление вы не избегните строгой казни.

Но святые отвечали:

– Мы поручаем наши души Бессмертному и Праведному Богу и на Него уповаем до последнего нашего вздоха; от веры же в Него, которую мы содержим, не отступим.

Тогда воевода снова стал убеждать святых, говоря:

– В день Страшного Суда против вас будет свидетельствовать сиротство ваших детей и вдовство ваших жён, ибо вы теперь лишены их, так как не исполняете желания князя и отвергаете его веру; в противном случае наш великий князь мог бы повелеть нынешнему вашему царю, юному отроку, отпустить сюда к вам ваших жен и детей. Но и теперь, если вы согласитесь послушать нас и исповедуете пророка Магомета, то, как я вам сказал, вскоре увидите всех домашних своих, и,

увидев их сильно возрадуетесь. В греческой стране вашей теперь царствует супруга Феодора с малолетним сыном Михаилом, и она не сможет воспротивиться повелению нашего великого протосимвола. О богатстве же и имуществе не заботьтесь, ибо дань с Египтян, пользование которою в течение одного года разрешит вам, как своим друзьям, милостивейший князь наш, так обогатит вас, что большое имущество останется и вашим потомкам до десятого рода.

На сию речь воеводы святые как бы одними устами вскричали:

– Да будет проклят Магомет и все исповедующие его пророком.

Когда святые произнесли эти слова с большою смелостью и дерзновением о Боге, тотчас разгневанный воевода повелел вооруженным воинам, взяв каждого из святых, связать им назади руки и как овец повести на место казни. На это зрелище начало собираться бесчисленное множество сарацинского народа и живущие среди сарацин христиане, желая видеть умерщвление святых мучеников.

Когда уже приблизились мученики к реке Евфрату, то воевода, подозвав к себе одного из идущих мучеников, святого Феодора, по прозванию «кратир», т. е. сильный или храбрый, сказал ему:

– Ты был раньше клириком (как мы о тебе слышали) и, оставив священный сан, взял копье, облекся в воинскую броню и проливаешь в сражениях человеческую кровь. Теперь же ты лицемерно исповедуешь себя христианином, обличаемый своей совестью за отвергнутую тобою уже давно христианскую веру; не лучше ли тебе обратиться к учению пророка и посланника Божиего Магомета и получить от него помощь и избавление от смерти, тем более что ты не можешь иметь никакой надежды и дерзновения ко Христу, от Коего еще раньше ты добровольно отвергся.

Но мужественный мученик Христов Феодор с твёрдостью ответил воеводе:

– Неправду говоришь ты, воевода, будто бы я отвергся от Христа Бога; я только вышел из священного клира ради моего

недостоинства, почему теперь я наипаче должен пролить свою кровь за Христову веру и умереть ради любви Христа, дабы благоутробный мой Владыка простил мне теперь то, в чем я прежде согрешил пред Ним. Ведь и твой раб, если бы убежал от тебя, а потом вернулся к тебе и ради тебя не пощадил бы даже и своей жизни, не получил ли бы тогда от тебя прощение за прежнее свое бегство, ради показанной после преданности?

– Пусть будет твоя воля, – сказал воевода, – я предложил тебе лишь то, посредством чего ты мог бы избежать смерти.

Когда же сарацинские палачи обнажили свои мечи и, взяв святых мучеников, отводили каждого отдельно для усекновения, то святому Феодору кратиру случилось стать рядом с Константином патрицием. Феодор убоялся, как бы Константин, увидав его умерщвление, не стал бы колебаться и не устрашился бы смерти, и поэтому стал увещевать его, говоря:

– Послушай, господин мой, так как ты превосходишь всех нас и высотою сана и добродетелями, то подобает, дабы ты первый из нас стал мучеником, прежде всех нас приклонив под меч свою главу за Господа своего, и первый принял венец от Иисуса Христа, Небесного Царя, подобно тому как и от земного царя ты был предпочтительно награждаем почестями.

Но святый Константин отвечал ему:

– Гораздо более подобает тебе, столь мужественному, сотворить сие и первому положить за Христа свою жизнь; ты будешь иметь своими последователями меня и прочих наших друзей.

Тогда святой Феодор сотворил молитву и, вручив свою душу Богу, подошел к палачу и с радостью принял славную мученическую смерть от меча.

После него и другие святые по порядку и по чину своих прежних санов, как бы призываемые на царский пир, один за другим шли под меч, не показывая никакого страха пред смертью, ни робости или малодушия, так что воевода сильно удивлялся, видя, что мученики с такою радостью идут на смерть.

Так святые сорок два мученика окончили свою жизнь мужественною смертью за своего Господа, в шестой день

месяца марта.

После убиения святых мучеников сарацинский князь повелел и вышеназванного отступника Вадитзиса убить мечом, говоря:

– Если бы он был истинным христианином, то не подобало бы ему отречься от своей веры, и если он не сохранил веры во своего Христа, как может сохранить веру в нашего Магомета? Если он сделался врагом своих христиан, предав их в наши руки, то, если случится бедственное время для нас, он может сделаться и нашим предателем. Бывший неверным своим, будет ли верен чужим? Нисколько.

И отсекли мечом голову сему окаянному предателю, и таким образом он принял достойное возмездие от сарацин за свою дружбу к ним, когда предал в их руки преславный и прекрасный христианский город Амморею.

На другой день, по повелению князя, были брошены в реку Ефрат тела святых сорока двух мучеников. Туда же бросили и труп убитого вероотступника. Спустя немного времени тела святых мучеников были найдены на берегу на другой стороне реки в целости, причем глава каждого пристала к своему телу, и все тела лежали рядом в благолепии. Труп же отступника был найден далеко от святых, а голова его находилась на большом расстоянии от трупа. Честные тела святых были взяты верующими и с честью преданы погребению, а труп и голова нечестивого предателя были разорваны и съедены крокодилами. За всё же сие да будет слава Христу Богу нашему, со Отцом и Святым Духом поклоняемому вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

На земли Христа ради страдальчествоваше, явльшеся, благочестивии венечницы, небеса приясте жити в радости: всякую бо кознь вражию низложивше болезньми и кровьми ваших язв, хвалящым свыше присно грехов разрешение подаваете.

Кондак, глас 2:

Новоявленныя звезды веры, за Христа усердно пострадавшия, похвальными венцы достойне вси венчаем, о

нас молящыяся Христу, яко суще столпы и забрала христианскаго начальства.

Память преподобного Аркадия

Память 6 марта

Святой Аркадий жил на острове Кипре, в царствование Константина Великого. С юных лет он посвятил себя иноческим подвигам и проходил их до времени Юлиана Отступника[1756], в царствование коего скончался. Он был наставником святых Иулиана врача и Еввула, незадолго до кончины своего учителя пострадавших от Юлиана[1757]. Оплакав мученическую смерть своих учеников, святой Аркадий предал погребению их честные тела, а за ними и сам, благодаря Бога, преставился из мира сего.

Страдание святых священномучеников Ефрема, Василия, Евгения, Елпидия, Агафодора, Еферия и Капитона, бывших в различные времена епископами в Херсоне

Память 7 марта

В шестнадцатый год царствования Диоклетиана[1758] святейший патриарх Иерусалимский Ермон послал многих епископов в различные страны и к разным народам возвещать, по примеру апостольскому, слово Божие, и проповедовать Христа.

Двое из этих епископов, Ефрем и Василий, пришли в страну Тавроскийскую и здесь, в городе Херсоне, оба трудились некоторое время, проповедуя истинного Бога не ведающему Его народу и просвещая помраченных тьмою еллинского идолослужения. Затем святой Ефрем, оставляя жителей Херсона святому Василию, пошел к скифам, жившим по Дунаю, проповедью своею обращал там многих ко Христу и, претерпев довольно скорбей и трудов в благовестии Христовом, в седьмой день марта был обезглавлен.

Между тем святой Василий, обличая в Херсоне заблуждение людей неверных и показывая им правый путь спасения, возбудил народный гнев: нечестивые взяли его, били без милости и изгнали из города. Удалившись на некую гору, он пребывал в пещере; отстояла та гора от Херсона на сто стадий[1759] и называлась *Парфенон,* что значит: *девичья,* ибо на ней было капище и идол какой-то еллинской богини – девы. Пребывая в той горе, святой Василий радовался духом, что сподобился претерпеть ради Христа раны и изгнание, оплакивал погибель душ человеческих, прельщенных диаволом, и со слезами молил Бога об обращении их.

Так прошло некоторое время. У одного херсонского начальника умер единственной сын и был погребен вне города. С великой скорбью сидели родители у гроба его, скорбя и плача;

и ночь наступила, а они не отходили от сыновнего гроба. И вот во сне является им умерший их сын, говоря:

– Что вы оплакиваете смерть мою? Вы не можете взять меня отсюда живым, ибо не могут воскресить меня наши боги, бездушные идолы, изобретенные бесом на соблазн и погибель людям. Если вы хотите оживить меня, то упросите того странника, которого били и изгнали, чтобы помолился он обо мне Богу своему, и сами уверуйте в Того Бога, Которого он проповедует: ибо Он есть Бог истинный, имеющий власть над живыми и мёртвыми, и силен восставить меня из мертвых живым молитвами оскорбленного вами мужа.

Тотчас пробудившись, родители рассказали друг другу видение свое и весьма дивились, что оно было согласно у обоих. Радостно поспешили они в город и поведали о том видении друзьям своим. Как только наступил день, стали всюду искать человека Божия, и нашли его в вышеназванной пещере. Начальник городской с домашними своими пришел к нему, припал к святым стопам его и молил воскресить ему сына.

– Как могу я это сделать, будучи человеком грешным? – возразил святой. – Но вы получите просимое, если уверуете в проповедуемого мною Бога, Который один силен воздвигать мертвых из гробов.

– Если мы получим сына нашего живым, – сказали родители умершего юноши, – всё то, что хочешь и повелишь, сделаем от всего сердца.

Святитель Божий Василий, встав, пошел с ними ко гробу и, когда отвалили от гроба камень, вошел внутрь, сотворил на умершем крестное знамение и долго молился Богу; потом взял воду, освятил ее и возлил на мертвого с призыванием Пресвятой Троицы, по подобию святого Крещения. Тотчас ожил мёртвый и стал говорить, славя Бога. Страх и ужас овладел всеми бывшими там, а родителями – радость неизглаголанная. Все припадали к стопам святителя, называя его великим и признавая проповедуемого им Бога истинным и всесильным. Взяв архиерея Божия, святого Василия, с великою честью повели его в город. Начальник со всем домом своим уверовал во Христа и крестился, также из народа многие, видевшие это

чудо, присоединились к верным. И начала возрастать Христова Церковь в Херсоне, а еллинские нечистые капища понемногу упраздняться.

Видя запустение своих капищ, диавол вопиял в сердца обитавших тогда в Херсоне иудеев, и те научили эллинов восстать на христиан, а главным образом – вождя их, святого Василия, и убить его.

– Если учитель христиан будет убит, то и христианство легко разорится, – говорили они.

Собралось бесчисленное множество вооруженных нечестивых: с шумом и кликами напав внезапно на архиерея Божия, они извлекли его из храмины, связали ему ноги и, окружив его, влачили по городским улицам, били дреколием и камнями и попирали ногами. Его довлекли до места, где христианами был поставлен столп, увенчанный крестом; здесь святитель Христов предал Богу святую свою душу, скончавшись страдальчески в тот же седьмой день марта, в который и святой Ефрем был усечен мечом в Скифии.

Тело святого Василия было извлечено за городские ворота и брошено на съедение псам и птицам. Много дней лежало оно без погребения, однако, хранимое Богом, оставалось невредимым; ночью являлась над этим страдальческим телом звезда пресветлая, и волк, сидя около, стерег его от псов, а днём орёл парил над телом, не допуская приближаться плотоядным птицам, пока христиане не взяли его тайно ночью и не погребли с честью.

По убиении святого епископа Василия один из учеников его отправился морем в страны Геллеспонтские и нашел там трех епископов Евгения, Елпидия и Агафодора, трудившихся в благовестии Христовом; их послал на проповедь святейший Ермон, патриарх Иерусалимский, вместе со святыми Ефремом и Василием. Найдя их там, ученик рассказал им о кончине святого Василия, и они прославили Бога, увенчавшего Своего угодника венцом страдальческим. Посоветовавшись между собою, епископы сели в корабль и приплыли в город Херсонский, желая подражать святому Василию. Они проповедовали Христа Бога в Херсоне, и число верных день ото

дня увеличивалось. Но подобно тому, как на святого Василия, и на них вооружил диавол жидов и эллинов; собравшись во множестве, они взяли святых епископов, связали, влачили по улицам, били деревом и камнями, пока мученики святые не предали честных своих душ в руки Господа своего. Тела их были извлечены из города теми воротами, которыми обыкновенно выносили хоронить мертвых, и брошены вне без погребения на расхищение псам и птицам; но христиане, тайно взяв их, предали честному погребению. Пострадали святые три епископа, Евгений, Елпидий и Агафодор, 7 марта, через год по убиении святого Василия.

Несколько лет спустя, во дни Константина Великого, когда он уже склонялся к христианству, пришел в Херсон епископ Еферий, также посланный патриархом Иерусалимским. Видя, что неверный народ своею лютостью и яростью не допускает распространяться в Херсоне христианству, Еферий отправился в Византию к царю Константину и принес жалобу на нечестивый херсонский народ, утесняющий христиан. Царь дал свое разрешение христианам – обитать в Херсоне свободно и беспрепятственно и соборы свои, во славу Божию, творить открыто и невозбранно, всех же препятствующих христианам повелел изгонять из города. С такою царского волею святой Еферий возвратился в Херсон и весьма обрадовал Христово стадо, а неверные опечалились и смутились. Соорудив в городе христианскую церковь и дав всему доброе устройство, епископ снова отправился к царю, чтобы воздать ему благодарность за доброе дело. На возвратном пути он впал в недуг и, доплыв до острова Ааса, воспринял конец своей временной жизни и начало жизни вечной. Верные погребли его и поставили на могиле столп; высокие деревья, выросшие там, издалека указывали могилу святого. Кончина святого Еферия последовала в седьмой день марта, в который мученически скончались и прежние епископы.

Христиане долго оплакивали почившего; потом возвестили царю Константину о кончине епископа своего и просили на его место другого. На место Еферия был прислан блаженной Капитон, епископ Херсонской Церкви, и верные радостно его

приняли. Также и неверного народа собралось множество; приступая к новоприбывшему епископу, просили от него чудесного знамения в доказательство правоты его веры, чтобы и им можно было увериться.

– Чудо же, – говорили они, – пусть будет такое: зажечь печь великую огненную, и в нее войти епископу христианскому, и если не сгорит и останется жив, то все крестимся.

Святой Капитон, уповая на Бога, согласился на их желание, и приказал устроить великую печь. Когда ее сильно разожгли, епископ святой, при общем внимании народа, возложил на себя омофор[1760] свой и помолился Богу с умилением, да явит Он силу Свою Божественную, как некогда в печи Вавилонской[1761] ради уверения неверного народа. По продолжительной молитве и после возгласа диакона во всеуслышание: «вонмем» святитель вошел в печь и стоял в пламени около часа, молясь и держа руки простертыми к небу, и никакого вреда не получил от великого пламени огненного; потом, набрав горячих углей в фелонь[1762] свой, он вышел невредимым к народу. Взирая на это преславное чудо, все прониклись великим удивлением и страхом; ибо видели, что даже одежды святителя не коснулся огонь и что фелонь его, полный горящего уголья, не опаляется.

– Един Бог, – взывал народ громким голосом и как бы едиными устами, – Бог христианский, великий и сильный, сохранивший раба Своего неопаленным в печи!

Тогда весь Херсон и страна та приняли христианскую веру, удостоверившись преславным чудом в истине ее. Об этом чуде было возвещено великому Константину и поведано святым отцам на первом Вселенском соборе, в Никее[1763], и все, прославляя Бога, дивились великой вере святого Капитона и его ревности по Боге.

Спустя несколько лет святой Капитон отправился на корабле из Херсона в Царьград; поднялась буря, и корабль прибило волнами к устью реки Днепра; там люди неверные и безбожные ограбили корабль и захватили всех бывших на нем, а самого архиерея Божия Капитона потопили в воде.

Он скончался мученически в двадцать первый день декабря, но память его причислена к прежним Херсонским

святителям, пострадавшим в седьмой день марта. Душа его святая соединена с теми на небеси, и все семь архиереев Божиих, епископов херсонских, как семь главнейших Ангелов[1764], вместе предстоят Пресвятой Троице, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Единому Богу, прославляя Его со всеми святыми вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Светоносный день наста пастырей, епископствовавших светло в Херсоне, ихже воспеваем праздник, пострадавших за Христовы овцы. Священномученицы, молите Пастыреначальника Христа и нас причести деснаго овец стояния, да вопием вам: радуйтеся, священнии отцы, за Христа кровь свою излиявшии.

Память преподобного Емилиана

Память 7 марта

В Риме жил некий человек, именем Викторин; с юных лет он много грешил, а потом, к старости своей, одумался и, вспоминая грехи свои, трепетал Суда Божия. Придя в один из святых монастырей и упросив игумена принять его, он отказался от всех привязанностей мира сего и стал монахом; всего себя он отдал покорности и послушанию, соблюдая заповедуемое ему и изнуряя тело свое и днем и ночью. В иноческом образе было наречено ему имя: Емилиан. Содержа непрестанно в душе память смертную и всегда готовясь на Страшный Суд Божий и на ответ о грехах своих в день испытания, Емилиан всегда находился под страхом вечных геенских мук; этим страхом он так изнурил и иссушил тело свое, что вся братия, из любви к Богу в монастыре жившая, дивилась столь великому умерщвлению плоти, смирению и труду. И все старались подражать жизни его и сравниться с подвигами его в послушании, дабы таковым многотрудным покаянием очистить грехи свои; видели, как он каждый день терпит голод, жажду, простирается на земле, мало спит, мучит и сокрушает тело свое – и получали от сего великую пользу.

Монастырь, где подвизался Емилиан, был построен на высокой горе, имевшей на одном из склонов пещеру; и был у блаженного Емилиана обычай тайно от всех поздно вечером удаляться из монастыря в эту пещеру и там всю ночь до утрени молиться со слезами.

Прошло много времени; как-то игумен повстречал Емилиана, выходившего из монастыря в поздний ночной час. Не зная, для какого дела выходит этот брат из монастыря, игумен оставил свою келью, пошел за ним тайно и, увидев, что он вошел в пещеру, стал около неё и решил ожидать, пока тот выйдет, дабы узнать от него, зачем входит он в пещеру. Немного времени спустя небесный свет ярче солнечных лучей внезапно озарил ту гору, и игумен увидел преподобного Емилиана стоящим в пещере с простертыми вверх руками и молившимся

Богу; и небесный свет сходил на главу блаженного. При виде сего на игумена напали ужас и страх; на обратном пути в монастырь он уже бежал в трепете, и едва мог переступать ногами от великого ужаса. Когда он достиг монастырских ворот, то услышал голос с неба, говоривший:

– Емилиан, отпускаются тебе грехи твои.

Еще более ужаснулся игумен, вошел в келью свою и в молчании ожидал рассвета. Желая, чтобы братия получили пользу из сего, игумен, после утрени, обратившись при всех к Емилиану, спросил:

– Где ты был в эту ночь, брат?

Преподобный, поклонившись игумену, отвечал:

– В монастыре, с братиею, почивал я всю ночь.

Но игумен обличил его и понудил не утаивать милости Божией, являемой грешникам истинно кающимся. Емилиан был вынужден поведать тайну всей братии, как от престола милосердия сошли на него с небес свет и голос. Тогда начал игумен говорить братии:

– Слушайте, братия моя дорогая. Всемогущий Бог и в молчании мог бы простить этому брату грехи его, но ради нас, возбуждая наши сердца к покаянию, послал ему в образе света милость Свою вместе с гласом Своим, да узнаем и мы и прославим милость и человеколюбие Творца нашего, Который близок к истинно кающимся.

Извещенный таким образом о том, что грех его прощен, преподобный Емилиан остальное время жизни своей провел в радости душевной и отошел к Свету неприступному внимать гласу радости и веселия праведников, ликующих в селениях небесных вовеки.

Память преподобного Павла исповедника

Память 7 марта

Святой Павел был епископом города Плусиады[1765] в то время, когда возникла в церкви ересь иконоборцев. Видя, как противники святых икон неистовствуют против веры Христовой, как они извращают установления святых Апостолов, какое пренебрежение оказывают честным иконам, какие хулы произносят на них, преподобный выступил против них, как победоносный воин Божий, и, как стрелами, поражал их словами Божественных Писаний. За это он претерпел преследование, изгнание и всякие напасти в жизни. Среди таких доблестных подвигов он и предал с миром дух свой Господу и переселился в горнее, столь возлюбленное им, Царство[1766].

Повесть о затворнике, которому Бог открыл об участи принимающих милостыню

Память 7 марта

Некоторый затворник весьма славился в монастыре своем, так как проводил с юности святую жизнь. Отрекшись от всех удовольствий мирских, он заключил себя в тесной келье и служил Богу, умерщвляя тело свое постом и всенощным бдением, молясь Владыке всего о себе и о всем мире и упражняясь умом своим в богомыслии. В определенное время он принимал небольшое количество пищи из рук служителя монастырского; а из того, что посылал Бог через христиан братии монастырской – золота, серебра, пищи и вина, – он ничего никогда не брал себе.

Было ему однажды такое видение о принимающих милостыню: однажды начальник города пришел в тот монастырь, чтобы сотворить милостыню, и давал всем по сребренику[1767]. Подходит он и к затворнику, неся с собою златницу[1768], и упрашивает его взять ее; устыдившись сего честного мужа, старец взял златницу и положил ее себе в карман.

Вечером, совершив свое обычное правило, старец лег на рогоже[1769], намереваясь немного уснуть. И вот ему показалось, что он находится с остальною братиею того монастыря на пространном поле; все поле то было наполнено тернием, и некоторый юноша (это был Ангел Господень) говорил монахам монастыря того:

– Жните терние.

Подошел этот юноша и к нему (затворнику) и сказал ему:

– Подпояшься и жни терние.

Когда же затворник начал отказываться, Ангел сказал:

– У тебя не должно быть никаких отговорок, потому что ты вчера нанялся с прочими монахами, взявшими у того христолюбца по сребренику; ты взял златницу и потому ты должен трудиться более других, пожиная терние, как принявший

большую плату. Терние же, которое ты видишь, это – дела того человека, у которого вы вчера приняли милостыню; итак, приступи и жни с прочими.

Проснувшись и размышляя о виденном, затворник весьма опечалился и тотчас послал за человеком, давшим ему милостыню, и упрашивал его взять свою златницу. Христолюбец же тот не хотел брать ее обратно и сказал затворнику:

– Оставь ее у себя, отче, или отдай ее, кому хочешь.

Тогда старец сказал ему:

– Я не хочу пожинать терние чужих грехов, не будучи в силах избавиться и от своего греховного терния.

Затем он выбросил ту златницу из кельи своей и затворил окно.

Узнав причину непринятия милостыни своей старцем, муж тот стал заботиться об исправлении своей жизни и начал творить многую милостыню нищим и убогим, помня, что, по Писанию, милостынею и верою очищаются грехи[1770].

Страдание святого священномученика Феодорита, пресвитера Антиохийского

Память 8 марта

Великим царем Константином и сыном его Констанцием в Антиохии Сирийской была воздвигнута и богато украшена соборная церковь. В народе она получила наименование *золотой церкви,* потому что была художественно расписана золотом и украшена блестевшею золотом мозаикою; верх её также был весь вызолочен; бесчисленные сосуды церковные все были из золота и чистого серебра. Цари дали много имения на содержание многочисленного церковного клира. В клире этой великой соборной церкви был пресвитером святой Феодорит; ему были вверены на хранение сосуды, утварь и все богатство церковное. От юности проводил он жизнь добродетельную и хранил в сердце правую веру, исполняя слово Писания: «сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10:10).

Постом, молитвами, милостынями, попечением о спасении душ человеческих и непорочным священнослужением угождал он Богу.

Когда умер сын Константина Констанций, ему наследовал Юлиан Отступник. Приняв царство, он показывал себя сначала благочестивым христианином и возвращал из заточения епископов, изгнанных за благочестие царем Констанцием; когда же утвердился на царстве, то явно перед всеми отвергся Христа, Которого втайне давно уже отвергся, предавшись бесам и волшебству. И начал он гнать Церковь Христову; если и не весь христианский народ поголовно истреблял, то по крайней мере начальствующих, духовного сана христиан и сановников из мирян захватывал, мучил и убивал, отнимал у христиан храмы Божии и обращал в капища идолов своих, разграблял всякое достояние церковное и говорил, окаянный:

– Христианам не подобает иметь какие-либо богатства, потому что Христос их повелел им быть нищими, сказав: не приобретайте ни золота, ни серебра.

В это лютое время была опустошена и антиохийская соборная церковь, названная ради красоты своей *золотою;* все дорогие украшения её были взяты в царскую сокровищницу, имение церковное разграблено, клирики разогнаны, и святый Феодорит замучен.

Было это так. Царь Юлиан имел дядю, себе соименного, Юлиана, родного брата матери его; он поставил его правителем и мучителем над восточными странами. Тот Юлиан, дядя царский, раньше был христианином, но, желая быть угодным племяннику своему, царю Юлиану отступнику, отвергся Христа и поклонился идолам. В Антиохию пришел он раньше прибытия туда царя, вместе с другим царским сановником, по имени Филиксом, заведывавшим царскими сокровищами. Зная, что в соборной церкви много богатства, Юлиан взял сосудохранителя церковного, блаженного Феодорита пресвитера (а остальные клирики все от страха бежали и скрывались, где кто мог); потому он постарался захватить его, что тот имел в руках своих церковную ризницу. Отняв у него ключи, а его самого крепко связав и заключив в темницу, Юлиан с сокровищником царевым Филиксом и с великою вооруженною воинскою силою вошел в Божию церковь, чтобы отнять украшение её, золото и серебро, и все дорогие вещи и присоединить к царским сокровищам. Войдя в святыню Божию, как тать и разбойник, с каким великим бесстрашием и бесстыдством похищал он церковное благолепие, творил бесчестие святыне Господней и осквернял ее! Окаянный при самом престоле Божием дерзнул мочиться; когда же были вынесены из алтаря сосуды церковные и все вместе положены на земле, он сел на них для поругания, произнося из нечистых уст своих хулу и злословие на Господа нашего Иисуса Христа. Некто из бывших там, по имени Взой, увещевал его не наносить бесстыдно такого бесчестия святыне Господней и не хулить Христа. А он, ударив его крепко по голове, сказал:

– У христиан нет никакого Промысла Божия, и этого попечения они совершенно лишены.

Ограбив и осквернив церковь Божию, нечестивый правитель обратился к мучению служителя Божия, святого Феодорита.

Когда его связанного представили на нечестивый суд, Юлиан сказал ему:

– Феодорит! Зачем ты при царе Константине разорил храмы древних богов, а гробницы умерших украсил и велел создать над ними церкви?

Святый отвечал:

– Божественные церкви и гробницы святых созданы и украшены еще прадедами нашими, ибо прославил Бог святых Своих, найдя их достойными сего; тебе же, правитель, я удивляюсь, что из христианина стал ты идолослужителем.

Правитель приказал бить святого по лицу.

– Грешишь, Юлиан, – сказал ему святой, – идолов каменных и деревянных зовешь богами.

Тогда повелел мучитель раздеть святого, повесить на дереве и железными когтями строгать по всему телу его. Часа три строгали его, и кровь текла струями, но радостью светилось лицо святого, как будто не испытывал он никакой боли. И сказал ему мучитель:

– Окаянный, принеси жертву богам, и я освобожу тебя от долга, лежащего на тебе по церковному имению, зло тобою истощенному. Если же не принесешь жертвы, то насильственной смертью извергнешь свою душу.

Святой отвечал:

– Окаянный – ты, беззаконник и царь твой, потому что вы оставили Христа и прилепились к антихристу, и должны быть сожжены огнем вечным; я же никому не должен, кроме Господа моего Иисуса Христа, пред Которым долг мой – хранить истинную веру до последнего вздоха.

Снова обратился к нему мучитель:

– Феодорит! Ты получишь от меня много почестей и золота, только отвергнись того распятого волхва, которого называешь Сыном Божиим.

Святый мученик отвечал:

– Золото твое с тобою да будет в погибель[1771]; я же уповаю на Господа моего, дающего рабам Своим вместо тленных благ – нетленные, вместо земных – небесные.

И повелел мучитель двумя свечами опалять ребра мученика. Когда его стали жечь, он, возведши очи свои на небо, начал молиться, – и тотчас оба опалявшие слуги пали на землю замертво. Юлиан и окружавшие его повелели старательно поднять слуг с земли, и говорили им:

– Почему вы оставили жечь нечестивого христианина и предались дремоте и небрежению?

Слуги, придя в себя, отвечали мучителю:

– Если ты не видишь, как Ангелы Божии защищают раба Божия, то ты нечестив и ослеплён душою. Вот четыре Ангела беседуют с ним, а нам грозно запрещают прикасаться к честному его телу. Хулитель! Не пустословь, но знай, что велик Бог христианский, и мы в Него ныне веруем.

Объятый стыдом, мучитель повелел бросить этих слуг в глубину морскую. Когда же повели их на потопление, святой мученик Христов воззвал к ним, говоря:

– Идите вперед в путь блаженный с миром, дети мои, а потом и я последую вам и порадуюсь с вами радостью вечной в Царствии Небесном.

И скончались слуги от потопления, сподобившись принять мученический венец от Христа Бога, в Которого уверовали. Продолжая приступать к святому мученику Феодориту, нечестивый правитель кричал:

– Принеси жертву богам.

Исполнившись духа пророческого, святой сказал ему:

– Ты, злочестивейший и окаяннейший из всех людей, будешь жевать свои внутренности, и немного времени пройдет, как извергнешь насильственно скверную свою душу и предашь ее огню вечному; также и беззаконнейший твой царь, недолго спустя после тебя, погибнет в Персидской земле; пораженный невидимою рукою, он будет ввергнут в геенну огненную. Знай достоверно, что начинание дел ваших не будет иметь успеха, ибо конец ваш близок, и погибель ваша не дремлет.

Не будучи в состоянии терпеть таких слов святого, скверный мучитель повелел тотчас его обезглавить, и пошел святой на смерть, радостный, моля Бога о себе и о всем мире, и, усеченный секирою в главу, скончался.

Похоронив честное тело его, верные сохранили в сердцах своих пророческие слова, в муках изреченные мучителю, и ожидали исполнение их. И сбылось, что оба Юлиана, дядя и племянник, вскоре погибли с шумом. Юлиан, дядя царский, правитель стран восточных, убивший святого Феодорита, с того времени, как мочой своею осквернил престол Божий и попирал священные сосуды, ругаясь над святыней и хуля Христа, – впал в недуг. Тотчас в тайных его местах начали родиться черви; они грызли его снизу, и день ото дня увеличивалась болезнь. Искуснейшие врачи прилагали много старания, чтобы исцелить его, но не имели никакого успеха, и час от часа хуже ему приходилось, ибо черви сильно размножались и съедали тело его, которого коснулась правосудная рука Божия. И исполнились слова святого, сказанные мучителю: «будешь жевать свои внутренности», ибо когда проходы его засорились, уста богохульные стали скверным проходом: итак, поедаемый червями, он зло изверг окаянную свою душу. Также и друг его Филикс, заведовавший сокровищами царскими, не избежал скорой казни Божией: по возмездию Божию, внутренности его повредились, и кровь днем и ночью текла потоком из богохульных его уст, как из источника, и вскоре умер он для вечности предав окаянную душу свою геенне. Когда злочестивый царь Юлиан пришел в Антиохию и узнал об этом, то не дерзнул нанести бесчестие мощам святого священномученика Вавилы, почивавшим в Дафне Аполлоновой, но повелел христианам взять их оттуда, – как пишется о том в житии этого святого, в 4 день сентября. Потом отступник Юлиан, отправившись походом против персов, погиб там, как предсказал святой священномученик Христов Феодорит[1772]. Видев исполнение его пророчества, верные прославили Христа истинного Бога, с Отцом и Сыном славимого вовеки. Аминь.

Память преподобного Феофилакта исповедника, епископа Никомидийского

Память 8 марта

В те дни, когда Церковь была смущаема ересью иконоборства[1773], пришел из Восточных стран в Царьград благочестивый муж Феофилакт и стал близок к светилу церковному, святому Тарасию – тогда еще мирянину и сенатору, главному в царских палатах правителю тайных дел. По смерти царя-иконоборца Константина Копронима[1774], воцарился сын его Лев[1775] с матерью Ириною; патриарх Павел, прозванный милостивым, по доброй воле оставил престол свой, вместо же его на патриаршество возведен был святой Тарасий, который собрал седьмой Вселенский собор и проклял ересь иконоборства[1776]. Тогда блаженный Феофилакт и вместе с ним Михаил Синадский оставили мир, приняли иночество и были посланы святейшим Тарасием в монастырь, построенный на берегу Черного моря: там, подвизаясь в трудах иноческих, преуспели они в добродетелях и получили к Богу в молитвах своих дерзновение.

Было время жатвенное, и стоял сильный зной, люди изнемогали от великой жажды. Святые помолились Богу, и сосуд медный сухой стал источать воду в количестве, достаточном для потребностей. Так творит Господь волю боящихся его и внимает молитвам их! Чудо это было подобно тому древнему чуду, бывшему в пустыне, когда Бог извел воду из камня для жаждущего Израиля (Исх.17:6), и другому, когда для Самсона, умиравшего от жажды, сухие кости ослиной челюсти стали источником живой воды (Суд.15:19). Когда преподобные отцы Феофилакт и Михаил просияли, как звезды светом, добродетельным житием своим, святейший патриарх Тарасий нашел их достойными высокого архиерейского сана и, посвятив обоих, Михаила послал в Синад, а блаженного Феофилакта поставил епископом в Никомидии. Какие заботы о словесном Христовом стаде показал святой Феофилакт в Никомидии, какое попечение о нищих, сиротах и вдовицах, – о

том свидетельствовали созданные им Божественные храмы, больницы, странноприимные дома и неисчетная, ежедневно творимая им, милостыня. Он сам служил больным, слепым, хромым и немощным; обходя богадельни и городские площади с сосудом тёплой воды, он своими руками омывал и очищал встречавшихся прокаженных, ничем не гнушаясь при служении им.

По отшествии из мира святейшего Тарасия Никифор премудрый принял после него престол Константинопольской церкви; тогда опять настала буря иконоборной ереси, возбуждаемая нечестивым царем Львом Армянином. Святейший патриарх Никифор, созвав избранных архиереев Емилиана Кизикского, Евфимия Сардийского, Иосифа Фессалоникийского, Евдоксия Амморийского, Михаила Синадского и блаженного Феофилакта, епископа Никомидийского, отправился с ними к злочестивому царю: много поучали царя от Божественных книг святые отцы, увещевая его не поселять смуты в Церкви Христовой той ересью, которую проклял седьмой Вселенский собор. Но не могли они убедить неистового царя, исполненного яда змеиного и дышавшего на них яростью и гневом. Когда же умолкли святые отцы, блаженный Феофилакт сказал царю:

– Я знаю, что, оскорбляя Божие долготерпение и пренебрегая своим спасением, ты противишься древнему преданию святых отцов и смущаешь Церковь; но, подобно буре, настигнут тебя внезапно лютая пагуба и нежданная беда, и не найдешь ты избавителя себе.

Слыша это, царь еще более исполнился ярости и удалил епископов от себя с бесчестием, осудив их на заточение в различные места: святейшего патриарха Никифора – на остров Проконнис[1777], святого Михаила, епископа Синадского – в Евдокиаду, других – в иные места, а святого Феофилакта Никомидийского – в приморский город Стровул, что в Киверреотах[1778]. Там Христов исповедник и великий поборник благочестия в утеснении и скорбях многих провел остальное время жизни своей, около тридцати лет, и преставился ко Господу.

Царь Лев Армянин погиб, как и было предсказано святым, злою и нечаянною смертью: он был усечен мечами воинов своих в день Рождества Христова, в церкви во время утрени (820 г.) После него жили и скончались Михаил, названный Косноязычным (829 г.), и сын Михаилов Феофил (842 г.), цари-иконоборцы. Когда же царица Феодора (842–855) с сыном своим Михаилом (855–867) (это был третий царь с именем Михаила) приняла скипетр царства, святой Мефодий был возведен на патриаршество (842 г.), и беззаконная ересь уничтожилась, а Православие воссияло, – тогда честное тело преподобного отца нашего Феофилакта из изгнания было перенесено в Никомидию и положено в созданной им церкви на защищение городу Никомидии, в честь же и силу Христу Богу нашему.

Кондак, глас 2:

Светильник светел показался еси в концех, святителю Феофилакте, единосущна Отцу и Духу Слова ты проповедав, Божественных отец Собор уяснил еси, Троице угодник явился еси. Ейже предстоя, моли непрестанно о всех нас.

Страдание святых сорока мучеников, в армянской Севастии

Память 9 марта

В царствование нечестивого императора Ликиния было воздвигнуто жестокое гонение на христиан[1779], и все верные принуждаемы были приносить жертвы идолам. В армянском городе Севастии[1780] воинским начальником тогда был Агриколай, человек свирепого нрава и ревностный поборник идолослужения. А так как в это время и в рядах императорских полков уже было немало христиан, то издано было повеление, чтобы и они приносили жертвы бесам. В полку воеводы Агриколая находились воины, числом сорок, из Каппадокийской области[1781], которые составляли особенно почетную дружину, благочестно веровавшую во Христа Бога и отличавшуюся непоколебимым мужеством, всегда непобедимую в делах ратных: были между ними – Кирион, Кандид и Домн, сведущие и в Божественном Писании. Когда стало известно воеводе Агриколаю, что воины этой дружины суть христиане, он решился принудить их к идолопоклонению. Призвав их к себе, воевода обратился к ним с такою речью:

– Как в сражениях с неприятелями вы всегда были между собою согласны и единодушны и проявляли храбрость, так и ныне с таким же единомыслием покажите единодушно повиновение царскому указу, – принесите по доброй воле жертву богам, чтобы не подвергнуться вам мучениям.

На это святые дерзновенно отвечали:

– Если мы, сражаясь мужественно за царя земного, всегда оставались победителями, – как ты, окаянный, сам свидетельствуешь, – то не тем ли паче, подвизаясь за Царя бессмертного, мы одолеем твою злобу и победим твое лукавство.

Агриколай сказал:

– Одно из двух предстоит вам: или принести жертвы богам и удостоиться больших почестей, или же, в случае непокорности, лишиться воинского звания и подвергнуться

бесчестию; размыслите об этом и изберите для себя, что найдете полезнее.

– Что полезно нам, – сказали воины, – о том печется Господь.

– Не рассуждайте много, – проговорил воевода, – и оставьте свое лжесловесие, а наутро будьте готовы принести жертвы богам.

И, сказавши это, Агриколай велел заключить их в темницу. Введенные туда, святые воины, молитвенно преклонивши колена, воззвали к Богу:

– Измы нас, Господи, от искушений и от соблазнов людей беззаконных.

Вечером же они начали петь псалом:

– «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится» (Пс. 90:1–16).

Пропев псалом до конца, святые воины вознесли молитву ко Господу; по молитве же они опять занялись псалмопением и так пробыли без сна до полуночи. Руководителем в пении был святой Кирион: он провозглашал стихи, а святые Кандид и Домн с прочими повторяли за ним. В полунощи же святые воины услышали голос явившегося им Господа:

– Добр есть начаток изволения вашего, но претерпевший до конца спасется (Мф.10:22).

Этот голос Господа все они слышали и были объяты ужасом, но страх их растворялся неземною радостью. И не спали они до утра.

Наутро Агриколай, собрав к себе своих друзей и советников, приказал привести из темницы святую сорокочисленную дружину воинов и обратился к ним с такою коварною речью:

– Что скажу вам, то скажу не льстиво и не ложно, но по самой истине: много воинов у нашего царя, но все они не могут равняться с вами ни мудростью, ни мужеством, ни красотою, и моим расположением не пользуются они столько, сколько вы; так не делайте же того, чтобы моя любовь к вам превратилась в ненависть; в ваших руках и от вас же зависит или сохранить мою любовь к вам, или навлечь на себя мою ненависть.

Святой Кандид на это ответил:

– Жестокий ты льстец, Агриколай! – Имя твое[1782] согласуется с твоим нравом.

Воевода повторил:

– Не сказал ли я вам, что в вашей власти: или сохранить мою любовь или возбудить к себе мою ненависть.

Святой Кандид сказал:

– Так как любовь твоя или ненависть к нам зависит, как ты сам говоришь, от нас, то мы избираем ненависть, ибо и мы тебя ненавидим и только у Бога нашего милости и ищем; ты же, свирепый и жестокий человек и враг Бога нашего, не люби нас, будучи беззаконен и завистлив, – тьмою заблуждения объятый и звериным нравом оправдывающий свое лютое имя.

Приведенный в ярость таким дерзновенным ответом святого, воевода, скрежеща зубами как лев, приказал наложить оковы на святых воинов и заключить их в темницу; но святой Кирион сказал ему:

– Ты не имеешь от царя власти мучить нас, а можешь только допрашивать нас[1783].

Испугавшись такого вразумления, сделанного святым воином, Агриколай приказал без грубых насилий отвести их и посадить в темницу и не налагать на них оков; только темничному стражу велел он стеречь их крепко. В то время воевода ожидал прибытия Лисия – князя, имевшего большие полномочия.

Пребывая в темнице, святые воины дни и ночи проводили в молитве и пении псалмов и слушании наставлений святого Кириона.

– По устроению Божию, – между прочим говорил он, – мы, братья, сдружились во временной и суетной военной службе, но постараемся не разлучаться и вовеки; как доселе жили мы единодушно и единомысленно, так и подвиг мученичества совершим нераздельно: как угодны мы были царю смертному, так постараемся быть достолюбезны и бессмертному Царю, Христу Богу.

По прошествии семи дней, в которые святые воины содержались в темнице, прибыл в ту страну Лисий князь и, по

прибытии в Севастию, немедленно обратил внимание на доблестных воинов: на другой же день, явившись вместе с воеводою Агриколаем в судилище, он приказал привести святую Четыредесятницу воинов на истязание. На пути к этому неправедному судилищу блаженный Кирион так увещевал своих содружинников:

– Не убоимся, братия! Разве не помогал нам Бог в сражениях, когда мы призывали Его и одолевали врагов наших. Вспомните: как однажды случилось нам участвовать в великой брани, когда все соратники полков наших предались бегству и среди врагов остались только мы одни – сорок; вознесли мы тогда к Богу слезную молитву и Его помощью одних побили, других – раненых – прогнали, и при всем множестве противников и при всей жестокости сражения ни один из нас не был ранен. Ныне же три врага ополчились на нас – сатана, Лисий и Агриколай воевода, а лучше сказать: один враг воздвигает на нас брань – враг невидимый; и ужели он победит нашу сорокочисленную дружину? Да не будет сего!.. Нам нужно и теперь поступить так же, как поступали мы всегда: обратимся с тёплою молитвою к Богу! – и Он поможет нам, – и нам не причинят вреда ни узы, ни муки. У нас было всегда правилом, вступая в сражение, петь псалом:

«Боже! Именем Твоим спаси меня, и силою Твоею суди меня, Боже! Услышь молитву мою, внемли словам уст моих» (Пс. 53:3), сотворим же, братия-соратники, то же и ныне – и Бог услышит нас и поможет нам.

И пели святые воины псалом этот во весь путь от темницы до места судилища. На такое зрелище собрался народ всего города.

Предстала сорокочисленная дружина на суд пред Лисием и Агриколаем. Лисий князь, взглянув на святых воинов, сказал:

– Думаю, что эти мужи желают и заслуживают высших чинов.

Потом обратился к ним с такою речью:

– И почести и дары, больше других, вы получите от меня, только покоритесь царскому повелению – принесите жертвы богам. Предоставляется вам свободно избрать одно из двух:

или поклониться богам и удостоиться больших наград и почестей, или же, в случае отказа вашего исполнить то, тотчас лишиться воинского звания и подвергнуться мучениям.

На это святой Кандид ответил:

– Возьми от нас не только воинское звание, но и самые тела наши, ибо для нас нет ничего дороже и ничего почётнее Христа Бога нашего.

Тогда надменный князь велел бить святых камнями по устам; святой же Кандид при этом заметил:

– Князь тьмы и рачитель беззакония! Начни сам творить то, и увидишь отмщение.

Вскипев гневом и скрежеща зубами, воевода сказал:

– Злые слуги! Что так нескоро исполняете приказание князя.

Слуги взялись за камни, но когда стали бросать их, то удары наносили не святым, а взаимно себе самим – друг друга поражали. Видя это, святые мученики еще более укрепились в дерзновении о Господе. Раздраженный князь Лисий сам схватил камень и бросил в одного из святых, но камень этот ударил в лицо Агриколая и сокрушил ему уста. Тогда святой Кирион сказал:

– Борющиеся с нами враги наши изнемогли и посрамились; воистину «меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся» (Пс. 36:15).

Воевода же сокрушенными устами произнес:

– Клянусь богами, – им помогает какая-то волшебная сила!

Святой Домн на это ответил:

– А я именем Христа удостоверяю, что не волшебство, а Бог нам помогает и Его сила ваши бесстыдные лица, возглаголавшие неправду на Сына Его, покрыла позором. Не стыдно ли тебе, безумный, чуждый истины, диавольской же преисподней тьмы исполненный, сеятель соблазнов! – Ты, Агриколай, голова злобы диавола, а князь, который с тобою, хвост его ярости; оба же вы – слуги сатаны. Но если вы еще не уверились в присущей нам силе Божией по началу мучений, которым подвергли нас, то начните другие мучения.

Нашлись было среди слуг желающие поддержать посрамленных своих начальников:

– Обезумевшие враги богов наших, – говорили они святым мученикам, – почему вы не хотите принести жертвы им?

Святой Кирион им отвечал:

– Мы Единого Бога почитаем и Иисуса Христа Сына Его и Святого Духа и тщимся дерзновенно совершить наш подвиг, чтобы, победивши вашу лесть, восприять венцы бессмертной жизни.

И повелел князь Лисий опять отвести святых ратоборцев в темницу, чтобы подумать о том, как поступить с ними.

Заключенные в темнице святые воины занялись псалмопением.

«К Тебе возвожу – пели они, – очи мои, Живущий на небесах! Вот, как очи рабов обращены на руку господ их, как очи рабы – на руку госпожи ее, так очи наши – к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас» (Псал. 122:1–2).

И после молитвы они вторично сподобились ободрения свыше: в шестом часу ночи они услышали голос явившегося Господа:

– «Верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Иоан. 11:25). Дерзайте и не бойтесь мук маловременных, вскоре бо прейдут; мало потерпите, законно постраждите, да венцы приимете.

Укрепленные таковым утешением от Христа Бога, святые воины проводили ту ночь веселясь духом.

На следующий день святые ратоборцы опять приведены были к нечестивым судьям и снова, не колеблясь, объявили:

– Делайте с нами, что хотите; мы – христиане и поклониться идолам не согласны.

В это время подле Агриколая виден был, в образе человека, держащего в правой руке меч, а в левой – змею, диавол, нашептывавший воеводе:

– Ты – мой, подвизайся!

Мучители приказали связать четыредесятицу святых воинов и влечь их к многоводному озеру, которое находилось близ города Севастии. Была же тогда зима и дул сильный ветер при крепком морозе; время клонилось уже к вечеру. Святые воины обнаженные поставлены были среди озера на всю ночь, а для наблюдения за ними приставлена была стража с начальником

темницы во главе. Для обольщения же святых ратоборцев была устроена близ озера тёплая баня, манившая к себе осужденных терпеть лютый холод и обещавшая скорую помощь тому из сорокочисленной дружины, кто, изнемогая от мороза, склонился бы к идолослужению и пожелал бы, выбежав из воды, согреться. В первом часу ночи, когда холод достигал крайней лютости, так что тела святых леденели, один из числа четыредесятицы не выдержал подвига и, отделясь от лика святых, побежал в баню; но едва он вступил на порог бани, едва ощутил теплоту, как растаял и пал мёртвый. При виде такого постыдного бегства, святые воины единодушно возопили к Богу: «Разве на реки воспылал, Господи, гнев Твой? Разве на реки – негодование Твое, или на море – ярость Твоя» (Аввак. 3:8). – Тот, который отделился от нас, пролился, как вода, и кости его рассыпались (Пс.21:15). Мы же не отступим от Тебя; оживи нас, и мы будем призывать имя Твое (Пс.79:19).

– Ты, Которого хвалит вся тварь, Которого прославляют великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман и бурный ветер (Пс.148:7–8), и Который ходил по морю, как по суху (Мф.14:25), и свирепые волны укротил мановением руки (Лк.8:24)! Ты, Господи, и ныне Тот же; Ты, внявший мольбам Иакова, бежавшего от угроз брата своего Исава (Быт. 27:1–46, 28:1–22); явивший помощь Иосифу и от напасти его избавивший (Быт. 39:1–23); услышавший Моисея и даровавший ему силу совершить в Египте знамения и чудеса перед фараоном и его приближенными (Исх. 7:1–25, 11:1–10); разделивший море и изведший народ Свой в пустыню (Исх. 14:1–31); простиравший руку Твою по молитве святых Апостолов Твоих на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса (Деян.4:24–31, 16:25–26), – Ты, Господи, услышь и нас: да не погубит нас пучина водная и да не поглотит глубина, ибо обнищали мы весьма; помоги нам, Боже Спаситель наш, ибо вот мы стоим в воде и ноги наши обагрились в крови нашей; облегчи тягость нашего бремени и лютость воздушную укроти, Господи Боже наш! На Тебя мы уповаем, и да не постыдимся, но да разумеют все, что мы, к Тебе воззвав, спаслись.

В третий час ночи святых мучеников облистал свет как бы летнего солнца во время жатвы, который рассеял холод, растопил лёд и согрел воду. Между тем воины, которым поручен был надзор за святыми, объяты были сном, и не спал только один страж темничный. Он, слыша, что мученики молятся Богу, размышлял: «Что такое означает, что прибегший к бане тотчас, как воск, растаял от тепла, а прочие и при столь большом морозе остаются живы и невредимы?» Пораженный же светом, озарившим святых мучеников, и желая рассмотреть, откуда исходит этот чудный свет, он взглянул вверх и увидел пресветлые венцы, числом тридцать девять, сходящие на главы святых; размышляя же о том, почему нет сорокового венца по числу преданных страданию сорока человек, уразумел он, что бежавший в баню отвержен от лика святых и потому не достает сорокового венца. Немедленно разбудил он спавших воинов, сбросил с себя одежды и нагой на глазах всех побежал в озеро, восклицая: «И я христианин». Присоединившись же к сонму святых мучеников, он воззвал к Богу:

– Господи Боже! В Тебя я верую, в Которого и сии веруют; причти меня к числу их и сподоби пострадать с сими рабами Твоими; да буду и я, пройдя подвиг испытания, достоин Тебя! – И стало таким образом опять совершенное число святых мучеников – **сорок**[1784]; место отпадшего заступил темничный страж, который стал святым восполнением четвертой десятерицы[1785]. Имя его было Аглаий.

При таком дивном восполнении сорокочисленного лика святых мучеников диавол, видя себя побежденным и посрамленным, приняв вид человека, рыдал, во всеуслышание взывая:

– Увы мне! Побеждён я сими мужами, для всех теперь я – смех и поношение! Не оказалось у меня ни друзей, ни слуг единодушных, чтобы отстоять мою победу! Что же, наконец, остается мне делать? Ничего более как только расположить сердца преданных мне князя и воеводы – внушить им, чтобы сожжены были тела святых и прах их брошен был в реку, чтобы не осталось после них ничего, никаких останков.

Между тем святой Кирион возгласил:

– «Кто Бог так великий, как Бог [наш]! Ты – Бог, творящий чудеса» (Пс. 76:14–15), Ты, Владыко, сотворил, что те, которые были против нас, стали с нами и за нас; Ты восполнил умаление четвертой десятерицы и посрамил сатану!

И начали все мученики петь псалом: «Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного» (Пс. 11:2).

Настало утро; нечестивые мучители пришли к озеру и, увидев святых мучеников, стоявших в воде, живыми и не пострадавшими от зимней стужи, удивились, но объясняли это чудное явление волшебною хитростью страстотерпцев. Их удивление еще более возросло, когда они увидели среди мучеников стоящего темничного стража. Допросили они воинов, приставленных для надзора, почему и как это произошло. Воины на это ответили:

– Мы ночью крепко уснули, а он – темничный страж – всю ночь не спал и – вдруг разбудил нас; проснувшись же, мы видели большой свет, озаривший стоявших в воде, а **этот** быстро снял с себя одежды и, бросив их, стремительно вошел в воду и присоединился к стоявшим там, громко заявляя: «**и я христианин**".

Яростью распалились тогда сердца мучителей; приказав вытащить на берег связанных святых и оттуда вести их на мучилище в город, судьи приговорили подвергнуть святых мучеников новому истязанию – перебить им голени молотами.

Когда производилось это бесчеловечное истязание святых, благочестивая мать одного юнейшего из них, Мелитона, приблизившись к месту мучения и стоя подле страдальцев, поощряла их словами к доблестному прохождению подвига; всего же больше опасаясь, как бы юный сын ее не устрашился и не изнемог в мучениях, любовно на него взирая и простирая к нему руки, ободряла его и утешала, говоря:

– Сын мой сладчайший! Потерпи еще немного и будешь совершен; не бойся, чадо, се Христос предстоит, помогая тебе!

Святые мученики, претерпевая, как презренные злодеи, страшные муки от сокрушения голеней (Иоан.19:31) и не ослабевая в ревности, в предсмертные минуты с духовным веселием взывали:

– «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились. Помощь наша – в имени Господа, сотворившего небо и землю» (Пс.123:7–8).

И, произнеся аминь, все они предали души свои Богу, и только один, утешаемый матерью, Мелитон оставался жив, едва дыша. После того мучители приказали своим слугам возложить тела умерших святых на колесницы и везти на сожжение, оставив одного юного Мелитона, в надежде, что он будет жив. Но благочестивая мать, видя оставленным на месте мучения одного своего сына, отринув свойственную ей женскую слабость и воодушевившись мужеством, взяла на свои плечи сына и безбоязненно последовала за колесницами, на которых, как снопы зрелой пшеницы, везены были тела святых мучеников. Когда же мученик, несомый матерью, испустил дух свой, радуясь о Господе, то ее же материнскими руками тело его возвержено было на колесницу к телам его сподвижников[1786]. Когда тела святых мучеников привезены были на место сожжения близ реки, воины, по распоряжению нечестивых судей, собрав много дров и хвороста, приготовили весьма большой костер и, возложив на него тела святых, подожгли его. Костер сгорел, остались только кости мучеников. Но злоба мучителей не успокоилась!

– Если кости эти мы оставим так, – рассуждали они между собою, – то христиане возьмут их и наполнят ими весь мир, раздробляя их и сохраняя для воспоминания оных; итак, бросим их в реку, чтобы и праха их не осталось.

И ввержены были останки святых мощей в реку на всеконечное погубление памяти доблестных страстотерпцев. Но Господь, «хранящий все кости угодников Своих» (Пс.33:21), не попустил ни одной частице их погибнуть в воде, но все они сохранились в целости. По прошествии трех дней святые мученики явились епископу города Севастии, блаженному Петру, и сказали ему:

– Приди ночью и изнеси нас из реки.

Блаженный епископ пригласил благоговейных мужей из своего клира и в тёмную ночь пошел с ними на берег реки. И вот взорам их представилось дивное зрелище: кости святых сияли в

воде как звёзды, светлы были и те места в реке, где лежали и малейшие частицы их. Собрав все до одной кости святых, епископ положил их в честном месте. Так пострадавшие за Христа и от Него увенчанные, как светила сияют в мире[1787].

Они веровали в Бога, Христа исповедали, Духу Святому не противоборствовали и от святой Животворящей Троицы прославились, оставив воспоминание о своем подвиге для назидания во спасение всем верующим в Отца, и Сына, и Святого Духа. Имена святых сорока мучеников таковы: Кирион (Кирий), Кандид, Домн, Исихий, Ираклий, Смарагд, Евноик (Евник), Валент (Уал), Вивиан, Клавдий, Приск, Феодул, Евтихий, Иоанн, Ксанфий, Илиан, Сисиний, Аггий, Афтий, Флавий, Акакий, Екдикий (Екдит), Лисимах, Александр, Илий, Горгоний, Феофил, Домитиан, Гаий, Леонтий, Афанасий, Кирилл, Сакердон, Николай, Валерий, Филоктимон, Севериан, Худион, Мелитон и Аглаий.

Взяты были святые сорок мучеников на страдание за Христа в 26 день месяца февраля, а предали души свои Господу они девятого числа месяца марта[1788], когда империю владел еще Ликиний язычник, но лучше сказать – уже царствовал Господь наш Иисус Христос. Ему же слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Страстоносцы всечестнии, воины Христовы четыредесяте, твердии оружницы, сквозе бо огнь и воду проидосте и Ангелом сограждане бысте, с ними же молитеся Христу о иже верою хвалящих вас. Слава Давшему вам крепость, слава Венчавшему вас, слава Подающему вами всем исцеления.

Страдание святого мученика Урпасиана

Память 9 марта

Когда в Римской империи стал царствовать нечестивый Максимиан[1789], то, будучи неукротимым карателем за непочитание языческих богов, тех христиан, которые жили в окрестностях Никомидии[1790], предавал мучениям, а против прочих, обитавших во всех других местах империи, пылал яростью, подобно пламени великому. Собрав однажды единомышленников и, так сказать, соратников своих, а также всех, бывших под властью его, сановников, он громким голосом сказал им:

– Если кто из вас предался нечестивой вере и служению Богу христиан и не желает с надлежащим усердием служить прославленным богам нашим, не желает им поклоняться и обращаться к ним с молитвами, тот пусть тут же пред всеми снимет пояс свой[1791] и удалится от двора нашего и из нашего города, ибо жители города сего со времен предков своих привыкли служить богам, а не Единому Распятому Богу.

Из этих слов ясно было видно, с каким презрением относился беззаконный царь к христианской вере. Поэтому все, веровавшие во Христа, пришли тогда в страх и ужас, и некоторые из них искренно обещали царю служить богам, другие же только для того, чтобы избежать мучений, а те, которые имели истинную любовь к Богу, не радея о телах своих, отвечали на слова мучителя тем, что снимали поясы свои и уходили от него. В это время премудрый и сильный духом Урпасиан, будучи одним из царских сановников, воспылав ревностью по Боге, подошел к беззаконному царю и, повергши пред ним на глазах всех свою мантию и пояс, сказал:

– Царь, так как с этого дня я – воин небесного и бессмертного Царя, Господа Иисуса Христа, Бога моего, то возьми назад данные тобою мне знаки чести и славы, ибо эта честь и слава временны, и я более в них не нуждаюсь.

Эти слова Урпасиана были так неожиданны для Максимиана, что он, услышав их, изменился в лице и долгое

время не мог произнести ни одного слова. Потом потер лицо свое и, с яростью взглянув на святого мученика, зарычал как дикий зверь, говоря:

– Сейчас же повесьте сего презренного и бейте его по телу воловьими жилами.

Повеление царя немедленно было исполнено, и когда святого мученика предавали долгому и немилосердому истязанию, он, обратив взор свой к небу, молился и не ощущал никакой боли. После этого мучитель повелел снять святого с дерева и сказал предстоящим:

– Заключите сего изменника в мрачную темницу, пока я не придумаю, какой смерти предать его.

В темнице святой мученик радовался и веселился, воссылая молитвы свои Господу. Между тем Максимиан повелел принести и приготовить для мучений некое мучительное орудие, представлявшее собою железную клетку, и, выведши святого из темницы, поместить в эту клетку, повесив его к вершине ее. Когда это повеление царя было исполнено и святой Урпасиан уже висел, то жестокий мучитель велел зажечь факелы и опалять ими со всех сторон тело его. И в то время, как это совершалось, святой мученик Христов, вися внутри клетки, предавался молитве, мучители жгли его факелами до тех пор, пока всё тело его не искапало каплями на землю и, растаяв как воск, не смешалось с прахом земным, а кости его не испепелились и не стали такими, как пыль на гумне. Когда святого мученика, погруженного в молитву, таким образом сожигали, то воздух наполнялся благоуханием мира, и, наконец, святая душа его в образе яркой звезды, как удостоились видеть некоторые из верующих, вознеслась к Богу[1792]. Тогда свирепый и жестокосердый царь, всё еще пылая гневом на святого мученика, велел тщательно собрать землю, на которую искапало тело его и где лежал прах от его костей, и при себе высыпать в море. Всё это происходило в городе Никомидии.

Память святого Кесария

Память 9 марта

Святой Кесарий, брат святого Григория Богослова, был другом императора Констанция и первым врачом при Константинопольском дворе. В 368 году, во время землетрясения в Никее, он чудесно был спасен под развалинами. Потрясенный этим событием, святой Кесарий, по убеждению святого Григория, оставил мир и посвятил себя на служение Богу. Но вскоре по крещении он заболел и скончался.

Страдание святого мученика Кодрата и прочих с ним

Память 10 марта

Святой мученик Кодрат родился и воспитался при следующих обстоятельствах. Во время жестокого гонения на христиан нечестивыми царями и князьями исповедники Христовы подвергались ужасным мучениям и насильственной смерти; поэтому многие верующие, боясь нестерпимых мучений, покидали города, жилища и имущество; убегая, они скрывались в горах и пустынях, чтобы сохранить невредимой св. веру во Христа, соглашаясь лучше жить со зверями, нежели с нечестивыми идолопоклонниками.

В эти тяжелые времена благочестивая женщина, по имени Руфина, из страха мучений убежала из Коринфа[1793] в пустыню и скрывалась там в непроходимых местах. Во время бегства из города Руфина была беременна и, по наступлении должного времени, родила в пустыне младенца мужеского пола и затем, проживши только несколько дней, скончалась. Бог, дарующий пищу всякой плоти, отверзающий Свою руку и насыщающий всё живое (Пс.103:27–28), не оставил осиротевшего младенца, но явился для него отцом и матерью, воспитателем и кормильцем. По повелению Всевышнего Бога с высоты спускалось облако и, стелясь по земле, источало на уста младенца сладкую росу. Таким образом облака питали младенца как бы молоком или мёдом до того времени, пока он, подросши, не стал сам питаться пустынными злаками. Подобно св. Иоанну Крестителю, младенец жил в пустыне охраняемый Богом, наставляемый и вразумляемый к боговедению (Лк.1:80) Духом Святым. Уже в юношеском возрасте он был найден верующими людьми; они привели его в город, где он учился чтению книг и усвоил врачебное искусство. Но он врачевал не столько болезни своими познаниями, сколько исцелял их данною ему свыше благодатью. Как с детства привыкший к пустынному безмолвию, он особенно старался удаляться от людской суеты: любя уединение, он большую часть своей жизни проводил в горах и

пустынях, предаваясь богомыслию. Когда же ради удовлетворения нужд он приходил в город, то всем являл неисчисляемые блага, врачуя болезни телесные и словом Божиим исцеляя душевные недуги. Но он недолго оставался в городе, спеша снова в приятное для него пустынное уединение, в котором и приблизился к старости. Сюда, в пустыню, к нему приходили любившие его во Христе, желавшие наслаждаться видением святолепного лица его и принимать наставление от его богодухновенных бесед; таковы были Киприан, Дионисий и Анект, Павел и Крискент, которые вместе с ним и пострадали за Христа.

Страдания их произошли таким образом. По повелению нечестивого римского императора Декия[1794] для мучения и убийства христиан в Коринф пришел игемон Иасон. Схватывая христиан, он ввергал их в темницу. В это время вместе со своими блаженными друзьями Киприаном, Дионисием, Анектом, Павлом и Крискентом был схвачен и св. Кодрат; они были ввержены в темницу к многим, пребывавшим уже там в узах христианам. Спустя некоторое время Иасон сел на нечестивом судилище, приказав вывести христиан из темницы и представить к нему для допроса. Среди них старейшим был св. Кодрат: как полководец шел он впереди избранного воинства Христова, желая безбоязненно отвечать мучителю за всех. Мучитель обратился к святому с такими словами:

– Кодрат! Что соделало тебя настолько безумным, что ты желаешь добровольно предаться лютым мучениям? И на что надеясь, ты безбоязненно выбираешь узы и темницу, лишаясь отечества и друзей? Зачем не повинуешься царским законам, чтобы, поклонившись богам, наслаждаться с нами радостями этой жизни?

– Никто, – отвечал св. Кодрат, – имеющий здравый разум, не отречется от этой жизни. Но так как эту жизнь даровал Бог, то необходимо более любить Даровавшего, нежели дарованное, воссылать благодарность великому Благодетелю, вознося Ему хвалы, ведя добродетельную жизнь и повсюду расширяя славу Его нашими страданиями. Не следует настолько любить эту кратковременную жизнь, чтобы из боязни потерять ее воздавать

идолам честь, подобающую единому Богу! Ибо какого иного Бога можем почитать за истинно-совершенного, кроме обогатившего нас от начала вечными дарами Своей любви? И в этих великих дарах Кого можем познать, как не Самого Христа-Спасителя? Да и кого же можем поистине назвать Спасителем, как не Иисуса, претерпевшего за нас муки и смерть? И нам, хотящим быть добродетельными, прежде всего надлежит претерпеть муки за истинную веру и благочестие и ни в коем случае не отпадать от них. Намерение тех, которые стремятся обольстить и совратить истинных ревнителей Божественных таинств, – зло, и молитва их греховна. Каждому необходимо выбирать лучшее. Нужно заботиться о том, чтобы не спешить идти за людьми, которые носят только образ добродетели; но следует вникать в самые дела их, – не злы ли они и не приносят ли великий страх погибели. Знай, что мы, исполняя заветы отцов наших, направляемся к тому, что лучшее, поэтому не старайся враждебными нам действиями убедить нас, чтобы мы, уклонившись от своего пути, оставили Христа. Для нас лучшая советница – истина Божия, а законы благочестия имеют великую силу убеждения; согласные между собою они соединяют нас с Богом. Возьмите во внимание и то еще, что по общему закону природы всем необходимо умереть, и от этого закона никто не может быть свободен. С наступлением же смертного часа гибнут все несправедливые дела и помыслы человеческие, и кратковременная слава обращается в прах. Напротив, дела, порождаемые доброю жизнью, приносят совершающим их людям вечную славу, переживающую их смерть. Так и мы, твёрдо решив не отказываться от нашего намерения мужественно пострадать за Христа, оставим пример для тех, которые пожелают вполне подражать нам. Ведь право мыслящие и верующие о том только и думают, чтобы, имея святые примеры лучшей жизни, подражать им и через это преуспевать в совершенстве.

На эти слова Иасон сказал святому:

– Кодрат! Если ты почитаешь Того Бога, благодеяниями Которого наслаждаешься с самой юности, то хорошо поступаешь, оказываясь благодарным. Но смотри, как бы тебе,

проповедуя о Христе – человеке, – не уничижить естества божеского.

Святой Кодрат отвечал игемону:

– Если ты желаешь, отложивши гнев и переменивши ярость на кротость, выслушать меня, то хотя и не удобно говорить о столь великих предметах, к чему я и сам мало способен, всё-таки сообщу тебе нечто.

– Изложи же нам, – предложил игемон, – по возможности ясно ваше учение о Христе.

Святой Кодрат отвечал на это:

– Начало миробытия Бог положил в Своем изволении, сотворил мир Словом и утвердил силою Св. Духа. Изволивший на бытие мира есть Отец, создавшее же его Слово есть Сын, а утвердившее – Святой Дух. Когда был создан прекрасный мир, предназначенный Творцом для определенной цели, Создатель благоволил, чтобы некто наслаждался созданными Им благами и славил Его в благодарности. Поэтому он создал человеческий род, чтобы передать последнему всё видимое. Вдунувши дыхание жизни в первого человека, Он ввел его в Рай – место неизреченных сладостей. Человек, вместе с сотворенною для него помощницею, увидевши многообразие прекраснейшего мира, возрадовался и получил от Бога власть наслаждаться райскими садами. Наши прародители, размышляя о том, с каким великим предназначением водворены они Богом в Раю, решили, что им следует достойно благодарить Создателя и Благодетеля, и начали проводить добродетельную жизнь, соблюдая установленную от Бога для них заповедь, о не вкушении от одного дерева. Но лукавый обольститель диавол, подвигаемый яростью, нося лесть на устах и злобу внутри, излил на прародителей весь яд своей злобы, желая их лишить райской жизни: погубляя честь их, он вложил им страстное желание нарушить заповедь Божию и притом с их изволения на его лукавый совет. Вследствие сего случилось то, что жившие в Раю с Богом отпали от благодати Божией и лишились Рая, будучи изгнаны из него. С этого времени бывшие раньше участниками славы Божией, как бы связанные узами греха, начали бедствовать, служа пустым пожеланиям. Но Бог

умилосердился над Своим созданием и милостивно призрел на человеческую немощь; Он благоволил, сокрыв Божество воспринятою Им плотью, прийти к нам окаянным и погибшим, чтобы освободить нас от уз вражеских и порабощенных царству смерти вывести на свободу, избавив от погибели. Поэтому Он изволил, чтобы Слово Его, вселившись при *кончине лет* (Гал.4:4) в пречистой утробе Богородицы – Девы, через воплощение облеклось во всего человека. Пречистая же Дева, зачавши от Святого Духа, родила Бога во плоти. И таким образом действительно человеческими глазами был видим во плоти Бог, Которого мы именуем Христом. И Он явил Себя людям как Истинного Бога, воистину облекшегося от Девы во всего человека, восставшего против вражией силы и распространившего пределы Своего горняго царства. Он уничтожил законы смерти и Божественною силою разорвал её узы, разорил ад, вывел из него прародителей со множеством произшедших от них людей и первый, как избавивший все народы и страны от погибели, был назван Спасителем. Открывши сокровища Своего милосердия, Он пожелал, чтобы они были для всех общими. Всех освободивши от соблазна мучительского, Он охраняет Свое наследство свободным и невредимым от погибели. Ничто для Него не тайна: ни начало нашего рождения, ни срок нашей жизни, ни конец смертный, ни что другое неизвестное, но всё, что установлено законоположением Отца, известно и ясно Сыну, осуществляющему Его волю. Он и есть Тот Христос, Которого мы проповедуем. Он Тот, Который озаботился о спасении рода человеческого. Всегда и везде Сущий, Он подает нам неоскудеваемое богатство Своей благости, неотлучно находится при служащих Ему и помогает им.

Игемон, хотя и изумлялся речам святого Кодрата, однако, не желая веровать открываемой истине, сказал:

– Думается мне, Кодрат, что ты говоришь ложь о высоких предметах, так как ты попускаешь Богу иметь чисто человеческие свойства, утверждая, что Его могла вместить утроба Девы, Которая, носивши во чреве, родила Христа. И так ты утверждаешь, будто один Бог был виден на земле носящим

человеческое тело, а другой Истинный Бог находился где-то в ином месте.

Святой Кодрат отвечал:

– Нечестивым людям не следует испытывать тайн благочестия, ибо великое дело их познания не всякому легко дается, да мы и не дозволяем неверующим проникать в них. Сын Божий добровольно смирил Себя, снизойдя до образа раба, и, будучи Богом, соизволил соделаться человеком, чтобы исторгнуть нас от рабства диаволу. Ты, как человек исполненный неверия и безбожия, не можешь понять этого; но знай, что ты не отторгнешь нас от Христа ни коварною хитростью, ни яростными угрозами.

Тогда игемон приказал верного раба Христова, обнаживши, бить без сожаления палкою, что немилосердые палачи исполняли с жестокостью. Святой же мученик мужественно переносил побои и во время их говорил мучителю:

– Разве ты не знаешь, игемон, что все вынуждаемое силою противно свободе и не годится для убеждения? Убеждающий таким путем показывает себя насильником, а советующий и увещевающий является кротким и человеколюбивым. Поэтому и ты, склоняя нас мучениями к поклонению идолам, не надейся насилием привлечь к своему нечестию, чтобы мы из-за страха отверглись благочестия. Проникнутые любовью ко Христу, мы не обращаем внимание как на льстивые ласки, так и на муки, которые ты можешь изобрести; все скорби и болезни Христос облегчает надеждою воздаяния, укрепляет в том, чтобы не повиноваться противнику и делает нас непобедимыми и стойкими в подвиге страдания.

Еще более разгневанный этими словами, мучитель приказал повесить святого вниз головою, строгать тело его железными когтями и опалять страстотерпца, разведши под ним огонь. Но он, перенося все с доблестью, оставался непоколебимым.

Вслед за сим игемон обратился с лестными словами к святому Киприану, пытаясь склонить его к единомыслию с собою. Но святой Киприан, хотя и был еще молод, тем не менее безбоязненно готовил себя к мучениям. Святой же Кодрат

говорил ему и другим, вместе с ним готовившимся на мучения и уже снимавшим одежды:

– О други и сподвижники мои! Помыслите о том, сколь много благ уготовано вам от Господа: за благочестие – почёт, за мученичество – прославление, и в особенности не забывайте, что вы делаетесь достойными милости Иисуса Христа, Который скоро явит вам свыше Свою помощь. Итак, ныне надлежит нам показать непоколебимую веру во Христа Бога. Ныне настало время подвига, а потому исполните без колебаний закон любви, – полагая душу свою за Того, Кого вы любите. Вы должны показать себя примером для всех желающих сподобиться страдальческого подвига за Христа. Послужите крепким терпением вашим на удивление всем взирающим на вас. Ныне познается действительное различие между добрыми и злыми. Ныне должно особенно заботиться о соблюдении благочестия, чтобы не явилось разногласия в вере, – держитесь единой веры и единого исповедания, ибо скоро предстанете к Богу на Страшный Суд. Не уклоняйтесь с пути добродетели, как вскоре имеющие перейти ко Христу, окончив свое течение. Исповедуйте добрым сердцем Доброго Бога; не щадите цвета вашей юности, намереваясь скоро уже перейти *к* нестареющей жизни. Помышляйте, что конец при дверях (Мф.24:33) и, что будучи юными, вы легче, – как имеющие телесную крепость, – можете претерпеть мучения за Христа Бога. Итак, смело предайте себя на мучения и мужественно перенесите их: победивши врага, вы получите прославление от Господа и будете причислены на небе к лику святых мучеников.

Эти речи святого Кодрата, обращенные к дружине, исполнили мучителя ярости: тотчас он приказал святого Киприана, обнаженного и повешенного подобно Кодрату, бить, строгать и палить огнем. За ними он тем же мучениям подверг Дионисия, Анекта, Павла и наконец – Крискента. Будучи посрамлен и побежден ими, мучитель осудил их сначала на растерзание зверям. Когда же звери не коснулись святых мучеников, он осудил их на усечение мечом, приказав первоначально волочить их по городу за ноги. Когда это происходило, бесчисленная толпа народа, – в особенности же

дети, били святых палками и каменьями, пока они не были выволочены за город на место, предназначенное для смертной казни. Здесь святые, испросив для себя немного времени, помолились с усердием ко Господу, затем преклонили под меч свои честные главы и были усечены в десятый день месяца марта. На том месте, где земля обагрилась честною кровью святых мучеников, появился чистый источник воды для напоминания Коринфу о страдании святых. После убиения шестерых мучеников Кодрата, Киприана, Дионисия, Анекта, Павла и Крискента были мучимы и загублены различно и прочие захваченные христиане. Дионисий другой был заколот ножом, а Викторин, Виктор и Никифор (после того как преемником игемона Иасона сделался уже Тертий) были положены в каменную ступу и в ней истолчёны. Клавдий скончался после отсечения рук и ног; Диодор сам бросился в приготовленный для него костёр, и в нем, как в светлом чертоге, с миром почил. Серапиону была усечена глава, Папий был ввержен в море. Также и Леонид, претерпев страшные и многочисленные муки от игемона Венуста, сменившего Тертия, был потоплен в море.

На муки за Христа решались и святые жены, подражая святому Кодрату и сохраняя в своих сердцах его наставления, – Харисса, Нунехия, Василисса, Ника, Гали, Галина, Феодора и многие другие женщины, а также и мужчины. Одни из них переселились ко Господу, будучи усечены мечом, другие будучи потоплены в водах или убиты иными мучениями. Все они вместе с вождем и учителем своим святым Кодратом причтены к лику мучеников, приняв победные венцы из десницы Христа Бога, Которому слава с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Страдание святого мученика Кодрата Никомидийского и с ним святых мучеников Саторина и Руфина и прочих

Память 10 марта

Во времена нечестивого римского императора Декия[1795] и его преемника Валериана[1796] (когда со своею дружиною пострадал и святой Кодрат Коринфский), из различных городов и селений были схвачены христиане и приведены в Вифинский[1797] город Никомидию, где и содержались в темнице. Среди обитавших в самой Никомидии христиан распространился тогда большой страх, особенно вследствие того, что к тем областям приближался сам царь Декий, который уже находился в Кесарии[1798]. Поэтому многие из христиан, скрываясь от рук мучителей, убегали в горы и пустыни, а другие смело оставались в своих домах, ожидали часа, в который могли бы сподобиться прославить Господа каким-либо видом мучений.

Из числа таковых то и был святой Кодрат, о котором наша речь. Он отличался красотою, был благородного происхождения, богат, благочестив и обладал даром слова. Путем раздачи денег темничным стражам и воинам он имел невозбранный доступ в темницу; здесь святой Кодрат угождал содержимым в узах единоверным братьям, принося каждому потребное для него. Он с мольбами увещевал их быть мужественными, не обращать внимания на муки, поднимаемые из любви ко Христу Богу, приготовляющему вечное для них воздаяние в Своем Небесном Царстве.

Настал день суда. Проконсул[1799] Перенний, пришедший в Никомидию по повелению царя, сел в присутствии народа на судилище и приказал привести на допрос всех узников. Когда последние были приведены, начальник тюрьмы (комментарисий) сказал проконсулу:

– Господин мой! По повелению твоей власти толпа беззаконных христиан, до настоящего дня содержавшаяся в

темнице, ныне предстоит пред тобою на судилище! Тогда проконсул сказал рабам Божиим:

– Пусть каждый из вас назовет свое имя, сан, род и место происхождения.

На зрелище допроса христиан пришел также и блаженный Кодрат; заметивши, что некоторые из христиан упали духом и от страха побледнели, он побоялся, как бы из них кто-нибудь, не вынося даже самой мысли о мучениях, не отвергся Христа; поэтому, стоя позади всех, святой Кодрат громким голосом сказал:

– Мы именуемся христианами; по званию и положению мы рабы невидимого Бога, Господа Иисуса Христа, а город и отечество наше небо, где Бог вселяет уповающих на Него. Слышишь ли ты это, проконсул?

Проконсул почти до ужаса удивился смелости святого Кодрата и сказал слугам:

– Схватите этого глупца и подведите ко мне поближе.

Услышавши слова проконсула, блаженный Кодрат, протеснившись через толпу, поспешно подошел сам и стал пред лицом проконсула, между тем как все обращали на него свои взоры. Осенив себя крестным знамением, святой Кодрат сказал проконсулу:

– Вот я сам добровольно, а не по принуждению подошел к тебе, чтобы держать слово за моих братьев и стать против диавола. Итак, скорее приводи в исполнение, что желаешь и, испытавши наше мужество, убедись, что мы непобедимые Христовы воины!

– Безумный! – сказал проконсул. – Прежде всего сообщи твое имя и род.

– Я уже тебе говорил, – отвечал святой, – что я христианин, а братья мои рабы Христовы; наше имя и благородство состоит в том, чтобы именоваться и быть рабами Христа.

– Послушайся меня, друг, – продолжал проконсул, – я доложу о тебе императору, и он назначит тебя воеводой, конечно, если ты принесешь жертву нашим богам.

– Проконсул, – отвечал святой, – не заблуждайся, утверждая что много богов: «Но у нас один Бог Отец, из

Которого все» (1Кор.8:6).

– Богов существует много, продолжал проконсул, но, впрочем, царь повелел в настоящее время принести жертвы только двенадцати богам[1800], которым и ты должен поклониться.

– Не следует быть многим властителям, – воззвал громким голосом святой Кодрат, – существует Единый Владыка, Один Царь и Бог, Господь наш Иисус Христос!

– А разве ты не слыхал, – продолжал проконсул, – того, что говорит Гомер[1801] о Посейдоне[1802] (Нептуне): «отец богов низвел облака, возмутил ветры, покрыл небо, страшно загремел, потому что поднялся Посейдон, дабы отнять землю» и прочее. Итак, слышишь ли ты про могущество Посейдона?

– Правду ли утверждает Гомер и прочие, подобные ему стихотворцы, о богах ваших или нет? – спросил блаженный Кодрат.

– Они говорят правду, – отвечал проконсул.

– Если же они говорят правду, – продолжал святой, – то не рассказывают ли они того, что ваши боги прелюбодеи, ненасытные и бесстыдные сладострастники, совершавшие противоестественные мерзости? Я поистине стыжусь за вас, что вы поклоняетесь таким богам, за дурные деяния которых вы сами судите обличенных в них людей! Итак, вы судите повинных в постыдных деяниях и в то же время считаете за богов, совершающих несравненно большее беззаконие. Не скорее ли следовало вам осуждать и подвергать наказанию богов за столь многочисленные и столь великие их бесчинства? Вы не щадите людей, преступающих закон, а богов, поступавших беззаконно, почитаете и восхваляете; таковые боги ваши по справедливости не боги, но неистовые мёртвые распутники!

На эти слова святого проконсул сказал:

– Так как ты начал осуждать богов, то я боюсь того, как бы на меня не разгневался царь, что я, по долготерпению, попускал тебе хулить языком богов. Поэтому измени скорее образ мыслей, чтобы тебя не схватили тотчас же руки мучителей!

– Моей решимости, – продолжал святой Кодрат, – от меня никто отнять не может: ни ты, ни царь твой, ни даже сам отец ваш сатана.

Разгневанный проконсул приказал снять со святого одежду, положить его нагого на земле и бить жилами со словами: «скажи свое имя». Но святой молчал, не отвечая ни слова. Тогда проконсул стал расспрашивать о святом мученике окружающих: кто он такой и как ему имя? Знающие святого отвечали проконсулу, что мученик знатного рода и имя ему Кодрат. Тогда проконсул сказал палачам:

– Пощадите его и освободите!

Когда таким образом святой был освобожден от мучений и одет, мучитель подозвал его к себе ближе и спросил:

– Что это ты сделал с собою и с нами, не сообщивши нам о своем высоком роде? Ведь мы по неведению о твоем знатном происхождении причинили тебе бесчестие, а ты сам на себя и на род твой навлёк укоризну. И почему, считая ни во что свой знатный род, ты присоединился к безрассудной христианской вере?

– «Желаю лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс.83:11), – отвечал святой.

– Покорись мне, – продолжал мучитель-проконсул, – и принеси жертву богам, чтобы тебе не умереть как злодею! Ужели ты не слыхал о приказании царя и всех советников его, которым они определили, чтобы на земле не жил ни один христианин, и освободили от христианского заблуждения многих добрых и удивительных мужей?

– «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей» (Пс.1:1), не прельстившись обольщением сего суетного мира; те же, которые соблазнились и послушались вас, погибнут, как прах, возметаемый ветром с лица земли (Пс.1:4), и уже погибли!

Соблазняя святого Кодрата, проконсул говорил ему обольстительные речи со слезами и вздохами; под конец же сказал:

– Кодрат, добровольно избирая смерть, не лишайся этого дорогого человеку света, не лишайся этой сладостной жизни.

При этих словах соблазнитель утирал платком свое лицо.

– Хищный пёс! – отвечал проконсулу святой мученик. – Не думай змеиным коварством и притворными слезами обольстить меня! Ты отнюдь не уловишь меня – раба Божия!

При проконсуле Перенниии находился полководец Максимиан. Последний сказал святому:

– Недоброжелательный человек! Мой честнейший господин – проконсул сожалеет тебя, а ты его оскорбляешь.

Святой отвечал:

– Пускай он, если родился на погибель, плачет о себе и о часе своего рождения, а ты-то зачем нас укоряешь? Если проконсул совершает суд, то кто такое ты, говорящий на суде перед ним? Для нас достаточно одного судьи, если же и ты желаешь производить суд над нами, то да уничтожит тебя Господь наш Иисус Христос!

Начальник тюрьмы после этого сказал проконсулу:

– Владыко! Клянусь твоим могуществом, что если ты попустишь ему дерзко говорить, то он осмелится после этого произнести оскорбление и хулы и на самих самодержцев, и мы подвергнемся немалой опасности!

– Поистине, – отвечал святой, – говорит святое Писание: «Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника (Христа) Его» (Пс. 2, 1–2), вот и теперь Христос осуждается людьми безрассудными и страдает своими членами, каковы верные рабы Христовы.

– Обнаживши сего негодяя, – сказал проконсул, обращаясь к слугам, – бейте его сильнее первого и до тех пор, пока он не станет повиноваться царским законам и не поклонится богам!

Во время вторичных побоев святой Кодрат говорил:

– Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, что Ты, ради Твоего святого Имени, сподобил пострадать меня, грешного и недостойного раба Твоего, чтобы мне быть сопричисленным к возлюбленным рабам Твоим. Благодарю Тебя и молю, исполни меня Святым Твоим Духом, вразуми и даруй силы сохранить неизменною веру, просвети меня Твоею премудростью, чтобы не осилили меня беззаконные. Будь мне помощником, Владыка

мой! Теперь время для Твоей помощи, теперь час Твоего заступления! Укрепи меня, чтобы через Твоего раба прославилось святое Твое имя! Приведи меня к небесному Отцу Твоему и представь меня пред Ним, говоря: и сей раб Твой! Ей, Господи Иисусе Христе! Помоги мне успешно совершить мой подвиг!

Так молился святой, между тем наносившие побои палачи вследствие утомления сменялись пять раз, – столь продолжительное время подвергался побоям святой! От жестоких побоев спина блаженного мученика припухла на один локоть[1803], кровь лилась потоком и плоть отпадала от костей.

– Хотя теперь, – спросил проконсул, – веруешь ли, Кодрат, нашим богам?

– «Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его» (Пс. 2:2).

– «Их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих», – отвечал святой. – «Есть у них уста, но не говорят… Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них» (Пс. 113:12–13).

– Обращаясь к нам с непонятною речью, ты думаешь, – сказал проконсул, – скрыть свою хулу на богов?

– Тебе, ослеплённому безумцу, – отвечал святой, – тёмной представляется светлая истина, а темнота – обольщения века сего – является для тебя светом! Послушай же меня, говорящего тебе словами святых отцов. Пусть станет тебе известным, что я не принесу жертвы твоим богам и не стану повиноваться повелению царя и его советникам. Итак, если ты желаешь меня мучить – приводи в исполнение свою волю и через это скорее отошли меня пред лицо Царя Небесного!

– Клянусь богами, – говорил мучитель, – что я не буду щадить тебя, но изумительными мучениями и жестокою смертью погублю тебя окаянного!

Уже при солнечном закате святой был освобожден от мучений и с прочими христианами отведен в темницу. Причем проконсул приказал подсыпать под спину мученика мелких гвоздей, на грудь наложить огромный камень, забить его ноги в колодки[1804], а всё тело заковать в тяжёлое железо. В таком

положении святой был оставлен в течение многих дней: он мужественно переносил столь тяжкие мучения, каких невозможно претерпеть человеку и остаться в живых, – то всесильная десница Христова укрепляла страдальца для прославления Своего Божественного могущества.

По прошествии долгого времени проконсул Перенний решил отправиться в Никею[1805] и приказал вести за собою содержащихся в заключении христиан вместе со святым Кодратом. В Никее проконсул в языческом храме приносил жертву бесам и туда же приказал привести христиан, чтобы и их принудить к тому же. Когда рабы Христовы были приведены к бесовскому храму, святой Кодрат упросил воинов, чтобы они его первоначально ввели внутрь храма к проконсулу: силою Христовою святой Кодрат, после перенесенных тяжких мучений, был здоров и невредим и, идя впереди полка христиан, сиял лицом, обнаруживая вместе с телесною силою и крепостью и душевное мужество. Когда святой Кодрат раньше других был введен в капище, он изумил мучителя. Ужас объял проконсула после того, как он увидел, что святой здоров телом и весел лицом.

– Принеси жертву богам! – приказывал проконсул.

– Я раб Иисуса Христа, – отвечал святой, – и Ему приношу в жертву себя самого, а ваши боги, которые не сотворили ни неба, ни земли, пускай погибнут!

– Покорись царским, а не Христовым законам, – продолжал проконсул.

– Я покоряюсь законам Царя Небесного, – отвечал святой, – а не безумному повелению не знающих Бога людей. Впрочем, Святое Писание повелевает нам молиться за них, дабы они обратились и уразумели истину.

Проконсул отвечал:

– Если ты совершаешь молитву за царя, то и заповеди его должен исполнять, потому что и в ваших Писаниях пишется: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22:21).

– Ты справедливо говоришь, заметил святой, что кесарево кесарю, а Божие Богу воздавать следует. Вот я отдал царю предназначенное для него в то время, когда откупался пред

ним за мои имения, а для Бога я еще обязан окончательно привести в исполнение следуемое по отношению к Нему благоверие. Земной царь повелел, чтобы христиане или принесли жертвы идолам, или умерли. И мы готовы за Христа – Бога нашего умереть, не только один, а много раз!

– Знаешь ли ты, – спросил проконсул, – какое множество христиан принесло жертву нашим богам, и ужели ты думаешь быть гораздо лучшим их?

Святой Кодрат отвечал:

– Как не преклонивший колен моих пред идолами, я поистине гораздо лучше всех тех, которые отступили от своего Бога Создателя. Где же те, которые принесли жертву вашим Богам? Я не замечаю их!

Проконсул приказал призвать таковых. Между тем святой стал просить, чтобы его развязали, так как он доселе был связан. Проконсул, предполагая, что святой желает поклониться богам, приказал развязать его. А он, быстро подойдя, схватил за ноги огромного идола, опрокинул его на землю и разбил, а затем устремился было и на других идолов, но воины и жрецы удержали его. Тогда проконсул, разгневавшись, приказал повесить святого за стенами капища и строгать острым железом по всему телу. Между тем подошли отступившие от христианской веры, и святой Кодрат, претерпевая мучения, говорил к ним.

– Окаянные! Что претерпевши, вы так поспешно отверглись Христа – Владыки и добровольно предались диаволу? Разве вы не верили в то, что будет воскресение мертвых, Суд Божий и бездны ада? Разве не слыхали о неугасимом огне и неусыпающем черве? Какой ответ дадите вы в преславный и великий день пришествия Спасителя нашего Иисуса Христа, Который будет судить живых и умерших? Откройте умственные взоры ваши и посмотрите, от чего вы отпали? Из-за временной и ничтожной жизни вы оставили вечное и небесное Царство. Пренебрегши сладостнейшим и милосерднейшим Владыкою, вы отдались в рабство негодного раба диавола, который, если возобладает кем-либо, то бьёт того и убивает. Когда придет Господь наш, Он свяжет диавола несокрушимыми узами и

ввергнет в огненную бездну вместе с теми, которые отдались в рабство ему. Поймите же, что сделали вы! Убоявшись кратковременного мучения, вы предались мучению вечному. Вы сами увидите будущее, когда предстанете пред справедливым Судом Иисуса Христа, Который воздаст каждому по делам его. Разве вы не слыхали написанных в святом Евангелии слов Господних: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне (огненной)?» (Мф. 10:28).[1806]

Когда святой произносил эти слова, падшие со слезами возопили, говоря громким голосом:

– Раб Божий, мы побоялись мучений и как скоты бессловесные соблазнились; как заблудившиеся овцы, мы стали пищею волков и растерзаны. Нас пленили наши грехи и вот, пожелавши пожить здесь малое время, мы умерли для будущей вечной жизни. Что делать нам, окаянным – не знаем!

Заметивши их слёзы, блаженный Кодрат исполнился радости и сказал.

– Братия! Дерзайте и не отчаивайтесь! Христос Господь милостив, – припадите к Нему с покаянием и слезами и станьте открыто за Христа, дабы всякий из вас имел возможность своею кровью очиститься от своих грехов.

И вот, павши на землю, отступившие от Христа в течение долгого времени горько плакали, посыпая пеплом головы и ударяя себя камнями по персям. От их плача и рыдания поднялся такой вопль, что сбежались жители всего города Никеи и дивились столь чистосердечному их раскаянию об отступлении от веры.

Выйдя на этот вопль из идольского храма и увидав происходящее, проконсул приказал сильнее строгать святого мученика и подпаливать горячими свечами его остроганные рёбра. Святой же долго и усердно молился Богу за кающихся, дабы принято было их обращение. Когда же, оканчивая молитву, он произнес: «Ей, Владыка, Господи Иисусе Христе, да будет душа моя за души их, – только их помилуй», – тогда немедленно производившие мучение палачи ослабели и как мёртвые пали на землю. Между тем святого Кодрата и всех

стоявших там связанных и кающихся христиан осенило светлое облако. Проконсула же и его советников вместе со всеми язычниками объяла тьма; ужас напал на них, и они затрепетали от страха, полагая, что вот-вот распадется и город.

После долгого молчания верующие услышали с высоты пение святых Ангелов, хвалящих и славящих Бога. По прошествии двух часов тьма стала рассеиваться, и язычники, обращая взоры на святых, стали замечать небесный свет. Проконсул, едва только пришел в себя, как немедленно повелел схватить всех тех, которые, под влиянием увещательных слов мученика, снова с покаянием обратились ко Христу. Связавши их вместе с прочими находившимися на судилище христианами, он повелел отвести их в темницу. Тотчас также и святого Кодрата, отвязав от дерева, он опять заключил в прежние узы.

Утром следующего дня проконсул Перенний снова открыл суд, приказав вывести из темницы всех находившихся там христиан, кроме святого Кодрата. В течение всего того дня он производил допрос над ними, ласками и мучениями склоняя к принесению омерзительных жертв. Заметив, что христиане непоколебимы и непреклонны в исповедании своей веры, Перенний, после многих побоев, приказал каждого отвести в родной для него город и там сжечь. И все святые страдальцы пошли в великой радости, прославляя Бога. И так каждый из них скончался, будучи сожжен в своем отечестве, и переселился в отечество небесное.

После этого проконсул отправился из Никеи в Апамию[1807], ведя за собою и святого Кодрата. Он пришел и сюда затем, чтобы хватать христиан, принуждая приносить жертвы идолам. Ему приказано было императором Декием обходить города и страны, предавая мучениям и смерти христиан, не желавших поклоняться богам. Придя в Апамию, проконсул Перенний вступил в капище, поклоняясь идолам. Приведя сюда и святого мученика Кодрата, он спрашивал его:

– Принесешь ли ты, лукавый волшебник, жертву богам или нет?

Мужественной душою святой Кодрат отвечал:

– Называй волшебно-лукавым своего отца сатану, потому что он таков действительно. А я христианин и не знаю ни волшебства, ни лукавства и не принесу жертвы бесам!

Тогда проконсул сказал своим друзьям:

– Какое мучение причиню я этому окаянному христианину, не знаю!

Они же молчали, так как видели, что мученик уже не имеет тела, только лишь голые кости, а всё тело было растерзано и сострогано. Мучитель приказал посадить святого в дерюжный мешок и туда же насажать к нему всякого рода гадов, а затем бросить его в один глубокий и болотистый ров, что и было исполнено. Наутро мучитель, считая святого уже умершим, приказал вытащить его изо рва, и к всеобщему удивлению святой оказался невредимым. Мученик, устремив свой взор к небу, сказал:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, так как стрелы младенцев (умом) соделались для них же язвами и ослабела у них крепость их. Меня же Ты укрепил и даровал мне силу к посрамлению их для прославления Твоего святого имени.

Затем святой сказал проконсулу:

– Безрассудный! Замечаешь ли ты, что хитрость твоя не имеет никакого успеха? Делай со мною еще что-либо худшее, делай скорее, не тратя времени понапрасну.

– Окаянный, – отвечал в бешенстве проконсул, – я буду мучить тебя в продолжении всего пути, хотя ты и уповаешь на свое волшебство.

Потом Перенний отправился в Кесарию, взяв с собою и святого мученика; здесь, совершая по обычаю в капище жертвоприношения, он призвал к себе святого и сказал ему:

– Для тебя довольно всяческих мучений, – подойди же, наконец, и принеси жертву богам!

– Ты играл, – отвечал святой, – со мною мучениями, и я поистине удивлялось, что ты ослабел уже, производя их надо мною. Я же, принимая мучение, не ослабеваю, но желаю претерпеть за Бога моего такие же и даже более лютые.

Тогда проконсул в гневе снова приказал без пощады бить святого жилами по нагому телу, растянув его на мучилищном

бревне. Впрочем, биты были только лишь нагие кости, так как не было на них тела. Во время побоев святой пел: «Много теснили меня от юности моей, но не одолели меня. На хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои» (Пс. 128:2–3). Между тем проконсул кричал палачам:

– Бейте сильнее, так как он не ощущает мучений.

Обратившись к мучителю, святой сказал:

– Бей, бей смиренный мех мой, ибо когда терзается последний, – сильною делается душа моя!

– Окаянный, – воскликнул проконсул, – я полагаю, что ты одержим злым бесом!

– Не только не одержим я бесом, – отвечал святой, – но, напротив, сам владею отцом вашим сатаною, и не только им одним, но всеми его слугами, и, по благодати Христа моего, я повелеваю всем воинством его: меня боится и трепещет вся преисподняя сила, видя на мне страшное и непобедимое знамение Иисуса Христа и пребывающую со мною Его благодать.

Затем, немного помолчав, святой воззвал:

– Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков.

Присутствовавший же при этом народ кесарийский воскликнул «аминь!», ибо среди народа было много христиан. Тогда в бешеном гневе проконсул приказал схватить из среды народа каких-то двоих мужей, стоявших поблизости, выдававшихся своим благородством и, обнажив, немедленно повесить их на месте мучений, и бить, и строгать их тело. Палачи, оставив святого Кодрата, стали подвергать мучениям тех двоих христиан, которых звали: Саторин и Руфин. Они были терзаемы до тех пор, пока готовы были выпасть на землю их внутренности. Во время мучений Саторин и Руфин умоляли святого Кодрата и всю предстоящую братию, дабы они молились за них ко Господу. Святой Кодрат, воззвав к Богу, произнес:

– Господи Иисусе Христе, Сын невидимого Отца! Пошли помощь рабам Твоим, милостиво взгляни на смиренных и помилуй их! Дай терпение и непобедимую крепость Твоим

страдальцам, чтобы они, претерпев до конца, победили и посрамили восстающего против них врага!

Прошло много времени, – святые мученики молчали, так как были не в состоянии говорить от сильных страданий. Наконец мучитель приказал отвязать их и отсечь им головы. Таким образом двоица святых мучеников, Саторин и Руфин, взошли на небо к сущему в двух естествах Господу Христу, за Которого они пострадали.

После этого проконсул Перенний, удалившись из Кесарии, пришел в Аполлонию[1808], всюду водя за собою святого Кодрата, забирая для мучения также и других христиан. Вступив в храм Аполлона, Перенний сказал мученику:

– Познай богов, и будешь здоров: я прикажу врачам заботиться о тебе. Итак, подойди к богу Асклипию[1809], и он исцелит тебя. Побойся величия богов: почти великого Аполлона[1810], и Иракла[1811], и царя всех богов Зевса[1812], славного Арея[1813] и страшного Посейдона. Разве ты никогда не плавал на корабле по морю и не замечал грозной силы бога! Поклонись и сияющему с небес на землю солнцу. Разве оно умерло и его нет более на небе?

Святой Кодрат отвечал:

– Я поклоняюсь Истинному Богу Отцу и Единородному Его Сыну и Святому Духу и трепещу пред Его могуществом, величеством и неприступной славою. Я всегда хвалю и прославляю Его неизреченную силу и всемогущество, мёртвым же кумирам я не буду кланяться и не стану почитать дела рук человеческих: я не боюсь ни бесов, ни тебя, обладающего кратковременной властью. По прошествии немногих дней я отойду к моему Богу, ты же вечно будешь горько стонать, потому что не захотел познать Бога, даровавшего тебе настоящую жизнь. Сын сатаны, брат диавола, сообщник бесов нечестивых, превосходящий свиней своим бессловесием, бешеный пес, кровопийца, змей, алчнее зверей пожирающий омерзительные мяса в капищах. Ужели вы не стыдитесь вашего безумия и не понимаете вашего ослепления? Вы закалаете в жертву богам скотов и птиц, – разве боги ваши, будучи бездушными, испытывают голод? Поднеси пищу к устам идола, разве он

вкусит её? И если боги ваши требуют жертв, то спроси, пускай ответят, какой-либо из богов ваших, каменный или деревянный, чего он желает, чтобы заколали ему, козу ли, вола ли, или курицу? О погибельные! Сами впали в погибельный ров и нас желаете столкнуть в него.

Проконсул, придя от этих слов в неистовую ярость, приказал возливать на язвы святого уксус с солью, растирать их волосяными верёвками и прикладывать к ребрам раскаленное железо. А затем, так как день уже склонялся к ночи, мучитель приказал бросить страдальца в темницу. Наутро проконсул вышел из Аполлонии, направляясь к Геллеспонту[1814], ведя за собою связанными и захваченных христиан; вместе с ними везли и святого мученика Кодрата, ибо от жестоких мук он не мог даже двигать ногами. Проконсул, миновав реку, называемую Рунток, был встречен воеводою той области. Из окрестных селений собрались также большие толпы христиан как будто навстречу проконсулу Перенниию, а на самом деле, – желая видеть и почтить святого великомученика Кодрата, слава о котором распространялась по всей Азии и по всей вселенной. Проконсул, вступив вместе с областеначальником во встретившееся на пути селение, переночевал в нем; с наступлением дня он пожелал принести жертву бесам, так как в селении было множество идолов – вместе с тем, конечно, он желал принудить к принесению жертв и христиан. Прежде всего проконсул приказал поставить пред собою святого Кодрата, и так как он не имел сил идти пешим, то его к капищу привезли на колеснице. Но хотя святой Кодрат и слаб был телом, тем не менее на взгляд казался веселым, улыбаясь и веселясь о Боге Спасителе своем. Там стоял весь собравшийся народ, желавший видеть страдания Христова мученика. Проконсул спросил Кодрата:

– Кодрат! Надумал ли ты познать богов, или по-прежнему пребываешь в своем безумии?

Святой громогласно отвечал:

– Я с младенчества научен познавать Истинного Бога Христа; я – христианин от чрева моей матери, и другого Бога не знаю, кроме Того, в Которого верую с пелёнок!

Тогда проконсул приказал разжечь громадный костер, поставить на нем железное ложе и, когда оно накалилось, положить мученика.

– Не нужно, – сказал при этим святой, – чтобы меня кто-либо вёл и клал на это ложе, – я сам на него войду!

И вот, укрепленный силою Христовою, он сам пошел в огонь и, осенивши себя крестным знамением, возлег на раскаленном ложе и почивал на нем как будто на мягкой постели, совершенно не испытывая вреда от огня. Огонь, потеряв свою естественную силу, служил рабу Божию, настолько лишь доставляя ему теплоты, сколько было необходимо для успокоения многотрудного и многоболезненного тела святого мученика. Слуги диавола между тем подкладывали под ложе смолу, масло, хлопок, а святой воспевал: «Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. Да постыдятся и посрамятся ищущие души моей» (Пс. 69:2). Насмехаясь над мучителем, говорил:

– Твой огонь холоден, и железо этого ложа гораздо мягче твоего ожесточенного сердца. Ты хорошо поступил, приказав мне, утомленному в дороге, отдохнуть на этой мягкой постели!

С такими словами святой поворачивался на ложе, как будто на постели. Прошло много времени, а святой мученик оставался в огне живым, здоровым и неповрежденным; тогда мучитель, пылая гневом, приказал, сняв святого с ложа, отсечь ему за селением голову. Вышед из огня твёрдыми ногами, святой уже более не нуждался в колеснице или поддерживающих, но сам собою пошел к месту казни, воспевая во время пути:

– «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их» (Пс. 123:6).

С ним вместе пели и некоторые из братий, следовавших за ним. И, воздав благодарение Богу, он склонил под меч свою честную главу.

Так скончался святой великомученик Христов Кодрат, будучи усечен мечом в десятый день месяца марта, в который увенчался мученичеством вместе со своею дружиною и соименный ему друг его, Кодрат Коринфский, что было в

царствование над греками и римлянами Валериана, а над христианами в бесконечное царствование Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память преподобной матери нашей Анастасии, переименованной Анастасием скопцом

Память 10 марта

В правление императора Юстиниана Великого[1815] в Константинополе проживала некая благочестивая, богобоязненная вдова, дочь богатых и благородных родителей, первая патрицианка в царском дворце по имени Анастасия[1816]. Сохраняя в сердце своем страх Божий, она неуклонно и внимательно соблюдала заповеди Божии. Анастасия, обладая выдающейся телесной красотой, еще более выдавалась красотою душевною: она была столь кротка и добронравна, что все, зная её жизнь, смотрели на нее как на образец, и многие старались подражать её добродетелям. И сам царь весьма почитал Анастасию; но сеющий плевелы, завидующий добродетельным, непрестающий вести войну с родом человеческим и поселяющий ссоры среди людей диавол навлек и на блаженную Анастасию ненавистную вражду. Он возбудил против святой ненависть в царице Феодоре[1817], и последняя стала гневаться на неповинную рабу Божию. Услышавши о том от одного расположенного к ней человека и будучи исполнена Божественного разумения, Анастасия, собравшись с мыслями, так рассуждала сама с собою:

– Анастасия! Непременно спасай душу свою, пользуясь настоящей напастью как благовременной. Избавь и царицу от греха несправедливой ненависти, да и для самой себя исходатайствуй Царство Небесное!

Поразмысливши таким образом сама с собою, Анастасия тайно наняла корабль и, захвативши некоторую часть принадлежавшего ей золота, – всё же прочее оставив, – никем не замеченная отплыла в Александрию[1818]. Создавши здесь в одном месте на расстоянии пяти поприщ[1819] от города небольшой монастырь, она проживала в нем, трудясь для Бога и стараясь угождать Ему Единому. Анастасия всегда держала в руках приличествующее для ее пола рукоделье, а на устах

непрестанное пение псалмов и славословие Бога. Созданный ею монастырь, именовавшийся по имени основательницы патриции Анастасии патрикийским, впоследствии, еще до времени мусульманского владычества[1820], сделался большим и славным, изобилующим всяким достатком. Но возвратимся к первоначальной речи об Анастасии.

По прошествии нескольких лет после удаления святой Анастасии из Константинополя гневавшаяся на нее царица Феодора скончалась. Царь, вспомнивши о патрицианке Анастасии, разослал повсюду послов, отыскивая ее с большим старанием. Скоро проведавши о том, агница Божия ночью оставила свой монастырь, удалилась в скит к авве Даниилу[1821] и сообщила этому блаженному старцу обо всем, с нею случившемся. Тогда старец Даниил облёк ее в мужскую монашескую одежду, назвал вместо Анастасии Анастасием евнухом, отвёл в одну находящуюся вдали от Лавры пещеру, затворил ее там; преподавши Анастасии правило и устав жизни, он приказал ей ни самой никуда не выходить из пещеры и не дозволять к себе приходить никому.

Одному из прислуживавших при нем братий Даниил указал место около пещеры, куда и приказал ему однажды в течение недели приносить небольшой хлеб и кувшин воды и класть всё это на указанном месте пред пещерою, а затем, приняв молитвенное благословение от затворника, немедленно удаляться. Здесь-то непоколебимая, мужественная Анастасия безвыходно, никем невидимая, прожила двадцать восемь лет, строго соблюдая назначенное старцем правило. К Анастасии никто не приходил, и никто, кроме приносящего хлеб и воду брата, не знал о ней. Но и последний не знал того, что она женщина по природе, а считал ее за мужчину-евнуха. Кто же в состоянии постигнуть своим умом, или пересказать языком, или передать письменно труды и подвиги святой Анастасии, принесенные в одиночестве Богу в течение двадцати восьми лет в пещере? Слёзы, стенание, рыдание, бодрствование, пение, молитвы, чтение, стояние, коленопреклонение, пост, лишение необходимого, а больше же всего бесовские нападение и борьба с ними, постоянно напоминавшими об

оставленных в миру сладостях плоти и всяческих иных мирских наслаждениях?! Каким образом всё это отражала и побеждала и притом пребывала безвыходно в течение всех дней тех лет та, которая ранее сего, в звании боярыни и первой патрицианки, долгие годы прожила в царских чертогах, проводя иногда время со множеством женщин и мужчин за мирскими трапезами и удовольствиями? Невольно ужасается ум при мысли, как всем сим пренебрегла святая Анастасия и изгладила обо всем том воспоминание из ума своего! Как достигла она такого смирения, поста, воздержания и тесноты скорбного пути? Столь доблестно подвизаясь, святая соделалась сосудом Святого Духа и, до конца угодивши Богу, приблизилась к своей блаженной кончине.

Провидевши заранее свое отшествие к Богу, Анастасия так написала на черепице старцу Даниилу:

– Святый отче! Захвати с собою с поспешностью ученика, который приносит мне хлеб и воду, возьми также и необходимые для погребения орудия и приди, чтобы похоронить твое чадо – евнуха Анастасия.

Написавши это, Анастасия положила черепицу вне пещеры пред дверями. В то же время и старец, узнавши об этом из бывшего ему ночью откровения от Бога, сказал своему ученику:

– Чадо! Поспеши к пещере, где проживает наш брат евнух Анастасий и осмотри около пещеры. Там ты найдешь исписанный черепок, захвативши который, возвращайся поскорее к нам.

Удалившись и найдя по слову старца исписанный черепок, брат принес его старцу. Прочитавши написанное на черепке, старец Даниил прослезился и, захвативши всё необходимое для погребения, отправился с означенным братом к пещере. Открывши последнюю, они нашли евнуха одержимого горячкою. Авва Даниил, припавши на грудь евнуха, плакал, говоря:

– Блажен ты, брат Анастасий, потому что непрестанно имея попечение о смертном дне и часе, ты презрел земное царство!

– Блажен и ты, – отвечала на сие Анастасия, – новый Авраам!

– Итак, – продолжал старец, – помолись о нас ко Господу.

– Честный старец, – отвечала Анастасия, – в сей час я более нуждаюсь в ваших молитвах.

– Если бы я последний день своей жизни окончил прежде тебя, тогда и я помолился бы о тебе, – продолжал старец.

Тогда Анастасия, севши на рогожу, облобызала голову старца и, молясь о нем, произнесла слова благословения. Старец, взявши своего ученика, приблизил его к ногам святой, говоря:

– Благослови сего моего ученика, а твое чадо.

– Предстоящий предо мною в сей час, дабы освободить меня от сего тела, Бог отцов моих, – сказала Анастасия, – знающий мои шаги в сей пещере и лишения жизненные ради Его имени и видящий настоящую телесную болезнь мою, Он да упокоит на нем дух отца его, подобно тому как почил дух Илиин на Елисее!

Обратившись затем к старцу, евнух произнес:

– Отче, Господа ради не снимайте с меня одежды, в которую я облечен, дабы никто не узнал того, что касается моего пола.

Причастившись затем Пречистых Христовых Таин, Анастасия сказала:

– Отче, назнаменуй меня знамением Христовым и помолись обо мне.

После этого Анастасия взглянула на восток, и лицо ее просияло как огонь. Затем, сама осенивши себя крестным знамением, Анастасия сказала:

– Господи, в руки Твои предаю дух мой, – и с этими словами скончалась.

После этого авва Даниил с учеником выкопали пред пещерою могилу, а затем старец, снявши с себя рясу, которую он носил, сказал ученику:

– Чадо! Одень брата.

Ученик, одевая святую, случайно заметил ее женские сосцы, высохшие наподобие сухих листьев и, не рассказывая о том старцу, умолчал. Честное тело Анастасии они похоронили с обычным надгробным песнопением.

Когда они возвращались затем домой, ученик сказал старцу:

– Отче, разве ты не знал, что евнух Анастасий была женщина?

– Да, чадо, я знал это, – отвечал старец, – и по той причине я одел ее в мужскую одежду и назвал Анастасием – евнухом, чтобы не было подозрение и чтобы никто о ней не узнал и повсюду не распространилась молва; относительно ее было много поисков со стороны царя по всем странам и в особенности же в этих местностях. Но вот, по благодати Божией, у нас она была сокрыта.

Затем старец подробно рассказал ученику всё житие святой, которое потом стало известно во всем мире и написано для пользы читающим и слушающим во славу Христа Бога, прославляемого во святых своих вовеки[1822]. Аминь.

Память иже во святых отца нашего Софрония Премудрого, патриарха Иерусалимского

Память 11 марта

Святой Софроний, самое имя которого означает целомудрие[1823], родился в Дамаске[1824] от благочестивых и целомудренных родителей; они были именитые граждане, и звали их Плинфос и Мира. С юности блаженный Софроний стал жить согласно своему имени, любя премудрость духовную и внешнюю и девственную чистоту сохраняя от утробы матери; обе эти добродетели: премудрость духовная и девственная чистота – называются целомудрием; так, по словам святого Иоанна Лествичника[1825], целомудрие есть общее название для всех добродетелей; и все их старательно усваивал целомудренный Софроний. Прежде всего он изучил внешнюю[1826] философию, за что и был прозван софистом, т.е. премудрым; это название «софист» в те времена было очень почетным, и его получали выдающиеся философы, например, Ливаний софист, знакомый святого Василия Великого. Желая после внешней философии приобрести духовную премудрость, блаженный Софроний обходил монастыри и пустыни отшельников и получал от богоугодных отцов пользу для своей души. Пришел он и в святой город Иерусалим и, посещая ближние монастыри, вошел в киновию великого Феодосия, где нашел инока Иоанна, прозываемого Мосх и Евират, саном пресвитера, человека добродетельного, притом весьма искусного и во внешней, и внутренней премудрости. Софроний привязался к нему всем сердцем, как сын к отцу, как ученик к учителю, и следовал ему всюду до самой его кончины, ходя с ним вместе по монастырям и пустыням, посещая святых отцов и записывая их жития на пользу себе, как об этом свидетельствует книга, написанная ими обоими, под названием «Лимонарь», или «Цветник», и одобренная на VII Вселенском соборе[1827]. В этой книге учитель святого Софрония часто называет его софистом, как равного себе в философском

образовании; но преподобный Иоанн называет блаженного Софрония не только софистом и господином своим, но даже отцом; он не смотрел на него, как на ученика, а как на своего друга, спутника и сотрудника, как человека выдающейся жизни, и, кроме того, он провидел духом, что Софроний будет великим пастырем и непоколебимым столпом Церкви Христовой. С этим преподобным Иоанном святой Софроний еще до своего пострижения прожил довольно долго сначала в Палестине, в той же киновии великого Феодосия, и в пустыне Иорданской, и в так называемом Новом монастыре, построенном святым Саввою, а потом оба, Иоанн и Софроний, покинули Палестину из страха перед нашествием персов и отправились в область Антиохии Великой. В это время царь персидский Хозрой Младший пошел на греческую землю войной по следующей причине. Мучитель Фока (как о том подробно пишет греческий историк Никифор) убил греческого царя Маврикия и захватил царский престол. А царь Маврикий когда-то оказал большое благодеяние Хозрою персидскому: когда Хозрой был изгнан из Персидского царства и бежал в Грецию, то Маврикий был ему вместо отца и помог ему своими богатствами и воинскою силою возвратить себе престол в Персиде; так установился прочный мир между греками и персами. Когда же услыхал Хозрой об убийстве благодетеля своего, греческого царя Маврикия, сильно пожалел о нем и, нарушив мирный договор с греками, пошел мстить за убиение Маврикия. Персидские войска вступили во многие греческие владения, главным образом в Сирию, Финикию и Палестину, и покорили их. Тогда святые отцы, проводившие в тех странах постническую жизнь, оставили монастыри и пустынные жилища свои и бежали, кто куда мог. В это самое время и святые Иоанн и Софроний ушли из Палестины; а после ухода их был взят персами святой город Иерусалим, и святое древо Животворящего Креста Христова вместе со святейшим патриархом Захариею было захвачено в плен; оно пробыло в Персии в плену четырнадцать лет, к великой скорби и сожалению всех христиан. Прежде пленения Иерусалима святые Иоанн и Софроний, как сказано было, зашли в область Антиохийскую и, по обычаю своему, подобно

пчелам, летающим по цветам и собирающим мед, обходили все места, где только слышали о добродетельных отцах, и, собирая духовный сот, слаще медового, записывали их жития в вышеупомянутую книгу «Лимонарь». Когда же и туда стали приближаться персидские войска, они отплыли в Египет, в Александрию[1828], где делали то же самое. Великую пользу принесли они всему потомству христианскому, описав деяния и поучения многих святых отцов, что видели они своими глазами и своими ушами слышали. Святой Софроний, когда прибыл в Александрию, не был еще пострижен в иноческий образ, что видно из шестьдесят девятой главы их «Лимонаря», где учитель Софрония, Иоанн Евират, говорит следующее:

– Пришли мы в Александрию, я и кир[1829] Софроний, брат мой, до пострижения его, и пошли к авве[1830] Палладию, мужу добродетельному и Божию рабу.

И еще в главе сто десятой он же говорит:

– Я с господином моим Софронием пошли в Лавру, отстоящую от Александрии в восемнадцати поприщах[1831], к одному старцу, очень добродетельному, родом египтянину, и сказал ему:

– Господин и отец, скажи нам слово, как жить нам друг с другом; кир софист (Софроний) хочет удалиться от мира и стать иноком.

Тогда сказал нам старец:

– Хорошо делаете, дети, что оставляете мир ради спасения своей души, сидите в безмолвии в келье, оберегайте свои помыслы и молитесь беспрестанно с надеждой на Бога, – Он даст вам Свой разум и просветит ваш ум.

Отсюда видна удивительная добродетель святого целомудренного Софрония: он, будучи мирянином, так много трудился, посещая в разное время монастыри и пустыни и с таким усердием искал себе душевной пользы, как бы встать на путь спасения, так что до пострижения в иноки уже был совсем как инок, проводя добродетельную иноческую жизнь. Потом он был пострижен учителем своим во время постигшей его болезни, от которой он думал, что умрет, и было ему видение; об этом учитель его пишет в сто второй главе следующее:

«Когда брат мой Софроний Премудрый был при смерти, стояли мы около него с аввою Иоанном Схоластиком, и сказал нам Софроний: «Мне казалось, что я иду какою-то дорогой и вижу целый хор девиц, которые с весельем говорили: «Пришел Софроний, венчался Софроний!» Потому девицы ликовали перед ним, что самое имя его означает целомудрие».

Вот что написал о нем его учитель. Выздоровев от болезни и уже будучи иноком, он еще больше трудился и заботился о своем спасении и спасении других.

В то время в Египте распространилась Севирова ересь[1832], и они оба с учителем много боролись с еретиками; мудрые и начитанные в Божественном Писании, они спорили с еретиками и побеждали их. За это святейший патриарх Александрийский Иоанн Милостивый[1833] очень любил их и почитал как искренних друзей, помогавших ему против еретиков и утешавших его в печали. В житии его, написанном Леонтием, епископом Неапольским, рассказывается, что святой Иоанн Милостивый имел обычай по средам и пятницам сидеть при входе в церковь, позволяя всякому желающему свободно приходить к себе, и выслушивал нужды всякого, помогал, улаживал раздоры и споры; так творил он мир среди людей. Если же случалось, что никто не приходил к нему, когда он так сидел, и ничего не просил никто у него, то он вставал печальный и со слезами уходил в свой дом, говоря:

– Нынче ничего не нашел смиренный Иоанн, ничего не принес Богу за свои грехи.

Блаженный же Софроний (о котором идет речь), друг его, утешая его, говорил ему:

– Право, отче, тебе нынче надо веселиться, потому что твои овцы живут мирно без раздоров и ссор, как Ангелы Божии.

Отсюда видно, в каком почтении и любви у этого святейшего патриарха были святой Софроний со своим учителем.

Оба эти святые обыкновенно старались каждый день поучаться чему-нибудь новому, видя или слыша что-нибудь полезное для себя. И случилось с ними следующее, как рассказывает о том Иоанн.

Я с господином моим Софронием премудрым пошли в дом Стефана Философа, жившего по дороге в церковь Пресвятой Богородицы, построенную патриархом Евлогием на восток от великого Тетрафила; был поддень. Когда пришли мы к дому философа и постучались в ворота, привратник сказал нам:

– Еще почивает господин мой, подождите немного. Тогда я сказал господину моему Софронию:

– Пойдем к Тетрафилу и побудем там.

Это место уважается жителями Александрии: говорят, царь Александр Македонский принес из Египта мощи святого пророка Иеремии и положил там, когда основывал в честь себя этот город. Придя туда, мы никого не нашли там, кроме трех слепых, и молча сели подле них со своими книгами. В разговоре друг с другом один слепой сказал другому:

– Друг, как ты ослеп?

А тот отвечал:

– Я в молодости был корабельщиком; когда мы плыли из Африки, мне очень много пришлось смотреть на море; на глазах у меня сделались бельма, и я ослеп.

Потом другой на вопрос, как он ослеп, отвечал:

– Я работал на стеклянном заводе и однажды, неосторожно делая стекло, обжегся; так от огня я потерял зрение.

Рассказав причину своей слепоты, два слепых спросили третьего, как он ослеп.

Тот отвечал им:

– Когда я был молод, я не любил трудиться и работать, а нравилось мне лениться; будучи же властолюбив и не имея, чем питаться, я начал воровать и делать много зла. Однажды я увидал: несут хоронить мертвеца, одетого в дорогие одежды; я пошел за носильщиками, чтобы посмотреть, где его положат; мертвеца похоронили у церкви святого Иоанна; когда настала ночь, я открыл склеп, вошел туда и снял с мертвого все, оставив на нем только рубашку. Выхожу я из склепа, а во мне говорят злые мысли: «Вернись, возьми и рубашку, ведь она очень хорошая». И вернулся я, окаянный, чтобы снять и рубашку и оставить мертвеца нагим. И вот встал мертвец, сел перед мною, поднял руки и пальцами своими ободрал мне лицо

и выцарапал мне оба глаза. Тогда я, окаянный, от беды такой и от боли едва вышел из склепа. Вот как я ослеп!

Услышав это, поманил меня господин мой Софроний, и мы ушли от слепых. И сказал мне Софроний:

– Правда, отец Иоанн, сегодня нечему больше учиться, достаточно полезного узнали, что никто, делая зло, не может укрыться от Бога».

Отсюда ясно, как оба эти святые, Иоанн и Софроний, заботились о ежедневной пользе себе. Словами «сегодня нечему больше учиться, мы сегодня достаточно полезного узнали» он показывает, что каждый день они старались приобрести какую-нибудь пользу себе.

Во время пребывания там, в Александрии, блаженный Софроний описал чудеса святых мучеников Кира и Иоанна в благодарность за исцеление своих глаз, потому что, когда заболели у него глаза и он прибег с молитвой и верой к тем святым бессребренникам-врачам, то получил от них просимое исцеление в их церкви, находившейся в Александрии; поэтому он усердно чтил их. Через несколько лет и Египту, где находится Александрия, начало угрожать персидское нашествие, и блаженным отцам Иоанну и Софронию пришлось бежать и оттуда; и святейший патриарх Иоанн Милостивый из страха перед варварами обратился в бегство. Вместе с ним они отправились в Константинополь и сели на корабль, желая быть вместе с тем, который не хотел с ними разлучаться. На пути святейший патриарх заболел и преставился в своем родном городе Алсафунте; прекрасную жизнь его и бесчисленные милости премудрый Софроний почтил похвальным надгробным словом; после погребения патриарха он отправился в древний Рим вместе с учителем своим Иоанном и с собравшейся около них братиею, до двенадцати человек; прожив же несколько лет в Риме, преподобный Иоанн, учитель Софрония, уже будучи старцем, отошел к Господу. Умирая же, он завещал возлюбленному своему ученику и духовному сыну Софронию блаженному не погребать его тела в Риме, но положить в деревянную раку и отвезти на гору Синайскую; если же нельзя будет достичь Синайской горы из опасения нападения варваров,

то погребсти его мощи в киновии святого Феодосия Великого[1834], где преподобный Иоанн был сначала иноком. Так он и сделал. Подобно ветхозаветному Иосифу, вынесшему тело Иакова из Египта к месту погребения отцов своих (Быт.50:12–13), он взял из Рима[1835] тело преподобного Иоанна, своего духовного отца, и отплыл с братиею в греческие земли. Приплыв же в Аскалон[1836] и узнав, что от варваров невозможно дойти до Синайской горы[1837], пришел в Иерусалим, занятый персами, и погреб тело отца своего духовного в Феодосиевой киновии и сам остался жить со своей братией в Иерусалиме; патриарший престол там занимал тогда Модест, вместо патриарха Захарии, бывшего в плену в Персии вместе с Честным Крестом. Спустя же недолгое время после прибытия святого Софрония из Рима в Палестину соизволил Бог возвратить из плена в Иерусалим святое Крестное Древо и патриарха Захарию. Это случилось так. Воевода Ираклий, убив царя-мучителя Фоку[1838] и заняв сам греческий престол[1839], начал войну с Персией и, одержав много побед над войсками Хозроя, владел его городами семь лет. Потом Сироес, сын Хозроя, убив своего отца и сам став персидским царем, старался примириться с греческим царем Ираклием; а царь Ираклий первым условием мира поставил то, чтобы царь персидский уступил Иерусалим грекам и возвратил Честное Древо святого Креста и с ним патриарха Захарию. Это было исполнено: с великою честью после четырнадцатилетнего плена было возвращено из Персии Крестное Древо, которое сам царь Ираклий нес на своих плечах в святой город (как о том написано 14 сентября); святейший патриарх Захария опять занял свой престол. Через несколько лет Честное Древо Животворящего Креста Господня тем же царем Ираклием было перенесено из Иерусалима в Царьград, чтобы столь великое христанское сокровище не взяли опять в плен какие-нибудь враги: действительно, потом опять Иерусалим был взят врагами, как о том будет сказано ниже. Патриарх же Захария недолго пробыл на престоле после возвращения своего из плена и отошел к Господу, а преемником его на престоле был опять Модест, но прожил только два года; по смерти же Модеста на

патриаршество в Иерусалим был избран святой Софроний. В это время возникла ересь монофелитов, иначе сказать, единовольников, признающих в лице Христа, в двух Его естествах, Божеском и человеческом, одну волю и одно действие, как будто бы каждое естество не имело своего особого, свойственного ему действия и желания; исповедующие такое учение хулят Христа, признавая Его несовершенным в обоих естествах. Об этой ереси подробнее написано в житии Максима Исповедника, 21 января. Особенно поддерживал эту ересь и распространял Александрийский патриарх, собрав у себя Поместный собор и повелев так веровать; ему последовал и Константинопольский патриарх Сергий, а за ним Пиррос и другие; многие тогда пострадали, не приняв этой ереси. Весьма воспротивился этой ереси святейший патриарх Иерусалимский святой Софроний и, собрав у себя Поместный собор, проклял эту ересь единовольников и разослал всюду списки постановлений своего собора, которые читались потом на VI Вселенском соборе, утверждены святыми отцами и приняты как правоверные. Писал же святой Софроний и много других полезных Церкви Христовой слов, поучений и гимнов и житий некоторых святых, например, святой Марии Египетской, прожившей, подобно Ангелам в пустыне дольше обыкновенной человеческой жизни[1840]. Он хорошо пас Божию Церковь, заграждая уста еретиков и далеко отгоняя их, как волков, от словесного стада.

Потом случилось опять по Божию попущению нашествие варваров на Сирию и Палестину, но уже не персов, а магометян,[1841] которые сначала взяли город Дамаск, а потом осадили город Божий Иерусалим и через два года заняли его. Когда греческое войско в Сирии было ими разбито и воевода Сергий убит, святейший патриарх Софроний с палестинскими христианами заперся в святом городе. Сохранилось его слово, сказанное народу в день Рождества Христова во время осады; в нем, как новый Иеремия, он оплакивает разорение и запустение святых мест, допущенное Богом за людские грехи. В особенности же он жалеет о том, что нельзя было дня Рождества Христова праздновать по обычаю в Вифлееме, так

как Вифлеем уже был в агарянских руках. В конце второго года осады доведенные до крайности христиане вынуждены были сдаться врагам и отворить им город. Но прежде святейший патриарх Софроний послал к князю агарянскому Омару условия мира, в которых первым было – не причинять никакого насилия и обиды христианской вере и святой Божией Церкви. Омар дал обещание исполнить это и другие условия. Когда состоялся договор, отворили христиане городские ворота агарянскому князю; он же, лицемерный и лукавый, притворился кротким и смиренным, как овца, будучи внутри хищным волком, оделся в изорванную одежду из верблюжьего волоса, вошел в город пешком и спрашивал, где церковь Соломонова, желая совершить там свои богомерзкие молитвы. Святейший Софроний вышел к нему навстречу и, увидев его в таком лицемерном виде, сказал:

– Вот, будет мерзость запустения на месте святом, предсказанная пророком Давидом!

И плакал он много со всеми христианами и убеждал князя снять рубище и одеться в подобающие ему княжеские одежды. Так святой город взят был агарянами и христианство притеснено тяжелым рабством. А нечестивый этот агарянский князь не сохранил условий мира, которые пообещал святейшему патриарху Софронию, и начал причинять многие беды иерусалимским христианам. При виде этого святой Софроний постоянно рыдал и молил Бога взять его душу от земли живых, чтобы не видеть ему более несчастий христиан и мерзости запустения, оскверняющей святые места, – и был услышан, вскоре окончив плачевную жизнь свою, и перешел[1842] от земного слезного Иерусалима к небесному радостному, в обитель всех веселящихся о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава вовеки. Аминь.

Страдание святого священномученика Пиония, пресвитера Смирнского, и прочих с ним

Память 11 марта

Апостол велит почитать памяти святых: «Поминайте, – говорит он, – наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие» (Евр 13:7); это для того, чтобы, вспоминая их веру, жизнь и добродетельную кончину, мы стремились им подражать. Так и память святого мученика Пиония нам подобает почтить, потому что он, когда был в миру, многих обратил к Богу от прельщения бесовского; он был мужем апостольским и, когда, получив венец мученический, отозван был к Господу, то оставил нам образец добродетелей, чтобы и доныне у нас была память о его учении. Начало же его страдальческого подвига случилось так.

В двадцать третий день шестого месяца (то есть февраля – шестого по счету от сентября), в который совершалась память святого священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, в городе Смирне[1843], где жило очень много иудеев, были схвачены нечестивыми эллинами пресвитер Пионий, Савина, ревнительница благочестия, Асклипиад, Македония и Лин, пресвитер соборной церкви: тогда было гонение на христиан в царствование Декия[1844]. Пионий же раньше этого дня узнал, что они будут схвачены в праздник святого Поликарпа. Поэтому, постясь с Савиною и Асклипиадом, он взял три сплетеные вериги, возложил на себя, на Савину и на Асклипиада и сидел дома, ожидая, когда придут их взять.

В самый день памяти святого Поликарпа, когда они после молитвы вкусили немного хлеба и воды, пришел Полемон, устроитель жертвоприношений идолам, вместе с воинами; он разыскивал христиан, чтобы привлечь их к принесению скверных идольских жертв, и сказал Пионию:

– Знаете ли вы царский приказ? Знаете, что вам повелевается принести жертвы богам? Пионий отвечал:

– Мы знаем заповеди Бога нашего, которыми Он повелевает Ему Единому поклоняться.

– Идите на собрание, – сказал Полемон, – там покоритесь вы и против воли. Отвечали Савина и Асклипиад:

– Мы покоряемся Богу Живому.

И вел их Полемон без принуждения, а народ, видя, как они добровольно несут оковы, бежал за ними, тесня друга друга, словно на невиданное какое чудо.

Когда пришли святые на собрание к градоначальникам, бесчисленная толпа эллинов, а еще больше иудеев, заняла все места во входах и горницах. Поставив святых посредине, Полемон сказал:

– Пионий! Покоритесь царскому повелению, как другие покорились, и принесите жертвы богам, чтоб не быть вам жестоко мучимым.

Пионий же простер руку и со светлым лицом начал говорить к народу:

– Жители смирнские, вы, которые хвалитесь красотой города и тем, что здесь жил Гомер[1845], и иудеи, присутствующие здесь, послушайте немногие слова, которые я скажу вам. Я слышу, вы смеетесь и радуетесь, что пришли к вам некоторые из нас; вы считаете смехом и игрушкой тот грех, что приносят жертву идолам не по своей воле, а по принуждению. Но вам, эллинам, надобно послушать учителя своего Гомера, говорящего, что нехорошо радоваться погибели человека. Вам же, иудеи, Моисей повелевает: «Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его: развьючь вместе с ним» (Исх.23:5).

Также нужно вам послушать и слова Соломона: «Не радуйся, когда упадет враг твой; и да не веселится сердце твое, когда он споткнется» (Притч.24:17). И я, слушая моего Учителя, предпочитаю умереть, чем преступить Его слова, и всеми силами стараюсь не отступать от Его заповедей, которым я издавна научился сам, а потом научил и других. Что вы смеетесь над нами, иудеи? Если мы вам и враги, как вы говорите, однако мы люди; вы говорите, что мы вас обижаем, когда говорим правду; но скажите: кого мы обидели, кого гнали,

кого принуждали кланяться идолам? Не считаете ли вы своих грехов равными грехам тех, которые теперь от страха перед людьми преступают Божию заповедь и кланяются идолам? Но вас кто принуждал служить Веельфегору[1846] или съедать жертвы мертвых[1847], или смеяться с дочерьми иноплеменников, или приносить в жертву бесам своих сыновей и дочерей, или роптать на Бога, или злословить Моисея, или задумывать снова возвратиться в Египет? Я уж не говорю о других ваших делах; а вы еще говорите, что никто не может вас прельстить: разве вы не читали своих книг: Исход, Судей, Царств и прочих, в которых вы обличаетесь. Вы указываете нам на некоторых из нас, которые не по принуждению, а по своей воле обратились к идолам, и из-за этих немногих вы обличаете и осуждаете всех христиан. Но, иудеи, подумайте вы о настоящей жизни: она похожа на гумно, где стоит на земле большой стог, – чего? Плевел или пшеницы? Когда же придет работник веять лопатою, тогда легкие плевелы легко относятся ветром, пшеница же остается на земле. Посмотрите на невод, закинутый в море: все ли, что попало в него и вытащено, хорошо? Нет. Так и настоящая жизнь. Как же вы хотите, чтоб мы страдали: как виновные или как невинные? Если – как виновные, то и вам нужно также пострадать, когда сами дела ваши уличают вас в неправде; если же – как невинные, то вам, несправедливым, какая же будет надежда на спасение, если пострадают праведники: «и если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?» (1Пет.4:18). Приближается суд миру, и знамения его заметны. Я прошел все еврейские страны, перешел реку Иордан и видел землю, до этих пор носящую на себе знамение гнева Божия за грехи людей, живущих на ней и совершающих убийства и многие злодейства путникам. Я видел дым, исходящий от нее, поля и нивы, опаленные огнем, без всякого плода, лишенные влаги. Видел я и Мертвое море (т.е. асфальтовое озеро, производящее смолу), и воду, потерявшую свои свойства по гневу Божию; она не может ни напоить животного, ни удержать в себе человеческого тела, и все, что ни бросать в нее, выбрасывает тотчас вон. Но что я вспоминаю такие далекие места! Вы видите Декаполь в Лидии[1848],

сгоревший от огня, и до этих пор лежит он опаленный в наказание нечестивым… Вспомните об извержении горы Этны и попалении острова Сицилии[1849]. Если же это кажется вам далеко от вас, то подумайте о теплых водах, выходящих из земли: почему они нагреваются и бывают горячи? Не от огня ли, приготовленного для грешников внутри земли? Отсюда мы узнаем, что будет суд миру и казнь огнем для грешников от Бога через воплотившееся Его Слово, Господа нашего Иисуса Христа, и потому мы не служим богам эллинским и золотому идолу поклоняться не хотим.

Святой Пионий говорил и еще, а Полемон, градоначальники и весь народ слушал в глубоком молчании. Потом некоторые граждане вместе с Полемоном стали просить Пиония, говоря:

– Послушайся, Пионий, мы любим ведь тебя за твой добрый нрав и кротость и хотим, чтоб ты остался жив: ведь, правда, хорошо и сладко жить и видеть свет солнечный!

Святой отвечал:

– И по-моему эта временная жизнь приятна, но несравненно приятнее та жизнь, которой мы, христиане, желаем; свет этот весел и приятен, я признаю это, но еще радостнее и приятнее свет истинный, который мы надеемся увидеть. Все это, видимое телесными глазами, прекрасно; мы и не осуждаем и не ненавидим Божиего творения; но есть и другое, невидимое, что поистине прекраснее и что мы ставим выше всего видимого.

Один кощунник, по имени Александр, человек хитрый, сказал:

– Послушай меня, Пионий! Отвечал ему святой:

– Ты лучше послушай меня, потому что все, что ты знаешь, знаю и я, а ты не знаешь того, что я знаю. Александр же, ругаясь над святым, сказал ему:

– А эти узы зачем на тебе?

– А затем, – отвечал святой, – чтобы вы не думали, что мы идем на поклонение к вашим идолам, но чтобы вы знали верно, что идем мы в темницу и на смерть за Бога нашего.

Долго еще разными соблазнами увещевал Александр Пиония, но ничего не достиг и, наконец, сказал:

– Что тратить много слов, когда не хотят они оставаться живыми.

Народ же хотел, чтоб Пиония поставили на видном месте так, чтоб всем слышны были его слова; но Полемон не позволял этого, боясь, как бы не произошло в народе смуты и разных толков. Он сказал Пионию:

– Если ты не хочешь принести жертвы богам, то войди по крайней мере в их храмы. Святой отвечал:

– Какая польза будет идолам от того, что я приду к ним?

– Согласись, Пионий, – повторил Полемон.

– О, если бы я мог, – возразил Пионий, – убедить вас всех сделаться христианами! Они же засмеялись и сказали:

– Нет уж, пожалуйста, не делай так, чтобы нам живым гореть в огне. А святой сказал им:

– Еще хуже по смерти вечно гореть в огне неугасимом.

Блаженная Савина улыбнулась, а Полемон и другие сказали ей:

– Чего ты смеешься? Она отвечала:

– Я радуюсь, что я христианка, потому что кто тверд в вере Христовой, тот возрадуется вовеки. Сказали ей нечестивые:

– Вот ты посмеешься, когда потерпишь, чего не хочешь: женщин, не кланяющихся богам, отводят в дом разврата.

А она отвечала:

– Бог святой, истинный, позаботится обо мне.

После этого стали записывать имена святых и их ответы, которыми они исповедали Христа и отвергались идолов; когда хотели записать имя Савины, святой Пионий тихо сказал ей, чтоб она не говорила своего настоящего имени, а назвалась бы Феодотиею; это он сделал для того, чтобы ее поступок не был известен ее госпоже. Дело в том, что святая Савина была рабыней одной знаменитой гречанки, которая за несколько лет перед тем, в царствование Гордиана[1850], не будучи в состоянии отвратить от Христа своей рабыни, блаженной Савины, прогнала ее связанную в пустынные горы, где ее тайно кормили верующие; потом многим старанием святого Пиония она была избавлена от оков и от рабства своей госпоже. Святой Пионий боялся, что госпожа ее как-нибудь узнает ее по имени и захочет

ее опять взять к себе; поэтому он и велел святой Савине назваться Феодотией. Когда Полемон спросил, как ее зовут, она отвечала:

– Меня зовут Феодотиею.

– Христианка ли ты? – спросил Полемон.

А святая ответила:

– Да, христианка.

Ее ответы были записаны так же, как и ответы Пиония и Асклипиада. Полемон спросил еще:

– Какого ты бога почитаешь? Святая отвечала:

– Бога Всесильного, сотворившего небо и землю и всех нас; познанного нами через Его Слово, воплотившееся от Пречистой и Неискусобрачной Девы Богородицы, через Господа нашего Иисуса Христа.

Записав имена святых, повели их в темницу, а за ними следовал весь народ.

Некоторые говорили про святого Пиония:

– Посмотрите: он всегда был бледен, а как нынче румян!

А другие кричали:

– Мучить надо сих, если не хотят приносить жертву богам.

Отвечал святой Пиоий:

– Мучьте, кто вам препятствует! Нас не охраняют оруженосцы, не защищают нас воины, мы в ваших руках: мучьте нас!

Кто-то указал на святого Асклипиада и сказал:

– Этот хочет принести жертву богам.

– Лжешь, – отвечал святой Пиоий, – ни один из нас не сделает этого.

Другие же вспоминали об отпавших от Христа и, называя их по имени, говорили:

– Такой-то и такой-то принесли жертву, а вы что, не хотите?

Отвечал святой Пиоий:

– У каждого своя воля; что мне до других? Я – Пиоий.

Негодовал народ на святого Пиония и его товарищей; едва дошли они до темницы, чуть было не побил их народ.

Войдя в темницу, они нашли там Лина, пресвитера соборной церкви, заключенного в узы за Христа, и женщину из

села Карины, по имени Македония; к ним приходили многие верующие и приносили, что им нужно, но они не хотели брать и раздавали тюремным сторожам. Некоторые и из эллинов посещали святых и старались их обратить в свое нечестие, но, слыша от них твердые ответы, уходили с удивлением. Еще приходили к Христовым узникам и те, которые были прежде христианами, но против желания принуждены были отпасть от благоверия: страх перед мучениями склонил их принести жертвы идолам; они горько плакали целыми часами и днями в темнице перед святыми; плакал горько о них и святой Пионий, особенно о тех, которые отличались хорошей и честной жизнью, но, убоявшись мук, принесли жертвы истуканам; он плакал и говорил:

– Новым мучением мучусь я в своем сердце, душа моя разрывается на части, когда вижу, как свиньи топчут бисер церковный[1851], как небесные звезды отрываются змеиным хвостом на землю (Апок.12:4), и как виноград, насаженный десницею Божией, пожирается диким вепрем и расхищается прохожими. Дети мои, сожалею о вас, пока опять не вселится в вас Христос; питомцы мои любезные, вскормленные небесным хлебом, зачем вы совратились на грешный путь; теперь беззаконные старцы опорочили целомудренную Сусанну, т.е. Церковь Христову; теперь Аман торжествует, Эсфирь же со всем своим племенем смутилась; теперь настал голод, не недостаток хлеба или воды, а слова Божия; теперь задремали все девы евангельские и спят. Исполнилось слово Господне: если Сын Человеческий придет, найдет ли Он веру на земле (Лк.18:8)? И другое Его слово: предает брат брата на смерть (Лк.21:16); слышу, как теперь каждый предает своего ближнего. Поистине испросил нас сатана просевать, как пшеницу, но огненная лопата в руках слова Божия пусть провеет гумно свое; потеряла свою силу соль, и выметена вон, и топчут ее люди. Но пусть никто не думает, дети, что Господь изнемог: не Господь, а мы изнемогли, потому что, говорит Он, разве изнемогла рука Моя избавить вас? Или разве отяжелел слух Мой, чтоб слышать вас? Но грехи ваши удалили вас от Бога вашего. Мы согрешили, братья, преступили заповеди Господни и сотворили беззаконие,

прогневали Бога и опечалили ближнего; мы укоряли друг друга, лгали, и клеветали друг на друга, и пожирали сами себя, а нужно было, чтобы правда наша была выше правды фарисеев и книжников. Еще слышу я, что иудеи приглашают некоторых из вас на свои собрания; берегитесь, как бы не попасть еще в худшие сети и не впасть в непростительный грех, т.е. хулу на Духа Святого, – не будьте вместе с иудеями князьями Содомскими и людьми Гоморрскими, руки которых обагрены кровью. Мы ни пророка не убивали, ни Христа не предавали и не распинали. Да что говорить много! Вспомните, что прежде много раз вы слышали от меня; вы хорошо знаете, что иудеи говорят, будто Христос был простым человеком и, как смертный, был убит насмерть. Но пусть они скажут нам: если Он был простым смертным человеком, то каким образом весь мир наполнился множеством Его учеников; и как многие жестоко страдают за имя Его; каким образом именем простого и смертного человека через столько лет после Него изгонялись бесы и теперь изгоняются и будут изгоняться и далее до скончания века? И много других чудес в церкви верующих делаются Его Всесильным именем. Не понимают того окаянные иудеи, что Христос, Господь наш, пострадал по Своей воле, умер за нас и в третий день со славою воскрес. Но говорят беззаконные, будто бы Христос был чародей и силой волшебства воскрес из мертвых; так пусть они покажут вам, какое писание их или наше говорит это о Христе, или какой праведный человек сказал это когда-либо? Разве неизвестно, что это ложь, и говорящие такую ложь самые скверные беззаконники? И почему таким людям больше верят, чем праведным? Я еще в детстве слышал эти ложные слова их. Написано в Писании, как Саул пришел к волшебнице и просил вызвать из мертвых пророка Самуила; женщина сделала чары, и увидел Саул старца, выходящего из земли, одетого в длинную одежду, и понял он, что это Самуил, и спрашивал его, о чем хотел. Что же, могла ли эта волшебница на самом деле воскресить Самуила или нет? Если скажут иудеи, что могла, то признают, что неправда сильнее правды и волшебство сильнее святости, потому что святой пророк не мог ослушаться

волшебницы; говорящие так мерзки и прокляты. Если же скажут, что та волшебница не могла на самом деле вокресить пророка Самуила своими волхвованиями, то и о Христе Господе нашем они не могут сказать, что Он воскрес из гроба волшебной силой. Рассказ же этот Священного Писания объясняется следующим образом. Как мог диавол, живущий в волшебнице, вызвать на этот свет душу святого пророка, почивающую на лоне Авраамовом? Ведь меньшее не имеет власти над большим, и диавол не может повелевать святому, но отпавшие от Бога Ангелы слушаются тех, которые оставили Бога, служат им и вызывают их волшебством; и чего просят у них волшебники, то исполняют диаволы: попросила волшебница повиновавшегося ей диавола, он и принял на себя вид пророка. И это не удивительно, если сам сатана, по слову апостола (2Кор.11:14), преображается в светлого Ангела; поэтому и слуги его могут принимать на себя вид слуг Божиих, так и антихрист примет на себя образ Христов. Стало быть, волшебница не воскресила Самуила, но показала отпавшему от Бога Саулу диавола в образе Самуила; об этом свидетельствует само Писание; так, явившийся в образе Самуиловом говорит Саулу: «И ты завтра будешь со мною». Как же может Саул, враг Божий, быть вместе со святым пророком Самуилом? Не лучше ли ему быть с диаволом, которому он покорился, отпав от Бога? Пусть знают лживые иудеи, что нельзя никаким волшебством на самом деле воскресить из мертвых; и как волхвованием она не воскресила Самуила, так и Христос не от волхвования воскрес, а Божественной Своей силою разрушил силу смерти, и как по Своей воле Он пострадал и умер, так по Своей воле воскрес, самовластно, как Бог. Если же они и этому не поверят, то скажите им: мы, если даже и принесли жертву идолам, но все-таки гораздо лучше вас: вы по своей воле принесли жертву бесам, а мы были вынуждены к тому силою. И увещевал святой Пионий отступников, говоря: – Не отчаивайтесь, братья, хотя вы и сделали тяжелый грех, принесли жертву идолам, но покайтесь истинно и обратитесь опять всем сердцем ко Христу, Богу своему: Он милостив и готов принять всех, приходящих к Нему с покаянием, и вас примет с радостью, как детей Своих.

А они с великим рыданием каялись в своем грехе и обращались опять ко Христу Богу.

После этого пришел к темнице Полемон, устроитель идолослужений, и Феофил магистрат[1852] с войском и народом; они вывели святых и сказали:

– Вот ваш епископ Евктимон поклонился нашим богам и принес им жертву; послушайтесь и вы и сделайте то же, что и он; если же не сделаете того, то вас будут судить жрец Лепидон и Евктимон в храме богов.

Отвечал святой Пионий:

– Если епископ Евктимон принес жертву идолам, то его воля, что нам до того! Мы не станем приносить жертв. Судить же нас нужно антипату[1853], а не Лепидону, и не Евктимону, и не вам; как же это вы, не дожидаясь прибытия антипата, берете на себя его власть?

Пришедшие, излив свою досаду на святых, удалились. Потом они опять вернулись с войском и толпой народа и ложно объявили:

– Антипат прислал приказ вести вас на суд в Ефес[1854]. Пионий ответил:

– Пусть придет посланный, возьмет нас и ведет. Сказал тогда Феофил:

– Что же вы мне не верите? Я – князь и мне можно поверить.

И, накинув веревку на шею святому Пионию, приказал воинам вести всех в идольский храм; взяли всех и повели насильно, так как святые не хотели идти к идолам и громко кричали:

– Мы – христиане, зачем нам идти к истуканам.

Но воины с силою влекли святых, а Пиония чуть не удушили, таща его за шею на веревке.

Когда их привели на середину площади и были они близ капища, святой Пионий упал на землю, говоря, что он христианин и не хочет входить в кумирницу. Тогда шестеро слуг, напав на него, стали бить его руками и ногами и коленами, ударяя по ребрам; но он не слушал их; тогда взяли его на руки, понесли и бросили в кумирнице пред скверным алтарем, где

еще стоял окаянный епископ Евктимон, совершая жертвоприношение идолам. После того Лепидон сказал:

– Почему ты, Пионий, не хочешь принести жертву богам?

Отвечал святой:

– Потому что мы – христиане.

– Какого вы чтите бога? – спросил Лепидон.

– Того, – отвечал Пионий, – Который сотворил небо и землю, море и все, что находится в них. Лепидон спросил:

– Кто же был распят? Отвечал святой:

– Тот был распят, Которого Бог Отец послал на спасение миру.

Князья громко засмеялись, а Лепидон начал бранить и укорять блаженного Пиония. Потом надели насильно на святых мучеников венцы, в которых нечестивые обыкновенно совершали жертвоприношения, и заставляли их съесть жертвенного мяса. Они же, разломав венцы, бросили их на землю, топтали их ногами и плевали на жертвоприношения. Нечестивые идолопоклонники подняли крик и отвели опять святых в темницу с бранью и побоями.

Когда святой Пионий входил в двери темницы, то один воин сильно ударил его чем-то по голове и ранил. И тотчас ударивший почувствовал боль в руках, весь был охвачен болезнью, тело его покрылось струпьями и распухло, так что он едва мог дышать.

Потом прибыл антипат Квинтилиан в Смирну и, сев в суде, позвал на допрос одного святого Пиония. Допросив его и увидев, что он не покоряется, он велел его нагого повесить и строгать его тело железными крючьями. Мучили так святого и говорили:

– Что ты спешишь к смерти? Святой же отвечал:

– Спешу не к смерти, а к жизни вечной.

После этого мучения святой был осужден на смерть, и, по обычаю римскому, ему прочли следующий смертный приговор:

– Пиония, который сам признал себя христианином, повелели мы распять и сжечь заживо.

Приведенный на место распятия и сожжения, он сам разделся и, посмотрев на свое тело, весьма обрадовался своей

телесной чистоте, затем взглянул на небо и возблагодарил Бога за то, что сохранил его так до конца в чистоте непорочной.

На земле лежало дерево, наподобие креста, на котором он должен был быть распят; он сам лег на это дерево, распростерся и дался воинам пригвоздить его. Когда он был уже пригвожден, ему сказали:

– Послушайся, Пионий, покорись царскому приказу: мы вынем гвозди, врачи вылечат тебя, и ты будешь здоров.

Святой же, помолчав, сказал:

– Хочу заснуть, чтобы лучшим мне встать во всеобщее воскресение.

Пригвоздив Пиония, дерево подняли, поставили прямо, вкопали крепко нижний конец в землю, обложили вокруг дровами и зажгли. Сильное пламя охватило со всех сторон святого, а он, закрыв глаза, молился про себя Богу и не сгорал. Все, видя его с закрытыми глазами, подумали, что он уже умер. А он, спустя довольно времени, когда пламя стало понемногу утихать, совершив свою молитву в тайне своего сердца, открыл глаза.

Народ очень удивился, что он еще жив в таком огне. Потом с веселым видом он произнес «аминь» в своей молитве, прибавив: «Господи, приими дух мой», и скончался.

Огонь угас, а тело его оказалось совершенно целым, и даже волосы на его голове не сгорели. Лицо же было светло, сияло Божественной благодатью: это был знак радости его святой души, вошедшей в небесную радость и принявшей от десницы Христовой венец.

Это было в царствование Декия[1855], в городе Смирне, при антипате Квинтилиане, в пятый день мартовских ид по римскому счету, а по восточному в седьмой месяц (т.е. в марте, седьмом месяце от сентября), одиннадцатого числа, в субботу, в десятом часу дня. Так пишет Метафраст[1856] о святом Пионии.

О других же святых мучениках, взятых и содержавшихся в темнице вместе со святым Пионием, не написано, в каких мучениях они окончили свой подвиг; однако несомненно, что они пострадали за Христа и достигли небесной жизни со святым Пионием.

Этот святой пресвитер Пионий написал житие и страдание святого священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, а после и сам вместе с ним сподобился царствия Господа нашего Иисуса Христа, царствующего с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Память святого отца нашего Евфимия, архиепископа Новгородского

Память 11 марта

Родители блаженного Евфимия жили в Великом Новгороде[1857]. Отец его, бывший священником при церкви святого Феодора, носил имя Михея, а имя матери его было Анна. Сочетавшись законным браком и проводя жизнь в честном супружестве, они не имели детей и сильно скорбели об этом. В скорби своей они усердно молились Богу и Пречистой Богородице о разрешении их неплодства. И их молитву услышал Господь: Анна зачала и родила сына, которым и был сей блаженный Евфимий. Вскоре после рождения младенец был крещен, и при святом крещении ему дано было имя Иоанн. Он был еще в пеленах, как родители принесли его в тот храм, где молились о даровании им дитяти, и, положив его пред образом Божией Матери, сказали:

– Царице и Владычице! Вот мы принесли Тебе того, которого Ты даровала нам. По слову, которое в скорби сердца изрекли уста наши Тебе, как Царице и Владычице, мы отдаем дитя наше. Устрой его жизнь, как Сама пожелаешь. Теперь же мы берем его к себе, чтобы оно пребывало с нами в доме нашем, так как младенец не может жить без матери.

При содействии благодати Божией младенец успешно возрастал, и, когда наступило время, родители отдали его в научение Божественным книгам. Прославляемый в святой Троице Бог, всем людям желающий спасения, даровал отроку Иоанну остроту ума, и он с успехом изучил Божественные Писания. Во все время своего обучения он не предавался никаким иным занятиям кроме тех, которые приводили его к размышлению о предметах Божественных, и когда достиг пятнадцатилетнего возраста, то воспылал любовью к Богу и пожелал отречься от мира и принять иноческое звание. Он не знал, к чему приведет его это звание, так как определения Божии непостижимы, но благое желание свое старался непременно исполнить, и Бог, видя с высоты все, имеющее

совершиться с ним в будущем, – что, как видно из настоящего повествования, в свое время и совершилось, – в скором времени действительно исполнил его желание.

Один инок, по имени Евфросин, и два другие инока, Игнатий и Галактион, посвятившие себя на служение Богу, задумали подвизаться в уединении и решили приискать удобное для этого место. Вскоре такое место было найдено. Называлось оно Вежище[1858], и кроме леса и болот ничего другого не было на нем. Когда иноки пришли к этому месту, то ощутили в воздухе какое-то благоухание и сочли это не за простое явление, а за особое указание Божественного Промысла. Они построили здесь часовню во имя святителя Христова Николая, а потом соорудили и кельи для себя. Вскоре пришел к ним священник, по имени Пимен, и пожелал жить и подвизаться вместе с ними. Тогда по общему согласию они построили деревянную церковь во имя того же святого чудотворца Николая[1859] и стали проводить постническую жизнь. Много бедствий вынесли они от тамошних жителей, в особенности же от одного вельможи, который по внушению диавола не желал, чтобы вблизи его проживали монахи, но чудотворец Николай, нигде не оставляющий в нужде обители, посвященной его имени, когда с верою о том молятся ему, всегда доставлял пропитание и сим инокам. Вскоре случилось, что у вельможи, жившего вблизи обители, образовался на ноге злокачественный нарыв, от которого он сильно страдал. В болезни своей он опомнился и обратился с молитвою о помощи к святому чудотворцу Николаю, после чего отправился в обитель его и, помолившись тут, получил исцеление. Благодарный за это исцеление, он подарил обители участок земли, который и до сего времени находится вблизи ее, и с тех пор с благоговейною верою стал чтить монастырь святого Николая. После этого по благодати Божией и по молитвам святого Николая Чудотворца число иноков в обители стало умножаться, и вышепоименованный Пимен, первый священноинок обители, стал и игуменом ее[1860].

К нему-то, по устроению Божественного промысла, и пришел блаженный отрок Иоанн, прося его совершить над ним иноческое пострижение. Пимен, увидев отрока, принял его как

посланного к нему Самим Богом, постриг его в иночество и дал ему при этом имя Евфимия. Это событие, совершившееся по воле Божией, направлено было Божественным Промыслом к тому, чтобы через Евфимия еще более прославилась обитель, что со временем и произошло. Проживая в монастыре, преподобный Евфимий оказывал во всем такое строгое повиновение настоятелю своему и братии, что вызывало общее удивление, а также и похвалу за то, что, будучи в таком юном возрасте, обладал умом многолетнего мужа. Поэтому до поставления в пастыри все узнали в нем будущего пастыря, и прежде достижения совершенного возраста он стал для всех руководителем в иноческой жизни. Когда преподобный Евфимий приобрел такую известность в своей обители, то узнал о нем и архиепископ Симеон[1861]. Призвав его к себе и видя, что он исполнен добрых намерений и искусен в слове, горячо полюбил его и, несмотря на то, что он не хотел оставлять своего монастыря, поручил ему заведовать церковным имуществом[1862]. Приняв на себя новые обязанности, преподобный Евфимий продолжал нести свой иноческий подвиг и ни в чем не отступал от исполнения правил монашеской жизни.

Спустя несколько лет владыка Симеон после достойного управления Церковью отошел к Господу, переселившись в вечную блаженную жизнь, и на архиепископский престол Новгорода был возведен после него Евфимий[1863]. Тогда преподобный Евфимий удалился в монастырь святого Спаса, называемый Хутынью[1864], и остался в нем на жительство. Но по прошествии некоторого времени по просьбе старцев монастыря Пречистой, находившегося на Лисьей горе[1865], он поставлен был игуменом сего монастыря, где, начальствуя над иноками, всем им подавал совершенный пример для назидания, так как ко всем был милостив и вместе с тем ко всем относился почтительно.

Вскоре после этого всенародное собрание Великого Новгорода пожелало избрать его для поставления на новгородский архиепископский престол[1866] и включило его в число других избранников[1867], не зная того, что еще от юности

он призван был к епископскому служению, как написано у пророка: «зародыш мой видели очи Твои» (Пс.138:16)[1868]. И так как апостол говорит, что всякая власть поставляется от Бога (Рим.13:1), то как человек может получить ее, если она не будет дана ему свыше (Ин.19:11)? Это исполнилось и на преподобном Евфимии. Запечатав жребии избранных, народное собрание и духовенство Великого Новгорода принесло их в соборный храм святой Софии[1869] и положило на престоле. Что касается жребиев, то это было делом человеческим, но то, кому из избранных занимать такой высокий престол Божий, указано было тем, что совершилось после: по воле и суду Божию жребий пал на Евфимия, чтобы ему обладать этим престолом. После этого новгородцы с радостью отправились к преподобному и в самый день памяти Иоанна Златоустого с почестями ввели его в храм святой Софии[1870]. Долго при этом преподобный Евфимий отказывался и не хотел принять архиепископства, ссылаясь в особенности на то, что считает себя недостойным такого высокого сана, но так как он не мог противиться суду Божию, то и подчинился, наконец, воле избравших его. Это доставило великую радость всем жителям Новгорода, так как все считали его вполне достойным величия архиепископского сана. Однако после своего избрания преподобный Евфимий оставался в иноческом звании, так как посвящение его было затруднено тем, что в то время не было на Руси митрополита[1871]. Пробыв непосвященным более четырех лет[1872], он отправился в город Смоленск, когда находился там Киевский и всея Руси митрополит Герасим[1873], и от него принял рукоположение в сан архиепископа. И здесь преподобный Евфимий привел всех в удивление своим умом и рассудительностью, так что даже сам митрополит выразил удивление и с похвалою отозвался об уме его. После посвящения владыка Евфимий с великим почетом возвратился в свой кафедральный город Великий Новгород и вступил в полноправное управление своею паствою. Сознавая все величие принятого на себя сана, он предался подвигам своего служения еще с большим усердием, чем нес их до своего посвящения, помня слова Писания: кому дано много, много и

потребуется (Лк 12:48). Поэтому трудами своими он старался принести плоды, по Евангелию, не в тридцать или шестьдесят, а во сто крат[1874]. Прежде, когда он еще не принял высокого святительского сана, он имел заботу только об одной душе своей, а теперь, когда стал епископом, явилась потребность заботиться уже о душах многих, чтобы можно было с дерзновением сказать Господу Владыке: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Ис.8:18). Помышляя об этом и о многом другом в любомудренной душе своей, преподобный Евфимий ощущал в сердце своем большое смущение, но все возлагал на Бога, и надежды его не посрамил Господь, Которому да будет слава теперь, всегда и вечно[1875].

Тропарь, глас 4:

Избран быв Богови от юности, святителю Евфимие, и сего ради архиерейства саном почтен быв, упасл еси люди, иже тебе Богом врученныя; темже и по преставлении чудес дарования от Господа приял еси исцеляти различныя недуги. Того моли о нас совершающих честную память твою, да тебе вси непрестанно ублажаем.

Кондак, глас 8:

Яко архиереем сопрестольник и святителем изрядный поборник был еси, святителю Евфимие, не престай сохраняя отечество твое, град же и люди, иже тебе верою почитающыя и честным мощем твоим поклонящыяся, да велегласно тебе вси вопием: радуйся, святителю Богомудре.

Житие святого отца нашего Феофана исповедника

Память 12 марта

Преподобный Феофан родился в Царьграде от благородных родителей – Исаака и Феодотии. Исаак был в родстве с царем Львом Исаврянином и сыном его Копронимом[1876], почему и прозывался Исаврием, так как был того же царского рода и происходил из страны Исаврийской. При царском дворе он занимал почетные должности и в царствование Копронима был воеводою.

В это время возникла иконоборческая ересь, и на людей благочестивых началось сильное гонение.

Благочестивые Исаак и супруга его Феодотия строго держались православного учения и сподобились стать родителями такого сына, который скоро должен был воссиять, как заря в Церкви Христовой. Они нарекли его Феофаном, что значит явленный Богом[1877]. Так он был назван прежде всего потому, что родился в праздник Богоявления Господня, который по-гречески назывался Феофания[1878]; но главным образом он так был наречен по Божиему смотрению – во извещение того, что его, как некогда пророка Иеремию, Господь из чрева материнского избрал и освятил быть великим светильником Своей Церкви (Иер.1:5). Как свидетельствует книгохранитель Анастасий, его иногда называли и отчим именем – Исаак, но то было прежде пострижения его в иноческий чин, к которому он пламенно стремился с самой юности своей, как об этом и будет рассказано в его житии.

По рождении блаженного и богоявленного Феофана родитель его Исаак, прожив еще три года, преставился к жизни бесконечной. Умирая, он написал завещание, в котором трехлетнего сына своего вместе с матерью отдавал на попечение и охранение самому царю Константину Копрониму, как своему родственнику.

Учась Божественному Писанию и совершенствуясь в добродетельной жизни, отрок с летами стал отличаться

необыкновенным разумом. Когда Феофану было двенадцать лет, один из сенаторов пожелал обручить с ним свою десятилетнюю дочь, так как юноша Феофан был красив, очень умен, богат и приходился родственником царю. На это обручение охотно соглашалась и Феодотия, мать Феофана. Но так как все это не могло произойти без царской воли, то сенатор тот обратился с усердной просьбой об этом к самому царю, ища с ним породниться через брак своей дочери с царским племянником. Когда царь согласился на это, совершилось обручение детей, прежде дозволенного для брака возраста, но самый брак был отложен до совершеннолетия обрученных.

В это время умер царь Копроним; после него вступил на престол сын его Лев IV, прозываемый по матери Хазар[1879], ибо она была дочерью хазарского хана и в идолопоклонстве называлась Хазарою, а во святом крещении была наречена Ириною.

Спустя несколько лет скончалась и Феодотия, мать Феофана. Она умерла прежде брака сына своего, оставив ему бесчисленное богатство.

В доме Феофана жил тогда некий богобоязненный и целомудренный раб; Феофан его очень любил за его добродетельную жизнь и считал этого раба за своего лучшего советника. Вдохновляемый частыми душеспасительными беседами с ним, а больше наставляемый вседействующим Духом Святым, Феофан возлюбил целомудрие, помышляя только об одном: как бы сохранить нетленною свою девственную чистоту, и, пламенно желая иноческого чина и жития, начал раздавать все свое богатство нищим и убогим.

Узнав об этом, тесть Феофана, вопреки желанию жениха, старался скорее совершить брак, – тем более, что настало и совершеннолетие жениха и невесты.

Когда наступил назначенный для брака день и, по обычаю, шел уже брачный пир, богоявленный юноша Феофан, возносясь умом своим к Богу, в тайне сердца своего молился, чтобы Господь благодатью Своею сохранил его в чистом девстве.

И вот, когда юноша Феофан с невестою своею был уже в брачном чертоге, то он сел на одре и, сердечно воздохнув,

обнаружил крывшийся в нем помысел и так сказал невесте своей:

– О возлюбленная, не знаешь ли, что время сей нашей жизни коротко, но кончина наша неизвестна и суд немилостивый ждет тех, кто, проводя жизнь свою в удовольствиях и богатстве, часто прогневляет Господа. Брак же, хотя и установлен Самим Богом, но необходимые при брачной жизни мирские попечения отдаляют ум человеческий от Господа, благочестивые мысли людей делают тщетными и не допускают на будущую жизнь смотреть светлыми очами души. Мы знаем, что Лазарь за временное страдание был отнесен Ангелами на лоно Авраама, а богатый, проведший жизнь в изобилии, был ввержен в ад и не мог получить даже капли воды, чтобы остудить язык свой (Лк.16:24). Слышим также и Евангельские блаженства, уготованные на Небесах (Мф.5). Кому они обещаны? Не богатым, живущим в веселии мира сего и во всяком благополучии, но нищим, плачущим, алчущим, жаждущим, претерпевающим гонение и поношение ради Христа; кратко скажу: тесный и узкий путь вводит в жизнь вечную, пространные же врата и широкий путь вводят в геенну (Мф.7:13–14); знаем мы также, что кто в этом веке живет роскошно, в суетных утехах, тот в будущем веке будет терпеть скорбь, горесть, – да иначе и не может быть. Поэтому, возлюбленная моя невеста, если желаешь, воздержимся от плотского супружеского соединения и единодушно пребудем в чистом девстве; теперь поживем немного вместе как бы в плотском браке, ради твоего жестокого отца, но под видом супружества останемся как брат с сестрою; а потом, когда нам пошлет Господь удобное время, пойдем в монастырь: я – в мужской, а ты – в женский. Так посвятим себя на всю жизнь Господу, дабы в будущем веке сподобиться части святых Его угодников.

Святая невеста Феофанова, как добрая земля, приняв сие доброе семя, с радостью в душе ответила блаженному Феофану:

– Я знаю, возлюбленный господин мой, слова Спасителя нашего, говорящего в Евангелии: «если кто не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, и кто

не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Лк.14:26; Мф.10:38). Итак, сделаем себя достойными последователями нашего Господа и, если хочешь, оставим все суетное. Если ты согласен, согласна и я; если тебе так угодно, угодно и мне; и если ты хочешь остаться в девстве, то и я желаю этого. И представим себя непорочными Небесному Жениху, сохранив чистыми не только души наши, но и тело. Какая нам будет польза, если мы, прожив в суете эту маловременную жизнь, лишимся вечных благ? А если у нас будут дети, то исполнимся еще большей печали, заботясь день и ночь об их пропитании и их судьбе, впадая при этом в многоразличные сети мира сего. Когда же настанет неизвестная для нас смерть, куда мы тогда перейдем – в рай или геенну – мы этого еще теперь не знаем. Итак, поживем в чистоте, тайно храня свое девство, пока Господь не сподобит нас иноческого чина.

Блаженный юноша, услышав сии слова своей целомудренной невесты, подивился ее благоразумию и, падши на землю, воздал благодарение Богу, наставившему девицу Духом Своим Святым на такое решение, кое было совершенно согласно с его намерением. И всю ночь ту они провели в молитвах, прося свыше помощи, дабы начатый ими образ жизни прошел в совершенстве.

Когда же наступило утро, они заснули на короткое время и оба увидели один и тот же сон: им в видении предстал некий юноша со светлым лицом; улыбаясь, он ласково проговорил им:

– Господь принял ваше намерение и прислал меня благословить вас на то житие, на кое вы согласились, – дабы вам предстать Ему святыми и непорочными.

Сказав сие, он назнаменовал их по всему телу крестным знамением и стал невидим. Воспрянув от сна, они рассказали друг другу сон, одинаково ими виденный. В это время они почувствовали несказанное благовоние, исходившее от присутствия Ангела, и удивились. И тогда же, падши на землю пред Господом, они воздали Ему усердную хвалу. То же небесное благоухание, в продолжение долгого времени, было обоняемо многими не только в их чертоге, но и по всему дому. И

жила сия святая чета, как Ангелы во плоти, горя пред Богом пламенем Божественной любви, как два священника или как две маслины, источающие елей щедрот, ибо они каждый день подавали неисчислимые милостыни, щедро раздавая неимущим все свое имение.

Спустя некоторое время тесть Феофана, узнав о своем зяте и дочери, что они живут в девстве и раздают нищим все свое богатство, весьма опечалился. Отправившись к царю, он возвестил ему об этом и жаловался на зятя:

– Увы мне, несчастному! – вопил он, – увы окаянной старости моей из-за непотребного зятя моего! Он бессмысленно тратит богатство и понапрасну губит мою юную дочь, не живя с нею по-супружески, и нет мне никакой надежды утешиться внуками своими. И зачем он взял ее? Зачем прежде брака не нарушил обета обручения и не отказался от нее, дабы не привести ее, столь юную, в такое несчастие, а мою старость не подвергнуть еще большей печали? У меня двойная печаль: я сожалею о дочери моей, что она, будучи замужем, не имеет мужа и не может быть матерью, и о напрасно расточаемом богатстве, так как Феофан расточил не только свое имение, но уже немалую часть того, что дано мною за дочерью в приданое.

И просил он царя наказать и убедить зятя его жить по закону супружескому и не тратить понапрасну свое имение.

Царь, исполнившись гнева, призвал к себе блаженного Феофана и, яростно глядя на него, стал угрожать ему, повелевая переменить свой образ жизни; в случае же несогласия, он обещался ему выколоть глаза и сослать в заточение.

Но богоугодный юноша не обращал внимания на царские угрозы и не оставлял своей столь прекрасно начатой чистой, девственной жизни: он старался более снискать милости у Царя Небесного, нежели у царя земного.

Вскоре после этого Феофану было приказано царем, по некоторым народным нуждам, отправиться в Кизическую страну[1880]. Это путешествие нарочно было выдумано тестем: с одной стороны для того, чтобы, среди забот о вверенных ему царем делах, Феофан прекратил и забыл совершать обычные

молитвенные подвиги, посты и воздержания, с другой же стороны, чтобы он перестал раздавать свое имение, над которым блюстителем теперь становился тесть его.

Когда Феофан, исполняя царское повеление, отправлялся в Кизик, царем и тестем было приказано идти с ним и супруге его, ибо отец не мог вынести и того, чтобы его дочь, хотя на малое время, разлучалась с мужем.

Случилось им переправляться через реку, которая прежде называлась Риндакосом, а потом народ прозвал ее Великою; на одном берегу ее лежала область Олимпийская, а на другом – Сигрианская[1881].

Блаженному Феофану захотелось проехать этою рекою, хотя можно было ехать и сушею; но ввиду постигшей тогда его телесной немощи, он предпочел путь речной, как более легкий. Произошло же все это по Божиему смотрению. Отослав по суше своих друзей и рабов с конями и колесницами, он сам сел в лодку со своею блаженною супругою и немногими слугами; плывя по реке, Феофан любовался прекрасными Сигрианскими горами, холмами и пустынями и горел духом к безмолвному на них житию. И увидел он на одном месте, среди гор, пространную долину, на которой рос густой лес; и ему очень понравилось это место. Пристав к берегу, чтобы переночевать, и приказав всем остальным остаться в лодках, Феофан отправился на эту долину и, обходя то пустынное место, умилился душою. Став же на одном месте в густом лесу, он стал усердно молиться Богу. Воздевая руки к небу и со слезами на глазах много раз припадая к земле, он произносил:

– «Укажи мне путь, по которому мне идти»! (Пс.142:8).

Объятый великим желанием пустыннической жизни и решив тотчас же оставить все, Феофан скрылся в той пустыне. Утомившись в молитве и сев отдохнуть, он увидел того световидного Ангела, который некогда явился ему и его невесте в их брачном чертоге. Сей небожитель, показывая перстом на пустыню, сказал Феофану:

– Тебе подобает здесь поселиться, но подожди немного, пока будут взяты от земли живых преграждающие тебе сей путь;

они скоро отсюда возьмутся, и тогда ты беспрепятственно пойдешь туда, куда хочешь.

Этим видением святой Феофан был весьма обрадован. В радости возвратясь к лодкам, он продолжил путь. Замечая находившихся в тех Сигрианских горах пустынные монастыри и хижины отшельников, он посещал их, обходя вместе со своею целомудренною супругою. В этих местах он встретил некоего прозорливого старца, по имени Григория, по прозванию Стратигия, жившего в местности, называвшейся Полихроние. Блаженный Феофан открыл этому старцу свое намерение и желание и от него услышал то, что раньше этого сказал ему явившийся Ангел. Сей старец, за свое ангелоподобное житие сподобленный Богом дара предвидения, сказал Феофану:

– Подожди немного, добрый юноша, скоро и царь, и тесть твой истребятся с лица земли, и ты, будучи свободен, исполнишь свое благое намерение.

Добродетельной же невесте Феофановой святой старец сказал тихо на ухо, что ее возлюбленный брат Феофан в свое время получит и венец мученический.

После этого святой Феофан отправился в Кизик и исполнил то, что ему приказал царь относительно народного управления. Там он часто уходил со своими слугами в близлежащие Сигрианские горы, где и посещал святых отцов. Испрашивая их благословения и молитв, Феофан в то же время назидал душу их боговдохновенными беседами.

Особенно он часто ходил к прозорливому Григорию Стратигию и к Христофору, игумену «Малого Села», – так назывался тот монастырь. Однажды, когда Феофан проходил через Сигрианские горы, ради посещения пустынножителей, в одном месте ему пришлось промедлить. В то время стояла сильная жара, ибо время было жатвенное, а поэтому Феофан и все бывшие с ним сильно захотели пить.

Место же то было пустынное и безводное. Когда день уже склонялся к вечеру, пришлось там ложиться и ночевать. В это время и сами они и скот их положительно изнемогали от жажды. Блаженный Феофан, помолившись, сел под одним холмом, дабы хотя немного уснуть и заглушить жажду сном. И вот,

только что он задремал, внезапно над главою его потек источник живой воды и омочил его. Итак, не презрел раба Своего Господь, некогда источивший из камня воду неблагодарному еврейскому народу; тем более Он благоизволил это сотворить для благодарного слуги Своего во время такой нужды. Святой, пробужденный неожиданным шумом обрызгавшей его воды, тотчас же встал со своего места и созвал всех бывших с ним. И все, собравшись, удивлялись тому неожиданному и внезапному чуду и прославляли Бога. И все не только утолили свою жажду, но напоили и скот свой.

Когда они встали на другой день, то источника уже не было: место то стало сухо, и не было даже следа воды на нем.

Особенно они тому удивлялись и за то прославляли чудесную силу Божию, что Господь во время жажды и в земле совершенно безводной извел источник, а когда нужды в воде уже не было, Он иссушил воду, явно тем показывая, что на каждом месте Господь готов подать все нужное тому, кто прежде всего ищет Царствия Божия и правды Его (Мф.6:33).

После того Феофан некоторое время провел в Кизике и, исполнив там надлежащим образом все приказанное царем, возвратился в Царьград.

В это время сбылось предсказание Ангела Божиего и пророчество преподобного Григория: умер царь Лев Хазар, сын Копронима и внук Льва Исаврянина; умер и тесть Феофана. И он, как и святая его невеста, стали свободными. Тотчас же они, как и хотели, раздали все свое богатство и все свои имения. Потом Феофан в одном из женских монастырей в Вифинии[1882] постриг свою невесту, дав этому монастырю на пропитание ее много угодий; при пострижении она была наречена Ириной. В иночестве Ирина угодила Богу и совершила много чудес, получив от Бога дар исцелять болезни и изгонять бесов. Об этих чудесах впоследствии поведал святейший патриарх Цареградский Мефодий.

По пострижении своей блаженной невесты, девицы Ирины, святой Феофан раздал нищим в Царьграде остаток своего имения и, оставив только немного денег, отправился к вышеупомянутому прозорливцу Григорию Стратигию. Им-то

Феофан и был пострижен в иноческий образ. Там от оставшихся денег святой Феофан создал сему старцу монастырь и жил при нем довольно продолжительное время, совершенствуясь в иноческих подвигах.

Потом, по совету того же старца, святой Феофан отправился на остров, называемый Калонимос[1883]; на этом острове у Феофана было небольшое, оставшееся от родителей селение, которое он еще не успел раздать нищим. Там он устроил монастырь, куда перевел всю братию из Феодоровской обители, именуемой Монохерария; вызвал и поставил им и игумена – мужа благоговейного и опытного. Сам же Феофан затворился в свою келью и стал заниматься списыванием книг, ибо он был искусным писцом. Эти книги он продавал и на вырученные деньги прокармливал не только себя, но и других.

По прошествии нескольких лет скончался игумен того монастыря, и братия стали настойчиво просить преподобного Феофана, чтобы он сам согласился быть их игуменом. Но святой не согласился и снова отправился в гору Сигрианскую; вспомнив же ту пустыню, где он удостоился явления Ангела, когда плыл в Кизик, Феофан пошел туда и стал жить в той пустыне, угождая Богу. Скоро преподобный Феофан населил ту пустыню богоугодными пустынножителями, ибо многие стали приходить к нему и селиться около него, так что вскоре явилась нужда устроить монастырь.

В сей пустыне было некое место, принадлежавшее одному земледельцу; место это называлось «Великое Село». Святой Феофан, послав к своим знакомым и заняв у них денег, купил это место и устроил здесь монастырь при помощи Господа, подающего по Своему Божественному промыслу все потребное для нас. Вскоре преподобный и занятые деньги отдал, и в монастыре своем в изобилии имел все нужное для пропитания собравшейся к нему братии.

Святому Феофану нельзя было не принять в сей своей обители игуменского сана, ибо его умоляли об этом все пустынножители, да так и необходимо было.

Будучи игуменом, Феофан был тем начальником, каковому повелевает быть и Христос в Евангелии: «И кто хочет между

вами быть большим, да Будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф.20:26–27). Преподобный игумен Феофан работал своими руками, служа всем, ибо Господь даровал ему тогда большую телесную силу, и он в каждой монастырской работе принимал участие больше всех и был для всех примером добродетельной и в то же время трудолюбивой жизни.

В это время, а именно – в царствование Константина, сына Льва и внука Копронима, при благочестивой матери его Ирине и при святейшем патриархе Цареградском Тарасии, в Никее был созван против иконоборцев VII Вселенский собор[1884]. На этом соборе святая Церковь прокляла ересь иконоборческую, и благоговейное почитание святых икон было снова восстановлено. На этот собор был вызван и преподобный Феофан, игумен Великого Села в Сигриане[1885]. Утверждая на этом соборе истинное правоверие, Феофан среди святых отцов сиял как светлая звезда. Его присутствие на соборе было для многих весьма полезно; там, где многие красовались прекрасными одеждами, колесницами и конями, он туда приехал на плохом осле, в старой одежде и заплатанных рубищах. Все, кто знал его прежнюю жизнь, когда он был богат, знатен и близок к царю и был одним из членов синклита, умилялись, видя его в таком смирении и нищете, и все поучались тому, что ради Господа можно так смириться и обнищать, и все в мире считать за ничто.

По окончании святого собора преподобный возвратился в свой монастырь, привезя благочестные догматы святой веры, утвержденные на сем Вселенском соборе, как лучшее украшение своей обители. Здесь Феофан продолжал подвизаться в обычных своих подвигах, просвещая примером своей добродетельной жизни не только свою обитель, но и всю окрестную страну; о нем всюду прошел слух, и все ради него прославляли Отца Небесного. За его благочестивую жизнь ему дана была от Бога и благодать чудотворения: он исцелял и болезни и изгонял бесов из людей. Однажды, когда преподобный уснул, бес задумал напасть на него; уподобившись дикому вепрю, он стал грызть большой палец

руки святого, так что ему стало весьма больно. Тотчас же восстав от сна, Феофан заметил на своем пальце следы зубов своего врага, хотевшего совсем отгрызть его палец, и рана эта причиняла сильную боль святому, но взяв находившееся у него миро от Животворящего Древа Крестного, он помазал им больной палец и тотчас же исцелел. С тех пор, получив власть над бесами, Феофан словом своим стал изгонять их из приводимых к нему страждущих людей.

Сей преподобный отец, плывя однажды на корабле, утишил бурю. Приходящим к его обители странникам и убогим он в изобилии раздавал хлеб и другую пищу, и при этом хлеб не умалялся, – подобно тому, как делал это пророк Илия с кадкой муки той вдовы, у которой жил (3Цар.7:16).

Однажды келарь стал роптать на святого за то, что он раздает нищим хлеб, а между тем его не достает и живущим в монастыре. Тогда преподобный Феофан велел ему сосчитать и измерить все, что находилось в кладовой, и оказалось, что ничего не уменьшилось; вся братия прославила за сие Бога, а роптавший келарь, упав на колени, стал просить прощения у Святого.

Уже будучи пятидесяти лет, преподобный Феофан заболел каменной болезнью и жестоко страдал. С того времени он всю остальную жизнь свою провел на одре, и тот, кто молитвой своей исцелял других от болезни, не просил от Господа исцеления своего недуга, но терпел его с благодарением. В этой болезни для него и настало время исповеднической кончины, по пророчеству того прозорливого старца Григория, который тихо на ухо сказал его невесте, святой девице, что в свое время и ее жених получит мученический венец.

Спустя много лет, когда преподобный уже состарился и сменилось несколько греческих императоров (ибо после вышеупомянутого царя Константина, царствовавшего вместе с матерью своею Ириною, вступил на императорский престол Никифор вместе с сыном своим Ставрикием, а после них царствовал Михаил Куропалат), – вот после этих-то императоров скипетр греческого царства принял Лев Армянин[1886]. Этот император воздвиг иконоборческую ересь. Он

сильно смутил Церковь Христову, изгнав с престола святого патриарха Никифора с его учениками[1887]; многих же других христиан он за почитание икон прямо мучил и убивал.

Церковный историк Георгий Кедрин[1888] пишет о святом Феофане следующее. Когда патриарх Цареградский Никифор ехал морем в заточение и на корабле проезжал мимо той местности, где находилась обитель преподобного Феофана, то сей последний узнал об этом своими прозорливыми духовными очами; он велел ученику своему принести в кадильнице горящих углей, положил на них фимиам и, приказав зажечь свечи, поклонился до земли, как будто беседуя с кем-либо мимоидущим. Тогда ученик спросил Феофана:

– Что делаешь, отче, и с кем, поклонившись, беседуешь!

Преподобный ответил:

– Вот едет в заточение изгнанный за правоверие святейший патриарх Никифор и теперь на корабле плывет мимо нашей страны. Ради него я и зажег свечи и фимиам, дабы нам воздать подобающую честь патриарху.

Это провидел и ехавший на корабле святейший патриарх Никифор, ибо он, внезапно преклонив колена, ответил святому старцу тоже поклоном и, воздев руки, благословил его. Один инок, бывший со святейшим патриархом, спросил его:

– Кого благословляешь, святейший отец, и перед кем ты встал на колени?

На это патриарх Никифор ответил:

– Вот сейчас исповедник Феофан, игумен Великого Села, приветствовал нас зажженными свечами и фимиамом; ему и я взаимно поклонился; ведь ему, подобно нам, тоже в скором времени придется пострадать.

Все это вскоре и сбылось.

Спустя немного времени злочестивый царь Лев Армянин, желая прельстить преподобного Феофана к единомыслию с собою, послал к нему послов и с честью призывал его к себе в Царьград; при этом он лукаво писал ему: «В скором времени мне предстоит война с нечестивыми, но прежде нежели выйти на них, мне нужно вооружиться твоими молитвами, и так, честный отец, не откажись прийти к нам».

Преподобный Феофан, хотя и видел лукавство царя и был в это время одержим тяжким недугом, однако решил отправиться, дабы пострадать за истинную веру. Сев в корабль, святой скоро прибыл в Царьград, но там не был введен к царю, ибо царь стыдился и боялся обличений Феофана. Но он послал к преподобному Феофану знатных своих сановников, дабы лестными обещаниями прельстить его к своему зловерию.

– Если, – говорил он через них святому мужу, – ты будешь единомышлен с нами, я твой монастырь обстрою высокими каменными зданиями и обогащу его во всем; и ты будешь превознесен у меня честью больше всех, а также и всех близких сродников твоих я почту великим саном.

К этим обещаниям царь присоединял, впрочем, и угрозу:

– Если же ты, – продолжал он, – будешь противоречить нам, то сам будешь повинен в великом бесчестии.

На это святой Феофан через посланных отвечал царю:

– Я ничего не желаю из богатств мира сего: если я, будучи юношей, ради любви ко Христу, покинул все свое золото, серебро и все свои имения, которые были у меня, то неужели в старости я их пожелаю? Да не будет этого. О монастыре же и о братьях моих промышляет Сам Господь, больше всех царей и князей земных. Зачем же, царь, ты устрашаешь меня своею угрозою, как какого-нибудь малого отрока розгою! Приготовь для меня мучения, зажги огонь, и я, хотя и не могу ходить по болезни моей, как это ты видишь, однако за правоверие я брошусь в огонь.

Выслушав эти с великим дерзновением сказанные слова святого, посланные отправились к царю и все это ему передали. Царь, удивившись такой неслыханной смелости, приказал пойти к преподобному, дабы побеседовать с ним, некоему софисту Иоанну, коварному волшебнику и еретику; но он пред богодухновенными словами преподобного отца оказался как бы немой и побежденный им, и со стыдом возвратился к пославшему его царю.

Тогда царь, исполнившись гнева, приказал заключить преподобного Феофана в темное и тесное помещение при так называемой Елевфериевской палате и приставить к нему

стражей. В этом мрачном заключении преподобный, уже будучи старым и больным, провел два года; здесь его каждый день то ласкою, то угрозами старались вовлечь в иконоборчество, и нарочно посылаемые к нему злочестивые еретики издевались над ним и злословили его. Однажды, когда царь с ласкою отправил посла своего к святому, желая, чтобы он подписался под указом о низвержении икон, преподобный Феофан ответил ему:

– Познай, царь, даровавшего тебе царство, Того, Кем и цари царствуют, и мучители властвуют на земле. Познай, – говорю тебе, – что Господь, будучи неописуем, изволил быть видимым и, приняв наше естество, стал во всем подобен нам, кроме греха; и сим естеством, обоженным в Себе, Он воскрешал мертвых, просвещал слепых, очищал прокаженных и много других сотворил чудес. Сим Своим человеческим естеством Он принял добровольно от иудеев смерть, в третий день воскрес, со славою вознесся на небо и уже никогда не разлучается от Отца. Об этом человеческом естестве во Христе нас учит Евангелие; поэтому эту Евангельскую книгу мы и приемлем с благоговением, веруя всему написанному в ней, всем чудесным делам Христа, – так что в Евангелии почитаем как бы Его Самого. И если мы не осуждаемся, что веруем в дела Христовы, описанные в словах, то за что же мы осуждаемся, если принимаем и чтим ту же Евангельскую историю, но только изображенную на иконах? И варвары, пришедшие к нашей вере, благодаря иконам, легко узнают все житие Христа на земле с людьми и все Его чудесные дела. Да и как много людей некнижных, смотря на изображенные на иконах чудеса Христовы и на Его вольную смерть, прославили пострадавшего за нас Господа? Но ты, отвергая иконы, должно быть позавидовал их спасению. И какой собор когда-нибудь считал грехом и святотатством почитать святые иконы? Разве не Сам Христос послал на исцеление едесскому князю Авгарю образ Своего Лица, нерукотворно соделанный[1889]? И разве не святой апостол Лука оставил нам расписанную разноцветными красками икону Пресвятой Девы Богородицы[1890]? Ничего здесь нет противного преданию и учению святых отцов: святой Василий Великий,

испытатель неизреченных Таинств, сказал, что честь, оказанная иконе, восходит на описанное на ней. Также и Иоанн своими златыми устами проговорил: «я люблю и из воска сделанный образ»[1891]. Святой же Кирилл[1892] – сии гусли Святого Духа, произнес: «часто видя изображение на иконе Страстей Христовых, я не могу без слез проходить мимо сей иконы». Итак, если первые шесть Вселенских соборов, бывших до седьмого собора, не возбранили почитать святые иконы, с воздаянием чести изображенным на них лицам и событиям, то ты ли думаешь быть мудрее их! Твое дело, царь, вести войну против иноплеменников, исследовать же церковные догматы и законы подобает святым отцам, а не царям.

Прочитав это послание преподобного отца, царь исполнился несказанной ярости; он тотчас же послал в Сигрианскую страну одного своего жестокого сановника, чтобы разорить Феофанову обитель, называемую «Великое село», и сжечь ее совершенно; учеников же его, избив беспощадно, – разогнать. Другого же посла, столь же лютого, царь послал к преподобному Феофану, который уже два года был заключен в мрачной темнице Елевфериевского замка[1893].

Этот посланник, содрав одежду со святого старца, который и без того был изможден постом и продолжительною болезнью, бил его беспощадно воловьими жилами по хребту и по чреву и, дав ему триста ударов и заключив снова в темницу, ушел от него.

Утром, по повелению царя, мучитель этот опять пришел к преподобному; выведя его из темницы, он жестоко бил его. А потом святого Феофана отправили в заточение на остров Самофракийкий[1894]. Преподобный отец заранее предвидел это своими прозорливыми очами и служившему ему послушнику еще за несколько дней сказал, что они будут отосланы на сей остров. Прожив на этом месте всего двадцать три дня, святой мученик от изгнания земного, украшенный венцом исповеднического страдания, преселился к отечеству небесному[1895], и честное тело его было положено там в деревянной раке. Бог же прославил Своего святого угодника не только при жизни его, но и по преставлении: Он даровал

святым его мощам целебную силу, и много больных, только прикоснувшись к его раке, получили исцеление.

После того как убит был злочестивый царь Лев Армянин, изгнанные ученики святого Феофана снова возвратились в Сигрианскую гору и обновили сожженный монастырь. Сюда они перенесли с острова Самофракийского святые мощи преподобного отца своего Феофана и с благоговением положили их в церкви, причем от них совершалось множество чудес, – во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого, вовеки. Аминь[1896].

Кондак, глас 2:

Свыше прием Божественное откровение, со тщанием изшел еси от среды молвы житейския и, уединився, преподобне, чудес приял еси действо и пророчества достоинство, богатства и супружницы лишився.

Житие во святых отца нашего Григория Двоеслова, папы Римского

Память 12 марта

Святой Григорий, папа римский[1897], прозванный за свои красноречивые беседы двоесловом или беседником[1898], родился в городе Риме. Отец его, по имени Гордиан, и мать, блаженная Сильвия, – оба были сенаторского, благородного и богатого рода.

Но родство сего святого Григория было благородно не столько по своему сенаторскому происхождению, сколько по тем благочестивым и святым людям, которые находились в родстве с Григорием. Так, блаженный Феликс[1899], папа римский, был дедом Григория Двоеслова; святая Тарсилла, узревшая при кончине своей грядущего к ней Господа Иисуса, и блаженная Емилиана, сподобившаяся вместе с Тарсиллою вечной, небесной жизни, были тетками Григория; также и Сильвия, мать святителя, Римскою церковью причтена к лику святых.

Но сей святой род всего более украсил своею святостью блаженный Григорий, от юности подвизавшийся в добродетели в богоугодной жизни. С детского возраста полюбив чтение книг, он впоследствии стал славным ученым и ритором; он был человек, исполненный ума и добрых намерений, почему и избран был в сан претора[1900]. Однако мысли и желания Григория были направлены не столько к мирскому, сколько к духовному: он желал быть иноком. Но при жизни родителей будущий святитель отлагал свое пострижение, до времени более благоприятного, хотя и в мире он жил как бы иноком, проводя жизнь в чистом девстве.

Когда же скончался отец Григория, он начал оставшееся ему большое имение тратить на подаяние милостыни и на созидание святых обителей, больниц и странноприимных домов. Так, в Сицилии[1901] он создал шесть монастырей, снабдив их всем необходимым, а в Риме основал монастырь в честь святого апостола Андрея; этому монастырю он положил начало

в своем собственном доме, находившемся близ церкви святых мучеников Иоанна и Павла, при горе, именуемой «Сквара»[1902]. Постригшись здесь, Григорий снял свои златотканые мирские одежды и облекся во власяные ризы иноческого чина, наставляемый опытными старцами Иларионом и Максимианом; а через некоторое время он стал игуменом той обители[1903].

Блаженная же Сильвия, мать святого Григория, жила в то время близ врат апостола Павла; служа Господу, она проводила время в посте и молитвах и день и ночь «приметалась в дому Господнем»[1904]. Пищею ее была сырая зелень, которую она каждый день посылала и сыну своему – блаженному Григорию. К нищим же и убогим она была так милостива, что раздала им положительно все свое имущество.

Также и сын ее, блаженный Григорий, был так нищелюбив, что и последнего ничего не жалел, но тотчас же раздавал все просящим у него.

Однажды, когда он сидел в келье своей и по обычаю переписывал книги, к нему пришел один нищий (то был в образе нищего Ангел Господень) и сказал ему:

– Пожалей меня, раб Бога вышнего! Будучи корабельщиком, я погубил в море не только, что сам имел, но и чужое.

Нищелюбец и истинный раб Христов, святой Григорий, поболев о нем сердцем, призвал служащего ему брата и повелел дать человеку тому шесть златиц[1905]; и нищий, взяв данное, ушел.

В тот же день, через несколько часов, к блаженному пришел снова тот же нищий и сказал ему:

– Помилуй меня, раб Божий, я так много потерял, а ты мне так мало дал.

Святой Григорий опять призвал прислуживавшего ему брата и сказал ему:

– Брат, поди и отдай нищему другие шесть златиц.

Тот исполнил это, и взял нищий в этот день от святого Григория двенадцать златиц, и ушел от него.

Через некоторое время нищий пришел к блаженному Григорию в третий раз и взывал к нему:

– Помилосердствуй обо мне, отче, и подай мне и еще от щедрот твоих, ибо я в море очень много погубил чужого богатства.

Тогда блаженный Григорий снова сказал к служащему ему:

– Иди, брат, и дай просящему еще шесть златиц. На это брат сей ответил:

– Поверь мне, честный отче, что у нас не осталось ни одной златицы.

Но блаженный Григорий сказал ему:

– Не имеешь ли дать чего-нибудь другого: одежды какой-либо или какого-нибудь сосуда?

– Я имею только один сосуд, – ответил брат, – именно то серебряное блюдо, на котором твоя мать прислала тебе квашеное сочиво.

– Иди, брат, – сказал тогда угодник Божий Григорий, – и отдай нищему и то блюдо, дабы он не ушел от нас опечаленным, так как он ищет утешения в беде своей.

Бедняк, взяв то серебряное блюдо, радуясь, ушел от святого, и уже явно как нищий он более не приходил просить у Григория милостыни, но невидимо он все время пребывал при нем, охраняя его и помогая ему во всем. Ибо Ангел Господень был приставлен к святому с силою чудесной благодати, коею святой Григорий потом и прославился, совершая в обители своей великие чудеса.

После смерти Пелагия, папы Римского[1906], все единогласно избрали на престол его святого Григория, игумена Андреевского монастыря; он же, избегая столь великого сана и почести, убежал из города и скрывался по пустынным местам. Ища своего пастыря Григория и не находя его, народ римский предавался великой печали; и все стали усердно молиться к Богу – да явит Он им раба Своего. И вот появился огненный столп, всеми видимый, сходящий на то место, где святой Григорий скрывался, находясь в некоей пустынной горе. Тогда все познали, что тот небесный столп явился ради святого Григория. Тотчас же все отправились на то место, где и нашли Григория и с неизреченною радостью увели его, хотя он этого и не желал.

В царствование Маврикия[1907] святой Григорий был поставлен папою древнего Рима[1908]: Здесь он особенно прославился несказанным милосердием к нищим и убогим, к сиротам и вдовицам. Он строил странноприимные дома и приюты для людей бедных не только в Риме, но и в других городах. В Иерусалим святой Григорий нарочно послал с большим количеством денег авву Прова, чтобы он там устроил странноприимницу. На Синайскую гору[1909] он каждый год посылал большую милостыню на пропитание иноков. В Риме же святитель каждый день кормил всех нищих и больных, записанных им по имени в особой книге[1910]. Странников и бедных он часто сажал и за своей трапезой, причем всегда служил им сам. Раз он приказал своему сакелларию[1911] призвать на свою трапезу двенадцать странников, чтобы с ними вместе пообедать, а когда все сидели за трапезой, святой папа увидел тринадцать сидевших странников. Тогда, призвав сакеллария, он сказал ему тихо:

– Разве я тебе не двенадцать странников велел призвать? Зачем же ты, ослушавшись меня, призвал тринадцатого!

Испуганный сакелларий сказал ему на это:

– Поверь мне, пречестный Владыка, – тринадцатого здесь нет.

Действительно, ни он, ни кто другой не видали тринадцатого: его видел один только святой папа. Во время обеда святой Григорий смотрел на этого тринадцатого странника, сидевшего на самом конце стола, и видел, что лицо его часто изменяется: то он казался седым старцем, то – молодым юношей. Когда все встали с трапезы, святой папа Григорий отпустил всех; сего же тринадцатого странника, столь чудного по своему виду, он удержал и, взяв его за руку, ввел его в свою ложницу и там сказал ему:

– Заклинаю тебя великою силою Бога Вседержителя, скажи мне: кто ты и как твое имя! На это чудный странник сказал ему:

– Зачем ты спрашиваешь мое имя? Оно чудно. Вспомни одно, что я – тот самый нищий-кормчий, который некогда, придя к тебе в монастырь святого Андрея, когда ты сидел и писал в келье своей, получил от тебя двенадцать златиц и то

серебряное блюдо, которое тебе с сочивом прислала блаженная мать твоя Сильвия. Да будет тебе известно, что с того самого дня, в который ты с сердечною любовью дал мне его, Господь нарек тебя настоятелем сей святой Церкви, за которую излиял Кровь Свою, и наследником святого верховного Апостола Петра, которому ты подражаешь в своем добродетельном житии.

Блаженный Григорий на это сказал ему:

– Откуда ты знаешь, что Господь еще тогда определил быть мне папою?

– Я Ангел Господа Вседержителя, – ответил он, – поэтому и знаю; Он еще тогда послал меня узнать, действительно ли ты ради человеколюбия, а не ради тщеславия творишь милостыню.

Услышав это, блаженный Григорий впал в великий ужас: до того времени он никогда не видал явно Ангела Божия, а сейчас беседовал с ним как с простым человеком. Тогда явившийся Ангел сказал святому:

– Не бойся, ибо меня послал Господь, дабы пребывать с тобою всю жизнь и приносить твои молитвы к Богу; итак все, чего ты будешь просить у Него с надеждою, получишь.

Тогда святой папа, упав лицом на землю, поклонился Господу и сказал:

– Если ради столь малой милостыни Господь воздал мне столько благ, что сделал меня и папою Своей святой Церкви и приставил ко мне Своего святого Ангела, дабы охранять меня, то что же Он воздаст пребывающим в законе Его и творящим правду?

После этого Ангел стал невидим, а святой, воздавая Господу свое великое благодарение, стал еще более усерден в благодеяниях людям и в благоугождении Богу.

В другой раз, угощая однажды обедом странников, святой Григорий, по смирению своему, хотел одному из них подать на руки воду, но когда обернулся, чтобы взять сосуд, то увидал, что человека того уже нет; поискав его и нигде не найдя, Григорий весьма удивился. В следующую же ночь, когда святой папа спал, явился ему Господь и сказал:

– В те дни ты угощал членов Моих, то есть – нищих, вчера принял Меня Самого.

О великом смирении святого Григория говорится и в Лимонаре святейшего Софрония, патриарха Иерусалимского[1912]. Вот что там пишется о нем.

«Однажды мы были у аввы Иоанна Персянина; он нам и рассказал о великом и блаженном Григории, папе Римском. Захотел я однажды, – говорил он, – поклониться мощам святых верховных Апостолов Петра и Павла, и для этого отправился в Рим. Когда я однажды стоял среди города, то услышал в народе, что мимо должен пройти папа; тогда я стал ждать, чтобы видеть его. Когда он шел мимо меня, я решил поклониться ему; но говорю вам, братья, – вот Бог свидетель, – что он, предупредив меня, пал на землю, поклонился мне и до тех пор не вставал с земли, пока не увидел, что я прежде него встал; поцеловав затем меня с великою любовью, он дал мне своею рукою три златицы и повелел выдать мне все необходимое для пропитания; я же прославил Бога, давшего святому Григорию столь великое смирение, любовь ко всем и милость.

Нельзя умолчать и о страшном чуде, сотворенном молитвами сего великого архиерея Божия над Пречистыми Христовыми Тайнами. Некая женщина, очень известная в Риме, принесла просфоры к Божественному алтарю; в это время Божественную литургию совершал сам святейший папа Григорий. И вот, когда он преподавал людям Божественное причастие, приступила и женщина та причаститься Святых Тайн. Но когда она услышала слова Григория: «преподается животворящее Тело Господа нашего Иисуса Христа», то засмеялась. Тогда папа Григорий, задержав свою руку, спросил ее:

– Чему же ты смеешься?

– Мне странно, владыка, – ответила она на это, – что хлеб, который я испекла из муки своими руками, ты называешь Телом Христовым.

Святой, видя ее неверие, помолился Богу, и тотчас же хлеб, по виду своему, преложился в действительное человеческое

тело. И это окровавленное человеческое мясо видели не только женщина та, но и присутствовавшие в церкви люди; все, видевшие это чудо, прославляли Христа Бога и еще более утверждались в вере, нисколько не сомневаясь, что в Пречистых Тайнах под видом хлеба преподается истинное тело Христа, а под видом вина – истинная кровь Его. После того святой папа снова помолился, и вид тела человеческого претворился опять в хлеб. Тогда женщина та причастилась с великим страхом и твердою верою, приняв хлеб как тело Христово, а вино – как кровь Христову.

Сей великий светильник миру, святейший папа Григорий, украсил Церковь Христову не только своим равноангельным житием и дивными чудесами, но и своими многочисленными творениями, которые принесли вере православной великую услугу. А когда он писал их, то Дух Святой, в виде голубя, парил над ним; это часто сподоблялся видеть и архидиакон Григория Петр – муж весьма добродетельный. Беседы святого Григория с сим архидиаконом помещены в особых четырех книгах, преисполненных великой духовной пользы; они содержат в себе краткие сказания житий святых, богоугодно поживших в Италийской земле, и душеспасительные поучения[1913]. Святой Григорий пас Церковь Христову тринадцать лет, шесть месяцев и десять дней и преставился ко Господу в царствование греческого императора Фоки[1914].

О всех прочих деяниях, чудесах и церковном управлении сего великого Григория, папы Римского, равно как и о его дивном и святом житии написал четыре книги Иоанн, диакон великой церкви Римской[1915]; в этих книгах находится около двухсот шестидесяти глав; взяв из этих книг самое малое, на пользу же душам верных совершенно довольное сказание, мы славим прославляющего Своих угодников Христа Бога нашего, Который вместе с Отцом и Святым Духом прославляется во все веки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Иже от Бога свыше Божественную благодать восприем, славне Григорие, и того силою укрепляемь, евангельски

шествовати изволил еси. Отонудуже у Христа возмездие трудов приял еси всеблаженне, егоже моли, да спасет души наша.

Кондак, глас 3:

Подобоначальник показался еси Начальника пастырем Христа, иноков чреды, отче Григорие, ко ограде Небесней наставляя, и оттуду научил еси стадо Христово заповедем Его, ныне же с ними радуешися и ликуеши в Небесных кровех.

Память праведного Финееса

Память 12 марта

Святой праведный Финеес, сын Иудейского первосвященника Елеазара и внук первосвященника Аарона, первоначально был священником народа иудейского.

Святой Финеес был достойным служителем Бога Израилева. В продолжение всей своей жизни он был ревностным защитником и охранителем истинного богопочитания. Его деятельность, как служителя Божия, была направлена, с одной стороны, на прославление славного имени Иеговы, Бога Израилева, а с другой – на искоренение всех пороков и отступлений от закона Божия, которые замечались иногда среди народа еврейского.

Однажды случилось, что моавитяне[1916], жившие по соседству с израильтянами и отличавшиеся своим нечестием, вовлекли израильтян в нечестивое и мерзкое служение своему богу Ваал – Фегору[1917]. Разгневавшись на столь великое беззаконие, Господь строго наказал нечестивых отступников: тотчас же их стала поражать моровая язва, от которой умерли многие тысячи израильтян. Кроме того, Бог повелел Моисею умертвить (через повешение) тех из начальников народа, которые предавались нечестию. Многие израильтяне, видя гнев Божий, оставили беззаконие, раскаялись и собрались у дверей скинии для принесения Господу всенародного покаяния.

В это время некто Замврий, начальник колена Симеонова, на глазах Моисея и всего общества привел мадианитянку в стан еврейский и повел ее в свой шатер. Тогда Финеес, исполнившись гнева и негодования на начальника – соблазнителя народа, вошел в шатер Замврия и поразил его и мадианитянку копьем.

Этот поступок мужественного Финееса, в котором так очевидно обнаружилась его горячая ревность по Боге, отвратил гнев Божий от народа израильского. Тотчас же моровая язва, поражавшая народ[1918], остановилась.

После этого Бог сказал Моисею:

– Финеес, сын первосвященника Елеазара, отвратил гнев Мой от сынов Израилевых, возревновав об имени Моем. Поэтому скажи ему: вот, Я даю ему Мой завет мира. Я даю ему и потомству его завет священства вечного.

Спустя некоторое время по повелению Божию израильтяне стали собирать войско для наказания моавитян за нечестие их. Всего собрано было двенадцать тысяч израильтян (по одной тысяче от каждого колена). Предводителем войска был избран Финеес, который и на этот раз показал себя точным исполнителем повеления Божиего.

Кроме того, святой Финеес заявил себя мудрым руководителем народа своего в тех случаях, когда среди него возникали какие-либо нестроения. Он примирял враждовавших друг с другом, умело останавливая и устраняя взаимные ссоры и распри.

За все эти заслуги святой Финеес, по смерти отца своего, единогласно был выбран первосвященником. Первосвященство Финееса, согласно обетованию Божию (Чис.25:13), продолжалось в его потомстве и только временно переходило в род Ифамара.

Святой Финеес умер в глубокой старости[1919] и погребен был на горе в колене Ефремовом (Нав.24:33).

Перенесение честных мощей Никифора, патриарха Цареградского

Память 13 марта

Великий архиерей Божий, святой Никифор, патриарх Цареградский, за благочестное почитание святых икон был низвержен с престола своего злочестивым царем Львом Армянином и отослан на остров Проконнис[1920]. Здесь он тринадцать лет провел в заточении и поругании и, преставившись ко Господу, был погребен при храме святого мученика Феодора, в монастыре им самим созданном[1921].

Спустя несколько лет, по смерти злочестивых царей – Льва Армянина, Михаила Валвоса и сына его Феофила, – скипетром Греческого царства овладела благочестивая царица Феодора, правившая царством вместе с сыном своим Михаилом, – тогда еще весьма юным[1922].

В это же время скончались также и лжепатриархи Константинопольские – Феодот Касситер, Феодор Спасарокандилат, потом Антоний Фасимат и, наконец, Иоанн, по прозванию Анний[1923]; по хитрости своей он казался волхвом, и, как незаконно поставленный, благочестивыми людьми был низвержен с престола. После него на Константинопольскую кафедру вступил святой Мефодий, который и возвратил святой Церкви почитание икон[1924]. В это именно время с острова Проконниса были возвращены в Царьград и честные мощи исповедника Христова, святого Никифора.

Святейший патриарх Мефодий так советовал благочестивой царице Феодоре:

– Неприлично, – говорил он ей, – лучшему из патриархов – святому Никифору, изгнанному с престола за Православие, даже и умершему, – до сих пор находиться в изгнании: святое тело его нужно возвратить к престолу его; ведь мы не избежим греха, если оставим мощи его в заточении, – мы как будто даже покажем себя одобряющими его изгнание и соглашающимися, что это низвержение его с престола было справедливым. Мы знаем, что колено Иосифово сподобилось благословения за то,

что спустя четыреста лет перенесло кости отца своего из Египта в землю Ханаанскую, – мы же, сыны благочестия, – разве допустим еще долее отсутствие мощей отца нашего, Божественным учением которого мы воспитаны в правоверии; самый град сей царский, один из лучших в поднебесной, жаждет честных останков святого вождя и пастыря своего, и готов хранить их у себя с благоговением. Да возвеселится снова невеста-Церковь о женихе своем. Когда он был живым, Церковь лишилась его по несправедливости царской; пусть же теперь примет она, по повелению пастырелюбивой царицы, почившее о Господе тело того. О благочестивая царица, ты ведь видишь, как народ, умиренный тобою в правоверии, горит желанием услышать духом даже и умершего пастыря своего. Если он увидит принесенную к себе хотя тень его, – он будет считать его как бы живым и, приняв как живого, сохранит останки его, как некое богатейшее сокровище.

С этими словами Святейшего патриарха Мефодия христолюбивая царица Феодора тотчас же согласилась, проговорив:

– Сие и для душ наших будет полезно, да и имя наше в последующие времена будет хранимо с честью.

Тогда святейший патриарх не медля, взяв с собою пресвитеров и иноков, отправился на остров Проконнис, сопровождаемый множеством народа.

Придя в монастырь святого мученика Феодора, патриарх открыл гроб святого Никифора, и все увидели честное тело, спустя девятнадцать лет после погребения, совершенно сохранившимся; не имея даже и следа тления, оно испускало благоухание.

Совершив всенощное бдение и Божественную литургию, святой Мефодий взошел в гробницу и, объемля честные мощи святого Никифора, сказал ему, как бы живому:

– О блаженнейший муж, во всем уподобившийся святому Иоанну Златоустому! Ведь ты перенес те же труды и претерпел те же скорби, как и он; подобно святому Иоанну, ты дерзновенным словом обличал беззаконие, перенес несправедливое изгнание, и вот уже более тридцати лет –

сначала живым, а потом умершим – находишься в заточении. Теперь же отдай себя нам, твоим возлюбленным сынам и отшед отсюда, возвратись в свою страну, и любящий твой народ, как и прежде, с радостью тебя приимет. Безбожный царь, который незаконно изгнал тебя из церкви, принял достойное по своим делам наказание, лишившись и царства, и самой жизни. Ныне же благочестивые цари тебе, как бы живому, возвращают твою церковь; вместе со мною они, как христолюбивые сыны, очистили церковь от еретических скверн и устроили ее столь же благолепно, какою она была и прежде, после твоих трудов. Воззри и посмотри на собранных чад твоих; все они пришли из ближних городов; остальные же, кои живут гораздо дальше, с нетерпением ждут тебя; их, как осиротевших, не оставляй печальными и не удаляйся от них, дабы град твой имел мощи твои, как драгоценный дар; украшаясь ими, он более возвеличится и украсится, нежели царским венцом.

Сказав это, святейший патриарх Мефодий поднял мощи святого и положил их в новую раку; потом, вместе с Освященным собором, подняв их на рамена, со псалмопением перенес святые мощи в корабль; подняв паруса, они вскоре достигли Царьграда.

Благочестивая же царица Феодора вместе с сыном своим Михаилом и всем синклитом, клириками и множеством народа, со свечами, кадилами и пением, исполненные неизреченной радости и веселия, вышли к пристани навстречу честных мощей святого патриарха своего Никифора. Взяв святые останки его, они прежде всего понесли их в соборную церковь святой Софии, откуда святой Никифор был изгнан.

Это перенесение святых мощей происходило в тринадцатый день месяца марта[1925], – в тот самый день, когда святой Никифор был изгнан зловерным царем из царского города.

Когда день преклонился к вечеру, в церкви святой Софии над честными мощами было совершено всенощное бдение, а утром из церкви святой Софии они были перенесены в храм святых Апостолов и там положены с благоговением. С этого времени и постановили чтить память исповедника Христова

Никифора во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Сыном и Святым Духом славимого. Аминь.

В тот же день память святой мученицы Христины, в IV веке в Персиде пострадавшей.

Память святого мученика Александра

Память 13 марта

Святой Александр был славным мучеником во время одного гонения[1926] на христиан от язычников. Среди тьмы языческого нечестия он, как лучезарная звезда, сиял своим благочестием. Обличая в городе Пидне[1927] безумие идолослужителей и проповедуя христианскую веру, он многих язычников крестил и обратил ко Христу и такими действиями своими возбудил гнев почитателей идолов. Они не могли видеть его смелости и переносить силы его боговдохновенного слова, а потому, напав на него, схватили и связали его, после чего предали жестоким, беспощадным мучениям. Они такими мучениями хотели принудить его принести жертву идолам, но так как не могли склонить его к этому, то и приговорили его, наконец, к усечению мечом. С молитвою благодарности к Богу, святой мученик склонил под удар меча свою голову и так предал святую душу свою в руки Господа.

Житие преподобного отца нашего Венедикта

Память 14 марта

Благословенный по имени[1928] святой Венедикт был благословенным и по благодати Божией. По уму своему с самых ранних лет Венедикт был уже как бы старец, а по своей нравственной жизни он с юных лет походил на мужа, исполненного совершенства. Он не подчинил своей души желаниям плотским и мирским, но уже во времена своей цветущей юности, когда свободно мог наслаждаться всеми прелестями мира, он счел все это за траву, иссохшую вместе со своими цветами.

Святой Венедикт был родом из города Нурсии[1929], а светские науки того времени он стал изучать в Риме. Но видя в этих языческих школах множество развращенных, – как они живут по своим страстным похотям, – он удалился оттуда, боясь, как бы из-за малого книжного обучения не погубить великого разума своей души и, развратившись с людьми порочными, не впасть в пропасть греховную. Итак, он вышел из школ не наученным мудрецом и разумным невеждой и презрел внешнее любомудрие, дабы сохранить внутреннее целомудрие. Впрочем, в это время он оставил не одни языческие училища, но и большое богатство своих, тогда уже умерших, родителей и стремился только к иноческому чину и пустыннической жизни. В пустыню за ним последовала некая честная старица, его бывшая кормилица, женщина, очень любившая его за добродетельную жизнь. Когда они дошли до места, называемого Еффиди, Венедикт был удержан здесь своими знакомыми и жил здесь при церкви Святого Петра. Благочестивые люди этой местности, возлюбив блаженного юношу, относились к нему с большим почтением. Жившая с ним старица однажды выпросила у соседей ночвы[1930], чтобы выполоть ими пшеницу и, положив их к себе на стол, куда-то ушла. Случайно эти ночвы упали со стола и разбились надвое. Вернувшись, она увидела их разбитыми, была очень опечалена этим и даже плакала, так

как ночвы были чужими. Блаженный юноша, увидев, что старица плачет о разбитых ночвах, взял обе разбитые части и, уединившись, повергся на землю пред Богом. Он молился целый час и, когда встал с молитвы, нашел сосуд целым – незаметно даже было, что он прежде был разбит; взяв, он отдал его своей спутнице. Весть об этом чуде скоро распространилась у всех тамошних жителей. Они, взяв те ночвы, повесили их на стене церковной, у дверей, дабы их видели входящие в храм, – во славу Бога, в похвалу же исполненному столь великой благодати Божией, богоугодному юноше Венедикту. Но святой, не вынося почести человеческой и славы, тайно от всех ушел оттуда и, оставив свою питательницу, удалился в пустыню. Когда он пришел на место, называемое Дол[1931], находящееся от Рима на сорок поприщ, то по Божию смотрению его встретил здесь некий инок, по имени Роман: он шел из близлежащего монастыря, которым правил игумен Феодот. Севши с этим иноком, они стали беседовать о спасении души. Здесь блаженный Венедикт открыл ему свою мысль и желание сердца и нашел в нем споспешника своему намерению. Роман в пустыне облек блаженного Венедикта в иноческий чин и, найдя в одной глубокой дебри, на месте весьма неприступном, пещеру, поселил его там, пищу же приносил ему он из монастыря. Инок Роман три года не говорил никому о святом Венедикте, но, тайно беря во время трапезы немного хлеба, относил его в определенные на это дни в пещеру. Но так как к этой пещере вход с горы был неудобен и, чтобы попасть в него, нужно было обходить далеко гору, то он с этой высокой горы протянул длинную веревку и по ней спускал блаженному Венедикту хлеб; к концу же веревки был привязан небольшой колокольчик, дабы святой Венедикт мог слышать, когда ему спускают хлеб. Диавол же, ненавидящий Божиих рабов, задумал воспрепятствовать доброму делу Романа, дабы, промучив святого Венедикта голодом, заставить его предаться малодушию. Однажды, когда по обычаю Роман спускал в пещеру с горы хлеб, бес бросил в колокольчик камень и разбил его, однако, он этим ничего не достиг: ибо честный инок Роман не переставал служить святому Венедикту до того времени,

пока Господь не восхотел его упокоить от сего богоугодного труда, а блаженного Венедикта – сего под спудом скрывавшегося светильника – явить миру на духовную пользу многих.

Спустя три года некоему пресвитеру, далеко от горы сей обитавшему, в то время, когда он на праздник Пасхи приготовлял себе обильные снеди, в видении явился Господь и сказал:

– Вот, ты себе приготовляешь много брашна, а раб Мой Венедикт в некоей пещере – при этом он назвал и то место – ради любви ко Мне изнемогает от голода.

Тогда пресвитер, тотчас же собравшись и взяв с собою пищу, отправился отыскивать человека Божия. Переходя горные стремнины, потоки в долинах и пропасти, дошел, наконец, до указанной ему пещеры, где и нашел блаженного Венедикта. Целовав друг друга о Господе, они оба сели и стали питать свои души душеспасительными беседами. Потом пресвитер сказал святому:

– Отче, вкусим пищи, благодаря Бога, ибо сегодня Пасха.

Человек Божий на это ответил ему:

– Да, сегодня для меня Пасха, так как я сподобился увидеть тебя.

Преподобный не знал, что настал праздник Пасхи, ибо далеко жил от людей, и никто не знал его, кроме инока Романа.

– Поистине, отче, – сказал на это пресвитер, – сегодня праздник Воскресения Господня, и тебе не подобает поститься, ибо я на это к тебе и послан Господом, чтобы обоим нам ныне насытиться от даров Его.

И так, благодаря Бога, оба они вкусили пищи, и пресвитер, утешившись духовным весельем, ушел к себе в монастырь, славя Бога, что сподобился видеть раба Божия. После этого вскоре пещеру преподобного открыли пастухи, и тогда уже о нем многие узнали. Народ стал стекаться к нему с жалобами на свои нужды, святой же отец утешал их духовною пищею.

Видя такую святую жизнь Венедикта, диавол, горя ненавистью, задумал воспрепятствовать спасению преподобного. Однажды он преобразился в одну красную птицу,

называемую кос[1932], и стал безбоязненно летать пред лицом его, так что эту птицу можно было взять рукою, если бы только святой Венедикт этого захотел, но он не обращал на нее внимания. Познав, что это вражие коварство, он оградил себя крестным знамением, и птица та исчезла. По исчезновении ее, тотчас же, по действу того же диавола, на святого напала такая брань плотской страсти, какой с ним никогда не было. Блудный бес, преобразившись в некую жену, виденную однажды преподобным еще в юношеском возрасте, предстал пред его очами и в умерщвленном теле его возжег такую страсть, что он едва не впал в отчаяние. Ему на ум приходил наносимый лукавым помысел возвратиться в мир, но Божия благодать укрепляла его и соделала победителем над страстью. Успокоившись, он увидел недалеко от себя множество растущей крапивы и терновника. Сняв с себя одежду, Венедикт нагим бросился в терние и несколько часов валялся среди него, перенося сильнейшие ожоги всего своего тела, так он продолжал делать до тех пор, пока не увидел, что он весь обливается кровью. Избавившись таким образом скверных помыслов и блудной брани, он пламенно возблагодарил Господа. С этого времени, укрепляемый благодатью Божиею, святой Венедикт вел столь чистую жизнь, что уже блудный бес более не дерзал соблазнять его во всю его жизнь, как он после сам говорил своим ученикам, в назидание им.

Когда о преподобном уже повсюду разнесся слух, случилось, что в одном из монастырей той страны умер игумен. Тогда иноки того монастыря отправились к святому Венедикту и стали с усердием просить его быть их наставником и пастырем. Но он отказывался от начальствования над ними, считая себя грешным и недостойным сего; при этом Венедикт сказал им:

– Мои нравы не будут согласны с вашими.

Но убежденный их просьбами, он потом согласился и, не желая того, стал игуменом монастыря. Святой Венедикт с усердием правил монастырем. Строго соблюдая устав постнического жития, он никому не позволял жить по своей воле, так что иноки стали раскаиваться, что выбрали себе такого игумена, который совершенно не подходил к их

испорченным нравам. Самые дурные из иноков задумали даже следующее: они смешали яд с вином и, влив все это в чашу, дерзнули подать это смертоносное питье преподобному отцу во время обеда. Он же своей честною рукою сотворил над чашею крестное знамение, и сосуд силою святого Креста тотчас же разбился, как бы от удара камнем. Тогда человек Божий познал, что чаша была смертоносна, ибо не могла выдержать Животворящего Креста; тотчас он позвал к себе братию и без всякой злобы и даже с улыбкою на лице сказал им:

– О чада! Да помилует вас милосердый Господь. Зачем вы задумали сделать мне это? Разве я не говорил вам раньше, что мои нравы не подойдут к вашим? Итак, поищите себе другого отца, я же у вас оставаться не могу.

И преподав им мир, он удалился в пещеру, где прежде жил, и пребывал там один перед очами всевидца Бога. Но Господу, все устрояющему к лучшему, не угодно было, чтобы святой Венедикт путь своего спасения совершал в одиночестве: ему подобало и других наставлять ко спасению. И вот, вместо малого словесного стада Господь дал ему большее и вместо одного оставленного монастыря вручил ему двенадцать монастырей. Ибо когда разнесся слух о равноангельном житии Венедикта, то к нему отовсюду стали стекаться верные: одни желали сподобиться его молитв и благословения, другим хотелось напитать свою душу его богодухновенными беседами, а иные желали при нем и поселиться. И многие в это время оставили мир и все мирское; они построили себе около его пещеры небольшие кельи и стали жить, снискивая себе пищу от труда рук своих. Через несколько лет число братии святого Венедикта так умножилось, что та пустынная дебрь уж не могла всех и вмещать. Тогда святой разделил всех иноков на двенадцать частей, и каждая часть стала жить в отдельном монастыре; при этом святой каждому монастырю дал из своих опытных учеников по игумену, а новоначальных братий, ради назидания, оставил при себе.

К преподобному Венедикту приходили и некоторые из славных римских граждан и, отдавая сыновей своих на служение Богу, для духовного воспитания и назидания поручали

их преподобному. Таков был Евтихий, муж знаменитого рода; он привел святому своего сына, отрока Мавра, и поручил его преподобному на служение Богу; также патриций Тертуллий, посвящая Богу своего малолетнего сына Плакиду, отдал его в отеческие руки Венедикта. Мавр служил святому, помогая ему в его трудах, а отрок Плакида воспитывался, услаждаясь более его духовною пищею, нежели телесною.

В одном из монастырей преподобного Венедикта был некий нерадивый брат; во время церковного пения он имел обыкновение выходить из церкви, и хотя игумен за это часто его наказывал, он не исправлялся. Узнав об этом, преподобный Венедикт призвал к себе сего инока и, наставив его душеполезною беседою, отпустил домой, но тот все-таки не исправлялся. Тогда сам преподобный отец пришел в тот монастырь и, стоя во время службы в церкви, посмотрел на этого нерадивого брата и увидел при нем беса в образе какого-то черного отрока, который, ухватившись за край одежды того инока, влек его вон из церкви. Преподобный сказал окружавшим его:

– Видите ли, кто влечет того брата вон из церкви! Они же сказали:

– Нет, отче.

После этого святой Венедикт помолился Господу, чтобы Он открыл их душевные очи, и на другой день некоторые из них увидели небольшого эфиопа, который влек того инока из церкви, и они пересказали святому, что видят. По отпусте церковной службы преподобный отец, ради спасения того брата, переменив свой мягкий нрав на грозный, уже не словами только, но и жезлом наказал ленивого брата, и этим отогнал от него беса, который, как бы сам принявший побои, больше уже никогда не возвращался к тому иноку, и он с тех пор совершенно исправился.

Один монастырь, стоявший на высокой горе, не имел около себя воды, так что за ней нужно было ходить в глубокий овраг; таким образом, на гору, в монастырь, вода приносилась с большим трудом. Иноки того монастыря, придя однажды к преподобному отцу, молили его, чтобы он перенес монастырь в

другое место, где бы можно было доставать воду без труда. Святой же Венедикт, повелев им немного подождать, сам ночью с малым отроком Плакидою отправился на ту гору и, преклонив колена и помолившись Богу, извел из горы источник воды, как некогда Моисей жаждущему в пустыне Израилю (Исх.17:1–7). И этого источника было не только достаточно для монастырских нужд, но он довольно порядочным потоком стал стекать и с горы.

В другом его монастыре случилось следующее: в то время, когда один брат на берегу реки копал в саду мотыкою[1933], железо с рукоятки упало в воду, и брат тот сильно опечалился: железной части мотыки никак нельзя было достать из воды, так как река была и глубока, и быстра. В это время преподобный Венедикт случайно пришел в тот сад и, увидев опечаленного брата, сотворил чудо, подобное чуду пророка Елисея (4Цар.6:6): именно, он взял деревянную рукоять мотыки и положил ее на реку, на то место, где упало железо, и тотчас же оно само поднялось со дна и устроилось к рукояти. И преподобный отдал брату мотыку цельною, говоря:

– Трудись и не печалься.

Однажды преподобный сидел в келье своей, а отрок Плакида, взяв водонос, пошел к реке за водою, но, почерпая ее с берега, он вместе с водоносом упал в реку, на самое быстрое место, и далеко был отнесен водою. Преподобный, прозрев это своими духовными очами, воззвал служившему ему ученику Мавру:

– Беги, беги: Плакида упал в реку и уже далеко отнесен быстрым течением.

Тогда Мавр отправился к реке и, увидев утопавшего вдали от берега Плакиду, побежал по реке, как по сухому месту: он даже и не заметил, что бежит по воде, но думал, что он на суше. В ужасе он пришел с Плакидою и рассказал обо всем преподобному отцу. Святой же Венедикт чудо сие приписал не своим молитвам, но силе безусловного повиновения Мавра; Мавр же думал, что это чудо совершено по молитвам преподобного.

Но Плакида сказал:

– Я видел над главою моею мантию преподобного, и казалось мне, что ты сам, отче, взял меня за волосы и извлек на сушу, на берегу же я увидел Мавра.

В это же время, когда Господь прославил преподобного Венедикта столь великою силою чудотворения и к нему со всех сторон стал стекаться народ, некий живший в той местности пресвитер, по имени Флорентий, по наущению беса, возненавидел святого отца и стал его хулить позорными словами и порицать его в народе, желая лишить его того благоговения, какое к нему все питали. Но он ничего этим не достиг: никто не верил этой позорной хуле, и пресвитера никто не послушался. Тогда этот нечестивец решил отравить святого; приготовив просфору со смертоносным ядом, он послал ее в дар преподобному Венедикту. Прозорливый муж, хотя и видел, что просфора с ядом, принял ее с благодарностью. В тот час, в который преподобный обыкновенно обедал, к келье его из близ находившегося леса прилетал ворон и кормился здесь нарочно приготовленною для него пищею. Преподобный Венедикт, взяв отравленную просфору, присланную ему от пресвитера Флорентия, положил ее пред вороном и сказал:

– Во имя Иисуса Христа, Сына Бога Живого, возьми хлеб сей и занеси в такие пустынные места, где его не могли бы найти никто – ни человек, ни птица.

Ворон, открыв свой клюв и каркая, стал летать вокруг того хлеба, ясно этим показывая, что он хочет послушаться повеления преподобного, но не может, благодаря находящемуся в просфоре вредоносному диавольскому яду. Тогда человек Божий снова сказал птице:

– Возьми, возьми, не бойся, – ты не отравишься этим хлебом; итак, неси его в непроходную пустыню.

И ворон, исполняя приказанное ему, с великим страхом взяв клювом смертоносную ту просфору, улетел; возвратившись через три часа, он стал питаться из рук преподобного обычною для него пищею. Незлобивый же Венедикт, видя злобу и вражду на него Флорентия, молился больше о нем, чем о себе, – да не поставит ему сего Господь во грех, но да исправит его. Однако

злобный пресвитер нисколько не исправлялся: он задумал даже еще худшее.

Не имея возможности умертвить тела святого Венедикта, он задумал своим сатанистским коварством убить души учеников его. Ученики преподобного ежедневно работали в саду его; и вот Флорентий подкупил семь красивых молодых девиц и послал их в этот сад, чтобы они с песнями и плясками бесчинствовали пред теми юными иноками и таким образом возбудили на скверное похотение их молодые сердца. Увидев это, преподобный Венедикт убоялся душевной погибели своих юных учеников и решил уйти с ними оттуда. Итак, с одной стороны он оставлял место из-за злобы Флорентия, а с другой – и юных отводил от соблазна. Призвав братию и игуменов своих монастырей, он поставил над ними опытного отца и предал их всех воле Божией, а сам, смиренно уклоняясь от ненависти и вражды человеческой, ушел оттуда со своими юнейшими учениками. Пресвитер же Флорентий, узнав об уходе из той местности преподобного Венедикта, весьма обрадовался. Но, Бог отмщений, Господь, мстя за раба Своего, погубил того лукавого пресвитера неожиданною смертью. Когда однажды он сидел у себя дома и веселился, горница, в которой он был, упала, и ненавистник был раздавлен стенами. Из домашних же его никто не пострадал, и только он один так умер.

Об этом тотчас же было известно в монастырях Венедикта, и оставленный в монастыре возлюбленный ученик святого, блаженный Мавр, нимало не медля, послал за преподобным Венедиктом. Он писал ему: «Вернись, отче: пресвитер, гневавшийся на тебя напрасно, умер злою смертью».

Преподобный, услышав о такой смерти Флорентия, исполнился великой печали и долго о нем плакал; на Мавра же, ученика своего, он разгневался, что тот порадовался смерти Флорентия, и наложил на него покаяние; сам же он не захотел вернуться к месту своих прежних подвигов, но переселился на другое место. Однако, переменив жилище, святой не расстался со своим прежним врагом, ибо изобретатель всего злого диавол начал с ним более ожесточенную брань; но сколько он против

него ни боролся, угодник Божий, помощью Божией, остался непобедим.

Преподобный Венедикт, уйдя с места своих первых подвигов, отправился в Кампанийскую страну, к городу, называемому Касин[1934]. Здесь на одной высокой горе он нашел идольский храм, в честь бога Аполлона; вокруг же храма стояла роща. Святой Венедикт идола тотчас же разбил, храм разорил, а рощу срубил и сжег. Спустя немного времени на этом месте он воздвиг церковь во имя святого Иоанна Крестителя, устроил обитель и собрал еще большую братию[1935]. В той местности было много язычников, и святой Венедикт, сильный делом и словом, утверждая свою святую проповедь чудесами, многих обратил ко Христу. Бесы, не вынося пришествия Венедикта в ту местность и не терпя разорения своих капищ, стали явно нападать на него. Как бы дыша пламенем ярости, они по-римски взывали к нему:

– Бенедикт, Бенедикт!

Когда же святой ничего им на это не ответил, они закричали:

– Ты не Бенедикт, а Маледикт, Маледикт!

– Ты проклят, проклят, а не благословен! Что тебе до нас! И зачем ты нас гонишь?

Благословенный же Венедикт молитвою и крестным знамением отгонял их от себя, как прах ветром. Когда строилась обитель и братия, трудящиеся в построении здания, возводили колокольню, – в это время святой, молясь однажды в уединенной келье своей, увидел идущего беса.

– Куда идешь, враг? – спросил его преподобный Венедикт.

– Иду к трудящимся инокам.

Святой тотчас же послал возвестить братии, дабы они всячески остерегались от какой-нибудь нечаянной вражеской напасти, так как сейчас пошел к ним бес. Посланный еще только говорил к братии, как внезапно упала строящаяся стена и убила одного юного отрока, и все иноки были весьма опечалены: они скорбели не от того, что упала стена, но от того, что скончался брат их. Придя к святому, они возвестили ему об этом со слезами. Он повелел принести мертвого юношу к себе, но его

нельзя было принести на руках, так как каменная стена не только тело его, но даже и кости раздробила. Братия положили его на вретище и принесли в келью преподобного отца своего. Святой Венедикт, приказав положить его на той рогоже, на коей имел обыкновение молиться, и всем уйти из кельи, остался один и своею усердною молитвою к Богу воскресил мертвого юношу и в тот же день, вполне здоровым, как бы восставшим от сна, отослал его на прежнюю работу к инокам. В обители Венедикта было установлено самим преподобным, чтобы посылаемые на работу братия ни пищи, ни питья не кушали, пока не возвратятся в монастырь, и это правило ненарушимо было сохраняемо. Однажды некоторым посланным на работу братьям пришлось немного опоздать, так как путь был очень велик. Голодные, на пути они зашли в дом одной благочестивой и добродетельной девицы, у которой и подкрепили себя пищею и питьем; уже поздно пришли они за благословением к своему преподобному отцу. Он спросил их:

– Где же вы ели?

– Нигде не ели, отче! – ответили они. Святой тогда сказал им:

– Зачем вы лжете? Разве вы не подкрепили себя пищею у такой-то благолюбивой девицы? Не то ли и то ли вы ели? И не столько ли чаш выпили?

Услышав это, братия впали в ужас, что их прозорливый отец знает все, так далеко от него соделанное; падши к ногам его и рассказав ему всю правду, они стали просить у него прощения. Также и другого брата, тайно евшего в пути, обличил святой Венедикт. Видел он своими прозорливыми очами многое и другое, что делалось втайне, и потому каждый боялся сделать или сказать неразумно что-нибудь где-нибудь: каждый знал, что духом своим их отец всюду с ним, что он слышит и видит все его слова и дела и согрешающих обличает.

Тотелла, царь Готский, обладавший в то время Кампанийскою областью, узнав о прозорливсти преподобного Венедикта, задумал посетить его. Но он сначала пошел не сам, но послал, под видом себя, некоего своего сановника, по имени Рига. Этим он хотел проверить прозорливость преподобного:

узнает ли он, что не сам царь к нему пришел. И лишь только Рига, как бы действительно царь, окруженный боярами и воинами, приближался к святому Венедикту, преподобный, увидев его издали, воззвал к нему:

– Сними, чадо, сии царские одежды, в которые ты облекся: ведь они не твои, но пославшего тебя ко мне.

Рига, устрашенный этим обличением, поклонился святому и тотчас же возвратился обратно. После этого со смирением и с поклонами к прозорливцу Божию пришел сам царь Тотелла; преподобный Венедикт стал обличать его и укорять за его жестокость и злые дела и произнес ему пророческие слова. Преподобный сказал царю:

– По Божию попущению ты возьмешь Рим, перейдешь море, но в десятый год своего царствования ты умрешь.

И это пророчество преподобного отца в свое время сбылось. Кроме дара пророчества святой Венедикт обладал и данной ему от Бога властью над бесами. Некий клирик Аквинийской церкви[1936], мучимый бесом, по совету своего епископа Констанция отправился по святым местам, к мощам мучеников, но святые мученики ему, как недостойному, не подали исцеления. Тогда он приведен был к угоднику Божию Венедикту и, по молитвам его, тотчас же получил исцеление; изгнав из клирика беса, святой дал ему такую заповедь:

– Мяса не ешь, не дерзай вступать и в священнический чин: ибо в тот день, когда ты решишься принять сан священства, ты снова будешь предан беспощадному мучительству беса.

Исцелевший клирик, возвратившись домой, долго хранил эти две заповеди святого отца: он не ел мяса и не дерзал принимать сана священства. Но спустя много лет клирик сей, видя, как после умерших пресвитеров на их место вступали гораздо моложе его, счел это за бесчестие для себя и стал искать священнического сана. И когда он был возведен во священника, то в тот же день, по Божию попущению, на него напал лютый бес и, беспощадно терзая сего клирика, умертвил его. Так исполнилось пророческое слово преподобного отца Венедикта.

Некий благородный муж, по имени Феопров, почитаемый всеми гражданин города Касина, Богомудрым наставлением святого Венедикта был обращен от идолопоклонства к истинной вере и, благодаря своей добродетельной жизни, пользовался у своего духовного отца и учителя большим расположением и любовью. Однажды Феопров вошел в келью преподобного Венедикта и нашел своего духовного отца горько плачущим и рыдающим. Долгое время стоя и смотря на его неудержные слезы, он был в недоумении, ибо увидал его плачущим не во время молитвы (а в то время преподобный всегда плакал); в настоящую же минуту Венедикт не только проливал слезы, но и с великою скорбью испускал плачевные рыдания и стенания.

Удивленный Феопров спросил о причине плача его, и святой, едва удерживаясь от слез и рыданий, сказал:

– Видишь ли ты сей монастырь, который я с помощью Божией создал, и все, что я здесь устроил для братии? Все это, по суду всесильного Господа, будет предано язычникам на разорение. И я лишь только умолил Бога, чтобы Он сохранил жизнь братии моей, живущей здесь в монастыре.

Сие пророчество преподобного Венедикта исполнилось после преставления его. Однажды ночью, когда все братия почивали, лонгобарды[1937] внезапно напали на монастырь. Но они не пленили ни одного из братии: охраняемые молитвами своего преподобного отца, все иноки скрылись невредимыми. Лонгобарды же, опустошив монастырь, сильно разорили его; при жизни же святого Венедикта обитель сия, охраняемая Господом, пользовалась полным довольством. Один благочестивый человек послал к преподобному Венедикту два сосуда вина. Посланный раб утаил себе один из этих сосудов и спрятал его где-то на пути, а другой принес преподобному отцу. Но прозорливец, отпуская раба, сказал ему:

– Смотри, чадо, не пей от того сосуда, который скрыл ты на пути, но вылей его, и ты увидишь, что в нем находится.

Пристыженный обличением святого, раб тот поклонился преподобному и ушел. Подойдя же к спрятанному сосуду, он надумал испытать, правду ли ему сказал святой, и наклонил сосуд, чтобы вылить вино, и вот вместе с вином из него

выползли и змеи. Сильно убоявшись сего, раб тот покаялся в соделанном им грехе.

Недалеко от обители преподобного находилось некое селение; жители его прежде пребывали в идолопоклонстве, с пришествием же в эту страну святого Венедикта, они, по старанию его, все обратились в христианство. В этом селении был устроен женский монастырь. Сюда, для наставления инокинь словом Божиим, преподобный Венедикт имел обычай посылать искусных и опытных братий. Однажды для такого назидания послан был инокиням один из братии. По исполнении своего долга, когда он возвращался уже в свой монастырь, на дороге некоторые из инокинь упросили его взять несколько полотенец. Инок тот, взяв полотенца, положил их за пазуху. Возвратившись, он пришел к преподобному Венедикту; святой грозно посмотрел на него и потом с гневом сказал:

– Брат, зачем беззаконие вошло в сердце твое?

Инок же, ужаснувшись и забыв от страха скрытые за пазухой полотенца, не понял, о чем ему говорит преподобный отец.

Но святой снова сказал:

– Разве я не был там при тебе, когда ты брал полотенца от инокинь и спрятал их за пазуху?

Услышав это, инок пал к ногам святого и стал просить прощения у него в своем согрешении.

Однажды, когда преподобный, по обычаю своему вечером, обедал, и было уже довольно поздно, то пред трапезою его стоял один юный инок и, держа в руках свечу, светил ему; этот инок был сын одного богатого властелина, – и вот он с гордостью на уме так начал сам про себя думать:

– И кто сей, пред кем я теперь стою и, держа свечу, как раб ему служу? И зачем я работаю на этого незнатного старца?

Когда юный инок так рассуждал в сердце своем, то этот его горделивый помысел не утаился от прозорливого отца; он тотчас же отечески обличил его и при этом кротко заметил:

– Чадо, назнаменай сердце свое крестным знамением, и зачем столь горделивые помыслы гнездятся в тебе? Будь внимателен к себе.

Призвав затем другого послушника, он повелел взять из рук его свечу. Согрешивший же инок со слезами на глазах вышел из кельи. И когда братия стали спрашивать инока, почему его отослал преподобный отец, то он исповедал им свои горделивые помыслы. И все дивились прозорливству святого Венедикта, что от него не утаиваются даже и сердечные помыслы.

Однажды в стране Кампанийской[1938] случился голод, и в обители преподобного осталось не более пяти хлебов, так что для множества братии сей обители не достало бы даже и на одну трапезу. Когда в монастыре все братия скорбели и недоумевали, откуда взять на время голода хлеба для пропитания, святой сказал им:

– Зачем вы, маловеры, из-за недостатка в хлебе так опечалены? Разве вы не надеетесь на Бога, который не оставляет никого, кто верно служит Ему? И разве вы не помните евангельских слов нашего Спасителя: «Ищите прежде царства Божия, и это все приложится вам; ибо знает Отец ваш небесный, в чем вы имеете нужду прежде вашего прошения» (Мф.6:8,33). Итак, не унывайте. Сегодня у вас оскудение, а завтра вы будете иметь в изобилии все необходимое.

И вот наутро, по Божиему смотрению, пред вратами обители в мешках нашли двести мер муки, и никто не мог сказать, откуда и кто принес такое множество хлеба. Тогда все решили, что это Сам Господь, по молитвам преподобного отца их, невидимо послал им эту муку.

Некий боголюбивый муж просил преподобного, чтобы он дал благословение выстроить на селе сего боголюбца монастырь; это селение находилось недалеко от города Теракинийского[1939]. Преподобный послал в село это некоторых из учеников своих, кои были довольно искусными строителями, и велел им очистить место и приготовить все необходимое для построения монастыря.

«Я же, – сказал им святой, – приду к вам в такой-то день, – (и при этом он назвал этот день), – и покажу вам, на каком именно месте строить каждое здание».

Строители отправились и, приготовив все, стали ждать прихода преподобного их отца. Когда наступил назначенный день, рано утром, когда строители еще спали, им во сне явился святой Венедикт и указал те места, где они должны были построить и церковь, и трапезу, и больницу, и кельи, и все остальные монастырские здания. Проснувшись, они рассказали друг другу свое сновидение и, подивившись, что видели во сне одно и то же, стали ожидать преподобного Венедикта. Но святой не пришел ни в тот день, ни в следующий, и строители, явившись к нему опечаленными, сказали:

– Преподобный отец! Мы ожидали прихода твоего, как обещал, дабы показать нам место для монастырских зданий, и почему же ты не пришел?

Венедикт на это ответил:

– Что вы говорите, братия, – разве я к вам не приходил?

Но строители отказывались от этого и говорили:

– Нет, отче, не приходил. Тогда преподобный сказал:

– Разве вы забыли, что я приходил к вам, когда вы еще спали, и указал рукою все те места, на которых вы должны строить каждое здание? Итак, идите и стройте здания на тех местах, на которых я вам повелел в сонном видении.

И они, поклонившись святому, ушли и исполнили все им повеленное.

В той же стране жили две девицы знатного рода. Они дали обет соблюсти свое девство и жили, проводя время в посте; но, проводя жизнь свою в чистоте, они имели необузданный язык и часто осуждали, злословили и укоряли других. Узнав об этом, преподобный Венедикт повелел сказать им:

– Исправьте язык ваш, а иначе я вас отлучу от Божественного причащения.

Но они не оставили своего безумия и даже ничего не ответили на отеческое наставление преподобного; спустя несколько дней, девицы сии обе умерли в чистом девстве своем и вместе были погребены в церкви. Когда же совершалась Божественная литургия и диакон, возглашая оглашенным, – кои не могли причащаться, – повелевал выйти из церкви, тогда некоторые видели, как обе эти девицы вышли из гробов своих и

из церкви[1940], ибо не могли оставаться здесь во время святой литургии; и это происходило во время каждой Божественной литургии. Когда об этом узнал святой Венедикт, он сжалился над ними; взяв просфору, он велел отнести в церковь и принести ее во святую жертву о душах тех девиц. И по принесении сей святой жертвы никто не видал, чтобы они выходили когда-либо из церкви, и все уверовали, что сим святым Таинством и молитвами преподобного эти девицы получили прощение от Господа.

Один юный инок в монастыре святого Венедикта отличался чрезмерной любовью к родителям и часто, без благословения преподобного, ходил к ним в дом. Однажды он ушел из монастыря, по своему обыкновению тайно, и лишь только вошел в дом родителей, как упал мертвым. Узнав об этом, иноки взяли тело его и предали обычному погребению. Но утром они нашли тело его изверженным из гроба; тогда его снова погребли и наутро также нашли изверженным из земли. После этого родители умершего инока с рыданием припали к ногам преподобного Венедикта и просили его, дабы он обитавшею в нем благодатью Божией помиловал их сына, который умер с таким грехом, и повелел бы земле удержать тело его. Преподобный, видя их опечаленное сердце, взял небольшую частицу от Пречистых Тайн и велел положить ее с благоговением на перси умершего и потом уже похоронить. После этого тело осталось во гробе и более уже не извергалось землей.

Преподобный был ко всем весьма милостив, милосерд, нищелюбив и щедр. Все, что посылал Бог его обители, он раздавал нищим и вообще нуждающимся, сам же и братия его пребывали в нищете. Однажды некий муж, действительно обнищавший, был преследуем своим заимодавцем, которому был должен двенадцать златиц[1941]. Тогда он пришел к святому Венедикту и со слезами стал молить его дать двадцать златиц, чтобы заплатить долг, так как заимодавец с угрозою требовал их от него. Преподобный, не имея тогда ни одного пенязя[1942], сказал тому человеку:

– Прости нас брат: я не имею теперь того, чего ты просишь, но приди дня через два.

Эти два дня святой Венедикт проводил в обычных молитвах и просил у Бога, дабы Он освободил должника от его долга. На третий день снова пришел тот обедневший человек и, кланяясь угоднику Божию, просил у него обещанного выкупа. В это время в монастыре был сосуд, наполненный сочивом; и вот внезапно, по молитве святого, наверху сочива[1943] оказались тринадцать златиц. Взяв их, милостивый отец все их отдал бедствующему человеку, говоря:

– Иди, чадо, и двенадцать из них отдай заимодавцу, а оставшийся возьми себе на свои нужды.

Однажды человек Божий вместе с братиею пошел на село работать в саду; на дороге им встретился один земледелец, который нес на руках своего умершего маленького сына; обливаясь слезами, он пришел в монастырь и там стал искать преподобного отца Венедикта; ему сказали, что святой работает на селе с братиею и что он там замедлит. Тогда человек тот оставил своего умершего сына пред монастырскими вратами, сам пошел к преподобному и встретил его уже возвращающимся в монастырь. При этом он так стал взывать к нему:

– Дай мне, отче, сына моего, дай мне сына! Человек Божий, удивившись, сказал ему:

– Разве я брал твоего сына?

Опечаленный отец сказал:

– Умер сын мой, но ты поди и воскреси его. Услышав это, преподобный отец очень опечалился и сказал братии:

– Бежим, братия, бежим, ибо воскрешать мертвых не наше дело, но святых апостолов.

Человек же тот, объятый невыразимым сердечным горем, клялся святому, что не оставит его, пока он не воскресит его сына. Тогда преподобный, подойдя вместе с братией к телу умершего отрока, преклонил колена и воззвал в молитве Богу:

– Господи! Призри не на меня грешного, но на веру сего человека, молящегося тебе о воскрешении сына, и отдай душу телу сему.

Еще не успел святой кончить свою молитву, как тело умершего начало проявлять в себе жизнь, руками ощупывая и двигаясь всем телом. Святой же, взяв отрока за руку, поднял его живым и здоровым и передал его отцу его. И все прославляли Бога, видя столь преславное чудо. Много и иного чудесного сделал преподобный Венедикт, о чем пространно писано у святого Григория Двоеслова, папы Римского, во 2-й книге его писаний[1944]; для нашего же назидания достаточно и сего краткого повествования, взятого из той же книги. Теперь же перейдем к последующему повествованию из жития преподобного Венедикта.

У преподобного Венедикта была родная сестра по имени Схоластика. С детства посвященная родителями Богу, она проводила жизнь девственную и постническую и была тем угодна Господу. Она имела обыкновение один раз в год приходить к брату своему, сему угоднику Божиему. Венедикт принимал ее не в самом монастыре, но в одном недалеко отстоявшем монастырском помещении; выходя туда к ней, преподобный вел здесь с ней душеполезные беседы. В последний год жизни блаженной Схоластики, когда она по обычаю пришла к своему святому брату, Венедикт пришел к ней вместе с некоторыми учениками своими и весь тот день провел с нею в святых беседах и богодухновенных поучениях. Вечером, когда уже настала ночная темнота, была уготована трапеза, но они, и вкушая пищу, не оставляли богодухновенных бесед, и так провели немалую часть ночи. Святая дева сказала преподобному:

– Молю тебя, брат мой, не оставляй меня всю эту ночь, дабы нам до утра побеседовать о небесной радости и присносущной жизни.

На это святой ответил:

– Что ты говоришь? Разве мне всю ночь оставаться вне кельи?

В это время воздух был так чист и ясен, что незаметно было даже и следа какого-нибудь дождевого облака. Святая, видя, что брат не хочет послушаться ее, сложив руки и положив на них свою голову, в тайне сердца своего, со слезами,

принесла молитву всесильному Богу. И лишь только, после молитвы, подняла свою голову, внезапно послышался страшный гром с блистаниями молний и таким сильным дождем, что ни святому Венедикту, ни пришедшим с ним братьям не только нельзя было идти домой, но даже и невозможно было приотворить дверей. (Так сильна была пред Богом молитва святой девы). Увидев, что Схоластика своею молитвою свела на землю такой внезапный дождь, преподобный сказал ей:

– Что ты сделала со мною, сестра?

– Я просила тебя, брат, остаться, – ответила она, – но ты не захотел послушаться меня, и вот я помолилась Господу моему, и Он тотчас же услышал меня; теперь, если хочешь, можешь оставить меня и идти в монастырь.

И так, святой Венедикт, и не желая того, оставался у ней всю ночь без сна, беседуя с сестрою о вечной жизни. Утром же, простившись, они разошлись. Через три дня после этого преподобный, стоя на молитве, возвел глаза свои к небу и увидал душу своей святой сестры, поднимающуюся к небу в великой светлости и принимаемую со славою в небесные селения. Узнав из этого видения о кончине своей сестры, Венедикт исполнился великого веселья, радуясь, что душа ее сподобилась такой славы, и, возблагодарив Господа, передал братьям о преставлении. Он велел перенести тело ее в свой монастырь благоговейно, как многоценное сокровище, положил его во гроб, который приготовил для самого себя.

Скоро преподобного пришел посетить диакон Серванд; муж исполненный небесной благодати, он был игуменом одного монастыря в Кампании, выстроенного патрикием Ливерием; они проводили время в душеспасительной беседе о пресладкой пище Небесного Царства; ее на земле они хотя и не могли еще вполне вкусить, однако своим устремленным к Богу умом уже отчасти вкушали ее; когда настало время вкушать телесную пищу, они стали принимать ее с воздыханиями, помня о пище нетленной. Во время же ночного покоя преподобный отец пошел в свою келью, а гость его, святой дьякон Серванд, отведен был в соседнюю с преподобным келью. Святой Венедикт, почив

немного с вечера, около полуночи встал на молитву и, молясь около окна, внезапно увидел великий свет, исходящий с неба, так что самая ночь стала более светлою, нежели день; но всего чудеснее было то, что блаженному Венедикту – как он сам потом рассказывал – казалось, что он видит всю вселенную, как будто она вся находилась под одним солнечным лучом. Со вниманием взирая на этот свет, преподобный увидел душу блаженного Германа, епископа Капуанского, в огненном круге возносимую на небо. Тогда преподобный Венедикт, желая, чтобы гость его Серванд был свидетелем сего страшного видения, громким голосом назвал его два или три раза по имени. Серванд, удивясь, что святой зовет его в такое необычное время, испугался и поспешно вошел в келью Венедикта и увидел сей небесный свет, но не весь уже, а лишь только небольшую часть; а обо всем прочем рассказал ему сам святой отец. Тогда святой Венедикт тотчас же послал в город Касин, к любимому своему ученику гражданину Феопрову с просьбою – послать скорее в Капую[1945] и узнать о святом епископе Германе. И вот оттуда пришло известие, что он преставился. Когда Венедикт узнал о самом времени кончины святого епископа Германа, то оказалось, что он скончался в тот самый час, в который Венедикт видел душу его, возносимую Ангелами на небо в огненном круге.

После этого скоро настало время и преподобному Венедикту отлучиться от тела и отойти к Господу. Узнав за шесть дней час своей кончины, он велел открыть приготовленный им для себя гроб и, разболевшись, лег на свой одр. Но он и тогда не переставал поучать братию и даже написал для них правила иноческого чина. В самый день своей кончины он повелел отнести себя в церковь Иоанна Крестителя, которую, как сказано было выше, воздвиг на разоренном капище Аполлона. Причастившись здесь Божественных Тайн, святой Венедикт воздвиг свои руки к Богу и, с молитвою на устах разлучившись от тела, отошел к Господу в пресветлые небесные селения, кои удостоился видеть еще на земле.

В тот час, когда святой Венедикт разрешался от телесных уз, два инока, один на пути, посланный на какую-то службу, а

другой в своем монастыре во время молитвы в келье своей, удостоились одного и того же видения: они видели путь, ведущий от земли на небо; он весь был устлан драгоценнейшими ризами, по сторонам же того пути стояло множество пресветлых свечей. Выше же этого пути они увидели некоего светоносного мужа, красота которого была неизреченна, и услышали они голос Его, что сей путь уготован для возлюбленного Богом Венедикта и что по нему в этот час он должен взойти на небо. Такого видения оба брата удостоились, находясь друг от друга на большом расстоянии, хотя самих себя они видели в это время стоящими вместе. Придя на погребение своего святого отца, они рассказали об этом всей собравшейся братии. Тогда сошлись сюда иноки из всех обителей преподобного Венедикта, и все они со слезами на глазах совершили его честное погребение.

Святое тело преподобного Венедикта положили в созданной им церкви Иоанна Крестителя, славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, от всей твари славимого вовеки. Аминь[1946].

Кондак, глас 6:

Благодатию Божиею обогатился еси, делы же известил еси звание, и явился еси, Венедикте, угодниче Христа Бога, в молитвах и постех дарований Божия Духа исполнен, и был еси недужным исцелитель, и прогонитель врагом, и заступник скорый душам нашим.

Память святого Евсхимона исповедника

Память 14 марта

Святой отец наш Евсхимон, епископ Лампсакийский[1947], христианский учитель и исповедник Христов, проводя с юных лет добродетельную жизнь, стал другом Божиим и, будучи мужем совершенным, сделал себя храмом Святого Духа. Приняв иночество и всем сердцем предавшись православной вере, он достиг высоты епископского сана и исполнился благодати Божией. Он воспылал Божественною ревностью и поразил ересь иконоборцев. При этом он совершил и великие чудеса. Так, молитвою он воскресил умершего младенца, которого принесла к нему плачущая мать. Кроме того, он внушал страх диким зверям, прогоняя их одним словом своим, когда они пытались вредить стадам. Покровительствовавший иконоборцам император Феофил повелел сперва заключить его в темницу, как почитателя святых икон, проповедника и охранителя Христовой веры, а потом приговорил его к изгнанию, где он и скончался[1948].

Память святых мучеников Агапия, Пуплия, Тимолая, Ромила, Александра, Александра, Дионисия и Дионисия

Память 15 марта

Святые мученики жили в царствование Диоклетиана[1949]. Агапий происходил из Газы[1950], Тимолай из понта Евксинского[1951], оба Дионисия из Трипполя финикийского, Пуплий и оба Александра из Египта, а Ромил был иподиаконом диоспольской[1952] церкви. Все они пострадали в Кесарии палестинской от игемона Урвана во второй год поднятого тогда гонения на христиан[1953].

Тогда был издан указ по всем странам и городам – принуждать христиан к поклонению идолам и принесению им жертв. По случаю бывшего тогда языческого праздника, в Кесарии для собравшегося со всех сторон народа готовилось зрелище, именно – уготовлялись на мучение христиане, содержимые там в узах. Посмотреть на это зрелище собрались все еллины, бывшие там.

Прежде всего, после многих мучений, был сожжен на костре святый мученик Тимофей (память его 19 августа); после того были преданы на съедение зверям святой мученик Агапий и святая мученица Фёкла (не тот Агапий, который воспоминается ныне, но другой такого же имени, пострадавший ранее со святою Феклою и воспоминаемый вместе с мучеником Тимофеем в августе месяце).

Когда происходило сие кровавое зрелище, шесть мужественных юношей христиан: Пуплий, Тимолай, Ромил, оба Александра и Дионисий, память коих празднуется ныне, воспламенившись ревностью о Христе, сами связали себе руки, в знак того, что они желают пострадать за Христа и из любви ко Христу готовы идти на огонь и на съедение зверям. Подойдя быстро к самому центру зрелища, они остановились перед игемоном Урваном и громогласно воскликнули:

– Мы христиане!

Игемон, видя, что они еще юны возрастом, не желая губить их, стал ласково увещевать их поклониться идолам и не губить себя самих в таких цветущих летах. Когда же он не имел успеха, приказал отправить их в темницу.

Спустя несколько дней к числу узников Христовых был причислен святой Агапий, муж честный и славный среди христиан, так как он уже ранее с большим дерзновением исповедовал имя Иисуса Христа и претерпел уже за это многоразличные муки. Агапий был в это время взят вместе со слугою своим Дионисием египтянином и заключен в темнице вместе с упомянутыми шестью святыми мужами, так что всех их стало восемь.

Долгое время сии святые мученики были содержимы в темнице, много раз были мучимы различным способом, но не отверглись от Христа.

Наконец, они были осуждены на отсечение и все в один день положили честные главы свои за Главу Церкви Иисуса Христа, Которому предали свои души и от Которого были увенчаны венцами победными в Церкви, торжествующей на небесах.

Память святого мученика Никандра

Память 15 марта

Святой Никандр жил в Египте во время царствования Диоклетиана. Сей благочестивый человек по роду занятий был врач. Он постоянно посещал находящихся в темницах святых мучеников, страдавших за Христа, врачевал их язвы, подавал им потребную пищу и погребал тела их.

Один раз он увидел тела мучеников, выброшенные в поле на съедение зверей, но не осмелился подойти к ним днем, боясь как бы не быть самому захваченным мучителями, ибо он был человеком немощным и страшился лютых мучений, пока не был укреплен благодатью Божией.

Когда настала ночь, он отправился к телам святых мучеников и, взяв на плечи свои по одному, погребал их в некотором сокровенном месте, обвив чистыми плащаницами.

Один язычник увидел его за этим делом и донёс о нем правителю.

После этого святой Никандр был взят мучителями и подвержен лютым мукам, но не отрёкся от Христа, а мужественно и радостно перенес все те муки, которых раньше боялся.

Мучитель, увидя его столь незыблемым в своем исповедании, как бы столп непоколебимый или гору недвижимую, приказал снять с него живого кожу и обезглавить его; таким образом святой мученик совлекся ветхого, земного человека и облекся в нового небесного. По отсечении своей честной главы он, как честный уд, присоединился к честнейшей Главе Христу Господу своему и соцарствует с Ним вечно, с ликами прочих святых мучеников прославляя Пресвятую Троицу.

Память святого священномученика Александра иерея

Память 15 марта

Во время поднятого на христиан в царствование Аврелиана[1954] гонения в Памфилии[1955] был игемоном Антонин. Придя в памфилийский город Сиду, он повелел представить себе на суд иерея этого города Александра.

Игемон подвергнул служителя Христова многим истязаниям и мучениям. Но сначала он спросил его:

– Ты кто такой?

Святой отвечал:

– Я христианин, саном иерей, пастырь Христова словесного стада.

Игемон спросил его:

– Где находится это Христово стадо?

Святой отвечал:

– Живущих по всей вселенной людей создал Христос Бог; верующие в Него и суть овцы Его стада. Те же, кто отпал от Создателя своего, те, кто служат созданию и делу рук человеческих – идолам бездушным, каковы вы, – те не могут принадлежать к Его святому стаду. В день Страшного Суда они будут поставлены вместе с козлищами по левую сторону.

Игемон сказал ему:

– По двум причинам я буду теперь мучить тебя: во-первых, чтобы ты показал мне верующих во Христа и, во-вторых, чтобы ты принёс нашим богам жертвы.

Потом игемон Антонин снова спросил святого Александра:

– Кто был Христос?

Святой отвечал:

– Христос – Спаситель мира, Жизнь и Свет для тех, кто верует в Него.

Игемон сказал:

– Каким образом может быть Спасителем Тот Человек, Который умер на Кресте?

Александр отвечал:

– Действительно, дивно и достойно удивления то, что Он, приняв на Себя Крест и смерть плотью, по Своей воле, Своим Божеством разрушил силу адову, разрешил от уз связанных и находящихся в аде, умертвил смерть и воскрес из гроба. Да и не только Сам воскрес из мертвых, но совоскресил с Собою и многих мертвых: «и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град» (Мф.27:52–53) Иерусалим. Христос вместе с Собою воскресил и весь род человеческий.

Игемон сказал ему:

– Ты безумствуешь, потому что каким образом мог оказать помощь другим Тот, Кто не мог оказать помощи Себе, будучи мучим иудеями?

Святой отвечал:

– Не я, а ты безумствуешь, будучи ослеплён душевно и потому не понимающий таинства спасения нашего, соделанного Христом Господом.

Тогда игемон приказал мучить святого Александра. Его били жилами, терзали на колесе, ввергали в сосуд с кипящею смолою и маслом, жгли в горящей печи. Но во всех этих муках святой оставался, по благодати Господа Иисуса, невредимым. Когда же его ввергли в печь, разожженную весьма сильно, нечестивые мучители увидели в пламени двух юношей, чудных лицом, восхваляющих Бога вместе со святым мучеником. Это были святые Ангелы, охлаждавшие святому пламень печный. Народ дивился, зная, что один человек ввержен в печь, а между тем там было трое.

Игемон же и бывшие с ним сочли за волхвование все эти славные чудеса, так как не веровали во всемогущую силу Христа Бога.

Однако один из слуг игемоновых уверовал во Христа и, пав на землю, поклонился святому и умолял его, чтобы он сподобил его быть вместе со Христом. Игемон тотчас же умертвил слугу сего мечом.

Когда же святой Александр вышел невредимым из печи, игемон приказал повесить его и терзать острым железом. И до

тех пор истязали святого, пока тело его не сделалось одною сплошною язвою.

Мучившие святого удивлялись его твердости, говоря:

– Каким образом этот человек выносит такие мучения?! Вот уже обнажились кости его.

После того святой вторично был мучим огнем, но не потерпел от того никакого вреда.

Затем железными спицами кололи тело святого и извлекли наружу все внутренности его. Потом святой отдан был на съедение зверям, но звери не коснулись его.

Многими и другими лютыми муками терзали сего Христова страдальца, но во всех муках он оставался твердым и мужественным, так что все, видевшие его страдание, изумлялись силе его терпения, превосходящей понимание человеческое.

Наконец, святой священномученик Александр был усечен мечом.

Игемон же Антонин, сидевший в это время на своем судейском месте, был наказан от Бога беснованием; его стали мучить его боги-диаволы, которым он служил. Слуги понесли его в дом, по дороге горько плача и рыдая, но не успели донести его до дома, как он испустил свою окаянную душу.

Святой же Александр вселился в небесных селениях вместе со Христом Господом и святыми Его Ангелами. А игемон был ввергнут в муку вечную с сатаною и слугами его.

По усекновении святого Александра некто Евстафий, муж честной, христианин, взял многострадальное тело святого мученика и похоронил его с честью, славя и восхваляя Христа Бога.

Память святого Апостола Аристовула

Память 16 марта

Святой Аристовул был одним из семидесяти Апостолов, родом из Кипра[1956]. Он был братом святого Апостола Варнавы, также одного из семидесяти.

По вознесении Господа он проповедовал вместе с Апостолом Павлом, учителем вселенной, проходя по разным странам. Апостол Павел упоминает о нем в послании к Римлянам, где говорит: «Приветствуйте верных из дома Аристовулова» (Рим.16:10), т.е. от дома или рода Аристовулова, так как некоторые из родственников Аристовула и Варнавы жили тогда в Риме. Когда Павел писал послание к Римлянам, Аристовул в это время был вместе с Павлом, почему Павел и написал в послании приветствие родственникам Аристовула от себя и от самого Аристовула.

Когда святой Павел поставлял многих епископов, посылая их проповедовать слово истины по всем городам и странам, тогда он поставил епископом и Аристовула и послал его с проповедью в Британию[1957], к людям неверующим и жестоким[1958].

Здесь Аристовул много потрудился в благовестии Христове и много пострадал от этих жестоких людей: иногда его били без милости, иногда его влачили по улицам, поругаясь над ним. Одним словом, он принял от людей этих многие поругания и истязания, пока не просветил их благодатью Христовою и не научил их вере во Христа. Затем святой крестил их, построил им церковь, рукоположил пресвитеров и диаконов и скончался там[1959].

Память святого мученика Савина

Память 16 марта

Город Гермополь, в Египте, был отечеством святого мученика Савина, который был мужем славным во всей стране той и начальником в городе своем.

По причине гонения, воздвигнутого на христиан в царствование Диоклетиана, когда многие христиане были мучимы и умерщвляемы, святой Савин оставил свой дом, власть, богатства, и всех родных и тайно ушел из города Гермополя, укрываясь в одном отдаленном селении вместе с прочими христианами.

Поселившись в небольшом доме, он проводил в посте и молитвах все дни и ночи.

Служители же идолов весьма ревностно искали Савина, князя Гермопольского, чтобы подвергнуть его мучениям, но нигде не находили его, о чем сильно скорбели.

Один нищий, приходивший за милостынею к блаженному Савину и получавший из рук его пищу и всё потребное, взяв пример с Иуды предателя, пришел к язычникам и сказал:

– Что дадите мне, чтобы я показал вам того, кого вы ищете, – Савина?

Они дали ему две златницы[1960]. Затем пошли за ним, дошли до того дома, где жил святой, окружили его и постучали в дверь.

В это время со святым Савином было шесть христиан. Подумав, что это пришел кто-либо из братий, они открыли дверь дома.

Тогда язычники быстро вошли в дом, взяли всех и связали. Святого же Савина связали особенно крепко – двумя тяжелыми цепями, и затем привели его на суд к игемону той страны, именем Ариану.

Святой Савин был долгое время расспрашиваем на суде и много раз принуждаем к принесению жертвы идолам. Но он не отвергся Христа. Вследствие этого он был мучим еще более жестоко, был терзаем острым железом, жегом огнем.

Наконец святой был потоплен в реке[1961].

Таким образом святой окончил свой подвиг[1962] и отошел к Подвигоположнику Христу, чтобы принять от Него венец победы.

Вместе с ним были мучимы и прочие шесть христиан, взятые с ним; и они награждены были от Господа на небеси одинаковой с Савином славой.

Страдание святых мучеников Трофима и Фала

Память 16 марта

В городе Лаодикии (не в том, что находится в Сирии, но в находящемся в Карии[1963]), между малоазийскими реками: Ликосом и Меандром, было два священника, – брата по плоти, – Трофим и Фал.

Родом они были из Карии, из города Стратоника. Тот и другой были твердыми в вере мужами и проповедниками слова Божия. Желая обратить на путь спасения души заблуждших, они спорили с еллинами и неустанно укоряли их нечестие.

Однажды нечестивые идолопоклонники, не стерпя обличений святых, взяли их обоих и заключили в узы.

В то время, в царствование Диоклетиана и Максимиана, в Карию прибыл игемон Асклипиодот и поселился в городе, называемом Вофор, находящемся недалеко от Лаодикии.

Начальник воинской стражи в Лаодикии послал сказать игемону о двух взятых под стражу христианских священниках и спрашивал, как с ними поступить. Он получил ответ – побить обоих камнями.

Когда же святые мученики Трофим и Фал были выведены на убиение, их окружили христиане и защищали от камней, так что ни один камень, пущенный в них, не повредил им; наоборот, бросавшие каменья, против своей воли, поражали ими сами себя. Трудясь бесплодно долгое время и изнемогши, мучители окончили метать камни.

Узнав об этом, начальник воинской стражи отпустил обоих святых. Они же продолжали учить всех небоязненно вере Христовой и обличать неверие еллинов.

Спустя некоторое время градоначальники опять взяли их под стражу и отправили к игемону в город Вофор, сказав при сем: «Этих людей мы, по повелению твоему, били камнями, но камни не прикоснулись к ним; поэтому мы отсылаем их к тебе».

Игемон приказал повесить святых и терзать без милосердия тела их острым железом.

Будучи мучимы, они взывали громким голосом:

– Мы христиане! Мы не поклонимся идолам и не послушаем нечестивого повеления царей земных!

После всех этих мучений игемон осудил их на распятие, сказав:

– Пусть они будут распяты, как и Тот обольститель, в Которого они веруют.

Затем святые были изведены из города на место, где им были уготованы кресты. Шли же они с радостью, благодаря и восхваляя Бога за то, что Он сподобляет их умереть такою смертью и через это уподобляет страдание их пречистым Страстям и распятию Господа Иисуса.

За ними следовало множество народа – мужей и жен, хотевших видеть их кончину.

Когда же они были приведены ко крестам, некоторые из христиан принесли им немного пищи и упрашивали их вкусить её.

Не желая огорчить просивших, они вкусили немного из принесенного; остальное же раздали окружавшим их.

Затем они были пригвождены железными гвоздями ко крестам и распяты по подобию Господа Иисуса.

Вися на кресте, они много говорили к народу, уча его познанию Бога и святой вере.

После того поднялся плач и вопль в народе: одни укоряли игемона за жестокосердие, за то, что не повинных ни в чем мужей он предал такой лютой смерти. Другие же взывали:

– Слава Тебе, Боже, потому что сила Иисусова засвидетельствовала себя и в наши времена!

Некая женщина, иудеянка, поклонилась святым, висящим на кресте, и воскликнула:

– Блаженны матери, родившие людей сих!

Здесь же стояла и матерь их, с мужеством взиравшая на страдание двух сыновей своих.

Многие из числа предстоящих собирали каплющую от святых их честную кровь, причем одни омочали в крови сей свои платки, а другие – перстни для исцеления своих болезней – душевных и телесных.

Мученики же Христовы, Трофим и Фал, помолившись Богу, предали Ему свои святые души, месяца марта, в 16-ый день; для погребения их верные приготовили чистые плащаницы и благовонные ароматы.

На место мучения пришел и страж темничный и, поклонившись мученикам Христовым, исповедал пред всем народом, что видел двух святых мучеников, восходящих на небо, и трех Ангелов, сопровождавших их и беседовавших с ними.

После того народ отправился к игемону и просил его, чтобы он приказал снять с крестов святые тела мучеников и разрешил предать их погребению.

Игемон, выслушав эту просьбу, сначала разгневался и велел воинам своим бить пришедших. Но спустя некоторое время успокоился и сказал, что, кто хочет, может взять тела умерших.

После того святые были сняты со креста и положены в новом гробе. При этом между христианами возник спор о том, в каком месте предать честному погребению сии святые тела – одни хотели здесь, другие там.

Наступил вечер. Народ не отходил от телес святых мучеников, но всю ночь пробыл около них с возжженными свечами и псалмопением.

Когда наступило утро, жена игемона принесла благовоние и ароматы и возлила их на тела святых мучеников. Затем она положила на гроб драгоценный покров и сказала во всеуслышание:

– Я в эту ночь видела во сне мужей сих, посланных Богом вместе с Ангелами наказать мужа моего за неповинное убиение этих страдальцев.

Многое и другое говорила она, укоряя своего мужа за жестокость и немилосердие.

Мать же святых мучеников и два честных мужа, Зосима и Артемий, сограждане святых мучеников, взяли честный гроб со святыми телами их и принесли его в город Стратоник, где и погребли святых с честью.

Между тем приближался день, в который нечестивые идолопоклонники праздновали рождение Диоклетианово.

Игемон, придя в Лаодикию, устроил здесь большое торжество в честь своего нечестивого царя.

Но его внезапно постигло наказание Божие за неповинно пролитую кровь святых мучеников: он вдруг упал на землю и метался как бесноватый, трепеща всеми членами своими.

Все бывшие здесь и видевшие это исполнились великого страха.

Игемон же взывал:

– Где бог Зевс?[1964]

– Где бог Ираклий![1965]

– Где бог Гермес?[1966]

– Где прочие боги и богини? Пусть придут и помогут мне!

Потом игемон сказал:

– Напрасно я поклонялся им! Вот предаюсь я теперь огню вечному, посылаемому от живущего на небесах Бога и рабов Его, Трофима и Фала.

Говоря это, он кричал громким голосом, так что везде был слышен вопль его. От тяжести своих мучений он стал рвать зубами свое тело и кусать язык и, мучаясь так, испустил свою окаянную душу.

Мучитель с горьким плачем отошел к нечестивым богам своим, чтобы мучиться во аде; святые же мученики Трофим и Фал с радостью отошли к Господу и Богу своему, чтобы вечно царствовать на небесах, предстоя пресветлому престолу Отца, и Сына, и Святого Духа. Богу же слава вовеки. Аминь[1967].

Память святого мученика Папы

Память 16 марта

Святой Папа был родом из Ликаонского города Ларанды и жил в царствование императора Максимиана. За исповедание Христовой веры он был предан на страдание в родном своем городе, затем в Диокесарии и, наконец, в Селевкии Исаврийской. Он был бит розгами, терзаем железными когтями, прошел длинный путь в сапогах с железными гвоздями и кончил свою жизнь, привязанный к дереву.

Житие преподобного Алексия, человека Божия

Память 17 марта

В Риме[1968], в царствование Аркадия и Гонория, жил благочестивый человек по имени Евфимиан: он был весьма знатный и богатый вельможа, так что даже слуги его, число которых доходило до трех тысяч, носили шелковые одежды, но при всем этом он не был вполне счастлив, так как, по причине неплодства жены своей, не имел детей. Евфимиан строго соблюдал заповеди Божии и отличался добротою: ежедневно в доме своем он устраивал три трапезы для вдов, сирот, нищих, странных и больных; сам же принимал пищу лишь по истечении девятого часа[1969], разделяя ее со странствующими иноками, а до этого времени всегда постился. Если случалось, что в иной день к нему собиралось мало нищих, и приходилось поэтому раздавать милостыни менее обыкновенного, то Евфимиан падал тогда в горе на землю и говорил:

– Я не достоин жить на земле Бога моего.

Супруга его Аглаида была женщина богобоязненная, любящая своего мужа и щедрая на милостыню. Сокрушаясь о своем бесплодии, она часто обращалась к Богу с такою молитвою:

– Господи, вспомни о мне, недостойной рабе Твоей, и избавь меня от неплодства моего, чтобы мне быть матерью. Дай нам сына, который был бы и радостью в жизни, и опорою в нашей старости.

Господь по милосердию Своему услышал молитву её: к великой радости мужа своего она родила сына, при святом крещении названного Алексием.

С шести лет святой Алексий начал учиться и, скоро усвоив обычные для того времени светские науки, особенно хорошо изучил Св. Писание и церковные книги. Из отрока образовался разумный и благочестивый юноша; постигнув суетность скоропреходящих мирских благ, он решил отречься от них для получения благ вечных; поэтому он даже начал носить острую

власяницу для умерщвления своей плоти. Когда же Алексий достиг совершеннолетия, Евфимиан сказал жене своей:

– Женим нашего сына.

Слова эти очень обрадовали Аглаиду, и она, припав к ногам мужа, сказала:

– Пусть Бог благословит намерение твое, чтобы мне видеть супружество сына моего и детей его; эта великая радость побудит меня быть еще более щедрой к убогим и неимущим.

После этого они обручили Алексия с девицею из царского рода, а затем над ними было совершено таинство бракосочетания в церкви св. Вонифатия, и весь день тот до ночи прошел в веселии и ликованиях. По окончании торжества святой Алексий вошел, с благословения отца своего, в комнату невесты и нашел ее сидящею в кресле. Взяв свой золотой перстень, он завернул его вместе с драгоценным поясом в порфирную[1970] ткань и отдал невесте со словами:

– Сохрани это, и пусть Господь находится над нами, содействуя Своею благодатью возникновению в нас новой, истинно христианской жизни.

Сказав это, он удалился в свою комнату; здесь святой Алексий заменил богатые одежды бедными и вышел тайно из дома и города, захватив с собою из своего собственного имущества немного золота и драгоценных камней. Придя к морю, он нашел корабль, отправлявшийся в Лаодикию[1971], на который и сел, отдав предварительно положенную плату. Во время пути святой Алексий так молился Богу:

– Боже, – говорил он, – спасающий меня со дня моего рождения, спаси меня и теперь от суетной мирской жизни и удостой меня на Страшном Суде Твоем стояния на десной стороне со всеми благоугодившими Тебе.

По прибытии корабля на место, святой Алексий вышел на берег, где встретил путников, направлявшихся в Месопотамию[1972], он присоединился к ним и пошел вместе с ними в Эдессу[1973], в которой хранился нерукотворенный образ[1974] Господа Иисуса Христа, посланный Им во время земной жизни Своей князю эдесскому Авгарю. При виде образа Христова святой Алексий весьма обрадовался и, продав все

взятые из дома драгоценности, полученные от продажи деньги раздал нищим, а сам оделся в рубище и стал жить подаянием. Местом пребывания святого была паперть церкви Пресвятой Богородицы, а жизнь его была строго подвижническая: он постоянно постился, лишь немного съедая хлеба. И даже воду пил в чрезвычайно умеренном количестве; каждый воскресный день святой Алексий приобщался Пречистых Христовых Таин и всю свою милостыню всегда раздавал престарелым нищим. Ходил он с постоянно опущенной вниз головою, возносясь умом к Богу, непрестанно размышляя о Нем. От такой суровой жизни иссохло всё тело святого, увяла красота лица, глаза впали и зрение ослабело.

На рассвете, когда святой Алексий уже ушел из дома, пришли родители в комнату невесты и к удивлению нашли ее одну, сидящую в скорби с печальным лицом. Они начали всюду искать своего сына и, не нашедши нигде, горько плакали; так радость их обратилась в горе. Мать святого, вошедши в комнату свою, затворила окна, постлала вретище и, посыпав его пеплом, с рыданиями бросилась на него, при чем молилась и говорила:

– Я не встану и не выйду из затвора своего до тех пор, пока не узнаю, что случилось с моим единственным сыном, почему и куда он ушел.

Невеста, стоя около неё, тоже говорила со слезами:

– И я не уйду от тебя, но, как пустыннолюбивая и верная голубица, с печальным пением ищущая по горам и долинам потерянного мужа, буду терпеливо ждать известия о муже своем, – где он и какой образ жизни избрал себе.

Отец также был весьма опечален; он повсюду разослал слуг своих на поиски сына. Некоторые из них пришли и в Эдессу; увидев святого Алексия, они не признали его, но приняли за нищего и подали ему милостыню. Святой же Алексий узнал их и поблагодарил Бога, давшего возможность принять милостыню от слуг своих. Последние, возвратясь, сказали господину своему, что не нашли сына его, хотя и искали везде.

Святой Алексий прожил в Эдессе при церкви Пресвятой Богородицы семнадцать лет и своим житием снискал себе любовь Божию. В это время было о нем откровение пономарю церкви Пресвятой Богородицы: он увидел святую икону Ее, говорящую к нему:

– Введи в Мою церковь человека Божия, достойного Царства Небесного; молитва его восходит к Богу, как кадило благовонное, и Дух Святой почивает на нем подобно венцу на главе царской.

После видения пономарь искал человека такой праведной жизни и, не находя, обратился с молитвою к Пресвятой Богородице, прося Ее помощи для исполнения данного ему повеления. И опять в видении он услышал голос от иконы Пресвятой Богородицы, что человек Божий есть тот нищий, который сидит у ворот церковной паперти. Пономарь, найдя святого Алексия, ввел его для пребывания в церковь, и многие, узнав о праведной жизни человека Божия, стали почитать его. Он же, избегая славы человеческой, тайно ушел из города. Придя на морскую пристань, он сел на корабль, плывущий в Киликию[1975], думая про себя: «Пойду в Киликию, где меня никто не знает, и буду жить при храме св. Апостола Павла». Во время плавания внезапно, по соизволению Божию, началась на море буря, и корабль, много дней носимый волнами, неожиданно прибыл в Рим. Сойдя с корабля, святой Алексий сказал себе:

– Жив Господь Бог Мой! Не буду никому в тягость, но пойду, как чужой, в дом отца моего.

На пути к нему он встретил отца своего, возвращавшегося домой из дворца в сопровождении многих слуг. Поклонившись ему до земли, святой Алексий сказал:

– Раб Божий, помилуй меня нищего и бедного: дозволь мне поселиться в каком-либо углу двора твоего и питаться крупицами, падающими с твоего стола; Господь же благословит дни твои и дарует тебе Царство Небесное, а если ты имеешь кого-либо из родных твоих, находящегося где-либо в странствовании, то Он возвратит тебе его здоровым.

При словах нищего о странствовании, Евфимиан тотчас вспомнил возлюбленного сына своего Алексия, прослезился и

милостиво исполнил его просьбу, дозволив жить во дворе своего дома. Он сказал рабам своим:

– Кто из вас хочет послужить этому нищему? Если он угодит ему, то, клянусь, получит полную свободу и награду от меня. Устройте ему небольшое помещение при дверях дома, чтобы я мог чаще видеть его; пища пусть подается ему с моего стола, и никто из вас не должен оскорблять его.

После этого начал святой Алексий жить при дверях дома отца своего. Евфимиан каждый день посылал ему со своего стола пищу, но он раздавал ее нищим, а сам ел лишь хлеб и пил только воду, да и то в таком количестве, чтобы не умереть от голода или жажды; все ночи он проводил бодрствуя на молитве и всякий воскресный день приобщался в храме св. Христовых Таин. И удивительно было терпение человека Божия! Много неприятностей и огорчений, особенно поздним вечером, приходилось ему испытывать от рабов отца своего, из которых иные таскали его за волосы, другие заушали, третьи выливали на голову помои, и вообще издевались над ним самым жестоким образом. Он же переносил всё молча, зная, что они так обращаются с ним по наущению диавола, и молитвою вооружался против его козней, побеждая их терпением. Было и другое обстоятельство, побуждавшее его к великому терпению: против его помещения находилось окно комнаты его невесты. Она, подобно Руфи[1976], не захотела идти в дом своего отца, но сидела, горюя со своею свекровью, и часто слышал святой рыдание и жалобы матери и невесты своей: одной – об утрате сына, а другой – мужа. Их слёзы переполняли его сердце жалостью, но любовью к Богу он побеждал плотскую любовь к невесте и родителям; это терпение почти невыносимых скорбей ради Бога даже утешало его. Так прожил святой Алексий в доме родителей своих семнадцать лет, и никто не узнал его, но все почитали его за нищего, не имеющего приюта; над тем, кто был господином дома, сыном и наследником, рабы издевались, как над пришельцем и чужим. Когда же Господь восхотел призвать его из этой временной жизни, в которой он испытал столько нищеты и лишений, в жизнь вечную, то открыл ему день и час кончины его. Святой Алексий тогда спросил у служащего ему

раба чернил, хартию и трость, описал всё житие свое и для убеждения родителей в том, что он действительно их сын, упомянул о некоторых обстоятельствах своей жизни, известных только им одним, написал и о том, что говорил невесте своей в ночь ухода из дома, как отдал ей перстень и пояс. Письмо свое он окончил следующими словами:

– Молю вас, любезные мои родители и честная невеста моя, не обижайтесь на меня, что я, покинув вас, причинил вам столь великую скорбь; я и сам скорбел сердцем о печали вашей; многократно молил я Господа, чтобы Он даровал вам терпение и сподобил вас Царства Небесного. Надеюсь, Он по благоутробию Своему исполнит молитву мою, ибо я из любви к Нему избрал столь многотрудное житие, не изменяя его ради ваших слёз, так как для каждого христианина лучше более повиноваться Творцу и Создателю своему, чем родителям своим. Верую, что насколько великую скорбь причинял вам, настолько большую радость получите вы в Царствии Небесном.

Написав это, он молился до самой кончины своей.

Однажды, когда папа[1977] совершал в соборной церкви святых апостолов Божественную литургию, при окончании её во всеуслышание из алтаря раздался чудесный голос:

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28). Присутствовавшие в храме в великом ужасе пали на землю, взывая:

– Господи, помилуй!

Затем вторично послышался голос:

– Поищите человека Божия, уже отходящего в другую жизнь; пусть он помолится о городе: молитва его для вас будет весьма благодетельна.

По всему Риму искали такого человека и не знали, что делать, так как не находили его. Поэтому, снова собравшись вместе с папою и царем с вечера четверга на пятницу в соборную церковь, совершили в ней всенощное бдение, моля Христа указать им угодника Своего. Утром же в пяток святой Алексий отошел ко Господу. Между тем в церкви, подобно тому как и в первый раз, опять раздался во время богослужения голос из алтаря:

– Ищите человека Божия в доме Евфимиана.

После этого царь[1978], обратившись к последнему, сказал:

– Почему ты, имея в доме своем такое сокровище, не сообщил нам об этом?

Евфимиан отвечал:

– Господь свидетель, что я ничего не знаю.

И, подозвав главного слугу, спросил его:

– Не знаешь ли из сотоварищей своих человека добродетельного и угождающего Богу?

– Не знаю, – сказал тот, – нет ни одного добродетельного; все живут небогоугодно.

Царь и папа решили сами идти в дом Евфимиана искать человека Божия. Евфимиан, пойдя вперёд, приготовился к принятию папы и царя с вельможами и устроил им торжественную встречу. Сетующая супруга Евфимиана, услышав из комнаты своей смятение и говор на дворе и в доме, спросила:

– Что это значит?

И очень удивилась, когда узнала о пришествии царя с папой и о причине их посещения. Невеста также недоумевала, видя из комнаты своей царя и папу, идущих со множеством народа, и старалась объяснить себе это зрелище.

Когда папа, царь и вельможи сели и наступила тишина, то раб, служивший святому Алексию, сказал Евфимиану:

– Господин мой, нищий, которого ты поручил мне, не есть ли человек Божий? Я свидетель великих и дивных дел его: он постоянно постится, лишь по истечении дня принимая немного хлеба и воды; все ночи проводит на молитве и каждый день воскресный приобщается св. Христовых Таин; он кротко и с радостью переносит побои и оскорбления, наносимые ему некоторыми рабами.

Услышав это, Евфимиан тотчас поспешил к жилищу нищего и, позвав его трижды через окошко, не получил ответа. Тогда он вошел в жилище, где нашел человека Божия, лежащего мертвым с покрытою головою и согнутой хартией в правой руке. Евфимиан открыл лицо его и увидел, что оно сияет как лицо Ангела; когда же он хотел взять хартию и прочесть, то не мог

этого сделать, потому что рука не выпускала ее. Быстро возвратившись к царю и папе, он сказал:

– Нашли уже мёртвого того, кого искали; он держит в руке хартию и не отдает нам.

Царь и патриарх, приказав приготовить драгоценный одр, покрыть его богатыми тканями, вынесли честное тело человека Божия и благоговейно положили его на том одре. Преклонив потом колена, они, лобызая священные останки, говорили к нему, как живому:

– Умоляем тебя, раб Христов, дай нам сию хартию, чтобы по начертанному в ней мы могли узнать, кто ты.

После этого папа и царь беспрепятственно взяли хартию из руки святого и передали хартуларию великой церкви[1979], Аетию, для прочтения; при великом молчании окружающих он начал читать ее. Когда же он дошел до места, где было написано о родителях и невесте, о перстне и поясе, переданных ей, тогда узнал Евфимиан в почившем сына своего Алексия. Он упал ему на грудь и, обнимая и целуя его, говорил с плачем:

– О горе мне, возлюбленный сын мой! Что ты сделал с нами? Зачем такую скорбь причинил нам? Увы мне, сын мой! Столько лет пребывая с нами и слыша плач родителей твоих, ты не открыл себя, не утешил нас, несмотря на старость нашу, в великой печали, вызванной тобою. О горе мне! Сын мой, любовь моя, утешение души моей, я не знаю, что мне теперь делать: оплакивать ли смерть твою или радоваться обретению твоему.

Так безутешно рыдал Евфимиан, терзая седины свои.

Аглаида, слыша рыдание мужа и узнав, что умерший нищий есть её сын, открыла двери своего затвора; в разодранной одежде, устремив полные слёз глаза к небу и вырывая распущенные волосы, она шла среди толпы теснившегося народа, говоря:

– Дайте мне дорогу, чтобы я могла видеть надежду мою, обнять возлюбленного моего сына.

Подойдя к одру, она склонилась над телом сына своего, обнимала его и целовала со словами:

– Увы мне, господин мой! Чадо мое сладкое, что ты сделал? Зачем доставил нам столь великую скорбь? Увы мне, свет очей моих! Как ты не открылся, столько лет живя с нами? Как не сжалился над нами, постоянно слыша наши горькие о тебе рыдания?

Невеста, тридцать четыре года прожившая без жениха и носившая в знак печали чёрные одежды, также пала на честное тело; омочая его ручьями слез и с любовью лобызая; она горько и неутешно рыдала, говоря:

– Увы мне, горе мне!

Её рыдание и скорбные жалобы возбудили в присутствовавших слёзы, и плакали все вместе с невестою и матерью.

Царь и папа повелели нести одр с честным телом человека Божия и поставить его среди города, чтобы все могли видеть его и прикоснуться к нему, и когда это было исполнено, сказали народу:

– Вот, мы нашли того, кого искала вера ваша.

И собрался весь Рим; все прикасались к святому, лобызая его. Все недужные исцелялись: слепые получали зрение, прокаженные очищались, бесы покидали одержимых ими, словом, – какая бы ни была у кого болезнь, каждый получал совершенное исцеление от мощей угодника Божия. Видя такие чудеса, царь и патриарх пожелали сами нести одр в церковь, чтобы приять благодать от прикосновения к телу святого. Родители и невеста с плачем сопровождали их; народа же, стремившегося прикоснуться к честному телу, собралось такое множество, что от тесноты невозможно было нести одр. Чтобы заставить народ отступить и дать дорогу к церкви, царь велел бросать в толпу серебро и золото, но никто не обращал на это внимания; все усиленно желали лишь видеть человека Божия и прикоснуться к нему. Тогда папа обратился с увещанием к народу, прося его отступить и обещая не предавать погребению честное тело до тех пор, пока все не облобызают его и не приимут благодати через прикосновения к нему. С трудом убежденный народ немного отступил и дал возможность принести святое тело в соборную церковь, где оно стояло целую

неделю, так что каждый желающий мог ему поклониться; всю ту неделю при одре святого Алексия находились плачущие родители и невеста. Царь же приказал сделать гробницу из мрамора, украсить ее золотом и изумрудами, в которую и положили человека Божия; тотчас же от святого тела истекло благовонное миро, наполнившее раку; все помазывались тем миром во исцеление всяких болезней, и погребли с честью честные останки[1980] святого Алексия, славя Бога.

Святой Алексий преставился в семнадцатый день марта месяца, в год от сотворения мира 5919-й, от воплощения же Бога Слова – 411-й, когда в Риме царствовал при папе Иннокентии Гонорий, а в Константинополе – Феодосий Младший и над всеми ними царствовал всегда владычествующий со Отцом и Святым Духом Господь наш Иисус Христос, Ему же слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Возвысився на добродетель и ум очистив, к желанному и крайнему достигл еси: безстрастием же украсив житие твое и пощение изрядное восприим совестию чистою, в молитвах, яко безплотен пребывая, возсиял еси, яко солнце, в мире, преблаженне Алексие.

Кондак, глас 2:

Дом родителей твоих, яко чуждь, имев, водворился еси в нем нищеобразно и, по преставлении венец прием славы, дивен на земли явился еси, Алексие, человече Божий, Ангелом и человеком радование.

Страдание святого мученика Марина

Память 17 марта

Святой мученик Христов Марин, будучи христианином и видя, как язычники приносят в жертву своим кумирам не только бессловесных животных и птиц, но даже людей, воспламенился Божественною ревностью и в то время, когда совершался праздник в честь бездушных идолов, отправился на место, где приносили жертвы, и разрушил жертвенники, а бывшие на них жертвы потоптал ногами. При этом он обличил нечестивых жрецов и исповедал себя христианином, сказав:

– Я верую во Христа, Единородного Сына Божия, сотворившего небо и землю, море и всё, что в них.

За это язычники, схватив его, избили сперва палками, а потом стали бить камнями по устам, причем выбили ему зубы, и волочили за волосы по земле. После всего этого святой мученик был связан и приведен к правителю области, по повелению которого после многоразличных мучений ему отсекли мечом голову.

Житие преподобного отца нашего Макария Колязинского[1981]

Память 17 марта

Преподобный Макарий Колязинский[1982] происходил от благородного рода тверских бояр Кожиных. Он родился в селе Грибкове, верстах в восьми от города Кашина[1983]; теперь это селение называется Кожино. Родители его, отец Василий Кожа, прославившийся военными подвигами при великом князе Василии Васильевиче Темном[1984], и мать Ирина, отличались благочестием и воспитывали детей своих в добрых нравах. До пострижения в монашество Макарий носил имя Матфея. На седьмом году родители отдали его в обучение грамоте; юному Матфею она далась скоро, и он скоро пристрастился к чтению. Читая Божественные книги, он вникал в их содержание и принимал к сердцу прочитанное. Родители видели это и радовались. Матфей удалялся от детских забав и, когда стал приходить в более совершенный возраст, начал думать о суете мирской жизни и помышлять об удалении от неё. Он постоянно помнил слова Спасителя: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21), он хотел последовать сим словам. Родители его, однако, не желали, чтобы он принял монашество, хотя и видели, что желание его искренне. Они говорили ему, что и в миру можно спастись, напоминали слово святого Иоанна Златоуста «На возбраняющих брак», приводили библейские примеры и новозаветных святых, спасшихся в миру и живших брачною жизнью. Матфей как ни горячо желал удаления от мира, всё таки понимал силу родительских доводов и, как покорный сын, не хотел огорчать их; он сказал: «Да будет воля Господня, я не противлюсь вашему желанию».

Родители были рады такому решению сына; они сочетали его браком с девицей Еленой из семьи дворян Яхонтовых. Вступивши в брак, Матфей, однако, не переставал думать о том, чтобы со временем удалиться от мира. Проводя в

супружестве благочестивую и чистую жизнь, он заключил с женою условие, что тот из них, кто переживет другого, не останется в миру, не вступит во второй брак, а примет монашество.

Через год после женитьбы Матфея умерли его родители, а потом еще через два года, по воле Божией, скончалась и его супруга Елена.

Теперь Матфей ничего другого не желал, как исполнить давнее свое намерение – покинуть мир и принять иноческое пострижение; ничто не мешало ему теперь осуществить свое желание. Немедленно он, по заповеди Христовой, раздал свое имущество нищим и ушел в ближний монастырь Клобуковский[1985], подле города Кашина, и постригся в иночество с именем Макария.

С горячею ревностью стал он проходить монастырские послушания, повинуясь не только игумену, но даже самым младшим из братии со всяким смирением и кротостью. Неуклонно посещая храм Божий и неустанно трудясь в разных монастырских работах, он остальное время посвящал молитве и бдению, усердно читая жития святых и другие Божественные книги, стараясь подражать примерам прежних подвижников и сохраняя в сердце назидательные слова, почерпнутые из прочитанных книг. Подвиги молодого инока возбуждали удивление всей монастырской братии.

Немало лет пожив в Николаевском Клобуковском монастыре, Макарий стал помышлять об уединенной жизни. Укрепившись в сей мысли, он открыл ее игумену и стал просить его благословения. Игумен, видя искренность желания Макария, дал ему отеческое наставление и благословил на новый путь подвижнической жизни.

Макарий нашел для себя место, соответствовавшее его желаниям, невдалеке от Кашина, в восемнадцати верстах, близ реки Волги, между двух небольших озер, в густом лесу. Здесь он поставил себе келью и стал подвизаться в посте, молитве и бдении. Никто не мешал его уединенному подвигу. Дикие звери не нападали на него, а ласкались, и он делил с ними свою скудную пищу.

Но недолго Макарий подвизался в полном уединении. К нему скоро стали собираться другие подвижники, и, прежде всего, пришли семь старцев из Клобуковского монастыря. Собралось немало иноков и из иных мест. Около кельи Макария возникли новые кельи и составилось пустынное братство.

Это новое братство нуждалось в храме Божием для общей молитвы и принятия Святых Таин. Преподобный Макарий со своими сподвижниками построил небольшую деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы с благословения тверского архипастыря.

Братия пустынная постоянно умножалась, и явилась неизбежная потребность иметь своего священника и вместе игумена. Сам Макарий по своему смирению не хотел принять сего звания, а предлагал его другим, хотя руководил всею подвижническою жизнью новой обители сам. Он ввёл строгий порядок монастырского общежития со строгим уставом. Он установил правило не держать в обители хмельного питья, не есть и не пить по кельям, а только в общей трапезе.

Сам он показывал пример строгой жизни, трудолюбие и смирение. Со всеми он обращался просто и ласково. При встрече с каждым из своей братии, не взирая на возраст, он говорил «старчушко добрый» и называл по имени.

Устав монастырской жизни, введенный преподобным Макарием, был такой строгий, что не все могли соблюдать его так, как желал основатель обители. Один за другим смещены были два игумена за нарушение сего устава.

Братия умолили наконец Макария, чтобы он сам принял сан священства и власть игумена. После долгих отказов Макарий наконец согласился и в сопровождении нескольких иноков отправился в Тверь, где и поставлен был в игумена епископом Моисеем[1986]. Невыразимо обрадована была братия, когда узнала, что преподобный Макарий возвращается в монастырь в сане игумена, и устроила ему торжественную радостную встречу.

Несмотря на принятие игуменского сана, Макарий по-прежнему вёл самый простой образ жизни, ходил в худых одеждах и показывал пример во всех монастырских трудах.

Основание Макарием новой обители хотя и в пустынном месте, в диком лесу, не всем, однако, было приятно. Владелец окрестных земель, некто Иван Коляга, с самого поселения Макария посмотрел на него неблагосклонно; а когда устроена была церковь, увеличилось братство и Макарий стал игуменом, то нелюбовь эта превратилась в злобу и открытую вражду. Коляга боялся, что с возникновением обители так или иначе отойдут к ней его земли, и решился устранить Макария, хотя бы пришлось для этого прибегнуть и к убийству. Но по воле Божией, такой злой умысел не только не осуществился, но лишь послужил к пользе обители и славе преподобного Макария. Сначала постигла смерть семью Коляги, а потом и сам он впал в тяжкую болезнь. В таком несчастии он усмотрел, наконец, Божие наказание за сей тяжкий грех, за злой умысел против Макария, раскаялся и приказал нести себя к преподобному. У ног Макария он со слезами рассказал о своем замысле и просил прощения и молитв. Макарий, видя искреннее раскаяние своего врага, сказал: «Бог простит тебя» и долго поучал его, говоря о тленности земных сокровищ и о мирской суете. Кроткое поучение Макария так подействовало на Колягу, что он решился сам оставить мир, постригся у преподобного Макария и все земли свои отдал в пользу обители, которую с тех пор сам Макарий, ради смирения, стал именовать Колязино.

Слухи о строгой иноческой жизни Макария в новой обители, получившей от него строгий устав общежительных монастырей, стали распространяться не только в окрестностях, но и в местах отдаленных. К Макарию стали стекаться разные люди, жаждавшие спасения, миряне и иноки, из мест ближних и дальних.

Раз пришли к нему два юноши боярского рода, которых он давно знал. Приняв их в своей келье, как обыкновенных путников, он стал расспрашивать, куда и зачем они идут. Путники ответили, что они возымели желание оставить мир и поселиться в какой-либо пустыне.

– Зная тебя с детства, – говорили они, – и помня твою прежнюю любовь и поучение от Божественного Писания и

слыша теперь о твоем строгом иноческом житии, пришли просить тебя принять нас к себе на послушание.

Преподобный, желая испытать их, сказал:

– Человек я грешный, а потому и поселился в пустыне, чтобы молить Бога о прощении моих грехов, вы же возвратитесь к своим родителям, чтобы не огорчать их.

Но юноши пришли с решительным намерением остаться в монастыре под руководством славного, хотя и смиренного подвижника; они со слезами стали умолять его принять их в общину.

Видя в юношах искреннее и нелицемерное желание посвятить себя иночеству, Макарий принял их в свой монастырь и после достаточного искуса удостоил их пострижения в иночество.

Мудро правя всё умножавшимся братством, Макарий проводил время в посте, молитве, трудах и бдении. Он усердно читал Святое Евангелие и другие Божественные Писания и непрестанно поучал спасительному пути как братию, так и всех приходящих.

Очевидцем и свидетелем подвижнической жизни Макария и строгости его монастырского общежительного устава был знаменитый подвижник монашества того времени, святый преподобный Иосиф Волоколамский. Вознамерившись основать новый монастырь по правилам строгого общежития, из Пафнутиева Боровского монастыря он отправился путешествовать по северным русским обителям, чтобы видеть иноческую жизнь и изучать монастырские порядки и уставы. В этом странствии зашел он и в Макариев Колязин монастырь, видел преподобного Макария, беседовал с ним и оставил следующее повествование в своем «Сказании о святых отцах».

– Видел я, – говорит преподобный Иосиф, – и блаженного старца Макария, игумена, создателя монастыря Колязинского. Он поведал мне следующее: «Когда я пришел на это место, – сказал он, – со мной пришли семь старцев из монастыря Клобуковского; они были так совершенны в добродетелях и в постническом и иноческом житии, что вся братия приходила к ним принимать поучение и пользу; и они, просвещая всех, учили

полезному; тех, которые проводили жизнь в добродетелях, они укрепляли, а которые уклонялись в бесчинство, тем воспрещали и возбраняли и не допускали поступать по своим волям».

Такое, по словам Макария (продолжает преподобный Иосиф), было тогда в монастыре благоговение и благочиние; всё делалось согласно отеческим и общежительным преданиям, так что дивился великий старец Митрофан Бывальцев. Он пришел тогда со Святой Горы Афонской, прожив на Святой Горе девять лет. Он говорил братии:

– Напрасно я трудился и без успеха совершил такой дальний путь в Святую Гору – мимо Колязинского монастыря: ибо можно спастись и в нем живущим; здесь всё делается подобно киновиям, находящимся в Святой Горе.

Из Колязинского монастыря, отличавшегося такою благочестивою жизнью, еще при жизни преподобного Макария вышло несколько основателей новых монастырей. Таков преподобный Ефрем Перекомский[1987], кашинский уроженец, основатель монастыря в Новгородской области на озере Ильмень; он начал свое подвижничество в Макариевой пустыне. Преподобный Паисий Угличский был родной племянник преподобного Макария, сын его родной сестры Ксении, бывшей в замужестве за Иваном Гавреневым, служилым дворянином Угличского удельного князя Андрея Васильевича Большого[1988], брата великого князя Иоанна Васильевича[1989]. Он подвизался в Колязинском монастыре своего дяди, преподобного Макария, и оттуда вызван был Угличским князем Андреем Васильевичем и по его желанию основал Покровский монастырь[1990], в трех верстах от Углича, собрал не малую братию и ввел строгое общежитие, подавая братии пример в трудах, посте, молитве и бдении.

Благочестивая жизнь Макария была славна перед людьми и угодна Богу. Молитва его была чудодейственна. По силе сей молитвы Бог даровал многим утешение в скорбях и исцеления от недугов и болезней.

В Кашинском уезде было и теперь существует село Кесово, или Кесова Гора. Жил там некто Захарий; он долго болел, был

расслабленный. Много он слышал о силе молитвы Макария перед Богом и стал просить близких, чтобы свезли его к преподобному игумену Колязинскому. Когда его привезли, то он горько плакал перед игуменом и умолял:

– Преподобный отче Макарий! Помоги мне, лежащему в расслаблении.

Преподобный отвечал:

– Принесли тебя, брат, искушать мою немощь: как ты просишь помощи от грешника, едва нечто малое стяжавшего себе для исправления!

Но расслабленный продолжал вопиять:

– Знаю, раб Божий, знаю, что молитва твоя перед Богом обо мне грешном и окаянном не останется тщетною!

Видя искреннюю и глубокую веру больного, Макарий сказал:

– Чадо! Преблагий Бог не хочет смерти грешника, а жизни и обращения ко спасению, и какими ведает судьбами, приведет его ко спасению через покаяние. Тебя постигло Божие посещение, и если покаешься и оставишь прежние обычаи, Бог пошлет тебе исцеление; если же нет, то пострадаешь и больше сего.

Больной тогда со слезами исповедал пред Макарием свои грехи от дней юности, и преподобный, помолившись, преподал ему благословение, а с сим вместе возвратил здоровье больному. После он стал священником в своем селе и всю жизнь не забывал наставлений преподобного Макария.

Через некоторое время к преподобному привели юношу боярского рода, Василия Рясина, страдавшего беснованием. Преподобный, видя страдание больного и скорбь приведших его людей, пришел в умиление и стал служить молебен о его здравии. Когда после молитвы преподобный осенил больного крестным знамением, тот исцелился тотчас и обрадованный милостью Божиею не хотел уже возвращаться в родительский дом, а решился остаться в обители и принял иноческое пострижение от Макария.

Однажды воры захватили монастырских волов, которых братия употребляли для полевых работ. Только хищники хотели

угнать свою добычу, как внезапно поражены были слепотою и долго блуждали по окрестностям монастыря. В конце концов они оказались опять у обители с похищенным. Преподобный Макарий, обозревая монастырское хозяйство, увидел похитителей и, как бы не зная, в чем дело, спросил, зачем они тут и как оказались у них волы. Преступники сознались в своем злом умысле и, повергшись к ногам его, просили прощения. Преподобный простил им грех, молитвою избавил от слепоты и запретил впредь покушаться на подобные злые дела.

Устроивши строгое монастырское общежитие и привлекши святостью своей жизни и неусыпными трудами многочисленную братию, преподобный Макарий еще при жизни своей успел создать обеспечение для материального существования братии. Он отдал в новооснованный монастырь свою родовую вотчину. Кроме упомянутого ранее соседнего землевладельца Ивана Коляги, были и другие постриженники Макария, которые записывали за его монастырем свои земельные владения и клали вклады вещами и деньгами. Слава подвигов Макария привлекала жертвы в монастырь с разных сторон, о чем свидетельствуют дошедшие до сего времени документы. Тверской князь Борис Александрович около 1461 г. приписал к Колязину монастырю Николаевский монастырь на Жазне с его землями; княгиня Феодосия Ивановна, дочь князя Ивана Борисовича, пожертвовала село Васильевское с деревнями Селищем и Спировым; князь Александр Романович – село Константиновское с семью деревнями. Было много и других вкладов пустошами и населенными землями.

Но преподобный Макарий заботился не столько о материальных благах обители, сколько о своем душевном спасении и об указании другим спасения пути примером и учительным словом; он поступал по евангельскому слову: «ищите прежде Царствия Божия и правды его, а прочее всё приложится вам» (Мф.6:33). В такой жизни преподобный достиг глубокой старости. Несмотря на то, что телесные силы его слабели, он продолжал предаваться бдению и молитве; ноги его, как твердые столпы, стояли на молитве день и ночь. В 1483 году в марте месяце его постиг тяжкий недуг. Он почувствовал

приближение своей кончины и стал безмолствовать. Потом призвал к себе братию и сказал:

«Возлюбленные отцы и чада! Я, как и все земнородные, отхожу в путь отцов моих, а вас предаю Господу Богу, могущему наставить вас и дать вам наследие вечное. Всячески пекитесь о своем спасении, пребывайте всегда в трудах, посте, бдении и непрестанной молитве; блюдите чистоту душевную и телесную; не воздавайте зла за зло или досаждения за досаждение. Разумейте, братия: если я имею дерзновение к Богу, то по моем отшествии сия обитель не оскудеет, но распространится».

Благословив и облобызав братию, преподобный сподобился приобщиться Святых Таин и, сказав: «Слава Богу о всех, аминь», предал дух свой Господу.

Кончина преподобного Макария последовала 17 марта 1483 г., на восемьдесят первом году его жизни.

Оплаканный братиею, преподобный Макарий погребен был близ построенной им деревянной церкви. Над его могилой сооружена была деревянная часовня и украшена святыми иконами.

Подвиги преподобного при жизни создали почитателей основанного им монастыря и после его блаженной кончины. Пожертвования притекали непрестанно. Так, в 1486 году князь Тверской Михаил Борисович пожаловал монастырю село Андреевское на Борщине. Позже, в 1511 г., князь Дмитровский Юрий Иванович числил за Калязинским монастырем несколько сел и деревень. Было много пожертвований и других менее знатных лиц.

Построенный преподобным Макарием деревянный храм Пресвятой Троицы постепенно стал приходить в ветхость. Почитатели обители и её основателя не замедлили прийти на помощь в сей нужде.

В 1521 г. Дмитровский купец Михаил Боронков пожелал построить на месте старой деревянной церкви каменную. Боронков в детстве видал преподобного Макария, от своих родителей много слышал о его подвижнической благочестивой жизни и всю жизнь питал к обители благоговейное почтение. Колязинский монастырь находился в уделе Дмитровского князя

Юрия Ивановича, родного брата великого князя Московского Василия Ивановича. С разрешения сего князя, также усердного почитателя памяти преподобного Макария и его обители, и по благословению Тверского и Кашинского епископа Нила[1991], Боронков приступил к исполнению своего намерения, при игумене Колязинского монастыря Иоасафе.

Тщательно была осмотрена местность для построения нового каменного храма, которому не вредила бы вода от озер. Остановились на более возвышенном месте с более твердым грунтом, саженях в десяти от старой деревянной церкви. После водосвятного молебна игумен Иоасаф водрузил крест на месте, предназначенном для алтаря, и благословил копать ров для основания церкви. Стали копать. Место оказалось удобным, вода не выступала. При копании попадались кости прежде погребенных братий. Но вот на том месте, где был погребен преподобный основатель монастыря, нашли целый гроб, не подвергшийся тлению; от него исходило благоухание. Не смея тронуть его, рабочие тотчас известили игумена Иоасафа, который с умилением и слезами лобызал откопанный гроб, ни минуты не сомневаясь, что эта драгоценная находка есть гроб Макария. По его распоряжению ударили в колокол; собрались братия и множество окрестного народа. Сейчас же подле старой церкви устроили палатку и, благоговейно подняв гроб из земли, перенесли его туда и отслужили над ним панихиду. Затем вскрыли гроб: разнеслось из него еще большее благоухание, и тело преподобного, лежавшее в земле тридцать восемь лет, оказалось нетленным, даже ризы не пострадали и светлы были седины старца. Это событие произошло 26 мая 1521 г. Народ с умилением прославлял Господа, дивно прославляющего избранных Своих. Многие недужные и немощные, с верою притекавшие к новообретенным мощам, получили исцеление.

Игумен и братия, обрадованные такой благодатью, поспешили известить об этом Дмитровского князя Юрия Ивановича. Посланный иеромонах устно известил обо всем князя. Обрадованный князь стал ждать письменного извещения от игумена о совершившихся от мощей чудодейственных исцелениях. Игумен Иоасаф позаботился о том, чтобы были

записаны важнейшие чудеса от мощей с именами получивших исцеление, и отправил эти записи к князю. Юрий Иванович немедленно отправился в Москву и известил обо всем, совершившемся в Колязине, брата своего, великого князя Василия Ивановича, равно как и митрополита Даниила[1992].

Великий князь и митрополит поручили князю Юрию Ивановичу представить в Москву самолично хоть некоторых, получивших исцеление от мощей преподобного. Представлены были многие и засвидетельствовали истину. Тогда великий князь и митрополит послали в Колязинский монастырь архимандрита московского Чудова монастыря Иону для исследования на месте относительно всего, касающегося открывающихся мощей. Архимандрит Иона явился в Колязинский монастырь, убедился в нетлении мощей Макария и в их чудодейственной силе и засвидетельствовал об этом в Москве пред великим князем и митрополитом.

Тогда великий князь и митрополит созвали в Москве собор из епископов, архимандритов, игуменов и других духовных лиц. Собору доложены были все обстоятельства явления мощей преподобного Макария, рассмотрена его святая жизнь и чудотворение как при жизни, так и по смерти, от его мощей. Собор постановил причислить преподобного Макария Колязинского к лику святых и установил местное празднование ему в день кончины 17 марта и открытия мощей 26 мая.

Нетленные мощи преподобного Макария вскоре из временной палатки перенесены были в старую деревянную церковь, а потом переложены в новую дубовую раку и торжественно поставлены открыто на правой стороне новой каменной церкви, построенной купцом Боронковым.

В Колязинском монастыре на обретение мощей стали петь службу, составленную Феодосием Тверитянином. Простота жизни Макария смущала некоторых и при его жизни, и заставляла сомневаться в святости его даже после открытия его мощей. Так, уже спустя десять лет по открытии мощей Макария, вельможный инок, старец Вассиан Патрикеев, с укоризной говорил о простоте жизни Макария и называл его «мужиком сельским». Но митрополит Даниил на соборе заметил

Вассиану, что если захочешь судить святых, так осудишь многих и в числе пророков, и Апостолов, и архиереев, и праведных, и преподобных; для Бога в деле святости важно не телесное, наружное благородие, а духовное, внутреннее[1993]. На московском церковном соборе 1647 г. установлено было «петь и праздновать повсюду» в числе других и преподобному Макарию Колязинскому, причем он помещен в числе «великих чудотворцев»[1994].

При открытии мощей преподобного Макария было записано иноками Колязинского монастыря четырнадцать чудес. Приведем некоторые из них.

В странноприимнице, или богадельне, монастырской жил убогий человек, по имени Иоанн: у него иссохли ноги, как дерево, и скорчились; он целых двенадцать лет только ползал, опираясь руками на маленькую клюку. Увидев однажды, что у гроба преподобного священники служат молебствие, с трудом подполз к ним и просил помолиться о нем Господу и Его угоднику. Священники, окропив его святою водою и открыв раку, хотели приподнять страдальца, чтобы он мог приложиться к святым мощам, но в это самое время ноги его выпрямились, он встал сам и смог приложиться к святым мощам, к изумлению и ужасу всех. С тех пор он стал совсем здоров.

Диакон Колязинского монастыря, по имени Андрей, долго страдавший от сильнейшей боли в костях, принесен был к мощам преподобного, и когда с верою приложился к ним, немедленно получил исцеление.

И другие лица получили исцеление от различных болезней: два монастырских крестьянина от умопомрачения; у одного странника, имевшего на правой руке три пальца пригнутыми и приросшие к ладони, скорченная рука разогнулась, когда он с молитвой прикоснулся ко гробу чудотворца. Одна женщина страдала опухолью, отеком всего тела, другая продолжительною глухотою, и обе получили исцеление после усердной молитвы угоднику Божию. Некто юноша Григорий, неподвижно лежавший десять лет в расслаблении, был принесен на одре и положен при гробе преподобного; с умилением он смотрел на раку, плакал и молился об исцелении.

Мало-помалу он стал чувствовать, что его ноги и руки начинают двигаться; собравшись с силами, он встал с одра, чтобы припасть к святым мощам. Принесшие больного вместе с исцелившимся прославили Бога и Его угодника.

Однажды пришел в обитель некий человек, по имени Лаврентий, и рассказывал, что он два года страдал болезнью в ноге, а когда дал обещание постричься в Колязином монастыре, то получил исцеление. Когда он шел в монастырь, то на него напали разбойники; израненный, он повернул в Москву. Здесь постигла его слепота. В недоумении и отчаянии он вспомнил о своем обещании постричься в обители Макария и – прозрел. Теперь он пришел в монастырь исполнить свое обещание.

Один знатный человек боярского рода, по имени Иоанн, пришел в Колязин монастырь и был встречен игуменом с подобающею честью. При возвращении домой игумен благословил богомольца иконою преподобного Макария. Боярин дома много рассказывал о чудесах преподобного. В числе его людей был расслабленный, Феодор по имени, шесть лет лежавший в постели без движения. Благочестивый господин его принес к нему икону преподобного и велел служить молебен с водосвятием. Когда больного окропили святою водою, он встал с постели здоровым к удивлению и утешению всех окружающих.

Некто Онуфрий, бесноватый, привезенный с трудом из Новгорода, никак не хотел приблизиться к раке чудотворца и произносил хульные речи, так что его родственники хотели уже везти его обратно и некоторые дерзнули даже укорять преподобного, что он не может исцелить больного. Напоследок, однако, они решились силою подвести его к чудотворной раке. Как только бесноватый коснулся раки, то с воплем упал на землю с пеною у рта; присутствовавшие думали, что он уже умирает, и окропили его святою водою. Но страдалец внезапно очнулся и стал с полным сознанием спрашивать, где он находится. Получив ответ, он благоговейно облобызал мощи преподобного, вознес благодарственную горячую молитву и, подав милостыню в обители, здоровым возвратился на родину.

Особенно много исцелений получили больные из соседних городов, где слава Макария распространялась как при жизни

его, так и по смерти. Так, получили исцеление Кашинские жители: инок Варсонофий, бывший архимандрит монастыря Димитриевского[1995], а теперь оставшийся до конца жизни в Колязинском монастыре; Кашинская инокиня Мария, долго страдавшая ногами; дьячёк обители Макариевой, по имени Тимофей, заболевший расслаблением в городе Дмитрове, и, наконец, другой инок по имени Симеон, внезапно заболевший на Волге тяжкою болезнью.

Предсмертные слова преподобного Макария оправдались: оставленная им обитель не оскудела, а распространилась: ее посещали Московские цари и делали в нее богатые вклады. Так, в 1553 г. царь Иван Васильевич Грозный посетил обитель и пожаловал ей село Городище со всеми пустошами и 28 деревнями. В 1599 г. приезжал в Колязинский монастырь царь Борис Федорович Годунов с супругой и детьми, чтобы помолиться и испросить благословение угодника Божия на предполагавшийся брак царевны Ксении с датским принцем Иоанном. Посетители принесли в дар преподобному Макарию великолепную серебряную раку, в которую в их присутствии переложены были мощи угодника.

В смутное время самозванцев и царя Василия Ивановича Шуйского Колязин монастырь сделался средоточием важных событий и испытал великие бедствия. В 1609 г. находилась в монастыре главная квартира знаменитого вождя русских войск князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, который 14 августа нанес здесь жестокое поражение Яну Сапеге с другими польскими вождями и русскими ворами или изменниками. Но в 1610 г. монастырь постигло тяжкое бедствие; князя Скопина-Шуйского не было уже там, но часть войска еще оставалась. Один из польских вождей, смелый и алчный грабитель Лисовский, отовсюду отрезанный, решился силою пробиться к польской границе из Суздаля. Переправившись через Волгу, он неожиданно напал на Колязин монастырь. Находившийся там воевода Жеребцов отчаянно защищался и делал вылазки из монастыря, но неприятелям удалось поджечь деревянные стены монастыря, причем загорелись и другие здания. Жеребцов вынужден был сдаться. Враги перебили монахов и других

находившихся в монастыре людей, не исключая и воеводы Жеребцова; монастырь был разграблен; мощи преподобного Макария были изринуты из раки, а самая рака, дар Годунова, была рассечена на три части и увезена неприятелями.

Нелегко было монастырю оправиться после такого страшного разгрома. Но усердие богомольцев, возросшее вследствие важных заслуг монастыря при Скопине-Шуйском и скорби о несчастном бедствии обители, равно как и старание настоятелей дали возможность в скорое время все привести в порядок, возобновить попорченное и приступить даже к сооружению новых храмов и других зданий.

В 1619 г. царь Михаил Федорович посетил Колязинский монастырь и с теплою молитвою и благоговением прикладывался к чудотворным мощам преподобного Макария. Царь тогда пожертвовал в монастырь колокол, а после, в 1635 г., тот же царь пожертвовал другой большой колокол по отце своем, патриархе Филарете Никитиче. В 1648 г. построена была каменная стена вокруг всего монастыря. В 1654 г., когда в Москве свирепствовало моровое поветрие, супруга царя Алексея Михайловича Мария Ильинична с детьми и всем двором нашли убежище в Колязине монастыре; с нею был там и патриарх Никон; царица с двором помещалась в построенном в 1641 г. братском корпусе, с того времени получившем название царского, а патриарх Никон в настоятельском, получившем с тех пор название патриаршего. Царица Мария в следующем, 1655 г., в память своего пребывания в Колязином монастыре исходатайствовала ему степень архимандрии.

Как в семнадцатом столетии, так и позже сооружались в монастыре новые храмы – и перестраивались прежние, перестраивались и возобновлялись вновь и прочие здания. Всегда, как и теперь, монастырь посещался и посещается богомольцами, особенно из окрестных уездов Тверской и Ярославской губерний, а также из губерний Владимирской и Московской. Особенно много стекается богомольцев к 17 марта и 26 мая – дню обретения мощей преподобного; в этот день рака со святыми мощами преподобного Макария обносится вокруг главного монастырского храма Пресвятой Троицы, в

котором она и находится всегда, в арке в приделе Нерукотворенного образа Спасителя[1996].

В 1764 г., при учреждении монастырских штатов, по описи владений Колязина монастыря числилось за ним 2803 крестьянских двора с 12 000 человек мужского пола. Монастырь отнесен к числу первоклассных.

Тропарь, глас 8:

Плотская мудрования, отче Макарие, воздержанием и бдением умертвил еси, место бо, на немже поты твоя излиял еси, яко труба вопиет к Богу, поведающи твоя исправления, и по смерти честныя твоя мощи источают исцеления. Темже вопием ти: моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 2:

Вышних желая, воздержанием, и труды, и поты насладився, желание плоти твоея обуздав, чудес дар прием от Христа Бога, светильник явился еси пресветлый. Темже Христова Церковь песньми славит тя, преподобне Макарие, отче наш.

Память иже во святых отца нашего Кирилла архиепископа Иерусалимского

Память 18 марта

Святой Кирилл Иерусалимский, происходя от благочестивых родителей, получил строго православное воспитание; в царствование Константина Великого он принял монашество, а при сыне его Констанции[1997] был избран, по смерти архиепископа Максима, на иерусалимскую кафедру. Ревнуя о сохранении в чистоте христианского учения, святой Кирилл, будучи архиепископом, деятельно и неустанно боролся с ересями Ария[1998] и Македония[1999].

Этим он возбудил против себя сильную вражду со стороны впавших в арианскую ересь епископов, между последними был и митрополит Кесарии Палестинской[2000] Акакий, явившийся впоследствии главным виновником первого изгнания святого Кирилла.

Однажды[2001] в праздник Пятидесятницы около трех часов дня в Иерусалиме наблюдалось следующее чудесное знамение: на небе явилось начертание Честного Креста, сиявшее ослепительным светом; начинаясь от Голгофы[2002], оно простиралось до горы Елеонской[2003]. Так как император Констанций, разделяя ересь Ария, притеснял православных, всячески помогая еретикам, то святой Кирилл сообщил ему о чудесном знамении, увещевал оставить путь заблуждения и обратиться в Православие.

Между тем митрополит Акакий, пользуясь содействием императора, к которому был близок, восстал на святого Кирилла за то, что он обличал его в ереси и не повиновался ему, хотя Иерусалим в то время находился в подчинении у митрополита Кесарийского; это произошло вследствие упадка Иерусалима после разрушения римлянами[2004]. Святой же Кирилл не только не хотел подчиняться еретику митрополиту, вдобавок низложенному поместным сардикийским собором[2005], но и обличал его за злоупотребление не принадлежавшею ему по правилам церковным властью; по указанным причинам он не

считал для себя возможным подчиняться митрополиту Акакию. Кроме того, святой Кирилл полагал, что, наоборот, Кесария Палестинская должна быть подчинена Иерусалиму, ибо Церковь Иерусалимская есть мать всех церквей[2006]; тем более, что и сардикийский собор, низложивший Акакия, принадлежавшее ему начальство передал предшественнику святого Кирилла, архиепископу иерусалимскому Максиму.

Проникнутый чувством неприязни к святому Кириллу, Акакий нашел повод к обвинению его, благодаря следующему обстоятельству. В Иерусалиме настал сильный голод. Народ, не находя средств для поддержания жизни, обратился за помощью к своему архиепископу. Святой Кирилл по своему милосердию близко к сердцу принял просьбы пасомых и истратил на них всё свое имущество. Но так как голод не прекращался, и помочь было уже нечем, то святой Кирилл начал продавать церковные вещи – золото, серебро и ценные завесы, покупая на вырученные от продажи деньги пшеницу для голодающих. В это время появился слух, что будто бы в городе видели какую-то женщину, плясавшую в священном облачении на улице. На вопрос, откуда ею получена священная одежда, женщина отвечала, что она приобрела ее у одного купца, причем назвала и его имя. Спрошенный в свою очередь купец сказал, что одежду для продажи дал ему сам архиепископ. Неизвестно, было ли всё это на самом деле или нет, но только слух дошел до митрополита Акакия, который счёл его достаточным для обвинения святого Кирилла. На созванном им соборе он предложил извергнуть святого Кирилла, как обесчестившего продажею священный предмет, на что собор изъявил свое согласие. Таким образом, при содействии еретичествующих епископов, низложенный еретик митрополит сверг с престола иерусалимского православного архиепископа и силою заставил его удалиться из пределов Иерусалима. Святой Кирилл сначала удалился в Тарс[2007], где пребывал у епископа Сильвана. Видя, что последний не совсем правильно понимает некоторые догматы веры, святой Кирилл указал ему на уклонение и утвердил в православии. Услыхав об этом, Акакий написал Сильвану письмо, извещая о низвержении святого Кирилла и

советовал ему или прекратить общение со святым Кириллом, или, по крайней мере, запретить ему совершение Богослужения в находящейся под его управлением церковной области. Но Сильван не послушался Акакия: он почитал святого Кирилла как человека благочестивого, учением своим поддерживавшего и наставлявшего многих православных; о самом же изгнании Сильван знал, что оно произошло не по какой-либо вине со стороны святого Кирилла, а единственно по зависти и ненависти Акакия.

После этого в Селевкии[2008] был Поместный собор, на который прибыло до 150 епископов; среди них находился и святой Кирилл. Прежде чем началось заседание собора, Акакий стал настаивать на удалении отлученного им святого Кирилла. Многие епископы не согласились на подобный поступок. Тогда Акакий, оставив собор, отправился в Царьград. Здесь пред императором и патриархом Евдоксием, тоже арианином, он оклеветал покинутый им собор, называл его скопищем злых людей, собравшихся не для пользы, но во вред Церкви. Особенно сильное негодование сумел возбудить Акакий в императоре против св. Кирилла. Он рассказал ему, что св. Кирилл продал драгоценную священную одежду, подаренную Константином Великим иерусалимскому архиепископу Макарию для облачения в нее во время совершения таинства Крещения, и что потом эту одежду видели на одном человеке, плясавшем на местах народных увеселительных собраний. Император до того сильно разгневался, что подверг святого Кирилла заточению.

По смерти Констанция на престол вступил Юлиан Отступник[2009]. В первые годы своего царствования он под видом благочестия отменил все постановления Констанция, направленные ко вреду православных: по приказанию Юлиана были освобождены из заточения все ранее изгнанные Констанцием православные епископы. В это время и святой Кирилл был возвращен на свою кафедру. Утвердившись на престоле, Юлиан открыто отрёкся от Христа. Противникам христиан евреям он дал большую свободу; между прочим он не только дозволил им строить храм на месте разрушенного

римлянами[2010], но и уделил на постройку часть из государственных податей. Когда еще только началось это богохульное по своим намерениям дело[2011], святой Кирилл предсказывал своим приближенным, что слова Христовы о разорении самых камней храма: «придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено» (Лук.21:6) несомненно исполнятся. Святой Кирилл молил Владыку Христа, чтобы Он не попустил совершиться начатому предприятию, но разрушил его вместе с планами строителей. Господь услышал молитву раба Своего и осуществил предсказанное Им о непременном исполнении слов Своих. В одну ночь случилось сильное землетрясение, так что сдвинулись с места даже уцелевшие основания древнего Соломонова храма, не говоря уже о камнях только еще положенных евреями; и всё это – остатки древнего храма и новые постройки – действием невидимой Божией силы было развеяно как пыль. При наступлении дня все удивлялись совершившемуся чуду. Когда же евреи опять хотели взяться за дело, то тотчас спал с неба огонь и истребил рабочие орудия; великий ужас объял их. В следующую ночь на одеждах евреев появилось знамение креста, которое они не могли ничем уничтожить.

После этого святой Кирилл, предсказание которого об исполнении слов Христовых так торжественно оправдалось, опять подвергся изгнанию. Его заместителем, насколько с вероятностью можно полагать, был святой Кириак. Он был иудей и носил имя Иуды; во время розысков царицею Еленою Честного Креста Господня им было указано его сокрытое местонахождение; затем он крестился и получил имя Кириака.

Впрочем, по изгнании святого Кирилла святой Кириак недолго занимал его место: он вскоре претерпел мученическую кончину за исповедание Христово от Юлиана.

После погибели Юлиана святой Кирилл снова взошел на престол иерусалимский, но вследствие усиления ариан в царствование Валента в третий раз подвергся ссылке за свое благочестие и твёрдую борьбу с еретиками. Наконец, при Феодосии Великом[2012] святой Кирилл с честью был возвращен в

Иерусалим. В продолжение восьми лет он с истинно пастырскою ревностью управлял Церковью и мирно почил о Господе, оставив в наследие свои многополезные писания[2013].

Кондак, глас 1:

Языком твоим, мудре, Божественными вдохновеньми просветил еси твоя люди едину чести Троицу, Естеством нераздельну, разделяему же Лицы. Темже, радующеся, всесвятую твою память празднуем, иже к Богу молитвенника тя предлагающии.

Житие преподобного отца нашего Анина Чудотворца

Память 18 марта

Преподобный Анин был родом из Халкидона[2014]. Родители его были христианами. Подобно евангельскому Закхею[2015], он был небольшого роста, но, взамен того, был велик духом. С самых юных лет он отличался кротким, незлобивым нравом и постоянно стремился к деланию добра.

Когда преподобному исполнилось пятнадцать лет, родители его умерли. Вскоре после этого святой решил оставить суетное мирское житие, для чего и поселился в одном из монастырей, где принял пострижение в монашество.

Ревнуя о безмолвном подвижническом житии, святой Анин вскоре оставил монастырь и ушел в одну далекую пустыню, расположенную близ того места, где протекает река Евфрат[2016], отделяющая Сирию[2017] от Персии[2018]. Здесь Анин встретил одного отшельника, по имени Маиума, подвизавшегося в пещере. Святой поселился у него и подражал ему в подвигах поста и молитвы. Оба они содержали столь строгий пост, что во всю Четыредесятницу не вкушали ничего совершенно, но, несмотря на это, всегда имели радостные лица, как бы присутствуя на царском пиру. Святой Анин настолько преуспевал в своих подвигах, что превзошел даже своего учителя – старца. Он проводил многие дни совершенно без пищи, молясь день и ночь, так что даже старец дивился его подвигам.

В том месте, где подвизался святой Анин с отшельником, не было воды, потому что река Евфрат находилась в расстоянии пяти стадий[2019] от их пещеры. Святой Анин носил воду из этой реки в малом сосуде, намеренно не пользуясь большим сосудом, чтобы трудиться как можно более, часто ходя за водой.

Один раз святой Анин отправился за водою на реку, но не успел он еще отойти и одной стадии от своей пещеры, как сосуд его был наполнен водою внезапно явившимся ему Ангелом.

Заметив, что Анин возвратился необычно скоро, старец понял, что Бог сотворил с ним чудо, исполнив его благодати Своей. После этого он стал упрашивать его быть своим учителем и наставником, но, не будучи в состоянии уговорить его к этому, решил оставить его, чтобы не заставлять служить себе того, которому он сам хотел бы и считал себя обязанным послужить. Пришедши в один монастырь, расположенный близ реки Евфрата, старец рассказал братии о святом Анине. С этого времени молва о святом Анине распространялась всё более и более, и к Анину стали приходить многие люди, искавшие подвижнической жизни.

По удалении старца Маиума из пещеры святой Анин сказал сам себе: «Я здесь начал подвизаться, здесь и останусь до конца своей жизни» – и остался в пещере. Впрочем, святой Анин неоднократно уходил из пещеры вглубь пустыни; пробыв здесь двадцать или тридцать дней, он возвращался обратно в свою пещерную келью. Своими постоянными подвигами святой достиг того, что умертвил в себе все плотские страсти и совершенно поработил плоть духу.

Господь исполнил святого Своей благодатью, так что даже подчинил ему диких зверей, обитавших в пустыне. Куда бы ни пошел святой, – ему следовали два льва, одному из которых он исцелил язву на ноге.

Святой Анин был безмездным врачом не для животных только, но и для людей, потому что Бог дал ему власть и силу исцелять всякий недуг и всякую болезнь в людях. Слава о святом распространилась по всей стране той. К нему приводили многих недужных, и всех их он исцелял по благодати Божией. Вследствие этого святой уже не уходил в пустыню, но пребывал постоянно в своей келье ради приходящих к нему людей; для того Бог и даровал его той стране, чтобы приходящие к нему, как бы к некоему источнику исцелений, не отходили неутешенными, но чтобы каждый получил от него врачевство, соответственно своей болезни: один получал у него исцеление своим телесным недугам, другой врачевал свои душевные болезни, слушая его наставление и поучение.

Ввиду того, что место, где жил святой, было безводным, а потребность в воде была большая вследствие большого количества людей, приходящих к святому, святой ископал небольшой колодезь, в который собиралась дождевая вода.

Один раз к святому пришли несколько человек и попросили дать им воды, которою бы они утолили свою жажду. Святой велел одному из своих учеников (у него было уже шесть учеников) почерпнуть воды из колодезя. Но ученик сказал ему, что вода уже вся истощилась в колодезе, так что не осталось её там ни одной капли. Преподобный же сказал ему:

– Я надеюсь на дивную силу Божию. Иди, и ты найдешь воду, которою и утолится жажда пришедших.

Ученик отправился и, к удивлению своему, нашел колодезь, наполненным водою до верха. Прославив Бога, он почерпнул воды в колодезе и, принеся ее к своему учителю, рассказал ему о совершенном силою Божиею чуде. Воды этой хватило на много дней. Всё сие случилось в семнадцатой год подвижнической жизни святого. Когда же вода вся вышла, а дождя всё еще не было, святой не восхотел снова просить у Бога чуда, но, смирившись, начал сам ночью носить воду из Евфрата. Всю ночь до самого утра святой трудился, постоянно прославляя Бога и памятуя слова Господа, сказанные Им в Своем Евангелии святом: «и кто напоит одного из малых этих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Матф.10:42).

Случилось однажды, что к преподобному пришли некоторые братия из соседнего монастыря, сильно жаждавшие от долгого пути; между тем в колодезе воды не было совершенно. Тогда преподобный тайно взял водоносы и сам отправился на реку за водой. Вскоре он уже возвращался обратно. Заметив, что преподобный возвращается слишком скоро, братия подумали, что святой сильно устал и, не дойдя до реки, возвратился обратно. Братия пошли навстречу ему, намереваясь сами отправиться за водою. Но когда братия начали снимать с плеч святого водоносы, они заметили, что водоносы наполнены были до верху водою. Братия весьма удивились всему происшедшему, потому что Ангел Господень наполнил сосуды

водою, как и ранее это было при Маиуме старце. Тогда братия воскликнули:

– Благодарение Господу! По заслугам святого отца нашего водоносы наполнились водою!

Но святой, наблюдая всегда смиренномудрие, сказал братии:

– Простите меня, братия, Я человек грешный, вода сия дарована вам Богом не ради меня, но по причине великой вашей жажды, чтобы вы не изнемогли совершенно, дожидаясь, пока я возвращусь с реки.

Епископ города Неокесарии[2020], по имени Патрикий, весьма уважал святого за те чудеса, которые творил Бог ради заслуг святого; он неоднократно посещал его и поставил его, против его воли, пресвитером.

Узнав, что сам святой носит воду из Евфрата для утоления жажды приходящих к нему людей, епископ прислал к святому в дар осла, который мог бы возить воду из реки.

Спустя несколько дней к святому пришел один бедный человек, не имевший чем заплатить своего долга заимодавцу. Пришедший просил святого помочь ему уплатить его долг. Преподобный же, будучи нищим духом и не имея никакой вещи, которую мог бы отдать, сказал пришедшему:

– Возьми, брат мой, вот этого осла, продай его и вырученными деньгами заплати долг свой.

Человек тот взял осла и ушел от святого, а святой снова стал носить воду из реки сам.

Когда епископ узнал об этом, то послал к святому другого осла и велел сказать:

– Осла этого я не даю тебе в собственность, но ты можешь употреблять его для ношения воды; когда же он будет нужен мне, я возьму его обратно.

Спустя некоторое время к преподобному пришел один бедный человек и просил у него милостыни. Не имея ничего, что бы можно было дать, кроме осла, святой отдал его просящему.

Когда затем к святому прибыл епископ, то, не нашед осла, он велел ископать большой колодезь и наполнить его при помощи многих животных водою из реки, (обычно в безводных и

сухих местах искапывались колодези, которые и наполнялись водою, получаемою от дождя или от таяния снега, или приносимою из реки). Наполнив колодезь до верху, епископ взял своих животных к себе; когда же вода истощалась в колодезе, епископ снова присылал своих ослов для ношения воды к колодезю и потом брал их к себе обратно.

В Апамее[2021] подвизался один столпник, по имени Пионий, проводивший строго подвижническую жизнь. Жившие среди окрестных жителей грабители пришли ночью к его монастырю, думая найти здесь большие богатства. Подкопав стену, грабители вошли в монастырь, но, обошед его, нигде ничего не нашли и возвращались с пустыми руками. Один из разбойников, уходя, взял камень и бросил им в святого столпника. Камень попал в голову святого и сильно ранил его.

Когда злодеи ушли от того места, столпник намеревался уже сойти со столпа, чтобы идти к судиям с жалобою на разбойников.

Святой Анин, узнав об этом, призвал к себе льва, служившего ему, поставил перед ним пищу и сказал:

– Ешь до полного насыщения, потому что тебе предстоит далёкий путь.

Затем, взяв бумагу, преподобный начертал на ней:

– О святой отец! Мне известно, что ты, пострадав от злодеев, намереваешься сойти со столпа для того, чтобы отомстить твоим врагам; оставь свое намерение, чтобы не лишиться тебе вечного воздаяния в Небесном Царстве за труды твои.

Эту бумагу преподобный привязал льву на шею и, обратившись к нему как к человеку, повелел ему идти к упомянутому столпнику, никого не трогая на пути своем.

Лев побежал быстро и скоро достиг того монастыря, где жил столпник. Остановившись у ворот монастыря, лев стал стучать в них своими лапами. Привратник, посмотрев в оконце и увидев льва, поспешно пошел к столпнику и сказал ему, что при воротах монастыря стоит большой зверь.

Столпник, помолившись Богу, велел привратнику небоязненно отворить ворота монастыря. После этого лев

вошел в монастырь, подошел к столпу и положил бумагу пред столпом.

Прочитав письмо, столпник удивился прозорливости святого Анина, который, находясь так далеко от него, узнал его мысли; удивился он и тому, как Бог повелевает зверям служить угодникам Своим. После этого столпник оставил свое намерение и возложил всё упование свое на Господа.

Одна благочестивая женщина, заболев, отправилась к святому Анину, надеясь получить от него исцеление. На пути ей встретился разбойник с копьем в руке и вознамерился отнять у неё всё, что она имела, хотя, впрочем, не нашел у неё ничего, кроме небольшого количества хлеба, потребного для пути. Возгоревшись похотью, разбойник восхотел сотворить насилие ей. Водрузив копьё в землю, он стал принуждать ее ко греху. Но женщина та, стараясь вырваться из рук его, призвала на помощь себе преподобного и воскликнула:

– Святой Анин, помоги мне!

В это же мгновение разбойник смирился; на него напал ужас, и он хотел уже бежать; но, протянув руку к копью, он не мог извлечь его из земли, потому что копьё его очень крепко вкоренилось в землю. Разбойник исполнился еще большего страха; женщина же, спасшись от рук его, отправилась к святому. Пришедши к нему, она рассказала ему обо всем случившемся и, получив исцеление от болезни своей, возвратилась обратно в место своего жительства.

Пришел к преподобному и разбойник, покаявшийся во всех злых делах своих. После этого святой Анин исцелил его, научил святой вере христианской и сподобил святого крещения; впоследствии же постриг его в монашество. А копье его, оставшееся в земле, по воле Божией произросло в дуб великий.

Много и других чудес совершал этот великий угодник Божий: исцелял расслабленных, изгонял бесов из людей, врачевал многих болящих, будучи исцелителем не только людей, но и животных.

Однажды к преподобному пришло много народа. День был знойный; все томились жаждою, а вода вся истощилась. Но

когда святой помолился, внезапно появилось облако и пролился на землю обильный дождь.

Преподобный предсказал многое, имеющее совершиться в будущем; так, например, он предсказал нашествие варваров[2022], кончину многих братий, причем призывал к себе брата, которому предстояло умереть, и говорил ему наедине:

– Чадо! Позаботься о душе своей, так как время твое близко!

Наконец и сам святой приблизился ко дню кончины своей, прожив всего сто десять лет от дня рождения своего. Зная день кончины своей, святой призвал к себе свое словесное стадо (он имел довольно много братий) и долго наставлял и поучал его. Затем святой указал рукою на одного весьма добродетельного пресвитера, по имени Вероникиана, и сказал:

– Этот человек будет вам игуменом вместо меня. Вслед за тем святой, проболев семь дней, приближался уже к самому концу жизни своей. В самый же час кончины он исполнился страха и хотел встать с одра своего, но, преклонив голову, сказал:

– Мир вам, наставники мои! Помолчав немного, опять сказал:

– Кто вы, мои наставники? Немного помолчав, сказал еще:

– Да будет воля Господа моего, вот я иду с вами по повелению Господа.

Все, окружавшие его, исполнились страха и пали ниц. Богобоязненный же пресвитер Вероникиан, нареченный во игумена, сказал преподобному:

– Господин мой! Ради какой надежды, ради чего трудился ты во все дни жизни своей? Скажи нам, что ты видел?

Святой отвечал:

– Я видел горний Иерусалим отверстый, облако светлое, исходящее от него, и трех мужей светоносных на облаке том, которые, дойдя до меня, сказали мне: «Анин! Господь зовет тебя; встань и иди с нами». Я спросил их: «Кто вы, наставники мои?» Они же ответили: «Мы – Моисей, Аарон и Ор».

Услышав это, братия исполнились еще большего страха и ужаса. Святой же сказал им:

– Помолитесь обо мне, братия мои, чтобы я не устрашился, когда буду приведен пред страшного Судию.

Потом святой сказал:

– Приими, Господи, дух мой, – и вскоре преставился (в восемнадцатый день месяца марта).

Братия похоронили его с честью, славя и восхваляя Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога, прославляемого всеми вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Трофима и Евкарпия

Память 18 марта

Когда в Никомидии воздвигнуто было на христиан гонение, то всех исповедников Христа схватывали и содержали в темницах, а затем производили над ними суд, причем подвергали их многочисленным пыткам и разнообразным мучениям, и тех, кто оставался непоколебимым в исповедании Христа, Бога нашего, предавали смерти. В это время святые мученики Трофим и Евкарпий известны были в войске как самые мужественные и храбрые воины, а потому оказались и сильнейшими врагами Христа. Они схватывали христиан, заключали их в темницы и, получив над ними полную власть, по своему усмотрению одних предавали на мучения, а других оставляли томиться в темницах. Однажды, когда они шли, чтобы схватить некоторых христиан, то увидели большое огненное облако, сходящее с неба и сгущающееся по мере приближения к ним. Из облака раздавался голос, говоривший:

– Для чего вы так усердствуете, угрожая рабам Моим? Не прельщайтесь: никто не может подчинить своей власти верующих в Меня, но лучше сами присоединитесь к ним, и тогда приобретете себе Царство Небесное.

Увидев это видение и слыша такие слова, Трофим и Евкарпий, эти столь яростные и жестокие гонители рабов Христа, упали на землю, так как не могли ни смотреть на видение, ни выносить исходящего из облака громового голоса, и, лежа на земле, только говорили друг другу:

– Поистине велик Бог, явившийся нам ныне. Счастливы будем мы, если станем рабами Его.

И в то время, когда они со страхом говорили эти слова, облако разделилось, став по ту и другую сторону их, – и из него раздался снова голос, сказавший им:

– Встаньте и покайтесь, и вам прощены будут грехи ваши. Когда же они встали, то увидели сидящего среди облака некоего беловидного мужа, весьма красивого, и великое множество

предстоящих Ему. Пораженные необычайным видом Его, Трофим и Евкарпий в один голос сказали Ему:

– Приими нас, ибо злы и невыразимы грехи наши. Нет другого Бога, кроме Тебя, Творца и Единого истинного Бога, а мы и не присоединились еще к рабам Твоим!

Когда они сказали эти слова, то облако немедленно же сошлось и поднялось на небо. После этого Трофим и Евкарпий долго еще оставались на месте и плакали, а потом, помолившись Богу, возвратились назад и всех тех, кого держали в заключении, со страхом освободили из темниц. Целуя их, как братьев, кланяясь им и снимая с них оковы, они всех провожали, и все заключенные вернулись таким образом в дома свои. Начальник города Никомидии, узнав об этом, сильно разгневался на Трофима и Евкарпия и, призвав к себе, стал допрашивать их, желая узнать причину такой их перемены. Они подробно рассказали ему обо всем, что видели в видении. Тогда он повелел повесить их на дерево и строгать им рёбра, а затем тереть по ранам волосяными веревками. Святые мученики мужественно переносили мучение и молились, радуясь и благодаря Бога. Этим они привели начальника города еще в больший гнев, и он приказал зажечь большой костер и бросить их в него. Когда же костер был зажжен, то святые сами вошли в огонь и, прославляя Бога, предали праведные души свои в руки Божии. Такую мученическую кончину приняли святые мученики Трофим и Евкарпий[2023].

Страдание святых мучеников Хрисанфа и Дарии

Память 19 марта

Некто Полемий, муж знатного происхождения, вместе с сыном своим Хрисанфом переселился из Александрии[2024] в Рим[2025]. Здесь он был принят с честью и удостоен императором сенаторского сана. Желая дать образование Хрисанфу, Полемий отдал его в философскую школу. Любознательный и весьма разумный юноша Хрисанф, с ревностью изучая различные науки, случайно нашел книги Нового Завета; внимательно прочитывая и углубляясь в их смысл, Хрисанф так размышлял:

– До тех пор тебе подобало, Хрисанф, изучать языческие писания, полные тьмы, пока ты не познал истинного света, которого одного и держись. Ибо не разумно было бы возвращаться от света к тьме. Ты погубишь труды учения, если отвергнешь плоды этих трудов. Плоды же трудов подаются от Бога ищущим их. Ибо так повелевает Сам Бог, как ты и читал в книгах Нового Завета: «просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Лук.11:9), Если же захочешь оставить то, что искал и нашел, то ты будешь подобен несмысленным и безумным людям. Итак, твёрдо держись того, чего подобает держаться всем умом, дабы не лишиться добровольно с таким трудом приобретенного блага: ты нашел золото и серебро, нашел драгоценной камень. Ибо ты искал с тем, чтобы найти, и для того нашел, чтобы воспользоваться приобретенным: итак, смотри, чтобы у тебя не было отнято приобретенное тобой сокровище.

Размышляя таким образом, Хрисанф искал, кто бы научил его Божественному Писанию. И как вначале был слышателем премудрости риторской и философской и ученик учителей премудрейших, так теперь желал найти учителей некнижных, каковы были некогда Апостолы Христовы, некнижные рыбари, приведшие, однако, в познание Христово весь мир. «Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные

и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом» (Деян. 4:13); Таких учителей и искал прилежно премудрой юноша Хрисанф, ибо читал у Апостола, который говорит: «Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1Кор.1:20–21; срав. Ис. 33:18).

Так в себе размышляя и разыскивая христианского учителя, Хрисанф узнал про одного христианина, по имени Карпофор, что он весьма сведущ в Божественном Писании; этот Карпофор жил, или лучше сказать скрывался из-за гонения – в некоей пещере, на одном никому не известном месте. Услыхав об этом христианине, благочестивый юноша весьма обрадовался и усердно умолял сообщившего ему об этом христианине, чтобы он показал ему то место, где живет тот человек Божий.

Узнав о его местожительстве, Хрисанф пришел к Карпофору, саном пресвитеру и был научен им Божественному Писанию и вере христианской; часто к нему приходя, он получал от него наставление на путь спасения. Наставляемый пресвитером Карпофором, Хрисанф в несколько месяцев постиг тайны Божественного Писания и затем принял от него святое крещение. И настолько утвердился Хрисанф в христианской вере и утвердился в любви ко Христу, что по истечении семи дней от крещения своего открыто начал проповедовать в народе Христа Сына Божия. Услыхав об этом, некоторые из знатных родственников Хрисанфа сказали отцу его:

– Смотри, на тебе будет вина и с тебя взыщется за то, что дерзает делать твой сын, ибо он злословит богов, некоего же Христа признает истинным Богом; и если слух об этом дойдет до царя, то из-за него ни тебе, ни нам – родственникам его – не будет это прощено, и мы все лишимся царской милости. Ибо кто смеет говорить такие хульные речи на богов, тот тем самым является противником царских законов.

Разгневавшись на Хрисанфа, Полемий затворил сына в мрачной и смрадной темнице и морил его голодом, только вечером выдавая ему небольшое количество пищи. Блаженный

же Хрисанф считал для себя ту темницу и голод не как наказание, но как обучение в посте, безмолвии и скромности христианского жития и радовался своему тёмному и тесному жилищу более, чем просторным и светлым палатам.

Узнав об этом, домашние и родственники дали такой совет Полемию:

– Если ты хочешь отвратить сына от христианской веры, то сделай так, чтобы он пребывал на свободе и пользовался удовольствиями. Найди ему красивую и умную девицу и сочетай его с ней браком, и он тогда позабудет о христианстве. Темницу же, узы и голод, которыми ты мучишь Хрисанфа, христиане вменяют себе в славу и честь, более чем в мучение.

Слыша это, Полемий приказал приготовить роскошную палату, украсить в ней стены дорогими обоями, поставить в ней драгоценную постель и приготовить там всё для веселья и удовольствий. Выведя затем сына из его темного затвора и облекши его в дорогие одежды, Полемий привел его в ту палату. Избрав затем из своих рабынь самых красивых девиц и одев их в роскошные одежды, Полемий затворил их в той палате со своим сыном, строго наказав при этом девицам, чтобы они всячески старались прельстить Хрисанфа на плотскую сладострастную любовь, от Христа же отвратить его. И подавались в ту палату в изобилии всякая пища и наилучшее вино, – а девицы те пели перед святым Хрисанфом любодейные песни, плясали перед ним, говорили бесстыдные слова, всеми способами стараясь уловить в любодеяние и плотские удовольствия душу блаженного юноши.

Юноша же Хрисанф не как юноша, но как испытанный муж относился к играм и соблазнам тех девиц и, находясь среди сетей, оставался неуловляем. В этой борьбе он показал себя непобедимым воином Христовым, отказавшись совершенно от вкусных кушаний и сладких напитков; на девиц же тех смотрел как на аспидов, избегая прикосновение к ним, как к змеям, и пребывал все время в молитве. Когда же ему было необходимо подкрепить себя сном, то он ложился на земле без постели, а соблазнительные и бесстыдные слова девиц считал как бы стрелами и щитом веры отражал их от себя, взывая к Богу:

«Возьми щит и латы и восстань на помощь мне; обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: «Я – спасение твое!» (Пс. 34:2–3). Кто борьбу эту, которую воздвиг на меня диавол, возможет одолеть, если только не одолеет и не победит Твоя десница. Прельщается тот, кто думает своею собственною силою одолеть плотскую страсть и соблюсти целомудрие, если только пламень плоти не будет погашен дождем Твоего милосердия. Не может душа достигнуть Твоих селений, если Ты Сам не доведешь ее туда, ибо плотская страсть как бы некоторый пронырливый зверь, скрывающийся в пустыне житейской суеты на погибель душ человеческих, и если кто убежит зубов его, то должен воздавать от всей души благодарение Богу своему Спасителю, ибо через Тебя мы избавляемся от таковой пагубы. Так и целомудренный Иосиф избежал Твоею помощью рук блудницы, как бы зубов неукротимого зверя, – тот Иосиф, о коем отец плача говорил: «Лютый зверь съел сына моего» (Быт.37:33). Ибо воистину жена Пентефриева, как лютый зверь, напала на него и как бы львица некая, терзала ногтями незлобивого агнца Иосифа, увлекая его на беззаконие (Быт.39:12). Да и какой может быть лютее зверь, как не диавол и женщина? Естественное плотское похотение возбуждало юношу Иосифа, а женщина еще более увлекала его игрой глаз, драгоценными одеждами, красотою лица, богатством, властью и льстивыми словами увлекала целомудренного юношу в пагубу и смерть. И дивно, что он избег лукавого уловления зверя! Не напрасно отец его сказал: «Благо мне, если сын мой жив есть» (Быт.45:28), ибо великой и неминуемой избежал он смерти и более лютой, чем когда его хотели убить братья; избежал же он этой смерти Твоею всесильною помощью, о Всесильный Боже! Ибо Ты был с ним тогда. И ныне я, Господи, смиренно умоляю Тебя, дай мне помощь на этих зверей и змей, с которыми меня в одном месте заключил отец. И как спят заколдованные змеи, так да спят во время молитвы моей эти нечестивые девицы, чтобы не могли возбудить в моем юном теле плотского похотения. Помоги мне, Спаситель мой, ибо Тебя Единого знаю истинного Бога,

спасающего верующих в Тебя и подающего им Свою непобедимую помощь».

После этой молитвы девицы, запертые вместе с Хрисанфом, впали в такой глубокий сон, что не могли ни сами проснуться, ни быть разбужены кем-либо, пока не были вынесены из той палаты. Когда же были унесены оттуда, то тотчас же проснулись; вкусив затем пищи, они опять вошли в палату к святому Хрисанфу, и снова впали в тот же тяжелый сон. И так продолжалось каждый день. Когда об этом рассказали Полемию, отцу Хрисанфа, то он стал рыдать о нем, как о мертвом. Тогда некоторые из друзей сказали Полемию:

– Твой сын научился волшебству от христиан и легко усыпил тех девиц. Но обручи с ним и жени его на образованной и умной девице, и она, хотя бы он и не желал жениться, живя с ним постоянно, приведет его к плотскому совокуплению с собою и отвратит от христианства.

Полемий сказал на это:

– Где же мы найдем столь умную девицу, которая бы могла умягчить сердце ожесточенного Хрисанфа, подействовать на него увещанием и обратить к нашим законам?

На это родственники сказали ему:

– Среди девиц, служащих при храме богини Афины[2026], есть одна отроковица, по имени Дария; она очень красива лицом, умна и изучила все книги и всю мудрость риторскую; она уже находится в предбрачном возрасте. Итак, поспеши обручить ее своему сыну, пока кто-нибудь другой не взял ее.

Послушавшись этого совета, Полемий просил своих родственников, чтобы они пошли к той девице и, рассказав ей об отроке Хрисанфе и о совращении его в христианскую веру, упросили бы девицу ту прельстить его к брачному сожительству с собою и отвратить от христианства. Девица та согласилась на супружество с Хрисанфом и приготовилась к тому, чтобы соблазнительными речами приклонить к плотской любви своего жениха и привести к поклонению богам римским.

Вслед за этим девица та была с честью приведена в дом Полемия и при естественной своей красоте, будучи украшена драгоценными одеждами и убранствами, была введена в

спальню к святому. Оставшись там с ним наедине, она всевозможными любезными словами и различными прельщениями привлекала к любодеянию целомудренного юношу. Воин же Христов Хрисанф пребывал твёрд как адамант[2027], непоколебим как столп и как гора неподвижим, побеждая любовью к Богу любовь плотскую и знамением креста отражая от себя пущенные на него стрелы диавола. Вздохнув глубоко от сердца к Богу и Святого Духа призвав в помощь себе, Хрисанф так сказал девице:

– Прекрасная девица! Если ты только ради кратковременного сочетания со мной – смертным человеком – так оделась и украсилась и столь сладкие произносишь слова, чтобы отвратить меня от добровольно избранного мной жития, развратить душу мою и отклонить все мысли мои, иною любовью одержимого, то насколько больше тебе подобает заботиться, чтобы у бессмертного Царя Сына Божия ты могла снискать любовь; и это для тебя удобоисполнимо, если ты сама того захочешь. Если ты свою душу вместе с телом твоим сохранишь в непорочности и как теперь ты украсила тело твое драгоценными нарядами, так и сердце твое украсишь добрыми нравами, то Ангелы тебе будут друзьями, Апостолы – приятелями, мученики – ближними; по их ходатайству Сам Христос тебе будет женихом, и Он приготовит тебе на небе нетленной чертог несравненно прекраснее и светлее земного, и даст тебе райское вечное веселие, юность твою сделает бессмертной и назначит тебе приданое в книгах вечной жизни.

Слыша такие слова святого юноши, Дария умилилась и сказала:

– Не плотская какая-либо похоть привела меня к тебе сюда в этом богатом наряде, но любовь к тебе и слёзы и просьбы родителя твоего, чтобы я привела тебя к служению нашим богам.

Святой Хрисанф ответил на это:

– Если имеешь на сие какие-либо доводы и ясные указания, посредством коих ты могла бы доказать истинность приносимой вами службы богам, то я послушаю тебя и изменю мои мысли. Для общей нашей пользы побеседуем об этом.

– Нет ничего полезнее и потребнее для людей, – сказала Дария, – как почитать богов и наблюдать внимательно, чтобы не разгневать их, но следует угождать им жертвами, дабы они были нам хранителями.

– О мудрая дева! – ответил ей святой. – Как могут быть нашими хранителями те боги, которые сами требуют охранения себя, и их охраняют ночью привязанные к ним псы, чтобы они не были украдены ворами? Для этого они и прибиваются железными гвоздями и припаиваются оловом, чтобы, быв кем-либо опрокинуты, не упали на землю и не разбились.

– Если бы невежественный народ мог почитать богов без изваянных кумиров, – сказала Дария, – то не следовало бы их изваивать и поставлять. Отливаются же они из золота, серебра и меди и делаются из мрамора и дерева, чтобы люди, видя их очами, знали, кого им надо представлять в уме, почитать и бояться.

– Рассмотрим и рассудим, – ответил святой Хрисанф, – кого изображают сделанные идолы и достойны ли Божественной чести те, идолы которых поставляются? Не может быть назван Богом тот, кто не имеет всей святости и праведности и Божественной славы. Какую же имеет святость и праведность и Божественную славу ваш серпоносец Крон, который поедал своих же детей, как о том писали его же почитатели[2028]? Или что ты найдешь достойного похвалы и в самом Зевсе[2029], который сколько дней прожил, столько и беззаконий, прелюбодейств и убийств совершил: гонитель своего отца, губитель своих детей, прелюбодействовавший с чужими женами, бывший мужем своей сестры, мучитель царства, изобретатель волшебства, посредник смертей и виновный в стольких беззакониях и сквернах, о которых и слышать невозможно, – настолько были бесстыдны и нечисты дела его. Неужели ты веруешь, что такой нечестивый человек может быть богом? А что он был именно таков, то об этом свидетельствуют ваши же писатели, которые писали, что нечестивые люди богами называли храбрых на войне царей, в свое время умерших. Скажи мне, какая была добродетель в вашем боге Зевсе, который до самой смерти своей был врагом всякой чистоты и честности, ибо и сам через похищение отрока

Ганимида[2030] осквернил воздух, а также и землю осквернил, насиловав сестер своих. И в Эрмее[2031] вашем что находишь Божественного, голова которого подобна некоему крылатому чудовищу. Он посредством волшебства находил скрытое в земле золото, колдовством же и жезлом волшебным обезвреживал яд змеиный; делал же он это при помощи бесов, которым он ежедневно приносил в жертву кабана или петуха. Какая же была святость и в Геркулесе[2032], который утомился, убивая своих соседей и сам – по Божию мановению – ввергся в огонь и сгорел, окаянный, вместе с палкой, которую носил, и с кожею? Что доброго найдешь и в Аполлоне[2033], или в тайных жертвоприношениях Бахуса[2034], в пьянствах и невоздержании? Вспомним и богиню Иру, сестру и жену Зевса, безумную Палладу[2035], бесстыдную Венеру[2036], ссорящихся между собою, ревнующих одну к другой, гневающихся одна на другую, спорящих каждая о своей красоте и требующих суда пастушьего. Всех этих, не имевших ни Божественности, ни святости и праведности, кто сочтет достойными Божественной чести? А о прочих меньших богах и говорить не подобает, ибо главные боги как голова, за которой должны последовать прочие члены. И который из них должен быть почитаем за бога или богиню, когда Крон, Зевс и Венера, которые считаются нечестивыми людьми за больших из богов, не суть на самом деле боги? Итак, если ваши боги презренны и суетны, то тем более достойны презрения те, кто почитает их за богов.

Дария, внимательно выслушав слова Хрисанфа, сказала:

– Если сказания наших поэтов безрассудны, то обратимся к философам, которые поучают отрекаться от всякого злонравия и держаться добродетели. Они, рассказывая в своих сочинениях об образовании мира, объясняют следующим образом имена богов. Под Кроном они разумеют время, всё поедающее и в ничто обращающее, под Зевсом же – зной, под Ирою – воздух, под Афродитою – огонь, под Посейдоном – море, под Церерой – землю, а под другими божескими именами – остальные стихии.

На это Хрисанф сказал:

– Обыкновенно делают подобие того, что не всегда может быть, но что исчезает со временем; земля же всегда существует,

а равно и море и огонь всегда существуют и всеми наблюдаются, также и воздух. И зачем узаконено эти стихии почитать как богов в идолах, имеющих подобие людей, и сотворенных руками человеческими – я не знаю и не понимаю? И зачем символы стихий вы почитаете в человекоподобных изваяниях, а не почитаете самые те стихии? Почему вы не поклоняетесь земле, воздуху и морю? Найдется ли такой князь или царь, который бы велел себя презирать, а подобию его, сделанному кем-либо, поклоняться? А так как нет такого царя или князя, то следует сказать, поистине, что вы под теми образами изображаете не стихии и не богов, но смертных людей.

Дария сказала:

– Твои доказательства, Хрисанф, подтверждают мою мысль: изваянных идолов почитают люди простые, невежды, мы же почитаем те самые вещи, изображения которых поставлены.

– Если ты свое учение хочешь утверждать нашими доказательствами, – сказал на это Хрисанф, – то приведем в пример всех людей, почитающих стихии: если они почитают землю, то пусть почитают ее достойно, как свою богиню, а бесчестие не должны ей наносить, пусть не пашут ее, не копают и не обрабатывают ее другим каким-либо образом; пусть земля будет свободна от возделывания и обработки. Кто же не исповедует землю богиней, тот – если он земледелец – пусть возделывает ее плугом и заступом, не воздавая ей никакой Божественной чести. И посмотри, у кого плодоноснее поле и сады? Кто не возделывает земли и не копает её и почитает ее как богиню? Или кто без всякого почитания возделывает ее и обрабатывает? Если же земля поистине – как вы говорите – есть богиня, то она должна вам, как поклонникам своим, подавать всякие плоды без вашего труда, не будучи вспахиваема, обрабатываема и засеваема. Также, если море есть бог, то плавай по нему без весла, пусть оно доставит тебя, куда ты хочешь; точно так же, если ты желаешь иметь рыб, то не лови их и не трудись, но поклоняйся морю, как богу, и молитвою испрашивай их у него. И об остальных стихиях ты должна

разуметь, что они не знают своих поклонников, ибо не имеют ни души, ни разума, но по Божию повелению служат для нужд человека; и земля по повелению Создателя своего, будучи напояема и лучами солнечными согреваема, прозябает семена, произрастает насаждение и в свое время дает плоды. Поэтому подобает почитать Единого Бога Творца, все это создавшего, устроившего и подавшего нам для жизни, а не те сотворенные им стихии. Ведь и учащиеся в школах дети воздают честь не книжкам, дощечкам и хартиям, но учителям своим; точно так же и больной, будучи вылечен и сделан здоровым, воздает благодарность за свое исцеление не лекарству, но врачу, который сделал его здоровым. После того как Хрисанф сказал это и многое другое, Дария уверовала во Единого Истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, и тогда они оба согласились с Хрисанфом жить в безбрачии, под видом супружества, сохраняя в непорочности свое девство и пребывая в страхе Господнем. С этого времени Полемий, отец Хрисанфа, предоставил ему полную свободу ради мнимого его супружества, ибо он был очень рад женитьбе сына, так как не знал сохраняемой между новобрачными тайны. Точно так же он предоставил сыну в его владение всё свое имущество, как своему единственному наследнику. В скором времени Полемий умер, ибо Бог так устроил, чтобы святая двоица – Хрисанф и Дария, проводящие в девстве свое супружество, могли свободнее Ему служить.

Когда таким образом Хрисанф стал вполне свободен в своей жизни, то он крестил свою супругу, деву Дарию, и она вскоре изучила всё Божественное Писание и все книги христианские, – и стала святою по своей жизни и совершенной рабой и невестой Христовой. И не только о своем спасении заботились Хрисанф и Дария, но и о спасении других, ибо он обращал ко Христу многих мужей, и увещевал юношей к провождению девственного жития, а она уневестила Христу множество жен и дев. И живя каждый в особо устроенных наподобие монастырей домах, они имели каждый свое собрание девственников: Хрисанф – юношей, презревших все

удовольствие сего мира и обещавших чистое житие Богу, а Дария – девиц, уневестившихся Христу.

По прошествии нескольких лет, когда собрания Хрисанфа и Дарии весьма увеличились в Риме, внезапно поднялся мятеж и волнение в городе. Народ, пришедши к епарху[2037] Келерину, клеветал на святых Хрисанфа и Дарию. Мужья кричали:

– Мы потеряли жен наших!

А юноши взывали:

– Мы потеряли из-за Дарии обрученных нам невест!

Также и жены кричали:

– Мы лишились наших мужей!

Девицы же взывали:

– Мы лишились обрученных нам женихов из-за Хрисанфа!

Весь же народ взывал, говоря:

– Как будут рождаться дети, если отвергается супружество? Прекратится род человеческий, если, следуя учению Хрисанфа и Дарии и волшебной их хитрости, мужчины будут удаляться от женщин.

Тогда епарх повелел взять Хрисанфа и Дарию и предать их различным мучениям, если они не принесут богам жертвы. Хрисанфа он отдал некоему трибуну[2038], по имени Клавдию, а трибун передал его своим воинам, сказав им при этом:

– Ведите его за город к капищу Зевса, и если он там не захочет поклониться непобедимому Геркулесу, то мучьте его различно, до тех пор, пока он не покорится и не принесет жертвы.

Воины, взяв Хрисанфа, связали его без милосердия крепкими воловьими жилами и затянули их так сильно, что они касались костей мученика, однако узы эти тотчас разорвались и при этом столь внезапно, что нельзя было и глазом этого усмотреть; всё это сделалось скорее, чем можно было бы произнести слово. Долго трудились воины, связывая Хрисанфа; ничего не достигнув, они пришли в ярость и посадили его в тёмную и смрадную пещеру; наложивши оковы на него и заковавши в железные цепи, они ругались над ним и подвергали его различным укоризнам; но оковы те, как прах, рассыпались.

Кроме этого, они поливали также его различными нечистотами, говоря:

– Твои волшебства и чародеяния не помогут тебе здесь!

Но внезапно смрад от этих нечистот превратился в благовоние. Вслед за этим воины закололи телёнка, содрали с него кожу и этой еще сырой кожей обернули мученика по голому телу и поставили его на солнечный зной; но и от этого мучения святой не испытал никакого зла. После этого его снова заковали в железные вериги и ввергли в темницу, но и вериги те внезапно сломались, а в темнице воссиял свет, как бы от многих горящих свечей. Обо всем происшедшем воины рассказали своему трибуну Клавдию. Клавдий, придя к темнице и увидев там свет, повелел привести к себе святого мученика Хрисанфа и сказал ему:

– Какою волшебною силою ты производишь такие чудеса? Многих волхвов и чародеев я усмирил и не нашел в них такой силы. А так как я вижу, что ты муж славный и мудрый, то я ничего иного от тебя не требую, как только того, чтобы ты оставил дерзновенное христианское учение, из-за которого происходят в римском народе смуты и волнение; итак, поступи как приличествует твоему происхождению и принеси всемогущим богам достойные жертвы.

Святой Хрисанф ответил ему:

– Если бы в тебе была хотя малая искра премудрости, то ты легко познал бы, что не волшебная хитрость, но Божественная сила помогает мне и укрепляет меня. Но ты смотришь на меня одинаково, как и на твоих богов, – очами, помраченными неразумием.

Ибо если бы глаза твои смотрели правильно, то ты увидел бы, что твои боги не видят; и если бы твои уши услышали истину, то ты узнал бы, что твои боги не слышат голоса взывающих к ним; и если бы ты обладал здравым разумом, то ты уразумел бы, что твои боги ничего внутри себя не имеют, кроме праха, персти и олова.

Тогда Клавдий трибун повелел привязать мученика к дереву и бить его суковатой палкой; но в руках бивших мученика палки были твёрды и тяжелы, а на теле святого мягки, как прутья;

видя это, трибун повелел прекратить бить Хрисанфа и, отвязав от дерева, надел на него одежды его и, обратившись к воинам, сказал:

– Поистине, здесь действует не человеческая какая-либо волшебная хитрость, но Сама Божественная сила. Ибо и крепкие узы от воловьих жил сами распались, и сломились оковы, а дерево на ногах его сделалось как пыль; и сырая кожа, надетая на нем, будучи весь день на солнце, не высохла, и тяжкие оковы разрешились невидимой силой и сломались, и мрачная темница осветилась великим светом, и палка тяжелая, прикасаясь к его телу, делается мягкою, как прут. Итак, видя в нем явно действующую Божественную силу, припадем все к ногам сего человека Божия и испросим прощение во всех злобах и мучениях, нанесенных ему нами. Будем умолять его, чтобы он примирил нас со своим всесильным Богом, Который творит такие чудеса, Который делает Своих рабов столь сильными и непобедимыми во всяких напастях, – как мы и сами видим: ибо вот этот страдалец, раб Его, как нас победил, так победит и наших князей и царей и посрамит непреодолимою в нем силою небесного Бога.

Сказав это, Клавдий со всеми воинами припал к ногам святого Хрисанфа и сказал:

– «Поистине мы познали, что твой Бог есть истинный Бог; поэтому мы умоляем тебя, чтобы ты обратил нас к Нему и сделал нас рабами Его».

Святой же сказал им на это:

– Если вы хотите прийти к моему Богу, то не ногами, а сердцем приходите к Нему, ибо Бог бывает близок к тому, кто ищет Его сердцем и верою.

И долго затем святой Хрисанф беседовал с ними об истинном Боге; после этой беседы трибун Клавдий и жена его Илария и два сына его – Иасон и Мавр – уверовали в Бога; уверовали также и все сродники, друзья и весь дом их; уверовали и все воины со всеми домашними своими, – и все вместе приняли святое крещение. И все они поучались непрестанно у Хрисанфа, слушая усердно его речи о Господе Иисусе Христе, и все за Него желали пострадать.

В то время в Риме царствовал Нумериан[2039]. Когда до него дошел слух об обращении ко Христу трибуна Клавдия и его крещении со всем своим семейством и с воинами, то он повелел утопить в море Клавдия, привязавши ему на шею камень; а всех воинов и обоих сыновей Клавдия повелел усекнуть мечом. На месте кончины святых Христовых мучеников находилась заброшенная пещера, где прежде погребали умерших; очистив эту пещеру, христиане взяли ночью тела святых мучеников и положили в той пещере. К этой пещере, к мощам святых мучеников часто приходила жена Клавдиева Илария и молилась там на месте усечения своих сыновей. Однажды, когда она молилась на том месте, то была захвачена язычниками, которые повлекли и ее на истязание. Она же умоляла их, говоря:

– Оставьте меня докончить мою молитву, а потом ведите, куда знаете.

Когда воины затем немного освободили Иларию, она преклонила колена на землю, воздела руки горе[2040], глаза возвела на небо и сказала:

– Владыка, Господи Иисусе Христе, Которого я исповедую от всего сердца моего! Всели меня вместе с сыновьями моими, которых Ты позвал на страдальческий подвиг за Тебя, и они положили свои души за Тебя, своего Господа.

Так помолившись, она предала дух свой Богу. Воины, взявшие Иларию, видя, что она умерла, умилились сердцем и, оставив около неё двух её рабынь, бывших с нею, ушли. Рабыни же, взявши тело своей госпожи, погребли его с честью при той ветхой пещере, в которой были положены святые мученики.

Святых же Хрисанфа и Дарию Нумериан царь повелел предать различным мукам. И вот Хрисанфа заключили в оковы и бросили в глубокую смрадную яму, куда стекали все нечистоты из города, а Дарию отвели в блудилище. Бог же помогал обоим мученикам, являя в них Свою всемогущественную силу, ибо Хрисанфу святому в его мрачной и смрадной темнице воссиял свет небесный и вместо смрада было благоухание великое; а к святой Дарии послан был лев,

который, выбежав из своего заключения, пришел к её комнате, где святая, распростершись ниц[2041], молилась, – и стал стеречь ее. А граждане, не зная об этом, послали некоего бесстыдного юношу к Дарии с тем, чтобы он осквернил ее. Когда же он вошел в комнату к святой, то его тотчас же схватил лев и, повалив, стал топтать ногами; и смотря на святую Дарию, как бы некий разумный раб, он ждал повеления госпожи своей, что она велит сделать с тем бесстыдным юношей: убить ли его, или отпустить живым. Святая же Дария, поняв это, сказала льву:

– Заклинаю тебя Сыном Божиим, оставь сего юношу, чтобы он мог услышать от меня слово Божие.

Лев, оставив юношу, вышел вон и лёг при дверях, не допуская никого к комнате святой Дарии. И сказала Дария тому юноше:

– Вот, львиная ярость при одном имени Христа укротилась, и зверь, как смысленный человек, знает истинного Бога, боится Его и почитает. Ты же, нечестивец, будучи смысленным человеком, не боишься Бога, пребывая в таких злобах и сквернах. И чего тебе следовало стыдиться и в чем каяться, ты тем хвалишься.

Юноша упал перед Дарией и начал кричать, говоря:

– Повели мне, раба Христова, уйти отсюда без вреда, – и я всем поведаю, что Христос, Которому ты служишь, есть истинный Бог и нет другого, кроме Него.

И велела Дария льву дать юноше свободный выход из её комнаты. И пошел юноша по всему городу, громко взывая:

– Знайте, все римляне, что Дария – богиня!

И вот к дому Дарии прибежали цирковые борцы[2042] и со свойственною им смелостью хотели вывести льва из комнаты Дарии. Лев же, укрепляемый Богом, схватывая каждого из них, ударял о землю и, уложив их всех около святой Дарии, сторожил их около её ног, не убивая их и не принося им никакого вреда, но ждал повеления Дарии. И сказала святая тем мужам:

– Если вы уверуете во Христа, то можете уйти отсюда без всякого вреда; если же не уверуете, то пусть избавят вас от смерти ваши боги.

Они же все единогласно воскликнули:

– Кто не верует, что Христос есть истинный Бог, тот да не выйдет живым отсюда!

Когда они так воззвали, то Дария повелела льву отпустить тех мужей без всякого вреда. И они, выйдя оттуда, громким голосом взывали:

– Веруйте, народы римские, что нет иного бога, кроме Христа, проповедуемого Дарией!

Когда узнал об этом епарх Келерин, то велел развести сильный огонь у дверей того дома, где находилась Дария со львом, и сжечь их. Увидя это, лев от страха поднял сильный рёв. Святая же сказала ему:

– Не бойся: ты не будешь ни сожжен, ни взят кем-либо, ни убит, но умрешь своею смертью в известное время; поэтому выйди отсюда без всякого страха и иди в пустыню. Тот, Которого ты почтил во мне, защитит тебя.

И лев, наклонив голову, вышел и, пройдя через весь город, никого не тронул, но убежал в пустыню; все же избавившиеся ото льва приняли святое крещение.

Когда обо всем этом возвестили царю Нумериану, то он повелел Хрисанфа и Дарию предать лютым мучениям. Хрисанфа повесили на дереве и принесли зажженные свечи, чтобы опалять его тело, но тотчас же и дерево сломалось, и веревки оборвались, и свечи потухли. Кто же хотел прикоснуться к святой Дарии, у тех тотчас корчились руки, всё их тело терзалось, и они сильно кричали от сильной боли. Видя это, епарх устрашился и поспешил возвестить обо всем этом царю. Тот же, приписав эти чудеса не силе Божией, но волшебной хитрости, повелел обоих мучеников – Хрисанфа и Дарию вывести за город и на дороге, называемой «Саларие»[2043], выкопать глубокий ров, ввергнуть туда их и засыпать заживо камнями и землей. Туда и были приведены святые мученики Хрисанф и Дария, и они с пением и молитвой сошли в ров и приняли вместе мученическую кончину, будучи засыпаны, по повелению мучителя, землёю и камнями. И таким образом, как при жизни имели общее духовное супружество, так и скончались оба вместе, будучи приняты Богом, как жертва

живая и благоугодная, и получили венцы бессмертного воздаяния[2044].

На месте же кончины святых мучеников Хрисанфа и Дарии, после того как там совершилось много чудес и исцелений, множество христиан – мужей, жен и детей, собравшись в близ расположенной пещере, радостно праздновали день мученической их памяти и причащались Божественных Таинств. Об этом узнал мучитель и повелел завалить землею вход в ту пещеру, где и скончались мученически множество христиан, между которыми были: Диодор пресвитер и Мариан диакон и многие клирики, – и нет возможности перечислить имена всех скончавшихся там, ибо их весьма много.

Обо всем этом я, Уарин, и Армений – братья написали по повелению святейшего папы Римского Стефана и послали во все города, чтобы знали все, что святые Хрисанф и Дария в Небесном Царстве приняли мученические венцы от Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава ныне и всегда и во все веки. Аминь.

Память святого мученика Панхария

Память 19 марта

В царствование Диоклетиана и Максимиана[2045] из коих последний проживал в Древнем Риме, в Римской империи было распространено почитание различных богов, а у исповедников Христа не только отнимали имущество, но и подвергали их различным мучениям. В это время в Риме проживал некий муж, по имени Панхарий. Он был родом из страны Узов[2046], из города Вилапата, происходил от христианских предков и отличался высоким ростом и красотою. Пришедши в Рим, он приблизился к Максимиану и достиг того, что занял первое место между его приближенными и пользовался особенною его любовью. Чтобы сохранить за собою эту любовь, он отрёкся от веры во Христа. Из любви к нему Максимиан поручил ему принимать яства и всякие другие приносимые в виде подати дары, одни – по заведённому обычаю, а другие – пользуясь властью, и составлять себе таким образом состояние для услаждения зрения и доставления удобств жизни в будущем. Панхарий так и поступал и во всем разделял мнение императора. Между тем мать и сестра его, узнав обо всем этом, прислали ему письмо, в котором убеждали его прежде всего привести себе на память страх Божий, а потом вспомнить и о Страшном будущем Суде Христовом, так как многие, услышав о нем, смело заявляли пред царями и правителями о своем желании унаследовать то обещание, о котором узнавали из евангельского повествования о нем. Далее, они советовали ему подумать еще и о том, какому страшному осуждению подвержен будет на этом Суде тот, кто отречется от веры в Божество Христа (Мф.10:33; Мк.8:38; Лк.9:26) и, наконец, напоминали ему слова Христовы, говорящие о том, что если бы человек стал обладателем и целого мира, а душе своей повредил, то какое он сделал бы себе этим приобретение, ибо если кто повредит душе своей, то чем искупит ее (Мк.8:36–37)? Получив такое письмо и прочитав его, Панхарий, пришедши в себя, горько заплакал и, пав на землю, в сердечной скорби стал взывать:

– Господи Вседержитель! Помилуй меня и не посрами раба Твоего пред Ангелами и человеками на Суде Твоем, но пощади меня по великой милости Твоей.

Некоторые из придворных, увидев Панхария плачущим и произносящим такие слова, сообщили об этом Максимиану, и когда Панхарий пришел к нему, то он спросил его:

– Любезнейший Панхарий, скажи мне, неужели и ты назарянин[2047]?

– Да, царь, – ответил Панхарий, – я – назарянин и был им и прежде, еще до того, как стал твоим единомышленником.

– Откажись, – сказал ему на это Максимиан, – от такого признания ради той любви, которую я питаю к тебе, в противном случае я не дам тебе пощады, – пусть это будет известно тебе, – и скоро не предам тебя смерти, но ты умрешь только после того как я истомлю тебя многими, разнообразными мучениями.

На это Панхарий ответил:

– О царь! Я прихожу в ужас, вспоминая свое прошлое, и боюсь, чтобы огонь, сшедши с неба, не сжег меня уже за то, что я был до этих пор твоим единомышленником. Но с этого часа я уже никогда не отрекусь от Господа моего Иисуса Христа, ни теперь, ни в течение того долгого времени, когда ты, как сказал мне, подвергнешь многоразличным мучениям тело мое.

Выслушав от Панхария такой ответ, Максимилиан велел раздеть его и на глазах всех собравшихся и предстоявших царских сановников бить его по голому телу ремнями из воловьей кожи. После этого, обратившись к предстоящим, сказал им:

– Теперь вы узнали, что Панхарий, сакелларий[2048] двора моего и мой близкий друг, впал в галилейскую[2049] веру; скажите же, как мне поступить с ним.

На это сановники царские сказали императору:

– О царь! Повели отвести его на место народных зрелищ[2050] и там раздеть его и предать публичному избиению, а потом пошли его к правителю Никомидии. Пусть он подвергнет его мучениям, чтобы и нам не стать виновниками в его смерти, так как он пользуется твоею великою любовью.

Такой совет понравился Максимиану, так как он действительно сильно любил Панхария и не находил в себе сил предать его смерти. Поэтому он повелел отвести его на место зрелищ и на глазах народа подвергнуть его жестокому избиению, а потом отдал его воинам для препровождения в Никомидию и послал с ними никомидийскому градоначальнику письмо, в котором повелел после многих мучений предать Панхария смерти. Когда святой мученик прибыл в Никомидию и приведен был к правителю города на допрос, то сказал ему:

– Всё то, что повелевает тебе относительно меня император, ты исполни совершенно точно.

Тогда правитель города спросил его:

– Как твое имя?

– Имя мое, – отвечал святой мученик, – Панхарий. От предков моих я был христианином, но по злой воле своей уклонился к нечестивой вере императора и был во всем единомышленником. Бог же, а также мать и сестра моя направили меня на истинный путь, и я возвратился к вере во Христа моего, а теперь я горю желанием умереть за Него, чтобы смертью заплатить за мое отречение, которое я так преступно совершил.

На это правитель города сказал Панхарию:

– Откажись от своих слов, которые ты так необдуманно произносишь, подвергая себя страшным бедствиям, но лучше исполни волю императора и, будучи таким видным и красивым, не губи славной памяти о себе на земле.

– Слава, о которой ты говоришь, – ответил святой, – временна, но является средством к получению жизни вечной для тех, кто отказывается от нее ради Христа.

После этого правитель города, видя непреклонность святого, постановил требуемый императором приговор. Святой мученик Христов Панхарий помолился, после чего был обезглавлен, приняв мученическую кончину. Это произошло в девятнадцатый день марта месяца в городе Никомидии[2051].

Страдание преподобных отцов наших Иоанна, Сергия и Патрикия

Память 20 марта

Во дни святейшего патриарха Иерусалимского Илии, который был вторым патриархом того же имени во святом городе Иерусалиме, уже находившемся тогда во власти агарян (а в Царьграде в то время царствовали Константин и Ирина), возникло у агарян междоусобие, сильно разорявшее страну: варвары, воюя между собою, опустошали не только села, но и города, как Елевферополь, Аскалон, Газу, Скарифию и другие. Нападая врасплох, они, если и не убивали всех людей, однако грабили всё имущество и умерщвляли тех, кто им сопротивлялся; устраивая засады по дорогам, они схватывали прохожих, били, ранили их и грабили у них всё до последней рубашки; хорошо еще было, если отпускали живым раздетого, избитого и израненного путника. Тогда и святой город Иерусалим находился в большом страхе; туда стекались жители окрестных городов и сел; они охраняли стены и готовились отразить разбойнические набеги варваров.

В то время и славная обитель святого Харитона была так сильно разорена, что потом уже не могла оправиться, но пришла в окончательное запустение; и лавра преподобного Саввы также претерпела много горя; в нее из разных мест собрались святые отцы и при игумене Василии преподобном угождали Богу постническим житием.

Во время агарянского междоусобия и разбойнических нападений они не выходили никуда из своей обители. Хотя они и могли бы, оставив лавру, спастись от варваров в Иерусалим, но не хотели покинуть того святого места, где первоначально приняли на себя иго Христово; раз умерев для мира, они не страшились смерти, но, положившись на Христа, говорили:

– Владыка наш, если захочет, может спасти нас от рук варварских, – если же будет угодно Его праведной воле отдать нас варварам на убиение, то пусть Господь поскорее пошлет нам мучение, полезное для души. Примем, – говорили они друг

другу, – полезное от руки Владыки нашего, не возвратимся от страха из безмолвной пустыни в суету мирскую, чтобы не осудили нас все как робких, не соблюдающих повелений Господа нашего, говорящего: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф.10:28). Хорошо видеть удаляющихся от мира в пустыню и идущих по Христовым стопам; но как плохо видеть, если они, немного пожив в пустыне, бегут оттуда из страха перед людьми и возвращаются в мир; пусть не посмеется над нами общий всех враг диавол, боязнью варваров изгоняющий нас из безмолвной пустыни в город; он много раз был побеждаем нами с помощью Христа, Царя нашего, и бежал от нас как пёс, позорно прогнанный. Нам не надо каменных стен для защиты: вместо стены необоримой – защитник наш Христос, Которому мы у святого Давида научились петь: «Будь мне каменною твердынею, домом прибежища, чтобы спасти меня» (Псал. 30:3).

Не имеем мы броней и шлемов, не имеем щитов, чтобы отразить вражеские стрелы, но у нас есть духовное оружие любви, броня надежды, «щит веры и шлем спасения» (Ефес. 6:16), которыми вооружимся. Нет у нас полков воинских, которые защищали бы нас от врагов, но «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет» (Пс.33:8) нас; «…ибо для" нас «жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп.1:21). Ведь не любовь и пристрастие к временной жизни убедило нас войти в эту пустыню! Зачем мы поселились в этом пустынном месте? Разве не из любви ко Христу? Если мы здесь будем убиты, то будем убиты за Христа, ради Которого живем здесь.

Такими словами они утешали и ободряли друг друга и, поручив свои тела и души Богу, оставались в лавре. Еще и другая весьма уважительная причина удерживала их: жившие вокруг их соседи питали вражду к тому святому месту и ничего так не хотели, как видеть лавру святого Саввы разоренной, место это пустым, не населенным монахами; если бы братия покинула на некоторое время лавру, то враги тотчас бы пришли, сожгли церковь и кельи и сравняли бы всю обитель с землею.

Чтобы этого не случилось, святые отцы и остались в лавре. И не были они словно трость, ветром колеблемая, но как столпы, основанные на камне, непоколебимые от ветра и бурь находивших искушений; не только ради обороны стен они не выходили из лавры, но более того, ради славы Христа Господа, прославленного некогда и прославляемого и во дни их на том месте.

Так продолжали жить те святые отцы в лавре, и Вышний Защитник по молитве преподобного отца нашего Саввы соблюдал их невредимыми от варваров, пока не пришел час Его святой воли. Действительно, хотя варварские полчища, идя из Аравии или откуда-либо еще мимо того пустынного места к своему стану, много раз поворачивали к обители, но не причиняли никакого зла, а только требовали пищи; яростно смотрели они на иноков, скрежеща зубами, но против воли Божией не могли сделать зла Божиим рабам, и, взяв пищу, сколько ее могло найтись в обители, они уходили в свои места, а вместо благодарности хвалились когда-нибудь разорить лавру и опустошить эту местность.

Однажды какое-то варварское полчище, желая привести в исполнение задуманное ими злое дело, пошло было к лавре, чтобы разграбить и разорить обитель; но случайно близ святого Вифлеема встретилось оно с войском, которое было поставлено там на случай варварского прохода; произошла битва, варвары были разбиты и обращены в бегство, так что едва кто из них остался жив, как потом узнали. Другой раз другое полчище с тем же злым намерением направилось из своего стана к лавре; но пришедши в какое-то селение, бывшее неподалеку от лавры, варвары нашли много вина, спрятанного под хворостом; они напились, затеяли между собою ссору и многие убили друг друга до смерти; так замысел их разрушился, и полчище разошлось.

После этого соизволил Бог послать искушение на рабов Своих, как некогда на праведного Иова, с тем, чтобы они, как золото, очищенное в горниле, оказались достойными Бога; и попустил Он рукам варварским коснуться Своих угодников, которым предуготовал мученические венцы.

Преподобные, слышав, как из тех двух полчищ, хотевших напасть на лавру, – одно было разбито иерусалимским войском, а другое распалось само собою, сидели без страха в своих кельях, проводя святую Четыредесятницу в обычном посте и труде.

В то время по диавольскому наущению собралось эфиопских варваров до шестидесяти человек с луками, стрелами и мечами; они задумали разбойнически напасть на лавру, надеясь найти у иноков богатое имущество. В конце Великого поста, на неделе перед Вербным воскресением, 13 марта, во втором часу дня, напали варвары на то пустынное место; иноки скорее побежали из пустынных келий в монастырь и церковь, а варвары с обнаженными мечами и натянутыми луками, словно в битве, с криком бросились к монастырю. Некоторые из иноков, желая укротить их ярость, вышли к ним и кротко начали увещевать их добрым словом:

– Зачем вы пришли к нам, безоружным и мирным, словно на битву со врагом, сделавшим вам зло? Мы живем со всеми в мире и ни вам, ни кому другому не делали никогда зла; для того мы и в пустыне этой живем, оставив всё свое в миру, чтобы быть подальше от вражды, раздора и битв, чтобы можно было нам в спокойствии оплакивать свои грехи и угождать Богу; и мы не только никогда никому из вас не делали зла, но, насколько можем, стараемся вам благодетельствовать: многих из ваших, приходивших сюда, мы кормили, покоили и давали им пищи на дорогу. Не платите нам злом за добро; вы скорее должны быть благодарны нам за оказываемые вам благодеяние; и теперь готовы мы дать вам пищи и приютить вас как странников.

Варвары же с яростью кричали:

– Мы не за едой пришли, а за серебром и золотом. Выбирайте одно из двух: или дайте нам золота и серебра (и говорили, сколько литр), и будете живы, или, если не хотите дать, то погибнете от наших рук.

– Поверьте вы, – отвечали отцы, – что мы убогие и нищие, и так бедны, что даже хлеба и одежды не достанет у нас, золота же и серебра, которого вам нужно, нам никогда и во сне не

снилось; мы употребляем только то, что необходимо для прожития.

Разгневались варвары на эти слова святых и пустили стрелы, словно дождь, на иноков, не переставая стрелять, пока не опорожнили своих колчанов; так они тотчас поразили на смерть тринадцать преподобных отцов, других же немного ранили. Бросившись к кельям, они выламывали двери большими каменьями и вытаскивали, что могли из убогого иноческого имущества; потом они зажгли кельи и хотели то же сделать и с церковью, но, по Божию усмотрению, не успели они принести хвороста и развести огонь, как увидели, что вдали идут какие-то люди; подумав, что это идёт иерусалимское войско на защиту иноков, варвары тотчас бросились в бегство, унося с собою награбленное имущество иноков. Отец же Фома, который был искусным врачом, начал вынимать стрелы у раненых братий, омывать их раны и подавать им помощь, какую кому было нужно. Страшные были раны: у кого на груди, у кого на плечах, у кого на лице и лбу, а у некоторых каменьями были разбиты головы, – и все обливались кровью; страшно и жалко было другим смотреть на них.

При наступлении праздника Ваий во время всенощного пения кто-то известил преподобных отцов, что варвары собирают еще большую шайку разбойников, чтобы опять напасть на лавру. И были блаженные отцы в большом страхе и трепете, но не бежали, а готовились к смерти и, положившись на Бога, ожидали конца. С приближением дня Страстей Господних наступил день страданий и для них: двадцатого марта, в Великий четверг, эфиопы в другой раз еще в большем числе напали на лавру и бесчеловечно избивали преподобных различным образом: в кого стреляли стрелами, кому отсекали голову мечом, кого рассекали надвое, кому отрубали руки и ноги, а иных побивали до смерти каменьями. Оставшихся же в живых они собрали в церковь и хотели мучить, чтобы они указали церковные сокровища и монастырское имущество; окружили обитель и смотрели по горам и холмам, чтобы никто из иноков не убежал от рук их: многие бросились бежать, но попадали в руки варваров, и едва ли кто избавился от них. Они

схватили бежавшего блаженного Иоанна, начальника странников, еще юношу, и без милости мучили его на горе: перерезали ему жилы на руках и на ногах и тащили его за ноги по камням с вершины горы до самой церкви, так что вся кожа у него на спине была содрана острыми камнями. Преподобный же Сергий, хранитель церковных сосудов, видя, какие муки терпят отцы, и боясь, как бы, не стерпев мук, не открыть, где скрыл церковные сосуды, тайно бежал из монастыря; он уже был далеко, как его схватили варварские сторожа и потащили насильно в монастырь, а когда он стал сопротивляться, отсекли ему святую главу. Несколько других отцов скрылись от убийц в пещере, бывшей вне монастыря, но их увидал стоявший на холме варварский сторож и, указывая рукою, закричал своим товарищам, что в пещеру убежали иноки; и тотчас страшный эфиоп, с обнаженным мечом, став у входа в пещеру, начал кричать громким голосом, приказывая скрывшимся выйти. Иноки трепетали от страха, а преподобный Патрикий, бывший среди них, говорил шепотом к братии:

– Не бойтесь, я один за вас выйду и умру, вы же сидите и молчите!

Он вышел к эфиопу, готовый положить душу свою за други своя. На строгий вопрос эфиопа, есть ли там другие монахи, преподобный отвечал, что он был там один; тогда эфиоп повел его к церкви. Собрав отовсюду святых отцов в церковь, варвары сказали им:

– Выкупите себя и церковь вашу за четыре тысячи златниц, если же нет, то мы тотчас убьем всех вас мечом и церковь вашу сожжем.

Святые же отцы кротко отвечали:

– Простите ради Бога, не проливайте понапрасну неповинной нашей крови, у нас нет столько золота, сколько вы просите, и никогда не было; ни одного златника нет теперь во всей нашей лавре; если хотите, возьмите одежды, которые вы видите на нас, возьмите всё, что вы видите и найдёте, оставьте нас нагими, но только пощадите нашу жизнь.

Варвары же, полные ярости, еще с большим криком приставляли мечи к шеям святых, как бы желая уже отсечь

головы, и говорили:

– Дайте нам сосуды церковные, золотые и серебряные, и укажите нам прочие монастырские сокровища.

Святые же отцы говорили, что нет у них никакого сокровища. И сказали варвары:

– Укажите нам ваших начальников, кто у вас игумен и прочие строители?

Отвечали преподобные:

– Отца нашего игумена нет в лавре, он по общему делу ушел в святой город, мы же все равны.

Была в обители пещера преподобного отца нашего Саввы; взяв всех святых отцов, варвары повели их в ту пещеру, а при входе в нее развели огонь и наложили туда хворосту и навозу; повалил дым и смрад, и тем дымом морили они преподобных в пещере, чтобы они указали им церковные сокровища и выдали начальников. Потом повели их на пытку и принуждали их лютой смертью открыть им сокровища, но ничего не слыхали от них, кроме молитв к Богу. Один взывал:

– Господи, приими дух мой!

А другой говорил:

– Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!

Потом, собрав всех в ту же пещеру, варвары опять стали морить их лютым дымом; и умерли от дыма восемнадцать преподобных отцов, в числе которых были вышеупомянутый Иоанн и Патрикий блаженный; имена же прочих, умерших от дыма, меча или мучений, знает один Бог, записавший их в книгу живота. Оставшихся в живых от этого мучения дымом жестокие и бесчеловечные варвары тяжело изранили и избили, бросая их на землю и топча ногами. Ничего не достигнув, но только сами уставши мучить, они взяли все, какие только могли найти, церковные и лаврские вещи и, навьючив их на монастырских верблюдов, ушли.

Тогда братия, оставшиеся едва живы, и другие, которые укрылись в горных расселинах и пещерах, сошлись поздно в обитель, тела преподобных отцов, убитых различным образом и уморенных дымом, собрали в церковь (которая спасена была Богом от сожжения) и провели всю ту ночь спасительной

страсти[2052], в неутешном рыдании, после чего предали тела честному погребению. А тех, которые были найдены полумертвыми, израненными, братия старались лечить с вышеупомянутым врачом Фомою, который остался в живых и впоследствии был игуменом так называемой старой лавры.

Так страдальчески скончались преподобные отцы в обители преподобного Саввы; а те варвары тотчас после ухода своего из лавры были поражены от Бога внезапной смертью и пали мёртвыми без меча в пустынях и на полях на съедение псам, диким зверям и птицам; души же их окаянные пошли в ад, где огонь на них не угасает и червь не усыпает, а души убитых преподобных отцов оказались в руке Божией и сподобились мученической славы от Христа Бога и Спаса нашего, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки, аминь.

Страдание святой мученицы Фотины[2053]

Память 20 марта

В царствование римского императора Нерона[2054] воздвигнуто было на христиан жестокое гонение, и после мученической кончины святых первоверховных Апостолов Петра и Павла разыскивали тех, кто научен был ими вере во Христа. В это время святая Фотина, проживая в африканском городе Карфагене[2055], вместе с сыном своим Иосиею безбоязненно проповедовала Евангелие Христово. Между тем старший сын Фотины, по имени Виктор, мужественно подвизался на войне, которую в то время варвары вели с римлянами, и по окончании войны повелением императора назначен был начальником над войсками в город Атталию[2056] с тем, чтобы подвергать мучениям находившихся там христиан. Когда правитель города, Севастиан, узнал об этом, то сказал Виктору:

– Воевода, я достоверно знаю, что ты христианин и что мать твоя с братом твоим Иосиею – последователи Петра, а поэтому и того, что повелел тебе император, ты не исполнишь из боязни погубить душу свою.

– Я горю желанием исполнять волю небесного и бессмертного Царя, Христа, Бога нашего, – отвечал на это Виктор, – а повелением Нерона о том, чтобы предавать мучениям христиан, я пренебрегаю.

Тогда Севастиан, сказал Виктору:

– Как искреннему другу, советую тебе: подчинись воле императора. Ведь если ты станешь с должным усердием исполнять царское повеление и христиан, которых тебе удастся разыскать, будешь подвергать судебному допросу и мучениям, то и императору угодное сделаешь, и себе приобретешь принадлежащие им имущества, а матери и брату твоему сообщи от себя письмом, чтобы они не шли так открыто и не склоняли этим язычников к отречению от отеческих верований, но пусть тайно исповедуют веру во Христа, Бога вашего, если желают, чтобы и ты из-за них не подвергся вместе с ними одинаковым мучениям.

– Никогда я этого не сделаю, – отвечал Виктор, – и не только не сделаю, но даже подумать не хочу о том, чтобы подвергать христиан мучениям или насильно взять что-либо от них или советовать матери и брату моему не проповедовать о том, что Христос есть истинный Бог, но я и сам всею душою хочу быть проповедником Христа, и буду им так же, как и они.

На это Севастиан сказал ему:

– О Виктор! Все мы хорошо знаем, какие бедствия ожидают тебя, мать и брата твоего.

После этих слов лицо Севастиана вдруг разгорелось, и он упал на землю от острой и жестокой боли в глазах своих, причем совершенно потерял способность говорить. Бывшие при этом слуги, подхватив его, положили на ложе, и он пролежал три дня, не сказав ни одного слова. По прошествии же трех дней он закричал громким голосом и сказал:

– Один христианский Бог есть Бог истинный, одна христианская вера есть вера истинная и одно есть крещение, – крещение во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Нет другой истинной веры, кроме веры христианской.

Вошедши к Севастиану, Виктор спросил его:

– Отчего так неожиданно произошла в тебе такая перемена?

– Любезнейший Виктор, – отвечал Севастиан, – меня призывает к Себе Христос твой.

Виктор тотчас же наставил его в вере, и он принял святое крещение. Выходя из купели, он внезапно прозрел и прославил Бога. Бывшие при этом слуги, увидев это дивное чудо, устрашились, как бы и им подобно Севастиану не подвергнуться из-за своего неверия такой же болезни, и тоже крестились.

Вскоре после этого до Нерона дошел слух о том, что Виктор, начальник над войсками в Атталии, и правитель этого города, Севастиан, исповедуют веру Петра и Павла и всех привлекают к себе, убеждая следовать их проповеди, а также о том, что то же самое делают и посланные в Карфаген Апостолами мать Виктора Фотина и сын ее Иосия. Узнав об этом, император воспылал гневом и послал в Атталию воинов с тем, чтобы они привели к нему на суд находившихся в этом

городе христиан, мужчин и женщин. В это время атталийским христианам явился Христос и сказал им: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Матф.11:28). Я буду с вами, и Нерон будет побежден, а также и те, кто находятся при нем».

Виктору же Он сказал:

– С этого дня Фотин[2057] будет имя тебе, так как многие, тобою просвещенные, обратятся ко Мне. Укрепил Христос на предстоящие страдания и Севастиана такими словами:

– Блажен тот, кто совершит свой подвиг до конца[2058]. Господь сказал эти слова и взошел на небо.

Святая Фотина также извещена была Христом об ожидающих ее страданиях и немедленно же в сопровождении множества христиан отправилась из Карфагена в Рим. Когда она вошла в Рим, то пришел в движение весь город, и все говорили: «Кто такая?» Она же безбоязненно проповедовала Евангелие Христово. Между тем был приведен в Рим и сын ее Фотин, носивший прежде имя Виктора, вместе с Севастианом и взятыми с ними воинами, но святая Фотина предупредила Виктора, прежде его явившись к Нерону с сыном своим Иосиею и христианами, пришедшими с нею из Карфагена. Нерон спросил святую:

– Для чего вы пришли к нам?

– Для того, – ответила Фотина, – чтобы научить тебя чтить Христа.

В это время бывшие при императоре сказали ему:

– Градоначальник Севастиан и воевода Виктор, которые не веруют в богов, пришли из Атталии.

– Пусть приведут их ко мне, – повелел Нерон. И когда они были приведены, то он спросил их:

– Правда ли то, что я слышал о вас?

– Всё то, что ты слышал о нас, царь, – ответили они, – истинная правда.

Тогда Нерон, обратившись к святым женам, спросил их:

– Согласны ли вы отречься от Христа вашего или желаете умереть за Него?

– О царь! – отвечали святые жены, обратив взоры свои к небу, – никогда не будет того, чтобы мы отреклись от веры во Христа и от той любви, которую имеем к Нему.

– А как ваши имена? – спросил император.

– Я, – отвечала святая Фотина, – от Христа, Бога моего, получила имя Фотины, сёстры же мои называются так: первая, родившаяся после меня, – Анастасией, вторая – Фото, третья – Фотидой, четвертая – Параскевой, а пятая – Кириакией, а имена сыновей моих такие: имя старшего, который Господом моим назван Фотином, – Виктор, младшего же – Иосия.

– Итак, все ли вы, – сказал на это Нерон, – согласны подвергнуться мучениям и умереть за Назорея Христа?

– Все мы, – ответила святая Фотина, – с радостью и веселием готовы умереть за Него и все этого желаем.

Тогда Нерон велел железными молотками раздробить им кисти рук. Принесена была наковальня, и нечестивые мучители, положив на нее руки святых, стали бить по ним. Били они с третьяго часа до шестого[2059], причем три раза сменялись бившие, но святые не ощущали никакой боли. Нерон, узнав об этом, пришел в смущение и повелел совсем отсечь им руки. Мучители с ожесточением схватили тогда святых мучеников, связали им руки и снова положили на наковальню. Прежде других подвергнута была мучению святая Фотина, но мучители, рубившие топорами ей руки, много раз сменялись и, не имея никакого успеха, в изнеможении падали, как мёртвые, а святая мученица, оставаясь по благодати Христовой невредимою, молилась и говорила: «Господь за меня – не устрашусь: что сделает мне человек?» (Псал. 117:6).

После этого Нерон стал уже затрудняться, думая о том, каким еще мучениям подвергнуть святых и, наконец, приказал Севастиана, Фотина и Иосию ослепить и заключить во внутреннее отделение темницы, а святую Фотину с пятью сестрами ее – отвести в золотой свой кувуклий[2060] и велел дочери своей Домнине постоянно находиться при них. Пребывая в императорском кувуклии, святая Фотина наставила в вере Христовой Домнину и сто рабынь ее, и все они приняли святое крещение, а также обратила ко Христу одного волхва,

которой принес однажды для питья ей и ее сестрам настойку ядовитой травы, после чего претерпела множество мучений.

Когда прошло после этого три года, то Нерон приказал однажды освободить бывшего в числе его придворных одного слугу своего, который по его повелению был заключен в темницу, и посланные для этого, увидев в темнице святых мучеников Севастиана, Фотина и Иосию в здоровом состоянии, сообщили императору, что ослеплённые галилеяне видят и совершенно здоровы, что самая темница светла, исполнена обильного благоухания и из места заключения стала местом для прославления Бога и святым домом, что святые располагают в темничном заключении большим богатством, что к ним собирается народ и, уверовав в Бога их, принимает от них крещение. Услышав это, Нерон пришел в ужас и, повелев привести к себе святых мучеников, сказал им:

– Не запретил ли я вам моим царским повелением проповедовать о Христе в городе Риме? Как же вы, находясь в темнице, осмелились это делать? За это я предам вас многим и страшным мучениям.

– Делай с нами всё, что хочешь, – сказали на это святые мученики, – но мы не перестанем проповедовать о Христе, истинном Боге и Творце всего.

От таких слов Нерон пришел в страшный гнев и повелел распять святых вниз головою, а потом в течение трех дней по голому телу бить их ремнями до тех пор, пока, сказал, не распадутся члены их, что и было исполнено. После этого он приказал поставить стражу и наблюдать за тем, чтобы они висели три дня. На четвертый день пришли присланные от него слуги посмотреть, живы ли святые мученики, и, когда увидели, что они висят и еще живы, то немедленно же ослепли. В это время Ангел Божий, сошедши с неба, отвязал святых и, облобызав их, сделал совершенно здоровыми. Тогда святые, сжалившись над ослепленными царскими слугами, помолились, и те тотчас же прозрели. Уверовав, они крестились во имя Христа, Бога нашего, и стали последователями святых. Нечестивый Нерон, узнав об этом, сильно разгневался и приказал содрать кожу со святой Фотины. И в то время, когда

мучители исполняли это царское приказание, святая мученица пела: «Господи! Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали» (Псал. 138:1, 2).

Содрав со святой Фотины кожу, ее бросили в колодец. После этого, схватив Севастиана, Фотина и Иосию, отрезали им подколенные кости и вместе с коленями бросили собакам, а затем содрали с них кожу и по повелению императора бросили их в ветхое каменное строение. Приказав после этого привести к себе пятерых сестер Фотины, Нерон велел отрезать им сосцы, а потом и с них содрать кожу. Когда мучители подошли за этим к святой Фотиде, то она не пожелала, чтобы кто-либо из них совершил над нею это истязание, как над прочими святыми женами, но, став на место мучения, сама мужественно содрала с себя кожу и бросила ее в лицо Нерона, так что он сам изумлён был ее мужеством и терпением. Тогда мучитель придумал для святой Фотиды новое, в высшей степени жестокое и смертельное мучение. По его повелению в его саду склонили друг к другу два дерева и к вершинам их привязали за ноги Фотиду, после чего отпустили деревья, и святая мученица была ими разорвана. Так она и предала Богу свою праведную и блаженную душу. После этого нечестивый Нерон повелел всем прочим святым мученикам мечом отсечь головы, а святую Фотину, вынув из колодца, заключить в темницу, где она и пробыла двадцать дней. Приказав затем привести ее к себе, Нерон спросил ее, не покорится ли она ему теперь и, раскаявшись в своем упорстве, не принесет ли жертвы идолам. Тогда святая Фотина плюнула ему в лицо и, посмеявшись над его безумием и глупым разумом, сказала:

– О нечестивейший слепец, заблуждающийся и безумный человек! Неужели ты считаешь меня столь неразумною, чтобы я согласилась отречься от Владыки моего Христа и принесла жертву подобным тебе слепым идолам!?

Услышав такие слова, Нерон повелел снова бросить святую Фотину в колодец. И когда это было исполнено, то святая мученица предала душу свою Богу и в венце мученическом

вечно радуется в Царстве Небесном вместе со всеми, пострадавшими с нею[2061].

Страдание святых мучениц Александры и Клавдии

Память 20 марта

Сии святые мученицы пострадали в царствование нечестивого Максимиана[2062], который воздвиг на христиан такое жестокое гонение, что верующие во Христа, не исключая никакого возраста, предавались разнообразным мучениям. Так как и правитель города Амиса[2063], где жили эти святые девы, поступал так же, то они были схвачены и приведены к нему. На допросе они объявили себя христианками и самого правителя назвали жестоким и бесчеловечным. Поэтому по повелению последнего их сперва раздели и били палками, потом отрезали им сосцы, после чего, повесив, строгали их по телу до тех пор, пока не обнажились их внутренности, и, наконец, бросили в раскаленную печь, где они и предали души свои в руки Господа[2064].

Память святого Никиты Исповедника

Память 20 марта

Святой Никита был архиепископом города Аполлониады. Он отличался благочестием, милосердием и глубоким знанием Священного Писания. Во время гонения от иконоборцев его тщетно старались принудить не воздавать почитание святым иконам. Он был сослан в заточение, где и окончил свою жизнь в царствование Льва Армянина.

Память преподобного отца нашего Иакова, епископа и исповедника

Память 21 марта

Сведения, которые мы имеем о святом Иакове Исповеднике, очень кратки и неполны.

Мы знаем только, что он, стремясь с самых юных лет к подвижнической жизни, принял монашеский сан и умерщвлял плоть свою постоянным постом и молитвою.

Святой Иаков весьма любил чтение книг Священного Писания, причем перед чтением очищал ум свой молитвою. Впоследствии он был возведен в сан епископа.

В царствование императора-иконоборца Константина Копронима[2065] святой Иаков был принуждаем к отречению от иконопочитания. Но он не покорился нечестивым, за что был подвергнут многим мучениям, – был изгоняем, заточаем, мучим голодом и жаждою, – перенес много и других разных мук, которые изобретали его мучители. Среди своих страданий он и предал свою святую душу Богу, ради Которого он и подвизался; от Него же он и принял Царство Небесное, радуясь вечно на небесах.

Память во святых отца нашего Кирилла, епископа Катанского

Память 21 марта

Святой Кирилл был родом из Антиохии; он был ученик Апостола Петра и им был поставлен епископом Катанским в Сицилии. Хорошо и богоугодно пас он свою паству, приводил неверных к вере Христовой и сотворил много чудес, из которых упомянем одно. В той местности был источник с горькой водой; святитель же Божий Кирилл, помолившись Богу, переменил горечь этого источника на сладость. Увидев это, эллинский начальник, идолопоклонник, уверовал во Христа, а с ним уверовали и многие другие. Достигши глубокой старости, святой Кирилл почил святолепным сном смерти и погребен был с честью на том острове (Сицилии), подавая исцеление прибегающим к нему с верою.

Память во святых отца нашего Фомы, патриарха Константинопольского

Память 21 марта

Святой отец наш Фома за многие добродетели, разум и благочестие преподобным Иоанном постником был поставлен во диаконы Великой Цареградской церкви и в царствование Маврикия[2066] сделан сакелларием[2067]. По смерти же святейшего Иоанна и сменившего его патриарха блаженного Кириака[2068], в царствование мучителя Фоки[2069] был поставлен патриархом святой Фома[2070] и управлял прекрасно своим престолом, заботливо пася словесное Христово стадо. Во дни его патриаршества совершилось следующее чудо в стране Галатийской[2071]. Там в некоторых городах во время крестного хода и литии носили большие кресты, эти кресты сами собою, с дивною и неудержимою силою стали колебаться, ударялись друг о друга и разбивались. Когда слух об этом чуде прошел повсюду, святейший патриарх Цареградский Фома призвал из той страны святого Феодора Сикеота, мужа прозорливого и чудотворца, и расспрашивал его об этом чуде и о том, что бы это чудо предзнаменовало. Святой Феодор рассказал, что чудо действительно было, но что оно означает, отказывался сказать, говоря, что не знает этой неведомой тайны. Тогда святейший патриарх Фома упал ему в ноги с просьбой, и таким смирением своим убедил старца предсказать будущее. После того старец сказал, что кресты сами собой колебались, бились и ломались в знамение многих бед и разорений на Церковь Божию и греческое царство, как от внешних, так и от внутренних врагов: извне будет тяжкое нашествие варваров, а внутри государства между христианами произойдет раскол в вере, и начнут друг друга гнать и истреблять, и всё это случится вскоре. Услышав это, патриарх ужаснулся и попросил преподобного помолиться о нем Богу, чтоб Бог взял его душу от тела раньше, чем случится предсказанное разорение, чтоб не видеть ему таких бед на Церковь. Спустя немного времени, когда еще преподобный Феодор оставался в Царьграде у церкви святого Стефана,

патриарх заболел и послал известить о своей болезни преподобного, затворившегося в келье и постившегося, – и умолить его испросить ему у Бога скорое скончание. Святой отказывался, не хотел, а патриарх блаженный Фома опять послал к нему с усердной просьбой, желая разлучиться с телом до наступления бед на Церковь. Тогда преподобный Феодор, против своего желания, исполнил волю святейшего патриарха Фомы, помолился Богу о смерти его и послал ему сказать:

– Велишь ли мне прийти к тебе или мы там увидимся перед Богом?

Фома святой отвечал ему через посланного: «Не прерывай, отче, своего молчания, довольно мне того, что ты сказал: «там увидимся перед Богом»».

И в тот же день святейший патриарх Фома перед вечером радостно разлучился с телом и отошел к Господу в царствование того же Фоки. По кончине святого Фомы принял престол патриарший Сергий, диакон той же великой церкви, и был сначала правоверен, а после развратился и сделался начальником ереси монофелитской, иначе сказать, единовольнической, несправедливо признающей в Господе Христе одну волю[2072]; тогда наступили беды для Церкви: раскол, разорение, мучение и гонение от еретиков на правоверных; в то же время, попущением Божиим за умножение ересей, началась тяжкая война с персами, пленение и опустошение огнем и мечом греческих областей; был взят персами Иерусалим, и Честное Древо святого Креста было захвачено в плен и унесено в Персию; так сбывались все несчастия, предзнаменованные вышеупомянутым чудом с крестами и предсказанные пророчеством святого Феодора Сикеота; чтоб не видеть этих несчастий своими глазами, святейший патриарх Фома предпочел умереть, чем оставаться в живых, и получил по своей просьбе блаженную кончину раньше наступления этого страшного времени. Он пас Церковь Христову три года и два месяца, много боролся с еретиками, храня православное учение и истинно почитая Христа Бога нашего, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

Страдание святого священномученика Василия, пресвитера Анкирского

Память 22 марта

Святой Василий, пресвитер церкви в Анкире, городе в Галатии, прилежно старался учить людей истине христианской и отвращать их от пути диавольского и от всех его злых дел; он постоянно проповедовал, что наступило страшное время, явились князья адских полчищ; ибо у сатаны есть слуги, одетые в овечьи одежды, а внутри они хищные волки; они являются людям на пути этой кратковременной жизни, чтоб уловлять их души в погибель, и коварные козни их проявляются в настоящее время.

Потому, – говорил святой, – я указываю всем путь, ведущий к спасению Христом Богом, и обличаю заблуждение нечестивых: если кто, оставив живого и вовеки пребывающего Бога, обратится к идолам, слепым, глухим и немым, тот наследует происходящее от богов его пламя неугасимого огня; поэтому мы все любящие Христа и усердно почитающие Его как Вождя нашей веры, желая сохранить в наших неосквернённых душевных хранилищах неотъемлемое сокровище, станем попирать ногами прельщение диавола и идольские веселые праздники, избежим мерзостных врагов, подкрепленные Помощником нашим Христом, подающим вечное возмездие.

Так делал постоянно святой, обходя весь город и убеждая каждого хранить истинную веру и избавиться от будущих вечных мук. Жил же святой Василий пресвитер при патриархе Константинопольском Евдоксии арианине и от него за свое благочестие во время арианского собора в Константинополе получил запрещение священнодействовать; но потом собором двухсот тридцати епископов в Палестине ему было повелено совершать святые таинства. Исповедуя правую веру и живя богоугодно, он разъяснял истины веры и многих отвращал от заблуждения. Поэтому в те времена, когда всякий благочестивый христианин подвергался гонению, его оклеветали перед царем Констанцием, сыном Константина

Великого, будто он смущает народ; будучи мучим за истину, он многих научил правильно веровать, потому что сам был постоянен и тверд в вере и отеческом предании, ничуть не уклоняясь от благочестивого исповедания. Когда вступил на престол Юлиан Отступник[2073] и стал губить души людские, издав безумные законы о скверных идольских жертвах, тогда и в Галатийской стране по его повелению люди кланялись идолам целый год и три месяца. Святой же Василий, видя погибель для душ человеческих, молился Богу о своем городе Анкире, говоря:

– О Спаситель мира, Христе, Свет непомеркающий, сокровище вечных хранилищ, волею Отчею прогоняющий тьму и Его Духом все составляющий! Призри святым и страшным Твоим оком и разрушь скверное волшебство противящихся Твоей святой воле; пусть будет рассеян слабый замысел их и не будет препятствовать душе, вовеки пребывающей в Тебе – Боге!

Идолопоклонники же, услышав, что святой Василий молится так вслух, весьма разгневались на него, и один из них, по имени Макарий, побежал и схватил его со словами:

– Что ты обходишь весь город, смущаешь народ и упраздняешь закон богопочитания, изданный царем?

Отвечал ему святой:

– Да сокрушит Бог твои уста, пленник диавольский! Не я упраздняю закон ваш, а Тот, Кто на небе, невидимою силой разоряет его и истребит, и погубит всех вас, пока не изнеможете окончательно и не наследуете уготованную вам смерть вечную.

Нечестивые люди, полные ярости, повели его к игемону Сатурнину, говоря:

– Этот человек смущает наш город и многих прельщает и вводит в заблуждение, а теперь он дошел до такой дерзости, что велит разрушать жертвенники и не стесняется хулить царя.

Игемон Сатурнин спросил святого:

– Кто ты такой, что осмеливаешься на такое дело?

Святой Василий отвечал:

– Я христианин; это имя для меня всего почетнее.

Сказал Сатурнин:

– Почему ты не делаешь того, что нужно христианину?

Святой отвечал:

– Справедливо ты советуешь мне, игемон. В самом деле, нужно, чтоб добрые дела христианина стали явны всем, как учит Святое Евангелие: «так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5:16).

Сказал Сатурнин:

– Зачем же ты смущаешь наш город и хулишь повсюду царя, будто он нарушил добрые законы?

Святой отвечал:

– Я не хулю вашего царя; но я знаю Вышнего Царя: Он Бог, живущий на небе, Ему достойные служители – отцы наши – всюду поклоняются в чистоте сердца; Он может в короткое время разрушить ваше безрассудное установленное нечестие.

Сатурнин сказал:

– Разве закон, предписанный нашим царем, ты не считаешь справедливым?

Отвечал святой:

– Как же может быть справедливым закон, повелевающий, подобно бешеному псу, который пожирает мясо около жертвенника и лает перед ним, – класть тело человеческое на жертвенник, проливать кровь и закалывать младенцев в жертву бесам? Как можно такой закон назвать справедливым?

Сказал Сатурнин:

– Перестань лгать, гордец, и покорись царю!

Отвечал святой Василий:

– Небесному Царю повиновался я до этих пор и теперь повинуюсь, и никогда не отступлю от святой веры в Него.

– Про какого ты мне говоришь, – сказал Сатурнин, – Небесного Царя, Которому ты повинуешься?

– Я говорю, – отвечал святой, – о Том, Который восседает на небесах и всё видит; а тот царь, которого ты хвалишь, тот царь земной и тотчас, как человек, падет и будет в руках Царя Великого.

Услышав это, Сатурнин разгневался и велел святого раздеть, повесить и строгать железными орудиями его тело. Он же, вися и претерпевая муки, молился так Богу:

– Благодарю Тебя, Господи Боже веков, что Ты удостоил меня пострадать за Тебя и найти путь жизни, идя по которому я могу увидеть наследников Твоих обещаний.

Когда строгали святого, сказал игемон:

– Василий, теперь ты принял такие страшные муки, покорись царю.

Святой отвечал:

– О неистовый человек и чуждый надежды христианской! Я сказал уже, что я повинуюсь моему Богу, как Истинному Царю, верую в Него, и мне нельзя от Него отступить.

Когда слуги, строгавшие святого, устали, Сатурнин велел им перестать и сказал опять святому:

– Согласись с нами и принеси жертвы нашим богам.

Отвечал святой:

– Не поклонюсь суетным богам и не буду участником жертв, убивающих души.

Тогда велел игемон отвести мученика в темницу; по дороге туда встретился святому один эллин, по имени Филикс, и сказал ему:

– Как это, Василий, ты сам идешь на гибель? Не лучше ли бы тебе стать другом богам и получить дары, обещанные царем? Ведь ты будешь жестоко страдать и долго еще, и по заслугам: сам того пожелал.

Отвечал ему святой:

– Отойди прочь, развратник и нечестивец, ты не знаешь истинных обещаний Вечного Царя Небесного Христа и недостоин их знать: как можешь ты во тьме увидеть свет истины и познать окружающий тебя мрак?

С этими словами святой Василий вошел в темницу.

Игемон же Сатурнин послал письмо царю Юлиану и известил его о случае с пресвитером Василием. Царь тотчас послал в Анкиру некоего Элпида, учителя неверия, который был прежде христианином, а потом сделался отступником, а с ним вместе послал другого нечестивца, также бывшего христианина и отпавшего потом от небесных сокровищ, по имени Пигасия. По дороге в Анкиру, в Никомидии, они нашли Асклипия, жреца идольского и, взяв его с собою, втроем, словно три начальника

диавольского войска, пришли в город Анкиру; а святой Василий, сидя в темнице, не переставал день и ночь хвалить и славословить Бога. На другой день пришел Пигасий к святому Василию в темницу и, приветствуя его, сказал:

– Радуйся, Василий.

Отвечал ему святой:

– Нет тебе никакой радости, преступнику и обманщику, нет тебе спасения, которое ты когда-то пил из источника Христова; теперь ты – гнилое болото, поглощаешь жертвенное мясо; прежде ты был причастником Божественных Тайн, теперь ты сидишь на первом месте за бесовской трапезой; прежде ты был учитель истины, теперь вождь погибели; прежде ты совершал праздники со святыми, теперь веселишься с сатанинскими слугами; прежде ты вел заблудившихся из тьмы к свету, теперь ты сам весь объят мраком. Как ты погубил свою надежду и лишился духовного сокровища? Что ты будешь делать, когда будешь умирать?

Сказав это, святой Василий обратился к Господу с такой молитвой:

– Прославься, Боже, познаваемый Твоими рабами и приводящий к свету желающих видеть Тебя, Бога своего, прославляющий надеющихся на Тебя, наполняющий стыдом ненавидящих закон Твой, хвалимый небесными жителями и на земле почитаемой людьми. Соизволь, Боже Вышний, сбросить все диавольские узы с души раба Твоего, чтоб избежать мне ненавидящих правду, хвалящихся поймать и одолеть меня!

Пигасий же, услышав это, со смущением отошел от него, возвратился к своим друзьям и передал им все слова Василия; тогда они разгневались, увидав Пигасия смущенным, пошли и сказали об этом игемону. Игемон же тотчас приказал привести святого на пытку; святой мученик, став на суде, сказал игемону:

– Делай, что хочешь делать.

Елпидий, услыхав, что Василий так смело говорит, сказал судье:

– Обезумел этот беззаконник! Если теперь после мучений он согласится поклониться богам, то будет помилован; если же не захочет, то оставить его на мучение самому царю.

Разгневанный игемон велел святого опять нагого повесить и долго строгать его железом по ребрам, а потом снова запереть его в темницу, закованного в тяжелые цепи.

Несколько дней спустя царь Юлиан, отправляясь в восточные страны, прибыл в Анкиру; навстречу ему вышли диавольские слуги с идолом, называемым Гекатою[2074]; войдя в палату, он созвал идольских жрецов и наградил их золотом. На следующий день, во время зрелищ, Елпидий напомнил царю о Василии, и царь, оставив зрелища, велел привести Василия к себе в палату. И пришел святой Василий и предстал пред царем со светлым лицом, в чудной красоте. И сказал ему Юлиан:

– Как твое имя?

Святой отвечал:

– Скажу тебе по порядку, кто я. Во-первых, я называюсь христианином, а Христово имя вечно и выше ума человеческого; затем, люди зовут меня Василием; если имя Христово, данное мне, я сохраню непорочным, то получу от Христа бессмертную награду в день суда.

Царь Юлиан сказал:

– Не заблуждайся, Василий, ведь мне хорошо известны ваши таинства: ты веруешь в Того, Который принял позорную смерть при Понтийском Пилате.

Отвечал святой:

– Не я заблуждаюсь: ты заблуждаешься, царь, сделавшись отступником и лишившись Небесного Царствия. Я верую в моего Христа, Которого ты отверг, Который дал тебе это земное царство; но оно скоро отнимется у тебя, чтоб узнал ты, Какого Бога прогневал.

– Ты беснуешься, безумный, – сказал Юлиан, – не будет так, как ты хочешь!

Святой продолжал:

– Ты не помнишь наград, приготовленных рабам Христовым, не постыдился алтаря, который спас тебя от убиения, когда тебя, восьмилетнего ребенка, искали убить и ты был спрятан в священном месте; ты не исполнил закона, который своими устами проповедовал часто, когда был клириком! За это и Христос, Царь Великий, не помянет тебя в

Своем вечном Царствии, но и это временное царство скоро отнимет у тебя; тело твое не сподобится погребения, когда ты извержешь душу свою в лютой болезни. (Это предсказал святой о скорой смерти Юлиана, труп которого после погребения земля выбросила из недр своих).

Тогда сказал Юлиан:

– Нечестивый! Я хотел тебя отпустить, но за то, что бесстыдно повторяешь свои безумные слова и отвергаешь совет мой, да еще бесчестишь меня разными упреками, повелевает мое величество, чтоб каждый день выкраивали из твоей кожи семь ремней.

Он приказал Фрументину, начальнику щитоносцев, взять Василия и каждый день отдирать у него часть кожи, выкраивая по семи ремней. Фрументин усердно исполнял приказание, а святой доблестно терпел за Христа такие муки. Когда в несколько дней вся кожа его была уже содрана и ремнями висела по плечам и спереди и сзади, страдалец сказал начальнику:

– Я хотел бы теперь пойти к царю и поговорить с ним.

Начальник очень обрадовался его словам, думая, что он хочет поклониться идолам, пошел к царю и сообщил ему так:

– Владыка царь! Василий не вынес мук и хочет покориться твоему величеству.

Царь пошел в храм Асклепия и велел туда привести к себе мученика. Представ пред царем, святой Василий сказал ему:

– Где твои жрецы и пророки, которые обыкновенно бывают с тобою? Сказали ли они тебе, зачем я пришел к тебе?

Юлиан отвечал:

– Я думаю, что ты человек умный, понял свое положение, хочешь соединиться с нами и будешь отныне приносить жертвы богам.

Сказал святой:

– Знай, царь, что те, кого ты называешь богами, – ничто; это идолы глухие и слепые, а верующих в них они влекут в ад.

Сказав это, он оторвал один из висевших на его теле ремней и бросил в лицо царю со словами:

– Возьми, Юлиан, и съешь, если ты наслаждаешься такой пищей; моя же жизнь – есть Христос, и умереть за Него для меня – приобретение: Он – мой Помощник, в Него я верую, за Него терплю эти муки!

Повсюду между христианами тотчас прошел слух о таком смелом поступке святого Василия, и все прославляли его за такое славное исповедание Христа и за мужественное дело, которым он посрамил мучителя.

Фрументин, начальник полка щитоносцев, который привел святого мученика Василия к царю, увидав, что сделал Василий, как он оторвал от своего тела ремень и бросил его в лицо Юлиану с дерзкими словами, устыдился и испугался гнева царского: он увидал, как царь изменился в лице от гнева, а разгневался царь не столько на мученика, сколько на него, потому что он привел узника на такое бесчестье лицу царскому. Тотчас схватив мученика, скрываясь от царя, привел его в преторию и, дыша яростью лютой, приказал мучить его еще больше, чем мучил его все эти дни, и не только содрал всю кожу с мученика, но так изранил всё его тело, что обнажились внутренности. Святой же Василий среди таких мучений молился Богу так:

– Благословен, Господи Боже, надежда христиан, поднимающий падших, – восстановляющий низверженных, освобождающий от тления надеющихся на Тебя, знающий наши страдания, Благой и Щедрый, Милостивый и Долготерпеливый, призри с высокого престола Твоей славы, дай мне верно окончить мою жизнь и удостой меня вечного и бессмертного Твоего Царствия!

Потом, когда уже настал вечер, Фрументин приказал заключить святого в темницу, а Юлиан очень рано утром вышел из города, не удостоив его свидания, и отправился в Антиохию. Фрументин же, видя, как царь гневается на него из-за Василия, еще пуще разъярился на святого Василия и, приведя его из темницы, сказал ему:

– Что же, безумнейший из всех людей! Принесешь ты жертвы богам, как приказал царь, или нет? Что ты решил: повиноваться царскому повелению или погибнуть в мучениях?

Отвечал ему святой мученик Василий:

– Безумный и нечестивый! Ты забыл, сколько ремней содрал ты с моего тела вчера и в предшествовавшие дни, как все, смотря на меня, умилялись и плакали, видя, каким мукам подвергаешь ты меня, святотатец! И видишь: я опять, благодатью моего Христа, стою здоров перед тобой. Слуга диаволов, свирепый и бесчеловечный! Возвести своему мучителю царю Юлиану, какая сила у Христа Бога, которую он оставил; он, прельщенный диаволом, погубил свою душу; я уже не стану вспоминать, как Христос Бог избавил его от смерти, защитив святыми Своими иереями под Божественным алтарем святой церкви; он забыл благодеяния ее, отрекся сам от себя и бежал от нее. Я же надеюсь на Христа моего, что вскоре воздаст ему по заслугам, и погибнет окаянный отступник в муках!

Фрументин сказал ему:

– Ты беснуешься, безумный! Непобедимый владыка Юлиан, по своему человеколюбию и милосердию к тебе, повелел тебе вместе с нами совершать праздник, приносить жертвы и курить благовонными кадилами; ты же не захотел послушаться, а, напротив, дерзко сначала обесчестил царя, а потом и меня ввел в беду; я отплачу тебе по заслугам такими муками, от которых ты быстро лишишься жизни.

С этими словами Фрументин приказал раскалить железные прутья и колоть ими святого в плечи и живот. В таких мучениях святой Василий упал на землю, громко молясь Богу и говоря:

– Свет мой, Христе! Надежда моя, Иисусе! Пристань тихая для гонимых волнами! Благодарю Тебя, Господи Боже отцов моих, за то, что Ты вырвал душу мою из ада преисподнего и сохранил во мне имя Свое незапятнанным! Пусть победителем окончу я свою жизнь и унаследую вечный покой, по обещанию, данному отцам моим от Тебя, Архиерея Великого Иисуса Христа, Господа нашего! Теперь же приими с миром душу мою, пребывающую неизменно в этом исповедании! Ты милосерд, и велико Твое милосердие, Живущий и пребывающий во веки веков, аминь.

Совершив такую молитву, когда живот мученика был уже весь исколот раскалёнными прутьями, он словно уснул сладким сном, предав душу свою в руки Божии. Так скончался святой Василий в исповедании мученическом 28 января. Вскоре же, после убиения и погибели Юлиана отступника, 22 марта, христиане явно воздали почтение многострадальному телу мученика, и в этот день установили память ему. Его доблестное страдание укрепило всех христиан в вере в Иисуса Христа, Господа нашего, Его же слава и Царство бесконечны вовеки. Аминь.

Кондак, глас 8:

Законно течение совершив, и веру соблюл еси священномучениче Василие, сего ради мучения венцев сподобился еси и Церкве столп непоколебимь явился еси, Сына, Отцу Собезначальна и Духу исповедав, Троицу Нераздельную, Юже моли избавитися от бед чтущым тя, да зовем ти: радуйся, Василие Богомудре.

Память святой мученицы Дросиды

Память 22 марта

По повелению императора Траяна[2075] исповедников Христа ежедневно предавали смерти и тела их повергали в непотребных и нечистых местах. В это время, упражняясь в исполнении заповедей Божиих и смиренно совершая свои подвиги, проводили в воздержании жизнь некоторые христианские девственницы, и их наставницы всякий раз подбирали тела святых мучеников и, помазав их ароматами, завертывали в чистое полотно и хоронили в своих жилищах. Дочь императора Траяна, Дросида, узнав об этом, в одну ночь, когда все бывшие при ней слуги объяты были глубоким сном, пришла к этим девственницам, имея при себе драгоценную одежду, и просила их позволить ей идти вместе с ними для того, чтобы и она могла взять честное тело святого мученика. Между тем некий Андриан, жених Дросиды и близкий друг императора, дал ему такой совет:

– Самодержавной владыка! Повели поставить воинов для охранения преданных смерти христиан, чтобы узнать, кто похищает тела их.

Траян повелел исполнить этот совет, и воины, поставленные на стражу, бодрствуя всю ночь, схватили пятерых вышеназванных христианских наставниц, а вместе с ними и дочь Траяна, Дросиду, и, когда настало утро, привели всех их к императору. Увидев Дросиду, Траян пришел в ужас и повелел стражам строго охранять ее в закрытом помещении, надеясь на то, что, раскаявшись, она, может быть, исправится. Для дев же наставниц он приказал выковать большой котёл и бросить их в него и вместе с ними – большое количество меди для сплава, чтобы медь слилась с телами их и они сгорели в ней. Из этой меди он повелел, далее, выковать жертвенные треножники и поставить их во вновь выстроенной им бане, которая в праздник Аполлона[2076] в первый раз должна была быть истоплена и открыта для уврачевания болезней и отдохновения от трудов единомысленных с ним почитателей языческих. Когда

повеление императора было исполнено: святые мученицы Христовы были сожжены и скованы были треножники для жертв, – то баню истопили и повсеместно оповестили народ, говоря:

– Все, к кому благоволят спасающие от бед боги и кто предан императору, войдите в достойную любопытства баню для ее открытия.

По этому зову немедленно же стал сходиться к бане народ, и первый из пришедших, устремившись, чтобы переступить порог входных в баню дверей, упал на землю и испустил дух. Тоже случилось и со всеми теми, которые вместе с ним подошли к порогу, так что никто не мог войти даже в первые двери бани. Траян, узнав об этом, призвал к себе жрецов своих языческих богов и сказал им:

– Что это такое случилось? Неужели это произошло от чародейства христиан?

– Нет, царь, – ответили жрецы, – это произошло от треножников, сделанных из расплавленной по твоему приказанию меди, в которой были сожжены христианские девственницы. Прикажи убрать их и поставить другие, и тогда дело, задуманное тобою, совершится беспрепятственно.

Когда этот совет жрецов приведен был в исполнение, то Андриан сказал императору:

– Царь, позволь мне снова расплавить убранные треножники, сделать из них пять статуй нагих дев, похожих на казненных тобою христианских наставниц и для поношения и поругания их поставить эти статуи пред входом в твою императорскую баню.

Траян тотчас же изъявил на это свое согласие, и статуи были сделаны. Когда они поставлены были на назначенные места, то Траян увидел во сне пять чистых агниц, пасущихся в раю, и пасущего их страшного пастуха, который сказал ему:

– О беззаконнейший и нечестивейший царь! Тех, изображения которых ты задумал выставить для поношения, добрый и милосердый Пастырь отнял у тебя и поселил в этом месте, куда со временем прибудет и чистая агница Дросида, дочь твоя.

Проснувшись, нечестивый и беззаконный Траян пришел в неистовство, так как святые девы-мученицы и после смерти своей посрамили его замыслы, и повелел на противоположных концах города затопить две печи и топить их ежедневно, а на них сделать надпись, выражающую его царское повеление и заключающую в себе следующее:

– Мужи галилеяне[2077], поклоняющиеся Распятому, избавьте себя от великого множества мучений, а нас – от трудов, принесите жертвы богам. Если же сделать этого вы не желаете, то пусть каждый из вас добровольно, каким хочет способом, ввергает себя в эту печь.

После того как вышло от императора такое повеление и до святой Дросиды дошел слух, что христиане по вере во Христа и любви к Нему ввергают себя в печи, она, подняв глаза свои к небу, сказала:

– Владыка Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, если есть воля Твоя на то, чтобы мне спастись и избежать безумного богопочитания нечестивого отца моего Траяна, то Сам Ты помоги мне освободиться от брака с беззаконным Андрианом и взойти на небо, где пребывают уже те пять наставниц, которые утвердили меня в страхе Твоем. Усыпи же сном глубоким охраняющих меня, чтобы я могла убежать отсюда.

Сказав эти слова, святая Дросида сняла с себя знаки своего царственного достоинства и тихо вышла из своего заключения, так что никто из стражи не заметил ее. В то время, когда она шла, чтобы ввергнуть себя в одну из печей, то размышляла, говоря про себя:

– Как я пойду к Богу, не имея на себе брачной одежды (т. е. не приняв крещение): ведь я нечиста. Но, Царь царствующих, Господи, Иисусе Христе, ради Тебя я оставила мое царственное положение, чтобы Ты удостоил меня быть хоть привратницей в Царствии Твоем; крести же меня Ты Сам Духом Твоим Святым.

И сказав это, святая Дросида вынула миро, которое из всех сокровищ своих взяла с собою, и помазала им все члены свои, а потом вошла в воду протекавшего на ее пути ручья и сама крестила себя, произнесши слова:

– Крещается раба Божия Дросида во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

После этого, предавшись строгому посту, она в течение семи дней скрывалась. В это время ее нашли некоторые христиане и из ее рассказов о себе узнали всё вышесказанное. На восьмой день после крещения святая мученица, помолившись, сделала то, что раньше задумала и так отошла ко Господу.

Житие и страдание святого священномученика Никона

Память 23 марта

В городе Неаполе, в области Кампании[2078], жил знатный и храбрый воин, отличавшийся необыкновенной красотою, по имени Никон. Отец его, эллин-язычник, воспитывал сына в идолопоклонстве; но мать Никона была христианка и всегда научала его познанию Христа. Указывая ему на силу Креста Господня, она говорила:

– Возлюбленный сын мой! Если тебе случится когда-либо на войне подвергнуться опасности, ограждай себя чаще крестным знамением, – ты избежишь не только плена, но избавишься и от всяких ран; не поразит тебя ни стрела, ни копье, ни меч, и ты останешься невредимым даже в самое опасное время сражения.

Случилось однажды римским воинам отправиться на войну. Никон также должен был идти со своим отрядом. Во время одного кровопролитнейшего сражения Никон находился в крайней опасности, на краю погибели. Видя множество воинов своих убитыми, он и сам ожидал смерти от оружия врагов; но, вспомнив слова и наставления матери своей, Никон возвел взор свой к небу, оградил себя крестным знамением и, с глубоким воздыханием сердечным, произнес:

– Христос, всесильный Бог! Яви ныне силу Креста Твоего на мне; отселе я буду рабом Твоим и буду поклоняться Тебе и родившей Тебя Матери.

После этих слов он почувствовал в себе необыкновенную храбрость и, устремившись с копьем в правой руке, скоро перебил до 180 храбрых неприятельских воинов, а прочих обратил в бегство, так что никто не мог сопротивляться ему. Так чудодейственно проявилась на нем сила Креста Христова!

Тогда Никон прославил Бога, говоря:

– Велик Бог христианский, побеждающий и прогоняющий врагов знамением Креста Своего!

Удивилось все римское войско Никону и говорило:

– Великое чудо Божия смотрения! Мы никогда не видали и даже не слыхали о воине, так храбро подвизавшемся на войне, как Никон.

По окончании войны, когда все были распущены по домам, возвратился в свой дом и святой Никон; восхваляя Бога, он рассказал матери своей, что совершил с ним на войне Христос Господь силою Креста Своего.

В величайшей радости мать его воскликнула:

– Благодарю Пресвятое Имя Твое, Господи, ибо Ты хочешь всем человекам спастись и в познание истины прийти! Ныне услышь молитву рабы Твоей и сподоби сына моего святого крещения, дарованного нам во оставление грехов, и научи его творить волю Твою, дабы угодить Тебе и сподобиться обещанных вечных благ.

Никон стал расспрашивать мать свою, как ему можно сделаться христианином. Мать отвечала ему:

– Тебе надлежит поститься сорок дней и поучаться в христианской вере от христианского священника; потом, отрекшись сатаны и всех дел его, веруя же во Христа Бога, ты сподобишься святого крещения и будешь истинным христианином и рабом Христовым.

– Жив Господь! – отвечал Никон, – лучше я буду рабом Его, нежели останусь язычником, идолопоклонником и воином; я не хочу больше поклоняться камню или иной какой твари, но Единому Богу, Творцу неба и земли, моря и всего, что в них.

Поклонившись до земли матери своей, Никон сказал:

– Мать моя! Моли Бога о мне, рабе твоем, да дарует Он мне Ангела, доброго наставника и хранителя души и тела моего, чтобы под его руководством я мог найти такого раба Божия, который сподобил бы меня святого крещения и научил бы творить волю Христа, истинного Бога нашего, и я был бы причтен к словесному стаду Христову. О честная мать моя! Если бы поучение твое не отвлекло меня от языческого заблуждения и не привело к познанию истинного Бога, я не избежал бы геенны и подвергся бы мукам во аде со всеми не знающими Бога.

И со словами: «моли о мне, мать моя!» он хотел было уйти из дому. Мать, схватив за руку сына, умоляла его возвратиться к ней по принятии святого крещения и похоронить ее, так как она уже чувствует приближение смерти. Потом, помолившись о нем, она дала ему денег и, что важнее всего, напутствовала его своим материнским благословением и отпустила отыскивать христианского священника; но желающему сделаться христианином и принять святое крещение трудно было найти такового в то время, по причине гонения на христиан, так как все священники и наставники христианские скрывались в пустынях и горах.

Покинув свой дом, Никон пришел на корабельную пристань и, сев на корабль, отплыл в Константинополь.

По отшествии Никона в городе Неаполе воины и начальники долго искали храброго воина и, придя в дом к матери его, спросили ее: «Где находится сын?» Она отвечала: «Не знаю, куда ушел!»

Между тем Никон, водимый благодатью Божиею, прибыл на остров, называемый Хиос[2079], взошел там на высокую гору и провел в молитве 8 дней, прося Бога указать, в каком месте найти ему такого раба Господня, который сподобил бы его давно желаемого святого крещения и научил бы таинствам святой веры. И вот, в сонном видении Никону явился Ангел Божий в образе святителя; он вручил ему посох, имеющий наверху изображение креста, и велел идти на берег моря. Отправившись туда, наутро он нашел корабль, точно поджидающий его; потому что тот же самый Ангел Божий явился корабельщикам и повелел им ждать Никона, который будет сходить с горы с жезлом, имеющим изображение креста.

Благодаря попутному ветру, Никон вместе с корабельщиками пристали через 2 дня к одной горе, называемой Ганос[2080], где укрывался от гонения со множеством иноков Феодосий, епископ Кизический[2081]; он был для иноков игуменом и отцом. Ему было открыто Богом о Никоне, и он вышел с своими монахами ему навстречу к пристани. Затем он привел его в свою пещеру и, после оглашения, крестил во имя Святой Троицы и приобщил Пречистых Тайн Христовых.

По принятии святого крещения блаженный Никон жил в том пещерном храме, поучаясь Божественному Писанию и присматриваясь к иноческому житию, и за свою кротость был пострижен во иноческий образ.

Некоторые из братии, видя смирение и кротость, пост, воздержание и всенощное стояние Никона без сна на молитве и псалмопении, уподобляли его Ангелу Божию; ибо он был в трудах терпелив, в любви велик, в постах несравненен, в учении и чтении книг ненасытен, не изнемогал в нощных молитвах и во всех иноческих подвигах был прилежен и усерден; он вызывал удивление не только братии, но даже самого епископа Феодосия.

Когда блаженный Никон пробыл на той горе три года, епископу было откровение от Бога, – явился ему во сне Ангел Господень и сказал:

– Прежде своей смерти поставь в епископы вместо себя Никона, которого ты крестил и облек в иноческий сан, и вверь ему твое стадо; но вели ему переселиться со всеми на полуденную страну Сицилийской области[2082], чтобы не погибнуть инокам от меча варваров, которые в скором времени нападут на это место.

После этого видения епископ Феодосий посвятил блаженного Никона сначала во диакона, потом во пресвитера, наконец рукоположил и во епископа и, вручив ему иноков числом 190, почил о Господе.

Совершив погребение епископа, Никон сел со всеми иноками на корабль и отплыл на остров Лесбос[2083], где, пристав к городу Митилены[2084], пробыл 2 дня и потом отплыл на остров Наксос[2085]. Оттуда, по Божию произволению, через 22 дня он приплыл в Италию; прибыв в отечество свое, город Неаполь, он застал там в живых блаженную мать свою, которая, увидев его, со слезами радости пала ему на грудь и целовала его. Поклонившись Господу до земли, она сказала:

– Благодарю Пресвятое Имя Твое, Господи, что Ты привел меня увидать сына моего в Ангельском образе и епископском достоинстве; и ныне, Владыка мой, услышь меня, рабу Твою, и прими душу мою в Твои руки.

Сотворив эту молитву, блаженная жена тотчас предала свой дух Господу; все, присутствовавшие при этом, прославили Бога и честно погребли ее со псалмопениями.

Слух о прибытии Никона распространился по всему городу; узнали об этом и некоторые из воинов, бывших его друзьями по полку; придя к нему, они любовались благообразием лица его и спрашивали наедине:

– Заклинаем тебя силою Вышнего, скажи нам, отчего проявлялась у тебя на войне сила и храбрость, от волшебства или от другого чего? Научи и нас быть такими же.

– Братия! – отвечал им святой, – поверьте мне, что ни волшебство, ни иное что делало меня храбрым на войне, а только одна помощь Честного Креста Христова. Когда я вооружался им, никто не мог стоять против меня, ибо сила Божия, действующая в крестном знамении, побеждала всех врагов.

Услыхав такие слова, воины те припали к ногам святого епископа Никона, говоря:

– Святитель Божий! Помилуй нас и возьми нас с собою, чтобы, как на войне мы избавлялись от врагов через тебя, так и теперь сделаться нам с тобою причастниками Царствия Небесного.

И тотчас, покинув жен, детей, братьев и свои дома, воины те последовали за святым Никоном; их было 9 человек.

Сев на корабль, преподобный Никон с ними и своими учениками отплыл в страну Сицилийскую и там пристал к высочайшей горе Тавроменийской[2086]; высадившись на берега и пройдя значительное расстояние, они пришли к реке Асинос, около которой нашли большую ветхую каменную баню, стоящую на пустынном месте, называемом Гигиа, где и поселились. Место это было очень красиво и уединенно, а земля оказалась удобною для возделывания. Насадив виноградники и плодоносные деревья, они начали жить там. Преподобный Никон крестил здесь тех девять мужей, друзей своих по военной службе, и постриг их в иноческий образ.

Прошло много лет, но гонение на христиан продолжалось. Игемону сицилийскому Квинтиану было донесено язычниками,

что на реке Асинос живут одни мужи, которые почитают небесного Бога, имея у себя учителем епископа Никона; они не повинуются нашим законам и не хотят почитать богов наших.

Услыхав это, игемон исполнился гнева и ярости и тотчас отправил отряд воинов захватить всех их и привести к нему на допрос.

Придя на то место, воины спрашивали:

– Где находится Никон со своими друзьями, которые не повинуются законам царским и не почитают богов!

Святой Никон отвечал им:

– Дети мои! Хорошо, очень хорошо вы сделали, что пришли сюда, ибо Христос, Владыка мой, призывает к Себе меня и друзей моих.

Тогда братия стали на молитву, прося Бога укрепить их Своею благодатью на подвиг, но, понуждаемые воинами, они были принуждены прервать молитву и, в сопровождении их, пошли к игемону, как овцы на заклание.

На пути блаженный отец наш Никон укрепил их такими словами:

– Мужайтесь, братия мои, и не страшитесь мучителя, ибо оканчивается наш подвиг, отверзлись нам двери небесные. Твердо станем за веру Христову пред лютым мучителем, будем смело говорить пред ним, помня слова нашего доброго Пастыря: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28).

Когда привели святых к игемону на суд, последний, окинув их грозным взглядом, начал говорить:

– Все ли вы питаете себя столь тщетною и обманчивою надеждою, будучи прельщены волхвом Никоном до того, что не почитаете бессмертных богов и не повинуетесь законам их?

Святые единогласно отвечали:

– Мы – христиане и никогда не отступим от веры своей; надежду свою мы полагаем не в житейской суете, но в Господе Боге, сотворившем небо и землю, море и все, что в них; твои же боги немые, глухие и бесчувственные истуканы, изделие человеческое, которым будут подобны все надеющиеся на них.

Видя крепкую и неизменную веру святых, игемон сказал:

– Если я не повелю скоро убить их, они могут и других многих увлечь в свое заблуждение.

Поэтому он велел сначала обнажить и растянуть святых по земле, бить их долго и нещадно воловьими жилами; потом – усекнуть мечом всех, кроме святого Никона, при реке, в той бане, где они жили. Тогда их повели на усечение.

Преклоняя свои честные главы под меч, святые мученики говорили:

– Господи! В руки Твои мы предаем души наши, «но за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание» (Пс.43:23).

Так было усечено 199 человек преподобных учеников святого Никона. По повелению мучителя тела их были брошены на сожжение в сильно разожженную баню, где они поселились.

Заковав преподобного Никона в цепи, мучитель придумывал, каким бы лютейшим мучениям предать его.

В ту ночь явился святому в темнице во сне Ангел Божий и сказал:

– Мужайся о Боге, Никон, воин Христов, и веселись, ибо принял Христос Бог наш жертву – 199 учеников твоих в воню благоухания: они вошли в чертог, в котором почивает Небесный Жених.

После этих слов Ангела святой Никон увидел пред собой деву, светлейшую солнечных лучей, одежда которой была из золота и сапфира[2087]; в руках своих она имела белого, как снег, льва. Стояла та дева на восточной стороне реки Псимиф, с западной же стороны стояли два мужа необыкновенного роста, головы которых касались неба; в руках своих они имели огненные копья и вели с явившеюся девою такой разговор:

– Почему мы ныне стоим здесь праздными, будучи посланными Небесным Царем на брань против Квинтиана? Вот мы ожидаем его, а он не идет.

Светоносная дева сказала им:

– Вчера Квинтиан убил 199 мужей, рабов Христовых, кроме того, он придумывает наиболее сильные муки учителю их, Никону, победившему все коварства диавольские; скоро он придет на место, куда вы против него посланы.

Сказав это, она выпустила к ним из рук своих льва, сказав: «Возьмите его, он поможет вам против мучителя».

Пробудившись после видения, епископ Никон весьма обрадовался; воссылая хвалу Богу и прославляя Его, он рассказал о видении своему служке, по имени Херомену, который описал впоследствии его житие и страдание.

Рассказывая о видении своему отроку, святой предсказывал вскоре лютую смерть Квинтиану.

Наутро игемон Квинтиан повелел привести к себе на суд святого Никона и спросил его:

– Кто, откуда и какой веры ты, волшебством своим причинивший смерть такому множеству людей; вот они из-за твоего безумия не увидят больше ни сияния солнечного, ни света лунного.

Святой Никон отвечал ему:

– Нечестивец! Не только я сказал уже тебе, кто я и какой веры, но и другие говорили тебе; ты слышал об этом неоднократно от тех многих святых, которых умертвил вчера в ослеплении своего нечестия. Теперь же скажу тебе короче: я христианин, твердо и неуклонно надеюсь на Бога, сотворившего небо и землю, Который предаст тебя нестерпимым мукам за твое бесчеловечное мучительство и великое нечестие.

От этих слов мучитель, зарычав как лев, повелел обнажить святого и, протянув, привязать к четырем колесам за руки и ноги, а снизу поджигать его огнем.

Святой Никон лежал на раскаленных угольях, как на цветах, так воспевая Богу:

– Ты, Господи, утверждение мое и прибежище мое, избавляющий меня от врагов, гневающихся на меня (Пс. 17:3).

Слуги сказали мучителю:

– Владыка, игемон! Мы изнемогли: как мы ни разжигаем огонь и как ни опаляем Никона, ничто не вредит ему.

Прекратив это мучение, игемон велел привязать святого к борзым коням, чтобы влачить по земле и растерзать его; но святой, привязанный к коням, простер на них правую руку и осенил их крестным знамением, и кони тотчас сделались кроткими, как овцы, и стояли, как вкопанные, не двигаясь с

места, сколько слуги ни били их и ни понуждали вожжами и уздой.

Видя это, мучитель разгневался и повелел перерезать у коней жилы на ногах, но, по Божиему повелению, они вдруг заговорили человеческим голосом, как некогда Валаамова ослица: ««Бог наш на небесах; творит все, что хочет» (Пс. 113:11). Ради святого Никона и мы предаемся смерти».

Тогда игемон повелел оковать мученика железными цепями и сбросить его с высокой горы в глубокую пропасть. Но и после этого мученик остался невредим. Ангел Божий сохранил его во время падения и, освободив от оков, вывел его из пропасти. Святой явился опять на суд пред мучителем здоровым и невредимым. Увидев его, мучитель ужаснулся и потом сказал ему:

– Никон! Сколь велика забота о тебе наших богов! Не видишь ли ты, как они заботятся о тебе и не хотят погубить тела твоего? Познай же их милость: принеси им жертвы и будь их другом.

Святой отвечал:

– Да будет анафема тебе, и богам твоим, и всем надеющимся на них.

Тогда игемон повелел бить святого камнями по лицу, вытянуть клещами язык и отрезать его; потом отвести на место, называемое Гигиа, где он жил с учениками своими, и там отсечь ему голову. Так усечен был святой священномученик Никон на реке Асинос под певговым деревом[2088] в царство Декия[2089]. Тело его было оставлено без погребения и брошено на съедение зверям и птицам.

В тот день, в который игемон Квинтиан осудил святого Никона на усечение, сам он отправился в город Панормус[2090], чтобы взять себе имущество святой Агафии, которую замучил незадолго до того времени. И когда он переправлялся через помянутую реку Псимиф, бывшие с ним на перевозе кони вдруг рассвирепели. Бросившись на него, один грыз лицо его зубами и обезобразил его; другой так топтал, что сбросил его в реку. И утонул окаянный, окончив, по пророчеству святого Никона, в мучениях свою нечестивую жизнь.

Когда честное тело мученика лежало без погребения на месте усечения, один пастух, одержимый злым духом, ходил на том месте и, найдя тело святого, тотчас упал лицом на землю, ибо нечистый дух, изгоняемый силою святого, поверг его на землю и вышел из него с громким воплем: «Горе мне, горе мне, куда мне бежать от лица Никонова?!»

Исцеленный пастух пошел и поведал об этом чуде жителям той страны. Епископ города Мессины[2091], узнав о том, отправился вместе с клиром своим за многострадальным телом священномученика и, найдя, взял его. Он нашел также и тела святых учеников его в бане целыми и неповрежденными от огня и с честью предал их всех погребению вместе с учителем их Никоном на знаменитом месте, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом прославляемого вовеки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Печерского

Память 23 марта

Когда Господу угодно было насадить в России многоплодную ветвь иноческого жития, Он, прежде других, привел к искусному и трудолюбному первоначальнику российского монашества святому Антонию, подвизавшемуся в пещере, преподобного Никона, который был ему добрым сотрудником в подвижничестве. Ревностно проходя степени иноческих добродетелей, подражая во всем наставнику и учителю своему, преподобный Никон являл в себе достойного вождя иноков и надежного руководителя их в мысленный вертоград постнического жития. Когда приходили к Антонию лица, желающие принять равноангельский образ, он сам поучал их добродетелям, а преподобному Никону он повелевал постригать их. В деяниях этих двух подвижников можно было усматривать некоторый вид подобия Моисея и Аарона, ибо преподобный Антоний принес закон со св. Афонской горы[2092], как Моисей с Синайской, преподобный же Никон действовал по повелению Антония, как Аарон, почтенный саном священства. Все дела свои Никон совершал с благопокорностью, испытывая не только одни радости, но с терпением переносил и скорби, благодаря за все Бога. Великой радости духовной сподобился он, когда постриг преподобного отца нашего Феодосия, оказавшегося вскоре великим наставником иноческого жития в России. Возрадовался духом и тогда, когда постриг именитого боярина, блаженного Варлаама, а также заведующего всем хозяйством у князя и любимца его блаженного Ефрема-евнуха. Но за этих постриженников он потерпел и немалую скорбь. Ибо, узнав об их пострижении, князь Изяслав[2093] сильно разгневался на преподобных и повелел одного из них, именно совершившего пострижение, тотчас привести к себе. Слуги тотчас же отправились и привели к нему блаженного Никона.

Посмотрев с гневом на святого, князь спросил:

– Ты ли постриг боярина и евнуха без моего повеления?

Преподобный Никон ответил с мужеством:

– Я постриг их благодатью Божиею по повелению Небесного Царя Иисуса Христа, призвавшего их на таковой подвиг.

Князь разгневался еще более и сказал:

– Или убеди их возвратиться в дом свой, или я пошлю тебя и сущих с тобой в заточение, а пещеру вашу велю раскопать.

Блаженный Никон отвечал:

– Владыка! Делай все, что тебе угодно! Мне же не подобает отвращать воинов от Небесного Царя.

После этого святой Антоний и бывшие с ним вышли из пещеры, намереваясь, по причине княжеского гнева и укоризн на блаженного Никона, отправиться в другую область.

Но вот один из отроков поведал об этом княгине. Она же, напоминая князю о гневе Божием, постигшем отечество ее, землю Ляхов[2094], за изгнание отцом ее, Болеславом Храбрым[2095], черноризцев, постригших Моисея Угрина, сказала ему:

– Послушай меня, господин, и не гневайся. В вашей стране также изгнаны были такие же черноризцы и много пришлось потерпеть за них. Смотри, господин, чтобы не случилось того же и в области твоей.

Услыхав это, князь убоялся гнева Божия и отпустил блаженного, повелев ему возвратиться в пещеру; вместе с тем он послал с мольбою о возвращении в пещеру и к тем, которые удалились из нее. И только по истечении трех дней, вняв просьбе князя, они возвратились в пещеру, как об этом говорится в житии преподобного Антония.

После такой напасти преподобный отец наш Никон проводил суровую жизнь в пещере; постом и молитвою он одержал много побед над злыми духами, показал себя единоправным с преподобными отцами Антонием и Феодосием; они были три светила, сияющие во мраке и разгоняющие тьму бесовскую.

После значительного умножения братии в пещере блаженный Никон пожелал уйти в уединение и безмолвствовать. Посоветовавшись с преподобным Антонием, поговорив с другим черноризцем, болгарином Святогорским[2096]

из монастыря Святого Мины, он отправился с последним. Придя к морю, они разлучились. Болгарин, отправляясь в Константинополь, нашел посреди моря остров, на котором и поселился. Прожив там много лет, терпя голод и холод, он с миром скончался; остров тот и доселе называется Болгаров. Великий же Никон ушел на остров Тмутараканский[2097] и, обретши близ города незаселенное место, поселился там, безмолвствуя и служа Богу неленостно, прилагая труды к трудам и удивляя народ необычайным житием своим. Слава о нем распространялась повсюду; к преподобному стали стекаться многие люди из города и других мест; они дивились его жизни, так как не были еще утверждены в вере и о монашеской жизни ничего не слыхали. Но потом, наставляемые Богом, желая наследовать иноческое благонравие, они молили преподобного Никона постригать их. Святой поучал их и постригал и соорудил там церковь Пресвятой Богородицы. И вот, благодатью Божиею, по молитвам преподобного Никона, возросло место то, – возник славный монастырь, подобный монастырю Печерскому.

По смерти Ростислава Владимировича[2098], князя Тмутаракани, преподобный отец наш Никон умолен был жителями той страны идти к Святославу Ярославичу[2099], князю Черниговскому, и просить его, чтобы он отпустил им на престол Тмутараканский сына своего Глеба. Дойдя до города Чернигова и исполнив благополучно возложенное на него поручение, преподобный отправился в город Киев и пришел в монастырь Печерский к блаженному игумену Феодосию. Увидавшись, оба они пали вместе на землю и поклонились друг другу, а потом обнялись и много плакали от радости, так как долгое время не видались. После этого преподобный Феодосий умолял блаженного Никона, чтобы он не покидал его до тех пор, пока они живы.

Никон обещался ему, говоря:

– Я пойду и только управлю свой монастырь и потом, если Богу будет угодно, возвращусь опять.

Он так и поступил.

Дойдя до острова Тмутараканского с князем Глебом Святославичем[2100], занявшим престол, преподобный, согласно своему обещанию, управил монастырь и возвратился к Феодосию. Придя в Печерский монастырь, он предал всего себя преподобному Феодосию и со всякою радостью покорялся ему. Преподобный же Феодосий очень любил его и считал как бы отцом своим; поэтому, когда сам отлучался куда из монастыря, он поручал тогда братию блаженному Никону, как старейшему из всех, чтобы поучать и хранить их. Часто также преподобный Феодосий, сам наставляя братию духовным словом, повелевал делать то же и блаженному Никону, начитанному в книгах. Много раз, когда блаженный Никон сшивал и делал книги (так как был искусен в этом), сам преподобный Феодосий, садившись около него, приготовлял ему потребные для этого дела книги. Но вскоре блаженный безмолвник, преподобный Никон, пожелал снова возвратиться на свой остров. Среди князей русских возник раздор вследствие захвата Святославом, изгнавшим своего брата Изяслава из Киева, его престола. Он не мог выносить волнений, возбужденных этим событием, при которых немыслимо было соблюсти безмолвие духа. Преподобный же Феодосий умолял его, как и прежде, не покидать его, пока он жив; но блаженный Никон, испросив прощение (так как не мог терпеть мятежа, а привык к уединению), ушел с двумя черноризцами и прожил там несколько лет в обычном своем подвиге.

По преставлению преподобного Феодосия и после принятия игуменства блаженным Стефаном преподобный Никон, побуждаемый братолюбием, пришел снова для посещения преподобного Феодосия; он сожалел о том, что не нашел в живых любимого своего друга и решил остальное время своей жизни провести в его монастыре. Часто приходил он ко гробу святого, проливал здесь скорбно-радостные слезы, частью печалясь о разлучении любимого своего брата, частью благодаря Бога, что в России просиял равноангельским житием такой светильник, на которого он, Никон, своими руками возложил святой Ангельский иноческий образ. После игуменства святого Стефана братия, считая Никона за старейшего из всех,

так как и сам преподобный Феодосий принял от него иноческий постриг, по изволению Божию и по общему согласию, избрала его себе игуменом как единонравного по житию отцам Антонию и Феодосию. Они любезно повиновались ему во всем и почитали его как отца и наставника, видя в нем одном подобие тех обоих. Много раз покушался враг и ненавистник добра диавол и сему преподобному как и блаженному игумену Стефану, строить препятствия в деле попечения о душах врученного ему Богом стада, желая возмутить братию ненавистью против него, но никогда не успевал он в этом, оставался посрамлен, и тьма его не покрывала света добрых дел преподобного Никона.

Блаженный игумен Никон так угодил Богу, будучи для своего стада образцом добродетелей, что во время его игуменства была чудесно украшена святыми иконами созданная Богом святая Церковь Печерская; ибо к земным молитвам сего блаженного строителя приложились своими небесными молитвами его друзья, преподобные Антоний и Феодосий, и прислали к нему иконописцев из Константинополя, дав им за наем золота. Преподобный игумен Никон показал тем иконописцам образ любимых друзей своих, преподобных отцов Антония и Феодосия, скончавшихся 10 лет тому назад, и они тотчас же узнали в них тех, которые явились к ним, наняли их и послали к нему. При этом они рассказывали и другие дивные чудеса: так, когда они хотели возвратиться, явилась им святая церковь Печерская и икона Пресвятой Богородицы, от которой слышали запрещение возвращаться обратно, как они чудесно приплыли на горе против течения, хотя сами стремились плыть вниз, по течению. Пришедшие столь чудесно иконописцы при усердии и молитвах преподобного Никона старательно принялись за украшение святой церкви Печерской, причем опять было немало чудес, ибо сама икона Пресвятой Богородицы в алтаре изобразилась чудесно мусиею[2101] и из уст ее вылетел голубь, как об этом пишется в пространном сказании о церкви Печерской[2102]. Все это было по небесным молитвам преподобных отцов Антония и Феодосия и земным блаженного игумена Никона. Затем и сам приснопамятный игумен,

преподобный отец наш Никон, украсив разнообразными подвигами своего равноангельского жития Печерскую обитель, после долговременных трудов, почил о Господе, от сотворения Мира в лето 6596-е, а от Рождества Христова – 1088-е, при великом князе Киевском Всеволоде Ярославиче[2103]. И тело его положено в той же обители Печерской, в родной ему пещере, где и доныне нетлением мощей своих он свидетельствует о своей святости, которою и по смерти чудотворно украшает свою святую обитель; духом же он переселился в небесные обители для неизреченного, вместе с единонравными своими друзьями, преподобными Антонием и Феодосием, – лицезрения Божия, – уже не в образах, но лицом к лицу (1Кор. 13:12), и там, осияваемые верною славою, они, как три светильника, предстоят престолу Трисиятельного Божества и, как отцы, молятся о нас, своих детях, чтобы мы явились наследниками их благодати и славы праведною жизнью для Бога, Ему же слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святых мучеников Филита и Лидии

Память 23 марта

Сии святые мученики пострадали в царствование императора Адриана[2104]. Из них святой Филит синклитик[2105], его жена Лидия и сыновья их Македон и Феопрепий были христианами и всегда пребывали в служении истинному Богу. Поэтому они были схвачены и приведены к Адриану. На допросе император не в силах был противостоять мудрым ответам святых мучеников и отправил их для суда в Иллирию[2106] к военачальнику Амфилохию. Последний немедленно повелел повесить всех их на дерево и ножами строгать тела их, а потом они были заключены в темницу вместе с коментарисием[2107] Кронидом, который также веровал во Христа. Ночью, когда святые мученики молились и пели священные песнопения, явился им Ангел и укреплял их на предстоящий подвиг. На следующее утро святые снова были приведены к мучителю, и он сказал им:

– Вам предстоит множество мучений и пыток!

После этого он повелел вскипятить в медном котле масло вместе с серою и бросить туда святых мучеников. Но когда они были брошены, котел тотчас же охладился. Пораженный таким чудом, Амфилохий сам уверовал во Христа и, решившись войти в котел, сказал:

– Господи, Иисусе Христе, помоги мне.

Тогда послышался голос, сказавший ему:

– Молитва твоя услышана, войди сюда.

Узнав обо всем этом, Адриан, дыша гневом и угрозами, прибыл из Рима в Иллирию и приказал нагревать наполненный маслом котел в течение семи дней и затем бросить туда всех святых мучеников. Но когда святых бросили в котел, они остались целыми и невредимыми. После этого посрамленный император возвратился в Рим, а святые мученики стали молиться и благодарить Бога и среди молитв предали души свои Господу, приняв от Него мученические венцы.

Память во святых отца нашего Артемона, епископа Селевкийского

Память 24 марта

Блаженный Артемон был родом из Писидийского[2108] города Селевкии, в котором он и получил воспитание. Благочестивую свою жизнь он вёл во времена святых Апостолов, просвещавших мир Христовым учением. В то время, когда святой Апостол Павел пришел в этот город, Артемон из всех граждан оказался блистающим добрыми делами, подобно светильнику, которому нельзя было остаться скрытым. Его-то, как утвержденного в Христовой вере и преисполненного Божественной премудрости, святой Апостол Павел назначил людям в качестве пастыря и учителя, рукоположив в сан первого епископа Селевкии Писидиискоой. Блаженный Артемон хорошо и богоугодно управлял врученной ему паствой, был для всех пристанищем спасения, для вдов, сирот и нищих был выдающимся попечителем, чудотворным целителем и души и тела, и, проведя всю свою жизнь благочестиво и богоугодно, скончался в глубокой старости.

Память преподобного отца нашего Иакова Исповедника

Память 24 марта

Когда нечестивый греческий царь Лев Армянин[2109] возобновил иконоборную ересь[2110], проклятую святыми отцами на седьмом Вселенском соборе, и замучил многих за благоговейное почитание святых икон, – тогда пострадал и этот преподобный Иаков Исповедник, сведения о котором мы имеем от преподобного Феодора Студита[2111]. Блаженный Иаков был из числа его учеников. После изгнания преподобного Феодора за святые иконы многие из его учеников были взяты на мучение; блаженный Иаков тоже был захвачен и предан всевозможным терзаниям. Когда же нечестивый Лев Армянин был убит, святой Иаков, как и прочие исповедники Христовы, был освобожден из заключения, и, прибывши еле живым в свой Студийский монастырь, что в Царьграде, вскоре скончался и достойным образом был погребён. О его смерти блаженный Ипатий, исполнявший обязанность игумена вместо своего наставника святого Феодора, уведомил письмом последнего, которой уже возвращался из заточения и временно пребывал в Крискентовой обители.

Преподобный Феодор в ответ ему написал следующее: «Не без сердечной болезни, но и не без душевной радости, сын мой, мы получили от тебя известие о кончине возлюбленного нашего брата, Христова исповедника Иакова. Мы сожалеем о нем, как о сыне, и притом о таком сыне, коего я сам по грехам моим не достоин называться сыном. Мы радуемся о достижении им вечной жизни, уготованной ему Господом. Не только радуемся мы, для кого он, как святой член, служит превосходным украшением, но о нем радуется и вся Церковь. Подумай, за какого человека ты его принимал? Не за исповедника ли, не за мученика ли, не святого ли? Он мужественно боролся против чувственных побуждений, целомудренно сохраняя тело от похотей, и, употребляя при этом самую простую пищу, он тело подчинял разумной душе. Святой Иаков так мало спал, что для

тех, кто его видел, казалось удивительным, как он еще оставался здоровым. Он подолгу, насколько позволяло ему время, любил возноситься мыслями к Богу, и в этом богомыслии он углублялся до восхищения ума. Когда же он приходил в себя, всё это вызывало в нем Божественную любовь. Пусть кто-нибудь не подумает, что я в угоду слушающим говорю неправду – у меня есть свидетели – Бог и наставник святого Иакова – Иоанн, который рассказывал мне о нем то, чего я сам иногда не знал. Всё это было простым способом приучить себя к постнической жизни; что же касается того, сколько времени он проводил в подвигах исповедничества, и сколь велики были эти подвиги, – это было на виду и у Ангелов, и у людей. О твёрдое и дорогое сердце! Свой подвиг он совершил без боязни, подобно Божиему воину. Слуги мучителей всю его кожу покрыли ранами, изранили также плечи и грудь, выпустили кровь, раздробили тело и оставили его брошенным на земле. Он не испустил ни одного нетерпеливого звука, но до конца переносил угодные Богу мучения во имя Сына Его Христа, Бога нашего; ибо страдать за святую Его икону значит страдать за Него Самого. Пусть кроткие услышат и возвеселятся, пусть радуются мучениколюбцы, а диавол пусть устыдится и пусть рассыплется полчище иконоборцев! Потому что, кроме сего святого Иакова, они измучили, убили, уморили голодом и причинили иные тому подобные мучения многим другим исповедникам Христа, как нашим, так и не нашим (больше нашим, так как мы представляем собою одно тело по отношению к Иисусу Христу, Который есть глава всех).

Ввиду того, что от нестерпимых этих ран святой Иаков был расслаблен всеми членами, его тело, охваченное самыми тяжкими болезнями, было отдано на врачебное попечение. Каждый день готовясь к смерти, он с благодарением и смирением окончил свою жизнь. Ты пишешь, что он предсказал свою смерть, – это было от страдальческих его подвигов. Ты прибавил еще о том, что на его погребении присутствовало много народу, в том числе людей очень знатного рода, – всё это произошло по непостижимой воле Божией, потому что к человеку незнаменитому (но не по духу) не стеклось бы такое

множество людей, если бы то не угодно было Господу. Святой Иаков ушел на небеса и присоединился к своим сострадальцам; таким образом, увеличилось число исповедников и мучеников; поэтому небо веселится и радуется душе Иакова, молитвами которого мы, братья, спасемся. Он получил дар, достойный его трудов.

Счастливы и истинно благочестивы те, которые сошлись на его достойное погребение; они – истинные мучениколюбцы, участь коих пусть будет одинаковой с участью того, кого они почтили. О его честных мощах, если будет угодно Богу, позабочусь, как я писал в правилах. Целуйте друг друга святым лобзанием; письмо же это прочтите всем братьям. Вас целует господин архиепископ патриарх Никифор, протопресвитер, иконом и прочие братья. Да будет с вами Господь. Аминь».

Вот письмо святого Феодора Студита, из которого видны жизнь и страдание этого преподобного Христова исповедника Иакова, коего молитвами да удостоит Господь и нас на веки участи Своих святых. Аминь.

Воспоминание о чуде, бывшем в Печерском монастыре

Память 24 марта

Два знатных киевских мужа Иоанн и Сергий жили между собою в большой дружбе. Как-то раз пришли они в созданную Богом Печерскую церковь[2112] и увидели, что чудотворная икона Пресвятой Богородицы сияет светом ярче солнца. Перед этой святыней они заключили братский союз. Прошло много лет. Иоанн смертельно заболел. Он призвал печерского игумена блаженного Никона и при нем раздал свое имущество нищим; ту же часть, которую он оставлял пятилетнему сыну своему Захарии – тысячу гривен[2113] серебра и сто гривен золота – он отдал на хранение Сергию; ему же, как другу и верному брату, Иоанн поручил смотреть за сыном Захарией, прося его передать этому сыну серебро и золото, когда он вырастет. Устроив это, Иоанн вскоре скончался. Когда Захарии исполнилось пятнадцать лет, он хотел взять у Сергия свое серебро и золото. Соблазняемый диаволом, Сергий, думая разбогатеть, замыслил погибель души и тела. Он так ответил юноше:

– Твой отец всё имущество отдал Богу, у Него проси ты серебро и золото; Он должен тебе дать, если окажет милость. Я же ни отцу твоему, ни тебе не должен ни одной монеты. Это всё наделал твой отец, по своему безумию раздав имущество в милостыню, а тебя оставив нищим и убогим.

Услышав это, юноша стал плакать о деньгах, которых он лишился. После этого он обратился к Сергию с такой просьбой:

– Если ты мне дашь половину моего наследства, то у тебя останется другая.

Сергий же грубо укорял его отца и его самого. Тогда Захария просил третью часть, потом десятую и, когда увидел, что он лишен всего, сказал Сергию:

– Если ты ничего себе не взял, то приходи и поклянись мне в том в Печерской церкви перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, пред которой заключил ты братский союз с моим отцом.

Сергий не отказался, пошел в церковь и, став перед иконой Пресвятой Богородицы, поклялся в том, что он не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота. Когда же он хотел облобызать икону, то не мог приблизиться к ней. Потом, при выходе из дверей, он вдруг закричал:

– Преподобные Антоний и Феодосий! Не допустите этому злому Ангелу погубить меня, но умолите Пресвятую Богородицу, чтобы отогнала она от меня многих бесов, во власти коих я нахожусь. Пусть возьмут в моей комнате серебро и золото, запечатанное в сосуде!

Всеми овладел страх, и с тех пор никому уже не позволяли клясться перед иконой Пресвятой Богородицы. Посланные взяли запечатанный сосуд и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота: так Господь, Воздатель милостивым, вдвое увеличил деньги. Все деньги Захария отдал в полное распоряжение игумена Иоанна; сам же постригся в монахи и окончил жизнь в святом Печерском монастыре.

На эти деньги была построена церковь во имя Иоанна Предтечи, вблизи главной Печерской церкви. Церковь эта поставлена в память вельможи Иоанна и сына его Захарии, которым принадлежали деньги, и во славу Христа Бога и Пресвятой Богородицы Девы, еще более прославляемой на этом месте, от коего да не отступит никогда чудесная Ее благодать. Аминь.

Слово на Благовещение Пресвятой Богородицы

Память 25 марта

Когда наступила полнота времени и приближалось время избавления рода человеческого через Божественное вочеловечение, долженствовало, чтобы нашлась такая чистая, непорочная и святая дева, которая бы достойна была воплотить бесплотного Бога и послужить делу нашего спасения. И такая Дева нашлась: Дева – чистейшая всякой чистоты, пренепорочнейшая несравненно более всякого разумного создания, святейшая всякой святыни, Пречистая и преблагословенная Дева Мария, отрасль святых, праведных Богоотцев Иоакима и Анны, плод родительских молитв и пощений, дочь от рода царского и архиерейского. Нашлась на месте святом, в церкви Соломоновой, Она – долженствовавшая Сама быть одушевленною Церковью Божией. Внутри храма, в святилище, именовавшемся «Святая Святых», нашлась Та, Которая имела родить всех святых святейшее Слово (Из Акафиста Пресвятой Богородице). Там, с высоты славы Царствия Своего, призрел Господь на смирение рабы Своей и избрал Ее, предызбранную из всех родов, в Матерь Своему Предвечному Слову.

Из достоверных повествований святых мы узнаем, что еще до Архангельского благовещения Ей было таинственно предвозвещено воплощение от Нее Бога – Слова. Живя в храме около двенадцати лет, Пречистая Дева упражнялась не только в непрестанной богомысленной молитве и повседневном рукоделии, но и в чтении книг Божественных, поучаясь в законе Господнем день и ночь. Святой Епифаний и Амвросий пишут о Ней, что Она отличалась необыкновенным умом, любила учиться и прилежала к чтению Божественного Писания. Церковный историк Георгий Кедрин[2114] повествует о Ней, что еще при жизни Своих родителей Она хорошо изучила еврейские книги. Часто читая в пророчестве Исайи слова: «се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»

(Ис.7:14), что значит: с нами Бог[2115], Она воспламенялась горячею любовью не только к имеющему прийти ожидаемому Мессии, но и к оной Деве, Которая предназначена зачать и родить Его. При сем Она размышляла и о том, сколь велико достоинство соделаться Материю Еммануила[2116], Сына Божия, и сколь неизреченно сие таинство, чтобы Дева была Матерью. Ведая из пророчеств, что время пришествия Мессии приблизилось, что скипетр уже взят от Иуды и седмицы Даниловы оканчивались, Она полагала, что должна уже родиться на свет Та, предвозвещенная Исаиею, Дева, и часто из глубины сердца воздыхала и молилась в Себе, дабы Бог сподобил Ее видеть сию Деву и, если бы было возможно, быть у Нее хотя бы последнею рабою.

Однажды, когда по обыкновению Своему Она стояла на полунощной молитве и возносила к Богу таковые пламенные желания, внезапно свыше воссиял на Нее необыкновенный свет и облистал Ее. Из средины сего света раздался голос, говорящий Ей:

– Ты родишь Сына Моего!

Невозможно выразить словами ту радость, коею преисполнилась Пресвятая Дева, и того чувства, с коим Она поклонилась до земли, воздавая Богу Творцу Своему Свою благодарность. Так «призрел" Господь «на смирение рабы Своей» (Лк.1:48). Та, Которая, из любви к Богу, желала послужить чистой Матери Мессии, сподобилась Сама быть Ему Матерью и Госпожой всякого создания. Сие откровение было Ей на двенадцатом году Ее жизни, за два года до Ее обручения, и сей тайны Она никому не открывала до самого вознесения Господня. После этого откровения Ей стало известно, что в Ее девической утробе имеет быть таинство зачатия, и Она ждала времени, когда должно было совершиться событие сего таинства.

Когда, по свидетельству святого Евода[2117], исполнилось одиннадцать лет пребывания Пресвятой Девы в храме Соломоновом и наступил двенадцатый год, а по свидетельству Георгия Кедрина, Ей исполнилось четырнадцать лет от роду, архиерей и священники стали приказывать Ей, чтобы Она, по

обычаю законному, переселясь из храма в дом, подобно другим девицам Ее лет, вышла замуж. Но Она им отвечала, что Она еще от пелен отдана родителями единому лишь Богу, и Ему обещала сохранить навсегда Свое девство, а потому и невозможно Ей сочетаться с человеком смертным, и ничто в свете не принудит Ее вступить в брак, так как Она посвятила девство Своему бессмертному Богу.

Архиереи удивились новости сего обета, ибо не было еще на земле ни одной девицы, обещавшей Богу навсегда сохранить свое девство, и Она явилась в мире первою в сем отношении. Они стали советоваться между собою, как им поступить. Они не хотели, чтобы Она продолжала жить при храме, не хотели даже пускать Ее более в храм Господень за внутреннюю завесу, но в то же время не смели обручить мужу деву, обещавшуюся Богу, и недоумевали, как богоугодно устроить Ее безбрачную, девическую жизнь так, чтобы не прогневать Бога. Они почитали за великий грех и то, и другое: и принуждать к браку деву, обещавшую Богу вечное девство, и держать во «Святая Святых» деву, достигшую совершенного возраста. Святой Григорий Нисский говорит об этом так: «Пока Она была еще в юных летах, иереи соблюдали Ее, подобно тому, как Самуила во храме; но когда Она достигла совершенного возраста, то они советовались между собою: что им далее с Нею делать, чтобы не прогневать Бога». Церковный историк Никифор Каллист[2118] повествует о том же следующее:

«Когда святая Дева пришла в возраст, священники составили между собою совет, как Ее устроить, чтобы им не оказаться оскорбителями Ее святого тела, опасаясь, что совершат грех святотатства, если выдадут замуж и подчинят закону супружества Ту, Которая раз навсегда принадлежала лишь одному Богу; в то же время они говорили, что не подобает девице, достигшей такого возраста, пребывать во святилище, что сего закон не допускает, и сие недостойно и не приличествует святыне. И вот, приступив к кивоту завета и сотворив усердную молитву, они, как повествует блаж. Иероним, получили ответ от Господа, чтобы искали такого достойного мужа, коему бы могла быть вверена дева под видом

и образом супружества для хранения непорочного девства. Относительно же того, как найти такого мужа, совет Господень был таков: из дома и племени Давидова избрать безбрачных мужей и положить их жезл в алтаре – чей жезл процветет, тому святая Дева и должна быть вверена. В то самое время наступил праздник Освящения храма, установленный Маккавеями; начало праздника было 25 ноября, а отдание 3 декабря. И собралось тогда в храме из окрестных городов множество народа; пришли на праздник мужи и из рода Давида, родственники Девы Марии. Георгий Кедрин повествует, что святитель, великий Захария, отец Предтечи Господня, собрав двенадцать безбрачных мужей из племени Давидова, между коими находился и святой Иосиф, муж праведный и уже преклонных лет, взял жезлы их и положил на ночь во святом алтаре, говоря: «Господи Боже, яви мужа, достойного обручиться с Девою!» Наутро, когда священники вместе с двенадцатью теми мужами вошли в храм, жезл Иосифа был найден расцветшим, и на нем, как о том свидетельствует Иероним, сидела слетевшая свыше голубица. Тогда все познали благоизволение Божие, чтобы Дева была вручена на сохранение Иосифу. Некоторые думают, что и Пресвятой Деве, всячески избегавшей обручения и весьма заботившейся о чистоте Своего девства, как бы не было причинено Ей какое-либо оскорбление, было также особенное откровение, чтобы Она не усомнилась идти к родственнику Своему и обручнику Иосифу, мужу праведному, богоугодному и святому, не для плотского супружеского соединения, но на устроенное вышним промыслом соблюдение и хранение Ее девства. По совершении обручения святой Иосиф взял Пречистую Деву из рук первосвященника из храма Господня для чистого и непорочного сожития, не повреждающего цвета девства. И был святой Иосиф только мнимым Ее мужем, а в действительности целомудренным хранителем Ее девства и служителем Ее девического жития, исполненного великой святыни».

Живя в доме своего обрученника, Пречистая Дева не изменила прежнего образа жизни, какой Она имела во Святая Святых. Ни в чем ином Она не упражнялась, как только в

богомысленной молитве, в чтении Божественных книг и в обычном женском рукоделье. Дом Иосифа был для Нее как бы молитвенным храмом, из коего Она никуда не выходила, но всегда пребывала в нем в уединении, посте и молчании, беседуя только со Своими домашними, т.е. с дочерями Иосифа.

Георгий Кедрин повествует о Ней: «Мария в доме Своего обрученника пребывала в посте и избегала выходить в народ, проводя время с двумя дочерями Иосифа; с ними только иногда разговаривала, когда сие было необходимо, и то кратко».

По свидетельству святого Евода, после четырехмесячного пребывания Ее в доме Иосифа наступил час воплощения Бога-Слова, час от веков вожделенный для всего мира, в который началось наше спасение. И послал Бог единого из небесных духов, наиболее близко предстоящих у престола Его, Архангела Гавриила, с извещением о таинстве, сокровенном от века и неведомом самим Ангелам, – благовестить Пречистой Деве дивное зачатие Сына Божия, превосходящее всякое разумение и естество человеческое. Об этом благовестии святой Лука в Евангелии так пишет: «в месяц шестой послан был Ангел Гавриил от Бога» (Лк.1:26). То был шестой месяц после зачатия святого Иоанна Предтечи, и тот же Ангел, который благовестил Захарии зачатие Иоанна, послан был благовестить Пречистой Деве о зачатии Христа; в шестой же месяц он послан был для того, чтобы шестимесячный Предтеча во чреве Матери взыгрался от радости, ощутив пришествие Матери Господней. «Послан был Ангел Гавриил в город Галилейский, называемый Назарет» (Лк.1:26). Галилея тогда была страной языческой, хотя отчасти была населена и израильтянами, почему и в Писании говорится о ней: «Галилея языческая» (Ис 9:1). У израильтян же она считалась последнею областью и была презираема, потому что была заселена грешными и неверующими жителями; поэтому-то иудеи, уничижая ее, говорили: «разве из Галилеи Христос придет?» (Ин.7:41); «Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк» (Ин.7:52). Поэтому и Назарет, город Галилейский, считался у них самым ничтожным, самым убогим и последним городом, так что они говорили: «из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин.1:46).

Но обратим внимание на Божие благоволение. Где Он восхотел иметь Пречистую Матерь Свою? Не в стране Иудейской, не в святом и великом граде Иерусалиме, но в считавшейся грешной Галилее, в убогом Назарете, чтобы с одной стороны показать, что Он пришел на землю ради грешных: «Я пришел, – говорил Он, – призвать не праведников, а грешников к покаянию» (Лк.5:32), и из неверных язычников создать Себе Церковь верную; с другой стороны – дабы явно было, что Он милостиво взирает на смиренных, отверженных и уничиженных, а не гордых и знатных. Ибо когда Бог-Слово восхотел сойти с небес к грешникам, то с высоты славы Своей взирал, где было более грешников, и в Иудее увидел Он иерусалимлян, считавших себя праведниками и оправдывавших себя пред людьми, а галилеян всеми презираемых и считавшихся грешными более всех других. Итак, миновав мнимо Святую Иудею, Господь сошел в мнимо грешную Галилею, миновав и Иерусалим, сей великий, почитаемый и славный город; Он сошел в Назарет, городок убогий и презираемый, избирая для Себя в сем мире последнее место и смиряясь даже до образа раба и грешника.

Умален был Назарет, но какой великой благодати Он сподобился! Все прочие большие города израильские, до неба вознесшиеся, не могли сего удостоиться. В убогом Назарете – высшая всех святых Ангелов Дева, чрево Которой невместимый Христос-Бог пространнее небес сотворил. Сюда Архангел Гавриил посылается, здесь Дух Святой осеняет, здесь Бог-Слово воплощается; ибо где смирение, там и слава Божия воссияет. Города гордые не угодны были Христу, а смиренные приятны Ему. В бесславном городе Назарете Христос зачался, а в славном городе Иерусалиме Его распяли. В малом Вифлиеме Он рождается, в великом Иерусалиме Его предали на смерть. В смиренных Господь является, а гордые гонят Его от себя.

Святой Андрей Критский о ниспослании Архангела к Пречистой Деве говорит так: «Единому из первейших Своих Ангелов Бог повелевает возвестить тайну и, мановением Своего величия, как бы так вещает: «Гавриил! Иди в Назарет, город Галилейский: в нем живет Отроковица Дева Мария, обрученная

мужу, по имени Иосифу». «Иди, – говорит Господь, – в Назарет». Ради чего же? Ради того, что Всевышний приемлет вожделеннейшую красоту девства, как благовоннейшую розу из страны тернистой. «Иди в Назарет», чтобы исполнилось пророчество: «он Назореем наречется» (Мф 2:23). Кто же наречется Назореем? Тот, Кого Нафанаил назовет впоследствии Сыном Божиим и Царем Израилевым. Посылается Гавриил, которому и прежде повелеваемо было возвещать Божественные тайны, как об этом ясно сказано в книге пророка Даниила. «Иди в Назарет, город Галилейский», – говорит Бог Гавриилу и, пришедши туда, благовести Деве радость, которую некогда утратила Ева. Берегись, чтобы не смутить Ее; ибо сие приветствие твое – знак радости, а не печали, утешения, а не смущения. И может ли быть для человеческого рода радость высшая той, что естество человеческое соединится с естеством Божиим и, по причине сего соединения в Едином Лице, соделается единым с Богом! Может ли что быть изумительнее, как видеть Бога, смирившего Себя до того, чтобы быть носимым в утробе женской? О, поразительное чудо! Бог, Которому небо – престол, а земля – подножие ног[2119], Бог, Которого не вмещают небеса, Который Един со Отцом разделяет престол вечности, – вмещается в девической утробе! Может ли что быть удивительнее, как видеть Бога во образе человеческом, не разлучающегося в то же время и со Своим Божеством, и естество человеческое видеть соединенным с естеством своего Создателя, дабы Бог явился совершенным и всецелым человеком?»

«Гавриил, – продолжает св. Андрей Критский, – выслушав Божественное вещание и приняв повеление, подтвержденное мановением Божиим, но превышающее силы его, находился между страхом и радостью. Не сознавая себя достойным к исполнению Божественного повеления, но не дерзая и ослушаться его, он, повинуясь гласу Божию, отлетел к Деве и, достигнув Назарета, остановился при входе в дом Иосифа. Недоумевая и размышляя сам в себе, он как бы так рассуждал: «Как приступить к исполнению повеления Божия! Войти ли сразу

поспешно? Но тогда я могу возмутить спокойствие Девы. Войти ли медленнее?

Но тогда Дева, ощутив мое присутствие, восхочет скрыться. Постучаться ли в дверь? Но сие несвойственно Ангелам: ибо для бесплотных нет ничего запертого и возбраняющего вход. Отворить ли дверь? Но я могу войти и через затворенные двери. Назвать ли Деву по имени? Но сим могу испугать Ее. Войду лучше тихо и буду приветствовать Ее с кротостью, как и повелел мне Пославший меня. Но что я начну говорить Деве? Возвещу ли Ей прежде всего радость, или скажу, что Сам Бог имеет вместиться в Ней, что Дух Святой найдет на Нее, и сила Вышнего осенит Ее! Возвещу Ей прежде всего радость, а там поведаю и таинство чудесное. Приступлю к Ней и радостно воспою приветствие: «Радуйся! Веселись! Утешайся!» Сии слова будут самым приличным началом моей беседы с Девою. Она тогда уже не испугается, и помыслы не смутят Ее. Поэтому начну свое благовестие так: прежде всего принесу Ей весть радости и веселия, таковыми словами должно приветствовать Ее, как Царицу: ибо сие есть событие радости, время веселья, царство мира, совет Божий о спасении, начало утешения»».

Видите ли, с каким благоговением приходит Архангел к Богоотроковице, со сколь великим трепетным почтением приготовляется приступить к Владычице всего мира, как предварительно размышляет о тех, исполненных радости, словах благовещения, с коими должен обратиться к Ней. Достойно при сем обратить свое благоговейное внимание и на то, что он нашел Ее не вне дома и горницы своей, не на улицах городских посреди народа и мирских бесед, не суетящуюся дома в житейских попечениях, но упражняющуюся в безмолвии, молитве и чтении книг, как Ее ясно показывает и иконное изображение Благовещения, представляя Деву Марию с положенною пред Нею и раскрытою книгою, в доказательство непрестанного упражнения Ее в чтении Божественных книг и богомыслии. В то самое время, когда явился к Деве небесный благовестник, Она, как полагают Богомудрые отцы Церкви, имела в уме слова пророка Исайи: «се, Дева во чреве зачнет» (Ис.7:14), и размышляла, каким образом и когда будет то

странное и необычное для девического естества зачатие и рождение. Еще ранее сего времени Она, как выше уже было сказано по Георгию Кедрину, была извещена Божиим откровением, что не иная какая дева, но Она Сама послужит совершению таинства и родит желаемого Мессию. От сего извещения горела Она любовью Серафимскою к Богу и Творцу Своему и молила Его милосердие, да исполнит Он скорее совершение Божественного обетования Своего и пророчества Исайи, и с пламенным желанием говорила Себе: «Когда же настанет для Меня оное вожделенное время, и Создатель Мой, благоизволив принять от Меня плоть человеческую, сойдет с небес и вселится в Меня? Когда достигну того благословенного блаженства, чтобы соделаться Матерью Бога Моего! А до того времени, когда не достигну сего, слезы мои будут мне пищею день и ночь. Для ожидающих столь вожделенного и короткое время кажется слишком длинным».

Когда Пречистая Дева так размышляла и, в тайне сердца Своего, возносила с пламенною, горячею любовью к Господу богомысленную молитву, вдруг тихо предстал пред Нею благовестник Архангел Гавриил. Тот же святой учитель, Андрей Критский, так об этом пишет:

«Архангел Гавриил вошел в дом и, приступив к внутреннему покою, в котором Дева обитала, тихо приблизился к дверям и, проникнув внутрь, кротким голосом начал с Нею беседовать. «Радуйся, – сказал он, – Благодатная, Господь с Тобою! Сущий прежде Тебя – ныне с Тобою и скоро из Тебя произойдет; Сущий прежде всей вечности – ныне будет под временем». О безмерное человеколюбие (восклицает святой Андрей)! О неисповедимое милосердие! Архангел не только благовествует радость, но радость обитания Творца в Деве. Ибо слова его «Господь с Тобою!» явно показывают присутствие Царя, хотя и принявшего от Нее плоть человеческую, но тем нимало не отступившего от свойственной Ему славы! Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою! Радуйся, всечестное орудие мира, коим горестный приговор, осудивший мир на проклятие, применяется на радости! Призыв к блаженству! Радуйся, воистину Благословенная! Радуйся, Дева превосходнейшая!

Радуйся, прекрасный храм небесной славы! Радуйся, освященная палата Царя! Радуйся, чертог, в коем Христос обручился и сочетался с человечеством! Благословенна Ты в женах, Ты, Которую Исаия провидел пророческими очами и наименовал Пророчицей, Девою, книгою запечатленною! Благословенна воистину Ты, нареченная Иезекиилем денницею и дверью затворенною, через Которую прошел Единый Бог! Благословенна воистину Ты, Единая, Которую муж желаний, Даниил, видел, как гору, и Которую чудный Аввакум назвал горою приосененною, а царственный прародитель Твой, Давид, пророчески воспел горою Божиею, горою тучною, горою умащенною, горою, в коей благоволил вселиться Бог. Благословенна Ты в женах, Ты, Которую Захария, зритель Божественных Тайн, провидел, как превосходный светильник золотой, украшенный семью лампадами, означавшими семь даров Духа Святого. Воистину благоговейна Ты, вмещающая в Себе как бы рай и сад эдемский – Христа, Который, по Своему неизреченному всемогуществу, происшедши из Твоей утробы, как источник воды живой, напоил четырьмя евангельскими струями все лицо земли?»

Услышав такое приветствие Ангела, Дева смутилась от слов его и размышляла: «Что бы это было за приветствие?» Она смутилась, но не испугалась, потому что такое посещение не было совсем новым, нечаянным и внезапным. Появление Ангела не могло испугать Ее, ибо для Нее обычно было дружественное общение с Ангелами еще во время пребывания во Святая Святых, где, по свидетельству святого Германа, ежедневно принимала Она пищу из рук Ангела. Но Она от удивления смутилась потому, что Ангел прежде никогда не приходил к Ней в столь великой небесной славе, со столь радостным лицом и с такими преисполненными радости словами. Смутилась Она новостью всего этого, особенно слов Ангела, что он приходит с необычным приветствием, говоря: «Благословенна ты в женах!» (Лк.1:28), через то полагая Ее, Деву, в числе жен. Она смутилась, как целомудренная, но не устрашилась, как мужественная, и, как одаренная духом благоразумия и мудрости, размышляла Сама с Собою: «Что бы

это было за приветствие? Что хочет сказать Мне Ангел сим приветствием? Не введет ли Меня опять в храм Господень, или не принес ли он Мне с неба какую-либо новую пищу? Или не возвестит ли он новой тайны от Бога? Не научит ли он Меня, так много размышляющую и не могущую понять, как «Дева во чреве зачнет и родит сына» (Ис.7:14)? Что же будет из сего приветствия?» Тогда Ангел сказал Ей:

– Не бойся, Мария! Не сомневайся более о предреченной Исаией Деве. Ты – Та Самая Дева, Которая обрела такую благодать, чтобы бессеменно зачать Еммануила и родить Его неизреченно, как Он Сам то ведает. Ты обрела благодать Божию премногими Твоими добродетелями, особенно же тремя высочайшими: Ты обрела благодать глубоким Твоим смирением, ибо смиренным дает Свою благодать Бог, глаголющий: «На кого Я призрю: на смиренного и молчаливого» (Ис.66:2). Ты обрела благодать девственною чистотою Твоею; ибо Бог, как чистейший по естеству Своему, желает родиться от Пречистой и нетленной Девы; Ты обрела благодать у Бога Твоею пламенною любовью к Нему, ибо Господь сказал: «Любящих Меня Я люблю, и ищущие Меня найдут благодать» (Притч.8:17). А поелику Ты возлюбила и взыскала Его всем сердцем, то поэтому и обрела благодать у Него, и родишь Сына, не простого смертного, но Сына Божественного, Сына Вышнего, Бога от Бога, прежде веков от Отца без матери рожденного, от Тебя же, Девы – Матери, без Отца произойти имеющего. Его имя будет чудное и неизреченное: Ты наречешь имя Ему – Иисус[2120], что значит Спаситель, ибо Он спасет весь мир и воцарится, без сравнения, преславнее праотца Давида и всех прежде бывших царей из дома Иакова. Но царство Его будет не временное, а вечное, нескончаемое в бесконечные веки. – Как будет сие, – вопросила Мария Ангела, – когда Я мужа не знаю?

Пречистая Дева верила словам Ангела, ибо по благодати Божией, которой Она была исполнена, знала о том, что Она родит Благовествуемого, о чем получила извещение во время пребывания в храме от Самого Бога; но Ей неизвестно только было: как это сбудется, каким образом Дева, не познавшая

мужа, может родить? Потому Она и спросила Ангела: «Как будет сие?»

Рассуждая о сем, святой Григорий Нисский, от лица Ее, так говорит к Ангелу: «О Ангел! Поведай Мне образ самого рождения – и ты обрящешь сердце Мое готовым к совершению Божественного благоизволения: ибо я желаю Себе такового плода, но без нарушения девства».

Святой Амвросий о том же рассуждает так: «Хорошо вопросила Она Ангела: «Как будет это?» (Лк.1:34). Ибо Она, хотя и прежде читала, что Дева зачнет, но не знала о том, каким образом сие сбудется. Она действительно читала пророческое слово: «Се, дева зачнет», но как зачнет – об этом только ныне возвещает Ей Ангел во время благовещения.

И вот Ангел открывает Деве и самый образ зачатия, что зачатие сие будет не по естеству человеческому и обычному порядку, но сверхъестественно, «идеже бо хощет Бог, побеждается естества чин»[2121], что зачатие сие будет по действию Святого Духа: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя» (Лк.1:35).

От Него приимешь во чреве Твоем, и Он совершит в Тебе недоведомое зачатие. Тот, Кто из бездушной земли мог создать Адама, не тем ли паче возможет от живой Девы произвести Живого Младенца? Если Богу возможно было из кости Адамовой создать жену, не тем ли более Он может сотворить человека во утробе девической? Вседействующий Дух Святой соделает то, что в Твоей, Пресвятая Дева, Пречистой утробе, от Твоей плоти, таинственно устроится плоть бесплотному Сыну Божию. Через Тебя, дверь, чистотою запечатленную и девством хранимую, пройдет Господь, как луч солнечный проходит через стекло и кристалл, освящая и просвещая Тебя Божественною Своею славою; так что Ты будешь истинной Матерью Божиею, родившей совершенного Бога и совершенного человека, и нетленною Девою как до рождества, так пребывающей Ею и в рождестве и по рождестве: сие соделает в Тебе, наитием Святого Духа, сила Всевышнего. А что сие истинно, в удостоверение сего – да послужит тебе знамением то, что вот и родственница Твоя Елисавета, от юности бывшая бесплодной и

уже состарившаяся, зачала сына, ибо так угодно Богу, Который и из невозможного творит возможное. Ибо между людей кажется невозможным как то, чтобы нетленная Дева зачала и родила без мужа, так и то, чтобы зачала и родила бесплодная и состарившаяся женщина; но у всемогущего Творца все возможно, ибо «у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лк.1:37); по Его мановению и бесплодная старица зачала, и Ты, Дева, зачнешь.

Услышав от Ангела сие благовестие, Пречистая преклонилась пред волею Господа Своего и с глубочайшим смирением отвечала от исполненного любви к Богу сердца Своего: «Я – раба Господня, да будет Мне по слову Твоему» (Лк.1:38). И в то же мгновение, действием Святого Духа, совершилось во святой утробе Ее несказанное зачатие, без услаждения плотского, но не без восторга духовного. Тогда девическое сердце Ее особенно сильно растаявало Божественным желанием, и пламенем любви Серафимской горел дух Ее, и весь ум Ее, как бы находясь вне себя, погружался в Боге, неизреченно услаждаясь благостью Его. В сем наслаждении Ее духа всесовершенным Боголюбием и ума – Боговидением и зачался Сын Божий, и «Слово стало плотью и вселилось в нас» (Ин.1:14) вочеловечением».

Ангел, совершив, по повелению Божию, свое благовестие и трепетно, благоговейным поклонением почтив Воплощающегося во утробе девической и Деву, воплощающую в Себе Бога, отошел от Нее к престолу Господа – Саваофа, славя таинство вочеловечения Божия, со всеми небесными силами, в неисповедимой радости вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовествует. Темже и мы с ним Богородице возопиим: радуйся Благодатная, Господь с Тобою.

Кондак, глас 8:

Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице;

но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем ти: радуйся, Невесто Неневестная.

Собор святого Архангела Гавриила[2122]

Память 26 марта

На другой день после Благовещения Пречистой Девы Богородицы Церковь издавна постановила иерусалимским уставом и уставом великой обители святого Саввы праздновать собор святого Архангела Гавриила особым днем и песнопением, почитая сего радостного благовестника. И поистине, особого чествования достоин тот, кто послужил таинству нашего спасения, принес Пренепорочной Деве весть о воплощении Бога-Слова в пречистой утробе Ее. Если заслуженный посол и земного царя, принесший в какой-нибудь город царское милостивое слово, принят бывает всеми гражданами того города с особенною честью, то тем более должно почитать особым празднованием пречестнейшего посла Небесного Царя, величайшего князя Ангельского, пришедшего ко всему роду человеческому с премногомилостивейшим словом, возвещающим вечное наше спасение. И как велик сей посланник, который сам прежде открыл достоинство свое святому Захарии: «Я Гавриил, предстоящий перед Богом» (Лк.1:19), т.е. стоящий ближе других Ангелов к престолу Божию. Как в земном царстве приближеннейший к царю сановник, более осведомленный о тайнах царских, несравненно выше других сановников, более удаленных от царя, – подобно сему и в Царстве Небесном святые Ангелы, ближе предстоящие пред Богом, яснее созерцающие тайны Божии, сияют большею честью и славою, чем другие Ангелы низших чинов.

Священное Писание повествует, что пред неприступною славою Божиею всегда предстоят семь Ангелов высочайшего чина, начальствующих князей Ангельских. В книге Товита пишется, что спутник юного Товии возвестил о себе, что он один из семи святых Ангелов, предстоящих пред Богом. И святой Иоанн Богослов в книге Откровения своего воспоминает о этих семи начальствующих Ангелах, говоря: «Благодать вам и мир от Того, Который есть и был и идет, и от семи духов, находящихся пред престолом Его» (Откр.1:4). В числе этих семи считается и

Гавриил, вторым по числу, а после Михаила первым. Все они по именам исчисляются так: Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Селафиил, Иегудиил, Варахиил.

Если же кто спросит: почему Бог не послал к Пречистой Деве первейшего по чину из своих Ангелов – Михаила, но второго за ним Гавриила, – тому да будет известно, что сии семь высших Ангелов все равны по своему достоинству, и Михаил есть первый между ними только по числу. Каждый из них имеет свое особенное служение. Михаил – победитель супостатов; Гавриил – вестник Тайн Божиих; Рафаил – врач недугов человеческих; Уриил, будучи сиянием огня Божественного, есть просветитель потемненных; Селафиил – молитвенник, всегда молящийся Богу о людях и людей возбуждающий к молитве; Иегудиил – прославляет Бога: его служение в том, чтобы укреплять людей, трудящихся в чем-либо ради славы Божией и ходатайствовать о воздаянии за их подвиги; Варахиил – раздаятель благословений Божиих и ходатай, испрашивающий нам Божии благодеяния.

Итак, Михаил не был послан с благовестием к Пресвятой Деве потому, что его служение другого рода: держать всегда обнаженный меч, ополчаться против врагов и прогонять их. Послан же Гавриил, потому что то свойственно его служению – извещать таинства Божии. Он возвещал святому пророку Даниилу об освобождении людей Божиих из плена Вавилонского и о времени пришествия Мессии; он же возвестил святому Захарии о рождении Иоанна Предтечи от матери неплодной. Он и святого пророка Моисея наставлял в пустыне при написании Книги Бытия, передавая ему откровения Божии о первых родах и летах, начиная от создания мира. Благочестивое предание свидетельствует, что он благовестил святым праведным Иоакиму и Анне о зачатии Пречистой Богородицы и был Пренепорочной Отроковице Ангелом-хранителем от самого зачатия и рождения Ее, и пищу Ей приносил во Святая Святых; он же поэтому благовестил Ей и о зачатии Сына Божия. Кроме сего, Гавриил был послан с благовестием и потому, что в самом его имени заключен предмет благовествования. Имя Гавриил значит «крепость

Божия», также «муж-Бог». Итак, самым именем своим благовестник означает, что Бог крепкий, Владыка во утробе Девы соделывается совершенным человеком (мужем), т.е. является совершенным Богом и совершенным человеком, – совершенным не по возрасту телесному, а по крепости и разуму. Другие младенцы, зачатые в утробах матерей, ничего не разумеют, и нет в них никакой крепости, – напротив, Младенец, зачатый в Девической утробе Преблагословенной Марии, с самого мгновения зачатия Своего обладал разумом неисповедным и крепостью непобедимою, и потому и в малом теле был мужем совершенным. Сие провидя, пророк говорит: «И приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына. И сказал мне Господь: нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз. Ибо, прежде нежели дитя будет уметь выговаривать: отец мой, мать моя, [примет] богатства Дамаска и добычи Самарийские» (Ис.8:3–4). Это значит, что Младенец, еще не могущий говорить, будет уже иметь великую силу и крепость побеждать врагов Своих. Преобразованием сего служило самое имя Гавриила, которое значит: Муж – Бог, Крепкий Бог. И сей Бог в самое время его благовещения, наитием Святого Духа, зачался в нетленной девственной утробе. Святой Прокл, патриарх Цареградский, так об этом рассуждает: «Самое имя Ангела чудесно по своему значению, ибо благовестивший Деве Марии называется Гавриилом. Этим именем он предвозвещал и преобразовал Богочеловека, имеющего прийти в мир. Гавриил значит: Муж Крепкий, или Муж – Бог, происходит от слова Гавир, что значит: крепкий, или Бог, а в совокупности обоих речений это слово означает: Муж – Бог. Издревле еще предвозвестил сие Иеремия, говоря: «Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа» (Иер.31:22). Итак, высок весьма сей посланник Божий и по значению своего имени, и по роду своего служения, а еще более по той тайне, от века сокровенной и Ангелам недоведомой, которую ему первому открыл Бог и которую он принес Пречистой Деве. И чем величественнее была сия тайна вочеловечения Божия, чем выше она других тайн, через Гавриила же открытых прежде святым пророкам, тем большей чести с того времени

сподобился он в сонме самих Ангелов почитаемый ими как ближайший зритель внутреннейших и безвестнейших тайн Божиих».

Церковные учители, особенно Дионисий Ареопагит[2123], согласно говорят о тех семи высших Ангелах, что они всегда неотступно предстоят Богу. Другие Ангелы посылаются на различные служения, а сии, как приближеннейшие к Богу, всегда пребывают у престола Божия. Для возвещения высочайших тайн Божиих и для явления большей силы Божией, и они также посылаются, как говорит святой апостол Павел: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение?» (Евр.1:14). Но какое же явление силы Божией больше и какая тайна выше, как не тайна воплощения Христова, недоведомого, непостижимого, несказанного? Итак, для возвещения такой великой тайны подобало быть посланным и Ангелу великому, неотступному предстоятелю престола Божия, ближайшему зрителю тайн Божиих, каковым и был святой Гавриил.

Достойно внимания и то, к какому из девяти чинов Ангельских в трех иерархиях принадлежит святой Гавриил. Некоторые думают, что он находится в третьей, низшей иерархии, и есть чиноначальник среднего чина между началами и Ангелами, т.е. Архангельского, определенного на возвещение великих дел Божиих. Так думают частью потому, что он называется Архангелом, частью потому, что, как говорит святой Дионисий, посылаются на служение не высшие Ангелы, предстоящие близ престола Божия, но только низшие Ангелы, на то приставленные. Но достовернее то мнение, что святой Гавриил принадлежит к самому высочайшему чину Серафимскому и не посылается в менее важных действиях воли Божией, но посылается для возвещения только величайших тайн Божиих, какова была тайна воплощения Божия, и Архангелом он называется от того радостного благовестия, которое принес Пречистой Деве, и коим он исполнил радости не только Ее, но и всякое создание, не только дольнее (земное), но и горнее (небесное), как об этом воспевает святой Дамаскин: едино бо торжество обоим возсия, егда безплотный радость тебе принесе[2124]. А что святой

Гавриил должен быть причтен к Серафимскому чину, – узнаем из того, что никакой другой чин не восходит ближе Серафимов к престолу неприступной славы Божией, по неложному свидетельству святого Дионисия. По особому Божию распоряжению всякий чин Ангельский имеет свое место: иные чины ближе, другие далее, а Серафимский чин всех ближе к Богу, как говорит об этом Исаия: «Видел Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, вокруг него стояли Серафимы, у каждого из них по шести крыл» (Ис.6:1–2).

А как святой Гавриил есть один из семи ближайших Ангелов, предстоящих Богу, то он и должен быть чина Серафимского, второй между Серафимами. Согласно с этим святой Андрей Критский называет его одним из числа первейших Ангелов, говоря: «Одному из первейших Ангелов Бог повелевает возвестить таинство. Если же он был из первейших, то, конечно, из семи духов, всегда предстоящих Богу; и если из семи духов, то из Серафимов. Ибо кто из Ангелов выше Серафимов? Кто ближе их к престолу Божию? Итак, Гавриил есть Серафим, высший в сем чине».

Открывается сие еще и из того, что для великого дела Божия надлежало и послать великого Ангела. А так как воплощение Слова было величайшим из дел Божиих, то и послан был для возвещения его высший из Ангелов, святой Гавриил, как пишет об этом святой Григорий Двоеслов[2125] «Для исполнения сего великого служения надлежало явиться и высочайшему из Ангелов, ибо он возвещает несравненно высшее всех. Если некогда для прельщения Евы пришел главный князь тьмы, то надлежало также и к Пречистой Деве явиться для благовещения верховному князю небесного света, к пламенеющей Серафимскою любовью к Богу Марии надлежало и быть посланным Серафиму».

Итак, будем усердно чтить Гавриила, как начальнейшего князя в ликах Ангельских, как одного из ближайших к Богу семи Серафимов, как всемирного Архангела, возвестившего всему миру спасение; будем чтить его благоговейным поклонением и молитвенным пением, радостно совершая его память и воздавая ему благодарение за столь великие благодеяния его

роду человеческому, какие он прежде и ныне оказывает, непрестанно моля о нас воплотившегося Бога. Молитвами святого Архангела Гавриила да получим мы все оставление грехов!

О семи упомянутых здесь высших Ангелах должно заметить, что только имена четырех из них означены в Священном Писании. Так, в книге Даниловой пишется, что святой Михаил помогает евреям, тогда еще благочестивым чтителям Бога (Дан.10:13); в послании Апостола Иуды говорится, что он, споря о теле Моисея с диаволом, сказал ему: «Да запретит тебе Господь» (Иуд.1:9); Иоанн же Богослов, в своем откровении пишет, что он сражался со змием (то есть диаволом) (Откр. 12:7); о святом Гаврииле известно также из книги Даниловой, что он открывал пророку, в будущем, сокровеннейшие тайны Божии (Дан.8:16), и в Евангелии святого Луки сказано, что Гавриил благовествовал Захарии о зачатии Предтечи (Господня), а Пречистой Деве Марии – о воплощении Бога-Слова (Лк.1). О святом Рафаиле упоминается в книге Товита, где сказано, что он защищал молодого Товию от нечаянных напастей в пути, отогнал беса от девицы Сарры и возвратил зрение Товиту (Тов.12:15). О святом Уриеле пишется в третьей книге Ездры, что он предлагал Ездре взвесить «тяжесть огня» (3Ездр. 4:5).

О прочих же трех Ангелах, хотя поименно и не упомянуто в Священном Писании, однако, по разумению некоторых богомысленных толковников Божественного Писания, можно думать, что Салафиил есть Ангел, явившийся Агари в пустыне, когда она в глубокой скорби молилась; он сказал ей: «Услышал Бог голос отрока (Быт.21:17) и смиренную твою молитву». Имя Иегудиила усвояют тому Ангелу, которого Господь обещал послать израильтянам в пустыне, чтобы он довел их до обетованной земли, воздавая тем награду хранящим заповеди Божии во славу Господа (Исх.23:22–23). О Варахииле думают, что он был в числе тех трех Ангелов, которые явились Аврааму у дуба Мамврийского, благословили Сарру разрешением ее утробы от неплодства и дарованием сына Исаака и

прообразовали Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа (Быт.18).

Сии святые, высшие семь Ангелов, из коих Михаил есть первый, а Гавриил второй, издревле были, по благочестивому разумению святой Церкви, изображаемы на иконах и почитаемы созиданием во имя их храмов. Об этом церковная история повествует следующее:

Нечестивый император Диоклетиан[2126], жестокий гонитель христианства, строя для себя в Древнем Риме каменные термы[2127], повелел взять множество христиан и посылал их на ту работу, под строгою и немилосердою стражею, которая мучила и удручала святых. Там можно было видеть по несколько тысяч святых страдальцев, кои работали, обливаясь потом и кровью, и множество их там было погублено мечом и различными казнями за Христа. Таким образом, посредством сего тяжкого труда создалось здание столь огромное и прекрасное, как бы царские палаты. Когда же, по прошествии многих лет, эллинское нечестие вместе с царями своими погибло, а христианство, со вступлением на престол царей христианских, восторжествовало по всей вселенной – тогда верующие, жившие в Риме, взирая на прекрасные термы Диоклетиановы, вспомнили, что это здание построено руками христиан, и, очистив его от скверн языческих, обратили его в храм христианский во имя семи главных небесных духов, Архангелов и архистратигов Ангельских сил: Михаила, Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила и Варахиила.

Риму стали подражать и другие города, как-то: Неаполь в Кампании[2128] и Палермо в Сицилии[2129], где также созданы были каменные церкви во имя этих семи начальствующих Ангелов. Лица их изображены были на досках иконописью и мозаическою работою на стенах церковных, и каждый из них отличаем был от прочих особенными чертами, таинственно изображавшими их невидимое служение. Изображения Ангелов были там следующие: Святой Михаил изображен был попирающим ногами Люцифера[2130] и держащим в левой руке зеленую финиковую ветвь, а в правой – копье, на верху коей – белая

хоругвь с вытканным на ней красным крестом[2131]; Святой Гавриил изображен был держащим в правой руке фонарь с зажженною внутри свечою, а в левой – каменное зерцало из зеленого ясписа, по местам с красными крапинами[2132]. Святой Рафаил изображен держащим в левой руке немного поднятый сосуд с врачебными средствами, правою же – ведущим отрока Товию, несущего пойманную в реке Тигре рыбу[2133]. Святой Уриил изображен держащим против груди, в правой руке, обнаженный меч, а в левой, опущенной вниз, – пламень огненный[2134]. Святой Селафиил изображен с лицом и очами, склоненными вниз, и с руками, прижатыми к груди, как то бывает у человека, умиленно молящегося. Святой Иегудиил изображен держащим в правой руке золотой венец, а в левой – бич из трех черных веревок с тремя концами[2135]. Святой Варахиил изображен несущим на груди своей на одежде белые розы[2136].

Тропарь, глас 4:

Небесных воинств Архистратиже, молим тя присно мы недостойнии, да твоими молитвами оградиши нас кровом крил невещественныя твоея славы, сохраняя ны, припадающия прилежно и вопиющия: от бед избави нас, яко чиноначальник Вышних Сил.

Кондак, глас 8:

Пресветлыя, и Честныя, и Вседетельныя, Пренеизчетныя и Страшныя Троицы, ты еси, Архистратиже, славный служителю и молитвенниче, ныне непрестанно моли избавитися нам от всяких бед и мук, да зовем ти: радуйся, покрове рабом твоим.

Страдание святого священномученика Иринея, епископа Сирмийского

Память 26 марта

В царствование нечестивых римских царей Диоклетиана и Максимиана[2137], во время воздвигнутого ими на христиан жестокого гонения, верующие, подъемля на себя различные подвиги, с усердием принимали налагаемые на них за Христа мучителями страдания, взирая на вечное воздаяние. В сие время в Сирмии[2138], городе Паннонии[2139], епископом был муж молодых лет, но совершенный в православной вере и в законе Господнем. Имя ему было – Ириней. Ради любви ко Христу претерпевая множество гонений, он за исповедание Христово сподобился получить заслуженный венец победы.

Захваченный в Сирмии воинами, Ириней был приведен в Паннонию к игемону[2140] Пробу. Обратившись к нему, Проб сказал:

– Повинуясь законам царским, принеси жертву богам нашим.

Святой епископ Ириней отвечал:

– Тот, кто приносит жертву ложным богам, а не Единому истинному Богу, истребится из среды людей своих.

Игемон снова сказал:

– Всемилостивейшие цари всем повелели: или принести жертву богам, или быть подверженным мучениям.

– Мне заповедано, – отвечал святой, – скорее принять тягчайшие мучения, нежели, отвергшись истинного Бога, принести жертву бесам.

Игемон еще раз повторил:

– Или принеси жертвы богам, или немедленно повелю мучить тебя.

– Я возрадуюсь, – отвечал святой, – если ты сделаешь это со мною, ибо тогда и я буду причастником страданий Господа моего.

Тогда игемон тотчас же повелел воинам предать святого мучениям. Во время жестоких мучений игемон спросил его:

– Что скажешь, Ириней, – принесешь ли теперь жертву богам?

Святой на сие отвечал:

– Я приношу жертву добрым исповеданием Богу моему, Которому всегда и приносил.

Пришли родители святого и все его домашние и, увидев, что его беспощадно мучат, обнимая ноги его, умоляли пожалеть молодость свою и повиноваться царским повелениям. С одной стороны рыдали его отец и мать, с другой – все ближние, друзья и родственники громко плакали о нем, и все в один голос восклицали:

– Пожалей, Ириней, цветущую красоту твоей молодости.

Но святой, объятый высшим желанием к Богу и имея пред своим духовным взором Его заповедь, всем отвечал:

– Слова Господа моего Иисуса Христа таковы: «Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным» (Мф.10:33). Итак, знайте, возлюбленные, что ни мольбами вашими, ни царскими угрозами и никаким другим образом вы не в состоянии будете отвратить меня от Бога и от закона Его: я всей мыслью стремлюсь к надежде горнего[2141] звания.

Проб, снова призвав к себе блаженного Иринея, убеждал его, говоря:

– Тронься хотя слезами скорбящих о тебе, и оставь свое безумие, и, щадя юность свою, принеси жертву богам.

На это святой отвечал:

– Я пощажу себя навеки, если не принесу такой жертвы.

Тогда игемон повелел отвести Иринея в темницу, пока он решит, как с ним поступить.

Между тем святой, находясь в темнице в продолжение многих дней, от тяжести темничного заключения постигнут был различными болезнями. Но вот однажды в полночь областеначальник Проб приказал опять привести его к себе и сказал ему:

– Довольно с тебя уже и этих мучений, коим ты был в продолжение долгого времени подвергаем. Приступи лучше и принеси жертву богам нашим.

– Если ты решил, что делать со мною, – отвечал святой Ириней, – то делай скорее, не отлагая. Знай, что я остаюсь при том же исповедании имени Христова, при котором я до этих пор был; я и ныне есмь и пребуду до конца твердым и неизменным.

Тогда игемон, в гневе, повелел в продолжение долгого времени бить его палками. Он же среди мучений взывал:

– Я имею Бога, Которого от самых юных лет научился чтить: Ему я поклоняюсь, Ему и жертву приношу; но рукотворенным богам поклоняться не могу.

– Удовольствуйся уже и теми мучениями, – говорил ему Проб, – кои подъял на себя; не желай смерти.

Святой отвечал:

– Я и не умру, ибо мне принадлежит жизнь, и мук, кои ты причиняешь мне ради имени Господа моего Иисуса Христа, я не чувствую. Я скажу тебе даже гораздо более: через них надеюсь я получить не смерть, но жизнь вечную.

– Имеешь ли ты жену? – спросил Проб.

Святой отвечал, что не имеет. Тогда Проб еще спросил:

– Имеешь ли ты родителей?

– Не имею, – отвечал святой. Проб снова спросил:

– Имеешь ли ты сыновей или дочерей?

Святой и на это отвечал, что не имеет.

– Кто же, – спросил Проб, – были те, кои рыдали и плакали о тебе на суде?

Святой Ириней отвечал:

– Я исполняю заповеди Господа моего Иисуса Христа, Который сказал: если кто не отвержется родителей своих и не отречется от всего своего имения, «не может быть Моим учеником» (Лк.14:26), «и кто любит отца или мать, сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10:37). Итак, кто воистину любит Бога и на Него одного уповает, тот презирает земную суету, и никого не исповедует отцом своим, кроме Бога.

– Но я слышал, – сказал Проб, – что ты имеешь сыновей: итак, хотя ради любви к ним принеси жертву богам, чтобы они не погубили в лице твоем отца.

Святой Ириней отвечал:

– Сыновья мои имеют отцом Бога, Которого и я имею отцом и поклоняюсь Ему, ибо Он может и их, и меня спасти. Поэтому мы на Него истинно и совершенно уповаем, и вручили Ему души наши для того, чтобы не погибнуть. Твори же то, что повелено тебе твоими царями.

– Пощади себя и родителей своих, – убеждал Проб, – принеси жертву богам и подчинись царским повелениям, иначе я посредством различных мучений предам тебя гибели.

– Я уже сказал тебе, – сказал Ириней, – чтобы ты делал со мною, что хочешь, ибо ты хорошо знаешь, что я никогда не принесу жертвы твоим скверным богам. И вот смотри, сколь великое терпение дал мне Господь мой Иисус Христос против твоих и диавольских козней, через каковые он уготовал мучения святым Божиим.

– Вот, я произнесу тебе смертный приговор, если ты не принесешь жертвы богам, – сказал Проб.

Святой Ириней отвечал:

– Этим ты сделаешь мне приятное, ибо смертный приговор приведет меня к вечному блаженству.

Тогда Проб изрек святому следующий смертный приговор:

– Иринея, не повинующегося указам царским, повелеваю бросить в реку.

Святой Ириней сказал на сие:

– А я ожидал от тебя многообразных и жесточайших мучений, дабы ты познал, как христиане, ради веры в Бога, привыкли презирать смерть. Но так как ты совсем не приговорил меня к ним, то я радуюсь, что хотя сей приговор ты изрек мне.

Игемон, раздраженный таким дерзновением блаженного мужа, повелел усечь мечом главу его, и потом тело его бросить в реку. Святой же, как бы получая другой венец победный, услыхав на сие таковой ответ, благодарил Бога, говоря:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе, за то, что Ты даровал мне такое непреоборимое терпение в исповедании святого Твоего имени, чтобы мне сподобиться быть причастником вечной Твоей славы.

Когда он еще говорил сие, его повели на мост, называвшийся «Артемис», построенный в честь скверной богини их Артемиды[2142], с которого он долженствовал быть сброшенным. Там, сняв с себя одежды свои и воздев руки к небу, святой Ириней с умилением молился, говоря:

– Господи Иисусе Христе, изволивший пострадать для спасения мира! Да отверзутся небеса Твои для принятия души верного раба Твоего Иринея, который, ради имени Твоего святого, взят на страдание из Православной Сирмийской Церкви. Не отрекаюсь от приятия смерти. Но умоляю, Господи, Твое неизреченное милосердие, чтобы Ты сохранил и соблюл народ Твоей Церкви Сирмийской от всяких прилучающихся бед и зол, и от врагов видимых и невидимых, и благоизволил утвердить его в вере Твоей святой.

По совершении молитвы святой был усечен мечом во главу и сброшен в реку, называвшуюся Савой. Святой Ириней, епископ Сирмийский, был замучен 26 марта, во время управления Паннонией областеначальника Проба, в царствование же над нами Господа нашего Иисуса Христа, Которому – слава во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Малха

Память 26 марта

Преподобный Малх в юности своей был земледельцем села Маронийского, отстоявшего за тридцать стадий[2143] от Антиохии Сирийской[2144]. Он был один сын у родителей своих, и потому они, желая, чтобы он, как их отрасль, был наследником их рода, принуждали его к браку. Но на все их понуждения он отвечал одно:

– Я более желаю быть иноком, нежели мирянином.

Как только ни принуждали Малха к женитьбе – отец посредством различных угроз, мать посредством ласковых увещаний – он не послушался своих родителей и, наконец, тайно бежал, покидая для Бога дом, родителей и женитьбу. Он направился в пустынную местность, находившуюся между Иммой и Вирией. Там он нашел монастырь, иноки которого вели богоугодную жизнь. Предавши себя их наставлениям, Малх остался жить там и стал совершенствоваться в иноческих подвигах, трудами и постничеством умерщвляя в себе плотские страсти.

Спустя много лет пришла ему мысль: пойти в свое отечество, чтобы утешить мать свою, которая в это время овдовела, ибо он услышал, что отец его умер, и он думал продать свое наследственное имение и раздать вырученные за него деньги: частью нищим, частью на монастыри, и немногое оставить на свои нужды.

Узнав о таковом намерении Малха, игумен начал выговаривать ему, убеждая, что это – диавольское искушение и коварство исконного врага рода человеческого, искусно скрытое под образом как будто доброго дела.

– Это, – говорил он, – будет то же самое, о чем Писание говорит: «Пес возвращается на свою блевотину» (2Пет.2:22). Подобным образом многие монахи были прельщены, ибо диавол никогда явно ни с кем не ведет борьбы.

В доказательство игумен приводил Малху различные повести из книг, начиная с Адама и Евы, соблазненных

диаволом надеждою получения божеского достоинства и за то лишенных рая. Когда же игумен оказался не в состоянии убедить его, то припал к его коленам, умоляя не оставлять своей духовной дружины, чтобы не погубить ему самому себя, да не озирается назад возложивший руку свою на плуг (Лк.9:62). Однако Малх нисколько не послушал игумена и ушел из монастыря.

Прощаясь с Малхом, игумен провожал его со слезами, точно умершего на погребение.

– Вижу, чадо, – таково было последнее слово игумена к Малху, – что ты подпал власти сатаны. О причине твоего разлучения с нами я более спрашивать уже не буду и оправданий твоих не принимаю. Овца, вышедшая за ограду, тотчас же становится пищею волков[2145].

Таким образом, они расстались, и Малх пошел в путь свой.

Недалеко от той пустыни лежал большой общенародный путь из Вирии в Эдессу[2146]; на том пути на путников часто нападали сарацины[2147]. Поэтому путники, предпринимая путешествие, собирались вместе в одну толпу, на случай нападения сарацин, чтобы иметь возможность сопротивляться им и избежать плена; Малх также присоединился к такой толпе путников, достигавшей числом до семидесяти человек, среди коих было и несколько женщин. Когда они шли вместе тою дорогою, вдруг внезапно, к их ужасу, явилось множество полунагих измаильтян, вооруженных как бы на битву. Окружив путников, они перехватали их всех до одного, вместе с Малхом, и отвели в плен. Тогда Малх понял суету прежнего своего намерения и обольщение вражеское и каялся, что не послушался увещания игумена, отделился от духовной общины и присоединился к обществу мирскому, и вместе с прочими попал в плен иноплеменникам. Но раскаяние его было уже несвоевременно: желая прежде наследовать родительское имущество, он теперь сам стал собственностью сарацин. Когда пленники были разделены между варварами, инок Малх достался вместе с некоею женщиною одному арабу, который, посадив их обоих на верблюде, быстро отправился с ними в путь. Так как верблюд шел очень быстро, то Малх с женщиною

тою, сидя на нем, крепко держались друга за друга, чтобы не упасть, и так продолжали свое путешествие; пищею же их в пути было недоваренное мясо и верблюжье молоко.

Совершив продолжительный путь через Аравийскую пустыню и перешедши через одну большую реку, сарацины возвратились в свою страну. Господин Малха привел своих пленников к жене своей и велел им, согласно обычаю сарацинскому, поклониться его жене и детям. Малх должен был преклонить вместе с пленницей главу свою и поклонился своей госпоже, а та приставила Малха к домашней работе: носить воду, выметать сор и исполнять прочие самые тяжелые работы. Так работал Малх за преслушание отца своего – игумена, изменив совсем вид инока, ходя, по обычаю той страны, нагим и, по причине солнечного зноя, прикрывая одеждой лишь те части тела, кои необходимо прикрывать. Потом ему повелено было пасти овец в пустыне, и здесь Малх имел одну лишь ту отраду и утешение в своих бедствиях, что редко видел своих господ и соработников и, в уединении, находясь с овцами, вспоминал святого Иакова (Быт.30:36) и Моисея (Исх.3:1), также некогда пасших стада в пустыне. Питался он сыром и молоком и, пася овец, усердно молился, воспевая псалмы, коим научился в монастыре, и в том находил в плену своем утешение, благодаря Бога, что то монашеское житье, которое он погубил в своем отечестве, он снова обрел теперь в пустыне. Но коварство диавола на всяком месте столь изощренно, что нельзя себе и представить: ибо и там, при таковом житии, Малх был найден своим злокозненным врагом.

Сарацин, видя, что раб его Малх во всем служит ему усердно и верно и что скот его все приумножается, размышлял, какую бы дать ему награду за верную службу, и порешил дать Малху в супружество ту самую плененную женщину, которая была привезена вместе с ним на одном верблюде. Призвав Малха, он стал говорить ему о ней, чтобы он взял ее себе в супружество. Но Малх противился и говорил, что он – христианин, а по закону христианскому нельзя вступать в брак с женой, муж которой жив, ибо муж той женщины был отведен в плен другим сарацином. Тогда сарацин пришел в ярость и,

извлекши меч, хотел умертвить Малха, и если бы тот не поспешил в знак своего согласия обнять шею той женщины, то господин его на том же месте пролил бы его кровь.

Когда наступила ночь, монах взял с собою ту женщину в свою пещеру. О том, что происходило там между ними, сам блаженный Малх впоследствии рассказывал следующее:

– Вместо радости объяла меня скорбь, и вместо утешения – тоска. Мы гнушались друг другом и ничего не смели друг другу сказать. Тогда я совершенно познал всю тяготу моего плена и начал скорбеть о моем иночестве, столь неожиданно погубляемом. Для того ли я дошел окаянный! – говорил я, рыдая. – До того ли грехи мои привели меня, чтобы мне уже в старости погубить девство мое и стать мужем чужой жены? Какую пользу принесло мне, что я и дом, и родителей, и женитьбу – все оставил в юности ради Бога, если я сделаю ныне то, что презрел с самого начала? Не за то ли я теперь терплю все это, что, живя некогда в монастыре, я пожелал снова возвратиться на свою родину. Что же мы сотворим, о душа моя? Погибнем ли или победим? Дождемся ли благодающей руки Божией или убьем себя своим мечом? Возврати внутрь себя меч твой, душа! Нам надлежит бояться более твоей смерти, нежели смерти тела; ибо и для целомудренного девства есть свое мученичество. Поэтому пусть я буду лучше лежать здесь в сей пустыне как мученик, мертвым, без погребения, и сам буду для себя мучителем и мучеником!

С сими словами я поднялся от земли, извлек из ножен меч, который блестел в темноте, и, обратив его острым концом к груди, сказал женщине:

– Живи себе жена! И лучше пусть я буду для тебя мертвым мучеником, нежели живым мужем. Она же упала к моим ногам, восклицая ко мне:

– Господом нашим Иисусом Христом и сим тяжким часом заклинаю тебя и умоляю не проливать крови своей ради моей жизни. Если хочешь умереть, то прежде на меня обрати меч и вонзи его в меня и, убив сначала меня, убивай потом себя, чтобы таким образом нам соединиться друг с другом; ибо я уже решила в душе, хотя бы и муж мой был возвращен мне,

сохранить до самой кончины своей чистоту, которой я научилась в сем плену, и я желаю лучше умереть, чем нарушить ее. Не потому ли ты хочешь умереть, чтобы не совокупляться со мною? Но и я желала бы умереть, если бы ты захотел сего. Итак, пусть я буду для тебя супругой целомудрия и между нами да будет общение духовное, а не телесное, так чтобы господа наши считали тебя моим мужем, Христос же будет знать, что ты мне – духовный брат. Тогда господа наши будут доверять нам, думая, что мы пребываем в плотском супружестве, если увидят между нами любовь.

– Я ужаснулся (говорил святой Малх) и удивился такому целомудрию этой женщины, и возлюбил ее, и мы заключили условие пребывать вместе в целомудрии. Но я никогда при этом не смотрел на ее тело, даже не касался ее рукою, боясь в совместной, согласной жизни с ней погубить девство мое, которое я соблюл в самом начале восставшей на меня, со стороны плоти, лютой брани (доселе слова блаженного Малха).

В таковом духовном супружестве преподобный Малх прожил с тою целомудренною женщиною продолжительное время. Они приобрели благорасположение своих господ, так что у них не было и никакой мысли о бегстве. Иногда Малх по целому месяцу не был в доме своего господина, как верный и усердный пастух его стада в пустыне.

Однажды, спустя уже много времени после своего пленения, преподобный Малх находился один в пустыне и, никого не видя, кроме неба и земли, начал в своем уединении вспоминать свое прежнее совместное пребывание в монастыре с монахами, и особенно отца своего игумена, которым он был научен Божественному Писанию и иноческому житию. И стал он размышлять о словах его, коими он был увещаем не отлучаться из обители. Вспоминая и размышляя о сем, Малх заметил пред собою множество муравьев. Двигаясь на небольшом тесном пространстве, они носили на себе тяжести более самих себя: одни носили семена; другие – землю изнутри муравейников, устрояя себе некоторую защиту от дождя; третьи, заготовляя себе на зиму пищу, раздробляли своими жалами зерна, иные выносили трупы своих мертвецов. И что всего удивительнее –

при столь великом множестве муравьев, они, выползая наружу и вползая в муравейники, не мешали один другому, не задерживали и не теснили друг друга; напротив, если замечали, что какой-либо из них несет слишком большую тяжесть, тотчас же другие помогали ему. Смотря на то, Малх вспомнил слова Соломона: «пойди к муравью, ленивец, и посмотри на действия его… он собирает во время жатвы пищу свою» (Притч.6:6–8). Притом ему пришло на мысль, что жизнь его в монастыре подобна муравейнику, где все вместе работают и никто ничего своего собственного не имеет, но все общее, и начал сильно скорбеть о своем пленении, о сердечными воздыханиями, желая увидеть монастырь свой и жить в своей прежней келье. Когда он возвратился в имение господина своего и шел к своей хижине, его встретила жена и, увидав его с печальным и смущенным лицом, спросила:

– Отчего ты так печален!

Малх рассказал ей о своих помышлениях. Она же стала уговаривать его бежать и при этом просила, чтобы он не оставлял ее, но взял бы с собою и отдал бы после в какой-нибудь женский монастырь. После долгого совещания о том они начали приготовляться к бегству, перешептываясь друг с другом и колеблясь мыслями между чувствами надежды и страха.

В стаде, которое пас Малх, были два больших козла. Убив их, он сделал из кож их два меха и приготовил в путь сушеное мясо, и однажды, поздно вечером, вместе с сестрою, возложив надежду на Бога, они вышли из дому и быстро пошли. Достигнув большой реки, отстоявшей от жилища сарацина на девять стадий, они надули меха, крепко завязав, сели на меха и поплыли по реке, управляя ногами, как веслами, и переплыли на другую сторону; мясо же, которое взяли в путь, намокнув в воде, потонуло, и осталось его только очень немного, так что с трудом могло хватить им на три дня. Удовлетворив достаточно жажду водою из реки, чтобы не жаждать в предлежащем бегстве, они пустились в путь, быстро поспешая, более ночью, нежели днем, частью из страха сарацин, частью же из-за солнечного зноя, весьма сильно там палящего; но иногда они

шли и днем, хотя и были опаляемы зноем, и часто озирались назад, боясь, чтобы не погнался за ними господин их.

На третий день, когда Малх и названная жена его на пути обернулись назад, то увидали издали двух сарацин, которые быстро гнались за ними на двух верблюдах, и тотчас же поняли, что это господин их гонится за ними по следам, оставленным ими на песке, и пришли в великий страх, и помертвели, ожидая, что они будут убиты сарацином. В это время, по промышлению Божию, они заметили направо от себя глубокую пещеру и вбежали в нее и стали налево при входе, но не входя вглубь самой пещеры, потому что боялись, избегнув смерти, снова подвергнуться ей, ибо в таких пещерах обыкновенно обитали дикие звери или змеи, скорпионы и другие ядовитые гады. И так, боясь смерти с обеих сторон: и от гонящегося за ними господина и от скрывающихся в пещере, они стояли в страхе, как бы уже умершие; но при этом они помышляли и то: «Если Бог поможет нам, бедным, то мы избавимся от смерти, а если Бог не снизойдет к нам, грешным, то пещера эта будет нам гробом».

Между тем сарацин с рабом своим достиг пещеры. Связав верблюдов одного с другим, он остановился перед входом в пещеру с обнаженным мечом, раба же своего послал вывести Малха и его спутницу из пещеры, потому что сам хотел умертвить их. Когда раб вошел в пещеру на расстояние трех или четырех лактей[2148], то прошел мимо их, ибо вошедшему в тень от солнечного света невозможно было увидеть близ стоявших, и они увидали раба того в спину. Раб же громко восклицал с сильными угрозами:

– Выходите, злодеи, выходите, чтобы быть убитыми! Чего вы медлите? Выходите, господин ожидает вас.

В то время, как он восклицал это, внезапно из глубины пещеры выбежала львица, схватила его за горло и, умертвив, повлекла в свое логовище. О преблагий Господи! Сколь велик Промысл Твой о рабах Твоих и сколь скора помощь Твоя в крайнем бедствии! Заметили то Малх и его жена, и были они в великой радости вместо боязни от того, что видели одного врага своего погибшим, ибо не знали про другого, угрожавшего им

пред входом в пещеру. Сарацин, видя, что раб замедлил в пещере, и не слыша более его голоса, думал, что двое сопротивляются ему одному и, будучи не в состоянии от ярости более ждать, устремился в пещеру, как стоял, с обнаженным мечом, свирепо рыкая от злобы, как зверь. Но львица, услыхав его голос, выбежала навстречу ему и, когда он достиг беглецов, бросилась на него и умертвила его, волоча мимо их в свое логовище.

Видя таковую чудесную и нечаянную Божию помощь и заступление, преподобный Малх с блаженною той женщиной возблагодарили Бога за Его превеликое милосердие. Но и после этого радостного обстоятельства страх не оставлял их, ибо они думали, что львица умертвит и их, однако они желали лучше погибнуть от зверя, нежели впасть в руки бесчеловечных людей. Львица же, взяв в зубы своего детеныша, вышла из пещеры. Малх с названною женою своей долго молча стояли, но, увидав, что львица не возвращается, вышли из пещеры, когда день уже склонялся к закату. Увидев стоявших вблизи пещеры верблюдов с запасом пищи и воды, они стали есть и пить; потом, насытившись и подкрепившись, сели на верблюдов и радостно отправились в путь, благодаря Бога. По прошествии десяти дней они миновали ту пустыню и приблизились к полкам греко-римским. Они рассказали все относительно себя начальнику полка, а тот отослал их к месопотамскому воеводе Савину. Воевода, купив у них верблюдов и радушно напутствовав их, отослал в их отечество.

Возвратившись на родину, Малх отдал блаженную женщину ту и свою сестру духовную в женский монастырь, а сам возвратился в свою обитель, из которой некогда ушел. Игумена и наставника своего духовного он уже не застал в живых. Тогда он поведал братии все случившееся с ним и поселился в монастыре безысходно, увещевая прочих иноков никогда не ослушиваться игумена и из монастыря не выходить. Богоугодно прожив остальное время своей жизни, Малх преставился ко Господу, оставив по себе образец целомудрия, чтобы последующие поколения ведали, что девственная чистота не побеждается ни мечом, ни пустынею, ни зверями; ибо

предавший себя Христу может умереть телом, но духом побежден быть не может, укрепляемый Самим Христом Богом, Которому слава вовеки. Аминь.

Память 26 мучеников Готских[2149]

Память 26 марта

Сии святые мученики пострадали при готском царе Унгерихе в царствование римских императоров Юлиана, Валентиниана и Грациана[2150]. В то время, когда они, будучи христианами, совершали богослужение и прославляли Бога в храмах своих, Унгерих послал своих слуг, которые по его повелению подожгли храмы и сожгли всех находившихся в них, числом 308 человек. После этого, если встречали христианина, несшего во храм приношение, то, схватив, его подвергали допросу и, если он исповедовал свою веру во Христа, то его тут же бросали в огонь, и таким образом вместо приношений приносились Христу тела христиан. Эти тела святых мучеников собирала супруга другого готского царя, по имени Алла, готка по происхождению и правоверная христианка[2151]. Передав правление своему сыну[2152] и взяв с собою пресвитеров, она переходила с места на место, пока не поселилась вместе с дочерью своею Дуклидою в стране Сирской[2153]. После этого она призвала к себе сына своего, и, когда тот пришел, она возвратилась с ним в Готию, а мощи святых отдала дочери своей, которая в царствование Валентиана и Феодосия пришла в Кизик[2154] и отдала часть мощей в этом городе на освящение храма. Возвратившись в Готию, святая Алла была побита камнями вместе с Агафоном и таким образом приняла мученическую кончину, а Дуклида мирно скончалась, спустя несколько лет после смерти своей матери.

Житие преподобного отца нашего Василия Нового

Память 26 марта

В десятый год царствования благочестивых царей греческих, Льва Мудрого[2155] и брата его Александра[2156], сыновей императора Василия Македонянина[2157], некие магистриане[2158], возвращаясь из Асийской страны[2159], куда они были посланы по царскому повелению, и проходя мимо одной пустынной горы, увидели ходившего по ней человека, покрытого худым рубищем и видом весьма необычайного и даже страшного, потому что он вырос в пустыне, вдали от людей. Удивившись странному зраку его, магистриане погнались за ним и схватили его; потом, думая, что это лазутчик (между тем как, на самом деле, это был блаженный Василий, о житии которого мы повествуем), они связали сего дивного мужа и повели за собою в царствующий град – Константинополь.

Представ пред царями, магистриане поведали им о схваченном в пути человеке. Тогда царь Лев, увидев святого, повелел подвергнуть его допросу и поручил некоему патрицию[2160] Самону, агарянину[2161] по происхождению, расследовать: кто он, откуда и как ему имя.

Самон ввел человека Божия в свой дом. Затем, воссев на судилище, окруженный советниками, с подобающим его сану величием, он повелел представить ему блаженного Василия. Представ пред патрицием, святой не воздал ему чести и поклонения. Патриций же спросил его:

– Кто ты, и откуда, и как тебе имя?

Но блаженный «не дал ему ответа» (Ин.19:9)[2162] и молча стоял, кроткими очами смотря на судью своего.

Тогда Самон снова спросил его:

– Возвести нам, откуда ты?

На это святой ответствовал:

– Лучше ты сам скажи, кто ты и откуда?

И сказал ему Самон:

– Спрашиваем мы тебя, и ты должен отвечать нам. А кто я, о том тебе не следует вопрошать. Впрочем, если ты так уже хочешь узнать обо мне, кто я такой, то я скажу тебе. Я – Самон, патриций и старейшина кувикулариев[2163] ныне царствующих самодержцев. Теперь скажи ты мне: кто ты и откуда и чем занимаешься?

Блаженный ответил:

– Я один из пришлецов и странников, обитающих на земле.

– Итак, правильно говорят о тебе, что ты лазутчик, пришедший для осмотра греческой земли? – спросил святого Самон.

На это преподобный ничего не ответил ему. И многие из присутствовавших на допросе понуждали его к ответу, говоря:

– Кто ты?

Но святой и им не отвечал ничего.

Тогда Самон повелел принести железные прутья, сухие воловьи жилы и другие, наводящие ужас, орудия пытки; и все это для устрашения святого разложили пред ним, в надежде, что он устрашится мук и расскажет о себе. Но преподобный, увидев все эти страшные орудия, не обмолвился ни единым словом. Тогда патриций повелел разложить блаженного Василия на земле и бить его воловьими жилами, вопрошая:

– Кто ты?

Испытывая жестокие удары, преподобный не нарушил своего молчания и терпеливо сносил все мучения. А истязатели били его до тех пор, пока им не показалось, что он должен скоро умереть; поэтому, взяв святого, как бревно, не могущее двигаться, они понесли его и ввергли в темницу.

На другой день патриций Самон – этот зверь неукротимый, воссев на судилище, повелел снова привести к себе узника. Посланные за блаженным Василием нашли его вполне здравым и невредимым, стоящим в ожидании их вне темницы, хотя двери темницы оставались запертыми. Удивленные, они стали спрашивать святого:

– Поведай нам, как ты вышел из темницы, двери которой накрепко заперты.

Но блаженный ответа не дал и молча пошел за ними, чтобы предстать пред лицо патриция.

Тогда некоторые из посланных за святым Василием пошли вперед и рассказали обо всем случившемся Самону: как нашли они блаженного вне темницы, хотя затворы ее были целы. Самон и все бывшие с ним удивились, услышав рассказ их, и не поверили им. Некоторые же говорили про святого, что он волхв и сотворил такое чудо силою волшебства. Между тем блаженный предстал пред патрицием Самоном, и Самон снова начал допрашивать его настойчиво и долго, всячески понуждая его сказать, кто он и откуда. Но преподобный продолжал хранить молчание и не давал патрицию ответа. Сильно разгневался на святого Самон и повелел снова растянуть его на земле и нещадно бить палками, доколе он не расскажет о себе и своем происхождении. И били они святого долго, так что сломали шесть жезлов, но не могли вынудить у него признания: блаженный Василий доблестно претерпевал все мучения, не нарушая своего молчания ни единым словом, так что все дивились неизреченному терпению и молчанию его. Патриций же Самон произнес при этом:

– Знаю, что этот соглядатай надеется впоследствии величаться и говорить: молчанием победил их. Но я готов поклясться жизнью самодержцев наших, что не попущу ему хвалиться и надругаться над нами. Сказав это, Самон повелел снова отвести преподобного в темницу и в течение всей последующей недели бить его, налагая каждый день триста ударов плетьми и триста палками. Блаженный же Василий терпеливо сносил все мучения, скрывая втайне доблестные подвиги свои и не желая рассказывать другим о своей подвижнической жизни. Ибо от юности он стал иноком и поселился в пустыне, в которой скитался много лет, проводя в суровых пустыннических подвигах жизнь свою, питаясь только злаками и кореньями, ходя постоянно босым и покрываясь худым рубищем. О такой добродетельной и полной подвигов жизни святой не хотел никому рассказывать, и потому-то на все вопросы патриция Самона об образе жизни его отвечал молчанием, памятуя повеление Небесного Владыки,

сказавшего: «Пусть левая рука... не знает, что делает правая» (Мф.6:3). Ибо всякий, кто обнаруживает пред людьми добрые дела свои, приемлет на земле мзду свою в похвале от людей, а вечной и небесной славы лишается; кто же желает достигнуть вечной награды, тот должен утаивать от людей свою добродетель, и если, не оцененный людьми, он подвергнется от них поруганиям и даже истязаниям, то и в таком случае он должен молча и терпеливо сносить злобу людскую; тогда он воистину заслужит наименование мученика. Все это ведал преподобный Василий и, желая получить славу не у людей, но у Бога, терпеливо переносил причиняемые ему жестокие страдания, не желая выдавать своей тайны. По прошествии недели, в течение коей святой ежедневно был подвергаем ударам, патриций Самон, видя, что блаженный остается непоколебимым и не открывает своего имени и происхождения, снова воссел на судилище и повелел привести к себе преподобного. И когда тот предстал пред ним, Самон гневно посмотрел на него и сказал:

– Нечестивейший из людей, доколе ты будешь таиться от нас? Скажешь ли ты мне, кто ты и откуда? В ответ на это святой сказал:

– Нечестивейшими подобает называть тех, кто, подобно тебе, творит втайне содомские дела[2164].

При таком обличении от преподобного Самон смутился, испытывая великий стыд и срам пред всеми бывшими там; затем, возгоревшись неукротимою яростью и гневом на святого, повелел принести ремни, скрутить преподобному руки сзади, веревками крепко обвязать ребра его, притянуть к ним правую ногу святого и в одном крытом помещении повесить его на перекладине вниз головою. Двери же помещения того он запер и запечатал своим собственным перстнем и оставил преподобного висеть, пока не назовет своего имени и происхождения. Все бывшие там в душе сожалели о блаженном Василии и роптали на Самона, называя его окаянным и порицая его за причиняемые им мучения ни в чем не повинному человеку Божию.

Три дня и три ночи висел на перекладине святой Василий. На четвертый день нечестивый мучитель Самон отворил двери храмины, в которой находился мученик, и, пришедши к нему, увидел, что лицо его спокойно и светло, как будто он не испытывал никаких мук. Удивленный патриций спросил блаженного:

– Что же ты не говоришь мне: кто ты и откуда? Разве страдания не вразумили тебя?

Преподобный и на этот раз ничего не ответил ему. Тогда мучитель повелел снять его и освободить от ремней и веревок, которыми он был связан. Будучи разрешен от всех пут, святой, благодатью Христовой, мгновенно исцелился от всех ран и повреждений своих и стал совершенно здоровым. Все видевшие это преславное чудо удивлялись и недоумевали. Нечестивый же Самон, также пораженный случившимся, в ослеплении воскликнул:

– Не говорил ли я, что человек этот волхв и волшебник? Ведь он, несмотря на все мучения, какие достойно воспринял от нас, остался здравым и невредимым. Но все-таки я скоро разрушу волшебную силу его: призовите ко мне надсмотрщика за зверями. И когда тот пришел, Самон сказал ему:

– Выбери самого свирепого льва и сегодня не давай ему обычной пищи, чтобы завтра утром он был голоден; тогда увидим мы, одолеет ли свирепого зверя этот волшебник.

На другой день утром множество народа собралось к назначенному зрелищу. И вот выпустили огромного и свирепого льва, громко рычащего от голода; привели туда и блаженного Василия и бросили ко льву на съедение. Но дикий зверь, увидев святого, затрепетал; затем, подошедши к нему, покорно лег у его ног и лежал, как незлобивый агнец, так что все дивились и в ужасе взывали:

– Господи, помилуй!

Преподобный же, наклонившись к лежавшему у ног его льву, погладил его правою рукою, а потом, взяв его за ухо, вывел вон, громко возглашая:

– Вот агнец ваш, вот агнец!

Нечестивый иноплеменник Самон не был, однако, вразумлен этим дивным чудом и не захотел признать, что мучимый им человек есть святой угодник Божий. Продолжая упорствовать в своей ярости против блаженного и истощив все средства, дабы вынудить у него признание, Самон повелел слугам своим ночью потопить его в море. Те так и сделали. В третью стражу ночи они посадили мученика в ладью и, отплыв от берега, ввергли его в море, а сами возвратились назад. Но Бог, хранящий святых Своих, не попустил блаженному погибнуть в пучине морской. Когда только его ввергли в море, тотчас же два морские дельфина[2165], по изволению Божию, подхватили преподобного на свои хребты и вынесли на берег, называемый Евдом, предместье Константинополя, где и посадили его на суше. При этом руки и ноги святого разрешились от пут, которыми они были связаны, и он беспрепятственно поднялся на ноги и пошел к городу. Но так как Золотые ворота города[2166], к которым подошел святой, были еще не отворены, то он присел около них, намереваясь немного отдохнуть.

В это время подошел к Золотым воротам один человек, по имени Иоанн, одержимый лихорадкою; стеная и трясясь от болезни, он сел близ святого Василия. Блаженный сжалился над ним, возложил на него руки и, помолившись Господу, исцелил его. Почувствовав себя исцеленным, человек тот пал к ногам преподобного и начал молить его, чтобы он пошел с ним в дом его. Святой Василий с радостью исполнил его просьбу, хотя исцеленный был из самых бедных и незначительных граждан Константинополя.

У Иоанна была жена, по имени Елена. Вместе с нею он с любовью принял преподобного в дом свой; когда же настало время обеда, они предложили ему трапезу, и все ели с весельем. За трапезой Иоанн рассказал жене своей, как исцелил его блаженный призыванием имени Христова, и она сильно возрадовалась о таком госте. Ибо она была христолюбива и страннолюбива и проводила жизнь свою в страхе Божием; потому-то она и радовалась, что сподобилась принять в дом свой угодника Божия.

Иоанн и Елена начали умолять святого, чтобы он сказал им, кто он и откуда. Но святой ответил:

– Кто я и откуда, об этом пока не следует говорить. После вы узнаете об этом, а теперь отпустите меня помолиться в монастырь Нерукотворенной иконы Пресвятой Богородицы, изобразившейся сама собою.

Сказав это, он встал и, в сопровождении Иоанна, отправился в монастырь Пресвятой Богородицы на молитву; по окончании же молитвы, уступая настойчивым просьбам Иоанна, святой возвратился в дом его. Тут Иоанн и подруга его снова начали умолять блаженного, неотступно досаждая ему, чтобы он поведал им о себе. Тогда святой Василий сказал:

– Я – тот, кого патриций Самон ввергнул в глубину морскую. Господь мой Иисус Христос, Которому я служу от юности, извлек меня из глубины Ему Одному ведомым образом и сохранил невредимым.

При этом блаженный поведал, что он нарекается Василием, и по порядку рассказал обо всем, что претерпел он от нечестивого и жестокого мучителя Самона.

Слушая рассказ блаженного Василия, Иоанн и Елена удивлялись и вместе с тем припоминали о святом все, что им известно было раньше; ибо слух о том, как мучил преподобного Самон и как он не мог сделать ему никакого зла, прошел по всему городу. Затем они стали умолять преподобного, чтобы он остался жить у них в доме, – и эта просьба была угодна блаженному Василию. Иоанн и Елена приготовили ему особую келью для молитвы и в ней поставили светильник; и здесь святой стал воссылать Богу свои обычные моления.

Кто может рассказать нам об этих молитвенных подвигах преподобного, о том, сколько слез он пролил в своих молениях к Небесному Владыке? Кто мог сосчитать все его коленопреклонения? Кто поведает нам о его всенощных бдениях, ибо он постоянно проводил ночи без сна? Кто изобразит нам добродетельную и полную подвигов жизнь его? Подобно столпу непоколебимому, преподобный был неуклонен в добродетели, никогда не гневался, кроток был, как Моисей или Давид, тих и скромен, как Иаков[2167], и милостив более

Авраама. Ибо Авраам раздавал милостыню от многих богатств своих, а блаженный Василий благодетельствовал нищим от своего убожества, переносимого ради Господа Бога, и все, что приносили ему христолюбцы, тотчас же раздавал неимущим.

Во время обитания преподобного Василия у названного выше христолюбца Иоанна к нему начали, по прошествии немногого времени, приходить люди: одни – ища душевной пользы, другие же приносили к нему недужных, чтобы он исцелил их. Преподобный, возлагая на больных руки свои и творя молитву, исцелял больных благодатью Христовой. С течением времени имя святого сделалось славно во всем царствующем граде, и многие приходили к нему не только из простого народа, но и от именитых граждан и вельмож. Наряду с даром чудотворения, святой имел также дар прозрения и провидел тайные дела всех приходящих к нему, как добрые, так и злые. Обличая наедине грешников, он многих наставил к покаянию. Предвидел преподобный и будущее и пророчески предсказывал о нем, что ясно будет видно из дальнейшего повествования.

В 911 г. скончался византийский император Лев Мудрый, а следом за ним, в 912 г., умер и брат его, император Александр; по смерти их царство наследовал сын Льва, Константин, называемый Багрянородным[2168], вместе с матерью своею Зоею. Так как новый царь, при своем вступлении на престол, был еще малолетним отроком, то охрана царства и управление им были поручены Цареградскому патриарху Николаю[2169] и куропалату[2170] Иоанну, прозванному Горида. Они-то и являлись действительными правителями царства до тех пор, пока юный царь не достигнет совершеннолетия.

Между тем на страну Греческую напали варвары; захватывая область за областью, они подошли уже близко к Константинополю и опустошали земли вокруг него. И не находилось никого, кто бы мог собрать войско, вступить в битву с угрожающими столице варварами и остановить их опустошительное нашествие. Все царство Греческое пришло в великое смятение; народ же начал громко роптать на патриарха Николая, обвиняя его, что он недостаточно радеет о пользе

вверенного ему царства. Тогда патриарх, посоветовавшись со всеми вельможами, написал письмо к восточному воеводе Константину Дуке, призывая его прийти в Царьград и разделить скипетр с молодым царем, чтобы в то время, когда Константин Багрянородный будет, как малолетний, воспитываться в царских палатах, Константин Дука, как муж сильный и храбрый в бранях, ополчался бы против врагов империи. Ибо муж тот воистину был весьма храбрым и непобедимым воином, которого страшно боялись все сражавшиеся с ним иноплеменники. По неоднократному свидетельству их, они часто видели огонь, исходящий от оружия Дуки и от ноздрей коня его, – огонь, который, устремляясь на них, опалял и прогонял их, так что невозможно было устоять против этого полководца, которому споборал Сам Бог. Сам Константин Дука тоже не таил благодати Божией, дарованной ему, и рассказывал про себя следующее:

– Однажды в моей юности, – говорил он, – когда я спал, предстала предо мною некая пресветлая Жена, одетая в царскую багряницу; при ней был огненный конь, а на коне находилось тоже огненное оружие. И убеждала меня Жена вооружиться тем огненным оружием и сесть на коня. Я сначала боялся и не хотел исполнить Ее просьбу, но потом послушался. И когда я сделал то, к чему Она побуждала меня, тогда Она сказала: «Пусть чувствуют пред тобою страх и трепет все враги Божии, и да растают яко воск от лица твоего хулители Сына Моего». Сказав это, светлая Жена отошла от меня.

Так рассказывал о себе муж тот, к которому патриарх отправил послание, призывая его на царство. Когда пришло к нему это патриаршее послание, он всячески стал отказываться от предлагаемой ему чести, считая себя недостойным такой высокой власти. Но от патриарха и от синклита[2171] пришло к нему другое послание, призывающее его на царство. Тогда Константин Дука отписал к ним: «Не должно мне равняться с господином моим и помазанником Божиим, царем, хотя он и юн по возрасту. При том же боюсь я, нет ли в предложении вашем чего-нибудь коварного и не желаете ли вы погубить меня».

Получив от него это письмо, патриарх и все вельможи отправили к нему третье послание, и в нем каждый из них

написал особо от себя присягу, в которой клялся Древом Честного Животворящего Креста Господня, что без всякой лести и лукавства, но искренне и от сердца призывают его к соцарствованию с юным царем. Тогда, поверив клятве их, Константин Дука отправился со всеми домашними своими в Царьград, и был со славою встречен вельможами и всеми жителями города. Было раннее утро, когда воевода пришел в город, – только что поднялось и воссияло солнце, и вдруг явилось недоброе знамение, предвозвещающее Константину Дуке смерть от руки убийцы: при полном солнечном сиянии стал капать небольшой дождь, и капли от дождя, падающие на землю, имели кровавый вид.

Между тем патриарх Николай и советники его, узнав о торжественной встрече, какую устроил славному воеводе Константину Дуке весь константинопольский народ, переменили свое первоначальное намерение и затворили пред ним ворота дворца царского, не желая допустить его к царю и его матери. Тогда Константин Дука поставил свой шатер на площади пред ипподромом[2172], и сюда стали ежедневно приходить многие вельможи и граждане, поклоняясь славному воеводе, как своему царю и повелителю.

При этом некоторые из преданных новому императору вельмож, знавшие блаженного Василия и питавшие к нему великую любовь, по одному приходили к нему и вопрошали:

– Чем кончится возникшее дело?

Святой с плачем возвестил их, что не пройдет и трех месяцев, как кровавая смерть постигнет и вновь избранного на царство императора Константина Дуку, и всех приверженцев его. Возвещая такой исход дела, блаженный горько и неутешно рыдал до изнеможения. После такого ответа со стороны святого вопрошавшие его вельможи затворились в домах своих и безвыходно оставались в них, со страхом ожидая предсказанного конца.

К святому же Василию опять пришли, с намерением узнать будущее, двое вельмож. Это были два единоутробные брата, оба носившие сан протоспафария[2173]. Пришедши к блаженному, они спросили его:

– Что будет потом с нами, если мы сделаемся сторонниками новоизбранного царя и станем приходить к нему на ипподром?

– Не ходите туда, чада! – со слезами ответствовал им святой, – если вы присоединитесь к нему, то один из вас будет убит, усеченный мечом, а у другого отрежут нос и уши, и он на всю жизнь свою останется посмешищем для всех видящих его.

Но братья пренебрегли предсказанием святого: пошли на ипподром и присоединились к вновь призванному царю.

По прошествии двух месяцев Константин Дука, увидя, что он обольщен и поруган патриархом и всем синклитом, стал совещаться с приверженцами своими, как бы добиться престола царского, на который он был призван. При этом добродетельный воевода не захотел употреблять в дело насилие. Как храбрый полководец, которому было привержено все войско и множество народа, он мог бы силою сокрушить все затворы и взойти на престол царский, или же мог обложить со своим войском стены города и не пропускать в него никаких съедобных припасов, чем заставил бы патриарха и весь синклит против воли признать себя царем и открыть доступ к царскому престолу. Но, будучи мужем благочестивым и богобоязненным, Константин не захотел, чтобы из-за него претерпел кто-нибудь бедствия голода, а также не желал добиваться трона кровавым путем. Поэтому, возлагая все упование свое на Бога и продолжая еще верить клятве патриарха и вельмож, он повелел своим приверженцам, выломав только одни ворота, мирно и без всякого оружия отправиться вместе с ним в царские палаты. Благочестивый воевода говорил при этом:

– Если нас примут кротко, то значит, мы хорошо делаем, достигая своей цели без кровопролития и насилия. Если же нападут на нас и убьют, то они дадут за нас ответ пред Богом, так как сами они усиленными просьбами и клятвою прельстили нас, хотя мы и не добивались предложенного мне достоинства.

Сказав это, Константин Дука заставил приверженцев своих поклясться, что ни один из них не дерзнет вынуть меч из ножен или натянуть стрелу на луке против нападающих на них, «чтобы не пролилась из-за меня, – добавлял он, – ни единая капля

христианской крови». Приверженцы Константина с клятвою обещались повиноваться этому повелению своего вождя и, выломав медные ворота дворца царского (так как иначе нельзя было проникнуть во двор его), мирно, без всякого оружия, пошли к царским палатам под предводительством благочестивого мужа сего Константина Дуки, который также был безоружен.

В то время, как они безоружные шли, направляясь к палатам царским, нарочито поставленные патриархом стрельцы вдруг напали на них и, выпустив множество стрел, многих ранили. Одним из первых пострадал сам доблестный воевода Константин Дука, который шел впереди: он получил тяжелую рану в ребро пониже правой руки. Застонав от раны, Дука упал на землю. При виде этого, собранные в большом количестве дворцовые оруженосцы устремились с обнаженными мечами на входящих мирно и начали сечь их, как стебли растений. Таким образом они убили Константина Дуку, сына его и многих других. Тех же, которые обратились в бегство, они схватили живыми и тотчас же казнили всех различным образом: одних рассекали пополам, других повесили на деревья пред городскими воротами, а у иных урезали носы и уши и подрезали жилы. Так погибли тогда с Константином Дукою до трех тысяч не повинных ни в чем мужей. Вместе с другими пострадали также и те два брата протоспафарии, которые приходили за советом к блаженному Василию, и притом так именно, как предсказал преподобный: один из них был усечен мечом, а у другого были урезаны нос и уши.

Окончив кровопролитие, воины отсекли головы у убиенного Дуки и сына его и отнесли их к патриарху Николаю и его советникам. Патриарх щедро одарил убивших Константина и повелел носить на копье по всему городу главу убиенного, на поругание ей, а тела всех других пострадавших с ним выбросить в море.

Такое беззаконное кровопролитие совершилось тогда в Константинополе. И осквернился город пролитием крови неповинноубиенных мужей, которая, как кровь Авеля[2174], вопияла к Богу от земли. Ибо не от меча иноплеменных врагов,

но от руки единоверных и единомысленных соплеменников, бывших друзей и братьев, погиб – сделавшись жертвою коварства – сильный воевода Константин Дука, нареченный царем, – этот прославившийся своею храбростью воин, угодный Богу и любимый народом.

Но поруганный и осмеянный сильными мира сего, Константин Дука прославлен Богом: праведная душа его, а равно и души всех пострадавших с ним, были унесены Ангелами в небесные обители и вселены на лоне Авраама. Об этом явно свидетельствует следующее чудесное знамение: пока тела повешенных сподвижников Константина висели на деревьях, по ночам видимы были звезды, сходившие на них и ярко сиявшие над головами их до самого солнечного восхода. Этим знамением явлено было, что все они пострадали неповинно и что души их, в награду за мученичество, водворены в селениях святых.

Все это пересказали мы, чтобы представить пример пророческого предвидения преподобного отца нашего блаженного Василия; ибо все, что предвозвестил он, то и сбылось. Расскажем и о других событиях, при совершении коих обнаружился сей дар предвидения, свойственный преподобному.

В соправители юному царю Константину Багрянородному избран был патриций Роман[2175], которого и венчали на царство. Когда император Константин пришел в возраст, Роман дал ему в супружество дочь свою Елену. Помимо Константина у Романа был другой зять, некто Саронит, саном патриций, человек гордый и властолюбивый, величающийся богатством своим и знатностью своего рода. Он затаил в сердце своем лукавое намерение – погубить царя Константина и восхитить скипетр царский.

Близ палат Саронита находился дом названного выше христолюбца Иоанна, у которого обитал преподобный Василий. Провидя прозорливыми очами лукавое помышление Саронита, преподобный сказал, как бы разговаривая сам с собою:

– Василий! Обрати внимание на сего окаянного нечестивца, который в сердце своем замышляет богопротивное. Но вот я

пойду и обличу его: может быть, он покается и оставит свое безумное намерение.

И вот, когда однажды Саронит с обычною пышностью выехал на коне из дому, направляясь к царскому дворцу, святой стал на дороге и громко начал возглашать, обращаясь к патрицию:

– Зачем ты замыслил в сердце своем злое дело против помазанника Божия? Тебе нет доли в жребии царском. Итак, не трудись напрасно, чтобы не прогневался на тебя Господь и не отнял у тебя даже патрицианское достоинство, которое ты имеешь.

Слыша такое обличение от святого, Саронит распалился против него великою яростью. Устремившись на блаженного, он начал бить его по голове бичом, который держал в руках, и в то же время поносил его всевозможными ругательствами. Потом, нанеся ему немало ран и надругавшись над ним, он оставил преподобного и стал продолжать свой путь.

Блаженный Василий терпеливо перенес все ругательства и раны, а на другой день снова встретил Саронита, когда тот отправлялся во дворец, и такими же словами, как и прошлый раз, обличал его. Саронит в гневе повелел слугам своим схватить святого, отвести к нему в дом и задержать его, пока сам он не возвратится из дворца. Затем, возвратившись, он приказал принести прутья от терновника и представить к нему преподобного Василия.

Когда блаженного привели к нему, Саронит сказал:

– Отвечай мне, безумный старец, какой бес научил тебя дерзко встречать меня и говорить мне такие неподобные хульные речи? Или ты не знаешь, что я зять царя и первый из всех вельмож царских? Или тебе неизвестно, что богатство мое так же неисчетно, как песок на берегу морском? Ведь я имею громадное множество рабов, имений, сел и стад различного скота, а также бесчисленное количество золота и серебра. Кроме того, я удостоился великой славы и чести, какие даны мне от Бога и от царей наших. Как же дерзнул ты, будучи худородным и нищим, предстать предо мною, в виду всего

народа, с такими укоризнами и обличениями? Отвечай мне, пока я не предал тебя смерти.

Блаженный, в ответ на такие слова, произнес:

– Неужели ты думаешь, что твое лукавое и злое намерение, которое ты таишь в сердце твоем, останется в тайне? Нет, – Сам Бог открыл мне, что ты замыслил посягнуть на жизнь царя и сделаться похитителем царской власти. Оставь это нечестивое намерение и перестань злоумышлять против помазанника Господня. От лица Бога говорю тебе: если ты не откажешься от своего злого умысла, сильно прогневается на тебя Господь и вскоре сотрет с лица земли память о тебе.

Сильно разгневался от таких слов безумный Саронит, так что лицо его изменилось и пожелтело. Пылая гневом, он приказал слугам растянуть преподобного на земле и прутьями терновника беспощадно бить его.

– Бейте его сильнее, – говорил он, – бейте, пока не выйдет из него бес лжепророчества.

И они били его. Святой же был как дерево немое и бесчувственное: испытывая жестокие удары, он не только не стенал, но даже не произнес ни одного слова, даже и телом не двигался, так что, кроме звуков от ударов по телу палками, не слышно было ничего более.

Когда мучили святого, ворота дома Саронитова были отворены. Мимо же ворот в это время проходила благочестивая Елена, супруга Иоаннова. Заглянув в ворота, она увидела, как истязали блаженного Василия. Быстро вошедши в дом тот, она прикрыла собою тело святого и с горькими слезами стала громко возглашать:

– Бейте меня, грешную, а сего светильника Божия, моего пастыря и отца духовного пощадите; убейте меня вместо него, его же отпустите.

Тогда Саронит, подобный жестоким нравом своим лютому зверю, сказал яростно слугам:

– Бейте и ее, так как она сама того желает; думаю, что она бесчестная и прелюбодейная сожительница этого нечестивца.

Исполняя приказание, слуги стали бить благочестивую жену, и били ее до тех пор, пока им не показалось, что она стала

бездыханной. Тогда беззаконный Саронит повелел слугам, схватив ее за ноги, выбросить на улицу, как пса мертвого. А блаженного Василия он приказал, связавши, повесить и дать ему пятьсот ударов воловьими жилами. Претерпевая жестокие удары, блаженный Василий, при помощи Божией, доблестно сносил их. Слуги же, окончив истязание, заключили его в узы.

Наступила ночь, и, когда Саронит спал, было ему во сне видение, предвозвещающее этому жестокому и злокозненному патрицию близкую кончину. Увидел он во сне высокий и ветвистый дуб, на вершине которого свил себе гнездо ворон. Хищная птица сидела в гнезде своем и крыльями прикрывала птенцов своих. Но вот подошли к дубу два человека с секирами, желая срубить его. При этом один из них сказал другому, указывая на верхушку дерева:

– Тут сидит ворон, который своим криком не дает царю уснуть спокойно. Другой ответил:

– К тому же он причинил много зла возлюбленному угоднику Божию, блаженному Василию.

Сказав это, они начали рубить дерево. Когда оно упало на землю, подошли некие люди, одетые в ветхие рубища, которые начали отсекать у дерева ветви и бросать их в огонь. Среди них Саронит увидел и преподобного Василия: стоя около срубленного дерева, он говорил:

– «Всякое дерево, не приносящее доброго плода срубают и бросают в огонь» (Мф.3:10).

Затем, обернувшись к Сароните, преподобный сказал:

– Не говорил ли я тебе, чтобы ты отказался от злого намерения твоего, так как в противном случае ты упадешь и с той высоты, на которой находишься.

Пробудившись от сна, Саронит почувствовал себя больным; когда же он размыслил о видении, бывшем во сне, то напал на него великий страх. В ужасе он встал и тотчас же послал слуг с повелением разрешить святого Василия от уз и отпустить его на свободу. Освобожденный из заключения, блаженный воротился на место своего обитания, в дом Иоаннов. Увидев преподобного, Иоанн возрадовался; когда же благочестивый муж узрел раны, причиненные святому жестоким истязанием, он

заплакал. Также и все любящие блаженного Василия, услышав о его возвращении, стекались в дом Иоанна, радовались его приходу и плакали, видя язвы на теле его. Супруга же Иоанна, блаженная Елена, вскоре скончалась от ран, причиненных ей биением. Но и беззаконный Саронит также не восстал с одра болезни своей: по прошествии нескольких дней он умер, так что исполнилось над ним предсказание блаженного Василия и сбылся сон, виденный самим Саронитом.

По прошествии некоторого времени благочестивый муж Иоанн, который служил преподобному Василию, в мире отошел к Господу, и преподобный остался один жить в доме почившего. Каждый день приходили к нему в большом количестве различные люди, принося или приводя с собою своих недужных. Блаженный исцелял их своею молитвою пред Богом. Стекалось к нему и множество нищих, так как преподобный раздавал им все приносимое ему христолюбцами, и ничего не оставлял у себя до другого дня.

В это время один благочестивый и боголюбивый гражданин Константин, прозванный Варваром[2176], упросил преподобного перейти к нему и обитать в его доме, и устроил для него уединенную келью. В ней он приготовил для блаженного постель, стол, седалище и светильник, подобно тому как это сделала некогда сонамитянка[2177] для пророка Елисея (4Цар.4:10)[2178]. Затем поручил некоей добродетельной старице Феодоре, давно овдовевшей и много лет проводившей жизнь в богоугодном целомудрии, прислуживать человеку Божию. Блаженная старица, живя в горнице, находившейся недалеко от кельи преподобного, усердно прислуживала ему, как Ангелу Божию. Если кто-нибудь приходил, желая видеть святого Василия и беседовать с ним, Феодора извещала о нем преподобного, а тот приходил из своей кельи в ее горницу и здесь принимал приходившего. Таким образом, он принимал всех в этой горнице, исцеляя больных, утешая скорбящих и подавая милостыню нуждающимся, – и в таких занятиях проходил у преподобного день. К вечеру же он уходил в свою келью и там совершал обычные моления Богу.

Слава о богоугодной жизни блаженного Василия и о дивных делах его распространялась все далее и далее, и его почитали не только миряне, но также многие из духовных: иноки, иереи и святители нередко посещали святого и получали от него помощь душе и телу. Князья же и вельможи призывали его в дома свои, прося посетить недужных и помолиться о них. И когда блаженный приходил куда-нибудь к больным, то сейчас же с молитвою возлагал на них руки и исцелял их; бесов же прогонял единым словом. Заботился он и об исправлении нравов, наставляя многих в добродетели, и не только поучая людей сладкими, как мед, речами, но иногда и грозно обличал грешников; ибо все ему было открыто от Всевидящего Бога.

Однажды, призванный в царские палаты, преподобный Василий, беседуя уединенно ото всех с царем Романом, обличил его в корыстолюбии, а также в преступной связи со многими женщинами, – и царь не только не прогневался на него, но кротко принял это обличение и обещал исправить жизнь свою.

Точно так же блаженный обратил на путь покаяния одну знатнейшую патрицианку Анастасию, обличив ее в некоторых грехах, втайне соделанных ею, и предсказал кончину ее.

Он же возвестил царице Елене, супруге царя Константина Багрянородного, что она родит сначала дочь, а потом сына, который, придя в возраст, воцарится, – что и исполнилось. Царица повелела дать ему золота, но преподобный не хотел даже прикоснуться к нему. Тогда царица стала заклинать его Святою Троицею, чтобы он взял, сколько хочет. Уступая настойчивым просьбам ее, преподобный взял три златницы[2179] и отдал их прислуживавшей ему старице Феодоре, которая также находилась там.

При виде этого, некоторые из предстоявших царице сказали святому:

– Дай, отче, побольше златниц старице той. Святой ответил им на это:

– Дети, мы не хотим иметь в большом количестве терния, ибо оно колет наши руки. Тогда царица сказала преподобному:

– Поистине Единого Бога возлюбил ты от всего сердца, честный отец, и чужд суетных благ мира сего. Но не забывай нас и поминай в богоугодных твоих молитвах.

Сказав это, она отпустила блаженного с миром.

В это время к преподобному Василию пришел один мирянин, по имени Григорий, который сделался учеником святого и очевидцем многих чудес его и который впоследствии написал пространное житие его. Этот Григорий, когда пришел к блаженному в первый раз, был сильно поражен и приведен в смущение дивным даром прозрения, каким обладал преподобный, ибо, никогда не видав раньше Григория, святой муж, прямо по приходе его, назвал его по имени, а потом рассказал ему обо всем, что тот помышлял в себе. Вообще преподобный имел весьма изобильный дар прозорливости и провидел не только тайные дела людей, но даже и самые сокровенные помышления сердца человеческого. В жизни святого было немало случаев, когда такой дар его обнаруживался пред всеми; но пересказать все эти случаи нам не хватило бы ни времени, ни места, а потому мы ограничиваемся только некоторыми примерами.

Один пресвитер, пришедши к святому, принес ему в дар яблоки и, оставшись у него обедать, старался припомнить, сколько медниц[2180] он издержал на яблоки. Но святой сказал ему:

– Что ты так задумался, брат, припоминая о том, сколько издержал на плоды? Не трудись даром и спроси у меня: ты заплатил за яблоки десять медниц.

Слыша это, пресвитер ужаснулся, удивляясь прозорливости старца и благословляя Бога, пославшего людям такого великого угодника.

Некий знакомый святому виноторговец, когда пошатнулись дела его, пришел к преподобному и просил посетить его в доме, чтобы там помолиться вместе с ним и своею молитвою ниспослать на его дом благословение Божие. Когда блаженный пришел к нему, виноторговец созвал к обеду множество нищих. По окончании обеда он ввел святого в корчемницу, чтобы он благословил сосуды с вином. Благословляя сосуды,

преподобный подошел к одному из них, вмещающему в себе около пятнадцати мер вина, и сказал виноторговцу:

– Вот я благословил именем Христовым все сосуды, кроме этого, – сей же надо разбить.

Но виноторговец стал умолять преподобного не делать этого.

– Не разбивай, отче, – говорил он, – но благослови и этот сосуд; ибо, если ты сокрушишь его, то оскудеют запасы мои, и я сделаюсь нищим, так как я много задолжал различным заимодавцам.

Святой ответил ему:

– Все это известно мне; но все-таки я намерен сокрушить сосуд сей, чтобы избавить тебя от великой беды. Для этого я и пришел сюда. Тогда виноторговец сказал святому:

– Лучше разбей голову мою, но не этот сосуд.

Но святой, взяв находившееся тут же полено, стал разбивать сосуд. Когда он распался, вино в большом количестве пролилось на пол. Видя это, виноторговец сильно опечалился, а стоявшие вместе с ним начали негодовать на святого и про себя хулили его.

Преподобный, провидя духом их помышления и хулы, взял трость, находившуюся там, вложил ее в разбитый сосуд, на дне которого оставалось немного вина, и извлек оттуда упившуюся вином мертвую змею, длиною в три локтя[2181]. Затем, обратившись к присутствовавшим, он сказал:

– Зачем вы хулите меня в сердцах ваших, дети? Как будто я совершил что-нибудь дурное! Видите ли эту змею: сколько народу могло бы отравиться ядом ее, и в какую бы беду попал тогда хозяин? Разве вы того хотите? И не хорошо ли я сделал, разбив этот сосуд.

Сказав это, святой бросил змею на землю; виноторговец же припал к ногам блаженного и начал просить у него прощения. Блаженный простил его и преподал ему благословение. И молитвами святого Василия дом виноторговца был благословен у Господа и во всем получил изобилие.

Одна жена, именем Феодотия, принесла к преподобному своего больного четырехлетнего сына и начала просить святого

помолиться о здравии его. Все дети ее, едва достигая четырехлетнего возраста, умирали; поэтому она боялась, что умрет и это ее дитя, уже заболевшее. Когда она рассказывала так о своем горе преподобному, принесенный отрок начал плакать и просить хлеба. Преподобный, взяв ломоть хлеба, дал его отроку и, ласково улыбнувшись, сказал:

– Как тебя звать? Не Лев ли?

Потом, обернувшись к матери, он произнес:

– Ради твоего благочестия и особенно в награду за любовь к Пресвятой Богородице, проявившуюся в частых молениях твоих пред иконою Ее – Одигитрией[2182], Господь сохранит сего сына твоего здравым и невредимым. Придя в возраст, он доставит тебе немало радостей, ибо будет добронравным, мудрым, честным и даже славным между людьми. Получив хорошее воспитание и наставленный в книжной премудрости, он сделается иноком, а потом клириком, и Господь будет хранить его. Другие же дети твои, которых ты родишь, умрут, подобно первым.

Тогда женщина та, поклонившись святому, ушла, и все, что предрек ей святой, исполнилось.

Некоторый человек, хорошо известный преподобному, пришел с просьбою напутствовать его благословением, так как он отправлялся на Восток[2183] с поручением от своего господина. Преподобный, внимательно посмотрев на лицо его и предвидя, что случится с ним в пути, сказал:

– Страшна и опасна река Хелидон, но все же она укротится по молитвам грешного раба Божия Василия.

Этих слов блаженного никто не понял. Человек же тот отправился в путь. И вот, когда он находился в восточных странах, ему пресекла путь одна река, которой он не знал, так как никогда не бывал в странах тех. Река эта имела в ширину около двадцати саженей, но при этом течение ее было столь быстрое, что только птица могла лететь так же быстро. Человек тот остановился на берегу и взорами стал искать мели, чтобы, сидя на коне, переправиться по ней на другой берег. Вдруг волна захлестнула его и, подхватив вместе с конем, увлекла на

средину реки; течение понесло их к морю, и человеку тому уже грозила неминуемая гибель. В страхе он возопил ко Господу:

– Господи Боже! Молитвами преподобного отца нашего Василия, помоги мне грешному.

Едва он сказал это, тотчас же увидел святого Василия, который, укротив бурное волнение, взял под уздцы коня, вывел его на противоположный берег и стал невидим.

Избавившись от потопления, человек тот возблагодарил Бога и угодника Его Василия; потом, пришедши в близлежащее селение и остановившись на ночлег, спросил о названии реки той. И ему рассказали, что она называется Хелидон, т.е. ласточка, так как по быстроте своего течения может равняться полету ласточки. Река эта очень опасна и уже погубила многих, не знающих, как переправляться через нее. Тогда вспомнил человек тот слова преподобного Василия, сказанные ему, когда он пришел к нему за благословением, и, обратившись с молитвою к Богу, воскликнул:

– Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Одного прошу у Тебя, Владыка мой, сподоби меня паки узреть угодника Твоего и поклониться честным его сединам.

Возвратившись с путешествия, он пришел к преподобному и припал к ногам его, воздавая ему должную благодарность; потом он поведал блаженному, как Бог проявил на нем милость Свою, по его святым молитвам.

Вышеупомянутый мирянин Григорий за свою добродетель был весьма угоден святому Василию, так как он проводил жизнь свою в девстве, целомудрии и постничестве. Он часто приходил к преподобному и, поучаясь от Богомудрых бесед его, сподобился назваться учеником его. При этом он имел особенную любовь и веру к святому первомученнику Стефану, часто ходил в его храм и со всяким благолепием украшал его. От скончавшихся родителей своих он получил в наследство дом в Константинополе и много имений. Среди этих имений был у него виноградник во Фракии[2184], недалеко от города Рандиста. Намереваясь во время собирания плодов отправиться туда, он пришел к преподобному учителю своему и принял от него благословение; затем вошел в церковь первомученика Стефана

и, помолившись пред иконою его с коленопреклонением, сказал:

– Вот, предстоит мне далекий путь по земле и по морю. Поэтому молю тебя, святой первомучениче Стефане, – в этом пути сохрани меня от всякого зла, и как я послужил по силе моей святому храму твоему, так и ты, по данной тебе от Бога благодати, буди мне во всякой нужде покровитель, помощник и промыслитель.

Так помолившись первомученику Стефану, Григорий отправился в путь. Остановившись на ночь в одной гостинице, он нашел пояс, ценою в две златницы, который потеряла дочь хозяина гостиницы. Когда же хозяин и его домашние стали искать пояс и спрашивать о нем гостей, Григорий, по бесовскому наущению, утаил пояс, рассуждая:

– Потерявшие пояс – богатые люди; поэтому лучше будет, если я продам его и вырученные деньги раздам нищим.

Снова отправившись в путь, Григорий потерял свой пояс, ценою также в две златницы, и дорожный мешок, в котором было четыре златницы и немало пенязей[2185]; скорбя о потере, он заснул и в сонном видении увидел преподобного Василия, который, указывая на разбитый горшок, сказал:

– Видишь ли сей разбитый и никуда не годный горшок?

– Вижу, господин мой, – отвечал Григорий.

– Если кто украдет даже это, – сказал блаженный, – тот наказан будет вчетверо, и отнимутся от укравшего блага нынешнего или будущего века. Если укравший будет богат, то от богатств его отнимется вчетверо более против украденного, а если беден, то вчетверо большее наказание он примет в будущей жизни.

Григорий сказал на это:

– Отче, я никогда ничего не крал. Святой ответил:

– Ты утаил у себя найденный тобою пояс дочери хозяина гостиницы, а говоришь, что ничего не крал. Григорий возразил ему:

– Я отче, не украл пояс, но нашел его.

Но святой сказал:

– Знай, чадо, что если кто найдет что-либо потерянное другим и не возвратит ему, хотя бы тот искал потерянное и спрашивал о нем, тот осудится как вор. Итак, тебе подобало возвратить потерянное. Но так как ты утаил чужое, то и у тебя отнято более, чем вчетверо против утаенного. Мало того, тебе надлежит остерегаться, как бы не пострадать и более.

Пробудившись от сна, Григорий был в великой печали, частью от раскаяния в своем грехе, частью от ожидания новой неизвестной беды, от которой предостерегал его преподобный. Печальным прибыл он в свое фракийское имение. Здесь, во время собирания плодов, он пережил искушение более сильное, чем первое, бывшее на пути.

Один из наемников, работавших в винограднике Григория, по имени Александр, сочетался законным браком с некоей юной отроковицей Мелетинией, которая отличалась злонравием и была, сверх того, любодейкой и волшебницей. Она имела столь неудержимую страсть к прелюбодейству, что вскоре же после брака своего с Александром соблазнила к беззаконному сожитию с собой почти всех мужей из окрестных селений. При этом никто не мог обличить ее в ее беззаконии; ибо если она услышит, что кто-нибудь говорит про нее худое, тотчас волхованием наводила на того лютую болезнь. Так она поступила, между прочим, с мужем своим, который сначала, при виде ее беззаконий, часто бил ее: вызванными волшебною силою недугами она столь утомила и обессилила его, что он не мог отогнать даже мухи от себя. Поэтому он не мог сопротивляться ей, когда она, прогневавшись на него, била его палкою или веревкою и прогоняла из дому; до того он обессилен был болезнями, наведенными на него волшебством Мелетинии. О матери сей волшебницы рассказывают, что она своими волхованиями удерживала полет птиц, останавливала течение реки и творила много иного зла, о котором не пересказать человеку. Дочерью такой-то злой волшебницы и была Мелетиния, во всем подобная матери своей и даже превосходящая ее своими беззакониями, так как она предалась безмерному прелюбодейству. Многих мужей она соблазнила к греховной связи с собою; если же кто говорил к обличению ее

хоть одно слово, тот делался расслабленным в течение двух или трех месяцев; а если кто ударял ее, тот умирал, едва выжив после того два дня.

Увидев Григория, который был юн и отличался красотою, беззаконная волшебница прельстилась им и задумала соблазнить его к скверному сожитию с нею. Ежедневно без всякого стыда следуя за ним, куда бы он ни пошел, и вызывающе держась перед ним, она при содействии бесовской силы внушала ему по отношению к себе нечистые мысли, а по ночам насылала на него сны и в сонных видениях являлась пред ним в бесстыдном виде, возбуждая в нем нечистую похоть. Григорий был в великом смущении, постоянно обуреваемый волнениями плотского вожделения, ибо в то время, как блудница видимо прельщала его на грех своими любодейными действиями, бес невидимо разжигал в нем огонь похоти. И если бы святой первомученник Стефан и блаженный Василий своими молитвами не помогли ему, то прошло бы еще немного времени, и он подчинился бы власти греха, и вселилась бы во ад душа его. Таким образом, с помощью святых угодников Божиих, молившихся о нем, он боролся с блудным помыслом своим днем и ночью, иногда изнемогал в этой борьбе, но потом снова укреплялся и твердо сопротивлялся нечистому желанию, не соглашаясь осквернить девственное тело свое, не познавшее женщины с самых юных лет. Многократно он порывался с бесчестием отогнать от себя бесстыдную блудницу, но боязнь сделаться жертвою ее волшебной силы, при посредстве коей она насылала болезни, удерживала его. И вспоминал он тогда слова преподобного Василия, сказанные ему во время сонного видения:

– Остерегайся, чтобы тебе не пострадать более.

Предупреждение это вполне оправдалось теперь. Ибо что может быть тяжелее для целомудренного мужа, чем опасность потерять свое девство? Желая сохранить целомудрие и соглашаясь лучше умереть тысячью смертей, чем погубить девство, Григорий решился, наконец, на смелое дело: он устремился гневно на Мелетинию и палкою, а также поносными словами отогнал бесстыдную блудницу от себя, восклицая:

– О бесстыдная дочь Веелзевула![2186] Если ты посмеешь еще подступать ко мне, то я разрублю на части скверное тело твое.

С тех пор блудница оставила Григория, а с нею вместе перестали беспокоить его и блудные помыслы. Но при этом он впал в другую беду. Бесчестная волшебница Мелетиния, мстя Григорию за свое посрамление, навела на него жестокую болезнь, от которой он непременно умер бы, если бы святой первомученик Стефан и преподобный Василий не явились к нему и не исцелили бы его. Об этом сам Григорий рассказывает следующее:

– В один воскресный день, наступивший вскоре после описанных происшествий, я (говорил Григорий) пошел к часовне во имя святого великомученика Георгия, находившейся посреди виноградника. Стояло жаркое утро, и я, совершив молитву, немного почил при часовне. И вот во сне вижу, что надвинулось черное смердящее облако, которое упало на меня и показалось мне очень тяжелым и чрезвычайно холодным; из облака был слышен голос: «Прими, что приготовила для тебя Мелетиния». Затем это облако вошло в меня. Проснувшись, я увидел, что одержим лютою болезнью, и познал, что она наведена на меня означенною выше волшебницею Мелетинией за то, что я противился ее нечистому желанию. С трудом поднялся я, пошел к дому, не имея сил удержаться от стонов, и лег на одре моем. День ото дня болезнь моя становилась тяжелее, и уже приближалась кончина моя. Внутренности мои все были воспалены жестоким огнем, который пожирал тело мое, как пожирает сухой тростник. Не имея сил переносить жар, я вставал и бегал, становился под сень деревьев, ища прохлады, и устремлялся к реке, чтобы в холодных струях ее остудить бывший во мне пламень. Неоднократно помышлял я утопиться и часто восклицал:

– О горе, горе! Если таков огонь геенский, то лучше бы человеку не родиться.

Не мог я узнавать людей или с кем-либо беседовать, и ночь казалась мне продолжительнее сорока лет.

Когда я совершенно изнемог от болезни, мне показалось, что я лежу в болоте, середина которого была весьма глубока, а края – на востоке и западе – возвышались. Находясь на западной стороне болота, я начал понемногу спускаться в бездонную пропасть. В страхе вспомнил я о своих молитвах к первомученику Стефану и, тяжко вздохнув, сказал:

– Святой первомучениче! Так ли ты услышал меня, когда я молился тебе в твоем храме, выходя из Царьграда? Вот, я нисхожу в пропасть, и ты более не увидишь меня, – и не могу я больше служить тебе, как служил доселе, ибо я приблизился ко вратам смерти.

Тут я посмотрел на восточный конец трясины и там увидел как бы иной мир, который невозможно описать человеческими словами; оттуда шел ко мне святой первомученик Стефан в багряном стихаре и ласково говорил мне:

– Что нужно тебе, возлюбленный, и отчего ты страждешь? Ты сетуешь на меня; но я не был здесь, так как посещал храмы, созданные в честь меня, рассеянные по вселенной; теперь же я пришел сюда и помогу тебе. Но запомни отныне, как беззаконные волхвы могут вредить людям, по Божиему попущению.

Тогда я спросил святого:

– Что означает лежащая предо мною пропасть и возвышающиеся края ее? Святой ответил:

– Западный конец пропасти, на котором ты находишься, означает близость смерти, пропасть же, которую ты видишь пред собою, – это область смерти, через которую умирающие проходят с великим трудом, пока не достигнут восточной страны; дойдя туда, они находят тропинку, ведущую в иной, загробный мир.

Услышав это, я снова спросил святого:

– Итак, господин мой, я уже умираю?

– Чего иного ты можешь ожидать, будучи приведен сюда? – ответил мне он.

Тогда, вздохнув из глубины сердечной, я с плачем сказал:

– Нет, господин мой, да не будет со мной того, ибо я еще не приготовился к смерти.

После таких слов моих святой взял меня за руку, провел через пропасть, поставил меня на восточной стороне трясины, на высоком месте, и сказал:

– Вот ты изведен из пропасти смертной.

Тотчас же я увидел себя ходящим в некотором дворе, дивном по красоте своей.

Но так как от тяжкой болезни я с трудом ходил, то святой первомученик, от которого исходило весьма приятное благоухание, подставил мне свои плечи и сказал:

– Обойми меня сзади обеими руками, я поддержу тебя, и мы вместе пойдем далее.

Когда мы так переходили двор, увидел я большие, белые как снег, каменные сосуды, вмещающие в себя по сто, по двести и по триста мер; они были полны и запечатаны. Я спросил святого:

– Чей этот двор? Кому принадлежат эти сосуды и что в них находится? Святой ответил:

– Все это принадлежит преподобному Василию, духовному отцу твоему. В сосудах же находится духовный елей, данный ему от Бога. Помазуя им приходящих к нему грешников, он очищает их от скверн их и соделывает их чадами Божиими, ибо он воспринял подвиг апостольства и многие души избавил от власти сатанинской.

И снова спросил я святого:

– Куда же мы идем, господин мой?

– К преподобному Василию, – ответил он.

Когда мы не кончили еще беседу, преподобный отец мой Василий вышел из одного дивного чертога к нам навстречу. Святой первомученик обратился к нему со словами:

– Как же ты, отче Василие, оставил Григория, возлюбленное чадо твое, в самое тяжелое для него время? И если бы я не явился помочь ему, он умер бы. Преподобный ответил:

– Я видел, что с ним находишься ты, блаженный первомучениче, и потому не шел к нему. Теперь же, если это будет угодно Господу, сотворим ему более великую милость, чем какая проявилась на нем прежде.

После таких слов святые пошли вместе, а за ними последовал и я. Так мы дошли до одного весьма мрачного места и увидели там змея, весьма большого и страшного. И сказал преподобный Василий:

– Сей змей едва не уморил чада моего Григория.

Сказав это, он взял большой камень, бросил его в змея и убил его. После того мы оказались в Царьграде около храма святого первомученика и услышали раздававшиеся внутри храма весьма приятные голоса юношей, прославляющих Господа. Тогда первомученик Стефан сказал мне:

– Вот ты, благодатью Христовою, стал здрав: войди же теперь в церковь и воспой благодарственную песнь Владыке всех – Богу, явившему тебе великую милость.

Поклонившись защитникам своим, святому первомученику Стефану и преподобному Василию, я вошел в церковь, воспевая:

– «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?» (Пс.26:1).

И далее весь псалом до конца.

Тогда те прекраснейшие юноши, увидев меня, возрадовались и стали говорить мне:

– Приди, возлюбленный наш, прими участие в веселии нашем.

После этих слов видение прекратилось, и я, пришедши в себя, с удивлением почувствовал себя здоровым. Приняв немного пищи, я подкрепился сном, потом встал и начал ходить. По прошествии же немногого времени, поправившись совершенно, я сел на корабль и отправился в Царьград, рассказав всем о случившемся со мною, как я, молитвами святых Стефана и Василия, избавился от смерти.

Этим оканчивается повествование о себе Григория.

Почти одновременно с описанными событиями блаженная Феодора, которая прислуживала преподобному Василию, приняв иноческий чин, преставилась ко Господу. Все почитатели преподобного, узнав об этом, опечалились, так как блаженная жена была пред святым старцем ходатаицей за всех приходящих к нему. Она всех с любовью принимала, всех

утешала своими кроткими речами, была милостива, христолюбива и целомудренна, а также исполнена духовной премудрости. Григорий возымел сильное желание узнать, где находится, по преставлении своем, Феодора, на десной или на левой стороне[2187], с праведниками или с грешниками, и сподобилась ли она получить от Бога милость или какую-нибудь отраду за свою усердную службу старцу. Помышляя об этом, он часто молил преподобного Василия, прося его поведать о душе почившей Феодоры, ибо Григорий веровал, что святому угоднику Божию открыто все о почившей. Досаждаемый частыми просьбами, святой старец, не желая отказом опечалить своего духовного сына, помолился к Господу, прося Его открыть Григорию в видении о том, что стало с душою Феодоры, по преставлении ее.

В следовавшую за тем ночь Григорий в сонном видении сподобился увидеть блаженную Феодору в светлой обители, которая была уготована Богом преподобному Василию. В сей-то обители, небесною славою озаренной и неизреченных благ исполненной, блаженная Феодора, молитвами угодника Божия, и была водворена. Таким образом, кому она усердно и трудолюбиво служила в сем мире, в обители того сподобилась пребывать в жизни вечной, по его святым молитвам. Увидев ее, Григорий возрадовался и насладился продолжительною беседою с нею, как будто бы он говорил с нею наяву.

Григорий спросил Феодору, как она разлучилась от тела, как претерпела смертные страдания, что видела по своей кончине и как миновала воздушных духов[2188].

Она же начала передавать ему следующее: – Чадо Григорий! О страшной вещи спрашиваешь ты меня, о которой даже ужасно и вспоминать. Видела я лица, которые никогда не видала ни раньше, ни после, слышала речения, которых никогда не слыхала до того. И что я расскажу тебе? Тогда предо мною предстало все то лютое и греховное из дел моих, о чем я позабыла было, но, молитвами и помощью отца нашего, преподобного Василия, все это не было вменено мне и не удержало меня от входа в эту обитель. И что я скажу тебе, чадо, о болезни телесной, о жесточайших страданиях, которые

претерпевают умирающие? Подобно тому, как если кто-нибудь брошенный в сильный пламень, горя, как бы истаевает и обращается в пепел, так и болезнь смертная разрушает человека. Воистину люта смерть для подобных мне грешников, ибо истину говорю тебе, что и я была делательницею грешных дел, праведных же дел своих я совершенно не помню.

Когда я приблизилась к концу жизни моей и настал час разлучения души от тела, увидела я множество эфиопов[2189], стоявших вокруг одра моего; лица их были черные, как сажа и смола, очи горели как угли огненные, и весь вид их был столь же страшен, как вид огненной геенны. И начали они производить шум и смятение: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как псы, некоторые выли, как волки; при этом все они, с яростью смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. Приготовляли они и хартии[2190] как бы в ожидании судьи некоего, имеющего прийти туда, и развертывали свитки[2191], на которых были написаны все злые дела мои. И была убогая душа моя в великом страхе и трепете. Тогда претерпевала я не только муки смертные, происходившие от разлучения души с телом, но также жесточайшие страдания от видения тех страшных эфиопов и грозной ярости их, и это было для меня как бы другою смертью, более тяжкою и лютою. Я старалась отвращать взор мой от видения то в одну сторону, то в другую, чтобы не видеть мне страшных эфиопов, ни слышать голосов их, – но никак не могла избавиться от них, – ибо везде было их бесчисленное множество, и не было никого, кто бы помог мне.

Уже изнемогая совершенно от таких страданий, я вдруг узрела двух светоносных Ангелов Божиих, которые явились ко мне в образе прекрасных юношей, красоты коих описать невозможно. Лица их были светлее солнца, очи ласково взирали на меня, волосы на головах были белы, как снег, вокруг голов разливалось златовидное сияние, одежда у них блистала как молния и была на груди крестообразно опоясана золотыми поясами. Приблизившись к одру моему, они стали направо от меня, тихо беседуя друг с другом. При виде их я возрадовалась и смотрела на них с умилением сердечным. Черные же эфиопы,

увидев их, содрогнулись и отступили подальше. И вот один светоносный юноша гневно сказал им:

– О бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем вы всегда поспешаете преждевременно к умирающим и своим бесстыдным шумом устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но теперь прекратите свою радость, так как здесь вы не приобретете ничего. Вам нет какой-либо части в сей душе, потому что с нею Божие милосердие.

При таких словах светлого юноши эфиопы тотчас же взволновались и начали с криками показывать написания злых дел моих, соделанных от юности.

– Как так мы не имеем в ней части? А эти грехи чьи? Не она ли соделала это и это?

Так говоря, они стояли в ожидании смерти.

И вот пришла смерть, рыкая как лев; вид ее был очень страшен, она имела некоторое подобие человека, но тела совсем не имела и была составлена из одних только обнаженных костей человеческих. С собою она несла различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла[2192] и иные орудия неизвестные. Увидев все это, смиренная душа моя затрепетала от страха; святые же Ангелы сказали смерти:

– Что медлишь? Разреши душу сию от уз плотских, скоро и тихо разреши, ибо она не имеет много греховных тяжестей.

Тотчас же смерть приступила ко мне, взяв секиру, отсекла сперва ноги мои, потом руки, затем при посредстве другого орудия все остальные части моего тела разрушила и члены от составов отделила. И не имела я ни рук, ни ног, и все тело мое омертвело. Смерть же взяла и отсекла голову мою, так что я не могла повернуть головою, и она была мне чужою. После всего смерть сделала раствор в чаше и приподнеся его к моим устам, напоила меня. И столь горек был раствор тот, что душа моя, не имея сил стерпеть горечи, содрогнулась и вышла из тела, как бы насильно оторванная от него. Святые Ангелы тотчас же приняли ее на руки свои. Взглянув назад, я увидела тело мое, лежащее бездушным, бесчувственным и недвижным. Совлекши его, как

совлекают одежду, я смотрела на него с безмерным удивлением[2193]. В это время бесы, явившиеся в образе эфиопов, обступили Ангелов, державших меня, и начали вопить, показывая написания грехов моих:

– Множество грехов имеет душа эта, – поэтому пусть даст она ответ пред нами.

Святые Ангелы начали тогда отыскивать в жизни моей добрые дела и, с помощью Господа Бога, благодатью Коего я творила добро, обрели их. Они приводили на память все, что только я творила доброго, – когда давала милостыню убогим, когда накормила алчущего, или напоила жаждущего, или одела нагого, или приводила в дом странника и упокоивала его, или служила святым, – когда я посещала больного или заключенного в темницу и помогала им; они припоминали, когда я с усердием приходила в церковь и с умилением и сердечным сокрушением молилась там, слушая со вниманием пение и чтение церковных молитв и песнопений, когда приносила в церковь фимиам и свечи или иное какое-нибудь приношение, или вливала деревянное масло в лампады, чтобы они теплились пред иконами, и с благоговением лобызала самые честные иконы: они приводили на память, когда я воздержанно проводила время и когда по средам и пятницам и во все святые посты постилась, и сколько творила поклонов и простаивала нощных бдений; они указывали на то, как я сокрушенно стенала о грехах своих и плакала иногда о них по целым ночам, как исповедовала грехи свои Богу и с сокрушением каялась в них пред духовным отцом своим, удовлетворяя своим сокрушением и сердечным раскаянием Правде Божией; они припоминали все, что я творила доброго ближним моим, как я на враждующих против меня не гневалась, как терпеливо сносила всякую досаду и укоризну себе, не помнила зла и воздавала за зло добром, как я при нападках людей на меня смирялась, как я болела сердцем и скорбела о чужой беде, как подавала кому-нибудь руку помощи или споспешествовала кому-либо в добром деле, или отвращала его от зла; припоминали они, что я отвращала очи свои от суеты, удерживала язык свой от клятвы, лжи, клеветы и всяких суетных слов; все это и все другие

малейшие добрые дела мои святые Ангелы собирали, готовясь положить их на весы против моих злых дел. Эфиопы же, видя это, скрежетали на меня зубами, желая похитить меня из рук Ангельских и низвести на самое дно ада.

В это время неожиданно явился там преподобный отец наш Василий и сказал святым Ангелам:

– Властелины мои, сия душа много послужила мне, угождая моей старости: я молился Богу о даровании мне ее, и Господь ниспослал мне сию душу.

Сказав это, он вынул из-под одежды своей мешок, чем-то наполненный (думаю, что в нем было одно чистое золото), и дал его святым Ангелам, сказав при этом:

– Когда вы будете проходить воздушные мытарства[2194] и лукавые духи начнут истязать душу сию, вы искупите ее этим от долгов ее. Благодатью Божиею, я богат и много собрал сокровищ трудами и потом своим, – и вот я дарю мешок душе сей, послужившей мне.

После этих слов он отошел. Лукавые же бесы, видя это, пришли в недоумение, а затем, огласив воздух плачем, скрылись.

Между тем угодник Божий Василий снова пришел и принес с собою много сосудов чистого елея и мира многоценного; открывая сосуды один за другим, он возливал елей и миро на меня, так что я исполнилась духовного благоухания и вместе с тем изменилась и стала светлым существом.

Преподобный же Василий снова сказал святым Ангелам:

– Владыки мои, после того как совершите все необходимое для души сей, введите ее в уготованную мне от Господа обитель, и пусть она пребывает там.

Сказав это, святой стал невидим; Ангелы же взяли меня и понесли по воздуху на восток[2195].

Когда мы поднимались от земли к высоте небесной, нас встретили сначала воздушные духи первого мытарства, на котором судят за грехи языка, за всякое слово праздное, бранное, бесчинное, скверное. Тут мы остановились, и бесы вынесли к нам свитки, на которых были написаны все легкомысленные слова, сказанные мною от юности, – все, что я

говорила неразумного и скверного, особенно же кощунствованные и смехотворные речи, которые я допускала произносить в юности, как это бывает у многих. Предстали предо мною там все мирские бесстыдные песни, которые я пела когда-то, все бесчинные восклицания мои, все мои легкомысленные речи, и бесы обличали меня всем тем, указывая времена, места и лица, когда, где и с кем я предавалась суетным беседам и прогневляла словами моими Бога, не вменяя себе того в грех и не исповедываясь в том пред отцом духовным. Видя все это, я молчала, как безгласная, потому что не имела что-либо сказать лукавым духам: они обличали меня вполне справедливо, и я удивлялась, как они ничего не забыли; ибо много лет прошло с тех пор, как все эти грехи были соделаны мною, и я давно забыла о них и никогда не помышляла о содеянном в уме своем; они же приводили все слова мои, как будто они были только что произнесены мною, все подробно и до тонкостей припоминая, как оно и было в действительности. И когда я со стыдом молчала, в то же время трепеща от страха, святые Ангелы в противовес тем грехам моим представили нечто из моих добрых дел, содеянных в последние годы жизни моей, а так как они не могли перевесить тяжести грехов моих, то недостаток восполнили из того, что было даровано преподобным отцом моим Василием. Так они искупили меня и понесли выше.

Тут мы приблизились к другому мытарству, называемому мытарством лжи, на которой истязуются всякое ложное слово, особенно клятвопреступления, призывания имени Божия всуе, лжесвидетельства, нарушение обетов, данных Богу, неполное исповедание грехов и тому подобное. Духи этого мытарства весьма яры и свирепы, – они испытывали меня весьма настойчиво, не упуская ни одной подробности. И была я обличена от них в двух грехах: именно в том, что иногда в некоторых малых вещах допускала себе лгать, не вменяя того во грех, а также и в том, что многократно, стыдясь грехов своих, приносила духовному отцу своему неполную исповедь. Что же касается клятвопреступления и лжесвидетельства, то этих грехов, благодатию Христовою, не нашлось у меня. Все же бесы

торжествовали по поводу найденных во мне грехов лжи и уже хотели меня похитить из рук ведших меня Ангелов, но те, положив нечто из моих добрых дел против грехов тех, а недостающее восполнив из дарованного преподобным Василием, выкупили меня и беспрепятственно понесли выше.

После того достигли мы третьего мытарства, которое называется мытарством осуждения и клеветы. Удержанная там, я увидела, сколь тяжек грех оклеветать кого-либо, обесславить, похулить, а также надсмеяться над чужими пороками, забывая о своих. Всех, кто предается власти этого греха, жестоко истязают злые духи, как своего рода антихристов, предвосхитивших власть Христа, имеющего прийти судить людей, и сотворивших себя судьями ближних своих, в то время как сами они более достойны осуждения. Но во мне, благодатью Христовою, немного могли найти что-либо из таких грехов, ибо я строго блюла себя во все дни жизни моей, заботясь о том, чтобы ни осудить, ни оклеветать кого-либо, ни посмеяться над кем, ни похулить кого; и если иногда приходилось мне слышать, как кто-нибудь осуждал другого, то я мало внимала осуждающему, и если прибавляла что от себя в этом разговоре, то только такое, что не могло послужить ближнему в вящщую обиду, да и тогда тотчас же останавливалась, зазирая себя за это немногое. Однако и такие провинности были истязателями поставлены во грех мне. Но святые Ангелы искупили меня дарованным от святого Василия и стали подниматься со мною выше.

И дошли мы до четвертого мытарства, называемого мытарством чревоугодия. Злые духи этого мытарства тотчас же выбежали к нам навстречу, радуясь, как будто приобрели что-либо. Они были весьма отвратительны видом своим, изображая собою всю мерзость чревоугодия и пьянства; при этом одни из них держали блюда и сковороды с яствами, другие же – чаши и кружки с питьем, – и я увидела, что пища та и питье были подобны смердящему гною и нечистым испражнениям. Бесы же, держащие то и другое, имели вид пресыщенных и пьяных; они скакали с различными гудками и делали все то, что обычно творят пьяницы и пирующие, ругаясь над душами приводимых к ним грешников. Преградив нам путь и обойдя нас, как псы, они

тотчас же выставили на вид все мои прошлые грехи чревоугодия, когда я предавалась излишеству в пище и питии и ела через силу и без всякой нужды, когда я, как свинья, приступала утром к еде без молитвы и крестного знамения, или же когда постом садилась за стол раньше, чем это дозволяли правила церковного устава. Представили они также чаши и сосуды, на коих я упивалась, предаваясь пьянству, и даже указывали число выпитых чаш, говоря:

– Столько чаш испила она на таком-то пиру и с такими-то людьми; в другое же время и в другом месте столькими-то чашами упилась она до беспамятства; сверх того она столько-то раз пировала при звуке свирелей и других музыкальных орудий, предаваясь пляске и песням, и после таких пиров ее с трудом приводили домой; так она изнемогала от безмерного пьянства.

Представляя все такие и подобные им чревоугодия, бесы торжествовали и радовались, как будто уже имели меня в своих руках, и уже готовились схватить меня и низвести на дно ада. Я же трепетала, видя себя обличаемой ими и не имея что ответить им. Но святые Ангелы, взяв немало от дарованного преподобным Василием, положили за меня выкуп. Бесы, увидев это, пришли в смятение и возопили:

– Горе нам, ибо погиб труд наш, погибла надежда наша.

С этими словами они стали бросать в воздух хартии, в которых были написаны мои грехи. Я же, видя это, веселилась и беспрепятственно шла оттуда. Поднимаясь со мною выше, Ангелы стали так беседовать друг с другом:

– Поистине великую помощь имеет душа эта от угодника Божия Василия: если бы его труды и молитвы не помогали ей, великую нужду претерпела бы она, переходя через воздушные мытарства.

Тогда, возымев дерзновение, я сказала святым Ангелам:

– Владыки мои, думаю я, что никто из живущих на земле не знает, что бывает здесь и что ожидает грешную душу после ее смерти.

Святые Ангелы ответили мне:

– Разве не свидетельствуют о всем, что здесь бывает, Божественные Писания, постоянно читаемые в святых церквах

устами священнослужителей? Но пристрастившиеся к земной суете пренебрегают всем этим, поставляя всю сладость жизни во вседневном объедении и пьянстве: каждый день они едят без меры и упиваются, отложив страх Божий; и имея у себя чрево вместо Бога, они совершенно не помышляют о будущей жизни и не помнят слова Божия, которое говорит: Горе вам, пресыщенные ныне, ибо будете голодны. «Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете» (Лк 6:25). Они маловерно думают, что все, что говорится в Божественном Писании, суть басни, и пренебрегают написанным, «пируя с тимпанами»[2196], подобно евангельскому богачу, «и каждый день пиршествовали блистательно» (Лк.16:19). Впрочем, те из них, которые милосердны к бедным, благодетельствуют нищим и убогим и помогают требующим помощи, те получают от Бога прощение грехов своих и беспрепятственно проходят мытарства, ради своей милости, ибо Священное Писание говорит: «милостыня от смерти избавляет» (Тов.4:10). Таким образом, творящие милостыню получают жизнь вечную; тем же, кто не старается милосердием очистить грехи свои, невозможно избегнуть этих испытаний, и их похищают мрачные мытари, которых ты видела; подвергая сии души жестоким мучениям, они низводят их в самые преисподние места ада и держат там в узах до Страшного Суда Христова. Тебе также трудно было бы избегнуть этой участи, если бы ты не получила искупления от дарованного тебе преподобным Василием.

Так беседуя, мы достигли пятого мытарства, называемого мытарством лености, в котором испытываются все дни и часы, проводимые в праздности, и истязаются тунеядцы, живущие чужим трудом, сами же ничего не делающие, а также наемники, получающие вознаграждение за дело, которое как следует не исполняют. В этом же мытарстве подвергаются истязаниям и те, которые не воздают хвалу Богу и ленятся в праздничные и воскресные дни ходить к утрене, к литургии и к иным службам Божиим. Испытуется там также уныние и небрежение о душе своей, и всякое проявление того и другого строго взыскивается, так что весьма многие люди мирского и духовного чина низвергаются с этого мытарства в пропасть. На этом мытарстве

и я подвергнута была многим испытаниям, и невозможно мне было бы быть свободной от долгов его, если бы скудость моя не была исполнена дарованным от преподобного Василия, чем я была искуплена и через это получила свободу.

После того шли мы мытарством татьбы. На нем мы также были остановлены, но, дав там немногое, скоро миновали его, ибо не нашлось на мне никакого греха татьбы, кроме совершенного мною небольшого проступка в детстве по неразумию.

Оттуда мы пришли в мытарство сребролюбия и скупости, но и то скоро миновали. Ибо, при содействии Господа Бога, я не радела о многом стяжании и не была сребролюбивой, но довольствовалась тем, что посылал мне Господь, не была я также и скупой, но что имела, усердно подавала нуждающимся.

Поднимаясь выше, встретили мы мытарство лихвы, где испытываются всевозможные лихоимцы и грабители, а также все дающие серебро свое в лихву и приобретающие богатства беззаконными средствами. Злые духи этого мытарства, усердно исследовав все обо мне, ничего не нашли, в чем бы я была повинна, и от ярости скрежетали на меня зубами своими. Мы же пошли выше, благодаря Господа Бога.

После того мы достигли мытарства неправды, на котором подвергаются истязаниям все неправедные судьи, берущие мзду и оправдывающие виновных, невинных же осуждающие. Там же истязуются: удержание платы наемным рабочим, всякая неправильность в весах у торговцев и взыскивается всякая неправда. Но мы, благодатью Христовою, прошли то мытарство без особых препятствий, мало что давши мытарям.

Также благополучно миновали мы следовавшее затем мытарство зависти, ничего не дав там, потому что я никому не завидовала. На этом мытарстве испытывали также грехи вражды и ненависти, но я, благодатью Христовою, и в этих грехах оказалась неповинною. Видя это, бесы пришли в ярость и скрежетали на меня, но я не боялась их и с радостью поднималась выше.

Подобным же образом прошла я и мытарство гордости, где надменногордые духи взыскивают грехи тщеславия,

самомнения и величания. Там прилежно истязуется и то, не оказывал ли кто непочтения и неповиновения родителям, или старейшинам, получившим власть от Бога, а также прочие грехи гордости и самомнения. Там мы положили очень немногое из дарованного преподобным Василием, и я сделалась свободною.

Тогда достигли мы мытарства гнева и ярости, но и там, хотя и свирепы были воздушные истязатели, однако не много от нас получили, и мы пошли дальше, радуясь о Господе Боге, спасающем мою грешную душу молитвами преподобного отца моего святого Василия.

После того дошли мы до мытарства злобы, на котором немилосердно истязуются держащие злобу на ближнего и воздающие злом за зло и затем низводятся злобными духами в тартар[2197]. Но милосердие Божие и там помогло мне; ибо я не держала злобы ни на кого, не помнила зла по поводу содеянных мне неприятностей, но имела ко всем враждующим ко мне незлобие и по силе моей проявляла любовь к ним, побеждая благим злое. Таким образом, никакого греха злобы не нашли на мне на этом мытарстве, так что бесы от ярости рыдали, видя, что душа моя свободно отходит от них; мы же стали подниматься дальше, радуясь о Господе.

Восходя выше и выше, я спросила ведших меня святых Ангелов:

– Умоляю вас, владыки мои, скажите мне: откуда известно страшным воздушным властям о каждом злом деле всех людей, живущих в мире, как например о моих злых делах, и притом не только о тех, которые явно сотворены, но даже и о тех, которые содеяны тайно!

И сказали мне святые Ангелы:

– Всякий христианин от святого крещения приемлет от Бога данного ему Ангела-Хранителя, который, невидимо храня человека, днем и ночью наставляет его на всякое благое дело во все время жизни его до самого смертного часа и записывает все добрые дела его, в течение всей жизни творимые, чтобы в награду за них человек мог получить от Бога милость и вечное воздаяние в Небесном Царствии. Точно так же и князь тьмы, желающий привлечь человеческий род к своей погибели,

приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, постоянно следуя за человеком, следит за всеми злыми делами его, творимыми от юности, своими кознями соблазняет его на преступные деяния и записывает все, что человек сотворил злое. Затем, отходя к мытарствам, сей лукавый дух вписывает каждый грех в соответственное ему мытарство, почему и осведомлены воздушные мытари о всех грехах, творимых людьми. И вот когда душа какого-либо человека разлучится от тела и станет отходить к Создателю Своему в небесные селения, то лукавые духи, стоящие при мытарствах, преграждают ей путь, показывая все записанные грехи ее. И если в ней найдется более добрых дел, чем грехов, то бесы не будут в силах удержать ее. Если же в ней более отыщется грехов, нежели добрых дел, то бесы на время удерживают ее и заключают как бы в темнице, где, по попущению Божию, и мучают ее, пока душа та воспримет искупление от мук их, по молитвам Церкви и через милостыню, творимую в память ее ближними ее. Если же какая-либо душа окажется столь грешна и мерзостна пред Богом, что у нее не будет никакой надежды на спасение и будет ожидать ее вечная погибель, то такую душу бесы тотчас же низвергают в бездну, в которой уготовано место вечных мучений и для них самих, и в этой бездне держат ее до Второго Пришествия Господня, после коего она должна мучиться вечно в геенне огненной[2198] вместе с телом.

Нужно еще и то заметить, что сим путем восходят и такие истязания принимают только те, кто просвещены верою и святым крещением. Неверные же язычники, сарацины[2199] и все вообще иноверцы этим путем не идут. Еще будучи живы телом, они душою уже мертвы, погребены во аде; потому, когда они умирают, бесы тотчас же, без великого испытания, берут души их, как по праву принадлежащие им, и низводят в пропасти ада.

Когда Ангелы все это возвещали мне, мы вошли в мытарство убийства, в котором испытывается не только разбой, но и всякая рана, всякий удар, нанесенный куда-либо, по плечам или по главе, а также всякие заушения или толчки, сделанные во гневе. Все это на мытарстве том тщательно

испытывается и на весы полагается; но мы благополучно миновали его, немного положив для выкупа.

Также миновали мы и мытарство чарований, отравлений наговорными травами и призываний бесов с целью волшебства. Духи этого мытарства были подобны четвероногим гадам, скорпионам[2200], змеям, ехиднам[2201] и жабам, и зрак их был весьма страшен и мерзок. Но там, благодатию Христовою, не нашлось на мне никакого греха, и мы тотчас прошли мытарство, ничего не дав злым мытарям. В ярости они кричали на меня и говорили:

– Вот ты придешь на мытарство блуда. Посмотрим, как ты избегнешь его?

Когда же мы поднимались выше, то я спросила ведших меня святых Ангелов:

– Владыки мои, все ли христиане проходят эти мытарства, и нельзя ли человеку пройти их без всякого истязания и страшных мучений?

Святые Ангелы ответили мне:

– Для душ верных иного пути, возводящего к небу, нет, и все грядут этим путем, но не все подвергаются таким истязаниям, каким подвергалась ты, но только подобные тебе грешники, которые несовершенную исповедь грехов своих совершали пред духовным отцом, стыдясь беззаконных дел своих и утаивая многие из них. Если же кто искренно и по правде, не утаивая ничего, исповедует все дела свои и с сердечным сокрушением кается во всех соделанных им прегрешениях, то грехи такого человека, по милосердию Божию, невидимо изглаждаются, и когда душа его грядет по мытарствам, воздушные истязатели, разогнув свои книги, не находят в них никаких рукописаний ее грехов и не могут сделать ей никакого зла, так что душа та беспрепятственно и в веселии восходит к престолу благодати. И ты, если бы сотворила совершенную исповедь и покаялась бы во всех грехах твоих, не претерпела бы таких грозных истязаний на мытарствах. Но теперь тебе помогло то, что ты давно уже перестала творить смертные грехи и добродетельно проводила последние годы

жизни твоей, особенно же помогли тебе молитвы преподобного отца твоего Василия, которому ты долго и усердно служила.

Так беседуя, дошли мы до мытарства блуда, на котором истязуется всякое любодеяние, всякая блудная мысль и мечтание, а также страстные прикосновения и любострастные осязания. Князь этого мытарства восседал на престоле своем, облаченный в одежду скверную и смрадную, окропленную кровавою пеною, и множество бесов предстояло ему. Видев меня, дошедшею до них, они много дивились, а затем, вынеся написания блудных дел моих, обличали меня, указывая, с кем, когда и где я грешила во время юности моей. И не имела я ничего, чтобы возразить им, и от страха трепетала, исполнившись стыда. Тогда Ангелы сказали бесам:

– Но ведь она уже много лет не творила блудных дел и постнически, в чистоте и воздержании, прожила все последние годы своей жизни.

Бесы ответили им:

– Знаем, что она давно уже отстала от блудного греха, но все же она принадлежит нам, потому что не совершенно и не вполне искренно каялась пред своим духовным отцом в содеянных раньше грехах, многое утаивая от него; а потому или оставьте ее нам, или выкупите ее добрыми делами.

Ангелы положили им многое от добрых дел моих и еще больше от дарования преподобного Василия, и, едва избавившись от лютой беды, я была унесена оттуда.

После того мы достигли мытарства прелюбодеяния, в котором истязуются грехи живущих в супружестве и не соблюдающих супружеской верности, но оскверняющих свое ложе, а также всевозможные похищения девственниц с целью растления их и всякие блудодейственные насилия. Здесь же истязуются падения и тех, кто посвятил себя Богу и дал обет соблюдать жизнь свою в чистоте и девстве, но потом не сдержал этого обета. На этом мытарстве и я была обличена как прелюбодеица и не имела ничего, чтобы сказать в свое оправдание, так что немилосердные истязатели, скверные и нечистые духи уже намеревались похитить меня из рук Ангельских и низвести на дно ада. Но святые Ангелы вступили в

спор с ними и представили все последующие труды мои и подвиги; и таким образом искупили меня всеми оставшимися добрыми делами моими, которые положили там все до последнего, оставив вместе с тем и весьма многое из дарованного преподобным Василием. Все это они возложили на весы против моих беззаконий и, взяв меня, понесли далее.

Тут мы приблизились к мытарству содомских грехов, на котором истязуют противоестественные грехи мужчин и женщин, мужеложство и скотоложство, кровосмешение и иные тайные грехи, о которых стыдно и вспоминать. Князь этого мытарства имел весьма скверный и безобразный вид и весь был покрыт смрадным гноем; слуги его во всем были подобны ему: смрад их был весьма нестерпимый, вид мерзкий и страшный, ярость и лютость чрезмерная. Увидев нас, они поспешно вышли навстречу и обступили нас, но не найдя во мне, по милости Божией, ничего, за что бы могли привлечь к суду своему, со стыдом отбежали; мы же с радостью пошли далее.

Поднимаясь выше, Ангелы сказали мне:

– Вот ты, Феодора, видела страшные и мерзкие мытарства блудных дел. Знай, что немногие души проходят эти мытарства беспрепятственно, так как мир во зле лежит[2202], люди же весьма слабы и от юности пристрастны к любодейным грехам. Мало, очень мало людей, умерщвляющих свои плотские похоти, и поэтому редко кто эти мытарства проходит свободно и беспрепятственно; напротив, весьма много таких людей, которые, дошедши до этого мытарства, здесь погибают, ибо истязатели блудных дел похищают пристрастных к любодеянию людей и низвергают во ад, подвергая их жесточайшим мукам. Князи блудных мытарств даже похваляются, говоря: «Мы одни более всех других мытарей воздушных пополняем число низвергнутых на дно ада, которые таким образом как бы вступают в родство с нами, подвергаясь одинаковой с нами участи». Поэтому, Феодора, ты возблагодари Бога за то, что, молитвами преподобного отца твоего Василия, миновала эти мытарства и больше не испытаешь какого-либо зла и не будешь знать страха.

Между тем мы подошли к мытарству ересей, где истязуются неправые мудрования о вере, отступления от православного исповедания веры, неверие, сомнения в истинах богооткровенного учения, хулы на святыню и тому подобные грехи. Это мытарство я миновала без всякого испытания и была уже недалеко от врат в Небесное Царствие.

Наконец, встретили нас злобные духи последнего мытарства, называемого мытарством жестокосердия. Истязатели этого мытарства весьма жестоки и люты, но особенно лют князь их, имеющий весьма унылый и скорбный вид, дышащий огнем ярости и немилосердия. На мытарстве том без всякой милости испытываются души немилосердных. И если кто-нибудь, хотя и совершит многие подвиги, будет постоянно соблюдать посты и усердно молиться, а также сохранит неосквернённою чистоту свою, но при этом окажется немилостивым и затворит сердце свое для ближнего, тот низвергается оттуда в ад и заключается в бездне, и таким образом сам остается лишенным милости[2203]. Но мы и это мытарство, благодатью Христовою, миновали без особых препятствий, благодаря молитвам преподобного Василия, даровавшего нам от своих добрых дел многое для моего искупления.

Так миновав все страшные мытарства, мы с радостью великою приблизились к самым вратам Небесного Царствия. Были эти врата подобны светлому кристаллу, и от них исходило неизреченное сияние; у врат стояли световидные юноши, которые, видя меня несомою руками Ангельскими, исполнились веселья, радуясь, что я избавилась воздушных мытарств, и с любовью встретив нас, ввели через врата, внутрь Небесного Царствия. И что я там видела и слышала, о чадо Григорие, – продолжала блаженная Феодора, – о том невозможно рассказать подробно! Видела я, что «око человеческое не видело, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человека» (1Кор.2:9). Наконец, предстала я пред престолом Божественной славы, окруженным Серафимами, Херувимами и множеством небесных воинов, неизреченными песнями всегда славящих Господа. Тут я, падши, поклонилась невидимому и

неведомому Богу. И воспели небесные силы сладкозвучную песнь, прославляя Божественное милосердие, которое не могут препобедить никакие грехи человеческие. От престола же славы Божией в это время раздался глас, повелевающий ведшим меня святым Ангелам показать мне все райские обители святых и все мучения грешников и потом водворить меня в обитель преподобного Василия. И водили меня святые Ангелы всюду, так что я видела множество прекрасных селений и обителей, исполненных славы и благодати, – обителей, которые были уготованы любящим Бога. Видела я там обители апостольские, пророческие, мученические, преподобнические и другие, особые для каждого чина святых. Каждая обитель была неизреченной красоты, широтою и длиною равнялась, сказала бы я, Царьграду, но при этом отличались несравненно большею красотою, имея много светлых палат нерукотворных. Всюду в обителях тех раздавался глас радости и веселья духовного и видны были лики веселящихся праведников, которые, видя меня, радовались о моем спасении, с любовью встречали меня и лобызали, восхваляя Господа, избавившего меня от сетей вражьих. Окончив обхождение райских обителей, я низведена была в преисподние земли[2204] и видела страшные и нестерпимые муки, во аде грешникам уготованные. Показывая их, святые Ангелы говорили мне:

– Смотри, Феодора, сколь жестоких мук избавил тебя Господь, молитвами святого угодника Своего Василия.

Обходя пропасти ада, я слышала и видела там плач, вопль и горькое рыдание пребывающих в тех муках. Одни из них вопияли: «о, горе нам»; другие воздыхали: «увы, как тяжко нам!»; третьи проклинали день рождения своего.

После всего ведшие меня Ангелы привели меня в обитель преподобного Василия, которую ты видишь, и водворили меня здесь, сказав:

– Ныне преподобный Василий память о тебе творит.

И поняла я, что пришла в это место успокоения в сороковой день по разлучении моем от тела[2205].

Все это преподобная Феодора поведала Григорию в сонном видении и показала ему красоту обители, в которой она

находилась, и все духовные богатства ее, собранные многими трудами, и потом блаженного отца Василия.

Здесь окончилось видение. По окончании его Григорий воспрянул от сна и много размышлял, удивляясь виденному и слышанному от блаженной Феодоры. Поутру же он пошел к преподобному Василию, чтобы получить от него обычное благословение. Преподобный спросил его:

– Чадо Григорий, где ты был в эту ночь?

Он же, как будто ничего не ведая, ответил:

– Спал, отче, на постели моей.

Старец сказал на это:

– Знаю, что телом ты почивал на постели, духом же ты был в ином месте. Или ты забыл, что открыл тебе Бог этою ночью в сонном видении? Вот ты получил, что так сильно желал: видел Феодору, слышал о переходе ее в будущую жизнь от нее самой и был в обители моей, которая, по благодати Христовой, уготована мне ради малых трудов моих. Таким образом, ты созерцал все, что желал знать.

Услышав такие слова, Григорий познал, что сон его был не ложным мечтанием, но действительным откровением от Бога, исходатайствованным молитвами преподобного; тогда, возблагодарив Бога, он поклонился духовному отцу своему, после чего получил от него приличное случаю наставление.

Тот же Григорий в другое время впал попущением Божиим в некое сомнение о вере. Прилежно читая книги Ветхого Завета, он возымел помышление в уме своем, что евреи право веруют, и пребывал в этом помысле довольно долго. Уразумев духом, что Григорий впал в искушение, прозорливый старец обличил его и, после многого увещания, снова испросил ему откровение от Бога. И вот Григорий опять увидел дивное видение, в котором пред его духовными очами предстал образ совершения Страшного Суда Божия. Увидел он вечного Судью, на престоле сидящего, праведников, одесную Судии стоящих, и грешников, находящихся ошуюю и судимых по делам их. Были там и иудеи, и язычники, причем Григорий увидел иудеев, осужденных вместе с язычниками и низвергнутых в геенну. Вместе с осуждением грешников Григорий узрел и прославление

праведников, и все сие описал впоследствии весьма пространно. Это описание можно найти в Великой Четьи-Менее[2206], где подробно изображена жизнь блаженного отца нашего Василия и все видения ученика его Григория; нам же надлежит окончить свое повествование, предложенное в сокращенном виде.

Среди трудов и подвигов продолжительной жизни, исполненной чудотворений и пророчеств, преподобный отец наш Василий приблизился ко времени своего отшествия на небо. Кончина его наступила в преклонных летах. Ибо в Царьград он был приведен уже тогда, когда ему было немало лет, да и в Царьграде он прожил около пятидесяти лет, – так что всего он прожил около ста лет, по истечении коих и пришел в вечную жизнь, и лета Твои не кончатся (Евр.1:12)[2207]. Кончину свою преподобный Василий удостоился предвидеть и предсказал о ней возлюбленному ученику своему Григорию. Это было при таких обстоятельствах.

Григорий имел обычай на всю святую Четыредесятницу затворяться в доме своем и безвыходно находиться в нем, пребывая в посте и молитвах, полагая множество поклонов и проводя все ночи без сна. И вот однажды, ввиду приближения Четыредесятницы, Григорий пришел к преподобному принять от него, по обычаю, благословение на предлежащий постнический подвиг в затворе. Преподобный, наставив его в продолжительной беседе о душе и подав ему свое благословение, напоследок сказал:

– Иди, чадо, с миром в дом твой; меня же телесными очами более не увидишь в жизни сей.

И обняв Григория, преподобный с любовью облобызал его.

Григорий, припав к ногам святого, омочил их слезами своими, плача и рыдая по поводу своего разлучения с ним; затем пошел к себе и, по своему обыкновению, затворился на весь пост. Преподобный же Василий в седмицу средопостную[2208], марта 25, в самый день Благовещения Пресвятой Богородицы, предал святую душу свою в руки Божии[2209]; а честное тело его было погребено в монастыре святых мучеников Флора и Лавра.

После того было видение одному благочестивому мужу, жившему в Царьграде. Он увидел дом великий и прекрасный, у которого врата были украшены золотом и драгоценными камнями, а над ними находилась надпись, гласившая: «Обитель и вечный покой блаженного Василия Нового». Прочитав эту надпись, муж тот стал удивляться красоте здания. Тогда из него вышел прекрасный юноша и сказал благочестивому цареградцу:

– Чему ты так удивляешься! Вот ты увидишь нечто, еще более дивное.

С этими словами он отверз врата здания, и глазам удивленного мужа предстали палаты весьма высокие и прекрасные, красота коих превосходит все, что только можно вообразить. В одной из палат он увидел преподобного Василия, сидящего среди великой славы на царском престоле и окруженного многими светлыми мужами и юношами. Видны были там и сады прекрасные, преисполненные всем, что только может радовать и веселить сердце человеческое. При этом был слышан глас, исходящий извнутри: «Такое воздаяние приемлют по преставлении все возлюбившие Бога и усердно послужившие Ему».

Сие видение муж тот поведал многим, и все слышавшие прославляли Бога, почитая память угодника Божия преподобного отца нашего Василия Нового.

Да сподобимся же участи любящих Бога и мы, по молитвам святого Василия, благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Коему со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Иоанна Прозорливого, пустынника и затворника Египетского

Память 27 марта

В египетском городе Ликополе[2210] жил некоторый муж, по имени Иоанн, с юных лет занимавшийся плотничеством. Когда Иоанну исполнилось двадцать пять лет, он решил отречься от мира; после этого пятнадцать лет он подвизался в иноческих трудах в различных монастырях; потом, ища уединенного места для подвигов пустынного жития, он ушел на гору, называвшуюся Волчею и находившуюся недалеко от Ликополя. Здесь он выстроил себе три келии с одною кровлею, расположенных одна около другой, и затворился в них для подвигов поста и молитвы, причем в одной келье он молился, в другой занимался рукоделием, третья же служила ему для пищи и для сна. В таком уединении святой пробыл пятьдесят лет, до самого конца жизни своей, никогда не выходя из кельи, но принимая пищу и беседуя с приходившими к нему людьми через оконце.

Когда истекло тридцать лет пребывания святого Иоанна в этом затворе, он сподобился от Господа получить дар пророческий. Святой предсказал очень многое императору Феодосию – именно, что он победит гонителя христиан Максима и завладеет Галлиею[2211], что он победит также гонителя христиан Евгения и потом окончит жизнь свою и передаст царствование своим сыновьям. Благодаря такой прозорливости святого, о нем всюду распространялась слава, как о святом муже, и сам император Феодосий почитал его за пророка.

При начале пустыннических подвигов Иоанна, пришел к нему некоторый воевода, который спросил святого, победит ли он эфиопов, пришедших к городу Сиене[2212]. Преподобный Иоанн повелел ему небоязненно идти на эфиопов и сказал, что он победит их и будет награжден за это почестями от царя. Все случилось так, как предсказал святой Иоанн. После этого происшествия царь узнал о святом и всегда, когда отправлялся

в поход на врагов, просил у святого молитв и предсказания об успехе похода.

Святой Иоанн имел великую благодать прорицания, как это сообщали отцы, подвизавшиеся вместе с ним (замечает Палладий[2213], описатель жития преподобного); святая, преисполненная добродетелей жизнь этих отцов уверяет нас в истине слов их. Вот несколько примеров дивной прозорливости святого.

Один трибун[2214], придя ко святому, просил у него позволения прийти к нему жене его, очень хотевшей его видеть. Святой же Иоанн не давал ему согласия на это, не желая ни видеть женщин, ни быть видимым женщинами, так как и с мужчинами беседовал лишь через оконце. Но когда трибун долго и неотступно просил святого об этом, то святой, видя веру его жены, обещая явить себя ей в сонном видении, сказал трибуну:

– В эту же ночь я являюсь ей, чтобы она не упрашивала меня более показаться ее телесным очам.

Трибун передал жене своей слова преподобного.

Действительно, жена трибуна увидела ночью во сне святого, который подошел к ней и сказал:

– «Что мне и тебе, жено?» (Ин.2:4). Для чего ты хотела видеть лицо мое? Разве я пророк? Разве я святой человек? Я человек грешный, подобострастный всем прочим людям. Но я умолил Бога, чтобы было по вере твоей и по вере твоего мужа.

Сказав это, святой отошел от женщины той.

Когда жена трибуна проснулась, то передала мужу слова, которые сказал ей во сне святой и описала мужу лицо святого и его одежду и потом просила мужа поблагодарить святого за милость, оказанную ей. Когда же муж той женщины пришел к келье преподобного, то не успел он еще сказать святому и одного слова, как сей последний сказал ему:

– Вот, я исполнил твою просьбу и явился во сне жене твоей, дабы она не упрашивала меня более показаться ее телесным очам.

В другой раз некоторый военачальник, имевший жену беременную, которой приближалось время родить, пришел к

святому Иоанну и просил его помолиться о нем и жене его. Случилось, что в то самое время, когда военачальник пришел к святому, жена его была в больших муках по случаю родов и уже приближалась к смерти. Преподобный же Иоанн сказал человеку тому:

– Если бы ты знал милость Бога, дарующего тебе сына, то ты прославил бы Бога, но мать младенца находится недалеко от смерти. Отойдя от меня, ты найдешь младенца уже семидневного[2215]. Назови его Иоанном и, когда ему исполнится семь лет, пошли его в пустыню к монахам для подвигов.

Такие и подобные предсказания давал святой Иоанн многим людям, приходившим к нему из далеких мест. Точно так же преподобный предсказывал многое, имеющее совершиться в будущем, и своим согражданам, жителям города Ликополя, постоянно приходившим к нему ради душевной пользы своей. Он открывал им как то, что должно было совершиться в будущем, так и то, что было кем-либо сделано тайно от других. Преподобный Иоанн предсказывал, например, о разливе реки Нила[2216], о годах плодородных; точно так же святой предсказывал и имеющие совершиться казни Божии и обличал тех, которые навлекали на страну своими грехами гнев Божий.

Хотя святой Иоанн и не творил сам лично исцелений, но подавал больным освященный елей, помазуясь которым, они исцелялись от болезней своих. Так, например, жена одного римского сенатора, потерявшая зрение и имевшая бельмы на глазах своих, просила мужа своего, чтобы он привел ее к преподобному для исцеления. Но муж сказал ей, что к святому Иоанну не приходила еще ни одна женщина и что женщины вообще не могут видеть святого Иоанна. Однако женщина та упрашивала мужа хотя бы только передать святому ее просьбу помолиться о ней Богу. Муж исполнил просьбу жены своей. После этого святой Иоанн послал к женщине той немного елея освященного, которым три раза в день она помазывала глаза свои. На третий день после этого женщина та прозрела и прославила Бога.

В Нитрийской пустыне[2217] было семь пустынножителей; я (повествует описатель жития святого Иоанна – Палладий) и

ученики Евагрия, Алвиана и Аммона. Все они пожелали узнать подробнее о добродетельной жизни святого Иоанна, причем Евагрий сказал:

– Я пойду первый и узнаю от кого-либо о жизни святого Иоанна. Но если и ничего не узнаю о нем, то не пойду далее горы Ликопольской.

Услышав это, – повествует Палладий, – я отдохнул один день, а на другой, ничего никому не сказав, положившись на Бога, пошел в Фиваиду[2218]. Когда я дошел до горы и кельи Иоанновой, то ученики его сказали мне, что от воскресенья и до субботы преподобный не принимает для беседы никого из приходящих. Поэтому мне пришлось дожидаться субботы. В субботу же во втором часу дня я отправился к келье святого и нашел его сидящим у окна и беседующим с приходившими к нему людьми. Сказав мне приветствие, преподобный спросил меня через одного из своих учеников:

– Откуда и зачем ты пришел? Мне кажется, что ты из монастыря Евагрия.

Во время нашей беседы пришел к преподобному военачальник той страны, по имени Алимпий; Иоанн прервал беседу со мною, и я отошел несколько от него, чтобы не препятствовать беседе его с военачальником. Вследствие того, что преподобный беседовал с военачальником довольно продолжительное время, я оскорбился и стал в мыслях осуждать честного старца, который, презрев меня, оказывал честь военачальнику. Дойдя до крайней степени нетерпения, я уже собирался, не простившись, отойти от преподобного. Но святой Иоанн, уразумев помышления мои, подозвал к себе своего ученика, по имени Феодора, и сказал ему:

– Поди и скажи брату тому, чтобы он не гневался, потому что я сейчас отпущу воеводу и буду с ним беседовать.

Когда эти слова были переданы мне, я весьма удивился тому, что преподобный Иоанн узнал мои мысли и убедился в том, что это был муж святой и прозорливый.

Когда военачальник отошел от Иоанна, святой позвал меня и сказал мне:

– Для чего ты разгневался на меня? Разве ты нашел во мне что-либо оскорбительное для тебя? Для чего ты подумал обо мне то, чего и в помысле не должно иметь ни мне, ни тебе? Разве ты не читал, что сказано в святом Писании: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф.9:12). Тебя я могу найти всегда, когда захочу; и ты меня найдешь всегда, когда захочешь; да если бы я тебя и не утешил, то тебя утешили бы другие братия и отцы: военачальник же, отдавшись мирским заботам и находясь во власти диавола, только на небольшое время пришел в познание истины и, подобно рабу, спасающемуся от жестокого господина, пришел ко мне, спасаясь от диавола, дабы получить от меня пользу для души своей. С моей стороны было бы несправедливо, не обратив внимания на него, продолжать беседовать с тобою, так как ты всегда сам заботишься о спасении своем.

Выслушав это, я (повествует Палладий) окончательно убедился, что это был муж святой, и начал просить его помолиться обо мне. Он же, ласково беседуя со мною и своею правою рукою касаясь слегка моей левой щеки, сказал мне:

– Многие скорби ожидают тебя впереди и трудную брань уже ты перенес, борясь со своим желанием оставить пустыню; ты не исполнил этого желания, несмотря на то, что диавол выставлял тебе благовидный предлог для оставления пустыни, напоминая тебе о любви к тебе отца и брата. Я тебе возвещу радостную весть: и отец, и брат твой – оба здравствуют и отреклись от мира; отец твой проживет еще семь лет. И ты, вооружившись мужеством, продолжай подвизаться в пустыне и не думай возвращаться отсюда в свое отечество, так как написано: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия» (Лк.9:62).

Слушая слова святого и укрепившись ими к подвигам, я (говорит Палладий) возблагодарил Бога за то, что Он при посредстве святого мужа этого раскрыл мне козни диавола и помог мне победить их. В другой раз преподобный, ласково беседуя со мною, спросил меня:

– Хочешь быть епископом?

Я же отвечал ему:

– Нет, потому что я уже епископ.

Святой же спросил меня:

– В каком же городе ты епископ?

Я отвечал ему:

– Я надзираю[2219] за кухней, трапезой, палатками, кадками; пробую, например, вино, и если оно кислое, то прохожу мимо него, если же сладкое, то пью его; смотрю также в котлы с пищею, и если где недостает соли или других приправ, то я добавляю к пище эти приправы и потом поедаю пищу, сделавшуюся от приправы вкусною. Так же поступаю и в других случаях, везде выбирая для себя самое лучшее. Вот это мое епископство, на которое поставило меня сластолюбие.

Преподобный, улыбнувшись, сказал мне:

– Перестань шутить, потому что ты действительно будешь епископом и должен будешь перенести многие труды и скорби; если ты хочешь избежать этих трудов и скорбей, то ты не уходи из пустыни, потому что здесь, в пустыне, тебя никто не может поставить епископом.

Оставив преподобного, я (повествует Палладий) отправился в свою пустыню на место своего постоянного жительства и рассказал всей братии о честном и святом муже, преподобном Иоанне. Но я, грешный, потом забыл слова, сказанные святым Иоанном относительно меня: спустя три года после этого я заболел желудком и отправился, по совету братии, в Александрию[2220], ко врачам. Но так как болезнь моя не проходила, а развивалась все более, то Александрийские врачи советовали мне идти в Палестину, так как там теплый и здоровый климат. Отправившись в Палестину, я пробыл там немного и, несколько поправившись от болезни своей, пошел оттуда в Вифинию[2221] и здесь, уже не помню каким образом – человеческою ли волею, или Божиим изволением, – Бог знает как, был сподоблен сана епископского. После этого я впал в печаль, так как сан сей был сверх моей силы. Тогда я вспомнил пророчество преподобного Иоанна о мне, но в это время преподобный уже скончался. Я вспомнил тогда, что сказал мне преподобный, увещевая меня остаться в пустыне:

– Сорок лет я пребываю в этой келье и за все это время я не видел ни лица женского, ни какой-либо монеты, ни кого-либо ядущим или пьющим; равным образом и меня никто не видал ядущим или пьющим.

После той беседы со святым Иоанном, когда я возвратился (повествует Палладий) на свое обычное место и когда я рассказал братиям и отцам все, что видел и слышал у святого, все мы, числом семь, спустя два месяца после того отправились к преподобному.

Когда мы пришли к обители преподобного Иоанна, он принял нас ласково, приветствуя с улыбкою на лице каждого из нас в отдельности. Тотчас же как пришли, мы начали упрашивать святого помолиться о нас, как это в обычае у подвижников египетских. Но он спросил нас:

– Нет ли среди вас клирика?

Мы все сказали ему:

– Нет никого.

Посмотрев внимательно на каждого из нас, святой узнал среди нас одного утаившегося клирика, так как один из нас был диаконом, и никто из нас не знал, что он был диаконом, кроме одного брата; но тот клирик, из смирения утаивший свой сан, и знавшему его сан брату запретил говорить о нем, что он диакон, потому что, стремясь уподобиться святым подвижникам, брат тот считал себя недостойным носить и имя христианина. Преподобный Иоанн, указав рукою этого брата, сказал:

– Этот диакон.

Но когда этот брат отрицался от того, что он имеет сан диакона, святой Иоанн, простерши руку свою из оконца, через которое беседовал с нами, взял брата диакона за правую руку, облобызал ее и сказал ему:

– Не отвергай благодати Божией. Не лги, брат, сокрыв дар Божий, потому что ложь должна быть чужда христианам; нельзя похвалить ее и в тебе, – велика ли она будет или мала, потому что, как говорит Спаситель, ложь от диавола: диавол ложь есть и отец лжи (Ин.8:44).

Диакон, обличенный преподобным, молчал, слушая со вниманием наставления святого.

Когда же мы все совершили молитву (рассказывает Палладий), один из братьев, страдавший лихорадкою, просил преподобного Иоанна исцелить его. Преподобный сказал брату тому, что болезнь эта полезна для души его, но все-таки повелел помазать того брата освященным елеем, желая уврачевать не столько болезнь его, сколько маловерие. Вскоре после этого брат тот стал совершенно здоровым.

Сподобились мы видеть преподобного Иоанна (повествует Палладий) и тогда, когда ему исполнилось девяносто лет; тело его было столь истощено подвигами поста, что у него не росла даже борода, он ничего не вкушал, кроме плодов древесных, и то по захождении солнца; от юных лет привыкши к постничеству, он в старости никогда не вкушал ни хлеба, ни какой другой приготовленной на огне пищи.

Когда он предложил нам сесть, мы возблагодарили Бога, сподобившего нас видеть преподобного и беседовать с ним. Он же, приняв нас как возлюбленных чад своих, сказал нам, с улыбкою на лице:

– Откуда вы пришли, чада? Из какой страны вы пришли ко мне, человеку грешному и смиренному?

Мы же, назвав место нашей родины и указав постоянное наше местопребывание в Нитрийской пустыне, сказали, что пришли из Иерусалима именно для того, чтобы видеть ради душевной пользы святого, о котором много слыхали от других.

Блаженный же Иоанн сказал нам:

– Любезные чада! Что чудесное надеялись вы видеть, когда предпринимали столь трудный путь! Какая вам польза будет от того, что вы увидите человека грешного, смиренного, который не имеет ничего достойного удивления. Есть достойные удивления и восхваления святые пророки и апостолы, писания которых читаются в церквах; им удивляться и им подражать следует, но не мне. Я весьма удивился, видя ваше усердие, которое побудило вас прийти к нам ради душевной пользы издалека, пренебрегая опасностями столь трудного пути. Мы же, по своей лености, не выходим даже и из келий своих. Однако же помните, что, если бы дело ваше и было достойно похвалы и одобрения, вы сами не должны считать себя людьми,

сделавшими что-либо благое и достохвальное; подражайте по мере сил ваших добродетельной жизни отцов, и если исполните все (что, впрочем, едва ли часто бывает), то на себя не уповайте и собою не хвалитесь. Есть много таких людей, которые, достигнув совершенства в добродетели и возгордившись, ниспали с высоты в пропасть. Тщательно наблюдайте: усердны ли ваши молитвы, не нарушена ли чистота сердца вашего, не занят ли ум ваш посторонними мыслями во время молитвы; наблюдайте, всею ли душою своею вы отверглись от мира, не ходите ли наблюдать за чужими добродетелями, тщеславясь в то же время своими собственными добродетелями, заботитесь ли о том, чтобы представить собою добрый пример прочим людям; смотрите не возомните себя праведными, не возгордитесь каким-либо своим добрым делом; смотрите, чтобы во время молитвы вам не приходили в голову мысли о вещах мирских, потому что нет ничего безрассуднее, как устами беседовать с Богом, мыслью же быть далеко от Него. Это часто случается с теми, которые не столько отрекаются от мира, сколько заботятся о том, чтобы угодить миру. Человек, помышляющий о многих вещах, предается попечениям о мирском и тленном; но, предаваясь попечению о мирском, человек не может уже духовными очами своими видеть Бога. Человеку, всегда помышляющему о Боге, должны быть чужды мысли о всем мирском и суетном, согласно тому, как написано в святом Писании: «Остановитесь и познайте, что Я Бог» (Пс.45:11). Тому же человеку, который достиг некоторого познания Бога (полного познания Бога никто не может достигнуть), открываются тайны Божии, и он видит будущее, как настоящее и, подобно святым, творит чудеса и получает по молитве своей все, чего ни попросит от Бога.

Это и многое другое говорил преподобный Иоанн пришедшим к нему братьям, утешая и наставляя их, как отец детей. Потом он предложил им несколько рассказов о людях, возгордившихся и возмечтавших о себе; между прочим он предложил им следующую повесть:

– Некоторый инок подвизался во внешней пустыне[2222] в пещере, питаясь трудами рук своих, непрестанно молясь Богу и

преуспевая в добродетелях. Сознавая себя человеком, проводящим жизнь чистую и добродетельную, инок тот возгордился, стал считать себя человеком праведным и святым и думал сам о себе, что он никогда уже более не впадет в грех. По Божию попущению, к иноку тому пришел однажды поздно вечером демон, принявший на себя вид красивой женщины, как бы заблудившейся в пустыне; мнимая женщина та, найдя двери пещеры открытыми, вошла в нее и, пав к ногам инока, умоляла его пустить ее в пещеру, указывая на то, что уже настала ночь. Инок, сжалившись над женщиною тою, пустил ее в свою пещеру, не боясь соблазна, так как сильно надеялся на свои силы. Инок спросил пришедшую, откуда она идет и каким образом заблудилась в пустыне. Демон же, приняв образ жены, много беседовал с иноком, вызывая его на грех. Инок, слушавший со вниманием, уже начал склоняться ко греху; после многих любодейственных разговоров и взаимного смеха, инок все более и более смущался мыслями; пламя любодеяния разжигалось в нем все более и более и он уже хотел совершить беззаконие, как вдруг жена та, громко закричав, исчезла как тень из рук его и стала невидима; тотчас после этого в воздухе был слышен голос многих бесов, смеявшихся над иноком и укорявших его такими словами:

– Возносящий себя будет низвержен; ты до небес вознес себя, и потому теперь низвержен до ада.

Видя себя осмеянным, инок тот впал в отчаяние и, оставив свою келью и пустыню, возвратился в мир: до такого падения низвело его высокое мнение о себе.

Поучая же покаянию и рассуждая о том, что, подобно тому как бесы доводят нас до отчаяния и погибели, так и мы можем побеждать их, так что они уже не в состоянии будут одолеть нас, – преподобный Иоанн предложил такой рассказ:

– В одном городе жил юноша, сотворивший много самых тяжелых грехов, но потом юноша этот, под влиянием страха Божия, раскаялся. Для того, чтобы оплакать свою прежнюю греховную жизнь, он отправился на кладбище и здесь пал на землю, не смея ни призывать Бога, ни молиться по причине множества грехов своих. Потом юноша вошел во гроб и

заключил себя здесь, рыдая и сокрушаясь о грехах своих. Когда юноша пробыл во гробу семь дней, бесы, прежде увлекавшие его ко греху, пришли к нему и громко вопияли:

– Горе тебе, скверный, нечестивый, пресытившийся блудодеянием, так неожиданно для нас ставший теперь добродетельным человеком и нашим врагом! Чего доброго ты ожидаешь для себя после того как ты преисполнился скверн наших? Почему ты не встаешь из гроба и не отправляешься вместе с нами на обычные дела твои, ведь тебя с нетерпением ждут блудники и пьяницы! Почему ты не идешь удовлетворить своей похоти, так как тебе теперь нечего уже надеяться на спасение? Теперь ты наш, потому что ты творил всякое греховное дело, и напрасно ты хочешь спастись от нас: ты не избавишься теперь уже от рук наших!

Юноша тот ничего не отвечал бесам, не желая и слушать их, но все время плакал о грехах своих. Бесы долгое время говорили эти и подобные им слова юноше, увлекая его ко греху; но когда увидели, что он их не страшится и не думает бежать с кладбища, начали сильно бить его и хотели уже было совсем умертвить его, если бы это было попущено им от Бога. Потом бесы ушли от юноши, оставив его едва живым. Он же, пролежав долгое время на земле как мертвый, как только пришел в чувство, снова начал плакать и рыдать о грехах своих. Когда родственники его, искавшие его по всем местам, нашли его на кладбище, то умоляли его возвратиться домой; но он не хотел и слушать их, говоря, что согласен лучше умереть, нежели возвратиться к прежней жизни.

На следующую ночь к юноше снова приступили бесы, говоря то же самое, что и в первый раз, и снова истязуя его; потом бесы отошли от юноши. И в третью ночь бесы сделали попытку победить непобедимого, но, отчаявшись в успехе, бежали от него, будучи гонимы его терпением; при этом во время бегства своего бесы взывали:

– Победил, победил, победил ты нас!

Таким образом покаяние, соединенное со смирением, и терпение, соединенное с мужеством, привело бесов в отчаяние и они уже не могли сделать юноше никакого зла.

Юноша тот остальное время жизни своей провел в подвигах добродетели и явил собою многим грешникам, отчаивающимся в спасении своем, образец истинного покаяния.

Рассуждая же о высокомудрствовании, низводящем человека в бездну погибели и лишающем его благодати Божией, и смиренномудрии, возносящем человека к Богу, преподобный Иоанн предложил такой рассказ:

– Был один монах, живший во внутренней пустыне, в добродетели проведший многие годы своей жизни, но в старости подвергшийся искушению, по коварству демонов, и едва не погибший по причине своего высокомудрствования. Инок тот подвизался в великом безмолвии, проводя все дни и ночи в молитвах, пении псалмов и богомыслии. За свою добродетельную жизнь он удостоился даже видений Божественных, причем одни из них имел в бодрственном состоянии, а другие во сне (впрочем, сон его был очень непродолжителен и тонок, так что его едва можно и назвать сном). Инок этот столь усердно стремился к жизни бестелесной, что нисколько не заботился о пище для тела, так что не обрабатывал земли и не возращал садовых деревьев; всецело надеясь на Бога, он с тех пор, как поселился в пустыне, никогда не имел заботы о том, как и чем питать свое тело. Оставив все привязанности земные, он горел желанием приблизиться к Богу, с нетерпением ожидая отшествия от тленного мира сего.

Постоянно помышляя о вещах невидимых и небесных, инок тот проводил многое время добродетельную жизнь, причем тело его никогда не изнемогало от его подвижнического жития и душа его никогда не была смущаема трудностью подвигов. Его жизнь расположилась как бы в некоей удобной середине между плотским и бесплотным бытием; инок тот был как бы ни вполне бесплотным, ни вполне плотяным человеком.

За свою добродетельную жизнь инок тот был награжден от Бога тем, что ему приносился хлеб невидимою рукою: входя в свою пещеру, он находил у себя на столе чистый хлеб в количестве, достаточном для двух или трех дней. Когда инок тот чувствовал потребность в подкреплении себя пищею, то, помолившись Богу, он вкушал хлеба того, а затем песнопением

насыщал свою душу, постоянно пребывая в молитве и богомыслии, совершенствуясь день ото дня и предаваясь всецело упованию благ будущих. И уже он стал помышлять о возмездии своем и вознаграждении от Бога за свою добродетельную жизнь, причем представлял это возмездие, как бы имеющимся в его руках, но это-то и было причиною его падения.

Ему пришла в голову мысль, что он достойнее других пред Богом и более всех других людей имеет права на получение от Бога благодати и благ небесных; в то же время он помышлял в себе, что он ни в каком случае уж не может впасть в грех и оставить столь высокую добродетельную жизнь.

Когда инок так помышлял о себе, в нем зародилось вскоре сначала незначительное уныние, потом начала развиваться леность и уже вскоре вполне развились в нем уныние и леность, он начал вставать от сна и петь псалмы с каждым днем все позднее и позднее, молитвы его становились с каждым днем короче. Помысел его говорил ему: немного отдохнуть необходимо, и он соизволял помыслу своему и смущался сердцем; сделав усилие, он побеждал леность и смущение помыслов, но потом снова предавался прежнему смущению и лености.

После обычных молитв, войдя однажды в пещеру, он по-прежнему нашел на столе невидимо посылаемый ему от Бога хлеб, но уже не столь чистый, как ранее. Подкрепив тело свое хлебом, инок тот не отверг от себя нечистых мыслей, не сознал того, что он вредит ими своей душе и не постарался найти уврачевания этой своей первой язвы, считая пустяком привычку содержать греховные мысли и услаждаться ими.

На другой день после обычных молитв и псалмопений, вечером, придя в свою пещеру для того, чтобы подкрепиться здесь пищею, он по-прежнему нашел хлеб, но уже грязный и нечистый, чему он много удивлялся и о чем много скорбел; однако, взяв хлеб, он вкусил его и подкрепил им свои силы.

Когда наступила третья ночь, к одному злу он прибавил еще и другое: нечистые мысли смущали его все более и более, и он

был настолько смущен похотью любодеяния, что представлял себя лежащим около женщины.

Когда окончилась ночь, утром инок тот совершил свое обычное молитвенное правило, уже сильно смущаясь нечистыми мыслями. Вечером же он вошел в келью для того, чтобы вкусить хлеба, но нашел его не только нечистым, но и как бы изглоданным мышами и псами, так как только остатки хлеба валялись по полу. Тогда инок вздохнул и прослезился, но не настолько сокрушился в сердце своем, сколько нужно было бы для препобеждения нечистых мыслей и похоти прелюбодеяния. Подняв валявшиеся на полу крупицы хлеба, он вкусил небольшую часть их; не насытившись ими, лег спать. Тотчас голова его наполнилась множеством нечистых и суетных мыслей, влекших его из пустыни в мирскую жизнь; вместе в тем в нем сильно возгорелась похоть плотская, и он уже не мог более бороться с собою.

По попущению Бога (соизволившего так на время для отвращения инока от высокоумия), инок тот встал с постели и ночью отправился в пустыню, надеясь где-нибудь встретить какое-либо мирское селение.

Когда наступил день и солнце стало палить невыносимо, старец тот утомился от пути, так как был уже немолод, а между тем путь, намеченный им, был далек еще до конца. Поэтому он смотрел по сторонам, нет ли где монастыря, в котором он мог бы отдохнуть. Случилось, что, по усмотрению Божию, на пути его встретился некоторый монастырь. Когда старец вошел в него, то братия монастыря того весьма ласково и с честью приняли его как бы какого великого подвижника, умыли ему лицо и омыли ноги и, сотворив молитву, предложили ему вкусить ради любви что-либо из предложенного ему. Когда старец несколько подкрепился, братия стали просить его сказать им слово наставления о том, каким образом они могут избавляться от козней диавола и как можно препобеждать нечистые помыслы.

Старец начал их учить, наставляя их, как отец детей, и увещевая их быть твердыми и мужественными в подвигах, так как не по долгом времени они будут успокоены от трудов своих

в обителях Христовых; много и другое говорил старец инокам, поучая их быть твердыми в подвигах постничества.

Когда же старец окончил свою беседу и лег отдохнуть на некоторое время в месте уединенном, он стал размышлять о том, почему он других поучает, а о себе самом не заботится нисколько, другим предлагает беседу для пользы душевной, а себя соблазняет, других наставляет на путь спасения, а сам отдаляется все более и более от спасения и увлекается к погибели.

Размышляя так, старец сознал себя побежденным нечистыми помыслами, после чего снова возвратился в пустыню, уже не тихо шествуя, но как бы бежа к прежнему месту своего обитания, плача о падении своем и говоря: «Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы в ад душа моя» (Пс.93:17). И сбылось на иноке том сказанное Премудрым: «брат от брата помогаем, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основанное царство» (Притч.18:19).

С тех пор инок тот совершенно исправился и очистился от греха своего; затворившись в пещере своей, он пал на землю, посыпая главу свою землею, плача и рыдая многие дни, и не вставал старец тот до тех пор, пока не был извещен Ангелом о том, что Бог принял его покаяние. Но несмотря на то, что покаяние старца было принято, он уже не получал более хлеба, посылаемого раньше Богом, и должен был питаться от трудов рук своих. Так высокоумие смиряет человека!

Когда преподобный Иоанн окончил рассказ этот, то он сказал братиям, пришедшим к нему:

– Будьте всегда смиренными, чада, как в великих, так и в малых вещах, потому что это первая заповедь Спасителя, говорящего: «блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф.5:3); быть «нищим духом» и значит быть смиренным, не прельщайтесь бесами, увлекающими вас ко греху помыслами и привидениями. Кто бы к вам ни пришел, брат ли, друг ли, женщина ли, муж или учитель, мать или сестра, прежде всего поднимите руки ваши для молитвы, – если это было привидение от демонов, то оно исчезнет из глаз ваших. Если кто-либо будет хвалить вас, демон или человек, не

слушайте того и не превозноситесь умом своим, потому что и меня часто ночью искушали бесы, не давая мне ни молиться спокойно, ни уснуть, представляя глазам моим разного рода привидения в течение всей ночи; с наступлением же утра бесы кланялись с бранью пред мною до земли, говоря мне:

– Прости нас, авва[2223], за то, что мы утруждали тебя всю ночь!

Но я говорил им:

– Отойдите от меня, делатели беззакония! Не искушайте раба Божия!

Поэтому, чада, любите безмолвие, пребывая всегда в богомыслии и моля всегда Бога о том, чтобы Он даровал вам ум чистый, свободный от греховных помыслов. Достоин похвалы, конечно, и тот подвижник, который, живя в мире, упражняется в добродетели, оказывая странноприимство или подавая милостыню, или помогая в трудах другим, или пребывая постоянно без гнева; такой человек достоин похвалы, потому что пребывает в добродетели, исполняет заповеди Господни, не оставляя и земных дел. Но лучше этого и достоин большей похвалы будет тот, кто, пребывая постоянно в богомыслии, от вещественного восходит к невещественному, предоставляя вещественное попечению и заботе других, сам же стремясь к небесному, постоянно предстоя пред Богом, отрешившись от всего мирского и уже не привязываясь снова к миру попечениями о земном: такой человек близок к Богу, Которого он прославляет непрестанно в молитвах и псалмопениях своих. Я знаю одного человека, подвизавшегося в пустыне, который в течение десяти лет совершенно не вкушал пищи земной, но Ангел Божий через два дня на третий приносил ему небесную пищу, и это было ему и пищею, и питием (преподобный Иоанн, по-видимому, говорил о каком-либо другом подвижнике, но это был он сам). Знаю также, – говорил он, – и то, что человеку тому диаволы представили однажды в привидении полки Ангелов, колесницу огненную и многих оруженосцев как бы некоего царя, который сказал ему:

– О человек! Ты праведно и добродетельно провел жизнь свою: теперь поклонись мне, и я вознесу тебя, как Илью.

Но монах тот сказал сам в себе:

– Все дни жизни своей я поклонялся Царю моему, Иисусу Христу. Если бы это был Он, то не стал бы требовать от меня поклонения.

Потом монах тот сказал диаволу:

– Я имею Владыку и Царя своего Бога, Которому всегда поклоняюсь; ты же не царь мой.

Тотчас после этого бесы исчезли.

Такими и подобными этим наставлениями и рассказами преподобный Иоанн поучал всех, являя всем образец равноангельской жизни своим собственным примером. Поэтому Иоанн весьма много способствовал душевному спасению многих людей.

Угодив Богу своею святою жизнью, преподобный Иоанн приблизился к кончине своей. На девятидесятом году жизни своей он повелел ученикам своим не приходить к нему в течение трех дней. Когда же братия пришли к преподобному по истечении трех дней, то нашли его коленопреклоненным, стоящим как бы на молитве, душою же отошедшим ко Господу[2224] для того, чтобы предстать вместе с прочими святыми престолу Бога Отца, и Сына, и Святого Духа, в Троице славимого, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Память святой мученицы Матроны Солунской

Память 27 марта

Святая Матрона была рабыней одной иудеянки, по имени Павтила, жены солунского[2225] воеводы. С юности она была просвещена христианской верой. Госпожа ее принуждала ее к отступничеству и обращению в свое языческое зловерие, и так как она не повиновалась, то госпожа сильно мучила ее. Святая часто принимала от нее многие раны; но с усердием претерпевала все ради Христа и тайно от госпожи своей ходила в церковь.

Однажды Павтила, узнав, что Матрона была в церкви христианской, сказала ей:

– Почему ты не пошла в нашу синагогу, но ходила в церковь христианскую?

Блаженная Матрона с дерзновением отвечала:

– Потому что в христианской Церкви присутствует Бог, от синагоги же иудейской Он отступил. Потому я и хожу не в синагогу, но в церковь.

Тогда Павтила пришла еще в больший гнев, без пощады била святую Матрону и, связав, заключила ее в темной каморке. Но наутро святая была найдена силой Божиею разрешенной от уз и славословящей Христа. И снова госпожа била ее жесткими жилами едва не до смерти; потом связала ее еще крепче, снова заключила ее в той каморке и запечатала двери, чтобы никто не мог войти к ней и доставить ей какое-либо облегчение.

В таковом заключении святая, укрепляемая Богом, пребывала без пищи и питья четыре дня. После этого Павтила, сняв печати и отворив двери, нашла Матрону опять разрешенной от уз и стоящей на молитве. Тогда, пришедши в страшную ярость, она беспощадно стала бить Матрону толстыми палками и, когда святая уже едва дышала, заключила ее в том же помещении, где святая и скончалась, предав дух

свой Богу. Тело святой Матроны жестокосердая женщина сбросила вниз; жилище же ее было высоко.

Христиане, подняв многострадальное тело святой мученицы Матроны, с честью погребли его. Впоследствии Александр, епископ Солунский, создал церковь во имя святой, где и положил честные ее мощи[2226]. Мучительницу же Павтилу вскоре постиг заслуженный ею суд Божий. На том самом месте, где она свергла вниз с высокой стены тело святой Матроны, она сама потом, случайно поскользнувшись, упала и, разбившись, бедственно извергла окаянную свою душу из тела[2227].

Память святых мучеников Мануила и Феодосия

Память 27 марта

Святые мученики Мануил и Феодосий были родом из стран восточных. Видя, как язычники ежедневно предают смерти христиан, они, сговорившись между собою, решились умереть за Христа, чтобы унаследовать Царство Небесное. Приняв такое решение, они отправились к правителю своей страны и на пути многих спрашивали, зачем он предает смерти христиан, а когда предстали пред правителем, то смело исповедали Христа, назвав себя христианами. Такою своею смелостью и мужеством они привели в изумление не только бывших при правителе, но и его самого. Правитель велел взять их и заключить в темницу, причем темничному стражу было приказано строго охранять их. По прошествии нескольких дней правитель повелел привести святых из темницы к себе и стал убеждать их отречься от Христа и принести жертву идолам, но они и слушать его не хотели, а, напротив, сами старались отклонить его от почитания идолов. Тогда он повелел сперва повесить их на дерево и строгать по ребрам, потом приказал снять их с дерева и положить на отточенные трезубцы и, наконец, после всех этих мучений дал повеление отсечь им головы. Так и скончались святые мученики, предав праведные души свои в руки Господа.

Житие и страдание преподобного отца нашего Евстратия Печерского

Память 28 марта

Святой Евстратий показал себя мужественным воином Христовым, ратовавшим под знамением креста как именем своим, так и жизнью своею. Он явился подражателем Самого избранного Воеводы своего – Иисуса Христа и, приняв то же страдание, от тех же людей и в то же время, мог бы воистину похвалиться, сказав: «Я язвы Господа Иисуса на теле моем ношу» (Гал.6:17).

Сей доблестный воин Христов, Евстратий, был родом из Киева. Он пожелал «облечься во всеоружие Божие» (Еф.6:11), что принадлежит иноческому образу. Зная, что «никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтоб угодить военачальнику» (2Тим.2:4), он раздал имение свое нищим, причем часть оставил родным, чтобы они раздали после него. Итак, обнищав после богатства, он стал иноком Печерского монастыря. И начал он богоугодно подвизаться под знамением Принявшего ради нас уничижение Воеводы – Христа, побеждая мечом духовным, т.е. силою молитвы и гладом великого воздержания, не только плоть свою, но и врагов невидимых, смиряя их и порабощая своею кротостью и послушанием. Святой Евстратий помышлял о том, как Подвигоположник его, Сам Иисус Христос, усердно молился, постился сорок дней, смирил Себя послушанием; потому и он вооружил себя теми же добродетелями. Но зная прежде всего, что человек был побежден первым грехом через невоздержание, святой преуспевал в воздержании и великом пощении, и потому назван был постником.

Когда же, попущением Божиим, напал на русскую землю со множеством половцев злочестивый Боняк[2228] и пленил ее, тогда и блаженный Евстратий, при вторжении поганых в Печерский монастырь, где многие были посечены их мечами, был захвачен вместе с другими в плен и продан в греческую землю, в город

Корсунь[2229] одному еврею, вместе с другими христианами – тридцатью монастырскими рабочими и двадцатью киевлянами.

Богопротивный еврей начал принуждать пленников своих отречься от Христа и угрожал противящимся уморить их голодом в оковах. Но мужественный инок Евстратий, молясь, укреплял и поучал всех и наставлял такими словами:

– Братие! Кто из вас крестился и уверовал во Христа, пусть тот не изменяет обету, данному при крещении. Христос возродил нас водою и духом, искупил нас от клятвы закона Своею кровью и сделал нас наследниками Своего Царствия. Если живем – будем жить для Господа; если умрем – умрем в Господе и временною смертью обрящем вечную жизнь. Будем подражать тому, кто сказал: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп 1:21).

Укрепляемые словами преподобного, пленники предпочли лучше умереть от недостатка временной пищи и питья, нежели отречься Христа, Который есть пища и питьё вечной жизни.

Итак, через некоторое время, истощившись от голода и жажды, все пятьдесят человек умерли: одни через три дня, другие через четыре, некоторые – через семь, более же крепкие – через десять. Только один Евстратий остался жив; томимый голодом уже четырнадцать дней, он все-таки оставался жив и невредим, ибо от юности привык к посту. Нечестивый еврей, видя, что черноризец был причиною пропажи его денег, заплаченных за пленных, которых он надеялся перевести в свое зловерие, задумал отомстить ему.

Приближался тогда день Воскресения Христова. Жидовин начал праздновать свою пасху и ругался над святым Евстратием так же, как отцы его над самим Господом нашим Иисусом Христом. И как в древности евреи распяли Христа, так и сей праведник был пригвожден ко кресту окаянным жидовином и друзьями его.

Евстратий, будучи распят, благодарил Бога за то, что Он сподобил его жить без пищи и питья уже пятнадцатый день.

Жидовин и прочие его друзья поносили распятого и говорили ему:

– Безумный! Вкуси ныне законной пасхи, чтобы остаться тебе живым и избегнуть проклятия. Ибо Моисей передал нам закон, который принял от Бога, и сказал в книгах своих: «проклят всякий, повешенный на дереве» (Втор.21:23).

Преподобный отвечал на это:

– Великой благодати сподобил меня ныне Господь. Он даровал мне милость пострадать за имя Его на кресте по образу Его страданий. Надеюсь, что и мне скажет Он, как некогда разбойнику: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк.23:43). Не нужна мне пасха ваша, не боюсь я клятвы, ибо «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1Кор.5:7), Который уничтожил положенное на нас за преступление закона проклятие и даровал нам жизнь вечную древом Крестным, на котором был пригвожден, будучи жизнью всех, как пророчествовал о том и Моисей: «и будет жизнь твоя висеть пред тобою» (Втор.28:66). О празднике же Пасхи Давид говорит: «Этот день сотворил Господь: возрадуемся и возвесилимся в оный!» (Пс.117:24). Но ты, распявши меня, и все прочие твои единомышленники, восплачете и возрыдаете, ибо постигнет вас отомщение за кровь мою и кровь других, купленных вами христиан. Ненавидит Господь субботы ваши и преложит праздники ваши в сетование, и уже приблизилось время убиения начальника вашего беззакония.

Услышав это, жидовин распалился гневом, схватил копье и пронзил пригвожденного[2230]. И видна была тогда огненная колесница и огненные кони, которые понесли на небо душу ликующего мученика, и был слышен голос, говоривший: «Вот доблестный гражданин небесного града!»

Тело святого мученика жидовин, сняв со креста, ввергнул в море, где совершилось после этого много чудес. Верные прилежно искали там святых мощей, но не нашли их. По промышлению Божию они были обретены в пещере, где и доныне почивают нетленно.

Предсказание же святого страдальца о том, что кровь его будет отомщена, исполнилось немедленно после его страдания. Ибо в тот день пришло повеление от царя греческого изгнать из области его всех евреев, отняв у них имущество, а старейшин

их избить за мучение христиан. Одним из первых был убит, по пророчеству блаженного Евстратия, епарх[2231], возбудивший евреев против христиан. А произошло это таким образом. Крестился один богатый и славный еврей, и потому царь, желая отличить его, через несколько дней сделал его епархом; он же, получив этот сан, втайне сделался отступником от Христа и Его веры и дал разрешение евреям по всему пространству греческого царства покупать христиан и обращать их в рабов. Когда этот нечестивый епарх был обличен в злой своей хитрости, царь повелел умертвить его, а также и всех евреев, живших в земле греческой. И в то время, когда избивали евреев, живущих в греческом городе Корсуни, того нечестивого еврея, которым был убит преподобный Евстратий, повесили на дереве, и так обратилась «злоба его на главу его» (Пс.7:17), и он разделил участь Иуды.

Прочие же евреи, видя страшные чудеса по кончине преподобного, уверовали во Христа и приняли крещение. А поработивший их Христу и по смерти своей добрый воин Его и победоносец святой Евстратий сподобился с бессмертным воинством небесным воспевать победную песнь и царствовать с Самим победителем смерти Христом, с Которым он воинствовал, прославляя Его и благодаря с Безначальным Его Отцом и Животворящим Духом в бесконечные веки. Аминь.

Память святых мучеников Ионы и Варахисия

Память 28 марта

Сии святые мученики были родом из Персии и жили в царствование персидского царя Сапора[2232] в одном селении, носившем название Ясы. Однажды, оставив место своего жительства, они отправились в город Варавох и, нашедши там святых мучеников Запифана, Лазаря, Маруфана, Нарсина, Илию, Марина, Авива, Сивенфина и Савву, которые были заключены в темницу, стали укреплять их, убеждая оставаться твердыми в христианской вере и в исповедании ее и не изменять ей даже в том случае, если бы пришлось и умереть за нее. Поэтому они были схвачены и приведены к трем князьям: Масдрафу, Сирофу и Мармисию – и претерпели от них многочисленные муки и истязания за то, что не захотели поклониться солнцу, огню и воде[2233].

Сперва подвержен был мучениям святой Иона. Его связали тем особым способом, какой был в обычае у персов. Обыкновенно того, кого надо было подвергнуть мучениям, персы клали на землю и привязывали руки и ноги его к одному куску дерева, почему привязанный был неподвижен, как камень, и его можно было бить с обеих сторон, так как, будучи крепко привязан к дереву, он не мог уклоняться от ударов. Связав таким образом святого Иону, мучители долго били его с двух сторон толстыми палками, потом привязав к телу его веревку, стали волочить его по льду замерзшего озера, заставляя его страдать от холода, и, наконец, на всю ночь оставили его связанным на месте мучения. После этого отрезали ему пальцы на руках и ногах, содрали с головы кожу, отрезали ему язык и бросили в котел, наполненный кипящею смолою. Но так как святой мученик вышел из котла невредимым, то его сдавили тисками, отчего раздробились кости его. После всего этого перепилили его пополам и бросили в глубокую яму, где он и скончался. Варахисию же по повелению князей наложили под руки раскаленные оковы и вслед затем стали лить ему на веки,

в ноздри, уши и рот расплавленное олово и, наконец, привязав к ногам его веревку, повесили в темнице. После таких истязаний сняли со святого Варахисия одежду и, связав, стали влачить его по колючим растениям, искололи его затем заостренными палками, положили в вертящееся колесо, чем растерзали все тело его, и, наконец, влили ему в рот кипящую смолу, отчего святой мученик предал Богу дух свой. Тела святых Ионы и Варахисия вместе с телами вышеназванных святых мучеников были погребены одним благочестивым мужем, по имени Авдисотом. Святые мученики Иона и Варахисий скончались в 28-й, а прочие в 27-й день марта месяца[2234].

Память преподобного отца нашего Илариона Нового[2235]

Память 28 марта

Преподобный Иларион от юности возложил на себя иго иноческого жития: последуя распятому Христу, он нес крест свой, побеждая страсти плотские воздержанием; уйдя в затвор и много лет пробыв в безмолвии, он, просветившись бесстрастием, превзошел добродетельною жизнью всех монахов, за что сподобился пресвитерского сана и впоследствии был игуменом монастыря, называемого Пеликит, находящегося в Азии, близ Геллеспонта[2236]. Преподобный Иларион совершил много дивных чудес. Словом своим он отгонял от нив и виноградников животных, вредящих растениям; молитвою остановил сильный град и низвел на землю дождь во время засухи; подобно пророку Елисею, разделил реку, исцелил сухорукого, даровал зрение слепому, избавлял от увечья хромых, изгонял бесов и наполнил множеством рыбы сети рыбаков при неудачном лове.

Преподобный Иосиф Песнописец в тропаре 8-й песни канона, написанного им в честь святого, сообщает, что святой Иларион претерпел от мучителей за почитание честной иконы Спасителя гонения и оскорбления, за что и называет его мучеником. По одним известиям преподобный Иларион жил в царствование Льва Армянина, ругавшегося святым иконам, другие же считают временем его жизни царствование Льва Исаврянина и сына его Копронима[2237], бывших задолго до Льва Армянина, что, кажется, более справедливо. За святые же иконы он пострадал в то время, когда в Великий Четверток воевода Копронима Лахондракон неожиданно напал с воинами на Пеликитский монастырь: во время Божественной службы он дерзко вошел в церковь, а затем в алтарь, приказал прекратить пение и поверг на землю Святые и Животворящие Тайны Христовы; потом, схватив, он заковал в железные цепи сорок двух избранных иноков; из остальной же братии одним нанес раны, терзая их тело, других же опалил, сначала обмазав им

бороды и лица смолою, третьим обрезал носы; и, наконец, зажег монастырь с церковью. А избранных отцов, святых в числе сорока двух, он послал в заточение на окраину ефесской области, и там, затворив их в одной старой бане, предал насильственной смерти. Полагают, что в это время пострадал и преподобный Иларион, как старший по сану игумена среди помянутых отцов[2238].

Память преподобного отца нашего Стефана исповедника

Память 28 марта

Преподобный Стефан, исповедник Христов, жил при царе Льве Армянине[2239]. С детства возлюбив постническое житие и украсивши себя добродетельною жизнью, он был впоследствии игуменом Триглийского монастыря[2240], приняв сан игумена вследствие усиленных просьб братии; учением своим он увещевал многих богоугодно и в чистоте проводить жизнь. Но вот нечестивый царь Лев Армянин воздвиг лютое гонение на христиан, уничтожая святые иконы. Тогда он призвал преподобного Стефана и начал принуждать его изменить православной вере, отказаться от поклонения святым иконам и собственноручно подписать свое отречение от Православия.

Преподобный же не только отказался сделать это, но укорял царя за его нечестие. За свою твердость в Православии преподобный Стефан принял многие муки и темничные узы; потом был сослан в заточение, и здесь, дойдя до крайнего истощения от страданий и болезней, преподобный Стефан отошел ко Христу Богу[2241], ради Которого претерпел многие муки и принял смерть.

Повесть о Таксиоте воине

Память 28 марта

В Карфагене[2242] жил один муж, по имени Таксиот, воин, проводивший жизнь свою в великих грехах. Однажды город Карфаген постигла заразная болезнь, от которой умирало много людей; Таксиот пришел в страх, обратился к Богу и покаялся в грехах своих. Оставив город, он с женою своею удалился в одно селение, где и пребывал, проводя время в богомыслии.

Спустя некоторое время по действу диавола он впал в грех прелюбодеяния с женой земледельца, жившего с ним в соседстве; но по прошествии нескольких дней, по совершении греха того, он был ужален змеею и умер.

На расстоянии одного поприща[2243] от того места стоял монастырь; жена Таксиота отправилась в этот монастырь и упросила монахов прийти взять тело умершего и похоронить в церкви: и похоронили его в третий час дня. Когда же наступил девятый час, из могилы послышался громкий крик: «Помилуйте, помилуйте меня!» Подойдя к могиле и слыша крик погребенного, монахи тотчас разрыли ее и нашли Таксиота живым; в ужасе они удивлялись и спрашивали его, желая узнать, что с ним случилось и как он ожил? Но тот от сильного плача и рыдания не мог ничего рассказать им и только просил отвести его к епископу Тарасию; и он был отведен к нему.

Епископ три дня упрашивал его рассказать ему, что он видел там, но только на четвертый день погребенный стал разговаривать.

С великими слезами он рассказал следующее:

– Когда я умирал, увидел некоторых эфиопов, стоящих пред мною; вид их был очень страшен, и душа моя смутилась. Потом увидел я двух юношей очень красивых; душа моя устремилась к ним, и тотчас, как бы возлетая от земли, мы стали подниматься к небу, встречая на пути мытарства[2244], удерживающие душу всякого человека и каждое истязующее ее об особом грехе: одно обо лжи, другое о зависти, третье о гордости; так каждый грех в воздухе имеет своих испытателей. И вот увидел я в

ковчеге, держимом Ангелами, все мои добрые дела, которые Ангелы сравнили с моими злыми делами. Так мы миновали эти мытарства. Когда же мы, приближаясь к вратам небесным, пришли на мытарство блуда, стражи задержали меня там и начали показывать все мои блудные плотские дела, совершенные мною с детства моего до смерти, и Ангелы, ведущие меня, сказали мне: «Все телесные грехи, которые содеял ты, находясь в городе, простил тебе Бог, так как ты покаялся в них». Но противные духи сказали мне: «Но когда ты ушел из города, ты на поле соблудил с женой земледельца твоего». Услыхав это, Ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху тому и, оставив меня, ушли. Тогда злые духи, взяв меня, начали бить и свели затем вниз; земля расступилась, и я, будучи веден узкими входами через тесные и смрадные скважины, сошел до самой глубины темниц адовых, где во тьме вечной заключены души грешников, где нет жизни людям, а одна вечная мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов. Там всегда раздается отчаянный крик: «Горе, горе нам! Увы, увы!» И невозможно передать всех тамошних страданий, нельзя пересказать всех мук и болезней, которые я видел. Стонут из глубины души, и никто о них не милосердствует; плачут, и нет утешающего; молят, и нет внимающего им и избавляющего их. И я был заключен в тех мрачных, полных ужасной скорби местах, и плакал я и горько рыдал от третьего часа до девятого. Потом увидел я малый свет и пришедших туда двух Ангелов; я прилежно стал умолять их о том, чтобы они извели меня из того бедственного места для раскаяния пред Богом.

Ангелы сказали мне:

– Напрасно ты молишься: никто не исходит отсюда, пока не настанет время всеобщего воскресения.

Но так как я продолжал усиленно просить и умолять их и обещался раскаяться в грехах, то один Ангел сказал другому:

– Поручаешься ли за него в том, что он покается, и притом от всего сердца, как обещается?

Другой сказал:

– Поручаюсь!

Потом он подал ему руку. Тогда вывели меня оттуда на землю и привели к гробу, где лежало тело мое, и сказали мне:

– Войди в то, с чем ты разлучился.

И вот я увидел, что душа моя светится как бисер, а мертвое тело как грязь черно и издает зловоние, и потому я не хотел войти в него. Ангелы сказали мне:

– Невозможно тебе покаяться без тела, которым совершал грехи.

Но я умолял их о том, чтобы мне не входить в тело.

– Войди, – сказали Ангелы, – а иначе мы опять отведем туда, откуда взяли.

Тогда я вошел, ожил и начал кричать: «Помилуйте меня!»

Святитель Тарасий сказал ему тогда:

– Вкуси пищи.

Он же не хотел вкушать, но ходя от церкви до церкви, падал ниц и со слезами и глубоким воздыханием исповедовал грехи свои и говорил всем:

– Горе грешникам: их ожидает вечная мука; горе не приносящим покаяния, пока имеют время; горе осквернителям тела своего!

По воскрешении своем Таксиот прожил сорок дней и очистил себя покаянием; за три дня он провидел свою кончину и отошел к Милосердому и Человеколюбивому Богу, низводящему во ад и всем спасение подающему, Которому слава вовеки. Аминь.

Страдание преподобного отца нашего Марка, епископа Арефусийского

Память 29 марта

О страдании преподобного Марка, епископа Арефусийского[2245], святой Григорий Нисский в своем первом слове на богомерзского отступника Юлиана[2246] пишет так:

«Кто не знает, что случилось с чудным Марком Арефусийским? И повествованием, посвященным его памяти, кто его не вспомнит? Он в царствование Константина Великого, пользуясь дарованными тогда христианам правами, разрушил одно языческое капище и многих людей из языческого заблуждения наставил на правый путь спасения как назидательною беседою, так и примером непорочной жизни. Арефусиане-язычники издавна ненавидели его; когда же пала христианская власть и начало возрастать и разгораться языческое нечестие, он не избежал в то трудное время рук мучителей. Так народная толпа, если и сдерживает до времени свои гнев и пожелания подобно тому, как огонь таится в печи, или река удерживается плотиной, но в известное время она все-таки обнаружит свою неукротимую ярость, – это ей свойственно так же, как огню разгораться и реке стремительно прорывать плотину.

Святой Марк, видя, что народ восстал против него и замышляет что-то недоброе, решился тотчас бежать не столько из-за страха, сколько из послушания заповеди Господней, которою повелевается перебегать из города в город, уступая место гонителям. А христианам, хотя бы мужественным и твердым в терпении, должно не только заботиться о своем спасении, но жалеть также и гонителей, чтобы они не увеличивали себе погибель враждебной злобой, которою они исполнены. Но когда добродетельный Марк увидел, что из-за него злые мучители многих забирают, предают мучениям и разным пыткам, а другие, видя это, болеют душою, он не стерпел, чтобы из-за его бегства и самосохранения страдали другие; приняв доброе и мудрое намерение, он возвратился из

бегства, добровольно предался народу и ополчился на брань против ярости мучителей. Какого только не было там зверства! Каких только мук не изобреталось! Когда каждый из мучителей старался к множеству различных мучений прибавить свой, особо придуманный род мучения, то ничем они так не раздражались, как мужественным терпением святого; они особенно были озлоблены, считая его возвращение не столько проявлением мужества в муках, сколько презрением и бесчестием по отношению к ним.

Святителя-старца, принявшего добровольный подвиг мученичества, вели через город, где он пользовался особенным уважением от всех, кроме гонителей и мучителей, за свои почтенные годы, а главное – за свою добродетельную жизнь. Его сопровождали многие, без различия возраста и чина; все одинаково подвергали оскорблениям: тут были мужчины и женщины, молодые и старые, были также городские власти и люди именитые; у всех было одно стремление: как бы превзойти друг друга яростью и зверством; все без исключения почитали за что-то великое предать как можно большим мучениям и победить непоколебимого старца-подвижника, противостоящего всему городу.

Святого, влекши по дорогам, посадили в болото; при этом он, кроме мучений, терпел бесчестные поругания: его по очереди дети терзали за волоса и прочие части тела; потом он был повешен на позорном месте, причем колебавшееся тело доблестного страдальца резали ножами и прокалывали острою тростью, и при этом достойном слез зрелище громко смеялись и играли. Какими-то особыми орудиями его голени сжимали до костей; очень тонкими и чрезвычайно крепкими льняными нитками обрезывали ему уши. Потом, намазав его медом и жиром, посадили его в корзину и подняли в полдень во время страшной солнечной жары на высоту, где его жалили пчелы и осы. И чем более от солнечного жара таял жир и мед на блаженном (не могу назвать его страстным) теле святого, тем более страдал он от укусов ос и пчел.

Святой Марк, будучи стар годами, показал себя в своем страдальческом подвиге полным сил; он не изменял светлости

лица своего, а испытывал от тех мучений даже некоторое наслаждение и порицал мучителей.

О нем повествуется еще следующее, достойное памяти: видя себя поднятым на высоту, а мучителей стоящих внизу под ним, святой Марк в это время чувствовал себя так далеко от мучителей, что не замечал боли, как будто другой кто, а не он, терпел страдания, которые при этом считал для себя славою, а не бесчестием. Такое зрелище не привело ли бы в умиление того, в ком была бы хотя капля милосердия и человеколюбия?! Но это было невозможно вследствие угрозы мучениями и гнева царя, вменявшего городам и игемонам мучения по отношению к христианам в обязанность; впрочем, многие, не зная скрытой в царе злобы и его коварства, думали о нем иначе.

Все мучения святой Марк претерпел за то, что разрушил языческое капище, за которое он не отдал мучителям ни одной златницы; ясно, что он страдал ради своего благочестия. Когда арефусияне требовали, чтобы он или сполна заплатил за разоренное капище назначенную ими довольно значительную цену, или опять построил бы его вновь, святой Марк противился более из благочестия, нежели потому, что не имел возможности удовлетворить язычников. Преодолевая их своим терпением и мало-помалу убавляя назначенную ими цену, он довел их до того, что они требовали с него немного денег, которые легко можно было бы уплатить. Итак, с обеих сторон шло прение: мучители старались принудить святого, а он оставался непреклонен, то есть они хотели, чтобы святой все-таки заплатил сколько-нибудь деньгами, а он не хотел им дать ни одного пенязя[2247] (хотя было много таких людей, из которых одни, по милосердию своему, а другие, тронутые его твердым и непобедимым терпением, готовы были внести за него большие деньги); отсюда ясно, что он принял мученический подвиг не из сребролюбия, но за благоверие. Святой Марк был из числа скрывших царя Юлиана – еще юного отрока, – когда истреблялся безнравственный и нечестивый род этого императора. И думают, что справедливо за этот свой поступок святой Марк претерпел такие жестокие страдания; он был достоин даже больших мучений, потому что, правда по

неведению, избавил от смерти столь великое зло для всей вселенной.

Повествуется также, что епарх[2248] арефусийский, хотя был нечестивый и язычник, однако, не мог вынести зрелища различных страданий святого Марка и смело сказал царю:

– Царь! Не стыдно ли нам пред всеми христианами, что не могли мы победить даже одного старца? Хотя и победа-то над ним не была бы славна и честна, а уж самим нам отойти от него побежденными – это прямо великий срам!

Так мужество христиан постыжало тщеславных епархов и царей.

А мучение арефусиян было таково, что мала бы была лютость Эхета[2249] и Фаларида[2250], если бы сравнить ее с их лютостью; они своею злобою превосходили даже самого изобретателя злобы и их наустителя диавола».

Вот повествование святого Григория Нисского о святом Марке.

Феодорит[2251] же повествует, что арефусияне, видя несокрушимую крепость дивного старца, святого Марка, сделались кроткими, удивляясь его великому терпению; они выпустили его на свободу. Потом, послушавши его поучения, обратились к святой вере и все сделались христианами.

О святом же Кирилле диаконе тот же Феодорит повествует так:

– Кто может без слез воспомянутъ злобу, содеянную в Финикии язычниками? Ибо в городе Илиополе, сопредельном Ливану, те богомерзские идолопоклонники, вспомнив о диаконе Кирилле, который в царствование Константина, разжегшись ревностью, уничтожил многие почитаемые в городе идолы, его не только убили, но, рассекши чрево, начали в ярости зубами кусать его внутренности. Но это не утаилось от всеведущего Бога, и они приняли за свою злобу достойное наказание. Те, которые дерзнули делать то, что выше сказано, прежде всего лишились своих зубов: все до одного они выпали; потом они потеряли языки свои: они загноились, сгнили и выпали изо рта. Наконец они ослепли; такими наказаниями воочию подтверждалась сила истинного благочестия.

В Аскалоне и Газе, городах палестинских, сначала у мужей, облеченных в священный сан, потом у жен и дев, посвященных Богу, мучители, рассекши чрева, насыпали в них ячменя и бросили на съедение свиньям; так бесчеловечно издевались мучители. За то святым мученикам уготовались победные венцы в Царствии Христовом, а мучителям – вечная во аде мука, которая ожидает их, как праведное возмездие от Истинного Бога нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки. Аминь[2252].

Память преподобного отца нашего Иоанна пустынника

Память 29 марта

Жила некогда одна богатая, весьма красивая и богобоязненная жена, по имени Иулиания[2253]. В молодых годах она потеряла мужа и осталась вдовою с двумя малолетними детьми, Иоанном и Фимистиею. После того как было объявлено повеление предавать смерти христиан[2254], она, взяв с собою Иоанна, пришедшего уже в отроческий возраст, укрывалась с ним в одном нежилом помещении и воспитывала его в наставлении Господнем (Еф 6:4), постоянно обучая его чтению книг и молитве. Отрок, оставляя мать, приходил иногда в ближнюю иноческую обитель и, наедине тайно помолившись там, снова возвращался назад, так как в то время все христиане из опасения язычников скрывались. Когда он по обычаю пришел однажды в обитель, то его встретил тут один благочестивый человек и дал ему совет ходить для молитвенных подвигов лучше в пустынные места, нежели, совершая их в обители, быть всегда в опасности отдать себя во власть мучителей. Приняв этот совет, отрок сказал своей матери:

– Госпожа мать моя, один благочестивый человек пригласил меня прийти к нему, и я думаю, что это произошло больше всего по молитвам твоим.

Иулиания отпустила своего сына, думая, что он скоро же вернется назад. Но Иоанн, простившись с матерью и сестрою, пошел в пустыню к одному египетскому пустыннику, некоему Фармуфию, и, приняв от него молитвенное напутствие, отправился в глубину пустыни. Здесь он нашел пустой колодец, наполненный змеями, скорпионами и гадами, и, помолившись, бросился в него. Колодец имел в глубину двадцать локтей[2255], но Ангел Господень поддержал Иоанна, и он остался невредим. Став на дне колодца, он с крестообразно простертыми руками без сна, пищи и питья провел сорок дней в молитве, и все гады вышли из колодца. После этого Ангел, всегда приносивший

пищу Фармуфию, принес хлеб и для Иоанна и при этом сказал преподобному:

– Вот этот хлеб послал тебе Господь, чтобы ты снес его к колодцу авве[2256] Иоанну.

Сам же Ангел не хотел носить ему хлеба, чтобы он, будучи в юном возрасте, от этого не возгордился. Фармуфий отправился к Иоанну и отдал ему хлеб. Преподобный, приняв хлеб и возблагодарив Бога, стал есть его. С этих пор в течение долгого времени он ежедневно получал пищу от Фармуфия и прославлял за это Господа. Между тем диавол, не перенося богоугодных подвигов преподобного Иоанна, принял однажды вид одного из бывших слуг его и, пришедши к Фармуфию, обольстил его, и тот привел его к колодцу, где подвизался преподобный. Но когда бес сказал Иоанну нечто неподобающее, то Иоанн вывел из заблуждения Фармуфия, и посрамив беса, отогнал его от себя. После этого диавол, собрав множество бесов, велел им принять вид матери и сестры Иоанна, родственников и соседей его, его слуг, служанок и знакомых, и все они пришли к колодцу, со слезами умоляя его показаться им, так как они будто бы желают его видеть, но преподобный, совершая в это время на дне колодца свою обычную молитву, сказал им: «Отойдите от меня», и все бесы стали невидимы.

Проживши в колодце десять лет, совершив всякие иноческие подвиги и доблестно угодивши Господу, преподобный Иоанн отошел в вечные обители. Для его погребения по наставлению Ангела пришел некий инок, в течение тридцати лет подвизавшийся в пустыне по имени Хрисихий. Три дня он просил преподобного выйти из колодца, причем силою Божиею заклинал его ничего не утаить из жития своего, но рассказать все по порядку, ибо так угодно Богу. И совершилось дивное чудо, приводящее в изумление всякий слух и взор: земля на дне колодца сама собою поднялась на двадцать локтей, и преподобные сошлись вместе. В силу заклинания инока Хрисихия Иоанн ничего не скрыл, но все поведал о себе Хрисихию, и последний благодарил его за это братским целованием. После этого преподобный Иоанн сам приготовил себя к погребению и снова отошел ко Господу. Тогда Хрисихий

покрыл тело его своею мантиею, так что она легла концами своими на края колодца, и, отпев обычные псалмы, посадил на месте погребения финик. Немедленно же финик дал корни, вырос до высоты большого дуба, расцвел и покрылся множеством плодов. Видя это, инок Хрисихий вознес благодарение Богу, сказав про себя:

– Слава Тебе, Владыка, ибо Ты Сам открываешь любящих Тебя и делаешь их наследниками Царствия Твоего.

И в то время, когда он молился и размышлял об этом, Ангел немедленно же восхитил его и отнес на место, где он пребывал. После этого, призвав одного благочестивого мужа, Хрисихий попросил его записать все, что видел и слышал[2257].

Память преподобного отца нашего Евстафия исповедника, епископа Вифинийского[2258]

Память 29 марта

Святой отец наш и исповедник Евстафий, отрекшись от благ мира сего, как от тяжкого бремени, и с усердием исполняя заповеди Божии, предался иноческой жизни. Впоследствии времени, нося на плечах своих это иго Христово и заботясь о спасении души своей, он стал священником. В этом сане он испытал много духовных радостей, за что непрестанно благодарил Господа. Имея великую веру в Бога и нелицемерную ко всем любовь, он был смиренным, кротким и милостивым наставником и ревностным совершителем добрых дел. Избранный затем по суду Божию епископом Вифинийским, он много лет управлял церковью, согласно с учением и преданием Божественных Апостолов. Когда во всех церквах Божиих возникли волнения по поводу иконоборческой ереси, то он, наставив себя в Божественном Писании, мечом слова своего поражал всех, угрожавших церквам Божиим. Поэтому некоторые из поборников ереси донесли на него царствовавшему тогда нечестивому императору, и как описать все то, что претерпел преподобный за почитание и поклонение святым и всечестным иконам? Его подвергали угрозам, оплеванию, побоям, темничным заключениям, тревогам, смятениям и избиению палками. Исколов, наконец, заостренными палками, его лишили кафедры и сослали в изгнание. Прожив в изгнании много лет, преподобный Евстафий среди оскорблений, озлоблений, лишений, в голоде, жажде и наготе, благодаря Бога, отошел в вечные обители.

Житие преподобного отца нашего Иоанна Лествичника[2259]

Память 30 марта

Преподобный Иоанн Лествичник подвизался на горе Синае, столь известной по ветхозаветным сказаниям (Исх.19:20, 24, 34; Лев.7; Числ.10:33; Пс.67:8). Священная гора Синай служила убежищем для христианских подвижников с половины III века, укрывавшихся здесь от гонений; других сюда уводили в плен сарацины. В IV веке, когда гонения на христиан кончились, иночество здесь утвердилось окончательно. Отшельников привлекали сюда и священные воспоминания о великих ветхозаветных событиях, явленных здесь, и пустынность Синая. Путешественники говорят, что они не встречали места более пустынного, чем Синайский полуостров. Даже дикие звери не остаются здесь долго жить, а, зашедши сюда случайно из пустыни Аравийской, спешат удалиться в места, оживленные присутствием животных. В окрестностях горы Синая находились особенно пустынные места, которые были весьма удобны для уединенного подвижничества, и в одном из них (Фола) много лет подвизался Иоанн Лествичник. До вступления на престол Юстиниана I, подвижники синайские не имели монастыря, – у них были только одна крепкая башня и близ нее небольшой храм, построенные равноапостольной Еленою. В 557 году, при императоре Юстиниане, по просьбе иноков, здесь был воздвигнут монастырь.

Святой Иоанн пришел на Синай в 16 лет, привлеченный сюда славою иноческого жития синайских пустынников. О месте происхождения Иоанна не знали даже его современники-жизнеописатели[2260]. Инок Даниил прямо говорит: «Какой город и страна возрастили и воспитали сего доблественного подвижника, до его подвижничества, точно и достоверно сказать не могу». И дальше продолжает: «А какой город ныне имеет обитателем и питает нетленною пищею сего всечудного мужа, – то мне не вовсе неизвестно. Ибо и он пребывает ныне в том городе, о котором говорит доброгласный певец – святой

апостол Павел: «Наше жительство – на небесах» (Флп.3:20). Там он пребывает, насыщаясь невещественным чувством неисчерпаемых благ, приняв достойное воздаяние за подвиги и награду за свои труды, унаследовав Небесное Царство с теми, которых нога стоит уже на прямом пути (Пс.25:12). А как Иоанн, ради сего невещественного блаженства, трудился в воинственном теле, об этом, – продолжает Даниил, – я расскажу со всею ясностью».

«Сей блаженный Иоанн, когда ему минуло 16 лет возраста телесного, – совершенством же ума он и тогда уже уподоблялся тысячелетнему, – предал себя Великому Архиерею-Богу, как непорочную и добровольную жертву. Тело свое вознес он на Синайскую гору, а душу – на гору небесную; видимо восшед на гору, он приблизился к небесной высоте, умом созерцая Бога невидимого. Устранившись мира, он с самого начала возлюбил украшенную смирением кротость, как начальницу «мысленных отроковиц»[2261], как учительницу добродетелей. Он отсек вольность и гордыню и, восприяв на себя благолепное смиренномудрие, при самом вступлении в иноческую жизнь внимательным рассмотрением отгнал от себя сего обманщика – самоугодие и самоуверенность. Подклонив свою выю, он вверился искусному духовному наставнику[2262], желая под его руководством безбедно прейти опасную пучину страстей. Отрешившись от мирского жития, Иоанн стал вести себя между иноками как малолетний, не умеющий говорить отрок, как будто душа его не имела ни своего разума, ни своей воли, но совершенно лишена была естественных ей свойств. А что всего удивительнее – при обширной своей учености Иоанн оставался смиренным иноком, возлюбив небесную простоту, и не превозносился своим любомудрием, смиряя себя для Бога.

Наставником и руководителем преподобного Иоанна – как говорит о том Синхрон[2263] – был авва Мартирий. Когда на 20-м году его жизни Мартирий постриг Иоанна в иноческий образ, то авва Стратигий[2264] в этот день предсказал о нем, что он будет великим светилом вселенной – что потом и сбылось.

Однажды авва Мартирий, с учеником своим Иоанном, пришел к великому Анастасию Синаиту; увидев их, Анастасий

сказал авве Мартирию:

– Скажи мне, Мартирий, откуда у тебя ученик этот и кто постриг его в иночество?

– Раб он твой, отче, и я постриг его, – отвечал Мартирий.

И сказал Анастасий с удивлением:

– О авва Мартирий! Ты постриг игумена Синайской горы.

В другое время, также взяв с собою сего Иоанна, наставник его авва Мартирий пошел к великому старцу Иоанну Савваиту, который жил тогда в пустыне Гуддийской. Как скоро увидел их старец, встал, налил воды, умыл ноги Иоанну и облобызал руку его; авве же Мартирию не умыл ног. Тогда после этого ученик старца Савваита Стефан спросил старца:

– Почему ты так сделал, отче? Не учителю, но ученику умыл ноги и руку того целовал?

На это старец ответил:

– Поверь мне, чадо, что я не знал, кто этот юный инок; принимал же я игумена Синайского, и игумену умыл ноги.

Таковы были пророчества святых синайских отцов о преподобном Иоанне, когда он еще был юным иноком, и они потом сбылись в свое время.

В продолжение 19 лет преподобный Иоанн совершал подвиг своего спасения в послушании своему духовному отцу, после чего принужден был оставить этот спасительный путь, так как духовный отец его отошел в загробную жизнь. Предпослав его как бы ходатаем и заступником за себя к Небесному Царю, – как пишет о том инок Даниил, – Иоанн ушел на поприще безмолвия, вооружившись молитвами своего наставника, как оружием сильным на разрушение твердынь (2Кор.10:4). Для своего уединенного подвижничества Иоанн избрал одно весьма пустынное место, называемое Фола, которое находилось в восьми верстах от храма. Оставлял он свое уединение только по праздникам, в которые отправлялся в храм на богослужение. В пустыне своей преподобный провел сорок лет[2265] в трудах, горя Божественною любовью, непрестанно распаляемый ее огнем. Но кто в состоянии передать словами или описать подробно подвиги преподобного Иоанна, которые он там проходил тайно? Впрочем, как от малых вещей познаются

великие, так и по некоторым начаткам его дел узнаем богатое добродетелями житие сего преподобного.

Вкушал он все, что не возбранено иноческим обетом, но вкушал в крайне малой мере. И вкушением всего премудро сокрушал он кичливость, ибо он все ел, чтобы ум не превозносился постничеством, а малостью вкушаемого смирял госпожу и мать сластолюбивых страстей, т.е. объедение, самою скудостью трапезы взывая ей: «Умолкни, перестань» (Мк.4:39). Пустынножитием же и удалением от сопребывания с людьми преподобный угашал пламень пищи плотской, так что наконец он покрылся пеплом и совершенно угас. Сребролюбия, которое святой апостол Павел называет идолопоклонством (Еф.5:5), сей доблестный подвижник мужественно избегал, раздавая милостыню и отказывая себе в самом необходимом. Праздность и леность, которая расслабляет и умерщвляет душу, он возбуждал к бодрости и труду, как бы жалом, памятью смертною. Сети и узы всякого пристрастия и всяких чувственных похотей он разрешал, связав себя невещественными узами печали и слез; а раздражительность еще прежде умерщвлена была в нем послушанием. Редко посещая кого-либо, а еще реже говоря что-либо, он этим самым умертвил, подобную паутине, пиявицу-тщеславие. Что же скажу, – продолжает инок Даниил, – о его победе над гордостью? Что скажу о великой чистоте сердца, начало которой положил сей новый Веселиил[2266] послушанием и которую довершил Господь, Царь небесного Иерусалима, посетив его присутствием Своим, ибо без Его присутствия не могут быть низложены диавол и его полчище. Но где помещу в венке этом, – продолжает Даниил, – который соплетаем преподобному Иоанну из похвальных слов, источник слез его, какой видим не у многих. И доныне известно сокровенное место, где источались слезы сии: это – весьма тесная пещера в некотором уединении и подгории, находившаяся на таком расстоянии от кельи Иоанна и от других келий, какого было достаточно, чтобы не быть услышану людьми и заградить путь тщеславию. Эта келья, в которую часто приходил Иоанн, сделалась близкою к небу от воплей, рыданий и призываний Бога, подобные которым можно

услышать разве у тех, кого режут ножами или жгут раскаленным железом или лишают очей[2267]. Спал он в такой мере, чтобы только чрезмерным бодрствованием не погубить ума. Перед сном долго молился и писал книги, – как, например, составил книгу, нареченную «Лествицей», от которой и сам впоследствии прозван был Лествичником. Писание книг служило для Иоанна средством к прогнанию уныния. Да и вся жизнь его была непрестанная молитва и беспримерная любовь к Богу; ибо днем и ночью созерцая Его как в зеркале, в чистоте и непорочности, не хотел или, точнее сказать, не мог он насытиться сим созерцанием.

Некоторый инок, по имени Моисей, ревнуя добродетельному житию преподобного Иоанна, умолял принять его к себе учеником, чтобы научиться у него истинному любомудрию. В подкрепление своей просьбы, Моисей просил ходатайствовать о нем и некоторых честных старцев; и они умолили преподобного Иоанна принять Моисея к себе в ученики. Однажды преподобный Иоанн велел Моисею с одного места наносить земли для удобрения гряд под овощи. Моисей, пришедши на указанное место, усердно исполнял приказанное. В полдень же, когда настала сильная жара, Моисей, утомившись, лег отдохнуть под один огромный камень и заснул. Но Господь, Которому не угодно, чтобы рабы Его подвергались в чем-либо скорби, по Своему благоутробию сохранил Моисея от внезапной смерти, святого же Иоанна избавил от печали. В то время преподобный Иоанн находился в своей келье, – и вот на него нападает легкая дремота: во сне он видит некоего благолепного мужа, который с упреком сказал Иоанну:

– Вот ты, Иоанн, спокойно спишь здесь, а между тем Моисей находится в опасности.

Преподобный тотчас встал и начал усердно молиться за своего ученика. Когда затем настал вечер и ученик возвратился со своей работы, то Иоанн спросил его:

– Не случилось ли с тобой чего-либо неблагоприятного или неожиданного?

Тот ответил:

– Когда я в полдень спал под одним большим камнем, то он внезапно упал и задавил бы и меня, если бы я не отбежал поспешно от того места, так как в это самое мгновение мне представилось, что ты, отче, зовешь меня.

Смиренномудрый Иоанн прославил благого Бога за это чудесное спасение ученика от смерти, но о видении своем ничего не сказал Моисею.

Преподобный Иоанн был образцом добродетели для всех и врачом невидимых болезней. Однажды некоторый брат, по имени Исаакий, был сильно угнетаем блудным бесом. Находясь в глубокой печали, брат тот поспешил прибегнуть к сему великому Иоанну и с горьким плачем и рыданием поведал ему о своей борьбе.

Иоанн на это сказал Исаакию:

– Станем, друг, оба на молитву!

И еще не кончили они своей молитвы и страждущий брат лежал еще, поникши лицом на землю, как уже Бог совершил по желанию угодника Своего, ибо блудный бес отбежал от Исаакия, прогоняемый как бы бичом, молитвами святого Иоанна. Так исполнились слова псалма Давидова: «желание боящихся Его Он исполняет, и молитву их услышит» (Пс 144:19). А болевший, видя себя здоровым и совершенно освободившимся от страсти, весьма удивился, причем благодарил и Бога, прославившего раба Своего Иоанна, прославляющего своими чудесами Господа.

Некоторые из недоброжелателей Иоанна, движимые завистью, называли Иоанна пустословом и лжецом. Он же, образумив их, самым делом всем доказал, что «все может (не только словом, но и молчанием пользовать) в укрепляющем всех (Иисусе) Христе» (Флп.4:13). И он соблюдал молчание в продолжение целого года, не сказав им одного слова, так что порицатели его обратились в просителей: ибо они познали, что не следует заграждать присно текущий источник пользы, и, пришедши к нему, умоляли его опять отверзть свои богоглаголивые уста. Иоанн, не любя прекословить, повиновался им и снова начал держаться прежнего своего правила.

Потом все, дивясь его преуспеянию во всем, как некоего новоявленного Моисея, силою возвели Иоанна в должность начальника обители, поставив таким образом сей светильник на начальственном свещнике. Приняв игуменство Синайской горы, хотя и против своего желания, Иоанн духом приблизился к горе Божией, воспринял непостижимости Божии и приблизился к Богу через восхождение ума и получил Богоначертанный закон; отверз уста свои для принятия слова Божия; привлек к себе дух (Пс.118:131) и из благого сокровища сердца своего (Мф.12:35) излил благие слова спасения.

Итак, после сорокалетних иноческих подвигов, Иоанн, будучи 75 лет от рождения своего, избран был игуменом горы Синайской. «И не обманулись добрые ценители, поставив сей светильник на начальственном свещнике», – замечает инок Даниил. Господу угодно было это избрание, что и открылось особым чудесным событием. Один из жизнеописателей, неизвестный по имени, рассказывает, что немного спустя после поставления Иоанна в игумены, пришло к ним в обитель около 600 странников. Когда все странники с синайской братией сели за стол, явился неизвестный распорядитель, одетый в белую тунику, подобную еврейской, и повелительно раздавал приказания служащим при столе. Когда же гости разошлись и сели за трапезу служители, чудного распорядителя уже не было видно. Недоумевающим инокам преподобный Иоанн сказал:

– Перестаньте искать: то святой пророк и законодавец Моисей послужил в этом, ему принадлежащем, месте.

В одно лето в странах палестинских было бездождие и великая засуха. Окрестные жители пришли к преподобному Иоанну, прося его помолиться Богу о ниспослании дождя. И как только помолился преподобный Иоанн, тотчас пошел обильный дождь и, напоив иссохшую землю, сделал ее плодоносной.

Когда же приблизилось время кончины святого Иоанна, он благочестно наставил всю братию Синайской обители – этих своих духовных израильтян. В одном только не сделался Иоанн подобным Моисею, ибо преподобный Иоанн вошел душою в горний Иерусалим, тогда как Моисей не достиг телом дольнего Иерусалима[2268].

Когда же сей новый Моисей, преподобнейший игумен Иоанн, отходил ко Господу, тогда брат его, авва Георгий[2269], стоял перед ним, проливая слезы и говоря:

– Вот, оставляешь ты меня и отходишь. А я молился, чтобы ты меня предпослал; потому что без тебя, господин мой, не станет и сил моих пасти твою святую дружину: и вот, напротив того, я предпосылаю тебя.

И сказал на это святой авва Иоанн:

– Не печалься и не тужи: если обрету дерзновение у Господа, то не допущу и года скончать тебе после меня.

Сие и сбылось. Ибо в 10-й месяц по преставлении блаженного Иоанна, и авва Георгий, брат его, отошел ко Господу, предстоять Ему вместе с братом своим преподобным Иоанном во славе святых, прославляя Отца и Сына и Святого Духа вовеки. Аминь[2270].

Святою обителью Синая преподобный Иоанн управлял недолго, не более четырех лет. Но кратковременное управление его Синаем ознаменовалось весьма важным обстоятельством: к этому именно времени относится написание им столь известного и столь замечательного творения, называемого «Лествицей»,[2271] от которой и сам Иоанн получил название Лествичника.

Повод написания «Лествицы» был следующий[2272]. В расстоянии двух дней пути от Синая находился Раифский монастырь, расположенный в весьма живописном заливе Чермного моря. В то время, когда Синайскою обителью управлял преподобный Иоанн Лествичник, игуменом Раифской обители был также святой Иоанн[2273]. Много наслышавшись о духовных дарованиях игумена Синайского, о его глубокой мудрости в деле управления вверенных ему для спасения душ, игумен Раифский написал Лествичнику послание[2274], в котором от своего имени и от лица всех иноков его обители просил его написать для них руководство в духовно-нравственной подвижнической жизни. «Зная твое о Господе во всем беспрекословное и всеми добродетелями украшенное послушание, – писал святой Иоанн Раифский Иоанну Лествичнику, – мы, маломощные, обращаясь к тебе, как к

общему всех отцу, как к старейшему пред всеми и подвижничеством, и силою ума, и как к превосходному учителю, сим нашим посланием умоляем высоту добродетелей твоих… не откажись неленостно о Господе в наше спасение явственно начертать, что потребно и прилично монашескому житию, как истинно великий вождь всех избравших тоже Ангельское житие, не почитая сказанного нами за какую-либо угодливость или лесть. Ибо известно тебе, священная подлинно глава, что лесть нам чужда и что повторяем только утверждаемое всеми. Потому и уверяем себя о Господе, что скоро получим и облобызаем ожидаемые нами досточестные начертания на скрижалях, в истинное руководство для последующих неуклонно, и как бы лестница стоит на земле (Быт.28:12), которая желающих возводит до небесных врат целыми и невредимыми, так что невозбранно минуют они и духов злобы, и миродержителей тьмы, и князей воздушных. Ибо если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел такое странное видение в лествице (Быт.28:12), то не тем ли паче предстоятель словесных овец покажет всем не только видение, но и на самом деле и в самой истине непогрешительное восхождение к Богу? Возмогай, о Господе, досточестнейший отец!

Преподобный Иоанн имел настолько скромное о себе мнение, что это послание Раифского игумена смутило его. Преподобный ответил ему также посланием[2275]:

– Получил я, – писал Лествичник, – ко мне, бедному и нищему добродетелями, посланное тобою почтенное твое писание, лучше же сказать предписание и повеление, превышающее силы мои; и я скажу, что если бы не было страха и великой опасности свергнуть с себя иго послушания – этой матери всех добродетелей, то не отважился бы я неразумно на дело, превышающее силы мои. Тебе, чудный отец, надлежало спрашивать об этом и учиться сему у тех, которые хорошо знают это дело; а я состою еще в чине учащихся. Но поелику богоносные отцы наши и истинного ведения таинники поставляют послушание в том, чтобы в делах, превышающих наши силы, несомненно покоряться повелевающим, то смиренно решаюсь на то, что выше меня; со страхом и

усердием приступаю к исполнению святого твоего повеления; тебе же, началовождь и чиноначальник учителей, предоставляю украсить, уяснить ею очертание и, как исполнителю скрижалей духовного закона, восполнить недостаточное. Ради тебя приступаю к делу сему, умоляя всех читателей, если кто увидит в труде моем что-либо полезное, плод сего с благодарностью вменить превосходному нашему начальнику, а мне испросить у Бога воздаяние за одно исполнение труда, потому что и Бог вознаграждает не за множество даров и трудов, а за многое усердие.

По сему-то поводу и явилось творение преподобного Иоанна, называемое «Лествицею».

Сочинение преподобного Иоанна названо «Лествицею» потому, что святой Иоанн Раифский желал получить именно такое руководство в духовной жизни, которое представляло бы как бы лествицу утверждений, которая желающих возводит до небесных врат целыми и невредимыми, так и по мысли самого ее составителя. «По мере скудного ведения, какое дано мне, – пишет святой Иоанн, – соорудил я лествицу восхождения. После этого пусть каждый смотрит сам, на какой он стал ступени»[2276]. В предисловии к «Лествице» смысл этого названия объясняется так: «стремящимся к тому, чтобы имена их были написаны в книге жизни, настоящая книга показывает наилучший путь их течению. Ибо шествуя сим путем, найдем, что книга сия непогрешительно, как бы за руку, ведет следующих ей и несомненно представляет утверждену лестницу от земного во святая, и показывает на вершине ее утверждающегося Бога... Подлинно, весьма превосходно рассудил устроивший нам восхождение равночисленное Господню возрасту по плоти; ибо в образе тридцати лет Господня совершеннолетия, знаменательно соорудил лествицу из 30 степеней, по которой, достигнув Господня возраста[2277], окажемся праведными и безопасными от падения». Таким образом творение преподобного Иоанна названо «Лествицею» потому, что оно имеет целью представить путь постепенного восхождения к нравственному совершенству и есть верное и

надежное руководство в духовной жизни для ревнующих о благочестии и спасении своей души.

«Лествица», хотя и написана собственно для иноков и потому всегда была настольною книгою для иноков, живущих в общежитии, и отцы иноческой жизни, между прочим, Феодор Студит, Иосиф Волоколамский и другие, ссылались в своих наставлениях на «Лествицу», как на лучшую книгу, – тем не менее в ней может найти спасительное руководство и христианин, живущий в мире. Первою ступенью лествицы поставляется отречение от земных пристрастий, а на самой высоте ее указывается союз трех добродетелей – веры, надежды и любви.

Чтобы ознакомиться с наставлениями Иоанна Лествичника, выслушаем наставление его о тщеславии[2278].

– Тщеславие выказывается при каждой добродетели. Когда, например, храню пост – тщеславлюсь, и когда, скрывая пост от других, разрешаю на пищу, опять тщеславлюсь, – благоразумием. Одевшись в светлую одежду, побуждаюсь любочестием, и переодевшись в худую, тщеславлюсь. Говорить ли стану? Попадаю во власть тщеславия. Молчать ли захочу? Опять предаюсь ему. Куда ни поверни это терние, оно все станет спицами кверху. Тщеславный есть идолопоклонник христианский. На взгляд он чтит Бога, а на деле более старается угодить людям, чем Богу... «Ублажающий нас прельщает нас», – говорит пророк (Ис.3:12). Люди высокого духа сносят обиду благодушно и охотно; а слушать похвалы и не ощущать никакой приятности могут только святые и непорочные... Когда услышишь, что ближний или друг твой бранит тебя заочно или и в глаза; тогда покажи любовь, похвалив его... Не тот показывает смирение, кто сам себя бранит (как быть несносным самому себе?), но кто, обесчещенный другим, не уменьшает своей любви к нему... Кто превозносится природными дарованиями – тонким умом, высокою образованностью, чтением своим, приятным произношением и другими подобными качествами, которые легко приобретаются, тот никогда не достигнет сверхъестественных благ. Ибо кто в малом неверен, тот и во

многом будет неверен и тщеславен (Лк.16:10). Часто случается, что Сам Бог смиряет тщеславных, насылая неожиданное бесчестие… Если молитва не истребит тщеславного помысла, приведем на мысль исход души из этой жизни. Если и это не поможет, устрашим его позором Страшного Суда. «Возносящийся смирится» (Лк.14:11) даже здесь, прежде будущего века. Когда хвалители, или, лучше сказать, обольстители наши, начнут хвалить нас, немедленно приведем себе на память множество беззаконий своих и найдем, что недостойны мы того, что о нас говорят, или что для нас делают[2279].

Вообще «Лествица» святого Иоанна отличается глубокой духовной опытностью, с которой соединено глубокое знание Священного Писания. Редкую мысль высказывает Лествичник без того, чтобы не осветить ее прямым или косвенным указанием на святое Писание. Сочинение Иоанна написано языком простым, но чистым и живым, – в немногих словах выражает многое, и потому полно силы[2280]. Потому-то «Лествица» святого Иоанна и была всегда настольною книгою для иноков, живущих в общежитии[2281].

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Иоанне отче наш, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Память святого пророка Иоада

Память 30 марта

Святой пророк Иоад происходил из Самарии. После того как он обличил Иеровоама[2282] за постановление в царстве Израильском тельцов, которым сам же приносил жертвы, его растерзал лев, отчего он и умер. Произошло это так. Господь повелел Иоаду пойти к Иеровоаму и обличить его, причем не есть там хлеба и не пить вина, и немедленно же возвратиться назад. Пророк нашел Иеровоама приносящим жертву идолам и, обратившись к нему, сказал:

– Так говорит Господь: вот родится в доме Иудином сын, имя ему Иосия, и заколет на жертвеннике священников этих высот[2283].

Иеровоам протянул руку, чтобы схватили пророка, но рука его стала сухою. Тогда царь умолил пророка сделать его руку здоровою, как прежде. После этого, возвращаясь назад, Иоад был соблазнен одним лжепророком, по имени Емве, и ел с ним. За такое непослушание Господь попустил льву умертвить его, но не есть его тела. Умерщвленный Иоад был погребен вблизи жилища пророка, соблазнившего его[2284].

Повесть об иноке, никого не осудившем

Память 30 марта

В тот же день преставился ко Господу инок, никого не осудивший. Преподобный Анастасий Синаит повествует о нем следующее.

Некоторый инок, живя в монастыре, проводил беспечно дни свои, не заботясь о спасении своем, но предаваясь всю жизнь праздности. Дожив до преклонных лет, он приближался уже к смерти. Когда же он заболел тяжким недугом и был уже при последнем издыхании, то нисколько не боялся смерти, но приготовлялся разлучиться от тела с весельем, хваля и прославляя Бога. Окружавшие его братия и игумен того монастыря сказали ему:

– Мы видели, что ты, брат, в праздности проводил жизнь свою. Почему же в этот страшный час смерти ты так беспечален и радостен? Укрепляемый силою Божиею, встань и объясни нам это, чтобы и мы прославили Бога.

Брат, приподнявшись немного с постели, сказал им:

– Это правда, честные отцы, что я беспечно проводил жизнь свою. Вот сейчас Ангелы Божии принесли ко мне и прочитали предо мною рукописание, на котором были отмечены все дурные дела мои. Прочитавши рукописание, Ангелы спросили меня: «Знаешь ли ты это?» Я отвечал: «Да, знаю». Но так как я отрекся от мира, принял пострижение в иноческий чин, никого никогда не осуждал и ни на кого никогда не гневался, то я молю Бога, чтобы на мне исполнились слова Христа, Который сказал: «Не судите, да не судимы будете; если будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф.7:1, 6:14). И как только я сказал это, тотчас святые Ангелы разорвали рукописание грехов моих. Поэтому-то я с радостью и весельем отхожу к Богу».

Сказав это, брат тот с миром предал душу свою Господу.

Память святого священномученика Ипатия чудотворца, епископа Гангрского

Память 31 марта

Святой великий угодник Божий Ипатий, епископ города Гангры, в Пафлагонии[2285], был один из триста восемнадцати святых отцов, участвовавших на I Вселенском соборе, собранном в царствование Константина Великого. Здесь он с прочими святыми отцами, исполненный Святого Духа и одушевленный ревностью к Православию, изобличил Ария в ереси и предал его анафеме.

Святой Ипатий имел от Бога великий дар чудотворения; он исцелял различные недуги и изгонял бесов. В одном селении он претворил текущий с гор источник горькой воды в сладкий; а в другом месте, по его молитве, потек из земли источник теплой воды, имеющий целебные свойства. Однажды в темную ночь он ходил возле реки, и вот из воды появлялись огни, указывавшие ему дорогу, чтобы он не сбился с нее и не попал в реку. Он умертвил также страшного змея. При Констанции[2286], воцарившемся по смерти брата своего Константина[2287], к царскому дворцу неизвестно откуда приполз очень большой змей. Окружив царскую сокровищницу, где лежало много золота и другого богатства, он положил голову при входе в эту комнату и никому не давал войти в нее. Царь Констанций пришел от этого в ужас и послал сказать святителю Божию Ипатию, чтобы он пришел в Царьград, ибо имя святого было славно благодаря чудесам, совершаемым им благодатью Христовою. Царь с честью встретил святого, поклонился ему до земли и просил его своею молитвою прогнать от царской сокровищницы змея, которого не могла изгнать никакая сила человеческая, – так как даже многие духовные лица, вооружившись молитвою, пытались изгнать его, но без всякого успеха; некоторые же из них при этом даже пострадали. Святой же сказал на это царю:

– Царь! Если наша молитва и будет бессильна, то не тщетна будет твоя вера пред Богом.

Затем, пав на землю, он молился довольно долго. Потом, поднявшись, Ипатий сказал царю:

– Среди конского ристалища[2288], где находится статуя твоего отца, вели поставить печь и накалить ее как можно сильнее, в ожидании когда я приду туда.

Тотчас же приготовили и разожгли печь; тогда святой Ипатий, взяв святительский жезл, подошел к царскому дворцу, открыл ворота сокровищницы и долго бил жезлом змея. Народ и царь, объятые страхом и трепетом, смотрели издалека, и, видя, что змей не уползает (а день уже склонялся к вечеру), все думали, что змей умертвил святого, как это случилось ранее с некоторыми иереями. Святитель же Ипатий, подняв очи к небу и призвав на помощь Господа, вложил в пасть змею жезл со словами:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа следуй за мною.

Змей, взявшись зубами за жезл, точно связанный пленник, последовал за святым. И действительно, его связал Божиею силою великий чудотворец.

Потом святой Ипатий отошел от царской сокровищницы, обошел все конское ристалище и торговую площадь, водя змея. Народ, видя змея, держащегося за край жезла и влекомого святым, ужасался и удивлялся. А змей был весьма страшен, длина его равнялась шестидесяти локтям[2289]. Приблизившись к огненной печи, горящей великим пламенем, святой сказал змею:

– Во Имя Христа, Которого я, недостойный, проповедую, повелеваю тебе войти в средину того огня!

Тогда страшный змей тот, перегнувшись, бросился стремительно в огненную печь, посредине которой и сгорел. Все, смотревшие на это с ужасом, прославляли Бога за то, что Он при их жизни явил миру такого светильника и чудотворца, святого Ипатия.

Тогда царь воздал великое благодарение Богу и угоднику Его, святому Ипатию, которого почитал как отца своего. Он повелел на доске сделать изображение лица его и поставил это изображение в своей царской сокровищнице на прогнание

бесов; а святого, наградив дарами и любезно облобызав, отпустил в дом его.

Когда святой возвращался на свой святительский престол, злые люди, последователи учения Новата[2290], будучи разжигаемы великою завистью на святителя Божия, устроили ему засаду на пути в узком проходе, на краю горной пропасти и на берегу болота, вооружившись мечами и кольями. Как только он подошел к тому месту, они напали на него внезапно, устремившись, подобно диким зверям, и, сильно изранив его, сбросили с высокого берега в болотную топь. Святой, оставшись едва живым, простер руки немного кверху и, возведя очи на небо, как некогда святой первомученик Стефан, молился за убийц своих, говоря: «Господи! Не вмени им греха этого» (Деян.7:60). И когда он так молился, одна злая женщина, держащаяся Ариевой ереси, взяв увесистый камень, ударила им святого сильно по голове и убила его. Святая душа Ипатия, тотчас отрешившись от тела, отошла ко Господу[2291]. Убийцы, взяв тело святого, скрыли его в находящейся близ того места пещере и ушли.

Но их за пролитие неповинной крови не замедлило постигнуть Божие наказание. Так, прежде всего, на женщину ту и на том же месте напал дух нечистый и мучил ее. Она непрестанно била себя в грудь тем самым камнем; потом и все те мучители сделались бесноватыми и сильно страдали.

После того земледелец некий, которому принадлежала та пещера (где он хранил солому), ничего не зная о совершенном неправедном убийстве, пришел взять оттуда солому для скота своего и, слыша голоса поющих Ангелов, удивлялся и пришел в ужас. И когда он, начав брать солому, нашел мертвое тело, покрытое все ранами, при этом еще более ужаснулся; узнав же в мертвом своего святого епископа Ипатия, он побежал к своим односельчанам, и они скоро рассказали обо всем этом в городе. Жители города Гангр, тотчас собравшись, пришли с великим плачем на то место и, взяв честное тело святого отца и пастыря своего, погребли его с великою честью. Женщина же убийца следовала за телом святого, несомого к погребению, и на пути

била себя тем самым камнем, которым убила Божия архиерея, и исповедала во всеуслышание грех свой.

Когда тело святого было погребено, та женщина исцелилась от беснования; исцелились также и все другие, бывшие ранее бесноватыми, сообщники убийства святого, при гробе святого, который и по смерти благодетельствовал врагам своим, по незлобию своему. Много и других чудес и исцелений совершилось там над людьми, с верою приходящими ко гробу святого Ипатия, по его молитвам к Богу.

Память преподобного отца нашего Ипатия, в Руфинах[2292]

Память 31 марта

Сей преподобный родился во Фригии[2293]. Будучи восемнадцати лет от роду, он был однажды избит своим отцом и, бежав от него, пришел во Фракию[2294]. Поступив в один из бывших монастырей, он предался подвигам монашеской жизни и вскоре стал известен своими добродетелями. Он никогда не пил вина и, вступив однажды в борьбу с плотскою страстью, провел в посте пятьдесят дней, совсем не прикасаясь ни к пище, ни к питью. Когда узнал об этом настоятель монастыря, то во время вечери в присутствии братии сам, своею рукою, подал Ипатию сосуд вина и с ним хлеб, после чего он немедленно же освободился от томившей его страсти и возблагодарил Господа и своего наставника. Отправившись спустя некоторое время по совету своего духовного отца в Константинополь, чтобы оказать помощь одному человеку, подвергшемуся искушению плоти, он помог и своему отцу, пришедшему сюда. Отправив затем отца своего в его отечество, Ипатий с двумя иноками пошел в Халкидон и поселился в обители Руфина, которая имела в это время странный и некрасивый вид: она была совершенно пустынна и наводила на всех страх. Этот Руфин, будучи мирянином[2295], построил некогда прекрасную обитель и поселил в ней египетских иноков, которые и подвизались в ней, прославляя Бога. Но когда Руфин умер, то жившие в его обители иноки разошлись каждый в свою страну, и обитель после этого стала необитаемою. Она заросла колючими растениями, которые свились в непроходимые кустарники и сделали ее безобразною, а затем вошли и поселились в ней нечистые духи, отчего она и стала домом, внушавшим всем страх, так что никто не хотел проходить мимо ее. Нашедши обитель в таком виде, преподобный Ипатий изгнал из нее бесов и, очистив ее от безобразивших ее кустарников, привел в прежний благолепный вид, после чего поселился в ней вместе с пришедшими с ним

двумя иноками. Сам он стал делать власяницы[2296], а бывшие с ним иноки, один занялся посевом, а другой – устройством сада. Спустя несколько лет после этого Ипатий отправился во Фракию и поселился в том монастыре, где подвизался раньше, но иноки обители Руфина вскоре пришли в этот монастырь и просили его быть их игуменом. Преподобный согласился, и с этого времени стал совершать великие подвиги. Многие из иноков, подражая ему, достигли высокого совершенства в богоугодной жизни. За свои подвиги Божественный Ипатий удостоился получить от Бога дар чудотворений и совершил множество чудесных исцелений. Так, он врачевал бесноватых, слепых, иссохших, страждущих водяною болезнью и жен кровоточивых. Немалое число неплодных жен он сделал способными к деторождению, а другим женам, имевшим сухие и неспособные к кормлению груди, возвратил молоко. Много раз молитвою он пополнял воду, хлеб и другую пищу, умножая их в нужное время, и прогонял всякие недуги от людей и домашнего скота. Пищею преподобному служило вареное зерно, овощи и небольшое количество хлеба, да и эту скудную пищу он принимал только поздним вечером, причем для поддержания старческих сил своих вкушал немного вина. Прожил преподобный восемьдесят лет, так что волосы на голове и бороде его стали белы, как снег, и в такой глубокой старости и по виду, и по делам своим он остался таким же почтенным, как и прежде. Сорок лет он провел в звании священноначальника иноков, возвеличил священство и, послав ко Господу сперва восемьдесят учеников своих, вскоре после них и сам мирно скончался, прославляя Господа[2297].

Память преподобного Аполлония

Память 31 марта

Святой отец наш Аполлоний, будучи пятнадцати лет от роду, отрекся от мира и, предавшись иноческой жизни, поселился во внутренней пустыне[2298], где и прожил в одной горе сорок лет. Приобрев с детства навык к добродетельной жизни, он совершил великие подвиги и за это удостоился такой благодати, что однажды услышал голос Божий, сказавший ему:

– Аполлоний, иди теперь в места населенные, ибо надлежит тебе родить для Меня избранных людей.

После этого он немедленно же отправился в ближнюю пустыню и, нашедши там в нижней части горы небольшую пещеру, поселился в ней. Тут он занимался тем, что, преклонив колена, в течение целых дней молился Богу. Питался же он тою пищею, которую посылал ему Бог и которую получал от Ангела, приходившего к нему в пустыню. Пустыня эта была расположена вблизи населенных мест, и, посещая по внушению Святого Духа эти места, преподобный собрал около себя большое общество иноков, числом около пятисот человек, и наставил их в различных подвигах иноческой жизни. Так, вместе с ними он принимал пищу только по воскресным дням, а во все прочие дни не вкушал ничего: ни хлеба, ни сочива[2299], ни другого чего-либо, что приготовляется на огне, но питался одними только дикорастущими злаками. Преподобный Аполлоний ввел в своей обители такое правило, что иноки, подвизавшиеся с ним, не прежде вкушали пищу, как причастившись сперва святых Христовых Тайн. Обычно это совершалось ежедневно в девятом часу утра, а потом иноки садились за трапезу, во время которой каждый день слушали поучения. Остальное время дня все они проводили в полезных занятиях и тем изгоняли из помыслов своих лукавые внушения диавола. Наставив многих иноков в такой жизни и дожив до глубокой старости, святой Аполлоний переселился к Богу для вечной жизни.

Память святых мучеников Авды и Вениамина

Память 31 марта

Святой священномученик Авда жил в царствование императора Феодосия Младшего[2300] и был епископом в Персии. Он разрушил храм огнепоклонников[2301] и за это был схвачен и приведен к царю[2302]. Царь сперва кротко велел ему восстановить разрушенный храм, но когда он ответил, что сделать этого не может, то послал воинов разрушить все христианские храмы. После этого гонители стали преследовать христиан и, не разбирая возраста, различными способами стали предавать их смерти. Первым из них после разнообразных мучений был усечен мечом священномученик Авда, а спустя тридцать дней после этого были казнены смертью и другие святые мученики и между ними святой диакон Вениамин[2303]. Ему мучители воткнули сперва под ногти пальцев на руках и на ногах заостренные спицы и потом посадили его на кол, от чего он и предал дух свой в руки Господа[2304].

Преставление святого отца нашего Ионы, митрополита Киевского и всея России

Память 31 марта

Святой Иона был родом из города Галича, который находится около Казанской земли[2305]. Он родился от благочестивого отца, по имени Феодора, и в двенадцатилетнем возрасте в одном из монастырей Галичской земли облекся во иноческий образ; затем он пришел в город Москву, в Симонов монастырь[2306], где долго трудился в монастырских послушаниях.

В то время в Москве митрополитом был Фотий[2307]. Придя однажды в Симонов монастырь, Фотий отслужил там молебен в церкви Пресвятой Богородицы и, преподав благословение архимандриту с братией, пожелал видеть также монастырских послушников и благословить их. Он зашел в пекарню и увидал там блаженного Иону, уснувшего после усиленных трудов; правая рука его была согнута так, как будто он благословлял ею; Фотий не велел будить его, но, благословив спящего, предсказал бывшим с ним, что сей монах будет святителем в странах Российских и наставит многих на путь спасения.

Пророчество святителя Божия впоследствии исполнилось. Через несколько лет, по Божию изволению, по избранию Освященного собора и желанию царя, блаженный Иона был поставлен епископом города Рязани и Мурома, где он обратил к Богу и крестил многих неверных[2308].

Когда преставился ко Господу блаженный митрополит Фотий, великий князь Василий Васильевич[2309] созвал архиепископов и епископов Российской земли и весь Освященный собор и повелел им избрать достойного мужа на великий престол Российской метрополии; по согласию и желанию всех был избран тогда Иона, епископ Рязанский[2310]: все знали его за мужа добродетельного и святого.

Он отправился с посланием великого князя в Царьград к царю Иоанну Палеологу[2311] и к святейшему патриарху Иосифу[2312] принять поставление на митрополию. Но до его еще

прибытия в Царьград зломудренный Исидор, из Фессалоник родом[2313], уже принял посвящение на митрополию Российскую и был отпущен из Царьграда в Россию.

По отъезде его, прибыл в Царьград и святой Иона и вручил царю и патриарху послания великого князя. Прочитав их, они весьма сожалели о том, что поспешили поставить Исидора, которого уже отпустили в Россию, и сказали святому Ионе:

– Что мы можем теперь сделать тебе? Ты опоздал своим приходом к нам; мы уже поставили на Российскую митрополию Исидора и не можем изменить этого: Исидор уже теперь митрополит Российский. Возвратись на свою кафедру и жди, что устроит Бог о Исидоре. Когда он умрет или по какому-либо случаю его станут заменять, тогда, по благословению от Константинопольского патриаршего престола, ты будешь поставлен митрополитом Киева и всея России.

Итак, они отпустили святого Иону домой.

Исидор же сначала прибыл в Киев; потом он отправился в Москву весною, и прожив там всю рабочую пору до осени, отправился на запад, на Флорентийский собор, как бы для утверждения православной веры. Пробыв там три года, он возвратился в Киев отступником от Восточной церкви, но не был принят там; тогда он отправился в Москву, чтобы распространять свое отступническое учение.

Великий же князь Василий Васильевич, узнав о его отступничестве, созвал для рассмотрения сего архиереев и весь духовный чин Российской митрополии. Сошедшись и рассмотрев святые правила, они увидели, что Исидор принес с Флорентийского собора чуждое и противное Православию учение и не захотели его иметь своим митрополитом. А великий князь повелел ему жить в одном монастыре, пока не донесет об этом в Царьград святейшему патриарху.

Исидор, видя, что его отпадение раскрыто, устыдился и, не дожидаясь ничего, тайно бежал в Рим, где был принят и обласкан папою.

А на Российскую митрополию был избран опять святой Иона[2314]. По благословению святейшего патриарха Цареградского Григория Мелиссины[2315] он был посвящен

своими архиереями в Москве в соборной церкви. Итак, он был первый митрополит, посвященный архиереями российскими, по благословению от апостольского Константинопольского престола.

Вступив на престол Российской митрополии, святой Иона еще более усилил свои подвиги, прилагая труды к трудам и, главное, заботясь о том, чтобы повсюду утвердить благочестие; одушевленный этою целью, он непрестанно поучал пасомых, посылая послания; как истинный пастырь, он утверждал православную веру, что особенно ясно видно из его посланий[2316]; вообще он имел великую заботу о том, чтобы соблюсти невредимою врученную ему Богом паству.

Святой Иона сподобился получить от Бога дар чудотворения: исцелять недуги и предсказывать будущее.

Так, молитвою своею, он воздвиг от одра болезни дочь великого князя, бывшую при смерти. Видя это чудо, один неверный, по наущению диавольскому, стал говорить святому, что великая княжна исцелилась от болезни не по его молитве, а что болезнь прошла сама по себе. Тогда блаженный Иона, призвав человека того, поучал его не хулить благодати Святого Духа и говорил ему:

– Сын мой! Не сомневайся ни в чем, ибо «невозможное людям возможно Богу» (Лк.18:27); Бог даровал жизнь отроковице по вере, а, главное, – надежде ее державных родителей.

Но тот не поверил святому и начал произносить еще более хульные слова.

Тогда святой Иона сказал ему:

– Пусть свяжется язык твой, пусть заградятся хульные уста твои; вместо той девицы, бывшей при смерти, умрешь ты!

И тотчас богохульник упал на землю безгласным: отнялся язык его, он только поводил глазами и через некоторое время испустил дух свой за то, что осмелился хулить дар Святого Духа, находящийся в том великом святителе.

У святого митрополита был один инок, по имени Пимен, заведовавший погребом, которому поручено было поить приходящих немощных нищих.

Однажды пришла к нему убогая вдова и просила его дать ей немного меду, вследствие ее болезни. Но инок тот со злобою сказал ей:

– Уйди, теперь еще не время давать пить.

Вдова ушла со скорбью.

Узнав о том, святитель Божий призвал Пимена и сказал ему:

– Брат! Не знаешь, какую оскорбил ты вдову; она – угодница Божия; за это Бог наказывает тебя смертью; пойди, покайся в грехах своих, так как настало время тебе умереть.

И повелел святой Иона духовнику своему постричь Пимена в схиму, и в самый день пострижения он скончался, по слову святителя Божия.

В другой раз святой дал одному из послушников своих много денег для раздачи бедным; но тот часть денег раздал, а часть утаил себе.

Случилось, что однажды пришла к святому бедная вдова с жалобою на послушника и говорила:

– Святитель Божий! Твой послушник ничего не дал мне из завещанных тобою денег.

Святитель, призвав послушника, спросил его:

– Зачем ты оскорбил эту вдову и не дал ей ничего?

Он отвечал:

– Я дал ей много, но она бесстыдно просит большего.

Вдова же отрицала то и настойчиво утверждала, что не получала от него ничего.

Послушник воскликнул с гневом:

– Уходи! Ты умрешь, потому что лжешь!

Тогда святой сказал ему:

– Не будет так: вдова эта говорит правду, а ты крадешь и лжешь; она будет жива, а ты умрешь.

Тотчас же послушник заболел горячкою и умер.

Один боярин, по имени Василий, а по прозванию Кутуз, не имел веры в чудотворную силу святого Ионы, никогда не приходил к нему и не хотел принимать от него благословения. Однажды он заболел сильною зубною болью, от которой очень страдал и не мог никак излечиться. Случилось боярину тому, у

которого болели зубы, быть в соборной церкви, когда в ней совершал Божественную литургию святитель Божий Иона; по окончании литургии святой, подозвав к себе того боярина, благословил его, дал ему просфору и, преподав ему назидание от Божественного Писания, внезапно ударил рукою своею ему по щеке так, что многим был слышен звук удара.

Василий сильно закричал:

– Ой, больно мне: ты выбил мне последние зубы!

И тотчас больной почувствовал облегчение и зубная боль его прошла. Он отправился домой радуясь, благодаря Бога и похваляя угодника Его святителя Иону.

В 1451-м году за грехи предков наших, по попущению Божию, произошло нашествие безбожных агарян на русскую землю. Один ордынский князь со множеством татар неожиданно подступил к Москве, пожег окрестности ее и начал со всех сторон теснить самый город. Блаженный митрополит Иона со всем клиром своим пошел с крестным ходом и с пением молебных песен по стенам города, со многими слезами вознося горячую молитву к Богу о граде и людях.

Увидав одного престарелого старца, инока Чудова монастыря, по имени Антония, который отличался добродетельным житием и которого он знал, святой Иона обратился к нему с такими словами:

– Сын и брат мой Антоний! Помолись милостивому Богу и Пречистой Богородице об избавлении города и всех православных христиан от безбожных агарян.

Антоний сказал ему:

– Великий святитель! Благодарим Бога и Пречистую Его Матерь, крепкую и скорую помощницу нашу: услышала Она молитвы твои и умолила Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, да спасен будет ради тебя город сей и все православные христиане. Враги агаряне скоро будут побеждены и прогнаны невидимою силою; только мне одному суждено от Господа быть убитому до смерти врагами.

Едва старец сказал это, вдруг прострелила его пущенная татарами стрела, от которой он вскоре умер, после чего он с честью был погребен митрополитом Ионою со всем собором.

Когда же наступил праздник положения ризы Пресвятой Богородицы, июля 2 дня, произошло смятение у татар: внезапно напал на них страх и ужас, и они обратились в бегство, будучи гонимы от города невидимою силою.

Святой митрополит Иона повелел как можно скорее соорудить на своем дворе церковь положения ризы Пресвятой Богородицы, в память избавления по Ее молитвам от агарян, ибо в тот день они сняли осаду с города.

Потом, по прошествии многих лет, достигнув до глубокой старости, святой Иона пред честною своею кончиною сподобился следующего откровения о ней от Бога.

Церковный сторож соборной церкви, по имени Максим, ходя в одну ночь, по долгу службы своей, вокруг церкви, нашел ее отпертой и увидел, что в ней горят свечи и поют священники. Он очень испугался и побежал сказать о том ключарю, иерею Иакову.

Тот поспешно отправился, но нашел церковь запертою, как и была, но изнутри был виден свет. Он отпер двери, вошел в храм и не нашел там никого, но свечи горели. Он устрашился и услыхал голос из алтаря, говорящий:

– Иаков! Пойди, скажи рабу моему, митрополиту Ионе, так как он просит у меня ради своего душевного спасения болезни телесной, – я услышал его просьбу: пошлю ему на ногу язву, от которой он умрет; пусть, ввиду скорого преставления, не медлит окончить дела, возлагаемые обязанностью архипастыря. Услыхав тот голос, Иаков исполнился страха и ужаса, недоумевал и никому не рассказал своего видения, даже самому святителю Ионе.

Утром, на рассвете дня, святой Иона, призвав к себе Иакова, спросил его:

– Где ты был ночью, Иаков? Что ты видел и слышал? Почему ты не возвестил мне того, что было тебе открыто обо мне?

Иаков устрашился, упал к ногам святителя и сказал:

– Владыка, прости меня! Я не смел сказать тебе об этом, но я вижу, что тебе открыл об этом Святой Дух.

Святитель сказал:

– Бог да простит тебе, сын мой; но скажу тебе, что Бог отнимет у тебя супругу твою. Пойди же позаботься поскорее о душе ее, чтобы скончаться ей в покаянии.

До этого времени жена ключаря была совершенно здорова. Когда же он возвратился домой, то нашел ее уже больною, а через три дня она умерла, исполнив, как подобает, свой христианский долг покаянием и причащением Святых Христовых Тайн.

Недолго пожил после того и сам великий святитель Иона. Исполненный благодати Святого Духа и добрых дел и «совершив святыню в страхе Божием» (2Кор.7:1), он в преклонных летах сподобился блаженной кончины. Святитель заболел язвою на ноге и, ослабев телом, не ослабел духом, продолжая и в болезни посещать Церковь Божию.

Готовясь предать святую душу свою в руки Божии, он благословил великого князя, его потомство и весь народ и, с молитвою на устах, отошел ко Господу в 1464 году, марта в 31-й день[2317]; он пас Церковь Божию двенадцать с половиною лет.

Через несколько лет по смерти святого Ионы скончался и великий князь Василий Васильевич; ему наследовал сын его великий князь Иоанн Васильевич, самодержец земли Российской[2318]. По изволению Божию и по благословению преосвященного митрополита Геронтия[2319], он пожелал построить новую соборную церковь (которая существует и теперь) вместо прежней ветхой.

Взявши честные мощи святителя и чудотворца Петра митрополита, перенесли их на время в другую церковь.

И вот, когда разобрана была старая церковь[2320] и стали копать рвы для закладки фундамента новой великой церкви, найдены были мощи прочих митрополитов: Феогноста[2321], Киприана, Фотия, а также и святого чудотворца Ионы.

Когда во время обретения этих честных мощей стали совершать соборные панихиды, был принесен туда один семилетний отрок, по имени Симеон, расслабленный со дня рождения своего. Он был сын священника Петра, служившего при храме святого Иоанна Лествичника, что в колокольне. Соборный пресвитер Алексий, подняв на руки того

расслабленного отрока, поставил в ногах у раки святителя Ионы и, держа его, велел ему молиться.

Отрок, поддерживаемый тем иереем, молясь, крикнул громко:

– Дождь идет!

День был ведреный, на небе не было видно ни одного облака: тотчас тот отрок сделался здоровым и уже без посторонней помощи пошел сам домой.

Все дивились сему чуду и прославляли Бога и его угодника святого Иону.

Когда окончена была постройка соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы в 1479 году, она была торжественно освящена и в нее перенесены были честные мощи святых митрополитов: во-первых, святого чудотворца Петра, потом Феогноста, Киприана, Фотия и сего угодника Христова, Ионы. А так как мощи его оказались целыми и нетленными, то их положили в раку и поставили открыто в соборной церкви, как они почивают и теперь и сподобляют многих верующих, приходящих к ним с молитвою, просимой благодати[2322].

Один человек, по имени Иоанн, будучи немым и не могущим ничего говорить, пришел однажды к раке святого и приложился к честным его мощам, поцеловав его святую руку. Неизвестно как, ему, Божиим смотрением, показалось, что святитель протянул руку свою, схватил его за язык и крепко держал. Он начал громко кричать. Священники и народ, бывшие тогда в церкви, поспешили к нему на крик и недоумевали, почему кричит немой. Увидав, что святой выпустил из рук язык, Иоанн перестал кричать и начал тотчас ясно говорить и рассказывать всем о том, как чудесно разрешился от немоты язык его. Все, бывшие там, пришли в ужас от того дивного чуда и, прославляя дела Божии, величали и великого чудотворца святителя Иону.

Много и других чудес происходило и ныне происходит от честных мощей святого митрополита Московского Ионы всем, приходящим к ним с верою, во славу Христа, Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие святого праведного Иосифа Прекрасного

Память 31 марта

Прекрасный и душой и телом блаженный Иосиф[2323] был сыном ветхозаветного патриарха Иакова, внуком Исаака и правнуком Авраама. Он родился от второй жены Иакова, Рахили, которая была неплодной до тех пор, пока Бог не услышал ее и не открыл ее чрева для рождения детей. Первым Рахиль родила отрока Иосифа, который у Иакова был одиннадцатым сыном. Вторым сыном Рахили был Вениамин, двенадцатый сын Израиля. По рождении Вениамина Рахиль умерла и была погребена[2324] в Ефрафе, то есть в Вифлееме[2325]. Сыновья Рахили, Иосиф и Вениамин, были очень дороги Иакову, потому что Бог послал их ему на склоне его дней, и притом они напоминали ему возлюбленную его супругу Рахиль, смерть которой очень огорчила его. Иаков так сильно любил ее, что ради нее в течение четырнадцати лет работал у тестя своего Лавана. К тому же, оба сына Рахили были добронравными, целомудренными и достойными любви, в особенности же блаженный Иосиф, в котором с юных лет поселилась благодать Святого Духа. Когда Иосифу исполнилось семнадцать лет, он стал пасти стада своего отца вместе с братьями, рожденными от других матерей. Видя греховные дела своих братьев, Иосиф гнушался принимать в них участие. Напротив, любя своих братьев и желая спасти их души, Иосиф о некоторых их беззакониях доводил до сведения отца своего Иакова, чтобы тот отечески наказал их и таким образом отвлек от своего дома гнев Божий. Иаков, видя в Иосифе такой разум, соединенный с целомудрием и страхом перед Богом, полюбил его еще более и сшил ему разноцветную одежду. Братья же сильно возненавидели Иосифа: одни – за то, что он не принимал участия в их греховных делах и давал знать о них отцу; другие – за то, что отец любил его больше, чем их. Они не могли дружелюбно разговаривать с Иосифом, взводили на него

злые обвинения и клеветали отцу. Однако Иаков, хорошо зная невинность Иосифа, не верил им.

В то время Святой Дух, живший в Иосифе, в сновидениях начал открывать ему, как пророку, все, что касалось будущей его жизни. Ничего не скрывая, Иосиф рассказывал об этом отцу и братьям:

– Выслушайте, – сказал он однажды, – сон, который я видел. Мне снилось, что посреди поля мы вяжем снопы; мой сноп встал прямо, ваши же снопы, стоящие кругом, поклонились моему снопу.

На это братья сказали ему:

– Неужели ты будешь царствовать над нами и владеть нами?

И стали они еще более ненавидеть его за такой сон. Потом Иосиф увидел другой сон и тоже рассказал его отцу и братьям:

– Я видел, – сказал он, – как солнце, месяц и одиннадцать звезд поклонились мне.

Услышав это, отец побранил Иосифа со словами:

– Что означает этот сон? Неужели я и мать твоя (мачеха Лия) с твоими братьями придем и поклонимся тебе до земли?

Отец побранил его для виду. Этим он хотел спасти сына от еще большего гнева его братьев. В действительности же сон этот глубоко запал в душу Иакова. Он думал про себя: «Что это может быть? Мне кажется, что Господь на сем добродетельном отроке хочет удивить всех Своею милостью».

И в душе он радовался этому. Братья же еще сильнее возненавидели Иосифа и задумали причинить ему зло.

Как-то раз, когда братья пасли овец в Сихеме[2326], Иосиф с отцом находился в долине Хеврона. Чадолюбивый отец, заботясь о сыновьях, бывших в Сихеме, сказал возлюбленному сыну своему Иосифу:

– Пойди, дитя, к твоим братьям, посмотри, здоровы ли они и целы ли стада, и поскорее возвратись ко мне.

Исполняя приказание, Иосиф отправился к братьям, чтобы передать им приветствие отца; а Вениамин, будучи еще малым отроком, остался с отцом. Иосиф блуждал по сихемской пустыне и никак не мог найти своих братьев. Он уж стал

беспокоиться о судьбе их, как встретился ему какой-то человек, который спросил его:

– Чего ищешь, юноша?

Он отвечал:

– Я ищу своих братьев; скажи мне, если знаешь, где они пасут стада?

Тогда этот человек сказал ему:

– Они ушли отсюда, ибо я слышал, как они говорили: «Пойдем в Дофаим!»[2327]

И он показал Иосифу путь. Иосиф пошел вслед за своими братьями и нашел их в Дофаиме. Когда он издалека увидел их, то сильно им обрадовался, потому что любил их. Те тоже увидели его издалека, и не успел он приблизиться к ним, как они уж разъярились на него, как дикие звери, и стали советоваться о том, как бы убить его. Они сказали друг другу:

– Вот идет тот сновидец. Давайте теперь убьем его и сбросим в ров. После же скажем, что зверь съел его. Посмотрим тогда, как сбудутся его сны.

Самый старший брат Рувим слышал это и, желая спасти Иосифа от убийственных рук братьев, сказал им:

– Не убивайте его, не проливайте крови брата вашего: лучше бросьте его в тот ров, который находится в пустыне. Пусть умрет он там в одиночестве, но вы не налагайте на него рук своих!

Этим Рувим думал спасти невинного юношу от смерти. Он хотел тайно вытащить его изо рва и отпустить к отцу.

Кроткий, как овца, Иосиф ничего не знал о злобе своих братьев. Он подошел к ним и дружески поцеловал их, приветствуя от имени отца. Братья же, как звери, накинулись на него и стащили бывшую на нем разноцветную одежду. Они скрежетали на него зубами, как бы желая съесть его живым. Они били Иосифа кулаками и причиняли ему всякие обиды. В этой злобе братья казались ему свирепыми и беспощадными. Иосиф уж не надеялся на то, чтобы кто-нибудь заступился за него. Поэтому он возвысил голос и со слезами и рыданьями начал умолять братьев о пощаде:

– За что вы гневаетесь? Я прошу вас несколько освободить меня и выслушать мою просьбу. Братья! Вы сами знаете, что отец каждый день плачет о кончине моей матери. Неужели же вы решитесь нанести ему новую рану, когда старая еще не зажила. Я умоляю вас, не разлучайте меня с отцом, иначе с горя он сойдет в могилу. Я заклинаю вас Богом отцов наших, Авраама, Исаака и Иакова (Мк.12:26), – Богом, Который повелел Аврааму уйти из земли и дома отца своего и поселиться в земле Обетованной (Быт.12:1–3), – Богом, Который обещал сделать потомство Авраама таким же бесчисленным, как звезды на небе (Быт.15:5) или песок на берегу моря (Быт.28:14). Я заклинаю вас Вышним Богом, даровавшим Аврааму силу воли при жертвоприношении сына его Исаака и пославшим агнца для заклания его вместо сына (Быт.23:1–19). Я заклинаю вас Святым Богом, Который благословил отца нашего Иакова устами Исаака (Быт.27:27–29), отца его, и Который не покидал Иакова и в Харране, что в Месопотамии (Быт.28:10–19)[2328], откуда вышел Авраам: здесь Бог избавил Иакова от несчастья! Всем этим я заклинаю вас и прошу не разлучать меня с Иаковом, как смерть разлучила его с Рахилью. Иначе Иаков будет плакать обо мне так же, как плачет о Рахили, и закроются глаза его, не дождавшись моего возвращения. Сжальтесь надо мной и отпустите меня к отцу!

Так Иосиф умолял братьев Богом отцов своих. Жестокие же братья нисколько не смилостивились над ним и, не боясь Бога, повлекли Иосифа в ров. Он хватал их за ноги, плакал и говорил:

– Братья! Простите меня!

Но они бросили его в ров. Этот ров когда-то был глубоким и темным колодцем, который впоследствии высох. Сидя в этом рву, Иосиф плакал горькими слезами и призывал к себе отца:

– Посмотри, отец, что сталось с твоим сыном! Меня, как мертвого, бросили в ров. Ты ждешь моего возвращения, а я, как разбойник, лежу теперь во рву. Ты сам, отец, сказал мне: «Иди, посмотри братьев твоих и стада и поскорей возвратись ко мне». Братья же обошлись со мной как свирепые волки и с гневом разлучили меня с тобой. Добрый отец! Ты не можешь уже

видеть меня и слышать мой голос, я же не могу быть утешением твоей старости. Я не увижу больше твоих седин, ибо меня погребли и, притом, хуже, чем мертвеца. Плачь, отец, о твоем ребенке, как твой ребенок плачет о тебе, отце своем! Ведь меня разлучили с тобой в таких молодых летах! Кто бы мне дал голубку, владеющую человеческою речью, чтобы она полетела и рассказала тебе о моем горе? Нет у меня больше слез, и от стонов я потерял уже голос. Нет ничего, что могло бы помочь моему горю! О земля, земля, возопившая к Богу Святому за Авеля праведного, неправедно убитого, как повествуется изначала от наших прадедов, что и земля возопила за кровь праведнаго (Быт.4:10)! Обратись же теперь за меня к отцу моему Иакову, расскажи ему все, что сделали со мной мои братья!

Так Иосиф до изнеможения рыдал во рву, и некому было его утешить.

А жестокие братья, бросив Иосифа в ров, с радостью стали есть и пить. Они так весело и торжественно возлежали, как будто победили неприятеля или захватили город. Во время этого веселья они заметили приближающихся к ним измаильтянских купцов[2329], едущих из Галаада в Египет. С купцами шли верблюды, несшие на себе фимиам, ладан и другие ароматы. Тогда Иуда, четвертый сын Иакова, сказал своим братьям:

– Что пользы, если мы убьем брата и скроем его кровь? Лучше продать его этим измаильтянам, пусть они заведут его подальше. Иосиф умрет в чужой стране, и мы не будем убийцами нашего единокровного брата.

Остальные братья согласились с Иудой. Они пошли и вытащили Иосифа изо рва. Прошедшие мимо измаильтяне дали за Иосифа тридцать золотых монет. Во время этой продажи Рувима не было: он куда-то уходил. По возвращении, Рувим пошел ко рву, но не нашел там Иосифа. Тогда он разодрал на себе одежды, возвратился к братьям и сказал:

– Во рву нет отрока! Куда я денусь? Как я перенесу рыдания по нем отца нашего?

Рувиму жалко было Иосифа.

Купцы, взявшие Иосифа, дошли в своем пути до того места в Ефрафе, где находилась могила Рахили: здесь она умерла, когда Иаков возвращался из Месопотамии. Как только Иосиф увидел могилу матери своей Рахили, он тотчас же подбежал и припал к ней. Затем громко и с горькими слезами он проговорил:

– Рахиль, мать моя! Встань из земли и посмотри на Иосифа, которого ты любила! Посмотри, что сталось со мной: вот иноплеменники уводят меня в Египет. К ним в рабство продали меня братья, и притом продали нагим, как злодея. Иаков не знает того, что меня продали. Открой мне гроб свой, мать моя, и прими меня к себе! Пусть гроб твой будет одним смертным ложем для нас обоих! О Рахиль! Возьми сына своего, чтобы на чужой стороне он не ждал уже смерти. Рахиль, возьми меня к себе! Разлука моя с Иаковом была так же неожиданна, как и разлука с тобой, мать моя. Пусть дойдут до слуха твоего рыдания и терзания моего сердца, чтобы ты взяла меня в гроб свой. Я не могу уже больше плакать: нет слез, и душа моя изнемогла от плача и рыданий. О Рахиль, Рахиль! Неужели ты не услышишь просьбы сына твоего Иосифа? Твоего сына силою уводят от тебя, а ты не хочешь удержать его. Я призывал Иакова – он не услышал моего голоса. Теперь я призываю тебя, и ты не хочешь услышать меня. Пусть умру я здесь над гробом твоим, но не пойду, как злодей, в чужую землю!

Когда измаильтяне, купившие Иосифа, увидели, как он припал к могиле, они сказали друга другу:

– Этот юноша при помощи колдовства хочет убежать от нас. Давайте свяжем его покрепче, чтобы он не причинил нам какой-нибудь неприятности!

Подойдя к нему, они злобно проговорили:

– Встань, довольно колдовать, а не то мы убьем тебя на этой могиле. Мы не хотим терять деньги, заплаченные за тебя!

Когда же Иосиф встал, то измаильтяне увидели, что все лицо его опухло от горьких слез. И каждый из них участливо начал расспрашивать его:

– Отчего ты так горько заплакал, как увидел эту могилу? Не бойся и скажи нам, кто ты такой и за что тебя продали? Пастухи,

которые продали тебя, сказали нам: «Смотрите за ним, чтобы дорогой он не убежал от вас; если же убежит, то это не наша вина: мы предупредили вас». Скажи же нам правду: чей ты раб? Тех ли пастухов или кого-нибудь другого? И объясни, почему ты с такой любовью припал к этой могиле? Мы твои господа, потому что мы купили тебя. Как раб, ты все расскажи нам. Если же что-нибудь от нас утаишь, то кому же другому ты можешь поведать свое горе? Ведь ты раб наш? Те пастухи сказали нам, что ты можешь убежать от нас, – это беспокоит нас. Успокойся же и откровенно скажи нам, кто ты такой! Ты нам кажешься господином, и мы хотим видеть в тебе не раба, а нашего любимого брата. Твоя прекрасная внешность и твой склад ума показывают нам, что ты достоин предстать пред царем и пользоваться почетом наряду с другими вельможами. Все твои совершенства говорят, что ты достигнешь большой власти. Будь же нам другом и там, куда мы приведем тебя. Кто может не полюбить такого умного, благородного и прекрасного юношу?!

Вздохнув, Иосиф отвечал им:

– Хотя меня и продали вам, но я не был ни рабом, ни вором, ни чародеем и вообще не совершил никакого преступления. Я – любимый сын отца моего, и был любимым сыном матери, когда она была еще жива. Те пастухи – мои братья. К ним послал отец справиться об их здоровье. Они долго не возвращались с гор, оттого чадолюбивый отец, беспокоясь, послал меня проведать их. Они же схватили меня и продали вам в рабство. Братья мои не могли смотреть без зависти на любовь ко мне отца моего, и это было причиной того, что они разлучили меня с ним. Находящийся же здесь гроб есть гроб моей матери. Когда отец мой Иаков переселялся из Харрана на то место, где он жил раньше, то моя мать умерла здесь и была погребена в этой могиле.

Услышав это, измаильтяне с сочувствием сказали:

– Не бойся, юноша! Великий почет ожидает тебя в Египте. Твоя внешность служит доказательством твоего благородства. Ты не печалься, напротив, будь доволен, что ты далеко теперь от твоих завистливых братьев, которые без причины ненавидели тебя.

Братья же Иосифа, когда продали его, привели козла, закололи его и вымарали кровью одежду Иосифа, которую и послали отцу Иакову с такими словами:

– Эту одежду мы нашли лежащей в горах и признали в ней одежду нашего брата Иосифа, что всех нас опечалило. Мы не нашли самого Иосифа и послали к тебе его разноцветную одежду. Посмотри, твоего ли она сына или нет. Мы все признали, что это одежда Иосифа.

Узнав одежду своего сына, Иаков с плачем и горьким рыданием сказал:

– Это – одежда моего сына, хищный зверь съел его!

И разодрал Иаков свои одежды. Надев на себя рубище, он с рыданиями произнес:

– Зачем не я был съеден вместо тебя, сын мой?! Зачем не меня встретил тот зверь, чтобы насытиться мною, а тебя оставить в целости? Зачем не меня растерзал тот зверь? О, зачем же не я был его пищей? Горе мне, горе! Мое сердце сильно скорбит по Иосифу! Горе мне, горе мне! Где убит мой сын, чтобы я мог пойти и растерзать свои седины над красотой его? Я не хочу больше жить без Иосифа! Дитя! Я – виновник твоей смерти! Я убил тебя, послав в пустыню проведать братьев твоих и стада! О дитя! Я буду плакать и горевать до тех пор, пока не сойду в преисподнюю! Вместо мертвого тела твоего я со слезами кладу перед собой одежду твою. Но она приводит меня в уныние еще по другой причине. Вся она цела, и я думаю, что не зверь съел тело твое, а человеческие руки схватили и убили тебя. Если бы тебя действительно съел зверь, как говорили братья твои, то платье твое было бы разодрано на части, потому что зверь не станет раньше стаскивать одежду, а уж потом поедать тело. Если же он сперва стащил платье, а уж после съел тебя, то платье не было бы замарано кровью. На этом платье нет следов ни от когтей, ни от зубов, – откуда же тогда кровь на нем? Если бы в пустыне были одни только звери и не было разбойников, я горевал бы о том, что тебя съели звери, и не мог бы предполагать того, что разбойники убили тебя. Я унываю об Иосифе, и его одежда приводит меня еще в другое, не меньшее уныние. Итак, у меня два несчастья: с

плачем я буду думать о том, каким образом была снята его одежда, и о том, каким образом было убито или съедено его тело? Я умру, Иосиф, мой свет и подпора, и одежда твоя пусть сойдет в преисподнюю вместе со мной. Без тебя, Иосиф, я не хочу видеть этот свет!

И много дней Иаков оплакивал Иосифа. Все сыновья и дочери Иакова собрались вместе утешать его, но он не хотел утешиться и сказал:

– С печалью я сойду в преисподнюю к сыну моему!

Тем временем измаильтяне поспешно вели Иосифа в Египет[2330], надеясь получить за его красоту много золота от какого-либо вельможи. Когда они шли по египетскому городу, их встретил царедворец фараона[2331] Пентефрий. Он увидел Иосифа и обратился к измаильтянам с такими словами:

– Купцы, скажите мне, откуда у вас этот юноша? Он нисколько не похож на вас, потому что среди вас, измаильтян, нельзя найти такого красивого юношу.

Они ему отвечали:

– Этот отрок очень умен и принадлежит к знатному роду.

Пентефрий охотно купил у них Иосифа и заплатил столько, сколько им было угодно. Царедворец ввел его в свой дом и всячески старался узнать его прежнюю жизнь. Потомок праведных Авраама, Исаака и Иакова жил у Пентефрия в добродетели и большой кротости, и Господь был с ним. Иосиф вел честную и непорочную жизнь. По лицу и словам его было видно, что он целомудрен и боится Бога: он никогда не забывал Всевидящего Бога отцов своих, Который избавил его от смерти во рву и от ненавистных братьев. Иосиф горевал только об отце своем Иакове. Живя у Пентефрия, Иосиф снискал к себе его благоволение и понравился ему. Пентефрий, видя, что с Иосифом находится Господь, Который успешно устраивает все в его руках, поставил его начальником над всем домом и отдал в его руки все имущество: имения, села, рабов и домашнее хозяйство. Сам Пентефрий при Иосифе не знал ни о чем, кроме той пищи, которую ел за своим столом: он ясно видел, что Иосиф честен и что имущество в руках его растет все больше и больше. Ради Иосифа Бог благословил дом египтянина. Все

рабы и рабыни были очень довольны Иосифом, потому что при нем им жилось хорошо и вполне безбедно, во всяком довольстве.

Иосиф имел хорошую внешность и красивое лицо. Супруга Пентефрия была поражена красотой его, и сердце ее загорелось к нему сатанинскою любовью. Она всячески старалась соблазнить невинного Иосифа и сильно желала побыть с ним. Чтобы прельстить Иосифа, жена Пентефрия прибегала ко многим хитростям: каждый час переменяла одежды, умывала и намазывала лицо и навешивала на шею ожерелья. Кроме того, она обольщала праведную душу Иосифа разными телодвижениями, мерзким смехом и прелюбодейными словами. Но всеми этими хитростями она губила только себя. Иосиф не смотрел на ее украшения и не думал грешить с ней. Мысль о Боге и страх перед Ним защищали его от всяких искушений. Когда же жена Пентефрия увидела, что все ее украшения не действуют, она еще больше воспылала огнем прелюбодеяния и не знала, чем бы ей еще подействовать на целомудренного юношу. После она еще раз задумала совратить его на грех своими бесстыдными словами; змеиный яд, находящийся в ней, открыл ее уста, и она сказала Иосифу:

– Побудь со мной и ничего не бойся; напротив, будь посмелей со мной, чтобы я могла насладиться твоей красотой, а ты моей добротой. Ты никого не бойся, потому что все слуги подчинены нам и ты владеешь всем домом; никто не войдет к нам и не узнает ни о наших разговорах, ни о наших отношениях. Если ты потому не соглашаешься на мои предложения, что боишься мужа, то я могу отравить его.

Невинный же юноша продолжал сохранять себя от порока. Его тело и душа были непобедимы. Иосиф не погиб в этой буре. Боясь Бога, он отверг все предложения госпожи своей. Оставаясь целомудренным, он ответил ей так:

– Госпожа моя, я не могу согрешить с тобой, ибо боюсь Бога. Мой господин поручил мне все как домашнее, так и сельское хозяйство, и нет ничего, на что не простиралась бы моя власть, разве только кроме тебя, госпожа моя. Грешно же мне отвергать такую любовь господина моего и заниматься в

дому его столь недостойными делами, этим я прогневаю Бога, Которому известны все человеческие тайны.

Вот такими и им подобными словами Иосиф наставлял госпожу свою. Змея же эта ничего не хотела слушать и еще больше возбуждалась сладострастием. Желая принудить Иосифа ко греху, она искала только на то удобный час и случай. Иосиф, видя, как госпожа хочет прельстить его, часто обращался с молитвой к Богу отцов своих, говоря:

– Бог отцов моих, Авраама, Исаака и Иакова, избавь меня от этого несчастья! Ты Сам видишь, Господи, как эта сумасшедшая женщина незаметно хочет погубить меня своим злодеянием. Ты, Владыка, избавил меня от убийственных рук моих братьев. Теперь избавь меня от этого хищного зверя, иначе я буду отчужден от отцов моих, которые так сильно возлюбили Тебя, Господи.

В молитве Иосиф обращался также и к Иакову:

– Отец мой Иаков, помолись усердно за меня Богу! Помолись за меня, потому что враг хочет разлучить меня с Богом. Греховная смерть от женщины еще ужаснее смерти от рук братьев. Та смерть хотела уничтожить тело мое, эта же душу мою хочет разлучить с Богом. Отец! Благодаря твоим молитвам к Богу я избавился от смерти во рву. Теперь еще помолись пред Вышним об избавлении меня от греховного рва, куда толкает меня эта женщина, не имеющая ни стыда, ни страха перед Богом. Когда я пришел к моим братьям, они зверски поступили со мной и, как свирепые волки, разлучили меня с тобой. Здесь же меня встретил еще более свирепый зверь. Помолись же, преподобный, за меня, сына твоего Иосифа, чтоб мне не умереть душою перед Богом нашим.

Иосиф оставался непобедимым, а госпожа его продолжала искать удобного случая, чтобы привлечь его к себе. Случилось в один день, что Иосиф по какому-то делу вошел в дом. Никого из домашних в нем не было. Вдруг Иосифа схватила госпожа и повлекла на постель. Обнажившись, она стала принуждать его к прелюбодеянию. Целомудренный и святой юноша, видя ее наглость, отвернулся от наготы ее и, вырвавшись силою, выбежал вон. Верхняя одежда его осталась в руках госпожи. Так

Иосиф порвал все сети диавола. Орел, когда увидит охотника, взлетает еще выше.

Так поступил и Иосиф. Он убежал от женщины, потому что не хотел, чтобы ее сети вовлекли его во грех. Жена же Пентефрия, видя, что Иосиф избежал ее рук, сильно испугалась; ею овладел великий страх. К тому же, ей стало стыдно. Она стала придумывать, как бы получше оклеветать юношу, чтобы муж рассердился на него и из ревности убил его. Она подумала:

– Лучше будет, если Иосиф умрет. Его смерть облегчит меня. Я не могу видеть такой красоты без того, чтобы не насладиться ею. Меня же он только презирает.

После того она громко призвала рабов и рабынь и сказала им:

– Посмотрите, что сделал со мной этот раб еврей! Мой муж дал ему власть над всем домом, он же самым бесстыдным образом захотел изнасиловать меня. Ему мало владеть домом, он пожелал и меня отнять от мужа моего. Он пришел ко мне и сказал: «Ложись со мной», – на это я, как вы сами слышали, громко закричала. Иосиф испугался этого крика и убежал вон, оставив одежду свою у меня.

Все слушающие удивлялись происшедшему, потому что никто из них не ожидал, чтобы Иосиф был настолько наглым. Когда Пентефрий явился из царских палат, супруга его взяла Иосифову одежду и показала ему. Затем, как целомудренная, она начала жаловаться на Иосифа и сказала:

– Ты привел этого еврея для того, чтобы он надругался над нами. Неужели ты научил его так оскорбить и обидеть меня? Он нашел в доме меня одну и хотел изнасиловать меня. Если бы я не закричала, а домашние не подоспели на мой крик, то он совершил бы насилие, ибо я, слабая, не могла бы вырваться из рук его, более сильного. Когда он услышал, что я закричала и что на мой крик бегут домашние, он убежал из дому, оставив у меня свою одежду.

Пентефрий тотчас же поверил этим ложным словам и сильно разгневался на Иосифа. Он приказал сковать Иосифа и отправить в тюрьму. Пентефрий забыл про то благоустроение в

домашнем и сельском хозяйстве, которое Бог послал ради Иосифа. Не проверив слов жены своей, Пентефрий осудил невинного Иосифа. Бог же Авраама, Исаака и Иакова, испытывающий сердца людей, не покидал Иосифа и не оставлял его Своею милостью: Иосиф снискал благоволение начальника тюрьмы и жил как на воле. Господь Бог не оставляет боящихся Его. И жил Иосиф у начальника тюрьмы так же, как и у Пентефрия. Видя Иосифа во всем себе верным, начальник сделал его смотрителем над всей тюрьмой.

Как-то раз после этого два царедворца фараона египетского, главный хлебодар и главный виночерпий, провинились перед своим господином. Фараон разгневался и посадил их в ту же тюрьму, куда был посажен и Иосиф.

Прошло несколько дней, как они жили в тюрьме. Иосиф во всем помогал им, потому что они были честными людьми. Вот однажды каждому из них в одну и ту же ночь приснился сон, предзнаменовавший близкое будущее. Иосиф по обычаю пришел к ним поутру и нашел их смущенными и печальными. Он спросил их:

– Отчего сегодня у вас печальные лица?

Они сказали ему:

– В эту ночь каждый из нас видел сон, и мы потому печальны, что некому истолковать их.

Тогда Иосиф сказал им:

– Один Бог, как Всеведущий, может, если захочет, открыть значение сна людям, боящимся Его. Расскажите каждый свой сон. Бог откроет вам через меня их значение.

Главный виночерпий рассказал ему такой сон:

– Я видел пред собою виноградник, а в нем виноградную лозу. На лозе выросли три молодые ветви, которые дали зрелые ягоды. У меня в руках была чаша фараона. Я взял и подал ее в руки фараона.

На это Иосиф ответил ему:

– Вот что значит твой сон: три ветви – это три дня. Через три дня фараон вспомнит о тебе, смилуется над тобой и, освободив отсюда, снова назначит тебя на прежнюю должность. Тогда, как и прежде, ты подашь чашу фараону. Вспомни же обо

мне, господин мой, когда тебе будет хорошо, и окажи мне благодеяние. Я прошу упомянуть про меня фараону и освободить меня отсюда. Ведь меня украли из земли еврейской. В вашей же стороне я тоже не совершал никакого преступления, и если меня посадили в тюрьму, то только по злобе.

Когда главный хлебодар увидел, что Иосиф так хорошо истолковал сон его другу, он сказал Иосифу:

– Я также видел сон: мне снилось, что на голове у меня находятся три корзинки со всякой пищей. Прилетали птицы и клевали пишу с головы моей.

Иосиф ответил ему:

– Вот что значит твой сон: три корзины – это три дня. Через три дня фараон снимет с тебя голову и повесит тебя на дереве; и птицы будут клевать тело твое.

На третий день, день своего рождения, фараон устроил пир для всех вельмож своих и слуг. На этом пиру он вспомнил про главного виночерпия и главного хлебодара и приказал привести их обоих. Расследовав их дело, фараон велел главного хлебодара повесить, а главного виночерпия возвратить на прежнюю почетную должность. Этот же виночерпий совершенно забыл про Иосифа и не упомянул о нем фараону.

Два года спустя фараону приснился удивительный сон. Он видел, будто стоит у реки, и вот из нее вышли семь сытых коров, хороших на вид и тучных телом. Эти коровы стали пастись на речном берегу. После них из реки вышли семь других коров, худых на вид и тощих телом. Они стали пастись подле первых. Вдруг эти семь худых коров пожрали семь других тучных. Несмотря на это, они не насытились и остались такими же худыми, какими и были. На этом фараон проснулся. Уснув снова, он увидел другой сон: на одном стебле поднялись семь полных и хороших колосьев; после них выросли семь других колосьев, тощих и иссушенных ветром. Эти тощие колосья пожрали семь полных.

Сон ужасно смутил проснувшегося фараона. Он призвал всех волхвов и мудрецов Египта и рассказал им сон. Ни один из них не мог растолковать этого сна: разве могут служащие бесам

волхвы понять непостижимые тайны Небесного Бога? Этим фараон был сильно опечален. Тогда главный виночерпий вспомнил об Иосифе, растолковавшем ему сон в тюрьме, и сказал фараону:

– Теперь только, господин мой, я вспомнил о своем грехе. Когда ты разгневался на нас, рабов твоих, и посадил меня и главного хлебодара в тюрьму, так каждый из нас в одну ночь увидел сон, касающийся его будущей жизни. Там же жил с нами молодой еврей, раб Пентефрия. Ему мы рассказали наши сны, и он истолковал их. Как он сказал, так и сбылось: меня ты, царь, помиловал и назначил на прежнюю должность, его же приказал предать смерти.

Услышав это, фараон обрадовался и приказал поспешно привести Иосифа из тюрьмы. Его остригли и переменили ему одежду, потому что, как узник, он очень оброс и одет был в рубища. Иосиф предстал пред фараоном и его вельможами. Фараон сказал ему:

– Я слышал, что ты весьма мудр и смышлен и умеешь толковать сны. Я видел сон, который никто не может объяснить мне. Объясни же ты его.

Иосиф отвечал:

– Вышний Бог может, если захочет, открыть людям непостижимые тайны. Без Бога невозможно узнать ни о каком благом предзнаменовании.

Тогда фараон при всех вельможах начал рассказывать Иосифу свой сон о тучных и худых коровах, о полных и тощих колосьях, о том, как худые пожрали тучных и тощие полных, о чем уже сказано выше. Иосиф, преисполненный пророческого духа, стал толковать сон и предсказывать будущее, как в течение семи лет будет богатство и изобилие плодов по всей Египетской земле, на что указывают семь сытых коров и семь полных колосьев.

По истечении этих лет, будет сильный голод, на что указывают худые коровы, съевшие тучных, и семь тощих колосьев, которые пожрали полных и не насытились. Про прежнее изобилие везде забудется, и голод истощит всю землю. Земного плодородия не будет и в помине вследствие голода,

который наступит через семь лет, – и этот голод будет очень тяжел. А что это сбудется непременно, видно из того, что Бог одно и то же открыл тебе, царь, в двух снах: о коровах и колосьях. Теперь прими совет убогого раба твоего: выбери мудрого и разумного человека и поставь его начальником над всей Египетской землей. В течение этих наступающих семи плодородных лет нужно собирать пятую часть всех произведений Египетской земли. Пшеницу и всякий хлеб нужно складывать в царские кладовые. Точно так же и по всем городам пусть собирают и хранят хлеб, чтобы запасти пищу на семь лет голода, иначе весь Египет погибнет от него.

Фараон и его вельможи удивились пророческим словам Иосифа и мудрому совету его. И сказал фараон своим вельможам:

– Можем ли мы найти такого, как он, человека, в котором был бы Дух Божий?

Потом фараон обратился к Иосифу:

– Так как все это Бог открыл тебе, то нет человека более разумного и мудрого, чем ты. В моем дворце и во всем моем царстве ты будешь первым после меня. Твоих приказаний будет слушаться вся Египетская земля. Разве только престолом я буду выше тебя.

Фараон снял с руки перстень и надел его на руку Иосифа. Потом он надел на Иосифа багряную одежду и повесил на шею его золотую цепь. При этом он сказал:

– Сегодня я назначаю тебя вторым царем всего Египта. Без тебя я не подниму руки своей, и никто во всей Египетской земле не осмелится что-либо сделать без твоего приказания.

Фараон дал Иосифу египетское имя Псонфомфаних, то есть «Спаситель мира». По приказанию фараона Иосифа посадили на вторую из царских колесниц и повезли по городу, а глашатаи кричали, что над Египтом поставлен второй царь. Все царские вельможи шли, окружая колесницу, и воздавали второму царю такие же почести, как и самому фараону.

О замечательная перемена, происшедшая в один час с праведным юношей, благодаря покровительству Бога, Который знает, как возвысить и прославить, чтобы посадить его с царями

и вельможами! О праведный суд Твой, Боже! Так, Господи, Ты очистил от клеветы невинного Иосифа. Так успокоил Ты оскорбленного сего праведника и еще на этом свете воздал ему столь славную награду за чистоту его и терпение! Тем более воздашь Ты в будущей жизни святым угодникам Твоим!

Когда вельможа Пентефрий, тот самый, который посадил в тюрьму Иосифа, узнал про чудесный случай, как Иосиф с великой славой воссел на колесницу фараона, он страшно испугался. Со страхом и трепетом он пришел домой и сказал жене своей:

– О жена, ты не знаешь, какое невероятное событие произошло в Египте! Для нас оно очень страшно! Наш раб Иосиф теперь стал господином не только над нами, но и над всей Египетской землей. Прославляемый всеми, он восседает теперь на колеснице фараона. От страха и трепета я не мог показаться ему на глаза и незаметно ушел от вельмож.

Узнав об этом, жена Пентефрия сказала своему мужу:

– Ничего не бойся. Теперь я признаюсь тебе в своем грехе. Я безумно любила Иосифа. Все время я прихорашивалась и прельщала его, чтобы иметь возможность побыть с ним и насладиться красотой его. Но я не могла достигнуть этого. Ввиду того, что он не соглашался на мои предложения, я силою заставляла его лечь со мной. Целомудренный же Иосиф убежал от меня и оставил одежду свою, которую я и показала тебе. Я наклеветала на него, будто он хотел изнасиловать меня. Таким образом, выходит, что через меня он достиг царской власти и такой большой славы. Ведь если бы я не любила Иосифа и он жил не в тюрьме, а у нас дома, то его добродетель и мудрость оставались бы под спудом и не были бы прославлены. Он должен быть доволен мной за то, что я явилась виновницей такой славы его и почета. Не будем же бояться этого праведного и преподобного Иосифа. Он никому не рассказал о случившемся между нами и, наверное, по своему незлобию, простит нас. Пойдем и вместе с другими вельможами поклонимся ему.

Они пошли и в смущении поклонились Иосифу. Тот нисколько не озлобился на них и никому не рассказал о том, что

было между ними.

Фараон женил Иосифа на Асенефе, дочери Пентефрия, но не того Пентефрия, у которого работал Иосиф, а другого: тот был царедворцем, этот же – жрецом в городе Илиополе[2332], то есть Солнечном городе. Иосифу было тридцать лет, когда он начал царствовать в Египте. Согласно его пророчеству, земля в течение семи лет действительно приносила обильный урожай. В это время Иосиф проходил по всему Египту, собирал пшеницу и всякие земные плоды и складывал их по городам. Он скопил пшеницы так же много, как песку морского, так что потом не мог даже вымерить ее, ибо ее было без числа. Еще до наступления семи лет голода у Иосифа от Асенефы родились два сына, первый по имени Манассия, второй – Ефрем. Но вот прошли семь лет изобилия, и наступили семь лет голода. День ото дня голод усиливался во всей стране. Во всей Египетской земле нигде не стало хлеба, кроме царских хлебных запасов. Весь Египет почувствовал голод. Народ начал просить у фараона хлеба. Фараон отсылал их к Иосифу. Последний открыл царские житницы и стал продавать хлеб всем египтянам. И из всех стран приходили в Египет покупать хлеб у Иосифа, ибо голод захватил всю землю.

Великий голод достиг также земли Ханаанской, где жил Иаков. Старец и сыновья его стали изнемогать от голода. Узнав о том, что в Египте есть много хлеба, Иаков сказал сыновьям своим:

– Что вы не позаботитесь? Вот я слышал, что в Египте продается много пшеницы. Идите туда и купите там немного хлеба, чтобы вам не умереть с голоду.

Десять братьев Иосифа отправились в Египет. Самый младший брат, Вениамин, остался с отцом, потому что Иаков не пустил его в дорогу с братьями, Иаков сказал:

– Еще случится с ним дорогой такая же беда, как и с его братом Иосифом!

Сыны Израилевы пришли в Египет. Вместе с ними явилось много других пришельцев с той же целью – купить пшеницы, которую продавал всем Иосиф, князь египетской земли. Братья подошли к Иосифу и поклонились ему до земли. Когда Иосиф

увидел братьев своих, он тотчас же узнал их. Он сурово, как бы гневаясь, спросил их:

– Откуда вы пришли?

Они отвечали:

– Мы пришли из земли Ханаанской[2333] купить хлеба.

Иосиф вспомнил свои сны и увидел, что они начинают сбываться. Поэтому он прославлял Бога в сердце своем. Потом, как бы сердясь, он снова сказал им:

– Вы – шпионы, соглядатаи. Вы пришли высмотреть пути этой страны?

Они же сказали:

– Нет, господин. Мы, рабы твои, люди честные и пришли купить пищи. Все мы – дети одного человека и вовсе не шпионы и не соглядатаи.

Иосиф сердитым голосом сказал им на это:

– Нет, вы пришли высмотреть пути этой страны. Братья сильно испугались и в доказательство своей невинности стали говорить о доме своем и об отце.

– В Ханаанской земле у нас есть праведный отец. Раньше нас было двенадцать братьев, а теперь стало одиннадцать. Здесь нас десять человек. Один из наших братьев, съеденный зверями, умер в пустыне. Отец до этих пор плачет о нем, потому что очень любил его. Другой брат, самый младший, остался дома утешать отца.

Иосиф сказал им на это:

– Вот я правду говорил, что вы – шпионы и соглядатаи, ибо вы сами же себя выдаете. Клянусь жизнью фараона, что вы не уйдете отсюда, пока не придет сюда младший брат ваш. Пошлите одного из вас привести брата вашего, вы же будете задержаны. Тогда откроется, правду ли вы говорите или нет. Если вы не приведете сюда младшего брата, то вы действительно – шпионы и соглядатаи.

Так Иосиф сказал им и отдал их под стражу на три дня. На третий день он привел их к себе и сказал:

– Только из-за боязни Бога я не прибегаю к жестоким пыткам. Если вы действительно люди честные, а не шпионы и соглядатаи, и хотите остаться в живых, то вы должны сделать

вот что. Один из вас пусть останется здесь в тюрьме. Остальные отправляйтесь домой и захватите купленную пшеницу отцу вашему; младшего же брата вашего, о котором вы говорите, приведите оттуда ко мне. Тогда оправдаются ваши слова. Если вы на это не согласитесь, то будете умерщвлены.

Они согласились на это и сказали друг другу по-еврейски:

– Мы заслужили эту напасть. Мы наказываемся за грех против брата нашего, потому что оставили без внимания страдание души его, когда он умолял нас. Мы не слушали его. За то и постигло нас это горе.

Старейший брат Рувим сказал им:

– Не говорил ли я вам тогда: не обижайте отрока? Вы не послушали меня. Теперь кровь его взыскивается с нас.

Беседуя меж собою, братья не знали, что Иосиф понимает их речь. Иосиф же отошел от них и прослезился. Потом, подойдя к ним, он приказал взять из среды их Симеона и связать его перед ними. Этот Симеон больше всех ненавидел Иосифа и больше всех показал свою злобу, когда Иосифа бросали в ров и продавали измаильтянам. Связанного Симеона Иосиф приказал посадить в тюрьму. Относительно прочих братьев он сделал распоряжение наполнить мешки их хлебом, тайно возвратить серебро в мешок каждого и дать им запасов на дорогу.

После этого Иосиф отпустил своих братьев. Те положили хлеб на ослов своих и отправились в путь к земле Ханаанской. Как-то раз они остановились на отдых. Один из братьев, желая дать корм своему ослу, открыл мешок и в отверстие его увидел свое серебро. Он сказал братьям:

– Мне возвратили серебро, оно нашлось в мешке моем. Братья были смущены этим и сказали друг другу:

– Что это Бог сотворил нам?!

Приехав к отцу, они рассказали ему о всем случившемся с ними в Египте. Высыпая пшеницу из мешка своего, каждый брат находил в нем и свое серебро. Это еще больше испугало их.

Выслушав сыновей, отец печально сказал им.

– Вы лишили меня детей. Иосифа нет, Симеона нет; неужели вы хотите взять от меня и голову.

Рувим сказал отцу:

– Убей обоих сыновей моих, если я не приведу его к тебе. Отпусти его на мои руки.

Иаков отвечал:

– Сын мой не пойдет с вами, потому что брат его умер, и он остался у меня один. Я боюсь, что на пути, когда он уйдет от меня, случится с ним такое же несчастье, как и с братом его Иосифом. Тогда вы сведете старость мою с печалью в могилу.

Голод в Ханаанской земле продолжал свирепствовать. Когда весь купленный в Египте хлеб был съеден, Иаков сказал сыновьям своим:

– Пойдите опять в Египет, купите там немного хлеба, чтобы нам не умереть с голоду.

На это Иуда сказал ему:

– Господин той земли решительно объявил нам: «Не показывайтесь мне на лицо, если младшего брата вашего не будет с вами». Если пустишь с нами Вениамина, то мы пойдем в Египет и купим тебе хлеба. Если же не пустишь, то не пойдем. Тот господин сказал нам: «Вы не увидите меня, если младший брат ваш не придет с вами».

Иаков сказал:

– Зачем вы причинили мне зло, сказав египетскому господину, что имеете еще брата?

Сыновья отвечали ему:

– Тот господин спрашивал нас о нашем роде: «Жив ли еще отец ваш? Есть ли у вас брат?» Мы ответили ему на все вопросы. Могли ли мы знать, что он скажет: «Приведите брата вашего!»

Потом Иуда снова обратился к отцу своему:

– Отпусти отрока со мной, пусть пойдет он с нами. Тогда и ты, и мы, и весь род наш не умрем, но останемся живы. Я беру отрока на свое попечение, и из моих рук ты потребуешь его. Если я не приведу его к тебе и не поставлю его пред лицом твоим, то навсегда останусь виновным пред тобою. Если бы мы не промешкались из-за Вениамина, то уж дважды бы могли привезти хлеба из Египта.

Иаков сказал сыновьям:

– Если так, то делайте, как хотите. Возьмите с собой плодов нашей земли, как то: бальзаму, меду, фимиаму, ладану, фисташков и других орехов и отнесите в дар египетскому господину. Кроме того, возьмите с собой двойное количество серебра, чтобы возвратить то, которое нашли вы в мешках своих. Возьмите с собой Вениамина и отправляйтесь в путь. Пусть Всемогущий Бог даст вам возможность снискать благоволение того человека, чтобы он отпустил с вами и Симеона и Вениамина. Я же, пока вы не возвратитесь, буду считать себя бездетным.

Сыновья Иакова взяли с собою дары, двойное количество серебра и Вениамина и пошли в Египет. Они предстали пред Иосифом. Когда Иосиф увидел с ними Вениамина, он сказал начальнику дома своего:

– Введи этих людей в дом. Потом заколи что-нибудь из скота и приготовь обед. В полдень я буду есть вместе с ними.

Начальник исполнил приказание Иосифа и ввел братьев его в дом. Когда их ввели в дом Иосифа, они сказали друг другу:

– Нас ввели сюда из-за серебра, которое возвратили нам в мешки наши, чтобы оклеветать нас и захватить в рабство.

И сказали они начальнику дома:

– Господин, послушай нас, мы умоляем тебя. Мы приходили уж сюда покупать пшеницу. Случилось так, что, когда мы пришли на стоянку и открыли наши мешки, серебро каждого нашлось в мешке его. Мы не знаем, кто положил его туда. Теперь мы принесли двойное количество серебра, чтобы одну половину возвратить, как найденное в мешке, а другую заплатить за пшеницу.

Начальник дома сказал им:

– Будьте спокойны, не бойтесь. Это сокровище послал вам Бог ваш и Бог отца вашего.

Затем начальник привел к ним Симеона и принес воды, чтобы они омыли свои ноги; ослам их он дал корму. Братья приготовили дары и ждали прихода Иосифа, ибо слышали, что у него сготовлен для них обед. Когда Иосиф пришел в дом, братья поклонились ему до земли и поднесли привезенные из дому дары. Иосиф спросил их:

– Здоровы ли вы и здоров ли старец отец ваш, о котором вы говорили, жив ли еще он?

Они отвечали:

– Здоров раб твой, отец, жив еще.

На это Иосиф сказал:

– Человек тот благословен от Бога.

Братья снова поклонились ему. Подняв глаза, Иосиф увидел единоутробного брата своего Вениамина и спросил:

– Это тот самый ваш брат, о котором вы говорили мне?

Они отвечали:

– Да, господин.

Иосиф сказал Вениамину:

– Да будет милость Божия на тебе, сын мой!

При этом он взволновался. Он готов был заплакать. Поэтому он вышел во внутреннюю комнату и там заплакал; вспоминая об отце своем Иакове, Иосиф проговорил:

– Добрый отец, счастливы те, кто постоянно живет с тобою! Все мое царство не достойно тебя, любезного Богу! Мне захотелось спросить Вениамина, помнишь ли ты меня и любишь ли так, как я люблю тебя. Поэтому я заставил братьев моих привести с собой и Вениамина. Я не верил словам их, что отец мой здоров и брат жив. Я думал, что из зависти они погубили и этого (младшего) сына твоего возлюбленного – Вениамина. Так как он единоутробный брат мой, то братья возненавидели его так же, как и меня. Я знаю, отец, что ты сильно скорбишь о нас. Я умножил печаль твою. Мне понятна эта печаль: никого из нас не осталось с тобою. О отец! Не довольно ли с тебя и одного горя, которое говорило обо мне. Теперь к нему прибавилось еще другое. Я причина всех твоих страданий, потому что приказал привести сюда Вениамина. Этот мой поступок бессердечен. Так поступить заставил меня слух о тебе. Мне хотелось узнать, действительно ли жив ты, мой добрый отец. О, если б кто дал мне возможность снова увидеть Ангельский твой образ!

Так Иосиф тихо плакал в своей комнате. Затем он умыл лицо, чтобы не было заметно, что он плакал и, удерживая себя от слез, вышел к братьям. Он приказал подавать обед себе,

евреям и египтянам, каждый отдельно, ибо египтяне не могли есть вместе с евреями: всякий пастух овец вызывал в египтянах чувство отвращения. Перед самым обедом Иосиф велел братьям садиться по старшинству, кто раньше рожден. При этом он стал называть их по именам, как бы гадая имеющейся в руках его серебряной чашей. Он взял чашу в левую руку и, ударяя пальцем правой, извлекал звук. Ударив в первый раз, он громко сказал стоящим перед ним:

– Самому старшему брату имя Рувим, пусть сядет он первым!

Ударив вторично, Иосиф сказал:

– После него родился Симеон.

И тоже велел сесть. Ударив снова, он приказал сесть третьему, и, называя дальше каждого по имени, он приказывал ему садиться по его возрасту. Этим чудом Иосиф нагнал на всех такой страх, что все подумали: «Этот человек действительно все знает».

Желая уменьшить их страх, Иосиф поспешил послать им со стола своего кушанья, причем Вениамину послал в пять раз больше, чем другим. Все ели, пили и вполне насытились.

Иосиф приказал начальнику своего дома наполнить бесплатно пшеницей мешок каждого брата, причем в мешок Вениамина тайно вложить ту чашу, которою он, Иосиф, гадал, после же всего этого отпустить их.

Утром братья радостно вышли из города. Они были еще недалеко, как их нагнал начальник Иосифова дома. Он угрожающе стал бранить их и называть ворами и недостойными оказанной чести, заплатившими за добро злом и укравшими чашу египетского господина, из которой тот пьет и с помощью коей гадает. Братья сказали:

– Если мы вторично принесли серебро, найденное у нас в мешках, то могли ли мы украсть чашу господина твоего? У кого из рабов твоих найдется чаша, тому смерть, и мы будем рабами господину нашему.

Начальник изъявил согласие:

– Пусть будет так, как вы говорите. Положите на землю мешки ваши, – я поищу.

Они поспешно стащили с ослов мешки свои. Начальник искал чашу, начиная со старшего и кончая младшим, и неожиданно для всех чаша нашлась в мешке Вениамина. Увидев это, братья разорвали на себе одежды. Каждый из них с угрозой поносил и Вениамина и Рахиль:

– Иосиф хотел царствовать над нами и по заслугам был съеден зверями. С другой стороны, ты задумал украсть царскую чашу и привел это в исполнение. Не вы ли сыновья Рахили, которая похитила отцовские идолы и не призналась в этом, сказав: «Я ничего не украла».

Вениамин зарыдал и в слезах проговорил:

– Сам Бог отца моего, взявший, как было Ему угодно, из живых Рахиль и узнавший причину смерти брата моего, Бог, Который утешает Иакова, горюющего о Рахили и детях ее, и Который видит теперь всех нас и познает сердца наши, – Сам Он знает, что я не воровал чаши, как говорите вы, и даже не думал об этом. Клянусь тем, что не увижу седин Иакова и не услышу голоса Его; клянусь всем этим, что я не украл чаши! Горе мне! Горе мне, Рахиль! Что стало с твоими детьми! Иосиф, как говорят, съеден зверями, а я оказался вором на чужой стороне, и меня оставят здесь в рабство; Иосиф не нашел себе помощи в пустыне, когда звери поедали его; так и я, мать моя, тщетно обращаюсь к братьям своим, и никто не верит мне, сыну твоему!

Не зная, что ответить начальнику, братья взяли Вениамина и возвратились в город. Они пришли к Иосифу и пали пред ним на землю.

Иосиф сердито сказал им:

– Так-то вы отплачиваете за мое благодеяние? Разве затем я почтил вас, чтобы вы украли чашу мою, которой я гадаю? Не правду ли я говорил, что вы не честные люди, а шпионы и соглядатаи?

Иуда сказал на это:

– Мы не знаем, что отвечать нашему господину, что говорить, чем оправдываться. Бог открыл грехи наши и за то наказывает нас. Поэтому все мы, господин наш, будем рабами твоими – и мы, и тот, у кого нашлась чаша.

Иосиф отвечал:

– Нет, я не поступлю так, как говоришь ты, ибо боюсь Бога. Тот юноша, у которого нашлась чаша, останется рабом, а вы в целости идите к отцу своему.

Иуда же, подойдя к Иосифу припал к ногам его и стал просить:

– Господин, не прогневайся на меня, если я скажу тебе. Господин, ты спрашивал рабов твоих: «Есть ли у вас отец или брат?» Мы ответили: «У отца было два сына, которых он любил больше нас. Одного из них разорвал в горах зверь, и отец до этих пор плачет о нем; другого же сына отец постоянно держит при себе, и этот сын служит утешением ему в старости». По твоему приказанию, господин, мы привели к тебе младшего брата нашего. Теперь мы неожиданно провинились пред тобою. Я умоляю тебя, владыка, оставить меня рабом вместо отрока, чтобы только он мог возвратиться к отцу. Ведь я взял его на свои поруки. Поэтому я не могу возвратиться домой. Я не хочу видеть горькой смерти отца нашего, который тотчас же умрет от безмерной печали, как только не увидит меж нас младшего сына своего.

Иосиф слышал эти жалостные слова и видел, что все стоят пред ним в смущении и страхе. Он также видел, как Вениамин в разодранной одежде и с плачем припадал к ногам стоящих тут братьев, умоляя их, чтобы они просили за него Иосифа отпустить его вместе с ними. При виде всего этого Иосиф взволновался и не мог больше сдержать себя. Всем египтянам он приказал удалиться. Когда все вышли и остались одни только братья, Иосиф заплакал и на еврейском языке сказал им:

– Я – Иосиф, брат ваш. Жив ли еще отец мой?

Но братья не могли отвечать на слова Иосифа, ибо испугались его. Иосиф же сказал им:

– Я – Иосиф, брат ваш, которого продали вы в Египет. Я не был съеден зверями, как сказали вы отцу, но был продан вами измаильтянам. Я хватал тогда всех вас за ноги и умолял вас, но никто не помиловал меня. Теперь, братья мои, вы не печальтесь, не бойтесь и не тужите; наоборот, вы должны

радоваться, что я царствую. Подобно тому, как раньше вы сказали отцу, что я съеден в горах, теперь идите и с радостью скажите ему: «Жив сын твой Иосиф. Он сидит на царском престоле и держит в руках скипетр Египетского царства».

Когда Иосиф говорил это, братья, от страха и трепета, стояли перед ним, как мертвые, и думали о том, как много сделали ему зла. Иосиф снова сказал им:

– Теперь не бойтесь того, что продали меня. Бог послал меня сюда пред вами для сохранения вашей жизни, для того, чтобы я прокормил вас во время голода. Теперь второй голодный год на земле. Осталось еще пять лет, в которые не будут ни пахать, ни сеять, ни жать. Не вы послали меня сюда, а Бог, который сделал меня отцом фараону, господином над всем домом его и князем всей Египетской земли. Идите же скорей к отцу моему, расскажите ему все обо мне. Передайте ему также о славе моей и скорее приведите его сюда со всем домом. Здесь все вы будете сыты.

После этих слов Иосиф пал на шею Вениамина и плакал от радости. Вениамин тоже плакал, обняв шею Иосифа. Потом Иосиф подошел к братьям и также стал целовать их. Он не сердился на них и, как незлобивый, по-прежнему любил их. До фараона и его приближенных дошел слух, что пришли к Иосифу братья его. Фараон приказал Иосифу перевести весь род свой в Египет, обещая дать самую лучшую землю. Иосиф одарил братьев богатыми подарками, золотом, серебром и красными одеждами, дал им колесницы, коней и ослов, на коих они могли бы со всем домом переправиться в Египет, и снарядил их, при всем этом, путевым запасом. Кроме того, Иосиф послал дорогие подарки и отцу своему и радостно отпустил к нему братьев, сказав им:

– Не ссорьтесь по дороге, но мирно идите скорей к отцу и скажите ему: «Сын твой Иосиф просил нас передать тебе следующее: Бог сделал меня господином над этой Египетской землей; поэтому радуйся, отец, и приди сюда, чтобы я мог видеть Ангельское лицо твое».

Они быстро пошли, достигли Ханаанской земли, рассказали отцу своему про Иосифа и передали ему слова его. Услышав

имя Иосифа, Иаков вздохнул, прослезился и с печалью сказал:

– Зачем вы смущаете душу мою? Не затем ли, чтобы я снова вспомнил о красоте милого сына моего Иосифа? Зачем вы хотите снова зажечь угашенную печаль души моей?

Иаков не верил словам их. Тогда подошел к нему Вениамин, поцеловал колена его и сказал:

– Эти слова суть истинная правда.

Причем показал отцу подарки и письма, присланные Иосифом. Иаков поверил этому и удивился. Дух его ожил. Он сказал:

– Я счастлив, жив еще сын мой Иосиф, и, прежде чем умирать, я пойду и посмотрю на него.

Иаков радостно и поспешно отправился в Египет к сыну своему Иосифу. Когда Иосиф услышал о приближении Иакова, запряг царскую колесницу и выехал встречать отца. Иаков увидел едущего Иосифа и, несмотря на свою старость, слез с колесницы и пошел пешком навстречу ему. Иосиф тоже слез с колесницы и также отправился пешком, как сам, так и все вельможи его. Когда Иосиф приблизился к отцу своему, он опустил на землю имеющийся в руках его царский жезл, как бы не желая держать его. Потом, делая вид, что он преклоняется пред этим жезлом, он поклонился таким образом отцу своему Иакову и подал ему жезл. Это он сделал для того, чтобы египтяне не обиделись, что, будучи в царской багрянице, он поклонился Израилю. Иаков первым подошел к Иосифу, обнял шею его и долго рыдал на ней. Иосиф тоже плакал, обнимая и целуя седины отца. И сказал Иаков Иосифу:

– Теперь я могу умереть, ибо увидел тебя, дитя мое. Со всевозможными почестями Иосиф ввел Иакова в царственный египетский город и представил его фараону. Иаков благословил фараона. Последний спросил его:

– Сколько тебе лет?

Иаков отвечал:

– Мне сто тридцать лет. Эти лета мои малы и несчастны и не достигли тех, сколько прожили отцы мои.

Фараон велел Иосифу поселить отца его и братьев на лучшей земле. Прожив в Египетской стране семнадцать лет,

Иаков умер и присоединился к отцам своим. Иосиф припал к лицу отца, горько плакал о нем и целовал его.

Умирая, Иаков завещал Иосифу не хоронить его в Египте, а снести останки его в землю Ханаанскую и положить в гробнице отцов. Поэтому Иосиф сказал вельможам фараона:

– Если вы ко мне благоволите, то ступайте и передайте фараону, что отец мой заклинал меня похоронить его в могиле, которую выкопал он в земле Ханаанской. Теперь я хотел бы пойти похоронить отца моего и возвратиться обратно.

Фараон разрешил это. Иосиф отправился в дорогу. С ним отправились все отроки фараона, старейшины дома его, все старейшины Египетской земли, весь дом Иосифа, братья его и весь дом отца его, так что народу было очень много. Они пришли к месту Атад, которое находится по другую сторону реки Иордана. Семь дней они горько рыдали здесь по Иакове и погребли его в двойной пещере, приобретенной Авраамом для устройства гробниц. Похоронив отца, Иосиф с братьями своими и со всеми, ходившими с ним, возвратился в Египет.

После погребения отца братья сказали друг другу:

– Что если Иосиф вспомнит нашу злобу и отплатит нам за все зло, которое причинили мы ему?

Они пришли к Иосифу и сказали:

– Отец твой пред смертью завещал тебе: «Прости вину и грех братьев твоих, прости им, что они коварно поступили с тобой». Теперь мы сами просим тебя простить нас за зло, сделанное тебе.

Иосиф плакал, когда говорили ему это. Братья же снова сказали ему:

– Мы – рабы твои, владыка.

Иосиф ответил им:

– Не бойтесь, братья, ибо я тоже боюсь Бога. Вы замышляли против меня зло, но Бог обратил его в добро. Итак, не бойтесь. Я буду кормить вас и ваши семейства.

Эти слова Иосифа были очень приятны сердцу братьев его, и они успокоились. Так Иосиф, братья его и весь дом отца его поселились в Египте. Иосиф прожил сто десять лет. Он видел

детей не только у Ефрема, но и у Махира, сына Манассии. Пред смертью Иосиф сказал братьям своим:

– Я умираю. Но когда Бог посетит вас и выведет из земли сей в землю, которую обещал отцам нашим Аврааму, Исааку и Иакову, тогда вынесите с собой отсюда кости мои.

Иосиф умер ста десяти лет. Его положили в раку в Египте.

В заключение же всего мы прославляем изображенного Иосифом Господа нашего Иисуса Христа[2334] со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобной матери нашей Марии Египетской

Память 1 апреля

Блюсти царскую тайну хорошо, а открывать и проповедовать дела Божии славно» (Тов.12:7), – так сказал Архангел Рафаил Товиту, когда совершилось дивное исцеление его слепоты. Действительно, не хранить царской тайны страшно и гибельно, а умалчивать о преславных делах Божиих – большая потеря для души. «И я, – говорит святой Софроний, написавший житие преподобной Марии Египетской, – боюсь молчанием утаить Божественные дела и, вспоминая о грозящем несчастии рабу (Мф.25:18, 25), закопавшему в землю данный от Бога талант, не могу не рассказать святой повести, дошедшей до меня. И да никто не подумает, – продолжает святой Софроний, – что я осмелился писать неправду, когда у кого явится сомнение в этом дивном событии: не подобает мне лгать на святое. Если же найдутся такие люди, которые, прочитав это писание и пораженные преславным событием, не поверят, то к ним да будет милостив Господь, потому что они, размышляя о немощи человеческого существа, считают невозможными те чудесные дела, которые совершаются со святыми людьми. Однако надо уже начать рассказ о славном событии, происшедшем в нашем роде.

В одном из палестинских монастырей жил старец, украшенный благочестием жизни и разумностью речи и с ранней юности доблестно подвизавшийся в иноческом подвиге. Имя старцу было Зосима. (Пусть никто не думает, что это Зосима – еретик, хотя у них и одно имя: один заслужил худую славу и был чужд церкви, другой – праведный и был прославлен.) Зосима прошел все степени постнических подвигов и соблюдал все правила, преподанные величайшими иноками. Исполняя все это, он никогда не переставал поучаться Божественными словами: и ложась, и вставая, и за работой, и вкушая пищу (если только можно назвать пищей то, что он вкушал в очень малом количестве), он неумолчно и постоянно исполнял одно

дело – он пел Божественные песнопения и искал поучений в Божественных книгах. Еще в младенчестве он был отдан в монастырь, где доблестно подвизался в постничестве до 53-х лет. Но потом его стала смущать мысль, что он достиг полного совершенства и более не нуждается ни в каких наставлениях.

«Есть ли, – думал он, – на земле инок, могущий меня наставить и показать пример такого постничества, какого я еще не прошел? Найдется ли в пустыне человек, превзошедший меня?»

Когда старец так размышлял, к нему явился Ангел и сказал:

«Зосима! Ты усердно подвизался, насколько это в силах человека, и доблестно прошел постнический подвиг. Однако нет человека, который мог бы сказать о себе, что он достиг совершенства. Есть подвиги, неведомые тебе, и труднее пройденных тобою. Чтобы познать, сколько иных путей ведут ко спасению, покинь страну свою, как славнейший из патриархов Авраам (Быт.12:1), и иди в монастырь, лежащий при реке Иордане».

Следуя такому наставлению, Зосима вышел из монастыря, в котором подвизался с младенчества, отправился к Иордану и достиг того монастыря, куда его направил голос Божий.

Толкнув рукою монастырские врата, Зосима нашел инока-привратника и сказал ему про себя. Тот известил игумена, который приказал позвать пришедшего старца к себе. Зосима пришел к игумену и исполнил обычный иноческий поклон и молитву.

– Откуда ты, брат, – спросил его игумен, – и для чего пришел к нам, нищим старцам?

Зосима отвечал:

– Откуда я пришел, об этом нет нужды говорить; пришел же я, отец, ища себе душевной пользы, так как слышал о вас много великого и достохвального, могущего привести душу к Богу.

– Брат, – сказал ему на это игумен, – один Бог может исцелить немощи душевные; да наставит Он и тебя и нас путям своим на пользу души, а человек исправлять человека не может, если он постоянно не вникает в себя и неусыпно, с Божией помощью, не совершает подвигов. Но так как любовь

Христова побудила тебя посетить нас, убогих старцев, то оставайся с нами, если для этого пришел. Пастырь добрый, отдавший душу Свою для нашего спасения, да ниспошлет на всех нас благодать Святого Духа.

После таких слов Зосима поклонился игумену, просил его молитв и благословения и остался в монастыре. Здесь он видел старцев, сиявших добрыми делами и благочестием, с пламенным сердцем служивших Господу непрестанным пением, всенощной молитвой, постоянным трудом. На устах их всегда были псалмы, никогда не слышно было праздного слова, ничего не знали они о приобретении временных благ и о житейских заботах. Одно у них было постоянное стремление – это умертвить свою плоть. Главная и постоянная пища их была слово Божие, а тело они питали хлебом и водою, насколько каждому позволяла любовь к Богу. Видя это, Зосима поучался и готовился к предстоящему подвигу.

Прошло много времени, наступили дни святого Великого поста, монастырские ворота были заперты и открывались только в том случае, если кого посылали по делам монастыря. Пустынная была та местность; миряне не только не приходили, но даже не знали об этой обители.

Был в монастыре том обычай, ради коего Бог привел туда Зосиму. В первую неделю Великого поста за литургией все причащались Пречистого Тела и Крови Господней и вкушали немного постной пищи; потом все собирались в церкви, и после прилежной, коленопреклоненной молитвы старцы прощались друг с другом; и каждый с поклоном просил у игумена благословения на предлежащий подвиг путешествующим. После этого открывались монастырские ворота, и с пением псалма «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс.26:1) иноки выходили в пустыню и переходили через реку Иордан. В монастыре оставались только один или двое старцев, не для охраны имущества – украсть там было нечего, – но чтобы не оставить церковь без богослужения. Каждый брал с собою немного пищи, сколько мог и хотел по своим телесным потребностям: один немного хлеба, другой – смоквы, кто –

финики или моченую в воде пшеницу Некоторые ничего с собой не брали, кроме рубища на своем теле, и питались, когда принуждал их к тому голод, растущими в пустыне травами.

Перешедши через Иордан, все расходились далеко в разные стороны и не знали друг о друге, как кто постится и подвизается. Если кто видел, что другой идет к нему навстречу, то уходил в другую сторону и продолжал свою жизнь в одиночестве в постоянной молитве, вкушая в определенное время очень мало пищи. Так иноки проводили весь Великий пост и возвращались в монастырь за неделю до Воскресения Христова, когда церковь с ваиями[2335] торжественно празднует праздник Ваий. Придя в монастырь, никто из братии не спрашивал друг друга, как он провел время в пустыне и чем занимался, имея свидетелем одну только свою совесть. Таков был монастырский устав Прииорданского монастыря.

Зосима, по обычаю того монастыря, также перешел через Иордан, взяв с собой ради немощи телесной немного пищи и ту одежду, которую носил постоянно. Блуждая по пустыне, он совершал свой молитвенный подвиг и по-возможности воздерживался от пищи. Спал он мало; где застанет его ночь, там уснет немного сидя на земле, а рано утром пробуждается и продолжает свой подвиг. Ему все больше и больше хотелось пройти вглубь пустыни и там найти одного из подвижников, который мог бы его наставить.

После двадцати дней пути он однажды приостановился и, обратившись на восток, стал петь шестой час[2336], исполняя обычные молитвы: во время своего подвига он, приостанавливаясь, пел каждый час и молился. Когда он так пел, то увидал с правой стороны как будто тень человеческого тела. Испугавшись и думая, что это бесовское наваждение, он стал креститься. Когда страх прошел и молитва была окончена, он обернулся к югу и увидел человека нагого, опаленного дочерна солнцем, с белыми, как шерсть, волосами, спускавшимися только до шеи. Зосима побежал в ту сторону с большою радостью: в последние дни он не видал не только человека, но и животного. Когда этот человек издали увидал, что Зосима приближается к нему, то поспешно побежал вглубь

пустыни. Но Зосима как будто забыл и свою старость, и утомление от пути и бросился догонять беглеца. Тот поспешно удалялся, но Зосима бежал быстрее, и когда нагнал его настолько, что можно им было услышать друг друга, то возопил со слезами:

– Зачем ты, раб Бога Истинного, ради Коего поселился в пустыне, убегаешь от меня, грешного старца? Подожди меня, недостойного и немощного, надежды ради воздаяния за твой подвиг! Остановись, помолись за меня и ради Господа Бога, Который никем не гнушается, преподай мне благословение.

Так восклицал Зосима со слезами. Между тем они достигли ложбины, как бы русла высохшей реки. Беглец устремился на другую сторону, а Зосима, утомленный и не имевший сил бежать дальше, усилил слезные мольбы свои и остановился. Тогда бежавший от Зосимы наконец остановился и сказал так:

– Авва[2337] Зосима! Прости меня ради Бога, что не могу предстать перед тобой: женщина я, как видишь, нагая, ничем не прикрытая в своей наготе. Но если ты хочешь преподать мне, грешной, свою молитву и благословение, то брось мне что-нибудь из своей одежды прикрыться, и тогда я обращусь к тебе за молитвой.

Страх и ужас объял Зосиму, когда он услышал свое имя из уст той, которая никогда его не видала и о нем ничего не слыхала.

«Если бы она не была прозорливой, – подумал он, – то не назвала бы меня по имени».

Быстро исполнил он ее желание, снял с себя ветхую, разорванную одежду и, отворотившись, бросил ей. Взяв одежду, она препоясалась и, насколько было возможно, прикрыла свою наготу. Потом она обратилась к Зосиме с такими словами:

– Зачем ты, авва Зосима, пожелал увидеть меня, грешную жену? Хочешь что-либо услышать или научиться от меня и потому не поленился на трудный путь?

Но Зосима бросился на землю и просил у нее благословения. Она также склонилась на землю, и так оба лежали, прося друг у друга благословения; слышно было только

одно слово; «Благослови!» После долгого времени она сказала старцу:

– Авва Зосима! Ты должен благословить и сотворить молитву, потому что ты облечен саном иерея и уже много лет предстоишь святому алтарю, совершая Божественные таинства.

Эти слова повергли старца еще в больший страх. Обливаясь слезами, он сказал ей, с трудом переводя дыхание от трепета:

– О духовная матерь! Ты приблизилась к Богу, умертвив телесные немощи. Божий дар на тебе проявляется больше, чем на других: ты никогда не видала меня, но называешь меня по имени и знаешь мой сан иерея. Поэтому лучше ты меня благослови ради Бога и преподай свою святую молитву.

Тронутая настойчивостью старца, она благословила его с такими словами:

– Благословен Бог, хотящий спасения душам человеческим!

Зосима ответствовал «аминь», и оба поднялись с земли. Тогда она спросила старца:

– Человек Божий! Зачем ты пожелал посетить меня нагую, не украшенную никакими добродетелями? Но благодать Святого Духа привела тебя, чтобы, когда нужно, сообщить мне и о земной жизни. Скажи же мне, отец, как теперь живут христиане, царь и святые церкви?

– Вашими святыми молитвами, – отвечал Зосима, – Бог даровал церкви прочный мир[2338]. Но склонись к мольбам недостойного старца и помолись Господу за весь мир и за меня грешного, чтобы мое скитание по пустыне не прошло бесплодным.

– Скорее тебе, авва Зосима, – сказала она, – как имеющему священный сан, подобает помолиться за меня и за всех; ибо ты к сему и предназначен. Но из долга послушания я исполню твою волю.

С этими словами она обратилась на восток; возведши очи кверху и подняв руки, она начала молиться, но так тихо, что Зосима не слышал и не понимал слов молитвы. В трепете, молча стоял он, поникнув головой.

«Призываю Бога во свидетели, – рассказывал он, – что через некоторое время я приподнял глаза и увидал ее поднявшеюся на локоть[2339] от земли; так она стояла на воздухе и молилась». Увидев это, Зосима затрепетал от страха, со слезами повергнулся на землю и только произносил:

– Господи, помилуй!

Но тут его смутила мысль, не дух ли это и не привидение ли, как бы молящееся Богу. Но святая, подняв старца с земли, сказала:

– Зачем, Зосима, тебя смущает мысль о привидении, зачем думаешь, что я дух, совершающий молитву? Умоляю тебя, блаженный отец, уверься, что я жена грешница, очищенная только святым крещением; нет, я не дух, а земля, прах и пепел, я плоть, не помышляющая быть духом.

С этими словами она осенила крестным знамением свое чело, очи, уста, грудь и продолжала:

– Да избавит нас Бог от лукавого и от сетей его, потому что велика брань[2340] его на нас.

Слыша такие слова, старец припал к ногам ее и со слезами воскликнул:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, рожденного от Девы, ради Коего ты, нагая, так умертвила свою плоть, заклинаю тебя, не скрывай от меня, но все расскажи о твоей жизни, и я прославлю величие Божие. Ради Бога, скажи все не для похвальбы, а чтобы дать наставление мне грешному и недостойному. Я верю в Бога моего, для Коего ты живешь, что я направился в эту пустыню именно для того, чтобы Бог прославил твои дела: путям Божиим мы не в силах противостоять. Если бы Богу не было угодно, чтобы ты и твои подвиги сделались известны, Он не открыл бы тебя мне и меня не укрепил бы на такой далекий путь по пустыне.

Много убеждал Зосима ее и другими словами, а она, подняв его, сказала:

– Прости меня, святой отец, я стыжусь рассказать о позорной жизни моей. Но ты видел мое нагое тело, так я обнажу и душу мою, и ты узнаешь, сколько в ней стыда и позора. Я откроюсь тебе, не хвалясь, как ты говорил: о чем хвалиться

мне, избранному сосуду диавольскому! Но если начну рассказ о своей жизни, ты убежишь от меня, как от змеи; твой слух не выдержит повести о моем беспутстве. Однако я расскажу, ничего не умолчав; только прошу тебя, когда узнаешь жизнь мою, не забывай молиться за меня, чтобы мне получить какую-либо милость в День Судный.

Старец с неудержимыми слезами просил ее поведать о своей жизни, и она так начала рассказывать о себе:

«Я, святой отец, родилась в Египте, но будучи 12 лет от роду, когда были живы еще мои родители, я отвергла их любовь и отправилась в Александрию[2341]. Как я потеряла свою девическую чистоту и стала неудержимо, ненасытно предаваться любодеянию, – об этом без стыда я не могу даже помыслить, не только пространно рассказывать; скажу только кратко, чтобы ты узнал о неудержимой моей похоти. Семнадцать лет, и даже больше, я совершала блуд со всеми, не ради подарка или платы, так как ничего ни от кого я не хотела брать, но я так рассудила, что даром больше будут приходить ко мне и удовлетворять мою похоть. Не думай, что я была богата и оттого не брала, – нет, я жила в нищете, часто голодная пряла охлопья, но всегда была одержима желанием еще более погрязнуть в тине блуда: я видела жизнь в постоянном бесчестии. Однажды, во время жатвы, я увидела, что много мужей – и египтян, и ливийцев[2342] идут к морю. Я спросила одного встречного, куда спешат эти люди? Тот ответил, что они идут в Иерусалим на предстоящий в скором времени праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста. На мой вопрос, возьмут ли они и меня с собой, он сказал, что если у меня есть деньги и пища, то никто не будет препятствовать. Я сказала ему: «Нет, брат, у меня ни денег, ни пищи, но все-таки я пойду и сяду с ними в один корабль, а они меня пропитают: я отдам им свое тело за плату». – Я хотела пойти для того, чтобы, – прости меня, мой отец, – около меня было много людей, готовых к похоти. Говорила тебе я, отец Зосима, чтобы ты не принуждал меня рассказывать про мой позор. Бог свидетель, я боюсь, что своими словами я оскверняю самый воздух».

Орошая землю слезами, Зосима воскликнул:

– Говори, мать моя, говори! Продолжай свою поучительную повесть!

«Встретившийся юноша, – продолжала она, – услышав мою бесстыдную речь, засмеялся и отошел прочь. А я, бросив случившуюся при мне прялицу, поспешила к морю. Оглядев путешественников, я заметила среди них человек десять или больше, стоявших на берегу; они были молоды и, казалось, подходили к моему вожделению. Другие уже вошли в корабль.

Бесстыдно, по обыкновению, я подбежала к стоявшим и сказала: «Возьмите и меня с собою, я вам буду угождать». Они засмеялись на эти и подобные слова, и видя мое бесстыдство, взяли с собой на корабль, и мы отплыли. Как тебе, человек Божий, сказать, что было дальше? Какой язык, какой слух вынесет рассказ о позорных делах, совершенных мною на корабле во время пути: я увлекала на грех даже против воли, и не было постыдных дел, каким бы я не научала. Поверь, отец, я ужасаюсь, как море перенесло такой разврат, как не разверзлась земля и не погрузила меня живою в ад после совращения столь многих людей! Но я думаю, что Бог ожидал моего покаяния, не желая смерти грешника, но с долготерпением ожидая обращения.

С такими чувствами прибыла я в Иерусалим и все дни до праздника поступала по-прежнему, и даже хуже. Я не только не довольствовалась юношами, бывшими со мной на корабле, но еще собирала на блуд местных жителей и странников. Наконец, наступил праздник Воздвижения Честного Креста, и я, как и прежде, пошла совращать юношей. Увидев, что рано утром все, один за другим, идут в церковь, отправилась и я, вошла со всеми в притвор и, когда наступил час святого Воздвижения Честного Креста Господня, попыталась с народом проникнуть в церковь. Как я ни старалась протесниться, но народ меня отстранял. Наконец, с большим трудом приблизилась к дверям церкви и я, окаянная. Но все невозбранно входили в церковь, а меня не допускала какая-то Божественная сила. Я снова попыталась войти, и снова была отстранена, осталась одна в притворе. Думая, что это происходит от моей женской слабости, я вмешалась в новую толпу, но старание мое оказалось

тщетным; моя грешная нога уже касалась порога, всех невозбранно церковь принимала, меня одну окаянную она не допускала; как будто нарочно приставленная, многочисленная, воинская стража, неведомая сила задерживала меня – и вот я опять оказалась в притворе. Так три-четыре раза я напрягала силы, но не имела успеха. От изнеможения я не могла более вмешиваться в толпу входящих, все тело мое болело от тесноты и давки. Отчаявшись, я со стыдом отступила и встала в углу притвора. Очнувшись, я подумала, какая вина не дозволяет мне видеть Животворящее Древо Креста Господня. Свет спасительного разума, правда Божия, освещающая душевные очи, коснулась сердца моего и указала, что мерзость дел моих возбраняет мне войти в церковь. Тогда я стала горько плакать, с рыданиями бить себя в грудь и вздыхать от глубины сердца.

Так я плакала, стоя в притворе. Подняв глаза, я увидала на стене икону Пресвятой Богородицы и, обратив к ней телесные и душевные очи, воскликнула:

– О Владычица, Дева, рождшая Бога плотью! Я знаю, глубоко знаю, что нет чести Тебе и хвалы, когда я, нечистая и скверная, взираю на Твой лик Приснодевы, чистой телом и душой. Праведно, если Твоя девственная чистота погнушается и возненавидит меня блудницу. Но я слышала, что рожденный Тобою Бог для того и воплотился, чтобы призвать грешников к покаянию. Приди же ко мне, оставленной всеми, на помощь! Повели, чтобы мне не возбранен был вход в церковь, дай мне узреть Честное Древо, на котором плотью был распят рожденный Тобой, проливший святую кровь Свою за избавление грешников и за мое. Повели, Владычица, чтобы и для меня, недостойной, открылись двери церкви для поклонения Божественному Кресту! Будь моей верной поручительницей перед Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотою блуда, но, воззрев на Крестное Древо, отрекусь от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведешь меня Ты, поручительница моего спасения.

Так я сказала. Подбодренная верою и убежденная в милосердии Богородицы, я, как будто по чьему-то побуждению,

двинулась с того места, где молилась, и смешалась с толпой входящих в церковь. Теперь никто меня не отталкивал и не мешал дойти до дверей церкви. Страх и ужас напал на меня, я вся трепетала. Достигнув дверей, прежде для меня затворенных, я без труда вошла внутрь святой церкви и сподобилась видеть Животворящее Древо, постигла тайны Божии, поняла, что Бог не отринет кающегося. Падши на землю, я поклонилась Честному Кресту и облобызала его с трепетом. Потом я вышла из церкви к образу моей поручительницы – Богородицы и, преклонив колена перед Ее святой иконой, так молилась:

– О Присноблаженная Дева, Владычица Богородица, не погнушавшись моей молитвы, Ты на мне показала Свое великое человеколюбие. Я видела славу Господню, блудная и недостойная зреть ее! Слава Богу, ради Тебя принимающему покаяние грешных! Вот все, что я грешная могу помыслить и сказать словами. Теперь, Владычица, пора исполнить то, что я обещалась, призывая Тебя поручительницей: наставь меня, как будет Твоя воля, и научи, как довершить спасение на пути покаяния.

После этих слов я услыхала, как будто издалека, голос:

– Если перейдешь через Иордан, то найдешь себе полное успокоение.

Выслушав эти слова с верою, что они обращены ко мне, я со слезами воскликнула, взирая на икону[2343] Богородицы:

– Владычица, Владычица Богородица, не оставь меня!

С этими словами я вышла из церковного притвора и быстро пошла вперед. На дороге кто-то дал мне три монеты со словами:

– Возьми это, мать.

Я приняла монеты, купила три хлеба и спросила продавца, где путь к Иордану. Узнав, какие ворота ведут в ту сторону, я быстро пошла, проливая слезы. Так я провела весь день в пути, спрашивая дорогу у встречных, и к третьему часу того дня, когда сподобилась узреть святой Крест Христов, уже на закате солнца, я дошла до церкви святого Иоанна Крестителя у реки Иордана. Помолившись в церкви, я сошла к Иордану и омыла

себе водой этой святой реки руки и лицо. Возвратившись в церковь, я причастилась Пречистых и Животворящих Тайн Христовых. Потом я съела половину одного хлеба, выпила воды из Иордана и уснула на земле. Рано утром, нашедши небольшую лодку, я переправилась на другой берег и снова обратилась к своей руководительнице-Богородице с молитвой, как ей будет благоугодно наставить меня. Так я удалилась в пустыню, где и скитаюсь до сего дня, ожидая спасения, какое подаст мне Бог от душевных и телесных страданий».

Зосима спросил:

– Сколько же лет, госпожа, прошло, как ты водворилась в этой пустыни?

– Я думаю, – отвечала она, – протекло 47 лет, как я оставила святой город.

– Что же, – спросил Зосима, – ты находишь себе на пищу?

– Перешедши Иордан, – сказала святая, – я имела два с половиной хлеба; они понемногу высохли, как бы окаменели, и их я вкушала понемногу несколько лет.

– Как ты могла благополучно прожить столько времени, и никакой соблазн не смутил тебя?

– Я боюсь отвечать на твой вопрос, отец Зосима: когда я буду вспоминать о тех бедах, какие я претерпела от мучивших меня мыслей, я боюсь, что они снова овладеют мною.

– Ничего, госпожа, – сказал Зосима, – не опускай в своем рассказе, я потому и спросил тебя, чтобы знать все подробности твоей жизни.

Тогда она сказала:

– Поверь мне, отец Зосима, что 17 лет прожила я в этой пустыне, борясь со своими безумными страстями, как с лютыми зверями. Когда я принималась за пищу, я мечтала о мясе и вине, какие ела в Египте; мне хотелось выпить любимого мною вина. Будучи в миру, много пила я вина, а здесь не имела и воды; я изнывала от жажды и страшно мучилась. Иногда у меня являлось очень смущавшее меня желание петь блудные песни, к которым я привыкла. Тогда я проливала слезы, била себя в грудь и вспоминала обеты, данные мною при удалении в пустыню. Тогда я мысленно становилась перед иконою

поручительницы моей, Пречистой Богородицы, и с плачем умоляла отогнать от меня мысли, смущавшие мою душу. Долго я так плакала, крепко ударяя себя в грудь, и, наконец, как бы свет разливался вокруг меня, и я успокаивалась от волнений. Как признаться мне, отец, в блудных вожделениях, овладевавших мною? Прости, отец. Огонь страсти загорался во мне и опалял меня, понуждая к похоти. Когда на меня находил такой соблазн, то я повергалась на землю и обливалась слезами, представляя себе, что перед мною стоит Сама моя поручительница, осуждает мое преступление и грозит за него тяжелыми мучениями. Поверженная на землю, я не вставала день и ночь, пока тот свет не озарял меня и не отгонял смущавшие меня мысли. Тогда я возводила очи к поручительнице своей, горячо прося помощи моим страданиям в пустыне – и действительно, Она мне давала помощь и руководство в покаянии. Так провела я 17 лет в постоянных мучениях. А после, и до сего времени, Богородица во всем – моя помощница и руководительница.

Тогда Зосима спросил:

– Не было ли тебе нужды в пище и в одежде?

Святая отвечала:

– Окончив хлебы, через семнадцать лет, я питалась растениями; одежда, какая была на мне при переходе через Иордан, истлела от ветхости, и я много страдала, изнемогая летом от зноя, трясясь зимой от холода; так что много раз я, как бездыханная, падала на землю и так долго лежала, претерпевая многочисленные телесные и душевные невзгоды. Но с того времени и до сегодня, сила Божия во всем преобразила мою грешную душу и мое смиренное тело, и я только вспоминаю о прежних лишениях, находя для себя неистощимую пищу в надежде на спасение: питаюсь и покрываюсь я всесильным словом Божиим, ибо те, кто не имеет крова, облеклись в камни, поскольку совлекли с себя одеяние греха (ср.: слав. Иов.24:8; Евр.11:38).

Услыхав, что святая вспоминает слова Священного Писания из Моисея, пророков и Псалтири, Зосима спросил, не изучала ли она псалмы и другие книги.

– Не думай, – отвечала она с улыбкой, – что я со времени моего перехода через Иордан видела какого-либо человека, кроме тебя: даже зверя и животного я не видала ни одного. И по книгам я никогда не училась, не слыхала никогда из чьих-либо уст чтения или пения, но слово Божие везде и всегда просвещает разум и проникает даже до меня, не известной миру. Но заклинаю тебя воплощением Слова Божия: молись за меня, блудницу.

Так она сказала. Старец бросился к ее ногам со слезами и воскликнул:

– Благословен Бог, творящий великие и страшные, дивные и славные дела, коим нет числа! Благословен Бог, показавший мне, как Он награждает боящихся Его! Воистину, Ты, Господи, не оставляешь стремящихся к Тебе!

Святая не допустила старца поклониться ей и сказала:

– Заклинаю тебя, святой отец, Иисусом Христом, Богом Спасителем нашим, никому не рассказывай, что ты слышал от меня, пока Бог не возьмет меня от земли, а теперь иди с миром; через год ты снова увидишь меня, если нас сохранит благодать Божия. Но сделай ради Бога то, о чем тебя я попрошу: постом на будущий год не переходи через Иордан, как вы обыкновенно делаете в монастыре.

Подивился Зосима, что она говорит и о монастырском уставе, и ничего не мог промолвить, как только:

– Слава Богу, награждающему любящих Его!

– Так ты, святой отец, – продолжала она, – останься в монастыре, как я говорю тебе, потому что тебе невозможно будет уйти, если и захочешь; во святой и Великий четверг, в день тайной Христовой вечери, возьми в святой подобающий сему сосуд животворящего Тела и Крови, принеси к мирскому селению на том берегу Иордана и подожди меня, чтобы мне причаститься Животворящих Даров: ведь с тех пор, как я причастилась перед переходом через Иордан в церкви Иоанна Предтечи, до сего дня, я не вкусила святых Даров. Теперь я к сему стремлюсь всем сердцем, и ты не оставь моей мольбы, но непременно принеси мне Животворящие и Божественные Тайны в тот час, когда Господь Своих учеников сделал участниками

Своей Божественной вечери. Иоанну, игумену монастыря, где ты живешь, скажи: смотри за собой и своей братией, во многом надо вам исправиться, – но скажи это не теперь, а когда Бог наставит тебя.

После этих слов она снова попросила старца молиться за нее и удалилась вглубь пустыни. Зосима, поклонившись до земли и поцеловав во славу Божию место, где стояли ее стопы, пошел в обратный путь, хваля и благословляя Христа, Бога нашего.

Пройдя пустыню, он достиг монастыря в тот день, когда обыкновенно возвращались жившие там братья. О том, что видел, он умолчал, не смея рассказать, но в душе молил Бога дать ему еще случай увидеть дорогое лицо подвижницы. Со скорбью он думал, как долго тянется год и хотел, чтобы это время промелькнуло как один день.

Когда наступила первая неделя Великого поста, то все братия по обычаю и уставу монастырскому, помолившись, с пением, вышли в пустыню. Только Зосима, страдавший тяжелым недугом принужден был остаться в обители. Тогда вспомнил он слова святой: «Тебе невозможно будет уйти, если и захочешь!» Скоро оправившись от болезни, Зосима остался в монастыре. Когда же возвратились братия и приблизился день Тайной вечери, старец сделал все, указанное ему: положил в малую чашу Пречистого Тела и Крови Христа Бога нашего, и потом взяв в корзинку несколько сушеных смокв и фиников и немного вымоченной в воде пшеницы, поздним вечером вышел из обители и сел на берегу Иордана, ожидая прихода преподобной. Святая долго не приходила, но Зосима, не смыкая глаз, неустанно всматривался по направлению к пустыне, ожидая увидать то, чего так сильно желал. «Может быть, – думал старец, – я недостоин, чтобы она пришла ко мне, или она уже приходила раньше и, не нашедши меня, возвратилась обратно». От таких мыслей он прослезился, вздохнул и, возведши очи к небу, стал молиться: «Не лиши, Владыко, снова узреть то лицо, которое сподобил меня увидеть! Не дай мне уйти отсюда не успокоенным, под бременем грехов, обличающих меня!»

Тут ему на ум пришла другая мысль: «Если она и подойдет к Иордану, а лодки нет, как она переправится и придет ко мне, недостойному? Увы мне грешному, увы! Кто лишил меня счастья видеть ее?»

Так думал старец, а преподобная уже подошла к реке. Увидев ее, Зосима с радостью встал и возблагодарил Бога. Его еще мучила мысль, что она не может перейти Иордан, когда он увидел, что святая, озаряемая блеском луны, перекрестила крестным знамением реку, спустилась с берега на воду и пошла к нему по воде как по твердой земле. Видя это, удивленный Зосима хотел ей поклониться, но святая, еще шествуя по воде, воспротивилась этому и воскликнула: «Что ты делаешь? Ведь ты священник и несешь Божественные Тайны!»

Старец послушался ее слов, а святая, вышедши на берег, попросила у него благословения. Объятый ужасом от дивного видения, он воскликнул: «Воистину Бог исполняет Свое обещание уподобить Себе спасающихся по мере сил своих! Слава Тебе, Христу Богу нашему, показавшему мне через рабу Свою, как я еще далек от совершенства!»

Потом святая попросила прочитать Символ веры и молитву Господню. По окончании молитвы, она причастилась Пречистых и Животворящих Христовых Тайн и по обычаю иноческому поцеловала старца, после чего вздохнула и со слезами воскликнула:

– Ныне отпущаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему, с миром, яко видеста очи мои спасение Твое (Лк.2:29–30).

Потом, обратившись к Зосиме, святая сказала:

– Умоляю тебя, отче, не откажи исполнить еще одно мое желание: теперь иди в свой монастырь, а на следующий год приходи к тому же ручью, где ты прежде беседовал со мной; приходи ради Бога, и снова увидишь меня: так хочет Бог.

– Если бы было можно, – отвечал ей святой старец, – я хотел бы всегда следовать за тобой и видеть твое светлое лицо. Но прошу тебя, исполни мое, старца, желание: вкуси немного пищи, принесенной мною.

Тут он показал, что принес в корзине. Святая притронулась концами пальцев к пшенице, взяла три зерна и, поднесши их к

устам, сказала:

– Этого довольно: благодать пищи духовной, сохраняющей душу неосквернённой, насытит меня. Снова прошу тебя, святой отец, молись за меня Господу, поминая мое окаянство.

Старец поклонился ей до земли и просил ее молитв за церковь, за царей и за него самого. После этой слезной просьбы он простился с нею с рыданиями, не смея дальше удерживать ее. Если бы и хотел, он не имел силы остановить ее. Святая снова осенила крестным знамением Иордан и, как прежде, перешла как посуху через реку. А старец возвратился в обитель, волнуемый и радостью и страхом; он укорял себя в том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать это в будущем году.

Прошел еще год. Зосима опять пошел в пустыню, исполняя монастырский обычай, и направился к тому месту, где имел дивное видение. Он прошел всю пустыню, по некоторым признакам узнал искомое место и стал внимательно вглядываться по сторонам, как опытный охотник, ищущий богатой добычи. Однако он не увидал никого, кто бы приближался к нему. Обливаясь слезами, он возвел очи к небу и стал молиться: «Господи, покажи мне Свое сокровище, никем не похищаемое, скрытое Тобою в пустыне, покажи мне святую праведницу, этого Ангела во плоти, с коей не достоин сравниться весь мир!»

Произнося такую молитву, старец достиг места, где протекал ручей и, став на берегу, увидал к востоку преподобную, лежащую мертвой; руки у нее были сложены, как подобает у лежащих во гробу, лицо обращено на восток. Быстро он приблизился к ней и, припав к ногам ее, благоговейно облобызал и оросил их своими слезами. Долго он плакал; потом, прочитав положенные на погребение псалмы и молитвы, он стал думать, можно ли погребать тело преподобной, будет ли ей это угодно. Тут он увидел у головы блаженной такую надпись, начертанную на земле: «Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии, отдай прах праху. Моли Бога за меня, скончавшуюся в месяце, по-египетски фармуфии, по-

римски апреле, в первый день, в ночь спасительных Страстей Христовых, по причащении Божественных Тайн[2344]".

Прочитав надпись, старец прежде всего подумал, кто мог это начертать: святая, как она сама говорила, не умела писать. Но он очень был обрадован, что узнал имя преподобной. Кроме того, он узнал, что святая, причастившись на берегу Иордана, в один час достигла места своей кончины, куда он прошел после двадцати дней трудного пути, и тотчас предала душу Богу.

«Теперь, – подумал Зосима, – надо исполнить повеление святой, но как мне, окаянному, выкопать яму без всякого орудия в руках?»

Тут он увидел около себя брошенный в пустыне сук дерева, взял его и начал копать. Однако сухая земля не поддавалась усилиям старца, он обливался потом, но не мог ничего сделать. Горько вздохнул он из глубины души. Внезапно, подняв глаза, он увидел огромного льва, стоявшего у тела преподобной и лизавшего ее ноги. Ужаснулся старец при виде зверя, тем более, что он вспомнил слова святой, что она никогда не видела зверей. Он ознаменовал себя крестным знамением в уверенности, что сила почившей святой охранит его. Лев стал тихо приближаться к старцу, ласково, как бы с любовью, глядя на него. Тогда Зосима сказал зверю: «Великая подвижница повелела мне погрести ее тело, но я стар и не могу выкопать могилы; нет у меня и орудия для копания, а обитель далеко, не могу скоро принести его оттуда. Выкопай же ты когтями своими могилу, и я погребу тело преподобной».

Лев как будто понял эти слова и передними лапами выкопал яму, достаточную для погребения. Старец снова омочил слезами ноги преподобной, прося ее молитв за весь мир, и покрыл ее тело землей. Святая была почти нагая – старая, изорванная одежда, которую ей бросил Зосима при первой встрече, едва прикрывала ее тело. Потом оба удалились: лев, тихий, как ягненок, вглубь пустыни, а Зосима – в свою обитель, благословляя и прославляя Христа, Бога нашего.

Пришедши в монастырь, он, ничего не скрывая, что видел и слышал, рассказал всем инокам о преподобной Марии. Все

удивлялись величию Божию и решили со страхом, верою и любовью почитать память преподобной и праздновать день ее преставления.

Игумен Иоанн, как о том передавала еще преподобная Мария авве Зосиме, нашел некоторые неисправности в монастыре и устранил их с Божиею помощью. А святой Зосима, после долгой, почти во сто лет, жизни покончил свое земное существование и перешел к вечной жизни, к Богу[2345]. Рассказ его о преподобной Марии иноки того монастыря устно передавали на общее поучение один другому, но письменно не излагали о подвигах святой.

А я, – прибавляет святой Софроний, – услышав рассказ, записал его. Не знаю, может быть, кто-либо другой, лучше осведомленный, уже написал житие преподобной, но и я, насколько мог, записал все, излагая одну истину. Бог, творящий дивные чудеса и щедро одаряющий обращающихся к Нему с верою, да наградит ищущих себе наставления в этой повести, слушающих, читающих и поусердствовавших записать ее, и да подаст им участь блаженной Марии вместе со всеми, когда-либо угодившими Богу своими благочестивыми мыслями и трудами».

Воздадим же и мы славу Богу, Царю вечному, и да подаст Он нам Свою милость в День Судный ради Иисуса Христа, Господа нашего, Коему подобает всякая слава, честь, держава и поклонение со Отцем и Пресвятым и Животворящим Духом ныне, и всегда, и во все веки. Аминь[2346].

Тропарь, глас 8:

В тебе, мати, известно спасеся, еже по образу, приимши бо крест, последовала еси Христу и, деющи учила еси презирати убо плоть, преходит бо, прилежати же о души вещи безсмертней. Темже и со Ангелы срадуется, преподобная Марие, дух твой.

Кондак, глас 4:

Греха мглы избежавши, покаяния светом озаривши твое сердце славная, пришла еси ко Христу, Сего Всенепорочную и святую Матерь Молитвенницу милостивную принесла еси. Отонудуже и прегрешений обрела еси оставление, и со Ангелы присно срадуешися.

Память преподобного отца нашего Евфимия Суздальского

Память 1 апреля

Преподобный Евфимий родился от благочестивых родителей. Местом его рождения и воспитания был Нижний Новгород. Когда он пришел в возраст, то родители отдали его в научение Божественных Писаний, и блаженный отрок вместе со сверстниками своими изучал их с большим прилежанием, причем совершенно чуждался детских игр. Имея склонность к молчанию и повинуясь во всем своим родителям, он часто посещал храмы Божии, где любил стоять, уединившись в темное место, чтобы никто не мог развлекать его беседами о тленных предметах мира сего и чтобы ему можно было с полным вниманием слушать пение и чтение церковное. Однажды он пришел в святой храм и услышал в Евангелии слова: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» и прочее (Лк.9 и след.). Услышав эти слова, блаженный Евфимий решил отречься от благ мира сего и ушел в находившийся вблизи Нижнего Новгорода Печерский монастырь Вознесения Господня[2347], где от настоятеля этого монастыря, по имени Дионисия, и принял иноческое пострижение. Поступив в монастырь, Евфимий стал предаваться великим подвигам. При постоянном пении псалмов Давида день он обычно проводил в трудах, усердно исполняя различные монастырские работы, а ночью удалялся в пещеру и там со слезами возносил Богу всенощные моления. Эти подвиги блаженный инок совершал, повинуясь во всем наставнику своему, преподобному Дионисию. В дальнейшей жизни своей он дошел до такой степени подвижничества, что иногда всю ночь проводил без сна в молитве и подвергал себя такому подвигу часто. При этом он был настолько воздержен в пище, что употреблял ее в таком количестве, какое необходимо было для того, чтобы не изнемочь от голода, и не пил ничего другого, кроме воды, да и то только тогда, когда чувствовал сильную жажду. После этого наставником его ему было назначено

послушание служить при пекарне. Здесь он еще более увеличил свои подвиги, так как постоянно носил воду и рубил дрова. Вскоре ему велено было служить в самой пекарне. Работая здесь, преподобный всегда приводил себе на память вечные мучения от неугасимого огня и язвительного червя. Часто, смотря на огонь, он говорил самому себе: «Терпи, Евфимий, чтобы через этот огонь ты мог избежать огня вечного».

Видя такие подвиги и терпение преподобного Евфимия, все смотрели на него не как на человека, а как на живущего среди них Ангела Божия.

В то время суздальским и нижегородским княжеством владел великий князь Борис Константинович[2348]. Он обратился к настоятелю Печерской обители, преподобному Дионисию, с просьбой прислать к нему в Суздаль блаженного Евфимия в строители монастыря, который он задумал устроить. Блаженный Дионисий с радостью дал обещание великому князю исполнить его просьбу, и, спустя немного времени, преподобный Евфимий, приняв напутственную молитву и благословение от наставника своего, отправился в путь. Когда он пришел к городу Гороховцу, то близ него, на расстоянии около 8 верст, построил церковь во имя святого отца Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийской, и устроил при ней общежительную пустынь[2349], после чего пришел в Суздаль к великому князю Борису Константиновичу. Князь весьма обрадовался прибытию преподобного и, проведши с ним некоторое время в беседе, отправился вместе с ним к епископу Суздальскому Иоанну. Прибыв к епископу, великий князь открыл ему свое намерение, рассказал по порядку о жизни блаженного Дионисия – о том, как Господь удостоил его дара пророчества и о том, как он благословил его устроить обитель, рассказал также и о преподобном Евфимии. После этого князь стал просить епископа идти с ним, чтобы отыскать место для устройства обители, и епископ отправился с великим князем, а вместе с ними пошел и преподобный Евфимий. Вскоре они нашли место вблизи города на горе, у реки, называемой Каменницей, на берегу которой был расположен и город Суздаль, и это место

им понравилось. Тогда они сотворили молитву, воздав Богу благодарение.

После этого на это место собралось множество народа, правители всех княжеских владений, бояре, князья и сановники его двора, духовенство, монашествующая братия, а также мужи и жены разного возраста. В присутствии такого многолюдного собрания епископ Иоанн благословил и освятил место для обители и после особой молитвы водрузил крест на том месте, где надлежало быть престолу первого храма. Тогда князь повелел приготовлять камни и все необходимое для построения храма. И когда повеление князя было исполнено, он сам первый, взяв заступ, стал своими руками копать ров, и его примеру последовали правители страны и бояре.

После этого была совершена служба на основание храма, и храм был заложен в честь Преображения Господа нашего Иисуса Христа, а затем стали возводить стены здания. Преподобный Евфимий, испросив у епископа благословение, взял топор и собственноручно обтесал у северной двери алтаря вблизи святого жертвенника три камня и устроил себе гроб, где впоследствии и было положено честное тело его.

Храм был окончен постройкою в 1352 году[2350] и в том же году был освящен. Епископ Иоанн возвел блаженного Евфимия в сан архимандрита и вручил его водительству христианское стадо словесных овец Христовых, а князь дал ему большое количество золота и серебра для устроения обители. С этого времени преподобный Евфимий со слезами сокрушения стал предаваться великим подвигам. Днем он усердно трудился по устройству обители, а ночью возносил Богу непрестанные усердные молитвы, и таким образом устроил монастырь и в нем кельи для будущей братии. Кроме уже бывшего храма, он соорудил еще другой храм во имя преподобного отца Иоанна Лествичника и пристроил к нему каменную трапезу, где бы иноки в зимние дни могли собираться для молитвы и принятия пищи. Когда к преподобному собралось в обитель около 300 человек братии и они не могли поместиться в трапезе, то он повелел построить новый храм во имя святителя Николая, Мирликийского чудотворца, названный больничным, и при нем

соорудить большую деревянную трапезу для того, чтобы в нее собирались те из братии, которые не могли поместиться с другими в каменной трапезе. После этого им были устроены по мере нужды и другие необходимые для обители постройки.

Таким образом трудами и молитвами преподобного Евфимия при содействии благодати Божией и устроена была вполне удовлетворявшая всем монастырским нуждам его обитель. И он начал руководить вверенным ему стадом твердо и богоугодно. Он установил правило, чтобы все иноки безропотно пребывали в послушании, в искренней любви друг к другу, целомудрии и нестяжательности, чтобы никто из них не имел ничего своего, но чтобы все у них было общее, а если узнавал, что кто-либо из братии имеет собственность, на того налагал эпитимию. Он не допускал разговоров братии между собою в церкви, а также всегда требовал от них хранить молчание во время трапезы. После трапезы он велел всем расходиться по своим кельям, молча, не вступая при этом ни в какие разговоры друг с другом, и не разрешал посещать чужих келий за исключением какой-либо крайней нужды. Кроме того, он постановил, как общее правило, чтобы никто из иноков отнюдь не имел своих мудрований, но каждый готов был исполнить всякое послушание. А братия со своей стороны во всем повиновались ему, как Ангелу Божию.

Для духовных бесед преподобный Евфимий совершал путешествия к преподобному Сергию, Радонежскому чудотворцу, в его обитель, так как они были современниками[2351]. После таких бесед они с любовью давали друг другу благословение, а потом преподобный Евфимий снова возвращался в свой монастырь.

В таких подвигах блаженный Евфимий прожил всю жизнь свою. Он никогда не изменял своему молитвенному правилу и, соединяя пост с милостынею, принимая странников и давая пищу тем, кто не имел ее, к прежним подвигам своим прибавлял новые подвиги. Он был одеждою для нагих и утешением для скорбящих, так как помогал всем бедным, избавлял от бед впавших в несчастья, исцелял молитвою больных, за должников платил долги, сам их всем прощал и

одним словом своим избавлял от насилия неправедных судей тех, кого постигали бедствия. Бедность в одежде он так любил, что казался как бы ничего не имущим. Он всегда носил одну только одежду, сшитую из жестких овечьих шкур, и зимою страдал от холода, а летом вследствие тяжести одежды мучился от жара.

Так, всякими скорбными и узкими путями преподобный Евфимий совершал свое жизненное шествие и стал ощущать телесные немощи только тогда, когда достиг уже глубокой старости. Почувствовав приближение кончины, он созвал к себе всех иноков обители. Когда они увидели, что их игумен очень слаб и что близко время его отшествия ко Господу, то все стали скорбеть о разлуке с ним и говорили:

– Отец! Ты оставляешь нас сиротами, и когда тебя не будет с нами, то опустеет обитель наша.

Но преподобный, утешая их, отвечал им на это:

– Не скорбите о разлуке со мною и знайте, что если я приобрету дерзновение молитвы к Богу и дело мое будет угодно Ему, то обитель наша не только не опустеет, но после кончины моей число иноков в ней еще более умножится, если и вы будете иметь любовь друг к другу.

Говорил преподобный и многое другое в утешение братии. После этого, когда уже стало наступать время его отшествия ко Господу, все иноки, приходя к нему, со слезами целовали его и просили у него последнего благословения. И, как чадолюбивый отец, преподобный всем дал свое благословение, всех простил и сам у всех испросил себе прощения. Когда наступил, наконец, час разлучения души его с телом, он причастился Святых Тайн и в первый день месяца апреля предал святую душу свою в руки Господа, после 52 летнего управления обителью[2352]. Святое тело его иноки похоронили в вышеупомянутом гробу, который в начале построения первого монастырского храма преподобный устроил себе своими собственными руками. Блаженный Евфимий и до сего дня совершает многие чудеса и подает исцеления тем, кто с верою приходит к честному гробу его[2353].

Тропарь, глас 3:

Яко светозарная звезда, пришел еси от востока на запад, оставив отечество твое, Нижний Новград, и, дошед богоспасаемаго града Суждаля, в нем обитель сотворил еси, и собрал еси монахов множества, и, прием дар чудес от Бога, отче Евфимие, и был еси о Христе собеседник и спостник преподобному Сергию. С нимже у Христа Бога испроси Благоверному Императору нашему Николаю Александровичу здравие и спасение, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Волнений множество невлажно преходя, безплотныя враги струями слез твоих погрузил еси, Богомудре Евфимие преподобне, тем и чудес дар приял еси, моли непрестанно о всех нас.

Страдание святых мучеников Амфиана и Едесия

Память 2 апреля

Святые мученики Амфиан и Едесий были братьями по плоти и происходили из греческого языческого семейства. Родиной их был город Патара в Ликии[2354]. Отсюда они были посланы родителями своими в город Бирит[2355] для изучения языческих наук. Здесь Амфиан и Едесий проводили в целомудрии дни юности своей, добродетельною жизнью своею удивляя всех своих сверстников. Будучи чужды всяких легкомысленных поступков, святые Амфиан и Едесий имели, по Писанию, седину – мудрость, и возраст старости – беспорочную жизнь (см. Прем.4:9), за что и были награждены благодатью Божиею, ибо сердца их осиял свет разумения истины: сознав суету идолопоклонства, они восхотели возможно совершеннее познать путь благочестия христианского для того, чтобы быть рабами Господа нашего Иисуса Христа.

Когда Амфиан и Едесий возвратились из Бирита в свой родной город, то нашли отца своего возведенным в сан начальника города и по-прежнему проводящим нечестивую жизнь языческую вместе со всеми родственниками своими. Не желая жить посреди нечестивцев и грешников, святые Амфиан и Едесий тайно оставили дом своих родителей и, руководимые Духом Божиим, пришли в палестинский город Кесарию[2356]. Здесь они встретили благочестивого пресвитера христианского, по имени Памфила, принявшего потом венец мученический за Христа. Быв научены сим святым пресвитером тайнам веры христианской, святые Амфиан и Едесий были просвещены тем же пресвитером святым крещением. После этого святые постоянно пребывали вместе с блаженным Памфилом, славословя и восхваляя Бога и занимаясь изучением священных книг и закона Господня.

В это время императором был Максимиан[2357], принявший в свое управление восточную половину Римской империи от дяди своего Максимиана Галерия[2358]. Император этот жестоко

преследовал христиан, так как был преисполнен языческого нечестия и ненавидел Бога истинного. Он был более жесток, нежели все, предшествовавшие ему, римские императоры-язычники. Христиане в царствование Максимиана пришли в великое замешательство, так как всех, исповедывавших имя Христово, нечестивый гонитель предавал смерти. Многие из них, стремясь избавиться от мучений и смерти, спасались от яростных гонителей бегством, оставляя свои дома и города, и скрывались где-либо в потайных местах. Немало, впрочем, было и таких христиан, которые открыто предавали себя в руки мучителей своих и с мужеством переносили свой страдальческий подвиг. К числу последних принадлежал и мужественный Амфиан, хотя и юноша телесным возрастом своим (так как ему не было еще и двадцати лет), но столетний старец своим разумом и мужеством.

В то время, когда, по распоряжению нечестивого императора-язычника, нарочито посланные люди, придя в Кесарию, начали призывать каждого из граждан города того к языческим храмам для принесения там жертв идолам, мужественный Амфиан, пребывавший с христианами в одном укрытом месте, тайно от всех ушел из того места и направился к идольскому храму, в котором в то время игемон Урван приносил жертву идолам. Безбоязненно подойдя к нему, святой Амфиан взял его за правую руку, в которой он держал жертву, и начал во всеуслышание дерзновенно увещевать его оставить свое заблуждение и не поклоняться бесам и идолам, созданным руками человеческими. Этот дерзновенный поступок мужественного Амфиана утвердил многих христиан еще крепче в вере христианской; но язычников, и в особенности самого игемона, привел в великую ярость. Тотчас же святой Амфиан был взят воинами игемона, как овца волками, и принял от них бесчисленные удары по устам, лицу и всему телу, будучи брошен на землю и попираем ногами; затем святой был отведен в темницу и закован в цепи.

На другой день утром святой Амфиан был выведен на суд пред игемона, который убеждал его принести жертву идолам. Но святой Амфиан оставался непоколебимым в исповедании

веры Христовой. После этого святой мученик Христов был предан тяжким мукам: воины повесили его на дереве и начали острыми железными орудиями терзать всё его тело и бить железными прутами по лицу, шее и бокам. Лицо и всё тело святого мученика были настолько истерзаны мучителями, что даже его знакомые не узнавали его; все ребра его были переломаны. Но и среди этих тяжких страданий святой мученик Христов не переставал громким голосом исповедовать Иисуса Христа, как бы не слыша, не чувствуя мук и страданий своих.

Между тем мучители усугубили свои страдания: они обвязали ноги святого льном, пропитанным маслом, и зажгли этот лён. Страдалец воспылал, тая как воск. Но и этою мукою не был устрашен святой мученик; наоборот, исполняясь всё большего и большего дерзновения, он еще более громко начал прославлять Иисуса Христа, обличая и укоряя в то же время нечестие и безбожие язычников. Затем святой мученик снова был заключен в темницу.

После этого, на третий день по заключении в темницу святого Амфиана, мучители снова начали испытывать твёрдость веры мученика новыми муками. Но так как святой и на этот раз остался непреклонным в исповедании веры Христовой, то игемон приказал предать его смерти, ввергнув его во глубину морскую. Воины привязали камень к телу мученика и, отвезя его довольно далеко от берега, бросили его в море. Тотчас же море взбушевалось, земля потряслась, город тот заколебался, и все бывшие там язычники исполнились великого страха и ужаса. Потом волны морские изнесли на землю из глубины морской тело святого мученика.

Так окончились страдание святого мученика Амфиана, во второй день месяца апреля[2359].

Вслед за тем были взяты на мучение многие другие христиане и в числе их – брат Амфиана, Едесий. При этом одни из христиан подвергались многоразличным мукам и страданиям, другие же были посланы язычниками в Палестину для работы на медных рудниках; к числу этих последних принадлежал и святой Едесий.

Спустя год святой Едесий был отведен из Палестины в египетский город Александрию. Увидя здесь однажды языческого князя Иероклея восседавшим на судилище и чрезмерно ярившимся на христиан (он отдавал целомудренных дев и жен христианских на поругание язычникам), святой Едесий исполнился мужества и дерзновения; устремившись к тому князю, святой Едесий в присутствии всех ударил его по лицу, затем поверг на землю, продолжая бить, укоряя его в то же время во всеуслышание за его неправедный суд. Тотчас же святой Едесий был схвачен воинами, бывшими здесь, и предан на мучение подобно своему брату святому Амфиану. После продолжительных мук святой Едесий был предан одинаковой с братом смерти, быв утоплен в море. Таким образом и святой Едесий принял святой венец мученический вместе с Амфианом, быв награжден им от Христа, Спаса нашего, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом, вовеки. Аминь.

Память преподобного отца нашего Тита чудотворца

Память 2 апреля

Блаженный отец наш Тит, с юных лет возлюбивший Христа и возненавидевший мир, подвизался в киновии[2360]. Приняв на себя образ иноческий, он с великим терпением проходил здесь скорбный и тернистый путь жития иноческого. За свою великую добродетель смирения и послушания, в которой преподобный Тит превосходил всех братий той киновии, он был возведен в сан пресвитера, – пастыря словесных овец.

Преподобный Тит был преисполнен великой любви к своим ближним. Сохраняя себя чистым и душевно, и телесно с самого юного возраста, святой Тит являлся как бы Ангелом Божиим на земле. За свою добродетельную жизнь преподобный Тит был удостоен от Бога дара чудотворения. Сияя добродетелями иноческого жития, святой Тит был в то же время непоколебимым столпом православия, так как ревностно защищал святую Церковь от нападков на нее еретиков-иконоборцев[2361]. Пожив достаточно и указав своим последователям достойный подражания образец жития постнического, преподобный Тит с миром отошел ко Господу[2362].

Память святого мученика Поликарпа, пострадавшего в Александрии[2363] при императоре Максимиане

Память 2 апреля

Святой Поликарп обличил игемона Александрии за несправедливое пролитие им неповинной крови христианской, за что и был предан многоразличным мукам. Но так как святой Поликарп оставался твердым и мужественным исповедником имени Христова и посреди мучений, то, по приказанию игемона, он был усечен мечом [2364].

Житие преподобного отца нашего Никиты Исповедника

Память 3 апреля

Преподобный Никита происходил из Кесарии Вифинской[2365] от благочестивых родителей. Отец его, по имени Филарет, лишившись супруги, отошедшей к Господу в восьмой день по рождении отрока Никиты, постригся в иночество; отрок же был воспитан матерью отца, еще находившеюся тогда в живых. Достигнув сознательного возраста и получив книжное обучение, преподобный Никита отдал себя на служение Богу. Сначала он проходил в церкви пономарское служение[2366], упражняясь в чтении Божественных книг, потом он удалился к некоему отшельнику Стефану, мужу добродетельному; получив от него достаточное наставление, преподобный Никита, по его совету, отправился затем в монастырь мидикийский, основанный преподобным Никифором, который был и игуменом в нем. Последний охотно принял Никиту, провидя в нем благодать Божию, и постриг его в иноческий чин. Здесь преподобный Никита подвигами поста, смирения, послушания и вообще своею добродетельною жизнью вскоре превзошел всех иноков. Не прошло семи лет со дня поселения его в монастыре, как, по убеждению настоятеля, принял он сан пресвитера, в который и был посвящен святейшим Тарасием, патриархом Цареградским. Тогда преподобный Никифор, ввиду своей дряхлости, вручил преподобному Никите, несмотря на его нежелание, управление монастырем вместе со старшинством. И правил преподобный Никита монастырем ко благу вместо отца своего Никифора, бдительно пася словесное стадо и умножая его примером своей добродетельной жизни: многие, слышав о его богоугодном житии, отвергались мира, приходили в обитель, ища наставлений преподобного Никиты на путь спасения, и оставались в ней. Благодатью Христовою, в течение немногих лет, число братий увеличилось до ста.

Здесь был и блаженный Афанасий, дивный муж, воистину достойный почитания. Невозможно в кратких словах описать его

добродетель и великую любовь к Богу, которую показал он при отречении от мира. Было в нем чему подивиться и самим Ангелам. Презирая для Бога этот мир и его похоти, блаженный Афанасий ушел тайно из дома родительского в один монастырь, желая начать иноческие подвиги; но отец его, узнав о том, с яростью поспешил в этот монастырь, взял сына, которого весьма любил, снял с него монастырское одеяние, присвоенное послушникам, и облек в светлые драгоценные одежды, а затем насильно отвел домой.

– Отче, – сказал ему отрок, – неужели этими дорогими одеждами ты думаешь заставить меня переменить мое намерение, когда мне весь мир ненавистен? «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Матф.16:26).

Отец затворил его в отдельной горнице и всячески старался поселить в его душе любовь к миру. Но он, любовью к Богу побеждая любовь сыновнюю и пристрастие к суетному миру, совлек с себя мирские одежды, в которые был одет, и разорвал их на мелкие части. Увидев это, отец облек его в другие, еще более ценные, ибо был богат, знатен и славен. Отрок поступил и с новыми одеждами как с первыми. Такой поступок блаженного Афанасия привел отца его в великую ярость, он немилосердно бил Афанасия нагого – и раны во множестве покрыли тело его; плечи и хребет от жестоких ударов начали гноиться, так что врачам пришлось лечить его и обрезывать сгнившие части тела. Отрок же говорил:

– Если даже на куски раздробит меня отец мой, всё же не отлучит меня от любви Божией (ср. Рим.8:35) и не отвратит от намерения моего.

Тогда отец умилился и после долгого плача сказал Афанасию:

– Иди, чадо мое, в путь добрый, избранный тобою, и да будет тебе Христос помощником и избавителем от всякой сети вражией.

Афанасий возвратился в прежний монастырь, принял на себя полный иноческий чин и настолько смирился, что в нем нельзя было заметить ни мирского слова, ни обычая, ни

пристрастия к приобретению каких-либо предметов. Кроткий и смиренный нрав, тихое и ласковое слово, самое ветхое рубище для прикрытия тела отличали Афанасия; безмерной суровостью было проникнуто житие того, кто получил изнеженное мирское воспитание, как сын богатых родителей. Столь добродетельного мужа, проведшего много лет в трудах иноческих, привлекла в мидикийский монастырь любовь к преподобному отцу нашему Никите и слава его ангелоподобного жития; и для обоих преподобных, Никифора и Никиты, блаженный Афанасий был желанным собеседником и сожителем. По прошествии некоторого времени Афанасий принял в монастыре, по просьбе их, должность эконома. Точно одна душа и один разум в двух телах, управляли монастырем блаженный Афанасий с преподобным Никитой, наставляя братий словом и примером на всякую добродетель, – на совершенное угождения Богу: они насаждали в братии любовь, поучали смирению, были бдительными стражами их чистоты, душевной и телесной, подкрепляли немощных и малодушных, стоящих утверждали, а падающих восстанавливали разнообразными наставлениями и увещаниями, а когда один из них бывал по-видимому суровым наставником, другой являлся увещателем самым кротким и милостивым. Оба были любимы всеми, и братия принимали слово их как исходящее из уст Божиих.

Но не до конца жила вместе двоица столь добродетельных наставников. Прошло несколько лет, и преподобный Афанасий в 26 день октября преставился ко Господу, причем обратился к братии с таким последним словом:

– По кончине моей вы вполне удостоверитесь, обрету ли я, хотя сколько-нибудь, благодати у Бога.

Когда преподобный Афанасий был погребен, то на гробе его, от самых его персей, вырос, по повелению Божию, кипарис, листья которого совершенно исцеляли всякие недуги. Потом и преподобный Никифор, создатель и первый игумен мидикийского монастыря, после многих трудов и болезней телесных, отошел ко Господу в 4 день мая.

Так осиротел преподобный Никита, лишившись духовного своего отца, святого Никифора, и любимого друга, преподобного

Афанасия; немало скорбел он по обоим, ибо весьма любил их. Утешением в скорби служило ему твердое упование, что усопшие получили благодать и блаженную жизнь у Владыки Христа, Которому угодили добрым служением от юности.

По преставлении блаженного отца Никифора вся братия просили преподобного Никиту принять сан и именоваться игуменом: ибо, пока был в живых преподобный Никифор, святой Никита не принимал наименования и сана игуменского, хотя и управлял вполне монастырем вместо отца своего святого Никифора, немощного от старости в течение уже многих лет. По усиленным просьбам братии и особенно по убеждениям многих отцов других монастырей, он принял этот сан и получил благословение святейшего патриарха Цареградского Никифора, бывшего преемником Тарасия. К прежним трудам преподобный Никита присоединил новые, когда с помощью Божией стал править монастырем как игумен, заботясь о спасении вверенных ему душ. Прославляя угодника Своего, Бог даровал ему благодать исцелять недуги и изгонять бесов. Ознаменовав крестом одного отрока, немого от рождения, преподобный Никита возвратил ему дар слова; инока, помутившегося рассудком, исцелил помазанием святого елея; одного из вновь принятых, бесноватого, молитвою избавил от бесовского мучительства, беса же, обернувшегося змеем, отогнал; другого, также бесноватого, освободил от духа лукавого – и многих страдавших лихорадкой, горячкой и иными различными болезнями чудесно исцелил пребывавшею в нем благодатью Христовою. Так жил он, угождая Богу, и достиг старости; пред концом же жизни своей явил себя доблестным исповедником и претерпел страдание за почитание святых икон.

В те времена еще не прекратилась ересь иконоборства. Осужденная святыми отцами седьмого Вселенского собора[2367], она как бы обновилась, получив опять помощь от царской власти, от которой и началась. Первым из греческих царей-иконоборцев был Лев, третий из носивших это имя, прозванием Исаврят[2368]; от него ересь иконоборческая получила силу и умножилась, как вредная болезнь. Он первый издал повеление – отвергать иконы, и, пользуясь своею царскою властью, многих

побудил к неправому мудрованию; изгнав правоверного патриарха, святого Германа, он возвел на престол единомысленного себе еретика Анастасия[2369]. По смерти этого злочестивого царя вступил на престол сын его, Константин Копроним[2370], еще сильнейший гонитель Церкви Божией: он не только отвергал святые иконы, но и святых угодников Божиих запретил именовать святыми, и мощи их вменял в ничто.

Скажем кратко: этот царь являлся христианином только по внешности, а в душе был вполне неверным жидовином. Пречистую Матерь Божию, высшую всякого создания, защиту и прибежище всего мира, он, окаянный, дерзал хулить, отвергая Ее пресвятое имя и Ее честные иконы; о ходатайстве же Ее к Богу, которым весь мир существует, он запретил и вспоминать. На укорение Богоматери он показывал мешок, полный золотых монет, и спрашивал предстоящих:

– Драгоценен ли этот мешок?

Предстоящие отвечали:

– Настолько драгоценен, насколько содержится в нем золота.

Высыпав из мешка золото, Копроним снова спрашивал:

– Ценен ли мешок теперь, без золота?

Ему отвечали:

– Какая же от него польза, когда в нем нет монет? Пустой мешок ничего не стоит.

Тогда Копроним говорил:

– Так и Мария: пока имела во чреве Своем Христа, дотоле и была достойна почитания, а родив Его, лишилась этого почитания, и ничем не отличается от прочих жен.

О сквернейшие уста и язык нечестивейший! Какую хулу дерзал он возносить на честнейшую всех небесных сил и святейшую всех святых Матерь Создателя! Разве царица, родив царского сына, уже недостойна царских почестей? Разве мать царя только до тех пор почитается, пока носит царя в утробе? Горе окаянному хулителю, который ничем не отличался от хулителей – жидов богомерзких! И не только хулитель был сам таков, но и других льстивыми обещаниями и грозными запрещениями побуждал к таковому же нечестивому хулению,

непокорных же и противящихся ему подвергал различным мукам, моря узами и продолжительным голодом, ужасными ранами терзая тело, усекая мечом, сожигая огнем, потопляя в глубине морской, – словом, всевозможными способами причинял нестерпимые муки и горькую смерть верным и истинным рабам Христовым. За это и сам страшною смертью изверг окаянную свою душу и при издыхании испустил горестный вопль:

– Заживо предан я огню неугасимому!

И тот, кто прежде хулил Пречистую Матерь Божию, теперь повелел почитать Ее песнопениями – но, вполне отвергнутый Божиим милосердием, уже не обрел себе отрады.

Когда погиб (со срамом) этот мучитель, вступил на престол сын его Лев, четвертый из носивших это имя, также еретик-иконоборец, подобный своему отцу, но и он вскоре умер. После него приняла царство жена его Ирина[2371] с малолетним сыном Константином. Она возвратила святой Церкви мир, созвав седьмой Вселенский собор для осуждения иконоборной ереси. Исполнилась радости вся Церковь Христова, приняв вместе с иконами первоначальное благолепие свое и увидев на престолах православных царей и архиереев. После Ирины царствовал Никифор, затем Михаил, оба православные. Потом вступил на престол Лев, по прозванию Армянин[2372], пятый из носивших это имя. Подражая прежнему соименному с ним нечестивому Льву Исаврянину, он, подобно ему, воздвиг гонение на православных и святых, обновляя и восстановляя таким образом уже осужденную иконоборную ересь. Он искал себе помощников – единомысленных злоучителей, и нашел нескольких вельмож, из которых самыми приверженными иконоборной ереси были двое – Иоанн, прозванием Спекта, и Евтихиан; из лиц священнического сана он привлек на свою сторону Иоанна, прозванием Грамматика, нового Тертулла[2373], сосуд избранный диаволом, и некоего Антония Силея; из иноческого чина – Леонтия и Зосиму, который некоторое время спустя был уличен в распутстве, наказан отсечением носа и постыдно умер, оставив по себе худую славу. С ними царь

утверждался в зловерии, а они своими советами поощряли его на брань, которую он уже начал воздвигать против Церкви.

Собрав отовсюду из страны своей в Царьград архиереев и прочее духовенство, Лев призвал в свою палату святейшего патриарха Никифора со всем Освященным собором, желая, чтобы пред его лицом и в присутствии всех вельмож они имели прения с вышеназванными единомышленниками царя и, пока еще тайными, еретиками. Сначала царь сам повел беседу с православными; притворяясь православным, он взял с груди икону распятия Христова, которую имел на себе, лицемерно склонил пред ней голову и сказал святым отцам:

– Я со своей стороны ни в чем не отличаюсь от вас, ибо почитаю святую икону, как сами видите; но появились другие, которые учат иначе и говорят, что их путь правый. Пусть они явятся здесь пред вами, и путем вопросов и ответов да откроется правильное учение об иконах. Если они в споре окажутся более справедливыми, убедив очевидными доводами, что их мнение согласно с истиной, то вам должно не только не противиться доброму делу, но даже способствовать ему; если же они будут вами побеждены и обличены в заблуждении, то пусть перестанут рассеивать пагубное учение. И тогда, как раньше, пусть останется прежнее учение об иконах. А я буду слушателем и судьею вашего обоюдного прения; ибо если мне подобает судить о меньших вещах, то насколько более должен я заботиться об управлении церковном? Выслушаю вас, должен выслушать и другую сторону, – и на чьей стороне будет, по моему убеждению, правда, той и последую.

Но святейший патриарх и с ним все архиереи отнюдь на это не соглашались; они не желали не только иметь прение со зломудренными еретиками, но даже и видеть их, не соглашаясь, чтобы те явились пред их лицо.

– Эта ересь уже рассмотрена и осуждена с проклятием святыми отцами седьмого Вселенского собора; нет нужды ее более рассматривать, и восстанавливать в Церкви то, что вполне ею отвергнуто.

Видя, однако, что царь весьма склонен к зловерию и помогает еретикам, святые отцы говорили с ним смело. Святой

Емилиан, епископ Кизический[2374], сказал:

– Царь! Если вопрос, для которого ты призвал нас, – рассмотрение о правой вере, – вопрос церковный, то подобает обсуждать его, по обычаю, в святой церкви, а не в царской палате.

Царь возразил:

– Но и я сын церкви и выслушаю вас как посредник и примиритель, чтобы, сообразив доводы обеих сторон, узнать самую истину.

На это отвечал ему святой Михаил, епископ Синадский:

– Если ты посредник и примиритель, то почему делаешь не то, что подобает посреднику и примирителю? Собираешь противящихся учению Церкви, держишь в своей палате, даешь им смелость безбоязненно всех поучать, чтобы держались злочестивых догматов! А православные, страшась твоих грозных запрещений, даже в углах не смеют говорить что-либо в защиту православия. Это знак не посредничества и примирения, а гонения и мучительства.

– Я со своей стороны, – отвечал царь, – рассуждаю, как сказал, одинаково с вами; но так как до меня дошло, что есть сомнение относительно почитания икон, то мне подобает это не замалчивать, но стараться узнать истину. Какая же причина тому, что вы не хотите беседовать с противниками вашими? Очевидно, та, что вы невежды и не имеете тех свидетельств из Божественного Писания, которыми могли бы защищать ваше мудрование.

Тогда святой Феофилакт, епископ Никомидийский, сказал:

– Христос, икону Которого ты имеешь сейчас пред глазами, свидетель, что мы имеем бесчисленные доказательства нашей православной веры, утверждающие благочестивое почитание святых икон; но никто не слушает нас, и трудно нам иметь какой-либо успех в борьбе с державною рукою, с силою, налагающею на нас запрещение.

Потом к царю обратился святой Петр, епископ Никейский:

– Как приглашаешь ты нас иметь прение с теми, кому помогаешь и с которыми вместе сам нападаешь на нас? Или неизвестно тебе, что если бы даже манихеев[2375] ты ввел сюда и

захотел бы им помогать, то и они под твоей защитой легко одержали бы над нами верх.

Еще более смелую речь произнес святой Евфимий, епископ Сардийский.

– Слушай, царь! Уже более восьмисот лет, как Христос Господь наш, сошедший на землю, всюду в церквах изображается иконописанием и почитается в Своем образе. Кто же настолько горделив, что дерзнет изменить или отменить предание, столько лет хранимое в церквах и через святых Апостолов, мучеников и боговдохновенных отцов дошедшее до нашего времени? Апостол говорит: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2Фес.2:15). И еще: «если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал.1:8). Поэтому и был собран, в благочестивое царствование Ирины и Константина, Вселенский собор против первых еретиков-иконоборцев, и Сам Сын Божий перстом Своим отметил тот собор; кто дерзнет что-либо из постановлений того собора нарушить или уничтожить, да будет проклят.

Хотя слова эти и возбудили в царе страшный гнев, однако, он слушал терпеливо, лицемерно притворяясь кротким. Дерзнул безбоязненно говорить и святой Феодор, ревностный церковный учитель, игумен Студийского монастыря:

– Царь! Не разрушай устроенного ко благу чина церковного. Говорит святой апостол Павел: Бог дал в церкви «поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых» (Ефес. 4:11–12), царей же не прибавил сюда апостол. Тебе, царь, поручено править мирскими делами, государством и воинскими силами, о них и заботься, а церковное управление, по учению Апостольскому, оставь пастырям и учителям. Если же не сделаешь так, то знай, что если бы даже Ангел с неба принес учение, противное нашей правой вере, то мы не послушаем его, а тем более тебя, бренного человека.

Тогда царь весьма разгневался и, сочтя слова святых отцов за хулу и оскорбление себе, обнаружил внутреннюю ярость,

которую доселе скрывал под притворною кротостью. С бесчестием и оскорблениями удалив из палаты весь Освященный собор, он несправедливо сверг затем с престола праведного пастыря, святейшего патриарха Никифора, также поступил и с прочими православными архиереями, и всех разослал на заточение в различные страны и места, равно и преподобного Феодора Студита. На патриарший цареградский престол возвел он одного из советников своих, мирянина Феодота, прозванием Касситера, верою еретика, человека греховной жизни, который как бы для исцеления недуга своего (он говорил, что болен желудком), а на самом деле ради греха держал у себя некую рабыню, занимавшуюся врачебным искусством. Также и на других престолах царь посадил, по изгнании православных, своих зловерных лжеепископов и выбросил святые иконы из святых церквей. И началось вновь на православных такое же гонение за почитание икон, какое было раньше при Льве Исаврянине и сыне его Копрониме.

Царь-еретик Лев Армянин и единомысленный ему лжепатриарх Феодот созвали в Царьграде свое беззаконное сборище и, сами находясь под клятвой, прокляли православных, Божественных и благословенных святых отцов, несогласных же с этим неправедным сборищем предавали разным мукам и смерти. Когда еретическое сборище окончилось, царь призвал к себе игуменов из главнейших монастырей, и в числе их Божественного отца нашего Никиту, о котором мы повествуем. Сначала льстивыми речами он склонял их к своему зловерию, а потом, видя, что они не покоряются его воле, заключил их в различные темницы, каждого отдельно, и думал: как дальше с ними поступить?

И находился преподобный Никита много дней в смрадной темнице. Уже самое это смрадное темничное заключение было для святого немалым мучением; кроме того, каждый день приходили к нему разные люди бесчинные и бесстыдные нравом и словом, недостойные даже имени человеческого. Хульными и срамными словами они бесчестили и укоряли святого старца и причиняли ему великие обиды. Эти люди нарочно были подосланы еретиками; среди них самым злым

был один, по имени Николай: он особенно печалил преподобного, оскорбляя его безумными и сквернословными речами, пока ему не явился во сне давно умерший отец его, сказав: «Оставь раба Божия». С того времени Николай перестал суесловить, и не только сам не докучал святому, но и другим не позволял докучать. Много дней провел преподобный в темничных страданиях; потом царь повелел отвести его на заточение в страну восточную, в город Масалеон. Была лютая зима, и много бед перенес старец в своих худых одеждах от мороза, снега и ветра. Притом и приставник, ведший его в изгнание, оказался жестоким, лишенным всякого сострадания, человеком: он изнурял старца во время путешествия, заставляя его спешить, чтобы в короткий срок пройти очень долгий путь.

Так же поступил царь и с прочими честными игуменами, каждого отдельно послав в изгнание. Потом, размыслив в себе, что, держа в заточении тех, кто выше всякой скорби, он не только не достигнет успеха, но даже побудит их еще с большим усердием держаться своего учения, – царь, непостоянный умом, переменил свое намерение. Едва пять дней прожил преподобный Никита в Масалеоне изгнанником, как царь повелел его, а также и прочих игуменов, немедленно возвратить в Византию. Обратный путь был совершен еще скорее первоначального, так что святой от быстрого путешествия и от великой стужи едва остался жив. Когда все игумены были приведены в Византию, царь повелел оставить их под присмотром, пока не решит, каким способом привлечь их к единомыслию с собою. Прошла зима, святая Великая Четыредесятница и пресветлый праздник святой Пасхи; тогда царь отдал узников вышеупомянутому Иоанну Грамматику, точно диавольскими устами учившему красноречию, чтобы он мучил их, как хочет. Затворив в различных темницах каждого отдельно, он мучил их не меньше, чем язычники святых. Темницы были тесны, мрачны, смрадны и причиняли тяжкие страдания заключенным, не имевшим никаких удобств, даже постелей. Через малое оконце подавали им, как псам, нечистый и гнилой хлеб, лишь по восьми золотников на день, чтобы только не умерли они от голода, и мутную, зловонную воду.

Содержа отцов в такой нужде, мучитель Иоанн думал победить их или принудить к согласию с собою, или уморить. Еще к большей печали преподобного Никиты, злобный Иоанн захватил его бывшего ученика, только что достигшего юных лет, именем Феоктиста; он также заключил его в тяжкой темнице, мучил голодом и жаждой. Еретики, видя, что отцы готовы скорее умереть, чем отступить от своего правоверия, измыслили против них такую хитрость. Они сказали:

– Ничего иного мы от вас не требуем, кроме того, чтобы вы приобщились только один раз в церкви с патриархом Феодотом Святых Таин; более ничего делать не будете, и пойдете свободно каждый в свой монастырь, со своей верою и мудрованием.

Введенные в заблуждение этим лукавством еретиков, отцы до некоторой степени склонились на их желание. Потом, убедившись в обмане, они вполне раскаялись и возвратились на благой путь. После того как каждого из них выпустили из особого темничного затвора и заключения, они пришли к преподобному отцу Никите и начали убеждать и молить его, чтобы он согласился вступить в общение с Феодотом и вышел из темницы. Святой Никита не соглашался оставить темничное заключение, переносимое им для Христа, и отнюдь не желал исполнять просьбу отцов; но отцы настояли, говоря:

– Невозможно нам выйти отсюда, а тебя оставить здесь: небольшого дела от нас требуют – только причаститься вместе с Феодотом; вера наша в нас останется. По рассуждению, в настоящих тяжелых обстоятельствах лучше разрешить себе малое, чем погубить всё.

Так они долго и докучливо настаивали и принуждали Никиту; преподобный, не из желания избежать страданий и не из боязни мук, но по прилежным мольбам отцов и почитая седины их, склонился помимо воли своей к их увещанием и вышел. Ему предстояли жизнь и смерть; и хотя он охотнее избрал бы смерть за Православие, чем жизнь, однако, не ослушался в то время честной дружины, правая вера и добродетельная жизнь которой были ему известны.

Все вместе пошли к лжепатриарху; тот, чтобы удобнее уловить их к общению с собою, повел их в некое молитвенное место, нарочно украшенное иконами, чтобы отцы, при виде святых икон, заключили о правоверии патриарха. Там Феодот служил литургию; они приняли причащение из рук его и слышали из уст его такие слова: «Кто не почитает иконы Христовы, анафема да будет». Патриарх сказал так не потому, что сам почитал икону Спасителя, но из лицемерия – пред отцами, чтобы они не сомневались иметь с ним общение. Потом, когда все разошлись по своим монастырям, преподобный Никита начал сердечно скорбеть, что имел общение с лжепатриархом Феодотом, лицемерным обманщиком: малое уклонение от правого пути святой вменял себе во всецелое заблуждение. Он задумал удалиться в иную страну и там каяться в своем прегрешении. Сев на корабль, он поплыл к острову, называемому Проконнис (на Мраморном море, ныне Мармара). Но потом он рассудил в себе: где было прегрешение, там должно быть и покаяние, – и вернулся в Византию.

Открыто ходя по городу, преподобный Никита безбоязненно учил людей держаться правых догматов, установленных святыми отцами седьмого Вселенского собора. Царь узнал об этом, призвал святого к себе и спросил:

– Зачем ты не ушел в свой монастырь, как прочие игумены? Почему ты один остался самовольно, не повинуясь, как я слышу, нашему повелению? Или власть нашу ты вменяешь в ничто? Исполни повеление наше и иди в свой монастырь; если не пойдешь, я велю мучить тебя.

Святой кротко отвечал:

– Царь! В монастырь мой я не пойду, веры моей не оставлю, держусь и буду держаться моего исповедания; его держатся отцы мои, святые православные епископы, и без вины терпят от тебя изгнание, узы и многие беды, защищая Православную Церковь, в которой мы пребываем и утешаемся надеждой славы Божией. Знай же достоверно обо мне, что не из боязни смерти и не из любви к временной жизни я сделал то, чего не следовало делать, но ради послушания повиновался

старцам и против желания: лишь исполняя их волю, вошел в общение с лжепатриархом Феодотом, о чем ныне жалею и в чем раскаиваюсь. Будь вполне уверен, что отныне нет у меня никакого общения с вами: держусь предания святых отцов, которое принял сначала. Делай со мной что хочешь и не надейся слышать от меня что-либо иное.

Царь, видя твердость его убеждения, отдал его некоему Захарии, начальнику царских палат, называемых Мангана, чтобы тот держал его под стражей до решения. Захария был муж добрый и благочестивый; он не только не причинял старцу никакого огорчения, но даже оказывал ему много почёта. Потом царь послал преподобного Никиту в заточение на остров святой мученицы Гликерии: этот небольшой остров назывался именем святой мученицы потому, что там лежали святые мощи ее и были созданы во имя ее великая церковь и монастырь, порученный еретичествующими властями некоему евнуху Анфиму. Этот человек отнюдь не отличался добротой, – был волхв, святотатец, способный на зло, неприязненный, лукавый, гордый и немилосердый; тамошние жители за лютость и злой нрав называли его Каиафой. Подобные люди назначались тогда для управления монастырями, чтобы, при поддержке мирской власти, всё изменять по своему произволу. Анфим принял присланного к нему святого и, пользуясь властью, данной ему прислaвшими, усердно мучил его. Заключив угодника Божия в самую тесную темницу, он подвергал его беспрерывным мучениям, не позволяя ему даже выглянуть из темницы; сам носил ключ от нее и скудную пищу приказал подавать ему через очень узкое отверстие. Вожди еретиков много обещали этому Анфиму, если он принудит преподобного Никиту к единомыслию с ними, и окаянный из-за этого особенно досаждал святому, надеясь принуждением склонить его к еретическому мудрованию; но преподобный переносил причиняемое ему за благочестие зло с любовью; Бог же явил в нем чудесную благодать Свою и показал, что это муж праведный, святой и чудотворный помощник людям в бедах. Вышеупомянутый Захария, когда он по народным делам был послан царем во Фракийские страны, попался в руки варваров, которые отвели

его в плен. Об этом узнал святой Михаил, епископ Синадский, также содержавшийся в темнице за Православие, он послал сказать преподобному Никите:

– Наш общий друг Захария связан и уведен в варварскую страну; прошу тебя, умоли о нем Бога, ибо ты это можешь.

Получив такую весть, святой глубоко опечалился и весь этот день не вкушал пищи, вечером же взял свечу у служащего ему брата Филиппа, зажег и всю ночь стоял на молитве, умоляя о плененном Захарии милосердого Бога, да освободит его из рук варварских. И было ему извещение от Бога, что вскоре Захария выйдет на свободу. Утром пришел Филипп, увидел, что отец светел лицом и радостен духом, и сказал ему:

– Отче! Вчера я оставил тебя весьма печальным и скорбным, а теперь вижу радостным. Прошу тебя, поведай мне причину этого перехода твоего от печали к радости.

Святой ответил:

– Я радуюсь, что мы вскоре увидим здесь друга нашего Захарию.

Так и было. Прошло немного дней; царь греческий заключил мир с варварами, и с обеих сторон начали размениваться пленниками. Посылая пленников на обмен, царь не имел в виду Захарии, ибо уже узнал, что он держится догматов седьмого Вселенского собора, помогает православным; поэтому он оставил его в руках варваров, да погибнет там. Когда варвары отпустили многих греческих пленников, Захария же остался, предводитель варваров сказал ему:

– Хочешь ли идти на родину?

– И очень хотел бы, – отвечал Захария, – но царю нашему не угодно было избавить меня от этого плена.

Предводитель сказал:

– Я тебя освобождаю; иди согласно своему желанию.

Видя, что предводитель варваров так неожиданно милостив к нему, Захария познал, что Сам Бог устрояет это по молитвам святых отцов, которым некогда он оказывал добро. Исполнившись смелости, он сказал предводителю:

– Если угодно тебе отпустить меня на свободу, то даруй мне и другого пленника, единоименного мне и

соотечественника, который вместе со мной был в узах.

Предводитель отвечал:

– Возьми и его, и идите оба с миром на родину.

Так был освобожден Захария. Прибыв с другом своим на остров к преподобному отцу Никите, он благодарил его за святые молитвы, ради которых Бог избавил их от варварского плена. Еще и другое преславное чудо сотворил этот святой отец: своею усердною молитвою к Богу избавил от потопления и вывел на сушу невредимыми трех братьев, которые, плавая по морю в одной ладье, среди ночи были внезапно застигнуты волнением. Так, находясь сам в узах пленником и бедствуя, он чудесно избавлял других от уз и бед.

Преподобный страдал в темнице шесть лет, до самой погибели богопротивного царя Льва Армянина. Когда последний был неожиданно убит своими воинами и вступил на престол Михаил из Аммории, прозванием Травлий, или Валвос, стали выпускать святых отцов из уз и заточений на свободу; тогда был освобожден и преподобный отец Никита, игумен Мидикийского монастыря, без пролития крови мученик, мужественный исповедник православия, непобедимый воин Христов. Он не пошел в свой монастырь, а поселился в одном уединенном месте недалеко к северу от Византии, желая жить безмолвно. Там он после продолжительных страданий своих жил недолгое время, но многие оказал чудесные благодеяния силою многоцелебной благодати. Пред кончиной своей, после всех перенесенных в изгнании многоболезненных страданий, заболел он уже в последний раз, причастился Божественных Таин в субботу, а в воскресенье на рассвете преставился ко Господу в 3 день месяца апреля[2376].

О святой кончине его тотчас стало известно в столице и окрестностях. Вскоре из города и отовсюду собралось множество народа обоего пола и обоего чина, духовного и мирского, братия из Мидикийского и прочих монастырей, пришли и два епископа, святой Феофил Ефесский и святой Иосиф Фесалонитский; опрятав по обычаю честное тело святого отца, они положили его в раку, отнесли на корабль и отвезли в Мидикийский монастырь. Блаженный Павел, епископ

Плусиадский, с множеством иноков и мирян встретили тело на берегу, подняли на плечи и понесли в монастырь. На пути совершались дивные чудеса: недужные получали исцеление и одержимые избавлялись от духов лукавых; одна женщина, долго страдавшая кровотечением, лишь коснулась святых мощей преподобного, тотчас получила исцеление. При соборном пении псалмов и подобающих песней, положили преподобного по левой стороне паперти, в гробнице прежде почившего святого отца Никифора, первого игумена той обители. И после погребения также совершались многие чудеса и подавались исцеления приходящим с верою, во славу Христа Бога нашего, во святых Своих прославляемого, Ему же со Отцом и Святым Духом да будет от всех честь и слава и поклонение, ныне и всегда и во веки веков, аминь.

Память преподобного отца нашего Иосифа, песнописца и творца канонов

Память 4 апреля

Отечеством святого Иосифа была Сицилия[2377]. Родители его, Плотин и Агафия, были люди благочестивые и добродетельные; за их богоугодную жизнь Господь и даровал им такого сына, который, как выдающийся творец канонов, украсил Церковь для ее блага священными песнопениями. Отрок был воспитан в добром книжном научении и благонравии и уже в его детских обычаях можно было видеть указание на то, что, став мужем, он достигнет совершенства в добродетелях: он был кроток, тих, смирен, уклонялся от отроческих игр; с детства полюбив пост и воздержание, не искал вкусных яств, питаясь лишь хлебом и водою, да и то вечером; Божественное Писание изучал весьма успешно. Так возрастал Иосиф телом и духом, когда произошло нашествие варваров на сицилийскую страну, и родители его были вынуждены бежать из отечества своего в иные страны. Сначала Иосиф отправился с ними в Пелопоннес, но потом, оставив родителей, удалился в Фессалонику, столицу Македонии; здесь он поступил в монастырь, постригся в иноческий чин и учился трудам постническим, прилежно проходя все виды подвижнической монашеской жизни и добродетелей; и стал он мужем совершенным и иноком опытным. Земля, покрытая кожею, служила ему постелью, ветхое рубище – одеждою; пощение его было велико, пища – небольшой кусок хлеба и немного воды, стояние – всенощное, коленопреклонение – непрестанное; в устах всегда пение, а в руках работа. Прилежно читал он Божественные книги, исполнялся премудрости и разума духовного и, как Ангел Божий, сиял среди братий примером чистого и святого жития. Невозможно рассказать подробно о его добрых делах и многих подвигах.

Так благоугодно трудился он для Бога больше других. По настояниям игумена и братии, принял он сан священства, быв рукоположен в пресвитера епископом Фессалоникским. Будучи

пресвитером, он еще усилил свои подвиги и труды, и часто совершал Божественную литургию, со слезами молился о себе и о всем мире. Пришел в монастырь тот преподобный Григорий Декаполит[2378]; увидев преподобного Иосифа, он очень полюбил его как мужа святого и приобрел себе в нем друга и сожителя. Прошло некоторое время, и Григорий, отправляясь в Византию для укрепления верных, смущаемых еретиками, просил игумена и братию отпустить с ним ему в помощь Иосифа: ибо не хотел разлучаться с ним. Но и братия с игуменом не хотели лишиться такого сожителя, истинного раба Божия. Однако, уважая просьбу великого старца и внимая нуждам Церкви, волнуемой бурей еретической, они отпустили блаженного Иосифа с святым Григорием Декаполитом в Византию.

Прибыв туда, Иосиф и Григорий поселились при церкви святых мучеников Сергия и Вакха и, соревнуя друг другу, повели жизнь суровую и изнурительную, – особенно блаженный Иосиф, подражавший старейшему подвижнику, великому отцу Григорию; взяв его себе в образец, он решил в сердце своем непрестанно совершенствоваться в добродетели. Оба трудились, прилежно поучая благочестивых соблюдать себя от вредной ереси, не смущаться и не сомневаться в догматах правой веры и быть твердыми в исповедании истины. В то время нечестивый царь Лев Армянин возобновил уже осужденную[2379] иконоборную ересь и воздвиг великое гонение на Церковь; он извлекал из храмов Божиих святые иконы, бесчестно попирая их ногами; единомысленных с ним еретиков он ставил на престолы православных пастырей, которых свергал и при этом мучил и губил различными способами некоторых из них.

Тогда святой Григорий со святым Иосифом, облекшись в броню веры, начали обходить городские улицы, площади и дома верных, с советом, увещанием и мольбою – не прельщаться еретическим лукавством. И были слова их подобны росе утренней, когда она оживляет цветы и траву полевую, вянущую от дневного зноя: они оживляли сердца человеческие, малодушествующие, сомневающиеся и как бы увядающие от зноя еретических учений. Потом многие иночествующие обратились с просьбой к преподобному Григорию, чтобы он

блаженного Иосифа, как искусного в слове и способного по своей телесной крепости предпринять труд долгого пути, послал в древний Рим, к православному папе Леону Третьему[2380] и ко всем тамошним православным, возвестить о гонении, воздвигнутом в Царьграде на святую Церковь. Они рассчитывали, что православные окажут из Рима помощь гонимым, опровергнут неправые догматы и заградят хульные уста еретиков. Преподобный Григорий в беседе с блаженным Иосифом подавал ему такие советы:

– Чадо, настало ныне время явить сердечную любовь твою к Богу и ревность к благочестию; иди в древний Рим и возвести главе тамошних христиан и всем православным на Западе, какую беду на святую Восточную Церковь навел злочестивый царь и по имени зверь, как оскорбил и попрал икону Христову и Пречистой Его Матери, отнял у Церкви украшение ее, изгнал неповинных добрых пастырей, а лжепастырям наемникам и хищным волкам вручил стадо Христово, и теперь овцы расхищаются и разгоняются. Возвести, как изо дня в день яростная буря, поднятая державным, волнует Церковь Христову, и лютый Лев, пришедший из Армении, изрыгает угрозы и поглощает многих своим еретическим лукавством. Возвести, убеди и упроси, да обнажат православные меч слова Божия и противостанут гонящим нас.

Так и подобное этому говорил святой Григорий. Блаженный Иосиф, от юности вполне привыкший к послушанию, не возражал нимало; смиренно преклонив голову, он испросил у Григория отеческих молитв и благословение для путешествия, вошел в корабль и поплыл в Рим.

Но иное было угодно непостижимым судьбам Божиим. Все на пользу устрояет Бог, и нередко посредством таких обстоятельств, которые кажутся нам неблагоприятными и жестокими, творить дивные и преславные дела к прославлению Своего святого имени. Так, по устроению Божию, оказалось препятствие и к путешествию Иосифа в Рим. Единомысленники царя Льва Армянина, слуги и помощники мучительства их, узнав, что многие, гонимые иконоборством, уходят из столицы в иные страны, начали устраивать тайно по путям водным и

сухопутным разбойнические засады, чтобы схватывать беглецов и возвращать их в руки иконоборцев. Не осталось тайным для них и то, что преподобный Иосиф посылается православными монахами на Запад, в Рим; они подговорили морских разбойников напасть на него, и преподобный попал в руки врагов. Они разбили корабль, захватили также всех спутников преподобного Иосифа и отвезли их в Крит, к иконоборцам, где преподобный, обремененный тяжкими оковами, был ввержен в темницу. Здесь день и ночь утешал он боговдохновенными речами сотоварищей своих по заключению, которых немало страдало вместе с ним за правую веру; сам радуясь в узах о Господе, он говорил другим:

– Что может быть сладостнее и радостнее тех уз, которыми мы обременены за любовь ко Христу и святой иконе Его? Если и причиняет нам некоторую скорбь кратковременное заключение, то за это страдание должно нам благодарить Бога, ставя себе светлым примером святого Павла, который неизреченно радовался, что сподобился за Имя Иисуса Христа страдать в оковах, и ценил их, точно дорогие камни и золотые украшения. Более того, мы «к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его. Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному» (1Пет.2:21–23), по словам верховного Апостола святого Петра. Правда, телесные страдания причиняют некоторую скорбь, но нельзя назвать носителем Христова ига того, кто не пойдет вслед Ему и не будет переносить, хотя частью, тех страданий, которые Он перенес за нас. Будучи всесильным Богом, Он мог и иным каким-либо образом спасти человека, однако благоволил, чтобы от труда и страдания родилась та сила добродетели, которая была бы в состоянии открыть издавна затворенные врата небесные. И не показал Он нам иного пути к спасению, кроме пути труда и скорби. Зачем же смущаться нам, истощая здоровье наше в страданиях за святую икону Спасителя и Пречистой Его Матери? Противясь злочестивому повелению царя, мы получим Божию благодать и благовременную помощь.

Такими и подобными речами утешал и укреплял преподобный Иосиф соузников своих, заключенных с ним в темнице за почитание икон. Пришлось разделить их заключение и некоему православному епископу, также за почитание святых икон взятому на страдание. Он, чувствуя бессилие перенести темничные лишения, по-человечески смущался мыслями: из желания освободиться от уз и страданий начал уже склоняться к иконоборной ереси и, подобно кораблю при сильном волнении, недалек был от потопления. С какими только увещаниями не обращался к нему преподобный Иосиф, когда уразумел смущение его! Каких только слёз не пролил, с мольбою увещевая его без колебания умереть за икону Христову, как за Самого Христа! И боговдохновенные речи его не остались напрасными: епископ исполнился такой твердости, что даже в лютейших муках не отвергся благочестия своего и в мужественном величии души претерпел всё до конца. Выведенный на пытку, при виде мучителей и орудий мучения, он нимало не обнаружил страха, но сам снял с себя одежды и отдал себя на истязание, желая тысячу раз умереть – если бы было возможно – за Христа Бога, во плоти изображаемого иконописанием. Повешенный нагим на месте мучений, весь пронзенный стрелами, пораженный, наконец, в голову большими камнями, епископ предал дух свой Господу. Узнав о мученической кончине епископа, блаженный Иосиф весьма порадовался непоколебимому мужеству его и возблагодарил Христа, утвердившего на таковой подвиг избранного воина Своего, который, хотя и обнаружил в начале некоторую слабость, но потом вполне исправился и победил врага. Подобным образом святой Иосиф и иных избавил от гибели душевной и направил ко Христу, непрестанно поучая всех спасительному пути; самого же его Бог спасал от смерти, сохраняя его жизнь на пользу весьма многих.

Преподобный Иосиф провел в темнице шесть лет; и вот злочестивого царя Льва Армянина постигла лютая кончина: в ночь накануне праздника Рождества Христова он был убит своими воинами в церкви, за утреней. В тот же самый час преподобный Иосиф в критской темнице был извещен о

погибели мучителя и чудесно освобожден от уз явившимся ему святителем Николаем. Всю эту ночь святой Иосиф провел без сна, беспрерывно воспевая праздничные песнопения и молясь; перед рассветом яркое сияние озарило темницу, и предстал пред ним облеченный в святительские одежды, святолепный и честный муж, с седыми волосами, светлым лицом, и сказал ему:

– Из Мир Ликийских пришел я к тебе, посланный Богом, дабы немедля принести тебе радостную весть: враг, смутивший Церковь и рассеявший овец Христовых, лишился и царства, и жизни, призванный на суд Божий. Ныне должно тебе возвратиться в Константинополь и утвердить многих обитающею в тебе благодатью Духа Святого.

Затем святитель дал ему свиток и сказал:

– Прими этот свиток и съешь его.

В свитке же было написано: «Ускори щедрый, и потщися, яко милостив на помощь нашу, яко можеши хотяй». Иосиф взял этот свиток, прочитал и, съев, радостно сказал: «Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим» (Пс.118:103).

Тогда повелел явившийся ему воспеть те же слова. Радостно воспел их святой Иосиф, и тотчас вериги и оковы его ослабели и спали с шеи, рук и ног его, и услышал он слова явившегося ему святителя:

– Встань и следуй за мной.

Он встал; двери темницы сами собою отворились, и он вышел, без ведома темничной стражи. И увидел он себя носимым по воздуху некою невидимою силою. В непродолжительном времени он оказался близ Константинополя, на большой дороге, ведущей в город, и прославил Бога за такое преславное чудо.

Войдя в город, Иосиф не нашел уже в живых любимого им отца Григория Декаполита – он отошел ко Господу, – а видел лишь ученика его, блаженного Иоанна, и вместе с ним у гроба Григория много скорбел, что не сподобился застать в живых святого отца. Спустя немного времени и Иоанн отошел ко Господу, и был погребен близ святого Григория. Потом

преподобный Иосиф переселился на иное место, уединенное и безмолвное, находившееся за городом, недалеко от церкви святого Иоанна Златоустого. Поселившись здесь, он создал церковь во имя святителя Христова Николая, перенес в нее мощи обоих отцов, Григория и Иоанна, устроил монастырь и собрал братию. Сюда к преподобному Иосифу постоянно стекалось слушать его боговдохновенное учение много людей духовных и мирских, ибо благодать Духа Святого подобно реке текла из уст его сладостными речами. Будучи однажды в Фессалии, преподобный Иосиф получил от одного известного ему добродетельного мужа значительную часть мощей святого Апостола Варфоломея, он принес ее в свою обитель и, создав особую церковь во имя святого Апостола Варфоломея, с честью положил в ней часть святых мощей его. Питая великую любовь и веру к святому Апостолу, он часто сподоблялся видеть его в сновидениях. Он желал украсить праздник святого Апостола хвалебными песнопениями, но не решался, сомневаясь, будет ли угодно это дело святому Апостолу, и усердно молил Бога и Апостола Божия открыть ему это и даровать премудрость свыше для создания достойных святого Варфоломея, хвалебных стихов. С постом и слезами молился преподобный Иосиф сорок дней, и когда приблизился день памяти Апостола, в навечерие празднества увидел он, что в алтаре явился святой Варфоломей, облеченный в белые ризы, открыл алтарную завесу, призывая его к себе. Когда же преподобный Иосиф подошел ближе, святой Апостол взял с престола Святое Евангелие, положил его на грудь Иосифу со словами:

– Да благословит тебя десница всесильного Бога, и да изольются на язык твой воды небесной премудрости: сердце твое да будет храмом Духа Святого, и песнопения твои да усладят вселенную.

Так сказал святой Апостол Варфоломей и стал невидим, а преподобный Иосиф, ощутив в себе благодать премудрости, исполнился радости неизреченной и благодарения. С того времени начал он писать церковные гимны и каноны, которыми украсил праздник не только святого Апостола Варфоломея, но и многих святых, по преимуществу же почтил он многими

канонами Пречистую Богоматерь и святителя Николая. Обильно украсил он святую Церковь песнопениями и получил наименование песнописца.

По воцарении Феофила[2381] снова восстала на Церковь буря иконоборства, снова многие подверглись гонению и мучению. Тогда и преподобный отец наш Иосиф песнописец, за безбоязненное и открытое обличение ереси, был изгнан в Херсон, где в узах и страданиях оставался до смерти Феофила. Царица Феодора с сыном Михаилом, принявшая правление по смерти Феофила и со святейшим патриархом Мефодием восстановившая Православие[2382], возвратила Иосифа в Царьград. Святой Игнатий, принявший престол по преставлении святого Мефодия, сделал преподобного Иосифа сосудохранителем великой Божией Константинопольской церкви. За добродетельную жизнь и за исходившие из уст его премудрые и душеспасительные речи, многих обращавшие на путь спасения, преподобный Иосиф был весьма любим святейшим патриархом и всем духовным и мирским чином. Прошло несколько лет, и преподобный Иосиф за обличение беззакония снова потерпел изгнание от Варды, брата царицы, первого, после царя, властелина. Не боясь Бога и не стыдясь людей, Варда тяжко нарушил законы Церкви, удалив от себя законную супругу свою без вины с ее стороны и взяв себе в жены родственницу свою. Преподобный Иосиф открыто обличал его, как некогда святой Иоанн Предтеча Ирода, и за это Варда преследовал его и причинял ему зло. Той же участи подвергся и святейший патриарх Игнатий, потерпев от беззаконного Варды изгнание и многие беды. Когда же Варда был убит слугами царя (и погиб с шумом), а за ним и царь Михаил лишился жизни также от своих приближенных и Василий Македонянин[2383] принял царство тогда святой Игнатий и преподобный Иосиф были возвращены в Царьград, и Игнатий снова принял престол свой, а Иосиф – прежнюю должность сосудохранителя. Не только святейший Игнатий, но и преемник его, патриарх Фотий[2384], любили и почитали святого Иосифа песнописца. Фотий вручил преподобному все церковное управление, называл его человеком Божиим, Ангелом во плоти и отцом

отцов, и повелел всему клиру своему иметь преподобного Иосифа отцом духовным, открывать ему совесть и исповедовать прегрешения. Обладая прозорливостью, преподобный провидел утаиваемые грехи, но не обличал грешника, а наставлял его увещательными речами до тех пор, пока исповедывающийся, умилившись, не открывал тайного беззакония: ибо силен был Иосиф в боговдохновенных речах и легко мог обращать грешных к покаянию.

Прожив много лет и достигши глубокой старости, Иосиф впал в немощи телесные от многих трудов, в которых подвизался с юности – от поста, гонений за правду, от уз и темницы, от забот о церковном устроении, об украшении песнопениями праздников и памятей святых и от великих попечений о спасении душ человеческих. Перед отшествием из мира, в конце святой Четыредесятницы, впал он в болезнь и в сновидении получил от Бога извещение о своем скором преставлении. В святой Великий Пяток вольных страстей Христовых он переписал все вверенные ему церковные вещи и дела и отослал к святейшему патриарху Фотию. Потом, готовясь к исходу, начал молиться Богу, говоря так:

– Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что сенью крыл Твоих Ты сохранял меня во все дни жизни моей! И ныне соблюди до конца дух мой и даруй мне без вреда избежать князя тьмы и страхов воздушных, да не послужат к радости врага моего прегрешения жизни моей, по неведению мною совершенные. Слово Отчее, сохрани стадо Твое и защити до конца века все созданное десницей Твоей. Возлюбленным сынам Церкви Твоей будь помощником; святой Церкви, невесте Твоей, даруй мир вечный и тишину невозмущаемую; царское священие[2385] просвещай Твоими дарами; гордого велиара[2386] покори под ноги защитников православной веры, все вредные для души ереси отврати от Церкви. Душе же моей даруй мирное и кроткое разлучение с телом. Если и недостоин я принадлежать к числу святых угодников Твоих, в которых обитал Дух Святой, – ибо сознаю себя грешным пред Тобою, – то Ты, бесконечно благий, не взирай на грехи мои, но сотвори меня достойным участи сынов Твоих.

Сотворив молитву и причастившись Божественных Таин, преподобный Иосиф благословил всех бывших при нем, воздел к небу руки свои и с светлым и радостным лицом предал Богу свою святую душу.

Тотчас отовсюду стеклось множество иноков и мирян; многие из них плакали, называя почившего, одни – отцом, другие – воспитателем, иные – благодетелем, иные – утешителем, другие – учителем, наставником и вождем к спасению. С прославлением проводили ко гробу и с почестями погребли его: но еще честнее и славнее была провождена бессмертными духами святая душа его в небесные обители. Это сподобился видеть очами один любимый им друг, муж праведный и богоугодный, находившийся в значительном расстоянии от места кончины преподобного. В тот час, когда возлюбленная Богом душа Иосифа, разлучившись с телом, возносилась к небу, упомянутой муж слышал голос свыше, говоривший ему:

– Он вышел, – и, взглянув вверх, увидел раскрывшийся свод небесный и лики святых, выходившие оттуда: сначала лик апостольский, потом мученический, пророческий и святительский. Дивился и ужасался тот муж чудесному видению и недоумевал о значении его. И снова услышал он голос: «Смотри и внимай, и узнаешь значение всего тобою видимого». И тотчас увидел он четырех юношей светлее всех, и посреди их Деву неизреченной чистоты и славы: то была Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, Матерь Христа Бога нашего. Шествуя, повелевала Она воинствам святых мужей принять ту святую душу, которая прославила в песнопениях их деяния и память и подражала житию их. И все с неизреченной радостью встречали и с усердием и любовью принимали некое достойное почитания лицо, возводимое к небу. Созерцатель сего, упомянутый муж, мысленно спрашивал себя:

– Кого же воинства небожителей сподобляют столь великой чести?

И слышал громкие голоса Ангелов, возводивших душу святую: «Это Иосиф песнописец, украшение всей Церкви, сподобившийся благодати Духа Святого, подражавший житию

Апостолов и мучеников и описавший дела их, за что ныне от тех же святых принимает почесть и похвалу». Так душа преподобного Иосифа песнописца была введена с торжеством в небесные обители. Это преславное видение исполнило мужа-очевидца великой радостью, а также и великим сожалением, что не сподобился он затем видеть ту славу, с которою благословенная душа вошла внутрь горних обителей, предстала и поклонилась пресветлейшему свету Триединого Бога.

Есть и другое известие о провождении преподобного Иосифа на небо. Была в Царьграде церковь святого мученика Феодора Фанерота, что значит объявителя (открывателя), так как притекающим с молитвою открывал он об украденных, утаенных или погибших вещах. Бежал от одного человека раб очень полезный ему, и тот человек в печали пришел в церковь святого Феодора Фанерота, отслужил молебен и молил мученика Христова показать ему раба его. Три дня и три ночи пробыл он в церкви и, не получив откровение, в скорби хотел удалиться. За утреней, когда читалось в церкви душеполезное слово, он немного задремал во время чтения и увидел явившегося ему святого Феодора, который сказал:

– Что скорбишь, человек? Разлучался от тела Иосиф, творец священных гимнов, и мы были при нем. Он преставился в эту ночь, и мы все, почтенные от него канонами и песнопениями, провождали душу его к небу и поставили пред Лицо Божие. Вот почему я замедлил явиться тебе. Теперь же я здесь и прошение твое исполняю: иди на такое-то место, – и назвал имя места, – там найдешь раба твоего, которого ищешь.

Оба эти извещения убеждают нас, какую великую славу получил преподобный Иосиф за труды свои от Бога и какую почесть и похвалу от святых Божиих. Предстоя ныне в небесных селениях престолу Божию, он воспевает Ангельские песни, прославляя и восхваляя Отца и Сына и Святого Духа, Триединого Бога, вовеки, аминь.

Кондак, глас 4:

Покаяния источник неисчерпаемый, утешения податель некончаемаго и умиления пучина еси Иосифе: слезы нам

подаждь покаяния Божественнаго, имиже утешение зде плачущеся обрящем от Бога, твоея помощи просяще, святе.

Страдание святой мученицы Фервуфы

Память 4 апреля

После мученической кончины персидского епископа святого Симеона, которую он претерпел от руки царя Сапора[2387], остались в живых две его сестры: одна – девица, по имени Фервуфа, а другая – вдова и, кроме того, – одна рабыня.

Святая дева Фервуфа была еще очень молода и отличалась необыкновенною красотою. Услышав о красоте ее, царица персидская, жена Сапора, приказала привести ее к себе. Итак, по прошествии года со времени убиения святого епископа Симеона, царские слуги привели святую деву Фервуфу вместе с сестрой ее и рабыней к царице. Увидавши своими собственными глазами чудную красоту Фервуфы, царица обратилась к ней с такими словами:

– При твоей красоте, дева, тебе следует быть госпожой над многими людьми

Святая же Фервуфа ответила ей:

– Я имею Жениха – Христа, за Которого претерпел страдание брат мой; о другом женихе я не могу даже и помышлять!

Ни о чем более не расспрашивая Фервуфу, царица приказала ей вместе с сестрою и рабынею ее остаться пока в ее царском дворце.

На следующий день утром царица внезапно заболела. Для того, чтобы вылечить ее, во дворец к ней явились персидские волхвы[2388]. Один из этих волхвов, увидав в палатах царицы прекраснейшую Фервуфу, был поражен красотою ее; вскоре после того, уйдя от царицы, волхв тот послал к святой деве сказать следующее:

– Если ты пожелаешь быть моею женой, то я попрошу царицу отпустить тебя на свободу, и ты будешь обладать большими богатствами.

Святая же Фервуфа ответила ему:

– Будучи христианкой, я не могу сочетаться браком с язычником.

Волхв, плененный красотою Фервуфы, таким ответом был весьма пристыжен и приведен в гнев. Явившись к царю Сапору, он сказал ему:

– Болезнь царицы не случайная: ей дана какая-нибудь отрава. В палатах царицы пребывают две сестры-христианки, брат которых – христианский епископ Симеон – был убит по твоему повелению. Несомненно, что проживающие во дворце сестры убитого епископа, по злобе на тебя, поднесли отраву твоей царице.

Царь тотчас же приказал привести сестер на допрос.

Когда все три женщины – святая Фервуфа, сестра ее и рабыня были введены в царскую палату, то, по приказанию царя, к ним вышел для допроса начальник волхвов Мавптис вместе с двумя другими сановниками. Когда пришли и воссели на своих местах трое этих судей, пред ними поставили для допроса упомянутых трех женщин. Как только названные судьи заметили необычайную красоту святой Фервуфы, то все они возгорелись к ней похотью, скрывая в то же время друг от друга свои дурные домыслы. После того судьи спросили приведенных женщин:

– Для чего вы отравили царицу, властительницу вселенной? За этот поступок вы достойны смерти!

– Зачем, – отвечала святая Фервуфа от лица всех женщин, – сатана вложил в ваше сердце такую несправедливую мысль и ради чего вы хотите несправедливо обесславить нас? Если вы жаждете нашей крови, то нет никого, кто бы воспретил вам пить ее. Если вы желаете нас умертвить, то ведь ничто не препятствует этому: ведь вы ежедневно оскверняете в этом руки ваши. Как христиане, мы умираем за Христа – Бога нашего, не отрекаясь от Него, потому что Он есть жизнь наша; как предписано нам поклоняться и служить Единому Богу, так мы и будем поступать. В наших книгах написано также и то, что волхв и чародей не должны жить, но должны умереть от руки своих же соплеменников (Исх.22:18; Лев.20:6). Каким же образом могли бы мы приготовлять отраву для кого бы то ни было, зная, что такой поступок есть нисколько не меньшее преступление, как

если бы кто отрекся от Бога нашего, потому что за оба эти греха одинаково предстоит смертная казнь?

В то время как святая Фервуфа говорила это, судьи с удовольствием слушали ее, дивясь красоте и мудрости ее, и чувствовали себя бессильными возразить что-либо на ее слова. Каждый из них размышлял сам в себе: «Я упрошу царя, чтобы он освободил этих женщин от смерти, и возьму сию девицу себе в жены». И только едва Мавптис нашелся сказать:

– Если вам закон и запрещает чародействовать, то тем не менее вы могли сделать это из мести за смерть брата вашего.

Святая Фервуфа ответила на это:

– Правда, наш брат пострадал от вас; но если бы мы в возмездие за его смерть пожелали вам смерти, то мы погубили бы жизнь свою пред своим Богом; если вы, пылая яростью, и убили нашего брата, тем не менее он жив и радуется со Христом в Небесном Царстве Его; в сравнении же с этим Царством ваше – ничто!

Когда святая изрекла эти слова, князья повелели отвести всех женщин в темницу.

Ранним утром на следующий день начальник волхвов Мавптис тайно послал слугу своего в темницу к святой Фервуфе, поручив ему сказать следующее:

– Вот, я готов упросить царя, чтобы ты и те, кто с тобою, остались живыми, только согласись быть моею женою.

Святая же дева дерзновенно отвечала на это:

– Враг Бога и всякой правды! Закрой уста свои и не осмеливайся более говорить мне такие нечестивые речи! Я не могу более слушать их! Вовеки не будет того, чего желаешь ты! Один раз навсегда я сочеталась с Господом моим Иисусом Христом, ради Которого сохраняю мое девство и ради Которого стараюсь соблюсти в чистоте мою веру. Он один, свободный от греха, силен освободить меня из ваших нечестивых рук и может избавить меня от тех козней, которые вы мне устраиваете. Я не боюсь смерти и не страшусь крови. Тот путь, по которому вы хотите повести меня, доведет меня до возлюбленного брата моего, святого епископа Симеона. Там я и найду утешение в

моих печалях и скорбях, которые особенно сильно испытываю после его смерти.

Таким образом святая невеста Христова Фервуфа дерзновенно отогнала от себя посланного к ней Мавптисом человека, и самого Мавптиса заставила устыдиться. Подобным же образом поступила святая Фервуфа и с двумя прочими судьями, плененными ее красотою. Каждый из них также тайно посылал к ней в темницу своих послов, соблазняя святую Фервуфу на вступление в брак с собою; но все не имели успеха и были посрамлены святою.

После того как все трое судей заметили друг у друга страсть к святой деве, то, видя всю неуспешность своих попыток завладеть ею, они решили во что бы то ни стало погубить сию святую деву, а также и тех женщин, которые были с нею. С этою целью они пошли к царю и донесли ему, что эти три женщины христианки – волшебницы и чародейки, а потому – достойны смерти. Царь сказал, что если они хотят остаться в живых, то должны поклониться солнцу.

Будучи снова представлены на суд тем же трем упомянутым выше судьям, святые мученицы, выслушав царское приказание – поклониться солнцу, отвечали:

– Мы поклоняемся Богу, Творцу неба и земли; солнцу же, – творению нашего Бога, мы не можем воздавать тех почестей, какие воздаем Богу. Никакие ваши угрозы не заставят нас отказаться от любви к Господу и Богу нашему Иисусу Христу.

В то время как святые жены произносили эти слова, Мавптис и двое других судей, бывших с ним, громким голосом возопили:

– Пусть погибнут с лица земли эти три женщины, которые дали отраву царице и причинили ей жестокую болезнь!

Немедленно затем вышел от царя смертный приговор святым мученицам, по которому три женщины-христианки должны были умереть такою смертью, какую захотят изобрести для них персидские волхвы. Эти же нечестивые волхвы сказали:

– Если эти женщины не будут рассечены пополам и если царица не пройдет сквозь рассеченные половины их тел, то она

не может выздороветь.

Когда, затем, были ведены святые мученицы для рассечения пополам, Мавптис снова послал к святой деве Фервуфе своего слугу, который сказал ей от его имени:

– Если ты пожелаешь меня послушаться, то ты не умрешь; также не умрут и те женщины, которые находятся с тобою.

– Для чего ты, нечестивый, – укоряла гневным и громким голосом Мавптиса святая дева, – говоришь то, чего я не могу слушать. Я окончательно желаю умереть за Христа, Бога моего, дабы получить от Него жизнь вечную. Неужели я возлюблю жизнь временную для того, чтобы умереть для жизни вечной?

После этого нечестивые мучители вывели святых мучениц за город и здесь приготовили для каждой по два воткнутых в землю столба.

Затем святую деву Фервуфу привязали к одному из столбов за шею, а к другому за ноги. Таким же образом привязали к остальным столбам и прочих святых мучениц. После же всего перепилили пополам большою плотничьею пилою святых мучениц. Таким образом святые мученицы, невесты Христовы, предали чистые души свои в руки бессмертного Жениха своего.

Мучители же, водрузив шесть больших столбов – по три на каждой стороне дороги, повесили на них распиленные части тел святых мучениц. Сии последние были как бы прекраснейшим, висящим на древах, покрытым кровью плодом. Явилось зрелище, полное ужаса и достойное слёз. Затем по той же самой дороге была пронесена между повешенными телами святых мучениц нечестивая царица персидская, за которой шло великое множество народа. После всего этого честные тела святых мучениц были брошены в ров.

Так святая мученица Фервуфа вместе со своею сестрою и рабынею окончила в четвертый день месяца апреля[2389] свои страдания за Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Память преподобного Зосимы

Память 4 апреля

Преподобный отец наш Зосима с детства почувствовал желание служить Богу. Будучи еще в юном возрасте, он ушел в монастырь и принял иноческое пострижение в Тире[2390], в стране Палестинской. Доблестно пожив в иноческом житии, он стал опытным иноком и удостоился многих откровений от Бога. Проводя время в молитве, он со слезами постоянно занимался ручным трудом. И пришло ему однажды на мысль, найдется ли среди пустынножителей муж, который бы подвигами своими был выше его. Тогда явился ему некто неизвестный и сказал:

– Зосима, достиг ты, как человек, высокой степени подвижничества, но никто из людей не может быть совершенным, а чтобы ты узнал, как много существует различных способов спасения, выйди из места, где ты подвизаешься теперь, и иди в монастырь, который находится близ Иордана.

Зосима сделал так, как повелено было ему, и отправился в указанный монастырь[2391]. В этом монастыре существовал обычай, по которому в Великий пост все иноки уходили из монастыря в пустыню на молитву, оставляя в монастыре одного только привратника, а затем в Великий четверг снова сходились в монастырь для святого Причащения. Когда наступило время, ушел в пустыню вместе с другими иноками и Зосима. Здесь он увидел святую Марию и погнался за нею, но она сказала ему:

– Зосима! Если ты желаешь видеть меня, то дай мне одежду твою.

Зосима исполнил просьбу Марии, и она, одев на себя одежду, рассказала ему по порядку о себе все, что она делала от юности своей, – как она сперва проводила жизнь в блудодеянии и как затем пришла в пустыню. После этого она просила Зосиму в следующем году прийти на Иордан со Святыми Дарами. Когда прошел год, Зосима пришел с Телом и Кровью Христовою. Тут он увидел, как преподобная пришла к нему через Иордан, как посуху, и причастил ее. На третий год он

снова пришел в пустыню и нашел преподобную Марию уже мертвою[2392]. От старости он не имел сил похоронить ее и, увидев льва, сказал ему:

– Зверь! Похорони преподобную Марию, ибо я стар и не могу копать.

Тотчас же лев вырыл яму, и Зосима похоронил честное тело преподобной Марии. Возвратившись в монастырь, он рассказал игумену Иоанну и всей братии о преподобной Марии и о том, как прославил ее Господь. После этого честной отец наш Зосима подвизался еще в молитве, слезах и различных подвигах и скончался в глубокой старости[2393]. Иноки монастыря с честью похоронили его.

В тот же день память преподобного Георгия Безмолвника.

Страдание святых мучеников Агафопода и Феодула

Память 5 апреля

В царствование нечестивых римских императоров Диоклетиана и Максимиана[2394] в Фессалоникии[2395] проживали двое богоугодных служителя Церкви Божией, Агафопод и Феодул. Агафопод был саном диакон, имел уже преклонный возраст и проводил жизнь целомудренную. Феодул же был чтецом. Сын благочестивых родителей-христиан, он был молод и красив лицом и проводил жизнь беспорочную. У Феодула были три брата по плоти: Капитон, Митродор и Филосторгий, проводившие такую же благочестивую жизнь, как и он сам.

Блаженный Феодул еще раньше своего страдальческого подвига воспринял от Бога залог имевшего дароваться ему венца мученического. Почивая однажды ночью, Феодул в сонном видении намеревался получить от некоего почтенного человека в свою руку некую вещь. Пробудившись от сна, Феодул действительно нашел в своей руке весьма красивый, неизвестно из чего сделанный, перстень с печатью, имеющею изображение святого Креста. Это было знамением страданий святого Феодула за Христа, Бога нашего, пострадавшего ради нас на Кресте. Святой юноша Феодул исцелял впоследствии этим перстнем всякие болезни между людьми. Кого бы ни встречал он из больных, имея при себе сей перстень, – немедленно страждущего оставляла болезнь и он становился здоровым, так что даже многие эллины, видя это, обращались ко Христу.

Когда вышеупомянутые языческие цари воздвигли гонение на христиан, то повсюду разослали свои приказы, – принуждать всех людей к поклонению делу рук человеческих – идолам, а не к поклонению Единому Богу, Создателю всех[2396]. Такого рода царский приказ пришел и в Фессалоникию, где были выставлены на показ всем орудия мучений, уготовленные для не повинующихся царскому повелению[2397]. Многие из верующих бежали отсюда, стараясь скрыться, кто где мог; другие

мужественно отдавали себя на мучения и, наконец, третьи, будучи малодушными и слабыми, убоявшись мучений и смерти, переходили на сторону язычников и вкушали вместе с последними идольские жертвы, предпочитая таким образом настоящую суетную жизнь жизни бессмертной. Но они, избегая кратковременных мучений, приуготовляли тем самым себе вечную смерть и погибель. Таковым радовался диавол, но великодушными и мужественными воинами Христовыми он всегда бывал побеждаем и посрамляем, как например сими двумя святыми Агафоподом и Феодулом. Эти последние во время наступившего лютого гонения не убежали, не скрылись, но непрестанно пребывали в дому Божием, день и ночь молясь Богу о святой Его Церкви, подвергшейся таким бедствиям, и день и ночь ожидая начала своих страданий. Действительно, когда о святых узнали языческие воины, они тотчас схватили их и бросили в темницу. В то время начальником Фессалоникии был Фавстин. Воссев на своем судейском месте, он приказал привести к себе на допрос исповедников Христовых – Агафопода и Феодула. Как бы позванные на пиршество, с радостью отправились они, держась руками друг за друга и мужественно восклицая:

– Мы христиане!

Когда святые предстали пред судилищем мучителя, то он, желая прежде всего уловить своими обольщеньями младшего, приказал всем удалиться, а Агафопода отвести в другое место. Затем, подозвав к себе поближе Феодула, он ласково сказал ему:

– Смирись, юноша, умоляю тебя, отвергни свое новое лжеучение христианское и приступи к выполнению законов и обычаев, установленных древностью, если не хочешь в мучениях окончить жизнь свою.

Святой же Феодул отвечал ему:

– Я давно уже оставил заблуждение и обман и боюсь за тебя, так преданного суете, дабы ты не подвергнулся смерти вечной.

Судья не обиделся на эти слова святого, но снова всячески стал соблазнять приступить к принесению жертв идолам,

обещая ему подарки и почести. Находившийся здесь поблизости жрец Зевса[2398], по имени Ксенос, сказал святому:

– Если почести и подарки не убеждают тебя к принесению жертвы, то пусть мучения убедят тебя повиноваться царским повелениям!

– Ужасы мучений ни в каком случае не смогут запугать меня, – отвечал мученик жрецу, – и никогда не склонят к исполнению вашей воли.

На слова говорившего, затем Фавстина о том, что жизнь почетная лучше мучительной смерти, святой Феодул отвечал:

– Действительно, я сознаю, что жизнь лучше смерти, и потому-то я и решил в уме своем презреть сию земную и кратковременную жизнь, дабы мне соделаться участником в бессмертной жизни и вечных небесных благах. Итак, замучь меня ранами и огнем, и ты увидишь, что мучимое тело мое подвержено тлению и гибели, разумная же душа моя, будучи нетленною, после мучений тотчас же освободится от уз тела и будет веселиться в жизни бесконечной.

– Умоляю тебя, – продолжал судья, – сообщи мне, Кто же даст тебе те великие блага, из любви к Коему ты решил презирать ныне мучения и самую смерть?

– Бог, – отвечал святой Феодул, – все определивший законами природы, и Его Сын, Христос, Слово Отца (Ср. Ин.1 и след.), крестом Которого назнаменован я с самого моего младенчества; я не оставлю этого знамения до конца жизни своей и скорее соглашусь лишиться через мучения своего тела, нежели отрекусь от сего знамения Христова. Я верный слуга моего Владыки, и ты не победишь меня ни огнем, ни железом!

Игемон Фавстин, изумившись таковому мужеству и смелости святого юноши Феодула, повелел отвести его подальше от себя в отдельное место. Затем, позвав к себе святого Агафопода, он сказал ему:

– Поклонись богам нашим! Вот и Феодул, находившийся также в обмане, ныне дал обещание поклониться им и принести вместе с нами жертву.

Уразумев хитрость и обман игемона, святой Агафопод сказал ему:

– И я с радостью принесу жертву истинному Богу и Его Сыну Иисусу Христу, ибо и Феодул обещался Сему, а не иному какому богу принести благоприятную жертву.

Фавстин же возразил ему:

– Нет, Феодул обещал принести свою жертву не этому Богу, а двенадцати богам[2399], содержавшим всю вселенную.

Святой же Агафопод с улыбкою отвечал ему:

– Для чего ты называешь богами то, что сделано мастером из тленного материала? Могут ли быть богами те, которые сделаны руками людей, поклоняющихся своему творению, как будто существам лучшим и совершеннейшим? Боги ли те, которые не могут оказать сопротивления желающим ниспровергнуть и разбить их и не могут ничем защитить себя, – которые глазами не видят, ногами не ходят и не имеют в себе ни одного какого бы то ни было чувства? Боги ли те, про которых эллины говорят, что они имеют живую душу и предаются разного рода омерзительнейшим блудодеяниям; а ныне мастера, делавшие их статуи, продают их за одну серебряную монету или за четыре мелких медных монеты? После всего этого могу ли я честь, подобающую всесильному Богу, воздавать недостойным и мерзким богам вашим? Могу ли я воспевать хвалы и песнопения пред глухими идолами вашими?

Когда святой говорил такие речи, окружавшие его начальники языческие убоялись того, как бы не утвердились в вере словами Агафопода и все прочие, приведенные для допроса, христиане. Поэтому они приказали немедленно увести Агафопода вместе с Феодулом в темницу.

В то время, когда вели святых в темницу, за ними следовала огромная толпа народа. Одни из толпы, сожалея юность святого Феодула, старались многими льстивыми речами поколебать его веру во Христа. Другие, взирая на почтенные седины Агафопода, говорили, обратившись к нему:

– Агафопод! Неужели и у тебя детский ум, и ты не понимаешь того, что полезно для твоей жизни!

Но святые шли, ничего не отвечая на все обращенные к ним слова.

Когда они дошли до темницы, то со смирением помолились здесь Богу и присоединились к числу содержавшихся здесь за различные преступления узникам.

В полночь святые были укрепляемы Божественными видениями и были бодры духом, с радостью восхваляя Иисуса Христа. После этого, чисто вымыв водою свое лицо и руки и преклонив к земле свои колена и головы, они вознесли следующую согласную молитву к Богу, взывая как бы едиными устами:

– Боже! Творец и Промыслитель всего, сотворивший видимый мир сей, учредивший непрестанное течение светил небесных для того, чтобы находящееся между ними солнце все просвещало в течение дня и способствовало произрастанию плодов земных, а луна сиянием своим рассеивала бы темноту ночи. – Боже! Ты, даровавший земле способность производить животных, глубине морской рыб и указавший птицам место в воздухе; – Боже! Ты, повелевший морю служить дарами своими созданному Тобою человеку. Ты, повелевший птицам оглашать воздух своим пением, Ты, повелевший земле произрастать в изобилии различные плоды для потребностей человека, дабы она устами людей воссылала Тебе благодарение и хвалу – Тебе, владыке всего мира. Боже! Ты не восхотел, дабы окончательно погиб беззаконный и отступивший от заповедей Твоих и предавшийся всякому греху род наш; Ты не попустил диаволу совершенно ослепить и увлечь за собою в вечную погибель разумную тварь, но предав забвению грехи людей, Ты, единственно по милосердию Своему, с небес ниспослал к людям Единородного Твоего Сына, дабы Он, приняв на Себя естество человеческое, соединил Свое бессмертие с нашею смертною природою и дабы, всегда сопребывая с Тобою, Твое Слово, через Которое все произошло, снова возвратило заблудившихся в неправдах на пути истины. Ты с Сыном и Духом Твоим святым, промышляя о вселенной преславными Твоими чудесами, привел людей, бывших ранее нечестивыми, к Своей святой вере. Ты, Сын Божий со Отцем и Духом Святым, победив законы естества и смерти, воскресил словом Своим Лазаря Четверодневного (Ин.11:1–44). Ты, возложенным на

глаза брением просветил слепого от рождения человека (Ин.9:1–38), подобно тому, как даровал скорое исцеление прикоснувшейся к Твоей одежде кровоточивой женщине (Мф.9:20–22), – как соделал здоровым расслабленного, повелев ему нести постель свою (Мф.9:2–8). Итак, и ныне Ты, о Боже, окажи милосердие нам, укрепи нас силою Твоею свыше, дабы мы, мужественно претерпевши, при Твоей помощи, все мучения, каким подвергнут нас нечестивые, возмогли достигнуть Царства Небесного.

В то время как святые молились такими словами, содержавшиеся вместе с ними в темнице соузники их, заключенные сюда за убийства или прелюбодеяния, преодолев в себе страх телесной смерти, поспешно припали к ногам святых, испрашивая у них прощения в грехах своих и спасения их души от вечной смерти. Находившийся же в это время вне темницы народ, разломав темничные двери, вошел внутрь темницы и с умилением внимал словам, которые говорили рабы Божии. Это заметил ревностный слуга диавола, фессалонийский главный судья Евпсихий, который поспешно побежал к военачальнику и сказал ему, что если сейчас же не будут казнены два содержимые в темнице христианина, то многие из народа оставят служение идолам. Военачальник воспылал гневом и немедленно послал воинов привести к нему юношу со старцем. И рабы Христовы были немедленно представлены пред неправедным судьею. Взглянув на святого Феодула, военачальник спросил его:

– Разве ты не знаешь, что ты должен исполнять приказания царей, обладающих вселенною?

– То, что повелевает Владыка неба и земли, – отвечал ему святой Феодул, – поистине справедливо и достойно внимательного выслушивания и немедленного исполнения. Что же повелевают временные цари ваши, то из их повелений должно исполнять лишь те, которые окажутся справедливыми и не противными Творцу небесному, повеления же несправедливые ни в каком случае не следует исполнять.

После этого военачальник Фавстин спросил святого:

– Скажи мне, кто сотворил небо?

Святой Феодул отвечал:

– Его сотворил Бог Вседержитель и Сын Божий, Иисус Христос, Который есть Отчее Слово.

– Не Тот ли, – спросил Фавстин, – Которого распяли иудеи, предав жесточайшим мукам?

– Да, это Тот, Которого распяли иудеи, – отвечал мученик. – Он добровольно соизволил пострадать за нас, потом силою Своего Божества воскрес из мертвых и был виден возносящимся, как победитель смерти, на небо, откуда снова придет для обличения и суда над неверующими.

– Почему же ты не желаешь, – снова спросил его Фавстин, – принести жертвы нашим богам?

– Не лучше ли, – отвечал святой, – приносить жертву Тому, Которым сотворены делатели идолов, чем приносить ее этим идолам. Поистине Создатель лучше создания!

Тогда военачальник Фавстин приказал совлечь со святого юноши Феодула одежды и обнажить его для мучений. В то же время глашатай громко выкрикивал:

– Принеси жертву богам, и будешь освобожден!

Но мученик говорил мучителю:

– Ты отнимаешь от тела моего одежды, но вовек не сможешь отнять веры, которую я имею к Богу моему.

В то время как святой говорил столь дерзновенно, презирал мучения и многократно порицал мучителей, военачальник приказал, чтобы пред глазами Феодула приносили жертву идолам те, которые первоначально были христианами, но, будучи побеждены мучениями, поклонились идолам. Взирая на это зрелище, святой Феодул болел сердцем за побежденных язычниками и отпавших от истины и сказал военачальнику:

– Немощных вы победили, а крепких воинов Христовых ни в каком случае не сможете победить, если даже изобретете и еще большие мучения! Знай же, военачальник, что приготовленные тобою нам ныне мучения ничтожны и достойны смеха. Изобрети более жесточайшие, дабы ты познал, какова наша вера и любовь к Богу.

После этого военачальник приказал Феодулу принести на судилище христианские книги. Но святой отвечал ему на это:

– Если бы я знал, что ты, познав суету идолопоклонения, отвергнешь его и пожелаешь утвердиться в истинном благочестии, то я принес бы тебе пророческие и апостольские книги. Но так как я замечаю, что ты помышляешь лукавое, то по сей причине не передам Божиего дара в твои руки.

– Если ты тотчас же не исполнишь моего повеления, – отвечал Фавстин, – то я не пощажу тебя, разорву на части твое тело и выброшу его на съедение зверям.

– Вот, мое тело отдается для мучений, – продолжал святой, – делай с ним, что хочешь; замучь меня наиболее жестоким способом, но все же я не отдам святых книг для поругания нечестивым!

Желая затем запугать мученика, военачальник приказал вести его на место усекновения мечом, предполагая, что при виде близкой смерти святой побоится и подчинится его воле.

И вот, когда святой был приведен к предназначенному для усекновения месту и увидал поднятый на себя обнаженный меч, он воззвал к Богу следующими словами:

– Слава Тебе, Боже, Отче Господа моего, изволившего пострадать за нас! Вот по благодати Его и я иду к Тебе, с радостью умирая за Тебя!

Сказав это, он склонил голову свою под меч, но усечен не был. Военачальник, заметив, что святой Феодул желает как бы торжественного венца для себя, приготовясь к усекновению мечом, приказал вернуть его невредимым, а сам в это время производил допрос святому Агафоподу. Он спросил его:

– Какой образ жизни твоей?

– Тот же, – отвечал святой, – как и у Феодула.

– Что общего у тебя с Феодулом, – спросил военачальник, – не соединяет ли вас родство?

– Мы не родственники по плоти между собою, – отвечал святой Агафопод, – но мы соединены верою и убеждениями и поскольку различаемся родством, постольку соединяемся духом.

Тогда военачальник сказал:

– Я замечаю, что вы оба поспешаете к одному и тому же мучению – это обнаруживают речи твои, – сказал на сии слова

святого военачальник.

Святой Агафопод ответил на это:

– Если мы путем одинакового мучения освободимся от настоящей жизни, то мы сподобимся и одинакового воздаяния у Бога нашего!

– Не стыдно ли тебе, – сказал Фавстин, – уже старцу, – обольщаться как юноше и добровольно предаваться явной гибели?

– Я нисколько не обольщаюсь, – отвечал святой Агафопод, – и не терплю ущерба от надежды на Христа моего; наоборот, если я стар годами, то тем большее должен оказывать усердие в служении Богу своему; и я восхваляю Феодула, столь мужественно в юношеском возрасте стоящего за почитание Единого Истинного Бога нашего.

Взглянув в это мгновение на Феодула, военачальник Фавстин сказал, обратясь к нему:

– Юноша! Не обольщайся речами сего старика, – безрассудно не предавай себя смерти. Он ведь уже старик: неудивительно поэтому, что он желает смерти; ты же, будучи молодым и еще столь юным, ради чего желаешь понапрасну лишиться сей сладкой жизни?

Святой Феодул отвечал ему:

– Ты не предполагай, что я более слаб, чем старец, и не могу перенести одинаковых с ним мучений. Я хотя и юноша летами, тем не менее, я одинаково со старцем признаю Единого Бога, Творца всего существующего и вместе со старцем готов пострадать за Него.

После того как святые окончили речь свою, они, по повелению мучителя, были связаны и снова отведены в темницу. Между тем святые славили Бога, при помощи Которого победили диавола.

Их знакомые, собравшись к ним, с плачем окружили их.

– Зачем вы здесь собрались, – спрашивал их святой Феодул, – и о чем вы плачете?

– О вашем несчастье плачем, – отвечали они.

– Для чего вы, – отвечал улыбаясь святой, – вместо того, чтобы плакать о ваших собственных бедствиях, плачете о

бедствиях наших, которые ведут нас к лучшему.

В то время когда святой говорил это, в темницу пришел посланный военачальником воин, который, связав обоих святых железными цепями, заключил их во внутреннее отделение темницы и запер их здесь, дабы никто не приходил к ним.

Между тем святые мученики с наступлением позднего вечера помолились Богу, дабы Он до конца укрепил их в их подвиге, и опочили. Промышляющий же о преподобных Своих Господь наш Иисус Христос послал им во сне одинаковое видение (так как они пребывали единодушными и единомышленными) по поводу имевшей постигнуть их кончины. Это видение было следующее: святым казалось, будто они оба вошли в один и тот же наполненный многими людьми корабль и очутились с кораблем посредине моря; корабль качался из стороны в сторону, так как море волновалось сильною бурей; сокрушаемый и разбиваемый волнами корабль погружался уже в воду, причем одни из бывших с ними на корабле людей утопали, другие – плавали, третьи приближались к камням и гибли. Себя же самих, между тем, святые видели управлением кормчего избавляемыми от потопления одетыми в Светлые одежды и приставшими к какой-то высокой горе, по которой они восходили до неба. Пробудившись от сна, святые пересказали друг другу видение и удивлялись, что у них обоих оно было одинаковое. Из этого они уразумели, что им обоим будет дарована одна благодать от Христа, а именно, – что они спасительно перейдут море мученичества, в котором потонули многие, и взыдут для получения вечного воздаяния на небеса. После этого видения надежда и упование святых укрепились еще более, и они, в горячей благодарности своему доброму Кормчию – Богу, пали ниц и воскликнули: «Кто когда ожидал такового благодеяния, каковое Ты, о Боже, даровал нам ради вочеловечившегося Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа?! Кто настолько неразумен, чтобы, созерцая Твои великие благодеяния к роду человеческому, предпочел добродетель суетной жизни? Кто настолько же поспешен на добрые дела, как Сын Твой, Который открыл нам в видении об имеющей излиться на нас Своей благодати, а также показал

нам венцы, которыми мы будем увенчаны, и укрепил нас через это на предстоящий нам подвиг!»

Когда они до утра таким образом молились и воссылали благодарение к Богу, с наступлением дня вошел к ним темничный страж, сообщивший им, что Феодула и Агафопода призывает к себе военачальник. Оградившись крестным знамением, в цепях они вышли из темницы и последовали за воинами. Множество собравшихся там их знакомых подняли о них плач, сознавая, что им предстоит уже смерть. Святой же Феодул со светлым лицом обратился к плачущим и сказал:

– Если вы плачете по любви к нам, то вам надлежит лучше радоваться за нас, что мы претерпеваем подвиг за почитание Истинного Бога. Если же вы плачете от диавольской зависти, то о себе более плачьте, чем о нас, потому что вы совратились с пути праведного и устремляетесь к погибели.

Когда после этого святые в третий раз были представлены к допросу и были снова допрашиваемы военачальником Фавстином, то они не отвечали уже ничего кроме слов:

– Мы христиане и за Христово имя готовы претерпеть всякого рода страдания.

Тогда военачальник с удрученным грустью лицом издал относительно их смертный приговор, гласивший:

– Феодул и Агафопод, не пожелавшие принести жертвы богам, да будут потоплены в море.

После этого воины повели их к морю; связав им руки назад и повесив им на шею тяжелые камни, воины посадили их на корабль. В это время на берегу моря собралось особенно много друзей, соседей и знакомых святых мучеников, из которых одни ввиду имеющей постигнуть святых кончины рыдали, другие же ублажали мужественных Христовых воинов похвалами за то, что они победили диавола и с радостью умирали за благочестие.

Между тем военачальник, сожалея о святых, послал к ним нарочного посла Фульвия сказав, что если они принесут богам лишь курение фимиама, то будут освобождены от смерти. Но святые не переставали призывать Христа и отвергать суетных богов языческих. Наконец, после долгих увещаний нечестивые,

видя, что рабы Христовы ни в каком случае не склонятся к поклонению идолам, приготовились бросить в море святого Агафопода. Последний, устремив взор свой к небу, громким голосом воззвал:

– Смотрите! Сим вторичным крещением омываются все наши прегрешения, и мы отходим чистыми ко Христу Иисусу!

С этими словами святой был свержен в море, а вслед за ним был брошен в море и святой Феодул.

Так окончили свой страдальческий подвиг святые мученики и от руки Господа получили венец победы. Море, приняв в себя тела святых, в тот же час выбросило их без цепей и камней на берег. Родственники и знакомые, взяв тела святых мучеников, с честью похоронили их.

По прошествии некоторого времени святой Феодул явился им с пресветлым лицом, в белой одежде и повелел раздать нищим, сиротам и вдовам все свое имущество.

Святые мученики скончались в пятый день месяца апреля, прославляя на небесах Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, в Троице прославляемого. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Марка Афинского

Память 5 апреля

Однажды авва[2400] Серапион рассказал следующее.

Во время моего пребывания во внутренней египетской пустыне[2401] я отправился как-то к великому старцу Иоанну и, получив от него благословение, сел отдохнуть, устав от дороги. Задремав, я имел видение во сне: мне представилось двое каких-то отшельников, пришедших к старцу и получивших от него благословение. Между собою они говорили:

– Вот авва Серапион; примем от него благословение. Авва Иоанн на это заметил им:

– Он только что сегодня пришел из пустыни и весьма устал: дайте ему немного отдохнуть.

Отшельники же сказали относительно меня старцу:

– Вот сколько уже времени подвизается Серапион в пустыне, а не идет к отцу Марку, подвизающемуся на горе Фраческой, находящейся в Эфиопии[2402]. Сему Марку нет равного между всеми пустынниками и постниками. Он имеет сто тридцать лет от роду, и прошло уже девяносто пять лет с тех пор, как он начал подвизаться в пустыне. Во все сие время он не видал ни одного человека. Незадолго пред этим были у него некоторые из святых, сопричастных свету жизни вечной, которые и обещали принять его к себе.

В то время как они говорили эти слова отцу Иоанну, я пробудился от дремоты и, не увидев никого у старца, сообщил ему о своем видении.

– Это видение, – сказал мне старец, – есть некое Божественное; но где же находится Фракийская гора?

– Помолись за меня, отче! – сказал я старцу.

По совершении молитвы, я простился со старцем и пошел в Александрию[2403], которая отстояла отсюда на расстоянии двадцати дней пути; я же прошел сей путь в течение пяти дней, почти не отдыхая ни днем, ни ночью, опаляемый зноем солнечным, сжигавшим даже пыль на земле.

Войдя в Александрию, я спросил одного купца: далеко ли еще идти до Фраческой горы, находящейся в Эфиопии. Купец отвечал мне:

– Да, отче, еще очень далеко до этого места. Двадцать дней надо идти до пределов Эфиоплян, народа хеттейского[2404]; гора же, про которую ты спрашиваешь, отстоит еще дальше отсюда.

Я снова спросил его:

– Сколько приблизительно нужно захватить на путь этот пищи и питья, – ибо я желаю отправиться туда?

– Если твое путешествие, – отвечал купец, – будет совершаться по морю, то ты недолго пробудешь в дороге; но если ты отправишься сухим путем, то будешь находиться в дороге тридцать дней.

Выслушав это, я взял воды в тыкву и немного фиников и, возложив упование на Бога, отправился в путь, и шел по пустыне сей в течение двадцати дней. Во время пути я никого не встретил, ни зверя, ни птицы. Ибо пустыня эта почти совершенно не имеет растений, потому что там не бывает никогда ни дождя, ни росы, почему в этой пустыне не находится ничего съедобного. После двадцати дней путешествия у меня вышла вода, которую я имел в тыкве, вышли также и финики, я сильно утомился и не мог идти далее, но не мог и возвратиться обратно, и лег от усталости на землю. И вот мне явились те два отшельника, которых я впервые узрел в видении у великого старца Иоанна. Став предо мною, они сказали мне:

– Встань и иди с нами!

Поднявшись на ноги, я увидал одного из них приникшим к земле, обратившимся ко мне и спрашивающим:

– Желаешь ли ты подкрепиться?

– Как ты соизволишь, отец, – сказал я.

Вслед за тем он показал мне корень одного от пустынных растений и сказал:

– Вкуси от сего корня и силою Господнею продолжай путешествие!

Я немного поел, и немедленно почувствовал подкрепление своим силам, и возрадовался душою. Я почувствовал себя

настолько бодрым, что мне показалось, будто я вовсе не уставал. Затем они показали мне тропинку, по которой я должен был идти к святому Марку, и отошли от меня.

Продолжая путь, я подходил к высокой горе, которая, казалась, достигала до неба. На ней совершенно ничего не было, кроме пыли и камней. Когда я подошел к горе, то на краю ее я увидал море. Поднимаясь на гору, я шел в течение семи дней.

Когда наступила седьмая ночь, я увидел сходящего с неба к святому Марку Ангела Божия, говорившего ему:

– Блажен ты, авва Марк, и хорошо будет тебе! Вот мы привели к тебе отца Серапиона, которого хотела видеть душа твоя, так как ты не пожелал кроме него видеть никого другого из людей!

Когда окончилось видение мое, я пошел безбоязненно и шел до тех пор, пока не достиг пещеры, в которой проживал святой Марк. Когда я приблизился к дверям пещеры, услыхал святого, поющего псалмы Давида и произносящего: «Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Пс.89:5), и дальше из того же псалма. Затем от преизбытка охватившей его духовной радости святой стал такими словами говорить сам с собою:

– Блаженна душа твоя, Марк, что при помощи Божией ты не загрязнил себя нечистотами мира сего, что ум твой не пленился скверными помыслами! Блаженно тело твое, так как оно не погрязло в похотях и страстях греховных! Блаженны очи твои, которых диавол не мог соблазнить созерцанием чужой красоты! Блаженны уши твои, потому что они не услыхали голоса женского в этом суетном мире! Блаженны ноздри твои, потому что они не обоняли смрада греховного! Блаженны руки твои, потому что они не прикасались ни к каким, принадлежащим людям, вещам. Блаженны ноги твои – не вступавшие на дорогу, ведущую к смерти, и не устремлявшиеся ко греху! Твоя душа преисполнилась духовной жизни и Ангельской радости!

И снова затем он стал говорить, обращаясь к душе своей: «Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа, и не забывай

всех благодеяний Его» (Пс.102:1–2). Зачем скорбишь ты, душа моя? Не бойся! Ты не будешь задержана в темницах ада, бесы ни в каком случае не смогут оклеветать тебя. По благодати Божией в тебе нет какого-либо особенного греховного порока: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Пс.33:8). Господь, блажен раб, исполнивший волю своего господина».

Изрекши сие и многое другое из Божественного Писания для утешения своей души и для утверждения несомненной надежды своей на Бога, преподобный Марк вышел к дверям пещеры своей и, заплакав от умиления, воззвал ко мне, говоря:

– О, как велик подвиг моего духовного сына Серапиона, который предпринял труд увидать мое обиталище!

Затем, благословив, он обнял меня своими руками и, целуя, сказал мне:

– Девяносто пять лет я пребывал в сей пустыни и не видал человека. Ныне же я вижу лицо твое, которое желал видеть в течение многих лет. Ты не поленился предпринять такой труд, дабы прийти ко мне. Поэтому Господь мой, Иисус Христос, вознаградит тебя в день, когда будет судить тайные помышления людей.

Сказав это, преподобный Марк повелел мне сесть.

Я стал расспрашивать преподобного о достохвальной его жизни. И он рассказал мне следующее:

– Я, как сказал, имею пребывание в сей пещере в течение девяноста пяти лет. В течение сего времени я не видал не только человека, но даже и зверя или птицы, не вкушал хлеба, испеченного руками людей, не одевался одеждою. В течение тридцати лет испытывал я ужасную нужду и скорбь от голода, жажды, наготы, а более всего от диавольских искушений. Мучимый голодом, я вкушал тогда земную пыль, и, томимый жаждою, я пил воду морскую. Бесы тысячекратно клялись между собою потопить меня в море и, схватив меня, с побоями влекли меня в низменные места сей горы. Но я снова восходил на вершину горы. Они же снова увлекали меня отсюда до тех пор, пока кожа не сошла с тела моего. Волоча меня и побивая, они неистово кричали:

– Уйди с нашей земли! От начала мира никто из людей не приходил сюда – ты же как осмелился прийти сюда?

После тридцатилетнего такового страдания, после таковой алчбы, жажды, наготы, возмущений со стороны бесов на мне излилась благодать Божия и Его милосердие. По Его же промышлению переменилась моя естественная плоть; на теле моем выросли волосы; в нужное время ко мне приносится пища и посещают меня Ангелы Господни. Я видел как бы подобие Царства Небесного и обителей блаженства, обещанного душам святых, уготованного для людей, творящих добро. Я видел подобие Божественного рая и древа познания, от которого вкусили наши праотцы. Видел я и появление в раю Илии и Еноха, и нет ничего такого, чтобы не показал мне Господь из того, что я просил у Него.

– Я спросил его, – рассказывает Серапион, – сообщи мне, отче, о том, каким образом и почему ты пришел сюда?

И святой такими словами начал свое повествование:

– Родился я в Афинах[2406], где и изучал философские науки. По смерти же моих родителей, я сказал сам себе: «Как родители мои умерли, точно так и я умру. Итак, лучше я добровольно отрекусь от мира сего раньше, чем случится мне быть восхищенным от него». И немедленно, сняв с себя одежды, я встал на доску и отправился на ней плавать по морю. Носимый волнами, по Божественному промышлению, пристал я к горе сей.

Когда мы таким образом вели беседу между собою, – продолжает Серапион, – то наступил день, и я увидал преподобного Марка, обросшего волосами, наподобие зверя, и ужаснулся, так как его нельзя было признать за человека ни по чему, кроме как по голосу и исходящим из уст его словам. Заметив мое смущение, святой Марк сказал мне:

– Не пугайся при взгляде на тело мое, потому что взятая от тленной земли плоть тленна.

Потом он спросил меня:

– По прежнему ли обычаю стоит мир в законе Христовом?

– Ныне, – отвечал я ему, – по благодати Христовой, даже лучше прежних времен.

– Продолжаются ли, – снова спросил он, – доныне идолослужение и гонения на христиан?

– Помощью святых молитв твоих, – отвечал я, – гонение прекратилось и идолослужения нет.

Услышав это, старец возрадовался великой радостью. Потом он снова спросил меня:

– Есть ли ныне среди мира некоторые святые, творящие чудеса, как сказал Господь в Евангелии Своем: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф.17:20).

В то время как святой произносил эти слова, гора сдвинулась со своего места приблизительно на пять тысяч локтей[2407] и приблизилась к морю. Святой Марк, приподнявшись и заметивши, что гора двигается, сказал, обратясь к ней:

– Я тебе не приказывал сдвинуться с места, но я беседовал с братом; поэтому ты встань на место свое!

Когда только он сказал это, гора действительно стала на своем месте. Увидав сие, я упал ниц от страха. Святой между тем взяв меня за руку и поставив на ноги, сказал мне:

– Разве ты не видывал таких чудес в течение дней жизни твоей?

– Нет, отче, – отвечал я.

Тогда святой, вздохнувши, горько заплакал и сказал:

– Горе земле, потому что христиане на ней таковыми только по имени нарицаются, а на деле не таковы!

И снова произнес он:

– Благословен Бог, приведший меня на сие святое место, дабы я не умер в моем отечестве и не был погребен в земле, осквернённой многими грехами!

Весь тот день провели мы, – повествует Серапион, – в пении псалмов и духовной беседе, а с наступлением вечера преподобный сказал мне:

– Брат Серапион! Не время ли нам после молитвы с благодарностью вкусить от трапезы?

На эти слова я не ответил ему ничего. После этого он, подняв руки к небу, стал произносить следующий псалом: «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться» (Пс.22:1).

Окончив пение сего псалма, он, обратившись к пещере, сказал:

– Брат, предложи трапезу.

Потом он снова сказал мне:

– Пойдем вкусим трапезы, которую Бог послал нам.

Я изумлялся сам в себе, – недоумевая, кому это приказывал святой Марк приготовить трапезу, потому что в течение целого дня я никого из людей не видал у него в пещере.

Когда мы вошли в пещеру, я увидал два стоящих стола, на которых были положены два мягких и белых хлеба, сияющих наподобие снега. Были там также прекрасные для глаза овощи, две печеные рыбы, очищенные плоды маслины, финики, соль и полная кружка воды, более сладкой нежели мед. Когда мы сели, святой Марк сказал мне:

– Чадо Серапион, благослови!

– Прости меня, отче, – отвечал я.

Тогда святой произнес:

– Господи, благослови!

И я заметил около трапезы простертую с неба руку, осенившую крестом предложенное. По окончании трапезы Марк сказал:

– Брат, возьми сие отсюда!

И тотчас трапеза была взята невидимою рукою. Я удивлялся всему происшедшему: и невидимому слуге (ибо ставшему во плоти Ангелу, преподобному Марку, по повелению Божию, служил бесплотный Ангел Господень), и тому, что во всю мою жизнь я никогда не вкушал столь вкусной пищи и никогда не пил столь сладкой воды, какая была на той трапезе. На мое недоумение святой сказал мне:

– Брат Серапион! Видел ли ты, сколько благодеяний посылает Бог рабам Своим! Во все дни мне посылалось от Бога по одному хлебу и по одной рыбе, а ныне ради тебя Он удвоил трапезу – послал нам два хлеба и две рыбы. Таковой-то

трапезой питает меня Господь Бог в течение всего времени за первые мои злострадания. Как я сказал тебе в начале беседы, тридцать лет пребывая на сем месте, я не нашел ни одного корня растения, которым бы мог питаться. Испытывая же голод и жажду, в силу крайней необходимости, я вкушал пыль и пил горькую морскую воду и ходил нагим и босым. От мороза и страшного зноя отпали пальцы на ногах моих; солнце сжигало мою плоть и я лежал ниц на земле как мертвец. Между тем бесы воздвигали против меня, как против оставленного Богом, борьбу свою. Но я, с помощью Божиею, все сие претерпевал из-за любви к Господу. По окончании же тридцатилетних моих страданий, по повелению Божию, стали расти на мне волосы до тех пор, пока покрыли меня совершенно, как одежда. И вот, с тех пор и до настоящего времени бесы не могут приближаться ко мне; голод и жажда не овладевают мною; ни зной, ни мороз не беспокоят меня. При всем том я никогда ничем не болел. Но ныне оканчивается предел моей жизни, и тебя Бог послал сюда для того, чтобы ты похоронил святыми твоими руками мое смиренное тело.

Затем, по прошествии некоторого промежутка времени, святой снова сказал мне:

– Брат Серапион! Побудь настоящую ночь по случаю моей близкой кончины в бодрствовании.

После этого мы оба стали на молитву, воспевая псалмы Давидовы. В то же время святой сказал мне:

– Брат Серапион! После отшествия моего тело мое положи в сей пещере, завали двери пещеры камнем и удались из пещеры этой.

Я поклонился тогда преподобному и со слезами стал просить у него прощения и говорил ему:

– Умоли, отче, Бога, дабы Он взял и меня с тобою, дабы и мне отправиться туда, куда ты идешь.

Отвечая на эти слова мои, святой сказал мне:

– Не плачь в день моего веселья, но еще более веселись. Тебе необходимо возвратиться в свое место. Приведший же тебя сюда Господь за твой труд и богоугождение да дарует тебе спасение. Причем узнай, что возвращение твое отсюда

совершится не по той дороге, по которой ты сюда пришел, но ты дойдешь до своего места другим – необычным путем.

Немного помолчав, преподобный Марк затем сказал:

– Брат Серапион! Важен для меня настоящий день: важнее всех дней жизни моей. Сегодня освобождается душа моя от плотских страданий и идет успокоиться в обителях небесных. Сегодня почиет от многих трудов и болезней тело мое; сегодня примет меня Бог к Себе.

В то время как святой произносил эти слова, пещера его наполнилась светом, который был светлее света солнца, и гора та наполнилась благоуханием ароматов.

Взяв при сем меня за руку, – продолжает Серапион, – преподобный Марк начал говорить мне так:

«Пусть пещера, в которой пребывал я телом моим, трудясь для Бога во время жизни моей, пребудет до всеобщего воскресения и здесь будет находиться умершее тело мое, которое явилось обиталищем болезней, трудов и лишений. Ты же, Господи, освободи душу мою от тела! Ради Тебя я переносил голод, жажду, наготу, мороз и зной и всяческие иные бедствия. Владыко! Ты Сам одень меня одеждою славы в страшный день Твоего пришествия! Усните, наконец, глаза мои, не вздремнувшие никогда во время ночных молитв моих! Успокойтесь, ноги мои, потрудившиеся во время всенощных стояний! Я удаляюсь от жизни временной, и всем, остающимся на земле, желаю спастись. Спаситесь, постники, ради Господа скитающиеся в горах и пещерах! Спаситесь, подвижники, переносящие всякие лишения ради достижения Царства Небесного! Спаситесь, узники Христовы, заточенные, изгнанные за правду, не имущие ни в чем утешения, кроме Единого Бога! Спаситесь, монастыри, день и ночь трудящиеся для Бога! Спаситесь, святые церкви, – служащие очищением для грешников! Спаситесь, священники Господни, посредники между людьми и Богом! Спаситесь, чада Царствия Христова, усыновленные Христу через святое крещение! Спаситесь, христолюбцы, принимающие странников как Самого Христа! Спаситесь, достойные помилования, милостивые! Спаситесь, богатые, богатеющие для Господа, и проводящие жизнь в делах

богоугодных! Спаситесь, сделавшиеся нищими для Господа! Спаситесь, благоверные цари и князья, совершающие суд по правде и милости! Спаситесь, смиренно мудрствующие постники и трудолюбивые подвижники! Спаситесь, все любящие ради Христа друг друга! Да будет спасена вся земля и все в мире и любви Христовой живущие на ней!»

Затем, – рассказывает Серапион, – после произнесения сего, преподобный Марк, обратившись ко мне, поцеловал меня, говоря: «Спасись и ты, брат Серапион! Заклинаю тебя Господом нашим Иисусом Христом Сыном Божиим, дабы ты ничего не брал от моего смиренного тела, даже ни одного волоса. Пускай не касается его и никакое одеяние, но пускай при погребении будут с моим телом лишь волоса, которыми облек меня Бог. Равно также ты не оставайся здесь».

В то время как святой произносил сии слова, а я рыдал, послышался голос с неба, говоривший: «Принесите Мне из пустыни избранный сосуд Мой; принесите Мне исполнителя правды, совершеннейшего христианина и верного раба! Гряди, Марк, гряди! Покойся во свете радости и жизни духовной!»

Затем святой Марк сказал мне:

– Брат, преклоним колена! И мы преклонили колена.

После того я услышал Ангельский голос, говоривший к преподобному:

– Простри руки твои!

Услышав сей голос, – говорит Серапион, – я немедленно встал и, взглянувши, увидал душу святого уже освободившеюся от оков плоти, – она была покрыта Ангельскими руками бело-светлою одеждою и возносилась ими на небеса[2408]. Я созерцал воздушный путь к небу и отверзшиеся небеса. Причем я видел стоящие на этом пути полчища бесов и слышал обращенный к бесам Ангельский голос:

– Сыны тьмы, бегите и скройтесь от лица света правды!

Святая душа Марка была задержана на воздухе около одного часа. Затем послышался с неба голос, говоривший Ангелам:

– Возьмите и принесите сюда того, кто посрамил бесов.

Когда душа преподобного прошла без всякого для себя вреда через бесовские полчища и приближалась уже к отверстому небу, я увидел как бы подобие простертой с неба правой руки, принимавшей непорочную душу. Затем это видение сокрылось от глаз моих, – рассказывает Серапион, – и более я ничего не видел.

Было около шести часов ночи; приготовив к погребению честное тело святого, я пробыл на молитве в течение всей ночи. С наступлением же дня я воспел со слезами радости обычные песнопения над телом, облобызал его и положил его в пещере, причем закрыл камнем двери пещеры. Затем, после продолжительной молитвы, я сошел с горы, хваля Бога и призывая святого руководить мною на моем обратном пути из этой непроходимой и страшной пустыни. Когда затем, после заката солнца, я сел отдохнуть, внезапно предо мною появились те два отшельника, которые являлись ко мне раньше, и сказали мне:

– Ты, брат Серапион, похоронил тело блаженного подвижника, которого поистине недостоин весь мир. Итак, вставши, продолжай путешествие твое ночью, ибо днем тяжело, по случаю страшного зноя, совершать путешествие.

Тогда я, вставши, пошел за явившимися мне и шел за ними до раннего утра. Когда же стал приближаться день, они сказали мне:

– Иди с миром, брат Серапион, в свое место и возблагодари Господа Бога.

Когда же я отошел от них на небольшое расстояние, то заметил, что уже подхожу к дверям церкви, находящейся в монастыре великого старца Иоанна. Будучи весьма удивлен этим, я громко прославил Бога и припомнил сказанные мне преподобным Марком слова о том, что возвращение мое от него будет не по той дороге, по которой я пришел к нему. И я уверовал, что по молитвам святого я был перенесен невидимо. Я возблагодарил преблагого Бога нашего, Который устроил все во благо мне, недостойному, по молитвам и просьбам верного раба Своего, преподобного отца нашего Марка.

Услышав мой голос, ко мне поспешно вышел из монастыря авва Иоанн и, приветствовав меня, сказал:

– К нам благополучно, по милости Божией, возвратился авва Серапион.

Затем мы пошли в церковь, и я рассказал старцу и ученикам его обо всем случившемся со мною, и все мы прославили Бога. Старец сказал после этого мне:

– Поистине, брат, вот он, святой Марк, был совершеннейшим христианином; мы же только по имени называем себя христианами, а на деле далеко отстоим от истинного христианства. Человеколюбивый же и милостивый Бог наш, приняв в вечные обители Своего Небесного Царства святого угодника Марка, – да сохранит нас и всю Святую Свою Соборную и Апостольскую Церковь от всех козней диавольских, и да будет Он всегда с нами, смиренными Его рабами, и наставит нас на исполнение святой Его воли Божественной, дабы нам идти по следам святых Его великих угодников, преподобных отцов наших, – чтобы и нам в страшный день суда с отцом нашим Марком получить милость по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых, угодивших Господу нашему, Иисусу Христу, Которому подобает слава, честь и поклонение со Отцем и с пресвятым, благим и животворящим Духом ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Память преподобного Пуплия

Память 5 апреля

Преподобный Пуплий в сане иноческом подвизался в Египте[2409] в царствование императора Юлиана Отступника[2410]. Когда этот нечестивый император приготовился идти войною на персов, то послал по направлению к востоку диавола, как бы лазутчиком, повелев ему разведать относительно пути, по которому должно было идти войско Юлиана. Отправившись, диавол дошел до того места, где подвизался преподобный Пуплий, но здесь остановился и пробыл десять дней, не будучи в состоянии сдвинуться с места; причиною же этого было то, что преподобный Пуплий, узнав духом о прибытии в его страну диавола, стал на молитву, причем молился, подняв руки кверху, днем и ночью, не отдыхая, до тех пор, пока диавол не удалился обратно из страны той[2411]. Таким образом, диавол, ничего не узнав, возвратился к Юлиану. Юлиан же спросил его:

– Почему ты пробыл так долго в пути?

Диавол отвечал ему:

– Хотя я пробыл и долго в пути, но пришел к тебе, ничего не разведав и ничего не узнав; я ждал в течение десяти дней окончания монахом Пуплием его молитвы, чтобы я мог пройти то место, где пребывал этот монах, но ничего не дождавшись, возвратился обратно.

Тогда нечестивый император Юлиан, разгневавшись, сказал диаволу:

– Когда я возвращусь с войны, то отомщу тому монаху.

Но Юлиан не успел исполнить своего беззаконного замысла, потому что вскоре же после того как сказал слова эти, был умерщвлен невидимою силою Божией.

После этого один из военачальников Юлиана, продав все имущество свое и раздав вырученные деньги нищим, пришел к преподобному Пуплию и, приняв пострижение в монашество, стал подвизаться вместе с ним. Монах этот весьма преуспевал в добродетелях, проводя жизнь строго подвижническую.

Преподобный же Пуплий подвизался еще довольно продолжительное время после этого и, наконец, угодив Богу добродетельною жизнью своею, отошел от жизни сей в вечные обители небесные[2412].

Память преподобного отца нашего Платона исповедника

Память 5 апреля

Преподобный Платон был сыном славных и вместе с тем благочестивых родителей – христиан, носивших имена Сергия и Евфимии. С самых юных лет преподобного родители воспитывали его в благочестии и учили добродетелям христианским, но, не успев довести до конца дело воспитания отрока, скончались, отойдя в вечность, от сей преходящей жизни к жизни нескончаемой.

Оставшись сиротою, преподобный был взят в дом родственников своих, проживая у которых показал большие успехи в науках, преуспевая вместе с тем и в добродетелях христианских.

Достигнув зрелого возраста, преподобный оставил дом родственников своих и начал своим трудом зарабатывать себе необходимые средства для существования. Преподобный был настолько трудолюбив и вместе с тем воздержен, что приобрел скоро трудами рук своих большое состояние. Однако сердце преподобного было чуждо привязанности к благам мира сего. Поэтому он, раздав нищим все свое состояние и отпустив рабов своих на свободу, удалился на гору Олимп[2413], где и принял пострижение в монашество в одном из здешних монастырей.

Проживая в монастыре, преподобный проводил весьма строгую подвижническую жизнь, причем свободное от молитвы время употреблял на переписывание книг и составление полезных сборников из писаний отцов Церкви. По смерти настоятеля того монастыря, Феоктиста, преподобный Платон единогласно был избран игуменом монастыря. Это случилось на 35-м году жизни святого[2414]. В сане игумена преподобный стал подвизаться еще с большею ревностью, показывая своим примером всем братиям того монастыря образ жизни истинно-христианской. В то время патриархом Константинопольским был святой Тарасий. Услышав о подвигах преподобного Платона, он предложил ему взять на себя управление митрополией

Никомидийской[2415]. Но преподобный, стремясь к уединенной жизни подвижнической, по своему смирению отказался от управления митрополией и удалился в одно уединенное место, называвшееся Сакудион[2416], где он впоследствии основал монастырь.

По случаю иконоборческих смут, царствовавшая тогда императрица Ирина[2417] вместе со святейшим патриархом Тарасием созвала в Никее[2418] седьмой Вселенский собор[2419], на котором было осуждено нечестивое учение еретиков-иконоборцев и вместе с тем было восстановлено и подтверждено почитание святых икон и поклонение им. Собравшихся на собор отцов было более трехсот; в числе их был и преподобный Платон. Как человек начитанный и сведущий в писаниях Божественных, он был весьма полезен на соборе, так как мужественно защищал учение православия и дерзновенно обличал учение еретиков.

Когда заседания собора окончились, преподобный Платон удалился на место подвигов своих, в Сакудион. Местность эта была сколько красива, столько же и удобна для подвигов уединения. Находясь на горе, она была окружена со всех сторон красивыми высокими деревьями, единственный доступ сюда открывала небольшая, едва видневшаяся в чаще леса, тропинка.

Вместе с Платоном здесь подвизался его племянник Феодор. Вскоре ими была построена здесь церковь во имя святого Иоанна Богослова.

Между тем молва о подвигах святого распространялась все более и более, и к нему начали приходить многие люди, ища у него наставления и руководства в жизни христианской. Когда число учеников преподобного стало возрастать, он устроил на том месте монастырь[2420], причем обязанность настоятеля преподобный исполнял сам.

Своею подвижническою жизнью преподобный Платон предлагал всем братиям добрый пример для соревнования. Особенно усердно подражал преподобному его племянник, блаженный Феодор, проводивший дни и ночи в непрестанных подвигах молитвы и богомыслия.

Видя столь добродетельную жизнь Феодора, преподобный Платон весьма радовался за него. Решив отличить блаженного Феодора священным саном, преподобный отправился с ним в Византию к святейшему патриарху Тарасию, который и рукоположил Феодора в сан пресвитера, впрочем не столько по его доброй воле, сколько из его послушания, ибо блаженный, считая себя недостойным такого сана, не хотел принимать его и говорил, что сан этот выше его сил. Но будучи не в состоянии противоречить воле отца своего духовного, а также воле патриаршей, он повиновался и принял священство. Когда преподобный Феодор возвратился в монастырь свой в новом сане – священническом, то продолжал подвизаться здесь еще с большим усердием и ревностью.

По прошествии нескольких лет преподобный Платон, став немощным, вследствие многих трудов своих и преклонного возраста, решил сложить с себя начальствование над монастырем и пожелал, чтобы власть игумена после него принял блаженный Феодор. Он часто говорил ему об этом, умоляя освободить его от тяжкого для него бремени начальствования над монастырем. Но блаженный Феодор всякий раз отказывался от настоятельства над монастырем, соглашаясь лучше сам жить под начальством других, нежели начальствовать над кем-либо и полагая, что для спасения душевного легче и полезнее получать наставления от других, нежели самому наставлять кого-либо.

Преподобный Платон, видя, что ему трудно препобедить смирение блаженного Феодора, решил сделать следующее: он слег в постель, как бы больной, – так как и в действительности он был слаб, – и, созвав всех братий, сказал им о себе, что он чувствует приближение своей кончины, а затем спросил их:

– Кого хотите вы иметь после меня настоятелем? Кто наиболее способен на это, по вашему мнению?

Преподобный знал, что братия пожелают иметь своим настоятелем именно Феодора, так как его все любили и уважали за его великие добродетели. Так и случилось. Все единодушно отвечали на предложенный вопрос:

– После тебя да будет над нами игуменом Феодор!

Тогда преподобный Платон передал свою власть блаженному Феодору, так как сей последний не мог противиться желанию всех братий. Приняв на себя сан настоятеля, блаженный Феодор вместе с тем усугубил свои подвиги, являясь образцом для всех и поучая всех жизни добродетельной не только словом, но и делом.

В то время царь Константин, сын благочестивой царицы Ирины, пришел в возраст, устранил от царского престола свою мать, приняв в свои руки управление государством[2421], будучи молод и развращен, он предавался разного рода грехам. Так, он задумал изгнать от себя свою супругу Марию, для чего силою постриг ее в монашество, вместо же нее он взял себе другую жену, по имени Феодотию, приходившуюся родственницею его отцу[2422]. Святейший патриарх Тарасий не одобрял этого беззаконного поступка царя и не хотел благословить его брак. Но один пресвитер, по имени Иосиф, бывший экономом церкви Константинопольской[2423], нарушил Божественные законы и, ослушавшись патриарха, согласился совершить над царем таинство брака.

Услышав о сем, блаженный Феодор, а вместе с ним и преподобный Платон, весьма возскорбели душою. Воспламенившись ревностью о законе Божием, Феодор вместе со святым Платоном отправил ко всем инокам послание, в котором сообщал о царском беззаконии и увещевал всех считать царя отлученным от Церкви Христовой, как разорителя закона Божия.

Слух об этой ревности и смелости блаженных Феодора и Платона распространился повсюду, так что о том узнал и сам обличаемый ими царь. Сильно разгневавшись на святых мужей, он приказал преподобного Феодора после жестоких мучений сослать на заточение в Солунь[2424], Платона же заключить в темницу.

После смерти нечестивого императора преподобный Платон был освобожден из темницы, святой же Феодор был возвращен из заточения. Между тем святой Феодор, по причине постоянных набегов агарян[2425], опустошавших и захватывавших в свои руки различные области Византийской империи, покинул

Сакудион, не желая подвергать жизнь братий обители опасности, и пришел вместе с братьею в Константинополь, где принял управление знаменитым Студийским монастырем[2426].

Преподобный Платон, имевший некогда сан игумена, теперь как смиренный инок пришел к блаженному Феодору и стал подвизаться в его монастыре. При этом преподобный Платон смирял себя до того, что надел добровольно на свои ноги цепи, предаваясь непрестанно подвигам поста и молитвы.

Вскоре после этого византийский престол незаконно занял император Никифор[2427], своею властью возвративший в Церковь вышеупомянутого пресвитера Иосифа, отлученного от Церкви патриархом Тарасием за его беззаконный поступок. Когда после этого святой Феодор вместе с братиею обличил царя, поступившего противно церковным правилам, то царь весьма разгневался на него и на всех братий обители Студийской и отправил всех их вместе с достоблаженным старцем Платоном в ссылку на один из находившихся около города островов[2428].

Пробыв четыре года в заточении, преподобный Платон уже в глубокой старости возвратился в Константинополь, где и поселился опять в обители Студийской.

Много и усердно подвизаясь в той обители, преподобный Платон прожил здесь еще три года и, наконец, отошел ко Господу, дабы вместе с прочими святыми предстать престолу Его и прославлять Его на небесах вечно[2429]. Аминь.

Память преподобной Феодоры Солунской

Память 5 апреля

Преподобная Феодора происходила от благочестивых родителей – христиан, Антония и Хрисанофы, живших на острове Эгине[2430]. Эта благочестивая чета жила в то время, когда святая Церковь была волнуема ересью иконоборческою, в царствование императора Михаила[2431]. Но благочестивые супруги не были смущены учением иконоборческим, а как светильники сияли своим правоверием. От таких-то благочестивых родителей и происходила преподобная Феодора.

По достижении совершенного возраста Феодора вступила в брак; вскоре у нее родилась дочь. По случаю нашествия неприятелей молодые супруги переселились в Солунь.

Когда дочь Феодоры достигла совершенного возраста, преподобная Феодора посвятила ее на служение Богу в одном из солунских монастырей; а потом, по смерти мужа своего, и сама поселилась в том монастыре, приняв здесь сан иноческий.

Живя в монастыре, преподобная Феодора проводила строго подвижническую жизнь. Укрепляемая благодатью Божиею, она трудами послушания и смирения своего, постом и молитвою столь угодила Господу, что совершала чудеса не только при жизни, но и по смерти своей[2432]. Так, когда, по преставлении преподобной, скончалась игуменья обители той и когда полагали тело ее близ гроба святой Феодоры, то совершилось великое чудо: преподобная Феодора, как живая, подвинулась вместе с гробом своим, как бы уступая место своей начальнице и показывая свое смирение даже и по смерти. Все, видевшие это чудо, пришли в ужас и громко взывали:

– Господи, помилуй!

От святых мощей преподобной Феодоры истекло благовонное миро, которым творились многие чудеса: бесы изгонялись, слепые прозирали и многие больные получали исцеления от недугов своих во славу Христа Бога нашего.

В тот же день память преподобных отцов Феоны , Симеона и Форвина.

Житие во святых отца нашего Евтихия, архиепископа Константинопольского

Память 6 апреля

Родиною святого Евтихия было находившееся во Фригии селение, называвшееся «Божественное». Впоследствии святой Евтихий оградил это селение каменными стенами, построил здесь обширную церковь во имя сорока мучеников и поселил добродетельных мужей и, главным образом, иноков, проводивших жизнь подобно Ангелам, – он желал, чтобы селение то не только по наименованию, но и на самом деле было Божественным. Итак, заботами святого всё превратилось в крепкий город. Родители святого Евтихия были воин Александр и Синесия, дочь честного и добродетельного священника Исихия, служившего в Августопольской церкви. Однажды Синесия, когда носила во чреве этот благословенный плод, почивая на постели, увидала себя осияваемою неизреченным светом; она ужаснулась и размышляла, что бы это значило? Видение же это предуказывало на имевший родиться от нее духовный свет – просветителя многих остававшихся во тьме заблуждения.

Господь освятил как некогда пророка Иеремию раба Своего, прежде рождения предназначив его быть светом мира и великим святителем. Отрок был окрещен своим дедом, вышеупомянутым священником Исихием, и у него же получил первоначальное обучение книгам. Уже в детском возрасте имелись предзнаменования будущего сана Евтихия. У пресвитера Исихия училось много детей, сверстников Евтихия, и вот во время игр они начали писать на стене свои имена, называя себя, кто пресвитером, кто каким-либо другим чином; блаженный Евтихий написал себя с титулом патриарха, – «Евтихий патриарх»; этим он как бы пророчески предуказывал на дарование ему от Бога в будущем патриаршеской чести. Когда святому Евтихию исполнилось двенадцать лет, он был отправлен родителями и дедом для дальнейшего образования в Константинополь. Отличаясь пред прочими своими успехами

в изучении светской науки, он ясно понял, что сама по себе внешняя премудрость не есть, по слову святого Апостола Иакова, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская, т. е. ищущая земных благ, служащая для чувственных похотей любострастной души, не приносящая любящим ее ни одного духовного плода, тогда как «мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов» (Иак. 3:17), которыми насыщаются усвояющие эту премудрость. Таким образом благоразумный юноша Евтихий, как муж по уму, старательно отыскивал сходящую свыше премудрость; найдя ее, он положил в своем уме благое намерение трудиться не для мира, но для Бога в сонме иноков. Когда же он достиг лет зрелого мужа и размышлял об иночестве, как непоколебимом намерении, то по Божественному усмотрению, случилось небольшое препятствие, которое удержало его на некоторое время от принятия монашества. Оно состояло в следующем: митрополит Амасии[2433] и некоторые другие из почетных лиц этого города усердно убеждали блаженного, чтобы он без иночества принял на себя епископство над городом Лазихиею[2434]. Повинуясь воле митрополита и прочих как решению Самого Господа, блаженный Евтихий отдал себя, как агнец стригущему, Амасийскому архиерею, замедлившему в то время в Константинополе по церковным делам. Взявши Евтихия, он ввел его в церковь Пресвятой Девы Богородицы, называвшуюся Урбикиевой, от имени ее создателя восточного воеводы Урбикия, и здесь в отдельном месте, в крещальне, постриг его в церковного клирика. Случайно, во время пострижения Евтихия, остриженные волоса его упали в находившуюся в крещальне святую воду, и предстоящие с удивлением говорили, что породившая его духовным рождением (т.е. крещением) матерь (святая купель), приняв в себя его волосы, сама становится для него восприемницею при пострижении в клирика. Затем блаженный Евтихий был поставлен во диакона, а потом на тридцатом году своей жизни хиротонисан во пресвитера. И когда блаженному Евтихию оставалось только возложить на себя сан епископа, промысл Божий, устрояя рабу своему

лучшее будущее, изменил обстоятельства, и епископство Лазихийское получил другой муж. Тогда святой Евтихий, опять возвратясь к первоначальному намерению, удалился в один из Амасийских монастырей и облекся здесь в иноческий чин. Этот монастырь был основан святыми мужами: Мелетием, Уранием и Селевкием, из которых первый и последний, каждый в свое время, некогда были епископами церкви Амасийской и почили о Господе в сем святительском сане, чудесно подавая от своих гробниц исцеление болящим. О том великом Селевкии расказывается, что он был чудотворцем и при жизни своей. Некогда в области Амасийской был сильный голод и к святому Селевкию приходило бесчисленное множество нищих и убогих, так что, наконец, все его хлебные запасы истощились. Заведывавший раздачей хлеба, не имея никакой возможности помочь просящим и не вынося их жалоб, пришел к святому и отдал ему ключи от житниц. Взявши ключи, святой положил их на своей постели и всю ту ночь молился Богу, дабы Он сжалился над близким к смерти от голода народом, всесильною Своею рукою послал ему из источников, Ему одному ведомых, пищу. Наутро нашли житницу наполненную пшеницею настолько, что даже нельзя было отворить дверей. Все люди стали тогда брать невозбранно пшеницу, кому сколько было нужно и кто сколько мог, причем разбираемая пшеница не оскудевала. Некоторые забирали пшеницу мерою и по счёту, и по записи оказалось, что число мер, вынесенных из Селевкиевой житницы, умноженной Богом по молитвам святого, доходило до десяти тем (т.е. ста тысяч мер); так повествуется о святом Селевкии. Подобно этому подавались исцеления от всякого рода недугов и у гробницы святого Урания, некогда занимавшего престол Иберийского епископа и там погребенного. Такими-то великими мужами был устроен Амасийский монастырь, в котором потом преподобный Евтихий, принявший на себя, с облачением в одежду чернеца, ангельский образ, препоясал истиною свои чресла и, восприявши всеоружие Божие, был поставлен архимандритом над всеми находящимися в Амасийской митрополии монастырями, причем он явился для иночествующих надежным руководителем.

В то время царствовал Юстиниан Великий[2435], и когда святители созывались на пятый Вселенский собор[2436], то митрополиту Амасийскому случилось заболеть, и он стал просить преподобного архимандрита Евтихия отправиться вместо него на собор в Константинополь. Когда блаженный Евтихий готовился в путь, во сне ему было следующее видение. Он увидал простертым с тверди небесной перст Божий, указывавший на очень высокую, находившуюся над монастырем гору, на которой стоял храм святого мученика Фалалея, при этом был голос свыше, обращенный к Евтихию: «там ты будешь епископом». Пробудившись от сна, святой удивлялся видению и недоумевал, – что могло означать оно. А оно предзнаменовывало ему высокую степень патриаршества Константинопольского, на которую по благословению Божию ему вскоре должно было возвестись. Когда преподобный Евтихий прибыл в Константинополь, то престарелый святейший патриарх Мина, уже близкий к смерти, увидавши блаженного, пророчески сказал о нем своему клиру, что он будет после него патриархом; он приказал святому Евтихию проживать в своем патриаршем доме, где вел с ним сердечные беседы, наслаждаясь богодухновенными его речами. Сообщив царю о благоразумии и благонравии преподобного Евтихия, Мина отправил его к нему. Случайно в тот же самый час у царя находились некоторые из еретиков, которые стали препираться со святым по вопросам о догматах веры, но не имели силы противостоять премудрости и духу, с которыми говорил преподобный Евтихий. Вопрос состоял в том, – следует ли анафематствовать еретиков и после их смерти. Некоторые утверждали, что не следует налагать анафему на тех из еретиков, ересь которых была обнаружена уже после их смерти. Святой же Евтихий, напротив, утверждал, что еретиков всячески, даже и после их смерти, следует предавать анафеме. Он приводил из Писания в пример Иерусалимского царя Иосию, который вынул из гробов и сжег в огне кости умерших идолопоклонников, по прошествии многих лет после их смерти; подобным образом, утверждал святой, следует предавать наказанию еретиков и после их смерти. С того времени

преподобный Евтихий начал пользоваться расположением царя, и все хвалили его и почитали. В то время (еще до начала собора) заболел святейший патриарх Мина и в весьма преклонном возрасте отошел ко Господу. И вот, многие из лиц, облеченных духовным саном путем подарков и ходатайств домогались для себя у царя сей почести; царь, сердце которого в руке Божией, помышлял о блаженном Евтихии; он дал приказание одному из своих советников именитому мужу Петру, чтобы он незаметно следил за Амасийским архимандритом, – как бы последний, избегая людской славы, тайно не убежал из Константинополя. Тогда святому было во сне другое видение, о котором впоследствии он сам рассказывал своим домашним. «Мне казалось, – говорил он, – будто я вижу большой и весьма светлый дом, и в нем постель, покрытую драгоценным украшением. На этой постели сидела какая то почтенная женщина, по имени София, которая, подозвавши меня к себе, стала показывать мне свое убранство. Вслед за сим я увидел, что крыша дома наполнена снегом, а в снегу стоит отрок, по имени Сотерик, который готов был поскользнуться и упасть вниз с крыши, но я, предупредив это, свел его с крыши и снега и избавил от падения». Это видение было ему ночью накануне избрания его на патриаршество и совершенно сбылось. Ведь не иное что знаменовало собою виденная женщина, по имени София, как Константинопольскую соборную церковь святой Софии, а наряды ее – дела церковные. Отрок Сотерик, готовый упасть с крыши, знаменовал собою догматическое исповедание, которое близко было к склонению и ниспадению в ересь и требовало поспешной помощи со стороны хорошего защитника. Царю точно так же было Божественное откровение о преподобном Евтихии, как об этом он сам сообщал с клятвою всему своему правительству и клиру великой церкви. «Раз, – рассказывал царь, – находился я на молитве в церкви святого Апостола Петра в Афире[2437], где задремал и увидал сего верховного Апостола показывающего рукою на Евтихия и говорящего ко мне: «Пускай сей да будет поставлен вам епископом»». Выслушавши это, все едиными устами взывали: «Достоин, достоин!» И таким образом, по Божественному

изволению и откровению, святой Евтихий был возведен на престол Константинопольского патриаршества на сороковом году своей жизни. В самом начале его патриаршества, после того как святые отцы собрались в Константинополь, был открыт пятый Вселенский собор. На нем присутствовали древнего Рима папа Вигилий, Александрийский патриарх Аполлинарий, Антиохийский Домн, которые вместе с святейшим патриархом нового Рима Евтихием и с прочими святыми отцами утвердили благочестие, предавши анафеме еретиков и их злочестивые мудрования. В то время как святой Евтихий благополучно управлял Христовой Церковью, диавол со слугами своими еретиками возбудил против него гонение. По прошествии нескольких лет император Юстиниан, будучи незаметно обольщен еретиками, склонился на их сторону и под видом благочестия стал сеять ересь автартодокетов[2438], т. е. нетленномнителей, утверждавших, что плоть Христова по причине соединении с нею Божества раньше своей смерти и воскресения пребывала нетленна и была не причастна человеческим страданиям. Распространяя это еретическое учение, царь возмущал Церковь, принуждая всех веровать и исповедовать, как он сам. Святейший патриарх Евтихий сопротивлялся этому, указывая что такое учение не принадлежит Православной Церкви, но еретикам. На основании Священного Писания и писаний святых отцов он выяснял, что плоть Христова во всем, кроме греха, была подобна нашей тленной плоти и доступна для страданий. Ибо, родившись от Пречистой Девы, она была повита пеленами, питалась молоком, претерпела обрезание и в течение всей своей земной жизни требовала пищи и пития. И каким же образом нетленная и не причастная страданиям плоть могла бы претерпеть за нас гвозди и копие? Если только одно понимать под ее нетлением, – что она была свободна от тления греховного и не истлела во гробе. Но царь не только не желал слушать православного учения патриарха, но и всяческим образом склонял его подтвердить своею подписью справедливость его еретического учения. И так как патриарх не соглашался дать подпись на неправославное мудрование царя, то последний сильно

гневался на него. После многих пререканий с обеих сторон император Юстиниан по наущению еретиков, в особенности начальников областей Еферия и Аддея, собрал из единомысленных с ним епископов беззаконное сборище (это происходило на двенадцатом году патриаршества Евтихия); царь представил этому сборищу на неповинного и святого патриарха ложные обвинения и, с подтверждением последних лжесвидетелями, добился несправедливого осуждения, лишив таким образом престола доброго пастыря, святого мужа, православного архиерея Евтихия, а на его место он избрал некоего лжепастыря Иоанна, по прозванию Схоластика, нечестивца и человекоугодника. Святой же Евтихий двадцать второго января, в день памяти святого Апостола Тимофея, руками солдат был выведен из церкви: областеначальник Еферий, придя с оружием и копьем и рыкая как лютый зверь, приказал насильственно вытащить святого, причем он совлек с него святительскую одежду и отослал в ссылку в Амасийскую область. Впрочем, впоследствии Еферий и сам не избежал Божия отмщения, в свое время, вместе с единодушным другом своим Аддеем; Еферий лишился сана, богатства и жизни; в один и тот же день, 3 октября, оба они за свою злобу справедливо были осуждены на смерть: им были отрублены топором головы. [2439]

Между тем святитель Христов Евтихий, будучи отведен в Амасийскую область, пребывал в посте и молитве в своем монастыре, где творил много чудес, исцеляя, по благодати Христовой, людские немощи. Некоторые из этих чудес святого Евтихия приведем здесь. В городе Амасии проживал вместе со своею женою некий человек по имени Андрогин; муж и жена сильно скорбели, так как у них рождались мертвые дети; ребенок умирал раньше появления на свет; с мольбою и слезами, подобно тому как некогда Сонамитянка к Елисею, пришли супруги к святителю Божию, прося его помолиться за них Богу, чтобы Он даровал им видеть живыми своих детей. Святой, помазавши обоих супругов святым елеем, истекшим от Животворящего Креста и от находящейся в Созополе иконы Пресвятой Богородицы, сказал им: «Младенца, который

имеется во чреве (жена была беременна), назовите Петром, и он останется жив». Находившийся же в сие время при святителе пресвитер Евстафий (составитель сего жития) спросил: «Если же родится ребенок женского пола, то каким именем его назвать?» Святой же пророчески утверждал, что родится младенец мужеского пола, который должен быть наименован Петром. В должное время жена родила младенца мужеского пола, его назвали Петром, и ребенок оставался живым и возрастал. Потом она родила и второго сына, и, принесши его на руках к архиерею Божию, спрашивала, как назвать новорожденного. «Пусть назовется Иоанн, – отвечал святой, – так как Господь услышал молитву вашу в церкви святого Иоанна». Оба младенца доросли до мужеского возраста и сделались наследниками своих родителей. Один пресвитер с церковного поселка привел к угоднику Божию Евтихию своего четырнадцатилетнего глухонемого сына, по имени Нунехия. Помазавши его святым елеем, святой отверз слух его, развязал язык, так что глухонемой стал слышать и говорить. Еще другой какой-то из церковных клириков по имени Кирилл имел пятилетнего сына, который также был немой и от болезни находился между жизнью и смертью; святитель Божий молитвою и его соделал здоровым и даровал ему способность речи. Однажды принесен был к святому четырехлетний младенец из города Зела[2440] совершенно высохший, почти не имевший тела, а только лишь одни покрытые кожею кости. Он не мог также ничего и есть, кроме того, что немного сосал из материнских грудей. Он также получил от рук святого исцеление, будучи помазан святым елеем. Молитвою угодника Христова святого Евтихия и помазанием святого елея изъят был из самых врат смерти и еще один внезапно заболевший и готовый умереть ребенок, – сын одного Амасийского художника. Одна женщина шла по делам со своим семилетним сыном и другим народом в город. От встретившегося им лукавого беса невинный ребенок был ужален в ноги и валялся на земле, будучи совершенно не в состоянии подняться. Мать вместе со своими попутчиками, поднявши ребенка, принесла его в монастырь к блаженному патриарху, со слезами умоляя его

оказать свое милосердие и исцелить младенца. Посредством своего обычного врачевства – молитвы и святого елея – святитель возвратил здоровье ребенку, который стал так же хорошо ходить, как и прежде, до несчастного случая. Близ города Амасии находился женский монастырь, именуемый Флавия. Из этого монастыря к святому была приведена юная отроковица, которая не могла причаститься Божественных Таин. Пред причащением на нее внезапно нападал страх и трепет, и она отворачивалась от Святых Таин с ужасным криком. Когда же пытались вложить в ее уста Святые Тайны насильственно, то она немедленно выплевывала их как нестерпимую горечь, ибо в ней находился лукавый дух. Усердно помолившись о ней к Богу, архиерей Божий изгнал из нее лукавого беса. Отроковица, получив исцеление, спокойно приняла из рук архиерея Божественные Тайны. Один юноша, умевший прекрасно украшать храмы мозаикою, в доме Амасийского гражданина Хрисафия, отбивая от стен старую мозаику, на месте ее новой изображал святые иконы. Тут, между прочим, находилось древнее изображение обнаженной Венеры[2441]. Когда юноша стал уничтожать со стен это изображение, то находившийся при последнем бес поразил руку его мучительнейшею болезнью, называемою канцер[2442]. Рука отекла, страшно загноилась, и получилась неисцельная рана. Все видевшие больную руку говорили, что ее необходимо отнять, чтобы не сгнило всё остальное тело. Находясь от столь ужасной болезни в большой скорби, юноша с сильным рыданием прибыл к угоднику Божию Евтихию, испрашивая излечения своему безвозвратно потерянному здоровью. Совершая о нем молитву к Богу и помазуя святым елеем больную руку, святой на третий день исцелил юношу и отпустил его здоровым. Уничтоживши исцеленною рукою изображение бесстыдной Венеры, юноша на том самом месте, где получил болезнь, изобразил своего безмездного врача, святейшего патриарха Евтихия. Подобным же образом святой и у другого юноши исцелил поврежденную неизлечимою болезнью руку, которую врачи советовали отрезать. Однажды к святому был приведен бесноватый юноша, постоянно испытывавший жесточайшие мучения. Когда

блаженный назнаменовал его крестным знамением с молитвою и помазал святым елеем его чело, то бесовская сила, как бы пронзенная огненным копьем, начала кричать страшным голосом, испуская пену и скрежеща зубами. Тогда можно было понять, что юноша был мучим не одним, но многими бесами. Затем оцепеневши, юноша лежал на земле как мертвый, а спустя немного времени он снова в течение многих дней начал испытывать те же самые и даже гораздо более сильные страдания. Святой изумлялся, почему беснование не оставляет юношу в течение столь долгого времени, и святитель велел своему пресвитеру Евстафию (составителю сего жития) спросить юношу, кто он, откуда, где живет, чем занимается, как началось с ним беснование. На эти вопросы юноша рассказал всё подробно о себе. «Я, – говорил он, – был иноком в монастыре святого Иоанна, находящемся в Акрополи. Затем я сбросил с себя иночество, удалился в мир, женился, содеял множество грехов и вот, за это то самое, как вы видите, наказываемый Богом, я ныне страдаю, – но если вы имеете какую-либо возможность, – помогите мне». Выслушавши это, святой по своему обыкновению сотворил усердную молитву к Богу, причем увещевал юношу снова возвратиться в прежний монастырь и сделаться иноком. Когда же юноша с искренней готовностью обещал это сделать, то по молитвам архиерея Божия Евтихия немедленно освободился от бесовского мучительства. К преподобному некогда явился с просьбою об исцелении один прокаженный, и он получил здоровье с заповедью от святого – никогда не пить вина.

Другой человек во время тяжбы со своим соседом ложно поклялся на суде и по отмщению Праведного Судии – Бога – потерял зрение, целый год не видал света. Водимый другими, он пришел с раскаянием к сему чудотворцу, исповедуя пред ним свой грех и в то же время ища исцеления своему душевному, а с ним вместе и телесному недугу. Божественным милосердием, архиерейскою властью, угодными Господу молитвами сего святителя Христова он получил то и другое и возвратился к себе, глядя глазами, как и раньше.

К доброму врачу святителю Евтихию стекалось бесчисленное множество страждущих многоразличными болезнями мужчин, женщин и детей, и по молитвам его все получали скорое исцеление. Во время нашествия персов в Амасию собралось из окрестных плененных и опустошенных неприятелем местностей и городов множество народа; скопление его вызвало здесь сильный голод; тогда угодник Божий устроил так, что в его монастыре не оскудевала пища. Ежедневно в его монастырь приходило за получением пищи бесчисленное множество народа, и, наконец, монастырские экономы сообщили однажды святому, что за оскудением жита и муки не только нечего додавать приходящим, но и сами они не имеют чем бы им питаться. Тогда преподобный, войдя в житницу и закром и действительно заметивши полное оскудение, помолился Богу и, утешая братию, сказал: «Уповайте на Бога и веруйте, что все то, что вы отдаете нуждающимся, Бог вдвойне возвратит вам. Я твердо надеюсь на милость Божию, – подобно тому как во дни пророка Илии в Сарепте Сидонской у вдовы не оскудела кадка (см.: 3Цар. 17:16), так точно и у нас в настоящее время не будет недостатка в необходимом, но всё будут есть и насытятся и восхвалят Господа Бога нашего». По вере и словам святого так действительно и случилось, ибо не только не убывали непрестанно раздававшиеся хлебы, но раз от разу увеличивалось их количество: чем больше раздавалось хлеба приходящим, тем более умножалось всего в житнице и закроме, так что в дни голода в довольстве питались все странники, пришельцы и свои домашние.

Угодник Божий Евтихий был не лишен и дара пророческого. За три года до смерти императора Юстиниана случилось быть в Амасии племяннику императора Иустину, имевшему тогда придворный чин и отправлявшемуся куда-то на службу царскую. Уединившись с ним, блаженный Евтихий сказал ему: «Выслушай меня, господин куропалат!* Если я и грешен, тем не менее я раб и священник Бога моего, Который возвестил мне, что по смерти своего дяди царствовать будешь ты. Итак, остерегайся, как бы занимаясь множеством дел, ты не

замедлил, но наблюдай за собою, дабы тебе оказаться достойным к исполнению служения вскоре возлагаемого на тебя волею Господней». Иустин, выслушавши, возблагодарил Бога и просил у святого пророка молитвенной помощи. Таким же точно образом впоследствии он предвозвестил своим письмом о том же и имевшему вступить на царство после Иустина градоначальнику Тиверию. Святой Евтихий написал к нему в Сирию следующее: «Бог ныне лишь отчасти даровал тебе управление народом, но в самом скором времени и все кормило царского управления вручит тебе», что потом вскоре и сбылось.

По смерти императора Юстиниана, на царский престол вступил его племянник Иустин; и когда умер вышеупомянутой патриарх Константинопольский Иоанн Схоластик, святейший патриарх Евтихий, после двенадцати лет и восьми месяцев своего пребывания в изгнании, был к несказанной радости всего народа возвращен на престол, причем его встречали на суше и на море, восклицая – «благословен грядый во имя Господне!» Он принял свой престол в воскресенье третьего октября, в каковое число незадолго пред этим по приказанию нового царя были осуждены и казнены смертью враги святого Евтихия, областеначальники Еферий и Аддей.

Остальные дни своей жизни святейший патриарх Евтихий прожил в мире, украшая Церковь православным учением и чудесами: он своею молитвою остановил внезапно наступившую моровую язву и уврачевал больных. После этого и сам он, отдавая долг природе, впал в болезнь в праздник пресветлого Воскресения Христова. Благочестивый император Тиверий пришел навестить его, и святой предсказал царю скорую кончину после своей собственной смерти, что и сбылось. Болея в течение Светлой седмицы святейший Евтихий в Фомино воскресенье созвал весь свой клир и, преподавши всем мир, благословение и последнее целование, с наступлением ночи уснул в Господе сном временной смерти; святая же его душа удалилась в немерцающий вечный день к святым иерархам. Святой Евтихий занимал патриарший престол после своего возвращения из заточения четыре года и шесть месяцев;

всех же лет от рождения он имел семьдесят. Святой Евтихий с честью был погребен в Апостольской церкви под ступенями алтаря, где находились мощи святых Апостолов Андрея, Тимофея и Луки[2443].

После преставления святейшего патриарха Евтихия благочестивый император Тиверий прожил только четыре месяца и восемь дней и, согласно пророчеству святого, скончался в мире. Мы же за все сие прославим Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога в Троице. Аминь.

Кондак, глас 8:

Божественнаго верно Евтихия вси поюще, людие, любовию да ублажим, яко пастыря велика и служителя, и учителя премудра, и прогонителя ересей, молит бо Господа о всех нас.

_____

* Куропалат – византийская придворная должность, сопряженная сначала с высшей охраной императорского дворца (φυλακή της αύλής), позже сделавшаяся исключительно почетной.

Память преподобной Платониды

Память 6 апреля

Святая Платонида первоначально была диакониссою[2444]. Потом, стремясь к подвигам уединенной жизни, она оставила мир и удалилась в пустыню Низибийскую[2445], где и основала обитель для дев.

Своею благочестивою и истинно-подвижническою жизнью преподобная Платонида давала добрый пример для подражания сестрам обители.

Устав обители, основанной Платонидою, отличался особенною строгостью: сестры вкушали пищу только один раз в день и всё свободное от молитвы время проводили в разного рода работах и занятиях, особенно в рукоделии. Но в пятницу, как в день воспоминания спасительных страданий и крестной смерти Господа за нас, все занятия в монастыре прекращались и весь день посвящался только молитве и богомыслию. В этот день сестры с утра до вечера пребывали в храме, где в промежутках между молитвою слушали чтение и изъяснение Священного Писания.

Уча всех не словом только, но и делом и угодив Богу добродетельною жизнью своею, преподобная Платонида скончалась и отошла ко Господу от жизни сей временной, дабы радоваться вечно в обителях небесных[2446].

В тот же день память святого равноапостольного Мефодия, архиепископа Моравского (житие см. 1 мая).

В тот же день память ста двадцати мучеников в Персии, в IV веке сожженных царем Сапором.

В тот же день память святых мучеников Иеремея и Архилия иерея.

Память преподобного отца нашего Георгия Исповедника, митрополита Митиленского

Память 7 апреля

С юных лет возлюбивши Христа, преподобный отец наш Георгий сделался монахом, вел подвижническую добродетельную жизнь и, как никто другой, усовершенствовался в смиренномудрии. В царствование Льва Исаврянина[2447] он соделался исповедником за Христа, претерпевши от иконоборцев гонение и притеснение. Затем в царствование православных Константина и Ирины[2448] он был возведен на архиерейскую кафедру в городе Митилене[2449], митрополии острова Лесбоса[2450]. Святой Георгий был весьма милостив, щедрыми подаяниями питая алчущих. За свое великое воздержание он соделался другом Ангелов и, отгоняя нечистых духов и врачуя неизлечимые недуги, явил себя чудотворцем. Доживши до времени царствования императора Льва Армянина, возобновившего иконоборчество[2451], он снова, будучи уже глубоким старцем, претерпел гонение за святые иконы. Еще раньше правления императора Льва Армянина, возобновления иконоборства и изгнания святого Георгия, в Митилене были некоторые знамения, предуказывавшие на скорое появление в Церкви Христовой смут и бедствий. Однажды в храме святой великомученицы Феодоры, что близ пристани, за вечерней во время всенародного пения «Кирие, елеисон» – Господи, помилуй – стоявший на престоле святой крест внезапно и с сильным шумом какой-то невидимою силою был взят со своего места и вознесся кверху под потолок, а затем, склонивши свой верхний конец к низу, упал на землю. Народ, видевший это, был охвачен великим страхом и ужасом; поднявши вверх свои глаза и руки, все громогласно, в течение продолжительного времени, взывали: «Кирие, елеисон» и не желали выходить из церкви, так как ожидали, что остров Лесбос посетит какая-нибудь внезапная гибель. В то время в церкви находился преподобный Симеон вместе со своим младшим братом Георгием, который впоследствии в свое время наследовал престол первого

Георгия[2452]. Симеон, будучи прозорливцем, со слезами говорил народу:

– Братия, будет не так, как ожидаете вы. Бог не погубит окончательно этой страны, но на днях вступит на престол богоненавистный и богопротивный царь, который, ниспровергши на землю святые иконы, отнимет от церкви красоту ее.

По прошествии нескольких дней, в церковь и в алтарь вошел – дверь церкви случайно не была заперта – огромный и страшный вепрь, у которого уши и хвост были обрезаны, и лег здесь на горнем месте. Заметивши это, церковные сторожа немедленно стали прогонять вепря, но безуспешно, так как он был свиреп и кидался на всех, пытавшихся выгнать его из алтаря, обращая их тем в бегство. После этого, принесши огромный кол, стали до крови бить животное в продолжении долгого времени и, обессилевши, с трудом смогли прогнать его. Узнав об этом, тот же блаженный Симеон сказал:

– Чада, поверьте, что этот вепрь знаменует имеющего, – по попущению Божию, – быть здесь епископа, который по жизни и нраву будет подобен свинье.

Всё это скоро и сбылось. Вышеупомянутый император Лев Армянин, вступивши на царский престол, предпринял гонение против Церкви Божией и в то же время созвал в Константинополь многих епископов, склоняя их к принятию иконоборческой ереси. Преподобный отец наш Георгий, митрополит Митиленский, будучи также призван с прочими епископами, явил себя неустрашимым воином Христовым. В то время как многие одобряли царево неправоверие, он своей истинною премудростью посрамил царя, лжепатриарха Феодота, по прозванию Касситера[2453], и прочих единомысленных с ними еретиков, и некоторых из них довел до сознания их собственного заблуждения.

Царь и патриарх, не перенося его обличений, отправили его в изгнание в Херсон[2454], а на его место поставили в Митилену митрополитом некоего еретика, который подобно луговому вепрю (кабану) опустошил и осквернил виноградник Христов: он попирал святые иконы, бессмысленно смущая словесных овец. Святой же Георгий, проживши в изгнании остальные дни своей

жизни, по благодати Христовой совершил многие чудеса. При наступлении времени его преставления воссияла на небе пресветлая звезда, – провозвестница блаженной его кончины, – которая была видима и на Лесбосе. По этой звезде в Митилене было познано словесными овцами отшествие ко Господу их пастыря, святого Георгия.

Жизнь святого при его добрых делах являлась светом для мира. Блаженную же кончину его Бог прославил светлою звездой и после его кончины для прославления Своего угодника источил от его мощей чудесные целебные источники.

Страдание святого мученика Каллиопия

Память 7 апреля

В Памфилийской Пергии[2455] жила благочестивая и богобоязненная женщина Феоклия; как она, так и ее семейство были проникнуты страхом Божиим; ведя добродетельную жизнь, Феоклия раздавала щедрую милостыню. Находясь в супружестве за почетным, происходившим из сенаторского и патрицианского рода[2456], человеком, Феоклия в течение многих лет не рождала детей. Прилежными молитвами испросив у Бога разрешение своему неплодству, она, спустя долгое время по выходе замуж, зачала. В это время скончался муж ее, оставивши ее наследницею огромного состояния. Родивши сына, она назвала его Каллиопий[2457]. Обучая его наукам, Феоклия главным образом старалась внушить ему страх Божий и научить его премудрости Божественного Писания. В те времена сильно было распространено служение кумирам, истина была скрываема ложью и большинство людей поклонялись и приносили жертвы скверным идолам. Постоянными же спутниками жизни св. Каллиопия были молитва и пост. Когда о святом юноше сообщили судье, что он христианин, то его мать, блаженная Феоклия, снабдивши своего сына достаточным количеством денег, одеждою, а также послав с ним некоторых слуг, отправила его на корабле в другую страну, чтобы избежать несправедливого осуждения. Таким образом, блаженный Каллиопий отплыл в Помпеопель Киликийский[2458]. Увидавши здесь, что нечестивый вождь Максим устрояет в честь скверных кумиров жертвы, пение и пляски, святой юноша удивлялся и спросил у кого-то: «Что за причина такого вашего ликования?»

– Ныне праздник в честь богов наших, – отвечали они ему, – подойди и ты и присоединись к нашему пиршеству.

– Я христианин, – сказал святой, – и в посте провожу праздники в честь моего Христа, и неприлично, чтобы уста, славящие Христа, воспринимали осквернённые жертвы нечестивых богов.

Эти слова святого дошли до слуха военачальника Максима, и последний, пылая гневом, приказал схватить и представить святого юношу к себе для допроса.

– Как зовут тебя? – спросил военачальник св. Каллиопия, когда его привели на суд.

– Я христианин, – отвечал святой, – а имя мое Каллиопий.

– Ныне, когда вся вселенная, – сказал военачальник, – устрояет пиршество по случаю праздника богов, почему ты один, не желая разделить с нами праздника, пребываешь в каком-то заблуждении?

– Вот вы-то, – ответил святой Каллиопий, – и суть те самые, которые ходят во тьме и обольщении, так как вы оставили живого Бога, создателя неба и земли, всё сотворившего Своим словом, и поклоняетесь произведению рук человеческих, – бесчувственному дереву и растрескавшемуся камню.

– Твоя юность делает тебя дерзким, – возразил военачальник, – подвергая тебя самого опасности испытать немалочисленные мучения! Ответь нам, из какой ты страны и чьего рода?

– Я из Памфильской Пергии, – ответил святой, – сенаторского и патрицийского рода, но больше всего и почетнее всего для меня то, что я христианин.

– Есть ли у тебя родители? – спросил военачальник.

– Да, у меня есть мать, – отвечал святой, – а отец мой давно умер.

– Клянусь великим солнцем и всеми божествами, – отвечал военачальник, – что если ты поклонишься богам, то я выдам за тебя замуж единственную дочь, которую имею.

– Если бы я захотел жениться, – отвечал святой, – то мог бы взять за себя твою дочь и ввести ее во владение матери моей. Но знай, что я обещался Богу моему Христу, создавшему меня по Своему образу, соблюсти бренное сие тело в чистом девстве и представить его непорочным пред праведным судом Его. Ты поступай, как тебе угодно, но я – христианин.

– Скверный и злобный, – закричал военачальник, – ты, вероятно думаешь этими речами возбудить во мне бешенство, чтобы я скорее убил тебя? Так знай же, что я буду мучить тебя в

течение долгого времени, раздробляя на части твое тело, а остаток его предам огню для сожжения.

– Чем более продолжительно, – отвечал святой, – будут мои мучения, тем более светлый венец сплетется мне Христом за мои страдания. Ведь и Писание говорит, что никто не увенчается, если не будет замучен по закону (2Тим.2:5).

– Разложите его, – обратился военачальник к палачам, – и оловянными прутьями переломайте ему все кости!

Во время побоев святой Каллиопий произнес: «Благодарю Тебя, Христе, что Ты сподобил меня ради прославления Твоего имени претерпеть мучения».

– Принеси жертву богам, – продолжал военачальник, – чтобы увидать тебе твое отечество и не лишаться твоего имущества. Видишь, сколь жестоко мучат тебя!

– Я созерцаю сладость обещанного мне Христом будущего покоя и не ощущаю мучений, – сказал святой. – И хотя я в настоящее время нахожусь и в чужой стране, но я тем не менее знаю, что «Господня земля и что наполняет ее» (Пс.23:1). И здесь я вижу матерь мою и свое отечество. Матерь моя – Православная Христова Церковь, а отечество – небесный Иерусалим, согласно слову апостольскому. «Наше же жительство – на небесах» (Фил.3:20). Если же ты напоминаешь мне о моей плотской матери, то есть Божественный голос, утверждающий: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:37). Я ни во что не ставлю изобилие богатств и почитаю за лучшее страдать со Христом распятым, чем со грехом иметь кратковременное удовлетворение безумного мира.

– Так как он уже положен, – сказал военачальник слугам, – то поверните его и бейте по животу сырыми жилами, приговаривая: нечестивец, не отвечай ни то, ни сё, но – на вопрос!

– Лишенный благ небесных и более свирепый, чем зверь, безумец! – сказал святой мученик военачальнику. – Я и говорю тебе слова истины, а ты, имея ослепленные душевные очи и закрытые уши, чтобы не слыхать слов Господних,

несправедливо подвергаешь меня мучениям, убивая как разбойника!

– Поставьте, – приказал тогда военачальник палачам, – мучительское колесо с острыми железами и разведите под ним сильный огонь, и туго, хотя бы даже до разрыва суставов, растянувши на колесе Каллиопия, в таком виде привяжите его к колесу и повертывайте, чтобы он погиб, разрезаемый железом и поджигаемый огнём.

Когда таким образом начали мучить святого юношу, он, в тяжких страданиях возопил ко Господу, говоря: «Приди, Христе мой, на помощь рабу Твоему, – да прежде конца прославится через меня Твое святое имя, и дабы все знали, что уповающие на Тебя не посрамятся вовеки». И вот немедленно предстал Ангел Господень, погасил огонь, остановил колесо и сделал его неподвижимым, и палачи не могли его повернуть. Молодое тело мученика обливалось на колесе кровью и сквозь глубокие раны заметны были кости, так как колесо имело на себе обоюдоострые, пилообразные мечи. Военачальник приказал развязать мученика и снять его с колеса. Зрелище страданий умилило всех смотревших, и народ возопил, говоря: «О несправедливый судья! И какой юноша гибнет жестоко!»

– Не говорил ли я тебе, – сказал военачальник святому, – что молодость твоя делает тебя дерзким, подвергая тебя через это жестоким мучениям?

– Бесстыдный пёс, – отвечал святой, – ужели ты думаешь, что я испугался твоих мучений?

– Ты, окаянный, – заметил военачальник, – оскорбляешь меня, чтобы я скорее погубил тебя, но того не будет! Итак, подойди и принеси жертву богам для избежания еще более жестоких мучений!

– Я уповаю, – отвечал святой мученик, – на Христа моего, и ты не в состоянии осквернить во мне исповедание Божие. Тело мое предоставляется тебе: мучь его, как хочешь, получишь за это отмщение от Бога в день Страшного Суда, «ибо… какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф.7:2).

– Сковавши его железными веригами, – приказал военачальник палачам относительно святого Каллиопия, –

стерегите его во внутренней темнице, не имейте о нем никакого попечения и не допускайте никого из близких к нему христиан входить к нему, чтобы кто-нибудь не восхвалил его за его терпение. Палачи немедленно сковали святого страдальца и бросили его во внутреннюю темницу.

Блаженная Феоклия, узнавши о таком страдании за Христа своего единородного сына, святого Каллиопия, написала завещание относительно своего дома и всего своего имущества: она освободила своих рабов и рабынь, числом двести пятьдесят человек, и раздала нищим всё золото и серебро и драгоценное одеяние, которое имела. Всё же остальное имущество и недвижимое имение, селения, поля, виноградники – отдала святейшей церкви и, покинувши свое отечество, отправилась в Киликию к своему страждущему за Христа сыну. Заплативши деньги темничным сторожам, она вошла во внутреннюю темницу и, увидавши сына, припавши, поклонилась ему и обтирала гной его струпьев. Святой же Каллиопий, будучи весь скован железом и отекший от бесчислен ран, не мог встать пред своею матерью, и только проговорил:

– Хорошо сделала, что пришла ты, мать моя и свидетельница моих страданий за Христа!

Феоклия, видя тело сына истерзанное ранами, говорила к нему:

– Блажен и благословен плод чрева моего, потому что я представила тебя, как Анна Самуила освященным сосудом для Бога, и как Сарра Исаака предоставила тебя Христу в благоприятную жертву!

Всю ту ночь мать пробыла в темнице, сидя при ногах сына, воспевала и славословила вместе с ним Бога. В полночь же заблистал в темнице яркий свет и слышен был голос, восклицавший:

– Вы – святые исповедники Христовы, истребители идолов, оставившие отечество и имущество для страданий со Христом!

С наступлением утра военачальник Максим, севши на судилище, вывел из темницы для допроса святого мученика Каллиопия. Поставивши его пред собою, он спросил:

– Оставил ли ты свое безумие и соглашаешься ли для сохранения жизни исполнить царское повеление и поклониться богам? Или же, напротив, ты желаешь покорно погибнуть, как и учитель твой Христос?

– Я удивляюсь, – отвечал святой, – твоему бесстыдству! Ты много раз слышал от меня один и тот же ответ: я – христианин и умру за Христа; снова теперь о том же спрашиваешь меня и не стыдишься ополчаться против истины. Я горячо желаю пострадать подобно Учителю моему Христу и стремлюсь беззаветно умереть за Него!

Выслушавши это и понявши непреклонное намерение мученика и убедившись в его непоколебимой душевной крепости, военачальник приказал распять его подобно Христу на кресте. Тогда был Великий четверток, когда совершается воспоминание святой Тайной Христовой вечери. Святая Феоклия, видя ведомого своего сына, дала воинам пять золотых монет, умоляя их, чтобы они распяли Каллиопия не как Христа, но вниз головой. Это она сделала по смирению, считая недостойным делом, чтобы сын ее в образе распятия был подобен своему Господу Христу. Итак, святой Каллиопий был распят за Христа вниз головой, в четверток спасительный вечери. В Великий же пяток в третий час дня он предал дух свой в руки Божии, при сошествии к нему с неба Божественного голоса: «Войди Христов согражданин и сонаследник святых»[2459].

Когда мертвое тело святого Каллиопия было снято со креста, блаженная мать его, прославляя Христа, обняла за шею сына, а затем немедленно предала и свою душу. Братия христиане, пришедши, взяли тела обоих и похоронили их в почетном месте в одной могиле, восхваляя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

В тот же день память святого Руфина диакона, святой мученицы Акилины, и с ними двести воинов, в Синопе скончавшихся около 310 года.

В тот же день память преподобного отца нашего Даниила Переяславского.

Житие преподобного отца нашего Нифонта, епископа Новгородского

Память 8 апреля

Блаженный Нифонт был иноком святого Печерского монастыря в то время, когда над монастырем этим начальствовал игумен Тимофей[2460]. Живя в монастыре, святой Нифонт преуспевал в молитве, посте и всех прочих добродетелях, стараясь подражать во всем жизни великих угодников Божиих.

Когда блаженный Иоанн, епископ Новгородский, после двадцатилетних трудов своих по управлению паствою, ослабев в силах, оставил епископский престол и удалился в монастырь[2461], – тогда сей блаженный Нифонт, уже просиявший лучами добродетелей своих по всем странам, по воле Божией был избран всеми на епископский престол новгородский и был рукоположен во епископы в Киеве[2462] митрополитом Михаилом[2463].

Взойдя на престол, быв поставлен как светильник на свещнике, святой Нифонт еще более просиял своими усердными заботами о благоустроении Церкви Православной; он заботился об умножении славы Божией и ревновал о благополучной жизни своих словесных овец, как временной, так и вечной. Заботясь об умножении славы Божией, преподобный своим усердием заложил посреди Новгорода каменную церковь в честь Пресвятой Богородицы, которую, при помощи Божией, вскоре и создал; кроме того, он украсил иконописью престольную новгородскую церковь в честь святой Софии, а крышу ее покрыл оловом[2464]. Заботясь же о благополучном земном жительстве своих словесных овец, этот архипастырь отличался, например, такими добродетелями: если среди православных начиналось какое-либо междоусобие, он всячески старался примирить их. Так, когда однажды преподобный узнал, что киевляне и черниговцы, собрав много воинов и придя к Новгороду, хотели идти на него войною, то он тотчас, взяв с собою вельмож новгородских, пошел к

ополчившимся на брань и при помощи Божией заставил их положить оружие[2465]. Подобно этому и в других случаях преподобный заботился о мирном житии людей Божиих, ревнуя о благополучии временной жизни их.

Но еще больше заботился преподобный о вечной жизни своих словесных овец. Помня слова Господа, сказанные Им о Боге Отце, что заповедь Его есть «жизнь вечная» (Иоан.17:2), преподобный Нифонт всегда поучал православных – не удаляться от закона Божия и церковного предания, чтобы не лишиться вечной жизни; тех же, кто удалялся от закона Божия и творил грехи, преподобный обличал, предсказывая таким людям погибель за их грехи, проповедуя «во время и не во время, обличая, запрещая, умоляя со всяким долготерпением и назиданием» (2Тим.4:2), по повелению Апостола.

Эта великая ревность архипастыря о спасении душ своих чад видна из следующего обстоятельства. После того как новгородцы изгнали своего князя Всеволода Мстиславича[2466], на княжение к ним пришел, призванный ими, Святослав Ольгович, женившийся противно церковным канонам. Тогда блаженный сей архипастырь не только не венчал этого князя, но и всему клиру своему запретил видеть то беззаконное венчание (князь тот был повенчан священниками, пришедшими вместе с ним). Преподобный Нифонт[2467] дерзновенно обличал князя того за его преступление, ревнуя псалмопевцу, сказавшему: «буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь» (Пс. 118:46).

Велика также была ревность сего архипастыря, когда он старался предохранить от преступления самую Церковь Русскую, что случилось при следующих обстоятельствах.

Когда скончался митрополит Киевский Михаил 2-й, от которого принял рукоположение во епископа святой Нифонт, то великий князь киевский Изяслав Мстиславич[2468] на его место избрал Климента философа, бывшего тогда черноризцем и принявшего схиму. Не желая посылать за дальностью расстояния Климента для рукоположения во епископа в Константинополь, князь тот собрал для этой цели собор из русских епископов. На этом соборе были: Онуфрий

Черниговский, Феодор Белгородский, Евфимий Переяславский, Дамиан Юрьевский, Феодор Владимирский, святой Нифонт Новгородский, Мануил Смоленский, Иоаким Туровский, Козьма Полоцкий. Когда собор начал свои заседания, блаженный Нифонт много говорил о том, что сами русские епископы ни в каком случае не могут избирать себе митрополита без благословения Константинопольского патриарха; он дерзновенно заявил во всеуслышание всего собора, что это противно преданию святой Православной Восточной Церкви, которая просвещена святым крещением от престола Константинопольского, соделавшего нас таким образом, сынами Божиими, сынами Востока, посетившего нас свыше; и первый митрополит Киевский, Михаил, был поставлен оттуда же (из Константинополя); с тех пор было постоянным правилом митрополиту Киевскому принимать благословение на постановление от Константинопольского патриарха.

Говоря это, преподобный Нифонт дерзновенно увещевал сынов российских не уклоняться своим противлением от усыновления Востоку и вместе с тем Богу, потому что, говорил он: «приходит гнев Божий на сынов противления» (Ефес. 5:6).

Мнение преподобного Нифонта разделяли еще пять епископов: Козьма Полоцкий, Иоаким Туровский, Мануил Смоленский, Евфимий Переяславский, Феодор Белгородский. Но князь, из гордости не желая отказаться от своего намерения, не послушал блаженного Нифонта, но, что задумал, то и исполнил, будучи поддержан остальными епископами. Таким образом, по повелению князя и по совету Онуфрия, епископа Черниговского, Климент вместо благословения Константинопольского патриарха, был посвящен во епископы главою мощей святого Климента, папы Римского (эту главу принес из Херсона святой Владимир, получивший ее в дар от епископа Херсонского после принятия святого крещения); вслед за тем Климент воссел незаконно на архиерейском престоле митрополии Киевской.

Климент требовал, чтобы блаженный Нифонт служил вместе с ним Божественную литургию, но сей ревнитель православия говорил ему:

– Так как ты не принял благословения от патриарха Константинопольского, то я, как раньше, так и теперь, не одобряю твоего поставления и не могу по этой причине служить вместе с тобою.

Разгневавшись за это на святого Нифонта, Климент подговаривал князя Изяслава и послушных себе епископов сослать в заточение преподобного. По этой причине князь Изяслав не допустил блаженного Нифонта на епископский престол в Новгород, но повелел ему пребывать всё время в Печерском монастыре, как бы в месте заточения. Преподобный же пребывал здесь с радостью великою, хваля и благодаря Бога за то, что Он сподобил его возвратиться к прежнему его безмолвному житию вместе со святыми.

Когда же христолюбивый царь Георгий Мономахович[2469] победил Изяслава Мстиславича и принял в свои руки княжение в Киеве, – тогда он с великою честью возвратил блаженному Нифонту Новгородский епископский престол. Новгородцы, бывшие доселе как бы смятенными и отверженными, как овцы, не имеющие пастыря, с великою радостью приняли блаженного Нифонта. В то же время Константинопольский патриарх, услышав о том, сколь великое мужество показал преподобный, ратуя за предания отеческие, прислал к святому Нифонту послание, в котором восхвалял его за его разум и мужество и приравнивал его к древним святым отцам, твердо стоявшим за Православие[2470]. Преподобный же, прочтя патриаршую грамоту, воспламенился еще большею ревностью о православии. Помимо этого, не лишен был за свои труды достойного возмездия преподобный и от начальника пастырей – Иисуса Христа, как показывает это история его блаженной кончины, о которой и будет наше слово.

Спустя некоторое время после того как святой Нифонт возвратился на свой епископский престол, он услышал, что из Константинополя идет в Россию митрополит Константин[2471], посланный патриархом Константинопольским в Россию с тою целью, чтобы низложить митрополита Киевского Климента и занять его место. Узнав об этом, преподобный весьма возрадовался по двум причинам: во-первых, он надеялся

принять благословение от святителя, а во-вторых, надеялся поклониться в обители Печерской Пресвятой Богородице и прочим святым. Для этой цели он отправился в Киев и здесь ожидал прибытия митрополита Константина, уже вышедшего из Константинополя. Проживая в монастыре Печерском, преподобный обнаруживал великую любовь к Пресвятой Богородице и к прочим святым. Вскоре преподобный впал здесь в тяжелую болезнь, предварившую его честную кончину. За три дня до болезни преподобный имел дивное видение, которое он и передал братии.

– Когда я пришел, – говорил он, – после утреннего пения в свою келью, я почувствовал необходимость немного уснуть. Вскоре я впал в тонкий сон: и вот, мне показалось, что я нахожусь в этой святой обители Печерской, на месте Николы Святоши; здесь я много и усердно молился Пресвятой Богородице, прося Ее показать мне преподобного Феодосия, строителя доброго, и по смерти имевшего попечение об умножении добродетелей во обители своей. Между тем в церковь собирались братия; один из них, подойдя ко мне, сказал:

– Хочешь ли видеть преподобного отца нашего Феодосия?

Я же отвечал:

– Да, хочу, и, если можно, покажи мне его.

Тогда, взяв меня за руку, он повел меня в алтарь и здесь показал мне святого Феодосия. Увидав святого, я с радостью подошел к нему, пал к ногам его и поклонился ему до земли. Он же, подняв меня, благословил и сказал:

– Хорошо сделал ты, брат и сын, Нифонт, что пришел сюда; отныне ты будешь неразлучно пребывать с нами.

Святой Феодосий держал в руке своей свиток, который я попросил у него; взяв свиток, я разогнул его и прочел. Начинался свиток тот такими словами: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Исаи.8:18). После того как видение окончилось, – повествовал блаженный Нифонт, – я пришел в себя и понял, что болезнь моя – есть посещение мне от Бога.

Проболев тринадцать дней, преподобный почил с миром о Господе, в 20-ый день месяца апреля, в субботу Светлой

седмицы. Тело его было положено с честью в пещере преподобного Феодосия, духом же он предстоит с этим достознаменитым преподобным престолу Владыки Христа, наслаждаясь неизреченных благ небесных. Да помолятся сии святые и о нас, чадах своих. Богу же, в Троице нераздельной восхваляемому, Отцу вместе с Сыном и Святым Духом, подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Память во святых отца нашего Келестина, папы Римского

Память 8 апреля

Сей преподобный был епископом города Рима при императоре Феодосии Младшем[2472]. Он отличался высоким совершенством в жизни и слове, почему и удостоился избрания на епископскую кафедру Рима после того, как скончался папа Зосима и после него блаженный Вонифатий, преемник Иннокентия Великого[2473]. Говоря и поступая во всем согласно Апостольскому преданию, Келестин своими посланиями низложил нечестивого Нестория, в чем ему содействовал и блаженный Кирилл[2474]. Составив множество и других достойных памяти словесных наставлений, он мирно скончался, переселившись в вечную блаженную жизнь, и торжествует в сонме Апостолов и отцов[2475].

Страдание святого мученика Павсилипа

Память 8 апреля

Святой мученик Павсилип пострадал при императоре Адриане[2476] в то время, когда Евтропийскою провинциею управлял префект Луций[2477]. Сперва святой был приведен к императору и объявил себя христианином, за что избит был железными палками. После этого его отдали на суд префекту Прецию, который долго склонял его принести жертву идолам и, не успев в этом, велел заключить его в оковы и усечь мечом. Когда святого мученика вели на казнь, то он разорвал оковы и убежал от стражей. Преследуемый ими, он молился, чтобы Господь принял дух его. И случилось по молитве святого: во время бегства он скончался. Тогда пришли христиане и с почестями, воспевая псалмы и священные песнопения, торжественно похоронили святое тело его.

Память святых Апостолов Иродиона, Агава, Руфа, Асинкрита, Флегонта и Ермия

Память 8 апреля

Святой Апостол Иродион[2478], – родственник по плоти святого Апостола Павла, – происходил из Киликийского города Тарса[2479]. Он был спутником и сотрудником святых Апостолов Петра и Павла и был ими же поставлен во епископа города Патары[2480]. В сане епископа святой Иродион деятельно распространял учение христианское среди эллинов-язычников. Так как святой Иродион многих из язычников обратил ко Христу, то иудеи из зависти к сему служителю Божию, сговорившись с идолослужителями-еллинами, взяли святого силою и предали многоразличным мукам; при этом одни из мучителей без милосердия били святого, другие кидали в него камни, третьи ударяли его палками по голове. Один из мучителей ударил святого ножом настолько сильно, что он упал замертво; думая, что святой умер, мучители оставили его. Но святой Апостол по благодати Божией остался живым и потом немало потрудился в Риме, проповедуя слово Божие вместе со святым первоверховным Апостолом Петром. Святой Апостол Павел, отправляя Римлянам послание из Коринфа[2481], приветствует в этом послании и Иродиона, бывшего тогда в Риме вместе со святым Апостолом Петром: «Приветствуйте Иродиона, сродника моего» (Рим.16:11). Когда же святой Апостол Петр был распят, тогда и святой Иродион, как свидетельствует Метафраст, вместе со святым Олимпом[2482] и многими другими верующими, был усечен мечом[2483].

Святой Апостол Агав был исполнен дара пророческого. О нем упоминается в книге Деяний Апостольских. Здесь сказано о нем, что когда собрались из Иерусалима пророки во Антиохию, «один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии» (Деян.11:27–28). В Кесарии[2484] святой Агав предсказал Апостолу Павлу об имеющих постигнуть его страданиях в Иерусалиме: «… взял пояс Павлов и, связав себе

руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников» (Деян.21:11). Святой Апостол Агав проповедовал Христа в разных странах и многих из язычников обратил к вере Христовой.

Святой Апостол Руф, которого приветствует Апостол Павел в послании к Римлянам такими словами: «Приветствуйте Руфа, избранного в Господе» (Римл. 16:13), был епископом города Фив[2485], в Греции.

Святой Апостол Асинкрит, упоминаемый в том же послании Апостола Павла к Римлянам (Рим.16:14), был епископом в Гиркании – области Малой Азии.

Святые Апостолы Флегонт и Ермий[2486], упоминаемые в том же послании, были епископами: первый – во Фракийском городе Марафоне, а второй – в Далмации[2487].

Все сии упомянутые Апостолы от семидесяти много подвизались, благовествуя Евангелие Христово по всей вселенной и приводя ко Христу многих язычников. В разное время почти все они были подвергаемы различным мукам со стороны как иудеев, так и эллинов, и, приняв венец мученический, со славою отошли ко Господу.

Кондак, глас 2:

Явистеся Христовы ученицы и Апостоли всечестнии, Иродионе славне, Агаве и Руфе, Асинкрите, Флегонте со Ермом: присно молитеся Господеви подати нам согрешений прощение поющым вас.

Страдание святого мученика Евпсихия

Память 9 апреля

Святой мученик Евпсихий был сын знатных родителей, родился и получил воспитание в Кесарии Каппадокийской[2488] и годы юности своей проводил непорочно в целомудрии христианском, сединой имея мудрость и возрастом старости – беспорочную жизнь (см.: Прем.4:9).

В царствование богопротивного Юлиана Отступника[2489] он вступил в законный брак и, когда еще не кончилось брачное торжество, показал великую ревность и любовь по Христе Иисусе.

В городе Кесарии было капище нечистого идола, которого называли Тихи, что значит фортуна, или счастье. Это капище было весьма почитаемо, и в нем царь Юлиан, когда бывал в Кесарии, ежедневно приносил свои нечестивые жертвы. Случилось так, что торжество по случаю брака Евпсихиева совпало с нечестивым идольским праздником. Увидев эллинов, идущих в капище для принесения жертв, святой Евпсихий воспламенился ревностью по Господе: взяв с собою множество христиан, он пошел и сокрушил идолов и храм идольский разорил до основания. Эллины тотчас донесли об этом царю Юлиану, а святой Евпсихий, имея в виду предстоящие ему за это страдания, раздал свое имущество нищим и приготовлялся к мученическому подвигу, пребывая в посте и молитвах. Царь же Юлиан, услышав о разорении храма богов своих, исполнился великой ярости, гневаясь не только на Евпсихия, но и на весь город. Он тотчас повелел захватить всех почетных граждан и одних из них предал смертной казни, а других отправил в заточение и лишил имущества; отнял он также имущество и у всех церквей кесарийских, а духовных лиц велел записывать в военную службу и насильно отводить в полки. У города было отнято почетное имя «Кесария»[2490], которое он получил в царствование Клавдия[2491], и велено было называться прежним его именем «Маза»; он был исключен из числа городов и низведен в разряд селений, а на жителей его, верных

христиан, была наложена великая дань со строжайшим приказанием непременно восстановить разоренное капище. Юлиан с клятвою угрожал, что он не перестанет держать город под опалою и не оставит в живых галилеян (так он называл христиан), если они не выстроят заново разоренного храма богов эллинских, – и эта угроза была бы приведена в исполнение, если бы богоненавистного царя не постигла скорая погибель[2492].

Святого же Евпсихия, как главного виновника разрушения храма, Юлиан велел предать мучениям и принудить его к принесению жертв идолам. И вот святого мученика стали держать в узах, часто выводить на истязание и принуждать к идолослужению: ему давали обещание простить то, что он дерзнул разорить храм, если только он поклонится идолам. Но Христов воин не уступал и мужественно стоял в исповедании имени Христова. Его повесили на виселице и железными гребнями строгали до внутренностей, но он был укрепляем Ангелом, явившимся ему среди мучений. Наконец, после долгих и тяжких истязаний, он был усечен мечом во главу[2493], и из раны вместо крови чудесно истекло молоко с водою. Верные взяли святое тело его и похоронили с честью.

В это время Юлиан, отправляясь в поход на персов, проходил через Каппадокию и приближался к Кесарии; городу угрожала великая опасность, так как беззаконный мучитель уже явно высказывал намерение разорить город до основания. Тогда святой Василий Великий, воздавая Юлиану честь, как царю, вышел ему навстречу и поднес на благословение три ячменных хлеба, какими сам питался.

Царь велел своим оруженосцам взять эти хлебы, а святому Василию дать горсть сена со словами:

– Ты дал нам ячмень, скотскую пищу, получи же от нас сено.

Святой Василий Великий отвечал:

– Мы, царь, принесли тебе то, чем сами питаемся, ты же дал нам пищу скотскую; ты насмехаешься над нами, ибо не можешь властью своею претворить сено в хлеб – естественную пищу человеческую.

Юлиан же гневно сказал ему:

– Знай, что этим сеном я буду кормить тебя, когда возвращусь сюда из Персии. Я разорю город сей до основания и место его вспашу плугом и обращу в поле. Ибо мне небезызвестно, что по твоему совету народ дерзнул разорить изображение и храм Фортуны.

Сказав это, царь пошел в путь свой и вскоре погиб: он был убит святым великомучеником Меркурием, как о том говорится в житии святого Василия Великого. По смерти Юлиана народ Кесарийский создал прекрасную церковь над гробом святого мученика Евпсихия, и святые его мощи источили струи исцелений во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Духом славимого вовеки. Аминь.

Страдание святого преподобномученика Вадима архимандрита

Память 9 апреля

Во время убиения святых сорока мучеников персидских, по приказанию царя Сапора[2494], взят был и заключен в темницу святой архимандрит Вадим с семью своими учениками. Сей святой происходил из города Вифлапата (в Персии), из очень богатого рода, но когда он решил быть иноком, то всё свое богатство раздал нищим и, построив за городом монастырь, жил в нем добродетельно, стараясь во всем угодить Богу и исполнить святую волю Его. Ибо он был муж, исполненный благодати и истины и избранный сосуд Божий. Сей преподобный отец, водимый Божественною и совершенною мудростью, восшел на пустынную гору и, обитая на ней, получил благословение от Бога Спасителя своего и видел лицо Бога Иаковлева[2495]. Он был для Персии в те времена как бы закваскою, – тою закваскою мученичества и твердого исповедания Христа, которая утверждала немощных в вере. Он поистине был камень веры, подобный древним христианам, – изрядный священник Божий, наставивший многих на путь спасения, мужественно и непоколебимо решившийся на мученичество за Христа и показавший великую ревность по Боге. Он был чист от всякой скверны и никакому злому делу не было в нем места: корыстолюбие далеко было от него, вожделения угасли и не могли вредить ему. Он был чужд всякой страсти к приобретению и не способен соблазниться золотом. Гордость пред ним смирилась, высокомерие было попрано им, как прах, нищета же и кротость возлюбили его. Правда приникла к нему, и истина воссияла в нем; любовь объяла волю его, и мир облобызал его и возрадовался о нем (Ср. Пс.84:11–12). Согласие и единомыслие обитало в сердце его, и всяких плодов праведных был исполнен муж сей, и от плодов его духовных все насыщались всласть.

Четыре месяца пробыл он в темнице в узах, вместе с учениками своими, и каждый день был подвергаем жестоким

побоям, но переносил их терпеливо, укрепляемый надеждою и искреннею верою в Бога.

В то время был некто Нирсан, начальник города Арии в области Видгерми. Этот Нирсан был христианин, и когда царь принуждал его поклониться солнцу, то он не хотел отречься от святой Христовой веры и был заключен в узы. Но потом он ослабел духом, устрашился предстоявших ему мучений и не пребыл до конца в исповедании Христовом, но, возлюбив маловременную жизнь сию и суетную почесть от царя, лишился жизни Божественной и славы вечной. Однако, как покажет дальнейшее повествование, ему не пришлось воспользоваться удовольствиями мира сего: избегая мученичества, он впал в муки и, ища земной славы, получил бесчестие за то, что временного и тленного царя предпочел небесному и вечному, дав обещание исполнять всё, что повелит царь Сапор. Царь, услышав о таком решении его, весьма обрадовался и, вспомнив о святом Вадиме, тотчас приказал освободить его от оков и привести к нему из темницы, сказав предстоявшим ему вельможам:

– Если Нирсан собственными руками убьет Вадима, то будет освобожден от уз и получит всё имущество Вадимово.

Эти слова царя были тотчас переданы Нирсану, и он согласился в точности исполнить царскую волю. Святой Вадим приведен был к Нирсану, и окаянный Нирсан, взяв обнаженный меч, приготовился убить мученика Христова, но, объятый страхом, он стал недвижим, как камень.

Тогда Христов раб, посмотрев на него, сказал:

– До того ли простерлась злоба твоя, Нирсан, что ты не только отрекся от Бога своего, но начинаешь убивать и рабов Его? Горе тебе, несчастный! Что будешь ты делать, когда предстанешь на Страшный Суд дать ответ вечному Богу? Я готов умереть за Христа моего, но мне не хотелось бы принять смерть от твоих рук.

Нирсан не устыдился этих слов, но не был в состоянии исполнить и царское приказание, и продолжал стоять в страхе. Наконец, утвердив лицо свое как камень и ожесточив сердце как железо, ударил мечом в выю мученика. Но так как руки убийцы

дрожали, то он не мог убить святого сразу; только после многих ударов он едва отсек главу святому.

В таком страдании предал преподобный Вадим святую душу свою Богу, и все неверные, присутствовавшие при его кончине, удивлялись терпению мученика, ибо он, принимая многократные удары мечом, стоял неподвижно, как столп каменный. Над убийцей же все смеялись, как над трусом, и относились к нему с презрением.

Спустя немного времени Нирсан получил достойное возмездие за дела свои: от многих и различных душевных страданий он в отчаянии покончил жизнь свою самоубийством!

Святой Вадим принял мученическую кончину о Христе Иисусе в восьмой день апреля. Тело его, брошенное за городом, тайно взяли благоговейные мужи и погребли с честью.

А семь учеников его остались в темнице и пробыли там четыре года, до смерти царя Сапора.

Когда они были отпущены с миром, им позволено было исповедовать христианскую веру, благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Которому да будет слава вовеки. Аминь.

В тот же день память святых мучеников: Дисана епископа, Мариава пресвитера, Авдиеса и прочих двухсот семидесяти, пострадавших от персидского царя Сапора, в 362–364 годах.

Страдание святого мученика Терентия и прочих с ним

Память 10 апреля

Нечестивый римский царь Декий[2496], желая всех обратить в свою пагубную идолопоклонническую веру, послал во все области своего царства указ – всех христиан принуждать к идолослужению и вкушению идоложертвенного, а непослушных подвергать суду и казни. Когда этот указ был получен правителем Африки Фортунатианом, он, сев на судейском месте и созвав к себе весь народ, объявил:

– Принесите жертву богам, в противном случае будете жестоко мучимы и погибнете злою смертью.

При этих словах правитель показал орудие пыток, и многие при виде их устрашились и отреклись от веры Христовой. Некоторые же из верных, числом сорок, твёрдо решились умереть за Христа и со дерзновением говорили друг другу:

– Будем тверды, братия, не отречемся от Христа Бога нашего, чтобы и Он не отрекся от нас пред Отцом Своим небесным и святыми Ангелами Своими. Будем помнить, что сказал Господь: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28). Когда рабы Христовы ободряли друг друга такими словами, Фортунатиан сказал им:

– Удивляюсь, каким образом вы, люди зрелого возраста и разума, дошли до такого безумия, что признаете за единого Бога и царя Того, Кого иудеи распяли как злодея.

Святой Терентий отвечал ему за всех:

– Если бы ты, правитель, оставив идольское заблуждение, познал силу Христа распятого, то поклонился бы и служил Ему; ибо Он есть Сын Божий благоутробный, милосердый и милостивый; по благоволению Бога, Отца Своего, Он сошел на землю, соединил Божество Свое с человечеством и для спасения нашего добровольно претерпел Крест.

Правитель сказал:

– Принесите жертву богам, иначе сожгу ваше тело и погублю вас.

– Страхом ли думаешь устрашить нас? – отвечал святой Терентий. – Нет, мы не настолько слабы, чтобы оставить бессмертную жизнь и Подателя ее и поклониться идолам. Делай скорее, что хочешь делать, изобретай для нас мучение, ибо мы, рабы Христовы, тверды и постоянны.

Тогда правитель с гневом приказал раздеть их и вести в идольский храм. Идолы же были украшены золотом и серебром и дорогими одеждами. Войдя в храм, правитель сказал святым:

– Принесите жертву могущественному богу Геркулесу, ибо велика его сила и славно величие.

– Заблуждаешься, – сказал святой Терентий, – боги твои – камень и дерево, медь и железо, и украшены золотом, чтобы прельщать людей и отводить их от вечной жизни; ибо они не видят, не говорят, не слышат и не ходят, потому что слиты и обделаны руками человеческими: «Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них» (Пс.113:16).

Услышав сии слова, правитель приказал Терентия, Африкана, Максима и Помпея заключить во внутренние отделения темницы и крепко стеречь их, сказав:

– Завтра изведу их на испытание.

Блаженного же Зинона, Александра, Феодора и других, всего числом тридцать шесть, велел привести в судилище близ идольского храма и сказал им:

– От первого вашего словопрения не получилось никакого успеха и пользы, поэтому ныне послушайте меня и принесите жертвы великому богу Геркулесу.

Святые отвечали:

– Мы много раз говорили, что мы – христиане; это ты узнал с первых вопросов, и ты никогда не можешь убедить нас поклониться нечистым идолам.

Правитель сказал:

– Если не хотите послушаться моих увещаний добровольно, то заставлю вас силою исполнить повеление непобедимых царей, – и приказал их беспощадно бить сучковатым хворостом и сухими жилами.

Святые же мученики, воздевши руки к небу, единогласно воззвали:

– Призри на нас, Господи Боже наш, помоги рабам Твоим и избавь нас от сопротивного.

Услышав это, правитель велел бить их сильнее, так что слуги много раз переменялись и не хватило хвороста и жил. Тогда правитель велел бить их палками, и хотя обнажились уже самые внутренности мучеников, но лица их были столь светлы и веселы, что все дивились непобедимому терпению и мужеству святых. После бичевания правитель сказал им:

– Принесите жертву богам, тогда я отпущу вас.

Святые молчали, а он в гневе приказал раскалить железные прутья и жечь плечи их, а раны поливать уксусом, смешанным с солью, и растирать суконными тряпками. Тогда святые Христовы мученики, воззрев на небо, сказали:

– Господи Боже наш, спасший от пещи огненной трех отроков: Ананию, Азарию и Мисаила, и избавивший от уст львовых Даниила, спасший Моисея от рук фараона и святую Феклу защитивший от огня и зверей, дающий возлюбленным Своим совершенное торжество над врагами, воздвигший из мертвых Пастыря овец, великого Господа нашего Иисуса Христа (см.: Евр.13:20), явивший нам многие и разнообразные благодеяния, создавший свет и простерший небо как кожу, исчисляющий количество звезд, всех их называющий именами их (см.: Пс.146:4), распространивший истинное учение веры до пределов земли, – услышь нас молящихся Тебе и избавь нас от бед наших, ибо Твоя есть слава вовеки. Аминь.

Еще не окончили они молитву, как правитель, исполнившись ярости, опять повелел повесить их и строгать железными когтями, и полилась потоками кровь из рёбер их; но, несмотря на лютость мучений, они нимало не ослабевали, ибо Бог утверждал их и подавал им крепость и силу. И сказал им правитель:

– Вразумили ли вас муки и готовы ли вы отступить от безумия своего? Или еще пребудете в вашем нечестии?

Святые ничего не отвечали, а правитель с яростью сказал:

– Вам говорю, нечестивые!

Тогда святые, воззрев на небо, сказали:

– Боже всесильный, проливший некогда огонь на город Содом за беззаконие его, разори и ныне сей нечестивый храм скверных богов ради истины Твоей.

При этих словах они сотворили крестное знамение на челах своих и дунули по направлению к капищу, и тотчас идолы пали в нем с великим грохотом и рассыпались впрах. Тогда святые мученики сказали правителю:

– Видишь, каковы боги твои; где ныне крепость и сила их? Могли ли они защитить себя?

Вскоре упал и храм и разрушился до основания. Тогда правитель, в страшном гневе за разорение храма и идолов, приказал святым мученикам отрубить головы. Они же обрадовались такому приговору, славили Бога и с радостью пошли на место казни, и здесь, преклонив колена, охотно простерли выи свои под меч ради Христа, и умерли от меча. Верующие взяли святые их тела и погребли на святом месте.

По убиении этих святых мучеников правитель приказал привести к себе святого Терентия, Африкана, Максима и Помпея и сказал им:

– Принесите жертву богам, а иначе погибнете злою смертью, и никто вас не может избавить из рук моих.

Святые отвечали:

– Мы – христиане, и на Христа возложили надежду нашу; бесам же не поклонимся и не послужим богам твоим, и мук твоих не боимся. Назначай нам муки, какие хочешь; мы веруем Богу нашему, что ты будешь побежден нами, как диавол побежден Христом, Который даст нам силу победить злое твое намерение.

Правитель приказал святых мучеников отвести опять в темницу, возложить на выи их тяжелые железные колоды и заковать их руки и ноги в железные цепи, и в таком виде положить их на железные трезубцы, постланные на полу, в темницу же никого не пускать, чтобы кто не принес им пищи. Когда святые находились в таком мучении и молились Богу, в полночь воссиял в темнице свет, и Ангел Господень явился им и сказал:

– Терентий, Африкан, Максим и Помпей, рабы Бога вышнего, встаньте и подкрепите тела ваши.

Сказав сие, Ангел прикоснулся к оковам их, и они тот час спали с них, и явилась пред ними трапеза, полная всяких яств.

И сказал Ангел:

– Отдохните и приимите пищу, которую Христос послал вам.

Святые, благословляя Христа Бога, подкрепились пищею и питьем и воздали благодарение Владыке своему. Стражи, увидев свет в темнице, вошли внутрь и увидели святых мучеников радующихся и веселящихся и донесли о том правителю. Правитель, утром приведши мучеников на суд, сказал им:

– Не вразумили ли вас муки и не готовы ли вы отступить от безумия вашего? Приступите к богам и поклонитесь им.

Святой Терентий отвечал:

– Сохрани нас Бог от сего безумия, – нас и всех любящих Бога: ибо «немудрое Божие премудрее человеков» (1Кор.1:25), и человеческая мудрость есть безумие пред Богом. Безумны были бы мы, если бы, оставив Бога, поклонились бесам, как делаешь ты.

Правитель, разгневанный сими словами, велел повесить их на виселице и строгать железными когтями. Претерпевая такое истязание, святые молились Богу и говорили:

– Иисусе Христе, Сыне Бога, живущего вовеки, свет христиан, крепкая надежда наша, будь с нами и помоги нам и не посрами нас, страждущих ради имени Твоего Святого.

Молясь так, они не чувствовали мук, ибо Христос облегчал им боли.

Потом правитель велел опять ввергнуть их в темницу и, призвав волхвов и чародеев, умеющих заговаривать зверей и гадов, приказал им посредством заклинаний собрать самых лютых животных – аспидов, ехидн и змей – и заключить вместе с мучениками в темнице. Но гады, ползая у ног святых мучеников, не прикасались к ним и не причиняли им вреда; святые же воспевали и славили Бога. Так они провели в темнице с гадами три дня и три ночи, а на четвертые сутки ночью правитель послал узнать, умерщвлены ли мученики

гадами. Посланные, подойдя к темничным дверям, услыхали, что святые узники поют и славословят Бога. Желая точнее узнать, что происходит в темнице, они взошли на кровлю и, раскрывши ее, увидели, что святые сидят, а Ангел Божий не допускает гадов приблизиться к мученикам. Увидев сие, они ужаснулись и тот час сообщили о виденном правителю.

Рано утром правитель велел заклинателям удалить из темницы змей, аспидов, ехидн и всех гадов своих, а мучеников привести на суд. Когда заклинатели пришли к темнице и стали говорить обычные свои заклинания, гады не послушали их, но с великою яростью все устремились из открытых дверей на своих заклинателей и поразили их до смерти, а также и всех бывших там людей. После этого святые были приведены в судилище, и правитель, увидев их невредимыми, пришел в ярость и приговорил их к усечению мечом. Тогда страстотерпцы исполнились неизреченной радости и, идя с веселием на смерть, пели:

– Ты избавил нас, Господи, от обижающих нас, и посрамил ненавидящих нас.

Слуги, приведши их на место казни, исполняли то, что им было приказано, и исповедники Христовы восприяли венец мученический. Благоговейные мужи убрали святые тела их и с честью погребли за два поприща от города во славу Спасителя нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Мученическая честная память прииде днесь, веселящи всяческая, Терентия премудраго и дружины его. Тепле убо стецемся, да приимем исцеления: сии бо благодать от Бога прияша Духа Святаго исцеляти недуги душ наших.

В тот же день память святых мучеников Иакова пресвитера, Азадана и Авдикия диаконов, в Персии, при Сапоре пострадавших около 380 года.

Страдание святого священномученика Антипы, епископа Пергамского

Память 11 апреля

В царствование императора Домициана[2497] открылось великое гонение на христиан, и ко всем князьям и правителям были разосланы указы, чтобы христиане беспрекословно повиновались царским велениям, приняли языческую веру и поклонились идолам. Тогда явилось множество верных, небоязненно исповедывавших слово Божие, и открылось великое мужество мучеников, подвизавшихся за Христа Спасителя. В это время был заточен на остров Патмос[2498] и великий Апостол, святой Иоанн Богослов, – сей столп Церкви, основание христианской истины и проповедник предвечного божества Единородного Сына Божия. На Патмосе в откровении среди семи светильников явился ему Господь, и повелел написать семи Ангелам, т.е. епископам семи малоазийских церквей, и укрепить сонмы мучеников. При этом Господь воспомянул и о святителе Антипе, о котором предлежит настоящее повествование. Сказал Господь Своему ученику «знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа» (Откр.2:13).

Ибо святой Антипа был епископом Пергамской церкви[2499]. Из этих слов откровения Иоаннова видно, каков верный свидетель Христов был Антипа и каковы были жители города Пергама, который был жилищем сатаны. Среди них святой Антипа был как свет среди тьмы, как роза среди терния, как золото в грязи или, лучше сказать, в огненной печи, по написанному: «испытал их как золото в горниле» (Прем.3:6).

Там и закон природы не соблюдался и не было никакой рассудительности, но каждый мстил за себя, и сильный обижал слабого, и тот считался мужественным, добрым и праведным, кто бил или умерщвлял христиан. И когда неверные так притесняли и беспокоили общество христианское, блаженный

Антипа, муж непоколебимый в вере и постоянный в добродетели, ни мало не смущался, но, как бы переменивши естество человеческое на ангельское, крепко и небоязненно стоял против врагов.

Пренебрегая угрозами мучителей, он часто выходил в народ, и среди него сиял, как заря, и светом чистой и правой веры прогонял тьму идолопоклоннического заблуждения. Поэтому бесы (которых эллины считали за богов) все бежали оттуда, и ни один из них не смел пребывать в городе Пергаме, в коем жил святой Антипа. Бесы являлись своим жрецам в сновидениях и говорили, что они уже не вкушают жертв их и не обоняют курения жертвенного, так как их прогоняет начальник христиан. Тогда эллины разгневались и устремились на Антипу и, схвативши его, повлекли на то место, где они обыкновенно приносили свои скверные жертвы. И сказал ему правитель:

– Ты ли тот Антипа, который и сам не исполняет царских повелений, и других учит тому же, и так препятствует нашим жертвоприношениям, что ни одному из богов не дает насытиться туком жертвенным? Из-за тебя боги оставили наш город, и есть опасность, как бы какая беда не постигла его, так как они не захотят более охранять его. Довольно тебе коснеть в христианском волшебстве; теперь покайся и подчинись нашим законам, чтобы боги, обладающие сим прекрасным городом, не перестали иметь о нас попечение и охранять нас. А если не захочешь этого сделать, и не отречешься от своей веры и будешь презирать наше богопочитание, то по римскому закону подвергнешься достойному наказанию.

Святой Антипа ответил на это:

– Одно знай, правитель, что я – христианин и повиноваться безумному и нечестивому повелению царя отнюдь не желаю. Но так как на твои вопросы следует дать приличный ответ, то выслушай меня. Если ваши боги, которых вы называете владыками всей вселенной, прогнаны, как они сами говорят, смертным человеком, и если те, которых вы считаете за своих защитников и заступников, сами ищут вашей помощи, то отсюда легко можете познать свое заблуждение. Если они не могут наказать за причиненное им оскорбление и признают себя

побежденными от одного человека, то каким образом могут избавить от беды весь род человеческий или хотя один город? Приняв сие во внимание, вы должны хотя теперь отстать от пагубного своего заблуждения и уверовать во Христа, сошедшего с небес спасти род человеческий. Сей Христос в скончании веков воистину придет судить всех и воздать каждому по делам его или муку, или почесть.

После такого благоразумного ответа правитель опять начал говорить святому Антипе:

– Вы повинуетесь новым, изобретенным вами, законам и уставам и пренебрегли богопочитание древнее, которое мы изначала приняли от предков наших и которое от них по наследству дошло до нас. Нехорошо отступать от обычаев праотцев наших, ибо старое лучше нового, и благонадежнее, и большей похвалы достойно то, что утверждено древностью времени. Поэтому и ты должен переменить свое верование и не следовать Человеку, Который явился в недавнее время и некоторыми волхвованиями смутил жизнь человеческую, и был распят при Понтии Пилате. Итак, подчинись царским повелениям, и будешь жить с нами безбедно, и мы будем во всем помогать тебе и любить тебя сыновнею любовью; ибо старость твоя достойна того, чтобы мы любили и почитали тебя, как отца.

На это святой Антипа ответил:

– Хотя бы ты и бесчисленные доводы представлял мне, я не буду настолько безумен и бессмыслен, чтобы, достигши глубокой старости и приближаясь к смерти, переменить свою веру и ради сей несчастной и бесчестной жизни отступить от утвержденного исповедания веры. Итак, не прельщай ума моего, постоянно упражняющегося в чтении Божественных книг. Ибо сначала не было ни одного из богов ваших; они явились впоследствии и никакого добра не сделали и пользы от них нам никакой не произошло; но как сами они были гнусные и негодные, то так же и для других сделались виновниками злой и любострастной жизни. А если нужно хранить древние недобрые установления, то следует подражать и Каину братоубийце. Почему вы не последуете тем, которые хотели взойти на небо и

не постыдились кровосмешения со своими сестрами, за что они и были истреблены потопом? Если и вы будете подражать беззакониям их ради их древности, то уже не водою, а огнем вечным и червем неусыпающим наказаны будете, если не покаетесь.

После этих слов нечестивые схватили святого мужа и повлекли к храму Артемиды[2500], где находился медный вол: раскалив сего вола, они бросили в него святого мученика. Он же, сотворив крестное знамение, молился Богу, взывая:

– Боже, явивший нам сокровенную от века тайну Господа нашего Иисуса Христа, через Которого Ты открыл нам недоведомые глубины совета Твоего, благодарю Тебя за все благодеяния Твои, – за то, что Ты спасаешь нас, уповающих на Тебя, и сподобил меня чести в час сей быть вписанным в число святых мучеников, пострадавших за имя святое Твое. Приими дух мой, отходящий ныне от жизни сей, и дай мне обрести благодать у Тебя и у Единородного Сына Твоего, – и не только меня, но и тех, которые будут жить после меня, сделай участниками милости Твоей, да всеми славится имя Твое святое вовеки. Аминь.

Сими и подобными словами долго молился святой Антипа, мучимый в раскаленном воле. Потом, сотворив молитву и обо всем мире, он предал дух в руки Божии, как бы уснув сладким сном, и восшел на небо, украшенный славным мученическим венцом[2501]. Благочестивые мужи взяли святые мощи его и с честью похоронили их в том же городе Пергаме, и истекло от них миро, исцеляющее всякие болезни человеческие во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Идольския лести упразднил еси Антипо, и, диавольскую поправ силу, пред богоборцы дерзновенно Христа исповедал еси. Темже со Ангельскими чины в вышних водворяяся, Владыце всех славословие принося, и о нас молебное благодарение предлагаеши, благодать цельбы даруя. Сего ради тя чтим, священномучениче Антипо, моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 4:

Апостолов сопрестольник и святителей украшение был еси блаженне, мученически прославився, возсиял еси якоже солнце, всех просвещая Антипо священнее, разрушил еси безбожия нощь глубокую. Сего ради тя почитаем, яко Божественнаго суща священномученика и целеб подателя.

Память святых мучеников Прокесса и Мартиниана

Память 11 апреля

Святые мученики Прокесс и Мартиниан первоначально были язычниками и исполняли должность надзирателей в Мамертинской темнице[2502], находившейся в Риме.

В ту темницу были заключены за проповедь христианства святые Апостолы Петр и Павел. Видя чудеса, совершаемые Апостолами в темнице, Прокесс и Мартиниан уверовали во Христа; когда же Апостол Петр после молитвы, начертав крест на Тарпейской скале[2503], извел из горы воду, то крестились не только Прокесс и Мартиниан, но и все прочие, заключенные в темнице, в числе 47 человек.

Прокесс и Мартиниан, уверовав во Христа и приняв крещение, отпустили Апостолов из темницы; но сам Господь явился Апостолу Петру на пути его из Рима, сказав ему, что Он опять идет на распятие, и заставил его этими словами возвратиться в Рим, где он снова был взят воинами.

Между тем начальнику Прокесса и Мартиниана, Павлину, было донесено, что они сделались христианами. Призвав к себе святых, Павлин начал увещевать их оставить христианство; когда же они стали возражать ему и хулить идолов, он приказал бить их по устам. Вслед за тем, когда после новых, сколько настойчивых, столько же бесплодных и тщетных, увещаний святые остались твердыми в своем исповедании, они были повешены на мучилищном древе, жестоко сечены острыми орудиями и опаляемы огнём по бокам. Но святые мужественно переносили все эти страдания, причем их ободряла и утешала одна римская женщина по имени Люцина.

Между тем наказание Божие не замедлило постигнуть нечестивого мучителя. Павлин, отдавший приказание мучить святых, был тут же наказан от Бога лишением левого глаза и, будучи мучим злым духом, через три дня умер.

Сын Павлина настоял пред префектом[2504] Рима, чтобы предать тотчас святых мучеников казни, почему они и были

усечены, за стенами города Рима[2505]. Честные тела их были взяты упомянутою Люциною и погребены с подобающими святым мученикам почестями.

В тот же день память преподобного Фармуфия, жившего в IV веке в той же пустыни, где подвизался в колодце преподобный Иоанн, воспоминаемый 29 марта, которому Фармуфий служил, питая его.

Житие преподобной матери нашей Афанасии

Память 12 апреля

Описание жизни и подвигов святых для назидания читающих или слушающих есть не только заслуживающее похвалы и спасительное дело, но и исполнение Апостольской заповеди, повелевающей совершать воспоминание в честь их. Это и заставляет нас предложить, хотя бы краткое, повествование о жизни блаженной Афанасии, тем более, что добрые примеры ее жизни, как события уже давно минувшего времени, могут забыться, и многие лишились бы таким образом весьма назидательных уроков для своей души.

Эта достойная восхваления и соименная бессмертию жена[2506], явившаяся в своей добродетельной жизни верной и благой рабой небесного Владыки, происходила от благочестивых и благородных родителей – Никиты и Марии; они жили на острове Эгине[2507], где и родилась отроковица, ставшая впоследствии избранным сосудом Святого Духа. Еще в семилетнем возрасте она быстро выучилась чтению Псалтири и, отличаясь любовью к книгам, особенно прилежно занималась чтением Святого Писания. Однажды, во время работы за ткацким станком, она увидела спускавшуюся к ней сверху блестящую звезду, которая, дойдя до ее персей и осветив ее всю, исчезла. От этого времени отроковица просветилась душою: возненавидев суету мира, она решила идти в монастырь. Но родители сильно воспротивились благому намерению своей дочери и принудили ее, вопреки желанию, выйти замуж. В браке она прожила лишь шестнадцать дней, после чего неожиданно овдовела: внезапно на ту страну напали дикие мавры, так что муж Афанасии должен был идти на войну, где и был, по неисповедимому промыслу Божию, убит. Овдовев, Афанасия снова решила удалиться в монастырь, но, прежде чем она успела привести в исполнение свое желание, пришел указ царя, требующий, чтобы девы и молодые вдовы вступали в брак с его воинами. Убеждаемая своими родителями, Афанасия

вторично вышла замуж. И в новом замужестве она не оставляла заботы о своем спасении: не прельщаясь удовольствиями и не предаваясь излишней заботе о временных благах, она почти всё время проводила или в чтении Святого Писания, или в пении псалмов. Кротость и искреннее смирение составляли ее главное украшение, поэтому домашние не могли не относиться к ней иначе, как с любовью, а соседи, знавшие ее добродетельную жизнь, – не отзываться о ней с похвалою. Она так любила помогать бедным, что иногда в ее богатом доме не находилось уже ничего для подаяния: она с честью принимала приходящих к ней иноков и странных, с любовью давая им приют; вдовым, сирым и всем нуждающимся она щедро раздавала необходимое для жизни. Одно время, когда настал в той стране сильный голод, многих доведший до нищеты, Афанасия кормила не только единоверных, но и живших там язычников: умирая от голода, приходили они к блаженной Афанасии, и она давала им не только пищу и одежду, но и всё остальное, в чем они нуждались, исполняя таким образом слово Господне: «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лук.6:36), «да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф.5:45).

В воскресные и праздничные дни Афанасия радушно приглашала к себе своих соседок и читала им Святое Писание, внушая им любовь к Богу и наставляя их в добродетельной жизни. Так постоянно возрастая в богоугодной жизни, Афанасия украшалась добродетелями подобно тому, как поле весной украшается цветами. По истечении нескольких лет замужества, она убедила своего мужа отречься от мира с его соблазнами и пойти в монастырь: он внял наставлениям своей супруги и, сделавшись истинным, проводившим достойную своего звания жизнь, иноком, с миром, спустя некоторое время после пострижения, отошел ко Господу.

Оставшись свободной, блаженная Афанасия посвятила всю свою жизнь исключительно на служение Богу. Найдя других благочестивых жен, обладавших такою же любовью к Богу и имевших одинаковые с нею намерения, она с радостью

примкнула к ним. Вскоре, раздавши свое имение нищим и постригшись от одного благочестивого старца, жены удалились от мира, избрав для безмолвной жизни некоторое уединенное место. Спустя три или четыре года, несмотря на отказ блаженной Афанасии, жены убедили ее принять над ними начальство.

Но она, хотя и носила звание игумении, считала себя за последнюю между ними по заповеди Господней: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф.20:26).

И трудно подыскать слова для выражения всей высоты ее смирения: считая себя недостойной даже пребывания среди жен, она тем более считала себя недостойной принимать от них услуги: она, поэтому, не позволяла никогда ни одной из них прислуживать себе, хотя бы возлить на руки воду. Воздержание ее было очень велико: только вечером вкушала она немного хлеба и воды пила не более того, сколько нужно для утоления жажды; елей и вино, сыр и рыбу она употребляла с благодарением Богу только лишь в праздники Рождества Христова и Светлого Христова Воскресения; во святую Четыредесятницу и остальные посты пищею ей служила одна невареная зелень, которую она принимала лишь через два дня; воды же в те дни она употребляла как можно меньше. Камни, положенные на земле и покрытые острою власяницею, были для нее постелью, которую каждую ночь, подобно Давиду (см.: Пс.6:7), она обливала своими слезами; и эти слезы, возбуждаемые любовью к Богу и сознанием своей греховности, при молитвах и псалмопениях лились из ее очей, как потоки. Верхняя одежда Афанасии состояла из овечьей шерсти; на теле же она носила острую власяницу. Спала она очень немного, но большую часть ночи проводила в усердной молитве к Богу и в благочестивых размышлениях, а днем или одна, или вместе с другими женами она занималась пением псалмов. Она заботилась о том, чтобы ни один час не проходил без молитвы, постоянно славословила Господа, подражая Давиду, который говорит: «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс.33:2).

До самой кончины своей, с того дня как вошла в монастырь, она ни разу не вкусила ни одного садового плода. Много горя видела Афанасия, управляя сестрами и заботясь о них, и однако, по смирению и кротости, она ни одной из них никогда не сказала укоризненного или оскорбительного слова; никто не слыхал от нее чего-либо обидного, ни малый, ни большой, ни раб, ни свободный; многократные преслушания со стороны сестер она переносила кротко и спокойно, надеясь на воздаяние в будущей жизни. После четырехлетнего управления сестрами блаженная Афанасия пришла к мысли переселиться из этого места в другое, где было бы более удобно служить Богу в безмолвии. По Божию усмотрению она нашла одного инока – старца, бывшего священником и игуменом, по имени Матфея, человека добродетельного и святого. Узнав о благом намерении жен, он указал им желаемое место на том же эгинском острове: это была одна пустынная гора, в которой сохранялась и древняя церковь во имя святого первомученика Стефана. Увидя это место, преподобная Афанасия сказала: «Я давно уже духом знала о нем и думаю, что мы проживем здесь до самой смерти». Преподобный Матфей, с благословения епископа той страны, устроил при церкви святого Стефана обитель для блаженной Афанасии с сестрами.

Достойна упоминания, хотя в немногих словах, жизнь преподобного Матфея. Этот преподобный отец возложил на себя великий подвиг: каждую ночь он прочитывал Псалтирь, присоединяя к чтению еще молитвы; когда же наставала необходимость подкрепиться сном, то он спал не лежа, но сидя и то самое малое время. При пении псалмов, чтении молитв или при принесении бескровной жертвы он приходил в столь сильное умиление, что не мог удержаться от слез, и присутствовавшие не могли не извлечь для себя пользы из такого трогательного зрелища. Преподобный Матфей носил одну только острую власяницу и совершенно иссушил великим воздержанием и подвигами свою плоть. Особенную любовь имел он ко святому Евангелисту Иоанну Богослову, возлюбленному ученику Господа Иисуса Христа. Однажды летом, в день памяти святого Апостола, преподобный Матфей,

приступая к совершению Божественной литургии, сказал одному из сослуживших ему пресвитеров: «Кто достоин ныне того, чтобы быть во Ефесе и видеть там святого Евангелиста Иоанна Богослова»? После этих слов он вздохнул от всего сердца и сильно заплакал. И произошло чудесное событие: преподобный и два его сослужителя-священника узрели святого Иоанна Богослова, стоящего при престоле; видение продолжалось до конца литургии. От этого зрелища святой Матфей пришел в такое умиление и исполнился такой духовной радости, что не мог в течение трех следующих дней вкушать пищи. Однажды к преподобному был приведен совершенно расслабленный человек: сжалившись над ним, он снял с себя мантию и одел ею расслабленного, и тот тотчас выздоровел. Другой человек пришел к нему, имея по действу диавола перекошенное лицо, и когда преподобный прикоснулся рукою к его лицу, творя над ним крестное знамение, то оно приняло сейчас же свой обычный вид. Также одна старица, мучимая нечистым духом, пришла ко святому и по его молитвам освободилась от мучителя. Подобным же образом исцелена была и другая жена-инокиня, тоже страдавшая от нечистого духа.

Но этот, как видно из сейчас рассказанного, великий угодник Божий, получивший от Господа дар исцелений, по неисповедимым судьбам Божиим скончался в воде насильственной смертью. Корабль, на котором ехал преподобный, направляясь в Царьград, утонул со всеми бывшими на нем людьми. Остров Эгина, поэтому, лишился мощей преподобного отца, которые для многих бы явились источником исцелений. После него пресвитером и игуменом был скопец от рождения по имени Игнатий; по своей добродетельной жизни и дарам, полученным от Господа, он был подобен преподобному Матфею; не уклоняясь от пути богоугодной жизни до самой смерти, он честно отошел ко Господу; при гробе его изгонялись бесы и получались исцеления от болезней. Теперь возвратимся опять к повествованию о житии преподобной Афанасии.

Было сказано, что преподобная Афанасия обладала великою кротостью и смирением: почти постоянно молясь Богу,

она, взирая на небо, видела иногда удивительное, возбуждавшее в ней ужас, зрелище: она видела рассеивающее солнечные лучи светлое облако и посредине его какого-то мужа, блиставшего неизреченною красотою. Это многократное видение возбуждало в ней удивление и заставляло спрашивать себя: «Кто одарил мужа такою красотою? За какие добродетели он удостоился столь великого прославления?» Во время этих размышлений ей послышался как будто бы голос, обращающийся к ней с такими словами: «Мужа, которому ты дивишься, украсило подобным образом смирение, соединенное с кротостью; знай, что через эти добродетели и ты достигнешь того же».

Ежедневно, созерцая указанное чудесное явление, преподобная с такою ревностью украшала себя смирением и кротостью, что трудно было подыскать подобного ей в этом отношении человека: в ней не было заметно и малейшего следа гнева или превозношения, она преуспевала и в остальных добродетелях, почему и могло ее неомраченное грехом душевное око созерцать на небе чудесные явления. Вместе с тем Господь удостоил ее и дара чудотворений. Однажды, когда она наедине предавалась благочестивым размышлениям, пришел к ней человек, у которого сильно болели глаза, и просил ее помолиться о нем Богу. Она же со смирением и, как бы утешая его, сказала:

– Я так же терплю глазную болезнь, терпи и ты, и Бог тебе поможет.

Но он не отходил от нее, прося с верою исцеления. Тогда блаженная Афанасия возложила ему на глаза свою руку со словами:

– Господь наш Иисус Христос, исцеливший слепого от рождения, да дарует и тебе, брат, совершенное исцеление.

И тотчас человек избавился от своей болезни. Слава о блаженной Афанасии распространилась по всей стране: множество больных приходило в монастырь, получая здесь по молитвам преподобной исцеление. При церкви святого Стефана преподобная Афанасия устроила еще три: одну – во имя Пресвятой Богородицы, другую – во имя святого Иоанна

Предтечи, и третью – во имя святителя и чудотворца Николая; особенно она украсила церковь Пресвятой Богородицы, получая всё необходимое для ее устройства от благочестивых людей, глубоко уважавших преподобную.

Но слава и почет от людей, стеснение от приходящих породили в ней недовольство и желание уединиться в каком-либо ином месте. Взявши двух сестер, Марину и Евпраксию, она тайно удалилась в Константинополь, где и пробыла в одном женском монастыре семь лет. Сильно тоскуя по любимой, созданной ее трудами, церкви Пресвятой Богородицы, она часто говорила со слезами:

– Стеснение и тщетное почитание человеческое заставили меня удалиться от церкви Владычицы моей Богородицы; избегая суетной славы, я покинула великолепный храм Ее и сижу теперь здесь как странница.

Однако преподобная и там не могла остаться в неизвестности, и здесь Бог прославил рабу Свою: она начала изгонять бесов и исцелять больных. Молва о ней дошла и до сестер ее, живших в эгинском монастыре: придя к блаженной Афанасии, они умоляли ее возвратиться с ними в свой монастырь, к чему побуждало ее и некоторое видение. Преподобная сказала сестрам Евпраксии и Марине: «Пора нам возвратиться к себе: в видении я зрела открытую церковь Пресвятой Богородицы, откуда повелевалось нам войти в нее».

И, оставив Царьград, она возвратилась с сестрами на остров Эгину в свой монастырь. Здесь, спустя короткое время после возвращения, она сильно разболелась и за двенадцать дней узнала о своей смерти: она видела двух мужей, одетых в белые ризы, которые, приблизясь к ней, подали ей написанную хартию и сказали: «Вот свобода твоя; возьми и возвеселись». Придя в себя после видения, она узнала, что скоро ей должно будет отойти ко Господу и, поэтому, она двенадцать дней пребыла в молитве и благочестивых размышлениях, не употребляя ни пищи, ни питья; окружавшим же ее сестрам она говорила:

– Пойте, сестры мои, и непрестанно хвалите Бога, чтобы Он был милостив ко грехам нашим.

Когда настал двенадцатый день, преподобная сказала, обращаясь к ним:

– Помогите мне, так как я уже очень ослабела, – идите в церковь и докончите чтение Псалтири, а я уже более не могу, потому что почти совсем лишилась сил.

Они с плачем вопрошали ее:

– До которого псалма ты дочитала? Откуда мы должны начать чтение?

Она тихо отвечала:

– Сейчас читаю девяностый псалом и более не в состоянии.

Сестры пошли и докончили чтение Псалтири. Затем они пришли и пали пред одром преподобной, прося у нее последней о себе молитвы. Она помолилась за всех и, обняв Марину и Евпраксию, сказала:

– Сестры мои возлюбленные, вот в этот день мы разлучаемся, но в будущем веке Бог опять соединит нас; да даст вам Господь мир любви, единодушие и да ниспошлет на вас Свои щедроты.

Во время этих и других ее прощальных слов лицо ее просияло как свет, так что присутствовавшие исполнились удивления и ужаса. Между тем приближался праздник Успения Пресвятой Богородицы, и преподобная говорила сестрам:

– Смотрите, не забудьте чего-либо нужного к празднику; пусть и служение совершается благочинно и сиротам, нищим и вдовым устройте праздничную трапезу; после же Божественной литургии предадите земле убогое мое тело.

Сказав это и обняв указанных сестер, она почила в Господе, как бы уснув обычным естественным сном. Она была точно живая: сама смежила очи и сомкнула уста, так что не было нужды в обычном по смерти служении. Сестры же, припадая к ее телу, так оплакивали сиротство свое:

– Куда, – говорили они, – удалилась ты, святая матерь наша, соименная бессмертию? Неужели ты совсем оставила нас осиротелых, удалившись от глаз наших? Где мы увидим еще твое ангелоподобное лицо? Где услышим твой голос, утешающий в скорбях и наставляющий на добрые дела? Угас светильник, вселявший в нас бодрость и надежду! Вот ты

спишь, а мы близки к смерти от тоски по тебе; мы более не увидим тебя, участвующую с нами в богослужении и поучающую нас словами и собственным примером. Господь взял тебя в Свои бессмертные обители.

С таким плачем убирали они честное тело преподобной.

Блаженная Афанасия скончалась 14 августа, в навечерие праздника Успения Пресвятой Богородицы; в самый же праздник она после совершения Божественной литургии была с честью погребена при неутешных рыданиях сестер. Сестра, принявшая после преподобной власть игумении, не отходила день и ночь от ее гробницы, и явилась ей во сне святая Афанасия, говоря: «Верь, не сомневаясь, что в сороковой день по своей кончине я прииму уготованное мне от Господа». Игумения, проснувшись, недоумевала, что означают видение и слова преподобной. В сороковой день сестры забыли, как иногда бывает, сотворить обычное поминовение, думая, что он настанет еще через двое суток. В этот день вечером явилась святая игумения и сказала:

– Зачем вы забыли сороковой день и ничего не сотворили для моего поминовения – не подали нищим и не приняли, как следовало, желавших помянуть меня.

Игумения, вставши, тщательно сосчитала дни и убедилась, что действительно настал уже вечер сорокового дня, в который надлежало совершать поминовение. Утром на следующий день, когда совершали поминовение, во время Божественной литургии, две инокини, начальницы хора, которым Бог отверз душевные очи, увидели в храме дивное зрелище: в храм вошли два благолепных мужа, одетые в светлые ризы, ведя преподобную Афанасию; поставив ее пред святым алтарем, они надели на нее украшенную драгоценными камнями царскую порфиру и возложили на главу ее царскую корону, увенчанную сзади и спереди крестом, и дали в руку, также украшенный драгоценными камнями, золотой скипетр, затем, взявши ее под руки, ввели Царскими вратами во святой алтарь.

В Прологе повествуется еще следующее о блаженной Афанасии. Отходя ко Господу, она заповедала сестрам ежедневно, в течение всего сорокоуста, ставить нищим

поминальную трапезу. Но они исполняли ее повеление лишь до девятого дня, а потом перестали. Тогда святая явилась им с двумя Ангелами и сказала:

– Зачем вы забыли мое завещание? Знайте, что милостыня и молитвы иерейские, приносимые за душу в течение сорока дней, умилостивляют Бога: если души усопших были грешны, то Господь дарует им отпущение грехов; если же они праведны, то молящиеся за них будут награждены благодеяниями.

Сказав это, преподобная воткнула в землю свой жезл и стала невидима; сестры, вставши утром и видя жезл ее расцветший, прославили Творца всего Бога. Так повествует Пролог.

Спустя год после преставления преподобной Афанасии, в день ее поминовения, пришли, как рассказывает Метафраст, в монастырь два священных мужа, приведя с собою женщину, мучимую злыми духами. Сняв с гробницы покров, они раскопали землю и вынули самый гроб с телом преподобной, и тотчас удалились нечистые духи, и женщина сделалась здоровой. От гроба же распространялось благоухание, и окружающие увидели каплющее из него миро. Тогда открыли гроб, и глазам присутствовавших явилась преподобная точно сейчас только уснувшая: лицо ее сияло благолепием; тело, источавшее миро, было мягко, так что руки сгибались; ничто не подверглось тлению. Это зрелище исторгло у всех из очей невольные, радостные слёзы. Священные мужи, закрыв гроб, решили не полагать мощей в землю, но поставить их открыто в храме, что и исполнили: потом, устроив новую гробницу, переложили в нее честные мощи блаженной Афанасии. Инокини же, сняв с мощей власяную одежду, приготовили новую, шелковую, но когда хотели облечь в нее честные мощи, то не могли этого сделать по нежеланию святой Афанасии. Она, как живая, крепко держала руки при персях, противясь намерению сестер: она не желала шелковой одежды, и по смерти любя нищету. Одна из инокинь, за свою добродетельную жизнь ставшая избранным сосудом Святого Духа, преклонила колена и молилась, обращаясь к преподобной как бы живой:

– Госпожа наша, как во время своей жизни с нами ты всегда оказывала беспрекословное послушание, так и теперь благоволи послушать нас и облачиться этою приносимою нами смиренною одеждою.

Когда она помолилась, преподобная Афанасия послушала ее, и, о чудо! Поднявшись, села, простерши руки для одеяния; после же облечения она опять легла во гроб. И много чудес совершалось при ее святых мощах: получались исцеления от всякого рода болезней, бесы оставляли людей по ее святым молитвам; не достанет даже времени для подробного описания всех ее чудес, и пусть не сожалеют об этом читающие или слушающие ее житие: будем довольствоваться хотя и кратким, но все-таки полезным повествованием о преподобной.

Ты же, блаженная Афанасия, почтенная именем бессмертия, сожительница Божественных Ангелов и Евангельски ради Христа обнищавшая, и обогатившаяся Божественными дарами, всегда плакавшая и ничем не нарушимое утешение обретшая, в жажде и алчбе временную жизнь проводившая и вечное блаженство получившая, к нищим милостивая и от Бога помилованная, ты, за чистоту сердечную приявшая свет Святого Духа и мир в душу свою, соделавшаяся храмом Святого Духа и сокровищницею добродетелей на земле, за что и сподобилась неизреченного прославления на небеси, ты, водворившаяся в сонме святых и разделяющая блаженство с ними, помяни и нас, восхваляющих твое добродетельное житие и с радостью духовною почитающих твою память. Призри на житие наше, проводимое среди мятежных мирских волн, чтобы молитвами твоими праведно поживши, мы избежали диавольских сетей и сподобились вместе с тобою вечного блаженства благодатью Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Исаака Сирина

Память 12 апреля

Святой Григорий Двоеслов, папа Римский, в своем диалоге с диаконом Петром[2508] рассказывает следующее о святом Исааке. Во времена древних готов близ города Сполето жил весьма праведный муж по имени Исаак; он пробыл здесь до конца владычества готов[2509], и его знали многие жители Рима. Из них особенно чтила святого Исаака одна девица Грегория, жившая в Риме при храме Пресвятой Богородицы. Во дни своей юности Грегория была обручена, но, когда настало время бракосочетания, она поспешила в церковь, желая получить иноческий образ; преподобный Исаак избавил Грегорию от родственников, хотевших силою извлечь ее из церкви и, при содействии Божием, постриг ее в инокини; таким образом Грегория, презрев земного жениха, удостоилась обручения небесному. О святом Исааке святой Григорий Двоеслов узнал особенно много от честного отца Елевферия, находившегося в близких отношениях с преподобным, и то, что он передавал о святом Исааке, вполне подтверждалось другими сведениями о его жизни.

Святой Исаак был родом не из Италии, но мы опишем здесь лишь те чудеса, которые он содеял в этой стране. Когда преподобный Исаак пришел из Сирии в Сполето, то он прежде всего вошел в церковь; здесь он попросил пономарей разрешить ему молиться в церкви столько времени, сколько он хочет, хотя бы даже он пожелал остаться на ночь в храме, когда уже будут закрыты церковные двери. И, став на молитву, он без отдыха провел в ней двое суток с половиной. Заметив это, один из пономарей, отличавшийся гордостью, – последняя и довела его до согрешения, возбудив в нем несправедливое негодование на преподобного, – начал поносить святого Исаака бранными словами, называя его лицемером, притворно молившимся почти трое суток для приобретения известности; затем, подойдя к преподобному, он ударил его по щеке, требуя,

чтобы тот, как лицемер, оставил с бесчестием храм. Тотчас же этого пономаря постигло наказание: по Божию попущению на него внезапно напал нечистый дух и, причиняя ему сильные мучения, поверг его к ногам Божия человека с криком: «Исаак меня изгонит!»

Никто до этого объявления имени нечистым духом не знал, как называется странник. Преподобный наклонился над мучимым, и его тотчас оставил нечистый дух. Весть о происшедшем в церкви быстро разнеслась по городу, и тотчас мужи и жены, богатые и бедные поспешили ко храму, чтобы пригласить в свой дом угодника Божия; одни обещали ему устроить монастырь с селами и имениями, другие желали его снабдить пищею и всем необходимым для жизни.

Но раб всесильного Бога отринул все обещание предлагавших: выйдя из города, он нашел невдалеке пустынное место, где создал себе маленькую келью. Сюда к нему стало стекаться много народа: видя его добродетельное житие, некоторые из приходивших возгорелись любовью к вечной жизни и под руководством преподобного посвятили себя исключительно на служение Богу; таким образом создался монастырь. Когда ученики святого Исаака просили его, чтобы он ради монастырских нужд принимал приносимые ему дары, то он, твердо сохраняя нищелюбие, отвечал: «Монах, приобретающий имение, уже не монах; он так же боялся утратить свою нищету, как богатые скупцы опасаются потерять свои сокровища».

Святой Исаак был одарен духом пророческим; благодаря своим чудесам и своей, сиявшей как свет, добродетельной жизни, он сделался известен всем жителям той страны. Однажды, когда день уже склонялся к вечеру, он велел братии бросить в огород все заступы, какие только имелись в монастыре, и, когда на другой день братия встали для утреннего молитвословия, преподобный сказал: «С восходом солнца приготовьте для наших работников пищу». После того как в указанное время была приготовлена пища, святой Исаак велел захватить ее, отправился с братией в огород; здесь они нашли столько работников, сколько вечером было брошено

заступов. Последние были воры и проникли в огород с целью грабежа; но, войдя в него, они оставили свое дурное намерение и, взяв находившиеся здесь заступы начали работать с первого часа, когда проникли в огород, до времени прихода к ним преподобного; за это время они вскопали всю невозделанную в огороде землю. Подойдя к ним, святой Исаак сказал: «Радуйтесь, братия! Оставьте работы, потому что вы много потрудились за ночь». Отдав им принесенную с собою пищу, он просил их подкрепиться и отдохнуть от трудов. Когда они насытились, преподобный обратился к ним с такими словами: «Оставьте с этого времени всякие поползновения к совершению дурных дел; если вам понадобится что-нибудь из огородных растений, то входите открыто, просите нужного и берите с благословением; воровство бросьте». Потом преподобный приказал собрать им столько ярового хлеба, сколько они желали. Таким образом вошедшие в огород с дурным намерением, отягощавшим грехом душу, удалились из него без греха, с благословением, неся награду за свой труд. В другое время ко святому Исааку пришли какие-то странники, одетые в ветхое рубище и просили у него одежды. Велев им немного обождать, преподобный призвал одного из своих учеников и сказал ему тайно: «Поди в рощу за монастырем, там в одном месте есть дерево с дуплом; те одежды, которые найдешь в нем, возьми и принеси сюда». Брат отправился куда было указано и, поискав, действительно нашел в дупле спрятанные одежды; захватив, он отдал их наедине учителю. Получив одежды, угодник Божий отдал их странникам со словами: «Так как вы наги, то вот возьмите и оденьте». Они взяли и узнали в одеждах свои собственные, нарочно спрятанные ими; их объял великий стыд, потому что думая обманом получить чужую одежду, они принуждены были принять свою. Случилось также, что один благочестивый человек послал преподобному со слугою две корзины с яствами, прося святого помолиться о нем. Слуга одну корзинку спрятал дорогой, а другую принес угоднику Божию, передав просьбу пославшего. Молча приняв корзину, святой Исаак затем дал такое наставление слуге: «Я приемлю дары, ты же смотри, прикасайся осторожнее к скрытой тобою на

пути корзине: в нее влезла змея, и если ты, не остерегшись, протянешь руку, она ужалит тебя». Эти слова сильно устыдили слугу и возбудили в нем, с одной стороны, боязнь, а с другой – радость при мысли, что узнал о змее, от которой мог бы умереть.

Так повествует святой Григорий Двоеслов о преподобном Исааке Сириянине. От него сохранилась книга «подвижнических слов», заключающая в себе весьма полезные наставления для иноков; за свою жизнь он и сам удостоился от Бога вписания в книгу живота вечного и с сонмом святых предстоит одушевленному Слову Отчу, Христу Сыну Божию, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

Память святого священномученика Зинона, епископа Веронийского

Память 12 апреля

Святой Зинон был родом грек и происходил из Сирии. Путешествуя по разным странам с намерением получить христианское образование, он пришел в Италию и поселился здесь в городе Вероне[2510]. Жители этого города, видя добродетельную жизнь святого, избрали его своим епископом.

Хотя гонения на христиан в это время уже прекратились, но еще повсюду было множество язычников, которых Зинон и просвещал светом учения христианского. Сверх того, ему пришлось вести борьбу с арианами[2511]. В этой борьбе он оказался твердым исповедником истин православия, не отступившим от него несмотря на гонения, воздвигнутые на православных императорами, покровительствовавшими арианству, Констанцием[2512] и Валентом[2513].

Потрудившись много на пользу Церкви Божией и достаточное время руководив своею паствою, святой Зинон отошел с миром ко Господу[2514].

За свои великие подвиги святой Зинон был удостоен от Бога дара чудотворений. Святой Григорий Великий повествует о следующем чуде, случившемся в день памяти святого в 558 г.

В этом году в Италии было необыкновенное наводнение. Главная река Италии, Тибр, вышла из берегов, так что все окрестности Рима были залиты водою. Река Атесис, протекавшая близ города Вероны, также вышла из берегов своих; воды ее окружили храм, построенный в честь святого Зинона, и, поднимаясь все выше и выше, достигли, наконец, до самых окон церкви. Двери церковные были отворены, но вода не вошла в храм, а стала как бы стеною при дверях, так что многие из бывших в храме подходили к дверям и утоляли жажду, черпая воду руками своими.

Много и других чудес было совершено по молитвам угодника Божия Зинона.

Память преподобного отца нашего Василия Исповедника, епископа Парийского

Память 12 апреля

В Парии, древнем городе Малой Мизии, со времени распространения в нем христианства была учреждена епископская кафедра, подчиненная кизическому митрополиту. Среди епископов Парии числится и преподобный Василий, избранный епископом за свою добродетельную, богоугодную жизнь. При возникновении иконоборческой ереси преподобный Василий явился истинным исповедником Христовым: избегая всякого общения с еретиками, он не дозволял им действовать в своей епархии и не согласился, несмотря на все принуждения, подписать письменного постановления об уничтожении икон. За эту ревность по вере он принужден был переносить гонение и поругание со стороны еретиков, проводя, подобно Ап. Павлу, жизнь в скорбях, бедах и теснотах, постоянно переселяясь из одного места в другое. При своем благочестии и стремлении охранять чистоту учения Церкви преподобный Василий не мог не ненавидеть нечестивые соборы еретиков, и, поэтому, он не вступал в сношение с ними. Благоугодив Господу своею жизнью, преподобный Василий с миром отошел к Нему.

Память преподобной Анфусы

Память 12 апреля

Святую Анфусу отец ее долго побуждал выйти замуж, но она не согласилась на это и, когда, после смерти его[2515], стала свободною, то всё имущество свое раздала бедным, а также церквам и монастырям. Она была матерью для множества сирот и защитницею вдов. Благочестивая императрица Ирина[2516] не раз усилено просила ее жить вместе с нею и участвовать в управлении империей, но она решительно от этого отказалась. Во время своего пребывания во дворце она снаружи носила богатые одежды царской дочери, а под ними власяницу[2517], употребляла скудную пищу и пила одну только воду, причем в глазах ее всегда были слёзы, а в устах – церковные песнопения. Приняв потом пострижение в Омонийской обители[2518] от руки святого Тарасия, она стала инокиней и с тех пор ни сама не выходила из обители, ни другой какой-либо из сестер не дозволяла этого[2519]. Не пропуская ни одного церковного богослужения, лишая себя отдыха, она не теряла бодрости в молитве и не ослабевала в молитвенных бдениях, причем слезы сокрушения всегда текли из глаз ее. Смирение ее было выше всякой меры, так как она служила всем сестрам, убирала церковь, носила воду, во время трапезы никогда не садилась за стол и прислуживала другим.

Проведши таким образом всю свою жизнь, преподобная с великим богатством добродетелей отошла ко Господу, имея от роду 52 года[2520].

В тот же день памяти преподобномучеников Мины, Давида и Иоанна, от сарацин стрелами пронзенными в Палестине.

Страдание святого священномученика Артемона

Память 13 апреля

В царствование Диоклетиана возникло великое гонение на христиан[2521]: по всем городам и областям римского государства были разосланы мучители, чтобы принуждать христиан приносить жертвы и поклоняться идолам, противящихся же предавать казням и смерти.

Между прочими такой посланец, по имени Патрикий, пришел и в Лаодикийскую область[2522], где и приступил, не медля, к исполнению повеления царева. Еще до прибытия Патрикия, узнав о его скором пришествии, епископ Лаодикийский, блаженный Сисиний, в сопровождении святого пресвитера Артемона и некоторых христиан, проник ночью в капище богини Артемиды[2523] и сжёг, предварительно разбивши, всех находившихся в нем идолов. Затем, возвратившись в свою христианскую церковь, находившуюся на расстоянии пяти поприщ от города, он совершил обычное богослужение и обратился к верным с таким наставлением:

– Дети мои, носятся слухи о приближении к городу антихриста для избиения христиан: не бойтесь, чтобы ничто – ни огонь, ни меч, ни звери, ни другие лютые смертные казни не могли отлучить вас от любви Христовой.

Когда Патрикий прибыл в город, то прежде всего принес жертву в капище Аполлона; в тот же день он устроил зрелища для народа и объявил царский указ, запрещавший исповедание христианства. После пятидневной забавы зрелищами и охотой Патрикий захотел принести жертву Артемиде, но, войдя в капище ее, он не нашел там, к своему удивлению, идолов.

– Где они? – спросил он.

Некоторые из окружавших его греков отвечали, что изваяние Артемиды и других идолов уничтожил епископ Сисиний при участии своего священника Артемона и других христиан. На вопрос Патрикия, где теперь находится епископ с христианами, ему сказали, что все христиане собрались в свою

церковь. Патрикий тотчас сел на коня и отправился в сопровождении вооруженных воинов к христианской церкви, намереваясь христиан умертвить, а Сисиния с Артемоном предать смертной казни через рассечение на части. Но когда Патрикий был уже близок к цели своего путешествия и до церкви оставалось не больше одного поприща, вдруг его объяла такая сильная дрожь, что он упал с коня; эта дрожь сменилась чрезмерным жаром, и Патрикия принуждены были внести на носилках в первый попавшийся на пути дом. Ночью, окруженный воинами, сидевшими со свечами и ожидавшими смерти своего начальника, он сказал своим наиболее близким слугам:

– Христиане меня прокляли, и их Бог меня мучит.

Те отвечали:

– Сильные боги и светлая богиня Артемида возвратят тебе здоровье.

Испытывая сильные боли и не думая уже остаться в живых, Патрикий сказал воинам:

– Идите в христианскую церковь и скажите епископу Сисинию: так говорит царский посол – Патрикий: велик Бог христианский! Помолись Ему, чтобы мне избавиться от моей тяжелой болезни; тогда я сделаю из золота твое изображение и поставлю его посредине города.

Воины пошли и передали слова Патрикия епископу. Последний велел передать ему следующий ответ:

– Золото твое пусть останется при тебе; если уверуешь в Господа нашего Иисуса Христа, будешь здоров.

Патрикий вторично отправил к епископу послов, говоря:

– Верую в твоего Бога, только бы мне исцелиться.

Епископ помолился о нем, и тотчас Патрикий сделался здоров, совершенно избавившись от болезни.

Спустя несколько дней по своем выздоровлении Патрикий отправился в палестинский город Кесарию. Когда он отошел от Лаодикии приблизительно на три поприща, то встретил на пути святого пресвитера Артемона, возвращавшегося с молитвы: он ловил диких зверей словом Христовым, и за ним следовало два оленя и шесть диких ослов. Святой Артемон вел их к епископу

Сисинию, которому очень хотелось иметь диких зверей в своем саду. Приказав остановиться колеснице, Патрикий спросил раба Божия Артемона:

– Как ты поймал этих зверей?

– Я поймал их словом Христа моего, – отвечал он.

– Мне думается, – спросил снова Патрикий, – что ты, старец, христианин?

Святой Артемон сказал на это:

– От юности моей я христианин.

Тогда Патрикий приказал заковать святого двумя цепями и передал его двум воинам, чтобы они вели святого Артемона за ним до Кесарии. Не имея возможности продолжать свой путь, святой Артемон обратился к следовавшим за ним зверям и приказал идти к епископу Сисинию. Те пошли и остановились при дверях церковной ограды. Епископ спросил привратника:

– Откуда пришли эти звери?

Один из оленей, получивший от Бога дар слова, сказал:

– Раб Божий Артемон взят нечестивым царским послом, и его связанного ведут теперь в Кесарию; нас же он послал к тебе.

Епископ ужаснулся, слыша человеческую речь от оленя, и вместе с тем опечалился, узнав о взятии святого Артемона. Призвав дьякона Филеа, он сказал ему:

– Явилось новое чудо! Вот из этих зверей, которых ты видишь сейчас, один олень человеческою речью передал мне, что раб Божий Артемон схвачен нечестивым Патрикием и связанный отправлен в Кесарию; я не могу удержаться от ужаса, видя оленя, обладающего даром слова, и – от скорби при мысли о случившемся с Артемоном. Возьми просфору и иди со слугою в Кесарию; разузнай, справедливо ли переданное оленем.

Диакон взял просфору и, помолившись, отправился в сопровождении слуги в дорогу. Придя в Кесарию, он действительно нашел там святого Артемона, заключенного в темницу. Сердечно приветствовав его, он сказал ему:

– Раб Бога Вышнего и пастырь словесных овец, мы до этих пор не знали бы, как ты разлучился с нами и впал в руки

мучителя, если бы не рассказал епископу об этом олень; по этой причине он послал меня сюда, чтобы проверить справедливость сказанного им; епископ очень скорбит о тебе.

Святой Артемон отвечал:

– Иди, слуга Божий, и возвести моему владыке, святому епископу, что я взят на мучение за Христа и сижу в темнице; пусть он помолится о мне, чтобы я мог победить козни христоненавистника мучителя и удостоился таким образом сделаться сопричастником Христу.

Поцеловав друг друга, они расстались: диакон возвратился к себе, а святой Артемон остался в темнице. Когда диакон, возвратившись, передал епископу слова святого Артемона, то последний со слезами помолился, говоря:

– Господи Иисусе Христе, избавивший Даниила из уст львовых, спасший трех отроков от огненной пещи Навуходоносора, избавь и раба Твоего Артемона от враждебного Патрикия, дай ему силы для преодоления козней мучителя и сопричти его к лику святых мучеников.

В один день, устраивая в Кесарии зрелища, Патрикий приказал привести к себе святого Артемона и спросил его:

– Скажи нам, старец, как тебя зовут?

Он ответил:

– Я называюсь рабом Христа Бога моего и есть Артемон.

– Это ты разбил изваяние великой богини? – сказал Патрикий.

– Я именно, – ответил святой.

– Скажи мне, – спросил снова Патрикий, – как ты преодолел силу богини и не пощадил ее изображение? Как не убоялся наказания: ведь она лишь по кротости своей еще не отняла у тебя жизни?

– Молясь моему Богу, – возразил святой Артемон, – я одержу победу даже над тобою и мучениями твоими; тем более я мог преодолеть мёртвого и немого идола.

Патрикий сказал:

– Услыхав твое имя – Артемон, я подумал, что ты раб богини Артемиды; полагаю, что она и жизнь тебе сохранила за твое тезоименитство с нею.

Святой Артемон воскликнул на это:

– Беззаконный, нечестивый и потемненный умом сын диавола, если хочешь знать об имени моем, то пусть тебе будет известно, что оно даровано мне Богом еще в то время, когда я находился во чреве матери.

Патрикий продолжал, увещевая:

– Пожалей твою старость и седины, принеси жертву великому в этом городе богу Асклипию[2524].

– Шестнадцать лет, – отвечал святой, – я был чтецом в церкви моего Бога, двадцать восемь лет был диаконом, читая Святое Евангелие; тридцать три года я носил пресвитерский сан, уча и наставляя с помощью Христовою людей на путь спасения, и теперь ты требуешь, чтобы я, подражая тебе, принес жертву бесу, находящемуся в бесчувственном идоле, но всё-таки я хочу посмотреть твоего бога и испытать силу его.

Патрикий сказал:

– Великой силой и славой обладает бог Асклипий: кто не принесет ему курение с молитвою пред дверями его храма, тот не может войти внутрь.

В капище же Асклипия жили змеи, которым однажды в год приносили жрецы сладкую пищу.

– Пойдем ко храму Асклипия, – сказал святой Артемон, – и если он не дозволит мне войти в него, то я принесу ему курение.

И вот когда святой приближался в сопровождении Патрикия и народа к капищу Асклипия, то змеи, точнее заключавшиеся в них злые духи, не вынося приближения одаренного силою Христовою мученика, подняли страшный свист и смятение в капище, так что оно колебалось точно дерево от ветра; видя это, Патрикий и народ бежали от страха. Патрикий сказал святому:

– Смотри, как велика сила Асклипия, который никому не допускает войти к себе без предварительного вознесения ему курения.

– Вели жрецу открыть храм, чтобы мне войти туда, – попросил святой Артемон Патрикия.

Тот велел одному из жрецов сделать это. Жрец, по имени Виталий, сказал, обращаясь к Патрикию:

– Докладываю твоей пресветлой власти, что я не могу открыть храма, прежде чем не вознесу курение с молитвой, ибо велик гнев бога Асклипия.

Взяв кадило и вознеся обычное курение, он открыл двери капища, а сам тотчас отбежал прочь. Тогда Патрикий, стоя вдали, сказал святому:

– Старец, если можешь войти, то войди!

Святой Артемон, приблизился к дверям и, сотворив крестное знамение, безбоязненно вошел внутрь, и змеи сделались неподвижны. Святой же обратился к истинному Богу с такою молитвою:

– Господи Боже мой, через раба Своего Даниила сокрушивший вавилонского Вила и змея убивший, Ты и теперь силою Твоею через меня грешного сокруши главы змей сих, чтобы прославилось Твое святое имя!

После этого он запретил змеям вредить кому-либо и, приказав им следовать за собою, вышел вместе с ними вон. Увидав вышедших из храма змей, народ и Патрикий пришли в ужас и бросились бежать. Святой же Артемон воскликнул вслед им:

– Что вы бежите? Не бойтесь, остановитесь и поглядите теперь, как силою истинного Бога, в Которого я верую, умрут перед вашими глазами эти змеи.

Затем он дунул на них, и они тотчас стали мёртвы, простершись пред ногами его, как пораженные молнией. И сказал святой Артемон Патрикию:

– Видишь, как почитаемые вами боги умерли силою Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

Ужасался народ и Патрикий, видя убийство змей без какого-либо орудия; из них один был так велик, что имел пять локтей в ширину и двадцать пять в длину. Жрец же Виталий воскликнул громким голосом:

– Велик Бог христианский и велика сила мужа сего, одним дуновением убившего змей этих!

Потом, припав к ногам святого, он говорил:

– Раб Господа вышнего, я не отступлю от тебя, умоляя: знаменай и меня силою Бога твоего, чтобы мне сделаться совершенною овцою твоего стада; до этих пор я пребывал в обольщении, веря в идолов и этих змей, а теперь я познаю истинного Бога.

Нечестивый же Патрикий, будучи слеп душою, хотя и видел столь великое чудо, не хотел познать истинного Бога: он полагал, что святой Артемон убил змей не силою Божиею, но силою волшебства. Не вынося стыда и исполнясь гнева за свое посрамление и убийство змей, он велел снова схватить святого мученика и представить на свой несправедливый суд для истязаний. Здесь он с гневом сказал святому:

– Если ты не откроешь, какою силою убил змей великой богини Артемиды и светозарного Аполлона[2525], то я рассеку тебя на части.

– Силою Христовою, при содействии посланного от Бога Архангела Рафаила я убил ваших змей, – отвечал святой Артемон.

– Может ли Распятый жидами иметь такую силу? – усомнился Патрикий.

Тогда святой воскликнул:

– Обезумевший от злобы, наследник ада и древний змей, ты уже слышал, так услышь и еще, что силою моего Бога умерли ваши змеи.

После этих слов Патрикий исполнился ярости и приказал раскалить железную сковороду; потом он велел протянуть на ней обнаженного мученика и колоть его раскаленными железными прутьями, обрезая острым железом члены; при этом он говорил святому Артемону:

– Видишь, непокорный старец, как страдает твое тело от мук.

Страдалец же, подняв очи к небу, молился:

– Господи Иисусе Христе, не попусти язычнику посмеяться надо мной, рабом Твоим; Тебе известно, что я за Тебя терплю страдание; даруй мне терпение для их перенесения, чтобы посрамился враг. Услышь, Боже, молитву мою и приими моление мое, Боже Саваоф! Ты сотворил небо и землю и

исполнил чудес всю вселенную; Ты Господь всего, и никто не может противостоять Тебе; по милости Твоей спаси меня, Господи. Ты показал невинность беззаконно убитого незлобивого отрока Авеля, Ты вознаградил угодника Твоего Еноха, взяв его на небо, Ты сохранил Ноя в ковчеге и через благословение возвысил священника Мельхиседека[2526], Ты прославил за жертву Авраама, умножил чад Иакову, избавил от огня содомского Лота, возвеличил за терпение Иова. С Твоею помощью Иосиф победил плотские страсти и восторжествовал над врагами. Моисей, раб Твой, и все праведные, над которыми Ты явил силу Твою, показывающую их благочестие, восхваляют Тебя, прославившего их Бога. И я, Господи, раб Твой, молю Тебя: помилуй меня по милости Твоей и помоги мне силою Твоею.

Во время молитвы святого в Кесарию прибежал олень, говоривший в Лаодикии с епископом человеческим голосом; выйдя на переполненную народом площадь, он припал к честным стопам мученика и лизал их. Потом, получив опять по Божию повелению дар слова для обличения нечестивого и его посрамления, он стал против Патрикия и начал говорить:

– Познай, нечестивец, что нет ничего невозможного для Бога: чтобы показать Свою силу, Он может одарить речью и бессловесных. Знай, что раб Божий Артемон скоро избавится от мучений, а ты будешь схвачен двумя птицами и ввергнут в кипящий котёл за то, что бесчеловечно мучишь праведного человека и отвергся от Бога, Которого признал истинным и в Которого уверовал.

Видя в обличении диким животным не что иное, как только волхвование, нечестивый Патрикий пришел в ярость и приказал убить воинам оленя; один из них взял копье и с силою бросил его в последнего, но олень отскочил, а копье ударило в одного приближенного Патрикия и пробило ему чрево, так что тот сейчас же умер. Патрикий сожалел о нем и удалился с судилища в дом свой, приказав опять свести в темницу мученика.

Утром же он велел наполнить смолою большой котёл и разварить ее, чтобы бросить в него вниз головою мученика.

Когда приказание было исполнено, то Патрикию доложили о том, что всё готово; он же, желая сам видеть казнь святого Артемона, сел на коня и поехал к котлу, но в то время, как он уже приблизился к нему, два Ангела, сошедшие с неба в виде орлов, схватили Патрикия и бросили в кипящую смолу, в которой разварились даже его кости. Воины и народ при виде этого в ужасе разбежались; святой же, приведенный к котлу, остался один, славя Бога; преклонив колена, он помолился и источил из земли, на которой стоял, родник. Сюда к нему пришел жрец Виталий и многие другие язычники; наученные вере Христовой, они все крестились от святого Артемона.

В ту же ночь был святому мученику голос свыше:

– Оставь город и иди в Асию, на место, известное под именем Вули, которое находится на побережье моря; там ты найдешь Александра и его матерь Пиронию: с ними вместе ты будешь многих избавлять от бесов и исцелять от болезней, и многие, просвещенные тобою светом Христова учения, прославят Бога.

С наступлением утра собрались ко святому все новообращенные; он же, взяв Божественные Тайны, преподал им честное Тело и честную Кровь Христову, говоря:

– Сей хлеб есть Тело Христово, а сия чаша есть Кровь Христова, пролитая за ваши души; блюдитесь, чада, чтобы кто-нибудь из вас не отпал от любви Христовой, пребывайте непоколебимы в вере, а мне повелено идти в Асию.

Епископ же Кесарийский, услыхав о всем происшедшем со святым Артемоном и узнав, что он крестил многих и учит, проповедуя Евангелие, пришел к нему с христианами и приветствовал его целованием; потом, сотворив молитву, он отметил место, где страдал мученик, и впоследствии выстроил здесь церковь; из крещенных же святым Артемоном он одних поставил во пресвитеры, других во диаконы, а Виталия поставил епископом и подчинил ему палестинскую область. Святой же Артемон, простившись с епископом и народом, отправился в указанную ему асийскую страну; дорогою он был восхищен Ангелом и поставлен на месте, которое было открыто в видении; здесь, с помощью Божиею, он сотворил много

великих чудес и многих обратил ко Господу, научив истине Евангельской. Во время своей проповеди святой Артемон был схвачен язычниками и, по усечении мечом, отошел в вечные обители для принятие венца от Христа Бога нашего, Ему же со Отцом и Святым Духом слава и поклонение во веки веков. Аминь.

Память святой мученицы Фомаиды

Память 13 апреля

Святая мученица Фомаида родилась в городе Александрии от благочестивых родителей, давших своей дочери истинно христианское воспитание и обучивших ее чтению книг. На пятнадцатом году они выдали ее замуж за одного юношу-христианина. В доме своего мужа святая Фомаида жила честно, всеми уважаемая за целомудрие, кротость, незлобие и другие добрые черты характера. Вместе с ними под одной кровлей жил и отец мужа святой Фомаиды, ее свекор. Прельщаясь красотою своей снохи и разжигаясь плотским вожделением, он, по действу сатаны, замышлял по отношению к ней недоброе: он искал удобного времени для греховного пребывания с нею и, не находя, ограничивался тем, что ежедневно, под видом отеческой ласки, обнимал и целовал ее. Святая же Фомаида по своему целомудрию не предполагала существование у свекра нечистых помыслов и потому не находила ничего предосудительного в подобном обращении с нею с его стороны: она была уверена, что оно вытекает из его любви к ней, как дочери, и, почитая свекра как отца, она держала себя с ним с особенно строгою стыдливостью.

Муж святой Фомаиды был рыболов, и вот в одну ночь пришли товарищи его по промыслу и увели с собою на ловлю. Воспользовавшись уходом сына, отец его пришел к святой Фомаиде и стал склонять ее на грех. Столь неожиданная опасность привела ее в ужас, и она начала сопротивляться безумному старцу говоря:

– Что ты делаешь, отче? Сотвори крестное знамение и уйди: твой замысел внушен тебе сатаною.

Но старец не внимал ее увещаниям и старался склонить ее, прибегая к бесстыдным словам и действиям. Святая же Фомаида, исполненная страха Божие и целомудрия, оказывала свекру твёрдое сопротивление: она молила и убеждала его оставить беззаконное и нечестивое желание. Но чем сильнее она противостояла ему, тем настойчивее он понуждал ее,

разжигаясь, как огнём, нечистою похотью. Над одром на стене висел меч; сняв его и извлекши из ножен, старец начал устрашать святую Фомаиду, обращаясь к ней с такими угрозами:

– Если не послушаешь меня, то я этим самым мечом отсеку тебе голову.

Она же отвечала:

– Если даже рассечешь меня на части, то я всё-таки никогда не соглашусь на такое беззаконное дело.

Старец, придя после этих слов в сильную ярость, с такою силою ударил мечом свою сноху, что убил ее, рассекши надвое. Блаженная Фомаида предала душу свою в руки Божии и прияла славный мученический венец за свою чистоту и целомудрие: она боролась со грехом до пролития собственной крови и положила душу свою за закон Божий, соглашаясь лучше умереть, чем прогневать Бога и осквернить свое тело и ложе своего мужа.

Убийцу же тотчас постигло наказание Божие: ослеплённый душою, он потерял зрение и, бросив меч, искал дверей, хотя выйти из дома и убежать без вести, но, ощупывая стены, никак не мог найти выхода и поэтому принужден был оставаться в комнате. Между тем пришли другие рыбаки и, стучась, звали сына его на ловлю. Отец же отвечал:

– Мой сын ушел уже ловить рыбу; покажите мне двери, потому что не могу их найти.

Они, отворив дверь, вошли и увидели старца с окровавленными руками и одеждой, старавшегося ощупью найти выход, и – лежащую в крови на земле, рассеченную надвое, жену. От этого зрелища они пришли в ужас и спрашивали:

– Что это значит? Кто и для чего совершил подобное злодеяние?

Тогда старец рассказал им о своем грехе и просил свести его к судье для того чтобы принять достойное по делам наказание. Когда же муж святой Фомаиды возвратился с работы и узнал о происшедшем, то почувствовал неутешную скорбь и стыд: он оплакивал свою целомудренную супругу и стыдился за своего беззаконного отца, который, не боясь Бога, совершил

гнусное преступление и покрыл срамом свои седины. Старец был предан суду и наказан через усекновение мечом. А к телу убиенной стекалось множество народа из жителей Александрии; все они дивились столь невероятному и ужасному событию и восхваляли целомудрие святой Фомаиды.

Случайно в это время был в Александрии преподобный Даниил скитский; он сказал своему ученику:

– Сын мой, пойдем и взглянем на святую отроковицу.

Исполнив свое желание, они отправились в октодекатский, т.е. восьмидесятый, монастырь. Монахи этого монастыря встретили с честью преподобного отца, искренно приветствуя его. Рассказав им о страданиях святой Фомаиды, он дал им такое повеление:

– Идите и принесите сюда ее честное тело, ибо оно не должно лежать с мирскими людьми, но с честными отцами.

Некоторые из братии возмутились повелением положить тело женщины с отцами. Преподобный сказал им на это:

– Отроковица, которую вы не желаете принести сюда, есть мать мне и вам: ведь она умерла за свое целомудрие.

Тогда монахи не осмеливались более противиться святому отцу, пошли и, взявши тело святой Фомаиды, погребли его с честью в монастырской усыпальнице. Простившись после этого со всеми отцами, преподобный удалился с учеником в свой скит.

Один брат в его монастыре испытывал сильные нападения со стороны плотских искушений; придя к преподобному Даниилу, он открыл ему свою сильную борьбу с плотскими страстями. Преподобный сказал ему:

– Иди в октодекатский монастырь и так помолись там в монастырской усыпальнице: Боже, молитвами мученицы Фомаиды помоги мне и избавь меня от блудной похоти! Надейся на Бога, и ты избавишься от искушений, – прибавил преподобный отец.

Брат пошел и в точности исполнил все, что велел ему преподобный Даниил, и действительно совершенно освободился от плотских искушений. Возвратившись в скит, он припал к ногам преподобного Даниила и сказал ему:

– Молитвами святой мученицы Фомаиды и твоими, отче, Бог избавил меня от блудных похотей.

Старец спросил:

– Каким образом ты освободился от них?

Брат отвечал:

– Сотворив двенадцать молитв и помазавшись елеем из лампады находящейся при гробнице святой мученицы, я положил голову на ее гробницу и уснул, и вот явилась мне светлая отроковица, святая Фомаида и сказала: «Отче, приими сие благословение и иди с миром в твою келью»; я принял благословение и пробудился, чувствуя окончательно освобождение от плотской страсти; не знаю, что собственно означает преподанное мне во сне святою благословение, но хорошо сознаю свое избавление от страстей.

Преподобный Даниил сказал, по окончании братом своего повествования:

– Столь великое дерзновение имеют пред Богом подвизающиеся за целомудрие.

В остальное время своей жизни брат никогда не испытывал искушений со стороны плоти и славил Бога и святую мученицу Фомаиду, свою исцелительницу. Так же поступали и другие, смущаемые подобными же страстями: приходя ко гробу святой мученицы Фомаиды, они получали облегчение и освобождение от плотских страстей по ее святым молитвам; они славили святую мученицу, прославляя в то же время Христа Господа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и поклонение вовеки. Аминь.

Страдание святого мученика Крискента

Память 13 апреля

Сей святой мученик родился в городе Мирах Ликийских[2527], происходил из знатного рода и был человеком весьма известным. Видя, как многие поклоняются идолам, он однажды вошел в толпу идолослужителей и стал убеждать их оставить языческие заблуждения, обратиться ко Христу и спастись. Когда узнал об этом правитель области, то приказал схватить его и привести к нему для суда. На суде он стал расспрашивать святого о том, как зовут его отца и как его имя, но Крискент называл себя только христианином и ничего другого не отвечал ему. Тогда правитель сказал ему:

– Принеси жертву идолам только для вида, а в душе оставайся почитателем Бога твоего.

Но святой мученик с негодованием отверг такое предложение и, исповедав пред всеми истину, ответил правителю:

– Невозможно, чтобы тело делало не то, что мыслит душа, так как душа управляет и движет телом.

После этого святого Крискента повесили и строгали тело его, а потом затопили печь и, когда она раскалилась, бросили его в нее. Так и предал он дух свой Господу.

Страдание во святых отца нашего Мартина Исповедника, папы Римского

Память 14 апреля

По кончине Римского папы Феодора в 649 году его место по единогласному избранию занял блаженный Мартин[2528]. В это время на Востоке в Греции царствовал Констанс[2529], сын царя Константина и внук Ираклия; в те годы греческие цари еще владели древним Римом и в Западной части империи имели поэтому своих наместников. На Востоке тогда всё более и более распространялась ересь монофелитов, т.е. единовольников, признававших в Господе нашем Иисусе Христе единую волю и единое хотение[2530]. Эта ересь возникла из предшествовавшей ей ереси Евтихия, хульно утверждавшего существование во Христе Иисусе только одного естества вопреки православному учению, исповедывающему в воплотившемся Господе нашем Иисусе Христе два естества и две воли, два хотения и действа; у каждого естества своя воля, свое хотение и свое действо в едином Лице Христовом: Господь Иисус Христос не может быть разделяем на два лица, но познается в двух естествах без их смешения.

Родоначальниками ереси были патриархи: Александрийский Кир и Цареградский Сергий; им в распространении ереси содействовал и дед царя Констанса Ираклий. По смерти Сергия патриархом Константинопольским был сделан Пирр, а после него Павел – оба еретика-монофелиты. По совету Павла царь Констанс написал книжку, содержавшую в себе еретическое учение монофелитов и названную им «Типос»; он разослал ее повсюду, повелевая содержать согласное с ней вероучение относительно Лица Господа нашего Иисуса Христа. Многие из православных, не разделявших ереси, за свое сопротивление нечестивому повелению царя подверглись изгнанию, или побоям, или даже смерти; к числу их принадлежит преподобный Максим Исповедник, как это подробно изложено в его житии[2531], и святой папа Мартин, о котором сейчас наша речь. Тотчас, по занятии им престола Римского папы, царь прислал ему

исполненную еретического учения книжку, желая, чтобы новопоставленный папа согласился с его ересью и подтвердил ее на соборе. Но блаженный Мартин отверг ее, говоря:

– Если бы даже весь мир принял это противное православию учение, то и в таком случае я бы его не принял, и хотя бы пришлось претерпеть смерть, не отступлю от Евангельского и Апостольского учения и святоотеческого предания.

Затем он послал к Цареградскому патриарху Павлу с некоторыми честными мужами из церковного причта письмо, в котором с любовью увещевал его не творить раздора в единстве церковном, не сеять еретических плевел среди пшеницы благочестивой веры, а напротив убеждать царя оставить противное Церкви учение. Патриарх же Павел не только не послушался блаженного Мартина, но и посланников его, предав бесчестным побоям, отправил в заточение на границы империи. Тогда святой Мартин, следуя совету бывшего в то время в Риме аввы[2532] Хрисополитанского преподобного Максима, составил из ста пяти западных епископов Поместный собор и предложил ему на рассмотрение заблуждение Кира, Сергия, Пирра и Павла вместе с книгой царя «Типос»; собор предал ересь анафеме и издал ко всем православным послание, утверждая их в православии, изъясняя всю пагубность ереси и повелевая остерегаться ее самым тщательным образом[2533]. Услыхав о таком поступке со стороны святого Мартина, царь пришел в сильнейший гнев: он послал в Рим в качестве своего наместника одного военачальника по имени Олимпия, чтобы он захватил папу Мартина. Но Олимпий, прибыв в Рим, принужден был отказаться от мысли открыто взять папу, потому что он застал еще указанный собор, на который собралось множество епископов и народа, так что город был переполнен духовными и мирскими лицами; поэтому Олимпий подучил одного воина убить как бы нечаянно святого Мартина в церкви. Когда же воин со спрятанным под одеждою острым мечом приблизился в церкви к папе, намереваясь убить его, то вдруг неожиданно ослеп: ибо Господь, не оставляющий «жезла нечестивых над жребием праведных»[2534] (Пс.124:3), не

допустил убийцу поднять мучительскую руку на Своего верного раба. Видя, что Сам Господь хранит Своего служителя, Олимпий оставил папу в покое и удалился в Сицилию, где и умер в битве против сарацин. Царь же, следуя внушениям патриарха Павла, послал в Рим другого наместника, тоже военачальника, по имени Феодора и прозванного Каллиопой. Ему было поручено взять святого Мартина, ложно обвинив предварительно папу в том, что будто бы он, желая начать войну против царя, сносится с сарацинами, побуждая их к восстанию и что будто бы он неправильно содержит преданную отцами веру и хулит Пречистую Богородицу.

Достигнув Рима, наместник открыто перед всеми обвинил папу в указанных преступлениях. Ни в чем не повинный святой Мартин начал оправдываться от возводимой на него клеветы:

– Никогда я, – говорил он, – не имел никаких сношений с сарацинами кроме тех случаев, когда посылал жившим среди них бедным и убогим братьям по вере милостыню; кто же не почитает Пречистую Богородицу, не признает Ее за Матерь Божию и не поклоняется Ей, тот да будет проклят в сей век и будущий. Веру же святую, – заключил он свое оправдание, – не мы, но несправедливо разномыслящие с нами сохраняют неправо.

Наместник же царя, не слушая оправданий папы, по-прежнему утверждал справедливость высказанных обвинений и даже присоединил еще новое, – неправильное будто бы занятие святым Мартином папского престола. И в одну ночь тайно при содействии воинов он взял папу, свел его на пристань и оттуда в лодке отправил на остров Наксий, находившийся среди далеких островов, известных под именем цикладских[2535]. На этом острове святой Мартин пробыл целый год, терпя голод и другие лишения в самом необходимом для жизни. Если же кто из благочестивых жителей острова, сожалея изгнанного папу, приносил ему что-нибудь для облегчения его нужды, то стража не допускала приходивших до узника и силою отбирала себе у приносивших их дары; вместе с тем она укоряла последних, говоря:

– Если кто из вас любит его и жалеет, тот враг отечеству, ибо изгнанный – еретик, противник Богу и возмутитель греко-римского государства.

И много оскорблений причиняла святому Мартину стража, подвергая его брани и издевательствам. Но он, ослабевая телесными силами от ежедневных оскорблений, лишений и прилучившейся ему болезни, всё-таки не терял твердости душевной, все перенося с благодарностью ради Бога. По истечении года со времени поселения на острове, святой Мартин был отвезен в Византию[2536].

Корабль достиг Византии осенью и рано утром остановился на пристани Евфимия, близ Архандии. Тотчас святого, уже сильно разболевшегося, начали беспокоить посланцы от царя и патриарха; лишенные всякого сострадания, они целый день с утра до вечера бесчестили столь честного архиерея Божия, всячески злословя и понося его. При наступлении вечера пришел со множеством воинов патриарший нотарий[2537] Саголива; взяв святого Мартина с корабля, они положили его на носилки (вследствие болезни он не мог уже ходить) и снесли на один двор, называемый прандиариа; здесь они заперли святого Мартина в темную и тесную комнату и тщательно стерегли, наблюдая, чтобы никто из городских жителей не узнал о его местопребывании. В этом узилище святой пробыл девяносто три дня, не имея возможности ни с кем побеседовать. Затем святого Мартина отнесли в дом сакеллария[2538], где собрались сенаторы[2539]; когда его внесли туда, то один из старейших сенаторов с криком приказал святому Мартину встать с носилок, на которых он был принесен в собрание; один из несших слуг сказал, что папа не может встать, так как сильно болен; но сенатор, не обращая внимания на болезнь святого Мартина, с гневом опять велел ему встать, приказав его ввиду слабости сил поддерживать. Тогда святой Мартин, поднявшись, стал посредине, поддерживаемый по бокам; встали и нарочно призванные заранее подученные лжесвидетели, возводя на святого Мартина вышеизложенные несправедливые обвинения, присоединяя к ним и другие; в доказательство справедливости своих слов они клялись святым Евангелием. Когда же святой

Мартин, не умея говорить по-гречески, начал оправдываться через переводчика, то собрание не только не слушало его, но и прямо запрещало ему говорить; переводчика же оскорбляли бранными словами. Видя это, святой Мартин сказал:

– Господу известно, насколько великое благодеяние окажете вы мне, если предадите меня вскоре смерти через какую-либо казнь.

После этого святого вывели вон и посадили, так как он не мог стоять, на особо устроенном для подобных случаев возвышении, находившемся на площади, где обычно собиралось много народа. Царь тайно наблюдал за ним из одной верхней комнаты своего дворца и послал к нему сакелларий; последний, приблизившись к святому Мартину, с угрозою сказал ему:

– Вот, ты оставил Бога, и Бог оставил тебя. Сказав это, он обратился к народу, приказывая проклинать святого Мартина, и окружавшая толпа начала громко кричать:

– Анафема папе Мартину.

Те же из присутствовавших, которые знали совершенную невинность папы, уходили от этого зрелища с печальным лицом и полными слёз глазами. После этого сакелларий сказал начальнику претории[2540]:

– Возьми его и рассеки на части, ибо он не достоин жизни.

Тотчас спекуляторы[2541] схватили святого, сняли с него верхнюю одежду, а нижнюю разодрали пополам; надев тяжелые железные цепи на шею и всё тело святого Мартина, они поволокли его через весь город в преторию, неся впереди обнаженный меч, которым его намеревались убить. Из народа некоторые поносили святого и, издеваясь над ним, говорили, качая головою:

– Где Бог его? Где содержимое им вероучение?

Другие же не могли удержаться от плача и рыданий при виде подобного бесчестия и мучения, причиняемого святителю Божию. А преподобный испытывал двойное страдание: он страдал телом от болезни, тяжелых уз и ударов влекущих его мучителей и в то же время страдал душою от обнажения и бесчестных насмешек перенося стыд и сердечную боль. Придя

в преторию, спекуляторы повлекли связанного святого в темницу вверх по лестнице: спотыкаясь на ступени последней святой Мартин падал и ушибался, так что тело его покрылось кровоподтёками и ссадинами; здесь бросили его вместе со злодеями и разбойниками. Спустя некоторое время его отсюда перевели в другую темницу – Диомидову, где он от болезни и сильного холода (был январь месяц) чуть не умер. Жена одного из темничных стражей сжалилась над святым Мартином: придя тайно ко святому узнику, она взяла его к себе в дом и обвязав ему раны, положила на своей постели, одев его теплым покрывалом; святой Мартин лежал до вечера, не издавая, подобно мертвецу, ни одного звука. Поздно вечером начальник царских евнухов[2542] Григорий послал управляющего своим домом с небольшим количеством снедей и велел ему передать их святому Мартину со словами:

– Не изнемогай в скорби; мы надеемся, что Бог не попустит тебе умереть.

Услыша это преподобный Мартин вздохнул от всего сердца: пожелание не соответствовало его чаяниям, ибо святой Мартин, испытывая страдание за свое Православие, желал скорее умереть; тотчас с преподобного были сняты оковы.

Утром царь пошел навестить смертельно больного патриарха Павла и рассказал ему всё происшедшее с папой Мартином. Павел отворотился к стене и сказал, тяжело вздохнув:

– Горе мне, и еще новое деяние для моего осуждения.

Царь спросил:

– Что это значит?

– Разве малое, государь, злодеяние, – отвечал Павел, – заставлять папу переносить подобные страдания?

И он молил царя, заклиная его, чтобы он прекратил дальнейшее издевательство над папой. Спустя восемь дней, уже по смерти Павла, царь послал ко святому Мартину в Диомидову темницу нотария Демосфена в сопровождении других нарочито отряженных мужей. Они, войдя в темницу, сказали:

– Наш царь говорит тебе: вот ты после такой славы находишься в таком бесчестии, но в этом никто не виноват, кроме тебя самого.

Святой Мартин ничего не отвечал им на это; возведя очи к небу он сказал: «Благодарение и слава за всё единому Царю бессмертному».

Посланные стали спрашивать святого Мартина о предшественнике Павла патриархе Пирре, – по своей ли воле последний пришел в Рим и отрекся здесь от монофелитской ереси, и как принял его в общение с церковью папа Феодор, после которого занял престол святой Мартин. Святой Мартин рассказал им подробно о патриархе Пирре, как он, по своей воле, придя в Рим, подал письменное отречение от своей ереси, к которой, впрочем, он опять возвратился, – и как он был принят папой Феодором с подобающею его епископскому сану честью, получая средства для прожития. Святой Мартин заключил свою речь следующим обращением к посланным от царя:

– Я в ваших руках, – делайте со мною, что хотите и что попустит вам Бог, но будьте уверены, что если бы вы меня даже рассекли на части, то и тогда я не буду в общении с Константинопольскою Церковью, доколе она не оставит своего еретического заблуждения; испытайте на деле справедливость моих слов, и вы увидите, сколь велика благодать Господа в Его рабах.

Выслушав ответ святого Мартина, посольство возвратилось к царю, удивляясь величию и крепости душевной святого, не боящегося мук и самой смерти. Спустя восемьдесят пять дней ко святому Мартину пришел в темницу нотарий Саголива и сказал ему: «Мне приказано взять тебя отсюда в свой дом, откуда ты будешь отправлен в некоторое место».

Святой Мартин спросил:

– Куда же меня пошлют, в какое именно место?

Но Саголива не отвечал на этот вопрос. Тогда святой Мартин сказал:

– Оставьте меня в темнице до того времени, когда нужно будет отправить.

Нотарий ушел. При солнечном заходе папа сказал находившимся с ним вместе узникам:

– Подойдите, братия, и дадим друг другу последнее целование: тотчас придет за мною посланец для взятия меня отсюда.

Все с плачем прощались с ним, но святой Мартин, выражая на лице своем радость, говорил им:

– Не плачьте, но радуйтесь – видите, я радуюсь, что иду на страдание за Православие.

После этого снова пришел упомянутый нотарий, который и взял святого из темницы; все присутствовавшие неутешно рыдали, сожалея о разлуке с преподобным. Святой Мартин был посажен на корабль и отправлен в заточение в Херсон[2543]; здесь его морили голодом, лишали всего необходимого, так что через два года он отошел ко Господу[2544]. Честное тело его было погребено вне города Херсона в храме Пресвятой Богородицы, именуемой Влахернской. Скоро гробница его стала привлекать множество народа: самые разнообразные и многочисленные исцеления получали болящие по молитвам святого и благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

Страдание святых мучеников литовских Антония, Иоанна и Евстафия

Память 14 апреля

Сии святые мученики происходили из литовского города Вильны[2545] и, по тогдашнему нечестивому обычаю, были огнепоклонниками[2546], подобно тому как и другие жители той страны. Антоний и Иоанн, родные братья, всей душой возлюбили христианскую веру и, когда однажды в Литву прибыл некий пресвитер, по имени Нестор, они приняли от него Божественное крещение. При этом старший из них по летам был назван Иоанном, а младший Антонием[2547]. Оба брата по крещении проводили жизнь, подобающую истинным христианам.

Находясь на службе у литовского князя Ольгерда[2548], Антоний и Иоанн старались скрыть от него свою принадлежность к христианству, но не могли достигнуть этого, потому что они слишком заметно отличались от язычников своими христианскими обычаями и поступками. Так, они не желали, подобно другим, ни стричь волос на голове и бороде так, как стригли язычники, ни есть по постным дням скоромной пищи; не исполняли они и других нечестивых обычаев, противных христианству. И когда однажды князь спросил их, – почему они не следуют древним литовским обычаям, святые безбоязненно исповедали себя христианами.

Князь стал принуждать их отказаться от христианской веры и вкусить предложенных за трапезой мясных блюд. Но они, твёрдо сохраняя христианскую веру, не хотели вкусить мясного, так как тогда был постный день. Тогда князь приказал посадить их в мрачную темницу, куда святые отправились с радостью, как будто шли не в темницу, а на царский трон, хваля и благодаря Бога за то, что Он сподобил их пострадать за Его святое имя.

После пребывания святых в темнице в течение целого года, Иоанн, истомленный темничным заключением, убоявшись мучений, послал к князю просьбу освободить его из заключения, обещая исполнять все княжеские приказания. Обрадованный

князь повелел выпустить обоих братьев и поставил их в числе первых лиц при своем дворе.

Иоанн по внешности был подобен нечестивым, исполняя все обычаи их и поступая по воле их князя; в сердце же своем он сохранял христианскую веру, тайно молясь Христу Богу, Коего он не дерзал исповедовать открыто, боясь мучений. Антоний же нисколько не изменил своих христианских обычаев, но открыто поступал так, как подобает поступать истинному христианину. Брата своего Иоанна он укорял за его малодушие и страх и всячески увещевал его покаяться и, не страшась мучений, снова открыто исповедать Христа. Язычники же, видя, что старший брат Иоанн во всем повинуется князю, не обращали внимания на младшего брата Антония.

Однажды, когда по обыкновению эти оба брата Иоанн и Антоний были у князя, Иоанн вкусил от поданных ему мясных блюд, – хотя и был постный день, – блаженный же Антоний не хотел вкусить этой пищи, открыто исповедуя себя христианином. Тогда Антоний, по повелению князя, снова был заключен в темницу; Иоанн же был в презрении у всех – христианами он был не любим, как вероотступник, язычниками же был укоряем, как человек непостоянный, который не сохранял ни старой, языческой веры, ни новой христианской, в которую перешел, оставив язычество.

Сознав свой великий грех, Иоанн начал со слезами каяться в своем падении и, придя к вышеназванному пресвитеру Нестору, стал молить его, чтобы он был ходатаем за него пред братом, дабы тот простил его грех и принял его в общение с собой. Выслушав от пресвитера просьбу брата, Антоний дал такой ответ:

– У меня может быть общение с братом только в том случае, если он открыто исповедует Христа и христианскую веру. Когда он сделает это, тогда и будет у нас всё общее.

Иоанн раскаялся и с любовью принял слова брата. Теперь он стал искать удобного времени, когда бы он мог открыто исповедать свою веру христианскую.

Случилось однажды, что князь мылся в бане, а Иоанн прислуживал ему. Увидав, что настало удобное время, Иоанн

смело и безбоязненно исповедал себя пред князем христианином. Но князь пока не показал своего гнева Иоанну и ничего не сделал ему, потому что кроме них в бане никого не было.

Тогда Иоанн, спустя некоторое время, в присутствии многочисленных вельмож князя, громогласно объявил себя христианином. Тотчас, по повелению князя, он был схвачен и без пощады бит различными орудиями и руками всех, бывших здесь; и избиение это продолжалось немалое время; потом святого заключили в темницу.

Узнав о происшедшем, блаженный Антоний исполнился великой радости. Оба брата снова были в темнице вместе, прославляя Бога; там же они сподобились приобщиться Пресвятых и Животворящих Христовых Таин от вышеназванного иерея.

По прошествии нескольких лет святой мученик Антоний был осужден на позорную смерть, как бы какой преступник: его приговорили к повешению на дереве. Когда накануне казни ему объявили о сем, он всю ночь пред смертью пребыл без сна, прославляя Бога в молитве и укрепляя брата к безбоязненному перенесению страданий за Христа. Антоний увещевал брата, чтобы он снова не отступил от веры, и пророчески предсказал ему скорую смерть.

– После моей кончины, – сказал он, – и ты, брат, спустя немного времени через таковую же смерть отойдешь ко Христу.

Когда наступило утро, оба брата причастились Божественного, Животворящего Тела и Крови Христовых; около же полудня святой мученик Христов Антоний был выведен из темницы и, по повелению князя, был повешен на дереве, месяца января в четырнадцатый день. Так непобедимый Христов воин предал свою святую и непорочную душу в руки Христа Бога своего, Коего он возлюбил всем сердцем своим.

Святой же мученик Иоанн был оставлен в темнице, ибо нечестивые надеялись снова соблазнить его и отвратить его от исповедания христианской веры. Но когда увидали, что он твердо хранит святую веру и безбоязненно исповедует Христа и в темнице, осудили и его на такую же смерть, какою умер его

брат. Через некоторое время язычники умертвили его (через удавление) и тело его повесили на том же дереве, на котором был повешен его брат. Произошло же это в месяце апреле, в двадцать четвертый день. Так и сей страстотерпец, окончив свой мученический подвиг, отошел к Подвигоположнику Христу, ради Коего принял мученическую кончину. Святые тела Антония и Иоанна были погребены с честью верующими и положены в одном месте.

Спустя некоторое время по кончине святых мучеников Антония и Иоанна пострадал и блаженный Евстафий. Он хотя и был юн возрастом, но мужеством и доблестью превосходил многих. Будучи прекрасен лицом, он был еще прекраснее душою и разумом. Познав Истинного Бога, Евстафий отверг языческое безбожие и, возлюбив Христа, пришел к вышеназванному пресвитеру Нестору. Наученный им святой вере, Евстафий принял от него Божественное крещение[2549].

Сделавшись христианином, Евстафий проводил богоугодную жизнь, как и подобает истинному христианину: он проводил всё время в посте, молитвах и доброделании.

Сей Евстафий также состоял на службе у князя Ольгерда. Однажды Ольгерд рассматривал и решал дела своего княжества, а Евстафий, как полагалось ему по его должности, предстоял пред ним. Взглянув на Евстафия, князь увидел, что у него на голове длинные волосы (надо заметить, что у тех язычников, воздававших божеское поклонение огню, был обычай особенным образом часто остригать голову и бороду; блаженный же Евстафий, так как отвергся их нечестивой и безумной веры и принял крещение, носил длинные волосы на голове своей). Князь спросил его, ни христианин ли он. Когда Евстафий в ответ на это открыто исповедал себя христианином, то князь сильно разгневался и, желая отвратить Евстафия от Христовой веры, стал принуждать его съесть мясо. Святой же не только не съел предложенного, но даже не захотел и посмотреть на мясо, так как тогда был пост пред праздником Рождества Христова и, кроме того, была пятница[2550].

Тогда князь пришел в еще большую ярость и повелел без милосердия бить святого юношу железными палками. Святой

переносил эти мучения столь мужественно, что не только не вскричал, но не издал даже ни одного стона и из его глаз не скатилось ни одной слезы; – он только благодарил Бога, что Он сподобил его пострадать за Свое святое имя.

Такое мужественное и терпеливое перенесение страданий святым снова привело князя в сильнейший гнев, и он повелел лить в уста мученику самую холодную воду (в это время была суровая зима), так что тело его посинело от сильного холода. Тем не менее святой не повиновался княжескому повелению и не вкусил мяса. Затем князь повелел подвергнуть мученика более тяжким мучениям: ему разбили и раздробили кости на ногах – на ступенях и голенях, содрали волосы с головы вместе с кожей и отрезали нос и уши.

Так мучили святого три дня, однако, он как бы не ощущал никакой боли, не стонал, и даже лицо его не обнаружило ни малейшего страдания; он всё время с любовью беседовал с христианами, плакавшими при виде его страданий и говорил им:

– Не плачьте, братия, о мне, видя, что мое тело земное раздробляется среди мучений, ибо я надеюсь получить от Христа Господа Бога нашего тело нерукотворенное, пребывающее вечно на небесах.

Между тем князь, видя, что ничего не может достигнуть мучениями, осудил мученика на смерть, повелел повесить его на том же дереве, на котором были повешены в том же году вышеназванные два святые мученика – Антоний и Иоанн. Слуги взяли святого Евстафия, уже едва живого, и повели на смерть. Святой же мученик Евстафий, несмотря на то, что его бедра, ступни и колени были раздроблены, укрепляемый помощью Божиею, шел как совершенно здоровый, бодро и скоро, не только не отставая от ведущих его, но даже и обгоняя их.

Когда все приблизились к вышеназванному дереву, то слуги мучителя обвили шею святого веревкой и повесили его. Так и сей страдалец за Христа предал свою святую душу в руки Божии, месяца декабря в тринадцатый день[2551]. Его честное тело было оставлено висеть на дереве близко от земли, чтобы его могли съесть звери и хищные птицы, но ни один зверь и ни

одна птица не приблизились к телу, ибо Бог охранял его. Спустя же три дня оно в целости было взято верующими и с честью предано погребению, недалеко от того места, где были погребены ранее пострадавшие, упомянутые выше, два святых мученика.

Достойно примечания то обстоятельство, что после кончины святых никто из преступников, осужденных на смерть, не был повешен на дереве том, ни похоронен около него (так как Бог прославляет всегда Своих мучеников). Хотя это место и было предназначено для казни и все осужденные на казнь умирали там, однако после страдания и смерти святых на том месте не был казнен ни один преступник.

По прошествии нескольких лет, когда в том городе умножилось число христиан и святая вера со дня на день росла и крепла, верующие собрались вместе и, придя к князю, просили его отдать в их распоряжение то место, где приняли блаженную кончину три упомянутых святых мученика. Князь, по устроению Божию, согласился на просьбы христиан и отдал им просимое место. Христиане, срубив дерево то, построили на его месте церковь во имя Пресвятой Троицы, в честь и славу Отца и Сына и Святого Духа[2552], причем поставили святой престол на том самом месте, где раньше росло дерево. В эту церковь и были внесены мощи святых мучеников Христовых – Антония, Иоанна и Евстафия, для прославления Бога, в Троице Святой славимого, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и во веки веков. Аминь.

Страдание святого мученика Ардалиона

Память 14 апреля

Святой мученик Ардалион пострадал в царствование императора Максимиана[2553]. Будучи мимическим актером, он на народных зрелищах и в других местах представлял страдание и различные действия людей. Случилось однажды, что он представлял мучение христиан так, как они происходили в действительности. Его повесили и стали строгать тело его как бы за то, что он не хотел принести жертву идолам. Когда среди присутствовавших на этом зрелище раздались крики одобрения и послышались похвалы его искусству, то он обратился к зрителям и громким голосом приказал им замолчать и подождать с выражением своего одобрения, а затем, когда все смолкли, открыто признал себя на самом деле христианином. Бывший на зрелище правитель города долго восхвалял его искусство, желая этим заставить его изменить свое решение. Но святой отказался это сделать и решил остаться в истинной вере. Тогда правитель велел раскалить железную сковороду и бросить на нее святого Ардалиона. Так и скончался святой мученик.

Страдание тысячи святых мучеников и Азата

Память 14 апреля

Наступил спасительный день святой и Великой Пятницы, когда христиане, празднуя, прославляли и благодарили Христа, ради нас претерпевшего искупительные страдания. В этот день был схвачен и предан смерти епископ Симеон. После этого, начиная со дня Великой Пятницы в течение десяти дней стали брать и предавать смерти всех христиан[2554]. Тогда же были схвачены и эти святые мученики числом тысяча человек, а с ними вместе и евнух[2555] Азат, занимавший высокое положение при царском дворе и пользовавшийся особенною любовью и уважением царя Сапора. На допросе все они смело исповедали свою веру во Христа и немедленно же все были за это казнены[2556]. Сапор был сильно огорчен смертью святого Азата. После его кончины он издал эдикт, которым запрещал предавать смерти христиан, и этот эдикт некоторое время имел силу[2557].

Страдание святого мученика Саввы Готфского

Память 15 апреля

Церковь Божия, находящаяся в Готфии[2558], Церкви Божией, пребывающей в Каппадокии[2559] и всем христианам Православной Церкви, живущим среди всех народов вселенной, милость, мир и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, – да умножится». Так начинается послание от Готфской Церкви к Церкви Каппадокийской[2560], в котором предложено повествование о нижеследующем житии. Сказанное некогда святым Апостолом Петром «во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян.10:35), вполне исполнилось на святом Савве, мученике Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Святой Савва, будучи родом готфянин и живя среди нечестивых и развращенных жителей Готфии, так подражал святым мужам и так, подобно им, был украшен добродетелями, что как яркая звезда блистал в мире. Ибо он, от дней своей юности возлюбив закон Господень, поставил целью своей жизни в деятельности – достигнуть совершенства добродетели, прийти через познание Сына Божия в мужа совершенного (см.: Еф.4:13). Любящим же Бога все содействует ко благу (см.: Рим.8:28). И действительно, мужественно противоборствуя диаволу и отрекшись от суеты мирской, святой Савва, сохраняя мир со всеми людьми, достиг горнего Царствия и награжден был от Бога блаженством вечным. В воспоминание об этом святом мученике и в назидание благочестивых христиан мы рассудили не умолчать о славных делах сего святого мученика, но предать записи историю его страданий.

Святой Савва твердо исповедовал святую веру христианскую, был скор к деланию добра, отличался благочестием, кротостью, простотою речи, но не разума, жил в мире со всеми, безбоязненно защищал истину, заграждая тем уста язычникам-идолослужителям, не был горд, но, как подобает смиренным, всем покорялся, был молчалив, на вопросы отвечал всегда спокойно, без гневливости, принимал

участие в пении церковном и заботился о благоустройстве церкви, не прилагал сердца своего к приобретению имения и денег, довольствуясь только необходимым для насущных подробностей, – был трезвен, воздержен во всем, не имел никакого общения с женщинами. Все время он проводил в усердной молитве и посте, был чужд тщеславия, своим примером всех возбуждал к богоугодной жизни, так как сам творил только добро, и избегал того, что было противно добродетели. До конца жизни своей он сохранил веру, «действующую любовью» (Гал.5:6), и никогда не переставал безбоязненно проповедовать имя Христово. Прежде чем увенчаться венцом мученика за исповедание святой веры христианской, святой Савва неоднократно своими делами показал себя твердым поборником истинного благочестия.

Когда готфские князья и судьи начали преследовать христиан и склонять их к ядению идоложертвенных приношений, то некоторые из язычников сговорились между собою – предложить своим родственникам и знакомым, исповедывавшим христианскую веру, вместо идоложертвенных мяс не идоложертвенные, дабы и христиан предохранить от вкушения идолопоклонных мяс, и язычников-гонителей удовлетворить. Святой Савва, узнав об этом, не только сам не пожелал вкусить от тех мяс, которые, хотя и не были идоложертвенными, но предлагались как идоложертвенные, помня слово апостольское: «но если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте» (1Кор.10:28), но, став среди народа, безбоязненно сказал во всеуслышание:

– Если кто-либо вкусил этих мяс, не может оставаться христианином.

Таковым увещанием святой воспрепятствовал всем впасть в сеть диавола. Поэтому придумавшие указанный обман выгнали святого Савву из своего селения, но вскоре попросили его вернуться назад. Когда же снова началось гонение, то некоторые идолопоклонники того же селения, приносившие жертвы идолам, захотели известить князя, что в их селении нет ни одного христианина, и намеревались клятвою подтвердить

свои слова. Тогда снова святой Савва, безбоязненно став посреди народа, громким голосом воскликнул:

– Пусть никто не клянется за меня, ибо я – христианин!

Упомянутые же идолопоклонники, утаив своих родственников, исповедывавших христианскую веру, пришли к князю и клялись пред ним, что в их селении нет христиан, кроме одного.

Услышав об этом, беззаконный князь повелел привести к себе этого христианина (а это был святой Савва). Когда же он был приведен, князь спросил предстоящих:

– Имеет ли этот христианин какое-либо имущество?

Ему отвечали:

– Он ничего не имеет, кроме того, во что он одет.

Посмотрев с презрением на святого, князь сказал:

– Этот человек едва ли в состоянии оказать кому-нибудь какую помощь, равно как и повредить кому-либо. – Сказав так, князь повелел увести святого оттуда.

Спустя некоторое время в Готфии снова было воздвигнуто язычниками большое гонение на христиан. Приближался день празднования святой Пасхи, и блаженный Савва пожелал пойти в другое селение к христианскому священнику, по имени Гуфину, чтобы вместе с ним отпраздновать праздник святой Пасхи. Когда он шел туда, по дороге ему явился муж, большого роста и с сияющим лицом, который сказал ему:

– Возвратись и иди в свое селение к священнику Сапсалу.

Савва отвечал:

– Его нет дома, ибо он по причине гонения ушел из селения и проживает в греческой стране (святой Савва не знал, что в то время этот пресвитер возвратился в свой дом, дабы встретить праздник Пасхи дома).

Затем, пройдя мимо явившегося мужа, Савва направился к священнику Гуфину.

День этот был очень ветреный; внезапно нашло большое облако и выпал столь глубокий снег, что Савва был не в состоянии идти дальше. После этого Савва, уразумев, что по Божиему промышлению был остановлен в своем путешествии, возвратился обратно, прославляя Бога.

Придя в дом священника Сапсала, он весьма возрадовался, увидав его, и поведал ему и другим все, что случилось с ним на пути. И они все вместе отпраздновали праздник Пасхи.

На третью ночь праздника внезапно напал на то селение Афарид, один из нечестивых начальников, сын князя Ротеста, с большим полчищем воинов-язычников. Застав священника мирно спящим в своем доме, он схватил его, а также и Савву, взяв его нагим прямо с постели, и связал обоих. Пресвитера посадили на телегу и везли, а Савву нагого, как младенца только что родившегося, влачили по терновнику, немилосердно ударяя его палками и бичами, и так влекли до самого города. Так безжалостны и жестоки были мучители к рабам Христовым! Но самая жестокость мучителей еще более способствовала тому, чтобы во всей силе явилось терпение и вера мужа Праведного.

При наступления дня святой Савва прославлял во всеуслышание Господа своего и так говорил мучителям: «Не по терновнику ли вы меня нагого и босого гнали и влачили? Посмотрите же теперь, в язвах ли мои ноги? Или есть ли следы на моем теле от ваших ударов?»

Они, не видя ни малейшего знака от побоев на теле святого, весьма удивлялись этому. Затем они взяли оси от телеги и одну из них положили ему на плечи, протянув его руки к концам оси и привязав их к ней; другую же ось мучители привязали таким же образом к ногам святого. После этого мучители повалили святого на землю и сильно мучили его весь этот день до самой глубокой ночи. Когда же мучители уснули, пришла женщина, вставшая ночью, чтобы приготовить своим домашним пищу; она освободила святого, и он, встав, стал помогать ей в ее деле.

При наступлении дня Афарид снова повелел связать святому руки и повесить его на перекладине в доме. Спустя некоторое время пришли посланные от Афарида с идоложертвенным мясом к пресвитеру и к Савве и сказали:

– Так говорит вам великий Афарид: вкусите этих мяс – и избавитесь от смерти.

Священник ответил посланным:

– Не вкусим, ибо не подобает нам есть сего осквернённого бесами. Мы согласимся скорее, чтобы Афарид распял нас или другим каким-либо образом предал смерти.

А блаженный Савва спросил пришедших:

– Кто прислал это?

Они отвечали:

– Господин наш Афарид.

На это святой сказал им:

– Один есть Господь – Бог, сущий на небесах. Нечисто и мерзко ваше пагубное мясо, как сам тот Афарид, от которого вы присланы.

Лишь только святой произнес сии слова, как один из слуг Афаридовых, придя в сильную ярость, с такой силой ударил в грудь святого копьем, бывшим в его руках, что все стоящие там подумали, что мученик умрет. Но мученик, хранимый Божественным Провидением, не получил никакого следа от удара и не чувствовал никакой боли, и сказал ударившему:

– Ты думаешь, что сильно ранил меня своим копьем; а я почувствовал твой удар не более того, как если бы кто меня ударил мягкою шерстью.

Узнав обо всем происшедшем, Афарид повелел предать смерти святого мученика Савву. Тогда нечестивые слуги оставили связанным священника Сапсала, взяли Савву и повели к реке, называемой «Муссова»[2561], чтобы там утопить его. Святой мученик, помня заповедь Господню о любви к ближнему своему, как к самому себе (см.: Мф.22:39), спросил ведущих его слуг:

– Почему же пресвитер не предается смерти со мною?

Те отвечали святому:

– Это не касается тебя.

Он же, исполнившись радости, воскликнул:

– Благословен Ты, Боже, и прославлено имя Сына Твоего вовеки, аминь. Ибо Афарид сам предал себя смерти и вечной гибели, а меня отослал в жизнь вечную, нескончаемую. Так угодно Тебе, Господи Боже наш, чтобы было с рабами Твоими.

Таким образом и ведомый на смерть, святой не переставал хвалить и благодарить Бога, считая «нынешние временные страдания ничего» не стоящими «в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим.8:18).

Между тем слуги говорили друг другу:

– Почему нам не отпустить сего неповинного человека? Ведь Афарид не узнает об этом, если мы отпустим его.

Но святой Савва сказал им:

– Для чего вы говорите безумные речи? Исполняйте лучше сказанное вам. Ибо я вижу то, чего вы не можете видеть: вот стоят святые Ангелы, пришедшие со славою взять мою душу.

Тогда привели святого мученика на реку и, привязав к шее его большой кусок дерева, бросили святого в глубину речную и потопили. Так преставился святой Савва, до конца жизни своей сохранивший в чистоте святую веру. Прожил он тридцать восемь лет, увенчан венцом мученическим в пятый день после праздника Пасхи (т.е. 12 апреля[2562], в царствование Валентиниана на Западе, Валентина на Востоке[2563] и при правлении анфипатов[2564] Модеста и Аринфия).

Спустя некоторое время палачи извлекли из воды тело мученика и бросили его на берег без погребения. Однако ни звери, ни птицы не прикоснулись к сему честному телу, т.к. оно было скрыто руками благочестивых христиан.

Один из скифских военачальников, Иуний Саран, почитавший истинного Бога, послав преданных мужей, взял честное тело мученика из земли готфов и перенес в страну греческую. Желая украсить свое отечество, он сей чудный дар и славный плод веры послал, по совету пресвитеров, в Каппадокию к вашему благочестию, – заключает послание – согласно воле Господа, дарующего благодать Свою боящимся Его. Совершая память мученика в тот день, в который он был увенчан мученическим венцом[2565], возвещайте об этом и прочим братиям, дабы вся Православная Апостольская Церковь, духовно радуясь, прославила Господа, избравшего Себе таковых рабов Своих. Приветствуйте всех святых; целуют вас лобзанием святым все братия, терпящие вместе с нами гонение. Могущему же нас благодатью и человеколюбием

Своим привести в Небесное Царство слава, честь и поклонение, с Единородным Его Сыном и Пресвятым Духом вовеки, аминь».

Память святых апостолов Аристарха, Пуда и Трофима[2566]

Память 15 апреля

Святой Аристарх, о котором упоминается в книге Деяний Апостольских (Деян.19:29) и в посланиях святого апостола Павла к Колоссянам (Кол.19:29) и к Филимону (Фил.1:24), был епископом в сирийском городе Апамее[2567].

Святой Пуд, о коем говорит апостол Павел во втором послании к Тимофею («Приветствую тебя Еввул и Пуд» (2Тим.4:21)), был членом римского сената[2568]. Будучи благочестивым и добродетельным человеком, он принимал в доме своем святых апостолов Петра и Павла; у него также собирались и другие верующие для молитвы, так что его дом впоследствии обратился в церковь, получившую наименование «Пастырской». Предание говорит, что в этой церкви священнодействовал сам апостол Петр.

Святой Трофим, о коем упоминает книга Деяний Апостольских (Деян.20:4) и апостол Павел в том же втором послании к Тимофею в таких словах: «Трофима же я оставил больного в Милите» (2Тим.4:20), вместе с апостолом Пудом и Аристархом сострадал с апостолом Павлом при всех бывших на него гонениях.

Все упомянутые три апостола скончались в Риме вместе с апостолом Павлом[2569], будучи усечены мечом по повелению императора Нерона[2570].

Память святых мучениц Василиссы и Анастасии

Память 15 апреля

Просвещенные верою христианскою святыми апостолами Петром и Павлом, святые Василисса и Анастасия посвятили себя на служение Господу, погребая тела святых мучеников, умерщвляемых за Христа. Когда императору Нерону[2571] было донесено о них, то, по повелению его, они были взяты воинами и заключены в темницу. После того они приняли многие мучения за Христа: их били без милосердия, строгали железом, опаляли свечами, но они оставались твердыми и непреклонными в вере христианской. Наконец, им усечены были главы[2572], после чего они отошли ко Господу, чтобы предстать пред Ним на небесах в сонме прочих святых мучеников и мучениц.

Страдание святых мучениц Агапии, Хионии и Ирины

Память 16 апреля

Когда император Диоклетиан[2573] находился в итальянском городе Аквилее[2574], ему было возвещено из Рима, что все римские темницы переполнены христианами, которые хотя и предаются многоразличным мучениям, однако, не отрекаются от своего Христа. Они все имеют учителем Хрисогона и слушают его, твердо держась его учения. В ответ на это известие Диоклетиан повелел предать смерти всех христиан, кроме одного Хрисогона, которого велел привести к себе на мучение.

Когда святого исповедника Христова Хрисогона вели связанного из Рима в Аквилею к императору Диоклетиану, святая Анастасия Узорешительница следовала за ним, как за своим учителем, издали.

По прибытии к Диоклетиану мученик Христов был предан жестоким мукам, как не повинующийся нечестивому царскому повелению; потом он был осужден на смерть и обезглавлен[2575] вне города в отдаленном пустынном месте. Честное тело его лежало на морском берегу, брошенное на съедение зверям и птицам.

Недалеко от того места имел пребывание один священник, по имени Зоил, благочестивый старец. Близ него жили три девы, сестры по телу и по духу, Агапия, Хиония и Ирина. Сей священник, узнав, по откровению Божию, о местонахождении тела святого мученика Хрисогона, взял его вместе с главою и, вложив в деревянный гроб, скрыл в своем доме. На тридцатый день после этого ему явился в видении святой Хрисогон и сказал: «Знай, что до истечения девяти дней живущие недалеко от тебя три девы Христовы будут взяты на мучение. Поэтому скажи рабе Господней Анастасии, чтобы она позаботилась о них, возбуждая их к мужественному перенесению подвига, пока они не будут увенчаны страдальческим венцем. Будь и ты в доброй надежде, что получишь сладкие плоды твоих подвигов,

ибо вскоре освободишься от земных уз, с радостью отойдешь ко Христу и упокоишься вместе со святыми».

Такое же откровение было и святой Анастасии. Подвигнутая Божественным Духом, она пришла к дому пресвитера, которого раньше совсем не знала, и спросила его:

– Где те девы, о мученической кончине коих было открыто тебе в видении?

Узнав, где находится их жилище, она пришла к ним, с любовью приветствовала их и пробыла у них одну ночь, ведя с ними душеспасительную и исполненную Божественной любви беседу, в которой возбуждала их мужественно, до крови, постоять за Жениха своего – Христа. Увидав в дому священника мощи святого мученика Христова Хрисогона, своего любимого учителя, Анастасия долгое время плакала над ними, обливая их слезами и поручая себя молитвам сего святого. После этого она снова вернулась в город Аквилею, и там продолжала совершать обычное свое служение узникам Христовым, заключенным в темницах, помогая им от своего имущества.

Действительно, все так и произошло, как сказал в видении святой Хрисогон священнику Зинону: спустя десять дней сей святой пресвитер преставился ко Господу, а три святые девы – Агапия, Хиония и Ирина – были схвачены и отведены к императору Диоклетиану на мучения.

Увидав их, император, спросил:

– Какое безумие научило вас последовать жалкому и скверному заблуждению, унижая справедливый закон наш и презирая, как нечто нечистое, наших богов? Но так как я вижу, что вы знатного рода, молоды и прекрасны, то, сожалея вас, советую вам пощадить себя. Отрекитесь от вашего Христа и принесите жертву богам, и я дам вам из своей свиты трех юношей знатного рода, вполне достойных вашей красоты, чтобы вы имели славных мужей, ради которых и сами будете в почести.

На сии царские прельщения ответила старшая сестра, святая Агапия:

– Царь, тебе надлежит заботиться о народных делах, о иноплеменниках, о войсках, а ты говоришь многое

несправедливое, унижая Живого Бога, помощь Коего тебе весьма необходима и благость Коего долготерпит о тебе; ты же Его хулишь.

Тогда Диоклетиан сказал:

– Сия девица безумна; приведите ко мне другую.

После того к нему привели ее сестру, святую Хионию, которая сказала царю следующее:

– Моя сестра, царь, не безумна. Наоборот, рассуждая здраво, она показала неправоту твоего увещания – поклониться идолам.

Царь же, не желая далее слушать и эту сестру, повелел подвести к себе поближе третью сестру, святую Ирину, и сказал ей:

– Так как твои сестры обезумели, то ты, юнейшая из них, преклони свою голову пред богами, дабы и сестры твои, смотря на тебя, сделали то же самое.

Но и святая Ирина с твердостью отвечала:

– Пусть преклоняют свои головы пред идолами все обезумевшие в своем нечестии противники Истинного Бога. Что может быть суетнее и безумнее сего, как поклоняться произведению художника, сделанному им за известную плату? Ибо сначала ты советуешься с художником, за какую цену и какого сделать идола, стоящего ли или сидящего, лежащего или скачущего, смеющегося или плачущего, из какого сделать материала – из дерева ли, или из камня, или из меди, или из иного какого материала. И если он сделает плохо, ты нарушаешь условие, а если хорошо, то отдаешь обещанную плату. А потом сему купленному и сделанному ты поклоняешься, называя своим богом истукана, которого скорее подобает называть купленным рабом, нежели богом.

В ответ на такие речи святых дев Диоклетиан сказал:

– На таковые слова надлежит отвечать мучениями, – и повелел бросить святых дев в темницу. Между тем святая Анастасия (по своему обыкновению обходившая заключенных в темницах) пришла и к сим святым девам и утешала их упованием на помощь Божию и надеждою славной победы и торжества над врагами.

По прошествии некоторого времени царю было надобно отправиться в Македонию[2576] для устроения некоторых народных нужд. За ним туда были отведены все христиане, находившиеся в заключении в Аквилее, вместе с коими были и три святые девы – Агапия, Хиония и Ирина; святая Анастасия также последовала за ними. Когда прибыли в Македонию, царь приказал игемону[2577] Дулкицию подвергнуть пыткам христиан, дабы принудить их к принесению идольских жертв; непокорных же приказал после различных мучений предавать смерти. Так как невозможно описать страдания множества святых мучеников, в то время там преданных различным мукам, то мы скажем только о страдальческих подвигах вышеназванных трех святых дев.

Когда сии невесты Христовы были приведены на мучения пред игемона Дулкиция, тотчас он, увидав их необыкновенную красоту, воспылал к ним нечистым желанием. Он повелел заключить их под стражу и велел передать им через стражника, что они получат свободу и многие дары, если согласятся исполнить нечестивое желание князя. Но святые девы лучше желали тысячу раз умереть, нежели хотя один раз быть опороченными, так что ни ласками, ни угрозами, ни подарками, ни мучениями игемон не мог склонить их согласиться исполнить свое нечестивое желание. Не будучи в состоянии преодолеть сжигавший его пламень похоти, игемон задумал прийти ночью к ним в комнату, в которой они содержались, чтобы опорочить их.

При наступлении ночи святые девы стали на молитву, воспевая Богу всенощное славословие и псалмы. Игемон, желая войти к ним, лишь только коснулся порога их комнаты, тотчас обезумел и не мог идти дальше. Вблизи того помещения, в котором находились три сестры, была поварня, где стояло множество сосудов – горшков, котлов и сковород, черных от сажи. Не будучи в состоянии войти в комнату, в которой находились святые девы, игемон, обольщенный бесами, вошел в поварню, причем выпачкался здесь в саже, загрязнив ею свое лицо, руки и всю одежду, и в таком виде вышел к ждавшим его слугам, стоявшим около той комнаты с зажженными светильниками в руках. Слуги, увидав игемона всего черного,

страшного, как эфиопа, сильно испугались и, бросив светильники, убежали оттуда. Игемон же, недоумевая, отчего побежали слуги при виде его, подумал, что они смеются и издеваются над ним, и пришел в сильный гнев. В это время стало уже рассветать, и где бы ни проходил князь, всюду все разбегались при виде его – и слуги, и стражи, и воины, спасаясь от него как бы от какого страшилища. Тогда игемон отправился во дворец царский, намереваясь пожаловаться царю на воинов, бывших под его начальством, за то, что они не слушались его и даже насмехались над ним. Но лишь только он подошел к царскому жилищу, как услышал громкий и продолжительный смех, доносившийся до него оттуда, причем некоторые из бывших там предались бегству, испугавшись его, другие же стали бить его, отгоняя от дверей царского жилища, так как никто не мог подумать что это игемон Дулкиций, но все думали, что это был какой-нибудь юродивый. Однако игемон все еще не мог понять того, что он весь в саже, так как глаза его, по действу диавола, омрачились. Ему казалось, что он был бел лицом и одежда и руки его были чисты. Но когда, наконец, слуги его догадались, что господин их обезумел, тотчас побежали за ним и отвели его домой, говоря: «Посмотри на себя, каков ты!»

Когда же он вошел в дом, то жена его и все домашние рабы и рабыни стали сильно плакать, думая, что он сошел с ума, а прочие сторонились его и не вступали с ним в общение. Сам же он все еще недоумевал и удивлялся, почему одни плачут о нем, а другие даже гнушаются им. Потом нечестивые глаза его открылись и он увидал себя загрязненным, заметив в зеркале, что лицо его было черно, как у эфиопа, и поняв, что был посрамлен бесом. Тогда он сильно разгневался на святых дев, думая, что они посредством своего волшебства соделали с ним все это, и придумывал, как бы им отомстить. Вымыв свое тело и переменив одежду, он сел на судейском месте в виду всего народа. Затем игемон повелел, приготовив орудие для мучений, снова привести святых дев. Когда же святые девы были приведены, игемон приказал обнажить их, дабы увидать их тела. Но лишь только начали совлекать с них одеяния – не могли ничего соделать, ибо, по Божиему изволению, одежды

святых так крепко пристали к их телам, как бы кожа к телу, – и все дивились такому чуду. Слуги, хотя и долгое время старались снять со святых одежду, не могли этого сделать.

Игемон же, сидя на судилище, внезапно задремал и вдруг уснул таким крепким сном, что его никак не могли разбудить: его и толкали, и громко кричали около него, но он спал как мертвый. Тогда, взяв его спящим, отнесли его в его дом. Но лишь только он был внесен в дом, как тотчас проснулся.

Узнав обо всем случившемся с игемоном Дулкицием, царь сильно разгневался на него и повелел отдать святых дев на истязание судье Сисинию. Этот судья начал свой допрос с младшей сестры, Ирины. Он спросил:

– Повинуешься ли ты царскому повелению?

Святая отвечала:

– Нет, не повинуюсь, ибо я христианка, раба Всемогущего Бога.

Тогда судья приказал отвести ее в темницу. Потом, повелев привести пред судилище Агапию и Хионию, сказал им:

– Младшая сестра ваша прельщена и научена вами презирать Божественные законы; поэтому я решил пока отложить мучения ее, дабы она, видя ваши мучения, убоялась и послушалась нас. Если же вы желаете избавиться от мучений, принесите жертву богам, как приносим мы, повинуясь царскому повелению.

Святая Агапия ответила судье:

– Вера наша непоколебима.

Тогда судья сказал Хионии:

– А ты что скажешь?

Хиония отвечала:

– Вера наша останется неизменною.

Тогда судья спросил:

– Есть ли у вас какие-либо христианские книги?

Святые девы отвечали:

– Есть книги, но они сокрыты в нашем уме, откуда их невозможно взять врагам Христовым.

Судья спросил:

– Кто научил вас добровольно предать себя на такие мучения?

Святые девы отвечали:

– Мучения эти временны и приносят большую пользу, ибо через них можно достигнуть вечной славы.

Судья строго сказал:

– Исполните царское повеление и принесите жертвы богам.

Но святые девы сказали:

– Мы приносим Богу жертву хвалы, диаволу же никогда не принесем жертвы. Не думай отвратить нас от Бога Господа нашего Иисуса Христа, но исполняй приказанное тебе твоим царем земным, как и мы исполняем повеления нашего Царя Небесного.

Тогда, разгневавшись, судья Сисиний дал такое приказание относительно святых:

– Повелеваю Агапию и Хионию, не согласившихся после судебного увещания исполнить царское повеление, сжечь живыми.

Услыхав такой приговор, святые девы исполнились радости и громко воскликнули:

– Благодарим Тебя, Господи Иисусе Христе, что сподобил нас быть исповедницами Твоего Пресвятого Имени. В руки Твои, Владыка, приими наши души!

Брошенные в огонь, святые девы молились там и с молитвой предали души свои в руки Господа своего[2578]. Между тем сильное пламя нисколько не повредило не только телам святых дев, но не коснулось даже и их одежд, так что никакого следа от огня не осталось на них. Произошло сие в знамение язычникам, что святые девы не от огня умерли, но своими молитвами испросили себе от Бога блаженную кончину. Честные тела их, не поврежденные огнем, слуги святой Анастасии Узорешительницы ночью взяли и принесли к своей госпоже. Святая же Анастасия, помазав святые тела их ароматами, с честью положила в новом гробе, радуясь духом и моля Господа, да сподобит Он и ее быть участницею в блаженстве тех святых дев.

На другой день судья Сисиний снова сел на судище и приказал привести святую Ирину. Когда она была приведена, он сказал ей:

– Принеси жертву богам, чтобы и тебе не погибнуть на огне так же, как погибли твои сестры.

Но святая мужественно отвечала:

– Не принесу жертвы, ибо весьма желаю быть участницею в блаженстве моих сестер, да не буду вдали от них, когда они предстанут пред лицо Божие.

– Послушайся нашего увещания, – сказал судья, – в противном случае ты будешь подвергнута еще более жестоким мукам, чем твои сестры.

– Я готова на всевозможные мучения, – отвечала святая, – ибо желаю умереть за истину и через смерть получить жизнь вечную; я желаю, пройдя сквозь огонь, достигнуть утехи.

Тогда судья сказал ей:

– Я прикажу отвести тебя, нагую, в блудилище, дабы ты была там предана поруганию, пока не умрешь.

Святая отвечала:

– Тело мое так же будет страдать от блудника, как от кусающегося пса, или от волка, или от медведя, или от жала змеи. И для меня гораздо лучше, если будет страдать мое осквернённое тело, нежели я оскверню идолопоклонством свою душу, ибо грех, соделываемый поневоле, когда душа не соизволяет на это, не поставляется в вину пред Богом. Разве осквернились святые, раньше пострадавшие за исповедание имени Иисуса Христа, коим насильно мучители вливали в уста кровь идоложертвенную?

– Неужели не осквернились вкусившие от наших жертв, – спросил судья.

– Не только не осквернились, – отвечала святая, – но были увенчаны от Бога за это, так как им, имеющим связанные руки, насильно открывали уста и насильно же вливали в них идоложертвенную кровь. Грех, совершенный добровольно, заслуживает наказания, а совершенный против воли, не вменяется. Также и мне, отдавшей свое тело Христу моему, если сделаете что-либо насилием, – надеюсь, что не буду

посрамлена пред моим бессмертным Женихом, но получу он Него награду, так как ради Него я терплю от вас насилие. Я не обращу внимания на то, что вы захотите сделать с моим телом: предадите ли вы его осквернению, или ранам, или огню, я готова все претерпеть ради имени Господа Бога моего. Но Бог мой имеет власть и силу и не допустит вам сделать то, что замыслили сделать со мной.

Тогда судья повелел воинам отвести юную деву в блудилище и приказал, чтобы там она была отдана на поругание до тех пор, пока не умрет. На дороге, когда святую вели воины, их догнали другие два воина, весьма величественные по виду и светлые лицом, и сказали воинам, ведущим святую:

– Судья послал нас сказать вам, чтобы вы отвели сию деву туда, куда мы вам покажем.

И отвели их за город и, возведя на один весьма высокий холм, сказали воинам:

– Ступайте, скажите судье Сисинию, что вы поставили деву на холме, как вам было велено.

Воины отправились к судье, а два светлые мужа стали невидимы, ибо это были Ангелы Божии.

Святая же дева Ирина стояла на холме, хваля и благодаря Христа Бога, избавившего ее от рук блудников.

Когда судье было донесено о случившемся, он сильно разгневался на то, что его повеление не было исполнено, и, сев на коня, поехал к тому холму.

Подъехав, судья увидал святую деву, стоящую на холме, но не мог взойти на холм, ибо ему показалось, что холм был как бы огражден высокою стеною, которую невозможно было переступить. Объезжая вокруг холма, он пылал сильным гневом на то, что не мог приблизиться к святой деве, и так ездил он от утра до вечера, ничего не добившись. Некоторые же из бывших при нем воинов, натянув свои луки, пустили в святую стрелы и ранили ее. Она же воскликнула, обращаясь к судье:

– Я смеюсь над тобою, окаянный, что ты, как бы на какого сильного мужа, вышел на меня, слабую женщину, с оружием. Но вот я, чистою и неосквернённою вами, отхожу ко Господу моему

Иисусу Христу, Который ныне сопричислит меня к моим сестрам.

Сказав так и воздав благодарение Богу, святая легла на землю и предала свою душу Господу. Случилось же сие за день до праздника святой Пасхи[2579].

Когда наступила ночь, святая Анастасия послала своих слуг взять честное тело святой мученицы Ирины с холма и, помазав его ароматами, положила его вместе с телами сестер ее.

Так совершили свой страдальческий подвиг святые мученицы, три сестры, девы – Агапия, Хиония и Ирина и предстали со славою престолу Пресвятой Троицы – Отцу и Сыну и Святому Духу, Единому Богу, Ему же слава вовеки. Аминь.

В тот же день память святого мученика Леонида и с ним святых жен: Хариессы, Нунехии, Василиссы и Феодоры, в Коринфе страдавших и в море потопленных в 251 году.

Страдание святой мученицы Ирины

Память 16 апреля

Святая мученица Ирина пострадала во время праздника св. Пасхи в Греции[2580]. Вместе со многими другими христианами она проживала в одной пещере, и все они проводили время в постоянных молитвах. Нечестивые служители идолов донесли на них правителю, и святая Ирина по его повелению была схвачена, приведена в оковах и заключена в темницу. Представ затем пред правителем, она на допросе смело исповедала Иисуса истинным Богом, Творцом и Спасителем всего сущего, Искупителем людей и разрушителем идолов. За это она была избита и снова заключена в темницу. После этого правитель занялся разбором дел, поступивших от городских жителей, а потом, освободившись от них, приказал опять вывести святую из темницы. Когда она была приведена к нему, то он стал принуждать ее отречься от Христа, но она и слушать об этом не хотела. Тогда, по повелению мучителя, ее предали жестоким мучениям: отрезали ей язык, выбили зубы и, наконец, отсекли мечом голову.

Страдание святого священномученика Симеона, епископа Персидского

Память 17 апреля

Когда в Персии[2581] сильно умножилось число христиан и они имели свои церкви, епископов, священников и диаконов[2582] языческие волхвы, видя это, пришли в большую ярость и гнев на христиан. Эти волхвы, ведя свое происхождение от древнейших волхвов, были защитниками и охранителями нечестивого персидского лжеверия. Вместе с ними восстали на христиан и иудеи, всегдашние враги христианства. Сговорившись с волхвами, они научили Персидского царя Сапора[2583] воздвигнуть гонение на христиан[2584]. А еще раньше этого они оклеветали пред ним святого Симеона, который был епископом города Селевкии-Ктезифона[2585], сказав, что этот христианский епископ враждебен Персидскому царству и дружит с Греческим царем, которому он будто бы доносил обо всем, совершавшемся в Персии.

Тогда царь Сапор прежде всего наложил на христиан большую и очень тяжелую подать и приказал строгим мужам наблюдать за уплатою подати. Потом он стал открыто умерщвлять священников и служителей Божиих, стал грабить церковные имущества и разорять самые церкви, срывая их до основания; епископа же Симеона, как мнимого врага Персидского царства и противника нечестивого суеверия персидского, он повелел схватить и привести к себе на суд.

Согласно царскому распоряжению к царю был приведен святой Симеон с двумя священниками, Авделаем и Ананием. Епископ, взятый воинами и скованный железными узами, не только не устрашился гнева царя, но даже и не поклонился ему. Поэтому царь, весьма разгневавшись, спросил святого:

– Почему ты не кланяешься мне, как прежде кланялся?

Святой отвечал:

– Раньше меня не приводили к тебе так, как я приведен теперь, – и я преклонялся пред тобою, воздавая достойную честь твоему сану. Теперь же, когда я приведен, чтобы отречься

от моего Бога и отступить от своей веры, мне не подобает кланяться тебе, врагу моего Бога.

Царь стал его убеждать поклониться солнцу[2586] и обещал ему за это многие подарки и почести, угрожая в противном случае истребить совершенно христианство в своем царстве. Когда же царь увидал, что святой мужественен и ни ласками, ни угрозами не склоняется к его нечестию, то повелел посадить его в темницу.

В то время, когда святого вели из царских палат в темницу, его увидал евнух[2587] Усфазан[2588], уже преклонный летами, воспитавший царя Сапора от дней детства его и пользовавшийся от всех большим почетом, так как был самым близким человеком к царю. Этот евнух сидел тогда около царских палат и, увидав, что выводят святого Симеона епископа, тотчас встал со своего места и низко поклонился архиерею Божию. Но святой Симеон отвернул от него свое лицо и громко укорял его за отступничество, ибо он сначала был христианином, а потом поклонился солнцу из страха пред царем. Усфазан после этого начал сильно сокрушаться, стал плакать и рыдать, снял с себя драгоценные одежды, облекся в простую и грубую одежду и, сидя у дверей царского дворца, со слезами говорил себе: «Горе мне окаянному! Как я предстану пред Богом моим, от Которого я отрекся? Вот Симеон, и тот отвернул от меня свое лицо за мое отступничество; как же посмотрит на меня Создатель мой?»

Говоря так, он неутешно рыдал. Узнав об этом, царь Сапор тотчас призвал его к себе и, увидав, что он плачет, спросил его:

– Какая причина твоей печали? Что такое скорбное произошло с тобою в царском дворце?

Усфазан отвечал:

– Нет, со мной ничего не произошло худого или печального в твоем дворце, хотя я и желал бы перенести все несчастия мира, печали и беды, нежели одно то, о чем теперь я сокрушаюсь сердцем и плачу, – именно, что доселе живу на земле: я так стар годами и давно уже мне должно бы умереть, а я еще смотрю на солнце, которому поклоняюсь как богу. Лучше бы я умер, нежели отступил от Бога, Создателя всей твари,

поклонившись созданию вместо Творца. Но это соделал я не по искреннему своему желанию, а лицемерно, желая быть угодным тебе, а поэтому я достоин смертной казни по двум причинам: во-первых, я отрекся от Христа, Бога моего, а во-вторых, оказался неверным в старости моей тебе. Но клянусь Богом, Создателем неба и земли, что я уже более не сделаю такого греха. Не прогневаю более Господа и Бога моего Иисуса Христа, Бессмертного Царя, ради царя смертного; не преклоню уже более колен моих пред солнцем, созданием Божиим, но буду поклоняться Самому Создателю с нынешнего дня до конца.

Выслушав Усфазана, царь Сапор весьма удивился такой неожиданной перемене в нем и начал еще более гневаться на христиан, думая, что они каким-либо волшебством обольстили Усфазана. Жалея же старца, он стал просить его, как отца, чтобы он не делал их богам такого унижения, себе бесчестия и царскому дому печали, и увещевал его к этому то ласками, то угрозами. Но Усфазан отвечал царю:

– Довольно с меня и того безрассудства, которое я допустил ранее; теперь же не буду делать так, не буду почитать творения вместо Творца.

После долгих и разнообразных увещаний царь, видя, что Усфазан непреклонен, осудил его на усечение мечом.

Ведомый на смертную казнь, блаженный Усфазан подозвал к себе одного своего верного друга, евнуха и царского кубикулария[2589], и просил его, чтобы он пошел к царю и передал ему последние слова его. Он сказал так:

– Царь, – так говорит Усфазан, – вспомни мою службу, вспомни, как от дней моей юности я служил сначала отцу твоему, а потом тебе до последнего времени со всяким усердием. Для подтверждения этого не надобно свидетелей, потому что ты сам хорошо знаешь это. За всю эту службу я прошу у тебя одну награду: сделай известным всем, за что я умираю. Повели глашатаю громогласно возгласить об этом, дабы все князья, знатные люди и весь народ знали, что не за какое-либо преступление и вину пред царем умирает Усфазан, но что он умирает за то, что он христианин и не захотел отречься от своего Бога.

Когда была передана эта просьба царю Сапору, он согласился исполнить ее, так как надеялся привести в большой страх всех христиан, если они услышат, что и старца Усфазана, честного и кроткого мужа, царского воспитателя, царь не пощадил, но за исповедание имени Христова без милосердия предал смерти. Святой же Усфазан думал иначе: он думал, что христиане, коих он устрашил и опечалил своим отступничеством от христианства, узнав об его обращении и мученической смерти за Христа, возрадуются и укрепятся к твердому перенесению подобных же страданий.

Таким образом святой мученик был усечен во главу, при громком восклицании глашатая, что Усфазан пошел на казнь не за какую другую вину, кроме той, что он исповедует Христа.

О таковой кончине Усфазана узнал святой епископ Симеон, пребывавший в темнице со священниками и с прочими христианами. Они исполнились неизреченной радости и прославили Бога, обратившего Усфазана от заблуждения и увенчавшего его мученическим венцом.

Спустя некоторое время, будучи вторично призван к царю, святой Симеон много с дерзновением говорил пред ним о вере христианской и не хотел поклониться солнцу, а также преклониться пред царем.

Тогда, разгневавшись, царь повелел всех христиан, которые содержались в темницах и в узах, вывести на умерщвление в день спасительного страдания Господа нашего Иисуса Христа. Всех выведенных на казнь было числом сто человек, среди которых было много священников, диаконов и клириков. Все они были осуждены царем на усечение мечом пред глазами Симеона, а после всех должен быть умерщвлен и Симеон. Когда вели связанных христиан на смерть, старейший из волхвов громогласно восклицал: «Если желает кто-либо из вас остаться в живых, то пусть вместе с царем поклонится солнцу, и тотчас отпущен будет на свободу».

Но ни один христианин не отозвался на его зов – никто ничего ему не ответил, ибо никто не желал предпочесть жизнь временную вечной, но каждый хотел с радостью умереть за Христа Жизнодавца. Святой же епископ укреплял всех к

безбоязненному перенесению мучений и смерти, наставляя всех словами Священного Писания и укрепляя всех к перенесению страданий надеждою на вечную жизнь в Царствии Небесном. И все они были усечены мечом. Потом же и святой Симеон, пастырь своего словесного стада, пославший пред собою стадо свое ко Христу, Начальнику пастырей, после всех и сам положил свою главу под меч и отошел ко Господу[2590]. Вместе с ним были умерщвлены и оба пресвитера, взятые с ним, Авделай и Анания, оба состарившиеся летами.

Когда дошла очередь до Анания преклонить свою главу под меч, то он начал бояться и трепетать от страха. Стоявший же около него некий знатный муж, по имени Фусик, бывший начальником всех низших служителей во дворце, исповедывавший тайно христианство, увидав, что священник Анания испугался усечения мечом, воскликнул, обратившись к нему:

– Не страшись, старец! Закрой глаза твои и будь тверд, ибо тотчас увидишь Божественный свет.

Лишь только сей муж сказал это, тотчас он признан был христианином; его схватили и привели к царю. Он же безбоязненно исповедал себя пред царем христианином и отрекся от нечестивой веры персидской.

Слыша его слова, царь пришел в сильный гнев и повелел умертвить его, но не через усекновение мечом, а другим каким-либо мучительным способом. Разрезав его шею назади, вынули оттуда язык его и отрезали его, потом содрали кожу со всего тела святого; в таких мучениях и был умерщвлен святой.

В то же время мучители схватили и его дочь, девицу, по имени Аскитрею, и после мучительного истязания умертвили и ее. При этом были умерщвлены и многие другие исповедники веры в Господа Иисуса. Спустя же год после этого события, также в Великий Пяток, был умерщвлен святой Азат, скопец, любимейший царский слуга, и с ним тысяча святых мучеников. Святая Церковь исчисляет число замученных за Христа за все это время в тысячу сто пятьдесят человек. Церковные же историки Созомен[2591] и Никифор Каллист[2592] в своих сочинениях повествуют, что в это время было умерщвлено

бесчисленное множество христиан, в самый день страдания Христова и в день святой Пасхи. Ибо как только вышло повеление нечестивого царя Сапора – умертвить всех христиан в его стране, тотчас верующие обоего пола, старые и юные, сами с поспешностью выходили из своих домов и без страха отдавали себя на умерщвление, с радостью умирая за своего Господа.

Когда же был умерщвлен святой Азат-скопец, царь весьма сожалел о нем, так как сильно любил его, и поэтому приказал прекратить убийства; только предписал своим волхвам отыскивать и предавать мучениям учителей и наставников христианских, епископов и пресвитеров, а остальных христиан повелел щадить. Мы же, почитая память всех святых мучеников, прославляем Подвигоположника и Венцедавца Христа, Спасителя нашего, со Отцем и Святым Духом прославляемого вечно. Аминь.

Житие во святых отца нашего Акакия, епископа Мелитинского

Память 17 апреля

Святой угодник Божий Акакий был уроженец армянского города Мелитины[2593] и происходил от благочестивых и богобоязненных родителей, которые, не имея детей, молитвою и постом испросили себе у Бога сей благословенный плод. Воспитав сына в учении книжном, родители отвели его к епископу того города и отдали на служение Богу, ибо так обещали, когда просили у Бога себе дитя.

Епископом города Мелитины тогда был блаженный Отрий. Это был тот самый Отрий, который на втором Вселенском соборе святых отцов, собранном в царствование Феодосия Великого[2594] против духоборца Македония[2595], из числа ста пятидесяти отцов был особенно твердым поборником благочестия. Вместе со святым Григорием Богословом[2596] и с другими ревнителями и защитниками православия, он крепко защищал его и ратовал против ереси. Такому-то благочестивому мужу, святому Отрию, и был поручен родителями блаженный отрок Акакий.

Святой епископ Отрий, провидя в отроке Божественную благодать, поставил его в церковные клирики. Акакий же возрастал от силы в силу, преуспевая в добродетелях, ревностно исполняя церковные труды, совершенствуясь в добродетели и святости, стараясь быть каждому полезным. У него учился наукам и преподобный Евфимий Великий, будучи отроком. Но святой Акакий был учителем не детей только, но и взрослых, назидая всех и словом, и примером своей добродетельной жизни, особенно когда достиг священнического сана и обязан был заботиться о спасении порученных ему душ человеческих. Как избранный сосуд Святого Духа, он был в свое время возведен в архиерейский сан, как вполне этого достойный. Когда святой Отрий, епископ Мелитинский, перешел из сей жизни ко Господу, то вместо него всеми единогласно был избран блаженный Акакий и по чину возведен на святительский

престол, как горящая свеча, поставленная в золотом подсвечнике для просвещения всей вселенной (см.: Мф.5:15–16). Епископ сей так угодил Богу и был столь велик по своей святости, что сподобился дара чудотворения. Мы расскажем здесь в кратких словах некоторые из многих чудес его.

Однажды случилась великая засуха, вследствие чего ожидался сильный голод. Весь народ был в большой скорби. Святитель Христов вместе с голодающим народом пошел к церкви святого великомученика Евстафия, находившейся за городом, и там умолял Христова мученика вместе с ними помолиться Господу и испросить у Него дождь для насыщения иссохшей земли. Потом он поставил неподалеку от церкви на возвышенном и открытом месте жертвенник и Божественный престол, и начал здесь совершать бескровную жертву, со слезами молясь Господу. При сем преподобный не растворил в святой чаше вино водою, как обыкновенно это совершается, но, устремив свой ум к Богу, усердно молился, дабы Сам Бог послал воду свыше и сею дождевою водой растворил в чаше вино, а вместе с тем напоил бы и иссохшую землю. И молитва святого так была сильна и действенна, что тотчас пошел сильный дождь, который не только растворил в чаше вино, но достаточно напитал и землю. Печаль всех людей, бывших там, превратилась в радость, и все прославляли и благодарили Бога. В этот год был обильный урожай плодов, по молитвам угодника Божия Акакия.

В той же стране была одна многоводная река, весьма часто выходившая из своих берегов и затоплявшая окрестные селения. Однажды эта река так необычно разлилась, что даже большие здания, бывшие невдалеке от нее, были совершенно затоплены ею, а некоторые даже были разрушены; час от часу разливаясь все более и более, река эта угрожала затопить множество окрестных жилищ. Тогда святитель Христов Акакий, видя, что люди весьма страдают от сего наводнения, подошел к реке и, сотворив молитву к Богу, положил недалеко от берега камень, причем запретил реке переходить положенный им предел. Тотчас же вода вошла в свои берега; несмотря на то, что воды в ней значительно прибыло, так как русло ее

сделалось уже, река эта не выступала из берегов далее того камня, которым, как бы каким препятствием, святитель заключил реку в ее берегах.

В восемнадцати стадиях[2597] от упомянутого города было одно место, принадлежавшее грекам и называвшееся Миасина, – весьма красивое и ровное. Среди этого места тянулась большая равнина, через которую по направлению к востоку протекала быстрая и чистая река, называвшаяся Азор, или Азур; эта река протекала через несколько озер. На самом же красивом и высоком месте там находилось идольское капище, окруженное садом из плодовых деревьев, орошаемом водами одного из озер реки Азура. Это место было осквернено бесовскими мерзостями, так как здесь часто собирались греки, поклонявшиеся идолам, и приносили своим богам нечестивые жертвы.

Святой Акакий, возревновав о Христе, захотел очистить это место и освятить для прославления на нем Истинного Бога. Для этого дела ему пришлось весьма много потрудиться, ибо языческие жрецы сильно противились его намерению, не отдавая своего идоложертвенного места. И когда святой стал строить там церковь, во имя Пресвятой Богородицы, то те злые люди всячески препятствовали ему в этом: то, что выстроено было верующими за день, ночью нечестивыми идолопоклонниками было разрушаемо. Но святой угодник Христов Акакий, вооружившись против них молитвою, победил врагов своих. Он, с Божией помощью, разрушил идольское капище и построил храм в честь Божией Матери. Освятив сей храм, он сделал обиталищем святых Ангелов то место, которое прежде служило жилищем бесов, и устроил обитель при храме Пресвятой Богородицы для жития добродетельных иноков. Таким образом, там, где прежде совершались кровавые нечестивые жертвы диаволу, теперь стала приноситься бескровная чистая жертва Истинному Богу и каждодневные славословия и молитвы. По благодати Пречистой Богоматери и по молитвам чудотворца Акакия на этом месте совершались чудеса, видя которые, греки оставляли свое нечестие и

обращались к вере во Христа Бога. Вспомним одно из бывших там преславных чудес.

Случилось, что строители упомянутой церкви, по нерадению своему, непрочно устроили церковный свод, и когда святитель Христов Акакий совершал в алтаре Божественную службу, свод этот наклонился вовнутрь церкви и уже был готов упасть туда. Видя это, весь бывший в церкви народ в беспорядке начал выходить из храма; святитель же воззвал:

– Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться? (Пс.26:1).

И тотчас было удержано падение свода церковного, и он, по молитве святого, как бы повис в воздухе, поддерживаемый молитвою святого как бы каким твердым основанием. И так было до тех пор, пока святитель совершил всю службу и вышел со своим клиром из церкви. Лишь только он вышел оттуда, свод с великим грохотом упал на землю, не причинив никому вреда.

Однажды в другом храме, в селении, называемом Самурия, тот же добрый пастырь словесных овец предлагал духовную пищу своему стаду, проповедуя слово Божие. Во время его беседы с народом множество бывших там ласточек своим громким криком заглушали голос святого и мешали народу слышать слова его, так что иногда почти совсем не было слышно слов, исходивших из богоглаголивых уст епископа. Тогда, остановившись на короткое время среди беседы к людям, святой обратился к ласточкам и повелел всем им именем Создателя умолкнуть и прекратить свой крик. И тотчас ласточки умолкли, будучи не в состоянии произнести ни одного звука, и совершенно улетели оттуда, оставив свои гнезда. С того времени ласточки не вили там гнезд, и если какая-либо из них случайно прилетала к тому храму, то не могла здесь щебетать, но как немая, немного полетав около храма, улетала оттуда, как бы кем гонимая.

Неподалеку от города у святого Акакия был дом, в котором он жил еще до принятия епископского сана. Когда же он вступил на святительский престол, то обратил дом свой в больницу и убежище для нищих и убогих. Святитель часто навещал свою больницу, принося больным необходимое и сам прислуживая

им. Однажды, придя к больным во время жатвы, он спросил их, всем ли они довольны и нет ли у них в чем-нибудь недостатка. Они ответили, что у них всего в изобилии, и что только одно их мучает, это – множество мух, которые причиняют им большие страдания, садясь на их язвы и струпья и больно кусая их тела. Святой тотчас помолился Богу, прогнал оттуда молитвою мух и повелел мухам не являться туда более никогда. И так было до самой кончины угодника Божия: с того времени в том дому не видно было ни одной мухи. Таково чудо, которое сей дивный муж сотворил по благодати Божией.

Подобным же образом он повелел жабам, сильно кричавшим в озере и раздражавшим слух больных, умолкнуть. Спустя же немного времени он помиловал жаб и снова разрешил их от молчания, но только не всецело. Ибо он дозволил им издавать свой крик тихо, а не так громко, как они кричали раньше. В безводном месте святитель извел из сухого камня источник студеной воды и напоил жаждущих; многими и иными чудесными действиями удивил мир сей великий чудотворец.

Святой Акакий присутствовал на третьем Вселенском соборе, бывшем в городе Ефесе в царствование императора Феодосия Младшего[2598]. Там вместе со святым Кириллом, патриархом Александрийским и с другими святыми отцами, Акакий низложил нечестивого Нестория, патриарха Цареградскаго[2599], хулителя Пречистой Девы Богородицы, и предал его анафеме. Святой Акакий был любим и восхваляем всеми святыми отцами и пользовался уважением самого императора.

Мудро управляя Церковью Христовою долгое время и сотворив множество чудес, святой Акакий мирно отошел ко Господу. Честное тело его было погребено рядом с телом святого мученика Полиевкта. С ним он предстоит ныне Господу и с ликом прочих святых прославляет Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, всею тварью славимого вечно. Аминь.

Страдание святого мученика Адриана

Память 17 апреля

Святой мученик Христов Адриан был одним из тех христиан, которые задолго до суда над ними были схвачены и заключены в разные темницы. Он был выведен из темницы в то время, когда приносилась жертва языческим богам и когда в жертвоприношении участвовали все преданные идолам язычники[2600]. Святого мученика также стали принуждать подойти к жертвеннику и повергнуть на него ладонь, но он не только не согласился сделать этого, но смело и мужественно подошел к жертвеннику, разрушил его, сверг лежавшие на нем жертвы и разбросал огонь. Таким своим поступком он возбудил гнев правителя, а присутствовавшие при этом почитатели идолов пришли в такую ярость, что схватили святого и стали без милосердия избивать его. И одни били его палками, другие железными прутьями, а некоторые, схватив камни, выбили ему зубы и, наконец, раскалили огромную печь и бросили в нее святого мученика. Мучители сожгли тело его; духом же своим он взошел на небеса к Богу[2601].

Житие преподобного отца нашего Зосимы, игумена Соловецкого

Память 17 апреля

Спустя один год по преставлении преподобного Савватия благоугодно было Господу прославить то место на Соловецком острове, где подвизался сей святой муж, устроением здесь славной и великой обители. На это дело был избран Господом муж, подобный в подвигах преподобному Савватию, – преподобный Зосима, о котором и будет наше слово.

Преподобный Зосима происходил из области Новгородской; его родиною было село Толвуя, находившееся на берегу Онежского озера. Родители его, Гавриил и Варвара, проводившие жизнь строго благочестивую, с юных лет воспитали отрока в добродетелях христианских, а также выучили его грамоте. Отрок Зосима был тих нравом, кроток и смирен сердцем и чуждался всех дурных юношеских обычаев. Возрастая телом и духом, Зосима тщательно изучал священные книги, познавая из них богатство благости Божией.

Желая сохранить чистоту душевную и телесную, целомудренный отрок решил не вступать в брак; хотя он не гнушался его, как чего-либо скверного самого по себе, но решил избежать его как препятствия к богоугождению, согласно словам апостола, говорящего: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1Кор.7:32–33). Итак, для того, чтобы единому Богу угождать, он решил отречься от угождения своей плоти. Когда же родители его начали убеждать его вступить в брак, преподобный, глубоко восскорбев о сем, оставил дом отеческий, отрекся от мира и, приняв на себя образ иноческий, поселился в одном уединенном месте, неподалеку от дома отеческого, как отшельник, где и начал подвизаться в молитве и посте.

Преподобный восхотел иметь и наставника себе, так как он сам еще не в достаточной мере изучил Священное Писание и не был научен еще житию строго подвижническому и потому

нуждался в таком искусном наставнике, который бы показал ему самым делом то, что следует изучить юноше, ревностно стремящемуся к добродетели. Кроме того, преподобный опасался какого-либо препятствия своим подвигам от своих родных, близ которых он находился. Поэтому он решил уйти отсюда в какое-либо более уединенное место, где бы он мог всецело посвятить себя жизни строго подвижнической, тем более, что в его сердце все более и более разгорался огнь любви Божественной и побуждал его еще более совершенствоваться в добродетелях.

Но первоначально преподобный не знал, где и как ему основать монастырь, и усердно молил Бога указать ему место для монастыря, а также ниспослать ему все средства для осуществления его намерения.

По устроению Божию преподобный Зосима встретил одного добродетельного инока, по имени Германа, жившего ранее с преподобным Савватием на острове Соловецком. Сей инок передал преподобному Зосиме историю жизни и подвигов преподобного Савватия, а также сообщил ему, что остров Соловецкий удален от селений мирских и удобен для поселения иноков, так как изобилует лесами и озерами, наполненными рыбами.

Услышав об этом, преподобный Зосима весьма возрадовался духом и пожелал быть жителем того острова и преемником преподобного Савватия, почему и стал усердно просить Германа довести его до того пустынного острова и научить его там житию иноческому.

Около этого времени родители преподобного Зосимы окончили жизнь свою. Предав погребению тело их и раздав нищим имение их, блаженный Зосима вместе с Германом отправились на остров Соловецкий. При помощи Божией они благополучно достигли острова и высадились на том месте, где обычно останавливались мореплаватели; волнения здесь не было и вода была пресною. Неподалеку от берега святые поставили себе палатку[2602] и в ней совершили всенощное бдение, воспевая псалмы Давидовы и молясь Христу Богу и

Пресвятой Богородице о ниспослании им свыше помощи и благословения на вселение их на том пустынном острове.

На следующее утро преподобный Зосима, выйдя из палатки, увидел ярко сияющий луч света, осветивший его и все то место; подняв же глаза на восток, он увидел на облаках церковь, великую и красивую; так как преподобный не навык еще к таким откровениям Божиим, то не мог долго смотреть на эту церковь, и вскоре же устремился в палатку. Герман, видя его смущенным в лице, подумал, что он узрел что-либо особенное и спросил его: «Почему ты, любезнейший, изменился в лице? Чего ты устрашился? Разве ты увидел что-либо новое и необычное?»

В ответ на эти слова Германа Зосима рассказал ему, как он видел луч света, нисходивший свыше и осиявший то место, а также Церковь, покоившуюся на облаках. Размышляя об этом видении, Герман вспомнил об удалении мирян с этого острова (что произошло при игумене Савватии) и пророчестве Савватия об основании монашеской обители на острове и сказал Зосиме:

– Не страшись и не бойся, возлюбленный, но внимай себе, так как мне кажется, что благоугодно Господу тобою собрать здесь множество монахов.

Затем Герман сказал ему о происшествии, случившемся с женой рыболова и с мужем с Корельского берега, пришедших на остров этот, чтобы удержать его из зависти за собой, – именно, рассказал, как женщину ту били два светлые юноши, сказавшие:

– Нет вам места на этом острове; уйдите отсюда, потому что это место уготовано Богом для поселения здесь иноков.

Святой же Зосима, услышав эти слова от Германа, исполнился духовной радости и еще более укрепился в намерении своем устроить здесь монастырь.

Помолившись усердно Богу, да споспешествует делу их и поможет довести его до конца, подвижники принялись за труд: прежде всего они начали рубить деревья, необходимые для постройки келий, затем построили кельи и обнесли оградою двор, подвизаясь одновременно как в телесном, так и в духовном труде, – именно: телом подвизаясь по постройке монастыря, духом же ополчаясь на бесов во всеоружии поста и

молитвы. Пищу себе преподобные добывали в поте лица своего, обрабатывая землю и засевая ее семенами. Бог же укреплял рабов Своих, свыше на них милостиво призирая и поспешествуя всем делам их.

Спустя некоторое время Герман отправился для приобретения жизненных потребностей на другую сторону моря[2603]; пробыв здесь несколько дней, он уже хотел идти обратно, но не мог сделать этого, потому что наступила осень, воздух сделался холодным, пошел снег, начались бури, море волновалось и было наполнено льдами; на ладье таким образом уже нельзя было приплыть обратно к Соловецкому острову. Поэтому блаженный Герман на всю зиму остался на том берегу, преподобный же Зосима остался один на острове.

Первоначально преподобный, будучи одинок, сильно скорбел о старце Германе, но потом возложил все упование свое на Бога, говоря вместе с Давидом: «на Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты – Бог мой. Не удаляйся от меня» (Пс.21:11–12). И еще: «на Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей» (Пс.70:6). Преподобный начал еще усерднее подвизаться, прилагая труды к трудам, предаваясь непрерывно подвигам поста и молитвы. Бесы же, не будучи в состоянии выносить по своей злобе и зависти святую жизнь подвижника, поднимали на него брань, причем иногда наводили на него уныние, иногда пугали его разными привидениями и дикими криками, намереваясь устрашить доблестного воина Христова и поколебать непоколебимого; иной раз, приняв вид диких зверей и змей, они с яростью устремлялись на него как бы собираясь его растерзать. Раб же Божий противоборствовал им крестным знамением и молитвою и, посмеиваясь им, говорил:

– О ничтожная сила вражия! Если вы имеете от Бога власть, то делайте со мною, что хотите; если же не имеете, то понапрасну трудитесь, – и воспевал из псалмов Давидовых стих: «Обступили меня, окружили меня; но именем Господним я низложил их» (Пс.117:11); и еще: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его» (Пс.67:2).

Затем святой воссылал к Богу усердную молитву, во умилении сердца своего взывая:

– Боже вечный, Царь безначальный, Творец и Владыка всякого создания! Ты – Царь царствующих и Господь господствующих; Ты – Спаситель душ и Избавитель верующих в Тебя; Ты – надежда труждающихся и упование плавающих по морю; Ты – Наставник рабов Твоих; Ты – Покровитель всякого добра, Утешитель плачущих, радость святых; Ты – жизнь вечная и свет незаходимый; Ты – источник святыни; Ты – слава Бога Отца, полнота Святого Духа; Ты сидишь со Отцом и владычествуешь вечно. Тебя я молю, раб Твой, смиренно к Тебе припадая: услышь мольбу мою, Пресвятой Царь, Преблагий Господь, и не отврати лица Твоего от молитвы моей, но избавь меня от уст всепагубного змия, готовящегося меня поглотить, сохрани меня невредимым от наветов диавола, чтобы я, ограждаемый и охраняемый святыми Твоими Ангелами, спасся от ярости его и получил спасение у Тебя, моего Владыки и Господа, в Которого я верую, на Которого я уповаю и Которого прославляю со Отцом и Святым Духом вечно.

Так молясь, преподобный дерзновенно отгонял от себя все вражьи нападения; от его молитвы и крестного знамения демоны бегали как пыль от ветра; он же пребывал без вреда от них, хваля и славословя Бога.

Случилось еще следующее искушение преподобному. Во время продолжавшейся тогда суровой зимы запас пищи, собранной летом, оканчивался, и преподобный начал смущаться в мыслях, не зная, чем он будет питаться до лета (это враги его невидимые вселяли в душу его скорбь, смущая его страхом имеющего наступить голода и призраком преждевременной смерти). Преподобный же, размышляя сам в себе, приводил себе на память слова, сказанные Самим Господом в Его Евангелии святом: «Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам: потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф.6:31, 34, 33, 32). Все упование свое возложив на Бога-Промыслителя, преподобный утешал себя словами

Псалмопевца: «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя» (Пс.54:23). Так утешая себя, преподобный отгонял от себя всякое уныние, влагаемое в сердце его врагом нашего спасения.

И действительно, Бог не оставил угодника Своего, уповающего на Него. Он послал к нему двух мужей, имевших с собою корзину с хлебами, мукой и маслом (люди, жившие на берегу моря, имели обычай брать с собою в зимнее время запас пищи, если уходили куда-либо вглубь страны). Предложив корзину с пищею преподобному, эти два неизвестных мужа сказали ему:

– Бери и ешь из этой корзины, честный отец, сколько хочешь; мы же придем к тебе, когда повелит нам Бог.

Сказав это, неизвестные мужи тотчас же исчезли, так что преподобный не успел спросить их, кто они такие и откуда пришли.

Прошло много времени, но неизвестные мужи не приходили к преподобному. Тогда преподобный Зосима понял, что это было Божие посещение его, и от всего сердца возблагодарил Господа за его промышление о нем и неожиданный дар свыше.

Когда окончилась зима, пришел старец Герман и привел с собою некоего мирского человека, именем Марка, по роду занятий – рыболова; вместе с тем Герман привез достаточное количество пищи, а также и сети, необходимые для ловли рыбы.

Спустя некоторое время Марк принял на себя чин иноческий; вслед за тем многие мирские люди начали приходить к подвижникам и созидали себе здесь кельи, питаясь трудами рук своих.

Вскоре после этого преподобный Зосима построил небольшую церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа, в воспоминание Его славного преображения. Храм этот был построен на том самом месте, где преподобный видел в воздухе Церковь и осиявший ее луч света. Затем преподобный пристроил к церкви небольшую трапезу и таким образом основал на острове общее иноческое житие.

После этого преподобный послал одного из братии в Новгород к архиепископу Ионе просить у него благословения на

освящение храма, а также и игумена новоустрояемой обители. Архиепископ вскоре же послал к преподобному благословение и игумена – иеромонаха Павла. Получив благословение архипастырское и игумена, преподобный Зосима, блаженный Герман и все братия возрадовались радостью великою. Вскоре же после этого была освящена церковь во славу Божию, и таким образом начала свое существование честная и славная обитель Соловецкая.

Однако спустя некоторое время игумен Павел, не будучи в состоянии выносить трудов пустыннических, оставил обитель и возвратился в Новгород. После него игуменом был Феодосий, но и он спустя некоторое время также оставил пустыню. Тогда братия условились с преподобным не брать себе игумена из других монастырей, но избрать игумена из своей среды. При этом братия решили избрать игуменом преподобного Зосиму.

Между тем некоторые из братии отправились в Новгород и просили архиепископа Новгородского призвать к себе избранного ими игумена и рукоположить его с возведением в сей священный сан, если бы он даже и не хотел принять на себя эту почетную обязанность.

Архипастырь, исполняя желание братии, отправил послание к преподобному, которым призывал его к себе; затем, когда Зосима прибыл к нему, убедил его принять на себя сан игумена, после чего, сказав напутственное слово, отпустил его с честью.

Когда преподобный уходил из Новгорода в свою обитель, многие из граждан новгородских снабдили преподобного всем потребным для общежительного жития монастырского: сосудами, одеждами, деньгами и пищею. Придя в свою обитель в сане игумена, преподобный был встречен братиею с великою радостью.

Во время совершения преподобным первой литургии во обители случилось чудо, видимое всеми: лицо преподобного просветилось благодатью Святого Духа и стало светлым, как лицо Ангела; вместе с тем и храм наполнился благоуханием. Это было как бы свидетельством того, что преподобный по достоинству воспринял сан священства и игуменства. И вся

братия возрадовалась о таком пастыре своем, исполненном благодати Божией.

Случилось в то время быть в церкви той некоторым купцам. Преподобный дал им просфору от священнодействия своего; они же по небрежности уронили ее на землю. Брат Макарий, проходя дорогой, заметил просфору, лежавшую на земле, и увидел пса, стоявшего около просфоры и намеревавшегося пожрать ее, но опаляемого огнем. Взяв просфору, брат принес ее к преподобному и рассказал обо всем виденном братии, которая удивилась происшедшему и прославила Бога.

Видя, что число братии все более и более увеличивается так, что и церковь не могла уже вмещать всех, собиравшихся на молитву, преподобный создал большую церковь, которая вмещала уже всех, а также поставил много новых келий.

Спустя несколько лет преподобный вспомнил о блаженном Савватии, много подвизавшемся на том же острове, и сожалел, что честные мощи его почивают в другом месте, при реке Выге, где он преставился, а не там, где преподобный Зосима уже многие лета провел с братиею в пустынных подвигах, и потому стал советоваться с братиею о том, как бы перенести сюда мощи преподобного Савватия. Когда еще преподобный советовался об этом с братиею, к нему пришло послание из обители Пресвятой Богородицы, с Белого озера, принесенное одним из иноков монастыря преподобного Кирилла, написанное от имени игумена Кирилла и братии. Послание это гласило следующее:

– Благодать и милость от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, возлюбленному о Христе пастырю духовному, боголюбивому игумену Зосиме с братиею, всегда радоваться. Мы слышали от людей, приходивших от вас к нам, что остров Соловецкий, никогда ранее с тех пор как воссияло солнце на небе не заселенный людьми по причине трудности морского плавания к нему, теперь заселен иноками по Божию промышлению и ходатайству Пресвятой Богородицы; мы слышали, что вашим трудолюбием устроен на острове монастырь в честь Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в котором подвизается уже много братии; мы

слышали, что у вас все, по молитвам Пресвятой Богородицы, устроено; недостает вам только одного – около вас нет мощей преподобного Савватия, который еще ранее вас подвизался во многих трудах иноческих на острове том и проводил жизнь высоко добродетельную, подобно древним отцам подвижникам; возлюбив Христа всею душою, он удалился от мира и получил блаженную кончину о Господе. Некоторые из братии нашего монастыря, бывшие в Новгороде, слышали от одного благочестивого мужа, по имени Иоанна, что когда он плыл по морю для торговли и был на реке Выге, то удостоился видеть живым преподобного Савватия и слышать от него поучение духовное. Иоанн сказал, что когда преподобный Савватий отошел душою к Богу, то честное тело его было погребено игуменом Нафанаилом с приличными почестями. Иоанн сообщил также братии о чуде, бывшем на море, когда Бог, по молитвам преподобного Савватия, спас от потопления его и его брата Феодора; передал также Иоанн и о многом другом, а также и о том, что у гроба преподобного совершаются многоразличные исцеления и чудеса, ибо преподобный Савватий угодил Богу, и мы сами – свидетели его добродетельной жизни, так как сей блаженный отец прожил вместе с нами достаточное число лет в обители Пречистой Богородицы в Кирилловом монастыре. Поэтому мы ныне пишем к вашей святости и даем вам совет – не лишать себя такового дара, но перенести к себе с благоговением честные мощи преподобного Савватия, дабы они были положены там, где он сам потрудился много лет. Радуйтесь о Господе Иисусе Христе и о нас молитесь, да избавит нас Бог по ходатайству преподобного от всех бед, обстоящих нас.

Когда блаженный Зосима, игумен Соловецкий, прочитал это послание вслух всей братии, то он и вся братия возвеселились духом и все вместе как бы едиными устами сказали:

– Это не от людей, а от Самого Бога!

И тотчас же приготовив для плавания корабль, отправились на нем на другой берег, которого и достигли скоро при попутном ветре. Прибыв к храму, построенному на берегу реки Выги, братия раскопали могилу преподобного Савватия, и тотчас

воздух наполнился благоуханием. Когда же открыли гроб, то увидели, что тление не коснулось ни тела, ни одежды святого. Удивившись, братия прославили Бога и понесли честные мощи на корабль с пением священных песней. Затем при попутно взвеявшем ветре братия отправились в плавание и вскоре достигли своей обители, радуясь и благодаря Бога, даровавшего им такое сокровище духовное – мощи преподобного Савватия. Они были положены за алтарем церкви Успения Пресвятой Богородицы в особо устроенной часовне[2604]. И все болящие, с верою приходившие ко гробу преподобного, получали исцеления от недугов своих. Блаженный Зосима каждую ночь приходил на гробницу преподобного Савватия и молился здесь усердно, полагая многочисленные поклоны до самого утра. Упомянутый же выше купец Иоанн, послужив некогда погребению святого Савватия, имея великую любовь к нему за спасение его и его брата Феодора от погибели на море, написал икону преподобного и принес ее игумену Зосиме, пожертвовав вместе с тем в обитель и много потребных для братии предметов. Игумен Зосима, приняв честный образ преподобного Савватия, облобызал его и поставил его над мощами преподобного. Затем, обратившись к образу как к самому преподобному, сказал:

– Раб Божий! Хотя ты и окончил временную жизнь сию, скончавшись телом, но духом твоим не отступай от нас! Руководи нас ко Христу Богу, научая нас идти по пути заповедей Господних и терпеливо нести крест свой по следам нашего Владыки и Господа. Ты, преподобный, имея дерзновение к Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, будь молитвенником и ходатаем о нас недостойных, обитающих во святом монастыре сем, основателем которого был ты. Будь помощником и заступником нашим пред Богом, чтобы мы, проживая на месте сем, пребыли бы невредимыми от бесов и злых людей по твоим молитвам, прославляя Святую Троицу – Отца, и Сына, и Святого Духа.

Видя процветание обители Соловецкой, умножавшейся день ото дня новыми пришельцами и украшавшейся новыми добродетельными иноками, а также и подвигами преподобного

Зосимы, диавол, враг всякого добра, распалялся завистью к инокам, но так как ничего не мог сделать обители сам, ибо всегда был прогоняем и посрамляем блаженным Зосимою и прочими доблестными подвижниками, то прибег к помощи злых людей, возбудив в них желание сделать зло и обиду святой обители. По наущению от диавола, на Соловецкий остров начали приходить многие из боярских слуг вельможеских и насельников земли Карельской, которые ловили рыбу на озерах, запрещая в то же время инокам ловить рыбу на потребу монастырскую. Эти люди называли себя господами острова того, преподобного же Зосиму и прочих иноков поносили укорительными словами и доставляли им много неприятностей, обещая разорить монастырь и совершенно изгнать отсюда иноков. Поэтому преподобному Зосиме необходимо было идти в Новгород к архиепископу Феофилу для того, чтобы просить у него помощи и заступления от обидчиков. Взяв некоторых из учеников своих, он отправился с ними в Новгород и, придя к архиерею, поклонился ему и передал ему просьбу свою от обители, терпящей беды от злых людей. Архиерей сказал ему: «Я при помощи Божией, честной отец, всегда готов всячески помогать обители твоей; но прежде всего тебе необходимо попросить помощи у бояр и вельмож, управляющих городом нашим».

Преподобный Зосима отправился к боярам и, обходя дома их, усердно просил их защитить монастырь и не попустить злым людям разорить его. Все бояре, управлявшие городом, обещали свою помощь преподобному.

Пришлось преподобному Зосиме быть и у одной боярыни – вдовы, по имени Марфы, так как ее слуги, а также поселяне, жившие на ее землях, сильно притесняли иноков. Когда слуги ее сказали ей о том, что к ней пришел преподобный, она велела прогнать его от дома с бесчестием. Смиренный раб Божий терпеливо перенес эту обиду и сказал своим ученикам: «Настанут дни, когда обитатели дома этого не будут более ходить по двору своему: затворятся двери дома сего и более не отворятся, и дом сей опустеет».

В свое время сбылось то, что предрек преподобный.

Между тем архиепископ созвал к себе бояр и передал им обо всех обидах и неприятностях, которые делались обители преподобного Зосимы слугами и насельниками боярскими. Бояре, единогласно решив оказать свою помощь и содействие преподобному, передали во владение его весь остров тот; право на владение островом бояре закрепили грамотою, к которой приложили восемь печатей: первую от архиепископа, вторую от посадника, третью от тысяченачальника и еще пять печатей от пяти концов города. Кроме того бояре одарили преподобного всем необходимым для обители: сосудами для богослужения, священными одеждами, золотом и серебром, а также большим запасом пищи, и впредь всячески обещались помогать монастырю.

Услышав обо всем этом, а также узнав о добродетельной жизни преподобного Зосимы, упомянутая боярыня Марфа поняла, что у нее был истинный раб Божий, и, раскаявшись, послала своего человека к преподобному, призывая его на пир к себе. Как только преподобный вошел в дом ее, она вместе с детьми своими приняла от него благословение и посадила его на почетном месте. В то время как все приглашенные на пир пили и ели много, увеселяя себя, преподобный по обычаю своему вкушал очень немного пищи и все время сидел тихо и кротко. Взглянув же на бояр, сидевших за столом, он весьма удивился, ибо он увидел страшное зрелище, затем опустил лицо свое и никому ничего не сказал. Посмотрев другой раз, преподобный увидел то же и опять опустил лице свое и, наконец, в третий раз он увидел то же страшное зрелище, именно: видел без голов шестерых наиболее важных бояр, сидевших вместе с ним за столом. Преподобный удивился виденному, недоумевая, каким образом могли те люди пировать без голов? Но тотчас же понял, что означало это видение и, опустив голову, вздохнул, прослезился и с этого времени уже ничего более не вкушал из того, что предлагали ему, несмотря на настойчивые просьбы угощавших.

После пира Марфа попросила прощения у преподобного за оскорбление, нанесенное ей ему, и подарила обители его участок земли при реке Суме и, затем, отпустила его с миром.

Когда преподобный вышел из дома ее, один из учеников его, по имени Даниил, особенно любимый преподобным, спросил его с настойчивостью:

– Почему ты во время пира, три раза взглянув на сидевших за столом бояр, опустил лицо свое и, вздохнув, прослезился и потом уже не вкусил ничего из предложенного тебе?

Преподобный ответил ему:

– Чадо! Ты слишком настойчиво просишь, подобно как и пророк Елисей просил пророка Илию[2605]; поэтому я не скрою от тебя неизреченных судеб Божиих, имеющих совершиться в будущем, однако, то, что я скажу тебе, ты должен будешь сохранить в тайне до тех пор, пока судьбы Божии не исполнятся. Я видел шестерых самых важных бояр, сидящими на пиру без голов; и увидев это, я ужаснулся и потому не мог ни есть, ни пить. Я думаю, что эти мужи будут обезглавлены вскоре. Но смотри, чадо, никому не рассказывай то, что ты слышал от меня.

Затем преподобный прибыл в свою обитель с крепостною грамотою и со многими дарами, пожертвованными ему в Новгороде.

Спустя некоторое время преподобный услышал, что Великий князь Московский Иоанн Васильевич[2606], придя в Новгород с большим войском, подверг смертной казни некоторых из числа бояр, чтобы устрашить прочих; именно, были усечены мечом те шесть бояр, которых преподобный на пиру у боярыни Марфы видел сидящими без голов. Сама же боярыня Марфа, по приказанию Великого Князя, вместе с детьми своими была сослана на заточение в Нижний Новгород; имение ее было разграблено. Таким образом, запустел дом ее по предсказанию преподобного Зосимы, как о том предрек преподобный в тот час, когда был изгнан с бесчестием из дома ее.

Когда уже преподобный достаточно пожил на земле, много потрудился и навык ко всякой добродетели, приблизилось время блаженной кончины его. Преподобный заблаговременно уготовал себе гроб и, часто взирая на него, плакал, всегда помышляя о смерти и постоянно приготовляясь к ней.

Предчувствуя свою близкую кончину, изнемогши от трудов и старости, преподобный созвал к себе братию и сказал им:

– Вот, я, чада и братия, отхожу из сей временной жизни, поручая вас Всемилостивому Богу и Пречистой Богородице. Скажите мне: кого вы хотите иметь игуменом после меня?

Все же братия, громко возрыдав, в один голос сказали:

– Мы хотели бы, отец и пастырь наш, умереть вместе с тобою. Но это не в нашей власти, потому что суд Божий не одинаков с судом человеческим. Тот же, Кто возвестил Тебе о твоем отшествии к обителям небесным, Владыка Христос, Бог наш, Тот может дать нам и наставника, который будет руководить нами ко спасению. Но пусть твои молитвы охраняют нас, и твое благословение да почиет над нами, ибо ты – наш отец в Господе. И как в этой жизни ты заботился о нас, так, молим тебя, ходатайствуй за нас и по твоем к Богу отшествии. Не оставь нас сиротами.

Сказав это, братия умолкли, но не переставали плакать и рыдать. Преподобный же снова сказал им:

– Чада! Опять повторяю, что поручаю вас Господу и Его Пречистой Матери, игуменом же да будет вам Арсений, так как это достойнейший муж и наиспособнейший для управления монастырем и братиею.

Сказав это, преподобный вручил игуменство Арсению и сказал ему:

– Вот, брат, я избираю тебя строителем и руководителем святой обители сей и всей братии, собравшейся здесь. Наблюдай внимательно, чтобы не было забыто ни одно из монастырских законоположений, содержащихся по учению апостольскому и преданию от отцов, как например, о соборном пении церковном, о ядении и питии в трапезе и о всем вообще уставе монастырском, мною преподанном. Наблюдай, чтобы в обители все было неповрежденным. Господь же пусть направит всех вас к деланию заповедей Его, по молитвам Пресвятой Госпожи и Владычицы нашей Богородицы и всех святых, а также по молитвам угодника Своего, преподобного Савватия. Господь наш Иисус Христос да сохранит вас от всех наветов вражьих и да укрепит вас в Божественной любви Своей. Я же сам, хотя

отхожу от вас телом, отдавая естественный долг смерти, но духом пребуду с вами неотступно. И я очень бы хотел, если я обрел благодать пред Богом, чтобы по моем отшествии от вас обитель сия увеличилась еще более, чтобы здесь собралось множество братии, соединенных любовью ко Христу, чтобы здесь преизобиловали как духовные дары, так был бы достаток и в предметах, необходимых для существования тела.

Сказав так, преподобный еще достаточное время поучал братию жизни добродетельной. Затем, облобызав и благословив каждого из братии, блаженный поднял руки свои к небу и начал молиться об обители и о всей пастве своей, а также и о себе. Потом, осенив себя знамением креста, преподобный, обращаясь к братии, сказал:

– Мир вам!

Затем, подняв очи свои к небу, святой сказал:

– Владыка Человеколюбец, сподобь меня стать по правую сторону Тебя, когда Ты придешь во славе Своей судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его.

Сказав эти слова, святой лег на одр и предал святую душу свою в руки Господа своего, Которого возлюбил всею душою и всем сердцем своим и Которому с самых юных лет своих работал, трудясь в подвигах доброделания[2607].

Кончина преподобного была горько оплакана братиями обители его; наконец, воспев песнопения, приличные погребению, братия положили честное тело преподобного в могилу, которую он, еще будучи живым, выкопал своими руками, за алтарем церкви Преображения Господня. Здесь же потом братия построили и часовню над мощами преподобного, поставили здесь иконы и светильники и, приходя сюда, творили молитву к преподобному. При гробе преподобного неоднократно совершались знамения и чудеса, так как сам преподобный, отходя душою ко Господу, сказал братии, что он не оставит того места, на котором он подвизался, но обещал духом пребывать с учениками своими; и действительно, преподобный исполнил обещание свое, посещая с горних обителей свою земную обитель и присутствуя около нее невидимо: иногда же святой являлся в видимом образе и на земле, и на море, помогая всем

нуждающимся. Много раз преподобный являлся плавающим по морю, когда они находились в опасности, останавливал бурю и спасал корабли от потопления; иногда преподобный являлся в храм молящимся в рядах прочей братии. Вскоре после преставления своего преподобный явился на девятый день по своей кончине иноку Даниилу и рассказал ему, как он, по милости Божией, безбоязненно прошел мимо воздушных духов, избег их козней и был причтен к лику святых.

Затем преподобный явился видимо старцу Тарасию на своем гробе, так же и Герасиму, своему ученику. Последнему преподобный явился в день воскресный, после утрени и представился как бы шедшим от гробницы преподобного Савватия к своей гробнице, причем святой, взглянув на Герасима, сказал ему:

– Подвизайся, чадо, и ты восприимешь награду за труды твои.

Тому же самому Герасиму преподобный явился второй раз во время Божественной литургии в Великий четверг; при этом преподобный был в числе молящихся в храме. Когда же братия начали причащаться, преподобный Зосима сказал Герасиму:

– Иди и ты и причастись.

Затем преподобный стоял все время около чаши, из которой причащались братия, когда же все причастились, внезапно стал невидимым.

Однажды, когда священноинок Досифей, стоя за вечерней молитвой в притворе церковном, молился за одного брата бесноватого, ему явился преподобный и сказал:

– Исцеление брата, о котором ты молишься, не послужит к духовной пользе его; необходимо тому брату пробыть еще некоторое время в том же страдании.

Некий старец Феодул, случайно поскользнувшийся, упал на землю и сильно ушибся, так что не мог уже ходить на обычное молитвенное правило, но принужден был все время остаться в постели. Преподобный Зосима однажды поздно вечером пришел к келье его и, войдя в нее, после молитвы исцелил его.

Из этих и многих подобных им случаев братия убедились воочию, что преподобный не забывал того места, на котором он

подвизался во время земной жизни своей, так как не оставлял без помощи всех бедствующих братий, но всякому, призывавшему его с верою, подавал скорую помощь.

Один из монахов обители, по имени Митрофан, рассказал о себе братии, что когда он был еще в мире и, будучи купцом, плавал по морю, поднялась один раз такая сильная буря, что корабль его почти совсем покрывало волнами, и все, находившиеся на нем, уже отчаявшись в жизни своей, начали слезно молиться Господу и Его Пречистой Матери о помощи. Корабль носило по волнам тридцать дней. Путешествующие вспомнили о преподобном Зосиме, Соловецком чудотворце, и призвали его к себе на помощь. Вскоре же они увидели преподобного сидящим на корме корабля и ударяющим по волнам своею мантиею; вследствие этого волнение останавливалось. И до тех пор преподобный управлял кораблем, пока он не пристал к берегу. После этого дивный кормчий исчез с корабля.

Случилось, что инок Елисей во время плавания по морю сильно заболел и хотел принять схиму, но, не успев доехать до берега, скончался. Преподобный Зосима воскресил его из мертвых, и тот инок был жив до тех пор, пока не принял на себя схиму и не причастился Святых Тайн; затем инок опять почил о Господе.

Одного мирянина, именем Никона, сильно мучили бесы. Когда же он был приведен к мощам преподобного, сей последний явился ему и, освободив его от болезни, отослал домой здоровым.

Один земледелец, ослепший, пришедши на гроб преподобного, получил исцеление и стал видеть. Однако за маловерие свое земледелец тот ослеп во второй раз. Пришедши снова на гроб преподобного и помолившись с раскаянием, земледелец получил вторичное исцеление. Много и других больных исцелил преподобный, так как никогда не отказывал в своей помощи всем, кто с верою прибегал к нему.

Преподобный Зосима являлся многим не только один, но и вместе с преподобным Савватием; так, например, однажды брат Иосиф, находясь на острове Кузове (в тридцати верстах от

Соловецкого острова), ночью взошел на гору для молитвы; посмотрев по направлению к монастырю Соловецкому, он увидел посредине монастыря два столпа огненных, восходивших от земли и доходивших до неба; когда брат этот рассказал о виденном другим братиям, то они сказали: «Это основатели и начальники монастыря Соловецкого Зосима и Савватий, воссиявают от гробов своих, потому что они духовные столпы, просвещенные зарею благодати Божией».

Два брата, Савватий и Ферапонт, по прошествии Великого поста были посланы для монастырских потребностей в Вирму, потому что здесь был монастырский двор, где хранились различные припасы. Плавая, путешественники приблизились к острову Шужмуй, отстоявшему от Соловецкого острова на шестьдесят верст; в это время один из путников, Савватий, увидел на том острове два огненных столпа, не особенно великих. Подплыв к острову, путешественники увидели небольшую хижину и в ней двух человек нагих и голодных, сильно болевших ногами, бывших едва живыми. В начале зимы эти два человека плыли по морю, но когда поднялась на море буря, их корабль разбило волнами; пристав к берегу, они высадились на нем и зазимовали, так как не встретили никого, кто бы взял их отсюда. Когда же эти несчастные увидели иноков, то спросили их:

– Кто вы такие? Уж не соловецкие ли старцы прислали вас к нам?

Савватий же и Ферапонт спросили их:

– О каких старцах соловецких вы говорите?

Больные отвечали им:

– Нас посещали два честных старца, приходившие сюда; одному из них имя Савватий, а другому Зосима. Когда они приходили к нам, то страдания наши облегчались; мы не чувствовали ни голода, ни холода. Сегодня они были у нас перед вашим приходом и сказали нам: «Не печальтесь, скоро мы пришлем за вами».

Услышав это, иноки те удивились и, подкрепив пищею больных, перенесли их на свой корабль, а потом отвезли их в обитель.

Преподобные Зосима и Савватий исцелили одну женщину, одержимую бесом, по имени Марию, имевшую мужа Онисима. Точно так же преподобные воскресили другую женщину, дочь Иеремии, бывшего слуги Зосимы, которая, по внушению бесов, зарезала сама себя. Даже раны ее совершенно исцелились, ибо преподобные явились во сне ей, после того как воскресили ее, дали ей в руки сосуд с некоей мазью и сказали:

– Помажь свои раны, ибо ради слез отца и матери твоей мы пришли исцелить тебя.

Девица та, исполнив приказание святых (что было во сне), через три дня совершенно выздоровела.

Некто Василий, бывший ранее разбойником, покаявшись, пришел в Соловецкий монастырь и принял здесь чин иноческий. Но, спустя некоторое время, искушаемый диаволом, он замыслил убежать из монастыря. Приготовив лодку, он тайно положил в нее некоторые из вещей монастырских – книги, одежды и сосуды, – и намеревался ночью бежать из монастыря. Затем он пристал к острову Анзерскому, находившемуся в пятнадцати верстах от монастыря; здесь на него напал непреодолимый сон; привязав лодку к берегу, инок тот лег на землю и уснул. В сонном видении ему явились оба преподобных; один из них – Зосима, посмотрев на него с гневом, сказал ему:

– Окаянный! Ты меня обкрадываешь! Я создаю, а ты разоряешь!

Василий же в видении том просил у преподобного прощения, на что преподобный ответил ему:

– Прощение получишь, но пребудешь на этом месте три дня.

Проснувшись, Василий никого не увидел, не нашел также и лодки, привязанной у берега; затем, сев на землю, горько заплакал, не намереваясь уходить отсюда до истечения трех дней.

Между тем некоторые купцы, плывшие мимо того острова, взяли инока оттуда и привезли его в монастырь, где сей последний, раскаявшись, оплакал пред братиею свой грех и рассказал о явлении ему преподобных.

Около этого времени монастырские рыболовы ловили рыбу на реке Умбе, в расстоянии верст пятисот от острова. Начальником их был старец Фотий. Явившись ему во сне, преподобные сказали:

– Вот, мы привезли к вам лодку для рыбной ловли, потому что нам известно, что вам нужна еще лодка для рыбной ловли; только смотрите, ничего не потеряйте из того, что в ней находится, но все в целости доставьте в монастырь.

Проснувшись, Фотий передал другим рыболовам о своем видении. Отправившись к берегу, рыболовы действительно увидели здесь лодку и в ней много вещей, принадлежавших монастырю. Эти вещи рыболовы впоследствии привезли в монастырь и рассказали здесь о явлении преподобных.

Некто, по имени Феодор, живший на берегу моря около реки Сумы, передал следующее:

«Случилось мне, – сказал он, – плыть по морю с товаром. Внезапно поднялась сильная буря; опустив якорь и став на месте, сильно смущенные, мы обратились с молитвою к Богу, призывая в то же время на помощь и преподобных Зосиму и Савватия. Я же, войдя внутрь корабля, задремал, и вдруг увидел двух старцев, благовидных лицом, стоявших на корабле и говоривших рулевому: «Поверни корабль к ветру носом». Тотчас проснувшись, я подошел к людям, выливавшим воду из корабля. Один из них, сильно уставший, задремал, а проснувшись, сказал мне: «Я видел сейчас двух старцев в корабле, беседовавших друг с другом, причем один из них сказал другому: «Постереги, брат, корабль этот, а я спешу в Соловки к обедне». Мы же, услышав это, удивились и возрадовались весьма, так как теперь начали надеяться на спасение от погибели. И действительно, вскоре буря прекратилась, наступила тишина и мы отправились в путь, славя и благодаря Бога и Его святых угодников».

Старец Филимон передал следующее:

«Когда я жил в пустыне в отшельничестве, на меня иногда нападало, по действу диавола, сильное уныние; причина же этого уныния следующая: один из братий положил у меня на сохранение свои деньги, двенадцать монет; спустя некоторое

время деньги те, неизвестно как, пропали. Брат тот, узнав об этом, весьма опечалился; опечалился и я и был скорбен несколько дней. Однажды после того как я окончил правило свое и, сев, задремал немного, в мою келью вошли два старца. Я сказал им: «Почему вы вошли сюда без молитвы?» Они же ответили мне: «Нет, мы совершили молитву; может быть ты не слыхал ее». Тогда я сказал им: «Сядьте, государи мои». Затем сказал: «Кто вы такие; не нашего ли монастыря старцы? Я не знаю вас». Один из них сказал мне: «Я называюсь Зосимой, а вот сей – Савватием. Не скорби, брат, о пропавшей у тебя вещи, потому что она найдется». Эти преподобные говорили мне и многое другое, утешая меня, и потом стали невидимы. Я же, проснувшись, уже никого не увидел, но скорбь моя прошла, и я ощутил на сердце у себя радость. Деньги же пропавшие нашлись на том самом месте, где они были положены. Утешился и я, и брат мой, и мы вместе воздали хвалу и благодарение Богу и преподобным отцам Зосиме и Савватию».

Много и других чудес совершено было сими преподобными отцами, начальниками обители Соловецкой; здесь же упомянутые да послужат к нашей душевной пользе и к прославлению угодников Божиих, а также к прославлению Господа нашего Иисуса Христа, с Отцем и Святым Духом прославляемого вечно. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Изволением Божественнаго разума вселился еси в пустыню, и тамо, вперив ум твой в Небесныя обители, равно Ангелом житие на земли пожив, в молитвах, и трудех, и пощениих образ был еси твоим учеником. Отонудуже Бог, видя твое благое изволение, умножи тебе чада в пустыни, слез твоих теченьми напаяемей. Но, яко имея дерзновение к Богу, поминай стадо, еже собрал еси, мудре, и не забуди якоже обещался еси, посещая чад твоих, Зосимо преподобне отче наш.

Кондак, глас 8:

Христовою любовию уязвися, преподобне, и Того Крест славный, на рамо взем, понесл еси, божественне вооружився, и непрестанныя молитвы, яко копие в руце имый, крепко ссекл

еси бесовская ополчения. Тем зовем ти: радуйся, преподобне отче Зосимо, монахов удобрение.

Память во святых отца нашего Агапита, папы Римского

Память 17 апреля

Святой Агапит, папа Римский[2608], был послан готским царем Теодорихом Великим[2609], владевшим тогда Италиею, в Константинополь к императору Юстиниану[2610] для переговоров о мире. Отправившись, он встретил на пути человека, страдавшего двумя недугами – немого языком и хромого ногами. Взяв его за руку, святой Агапит исцелил его от хромоты; причастив же его Святых Тайн Тела и Крови Христовых, разрешил язык его.

Пребывая в Константинополе, святой Агапит увидел там слепого, сидевшего у так называемых Золотых ворот и просившего милостыню. Сжалившись над ним, святой Агапит возложил ему на глаза свою правую руку, после чего слепой прозрел.

Во время пребывания святого Агапита в Константинополе здесь, по повелению императора Юстиниана, собрался Поместный собор[2611], на котором был низложен патриарх Анфим[2612], возведенный на патриарший престол незаконно, противно церковным правилам[2613]. На место низложенного Анфима был возведен некоторый пресвитер, по имени Мина, проводивший жизнь святую и строго подвижническую. Вместе с тем на этом же соборе была предана осуждению ересь Северова[2614].

Вскоре после этого святой Агапит преставился ко Господу[2615] и был погребен в Константинополе.

Память преподобного отца нашего Иоанна, ученика святого Григория Декаполита

Память 18 апреля

Мы знаем две страны с именем Декаполиса[2616]. Одна из них находилась в Палестине, близ Галилеи[2617]; о ней упоминает святой евангелист Матфей, говоря: «И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Мф.4:25).

Именем Декаполиса называлась еще одна небольшая страна, находившаяся в Исаврии[2618]. Из этого-то последнего исаврийского Декаполя и происходил преподобный Григорий, учитель сего преподобного Иоанна, память которого совершается в настоящий день. С юных лет отрекшись от этого мира и возлюбив Христа, преподобный Иоанн удалился к упомянутому своему учителю Григорию Декаполиту и, приняв от него пострижение в чин иноческий, подвизался вместе с ним, добродетельною жизнью своею угождая Богу. Он достиг такого смирения, послушания и вообще духовного совершенства, что за него радовался и прославлял Бога и сам учитель его святой Григорий.

Когда нечестивый император Лев Армянин[2619], возобновив иконоборческую ересь, воздвигнул гонение на Церковь Христову, то вместе со своим учителем Григорием и святым Иосифом Песнописцем прибыл в это время и сей преподобный Иоанн. Обходя город, они укрепляли православных, увещая их твердо хранить и мужественно исповедовать святую веру христианскую. Вскоре после этого Иосиф отправился в Рим[2620], но по дороге был схвачен еретиками и заключен в темницу в Крите[2621]. Преподобный же Григорий Декаполит скончался в Риме после удаления Иосифа[2622].

Пребывая в Византии, преподобный Иоанн подвизался, как и ранее, заботясь не только о своем спасении, но и о спасении других людей.

По прошествии нескольких лет, когда блаженный Иосиф, будучи освобожден из заключения, возвратился в Византию,

преподобный Иоанн уже отошел ко Господу[2623], дабы получить от Него награду за свои труды, и был похоронен руками Иосифа около гробницы отца своего именем также Иосифа. Затем тело его было перенесено в другое место, о чем так сообщается в житии святого Иосифа Песнописца:

– Войдя в город, – говорится здесь, – Иосиф не застал в живых своего любезного наставника, святого Григория Декаполита. Последний отошел уже ко Господу. Он видел только ученика Григория, блаженного Иоанна, а по Григорию долго плакал, потому что не сподобился еще раз свидеться с ним. Он пребывал около его гробницы вместе со святым Иоанном; но по прошествии некоторого времени отошел ко Господу и Иоанн, и Иосиф похоронил его близ гробницы святого Григория. После этого преподобный Иосиф переселился в другое уединенное и безмолвное место, находившееся за городом недалеко от церкви святого Иоанна Златоустого. Поселившись здесь, преподобный Иосиф создал церковь во имя святителя Христова Николая и в нее перенес мощи святых Григория и Иоанна.

Некоторые утверждают, что сей преподобный Иоанн, ученик святого Григория Декаполита, после преставления своего учителя удалился в Палестину и здесь подвизался в обители святого Харитона, где и почил о Господе. Но сие относится к другому святому с именем Иоанна, который действительно и подвизался в обители святого Харитона в то время, когда эта обитель находилась в цветущем состоянии[2624]. Воспоминаемый же ныне святой Иоанн жил спустя много лет после того Иоанна, в царствование императора иконоборца Льва Армянина, когда в Палестине не было уже и обители святого Харитона. Эта последняя была окончательно разорена магометанами в царствование Константина и Ирины[2625], живших за много лет до Льва Армянина; об этом разорении упоминается в повествовании о страдании преподобных отцов, избиенных в обители преподобного Саввы в суккийской обители святого Харитона, «Ветхой Лавре». Здесь сообщается, что в то время, когда произошло избиение отцов обители святого Саввы, была окончательно разорена и обитель святого Харитона, которая

после этого уже никогда не возобновлялась, но пришла в окончательное запустение; отсюда видно, как мог пребывать воспоминаемый ныне преподобный Иоанн в той окончательно разоренной и опустевшей обители Харитоновой и умереть в ней; к тому же в житии преподобного Иосифа Песнописца повествуется, что этот блаженный Иосиф своими руками предал погребению тело воспоминаемого ныне святого Иоанна в Византии и потом перенес его на другое, недалеко от первого, место.

Память святого Иоанна ветхопещерника совершается 19 апреля.

Память святых мучеников Виктора, Зотика, Зинона, Акиндина и Севериана

Память 18 апреля

В то время, когда нечестивый император Диоклетиан[2626] воздвиг на христиан жестокое гонение, был схвачен и подвергнут без милосердия мучением святой Георгий. Во время мучений силою Божиею святой Георгий творил дивные чудеса, видя которые многие из язычников уверовали во Христа. Но уверовавшие немедленно подвергались мучениям от рук нечестивых, причем одни из них отсылались в темницы, другие были сожигаемы огнем, третьи – усекаемы мечом. Из числа таковых-то и были сии святые мученики: Виктор, Зотик, Зинон, Акиндин и Севериан. Они, увидавши святого Георгия привязанным к колесу (которое должно было терзать его тело) и не потерпевшим от того никакого вреда, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, за что мучители немедленно и отсекли им головы[2627].

Страдание святого мученика Иоанна Нового

Память 18 апреля

Родиной блаженного Иоанна был город Иоаннина[2628], находившийся в греческой области, именовавшейся Эпиром[2629]. Некогда этот город был местом постоянного пребывания греческого царя Пирра[2630]. Родители святого Иоанна были благочестивые христиане. Оставшись после их смерти в юных летах сиротою, Иоанн пришел в Константинополь, с намерением трудами рук своих добывать себе здесь необходимые средства к жизни. Он имел здесь так же, как и прочие ремесленники и торговцы, место на общественной площади и таким образом содержал себя своим ремеслом, имея достаток во всем необходимом. Бог споспешествовал ему во всех делах его, так как он проводил добродетельную жизнь и строго исполнял закон Божий. Жителями Константинополя он был прозван «Эпиратом», так как был родом из Эпира.

В то время Константинополь уже находился под властью мусульман[2631], исповедывавших магометанскую веру. Многие и из христиан, соблазнившись магометанским нечестием, уклонялись в магометанство; в особенности же много было ремесленников и купцов, ранее исповедывавших христианскую веру, но потом перешедших в магометанство.

Истинному христианину, блаженному Иоанну, и пришлось жить среди таких-то людей. Со всех сторон его соседями по торговле были отвергнувшиеся от Христа и присоединившиеся к магометанству отступники; Иоанн часто открыто с ними препирался, изобличая их отступничество, так как это был юноша разумный, смелый в речах, говоривший за истину без страха. За всё это соседи Иоанна стали ненавидеть его. Они были недовольны также и тем, что видели преуспеяние в торговых делах святого. Так как Иоанн приобретал всё более и более успеха в делах торговых, то прочие торговцы и ремесленники стали ему завидовать и начали замышлять, какое бы возвести на него обвинение, дабы погубить его. Блаженный

же Иоанн, видя замышляемые против него козни, не устрашился их, но еще сильнее, всею душою, возжелал пострадать за истину Христову.

И вот, отправившись однажды в Великую пятницу[2632] к своему духовному отцу – Константинопольскому протопресвитеру, он исповедал ему свои грехи, а также сообщил ему о вражде злобствовавших на него и искавших его погибели соседей, передал также и о своем желании пострадать за Христа и просил от духовного отца своего полезного совета и утешения. Видя молодые годы святого, протопресвитер не советовал ему отдаваться на мучение, сказав ему:

– Чадо, исследуй прежде внимательно, не внушен ли тебе диаволом таковой помысл: ведь диавол многих людей возбуждал к мученичеству, намереваясь предать их на посрамление всему миру, после того как они не в состоянии были перенести мучений и отпадали от веры.

Святой же Иоанн отвечал ему:

– Я надеюсь на Христа моего и твердо верую, что Он не отдаст меня на поругание врагам моим, но укрепит меня Своею силою, дабы я был в состоянии победить силу вражью.

– Чадо, – сказал на это протопресвитер, – в слове Божием сказано: «дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41). То дело, на которое ты идешь, требует большого приготовления, требует непрестанного поста и молитв; когда ты очистишься подвигами поста и молитвы от всякого греха, тогда Бог Сам скажет тебе, как поступать тебе, ибо Бог обычно вселяется в чистых душах. Итак, возлюбленный, внимай себе и иди с миром, а я буду молить Бога, дабы Он сохранил тебя от всех твоих видимых и невидимых врагов – от людей и бесов, и дал бы тебе победу над ними.

Сказав это, протопресвитер с миром отпустил юношу.

На следующий же день утром блаженный Иоанн снова со светлым лицом и радостным духом явился к своему отцу духовному и сказал ему:

– Честный отче! В минувшую ночь я видел себя во сне стоящим посреди пламени, и не опаляемым, но веселящимся и ликующим, подобно трем отрокам в вавилонской печи (См.:

Дан.3). Итак, я надеюсь, что замышляемое мною дело с помощью Всевышнего дойдет до благополучного окончания. Я умоляю и тебя, честный отче: подкрепи меня своими молитвами!

Отец духовный на это сказал ему:

– Да укрепит тебя, чадо, Бог победить адского волка, – я разумею невидимого змия, – и да сподобит Он тебя увенчаться мученическим венцом.

Укрепив многими и другими ласковыми речами юношу на его подвиг, протопресвитер отпустил его, обещая молиться за него Богу.

Когда блаженный Иоанн пришел на рынок к своей лавке, то ненавистники его, наперед составивши план его погибели, стали говорить друг к другу:

– Этот человек не тот ли самый, который открыто отвергся Христа в Трикке[2633]; для чего же он здесь держит себя как истинный христианин?

Услыхавши эти слова, юноша грозно посмотрел на говоривших и спросил их:

– О мне ли вы говорите или, может быть, о ком-либо другом?

– О тебе, – отвечали они, – а не о ком другом, и разве не правду мы говорим?

– Со мною никогда не было и не будет того, – отвечал святой, – чтобы я отрекся от Христа Бога моего, в Трикке ли, в другом ли каком-либо месте. Я живу и всегда буду жить для Христа, Бога моего, и готов всегда умереть за Него.

Придя в сильную ярость от таких слов святого, враги его быстро устремились к нему, как бы готовые сейчас же умертвить его, и тотчас же повлекли его к судилищу. Святой юноша шел поспешно, сияя лицом своим, как бы отправляясь на пир. Когда святой был приведен пред судилище, то враги его явились здесь и клеветниками, и свидетелями, и судиями святого. Они обвиняли его единственно в том, что он в фессалийском городе Трикке будто бы открыто отвергся Христа и принял магометанскую веру, а пришедши в Константинополь, снова притворяется христианином и хулит магометан. Начиная

допрос, враги святого прежде всего стали выказывать притворное и лицемерное сострадание к нему, как бы жалея его, и стали ласково увещевать его отречься от Христа. Затем, увидавши, что он стоит непоколебимо в христианской вере, они стали устрашать его к отречению от христианства угрозами, но не достигнув ничего и этим путем, стали немилосердно бить его, после чего ввергли его в темницу, намереваясь держать его здесь до тех пор, пока не решат, что делать с ним далее.

На другой день утром, выведя святого из темницы, нечестивые судьи его стали его спрашивать, не решил ли он отречься от Христа и принять их веру. Но увидав, что он по-прежнему непреклонно исповедует христианство, они снова начали бить его без пощады толстыми палками. Святой же, как твердый адамант, молчаливо претерпевал наносимые ему побои, как будто били не его, а кого-то другого. Он только тихо молился Богу, говоря:

– Я ни за что в мире не отрекусь от своей веры; никогда не будет со мною того, дабы я стал веровать по-иному, а не так, как это прилично христианину; никогда не будет того, чтобы я был обольщен ласками или побежден мучениями. Делайте со мною, что хотите, дабы скорее я перешел от сей кратковременной жизни к жизни вечной. Как Христов раб, я следую за Христом и за Христа умираю, дабы жить с Ним вовеки.

Неправедные судьи повелели снова бросить святого в темницу. Мученика теперь уже не вели, но влекли по земле, рвали его за волосы, ударяли по щекам и попирали ногами. Наконец, он снова был заключен в узы.

На другой день святой был снова выведен на суд, но так как он дерзновенно продолжал говорить то же самое, что и раньше, то его опять начали бить без милости. В то время когда его били, мученик радостно воспевал церковную песнь «Христос воскресе из мертвых!»[2634] и прочее, ибо тогда были дни Пасхи. Всё тело святого было изъязвлено ранами, и земля около него обагрилась кровью. Между тем святой мученик как бы не своим телом терпел страдание, но во время мучений то пел, то обращался к своим мучителям со словами:

– Бейте, бейте меня, из всех сил ваших, бейте и насколько можете увеличивайте побои: но тем не менее вы никогда не будете в состоянии отвратить меня от Христа моего и соделать своим единомышленником.

После этого, устыдившись, мучители снова ввергнули мученика в темницу и здесь мучили его в продолжении нескольких дней голодом и жаждою, потом снова вывели его из темницы и, видя, что он, несмотря на все мучения, не изменяет вере Христовой, осудили его на сожжение.

Когда святой, закованный железными цепями, был веден на смерть, «как овца на заклание» (Ис.53:7), то во время пути мучители его били его руками, ударяя по лицу, и оскорбляли его бранными словами; но некоторые из бывших здесь выражали ему свое соболезнование и просили его не губить свою юность. Но Христов мученик шел на смерть с великим торжеством, как бы готовясь получить какие-либо великие почести.

Наконец святой Иоанн дошел до места, где был разложен мучителями большой костер. Святой, не дожидаясь, пока его бросят на костер, мужественно сам вошел на него и стал в самое пламя. Тогда мучители, ухватив конец цепи, которою был скован святой Иоанн, вытащили его из пламени. Святой же мученик сказал мучителям:

– Зачем вы не даете мне сгореть в пламени? Зачем препятствуете тому, чтобы я стал благоугодною для Христа жертвою?

Тогда судьи, хотя и знали, что смерть путем сожжения огнем весьма мучительна, но как святой сам сильно желал такой смерти, то переменили свое решение и осудили святого на смерть не через сожжение, а через усекновение мечом. Они приказали палачу отсечь голову непобедимому юноше, а затем бросить отрубленную голову вместе с туловищем в костер. Таким образом святой новый мученик Христов Иоанн-Эпират восприял в восемнадцатый день месяца апреля[2635] венец мученический.

Несмотря на то, что тело святого было сожжено на костре, верующие нашли некоторые части его костей, уцелевшие от огня; взявши их, они с благоговением хранили их у себя,

прославляя Христа Бога нашего, восхваляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Память святого отца нашего Космы Исповедника, епископа Халкидонского, и преподобного Авксентия

Память 18 апреля

Святитель и исповедник Христов Космa происходил из города Константинополя[2636]. С юных лет возлюбив Христа, он оставил этот суетный мир и постригся в монахи. Проводя строго подвижническую жизнь и достигнув совершенства во многих добродетелях, святой Космa сделался обителью Святого Духа.

Впоследствии святой Космa был назначен епископом в город Халкидон[2637]. В сане епископа он усердно защищал православное учение, которое гонимо было в это время еретиками-иконоборцами.

Еретики-иконоборцы неоднократно принуждали святого не поклоняться святым иконам. Но он мужественно защищал православное учение и не подчинялся еретикам.

За свою твердость в Православии святой перенес много мучений от гонителей и был сослан в заточение. Вызванный из заточения и снова понуждаемый к непочитанию икон, святой Космa вновь оказал твердость в Православии. За это он был опять подвергнут многочисленным мучениям и огорчениям, которые разделял с ним и преподобный Авксентий[2638]. Среди этих огорчений святой Космa и принял блаженную кончину[2639].

Память преподобного отца нашего Иоанна Ветхопещерника

Память 19 апреля

Именем «Ветхой лавры» называлась обитель преподобного Харитона, находившаяся в палестинской пустыне близ Иерусалима. Она называлась «Ветхой лаврой» потому, что устроена была святым Харитоном прежде других лавр, как о том подробно написано в житии его[2640]. В этой-то Ветхой Харитоновой Лавре и подвизался в постничестве воспоминаемый ныне преподобный Иоанн. Горя с юных лет любовью ко Господу, святой Иоанн прилепился к Богу всею своею душою, согласно с написанным в Священном Писании: «А мне благо приближаться к Богу!» (Пс. 72:28). Презревши суетную мирскую жизнь, святой Иоанн удалился из отечества и, приняв на себя крест иноческой жизни, странствовал по разным местам во имя Господа, Который, со дня Своего рождения и до самой смерти, «не имел, где главы подклонить» (Мф. 8:20).

Достигнув святых мест Иерусалимских, святой Иоанн поклонился живоносному Гробу Господню, потом пришел в вышеупомянутую лавру блаженного Харитона, где за свою добродетельную жизнь удостоен был священного сана иерея. Обуздывая плотские страсти великим воздержанием, святой Иоанн явился и здесь подражателем великих древних постников: всенощными бдениями и непрестанным памятованием о смерти святой достиг совершенного умерщвления своей плоти и был как бы Ангелом во плоти.

Прожив довольно много лет и всё время благоугождая Богу, святой преставился ко Господу[2641]. На руках святых бесплотных Ангелов душа его была отнесена в вечные обители небесные.

Святой Иоанн называется «ветхопещерником», вместо «ветхолаврата» потому, что Ветхая Лавра преподобного Харитона первоначально находилась в разбойнической пещере. В эту пещеру был заключен разбойниками преподобный Харитон. Но после того как разбойники, выпив вина отравленного ядом змии, умерли, преподобный Харитон

освободился от них. Найдя в пещере много золота, награбленного разбойниками, преподобный Харитон устроил при пещере церковь; когда же собрались к нему братия, то устроил над пещерой и обитель. А так как преподобный Иоанн проживал в той древней пещере, совершая богослужение в пещерной церкви, то поэтому он и был прозван «ветхопещерником».

Память святых мучеников Христофора, Феоны и Антонина

Память 19 апреля

Воспоминаемые ныне святые мученики Христофор, Феона и Антонин были воинами-копьеносцами царя Диоклетиана[2642]. Однажды, присутствуя при мучениях святого великомученика Георгия и увидав совершаемые святым Георгием чудеса, они бросили с себя оружие и свои воинские пояса[2643] и, став пред царем, мужественно исповедали свою веру во Христа. За это, по приказанию императора, они были скованы цепями и заключены в темницу.

На другой день они были выведены из темницы и приведены пред судилище нечестивого императора, который и принуждал их отречься от Христа. Когда же святые мученики не повиновались мучителю, но открыто прославляли Бога истинного, то мучитель приказал повесить тела их, строгать их железными орудиями и жечь огнем. Но когда и после этого святые мученики остались непреклонными, то император повелел сжечь их на огне.

Так окончили свои страдания за Христа сии святые мученики[2644].

Память преподобного отца нашего Георгия Исповедника, епископа Антиохии Писидийской

Память 19 апреля

Исповедник Христов, преподобный Георгий, жил во времена иконоборчества. Возлюбивши с юности Христа, он постригся в иноческий образ и, благодаря своей благочестивой жизни и многим трудам и подвигам, соделался обителью и вместилищем Святого Духа. Он был назначен епископом Антиохии Писидийской[2645] и в этом сане усердно руководствовал вверенным его водительству стадом. Когда же по внушением диавола усилилась ересь иконоборческая и, по приглашению императора, все епископы спешили собраться в Константинополь, тогда и сей святитель, придя туда же, мужественно стоял за Православие и советовал царю повиноваться соборным церковным постановлениям, преданным нам святыми отцами, наставниками Православия, и увещевал подражать их вере, «учениями различными и чуждыми» (Евр. 13:9) не совращаться, по заповеди святого Апостола Павла. Его и самого принуждали отречься от поклонения святым иконам, но он не повиновался нечестивым иконоборцам, за что был отрешен от епископства и сослан в заточение, где и окончил жизнь свою[2646].

Память преподобного отца нашего Трифона, патриарха Константинопольского

Память 19 апреля

Византийский император Роман[2647], тесть императора Константина Багрянородного[2648], имея младшего сына по имени Феофилакта, которого он обещал, как только тот родился, посвятить в духовный сан, восхотел сделать его патриархом Константинопольским по случаю смерти тогдашнего патриарха Стефана[2649]. Но так как Феофилакт был еще тогда молодым юношей, имевшим от роду всего только шестнадцать лет, и по церковным правилам не мог принять на себя такой сан, то на время был избран местоблюстителем и правителем патриаршего престола монах Трифон[2650], который должен был управлять патриаршим престолом до тех только пор, пока сын царя, Феофилакт, не достигнет возраста, дававшего ему право на замещение святительского престола.

Быстро возводимый по иерархическим степеням, монах Трифон был посвящен во епископа и принял патриаршее управление, будучи человеком поистине достойным такового сана, так как проводил непорочную жизнь. Управляя патриаршеством не много более трех лет, он при следующих обстоятельствах был отрешен от сего управления.

Когда Феофилакту исполнилось всего только еще двадцать лет, император Роман стал добиваться, чтобы Трифон уступил патриарший престол его сыну. Но блаженный Трифон не считал возможным уступить молодому и неопытному юноше таковой высокий сан, которого мог быть удостоен только муж совершеннейший и летами, и разумом, хорошо знающий Божественное Писание и вообще способный как должно управлять кормилом Церкви.

Тогда император Роман весьма опечалился, не зная, как поступить, так как он не имел ни одного обвинения на Трифона, по которому можно было бы устранить его с патриаршего престола, тем более что преподобный Трифон был человеком

святой, безукоризненной жизни. При таких обстоятельствах друг императора, кесарийский епископ Феофан, человек коварный, сказал императору:

– Царь, поручи мне это дело, и я отлично устрою его согласно твоему царскому желанию.

Царь весьма обрадовался предложению Феофана и стал просить его поскорее окончить дело, за какое он взялся.

Отправившись к святому Трифону, Феофан вступил с ним в беседу, лицемерно притворяясь преданным ему человеком. Он говорил ему следующее:

– Владыка, император замышляет против тебя великие козни: он со своими единомышленниками ищет повода и предлога, чтобы низложить тебя с престола патриаршего. Впрочем, несмотря на все свои хлопоты, они едва ли достигнут чего-либо, так как они выставляют против тебя такое обвинение, в котором ты неповинен. Так, они говорят, что ты будто бы человек неграмотный и совершенно не умеешь писать; и поэтому они считают тебя недостойным патриаршества. Ввиду этого позаботься заблаговременно посрамить их и заградить их уста, дабы они умолкли. Если ты хочешь меня послушать, то поступи так. В присутствии всего собора напиши на чистой бумаге твое имя и патриарший титул и отошли написанное императору, дабы были посрамлены клеветники твои, говорящие, что будто бы ты не умеешь писать.

Блаженный Трифон, будучи незлобив, не понял коварства Феофанова и полагал, что совет его хорош, почему и исполнил его. Когда начались заседания собора, патриарх обратился ко всем со следующею речью:

– Служители алтаря Божия напрасно отыскивают против меня обвинения, те, кои желают свергнуть меня с престола. Я уповаю на Бога моего, что они ничего не найдут против меня такого, за что меня можно было бы лишить вверенного мне Богом престола, если даже и усиленно будут добиваться этого. Между прочим они выставили против меня то ложное обвинение, что будто бы я неграмотен и совершенно не умею писать. Вот я в присутствии всех вас пишу эти строки, дабы клеветники мои постыдились и перестали на меня лгать.

Сказавши это, блаженный Трифон взял чистую бумагу и на глазах всех написал на ней следующее:

– Трифон, милостью Божиею архиепископ Константинополя, Нового Рима, вселенский патриарх.

Полученная затем бумага была передана императору. Император, по совету вышеупомянутого Феофана, епископа кессарийского, приказал на ней другой рукой приписать следующие слова:

– Я уступаю патриаршее место не по другой какой-либо причине, а единственно лишь потому, что считаю себя недостойным сего сана.

Приписав эти слова, император приказал прочитать сию бумагу в присутствии князей, бояр и всех должностных лиц. Затем, при помощи своих единомышленников, он насильственно вывел святейшего патриарха Трифона из патриаршего дворца и приказал назначить на патриарший престол своего сына Феофилакта. Вследствие этого в Церкви начались большие смуты и нестроения, потому что многие из служителей Церкви продолжали считать патриархом Трифона, а не Феофилакта.

Между тем блаженный Трифон, терпеливо перенесши такое поругание над собой, удалился в тот монастырь, где он пребывал до назначения на патриарший престол, и, проживши здесь два года и пять месяцев, преставился ко Господу[2651]. Его честное тело было перенесено в Великую престольную церковь, где и было положено при гробнице патриархов.

После его смерти смуты и нестроение церковные прекратились, ибо после преставления святого Трифона все согласились с избранием на патриаршество Феофилакта и присоединились к общению с ним[2652]. Память же святого Трифона почтили, славя и благодаря Бога.

Память преподобного Никифора

Память 19 апреля

Великий отец наш блаженный Никифор был родом из города Константинополя. Родители его, Андрей и Феодора, были люди знатные и весьма богатые. Они научили своего сына страху Божию. После их кончины Никифор, познав суету мира, почувствовал в себе желание посвятить себя на служение Богу. Поэтому, раздав всё свое наследство бедным, он удалился из Константинополя в Халкидон[2653]. Тут он зашел в монастырь святого Андрея и, увидев совершенную жизнь подвижников, решился остаться на жительство с ними. Вскоре после этого игумен монастыря послал его на Финикийский остров, где находился монастырь Пресвятой Богородицы, с тем чтобы он был там игуменом и пас стадо Христово. Прибывши на остров, преподобный множеством чудес обратил к вере во Христа живших там язычников, разрушил их капища и построил вместо них церкви. Своею постническою жизнью он превзошел всех. Прожив в монастыре тридцать три года и почувствовав близость своего отшествия ко Господу, он сообщил об этом братии и поставил вместо себя игуменом благочестивого инока, Иосифа, а сам поспешил отправиться в Халкидон. Севши на корабль, он занемог и сказал корабельщикам:

– Будьте мужественны и спокойны, ибо я отхожу ко Господу. Довезите тело мое в Халкидон.

С этими словами святой скончался. При попутном ветре корабль скоро приплыл в Халкидон, и корабельщики положили тело преподобного во гроб и с честью похоронили его.

Память преподобного отца нашего Анастасия, игумена Синайской горы

Память 20 апреля

Святой Анастасий был воспитан еще с самой юности своей в великом благочестии, что видно из следующих им самим сказанных слов:

– Видевшие Христа во плоти считали Его за пророка; но мы, хотя и не видали Его телесными очами, тем не менее с ранних лет, будучи еще младенцами и отроками, всегда признавали Его за Бога, всесильного Владыку, Создателя веков и научились исповедовать Его как сияние славы Отчей. Святое же Его Евангелие мы выслушиваем с такою любовью, как будто видим пред собою Самого, обращающегося к нам, Христа; принимая же непорочную жемчужину пречистого Тела Его, веруем, что принимаем Самого Христа. А когда видим на иконе только лишь изображение Его, то поклоняемся, припадаем и почитаем Его, как бы видя Его Самого, взирающего на нас с небес.

Из этих слов преподобного Анастасия ясно видно, что он с самого детства своего научен был познавать Христа Бога истинного, веровать в Него, бояться Его непритворным страхом, всем сердцем любить Его и почитать Его приличествующим Ему поклонением.

Достигнувши совершеннолетнего возраста, святой Анастасий оставил мир и, взявши по Евангельской заповеди крест (Мф.16:24), самоотверженно последовал за Христом. Удалившись в монастырь, Анастасий принял здесь монашество. Но желая достигнуть возможно высших подвигов добродетели и стремясь подражать совершенным в добродетели мужам, святой Анастасий отправился в Иерусалим и поселился на Синайской горе, где подвизался вместе со многими святыми мужами, преуспевавшими в подвигах иноческого жития.

В это время игуменом Синайской горы был преподобный Иоанн Лествичник[2654]. За свое смиренномудрие он получил от Бога дар духовного разумения и премудрости. Он составил

много душеполезных бесед, написал житие некоторых святых отцов и сподобился получения пресвитерского сана.

После святого Иоанна Лествичника и брата его Георгия святой Анастасий был игуменом Синайской горы. Он весьма много потрудился в обличении еретиков, называвшихся акефалами[2655], т. е. безглавыми, много писал против них и, состязуясь с ними, обличал и посрамлял их. Ересь акефалов зародилась в Александрии[2656] в правление императора Зенона[2657]; основателями ее были лица, враждебные и противившиеся четвертому Вселенскому собору святых отцев[2658], происходившему в Халкидоне[2659]. Во время зарождения сей ереси в Александрии был лжепатриарх еретик Петр, по прозванию Могос[2660]. К той же ереси акефалов потом присоединился Севир, получивший прозвание «Безглавый», за принадлежность к ереси безглавых; это тот самый Севир, который в правление императора Анастасия[2661] завладел престолом антиохийского патриаршества[2662].

Всех этих еретиков и поражал святой Анастасий, причем он боролся с ними не только на горе Синайской, но, кроме того, он сам обходил Сирию, Аравию и Египет, повсюду искореняя и изгоняя сию ересь и утверждая Церковь Христову. Много послужив Господу таким образом, преподобный Анастасий отошел ко Господу в глубокой старости. Кончина его последовала в царствование императора Ираклия[2663].

Следует заметить, что было два Анастасия с одним и тем же прозванием «Синаита». Первый – старший годами и саном Антиохийский патриарх, претерпевший неповинно изгнание от императора Иустина, а другой – сейчас упомянутый, живший несколько позднее того и бывший игуменом Синайской горы.

Память святого Анастасия Синаита, патриарха Антиохийского

Память 20 апреля

На тридцать пятом году царствования императора Юстиниана Великого[2664], после кончины антиохийского патриарха Домна Младшего[2665], на патриарший престол вступил Анастасий, по прозванию Синаит, потому что он был взят на святительскую кафедру с Синайской горы.

В это время в Церкви начинались смуты, по поводу неблагочестивого мудрствования некоторых лиц относительно Божественной Христовой плоти, именно, – что будто бы во время пребывания Спасителя среди людей, до вольных страданий Его плоть не испытывала страданий, не подчинялась природным потребностям и будто бы Господь наш Иисус Христос принимал пищу и питье прежде Своих страданий и воскресение таким же образом, как он вкушал, являясь Своим Апостолам после воскресения[2666]. Сие нечестивое мудрствование зародилось в Константинополе. Подробно об этом написано в житии святого Евтихия, патриарха Константинопольского[2667]. К этому еретическому мудрствованию сначала присоединился и соблазненный еретиками император Юстиниан (но потом он оставил эту ересь), который и хотел возвести это еретическое учение в догмат веры. Вследствие этого произошло в Церкви большое смятение, так что был низложен с патриаршего престола и святой патриарх Евтихий, воспротивившийся ереси.

Все колебавшиеся, по незнанию, – принять это учение или нет, ждали совета и указание от патриарха Антиохийского Анастасия Синаита, так как святой Анастасий был муж весьма сведущий в Божественном Писании, стойкий в исповедании православной веры и святой по жизни. Еретики приложили все усилия, чтобы склонить святого Анастасия на свою сторону, в надежде, что если он склонится к их учению, то все православные последуют его примеру. С этою целью они обращались за помощью к царю, но впрочем успеха не имели,

так как святой Анастасий письменно обличил царя в его заблуждении. Он посылал также свои пастырские послания и во все Сирийские области к духовенству и мирянам, поучая всех оберегаться от означенной ереси. Кроме того, в Антиохии он ежедневно поучал в церкви, повторяя это Апостольское наставление: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:8).

Узнав обо всем этом, император Юстиниан разгневался на святейшего патриарха Анастасия и восхотел низвергнуть его с престола, как и Константинопольского патриарха Евтихия, но вдруг почувствовал приближение своей смерти и оставил свое намерение.

Умирая, царь покаялся в ереси и написал в завещании, чтобы святой патриарх Евтихий был возвращен из заточения на свою кафедру. Таким образом Юстиниан умер в раскаянии и был сопричтен к благочестивым царям; в Церкви же снова водворился мир.

По смерти Юстиниана управление государством принял на себя его племянник, Иустин Младший[2668]. По наущению еретиков последний низложил с престола Антиохийского архиерея Божия Анастасия Синаита, взведя на него несправедливые обвинения. Так, святого Анастасия обвиняли прежде всего в том, будто бы он не берег церковных денег и тратил их понапрасну; затем, в том, будто он злословил царя, выразившись о нем на обращенный к нему вопрос: почему он не щадит церковного имущества, так: «Потому, чтобы последнего не отнял всемирный губитель Иустин». Находились еще говорившие, что когда Анастасий был возводим на Антиохийский престол, в то время Иустин, заведывавший у своего дяди Юстиниана царскими палатами, ждал от Анастасия подарка золотом, так как был алчным сребролюбцем. Но святой Анастасий не дал ему ничего, справедливо рассуждая, что нехорошо давать золото за получение духовного сана, не за золото приобретаемого, но подаваемого благодатью Святого Духа. С того времени Иустин стал гневаться на Анастасия. Когда же он по смерти своего дяди принял управление

государством, то стал искать обвинений против ни в чем не повинного святителя Анастасия и, воспользовавшись ложными обвинениями, низвергнул его с престола.

После низвержения Анастасия на Антиохийский патриарший престол был назначен против его воли игумен Фаранской лавры Григорий[2669], муж также преукрашенный благочестием, с похвалою воспоминаемый в Лимонаре святейшего патриарха Иерусалимского Софрония. По смерти сего Григория блаженный Анастасий Синаит, после двадцатитрехлетнего своего пребывания в изгнании в царствование императора Маврикия[2670], снова был возвращен на Антиохийский патриарший престол[2671]. В то время папою в Риме был святой Григорий Великий, по прозванию Двоеслов, или Собеседник[2672]. Сей святой пребывал в искреннейшем духовном общении с сим блаженным Анастасием, находясь с ним в переписке. Когда святой папа Григорий услыхал, что Анастасий возвратился к своему престолу, то немедленно, сорадуясь его возвращению, послал к нему послание, в котором писал ему следующее:

«Слава на небесах Богу, на земли же да будет мир и радость, так как обширная река, некогда оставившая сухою антиохийскую каменистую почву, ныне снова возвратилась в свое русло и напаяет собою омываемые ею долины».

В другом письме он снова говорит:

«Ты сообщаешь мне, святой отец, что если бы было возможно, то ты желал бы вести со мною беседу без бумаги и пера и соболезнуешь, что сему препятствует слишком большое расстояние между Востоком и Западом. Но я говорю правду, что и на бумаге со мною мысль твоя ведет собеседование – как бы без бумаги. Из слов твоей беседы я вижу твою любовь ко мне, и мы, соединенные по благодати всесильного Бога союзом любви, – не разделены расстоянием. К чему ты желаешь иметь позолоченые голубиные крылья, которые ты уже имеешь? Ибо сии крылья суть любовь к Богу и ближнему. На этих крыльях возлетает святая Церковь, ими она превосходит все земное. Если бы ты, святой отец, не имел этих крыльев, то не прилетел бы ко мне с такою любовью в письме. Итак, умоляю тебя, молись о мне немощном, дабы твоими молитвами Господь

скорее освободил бы меня от столь великих (причиняемых Риму лангобардами[2673]) бедствий и волнений и привел бы к пристанищу вечного покоя. Я с благодарностью принял твои добрые благопожелания, которые ты, человек Божий, будучи смирен духом, выражал мне и относительно которых ты говоришь: «Что в состоянии отдать нищий кроме того, что принадлежит нищему?» Но если бы ты не соделал себя нищим духом, то не были бы столь щедрыми твои благословения. Всесильный Бог да защитит тебя Своим покровом от всякого зла. И так как твоя жизнь весьма важна для всех добрых людей, то по прошествии лишь многих лет да переселит тебя Всевышний в вечные обители отечества небесного».

Из этого послания святого Григория, папы Римского, к блаженному Анастасию, патриарху Антиохийскому, становится очевидною взаимная во Святом Духе любовь их обоих, и вместе с тем в этом послании свидетельствуется благочестие и святость жизни Анастасия.

Блаженный Анастасий, проживши шесть лет после своего возвращения на престол, преставился ко Господу на четырнадцатом году царствования императора Маврикия.

После этого святого Анастасия Синаита на патриаршество вступил другой Анастасий, но уже без этого наименования Синаит[2674]. Последний был убит иудеями в царствование императора, гонителя христиан, Фоки[2675] и был почитаем верующими как Христов мученик.

Следует заметить, что было два Анастасия с наименованием «Синаита». Первый – Антиохийский патриарх, преставившийся в царствование императора Маврикия, а другой, празднуемый ныне же, был игуменом горы Синайской и скончался в царствование императора Ираклия[2676], который был преемником гонителя Фоки, убившего Маврикия. В те времена были также и другие преподобные отцы с именем Анастасий, прославившиеся добродетельною жизнью, но не Синаиты, как сей Анастасий, который, вступивши на престол патриарший в Антиохии после Анастасия Синаита, был убит иудеями. Кроме того, в Лимонаре в главах 48-й и 49-й

упоминается авва Анастасий, бывший в Иерусалиме ключарем живоносного Гроба и церкви Воскресения Христа Бога нашего.

Память святого Григория, патриарха Антиохийского

Память 20 апреля

Преподобный Григорий был игуменом монастыря, называвшегося Фаран и находившегося между Синайской горой и Раифом. По особому Божию промышлению он чудесным образом был предуказан Богом как человек, достойный патриаршего престола. Об этом так повествуется в Лимонаре святейшего Софрония, патриарха Иерусалимского.

Авва Георгий армянин, ученик аввы Сергия, сообщил нам следующее: «Так как авва Григорий, бывший игуменом лавры Фарана, неоднократно просил меня привести его к авве Сергию, то я отправился с ним к старцу, пребывавшему в то время в пустыне около Мертвого моря[2677]. Старец, увидев его, приветствовал его и принял весьма любезно. Он принес воды, омыл ему ноги и весь день беседовал с ним о спасении души, а на другой день отпустил его. Когда авва Григорий удалился от аввы Сергия, я спросил старца:

– Знаешь ли ты, отче, что я соблазнился; потому что многих епископов, пресвитеров, и иных отцов приводил я к тебе и ты никому из них не умыл ног, только авве Григорию?

На эти слова старец отвечал мне:

– Я не знаю, кто такой Григорий, но знаю, что я принял патриарха в мою пещеру, ибо я видел, что он носит омофор[2678] и держит в руках Евангелие.

Это авва Сергий говорил об авве Григории в пророческом духе, потому что по прошествии пяти лет, по судьбам Божиим, авва Григорий был поставлен патриархом в городе Антиохии»[2679].

О авве Григории, патриархе Антиохии, некоторые из старцев передавали, что он имел в особенности следующие добродетели: милостыню, непамятозлобие, покаяние, смирение. Он имел также и большое сострадание к согрешающим, приобрел и многие другие добродетели.

Святейший Софроний, патриарх Иерусалимский, дает о нем такое свидетельство:

– Такой муж, как Антиохийский патриарх, блаженный Григорий, достоин сопричисления к лику святых и преподобных: он против воли был взят на патриаршество и проводил святую жизнь о Христе Господе нашем, Ему же слава вовеки. Аминь.

Память преподобного отца нашего Феодора Трихины

Память 20 апреля

Преподобный Феодор Трихина, т. е. власяничник[2680], был сыном богатых родителей и происходил из города Константинополя. Оставивши для Бога родителей, и богатство, и славу, он удалился из отечества и принял монашество в одном пустынном монастыре.

Здесь он проводил столь строгий образ жизни, что весьма истощил плоть свою, так что по лицу сделался похожим на мертвеца. В течение целых ночей он стоял на молитве и, несмотря на холод и мороз, никогда не покрывал своей головы и носил только одну колючую волосяную одежду, за что и был прозван, как сказано, власяничником, или трихиною. Затем его же именем стал называться и тот монастырь, в котором святой проводил свою суровую жизнь. За свои подвиги святой Феодор получил от Бога власть над бесами и, сотворив много чудес, с миром отошел к Господу[2681]. Он совершал чудеса не только при своей жизни, но и после своего преставления, ибо от его святых мощей истекало благовонное целебное миро, которым во славу Христа Бога нашего излечивались многие болезни и изгонялись нечистые духи.

Страдания святого священномученика Ианнуария

Память 21 апреля

В то время как нечестивые императоры Диоклетиан и Максимиан[2682] яростно преследовали христиан, был схвачен и представлен для допроса к правителю Кампании[2683] Тимофею епископ Ианнуарий. Когда военачальник увидал, что Ианнуарий, принуждаемый различными способами к поклонению идолам, – то обольщаемый ласками, то устрашаемый угрозами, – остается непоколебимым в христианской вере, то приказал ввергнуть его в раскаленную печь для сожжения. Но святой, подобно трем отрокам в пещи Вавилонской (см.: Дан. 3), оставался невредимым от опаления огнем, так как к нему сошел Ангел Божий, уничтоживший силу огня, и святой ликовал среди огня, воспевая и славословя Бога.

Когда же он вышел из печи, то все заметили, что огонь не коснулся даже и одежды его, и весьма удивлялись этому. Военачальник же, полагая, что христианский епископ вышел невредимым из огня, будучи охраняем какой-то волшебной силой, исполнился сильнейшего гнева на святого и приказал растянуть его на мучительском станке столь крепко, что даже члены тела его отделялись от своих суставов, и затем приказал святого бить без милости до тех пор, пока не истерзалось всё тело его и не были видны обнаженные кости его, земля же около него обагрилась кровью.

На сие страшное зрелище пришли два клирика – диакон Фест и чтец Дизидерий, которые, стоя в толпе народа, с благоговением взирали на страдание своего епископа. А так как они то радовались в душе по поводу обнаруживаемого мучеником терпения, то плакали по поводу причиняемых ему жестоких страданий, то язычники по этим признакам догадались, что они были христианами. Тогда нечестивые схватили их обоих и, связавши, вместе со святым мучеником епископом Ианнуарием, повели вслед за военачальником в город Путеолы[2684], где бросили их в темницу.

В этой же темнице находились заключенные сюда за исповедание Христа Прокл и Соссий – диаконы города Путеолы и два мирянина – Евтихий и Акутион, осужденные на растерзание зверями.

С наступлением дня они все вместе с епископом были выведены на площадь и отданы зверям. Прославляющийся же среди Своих святых Бог заградил уста зверям, подобно тому, как некогда заградил уста львам во рву, в который был брошен Даниил (Дан.6). Ни один из зверей тех не прикоснулся к святым мученикам, но все, на время изменивши свою природную свирепость на овечью кротость, подошли к святому епископу Ианнуарию и припали к ногам его. Это необычайное происшествие привело в изумление и ужас всех бывших там людей. Между тем военачальник, приписывая и это мнимой волшебной силе христиан, обдумывал, каким бы способом предать смерти святителя Божия и всех тех, которые находились с ним.

В то время как он, слепотствовавший духовными очами, размышлял об этом, то внезапно лишился и телесного зрения и почувствовал нужду в проводнике, ощупывая стены. Когда же святитель и мученик Христов Ианнуарий по своему незлобию помолился о своем мучителе военачальнике Тимофее, то последний немедленно прозрел телесно, но не душевно. Народ, взиравший на все сии чудеса, уверовал во Христа в количестве около пяти тысяч человек. Прозревший же по молитвам мученика от внезапной слепоты, неблагодарный и окаменелый сердцем военачальник не только не познал истины, но пришел в еще большее безумие и вместо того, чтобы воздать хвалу Христу, Господу нашему, произносил на Него хулы; воспылав злобою по поводу обращения ко Христу такого количества людей, он приказал усекнуть мечом святых мучеников. Таким образом священномученик, святитель Божий Ианнуарий со своими сострадальцами – диаконами Фестом, Проклом и Соссием, с чтецом Дизидерием и с Евтихием и Акутионом – мирянами, восприял венец мученический, будучи убиен ими мечом за стенами города Путеола[2685].

Тела же этих святых мучеников взяли к себе жители окрестных городов, причем каждый город взял по одному мученику, желая иметь каждый своего ходатая пред Богом. Тело священномученика Ианнуария взяли жители города Неаполя; с честью принеся его в свой город, они положили его в своей церкви. В то время, когда брали тело святого из города Путеола, то, собравши с земли запекшуюся там же кровь святого, положили ее в стеклянный сосуд и благоговейно хранили ее у себя. Когда сосуд с этою кровью ставили на голову мученика, то она немедленно растворялась и делалась горячею, как будто только что пролитая. В Неаполе также соделывались различные чудеса по молитвам священномученика Ианнуария. Особенно же там прославлялось следующее чудо.

Некогда гора Везувий[2686] извергла в столь большом количестве огненную лаву, что страх и трепет охватил жителей не только ближайших, но и отдаленных городов. Но когда народ, придя ко гробу святого, начал со слезами взывать к нему о помощи, то огненная лава немедленно сокрылась в той горе, и не случилось никакого вреда людям. Совершилось еще и другое преславное чудо над умершим отроком.

Одна женщина вдова, по имени Максимилла, имела единственного сына и когда он умер, неутешно плакала о нем. Придя в церковь, она заметила над церковными дверями икону, имеющую на себе изображение святого епископа Ианнуария; припомнивши о бывшем некогда в Ветхом Завете чуде, именно как святой пророк Елисей воскресил сына Сонамитянки (см.: 4Цар. 4), она возложила твердое упование на Бога и на угодника Божия и поступила по примеру Елисея: взяв икону святого мученика Ианнуария, она положила ее на своем умершем отроке, приложивши глаза к глазам, уста к устам и остальное подобие изображенного тела к телу мертвеца и помолилась со стенанием и горячими слезами, говоря:

– Угодник Божий! Помилуй меня и утиши мою печаль: воскреси единственного сына моего.

Когда она молилась так, сын ее немедленно ожил и встал здоровым. Все собравшиеся на его похороны, увидавши столь

преславное чудо, удивились, прославляли и благодарили Бога, творящего через святых Своих дивные чудеса, и возвеличили похвалами святого мученика Ианнуария как своего скорого помощника, святыми молитвами которого да ниспошлет и нам Господь милости Свои вовеки. Аминь.

Страдание святого мученика Феодора

Память 21 апреля

В царствование императора Антонина[2687], когда Пергией Памфилийской[2688] управлял военачальник Феодот, для военной службы были набираемы здесь красивые и крепкие телом юноши. Вместе с другими юношами хорошего рода взят был и воспоминаемый ныне прекраснейший видом блаженный Феодор, который и был приведен к военачальнику Феодоту. Военачальник положил на него, как и на остальных юношей, воинский знак. Но святой Феодор немедленно сбросил его с себя, сказав:

– Я знаменован от чрева матери моей моим Небесным Царем Господом Иисусом Христом и не желаю быть воином для другого царя.

Тогда военачальник спросил святого:

– Какого царя воином ты состоишь?

– Я воин Того Царя, Который сотворил небо и землю!

Военачальник, догадавшись, что Феодор христианин, спросил его:

– Не принесешь ли ты жертв нашим богам?

– Я никогда не приносил и не принесу жертв нечистым бесам, – отвечал святой.

Тогда военачальник приказал жестоко бить его, после чего снова позвал его на допрос и спросил:

– Одумался ли ты теперь, будешь ли ты мне послушен и поклонишься ли богам?

– Если бы ты, – отвечал святой, – познал Сотворившего тебя Бога, то и сам пожелал бы поклоняться Ему.

Военачальник приказал после этого разложить костер, принести огромную железную сковороду, растопить большое количество смолы, серы и воска, положить мученика нагим на сковороду и поливать его кипящею смолою. Когда всё это готовилось, Бог внезапно сотворил дивное чудо: послышался оглушительный шум и сделалось землетрясение на том самом месте, где был огонь и сковорода; затем земля на том месте

расступилась и из земной расселины в изобилии истекла вода, которая и погасила огонь и сковороду. Святой же мученик остался совершенно невредимым и сказал военачальнику:

– Вот, ты видишь, что это дело не мною совершено, но Христом, Богом моим, Которому я служу. Если же ты желаешь познать силу твоих богов, то приготовь другой костер, снова разожги сковороду и прикажи во имя твоих богов положить на ней одного из твоих солдат, тогда ты увидишь бессилие своих богов и познаешь всемогущество моего Бога.

Услыхавши это, бывшие здесь воины сказали правителю:

– Нет, господин, не делай этого с нами, но поступи так со служителями (жрецами) наших богов. Сковорода одинаково послушается жреца, как и Феодора и не опалит того, как и первого.

Приказавши немедленно пригласить жреца, военачальник спросил его:

– Как твое имя?

– Диоскор, – отвечал жрец, – мое имя.

Затем военачальник спросил жреца:

– Какими волшебными травами намазываются христиане, когда отправляются безбоязненно на огонь и остаются не опаленными там, как например это было сегодня с Феодором?

– Христиане не волхвы, – отвечал на это Диоскор, – но Христово имя столь сильно, что где оно с верою призовется, там разрушаются всякие волшебные чары и трепещут бесы.

– Неужели, – спросил военачальник, – Христос сильнее нашего Зевса?[2689]

– Зевс и все остальные боги суть бесчувственные и глухие идолы, – отвечал Диоскор, – и я умоляю тебя не принуждать меня ложиться на сковороду, но если ты желаешь познать могущество Зевса, то лучше положи на огонь его самого.

– Да кто же может сие сделать, – продолжал военачальник, – кто осмелится класть на костер бога?

– Прикажи мне, – отвечал Диоскор, – и я это исполню. Если Зевс окажет мне сопротивление, тогда я поверю ему, что он бог и может освободить себя из огня.

– Ты действительно уже не жрец после того, как произносишь такие речи относительно богов, – заметил военачальник.

– Я, – отвечал Диоскор, – пребывал подобно тебе в нечестивой вере жрецом, но ныне, видя блаженного Феодора непобедимым от возлагаемых тобою на него мучений, видя его не опаляемым огнем, я познал силу Христову и уразумел бессилие ложных богов, утвердился в Христовой вере и желаю ныне подражать Феодору.

– Если ты так говоришь, Диоскор, – сказал военачальник, – то взойди на сковороду, как Феодор.

Тогда Диоскор, припавши к мученику Христову, сказал ему:

– Раб Христа, Бога истинного, Феодор, помолись о мне.

И святой помолился о Диоскоре. Когда же Диоскор был раздет и положен на раскаленной сковороде, он сильным голосом возопил:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты сопричисляешь меня к числу рабов Твоих. Итак, приими же с миром мою душу.

При этих словах он испустил дух свой, в столь короткое время приняв венец мученический, подобно тому как разбойник на кресте получил рай.

После кончины блаженного Диоскора святой Феодор был заключен в темницу. Потом отсюда его снова вывели для другого мучения: ему связали ноги и привязали к диким лошадям которые влачили мученика по городским улицам, причем их сильно разгоняли. Погоняемые кони в одном месте у городской стены упали и разбились, а мученик между тем был спасен невидимою силою Божиею и, будучи развязан, оставался цел и невредим к всеобщему удивлению. Двое из привязывавших святого к коням воинов, Сократ и Дионисий, при этом рассказали всем о своем следующем удивительном видении: в то время как кони были гонимы, они видели сошедшую с небес к мученику огненную колесницу, которая взяла его и поставила невредимым в месте судилища. Рассказывая всем об этом, воины взывали:

– Велик Бог христианский!

Услыхав эти слова, военачальник приказал заключить в темнице со святым Феодором и этих воинов и приготовлял для мучения их печь, раскаляя ее сильным огнем в течение трех дней. Затем он ввергнул в эту печь мученика и обоих уверовавших во Христа воинов – Сократа и Дионисия. И немедленно свыше ниспала некая Божественная роса, которая оросила мучеников и охладила пламень. Святые пребывали посредине печи, как бы в каком прохладном месте, и вели между собою беседу. При этом святой Феодор вспомнил о своей блаженной матери, плененной иноплеменниками за три года до этого и отведенной вместе с другими пленниками в Эфиопию[2690], и помолился о ней Богу, сказав:

– Господи Иисусе Христе, Боже, творящий чудеса! Покажи мне, какими Сам Ты знаешь путями, Божественною силою Твоею, матерь мою, ибо я желаю ее видеть. Для Тебя же всё возможно. Покажи же мне ее, дабы и прочие познали величие Твое.

Когда святой молился такими словами, пламень понемногу угасал и к тому же, по молитвам мученика, нисшел дождь и совершенно охладил раскаленную печь, святые же стали готовиться в ней ко сну, ибо уже была ночь. Затем Ангел предстал во сне святому Феодору и сказал ему:

– Не скорби, Феодор, о твоей родительнице: ты увидишь ее. Пробудившись от сна, святой рассказал сновидение своим друзьям; и еще в то время, как он о том рассказывал, посредине печи выступила мать его по имени Филиппия и, увидавши своего любезного сына, обрадовалась, с любовью облобызала его и находившихся с ним воинов и сообщила, откуда и как она пришла сюда, ведомая невидимою рукою. В это время святой мученик Феодор, воздевши руки к небу, воздал подобающее благодарение Богу.

Утром военачальник, пробудившись от сна, сказал своим приближенным:

– Я думаю, что от Феодора и ввержeнных с ним в печь воинов не осталось ни одной кости.

В то время как он говорил это, один из сторожей, охранявших печь, пришел к военачальнику с известием, что

мученики, брошенные в печь, живы и что еще с вечера погас весь огонь, потушенный пролившимся свыше дождем; затем сказал, что внезапно появившаяся из плена мать Феодора сидит в печи как в чертоге, беседуя о Боге христианском с сыном своим и с воинами. Услыхавши это, военачальник пришел в страх и ужас, сам подошел к печи и, позвавши блаженную Филиппию, спросил ее:

– Ты ли мать Феодора?

– Да я, – отвечала она.

Тогда военачальник сказал:

– Увещевай твоего сына, дабы он поклонился богам, чтобы он не погиб и не сделал тебя бездетной.

– Мой сын, – отвечала она, – как я получила о нем извещение от Господа моего раньше его зачатия, будет распят тобою и принесет Богу жертву хвалы.

– Так как ты сама назначила своему сыну крестную смерть, – сказал военачальник, – то пусть так и будет.

Потом военачальник приказал немедленно распять святого Феодора, а святой Филиппии отсечь мечом голову; двух же воинов, Сократа и Дионисия, усечь мечами.

Таким образом святые мученики получили свои венцы. Святой же Феодор в течение трех дней живым висел на кресте, а затем также отошел ко Господу[2691]. Тогда некоторые из благочестивых, взявши телеса святых, обвили их дорогими полотнами и, помазав их ароматами, с честью положили их в особом приготовленном для этого месте, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа – Единого в Троице Бога, славимого вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Исакия, Аполлоса и Кодрата

Память 21 апреля

Первоначально сии святые были слугами императора Диоклетиана[2692]. Видя чудеса святого великомученика Георгия, они, по примеру царицы Александры, оставившей земную славу и обратившейся ко Христу, обратились также и сами ко Господу. Святые мученики дерзновенно обличили царя за его нечестие и жестокосердие, указав на то, что он не пощадил даже своей супруги, родившей ему дитя. По повелению нечестивого императора эти святые мученики были первоначально заключены в темницу, где томились голодом и жаждою, а потом были усечены мечом за исповедание Христа[2693].

В тот же день память святого отца нашего Максимиана, патриарха Константинопольского, управлявшего Церковью в царствование Феодосия Младшего два с половиною года и в мире преставившегося в 431 году, 12 апреля.

Житие преподобного отца нашего Феодора Сикеота, епископа Анастасиопольского

Память 22 апреля

В стране Галатийской[2694] есть селение, именуемое Сикея, в 12 стадиях[2695] от Анастасиополя, главного города Анкирской области (в Малой Азии). В этом селении родился преподобный Феодор Сикеот, от матери своей Марии и мужа известного, по имени Космы, служившего в то время у царя Юстиниана Великого[2696] скороходом[2697]. Когда совершилось зачатие Феодора, то матери его Марии в ту ночь во время сна явилось чудное знамение: она увидела сошедшую в ее утробу большую яркую звезду. Проснувшись, она сообщила о том своей матери Елпидии и сестре Диспении, жившим с ней, потом пошла к одному прозорливому старцу, спасавшемуся в отшельническом безмолвии, в шести стадиях от того селения, и рассказала ему о своем странном видении. Старец тот, преподав ей духовные наставления о богоугодной жизни, сказал:

– Зачавшийся в тебе отрок воистину будет великий муж, не только среди людей, но и у Бога, звезда же светлая знаменует собой царскую славу, как это объясняют мудрые толкователи снов; но для тебя виденное тобою не должно иметь значение царской власти на земле, а звезда, которую ты видела, предвещает ту славу добродетелей и благодати Божией, которою Бог одарит твое чадо. Ибо Господь обыкновенно рабов Своих освящает во утробе матерней прежде их рождения.

Так предсказал Марии прозорливый старец и, дав ей несколько советов, отпустил ее с миром. Стало всё это известно епископу Анастасиопольскому Феодосию, и тот так же понял видение, что рожденный младенец будет служить светом миру.

Мария, возвратившись от старца, последовала его советам и проводила жизнь богоугодную, в целомудрии, вместе со своею матерью и сестрой. Когда же исполнилось время рождения, Мария родила сына, и по христианскому обычаю он был крещен и наречен Феодором (что значит с греческого «Божий дар»),

самым своим именем означающим, что отрок будет великим даром миру от Бога.

Когда ему исполнилось шесть лет, мать пожелала записать его заранее в военную службу, и для этого приготовила ему драгоценные одежды, золотой пояс и другие, нужные для этой службы вещи и хотела отправиться в Константинополь, чтобы там отдать его царю на службу; но в сонном видении явился ей святой великомученик Георгий, говоря:

– Зачем ты такое намерение замыслила о детище своем? О жена, не трудись напрасно, – Царь небесный Себе требует сына твоего.

Пробудившись, Мария начала плакать и говорить, что близка смерть сыну ее, думая, что он умрёт скоро; но отрок возрастал летами и разумом. Восьми лет мать отдала его в учение, и, с помощью благодати Божией, он учился лучше прочих детей и был любим всеми за свое добронравие. Даже в детских играх проявлялся сильный ум Феодора: он воздерживался от клятвы, хулы и предостерегал других детей от всего этого, усмиряя их споры и ссоры.

В доме этих женщин жил один старец Стефан, богобоязливый и благочестивый, которого любили и почитали как отца за его добродетельную жизнь. Отрок Феодор, видя, что он постится во святую Четыредесятницу до вечера и вкушает только небольшой ломоть хлеба с водой, воспламенился любовью к Богу и начал подражать его посту, так же воздерживаясь до вечера. Когда же в обеденное время он шел из училища домой, то мать заставляла его есть с ними, но он отказывался и, чтобы не принуждали его, перестал в обычное время приходить домой, а старался приходить только к вечеру. И сейчас же из дома он шел со Стефаном в церковь на обычное пение; с ним причащался Пречистых Таин Тела и Крови Христа Бога нашего, поздно возвращался домой и подкреплялся только куском хлеба с водой. Мать и все домашние пытались убедить его есть вареную и всякую другую пищу, но он не соглашался на это. Она просила учителя отпускать домой во время обеда отрока из училища, чтобы хотя этим способом заставить его что-нибудь есть, так как от постоянного поста он стал очень худ

телом. Феодор же, отпускаемый из училища, не шел домой, но всходил на бывшую недалеко от того места гору, на вершине которой воздвигнут был храм в честь великомученика Георгия, где святой великий мученик, видимо являясь ему в образе прекрасного юноши, вводил его внутрь храма. Там юный Феодор много упражнялся в чтении книг и проводил всё свое обеденное время; выходя из церкви как бы из дому, он снова шел в училище. Вечером, на вопрос матери, почему не пришел обедать, отвечал, что не выучил стиха и потому был оставлен. И снова мать шла к учителю с просьбой отпускать его домой, учитель же с клятвой уверял ее, что по первому же ее прошению он отпускает в час обеда Феодора вместе с прочими учениками. Однажды она, увидав, что он не шел домой, а взбирался на гору к церкви, послала слугу привести его оттуда силой и многими угрозами убеждала приходить обедать, он же, не слушая ее, хранил обычное воздержание.

Когда ему было десять лет, в селении том случилась ужасная болезнь, так что многие от нее умирали; также заразился этой болезнью и блаженный отрок Феодор. Все близкие были в отчаянии, так как он был уже при смерти: тогда его полуживого принесли в ближайшую церковь святого Иоанна Крестителя, где положили его перед алтарем. Вверху церкви, под крестом, находилось изображение лица Спасителя, от Которого упали две капли росы на больного отрока и исцелили его; он встал и пошел домой здоровым, прославляя Бога. По ночам, когда он и все его домашние спали, приходил к нему святой великомученик Георгий и будил его, говоря:

– Встань, Феодор, заря воссияла и настало время утренней молитвы, идем в церковь святого Георгия.

Феодор поспешно и с радостью тотчас вставал. Вначале святой Георгий являлся ему во образе Стефана, который жил у них в доме, затем сам в своем образе показывался ему, пробуждая его каждую ночь и водя к своей церкви. Дорогою бесы хотели устрашить отрока, являясь ему в виде волков и различных зверей и устремляясь прямо на него; но святой мученик, идя впереди Феодора и имея в руках копье, отгонял те страшные привидения и убеждал его не бояться. Это

повторялось всякую ночь, и мать и другие с ней женщины, вставая от сна и не находя Феодора на его постели, приходили в недоумение; узнали они, что он ходит ночью в церковь, и удивлялись, что никто не слышит, когда он встает, хотя он с вечера и ложился среди них. Боялась мать за него, как бы его не растерзали звери, так как в то время прошел слух, что один волк похищает не только скот, но и маленьких детей; поэтому она под угрозами запретила ему выходить из дому в церковь прежде восхода солнца, потому что место то было пустынно. Несмотря на угрозы, блаженный отрок никак не слушался матери и в обычное ночное время, побуждаемый к молитве святым Георгием, уходил в церковь никем не замеченный. Однажды на рассвете, проснувшись, мать Феодора и другие женщины не нашли отрока на его постели и, сильно разгневавшись, поспешили к церкви; там мать, схвативши его за волосы, вывела оттуда, влача с побоями к дому, и не пустила его никуда, а на ночь крепко привязала к постели, чтобы никакими способами Феодор не мог уйти. В эту ночь святой великомученик Георгий явился в сонном видении матери его и прочим женщинам, имея меч, препоясанный при бедре, пригрозив которым, грозно сказал:

– Головы ваши отсеку вам, если вы еще будете бить отрока и запрещать ему ходить ко мне.

Пробудясь от сна со страхом и ужасом, женщины рассказали одна другой страшное явление мученика и угрозы его, поражаясь особенно тем, что все видели одно и то же видение, и они тотчас же развязали святого отрока, ласкали его и смиренно просили, чтобы он на них не гневался за то, что они били его. Они спрашивали его, каким образом, выходя из дома раньше дневного света, он не боится зверей? Он отвечал им, что всякую ночь светлый юноша пробуждает его и водит в церковь, защищая дорогой от страшных привидений. Тогда поняли женщины, что святой великомученик Георгий, которого они видели в видении, является ему и защищает его. С тех пор ни в чем не возбраняли Феодору и предали его Промыслу Божию, говоря:

– Да будет воля Господня.

Была у этого святого отрока маленькая сестра, именем Влатта, родившаяся от второго мужа матери Феодора, по уговорам родственников вышедшей в молодых летах вторично замуж. Эта отроковица очень любила своего брата Феодора и часто днем следовала за ним в церковь, молясь с ним вместе и стараясь подражать его жизни. Дух Божий действовал в ней так же, как и в Феодоре. Недалеко от дома их была церковь святого мученика Емилиана, который в стране Галатийской, в городе Анкире, в царствование беззаконного Юлиана Отступника[2698], после долгих мучений был распят на кресте[2699]. Блаженный Феодор взошел в церковь этого мученика и провел здесь ночь в молитве. В полночь он задремал, и ему было такое видение: представилось Феодору, что стоит он перед царем, сидящим на престоле в большой славе, окруженном множеством воинов, а около царя была пресветлая жена, одетая в порфиру, и услыхал он голос царя, говорящий ему:

– Подвизайся, Феодор, чтобы принять в Царствии Небесном совершенную награду, я же тебя и на земле сделаю достойным чести и прославлю пред людьми.

Это видение было ему в двенадцатилетнем возрасте. С того времени он возгорелся большим желанием и любовью к Богу и начал сильнее трудиться. Затворившись в одной из комнат своего дома, он оставался в ней от праздника Крещения до Вербной недели, упражняясь в посте, молитве, чтении книг и беседуя только с одним Богом. В первую же и среднюю недели Великого поста он ни с кем не говорил и находился в глубоком молчании, углубляя весь свой ум в мысль о Боге. Так окончились святые дни Великого поста и наступил праздник Воскресения Христова; ненавистник диавол не терпя более видеть такого добродетельного отрока, придумывал, как бы его погубить и замыслил такую хитрость: в один из дней, превратившись в юношу Геронтия, учившегося вместе с Феодором в училище, пришел к нему и, позвав его с собой как бы на прогулку, привел его на высокий холм, называемый «Тзидрама», а сам, вставши на большой камень, начал его искушать так же, как искушаем был диаволом Христос в пустыне (Мф.4:1–11), говоря:

– Если хочешь, добрый Феодор, показать мужество свое, то упади отсюда вниз.

Феодор же отвечал:

– Боюсь, потому что очень высоко.

Сказал ему диавол:

– Ты был мужественнее всех нас в училище, а теперь и этого боишься? Вот я не боюсь, но тотчас соскочу вниз.

Отвечал ему Феодор:

– Не делай этого, чтобы, упавши, не разбиться.

Диавол продолжал уговаривать, что никакого вреда не может быть; тогда сказал ему Феодор:

– Если ты первый сделаешь это и я увижу тебя целым, то брошусь также.

Диавол бросился с высоты в страшную глубину и, встав там, звал к себе Феодора. Ужаснулся Феодор, увидев его целым и подумал, как же это Геронтий, никогда не имея столько смелости, вдруг мог броситься со столь высокого холма вниз без вреда. Как только эта мысль пришла ему в голову, – а диавол снизу кричал и звал к себе Феодора, – так тотчас же явился святой великомученик Георгий и, взяв за руку Феодора, сказал:

– Уйди отсюда и следуй за мной! Не слушай искусителя, ищущего души твоей, это не Геронтий, а враг рода нашего.

И привел его в свою церковь, где Феодор долго оставался, так что пришла к нему мать и бабка, умоляя блаженного идти в дом, так как многие родные и соседи, собравшись к ним на пир, ждут его. Зная Писание, «что дружба с миром есть вражда против Бога… и кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4:4), не послушал их, но снял свой золотой пояс[2700], драгоценную верхнюю одежду и гривну[2701], говоря:

– Я знаю, вы боитесь, что я не сберегу их, возьмите всё это, меня же оставьте.

И не пошел на пир.

Услыхал Феодор об одном добродетельном старце, именем Гликерии, который жил в десяти поприщах, в пустынном месте, и отправился к нему, имея желание поучиться у него и получить благословение. Гликерий был человек прозорливый, узнал в

отроке присутствие Духа Божия и, приняв его радостно, спросил, улыбаясь:

– Чадо, любишь ли ты иноческий образ?

Отвечал отрок:

– Весьма люблю, отец, и усердно желаю удостоиться его.

Было же тогда в стране той бездождие и сильная засуха.

Оба они вышли из кельи и пошли, и встали перед церковью святого Иоанна Крестителя; и сказал преподобный Гликерий, обратясь к блаженному отроку Феодору:

– Чадо, преклоним колена и помолимся Господу, чтоб Он умилосердился и послал дождь напоить иссохшую землю, и таким образом мы узнаем, в числе ли мы праведных.

Старец сделал это не потому, что хотел искушать Господа, но потому, что он надеялся, что молитвы Феодора особенно благоприятны перед Богом. Преклонивши колена, они стали молиться, и тотчас небо покрылось облаками, а когда они окончили молитву, то прошел очень большой дождь и достаточно напоил сухую землю. Радости исполнился старец о благодати Господней и сказал любезно Феодору:

– Отселе, чадо, всё, чего бы ты ни попросил от Бога, даст тебе, ибо Он будет с тобой, укрепляя тебя, чтобы ты и телесным возрастом, и духовным о Боге житием возрастал от силы в силу; ты же исполни желаемое, когда для этого наступит время.

Феодор, приняв благословение от старца, возвратился в свой дом.

Четырнадцати лет от рождения он замыслил окончательно оставить свой дом, чтобы жить на горе при церкви святого Георгия, и умолил мать и всех домашних не препятствовать его намерению и не приходить смущать его. Они не смели запретить ему, зная, что с ним Бог. Феодор пошел, выкопал себе пещеру в горе под алтарем и пребывал там, постоянно ходя в церковь для молитвы. Мать посылала ему хлеб чистый и разных вареных и печеных птиц, но он клал всё это на камни по дороге в церковь, чтобы их съедали или птицы, или звери или же брали себе люди, проходившие мимо, сам же питался приносимыми в церковь просфорами, съедая только по одной вечером.

В восьми поприщах от пещеры было место, обитаемое демонами, называемое «Арея»[2702], о котором рассказывали, что живет там нечестивая богиня Диана[2703] со множеством бесов, так что никому нельзя было миновать того места без беды, в особенности же в полдень, в июле и в августе месяце, и много людей от тех бесов было мучимо до смерти. Слышал об этом блаженный Феодор и в те месяцы приходил каждый день на то место и проводил там весь день, возвращаясь к вечеру, никакого несчастья не потерпев от бесов, ибо они, завидев его, бросались бежать, прогоняемые силою Божиею. В январе месяце, в праздник Богоявления, он ходил с прочими людьми и клириками на освящение воды, входил в воду босой и так стоял неподвижно до окончания всего пения. После праздника затворялся в своей пещере и безвыходно оставался в молчании, даже до Вербной недели. Бабка его Елпидия, любившая его больше нежели обеих дочерей, утешалась такой его жизнью и приносила ему в пищу овощи и яровой хлеб, которые он вкушал каждую неделю по субботам и воскресеньям. Все изумлялись такой благодати Божией в столь юном отроке и, прославляя Бога, говорили:

– «Утаил сие от мудрых и разумных и открыл то» сему младенцу (Мф. 11:25).

Также и епископ Анастасиопольский Феодосий, слыша всё это о Феодоре, радовался и, всем восхваляя его, говорил:

– От Бога научается этот отрок таковому житию.

Однажды Феодор заболел от стужи и, когда воздремал, явился ему святой великомученик Георгий и сказал:

– Какая причина твоей болезни, чадо?

Феодор посмотрел и увидел нечистого духа, стоявшего вдалеке и, показывая на него мученику, говорил:

– Вот тот скверный и мерзкий нагнал на меня эту болезнь.

Святой Георгий, схвативши беса, сильно мучил его и отогнал, а Феодора, взявши за руку, сказал:

– Встань и будь здоров; теперь тот скверный и коварный не явится пред твое лицо.

Тотчас же Феодор встал и почувствовал себя вполне здоровым.

Человеколюбивый Бог, давший святым Апостолам Своим власть над духами нечистыми изгонять их и исцелять всякие болезни в людях, подобную же власть даровал и Своему возлюбленнному отроку Феодору, и он начал творить чудеса во славу Божию.

Один человек привел к нему в церковь бесноватого сына своего, умоляя исцелить его. Феодор, будучи еще слишком юн, не знал что делать, и отказывался; тогда пришедший начал плакать и, дав Феодору в руки бич, сказал:

– Раб Божий, возьми бич этот и, угрожая, бей сына моего, со следующими словами: отойди, дух нечистый, от отрока во имя Господа моего.

Блаженный Феодор поступил так, как научил его этот человек, и начал бес кричать в отроке:

– Уйду, уйду, только на один час оставь меня.

Когда Феодор отошел к алтарю, то бес закричал:

– О мучение! О великая сила Назорея! С того времени как сошла на землю, она вооружила на нас людей, и теперь этому ничтожному отроку дала власть над нами. О горе мне! Таким еще юным отроком изгоняем я, будучи не в силах сносить благодать, данную ему с неба. Великая беда будет нашему роду от малейшего сего, ибо многих нас он изгонит из тел человеческих, а самая лютая для меня беда – начало данной ему власти он начинает на мне испытывать, и я не смею возвратиться к отцу моему диаволу, изгнанный малым этим детищем. Если бы от какого-нибудь старого человека со мной это случилось бы, не такой был бы мне за это укор и стыд. Проклят день, в который родился этот страшный для нас отрок!

В то время, как вопиял бес, святой Феодор взял елея от лампады, помазал им голову бесноватому отроку, сотворил над ним крестное знамение и запретил бесу, говоря:

– Выйди теперь, коварный дух, и не произноси подобных слов более.

Бес вскричал громким голосом и, кинув отрока к ногам Феодора, вышел; отрок же благодатью Божиею стал здоров. Об этом чуде узнали все жившие в той стране и прославили Бога.

Пожелал Феодор подражать в пустынной жизни святому Иоанну Крестителю и святому Илии пророку и раздумывал, где бы он мог скрыться от людей. Для этого он поднялся на высокую часть горы и нашел там уединенное место, где увидал большой камень, под которым ископал себе пещеру и затем попросил одного из клириков, добродетельного диакона, приносить ему в известное время немного хлеба и воды, заклиная его именем Божиим никому не говорить о нем. Он взял от клирика жесткую власяную одежду, а до тех пор всегда ходил в мягких одеждах, даваемых ему матерью, и затворился в этой пещере. Клирик по просьбе его и вход землею засыпал, оставив только небольшое отверстие, чтобы можно было подать ломоть хлеба и кружку воды. Так провел два года жизни в полном затворе святой Феодор, как погребенный мертвец, и никто о том не знал, кроме клирика. Люди того селения приходили в церковь и, не видя там Феодора, удивлялись и недоумевали, куда он скрылся. Случилось в это время проходить там воинским полкам, и некоторые думали, что воины взяли и увели Феодора с собой, и просили князя своего отправить в полки за поисками слугу его, но, искавши там прилежно, не нашли и думали, что он был съеден зверями. Плакали по нем мать и все домашние его неутешно как по мёртвом, и все люди того селения жалели о нем. По прошествии двух лет клирик, побуждаемый отчасти неутешными рыданиями матери Феодора, отчасти боясь, чтобы он не умер от такой тесноты, рассказал о нем. Тогда пошли все с поспешностью и радостью и, отворивши пещеру, извлекли его оттуда почти мёртвым. Он же, как только увидел дневной свет, был безгласен на много часов. Голова его покрылась струпьями и червями, и плакали, смотря на него, домашние и привели его в церковь святого Георгия. Мать хотела взять Феодора к себе в дом, чтобы полечить его, но он никак не хотел и оставался по-прежнему при церкви мученика, голова же его через несколько дней совершенно исцелилась. Узнал об этом Анастасиопольский епископ Феодосий и прибыл с причтом в это селение, чтоб увидать раба Божия Феодора, и, увидав, удивился житию его. Побуждаемый внушением Св. Духа он

сначала благословил Феодора на низшие степени клира, а потом посвятил в сан пресвитера, хотя он имел только семнадцать лет[2704]. Епископ говорил о нем так:

– Таковой человек, в котором благодать Божия живет, восполняя время, достоин быть рукоположен и раньше надлежащего времени, ибо святой Апостол Павел святого Тимофея еще совсем юного удостоил сана пресвитера.

К Феодору же обратился со словами:

– Господь, удостоивший тебя священства, дарует тебе и архиерейство, чтобы тебе пасти словесное стадо Его; прежде же прими монашеский чин, возрастай верой, добрыми делами и помолись о мне.

Сказав это и благословив Феодора, епископ отправился к себе, а блаженный Феодор начал совершать бескровные жертвы, достойно предстоя пред престолом Божиим. Имея желание видеть святые места в Иерусалиме и найдя себе доброго спутника, он пошел туда и достиг Иерусалима. Там он с большим усердием и благоговением поклонился Животворящему Древу Крестному, святому Гробу Господню и, обойдя прочие святые места, поклонился им и молился. Посетил святых отцов, живших там в затворах и в пустынном отшельничестве, сподобился от них молитв и благословений, после этого пришел в Хозевитскую лавру, находящуюся при церкви Пресвятой Богородицы близ Иордана, в которой о Феодоре было уже возвещено Богом архимандриту. В лавре по повелению Божию он был облечен в иноческий образ и с благословением отпущен к себе.

Возвратившись, он продолжал жить при церкви святого великомученика Георгия, свято служа Богу, сияя как славный пророк Моисей благодатью Господней, обильно пребывающей в нем. С помощью ее он исцелял всякие болезни, случавшиеся с людьми, и как власть имеющий, изгонял духов нечистых. Бабка его Елпидия, тетка Диспения и юная сестра Влатта не хотели разлучаться с ним, но, взирая на богоугодную жизнь его, по силе своей, старались подражать ему как постом, так и молитвой, и от трудов рук своих нищим подавали милостыню.

В скором времени преставилась ко Господу в добром исповедании тетка его Диспения, по погребении которой он взял свою двенадцатилетнюю сестру Влатту, привел в девичий монастырь и оставил там, уневестив ее Христу, а блаженную Елпидию устроил пока в доме близ себя. Проводя жизнь святую и непорочную, дева Христова Влатта, по истечении трех лет, перешла в чертог своего бессмерного Жениха. Узнав о ее кончине, святой Феодор с радостью возблагодарил Бога. Елпидия же по совету святого удалилась в близ стоящий женский монастырь при церкви святого мученика Христофора, куда присылал к ней преподобный приводимых к нему за исцелением бесноватых и больных девиц, чтобы Елпидия давала им наставление как молиться, поститься и чтобы поучала их добронравию. По отшествии блаженной матери его в монастырь, не имея никого во служении у себя, он нанял работника, чтобы служил ему. Промысл Божий хотел сделать Феодора ловцом человеков (Мф.4:19) и начал посылать ему некоторых людей для сожительства. Во-первых, некто Епифаний, молодой летами, побуждаемый боголюбивыми стремлениями, пришел к нему. Рад был блаженный Феодор, что Бог не оставил его одного. Приняв Епифания, он облек его в иноческий образ и наставил его на столь святое житие, что он и над бесами имел власть, изгоняя их из людей. Также одна благочестивая женщина, получившая от преподобного Феодора исцеление от своей болезни, привела к нему своего малолетнего сына именем Филумена, умного и хорошо знающего читать и писать. И были эти три сверстника рабы Христовы подобны древним трем отрокам в Вавилоне (см.: Дан.3), соединенные одной любовью и усердием к Богу, а между ними был Сам Господь, говорящий: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20).

Через несколько лет, когда скончался о Господе блаженный Епифаний, пришел вместо него очень усердный в добродетели Иоанн. В то время прибыли люди из селения, называемого Протомария, к преподобному, умоляя прийти к ним, потому что недалеко было место, обитаемое множеством нечистых духов, и никому нельзя было без вреда миновать его, ни людям, ни

скоту, а в особенности в час полуденный и по захождении солнца. Пошел раб Божий Феодор на это место и велел там выкопать малую пещеру, затворился в ней на всю зиму и оставался там, пребывая в посте и молитве, до Пасхи. Бесы, не вынося пребывания его там, бежали, гонимые как оружием, молитвами святого, и много раз от многих людей слышны были плачевные вопли бесов, стонавших о том, что их изгнал Феодор. Народ того селения имел столь сильную веру в него, что, приходя, брал землю из пещеры, в которой жил преподобный, и, примешивая ее к пище или питью, подавал больным людям и скоту как верное врачевство и по вере своей получал исцеление.

Жил в том месте один верующий муж, ремеслом кузнец, которому преподобный велел сделать железную клетку без крыши, такую узкую, чтобы только человеку возможно было стоять, и в ней он придумал необычайное мучение для своего тела. Об этом узнали многие люди и стали приносить к кузнецу железные орудия, так что железа стало достаточно для дела, и когда скована была клеть, то ее отнесли с крестами в Сикею к преподобному. Он поставил ее над своей пещерой и затворялся в ней часто на продолжительное время и стоял там, как столп недвижный, перенося всякую непогоду. Поскольку клетка та была без крыши, то летом знойное солнце жгло его, зимой жестокие морозы леденили и сковывали тело святого. Бури и ветры на него ополчались, снег и дождь омочали его, но он оставался как камень нечувствителен и твёрд как адамант. Всемогущий Бог послал ему столь великое терпение, превосходящее человеческий ум и природу, на изумление людям и прославление святого имени Божественного. Феодор не только клетку ту железную избрал себе как добровольную темницу, но и тело все свое заключил в железные узы: ноги свои обувал в кованные сапоги и носил такие же нарукавницы, надевал тяжелую железную броню, опоясывался толстыми веригами и носил железный жезл с изображением на верху его креста. Жизнь свою он расположил так: после праздника Рождества Христова, до Крещения, входил в пещеру обложенный тяжкими железными веригами, оставаясь в ней

безвыходно до Пасхи, после же Пасхи затворялся в клетке. Такой тяжестью железной и произвольной темницей терзал он свою плоть, мучая и угнетая ее как раба и пленника, чтобы она не возбуждала внутренней брани. Во святую Четыредесятницу отнюдь не вкушал пищи, кроме овощей и ярового хлеба, и то только в субботу и воскресенье. Бог покорил ему диких зверей, бывших в пустыне; так, например, страшный медведь три года приходил к нему и брал из его рук пищу, также и волк питался от него. Приходившие и уходившие от святого звери не делали никакого зла ни людям, ни животным, если бы и случалось кому-либо встретиться с ними. Было это по чудесному действию Божию, Который прославлял угодника Своего, Его прославляющего.

Однажды к Феодору, затворившемуся в клетке, пришел человек прокаженный всем телом, желая получить исцеление от святых его молитв. Преподобный велел больному снять свои одежды, взял воду и так помолился Богу:

– Господи Иисусе Христе Боже наш, очистивший пророком Твоим Елисеем Неемана Сириянина от проказы[2705] и Сам благоутробием Твоим к нам сошедший и бывший Человеком, словом исцелял прокаженных: призри ныне на нас и на воду сию и, благословив ее, подай ей целебную силу, да возможет очистить от проказы сего предстоящего человека, в прославление святого имени Твоего.

Помолившись и осенив воду крестным знамением, он полил водой на голову человека и на все тело, после чего тотчас же больной избавился от проказы и отошел здоровым, восхваляя Бога. Также и один священник прокаженный, по имени Коллирий, пришел к святому и только что надел на себя одежду его, в ту же минуту получил исцеление. Видя такую жизнь и чудеса Феодора, блаженная Елпидия радовалась духом. Многих женщин она привела в монашество и наставила в богоугодной жизни, ибо сама была весьма добродетельна и подражала своему внуку в духовных подвигах. О приближении кончины своей узнала Елпидия из откровения, ей бывшего, и пришла для последнего посещения и прощального приветствия к

преподобному своему внуку и рассказала ему свое видение, говоря:

– Дитя мое и свет очей моих! Я видела в видении прекраснейшего юношу, одетого в светлую одежду, имевшего золотистые волосы и похожего на святого великомученика Георгия, как мы видим его изображенного на иконе. Он пришел ко мне, спрашивая о тебе, желая узнать от меня образ твоего жития и псалмопение. Я рассказала ему всё подробно. Он мне сказал:

– Когда поете псалмы, говорите так: «Благословите, горы и холмы, Господа!» (Дан. 3:75).

И потом сказал:

– О жена, ты получила большую милость от Бога, что удостоилась видеть своего внука в таком состоянии; мне же, помощнику его, ты много обязана, больше же всего подобает благодарение общему Владыке и Содетелю Богу, Который удостоил твоего внука быть в числе святых рабов Его. Успокойся же, ибо ты до сего времени трудилась.

Блаженная Елпидия, сказавши о своем видении преподобному Феодору и давши ему последнее целование, отошла в келью свою; там, поболев немного, преставилась ко Господу и была погребена преподобным с честью. После ее погребения прибыл некто из города Анкиры и принес преподобному весть, что умерла мать его Мария и советовал ему, чтобы послал взять ее имение, ибо она скончалась, не имея наследника. Святой ответил ему:

– Ты говоришь неправду, потому что мать моя не умерла.

Но посланный уверял, что видел ее мертвою своими глазами, он же снова сказал:

– Это неправда, не умерла она для меня, не умрет душой, но и теперь жива и будет жить вечно.

И не обратил никакого внимания на оставшееся имущество, сам же, постясь целую неделю, приносил Богу усердные молитвы о душе ее. Во время пребывания преподобного в пещере пришел к нему из Илиополя Галатийского церковный эконом и через служащего его передал ему слезную просьбу свою, говоря:

– Сжалься надо мной, раб Божий, в случившейся со мною печали: я отправил за сбором денег для церкви слугу, он же, собрав деньги, бежал; я гонялся за ним всюду, искал и не мог найти его, помолись Господу, да покажет мне его, потому что всего моего имения не достанет отдать церкви за всё то, что унёс мой слуга.

Ответил ему святой:

– Если ты обещаешь твоего слугу отпустить не наказывая и не брать у него ничего больше, а только то, что он взял, то утешит тебя Господь и даст его в твои руки. Если не обещаешься, то ты его не найдешь.

Эконом обещал не только не бить его и не брать больше, но дать и от себя, лишь бы вернуть церковное достояние, и сказал:

– Я и дети мои останемся нагими, если не в состоянии буду воздать церкви ее похищенное достояние.

Тогда ответил ему святой:

– Иди с миром домой и будь беспечален, уповай на Бога, ибо Он скоро утешит тебя.

Успокоенный эконом отправился домой, имея полное доверие к словам преподобного. Беглец, похитивший церковное имущество, встал на пути, как бы связанный, на месте близ селения, называемого Никея, и не мог ни шагу ступить далее; ему представлялось, что бежит скоро, тогда как на самом деле оставался на том же самом месте. Люди, случайно шедшие по той дороге, узнали преступника, схватили его и привели к эконому. Таким образом было возвращено церкви всё, что он взял, и эконом сдержал обещание не делать никакого зла, отпустил его и опять пришел к преподобному и принес благодарение.

Однажды, в дни святой Пятидесятницы, один человек привел свою бесноватую жену, и когда преподобный Феодор изгонял нечистого, то бес кричал:

– О горе! За что гневаешься на меня, сокрушитель железа[2706], виноват ли я, ибо не по своей воле вошел в нее. Я послан от Феодора волхва, прозываемого Караппос, который живет в Мазамии.

Угодник же Божий, именем Иисуса Христа запретив злому духу, изгнал его из той женщины. И в то же лето, в июне месяце, жители селения Мазамия, слышавшие о чудесах, совершаемых преподобным Феодором, пришли к нему, со слезами умоляя прийти к ним отогнать саранчу, слетевшую подобно облаку на их нивы и сады. Святой пошел с ними, вошел в храм их и провел там ночь в молитве, а наутро он пошел в поле на нивы, совершил там общественное моление и, взяв в руки три саранчи, вознес молитвы Богу о народе, и во время молитвы саранча стала мёртвою в руке его. Он же, возблагодарив Бога, сказал народу:

– Возвратитесь, чада, в церковь, ибо Господь скоро явит нам милость Свою.

И возвратившись в церковь, святой совершил Божественную литургию, а наутро народ увидал, что вся саранча вымерла. Феодор Караппос, обитавший в тех местах, воспылал завистью к святому Феодору, ибо уже и прежде гневался на него за изгнание из женщины беса, которого тот волхв наслал в нее. Гневаясь на святого и завидуя чудотворной в нем Божией силе, волхв, призвав подручных ему бесов, велел идти на святого Феодора Сикеота и замучить его до смерти. Но они не могли приблизиться к нему, потому что преподобный всегда имел на устах своих молитву и бесы должны были дожидаться, пока он уснёт, но когда святой спал, благодать Божия, как огонь от него исходящая, опаляла и прогоняла бесов; они снова возвращались и устремлялись на преподобного и опять, опаляемые и прогоняемые, с позором возвращались к пославшему их, а тот с досадой укорял их, говоря:

– Поистине ничтожна ваша сила; если вы к спящему не могли подойти, то что же можете сделать ему бодрствующему?

И утверждали бесы, говоря:

– Как только мы приближаемся к нему, так пламень огненный из уст его исходит и опаляет нас, чего мы не можем стерпеть.

Волхв, распаляемый еще большею злобой и завистью, вложил в рыбу смертоносный яд и послал ту рыбу в дар

преподобному. Угодник Божий, хранимый благодатью Христовой, во время своей обычной трапезы вкусил от той рыбы и остался невредим. Волхв Феодор Караппос этому очень удивился, и, уразумев Божию силу и немощь бесовскую, умилился душой, и, придя к преподобному, припал к ногам его святым, исповедуя грехи свои со слезами, и, сжегши волшебные книги, отвергся дел сатанинских, и принял святое крещение.

По возвращении в обитель преподобный впал в тяжкую болезнь и ожидал смерти, ибо он видел пришедших к нему святых Ангелов и подумал, что они хотят уже взять его душу; он плакал и рыдал о том, что не готов к смерти. Над ним была икона святых врачей бессребренников Космы и Дамиана; они явились ему в видении и по обычаю врачебному осязали жилы рук его и беседовали между собой, как бы отчаиваясь в его жизни, потому что силы его уже ослабели. Они сказали ему:

– О чем плачешь и скорбишь, брат?

Больной отвечал:

– О том, что не покаялся Богу, отцы мои, и что оставляю сие малое стадо еще не совершенно направленное на истинный путь и требующее еще многих наставлений.

Говорили ему святые:

– Хочешь ли, мы умолим за тебя Бога, чтобы Он продлил жизнь твою?

Отвечал больной:

– Если вы это сделаете и испросите мне время для покаяния, то будете виновниками многих мне благ и получите награду за мое покаяние.

Святые, обратившись к Ангелам, просили их, чтобы помедлили немного, пока они, шедши к Царю и Богу, попросят Его о Феодоре. Ангелы обещали, и святые страстотерпцы Косма и Дамиан идут к Всесильному Царю Христу Богу нашему, некогда приложившему Езекии пятнадцать лет жизни[2707], и, умоливши Его о приложении лет жизни Феодору, возвращаются в скором времени, имея среди себя юношу, подобного Ангелам тем, но сиявшего большею славою. Сей юноша сказал Ангелам так:

– Оставьте Феодора в живых, о нем умолили Владыку всех Царя славы, и Он повелел ему быть во плоти.

И тотчас святые Ангелы с тем пресветлым юношей отошли на небо. Святые же Косма и Дамиан сказали Феодору:

– Восстань, брат, и внимай себе и своему стаду: благий и милостивый Владыка принял молитвы наши о тебе и даровал тебе жизнь, да делаешь брашно негиблющее, но пребывающее в жизнь вечную, чтобы многим душам устроить спасение.

Сказав ему это, святые врачи стали невидимы. Блаженный Феодор пришел в себя и, почувствовав себя вполне здоровым, встал тотчас, прославил Бога и с большим усердием предался псалмопению и посту.

Дарованной ему благодатью Божиею, он творил чудеса, исцелял различные болезни и бесов изгонял словом. Слух прошел о его чудесах повсюду, многие удивлялись и умилялись, оставляли дома свои и к нему приходили для иноческих подвигов. Также многие из получивших от него исцеление не разлучались с ним, но оставались здесь и служили монастырским нуждам, ибо когда собралось множество братий, то составился большой монастырь, и Феодор был в своем монастыре архимандритом, но так как церковь святого великомученика Георгия была слишком мала и не могла вмещать всех приходивших для обычных песнопений, то преподобный позаботился создать другую церковь, недалеко от прежней, во имя святого архистратига Михаила, более просторную, и, там устроив братию, послал ученика своего Филумена к епископу Анастасиопольскому принять рукоположение в сан пресвитера и поставил того игуменом сего монастыря; сам же усиленно предался безмолвию.

Была нужда в серебряном сосуде для совершения Божественной литургии, ибо до тех пор таинство совершали в каменном мраморном сосуде. Преподобный отправил своего диакона в Константинополь купить серебряный сосуд для священнослужения; когда был куплен и принесен к нему сосуд чистый, отлично сделанный, то святой отверг его, не желая совершать в нем священнодействие, ибо он прозрел, что сосуд

был негоден, чёрен и смраден. Диакон хвалил его хорошую работу и чистое серебро, но преподобный сказал:

– И я вижу, чадо, что сосуд сделан красиво и хорошего серебра, но он осквернен невидимой нечистотой, и если ты мне не веришь, то помолимся, чтобы Господь открыл твои душевные очи, и ты увидишь.

Как только они, преклонив колена, помолились, то тотчас же не только диакон, но и все находившиеся там братья увидали сосуд чёрным как уголь, вынутый из печки, и удивились. Когда же диакон взял его в руки, сосуд стал сейчас же по-прежнему чист и светел. Взяв его, он понёс в Константинополь к золотых дел мастеру, у которого купил, и рассказал ему, почему преподобный Феодор не принял его. Златарь стал припоминать о серебре, откуда оно, и вспомнил, что оно было из вещей одной блудницы и ее неправедного имущества, удивился прозорливости преподобного отца и просил прощения, а сосуд принял обратно и переменил на другой, чистейший, прося святых молитв о себе.

Диакон возвратился, принёс сосуд в монастырь, рассказал отцу и братьям, из какого серебра был первый сделан, и все прославили Бога и удивлялись прозорливости святого.

Однажды из селения Вузийского, недалеко от Грацианополя, пришли люди к преподобному Феодору по следующему поводу: они у себя строили каменный мост через реку, и когда выкапывали из земли на соседнем холме камни и тесали доски, то видели множество выходивших из ямы бесов, которые нападали на людей и животных и мучили их; иные же как разбойники, устраивая засады на пути, ранили проходящих. Пришедшие умоляли преподобного прийти в их селение и избавить их от бесовского нападения, и Феодор пошел с ними, уповая на Бога. И только что он приблизился к селению их, бесы, находившиеся в людях, чувствуя приближение его, выходили навстречу к нему, крича:

– О горе, о беда! Зачем, оставив Галатию, идешь сюда, сокрушитель железа? Знаем, зачем пришел, но не послушаем тебя, как это сделали духи в Галатии; мы гораздо злее и сильнее их!

Преподобный, запрещая им, повелел молчать, наутро же собрал народ, обошел крестным ходом все селение и, поднявшись на вершину холма, изливал горячие молитвы к Богу долгое время. И тотчас бесы, которые оттуда вышли, силой Божией опять там показались в образе мух, мышей, зайцев, и их всех он выгнал в яму, запечатлел крестным знамением и велел завалить землею и камнями, и так освободил он селение от напасти бесовской. Подобным образом он и многие другие селения, и страны, и домы избавил от бесов, а также из множества людей изгнал лукавых духов, которые при одном имени его трепетали.

Из учеников преподобного многие были известны и велики своими добродетелями. Так, например, блаженный Арсин затворник, живший в тесной келье, пребывал в молчании, лишь на третий день принимая пищу: немного хлеба и сырой зелени или вареных овощей и воды в меру, в святую же Четыредесятницу он питался только в субботу и по воскресеньям и то сухоядением. Подобное житие проводили и другие два мужа, Евагрий и Андрей, имея свои затворы недалеко от Арсина. О честном их житии очень радовался преподобный Феодор и благодарил Бога. Все трое они согласились пойти в Иерусалим на поклонение святым местам и просили отца отпустить их с благословением. Он разрешил, и они прибыли туда и посетили все окрестные лавры и отшельнические обители. Евагрий пожелал остаться там, и, придя в лавру преподобного Саввы, он жил свято, самыми делами показывая себя учеником Феодора. Арсин же и Андрей возвратились к отцу в Галатию и просили его отпустить их жить в разных местах для молчания. Андрей с благословения отца поселился на холме Вриана, в восьми поприщах от монастыря. Арсин удалился в горную часть Потамии, где избрал себе место вдали от селений человеческих, про которое говорили, что там жилище бесов. Там он помолился, говоря:

– Боже, молитвами отца моего Феодора, соблюди меня грешного и защити от козней бесовских и помоги мне угодить Тебе на сем месте.

Прежде всего он построил себе келийцу деревянную и перезимовал в ней, потом поставил высокий столп и, сорок лет проведши в нем в великом терпении, отошел ко Господу. И Елпидий по наставлению преподобного Феодора немало преуспел в добродетели. После нескольких лет пребывания с отцом он ушел с его благословением к востоку, поселился близ горы Синайской и, долгое время прожив в безмолвии, праведно скончался; после него это место названо было святыми отцами Синая Елпидиево молчание.

Также и Леонтий, ученик отца нашего Феодора, был дивен в отшельничестве; он безмолвствовал близ Перматии и, удостоившись дара пророчества, предсказывал будущее. Так, он предрек нашествие персов, свое убийство ими, что и сбылось, ибо когда он не захотел выйти из своей безмолвной кельи, то был убит в ней персами. Затем Феодор, постившийся на горе Драконийской, и Стефан при реке Псилии и многие другие ученики преподобного Феодора просияли добрыми делами; одни жили при нем, а другие поселялись по разным пустынным местам.

Преподобному Феодору пришло желание еще раз посетить святые места Иерусалима, и он, взяв своих двоих учеников, пошел. В то время в Палестине, где город Иерусалим, было бездождие и засуха, и люди и животные терпели лишение вследствие безводия, все рвы и водохранилища, в которых собирается вода, высохли. Народ много молился, прося дождя у Бога, но не получал, потому что Господь благодать ту хранил для угодника Своего Феодора и потому привел его в Палестину. Были там некоторые из Галатийской страны, знавшие преподобного Феодора и слышавшие о его чудотворениях; они говорили народу:

– Мы знаем одного святого отца в нашей стране, могущего одной молитвой наполнить дождем всю вселенную, как некогда пророк Илия.

Когда преподобный пришел в Иерусалим, поклонился Животворящему Древу Крестному и Живоносному Гробу Христову, пришельцы из Галатии узнали его, и скоро пронеслась о нем молва во святом городе и в окрестных монастырях и

лаврах. Во множестве собрались монахи, и все клирики обступили святого, радуясь его приходу к ним, и просили именем патриарха испросить у Господа дождя на иссохшую землю. Святой отказывался, сознавая себя грешным и недостойным, но они умоляли его и говорили:

– Мы надеемся, отец, что когда ты молитвы свои соединишь с молитвами других отцов, тогда Бог смилуется над нами и пошлет дождь на землю.

И сказал им святой:

– Если вы так верите, то пусть будет вам по вере вашей.

После совершения литии, когда народ шел с крестным ходом, преподобный обратился к нему, сказав:

– Перемените ваши одежды, о чада, вы измокнете, потому что ради веры вашей Господь явит милость Свою скоро.

Когда они были вне города, то на одном месте он повелел остановиться и, простирая руки к небу, начал усердно молиться; и тотчас же явилось с запада небольшое облако и, увеличиваясь, в один час покрыло всё небо. Святой, окончив молитву свою, велел молящемуся народу скорее возвращаться, чтоб избежать дождя. Внезапно пролился чрезмерно большой дождь, и все поспешили в город к церкви, потому что все сильно измокли. Дождь не переставал до тех пор, пока не напоил всю землю и не наполнил все рвы, водохранилища и углубления. Преподобный Феодор, боясь, чтобы за таковое чудо его не стали славить и почитать люди, скрылся от всех со своими двумя учениками из города и пошел в свой Галатийский Сикеотский монастырь. Но и в своей стране во многих окрестных местах по просьбам народа творил он подобные чудеса: низводил дожди, очищал воздух, умножал плоды полей и садов, прекращал разливы, наводнение и предсказывал будущее.

Воеводе Маврикию, возвращавшемуся в Константинополь после персидской войны через Галатию и пришедшему к преподобному просить молитв и благословения, предсказал, что он будет царем. И когда то сбылось, то Маврикий[2708] написал своему пророку, сему святому отцу, прося молитв о себе и своем царстве, и еще прибавил: «Проси у меня чего

хочешь». Преподобный Феодор послал к нему блаженного Филумена и написал, чтобы царь дал хлеба монастырю для множества бедных, приходящих к нему каждый день. Царь тогда написал своим приставникам в Галатию, чтобы они отпускали всякий год монастырю Феодора пшеницы по шести сот четвериков, и, кроме того, пожертвовал драгоценные сосуды в церковь.

Видя день ото дня умножающуюся паству свою и множество народа, стекающегося в его монастырь ради молитв и исцелений, он разобрал церковь святого великомученика Георгия, которая была очень мала, и построил большую чудесным образом: он повелел сдвинуться огромному неподвижно стоящему камню и идти со своего места на другое. А когда из близлежащей местности Еварзии везли нерастворенную известь для постройки храма, то внезапно нашла дождевая туча, и работники боялись, как бы известь не загорелась и не попалила воза и животных, тогда преподобный Феодор своей молитвой разделил надвое тучу, и сильный дождь лил по обеим сторонам пути, а на известь и на воз не упала ни одна капля до тех пор, пока все не было привезено к месту церковного здания и сложено с возов.

Когда постройка церкви приходила к концу, преставился Анастасиопольский епископ Тимофей, бывший после Феодосия, и граждане пошли к архиепископу Анкирской митрополии Павлу просить его поставить в их город епископом преподобного Феодора, архимандрита Сикеотской лавры. Архиепископ был рад и послал за блаженным Феодором, чтобы его привели к нему с честью. В то время преподобный, затворившись в пещере, пребывал в безмолвии и усердно творил свои обычные молитвы. Когда клирики и анастасиопольские граждане пришли к нему просить, чтобы он согласился быть у них епископом, он и слышать не хотел, но они силою отворили его келью, вывели преподобного, посадили на святительскую колесницу и привезли в Анкиру с радостью и веселием. Когда же братия его плакали и рыдали об отце своем, что отлучался от них, то он послал сказать им:

– Не скорбите, братия, но верьте мне, что не оставлю вас. Нет на земле ничего, что могло бы меня разлучить с вами.

И так преподобный был поставлен во епископа Анастасиопольского митрополитом Анкирским Павлом, хотя и не желал принять такого сана. Когда же он принял его, то одному известному мужу было такое видение: пресветлая, превеликая звезда спустилась с неба на церковь и своими лучами осветила не только город и страну, но и все окрестные страны и города. Воистину сей преподобный на престоле архиерейском, как свеча на свещнике, явился светом миру, бесчисленными чудесами и образом своего предивного жития просвещая и удивляя вселенную. Часто он посещал свою Сикеотскую лавру и утешал братию, а храм святого великомученика Георгия, созданный его усердием, освятил. Какие и сколько чудес он совершил, будучи епископом, подробно сказать невозможно; он нёс усиленные труды, имея прилежное попечение о вверенной ему пастве. Впрочем, немало преподобный и скорбел, что прервано было его безмолвие, и всегда носил в душе непременное желание оставить епископство и снова возвратиться в монастырь на безмолвие.

Спустя несколько лет блаженный Феодор опять возымел желание поклониться святым местам в Иерусалиме и, взявши двух братий из своего монастыря, архидиакона Иоанна и Мартина, пошел с ними в путь; обходя же святые места, не показывал своего епископского сана, но ходил как простой старец.

Пришла ему мысль не возвращаться к себе, а жить там в каком-нибудь монастыре, ибо он видел, что ради епископского сана был вынужден оставить иноческие подвиги. И так он пошел в лавру святого Саввы, испросил себе келью и жил в ней в безмолвии от праздника Рождества Христова до Пасхи. После Пасхи два брата, с ним пришедшие, Иоанн и Мартин, непрестанно говорили ему о возвращении домой, но он не хотел их послушать. И в одну ночь в сонном видении явился ему святой великомученик Георгий, дал ему в руки посох и сказал:

– Поспеши выйти отсюда и возвратимся в отечество; не надобно тебе, оставивши отечество, здесь медлить.

Феодор сказал:

– Не могу идти к себе, потому что не желаю епископства.

Мученик ответил ему:

– Я тебя скоро освобожу от этого сана; только возвратись, потому что многие скорбят по тебе.

После такого увещания преподобный взял своих двух учеников и пошел в свою страну. Приближаясь к Галатии, он зашел в попавшийся ему на пути Друйнийский монастырь и приказал спутникам своим не сказывать кто он. Монахи этого монастыря давно уже слышали о преподобном Феодоре как о необыкновенном человеке и желали его увидать. Неузнаваемый теми иноками, преподобный спокойно пребывал в монастырской гостинице, будучи принят странноприимцем Аникитою, и когда ученики Феодора были допрашиваемы о старце, кто он, то они говорили, что он странствует из некоторой дальней стороны. Во время вечерней трапезы он посмотрел на учеников, евших пищу с особенным наслаждением, ибо они были голодны, и сказал им:

– Воистину, чада, едим как галаты.

И через час повторил то же самое. Услышав это, Аникита подумал про себя, не из Галатии ли этот старец. Вечером, когда по обыкновению на ночь старец лёг на землю, Аникита взял отдельно обоих учеников и убеждал их сказать, кто этот старец; тогда они открыли ему, что это Феодор, Сикеотский чудотворец, епископ Анастасиопольский, и тотчас поспешил Аникита возвестить о том игумену Стефану и братии. Великая была им радость, что увидали того, кого сильно желали видеть. Наступило время для утреннего пения, и когда старец встал и направился к церкви, в дверях встретили его игумен с братиею и, припадая к ногам его, поклонились ему как чудотворцу и епископу, прося благословения. Они упросили святого остаться у них на несколько дней, чтобы насладиться созерцанием ангелоподобного лица его, насытиться сладкими беседами, и преподобный остался у них довольно долго. Скоро пронесся слух о нем по всей стране, и многие из народа приходили в

монастырь, принося своих больных к святому, и он благодатью Христовою всех исцелял.

После этого вернулся преподобный к своей пастве и, пребывая в обычных пастырских трудах, не переставал думать о том, как бы оставить епископство. К тому же и блаженный Антиох пустынножитель, возвращаясь из Константинополя к себе, бывши у него случайно, советовал ему то же, ибо этот Антиох послан был из восточной страны к царю Маврикию просить городу Синофрину защиты от врагов. Антиох был муж старый и имел от роду лет сто, шестьдесят лет не пил ни вина, ни елея, а тридцать лет не ел хлеба и питался только горькими травами с солью и уксусом и пил воду. Сего блаженного отца, шедшего через Галатию и Анастасиополь, преподобный принял у себя с честью и радостью, успокоил его и много утешился духовными беседами с ним. Блаженный Антиох сказал о Феодоре своим ученикам:

– Не видал я подобного святого мужа до этих пор. Господь открыл мне житие его.

Также и Феодор говорил братьям своим об Антиохе:

– Во всей восточной пустыне не видал и не слыхал о таком рабе Божием.

У преподобного Антиоха святой Феодор просил полезного совета, сказавши ему о своем намерении оставить епископство; Антиох же похвалил его за такое намерение и советовал ему вскоре совершить желаемое.

Когда Антиох ушел, преподобный Феодор был опечален хищениями церковного имущества; к тому же он имел некоторых тайных врагов в епархии, которые были возбуждаемы невидимым врагом на зависть и ненависть; они ему однажды, Божиим попущением, дали яд, и преподобный лежал три дня безгласен и недвижим как мёртвый, так что в городе уже распространился слух о смерти святого. После трех дней явилась ему Пресвятая Владычица наша Богородица и возвестила ему причину болезни от яда, данного ему тайно, и указала ненавистников, давших яд, и взявши из платка, который был у Нее в руках, три зерна, дала ему и сказала:

– Съешь это, и впредь уже не будешь страдать ни от какого зла.

Съевши эти зерна, преподобный пришел в себя, почувствовал себя всего здоровым и, вставши, благодарил Христа Бога и Пречистую Его Матерь. Злобных врагов своих он не обличил и не сказал о них никому, но молитву сотворил за них Богу, чтоб не поставил им это в грех. Святому великомученику Георгию он всегда молился, чтобы он освободил его от епископства, как об этом обещал в видении, когда преподобный не желал возвратиться из Палестины в Галатию.

Нельзя умолчать о том, что в Анастасиополе был уставлен налог, уплачиваемый в течение года на архиерейскую трапезу из имений церковных, в количестве трехсот шестидесяти пяти золотых монет. От этого налога преподобный Феодор тратил только сорок золотых монет на трапезы всего года, остальные же отдавал святой Церкви, а те подаяния, которые поступали из иных источников, он раздавал бедным. Решившись наконец окончательно оставить сан епископа, преподобный Феодор прежде всего обратился к Богу с усердной долгой молитвой в продолжение многих дней, да не поставлено ему будет в грех его намерение, и, получив от Бога в откровении разрешение просимого, он собрал весь клир, всех граждан и сказал им:

– Вы знаете, братия, что вы меня насильно отторгнули от монастыря и заставили принять бремя епископства, и я говорил вам тогда, что не достоин вами править, но вы меня не послушали и сделали по своей воле. И вот, уже одиннадцатый год, как я огорчаю вас и сам огорчаем вами. Умоляю вас, поищите себе пастыря, могущего угодить вам; я же теперь более не могу вам быть епископом, и возвращаюсь, как худой чернец, к себе в монастырь, в котором обещался до конца жизни работать Богу.

После этих слов он взял из своего монастыря архидиакона Иоанна и отправился к митрополиту Анкирскому Павлу с просьбой поставить Анастасиополю другого епископа. Произошел и между ними великий спор: митрополит ни за что не хотел отпустить преподобного Феодора, потому что, говорил

он, невозможно было найти другого достойного сего сана мужа. Феодор же усиленно отказывался и говорил, что это бремя выше меры и силы его. Нужно было дать знать о том в Константинополь святейшему патриарху Кириаку[2709] и благочестивому царю Маврикию. Они по внушению Божию написали к митрополиту Анкирскому, чтобы он не стеснял угодника Божия, стремившегося к безмолвию, и отпустил его, как он просит.

Итак, преподобный Феодор, избавившийся от тяготы епископства, исполнился радости, увидя себя свободным от многих забот и, ушедши в монастырь свой, пребывал в своей келье в безмолвии и проводил жизнь в постнических подвигах. Часто он совершал богослужение, принося бескровные жертвы, и удостаивался во время литургии своими очами видеть благодать Святого Духа в виде светлой пурпуровой порфиры, спускающейся сверху и покрывающей Святые Дары: об этом он поведал одному из своих сослужителей, иеромонаху Иулиану, мужу добродетельному, по усиленным просьбам его. Когда он видел это, то исполнился несказанным духовным веселием и прекрасное лицо его просветлялось дивным светом и изменялось, так что служащие с ним священники и диаконы видели на лице преподобного Божественное сияние и изумлялись.

Однажды произошло следующее: в июле месяце, 16-го числа, в день памяти святого мученика Антиоха, в храме, когда святитель Божий Феодор служил литургию и когда наступило время возношения Святых Даров, он, по обычаю, поднял дискос со святым Агнцем вверх и провозгласил: «Святая Святым». Божественный Агнец сам собой на дискосе поднялся выше на воздух, возносимый невидимой рукой, и затем опустился снова на дискос на свое место. Видя такое чудо, все совершавшие тогда Божественную трапезу исполнились великого страха и удивления, а преподобный Феодор проливал потоки слёз и, неизреченно радуясь, прославлял Христа Бога, истинно пребывающего в Пречистых Тайнах Своих.

Благочестивый царь Маврикий и святейший патриарх Кириак желали увидать преподобного Феодора, о котором много

слышали, и писали ему, чтобы он приехал к ним в Константинополь, дабы удостоиться его молитв и благословения. Преподобный не мог ослушаться их и отправился туда, где и был встречен всеми с великим почетом. Немного времени прожил он в Константинополе, но сотворил много чудес силою Божией: возвратил зрение слепому отроку, расслабленную женщину с одра восставил, многих бесноватых от мучительства диавольского освободил, кровоточивую молитвой исцелил, царского сына очистил от проказы, неплодным в супружестве своим благословением даровал чадородие и много других славных дел совершил и всех утешил благодатью Господней; после чего возвратился в свой монастырь. Но потом не скоро и второй раз он призван был в Константинополь во время царствования императора Фоки[2710], по вызову святейшего патриарха Фомы[2711], – который занял престол после Кириака. Причина вызова его была такая: в стране Галатийской случилось необыкновенное происшествие: в одном из городов ее, во время всенародного хождения с крестами, деревянные большие кресты вдруг сами по себе какой то дивной силой сильно заколебались, ударялись один о другой и разбивались. Об этом чуде пронесся слух повсюду и даже в Константинополе; тогда святейший патриарх Фома послал к преподобному Феодору, прося его поскорей прийти к нему, и, когда святой прибыл, то святой патриарх расспрашивал его о чуде том и что бы могло оно предзнаменовать. Святой ответил, что действительно чудо было, но сказать о том, что оно предвещало, он отказался, говоря, что не знает той неведомой тайны Божией. Тогда святейший патриарх припал к ногам его с мольбой и этим своим смирением убедил преподобного предсказать будущее. Старец сказал, что колебание крестов, ударение и сокрушение их друг о друга знаменуют будущие великие беды на церковь Божию и на греческое царство, с одной стороны, от внешних врагов и, с другой стороны, от внутренних. Извне предстоит страшное нашествие врагов, с внутренней же стороны последует разделение веры среди христиан, будет всеобщее гонение, люди будут друг у друга всё разорять, истреблять, многие храмы разорятся, опустеют, и всё

это случится вскоре. Услыхав это, патриарх ужаснулся и просил преподобного помолиться о нем Господу, чтобы принял его душу раньше, нежели наступит предсказанное разорение, чтобы ему не быть свидетелем бедствий, грядущих на Церковь.

Спустя немного времени, когда преподобный Феодор еще находился в Константинополе в церкви святого Стефана, заболел патриарх и послал к преподобному, в то время затворившемуся и постившемуся, объявить о болезни своей, прося испросить ему у Бога скорую кончину. Святой же отказывался и не хотел; тогда вторично просил его патриарх усердно о том, чтоб умереть ему до нашествия смут на Церковь. Преподобный сотворил волю святителя, помолился Богу о его кончине и послал к нему, говоря:

– Велишь ли мне прийти к тебе, или же там вместе предстанем перед Господом нашим?

Патриарх через посланника отвечал:

– Не прерывай, отец, молчания твоего; довольно мне и того, что ты сказал – там увидимся перед Господом нашим.

В тот же день святейший патриарх Фома перед вечерним часом, радуясь, разлучился от тела и отошел ко Господу. После смерти патриарха преподобный Феодор возвратился в свой монастырь, и через несколько лет приблизилась кончина и его самого, перед которою он совершил много великих и славных чудес и много пророчествовал о будущих событиях. Перед кончиной он видел два раза святого великомученика Георгия, являвшегося ему в сонном видении: первый раз он явился ему, подавая дорожный жезл и призывая с собой в далекий путь, потом явился ему, сидя на коне, ведя другого и говоря:

– Садись, Феодор, на этого коня и следуй за мной.

Из сего преподобный Феодор уразумел свое скорое отшествие от земли, сообщил о том ученикам своим с радостью и предвозвестил кончину свою после Пасхи. Так и сбылось. Когда он умирал, то видел святых Ангелов, которые шли чтобы взять его и с радостным лицом предал в их руки душу свою.

Кончина его произошла в третий год царствования Ираклия[2712].

Житие его и чудеса описал ученик его Елевсий, получивший от преподобного в иночестве имя Георгия. Он рассказывает о себе, что родители его, долгое время быв в супружестве, не имели детей и просили преподобного Феодора, чтобы молитвами и благословением могли бы они быть родителями детям; преподобный, взяв пояса их, благословил и, отдав им, предсказал о разрешении неплодства; у них действительно родился Елевсий, которого они, воспитав, привели к преподобному и отдали на служение Богу. Двенадцать лет живя с преподобным, он был очевидцем неизреченных чудес, о которых и написал очень пространно, но мы у него заимствовали и вкратце изложили только немногие, для нашей душевной пользы. Прославим же чудного Бога, в чудотворцах Своих прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Познан быв от пелен освящен и явлься благодатей исполнен, чудесы мир озарил еси и демонов множество отгнал еси, священнодетелю Феодоре, темже о нас молися Господеви.

Кондак, глас 3:

Яко на огненную колесницу добродетельми, Богоносе, возшед, востекл еси на Небесная жилища, яко Ангел, с человеки пожил еси и, яко человек, со Ангелы окрест ликовствуеши. Сего ради показался еси чудес Божественное приятелище, Феодоре преподобне.

Житие преподобного отца нашего Виталия монаха

Память 22 апреля

В то время, когда Александрийский патриарший престол занимал святейший патриарх Иоанн Милостивый, в Александрию пришел один инок, по имени Виталий, из монастыря преподобного Сирида. Сей инок, будучи шестидесяти лет от роду, избрал себе такой род жизни, который для людей, видящих только внешнее в человеке, казался нечистым и греховным, для Бога же, взирающего на внутреннее и испытующего сердца человеческие (Пс.7:10), был угоден и благоприятен: ибо тот старец, желая тайно обращать к покаянию грешников и людей нечестивых, сам во мнении людей являлся грешником и нечестивцем. Он составил себе список всех блудниц, живших в Александрии, и о каждой из них особо усердно молился Богу, дабы Он отклонил их от их грешной жизни. Старец нанимался на работу в город от утра до вечера и брал за свой труд двенадцать медных монет. За одну монету он покупал себе боб и по закате солнца съедал его, ибо, работая весь день, он постился; затем, придя в блудилище, остальные деньги он отдавал какой-либо блуднице и говорил ей:

– Умоляю тебя, за эти деньги всю эту ночь соблюсти себя в чистоте, не делая ни с кем греха.

И так сказав, затворялся с ней в ее комнате. Она спала на своей постели, а старец, став в углу, всю ночь пребывал без сна, тихо читая псалмы Давида и до утра молясь за нее Богу. Наутро, уходя от нее, он с клятвою просил ее никому не рассказывать о его поступке.

Так поступал он долгое время, во все дни трудясь в посте, а ночью входя к блудницам и пребывая без сна в молитвах. Каждую же ночь он входил к иной, пока, обойдя всех, снова не начинал с первой.

Господь Бог, видя такой подвиг Своего раба, споспешествовал ему, ибо некоторые из блудниц, пристыженные таковыми добродетелями Виталия, сами

вставали на молитву и вместе с ним, преклонив колена, молились. Святой убеждал таких покаяться, угрожая им Страшным Судом Божиим и вечными геенскими мучениями по смерти и обнадеживая их милосердием Божиим и надеждою на получение вечных благ на небе. Тогда те, приходя в страх Божий, смирялись и обещались исправить свою жизнь. И многие из них оставляли свою прежнюю греховную жизнь и выходили замуж за законных мужей. А иные, желая жить в совершенной чистоте, поступали в женские монастыри и там в посте и слезах проводили свою жизнь. Другие в мире проживали без мужа в чистоте, питаясь трудами своих рук. И ни одна из блудниц никому не рассказала про целомудренное житие святого Виталия, потому что лишь только какая-нибудь из них начинала говорить людям, что Виталий приходит к ним не для греха, но ради их спасения, то Виталий, услыхав о том, сильно печалился, что открывается его непорочная жизнь, и молился Богу, чтобы Он наказал ту женщину, дабы и все прочие пришли бы в страх и не рассказывали бы о его подвигах людям. Тотчас, по Божественному попущению, та женщина приходила в бешенство, видя каковое прочие женщины приходили в страх и не дерзали что-либо открыть людям о святости жизни Виталия. Народ же говорил пришедшей в бешенство женщине:

– Видишь, как воздает тебе Бог за то, что ты сначала говорила, что этот монах входит к вам не для блуда; – вот ясно открывается, что он блудник.

И все соблазнялись о нем и каждый день укоряли его, говоря:

– Ступай, окаянный, – тебя, ожидают блудницы, – и плевали на него.

Святой же, претерпевая всё с кротостью, радовался, слыша брань и обличение от людей, духом утешаясь, что люди считают его великим грешником. Иногда же обличавшим его он говорил:

– Разве я не имею тела, как и все люди? Разве Бог монахов создал бесплотными? Поистине и монахи такие же люди.

Некоторые советовали ему:

– Отец, – говорили они, – возьми себе одну из блудниц в жены и сними монашескую рясу, чтобы не хулилось через тебя

монашество.

Он же, как бы сердясь, отвечал им:

– Не желаю вас слушать; что хорошего мне взять себе жену и заботиться о ней, о детях, о доме и все дни проводить в заботах и в трудах? Зачем вы осуждаете меня? Ведь не вам придется отвечать за меня пред Богом. Заботьтесь каждый о себе, а меня оставьте. Есть один Судия всех, Бог, Который и воздаст каждому по делам его.

Так преподобный Виталий утаивал свою добродетель от людей.

Некоторые из клириков оклеветали его пред святейшим патриархом Александрийским Иоанном Милостивым, говоря, что один старец соблазняет весь город, каждую ночь входя в дома блудниц. Но святейший патриарх не поверил клеветникам, так как он уже раньше был введен клеветниками в заблуждение, когда одного целомудренного и святого инока, бывшего притом евнухом[2713], крестившего еврейку, невинного, предал побоям, поверив оклеветавшим его. Помня тот случай, патриарх не послушал доносивших на Виталия и сказал им:

– Перестаньте осуждать, а особенно не осуждайте иноков. Разве вы не знаете, что произошло на первом Вселенском соборе[2714], когда блаженной памяти императору Константину Великому некоторые из епископов и клириков отдали написанные друг на друга доносы о грехах. Император, повелев принести зажженную свечу, сжег их писание, даже не прочитав их, и при этом сказал: «Если бы я своими собственными глазами увидал епископа или инока, совершающих грех, то покрыл бы такового своею одеждою, дабы никто не увидал его согрешающим».

Так святейший патриарх пристыдил доносчиков. Раб же Божий Виталий не переставал заботиться о спасении грешных душ, и никто не знал о таковой его добродетельной жизни до самой его кончины.

Однажды, когда преподобный Виталий на рассвете выходил из дома блудниц, его встретил один юноша блудник, который шел к блудницам, чтобы согрешить с ними. Увидав Виталия, юноша сильно ударил его по щеке и сказал:

– Окаянный и нечестивый, доколе ты не покаешься и не отстанешь от своей нечистой жизни, чтобы еще более не было поругано тобою имя Христово?

Святой ответил ему:

– Поверь мне, человек, что за меня смиренного получишь и ты удар по щеке такой, что сбежится вся Александрия на твой крик.

Спустя немного времени преподобный Виталий заключился в своей малой и тесной келье, которую он построил около ворот, называемых «Солнечными», и там с миром отошел ко Господу. Никто в городе не знал об этом. В то время явился пред упомянутым юношей блудником, ударившим в щеку преподобного старца, бес, в виде страшного эфиопа, сильно ударил его по щеке и сказал:

– Прими удар, который прислал тебе монах Виталий.

Тотчас юноша пришел в беснование и, упав на землю, валялся по ней в исступлении, так что изо рта его шла пена; при этом он рвал на себе одежду и кричал столь громко, что жители всей Александрии сбежались на его ужасный крик. Он же долгое время мучился от беса. По прошествии же нескольких часов, немного придя в себя, юноша поспешил к келье Виталия, взывая:

– Помилуй меня, раб Божий, что я согрешил против тебя, сильно оскорбив тебя ударом по щеке. Теперь я, по твоему предсказанию, получил достойное возмездие.

Так крича, он быстро бежал, сопровождаемый народом. Когда же он приблизился к келье старца, то бес, бросив юношу на землю, скрылся.

Юноша, совершенно придя в себя, начал рассказывать народу, как он ударил по щеке старца и как старец предсказал ему, что он получит возмездие за это. Затем постучали в дверь келлии старца, но не получили никакого ответа. Когда же сломали дверь, то увидали его стоящим среди кельи на коленях, как бы молящимся; святая же душа старца отошла ко Господу. В руке своей он держал хартию, на которой было написано:

– Мужи Александрийские! Не осуждайте прежде времени, пока не придет Господь, Праведный Судия.

В это время пришла туда одна бесноватая женщина, которая ранее хотела рассказать людям о святой жизни Виталия, как о том было упомянуто выше. Она пришла, извещенная о кончине преподобного Ангелом, явившимся ей, и, прикоснувшись к честным останкам святого, тотчас получила исцеление от беснования. Точно так же начали получать исцеление многие слепые и хромые, при прикосновении к телу преподобного.

Услыхав о преставлении преподобного, все те женщины, которых он своими увещаниями обратил к раскаянию в своих грехах, с зажженными свечами и лампадами стеклись к его гробу, плача и скорбя по своем отце и учителе. При этом они вслух всего народа рассказывали о добродетели старца, который не прикоснулся ни к одной из них даже своей рукой, и приходил к ним не для греха, а чтобы спасти их. Народ, услыхав их рассказ, разгневался на них и говорил:

– Зачем же вы скрывали от нас святость жизни сего честного старца, ибо мы, находясь в неведении, много грешили против него, осуждая и укоряя его?

Женщины отвечали на укоры народа так:

– Мы боялись, потому что сей старец с великими клятвами запрещал нам кому-либо рассказывать о его жизни, и лишь только одна из наших подруг начала рассказывать его тайну людям, то пришла в бешенство. Поэтому каждая из нас, боясь такого наказания, молчала.

И весь народ дивился такому рабу Божию, так смиренно утаившему святость своей жизни от людей. В то время как все люди думали, что он великий грешник, он был другом Божиим и чистым сосудом Святого Духа. Люди укоряли друг друга, стыдясь своего неразумия, что они осуждали такого угодника Божия и причиняли обиды и оскорбления неповинному и чистому сердцем человеку.

Когда обо всем происшедшем дошла подробная весть до святейшего патриарха Иоанна Милостивого, он со всем своим клиром пришел к келье старца и, увидав вышеупомянутое

письмо, в котором старец увещевал не осуждать его, а также увидав совершающиеся чудеса, сказал тем клирикам, которые доносили ему на преподобного:

– Видите, если бы я поверил вашим словам и оскорбил бы невинного святого старца, то и я получил бы удары по лицу, подобно тому как получил их оклеветавший святого юноша. Но я, смиренный, благодарю Бога за то, что я не послушал ваших доносов и тем избегнул греха и отмщения.

Все же клеветавшие и осуждавшие преподобного были сильно пристыжены.

После этого святейший патриарх, взяв честные останки преподобного Виталия, пронес их через весь город и в присутствии всех покаявшихся во грехах женщин, плачущих и рыдающих, с честью предал их погребению, прославляя Бога, имеющего многих неведомых людям верных рабов Своих.

Тот же человек, который получил удары от беса, отрекся от мира и сделался монахом. И многие из жителей Александрии, наученные добродетельною жизнью Виталия, положили для себя правилом – никого никогда не осуждать. Будем подражать им в этом и мы, споспешествуемые молитвами преподобного отца нашего Виталия и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Страдание святого великомученика Георгия Победоносца

Память 23 апреля

Недостойный правитель Римского царства, нечестивый Диоклетиан[2715] был ярым последователем и покровителем идолослужения. Выше всех богов чтил он Аполлона[2716], слывшего за прорицателя будущего. Ибо бес, обитавший в его бездушном идоле, пророчествовал о будущем, но предсказания эти никогда не сбывались.

Однажды Диоклетиан вопросил Аполлона о некоей вещи[2717]. Бес же ответил ему:

– Не могу истинно провозвещать будущее, ибо мне препятствуют люди праведные, почему и лгут в капищах волшебные треножники[2718]: праведники уничтожают нашу силу.

Диоклетиан стал спрашивать жрецов, что это за праведники, ради которых не может пророчествовать бог Аполлон. Жрецы отвечали, что на земле праведными являются христиане. Услышав это, Диоклетиан исполнился гнева и ярости на христиан и возобновил прекратившееся гонение на них. Обнажил он меч свой на праведных, неповинных и непорочных людей Божиих и послал повеление о казни их во все страны своего царства. И вот, темницы вместо прелюбодейцев, разбойников и негодных людей наполнились исповедующими истинного Бога. Обычные способы мучений были отменены как неудовлетворительные и были изобретены лютейшие муки, которым и подвергали множество христиан вседневно и повсюду. Со всех сторон, особенно с Востока, к царю было доставлено много письменных клевет на христиан. В этих доносах сообщалось, что людей, не исполняющих царских повелений и именующихся христианами такое множество, что следует или оставить их пребывать в своей вере, или ополчиться на них войною. Тогда царь созвал отовсюду своих анфипатов и игемонов на совет в Никомидию[2719], собрал князей, бояр и весь свой сенат и, открыв им свою ярость против христиан, повелел каждому дать по своему разумению совет,

как поступать с отпавшими от язычества. После многих речей присутствовавших на совете мучитель заявил, что ничего нет честнее и благопотребнее почитания древних отеческих богов. Когда все согласились с высказанным царем, он продолжал:

– Если вы все так думаете и желаете усердно исполнять, и если дорожите моею любовью, то постарайтесь всеми способами истребить по всему нашему царству христианскую веру, противную нашим богам. Чтобы вы могли это совершить успешнее, я сам буду помогать вам всеми силами.

Все приняли это царское слово с похвалою. Диоклетиан и сенат собрались на совет об искоренении христианства и второй и третий раз. Затем возвестили о решении народу с тем, чтобы оно стало непременным повелением.

В то время в римском воинстве был чудный Христов воин, святой Георгий, родом из Каппадокии[2720], сын христианских родителей, из млада воспитанный ими в благочестии. Еще в детстве он лишился отца, который скончался замученный за исповедание Христа. Мать же Георгия переселилась с ним в Палестину, так как там была ее родина и богатые владения.

Придя в возраст, святой Георгий отличался красотою лица, мужеством и крепостью тела, почему и был поставлен трибуном[2721] в знаменитом воинском полку. В этом чине он проявил такую храбрость на брани, что царь Диоклетиан, еще не знавший о его христианстве, почтил его саном комита[2722] и воеводы. Мать же Георгия в то время уже скончалась.

Когда Диоклетиан замыслил мучительски истребить христиан, святой Георгий состоял при царе. С первого дня, как только святой Георгий убедился, что этот неправедный замысел никоим образом не может быть отменен, и узнал о лютости нечестивых против христиан, он решил, что наступило время, которое послужит ко спасению его души. Тотчас все свое богатство, золото, серебро и драгоценные одежды святой Георгий раздал нищим, бывшим при себе рабам даровал свободу, а о тех рабах, которые находились в палестинских его владениях, распорядился, чтобы одни из них были освобождены, а другие переданы неимущим. На третий день, когда должно было состояться окончательное совещание царя и

его князей о беззаконном убиении неповинных христиан, мужественный Христов воин святой Георгий, отвергнув всякий страх человеческий и имея в себе только страх пред Богом, с лицом светлым и мужественным умом явился на то нечестивое и беззаконное сборище и обратился к нему с такою речью:

– О царь, и вы, князья и советники! Вы установлены для соблюдения добрых законов и праведных судов, а неистово воздвигаете вашу ярость против христиан, утверждая беззаконие и издавая неправильные постановления о суде неповинных и никого не обидевших людей. Вы гоните их и мучаете, принуждая к вашему безумному нечестию и тех, кто научился быть благочестивым. Но нет, ваши идолы – не боги! Не прельщайтесь этою ложью. Иисус Христос – единый Бог, един Господь во славе Бога Отца, Которым всё сотворено и всё существует Духом Его Святым. Или вы сами познайте истину и научитесь благочестию, или не смущайте безумием вашим познавших истинное благочестие.

Изумившись таким словам святого Георгия и его неожиданному дерзновению, все обратили очи свои на царя, с нетерпением ожидая, что тот ответит святому. Царь же от удивления не мог прийти в себя и, точно оглушенный громом, сидел в молчании, удерживая в себе гнев. Наконец царь знаком указал присутствовавшему на совете, другу своему, Магненцию, саном анфипату, чтобы тот отвечал Георгию.

Магненций подозвал к себе святого и сказал ему:

– Кто побудил тебя к такому дерзновению и велеречию?

– Истина, – отвечал святой.

– Что же это за истина? – сказал Магненций. Георгий сказал:

– Истина это – Сам Христос, гонимый вами.

– Значит и ты христианин? – спросил Магненций.

И отвечал святой Георгий:

– Я раб Христа, Бога моего, и, на Него уповая, своею волею явился среди вас, чтобы свидетельствовать об истине.

От этих слов святого заволновалось все сонмище, все заговорили, один одно, другой другое, и поднялся нестройный крик и вопль, как это бывает в многочисленной толпе народа.

Тогда Диоклетиан приказал восстановить молчание и, обратив очи свои на святого, узнал его и сказал:

– Я и прежде дивился твоему благородству, о Георгий! Признав твою наружность и твое мужество достойными чести, я почтил тебя не малым саном. И сегодня, когда ты говоришь дерзкие слова себе во вред, я, из любви к твоему разуму и храбрости, как отец даю тебе совет и увещаю тебя, чтобы ты не лишился воинской славы и чести сана своего и не предавал своим непокорством цвета твоей юности на муки. Принеси же богам жертву, и получишь от нас еще больший почет.

Святой Георгий отвечал:

– О если бы ты сам, царь, через меня познал истинного Бога и принес Ему любимую Им жертву хвалы! Он сподобил бы тебя лучшего царства – бессмертного, ибо то царство, которым ты теперь наслаждаешься – непостоянно, суетно и быстро погибает, а вместе с ним гибнут и его кратковременные наслаждения. И никакой пользы не получают те, кто обольщен ими. Ничто из этого не может ослабить моего благочестия, и никакие муки не устрашат душу мою и не поколеблют ума моего.

Сии слова святого Георгия привели царя в неистовство. Не дав святому окончить свою речь, царь повелел своим оруженосцам изгнать копьями Георгия из собрания и заключить его в темницу.

Когда воины стали исполнять приказание царево и уже одно копье коснулось тела святого, тотчас его железо стало мягко, как олово, и согнулось. Уста же мученика исполнились хваления Бога.

Введя мученика в темницу, воины распростерли его на земле, лицом вверх, забили ему ноги в колоды и положили ему на грудь тяжелый камень. Так велел мучитель. Святой же всё это терпел, непрестанно воздавал благодарение Богу вплоть до следующего дня.

Когда наступил день, царь снова призвал мученика на испытание и, видя Георгия подавленного тяжестью камня, спросил его:

– Раскаялся ли ты, Георгий, или все еще пребываешь в своем непокорстве?

Святой Георгий, угнетенный тяжелым камнем, который лежал у него на груди, едва мог проговорить:

– О царь, неужели ты думаешь, что я пришел в такое изнеможение, что после столь малого мучения отвергнусь от веры своей? Скорее ты изнеможешь, мучая меня, нежели я, мучимый тобою.

Тогда Диоклетиан велел принести великое колесо, под которым были помещены доски, истыканные железными остриями, подобными мечам, ножам и спицам; некоторые из них были прямые, другие искривлены наподобие удилищ. На том колесе царь велел привязать обнаженного мученика и, вращая колесо, срезать всё тело его железными остриями, утвержденными на досках. Святой Георгий, разрезаемый на части и сокрушаемый как тростник, доблестно переносил свои муки. Сначала он молился Богу громким голосом, затем тихо, про себя, благодарил Бога, не испустив ни одного стенания, а пребывая как спящий или нечувственный.

Сочтя святого умершим, царь в радости принес хвалу богам своим и обратился к Георгию с такими словами:

– Где же Бог твой, Георгий; почему он не избавил тебя от такой муки?

Затем он велел Георгия, как уже умершего, отвязать от колеса, а сам пошел в капище Аполлона.

Вдруг затемнился воздух и прогремел страшный гром, и многие слышали глас свыше:

– Не бойся Георгий, Я с тобою.

Появилось сияние, великое и необычное, и Ангел Господень во образе юноши прекрасного и ясноликого, озаренного светом, показался стоящим у колеса и, возложив руку на мученика, сказал:

– Радуйся!

И никто не смел приступить к колесу и к мученику, пока продолжалось видение. Когда же Ангел исчез, сошел с колеса сам мученик, отрешенный от колеса Ангелом и исцеленный им

от ран. И стал святой Георгий невредим телом и призывал Господа.

При виде этого чуда воины пришли в великий ужас и недоумение и возвестили о случившемся царю, который тогда присутствовал в капище на совершении нечистой службы идолам. Последовал за воинами и святой Георгий и предстал царю в капище.

Царь сначала не верил, что пред ним святой Георгий, но думал, что это кто-нибудь похожий на него. Окружавшие царя пристально смотрели на Георгия и убедились, что это именно он, да и сам мученик громким голосом возвестил:

– Я – Георгий.

Ужас и недоумение надолго сковали уста всем. Два же мужа, находившиеся там, Анатолий и Протолеон, почтенные преторским[2723] саном, которые уже ранее были оглашены в христианской вере, видя сие дивное чудо, совершенно утвердились в исповедании Христа и воззвали:

– Един Бог великий и истинный, Бог христианский!

Царь тотчас велел схватить их, без допроса вывести за город и предать усекновению мечом.

Царица Александра, также присутствовавшая в капище, видя чудесное исцеление мученика и услыхав о явлении Ангела, познала истину. Но когда она хотела со дерзновением исповедать Христа, епарх ее удержал и прежде, чем узнал сие царь, повелел отвести ее во дворец.

Злодейственный же Диоклетиан, не способный творить добро, повелел Георгия ввергнуть в обложенный камнем ров с негашеною известью и ею засыпать мученика на три дня.

Ведомый ко рву, святой так велегласно молился Господу:

– Спаситель скорбящих, прибежище гонимых, надежда безнадежных, Господи Боже мой! Услышь молитву раба Твоего, призри на меня и помилуй меня. Избавь меня от коварств супротивного и дай мне соблюсти до конца моей жизни исповедание имени Твоего Святого. Не оставь меня, Владыка, за мои грехи, чтобы не сказали мои враги: «Где Бог его?» Покажи силу Твою и прославь имя Твое во мне, непотребном рабе Твоем. Пошли мне Ангела, хранителя меня недостойного,

– Ты, претворивший печь вавилонскую в росу и сохранивший Твоих отроков невредимыми (Дан.3), ибо Ты благословен вовеки. Аминь.

Так помолившись и оградив всё тело свое крестным знамением, Георгий вошел в ров, радуясь и славя Бога. Связав мученика и, согласно повелению, засыпав его во рву негашеной известью, слуги царевы удалились.

На третий день царь повелел извергнуть кости мученика из рва с известью, ибо он думал, что Георгий сгорел там. Когда пришли слуги и разгребли известь, то нашли святого, вопреки ожиданию, невредимым, живым, здоровым и разрешенным от уз. Он стоял с лицом светлым, простирал руки к небу и благодарил Бога за все Его благодеяния.

Слуги и народ, присутствовавшие при этом, пришли в ужас и удивление и, как бы едиными устами, прославляли Бога Георгиева, называя Его Великим.

Узнав о случившемся, Диоклетиан тотчас велел привести к себе святого и с удивлением сказал:

– Откуда в тебе, Георгий, такая сила, и какими волшебствами ты пользуешься, – скажи нам. Я думаю, что ты нарочно притворился верующим во Христа, чтобы показать волшебную хитрость, удивить всех своим чародейством и явить себя через него великим.

– О царь, – отвечал святой, – я полагал, что ты не возможешь открыть свои уста на хуление всесильного Бога, для Коего всё возможно и Кто избавляет от бед уповающих на Него. Ты же, будучи прельщен диаволом, впал в такую глубину заблуждения и погибели, что называешь волхвованием и чарами чудеса Бога моего, зримые вашими очами. Плачу я о вашей слепоте, называю вас окаянными и считаю недостойными моего ответа.

Тогда Диоклетиан повелел принести сапоги железные, раскалить длинные гвозди, вбитые в подошву их, обуть мученика в эти сапоги и так гнать его с побоями до темницы. Когда гнали мученика, обутого таким образом, мучитель, надругаясь, говорил:

– Какой ты быстрый скороход, Георгий, как скоро ты идешь!

Мученик же, бесчеловечно влачимый, подвергаясь жестоким ударам, говорил в себе:

– Иди, Георгий, чтобы достигнуть, потому что ты идешь «не к чему-то неизвестному» (см.: слав. 1Кор. 9:26, то есть к вечному спасению).

Затем, призывая Бога, говорил:

– Призри с небес, Господи, погляди на труд мой и услышь стенание окованного раба Твоего, ибо умножились враги мои и «лютою ненавистью они ненавидят меня» (Пс. 24:19), но Ты Сам исцели меня, Владыко, ибо сокрушаются кости мои, и дай мне терпение до конца, чтобы не сказал враг мой: я силен против него.

С такой молитвой шел святой Георгий в темницу. Заключенный там, изнемогал он телом, имея ноги растерзанными, но не изнемог духом. Весь день и всю ночь не переставал он возносить благодарение и молитвы Богу. И в ту ночь, Божиею помощью, исцелился от язв, ноги его и всё тело снова стали невредимыми.

Утром святой Георгий был представлен царю на месте позорищном, где пребывал царь со всем синклитом. Видя, что мученик ходит правильно и не хромает ногами, как будто ему и не причиняли язв, царь с удивлением сказал ему:

– Что же, Георгий, – нравятся ли тебе сапоги твои?

– Очень, – отвечал святой.

И сказал царь:

– Перестань быть дерзким, будь кроток и покорен и, отвергши волшебную хитрость, принеси жертву милостивым богам, чтобы не лишиться тебе сладкой сей жизни многими муками.

Отвечал Георгий святой:

– Как безумны вы, называющие силу Божию волхвованием и без стыда гордящиеся бесовскою прелестью!

Воззрев на святого гневными очами, Диоклетиан свирепым криком прервал речь его и велел предстоящим бить во уста его; пусть, сказал мучитель, он научится не досаждать царям. Затем, повелел Георгия бить воловьими жилами до тех пор, пока плоть его с кровью не прилипнет к земле.

Люто мучимый, святой Георгий не изменил светлости лица своего. Сильно удивляясь сему, царь говорил окружающим:

– Воистину сие не от мужества и крепости Георгия, а от волшебной хитрости.

Тогда Магненций сказал царю:

– Есть здесь некий муж, искусный в волхвовании. Если ты прикажешь его привести, вскоре будет побежден Георгий и придет тебе в повиновение.

Тотчас волхв был призван пред царя, и Диоклетиан сказал ему:

– Что скверный сей человек Георгий сотворил здесь, очи всех присутствующих видели; но как он сие сотворил, только вы знаете, искусные в той хитрости. Или победи и уничтожь его волхвование и сделай его покорным нам, или тотчас лиши его жизни чародейными травами, чтобы он принял подобающую себе смерть от той хитрости, которой научился. Поэтому-то я и оставлял его в живых до этих пор.

Волхв, именем Афанасий, обещался исполнить все повеленное на другой день.

Повелев сторожить мученика в темнице, царь оставил судилище, а святой вошел в темницу, призывая Бога:

– Прояви, Господи, милость Твою на мне, направь стопы мои к Твоему исповеданию и сохрани путь мой в вере Твоей, чтобы везде прославилось имя Твое пресвятое.

Утром царь снова явился на судилище и воссел на высоком месте в виду у всех. Пришел и Афанасий волхв, гордясь своей мудростью, неся чародейные пития в разных сосудах на показ царю и всем предстоящим. И сказал Афанасий:

– Пусть сейчас приведут сюда осужденного, и узрит он силу наших богов и моих чар.

Затем, взяв один сосуд, Афанасий сказал царю:

– Если хочешь, чтобы тот безумец во всем тебя послушался, пусть он выпьет это питие.

Взяв другой сосуд, волхв продолжал:

– Если же угодно будет суду твоему видеть горькую смерть того, пусть он сие выпьет.

Тотчас, по повелению царя, святой Георгий был приведен на суд. И сказал ему Диоклетиан:

– Сейчас твои волхвования, Георгий, будут разрушены и прекратятся.

И повелел насильно напоить святого чародейственным питием. Испив без колебания, Георгий остался невредимым, радуясь и насмехаясь над бесовской прелестью. Кипя яростью, царь велел насильно напоить его и другим питием, исполненным яда смертного. Святой же не стал ожидать насилия, а сам добровольно взял сосуд и выпил смертоносный яд, но остался невредимым, будучи сохранен от смерти помощью благодати Божией.

Удивился царь и весь синклит его; Афанасий волхв также пришел в недоумение. Через некоторое время царь сказал мученику:

– До каких пор, Георгий, будешь ты удивлять нас деяниями твоими, доколе не поведаешь нам истины, какими волшебными кознями ты дошел до презрения причиняемых тебе мук и остаешься невредимым от смертоносного пития? Скажи всё поистине нам, желающим тебя выслушать с кротостью.

Отвечал блаженный Георгий:

– Не думай, о царь, что я не обращаю внимания на муки, благодаря человеческому умышлению. Нет, я спасаюсь призыванием Христа и Его силою. Уповая на Него, по таинственному Его научению мы ни во что считаем муки.

И сказал Диоклетиан:

– В чем же состоит таинственное научение Христа Твоего?

Георгий отвечал:

– Он ведает, что ваша злоба ничего не достигнет, и научил Своих слуг не бояться убивающих тело, так как они не могут убить души. Ибо сказал Он: «но и волос с головы вашей не пропадет» (Лук. 21:18), «будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк.16:18). «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит» (Иоан. 14:12). Услышь, о царь, сие неложное Его обещание нам, о котором я вкратце говорю тебе.

– Какие же это дела Его, о которых ты говоришь? – спросил Диоклетиан.

Отвечал святой:

– Слепых просвещать, очищать прокаженных, подавать хождение – хромым, слух – глухим, духов нечистых изгонять, воскрешать мёртвых – вот сии и подобные сим дела Христовы.

Обратившись к Афанасию волхву, царь спросил его:

– Что ты скажешь на это?

– Удивляюсь, – отвечал Афанасий, – как он надругается над твоей кротостью, говоря ложь в надежде избежать державной руки твоей. Мы, наслаждающиеся ежедневно многими благодеяниями бессмертных богов наших, еще никогда не видали, чтобы они воскресили мёртвого. Сей же, уповая на человека мертвого и веруя в распятого Бога, без стыда говорит, что Он совершил великие дела. Так как Георгий перед всеми нами исповедал, что Бог его – совершитель таковых чудес и что верующие в Него приняли от Него неложное обещание, что и они будут творить такие дела, какие и Он сотворил, то пусть Георгий воскресит мертвеца пред тобою, о царь, и пред всеми нами. Тогда и мы покоримся его Богу, как всемогущему. Вот отсюда издали видна могила, в которой недавно положен мертвец, которого я знал при жизни. Если Георгий воскресит его, то воистину победит нас.

Изумился царь такому совету Афанасия. Гробница, указанная им, отстояла от судилища на половину стадии[2724]. Ибо суд происходил на месте бывшего театра, у ворот города. Гробница же та была за городом, так как по обычаю эллинов мертвецы их погребались вне города. И повелел царь мученику, чтобы он для показания силы Бога своего воскресил мертвого. Магненций же анфипат упросил царя освободить Георгия от оков. Когда оковы были сняты с Георгия, Магнеций сказал ему:

– Покажи, Георгий, чудесные дела Бога твоего, и ты приведешь всех нас к вере в Него.

И сказал ему святой:

– Бог мой, сотворивший всё из ничего, имеет силу воскресить через меня мертвеца того; вы же, помрачившие свой ум, не можете разуметь истины. Но Господь мой ради

присутствующего народа сотворит то, что вы, искушая меня, просите, – чтобы вы не приписали сего волхвованию. Справедливы слова волхва, приведенного вами, что ни волхвование, ни сила ваших богов никогда не могли воскресить мертвого. Я же пред лицом всех стоящих кругом и во всеуслышание призову Бога моего.

Сказав сие, Георгий преклонил колена и долго молился Богу со слезами; затем встав, Георгий громким голосом воззвал к Господу:

– Боже вечный, Боже милостивый, Боже всех сил, Всемогущий, не посрами уповающих на Тебя, Господи, Иисусе Христе; услышь меня, смиренного раба Твоего, в час сей, Ты, услышавший святых Апостолов Своих во всяком месте, при всяких чудесах и знамениях. Дай роду сему лукавому знамение просимое и воскреси мертвеца, лежащего во гробе, на позор отрицающих Тебя, во славу Твою, Твоего Отца и Пресвятого Духа. О Владыка, покажи предстоящим, что Ты Бог Един для всей земли, дабы они познали Тебя, Господа всесильного, Коему все повинуется и слава Коего вовеки. Аминь.

Когда же он сказал «аминь», вдруг загремел гром и потряслась земля, так что все ужаснулись. Тогда крыша гробницы пала на землю, открылся гроб, и мертвец встал живым и вышел из гроба. Все, видевшие сие, помертвели от ужаса. Тотчас разнеслась в народе молва о случившемся, и многие рыдали и прославляли Христа как великого Бога. Царь же и все с ним бывшие, исполнившись и страха и неверия, сначала говорили, что Георгий, будучи великим волхвом, восставил из гроба не мертвеца, а дух некий и привидение, чтобы прельстить видевших сие. Затем, убедившись, что пред ними не привидение, а действительно человек, воскресший из мертвых и призывающий имя Христово, царь и вельможи пришли в великое недоумение и изумление и молча окружили Георгия, совершенно не зная, что делать. Афанасий же припал к ногам святого, исповедуя, что Христос есть Всесильный Бог, и моля мученика, чтобы тот простил ему согрешения, содеянные в неведении. Спустя долгое время Диоклетиан, наконец, повелел народу умолкнуть и сказал:

– Видите ли прельщение, о мужи; видите ли злобу и лукавство волхвов сих? Нечестивейший Афанасий, помогая волхву, подобному себе, дал Георгию выпить не яд, но некое очарованное питье, которое помогло бы ему прельстить нас. Они живому человеку придали кажущийся вид мертвого и волшебством перед глазами нашими восставили его, как бы воскресшим из мертвых.

Сказавши это, царь повелел без допроса и предварительных мук отсечь головы Афанасию и воскресшему из мертвых; святого же мученика Христова Георгия велел держать в темнице и в оковах, пока он сам не освободится от дел народного правления и не придумает, как поступить с мучеником. Император удалился в свой дворец, а святого Георгия увели в тюрьму, где он радовался и благодарил Бога:

– Слава Тебе, Владыка, не посрамляющий тех, кто на Тебя уповает. Благодарю Тебя за то, что Ты мне помогаешь повсюду и с каждым днем проявляешь мне все большие благодеяния и благодатью Твоею украшаешь меня недостойного. Сподоби же меня, Боже, Боже мой, вскоре узреть славу Твою, посрамивши диавола до конца.

Когда великомученик Георгий пребывал в темнице, к нему приходили люди, от его чудес уверовавшие во Христа, давали страже золото, припадали к ногам святого и наставлялись им во святой вере. Призыванием имени Христова и знамением крестным святой исцелял и больных, во множестве приходивших к нему в темницу. Среди приходивших был некий муж, именем Гликерий, простой землепашец, у которого вол свалился с горы в лес и разбился до смерти. Услыхав о чудодеяниях святого, Гликерий пошел к нему, горюя о издохшем воле. Святой же улыбнулся и сказал ему:

– Иди, брат, и не печалься. Христос, Бог мой, возвратит вола твоего к жизни.

Землепашец пошел с твердою верою в слова мученика и действительно увидал своего вола живым. Тотчас же он возвратился к Георгию и, идя посреди города, громко взывал:

– Воистину велик Бог христианский!

За это его схватили воины и возвестили о нем царю. Диоклетиан исполнился гнева, не пожелал его видеть, и приказал тотчас отсечь ему голову за городом. На смерть за Христа Гликерий пошел с радостью, как на пир, впереди воинов, громким голосом призывая Христа Бога и моля, чтобы Он излияние крови его принял как крещение. Так скончался Гликерий.

Тогда некоторые мужи, принадлежавшие к синклиту, возвестили царю, что Георгий, находясь в темнице, возмущает народ, многих отвращает от богов к Распятому и чудодействует волхвованием так, что все идут к нему. Они при этом советовали, чтобы Георгий снова был предан пыткам, и, если не покается и не обратится к богам, то чтобы был тотчас осужден на смерть. Призвав анфипата Магненция, царь повелел наутро приготовить судилище при капище Аполлона, чтобы на глазах народа испытать мученика. В ту ночь, когда святой Георгий молился в темнице, задремав, узрел он во сне явившегося Господа, Который поднимал его рукою, обнимая, лобызал его и возлагал ему на главу венец, говоря:

– Не бойся, но дерзай, и сподобишься со Мною царствовать. Не изнемогай, ты скоро придешь ко Мне и получишь уготованное тебе.

Очнувшись от сна, святой радостно возблагодарил Господа и, позвав стража темничного, сказал ему:

– Прошу тебя, брат, об одном благодеянии; прикажи войти сюда слуге моему. Мне надо сказать ему нечто.

Страж позвал слугу, который постоянно стоял у темницы и тщательно записывал деяния и речи святого. Вошедши, слуга до земли поклонился господину своему, сидящему в оковах, и приник к его ногам и залился слезами. Святой поднял его с земли, велел ему укрепиться духом и возвестил ему свое видение, говоря:

– Чадо! Скоро Господь призовет меня к Себе, ты же по моем исходе от сей жизни, возьми мое смиренное тело и, согласно завещанию, которое я написал раньше моего подвига, отнеси с помощью Божиею в палестинский дом наш и исполни

всё по завещанию моему, имея страх Божий и твердую веру во Христа.

Слуга со слезами обещался исполнить повеленное. Святой любовно обнял его, дал ему последнее целование и отпустил с миром.

Наутро, как только взошло солнце, царь воссел на судилище и, сдерживая гнев, стал кротко беседовать с Георгием, приведенным пред лицо его:

– Разве ты не думаешь, о Георгий, что я исполнен человеколюбия и милости к тебе, с благосердием перенося твои преступления? Боги мои свидетели тому, что я щажу юность твою, ради твоей цветущей красоты, разума и мужества. И хотел бы я иметь тебя соправителем, вторым по чести в царстве моем, если бы ты только пожелал обратиться к богам. Скажи же нам, что ты об этом думаешь?

Святой Георгий сказал:

– О царь, тебе сначала бы следовало проявить ко мне такую милость, а не мучить меня такими лютыми муками.

Услышав с удовольствием сию речь мученика, царь сказал:

– Если ты захочешь с любовью повиноваться мне как отцу, за все муки, которые ты перенес, я воздам тебе многими почестями.

Георгий отвечал:

– Если тебе угодно, царь, войдем внутрь храма, чтобы увидеть богов, почитаемых вами.

Царь с радостью восстал и пошел со всем синклитом и народом во храм Аполлона, с честью ведя с собою святого Георгия. Народ кликом приветствовал царя, прославляя могущество и победу своих богов.

Войдя в храм, где было приготовлено жертвоприношение, все с молчанием взирали на мученика, без сомнения ожидая, что он принесет богам жертву. Святой же подошел к идолу Аполлона, простер к нему руку и спросил его безумного, как бы живого:

– Ты ли хочешь принять от меня жертву, как бог?

При этих словах святой сотворил крестное знамение. Бес же, обитавший в идоле, воскликнул:

– Я не бог, не бог и никто из подобных мне. Един Бог Тот, Кого ты исповедуешь. Мы же отступники из Ангелов, служивших Ему; мы, одержимые завистью, прельщаем людей.

Святой тогда сказал бесу:

– Как же вы смеете обитать здесь, когда сюда пришел я, служитель истинного Бога?

При этих словах святого поднялся шум и плач, исходившие от идолов. Затем они пали на землю и сокрушились. Тотчас жрецы и многие из народа, как неистовые, яростно устремились на святого, стали его бить и вязать и взывали к царю:

– Убей сего волхва, о царь, убей его прежде, чем он погубит нас.

Слух об этом смятении и вопле распространился по всему городу и дошел до слуха царицы Александры. До этих пор таившая в себе веру во Христа, царица не имела сил дольше скрывать своего исповедания и немедленно отправилась туда, где находился святой великомученик Георгий.

Видя народное смятение и узрев издалека мученика, которого держали связанным, царица тщетно старалась пройти к нему через толпу и стала громко взывать:

– Бог Георгия, помоги мне, так как Ты Один Всесилен.

Когда крик народный стих, Диоклетиан велел подвести мученика к себе и, уподобившись в своей ярости бесноватому, сказал святому:

– Такую-то благодарность воздаешь ты, мерзкий, за мое милосердие, таким-то образом ты привык приносить жертву богам.

Отвечал ему святой Георгий:

– Да, я так привык почитать богов твоих. О безумный царь, стыдись приписывать твое спасение богам, которые ни себе не могут помочь, ни могут стерпеть присутствие Христовых рабов.

Когда святой говорил сие, царица наконец прошла через толпу на средину, дерзновенно исповедуя перед всеми, что Христос истинный Бог. Она припала к ногам мученика и, надругаясь над безумием мучителя, укоряла богов и проклинала поклоняющихся им. Видя свою супругу, которая у

ног мученика с такой смелостью славила Христа и уничижала идолов, царь пришел в великое изумление и сказал ей:

– Что с тобою случилось, Александра, что ты присоединяешься к сему волхву и чародею и столь бесстыдно отрекаешься от богов?

Она же, отвернувшись, не ответила царю. Диоклетиан исполнился еще большей ярости и уже не стал пытать ни Георгия, ни царицу, но тотчас изрек такой смертный приговор обоим:

– Злейшего Георгия, который объявил себя последователем Галилеянина[2725] и много хулил меня и богов, вместе с Александрою царицею, развращенною его волхвованием и подобно ему безумно укорявшею богов, повелеваю усечь мечом.

Воины схватили мученика, опутанного оковами, и повели за город. Повлекли они и благороднейшую царицу, которая без сопротивления последовала за Георгием, молясь в себе и часто взирая на небо. На пути изнемогла царица и попросила позволения присесть. Севши, она прислонилась головой к стене и предала дух свой Господу. Видя сие, мученик Христов Георгий прославил Бога и пошел, молясь Господу, чтобы и его путь окончился достойно. Когда Георгий приблизился к месту, назначенному для его казни, то громким голосом изрёк молитву:

– Благословен Ты, Господи Боже мой, ибо не предал меня в добычу ищущих меня, не возвеселил врагов моих и избавил душу мою, как птицу от сети. Услышь меня и ныне, Владыка, предстань мне рабу Твоему в последний сей час и избавь душу мою от козней воздушного князя и от духов его нечистых. Не поставь во грех согрешившим против меня по неведению, но подай им прощение и любовь, чтобы и они, познав Тебя, получили участие в Твоем Царстве, с избранниками Твоими. Приими и мою душу с благоугодившими Тебе от века, презрев мои грехи, совершенные в ведении и неведении. Помяни, Владыка, призывающих славное имя Твое, ибо Ты благословен и препрославлен вовеки. Аминь.

Помолившись, святой Георгий с радостью преклонил под меч свою главу и так скончался в двадцать третий день месяца

апреля, достойно совершив свое исповедание и сохранив веру непорочную. Поэтому он и увенчан избранным венцом правды[2726].

Таково торжество великих подвигов храброго воина, таково ополчение его на врагов и славная победа, так подвизаясь, сподобился он нетленного и вечного венца. По молитвам его и мы да сподобимся удела праведных и стояния одесную в день Второго Пришествия Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Чудеса святого великомученика Георгия

В странах сирийских был город, называемый Рамель, в котором созидалась церковь каменная во имя святого великомученика Георгия. И не случилось в том месте подходящих камней, из которых возможно было бы сделать великие каменные столпы к утверждению здания церковного. Такие столпы обыкновенно покупались в далеких странах и привозились по морю. Многие из боголюбивых граждан Рамеля отправились в различные страны, чтобы купить каменные столпы для созидаемой церкви. С тою целью поехала и некая благочестивая вдова, имевшая усердие и веру ко святому великомученику Георгию, желая купить из своих небольших средств один столп для храма Георгия. Купивши в некоей стране прекрасный столп, она привезла его к морскому берегу, где градоначальник Рамеля, приобретший несколько столпов, грузил их на корабль. И стала та женщина умолять сановника, чтобы он взял на свой корабль и ее столп и доставил бы его к церкви мученика. Богач не послушал ее просьбы, не взял ее столпа, но отплыл, нагрузив корабль только своими столпами. Тогда женщина пала от жалости на землю и со слезами призывала на помощь великомученика, чтобы он как-нибудь устроил доставку ее столпа в Рамель к своей церкви. В печали и в слезах она уснула, и явился ей в сонном видении святой великомученик Георгий, на коне в образе воеводы, поднял ее с земли и сказал:

– О женщина, расскажи мне, в чем дело?

Она поведала святому причину своей печали. Тот сошел с коня и спросил ее:

– Где ты хочешь поставить столп?

Она ответила:

– На правой стороне церкви.

Тотчас святой начертал перстом на столпе следующее:

– Столп сей вдовицы пусть будет поставлен вторым в ряде столпов на правой стороне церкви.

Написав сие, Георгий сказал женщине:

– Помоги мне ты сама.

И вот, когда они взялись за столп, камень стал легким, и они ввергли столп в море. Вот что видела женщина во сне.

Проснувшись, она не нашла столпа на своем месте и, возложив надежду на Бога и на раба Его, святого Георгия, отправилась на родину. Но прежде чем она прибыла туда и прежде чем приплыл корабль, на другой день после ее видения столп ее нашли лежащим на берегу Рамельской пристани. Когда градоначальник, по имени Василий, привез на корабле свои столпы и вышел на берег, то увидел столп вдовицы и надпись на нем, изображенную перстом святого. Изумился муж тот и, уразумев чудо святого великомученика, познал свое согрешение и раскаялся в том, что презрел просьбу вдовицы. Многими молитвами просил он Георгия о прощении и получил его от святого, явившегося ему в видении. Столп же вдовицы был поставлен на том месте, где было указано надписью на нем, в память о благочестивой женщине во удивление чуда, содеянного святым великомучеником, и во славу Христа Бога нашего, Источника чудес.

Спустя много лет, когда Сирию завоевали сарацины, в городе Рамеле, в церкви святого великомученика Георгия совершилось такое чудо:

Некий знатный сарацин в сопровождении других своих единоплеменников вошел во храм во время церковного правила и, увидев икону святого Георгия, а также священника, стоявшего пред иконою, поклонявшегося ей и воссылавшего молитвы ко святому, – сказал своим друзьям по-сарацински:

– Видите ли вы, что делает этот безумец? – Доске молится. Принесите же мне лук и стрелу, и я прострелю эту доску.

Тотчас был принесен лук, и сарацин, стоя позади всех, натянул лук и пустил стрелу в икону великомученика. Однако стрела не полетела к иконе, но поднялась кверху и, упав вниз, вонзилась в руку тому сарацину, сильно ранив его. Немедленно же сарацин отправился к себе домой, чувствуя сильную боль в руке. Боль увеличивалась всё более и более, рука сарацина отекла, надулась как мех, так что от сильных страданий сарацин стонал.

У этого сарацина дома было несколько рабынь христианок. Призвав их, он сказал им:

– Я был в церкви вашего бога Георгия и хотел прострелить его икону. Однако я пустил стрелу из лука столь неудачно, что, упав вниз, стрела сильно ранила меня в руку, и вот теперь я умираю от нестерпимой боли.

Рабыни же те сказали ему:

– Как думаешь ты: хорошо ли сделал ты, дерзнув нанести такое оскорбление иконе святого мученика?

Сарацин отвечал им:

– Имела ли эта икона силу сделать так, что я теперь стал болен?

Рабыни ответили ему:

– Мы не сведущи в книгах и потому не знаем, что ответить тебе. Но позови нашего священника, и он скажет тебе о том, что ты спрашиваешь.

Сарацин послушался совета своих рабынь и, призвав священника, сказал ему:

– Я хочу знать, какую силу имеет та доска, или икона, которой ты поклонялся.

Священник ответил ему:

– Я поклонялся не доске, но Богу моему, Создателю вселенной. Начертанного же на доске святого великомученика Георгия я молил о том, чтобы он был мне ходатаем пред Богом.

Сарацин спросил его:

– Кто же Георгий, как не ваш бог?

Священник отвечал:

– Святой Георгий – не бог наш, но только слуга Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Он был человеком, подобным нам во всем. Он претерпел множество мучений от язычников, принуждавших его отречься от Христа; но, мужественно противостав им и сделавшись исповедником за имя Христово, он получил от Бога дар – творить знамения и чудеса. Мы же, христиане, почитая его, уважаем и его икону, и, взирая на нее, как бы на самого святого, поклоняемся ей и лобызаем ее. То же самое и ты делаешь; так, когда умирают дорогие твоему сердцу родители или твои братья, ты, смотря на их одежды, плачешь пред ними, целуешь их, представляя себе в этих одеждах как бы тех самых людей, которые умерли. Точно так и мы почитаем иконы святых, – не как богов (да не будет этого!), – но как изображение слуг Божиих, которые чудодействуют и самыми иконами своими; тебе самому, дерзнувшему пустить стрелу в икону святого мученика, случилось уведать его силу в научение и назидание другим.

Выслушав это, сарацин сказал:

– Что же я теперь должен делать? Ты видишь, что рука моя сильно отекла; я нестерпимо страдаю и приближаюсь к смерти.

Священник сказал ему:

– Если хочешь остаться живым и выздороветь, то прикажи принести к тебе икону святого великомученика Георгия, поставь ее над своею постелью, устрой пред иконою лампаду с елеем и возжги в ней светильник на всю ночь; утром же помажь больную руку твою елеем от лампады, твердо веруя, что ты исцелеешь, – и ты будешь здоров.

Сарацин тотчас же стал просить священника принести к нему икону Георгия и, приняв ее с радостью, сделал так, как научил его священник. Утром он помазал руку свою елеем от лампады, и тотчас боль в руке его остановилась, и рука его стала здоровою.

Будучи удивлен и поражен таковым чудом, сарацин тот спросил священника, – не написано ли что в его книгах о святом Георгии?

Священник принес ему повествование о житии и страданиях святого и начал читать его сарацину. Сарацин же, со

вниманием слушая чтение, все время держал в руках икону мученика и, обратившись к святому, изображенному на иконе, как к живому человеку, со слезами воскликнул:

– О святой Георгий! Ты был юн, но разумен, я же стар, но безумен! Ты еще в молодых годах угодил Богу, я же дожил до старости, и всё еще не знаю истинного Бога! Помолись же о мне к Богу твоему, чтобы Он сподобил и меня быть Его рабом!

Затем, припав к ногам священника, сарацин начал просить его о том, чтобы он сподобил его святого крещения.

Священник сначала не соглашался на это, ибо боялся сарацин. Но видя его веру и будучи не в силах противостоять его просьбам, крестил его ночью, тайно от сарацин.

Когда наступило утро, новокрещенный сарацин вышел из дома своего и, став посреди города на глазах у всех, начал с великим усердием громко проповедовать Христа, Бога истинного, веру же сарацин стал проклинать. Тотчас его обступило множество сарацин: исполнившись гнева и ярости, они устремились на него, как дикие звери, и мечами своими рассекли его на мелкие части.

Таким образом сарацин тот в столь непродолжительное время совершил добрый подвиг исповедничества за Христа и принял венец мученический, по молитвам святого великомученика Георгия.

На острове Митилене[2727] был храм, великий и славный, созданный в честь святого великомученика Георгия. Жители этого острова имели благочестивый обычай – в день памяти святого мученика собираться в этом храме для общего торжественного чествования святого Георгия. Об этом узнали агаряне[2728], жившие на острове Крите[2729], которые однажды вечером и напали на то место. Те из христиан, которые были вне храма, спаслись бегством от рук агарян; находившиеся же в храме были взяты агарянами и отведены в плен. В числе этих последних был взят в плен и один юноша-христианин, который был отведен на остров Крит и взят начальником агарян к себе в услужение.

Родители этого юноши, хотя и лишились сына своего, однако, не изменили своему благочестивому обычаю: когда

наступил годовой праздник памяти святого мученика, они отправились в храм для молебствия святому мученику, а потом устроили у себя дома пиршество в честь и память святого Георгия. Когда гости начали уже собираться на пиршество, мать того плененного юноши, придя в храм (бывший неподалеку от ее дома), со слезами упала здесь на колени и горячо молила святого – избавить сына ее из плена судьбами, какими самому святому было ведомо. Ее горячая молитва была услышана. Когда она, окончив свою молитву, возвратилась к гостям на пиршество, то в тот момент, когда муж ее, призвав молитвенно святого великомученика и восхвалив его, как помощника и заступника, уже собирался чествовать гостей и виночерпии уже стояли наготове, – вдруг в это мгновение юноша тот был взят святым Георгием из места пленения своего и принесен в дом его родителей; при этом юноша держал в руке своей сосуд с вином, которое и предлагал матери своей. Оказалось, что в эту минуту юноша тот, находясь в Крите, прислуживал начальнику агарян, вкушавшему пищу, и уже приготовился подать ему вино, как внезапно, подобно древнему Аввакуму, был восхищен на воздух и перенесен на остров Митилен с сосудом, наполненным вином. Все, сидевшие за столом, увидев юношу того, сильно изумились, и в один голос спросили его:

– Где ты был, откуда пришел и каким образом оказался здесь?

Он же ответил им:

– Я наполнил этот сосуд вином, чтобы подать его моему начальнику. Но в это мгновение был внезапно взят каким-то славным мужем, сидевшим на коне, который посадил меня также на коня. Одною рукою я держался за пояс этого мужа, а в другой я держал вот этот сосуд с вином, и потом оказался здесь, как вы видите сами.

Услышав это, все удивились о столь преславном чуде и, встав из-за стола, воздали благодарение Богу и Его угоднику, святому великомученику Георгию.

Подобное этому чуду рассказал также и Косма монах:

– В царствование греческого царя Василия[2730] (я был тогда еще юношей) начальник мой, воевода, у которого я служил, был

послан царем на остров Кипр[2731]. Пришед сюда, мы услышали повесть о чуде, сотворенном святым великомучеником Георгием в храме, созданном во славу и честь его имени, в день праздника его, именно: сын священника, служившего в этом храме, был пленен сарацинами, ныне же – в день памяти святого Георгия, оказался близ отца своего, во время совершения литургии. Воевода, призвав к себе упомянутого священника и сына его, спросил последнего:

– Каким образом ты спасся от сарацин?

Юноша же тот рассказал о себе следующее:

– Богу благоугодно было, чтобы святой Георгий освободил меня. Я же сам не знаю, каким образом я пришел сюда; знаю только, что я находился в плену уже третий год. Меня послал однажды отец мой на корабле сделать некоторые закупки вместе с несколькими спутниками. Но на нас напали сарацины, пленили нас всех и отвели меня в Палестину (в это время Иерусалим и вся вообще Палестина уже находилась в руках сарацин). Здесь я служил, – повествовал юноша, – моему господину три года; нынче вот уже восемнадцатый день, как господин мой приказал мне принести его постель в баню, намереваясь здесь мыться. Когда же он вымылся, то сказал мне:

– Не принес ли ты мне напитка, чтобы я испил его.

Я же сказал ему (повествует юноша):

– Нет, не принес, господин мой.

Он же уже намеревался меня ударить, но я, избежав его рук, направился в дом госпожи моей и, взяв у нее сосуд с тем напитком, возвращался уже в баню, к господину своему. Дорога, по которой я шел, пролегала мимо храма христианского, в котором в это время совершалась Божественная литургия. Я слышал кондак, который пели святому Георгию: «возделан от Бога показался еси» Пение это тронуло меня до слез, и я сказал от глубины сердца:

– Святой великомученик Георгий! Неужели до Бога и до тебя не дошли воздыхания отца моего? Неужели ты презришь слёзы его, которые он проливает в храме, посвященном твоему

имени, умоляя тебя за меня, дабы ты спас меня от этого плена и избавил меня от этого рабства?

Сказав это, я пошел в баню. Господин мой, увидав слёзы на моих глазах, начал бранить меня и с гневом сказал мне:

– Налей мне напитка этого.

Я налил напитка в сосуд. Потом господин сказал мне:

– Прибавь еще немного.

Когда я взял сосуд, чтобы из него налить напитка, мне показалось, что я начинаю плохо видеть своего господина. Я воскликнул:

– Господин, я не вижу!

В это время меня восхитила от земли какая-то сила, и потому я уже не слыхал, что говорил мне господин мой, но услышал пение этих слов: «Един свят, един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь». Тотчас я увидел себя в алтаре, увидел также и отца моего, державшего в руках своих святой потир и говорившего церковным служителям:

– Дайте напитка.

Стоя около отца, я хотел было влить напиток, который был у меня в руках, во святой потир, потому что в то самое мгновение, когда я был в бане и стоял около сарацина, держа в руке своей сосуд с напитком, – в это же мгновение я внезапно оказался в алтаре вблизи своего отца, совершавшего литургию. Отец мой, посмотрев на меня, спросил сослужащих:

– Кто сей юноша?

Те же отвечали с удивлением:

– Не знаем, кто таков и откуда он пришел сюда, – так как я был острижен и имел на себе сарацинскую одежду. Я же сказал отцу:

– Отец! Неужели ты не узнаешь меня? Я Филофей – сын твой.

Тогда отец мой сказал мне:

– А для чего этот сосуд в руках твоих и что в нем находится?

Я сказал:

– Это напиток сарацинский. Я находился сию минуту со своим господином в бане, близ Иерусалима, и в тот момент, как

я хотел ему подать это питье, внезапно оказался около тебя в этом храме.

Услышав это, отец мой весьма ужаснулся и едва не выпустил из рук святого потира. А я в этот момент выпустил из рук своих сосуд с напитком и, поддержав руки отца, сказал ему:

– Не смущайся, отец мой, но окончи службу.

Затем отец мой, поставив потир на святой трапезе, поднял руки свои к небу и возблагодарил Бога и Его святого угодника Георгия. Сосуд же, который я уронил на мраморный пол, не разбился.

Окончив службу, отец мой обнял меня и облобызал со слезами; затем мы пошли домой.

Все наши родственники и друзья, услыхав обо всем, происшедшем со мною, собрались к нам в дом и, увидев меня, возрадовались и прославили Бога и Его угодника, святого Георгия, избавившего меня от сарацин в мгновение ока.

Воевода и все бывшие с ним, выслушав это повествование сына священника, прославили Бога и святого Георгия; затем, дав сему юноше и отцу его большие подарки, отпустили его с честью.

Повествуют еще об одном подобном же чуде святого великомученика Георгия следующее.

В Пафлагонии[2732], в городе Амастриде, жила благочестивая чета – Леонтий и Феофана. Оба они имели великую веру ко святому великомученику Георгию и часто приходили в храм его имени, находившийся неподалеку от них, близ реки, называвшейся Партениос (от имени реки и храм тот носил прозвище: «Партениэ»). Эта благочестивая чета по своей любви ко святому украшала храм сей из своего достатка, считая сего святого мученика охранителем и промыслителем всего своего имущества. Каждый год сии благочестивые христиане честно и благоговейно совершали празднование памяти святого мученика, причем творили в этот день много милостыни и устраивали пиршество для нищих и убогих, а также и для своих родственников и друзей. Они имели сына, по имени Георгия; постоянно имея в мысли святого мученика, они и сына своего нарекли именем Георгия.

В это время над греками царствовал Константин 7-ой[2733], – сын царя Льва Мудрого. Тогда началась война между болгарами и греками; болгары, вступив в союз с венграми и скифами, подошли к греческим областям и опустошали их, пленяя жителей; по этой причине необходимо было готовиться к войне и грекам. А так как Леонтий, – житель города Амастриды в Пафлагонии, – был воином, то необходимо было и ему идти на войну с болгарами. Но в виду того, что Леонтий был уже в преклонных летах, а сын его – Георгий – в летах юношеских, он решил вместо себя послать в войско своего сына. Взяв его, Леонтий и Феофана прежде всего отправились с ним в вышеупомянутой храм и, молясь здесь пред иконою великомученика, говорили так:

– Тебе, святой великомученик Георгий, мы вручаем своего единородного сына, которого мы, любя тебя, нарекли твоим именем! Будь ему вождем в пути, охранителем в брани, и возврати нам его живым и здоровым, дабы мы, получив от тебя благодеяние по вере своей, многими благими делами прославляли всегда твое попечение и заботу о нас.

Помолившись так, они отпустили сына своего в полки войска греческого.

Затем началась война. Первоначально греки одолевали болгар, но потом болгары, собравшись с силами, стали побеждать греков, по попущению Божию. Между противниками произошло решительное сражение, причем весьма многие из греков пали от меча врагов.

В это время Георгий, сын Леонтиев, был взят некиим болгарянином в плен и, по молитвам святого Георгия, был сохранен от смерти, ибо, сожалея юность его и красоту лица, болгарянин тот пощадил Георгия и увел его в свою землю, где Георгий служил своему господину в качестве раба.

Леонтий же и Феофана, услышав, что греческое войско было побеждено болгарским, и видя, что сын их к ним не возвращается, плакали и рыдали неутешно, думая, что сын их убит на поле битвы. Придя в упомянутый храм, они обратились к иконе святого великомученика с такими словами:

– Для того ли, Христов мученик, мы доверили тебе своего сына, чтобы он был пищею птицам небесным и зверям земным? Так ли ты слышишь наши ежедневные молитвы и воздыхание к тебе? Если ты не умилосердился ради нас, пришедших уже в старость, то по крайней мере пожалел бы цветущую юность того отрока. Ради чего презрел ты смирение наше, угодник Божий?

Это и другое подобное говорили старцы с великим воплем и многими слезами, так что все, бывшие в этом храме, не могли удержаться от слёз. Особенно же мать того юноши непрестанно плакала каждый день.

Упомянутая победа болгар над греками произошла в месяце августе. Когда же прошла осень и зима, наступил месяц апрель и приближался день памяти святого великомученика Георгия. Леонтий с супругою своею, хотя уже отчаялись в жизни сына своего, думая, что он погиб на поле битвы, однако, не забыли своего усердия к святому мученику и по обычаю приготовили на день памяти его богатый обед.

Когда окончились церковные службы, Леонтий и Феофана позвали к себе многих гостей – родственников, знакомых, нищих, убогих. Во время обеда гости беседовали все время только о Георгии, сыне Леонтия и Феофаны, не возвратившемся с битвы. Родители юноши все время рыдали, гости же старались утешить их, и особенно утешали сильно печалившуюся мать.

Между тем Георгий, находясь в плену, исполнял у господина своего обязанность повара. В этот день, приготовляя пищу, он вспомнил о доме своих родителей, о празднестве, которое совершалось в доме их, вспомнил также и своих родных, друзей и знакомых, и в мыслях своих подумал:

– Хорошо бы узнать: каков нынче обед в доме моих родителей? Кто приглашён на обед? Как обо мне думают: жив я, или умер?

Думая так про себя, Георгий горько плакал.

Между тем наступило время обеда господина его, и необходимо было, чтобы сам Георгий нес одно из яств в горшке к господину своему. Георгий утер слёзы и, взяв из печи горячий горшок, понёс его. Вдруг он почувствовал себя стоящим в доме

родителей своих посреди всех гостей. Великое чудо! Все, бывшие здесь, увидя Георгия, сына Леонтиева, с горячим горшком, пришли в великий ужас; родители же его подумали, что видят привидение пред собою; затем, догадавшись, что это не привидение, а действительность, с великою радостью устремились к сыну своему и, припав к груди его, обнимали и целовали его, плача от столь неожиданной и великой радости. Когда же начали спрашивать Георгия: – как он остался живым, где он был и каким образом оказался здесь, – то он подробно рассказал всё, как о своем пленении, так и об избавлении от плена. Именно, он сказал следующее:

– Сию минуту я работал на кухне господина моего. Мне было приказано принести к моему господину вот эту пищу в горшке. Взяв горшок, я отправился к господину моему, но, сделав несколько шагов по лестнице, ведущей в горницу, в которой обедал мой господин, я неожиданно увидал какого-то воина, сидевшего на коне и сиявшего несказанным светом; он взял меня вместе с этим горшком и поставил меня здесь перед вами, не знаю уже каким образом.

Услыхав это, все бывшие там, а особенно родители Георгия, воздали усердное благодарение Богу и Его святому угоднику великомученику Георгию.

Когда, затем, все начали вкушать пищи из того горшка, то случилось новое чудо: сколько вкушали из горшка, столько в него снова прибавлялось; хотя горшок был настолько мал, что содержимое его мог съесть и один человек, обедавших было весьма много, но все ели до сытости, хваля Бога и говоря:

– Вот, святой великомученик Георгий на праздник свой прислал нам от болгар хорошую пищу!

Затем горшок тот был передан вместе со многими дарами и приношениями в храм святого великомученика и хранился там среди священных сосудов, в воспоминание славного чуда, совершенного святым великомучеником Георгием.

Упомянутый храм святого Георгия был очень древний и сильно уже обветшал, так что каждую минуту мог упасть; но не было никого, кто бы выстроил новую церковь, или бы обновил тот ветхий храм: ибо по причине бедности жителей того места,

церковь та была оставлена без внимания. Однажды в ней совершилось такое чудо.

Дети, собираясь около этой церкви, играли здесь друг с другом, причём поносили и насмехались над одним отроком, которого они всегда побеждали в играх. Потеряв терпение по причине постоянных насмешек, отрок тот, обратившись к храму святого Георгия, сказал:

– Святой Георгий! Помоги и мне одолеть моих противников; в благодарность за это я принесу в храм твой большой пирог.

И действительно отрок тот победил своих товарищей в играх, и победил не один, а два и еще много раз.

Пришедши к своей матери, отрок тот сказал ей, что обещал святому в дар пирог, и просил его у нее, чтобы исполнить свой обет святому.

Мать его из любви к ребенку, а также из уважения к мученику, приготовила пирог, согласно просьбе своего сына, и передала его сыну еще теплым, не успевшим остыть. Отрок тот принес пирог в церковь и, положив его пред алтарем, поклонился и ушел.

Случилось, что в это время мимо той церкви проходили четыре купца. Они вошли в церковь для того, чтобы поклониться святому Георгию, и увидели на полу вкусный пирог (он еще не остыл и от него шел ароматный пар). Купцы сказали друг другу:

– Это не нужно святому. Съедим пирог, а вместо него положим фимиам.

Когда они съели пирог, то направились к выходу из церкви; но никак не могли найти дверей, потому что двери им представлялись стеною. Тогда они положили на пол по одной серебряной монете, однако, не могли найти выхода. Потом положили все вместе одну золотую монету, и усердно помолились святому, чтобы он помог им выйти; но и на этот раз не нашли выхода, будучи одержимы как бы слепотою. Наконец, положили все четверо по золотой монете и еще более усердно помолились, и тогда нашли выход, ибо нашли двери церковные открытыми и прошли сквозь них.

Эти золотые и серебряные монеты послужили началом к собиранию денег, необходимых для обновления того храма, ибо слух о чуде том прошел по всей стране той и многие благочестивые люди добровольно приносили туда золото и серебро; на эти деньги был создан новый каменный храм, более обширный, в достаточной мере украшенный и снабженный всеми необходимыми принадлежностями для богослужения. В том храме совершались многие чудеса во славу Христа Бога и в похвалу святого великомученика Георгия.

Повествуют также и о следующем чуде, совершенном святым великомучеником Георгием над отроком, уязвленным смертоносною змеей. Рассказ об этом чуде передал один из благочестивых подвижников, авва Георгий, имевший себе тезоименитого[2734] помощника – святого Георгия.

– Когда я шел однажды, поднимаясь в гору, и держал в руках крест, меня встретил какой-то старый монах; взяв у меня крест, он пошел впереди меня. Пройдя немного, он свернул на тропинку. Я пошел вслед за ним. Продолжая идти, я увидел стадо овец и отрока-пастуха, лежавшего на земле и умиравшего от ужаления змеи. Поблизости от того места был источник. Старец сказал мне:

– Зачерпни воды, чтобы облить ею крест.

Затем мы, зачерпнув воду и раскрыв уста отроку, влили ему в рот эту воду, излитую на крест; при этом старец сказал:

– Во имя Пресвятой Троицы исцеляет тебя святой великомученик Георгий!

Наклонившись, отрок тот изрыгнул из себя смертоносный яд и встал на ноги.

Затем старец сказал ему:

– Скажи мне, не клялся ли ты вчера убогой вдове, овцу которой поручено было тебе пасти, но которую ты продал за три сребренника? Не говорил ли ты ей: волк съел овцу?

Отрок ответил ему:

– Да, отче, действительно было так. Но каким же образом ты узнал это?

Старец сказал ему:

– Когда я сидел в своей келье, ко мне приехал некий муж на белом коне и сказал мне:

– Софроний, встань и иди поскорее к источнику, находящемуся по правую сторону от тебя, на юг. Там ты найдешь отрока, укушенного змеей, увидишь также и монаха, несущего в руке крест, вырезанный из дерева. Взяв крест тот, ты облей его водою и дай выпить ту воду отроку, при этом ты скажи следующие слова: – во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, исцеляет тебя раб Божий, мученик Георгий. Затем скажи отроку тому: не клянись больше именем Божиим, ни святыми Его, не поступай ни с кем неправдиво и отдай той убогой вдовице овцу, дабы не случилось с тобою что-либо еще худшее.

Когда юноша услыхал это от старца, то, упав к ногам его, сказал:

– Прости меня, отче, ибо всё действительно было так: я продал за три сребренника овцу вдовы той и вчера обманул ее, сказав, что волк съел ее овцу. Женщина та сказала мне: «Верно ли это, или нет?» Я же сказал ей: «Да, я могу призвать во свидетели Бога истинного». Женщина сказала мне: «Разве ты не знаешь, что я бедная вдова? Впрочем поступай так, как знаешь. Но смотри, с тебя взыщет Бог и святой Георгий, потому что я обещала дать ту овцу на праздник Георгия убогим». Я же, – продолжал юноша, – так как прельстился и впал в грех, то молю тебя, отче, помолись обо мне Богу и святому Георгию, дабы был отпущен мне грех мой. А я теперь же дам женщине той трех козлов на день памяти святого Георгия и до конца жизни моей буду давать каждый год в день памяти святого мученика в пользу бедных десятую часть всего того, что я заработаю.

Таким-то образом исцеленный юноша тот, испросив молитву и прощение у блаженного Софрония, приступил к своему занятию, благодаря Бога и угодника Его, святого великомученика Георгия.

Нельзя не упомянуть и о славном чуде убиения змея, совершенном святым великомучеником Георгием близ отечества своего палестинского, в стране сиро-финикийской, в городе Бейруте[2735], стоящем на берегу Средиземного моря, невдалеке от города Лидды, где и погребено было тело святого

великомученика. Место совершения чуда этого показывается путешественникам по Палестине. Согласно описанию повествователей об этом чуде, оно произошло при следующих обстоятельствах.

Около упомянутого города Бейрута близ Ливанских гор находилось большое озеро, в котором жил змей – губитель, великий и страшный. Выходя из этого озера, змей тот похищал многих людей, увлекал их в озеро и там пожирал их. Много раз народ, вооружившись, выступал против него, но каждый раз змей прогонял народ, потому что, приблизившись к стенам города, наполнял воздух своим губительным дыханием, так что уже от одного этого многие заболевали и умирали. По причине этого в том городе постоянно была скорбь, печаль, вопль и плач великий. В этом городе жили люди неверные – идолопоклонники, здесь же жил и сам царь их.

Однажды жители города того, собравшись вместе, отправились к своему царю и сказали ему:

– Что нам делать, ибо вот мы погибаем от змея того?

Он же ответил им:

– Я вам сообщу то, что мне откроют боги.

Затем царь, по научению живущих в идолах бесов, губителей душ человеческих, возвестил им такое решение: если они не хотят погибать все, то пусть дают в пищу тому змею каждый день по жребию своих детей, сыновей или дочерей. При этом царь прибавил:

– Когда дойдет очередь до меня, то и я, хотя и имею одну только дочь, но и ее отдам.

Жители того города приняли этот совет царский или, лучше сказать, бесовский и давали все, как важные, так и неважные граждане, каждый день на съедение змею одного из сыновей и дочерей своих, хотя весьма сожалели и плакали о них. Отдаваемых на съедение змею ставили на берегу озера, нарядив в лучшие одежды; змей же тот, выходя из озера, похищал их и съедал.

Когда очередь обошла всех людей того города, они пришли к самому царю и сказали ему:

– Вот, царь, по твоему совету и постановлению отдавали мы детей своих змею. Очередь уже обошла всех. Что же теперь ты нам повелишь делать?

Царь ответил им на это:

– Отдам и я дочь свою, хотя она у меня и единственная. Потом я вам сообщу, что нам откроют боги.

Позвав к себе свою дочь, царь велел ей украситься как можно лучше; он весьма жалел ее и плакал о ней со всем домом своим, но никак не мог нарушить того постановления, как бы Божественного, сообщенного бесами. Приготовясь отправить дочь свою на съедение змею, царь смотрел на нее с высоты своего дворца и со слезами на глазах провожал ее взором своим.

Девица, между тем, была поставлена на обычном месте, на берегу озера. Ожидая смертного часа, в который змей, вышед из озера, пожрет ее, она горько рыдала.

По промышлению Бога, хотящего спасения всех, благоизволившего спасти и город тот от погибели душевной и телесной, в это время к тому месту подъехал на коне святой великомученик Георгий, воин Царя Небесного, имевший в руке копье.

Увидев девицу, стоявшую у озера и горько плакавшую, он спросил ее:

– Для чего ты здесь стоишь и о чем плачешь?

Она же ответила ему:

– Добрый юноша! Беги скорее отсюда на своем коне, чтобы не погибнуть вместе со мною.

Святой же сказал ей:

– Не бойся, девица, но скажи мне, чего ты ждешь в присутствии всего народа, смотрящего на тебя?

Девица ответила ему:

– Славный юноша! Я вижу, что ты мужественен и храбр. Но для чего ты желаешь умереть со мною? Беги скорее от этого места!

Святой же сказал ей:

– Нет, я не отъеду от этого места до тех пор, пока ты не расскажешь мне, для чего ты здесь стоишь, о чем плачешь и

кого ты здесь дожидаешься.

После этого девица рассказала ему всё по порядку и про змея, и про себя.

Святой Георгий сказал ей:

– Не бойся, девица, потому что я именем Господа моего, Бога истинного, спасу тебя от змея.

Она же ответила ему:

– Доблестный воин! Зачем ты желаешь погибнуть со мною? Беги и спасай себя самого от горькой смерти. Достаточно и того, если я одна умру здесь, тем более что и меня ты не спасешь от змея, и сам погибнешь.

В то время как девица говорила эти слова святому, вдруг из озера появился страшный змей и направился к обычной своей пище.

Увидав его, девица закричала громким голосом:

– Беги, человек, вот змей уже идет!

Святой же Георгий, осенив себя крестным знамением и призвав Господа, со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», – устремился на коне своем на змея, потрясая копьем и, ударив змея с силою в гортань, поразил его и прижал к земле; конь же святого попирал змея ногами. Затем святой Георгий приказал девице, чтобы она, связав змея своим поясом, повела его в город, смиренного, как пса; народ же, с удивлением взирая на змея, влекомого девицею, обратился от страха в бегство. Святой же Георгий сказал народу:

– Не бойтесь, только уповайте на Господа Иисуса Христа и веруйте в Него, ибо это Он послал меня к вам для того, чтобы спасти вас от змея.

Затем святой Георгий убил змея того мечом посреди города. Жители же города того, извлекши труп змея за город, сожгли его.

После этого царь и народ, живший в городе том, уверовали в Господа Иисуса Христа и приняли святое крещение: крестившихся было 25 000 человек, не считая женщин и детей. На том месте впоследствии была построена церковь, весьма обширная и красивая, во имя Пречистой Девы Марии, Дщери Царя Небесного, Бога Отца, Матери Сына Его и Невесты Духа

Святого, – а также в честь святого победоносца Георгия, сохраняющего Церковь Христову и всякую душу правоверную помощью своею от невидимого поглотителя в бездне адской, а также и от греха – как от змея смертоносного, – подобно тому как он избавил упомянутую девицу от змея видимого[2736].

Случилось здесь также и некое новое чудо. Когда была освящена эта церковь в честь Пресвятой Богородицы и святого великомученика Георгия, тогда в знамение изливаемой здесь благодати Божественной из алтаря этой церкви истек источник воды живой, исцеляющий всякую болезнь всех с верою притекающих в славу Самого Царя славы (у Которого – источник жизни вечной), Бога в Троице, Отца и Сына и Святого Духа, хвалимого во святых Своих вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Яко пленных свободитель и нищих защититель, немощствующих врач, царей поборниче, победоносче великомучениче Георгие, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Ин тропарь, глас тойже:

Подвигом добрым подвизался еси, страстотерпче Христов, верою, и мучителей обличил еси нечестие, жертва же благоприятна Богу принеслся еси: темже и венец приял еси победы, и молитвами, святе, твоими всем подаеши прегрешений прощение.

Кондак, глас 4:

Возделан от Бога показался еси благочестия делатель честнейший, добродетелей рукояти собрав себе, сеяв бо в слезах, веселием жнеши, страдальчествовав же кровию, Христа приял еси, и молитвами, святе, твоими всем подаеши прегрешений прощение.

В тот же день память святой мученицы царицы Александры и святых мучеников Анатолия и Протолеона.

Память преподобного отца нашего Фомы юродивого

Память 24 апреля

Святой Фома был иноком в одном из монастырей в Кесарии[2737]. Он нес послушание по сбору на нужды своего монастыря. Для этих сборов он был посылаем в Антиохию[2738], поблизости к которой находилось одно село, принадлежавшее монастырю. Когда старец приходил в город, то принимал на себя юродство. Однажды некий человек, по имени Анастасий, эконом (строитель) одной церкви, ударил блаженного по щеке, потому что старец наскучил ему своей просьбой о милостыни на свой монастырь. Присутствовавшие при сем вознегодовали за это на Анастасия. Блаженный же Фома, обратившись к ним, пророчески произнес:

– С этого времени ни мне от Анастасия уже ничего не придется принять, ни Анастасий не будет иметь возможности что-либо подать мне.

То и другое вскоре сбылось: Анастасий умер через день, а блаженный Фома, по дороге из города в монастырь, занемог и остановился в больнице в пригороде Дафни, при церкви святой Евфимии, где, сильно разболевшись, преставился к бессмертной жизни и был погребен на том месте, где хоронились странники.

Однажды принесли сюда некую умершую странницу и погребли ее над гробом сего блаженного старца; погребли эту женщину во втором часу дня, а в шестой час земля извергла ее, – и все много дивились сему. Вечером же опять погребли ее в том же гробе, но на другой день увидели, что она вторично выброшена из гроба; тогда погребли ее в другом месте.

Спустя несколько дней погребли другую женщину точно так же близ аввы Фомы, ибо обитатели того места не понимали, что почившему о Господе старцу не угодно, чтобы близ него была погребена женщина. Когда же земля извергла и эту женщину, тогда поняли, что старцу не благоугодно, чтобы кто-либо был погребен близ его мощей.

Обо всем случившемся известили патриарха Домна[2739]. По повелению патриарха все граждане со свечами и песнопениями пошли в Дафни, взяли мощи святого, с честью принесли их в город и положили в той гробнице, в которой почивали мощи многих святых мучеников. Над мощами святого устроили малую церковь, и многие исцеления совершались от его святых мощей над болящими. По молитвам его прекратилась моровая язва в Антиохии, ради чего жители Антиохии установили совершать ежегодное празднование его памяти, прославляя Христа Бога, Которому слава вовеки. Аминь.

Память святого мученика Саввы Стратилата и с ним семидесяти воинов

Память 24 апреля

Святой мученик Савва был по происхождению готфянин[2740] и проживал в царствование императора Аврелиана[2741] в Риме. Он имел сан стратилата, т.е. был воеводой и был верен и угоден Небесному Царю, Господу нашему Иисусу Христу. Он часто посещал в темницах страдальцев за имя Христово, оказывал им помощь из своего достатка, укреплял их к терпеливому перенесению страданий и возбуждал их к мужественным подвигам. Такая добродетельная жизнь его была столь угодна Богу, что Он, ради чистоты и постничества святого, даровал ему власть над бесами, и он изгонял из людей нечистых духов.

Вскоре было донесено царю, что святой Савва – христианин, и он был приведен к царю на допрос.

Здесь он безбоязненно исповедал Христа и, отвязав свой воинский пояс, бросил его, отвергая и сан воеводский, являя вместе с тем свою готовность идти на всякие мучения за имя Христово.

Тогда, по повелению мучителя, святого повесили и жестоко били, потом жгли огнем и, наконец, бросили в котел с кипящей смолой. Но святой, охраняемый невидимою силою Божиею, остался цел и вышел из котла невредимым.

Видя сие чудо, во Христа уверовало семьдесят воинов, бывших здесь, которые громко исповедали себя христианами. Тотчас они, по приказанию мучителя, были усечены мечом и, таким образом, получили венец мученический, как бы из рук Самого Христа.

Святой же Савва был заключен в темницу и там сподобился Божественного видения и помощи: когда он в полночь молился, ему явился Христос, осиявший его светом славы Своей и увещавший его не страшиться мучений, но безбоязненно идти на свой подвиг. И когда Савва вторично был приведен на допрос и, будучи принуждаем к поклонению

идолам – то ласками, то уговорами, то жестокими мучениями, не повиновался мучителям, то его бросили в реку, где он, утонув, и окончил подвиг своего мученичества[2742], достигнув тихого пристанища в Царстве Христовом.

Тропарь, глас 5:

Земнаго сана пояс оставив и почести, страдальче, пред мучителем льстивым царем, Христа Бога суща исповедал еси, и Того ради многа страдания подъял еси, славне. Тем прекрасным победы венцем увязлся еси от Царя всех царствующаго, с Небесными вои светло преукрашен. Предстоя Тому, Савво, моли, да спасет души наша.

Кондак, глас 4:

Непобедимый явлься, стратилат, варварския козни победил еси и, страдальчествовав, славне, твердейши, множество врагов невидимых поборил еси, темже венец исплел еси победы. О нас моли Христа, Савво всеблаженне, верою почитающих тя.

Память преподобной матери нашей Елисаветы чудотворицы

Память 24 апреля

Преподобная Елисавета еще от утробы матери своей была избрана на служение Богу, ибо прежде рождения ее матери было возвещено от Бога, что у нее родится дочь, которая будет избранным сосудом Святого Духа. С юных лет отданная на служение Богу и уневестившись бессмертному Жениху Христу, святая Елисавета в ангельском чине служила Богу, в числе других дев инокинь[2743], постом и трудами изнуряя свое тело, и так угодила Богу, что получила от Него дар исцелять недуги людей, не только телесные, но и душевные. Своею молитвою она исцеляла всякую телесную болезнь, своими же речами и богодохновенными наставлениями врачевала души человеческие, наставляя их к покаянию и ко всяким добродетелям. Одеждою для нее служила одна только жесткая власяница, и, хотя тело ее мёрзло от холода, дух ее всегда горел пламенем Божественной любви.

Будучи поставлена игуменией над сестрами, святая показала еще большие подвиги, заботясь о спасении душ их.

Воздержание ее было чрезмерное, ибо она проводила многие годы не вкушая хлеба и питаясь только одними плодами и овощами, масла же и вина она никогда не вкушала во всю свою жизнь. Весьма часто она постилась по сорока дней, подобно великому Моисею, ничего в это время не вкушая[2744]. В течение трех лет она, подражая смирению евангельского мытаря (см.: Лк.18:13), не возводила своих телесных очей на небо, душевными же своими очами всегда взирала к Живущему на небесах Богу и, созерцая Его своею мыслию сидящим на престоле высоком и преукрашенном, окруженным Серафимами, она не обращала своих мыслей к предметам земным. Когда, по обыкновению, она наедине молилась ночью, то была свыше осияваема небесным светом.

Кроме того, святая Елисавета совершала и многие чудеса: однажды она умертвила молитвою свирепого змея; в другой раз

она исцелила одну женщину, долгое время страдавшую кровотечением, также изгоняла нечистых духов из людей, совершала много и других чудес. Чудеса совершались ею не только при жизни ее, но и после ее блаженной кончины. На гробнице ее подавались многоразличные исцеления болящим; так, например, на гробе ее получали прозрение многие слепые. Да прославляется через нее Христос Бог, дивный во святых Своих!

Страдание святых мучеников Пасикрата и Валентина

Память 24 апреля

Мученики Христовы Пасикрат и Валентин происходили из Родостола, мизийского города и, будучи воинами, состояли на службе при игемоне той страны Авсолане. В стране той было много идолопоклонников, приносивших жертвы бесам, ибо правители страны угрозою мучений принуждали людей к идолослужению. Христиане той страны, боясь мучений, бежали и скрывались. Эти же два святые мужа открыто и смело заявили себя христианами и, прославляя единого истинного Бога, проклинали бездушных идолов. За сие они были схвачены идолопоклонниками и приведены в судилище, где их принуждали возжечь курение перед идолами. Здесь стоял идол Аполлона. Святой Пасикрат, подойдя к идолу, плюнул ему в лицо и сказал:

– Такова честь подобает сему богу!

Тотчас Пасикрата связали тяжелыми цепями и бросили в темницу. Воин же Христов, этими веригами, как бы золотым царским убранством украшенный, радовался, что сподобился носить эти цепи за Христа. С ним вместе был заключен в темницу и Валентин. Вскоре их опять потребовали на суд к игемону. Когда они явились в судилище, то туда пришел также и брат Пасикрата – Папиан. Он был христианин, но из боязни мучений принес жертву идолам. Папиан начал со слезами умолять брата, чтобы он, по примеру его самого, принес воскурение истукану, дабы, сделавшись на время как бы идолопоклонником, избавиться от лютых мучений, но Пасикрат отверг просьбу брата и назвал его недостойным считаться в его роде за то, что он отступил от веры Христовой. Сам же, подойдя к жертвеннику и положив на огонь свою руку, сказал игемону:

– Тело смертно и, как ты сам видишь, сгорает на огне, душа же, будучи бессмертна, презирает все эти видимые муки.

Святой Валентин, допрошенный тут же игемоном, изрёк то же самое и явил свою полную готовность претерпеть все муки за Христа. Их обоих присудили к усекновению мечом. Когда слуги мучителя вели их за город на смерть, то вслед за ними шла мать Пасикрата, которая увещевала его безбоязненно идти на смерть, опасаясь за него, чтобы он не устрашился, ибо был очень юн. Святым мученикам были усекнуты главы. Святому Пасикрату было двадцать два года, а Валентину – тридцать. Мать же с радостью и веселием приняла их тела и с честью погребла их, славя Христа Бога.

Страдание святых мучеников Евсевия, Неона, Леонтия, Лонгина и прочих с ними

Память 24 апреля

Вскоре после кончины славного великомученика Георгия император Диоклетиан издал приказание – всех христиан, где бы они ни находились, а особенно тех, которые были в темницах, принуждать к поклонению идолам; тех, которые исполнят это приказание, он повелел отпускать на свободу, не подчиняющихся же повелел предавать смерти.

Воспоминаемые ныне святые мученики – Евсевий, Неон, Леонтий и Лонгин – в это время находились в темнице[2745]; с ними вместе были многие христиане, числом около сорока человек. Видя чудеса, совершаемые святым Георгием, они уверовали во Христа и дерзновенно исповедали Его во всеуслышание, за что были взяты и в оковах заключены в темницу.

Когда они были выведены из темницы на испытание пред судию, то не отверглись Христа, но посрамили богов языческих. За свое мужественное исповедание имени Христова они были преданы многим мукам, именно: мучители, повесив, били их и строгали тела их различными железными орудиями до тех пор, пока не обнажились их внутренности. Наконец, святые мученики были усечены во главы и, таким образом, получили венцы в Царствии Небесном[2746].

В тот же день память преподобного Саввы Печерского, подвизавшегося, по всей вероятности, в начале XIII века. Мощи его – в Антониевых пещерах.

Житие и страдание святого Апостола и Евангелиста Марка

Память 25 апреля

Святой Марк, родом еврей, происходил из колена Левиина, от племени священнического, и жил первоначально в Иерусалиме. По-еврейски Марк назывался Иоанном; имя же его – Марк – латинское. Это имя он присовокупил к еврейскому[2747] уже впоследствии перед отправлением в чужую страну, когда он с Апостолом Петром отправился для проповеди Евангелия в столицу тогдашнего мира – Рим. По принятому Православною Церковью преданию, согласному со свидетельством некоторых древних писателей[2748], он был из числа семидесяти учеников Господа и, следовательно, сам был свидетелем-очевидцем некоторых событий из жизни Господа Иисуса Христа. В повествовании самого Евангелиста Марка о предании Господа нашего Иисуса Христа на смерть в вертограде Гефсиманском[2749] упоминается о некоем юноше, который в то время, как все ученики Господа оставили Его, один следовал за Божественным Узником, обернувшись полотном по нагому телу, но, будучи схвачен воинами, оставил в руках их полотно и нагой бежал от них (Мк.14:51–52). Одеяние юноши[2750] показывало, что он вышел на шум народный ночью внезапно, без сомнения из того дома, коему принадлежал вертоград. Еще в древности составилось предание, что означенный юноша был сам Марк и что вертоград Гефсиманский принадлежал семье, из коей происходил Марк. Книга Деяний Апостольских свидетельствует, что мать евангелиста Марка – Мария – имела в Иерусалиме свой дом[2751], в котором нашел пристанище Апостол Петр после чудесного изведения из темницы Ангелом (Деян.12:1–12). После вознесения Господа на небо, во время гонения на христиан, этот дом служил местом молитвенных собраний для многих верующих Иерусалимлян и местом пристанища для некоторых Апостолов. Таким образом, святой Марк в доме своей матери имел возможность постоянно находиться в общении с христианами, участвуя в их молитвенных собраниях, и

сблизиться с самими Апостолами. В особенно близкое общение вошел он с Апостолом Петром, питавшим к нему как бы отеческую любовь и расположение, как видно это из слов самого Апостола Петра, который в своем послании называет Марка своим сыном, говоря: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1Петр.5:13). Святому Марку доводился дядей святой Апостол Варнава, по происхождению левит, родом с острова Кипра. Через него святой Марк сделался известным и другому верховному Апостолу – святому Павлу, когда сей последний, после своего чудесного обращения к вере во Христа (см.: Деян.9), в первый раз прибыл в Иерусалим[2752]. Вступив в близкое общение с этими двумя первоверховными Апостолами – Петром и Павлом, святой Марк сделался ближайшим сотрудником и исполнителем повелений, возлагавшихся на него то тем, то другим из этих великих Апостолов.

Около 44 или 45 года по Рождестве Христовом христиан иерусалимских постигло большое бедствие. При виде размножения христиан в Иерусалиме, злоба врагов Христовой веры – иудеев – достигла высшей степени. Разжигаемые ненавистью к христианам, иудеи набросились на их дома, беспощадно разграбили всё их имущество, так что христиане должны были терпеть великий голод. Услыхав о таком бедственном положении братий во Христе, антиохийские христиане тотчас пришли им на помощь и, сделав сбор между собой, поручили лично Варнаве и Павлу, пребывавшим в то время в Антиохии, доставить пособие христианам в Иерусалим. Прибыв в Иерусалим и исполнив поручение антиохийских христиан, Варнава и Павел возвратились в Антиохию и на этот раз взяли с собою Марка (Деян.12:25). С этого времени Марк, сделавшись сотрудником Варнавы и Павла, взял на себя великий подвиг апостольских трудов по благовестию веры Христовой иудеям и язычникам. Вместе с Павлом и Варнавою святой Марк принял участие в их первом апостольском путешествии из Антиохии, в качестве ближайшего их помощника для проповеди Евангелия[2753]. Вместе с Павлом и Варнавою Марк был в приморском городе Селевкии[2754], отсюда отплыл на

остров Кипр и прошел его с востока на запад от Саламина до Пафа. Здесь в Пафе Марк был очевидцем чудесного поражения слепотою, по слову Апостола Павла, волхва иудеянина Вариисуса, по имени Елима, старавшегося отвратить от веры в Господа проконсула Сергия, призвавшего Варнаву и Павла для слушания слова Божия (см.: Деян.13:6–12). Но, прибыв в город Пергию[2755], Марк оставил Апостола Павла и Варнаву и возвратился в Иерусалим в дом своей матери. По прибытии в Иерусалим Марк присоединился к Апостолу Петру и в скором времени отправился вместе с ним в апостольское путешествие для проповеди Евангелия в Рим. В это время в Риме уже были верующие во Христа. Книга Деяний Апостольских свидетельствует, что между очевидцами необыкновенной перемены, происшедшей в Апостолах по сошествии на них Св. Духа, и слушателями первой проповеди Апостола Петра о Христе Спасителе[2756] были пришедшие из Рима иудеи и прозелиты, то есть обращенные в иудейство язычники (см.: Деян.2:10–41). Эти люди, по возвращении своем в Рим, несомненно принесли туда веру свою во Христа и сообщили ее там другим. Без сомнения, что и после этого многие иудеи, жившие в Риме в большом количестве, посещая ежегодно на праздниках Иерусалим, уже наполненный учением Евангельским, и слыша там проповедь о Христе, возвращались в Рим христианами. Наконец, в Рим, как столицу мира, отовсюду приходили по гражданским и другим делам многие христиане и содействовали умножению там числа верующих во Христа. Святой Апостол Петр своею проповедью и чудесами, при содействии св. Марка, еще более распространил и утвердил Церковь Христову в Риме, обратив ко Христу множество людей как из иудеев, так и язычников. Слыша святые слова проповеди Евангельской из уст Апостолов и горя верою в Господа Иисуса Христа, римские христиане не удовольствовались одною устною проповедью Апостолов об Иисусе Христе, а пожелали иметь у себя и письменный памятник устно преподанного им учения. Они приступили к спутнику Апостола Петра святому Марку и с мольбой просили его записать все святые слова, какие он вместе с Петром сказал

им о Христе Господе, и оставить им это святое писание как памятник. Марк исполнил благое желание римских христиан и написал для них свое Евангелие, в котором[2757], излагая события из жизни Господа Иисуса Христа, во время Его пребывания на земле, с точностью записал, сколько запомнил, то, чему учил и что творил Господь, тщательно заботясь при этом, как бы не пропустить чего-нибудь из слышанного или не переиначить. Написанное Марк отдал на рассмотрение Апостолу Петру, и святой Петр своим свидетельством утвердил истину написанного Марком Евангелия и одобрил его для чтения в церквах.[2758] Поэтому Евангелие Марка было принято всеми церквами без всякого противоречия, как писание Апостольское, боговдохновенное[2759].

После трудов в Риме святой Марк по повелению Апостола Петра отправился для проповеди Евангелия в город Аквилею, расположенный на северном берегу Адриатического моря. В этом богатом городе, называвшемся вторым Римом[2760], Марк основал церковь; причем посетил с проповедью Евангелия и другие места по берегу Адриатического моря, устрояя всюду церкви Божии. После этого святой Марк, по распоряжению же Апостола Петра, отправился для проповеди Евангелия в Египет. Это было, как свидетельствует Евтихий, патриарх Александрийский, на девятом году царствования Клавдия[2761]. В Египте, смежной с Палестиною языческой стране, еще со времени Александра Македонского[2762] и египетского царя Птоломея Лага[2763] было очень много иудеев. Они населяли здесь целые города, имели свои синагоги, свой синедрион, даже храм[2764] наподобие храма Иерусалимского, а также священников и левитов по закону Моисееву. Здесь в Египте, по повелению царя Птоломея Филадельфа[2765], был сделан перевод книг Священного Писания Ветхого Завета с еврейского языка на греческий, через что Божественное откровение о спасении рода человеческого сделалось доступным и самим язычникам. Здесь в памяти народа еще живо было то знаменательное падение идолов одного египетского храма, сопровождавшее, по свидетельству отцов Церкви, прибытие святого семейства с Богомладенцем Иисусом, бежавшего от

руки жестокого Ирода. Наконец, могло быть даже, что и в этой стране были свидетели чудесного сошествия Святого Духа на Апостолов, принесшие и сюда семена Христова учения. Всё это в сильной степени приготовляло жителей Египта к принятию учения христианского и обещало большой успех проповеди святого Марка. И действительно, когда Марк, первый из Апостолов прибыв в Египет, начал проповедь Евангелия, возвещая людям свободу от диавола[2766], то при самом начале его проповеди[2767] уверовало во Христа великое множество мужей и жен. В самой Александрии, главном городе Египта, святой Марк основал церковь и был первым ее епископом.

Здесь святой Марк много потрудился в подвиге просвещения светом Христовой веры как иудеев, так и язычников, пребывавших дотоле во тьме идольского служения. Благоустроив затем церкви в Александрии и смежных с нею городах рукоположением к ним епископов и прочих клириков, святой Марк после того оставил Египетскую страну. Куда отправился он отсюда и был ли он в Иерусалиме на Апостольском соборе[2768] – неизвестно. Но когда Апостол Павел перед отправлением во второе Апостольское путешествие[2769] был вместе с Варнавою в Антиохии, то, как свидетельствует книга Деяний Апостольских, здесь с ними встретился и святой Марк и отсюда вместе с дядею своим Варнавою отправился на родину его в Кипр (см.: Деян.15:36–40). Потрудившись вместе с Варнавою некоторое время в подвиге благовестия Христова, Марк в другой раз отправился в Египет, куда в то же время или немного спустя прибыл и Апостол Петр. Благовествуя в разных странах Египта и устрояя в них церкви, Апостолы в это время между прочим положили основание Христовой Церкви и в египетском городе Вавилоне, откуда Петр и написал свое первое соборное послание к малоазийским христианам (см.: 1Петр.5:13). В Египте святой Марк пробыл до восьмого года царствования Нерона[2770].

В последующее время святой Марк снова соединился с Апостолом Павлом и вступил в число сотрудников его. Во время пребывания Апостола Павла в узах в Риме[2771] святой Марк вместе с некоторыми другими лицами разделял

благовестнические труды сего Апостола. В своем послании к Колоссянам, написанном из Рима в это время, Апостол Павел называет Марка одним из немногих сотрудников своих для Царствия Божия, бывших для него в это время утешением (см.: Колос.4:10–11). Как видно из того же послания к Колоссянам, Марк, по распоряжению Апостола Павла, из Рима отправился в Малую Азию, во фригийский город Колоссы (Колос. 2:8–18), для противодействия лжеучителям, прельщавшим колосских христиан[2772]. Где святой Марк провел несколько следующих за сим лет – неизвестно. Но ко времени, близкому ко дням кончины Апостола Павла, святой Марк находился в Малой Азии, именно в городе Ефесе, в отечестве святого Тимофея, епископа Ефесской церкви. В это время Апостолом Павлом, находившимся во второй раз в узах в Риме, было написано послание к Тимофею, в котором он, вызывая Тимофея в Рим к себе на помощь, поручал ему привести с собою и Марка, как нужного ему для служения (см.: 2Тим.4:11)[2773]. Здесь в Риме святой Марк был свидетелем мученической кончины за Христа обоих своих учителей, великих и первоверховных Апостолов Христовых Петра и Павла, которые в одно и то же время пострадали за Христа в Риме; Павел – как имевший право римского гражданина – был усечен мечом, а Петр был распят на кресте.

По кончине своих великих учителей – Апостолов Петра и Павла – святой евангелист Марк снова отправился в Египет для благоустроения основанной им церкви. Много потрудился он в подвиге проповеди Христовой веры в самой Александрии. Александрия, столица Египта, была средоточием греческой образованности. Здесь было знаменитое книгохранилище, здесь процветала языческая наука; ради нее сюда стекались люди отовсюду, так что город переполнен был учеными, философами, риторами и стихотворцами. Даже иудеи, в большом количестве жившие в Александрии, увлекались языческою ученостью. Для утверждения веры Христовой и с целью противодействовать ученым язычникам и иудеям святой Марк положил в Александрии основание христианскому огласительному училищу. В последующее время это училище сделалось

средоточием христианского просвещения и прославилось тем, что из него вышли знаменитые учители Церкви, каковы: Пантен, Климент, и некоторые из отцов Церкви, каковы: Дионисий Александрийский, Григорий Чудотворец и другие.

Заботясь об устроении церковного богослужения, святой Марк составил Чин литургии и передал его христианам Александрийской Церкви. Этот Чин литургии сохранялся продолжительное время в сей церкви и в последующие века. В богослужении египетских христиан (коптов) и доселе сохранились некоторые молитвы, приписываемые евангелисту Марку.

Благоустроив Церковь Александрийскую, святой евангелист Марк в своих заботах о проповеди Христова учения не оставлял своим вниманием и усердием жителей и других городов и местностей Египта, но как крепкий и доблестный подвижник, Марк, водимый Духом Божиим, со всем усердием и ревностью всюду спешил с проповедью Христова учения. Он посетил многие внутренние страны Африки, был в Ливии, Марморике, Киренаике и в Пентаполе. Все эти страны погрязали во мраке языческого идолослужения. Всюду по городам и селениям и на распутиях были устроены кумирни, в которых были поставлены идолы и в которых совершались волхвования, провещания и чародейства. Проходя эти города и селения с проповедью Евангелия, святой Марк просвещал сердца людей, пребывавших во тьме и мраке идолослужения, светом Божественного учения, совершая в то же время между ними великие чудеса. Одним словом Божественной благодати он исцелял болящих, очищал прокаженных, изгонял нечистых и лютых духов.

И проповедь его, сопровождаемая великими и дивными чудесами, имела громадный успех. Падали кумирни, ниспровергались и разбивались идолы, люди очищались и просвещались, крестясь во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Всюду устроялись при евангелисте Марке церкви Божии, и Церковь Христова процветала в египетских странах. Под действием святых слов проповеди евангелиста Марка и под влиянием высокой чистоты и святости добродетельного жития

его самого христиане египетские, под воздействием Божественной благодати, в своих подвигах к достижению спасения проявляли столько чистоты и высоты совершенства, что их жизнь, преисполненная святости христианской добродетели, служила предметом великого удивления и похвалы со стороны даже язычников и неверующих иудеев. Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, и Никифор (Ксанфопул) – церковные историки – сохранили в своих книгах свидетельство некоего Филона, иудейского философа, который, похваляя добродетельную жизнь христиан египетских, говорит:

– Они (т.е. христиане) оставляют всякую заботу о временных богатствах и не пекутся о своих имениях, не считая ничего на земле своим, для себя дорогим. Некоторые же из них, оставляя всякое попечение о житейском, уходят из городов и водворяются в уединенных местах и садах, избегая сопребывания с людьми, несогласными с ними в жизни, чтобы не иметь от них препятствия в добродетели. Воздержание и умерщвление плоти они считают основанием, на котором только одном может созидаться добрая жизнь. Ни один из них раньше наступления вечера не вкушает и не пьет, а некоторые не приступают к пище до четвертого дня. Другие же опытные в толковании и разумении Божественного Писания, будучи исполнены жаждою знания и питаясь духовной пищей богомыслия, проводя время в изучении Писания, забывают о телесной пище до шестого дня. Вина отнюдь никто из них не пьет, и все они не едят мяса, присоединяя к хлебу с водою только соль и иссоп[2774]. Среди них живут и женщины, воспитавшие себя в добродетельной жизни и приобыкшие к ней настолько, что остаются девами до старости. Но девство они сохраняют не по принуждению, а по свободному произволению, возбуждаясь ревностью и любовью к мудрости, заставляющей их отказываться от телесных удовольствий и стремиться к приобретению не смертных, а бессмертных порождений, какие может рождать из себя только душа, любящая и стремящаяся к Богу. Священное Писание изъясняется ими иносказательно, через нахождение подразумеваемого и сокровенного смысла и таин; ибо Писание, по их мнению, подобно живому существу:

словесные выражения составляют его тело видимое, а сокровенная под сими выражениями мысль и тайна составляют его душу невидимую. Они рано встают на славословие Божие и молитву, на пение и слушание слова Божия – отдельно мужчины и отдельно женщины. Некоторые из них пребывают в непрерывном посте в течение семи недель. Седьмой день у них в великом почитании. Приготовляясь к нему и прочим праздникам, они ложатся почивать для отдыха на голую землю. Божественную службу совершают у них священники и диаконы, над которыми начальствует епископ.

Такой благоуханный вертоград Христов насадил и возделал многоболезненными трудами своими святой евангелист Марк в странах египетских; там он был и первым епископом, имея святительский престол в Александрии, где он и претерпел страдальческую кончину, быв первым мучеником Александрийской Церкви.

О страданиях и мученической кончине святого Марка блаженный Симеон Метафраст[2775] так повествует. Святой Марк во время своего пребывания в Киринии – городе Пентаполийском, где он трудился в подвигах благовестия Христова учения и устроения Христовой Церкви, получил повеление от Духа Святого идти оттуда для проповеди Евангелия в Александрию Фаритийскую[2776]. Послушный велениям Святого Духа, Марк поспешил со всем усердием на новый подвиг. Известив братию о повелении Господнем идти в Александрию, он после прощальной трапезы с христианами, напутствованный их благословением, отплыл из Киринии в Александрию. На второй день он достиг Александрии и, выйдя из корабля, пришел на некое место, называемое Мендион. Здесь, при входе в городские ворота, расселся пополам его сандалий, что святой принял за доброе предзнаменование. Увидев тут же сапожника, починявшего ветхую обувь, святой отдал ему починить свой сандалий. Сапожник, починяя сандалий, случайно проколол своим орудием левую руку свою и, вскричав от боли, призвал имя Божие.

Услышав этот возглас, Апостол возрадовался духом, видя в сем указание, что Господь устроит ему благополучный путь.

Рана же на руке сапожника была очень болезненна, и из нее обильно струилась кровь. Святой Марк, плюнув на землю, сделал брение и, помазав рану его, сказал:

– Во имя Иисуса Христа, живущего вовеки, будь здрав.

И тотчас же рана у сапожника закрылась и рука его сделалась здоровой. Сапожник, видя такую силу в стоявшем перед ним муже и действие его слов, а равно во взоре его чистоту и святость жизни, обратился к нему с просьбою, сказав:

– Умоляю тебя, человек Божий, войди в дом мой и побудь у меня, раба твоего, хотя день, дабы разделить со мною трапезу, потому что ты ныне оказал для меня милость.

Апостол, с радостью согласившись на его просьбу, сказал:

– Пусть Господь даст тебе хлеб жизни, – хлеб небесный.

И человек тот, взяв тотчас Апостола, с великою радостью ввел его в дом свой. Войдя в дом, святой Марк сказал:

– Благословение Господне да будет здесь! Помолимся, братия, к Богу.

И все вместе сотворили молитву к Богу. Когда после молитвы сели за трапезу, сапожник, любезно начав беседу, спросил святого:

– Отче! Кто ты? И откуда такая сила в твоем слове?

Святой Марк ответил:

– Я раб Господа Иисуса Христа, Сына Божия.

Человек тот сказал:

– Хотел бы я видеть сего Сына Божия.

Святой Марк ответил:

– Я покажу тебе Его!

И начал благовествовать Евангелие Иисуса Христа и изъяснять из пророков то, что было предречено ими о Господе нашем. Человек тот, слушая его проповедь, сказал:

– Я никогда не слыхал того Писания, какое ты мне изъясняешь; я слышал только из Илиады, Одиссеи и из того, что изучают египетские юноши.

Тогда святой Марк, продолжая проповедь о Христе, со всею ясностью показал ему, что мудрость века сего есть «буйство»[2777] перед Богом. Человек же тот уверовал во все то, что говорил ему святой Марк и, видя чудеса его, крестился сам

и с ним крестился весь дом его, а вместе с ними крестилось великое множество людей той местности. Имя этому человеку было Анания. Число верующих умножалось там день ото дня. Тогда начальники города, услыхав, что некий галилеянин, пришедший к ним, хулит их богов и возбраняет приносить им жертвы, искали убить святого Марка и собрались для совещания о том, как захватить его. Святой Марк, узнав об этом их решении, поспешил поставить для верующих епископом Ананию и трех пресвитеров – Малеона (или Малха), Савина, Кердона, семь диаконов и одиннадцать клириков для церковной службы и, бежав оттуда, пришел опять в Пентаполь. Пробыв здесь два года, утвердив бывшую там братию и поставив в окрестных странах и городах епископов, пресвитеров и клириков, св. Марк возвратился опять в Александрию. Здесь нашел он братию умножившеюся в числе и преуспевающею в благодати и вере Господней. В Александрии существовал уже христианский храм, построенный близ моря на месте, называемом «Вукул»[2778]. При виде храма святой Марк возрадовался и, преклонив колена, прославил Бога. Святой Марк пробыл в Александрии довольно продолжительное время. Христиане той церкви умножались числом и, укрепляясь в вере, открыто укоряли эллинов в идолослужении. Эллинские градоначальники, узнав о пребывании святого Марка в их городе и слыша о том, что он творит великие чудеса: болящих исцеляет, глухим возвращает слух, слепым подает прозрение, воспылали на него ненавистью и завистью, и искали его. Долго не находя его, они, собираясь в своих языческих храмах, со скрежетом зубов, гневно восклицали:

– О какое беспокойство причиняет нам этот волхв и чародей!

Приближался пресветлый праздник Пасхи. И вот, 24 апреля в день светлого Христова Воскресения, с которым на этот раз совпал языческий праздник в честь Сераписа, язычники нашли случай захватить святого Марка. Святой евангелист совершал в этот день Божественную службу. Нечестивые язычники увидели в этом удобный случай и, собравшись по случаю своего праздника большою толпою, внезапно напали на церковь. Они

схватили святого Марка, обвязали его веревками и, влача по улицам и предместьям города, кричали:

– Поведем вола сего в воловницу, то есть в воловий хлев.

Святой же Марк, терпя мучение, благодарил Господа, говоря:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты сподобил меня потерпеть за Твое имя сии страдания.

Святого влекли по земле, усыпанной острыми камнями, так что тело его, терзаемое по камням, покрылось ранами, и кровь, обильно истекавшая из них, обагрила весь путь. Истерзанного таким образом святого нечестивые язычники ввергли в темницу, а сами, при наступлении вечера, собрались на совет о том, какой смерти предать его. В полночь Апостолу-мученику явился Ангел Господень и укрепил его на подвиг мученичества извещением о предстоящем ему блаженстве на небе; затем и Сам Господь Иисус Христос явился ему, утешив его Своим явлением. На следующее утро неистовая толпа язычников извлекла Апостола из темницы и влачила его по улицам города. Святой не вынес таких терзаний и вскоре скончался, благодаря Бога, молясь к Нему и говоря:

– В руки Твои, Господи, предаю дух мой![2779]

Неутолимая злоба язычников не удовольствовалась смертью Апостола: они решились сжечь его тело. Уже разведен был огонь, как вдруг внезапный мрак, страшный гром, землетрясение, дождь и град рассеяли толпу нечестивцев, а дождь погасил огонь. Благочестивые же христиане, с благоговением взяв тело святого, погребли его в каменном гробе на месте молитвенных своих собраний.

Над мощами святого Марка в 310 году построена была церковь, и они оставались в Александрии до IX века. В первой половине сего века[2780], когда владычество арабов-магометан и ересь монофизитов совершенно ослабили Православие в Египте, мощи святого Евангелиста перенесены были в Венецию, близ которой (в Аквилее) он некоторое время подвизался в проповеди Евангелия: там они почивают и до сего времени в великолепном храме, посвященном его имени. Здесь хранится весьма древняя рукопись Евангелия от Марка, написанная на

тонком египетском папирусе, по преданию, рукою самого евангелиста[2781].

Тропарь, глас 3:

У верховнаго Петера научився, Апостол Христов был еси, и, яко солнце странам возсиял еси, Александрием удобрение быв, блаженне: тобою Египет от прелести свободися, евангельским твоим учением просвещь вся, яко свет, столп церковный. Сего ради твою память чтуще светло празднуем, Марко, Богогласе: моли тобою благовестимаго Бога, да согрешений оставление подаст душам нашим.

Кондак, глас 2:

С высоты приим благодать Духа, риторская плетения разрушил еси, апостоле, и, языки вся уловив, Марко всеславне, твоему Владыце привел еси, Божественное проповедав Евангелие.

– *На иконах Евангелист Марк изображается вместе со львом. Об этом изображении сделано примечание к началу Евангелия Марка. Евангелие его начинается повествованием о явлении Иоанна Крестителя, который своею проповедью о покаянии и приближении Царства Божия огласил пустыню иудейскую, был гласом вопиющего в пустыне и в сем отношении уподобился льву, живущему и рыкающему в пустыне.*

– *Александрийские патриархи, справедливо почитающие святого Марка основателем и покровителем своей церкви и первым патриархом Александрийским, в своих посланиях преподают благословение сими словами: «да будет благословение Владыки Христа, Пресвятой Богородицы и святого Евангелиста Марка», а на своей печати имеют изображение крылатого льва, держащего Евангелие.*

Память преподобного отца нашего Сильвестра Обнорского

Память 25 апреля

О происхождении и месте рождения преподобного Сильвестра ничего неизвестно[2782]. Известно только, что иноческое пострижение он получил от преподобного Сергия Радонежского и сначала подвизался в его монастыре. С благословения знаменитого Радонежского подвижника, Сильвестр, жаждавший уединения, отправился на дальний северо-восток и остановился на берегах реки Обноры[2783]. Тогда здесь были дремучие леса, и поблизости никакого жилья не было. Устроивши себе убогую тесную келью, преподобный Сильвестр стал подвизаться в полнейшем уединении, перенося всякие нужды, но предавшись неустанной молитве и бдению.

Долго никто не знал, что в глухом лесу подвизается отшельник. Но раз один из жителей того края сбился с дороги и в глухом лесу неожиданно наткнулся на келью пустынника. К изумленному путнику вышел отшельник, одетый в рубище, смущенный появлением человека в таком пустынном месте, где никого до того времени он не видал, да и не хотел видеть. Путник сказал преподобному о себе, кто он и как попал сюда. При этом он сообщил, что над местом, где живет отшельник, он издали нередко видал то светлые лучи, то облачный столп. Преподобный прослезился от скорби, что место его уединения стало известным. Путник упросил отшельника сказать, как его зовут, и как он тут живет. Сильвестр, рассказал, что он живет тут уже немалое время, питается древесной корой и кореньями. Сначала без хлеба он обессиливал от голода и от изнеможения, падал на землю, но потом раз явился ему некий чудный муж, прикоснулся к нему своею рукою, и с тех пор он уже не испытывает бедственного состояния.

Случайно открывший пустынника путник вскоре вернулся к нему нарочно, дал хлеба и муки на запас.

Достаточно было этой одной встречи, чтобы место жительства и подвиги отшельника стали известными в

окрестных, хотя и неблизких селениях. Поселяне стали приходить к подвижнику для душеспасительных бесед и духовных советов, причем приносили ему и пищу. Некоторые решались оставаться при нем для спасительного подвига под его руководством. Видя искреннюю любовь к себе и свободное желание подвига, преподобный Сильвестр не препятствовал строить новые кельи, так что около него собралось немало новых подвижников и оказалась настоятельная нужда в создании храма Божия. Тогда сам Сильвестр отправился в Москву и у митрополита Алексия испросил благословение на создание храма, получил антиминс и был поставлен игуменом возникавшей в Обнорском краю первой иноческой обители.

Трудами преподобного и собравшейся около него братии создан был храм во славу воскресения Христа Спасителя.

Теперь еще более стало приходить к Сильвестру как простых людей, так и князей, и бояр. Одни желали видеть преподобного, получить от него благословение и слышать его учительное слово; другие – покаяться в своих согрешениях и получить прощение и утешение; некоторые – с тем, чтобы на всю жизнь посвятить себя иноческому подвигу под руководством опытного подвижника.

Отдаваясь неусыпным трудам по устроению монастыря, преподобный Сильвестр пользовался всяким досугом и удобным временем, чтобы уходить из монастыря в лесное уединение для одиночной молитвы и бдения, столь желанных и привычных его душе. Но когда он возвращался из такого уединения, его уже ждала около монастыря толпа народа, желавшего видеть его и получить благословение и поучение[2784]. Приносили детей и больных, прося его благословения и целительных молитв. И теперь существует около бывшего монастыря роща, часть того леса, в который преподобный удалялся для уединения; существует и колодезь на спуске к реке Обноре, вырытый преподобным Сильвестром над ключом.

Так в лесной трущобе возникла деятельная жизнь, представлявшая собою соединение труда и бдения, поста и молитвы, телесных скорбей и духовных радостей.

Преподобный состарился и впал в предсмертную болезнь. Братия собрались вокруг постели больного в его келье и со слезами выражали свое горе, лишаясь своего руководителя и попечителя и опасаясь за судьбу обители. «Не скорбите о сем, братия моя возлюбленные, – говорил им в утешение преподобный Сильвестр, – на всё воля Божия; сохраняйте заповеди Господни и не бойтесь в сей жизни потерпеть беды, чтобы получить награду на небесах. Если же я буду иметь дерзновение у Бога и дело мое будет Ему угодно, то место сие святое не оскудеет и по моем отшествии, молитесь только Господу Богу и Пречистой Его Матери, чтобы избавиться вам от искушений лукавого».

Кончина преподобного последовала 25 апреля 1379 года на память святого Апостола и Евангелиста Марка. Тело преподобного погребено было подле Воскресенского деревянного храма, с правой стороны.

Основанный преподобным Сильвестром монастырь не прекратил своего существования со смертью создателя: более четырех сот лет текла здесь монастырская жизнь, одни иноки сменяли других, служа просвещению сего глухого края.

По смерти преподобного стали совершаться чудеса при его гробе, так что с течением времени преподобного Сильвестра стали чтить как чудотворца в ближних и отдаленных местах.

Непрерывных записей таковых чудес не велось в монастыре, между тем на некоторых древних вещах, сохранившихся и доселе в Воскресенском храме, имеются надписи (чеканные, шитые и рукописные) о вкладах этих вещей в обитель преподобного Сильвестра, Обнорского чудотворца[2785]. Сохранившиеся рукописи содержат запись чудес, начиная с 1645 года; всего описано 23 чуда. Получали исцеление при раке преподобного бесноватые и страдавшие исступлением ума, болезнью глаз или слепотою, глухотою, расслаблением, немотою. Вот один случай. В 1645 году служивший в обители иеромонах, по имени Иов, приказал собраться монастырским крестьянам и рубить находившуюся подле монастыря рощу под огнище. Крестьяне приступили к делу. Со стороны Иова это распоряжение было греховное: он

самовольно посягнул на рощу преподобного Сильвестра. Прогневавший Бога Иов был поражен слепотою и перестал видеть. Через четыре недели Иов сознал свой грех и стал каяться пред Господом Богом, Пречистой Его Материю и преподобным Сильвестром, и дал обещание не поступать по своей воле, а всё делать по совету братии. Он отправился в церковь, отслужил молебен, со слезами молясь о прощении грехов и о возвращении ему зрения. Приложившись к святым иконам, слепой Иов пришел к раке преподобного, облобызал ее с верою и прозрел. После такого чудесного исцеления он возблагодарил Господа Бога и преподобного Сильвестра.

Страдание святого священномученика Василия, епископа Амасийского[2786]

Память 26 апреля

После погибели нечестивого изверга, римского царя Максенция[2787], который, как враг Божий, был сражен силою Креста Господня, явившегося на небе Константину Великому, и погиб, как некогда Фараон, в водной пучине, римское царство на западе, наконец, вздохнуло после жестоких казней. На востоке гонение на христиан продолжались со стороны другого врага Божия, императора Максимиана[2788], хулившего истинного Бога и жестоко преследовавшего верных служителей Христа. Благоверный царь Константин послал против него на восток Ликиния[2789], выдав за него свою сестру. Ликиний веровал тогда в Господа нашего Иисуса Христа и с помощью Божией так поразил Максимиана, что последний едва спасся бегством с небольшим отрядом; но спасшись от руки Ликиния, не убежал от руки Божией. Когда он скрывался в Киликийском городе Тарсе[2790], то внезапно всё тело его покрылось неизлечимыми ранами, так что от нестерпимых, как огонь, страданий он кидался на землю, тело, как растаявший воск, отпадало кусками от костей, и грешная душа его держалась только в скелете без тела и крови. Наконец, и кости стали с мучительной болью отпадать одна от другой, и он, сознавшись, что в своем нечестии и жестокости преследовал и убивал неповинных рабов Христовых, проклял своих богов и умер.

Ликиний, овладевши всем востоком, торжественно вступил вместе со своей супругой в Никомидию. Сперва царствовали мир и тишина повсюду на веселие и радость верным, отдохнувшим после жестокого гонения Максимиана, но враг всего доброго – диавол – снова погрузил христиан в море скорбей. Ликиний, укрепившись на востоке, отступил от Христа Бога и возвратился к мерзостному идолослужению, в котором был воспитан. Только ради того, чтобы разделить престол с Константином и жениться на его сестре-христианке, принял он Христову веру и клялся Константину никогда не отступать от

христианства, но всегда защищать его. Потом, сделавшись восточным императором, забыл милости Христа Бога, помогшего ему победить Максимиана и завладеть востоком, забыл благодеяние царя Константина, отвернулся от него, как и от Христа, сделался его злым врагом. В Никомидии он открыто отвергся от христианства, стал поклоняться идолам и велел повсюду восстановить языческие жертвоприношения, а верных снова начал преследовать. Прежде всего, он изгнал из царских палат всех христиан: и сановников, и слуг, и оруженосцев, стал смеяться над Христовым милосердием, возвратился к языческим верованиям и предался без стыда плотским грехам. Он погряз в разврате и насильно совращал к любодеянию сенаторских жен и дочерей, особенно христианок, чтобы надругаться над святыми и самим Христом Богом. Видя это, супруга его, верная христианка, по имени Констанция, скорбела всем сердцем и тайно в письмах рассказывала обо всем брату своему Константину.

Среди ее служанок во дворце была одна девица, прекрасная лицом и целомудренная, по имени Глафира, христианка, происходившая из благородной итальянской семьи. Ее увидел Ликиний и, разжигаемый нечистою похотью, приказал старшему из постельников-евнухов, по имени Венигну, сообщить ей о своей страсти. Венигн сказал Глафире, что царь, оказывая ей великую честь, полюбил ее, хочет повидаться с нею и приказал приготовиться к принятию царя. Но благочестивая девица, нося в себе страх Божий, возмутилась таким предложением и с позором прогнала евнуха, укоряя его в бесстыдстве и беззаконии. Опасаясь возбудить подозрение и ревность царицы, Глафира рассказала ей всё и умоляла ее в таких словах:

– Ради Господа, создавшего небо и землю, Которого ты боишься и Которому верно служит твой брат Константин, не допусти, чтобы мое девство было нарушено беззаконным развратником.

Услышав такие слова, царица горячо полюбила Глафиру за ее целомудрие и страх Божий и стала обдумывать, как бы ее укрыть. Когда царь спросил о ней, то царица приказала пустить

во дворце такой слух, что Глафира сошла с ума и лежит больна, при смерти. Слух дошел до царя, и он перестал думать о Глафире. Тогда царица, выждав время, тайно отпустила из дворца благочестивую Глафиру, наделив ее в изобилии золотом, серебром, драгоценными камнями, богатою утварью, лучшими одеждами и всякими другими вещами. Приставив к ней для услуги многих рабов и рабынь, царица поручила ее попечению некоторых из своих честных и благочестивых слуг, приказала им проводить девицу в Армению, никому о ней не говоря ни слова, и там проживать, пока Бог не изменит обстоятельств к лучшему. Слуги дали царице слово исполнить приказание с величайшей осторожностью. Они одели Глафиру и ее прислужниц в мужскую одежду и благополучно вывели их из Никомидии. После долгого путешествия, приближаясь уже к Армении, они дошли до города Амасии, где жил Понтийский митрополит.

Красота города пленила Глафиру; она предложила спутникам остаться в нем, если там найдутся христиане, и приказала расспрашивать прохожих. Навстречу попался один юноша, живший в доме уважаемого Амасийского гражданина – Квинтия. Этот юноша догадался, что странники – христиане, ищущие своих единоверцев, и сообщил об этом своему господину. Квинтий тотчас сам вышел к путникам, пригласил их прийти в его дом и там жить, сколько пожелают. Он сказал, что он сам христианин и что в городе есть много христиан, и что они имеют почтенного епископа, подобного Апостолам. Странники с радостью слушали эти слова, пошли к Квинтию, который предоставил им для жилья отдельное покойное помещение.

Посетил их и епископ города, по имени Василий, о котором нам предстоит говорить, человек красноречивый, одаренный добродетелями духовными. Он спросил странников, кто они и откуда пришли. Целомудренная Глафира рассказала всю правду – что она родом из Италии, исповедует христианскую веру, была служанкой сестры царя Константина, супруги царя Ликиния, рассказала и о причине своего странствования. Выслушав ее рассказ, святой епископ Василий и Квинтий запретили ей и ее слугам выходить куда-либо из дому и

разговаривать с кем-нибудь, чтобы о ней не узнал правитель города и не потерпели из-за нее беды все Амасийские христиане.

В то время святой епископ Василий строил внутри города храм, так как христиане имели только небольшую церковь за городом. Блаженная Глафира отдала епископу на церковное строение много золота и серебра, всё что ей дала царица, ничего себе не оставив. Она написала царице, где скрывается и в чьем доме живет; написала и о постройке церкви, прося прислать еще золота на окончание работ и украшение храма. Царица с радостью исполнила просьбу, послала обильные дары церкви и епископу и в письме поручила целомудренную Глафиру заботам святого Василия. Через короткое время, кознями диавола, случилось, что письмо Глафиры к царице попало в руки постельнику Венигну, который таким образом узнал, что девица, которую все считали умершей, жива и находится в Амасии. Всё это Венигн передал Ликинию, который в страшной ярости написал правителю города Амасии приказ заковать христианского епископа Василия и рабыню царицыну Глафиру в оковы и немедленно прислать в Никомидию. Но волею Божиею блаженная и святая дева Глафира скончалась прежде, чем приказ дошел до Амасийского правителя. Тогда правитель заковал и послал в Никомидию одного Василия, а о Глафире сообщил, что она уже умерла. Вместе с епископом пошли из Амасии два диакона, Парфений и Феотим, претерпевая на пути много страданий от нечестивых и жестоких воинов. В Никомидии раб Божий Василий был заключен в тюрьму, а Парфений и Феотим поселились недалеко от темницы у одного страннолюбивого христианина, по имени Елпидифора.

Узнав всё о святом Василии, Елпидифор подкупил золотом знакомого тюремного сторожа, чтобы получить доступ к епископу и себе, и обоим диаконам. Так приходили они часто к святому Василию, каждый день пели священные песнопения, а ночью усердно молились.

Накануне того дня, когда надлежало предстать перед царем на допросы, святой епископ позвал сторожа и попросил призвать диаконов и Елпидифора. Тюремщик охотно исполнил

поручение. Тогда Василий стал по обычаю петь псалмы Давидовы, начиная от псалма «Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его» (Пс. 131:1). Когда он дошел до слов: «Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя» (Пс. 138:9–10), он повторил их трижды, воздев руки. Видя печаль и слёзы молящегося, диаконы усомнились, не убоялся ли епископ предстоящих мучений. Но тот знал значение этих слов, предсказывая, что тело его, по усечении главы, брошено будет в море. Окончив пение псалмов, уже на рассвете, епископ сказал диаконам:

– Братья мои, по наущению диавола нам предстоят жестокие искушения. Но вы не убойтесь, не изнемогайте от страданий, мужественно и непоколебимо стойте за веру, чтобы не посрамиться в день пришествия Господня. Духовными очами бодро обращайтесь к Тому, Кто Один может нас спасти, Кто может обратить печаль в радость, плач в веселье, слёзы в смех, труды в покой. Все блага и удовольствия жизни считайте ничтожными ради Сына Божия Иисуса Христа, чтобы вместе со всеми святыми быть наследниками Его Царствия. Знайте, дети мои, что в эту ночь мне явился Сам Господь и объявил, какой конец жизни ожидает меня и сколько славы Его проявится через меня, раба Божия. Итак, вы не скорбите, но возвратитесь обратно к себе и утверждайте братию в духе христианства. Вместо меня изберите епископом Евтихия, сына Каллиста. Так сказал мне Бог; Он отдаст вам грешное мое тело.

Диаконы горько плакали. Епископ, еще сказав обычное поучение, убеждал их возвратиться в Амасию. К Елпидифору он обратился с такими словами:

– Брат мой! Ты Богом избран на служение странникам и за любовь свою получишь на небе вечную награду. Поручаю тебе этих двух детей моих духовных, не покидай их, но раздели их скорбь. Когда же Бог призовет тебя на служение Свое, то потрудись усердно.

Когда святой отпустил от себя Елпидифора и обоих учеников, царь призвал его к себе на допрос и прежде всего стал обвинять, что он, приняв к себе Глафиру, скрыл ее, а не

донёс о ней царю. Святой епископ тотчас дал достойный ответ с такою смелостью, что разгневал царя и снова был отведен в тюрьму. Тогда Ликиний послал к нему трибуна[2791] с обещанием не только забыть случай с Глафирой, но осыпать почестями, даже назначить старшим над всеми жрецами города, если епископ принесет жертвы богам. Угодник Божий Василий ответил трибуну:

– Передай мои слова царю. Если бы ты захотел дать мне даже всё царство, то и это не сравнится с тем, что хочешь отнять у меня: ты соблазняешь меня отступить от истинного Бога и служить бесам – губителям души, отказаться от бессмертной славы и насладиться временными и скоропреходящими почестями, блеск которых для меня противен, которые ведут не к свету, а к тьме беспросветной. Но если хочешь послушать моего доброго совета, то лучше ты повинись мне в своем преступлении и возвратись, как прежде, ко Христу, от Которого ты отвергся. Со смирением припади к стопам Его, Бога милостивого, праведного Спасителя нашего. Покайся, отступи от своего нечестия, чтобы не покарал тебя за твое безумие праведный Судия, Которого ты называл Богом и от Которого ты отрёкся.

Услышав от трибуна такие слова святого, Ликиний приказал снова увещевать епископа повиноваться царю, а если откажется, то бросить в море, отсекши голову. «Тогда посмотрим, – сказал он, – спасет ли его Галлилеянин[2792]".

Трибун снова пришел к святому и сказал ему:

– Выбирай между жизнью и смертью; послушайся царя и поклонись его богам, или ты немедленно будешь обезглавлен и брошен в море.

Услышав такие угрозы, святой с радостью воскликнул:

– Я хочу послужить только моему бессмертному Царю и Богу и только Его заповедям повинуюсь. А кого вы называете богами, это – бесы, которые вместе со своими почитателями, истинным и единым моим Богом, Владыкой всех, ввергнуты будут в день праведного Суда в неугасимый адский огонь, в тьму беспросветную, где будут плакать и скрежетать зубами. Делайте со мною, что хотите. Я готов принять за Христа не

только усекновение мечом и потопление в море, но и бесчисленные другие муки. До последнего вздоха я не отрекусь от Бога, Создателя моего, и не буду повинен огню вечному.

Убедившись из этих слов, что увещания бесполезны, трибун приказал бить святого, а потом обезглавить его и бросить в море. Таким же образом очень многие христиане, особенно пастыри стада Божия, предавались смерти и делались добычей рыб. Мученик Христов Василий принял удары с радостью и восклицал:

– Никакие мучения – ни боль, ни темница, ни огонь, ни меч, ни самая смерть не могут отлучить меня от всемилостивого Бога. Он силен избавить меня от всех мучений.

По пути на место казни святой мученик пел псалмы Давидовы. Вслед за ним шел Елпидифор с диаконами и некоторыми христианами. Когда все дошли до назначенного места, Елпидифор дал воинам несколько монет и стал их просить, чтобы они дозволили Василию поговорить немного с друзьями. Воины согласились. Приклонив колена на морском берегу и воздев руки, верный служитель Христов стал молиться такими словами:

– Господи, Боже мой, сотворивший небесные бесплотные силы, простерший, как кожу, небо, установивший на водах землю, создавший море, везде и всегда пребывающий, милостивый к боящимся Тебя и исполняющим заповеди Твои, услышь молитвы мои и сохрани верное стадо Твое, пастырем которого Ты поставил меня, ничтожного раба Твоего, от всякой напасти, от еллинского нечестия, от злоречия людей, хулящих Тебя. Уничтожь, Всемогущий, служение идолам, разори козни диавола, а Церковь Твою святую возвеличай и приумножь. Этот город и все окрестные приведи к единомыслию и единодушию, чтобы все исповедовали Тебя, истинного Бога. Сделай всех людей ревностными к добру и служению Тебе, чтобы во всех было прославлено имя Отца, Сына и Святого Духа, и ныне, и всегда, во все века. Аминь.

Окончив молитву, святой обнял и поцеловал Елпидифора и обоих диаконов, обратившись к ним с теми же словами,

которыми некогда великий Апостол Павел приветствовал Ефесских священников (См. Деян.20:28–36):

– Благословен Бог, не допустивший нас сделаться добычей невидимых врагов, но сокрушивший их козни и избавивший нас; теперь враги не посмеют искушать нас. Поклонитесь от меня моим братиям и детям духовным. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми вами. Аминь.

Потом святой мученик, сказав палачу: «Друг! Делай что тебе приказано», – снова стал на колена и с радостью протянул шею под удар меча, завершая свой благочестивый подвиг.

Когда святой был обезглавлен, Елпидифор, давая воинам золото, умолял их не бросать тело мученика в море, а отдать ему для погребения. Но воины не согласились, говоря, что боятся царя, который казнит их за это смертью. Тогда Елпидифор просил дать только голову епископа, но снова получил отказ. И вот воины положили в рыбачью лодку тело и главу мученика, отплыли далеко от берега и бросили в воду в одном месте тело, в другом главу.

С берега смотрели и горько плакали христиане, и среди них священник из Никомидии Иоанн, видевший и впоследствии описавший весь подвиг святого мученика. Верный раб Христов Елпидифор отвел обоих диаконов обратно в свой дом и утешал их, сколько мог.

В ту же ночь во сне было ему Божественное видение; ему явился Ангел и сказал:

– Епископ Василий теперь в Синопе и ожидает вас там. Возьми его диаконов и отправляйся на корабле к нему.

Видение повторялось ночью трижды. Елпидифор рассказал об этом диаконам и спросил их, знают ли они, что это за местность или город Синоп. Парфений отвечал:

– Синоп – это приморский город, где проповедовал Христово учение святой Апостол Андрей. И я видел во сне святого Василия. Мне казалось, он подает руку Апостолу, входит вместе с ним в церковь и говорит мне: «Сбудется то, что ты видишь».

Тогда Елпидифор, взяв с собою достаточно золота и всего необходимого в пути, сел с диаконами на корабль и отплыл в

город Синоп с горячей молитвой, чтобы Бог объяснил сонное видение.

Когда приближался корабль к Синопу, Елпидифор во сне снова увидел Ангела, который сказал:

– В правой стороне от города забросьте в море сеть, и вы найдете ту драгоценность, которую ищете.

Указывая перстом место, Ангел указал и признаки, как его найти. Елпидифору казалось, что он видит там светлый чертог, а в нем Василия со множеством блестящих воинов. «Видишь, – продолжал Ангел, – того, кого искал? Утром возьми его». Встав от сна, Елпидифор рассказал своим спутникам о видении.

Рано утром отправились они на правую сторону города и по признакам, указанным Ангелом, нашли место. Там они увидали рыбаков, приготовлявших сети к ловле рыбы. Елпидифор сказал этим рыбакам:

– Мы заплатим вам, сколько хотите, если вы на счастье каждого из нас забросите сети и отдадите нам, что поймаете.

Рыбаки согласились и сговорились в цене. Елпидифор и диаконы бросили жребий, на чье счастье закинуть первую сеть. Жребий пал на Феотима. Бросили сеть, но ничего не поймали. Потом испытали счастье Парфения, и опять неудачно. Тогда Елпидифор воскликнул:

– Приказываю вам закинуть сеть не на мое имя, а во имя Бога моего и на Него надеюсь, что ловля не будет бесплодна.

Когда стали вытаскивать сеть, то рыбаки почувствовали тяжесть и стали говорить между собою:

– Бог этого человека счастливее других богов.

Вытащивши сеть, ловцы увидали тело мертвеца, и уже, наоборот, стали говорить, что ловля Елпидифора самая несчастливая. Они хотели бросить труп обратно в воду, но Елпидифор и его спутники воспротивились и потребовали, чтобы рыбаки отдали тело для достойного погребения, и взяли условленную плату. Ловцы отказывались от денег, говоря, что поймали труп, а не рыбу, но, наконец, по настоянию Елпидифора взяли. Тело святого было вынесено на берег, причем диаконы и Елпидифор благоговейно, с радостными слезами прикасались к нему. Они удивлялись чуду, видя, что

глава, отделенная палачом от туловища и отдельно брошенная в море, оказалась на своем месте, и след меча остался только как шрам на шее. Чудное благоухание исходило от тела мученика. Христиане обвили останки святого чистыми погребальными одеждами, наняли колесницу, отвезли в Амасию, и там, оплакав, честно погребли в созданном им храме. Такой мученический подвиг совершил святой Василий, епископ Амасийский.

Вскоре после его кончины великий царь Константин, узнав из тайных посланий сестры о разврате, отступничестве и жестокости Ликиния, пошел на него с большим войском и с помощью Божией победил его. Ликиний был взят живым в плен и заточен в Галлию, где умер злою смертью. Весь Восток избавился от насилия мучителей и свободно служил Христу Богу. По всей вселенной распространялась слава Отца, и Сына, и Святого Духа, Бога Единого в Троице, Коему честь и поклонение да будет от всех во все века. Аминь.

Кондак, глас 4:

Царево повеление преобидев, Царство Небесное получил еси, Василие, в нем же ликуя, поминай нас, чтущих память твою, священномучениче.

Житие во святых отца нашего Стефана, епископа Пермского

Память 26 апреля

Святой Стефан родился[2793] в г. Устюге. Его благочестивый отец Симеон, по происхождению русский, был чтецом при Богородицкой соборной церкви. Жена его Мария была так же примерной христианкой, в жилах которой текла тоже русская кровь. У прекрасных родителей был прекрасный и сын, со своего раннего детства приводивший их в радость и восхищение. Отданный ими учиться еще маленьким дитятей, он, благодаря своей живой памяти, острому уму и выдающемуся прилежанию, с замечательной быстротой и редкостной твердостью усвоял учение. Не прошло еще и года его обучения, а он уже по достоинству занял должность канонарха и чтеца при том же храме, при котором служил его отец. Превзошедши многих родных и чужих сверстников своим знанием Божественного Писания, он еще более превосходил их своею добродетельной жизнью. Он возрастал в девстве, чистоте, целомудрии и трудолюбии и избегал общения с развращенными и проводящими время в суетных играх и забавах. Многие, прочитанные им, книги Ветхого и Нового Заветов породили в его уме мысль о суете настоящей кратковременной жизни, быстро протекающей как река и скоро увядающей подобно травному цвету. Вместе с тем Священные книги зажгли в его сердце чувство неугасимой любви к Богу. Под давлением господствующей мысли он принял монашество от игумена Максима в Ростовском монастыре святого Григория Богослова. В монастыре было богатое собрание книг. Здесь Стефан проводил поистине монашескую жизнь, удовлетворяя в то же время свою жажду знания. Пост, молитва, слезы, покаяние, смирение, терпение, незлобие, послушание, любовь, изучение днем и ночью закона Господня – вот добродетели, которые украшали новопостриженного. Кроме того, он сам написал много книг, свидетельствующих доныне о его богомыслии и трудолюбии. За свою добродетельную жизнь он

поставлен был во диакона Ростовским епископом Арсением[2794], при котором было совершено и его пострижение в монашество. Через несколько лет он, по повелению правителя Всероссийской митрополии Михаила, прозванного Митяем[2795], хиротонисан Коломенским епископом Герасимом во пресвитера.

Новопоставленный иеромонах услыхал, что Пермская земля, издавна находившаяся во власти Московского государства, не просвещена еще святым крещением и предана всецело идолопоклонству. При мысли о таком множестве человеческих душ, погибающих во тьме неведения истинного Бога, святого Стефана охватило непреклонное желание идти к пермянам и спасти их от вечной погибели. Но чтобы достойным образом пролить в эту тьму истинный свет познания Бога – Творца мира, новому Апостолу нужно было перевести на пермский язык важнейшие священные книги. Стефан основательно изучил этот язык и составил пермскую азбуку[2796]. Стремясь к лучшему пониманию Священного Писания и его наиболее точной передаче на пермский язык, преемник Апостольской миссии хорошо познакомился и с греческим языком. Теперь он приобрел возможность вполне осмысленно читать священные книги на трех языках: русско-славянском, греческом и пермском.

Прекрасно зная, что человек не может совершить никакого доброго дела без благодатной помощи Божией, он долго и слезно молил Бога благословить его путь.

Как послушный сын Церкви, не начинающий ни одного важного дела без разрешения ее духовных властей, святой Стефан отправился к тогдашнему наместнику Российской митрополии Коломенскому епископу Герасиму. Представ пред ним, он открыл ему свое пламенное желание: или обратить ко Христу пермян[2797], или же пострадать от них и положить свою жизнь за нашего Спасителя во исполнение Апостольских слов: «вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:29). Епископ удивился его усердию ко Христу и желанию спасения человеческих душ. Уразумев в нем Божие призвание и действие Святого Духа, епископ прославил Владыку Христа и благословил блаженного Стефана на

предстоящий ему подвиг. Вместе с тем он дал ему частицы святых мощей, антиминсы, святое миро и всё необходимое для освящения церкви.

Получив разрешение от духовной власти, Стефан, как примерный гражданин, озаботился упрочить свое дело законным содействием гражданской власти и получил от великого князя охранные грамоты.

Всесторонне подготовившись, Стефан отправился в путь. По прибытии в безбожную Пермскую землю он принес прилежные ко Господу молитвы и начал, подобно овце среди волков, ходить посреди строптивого и развращенного рода и учить его христианской вере. Некоторые, слушая его проповедь, сперва удивлялись этому новому учению. Потом же мало-помалу начинали познавать истину, принимали святую веру, крестились и держались наставлений проповедника. Многие же не только не хотели его слышать, но и делали ему множество неприятностей. Одни всячески ругали его. Другие нападали на него с дубинами, намереваясь его убить. Третьи хотели его сжечь. Но рука Господня защищала раба Божия от убийственных рук и смерти ради наибольшего прославления Своего святого имени.

Окрестив и научив христианским истинам несколько душ, он создал для малого стада словесных Христовых овец благолепную церковь близ устья реки Выми, впадающей в большую реку Вычегду, где впоследствии была устроена его обитель. Новосозданную церковь он посвятил воспоминанию честного и славного Благовещения Пресвятой Богородицы. Этим посвящением он выразил мысль, что как Благовещение было началом нашего спасения, так и первая Пермская церковь появилась в начале просвещения Пермской земли.

В этой церкви он днём и ночью со слезами молил Бога об обращении неверующих, говоря:

– Собери, Господи, рассеянных людей Твоих и заблуждших овец, введи их в Церковь Твою святую и причти их к избранному Твоему стаду.

Сам он непрестанно апостольски учил их, наставляя на путь правый и умоляя отвратиться от своих заблуждений. Но по

мере того, как он усердствовал благодетельствовать их душам, они все более и более гневались на него.

Однажды Стефан, помолившись Господу, пошел к особо почитаемой ими кумирнице и зажег ее. Так как на этот раз при ней не было никого из идолослужителей, то она сгорела дотла вместе со всеми идолами. Святой сидел у сгоревшего здания, ожидая, что будет ему от неверующих.

Последние, увидав, что горит дорогая их кумирница, поспешили к ней с топорами и рычагами. Прибежав к ней, они увидали сидящего около нее святого Стефана, и с яростью бросились на него, и, обступив его со всех сторон, хотели убить.

Святой ничего не говорил им против, но воздел руки свои на молитву и, готовясь умереть, со слезами взывал к Богу:

– В руки Твои, Господи, предаю дух мой, покрой меня крыльями Твоей благости.

И неожиданно ярость до крайности раздраженного народа сменилась кротостью агнца. Угодник Божий остался невредим, – никто его не ранил и даже не ударил, потому что народ отчасти был побежден кротостью святого, отчасти из боязни Московского правительства опасался погубить человека, пришедшего к ним из Москвы с грамотами, но, главным образом, язычники сдерживались силою Бога, не дающего жезла грешных на жребий праведных.

Тогда блаженный Стефан, став на особо видном месте, воскликнул, обращаясь к неверующему народу:

– Доколе, о люди, вы не отступите от бесовского прельщения, чтобы тем избегнуть осуждения и вечного огня? Зачем поклоняетесь идолам и называете их вашими богами, тогда как они ваших же рук дело, и если имеют уста, то всё равно не говорят, они имеют уши и ничего не слышат, имеют очи и не видят; ноздри их не обоняют, руки не осязают, ноги не ходят и гортань не возглашает; они не принимают приносимых им жертв – не едят, не пьют их; они никому не помогают, потому что и себе, когда огонь, сжигая, обращал их в пепел, не могли помочь. Если они действительно боги, то почему они не угасили огня, не избегли пламени, не обратились со словом прещения к сожигающему их и ничем не наказали его? Да и может ли что

сделать бесчувственное дерево? А вы кланяетесь им – немым, слепым, глухим – делу ваших рук. Уразумейте обольщающее вас заблуждение и оставьте эту пагубную суету. Познайте же Единого Истинного Бога, в Которого веруют христиане. Приступите к Нему и просветитесь. Ибо Он утвердил небо, основал землю, поддерживает бытие твари и управляет всем миром. Он знает нужду каждого. Он – Промыслитель для всех, Помощник и Хранитель, и нет иного Бога, кроме Него. Поэтому, Пермские мужи, братья, отцы и дети! Послушайте меня, желающего вам добра, и веруйте в проповедуемого мною Господа нашего Иисуса Христа; истину говорю вам, что, если вы уверуете и креститесь, то будете спасены и получите Царство Небесное. Если же не уверуете и не креститесь, то будете осуждены на вечное мучение.

Когда святой Стефан так учил, присоединяя к сказанному и другие поучения, многие убеждались и, начиная веровать, приступали к крещению; и день ото дня умножалось число верующих, и росла Церковь Христова в Пермии.

Преподобный Стефан, как только замечал где-либо собравшихся язычников, тотчас приближался и, став среди толпы, проповедовал о Христе. Иногда же и сами они со своими старцами, с волхвами и со всеми знатнейшими Пермскими мужами, собравшись, приходили к преподобному для прения о вере и бывали во всем побеждаемы словами благочестия, исходившими из богоглаголивых уст проповедника. Особенно часто приходили неверующие Пермяне к новосозданной церкви не для спасительной молитвы, но из желания посмотреть на красоту церковного здания и его внутреннее благолепие: никогда не видевшие ничего подобного, они дивились на украшение святого храма и, уходя, говорили между собою:

– Как мы видим, велик христианский Бог, – гораздо больше богов наших.

Иногда же, собравшись, они советовались между собою, говоря:

– Если мы не израним Стефана и не прогоним его от себя, то он всю нашу страну наполнит своим учением и разорит древние храмы и требища наших богов; мы не можем

состязаться с ним словесно, и остается только силою изгнать его отсюда.

Другие возражали:

– Как его бить и прогнать, когда он из Москвы и имеет грамоты.

Некоторые добавляли:

– Еще если бы он первый вступил в борьбу, то нам во время боя удобно было бы нанести ему раны, но он держится хитрого обычая, – сам не начинает и ждет, когда мы начнем бой, чтобы иметь повод для жалобы на нас в Москве; если бы он осмелился ударить кого-либо из нас, мы тотчас бы его растерзали и могли бы оправдаться, – ибо он первый сделал на нас нападение. Но так как он, в ответ на наши обиды, не скажет гневного и укорительного слова, всё перенося с терпением, то мы не знаем, что нам делать с ним.

Так они много раз советовались, и, не приходя ни к какому соглашению, расходились; в этом исполнялось слово пророка: «говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог» (Ис. 8:10).

И так вся Пермская страна разделилась: одни из насельников ее были новопросвещенные христиане, а другие пребывали во тьме языческой, причем идолопоклонники ненавидели верных: они поносили их бранными и укоризненными словами, причиняли обиды и тем нарушали их покой. Видя, что верующие терпят обиды от неверных, святой Стефан сильно скорбел и часто днем и ночью, со слезами молил человеколюбца Бога, чтобы Он защитил новособранное стадо Своим Божественным покровом, а нечестивых Своею всесильною десницею исхитил из сетей диавола и привел к познанию истины.

Слыша эти непрестанные слезные молитвы Своего угодника и видя его труды и терпение, человеколюбивый Бог, хотящий всем спастися и в разум истины прийти, благоволил на просвещение Пермской земли светом святой веры. Он послал Пермскому народу дух умиления, как некогда слушавшим проповедь Апостола Петра; о чем пишется в Деяниях:

«Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия?» (Деян. 2:37).

Так множество Пермского народа – старцы и молодые, большие и малые, собравшись, говорили друг другу.

– Видите ли, братия, этого человека, пришедшего из России! Слышали ли его слова? Замечаете ли его терпение? Поняли ли его великую к нам любовь? Вот он в каких пребывает стеснениях и, однако, не уходит отсюда! Сколько он принял от нас досаждений, уничижений, обид, и всё-таки за это не прогневался и никому не сказал даже обидного слова, оставляя всё без возражения. Не имея никакой злобы на нас, он никому не нанес удара, но всё переносит с крепостью, без великого недоброжелательства и даже более: он радуется, когда мы причиняем ему обиды, и в то же время он не перестает говорить нам о Царстве Небесном, вечной муке и о воздаянии каждому по делам его, всегда научая нас как избавиться от мучений и получить Царство. Если бы не было истиной то, о чем он говорит, то он не терпел бы и не трудился бы столько! Поистине он – раб проповедуемого им Великого и Живого Бога, сотворившего небо и землю и уготовившего для добрых Царство, а для злых – мучение, и все его слова – правдивы!

Итак, пойдем к нему и упросим его научить нас в совершенстве своей вере и сделать нас христианами.

И пошли в великом множестве ко святому проповеднику мужи, жены и дети.

Преподобный же Стефан, увидав столько народу, идущего ко Христу Богу, невыразимо обрадовался: проливая от радости слезы, он воссылал несказанные благодарения человеколюбивому Владыке, не хотящему смерти грешных. Он встретил их с любовью, как отец детей, и отверзши боговдохновенные уста, долго поучал всем тайнам святой веры. Бог же открыл им ум, чтобы понимать учение святого: они охотно принимали его слова и просили у него крещения, и он крестил их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Таким образом, благодатиею Божиею, трудами и молитвами преподобного Стефана просвещена была земля Пермская.

Новопросвещенные уничтожали своих прежних идолов, стоявших в домах, селах, при дорогах, в лесах и рощах, и разоряли их капища. Особенно трудился в этом сам блаженный Стефан; он ходил повсюду, ссекая топором идолов и сожигая их вместе с дарами неверных.

Должно заметить, что у пермских язычников был обычай приносить своим богам шкуры пойманных на охоте зверей, как-то: соболей, куниц, горностаев, ласок, бобров, лисиц, медведей, рысей и других, и вешать их на идолов. Кроме этого, они покрывали сверху идолов лучшими полотнами и обвивали их пеленами. И те и другие дары никто не осмеливался брать, потому что если бы кто-нибудь дерзнул прикоснуться к какому-либо из них, то сей впадал в тяжкую болезнь: по действу сатаны, его корчило и ломало. Святой же Стефан, ревнуя по Боге и не боясь демонской силы, всё, принесенное в дар идолам, собирал в одну кучу вместе с рассеченными им же кумирами и сжигал, обращая в пепел; причем он как сам не брал себе ничего из даров, так и другим из верных не позволял этого делать, почитая дары частью бесов. Только своему отроку[2798], новопросвещенному пермянину Матфею приказывал делать из идольских полотен и пелен онучи[2799] ради бесчестия языческих богов. Пермяне сильно и вдвойне удивились, что преподобный ничего не берет себе из драгоценных вещей, но всё предает огню и – что он не терпит никакого вреда от демонов. Это еще более укрепило в них веру во Христову силу, побеждающую силу бесовскую, и утверждало в благочестии. Святой Стефан, сокрушивший множество идолов по различным местам, устроил еще две церкви, ибо с каждым днем и все в большом числе увеличивались верующие во Христа: тогда как неверных с каждым днем становилось меньше. Пермский просветитель устроил при храмах училища, собирая сюда молодых людей, отроков и малых детей, он обучал их пермской азбуке и чтению по Часослову, Псалтири и другим книгам, переведенным им на пермский язык, чтобы приготовить пермянам иереев, диаконов и прочих клириков, и учителей, из их племени и языка. Так процветала и сияла в Перми святая христианская вера. Во время этой деятельности святого

Стефана, направленной к утверждению в вере новопросвещенных, к нему пришел один волхв, или кудесник[2800], начальник чародеев и волшебников; его Пермяне до крещения уважали более всех волхвов, почитая его как отца и учителя, который своею волшебною силою управлял всей Пермской землей. Он начал смущать новокрещенных, говоря: «Мужи и братия Пермские, зачем вы оставляете отеческих богов и веру? Зачем перестаете приносить им жертвы, как это делали ваши отцы? Кого вы слушаете? Не человека ли, пришедшего из Москвы? А может ли для нас быть что-либо доброе из Москвы? Не оттуда ли на нас налагаются тяжкие подати, причиняются насилия и поставляются судьи и начальники? Не слушайте же этого – россиянина, и притом москвитянина, человека чужого. Но послушайте меня, своего человека, желающего вам добра. Ведь я с вами одного племени, из одной страны, и говорю одним с вами языком, и более прилично вам слушать меня, старца и отца вашего, чем этого молодого, который по своим летам может быть сыном или внуком мне».

В ответ на это новопросвещенные сказали:

– Ступай, препирайся с ним, а не с нами.

Кудесник этот оказался самым ярым противником преподобного, и между ними возгорелась великая борьба; волхв пытался погубить преподобного своим волшебством: он призывал бесов и творил чары, но безуспешно: волхвования его разрушались, так как бесы не могли приблизиться к угоднику Божию. Однако проникнутый злобою кудесник не останавливался, продолжая каждый день причинять неприятности преподобному: он открыто хулил святую веру христианскую, смущая этим не утвердившихся в вере и снова привлекая их к прежнему нечестию; и некоторых он обольщал словами, других склонял на свою сторону подарками. Нередко он приходил для препирательств к преподобному, во время которых с бранью и укоризнами всячески пытался победить непобедимого воина Христова. Однажды он сказал св. Стефану:

– Наши боги, поругаемые тобой, не погубили тебя только по своему милосердию. Иначе они давно бы тебя сокрушили или скорчили. Но они щадят тебя по своему незлобию, чтобы ты,

познав их благосердие, перестал делать им неприятности. А что наша вера лучше вашей христианской, это я докажу тебе ясно: у вас один Бог, а у нас – многие боги, споспешники и защитники, и они дают нам всё, находящееся в водах – рыб и в воздухе – птиц, в лесах и в лугах – соболей, куниц, рысей и прочих зверей, которые от нашей ловли доходят и до вас. Через них богатеют ваши князья, бояре и вельможи, одеваются и ходят в них с гордою величавостью, дарят друг другу и торгуют, посылая в соседние страны и в дальние земли, в Орду, в Грецию, к немцам и в Литву и всё это от нашей ловли, которую посылают нам наши многие боги. Наша вера гораздо лучше вашей и вот еще почему. У нас один человек или двое идут на борьбу с медведем и убивают его с помощью богов, которым они обещают за это кожу. А у вас на одного медведя выходят до ста или до 2-х сот и более человек, и столь многие едва могут одолеть одного зверя, а иногда и не могут, и, будучи сами истерзаны им, возвращаются ни с чем с охоты. А еще наша вера лучше вашей потому, что у нас в тот же день становятся известными события, хотя бы случившиеся в далекой стороне, а у вас не так, но через многие дни получаете вы какую-либо весть. По всему этому вера наша лучше вашей.

Возражая на это, святой Стефан говорил, что Единый христианский Бог лучше многих языческих, потому что они – не боги, но бесы, сверженные с неба в бездну и прельщающие безумных людей в бездушных идолах. Они не только не помогают людям, но, напротив, вредят и всегда стремятся делать злое; будучи злыми, немилосердными, гневливыми, полными ярости, завистливыми ненавистниками, они готовы были бы тотчас истребить род человеческий, если бы их не связывала и не удерживала сила Божия. Ловля же всякая дается людям не идолами, неподвижно стоящими на одном месте, ни бесами, не имеющими никакой власти над Божиим созданием, но от Того Самого Подателя всех благ – Бога, раздающего Свои дары каждому по трудам его. А борьба со зверьми бывает не в одной Пермии, но и во всех землях и странах. Победа же человека над зверями бывает не от помощи ваших богов, но или от телесной силы, или от искусства борца,

главным же образом она основывается на том, что небесный Бог покорил под ноги человеку всяких зверей, скотов, птиц и рыб. Находились же многие из христиан, укротившие именем Христа лютых зверей, заградившие уста львам, связавшие словом медведей и пардов[2801], попиравшие аспида[2802] василиска[2803] и всякого змия.

А против ссылки на вести, быстро сообщаемые богами волхвам, святой возразил так: в христианской Церкви много нашлось таких прозорливцев, которые видели своими духовными очами, как пред собою, не только что-либо делающееся вдали, но предсказывали и имевшее случиться спустя много лет после их кончины. Так и ветхозаветные святые пророки за много лет наперед предвозвестили то, что сбылось потом в новозаветной христианской Церкви.

После долгих и неоднократных прений о вере св. Стефан и кудесник пришли к тому, что лучше делом испытать на чьей стороне истина. По выбору кудесника они уговорились на следующем – пройти сквозь огонь и воду, и кто в огне не сгорит и в воде не утонет, того вера – истинная, и тому должен следовать народ. Это соглашение угодно было всему пермскому народу, собравшемуся послушать прение.

Святой Стефан сказал кудеснику:

– Ты захотел того, что превосходит мои смиренные силы, но я надеюсь на щедроты и милость Всесильного Бога, ищущего спасения всех. Он ради славы святого Своего имени может чудесно сохранить меня живым и целым в огне и в воде. Да утвердится этим чудом в вере предстоящий народ, а ты посрамишься со своими бесами, на которых надеешься.

Сказавши это волхву, святой Стефан обратился к народу:

– Благословен Господь, возьмите огонь, принесите сюда и зажгите вот эту, особо стоящую, пустую с открытым входом хижину, а я, взявшись за руки с кудесником, войду в нее.

И потом был принесен огонь, и строение зажжено. Преподобный же Стефан, воздев руки к небу, помолился Богу такими словами:

– Владыко многомилостиве, «Подай нам помощь в тесноте, ибо защита человеческая суетна» (Пс 59:13), посли милость

Твою, яви человеколюбие Твое, покажи силу Твою, да разумеют предстоящие люди истинную веру и познают, яко Ты еси истинный Бог Един, и аз раб Твой: «ибо вот, враги Твои шумят, и ненавидящие Тебя подняли голову» (Пс 82:3), «поднимают к небесам уста свои, и язык их расхаживает по земле» (Пс. 72:9). Потому «покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня» (Пс. 85:17). Ты Бог, утешающий нас во всякой скорби нашей Утешителем Твоим Духом Святым, с Ним же благословен вовеки, аминь.

По окончании своей молитвы, он сказал народу:

– Мир вам, братия, спасайтесь, просите и молите обо мне. Ибо я ради святой веры готов умереть. Теку на предлежащий мне подвиг, уповая на Начальника веры и Совершителя Иисуса.

Обратившись же к кудеснику, он сказал ему:

– Пойдем вместе, взявшись за руки, как обещались.

Но кудесник, испугавшись муки от сильного, пылавшего огня, не хотел идти. Тогда преподобный, схвативши его крепко за одежду, тащил с собою в огонь насильно. Он же упирался, пятился назад и, падая на землю, кричал, что сгорит тотчас же в огне, как сено и сухие ветви. Тогда народ с досадою начал кричать ему, чтобы он шел в огонь согласно собственному предложению. Но он умолял оставить его.

В ответ на его мольбы преподобный Стефан сказал ему:

– Не сам ли ты избрал это и захотел искусить Живого Бога, почему же теперь отказываешься?

Кудесник же, кланяясь до земли и припадая к ногам святого, говорил о своем бессилии и, сознавая свою вину, обличил суетность своего обольщения, и открыл, что, желая устрашить св. Стефана, придумал такой способ решение спора, будучи уверен, что раб Живого Бога убоится. Но ухищрения кудесника обратились на его голову, и злодейство его упало на его темя (см.: Пс.7:17). Точно так же не пошел старейшина пермских волхвов и в воду, хотя на реке уже приготовили две проруби: одну вверх по течению, а другую вниз; предполагалось войти обоим, держась за руки, в одну прорубь, и идя подо льдом, выйти вон в другую; когда св. Стефан стал понуждать

кудесника идти вместе с ним в прорубь, то последний отказался. Так обнаружилось бессилие всех его чародеяний и ложь его, обольщавших раньше, учений. После этого св. Стефан спросил кудесника:

– Хочешь ли веровать и креститься, так как ты уже побежден?

Но он отказывался от принятия христианской веры и святого крещения. Тогда святой сказал народу:

– Вы свидетели тому, что он, окаянный, сам изобрел способ определить правую веру огнем и водою и не захотел исполнить своего же слова, не желая идти ни в огонь, ни в воду. И теперь всё-таки не верует, не требует крещения. Что вы думаете о нем? Скажите.

Народ же закричал:

– Подлежит смертной казни!

И, схвативши его, отдали в руки святого Стефана, чтобы он предал его какой хочет смертной казни. При этом они говорили:

– Если отпустить его живым, то он будет причинять тебе еще большие неприятности.

Святой же отвечал им:

– Нет, да не будет рука наша на враге нашем. Не послал меня Христос бить, но благовествовать, не повелел мне мучить, но учить с кротостью и увещевать со спокойствием. Точно так же не завещал мне Владыка мой казнить, но наказывать с милостью по сказанному: «Пусть наказывает меня праведник: это милость; пусть обличает меня» (Пс. 140:5). А так как он не хочет веровать, будучи ожесточен и ослеплен злобою, то для него будет вечная казнь. Ибо Господь наш говорит: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16:16).

Достаточно строго запретить ему развращать людей Божиих своим лживым учением. Пусть и не живет посреди Христова стада. Пусть тьма не примешивается к свету, но да извергнется злое от среды всех. Да отсечется гнилой уд мечом духовным, да изгонится из этих пределов этот волк. Если же он опять осмелится появиться здесь и учить, тогда не избегнет смертной казни.

С таким запрещением выгнали кудесника из пермских пределов. И Церковь Христова пребывала в мире, и повсюду созидались храмы Божии, а идольские капища разорялись вконец.

Вскоре Церковь умножилась в пермской земле настолько, что для верующих оказалась нужда в особом епископе – и тем более, что за дальностью расстояния очень неудобно было посылать ставленников во священство к Московскому митрополиту. Далекая Пермь настолько же отстоит от Москвы, насколько последняя – от Царьграда.

Преподобный Стефан после предварительного совещания со своими пасомыми отправился в Москву к великому князю Димитрию Иоанновичу и к митрополиту Пимену. Он сообщил им о всем, совершившемся по благодати Божией в пермской земле, и просил дать ей епископа, ибо «жатвы много, делателей же мало» (Мф.9:37).

Великий князь, митрополит с епископами и Освященным собором обсудили просьбу св. Стефана, которого и решили поставить епископом пермским, как мужа поистине достойного такой чести.

– Кто наидостойнейший и наиболее подходящий по своим качествам к епископскому служению пермской земли, как не тот, который просветил эту землю Христовою благодатью и понес при этом столь великие подвиги и труды, переводя священные книги на пермский язык, сокрушив идолов и создав храмы, явясь таким образом Апостолом для Перми?

И был святой Стефан поставлен[2804] во епископа Пермского. Это поставление сильно обрадовало великого князя, который издавна знал св. Стефана и любил его. Одаривши новопоставленного епископа дарами, великий князь и митрополит отпустили его в Пермию.

Возвратившись в свою новоучрежденную епархию, он доставил верующим великую радость. В сане епископа святой Стефан так же усердно трудился для Пермской Церкви, как и прежде: обратившихся ко Христу он укреплял в православной вере; оставшихся неверующими приводил к вере и крестил; воздвигал церкви Божии, поставлял иереев, устраивал

наилучшим образом весь церковный чин. Он созидал также монастыри. Подавал щедрую милостыню, кормя нищих и убогих, одевая нагих, утешая печальных и упокоевая странников[2805]. Для всех он был милостивым отцом, великим благодетелем и бдительным пастырем, заботившемся не только о душах своих пасомых, но и об их телесных нуждах: так, во время сильного голода в Пермии святой Стефан очень часто привозил сюда на ладьях из Вологды множество хлеба и раздавал его даром бедным людям.

Так угодник Божий, пермский епископ Стефан, привел всю Пермскую землю к Богу. Благочинно управляя в святой Церкви, он создал всё необходимое для руководимого им словесного стада. В этих многолетних трудах, подъятых для спасения столь многих душ и расшатавших его здоровье, святой Стефан, уже достигший маститой старости, приблизился к кончине.

Святой Стефан скончался при митрополите Киприане[2806] в дни великого князя Василия[2807], сына великого князя Димитрия, прославившего себя победой над Мамаем.

На закате своей жизни ему пришлось еще раз отправиться в Москву по поводу некоторых церковных дел. Пред своим отъездом в столицу Стефан созвал свое словесное стадо и поучал пасомых Божественным Писанием пребывать в вере и нелицемерной любви между собой. Чувствуя скорое наступление своей смерти, он заключил свое архипастырское поучение словами:

– Близко время моей кончины, как открыл мне Господь наш Иисус Христос, Которому вас и вручаю.

Совершивши же затем молитву, он отправился в путь. По прибытии в Москву святой захворал и, проболев несколько дней, преставился[2808] ко Господу, Которого он с самых юных лет возлюбил.

На его торжественном погребении присутствовали князья, бояре, митрополит со всеми духовными чинами и множество народа. Все провожали с честью его тело в Свято-Спасский монастырь, где ныне царский дворец. В каменной церкви монастыря и были положены мощи угодника Божия на левой стороне.[2809]

Паства пермская горько оплакивала смерть своего епископа, который и Ангелов Божиих исполнил великой радости, обратив ко Господу души столь многих грешников. Поэтому святая душа его с радостью была взята Ангельскими руками и с ликованием несена к престолу благодати. Вместе с ликом святых иерархов предстоя пред Господом, святой Стефан молит Его не только о пермской земле, но и о всем мире.

Тропарь, глас 4:

Божественным желанием от юнаго возраста, Стефане премудре, разжегся, ярем Христов взял еси и людей оляденевшая древле неверием сердца, Божественное семя в них сеяв, Евангельски духовне породил еси. Темже преславную твою память почитающе, молим тя: моли, егоже проповедал еси, да спасет души наша.

Кондак, глас 8:

Самозванен не ищущым тебе святителю обрелся еси, люди от идольския лести свободив, ко Христове вере привел еси и волхва пансотника посрамил еси, темже и первый епископ и учитель Перми был еси. Сего ради духовная твоя чада, яко тобою избавльшеся от идол, благодарная тебе возопием: радуйся, Стефане, учителю премудрый.

Память святой праведной Глафиры

Память 26 апреля

Целомудренная и исполненная страха Божия девица Глафира находилась в услужении у супруги императора Ликиния[2810] Констанции. Узнав о нечистых намерениях развратного Ликиния, она удалилась из Никомидии[2811] в Амасию[2812] и здесь проживала под защитою и охранением епископа Василия. Вытребованная Ликинием к себе для наказания, она отправилась к нему вместе с епископом Василием, но по дороге скончалась[2813] и отошла в обители небесные.

Память святого Апостола и священномученика Симеона, сродника Господня

Память 27 апреля

Святой Симеон, называемый сродником Господа нашего Иисуса Христа по плоти, был сын Клеопы, брата святого Иосифа Обручника, как о том свидетельствуют единогласно греческие церковные историки Евсевий[2814], епископ Кесарии Палестинской, Георгий Кедрин и Никифор, сын Каллиста, Ксанфопул. Иосиф, обрученный с Пресвятой Богородицей, и Клеопа происходили от одного отца и матери, первый был старший брат, второй – младший. Когда Иосиф возвратился из Египта, то на его дочери Марии женился Клеопа. От этого брака родился святой Симеон, который уже в зрелом возрасте, увидев чудеса Господа нашего Иисуса Христа, уверовал в Него. После вольных страданий, воскресения и вознесения на небо Иисуса Христа Симеон был сопричислен к сонму семидесяти святых Апостолов и, наравне с другими, проповедовал учение Христово, переходя из города в город, наставляя и творя чудеса, просвещая народы в истинах святой веры и изобличая идолослужение. В то время первым епископом Иерусалимским был святой Иаков, брат Господень, сын Иосифа Обручника. Нечестивые иудеи за прославление Христа сбросили его с паперти храма и убили ударом дубины по голове. Вскоре после этого убийства Тит, сын Веспасиана, разорил Иерусалим, как было предсказано Самим Господом. Собравшись после разгрома, оставшиеся еще в живых ученики Христа и Его сродники по плоти избрали на место Иакова, брата Божия, вторым епископом Иерусалимским Симеона, сына Клеопы, также сродника Христа, внука и в то же время племянника Иосифа Обручника. Иерусалим снова стал заселяться. Святой Симеон с честью занимал кафедру иерусалимскую, приводя заблуждающихся ко Христу.

Через много лет в царствование Траяна некоторые еретики из зависти донесли Аттику, правителю римскому, о мнимых

преступлениях Симеона, что он происходит из дома царя Давида и что исповедует христианскую веру. За то и другое в то время было гонение со стороны римских императоров. Потомков Давида старательно везде разыскивали и умерщвляли, чтобы не осталось и следа от царского иудейского рода и римские императоры вечно владели бы иудейской землей. Также мучили и убивали верующих во Христа, чтобы вся вселенная почитала только языческих богов. Поэтому святой Симеон, и как потомок царя Давида, и как последователь и родственник Христа, уже достигший столетнего возраста, схвачен был нечестивыми язычниками по приказанию правителя Аттика. После долгих мучений, святой был, как и Господь наш Иисус Христос, пригвожден ко кресту и предал свою душу Богу.

Тропарь, глас 1:

Христова тя сродника, Симеоне священноначальниче, и мученика тверда священно восхваляем, прелесть потребившаго и веру соблюдшаго. Темже днесь всесвятую твою память празднующе, грехов разрешение молитвами твоими приемлем.

Кондак, глас 4:

Яко звезду превелию, Церковь имущи днесь богоглаголиваго Симеона, световодится зовущи: радуйся, мучеников честный венче.

Житие святого отца нашего Стефана, епископа Владимиро-Волынского

Память 27 апреля

«Привыкший к терпению, – говорит боговдохновенный Ефрем Сирин[2815], – стремится к добродетели, радуется в скорбях, не падает духом в бедствии, во время напасти веселится». Таков был преподобный отец наш Стефан, много пострадавший от братии монастыря. Но если на его долю выпала скорбь, то Бог дал ему великую радость. Помня слова пророка царя Давида «При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою» (Пс.93:19), он все несчастия считал ниспосланными от Бога и с радостью претерпевал их. Проходя долгий искус добродетельного жития, он с детства находился под руководством достохвального игумена, отца нашего Феодосия Печерского, постоянно был его учеником, с наслаждением питаясь боговдохновенными словами из медоточивых уст учителя, как младенец от груди матери. Как достойный сын, он уподоблялся своему добродетельному наставнику. Поэтому Стефан полюбился всей братии, был ею избран в доместики, или в наблюдатели, за исполнением церковного устава и вместе с самим игуменом, преподобным Феодосием, достойно наставлял в церкви братию своими поучениями.

Когда преподобный Феодосий приближался к концу временной сей жизни, все умоляли его, чтобы он поставил игуменом Стефана, как самого достойного из братии. Преподобный внял мольбам братии и, призвав своего любимого ученика, блаженного Стефана, поручил ему пасти иноков и умолял окончить построение церкви, основанной при чудесных предзнаменованиях. Затем, преподав наставление хранить монастырский устав, любить от чистого сердца братию, непрестанно обращаться мысленно к Богу, не забывать странников, преподобный отошел в вечную жизнь, обещаясь, однако, не оставлять своею помощью Печерскую обитель, порученную им Стефану.

И так после кончины преподобного Феодосия Стефан принял на себя игуменство в святой Печерской Лавре и, проходя подвижнический подвиг, с особенным старанием занялся постройкой церкви, начатой преподобным Феодосием и ознаменованной уже Божиим благоволением, и других монастырских зданий.

Божиею благодатью, молитвами преподобных отец наших Антония и Феодосия, Стефан через несколько лет достроил церковь и новый монастырь, в который перевел братию из старого. В последнем он оставил несколько монахов, так как там, по обычаю, погребались скончавшиеся иноки. Стефан установил такое правило, чтобы в монастыре ежедневно совершалась литургия в память умершей братии и блаженных основателей. Милость Божия к обители не оскудевала, и на святом месте этом всё яснее проявлялась благодать Божия. Но враг всего доброго и рабов Божиих – диавол – возненавидел блаженного игумена за такое попечение о святой обители и своими злыми кознями сделал так, что некоторые из братии подняли смуту и не только низложили с игуменства Стефана, избранного ими единогласно, но и без всякой вины изгнали его из монастыря. Без злобы претерпел всё от братии преподобный Стефан и, разлученный с иноками, продолжал любить их. Горячо молился он о них и, подражая одноименному с ним первомученику Стефану, восклицал:

– Господи, не поставь им этого в вину!

Как железо к магниту, неудержимо стремился он к месту упокоения преподобного Феодосия. Многие бояре и вельможи, дети его духовные, врученные ему преподобным Феодосием, узнав о глубокой печали своего наставника, прониклись сожалением к невинно пострадавшему и с усердием приносили ему всё необходимое. Тогда преподобный Стефан вспомнил те преславные чудеса, очевидцем которых был он сам: как мастера из Константинополя пришли к преподобным Антонию и Феодосию Печерским, принесли икону Пресвятой Богородицы и рассказали о видении царицы, последовавшем во Влахернском храме. И вот с помощью Божией и по молитвам преподобных отцов Антония и Феодосия блаженный Стефан построил

монастырь недалеко от Печерской Лавры на Кловском урочище и соорудил в нем каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы, в память положения честной ризы Ее, по образцу Константинопольской Влахернской. Каждый год преподобный торжественно праздновал день второго июля и, собрав многочисленную братию, вёл богоугодную жизнь. Церковный устав и всё монастырское устройство он перенял и велел хранить согласно порядку, установленному преподобным Феодосием в Печерском монастыре.

Много трудясь над духовным совершенствованием своим, он приобретал всё большую славу, так что даже в самых отдаленных местностях его знали и прославляли за добродетельную жизнь. Поэтому, когда скончался епископ славного города

Владимира, основанного великим князем Владимиром в честь своего имени, тогда преподобный Стефан избран был на архиерейский престол этого города и посвящен в епископы преосвященным Иоанном, митрополитом Киевским. Он был добрый пастырь порученных ему овец, показывая пример своей пастве словом, добродетельной жизнью, любовью, возвышенным духом, верою и чистотою.

Когда по сочувствию Божию и по мысли блаженного Иоанна, игумена Печерского, намеревались перенести честные мощи преподобного отца нашего Феодосия из пещеры в построенную по указанию Божию церковь, то достохвальный епископ Стефан пришел из Владимира в свой Кловский монастырь. Ночью, увидев за полем над пещерой яркий свет, он подумал, что переносят честные мощи преподобного Феодосия (он знал о намерении), и опечалился, что торжество происходит без него. Тотчас сел он на коня и поскакал к пещере вместе с Климентом, которого поставил после себя игуменом в Кловской обители. Когда они приближались к пещере, то увидели, что яркий свет, виденный ими издали, исходит от множества горящих свечей, но когда подъехали близко, то ничего не увидали и поняли, что сподобились видеть свет Божественной славы, исходящий от честных мощей преподобного Феодосия: уже открыли землю над мощами и вынесли их к выходу из пещеры. На другой день

после этого видения между прочими епископами, переносившими честные мощи отца и учителя своего, преподобного Феодосия, был и блаженный Стефан. Возвратившись обратно на Владимирский престол, он ревностно наставлял свою паству на путь истины своими добродетелями, которыми заслужил себе неувядаемый венец славы. Чтобы принять этот венец, предуказанный его именем[2816] и заслуженный его добрыми делами, он в 1094 году от Рождества Христова отошел ко Христу, Начальнику всех пастырей. Молитвами преподобного венценосца Стефана сподоби, Христе Боже, и нас венца славы, на славу Тебе Самому, с безначальным Твоим Отцом и единосущным Духом ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Память святых Апостолов Иасона и Сосипатра и святой мученицы Керкиры девы

Память 28 апреля

Святой Апостол Иасон происходил из города Тарса[2817], был первым христианином в этом городе, а святой Апостол Сосипатр был родом из Ахаии[2818]. Присоединившись к святой вере Христовой, они оба сделались учениками святого Апостола Павла, который в послании к Римлянам называет их даже родственниками (Рим.16:21). Иасон был поставлен епископом в своем родном городе Тарсе, а Сосипатр принял на себя руководство Иконийской церковью; оба доблестно пасли и приумножали свое стадо. Отправившись на запад, они достигли острова Керкиры[2819] и соорудили там прекрасную церковь во имя святого первомученика Стефана, совершали в ней богослужение и многих присоединили к Христовой вере. Оклеветанные перед Керкилином, царем острова, они были заключены в тюрьму, где сидели семь разбойников: Саторний, Иакисхол, Фаустиан, Ианнуарий, Марсалий, Евфрасий и Маммий. Святые Апостолы увлекли их своими боговдохновенными беседами к святой вере и сделали овец из волков. Тогда царь приказал разварить в котле смолы, серы и воска и бросить туда этих семь новопросветленных узников. Так они мученически скончались и получили венцы от Господа. Уверовал во Христа и тюремный сторож. За это ему отсекли сперва левую руку, потом обе ноги и, наконец, когда он не переставал призывать имя Христово, голову. И он сопричислился к лику святых мучеников. А святых Апостолов Иасона и Сосипатра царь вывел из темницы и передал на мучение князю Киприану. Тот крепко их связал и отослал опять в тюрьму.

Увидев из своих палат такое страдание святых мучеников и узнав, что они страдают за Христа, дочь царя, по имени Керкира, объявила себя христианкой, сняла с себя драгоценные наряды и украшение и раздала их нищим.

Узнав об этом, отец ее исполнился глубокой печали и приложил все усилия, чтобы отвратить ее от веры Христовой. Когда всё оказалось безуспешным, царь в сильной ярости запер ее в отдельной темнице и приказал отдать ее на растление одному блуднику – Мурину. Когда Мурин подошел к дверям тюрьмы, внезапно прибежал медведь, схватил его и стал терзать. Услышав шум и увидев в окно, что происходит, сидевшая в тюрьме царская дочь отогнала зверя именем Христовым, исцелила раны Мурина и, открыв истины святой веры, сделала его христианином.

– Велик Бог христианский! – громко восклицал Мурин и за это, потерпев страшные мучение, скончался среди страданий и предстал перед Господом в сонме мучеников.

Тогда царь приказал воинам обложить темницу дровами и зажечь их, чтобы вместе с темницею сгорела и его дочь. Сделали, как было приказано, и темница сгорела. Но девица оказалась жива и невредима: огонь не коснулся ее. Увидев такое чудо, многие из народа уверовали во Христа.

Наконец, святая была повешена мучителями на дереве, удушена едким дымом, расстреляна стрелами и предала дух свой Богу. После ее кончины царь стал преследовать веровавших во Христа. Те, боясь мучений, бежали на соседний остров и там укрывались. Узнав об этом, царь сам поплыл к тому острову, намереваясь наказать их страшными мучениями. Но когда он был в открытом море, то, преследуемый гневом Божиим, потонул в морской пучине, как некогда фараон. Христиане, избавившись от этого мучителя, вознесли Господу благодарственные песнопения. Святые Апостолы Иасон и Сосипатр, освобожденные из темницы, невозбранно учили народ слову Божию.

Когда на престол вступил другой царь и узнал о святых Апостолах, то схватил их и приказал разварить в железном котле смолы, серы и воска и бросить туда святых. Но Апостолы благодатью Христовою стояли в том котле неопаленными, а многие из стоявших кругом неверных были обожжены огнем. Другие, видя такое чудо, уверовали во Христа. Уверовал и сам царь и, наложив камень на шею, с рыданием воскликнул:

– Боже Иасонов и Сосипатров, помилуй меня!

Тогда святые Апостолы, собравши всех уверовавших, научили их слову Божию и, наставив царя, крестили его во имя Отца, Сына и Святого Духа и дали ему имя Севастиан. Через несколько дней сын царя заболел и умер. Тогда святые Апостолы, помолившись Богу, воскресили его из мертвых. Много и других чудес совершили они и построили вместе с царем благолепные церкви. Совершив свой святой подвиг и приумножив стадо Христово, Апостолы в преклонных летах скончались и отошли радостно ко Христу Богу.

Кондак, глас 4:

Явистеся, яко звезды пресветлыя, просвещающее всю вселенную светом проповедания, апостоли Божественнии Иасоне и Сосипатре, спасайте верою чтущих вас.

Страдание святых мучеников Максима, Дады и Квинтилиана

Память 28 апреля

На второй год царствования нечестивых императоров римских Диоклетиана и Максимиана[2820], при наместниках Тарквинии и Гавинии, диавол излил страшный гнев на христиан. От этих царей и наместников вышло такое повеление:

– Хотя мы знаем, что все наши подданные благоговейно почитают богов, однако, заботясь о лучшем устроении государства, всех, кто живет в настоящее время в землях Римской империи, просим и убеждаем и самим всемерно почитать и любить богов и стараться прочих приводить к тому же. Если же найдется такой, кто где-либо упомянет имя Христово, то он подлежит нашему гневу.

Слыша такой приказ, все народы спешили, собравшись, принести, согласно повелению, жертвы богам и приветствовать своих начальников такими словами:

– Радость и долголетнее здравие нашим владыкам за такую заботу о почитании богов!

Наместник Тарквиний сказал собравшимся:

– Видя такое ваше усердие, просим вас собраться завтра, чтобы вместе принести жертвы богам; а теперь повеселитесь с нами и отдохните от далекого пути, завтра же после жертвоприношения каждый пусть возвратится в свой город. Наутро все собрались, устроили богомерзкий праздник, принося жертвы идолам, и были отпущены Тарквинием по домам. На следующий день один из нечестивых идолопоклонников доложил Тарквинию:

– В городе находятся три мужа, которые вчера ослушались вашего приказа и не принесли жертвы, а про себя говорят, что поклоняются Единому Богу, Сущему на небесах.

Тарквиний тотчас послал своих слуг схватить ослушников. Нашедши их в деревне Озовии молящимися Богу, слуги заковали их в оковы и скоро привели в город Доростол, где в это время случайно были оба наместника. Был уже вечер, когда

пришли в город и известили о захваченных христианах. Тарквиний велел стеречь узников до утра. Святые всю ночь молились и восклицали:

– Господь наш, Иисус Христос! Подай нам с небес Твою силу на помощь, чтобы нам одолеть наших врагов, и сподоби нас по благости Твоей принять венцы победы.

Утром Тарквиний и Гавиний сели на суде и приказали поставить перед собой захваченных христиан. Увидев их, Тарквиний спросил:

– Эти ли люди пренебрегают нашими повелениями и самовольно исповедуют свою веру?

Потом спросил святых, как их имена. Святой Максим ответил:

– По вере я христианин, как и эти мои братья, а по человечеству я прозываюсь Максимом.

– Ты заявил, – сказал правитель, – что служишь не нашим богам, а какому-то другому. Твой товарищ как называется?

Тот ответил сам, что зовут его Дадой и что он так же христианин, как и его брат. На вопрос Тарквиния, как прозывается третий, Квинтилиан назвал свое имя и заявил, что он тоже христианин. Секретарь Магнилиан записал показание каждого. Наместник Гавиний спросил его, записал ли он имена. Магнилиан сказал, что прочтет, если получит приказание.

– Прочти, – сказал Гавиний. Секретарь прочитал:

– Имена предстоящих христиан, по их показанию, следующие: Максим, Дада, Квинтилиан.

Тогда Тарквиний обратился к святым с такими словами:

– Жизнь ваша в ваших руках. Если хотите жить, принесите жертву матери богов и сделайтесь ее жрецами, потому что жрец ее умер и отошел к великому небесному царю Зевсу, чтобы там служить ему.

– Нечестивый и бесстыдный человек! – отвечал Максим. – Или ты не боишься Господа, именуя богом и называя царем скверного прелюбодея. Знайте, безумные люди, Царь Небесный – Христос, обо всех заботящийся и всем управляющий. Знайте и то, что мы, создание Бога Истинного, никогда не исполним пагубного повеления вашего!

Наместник Гавиний призвал к себе Даду и Квинтилиана и без успеха вел с ними долгую беседу, убеждая их признать свое нечестивое и пагубное учение. Святые отвечали:

– Мы стоим за то же, что сказал брат наш Максим. Он чтец в нашей Кафолической церкви, хорошо понимает Священное Писание и знает, что нам полезно. А ты, пораженный бесовским безумием, не знаешь, что для тебя необходимо. Если бы ты пожелал послушать нас, то узрел бы свет.

Тогда Гавиний и Тарквиний сказали:

– Вот, мы всячески увещеваем вас и советуем, что лучше, а вы не покоряетесь и остаетесь при своем сумасбродстве.

– Нет, – отвечал святой Максим, – это вы беснуетесь, желая обратить в бесовскую веру людей, живущих добродетельно и служащих Единому Богу. Делайте с нами, что хотите, но никогда не отвратите нас от истинной веры.

Тогда Гавиний и Тарквиний стали совещаться, что сделать со святыми, и велели отвести их в темницу. Те с радостью пошли, беседуя о своем спасении. Находясь в тюрьме, они вели духовную беседу, и Максим много поучал Даду и Квинтилиана от Священного Писания. В полночь они уснули и видели во сне диавола, ополчившегося на них с оружием. Встав от сна, они увидели Ангела, говорившего им:

– Не бойтесь: Бог, ваша надежда, примет вас к Себе. Он недалеко от вас и поможет вам.

Явление Ангела и его слова подкрепили мучеников; они благословляли Бога, славословя до утра.

Правители, сев на суде, приказали снова привести к себе узников, и Гавиний сказал им:

– Мы призвали вас; опять увещеваем принести жертву богам, и тогда получите от нас немалые почести. Если же не послушаетесь нас, то сами будете виновны в своей смерти. В эту ночь боги наши во сне сказали относительно вас свою волю.

Святые мученики отвечали, что и им Бог приказал потерпеть за Его святое имя всякие мучения. Тарквиний обратился к Гавинию с такими словами:

– Если не отправить их на мучение, то они никогда не послушаются нас.

Гавиний отвечал:

– Сами они это выбрали, пусть сами себя винят.

Тогда правители приказали снять с мучеников одежды. Когда это было исполнено, то Гавиний приказал связать их, растянуть на земле и бить. Когда и это было исполнено, Тарквиний сказал слугам:

– Спросите их, не хотят ли они послушаться нас и принести богам жертвы; если нет, то устроим им другие мучения и погубим их злою смертью.

На вопросы слуг святые мученики единодушно ответили:

– Бог наш подкрепляет нас, мучениями вашими пренебрегаем, лукавого совета вашего не послушаем и жертв бесам не принесем.

Тарквиний приказал слугам отвести святых обратно в темницу, так как наступил час обеда. Когда минул уже седьмой час, наместники снова сели на суде, и снова привели святых мучеников.

Гавиний спросил:

– Максим! Не надумал ли ты послушаться нашего совета и принести жертву богам?

Святой Максим отвечал:

– Совета вашего не принимаем; как уже раньше сказали, так и теперь повторяем, что поклонимся только Господу нашему Иисусу Христу с Богом Отцом и Святым Духом.

Разгневанный Гавиний крикнул:

– Если не хотите образумиться и поклониться богам, то погубим вас: прикажем отвести вас в пустынное место и там обезглавить.

Святые заклинали правителей исполнить угрозу. Тогда наместники велели отвести мучеников в их деревню и там обезглавить. Услышав смертный приговор, святые прославляли Бога и молились:

– Господи Иисусе Христе, избавивший нас от земной грешной жизни, прими нас в чертог Свой и сподоби Царства Твоего Небесного.

Молящихся святых мучеников привели в деревню Озовию, там отрубили им главы, и предали дух свой в руки Божии

святые мученики Максим, Дада и Квинтилиан апреля в 28-ой день, в царствование Диоклетиана и Максимиана, при наместниках Тарквинии и Гавинии. Господу нашему Иисусу Христу, владеющему нами, слава, держава и Царство во все века. Аминь.

Память во святых отца нашего Кирилла, епископа Туровского

Память 28 апреля

Блаженный Кирилл был сын богатых родителей, родился и получил воспитание в городе Турове[2821]. Не любя богатства и славы тленного мира сего, он с особенным усердием занимался изучением Божественных книг и в совершенстве изучил Священное Писание. Когда наступило время, он пришел в монастырь[2822]. Приняв иноческое пострижение, он стал служить Богу больше всех иноков, постом и бодрствованием изнуряя тело свое, и через это сделал себя чистым обиталищем Святого Духа. В это время он многим принес пользу тем, что учил и примером своим поощрял монахов пребывать в повиновении и послушании игумену, почитать его, как Бога, и во всем слушаться его и говорил, что тот монах, который не имеет послушания своему игумену согласно данному обету, не может спастись. Стремясь затем к более совершенным подвигам, блаженный Кирилл заключил себя в столп, где некоторое время и пребывал, подвизаясь в посте и молитве. Тут он составил много благочестивых сочинений, чем приобрел известность во всей окрестной стране. По усердной просьбе князя[2823] и граждан города митрополит возвел его в епископский сан и поставил епископом города Турова[2824], носившего в то время такое название и находившегося вблизи Киева.

В сане епископа блаженный Кирилл доблестно подвизался в управлении Церковью Божиею. Он, на основании Священного Писания, обличил ересь Феодорца[2825], названного так в поругание, и предал его проклятию[2826]. Много посланий, основанных на словах Евангелия и пророческих книг, он написал и князю Андрею Боголюбскому[2827], а также посылал ему поучения, составленные им на Господские праздники, и многие другие душеполезные свои сочинения. Написав всё это и составив множество других сочинений, блаженный Кирилл распространил их среди своей паствы. Его трудами и до этих пор пользуются православные русские люди, просвещая и

утешая себя[2828]. Проведши в таких благочестивых подвигах свою жизнь и достойно управив врученное ему стадо, блаженный Кирилл отошел в вечный покой бесконечной жизни[2829].

Приидите же ныне, братия, прославим сего святителя такими словами: радуйся, славный святитель и учитель, больше всех других стяжавший себе славу второго Златоуста в России. Радуйся ты, который своим блестящим словом наставил все страны земли Русской в духовной мудрости. Принося тебе эту малую похвалу, молимся тебе: молись за нас Вседержителю, Которому ты ныне дерзновенно предстоишь, да избавит Он нас от постигших нас бедствий и от безбожных агарян[2830], всегда угнетающих нас, да по твоим молитвам получим мы от Господа милость, прощение грехов и вечное блаженство в будущей жизни.

В тот же день память святых мучеников: Саторния, Иакисхола, Фавстиана, Ианнуария, Марсалия, Евфрасия, Маммия (разбойников, просвещенных в темнице апостолами Иасоном и Сосипатром, ввергенных в котел с кипящею смолою), Зинона, Евсевия, Неона и Виталия (просвещенных теми же апостолами и сожженных); все эти мученики пострадали на острове Керкире.

Память святых девяти мучеников, в Кизике пострадавших

Память 29 апреля

Город Кизик находится в малоазийской области Мизии, на берегу Дарданельского пролива[2831], отделяющего Азию от Европы. Он стоит рядом с городом Троадою, в котором проповедовал святой Апостол Павел, учитель язычников[2832], и был просвещен святою верою христианскою от того же Апостола. Хотя этот город и был просвещен светом христианства, но первоначально он имел не очень много христиан, по причине гонения на христианскую веру от язычников. Когда нечестивые римские императоры, правившие до Константина Великого, рассылали по всем странам грозные повеления – всех, исповедывавших имя Христово, принуждать к поклонению идолам, и посылали для этого жестоких игемонов, обязанных казнить различными способами и предавать смерти всех, не повиновавшихся царскому повелению, – тогда многие из христиан бежали из города, скитаясь по горам и пустыням; другие же из христиан жили среди язычников, но скрывали от них свою веру; те же, которые особенно горячо любили своего Бога и Господа, Иисуса Христа, явно, во всеуслышание исповедовали имя Христово посреди язычников и охотно шли на многоразличные мучения и смерть за имя Христово. К числу этих последних принадлежат и воспоминаемые ныне девять святых мучеников, доблестных мужей, твердых во святой вере, как гора Сион[2833], и горевших ревностью по Боге, как Илия. Имена их следующие: Феогний, Руф, Антипатр, Феостих, Артема, Магн, Феодот, Фавмасий и Филимон.

Эти святые мученики происходили из разных городов. Собравшись вместе в Кизике, они, не страшась ни грозных царских повелений, ни мучений и смерти, велегласно прославляли Христа, дерзновенно исповедуя, что Он – Истинный Бог, Творец и Вседержитель всего мира. Вместе с тем они обличали и порицали нечестивое учение язычников-идолопоклонников, которые вместо Бога почитали бесов,

вместо того, чтобы поклоняться Творцу всего мира, поклонялись твари, вместо Живого Бога поклонялись бездушным идолам, вместо Истинного Бога почитали ложных богов, вместо любви к Богу Милосердому, подающему людям всякое благо, приносили жертвы жестокосердым бесам – мучителям людей. Поэтому эти святые мученики и увещевали ослепленных неверием язычников оставить свои заблуждения и познать истину, дабы, просветившись светом христианского учения, уверовать во Единого Истинного, пребывающего на небесах, Бога, содержащего во Своей власти всю вселенную.

Узнав о такой дерзновенной проповеди святых, нечестивые служители диавола взяли их без милосердия, как волки овец, и, связав, представили их на допрос начальнику города, как бы каких злодеев.

Святые воины Христовы мужественно предстали пред нечестивого судию. Сердца их были воспламенены огнем любви к Богу и ревностью о славе Его. Представ пред мучителем, они облеклись во всеоружие Божие (см.: Еф.6:11), дабы мужественно противостать нечестивому судии, а наипаче самому князю тьмы, на борьбу с которым они теперь выступали.

Нечестивый судия предавал их различным мучениям и пыткам; не один раз заключал он их в темницу, затем снова выводил и предавал мукам, требуя, чтобы они отверглись от Христа и принесли жертву идолам. Но доблестные воины Христовы ни в каком случае не соглашались отречься от Христа, своего Бога и Господа; напротив того, они начали говорить о суетности идолопоклонства и укорили в нечестии и самого судию. Вследствие этого они после многих других различных мук были усечены во главы. Около того места были погребены и тела их.

Спустя несколько лет после этого воцарился Константин Великий, который, приняв святое крещение, прекратил гонение на христиан. Свет благочестия христианского теперь всюду разлился по вселенной.

Тогда кизические христиане с благоговением извлекли из земли тела святых мучеников, которые оказались нетленными, затем положили их в новые гробы, построили храм в честь

святых мучеников и с благоговением перенесли в него свое многоценное сокровище.

От этих святых мощей совершались многоразличные чудеса и исцеления: бесы изгонялись, расслабленные становились здоровыми, страдавшие лихорадкою совершенно исцелялись от своих болезней.

Так, например, один известный в городе муж, страдавший водянкою, исцелился от своей болезни, прикоснувшись с верою к раке со святыми мощами. Равным образом всякий, какой бы ни был одержим болезнью, с верою прикасавшийся ко гробу святых мучеников, тотчас получал исцеление.

Видя это, многие из неверных обращались ко Христу, так что вскоре весь город тот уверовал во Христа; идолы и языческие храмы сокрушались, и вместо них воздвигались храмы христианские; благочестие процветало в городе Кизике, по молитвам святых девяти мучеников, там почивавших.

Когда же по смерти благочестивого царя Константина и сына его Констанция[2834], царствовавших довольно продолжительное время, воцарился нечестивый Юлиан Отступник[2835], то некоторые из проживавших в том городе эллинов-язычников отправились к сему императору и донесли ему на христиан, что они разорили все их храмы и жертвенники разбили.

Услышав это, царь, хотя и повелел восстановить языческие храмы и идолов, однако не позволил делать никаких притеснений христианам, жившим в городе, так как их было очень много (почему он боялся народного возмущения). Однако сей нечестивый император приказал заключить в темницу христианского епископа Елевсия. Когда же он отправился в поход против персов и погиб там, то епископ Елевсий был освобожден, и снова в городе Кизике воссиял свет веры Христовой; город тот укреплялся и утверждался, как крепкою стеною, усердным предстательством пред Богом тех святых мучеников. Молитвами их да получим и мы исцеление от болезней наших, как душевных, так и телесных, да сподобимся также и благодати и милости от Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Кондак, глас 2:

Твердый и всесветлый лик мученик девяти, Трисолнечнаго Божества исповедницы, на судищи Тому начально взываху: кровь и души наша с телесы, яко непорочную жертву, приносим Тебе, Владыко, в лицех Небесных Твоих сопричти, яко Бог милостивый.

Память преподобного отца нашего Мемнона чудотворца

Память 29 апреля

Преподобный отец наш Мемнон от юности своей посвятил себя на служение Богу и соделался чистым жилищем Духа Святого, ибо он покорил плоть свою духу, умертвив страсти телесные многими и тяжкими трудами. Святой Мемнон был поставлен начальником над монахами (игуменом). По причине своего равноангельского жития он восприял от Бога обильный дар чудотворений, исцелял неизлечимых больных, творил также много и других чудес. Так, например, на сухом месте, по молитве святого, появился источник воды; весьма часто он избавлял от потопления корабли, застигнутые сильным морским волнением и уже утопавшие; отгонял саранчу, во множестве прилетевшую в ту страну и пожиравшую все плоды и травы; совершал много и других преславных чудес, – ради чего и был наречен «чудотворцем».

Так, в течение многих лет подвизаясь в постничестве и угодив Богу своим добродетельным житием, Мемнон отошел, радуясь, ко Господу, Которого он возлюбил всем сердцем своим.

Не только при жизни своей, но и по смерти святой творил многоразличные чудеса, ибо от гроба его подавались исцеления болящим, и одним только призыванием имени святого прогонялась саранча и разрушались всякие козни духа нечистого. Так прославил Своего угодника Бог, славимый во святых Своих вовеки. Аминь.

В тот же день память святых мучеников Диодора и Родопиана диакона, пострадавших при Диоклетиане в Афродисии Карийской.

Память святого Апостола Иакова Зеведеева

Память 30 апреля

Святой Иаков, сын Зеведеев и брат святого евангелиста Иоанна Богослова, был одним из двенадцати Апостолов, избранных Господом в ученики Себе из простых рыбарей. Позванный Иисусом Христом, Иаков, вместе со своим братом, оставил корабль, отца и рыболовные сети и пошел за Христом (Мф.4:21–22), следуя за Ним всюду, внимая речам Его и видя чудеса, совершаемые Им. И Господь так возлюбил обоих братьев, что одному позволил возлежать на персях Своих (Иоан.13:23), а другому (Иакову) обещал дать пить чашу, которую Сам должен был испить (Мф.20:22–23). И сами Апостолы так сильно возлюбили Господа своего и показали такую преданность Ему, что хотели низвести на неверующих в Него огонь с неба, чтобы истребить их (Лук.9:54); и они сделали бы это, если бы Сам милосердый Господь Иисус Христос не воспретил им. Этим двум Апостолам, Иакову Зеведееву и Иоанну, а также Апостолу Петру Господь преимущественно пред всеми другими Апостолами открывал Свои Божественные свойства и Свои тайны, как это было, например, на Фаворе, когда Господь, пожелав показать славу Своего Божества, взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна (Мф.17 и след.)

После вольного страдания, воскресения и вознесения Господа нашего и по ниспослании Святого Духа святой Апостол Иаков прошел Испанию и другие страны с проповедью слова Божия. Потом он снова вернулся в Иерусалим и был здесь грозен для иудеев, как гром (Мк. 3:17), ибо мужественно и дерзновенно проповедовал Иисуса Христа, говоря, что Он есть истинный Мессия, Спаситель мира. Иаков побеждал в спорах фарисеев[2836] и книжников[2837], обличая и укоряя их за жестокосердие и неверие. Они же, не будучи в силах противостать ему, за деньги наняли против него некоего волхва, по имени Гермогена, дабы он вступил в прение с Иаковом и посрамил бы его. Но волхв, будучи гордым, не пожелал сам

беседовать с Иаковом, а послал своего ученика, по имени Филита, сказав:

– Не только меня самого, но даже и ученика моего Иаков не сможет одолеть в споре.

Филит пришел и беседовал со святым Апостолом Иаковом, но будучи не в состоянии противиться премудрости Духа Святого, которой был преисполнен Апостол, молчал, как немой, и не мог совершенно открыть своих уст для возражения Апостолу. Познав истину, Филит смирился и, возвратившись к своему учителю-волхву, возвестил ему, что нельзя преодолеть Иакова, который подтверждает слова свои даже чудесами. При сем Филит советовал учителю своему оставить свое мудрование и волхвование и сделаться самому учеником Иакова. Но гордый Гермоген своими чарами призвал бесов и повелел им держать Филита на одном месте связанным так, чтобы он не мог сдвинуться с места, и сказал при этом:

– Посмотрю, как избавит тебя твой Иаков.

Филит же послал тайно к Апостолу известие о том, что он чарами Гермогена связан бесами. Узнав о сем, Апостол послал к нему свое полотенце, сказав, чтобы он взял посланое к нему полотенце и произнес такие слова: «Господь разрешает узников, Господь отверзает очи слепым, Господь восставляет согбенных» (Пс.145:7–8).

Лишь только Филит произнес эти слова, тотчас освободился от невидимых уз, ибо бесы, устрашившись полотенца Апостолова и силы произнесенных слов, оставили Филита и убежали от него. Тогда Филит, посмеясь над Гермогеном, пришел к святому Иакову и, наученный им святой вере, крестился.

Гермоген же, исполнившись сильной ярости и гнева, заклял бесов, служивших ему, привести к нему связанными Иакова и Филита. Но когда бесы приблизились к тому жилищу, в котором обитал святой Иаков с Филитом, тотчас Ангел Господень, по повелению Божию, взял тех бесов и, связав их невидимыми узами, стал их мучить. Бесы же вслух всех восклицали, будучи мучимы силою Божиею:

– Иаков, Апостол Христов, будь милосердым к нам, ибо мы, по повелению Гермогена, пришли связать тебя и Филита, а вот ныне сами крепко связаны и жестоко страдаем.

Святой Иаков сказал бесам:

– Ангел Божий, связавший вас, да разрешит вас от уз, и вы пойдите и приведите ко мне сюда Гермогена, не сделав ему никакого вреда.

Тотчас бесы, разрешенные от уз, пошли к Гермогену и, схвативши его, в мгновение ока поставили связанным пред Апостолом и просили Апостола, чтобы он позволил им отомстить свои обиды на Гермогене.

Апостол же спросил бесов, почему они не связали Филита, как повелел им сделать это Гермоген. Бесы на это отвечали:

– Мы даже и мухи не можем тронуть в твоем дому.

Тогда Апостол сказал Филиту:

– Господь наш повелел за зло воздавать добром, поэтому и ты освободи Гермогена и избавь его от бесов.

После этого Апостол сказал Гермогену, освобожденному от бесовских уз:

– Господь наш не желает иметь слуг по принуждению, но желает иметь слуг добровольных; поэтому ты ступай, куда пожелаешь.

Но Гермоген сказал:

– Как только я выйду из твоего дома, меня тотчас убьют бесы, ибо я знаю, как велика их ярость; знаю также, что мне невозможно избавиться от них, если ты не защитишь меня.

Тогда Апостол дал ему в руки свой жезл, который он употреблял в пути. Гермоген пошел с тем жезлом в свой дом и по дороге не претерпел от бесов ничего худого. Познав таким образом силу Христову и увидав немощь бесов, Гермоген собрал все свои волшебные книги, принес их к святому Иакову и, припав к ногам его, воскликнул:

– Истинный раб Истинного Бога, избавляющий от погибели души людей. Помилуй и меня и прими твоего врага в ученики себе!

Наученный Иаковом святой вере, Гермоген принял крещение, по повелению Апостола сжег свои волшебные книги и

сделался истинным слугою Христовым, так что именем Иисуса Христа творил чудеса.

Иудеи, видя всё совершившееся, пришли в сильную ярость и уговорили царя Ирода[2838] воздвигнуть гонение на Церковь Христову и умертвить Иакова: «Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом. Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра, – тогда были дни опресноков, – и, задержав его, посадил в темницу» (Деян. 12:1–4).

Евсевий[2839], епископ Кесарии Палестинской, повествуя о святом Иакове, пишет, что когда он был осужден Иродом на смерть, некий человек, по имени Иосия, один из донесших Ироду на Апостола, видя мужество и дерзновение святого Иакова и уразумев невинность и святость его, а также истину сказанных им слов (о пришествии Мессии – Христа), уверовал во Христа и сделался исповедником Христовым. Тотчас и он, вместе со святым Апостолом Иаковом, был осужден на смерть. Когда они вместе шли на место казни, то на пути встретили расслабленного, лежащего при дороге, и святой Апостол исцелил его. Когда же они приклонили свои головы на усечение, Иосия молил святого Иакова, дабы он простил ему грех, соделанный им по неведению, – простил ему, что он донес на него царю. Апостол, обняв и облобызав его, сказал ему: «Мир с тобою», – и оба они, преклонив свои головы на усечение, вместе скончались[2840].

После усекновения их ученики святого Апостола Иакова, взяв тело его, по Божественному изволению отнесли его в Испанию[2841], где и доныне подаются от гроба его исцеления болящим и совершаются чудеса во славу Христа Бога, со Отцом и Святым Духом всею тварью прославляемого вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Апостол Христов был еси избранный, и Богослову возлюбленному брат единородный, всехвальне Иакове, поющым тя грехов оставление испроси и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Глас Божественный слышав, призывающ тя, любовь отца презрел еси и притекл еси ко Христу, Иакове, с сродником твоим, славне, с нимже сподобился еси видети Господне Божественное преображение.

Память во святых отца нашего Доната епископа

Память 30 апреля

Святой Донат жил в царствование благочестивого императора Феодосия Великого[2842] и был епископом в городе Эврии, находившемся в древнем Эпире[2843]. Близ сего города было место, называемое Сориа, на котором находился источник воды; если кто-либо пил из этого источника воду, то тотчас умирал в жестоких мучениях. Святой епископ Донат, узнав об этом, пошел к тому источнику со своими клириками.

Когда он уже был около источника, послышался сильный гром и из источника вышел большой и страшный змей. Змей направился к угоднику Божию и старался своим хвостом ударить по ногам мула, на котором ехал святитель. Тогда епископ Донат ударил приближающегося змея бичом по хребту, которым погонял своего мула, и тотчас змей умер. Бывшие же при епископе клирики и народ, увидав такое чудо, собрали дрова и, разложив большой костер, сожгли на нем змея, чтобы его труп не стал гнить и не отравил бы воздух ядом, тем более что змей тот был весьма велик; но воды из того источника всё же никто не осмеливался пить. Тогда святой Донат, помолившись, благословил источник и сначала сам почерпнул воду и выпил ее, а затем и всем повелел пить ее без опасения. Все люди, после этого, пили воду, не сделав себе никакого вреда и, прославив Бога, возвратились в жилища свои.

Однажды святому Донату случилось быть в одном каменистом и безводном месте, и он, видя, что находившиеся около него люди от сильного зноя изнемогали от жажды, выкопал небольшой ров своими руками и помолился к Богу о ниспослании воды. Тотчас потек источник воды, и доныне источающий обильную воду.

В другой раз святой Донат молитвою своею низвел воду с неба. Во время бездождия и сильной от того засухи он помолился ко Господу, и тотчас пошел сильный дождь, который

и напитал землю, так что в том году был обильный урожай плодов, по молитвам святого.

Случилось, что дочь императора Феодосия весьма сильно заболела, будучи мучима нечистым духом. Царь и царица были в сильной печали по причине болезни своей дочери, так как она была у них единственною дочерью. В это время они узнали о том, что епископ Донат творит чудеса. Тотчас император послал в Эпир повеление, чтобы к нему пришли все епископы той страны для благословения его. Когда эпирские епископы прибыли в Константинополь[2844], царь с честью и ласкою принял их и спросил:

– Кто из вас епископ Донат, который бичом умертвил змея, извел из каменистой почвы воду и испросил у Бога дождь с неба?

Царю указали на святого Доната. Царь облобызал его и повел к царице, и они оба, припав к ногам святого, умоляли его помочь им, говоря:

– Божий угодник! Окажи нам милость: мы имеем одну дочь, и она жестоко страдает, мучимая бесом. Мы сильно скорбим о ней; приводили к ней многих врачей и священников, и никто не мог помочь ей. Поэтому мы, услышав о великой благодати Божией, обитающей в тебе, осмелились просить тебя прийти сюда, дабы ты изгнал из нашей дочери беса, молитвами твоими, действенными пред Богом. Если ты исцелишь нашу дочь, то получишь себе половину ее имущества.

Святой так ответил на просьбу царя с царицей:

– Где отроковица? Покажите мне ее.

Доната привели к отроковице. Тотчас бес, не стерпев присутствия угодника Божия, вскричал и, повергнув отроковицу на землю, вышел из нее; с этого времени отроковица стала здоровою. Царь и царица весьма обрадовались выздоровлению дочери, предлагали святому большие дары, но он не пожелал ничего взять из предложенного ему. Видя же благонравие и благоверие императорской четы, молил их, чтобы ему было отдано в его епископии одно место, находящееся близ села, называемого Омфалия, дабы на том месте он мог построить

церковь. Царь тотчас исполнил просьбу святого и закрепил свой дар своею царскою грамотою.

В то время как святой был в Константинополе, случилось, что здесь умер некий человек, имевший заимодавца, которому он не отдал долга. Когда его несли на погребение, то заимодавец его, имея расписку умершего, удерживал гроб и не допускал погрести умершего до тех пор, пока ему не будет отдан долг, который составлял двести золотых монет. Святой Донат, бывший в это время около дома сего умершего, услышав вопли и сильный шум, происходивший от большого стечения народа, сказал прибывшим с ним епископам:

– Пойдем и упросим заимодавца, чтобы он дозволил предать погребению тело умершего своего должника.

Но епископы не согласились пойти.

Тогда Донат пошел один. Когда вдова умершего увидала святого, то, припав к ногам его, молила его со слезами:

– Умилосердись надо мной, человек Божий, так как я впала в двоякую беду: лишилась мужа и не могу похоронить тела его, ибо в этом препятствует мне заимодавец. Уговори его, святой человек, чтобы он позволил мне предать земле тело умершего.

Святой спросил женщину:

– Действительно ли известно за достоверное, что твой муж должен сему человеку?

Женщина отвечала:

– Господин мой! За несколько дней до сего времени мой муж сказал мне, что он уже отдал свой долг, но только расписка его осталась у заимодавца.

Тогда святитель Христов сказал заимодавцу:

– Дозволь, чадо, предать погребению тело умершего; долг же твой после тебе будет отдан.

Но заимодавец, будучи жестоким и несправедливым человеком, не только не послушал святого, но еще и бранил его.

Тогда святой епископ, приступив к одру, на котором лежал умерший, и коснувшись своею рукою мертвеца, громко воззвал к нему:

– Слушай меня, человек!

Тотчас мертвый ожил и, открыв глаза свои, произнес:

– Вот я, владыко!

Святой сказал ему:

– Встань и скажи нам, как поступить с твоим заимодавцем, который не дозволяет предать тебя погребению, говоря, что ты не отдал ему долга, на который он имеет у себя твою расписку.

Мертвец поднялся и сел к великому ужасу всех, присутствовавших при сем удивительном зрелище. Взглянув грозно на своего заимодавца, мертвец стал укорять его за обман и уличил его во лжи, сказав, когда и на каком месте он отдал ему двести златниц долга. Заимодавец, не зная, что возразить ему, стоял, трепеща, и молчал, как немой. Оживший же человек требовал от заимодавца свою расписку. Получив ее, он разорвал ее, сидя на одре. Затем, посмотрев на святителя, он сказал ему:

– Хорошо сделал ты, праведник, что пробудил меня для обличения сего грешника; повели теперь мне снова уснуть.

Святой Донат сказал ему:

– Иди с миром в покой, чадо, ибо ты получишь обратно свою расписку.

И тотчас тот муж снова почил сном смерти. Все, видевшие сие удивительное чудо и слышавшие о том от других с великою радостью прославили Бога, удивляясь силе добродетели угодника Божия.

Во время пребывания святого Доната в Константинополе случилось бездождие, и вследствие сего великая засуха. По просьбе царя святой вышел за город и совершил литию[2845], умоляя Бога послать необходимый для высохшей земли дождь. Тотчас после молитвы Доната пролился столь великий дождь, что весь народ говорил:

– Это – второй потоп.

Император Феодосий боялся за святого епископа Доната, как бы он не измок сильно, стоя под таким великим дождем, ибо он был в одной только ризе. Когда же святой Донат возвратился после совершения литии в царский дворец, то все видели, что одежды на нем были совершенно сухими и не имели ни

малейшего следа влаги, ибо ни одна капля дождя не коснулась их.

Все весьма дивились этому чуду. Император же весьма радовался, видя славные дела святого угодника Божия, и благодарил Бога за то, что Он во время его царствования послал такого светильника миру, сего предивного чудотворца.

После многочисленных бесед с угодником и по принятии от него благословения царь отпустил его к своей пастве. При этом Феодосий дал святому Донату много денег для построения и украшения новой церкви, которую святой хотел построить на вышеупомянутом, испрошенном у царя, месте.

Вернувшись в свою епископию, блаженный Донат на царский дар выстроил прекрасную церковь, где приготовил место для своего погребения. Достигнув глубокой старости, он отошел ко Господу[2846], дабы предстоять пред Ним в сонме святых иерархов и вечно прославлять Отца, и Сына, и Святого Духа – Единого Бога, в Троице прославляемого всеми святыми вовеки. Аминь.

Житие и страдание святого пророка Иеремии

Память 1 мая

Святой пророк Иеремия[2847] родился в Анафофе, городе священническом[2848], в пределах колена Вениаминова, недалеко от Иерусалима. Сын священника Хелкии, он был предызбран и предназначен к пророческому служению, подобно Самуилу (1Цар.2), еще прежде рождения своего, как сказал о том Сам Господь: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя» (Иер.1:4–5).

Святой Иеремия, священник по рождению своему, учитель же и пророк по званию от Бога, был, по свидетельству святого Игнатия Богоносца, девственником в продолжении всей жизни своей (Иер.16:2). На пророческое служение он выступил в 630 г. до Р. Х., – еще в нежном юношеском возрасте, как то видно из первой главы его книги, где повествуется, что на призыв от Господа к пророчеству он так выразил свое смущение:

– О Господи Боже! – я не умею говорить, ибо я еще молод – отрок.

Господь же ободрил его и, одаряя его разумом человека взрослого и совершенного, сказал:

– Не говори: «Я молод», ибо ко всем, к кому пошлю Я тебя, пойдешь, и все, что Я повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавить тебя.

Сказав это, Господь простер руку Свою и, коснувшись уст Иеремииных, изрек ему:

– Вот, Я вложил слова Мои в уста твои. Смотри, Я поставил тебя в день сей над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать (греховную, беззаконную жизнь людскую) и на месте разрушенного и искорененного вновь созидать и насаждать» [добрые нравы и богоугодную жизнь людей] (Иер.1:7–10).

Это слово Господа, призвавшее Иеремию на пророческое служение, было во дни Иосии, царя Иудейского, в тринадцатом

году его царствования[2849]; святому же пророку тогда шел пятнадцатый год от рождения: в столь юном возрасте он сделался орудием действенной благодати Божией!

В те времена иудейский народ хотя наружно и хранил преданность вере отеческой, поклонялся Богу истинному, изведшему его некогда из Египта, но внутренне далек был от истинного служения Ему. Входя в близкие сношения с окрестными народами, иудеи нравственно были развращены; подчиняясь чужим обычаям, они в большинстве своем, особенно зажиточные и властные из них, служили языческим мерзостям. Не только в окрестностях Иерусалима, по холмам и долинам, но и в самом Иерусалиме, подле храма Господня, воздвигнутого Соломоном, были поставлены идолы, которым приносились жертвы так же, как истинному Богу. Это нравственное тление, глубоко проникавшее в народную жизнь, возбуждая справедливый гнев Божий, приготовляло Иудейской земле разорения и пагубу, что и предуказано было святому Иеремии в двух видениях: жезла орехового и кипящего котла. И было слово Господне к Иеремии:

– Что видишь ты, Иеремия?

Он ответил:

– Вижу жезл миндального дерева.

Господь сказал ему:

– Ты верно видишь; ибо Я бодрствую[2850] над словом Моим, чтобы оно скоро исполнилось.

И было Слово Господне к нему в другой раз:

– Что видишь ты?

– Вижу, – отвечал Иеремия, – поддуваемый ветром кипящий котел, и он показывается с севера.

И сказал ему Господь:

– От севера польется бедствие[2851] на всех обитателей земли сей. А ты опоясшь чресла твои и встань и скажи им все, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя пред их глазами. И вот, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей. Они будут

ратовать против тебя, но не превозмогут тебя, ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя (Иер.1:17–19).

Исполняя повеление Божие, святой Иеремия начал обличать иудеев за отступление от истинного Бога и уклонение к языческому суеверию, угрожая грядущим на них гневом Вседержителя и увещевая, для избавления от страшных последствий гнева Господня, принести покаяние. Пророческое служение Иеремии продолжалось от дней, как уже сказано было, царя Иосии во дни сына его Иоахаза и Иоакима – брата Иоахаза, и во дни Иехонии, сына Иоакимова, и во дни Седекии, сына Иосии, брата Иоахаза и Иоакима[2852].

Много страданий претерпел пророк Божий от своих соплеменников, утративших истинную веру в Бога и страх Божий! – Грозные прещения Господа Саваофа он возвещал без колебаний и смущений, слово истины он смело и дерзновенно возглашал и во дворе храма, и при воротах города, и во дворце царском, и в темнице, и в окрестностях Иерусалима. Не раз приводим он бывал к царям и вельможам, и всем он прямо, без лукавства или малодушной застенчивости, – открыто говорил, что если они не покаются и не отвратятся от лжи, то их постигнут злые напасти. Ибо вот что говорит Господь:

«Я призову все племена царств северных, и придут они, и поставят каждый престол свой при входе в ворота Иерусалима, и вокруг стен его, и во всех городах иудейских. И будут они исполнителями судеб Моих над преступным народом, казнителями беззаконников. И все это Я попущу на них за то, что они оставили Меня и воскурили фимиамы чужеземным богам и поклонились делам рук своих (Иер.1:15–16). Выслушайте слово Господне, дом Иаковлев и все рабы дома Израилева! Так говорит Господь: какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и осуетились и не сказали: где Господь, Который вывел нас из земли Египетской, вел нас по пустыне необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной, по которой никто не ходил и где не обитал человек? Я ввел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром; а вы вошли и осквернили землю Мою, и достояние Мое сделали мерзостью. Я буду судиться с вами, и с сыновьями

сыновей ваших буду судиться. Ибо пойдите на острова Хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кедар и разведайте тщательно, и рассмотрите: было ли там что-либо подобное сему? Переменял ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ переменил славу свою на то, что не помогает. Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь и ужаснитесь основания земли: два зла сделали люди Мои, потеряв страх Мой: они оставили Меня, Господа Бога своего, – источник живой воды, и устроили, высекли себе негодные, которые не могут держать воды. Я насадил народ Мой как благородную лозу – на берегах Иордана, – самое чистое семя, а она превратилась в дикую отрасль чужой лозы. Израиль – раб Мой и домочадец, как резвая верблюдица, как дикая ослица, рыщущая в пустыне, в страсти души своей глотающая воздух, сказал: не надейся, нет! Ибо люблю я чужих и буду ходить путями их. Осрамил себя дом Израилев: люди его, и цари его, и князья его, и священники, и пророки его оборотились спиною ко Мне, а не лицом и сказали: «Мы сами себе господа; мы уже не придем к Тебе»; но вот во время бедствия своего будут говорить: «Встань и спаси нас!» – О род! Внемлите вы слову Господню: был ли Я пустынею или страною Израиля? – Забывает ли девица украшение свое и невеста – наряд свой? А народ Мой забыл Меня, нет числа дням забвения его! И по вероломству своему ты искусно направляешь, прикрывая срамоту свою одеждою благочестия, пути твои, чтобы снискать любовь! И для того даже к преступлениям приспособляешь ты пути твои, так что на краях одежды твоей находится кровь людей бедных, невинных… (Иер.2:4–34). И вот за то, что они поступают по упорству злого сердца своего, Я приведу на них с севера бедствие и великую гибель. И будет в тот день, говорит Господь, замрет сердце у царя, и сердце у князей, и ужаснутся священники, и изумятся пророки! (Иер.43:17, 4:6–9). Как источник извергает из себя воду, так Иерусалим источает из себя зло: в нем слышно насилие и грабительство, пред лицом Моим – всегда обиды и раны. Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалилась от тебя, чтобы Я не сделал тебя пустынею, землею необитаемою» (Иер.6:7–8).

С такими и подобными сим восторженно-пламенными речами святой Иеремия многократно обращался к своим современникам; они – подобные молоту, разбивающему скалы, изложены пространно в его пророческой книге. И все пророчески сказанное им сбывалось.

Политические невзгоды и бедствия для Иерусалима начались при царе Иосии так: в тридцать первом году его царствования (4Цар.22:1; 2Пар.34:1) египетский фараон Нехао предпринял военный поход против царя ассирийского на реку Евфрат. А так как путь ему лежал через пределы земли Иудейской, то Иосия, чтобы предохранить свое царство от нашествия египтян, собрал свое войско и решил противостать им. Фараон послал к нему послов сказать: «Что мне и тебе, царь иудейский? Не против тебя теперь я иду, но туда, где у меня война. И Бог повелел мне поспешать; не противься же Богу, чтобы Он не погубил тебя».

Но Иосия не послушал этого предостережения Нехао и вышел против него со своим войском на Магиддонскую равнину, которая лежала на пути от прибережья Средиземного моря к Иордану, откуда ближайшим путем через Дамаск Нехао намеревался достигнуть берегов Евфрата.

Произошло сражение; иудейское войско, подавляемое численным превосходством неприятеля, было совершенно разбито; сам Иосия был смертельно ранен. Телохранители поспешно взяли своего любимого умирающего царя и отвезли в Иерусалим, где он и предал дух свой Богу. Иосия погребен был в гробнице своих отцов и был оплакан народом в Иерусалиме и во всей Иудее с великою скорбью, ибо он был лучший, достойнейший из царей по своей доброте и богобоязненности (2Пар.35:20–24; Зах.12:11). Оплакал Иосию царя и Иеремия в песни плачевной (2Пар.35:25).

Фараон Нехао продолжил после того свое воинское шествие в Ассирию, а в Иерусалиме на царство был помазан второй сын Иосии, Иоахаз[2853], который царствовал, впрочем, только три месяца до возвращения Нехао из Ассирийского похода. Египетский царь, к которому после победы Магиддонской перешло главенство над Иудейской землей и

который в то время имел в виду главного и могущественного противника – Ассиро-Вавилонию, а слабое царство Иудейское, оставил без внимания, на обратном пути овладел Иерусалимом и всею Иудеею и подчинил своей власти, – новоизбранного царя Иоахаза, когда сей явился к нему в военный лагерь, в Ривле, земле Емафской[2854], для получения утверждения в своем царском достоинстве, он низложил и как пленника в оковах отправил в Египет, и царем в Иудее поставил старшего его брата Елиакима, переименовав его в Иоакима. В то же время Нехао наложил на Иудею дань в сто талантов серебра и талант золота[2855], невыносимо тяжелую для маленького государства и тем более, что взыскивалась она с беспощадною строгостью (4Цар.23:35).

Так семя Авраамово, народ свободный, славное некогда и могущественное царство, утратило свою самобытность, оказалось в порабощении. И это было неизбежным следствием беззакония иудеев, которым они прогневляли Всевышнего Бога, не принося искреннего покаяния по увещаниям пророческим, не устрояя своей нравственной жизни по закону Божию!

В начале царствования Иоакима, царя иудейского, было такое слово от Господа к святому Иеремии: «Стань на дворе дома Господня и скажи всем иудеям, приходящим на поклонение в дом Господень, все те слова, какие повелю тебе сказать, – не убавь ни слова. – Так говорит Господь: если вы не послушаетесь Меня в том, чтобы поступать по закону Моему, который Я дал вам, чтобы с покорностью внимать словам рабов Моих пророков, которых Я посылаю к вам с раннего утра и которых вы оставляете без внимания, то с домом сим, на котором наречено имя Мое и на который вы возлагаете свою надежду (ср. Иер.7:14), Я сделаю то же, что сделал с Силомом[2856], и город сей предам на проклятие всем народам земли» (Иер.26:1–6).

Слыша такие грозные вещания пророка от лица Божия, мнимые ревнители общественного спокойствия и государственной безопасности – священники и лжепророки, исполненные гнева, схватили Иеремию и потребовали суда над ним, требовали, чтобы и от князей и от народа произнесен был

ему смертный приговор. В доме Господнем собрались толпы возбужденного таким образом против Иеремии народа, пришли туда же князья иудейские и некоторые лица из дома царского и сели у входа при воротах в дом Господень. Составился таким образом формальный суд над пророком. Нечестивые священники и лжепророки, обратившись к собранию народа и князей иудейских, сказали:

– Смерть этому человеку, потому что он пророчествует против города сего, как вы слышали своими ушами.

Иеремия же в свое оправдание произнес:

– Господь послал меня пророчествовать против дома сего и против города сего все те слова, которые вы слышали. Итак, исправьте пути ваши и дела ваши и послушайтесь гласа Господа Бога вашего, и Господь отменит бедствие, которое изрек на вас. А что до меня, то вот я – в ваших руках; делайте со мною, что вам угодно и что в глазах ваших покажется лучшим и справедливым. Но только твердо знайте, что если вы умертвите меня, неповинную кровь возложите на себя, и на город сей, и на жителей его, ибо истинно Господь послал меня к вам сказать все те слова в уши ваши.

Тогда председательствовавшие в народном собрании князья иудейские и вельможи царские сказали неистовым священникам и лжепророкам:

– Этот человек не может быть приговорен к смерти, потому что он говорил нам именем Господа Бога нашего.

Встали на защиту Иеремии и некоторые из старейшин земли и обратились к народу с такими словами:

– Вспомните, Михей Морасфитянин пророчествовал во дни Езекии, царя иудейского, и сказал всему народу иудейскому: «Так говорит Господь Саваоф: Сион будет вспахан как поле, и Иерусалим сделается грудою развалин, и гора храма станет лесистым холмом». – Умертвили ли его за это Езекия-царь и народ иудейский? Не убоялись ли они Господа и не умоляли ли Его? И Господь отменил бедствие, которое изрек на них; а мы – мы хотим сделать великое зло душам нашим (Иер.26:11–19). Итак, покаемся, отвратимся от зла и не будем искать смерти невинного человека. Ибо была ли хотя бы какая-либо польза и

от недавно пролитой крови Урия, сына Шемаии из Кариафиарима, пророчествовавшего именем Господним против города сего и против земли сей точно такими же словами, как и Иеремия предсказывает? – Царь и вельможи его, слыша тогда речи сего Урия, возненавидели его и искали убить; а он, обреченный на смерть, от страха бежал в Египет; царь Иоаким и в Египет послал людей своих, которые и привели его оттуда: Урия был умерщвлен мечом; но что же произошло из того? – народное негодование против царя и князей иудейских: то же будет непременно, если вы предадите смерти и Иеремию.

После того произошло разделение в народном собрании: одни настаивали, чтобы убить святого пророка, другие же защищали его невинность. И ненавистники Иеремии конечно одолели бы его защитников, если бы не взял его под свое покровительство один из влиятельных при царском дворе вельможей, именем Ахикам, сын Сафанов; он избавил Иеремию от рук людей злобных, готовых на убиение его (Иер.26:20–24).

Между тем идолопоклонство, отравлявшее совесть народную в продолжении многих предшествующих лет и порождавшее крайнее растление нравственности, более и более усиливалось в Иудее. Находились среди иудеев и такие, которые на пророческий призыв – исправить путь своей жизни и следовать закону Божию – насмешливо говорили:

– Не надейся; мы будем жить по своим помыслам и будем поступать каждый по стремлению злого сердца своего (Иер.18:12), – будем делать все то, что вышло из уст наших, будем кадить богине неба и возливать ей возлияния, как делали мы и отцы наши, цари и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что это давало нам сытость и счастье (Иер.44:17).

Не стало истины у них, отнята она была от уст их; от малого до большего каждый из них предан был корысти, и от [лживого] пророка до священника – все действовали лживо и, делая мерзости, нисколько не стыдились и не краснели (Иер.6:13–15). Неугодное в очах Господних творил и царь иудейский Иоаким, увлекаясь общим потоком нечестия (4Цар.23:37, 2Пар. 36:5).

И вот святой Иеримия опять получил от Господа приказание:

– Иди и войди в дом царя иудейского и произнеси там слово сие и скажи: выслушай слово Господне, царь иудейский, сидящий на престоле Давидовом, ты и слуги твои, и народ твой, входящий сими воротами. Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, вдовы и сироты, не проливайте крови неповинной на месте сем. Ибо если вы будете исполнять слово сие, то будут входить воротами дома сего цари, сидящие на престоле Давидовом из рода его, ездящие на колеснице и на конях, – сами и слуги их и народ их. А если не послушаете слов сих, то Мною Самим клянусь (говорит Господь), что дом сделается пустым, города станут необитаемы и вся земля Иудина превратится в пустыню; ибо Я приготовлю истребителей с орудиями их, которые будут поражать людей нераскаянных, как срубают деревья. И будут многие народы проходить через запустелый город сей и говорить друг другу: «За что Господь так поступил с этим великим городом?» И скажут в ответ: «За то, что они оставили завет Господа Бога своего и поклонились иным богам и служили им».

И о самом царе иудейском Иоакиме святой пророк именем Господним говорил, что так как глаза его и сердце его обращены к своекорыстию и пролитию невинной крови, к тому, чтобы делать притеснение и насилие, то после смерти не будут оплакивать его, выражая скорбь восклицаниями: «увы, государь!» и «увы, его величие!» – Ослиным погребением будет он погребен: вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима (Иер.22:1–19).

Такие дерзновенные слова пророка Божия, сказанные публично, пред народом, возбудили великий гнев царя и его приближенных: святого Иеремию тогда непременно предали бы смерти, если бы промышление Божие не сохранило его для будущих таинственных вещаний от лица Господня. Грубо он схвачен был и с бесчестием, в оковах, посажен в темницу.

В это время наступило исполнение Суда Божия над преступным городом, осквернённым мерзостями языческими и обагренным кровью невинных. – Навуходоносор, сын Набопалласара, царя вавилонского, представителя ассирийской монархии, по поручению отца выступил против египетского царя Нехао и, при Кархемыше[2857], поразив войско фараона, покушавшегося овладеть Ассириею, немедленно направил свои силы и против его данника, царя иудейского. Иерусалим после непродолжительной осады был взят Навуходоносором; царь иудейский Иоаким на третьем году своего царствования был захвачен в плен и, вместе с избранными отроками из царского и княжеских знатных родов (в том числе – пророка Даниила, еще юноши, и с тремя отроками Ананией, Мисаилом и Азарией) (Дан.1:1–6), отведен был в Вавилон. Туда отведена была и значительная часть иерусалимских граждан и взята часть из сосудов дома Божия.

Спустя немного времени Навуходоносор, воцарившийся в Вавилоне после смерти своего отца, возвратил плененного Иоакима в Иерусалим, восстановив его в достоинстве царя иудейского, и только сделал его своим данником. Так прошло три года: Иоаким платил дань царю Вавилонскому, как прежде до сего времени платил он дань фараону египетскому. Освободившись таким образом от тяготевшей над Иудеей зависимости от Египта и не прозревая будущей грозной опасности от Вавилона, монархии еще молодой, занятой тогда устройством своих внутренних дел, Иоаким и его вельможи, задумав самонадеянно свергнуть с себя иго халдейское, предались распутству и разным безумствам.

Но прежде чем Иоаким, царь иудейский, открыто отрекся от покорности Навуходоносору и явно провозгласил независимость своего царства от Вавилона, было слово Господне к Иеремии пророку, содержащемуся тогда в темнице, слово такое:

– Возьми себе книжный свиток и напиши в нем все слова, которые Я говорил тебе об Израиле и обо всех народах с того дня, как Я начал говорить тебе от дней Иосии до сего дня; может быть, дом Иудин, народ иудейский услышит о всех бедствиях, какие помышляю Я сделать им, чтобы они

обратились каждый от злого пути своего, чтобы Я простил неправды их и грехи их.

Это повеление Божие Иеремия исполнил через своего ученика-писца Варуха, сына Нирии, который записал в книжный свиток все слова от уст пророка. После того Иеримия сказал Варуху:

– Я заключен, и меня стерегут, я не могу выйти отсюда и идти в дом Господень. Итак иди ты и прочитай написанные тобою с уст моих слова Господни вслух народа в доме Господнем, в день поста, также и вслух всех иудеев, пришедших из городов своих; прочитай им, и, быть может, они вознесут моление пред лицом Господним и обратятся каждый от злого пути своего, ибо велико негодование и гнев, которые объявил Господь на народ сей.

Варух прочитал пред народным собранием слова Господни, написанные в свитке. Это было в пятом году царствования Иоакима (Иер.36:9).

Чтение свитка произвело потрясающее впечатление на всех; народное собрание было взволновано. О происшедшем сообщено было в царский дворец, где находились тогда все вельможные советники; последние потребовали Варуха к себе. Пророчество Иеремии, прочитанное Варухом, поразило и беспечно-распутных, растленных в совести вельможей. С ужасом посмотрели они друг на друга и спросили у Варуха, как он написал это пророчество. Варух ответил: «Иеремия произносил мне устами слова сии, а я вписал их в этот свиток».

Сановники сказали: «Пророчества эти так важны, что содержание их непременно нужно пересказать царю» (Иер.36:10–19).

Благорасположенные же из них к Варуху посоветовали ему скрыться на время, а так же и Иеремию-пророка они распорядились перевести в другое место заключения, чтобы никто не знал, где находятся провозвестники определений Божиих.

Когда довели до сведения царя о пророческом свитке, Иоаким приказал представить этот свиток к себе и прочитать в его присутствии вслух всех князей. Время тогда было холодное:

был ноябрь месяц; царь сидел в своем доме пред жаровнею, наполненною горящими углями, а вельможи стояли вокруг него. С напряженным вниманием слушали слова Иеремии некоторые из вельмож[2858], но на очерствелое сердце царя и раболепных его сановников чтение пророчества не производило должного впечатления. Мало того, по мере того как чтец развертывал свиток и прочитывал три или четыре столбца, царь отрезывал их писцовым ножичком и бросал на огонь в жаровню; свиток сполна был прочитан и весь сожжен (Иер.36:1–26). Иоаким после того дал повеление своим приспешникам взять Иеремию и Варуха и предать обоих смерти. Но промышлением Божиим они были скрыты в то время и избежали смерти; а вскоре настала такая пора для иудейского царства, что врагам и ненавистникам пророков уж некогда было думать и приводить в исполнение свою месть.

Между тем по повелению Божию пророк Иеремия произнес новое слово в обличение нечестивого царя:

– Возьми себе другой свиток, – сказал ему Господь, – и напиши в нем все прежние слова, какие были в первом свитке, который сжег Иоаким, царь иудейский. Иоакиму же скажи: так говорит Господь – ты сжег свиток, так как в нем было написано, что непременно придет царь вавилонский и опустошит эту землю, истребит на ней людей и скот. За это вот что говорит Господь об Иоакиме: потомство его не будет сидеть на престоле Давидовом, и тело его по смерти будет брошено на зной дневной и на холод ночной (Иер.36:27–30).

Это повеление Господне исполнено было святым пророком: с уст Иеремииных был написан рукою Варуха другой свиток, в котором многое было прибавлено к прежним пророческим речам.

В это время неожиданно для иудеев Иерусалим окружен был войском Навуходоносора, составленном из легких отрядов халдейских, сирийских, моавитских и аммонитских. Священный город, не приготовленный к обороне, без труда взят был нападавшими; царь Иоаким был схвачен и погиб бесславною смертью: труп его был выброшен за городские стены на съедение диким зверям и птицам. Сбылось таким образом

пророческое слово святого Иеремии, что царь Иудин будет погребен ослиным погребением: вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима (Иер.22:19), что мертвое тело его будет брошено на зной дневной и на холод ночной. Впрочем, оставшиеся кости его, объеденные зверями, были погребены иудеями в родовой царской усыпальнице (2Пар.36:8).

После смерти Иоакима на престол иерусалимский вступил сын его, Иехония, и был не благочестивее своего отца. О нем святой Иеремия пророчествовал, что со всем домом своим он предан будет от Господа в руки царя вавилонского, – и уже не увидит своей земли! – что и сбылось вскоре. Иехония занимал престол Давида только сто дней. Воцарившись вместо отца, он в неразумном ослеплении предавался несбыточной мечте о возможности противостоять Навуходоносору и не хотел добровольно покориться ему, признать над собою его власть. Предаваясь безнравственным, идолопоклонническим мерзостям подобно своему отцу, Иехония думал найти безопасность за крепкими стенами Иерусалима, а в случае осады своей столицы рассчитывал на помощь со стороны Египта. Но захваченный врасплох быстрым нападением Навуходоносора, появившегося лично среди своих войск, окруживших Иерусалим, он должен был отдаться на волю победителя со всем семейством своим, со всем двором и евнухами. Весь царский дом, знатные вельможи, все лучшие люди Иудейской земли, цвет воинов и ремесленников, – всего до десяти тысяч отборного населения отведены были в Вавилон; туда же вместе с пленниками вывезены были золотые сосуды из храма Господнего и царские сокровища (4Цар.24:8–16).

Так исполнилось пророческое Иеремиино слово: Иехония, царь иудейский, – этот перстень на правой руке Господа Бога, изведшего некогда евреев из Египта, сорван был со своего места и как презренное и отверженное создание, как сосуд непотребный, брошен был с матерью своею и племенем своим в страну чужую, которой они не знали, где они не родились, и там умерли, не возвратившись в землю родную, которой желала душа их (Иер.44:24–29).

После захвата Иерусалима Навуходоносором и выселения в Вавилон наиболее уважаемых, лучших людей Иудейского царства в Иудее осталось почти только бедное, низшее население. Для управления этим останком Иуды на место Иехонии халдейским победителем поставлен был третий сын царя (благочестивого) Иосии Матфаний – дядя Иехонии, брат Иоахаза и Иоакима – переименованный в Седекию.

Седекия, ставленник Навуходоносора, царствовал одиннадцать лет, и во все свое царствование делал почти только то, что должно было переполнить меру долготерпения Божия: нравственная испорченность была настолько сильна в нем, что, невзирая на самые тяжкие испытания, постигавшие его, он не мог побороть своих нечестивых склонностей, не мог с сердечною искренностью обратиться к Господу Богу Израилеву. Таковы же были и окружавшие его, близкие ему люди и священники. В Иудее все более и более умножались языческие мерзости; самый дом Божий, храм в Иерусалиме осквернялся гнусностями идольского служения (Иез.8, ср. Иер.23); речей Господних, вещаемых пророческими устами, не слушали, внимая более льстивым словам пророков ложных, поблажавших страстным вожделениям развращенных людей. Все это собирало гнев Господень, как грозную тучу, над Иерусалимом и над всею землею Иудейскою, пока не отвратил наконец Господь лица Своего от народа Своего и не предал на окончательное разорение и запустение святой град Иерусалим (Иер.52:1–3).

Эта последняя напасть, разразившаяся над Иерусалимом, ужаснейшая всех предшествующих, совершилась так. Навуходоносор, выселивший в Вавилон сильных и воинственно против него настроенных иудеев и поставивший Седекию царем в Иерусалиме над слабым останком народа Божия, надеялся иметь в ослабленной Иудее опорный пункт против Египта, борьба с которым продолжала занимать его. Халдейский властелин рассчитывал, что ставленник его, невоинственный Седекия, оставаясь его данником, будет искать для себя опоры в его могущественной силе и сохранит покорность ему. Так это и было около трех-четырех годов. Но потом, укрепившись, а

лучше, точнее сказать, только обсидевшись на царском престоле, Седекия перестал довольствоваться своим скромным положением и захотел освободиться от ига царя вавилонского. К тому располагали его и окружавшие его царедворцы, охваченные безумным ослеплением; особенно же соблазнительны были для него советы окрестных царьков – идумейского, моавитского, аммонитского, тирского и сидонского, которые также с ненавистью несли зависимость от Халдеи. Последние составили союз против Навуходоносора и отправили посольство в Иерусалим с предложением Седекии присоединиться к их союзу, чтобы вместе встать против владычества царя вавилонского, свергнуть его ненавистное иго и не платить ему дани.

В это время было повеление от Господа пророку Иеремии: «Сделай себе узы и ярмо и возложи их себе на шею, пошли такие же и царям идумейскому, моавитскому, аммонитскому, тирскому и сидонскому через послов их; и накажи им сказать государям своим слово Господне» (Иер.27:2–4).

Святой пророк так и сделал: возложив себе на шею узы и деревянное ярмо, он явился во дворец Седекии, когда там находились послы названных царей, и сказал:

– Так говорит Господь воинств, Бог Израилев, – так передайте и вы государям вашим: Я сотворил землю, человека и животных, которые на лице земли, великим могуществом Моим и отдал ее, кому Мне угодно было. И ныне Я отдаю все земли сии в руки Навуходоносора, царя вавилонского. И все народы будут служить ему, и сыну его, и сыну сына его, доколе не придет время и его земле и ему самому. И если какой народ и царство не захочет служить ему, царю вавилонскому, и не подклонит своей выи под ярмо Навуходоносора, тот народ Я накажу мечом, голодом и моровою язвою, доколе не истреблю его рукою царя вавилонского. И не слушайте вы своих прорицателей и гадателей, своих сновидцев, и волшебников, и звездочетов, которые уверяют вас, что «не будете служить царю вавилонскому»; ибо они предрекают вам ложь, чтобы удалить вас из земли вашей, чтобы Я изгнал вас и погубил. Не слушайте

их, но служите царю вавилонскому и живите; зачем доводить город сей и земли ваши до опустошения (Иер.27:5–17)?

Это было в четвертом году царствования Седекии, царя иудейского (Иер.28:1).

С ярмом на шее зашел однажды пророк Божий в храм Господень, и здесь встретился ему один из ложных пророков именем Анания, который пред глазами священников и всего народа сказал:

– Так говорит Господь Бог Израилев: сокрушу ярмо царя вавилонского; через два года возвращу на место сие все сосуды дома Господня, взятые в Вавилон, и Иехония-царя, и всех иудеев возвращу сюда.

И взял Анания ярмо, лежавшее на шее Иеремии-пророка и сокрушил. Иеремия вышел из храма, но вскоре, получив откровение от Бога, возвратился в храм и сказал Анании:

– Послушай, Анания! Господь тебя не посылал, и ты обнадеживаешь народ сей ложно. Ты сокрушил ярмо деревянное; сделай же вместо него ярмо железное. Ибо железное ярмо наложит Бог на шею всех этих народов, чтобы они работали Навуходоносору, царю вавилонскому. А ты за то, что ложь говорил от имени Божия, в этом же году умрешь, сброшен будешь с лица земли, потому что говорил наперекор Господу.

И действительно, через месяц времени смерть постигла лжепророка.

Извещенный о том, Седекия пришел в смущение и не посмел в то время открыто отложиться от царя вавилонского. Впоследствии же, когда во главе союзных хананейских царьков стал фараон египетский, Псамметих II, сын Нехао, увлекшийся, после победы над эфиопами, смелым планом расширить свое владычество и на области Евфрата, Седекия примкнул к союзникам явно: отложился от Навуходоносора, объявил себя его противником, не слушая увещаний святого Иеремии, который всегда давал ему и всему народу полезные по времени советы.

Между тем в это же время пророк Иеремия тайно отправил послание[2859] в Вавилон к иудеям, отведенным туда в плен. В

своем послании он сообщал соплеменникам, что они по определению Божию пробудут там семьдесят лет, и именем Божиим увещевал их «строить себе там дома и разводить виноградники, устроить супружества сыновей и дочерей своих, чтобы в плену не умалялся, а размножался народ избранный, а также заботиться о благоустройстве города, где они поселены, и молиться за него Богу, ибо при его благосостоянии и им будет хорошо, будут и они жить мирно и спокойно». Кроме того, именем же Божиим предостерегал пророк святой соплеменников от ложных пророков, мнимых патриотов, которые находились среди них и обещали им скорое освобождение из плена, ибо так говорит Господь: Когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посещу вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас в землю сию; только Я знаю намерения, какие имею о вас, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду (Иер.29:5).

Послание Иеремиино было внимательно прочитано и выслушано иудеями, отведенными в Вавилон; ознакомились с ним и мнимо-истинные любители своего несчастного отечества, лживые пророки, но у последних оно возбудило гнев и желание отомстить пророку. Они написали от себя в Иерусалим к тамошним священникам, чтобы те запретили Иеремии пророчествовать и писать послания. Мало того, они требовали, чтобы Иеремия связанный подвержен был строгому надзору в заточении, чтобы не смущал он людей ни словами, ни письмами, устрашая продолжительным пленом. Впрочем, пророк Божий, невзирая на запрещения и оковы, кои возложены были на него, не переставал возвещать слово Господне и говорить, что переселенных в Вавилон Господь посетит Своею милостью, а остающихся в Иерусалиме, напротив, погубит Своим праведным гневом.

– Вот, Я, – говорит Господь о царе, сидящем на престоле Давидовом и о всем народе, живущем в городе сем, – Я пошлю на них меч, голод и моровую язву и сделаю их такими, как негодные смоквы, которых нельзя есть по негодности их; и буду преследовать их и предам их на озлобление всем царствам

земли, на проклятие и ужас, на посмеяние и поругание между всеми народами, куда Я изгоню их, за то, что они не послушали слов Моих (Иер.29:1–32).

Близ Иерусалима находилась долина сыновей Енномовых, называвшаяся Тофет, на которой устроены были высокие жертвенники; там нечестивые иудеи приносили жертвы Молоху, закалая и сжигая своих сыновей и дочерей; местность эта часто оглашалась неистовыми звуками труб и литавров, заглушавшими отчаянные вопли и крики закалаемых детей. Для обличения такого гнусного, бесчеловечного беззакония своих современников пророк Иеремия, по повелению Божию, купив у горшечника глиняный обожженный кувшин, пошел в долину Тофет, пригласив с собою старейшин из народа и старейшин священнических. Там он громким голосом возопил:

– Слушайте слово Господне, цари иудейские и жители Иерусалима! – Так говорит Бог Израилев: «Вот, Я наведу на место сие бедствие, о котором кто услышит, у того зазвенит в ушах, за то, что люди Мои оставили Меня и чужим сделали место сие и кадят на нем иным богам, которых не знали прежде ни отцы их, ни цари их; они наполнили место сие кровью невинных, устроили высокие жертвенники и сжигают сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу, чего Я не повелевал им и что на мысль не приходило Мне. За то вот приближаются дни, говорит Господь, когда место сие не будет более называться Тофет – долиною Еннома, а долиною смерти, заклания, потому что здесь будет убито множество иудеев мечом врагов их; и отдам трупы их в пищу птицам небесным и зверям земным. Я приведу город сей Иерусалим в разорение и сделаю его предметом ужаса и удивления для всех; каждый мимо ходящий изумится и посвищет, смотря на все язвы его. И будут они кормиться плотью сыновей своих и плотью дочерей своих, каждый будет есть плоть своего ближнего, находясь в осаде и тесноте, когда окружат, сожмут их враги, ищущие души их (Иер.19:3–9)».

Произнеся такие страшные слова от лица прогневанного Бога, святой Иеремия бросил на землю глиняный кувшин, бывший у него в руках, разбил его пред глазами всех и сказал:

– Так говорит Господь Саваоф: так сокрушу Я народ сей и город сей, как вот сокрушен горшечный сосуд, который уже не может быть восстановлен; сделаю Иерусалим подобным Тофету, – дома иерусалимлян и дома царей иудейских будут, как место Тофет, нечистыми (Иер.19:10–13).

Произнеся это грозное пророчество, Иеремия удалился с Тофета и возвратился в Иерусалим. И здесь, став на дворе дома Господня, он обратился к народу с такими словами:

– Так говорит Господь Бог Израилев: «Вот, Я наведу на город сей и на все города его все то бедствие, которое изрек на него, потому что они жестоковыйны и не слушают слов Моих (Иер.19:14–15)».

Пророчески произнесенные слова весьма не понравились Пасхору, священнику, который был и надзирателем в доме Господнем. Он ударил Иеремию-пророка и посадил его в колоду, которая была у верхних ворот Вениаминовых при доме Господнем. Но на другой день Пасхор выпустил Иеремию, причем Иеремия сказал ему: «Не Пасхор (мир тебе) приличествует имя тебе, а Магор Миссавив (ужас вокруг); ибо так говорит Господь: «Вот Я сделаю тебя ужасом для тебя самого и для всех друзей твоих; все вы падете от меча врагов своих: это увидишь ты своими глазами. И всего Иуду предам Я в руки царя вавилонского, и отведет их в Вавилон и поразит их мечом. И предам все богатство этого города и все стяжание его, и все сокровища царей иудейских отдам в руки врагов их, и разграбят их и возьмут и отправят в Вавилон. И ты, Пасхор, и все живущие в доме твоем пойдете в плен; и придешь ты в Вавилон и там умрешь, там же и похоронен будешь ты и все друзья твои, которым пророчествовал ты ложно» (Иер.20:1–6).

Вскоре и сбылось это пророчество святого Иеремии. В девятом году своего царствования Седекия, царь иудейский, открыто отложился от царя вавилонского, прервал свою зависимость от него; а в десятый день десятого месяца Навуходоносор подступил (Иер.52:4) к Иерусалиму с многочисленным своим войском и обложил его со всех сторон; возвел вокруг стен его высокие насыпи, на которых поставил осадные башни. Для Иерусалима настал грозный час! В столице

царства иудейского, защищаемой крепкими стенами и в довольной мере снабженной водой и всякими запасами, вследствие чрезвычайного скопления народа, укрывавшегося от халдейского нашествия (Иер.35:11), вскоре обнаружилась большая нужда в самом необходимом – в городе недоставало хлеба (Иер.52:6). Пророк Божий в это тяжелое время, по повелению Божию, являлся к царю Седекии и говорил ему и всем людям:

– Так говорит Господь: «Вот, Я отдаю город сей в руки царя Вавилонского, – и он возьмет его и сожжет; и ты, царь, не избежишь от руки его, но непременно будешь взят и предан в руки его и будешь отведен в Вавилон» (Иер.34:2–3).

Впрочем, по желанию сохранить Иерусалим от окончательного разорения и царство иудейское от гибели, Иеремия советовал Седекии добровольно сдаться Навуходоносору, полагаясь на его великодушие. Но ложные пророки и старейшие из священников всячески противодействовали советам пророка Божия и, поощряемые нелепыми мечтаниями своекорыстных и честолюбивых вельмож, убеждали царя не слушаться «обезумевшего, как говорили они, Иеремии» (Иер.28).

Между тем неразумное увлечение Седекии и его советников, не допускавших добровольной покорности царю вавилонскому, получило, по-видимому, для себя оправдания, хотя то продолжалось и немного времени. Фараон египетский, на которого царь иудейский, вместе с другими, прежде упомянутыми, союзными царьками, возлагал свое упование, собрав свое войско, выступил на помощь Седекии, осажденному халдеями. Узнав о том, Навуходоносор быстро прекратил осаду Иерусалима и устремился со своими всеми силами против главного своего соперника (Иер.37:5). В Иерусалиме началось тогда необычайное ликование. Когда ворота, почти целый год остававшиеся запертыми, были открыты, иерусалимляне бросились за город, чтобы насладиться чувством свободы и посмотреть как обстояло в окрестных селениях и городах, что сталось с полями и виноградниками. Иудеи думали, что Навуходоносор поспешно

снял осаду с их города и удалился по сознанию слабости своих сил и невозможности одолеть крепость их столицы. «Вот, – похвалялись самообольщенные ревнители своих мечтаний о могуществе своего отечества, – царь вавилонский не осилил нас и позорно бежал». И ругались они, хульно понося пророчество Иеремиино, как несбывшееся. Однако святой Иеремия и в это время, не стесняясь, возвещал, что Иерусалим будет взят халдеями.

– Халдеи, – говорил он, – снова придут и будут воевать против города сего, и возьмут его, и сожгут его огнем. Не обманывайтесь! – Если бы вы даже разбили все войско халдеев, воюющих против вас, и остались бы у них только раненые, то и те встали бы, каждый из палатки своей, и сожгли бы город сей огнем (Иер.37:7–10).

После отступления халдеев от Иерусалима, наряду с другими иудеями, двинувшимися из осадного города, и Иеремия пророк Божий, оседлав осла, отправился в свой отечественный город Анафоф, в колене Вениаминовом, где имел свою собственность. Но едва он доехал до Вениаминовых городских ворот, его остановил начальник стражи при тех воротах, по имени Ирсия, внук лжепророка Анании (о коем упоминалось прежде), которому Иеремия предсказал скорую смерть. Этот Ирсия, по ненависти к пророку за своего деда, задержал его, заподозрив в измене.

– Ты хочешь перебежать к халдеям, – сказал Ирсия.

На что Иеремия ответил:

– Лжешь ты, – я иду не к халдеям, а в свой город, в котором есть моя собственность.

Но, несмотря на уверения, стражник схватил раба Божия и с грубым насилием отвел его к князьям, а эти, обрадовавшись случаю осуществить свой давний злой замысел против досаждавшего им невинного человека, взглянули на него как на подлинного шпиона, подвергли его побоям и заключили в подземную темницу в доме Ионафана – писца, человека (Иер.37:12–16) жестокого и бессердечного, которому поручили и надзор за заключенным. Возложить же руки на пророка, умертвить его, они не осмелились, опасаясь тем заслужить

немилость своего царя Седекии, оказывавшего по временам, хотя и боязливо (Иер.37:19), внимание святому Иеремии. По распоряжению Седекии пророк Божий вскоре был переведен из подвальной темницы в дворцовую тюрьму, где давался ему хлеб (Иер.37:21) и откуда он мог передавать свои наставления народу.

Непродолжительно, однако, было радостное ликование в Иерусалиме. Навуходоносор, продержавший в осаде иудейскую столицу 390 дней и снявший эту осаду, чтобы только отразить фараона египетского, шедшего на помощь Седекии, скоро обратил своего противника в бегство и возвратился опять к Иерусалиму и еще теснее прежнего обложил его. Поход халдеев против египтян продолжался немногим более 100 дней; последняя же осада Иерусалима – только 40 дней (Иез.4:5–6).

Святой пророк Иеремия во все это время не переставал увещевать иудеев, чтобы они обратились с раскаянием к Богу, указывая им на свои, теперь явно исполняющиеся предсказания, на то, что уже настало время казни, определенной Богом за беззакония грешников, и давал полезный совет не противиться воле Божией и покориться халдеям.

– Так говорит Господь, – говорил Иеремия, – кто останется в этом городе, тот умрет от меча, голода и моровой язвы, а кто выйдет к халдеям, тот будет жив, тот сохранит по крайней мере свое главное сокровище – свою душу и останется жив. Город же сей непременно будет взят войском царя вавилонского (Иер.38:2–3).

Слыша о таких внушениях пророка, князья иудейские и фанатики-патриоты, не имевшие понятия об истинной любви к отечеству, обратились к царю с требованием:

– Да будет этот человек предан смерти, потому что он ослабляет руки воинов и руки всего народа, говоря к ним такие слова; ибо этот человек не благоденствия желает народу своему, а разорения и позора.

Царь Седекия на это отвечал им в отчаянии:

– Он в ваших руках, – делайте с ним что хотите; царь ничего не может делать вопреки вам (Иер.38:4–5).

Святой Иеремия после того спущен был на веревках в глубокую яму на дворе придворной тюрьмы, в которой было много нечистой грязи. В этой яме и страдал невинно человек Божий, погруженный до шеи в тину; и умер бы он там от сырости и голода, если бы не спас его один богобоязненный иностранец. При царском дворе был евнух, по имени Авдемелех – эфиоплянин; он, слыша, что Иеремию посадили в яму, возмущен был таким недостойным обращением с уважаемым пророком, обратился к царю и сказал:

– Государь мой, царь! Худо ты сделал, что так поступил с Иеремиею-пророком, подвергая его смертной опасности.

Царь дал приказание Авдемелеху, чтобы тот вытащил его из ямы. А потом Седекия призвал Иеремию к себе и наедине спрашивал у него, верно ли все то, о чем он пророчествует?

Пророк ответил ему:

– Если я скажу тебе истину, не предашь ли ты меня смерти? И если дам совет, ты не послушаешь меня.

Царь клятвенно обещал Иеремии, что не предаст его смерти и не выдаст его в руки тех людей, которые ищут убить его. Тогда Иеремия сказал Седекии:

– Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: если ты (добровольно покоришься и) выйдешь к князьям царя вавилонского, то жива будет душа твоя и этот город не будет сожжен огнем, и ты будешь жив и дом твой; а если не выйдешь к воеводам царя вавилонского, то этот город будет предан в руки халдеев, и сожгут его огнем и ты не избежишь от рук их.

Царь, обольщенный мнимыми друзьями своими, не послушал пророка, не последовал его благому совету. Но, опасаясь вероломства со стороны этих же друзей своих не столько за Иеремию, сколько за себя, он сказал человеку Божию, что никто не должен знать их тайного разговора и что, в случае опроса о том князей, он должен отвечать: «Я повергнул пред лице царя прошение мое, чтобы не возвращать меня в дом Ионафана, чтобы не умереть мне там».

И оставался пророк под надзором во дворе царской стражи во все время осады Иерусалима, до того самого дня, когда он

взят был халдеями. Это совершилось в одиннадцатый год царствования Седекии (Иер.38:1–28).

Пробил, наконец, последний час для города, славного оплота Израиля – Иерусалима: число защитников его сократилось настолько, что они уже не могли оборонять городские стены; в городе не оказывалось хлеба, – ужас голодной смерти навис над иудейской столицей; объятые страхом иерусалимляне утрачивали последние останки человеческого чувства: уже не в переносном смысле они «поедали друг друга», – а буквально «кормились плотью сыновей своих и дочерей и ближних своих». Сбылось таким образом пророчество Иеремии! (Иер.19:9 и др.)

В девятый день месяца Таммуза, в четвертый месяц, в девятый день одиннадцатого года царствования Седекии (Иер.39:2) (в июне месяце 589 г. до Р. Х.), халдеи сделали широкий пролом в городской стене и вторглись в Иерусалим. Самого Навуходоносора при этом не было. Он в то время находился в Ривле, в Сирии. Его полководцы, ворвавшись в город, расположили свои палатки в средних воротах, которые находились между Сионом и нижним городом (Иер.39:1–3). Суровые воины, ожесточенные продолжительностью осады, рассеявшись по городу, не давали пощады никому. Иудеи, истомленные голодом и ужасом – все, кто мог, предались бегству (4Цар. 25:2). Седекии царю с окружавшими его телохранителями удалось ночью пробраться через тайный проход, находившийся подле царского сада, в северо-восточной части города, и бежать из столицы. Он хотел скрыться в пустыне Галаадской. Но бегство его скоро было замечено халдеями, и за ним и его спутниками была послана погоня. Беглецы легко были настигнуты на Иерихонской равнине. Воины, бывшие с царем, или разбежались, или были перебиты. Седекия был взят в плен и отведен к Навуходоносору в Ривлу, город сирийский. Туда же отведены были и схваченные в городе первосвященник Сераия и храмовой начальник Цефания, а также евнух, главный начальник войск и семь вельможей, предстоявших лицу царя, и шестьдесят знатных представителей из народа. Победитель произнес свой суд над побежденными: сыновья Седекии и все

иерусалимляне, приведенные пред грозные очи восточного повелителя, были заколоты на глазах у несчастного иудейского царя, самому ему потом выкололи глаза, а после того его в медных оковах отправили в Вавилон и там посадили в темничное заключение, где он и умер (Иер.52, ср. Иер. 39:4–7).

Спустя месяц после захвата халдеями Иерусалима (Иер.52:12) туда прибыл начальник телохранителей Навуходоносора Навузардан. Столица царства иудейского представляла тогда жилище мертвецов: все ворота ее опустели, пути к Сиону обезлюдели, священники изнывали, как в точиле истоптаны были юноши и девы Иуды (Плач. 1:1–15). Но город, стольный город потомков Давида, до того времени чудный и преславный, еще оставался, сохранял свое величие и красоту. Военачальники, покорившие его, не имели полномочий распорядиться его судьбой. Сам владыка халдеев колебался: с одной стороны он желал иметь в Иудейской земле опорный пункт для себя против враждебных поползновений египетского царя и Иерусалим с его крепостною стеной мог быть полезен, а с другой стороны – не мог он не подозревать и опасности для себя, что всегда коварные и мятежные иудеи воспользуются этим крепким оплотом в своих изменнических видах. Последнее соображение пересилило: Навуходоносор послал Навузардана с поручением разрушить Иерусалим до основания его. Это окончательное, полное разрушение Иерусалима трогательно изобразил святой Иеремия, излив свою великую скорбь в стихах своего «Плача». Гибель святого города глубоко потрясла сердца и Израиля, – начав свой искренний плач «на реках вавилонских» (Пс.136), они продолжают его и до наших дней, проводя день, посвящаемый памяти сего события, в посте и без обуви на ногах, – без сапог и башмаков в знак печали.

Воевода Навузардан имел относительно святого пророка Иеремии особое повеление от своего властелина Навуходоносора – именно такое: взять его и наблюдать с нарочитым вниманием, чтобы он жил без утеснений, не делать ему ничего худого и предоставить ему во всем поступать, как он сам захочет (Иер.39:11–12). Навуходоносору известно было об Иеремии, о его предсказаниях и советах, какие давал он царю

Седекии; потому он и дал Навузардану такое распоряжение о судьбе пророка.

Святой Иеремия, во время осады Иерусалима содержавшийся в оковах под надзором во дворе придворной стражи, захвачен был халдеями в плен вместе с другими иудеями; по прибытии же в Иерусалим Навузардана он немедленно представлен был к этому полномочному распорядителю судьбы города и всего Иудейского царства и выслушал от последнего такую благосклонную речь: «Господь Бог твой изрек это бедствие на место сие и сделал то, что сказал… Но вот тебя я освобождаю сегодня от цепей, которые на руках твоих: и если тебе угодно идти со мною в Вавилон – иди; а если не угодно тебе идти со мною – оставайся. Вся земля пред тобою, куда тебе угодно и куда нравится идти, туда и иди» (Иер.40:1–4). Иеремия выразил желание остаться в родной земле.

Получив свободу и видя покровительственное благорасположение к себе со стороны Навузардана, Иеремия прежде всего позаботился о Святыне Божией, высочайшей красоте и славе всех времен Израиля, то есть о кивоте завета, чтобы он не был уничтожен иноплеменниками, чтобы не была уничижена слава Божия. Пророк дерзновенно тогда же испросил у победителя позволение взять святыню Бога Израилева, прежде чем подвергнется разграблению и сожжению храм Господень. И воспользовавшись таким разрешением, он отыскал благоговейных, оставшихся в живых, священников и левитов, взял их с собою и, безбоязненно и беспрепятственно проходя с ними среди халдеев, вошел в храм, построенный Соломоном. Здесь пророк Божий воспламенил приготовленный им светильник от огня, чудесно сшедшего от Господа во дни Моисея и Аарона на жертву всесожжения (Лев.9:24) и с того времени неугасимо поддерживаемого на жертвеннике, и скрыл тот светильник в безводном колодезе, имея крепкую веру и пророчески предвидя, что этот огонь там если временно и погаснет (изменясь чудесно в иную стихию, густую воду), но в свое время опять, возвратив свое прежнее свойство, воспламенится, что и исполнилось по возвращении израильтян

из вавилонского плена, при возобновлении храма во времена Неемии, много лет спустя после смерти святого пророка Иеремии, который заключил сей огонь в колодезь и самое место заравнял, так что оно стало незаметно и долгое время оставалось неизвестным никому (2Мак.1:19–32).

После сокрытия жертвенного огня пророк Божий взял кивот завета, вынес его из храма и сохранял в своем жилище до той поры, пока не кончилось смятение в городе, происшедшее вследствие данного тогда Навузарданом приказа касательно разграбления и сожжения Иерусалима.

Когда святыня Господня вынесена была из храма, воины халдейские, по распоряжению Навузардана, немедленно собрали все храмовые драгоценности, золотые, серебряные и медные, для отправления их в Вавилон, и сам храм подвергли полному разрушению; тогда же разорены были и сожжены и все царские дворцы и лучшие дома, красовавшиеся на улицах Иерусалима; раскопаны были и сравнены с землей и городские стены. Великое множество иудеев пало тогда от меча завоевателей и более всего – в долине Тофет, на которой прежде беззаконники закалали в жертву Молоху своих сыновей и дочерей и на которую теперь сгоняли халдеи их самих для убоя. Оставленные же в живых и еще не утратившие сил уведены были потом в плен. И только слабые и ничего не имеющие из народа жестоковыйного оставлены были в Иудее, которым по приказанию Навузардана отданы были для обработки и для пропитания виноградники и поля (Иер.39:10; 4Цар.25:12).

Покидая разграбленный и разоренный Иерусалим, Навузардан поставил над опустошенной Иудеею областным начальником Годолию, сына того Ахикама, который однажды избавил Иеремию от рук убийц и который избрал себе местожительство уже не в Иерусалиме, а в Массифе[2860], подле Иерусалима. Там же поселился и пророк Иеремия, чтобы жить, по распоряжению Навузардана, под охраной и покровительством областного начальника (Иер.40:5).

Пользуясь свободой и наступившим успокоением своей страны, святой Иеремия вместе с благоговейными

священниками и левитами взял сохранявшуюся у него святыню дома Божия и отнес ее на гору в земле Моавитской, за рекой Иорданом, близ Иерихона, с которой некогда пророк Моисей созерцал обетованную землю, на которой он умер и погребен на месте, никому неизвестном (Втор.34). На той горе пророк Иеремия нашел пещеру, внес в нее кивот завета; вход в эту пещеру загородили большим камнем. И камень этот как бы запечатал Иеремия, начертав на нем своим перстом имя Божие, – причем написание то было подобно написанию железным острием, ибо твердый камень под пишущим пальцем пророка был мягок как воск, а после опять отвердел по свойству своей природы. И сделалось место оное крепко, как бы отлитое из железа. После того святой Иеремия, обращаясь к сопровождавшим его людям, сказал: «Отошел Господь от Сиона на небо! – и возвратится Он с силою, а знамением Его пришествия будет: когда все народы земные поклонятся древу», (крестному, на котором распят Спаситель мира Господь Иисус Христос).

К тому Иеремия еще присовокупил, что ковчега того никто не может вынести с этого места, только Моисей, пророк Боговидец, и скрижалей завета, которые в ковчеге, никто из священников не раскроет и не прочитает, только Аарон, угодник Божий; в день же всеобщего воскресения он вынесен будет из-под запечатанного именем Божиим камня и поставлен на Сионской горе, и все святые соберутся к нему в ожидании пришествия Господа, Который избавит их от страшного врага – антихриста, ищущего их смерти. Когда святой Иеремия говорил это священникам и левитам, внезапно облако покрыло ту запечатленную пещеру и никто не мог прочитать имени Божия, начертанного на камне перстом Иеремииным, даже самое место оное сделалось неузнаваемо, так что никто не мог указать его. Некоторые из присутствовавших там и желали бы приметить это место и путь к нему, но никак не могли того сделать. Пророк же в духовном озарении сказал им: «Место это ни для кого не будет ведомо, доколе Господь не соберет соборы людей, а тогда, умилосердившись, Он покажет это место, – тогда явно для всех обнаружится слава Божия на нем и облако будет

осенять его как то было при Моисее (Лев.9:23–24) и при Соломоне» (3Цар.8:10–11).

Так и остается в неизвестности пещера та, и неведомо будет то место до кончины мира; но слава Божия прикровенно осиявает кивот завета светлым пламенеющим облаком, как покрывала она его в скинии Моисеевой и храме Соломоновом, ибо озарение ее не может прекратиться!

По прошествии семидесяти лет, по возвращении из плена вавилонского, иудеи построили в Иерусалиме новый храм, но в нем уже не было славы древнего храма святыни Господней; сделан был тогда из золота новый кивот, по образцу Моисеева, устроено было, также по прежнему образцу, и все то, что находилось внутри его и что окружало его, но в нем уже не было чудодейственной силы, не осиявала его слава Божия. Сохранялся в новом храме только небесный огонь из прежнего храма, сокрытый, как сказано выше, в колодезе пророком Иеремиею и найденный впоследствии священниками.

После сокрытия кивота Господня святой Иеремия возвратился в Массифу, новую столицу Иудейской страны, к Годолии, новому правителю опустошенного отечества, и стал жить среди оставшихся соотечественников, неутешным плачем оплакивая несчастную родину. Около Годолии начали собираться иудеи, разбежавшиеся по странам окрестным при нашествии халдеев. Годолия, пользовавшийся расположением властелина, ободрял их, обещая им свое заступничество пред халдеями и мирную жизнь. Сам Господь, наказавши нечестивых, в первый же год после нашествия вавилонян утешил скорбный останок сынов Израиля: они в тот год много собрали всяких плодов от земли и вина (Иер.40:9–12), однако зараза мятежнических страстей и необузданного произвола, не сдерживаемого нравственным законом, так глубоко проникла в сердца иудейского народа, что сила и влияние ее сказывались и в те тяжелые времена. Некто Исмаил, сын Нафании, родственник царя Седекии, отведенного в Вавилон, и Иоанан и Ионафан, сыновья Карея, и другие из военачальников иудейских, разбежавшихся от халдеев к моавитянам и аммонитянам и идумеям, возвратились и поселились со своими

дружинниками в окрестностях разрушенного Иерусалима; входили они в сношения и с Годолиею, являясь к нему в Массифу как бы с выражением ему своей покорности. Доверчивый Годолия, не подозревая у них злых умыслов, принимал их радушно и с почетом, даже устроял для них пиры. Иоанан, сын Карея, между прочим предупреждал Годолию, что Исмаил по уговору с аммонитянами намеревается убить его и секретно предлагал ему свои гнусные услуги:

– Позволь мне, – говорил он, – я пойду и убью Исмаила, сына Нафании, и никто не узнает; зачем допускать, чтобы он убил тебя, и чтобы иудеи, собравшиеся к тебе, разорялись, и чтобы погиб останок Иуды?

– Не делай этого, – сказал ему Годолия, – неправду ты говоришь об Исмаиле.

Между тем вскоре действительно Исмаил, явившись к Годолии с десятью своими дружинниками, в поздний вечер среди пира мечом поразил Годолию и всех иудеев бывших у него, и халдеев – людей военных, присутствовавших там. Совершив так удачно свой гнусный кровавый подвиг, Исмаил со стаей своих хищных заговорщиков разграбил Массифу, пленил дочерей правителя области и людей, начавших привыкать там к мирной жизни, и повел их в пределы аммонитские. Это дерзкое злодеяние разбойника, будто действовавшего на пользу отечества, возбудило против него общую ненависть. Иоанан, сын Карея, и другие предводители воинских отрядов скоро объединились и решили наказать злодея; собрав свои дружины, они погнались за Исмаилом и настигли его в Гаваоне. Плененные Исмаилом иудеи и даже соратники его, как только увидели Иоанана, обрадовались и передались на его сторону. Исмаил в сообществе только восьми приближенных бежал к аммонитянам.

Но и Иоанан с товарищами своими далек был от истинного понимания интересов своего злополучного отечества, о чем настойчиво всегда возвещал пророк Иеремия. После легко доставшейся победы над Исмаилом иудеи, остановившись в селении Химам, близ Вифлеема, составили, под главенством Иоанана, совет, на котором, из боязни мщения за вероломное

убийство Годолии, ставленника вавилонского царя, решили уйти в Египет. И стали они уже приготовляться, чтобы всем народом идти в Египет, из которого некогда рукою крепкою Вседержителя Бога и мышцею Его высокою изведены были их отцы!… Но прежде исполнения такого решения они пожелали выслушать отзыв о том святого Иеремии. И приступили все военные начальники, и Иоанан, сын Карея, и Иезания, сын Гошаии, и весь народ от малого до большого и сказали Иеремии пророку:

– Да падет пред лице твое прошение наше, помолись о нас Господу Богу твоему («твоему», говорят, а не «нашему», – сие достойно особого внимания) обо всем этом остатке, ибо из многого осталось нас мало, как глаза твои видят нас, чтобы Господь Бог твой указал нам путь, по которому нам идти и то, что нам делать.

Пророк ответил им:

– Слышу и помолюсь Господу Богу вашему по словам вашим и все, что скажет Господь, объявлю вам, – не скрою от вас ни слова.

При этом они заявили Иеремии:

– Господь да будет между нами свидетелем верным и истинным в том, что мы точно выполним все то, с чем пришлет тебя к нам Господь Бог твой: хорошо ли, худо ли будет, но гласа Господа Бога, к Которому посылаем тебя, послушаемся, чтобы нам было хорошо, когда будем послушны гласу Господа Бога нашего.

Пророк исполнил данное обещание и по прошествии десяти дней объявил Иоанану и бывшим с ним военачальникам и всему народу:

– Так говорит Господь Бог Израилев, к Которому вы посылали меня, чтобы повергнуть пред Ним моление ваше: если останетесь на земле сей, то Я устрою вас и не разорю, насажду вас и не искореню, ибо Я сожалею о том бедствии, какое сделали вам. Не бойтесь царя вавилонского, которого вы боитесь; не бойтесь его, говорит Господь, ибо Я с вами, чтобы спасать вас и избавлять вас от руки его. И явлю к вам милость: он, царь вавилонский, не накажет вас и позволит вам оставаться в земле вашей. Если же вы скажете: «Не хотим жить

в этой земле» и не послушаетесь гласа Господа Бога вашего, говоря: «Нет, мы пойдем в землю египетскую, где войны не увидим, и трубного звука не услышим, и голодать не будем, и там будем жить», то выслушайте ныне слово Господне, вы, остаток Иуды, так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: если вы решительно обратите лица ваши, чтобы идти в Египет, и пойдете, чтобы жить там, то меч, которого вы боитесь, настигнет вас там, в земле Египетской, и голод, которого вы страшитесь, будет всегда следовать за вами; там, в Египте вы и умрете. И все, которые обратят лицо свое, чтобы идти в Египет и там жить, умрут от меча, голода и моровой язвы, и ни один из них не останется и не избежит того бедствия, которое Я наведу на них. Ибо так говорит Господь Бог Израилев: как излился гнев Мой и ярость Моя на жителей Иерусалима, так изольется ярость Моя на вас, когда войдете в Египет, и вы будете проклятием и ужасом, и поруганием и поношением, и не увидите более места сего. К вам, остаток Иуды, изрек Господь: не ходите в Египет; твердо же знайте, что я ныне предостерег вас! – не погрешайте против себя самих: вы послали меня к Господу Богу, сказав, что сделаете все, что скажет Он вам; и вот ныне я объявил вам волю Божию. – Итак, знайте, что вы умрете в том месте от меча, голода и моровой язвы, куда хотите идти, чтобы жить там в сытости и спокойствии (Иер.42:2–22).

Эта речь пророческая не произвела должного воздействия на сердца, пропитанные ядом необузданного произвола. Азария, сын Осаии, и Иоанан, сын Карея, и другие дерзкие люди сказали Иеремии: «Неправду ты говоришь, не Господь послал тебя сказать нам: «не ходите в Египет», а Варух, сын Нирии, возбуждает тебя против нас, чтобы предать нас в руки халдеев, чтобы они или умертвили нас, или отвели в Вавилон» (Иер.43:1–3).

Так и не вняли своевольные люди слову Господа, чтобы остаться жить в земле Иудиной. Иоанан и его дружинники и весь остаток Иуды, собравши свои семьи и пожитки, пошли в Египет, насильственно увлекая с собою и пророка Иеремию с его верным писцом – Варухом.

Придя в Египетскую страну, они поселились в городе Тафнисе, где некогда пророк Моисей совершал чудесные знамения пред фараоном. Там среди добровольных переселенцев-соотечественников прожил Иеремия четыре года, пользуясь большим уважением от египтян за свою праведную жизнь и за те благодеяния, какие он оказывал им, своими молитвами поражая аспидов и крокодилов. Там же и умер он и был погребен.

Кончина святого пророка была мученическая.

В Тафнисе было слово Господне к Иеремии:

– Возьми в руки свои большие камни и скрой их в смятой глине при входе в дом фараонов в Тафнисе пред глазами иудеев и скажи им: так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, Я пошлю и возьму Навуходоносора, царя вавилонского, раба Моего, и поставлю престол его на этих камнях, скрытых Мною, и раскинет он над ним великолепный шатер свой; и придет, и поразит землю египетскую: кто обречен на смерть, тот предан будет смерти, а кто – в плен, пойдет в плен, и кто под меч, под меч (Иер 43:8–11). И только малое число иудеев, избежавших от меча, возвратится из земли египетской в землю иудейскую, и узнают оставшиеся иудеи, которые пришли в землю египетскую, чтобы жить здесь, чье слово сбудется: Мое или их. И вот вам знамение, говорит Господь, что Я посещу вас на месте сем, чтобы вы знали, что сбудутся слова Мои о вас к погибели вам; вот, Я отдам фараона египетского в руки врагов его, как отдал Седекию, царя иудейского» (Иер.44:28–30).

Озлобление иудеев от таких речей Иеремии достигло крайних пределов и они наконец побили камнями пророка Божия, безбоязненно говорившего им истину! В год смерти святого пророка пришел в Египет царь вавилонский, поразил войско египетское и убил фараона Вафрия; в то же время истреблены были и сыны Израиля, поселившиеся там.

Мощи святого пророка Иеремии, много лет спустя, перенесены были царем Македонским Александром[2861] в построенный им город Александрию и положены в месте, называемом Тетрапил, которое весьма почиталось

александрийцами. Царица Елена украсила зданием в Иерусалиме то место, где Иеремия ввержен был в яму с грязью.

Пророчествовал святой Иеремия и о страдании Господа Иисуса Христа, являя в себе самом таинственный прообраз Его, «кроткого Агнца, ведомого на заклание» (Иер.2:19; ср. Ис.53:7). По сказанию, записанному святым Епифанием, пророк Иеремия предсказал о падении и разрушении всех египетских идолов в то время, когда в Египет придет Дева – Мать с Младенцем, в вертепе рожденном и в яслях положенном; – каковое пророчество будто дало основу для обычая, существовавшего у египтян, изображать деву, почивающую на одре, с младенцем, обернутым пеленками и лежащим подле нее в яслях, и воздавать поклонению такому изображению. При сем еще сообщается, будто жрецы египетские на вопрос царя Птоломея, почему почитается такое изображение, ответили, что это есть тайна, святым пророком предсказанная их древним отцам, и что они ждут осуществления этой тайны.

Много лет прошло после смерти святого пророка Иеремии: плененные халдеями иудеи возвратились в свою родную землю; в Иерусалиме сооружен был новый храм Господень, в Иудее восстановлен был по возможности порядок жизни церковной и гражданской. Но в те времена иудеи уже не пользовались политической свободой и подчинялись то сирийцам, то египтянам, то македонянам, терпели они невзгоды и от хананейских племен и от внутренних смут и раздоров.

Случилось однажды, что когда вероломный сирийский полководец Никанор, причинивший много зла иудейскому народу, с надменною гордостью хотел во чтобы то ни стало погубить пламенного ревнителя религиозной свободы, грозного защитника святой отеческой веры, Иуду Маккавея, сей Иуда, вооружая своих соратников не столько крепкими щитами и копьями, сколько добрыми речами своими и указаниями на прежде бывшие обстоятельства чудесной помощи от Вседержителя, поведал им и о своем сновидении и рассказом этим всех обрадовал и воодушевил (2Мак.15:1–11).

Видение же его было такое: он видел Онию – бывшего первосвященника, мужа честного и доброго, с детства

ревностно усвоившего все, что касалось добродетели, – видел, что сей, почтенный видом, простирая руки, молится за весь народ иудейский. Потом явился другой муж, украшенный сединами и славою, окруженный дивным и необычайным величием. И сказал Ония:

– Это – братолюбец, который много молится о народе и о святом городе, Иеремия пророк Божий.

Тогда Иеремия, простерши руку, дал Иуде золотой меч и, подавая, сказал:

– Возьми этот святой меч; это дар от Бога, которым ты сокрушишь врагов (2Мак.15:12–16).

И соратники Иуды Маккавея, утешенные и ободренные его речью, отважно ринулись в бой и победили неприятеля. Этот рассказ Иуды о его сновидении наглядно удостоверяет, что святые угодники Божии, по кончине своей, молятся за нас Богу и оказывают нам помощь, как святой Иеремия помог Иуде Маккавею одолеть его противников. Его святые молитвы да споспешествуют и нам преодолевать видимых и невидимых врагов, благодатью и человеколюбием Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Очистив духом, великий пророче и мучениче, твое светозарное сердце, славне Иеремие, пророчествия дар свыше приял еси и возопил еси велегласно во странах: сей Бог наш, и не приложится ин к нему, Иже, воплощся, на земли явился есть.

Житие преподобного отца нашего Пафнутия Боровского[2862]

Память 1 мая

Преподобный Пафнутий был внуком Татарина-баскака. Когда за грехи русского народа пришел на нашу землю, по Божию попущению, татарский царь Батый[2863] со своим многочисленным войском, то, опустошив ее мечом и огнем, пленивши города, разрушивши церкви Божии с их святынями и посекши как деревья или колосья русских князей и начальников, он поставил в ней татарских властителей, называвшихся баскаками[2864].

Таким баскаком и был дед преподобного Пафнутия. Во время одного восстания русских против татар дед Пафнутия принужден был креститься и был назван Мартином. У нового Христова последователя, отличавшегося благочестием, родился сын Иоанн, который, по достижении совершеннолетия, женился на девице Фотинии. Иоанн и Фотиния жили в своем наследственном селе Кудинове, верстах в четырех от Боровска[2865]. От этой четы, благочестивой и нищелюбивой, и родился около 1395 г. преподобный Пафнутий, названный во святом крещении Парфением. Развиваясь и возрастая телесно, Парфений вместе с тем совершенствовался и духовно. Преуспевая в изучении грамоты и особенно в чтении Божественных книг, отрок поучался и добрым нравам: кротости, незлобию, целомудрию. Охотно подражая людям добродетельным, он стремительно избегал общения с пустыми людьми.

Когда Парфению исполнилось двадцать лет от роду, он оставляет дом отца, сладкую любовь родителей, сродников и друзей; отрекается от всего мирского и поступает в Высокий Покровский монастырь близ города Боровска[2866]. От Маркелла, настоятеля этого монастыря, Парфений принял пострижение с именем Пафнутия и был отдан под руководство престарелого священноинока Никиты, бывшего ученика преподобного Сергия[2867]. Семь лет преподобный Пафнутий был в послушании

у благочестивого старца и научился от него иноческим добродетелям. Он приобрел общую любовь и почтение братии. Когда игумен Маркелл скончался, преподобный Пафнутий был избран настоятелем Высокой обители, после долгих и настоятельных просьб братии и Боровского князя Симеона Владимировича. Посвящение он принял от рук Всероссийского митрополита святого Фотия[2868].

Новый игумен присоединил к подвигам инока заботы доброго и искусного пастыря словесных овец Христовых и бдительного стража их. В своей жизни он являл образ своему стаду. Он непрестанно работал Господу – и днем и ночью. День употреблял на исполнение монастырских работ; ночь проводил в молитве.

Своего верного раба Господь украсил рассудительностью, прозорливостью, дивными откровениями и иными дарами Святого Духа. Всеведущий Бог дал преподобному Пафнутию способность узнавать по человеческому лицу и взору скрытые душевные страсти и немощи, а иное открывал святому во сне.

Вот рассказ, наглядно подтверждающий то и другое. Один брат, посланный по монастырским нуждам в село, впал там в плотской грех. В ночь его падения святой, по совершении обычного правила, склонился, чтобы уснуть немного, и увидел следующий сон. Преподобному снился чудный сад с прекрасными плодовыми деревьями. Радостным и изумленным взором смотрел он на них и особенно восхищался одним деревом, отличавшимся поразительною красотою. Вдруг на его глазах дерево это было вырвано и упало на землю. Преподобный, забыв о красоте остальных деревьев, очень опечалился внезапным падением прекрасного дерева. Подошел к нему, поднял и посадил на прежнем месте. Чтобы дерево не засохло, он обкладывал его навозом, утаптывал вокруг него землю. Долгих трудов стоило святому утвердить вырванное дерево.

Проснувшись, он понял смысл видения и очень опечалился. Прекрасный сад означал его обитель. Красивые плодовые деревья – его братии. Вырванное же и падавшее дерево знаменовало падшего брата, требующего от отца-настоятеля

особенного труда для поставления и утверждения на своем месте. Когда согрешивший, окончив дело своего послушания, возвратился в обитель и предстал пред своим игуменом, то, раскаиваясь в грехе своем ему, смутился и лицо его покрылось густою краскою стыда. Преподобный спросил брата, не случилось ли с ним чего-либо прискорбного на пути. Падший застыдился еще более, не решился исповедать пред игуменом свой грех; даже не мог смотреть ему в глаза. Видя такое смущение ученика, святой рассказал ему свой сон, и, как хороший духовный врач, настаивал, чтобы он открыл ему внутреннюю язву души своей. После долгих убеждений игумена согрешивший инок покаялся. Преподобный долгое время давал ему духовное врачество, приличествующее его душевной язве, утешал его, склонного к отчаянию, надеждой на милосердие Божие и в конце концов привел грешника к совершенному исправлению. Так заботился преподобный о своей братии: как искусный врач, врачевал их душевные немощи, как добрый пастырь, исторгал из волчьей пасти овцу и принимал на свои плечи и как сильный муж, носил немощи немощных.

Тринадцать лет игуменствовал преподобный Пафнутий в Высоком монастыре. Потом он сильно и надолго заболел и во время болезни принял схиму.

По выздоровлении он оставил игуменство и уединился вместе с одним братом на высокое, очень красивое место, поросшее густым лесом на берегах двух рек, в трех верстах от Боровска[2869]. Место это принадлежало не к Боровской, а к Суходольской области. Поселение преподобного Пафнутия на новом месте произошло около 1440 г. Сюда начали приходить к нему братия, ставить себе с его благословения кельи и жить под его спасительным руководством. Монастырь рос, и братия умножались. Иноки молили своего наставника о дозволении им построить церковь. И так как преподобный этого не запретил им, то они поставили деревянную церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Храм освящен был повелением Московского митрополита святого Ионы.

Нужно сказать, что святой, как смиренный схимонах, не литургисал в своей новой обители. И только один раз пред

своей кончиной, в день Светлого Христова Воскресения, когда не нашли и за большие деньги священника, совершил литургию со многим вниманием и умилением. «Ныне едва душа моя осталась во мне», – говорил он по совершении ее своим ученикам.

Ненавидящий добро диавол подстрекал некоторых людей делать неприятности преподобному и вредить его новоустроенной обители. Но преподобный побеждал благим злое и одолевал все своим терпением.

Обидчиком преподобного Пафнутия явился тогдашний Боровский князь Василий Ярославич[2870]. Видя умаление и обеднение покинутой святым Высокой Боровской обители, а также процветание и умножение новой, находящейся вне его княжества, князь Василий сильно гневался на святого и измышлял средства изгнать отсюда преподобного. Но так как он не мог этого сделать явно в чужом княжестве, то начал преследовать подвижника тайным образом. Он много раз подсылал своих буйных слуг зажечь со всех сторон ненавистную ему обитель. И всякий раз, увидавши трудящихся преподобного Пафнутия и его учеников, слуги возвращались ни с чем к своему князю. Среди слуг Боровского князя был новокрещенный татарин, по имени Ермолай. Когда князь Василий дал ему приказание поджечь обитель преподобного, этот варвар поспешил с радостью. Преподобный, встретив татарина, ласково назвал его по имени и спросил, зачем он пришел. Такая приветливость святого мгновенно преобразила звероподобный нрав Ермолая. Он раскаялся в своем злом умысле и откровенно рассказал, зачем был послан. Потом, испросив прощение и благословение, ушел, не сделав ничего дурного обители преподобного.

В это время, по Божиему попущению, неожиданно вторгся в Россию нечестивый царь Мамотяк[2871] со множеством татар. Великий князь Василий Васильевич[2872] и другие русские князья, не успев собрать достаточного войска, встретили безбожных татар у Суздаля[2873]. Произошло сражение, в котором татары победили русских и многих взяли в плен, в том числе и великого князя. Среди пленных был и Боровский князь Василий

Ярославич, враждовавший с преподобным. Находясь в плену, князь раскаялся в своей греховной злобе на преподобного Пафнутия и молился Богу о своем освобождении из плена по молитвам его. Между тем незлопамятный подвижник тоже усердно молился об освобождении князя. Молитва угодника Божия была услышана: князь Василий безвредно убежал из плена. По возвращении на родину он немедленно пришел в обитель своего молитвенника и получил от него прощение и благословение. С тех пор князь питал великую веру к преподобному Пафнутию.

Преподобный был не только незлобив при оскорблениях, но и удивительно терпелив в нуждах, всегда непоколебимо веруя в Божию помощь. Раз приближался праздник Пасхи, а в обители совсем не было рыбы. Братия и монастырские служители были тем очень опечалены и даже роптали на святого.

– Не скорбите об этом, братия, и не гневите Бога, – говорил им преподобный, – всемилостивый Владыка, создавший нас и просветивший весь мир Своим восстанием (от мертвых), утешит нас, Своих рабов, в скорби нашей и подаст в изобилии блага боящимся Его.

Такая надежда на Всеблагого и Премудрого Промыслителя не замедлила принести свой прекрасный плод. Вечером в Великую Субботу, незадолго до Светлой ночи, пономарь пошел на малый источник почерпнуть воды для литургии и увидал бесчисленное множество рыб, называвшихся на тамошнем наречии «сижки», по своей величине немного больше сельдей. В то время был разлив воды, и их собралось так много, как никогда прежде. Пономарь поспешил сказать о том святому. Преподобный прославил Бога и повелел рыболовам закинуть сети. И поймали такое множество этих рыб, что их достало целой обители на всю Светлую неделю как на обеды, так и на ужины.

Далеко разносилась слава о великих подвигах преподобного Пафнутия и все более и более привлекала в его святую обитель любителей иноческого благочестия. Между ними было немало людей высокодобродетельных. Таковы, например, преподобный Иосиф, постриженный руками святого в иночество

и бывший впоследствии основателем Волоколамской обители, старец Иннокентий, Исаия, по прозванию Черный, родственник преподобного, Вассиан, писатель его жития, бывший потом Ростовским архиепископом, и другие.

Преподобный являлся живым образцом подвижника для брани. Он был строгий постник: ничего не ел по понедельникам и пяткам, по средам разрешал себе только сухоедение и весьма умеренно вкушал в остальные дни за общей трапезой. «Его пищей, – говорит ученик преподобного, – было угождение братии».

Себе он выбирал все худшее и в пище и во всем, касающемся удобств. Одежды: мантия, ряска, сшитая из овчины, и обувь – не годились ни одному нищему. Вся жизнь преподобного Пафнутия была непрерывным трудом в поте лица, подвигом, страданием и молитвой. Никто прежде его не являлся ни на общее молитвенное правило, ни на работы. Он выполнял с усердием самые тяжелые послушания: рубил и носил дрова, копал землю и поливал растения в саду. Зимой занимался чтением, плетением рыболовных сетей. Постоянный враг праздности, подвижник был от чрева матери верным, безупречным другом девства. Во имя целомудрия он не дозволял никому прикасаться к своему телу, а женщин не только не пускал в обитель, но не хотел их видеть и издалека; женщинам и знатным он не разрешал даже приближаться к воротам обители своей, а братии строго запрещал всякие разговоры о них.

Преподобный отличался учительностью. Охотно беседовал он и с иноками, и с мирянами. Речь его была всегда проста и приятна. Подвижник чужд был человекоугодия – никогда он не льстил собеседнику; не стыдился лица князя или боярина, не смягчался приносами богатых, но всегда говорил правду, по Божию закону, по Его святым заповедям. Также говорил он и с простецами, называя их братией, и никто после беседы его не ушел когда-либо скорбным. Для многих открывались здесь тайны сердечные, прежде недоступные.

Некоторые беседы преподобного Пафнутия записаны старцем Досифеем Топорковым, племянником преподобного

Иосифа Волоколамского. Приведем их содержание.

Подвижник рассказывал братии о великом горе 1327 г. Гнев Господень обратился тогда на Русскую землю за грехи людские, и настала великая скорбь в градах и селах. Появлялась у человека язва, а через три дня наступала и смерть. Много людей умирало без помощи: некому стало помогать больным, ибо у каждого был свой мертвец, которого нужно было погребсти и оплакать. Страх и трепет напал на народ. Благочестивые, боящиеся Бога, обращались на покаяние, принимали пострижение и с миром отходили ко Господу. Но другие, бесчувственные, не страшась гнева Божия или желая забыться, в отчаянии, предавались страшному пьянству и пили даже тогда, когда уже заболевали; иные так и помирали среди пирующих друзей, а те пихали умершего, думая, что он упился. Много померло людей во время этого поветрия; имущество умершего валялось, и никто не хотел его брать: оставшиеся в живых брали только золото и серебро.

Преподобный усердно поучал своих слушателей творить милостыню, эту царицу добродетелей. Он указывал на примеры нищелюбивых людей, удостоившихся награды за гробом: на Московского великого князя Иоанна Даниловича Калиту[2874], раздававшего нищим подаяние всем без отказа; на одного магометанина, которого Господь за многую милостыню избавил от адских мук. «Одна милостыня может спасти человека, если живет он законно», – говорил преподобный.

Один милостивый человек скончался, а другому было откровение о его загробной судьбе. Приведен был умерший к реке огненной, а на другой стороне реки рай – чудное место, светлое и злачное, прекрасный сад. Но не может никак перейти душа человека через страшную реку. И вот приходят множество нищих, получивших его милостыню; они ложатся мостом через реку, и милостивый человек переходит по мосту в рай. К этому рассказу преподобный прибавляет, что души праведных переносятся в рай Ангелами, но Господь открыл судьбу праведной души в таком виде для нашего вразумления.

Когда братия обители умножились, святой, при содействии их, построил каменный храм. Во все время его строения он и

сам трудился как простой работник, нося на своих плечах камень, воду и все необходимое для постройки. Поставив церковь, преподобный украсил ее иконописью и пригласил для этого лучших живописцев, которые расписали ее «чудно вельми». Преподобный украсил храм иконами, книгами и всякой утварью церковною, так что дивились даже князья, привыкшие к церковному благолепию.

Составляя и сам одушевленную церковь, преподобный Пафнутий украшался от Бога чудесною благодатью, проявлявшеюся в исцелениях, прозорливости, откровениях и иных дарах Святого Духа.

Вот некоторые из чудес подвижника.

Искусный художник-иконописец, мирянин Дионисий, приглашенный преподобным расписывать храм обители, по болезни ног не мог работать. Святой старец сказал ему: «Дионисий! Бог да благословит тебя, начни доброе дело; Господь и Пречистая Матерь Божия подаст здравие ногам твоим».

Иконописец, твердо поверив словам преподобного, с радостью принялся за дело и исцелел. Этому же Дионисию и прочим иконописцам-мирянам святой отец заповедал не вкушать в обители мяса, а есть его в ближайшем селении. Некоторое время они исполняли эту заповедь. Потом позабыли и принесли в обитель к себе на ужин вареное бедро ягненка, начиненное яйцами. Когда Дионисий первым из них отведал его, то в начинке нашел множество червей и принужден был выбросить запрещенную пищу собакам. Вдруг он заболел свербежом[2875]. В один час все тело Дионисия представляло как бы один сплошной струп, и он не мог двигаться. Тогда больной немедля послал к преподобному, прося принять его раскаяние и дать прощение. Святой же, заповедав Дионисию не делать впредь ничего запрещенного, повел его в церковь, куда собрана была вся братия. По совершении соборного молебствия, преподобный освятил воду и повелел больному омывать ею все больное тело. Лишь только Дионисий это сделал, он ненадолго заснул. Потом, пробудившись, почувствовал себя совершенно

здоровым, как будто никогда и не хворал. Струпья его отпали как чешуя, и он прославил Бога.

Обитель преподобного Пафнутия окружена была густым лесом, в котором обитало много птиц. В изобилии водились здесь черноперые вороны, вившие гнезда близ монастыря. Смотря на них, преподобный восхищался и дал заповедь не ловить и не губить их. Между тем однажды сын городского воеводы проезжал мимо обители святого Пафнутия и, увидав стаю воронов, натянул лук и убил одного из них. Обрадовался юноша, но скоро почувствовал, что голова его, повернутая в сторону, осталась неподвижною в таком неестественном положении. Скорбь и ужас сменили в его сердце веселье и самодовольство. Вместе с тем в душе юноши явилось сознание действительной причины случившегося с ним бедствия, а вслед за этим и раскаяние. Охваченный им, сын воеводы быстро отправился к преподобному и, припав к его ногам, просил прощения и святых его молитв пред Господом о своем исцелении. Подвижник приказал ударить в било и пошел в церковь. Удивленные несвоевременным звуком била иноки быстро собрались в церковь и спрашивали святого о причине необычайного звона. Преподобный с улыбкой сказал: «Отомстил Бог за кровь ворона».

Совершив затем молебное пение и осенив святым крестом страждущего юношу, подвижник обратился к нему со словами: «Силою Честного и Животворящего Креста обратись наперед».

И тотчас голова его приняла естественное положение.

Другой юноша напустил на ворона ястреба. Но ястреб, убивши ворона, сам пал мертвым. Таким образом охотник лишился своей забавы.

Одной ночью пришли к обители преподобного воры и, захватив трех рабочих монастырских волов, пасшихся в окольном лесу, хотели вести их к себе домой. И вдруг они заблудились, и ходили подобно слепым вокруг обители. С наступлением утра воры хотели убежать без волов. Но невидимая сила Божия связала их, и они не могли отойти от похищенного скота, пока разыскивавшие его монастырские работники не нашли их и не привели затем к преподобному. Он

же, дав им наставление не присвоять чужого, повелел накормить воров и отпустил их с миром.

Два инока сговорились выйти тайно из обители и уже собрали свои вещи. Но Бог открыл это преподобному во сне. После утреннего пения он склонился, чтобы немного почить, и увидел следующий сон. Черный эфиоплянин взял из его келейной печи горящие головни и метал их на кельи этих учеников. Святой же грозно запрещал ему это, говоря, что таким образом он зажжет обитель. Но эфиоплянин ответил ему, что для того-то и бросает он головни. Проснувшись, преподобный понял значение сна и тотчас же послал за этими иноками. Когда подвижник рассказал им виденный сон, устрашенные и в то же время умиленные рассказом святого, они показали ему собранные вещи, исповедали свой грех и просили прощения.

Один ропотливый брат, хуливший все, что совершалось в обители, и самого святого, имел такое видение во сне: будто бы он стоит посреди церкви с поющими; внезапно приходит в нее святой отец и, взглянув на него гневно, говорит: «Этот – хульник: возьмите его из церкви». И тотчас два черных эфиоплянина схватили его, повлекли вон и при этом сильно били. Проснувшись, брат почувствовал сильный страх, и со слезами на глазах поспешил к преподобному просить у него прощения.

Был в его обители благочестивый старец, по имени Константин. Заболев, он скончался. В момент его кончины, ни для кого еще не известной, инок Иосиф приблизился к дверям кельи преподобного Пафнутия, почивавшего после утреннего славословия, и хотел совершить по монастырскому обычаю Иисусову молитву. Вдруг преподобный отворил оконце и, увидавши Иосифа, сказал:

– Некто сотворил молитву и сказал: старец Константин отошел ко Господу. – Я же, проснувшись и открывши окно, никого не увидал, кроме тебя идущего.

Иосиф заметил:

– Я сейчас только вышел от Константина. Он еще жив.

Но святой повелел ученику идти в келью Константина. Придя туда, Иосиф действительно нашел его преставившимся.

Преподобный Пафнутий имел дар прозорливости: он узнавал по лицу инока, какою страстью тот обуревается, исполнил он или нет положенное на день молитвенное правило; узнавал даже тайные и давние грехи людей, которых в первый раз видел.

Один новоначальный инок, сожительствовавший преподобному и еще не преодолевший в себе страстей, вышел по некоторой нужде из обители. На пути ему встретились миряне и в том числе женщины. Взглянув на них, инок прельстился любострастно женскими взорами и остановился на греховной мысли. Возвратившись в келью святого, согрешивший нашел его за чтением. Посмотрел на своего ученика преподобный, тотчас же нашел его смущенным нечистыми помыслами и, отвратив от него свое лицо, дал понять, что знает его прегрешение. Устрашившись такой прозорливости, брат сообщил о ней своему однокелейнику Иосифу. Тот велел ему исповедать грех преподобному и испросить прощения. Когда инок исполнил это, он получил прощение и отеческое наставление.

Однажды, тоже во время чтения святым Божественного Писания, подошел к его келье человек, сотворил молитву и, посмотрев на святого через оконце, спросил о его ученике Иосифе, которому пришедший был земляком. Увидав совершенно незнакомого человека, святой старец сказал Иосифу:

– Выйди! Злой взором муж спрашивал тебя. Ученик вышел и, увидавши своего знакомого, спросил его, зачем он пришел. Тот отвечал:

– Хочу быть монахом.

Иосиф поведал о его желании святому игумену, но тот сказал:

– Напитавши, отпусти этого человека, потому что он недобрый.

Иосиф удивлен был таким ответом, однако не осмелился расспрашивать. Исполнив волю преподобного, он возвратился к нему в келью. Тогда сам святой сказал Иосифу:

– Этот муж – убийца. Еще будучи юношей, он ударил одного монаха ножом в живот и умертвил его. Но это было давно, и он забыл о своем грехе.

Иосиф изумлен был этими словами: он никогда не слышал об этом грехе своего знакомого.

Некоторый инок пришел в обитель преподобного. Подвижник, увидав его, тихо сказал своим ученикам:

– Видите ли, что и ради иноческого чина не очистился от крови?

Ученики удивились, но боялись спросить преподобного о значении этих слов. Впрочем, после сам старец объяснил их:

– Этот инок, – сказал святой, – будучи мирянином, отравил в Новгороде князя, которому служил. Мучимый совестью, он принял монашество.[2876]

Боярыня, супруга Алексея Габурина, питала особенное уважение и веру к святому и часто посылала к нему своих детей с дарами, прося его молитв и благословения. По диавольскому действию она впала в болезнь и часто видела многих устрашающих ее демонов. Потом являлся ей какой-то сгорбленный и малорослый старец с большой седой бородой, в плохой одежде. Старец властно отгонял демонов, и после того она становилась здоровою. Однажды больная услышала при этом голос, говоривший ей: «Пафнутий, который в Боровске, отгоняет от тебя демонов».

Так случалось с боярыней много раз. Прошло некоторое время, она совершенно выздоровела и пожелала увидать святого, чтобы узнать, действительно ли он являлся ей и отгонял бесов. Боярыня пришла со слугами к обители. Но так как монастырь для женщин был невходен, то, остановившись у его ворот, она послала слуг своих к ученикам блаженного с просьбой о том, как бы ей увидать преподобного. Иноки, показав святого старца слугам, повелели им указать его госпоже своей во время его выхода с братией в трапезу, так как приближалось обеденное время. Но боярыня, прежде всякого указания, увидевши преподобного, тотчас узнала в нем являвшегося ей старца и со слезами возопила: «Воистину это

тот, который своим явлением отгонял от меня демонов и даровал мне исцеление».

Затем, воздав благодарение Богу, Пречистой Его Матери и преподобному Пафнутию, послала милостыню.

У одного из учеников преподобного болел глаз. Больной, сильно страдая, усиленно искал лекаря. Святой же дал ему свои четки и приказал тысячу раз произнести молитву Иисусову. Но понуждаемый сильными страданиями больной едва исполнил половину приказанного числа. Произнеся полтысячи раз молитву и заметив исцеление своего глаза, инок от радости с поспешностью пошел к преподобному, чтобы сообщить ему о своем выздоровлении. Но прозорливый старец опять повелел ученику возвратиться к себе для окончания заповеданного числа молитв.

Благочестивые миряне поведали преподобному и сидевшим в его келье братьям об оставлении архимандритства тогдашним архимандритом подмосковного Симонова монастыря. При этой вести начался разговор о том, кто будет теперь Симоновским архимандритом. Один назвал такого-то, другой – иного. Святой же, взглянувши на своего очень юного новопостриженного ученика, по имени Вассиан, родного брата преподобного Иосифа (своего будущего жизнеописателя), и указав на него, с улыбкой сказал: «Этот – Симоновский архимандрит».

В этих словах святого обнаружилось его прозрение в более отдаленное будущее. Спустя много лет Вассиан действительно был архимандритом Симоновского монастыря[2877].

Раз преподобный выпросил у одного князя половить рыбу три дня на одном месте Оки с тем, чтобы все пойманное пошло в пользу монастыря. Отправляя одного из служителей на эту ловитву, подвижник повелел дать ему пять гривен[2878] денег для покупки сосудов, чтобы в них посолить рыбу, пойманную в назначенный срок. Служитель не брал столько денег, не надеясь и одного малого сосуда наполнить рыбой. Преподобный же гневно посмотрел на него и велел делать, что ему приказано. Тогда посланный пошел и в три дня поймал 730 больших рыб.

Столько не поймали рыболовы князя и во все лето. Предвидя чудесную ловитву, святой и повелел купить так много сосудов.

Один юноша, став иноком, подвергся искусительному действию диавола. Исконный враг людей являлся ему в разных образах: то в образе неизвестного зверя или черного пса, а иногда, в то время, когда инок сидел в келье, подобно медведю он ходил кругом кельи и ударял по ее стенам. Старец повелел юному иноку прочесть при нем Псалтирь. Как только юноша исполнил приказание святого, бесовские мечтания совершенно исчезли, и он освободился от страшных призраков.

Были прозорливцы и среди учеников преподобного Пафнутия. Таков был слезоточивый инок Евфимий. Этот подвижник, испускавший слезы молитвенного умиления не только в келье, но и в церкви на всяком правиле, получил от Бога дар прозорливости, который проявился однажды таким образом. Два брата имели между собой любовь не по Богу, а мирскую. И так как преподобный очень негодовал на них за это, то они помышляли уйти тайно из обители. Стоя во время литургии со своим обычным слезным умилением, Евфимий взглянул на святого отца и поющих с ним, среди которых были и эти два брата. И вот он видит, как выскочил из-за них эфиоплянин с острым шлемом на голове. В руках своих бес держал железный крюк. Зацепляя крюком за одежды грешных монахов, он вытаскивал их за клирос и, привлекая к себе, хотел схватить их своими руками. Но как только он приближал их к себе, железный крюк отскакивал. Это значило, что когда два грешника склонялись на посеянный в них врагом помысл уйти из обители и не покоряться отцу, враг легко привлекал их к себе, но, при их противлении этому помыслу, бесовское орудие бывало бессильно и отскакивало. Смотря на это, прозорливец проникал духовными очами в то, что происходило в их душах. При чтении Евангелия и во время Херувимской эфиоплянин исчезал. По окончании их он снова появился. Когда же настало освящение Святых Даров и изрядная песнь Пресвятой Богородице[2879], тогда эфиоплянин исчез как дым, и уже не появлялся снова. Всю литургию простоял в трепете и исступлении прозорливый старец, а потом рассказал о своем

видении преподобному Пафнутию. Преподобный призвал грешников и заповедал им бороться с греховными помыслами и исторгать их из своих сердец. После наставления и увещания святого оба инока исправились.

Святая жизнь преподобного Пафнутия, его благорассудительность и опытность во всяком деле, Божием и человеческом, сделали то, что не только иноки, но и многие миряне выбирали его духовным отцом себе. К нему, как к искусному врачу, шли знатные и простолюдины, богатые и бедные, добродетельные и грешные, и все получали полезные советы и должные епитимии. В приеме приходящих у святого не было никакого лицеприятия. Не боясь сильных и не щадя гордых, подвижник был очень ласков со смиренными.

Преподобный Иосиф Волоколамский пишет о своем учителе преподобном Пафнутии, что, когда нужно, он был милостив и снисходителен, но подчас бывал суров и гневен, если это требовалось. Духовные дети преподобного почитали его и боялись. Георгий Васильевич, князь Дмитровский, рассказывал, что когда он шел на исповедь к преподобному, у него подгибались колена. Зато духовные дети, выбрав преподобного отцом своим, не разрывали с ним общения и за гробом. Один раз, задремав на пороге церкви пред заутреней, преподобный видел во сне, будто открылись врата обители и вошло множество народа со свечами, направлявшегося к церкви, а в середине был князь Георгий Васильевич. Придя к церкви, князь поклонился ей, потом духовному отцу. Преподобный спросил его:

– Сын и князь! Ты уже преставился?

– Да, честный отче!

– Каково же тебе там ныне? – спрашивает преподобный.

– Твоими святыми молитвами, Бог дал мне добро. Особенно же потому, что когда я шел под Алексин на безбожных агарян, покаялся у тебя во всех грехах[2880].

В это время начали звонить к заутрене и преподобный пробудился.

Преподобный был очень милостив и нищелюбив. Проповедуя милосердие словом, подвижник осуществлял эту

добродетель на деле. В Боровской стране случился сильный голод, и преподобный усердно питал в обители своей голодающих, приходивших из окрестных сел. Так собиралось ежедневно до тысячи человек, даже более, и милосердый подвижник истощил все запасы монастыря. На следующий год Господь послал умножение плодов земных.

Преподобный Пафнутий дожил до глубокой старости, до 83 лет, из которых 63 года он провел в иноческих подвигах. Отрекшемуся от всех утех земных, живущему лишь для Бога и для вечности, преподобному оставалось только освободиться от всего временного и перейти к тому вечному, уготованному Богом для любящих Его, чего «не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку» (1Кор.2:9).

Господь открыл святому старцу за целую седмицу день его блаженной кончины, и подвижник готовился встретить ее мирно и непостыдно. Все эти дни при святом находился ученик его Иннокентий, который оставил описание последних дней жизни своего святого учителя[2881].

Это происходило весною 1477 г., вскоре после праздника святой Пасхи, бывшего в тот год 6 апреля.

В четверг третьей недели по Пасхе (24 апреля), после утрени святой вышел с Иннокентием к пруду, который сам выкопал. Заметили они, что сквозь запруду протекает вода. Преподобный учил Иннокентия, как преградить путь воде; потом вернулся в обитель ввиду наступившего времени святой литургии. При уходе старца ученик просил его прийти на работу после обеденного часа. В ответ на это святой сказал: «Невозможно мне прийти, потому что я имею иное, более нужное и неотложное дело».

После литургии святой старец трапезовал с братиею, потом послал за Иннокентием и приказал ему идти к пруду. Иннокентий пошел в келью святого и, увидав своего наставника сидящим на одре, напомнил ему о работе. «У меня есть другая нужда, которой ты не знаешь; сущий союз разрешитися хощет», – ответил святой.

Иннокентий был так смущен словами старца, что, выйдя с тремя братиями на работу, ничего не мог сделать.

Вернувшись в монастырь, ученик нашел подвижника опять сидящим на одре. Старец приказал передать князю Михаилу Андреевичу[2882], чтобы он не приходил в обитель, потому что приспело иное дело. В этот день святой не ходил в церковь ни на вечернее, ни на послевечернее правила, но велел Иннокентию совершить их в своей кельи. Братия подошли к келье преподобного, чтобы узнать, почему он не явился на богослужение. Но подвижник никому не позволил войти к себе и просил всех собраться на следующее утро. Отпуская от себя ученика, подвижник сказал ему: «В такой же четверг я освобожусь от своей немощи».

Всю ночь святой провел в молитве.

Утром в пятницу, 25 апреля, братия монастыря приходили к преподобному прощаться и получить его благословение. Иноков в монастыре было тогда 95 человек, и все до одного собрались к болящему подвижнику, даже немощные и слепые. Простившись с братиею, преподобный пошел к литургии, поддерживаемый своими учениками. Когда один из них, уже немолодой, желая поддержать святого, взял его за ладонь, то преподобный с гневом выхватил руку и велел держать себя только за одежду. Вот каким осторожным хранителем бесстрастия был он: даже в старости и болезни, уже пред смертным исходом не дозволял прикасаться к своему телу. Старец ничего не вкушал в тот день; только попросил себе сыты, то есть воды с медом. Князь Михаил Андреевич прислал своего диакона узнать, что с преподобным и почему он не велел ему приходить к себе. Но преподобный не принял посланного. Не принял он также грамоту и деньги, присланные в монастырь из тверских пределов. Он был в тот день и у вечерни. От слабости больной едва держался и стоял, положив на посох руки, наклонив на них голову. Тем не менее он усердно подпевал братии и остался после вечерни на панихиду, несмотря на то, что братия хотели отвести его в келью. «Эта панихида мне нужна, – сказал им преподобный, – я не услышу ее более».

В субботу, 26-го, больной старец также был у святой литургии. По окончании ее Иннокентий приготовил для него

немного пищи и просил вкусить ее, указывая на субботний день и на то, что он не ел с четверга. Но святой отказался от пищи, сказав: «И я знаю это: и по Божественным правилам подобает в субботу вкусить разрешения ради поста, однако, болящему следует три дня воздерживаться от пищи пред причащением Божественных Таин».

Таков был многолетний обычай святого старца – поститься пред приобщением святых Таин и проводить в молчании целую седмицу.

Вечером он исповедался пред священноиноком Исаией.

Миряне продолжали докучать болящему подвижнику, который готовился к кончине и все мысли свои устремил к Богу. Князь Михаил снова прислал в монастырь, на этот раз духовного отца своего, священника Иоанна, и просил у святого прощения и благословения себе и сыну своему Иоанну. Иннокентий передал просьбу князя. Помолчав немного, преподобный сказал:

– Удивляюсь на князя, зачем присылает: «Благослови сына моего, князя Иоанна». А князь Василий разве не сын его?[2883] Бог знает, сам на себя разделился; как же может он обрести мир и благословение?

Затем прибавил:

– Нет у него ко мне никакого дела, хотя бы и князь он был.

Эти слова были переданы княжескому духовнику, но тот все-таки хотел повидать старца и для этого пошел в церковь к вечерне. Пошел и подвижник, но он поспешно скрылся в алтаре и оставался там до тех пор, пока посол князя оставил монастырь. Отстоял преподобный и всенощную, хотя поддерживаемый своими учениками. Потом сказал братии:

– Отселе уже не услышу всенощного бдения.

Молитвою готовился преподобный к приобщению великой святыни, и лишь только начало светать, повелел преподобному Иосифу прочесть правило ко причащению.

Приобщившись животворящих Христовых Таин в храме за Божественной литургией в воскресенье (27 апреля), святой старец приведен был в келью. Опять заботливый Иннокентий приготовил ему немного пищи. Братия понуждали его

подкрепиться, и, чтобы не оскорбить их, преподобный немного вкусил, а затем отдал братии, что было ему приготовлено.

В тот день великий князь Московский Иоанн Васильевич[2884], неизвестно как узнавший о болезни преподобного Пафнутия, прислал к нему посла с грамотой. Когда ученик подал подвижнику великокняжеское послание, он сказал:

– Возврати послание принесшему – пусть отдаст его пославшему. Теперь я уже ничем не связан с миром: не желаю чести и не имею страха пред сильными мира.

Иннокентий заметил своему наставнику:

– Что касается тебя, ты сказал правду; но ради Бога сотвори полезное нам, не оскорбляй великого князя, не разгневай его.

Старец же ответил:

– Истину говорю вам: не разгневайте Единого, тогда ничего не успеет против вас гнев человеческий. Если же Единого разгневаете – Христа, никто помочь вам не сможет. А человек, если и разгневается, снова смягчится.

Ученик не смел больше возражать наставнику и возвратил послу великокняжескую грамоту.

Присылала посла и мать великого князя, Мария Ярославна, которая была великой почитательницей добродетельного старца, а также супруга князя, гречанка София Фоминична[2885], которая прислала преподобному грамоту и золота. Старец ничего не взял и велел все вернуть назад, а ученику своему даже выговорил за то, что ему все докучают. Присылали в монастырь к болящему подвижнику многие бояре и простые миряне, но об этом ему уже и не докладывали.

Видя святого старца в великой немощи, Иннокентий сказал ему:

– Сильно неможется тебе, отец Пафнутий?

Старец ответил:

– Сам видишь – изнемогаю, но не чувствую болезни выше сил моих.

Подвижник не вкушал больше пищи. Прикажет себе что-нибудь изготовить, но когда приносили, то, похвалив, он отдавал все братии со словами:

– Кушайте, и я с вами.

Наступила ночь. Подвижник сидел на одре своем и творил про себя молитву Иисусову. Утреню ему прочли в келье.

В понедельник, 28-го, подвижник с помощью братии отстоял Божественную литургию. После службы он ничего не вкушал; только выпил немного сыты. Иннокентий думал, почему это старец не делает никаких распоряжений о монастыре, и, поборов смущение, спросил преподобного:

– Отец Пафнутий! Прикажи при жизни своей написать завещание об устроении монастыря: как жить после тебя братии и кому быть игуменом.

Помолчав недолго, старец со слезами сказал:

– Братия, сами собою сохраняйте чин церковный и строй монастыря. Не переменяйте сроков церковной молитвы. Священников почитайте как и я и не лишайте их платы, чтобы не оскудела Божественная служба, ибо от нее зависит успех во всем. Не затворяйте трапезы своей от странника, заботьтесь о милостыне, просящего не отпустите ни с чем. Трудитесь в рукодельях; но удаляйтесь от мирских бесед; заботливо храните сердце свое от помыслов лукавых. После вечернего правила не сходитесь для беседы: пусть всякий безмолвствует в своей келье. Церковной молитвы никогда не отлучайтесь, разве по немощи; исполняйте весь устав, правило церковное и все предписания церковные кротко, немятежно и молчаливо. Одним словом, поступайте так, как я. Если не презрите моей заповеди, верую Вседержителю Богу и Непорочной Деве Богоматери, Господь не лишит это место всех благ Своих. Но знаю, – пророчески прибавил преподобный, – что по отшествии моем в монастыре Пречистой будет мятежник; он смутил мою душу, внесет мятеж в братию. Однако Пречистая Царица усмирит мятеж и бурю, подаст тишину обители Своей и живущей в ней братии[2886].

Сказав это, старец умолк от изнеможения. Ночь его прошла в обычных молитвах.

29-го, во вторник, преподобный безмолвствовал, потому что готовился к приобщению Христовых Таин в праздник Преполовения святой Пятидесятницы, который в тот год

приходился на 30 апреля. Старец пел псалмы, молебны, каноны и священные стихи. Так продолжалось целый день. Иннокентий и келейник преподобного молча внимали этому необычайному пению, не смея ничего сказать, ибо подвижник заповедал им ничем не развлекать его. Ночь провел болящий без сна в молитве, почти все время стоя на ногах и присаживаясь только на короткое время.

Только настал день (среда), преподобный Иосиф прочел для святого правило ко причащению. Литургию отстоял в храме и приобщился Животворящих Таин Христовых. Приняв по обычаю благословение от служащего иерея, преподобный был веден братией в келью. Став в сенях своей кельи, с обеих сторон поддерживаемый учениками, преподобный посмотрел на образ Пречистой Богородицы, а душевным оком обращаясь ко всей братии, со вздохом и слезами сказал:

– Господи Вседержителю! Испытующий сердца и помышления, Ты знаешь все. Если кто пожалеет о мне, воздай ему, Господи, сторицею в сем веке, а в будущем даруй жизнь вечную. Если же кто порадуется о смерти моей, смерти грешного человека, не постави ему, Господи, сего во грех.

Слышавшие это ужасались и каждый обращался к суду своей совести. Когда же ввели старца в келью, он с радостным лицом начал утешать братию, как будто бы хотел, чтобы они забыли только что сказанные слова. Вспомнив прежние слова святого, что болезнь его не тяжка, братия подумали, что ему становится легче. Они понуждали его вкусить пищи, но старец не хотел. Выпил немного сыты, потом отдал ее братии со словами:

– Пейте чашу сию, чада; пейте как мое последнее благословение, ибо я больше не буду от нее пить или вкушать.

Много говорил он братии и еще утешительных слов, потом возлег на одре своем, на котором через день скончался. Иннокентию, служившему ему при болезни, преподобный завещал сосуд меда, а потом послал братию в трапезу, ибо настало время обеда. Иннокентий, не отходивший от своего больного учителя, быстро возвратился с трапезы и увидел его

лежащим на одре, потом, помолчав немного, спросил преподобного:

– Отец Пафнутий! Ты не поправляешься, потому что целую неделю совершенно не вкушаешь пищи. Что молчишь, господин мой? Кому приказываешь монастырь свой, – братии или великому князю? Почему не говоришь ты ничего?

Святой ответил:

– Пречистой.

Затем, немного помолчав, сказал ему:

– Брат Иннокентий! Правду ли ты говоришь?

Заметив, что старец смущается, Иннокентий молчал.

– Мне, брат, кто приказывал монастырь? Сама Пречистая Царица изволила. Она возлюбила это место прославления имени Своего, воздвигла храм Свой, собрала братию и меня, нищего, много времени питала и покоила вместе с братией. И теперь, когда я, смертный человек, смотрю в гроб и не могу помочь себе, Сама Царица Небесная может устроить полезное Своей обители, как Она начала это. Ты знаешь сам: ни княжеской властью, ни богатством сильных, ни золотом и ни серебром воздвиглась эта обитель, но изволением Божиим и волею Пречистой Его Матери. На Нее возлагаю всю надежду: Своею милостью Она покроет меня на мытарствах от насилия мрачных и лукавых духов, а в день праведного суда избавит вечной муки и причтет к избранным. Если же я получу благодать, то не промолчу молиться о вас ко Господу. И сами вы будьте поэтому усердны: живите чисто; не только так, как жили при мне, но еще и лучше; содевайте спасение со страхом и трепетом, чтобы ради ваших добрых дел я почивал мирно, чтобы вселились добре пришедшие сюда после меня. Да обретете вы покой по кончине своей. Пусть каждый пребывает в том звании, в котором призван. Не возвышайтесь паче меры – это не полезно вам, но и душевредно. Не возноситесь над немощными братьями ни мыслью, ни делом, но долго терпите о них, как о членах своих. Ей, чада, спешите делать добро!

Сказав это, святой в изнеможении замолчал.

Немного спустя пришел в монастырь посланный от Московского митрополита Геронтия[2887], пришли новые послы от

великого князя и великих княгинь. Они настойчиво добивались свидания с преподобным и его беседы. Долго Иннокентий отказывался и отлагал говорить о них болящему старцу, но, наконец, доложил о посланных. Старец оскорбился на своего ученика и говорил ему, что все 60 лет своего иночества он постоянно обращался с князьями, боярами и другими мирянами.

– Теперь я понял, что нет никакой пользы от этого, – одно испытание для души. Своим милосердием, не хотя смерти грешника без покаяния, дал мне Господь шесть дней для покаяния; а ты мне не даешь покоя, наводишь на меня мирян. Уж теперь мне нельзя и из кельи выйти, чтобы они не докучали мне.

Иннокентию стало очень прискорбно и то, что он смутил старца, и то, что не получил разрешения для посланных. Выйдя из кельи, он передал им ответ преподобного и просил их оставить монастырь. Но, выйдя из обители, посланные ночевали в близлежащем селе, чтобы наутро повидать подвижника. Следующую ночь, последнюю ночь своей жизни, святой старец провел без сна, в непрестанной молитве: то пел псалмы, то читал молитву Иисусову.

Наступил четверг, 1 мая, день кончины преподобного Пафнутия. Подвижник повелел отслужить литургию ранее обыкновенного. Сам он думал идти к ней, собирался спеша и говорил про себя: «Вот, пришел день».

В недоумении братия смотрели друг на друга, не понимая, что говорит старец. Иннокентий спросил его, о каком дне говорит он.

– О том дне, о котором говорил вам раньше, – ответил святой.

Ученик начал перечислять дни: воскресенье, понедельник, вторник?

Преподобный сказал:

– Этот день – четверг, о котором говорил я вам и раньше.

Братия были в недоумении. Повели старца в церковь, но не успели выйти из кельи, как пришел преподобный Иосиф и возвестил ему, что посланные от знатных лиц миряне ожидают

его, что сверх бывших вчера, пришли новые: все они собрались и стоят на пути подвижника в церковь. Тогда преподобный оскорбился тем, что они заградили ему путь в храм Божий, и не пошел из кельи. Отпустивши братию в церковь, он сел в сенях и сказал: «Это все делает Иннокентий, он так распорядился».

Иннокентий же не смел и оправдываться.

Он также пошел в церковь, старец остался с одним учеником в келье и запер двери, чтобы не пришел к нему кто-либо из посланных. По окончании литургии миряне поняли, что нельзя видеть святого, и возвратились назад. Когда же пришли к нему опять ученики и в молчании окружили одр, то он говорил как бы о ком-либо другом:

– Пришел для него день, и он умрет.

– О ком говоришь, отче, что умрет? – спросил его Иннокентий.

– О том, о котором вы говорите: болит; тот, покаявшись, хочет умереть, – сказал он.

Пришел час обеда, и братия отправились в трапезу. Остался при больном один Иннокентий.

Святой приказал ученику перевести его на другую сторону кельи, потому что там спокойнее; приказал никого не впускать.

– Утомился, – сказал он, – и хочу отдохнуть до вечернего пения; вечером же придут ко мне все братия.

Тогда ученик понял, что приблизилось время его преставления.

Иннокентий спросил святого:

– Отче, когда преставишься, звать ли протопопа и иных священников из города на твое погребение?

Святой завещал никого не звать и довольствоваться монастырскими священниками, чтобы не собрался в обитель народ и не разнес вести о его смерти по городу и селам. Ученик спросил:

– Где ты велишь ископать себе могилу?

Он велел ее ископать у южной стороны церкви, близ церковных дверей.

– А гроба дубового не покупайте мне, – сказал святой. – На эти шесть денег купите калачей и раздайте их нищим.

Ученик замолчал, а старец молился о спасении своей души, полагая надеждой своей Пресвятую Богородицу. Ей он вверял и монастырь свой. Иннокентий разбудил келейника преподобного, заставил его сидеть при болящем старце, а сам вышел заснуть, так как ему нездоровилось. Лишь только он начал дремать, как услышал голоса многих певцов в келье преподобного. Удивленный этим Иннокентий вошел в келью и спрашивал келейника:

– Кто из братии был здесь?

– Никто, – отвечал тот. – После твоего ухода он начал петь: «святых лик обрете источник жизни», – припевая заупокойные стихи. Окончив же псалом, он пел последующие стихи:

– «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс.118:1), – и прочие.

– Отходит старец к Богу, – сказал Иннокентий келейнику.

Ученики припали к ногам святого и лобызали их, затем на грудь к нему, прося прощения и благословения. Но старец уже не внимал словам их, а только молился ко Господу: «Царю Небесный, всесильный! Молюся Тебе, Владыко мой, Иисусе Христе, милостив буди душе моей, да не удержана будет она лукавыми, но да встретят ее Ангелы Твои, проводящие сквозь хитрости мрачных мытарств и направляющие ее к свету милосердия Твоего. Знаю я, Владыко, что без заступления Твоего никто не может избыть козней духов лукавых».

Дальнейшая речь умирающего была неясна и ученики ее не поняли. Вдруг он начал поворачиваться слева направо. Много раз ученики повертывали его на левую сторону, но он опять поворачивался направо, шепча невнятные слова. Отсюда они заключили, что умирающий подвижник видит нечто необычайное. Братия несколько раз подходили к келье преподобного, но два ученика, находившиеся при нем, говорили, что старец заснул. В то время, когда в обители шла вечерня, преподобный приготовился к смерти: сложил крестообразно руки на своей груди и тремя дуновениями предал свою святую душу в руки Господа.

Преподобный Пафнутий скончался в четверток, 1 мая 1477 г., за час до захода солнца, то есть около 7 часов вечера[2888].

Братия вышли из церкви и, узнав о кончине преподобного, горько оплакали его. Было уже поздно погребать подвижника, и, чтобы исполнить его завещание о погребении без мирян, братия на другой же день, в пяток, 2 мая, в 5 часов утра похоронили своего наставника. Скорбь братии была так велика, что все рыдали и проливали слезы; никто не мог ни петь, ни канонархать. Погребение совершал верный ученик преподобного, Иннокентий. От слез он едва мог проговорить чин погребения. «И никто от мирских человек не был в то время, не прикоснулся к одру его, никто не узрел, как полагали его во гроб», – так повествует Иннокентий[2889].

Как только погребение совершилось, о смерти подвижника узнали в Боровске, и весь город пришел в движение. Не только монахи и священники, но и наместники города и народ пошли в обитель преподобного. И хотя в городе скоро узнали, что тело святого уже в земле, народ непрерывно весь день приходил в монастырь, и со многою любовью все кланялись гробу почившего.

Местное празднование преподобному Пафнутию началось с 1531 г. Митрополит Московский Даниил[2890] с собором епископов благословил петь канон и читать на богослужении житие преподобного Пафнутия, то есть установил местное празднование ему. Собор же 1547 года постановил память преподобного Пафнутия праздновать общецерковно.

Святые мощи преподобного почивают в главном монастырском храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в приделе, посвященном его имени.

Тропарь, глас 4:

Жития светлостию просветив твое отечество, в молитвах и постех дарований Божественнаго Духа исполнился еси, и, во временней сей жизни добре подвизався, милости благоутробия всем скорбящим отверзл еси, и нищим был еси заступник. Тем молим тя, отче Пафнутие, моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 8:

Божиим светолитием просвещен, отче, постническое стяжав жительство, преподобне, монахом предобрый наставниче и

постником благое украшение. Сего ради Господь, труды твоя видев, чудес даром обогати тя, источаеши бо исцеления. Мы же, радующеся, вопием ти: радуйся, отче Пафнутие.

В тот же день празднуется память священномученика Макария, митрополита Киевского, от татар в 1497 году убиенного в селе Стриголове, Минской губернии.

Страдание святого мученика Ваты

Память 1 мая

Святой мученик Вата происходил из Персии. Предки его были христиане, и сам он был воспитан в христианской вере. Достигши тридцатилетнего возраста, он оставил отца, мать, жену и детей, имущество свое раздал бедным и, ушедши из родительского дома, принял иночество. Усердно подвизаясь в иноческой жизни, он пожелал окончить жизнь свою мученическою смертью. В то время воздвигнуто было на христиан гонение[2891], и когда все иноки из той обители, где подвизался святой, разбежались, он один остался в ней. Вскоре он был схвачен и отдан на суд правителю города Низибии[2892]. Последний стал принуждать его отречься от Христа и поклониться солнцу и огню[2893], но святой не послушался его и дерзновенно исповедал Христа истинным Богом. За это ему связали руки так, что от сильного напряжения они вышли из плечевых суставов. После этого святого стали влачить по земле и при этом били его по всему телу. Святой мученик после всех этих истязаний скончался за веру во Христа, будучи усечен мечом.[2894]

Страдание святых мучеников Еспера и Зои

Память 2 мая

Святые мученики Еспер, супруга его Зоя и два их сына, Кириак и Феодул, – странники на земле подобно Аврааму, отцу избранных, направлявшие путь свой к отечеству небесному, были куплены в качестве рабов[2895] Катуллом, знатным римлянином, и его женой Терцией. Этот Катулл переселился из Рима в Памфилию[2896], в город Атталию[2897]; покупая себе рабов, как это было в обычае у римлян-язычников, он приобрел во Фригии[2898] этих святых мучеников, происходивших из христианской семьи и поэтому преисполненных веры и надежды на Господа.

Языческая семья Катулла, преданная идолопоклонству, приносила по обычаю своей веры жертвы идолам и называла их своими богами. Верные же рабы Христовы, видя суетное нечестие своих господ, тяжко сокрушались об этом и, как христиане, не могли вкушать пищи, отпускаемой для них хозяевами-язычниками, опасаясь осквернить, тем более, что и в самом доме их господ находились идолы.

Однажды святая Зоя, получив пищу от своих хозяев, подошла к воротам и сказала привратнику:

– Усни и отдохни немного, а если ты будешь нужен, то я тебя разбужу; ты довольно уже утомился, так как всю ночь бодрствовал, впуская и выпуская к господину нашему суетных людей, которые посещают его дом для поклонения мнимой богине – Фортуне[2899].

Привратник, исполняя ее совет, отошел от ворот и уснул во дворе, а Зоя, опасаясь, чтобы привязанные недалеко псы своим лаем не разбудили его, дала им немного хлеба, а остальную часть своего обеда раздала нищим и странникам, подходившим к воротам, убеждая их перейти в христианскую веру.

Обязанности Зои в доме Катулла состояли в том, чтобы кормить домашних животных, которых держали ее господа, муж же и дети ее исполняли все остальные работы на хозяев.

Целый день они трудились, при закате же солнца вкушали немного пищи от тех яств, о которых несомненно знали, что они не осквернены языческими обрядами. Эта пища посылалась им Божиим промышлением; вкушая ее, они вспоминали слова, сказанные Господом в Его святом Евангелии: «воззрите на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их» (Мф.6:26).

Однажды, когда блаженный Еспер был послан своими господами на какую-то работу, сыновья его, Кириак и Феодул, сказали матери:

– Мы не желаем больше жить с нечестивыми; не ты ли сама учила нас, согласно Божественному Писанию, хранить апостольскую заповедь: «не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными» (2Кор.6:14). Если мы, повинуясь Божественному Писанию, и пожелали бы сохранить заповеди Господни, но не удалились от язычников, то мы приняли бы одинаковое с ними и возмездие от Господа и погибли бы, как они.

Мать отвечала своим сыновьям:

– Дети мои любезные! Как можно удалиться от них? Ведь они наши господа; они имеют власть и над нашим телом.

Сыновья отвечали ей на это.

– Христос за нас предал Себя в руки неверных иудеев, был распят, погребен и в третий день воскрес. Если и мы свое тело отдадим во власть нечестивого Катулла на мучения за имя Христово, то хотя бы он после пыток и умертвил нас, то ведь души наши будут жить вечно. Итак, представь нас, радующихся и веселящихся, господину нашему и что вложит в уста наши Господь, то мы и будем говорить господину.

И готовились оба добрые юноши, как мужественные воины Христовы, на страдальческий подвиг за Христа, ожидая удобного случая предстать пред господином своим и исповедать пред ним имя Господа Иисуса Христа. Они говорили между собою:

«Если благоугодно будет Господу нашему Иисусу Христу, чтобы мы умерли за имя Его святое, то в награду за это мы сподобимся видеть Его и будем пребывать с Ним вечно».

Когда же мать их, опасаясь, как бы дети ее, не устрашившись мук по примеру других, не предались бы служению идолам, по сей причине медлила исполнить их просьбу (до того времени господа не знали, что они христиане), то сыновья ее сказали ей:

– Что же ты медлишь? Чего ты боишься? Разве ты не знаешь, что говорит Писание! «Буду говорить об откровениях Твоих перед царями и не устыжусь» (Пс.118:46).

Однажды Катулл откуда-то возвращался в обеденный час домой. Встретить его вышли оба брата, Кириак и Феодул, и сказали ему:

– Добрый час, тебе, господин видимых тел наших: господин же невидимых душ наших есть Господь Иисус Христос, пребывающий на небесах, Бог истинный.

Катулл весьма удивился их словам и сказал:

– Эти юноши потеряли рассудок: они произносят странное и незнакомое мне имя Иисуса Христа, называя его Богом и Господом.

Затем, обращаясь к слугам, сказал:

– Позовите ко мне отца и мать этих юношей. Слуги тотчас пошли и, не найдя отца, привели одну мать юношей. Катулл спросил ее:

– Где твой муж?

Она отвечала ему:

– Не ты ли послал его для какой-то работы в селение Тритонию?

– Если бы и вы были с ним сейчас в Тритонии, – сказал Катулл, – то вы не смутили бы меня вашими речами о Боге, Которого вы исповедуете, и о Котором ни я, ни другие никогда ничего не слыхали. Впрочем, теперь я не хочу испытывать вас; но когда Терция разрешится от бремени и я буду по этому случаю приносить великой богине нашей Фортуне благодарственную жертву, тогда я испытаю вас.

И тотчас приказал святую Зою с детьми ее отправить к мужу в Тритонию.

Мать и дети, переселившись туда, радовались и веселились, вспоминая в пении и разговоре, слова святого

Писания: «Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях» (Пс.22:1–2). И еще: «Ты избавил душу мою от ада» (Пс.85:13) и «избавил душу мою от смерти» (Пс.114:7) (святые в душе считали дом своего господина – адом, Катулла – смертью, идолов – адским огнем).

Но вот родился у Катулла сын. Все горожане радовались и праздновали вместе с Катуллом день рождения у него сына, принося своей богине – Фортуне благодарственные жертвы. В это время святая Зоя молилась Богу, прося Его дать мужу и детям ее силы мужественно перенести свой подвиг. Между тем Катулл в конце пира сказал своей жене, Терции:

– Пусть повеселятся на нашем празднике все домашние и рабы наши

Она же отвечала ему.

– Хорошо, пусть все повеселятся.

Тотчас послали рабам своим, в числе которых была и семья Еспера, сосуд вина от идоложертвенного пира и блюдо с мясом. Святая Зоя, увидав издали слуг, несших дары господина, вздохнула, сказав:

– Господи, Боже неизреченный, ведущий тайные помышления человеческие! Пребывай с нами, убогими странниками: кроме Тебя, Господа нашего, другого бога мы не знаем. Помоги нам твердо исповедать святое имя Твое.

При этих словах она подошла к принесенным подаркам и, взяв мясо, бросила его псам, а вино вылила на землю. Раб тотчас пошел и рассказал об этом господину своему.

Это известие сильно разгневало Катулла и он приказал тотчас же привести Еспера с его семьею к себе в дом. На пути к господину Зоя, ободряя мужа и детей, говорила:

– Не устрашимся гнева нечестивого Катулла и уготовляемых им для нас мук, но перенесем их мужественно, дабы, окончив свой подвиг, мы вошли в небесное царство Христа и Его святых.

Когда святые были приведены в дом господина, Катулл спросил их:

– На защиту кого вы надеялись, нанося мне такое оскорбление? Как осмелились вы наши дары кинуть собакам?

Впрочем, я не столько оберегаю свою честь, сколько честь великой богини нашей Фортуны.

Святая Зоя ответила ему на это:

– Надежда и упование наше – Господь Иисус Христос, Сын Бога Живого; боги же, которых ты чтишь – бесы.

Катулл сказал на это:

– Вот я предам мукам твоих сыновей; тогда мы увидим, в состоянии ли избавить их от мучений Христос, Которого вы называете Богом.

Тогда палачи, обнажив обоих юношей, повесили их на дереве и начали терзать железными орудиями. Святая Зоя, взирая на страдания детей своих, укрепляла их такими словами:

– Переносите мужественно страдания, дети мои! Терпите, не устрашайтесь мучений, причиняемых вам нечестивым Катуллом.

Дети отвечали ей:

– Эти мучения слишком легки для нас: скажи нечестивому господину, пусть он придумает большие, чтобы мы могли своими страданиями заслужить мученические венцы в будущей жизни.

Святая Зоя сказала Катуллу:

– Ты слишком слабыми пытками терзаешь моих детей; они не ощущают особенных страданий; постарайся увеличить их страдания.

Тогда нечестивый Катулл повелел, жестоко наказав святую Зою, блаженного Еспера и их детей, ввергнуть всех их в сильно раскаленную печь, и для охраны печи поставил сторожей.

Святые мученики в раскаленной печи воспевали и славили Господа. Катулл же, слыша пение и видя святых невредимыми, весьма дивился, как такая стихийная сила огня не умертвила их и не обратила тела их в пепел. Предполагая, что христиане каким-либо волхвованием укрощают стихию, он стал думать, каким бы иным, более жестоким, способом умертвить их. Святым же мученикам Духом Святым было сказано:

– Мужайтесь! Катулл измышляет еще большие муки, чтобы погубить вас.

Услышав это, мученики молились, сказав:

– Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, прими в мире души наши.

И вскоре святые предали святые души свои в руки Божии.

Это произошло в царствование Адриана[2900], во второй день месяца мая.

На следующий день нечестивый Катулл со своими единомышленниками, придя к печи, нашел мученические тела святых неповрежденными огнем. Тела лежали лицом к востоку, святые же души их присоединились к лику честных мучеников, Ангелов и Архангелов. И был слышен глас с неба:

– Войдите, праведные, в рай Господа своего. Ты же, нечестивый Катулл, пойдешь в геенну и будешь там вечно мучиться в неугасимом огне.

Итак, нечестивый Катулл воспринял бесконечные муки, а святым мученикам Христовым отверзлось небо. Своим страданием они приобрели вечную радость, пребывая с Иисусом Христом, Господом нашим, Которому подобает вечная слава. Аминь.

Страдание и чудеса святых мучеников Бориса и Глеба, князей русских[2901]

Память 2 мая

Род праведных вовеки в благословении будет (Пс.111:2).

Святой Владимир, сын Святослава, внук Игоря, просветивший святым крещением всю землю Русскую, имел 12 сыновей, не от одной жены, но от разных.

Старшим сыном был Вышеслав[2902], вторым – Изяслав, а третьим – Святополк, который и придумал злое убийство братьев своих. Мать Святополка, гречанка, была прежде монахинею. Брат Владимира Ярополк, прельщенный ее красотою, расстриг ее и женился на ней. Владимир, тогда еще язычник, убил Ярополка и взял его жену себе в замужество. От нее-то и родился Святополк окаянный. И не любил его Владимир.

У Владимира были и еще сыновья – от Рогнеды четверо: Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод. От чехини – Вышеслав, от иной жены – Святослав и Мстислав, а от болгарыни – Борис и Глеб. И посадил их отец на княжение по разным землям: Святополка – в Пинске, Ярослава – в Новгороде, Бориса – в Ростове, а Глеба – в Муроме[2903].

Когда уже прошло 28 лет по святом крещении, постиг Владимира злой недуг. В это время к отцу прибыл Борис из Ростова. Печенеги[2904] шли ратью на Русь, и Владимир был в великой печали, потому что не имел сил выступить против безбожных. Озабоченный сим, призвал он Бориса, которому во святом крещении было наречено имя Роман[2905]. Отец дал Борису, блаженному и скоропослушливому, много воинов и послал его против безбожных печенегов. С радостью пошел Борис, сказав отцу: «Вот я пред тобой готов сотворить, что требует воля сердца твоего».

О этих сказано в притчах: «сын был отцу послушливый и любимый у матери» (Притч. 4:3).

Но не нашел Борис супостатов своих. На возвратном пути к нему прибыл вестник и сказал, что отец его Владимир,

нареченный во святом крещении Василий, умер[2906], а Святополк утаил смерть отца, ночью разобрал пол палат в селе Берестовом, обернул тело усопшего в ковер, спустил его на веревках, отвез в санях[2907] в церковь Святые Богородицы[2908] и поставил там. Все это было сделано тайно.

Услышав сие, Борис ослаб телом, все лицо его облилось слезами и он не мог говорить. Но в сердце так плакался по отце своем: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, воспитатель юности моей, наказание неразумия моего; увы мне, отец и господин мой! К кому я прибегну, на кого я посмотрю, где я насыщусь благого учения и наказания твоего разума? Увы мне, увы мне! Закатилось солнце мое, а я не был тут, не мог сам облачить честное тело твое и предать гробу своими руками. Не переносил я твоего прекрасного и мужественного тела, не сподобился поцеловать твоих седин! О блаженный мой, помяни меня в месте твоего упокоения. Сердце у меня горит, смущается у меня разум, не знаю я к кому обратиться и поведать мою горькую печаль. Если к брату, которого я имел бы вместо отца, то тот, кажется, думает о суете мирской и о моем убиении. Если же он решится на мое убиение, то я буду мучеником Господу моему. Но не противлюсь, ибо пишется: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак.4:6). Апостол говорит: «кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец» (1Ин.4:20). И еще: «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1Ин.4:18). Но что мне сказать и что сотворить? Пойду я к брату своему и скажу: Ты мне будь отцом, ты мне брат старший; что мне велишь, господин мой?»

Так помышляя в уме своем, пошел Борис к брату своему, и говорил в душе: «Там узрю я лице брата моего меньшего Глеба, как Иосиф Вениамина. Воля Твоя да будет, Господи мой» (Быт.43:29).

И думал Борис: «Если я пойду в дом отца своего, то многие обратят мое сердце к мысли изгнать брата моего, как это сделал отец мой, прежде святого крещения, ради славы княжения мира сего[2909]. А это все мимолетно, тленно и ничтожнее паутины. Если же я решусь на сие, то куда мне идти,

что со мной будет, какой ответ дам я тогда, где скрою множество греха моего. Что приобрели братия отца моего и отец мой, где их жизнь и слава мира сего, багряница и пиры, серебро и золото, вина, мед и брашна, быстрые высокие кони, имение многое, дани и почет без числа и гордость своими боярами. Уже все сие как бы никогда и не существовало, все исчезло вместе с ними. И нет им помощи ни от кого, ни от имения, ни от многочисленных рабов, ни от славы мира сего. Вот и Соломон все испытал, все видел, все приобрел и, рассмотрев все, сказал: «суета сует, все суета» (Екк. 1:2); помощь только от добрых дел, от правоверия и от нелицемерной любви».

Идя своим путем, помышлял Борис о красоте и силе тела своего и горько плакал; хотел удержаться от слез, но не мог, и все, видя его в слезах, плакались о его благородной красоте и добром разуме, и каждый горевал в душе: всех смутила его печаль. И кто мог не заплакать, предчувствуя смерть Бориса, видя его унылое лицо и его скорбь! Ибо был блаженный князь правдив, щедр и тих, кроток и смиренен, всех миловал и всем помогал.

Но святого Бориса укрепляла мысль о том, что, если его брат, по научению злых людей, и убьет его, то он будет мучеником и Господь приимет дух его. Он забыл смертную скорбь, утешая свое сердце словами Божиими: «кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк.8:35) и в жизни вечной сохранит ее.

И шел Борис с радостным сердцем, говоря: «Не презри, премилостивый Господи, меня, уповающего на Тебя, но спаси душу мою».

Святополк же воссел на отеческий княжий стол в Киеве, призвал киевлян, раздал им многие дары и отпустил их. Затем послал к Борису с такими словами:

– Брат, я хочу с тобою жить в любви и увеличу твою часть в отчем наследии.

В этих словах была лесть, а не истина.

Святополк прибыл тайно ночью в Вышегород, призвал Путшу и вышегородских мужей и сказал им:

– Скажите мне по правде, имеете ли вы ко мне приязнь.

Путша сказал:

– Все мы готовы за тебя головы свои положить.

Исконный ненавистник добрых людей, диавол, видя, что святой Борис возложил всю надежду на Бога, стал сильнее воздействовать на Святополка, который, подобно Каину, горел огнем братоубийства, задумав избить всех наследников отца своего и одному принять власть его.

Окаянный, проклятый Святополк, советник всякого зла и начальник всякой неправды, снова призвал к себе вышегородских мужей, отверз свои мерзкие уста, испустил свой злой глас и сказал людям Путши:

– Если вы обещаете положить за меня головы, идите тайно, братья мои, найдите брата моего Бориса и, улучив время, убейте его.

И обещались они Святополку так сотворить. О таких людях сказал Пророк: «Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови, этих путие суть беззакония, нечестьем бо свою душу объемлют» (Притч.1:16; Ис.59:6–7; Рим.3:15).

Блаженный Борис на возвратном пути стал на реке Альте[2910] в шатрах. И сказала ему дружина его:

– Иди и сядь на княжеском столе отца своего, ибо все воины находятся у тебя[2911].

Он же отвечал им:

– Не подниму руки на брата своего, да еще на старшего меня, которого мне следует считать за отца.

Услышав сие, воины ушли от Бориса, и он остался только с отроками своими[2912].

Был тогда день субботний.

Удрученный печалью, вошел он в шатер свой и со слезами жалобно воззвал:

– Слез моих не презри, Владыко. Уповаю на Тебя, что приму жребий с Твоими рабами, со всеми святыми Твоими. Ибо Ты – Бог милостивый и Тебе славу воссылаем вовеки, аминь.

Говоря это, он помышлял о мучении и страдании святого Никиты и святого Вячеслава, думая, что будет убит подобно сему князю, и о том, как святая Варвара была убита родным отцом. Пришло ему на память слово премудрого Соломона: «А

праведники живут вовеки; награда их – в Господе, и попечение о них – у Вышнего» (Прем.5:15). Сим лишь словом он утешался и радовался.

Наступил вечер, и святой Борис велел служить вечерню; а сам вошел в шатер и стал творить молитву и вечерню со слезами горькими и частым вздыханием и стенанием многим. Потом лег и уснул. И был его сон полон многими думами и глубокой и страшной печалью о том, как ему предаться на страдание, течение скончать и веру соблюсти, чтобы принять от руки Вседержителя уготованный венец.

Проснувшись рано, он увидел, что уже время быть утрени. Было же тогда святое Воскресенье. И сказал он пресвитеру своему:

– Восстань и начни утреню.

Сам же обул ноги, умыл лицо и начал молиться Господу Богу.

Посланные Святополком пришли на Альту ночью, приблизились и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего псалмы, положенные на утрени. Уже дошла до святого весть о предстоящем убиении, и он пел:

– «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня!» (Пс.3:2) и прочие псалмы.

Затем он стал петь:

– «Псы окружили меня, множество тельцов обступили меня». Потом: «Господи, Боже мой! На тебя уповаю, спаси меня!» (Пс.21:17, 13:1–7, 7:2).

После этого пел канон. Окончив утреню, святой Борис стал молиться пред иконою Господа, говоря: «Господи Иисусе Христе, Ты явился сим образом на земле, изволил добровольно взойти на крест и принял страдания за наши грехи. Сподоби и меня пострадать».

И услышав сильный топот около шатра, святой Борис затрепетал, залился слезами и сказал: «Слава Тебе Господи, что в свете сем сподобил меня принять горькую смерть из-за зависти и пострадать за любовь и слово Твое. Ибо я не хотел искать княжения себе. Ни в чем я не поступил самовольно, по слову Апостола: «любовь долготерпит, всему верит и не ищет

своего» (1Кор.13:4–7). И еще: «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1Ин.4:18). В Твоих руках, Владыко, душа моя, не забыл я заповеди Твоей. Что Господу угодно, пусть так и будет».

Священник и отрок, слуга святого Бориса, увидев господина своего ослабевшим и одержимым печалью, горько заплакали и сказали:

– Милый господин наш дорогой, какой благодати сподобился ты, ибо не захотел противиться брату своему ради любви Христовой, хоть и много воинов имел ты у себя.

Так говорили они с умилением.

Тут они увидели бегущих к шатру, блеск их оружия и обнаженные их мечи. Без милости было пронзено честное тело святого блаженного страстотерпца Христова Бориса. Его проткнули копьями Путша и Талец и Елович Ляшко.

Видя сие, отрок святого Бориса бросился на тело его и сказал:

– Не оставлю тебя, господин мой дорогой; где увяла красота тела твоего, тут и я пусть буду сподоблен окончить свою жизнь с тобою.

Был же он родом Венгерец, звали его Георгий. Святой Борис возложил на него золотую гривну, и был он любим князем безмерно. Тут пронзили и отрока.

Раненный святой Борис в испуге выбежал из шатра. И стали говорить окружившие его:

– Что стоите и смотрите? Покончим приказанное нам.

Слыша сие, блаженный начал умолять и упрашивать их, говоря:

– Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте мне помолиться Богу моему.

И воззрев на небо со слезами, горько он вздохнул и стал молиться:

– Господи Боже милостивый, слава Тебе, ибо освободил меня от прельщений жития сего. Слава Тебе, прещедрый податель жизни, сподобивший меня страдания святых Твоих мучеников. Слава Тебе, Владыко человеколюбец, исполнивший желание сердца моего. Слава, Христе, милосердию Твоему, ибо

Ты направил на правый и мирный путь ноги мои идти к Тебе без соблазна. Призри с высоты святости Твоей; посмотри на сердечное мое страдание, которое я принял от своего сродника. Ибо ради Тебя умерщвляют меня сегодня. Они как агнца пожирают меня. Знаешь, Господи, знаешь, что я не противлюсь, не возражаю. Имея в своих руках всех воинов отца своего и всех его любимцев, я не помыслил ничего злого сотворить брату моему. Он же всеми силами воздвигся против меня. Если бы меня оскорблял враг, я бы перенес, если бы ненавидящий уничижил меня, я бы укрылся. Но Ты, Господи, смотри и рассуди меня с братом моим. И не поставь ему в вину греха сего, но прими с миром душу мою. Аминь.

Затем, обратив к убийцам истомленное лице свое и воззрев на них умиленными очами, заливаясь слезами, сказал им:

– Братья, приступите и окончите повеленное вам, и да будет мир брату моему и вам, братья.

Все, кто слышал слова святого, не могли говорить от страха, горькой печали и многих слез. С горьким воздыханием жалостно все плакали и каждый думал:

– Увы мне, князь мой милый, дорогой, блаженный, водитель слепым, одежда нагим, жезл старости, наука ненаученным! Кто сие исправит? Как удивительно, что ты не захотел славы мира сего и величия, не захотел быть среди честных вельмож! Кто не удивится великому его смирению, кто не смирится, видя и слыша его смирение!

Посланные Святополком избили и многих отроков. С Георгия же они не могли снять гривны, отсекли голову ему и отбросили ее, так что и после не могли узнать тела его. Блаженного Бориса они обернули шатром и, положив на повозку, повезли.

Когда доехали до леса, святой Борис стал клонить голову. Узнав о сем, Святополк послал двух варягов, и те пронзили мечом сердце мученика. И тотчас святой скончался[2913], предав душу в руки Бога жива, месяца июля в 24-й день. Тело его тайно принесли в Вышегород[2914], положили у церкви святого Василия и в земле погребли его.

Так святой Борис, прияв венец от Христа Бога, был сопричтен с праведными и водворился с пророками и апостолами и с ликами мученическими, почивая в лоне Авраама, видя неизреченную радость, воспевая с Ангелами, веселясь в лике святых.

Окаянные же убийцы пришли к Святополку, и, беззаконные, как бы считали себя достойными похвалы. Такими слугами бесы бывают. Ибо бесы посылаемы бывают на зло, а Ангелы на добро. Ангел человеку зла не сотворяет, но всегда думает о благе его. Он помогает христианам и защищает их от супротивного диавола. Бесы же всегда на злое ловят, всегда завидуя человеку, ибо видят, что он любим Богом. Завидуя человеку, бесы стремятся ему сделать зло. Господь сказал: «Кто прельстит Ахава?», а бес ответил: «Вот я иду» (3Цар.22:20, 21). Злой же человек, стремящийся ко злу, не уступает во зле бесу. Бесы человека боятся, а злой человек Бога не боится и не стыдится людей. Бесы Креста Господня боятся, а злой человек даже и креста не боится. Вот им и сказал пророк Давид: «Подлинно ли правду говорите и справедливо судите, сыны человеческие? Беззаконие составляете в сердце, кладете на весы злодеяния рук ваших на земле. С самого рождения отступили нечестивые; от утробы матери заблуждают, говоря ложь. Яд у них – как яд змеи» (Пс.57:1–4).

Не остановился на сем убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве стал стремиться к большему. Увидев исполнение желания сердца своего, не задумался он над таким злым убийством и над соблазном своим и нисколько не почувствовал раскаяния. Вошел в сердце его сатана и стал его подстрекать к большему и худшему преступлению и к дальнейшему убийству. И думал окаянный: «Что мне делать? Если я остановлюсь на сем убийстве, то ожидает меня двоякое зло. Услышат о совершенном мои братья и скоро воздадут мне хуже совершенного. А если и не совершат сего, то изгонят меня. И буду я чужд престола отца моего, и загложет меня сожаление о земле моей. Враги мои будут поносить меня, мое княжение получит другой и в домах моих не будет живущего. Ибо я подверг гонению возлюбленного Господом и болезнь увеличил

раной. Поэтому приложу беззаконие к беззаконию. Грех моей матери не очистится, я все равно не буду написан с праведными. Так уж пусть я буду изглажен в книге живота».

Замыслив это в уме своем, сей злой друг диавола послал сказать блаженному Глебу[2915]: «Иди скорей, отец очень не здоров и зовет тебя».

Глеб тотчас сел на коня и с малой дружиной помчался на зов. Когда он доехал до Волги, у устья Тьмы на поле споткнулся под ним конь в канаву и повредил себе ногу. Затем прибыл к Смоленску и, отойдя от Смоленска, невдалеке остановился на реке Смядыне в лодке.

В это время пришла от Предславы к Ярославу весть о смерти отца. Ярослав же послал к Глебу со словами: «Не ходи, брат, отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком».

Услышав сие, блаженный запечалился, горько зарыдал и сказал:

– Увы мне, господин мой, двумя плачами я плачу и сетую двумя сетованиями. Увы мне, увы мне, плачу я об отце, плачу больше, в отчаянии, по тебе, брат и господин мой Борис. Как пронзили тебя, как ты без милости был предан смерти – и не от врага, но от своего брата приял гибель. Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели жить в сем житии одному, осиротевшему от тебя. Я думал увидать твое Ангельское лицо. И вот какое горе постигло меня. Лучше я желал бы умереть с тобою, господин мой. А теперь что делать мне, умиленному и скорбящему о твоей красоте и о глубоком разуме отца моего? О милый мой брат и господин, если ты получил дерзновение у Бога, моли о мне, унылом, чтобы и я сподоблен был ту же смерть приять и жить с тобою, а не в свете сем, полном прельщений.

Когда святой Глеб так стенал, увлажняя слезами землю, и с воздыханием часто призывал Бога, внезапно пришли посланные Святополком злые его слуги, немилостивые кровопийцы, братоненавистники лютые, имеющие свирепую душу. Святой плыл в лодке, и они встретили его на устье Смядыни. Увидя их, он возрадовался душою, а они омрачились и стали плыть к нему. Святой же ожидал принять от них целование[2916]. Когда

лодки поравнялись, злодеи схватили лодку князя за уключины, подтянули к себе и стали скакать в нее, имея в руках обнаженные мечи, блиставшие как вода. Тотчас у гребцов выпали из рук весла и все помертвели от страха. Блаженный, видя, что его хотят убить, взглянул на злодеев умиленными очами и с сокрушенным сердцем, смиренным разумом и частым воздыханием, заливаясь слезами и слабея телом, стал жалобно молить их:

– Не троньте меня, братья мои милые и дорогие, не троньте меня, – я не сделал вам ничего дурного. Не троньте меня, братья милые и господа мои, не стерегите меня. Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и господа мои? Если и есть обида, то ведите меня к князю вашему, а к моему брату и господину. Пощадите юность мою, помилуйте, господа мои; будьте мне господами, а я ваш раб. Не пожните меня еще не созрелого, не пожните колоса, еще не поспевшего, но еще полного молоком беззлобия. Не срезайте лозы, еще не возросшей, но имеющей уже плод. Прошу вас и умоляю. Убойтеся Сказавшего устами Апостолов: «не будьте дети умом – на злое будьте младенцем» (1Кор.14:20). Это не убийство, но сырорезание. Докажите мне, что злого сделал я. И не пожалею, если крови моей вы хотите насытиться, я уже в руках у вас, братья, и в руках брата моего, вашего князя.

Но убийц не устыдило ни одно слово, и они не изменили своего замысла. Как свирепые звери, напали они на святого и так схватили его. Он же, видя, что они не внимают словам его, стал говорить:

– Будь спасен, милый мой отец и господин Василий, будь спасена мать, госпожа моя, будьте спасены брат Борис, старейшина юности моей, брат Ярослав, мой помощник, будь спасен и ты, брат и враг Святополк, и вы все, братья и дружина. Уже мне не увидать вас в житии сем, ибо насильно разлучают меня с вами.

И говорил он со слезами:

– Василий, Василий, отец мой, приклони слух твой и услышь голос мой. Погляди, что случилось с сыном твоим, как без вины закалают меня. Увы мне, увы мне! Слушай небо и

внемли земля (ср. Втор.32:1). И ты, Борис брат, услышь голос мой. Я призывал отца моего Василия, но он не послушал меня, неужели и ты не хочешь меня услышать? Погляди на скорбь сердца моего и на рану души моей, на мои слезы, бегущие подобно реке. Никто мне не внемлет. Но ты помяни меня и помолись обо мне общему всех Владыке, так как ты имеешь дерзновение и предстоишь престолу Его.

Преклонив колена, стал он так молиться:

– Прещедрый, премилостивый Господь, не презри слез моих, но с жалостью посмотри на сокрушение сердца моего. Вот я закалаем, но за что и за какую обиду – я не знаю. Ты знаешь, Господи, Господи мой. Я ведь знаю, что Ты сказал своим апостолам: «За Имя Мое возложат на вас руки и преданы Будете родом; и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради Имени Моего» (Ср. Мф 10:17, 21). И еще: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк.21:19). Смотри, Господи, и суди. Вот готова душа моя перед Тобою, Господи, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу.

Затем, взглянув на убийц, сказал им тихим голосом:

– Приступайте уж и кончайте то, за чем вы посланы.

Тогда окаянный Горясер велел его тотчас зарезать. Старший повар Глеба, именем Торчин, обнажил нож свой, стал на колени, взял святого Глеба за голову и перерезал горло блаженному, как незлобивому агнцу. Сие было месяца сентября в 5-е число, в понедельник. И принеслась Господу жертва чистая, святая и благовонная и взошла в небесные обители к Богу. И узрел святой желанного брата, и оба они восприяли венцы небесные, которых так желали. И возрадовались радостью неизреченною, которую достигли братолюбием своим. «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс.132:1).

Окаянные те убийцы возвратились к пославшему их, как сказал пророк Давид: «Да обратятся нечестивые в ад, все народы, забывающие Бога» (Пс.9:18). И еще: «Нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы пронзить идущих прямым путем. Меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушаются. А нечестивые погибнут, исчезнут, в дыме исчезнут» (Пс.36:14–15, 19, 20).

И сказали они Святополку:

– Сотворили мы повеленное тобою.

Услышав это, он вознесся сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством, сильный? Гибель вымышляет язык твой. Ты любишь больше зло, нежели добро, больше ложь, нежели говорить правду. Ты любишь всякие гибельные речи, язык коварный. За то Бог сокрушит тебя вконец и исторгнет тебя из жилища твоего и корень твой из земли живых» (Пс.51:3–7). Как сказал и Соломон: «Я посмеюсь вашей погибели, порадуюсь, когда придет на вас ужас; за то и будут они вкушать от плодов путей своих и насыщаться от помыслов их» (Притч.1:26,31).

Когда святой Глеб был убит, тело его бросили в пустынном месте, между двух колод. Но Господь никогда не оставляет Своих рабов, как сказал Давид: «Он хранит все кости его; ни одна из них не сокрушиться» (Пс.33:21). И вот, когда тело святого долго лежало на пустыре, Господь не оставил его пребывать в неведении и небрежении, но показывал сие место то свещей горящей, то прохожие купцы, охотники и пастухи слышали пение Ангельское. Но ни слышавшим, ни видевшим сие не пришло на мысль поискать тело святого, пока Ярослав, возмущенный сим убийством, не пошел войною на братоубийцу, окаянного Святополка, которого, прияв много бранного труда, победил при помощи Божией и поспешении святых князей мучеников. Так был посрамлен и побежден нечестивый.

Убив своих братьев, Святополк стал княжить в Киеве. Ярослав же еще не знал о смерти отца. У Ярослава было много варягов, которые творили насилие новгородцам и их женам. Жители Новгорода возмутились и избили варягов во дворе Парамона. Тогда Ярослав разгневался, и со словами: «Уже мне убитых не воскресить!» с княжеского судилища во дворе послал за знатными новгородцами, которые зарубили варягов, и, обманув, перебил их.

В ту же ночь пришла к нему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец у тебя умер. Святополк княжит в Киеве, убил он Бориса, а на Глеба послал убийц. Берегись его».

Услышав сие, Ярослав загрустил об отце, брате и о дружине. На другой день он собрал остальных новгородцев и сказал:

– Милая моя дружина! Вчера я перебил ее, а ныне она мне пригодилась бы.

Утер он слезы и сказал новгородцам на вече:

– Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, побивая своих братьев.

И сказали ему новгородцы:

– Хоть и перебил ты наших братьев, но мы можем бороться за тебя.

Собрав варяг тысячу, да других воинов 40 тысяч, Ярослав призвал Бога на помощь и пошел на Святополка, со словами: «Не я начал избивать братьев, но он. Пусть же он и ответит за кровь братьев, ибо без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба, и мне может то же сотворить. Но суди Бог по правде, чтобы прекратилась злоба грешного».

И пошел на Святополка. Тот же, услышав про поход Ярослава, собрал бесчисленное войско Руси и печенегов и выступил к Любечу.

Это было в лето 6524 (1016 г.).

Оба войска встретились у Днепра, стали одно против другого по обе стороны реки и никакое из них не имело смелости начать бой. Так они и стояли друг против друга около 3 месяцев. И стал воевода Святополка, ездя по берегу, укорять новгородцев:

– Что вы пришли с хромым, вы – плотники, вот мы вас заставим строить нам хоромы.

Услышав сие, новгородцы оскорбились и сказали Ярославу:

– Завтра перевеземся через реку. Если же кто не пойдет с нами – сами убьем его.

В ту пору были уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами. Высадившись на берег, он всю ночь пил вино с дружиною. На заре Ярослав с войском перевезлись через реку, высадились и оттолкнули лодки от берега.

И вот пошли войска друг на друга и столкнулись. Сильная была сеча; печенеги стояли за озером и не могли помочь

Святополку. Воины Ярослава притиснули Святополкову рать к озеру, столкнули их на лед, который под ними проломился. И стал одолевать Ярослав.

Видя сие, Святополк бежал к ляхам. Ярослав же сел на отцовском княжении в Киеве, после того как пробыл в Новгороде 28 лет.

Через 2 года Святополк пошел против Ярослава с королем Болеславом и ляхами. Ярослав собрал войско из Руси, варягов и словен и пошел в Волынию. Войска встретились у реки Буга и стали на противоположных берегах. Был у Ярослава пестун, воевода Буды, и начал он укорять Болеслава:

– Вот мы копьем проткнем твое чрево.

Болеслав же был огромный и тяжелый и едва мог сидеть на коне. И сказал Болеслав дружине своей:

– Если вы не оскорбились сим укором, я один погибну.

И бросился на коне в реку, за ним пошли и воины его. Ярослав же не успел приготовиться к битве, и победил Болеслав Ярослава. Болеслав вошел со Святополком в Киев, а Ярослав бежал с 4-мя мужами в Новгород. Оттуда он уже хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассекли лодки Ярослава, говоря: «Мы еще можем биться с Болеславом и Святополком».

И начали они собирать деньги, с каждого мужа по 4 куны, со старост по 9 гривен, а с бояр по 80 гривен. Затем призвали варягов и заплатили им собранные деньги. Так собрал Ярослав большое войско. Безумный же Святополк сказал: «Избивайте по городам ляхов».

Так и сделали. Тогда Болеслав бежал из Киева, захватив с собою имущество и бояр. Ярослав же устремился на Святополка и победил его. Святополк бежал к печенегам.

В лето 6527 (1019 г.) он возвратился со множеством печенегов. Ярослав собрал войско и выступил против него на Альту. Став на месте, где был убит святой Борис, он воздел руки на небо и сказал:

– Вот кровь брата моего вопиет к Тебе, Владыко, как кровь Авеля. Отомсти за него Святополку так, как братоубийце Каину,

на которого Ты возложил стенание и трясение (Быт.4:12). Молю Тебя, Господи, пусть Святополк получит то же.

Затем, помолившись, Ярослав сказал:

– О братья мои, если вы и умерли телом, то живы благодатью и предстоите Господу. Помогите мне молитвою.

Сказав сие, он пошел на Святополка, и поле у реки Альты покрылось множеством воинов. И сошлись войска на восходе солнца, и была злая сеча, соступались трижды, бились целый день, и только к вечеру одолел Ярослав.

Сей же окаянный Святополк бежал. И напал на него бес и расслабли кости его так, что он не мог сидеть на коне и его несли на носилках. Так донесли его до Берестья. Он же говорил: «Бегите, вот гонятся за нами!»

Посылали против погони, но никого не находили. Лежа в немощи, Святополк все вскакивал и говорил: «Бежим, опять гонятся. Ох мне!»

Так не мог он побыть на одном месте. И пробежал он через ляшскую землю, гонимый гневом Божиим, и достиг пустыни между землей ляхов и чехов. Тут он лишился жизни и принял возмездие от Господа, так как свидетельствовала посланная на него болезнь о вечной муке по смерти. Так был он лишен той и другой жизни: здесь он лишился не только княжения, но и жития, а там не только Царства Небесного и пребывания с Ангелами, но и был предан муке и огню. Могила его осталась. От нее исходит злой смрад, на показание людям, что если услышавший об этом сотворит подобное, то приимет и горше сего. Ибо Каин, не зная о возмездии, принял одно наказание, а Ламех, как уже знавший о Каине, в семьдесят раз сильнее был отомщен (Быт.4:24). Такое возмездие получают творящие зло. Как Юлиан царь, проливший много крови святых мучеников, подвергся горькой и бесчеловечной смерти, пронзенный копьем в сердце неведомо кем[2917], так и этот погиб в бегстве, не зная, от кого пришла ему злострастная смерть. С того времени затихла в русской земле крамола, а Ярослав получил господство в Руси.

И стал он вопрошать о телесах святых, как и где они положены. И поведали ему, что святой Борис погребен в

Вышегороде, о святом же Глебе не все знали, что он был убит в Смоленске. И тогда сказали Ярославу близкие, что они слышали от приходивших оттуда, будто там они видели сияние и свечи на пустынном месте[2918]. Услыхав сие, Ярослав послал на поиски в Смоленск пресвитеров и сказал им: «Это мой брат».

Те пошли и отыскали его тело там, где совершались видения[2919]. С почтением, со свечами многими и кадилами перенесли они его в лодки и отвезли в Вышегород, где лежало тело преблаженного Бориса; там они вырыли могилу и положили тело, изумленные его прекрасным и цветущим видом. Дивно и чудно и памяти достойно, что тело святого столько лет оставалось невредимым, не тронутое плотоядными зверями, и не только не почернело, как это бывает с трупами, но было светло, прекрасно, цело и благовонно. Так Бог сохранил останки своего страдальца.

Многие не ведали, что тут лежали телеса святых страстотерпцев. Но как сказал святой евангелист: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем» (Мф.5:14, 15), так и этих святых Господь поставил светить миру и сиять премногими чудесами в русской стране, где много страждущих получили спасение. Слепые стали видеть, хромые получили быстроту серны, согбенные выпрямились. Но разве можно все поведать и рассказать о сотворившихся там чудесах. Поистине даже весь мир не может вместить содеянных предивных чудес, они многочисленнее песка морского; святые творили их не только здесь, но и по всем странам и землям, исцеляя болезни и все недуги, посещая заключенных в темницах и узах. На местах же, где они прияли мученические венцы, были созданы церкви во имя их. И творили они здесь много чудес.

Нет умения и сил прославить вас, святые братья! Если назвать вас Ангелами, которые тотчас приходят на помощь скорбящим, то вы во плоти жили среди людей. Если назвать вас людьми, то вы превышаете человеческий ум множеством чудес. Назвать ли вас цесарями и князьями, то вы стяжали смирение большее, чем у простых и смиренных людей, и через него

вселились в вышние жилища. Поистине вы цари над царями и князья над князьями, ибо при вашей помощи и защите наши князья противников своих державно побеждают и прославляются вашей помощью. Вы им и нам оружие, вы земли русской забрало и утверждение, вы обоюдоострые мечи, которыми мы низлагаем дерзость врагов и попираем в землю гордость диавола. Поистине и без сомнения следует сказать: вы небесные люди и земные Ангелы, столпы и утверждение земли нашей. Помогите же своему отечеству, как великий Димитрий, который сказал: «Если я был с ними при веселии, то умру с ними, когда они погибают».

Но тот великий Димитрий изрек сие об одном городе, а вы имеете попечение и возносите молитву не об одном городе, ни о двух, а о всех – о всей земле русской. О блаженное вместилище, приявшее ваши телеса честные, как многоценное сокровище, блаженная церковь, в которой стоят ваши святые раки, где положены ваши блаженные телеса! О Христовы угодники! Блажен поистине и высок город Вышегород, имеющий у себя такое сокровище, которому не равен весь мир. Поистине он назван Вышегородом, будучи превыше других городов. Вторым Солунем явился он в русской земле, имея в себе врачевство безмездное. И не только нашему племени дано было Богом спасение, но и всей земле. От всех стран туда приходят и безмездно получают исцеление. Как во святом Евангелии Господь сказал святым Апостолам: «Даром получили, даром давайте» (Мф.10:8).

О сем и Сам Господь сказал: «Верующий в меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и Больше этих сотворит» (Ин.14:12).

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где пожили вы телесно, не оставляйте его посещением, и в молитвах всегда молитесь о нас, чтобы не постигло нас зло и чтобы не коснулась болезнь телес ваших рабов. Ибо вам дана благодать молиться за нас, вас сделал Господь ходатаями, молящимися за нас. К вам прибегаем, умоляем вас, припадая к вам со слезами, вам молимся, чтобы не наступила на нас нога гордыни, чтобы рука грешника не

погубила нас и чтобы не постигла нас всякая пагуба. Отгоните от нас голод и несчастие, избавьте нас от меча и усобной брани, не дайте пасть во грехе; уповаем на вас, молитву нашу приносите усердно ко Христу Богу, ибо мы согрешили и сотворили безмерное беззаконие. Но, надеясь на вашу молитву, возопием ко Спасу: «Владыко, един Ты без греха, призри с Твоего святого небеси на нас убогих. Мы согрешили – очисти нас, сотворили беззаконие – пощади, споткнулись – повремени, очисти нас как блудницу и как мытаря прости. Пусть придет милость Твоя, пусть прольется на нас человеколюбие Твое, не оставь нас в грехах наших, не предай нас горькой смерти, но искупи нас от зла века сего, дай время для покаяния, ибо велико наше беззаконие пред Тобою, Господи. Поступи с нами милосердно, Господи, ибо мы Тебя именуем. Помилуй нас, ущедри, заступи молитвами пречестных Твоих страстотерпцев, не предай нас в поношение, но излей милость Твою на овец пажити Твоей, ибо Ты – Бог наш, Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу».

Сей благоверный Борис был потомок благого рода, послушлив отцу, всем покорен, телом был прекрасен, высок, широк в плечах, тонок в поясе, лицо у него было круглое, веселое, глаза добрые, борода и усы небольшие, ибо был он еще юн. По-царски сиял он, был украшен как цвет цветущей юностью своей. На рати был он храбр, в совете мудр и разумен, благодать Божия цвела в нем.

«Не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием» (Еккл.1:8), – сказал Екклесиаст, так и чудес святых мучеников ни ум наш не может постигнуть, ни язык выразить, ни слово изъяснить, какое возмездие получили они от Господа за труд свой, как чада и причастники царства Божия. Как сказал Иоанн Богослов: «А тем, которые приняли его, дал власть Быть детьми Божиими» (Ин.1:12). И Давид: «К святым, которые на земле – к ним все желание мое» (Пс.15:3). И еще: «Страшен ты, Боже, во святилище Твоем, един творящий чудеса» (Пс.67:36, 71:18). Преподобный же Иоанн Дамаскин писал, что такие мужи и по смерти живы и Богу предстоят. Источник нашего спасения

Владыка Христос помощь их подаст, ибо от мученических телес миро благоуханное исходит. И еще: кто в Бога верует и в надежду воскресения, тот не назовет их мертвыми. Ибо как мертвая плоть может творить чудеса, как ими бесы отгоняются, проходят болезни, исцеляются немощи, слепые получают зрение, прокаженные очищаются, скорби и несчастия прекращаются и всякое доброе даяние от Отца света через них исходит, и их с верою и без сомнения молят! Как ты должен утруждаться, чтобы найти заступника перед смертным царем, держащего за тебя ответ, а вот сии – заступники всего рода, которые за нас Богу молитвы творят. Как нам не чтить их, приводящих всех к Церкви и к Богу! Почитая память их, с весельем творим праздник святых, которых Господь прославил премногою благодатью и чудесами – этих чудотворцев, заступников всех стран нашей русской земли.

Многие не знали, что в Вышегороде почивают святые мученики и страстотерпцы Христовы Роман и Давид, но Господь не допустил, чтобы такое сокровище таилось в земле, и обнаружил его для всех. На месте, где они лежали, иногда виделся огненный столп, иногда же слышалось Ангельское пение. Слыша сие и видя, люди славили Бога и приходили поклоняться со страхом на месте том. Много приходило и от иных стран. Одни верили слухам, другие не верили, считая сие за ложь, как Апостол сказал о Кресте: «Для погибающих – юродство есть, а для нас, спасаемых – сила Божия» (1Кор.1:18). Господь же во святом Евангелии сказал: «И тот, кто упадет на этот камень, разобьется» (Мф.21:44), а верующий в него не постыдится. Однажды пришли к тому месту, где лежали святые, погребенные под землею, варяги, и один из них вступил на него; тотчас же огонь вышел из гроба и опалил ноги варяга. Тот вскочил, стал рассказывать и показал дружине свои обожженные ноги. С тех пор не осмеливались подходить близко, но со страхом поклонялись. Немного спустя загорелась церковь святого Василия, у которой были положены святые. Пономарь той церкви, по окончании заутрени, был омрачен от вселукавого сатаны сном и, не осмотрев церковь как следует, ушел к себе домой, а в церкви забыл потушить свечу, горевшую на высоком

месте. Спустя некоторое время загорелась церковь. Люди устремились к ней; горела церковь от верха; все оттуда вынесли, иконы и сосуды, так что ничего не сгорело, кроме самого здания. Все это произошло по Божиему попущению. Церковь была деревянная и обветшала. Господь явил сим Свою волю, чтобы иная церковь была построена на том месте во имя святых блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба и чтобы телеса их были с любовью вынуты из недр земных, что и случилось. О всем этом поведали Ярославу. Князь призвал митрополита Иоанна, сказал ему о своих братьях, святых мучениках, и тот был как бы в ужасе, сомнении, радости и дерзновении к Богу. Выйдя от князя, митрополит собрал клирошан и всех священников и велел идти крестным ходом к Вышегороду. И пошли к месту, где лежали святые, с ними и Ярослав-князь. На том месте, где стояла сгоревшая церковь, поставили небольшую храмину. Архиепископ же, придя с крестами, сотворил в ней всенощное пение. Рано утром архиепископ пошел с крестами к месту, где лежали пречестные телеса святых, сотворил молитву и велел разрыть землю, находившуюся над гробом святых. И откопав, вынули гроб из земли. И приступил митрополит Иоанн и пресвитеры со страхом и любовью, открыли гроб святых, и увидели чудо преславное. Телеса святых не имели никакого повреждения, но были совершенно целы и белы как снег, лица их были светлы, как у Ангелов, благоухание исходило от них. Сильно дивились архиепископ и все люди. И отнесли они телеса в ту храмину, которая была поставлена на месте сгоревшей церкви, и положили их над землею на правой стороне.

Был в Вышегороде муж, именем Миронег, огородник. Он имел сына, у которого нога высохла и согнулась. И не мог он ходить и не ощущал ее. Ходил же он, сделав себе деревянную ногу. И пришел он к святым, припал к их гробу и молился Богу и святым, прося от святых исцеления. Так день и ночь молился он со слезами. Однажды ночью явились ему святые страстотерпцы Христовы Роман и Давид и сказали: «Что ты вопиешь к нам?»

Тот показал ногу, нуждающуюся в исцелении. Они взяли ногу сухую и трижды ее перекрестили. Пробудившись от сна, он

увидел себя здоровым и вскочил, славя Бога и святых. Затем он поведал всем, как святые его исцелили, и сказал, что видел и Георгия, отрока святого Бориса, который шел перед святыми, неся свечу. Видя такое чудо, люди прославили Бога.

Некий слепец пришел и пал у гроба святых, и целовал его с любовью, прикладывая к нему очи и прося исцеления. И тотчас прозрел. И все прославили Бога.

Тогда Миронег рассказал князю об обоих чудесах. Князь Ярослав прославил Бога и святых мучеников и, призвав митрополита Иоанна, с весельем поведал ему слышанное. Архиепископ также воздал хвалу Богу и дал князю богоугодный совет построить прекрасную церковь. И угоден был князю совет его, и велел он плотникам приготовить деревья на строение церкви. Была уже зима. Плотники приготовили дерева и при наступлении лета построили церковь великую, имеющую пять глав. Князь же украсил ее всякою живописью и иконы святых велел написать, чтобы верные видели в церкви как бы самих святых и поклонялись им, и лобызали их, с верою и любовью. И в крестном ходу Иоанн митрополит, князь Ярослав, все священники и весь народ перенесли в церковь мощи святых и освятили ее. И уставили празднование месяца июля в 24-й день, когда был убит преблаженный Борис. В этот же день совершилось и перенесение святых мощей и освящение церкви.

Когда на святой литургии присутствовали князь и митрополит, случилось быть в храме человеку хромому. С большим трудом приполз он в храм, молясь Богу и святым. И тотчас стали крепкими ноги его, благодатью Божией и молитвами святых. И, восстав, пошел он перед всеми. Видя сие чудо, благоверный князь Ярослав, митрополит и все люди воздали хвалу Богу и святым.

После литургии князь позвал на трапезу всех: и митрополита и пресвитеров, и справили они праздник, как подобало. И много имения раздал князь нищим, сиротам и вдовицам.

И вот скончался Ярослав (в 1054 г.), прожив с честью по смерти отца своего 38 лет и оставив наследниками своих сыновей: Изяслава, Святослава и Всеволода, разделив между

ними наследие, как следовало: Изяслава, старшего, посадил княжить в Киеве, Святослава – в Чернигове, Всеволода – в Переяславле, прочих же по иным волостям. Изяслав-князь, унаследовавший великое княжение, положил тело отца своего в мраморной раке, которую поставил в притворе церкви святой Софии, созданной отцом[2920].

Прошло два года и церковь уже обветшала. Придя однажды в нее, Изяслав Ярославич увидел ее ветхость, призвал старшину плотников и велел ему построить новую, одноглавую церковь во имя святых страстотерпцев, указал он и место для нее близ первой ветхой церкви. Князь упросил и митрополита Георгия, чтобы он помолился на месте том и дал денег, нужных на построение церкви. Старшина плотников собрал всех своих рабочих и скоро построил церковь на указанном месте. Услышав о сем, князь послал к старейшине города со словами: «Даю от княжеской дани на украшение церкви».

Когда церковь была закончена совсем, боголюбец Изяслав, умолил архиепископа Георгия, чтобы тот учредил перенесение мощей святых в новую церковь. Съехались братья Изяслав и Всеволод и митрополит Георгий Киевский и другие, Неофит, Черниговский епископ, Петр Переяславский, Никита Белозерский, Михаил Юрьевский, игумен Печерского монастыря Феодосий, Софроний от святого Михаила, Герман от святого Спаса и прочие все игумены и сотворили светлое празднество. И взяли прежде князья на рамена тело святого Бориса в раке деревянной и понесли в предшествии преподобных черноризцев со свечами. За иноками шли дьяконы и пресвитеры, затем митрополит и епископы. И принеся, поставили раку в церкви, открыли ее, и исполнилась церковь благоухания чудного. Видевшие сие, все прославили Бога. Митрополита же объял ужас, ибо он не твердо веровал святым; пал он ниц и просил прощения. И целовав мощи, положили их в каменную раку. Затем взяли каменную раку с телом святого Глеба, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли их. И когда были уже в дверях, остановилась рака и не двинулась вперед. Тогда повелели народу восклицать: «Господи помилуй!» И молились Господу и святым. И тотчас сдвинули раку. Затем

целовали главу святого Бориса. Митрополит Георгий взял руку святого Глеба и благословил князей Изяслава, Святослава и Всеволода. И снова Святослав, взяв руку митрополита, державшего святого за руку, приложил ее к язве, которая была у него на шее, к очам и к темени. Затем положил руку в гроб, и стали петь святую Литургию. Тогда Святослав сказал Берну: «Что-то мне колет голову».

Берн поднял клобук и, увидев на голове ноготь святого Глеба, снял его и отдал Святославу. Тот же прославил Бога о благом даре святых. После литургии все братья пошли и обедали вместе. Светло отпраздновали они праздник и много милостыни сотворили убогим. Затем облобызались и мирно разошлись каждый к себе. И с тех пор[2921] установился сей праздник месяца мая во 2 день, в честь и славу святых мучеников, благодатью Господа нашего Иисуса Христа.

Некий человек был нем и хром, нога у него была отнята по колено. Сделав деревянную ногу, он ходил на ней. И пребывал у церкви святых с иными убогими, принимая от христиан милостыню, платье или иное, что кто хотел дать. И был в Вышегороде старшина огородников, которого мирское имя было Ждан, а во святом крещении Николай. И творил он праздник святому Николаю ежегодно. В один из дней на его праздник пошли убогие и тот хромец, надеясь что-нибудь получить. Войдя в дом тот, сел он перед храминою. Случилось же так, что ему не дали ни есть, ни пить, и сидел он голодный и жаждущий. Тогда внезапно впал он в исступление и видение видел. Представилось ему, что он сидел у церкви святых. И увидел он Бориса и Глеба, вышедших как бы из алтаря и шедших к нему, и пал он ниц. Святые взяли его за руку, посадили его и стали говорить об исцелении его. Потом перекрестили уста его, взяли его больную ногу, как бы помазали маслом и потянули ее за колено. Все сие недужный как бы во сне видел, ибо он упал ниц в том доме. Увидев его распростертым на земле, люди повертывали его туда и сюда. Он же лежал как мертвый, не имея сил двинуть ни устами ни очами. Только душа его в нем была и сердце билось в нем. Все думали, что его поразил бес. Взяли его, понесли и положили у церкви святых, перед

дверями. Много людей стояло вокруг, смотрели и дивились преславному чуду. Из колена страдальца появилась нога и стала расти, пока не сравнялась с другой, и это произошло не в долгий срок, а в один час. Видя сие, находившиеся тут прославили Бога и его угодников, мучеников Романа и Давида. И все воскликнули:

– «Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его? Благословен Господь Бог, един творящий чудеса!» (Пс.105:2, 71:18).

В городе Дорогобуже некая женщина, раба, трудилась в доме госпожи своей, по ее повелению, в день святого Николая, когда все шли в церковь его. Другие женщины, видя ее за работой, стали укорять и звали ее в церковь. Она же не послушала их и продолжала свое дело. Вдруг въехали во двор три мужа в белых ризах. Выглянув из дверей, она увидела их. Один из них был стар, по обеим же сторонам его двое юношей. И сказали ей юноши:

– О женщина, как ты посмела оскорбить отца нашего, Николая, работая в его праздник и не идя в церковь?

Она же отвечала им:

– Я убогая вдова, мне надо работать, а не ходить в церковь.

Тогда старый муж сказал юношам:

– Что вы с ней говорите? Размечите ее дом.

Они приступили и разметали дом до половины. Старый же муж, подойдя к женщине, взял ее за правую руку и выбросил ее из комнаты. И упала она замертво. Видя женщину распростертой, соседи взяли ее и отнесли в другой дом. Положили ее и сели около, желая послушать, что она скажет. Она же не могла двинуть ни глазами ни устами, но лежала как мертвая и ничего сама не ела, только, раздвинув ей уста, вливали ей в рот ложкою молоко или воду. Так пребывала она до Великого поста. В неделю мясопустную взяли женщину и отнесли в церковь святого Николая. После молитвы, совершенной над нею, она несколько открыла глаза и, как бы пробудившись от сна, попросила есть, смогла принять пищу и рассказала случившееся. Правая же рука у ней оказалась

высохшей, и она ее не ощущала. И вот она уже не имела сил служить господам. Видя ее такой немощной, госпожа прогнала ее от себя, и отрок, который родился у нее на свободе, стал рабом. Но судьи не позволили поступить таким образом, а повелели господам ее лишиться ее цены, и обоих освободили, так как она работала поневоле и получила наказание. Прошло 3 года. Сухорукая женщина услыхала, как человек со сведенными руками и ногами получил исцеление в церкви святых мучеников Романа и Давида. И вот пошла она в Вышегород. Пришла в день субботний, когда был канон Успения святой Богородицы, и сказалась старейшине клириков той церкви, Лазарю. Он велел ей пробыть ночь у церкви. Утром, когда шли с крестами к церкви святой Богородицы, сухорукая женщина приступила к Лазарю и поведала ему такой свой сон:

– Когда я в эту ночь сидела у церкви, пришли ко мне двое прекрасных юношей и сказали мне: кто тебя посадил здесь? Я же отвечала: священник Лазарь так велел мне, сказав: сядь здесь, может быть Бог, по молитве святых мучеников, исцелит тебя. Слышав сие, тотчас старший из юношей, сняв перстень, отдал мне и сказал: надень его на руку и перекрестись, и он исцелит тебе руку.

Услышав сие, Лазарь велел ей присутствовать на литургии у дверей церковных, чтобы ей по окончании пения и молитв помазали руку маслом из кадила. Стали петь литургию. Когда отпели «Святый Боже» и певец сказал «песнь Богородице, прокимен: Величит душа моя», внезапно сухая рука женщины заболела, повязка, поддерживавшая руку, спала, и женщина устремилась к алтарю, трепеща и потрясая рукою. Видя это, все люди и клирики сочли ее бесноватой и повлекли ее ко гробу святых. Глядя на нее и узнав ее, Лазарь пришел в ужас. И в то время рука ее исцелялась. Все видевшие это прославили Бога за такое чудо, дивясь скорому Божию посещению и силе святых мучеников Христовых.

Жил в городе некий слепец. Приходил он к церкви святого Георгия и молился святому, прося прозрения. Однажды ночью явился ему святой мученик Георгий и сказал: «Что ты взываешь ко мне! Если ты хочешь прозреть, я тебе поведаю, как сего

достигнуть. Иди к святым Борису и Глебу, они, если пожелают, даруют тебе зрение, о котором ты просишь. Ибо им дана благодать от Бога в стране русской прощать и исцелять всякие муки и недуги».

Видя сие и слыша, слепец пробудился и отправился в путь, как ему было ведено. Пришел он в церковь святых мучеников и пробыл тут несколько дней, припадая и моля святых, пока они не посетили его. И прозрел он и стал видеть, славя Бога и святых мучеников, так как получил исцеление. И рассказал он всем, как видал, что пришли к нему святые мученики, перекрестили ему глаза трижды, и тотчас они отверзлись. Все возблагодарили Бога за те преславные, предивные и несказанные чудеса, которые творились святыми мучениками. Ибо написано: «Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их» (Пс.144:19), и еще: «Творит все, что хочет» (Пс.113:11)

Умножались чудеса святых и росла их благодать. И как писано во святом Евангелии: «и всему миру не вместить книг» (Ин.21:25), они творились, не будучи записываемы, и кто знал о них – рассказывал. Тогда Святослав, сын Ярослава, замыслил создать святым каменную церковь, построил он ее до 50 локтей в высоту, и скончался (в 1079 г.). Всеволод, став князем в земле русской, довершил ее всю. Когда же она была окончена, тотчас в ту же ночь упал ее верх и вся она разрушилась. Потом Всеволод умер (в 1093 г.), пожив мирно и исправив державство, порученное ему Богом. Княжение в Киеве принял Святополк Изяславич, а Давид и Олег – в Чернигове, Владимир же – в Переяславле. В те времена враги земли нашей стали крепче нас и причиняли нам много насилия за наши грехи. Церковь святых мучеников пришла в забвение, и никто не мог позаботиться о строении ее и о записи чудес.

Вот что повидали очевидцы происшедшего чуда. Святополк-князь заключил в подземную темницу за некую вину двух мужей в тяжких оковах, не исследовав дела, но послушав оклеветавших их. Забыл он сказанное пророком Давидом: «сердце развращенное будет удалено от Меня; злого я не буду знать. Клевещущего на ближнего своего изгоню» (Пс.100:4–5).

Заключив мужей в темницу, князь забыл о них. Находясь в такой беде, они много молились святым страстотерпцам и каждое воскресенье давали стражу денег, чтобы он купил просфору и принес ее в церковь святых Романа и Давида. Прошло много времени, а заключенные все томились в печали и скорби, молясь непрестанно и призывая святых страстотерпцев. И те не презрели их, но спасли, заступились за них и помогли. Однажды ночью, когда двери темницы были заперты и вынутая лестница лежала наружи, во время сна этих узников и иных многих, внезапно один из заключенных мужей оказался спящим вне, над темницею, пробудился свободным от уз и увидел, что железные оковы, которые были на нем и на его товарище, изломаны и лежали около него, обручи же, полагавшиеся на ноги, извиты как веревка. Восстав, он прославил Бога и святых Его угодников. Вспомнив виденное, он позвал сторожа, показал ему, что произошло, и сказал: «Отведи меня к церкви преславных мучеников».

Придя в церковь к утрени, а было это в четверг, поклонился он перед святыми ковчегами и сказал всем клирикам и людям, бывшим в церкви:

– Когда мы и много других спали в темнице, внезапно как бы поднялась ее крыша, и мы увидали, что вошли святые и сказали: «Почему вы находитесь здесь?» – Мы ответили: «Такова воля князя, нас оклеветали». Святые же сказали нам: «Повелеваем вам: ты иди в церковь и поведай, что видел, товарища же твоего мы оставляем в темнице. Его мы сделали слепым, на уверение других, когда те не поверят. Сами же мы удалимся в греческую землю; возвратившись через три дня, посетим его и возвратим ему зрение. Тогда ступайте и скажите князю: зачем ты так поступаешь, не исследовав дела, томишь и мучаешь. Если ты в сем не раскаешься и не перестанешь так творить, то знай, что никак не избегнуть тебе ада». Сказавши это и иное, они исчезли из наших глаз. Я, видевший сие, рассказал вам, братия, если же вы хотите лучше видеть и слышать, пойдем к темнице.

Придя к ней, все увидели, что замки невредимы и заперты, а лестница, по которой входят и выходят, лежит вне. И

удивились они и прославили Господа и святых. Открыв темницу, увидели они, что узник, о коем сказано, действительно ослеп, так что ни век ни ресниц нельзя было различить, уз же на нем не было. Расспрошенный, он рассказал то же самое. Тогда оба узника были отпущены и не отходили от церкви день и ночь, особенно ослепленный; как бы позор имевший от святых и как бы прося о долге, припадал он к гробам и, молясь, говорил: «О святые угодники Христовы, не презрите, не забудьте вашего обещания. Даруйте мне по вашему обету, которым вы обязались».

Так он творил три дня. Настало воскресенье, пришел он в церковь и молился до утрени. Досадил его вопль поющим, так что они прогневались и сказали:

– Следует удалить слепца сего, ибо нельзя петь.

Он же оставался, биясь и припадая к святым, и восклицал:

– Помилуйте меня, ибо обещали мне это.

Затем он внезапно обернулся и сказал:

– Пойте: «Господи помилуй!» Созерцайте славу Божию и святых: вот я прозрел.

И стали очи его здравы, как бы и не болели и не были слепыми. Тогда все прославили Бога и святых страстотерпцев. Затем пошли и сказали Святополку-князю, что слышали и видали. И с тех пор он редко причинял насилие людям и в продолжение многих лет творил праздник святым, часто приходя летом в Вышегород.

Хотел он и церковь построить на старом месте, над гробом святых, говоря: «Не посмею переносить с места на место».

Но по Божиему устроению и по воле святых мучеников не сбылся его замысел. В те времена, как сказано, Владимир, сын Всеволода, называемый Мономах, княжил в Переяславской земле. Большую любовь он имел к святым и много приношений творил им. И замыслил он оковать святые раки честных мучеников серебром и золотом. Придя ночью, он обмерил гробы и, расковав доски серебряные, позолотил их. Затем, опять придя ночью, оковал все чудодейные и достохвальные святые гробы и ночью же ушел. Пришедшие утром узрели сие с радостью, поклонились и хвалу воздали святым и Богу,

возложившему на сердце благоверному князю такую мысль. Многими словами похвалили они кротость его и смирение, благородство и великий ум, любовь к святым и тщание к Богу и ко святым церквам, которую проявлял благоверный князь Владимир, особенно к сим святым.

Это он сотворил в лето 6610 (1102 г.), после же перенесения мощей он сотворил еще большее над святыми гробами. Выковав серебряные доски с изображениями святых, он позолотил их, украсил серебром и золотом и хрустальными большими позолоченными свещниками, на которых горели свечи. И так он все прекрасно устроил, что невозможно рассказать сей красоты. И говорили приходившие из Греции и из других земель: «Много мы видели рак святых, но нигде не было такой красоты».

Так хорошо устроил он все на память о своих добрых делах и на благословение от Господа, сказавшего: «Не собирайте себе сокровищ на земле, но на небе» (Мф.6:19–20), и от святых, которых он так почтил, и на похвалу и благословение людей, видевших и слышавших.

Когда Владимир оковал раки святых, князь Олег, сын Святослава, задумал построить каменную церковь, вместо разрушившейся в Вышегороде. Привел он храмоздателей и велел им строить, дав им обильно все, что для этого требовалось. Когда церковь была построена и расписана, он часто понуждал и молил Святополка перенести святых мучеников в созданную церковь. Тот же, из зависти к труду его, не хотел перенести, ибо не сам создал ту церковь.

Спустя немного времени Святополк преставился, на второе лето по украшении церкви. И был сильный мятеж и крамола в народе, и ропот. Тогда соединились все люди, особенно большие и знаменитые мужи, и пришли ко Владимиру с просьбой, чтобы он прекратил крамолу. Тот пошел, утолил мятеж и ропот и приял княжение в земле русской.

В лето 6623 (1115 г.), когда Владимир княжил в Руси, умыслил он перенести этих святых страстотерпцев в созданную церковь и возвестил об этом братьям своим, Давиду и Олегу. Они всегда молили и понуждали Владимира перенести мощи

святых. Тогда Владимир со своими сыновьями, затем Давид и Олег со своими сыновьями, пришли к Вышегороду, прибыл и митрополит Никифор, собрав всех епископов: из Чернигова Феоктиста, из Переяславля Лазаря, Мину из Полотска, Даниила из Юрьева, и всех игуменов: Прохора Печерского, Савву от святого Спаса, Сильвестра от святого Михаила, Петра от обители святой Богородицы Влахернской, Григория от святого Андрея, Феофила от святого Димитрия и многих других игуменов и весь святительский и чернеческий чин, всех клириков и всех священников. И сошлось сюда от всех стран русской земли и от иных стран многое множество народа и князей, все бояре, старейшины и воеводы всей русской земли и всех подчиненных ей областей, короче сказать, все люди тут были, всякая область, богатые и убогие, здоровые и больные, так что наполнился весь город, и народ не находил места и по стенам городским. И в 1 день месяца мая освятили церковь, в субботу второй недели по Пасхе. Утром в святое воскресенье, во 2 день того же месяца, начали петь утреню в обеих церквах. И поставив сначала на украшенные сани, которые для сей цели были устроены, раку святого Бориса, повезли ее. За санями пошел Владимир с благоговением и смирением, митрополит и священники со свечами и кадилами. И влекли сани за толстые веревки, теснясь и утруждаясь, вельможи и все бояре. Веревки были привязаны с двух сторон, за них и влекли честные раки, и не было возможно ни идти, ни тащить сани вследствие множества людей. Тогда Владимир велел бросать народу деньги, меха и ткани. Видя это, часть народа бросилась к ним, другие же, оставив сие, устремились к святым ракам, чтобы удостоиться прикосновения к ним. И сколько не было людей, никто не мог удержать слез от радости и великого веселия. И так едва имели возможность влечь сани. Так же и раку святого Глеба повезли на других санях, в сопровождении князя Давида, епископов, клириков, бояр и бесчисленных людей, которые все восклицали: «Господи помилуй» и со слезами призывали Бога. И произошло великое чудо. Мощи святого Бориса везли благополучно, только от людей была теснота. Когда же повезли святого Глеба, рака стала неподвижно. Потащили ее насильно,

но веревки оборвались, хотя и были так толсты, что человек едва мог охватить их обеими руками. И оборвались они сразу. Люди восклицали: «Господи помилуй». Было же их множество во всем граде, теснились они по заборам и по стенам городским. И поднялся от всего народа клик: «Господи помилуй». И тотчас двинулась рака сама собою. Так привезли и положили с честью святых страстотерпцев Бориса и Глеба в новосозданной церкви на правой стороне месяца мая во 2 день. Затем все разошлись по своим домам, славя Бога и святых страстотерпцев.

В городе Владимире Залесском княжил внук Владимира Мономаха, Всеволод Юрьевич. На него восстали два племянника, Мстислав и Ярополк Ростиславичи (в 1175 г.), которые пришли из Великого Новгорода, тайно призванные ростовцами на княжение. И пошли они войною на Всеволода, дядю своего, ко граду Владимиру, желая изгнать князя из его отчины и получить себе большую область. После великой битвы Ростиславичи были поражены Всеволодом, захвачены в плен и приведены во Владимир. Всеволод приставил к ним стражу, но позволил им ходить на свободе. Владимирцы, видя этих пленных князей на свободе, а не в темнице, возроптали и, придя с оружием на двор князя своего Всеволода, восклицали:

– Зачем, князь, держишь ты врагов наших не в узах, а на свободе? Или казни их смертью, или ослепи, или отдай их нам.

Будучи милостивым, Всеволод не хотел причинить зла плененным на войне князьям, но для народа велел посадить их в темницу, чтобы утишился мятеж народный. Спустя некоторое время опять владимирцы стали взывать к великому князю Всеволоду:

– Выдай нам Ростиславичей, хотим их ослепить.

Великий князь опечалился, но не мог удержать народ от мятежа. Владимирцы разметали темницу и, схватив Мстислава и Ярополка, ослепили их и отпустили. Так несчастные Ростиславичи, Мстислав и Ярополк, хотевшие большей славы и власти, были усмирены и ослеплены. И вот пошли они к Смоленску и пришли на Смядыню в церковь святых мучеников Бориса и Глеба. Был же тогда день памяти убиения святого

Глеба, 5 сентября. И молились князья Богу с великим усердием и призывали на помощь святых мучеников, как сродников своих, чтобы святые послали им облегчение, так как язвы на месте очей гноились у них. Когда они молились, сначала облегчилась боль, а затем неожиданно им было даровано прозрение. Ясно видя, начали Ростиславичи славить и благодарить Бога, Пречистую Богородицу и святых князей Романа и Давида. И возвратились они с радостью в дома свои, рассказывая всюду о милости Господней, поданной им по молитве святых мучеников.

В городе Турове жил в древние времена[2922] старец некий, именем Мартин, бывший прежде поваром у епископов Туровских, Симеона, Игнатия, Иоакима и Георгия. Епископ Георгий освободил Мартина ради старости его от службы. Прияв иноческий образ, Мартин стал жить в епископском монастыре у церкви святых мучеников Бориса и Глеба, один в келье. И страдал он часто от болезни живота. Когда страдания приступали к нему, старец лежал, крича от боли, не имея сил встать и позаботиться о теле своем. Однажды, хворая тем недугом, лежал он в келье и изнемогал от жажды. Но никто не посетил его, так как вокруг монастыря тогда разлилась вода. На третий день вошли к нему святые мученики Борис и Глеб, в том виде, как они были изображены на иконе, и сказали:

– Чем ты хвораешь, старче?

Тот рассказал им о своем недуге. И спросили они его:

– Не надо ли тебе воды?

– О господа мои, – отвечал старец, – уже давно я ее жажду.

Один из них взял коромысло и принес воды, а другой зачерпнул ковшик. И напоили они старца. Тогда он спросил их:

– Чьи вы дети?

Они ему отвечали:

– Мы братья Ярослава.

Старец, думая, что они родственники князя Георгия Ярослава, сказал:

– Да пошлет вам Господь многие лета, господа мои, возьмите сами хлеба и ешьте, ибо я сам не могу послужить вам.

Они отвечали:

– Пусть хлеб останется для тебя, а мы пойдем. Ты же не хворай больше, но усни.

И тотчас стали невидимы. Выздоровев, старец понял, что его посетили святые Борис и Глеб, и, встав, прославил Бога и угодников Его. И с тех пор никогда не хворал он тем недугом, но все время был здоров и рассказывал братии о исцелении, дарованном ему святыми мучениками.

Благоверный князь Александр Ярославич, прозванный Невским, во время княжения своего в Великом Новгороде, вел войну со шведами. Когда он с войском пришел на реку Неву, один из его воевод, богобоязненный муж, именем Филипп, исполняя порученную ему ночную стражу, увидел при восходе солнца плывущий по воде корабль; посреди корабля стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червленых, гребцы же сидели, одетые как бы мглою. И сказал святой Борис святому Глебу:

– Брат Глеб, пойдем скорее, поможем сроднику нашему, князю Александру, против неистовых врагов.

Сие видение воевода поведал князю своему. И в тот день князь Александр, помощью святых мучеников Бориса и Глеба, победил и попрал силу шведов, вождя их Биргера сам уязвил мечом в лицо и с торжеством возвратился в Великий Новгород[2923].

Подобным же образом, когда великий князь Московский Димитрий Иоаннович вел войну с царем татарским Мамаем, ночной страж Фома Хацибеев видел открытое ему Богом такое видение. На высоте показалось большое облако, и вот с востока шли как бы великие полки, с юга же явились двое светлых юношей, державшие в руках свечи и острые обнаженные мечи. Сии юноши были святые мученики Борис и Глеб. И сказали они воеводам татарским:

– Кто вам велел истреблять отечество наше, от Господа нам дарованное?

И стали они сечь врагов, так что никто из них не уцелел. Наутро страж тот поведал свое видение великому князю. Князь же, возведя очи свои на небо и воздев руки, стал молиться со слезами, говоря:

– Господи Человеколюбче, по молитве святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне! Как Моисею на Амалика (Исх.17), как Давиду на Голиафа (1Цар.17), как Ярославу на Святополка, как прадеду моему Александру на шведского короля, таки мне на Мамая подай помощь.

И в тот день великий князь Московский Димитрий, по молитве святых страстотерпцев Бориса и Глеба, победил Мамая царя татарского[2924].

Сие и множайшие чудеса сотворил Господь через святых страстотерпцев, которым поклоняются люди, прося прощения грехов о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Правдивая страстотерпца, и истинная Евангелия Христова послушателя, целомудренный Романе с незлобивым Давидом, не сопротив стаста врагу сущу брату, убивающему телеса ваша, душам же коснутися не могущу. Да плачется убо злый властолюбец: вы же радующеся с лики Ангельскими, предстояще Святей Троице, молитеся о державе сродников ваших, богоугодней быти, и сыновом российским спастися.

Кондак, глас 3:

Возсия днесь преславная память ваша, благороднии страстотерпцы Христовы, Романе и Давиде, созывающи нас к похвалению Христа Бога нашего. Тем притекающе к раце мощей ваших, исцеления дар приемлем молитвами вашими святии: вы бо Божественнии врачеве есте.

В тот же день память во святых отца нашего Афанасия Великого, патриарха Александрийского. Память его совершается еще 18 января где и помещено его жизнеописание.

Страдание святых мучеников Тимофея и Мавры

Память 3 мая

Во время гонения на христиан, воздвигнутого нечестивым императором римским Диоклетианом[2925], для преследования христиан в Фиваиде[2926] был назначен игемон Арриан[2927]. В числе прочих христиан, приведенных к нему на испытание, был и Тимофей, чтец церковный[2928]; он происходил из селения Перапеи, был еще юн возрастом и незадолго перед тем вступил в брак с девицею Маврою. Спустя двадцать дней после бракосочетания он был взят язычниками и приведен на допрос к игемону. Когда игемон увидел его, то прежде всего спросил:

– Кто ты такой и какую должность ты исполняешь?

Тимофей отвечал:

– Я христианин и состою чтецом церкви Божией.

Игемон сказал ему:

– Неужели ты один не слыхал об указе царском, повелевающем предавать мукам и самой смерти всех тех, кто не будет приносить жертв нашим великим богам?

Тимофей отвечал:

– Я от всего сердца верую и всецело принадлежу Господу моему, Иисусу Христу, и потому не могу приносить жертвы богам вашим.

Игемон Арриан продолжал:

– Разве ты не видишь орудий, приготовленных для мучения, лежащих около тебя?

Тимофей отвечал:

– Во всяком случае ты не видишь Ангелов Божиих, укрепляющих меня.

Игемон сказал святому:

– Дай мне твои книги[2929], чтобы я мог понять волшебную силу, заключающуюся в них.

Отвечал святой:

– Безумный и лишенный смысла человек! Разве ты не знаешь, что никто никогда не отдает детей своих на смерть? А

книги, мною списанные, мои чада: когда я их читаю, мне предстоят Ангелы Божие.

Сказал игемон:

– Вот ты не хочешь ни жертв принести нашим богам, ни книг своих показать. Смотри, как бы это твое непослушание не было причиною твоих мучений.

Святой же Тимофей ответствовал так:

– Я не принесу жертв и не покажу тебе моих книг, потому что я христианин.

Тогда разгневавшийся игемон приказал своим слугам принести две острых железных палки, раскаленных до красна, и вложить их в уши святому Тимофею. От невыносимой боли у мученика истекли глаза, так что он не мог ничего видеть.

После этого слуги игемоновы сказали святому:

– Так как ты не хотел принести жертвы богам нашим, то вот теперь ты потерял свое зрение.

Святой же Тимофей отвечал на это:

– Телесные очи мои, видевшие многое неподобное, ныне пострадали, будучи ослеплены; но мои внутренние, душевные очи просвещают мою душу.

После того как святой сказал это, игемон приказал, связав святому руки позади, вложить ему в рот кусок дерева и повесить его вниз головою; для увеличения же страданий святого, мучитель приказал привязать тяжелый камень к его шее.

Когда слуги игемоновы приступили к выполнению этого нечестивого приказания игемона, святой, подняв очи к небу, сказал:

– Я верю, что есть Бог, пребывающий на небесах, Который может избавить меня от этих мучений.

Страдания, которые испытывал Тимофей, были настолько ужасны, что даже сами мучители прониклись к нему жалостью и просили игемона не столько жестокостью, сколько милостью склонить Тимофея к исполнению приказания царского. При этом, желая умилостивить игемона, слуги сказали ему, что Тимофей всего только двадцать дней тому назад вступил в брак и что супруга его еще очень молодая женщина.

Услышав это, игемон приказал привести пред судилище супругу Тимофееву и сказал ей:

– Как звать тебя?

– Имя мое Мавра, – отвечала святая.

Игемон сказал ей:

– Весьма сострадаю твоему несчастью, так как ты, будучи столь юной, уже готовишься быть вдовою. Я приказываю тебе: облекись в самые лучшие одежды, заплети свои волосы, укрась лицо твое и иди сейчас же к твоему мужу; придя к нему, уговори его принести жертвы богам, чтобы действительно не сделаться тебе вдовою в столь юных летах. Если ты его уговоришь принести жертвы богам, то я награжу тебя многими дарами, золотом и серебром.

Мавра сделала все так, как ей приказал игемон. Облачившись в светлые одежды, она пошла к своему мужу и долго увещевала его исполнить хотя бы на время приказание игемоново, чтобы таким образом избавиться от многих мук. Но супруг ее не мог сказать ей ни слова, так как в уста его был вложен кусок дерева, мешавший ему говорить.

Тогда Мавра возвратилась к игемону и начала усердно просить его сделать распоряжение о том, чтобы было вынуто дерево из уст ее мужа, через что он получил бы возможность говорить. Игемон согласился исполнить ее просьбу. Дерево было вынуто из уст мученика, и Мавра снова отправилась к святому Тимофею.

Святой же (не имевший зрения), обоняв благоухание от одежд Мавры, громко воззвал:

– Где мой отец, пресвитер Пиколпос?

Отец же его, стоявший неподалеку оттуда в народе и наблюдавший за страданиями сына, подошел к нему и сказал.

– Что тебе нужно, возлюбленный сын мой?

Тимофей отвечал:

– Прошу тебя, отец, – сделай для меня благое дело: возьми какое-нибудь рубище и прикрой им лицо мое, чтобы я не обонял благоухания душевредного, исходящего от одежд Мавры; это благоухание пагубно для людей, оно уготовляет им геенну; этот

аромат есть источник вожделения, спутник диаволу; он противен и мерзостен святым и праведным людям.

Когда святой окончил говорить, Мавра сказала ему:

– Возлюбленный Тимофей! Для чего ты меня так унижаешь? Ведь я тебя ничем еще не оскорбила! Прошло всего только двадцать дней, как мы обвенчались с тобою, и ты еще не узнал как следует моего характера, как и я не изучила еще как следует дома твоего. Я далека от того порока, в котором ты обвиняешь меня, потому что я еще ни одному мужчине не обещала отдать себя. Теперь же я, видя тебя в столь великих муках, горько плачу о тебе и невыносимо страдаю сердцем, потому что ты терпишь мучения неповинно. Твои страдания уязвляют и мою душу, так как ты хочешь оставить меня вдовою. Но, может быть, ты взял у кого-либо деньги взаймы и, не имея чем уплатить долг, терпишь теперь мучения от заимодавцев? Если это так, то продадим наши лучшие одежды и выплатим долг; а если ты терпишь столь великие мучения из-за народного долга, из-за податей, какие тебе нечем уплатить, то вот пред тобою вся наша утварь, золото и все наши одеяния; продай все это, и уплати подать царю.

После этого святой Тимофей сказал ей:

– Сестра моя, Мавра! Когда я тебя увидел своими душевными очами выходящей из дому, то я заметил диавола, шедшего по правую сторону от тебя. Он имел в руках ключ, которым обращал сердце твое к мирским утехам и привязанностям.

Мавра сказала на это:

– Брат мой, Тимофей! Я тебя ищу; а потом где я найду тебя? Вот придет суббота или воскресенье: кто же будет читать твои книги?

Отвечал ей святой Тимофей:

– Оставь суету мира сего и иди со мною на доблестный подвиг сей, о Мавра! Бог простит нам за этот подвиг все грехи наши и сподобит нас благодатных венцов в царстве Своем.

Мавра же сказала:

– Когда я шла к тебе, сердце мое, действительно, было преисполнено мирских пристрастий, но лишь только ты начал

беседовать со мною, благодать Божия осенила меня. Знай же, мой возлюбленный брат, что и я того же самого желаю, чего и ты желаешь.

Отвечал ей святой Тимофей:

– Если ты действительно говоришь истину, то пойди к игемону и обличи его нечестие.

Сказала на это святая Мавра:

– Я боюсь, брат мой, как бы мне не устрашиться, после того как я увижу множество орудий мучения и гневающегося игемона. Я боюсь, что я не стерплю лютых мучений, так как я еще слишком юна возрастом – мне всего только семнадцать лет.

Отвечал ей святой Тимофей:

– Уповай на Господа и Бога нашего Иисуса Христа и все муки будут для тебя как бы елеем, изливаемым на тело твое, и как бы росою, освежающею кости твои и облегчающей все страдания твои.

Затем святой мученик начал молиться о ней к Богу, говоря так: «Бог и Отец всякой благодати, подавший помощь трем отрокам (Дан.3), брошенным в пещь огненную; избавивший Даниила от уст львовых[2930], пророку через пророка Аввакума пославший пищу, помогавший не только во рву львином, но и в пещи огненной и уповавших на Тебя спасавший во свидетельство всем Твоего человеколюбия, по силе которого Ты из пленников сделал пророков и мучеников: Ты, Господи, Господи, призри и ныне на рабу Твою Мавру! Ты, Господи, соединивший нас супружеством, соедини нас и в подвиге этом, дабы мы не были отлучены от лика святых Твоих мучеников; Ты, Господи, дай нам силы мужественно претерпеть все мучения и самую смерть, чтобы посрамились все противники наши, которые не будут в силах разлучить нас от единой веры во Иисуса Христа, Господа нашего. Ему подобает вместе со Отцом и Святым Духом всякая слава, вовеки, Аминь!»

После того как святой Тимофей помолился Богу о супруге своей Мавре, сия последняя, будучи одушевлена Духом Святым, отправилась к игемону и, представ ему, сказала:

– О нечестивый игемон! Ты обещал дать мне серебро и золото для того, чтобы довести душу мою до погибели; больше ты ничего и не желаешь, как только доводить до погибели души человеческие! Однако ты не одолеешь меня никакими соблазнами, потому что я предстою пред тобою, облекшись во всеоружие Господа и Бога нашего.

Игемон Арриан сказал своим советникам и слугам:

– Разве я не говорил вам, что Тимофей волхв? Вот он и жену свою очаровал своим волшебством, внушив ей противиться нашему приказанию.

Затем, обратившись к Мавре, игемон сказал ей:

– И ты вместе с Тимофеем избираешь смерть вместо жизни. Подумай немного, и ты увидишь, что ты лишаешь себя сладкой сей жизни и предаешь себя горьким мучениям. Но, может быть, ты, предвидя смерть своего мужа и свое вдовство, решила умереть вместе с ним? В таком случае не смущайся и не печалься, ибо ты не будешь вдовою: я отдам тебя в замужество за одного из лучших и богатейших сотников[2931] моих, чтобы ты насладилась с ним этой жизнью и возвеличилась еще более, так как будешь иметь мужа более благородного, чем первый.

Отвечала на это святая Мавра:

– Я отреклась от всякой суеты мирской; поэтому я не нуждаюсь в твоем сотнике, говорю же тебе поистине, что я обручила себя Жениху Небесному, Иисусу Христу, Сыну Божию; уповая на Него, я и предстала пред тебя с мужественным сердцем и нисколько не боюсь твоего неправедного суда.

Разгневанный игемон приказал терзать волоса ее до тех пор, пока все они не были вырваны. Потом сказал святой мученице:

– Вот уже волосы с головы твоей вырваны; я советую тебе принести жертву богам, чтобы тебе не пришлось испытать многих других, еще более тяжких, мучений.

Святая Мавра отвечала на это:

– Теперь я познаю, о игемон, что Сам Христос принимает меня к Себе и прощает мне грех мой, сделанный по неведению, – именно, что я, послушав твоего злого совета, украсила свои волосы, дабы прельстить моего мужа; и ты хорошо сделал, что

вырвал их, потому что с отнятием у меня волос от меня отнимается великий грех; теперь уже я не буду служить соблазном для окрест стоящих людей, наблюдающих за мною.

Услышав такие слова от святой, игемон весьма разгневался и приказал отсечь ей пальцы на руках и кинуть их в сторону. Святая же Мавра сказала ему:

– И этим ты делаешь мне добро, потому что отнимаешь от меня мои персты, которыми я возлагала на себя суетные украшения; знай же, что ты не понимаешь сам того, что ты делаешь, потому что ты очистил меня через отсечение перстов от второго греха моего. Поэтому я с весельем и радостью предстою тебе, будучи готовой на все муки.

Игемон весьма дивился столь великому терпению святой мученицы. Пресвитер же Пиколпос, отец Тимофея, находясь поблизости от того места, среди народа, наблюдавшего за допросом святых, дивясь подвигу святой Мавры, сказал ей негромко:

– О Мавра, честная дочь моя! Как ты могла вынести отсечение перстов твоих?

Отвечала ему на это святая Мавра:

– Подобно тому, как ты, отец, видел, как в виноградном саду отрезывают от растения ветви, так и я с подобным же чувством смотрела на отсечение перстов моих и потому не чувствовала никакой боли.

После всего этого игемон Арриан приказал двенадцати воинам своим наполнить водою большой котел и, разжегши его, ввергнуть в него святую Мавру. Когда вода в котле закипела и зашумела от огня, в котел была брошена святая Мавра. Но, стоя посреди котла и нисколько не опаляясь, она сказала игемону:

– Снова благодарю тебя за то, что ты приказал меня омыть и очистить от грехов моих, чтобы я с чистым сердцем приступила к Богу моему и восприняла от Него венец жизни вечной. Страдания, которые я принимаю от тебя, даруют мне спасение у Христа и Господа моего. Но ты, кажется, слишком поторопился ввергнуть меня в котел этот, еще не совсем разогретый, потому что вода, находящаяся в нем, очень

холодна и я совершенно не ощущаю жара, как и ранее не ощущала прочих мук.

Игемон же, сильно разгневавшись, начал думать, что воины, из сострадания к мученице, вылили из котла горячую воду и налили вместо нее холодную, чтобы сохранить в живых Мавру для своих плотских вожделений. Тотчас же игемон сошел со своего судилищного места и подошел к котлу, желая узнать, действительно ли холодна вода, находившаяся в котле. Подойдя к котлу, он сказал святой:

– Полей мне на руку немного воды, чтобы я узнал, не холодная ли здесь вода.

Святая отвечала ему:

– Эта вода очень холодна, и я совершенно не ощущаю ее теплоты. Поэтому, если тебе нечем более разжечь котла, пошли одного из слуг своих к отцу моему и он даст тебе вязанку дров, так как он плотник; этими дровами ты и разожжешь котел.

Сказав это, святая возлила на руку игемона кипящую воду из котла, и тотчас же рука игемона была обожжена, так что и кожа сошла с нее; сам же игемон громко закричал от боли и с удивлением в слух всех произнес:

– Благословен Господь Бог Маврин, и нет Бога, кроме Него, через Которого прославляется ныне Мавра.

Сказав это, он приказал отпустить святую. Однако прежде нежели святая успела отойти от места мучения, диавол снова вошел в сердце игемона и возбудил его противиться всем тем, кто имел правую веру в Бога и хранил чистую совесть. Подозвав к себе мученицу, он сказал ей:

– Не уповай и не надейся, Мавра, на Христа твоего; принеси лучше жертву богам нашим.

Святая же отвечала ему:

– Я не принесу жертвы идолам, потому что у меня есть Христос, Который защитит меня.

Игемон сказал на это:

– Я уста твои наполню разожженными угольями, если ты не принесешь жертвы богам нашим.

Отвечала святая:

– Ты не понимаешь того, что намереваешься делать по безумию твоему: ты хочешь наполнить уста мои горящими угольями для того, чтобы я очистилась от грехов моих, сделанных языком и устами. Ибо и Господь мой, когда явил славу Свою пророку Исайи и удостоил его слышать пение Ангельское, для того, чтобы очистить его от грехов, послал к нему одного из Серафимов, имевшего в руке уголь горящий, взятый клещами от алтаря; Серафим прикоснулся этим углем ко устам пророческим и сказал: «Это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грехи очищены» (Ис.6:7). И если пророк получил прощение грехов своих после прикосновения углем к устам его, то, молю тебя, не только уста мои наполни горящими угольями, но и лицо, и главу мою, а также и все тело мое обложи горящими угольями и сожги его, чтобы я через это сделалась благоуханием Христовым. Бог, очистив некогда грехи пророка, очистит и меня от грехов.

Услышав от святой такие слова, игемон пришел еще в более сильный гнев и приказал принести лампаду, наполненную серою и смолою, для того, чтобы жечь мученицу. Народ же, стоявший поблизости от того места и видевший все, громким голосом начал взывать к игемону, говоря:

– До каких пор ты будешь придумывать все новые и новые мучения для юной отроковицы! Перестань, игемон, гневаться, ибо мы весьма удивляемся терпению ее.

Святая же Мавра, обратившись к народу, сказала:

– Пусть каждый из вас заботится о своих делах: мужчины пусть исполняют свои дела и обязанности, женщины – свои; обо мне же пусть никто из вас не заботится; я не прошу у вас помощи и защиты, потому что у меня есть Защитник – Бог, на Которого я уповаю.

Между тем как святая говорила это, игемон приказал лампадою опалять тело ее. Святая же, взирая на лампаду, сказала игемону:

– Ты думаешь меня устрашить этою лампадою, как будто еще не достаточно испытал меня раннейшими мучениями. Разве ты не погружал меня в большой и страшный котел, сильно кипевший, и, однако, же не повредивший мне, так как он

показался мне наполненным холодною водою? Ты сам был свидетелем того, что в то время, как твои руки пострадали от воды и были обварены ею, я нисколько не пострадала. Неужели ты думаешь, что я испугаюсь этой небольшой лампады? Если хочешь, игемон, разожги целую печь и брось меня в нее, и ты увидишь силу Христа моего, рабой Которого я состою; я верю, что меня не оставит Бог мой, призвавший меня на подвиг сей через посредство блаженного мужа моего Тимофея. Что же касается до лампады, которой ты опаляешь тело мое, то для меня она кажется как бы росою утреннею, сходящею на землю и способствующею произрастанию деревьев и плодов.

Будучи побежден словами святой мученицы, подтвержденными самым делом и не зная, какие еще придумать муки для святой Мавры, игемон весьма опечалился. Затем он приказал распять на крестах Тимофея и Мавру, обратив их лицом друг к другу.

Когда святые шли на распятие, их встретила мать Мавры и, обняв дочь свою, сказала ей:

– Дочь моя, Мавра! Зачем ты оставляешь мать свою, ищущую тебя? Кто же будет носить украшения твои? Серебро, золото и драгоценные одежды твои кому достанутся, если ты, дочь моя, не останешься в живых?

Святая же Мавра так ответствовала своей матери:

– Золото и серебро погибнут, а одежды поест моль; красота юного лица также со временем исчезнет, венец же, который дарует мне Иисус Христос, будет неувядаемым вовеки.

И не могла мать возразить что-либо святой Мавре. Мученица же, вырвавшись из рук матери, пошла к месту распятия, сказав матери:

– Для чего ты меня отвлекаешь от креста и не даешь мне насладиться венцом от Господа моего, Которому я хочу уподобиться в смерти своей?

Тогда воины распяли святых, обратив их лицом друг к другу. Святые пробыли на кресте девять дней и девять ночей, взаимно увещевая и утешая друг друга. Святой Тимофей поучал свою супругу до вечера, а святая Мавра увещевала сострадальца до утра. При этом святая Мавра сказала Тимофею:

– Не предадимся сну, чтобы Господь наш, Иисус Христос, придя, не нашел нас спящих и не разгневался на нас. И в дому человека, не спящего ночью, горящая свеча предотвращает приход воров, и, наоборот, при погашенной свече вор легко входит в дом и скрадывает его. Будем же бодрствовать и постоянно молиться, чтобы Господь наш нашел нас терпеливо ожидающими пришествия его; равно как и враг не дерзнет приступить к нам, находящимся на крестах, и не осмелится оскорбить нас.

Спустя некоторое время святая Мавра опять сказала Тимофею:

– Ободрись, брат мой, и отгони от себя сон; бодрствуй и уразумей то, что я видела: мне показалось, что предо мною, находившейся как бы в восторге, был человек, имевший в руке своей чашу, наполненную молоком и медом. Человек этот сказал мне: «Взявши это, выпей». Но я сказала ему: «Кто ты?» Он же ответил: «Я Ангел Божий». Тогда я сказала ему: «Помолимся ко Господу». Потом он сказал мне: «Я пришел к тебе для того, чтобы облегчить твои страдания. Я видел, что ты сильно хотела есть и пить, так как до сего времени ты не вкушала никакой пищи». Снова я сказала ему: «Кто побудил тебя оказать мне эту милость? И какое дело тебе до моего терпения и пощения? Разве ты не знаешь, что Бог силен сотворить и то, что невозможно людям?» Когда я помолилась, то увидала, что человек тот отворачивал лицо свое на запад. Из этого я поняла, что это было обольщение сатанинское; сатана хотел искусить нас и на кресте. Затем вскоре видение то исчезло. Потом подошел другой человек, и мне показалось, что он привел меня к реке, текущей молоком и медом, и сказал мне: «Пей». – Но я отвечала: «Я уже сказала тебе, что не буду пить ни воды, ни какого другого земного питья до тех пор, пока не испию чашу смерти за Христа, Господа моего, которую Он Сам растворит для меня спасением и бессмертием жизни вечной». Когда я говорила это, тот человек пил из реки и вдруг исчез и он сам и река с ним. Также я видела и третьего мужа, прекрасного видом; лицо его сияло как солнце. Взяв меня за руку, он возвел меня на небо и показал мне престол, покрытый

белою одеждою, и венец, прекрасный видом. Удивившись такой красоте, я спросила того мужа, который привел меня на небо: «Чье это, господин?» Он же сказал мне: «Это воздаяние за подвиг твой, это тебе приготовлен и престол, и одежда, и венец». Затем тот же муж возвел меня немного повыше и показал мне другой престол, так же красиво убранный, и одежду белую, и венец. Я снова спросила приведшего меня мужа: «А это чье, господин?» Он же сказал мне: «Это твоего мужа, Тимофея». – Я осмелилась спросить его: «Почему же престолы эти находятся не рядом, а на большом расстоянии друг от друга?» Он же отвечал мне: «Потому что есть большая разница между тобою и мужем твоим. Разве ты не знаешь, что и ты сама приняла на себя подвиг мученический по его же увещанию, и потому он в известной степени виновник венца твоего. Но теперь возвратись в тело твое; утром же, в шестой час, придут Ангелы Божии, чтобы взять ваши души и вознести их на небо. Однако продолжайте бодрствовать, чтобы враг снова не начал бы искушать вас».

Это видение святая Мавра поведала брату своему Тимофею, и утешались они взаимно о Господе.

Когда же настал шестой час десятого дня, пришли Ангелы Божии для того, чтобы взять души святых мучеников. При этом святая Мавра, обратившись к народу, смотревшему на ее страдания, сказала громким голосом:

– Братия и сестры! Вспомните, что мы жили по-человечески (по-мирски), когда пребывали среди людей; но потом мы жили по Божии, будучи рабами Бога. И вот теперь мы уже скоро воспримем бессмертные венцы от Господа нашего Иисуса Христа. Точно так же и вы, совершая все то, чего требует природа человеческая, старайтесь совершить и то, что угодно Богу; тогда вы получите прощение грехов и примите венцы от Того же Владыки и Бога нашего.

Когда святая Мавра окончила слова сии, оба святые предали честные души свои в руки Божии[2932]. Так заключились страдания их венцом правды от Христа Иисуса, Господа нашего, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом, вечно. Аминь.

Кондак, глас 4:

Многообразныя язвы претерпевше, и венцы от Бога приемше, о нас молитеся ко Господу, память всесвященную вашу совершающих, превеликий Тимофее, и преславная Мавро, еже умирити град и люди: той бо есть верных утверждение.

Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского

Память 3 мая

После преподобного и богоносного отца нашего Антония великим светильником русской Церкви и доблестным подвижником славной Киево-Печерской лавры был преподобный и богоносный отец наш Феодосий, прославленный от Бога многочисленными подвигами и чудесами. Для всех желающих познакомиться с житием сего славного мужа, подробные сведения о нем сохранил нам преподобный Нестор, летописец Печерский; как верный небесный свидетель, предлагает нам достоверные сведения о житии преподобного Феодосия. На основании этого жития с небольшими сокращениями составлено и предлагаемое здесь повествование.

Родиной преподобного и богоносного отца нашего Феодосия был один из городов русской земли – Василев[2933]. Благоверные родители с ранних лет воспитывали своего сына в благочестии, когда же он подрос, отдали его учиться грамоте. Скоро Феодосий столь основательно изучил Божественное Писание, что все удивлялись его разуму и мудрости. С отроческих лет Феодосий каждый день ревностно посещал храм Божий и, со вниманием слушая все, что здесь читалось и пелось, всегда до конца выстаивал церковные службы.

Уже в эти годы он сторонился своих сверстников и не принимал никакого участия в детских играх.

Когда Феодосию исполнилось 13 лет, родители его по какой-то причине должны были переселиться в Курск[2934] – город, лежащий ближе к центру русской земли. Здесь в скором времени, согласно велению Божественного Промысла, суждено было умереть его отцу, праведная душа которого переселилась из юдоли земной в обители небесные. Лишившись отца, тринадцатилетний Феодосий жил с матерью, укрепляемый с летами благодатью Божиею. После смерти отца своего земного Феодосий начал еще ревностнее заботиться о снискании себе

вечной жизни на небесах: он жаждал богоугодных дел и удалялся от каких бы то ни было мирских удовольствий; перестал одеваться в дорогие одежды и носил только бедное платье. Он всегда имел лишь одно желание – достичь спасения.

Однажды Феодосию случилось встретиться со странниками из Иерусалима. Заинтересовавшись их рассказами и воспылав сильной любовью к святым местам, блаженный юноша упросил их вместе с ним посетить те святые места, где обитал и пролил Свою бесценную кровь ради нашего спасения Спаситель мира. И вот, исполняя свое намерение, Феодосий ночью, тайно от матери, отправляется в далекий путь. Мать же три дня вся в слезах искала его по городу до тех пор, пока не узнала, куда он пошел. Тогда мать с младшим сыном тотчас отправилась за ним и, догнав его, в сильном гневе стала наносить ему жестокие побои, повергая его на землю и попирая ногами. Затем, приведя его домой, она заперла его в комнате. Все это Феодосий сносил без ропота, даже с благодарностью. Наконец мать сжалилась над ним и, освободив его, со слезами начала упрашивать его не уходить никуда из ее дома. Тогда Феодосий возвратился к своим прежним подвигам и по-прежнему каждый день посещал церковь.

Заметив раз, что в церкви часто не совершалось Божественной литургии по недостатку просфор, Феодосий решил сам приготовлять хлеб, приносимый в жертву Богу. С этой целью Феодосий покупал пшеницу, молол ее своими руками и пек из нее просфоры, которые приносил в дар церкви. Если же ему приходилось получать немного денег от тех, кто подавал просфоры на проскомидию, то Феодосий отдавал их нищим. Такую жизнь вел он года два или немного более, не обращая внимания на препятствия, которые ставил ему в этом деле враг рода человеческого – диавол. По внушению диавола на Феодосия за это негодовали его сверстники, которые старались вооружить против него даже его мать. Мать говорила Феодосию:

– Прошу тебя дитя, оставь свою работу; ею ты возбуждаешь нарекания на свой род.

Блаженный же отрок со смирением отвечал ей:

– Послушай меня, мать, прошу тебя! Сам Господь Бог наш Иисус Христос смирил Себя ради нас и тем дал пример нам, чтобы и мы смирялись ради Него. Он Сам на Тайной вечери претворил хлеб в Свое тело; за что же можно порицать или упрекать человека, приготовляющего хлеб, на котором должна совершиться эта великая тайна претворения хлеба в тело Христово?

Услышав такой ответ, мать весьма удивилась премудрости отрока и с этого времени оставила его в покое. Однако диавол не переставал возбуждать ее против смиренного и трудолюбивого отрока и внушал ей запретить сыну приготовлять просфоры. По прошествии года мать, увидав Феодосия пекущим просфоры и загоревшим от печного жара, опять начала убеждать его оставить печение просфор. Она действовала на сына иногда ласками, иногда угрозами, а иногда даже и побоями. Блаженный юноша, не зная, что делать, встав ночью, тайно вышел из дому. Ушедши отсюда в соседний город, он поселился у пресвитера, где и продолжал свои труды. Мать снова разыскала его и, нанеся ему побои, заставила его опять вернуться в свой город.

Начальник города Курска, заметив смирение и благоговейные молитвы в церкви блаженного Феодосия, подарил ему для ношения светлую одежду. Поносив непродолжительное время новую одежду, Феодосий отдал ее нищим. Начальник города снова одел его в еще лучшую одежду, но и ту отрок отдал нищим. Таким образом Феодосий поступал много раз.

После этого блаженный отправился в кузницу и поручил там кузнецу сковать себе железный пояс в виде цепи. Этот тесный и до крови врезавшийся в тело пояс он надел прямо на тело и с тех пор никогда уже его не снимал.

Раз в праздник начальник города приказал Феодосию присутствовать на его званом обеде, желая, чтобы отрок прислуживал его гостям. Собираясь на обед, отрок, по наставлению матери, должен быть одеться в праздничную одежду. И вот, когда он стал одеваться, мать увидала на его хитоне (нижней одежде) кровь, как ни старался отрок скрыть это

от нее. Желая узнать, почему тело отрока было в крови, мать стала внимательнее вглядываться и, заметив на теле юноши железный пояс, убедилась, что кровь текла из ран от врезавшегося в тело железного пояса. Разгневавшись на Феодосия, мать разорвала на нем хитон и с побоями сняла с сына пояс. А блаженный, как будто ничего не испытав обидного, оделся и с великой скромностью прислуживал на обеде начальнику города и его гостям.

Спустя некоторое время Феодосию пришлось услышать в церкви евангельские слова: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10:37); и еще: «Мать Моя и Братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк.8:21). Воспламенившись к подвигам этими словами, Феодосий тайно ушел из дому в город Киев. Здесь он услыхал о строгой иноческой жизни в пещере преподобного Антония и, заинтересовавшись рассказами о нем, восхотел посетить преподобного старца. Придя в пещеру к Антонию, Феодосий пал на колени пред ним и со слезами начал упрашивать принять его к себе для иноческих подвигов. Преподобный же Антоний, выслушав его, так отвечал ему:

– Отрок, ты видишь, как мрачна и тесна сия пещера; ты не вынесешь здешних неудобств.

На это боговдохновенный юноша с умилением отвечал:

– Бог меня привел в твою святую пещеру, ясно предуказывая, что мне должно спастись через тебя. Я буду исполнять все, что ты мне ни прикажешь.

Тогда преподобный Антониий с любовью принял его к себе и, благословив, отдал на попечение образованному священнику, блаженному Никону, который скоро и постриг юношу в иночество. Пострижение Феодосий принял 23 лет от роду вскоре же после смерти благоверного князя киевского Ярослава Владимировича[2935].

Приняв святой иноческий чин, преподобный Феодосий всего себя отдал на служение Богу и усердно исполнял волю своего старца Антония. Он ревностно исполнял великие иноческие труды, как подвижник, восприявший иго Христово. Превозмогая дремоту, целые ночи он бодрствовал, славословя Бога; днем

же, удручая плоть свою воздержанием и постом, исполнял разные тяжелые работы. Такое благонравие, смирение, бодрость и трудолюбие юноши вызывали удивление даже в преподобном Антонии и блаженном Никоне; видя праведную жизнь Феодосия, оба они прославляли за это Бога.

Между тем мать Феодосия, тщетно проискав сына в своем городе и в его окрестностях, оплакивала уже его как умершего. Только потом, спустя уже много времени, узнала она о пострижении своего сына в Киеве у преподобного Антония в пещере. Тогда она пошла к сему старцу и просила его выйти из пещеры к ней. Когда старец, наконец, вышел к ней, она в слезах обратилась к нему с усердной просьбой показать ей сына. Узнав от старца о просьбе матери, юноша сильно смутился тем, что никак не мог скрыться от нее; однако, вняв увещаниям Антония, вышел из пещеры к матери. Увидев сына иноком с лицом, похудевшим от великих подвигов и трудов, мать пала к нему на грудь и, горько плача, говорила ему:

– Возвратись ко мне в дом, сын мой, и делай по своей воле все, что считаешь полезным для спасения души твоей. Когда же я умру, то предай мое тело земле и тогда возвратись в эту пещеру. Без тебя же жить я не могу.

Блаженный юноша отвечал ей:

– Останься, мать, здесь, в Киеве, и постригись в женском монастыре, и тогда ты получишь возможность иногда приходить ко мне для свидания. Этим ты стяжешь себе спасение и сподобишься лицезреть Бога в вечной жизни.

Но мать не хотела и слушать сына. Тогда блаженный, возвратясь в пещеру, начал усердно молиться Богу о спасении души своей матери. И Бог услышал молитву Своего угодника. Через несколько дней мать, пришедши к нему, сказала:

– Сын мой, я поступаю по твоему совету и не возвращусь уже более домой. Постригшись по воле Божией, проведу остаток дней в женском монастыре, потому что я убедилась, как ты мне сказал, что маловременный мир сей – ничто.

Узнав об этом, блаженный возрадовался душою и рассказал о намерении матери своей преподобному Антонию. Последний прославил Бога за обращение сердца его матери на

путь истины и, выйдя из пещеры, долго поучал ее душеспасительными беседами; а затем он направил ее в женский монастырь святого Николая, где она и приняла пострижение. Прожив здесь благочестно несколько лет, мать Феодосия в мире отошла к Богу.

Окончательно отрекшись от всяких мирских забот после пострижения матери, блаженный Феодосий вместе с преподобным Антонием и блаженным Никоном еще ревностнее стал подвизаться в трудах иноческих. В сообществе старцев Феодосий скоро проявил свою силу побеждать злых духов, воздействуя на них постом и молитвой. В этом помогал им Сам Бог, который сказал: «Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20).

Когда блаженному Никону нужно было уйти из монастыря для более усиленного подвига в другое место, блаженный Феодосий по воле Божией и по желанию преподобного Антония был посвящен в иереи[2936]. Приняв этот сан, он старался ежедневно с великим благоговением совершать Божественную литургию. Вскоре после посвящения Феодосия, преподобный Антоний, собрав в пещере 12 иноков из братии, поставил им в игумены блаженного Варлаама, а сам ушел оттуда и стал подвизаться в другой, выкопанной им самим, пещере. Тогда почтенный иерейским саном, благоговейный отец наш Феодосий, оставшийся в Антониевой пещере вместе с блаженным игуменом Варлаамом, сообща поставили над пещерою небольшую церковь в честь Пресвятой Богородицы, предназначив ее для общей братской молитвы.

Святой Феодосий превосходил тогда всех своими великими подвигами: постом, бодростью, ручной работой, а более всего смирением и послушанием. Он помогал братии: иногда нося воду, иногда доставляя из лесу дрова, иногда же исполнял по ночам назначенную другим инокам работу; и притом, он всегда бодрствовал целыми ночами, стоя на молитве. Иногда ночью летом он восходил на верх пещеры и, обнажив до пояса свое тело, предавал его жалу многочисленных оводов и комаров. В это время руками своими он прял волну, а устами воспевал стихи из псалтыря. Вследствие многочисленных ужалений и

поранений насекомых, все тело его обагрялось кровью, но он недвижимо сидел, не трогаясь с места до тех пор, пока не ударяли к утрени. В церковь он опять приходил первым и, став на своем месте, неотступно совершал церковные молитвы, не развлекаясь суетными мыслями. И из церкви выходил он после всех. Видя все это, все дивились его смирению и терпению и относились к нему с любовью, как к отцу.

Спустя некоторое время блаженный Варлаам, начальник братьев пещерников, был назначен князем Изяславом[2937] игуменом в монастырь святого великомученика Димитрия. Тогда по желанию и просьбе всех братий преподобный Антоний, призвав к себе святого Феодосия, благословил его на игуменство над двенадцатью братьями, находившимися тогда в Печерской обители. Достохвальный же сей игумен, преподобный отец наш Феодосий, и в этом высоком сане не изменил своего смиренного образа жизни и по-прежнему строго следил за своими поступками, «сам себе подавая образец добрых дел» (Тит.2:7); раньше всех исполнял работы, приходил раньше других в церковь на богослужение и позже всех уходил оттуда. Богоугодными молитвами сего праведника стала цвести и богатеть с того времени Печерская обитель. Так исполнилось сказанное в Божественном Писании: «праведники цветут, как пальма, возвышаются, подобно кедру на Ливане» (Пс.91:13). И действительно, подобно тому как семя благодатию Божию в доброй почве приносит плод во сто крат, так и святой Феодосий увеличил число братьев-пещерников. Мало-помалу он собрал в свою обитель человек сто братии, жизнь которых цвела добрыми нравами; многие из братии приносили «достойные плоды покаяния» (ср. Мф.3:8).

По причине значительного увеличения числа братии пещера оказалась тесною, что мешало инокам в строгости провождать безмолвную жизнь; также и церковь оказалась слишком тесною для общей молитвы. Вследствие этого, преподобный Феодосий избрал одно красивое место, находившееся невдалеке от пещеры, достаточно обширное для возведения на нем монастырских стен, и вознамерился построить здесь обитель. С благословения преподобного Антония, он испросил это место у

христолюбивого князя Изяслава и затем при помощи Божией вскоре соорудил на нем просторную деревянную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Затем он возвел там монастырские стены и, построив достаточное число келий, переселился с братиею в новую обитель.

Раз эту обитель посетил блаженный Ефрем; от него-то и привел Бог Феодосия познакомиться подробно со Студийским уставом монашеского жития[2938]. Получив от Ефрема полный список устава святой Студийской обители, Феодосий стал во всем ему следовать и в делах своей обители. А впоследствии этот устав приняли и все остальные русские монастыри, следуя примеру древнейшего Печерского монастыря.

Преподобный Феодосий усердно поучал учеников своих, возбуждая их к истинному покаянию. Сей преподобный учитель имел обычай каждую ночь обходить келии братии; таким путем он знакомился с образом жизни братии и узнавал степень усердия в подвигах каждого брата. Он радовался и славил Бога, когда, обходя келии, слышал молитву инока; когда же приходилось ему услыхать после вечерней молитвы разговор двух или трех сошедшихся в келью для беседы иноков, то Феодосий, давая знать о своем присутствии, ударял рукой в двери и с сокрушенным сердцем отходил прочь. На следующий день он призывал к себе провинившихся и, не обличая прямо, притчами вызывал их на раскаяние. Кроткий сердцем брат тотчас, сознав свою вину, просил прощения, а ожесточенный, думая что игумен говорит в притчах о постороннем лице, а не о нем самом, не сознавался в своем поступке до тех пор, пока преподобный, прямо не обличив его, не налагал на виновного эпитимию. Так Феодосий учил братию прилежно молиться Богу, не разговаривать после вечерней молитвы и тем более не ходить из кельи в келью для беседы; он учил молиться каждому в своей келье, а при исполнении ручной работы всегда читать вслух псалмы Давида. Во время его жизни иноки, казалось, были равны подвигами своими Ангелам Божиим, а монастырь Печерский уподоблялся как бы обители небесной. Действительно, в своей обители преподобный отец наш Феодосий просиял светом добрых дел, как великий светильник

небесный. За свою праведную жизнь Феодосий еще при жизни своей был прославлен Богом перед людьми, будучи осияваем видимым светом. Это случилось при следующих обстоятельствах.

Раз в темную ночь игумен монастыря святого архистратига Михаила, Софроний, возвращался к себе мимо Феодосиевой обители. Вдруг предстал глазам его необычайный свет, сиявший над монастырем праведника. Пораженный необыкновенным явлением, Софроний прославил Бога, говоря: «Сколь велико милосердие Твое, Господи! Ты дал людям в этом месте светильник, в лице Феодосия, и он своим сиянием просвещает монастырь».

Подобные явления наблюдались много раз и другими людьми, а так как народ говорил много об этом, то слух о том дошел и до князя и его бояр. Сияния эти были отражением света праведной жизни святого старца. Так все объясняли себе это явление.

Блаженный Феодосий пользовался большой любовью и христолюбивого князя Изяслава, занявшего княжеский престол в Киеве после своего отца Ярослава. Изяслав часто приходил к преподобному насладиться его боговдохновенной беседой. Надо заметить, что преподобный отец наш Феодосий отдал своему привратнику строгий наказ: в промежуток времени между обедней и вечерней не отворять ворот и никого не впускать в монастырь. Этим он хотел дать возможность братии отдохнуть днем перед продолжительными ночными молитвами и утренним песнопением. Однажды в эти часы приехал верхом христолюбивый князь Изяслав в сопровождении отрока (до этого времени князь никогда не ездил в монастырь верхом). Сойдя с коня, Изяслав подошел к воротам и постучал, приказывая привратнику отворить их. Привратник объяснил ему, что по приказанию игумена нельзя ни для кого отворять ворот до вечерни. Тогда князь, желая объяснить привратнику, кто он, сказал:

– Это я, отвори одному мне.

Привратник же, не зная, что с ним говорит князь, отвечал:

– Говорю тебе: игумен никому не велел отворять ворот, даже самому князю, если бы он пришел. Поэтому, если хочешь, подожди немного до вечерни.

– Я – князь, – сказал Изяслав, – неужели ты не отворишь мне?

Вратарь, нагнувшись под ворота, уверился, что это князь, но ворот все-таки не отворил, а пошел известить об этом преподобного. Князь же вынужден был терпеливо дожидаться у ворот. Потом вышел преподобный и, увидя князя, поклонился ему. Тогда князь стал говорить святому Феодосию:

– Как строг, отец, твой приказ: инок говорит, что ты не велел впускать даже самого князя.

Преподобный отвечал:

– Это для того, благий владыко, чтобы братия немного отдохнули в полдень пред наступающим ночным молитвенным трудом. Но твое похвальное стремление к Пресвятой Владычице нашей Богородице благо и спасительно для твоей души; и мы весьма радуемся твоему приходу к нам.

Тогда они пошли в церковь; здесь после молитвы, прочтенной преподобным, христолюбивый князь насладился душеполезной беседой со святым Феодосием. Затем князь с большой пользой для себя возвратился к себе домой, славя Бога. С этого дня Изяслав еще больше привязался к святому и, видя в нем человека подобного древним святым отцам, стал во всем руководствоваться его советами.

Несмотря на почтение, оказываемое ему князем и вельможами, преподобный отец наш Феодосий нисколько не возгордился этим, но поистине, как светило ярко сияет во тьме, так и он, облекшись еще в большее смирение, стал еще более трудиться, уча своих учеников не только словами, но и делом. Невзирая на свой игуменский сан, святой Феодосий часто заходил в хлебопекарню и работал там вместе с пекарями, меся тесто и выкатывая хлебы. Преподобный не скрывал в землю данный ему от Бога талант крепости телесной, но всегда веселясь духом, своею бодростью подкреплял и других, убеждая никогда не ослабевать в усердии к своему делу.

Однажды, накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы, келарь Феодор пришел к преподобному и сказал, что в поварне не хватило воды, а носить ее некому. Тогда преподобный, встав, тотчас же сам принялся носить воду из колодца. Один из братии, увидав игумена за этим занятием, поспешил рассказать об этом прочим инокам, а те с большою поспешностью собрались и наносили воды с избытком.

Был и другой подобный случай. Раз не приготовили в достаточном количестве дров для варки пищи; келарь опять явился к преподобному и сказал:

– Прикажи, отче, кому-нибудь, незанятому, из братии, пойти приготовить необходимое количество дров.

– Я не занят, я и пойду, – отвечал преподобный.

Этот разговор происходил в обеденный час. Блаженный, взяв топор, пошел и начал сам рубить дрова, а прочей братии велел идти обедать. Вышедши из трапезной после обеда, иноки увидали своего игумена за работой. Устыженные его смирением монахи сами взялись за топоры и приготовили столько дров, что хватило их на несколько дней.

Когда в Печерский монастырь возвратился из своего подвижнического путешествия постригший преподобного блаженный Никон[2939], то преподобный Феодосий оказывал ему всякое почтение как отцу, несмотря на то, что сам тогда был в сане игумена. И когда у блаженного Никона случался недостаток в нитках для сшивания книг (он занимался этим), Феодосий прял ему нитки. Таковы были смирение и простота в разнообразных трудах и занятиях боговдохновенного мужа. И одежду игумен носил скромную и бедную: на теле жесткую власяницу, а поверх другую, очень поношенною; эту он надевал, чтобы не показывать людям нижней колючей власяницы.

Однажды преподобный отправился по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, а так как последний находился в это время далеко от города, то Феодосию пришлось промедлить там до вечера. Когда он стал собираться домой, христолюбивый князь велел отвести его в монастырь на своей колеснице. На пути везший его отрок, видя на

преподобном плохую одежду и думая, что это не игумен, а простой инок, сказал ему:

– Чернец, сядь на коня, а я сяду на колесницу.

Преподобный тотчас же смиренно сошел с колесницы, уступив место на ней отроку, а сам или шел подле, или, когда уставал, садился на коня верхом. Так ехали они ночью. При рассвете начали попадаться им навстречу вельможи, ехавшие к князю. Последние, узнав преподобного, сходили с коней и низко кланялись ему. Тогда преподобный обратился к отроку и сказал:

– Вот уже день, встань с колесницы и сядь на своего коня.

Отрок же, увидев, что преподобному кланяются вельможи, испугался и, сойдя с колесницы, сел на коня. Между тем встречные еще чаще стали приветствовать преподобного, когда он сел в колесницу. Сопутствовавший же ему отрок еще более приходил оттого в смущение.

Когда они приехали таким образом к монастырю, навстречу преподобному вышли вся братия и приветствовали его земным поклоном. Отрок пришел в еще больший ужас, недоумевая кто это, которому все поклоняются. Преподобный же, взяв его за руку, повел в трапезную и там велел накормить и напоить его, затем отпустил его с подарками. Этот случай стал всем известен от самого отрока, преподобный же никому об этом не рассказывал, так как всегда учил братию ни в чем никогда не возноситься, но всегда пребывать во смирении и ставить себя ниже всех.

Вот такому-то смирению учил преподобный свою братию. Между прочим, он учил при начале всякого дела испрашивать благословение у старшего, памятуя слова Писания: «кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2Кор.9:6) Справедливость этого изречения он показал наделе. У него был обычай: когда приходили к нему по своей нужде благочестивые люди, преподобный, преподав Божественное наставление, отпускал им из монастырских запасов хлеб и горячую пищу. Однажды сам князь, попробовав у него монастырского кушанья, сказал преподобному:

– Ты знаешь, отче, что мой дом наполнен всеми благами мира, но я никогда не ел с такой сладостью, как здесь. Мои

рабы, хотя и приготовляют различные дорогие кушанья, но они не так сладки, как эти. Молю тебя, отче, скажи мне, почему такая сладость в вашей пище?

Блаженный же Феодосий отвечал на это:

– Если, благий владыко, ты хочешь знать, почему это, послушай – я тебе скажу: когда наша братия собирается варить горячую пишу или печь хлебы, она соблюдает такой порядок: прежде всего приходит инок к игумену и берет у него благословение, потом, поклонившись перед святым алтарем три раза до земли, зажигает свечу от алтаря и этим огнем разжигает дрова в поварне и хлебне. А когда нужно вливать воду в котел, инок говорит старейшему: «Благослови, отче». Последний же отвечает: «Бог благословит тебя, брат». Всякое дело таким образом начинается у нас с благословения, поэтому и сладость бывает в кушаньях. А твои рабы, я думаю, работают, бранясь, ропща и клевеща друг на друга, может быть даже часто принимая побои от своих начальников. Поэтому и дело их, не без греха совершаемое, бывает не в сладость.

Выслушав это, князь сказал:

– Поистине, отче, это так, как ты говоришь.

Когда преподобному случалось услышать о каком-нибудь кушанье, что оно совершается не с благословения старшего и вопреки иноческим правилам, то, называя это кушанье вражеским, он не позволял, чтобы благословенное его стадо вкусило его; приготовленную же таким образом пищу приказывал бросать в воду или в огонь. Так случилось и тогда, когда преподобный с братиею отправлялся на праздник святого великомученика Димитрия в соседний монастырь имени сего святого. В этот день какими-то благочестивыми людьми были присланы в монастырь очень вкусные хлебы. Феодосий велел келарю подать их в тот же день к трапезе оставшейся братии. Но келарь не послушал его приказания, думая про себя: «Вот когда все братия соберутся завтра, тогда и подам к обеду эти хлебы, а сегодня оставшиеся иноки пусть едят обыкновенный монастырский хлеб».

Так он и поступил. На следующий день к обеду возвратился в монастырь игумен с братиею. Во время трапезы преподобный,

заметив, что поданы именно присланные в дар хлебы, позвал келаря и спросил его:

– Откуда эти хлебы?

Келарь отвечал:

– Хлебы эти принесены еще вчера, но я не подал их в тот день потому, что на обеде присутствовало мало братии; я думал, что лучше предложить вкусные хлебы всей братии, когда они соберутся вместе».

Преподобный же сказал ему:

– Лучше бы было тебе не заботиться о наступающем дне, а делать по моему приказанию. Ведь Господь, всегда о нас пекущийся, и сегодня подал бы нам все, что необходимо, и даже более того.

Затем он велел собрать нарезанные ломти хлеба в корзину и кинуть их в реку, а на келаря, как на ослушавшегося его приказания, наложил эпитимию. Так он поступал и с другими иноками, когда они в чем-нибудь ослушивались старших.

Замечая, что иноки не совсем оставляют заботу о завтрашнем дне и приобретении временных благ (а это противоречило монашеским обетам), преподобный Феодосий учил свою братию следовать добродетели нестяжания. Он говорил, что иноки должны обогащаться верою и надеждою на Бога, а не искать тленного имущества. Он часто обходил кельи и, если находил у кого лишнее, не положенное по уставу, было ли то пища, одежда или еще что другое, он брал это и бросал в печь, как исходящее от диавола и противное уставу монастырскому. Преподобный так увещевал братию к добродетели нестяжания:

– Не хорошо нам, инокам, отказавшимся от всего мирского, собирать в кельях суетные вещи. Как мы будем приносить Богу чистую молитву, когда храним в своей келье сокровище тленное! Ведь вы слышали слова Господа: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф.6:21). И еще: «Безумный! В эту ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк.12:20). Поэтому, братия, – говорил он, – будем довольны установленной одеждой и пищей, предлагаемой на трапезе, а в кельях не подобает нам иметь

ничего подобного. Итак, со всяким усердием от всего сердца будем возносить к Богу чистую молитву.

Так увещевал братию святой Феодосий с великим смирением и слезами.

Преподобный был милосерд, кроток, не вспыльчив и всем оказывал внимание. Так, когда случалось, что кто-нибудь из нестяжательного его стада ослабевал духом и уходил из монастыря, тогда преподобный в великой печали и скорби об ушедшем молился со слезами Богу, чтобы Он возвратил назад отлучившуюся от его стада овцу. Так он молился до тех пор, пока ушедший не возвращался.

В числе его братии был один инок, отличавшийся большим непостоянством. Он часто убегал из монастыря, и всякий раз, когда он возвращался, преподобный с радостью принимал его назад, говоря, что Бог не оставит его и не допустит скончать ему жизнь его вне монастыря: «Хотя он и многократно уходит от нас, – говорил преподобный, – но все-таки окончит жизнь в нашем монастыре».

И со слезами молил Бога ниспослать брату терпение. Однажды этот брат пропадал особенно долго, но все-таки возвратился и по обыкновению стал просить преподобного снова принять его. Поистине милостивый Феодосий и теперь принял его с радостью и присоединил к своему стаду возвратившуюся заблудшую овцу. Возвратившись после продолжительной отлучки, брат тот принес и положил перед преподобным небольшую сумму денег, заработанную им своими руками (он занимался шитьем одежды). Тогда преподобный сказал ему:

– Если хочешь быть совершенным, возьми это и брось в горящую печь, потому что принесенное тобой есть дело ослушания.

Он же, как истинно кающийся, собрал все и, по повелению преподобного, бросил в печь и сжег. С этого времени брат, не отлучаясь, жил в монастыре, проводя остаток дней своих в покаянии, и здесь, по предсказанию преподобного, с миром скончался.

Преподобный Феодосий был очень милосерд к бедным. Он построил близ монастыря двор с церковью во имя святого первомученика Стефана и там поселил нищих, слепых, хромых и прокаженных, а все необходимое для них отпускал из монастыря. На это употреблялась десятая часть монастырского дохода. Кроме этого преподобный каждую субботу посылал воз хлеба заключенным в темницах и тюрьмах.

Преподобный отец наш Феодосий был милосерд не только к бедным, но даже и к наносящим вред его монастырю. Так, однажды, в окрестностях монастыря поймали разбойников, пришедших туда для кражи, и привели их к игумену. Видя их связанными и в угнетенном состоянии духа, преподобный прослезился и велел развязать их. Накормив и напоив их, он поучал их не делать никому обиды, но быть довольным каждому плодами своих трудов. Затем, дав им достаточно денег, он отпустил покаявшихся разбойников с миром.

Преподобный Феодосий твердо надеялся, что Сам Господь сохранит от грабителей все, что нужно братии. Что упование это было не напрасно, это подтвердилось следующим чудом.

С увеличением числа братии, преподобному отцу нашему Феодосию понадобилось расширить монастырь, так как необходимо было строить новые келии. Вместе с братией преподобный приступил к работам и начал возводить больших размеров ограду. И вот, когда сломали старую ограду и монастырь остался без ее защиты, в темную ночь пришли к монастырю разбойники и начали так рассуждать между собой: «В церковных палатах скрыто у иноков имущество; пойдем туда».

Но когда разбойники приблизились с этой целью к церкви, они услыхали пение. Предполагая, что это поют иноки, собравшиеся на вечернюю молитву, разбойники ушли оттуда в густой лес. Немного помедливши там, они опять подошли к храму. На этот раз также было слышно пение и был виден чудесный свет внутри, от церкви же распространялось благоухание. Это происходило оттого, что в церкви находились Ангелы, славословившие Бога. Разбойники же, предположив, что это братия совершают теперь полуночное пение, опять

удалились. Они решили еще подождать, чтобы, когда разойдутся иноки, войти в церковь и похитить все, находящееся в ней. Таким образом они многократно подходили к церкви и всякий раз слышали тоже пение Ангелов.

Между тем наступило время утрени и пономарь по обыкновению начал ударять в колокол. Услыша звон, разбойники удалились в лес, разговаривая между собой: «Что нам делать? Ведь в церкви мы видели, должно быть, привидение. Поступим так: когда монахи соберутся в церковь, мы преградим выход им и, убив их всех, завладеем их богатствами».

Дождавшись, когда все иноки со своим наставником, блаженным Феодосием, собрались в церковь на утреннюю молитву, разбойники устремились к церкви. Они уже приближались с преступной целью к храму, как вдруг были поражены страшным чудом: церковь с находящимися в ней иноками стала подыматься и остановилась в воздухе на такой высоте, что разбойники не могли достать ее даже выстрелом. Они сильно испугались, увидав это, и в великом страхе и ужасе возвратились домой. Пораженные чудом, разбойники дали себе обещание с этого времени более не грабить, а начальник их с тремя товарищами, придя к преподобному Феодосию, покаялся и исповедал ему все свои преступления. Выслушав его, преподобный прославил Бога, сохранившего не только церковное имущество, но и жизнь братии. Отпущенные же со спасительными наставлениями игумена разбойники удалились, славя и благодаря Бога и Его угодника Феодосия.

Подобное чудо во время игуменства преподобного Феодосия имело место вторично в той же монастырской церкви. Поистине эта церковь охранялась с неба Самим Богом, как незримо стоящая на воздухе под покровом Самой Пресвятой Богородицы.

Одному из бояр христолюбивого князя Изяслава случилось раз ночью проезжать через поле, отстоящее поприщ на пятнадцать от монастыря преподобного Феодосия. Вдруг он увидел вдалеке церковь, стоящую на воздухе под облаками. От такого видения боярин пришел в великий ужас, однако, с

слугами своими тотчас же ускорил бег лошади, чтобы узнать, что это была за церковь. Когда же он приблизился к монастырю преподобного Феодосия, то церковь в его глазах начала спускаться на землю и оказалась в монастырской ограде на своем месте. Тогда боярин постучал в ворота и, войдя в монастырь, рассказал о своем видении преподобному. С этого времени боярин стал часто посещать преподобного и с наслаждением слушал его боговдохновенные речи. Впоследствии этот боярин уделил много своих средств на устроение монастыря и на украшение хранимой Богом церкви.

Как будет видно из следующего случая, Господь чудесно хранил не только самую церковь, но и имущество, принадлежавшее монастырю преподобного Феодосия.

Случилось раз, что нужно было некоторым людям доставить в город к судье пойманных грабителей. Дорога шла мимо одного поселка, принадлежавшего Печерскому монастырю. Когда связанных разбойников проводили мимо этого села, то один из них, кивнув головой на село, сказал: «Однажды ночью мы приходили к этому селу, намереваясь убить людей и ограбить весь монастырь. Однако нам это не удалось, потому что, когда мы пришли, селение оказалось стоящим на такой высоте, что к нему совершенно нельзя было подойти».

Так Промыслитель Бог охранял имущество монастыря, внимая молитвам уповавшего на Него преподобного. Феодосий имел обыкновение обходить по ночам монастырь с молитвою, и ею, как крепкой стеной, ограждал обитель со всем, находящимся в ней.

Во время игуменства преподобного Феодосия Бог и Пресвятая Богородица не только охраняли от грабителей монастырь, но и помогали свыше украшению его. Один боярин упомянутого князя Изяслава, по имени Судислав Геиевич, в святом крещении – Климент, отправляясь со своим князем на войну, дал такое обещание: «Если Бог сподобит меня в добром здоровье возвратиться домой, то я пожертвую в церковь Феодосиева-Печерского монастыря две гривны[2940] золота, а для иконы Пресвятой Богородицы изготовлю золотой венец».

Много народа пало в этой битве, но все-таки враги были побеждены. Боярин, возвратившись невредимым с поля битвы, забыл о своем обещании.

Несколько дней спустя, он спокойно спал в послеобеденный час в своем доме, как вдруг его разбудил страшный голос, называвши его по имени:

– Климент!

Пробудившись, он увидел перед собою икону Пресвятой Богородицы, которая находилась в монастыре преподобного Феодосия, и услыхал исходящий от нее голос:

– Почему, Климент, ты не пожертвовал Мне того, что обещал; вот Я и напоминаю теперь тебе об этом; постарайся исполнить свое обещание.

Как только голос произнес эти слова, икона тотчас исчезла из глаз боярина. Боярин страшно испугался видения и приготовил, сколько обещался, золота, а также, сделав золотой венец для украшения иконы Пресвятой Богородицы, немедленно же пошел в монастырь и отдал все это преподобному Феодосию.

Спустя некоторое время боярин пожелал пожертвовать в тот же монастырь Евангелие. С этим намерением он пришел к преподобному, имея под своей одеждой приготовленное для пожертвования Святое Евангелие. Помолившись, они хотели сесть, но так как боярин все еще не показывал евангелия, то преподобный сказал:

– Брат Климент, вынь сначала обещанное Пресвятой Богородице Святое Евангелие, которое ты скрываешь под своей одеждой, и тогда сядем.

Услышав это, боярин ужаснулся прозорливости преподобного, так как он был убежден, что об евангелии, которое он принес, никому ничего не было известно. Тотчас же, вынув из-под одежды Святое Евангелие, боярин отдал его преподобному. После этого они сели, и боярин, насладившись духовной беседой с Феодосием, возвратился домой.

Господь многими чудесами Своими доказал, что надежда и упование на Бога преподобного Феодосия были не напрасны. Особенно заметно обнаруживалась Божественная помощь

Печерскому монастырю тогда, когда в монастыре ощущался недостаток в чем-нибудь. В своей келье преподобный жил вместе с иноком Иларионом; обыкновенно святой Феодосий, тихо произнося стихи Псалтыря, прял волну или делал еще что-нибудь, а Иларион день и ночь писал книги. Вот этот то инок и рассказал потом о следующем случае.

Раз вечером, когда они по обыкновенно занимались каждый своим делом, вошел в келью эконом, по имени Анастасий, и сказал преподобному:

– Завтра у нас не на что купить съестных припасов для братии и у нас нет денег для удовлетворения других потреб монастырских.

Преподобный же отвечал:

– Сейчас, как видишь, вечер, а завтрашний день еще далек. Поэтому иди и с терпением жди. Молись Богу: Он позаботится о наших нуждах и помилует нас, если на то будет Его воля.

Выслушав это, эконом ушел. Преподобный же тотчас встал и отправился во внутреннюю келью петь по обыкновению свое правило. Возвратившись после молитвы, он сел и продолжал свое дело. В келью опять вошел эконом и стал говорить о том же. Тогда преподобный сказал ему:

– Не сказал ли я тебе – молись Богу? Завтра иди в город и возьми необходимое для братии у торговцев взаймы, а потом, когда Бог поможет, отдадим долг. Иисус Христос истинно сказал: «Не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф.6:34): Бог не оставит нас Своею благодатию.

Лишь только удалился эконом, как в келью вошел сияющий светом отрок в воинской одежде. Поклонившись, он положил на стол близ преподобного гривну золота и, ничего не сказав, вышел вон. Преподобный же встал и, взяв золото, со слезами благодарности помолился Богу.

Наутро преподобный позвал привратника и спросил, не приходил ли кто в прошедшую ночь в монастырь. Привратник же отвечал:

– Нет, как только зашло солнце, я тотчас же затворил ворота и с того времени не отворял их, потому что никто не приходил в монастырь.

Тогда преподобный призвал эконома и, отдавая ему гривну золота, сказал:

– Как же ты говоришь, брат Анастасий, что нам не на что купить необходимое для братии, – вот бери золото и иди покупать то, что нужно.

Эконом же поняв, что это послано по милости Божией, поклонился святому в ноги, прося прощения. А преподобный поучал его по этому случаю так:

– Брат, никогда не впадай в отчаяние, но всегда укрепляйся верою в Бога и во всякой печали надейся на помощь Господа, ибо Он позаботится о нас, если будет на то Его воля. Итак, приготовь праздничное угощение для братии, потому что это есть Божие посещение. Когда обеднеем, Бог тогда позаботится о нас, как было и сегодня.

Подобным же образом пришел однажды к преподобному келарь, именем Феодор, и сказал:

– У меня нет ничего съестного, что я мог бы предложить братии к обеду.

Преподобный же, как и в тот раз, отвечал:

– Иди, потерпи немного и молись Богу; Он позаботится о нас; а если мы не будем достойны Его милости, то подай к обеду вареную пшеницу с медом. Но мы должны надеяться, что Господь, в пустыне пославший хлебы непокорным людям (Исх.16:15), может и нам подать пищу.

Выслушав это, келарь удалился, а преподобный стал усердно молиться Богу. И вот по тайному внушению Божию первый боярин князя Изяслава, по имени Иоанн, прислал преподобному в монастырь три полных воза со съестными припасами: хлебом, рыбой, овощами, пшеном и медом. Получив все это, преподобный прославил Бога, а келарю сказал:

– Видишь, брат Феодор, Бог не оставит нас, если только мы будем надеяться на Него всем сердцем. Итак, иди и приготовь угощение братии, так как это посещение Божие.

Так радовался духовно преподобный с братиею во время трапезы и благодарил Бога, за то, что «нет скудости у боящихся

Его» (Пс.33:10). Подобные чудеса Бог часто творил в Печерской обители по молитве преподобного.

Однажды пришел из города к преподобному священник с просьбой одолжить вина для совершения Божественной литургии. Тотчас же святой Феодосий призвал церковного старосту и велел ему наполнить вином сосуд, с которым пришел священник. Староста же сказал, что у них у самих так мало вина, что его едва хватит на совершение трех-четырех литургий. Преподобный же отвечал ему:

– Вылей все вино этому человеку, а о нас позаботится Сам Бог.

Староста, отойдя в сторону и не послушавшись приказания святого, отлил немного вина в сосуд священника, а остальное приберег себе на завтра для совершения Божественной службы. Тогда священник пошел и показал преподобному, как мало отлил ему вина староста. Преподобный вновь позвал старосту и сказал ему:

– Не говорил ли я тебе, чтобы ты отдал все вино, а о завтрашнем дне не заботился. Господь не допустит, чтобы церковь Его Матери осталась завтра без службы; Он еще сегодня пошлет вина с избытком.

Тогда староста отдал священнику все свое вино и отпустил его. Между тем после обеда, к вечеру, по предсказанию преподобного, привезли три воза бочонков, наполненных вином. Это прислала в дар монастырю одна домоправительница христолюбивого князя Всеволода. Видя совершившееся, церковный староста прославил Бога, дивясь исполнению предсказания преподобного Феодосия, который сказал, что Бог сегодня же пошлет в обитель вина с избытком.

Тот же церковный староста был свидетелем и другого, подобного чуда, совершившегося по молитвам преподобного. Случилось это так.

Когда под праздник Успения Пресвятой Богородицы не оказалось масла, необходимого для вожжения церковных лампад, церковный староста решил приготовить его из семян и этим маслом заменить деревянное при богослужении. Староста спросил разрешения на это у преподобного Феодосия, а так как

тот ничего не возразил ему, то староста и поступил так, как задумал. Но когда он намеревался влить приготовленное масло в лампады, то увидел, что в сосуде с маслом плавает мертвая мышь. Тогда староста поспешно пошел к преподобному и сказал:

– Я тщательно покрыл сосуд с приготовленным мною маслом и не знаю, как могла попасть туда мышь.

Преподобный же, поняв, что это случилось по усмотрению Промысла Божия, сказал старосте:

– Нам следовало бы надеяться на Бога, что Он подаст нам все нужное, и нехорошо было действовать без веры в всемогущество Господне: иди и вылей масло на землю. Немного подождем и помолимся Богу; Он сегодня же даст нам деревянного масла в избытке.

Староста сделал, как ему было сказано, преподобный же между тем стал молиться. К вечеру один богатый человек, действительно, привез в дар монастырю очень большую бочку деревянного масла. Преподобный прославил Бога, так скоро услышавшего его молитву. Полученным маслом не только наполнили все лампады, но его осталось еще больше половины. Таким образом братии отпраздновали с должной торжественностью светлый праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Вот еще одно из подобных же чудес, посредством которых Господь по молитве преподобного Феодосия удовлетворял насущные нужды обители. Христолюбивый князь Изяслав, питавший к преподобному Феодосию истинно христианскую любовь, часто посещал его, находя наслаждение в его приятной беседе. В одно такое посещение он незаметно пробеседовал с ним до времени вечернего пения; затем князь вместе с преподобным пошел в церковь. По устроению Божию вдруг в это время пошел сильный дождь. Заметив это, преподобный, призвав ключаря, велел ему приготовить обед для князя.

– Отче, – сказал ключарь, – у нас совсем нет меда, чтобы угостить князя и его спутников.

Тогда преподобный спросил:

– Неужели у тебя нет хотя бы немного?

– Да, отче, совсем нет, – отвечал ключарь, – я даже порожний сосуд, в котором был напиток, перевернул, поставив его дном кверху.

Преподобный же Феодосий, преисполненный благодатных даров, как на то указывает и самое имя его[2941], сказал:

– Пусть так. Однако же ступай, согласно моему приказанию и по вере в могущество имени Господа нашего сладчайшего Иисуса Христа, ты найдешь мед в том сосуде.

Ключарь пошел с верою во всемогущество Господа и увидел, что бочонок стоит на своем месте и наполнен медом, как предсказал преподобный. Ключарь в страхе поспешил рассказать преподобному о происшедшем.

– Молчи, – сказал ему преподобный, – и не рассказывай об этом никому. Иди и подавай тот мед князю и его спутникам; пусть кушают сколько хотят. Угости этим медом и братию: это ведь благословение Божие.

Спустя некоторое время дождь перестал лить и князь отправился домой. В монастыре же осталось еще столько меда, что его хватило братии на долгое время.

В другой раз к преподобному пришел однажды старший пекарь и сказал, что в монастыре нет муки для печения хлебов.

– Иди и осмотри житницу, – отвечал ему преподобный, – может быть найдешь там немного муки и нам как-нибудь хватит до тех пор, пока Господь опять не позаботится о нас.

Пекарь же сказал преподобному:

– Я говорю тебе правду, отче: я сам мел житницу, но там ничего нет, кроме оставшихся в углу трех-четырех горстей отрубей.

Тогда преподобный сказал ему:

– Верь мне, сын, что Бог может и эти оставшиеся отруби обратить в муку и ею наполнить нашу житницу, подобно тому как при Илии Он из одной горсти сотворил столько муки, что вдова с детьми питалась ею в голодное время до тех пор, пока урожай не доставил в избытке хлеба всем (3Цар.17:8–16). И теперь Бог столь же могущественен, что может сотворить нам из недостатка избыток. Итак, иди и посмотри, не благословит ли Господь милостью и то место, где хранится у нас мука.

Выслушав эти слова, пекарь ушел. Войдя затем в житницу, он увидел, что пустой прежде амбар теперь по молитве преподобного Феодосия был так переполнен, что мука сыпалась на землю через края его стен. Инок ужаснулся, увидя столь славное чудо; возвратившись, он рассказал все преподобному.

– Иди, брат, – сказал ему преподобный, – и не говори никому о случившемся, пеки по обыкновению свои хлебы. Эту милость послал нам Бог по молитвам святых братий наших.

Хваля и благодаря Бога за Его такие великие благодеяния, преподобный отец наш Феодосий все ночи проводил в молитвах: обливаясь слезами и падая на колени, он благодарил Бога за Его великие благодеяния. Братия обители, приходившие к преподобному ежедневно пред утреней брать благословение для начала богослужения, всегда слышали из-за двери, как игумен весь в слезах творил молитву, часто ударяя головою о землю. Преподобный же, услышав шаги их, умолкал и принимал вид спящего, так что братиям приходилось иногда раза по три стучать в дверь произнося каждый раз слова: «Благослови, отче!»

Тогда преподобный, показывая вид, что он только что проснулся, отвечал:

– Бог да благословит вас!

И, дав благословение, прежде всех приходил в церковь. Рассказывали, что он поступал так каждую ночь.

Кроме этих подвигов преподобный во время своего игуменства подвизался и во многих других трудах. Его никогда не видели отдыхавшим на постели, а когда по немощи телесной ему необходимо было отдохнуть после дневных молитв, то он засыпал лишь на короткое время и то сидя; затем он вскоре же просыпался и шел ко всенощной, где молился, часто преклоняя колена. Также никогда не видели его моющим свое тело для удовольствия; он омывал водой только руки и лицо. А когда иноческий устав предписывал братии сухоядение, то он сам тоже вкушал сухой хлеб и похлебку, сваренную на масле, и пил лишь одну воду. Тем более никогда не видели его печально сидящим за трапезой: он всегда имел веселое лицо, потому что его сердце укреплялось не пищей, а благодатью Божией.

Каждый год преподобный переселялся на время Великого поста в пещеру (где впоследствии было положено честное тело его) и там затворялся до наступления недели ваий (цветоносной); в пятницу перед цветоносной неделей во время вечерни он возвращался к братии. Братия думали, что он безвыходно живет в известной им пещере, а на самом деле ночью, тайно ото всех, он уходил в одно монастырское село и там в другой пещере, находящейся в скрытом месте, пребывал один, так что никто кроме Бога не знал о его действительном местопребывании. Оттуда перед пятницею на шестой неделе Великого поста он опять ночью уходил в первую пещеру, из которой в пятницу и выходил к братии, так что все думали, что он весь пост пребывал в известной им пещере.

Много скорбей и суетных мыслей внушали тогда преподобному в пещере злые духи, которые иногда наносили ему даже раны. Но Бог подавал ему невидимую силу для победы над ними, и духи никак не могли заставить блаженного уйти из пещеры. Преподобный пребывал один в темной пещере и не страшился множества полков князя тьмы. Но сам, как добрый воин Христов, молитвой и постом отгонял демонов от себя так, что они не смели потом к нему приблизиться и только издали показывались ему в призрачных видах.

Раз после вечернего пения в пещере Феодосий сел, желая немного отдохнуть. Вдруг раздался страшный вопль. Казалось, в пещере собралось множество бесов: причем одни ездили на колесницах, другие били в тимпаны, третьи играли в свирели. От шума и голосов содрогалась вся пещера. Слыша все это, преподобный не испугался, не ужаснулся, но, оградив себя, как оружием, крестным знамением, встал и начал петь стихи из Псалтыря. Землетрясение и шум тотчас прекратились. Но когда после молитвы он опять сел отдохнуть, опять послышался прежний шум и голос бесчисленных бесов. Преподобный, встав, опять начал петь и опять шум прекратился. Так много дней и ночей беспокоили его злые духи, не давая ему заснуть хоть немного. Это продолжалось до тех пор, пока преподобный при помощи благодати Божией, окончательно их не победил и не получил над ними такую власть, что они уже не осмеливались

приблизиться к тому месту, где преподобный стоял на молитве. Сами бесы стали бегать от него, как это подтверждают многочисленные нижеприводимые случаи.

В помещении, где пеклись для братии хлебы, бесы немало досаждали братии своими кознями: то рассыпали муку, то проливали квас, приготовленный для хлебов, делали и многие другие неприятности братии. Однажды старший пекарь рассказал о кознях демонов преподобному Феодосию. Тогда последний отправился в то помещение и, затворив за собою двери, пробыл там до утрени, все время молясь Богу. С того часа бесы навсегда оставили это место в покое и не делали уже там ничего злого.

В другой раз пришел однажды к преподобному брат из монастырского села и рассказал ему, что в хлеве, куда загоняли скот, появились бесы, которые причиняли большой вред, не давая скоту есть. Многократно священник читал молитву и окроплял помещение для скота святою водою, но ничто не помогало. Тогда преподобный, подкрепившись молитвой и постом, отправился в то село. С наступлением вечера он вошел в хлев, затворил за собой двери и пробыл там на молитве до утра. С того часа бесы уже не появлялись в этом месте и никому в том селе не могли сделать ничего злого.

Преподобный не только сам побеждал бесовскую силу, но и других учил, как избавиться от демонов. Если он узнавал, что кто-нибудь из братии страдал от бесов, то учил такого брата не уходить с того места, но ограждать себя молитвой и постом и призывать Бога для победы над демонами.

Преподобный так поучал братию по поводу козней диавольских:

– Сначала и со мной случалось подобное. Раз ночью, когда я пел в келье обычные псалмы, вдруг передо мной появился черный пес и притом так близко, что я не мог сотворить земного поклона. Долго стоял он так, и я уже хотел его ударить, как вдруг он исчез. Меня охватил тогда такой страх и трепет, что я намеревался бежать с того места, если бы Господь не помог мне. Немного придя в себя от ужаса, я начал усердно молиться и класть частые поклоны. С тех пор я совершенно перестал

бояться бесовских наваждений, хотя бы бесы и являлись перед моими глазами.

Один из братии – Иларион (о котором было упомянуто выше) рассказал следующее:

– Много зла мне делали в келье бесы. Так, когда я ложился ночью спать, являлось вдруг множество бесов, которые, схватив меня за волосы и наступая на меня ногами, волокли меня по земле; другие же из бесов, подняв стену, говорили: «Подтащим его сюда и задавим стеною». Подобное проделывали они со мною все ночи, а я, не будучи в состоянии терпеть это, пошел и рассказал все преподобному Феодосию, намереваясь переселиться оттуда в другую келью. Преподобный же сказал мне:

– Нет, брат, не уходи, чтобы бесы не могли похвалиться победой над тобой и сказать, что ты бежал от них. Если ты уйдешь, то бесы с той поры будут делать тебе еще больше зла, как получившие власть над тобою. Усердно молись в своей келье, и Бог, увидев твое терпение, поможет тебе победить их так, что они не посмеют и приблизиться к тебе.

Я же вновь сказал преподобному:

– Молю тебя, отче, позволь перейти в другую келью; теперь уж у меня нет никаких сил оставаться более в старой келье, потому что там живет множество бесов.

Тогда преподобный, осенив меня крестным знамением, сказал:

– Иди, брат, в свою келью. С этого времени лукавые бесы не посмеют причинять тебе никакого зла.

Я с верой выслушал слова святого Феодосия и, поклонившись преподобному, вышел. С того времени дерзкие бесы уже не осмеливались приблизиться к моей келье, будучи раз навсегда отогнаны молитвами преподобного Феодосия.

Насколько преподобный Феодосий был настойчив в борьбе с невидимыми врагами, настолько же мужественен в борьбе с видимыми врагами Христа Господа. Он имел такой обычай: часто, встав ночью, тайно от всех, отправлялся он к евреям и там мужественно вступал с ними в спор о Христе. Он укорял и обличал их, называя их преступниками закона и богоубийцами.

Он, как истинный подражатель Христа, страстно желал принять смерть за исповедание имени Его именно от тех людей, от которых принял смерть и Сам Господь наш Иисус Христос.

Что этот мужественный исповедник имени Христова действительно имел желание пострадать за правду, подтверждает следующий случай.

Во время его игуменства невидимый враг, князь тьмы, возбудил распрю между тремя русскими князьями. Два брата по плоти: Святослав, князь Черниговский, и Всеволод Переяславский – подняли неправую войну на своего старшего брата, христолюбивого князя Изяслава Киевского, и прогнали его из стольного города Киева[2942]. Сев на его место в Киеве, они послали просить преподобного Феодосия зайти к ним на обед. Преподобный же с мужеством и решимостью отвечал на их приглашение:

– Мне не достойно идти на трапезу неправды, как на трапезу Иезавели[2943].

Когда же Всеволод удалился в свою Переяславскую область, а Святослав сел в Киев на место Изяслава, преподобный Феодосий начал беспрестанно обличать князя Святослава в том, что он не по праву сел на братний престол. Приходивших к нему княжеских послов преподобный просил передать князю, что он не одобряет его поступка. Однажды он послал ему большое обличительное письмо, в котором между прочим писал: «Голос крови единоутробного брата твоего вопиет на тебя к Богу, как кровь Авелева на Каина» (Быт.4:10).

В поучение ему он напоминал в письме имена многих нечестивых древних братоубийц. Князь Святослав так разгневался, прочитав это письмо, что с гневом бросил его на землю и с того времени стал искать случая заточить преподобного Феодосия в монастырь. Братия же обители, сильно опечаленные намерениям князя, упрашивали преподобного прекратить обличения князя. Точно так же и многие бояре, посещавшие преподобного, передавая ему о княжеском гневе, советовали не противоречить князю.

– Ведь князь, – говорили они, – намерен тебя заточить.

Преподобный же слыша, что они говорят о заточении, возрадовался душою и сказал:

– Я весьма радуюсь этому, братия! Нет для меня в жизни ничего приятнее, как быть изгнанным за правду; за нее я готов идти и в заточение, и на смерть.

С того времени преподобный еще больше стал укорять князя в ненависти к брату, как бы желая вызвать этим распоряжение о своем заточении. Несмотря на свой гнев, князь не осмелился сделать преподобному какого-нибудь зла, зная его праведность и святость, так как он ранее завидовал своему брату князю Изяславу в том, что он имел в своей области такого праведника, каким был великий Феодосий. Вскоре после этого преподобный Феодосий, поняв, что его жестокие укоры не имеют успеха у князя, снисходя к просьбам братии и вельмож, перестал обличать князя и начал с этого времени со слезами убеждать его, чтобы он возвратил своему брату его область.

Когда спустя несколько дней после этого князь Святослав узнал о намерении преподобного Феодосия прекратить обличения, он очень обрадовался этому и послал спросить преподобного: разрешит ли он прийти ему в монастырь или нет. А когда тот разрешил, князь с радостью отправился вместе с боярами в монастырь. Преподобный с братиею, выйдя из церкви, встретил князя с честью, так что все братия поклонились князю.

– Я не осмеливался прийти к тебе, отче, думая, что ты, гневаясь, не пустишь меня в свой монастырь, – сказал князь преподобному.

Преподобный же отвечал ему:

– Что значит, благий владыко, наш гнев при твоей власти? Но нам подобает обличать и говорить то, что спасительно для души, вам же следует слушать это.

Они вошли в церковь и помолились, а затем преподобный Феодосий долго поучал его от Божественного Писания, рассуждая о братской любви, так как князь винил во многом своего брата. После продолжительной душеполезной беседы, князь возвратился к себе домой, славя Бога за то, что сподобился беседовать с таковым мужем, и с тех пор стал

часто посещать его обитель. Многократно и сам преподобный Феодосий ходил потом к сему державному князю Святославу, напоминая ему о страхе Божием и любви к брату.

В одно из таких посещений преподобный встретил у князя музыкантов, игравших на разных инструментах. Все веселились. Долго преподобный, потупив глаза, молча сидел подле князя; потом сказал:

– Будет ли так на том свете?

Умиленный князь прослезился и велел тотчас прекратить музыку играющим. И с тех пор, когда преподобному приходилось заставать музыку во дворце, князь, узнав о приходе блаженного, тотчас же приказывал прекратить ее.

Когда князя извещали о приходе преподобного, то нередко он сам выходил с радостным лицом и встречал его перед дверьми дворца. Исполняясь радости, князь говорил пришедшему преподобному:

– Отец, воистину говорю тебе, – если бы мне сказали, что отец родной восстал из мертвых, я бы не обрадовался так, как твоему приходу, но в то же время и не боялся бы его так, как боюсь твоей святой души.

– Если это так, как ты говоришь, – отвечал преподобный, – то исполни мою просьбу: возврати своему брату престол, который отдал ему благоверный твой отец.

Князь молчал на это, не зная, что ответить святому; так сильно враг разжег его гневом, что он не хотел даже и слышать о брате. Впрочем, преподобный Феодосий молился Богу день и ночь о христолюбивом князе Изяславе и на церковных службах приказывал поминать его, как законного киевского князя и старшего брата, а Святослава, как незаконно севшего на братний престол, запрещал поминать в своем монастыре. И только потом, упрошенный братиею, преподобный велел поминать их обоих, но все-таки Изяслава первым, а Святослава вторым.

Не желая быть свидетелем такой распри между русскими князьями, вышеупомянутый блаженный Никон (постригший преподобного Феодосия и впоследствии во всем ему помогавший), вторично удалился из Печерского монастыря на

полуостров Тмутаракань, где и основал свой монастырь. Преподобный же Феодосий после его ухода по-прежнему уже один продолжал свои труды.

Так как во время его игуменства увеличилось число братии настолько, что ветхий Печерский монастырь оказался слишком тесным для братии, то преподобный отец наш Феодосий начал помышлять о том, как бы и куда бы с Божией помощью переселиться на более обширное место и там построить большую каменную церковь тоже во имя Пресвятой Богородицы. Бог внял молитве праведника, одобрил выбранное им для переселения место и благословил постройку большой каменной церкви. Свою волю Господь обнаружил дивными чудесами.

Один благочестивый и богобоязненный человек шел раз темной ночью мимо ветхого Печерского монастыря и видел следующее. От монастыря исходил яркий свет, а преподобный Феодосий стоял перед церковью, воздев к небу руки и вознося к Богу молитву. Прохожий продолжал еще с удивлением смотреть на это, как вдруг видение изменилось, и он увидел другое чудо: над церковной крышей показалось очень большое пламя и, приняв вид дуги, перешло на другой холм, именно на тот, на котором преподобный Феодосий начал потом строить новую каменную церковь. И таким образом один край огненной дуги стоял над старой церковью, и другой над тем местом, где предполагалось построить новый храм. Видевший это чудо, впоследствии поведал о нем в монастырь преподобного Феодосия.

В другой раз ночью окрестные жители были разбужены пением множества голосов, слышавшихся близ обители. Они встали и, выйдя из домов своих, пошли на возвышенное место посмотреть, откуда именно: слышатся эти голоса. Тогда они увидели следующее. Ветхий Печерский монастырь был залит ярким светом; множество иноков, выходя из старой церкви, шли на новое место: одни несли икону Пресвятой Богородицы, а прочие с песнопениями сопутствовали первым, неся в руках зажженные свечи. Во главе всех шел отец и наставник иноков преподобный Феодосий. Дойдя до нового места, они сотворили

на нем пение и молитву, а затем, возвратившись назад, с пением опять вошли в старую церковь. Множество свидетелей удостоверяло потом действительность этого чуда. А так как в вышеупомянутом шествии не участвовал ни один инок, то все поняли, что люди эти видели Ангелов.

На ознаменованном Богом столь великими чудесами месте таким образом стала строиться каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы[2944]. В постройке этой церкви принимал большое участие своими трудами и сам преподобный Феодосий: он ежедневно приходил туда, тщательно наблюдал за работами и, насколько возможно, помогал строить, работая вместе с каменщиками. Во время работы он так плохо одевался, что его можно было принять за последнего послушника, но никак не за игумена.

Однажды, когда преподобный шел на постройку церкви, встретила его одна вдова, обиженная судьей, и спросила:

– Чернец, скажи мне, где ваш игумен? Не в монастыре ли он?

– Что тебе нужно от него, – отвечал преподобный, – ведь он тоже грешный человек?

Женщина же ответила на это:

– Я не знаю, грешен ли он или нет; знаю только то, что он многих избавляет от печали и зла. Поэтому я и иду просить его, чтобы он защитил меня от обид несправедливого судии.

Преподобный же, разузнав ее дело, сжалился над ней и сказал:

– Иди теперь домой, а когда возвратится наш игумен, я скажу ему о тебе, и он избавит тебя от беды.

Выслушав его, женщина пошла домой, а преподобный отправился к судье. Вняв просьбам святого Феодосия, судья вошел в положении вдовы и, сделав снисхождение, возвратил ей все, в чем она была им обижена.

Такими и подобными этому достойными праведника делами преподобный Феодосий сопровождал постройку печерской церкви во имя Пресвятой Богородицы. Он окончательно не отстроил этой церкви при жизни своей, но и после смерти своими, угодными Богу, молитвами помогал в этом

преподобному Стефану, который после него принял игуменство и продолжил, начатую святым Феодосием, постройку храма.

Между тем богоугодная жизнь преподобного отца нашего Феодосия стала склоняться к закату. Предчувствуя свое отшествие к Богу, преподобный в день своей кончины велел собрать всю братию, позвав к себе не только находящихся в монастыре, но и всех почему-либо отсутствовавших и занятых делом, и даже всю монастырскую прислугу. Когда все собрались, он начал убеждать каждого со всяким усердием и страхом Божиим исполнять порученные ему обязанности. Со слезами говорил он о спасении души, о богоугодной воздержной жизни, об усердном посещении церкви, о благоговейном страхе, с которым все должны стоять на богослужении, о любви и покорности в отношении не только к старшим, но и к своим сверстникам. Сказав об обязанностях каждого, он благословил братию и отпустил ее с миром. Затем пришел посетить преподобного благочестивый князь Святослав. Его он учил своими благодатными устами благочестию, охранению православия и попечению о святых церквах. Затем он сказал ему:

– Я буду молиться Господу Богу и Его Всенепорочной Матери о укреплении тебя в благочестии. Дай Бог, чтобы правление твое было тихо и безмятежно. И вот, я поручаю твоему благочестию этот святой Печерский монастырь и храм Пресвятой Богородицы, по ее воле созданный.

Перемежающиеся страшный озноб и болезненный палящий жар так расслабили тело преподобного, что он должен был лечь в постель, на которую никогда прежде не ложился. В постели он говорил:

– Да будет воля Божия! Как Господь соизволит, так пусть Он и творит! Но молю Тебя, Владыко мой, Иисусе Христе, будь милостив к душе моей: пусть избегнет она лукавых демонов, пусть встретят ее Твои Ангелы и, проведя мимо воздушных мытарств, пусть представят ее к свету Твоего милосердия!

Сказав это, он умолк.

Три дня преподобный не мог ни говорить, ни открыть глаз, так что его можно было принять за умершего, если бы не было

заметно слабого дыхания на устах его. Опасная болезнь святого старца причиняла братии великую скорбь и печаль. Пробыв три дня в такой болезни, преподобный поднялся с одра своего и сказал собравшейся всей братии:

– Братия мои и отцы! Вот жизнь моя кончается – это Господь мне открыл в пещере Великим постом. Подумайте между собой, кого бы вы хотели иметь у себя игуменом вместо меня.

Сильно опечаленные этими словами братия начали плакать. Выйдя от преподобного и посоветовавшись, все иноки согласились избрать себе игуменом уставщика[2945] Стефана. На другой день преподобный снова созвал всех братий и спросил их:

– Как вы решили между собой, дети? Кто из вас достоин быть игуменом?

Все сказали, что игуменства достоин Стефан. Подозвав к себе Стефана, преподобный благословил его на игуменство вместо себя и сказал ему:

– Вот, чадо, передаю тебе монастырь; тщательно береги его; какой порядок в службах завел я, такой соблюдай и ты, и во всем держись монастырского предания. Устава не изменяй, но все делай по закону и монастырскому чину.

Братию же преподобный долго поучал, завещевая им слушаться нового игумена. Затем отпустил всех, предуказав им день своего преставления – субботу.

– После восхода солнца, – сказал он братии, – душа моя выйдет из тела.

Затем преподобный снова позвал к себе одного Стефана и наедине много поучал его о том, как пасти святое стадо. Так как преподобный сильно ослаб от болезни, то Стефан, не отлучаясь, со смирением служил ему. В наступившую субботу на рассвете святой Феодосий послал за братией. Когда все иноки собрались, святой, прощаясь, с любовью поцеловал каждого; они же горько рыдали, предвидя скорую потерю такого доброго пастыря. Святой Феодосий, уже совсем приготовившись к смерти, сказал им:

– Дети мои любезные и братия мои! Я всех вас облобызал потому, что отхожу к моему Владыке, Иисусу Христу. Вот вам игумен, которого вы сами выбрали; почитайте его за духовного отца, слушайтесь его и по его повелению творите все богоугодное. Бог же, сотворивший все словом и премудростью, пусть Сам благословит вас и сохранит от наветов лукавого; да сохранит Он в вас до последнего издыхания вашего твердую и непоколебимую веру и любовь друг к другу. Затем, молю вас и заклинаю, – похороните меня в той одежде, в которой я нахожусь теперь, и положите тело мое в ту пещеру, где я пребывал Великим постом; ни в каком случае не омывайте моего убогого тела. Пусть никто из мирских людей не видит моего погребения; вы одни, иноки, положите меня в указанном мною месте.

Слушая слова святого, братия сильно плакали. Преподобный снова стал утешать их, говоря:

– Обещаю вам, братия и отцы, что хотя я отхожу от вас телом, но душою своею всегда пребуду с вами.

После этих слов преподобный всех отпустил, не оставив при себе никого. Один из братии, который постоянно ему служил, просверлив скважину в двери, посмотрел, что он делал. Преподобный, поднявшись с постели, пав ниц, со слезами молил милостивого Бога о спасении души своей. В своей молитве он призывал на помощь всех святых и более всего Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Которой он поручал свое стадо и самую обитель свою. После молитвы он снова лег на постель, а затем, немного отдохнув, поднял глаза к небу и, с радостью на лице, громким голосом сказал: «Благословен Бог! Если это так, то уже я не боюсь, но еще с большей радостью отхожу от этого мира».

Надо думать, что, произнося вышеприведенные слова, он созерцал какое-то видение. Потом он, выпрямив ноги и сложив крестообразно на груди руки, предал святую душу свою Богу и присоединился к лику святых отцов. Это произошло в 1074 г., 3 мая, в субботу, как предсказал преподобный, после восхода солнца. Горячо оплакав кончину святого Феодосия, братия

отнесли святое тело его в церковь и там совершили обычные молитвы и песнопения о преставившемся.

По Божественному устроению о кончине преподобного тотчас узнало очень много людей. Народ и многие из бояр, собравшиеся по собственному усердию у монастырских ворот, ожидали времени, когда вынесут тело преподобного из монастыря для погребения в пещере. Братия же, затворив ворота, никого не пускали в монастырь, дожидаясь времени, когда разойдется народ, чтобы предать погребению тело преподобного, как он сам завещал об этом, в отсутствии мирян. И вот по воле Божией небо внезапно закрылось тучами; пошел сильный дождь. Только что народ разошелся, как опять засияло солнце. Тогда братия вынесли из церкви тело преподобного и с честью положили его в пещере[2946].

В момент кончины праведника, князь Святослав находится недалеко от Печерского монастыря; вдруг он видит над монастырем огненный столб, простиравшийся от земли до неба. Догадавшись о кончине преподобного, князь сказал присутствовавшим:

– Это, как я думаю, сегодня преставился от земли к небу преподобный Феодосий; я вчера был у него и видел, что он находился в очень тяжкой болезни.

Он послал узнать о преподобном и, когда удостоверился в его смерти, много плакал.

В год смерти блаженного Феодосия по молитвам его все монастырские сокровища стали умножаться, в полях было обилие, в монастырских животных – большой приплод. Такого года еще не было прежде. Видя это, братия вспомнили обещание святого отца своего и прославили Бога за то, что Он сподобил угодника Своего, блаженного Феодосия благодатных даров Своих. Благодатные дары обнаружились после смерти святого Феодосия многими чудесами, которые творил святой по усердной молитве всех, призывавших его на помощь.

В описываемое время князь Святослав сильно прогневался на одного боярина. Многие говорили, что князь хочет послать его в заточение. Боярин же тот усердно молился Богу и призывал на помощь преподобного Феодосия, говоря: «Знаю,

отче, что ты свят; вот я в беде; будь милостив ко мне: своей молитвой к небесному Владыке избавь меня от беды».

Когда боярин уснул, ему явился во сне преподобный и сказал:

– Что так печалишься? Неужели ты думаешь, что я совсем ушел от вас? Если телом я и отлучился, но душою всегда пребываю с вами. Вот завтра князь без всякого гнева призовет тебя и опять возвратит тебе прежний чин.

Опомнившись и придя в себя, боярин увидел сзади близ двери выходившего из комнаты преподобного. Предсказанное святым Феодосием действительно сбылось, и боярин с этого времени стал питать еще большую любовь к Печерскому монастырю.

Собираясь в путь, один человек принес в монастырь преподобного Феодосия ковчежец серебра и отдал его на сохранение своему знакомому иноку по имени Конон. Об этом узнал инок Николай и, украв по бесовскому наущению тот ковчежец, скрыл его. Возвратившийся Конон не нашел в своей келье серебра и, сильно опечалившись по этому поводу, стал со слезами молиться Богу, призывая на помощь преподобного Феодосия. Заснув после молитвы, Конон увидел явившегося к нему преподобного Феодосия, который сказал ему:

– То серебро, о котором ты печалишься, взял по диавольскому внушению инок Николай и скрыл в пещере.

Потом, открыв, где было спрятано золото, он сказал ему:

– Иди и, никому не говоря об этом, возьми свое.

Проснувшись, обрадованный инок быстро встал и, затеплив свечу, отправился в указанное место. Найдя похищенное, он возблагодарил Бога и Его угодника, преподобного Феодосия.

Имел место и следующий случай. Один клирик святой великой соборной Киевской Софийской церкви сильно занемог: все тело его пылало от сильного внутреннего жара. Придя в чувство, он помолился Богу и преподобному угоднику Его Феодосию, прося облегчить его страдания. Едва он уснул, как увидел во сне преподобного Феодосия, который, подавая ему жезл, сказал: «Возьми и ходи с ним».

Проснувшись, больной почувствовал, что жар в теле его слабеет и болезнь прекращается. А когда после этого он выздоровел, то пошел в Печерский монастырь и рассказал братии, как он исцелился от болезни по молитвам преподобного Феодосия. Иноки же прославили Бога, давшего такую благодать праведнику.

Был еще и такой случай. Во время своего игуменства в Печерском монастыре преподобный Феодосий постановил, чтобы в пятницу первой недели Великого поста подавались на трапезу братии, – как добрым подвижникам, потрудившимся в воздержании, – совершенно чистые хлебы, обязательно с медом и маком. Это постановление соблюдалось всегда и блаженным Стефаном[2947], поставленным в игумены самим преподобным Феодосием. После Стефана принял игуменство в Печерском монастыре блаженный Никон[2948], и он в наступившую пятницу первой недели Великого поста приказал келарю сделать согласно установлению преподобного Феодосия. Келарь же ослушался повеления игумена и не исполнил установленного преподобным Феодосием под предлогом, что нет муки для таких хлебов. Но Сам Бог не допустил погибнуть установленному преподобным Феодосием обычаю. Когда после литургии братия направлялись в трапезную на постный обед, откуда-то неожиданно привезли им воз чистых хлебов. Видя это чудо, братия прославили Бога и Его угодника, не оставлявшего их и после своей смерти. Они прославляли отца и наставника своего, преподобного Феодосия, хранившего для благоденствия иноков свое установление и исполнявшего свое обещание – всегда оказывать обители помощь, право испрашивать которую у Господа он заслужил своими богоугодными делами. Споспешествуемые святыми дерзновенными молитвами преподобного Феодосия, да сподобимся и мы получить дар Божий – жизнь вечную со Христом Иисусом, Господом нашим, славимым с Богом Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Возвысився на добродетель, измлада возлюбив монашеское житие, к желанию доблественне достиг, вселился

еси в пещеру, и украсив житие твое пощением и светлостию, в молитвах яко безплотен пребывал еси, в российстей земли яко светлое светило просияв, отче Феодосие: моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Звезду российскую днесь почтим, от востока возсиявшую, и на запад пришедшую: всю бо страну сию чудесы и добротою обогатившу, и вся ны содеянием и благодатию монашескаго устава, блаженнаго Феодосия.

Память преподобного отца нашего Петра чудотворца

Память 3 мая

Родиной сего преподобного был город Константинополь. Он происходил от богобоязненных родителей. Когда родители преподобного приняли иноческое звание, а вскоре за ними постриглись в монашество и два брата его, Павел и Дионис, то и он, подражая им и желая проводить одинаковую с ними жизнь, также принял иночество вместе с братом своим Платоном. Став иноком, он с таким усердием предался иноческой жизни, что превзошел в этом всех своих сверстников, ибо, стараясь сперва подражать им, а потом и всем прочим инокам, он перенимал от них добродетели и применял их к своей жизни. Своею высокою подвижническою жизнью он снискал себе любовь бывшего в то время италийского епископа Николая[2949], который имел желание почтить его епископским саном, но он уклонился от этого, сославшись на то, что считает себя недостойным такой чести. Епископ Николай отправился тогда к брату его, Павлу, и в утешение Коринфской церкви, не имевшей тогда епископа, рукоположил его во епископы города Коринфа[2950]. После этого и преподобный Петр, уходя от усиленных просьб принять епископство, пришел к брату своему Павлу в Коринф и наложил на себя обет молчания, но пробыл в нем один только год, не доведя своего подвига до конца, так как пришли к Павлу в Коринф из далекой страны[2951] знатные люди и владельцы кораблей и просили его поставить им во епископы брата его, по причине того, что епископ их скончался. Самого святого Петра они так настойчиво просили быть у них епископом, что он, не находя в себе сил отказать им, задумал было бежать из Коринфа, но когда прошло довольно много времени, и пришедшие еще с большею настойчивостью продолжали свои просьбы, то он, наконец, тронут был их слезами и принял их предложение.

Приняв епископский сан, преподобный со всем усердием отдался делу церковного учительства и усердием своим платил

за усердие к нему паствы. В делах милосердия он доходил до того, что не жалел для бедных даже своей одежды. Он кормил сирот, заботился о вдовах, доставлял пищу бедным, тайно подавал милостыню всем, нуждавшимся в ней. Когда однажды случился неурожайный год и страну посетил голод, то он неослабным подаянием милостыни прокормил многие тысячи голодавшего народа. В это время случилось раз, что в сосуде осталось немного уже пищи, но преподобный нашел его вскоре совершенно полным, так что бывшей в нем пищи хватило для нуждающихся на целый год. По милосердию своему к страдающим он выкупал пленников и освобождал слабых от насилия сильных людей. Кроме того, он исцелил одну бесноватую отроковицу, предсказал в притче бедствие Пелопоннесу[2952] и задолго прозрел день своей кончины. Достигши семидесятилетнего возраста и совершив бесчисленное множество добрых дел, он отдал блаженную душу свою Господу. И по кончине своей он совершал чудеса, источая из гроба своего благоухание, изгоняя бесов и исцеляя всякие болезни, а также вразумляя тех, кто искал этого у гроба его[2953].

Страдание святой мученицы девицы Пелагии

Память 4 мая

Когда нечестивый император римский Диоклетиан[2954] воздвиг на христиан гонение, тогда многие из них, страшась мучений, бежали в горы. Но те из христиан, которые были крепки в вере и боялись Бога более, чем людей, остались при церквах, к которым принадлежали, и горячо молили Бога укрепить их на подвиг, дабы они вышли из предстоящей борьбы победителями.

В это время в городе Тарсе[2955] епископом был Клинон. Он обратил к истинному Богу и крестил многих язычников; присоединяя их, как добрый пастырь, к Христову стаду, он увещевал каждого из них мужественно стоять за исповедание имени Христова и положить за Него душу свою, с несомненной надеждою воспринять от Него в Небесном Царстве венец победы.

Диоклетиан, находившийся тогда в Киликии, услыхав об этом мужественном епископе, приказал схватить его и повелел затворить городские ворота, чтобы он не мог спастись из города бегством. Но еще раньше приказа епископ получил от Бога откровение о всем, имеющем совершиться, и тайно от всех вышел из города, так как еще не пришел час его. Он вместе с другими христианами скрывался по горам и пустыням. Диоклетиан же, раздраженный тем, что не мог найти епископа, обратил свою ярость на тех, кого епископ привел ко Христу; приказав схватить многих из новообращенных христиан, он заключил их в темницу.

В это время в городе Тарсе жила одна девица по имени Пелагия, знатная родом, славная богатством и красотою, преисполненная страха Божия и целомудрия. Когда она услыхала от христиан об Иисусе Христе, Сыне Божием, сердце ее воспылало любовью к Нему, она уверовала в Него и дала обет не соединяться брачным союзом ни с кем из смертных людей, решившись уневеститъся небесному, бессмертному,

нетленному Жениху; уверовав во Христа, она возжелала сподобиться святого крещения.

Но узнав, что епископ христианский ушел из города, она сильно опечалилась, так как хотела видеть его и принять от рук его святое крещение. До тех пор она не видала еще епископа и лишь слышала о нем. Так как мать Пелагии, вдова, была предана идолослужению, то Пелагия скрывала от нее и свою веру во Христа, и свои намерения.

В это время сын царя[2956] услыхал об удивительной красоте девицы Пелагии; он имел случай видеть ее. Он послал к ней почетных мужей, которым поручено было передать Пелагии о намерении сына царя сочетаться с нею брачным союзом.

Мать Пелагии была очень рада такому обороту дела, но святая девица решила иначе. Осенив себя крестным знамением, она без боязни отвечала посланным: «Я уже обручилась с Сыном Божиим, Царем Бессмертным».

С этим ответом посланные вернулись к царскому сыну.

Услыхав ответ святой Пелагии, царский сын пришел в великий гнев; он замыслил жестоко отомстить святой девице, но не сейчас, так как надеялся, что девица одумается и исполнит его желание.

Между тем Пелагия сказала своей матери, что она желает посетить свою кормилицу, которую давно не видела. Кормилица же ее жила за городом, и Пелагия собралась уйти из дому с той целью, чтобы найти христианского епископа, о месте тайного убежища которого она слышала от некоторых христиан. Мать же святой Пелагии, по диавольскому наущению, не соглашалась исполнить просьбу своей дочери и решительно воспротивилась ей, говоря: «Нельзя теперь тебе туда идти; пойдешь в другой раз».

Это весьма опечалило Пелагию.

В ту же ночь явился ей Господь в образе епископа Клинона, ничего не говоря ей. Удивилась она этому видению, потому что честной лик явившегося ей сиял светом и дивно было одеяние его.

Проснувшись, она тайно снарядила двух своих самых верных евнухов[2957] в темницу к христианам, там заключенным,

с целью расспросить их о внешнем виде епископа. Они исполнили поручение и возвратились с подробным описанием внешности епископа. Изумилась честная девица тому, что наружность епископа, по их словам, во всем согласовалась с тем, что видела она во сне, и поняла, что во сне видела она епископа. Исполнившись радости, она всем сердцем возжелала видеть его наяву и усердно молилась Богу такими словами: «Дай мне, Господи, увидеть Твоего служителя, вестника Твоих благ, и не лиши меня святых Твоих таинств».

После того снова стала она проситься у матери своей отпустить ее к кормилице, говоря, что скучает по ней, не видав ее так давно. Не хотелось матери ее отпускать. Но боясь, что от печали она заболеет, мать исполнила ее просьбу и приказала приготовить колесницы, коней и слуг для путешествия. Затем, надев на Пелагию, как невесту царского сына, царскую порфиру и украсив ее золотыми уборами и драгоценными камнями, она отпустила ее в сопровождении доверенейших слуг и евнухов в роскошной колеснице с напутствием: «Поезжай, будь здорова, дочь моя, и передай привет от меня своей кормилице».

С радостью поехала Пелагия, окруженная множеством слуг. Отъехав от города около десяти поприщ[2958], они приближались к одной, покрытой густым лесом, горе. В это время один из слуг ее, по имени Лонгин, увидел честного мужа, сходящего с горы. То был епископ Клинон, которому по Божию усмотрению случилось здесь встретиться спутникам. Лонгин, бывший тайным христианином, узнал в сем муже епископа Клинона и сказал другому слуге, тайному христианину:

– Брат Юлиан! Узнаешь ли ты мужа, идущего нам навстречу? Это человек Божий, епископ Клинон, слава о котором идет по всему Востоку, по причине совершаемых им чудес; царь, узнав о нем, долго искал его, но не мог найти, и за это воздвиг гонение на христиан.

Этот разговор Лонгина и Юлиана услышали те два евнуха, которых Пелагия послала в темницу к христианам, чтобы узнать о внешности епископа. Они рассказали то, о чем услышали, Пелагии.

Святая девица остановила колесницу и, сойдя с нее, направилась к человеку Божию. Слугам своим она приказала быть подальше и расположиться для отдыха в тени деревьев, так как ей не хотелось, чтоб язычники слышали о тайнах святой веры христианской. Подойдя к человеку Божию, она приветствовала его такими словами:

– Радуйся, служитель Христов!

Епископ отвечал ей:

– Да будет с тобою, отроковица, мир Христа моего.

Пелагия продолжала:

– Благословен Бог, явивший мне в видении подобие лица твоего и пославший тебя ко мне, чтобы спасти душу мою от гибели. Молю тебя именем Бога, Которому ты служишь, открой мне, ты ли Клинон, епископ христианский?

Клинон отвечал ей:

– Я пастырь словесных овец Христовых, надеющихся получить вечную жизнь.

– Что приказываешь делать ты овцам твоим, чтобы они могли получить жизнь вечную? – спросила епископа Пелагия.

– Учу их познавать Отца, и Сына, и Святого Духа и наставляю их к богоугодной жизни в страхе Божием и любви ко Христу.

– Возвести мне, отец мой, что прежде всего должны делать те, кто хочет соединиться с твоим Богом?

– Я возвещаю тебе, – был ответ епископа, – крещение во оставление грехов и в жизнь вечную; ничто не может быть нужнее этого.

Припав к ногам епископа, Пелагия с мольбой сказала:

– Пожалей меня, владыко, и дай мне дар твой! С тех пор, как я беседую с тобой, свет Божий воссиял в сердце моем, я отрицаюсь сатаны, слуг его, и козней его, и бездушных идолов, которых я давно ненавижу, в которых не жизнь, но смерть и вечная пагуба. Теперь же молю Бога Небесного, чтобы Он меня, недостойную, уневестил Своему Сыну, Который просветил сердце мое, ибо Он Солнце правды.

Услышав это, епископ удивлялся столь великой любви к Богу сей девицы и возрадовался о ней духом. Затем, подняв к

небу свои руки, он начал молиться такими словами: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа! Ты, пребывающий на небе и призвавший эту девицу познать Тебя, пошли ей святое крещение возлюбленного Сына Твоего».

Так молился епископ.

Вдруг внезапно истек пред ними из земли источник воды живой. Увидав такое чудо, епископ прославил Бога, говоря:

– Велик Ты, Бог наш, Отец, и Сын, и Святой Дух, давший людям в наследие крещение в жизнь вечную. Господи Сердцеведче! Пред Тобою открыто смирение раба Твоего. Ты видишь, что я стыжусь крестить эту девицу. Устрой же Ты, Всемогущий, все смотрением Твоим, и научи, что мне делать.

– Господин, отец мой, – воскликнула в это время Пелагия, – твоя молитва услышана; вот я вижу двух светоносных юношей, стоящих у источника и держащих в руках своих светлые покрывала. Ты можешь без смущения крестить меня.

Возблагодарив Бога, епископ приступил к источнику и увидел двух Ангелов Божиих, которые, как сказала Пелагия, держали покрывало белее снега, чтоб им прикрыть тело девицы. Затем епископ освятил воду, произнеся над нею такую молитву:

– Царь всей твари, «Ты творишь Ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий» (Пс.103:4), сделай меня достойным принести Тебе в духовную жертву эту девицу, которую Ты ко мне послал. Причти ее к лику избранных Твоих, дабы в день Царствия Твоего и она с пятью мудрыми девами вошла в чертог Христа Твоего, с возжженным светильником[2959].

Совершив молитву, епископ сподобил святого крещения блаженную Пелагию во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и причастил ее частицею тела Христова, которую носил при себе.

По совершении таинства святая Пелагия поклонилась епископу и, лобызая ноги его, сказала ему:

– Господин мой, отче честный, помолись обо мне ко Господу, дабы укрепил Он меня Духом Своим Святым.

Епископ сказал ей:

– Бог, Которому ты предала себя, «да пошлет тебе помощь из святилища» (Пс.19:3) жилища Своего и да дарует тебе

победу на врагов.

Преисполнившись великой радости от Духа Святого, Пелагия сказала епископу:

– Отче, молю тебя именем Бога, даровавшего мне через тебя спасение: не откажи мне в моей просьбе: от святых рук твоих я получила нетленную порфиру Вечного Царя; поэтому не следует мне теперь носить эту земную тленную порфиру и эти суетные украшения. Возьми их ты у меня, продай их и раздай деньги, вырученные за них нуждающимся, так как во мне все эти драгоценности возбуждают лишь одно отвращение.

Епископ отвечал ей:

– Неприлично мне взять в руки это, однако, я возьму сие от тебя, дабы не оскорбить тебя, так как ты просишь меня именем Божиим. Хорошо, я исполню твое желание.

– Я слышала, – сказала на это Пелагия, – что Господь наш говорит во святом Евангелии Своем: «Никто не может служить двум господам. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф.6:24). Поэтому и я, желая служить Единому Богу, отвергаю мамону[2960].

Удивился епископ разуму святой Пелагии. Помолившись о ней Богу, он благословил ее и отошел от нее.

Святая же Пелагия, весьма радуясь о Духе Святом, всем сердцем своим прославила и возблагодарила Бога за то, что Он сподобил ее восприять небесные дары.

Когда она дошла до ожидавших ее слуг, то увидела, что очи их были помрачены бесовским наваждением: они ничего не видели и не знали, куда им нужно было идти. Святая, поняв, что это случилось по действу врага нашего спасения, осенила каждого из слуг крестным знамением и тем избавила их от слепоты; они снова стали видеть хорошо, по-прежнему.

Прозрев, слуги стали расспрашивать святую Пелагию:

– Госпожа! Где тот человек, с которым ты беседовала? В твое отсутствие мы видели пресветлую Жену, стоявшую между тобою и нами с двумя девами; на голове ее были две диадемы; над диадемами же сиял крест[2961].

Святая Пелагия приказала слугам умолкнуть; потом начала учить их вере в Господа нашего Иисуса Христа.

Слуги отвечали ей:

– Как не веровать, госпожа наша, в Того, Кто по смерти избавит нас от вечных мук и Кто Один имеет власть даровать нам вечную жизнь на небесах!

Святая радовалась, видя обращение слуг своих, и советовала им немедленно приступить к святому крещению. Потом, сев в колесницу, она продолжала свой путь к своей кормилице.

Кормилица вышла навстречу своей питомице, и сказала, что она стала еще более красивой, чем была раньше, но удивлялась, что она одета так просто и без всяких украшений.

После первой радости свидания, кормилица заметила большую перемену в характере святой Пелагии: прежде она была горделива и надменна, теперь же стала смиренна и кротка; прежде многоречива, а теперь молчалива; прежде любила разные тонкие кушанья, а теперь пребывала в посте и воздержании, принимая очень немного пищи; прежде проводила дни в праздности и удовольствиях, а ночью покоила свое тело на мягкой постели; теперь большую часть дня проводила в молитве, отдыхая на твердом ложе, а ночью также вставала на молитву. По всем этим признакам кормилица поняла, что Пелагия приняла христианскую веру. Затем она сказала ей:

– Любезная дочь моя! Как раньше великой телесной красотой своей ты удивляла царского сына и всех встречавших тебя, так и теперь постарайся угодить истинной душевной красотой своей Сыну Божию, Царю Вечному, Которому ты обручила себя в невесту. Я вижу, что ты уверовала в небесного истинного Бога. Да укрепит Он тебя на подвиг страдания за Него, да даст Он тебе победу на врага и да увенчает Он тебя в Своей славе венцом торжества. А теперь, дочь моя, поскорее с миром уходи от меня; мне не хочется, чтобы ты медлила у меня в доме, не смею удерживать тебя, так как боюсь гнева царского сына, который считает тебя своею невестою. Однако не думай, что я боюсь за себя: если бы я пострадала с тобою, то вместе с тобою я приняла бы и награду от Бога; но я боюсь за всю семью свою и за всех своих родных. Если царский сын, думающий стать мужем твоим, узнает, что ты христианка, а также и то, что

ты гостишь у меня в доме, то он погубит меня со всей моей семьей.

Выслушав эти слова своей кормилицы, святая Пелагия, поникнув лицом своим, отправилась обратно к своей матери.

Когда Пелагия приблизилась к своему дому, навстречу ей вышла ее мать. Увидав свою дочь не в царской порфире и без драгоценных украшений, но в простой одежде, она пришла в ужас и недоумение.

Один из слуг рассказал ей обо всем, что случилось на пути, поведал ей, как Пелагия приняла святое крещение от христианского епископа. Услышав об этом, мать ее как бы омертвела телом и по причине великой скорби пролежала долгое время на одре, как мертвая. Потом, придя в себя, она, ничего не сказав дочери, поспешила к царю и просила дать ей воинов, чтобы разыскать и схватить епископа, обратившего в христианство ее дочь, и привлечь его к суду. Царь дал ей много воинов, конных и пеших.

Между тем блаженная Пелагия, видя мать свою в сильном гневе, взяла с собою нескольких веровавших во Христа слуг, вышла с ними тайно из дому и, переправившись через реку по имени Кидн[2962], решила здесь скрыться.

Мать ее, вернувшись домой с воинами и не найдя Пелагии дома, опечалилась еще больше и разослала повсюду воинов, приказав им искать Пелагию и епископа Клинона.

Воины разошлись по всем окрестностям, расспрашивая о Пелагии по дорогам и разыскивая ее всюду по горам и пустыням, но не могли найти ее, потому что ее чудесно защищал Сам Бог. Святая Пелагия, сидя на берегу реки, видела на противоположном берегу воинов, разыскивавших ее; но воины, у которых в это время по устроению Божию закрылись их телесные очи, не видели ни ее, ни ее спутников. Тогда святая сказала своим слугам:

– Видите ли вы, как Господь наш любит и покрывает рабов Своих, надеющихся на Него?

После усиленных бесплодных розысков воины вернулись, не отыскав ни епископа, ни Пелагии. Это повергло мать Пелагии

в величайшую скорбь и печаль, так что она казалась едва живой.

Тогда Пелагия, ощутив в сердце своем внушение от Духа Святого и воспылав любовью к своему Небесному Жениху в такой степени, что готова была отдать себя на мучения за имя Христово, пошла в дом к матери и начала так увещевать ее оставить свою ложную скорбь:

– К чему, – говорила Пелагия матери, – ты так гневаешься? Отчего ты не хочешь познать истины? Ты не посовестилась созвать воинов для розысков святого мужа, который чтит Бога Всевышнего, Создателя всей твари. Не стыдно ли тебе воздвигать брань на Бога Небесного! Не знаешь ли ты, что раб Его, епископ, мог бы молитвою упросить Его послать к нему одного из Своих Ангелов, который во мгновение ока истребил бы все полки воинские?

Это и многое другое говорила о Господе Иисусе Христе святая Пелагия, увещевая свою мать познать истинного Бога, но без всякого успеха, так как мать ее была ослеплена безумием и ожесточена злобой. Она, не внимая боговдохновенным словам дочери, послала сказать царскому сыну следующее: «Твоя обручница посвятила себя христианскому Богу».

Услышав это, юноша тот сильно огорчился. Его надежды рушились. Он вспомнил, как много христиан замучил его отец, не убедив, однако, ни одного из них подчиниться ему. В смущении и печали сидел он одиноко в своей палате и рассуждал с собою так: «Если Пелагия уверовала в христианского Бога и обручилась с Ним, то ни за что не согласится она отступить от Него и стать моей женой. Что же мне делать? Предам ли ее на муки – это ни к чему не приведет, так как я знаю, с какою великой радостью христиане сами предают себя на муки и на лютейшую смерть за своего Бога. Также сделает и Пелагия; конечно, она скорее предпочтет умереть, нежели стать моей женой; на мою же долю остается только стыд и еще большее горе. Стыд и позор будет мне от этого посмеяния надо мною от христиан, а печаль и горе от ее смерти, так как я люблю ее безмерно и весь горю огнем любви к ней. Знаю свою участь! Чтоб не смотреть на ее муки и самому

более не страдать муками сердца, уязвленного любовью, убью я себя сам, так как мне лучше умереть один раз, чем ежедневно переживать муки смерти, презираемому и ненавидимому по причине той любви, которой я пылаю».

Сказав это, юноша тот вынул свой меч, обнажил свою грудь и, приставив острие меча к груди, с плачем сказал:

– Пусть будет проклят тот час, в который очи мои увидели великую красоту, которой я не могу ни насладиться, ни насытиться. Но вот, разом освобожусь я от всех своих страданий!

После этих слов юноша сильно ударил себя мечом в грудь и, пронзив ее, пал на меч и умер.

Мать Пелагии, узнав об этом, пришла в ужас, боясь, что царь Диоклетиан казнит ее со всем родом ее из мести за своего сына. Поэтому она сама связала дочь свою и привела ее к царю, на нее одну возлагая вину смерти его сына и выдавая ее на смерть и казнь. Диоклетиан, посмотрев на мать и дочь, сказал им с великою печалью в сердце:

– Что сделали вы? Вы убили моего сына.

Мать ответила ему так:

– Вот я привела к тебе виновницу смерти твоего сына. Казни ее и отомсти за эту смерть.

Между тем Диоклетиан засмотрелся на великую красоту Пелагии, которая была прекраснее всех его жен и наложниц, так что никогда он еще не видал такой красивой женщины. Он думал теперь уже не о казни и не о мести, а о том, чтобы удовлетворить разгоревшуюся в нем страсть. Он стал придумывать, как бы отвратить Пелагию от Христа и взять к себе в жены. Он приказал принести и положить пред девицей множество золота и драгоценных камней, желая прельстить этим невесту Христову, а матери ее дал сто талантов[2963] золота и отпустил ее. Она вернулась в свой дом, радуясь демонской радостью. Святая же Пелагия была оставлена в царской палате на попечение царских служанок.

На следующий день царь приказал привести к себе святую девицу с честью, а сам воссел на троне во всем своем блеске, со всеми своими советниками. Множество воинов окружали его.

Пред столь великим собранием, обратился он к святой девице с такими словами:

– Одного прошу я у тебя, Пелагия, чтобы ты отверглась Христа; я же возьму тебя в супружество, и будешь ты первою в моем дворце; я возложу на тебя венец царский, и всем царством моим будешь обладать ты вместе со мною. Если от тебя буду иметь сына, то после меня он сядет на престоле моем.

Святая Пелагия, исполнившись Божественной ревности, без боязни отвечала ему:

– Ты безумствуешь, царь, говоря мне такие речи! Знай же, что я не исполню твоего желания, ибо я гнушаюсь твоим мерзким браком, так как у меня есть Жених – Христос, Царь небесный; не желаю я твоего царского, суетного и маловременного венца, ибо у Господа моего в Небесном Царстве мне уготованы три нетленных венца. Первый – за веру, так как я уверовала всем сердцем моим в Бога истинного; второй – за чистоту, так как я вручила Ему мое девство; третий – за мученичество, так как я хочу принять за Него всякую муку и положить душу мою ради моей любви к Нему.

Услыхав такие слова, Диоклетиан сильно разгневался и приказал разжечь медного вола, рассчитывая испугать тем святую девицу. Когда вол был раскален, так что от него летели искры, как от горящего угля, к нему подвели святую девицу. Среди народа, собравшегося на это зрелище было много тайных христиан. Видя девицу, приготовившуюся на мучение, они тайно молились о ней Богу, чтоб Он укрепил ее свыше неведомой силой Своей. Царь и вельможи и ласками, и угрозами убеждали ее исполнить царское желание, но она была непоколебима в своем решении.

Тогда царь велел совлечь с нее все одежды. Увидев, что ее хотят обнажить, святая громко сказала Диоклетиану:

– Лучше бы ты вспомнил, царь, о твоих женах и наложницах, так как я обладаю тем же телом, как и они.

Но царь, воспылав похотью и желая насытить взор зрелищем девической наготы, велел скорее обнажить ее. Но мученица, не дожидаясь, пока ее коснутся руки нечестивых,

сама, осенив себя крестным знамением, быстро совлекла с себя всю свою одежду, бросила ее к лицу царя и стала нагая пред очами Ангелов и людей, красуясь, как царскою багряницей, единым девическим стыдом. И начала она укорять царя в таких словах:

– Считаю тебя, царь, подобным тому змию, который прельстил Еву (Быт.3:1–6) и подстрекнул Каина на убийство Авеля (Быт.4:2–16), и тому демону, который просил у Бога позволения искусить праведного Иова (Иов.1:6–12). Но вскоре, враг Христов, ты погибнешь со всеми твоими единомышленниками.

Сказав это, она снова сотворила на себе крестное знамение и сама пошла к раскаленному волу, не дожидаясь, чтоб ее туда бросили. Когда же она взялась руками за этого вола, то руки ее растаяли как воск от лютого огня. Но она, как будто не чувствуя боли, вложила свою голову в отверстие вола и войдя внутрь его, начала громко прославлять Бога, говоря:

– Слава Тебе, Господи, Единородный Сын Бога Вышнего, за то, что укрепил меня, немощную, на этот подвиг и помог мне победить диавола и козни его. Тебе и Безначальному Твоему Отцу со Святым Духом да будет за то слава и поклонение вовеки.

Сказав это, святая предала душу свою в руки Пречистого и Бессмертного своего Жениха и вошла с ним в чертог небесный при ликовании и пении Ангельских сил[2964]. Тело же ее честное в медном воле растопилось как масло, разлилось как благовонное миро, так что весь город наполнился неизреченным благоуханием. Честные кости ее нечестивый царь повелел выбросить из города, и они были занесены на гору, называемую Литатон. Четыре льва, придя из пустыни, сели около них, охраняя их от других зверей и плотоядных птиц.

Епископу Клинону было откровение от Бога о кончине святой Пелагии и о месте, где находились кости. И епископ пошел на ту гору и нашел здесь честные кости святой Пелагии и охраняющих их львов. Львы, увидав человека Божия, подошли к нему и, преклонившись пред ним, возвратились в пустыню. Епископ же, взяв кости святой мученицы, отнес их на самый

высокий холм той горы и положил камень. Впоследствии, в царствование императора Константина, когда повсюду воссияло благочестие, он воздвиг там церковь над честными мощами невесты Христовой. На надгробном камне епископ Клинон сделал такую надпись: «Святая девица Пелагия, посвятившая себя Богу и до конца подвизавшаяся за истину, почивает здесь своими мощами, душа же ее на небесах царствует с Ангелами в славе Христовой».

Так окончила свой подвиг святая мученица Пелагия за Христа Господа нашего, Которому подобает слава со Отцом и Святым Духом ныне, и всегда, и во веки веков.

Кондак, глас 3:

Временная презревши, и небесных благ причастница бывши, венец страдания ради приимши, Пелагие всечестная, яко дар принесла еси кровныя потоки Владыце Христу. Моли от бед избавити нас, твою память почитающих.

Страдание святого мученика Сильвана, епископа Кесийского[2965] и с ним сорока мучеников

Память 4 мая

Святой священномученик Сильван происходил из окрестностей города Газы[2966] и был сперва воином. Впоследствии он оставил для Христовой веры воинство у земного царя и стал воином царя небесного – Христа, почему и удостоился благодати священства: был сперва пресвитером, а потом и епископом. Стоя во главе Христовой Церкви, он своим учительным словом многих неверующих обратил к истинному Богу. За это ревностные почитатели идолов схватили его и привели на суд в город Кесарию[2967]. Здесь его подвергли сперва жестокому избиению, потом повесили и строгали тело его, и, наконец, он был осужден на работы в медных рудниках[2968]. Исполняя эти работы, святой мученик дошел до полного изнеможения, но непрестанно исповедовал Христа Богом, за что язычники и отсекли мечом голову ему, а также и сорока другим мученикам, которые были наставлены им в Христовой вере[2969].

Страдание святого мученика Алвиана епископа[2970] и ученика его

Память 4 мая

Святой священномученик Алвиан пострадал в царствование императора Максимиана[2971], когда Асия[2972] находилась под управлением Элиана.

Святой Алвиан схвачен был в то время, когда некий языческий жрец, по имени Агрипин, совершал жертвоприношения идолам. Святого стали принуждать принести жертву идолам и повергнуть на жертвенник ладон, но он на это с достоинством ответил: «Я воздаю хвалу вере во Христа, а служение идолам поношу».

За это ему сперва обожгли раскаленными железными прутьями живот и голени, а потом без всякой пощады стали бить палками.

Такими истязаниями мучители хотели принудить святого отречься от Христа и принести жертву идолам, но на это не согласился ни он сам, ни ученик его, вместе с ним подверженный мучениям. После этого он осужден был на сожжение, для чего раскалили печь и бросили в нее его и его ученика, где святые мученики и скончались[2973].

Страдание святого мученика Еразма

Память 4 мая

Блаженный Еразм, с юных лет своих воспылав любовью ко Христу, ревностно исполнял Его заповеди и поставлен был епископом города Формии[2974]. Когда нечестивый император Диоклетиан, подвергая христиан мучениям, привел в смятение жителей городов своего царства, то святой Еразм оставил свою кафедру и бежал в Ливанские горы[2975], где и пробыл, скрываясь от гонителей, семь лет. Однажды он услышал с неба голос Ангела, который сказал ему: «Еразм! Никто не победит врагов, если будет спать. Иди же в город свой, мужественно подвизайся и победишь врагов».

Когда после этих слов Еразм отправился в указанный ему Ангелом путь, то его встретили воины и спросили: «Какого Бога ты почитаешь?» Святой Еразм объявил себя христианином. Тогда воины схватили его и привели в Антиохию[2976] к императору Диоклетиану. На дороге святой открыто признал себя христианином, и император приказал бить его палками, но он обличил императора. Тогда последний повелел бить его свинцовыми прутьями и, так как и после этого он остался непоколебимым в своей вере, то по приказанию мучителя его подвергли новым мучениям: железными скобами острогали сперва всю кожу на теле его, а потом растопили смолу и серу и стали лить ее на раны, но это не причинило ему никакой боли. После этого мучитель повелел наложить на его шею тяжелые железные оковы и заключить его в темницу, но Ангел Господень, открыв двери темницы, освободил его от оков и сказал ему: «Иди за мною, я отведу тебя в Италию. Много людей и там ты приведешь ко спасению».

После этого Ангел привел святого Еразма в город Ликий[2977] и там оставил его. Еразм стал учить всех вере во Христа и крестить. Он совершал при этом великие чудеса, воскресил между прочим сына одного знатного человека, по имени Анастасия, и крестил после этого десять тысяч человек. Максимиан[2978], узнав об этом, послал воинов, чтобы те привели

его в Италию, и, когда святой был приведен, повелел бить его по щекам и угрожал ему распятием на кресте, если он не принесет жертвы языческим богам. Тогда Еразм сказал ему:

– Где же находятся боги твои, чтобы я мог принести им жертву?

Святого привели в храм Юпитера. Здесь он помолился, и по молитве его все идолы попадали, а из храма вышел огонь и попалил идолопоклонников, так что Максимиан вынужден был бежать из города. После этого святой Еразм крестил здесь много народа и ушел в город Сирмий[2979]. В этом городе, по повелению Максимиана, он опять был схвачен и подвержен новым мучениям. На него надели медную броню и посадили на раскаленное ложе, а ноги прибили гвоздями к земле. После этого обложили ложе дровами до верха и, зажегши дрова, стали поливать их смолою и маслом, но дрова сгорели, а святой остался невредимым. Максимиан убоялся народа и ушел во дворец, а Ангел Господень, взяв святого, привел его в город Формию, где им крещено было еще множество народа. После всего этого святой Еразм с молитвою благодарения за все предал душу свою в руки Божии[2980], и христиане с честью похоронили его.

Страдание святой великомученицы Ирины

Память 5 мая

В те времена, когда свет святой веры христианской, благодаря проповеди апостолов, воссиял среди людей, погруженных во тьму служения идолам, в городе Магеддоне[2981] жил князь, по имени Ликиний[2982]. У него была жена, носившая так же как и он, имя Ликинии. Родившуюся у них дочь они назвали Пенелопою. Когда она стала подрастать и ей исполнилось 6 лет, она казалась необычайно прекрасна лицом, так что затмевала своей наружностью всех своих сверстниц. Отец ее построил для нее далеко за городом на живописном месте столп, в котором заключалось много комнат, убранных с самым изящным вкусом и блиставших богатством. Кресла, столы, светильники, ложа и все сосуды были здесь окованы чистым золотом. На этот столп он возвел дочь свою Пенелопу вместе с тринадцатью красивыми девушками и поставил там своих золотых идолов, чтобы они хранили его дочь. В этом столпе он и назначил жить дочери, пока она не достигнет брачного возраста. Ликиний приставил к своей дочери в качестве воспитательницы одну честную старицу по имени Карию, приказав ей постоянно быть с дочерью и вкушать пищу вместе с нею и поручив ей начальство над всеми девушками. Кроме того Ликиний поручил одному почтенному и благоразумному старцу, по имени Апелиан, ежедневно ходить к его дочери и обучать ее книжной премудрости. Так провела девица шесть лет и три месяца, и, когда ей исполнилось 12 лет, отец ее стал размышлять, кому из славнейших княжеских сыновей отдать ее в супружество[2983].

Однажды, когда девица сидела в своей комнате, к ней в открытое окно, обращенное на восток, влетел голубь, державший в своем клюве маленькую ветвь; положив ее на стол, он тотчас вылетел через окно из комнаты. Затем через час влетел в комнату орел с венком из разных цветов, и он также, положив венок на стол, тотчас улетел. Потом еще другим окном

влетел ворон, несший в клюве малую змею, которую он положил на стол, а сам также улетел.

Видя все это, отроковица, вместе со своею воспитательницею, весьма удивлялись, недоумевая, что предвещал этот прилет птиц? Когда учитель Апелиан пришел к ним, они рассказали ему о происшедшем. Апелиан был тайный христианин и обладал даром прозорливости. Обсудив в себе все, переданное ими, он сказал, обратившись к Пенелопе:

– Знай, дочь моя, что голубь означает твой добрый нрав, твою кротость, смирение и девическое целомудрие. Ветвь маслины знаменует Божию благодать, которая будет подана тебе через крещение. Орел, высоко парящий, изображает собою царя и победителя, знаменует, что ты будешь царствовать над своими страстями и, возвысившись богомыслием, победишь невидимых врагов, как орел побеждает птиц. Венок же из цветов есть знамение воздаяния, которое примешь ты за твои подвиги от Царя Христа в небесном Его царстве, где готовится тебе нетленный венец вечной славы. Ворон со змеею знаменует врага-диавола, силящегося нанести тебе скорбь, печаль и гонение. Знай же, девица, что великий Царь, содержащий в Своей власти небо и землю, хочет обручить тебя в невесту Себе и ты претерпишь за имя Его многие страдания.

Слушая своего учителя, отроковица слагала слова его в своем сердце, и в это сердце мало-помалу стал проникать огонь Божественной любви.

На следующий день вошел к Пенелопе на столп отец ее, князь Ликиний, с княгинею и со своими придворными. Он хотел видеть ее и поговорить с ней о ее браке. Увидев, что лицо ее сияет красотой, как лучом солнечного света, он чрезвычайно обрадовался и сказал ей:

– Вот, дорогое дитя мое, ты достигла уже брачного возраста. Скажи же мне теперь: сын которого князя нравится тебе больше всех других? За того юношу я и отдам тебя в замужество.

И он назвал ей имена сыновей многих окрестных князей. Дева Пенелопа отвечала своему отцу:

– Отец мой! Дай мне лишь семь дней на размышление, и потом я отвечу тебе.

Исполняя ее желание, отец оставил ее и пошел к себе домой.

Когда Ликиний ушел, Пенелопа, подойдя к идолам, сказала им:

– Если вы боги, то вы услышите меня: отец мой хочет отдать меня в замужество, а я хотела бы остаться в девстве, потому что житейские попечения препятствуют служить от всего сердца Богу. Скажите же: идти ли мне замуж или нет?

Немые идолы молчали, потому что были бездушны. Плюнув на них, Пенелопа обратилась на восток и, смотря на высоту небесную, сказала:

– Если Ты Бог истинный – Тот, Которого проповедуют христиане, молю Тебя: скажи мне: следует ли мне взять мужа, или всегда оставаться девой?

Так как был уже вечер, то Пенелопа задремала. Во сне увидела она Ангела Божия, который ей сказал следующее: «Пенелопа! С этих пор ты будешь называться не Пенелопою, но Ириною, ибо ты будешь многим прибежищем и мирным пристанищем[2984], и через тебя обратятся к Богу и спасутся многие тысячи душ человеческих. Твое имя будет велико и дивно по вселенной. То, что сказал тебе старец Апелиан о виденных тобою птицах, истинно, так как это Дух Божий говорил его устами. В эту ночь придет к тебе человек Божий по имени Тимофей, наставленный в учении христианском и принявший священство от святого Павла. Этот человек разносит по церквам и послания Павла. Он сподобит тебя святого крещения и скажет тебе, что ты должна делать».

После этих слов Ангел исчез. Пенелопа же, придя в себя, ощутила радость и с нетерпением ждала прихода пресвитера.

В скором времени, действительно, пришел к столпу человек Божий Тимофей, ведомый и возведенный на столп Ангелом Божиим. Радостно принятый девицею, он сел и стал учить ее, ее воспитательницу, а также и всех подруг ее учению христианскому, и приятными показались всем слова его. Достаточно поучив их в вере и открыв им все, что подобало

знать об истинном Боге Иисусе Христе, о святой вере в Него и о таинствах христианских, он крестил Пенелопу во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. При крещении Тимофей нарек ей новое имя: Ирина и таким образом уневестил ее Христу, завещав ей до конца сохранить в целомудрии свое девство. Тимофей крестил также воспитательницу ее Карию и всех ее служанок; затем он начал увещевать Ирину быть мужественной в мученическом подвиге, который ей надлежит восприять за исповедание имени Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, бессмертного Жениха ее. Затем Тимофей благословил Ирину и ее сверстниц и, поручив всех их благодати Божией, простился с ними.

Блаженная же Ирина со служанками своими днем и ночью славила и благодарила Бога и усердно изучала апостольские писания, которые оставил ей святой Тимофей[2985]. Затем она брала золотых идолов, поставленных отцом и свергала их по одному через окно вниз, говоря: «Если вы боги, спаситесь сами».

Падая с большой высоты на землю, идолы разбивались и рассыпались в прах, святая же посмеивалась их бессилию и радовалась о Господе нашем Иисусе Христе, Боге истинном.

Когда прошло семь дней, отец и мать Ирины с вельможами взошли к ней на столп и заговорили с ней о браке. Она им отвечала:

– Знайте, что я раба Христа, в Него я верую, Его люблю, вечного Царя небесного. Я уневестила себя этому Жениху, чистому, небесному и бессмертному. Другого жениха я не желаю и не поклонюсь иному Богу, ибо нет Бога, кроме Него. Разве не видели вы, – продолжала Ирина, – гибели ваших богов, упавших с окна на землю? Они не могли себе помочь. Как же они могут быть вашими помощниками? Тщетна ваша надежда на них и суетны все ваши труды и траты на идолов. Золото и серебро надо было раздать просящим, нищим, сиротам и вдовам; вы же, призвав ремесленников, сковали себе бездушных идолов и лишили через это нищих милостыни; вы сделались, благодаря этому, врагами Бога живого и слугами бесов. До которых же пор вы будете неистовствовать, подобно

необъезженной лошади? Когда же вы познаете Бога живого, познаете Того, Кто может умерщвлять и оживлять? Когда же свет Божий воссияет в сердцах ваших, тогда диавол, влекущий человека от света во тьму, в погибель, совращающий людей с правой стези на неправую, отбежит от вас. Но вы первые постарайтесь теперь же бежать от диавола, потому что он зол и лют. Он соблазнитель, закрывающий очи сердец ваших, дабы вы не познали истины. Я прошу тебя, отец, я умоляю тебя: познай истинного Бога, создавшего все Своим словом. Когда ты задумал воздвигнуть для меня этот столп, ты собрал для этого дела много людей: одних работников было три тысячи пятьсот человек и триста надсмотрщиков; и несмотря на это, они едва успели в десять месяцев выстроить здание. Бог же вечный единым словом Своим сотворил небо и солнце, месяц и звезды, свет и тьму и нарек свет днем, а тьму ночью; Он содержит землю в воздухе, повелел водам течь на пользу нам, возрастил разные деревья, расположил времена, годы и месяцы, создал зверей на земле, птиц на воздухе и рыб в водах; наконец, пречистыми Своими руками создал человека, взяв горсть от земли, и поставил его господином всей вселенной, покорив ему все. И все это совершил Бог в шесть дней одним Словом Своим, Которое есть Единородный Сын Его, Иисус Христос, рожденный от Него без матери, соприсносущный и сопрестольный Ему. Он, по действу Святого Духа, родился и воплотился без Отца от Пречистой Приснодевы Марии и пожил с людьми, творя бесчисленные чудеса: даровал зрение слепым, очищал прокаженных, воскрешал мертвых и воздвигал расслабленных. Евреи по зависти распяли Его по Его собственному изволению – пострадать ради нашего спасения. Но Он по смерти и погребении Своем воскрес в третий день силою Своего Божества, вознесся на небо, сев одесную Бога Отца, низвел Святого Духа на Своих учеников и послал их во вселенную, дабы они просветили помраченных духом, обратили заблуждающихся и спасли погибших; ибо Он всем желает спасения и милость Его к роду человеческому не оскудеет вовеки.

Так говорила святая, и сладостною всем показалась речь ее. Князь и княгиня взяли свою любезную дочь и повели ее с собой в город. Навстречу ей вышли все городские девицы с венками на головах и кланялись ей, а весь народ, собираясь на возвышенных местах, на стенах оград и на кровлях домов, выражал радостные крики и похвалы прекрасной девице. Когда приближались они к княжескому дворцу, святая Ирина увидела демона, который взывал к ней:

– Ничего общего нет у меня с тобою в этом городе, отроковица; уйди из нашего города, ибо здесь не живет никто из христиан.

Святая же сказала ему:

– Повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа сказать мне, кто ты.

Он отвечал:

– Я демон, живущий в идолах, учитель блудников и прелюбодеев, поспешник волхвам, вождь врагов, друг пьяницам, я радуюсь кровопролитию, я отец всякой неправды и лжи, и всякого зла. Я опять говорю тебе: иди и беги из нашего города, а то я подвигну на тебя твоего отца, возбужу его гнев на тебя и он убьет тебя.

Многие слышали этот голос демона, но не видели его самого. Блаженная же Ирина, обратившись, сказала ему:

– Повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа выйти из этого города.

Тотчас вострепетал демон и стал невидим. Затем демон вошел в сердце князя и возбудил в нем гнев против его дочери. Призвав княгиню, Ликиний сказал ей:

– Что нам делать? Наша дочь уловлена в сети христианами. Ах, зачем я воздвиг этот столп! Я хотел сохранить своего ребенка, а вместо того погубил его. Теперь погибли все мои надежды.

Княгиня отвечала ему:

– Какие ты странные речи говоришь! Чем прельстилась наша дочь и что дурное она сделала?

Князь отвечал:

– Она верует во Христа и отрицает наших богов.

– Пусть же погибнут, – возразила ему княгиня, – боги, не сотворившие неба и земли, а моя дочь да сподобится славы Христа Царя, призвавшего ее в жизнь вечную!

В гневе князь приказал вывести княгиню из дворца. Одна из служанок передала эту весть Ирине, и та пошла к своему отцу. Когда царь увидел любимую дочь свою, он поник головой. Но в душе его, по навету диавола, бушевал гнев. Святая Ирина сказала отцу:

– Отчего ты так печален, отец мой? Царство твое мирно, тебе не грозит война; вот я, твоя дочь, пришла к тебе; почему же лицо твое так печально?

Ликиний отвечал ей:

– Мне было бы лучше, если б я тебя не родил. Как внимательно я заботился о тебе, воздвиг для тебя прекрасный столп, поставил в нем для сохранения тебя золотых идолов, ради тебя украсил золотом столпы и ложа, а ты воздала мне за добро злом.

– Объясни мне, отец, какое зло я тебе сделала? – сказала ему святая Ирина.

– А разве для меня немалое горе в том, что дочь моя признает Христа Богом и отрицается от моих богов?

Святая отвечала:

– Отец! Я не сделала ничего дурного, уверовав в истинного Бога и возложив мою надежду на Него, а не на твоих идолов.

– Принеси жертву богам, Пенелопа! – раздался грозный крик князя.

– Не изменяй имени моего, отец: я называюсь не Пенелопой, а Ириной, и это имя наречено мне Ангелом в видении и священником при крещении, – с кротостью отвечала Ликинию святая Ирина.

– Принеси жертву богам, не мое, а чужое дитя! – воскликнул опять Ликиний.

– Не принесу им жертвы. Это они возбуждают тебя на гнев; благодаря им ты будешь мучиться в огне вместе с язычниками.

Вне себя от гнева князь приказал связать девицу и бросить ее под копыта свирепым коням. Когда приказание Ликиния начали исполнять, пришел он сам, чтобы видеть смерть ее. Но

один, самый свирепый конь, оторвался от привязи, бросился на Ликиния и, схватив его правую руку, вырвал ее из плеч, затоптал до смерти князя и потом встал спокойно на своем месте. Все прочие кони вели себя кротко, как агнцы, и не коснулись святой Ирины. Конь же, убивший Ликиния, по Божию повелению возопил человеческим голосом, так ублажая святую мученицу:

– Блаженна ты, голубица Христова, поправшая змия[2986]. Славна ты на земле и будешь с любовью принята на небе. Ты будешь ликовать среди праведных. Тебя ждет свет вечный и чертог бессмертного Жениха, как мудрую и мужественную девицу: будучи женщиной по природе, ты выказываешь храбрость воина.

Когда со святой Ирины сняты были узы, она воскресила молитвою своею мертвого отца своего и исцелила его руку. Видя такое чудо, уверовали во Христа князь с княгинею, и весь дом их, и много народа – всего около трех тысяч человек.

Ликиний вскоре оставил управление своим княжеством, чтобы свободнее служить Христу и поселился со своей супругой и приближенными людьми в том самом столпе, который когда-то воздвиг для своей дочери; святая же Ирина осталась в городе, научая народ вере во Христа, и многих привела ко Христу Богу. Жила же она в доме своего учителя Апелиана.

После Ликиния управление государством принял другой царь, по имени Седекия. Услышав об Ирине, он призвал к себе Апелиана и спросил его, у него ли находится девица, царская дочь Ирина. Апелиан отвечал на это утвердительно. Седекия спросил его:

– Не знаешь ли ты, как она живет?

Старец отвечал ему:

– Она живет так же, как я и все, верующие в Бога истинного. Жизнь ее проходит в том, что она каждый день постится до вечера, вечером же съедает небольшой кусок хлеба и выпивает одну чашку воды, ложа не имеет и отдыхает недолго на голой земле; день и ночь она проводит в молитвах к Богу и занимается чтением Божественных книг.

Удивился князь, услыхав это, и послал за Ириной епарха[2987], приказав ему с честью привести девицу к нему. Придя к нему, святая Ирина сказала:

– Радуйся князь!

Седекия отвечал ей:

– Радуйся и ты, чудная отроковица!

– Зачем ты призвал меня? – спросила его Ирина.

– Сядем и будем беседовать мирно и любовно, – был царский ответ.

Святая девица сказала:

– Я исполняю слова святого Писания, которое говорит: «не сяду я с людьми лживыми и с законопреступными не пойду» (Пс.25:4).

– В чем же мы преступны? – спросил Седекия.

Святая девица отвечала на это:

– Всякий язычник, не ведущий истинного Бога и поклоняющийся идолам, есть преступник.

– Ты принуждаешь меня, несмотря на мое нежелание, мучить тебя, не щадя тебя, княжеской дочери, – возразил Седекия.

– Зачем же ты попусту тратишь время на разговоры, – мужественно отвечала ему святая Ирина, – начинай же мучить меня: я готова на всякую муку за Христа моего.

– Оставь свое безумие, девица, принеси жертву богам.

Святая отвечала на это:

– Напрасно ты беспокоишься, царь, смущаемый сатаною: знай, что я не послужу бесу и не пощажу плоти моей ради Христа Господа моего.

Исполнившись гнева, князь стал советоваться с епархом, какой бы казни предать святую. По приказанию мучителя выкопали глубокий ров и наполнили его змеями, пресмыкающимися и всякими гадами и бросили туда святую девицу. Но она осталась там здрава и невредима в течение десяти дней, ибо Ангел Господень сошел к ней в ров и сохранил ее невредимою; все же гады, бывшие там, издохли.

Седекия, узнав, что мученица осталась живою во рву, удивлялся и полагал, что она обворожила гадов силою

волшебства своего и убила их. Он приказал извлечь ее из рва и привести к нему на допрос. Сев на судилище, он сказал ей:

– Принеси жертву богам, которые тебя пощадили: вот они умертвили змей, тебя же сохранили живою, чтоб ты познала их силу и милосердие и поклонилась им.

Святая отвечала на это:

– Безумец, прельщенный сатаною, которого я презираю! Разве эти деревянные или каменные идолы когда-либо умерщвляли змей? Ты сам вскоре будешь ввержен в ров преисподнего ада с богами твоими, которым ты служишь, и погрязнешь «во тьме кромешной», уготованной тебе сатаною: «там будет плач и скрежет зубов» (Мф.25:30).

Князь во гневе призвал плотников с железной пилой и приказал им перепилить святую девицу. Когда святую привязали к дереву и начали пилить, то пила не касалась девического тела и притуплялась как бы об острый камень; наконец, переломилась по средине. Была принесена другая пила, но и эта переломилась, а пилившие упали, ранили себя обломками пилы и умерли. Наконец, была принесена третья, самая острая и крепкая пила, и Седекия приказал пилить девицу по чреслам ее. Связав, ее положили на земле, грудь же ее придавили большим камнем, и начали пилить святое тело великомученицы: на сей раз коснулась пила тела и потекла из него кровь.

Седекия тогда со смехом сказал мученице:

– Где же Бог твой? Пусть Он придет теперь и поможет тебе, если есть у Него сила.

При этих словах Седекии внезапно блеснула молния, раздался страшный гром, поднялся вихрь в воздухе; слуги, терзавшие тело святой мученицы, лишились чувств. Князь в страхе побежал в свой дворец, и народ бросился с площади по своим домам; пролился великий дождь, словно поток, с сильным градом, и многие из мучителей пали мертвыми, убитые молниею, громом и градом. А Ангел Господень, сойдя с неба, снял камень с груди святой мученицы, исцелил язвы ее и воздвиг ее здоровой.

Восемь тысяч человек, видя это чудо, уверовали во Христа. Но князь, наущаемый диаволом, снова приказал схватить святую и снова начал рассуждать с епархом, как бы погубить ее. Мучители придумали для нее такую казнь: ее привязали к мельничному колесу, чтобы оно в своем вращении истерзало ее. Но, когда пустили воду под колесо, вода остановилась, как будто окаменев; ни одна капля ее не потекла, и святая была невредима. Князь же с советниками своими воскликнул:

– О как велика ее волшебная сила, которая претворила водную стихию в иное вещество.

Народ, смотря на это чудо, возмутился против нечестивого князя и с громким криком укорения и досады стал бросать в него каменьями и изгнал его из города. Он же, придя на свою родину, прожил здесь семь дней и умер от печали, гнева и стыда.

По смерти Седекии, сын его Савах, желая отомстить за позор своего отца, собрал много воинов, числом около ста тысяч, и пошел войной на город Магеддон. Жители этого города, узнав о приближении царя Саваха, в страхе затворились в городе и сказали святой Ирине:

– Из-за тебя мы погибаем.

Но она повелела им не бояться врагов и начала молиться Богу такими словами:

– Ты, услышавший некогда раба Твоего, пророка Елисея, услышь и мою молитву и невидимо порази этот народ, идущий погубить город, ослепи врагов наших, да разумеют они, что Ты единый Бог истинный.

И тотчас, услышав молитву ее, Господь поразил слепотою князя и всех воинов, бывших с ним.

Князь Савах понял, что это Ирина навела слепоту на него и на его войско, и послал к ней посланца с такой просьбой:

– Я знаю теперь, что непобедима сила твоего Бога; молю же тебя, помолись твоему Богу обо мне и о воинах моих, чтобы прозреть мне и им!

Умилосердившись, святая принесла прилежную молитву ко Владыке всех, и прозрел князь и все бывшие с ним. Затем Савах послал в город сказать гражданам такие мирные слова:

– Возьмите меня к себе князем, как имели вы князем и отца моего; я же прощу вам бесчестие, нанесенное вами моему отцу.

Граждане видя, как велико царское войско, заключили с ним мир, отперли ему городские ворота, поклонились ему и признали его своим царем. Когда же Савах получил царство, он, по наущению диавола, разгневался на святую Ирину и, призвав святую, сказал ей:

– Я прощаю городу его вину, а на тебя гневаюсь, потому что ты возбудила мятеж против моего отца, и его за то побили камнями; но если и ты хочешь получить прощение от меня, исполни мою волю: принеси жертву богам и будешь свободна.

Святая стала укорять князя в его безумии и тем привела его в еще большой гнев.

Савах приказал бросить ее в темницу и стал совещаться с вельможами, какую для нее изобрести пытку. Святая между тем пребывала в темнице уже в продолжении семи дней. Здесь явился ей Христос и сказал ей:

– Не бойся, дочь моя, ибо с тобой Я, укрепляющий тебя.

Савах приказал, выведши мученицу из темницы, вбить ей в пятки железные гвозди, затем, положив ей на плечи тяжелый мешок с песком, повелел гнать ее до одного места, отстоявшего от города в пяти поприщах[2988]. Слуги вложили вожжи в уста святой и погнали ее, как гонят лошадей, к назначенному месту. Святая же, будучи так унижаема, говорила, обратясь к Богу:

– Воистину, «как скот был я пред Тобою», Господи. «Но я всегда с тобою; Ты держишь меня за правую руку. Ты руководишь меня советом Твоим и примешь меня в славу» (Пс 72:22–24).

Посмотрев направо от себя, святая увидела сопутствующих ей Ангелов Господних и возрадовалась душою. Когда мучители пришли на назначенное место, слуги повернули назад к городу, ведя с ругательствами на вожжах святую мученицу. Много народа следовало за ними, а святая увидела пред собою Ангела, ударяющего жезлом по земле и подумала в себе: «Погибнут враги Божии».

Когда они дошли до места, где стоял Ангел, земля внезапно расселась и пожрала слуг мучителя, ведших святую. Святая

почувствовала себя разрешенною от уз, и невидимые руки сняли мешок с песком с ее плеч, гвозди выпали из ее ног и стала она здорова ногами и ходила, славя Бога. Князь, узнав об этом, сказал:

– Боги разверзли землю и отвели под землю от этой волшебницы моих слуг.

Но другие возразили ему, говоря:

– Бог Живый со святою мученицей Ириной!

Иные же поносили бранными словами святую девицу. Тогда Ангел, разверзши землю, поразил внезапною смертью многих неверных, числом до десяти тысяч; уцелевшие же из язычников взывали:

– Бог Ирины, пощади нас, ибо мы веруем в Тебя и прибегаем к Тебе.

В это время действительно уверовало во Христа около тридцати тысяч человек. Однако не уверовал в Бога князь Савах, и Ангел Божий поразил его за это смертью.

Между тем святая Ирина продолжала проповедовать имя Христово в городе и творила много чудес силой Христовой. Она не только исцеляла больных, очищала прокаженных и изгоняла от людей бесов, но воскресила юношу умершего, горько оплакиваемого родителями, и обратила ко Христу до десяти тысяч народа.

В город в это время по повелению Божию пришел святой Тимофей пресвитер, крестивший святую Ирину. С радостью встретив его, святая Ирина вместе с ним и с прочими людьми, уверовавшими во Христа, пошла к столпу, где жили ее отец и мать, в безмолвии работая Богу, и там все, уверовавшие во Христа, приняли святое крещение.

Три года провела святая Ирина в городе Магеддоне, уча людей и утверждая их в вере Христовой. Потом она пошла в другой город, по имени Каллиполь[2989], где правил князь Нумериан, родственник гонителям Ирины, царям Седекии и Саваху.

Когда Ирина входила в город, язычники справляли там нечестивый праздник в честь богини Артемиды[2990], и царь приносил пред идолом жертву. Святая Ирина стала пред ним,

обличила его в нечестии и исповедала Христа истинным Богом. Князь сказал своим вельможам:

– Эта девица лицом и ростом похожа на отца своего Ликиния, но дурные дети составляют несчастие для своих родителей. Так, и из-за этой отроковицы добрый отец ее лишился царства. Она же, как я слышал, виновница смерти брата моего Седекия; также и сына его, Саваха, она умертвила своим волшебством; воистину эта девица губительница царей.

Затем Нумериан сказал святой Ирине:

– Что скажешь ты, волшебница? Принесешь ли ты жертву богам или останешься в своем пагубном заблуждении?

Святая, осенив себя крестным знамением, отвечала:

– Я принесу жертву хвалы Богу Вышнему, а бесам твоим и бездушным идолам не принесу жертвы. Что же касается твоих родственников князей, то знай, что не я, а мой Бог, обладающий жизнью и смертью каждого, повелел им умереть; убойся же и ты моего Бога, ибо немного дней осталось тебе жить и вскоре постигнет и тебя кончина.

Услышав это, Нумериан распалился яростью, заскрежетал зубами, зарычал как лев и приказал своим слугам растопить трех медных волов, решив, что если святая одолеет в одном воле силу огня, то будет брошена в другой; если же сделает то же и с другим, тогда будет брошена в третий. Так и случилось. Когда медные волы были раскалены как горячие угли, святую бросили в один из них. Здесь она стала громко молиться такими словами: «Господи! Поспеши на помощь мне, страждущей ради святого имени Твоего!»

Явился ей Ангел Господень. Увещевая ее не бояться мучений, он остудил пламя огня. Народ же роптал на Нумериана, говоря:

– Напрасно погубил ты цветущую юностью отроковицу.

Когда медь остыла, святую нашли живой и здравой, нисколько не поврежденной огнем, и князь сказал окружающим:

– Не предупреждал ли я вас, что эта девица волшебница? Видите, как погасила она огонь; бросьте ее в другой вол.

И святая была брошена в другой вол. Когда же и этот был чудесно остужен, она была брошена в третий. И тогда этот

третий вол, по повелению Всесильного и Всемогущего Бога, двинулся с места как живой, прошел четвертую часть поприща и, возвратившись на свое место, распался, а святая мученица вышла из него невредимою. Народ, видя такое чудо, громко взывал:

– Велик Ты, Бог Ирины! Помилуй нас по великой милости Твоей! Ты Бог наш, сильный и крепкий, творящий чудеса дивные и преславные!

И уверовали во Христа тогда до ста тысяч человек. Князь же Нумериан не только пребывал в неверии, но и хулил Бога Вышнего, за что, невидимо пораженный Ангелом Божиим, разболелся смертельно. Умирая, он приказал своему епарху Ваводану, подвергнуть Ирину различным мукам и затем умертвить ее самою лютою казнью.

Когда нечестивый князь Нумериан умер, то святая Ирина, пребывая в городе, продолжала учить народ вере во Христа Господа и исцеляла всякие недуги; а пресвитер Тимофей, пришедший туда в это время, крестил уверовавших во Христа.

Епарх, видя, что весь народ сочувствует святой Ирине, боялся подвергнуть ее мукам в этом городе, опасаясь возбудить в народе ропот и мятеж. Он отправился в другой город, называемый Константина[2991], мученицу же велел воинам своим вести за собою. Придя в этот город, он воссел на судилищном месте и сказал святой:

– Знаешь ли ты, что мне дана власть над тобою? Приступи же к богам нашим и принеси им жертву; в противном случае я предам тебя лютым мукам.

Святая отвечала ему:

– Слушай, епарх, мой ответ: предай меня всем, какие только можешь изобрести, мучениям и увидишь силу Божию.

Епарх приказал принести железную решетку и, положив мученицу на решетку, приказал привязать ее к ней железными цепями; затем, подложив под решетку дрова, приказал зажечь их. Запылал сильный огонь, и тогда, по приказанию епарха, на мученицу стали лить масло, сало и смолу; так мучили святую в продолжение нескольких часов; решетка и железные цепи накалились до красна. Однако святая пребывала невредимой и

воспевала, прославляя Бога, как будто ее орошала холодная роса. Потом железные цепи спали с нее, и она встала здравою и совершенно невредимою.

Епарх и его советники, видя это, сильно удивились. Припав к ногам святой, епарх сказал ей:

– Раба истинного Бога! Умоляю тебя, не погуби меня, как погубила ты князей наших, ибо и я верую в Сына Божия и хочу быть христианином.

И так уверовал во Христа епарх Ваводан и вместе с ним множество народа. Ангел Божий привел в этот город пресвитера Тимофея, и все, уверовавшие во Христа, крестились от него.

Пробыв в этом городе пятьдесят дней, святая Ирина вышла оттуда и была схвачена воинами князя Савория, который жил во фракийском городе Месемврии. Она была приведена к нему, так как этот князь слышал о ней и давно желал ее схватить. Увидев святую, он пришел в ярость, казнил ее мечом, и она была погребена вне города. После этого Саворий сказал во всеуслышание:

– Страшные слухи ходили об этой волшебнице, так как она чарами своими убивала князей. Почему же теперь не могла она убить меня, но я убил ее, и где ее помощник Христос? Почему не избавил Он ее от рук моих?

Так неверный царь поносил силу Христову и гордился собою, как победитель Ирины.

Но что невозможно для всемогущей силы Божией? Тот, Кто во время вольной Своей смерти «многие тела усопших святых», воскресил, так, что они, «вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святой город и явились многим» (Мф.27:52–53). Сей не мог ли воскресить из мертвых и эту святую, чтоб она вошла в Месемврию и явилась князю? Воистину силен Христос Бог наш на небе и на земле и творит все, что возжелает. Он послал Ангела Своего и восставил святую Ирину живою из гроба; при этом Ангел Господень сказал ей:

– Хотя ты и совершила уже подвиг страдания своего и подобало тебе уже почить, ибо ты достойна блаженства на небесах; но чтобы не возносились нечестивые и беззаконные паки, хвалящиеся, что они преодолели силу Бога нашего, иди в

город, чтобы увидели тебя живою и посрамились все нечестивцы, познав, что Бог наш всемогущ; больше ты ни от кого уже не примешь никакого страдания.

И вошла святая в город Месемврию, держа масличную ветвь в руке своей. Когда граждане увидели ее, сердца их исполнились великим ужасом и они весьма удивились. Весь народ окружил святую с громкими криками:

– Дивен Бог Ирины, и нет иного Бога кроме Его.

Князю города того было доложено, что Ирина воскресла из мертвых. Услышав это, он весьма испугался и, увидев святую, припал к ногам ее, говоря:

– Теперь я понял, что велик твой Бог. Умоляю тебя остаться в нашем городе и сделать нас христианами.

Святая оставалась с ними в продолжение семидесяти дней, уча их святой вере, и все жители того города уверовали во Христа; блаженный же пресвитер Тимофей, придя туда по Божиему повелению, крестил князя и всех прочих людей.

Отсюда святая Ирина отправилась на родину свою, в город Магеддон, где отец ее около этого времени умер. И она оплакала смерть его, молясь о нем Богу. Некоторое время она оставалась со своею матерью, а потом была перенесена на облаке и поставлена в Ефесе[2992], и ходила она по этому городу, по апостольски проповедуя имя Христово, творила здесь многие чудеса, исцеляя различные недуги. Своею проповедью святая Ирина многих язычников обратила от идолопоклонства к вере Христовой.

Спустя некоторое время пришел к святой Ирине в Ефес посланный ей Богом старец Апелиан, бывший некогда ее учителем. Святая, увидя его, весьма обрадовалась. Спустя несколько дней она сказала народу:

– Радуйтесь, братия мои! Мир Господа Иисуса Христа да будет с вами; благодушествуйте, веселясь о Господе нашем, и крепко стойте в вере. Я отхожу от вас и благодарю вас, что вы приняли меня, странницу. Знайте же, что всякий, принимающий странников, бывает другом Бога Небесного.

Граждане, выслушав ее слова, начали спрашивать друг друга:

– Куда идет наша учительница?

Другие говорили:

– Не хочет ли она умереть?

Третьи вещали:

– Она достойна Бога; она будет взята от очей наших, потому что мы грешны.

На следующий день святая Ирина, взяв старца Апелиана и шесть благоговейных мужей, пошла с ними за город и, найдя в каменной скале новый пустой гроб, в котором никогда никто не был положен, вошла в этот гроб и сказала Апелиану и другим мужам:

– Покройте меня плотно сверху камнем, чтобы никто не мог открыть меня раньше четвертого дня.

Затем она выразила последнее приветствие Апелиану и бывшим с ним мужам. Потом осенила себя крестным знамением и возлегла. Мужи положили сверху гроба тяжелый камень и возвратились в город.

На четвертый день Апелиан с теми же мужами пришел ко гробу, но, не найдя там тела святой Ирины, подумал в себе, что Христос Бог призвал ее в рай. Он отправился в город, чтобы возвестить об этом. Многие собрались ко гробу и, увидев, что гроб пуст, удивлялись и с ужасом прославили Бога.

Так окончились страдания святой девы Ирины; таковы были подвиги этой девы – невесты Христовой. Она исповедала веру свою во Христа сперва пред отцом своим Ликинием, потом пред Седекиею и сыном его Савахом, затем пред Нумерианом, епархом Ваводаном и, наконец, пред Саворием. Города, в которых она страдала, суть следующие: Магеддон – ее родина, Каллиполь (или Калиник), Константина и Месемврия во Фракии. Она почила о Господе в городе Ефесе месяца мая в пятый день[2993].

Представши ко Христу, она умоляет Его за всю вселенную. Сказание о подвигах и страдании ее написал старец Апелиан, во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице славимого, Которому подобает честь и поклонение от всякой твари ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Агница Твоя, Иисусе, Ирина зовет велиим гласом: Тебе, Женише мой, люблю, и Тебе ищущи страдальчествую, и сраспинаюся, и спогребаюся крещению Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе, и умираю за Тя, да и живу с Тобою, но яко жертву непорочную приими мя, с любовию пожершуюся Тебе: тоя молитвами, яко милостив, спаси души наша.

Кондак, глас 4:

Девства добротами преиспещренна дево, страдальчеством была еси краснейшая Ирино, кровми твоими истекшими обагрена, прелесть же низложившая безбожия: сего ради и прияла еси почести победы, рукою Создателя твоего.

Житие святого праведного и многострадального Иова

Память 6 мая

Святой праведный Иов по рождению своему происходил из племени Авраамова; жил он в Аравии, – местом пребывания его была земля Хус[2994], которую населяли потомки Уца, племянника Авраама, сына – первенца Нахора, брата Авраамова (Быт.22:20–21). Иов был человеком истины (Иов.6:24–30; ср. Иов. 27:2–4), – он отличался безукоризненным поведением, справедливостью с доброжелательством ко всем и благотворительностью, а всего более богобоязненностью с соблюдением невинности своего сердца и удалением от всего злого не только в делах своих, но и во внутренних помышлениях. У него было семь сыновей и три дочери. Известен он был в своей стране и богатством: у него было семь тысяч овец, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов, пятьсот ослиц и множество слуг; принимал он живое и деятельное участие в жизни своих соплеменников и оказывал большое влияние на дела общественные, ибо по всему Востоку он был в великом почете за свои благородство и честность (Иов.30:5–10; ср. Иов. 30:1–3). Сыновья Иова, хотя и проживали каждый отдельно, в своем шатре – доме, но питали в себе столь крепкую взаимную любовь и жили в таком согласии между собою, что никогда не дозволяли себе есть и пить раздельно, помимо своего родственного содружества. Каждый день, по очереди они делали у себя пиры и проводили время в братском кругу, вместе со своими сестрами, среди невинных увеселений, свободных от всяких неумеренностей, чуждых пьянства и бесчиний. Собраний неблагочинных не допустил бы и добрый и праведный отец их. Но так как пиры детей Иова были выражением их братской любви и тихого благонравия, то праведный муж не только не запрещал их, но даже поощрял, утешаясь семейным миром. Каждый раз, по прошествии семи дней, по окончании очередных братских собраний, Иов предлагал своим детям тщательно, по искренней совести

проверять свое поведение – не погрешил ли кто-либо из них против Бога словом или помыслом; ибо он весьма боялся Бога, но боялся не страхом раба, а опасением сыновней любви, и внимательно наблюдал и за самим собою и за домом своим, чтобы не случилось у них чего-либо такого, что прогневляет Господа Бога. Впрочем, богобоязненный праведник не ограничивался только наблюдениями за своими домочадцами и увещаниями к ним, чтобы проводили они жизнь непорочную, чтобы никто из них и в мыслях не погрешал пред Создателем своим, – но всякий раз, когда оканчивался круг пиршественных дней, Иов в присутствии всей семьи ранним утром приносил жертвы всесожжения по числу всех детей своих и одного тельца за грех о душах их, ибо, говорил он, может быть сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем; так делал Иов во все такие нарочитые дни (Иов.1:5).

В одно время, когда на небе Ангелы Божии, хранители рода человеческого, собрались пред престолом Вседержителя Бога, чтобы предстательствовать пред Ним своим ходатайством за людей и принести Ему человеческие моления о всяческих жизненных нуждах, – пришел между ними и диавол, клеветник и искуситель рода человеческого. Сатана, низверженный с неба, попущением Божиим явился там, среди Ангелов, не изменив своей падшей природе, не по доброму желанию ходатайствовать о благе, а для того, чтобы изрыгнуть свое озлобление и похулить добро. Сатанинская гордыня в своем внутреннем ослеплении никогда не мирится с истиною, не усматривает радостного мира в смирении и покорной преданности воле Всеблагого Бога; она смело вносит переоценку существующего, по своему мрачному взгляду и в чуждую ей, светозарную область жизни Божественной, дерзко измеряя все мерою своего самомнения!

И сказал Господь сатане, представшему вместе с Ангелами:

– Откуда ты пришел?

Сатана отвечал:

– Я ходил по земле и обошел ее всю.

Господь сказал ему:

– Обратил ли ты внимание свое на раба Моего Иова? Не найти на земле другого человека, который бы, как он, был так непорочен, справедлив, богобоязнен, чужд всякого порока!

На это сатана отвечал Господу:

– Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли бережешь его? Не Ты ли кругом оградил и дом его, и все, что у него? Ты благословил дела рук его и стада его умножил и распространил по земле. Но простри руку Твою и коснись всего, что есть у него, отними то у него, тогда увидишь, станет ли он благословлять Тебя?

Тогда Господь сказал сатане:

– Все, что есть у него, Я предаю в твои руки, делай по воле твоей, только его самого не касайся.

Сатана отошел от лица Господня (Иов.1:6–12). Был день, в который сыновья и дочери Иова пировали в доме старшего брата. И вот приходит вестник к Иову и говорит:

– Волы твои в поле попарно под ярмом пахали, и ослицы паслись подле них; вдруг напали савеяне и угнали их, а слуг перебили; спасся только я и прибежал донести тебе.

Пока говорил этот, приходит другой вестник к Иову, и рассказывает:

– Огонь упал с небес и попалил весь мелкий скот и пастухов; спасся я один и пришел сказать тебе.

Еще не кончил этот своей речи, приходит новый вестник и доносит:

– Подошли халдеи и, разделившись на три отряда, окружили верблюдов и угнали их, а слуг перебили; спасся я один и пришел возвестить тебе.

Еще этот говорил, вот приходит иной вестник и сказывает Иову:

– Сыновья твои и дочери твои пировали в доме старшего брата своего; вдруг страшный вихрь понесся из пустыни, обхватил дом с четырех углов и обрушил его на детей твоих; все погибли; спасся только я один и пришел известить тебя.

Выслушав одну за другой эти ужасные вести, Иов встал, в знак тяжелой скорби своей разодрал верхнюю одежду свою,

остриг голову свою, пал на землю и, преклонившись пред Господом, сказал:

– Нагим я вышел из чрева матери своей, нагим и возвращусь в чрево матери земли. Господь дал, Господь и взял! – как угодно Ему, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!

Так во всем этом Иов не согрешил пред Богом ни одним безрассудным словом (Иов 1:13–22).

Был день, когда Ангелы Божии опять предстали пред Господом; между ними пришел опять и сатана.

И сказал Господь сатане:

– Откуда ты пришел?

Сатана отвечал:

– Я был на земле и обошел ее всю.

Господь сказал ему:

– Обратил ли ты внимание свое на раба Моего Иова? Нет на земле человека, который бы был подобен ему: так он добр, правдив и благочестив, так он далек от всего злого! И при постигших его несчастиях, он и доселе остается тверд в своей непорочности; а ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его безвинно!

И отвечал сатана Господу и сказал:

– Кожу за кожу, а за жизнь свою человек отдаст все, что есть у него, – то есть: в чужой коже человеку страдать можно; в чужой коже удары не так чувствительны, даже снятие этой кожи сносно, не болезненно для него и он может оставаться спокойным; а вот попробуй коснуться его собственного тела, простри руку Твою и коснись кости его и плоти его и увидишь – благословит ли он Тебя?

Тогда Господь сказал сатане:

– Вот, он в руке твоей. Я попускаю тебе сделать с ним, что захочешь; только душу его сбереги, – не посягай на основу его существа, свободное изволение (Иов.2:1–6).

Сатана отошел от лица Господня и поразил все тело Иова страшною проказою от подошвы ног его по самое темя головы. Страдалец должен был выселиться из среды живых людей, так как был нетерпим между ними по заразительности охватившей

его болезни. Тело его покрылось отвратительными, смрадными струпьями; по всем суставам разливался жгучий внутренний огонь; сидя, вне селения, в пепле, Иов обломком черепка скоблил свои гнойные раны. Все соседи его и знакомые отстранились, оставили его. Даже жена его утратила сострадание к нему.

Спустя много времени она, в состоянии отчаяния, сказала однажды Иову: «Доколе ты будешь терпеть? – Вот, подожду еще немного в надежде спасения моего; ибо погибли с земли память твоя, сыновья и дочери, болезни чрева моего и труды, которыми напрасно трудилась. Сам ты сидишь в смраде червей, проводя ночь без покрова, а я скитаюсь и служу, перехожу с места на место, из дома в дом, ожидая, когда зайдет солнце, чтобы успокоиться от трудов моих и болезней, которые ныне удручают меня. Не упорствуй, не отстаивай неуклонно свою непорочность; но скажи некое слово к Богу, похули Его и умри, – в смерти ты найдешь освобождение от своих страданий, она избавит и меня от мучений».

Так просто и естественно, по-видимому даже и удовлетворительно, разрешала жена Иова для него и для себя вопрос о жизни, не простираясь далее земного понимания ее значения и назначения, по внушению сатаны – «кожу за кожу». Измученная и усталая нравственно, она готова была погасить последний светоч истинной жизни: «похули Бога и – умри».

Не так, однако, рассуждал о своем состоянии сам страдалец, Иов, смотря на свою человеческую природу не с точки зрения узкого себялюбия. С сожалением взглянув на жену, он сказал ей:

– Зачем ты говоришь так, как одна из безумных жен? Если доброе мы принимали от Бога, то неужели злого мы нестерпим, – не будем принимать!

И в этот раз таким образом Иов не согрешил пред Богом – уста его не произнесли ничего хульного на Бога (Иов.2:7–10).

Слух о несчастии, постигшем Иова, распространился по окрестным странам. Три друга его: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхеянин и Софар Наамитянин[2995], осведомленные о злополучии его, собрались вместе, чтобы идти утешать

страдальца, разделив его скорбь. Но, приближаясь к нему и не узнавая его, потому что лицо его представляло сплошной гнойный струп, они еще издалека от ужаса вскричали и зарыдали, разодрали каждый верхнюю одежду свою и в сильной горести бросали пыль кверху над головами своими. Семь дней и семь ночей провели они потом, сидя на земле насупротив своего друга и не промолвив ни одного слова, ибо видели они, что страдание его весьма велико и не находили средств утешить его в таком состоянии (Иов.2:11–13). Томительное молчание это было прервано самим Иовом. Он первый открыл уста свои: проклял день своего рождения и выразил глубокую скорбь о том, зачем ему дано было увидеть свет, который теперь покрыт для него мраком? Зачем дана ему жизнь, когда она для него является безотрадным мучением?

– Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, – говорил страдалец, – и страшное, чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады! (Иов.3:1–26).

Тогда в разговор с ним вступили и друзья его, хотя своими рассуждениями, которыми они хотели утешить его, только еще более отравляли исстрадавшееся сердце его (Иов.21:34; Иов. 16 и дал.). По своему искреннему убеждению, по своей вере, что Правосудный Бог награждает добрых и наказывает злых, они почитали за неоспоримое и несомненное, что если кто подвергается несчастию, тот – грешник, и чем больше это несчастие, тем – значит – мрачнее его греховное состояние. Потому и об Иове они думали, что у него существуют какие-либо тайные грехи, которые он умел искусно скрывать (Иов.32:1–22, 33:1–33 и др.) от людей и за которые Всевидящий Бог и наказывает их друга. Это они дали почувствовать страдальцу с самого начала своих разговоров и потом, в продолжении длинных своих рассуждений, убеждали его сознаться и раскаяться в своих преступлениях. Иов, в сознании своей непорочности при всей, по-видимому, убедительности речей, почитал себя внутренне далеким от того, чтобы признать их рассуждения справедливыми (Иов.27:1–7; ср. Иов. 10:17); со всею силою невинности защищал он свое доброе имя.

– Доколе будете мучить душу мою и терзать меня речами своими? Вот, уже раз десять вы срамили меня и не стыдитесь терзать меня! Жалкие утешители! – будет ли конец ветреным словам вашим? (Иов.19:2–3; ср. Иов. 16:2).

Иов разъяснял своим друзьям и уверял их, что он страдает не за грехи, но что Бог по Своей, непостижимой для человека, воле посылает одному тяжелую, а другому счастливую жизнь. Друзья Иова, полагавшие, что и Бог поступает с людьми по тем же законам возмездия, по которым произносит свой суд и человеческое правосудие, не убеждались его оправдательными словами, хотя и прекратили свои обличения, направленные против него и перестали отвечать на слова его (Иов.32:1–15). В это время принял горячее участие в общем разговоре молодой летами некто Елиуй, сын Варахиилов, из племени Рамова, вузитянин; с пламенным дерзновением он ополчился на почтенного возрастом страдальца «за то, что тот оправдывал себя, свою невинность, больше, нежели Бога» (Иов.32и дал.). Воздавая Создателю справедливость, недоступную человеку, и этот собеседник усматривал причину страданий Иова в его порочности, хотя бы и не заметной для взоров людских.

– Бог могуществен и не презирает сердца сильного крепостью. Он не поддерживает нечестивых и не отвращает очей Своих от праведников; но ты, – говорил Елиуй Иову, – ты преисполнен суждениями нечестивых, ибо, по твоему суждению, наказание, посланное тебе от Бога, незаслуженно, «но ведь суждения и осуждение близки», так близко соприкасаются между тобою (Иов.36:5–17).

Наконец страдалец обратился с молитвою к Богу, чтобы Он Сам засвидетельствовал о его невинности.

Действительно Бог явился Иову в бурном вихре и укорил его за намерение требовать отчета в делах мироправления. Вседержитель указал Иову, что для человека весьма много непостижимого в явлениях и творениях даже одной видимой, окружающей его природы; а после этого – желание проникнуть в тайны судеб Божиих и объяснять, почему Он поступает с людьми так, а не иначе, – такое желание представляет собою уже дерзкую самонадеянность.

– Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? – вопрошал Господь Иова из бурного вихря. – Препояшь ныне чресла твои, как муж и отвечай: где был ты, когда Я полагал основания земли? – скажи, если знаешь. На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее при общем ликовании светил небесных и радостных хвалебных восклицаниях сынов Божиих? Давал ли ты когда-нибудь в жизни своей приказание утру и указывал ли место заре? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли возвысить голос твой к облакам, можешь ли посылать молнии?.. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя: – такая ли у тебя мышца как у Меня? – Укрась себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие; излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и высокомерное и смири его, сокруши сильных нечестивых на местах их. Тогда и Я признаю, что десница твоя сильна, чтобы защитить тебя. Состязающийся с Вседержителем, обличающий Бога пусть отвечает Ему.

И отвечал Иов Господу и сказал:

– Знаю, что Ты все можешь и что намерение Твое неизменно.

– Кто сей, помрачающий провидение, ничего не разумея?

– Это я, говоривший о том, чего не понимал, – о чудных для меня делах, которых я не знал. Я слышал о Тебе прежде только краем уха своего, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прах и пепел; я ничтожен и что я буду отвечать Тебе? – Полагаю руку мою на уста мои (Иов.38–40).

И было после того повеление от Господа друзьям Иова, чтобы они обратились к нему и просили его принести за них жертву, ибо только лицо Иова, сказал Господь Елифазу Феманитянину, Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили обо Мне не так верно, как раб Мой Иов (Иов.42:7–9). Друзья исполнили это Господне повеление и привели к Иову для жертвы семь тельцов и семь овнов. Иов принес жертву Богу и помолился за друзей своих. Бог принял его ходатайство за них, возвратил ему самому телесное здоровье и дал ему вдвое больше того, что он имел прежде. Родные и все прежние

знакомые Иова, услыхав об его исцелении, пришли навестить его и соутешиться и порадоваться с ним, и каждый из них принес ему дар и золотое кольцо. Господь же ущедрил Иова Своим благословением: у него было после того четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц. Родились у Иова, вместо умерших, и семь сыновей и три дочери; и на всей земле не было таких прекрасных женщин, как дочери Иова, и дал им отец их наследство между братьями их (Иов.42:10–15). Господь не удвоил количества детей Иова, как Он удвоил его пастушеские богатства: это потому, чтобы не подумал кто-либо, что его первые дети умершие погибли совсем, – нет, они хотя и умерли, но не погибли, – они восстанут в общее воскресение праведных.

Иов, после терпеливо перенесенных им испытаний прожил сто сорок лет (всего же он жил на земле двести сорок восемь лет), и видел он потомство свое до четвертого рода; умер он насыщенный днями в глубокой старости (Иов.42:16–17); ныне же он живет жизнью не стареющейся и не болезненною в царствии Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице славимого Бога, ибо еще среди понесенных им на земле несчастий он уже видел, как и Авраам, великий день Господень, видел его и радовался (Ин.8:56).

– Я знаю, – говорил он, пораженный смрадною язвой, – знаю, что Искупитель мой жив и Он восставит из праха в последний день распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Чаянием сего истаевает сердце мое в груди моей! (Иов.19:25–27)

Это исповедал праведный Иов пред своими друзьями, внушая им «бояться» не телесных страданий и лишения благ земных, а «меча Господня», гнева Вседержителя, «Который есть отмститель неправды».

– Знайте, что есть суд (Иов.19:29)[2996], – вещает он в наставление нам, – суд, на котором оправдается только имеющий истинную премудрость – страх Господень и – истинный разум – удаление от зла (Иов.28:28).

Тропарь, глас 1:

Богатство видев добродетелей Иовлих, украсти кознствоваше праведных враг, и разтерзав столп телесе, сокровище не украде духа, обрете бо вооружену непорочнаго душу. Мене же и обнажив плени: предварив убо мя прежде конца, избави мя льстиваго, Спасе, и спаси мя.

Кондак, глас 8:

Яко истинен и праведен, богочестив и непорочен, освящен же явлься всеславне, Божий угодниче истинный, просветил еси мир в терпении твоем, терпеливейший и доблейший: темже вси Богомудре, память твою воспеваем.

Страдание святого мученика Варвара воина и других с ним

Память 6 мая

Когда богоненавистный царь Юлиан Отступник[2997] начал войну с франками[2998], то послал против них военачальника Вакха, в полку которого служил храбрый воин, по имени Варвар, по вере христианин, но тайный. Полки обеих стран приготовились к битве; среди франков находился один сильный, подобный Голиафу (1Цар.17), борец. Выходя пред полком римлян, он вызывал на единоборство, чтобы один кто-нибудь выступил бороться с ним, и так как никто из римлян не осмеливался выйти против него, потому что самый внешний вид его, говоривший о его силе, устрашал их, то он смеялся над ними. Тогда воевода Вакх, зная о храбрости блаженного Варвара, призвал его к себе и спрашивал, может ли он выйти на борьбу против этого гордого борца, похваляющегося своею силою. Варвар же, уповая на помощь Господа своего Иисуса Христа, в Которого веровал, не отказывался от единоборства: вооружив себя крестным знамением, он выступил на врага и, схватившись с ним, одолел его и убил с помощью Божею, ибо от Господа был ниспослан блаженному Варвару Ангел, который и помогал ему. Тогда франки устыдились и пришли в страх; римляне же, воодушевленные мужеством, устремились на них и одержали над ними окончательную победу. Такая храбрость блаженного Варвара приобрела ему большую честь среди полков римских и одобрение царя: он был почтен саном комита[2999].

Впоследствии воевода Вакх, после этой славной победы над врагами, во время пребывания с войсками во Фракии[3000], пожелал принести жертвы идолам, чтобы тем воздать им благодарность за победу, которую приписывал не Христу Богу, а суетным своим идолам. И вот он пригласил к совершению нечистых своих жертв и комита Варвара, как первого победителя. Но святой Варвар открыто исповедав, что он христианин, отвращался от идолов. Тогда воевода возвестил о

том царю; царь же, повелев представить к себе воина Христова, принуждал его принести жертвы идолам; но так как блаженный Варвар не повиновался, то царь повелел повесить его на мучилищном дереве и резать мечом чрево его до тех пор, пока внутренности его не вывалились на землю. Но в то время, как святой молился, явился Ангел и, собрав его внутренности, вложил их снова на свое место в чрево мученика и исцелил его, так что не оставалось даже и следа язвы на его теле, а потом отвязал его от мучилищного дерева. Увидев такое чудо, воевода Вакх, вместе с двумя воинами – Каллимахом и Дионисием, уверовали во Христа и исповедали Его, а скверных богов языческих похулили. За это, по повелению царя Юлиана, новые исповедники имени Христова: Вакх, Каллимах и Дионисий – были усечены во главу и таким образом сопричислялись к лику святых мучеников на небе. А святого Варвара нечестивый царь повелел привязать к железному колесу, под коим возжечь сильный огонь, и то колесо вертеть с привязанным к нему мучеником, возливая на страдальческое тело последнего кипящее масло. Но мученик, возносивший теплые молитвы к Богу, остался совсем неповрежденным огнем: напротив, огонь устремился на мучителей-воинов, опалил их, а двоих из них обратил в пепел. После этого страдалец Христов был ввергнут в темницу, где явился ему Сам Господь, и укрепил его.

Наутро святой Варвар снова был выведен для мучений; его, нагого, растянули в четыре стороны, после чего били его безжалостно по спине и чреву воловьими жилами. Потом мученика ввергнули в печь, которую предварительно разжигали в течение трех дней. Пребывая в ней в продолжение семи дней, святой обретен был снова живым, здравым, нимало не поврежденным от огня, словом, вышел из пещи, как бы из бани, славословя Бога. После того святой Варвар снова был ввергнут в темницу, куда к нему вкинули множество скорпионов, змей и всякого рода пресмыкающихся, в том расчете, что он от них погибнет. Но и при сем заключении святой Варвар, отогнав от себя крестным знамением ядовитых гадов, остался ничем не поврежденным.

Тогда ожесточенный мучитель, не хотевший познать силы Христовой, повелел разжечь до возможной степени медного вола и ввергнуть в него мученика; но и там святой остался невредимым. Он не ощущал никакой боли от огня, а медный вол, точно чувствуя опаление от огня, как живой начал двигаться, произносить какие-то звуки и ходить. Увидев это чудо, многие из язычников уверовали во Христа.

Наконец, после всего этого, мучитель повелел святому мученику Варвару отсечь главу. И так доблестенно совершил он свой подвиг страдальческий за Христа Господа. Честное тело его благочестивый епископ Филикий, взяв с честью, предал погребению в городе Мефоне Пелопонесском, прославляя Христа Бога, со Отцом и Святым Духом вовеки славимого, аминь.

Память святого Варвара, бывшего прежде разбойником

Память 6 мая

Сей блаженный Варвар был прежде лютым разбойником в странах Луканских[3001]. Много пролил он крови человеческой, и никто не мог его изловить, ни тем более бороться с ним, так как он обладал необыкновенною телесною силою. Но преблагий и человеколюбивый Бог, не хотящий смерти грешника и всем спасения ищущий, подобно тому, как некогда апостола Павла (Деян.22:1–30), так и сего разбойника действием Своего Промысла уловил в сети спасения. Однажды, когда разбойник этот сидел в пещере и смотрел на множество награбленного золота, вдруг сердца его коснулась благодать Божия, приводящая грешника на путь покаяния. И вот разбойник умилился душой и, вспомнив о Страшном Суде Божием, начал скорбеть, говоря в душе своей: «Увы мне грешному, что сотворил я! Много пролил я крови человеческой, многих жен осквернил, чужие имущества похищал и много иного сотворил зла! Между тем сегодня ли, завтра ли, но я должен умереть; а что я приобрел, – кому останется?!» И потом воззвал снова: «Я знаю, что древнего разбойника Христос по Своему милосердию (Лк.23:40–43) восприял к Себе: и меня Он приимет, если только покаюсь. Се ныне каюсь я, сокрушаюсь о своих злодеяниях и ищу Его милосердия».

Сказав это в глубине души своей, Варвар воспрянул и, не сказав ничего своим товарищам, взял лишь меч под свою одежду и, оставляя все, ночью пошел в ближайшее селение, в котором была церковь. Пришедши в церковь во время утрени, он, по ее окончании, пал священнику в ноги со слезами, восклицая:

– Отче святой! Не отринь меня, окаянного грешника, пришедшего к твоей святости: ибо покаяться хочу я в содеянных мною злодеяниях.

Священник, подняв его с пола, подвел к святому алтарю и сказал:

– Исповедуй, сын мой, пред Богом содеянные тобою согрешения; я же буду смиренным свидетелем твоего исповедания и покаяния.

Кающийся стал говорить:

– Я, отче, – тот самый разбойник Варвар, о котором, как думаю, и ты слышал. Преисполнен я множеством грехов, нечистоты телесной, грабительством и убийствами: ибо я убил до трехсот человек, в том числе погубил мечом и двух пресвитеров, не хотевших допустить меня к таинству покаяния. И вот ныне ты, отче, если знаешь, что Бог приимет меня кающегося, то обвяжи по своему усмотрению мои греховные язвы заповедями Божиими; если же нет, то возьми сей меч и прикажи им убить меня.

Но пресвитер сказал ему на это:

– Чадо! Нет греха, побеждающего Божие милосердие: только не отчаивайся. Ступай ко мне в дом и, что я тебе повелю, то и исполни делом.

Вышедши из церкви, пресвитер оглянулся и увидел, что Варвар подвигается за ним на локтях и коленах, и сказал, обращаясь к нему:

– Что это ты делаешь, чадо?

Варвар отвечал:

– С сего времени, как я повергся на землю пред Господом Богом моим с грехами моими, я не восстану от земли до тех пор, пока не будут прощены мне все злые мои дела.

– Чадо, – сказал ему пресвитер, – ты добровольно даешь обет в сем Богу. И так сохрани его – и прощено тебе будет все.

Пришедши домой, пресвитер снова сказал ему:

– Вот, чадо, дети мои, рабы, скот, псы: к кому из них хочешь быть приравнен, чтобы вместе с ними принимать пишу?

Варвар отвечал:

– Я, отче, не считаю себя равным даже со псами; но, вследствие необходимой телесной потребности в пище, помести меня с ними, чтобы с ними вкушал я пищу и пребывал без крова в продолжение всех дней и ночей.

На это пресвитер сказал:

– Поступи же так, чадо, как ты говоришь пред Богом, и уповай на великое Его милосердие.

И прожил в таком состоянии Варвар у пресвитера того три года, подобно четвероногому скоту, ползая на руках и ногах и не поднимаясь от земли, считая себя недостойным находиться с людьми, но лишь с четвероногими животными и со псами, вместе ел и с ними вместе находился вне дома и днем и ночью. По истечении и третьего года, пресвитер сказал ему:

– Довольно, чадо, перестань питаться со псами, ибо Господь оказывает тебе Свое милосердие.

– Но я, отче, – отвечал Варвар, – еще хочу пастись вместе со скотом.

И сказал ему пресвитер:

– Чадо! Бог видит и сей обет твой, который ты приносишь Ему из своего смирения, желая таким образом пострадать за свои грехи.

И вышел Варвар вместе со скотом за селение, ходя подобно четвероногому скоту и питаясь скудною травою. Достигнув луга, он пробыл на нем двенадцать лет, оставаясь нагим и не имея на себе даже никакого рубища. И сделалась кожа его подобной коре древесной: опаляемая солнечным зноем и растрескиваясь от мороза, она почернела, как уголь. И стал блаженный Варвар добровольным мучеником.

Когда прошло двенадцать лет таковых страданий его в пустыне, он получил по Божественному откровению извещение о прощении своих грехов и о том, что ему предстоит подвиг покаяния своего завершить мученически, кровью своею. И вот однажды, ходя по лугу, Варвар приблизился к дороге, на которой остановились какие-то купцы. Они, думая, что это подошел какой-то зверь (ибо не разглядели, что было в густой траве), пустили в него из своих напряженных луков несколько стрел и поразили его тремя стрелами; подошедши же, увидели, что застрелили человека, и пришли в ужас. Варвар же повелел им ни бояться, ни скорбеть, и рассказал все о себе, и заповедал им возвестить о его кончине пресвитеру того селения. Сказав это, он предал душу свою в руки Божии.

Вышеназванный пресвитер, узнав от купцов о происшедшем, пошел на то место, где увидал тело блаженного Варвара просветившееся, подобно свету. Совершив обычное над мертвым пение, он предал погребению его на том самом месте, на котором он был убит. Впоследствии от гроба блаженного Варвара стали истекать исцеления болящим различными недугами.

По прошествии некоторого времени собрался сюда народ с пресвитером; открыли гроб и увидели, что тело святого не только было нетленным, но и источало целебное миро. Тогда все пришли в удивление и прославили Бога; честные же мощи святого Варвара перенесли с великими почестями в свое селение и положили в церкви, изумляясь дивному человеколюбию и милосердию Христа Бога нашего, Которому со Отцом и Святым Духом, воссылается честь и слава вовеки. Аминь.

Страдание святого мученика Акакия

Память 7 мая

Святой Акакий пострадал за исповедание имени Христова в царствование Максимиана[3002] и именно в третье гонение на христиан, воздвигнутое этим императором по наущению диавола.

Происходил святой Акакий из Каппадокии[3003], был саном воин в звании сотника и служил в полке мартисийском[3004] под начальством полковника Фирма.

В то время царем Максимианом было приказано отыскивать христиан не только в городах, но и в рядах воинов; и если находился в числе воинов кто-либо веровавший во Христа, такого повелено было предавать суду и мучениям; в том случае, если христианин не оказывал повиновения указу царскому, его должно было предавать смерти.

Вследствие такого распоряжения, полковник Фирм призывал к себе каждого воина поодиночке и расспрашивал всякого, какова его вера: и если оказывалось, что кто-либо из его воинов веровал во Христа, то Фирм всячески, и ласками и угрозами, принуждал его к идолопоклонству. Действуя так, Фирм многих, нетвердых в вере и боязливых, христиан совратил в язычество.

Когда Фирм призвал к себе сотника Акакия, то сей последний во всеуслышание сказал:

– Среди христиан рожден я, христианином я и останусь; свидетелем в этом да будет мне Сам Господь Иисус Христос; не только отец и мать моя, но и мои деды и прадеды были христианами: потому христианином останусь и я.

После этих слов святого, Фирм начал склонять его к идолопоклонству и ласками, и угрозами; он три раза призывал его к себе и увещевал его исполнить приказание царское. Однако видя, что Акакий остается непреклонным, Фирм приказал заключить его в оковы и отослать к военачальнику Вивиану.

В то время, как военачальник Вивиан восседал на судилище и допрашивал других исповедников Христовых, к нему подошел комментарисий[3005] Антонин и сказал:

– Вчера полковник мартисийского полка Фирм заключил в оковы своего сотника Акакия; ныне он присылает его к тебе, потому что Акакий не повинуется указу царскому и исповедует веру христианскую.

Тотчас Акакий был представлен на допрос к военачальнику.

Посмотрев на него, военачальник спросил:

– Какое имя твое?

Отвечал святой:

– Вожделенное для меня и для всех родственников моих есть то имя, которое происходит от достославного имени Христова, – я называюсь христианином, но по-человечески я именуюсь Акакием.

Сказал на это военачальник:

– По имени твоему и нрав твой, ибо ты злой, так как не повинуешься царскому приказанию!

Отвечал на это святой:

– О воевода! Ты говоришь ложь и неправильно истолковываешь смысл моего имени, потому что Акакий значит: «незлобивый»[3006]. Этим именем я по справедливости и называюсь, так как не хочу быть общником злобы диавольской, кровь человеческую пиющей.

Сказал воевода:

– Откуда ты набрался таких неразумных речей?

Отвечал святой:

– Я родом из Каппадокии; отсюда было много мучеников за имя Христово, и я сам видел чудеса, которые совершались по кончине святых по благодати и силе, данной от Господа; я сам видел, как гробы и честные мощи их источали исцеления многим больным. Потому я и хочу быть подражателем этих святых мучеников, а не вас, и потому я не повинуюсь вашим нечестивым законам, которые погибнут вместе с вами.

Тогда воевода сказал святому:

– Не думай, что ты будешь предан незначительным мучениям. Ты за свое высокомерие и суесловие заслуживаешь

большой казни; но, если хочешь избавиться от нее, отрекись от христианской веры и исполни приказание царское, поклонись богам, по милости которых царствуют императоры и одерживают победы над врагами своими; постыдись и меня, восседающего на этом судилище; не считай себя умнее всех людей и не надейся на человека, именуемого Христом, Который, как говорят, был предан мучениям и законно осужден на смерть.

Отвечал на это святой:

– Ты заблуждаешься, судия, говоря так, и сильно грешишь, будучи ослеплен сатаною, потому что цари царствуют и одерживают победы не по милости богов ваших, но по промышлению и соизволению всеблагого Бога нашего. А относительно того, что ты говоришь, будто я уповаю на человека, преданного мучениям и осужденного на смерть, – знай, что это Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Который ради спасения нас, грешных людей, пришел на землю и стал человеком, продолжая пребывать Богом истинным; Господь наш Иисус Христос некоим дивным и неизреченным образом принял на Себя естество наше; как было это – ты не только не поймешь, но и не услышишь, если предварительно не сделаешься христианином. Христос Господь, будучи Богом истинным, как я сказал, будучи Словом (Ин.1:1), сопребывающим с Отцом и сопредвечным Ему, во время, Ему благоугодное, совершил дело спасения нашего и таким образом избавил нас от рабства врагу-диаволу, от начала времени нам позавидовавшему.

На эти слова святого военачальник сказал:

– Если цари противны твоему Христу, то почему же Он не умерщвляет их, будучи Богом Всемогущим, как ты говоришь?

Отвечал святой:

– Потому-то ты и должен познать Его бесконечное милосердие и беспредельную силу, что Он, поругаемый вами, не умерщвляет вас, долготерпеливо ожидая, что вы, эллины, покаетесь и воздадите честь, Богу подобающую, Ему, а не бесам. Затем, Он долго терпит и ради того, чтобы избранные рабы Его, возлюбленные Ему, явили бы пред глазами всех

людей свой славный подвиг. Если бы Бог наш погубил вас вскоре, то и вы погибли бы навеки, и рабы Его не были бы явлены миру; не была бы явлена людям и сила благодати Его. Каким бы образом прославился Владыка наш, если бы не явил долготерпения Своего к великим грехам нашим? Потому Он и теперь оставляет вас без наказания, однако, вы, презирающие долготерпение Его, пребывающие в нечестии своем и на нас, неповинных, гневающиеся, – если не покаетесь, то приготовите себе погибель и погрузитесь в нее, по причине беззаконий ваших; мы же, знающие силу и могущество Бога нашего, терпеливо перенося страдания за имя Его, получим вечно-блаженную жизнь от Него; слава Его будет явлена также и тем людям, которые, познав заблуждение свое, покаются и исправят свою жизнь.

Удивляясь такому благоразумному ответу мученика, военачальник Вивиан спросил его:

– Не обучался ли ты книгам, так как ты мудро ответил мне; ты справедливо говоришь, что жизнь человека находится во власти Божией, в Его промышлении и долготерпении.

Отвечал святой:

– Из того обстоятельства, что я, не обучавшийся книжной мудрости, так ответил тебе, ты должен был бы познать силу и благодать Бога нашего, владычествующего над всем миром; ибо Сам Бог говорит устами рабов Своих, чему и вы, считающие себя премудрыми, удивляетесь. И изначала, когда Господь наш восхотел возвестить Евангелие всей вселенной, Он избрал для проповеди не знатных и богатых людей, не мудрых философов и сладкоречивых риторов, но рыбарей и мытарей, простых и неимущих. Так сделал Господь для того, чтобы сила Его непостижимая и премудрость, превосходящая всякое разумение, была познана в тех, которых Сам Дух Святой невидимо учил и наставлял.

После этого военачальник сказал святому:

– Оставь свое многоглаголание и отвечай мне на этот вопрос: известен ли тебе указ царский, повелевающий вам, христианам, или принести жертву богам, или принять тяжкие

муки? Скажи мне: подчинишься ли ты приказанию царскому; принесешь ли ты жертву богам или нет?

Отвечал святой:

– Я еще полковнику Фирму, который меня допрашивал ранее, заявил, и притом не один раз, что я христианин; то, что я говорил Фирму, говорю и тебе: я христианин и скверным бесам вашим не принесу жертвы.

Тогда военачальник сказал:

– Щадя юность твою, так как ты имеешь не более двадцати пяти лет, и уважая твое звание сотника, я вовсе не хотел бы мучить тебя. Однако если ты пребудешь опять в своем нечестии, то ты заставишь меня предать тебя жесточайшим мукам.

Святой же отвечал на это:

– Это не безумие, но самое благоразумное и самое богоугодное дело – не оставлять веры во Единого Бога истинного, Создателя моего, по воле Которого я существую до нынешнего дня.

Военачальник сказал святому:

– Как же ты говоришь, что Бог Один? Ведь только сейчас ты исповедал Христа, Сына Божия. Но если ваш Бог имеет Сына, равного Себе, то ты должен признавать двух богов: одного Бога Отца, а другого – Бога Сына. А если у вас два бога, то почему же ты теперь исповедал мне только одного Бога? Я вижу теперь, что ты заблуждаешься и лжешь мне, потому что противоречишь сам себе на словах.

На это отвечал святой Акакий:

– Я верую и надеюсь на Господа моего Иисуса Христа, распятого при Понтийском Пилате, что Он Духом Святым вразумит меня и научит меня ответить тебе на твой вопрос, потому что вопрос твой о том, почему мы, двух называя, признаем только Единого Бога, – вопрос трудный и не легко разрешимый. Но я говорю тебе, что мы, христиане, не только Отца и Сына, но и Духа Святого исповедуем Богом истинным. В этих трех наименованиях – три Лица, но одно Божество и сила. Мы признаем Единого Бога, вместе с Словом и Духом Святым, потому что не подобает Богу быть без Слова и Животворящего

Духа. Приведу тебе для пояснения моих слов и подобие: вот царь, которого ты называешь владыкою, а я человеком, – называется Максимианом; у него есть сын Максенций. Вот их двое, однако, природа у них одна – природа человеческая, и царство их нераздельно; сын почитается ради отца, отец прославляется ради сына; подобно сему и о Боге мы мыслим, потому что Божественная сущность Отца, Слова и Духа Святого одна и та же, и никогда не изменяется, так как Бог, почитаемый нами, есть Един.

Воевода сказал святому:

– Не раз я замечал тебе, чтобы ты говорил мне только о деле; ты же всеми этими суетными речами только отклоняешься от предмета нашей речи. В последний раз я говорю тебе: принеси жертвы нашим богам, по воле которых существует мир; если же не исполнишь этого моего приказания, то я более уже не буду терпеть твоего неповиновения.

Отвечал на это святой:

– Не думай устрашить меня мучениями; вот тело мое уже готово восприять раны; мучь его, сколько хочешь. Но мыслей моих и моих сердечных убеждений, ни ты, ни царь, ни бесы ваши, которым ты поклоняешься, и никто другой никогда не изменит и не направит ко злу.

Тогда военачальник, разгневавшись, приказал привязать святого обнаженного к четырем столбам и бить его шести воинам суровыми жилами без милости, сначала по спине, а затем по животу. При этом, игемон сказал: «Посмотрим, поможет ли его Бог ему?» Святой мученик был терзаем таким образом долгое время, так что воины, бившие его, менялись несколько раз; уже земля обагрилась кровью его. Но страдалец ничего другого не говорил, как только: «Христе, Спасителю мой! Помоги мне, смиренному рабу Твоему! Господи Боже мой! Не оставь меня!»

Когда же военачальник увидел, что святой мученик был весь изъязвлен и окровавлен, то сказал ему:

– Может быть, ты принесешь теперь жертву богам?

Отвечал святой:

– Не принесу жертвы бесам, потому что я верую в Господа моего Иисуса Христа, помогающего мне; теперь я чувствую себя среди мучений еще более мужественным и твердым, чем прежде; до этих пор ожидание мучений отчасти смущало меня; но как только я начал страдать, меня укрепила сила Христова и я почувствовал в себе готовность на муки, хотя бы еще большие и еще тягчайшие, так как твердо верую и надеюсь на Господа и Бога моего. Но знай, что чем больше ты причинишь мне мучений, тем больше пользы принесешь мне; чем большим мукам ты предашь меня, тем большую благодать у Бога ты мне исходатайствуешь.

Военачальник же, придя в ярость от этих слов святого, приказал бить его по устам оловянными досками. Когда прекрасные ланиты святого обезображивались мучителями, военачальник сказал мученику:

– Принеси жертву богам и тогда ты избавишься от еще более тяжких мучений, приготовленных для тебя. Отвечал ему святой:

– Я так же мало думаю о предстоящих мучениях, как мало думаю о мучениях, уже бывших.

Военачальник же сказал:

– Каким образом ты, будучи воином и притом не обученным книгам, так разумно отвечаешь мне?

Отвечал святой мученик:

– Дух Святой дает рабам Своим терпение и помогает отвечать на суде, потому что Спаситель наш, Господь Иисус Христос, сказал ученикам Своим: «Когда будут предавать вас князьям и владыкам, не заботьтесь, как или что сказать: ибо в тот час… не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф.10:19–20).

Тогда комментарисий Антонин сказал святому:

– Какая тебе, окаянный, будет польза от многоглаголания твоего, так как ты противишься царскому приказанию, за что и принимаешь мучения? Но вот тебя сейчас станут мучить еще больше; тогда ты уж непременно исполнишь приказание царское.

Отвечал ему святой:

– Отойди от меня и лучше увещевай самого себя. Если я не послушал воеводы, несмотря на то, что меня подвергали многим мучениям, то послушаю ли я тебя?

После этого военачальник приказал заключить мученика в темницу города Перинфа, во Фракии[3007]. Здесь святой мученик пробыл семь дней.

В то время, когда святой Акакий находился в темнице, радостно веселясь о Господе и благодаря Его за то, что Он сподобил его пострадать за святое имя Его, к военачальнику Вивиану пришло послание от фракийского игемона Флаккина; в этом послании Вавиану предписывалось идти в Византию, вместе со всеми узниками, какие были у него. Военачальник Вивиан тотчас отправился, а с ним вместе пошел в Византию и святой Акакий, шедший вместе с несколькими другими узниками, за некоторые преступления заключенными в темницу. Святой мученик сильно изнемогал на пути и от ран, и от железных оков, и от голода, и от жажды, а также вообще и от продолжительного и спешного путешествия, тем более что воины, сопровождавшие святого, были немилосердны и часто наносили ему побои, побуждая святого идти скорее. При всех таких страданиях святой не надеялся остаться в живых и думал, что скоро скончается; поэтому он долго просил воинов, ведших его, остановиться на некоторое время, чтобы он мог помолиться Богу, однако, просьба святого не была исполнена. Когда же все остановились в некотором месте на ночлег, тогда святой, подняв очи к небу, тотчас стал молиться так: «Слава Тебе, Боже, являющему по благоутробию Твоему милосердие Свое всем, любящим Тебя! Слава Тебе, призвавшему меня, грешного, на подвиг сей! Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, знающему немощь плоти нашей и даровавшему мне силы к перенесению мучений! Ныне же, Владыко, видя, что я окружен со всех сторон столь многими страданиями, так что и сама душа моя, как мне кажется, хочет разрешиться от союза с плотью, – пошли Ангела Твоего святого, дабы он исцелил раны мои и облегчил мои страдания; или же повели мучителям предать меня поскорее смерти, дабы я скорее перешел к Тебе, Господу моему».

В то время, когда святой молился в таких словах Богу, внезапно на том месте показался облак, из облака же послышался голос, говоривший: «Акакий! Мужайся, и крепись!»

Этот голос слышали все, там бывшие, – и воины, и узники; удивляясь, они говорили друг другу:

– Неужели и облака могут говорить так же, как и люди? Когда кто слышал то, что мы слышали ныне?

И все дивились бывшему. Многие же из узников, услышав глас тот, уверовали в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, и, припав к ногам святого Акакия, усердно просили его научить их истинам христианской веры. Святой же мученик Христов Акакий, идя вместе с ними, беседовал, говоря так:

– Хотя до сего времени я упражнялся не в книгах, но в обязанностях воинского звания, однако, я был воспитан в священническом доме, потому что я происхожу из священнического рода. Я помню, что я слышал от священников, именно, что Бог, желая спасти человека, изгнанного из рая, и освободить его из ада, послал в мир сопредвечное Слово Свое, Сына Своего; Сын же Божий, приидя в мир, принял плоть от Пресвятой и Пречистой Девы Марии, образом быв как человек; затем претерпел крестную смерть, дабы исправить древом креста грех Адамова непослушания заповеди Божией; чтобы даровать спасение осужденному человеку, Он Сам заплатил за нас долг правосудию Божию Своим вольным страданием на кресте. Будучи пригвожден ко кресту, Сын Божий тем самым уничтожил рукописание наших грехов, победил нашу смерть Своею смертью, ад пленил и всю силу диаволову посрамил и сделал ничтожной. Когда же Сын Божий поразил всех бесов и врата медные сокрушил и цепи железные истер[3008], то воскрес из мертвых в третий день и дал через это роду человеческому возможность воскреснуть всем и жить вечно в грядущем веке. Этот же видимый мир ничтожен и будет существовать незначительное время.

Слушая эти и им подобные слова мученика, узники, сопутствовавшие святому, с радостью обратились к вере христианской.

Когда наступила ночь, то путники остановились для ночлега в близлежащем селении. Здесь узники в полночь имели дивное видение, именно, они видели несколько юношей, одетых в светлые одежды (это были святые Ангелы), как бы воинского чина, беседовавших со святым Акакием. Узники, видя это, подумали, что это родственники и друзья Акакия пришли ночью посетить его (боясь мучителя).

Утром следующего дня все отправились в путь. В этот день все шли очень быстро, так что к вечеру прибыли в Византию; на ночь же остановились ночевать все в одном доме. И в эту ночь узники увидели тех же самых юношей, беседовавших со святым Акакием, как и в прошлую ночь; при этом узники заметили, что эти светлые юноши омывали теплою водою раны мученика и исцеляли их. Взирая на это, узники подумали про себя: «Поистине, это видение – от Бога, потому что не люди, а Ангелы приходили прошлою ночью к святому; и в эту ночь святые Ангелы посетили его».

Когда наступило утро, то все они были отведены в темницу. Святой же Акакий был заключен, по распоряжению военачальника, отдельно от других, во внутреннем отделении темницы; он был скован железными узами, забит в колоду; к нему не пропускали никого для беседы, даже не давали ему ни пить, ни есть, так как мучители хотели голодом, жаждою и тяжкими страданиями заставить его отречься от Христа и исполнить их приказание – поклониться идолам; все же прочие узники были помещены во внешнем отделении темницы.

Перед наступлением ночи узники сподобились снова видеть то же самое дивное явление, – именно они увидели, что во внутреннем отделении темницы засиял яркий свет; подойдя к окнам, чтобы разглядеть, что это такое, они увидели нескольких светлых мужей; которые, освободив мученика от оков, врачевали его раны и предлагали ему чудную, белую как снег, пищу, а также и питье.

Так как это продолжалось каждую ночь, то узники сообщили об этом темничному сторожу. Этот последний, подойдя ночью к окну, увидел то же самое. Но когда сторож вошел во внутреннее отделение темницы, то не нашел никого, кроме святого

мученика, пребывавшего в оковах. Все это привело темничного сторожа в великий страх.

Когда прошли семь дней по прибытии узников в Византию, военачальник Вивиан воссел на судилище и призвал к себе на допрос святого мученика Акакия. Увидав, что мученик Христов был здрав телом и радостен лицом, Вивиан пришел в великое удивление, потому что думал увидеть мученика больным, изнемогшим от ран и оков, от голода и жажды и от продолжительного путешествия. Вивиан подумал, что это воины облегчали страдания святого; поэтому, весьма разгневавшись на них, он сказал им:

– Разве я не приказал вам заключить этого человека во внутреннем отделении темницы, забить его в колоды и оковы железные и совершенно не давать ему ни пищи, ни питья? Но вы держали его на свободе и помогли ему вылечиться от ран. И вот я вижу теперь его еще более здравым и цветущим лицом, нежели прежде.

Комментарисий Антонин сказал на это:

– Как ты приказал, военачальник, так и было все сделано. Начиная с Перинфа и до этого города мы вели его в тяжелых железных оковах; ты сам можешь свесить их и узнать, как много они весят. В этом городе мы заключили его в самое внутреннее и самое тесное отделение темницы, и никто из воинов не давал ему ничего ни из пищи, ни из питья. Спроси сторожа темничного и ты узнаешь, так ли было все, как ты приказывал, или нет.

Тотчас военачальник приказал позвать темничного сторожа. Когда сторож явился к военачальнику, то этот последний с гневом сказал ему:

– Почему ты, окаянный, не исполнил моего приказания, но дозволил Акакию питаться и врачевать раны его, так что теперь он столь крепок телом, что вполне годен к войне.

Святой же Акакий заметил на это:

– Силу и крепость дал мне с неба Подвигоположник Иисус Христос, исцеливший меня от ран и сделавший меня здоровым.

Военачальник же с гневом сказал:

– Бейте его по лицу и сокрушите его уста, чтобы он не говорил тогда, когда ему не предлагают вопроса.

После этого слуги стали бить святого. Затем военачальник сказал сторожу темницы:

– Что ты, окаянный, ответишь мне?

Сторож же отвечал:

– Клянусь властью твоею, что все, что ты приказал мне сделать, я сделал. Я очень строго держал его и всячески стеснял его; но были некоторые, кто питал и врачевал его, как об этом знают все, заключенные в темнице. Расспроси их, и если ты услышишь что-либо другое, – вот голова моя перед тобою, делай со мною, что хочешь. Нам часто казалось, что к нему приходили какие-то воины, причем одни из них разрешали его от оков, другие омывали язвы его и исцеляли их, и, наконец, третьи приносили к нему пищу и питие и дружески беседовали с ним. Обо всем этом мне сказали узники, приведенные сюда вместе с ним из Перинфа; они говорили, что это было и на пути, и здесь, в темнице. Но я не верил их словам, почему сам хотел видеть тех светлых мужей; и действительно я сам, своими глазами, видел все то, что они мне передали. И когда я, внезапно открыв дверь, вошел во внутреннее отделение темницы, чтобы расспросить Акакия, кто это были приходившие к нему, откуда они пришли и каким образом они проникли сквозь запертые двери, – то я не нашел там никого, кроме самого узника, закованного в колоду и железные оковы; иногда я заставал его молящимся Богу, иногда спящим.

Выслушав сторожа темничного, военачальник сказал ему:

– Ты, окаянный, вероятно принимал золото от родственников Акакия и впускал их к нему с пищею, питьем и с лекарствами.

И тотчас, сказав это, военачальник приказал сильно бить сторожа железными прутьями.

Сторож же, принимая побои, воскликнул:

– Я прошу тебя, военачальник, сначала исследуй тщательно как было дело; если окажется, что было не так, как я рассказал тебе, тогда убей меня.

Воевода сказал на это:

– Значит человек тот – чародей и волхв.

Сторож же отвечал:

– Я тебе сказал лишь то, что я видел сам; чародей же или нет тот человек – этого я не знаю.

После этого военачальник приказал еще сильнее бить сторожа темничного. Таким образом, этот сторож неповинно пострадал ради мученика Христова. Святой же мученик Акакий, видя это, посмеялся неразумию военачальника, хотя уста и ланиты святого мученика были сокрушены. Увидав это, военачальник пришел еще в больший гнев и с яростью сказал мученику:

– Разве ты пришел насмехаться над нами, надеясь спастись своим волшебством?

Святой отвечал:

– Не думай, что я смеюсь над тобой и радуюсь твоей погибели; нет, я болею и страдаю сердцем о вашей вечной погибели; вы же сами посмеваетесь и издеваетесь над нами, потому что, оставив Бога истинного, Творца неба и земли, Виновника всего существующего, вы поклоняетесь и воздаете божеское почитание камню и дереву.

После этих слов военачальник приказал десяти воинам бить мученика дубовыми палками по спине и по животу. Мученик же, терпеливо перенося побои, говорил: «Господи Иисусе Христе! Помоги мне, рабу Твоему!» И слышен был с неба голос, укреплявший святого; при этом воины, наносившие удары, как бы оцепенели и не могли поднять рук своих на мученика. Военачальник же, не зная, что делать, решил послать святого к игемону, который прибыл к тому времени в Византию, причем военачальник написал игемону такое послание: «Любезному и достославному судии Флаккину, игемону фракийскому, от Вивиана военачальника – радоваться. Я предавал разного рода мучениям Акакия, защитника нечестивой веры христианской; его прислал ко мне двадцать дней тому назад Фирм, начальник мартисийского полка, так как он не повиновался приказанию царскому. Я никак не мог заставить его подчиниться императорскому указу; так как ты можешь наказать еще сильнее этого человека, то я и пересылаю тебе его, вместе с записью его деяний, сделанною комментарисием».

Игемон, прочитав послание Вивиана, приказал заключить мученика в темницу, но без оков и без охраны крепкой стражей; сделал же он так потому, что имел жену-христианку, которая после многих слезных просьб убедила его не мучить слишком долго христиан, приводимых к нему на допрос, но поскорее предавать их смерти, если уж нельзя их освободить.

Спустя пять дней после этого игемон вызвал мученика к себе на допрос, причем приказал предварительно прочитать описание всех дел мученика – историю его страданий, запись о которых ему была прислана военачальником Вивианом. Игемон весьма удивился как жестокости мучений, так и мужеству святого Акакия, и сильно порицал Вивиана за то, что он так долго мучил человека, званием воина, а не предал вскоре его смерти. Поняв же, что святого Акакия никоим образом нельзя отвратить от исповедания имени Христова, игемон приказал отсечь ему голову вне города (Византии). Когда святой мученик был веден на мучение, то он так воскликнул Богу:

– Как бы я хотел восхвалить Тебя, Источник жизни, Христос, Сын Божий, за то, что Ты был так благ и милостив ко мне грешному, что сподобил меня подвига мученического!

Когда святой дошел до самого места усечения и испросил себе у воинов время на молитву, то, преклонив колена, сказал:

– Слава Тебе, Боже! Тебе должно воздавать непрестанную хвалу, так как Ты прославляешься в нас, людях, обремененных грехами; и чем более Ты являешь нам милостей Своих, чем больше прощаешь наших грехов, тем сильнее и ярче сияет слава Твоего благоутробия и милосердия неизреченного. Да будет благословенно святое имя Твое, Боже, потому что Ты сподобил меня, недостойного, столь великой чести – права называться мучеником Христовым. И эту великую честь Ты даровал мне не по каким-либо заслугам моим, но единственно по причине Твоей неизреченной благости и Твоего несказанного милосердия. Прославляю и восхваляю Тебя, Господи Боже Святой Израилев, с Единородным Сыном Твоим и Святым Твоим Духом, потому что Тебе должна воздаваться слава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Сказав это, святой преклонил под меч голову свою и был усечен[3009].

Так окончил свое страдание за Христа святой мученик Акакий. Честное тело его было погребено с честью христианами на том самом месте, где он был усечен; место это называлось «Ставрион». Все это произошло, как мы сказали, в царствование среди язычников Максимиана, в царствование же среди христиан Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Воспоминание явившегося на небе знамения Честного и Животворящего Креста Господня

Память 7 мая

По кончине первого христианского, благоверного и благочестивого царя Константина Великого, царский престол занял сын его Констанций[3010], который уклонился в злочестивую ересь Ария, хулившего Сына Божия[3011]. Тогда, в посрамление злочестивых еретиков, для уверения неверных и утверждения православных, во святом граде Иерусалиме явилось дивное знамение: во дни святой Пятидесятницы, 7 мая, в третьем часу[3012] на небе явилось изображение Честного Креста Господня, сиявшее неизреченным светом, сильнейшим солнечных лучей, что видел весь народ, пораженный великим ужасом и удивлением, Сие знамение креста, начинаясь над святою горою Голгофскою, на которой был распят Господь наш[3013], достигало до самой горы Елеонской[3014], отстоящей от Голгофы на расстоянии пятнадцати стадий, широта крестного знамения соответствовала его длине; красота же его, напоминавшая подобие разноцветной радуги, была столь велика, что привлекала к себе взоры всех. И все, имел ли кто в руках какое-либо дело, находился ли в жилищах, – оставив все свои дела и вышедши из домов, с вниманием и страхом созерцали пречудное знамение. Потом все многочисленные толпы иерусалимлян, исполнившись от этого Божественного видения страха и радости, поспешили с глубоким умилением и сердечною теплотою в святую церковь, – все старцы и юноши, мужи и жены, притом и с грудными младенцами, также и безбрачные девицы, заключившиеся в безмолвии – и те, вышедши из своих жилищ, устремились туда же, и вообще всякого возраста и состояния жители Иерусалима, странники и чужеземцы, православные христиане и иноверные. И все они единодушно громко прославляли Иисуса Христа, Господа нашего, Сына Божия единородного, Бога истинного от Бога истинного, Промыслителя великих чудес.

Тогда неверующие еретики, враги и хулители Божества Христова, исполнились стыда, видя в явлении креста таковую великую, Божественную славу и силу Христа Господа, самою действительностью удостоверившись в то время в том, что христианская вера есть правая, истинная и благочестивая и предлагает верующему не от человеческой внешней мудрости изученные слова, но утверждается на откровении Духа Святого и благодати, и засвидетельствована небесными знамениями и чудесами. О повествуемом чудесном явлении знамения креста святейший патриарх Иерусалимский Кирилл[3015] известил посланием царя Констанция, увещевая его обратиться к православному учению. Ермий же Созомен[3016] свидетельствует, что через сие явление на небе святого Креста[3017], весьма многие из иудеев и эллинов пришли к истинной вере и, приступив с покаянием ко Христу Богу нашему, приняли святое крещение. И все благочестно прославляли Христа Бога нашего, Единосущного и Соприсносущного Отцу и Святому Духу. Мы же, исповедуя неисповедимую Его силу, явленную крестом, превозносим нашими благодарными хвалами Господа Бога нашего и поклоняемся подножию ног Его, святому кресту, умоляя милосердие Господне, дабы во второе страшное Свое пришествие Христос сподобил нас узреть имеющее тогда явиться «Знамение Сына человеческого» (Мф.24:30), крест святой, в радости и надежде спасения и им, как бы ключом, отверз нам двери Царства Небесного, как некогда благоразумному разбойнику рай (Лк.23:40–43), и вчинил нас вместе с благословенными Своими овцами вовеки (Мф 25:33–34). Аминь.

Тропарь Креста, глас 8:

Креста Твоего образ ныне паче солнца возсия, егоже от горы святыя даже до лобнаго места простерл еси: и в нем Твою Спасе, крепость уяснил еси, сим укрепляя и верныя наша цари: яже и спасай выну в мире, молитвами Богородицы Христе Боже, и спаси нас.

Кондак, глас 4:

Отверзый небеса заключенная, на небеси пресветлыя лучи, на земли возсия пречистый Крест: темже сияний его действа

приемше, к незаходимому наставляемся свету, и во бранех имамы его, оружие мира, непобедимую победу.

Житие преподобного отца нашего Арсения Великого

Память 8 мая

Преподобный Арсений родился в Риме от благочестивых родителей – христиан, которые воспитали его в страхе Божием и обучили его наукам. Арсений был мужем не только добродетельным, но и весьма мудрым: он изучил сочинения всех риторов и философов и хорошо знал как греческий, так и латинский языки. Однако он оставил суетную жизнь мирскую и пренебрег эллинским любомудрием; он вступил в сонм клириков, посвятив себя на служение Богу, так как искал премудрости истинной, восхваляемой святым апостолом Иаковом, той премудрости, которая «чиста, мирна, скромна», послушлива, преисполнена «милости и добрых плодов» (Иак.3:17). Арсений, приняв на себя сан диакона великой римской церкви, проводил жизнь целомудренную, стараясь соделать из себя достойное жилище святого и всеосвящающего Духа.

В это время восточною частью Римской империи управлял Феодосий Великий[3018], а западною – Грациан[3019]. Феодосий, имея двух сыновей – Аркадия и Гонория, искал для них такого учителя, который бы научил их не только человеческой, но и Божественной мудрости; Феодосий хотел, чтобы дети его были обучены не только философии и другим эллинским наукам, но и добродетельной богоугодной жизни христианской. С этою целью Феодосий приказал искать по всей империи своей такого человека, однако, найти не мог, потому что посланные его находили много умных и ученых людей, проводивших жизнь не богоугодную, и, наоборот, встречали людей жизни благочестивой, но совершенно не обученных светским наукам. Поэтому Феодосий вынужден был написать к западному императору Грациану о том, что ему для обучения детей нужен такой именно человек, как сказано выше. Грациан же, посоветовавшись об этом с папою Дамасом[3020], сказал ему: «Стыдно будет царству нашему, если мы не найдем в нем

человека добродетельного и мудрого, какого просит император Феодосий. Нам нужно найти такого человека, который мог бы сыновей его и философии научить, и наставить страху Божию не только словом, но и примером своей добродетельной жизни».

Тщательно поискав по всему Риму, они не нашли более премудрого и более добродетельного мужа, как Арсения диакона, проводившего жизнь добродетельную и превосходившего многих своими подвигами и уже не юного возрастом. Призвав его к себе, они передали ему желание царя восточного и приказали Арсению идти к нему. Но Арсений всячески отговаривался, говоря, что он уже давно оставил все мирские науки, так как решил посвятить себя на служение Богу в звании клирика; Арсений говорил, что он уже давно забыл все речи риторов, так как решил посвятить все силы свои на служение Церкви и алтарю.

Однако чем более Арсений отговаривался, тем более император с папой увещевали его исполнить их просьбу, так как они просили его о деле, полезном всему христианскому миру и Церкви Божией. Они говорили ему, что он должен научить детей царских не только книжной мудрости, но и христианскому благочестию, дабы они не верили в языческие басни, а защищали бы и распространяли веру христианскую.

Тогда Арсений против своей воли повиновался приказанию императора и папы. Они отправили его в Константинополь к императору Феодосию с великою честью.

Когда преподобный прибыл в Константинополь, то был принят здесь императором Феодосием очень милостиво: увидев его, Феодосий даже по внешнему виду признал в нем человека Божия, преисполненного мудрости и боговедения, и весьма обрадовался его прибытию. Воздав благодарение Богу, Феодосий привел к Арсению детей своих, Аркадия и Гонория, и вручил их ему, сказав:

– Теперь ты будешь им более отцом нежели я, потому что труднее воспитать их, чем родить. Я поручаю их тебе и твоему благоразумию; воспитай их так, как я прошу тебя; приучи их к добродетели и обучи их премудрости; как отец их духовный, позаботься о том, чтобы они избегали разных юношеских

соблазнов. За все это ты получишь награду от Бога. Честный Арсений! О если бы ты возрастил их в благочестии и добродетельной жизни! Как бы я радовался сему и как бы благодарил за это Бога! Все это я говорю тебе при сыновьях моих, дабы они все это сами слышали и видели. Не взирай на то, что они царские сыновья; воспитывай их в послушании и повиновении себе, потому что я хочу, чтобы они повиновались тебе во всем, как своему отцу и учителю, и слушались бы тебя, как твои чада и ученики.

Вручив детей своих Арсению, Феодосий приказал построить им училище около дворца, чтобы ему самому было удобно приходить к ним и наблюдать за их обучением и жизнью; блаженному же Арсению император оказал большие почести: дал ему место среди своих советников и приказал называть его не только отцом детей его, но и отцом своим, так что Арсения все называли «отец государя и детей его». Есть еще известие о том, что блаженный Арсений был восприемником при святом крещении сыновей царских, Аркадия и Гонория, так как тот и другой были крещены не в младенческом, а в юношеском возрасте.

Взяв под свое руководство детей царских, Арсений ревностно заботился об их воспитании и обучении; он изучал с ними греческие и латинские книги и вместе с тем наставлял их к благочестивой жизни, изъясняя им священное Писание; в особенности Арсений поучал их тому, как должны будут они вести себя тогда, когда Господь благоволит дать им управление государством; он говорил им, что они должны украшать себя не столько венцом царским, сколько добрыми делами благочестия; – хотя царствовали и нечестивые, беззаконные люди, каковы были все языческие императоры, но цари христианские должны быть людьми добродетельными, должны и Богу угождать, и людям делать добро, если хотят, чтобы память о них переходила из поколения в поколение.

Так поучая Аркадия и Гонория, Арсений оказывал им всякое почтение, как сыновьям царя; поэтому он обыкновенно предлагал им садиться на престолах, сам же беседовал с ними стоя.

Случилось однажды, что Феодосий пришел к ним неожиданно во время обучения. Увидя, что сыновья его сидели, а учитель их, Арсений, стоял пред ними, Феодосий весьма опечалился и сказал Арсению:

– Разве я так приказал? Не сказал ли я тебе, чтобы ты считал сыновей моих учениками и чадами своими, и не обращал бы внимания на то, что они царские дети?

Блаженный же Арсений со смирением ответствовал Феодосию так:

– Царь! Каждой вещи приличествует свое дело: юность требует учения, чести же царской приличествует почитание.

От этих слов царь оскорбился еще более и сказал:

– Значит ты считаешь их царями?

Сказав это, Феодосий снял с сыновей своих знаки царского достоинства и насильно посадил Арсения на престол, сыновей же своих заставил стоять пред ним и сказал:

– Если они научатся бояться Бога и будут хранить заповеди Его и угождать Ему добродетельною жизнью, то Царь Небесный поставит их царями на земле, если они будут достойны этого; но если они будут людьми дурными и недостойными царского престола, то лучше им и не царствовать вовсе. Я молю Бога о том, чтобы Он лучше взял их из сей жизни в их юношеские годы, чем позволил бы им вырасти во зле, на погибель как своей собственной души, так и прочих душ человеческих.

Сказав так, царь ушел.

Арсений в мыслях своих одобрял царя и с тех пор поступал согласно его приказанию: поучал сыновей царских сидя, в то время как они стояли перед ним.

Но чем большая слава окружала Арсения, тем больше он скорбел духом, потому что сердце его не лежало ни к славе, ни к богатству, ни к суетной мирской похвале; в глубине души он сильно желал послужить Богу в смиренной жизни иноческой, в безмолвии и нищете; поэтому Арсений начал усердно молиться ко Господу, прося освободить его от пребывания в царских палатах и сподобить его пустынной иноческой жизни.

Случилось однажды, что Арсений как-то заметил за Аркадием некоторый проступок. Рассердившись на него,

Арсений побил его розгами и притом настолько сильно, что Аркадий помнил это наказание до самой смерти своей, так как следы розог остались на теле Аркадия. Все это произошло по промышлению Божию, дабы через это освободить Арсения от сей мирской жизни и дать ему возможность проводить пустынное иноческое житье, которого так жаждал преподобный. Аркадий, затаив в сердце гнев на учителя своего и придя в совершенный возраст, стал думать, как бы ему убить Арсения. Он открыл намерение свое одному доверенному советнику и упрашивал его убить Арсения каким ему угодно способом. Но тот, боясь Бога и императора Феодосия и не желая делать столь дурного поступка, тем более, что уважал Арсения за многие его добродетели, тайно, наедине, передал ему замысел Аркадия и советовал преподобному поберечь свою жизнь.

Арсений же, преисполнившись скорби и страха, начал снова со слезами молиться к Богу, чтобы Он направил его на путь спасительный.

Ночью, во время молитвы, Арсений услышал свыше голос, говоривший: «Арсений! Беги от людей, и ты спасешься».

Услышав это, Арсений оделся в худые одежды и, выйдя тайно из дворца царского, пришел на берег морской; здесь, по Божию промышлению, он нашел корабль, отправлявшийся в Александрию[3021]. Он сел на него и отправился в путь, возложив все упование свое на Бога. Когда корабль прибыл в Александрию, тотчас Арсений отправился в скит подвижников[3022]. Придя в церковь, он начал слезно упрашивать пресвитеров посвятить его в монашество и наставить его на путь спасения. Эти же последние, видя, что с ними говорит муж честный и благоговейный, спросили его:

– Кто ты и откуда ты пришел?

Он же отвечал им:

– Я странник и человек я убогий.

Пресвитеры, посоветовавшись между собою о том, кому бы можно было отдать пришельца для наставления иноческому житию, решили отдать его авве Иоанну Колову, о чем и известили его. Старец же Иоанн, помолившись Богу, сказал: «Да будет воля Господня!»

Между тем Иоанн велел приготовить трапезу для братии, так как был десятый час дня. Братия сели за стол, но Арсений стоял, потому что никто не приглашал его садиться. Братия начали вкушать пищу, но Арсений не ел ничего и все время стоял, опустив голову вниз, как бы предстоя пред Богом и Его святыми Ангелами. Старец же Иоанн взял один из сухарей, предложенных для трапезы, и бросил Арсению, сказав:

– Ешь, если хочешь.

Это сделал Иоанн для того, чтобы испытать смирение пришельца и узнать, пришел ли он сюда действительно для того, чтобы отречься от мира.

Между тем Арсений думал про себя так: «Этот старец – Ангел Божий и прозорливец, потому что он знает, что я хуже пса; поэтому и сухарь бросил он мне как псу; по той же причине я должен и съесть его, как пес».

И наклонившись до земли, он пошел на четвереньках, как четвероногое животное, к сухарю, взял его прямо ртом, затем отошел с ним в угол и там съел его лежа на земле.

Блаженный Иоанн, видя такое смирение святого Арсения, сказал пресвитерам:

– Он будет великим подвижником.

Иоанн весьма возлюбил Арсения за его смирение и вскоре облек его в чин иноческий, затем, обучив его житию подвижническому, дал ему келью неподалеку от себя, как иноку, уже твердому и опытному в добродетели.

Между тем император Феодосий начал разыскивать Арсения, вскоре же после того как он ушел из дворца. Феодосий очень сожалел об Арсении и потому велел искать его в разных городах. Однако никак не мог найти его, так как Господь скрывал местопребывание угодника Своего до того времени, когда Ему благоугодно будет явить его миру на пользу многим.

Арсений же, живя в келье, указанной ему старцем, подвизался в посте, молитве и трудах иноческих и так преуспел во всех добродетелях, что превзошел многих старцев своими подвигами. Однажды, когда он молился, сказал:

– Господи, научи меня спастись!

В ответ на это был голос с неба, говоривший:

– Арсений! Скрывайся от людей и пребывай в молчании; это корень добродетели.

Внимая этому голосу, Арсений ушел из того места вглубь пустыни и построил здесь для себя небольшую келью; в этой келии он всегда пребывал один, всемерно стараясь соблюдать молчание. Он избегал всяких бесед и постоянно устремлял ум свой к небу; пребывая на земле телом, он духом возлетал к горним силам. Каждый воскресный и праздничный день он приходил в церковь. По окончании богослужения, тотчас возвращался молча в свою келью; при этом он никогда не вступал ни с кем в разговор; лишь только изредка, будучи спрошен, отвечал на вопрос насколько возможно кратко и затем устремлялся к своему безмолвному жилищу. Все подвижники, обитавшие в скитской пустыне, весьма удивлялись добродетельной жизни преподобного Арсения. Один раз авва Марк спросил его:

– Для чего ты, честный отец, удаляешься от нас?

Арсений же отвечал ему:

– Знает Бог, как я люблю вас; но я не могу пребывать одновременно и с Богом, и с людьми, потому что на небе, хотя и очень много вышних сил, – тысячи тысячей или десятков тысяч, – но все они имеют одну волю и потому единодушно славят Бога; но на земле много воль человеческих, и у каждого человека свои мысли; каждый из нас имеет различные намерения и мысли, и потому я не могу, оставив Бога, жить с людьми.

Стремясь как можно ближе стать к Богу, Арсений всячески удалялся людей, так что даже не желал, чтобы кто-либо его видел или знал о нем; но подобно светильнику он не мог укрыться под спудом; молва о его подвигах проходила всюду и дошла до Царьграда.

После смерти благочестивого царя Феодосия Великого, воцарился сын его Аркадий[3023]. Узнав о местопребывании и образе жизни преподобного Арсения, Аркадий написал ему послание, в котором со смирением просил у него прощения в грехах своей юности, а также просил помолиться Богу за него и за брата его Гонория, управлявшего западною половиною

Римской империи[3024], дабы царствование их было благословенно Богом. Кроме того Аркадий давал Арсению право пользоваться всею данью, которая собиралась с Египта, и раздавать ее церквам, монастырям и всем нуждающимся, по своему усмотрению. Преподобный Арсений не пожелал письменно ответить царю, но только сказал посланному:

– Скажи пославшим тебя: так говорит смиренный Арсений – Бог да простит грехи ваши и царствование ваше да благословит и да поможет вам исполнять святую волю Свою. Вы писали о дани; но Арсений в ней не нуждается, потому что он умер для мира; пусть никто не считает его более живым (т.е. живущим для мира).

С таким ответом пошел посланный к императору, преподобный же удалился в свою пустынную келью и пребывал в ней в молчании, постоянно беседуя с Богом в молитве, и лишь только иногда выходил из нее, поучая других иноческим добродетелям.

Однажды преподобный Арсений пришел на одно место, где росло очень много тростника. Он нашел здесь иноков, сидевших около тростника. Так как тростник шумел от ветра, то преподобный спросил иноков:

– Откуда происходит этот шум?

Иноки же отвечали ему:

– Это тростник шумит от ветра.

Тогда преподобный сказал им:

– Для чего же вы сидите здесь и слушаете шум тростника? Тот, кто действительно любит молчание, не должен слушать даже и пения птиц, которое может нарушить мир душевный; тем более может смутить сердце инока шум тростника.

Однажды к преподобному пришел архиепископ Александрийский Феофил[3025] вместе с одним вельможей, желавшим побеседовать с преподобным и принять от него наставление. Преподобный же, помолчав немного, сказал им:

– Исполните ли вы то, что я скажу вам?

Они обещали исполнить все, что бы он ни сказал.

Тогда преподобный сказал:

– Не приходите никогда туда, где будет Арсений.

Пришедшие удивились ответу преподобного, однако, послушались его и удалились.

Спустя некоторое время архиепископ пожелал снова видеть Арсения, поэтому послал спросить его: «Откроешь ли ты келью твою, когда к тебе придет архиепископ?»

Преподобный же отвечал посланному: «Если ты придешь, то открою; но если я открою келью тебе, тогда мне придется открывать ее для всех; но в таком случае мне придется удалиться из кельи».

Услышав такой ответ, архиепископ не пошел к преподобному, так как боялся, как бы он не ушел из того места.

Случилось однажды, что один странствующий инок пришел к келье преподобного Арсения, так как хотел видеть его. Подойдя к двери, он постучал в нее. Арсений, думая, что это пришел его послушник, прислуживавший ему, тотчас же открыл дверь. Но, увидав постороннего человека, упал на землю, лицом вниз, для того, чтобы не видеть пришельца. Однако этот последний стал упрашивать преподобного подняться с земли. Арсений же не хотел вставать и сказал: «Я не встану до тех пор, пока ты не уйдешь отсюда».

И действительно, не поднимался с земли долгое время. Инок долго упрашивал преподобного; но, так как преподобный не соглашался исполнить его просьбу, то инок ушел оттуда.

В другой раз пришел еще один инок издалека в скит, также хотевший видеть преподобного, и начал упрашивать братию указать ему дорогу к келье Арсения. При этом он сказал братии:

– Я хочу побеседовать с отцом Арсением.

Но братия отвечали ему:

– Подожди, брат, до воскресенья, и ты увидишь его, когда он придет в церковь. Инок же тот сказал братии:

– Не буду есть до тех пор, пока не увижу преподобного.

Поэтому братия послали одного инока с новопришедшим и поручили ему указать дорогу к келье старца Арсения (следует заметить, что келия Арсения отстояла от скита на тридцать стадий)[3026].

Подойдя к келье, брат постучал в нее.

Старец открыл дверь и впустил в келью пришельцев; затем сел, опустив голову, и молчал. Сидели молча и пришедшие. Все молчали довольно продолжительное время. Наконец инок скитской обители сказал:

– Я пойду назад, потому что я должен исполнять свои обязанности при церкви.

И, поднявшись с места, он собрался идти.

Другой же брат, пришедший с ним, не имея дерзости остаться со старцем, сказал ему:

– И я пойду с тобою.

Затем, встав, он поклонился старцу и вышел из кельи, не услыхав ни одного слова из уст преподобного.

После того странствующий инок начал упрашивать брата привести его к Моисею, бывшему разбойником до пострижения в иночество. Брат согласился исполнить его просьбу и повел его к преподобному Моисею.

Когда они пришли к Моисею, то сей последний принял их с радостью, предложил им отдохнуть и подкрепиться пищею и, оказав им большую любовь, отпустил их от себя.

Дорогою скитский брат сказал пришельцу:

– Вот ты видал и отца Арсения, и отца Моисея. Кто из них лучше, по твоему мнению?

Брат отвечал на это:

– Лучший из них тот, кто принял нас с любовью.

Один инок, узнав об этом, стал молиться к Богу, говоря так: «Господи! Скажи мне, кто из них более совершен и заслуживает большей благодати Твоей: тот ли, кто скрывается от людей, ради Тебя, или тот, кто принимает всех также ради Тебя?»

Этот инок в ответ на молитву свою имел следующее видение: ему представились два корабля, плывшие по какой-то очень большой реке; в одном корабле находился преподобный Арсений, и Дух Божий управлял кораблем его, соблюдая его в великой тишине; в другом был преподобный Моисей; кораблем же его управляли Ангелы Божие, влагавшие мед в уста Моисея.

Об этом видении инок тот рассказал другим, более опытным подвижникам, и все нашли, что более совершенен Арсений, пребывающий в молчании, нежели Моисей,

принимающий странников, потому что с Арсением пребывал Сам Бог, с Моисеем же были только святые Ангелы.

Всячески удаляясь лицезрения людей и бесед с ними вообще, Арсений особенно остерегался лицезрения женщин и разговоров с ними, что можно видеть из следующего случая.

Одна богатая боярыня, благочестивая, целомудренная и весьма богобоязненная, проводившая строгую жизнь, услыхав о преподобном Арсении, пожелала его видеть; с этою целью она пришла из Рима в Александрию к архиепископу и просила его уговорить Арсения принять ее, как странницу, и сподобить ее своего благословения за то, что она предприняла столь далекое путешествие. Архиепископ принял ее с большою честью, так как она происходила из одного знатного сенаторского рода, и всячески старался уговорить преподобного исполнить ее просьбу, но не имел никакого успеха, потому что старец не только не желал видеть ее, но даже не хотел и слышать о женщине.

Узнав об этом, боярыня приказала приготовиться слугам своим к путешествию, сказав:

– Я надеюсь на Бога, что Он сподобит меня увидать Арсения, потому что я пришла не для того, чтобы видеть простого человека (и в нашем городе много обыкновенных людей); нет, я хочу видеть пророка. Ради этого я и предприняла столь далекое путешествие.

Сказав это, она направилась в скитскую пустыню. Когда боярыня приблизилась к келье преподобного, случилось, по усмотрению Божию, что старец был вне келии; неожиданно подойдя к нему, она припала к ногам его. Он же, приказав ей встать, с гневом сказал ей, смотря ей прямо в лицо:

– Если ты хотела видеть мое лицо, – то вот оно – смотри.

Но она от стыда не могла и очей поднять на него. Тогда старец сказал ей:

– Если ты слышала о каких-либо добрых делах моих, то ты хорошо сделаешь, если будешь исполнять их. На лицо же мое тебе нечего смотреть. Для чего же ты предприняла столь далекий путь? Разве ты не знаешь, что ты женщина и что ты, поэтому, должна быть в доме своем и не выходить из него

никуда? Неужели ты пришла сюда для того, чтобы, возвратившись в Рим, хвалиться перед другими женщинами в том, что ты видела Арсения? Если ты так сделаешь, то тогда все женщины городские пойдут ко мне.

Она же отвечала:

– Если Господь поможет мне возвратиться, то я никому не позволю идти к тебе, чтобы не препятствовать твоим подвигам. Но я прошу тебя – помолись за меня Богу и поминай меня в твоих молитвах.

Старец же сказал ей:

– Я буду молить Бога, чтобы Он изгладил из сердца моего память о тебе.

Услышав это, боярыня отошла от преподобного с весьма смущенным сердцем. Придя в город Александрию, она впала в еще большую печаль.

Архиепископу стало известно, что боярыня возвратилась от преподобного с великою печалью. Придя к ней, он спросил ее о причине ее скорби. Боярыня же отвечала ему:

– Лучше было бы для меня, если бы я вовсе не приходила сюда. Я просила старца поминать меня в молитвах своих, но он сказал мне: «Я буду молить Бога, чтобы Он изгладил из сердца моего память о тебе». По этой причине я и скорблю смертельно.

Тогда архиепископ сказал ей:

– Не печалься об этом, дочь моя, ибо старец сказал так не без причины: ведь ты женщина, а через женщин диавол делает много неприятностей святым мужам. Поэтому и старец сказал те слова, опасаясь искушения демонского; о душе же твоей он молится и будет всегда молиться.

Боярыня успокоилась после этих слов, перестала печалиться и с радостью отправилась в обратный путь.

Преподобный Арсений продолжал пребывать в безмолвии, все более и более углубляясь в богомыслии; он пылал столь сильною любовью к Богу, что постоянно был как бы в огне по причине своих пламенных молитв.

Один раз некий брат пришел из скита к келье старца за каким-то делом; подойдя к окну, он увидал старца стоявшим на молитве, причем старец был воспламенен молитвою, как огнем.

Видя это, брат пришел в ужас. Так как он был достоин этого видения, то, постояв немного, постучал в дверь. Старец вышел из кельи и, увидя брата, о чем-то ужасавшегося, спросил его:

– Давно ли ты здесь? Не видал ли ты чего особенного?

Но брат сказал:

– Я ничего не видал.

Затем, поговорив с ним по делу, старец отпустил его в скит.

Повествуют об этом дивном старце и то, что, когда жил во дворце царском, то никто не носил одежд лучших его; но когда он отрекся от мира, то ни у кого не было одежд худших, нежели у него.

Старец сей удержал одну привычку из своей царской жизни, именно: иногда он, садясь, полагал ногу на ногу, что могло показаться не совсем благопристойным. Некоторые братия видели это, однако, никто из них не осмеливался сделать ему какое-либо замечание, потому что все весьма уважали его. Но только один старец, авва Пимен, сказал братии:

– Пойдите к авве Арсению и я сяду при нем так, как иногда садится он; тогда вы сделайте мне замечание, что я не хорошо сижу. Я стану просить у вас прощения; вместе с тем мы исправим и старца.

Они пошли и сделали так. Преподобный же Арсений, поняв, что так неприлично сидеть иноку, оставил свою привычку.

Блаженный Арсений был настолько смиренен, что даже выслушивал наставления от простых иноков. Так например, беседуя с одним старцем египтянином, он просил научить его, каким образом можно отгонять от себя греховные помышления. Об этом узнал другой брат, который и сказал потом Арсению:

– Для чего ты, честный отец, столь искусный в науках, знающий хорошо греческий и латинский языки, просишь совета у простеца о том, как отгонять от себя греховные мысли?

Преподобный же отвечал иноку тому:

– Я хорошо знаю светскую науку греков и римлян; но я не знаю даже азбуки того, что знает простец, касательно жизни добродетельной.

Это сказал преподобный для того, чтобы показать, что смиренье есть основание всех добродетелей, подобно тому как

азбука есть основание всякой науки; тот, кто изучил бы всю мирскую мудрость, но не имел бы истинного смиренномудрия, – тот не может спастись.

Кроме смирения преподобный обладал еще даром умиления.

В продолжении всей своей жизни он всегда, когда занимался рукоделием, имел у себя на груди платок, так как слезы постоянно текли из очей его. Он был весьма бодр телом, как и духом; весь день он работал и всю ночь молился Богу, и только лишь изредка предавался сну. Когда очи его смежались и ему очень хотелось спать, он говорил сам себе: «Уходи, злой раб, и не оставайся со мною!»

И если после этого и предавался, сидя, слегка дремоте, то вскоре же, ободрившись, вставал и молился Богу. Он часто говаривал ученикам своим:

– Иноку должно предаваться сну лишь на один час.

Накануне каждого воскресного дня, он становился еще с вечера в субботу на молитву, подняв руки кверху; становился же он к солнцу спиною и так стоял до тех пор, пока солнце, наутро следующего дня, не начинало светить ему в лицо.

Блаженный старец всегда занимался рукоделием: именно плел корзины и рогожи из финиковых листьев, причем не менял воду, в которой мочил листья, в течение целого года; лишь изредка подливал воды понемногу. По причине этого некоторые из братии сказали ему:

– Почему ты, честный отец, не меняешь воду, в которой ты мочишь финиковые листья? Неужели ты не замечаешь, как смердит в келье твоей от той воды?

Преподобный же отвечал им:

– Вместо фимиама и благовонных мастей, которые я обонял, когда жил в мире, я должен теперь обонять смрад этот, чтобы в день Страшного Суда Господь избавил меня от нестерпимого смрада геенского.

Иногда преподобного дерзали искушать бесы; прислуживавший же ему брат, приблизившись к келье его, слышал, как старец взывал в таких случаях к Богу: «Не оставь меня, Господи! Хотя я и не сотворил пред Тобою ничего благого,

но помоги мне, по благодати Твоей, положить ныне начало благое!»

Случилось однажды преподобному Арсению сильно заболеть. Скитские иноки пришли к преподобному, взяли его и понесли в больницу при церкви, чтобы послужить ему. Они положили его на постели, хорошо убранной и с мягким возглавием. Преподобного пришел посетить один брат. Брат тот, увидав, что преподобный лежал на мягкой постели, соблазнился и сказал:

– Это ли отец Арсений! И неужели он лежит на мягкой постели?

Услышав это, один из пресвитеров подозвал к себе того брата и наедине спросил его:

– Брат, когда ты был в мире, какую обязанность ты исполнял и какова была твоя жизнь?

Он отвечал:

– Я был пастухом и во многих трудах и печалях проводил жизнь свою.

Потом пресвитер снова спросил его:

– А теперь ты как живешь?

Он отвечал:

– Теперь я живу в покое, имею все для нужд своих и не знаю никакой заботы и печали.

Тогда пресвитер сказал ему:

– Вот этот, кого ты видишь, отец Арсений, когда был в мире, то был отцом царей; ему предстояли тысячи слуг в светлых одеждах, в золотых поясах и гривнах[3027]; постель его была весьма разукрашена и богатства его были бесчисленны; а ты раньше пас скот и был нищим; ты не имел в мире такого покоя, каким пользуешься сейчас; ты отдыхаешь от трудов мирских, а отец Арсений теперь трудится и страдает в нищете, после покоя и довольства в мире.

Брат тот, тронутый словами пресвитера, поклонился и попросил у него прощения, сказав:

– Действительно, честный отец, все было так, как ты сказал: я пришел сюда на покой от трудов, отец же Арсений пришел сюда на труд от покоя.

Получив наставление, полезное для души, брат тот отошел от пресвитера.

Случилось раз нашествие варваров на страну ту. Все иноки бежали из скита в города и селения; но преподобный не хотел уходить из пустыни в город, размышляя так: «Если Господь не сохранит меня, то мне незачем и жить на земле».

Варвары разграбили весь скит, но не могли найти преподобного Арсения, так как Сам Бог скрывал от них раба Своего. Однако, поразмыслив в себе, для того, чтобы не выслушивать похвалы от других отцов и не предаться тщеславию, преподобный пошел в тот же путь, по которому бежали и прочие отцы. Арсений много плакал об опустошении скита, говоря:

– Рим погубил мир[3028], иноки же погубили скит.

Когда варвары ушли из скита, иноки снова возвратились туда; восстановив скит, они стали снова жить на своих местах. С ними возвратился и преподобный Арсений в свою келью.

Однажды к преподобному принесли из Рима завещание одного боярина, сродника его, который предоставлял все свои многочисленные богатства в пользу преподобного, дабы он истратил их, как хотел сам. Преподобный же, взяв завещание, хотел его разорвать, но пришедший с завещанием просил его не разрывать документа, сказав:

– Прошу тебя, честный отец, не разрывай этого завещания, так как пославшие взыщут его с меня.

Преподобный же, возвратив ему завещание в целости, сказал:

– Я еще раньше его умер (для мира); для чего же он, недавно умерший, делает меня, мертвеца, наследником своих богатств?

И он возвратил посланного с завещанием к пославшим его.

Преподобный не всегда подвизался на одном и том же месте, но иногда переселялся из скитской пустыни в более уединенные и безмолвные места, удаляясь от приходящих для беседы людей, так как они нарушали покой его душевный. Так он подвизался некоторое время в Трогине, около Вавилона и напротив города Мемфиса, затем в Канопе, близ Александрии и

в некоторых других пустынных местах; потом снова возвращался в скит, так что никто не знал его образа жизни.

Один раз, когда преподобный жил в нижних странах Египта, он восхотел оставить келью свою и идти в какое-либо другое место, по причине множества приходивших к нему людей, мешавших его безмолвному жительству. Ничего не взяв с собою, он отправился в путь, сказав двум ученикам своим Александру и Зоилу:

– Ты, Александр, останься здесь, а ты, Зоил, иди со мною к реке и поищи мне корабль, который отправляется в Александрию. Затем возвратись к брату твоему Александру.

Ученики его были весьма смущены этими словами, однако, ни один из них не осмелился спросить старца: «Зачем ты от нас уходишь?»

Отплыв в Александрию, старец впал в тяжкую болезнь и проболел довольно продолжительное время. Александр же и Зоил, оставшиеся в келье старца, стали спрашивать друг друга: не оскорбил ли кто из них преподобного каким-либо непослушанием? Не находя вины за собою, они впали в большую печаль по старцу.

Когда преподобный выздоровел, то сказал сам себе: «Пойду теперь к ученикам своим».

И, поднявшись, пошел.

Случилось ему быть близ реки и встретиться здесь с толпой путников, шедших той дорогой; при этом одна женщина египтянка прикоснулась к одежде преподобного. Но он, оскорбившись, сделал ей замечание, что женщина не должна прикасаться к одежде монашеской. Женщина же та сказала ему:

– Если ты монах, то иди в гору пустынную.

Умилился старец от слов ее и часто говорил себе, повторяя слова той женщины: «Арсений! Если ты монах, то иди в горы и скитайся по пустыням».

Наконец, преподобный пришел на то место (называвшееся «Камень»), где жили его ученики. Александр и Зоил, встретив его, пали к ногам его и плакали от радости. Плакал и старец, обняв их. Затем ученики сказали старцу:

– Твое удаление отсюда, честный отец, повергло нас в большую печаль, потому что нам говорили некоторые иноки, что авва Арсений не ушел бы из своей кельи, если бы ученики его не огорчили своим непослушанием.

Старец же сказал им:

– Чада! Я тоже подумал, что так скажут иноки относительно моего ухода отсюда; поэтому я и возвратился к вам. Теперь иноки могут про меня сказать: «Голубь, вылетевший из ковчега Ноева, не находя твердой почвы под ногами своими, возвратился к Ною в ковчег» (Ср. Быт.8:8–9).

Такими словами преподобного ученики утешились и с тех пор пребывали с ним неразлучно до самой кончины святого.

Однажды, когда преподобный находился в келье своей, ему было такое откровение от Бога. Ему послышался голос: «Выйди из кельи твоей, и Я покажу тебе дела человеческие».

Старец, выйдя из кельи, пришел как бы в некий восторг. Он увидел Ангела Божия, который взял его за руку и повел в одно место; здесь он показал ему черного человека, рубившего дрова и наготовившего их очень много; затем человек тот хотел взять дрова, которые нарубил, на плечи и нести, но не мог этого сделать, потому что дров было слишком много. Однако, вместо того, чтобы несколько поубавить дров из вязанки, человек тот продолжал снова рубить дрова и снова пытался поднять их, но уже совершенно не мог, однако, все более рубил дров и все более увеличивал ношу свою. Затем Ангел Божий показал преподобному в другом месте человека, стоявшего около колодца и черпавшего воду в дырявый сосуд; вода вытекала из сосуда и снова возвращалась в колодезь, но человек, черпавший воду, продолжал понапрасну трудиться. Наконец, Ангел показал преподобному новое видение: Арсений увидел церковь с раскрытыми дверями и двух всадников, имевших по бревну в руках; всадники эти хотели проехать сквозь церковные двери, но не могли, потому что бревна были поперек пути; один всадник мешал другому расположить бревно вдоль пути; вместо того, чтобы одному уступить дорогу другому, всадники пытались пройти сквозь дверь одновременно и потому все время суетились около двери и никак не могли войти в церковь.

После всего этого старец спросил Ангела:

– Что знаменует видение это?

Ангел же сказал ему:

– Два человека, имеющие в руке по бревну – это образ мужей добродетельных, но гордых, не желающих смириться друг перед другом; они не войдут в Царствие Небесное, но останутся вне его, по причине своей гордости, которая погубит все добродетели их. Человек, черпавший воду и наливавший ее в дырявый сосуд, есть подобие человека, имеющего некоторые добрые дела, но не оставляющего и грехов; этот человек понапрасну трудится, потому что грехами своими губит ту награду, какую мог бы получить от Бога. Черный человек, рубивший дрова и прибавлявший себе все большее и большее бремя, – это подобие человека, предающегося многим грехам и, вместо покаяния, прилагающего беззаконие к беззаконию.

Об этом видении преподобный Арсений поведал ученикам своим для их назидания, причем, по смирению своему, сказал им, что все это не сам он видел, а только слышал об этом от другого старца.

Кроме того, Арсений поведал ученикам своим и о страшном откровении о Божественных Тайнах Христовых, бывшем другим отцам пустынникам.

– Был, – говорил Арсений, – в скиту один старец, проводивший очень строгую жизнь, славившийся своими добродетелями среди всех иноков. Этот старец, по причине простоты своей (он не был обучен священному Писанию), соблазнялся о пречистых Тайнах Христовых, помышляя, что хлеб, который мы принимаем из священного алтаря, и чаша, которой причащаемся, не есть истинное Тело и Кровь Христовы, но только подобие Тела и Крови Христовых. Об этом узнали два опытные старца; поняв, что так думал тот старец не по злобе, но по простоте и неведению своему, они решили вразумить его. С этою целью они пошли к нему и, побеседовав с ним обо многом на пользу души, между прочим сказали и следующее:

– Мы слышали, честный отец, об одном брате, что он неправильно мыслит о хлебе, который мы принимаем от святого

алтаря, и о чаше, которую мы пьем, – что это не есть истинное Тело и Кровь Христовы, но только их подобие.

Старец же отвечал им:

– Это я думаю так.

Они стали уговаривать его, говоря:

– Не думай так, честный отец, но веруй так, как учит веровать святая соборная и апостольская Церковь. Мы веруем и исповедуем, что хлеб есть истинное Тело Христово, а вино в чаше есть истинная Кровь Его, а не подобие только Тела и Крови.

Затем те отцы привели в доказательство истинности своих слов многочисленные свидетельства из Священного Писания и из творений отцов и учителей Церкви, стараясь убедить того старца оставить свое ложное верование. Но он в простоте сердца сказал им:

– Если не удостоверюсь самым делом, то не поверю.

Тогда старцы сказали ему:

– Помолимся Богу все трое об этом, дабы открыл Он нам тайну эту, предварительно попостившись всю неделю. Мы веруем, что Он откроет нам эту тайну, так как он не допустит погибнуть многолетним трудам твоим.

Старец с любовью выслушал их совет, и все они затворились каждый в келье своей на всю неделю и проводили время в посте и молитве. Старец тот молился к Богу так:

– Господи! Ты знаешь, что я мыслю так не по злобе, но своим простым умом не могу постигнуть тайны этой. Открой же мне, по благодати Твоей, истину, дабы я не заблуждался в неверии.

Другие же два старца говорили в молитве своей:

– Господи! Открой брату нашему великую тайну Твою, дабы он не остался неверующим в нее и не погубил бы своих трудов и добродетелей.

Бог послушал рабов Своих и открыл им страшную тайну ту таким образом.

По прошествии недели с тех пор, как старцы начали свой пост и молитву, и наступило воскресенье, то те три старца пошли в церковь, для слушания Божественной литургии; в

церкви стали они друг около друга. Господь открыл духовные очи их. Когда для святой трапезы был приготовлен хлеб, они увидели вместо хлеба юного младенца. В то время как священник простер руку для того, чтобы преломить хлеб, старцы увидели Ангела Божия, сошедшего с неба и имевшего в руках нож. Заколов младенца, Ангел вылил Кровь в чашу. Когда священник преломлял хлеб, Ангел раздроблял Тело на части.

Между тем наступило время причащения. Вместе с прочими братиями пошел причащаться и неверовавший брат. Приняв в руки кусок мяса[3029], сырого и источавшего кровь, и видя кровь в чаше, старец этот в ужасе воскликнул:

– Верую Господи, что хлеб сей есть Твое Тело, и вино сие – есть Твоя Кровь.

Тотчас мясо обратилось в хлеб и кровь в вино.

Тогда старец причастился святым Тайнам Христовым с великим страхом и умилением сердечным.

Другие два старца сказали ему:

– Христос Бог знает, что человек не может есть сырого мяса и пить кровь. Поэтому он и предлагает верующим пречистое Тело Свое под видом хлеба и животворящую Кровь Свою под видом вина.

Затем старцы возблагодарили Господа за откровение и за то, что Он не попустил погибнуть в неверии тому добродетельному старцу.

Однажды некоторый брат спросил Арсения о том, что полезно для души. Преподобный же ответил ему:

– Всячески заботься о том, чтобы то, что ты мыслишь в уме своем, было бы угодно Богу. Поступая так, ты легко победишь всякий грех.

Это сказал святой для того, чтобы показать, что все грехи и страсти рождаются от дурных мыслей, принимаемых сердцем и с услаждением удерживаемых; наблюдающий же за своими мыслями и отгоняющий греховные помыслы, тем самым погашает страсти свои и побеждает греховные вожделения.

В другой раз преподобный сказал:

– Если мы действительно от всего сердца будем искать Бога, то Он Сам придет к нам и мы увидим Его; и если мы

удержим Его чистою жизнью близ себя, то Он пребудет с нами.

Один старец спросил авву Арсения:

– Как мне быть, честный отец? Я никак не могу отстать от той мысли, что я стар и потому не могу ни поститься, ни трудиться подвигами иноческими по причине старости. Поэтому мне кажется, что следует идти и посещать больных, так как это дело любви христианской.

Преподобный же, уразумев, что это было бесовское искушение, сказал старцу тому:

– Ешь, пей, спи, но только не выходи из кельи своей.

Так сказал преподобный потому, что знал, что иноку, выходящему из своей кельи и приближающемуся к мирским селениям, предстоят многие соблазны и искушения врага; да и вообще не следует выходить без уважительной причины из монастыря тому, кто умер для мира, подобно тому, как мертвец не выходит из гроба своего. Монах же, выходящий по своей воле из монастыря, поистине делается мертвым, потому что умирает душою.

Еще говорил преподобный:

– Есть много таких людей, которые всячески стараются соблюдать чистоту телесную и для этого умерщвляют тело свое постом, бдением и многими трудами; но мало таких, которые ревниво оберегают душу свою от греха тщеславия, гордости, сребролюбия, зависти, братоненавидения, гнева, памятозлобия, осуждения. Таковые снаружи чисты телом, но душа их грязна; они подобны гробам, снаружи разукрашенным, изнутри же полным костей смердящих. Блажен тот, кто старается сохранить от скверны как тело, так и душу свою; истинно-блаженны чистые сердцем (а не телом только), потому что они Бога узрят.

Один брат сказал преподобному:

– Честный отец! Я изучил много книг и псалмов и хочу с умилением сердечным прочитывать их, но не имею умиления, потому что не разумею силы Священного Писания, и весьма скорблю об этом.

Преподобный отвечал на это:

– Чадо! Тебе должно непрестанно поучаться в чтении слова Божия, хотя бы ты и не разумел силы его и не имел умиления. Я

слышал, как говорил авва Пимен и прочие отцы, что очарователи змей сами не понимают тех слов, которые они говорят, однако, же змеи, слыша слова их, укрощаются, как бы понимая слова их, и беспрепятственно отдаются в руки их. То же самое можем сделать и мы, хотя бы и не разумели силы Священного Писания. Ибо, когда мы имеем в устах своих слова Священного Писания, тогда демоны, слыша их, приходят в страх и бегут от нас, не вынося слов Духа Святого, говорившего через рабов Своих пророков и апостолов.

Когда приблизилось время блаженной кончины преподобного, то он сказал своим ученикам:

– Когда я умру, то не делайте поминок по мне, не собирайте братию на обед, но только позаботьтесь о том, чтобы приносилась Божественная Жертва за мою грешную душу.

Ученики его, услышав это, весьма опечалились и начали плакать. Но преподобный сказал им:

– Не плачьте, чада! Еще не пришел час кончины моей, хотя уже он недалек от меня.

Тогда ученики спросили его:

– Как похоронить тебя, честный отец?

Он же сказал им:

– Привяжите к ногам моим веревки и выбросите меня за гору.

Когда же начал приближаться самый час кончины преподобного, то он начал много плакать и пришел в большой страх. Ученики, увидав его плачущим, спросили его:

– Неужели и ты, честный отец, боишься смерти?

Но он отвечал им:

– Действительно, я всегда чувствовал страх смерти во все дни иноческой жизни моей, начиная с того дня, в который я облекся в образ иноческий.

Затем преподобный уснул блаженным сном смерти, предав честную душу свою в руки Господа своего, Которому служил так усердно в течение всей жизни своей.

Когда авва Пимен услыхал о мирной кончине преподобного, то прослезился и сказал:

– Блажен ты, отец Арсений, потому что ты плакал в продолжении всей жизни своей; за это ты будешь вечно веселиться. Тот же, кто здесь не плачет по своей воле, поневоле заплачет после смерти среди мучений, но от плача этого никому не будет пользы.

Рассказывают о преподобном Арсении, что он часто говорил себе такие слова: «Арсений! Для чего ты сюда пришел? Ты пришел сюда не для отдыха, а для трудов, не для лености, а для подвига. Подвизайся же, трудись и не ленись».

Часто говорил также преподобный и эти слова: «Много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда».

Авва Даниил рассказывал про преподобного Арсения, что он никогда не предлагал никому вопросов из книг, хотя бы и мог их предложить, потому что хорошо знал священное Писание. Делал же это преподобный потому, что не хотел показаться премудрым в книгах; никогда преподобный не писал никому посланий, считая себя простецом и невеждой Христа ради[3030]; никогда не входил в алтарь, хотя и имел на то право, будучи посвящен в сан диакона, но всегда приступал к Божественным Тайнам вместе с простыми монахами. Все это он делал по причине великого смирения своего. Когда же блаженный Арсений приходил в церковь к богослужению, то становился за столпом, чтобы ни он не видал чьего-либо лица, ни его не видал никто.

По внешнему виду преподобный был благообразен, как Ангел; был сед, красив телом, худ от великого воздержания, бороду имел до пояса; имел очи впалые от постоянного плача; был высок ростом, но сгорблен от старости. Скончался преподобный после того как пребыл пятьдесят пять лет в иноческих трудах и подвигах, постом и молитвою благоугождая Богу; в ските пробыл сорок лет; десять лет жил на месте, называвшемся Трогин, около Мемфиса; затем преподобный пробыл три года в Канопе, близ Александрии; отсюда снова возвратился в Трогин, прожил здесь два года и здесь же почил о Господе. Всего прожил преподобный около ста лет[3031]. Да дарует и нам Господь по его святым молитвам оставление

грехов и жизнь вечную у Христа, Господа нашего, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом, вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми, во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Арсение отче наш. Моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

От Рима возсиял еси якоже солнце великое, и к царскому граду достигл еси преблаженне, словесы твоими просвещая сего и делы, всяку неразумия мглу отгоня. Сего ради тя почитаем, отцев славо, Арсение преподобне.

Память святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова

Память 8 мая

Честное преставление сего святого апостола и евангелиста, – наперсника, девственника и возлюбленного ученика Христова Иоанна Богослова празднуется в двадцать шестой день сентября месяца; под этим числом и помещено его житие. В нынешний же день совершается воспоминание его честного праха, цельбоносно исходившего от гроба его.

Когда святой Иоанн Богослов дожил до столетнего возраста, много потрудившись во благовестии Христовом, то вместе с семью учениками своими вышел из города Ефеса[3032] и приказал им ископать ему крестообразную могилу, в которой он и приготовился умереть, легши в нее, еще будучи живым (как повествуется об этом в житии его). Христиане, жившие в городе Ефесе, после смерти апостола, раскопали могилу его, однако, не нашли тела апостола; оплакав его честную кончину, они возвратились в город и потом часто приходили на могилу апостола и возносили там усердные молитвы к Богу, призывая себе на помощь и ходатайство пред Богом святого Иоанна Богослова. При этом каждый год в этот день и месяц от гроба апостола исходил как бы некий тонкий прах, творивший исцеления[3033]. Верующие собирали этот прах и врачевали им различные недуги и болезни. Поэтому и вошло в обычай среди верующих в этот день, так же как и в сентябре месяце, восхвалять и ублажать песнопениями сего великого угодника Божия, возлюбленного Богом более всех прочих святых угодников[3034]. По молитвам его да дарует и нам Господь исцеление в недугах наших душевных и телесных и да сподобимся и мы быть угодными и возлюбленными Христу Богу нашему.

Житие святого пророка Исайи

Память 9 мая

Время пророческого служения святого Исайи (по-еврейски имя это произносится «Иеша–Иагве» и значит «спасение Иеговы», т. е. спасение, получаемое от Господа) было тяжелым временем в жизни народа еврейского: во дни этого великого пророка царство израильское окончило свое существование, а иудейское доживало последние годы пред Вавилонским пленением. Эта печальная участь – подчинение «избранного народа» под тяжелую руку языческих царей была ему наказанием от Господа за то, что он вышел из послушания Богу, все более и более погрязая в беззаконии и идолопоклонстве. Особенно было велико отступление от завета Божия в царстве израильском, которое за это и постигло ускоренное наказание, «в царстве же иудейском по временам просвечивала надежда на лучшее будущее», и если не совсем погас огонь святой ревности по Боге в Иудее и Господь еще медлил с исправляющим ее наказанием, то этим Иудейское царство обязано главным образом пророческой деятельности святого Исайи.

Святой пророк Исаия, происходивший из колена Вениаминова, родился около 760 г. до Р. Х.; он был сын Амоса, о котором в книгах Священного Писания ничего не сообщается и которого иудейское предание отождествляет с Амосом, братом царя Амасии. Местом постоянного жительства святого Исайи был Иерусалим – столица Иудейского царства. На годы сознательного детства и отрочества пророка падает славное правление мудрого и доброго царя Озии; это царствование без сомнения имело благотворное религиозное и политическое влияние на душу будущего пророка. Ничего собственно неизвестно о днях ранней юности святого Исайи, но явление ему славы Господней и избрание его Господом на великое служение дают непререкаемое свидетельство о благочестии пророка и в это время жизни; о том же говорят и его пророческие речи, из которых видно прекрасное знание им

священных книг своего народа; очевидно, с ранних лет святой Исаия поучался в законе Божием. Как человек благочестивый, он взял и жену себе богобоязненную, от которой имел двух сыновей; о жене его известно, что она тоже была пророчицей (Ис.7:3, 8:3, 8:18).

На пророческое служение святой Исаия был призван в год смерти царя Озии (в 737 г.) особым видением. Однажды он присутствовал в храме за Богослужением; пред глазами его находились двор священников и святилище. Взирая молитвенно к святилищу, святой Исаия вдруг увидел, что храм стал раздвигаться; пред его духовными очами открывается внутренность святилища, затем исчезает завеса, скрывавшая таинственное святое святых, где изумленному и потрясенному пророку является торжественное видение Владыки неба и земли, «сидящего на престоле высоком и превознесенном», – стоящем как бы между небом и землею; края царственных риз Божиих наполняли храм. Вокруг Господа «стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг к другу, и говорили: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф. Вся земля полна славы Его!»[3035] От громогласного славословия Серафимов «поколебались верхи врат и храм наполнился куреniями». Святой Исаия пришел в ужас и испуганно воскликнул:

– Горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами и живу среди народа также с нечистыми устами[3036], и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа[3037].

Тогда к смятенному пророку прилетел один из Серафимов, державший в руке горящий уголь, взятый клещами с жертвенника, т.е., как объясняет святой Василий Великий, – с «небесного алтаря». Он коснулся уст пророка со словами:

– Вот, это коснулось уст твоих и беззаконие твое удалено от тебя и грех твой очищен.

Тотчас же за этим пророк услышал таинственный глас Иеговы, вопрошающий:

– Кого Мне послать? И кто пойдет для Нас?[3038]

Исполненный священной уверенности, святой Исаия выступил с выражением желания принять на себя ответственную и тяжелую обязанность быть проповедником воли Божией для «жестоковыйного» еврейского народа:

– Вот я, пошли меня, – сказал он.

Господь не отверг предложения святого Исайи и изъявил Свое согласие в таких словах:

– Пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их.

Исаия спросил Господа: долго ли народ будет пребывать в таком нравственном огрубении, и получил от Него в ответ страшное откровение о грядущих бедствиях, имеющих поразить Израиля:

– Доколе не опустеют города и останутся без жителей и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет (Ис.6:1–11)

Видение окончилось, и на святом Исайи почил Дух Божий, открывавший перед ним таинственное и отдаленное будущее как настоящее и укреплявший его в трудной борьбе с нравственными нестроениями среди родного народа.

Любящее народ сердце пророка не знало его политического разделения, и послушный воле Божией он не ограничивал своего пророческого служения пределами одного царства. Впрочем, когда святой Исаия выступил с пророческою проповедью, дни царства Израильского были уже сочтены, и пророку уже ничего не оставалось более как предсказать великое «горе», уже нависшее над Самариею, столицею Северного царства:

– Горе (Самарии), венку гордости пьяных ефремлян, увядшему цветку красивого убранства его, который на вершине тучной долины сраженных вином. Вот крепкий и сильный у Господа.… с силою повергает его на землю. Ногами попирается венок гордости пьяных ефремлян. И с увядшим цветком красивого убранства его.… делается то же, что бывает с

созревшею прежде времени смоквою, которую, как скоро кто увидит, тотчас берет в руку и проглатывает ее (Ис.28:1–4).

Это печальное пророчество вскоре исполнилось. В 722 г. Самария была взята Саргоном, царем ассирийским, и царство Израильское навсегда окончило свое существование[3039]. Так израильтяне, оставившие «все заповеди Господа Бога» были отвергнуты Им от лица Своего. «Не осталось никого, кроме одного колена Иудина» (4Цар.17:16–18).

С падением Самарии святой Исаия сосредоточил свой пророческий взор преимущественно на судьбах царства Иудейского, в котором, с воцарением Ахаза, особенно усилилось нравственное развращение. После царей Амасии, Озии и Иоафама к Ахазу перешло царство Иудейское, возведенное на значительную степень государственного могущества, так что аммонитяне и многие соседние филистимские города являлись данниками иудеев. Вместе с этим в Иудее скопились значительные богатства, которые в руках нечестивого Ахаза получили применение, недостойное избранного Богом народа. Израильтянин по происхождению и язычник по душе, Ахаз задался целью сделать Иерусалим полным подобием столиц языческих государств Финикии и особенно Ассирии. Он ввел в Иерусалиме поклонение солнцу, луне и остальным светилам небесным (4Цар.23:5), причем не убоялся осквернить даже самый храм Иеговы. В доме Господнем был поставлен идол Астарты, богини распутства, и здесь же при храме находились «дома блудилищные», где женщины ткали одежды для Астарты (4Цар.23:6–7); при самом входе в храм содержались белые кони, посвященные солнечному богу; в конюшни были обращены некоторые из помещений, предназначавшихся для хранения священных сосудов и для пребывания священников, отправлявших чреду служения (4Цар.23:11). Самый жертвенник всесожжения, поставленный Соломоном, Ахаз передвинул с его места пред святилищем к северной стороне храма и заменил новым, устроенным по ассирийскому образцу (4Цар.16:14–15). По всем углам Иерусалима были устроены жертвенники, чтобы проходящие имели возможность сжигать на них курения

(2Пар.28:24); при воротах Иерусалима и в других городах иудейских находились оставшиеся еще от прежнего времени «высоты» для совершения жертв Иегове (4Цар.15:4, 35); существование их с построением храма Господня было уже незаконно (3Цар.3:2; Втор.12:13–14). В честь финикийского божества Молоха под самыми стенами Иерусалима, в долине Гинномовой, было воздвигнуто новое капище; здесь стоял большой медный идол Молоха; внутри его была печь, а под протянутыми руками – жертвенник, на который и приносились дети. Ахаз сам подал пример ревностной преданности этому бесчеловечному идолослужению: он принес в жертву Молоху одного из своих сыновей (4Цар.16:3; 2Пар.28:3).

За это нечестие, растлевавшее царство Иудейское и возбуждавшее праведный гнев Господа, Иудею вскоре постигло наказание, служившее предвестником более грозных прещений Божиих в будущем. Царь израильский Факей и сирийский Рецин вторглись с соединенными силами в Иудейское царство; грабя и опустошая все на дороге, они дошли до самого Иерусалима; к тому же восстали едомитяне и филистимляне, возвращая себе независимость. «Так унизил Господь Иудею за Ахаза, царя иудейского, потому что он развратил Иудею и тяжко грешил пред Господом» (2Пар.28:19).

Когда союзные цари Факей и Рецин стояли у ворот Иерусалима, в последнем царили ужас и смятение, как в дубраве, колеблемой сильным ветром (Ис.7:2). Но милосердый Господь не оставил грешный народ Свой: вместе с наказанием Он через пророка Исаию послал ему утешение и предостережение. Встретив, по повелению Божию, Ахаза на дороге к полю Белильничьему у водопроводов верхнего пруда святой Исаия сказал ему:

– Наблюдай и будь спокоен; не страшись, и да не унывает сердце твое… (Рецин и Факей – эти концы дымящихся головней) умышляют против тебя зло, говоря: «Пойдем на Иудею и возмутим ее, и овладеем ею»… Но Господь Бог так говорит: это не состоится и не сбудется.

Видя недоверие Ахаза к его словам, святой Исаия сказал ему:

– Проси себе знамения у Господа, Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте.

На это Ахаз, скрывая свое неверие нежеланием искушать Господа, возразил:

– Не буду просить и не буду искушать Господа.

Тогда пророк, укорив царя за неверие, указывает как на знамение, подтверждающее исполнение его слов, на грядущее чудесное рождение Мессии-Христа от Девы; предсказав скорое удаление Рецина и Факея, он вместе с тем предсказывает будущее более ужасное нашествие ассирийцев:

– Слушайте же дом Давидов!... Сам Господь дает вам знамение: се Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут Ему имя: Еммануил[3040]. Он будет питаться молоком и медом; доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее. Но наведет Господь на тебя и на народы твои, и на дом отца твоего дни, какие не приходили со времени отпадения Ефрема от Иуды, наведет царя ассирийского (Ис.7:1–17).

Но неверующий Ахаз надежде на Бога предпочел надежду на царя ассирийского, от которого предостерегал его пророк. Ища защиты против вступивших в Иудею царей, Ахаз заключил союз с Феглаффелассаром II, царем ассирийским, и при этом отдал ему все сокровища не только из своего царского дома, но и из храма; он сам отправился к Феглаффелассару в Дамаск на поклон и здесь получил чертеж уже помянутого Ассирийского жертвенника. В награду за это подчинение царь ассирийский разоряет Сирию и часть Палестины, составлявшую Израильское царство. Ахаз же, ограбив храм, затворил его великие двери; угасли светильники храма; курение более не возносилось и святое место было оставлено в полном пренебрежении. Истинное поклонение Иегове, заменяемое все разраставшимся омерзительным идолопоклонством, было почти забыто (4Цар.16:5–10; 2Пар.28:5–25).

Со смертью Ахаза на престол вступил (в 728 г.) его двадцатилетний сын Езекия, бывший одним из лучших царей избранного народа. От отца Езекии досталось печальное наследие. Иудейское царство, платившее унизительную и

разорительную подать Ассирии, расшатывалось к тому же подтачивавшими его внутренний строй пороками. Среди высших классов населения, сосредоточивших в своих руках суд, царила неправда, и насилие над бедным было обычным явлением со стороны судей-сребролюбцев (Мих.3:9–11; Ис.1:17, 1–23, 3:14–15); священники – учители народа страдали теми же пороками (Мих 3:11), и голос истинных пророков заглушали ложные пророки-корыстолюбцы (Ис.30:20–21; Ос.9:8). Весь вообще народ, погрязший в разврате (Ис.1:21), и далекий от Господа сердцем в лучшем случае исполнял лишь обрядовую часть закона[3041], не следуя предписаниям его в жизни. Поэтому Господь через пророка Исаию обращался с таким трогательным и грозным увещанием к Своему народу, призывая его к исправлению:

– Я, – говорит Господь, – воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не разумеет. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные!., оставили Господа (Иегову), презрели Святого Израилева, повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем… Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский. К чему Мне множество жертв ваших?.. Я пресыщен всесожжением овнов и туком откормленного скота; и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы мои! Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие и празднование. Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу; ваши руки полны крови (Ис.1:2–15). Серебро твое стало изгарью; вино твое

испорчено водою. Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты и дело вдовы не доходит до них (Ис.1:22–23). Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и рассудим… Если будут грехи ваши как багряное, как снег убелю. Если будут красны как пурпур, как волну убелю (Ис.1:16–18).

Царь Езекия, потомок по матери пророка Захарии, был полною противоположностью своего отца, человека нечестивого и склонного ко всему ассирийскому: Езекия был предан национальным нравам и обычаям и, горя любовью к истинной вере, целью своей жизни поставил восстановление почитания Иеговы и очищение земли, осквернённой язычеством. Нелегка была эта деятельность среди народа, в большинстве отличавшегося языческими наклонностями. Здесь на помощь благочестивому царю пришли уважаемые им пророки, и во главе их – святой Исаия. Он собрал вокруг себя множество учеников, которые, будучи просвещены своим учителем, в свою очередь сами выступали просветителями народа. Так пророческая школа, созданная святым Исаиею, оказывала могучую поддержку царю Езекии в религиозно-нравственном возрождении народа. – Первым делом Езекии было очищение храма от языческих мерзостей и восстановление в нем богослужения (2Пар.29:3–36); вместе с тем уничтожением «высот» Езекия положил конец совершению частных богослужений. Стремясь к искоренению идолопоклонства, он не пощадил даже национального священного сокровища: по его приказанию был истреблен обоготворяемый многими иудеями медный змей, сделанный почти 800 лет назад Моисеем (Числ.21:9) и стоявший среди Иерусалима (4Цар.18:4). Затем, уже после падения Израильского царства, которому Езекия, опасаясь за свое собственное, не мог оказать помощи, была в Иерусалиме в присутствии множества иудеев[3042] торжественно отпразднована Пасха, ранее, вероятно, совершавшаяся частно, по семействам (2Пар.30).

Между тем умер завоеватель Самарии Саргон и на престол вступил младший сын его Сеннахирим. Смерть Саргона положила начало восстанию, широкой волной разлившемуся среди томившихся под тяжелым игом ассириян народностей, населявших громадное пространство, охватывавшее всю Западную Азию и отсюда идущее далее до берегов Нила. Во главе восставших находились египетский фараон Сети и Тиргак, царь эфиопский. К возмутившимся народностям примкнул и царь Езекия. С громадными полчищами Сеннахирим двинулся на усмирение восставших. Поставив конечною целью своего похода Египет, он сначала с севера вступил в Палестину. Снова подчинив здесь власти ассириян некоторые возмутившиеся народности, Сеннахирим двинул часть своих войск к Иерусалиму. После взятия приступом и ограбления 46 укрепленных городов Иудеи, отряд Сеннахирима скоро осадил и столицу ее – Иерусалим; сам же Сеннахирим окружил Лахис, тоже город Иудейского царства на границе с Египтом. Ужас охватил жителей осажденного Иерусалима, к которым святой Исаия не преминул обратиться со словом ободрения, предсказывая, что ассириян ждет наказание Божие и именно в земле избранного народа (Ис.14:24–25). Но слово пророка не вливало мужества в смятенные страхом души. Осада города затягивалась, так как Езекия не желал сдавать Иерусалима и усиленно укреплял его; к довершению бедствия появился голод, и некоторые в отчаянии стали предаваться распутству, что вызвало со стороны святого Исайи грозное обличение (Ис.22:1–2, 12–14). Наконец, видя бесполезность сопротивления ассириянам, Езекия решил сдаться: он отправил в Лахис к Сеннахириму послов с изъявлением покорности. Сеннахирим снял осаду с Иерусалима, наложив на Иудейское царство дань в большем, против прежнего, размере, так что для уплаты ее пришлось снять золото, еще остававшееся от прежних разграблений храма на воротах и косяках дверей, ведущих во святилище. Но вот Сеннахирим услышал, что против него выступил, было пораженный им, египетский фараон Сети с Тиргаком, царем эфиопским, двинувшим свои войска с берегов Верхнего Нила. При таких обстоятельствах Сеннахириму

подчинение Езекии показалось не более как вероломным желанием выгадать время, пока придут на помощь союзные цари. Поэтому Сеннахирим, не обращая внимания на только что заключенный с Езекией договор, вновь отправил к Иерусалиму отряд с тремя военачальниками, среди коих находился и Рапсак, начальник штаба. Отряд нашел ворота Иерусалима запертыми и стены его готовыми к обороне. Начальники ассирийского войска вступили в переговоры с представителями царя Езекии, убеждая Иерусалим к добровольной сдаче; в силу необходимости переговоры велись через стены города в присутствии множества народа. Они окончились следующей богохульной речью Рапсака, обращенной ко всем осажденным:

– Слушайте слова... великого царя ассирийского. Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия... и не обнадеживает вас... Господом, говоря: спасет нас Господь, и не будет город сей отдан в руки царя ассирийского. Не слушайте Езекии, ибо так говорит царь ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей, и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, пока я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников, в землю масличных дерев и меда, и будете жить, и не умрете. Не слушайте же Езекии, который обольщает вас говоря: Господь спасет вас. Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя ассирийского? Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима, Ены и Иввы? Спасли ли они Самарию от руки моей? Кто из всех богов земель этих спас землю свою от руки моей? Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей? (4Цар.18:28–35).

Когда эту речь передали Езекии, то он в знак великой скорби разодрал одежды свои и, облекшись во вретище, отправился в храм; к пророку же Исайи он послал Елиакима и Севну, придворных чинов, вместе со старейшими священниками; одетые по примеру царя во вретище посланцы Езекии сказали святому Исайи:

– день скорби и наказания, и посрамления день сей... Может быть услышит Господь, Бог твой, все слова Рапсака,

которого послал царь ассирийский..... хулить Бога живого и поносить словами, какие слышал Господь, Бог твой. Принеси же молитву об оставшихся, которые находятся еще в живых (4Цар.19:3–4).

На эти слова, дышавшие некоторой неуверенностью, пророк Божий дал ответ, полный твердой веры в помощь Господа:

– Так скажите господину вашему – так говорит Господь: не бойся слов, которые ты слышал, которыми поносили Меня слуги царя ассирийского. Вот, Я пошлю в него дух и он услышит весть и возвратится в землю свою, и Я поражу его мечом в земле его[3043] (4Цар.19:6–7).

Обнадеженный пророком, Езекия ответил послам ассирийского царя отказом сдать город, хотя вслед за этим отправил к Сеннахириму посольство со своей стороны, желая спасти свою страну от нашествия ассирийцев уверением в отсутствии изменнических замыслов. Посланцы Езекии застали Сеннахирима уже в самом Лахисе и не имели успеха; Сеннахирим их даже не выслушал. Чтобы обезопасить своим войскам тыл, он решил взять Иерусалим. Не желая тратить времени на осаду города, он попытался сначала склонить Езекию к сдаче города без боя; поэтому Сеннахирим отправил к Езекии вторичное посольство с письмом, в котором, уповая на свое могущество, убеждал его оставить надежду на спасение города Иеговою. Получив свиток, Езекия отправился в храм Божий, развернул его пред лицом Господа и обратился к Нему с такою проникновенною молитвою:

– Господи Боже Израилев, сидящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли. Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое и услышь (меня); открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить Тебя, Бога живого. Правда, О Господи! Цари ассирийские разорили народы и земли их, и побросали богов их в огонь. Но это не боги, а изделия рук человеческих, дерево и камень – потому и истребили их. И ныне, Господи, Боже наш, спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один (4Цар.19:15–19).

К молитве Езекии присоединил свою молитву и святой пророк Исаия (2Пар.32:20). И молитва их была услышана. Господь через пророка Исаию обратился к Езекии с таким укрепляющим душу словом:

– Так говорит Господь, Бог Израилев: то, о чем ты молился Мне против Сеннахирима, царя ассирийского, Я услышал. Вот слово, которое Господь изрек о нем: Презрит тебя, посмеется над тобою девствующая дочь Сиона, вслед тебя покачает головою дочь Иерусалима. Кого ты порицал и поносил? И на кого ты возвысил голос и поднял так высоко глаза твои? На Святого Изралева... За твою дерзость против Меня, и за то, что надмение твое дошло до ушей Моих, Я вложу кольцо в ноздри твои... и возвращу тебя назад той же дорогою, которою ты пришел. И вот тебе, Езекия, знамение: ешьте в этот год выросшее от упавшего зерна, и на другой год – самородное; а на третий год сейте и жните, и садите виноградные сады, и ешьте плоды их. И уцелевшее в доме Иудином оставшееся пустит опять корень внизу, и принесет плод вверху[3044]. Ибо из Иерусалима произойдет остаток, и спасенное от горы Сиона[3045]. Поэтому так говорит Господь о царе ассирийском: не войдет он в этот город и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала... Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего (4Цар.19:21–22, 28–34).

И Господь не замедлил чудесным образом явить Свое могущество над ассирийским царем и Свое благоволение Иудеи. С солнечным рассветом, рассеявшим ночную мглу, рассеялись страх и тревога, нависшие над Иерусалимом: в ту же самую ночь «пошел Ангел Господень и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч; и встали поутру, и вот все тела мертвые» (4Цар.19:35), и царь ассирийский «возвратился со стыдом в землю свою» (2Пар.32:21). Жителям же Иерусалима досталась громадная добыча, наполнявшая лишившийся защитников ассирийский стан[3046].

Наслаждаясь покоем, Езекия занялся мирным благоустройством своего государства, которое постепенно приобрело уважение окружающих народов (2Пар.29:22–23). Но

эти мирные и счастливые дни сменила новая тревога: царь Езекия заболел смертельно; к его одру явился пророк Исаия и передал печальное слово Господне, чтобы Езекия сделал завещание относительно своего дома, так как его ожидает скорая смерть. Живший во времена ветхозаветные, когда во мраке загробном едва брезжился отблеск Грядущего Искупителя, Победителя ада и смерти, лишенный к тому же наследника, которому бы мог передать царство, и не насыщенный еще жизнью, Езекия в отчаянии повернулся к стене от солнечного света и горько заплакал: «О! Господи, – воскликнул он, – вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным тебе сердцем, и делал угодное в очах Твоих» (4Цар.20:3).

Пророк Исаия, оставивший больного царя, «еще не вышел из города, как было к нему слово» Господа, услышавшего молитву верного раба Своего:

– Возвратись и скажи Езекии, владыке народа Моего: так говорит Господь Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слезы твои. Вот Я исцелю тебя; в третий день пойдешь в дом Господень: и прибавлю ко дням Твоим пятнадцать лет, и от руки царя ассирийского спасу тебя и город сей, и защищу город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего (4Цар.20:5–6).

Для исцеления болезни Езекии пророк Исаия велел употребить и доселе самое обычное на Востоке лекарство, именно пласт смокв: его, по приказанию пророка, приложили к нарыву[3047], появившемуся на теле царя. Для ободрения царя и по его просьбе Господь дал ему чудесное знамение, уничтожающее всякое сомнение в том, что выздоровевший Езекия будет «ходить в дом Господень». Пророк Исаия сказал царю:

– Вот тебе знамение от Господа, что исполнит Господь слово, которое Он изрек: вперед ли пройти тени на десять ступеней или воротиться на десять ступеней?

Езекия ответил:

– Легко тени подвинуться вперед на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней.

– И воззвал Исаия пророк ко Господу, и возвратил тень назад на ступенях, где она спускалась по ступеням Ахазовым на десять ступеней[3048] (4Цар.20:8–11).

В книге пророка Исайи записана молитва, какую произнес Езекия, получив радостную весть о своем выздоровлении. Молитва эта в таких трогательных словах изображает настроение души царя в преддверии смерти и по избавлении от нее: «Я сказал в себе: в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней; я лишен остатка лет моих, Я говорил: не увижу я Господа, Господа на земле живых; не увижу больше человека, между живущими в мире. Жилище мое снимается с места и уносится от меня, как шалаш пастушеский; я должен отрезать подобно ткачу жизнь мою: Он (т.е. Бог) отрежет меня от основы; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину. Я ждал до утра; подобно льву, Он сокрушал все кости мои; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину. Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! Тесно мне: спаси меня. Что скажу я? Он сказал мне, – Он и сделал. Тихо буду проводить все годы жизни моей, помня горесть души моей… Вот во благо мне была сильная горесть, и Ты избавил душу мою от рва погибели (т.е. от могилы), бросил все грехи мои за хребет Свой[3049] (Ис.38:11–15, 17).

Слух о чудесном выздоровлении царя Езекии, быстро распространяясь, достиг даже такой отдаленной страны как Вавилония. Царь ее Меродах Баладан, еще сохранивший независимость государства под могучим напором ассириян, пользуясь случаем, отправил к Езекии посольство под видом того, чтобы поздравить его с выздоровлением и подробнее разузнать о сопровождавшем его чудесном знамении; действительною же целью посольства было заключение с Езекиею наступательного и оборонительного союза; посольство везло к Езекии письмо и подарки от вавилонского царя. Езекия обрадовался посольству, идущему от царя обширного государства, и показал ему все свои сокровища. Посольство это было испытанием Езекии от Бога, «дабы открыть все, что у него на сердце». И благочестивый царь не выдержал испытания: еще

так недавно видевший над собою проявление милосердия Божия, соединенного с чудесным знамением, Езекия, увлекшись тщеславием, при котором не было места мысли о славе Господа, переносит свое упование с Бога на людей и на себя самого. Но самое открытие Езекиею послам вавилонского государя всех тайн своего государства было обнаружением слабости человеческого разума в познании неисповедимых судеб Божиих, по которым Иудея и должна была пасть именно от нашествия вавилонского повелителя. С таким печальным откровением, бывшим наказанием Езекии за самонадеянность, и явился пророк Исаия к царю иудейскому, по удалении послов. Узнав от самого Езекии, что послы приходили «из земли далекой из Вавилона» и что «не оставалось ни одной вещи, которой не показал бы им царь во всем владении своем», Исаия сказал царю иудейскому:

– Выслушай слово Господне: Вот придут дни, и взято будет все, что в доме твоем, и что собрали отцы твои до сегодня, в Вавилон; ничего не останется. Из сынов твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, возьмут и будут они евнухами во дворце царя вавилонского.

– Благо слово Господне, которое ты изрек, – со смирением отвечал раскаявшийся Езекия, молясь в то же время, чтобы мир и благосостояние сопровождали хотя бы только дни его (4Цар.20:13–19; 2Пар.32:31; Ис.39).

Господь не отринул молитвы погрешившего царя: в мире «почил Езекия с отцами своими» (4Цар.20:21) и был похоронен со всевозможными почестями, при стечении множества иудеев, над гробницами сынов Давидовых в Иерусалиме[3050] (2Пар.32:33).

Вскоре окончил дни свои и великий пророк святой Исаия: по преданию иудейскому, принимаемому Тертуллианом, Лактанцием и блаженным Иеронимом, святой Исаия скончался мученически, перепиленный пилою[3051] при преемнике Езекии Манассии.

Если, как говорит святой Кирилл Иерусалимский, «не одному из пророков не был Христос неведом», то о пророке Исайи это должно сказать в особенности. Книга его содержит

предсказания о Христе-Спасителе столь полные и ясные, что по справедливости устами отцов церкви святому Исайи усвоено наименование «Ветхозаветного евангелиста».

У этого великого ветхозаветного пророка находим подробно начертанный образ Грядущего Мессии.

Предваренный пришествием Предтечи (Ис. 40:3) Мессия, происходя по человечеству от рода Иессеева (Ис. 11:1), родится от безмужней Девы (Ис. 7:14) и будет преисполнен Даров Святого Духа (Ис. 11:2) и носить имена, с несомненностью указующие на Его Божеское достоинство (Ис. 9:6). Смиренный и кроткий Раб Божий, возлюбленный Господом и призванный Им для возвещения народам истины, Мессия «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит», проявляя в то же время великую силу в водворении на земле своего царства (Ис. 9:1–4), которое явится царством правды и мира и боговедения, – «тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут жить вместе, и малое дитя будет водить их, и корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и малое дитя будет водить их, и лев, как вол, будет есть солому, и младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою в гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет исполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11:6–9). Но наступленью этого царства должны предшествовать уничижение, страдания и, наконец, смерть Мессии за грехи людей: «Господи, – восклицает пророк, точно стоя у креста Распятого Спасителя, – кто поверил слышанному от нас (т.е. проповеди о воплотившемся Сыне Божием) и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем и мы ни во что ставили Его». Тогда как «Он взял на себя наши немощи, и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он был

изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем и ранами Его мы исцелились; все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязаем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден Он был на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят, но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступление народа своего претерпел казнь. Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха и не было лжи в устах Его». Рядом с этим величественным в своем неизмеримом смирении образом страждущего Мессии пророк изображает прославленного за Его страдания Мессию Основателя Церкви: «Господу угодно было поразить Его и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его; на подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; через познание его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. Поэтому Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет иметь добычу за то, что предал душу Свою на смерть и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался Ходатаем» (Ис. 53:1–12).

Кондак, глас 2:

Пророчества дарование прием, пророкомучениче, Исаие богопроповедниче, всем изъяснил еси вочеловечение Господне, возгласив велегласно концем: се Дева во чреве приимет.

Страдание святого мученика Христофора

Память 9 мая

О сем преславном мученике[3052] рассказывают нечто странное и необыкновенное, будто он имел песью голову и происходил из страны людоедов[3053]. Когда одним комитом[3054] он взят был на войне в плен, то не обладал даром человеческой речи. Он помолился Богу, и Господь послал к нему Ангела, который сказал ему: «Мужайся, Репрев!» – таково было его первое имя, – а потом прикоснулся к его устам и сообщил ему через это способность говорить. Когда после этого он прибыл в один город, то стал обличать тех, которые преследовали христиан. За это некий Вакх избил его, но он в ответ на это сказал Вакху, что принимает со смирением от него побои только ради заповеди Христа, а если бы он поддался гневу, то не устоял бы ни сам Вакх, ни даже сила императора, которую он обратил бы в ничто. Вскоре за ним было прислано двести человек воинов, чтобы привести его к императору[3055], и, когда они шли, то на пути совершенно сухой жезл, бывший в руках святого, чудесно расцвел, а затем когда во время путешествия у воинов не хватило хлеба, то он умножил его в изобилии. Это великое чудо привело в удивление воинов, и они уверовали во Христа и вместе со святым были крещены Антиохийским епископом, святым священномучеником Вавилою, причем святому вместо Репрева дано было имя Христофора. Когда святой приведен был к императору, то последний при виде его почувствовал ужас и неожиданно упал навзничь, а потом, придя снова в себя, задумал заставить его отречься от Христа, но не явными мерами насилия, а хитростью сперва изменить его настроение, а потом ласкою склонить его к исполнению своей воли. С этою целью он велел позвать двух женщин – блудниц, красивых лицом и готовых отдать себя на блудное соединение, которые соблазнительными беседами возбуждали в молодых людях непреодолимое, безумное стремление к блудодеянию. Имя одной из этих женщин было Каллиникия, а другой – Акилина. Император велел им войти к святому и внушить ему

различные соблазнительные мысли, как это было у них в обычае, чтобы, побуждаемый преступною любовью к ним, он согласился отречься от веры во Христа и принести жертву языческим богам, но святой Христофор стал их поучать вере во Христа и своим словом отвратил их от идолослужения. Вернувшись к императору, они объявили себя христианками, за что подвергнуты были жестоким мучениям и, потерпевши таким образом страдания за веру во Христа, восприняли мученические венцы. Сильно разгневавшись на этих женщин, император велел привести к нему святого Христофора и стал издеваться над ним по поводу необыкновенного вида его лица, но святой в ответ на это назвал его вместилищем действий диавола, ибо такой смысл имело имя императора Декия. После этого император приговорил к смерти тех двести человек воинов, которые были посланы, чтобы привести к нему святого Христофора и которые приняли святое крещение вместе с ним, так как они пришли к святому и на глазах императора поклонились ему. Он велел всем им отсечь головы, а тела их сжечь, святого же Христофора приказал заключить в медный сосуд, прибить его в нем гвоздями, а затем сосуд раскалить, но когда это было исполнено, то святой остался невредимым. Не испытывая никаких страданий ни от огня, ни от пригвождения, он стоял в раскаленном сосуде, как бы в какой приятной прохладе. Многим из присутствовавших это показалось обманом, а верующим святой совершенно правдиво и с радостью рассказал, что во время истязания он видел какого-то весьма высокого ростом и прекрасного видом, одетого в белые одежды мужа, который исходящим от него светом превосходил солнце и имел на главе своей блестящий венец, что его окружало множество воинов, с которыми какие-то черные и смрадные арапы вели борьбу, стараясь схватить и увлечь его, но этот страшный вождь с гневом взглянул на них и своим взглядом привел в смятение и поразил все это вражеское воинство, а ему дал силы без вреда перенести мучение. Слыша такой рассказ и видя святого совершенно невредимым, многие из народа поверили ему и обратились ко Христу, а затем вынули святого из раскаленного сосуда, за что и были

изрублены царскими палачами. После этого святому Христофору привязали на шею камень и бросили его в колодец, но Ангел извлек его оттуда, потом надели на него раскаленную медную одежду и, наконец, отсекли ему мечом голову[3056]. Память святого Христофора и других святых мучеников, с ним пострадавших, празднуется в Кипариссии[3057] в день его кончины, близком ко дню кончины святого великомученика Георгия.

Тропарь, глас 4:

Одеждами от кровей украшаяйся, Господеви предстоиши Царю сил, Христофоре приснопамятне: отонудуже со безплотными и мученики поеши трисвятым и страшным сладкопением: темже молитвами твоими спасай стадо твое.

Сказание о перенесении мощей святителя Николая, архиепископа Мирликийского[3058]

Память 9 мая

В лето 1087, при царе греческом Алексии Комнине[3059] и при патриархе Константинопольском Николае Грамматике[3060], во время княжения на Руси Всеволода Ярославича[3061] в Киеве и сына его Владимира Всеволодовича Мономаха в Чернигове[3062], в греческую область вторглись измаильтяне[3063], как с той так и с другой стороны моря. Они прошли по всем городам и селам, от Корсуня[3064] до Антиохии и до Иерусалима; при этом они иссекали мужчин, женщин же и детей брали в плен и сжигали дома и имущества. Церкви и монастыри опустели, и города перешли во власть неверных. Тогда были опустошены и Миры ликийские, в которых почивало тело святителя Николая, тело драгое и всечестное, творившее дивные и преславные чудеса. Преподобный сей муж мог бы защитить град свой и Церковь от опустошения, но, по повелению Божию, не воспротивился, говоря: «Господи, угодное пред очами Твоими сотворю».

Но Господь наш Иисус Христос не мог допустить, чтобы мощи святителя почивали в опустошенном месте и никем не славились, по сказанному в Писании: да торжествуют святые во славе (Пс.149:5); и еще: слава будет всем святым Его (Пс.149:9).

В граде Бари, принадлежавшем тогда норманнам[3065], жил некий пресвитер, христолюбивый и праведный. Ему явился во сне святой Николай и сказал: «Иди и скажи гражданам и всему собору церковному, чтобы они пошли в град Миры, взяли меня оттуда и положили здесь, ибо я не могу пребывать там, в опустошенном месте. Такова воля Господа».

Сказав сие, святитель стал невидим. Пробудившись утром, пресвитер поведал всем бывшее видение. Они возрадовались и говорили: «Ныне возвеличил Господь милость Свою на людях Своих и на граде нашем, ибо сподобил нас приять угодника Своего, святого Николая».

Тотчас они избрали из своей среды мужей благоговейных и богобоязненных и отправили их в трех кораблях за мощами святителя. Представляясь идущими для торговли, те мужи нагрузили свои корабли пшеницею и отправились в путь.

Приплыв в Антиохию, они продали пшеницу и закупили все, что было нужно. Тут они узнали, что венецианцы, находившиеся там, хотят их предупредить и взять мощи святого Николая. Тотчас баряне с поспешностью отправились, прибыли в Миры ликийские и пристали к городской пристани. Задумав дело на спасение себе и граду своему, они вооружились и вошли в церковь святого Николая. Здесь они увидели четырех иноков и спросили их, где почивают мощи святого Николая. Те показали им место раки. Баряне раскопали помост церковный и нашли раку, полную мира. Миро они вылили в сосуд, а мощи святого взяли и отнесли на корабль, затем отплыли. Двое иноков остались в Мирах, а двое сопровождали мощи святого Николая[3066]. Отправились они из града Мир месяца апреля в 11 день, а прибыли в град Бари месяца мая в 9 день, в воскресенье вечером. Видя, что прибыли из града Мир с мощами святого Николая, все жители града Бари, мужи и жены, от мала до велика, вышли навстречу святителю со свещами и фимиамом, приняли мощи с радостью и великою честью и положили их в церкви святого Иоанна Предтечи у моря.

Многие чудеса творили здесь мощи святителя. Прибыли они в Бари в воскресный день вечером и уже в понедельник утром исцелили 47 больных, мужей и жен, одержимых различными недугами: у одного болела голова, у другого очи, у иного руки и ноги, сердце, а то и все тело страдало от духов нечистых. Во вторник исцелились 22 больных, а в среду – 29. В четверг рано утром святой Николай исцелил глухонемого, болевшего уже 5 лет. Затем святитель явился некоему благочестивому иноку и сказал: «Итак, волею Божию, пришел я к вам в страну сию, в день воскресный, в час девятый, и вот 111 человек исцелены мною».

И еще другие чудеса по вся дни творил святой Николай, подобный источнику, текущему без конца. И много даров приносили святому, золото и серебро и многоценные одежды.

Видя преславные его чудеса, граждане преисполнились великою радостью, создали великую и прекрасную церковь во имя святителя и чудотворца Николая[3067], и сковали для мощей его раку серебряную позлащенную. В третье лето по перенесении мощей из Мир ликийских они послали к Римскому папе Урбану, прося, чтобы он прибыл в Бари со своими епископами и со всем клиром церковным для перенесения мощей святого Николая. Папа прибыл в сопровождении епископов и клира; они вложили мощи святого в серебряную раку, затем епископы и вельможи перенесли ее в новую, великую церковь и положили в алтаре, месяца мая в 9 день. Перенесли они и ветхий гроб святителя, в котором он был привезен из Мир, поставили гроб в церкви и положили в него часть руки от мощей святого. Многие люди приходили и поклонялись святому, целуя мощи его и раку. Римский папа Урбан, епископы и все граждане сотворили в тот день великий праздник и прославление святому, которое творят и до сего времени[3068]. В те дни они утешались пищею и питьем и, раздав щедрую милостыню убогим, возвратились в дома свои с миром, славя и хваля Бога и святого угодника Его Николая.

Тропарь, глас 4:

Приспе день светлаго торжества, град Барский радуется, и с ним вселенная вся ликовствует песньми и пеньми духовными: днесь бо священное торжество, в пренесение честных и многоцелебных мощей святителя и чудотворца Николая, якоже солнце незаходимое возсия, светозарными лучами, и разгоняя тьму искушений же и бед от вопиющих верно: спасай нас яко предстатель наш великий Николае.

Кондак, глас 3:

Взыде яко звезда от востока до запада твоя мощи святителю Николае, море же освятися шествием твоим, и град Барский приемля тобою благодать: нас бо деля явился еси чудотворец изящный, предивный и милостивый.

Память святого апостола Симона Зилота

Память 10 мая

Сей святой Симон происходил из Каны галилейской и был лично известен Господу и Его Пречистой Матери, так как город Кана отстоял на небольшом расстоянии от Назарета. Когда Симон справлял торжество по случаю своего вступления в брак, то на это торжество он пригласил и Господа, с Его учениками, и Пречистую Матерь. Но так как для гостей недостало вина, то Господь претворил воду в вино (ср. Ин.2:1–11). Будучи поражен таким чудом, жених уверовал в Господа Иисуса Христа, как Бога истинного и, оставив брачное торжество и тот самый дом, последовал с усердием за Господом Иисусом; поэтому он и был прозван Зилотом, или ревнителем[3069], так как разжегся столь великою ревностью, что оставил ради любви ко Христу и свою невесту, и все свои привязанности, уневестив душу свою Жениху Небесному. За это Симон был причтен к сонму учеников Христовых и к лику святых двенадцати апостолов.

Когда на апостолов в день Пятидесятницы сошел Дух Святой в виде языков огненных, то они получили дар языков, так что могли проповедать Евангелие всем народам; и Симон вместе с прочими одиннадцатью апостолами сподобился получить Духа Святого. Получив Духа Святого, он отправился с проповедью о Христе по разным странам, прошел Египет, Мавританию, Ливию, Нумидию, Киринию и Абхазию. Был он также и в Британии. Здесь он просветил верою Христовою многих язычников, неведавших Христа, за что и был распят неверными и окончил жизнь свою мучением, подобным мучению крестному, которому был предан Иисус Христос[3070].

Кондак, глас 2:

Известно премудрости учения, в душах благочествующих положшаго, во хвалении ублажим, яко богоглаголиваго вси Симона: престолу бо славы ныне предстоит, и со безплотными веселится, моляся непрестанно о всех нас.

Житие преподобной Исидоры юродивой

Память 10 мая

В Тавеннисийском женском монастыре[3071], находившемся в Фиваиде, среди прочих сестер подвизалась и одна девица, по имени Исидора, принявшая на себя подвиг юродства. Она вела себя как глупая и помешанная, почему и была в столь великом презрении у прочих сестер, что ни одна из них никогда не вкушала пищи вместе с нею. Она была всеми унижаема и оскорбляема, но свой подвиг Исидора выдерживала с великим терпением, всегда благодаря и хваля Бога.

Исидора постоянно трудилась в поварне монастырской, служа всем сестрам и исполняла все монастырские работы, не гнушаясь самыми трудными и грязными. Она своими руками очищала монастырь от всякой грязи и нечистоты. Так трудилась преподобная постоянно, от утра до ночи, не предаваясь покою даже и на час, всегда изможда плоть свою.

Иногда Исидора притворялась как бы бесноватой, дабы утаить пред окружавшими ее сестрами свои добродетели. Таким образом на ней исполнялось апостольское слово: «если кто думает быть мудрым в веке этом, тот будь безумным, чтоб быть мудрым» (1Кор.3:18)

Всех сестер в монастыре том было сорок, и все они, согласно правилам монастырской жизни, носили на головах своих куколь; Исидора же покрывала голову свою простой тряпкой. Никто никогда не видал, чтобы она когда-либо ела кусок хлеба или сидела за столом и вкушала вареную пищу, потому что она собирала крошки, падавшие со стола, и питалась ими; вместо вареной пищи Исидора вкушала ту самую воду, которой мыла горшки и котлы. Никогда преподобная не оскорбляла никого словом, никогда не гневалась ни на кого, никогда не роптала на Бога, но всегда пребывала в молчании; никогда она не вела ни с кем ни длинной, ни короткой беседы и вообще ни с кем не разговаривала, несмотря на то, что другие сестры ее часто и били, и злословили.

После того как преподобная Исидора провела достаточное число лет в таких подвигах, было о ней откровение Питириму, подвизавшемуся в близлежащей Порфиритской пустыне, мужу весьма добродетельному. Ему явился Ангел Господень и сказал: «Для чего ты величаешься в уме своем и считаешь себя добродетельным, пребывая в этом пустынном месте? Желаешь видеть женщину, более тебя добродетельную, угодившую Богу своими подвигами более, нежели ты? Если желаешь видеть такую женщину, то иди в Тавеннисийский женский монастырь; здесь встретишь ты одну сестру, носящую на голове своей вместо куколя тряпку; эта сестра угодила Богу своими подвигами более тебя, так как, живя всегда среди других сестер и служа всегда всем с любовью, она находится в презрении у всех; но несмотря на это, никогда она своим сердцем не отлучается от Бога, равно как и ум ее всегда погружен в мысль о Боге. А ты, пребывая здесь в уединении и никогда не уходя отсюда, умом своим обходишь все города».

Питирим тотчас же отправился в Тавеннисийский женский монастырь Дойдя до мужского монастыря, находившегося в Тавеннисах, Питирим попросил настоятеля этого монастыря дать ему проводников, которые могли бы довести его до монастыря женского. Так как Питирим был известен здесь своими подвигами, то ради его подвижнического жития, а также и ради его старости, настоятель дал ему проводников из братии, которые с осторожностью и любовью перевезли его через реку, разделявшую два монастыря – мужской и женский, и привели его к женскому монастырю.

Придя в монастырь, преподобный отправился прежде всего в храм монастырский. Сотворив здесь обычную молитву, Питирим попросил всех сестер собраться к нему так, чтобы он мог всех их видеть. Все сестры собрались, кроме Исидоры. Не видя той самой сестры, о которой ему было извещение от Ангела и ради которой он пришел сюда, старец сказал:

– Приведите ко мне всех сестер, потому что, думается мне, здесь нет одной.

Сестры же отвечали ему:

– Вот мы все здесь предстоим честному лицу твоему.

Но старец сказал:

– Здесь нет одной, о которой мне было откровение от Ангела Божия.

Тогда сестры сказали:

– Мы все здесь, честный отец; здесь нет только одной сестры, которая находится в поварне, но она глупа и бесновата.

Старец же сказал.

– Приведите и эту сестру ко мне, чтобы я мог видеть ее, так как ради ее я и пришел сюда.

Сестры отправились за ней и сказали ей, что ее зовет старец. Но она не хотела идти, так как разумела духом о откровении, бывшем от Ангела старцу.

Тогда сестры, схватив ее, силою повлекли за собою, сказав:

– Честный отец Питирим зовет тебя.

Когда Исидора была приведена к старцу, то сей последний, увидав ее и поняв, что это была именно: та сестра, о которой ему поведал Ангел, пал к ногам ее со словами:

– Благослови меня, честная мать!

Но Исидора сама упала к ногам его и сказала:

– Ты меня благослови, честный отец!

Увидя все это, сестры весьма удивились и сказали старцу:

– Да не будет тебе такого бесчестия, честный отец! Ведь эта сестра – помешанная.

Блаженный же Питирим сказал им:

– Может быть вы все помешанные; но эта сестра более меня и вас всех угодила Богу; она всем нам мать, и я буду молить Господа, дабы сподобил Он меня одной участи с нею в День Судный.

Услыхав это, все сестры пали пред старцем и со слезами поведали ему о всех оскорблениях, которые они наносили ей ежедневно. При этом одна из сестер говорила:

– Я всегда ее бранила.

Другая:

– Я выливала на нее помои.

Третья:

– Я била ее рукой.

Четвертая:

– Я палкою ударяла ее.

И прочие сестры поведали старцу о многих других оскорблениях, которые они наносили преподобной. Падая ниц пред Исидорой, все они просили у нее прощения.

Честный же старец Питирим вместе с преподобною Исидорою вознес к Богу усердную молитву о сестрах, дабы простились грехи их. Затем Питирим достаточное время поучал сестер и беседовал с ними ради душевной пользы их, и, наконец, возвратился на место подвигов своих, хваля и славя Бога, сподобившего его видеть укрываемую от всех рабу Свою.

Преподобная же Исидора, не желая принимать почтения от сестер, вскоре после того как ушел старец, вышла тайно от всех из монастыря того и подвизалась в никому неведомых местах до самого дня своей кончины.

Такова была жизнь утаенной от всех угодницы Божией, которая служила Господу тайно от всех под покровом своего юродства. За это она воспримет награду от Господа на небесах явно, пред очами всех ее небесных сограждан; водворившись с ними, она прославляет Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице[3072].

Память блаженной Таисии

Память 10 мая

В Египте проживала одна отроковица-христианка, по имени Таисия. Когда умерли родители ее и она осталась сиротою, то, желая сохранить себя в девической чистоте, Таисия раздала все имение свое нищим, дом же свой сделала странноприимницею для иноков скитских. Так подвизалась она долгое время, принимая к себе в дом подвижников и доставляя им отдых от путешествия. Спустя довольно продолжительное время, Таисия совершенно истратила все имение свое, так что впала в великую нищету. По коварству диавола с ней сблизились некоторые грехолюбцы, которые совратили и ее ко греху и отвлекли ее от пути спасительного; с этого времени Таисия начала проводить греховную жизнь, предаваясь блуду и разврату.

Когда подвижники скитские узнали о такой перемене жизни Таисии, то весьма опечалились. Посоветовавшись между собою, они пошли к авве Иоанну Колову и сказали ему:

– Мы слышали о сестре той, что она проводит греховную жизнь. Но так как она оказывала нам большую любовь, давая нам приют в своем доме, то и мы покажем ей нашу духовную любовь и позаботимся о спасении души ее. Потрудись же и ты, честный отец, пойди к ней и увещай ее к покаянию, ты сумеешь это сделать, так как ты наделен мудростью от Бога. Мы же будем поститься и принесем Богу усердные моления, дабы помог тебе Господь.

Авва Иоанн Колов, исполняя просьбу честных отцов, пошел в город к женщине той, молясь дорогою про себя Богу, Помощнику своему, Которому благоугодно, чтобы все спаслись.

Подойдя к дому Таисии, старец постучал в дверь и затем сказал женщине, охранявшей вход в дом:

– Скажи госпоже своей, что я пришел побеседовать с ней.

Привратница же с гневом отвечала ему:

– Вы, иноки, растратили все имущество ее!

Но старец сказал ей:

– Скажи ей о мне, что я принес ей нечто весьма ценное. Привратница пошла и возвестила госпоже своей как сказал старец.

Женщина же та ответила.

– Иноки те, ходя близ Черного моря, находят иногда бисер. Приведи того старца ко мне.

Войдя в дом, старец сел близ Таисии; затем, посмотрев на лицо ее и глубоко вздохнув, наклонил голову свою и начал плакать.

Тогда Таисия спросила старца:

– Честный отец! О чем ты плачешь?

Старец же отвечал ей:

– Я вижу, как сатана играет на лице твоем; как же мне не плакать? Почему ты не хотела иметь своим женихом Господа нашего Иисуса Христа, Жениха Пречестного и Бессмертного? Для чего ты презрела чертог Его и отдала себя сатане? Для чего ты поступаешь по скверным делам его?

Услыхав такие слова, Таисия умилилась душою, так как слова старца были для нее как бы стрелою огненною, пронзившею сердце ее. Тотчас же в ней явилось отвращение к своей греховной жизни; она стала стыдиться и самой себя, и своих дел греховных. Затем она сказала старцу.

– Честный отец! Есть ли покаяние для грешников?

Старец же отвечал ей:

– Воистину есть, и Спаситель ждет твоего обращения, будучи готов принять тебя в Свои отеческие объятия; ибо Он не желает, чтобы грешник погиб, но желает, чтобы грешник обратился к пути спасительному. И вот я буду тебе поручителем в том, что, если ты покаешься искренно и от всего сердца обратишься к Господу, то Он снова возлюбит тебя, как невесту Свою и, очистив тебя от всякой греховной нечистоты, введет тебя в нетленный чертог Свой небесный. О тебе возрадуются тогда все чины Ангелов, потому что они радуются и об одном грешнике кающемся.

Таисия сказала на это:

– Да будет воля Божия, честный отец! Возьми меня отсюда и веди, куда ты знаешь, где бы я могла найти себе место,

удобное для покаяния.

Старец же сказал:

– Пойдем.

Затем, поднявшись, направился к выходу из дома ее.

Встала и Таисия и пошла за старцем, ничего не устроив в доме своем, ничего никому не сказав относительно дома, но сразу все оставив, ради Христа.

Увидав, что Таисия нисколько не позаботилась о доме своем и ничего никому не сказала, отец Иоанн весьма удивился такой внезапной перемене и такой ревности Таисии по Боге. Возблагодарив за сие Бога, он отправился в путь свой. Таисия же шла сзади его на значительном расстоянии от него.

Когда путники дошли до пустыни, было уже поздно; наступала ночь.

Устроив на земле небольшое возглавие из песка, старец сказал Таисии:

– Усни здесь под покровом благодати Божией.

Затем, оградив ее крестным знамением, отошел от нее на небольшое расстояние. Сотворив обычные свои молитвы, старец лег на землю и уснул.

Когда наступила полночь, старец пробудился, так как увидел свет на небе. Подняв свои очи кверху, старец увидел огненную полосу, шедшую с неба по направлению к Таисии.

От сего видения Иоанн пришел в ужас. Посмотрев же пристальнее на Таисию, он заметил, что Ангелы Божии возносили к небу по пути тому душу Таисии. Иоанн взирал на это дивное видение до тех пор, пока оно не скрылось от глаз его. Затем, встав, Иоанн пошел к Таисии; подойдя к ней, он толкнул ее рукой, но увидел, что она умерла[3073]. Тогда старец в страхе и трепете упал ниц на землю. И был к нему глас с неба, говоривший: «Покаяние ее, принесенное в один час, до чего приятнее покаяния, продолжающегося долгое время; потому что в последнем случае не бывает у кающихся такой теплоты в сердце».

Старец пробыл в молитве до самого утра. Затем, предав земле честное тело блаженной Таисии, он пришел в скит, где и поведал отцам о всем бывшем. Узнав обо всем происшедшем,

иноки прославили и возблагодарили Христа Бога за Его великое милосердие. Ему – Богу истинному – воссылается слава вовеки. Аминь.

Житие преподобного Симона, епископа Владимирского и Суздальского

Память 10 мая

То, что сказал Иисус, сын Сирахов, о Симоне, сыне Ониине[3074]: «великий священник, при жизни своей исправил дом и во дни свои укрепил храм» (Сир. 50:1); и еще: «как утренняя звезда среди облаков, как луна полная во днях, как солнце сияющее над храмом Всевышнего, как радуга, сияющая в величественных облаках» (Сир. 50:6–7), – это самое мы должны сказать и о преподобном отце нашем Симоне, епископе Владимирском и Суздальском, свидетеле и списателе житий угодников печерских, втором летописце по блаженном Несторе. Поистине, он хорошо построил дом Божий и укрепил Церковь примером жития своего и назидательными повествованиями о житии святых, как один из тех добрых пастырей, о которых Господь обещал пророку Иеремии, говоря: «дам вам пастырей по сердцу Моему и будут пасти вас со знамением и благоразумием» (Иер.3:15). Поистине все наименования, относимые к Симону, доброму пастырю и хранителю закона Иудейского, могут быть отнесены и к сему преподобному Симону, архипастырю Владимирскому и Суздальскому.

Этот блаженный Симон принял образ иноческий в святом монастыре печерском, подобно небу, украшенному святыми подвижниками, как бы звездами мысленными, луною и солнцем. Поступив в монастырь, Симон с прилежанием читал повести о житии прежде бывших и Богу угодивших святых, многочисленных, как многочисленны звезды на небе. И сам блаженный Симон воспламенялся любовью к подвигам этих святых и всячески старался им подражать. С любовью вспоминал он подвиги первого строителя сей обители преподобного Феодосия, так умножившем сии духовные звезды обители – иноков, и всячески старался подражать жизни его. Вспоминал он также и о подвигах святого Антония, просветившего всех, подобно солнцу, светом добрых дел своих; и его равноангельному житию подражал преподобный; взирая

на преподобных, умноженных как звезды, служащие луне и солнцу, Симон поучался смирению; в особенности поучался смирению примером преподобного Феодосия, который, подобно луне, сиял ярче всех прочих звезд и заслужил себе у Бога более славный сравнительно с прочими братиями венец. От Антония, как бы солнца, идущего по небу одиноко, без прочих светил, Симон заимствовал равноангельное безмолвное житие. Подобно зеркалу, он отражал в себе все те духовные светила – звезды, луну и солнце, и сам проявлял из себя свет звездный, лунный и солнечный. Кроме того, подобно тому древнему Симону первосвященнику, и сей был как звезда утренняя, как луна полная и как солнце, сияющее на церковь Всевышнего. Он усердно подвизался в святом монастыре печерском, подобном небу, и сам Симон уподоблялся своими подвигами звезде утренней, всегда подражая Пресвятой Богородице, прекрасной как луна и славной как солнце. Сколько было у него сил, он усердно служил Матери Божией, пребывая постоянно в великом смирении, усердной молитве, как общей с братиею, так и уединенной.

Когда сей святой Симон просиял подвигами своими по многим окрестным странам, так что был даже известен и в странах весьма отдаленных, случилось, что в то время архиерейский престол епархии Владимирской и Суздальской не имел своей главы. Церкви же прилично украшаться звездным венцем (ср. Откр.12:1), как пишет святой Иоанн в своем Апокалипсисе. На том престоле владимирском и суздальском не было пастыря, – пресветлого солнца и красивой луны, так что та церковь не могла похвалиться словами псалма: престол мой как солнце предо мною и «как луна совершенна в век» (Пс.88:38). В это именно время, по изволению Начальника пастырей – Иисуса, вручившего некогда овец Своих любившему «Его более всех» (Ин.21:15–17) Симону Петру, этот блаженный Симон, от всего сердца возлюбивший Пречистую Матерь Божию, был призван Богом на престол епископский для управления Богом хранимыми городами – Владимиром и Суздалем. Таким образом украсился венец церкви той светом звездным, престол же ее просветился как солнце и как полная

луна. Сей блаженный пастырь просиял на престоле добрыми делами своими как звезда утренняя, как луна и как солнце; учением своим он просвещал всех, любовью согревал, благодатью, испрошенною от Бога, даровал всем жизнь (духовную). Сей блаженный Симон всегда представлял себя как бы звездою утреннею, которая возвещает конец ночи и начало дня, поэтому он всегда хранил себя от всех дурных и греховных дел и всеми силами устремлялся на дела добрые, благодатные. Помышлял про себя святой и то, что солнце и луна – суть как бы два глаза, неусыпно бдящих на небе; поэтому он всячески заботился о том, чтобы его престол сиял как солнце и как полная луна, и лично сам старался подражать тем неусыпным очам небесным, для чего с неусыпною бодростью прилежно пас духовное стадо свое.

Блаженный Симон долгое время подвизался, как ревностный пастырь, усердно и внимательно заботившийся о своей пастве; и следует заметить, что преподобный весьма успешно проходил служение свое. В то же время святой не оставлял и трудов своих иноческих, всегда представляя в мысли своей труды и подвиги честных подвижников печерских и радуясь душою своею о том, что Господь сподобил его в сей честной обители принять образ иноческий и быть как бы сожителем святых печерских подвижников; святой Симон постоянно призывал их к себе на помощь в молитвах своих и по предстательству их пред Богом при помощи благодати Божией успешно устроил дела паствы своей, так что на нем исполнились и все прочие подобия и наименования, усвояемые Иисусом, сыном Сираха, Симону, первосвященнику Иудейскому, угодившему Богу в Ветхом Завете. Кроме вышеупомянутых наименований Иисус, сын Сирахов, пишет о том Симоне, что он был как бы дугою небесною, как бы цветок среди шипов, как лилия, как стебель ливанский, как ладан на огне, как сосуд златокованный, как маслина и как кипарис (Сир.50:8–11). Все эти добродетели архипастырские, предуказанные этими наименованиями, проявил в своей жизни и добрый пастырь Симон. Так он весьма заботился о сохранении и водворении между людьми мира, предуказанного небесною дугою; далее,

он учил всех самым делом своим терпению, произрастая как цветок яблочного дерева среди терний, всегда трудясь в мысленном вертограде паствы своей; наставлял всех и делом и словом чистоте духовной, как бы насаждая белую лилию; поучал всех непрестанной молитве к Богу, умножая как бы благоухающие растения ливанские; всегда благодарил Бога, даже среди скорбей своих, и к тому же поучал и паству свою, представляя собою как бы ладан, благоухающий на огне, предлагаемый всем в драгоценном сосуде любви и премудрости духовной; он укоренял среди паствы своей маслину милосердия и любви к ближнему, а также возвращал в пастве своей, как кипарис, постоянную мысль о Боге.

Сей блаженный Симон настолько изучил подвижническую жизнь святых угодников печерских, что как бы написал ее на скрижалях сердца своего; поэтому он восхотел, чтобы и прочим, благочестивым людям, была известна жизнь печерских подвижников; а для этого он решил составить письменное описание подвижнической жизни печерских иноков. Следует заметить, что в это время, по причине многочисленных войн и усобиц было утеряно много книг, так что многие события, описанные в этих книгах, начинали приходить в забвение. Ввиду этого блаженный Симон с большим усердием разыскивал всех очевидцев того или другого чудесного события, случившегося в печерской обители, и все, полученные таким образом, сведения преподобный с усердием собирал в одно целое, трудясь как мудрая пчела. Потому то он и просветил нас светом солнечным, лунным и звездным, так как описал нам чудеса преподобного Антония, этого светозарного солнца, и чудесное окование раки преподобного Феодосия – луны полной; ко всему этому блаженный Симон присовокупил сказание о святой, небесам подобной, церкви печерской, престол которой поистине сиял как солнце и как луна полная; – все это занесено преподобным Нестором в первую часть Патерика[3075]. Кроме того, блаженный Симон в послании к Поликарпу предложил сведения о жизни многих подвижников печерских, сиявших как звезды подвигами своими; – это вошло во вторую часть Патерика. Впоследствии Симон еще раз написал послание к тому же Поликарпу, в

котором говорит о подвигах и многих других подвижников печерских.

Из сочинений сего блаженного Симона видно, что он имел великую любовь ко Пресвятой Богородице и к преподобным отцам – Антонию и Феодосию Печерским, так что он с сими преподобными обитал духом и умом своим как бы в одной пещере, несмотря на то, что телом своим жил в своей епархии.

Подобно тому, как Симон Петр более прочих апостолов любил Господа, так и этот Симон, тезоименитый тому славному апостолу, выказывал больше всего любовь и ревность к Пресвятой Богородице и обители Ее печерской.

Во дни жизни его верующие видели на небе чудное знамение, – именно они видели, что Некая Жена, Невеста неневестная, Пречистая Богородица, имела под ногами Своими не только свет лунный, но и звездный и солнечный; ибо этот пастырь добрый сиял своими делами благими (как мы сказали выше), как звезда и как луна, причем являл столь великое смирение, что, будучи епископом, писал в послании своем, что считал бы честью для себя быть сором, попираемым и разбрасываемым в сторону ногами проходящих, как об этом свидетельствует послание его.

Этот добрый пастырь потрудился довольно продолжительное время, питая духовных овец своих пищею нетленною, ведущею в жизнь, так как предлагал всем пасомым своим жития святых, подвизавшихся в обители печерской, и в письмени и самым делом жизни своей.

Пробыв двенадцать лет на архипастырском престоле, блаженный Симон отошел к пастырям, восседающим на двенадцати престолах и к Самому Пастыреначальнику, Господу Иисусу, дабы восприять от Него неувядаемый венец славы. Тело же его честное, согласно его желанию, выраженному в послании к блаженному Поликарпу, а также в соответствие его любви к святым подвижникам печерским, положено в печерских пещерах, где и доныне пребывает в нетлении, в честь, славу и хвалу Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице славимого, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь[3076].

Страдание святого мученика Исихия

Память 10 мая

Святой мученик Исихий пострадал в царствование императора Максимиана[3077]. При дворе последнего он занимал первое место, имел звание магистриана[3078] и жил в Антиохии[3079]. Максимиан исключил христиан из военной службы и тем, которые желали оставаться в христианской вере, повелел снять с себя воинские пояса и перейти в положение наемных слуг. После такого царского повеления многие предпочли бесславную жизнь слуг губительному почету воинского звания. В числе их был и славный Исихий. Узнав об этом, Максимиан приказал ему снять с себя драгоценные одежды сановника, одеть грубую власяницу[3080] и пребывать в числе женской прислуги. Через несколько дней после этого он призвал Исихия к себе и сказал ему:

– Исихий, скажи мне, неужели тебе не стыдно оставаться в таком бесчестии?

Но святой на это ответил ему:

– Честь, которую я имел от тебя, временна.

После такого ответа Максимиан повелел привязать Исихию на шею жерновный камень и бросить его в реку. Так и скончался святой мученик[3081].

Страдание святых мучеников Алфия, Филадельфа, Киприана[3082] и других, с ними пострадавших

Память 10 мая

Сии святые Христовы мученики происходили из Италии. Из них Алфий, Филадельф и Киприан были сыновьями италийского князя[3083], и их наставил в христианской вере и крестил некий Онисим. В то время из Рима было прислано в их страну повеление разыскивать христиан, и когда обнаружилось, что они христиане, то их вместе с Онисимом, Еразмом и другими четырнадцатью христианами отправили в Рим к императору Ликинию[3084]. По повелению последнего Онисиму положили на грудь огромный камень, от чего он и скончался. Еразму же и другим четырнадцати святым мученикам отсекли мечом головы, а Алфий, Филадельф и Киприан были отправлены в Селевкию[3085] и там умерщвлены за веру во Христа[3086].

Страдание святого священномученика Мокия

Память 11 мая

В царствование Диоклетиана[3087] при анфипатах[3088] Лаодикии и Максиме во время гонений, повсюду поднятых на христиан, в городе Амфиполе, находившемся в Македонии, проживал пресвитер христианский Мокий. В то время, когда язычники справляли нечистое торжество своему нечестивому богу Дионисию, или Бахусу[3089], этот пресвитер, разжегшись ревностью о имени Христове, стал посреди язычников и во всеуслышание сказал:

– Слушайте, о прельщенные и заблуждающееся! До которых пор вы будете заблуждаться, безрассудно ходя во тьме идолослужения? До которых пор не будете сознавать своей погибели? Когда же, наконец, опротивеют вам все эти бесовские мерзости? Обратитесь же и познайте Владыку Бога, явленного нам Единородным Сыном Его, Господом нашим Иисусом Христом, светом истины разогнавшего тьму неведения.

Много и других, подобных этим, слов говорил блаженный Мокий и говорил не один раз, но ежедневно, подходя к народу, во всеуслышание обличал заблуждение язычников, поклонявшихся идолам, и проповедовал Христа, Бога истинного. Но, ослепленные безумием, граждане не обращали внимания на слова преподобного и продолжали совершать свои нечистые обряды.

Между тем из города Аполлония, также находившегося в Македонии, в Амфиполь прибыл анфипат, по имени Лаодикий, и стал приносить здесь жертву Дионисию. Лаодикию сказано было о служителе Христовом Мокии, что он многих отвлекал от празднования богу Дионисию. Язычники многое клеветали на святого, говоря: «Здесь есть учитель христианский, который старался прельстить народ каким-то странным учением; он убеждает всех веровать в распятого и умершего Человека; и действительно, многие, оставив богов наших, приняли веру его. Если ты не воспретишь ему распространять это учение, то весь

город пойдет за ним, и тогда уже некому будет приносить жертв богам».

Анфипат, весьма разгневавшись, велел бить святого. Затем, сев на судилищном месте, повелел призвать к себе святого Мокия. Когда он был призван, анфипат спросил его:

– Скажи мне: кто ты, не желающий принести жертв вместе с нами и отговаривающий людей от принесения жертв богам?

Святой Мокий отвечал:

– Невежда, не знающий истины! Для чего ты меня спрашиваешь о том, что все равно ты не поймешь? Подумай немного про себя и признай истину, потому что я изучал священное Писание и узнал из него, что все боги языческие бесовские суть (Пс.95:5), и надежда на них суетна.

Лаодикий же сказал:

– Я вижу, что ты обучен многословию.

Мокий сказал на это:

– Многословие наше научает нас истине; если хочешь разуметь истину, выслушай, что я скажу тебе: боги, которым вы поклоняетесь, суть бесы, – они немы и глухи.

Лаодикий сказал:

– Принеси жертву богам, если желаешь сохранить жизнь свою, которую ты самовольно хочешь погубить.

Но святой отвечал:

– О анфипат! Смерть за Христа – есть великое приобретение для меня.

Тогда анфипат, преисполнившись ярости, приказал повесить святого Мокия на мучилищном дереве и строгать тело его от головы до ног железными орудиями.

Будучи терзаем, святой воззвал к Богу, говоря так: «Владыко, царствующий вовеки, сияющий лучами правды! Яви рабам Твоим Божественную силу Твою и дай мне силу подвизаться до конца за Твои святые заповеди».

Слуги мучителя столь долгое время терзали тело святого, что, наконец, изнемогли сами. Тогда анфипат приказал им уйти, как ленивым и слабосильным; мученика же велел снова позвать к себе на допрос.

Несмотря на вынесенные мучения, святой предстал пред Лаодикием крепким телом, готовый с еще большим мужеством свидетельствовать истину. Идя к мучителю, Мокий громогласно прославлял Бога.

Лаодикий сказал святому:

– Принеси жертву богу Дионисию, чтобы он избавил тебя от многих бед.

Но мученик отвечал:

– Неужели ты считаешь богом идола, не движущегося и безгласного, сделанного рукою человека? О заблуждающийся слуга диавола! Неужели ты не видишь, что тело мое не изнемогло от твоих мучений? Разве ты не видишь, что я не ощущаю совершенно никакой боли в ранах моих? Вся сила твоя – ничто.

Выслушав эти слова, Лаодикий сказал:

– Твоя твердость в мучениях зависит не от силы Бога твоего, но от твоего волшебства. Вот я даю приказание сжечь на огне тело твое, так что все члены твои будут обращены в пепел и их развеет ветер.

И тотчас мучитель приказал приготовить печь, весьма великую, велел наполнить ее смолою и хворостом и разжечь; дым от печи поднимался кверху на шестьдесят локтей, так что воздух кругом печи на большое расстояние был затемнен. Тогда Лаодикий сказал святому:

– Принеси жертву богу Дионисию.

Мученик же молчал.

Тогда Лаодикий снова сказал:

– До каких пор ты будешь противиться моим приказаниям? Вот огонь, приготовленный для тебя. Посмотри на него и уразумей величие и могущество бога нашего Дионисия и поклонись ему.

Отвечал святой:

– Я тебе уже сказал, анфипат, что я не поклонюсь глухому, слепому и немому губителю душ человеческих. Не желаешь ли удостовериться в том, что называемый тобою богом, не есть бог, но есть идол?

Отвечал Лаодикий с гневом:

– О проклятый! Может ли быть идолом тот, кто имеет в себе Божественную силу? Ты видишь сам, что сила, обитающая в нем, принимает жертвы от нас, и дарует нам благоденствие.

Но святой сказал ему:

– Не хочешь ли, чтобы я принес жертву богу твоему, дабы все, увидав, что я приношу жертву богу Дионисию, познали его великую силу?

Лаодикий сказал:

– Поклонись и принеси жертву, и уразумей его величие.

Тогда Мокий, войдя в капище идольское, прежде всего сотворил на себе крестное знамение, дабы вооружиться оружием Христовым на диавола; затем, став близ того места, где находился идол Дионисиев, помолился Богу, сказав так: «Владыка, содержащий во власти Своей всю тварь и все создавший через посредство Христа Твоего, посрамивший диавола, не знающего Твоей истины и даровавший блаженство богопознания и целомудрия всем, боящимся Тебя и почитающим святое имя Твое! Ты, Господи Святой, сокрушивший идолов вавилонских и показавший истинную веру пророка Твоего Даниила; Ты, упразднивший мерзостный алтарь идольский посредством трех отроков Твоих и угасивший огонь в печи (Дан.3); Ты, потопивший фараона в глубинах морских и послушавший молитв Моисея (Исх.14); Ты, изведший воду из камня (Исх.17:1–7); Ты, Царь вечный, и ныне существующий и ранее бывший и вечно имеющий существовать, – услышь меня, раба Твоего! Вот я молю Тебя: приди на помощь ко мне и яви силу Твою тем, которые содержат вместо истины ложь, дабы познали они, что Ты Единый истинный и вечный Бог и дабы свет твой отогнал бы тьму идолопоклоннического заблуждения».

Помолившись так, святой воззвал громким голосом, обратившись к идолу:

– Непотребный и суетный! Немой и бесчувственный Дионисий! Повелеваю тебе великим и преславным именем Христа моего, живущего на небесах: пади и прострись по земле, дабы всем была видна твоя немощь и твое бессилие.

И тотчас потряслась земля и капище то; идол упал на землю с великим шумом и разбился на мелкие части. Увидав

это, все, бывшие там язычники, в страхе бежали оттуда, дивясь сами в себе происшедшему.

После этого святой Мокий сказал анфипату Лаодикию:

– Посмотри на суету идолов твоих, бесов. Подойди же и собери останки бога твоего, на которого ты уповал, и уразумей, на каком погибельном пути ты стоишь!

Лаодикий весьма опечалился, сожалея об идоле Дионисиевом, и тотчас приказал бросить святого в разожженную печь.

Когда святой был брошен в огонь, то он небоязненно стоял среди пламени, как бы среди какого-либо сада и во всеуслышание прославлял Бога. В печи видели еще трех мужей, певших с ним; среди этих трех мужей один имел очень светлое лицо, сиявшее как солнце; блеск, исходивший от лица его, был сильнее блеска огня. Затем святой сказал мужам, находившимся с ним в печи:

– Благодарю Тебя, Владыко Боже наших отцов, слову Которого все повинуются; благословен Ты, Господь сил, Творец всех сил небесных, восхваляемый устами святых Архангелов, соприсутствовавший некогда трем отрокам в пламени (посреди тех трех отроков Ты, четвертый, был виден). Молю Тебя, Спаситель мой, разрушь и уничтожь огонь разожженной печи сей и пожги огнем вот этого анфипата. Покажи на нем гнев Твой и уничтожь его с лица земли, дабы все видели, что Ты – единый истинный Бог, пребывающий на небеси.

И тотчас огонь из печи простерся до анфипата и превратил его в пепел вместе с девятью оруженосцами, стоявшими близ него, так что ничего не осталось от тел их, ибо гнев Божий уничтожил их. Народ, видя все происшедшее, пришел в великий страх и бежал в ужасе от печи; святой же Мокий вышел из печи совершенно здоровым и невредимым.

Узнав о таком чуде, градоначальник Фалласий преисполнился великой ярости и, взяв святого Мокия, приказал заключить его в темницу.

Спустя двадцать дней после этого, в город тот прибыл другой анфипат, по имени Максим. Узнав все, что сделал святой, а также узнав и о погибели Лаодикия, Максим стал

изыскивать средство, посредством которого он мог бы погубить святого. Сев на своем судилищном месте, Максим приказал призвать к себе на допрос мученика Христова. Когда святой был приведен, анфипат спросил его:

– Скажи мне, какое имя твое и из какого рода ты происходишь?

Отвечал святой:

– Если хочешь узнать имя и род мой, то слушай: отец мой носил имя Евфратия, а мать Евстафии; когда они приняли святое крещение, то назвали меня Мокием. Будучи воспитан родителями моими в жизни благочестивой, я сподобился сана священнического в Церкви Христа Бога моего; и вот теперь жизнь моя приблизилась уже к старости.

Тогда Максим сказал:

– Кто были твои родители?

Святой отвечал:

– Отец мой был гражданином великого города Рима и исполнял обязанности воинского звания; мать же моя была дочерью анфипата Лампадия.

Сказал Максим:

– Если ты происходишь из столь знатного рода, то для чего отдался волшебству, неприличному для тебя? Для чего ты уничтожил великого бога Дионисия и сжег друга царского, анфипата Лаодикия? Для чего ты помешал приносить богам праздничные жертвы?

Отвечал святой Мокий:

– Не я, а всесильный Бог мой, Господь Иисус Христос, уничтожил и сокрушил бездушного бога Дионисия и сжег огнем ярости Своей Лаодикия. Я лишь со страхом и любовью служу Богу моему и исповедую устами своими Его святое имя.

Максим сказал на это:

– Оставь безумие свое и принеси жертву Аполлону[3090]; в противном случае ты умрешь лютою смертью.

Но мученик отвечал:

– Я умру лютою смертью в том случае, если забуду благодеяния и милости ко мне Бога моего и если буду поклоняться и почитать тех, кто суть не боги, а идолы.

Тогда Максим приказал привязать мученика к двум колесам, устроенным для мучения, так, чтобы при вращении колеса растерзали тело его.

Святой же посреди мук взывал:

– Как сладка любовь к Богу!

Затем, обратившись к мучителю, сказал:

– Исполняй с усердием волю отца твоего – диавола. Что касается меня, то я согласен на все мучения и даже на самую смерть ради имени Христова.

Потом святой начал молиться, говоря так: «Владыко, Источник чистоты, Помощник, Защитник и Избавитель мой! Благодарю Тебя за то, что Ты меня, недостойного, сподобил подвига сего и помог мне одолеть диавола. Ты – Единый Бог истинный, содержащий ум мой в чистоте и охраняющий его от помыслов нечистых. Ты устрояешь, дабы ум мой наслаждался в Тебе, Творце моем, потому что велико имя Твое для тех, кто любит Тебя».

После того как святой помолился так, внезапно сокрушились мучительские колеса и мученик встал на землю совершенно здоровым и невредимым.

Все видевшие чудо это, весьма удивились происшедшему. Мучитель же, преисполнившись стыда, как побежденный мучеником, еще больше разгневался на святого и приказал бросить его в темницу. Спустя же три дня после этого приказал вывести святого из темницы и отдать на съедение зверям.

На святого были выпущены два голодных льва, громко рыкавших. Когда они подошли к святому, то легли на землю пред ним, как бы поклоняясь ему и обнимая ноги его; затем львы начали лизать ноги святого, как бы лобызая их.

Народ, видя все происшедшее, громко воззвал, говоря:

– Пусть будет отпущен на свободу этот праведник, которого почитают даже звери и которого любит Бог!

Тогда анфипат Максим послал мученика в фракийский город Перинф, называющейся ныне Ираклиею, к игемону Филипписию, которому и написал все о мученике. Игемон же этот, продержав святого восемь дней в темнице, приказал

отвести его в Византию, чтобы там была отсечена голова мученика.

Когда святой был приведен на место усекновения, то, подняв глаза свои к небу, сказал:

– Благословен Ты, Господи, создавший века и доводящий до конца подвиги святых. Приими в мире дух мой!

И был к святому голос с неба, говоривший:

– Радуйся, добрый подвижник Мой, Мокий, победивший явно пред всеми силу мучителя. Приди и водворись с прочими подвижниками в Царстве Небесном. Ты трудился достаточно в мире; отдохни же теперь и возвеселись на небе.

Затем мученик Христов был усечен во главу[3091].

Свой мученический подвиг святой Мокий совершил в одиннадцатый день месяца мая, в который впоследствии император Константин установил ему празднование. Этот же император построил и храм в честь святого и перенес в него мощи мученика. Все, кто празднует память святого мученика Мокия, да воодушевятся верою, что и они будут участниками вместе с ним в благодатном царстве Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается вместе со Отцом, и Святым Духом слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Вооружився щитом веры, нечестивых ополчения стерл еси священномучениче, и венец от Христа взял еси Мокие: тем и со Ангелы радуяся, спасай от бед поющыя тя, моля непрестанно о всех нас.

Жизнь и труды преподобных отцов наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских

Память 11 мая

Во дни иконоборческих греческих царей Льва Армянина[3092], Михаила Травла[3093], или Балба, и затем сына Михаила – Феофила[3094] в городе Солуне, в Македонии, жил знатный и богатый вельможа, званием воин-сотник, по имени Лев. Жену его звали Марией. Жил он благочестиво, исполняя все заповеди Божии, как некогда Иов. У них было семь сыновей: старшего звали Мефодием, а младшего Константином, в монашестве Кириллом.

Святой Мефодий сначала служил, как и отец его, в военном звании. Царь, узнав о нем как о хорошем воине, поставил его воеводой в одно славянское княжество, Славинию, бывшею под греческою державой. Это случилось по особому усмотрению Божию и для того, чтобы Мефодий мог лучше научиться славянскому языку, как будущий впоследствии духовный учитель и пастырь славян[3095].

Пробыв в чине воеводы около 10 лет и познав суету житейскую, Мефодий стал располагать свою волю к отречению от всего земного и устремлять свои мысли к небесному. К тому же в это время царь-иконоборец Феофил воздвиг гонение на святые иконы. Это гонение еще более открыло пред Мефодием суету мирской жизни и он, оставив воеводство и все утехи мира, ушел в монахи на гору Олимп[3096], где с большим повиновением и покорностью старался выполнять монашеские обеты, занимаясь при сем изучением священных книг.

Блаженный Константин, младший из сыновей Льва, уже в младенческом возрасте проявлял нечто дивное. Когда мать, по рождении, отдала его кормилице, чтобы та выкормила его, он никак не желал питаться чужим молоком, но только молоком матери своей. Очевидно, благочестивая отрасль не должна была питаться чужим молоком. С рождением Константина добрые родители дали обещание жить как брат с сестрой, как и

прожили 14 лет до своей, смерти. Пред смертью мужа Мария плакала, говоря:

– Ни о чем я так не скорблю, как о Константине: как он устроится в жизни?

– Поверь мне жена, – отвечал Лев, – я надеюсь на Бога, что Господь Бог сделает его таковым отцом и строителем, что он устроит всех христиан.

Так и произошло.

Будучи семи лет Константин видел сон, который и рассказал своим родителям.

«Снилось мне, – говорил Константин, – что воевода собрал всех девиц города и сказал мне: выбери себе одну из них в невесты. Я осмотрел и избрал красивейшую из них с светлым лицом и украшенную многими золотыми вещами и дорогими каменьями по имени София».

Поняли родители, что Господь дает отроку девицу Софию[3097], т.е. премудрость Божию, возрадовались духом и со старанием стали учить Константина не только книжному чтению, но и богоугодному добронравию – премудрости духовной.

«Сын, – говорили они Константину словами Соломона, – чти Господа и укрепишься; храни заповеди и поживешь; словеса Божия напиши на скрижали своего сердца: «скажи мудрости: ты сестра моя! И разум назови родным твоим» (Прит.7:1–4). Премудрость сияет светлее солнца и, если ее будешь иметь своей помощницей, она избавит тебя от многого зла».

Родители отдали Константина в книжное обучение. Он отличался хорошею памятью и разумом, так что в ученье был лучше всех своих сверстников. С ним произошел следующий случай:

Как сын богатых родителей, Константин однажды вместе со своими товарищами отправился на соколиную охоту. Лишь только Константин выпустил своего сокола, поднялся сильный ветер, который унес сокола неизвестно куда. Константин так сильно опечалился о соколе, что два дня не ел ничего, даже хлеба. Человеколюбивый Господь, не желая чтобы юноша так печалился житейскими вещами, этим соколом уловил его, как некогда Плакиду – оленем. Размышляя о утехах сего жития,

святой Константин говорил: «Какая эта жизнь, что радость непременно вызывает печаль. С сего дня пойду другим путем, лучшим этого, чтобы можно было мне избежать житейской суеты». С этого времени он стал почти всегда находиться дома, стараясь с большим прилежанием изучать науки, особенно учение святого Григория Богослова.

К сему святителю Константин имел большую любовь и многое из его учения знал наизусть. Начертив на стене изображение святого Креста, он под этим крестом написал похвалу святому Григорию в следующих словах: «О святитель Божий, Григорий Богослов! Ты – телом был человек, житием же явился Ангел, ибо уста твои, как уста Серафимов, хвалами прославили Бога и своим православным учением просветили вселенную. Молю тебя, прими меня, с верой и любовью к тебе припадающего, и будь моим учителем и просветителем».

Прилежно изучая книги, Константин видел, насколько еще незначительны его познания по причине неимения хорошего учителя, отчего впал в великое уныние. В их городе жил один человек (странник), знавший грамматику. К нему отправился Константин, умолял его и, упав ниц пред ним, сказал:

– Сделай для меня доброе дело: научи меня грамматике.

На это ответил ему странник:

– Отрок, не проси меня. Я дал обещание уже больше никого не учить.

Снова Константин со слезами стал говорить ему:

– Возьми ту часть из дома отца моего, которая принадлежит мне, только научи меня.

Но и это не убедило сего человека. Тогда Константин отправился домой и здесь стал усердно молиться, чтобы Господь исполнил желание его сердца, нашел для него учителя. Господь вскоре выполнил его желание.

В это время в греческой земле умер царь Феофил, и стал царствовать сын его Михаил с матерью своей благочестивой царицей Феодорой. Этот царь остался после отца малолетним и ему в воспитатели были назначены три вельможи: доместик[3098] Мануил, патрикий[3099] Феоктист и логофет[3100] Дроми, который был хорошо знаком с родителями Мефодия и Константина.

Логофет, зная о успехах и прилежании Константина, послал за ним, чтобы он учился наукам вместе с юным царем Михаилом, который бы подражал старанию Константина. Отрок воспрянул духом и с радостью отправился в путь, молясь Богу молитвою Соломона: «Боже отцов и Господи милости, – так молился Константин, – сотворивший человека. Дай мне приседящую Твоему престолу премудрость и не исключи меня из числа Твоих отроков, ибо я Твой раб и сын Твоей рабыни. Дай мне, чтобы я знал все то, что угодно Тебе и поработал ради имени Твоего во всю свою жизнь».

В Царьграде Константин проживал то у болярина в доме, то в царских чертогах. В 3 месяца он выучил грамматику, затем изучил Гомера[3101] и геометрию, диалектике и философии учился у Льва и Фотия[3102]. Кроме этих наук изучил риторику, арифметику, астрономию, музыкальное искусство и вообще все прочие эллинские науки. Хорошо знал не только греческий язык, но и другие: латинский, сирский и некоторые иностранные. Своим умом и прилежанием он приводил в удивление своих учителей, за что и получил впоследствии название философа-мудреца. Но он был премудр не только в науках, а также и в жизни, он старался быть смиренным, беседовал с теми, от кого желал получить наставление, и уклонялся от тех, которые могли совратить на зло. Одним словом, он старался переменить земное на небесное и жить с Богом.

Логофет, видя добрую жизнь Константина и его успехи в науках, сделал его управляющим над своим домом, а также позволил ему входить без доклада в царские палаты. Однажды логофет спросил Константина:

– Скажи мне, философ, что называется философией?

– Философия, – отвечал Константин, – есть разумение божеских и человеческих дел, которое учит человека через добродетель, насколько возможно, приближаться к Богу, сотворившему человека по Своему образу и подобию.

После этого логофет еще более возлюбил Константина и желал получить от него наставление в философии. Константин в немногих словах изложил пред ним философское учение, за

что логофет оказывал ему особое уважение и даже предлагал много золота, но Константин отказался.

У этого вельможи была крестница – девица богатого и славного рода. Логофет задумал женить на ней Константина и уговаривал его так.

– Красота твоя и мудрость, – говорил логофет, – невольно заставляет любить тебя. Есть у меня духовная дочь, девушка красивая, богатая, хорошего и знатного рода. Если хочешь, возьми ее себе в жены. От царя ты получишь большую честь и княжество, а в скором времени будешь назначен и воеводой.

– Велик этот дар для желающих, – отвечал Константин, – для меня же нет ничего драгоценнее ученья, через которое я могу приобрести разум, истинную честь и богатство.

После таких слов логофет отправился к царице и сказал:

– Молодой философ не любит суеты этой жизни. Постараемся удержать его около себя, а для этого уговорим его посвятиться во священный сан и быть патриаршим библиотекарем при церкви святой Софии. Только таким путем можно удержать его.

Так они и сделали. Константин стал священником и библиотекарем при церкви святой Софии. Но и в сем звании Константин недолго был вместе с ними. Ничего никому не сказав, он отправился в Золотой Рог[3103] и там скрылся в одном монастыре. Долго искали Константина и только через 6 месяцев нашли его. Занять прежнюю должность они не могли уговорить его и только упросили его быть учителем философии в главном Константинопольском училище.

В это время патриарх Иоанн[3104] воздвиг гонение на святые иконы. Тогда был собран собор, на котором постановили удалить сего патриарха с престола. На такое определение собора Иоанн говорил:

– Меня удалили насилием, а обличить не могли, так как никто не может противиться моим словам.

Царь с новым патриархом послали Константина к Иоанну с таковыми словами:

– Если будешь в состоянии обличить сего юношу, тогда снова займешь престол.

Видя такого молодого философа и не зная его сильного ума, Иоанн сказал Константину и посланным:

– Вы не стоите моего подножия. Как же я буду спорить с вами?

– Не держись людских обычаев, – отвечал Константин, – но смотри на заповеди Божие. Как ты, так и мы сотворены из земли, душа же от Бога. Поэтому, смотря на землю, человек, не гордись!

– Глупо искать цветов осенью, – сказал Иоанн, – а также и старца посылать на войну.

– Ты сам обличаешь себя, – отвечал философ. – Скажи мне, в каком возрасте душа бывает сильнее тела?

– В старости, – отвечал Иоанн.

– На какую войну мы тебя вызываем, – спросил философ, – на телесную или духовную?

– На духовную, – отвечал Иоанн.

– Если ты теперь сильнейший духом, – сказал философ, – то не приводи нам таких сравнений. Мы без времени не ищем цветов, а также безвременно не вызываем тебя на спор.

После этого перешли к беседе. Старец спросил:

– Скажи мне юноша: если крест сломается, мы уже не поклоняемся ему, ни лобызаем его. Как же вы, если только будет одно лицо до персей, не стыдитесь творить ему иконную честь?

– Четыре части имеет крест, – отвечал философ, – и если не будет одной части, то крест потеряет свой вид, икона же имеет вид и подобие, если будет написано лицо того, кого хотели изобразить. Взирающий же смотрит не на лицо льва или рысье, но – на первообраз.

– Вот вы кланяетесь кресту, – сказал старец, – если и нет на нем надписи, иконе же, если не будет написания, не творите почести.

– Всякий крест, – отвечал философ, – имеет подобие Креста Христова, иконы же не имеют одного образа, но различны.

Наконец старец сказал:

– Почему вы кланяетесь иконам, когда Бог сказал пророку Моисею: «не сотвори… всякого подобия» (Исх 20,4)?

– Если бы Господь сказал: не сотвори никакого подобия, – отвечал на это философ, – то тогда ты говорил бы правильно; но Господь сказал: всякого, т.е. кроме достойного.

Против сего старец ничего не мог возразить и замолчал. Около этого времени пришли послы в Константинополь от неверных агарян или сарацин, владеющих Сириею. Эти сарацины еще при прежнем царе Феофиле попущением Божиим за грехи подступили к греческой земле и разорили прекрасный город Аморию[3105]. С этих пор они стали гордиться пред христианами своею силой и прислали грамоту в Царьград с хулением на Пресвятую Троицу.

– Как вы, христиане, – писали сарацины, – говорите, что Бог один, а разделяете Его на три: исповедуете Отца, Сына и Духа? Если вы можете это доказать, то пришлите к нам таковых мужей, которые могли бы побеседовать с нами о вере, и убедить нас[3106].

В это время блаженному Константину было 24 года. Царь вместе с патриархом собрали собор, на который позвали Константина и сказали ему:

– Слышишь ли, философ, что говорят скверные агаряне на нашу веру. Если ты слуга и ученик Святой Троицы, иди и обличи их. И Бог, совершитель всякого дела, славимый в Троице, Отец, Сын и Святой Дух, дает тебе благодать и силу в словах, явить тебя другим Давидом, с тремя каменьями победившего Голиафа (1Цар.17), и затем благополучно возвратит тебя обратно к нам.

Услыхав такие слова, философ отвечал:

– Рад я идти для веры христианской. Что для меня может быть лучше: умереть или остаться жить ради Святой Троицы?

Дали Константину двух диаков[3107] и отправили их к сарацинам. Они пришли прямо в столицу Сарацинского княжества – Самару, расположенную около реки Евфрата, в которой жил сарацинский князь Амирмушна. Здесь они увидели странные и гнусные вещи, которые делали агаряне на поругание и посмеяние христиан, живущих в тех местах. По повелению сарацинской власти на внешней стороне дверей, где жили христиане, были надписаны образы демонов. Этим агаряне

хотели показать, что они гнушаются христианами, как демонами. Как только прибыл к ним Константин, сарацины, указывая на демонов, спросили его:

– Можешь ли, философ, понять, о чем говорят эти изображения?

– Вижу демонский образ, – отвечал философ, – и думаю, что здесь живут христиане. Демоны не могут жить вместе с христианами и бегут от них (находятся вне дверей). Где же нет этого изображения на внешней стороне дверей, там, очевидно, демоны живут внутри здания.

Сарацины пригласили Константина в княжескую палату на обед. За обедом сидели люди умные и книжные, изучившие геометрию, астрономию и др. науки. Они, искушая Константина, спросили его:

– Видишь ли, философ, дивное дело: пророк Магомет принес доброе учение от Бога и обратил многих людей. Все мы одинаково твердо держимся его закона и ничего не меняем. У вас же, христиан, соблюдающих закон Христов, один верует так, а другой иначе и живет, как ему хочется. Есть между вами много учителей, которые учат по-различному, и есть иноки, носящие черную одежду и ведущие особый образ жизни. Однако все вы именуетесь христианами.

– Два вопроса предложили мне, – отвечал блаженный Константин, – о вере христианской и о законе христианском, или: как веруют христиане и как выполняют свою веру в жизни. Скажу прежде всего о вере. Бог наш, как пучина морская – безмерной широты и глубины, непостижим человеческим умом и неизъясним человеческими словами, как говорит о Нем святой пророк Исаия: «род Его кто изъяснит?» (Ис.53:8); на основании этого и учитель наш святой апостол Павел взывает, говоря: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы его и неисследимы пути Его» (Рим.11:33). В эту пучину входят многие, желающие взыскать Бога, и те из них, которые сильны умом и приобрели помощь Самого Господа, безопасно плавают по морю непостижимости Божией; те же, которые умом слабы и по своему самомнению, лишившись помощи Божией, желают переплыть эту пучину в

дырявых кораблях, тонут, впадая в ереси и заблуждения, или с трудом остаются на одном месте, волнуясь неизвестностью и сомнениями. Поэтому многие (как говорите вы) из христиан различаются по вере. Это я сказал о вере, а о делах по вере скажу следующее: Закон Христов не другой какой, а тот, который Бог дал Моисею на Синае (Исх.20:1–18), чтобы не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не желать чужого и пр. Наш Господь сказал: «не нарушить пришел закон… но исполнить» (Мф.5:17). Для более же совершенной жизни и лучшего богоугождения Господь дал совет проводить более чистую, девственную жизнь и исполнять особые дела, которые ведут в жизнь вечную путем тесным и печальным. Однако к сей жизни Господь не принуждает, и по насилию этого не бывает. Бог создал человека между небом и землею: разумом и смыслом человек отличается от бессловесных, гневом и похотью отличается от Ангелов. Затем Бог дал человеку свободную волю, чтобы он делал то, что захочет и к чему будет приближаться – с тем и будет иметь общение: или будет общником Ангелов, работая Богу, как учит человека его просвещенный верою разум, или будет иметь общение с несмысленными скотами, если без всякого воздержания будет исполнять все плотские похоти. А так как Бог сотворил человека со свободною волею, то Он желает, чтобы мы спасались не насилием, а по своему желанию и говорит: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф.16:24); и: «Кто может вместить, да вместит» (Мф.19:12). Одни из верных христиан шествуют в сей жизни более удобным путем, живут по законам естества целомудренно в честном супружестве, другие же, более ревностные и желающие быть более совершенными, стараются жить подобно Ангелам, идут путем тесным. Поэтому христиане ведут различную жизнь.

Ваша же вера и закон, – продолжал Константин, – не имеют никакого неудобства; они подобны не морю, но малому ручью, который может перепрыгнуть всякий, и великий, и малый, без всякого затруднения. В вашей вере и вашем законе нет ничего Божественного и богодухновенного, но только человеческие

обычаи и плотские мудрования, которые можно без труда выполнить. Ведь законодатель ваш Магомет и не дал вам какой-либо трудновыполнимой заповеди: он даже не отвратил вас от гнева и беззаконной похоти, но разрешил все. Поэтому вы все однообразно выполняете ваш закон, как данный по вашим похотям. Спаситель же наш Христос поступил не так. Сам Он, Пречистый и источник всякой чистоты, желает, чтобы и рабы Его жили свято, отдаляясь от всякой похоти и чистые присоединялись бы только чистым, так как в Его царство «не войдет ничто нечистое» (Откр.21:27).

Тогда сарацинские мудрецы спросили Константина:

– Зачем вы, христиане, Одного Бога разделяете на три: называете Отцом, Сыном и Духом. Если Бог может иметь Сына, то дайте Ему и жену, чтобы было много богов?

– Не хулите ПреБожественную Троицу, – отвечал христианский философ, – Которую мы научились исповедовать от древних пророков, которых признаете и вы, как держащиеся вместе с ними обрезания. Они же учат нас, что Отец, Сын и Дух суть Три ипостаси, существо же их едино. Подобие сему можно видеть на небе. Так в солнце, созданном Богом в образе Святой Троицы, находятся три вещи: круг, светлый луч и теплота. Во Святой Троице, солнечный круг есть подобие Бога Отца. Как круг не имеет ни начала ни конца, так и Бог – безначален и бесконечен. Как от солнечного круга происходит светлый луч и солнечная теплота, так от Бога Отца рождается Сын и исходит Дух Святой. Таким образом солнечный луч, просвещающий всю вселенную, есть подобие Бога Сына, рожденного от Отца и являемого в сем мире, солнечная же теплота, исходящая из того же солнечного круга вместе с лучом, есть подобие Бога Духа Святого, Который вместе с рождаемым Сыном, предвечно исходит от Отца, хотя во времени посылается людям и Сыном![3108], как например на апостолов был послан в виде огненных языков. И как солнце, состоящее из трех предметов: круга, светлого луча и теплоты не разделяется на три солнца, хотя каждый из этих предметов имеет свои особенности, одно есть круг, другое – луч, третье – теплота, однако, не три солнца, а одно, так и Пресвятая Троица, хотя имеет Три Лица: Отца,

Сына и Святого Духа, однако, не разделяется Божеством на три бога, но есть Один Бог. Помните ли вы как говорит Писание о том, как Бог явился праотцу Аврааму у дуба Мамврийского, от которого вы храните обрезание? Бог явился Аврааму в Трех Лицах. «Возвел очи свои (Авраам) и взглянул, и вот три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли. И сказал: Владыка! Если я обрел благоволение пред Тобою, не пройди мимо раба Твоего» (Быт.18:2–3).

Обратите внимание: Авраам видит пред собою Трех Мужей, а беседует как бы с Одним, говоря: «Господи! Если я обрел благоволение пред Тобою». Очевидно святой праотец исповедовал в Трех Лицах Одного Бога.

Мудрецы сарацин, не зная, что сказать относительно учения о Пресвятой Троице, молчали, а затем спросили:

– Как вы, христиане, говорите, что Бог родился от жены? Может ли Бог родиться от женской утробы?

– Не от простой жены, – отвечал философ, – но от небрачной Пречистой Девы родился Бог Сын действием Святого Духа, Который в Пречистой девической утробе несказанно основал плоть Христу Богу и устроил сверхъестественное воплощение и рождение Слова Отца. Поэтому и заченшая Сына от Святого Духа Дева, как пред рождением, так во время рождения и по рождении, пребывала Девой чистой, по изволению Бога, Которому повинуется всякое созданное существо, по словам церковной песни: «идеже бо хощет Бог, побеждается естества чин»[3109].

А что Христос родился от чистой Девы Духом Святым, свидетельствует также и ваш пророк Магомет, написав следующее: «Послан Дух Святой к чистой Деве, чтобы по Его изволению Она родила Сына».

– Мы не спорим, – сказали сарацины, – что Христос родился от чистой Девицы, только не называем Его Богом.

– Если бы Христос был простой человек, а не вместе и Бог, то для чего должно было произойти зачатие Его от Святого Духа? Простой человек родится от брачной женщины, а не от

Неискусобрачной Девицы и зачинается по естеству от мужа, а не по особому наитию и действию Святого Духа.

После этого сарацины спросили:

– Если Христос есть ваш Бог, то почему же вы не делаете того, что Он велит вам? Ведь написано в Евангелии: молитесь за врагов, делайте добро ненавидящим и притесняющим вас и бьющим вас подставляйте щеку. Вы же поступаете не так: против противников ваших вы оттачиваете оружие.

На это философ отвечал так:

– Если в каком законе будут написаны две заповеди и даны людям для исполнения, то кто из людей будет истинный исполнитель закона: тот ли, кто исполнит одну заповедь, или тот, кто – две?

– Конечно, лучшим исполнителем будет тот, – отвечали сарацины, – кто исполнит две заповеди.

– Христос Бог наш, – сказал на это философ, – повелел нам молиться за обидящих нас и благотворить им, но Он также сказал и это: «нет Больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15:13). Мы переносим обиды, если они направлены только против кого-либо в отдельности, но мы заступаемся и даже полагаем души свои, если они направлены на общество, чтобы наши братья не попали в плен, где могли бы быть совращены к богопротивным и злым делам.

Снова сарацины сказали:

– Христос ваш давал дань за Себя и за других (за апостола Петра). Почему же вы не исполняете этого и не желаете платить дани? Если бы вы действительно заступались друг за друга, то непременно платили бы дань за ваших братьев такому великому и сильному народу измаильтянскому.

– Если кто ходит по стопам своего учителя и желает всегда ходить, – отвечал Константин, – а кто-либо другой совращает его с этого пути, такой человек друг ему или враг?

– Без сомнения – враг, – отвечали сарацины.

– Когда Христос давал дань, – спросил тогда Константин, – какое было царство: Измаильтянское или Римское?

– Римское, – отвечали сарацины.

– Поэтому и мы, – отвечал философ, – следуя за Христом, платим дань царю, живущему в новом Риме (Константинополь) и владеющему древним Римом. Вы же, когда ищете с нас дани, совращаете с пути Христова и бываете нашими врагами.

После этого предложили Константину много других вопросов из тех наук, которые знали. На все вопросы Константин отвечал так, что сарацины не могли ничего сказать. Тогда они спросили его:

– Почему ты все это знаешь?

Тогда Константин привел следующее сравнение:

– Один человек, – сказал он, – почерпнул воду в море и потом носил ее в мешке. Отойдя далеко от моря, он указывая на мешок с водой, говорил всем: «Видите ли воду, которую никто кроме меня не имеет?» К нему подошел один приморский житель и сказал: «Не стыдно ли тебе хвалиться каким-то мешком с водой, чего мы имеем целое море». Так и вы поступаете, когда задаете вопросы из тех наук, которым научились от нас (греков).

Затем, как нечто дивное, сарацины показали Константину виноградник, некогда с усердием насажденный и хорошо разросшийся[3110]. Константин объяснил, как это делается. Тогда сарацины показали ему все свое богатство: дворцы, украшенные золотом, серебром и драгоценными каменьями и сказали:

– Видишь ли, философ, какую силу и какое богатство имеет Омар, владыка сарацин?

– Нет в этом ничего дивного, – отвечал философ. – За все это должно прославлять Бога, давшего эти богатства для наслаждения людям. Все это принадлежит Богу и никому другому.

В конце концов сарацины показали себя такими, какими они есть. Они дали в питье блаженному Константину яд. Но Господь, обещавший всем, кто трудится во имя Его, «если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк.16:18), сохранил Своего раба целым и невредимым. Сарацины, видя сие чудо, отправили Константина вместе с другими посланными в свою сторону с честью и дарами от своего князя.

В Константинополе царь и патриарх встретили блаженного Константина с похвалою за тот богоугодный труд, который он выполнил. Но не долго был Константин в Царьграде. Скоро он ушел в одно тихое и глухое место, где стал заботиться только о своем спасении. Никакого пропитания он с собой не взял, а возложил в этом случае надежду на Промысл Божий, который через христолюбивых людей доставлял ему пищу. Из принесенной пищи Константин ничего не оставлял на другой день, но, после обычной еды, все остальное раздавал нищим, уповая на Бога, Который отверзает Свою щедрую руку и питает Своею благостью все живущее.

Однажды у Константина под большой праздник не было никакой пиши, о чем стал сильно сокрушаться слуга его. Блаженный Константин сказал ему:

– Тот, Кто некогда питал израильтян в пустыне много лет, неужели не напитает и нас в этот великий день? Ты непременно сходи и призови к нам на обед хотя пять нищих и мы будем ждать милости Божией, потому что Он нас не оставит.

Действительно так и случилось. В обеденное время пришел один человек и принес много всякой пищи и десять золотых монет. Блаженный взял это и воздал хвалу Богу, своему Питателю.

Отсюда Константин отправился на Олимп, к старшему брату Мефодию, с которым и стал жить вместе, исполняя в постничестве иноческие подвиги, проводя время в молитве или за книжным чтением[3111].

В это время к греческому царю Михаилу пришли послы от козар[3112], с такими словами:

– Мы прежде всего знаем Одного Бога, Который владычествует над всем, и Ему молимся, кланяясь на восток, но при этом содержим и некоторые непотребные обычаи.

Евреи стараются, чтобы мы приняли их веру и дела, и уже многие из нас стали евреями по вере. Сарацины же, вступая с нами в союз и предлагая нам дары, принуждают нас принять магометанскую веру и говорят, что вера сарацин лучше веры всех прочих народов. Поэтому и от вас, с которыми держим старую любовь и дружбу, желаем получить полезный совет и

просим вас, чтобы вы прислали к нам какого-либо ученого мужа и, если он изобличит евреев и сарацин, мы примем вашу веру.

Тогда царь Михаил по совету святейшего патриарха Игнатия[3113], бывшего после святого Мефодия[3114], решил отправить к козарам блаженного Константина, которого призвали с Олимпийской горы. Передав просьбу козар, царь сказал Константину:

– Иди, философ, к этим людям и с помощью Святой Троицы благовести им учение о Пресвятой Троице. Лучше тебя никто не может выполнить сего поручения.

– Если велишь, владыко, – отвечал Константин, – я с радостью пойду туда пешком, босой и без всего, чего не велел брать Господь Своим ученикам, посылая их на проповедь.

– Если бы ты делал это от себя лично, – отвечал царь, – то я ничего не имел бы против сего, но так как ты отправляешься от нас, то иди с честью и царской помощью.

После этого Константин уговорил брата своего, блаженного Мефодия, знавшего славянский язык, идти с ним на апостольское служение, просветить неверных светом Христовой веры. Мефодий согласился, и они отправились вместе. Лежал им путь через степи, а в степях в это время жили угры, нынешние венгерцы или мадьяры. Эти угры были до того страшны, что даже мало походили на людей: одежду носили мехом вверх, хлеба не сеяли и жили разбоем. Когда святые братья остановились здесь для молитвы, на них напали угры, которые выли как волки, желая растерзать их. Константин не испугался, не оставил своей молитвы и, взывая ко Господу, часто повторял: «Господи помилуй!»

По окончании молитвы угры, увидав Константина, по Божественному смотрению, стали кроткими и начали кланяться ему, Константин сказал им несколько поучительных слов, после чего угры отпустили их в дорогу.

Прежде всего святые братья отправились в сопредельный козарам греческий город Херсон, что стоял на морском берегу недалеко от (нынешнего) Севастополя. Здесь они провели немалое время, изучая козарский[3115] и греческий языки. Константин здесь же перевел восемь частей еврейской

грамматики. Они изучали ее для того, чтобы успешнее просвещать хозар и состязаться с евреями, которых было много между хозарами[3116].

Здесь же проживал один самарянин, который ходил к Константину и беседовал с ним о вере. Однажды он принес самарянские книги и показал их Константину. Константин выпросил их у самарянина и, затворившись в своей комнате, стал усердно молить Бога, чтобы Он помог ему изучить их. С помощью Божией Константин скоро и хорошо изучил эти книги. Узнав об этом, самарянин воскликнул: «Воистину, кто верует во Христа, скоро приемлет благодать Святого Духа».

Сын самарянина тотчас же крестился; после него принял Христову веру и самарянин.

В Херсоне Константину удалось найти «Евангелие и Псалтирь Русскими письмены писана», а также человека, говорившего этим языком. Константин, беседуя с ним, научился этой речи и, на основании бесед разделил письмена на гласные и согласные буквы и с помощью Божией вскоре начал читать и объяснять найденные книги. Многие, видя таковую мудрость, дивились и славили Бога.

Здесь же святые братья узнали, что мощи святого священномученика Климента папы Римского[3117], находятся в море. Они стали убеждать херсонского епископа открыть святые мощи. О этих мощах повествуется следующее:

Когда святой Климент был заточен из Рима в Херсон и многих обратил там в христианскую веру, тогда игемон Авфидиан, по повелению царя Траяна[3118], приказал потопить его в море, навязав на его шею корабельный якорь, чтобы христиане не могли отыскать тела его. Верные ученики святого стояли на берегу и с рыданием смотрели на потопление их учителя. Затем два вернейших ученика, Корнилий и Фив, сказали христианам:

– Помолимся все единодушно, чтобы Господь открыл нам тело святого мученика.

По молитве христиан море отступило назад на три поприща[3119]. Народ, как древле израильтяне в Чермном море, пошел по сухому дну, и нашли мраморную гробницу, сделанную

наподобие церкви, и там увидели лежащим святое тело и якорь, с которым был потоплен святой. Христиане намеревались взять оттуда святое тело, но вышеупомянутые ученики сподобились получить откровение, чтобы святые мощи были оставлены неприкосновенными, и что каждый год в воспоминание святого море будет отступать назад на семь дней, давая путь желающим поклониться святым мощам. Так продолжалось 700 лет от царствования Траяна до царствования греческого царя Никифора[3120]. По грехам же людей море перестало отступать назад в царствование Никифора, что доставило великую скорбь христианам.

Святые Константин и Мефодий прибыли в Херсон, когда прошло уже более 50 лет со времени окончательного скрытия святых мощей. Георгий, блаженный епископ Херсона, которого святые братья убедили открыть святые мощи, прежде всего отправился в Константинополь к царю и патриарху взять у них позволение на сие открытие. Вместе с епископом из Константинополя на открытие святых мощей прибыл весь клир церкви святой Софии. Затем все вместе, а также и святые Константин и Мефодий, в сопровождении народа отправились на берег моря, надеясь получить желаемое. Но море не отступало. Тогда, по захождении солнца, сели на корабль и отплыли в море. Вдруг ночью, в самую полночь, воссиял свет от моря и явилась честная глава, а затем и все тело святого Климента стало видно. Святые мощи положили в корабль и с великою честью отвезли в город и положили в Апостольской церкви[3121]. Святые Константин и Мефодий взяли часть святых мощей и возили их всюду, куда сами ходили, пока не отвезли эту часть в Рим.

Из Херсона Константин и Мефодий отправились к козарам, где были с честью приняты каганом козарским, которому отдали грамоту от греческого царя. Блаженному Константину пришлось вести продолжительные беседы с козарами, евреями и сарацинами. В этих беседах Мефодий почти не принимал никакого участия, так как был меньше обучен, чем Константин: он, как бывший воевода, лучше знал, как обходиться с народом, чем как вести ученые беседы. Поэтому Константину, который с

малых лет был искусен в науках, хорошо знал священное Писание и был хорошим проповедником, готовым дать ответ на всякий вопрос, пришлось одному вести беседы о вере; Мефодий же помогал Константину своею богоугодною молитвою.

Козары прислали к Константину одного лукавого и хитрого мужа, который сказал ему:

– Вы, греки, имеете дурной обычай поставлять вместо одного царя – другого, из простого, нецарского рода. Так после Никифора поставили царем боярина Михаила Куропалата и, оставив его, возвели на престол Льва Армянина из простого рода, по умерщвлении которого поставили Михаила Травла, родом из Амория. У нас же не так: все наши каганы из каганского рода, и никто у нас не может царствовать, если не будет из этого рода.

На это Константин отвечал краткими словами:

– Разве нехорошо поступил Бог, когда отверг неугодного Ему царя Саула и из числа пастырей стад избрал по Своему сердцу мужа Давида?

Козарин ничего не мог возразить на это и предложил другой вопрос:

– Вы произносите нравоучения из книг, которые держите в руках, мы же не так, но произносим всю мудрость от ее, не гордясь своими писаниями, как делаете вы. Вся мудрость будто находится внутри нас.

– Если встретить нагого человека, – отвечал Константин, – который будет уверять, что имеет много одежды и золота и имений, поверишь ли ему, видя его нагим и не имеющим ничего в руках?

– Нет, – сказал козарин. – Если бы что-либо имел, то не ходил бы нагим.

– Если ты, как хвалишься, поглотил всякую мудрость, – сказал Константин козарину, – то скажи мне: сколько родов было от Адама до Моисея и где какой род жил на земле?

Козарин не мог ничего сказать. Константин продолжал:

– Поэтому я не верю тебе, что ты изучил всякую премудрость и не нуждаешься в книгах.

Святые братья были позваны на обед к кагану. Перед тем, как садиться за стол, каган спросил их:

– Скажите мне, какого вы рода, чтобы нам знать, на каком месте вас посадить.

– Дед наш, – отвечал Константин, – был великого и славного рода и находился вблизи Царя. Но он не умел удержать данной ему великой славы, был изгнан от Царя и удалился в чужую сторону, где и родил нас. Мы теперь и ищем древнюю славу нашего деда и не желаем иметь никакой другой. Дед же наш был Адам.

– Прилично и правильно говоришь ты, гость, – сказал каган, после чего стал иметь особое уважение к Константину.

Когда сели за стол, каган взял чашу и сказал:

– Пью в честь Единого Бога, сотворившего всю тварь. Константин же взял чашу со словами:

– Пью во славу Единого Бога и Слова Его, Которым утверждены небеса, и Животворящего Духа, Которым поддерживается бытие созданной твари.

– Вот мы, – сказал каган Константину, – содержим одинаковое учение о Боге, Творце всей твари, только различаемся тем, что вы славите Троицу, а мы славим Единого Бога, как учат об этом еврейские книги.

– Если вы, – отвечал Константин, – из еврейских книг узнали, что Бог един, то из тех же книг познайте и Святую Троицу. Еврейские книги в своих пророчествах проповедуют кроме Отца – Слово и Духа. Так царь и пророк Давид говорит: «словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс.32:6). Вот в этом месте вполне ясно указаны единство и троичность: Господь, Его Слово и Дух. Господь есть Бог Отец, Слово – Бог Сын, Дух уст Господних – Бог Дух Святой. Однако не три Господа, но Един Господь с Своим Словом и Духом, а также не три бога в божестве, но Один почитаемый Бог. Обрати внимание и на то: который из двух был бы лучшим почитателем твоего царского лица, тот ли, кто оказывал бы только тебе честь, а презирал бы твое слово и дух твоих уст, или тот, кто одинаково почитал бы и тебя, и твое слово, и дух твоих уст?

– Без сомнения последний, – отвечал каган.

– Поэтому мы, – продолжал философ – равно почитая Святую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа, лучшие и истиннейшие богопочитатели, чем вы. Таковому богопочитанию мы научились из пророческих книг. Кроме вышеуказанного места приведу и другие. Так святой пророк Исаия говорит о Боге Сыне в следующих словах: «послушай Меня, Иаков и Израиль, призванный Мой: Я тот же, Я первый и Я последний… и ныне послал Меня Господь Бог и Дух его» (Ис.48:12, 16). Это место Священного Писания древние отцы наши[3122] так объясняли:

– Кто посылаемый, если не Сын? От Кого посылается если не от Отца и Святого Отческого Духа?

На этом обеде было много Иудеев. Некоторые из них сказали блаженному Константину:

– Скажи нам, христианский философ: как может женский пол вместить во чреве Бога, на Которого не могут взирать даже Ангелы?

Философ, показывая перстом кагану на первого советника, сказал:

– Если бы кто сказал, что этот первый советник не может принять в свой дом кагана и угостить его, когда это может сделать последний раб, то как бы мы назвали его: безумным или разумным?

– Даже и очень безумным, – отвечали иудеи.

Тогда философ предложил такой вопрос:

– Какое из всех видимых в поднебесной творений самое честнейшее?

– Человек есть самое честнейшее творение, – отвечали иудеи, – потому что имеет разумную душу, созданную по образу Божию.

– Поэтому неразумны те, – отвечал философ, – которые признают невозможным, чтобы в человеческой утробе вместился Бог, тогда как знают, что Он вмещался в терновый куст (купину) при Моисее. Разве купина, бездушное и бесчувственное творение, честнее чувственной и разумной твари, имеющей богоподобную душу? Кроме купины Бог вмещался в облако, дым и огонь, когда являлся Иову, Моисею и

Илии. Особенно же чудесно то, что Бог вместился в честнейшую одушевленную тварь, желая явиться на земле и жить с людьми, чтобы избавить их от смертной язвы, нанесенной человеческому роду грехом Адама. От кого, как не от Самого Творца, скажите мне, должно было ждать врачевства и обновления честнейшему созданию, то есть роду человеческому? Не Давид ли предсказал: «послал слово Свое и исцелил их» (Пс.106:20). Поэтому Слово Отчее, Бог Сын, пришел и исцелил естество человеческое. Как Слово Отчее мог исцелить человека, если бы не соединился с человеком через вочеловечение и не приложился к человеку подобно целительному пластырю? Разве врач, желая уврачевать израненного человека, прикладывает пластырь к дереву или камню, а не к больному? Поэтому и Бог Слово Свое Единородное приложил, подобно пластырю, не к дереву, хотя раньше Оно являлось и между деревьями в купине, не к камню, хотя было видимо в каменных горах Синая и Хорива Моисеем и Илией, но к человеку, объятому греховною болезнью. Соединение стало неразрывно, ибо Господь благоволил вселиться в чистую, девическую, а не просто женскую, утробу, как пророчествовал об этом Исаия: «се, Дева во чреве зачнет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог» (Ис.7:14). Здесь пророк ясно говорит, что Бог Сын родится на земле от чистой и небрачной Девицы. А что возможно было вселиться Богу в девическую утробу ради нашего спасения, вспомните, что написано в ваших книгах. Ваш раввин Ахилла говорит:

– В громе каменне и в гласе трубном не являйся нам к тому, Господи, не являйся нам к тому, Господи щедрый, но вселися в нашу утробу, грехи наши отыми.

– Если же Моисей молил Бога, чтобы вселился в наши утробы, то почему же вы порицаете нас, исповедующих, что Бог вселился в женскую утробу, и не просто женскую, но в девическую, чистую, непорочную и неискусобрачную? Он вселяется и в наши утробы, когда мы, христиане, причащаемся в таинственной жертве. Как видите, древняя молитва Моисея, записанная в ваших книгах по свидетельству раввина Ахиллы, исполнилась: Бог вселился в наши утробы, взяв грехи наши.

После обеда все разошлись и назначили день, в который снова будут беседовать о вере. В назначенный день все собрались и, по приглашению кагана, сели на отведенные места. Константин сделал такое предисловие к беседе:

– Вот я один между вами чужеземец, а все мы ведем беседу о Боге, в руках Которого все, и наши сердца. Когда мы будем беседовать, пусть тот из вас, кто силен в словах, если будет понимать, подтвердит наши слова, а если не будет, пусть снова спросит и мы постараемся разъяснить.

Беседу начали иудеи таким вопросом:

– Скажи нам: Бог прежде дал какой закон: Моисеев, или тот, какой содержите вы, христиане?

– Не потому ли, – отвечал блаженный Константин, – вы спросили меня, какой первый закон, чтобы потом сказать, что первый есть самый лучший?

– Да, – отвечали иудеи. – А поэтому следует повиноваться первому закону, как начальнейшему и самому лучшему.

– Если желаете исполнять только первый закон, то откажитесь от обрезания, – сказал иудеям Константин.

– Почему ты это говоришь? – спросили иудеи.

– Скажите мне поистине, – сказал Константин иудеям, – первый закон был дан в обрезании или в не обрезании?

– Думаем, – отвечали иудеи, – что во обрезании.

– Не Ною ли, – сказал Константин, – Бог дал первый закон? А это было до обрезания и после заповеди, данной в раю Адаму по его грехопадении. Бог завещал Ною, чтобы не была проливаема кровь человека: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется» (Быт.9:6), Затем, говоря о ядении зелий травных, зверей, скотов, птиц и рыб, Бог сказал Ною: «Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас» (Быт.9:9).

– Но завет не закон, – сказали Иудеи. – Бог не сказал Ною: закон Мой, но завет Мой. Мы же говорим о законе.

– Вы соблюдаете обрезание как закон, или нет? – спросил Константин.

– Содержим, как закон, – ответили иудеи.

– Обрезание же, – продолжал Константин, – Бог также не назвал законом, а только заветом, когда, говорил Аврааму: «ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их… обрежется у вас весь мужеский пол… и сие Будет знамением завета между Мною и вами… и будет завет Мой на плоти вашей в завете вечном» (Быт.17:9–13). Вот смотрите, – сказал Константин, – Бог ни разу не назвал обрезание законом, но заветом. Откажитесь ли вы поэтому от обрезания как от незаконного? Если же соблюдаете завет обрезании как закон, то и завет, данный Ною, должны соблюдать как закон и называть его законом первым, который Бог дал роду человеческому, изгнанному из рая и сохраненному от вод потопа.

– Нет, – отвечали иудеи. – Только закон, данный Моисею, есть закон, и его мы исполняем.

– Если завет, данный Ною, – сказал Константин, – не закон, а только завет, потому что Бог не назвал его законом, но заветом, то и закон, данный Моисею, не закон, потому что Бог в 11 главе книги пророка Иеремии не называет его законом, но заветом: «слышите слова завета сего… так говорит Господь, Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета этого, который Я заповедал отцам вашим, когда вывел их из земли Египетской» (Иер.11:2–4). Если этот завет есть для вас закон, то и завет, данный Ною, тоже закон. А так как этот закон дан до обрезания, то его вы должны и соблюдать как первый и не слушать других законов, бывших после него, то есть Авраамова и Моисеева. Ведь вы сами сказали, что первый закон есть самый лучший и ему нужно повиноваться.

Иудеи уклонились тогда от этого вопроса, стали говорить о другом и сказали:

– Кто держался закона Моисеева, тот угодил Богу. Поэтому и мы, соблюдая его, надеемся также быть угодными Богу. Вы же держитесь нового закона, который сами изобрели для себя, а ветхий закон презираете.

– Приняв новый закон, – отвечал философ, – мы поступили хорошо. Ибо и Авраам, если бы не принял обрезания, но только исполнял завет Ноев, не назвался бы другом Божиим. Также и Моисей после Авраама, не довольствуясь прежде данными

законами Ною и Аврааму, написал новый закон. По примеру их поступаем и мы. Однако как они, следуя друг за другом, не уничтожали прежних законов, Авраам не отверг Ноева, а Моисей обоих, но, восполняя недостающее, изложили в более пространных законах более совершенную волю Божию, чтобы заповедь Господня была тверда, так и мы не отрицаем ветхого завета, написанного на Моисеевых скрижалях, но содержим все то, чтобы знать Единого Бога, Творца всей твари, а также: не убивать, не красть и прочие заповеди. Мы удаляемся только всего того, что не написано на Моисеевых скрижалях, например: обрезания, приношения в жертву бессловесных и других подобных. Они были только тенью и подобием, имевшего прийти, нового закона, а потому с пришествием его их нужно было оставить. Какая надобность хранить тень, когда имеем в руках самую вещь?

– Если бы то, что ты говоришь о ветхом завете, – возразили иудеи, – установления и заветы, кроме скрижалей Моисеевых, были только тенью и подобием вашего, нового завета, то древние законодатели знали бы это и сказали бы о вашем, новом законе, имеющим быть в будущее время. Ведь тень и подобие должны обрисовывать ту вещь, которую ждут видеть глазами. Вашего же закона законодатели не ожидали, а потому все ветхозаветные установления и заветы, как и Моисеевы скрижали, не тень и подобие, но самая истина (вещь), которую и вам, как и написанное на Моисеевых скрижалях, нужно хранить как истину.

Против сего философ ответил так:

– Если бы древние законодатели, бывшие в ветхом завете, не знали того, что по их законе настанет новый закон, то я бы спросил вас: когда вначале Бог давал Ною завет, о котором мы говорили ранее, возвестил ли ему тогда, что даст другой закон после него угоднику Своему Аврааму? Конечно нет, а утвердил первый завет существующим в вечные роды. Возвестил ли также Аврааму, когда давал ему завет, что впоследствии даст другой закон Моисею? О нашем же, новом завете, обстоятельно возвестил через Своих святых пророков. Так послушайте говорящего Иеремию: «вот наступают дни, говорит Господь, и

заключу Я с домом Израиля и с домом Иуды Новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь» (Иер.31:31–32). Вот видите известное пророчество о нашем, новом завете. Также и пророк Исаия предсказал о новом завете, от лица Господня, говоря: «но вы не вспоминаете прежнего, и о древнем не помышляете. Я творю новое, ныне же оно явится» (Ис.43:18–19). Итак, древние законодатели знали о новоблагодатном законе, ждали его и пророчествовали о нем. Поэтому ваши ветхозаветные установления и заветы есть тень и подобие ожидаемого нашего закона, а не самая истина, а поэтому их необходимо откинуть как ненужные.

– Всякий еврей признает за истину, что будет новый закон, – сказали иудеи, – но еще не пришло время явиться Помазанному.

– Чего вы еще ждете, – отвечал Константин. – Разве власть царства и княжения вашего, которая по пророчеству праотца Иакова должна существовать только до пришествия Христа-Мессии, не прекратилась, разве Иерусалим не разрушен, разве жертвы не отвержены, разве слава Господня не переселилась от вас на язычников, как ясно предрек об этом пророк Малахия, говоря: «нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Вседержитель, и жертвы не приму из рук ваших. Ибо от востока солнца и до запада велико будет имя Мое, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Вседержитель» (Мал.1:10–11).

– Мы понимаем это место так, – ответили иудеи, – что язычники будут благословенными через нас, как благословленны мы – семя Авраама, будут обрезаны в городе Иерусалиме.

– Через Кого благословляется семя Авраамово, – отвечал Константин, – через Того и мы, именно через Мессию, произошедшего от Авраама, Исаака, Иакова, Иессея и Давида. Ведь Бог сказал Аврааму: «благословятся в тебе все племена земные» (Быт.12:3), и Исааку: «благословятся в семени твоем

все народы земные» (Быт.26:4) и то же Иакову (Быт.28:14); Давид же говорит: «благословятся в нем племена; все народы ублажают его» (Пс.71:17). А что Мессия должен был прийти как ради племени Авраама, так и для спасения язычников, об этом некогда Иаков, благословляя Иуду, сказал так: «не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и ему покорность народов» (Быт.49:10). И пророк Захария, возвещая дочери Сиона – Иерусалиму, пришествие кроткого Царя, сидящего на ослице и осленке, говорит: «тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней в Иерусалиме, и сокрушен будет бранный лук, и Он возвестит мир народам» (Зах.9:10). Вот видите, что не только ради вас, иудеев, но и ради язычников должен был прийти Мессия. Думается мне, что Он пришел более ради язычников, чем ради вас, ибо вы Его не приняли, язычники же приняли Его, вы Его убили, язычники же уверовали в Него, вы Его отвергли, язычники же возлюбили Его; поэтому и Он отверг вас, язычников же призвал и в них прославляется. А что действительно ожидаемый Мессия уже пришел, вы можете убедиться в том через святого пророка Даниила. Этому пророку в Вавилоне, в первый год царствования Дария, явился Ангел Господень Гавриил и от сего времени до пришествия в мир Мессии назначил 70 седмин. Каждая седмина содержит 7 лет, а все – 490 лет. Так считает и ваш Талмуд. Как давно уже прошли эти годы? Если рассмотрите, то узнаете, что прошло уже более 800 лет, как исполнились седмины, сказанные Даниилу (Дан. 2:1–49).

– Спрошу вас еще и о том, – сказал Константин, – какое вы думаете было царство железное, о котором говорил Даниил Навуходоносору, когда объяснял ему сон о великом истукане?

– Железное царство означало римское, – ответили иудеи.

– А кого, – спросил философ, – означает камень, отторгнувшийся от горы без рук человеческих и сокрушивший этого истукана?

– Камень означает Мессию, – ответили иудеи и при этом добавили, – если по сказаниям пророков и другим событиям, как ты говоришь, Мессия уже пришел, то почему же римское царство имеет власть и до этих пор?

– Нет, – отвечал философ, – уже не держит власть, но прошло мимо, как и прочие царства. Наше царство не римское, но Христово, как и сказал пророк: «воздвигнет Бог Небесный царство, которое вовеки не разрушится, и Царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан.2:44). Не христианское ли это царство, называемое так по имени Христа? Римляне служили идолам, а эти – христиане, частью состоящие из сего народа, частью из других племен и народов, царствуют во имя Христово, как описывает это пророк Исаия, говоря: «оставите имя ваше избранным Моим для проклятия; вас же убьет Господь, а рабов своих назовет иным именем, которым кто будет благословлять себя на земле, будет клясться Богом истинным» (Ис.65:15–16). Разве не исполнились все пророчества, сказанные о Христе? Исаия предсказывал рождение Его от Девы, говоря так: «Се, Дева во чреве зачнет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил» (Ис.7:14). И святой пророк Михей о рождении в Вифлееме говорит так: «и ты, Вифлеем, дом Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, который должен быть владыкою в Израиле, и которого происхождение из начала, от дней вечных. Поэтому Он оставит их до времени, доколе не родит имеющая родить» (Мих.5:2–3).

– Мы, – сказали иудеи, – благословенные потомки Сима, который получил благословение от своего отца, Ноя. Вы же не получили благословения.

– Благословение Ноем Сима к вам не имеет никакого отношения, – сказал Константин, – а есть только прославление Бога, ибо Ной сказал: «благословен Господь Бог Симов» (Быт.9:26). Здесь Господь Бог благословляется устами Ноя ради добродетельного Сима и ничего более. Иафету же, от которого произошли мы, Ной сказал: «Да распространит Бог Иафета; и да вселится в селениях Симовых» (Быт.9:27). Сами вы можете видеть, как благодатью Божию распространяется христианство и как вы более и более теряете значение. Даже там, где некогда вы обитали, там теперь благословляется и прославляется христианами имя Господа нашего Иисуса Христа».

– Вот вы, – сказали иудеи, – уповая на человека, думаете быть благословенными, тогда как книги таковых проклинают.

На это философ предложил иудеям такой вопрос:

– Проклят Давид или благословен?

– Весьма благословен, – отвечали иудеи.

– Значит, – сказал Константин, – благословенны и мы, потому что уповаем на Того, на Кого уповал и он, когда говорил во псалме: «человек мира Моего, на которого я полагался» (Пс.40:10). Человек Этот есть – Христос Бог. Кто же уповает на простого человека, того и мы считаем проклятым.

После этого иудеи предложили другой вопрос:

– Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, когда Христос его не отверг, но выполнил по закону?

Философ отвечал:

– Кто первый сказал Аврааму: будет в знамение между Мной и тобой, Тот, пришедши, выполнил его (обрезание), почему оно и соблюдалось от того (Авраама) до Сего (Христа)[3123]. Взамен обрезания Христос установил крещение.

Тогда иудеи сказали:

– Почему же некоторые угодили Богу, не приняв того знамения (крещения), но Авраамово (обрезание)?

– Никто из тех, – отвечал философ, – не имел двух жен, кроме Авраама. А поэтому Бог и дал ему обрезание, чтобы положить предел не преступать далее, но жить по первому примеру жизни Адама (иметь одну жену). И Иакову дал подобное указание, когда повредил ему ногу, потому что имел две жены. Когда Иаков понял вину, почему это ему сделано, получил тогда название «Израиль», то есть видящий умом Бога. Авраам же этого не разумел.

– Как вы, – задали новый вопрос иудеи, – кланяясь идолам, думаете, что угождаете Богу?

– Прежде всего, – отвечал философ, – научитесь различать имена, что такое – икона и что – идол, и тогда увидите, что неправильно упрекаете христиан. Много указаний находится в ваших книгах об изображениях. Я спрошу вас о некоторых: Что – Моисей устроил скинию по образу, который видал на горе, или по образу, который предносился его художеству, он соорудил

скинию из деревьев, кожи, шерсти и достойных Херувимов? Но так как верно первое, то назовем ли вас, что вы творите честь и кланяетесь деревьям, коже и шерсти, а не Богу, давшему Моисею в свое время такой образ (изображение) скинии? То же скажу и о храме Соломоновом, в котором было много изображений Херувимских, Ангельских и других. Так и мы, христиане, почитая обряды угодивших Богу, воздаем честь Богу.

– Зачем вы едите свинину и заячину, – сказали иудеи, – когда это противно Богу?

– Первый завет (Ноев), – сказал философ, – постановил: «все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все» (Быт.9:3), потому что чистым все чисто, а у скверных – нечиста совесть. Также и Бог о всем сотворенном говорит: «все хорошо весьма»[3124] (Быт.1:31). По вашему же объедению и для вашего назидания Бог отнял у вас самое незначительное. А как вредно для вас объедение, об этом написано: «и насытился Израиль и оставил он Бога» (Втор.32:15), или «сел народ есть и пить, а после встал играть» (Исх.32:6).

Таковые беседы блаженный философ Константин вел с иудеями о христианской вере. Эти беседы происходили каждый день в присутствии самого кагана и продолжались довольно продолжительное время. Они впоследствии были записаны блаженным Мефодием и разделены на восемь частей, из которых здесь приведено очень немногое.

Блаженный Константин вел беседы не только с иудеями, но и с сарацинами, которых также изобличал с помощью Господа нашего, обещавшего Своим рабам дать «уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все противящиеся» (Лк.21:15).

Слыша таковые сладостные и подобающие Христовой вере слова, каган и его главные советники сказали Константину:

– Бог послал тебя к нам для нашего научения. От Него ты научился книгам, все говорил правильно и медовыми словами святых книг напитал нас досыта. Хотя мы люди и неученые («некнижная чадь»), однако, веруем, что это учение от Бога. Если же хочешь окончательно успокоить наши души, то скажи

нам не от книг только, но и через сравнения (притчи) о всем том, что мы будем спрашивать у тебя о вере.

После этого все разошлись на отдых. На другой день собрались снова и сказали Константину:

– Докажи нам, честнейший муж, рассуждениями и сравнениями, какая вера самая лучшая?

– У одного Царя, – отвечал философ, – были в большой чести муж и жена. Когда они согрешили, Он изгнал их из той земли, где они жили (из рая). Многие годы прожили они там и в нищете родили детей. Собираясь, дети обдумывали, как бы им воротить опять достоинство своих родителей. Один говорил одно, другой – другое, каждый давал совет, которому, по его мнению, должно было следовать. Какому же из этих советов должно было следовать. Не самому ли лучшему? – заканчивая свое сравнение, сказал Константин.

– Почему ты так говоришь? – отвечали козары. – Каждый свой совет считает лучше другого. Ты же скажи нам, чтобы мы поняли, который из этих советов самый лучший?

– Огонь, – отвечал философ, – очищает золото и серебро, человек же умом отличает ложь от истины. Скажите мне, отчего было первое грехопадение: не от видения ли сладкого плода и желания быть богами?

– Так, – отвечали козары.

Философ продолжал:

– Если какому больному будет во вред мед или студеная вода, то какой врач даст лучший совет; тот ли, какой скажет кому вреден мед – ешь мед, а кому вредна холодная вода – напейся холодной воды и нагим стой на морозе, или тот, который будет давать противоположное вреду лекарство: вместо меда – с осторожностью горькое питье, вместо холодной воды – теплое и согревательное?

– Конечно, – сказали все, – кто даст противоположное лекарство, тот даст лучший совет. Так и грехолюбивую похоть следует умерщвлять горестью жития, а гордость смирением, – вообще противное лечить противным. Мы замечаем, если ягодный куст весной стоит в колючих иглах, то осенью дает хорошие, сладкие плоды.

– Хорошо вы сказали, – ответил Константин. – И закон Христов говорит, что жить по Богу – значит проводить суровую жизнь (идти тесным путем), которая в вечном жилище возрастит плод сторицею.

После этого один из главных советников кагана, знающий хорошо нечестивое учение Магомета, спросил философа:

– Скажи мне, гость, почему вы не почитаете Магомета? Ведь он весьма хвалил Христа в своих книгах и говорил про Него: от Девы, сестры Моисея, родился великий пророк, Который воскрешал мертвых и великой силой исцелял всякую болезнь.

– Пусть рассудит нас сам каган, – сказал философ. – Скажи мне, если Магомет есть пророк, то будем ли мы, верить Даниилу, который сказал, что со Христом прекратится всякое видение и пророчество. Как же после этого он может быть пророком? Поэтому, если мы называем Магомета пророком, значит отвергаем Даниила.

На это многие из присутствующих сказали:

– Мы знаем, что Даниил пророчествовал Духом Божиим, о Магомете же знаем, что он лжец и губитель спасения многих.

Тогда первый советник кагана обернулся в сторону к иудеям и сказал:

– С Божией помощью гость поверг на землю всю сарацинскую гордость, а вашу, как скверну, выбросил вон. Затем обратился ко всем присутствующим и сказал:

– Бог дал власть над всеми народами и совершенную премудрость царю христианскому; вера их самая лучшая и вне ее нельзя достигнуть вечной жизни.

Все сказали:

– Аминь.

После этого философ со слезами на глазах обратился ко всем и сказал:

– Братья, отцы, друзья и чада! Вот мы, с помощью Божией, разъяснили и ответили на все по достоинству. Если же и теперь кто из вас не понял чего-либо, пусть придет и спрашивает меня об этом. Кто послушает сего учения, тот пусть крестится во имя Святой Троицы, а кто не послушает, я не буду иметь в этом

греха, он же увидит свой грех в День Судный, когда Судия, ветхий деньми, сядет судить все народы.

На это козары с каганом ответили:

– Мы не враги себе, и так постановляем: с этого времени, кто хочет и кто может, пусть, обдумав, приступает ко крещению. А кто будет кланяться на запад (язычники), или совершать еврейские молитвы (иудеи), или содержать сарацинскую веру (магометане), тот примет скорую смерть.

Постановив такое решение, все с радостью разошлись. Двести человек козар оставили идольские мерзости и беззаконные сожития и приняли христианскую веру.

Насадив христианскую веру в козарском царстве, преподобные учителя Константин и Мефодий задумали возвратиться в свою сторону. У козар они оставили священников, пришедших вместе с ними из Херсона. Каган поручил святым братьям передать греческому царю следующее письмо: «Владыко! Ты послал к нам такого мужа, который возвестил нам христианскую веру и проповедал Святую Троицу. Через него мы узнали, что эта вера есть истинная вера и повелели всем желающим невозбранно принимать святое крещение, надеясь и сами получить оное. Все мы друзья и приятели твоему Царству и готовы, если хочешь, тебе служить».

Провожая святых братьев каган предлагал им много подарков, но они отказались, говоря: «Отпусти с нами всех находящихся здесь греческих пленников – это будет для нас самым лучшим подарком».

Пленников собралось более 200 человек и они все с радостью отправились в путь. Путникам пришлось проходить через пустынные и безводные места. Здесь все изнемогли от жажды. Попадались изредка озера, но из них пить было нельзя, так как в воде было много соли, от чего она была горькою, как желчь. Все разошлись искать хорошую воду, кроме Константина, который так ослаб, что не мог идти далее. Он обратился к своему брату Мефодию с такими словами:

– Не могу более переносить жажды. Почерпни эту воду, ибо я верую, что Кто некогда израильтянам изменил горькую воду в

сладкую, Тот и нам, изнемогающим от жажды, усладит горесть сей воды.

Когда почерпнули воду и попробовали, она оказалась сладкою, как мед, и студеною, как зимой. Этой водой все утолили жажду и прославили Бога.

Пришед в Херсон, святые братья навестили епископа. Вечеряя, Константин сказал епископу: «Помолись о мне, владыко, и благослови меня, как благословляет отец свое чадо последним благословением».

Слышащие думали, что Константин наутро собирается в путь и спросили его об этом. Он же тайно сказал некоторым, что епископ наутро оставит мир и отойдет ко Господу. Так и случилось. Утром епископ скончался.

По дороге в Царьград пришлось проходить страной, где жил фульский народ[3125]. Этот народ приносил жертвы под большим дубом, сросшимся с черешнею, который назывался Александр. К этому дубу запрещено было подходить женщинам, а также и участвовать при жертвоприношениях. Блаженный Константин отправился к этому народу, стал посреди их и сказал:

– Эллины не избегли вечного мучения, поклоняясь небу и земле – таким великим и добрым творениям; тем более вы, кланяясь дубу, неизмеримо худшему творению, не избегнете вечного огня.

– Мы, – отвечали язычники, – не теперь только начали так поступать, но приняли этот обычай от отцов. Принося жертвы пред дубом, мы получаем то, о чем просим: дождь и многое другое. И как мы откажемся от этого поклонения, когда никто из нас не может этого сделать? А если кто и осмелится, тот умрет, не увидя больше дождя.

Философ начал увещевать их таковыми словами:

– Бог о вас говорит в священных книгах, как же вы можете Его отвергать? Так пророк Исаия от Лица Господня вопиет, говоря: «Приду собрать все народы, и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных из них к народам: в Фарсис, в Пулу и Луду, в Тубалу и Явану, на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей; и они возвестят народам славу Мою…» говорит Господь:

«пошлю множество рыболовов и будут ловить их на всякой горе и на всяком холме, и в ущельях скал» (Ис.66:18–19; Иер.16:16).

– Послушайте же, братия, – продолжал Константин, – Бога, Который сотворил вас. Вот Евангелие Нового завета Божия, по которому вы должны принять святое крещение.

Подобными словами блаженный Константин убедил язычников срубить и сжечь этот дуб. Старейшина этого народа подошел к Константину и поцеловал Святое Евангелие. Этому примеру последовали и прочие язычники. Затем философ раздал белые свечи, и все с возжженными свечами и пением отправились к дубу. Константин взял топор и ударил по дубу 33 раза, а после этого другие подрубили дуб под корень и сожгли его. В эту же ночь Господь послал сильный дождь. Все, радуясь, восхвалили Бога, веселящегося о спасении грешников. В Царьграде Константина и Мефодия приняли с великою честью, как апостолов. Им предлагали сан епископский, но они не захотели его принять. Мефодий же сделался игуменом Полихрониева монастыря, а Константин поселился при церкви святых апостолов. Вскоре оба были призваны на новые труды.

Борис или Богорис, царь болгарский, после войны с греками пожелал принять христианскую веру. Сестра Бориса, за несколько лет пред этим бывшая в плену в Царьраде, возвратилась в Болгарию христианкою и старалась убедить брата принять ту же веру. Он долго не соглашался; но голод и смертоносная язва опустошили его государство. Тогда он по совету сестры обратился с молитвою к христианскому Богу и бедствия прекратились. Борис послал в Царьград просить наставников. Мефодий предпринял путешествие в Болгарию. Он изобразил на стене царской палаты Страшный Суд и объяснил царю блаженство праведников и муки грешников. Царь, уже приготовленный словами и примером сестры и чудесным прекращением бедствий, принял христианскую веру. Это было в 860 или в 861 г.[3126]

Не успели Константин и Мефодий окончить начатого дела крещения болгарского народа, как новое поприще открылось для их апостольской деятельности. Князь моравский Ростислав, по научению Божию, держал совет со своими князьями[3127] и со

всем народом моравским о том, чтобы послать послов к греческому царю Михаилу с просьбою прислать христианских учителей. На совете было решено отправить послов с такими словами: «Наш народ[3128] отверг язычество и содержит закон христианский. Только нет у нас такого учителя, который бы веру Христову объяснил нам на нашем языке. Другие страны (славянские), увидя это, пожелают идти за нами. Ввиду этого, владыко, пошли к нам такового епископа и учителя: от вас во все страны добрый закон исходит»[3129].

Царь Михаил собрал собор, на который был позван философ Константин. Ему царь объявил желание славян и сказал:

– Философ, я знаю, что ты нездоров; но необходимо тебе идти туда, так как никто не может выполнить этого дела лучше тебя.

– Хотя я телом нездоров и болен, – отвечал философ, – но с радостью пойду туда, если только они имеют буквы на своем языке.

– Дед мой, и отец мой, и многие другие, – отвечал царь, – искали, но не нашли их; как же я могу их найти?

– Как же я буду проповедовать им? – сказал философ. – Это все равно, что записывать беседу на воде. К тому же, если славяне неправильно поймут меня, можно прослыть еретиком.

На это царь вместе со своим дядей Вардой так сказал философу:

– Если ты захочешь, Бог даст тебе просимое, ибо Он дает всем просящим у Него с верою и отверзает толкущим.

Константин вышел от царя и рассказал все это своему брату Мефодию и некоторым ученикам своим[3130]. По своему обычаю Константин прежде всего начал с молитвы, а затем наложил на себя сорокадневный пост. В скором времени Бог, слушающий молитвы рабов Своих, исполнил то, о чем просил Константин. Он изобрел славянскую азбуку, содержащую в себе 38 букв, а затем приступил к переводу греческих священных книг на славянский язык. В этом ему помогали блаженный Мефодий и ученики. Перевод священных книг был начат с первой главы Евангелия от Иоанна. «В начале было Слово, и

Слово было у Бога, и Слово было Бог» – первые слова, переведенные на славянский язык.

Свой перевод святые братья представили на рассмотрение царя, патриарха и всего духовного собора. Возвеселился царь и вместе со всем духовным собором прославил Бога за оказанные милости.

После этого Константин вместе с братом Мефодием и с учениками отправился в славянские земли. Царь дал им в дорогу достаточное количество всяких необходимых вещей, а к Ростиславу написал следующее послание: «Бог, Который желает, чтобы каждый имел истинное разумение и восходил в высшее достоинство, увидав твою веру и твое старание, восхотел выполнить твое желание теперь в наши годы. Он открыл буквы вашего языка, которые до сего времени не были известны («не ведано было, токмо в первая лета»), чтобы и вас причислить к великим народам, которые прославляют Бога на своем языке. И вот мы посылаем тебе того, кому Бог открыл их (буквы), мужа честного, благоверного, ученого и философа. Прими этот дар, который много дороже всякого золота и серебра, камней драгоценных и богатства преходящего, и помоги ему поскорее выполнить поручение. Всем сердцем взыщи Бога и общего спасения, а для этого не ленись побуждать всех (своих подданных) заботиться о своем спасении и идти истинным путем. Тогда и ты, потрудившись привести свой народ в разум Божий, получишь за это награду и в этот век и в будущий за все души, желающие веровать до кончины в Христа Бога нашего. Этим ты, подобно великому князю Константину, оставишь по себе истинную память последующим поколениям».

Когда Константин и Мефодий пришли в Моравию, они были встречены там с великою честью. Прежде всего Ростислав собрал много отроков и повелел им учиться у святых братьев славянской азбуке и новопереведенным книгам. Затем Ростислав, под руководством святых братьев, начал строить церкви. Через год уже была окончена первая церковь в городе Оломуце, потом еще несколько церквей появилось в Моравии. Константин освящал эти церкви и служил в них по-славянски.

В бытность свою здесь Константин перевел со своими учениками все церковное чинопоследование и научил их утрени и часам, обедне и вечерни и повечерию и «тайней службе». И отверзлись по пророческому слову уши глухих слышать книжные словеса, и стал красноречив язык гугнивых. Бог, веселящийся о спасении единого грешника, с радостью взирал на исправление целого народа.

Когда стало распространяться Божественное учение между славянами и богослужение совершаться на их языке, тогда первый и злостный завистник, диавол, не вынося сего, вошел в свои сосуды и начал многих возбуждать, говоря им: «Этим Бог не прославляется. Если бы Ему это было угодно, то разве Он не мог сделать, чтобы и изначала для Его прославления проповедь слова Божия записывалась на язык того народа, которому возвещалась. Но три языка только избрал Бог: еврейский, греческий и латинский, на которых и подобает воссылать славу Богу».

Так говорили латинские и немецкие архиереи, священники и их ученики. Константин вступил с ними, как некогда Давид с иноплеменниками, в спор и словами священных книг победил и назвал их трехъязычниками, подобными Пилату, написавшему на трех языках титла на Кресте Господа.

Не только одному этому, но и многому другому нечестию учили народ немецкие и латинские священники. Они говорили: «Под землею живут люди велеглави[3131], все гады – творение диавола; если кто убьет змию, тому отпустится за это девять грехов; если кто убьет человека, тот пусть пьет из деревянной чашки, а к стеклянной пусть не касается».

Они не возбраняли народу приносить по старому обычаю языческие жертвы, ни многоженства.

Эти лжеучения святые братья старались искоренять, как сорную траву, словесным огнем.

«Принеси в жертву Богу», – обличали они словами пророка, – «хвалу и воздай Всевышнему молитвы твои» (Пс.49:14). «Берегите дух ваш, и никто не поступай вероломно против жены юности своей: если ты ненавидишь ее, отпусти, говорит Господь Вседержитель, и покрыет нечестие помышления твоя; поэтому

наблюдайте за духом вашим… и не оставляйте жен своих. И вот, если ненавидишь, помни, что Господь был свидетелем между тобой и женою юности твоей.., она подруга твоя и законная жена твоя» (Мал.2:15–16, 13–14). В Евангелии Господь говорит: «вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам: всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф.5:27–28). «Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Мф.19:9)

Так прожили святые братья в Моравии 40 месяцев, переходя с одного места на другое, везде поучая народ на славянском языке. Вручая Славянам бесценный дар – слово Божие на родном языке, Константин в предисловии к святому Евангелию говорит им: «Услышите, славяне все, слово, которое укрепляет сердца и умы». Устрояя училища для славянских отроков, они приобрели много учеников, готовых быть хорошими учителями и достойными священнослужителями в своем народе. С этою целью, чтобы посвятить своих учеников в священный сан, святые братья задумали отправиться в Рим. К тому же, бывший то время, папа Николай[3132], узнав об успехах проповеди святых Константина и Мефодия, желал видеть их в Риме, как Ангелов Божиих[3133].

По дороге в Рим святые Константин и Мефодий зашли в Паннонию[3134]. Там был князем Коцел, сын Прибины, который пригласил святых братьев в город Блатно, чтобы самому научиться у них славянской азбуке, а также затем, чтобы они научили ей и тех 50 учеников, которых князь собрал из своего народа. При прощании Коцел оказал святым проповедникам великую честь и предлагал им большие подарки. Но Константин и Мефодий, как от Ростислава Моравского, так и от Коцела, не пожелали взять ни золота, ни серебра, ни другой какой-либо вещи. Евангельское слово они проповедовали без награды и только от обоих князей выпросили свободу 900 греческим пленникам.

Кроме Паннонии святые Константин и Мефодий заходили и в Венецию. Здесь латинские и немецкие священники и монахи накинулись на Константина, как вороны на сокола, проповедуя трехъязыческую ересь:

– Скажи нам, человек, – говорили они Константину, – зачем ты перевел славянам священные книги и учишь их на этом языке, тогда как раньше никто этого не делал: ни апостолы, ни папа Римский, ни Григорий Богослов[3135], ни Иероним, ни Августин?[3136] Мы знаем только три языка, на которых подобает прославлять Бога: еврейский, греческий, римский.

Философ отвечал к ним:

– Разве не идет от Бога дождь одинаково на всех, или солнце не сияет для всех, или вся тварь не дышит одним воздухом? Как же вы не стыдитесь думать, что кроме трех языков, все остальные племена и языки должны быть слепыми и глухими. Уж не думаете ли вы, скажите мне, что Бог не всемогущ, и потому не может этого сделать, завистлив, что не хочет сделать? Мы же знаем многие народы, имеющие свои книги и воссылающие славу Богу каждый на своем языке. Из них известны следующие: армяне, персы, абхазы, иверы (грузины), сугды, готы, обры, турки, козары, аравляне, египтяне, сирияне и многие другие.

Если не желаете согласиться с этим, то вашим судией будут святые книги. Ибо Давид вопиет: «воспойте Господу песнь новую; воспойте Господу, вся земля!» (Пс.95:1), и в другом месте: «воскликните Господу вся земля, воспойте и радуйтесь, и пойте» (Пс.97:4), и еще: «вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе, да поет имени Твоему» (Пс.65:4), и еще: «хвалите господа, все народы, похвалите, все племена... Всякое дыхание хвалит Господа» (Пс.116:1, 150:6). В Евангелии говорится: «а тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божиими...» (Ин.1:12). «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будет все едино, как ты, Отче во Мне, и Я в Тебе» (Ин.17:20–21). В Евангелии Матфея говорится: «дана Мне всякая власть на небе и на земле; идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам:

и вот, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф.28:18–20). Евангелист Марк также говорит: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать осужден будет, уверовавших же будут сопровождать эти знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками» (Мк.16:15–17). Скажем словами Писания и по отношению к вам (немецким и латинским священникам): «горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царствие Небесное людям; ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Мф.23:13). «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» (Лк.11:52). Апостол Павел говорит Коринфенянам: «желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали» (1Кор.14:5), или еще: «и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фил.2:11).

Таковыми и многими другими подобными словами святой Константин обличал латинских и немецких священников.

Из Венеции Константин и Мефодий отправились прямо в Рим. Когда еще они были в Венеции, умер папа Николай и вместо него был избран Адриан II[3137]. Новый папа, узнав, что Константин и Мефодий находятся в Венеции, пригласил их в Рим. Когда святые братья подходили к Риму, сам папа со своим клиром и гражданами с возжженными свечами вышли навстречу святым проповедникам, потому что они несли мощи святого Климента-мученика и папы Римского, открытые в Херсонесе. Господь прославил многими чудесами перенесение святых мощей. Так один расслабленный получил исцеление и многие другие больные освободились от своих недугов.

Папа принял славянские книги, освятил их и положил в церкви святой Девы Марии, называемой «Фатни» (ясли), и по этим книгам стали отправлять богослужение. После этого папа велел двум епископам посвящать учеников-славян, прибывших вместе с Константином и Мефодием. Посвящение учеников в первый день было совершено в церкви святого апостола Петра и литургию пели на славянском языке, на другой день – в

церкви святой Петрониллы и на третий день – в церкви святого апостола Андрея. Затем пели всенощное бдение на славянском языке в церкви великого учителя народов – апостола Павла, а утром совершали литургию над святым гробом. В служении двум указанным епископам помогали Арсений, один из семи епископов, и библиотекарь Анастасий.

Константин и Мефодий со своими учениками не переставали воссылать за все славу Богу, римляне же не переставали приходить к ним, и в особенности к Константину, и спрашивать их обо всем. Некоторые приходили по два и по три раза и принимали наставление. Однажды пришел к Константину один еврей и сказал, что Христос, о Котором говорят пророки, что Он родится от Девы, еще не пришел. Константин пересчитал ему сколько родов было от Адама до Христа, доказал, что Христос уже пришел и сколько лет прошло с тех пор.

Вскоре после этого и прежде немощный Константин, изнуренный трудами и долгим путешествием, тяжко заболел, и во время болезни Господь открыл ему о его смерти. Константин, узнав о своей смерти, начал петь следующую церковную песнь:

– «О рекших мне, внидем во дворы Господни, возвеселися ми дух мой и сердце обрадовася»[3138].

Затем он оделся в лучшие свои одежды, с радостью проводил весь тот день и говорил:

– С этого времени я никому на земле не слуга, но только Богу Вседержителю и был и есмь и буду вовеки, аминь.

На другой день Константин пожелал принять схиму, причем был назван Кириллом. Болезнь его продолжалась 50 дней.

Однажды во время своей болезни Кирилл обратился к Мефодию с такими словами: «Вот, брат, – говорил он ему, – мы с тобой были как дружная пара волов, возделывающих одну ниву, и вот я падаю на бразде, окончив свой день. Я знаю, что ты сильно возлюбил гору Олимп, но ради горы не думай оставлять своего учения. Этим подвигом ты лучше можешь достигнуть спасения».

Когда приблизилось время принять упокоение и отойти в иную жизнь, святой Кирилл воздвиг свои руки к Богу и так со

слезами молился: «Господи Боже мой! Ты, Который составил бесплотные Ангельские силы, распростер небо, основал землю и из небытия в бытие привел все сущее на ней, который всегда и во всем слушает исполняющих Твою волю, боящихся Тебя и хранящих Твои заповеди: услышь мою молитву и сохрани верное стадо Твое, пасти которое Ты поставил меня грешного, и недостойного раба Твоего. Избавь это стадо от всякого безбожия и нечестия и от всякого многоречивого еретического языка, говорящего на Тебя хулу. Погуби трехъязычную ересь и возрасти во множестве Свою Церковь. Всех соедини в единодушии и всех соделай единомысленными о истинной Твоей вере и правом исповедании. Вдохни в их сердца слово Твоего учения, ибо это – Твой дар. Если Ты сподобил меня, недостойного, проповедать Евангелие Христа Твоего, старающегося делать добрые дела и все угодное Тебе, то позволь мне отдать Тебе, как Твое, все то, что Ты мне дал. Устрой их сильною Твоею десницею, покрой их покровом Твоим, чтобы все хвалили и славили имя Отца и Сына и Святого Духа вовеки, аминь».

Затем, облобызав всех, сказал: «Благословен Бог наш, Который не дал нас в добычу невидимым нашим врагам, но разрушил их сети и избавил нас от истления».

С этими словами святой Кирилл почил о Господе 14 февраля 869 г.

Папа Адриан повелел всем грекам, находившимся в Риме, а также и римлянам, присутствовать при погребении и стоять при гробе Кирилла с возжженными свечами, а проводы велел устроить такие, какие бывают при погребении самого папы. Святой Мефодий, узнав, что собираются погребсти честное тело святого Кирилла в Риме, пришел к папе и сказал ему:

– Мать наша заклинала нас, говоря, что если кто первый из нас умрет, пусть другой перенесет брата в свой монастырь (на Олимпе) и там похоронит его.

После этого папа распорядился положить честное тело Кирилла в раку, забить железными гвоздями и приготовить в дорогу. В таком положении святые мощи оставались семь дней.

Римские же епископы говорили папе:

– Так как Бог привел сюда Кирилла, ходившего по многим землям, и здесь взял его душу, то здесь нужно и похоронить его, как честного мужа.

– Если так, – сказал папа, – я изменю римский обычай и похороню Кирилла за его святость и любовь в моем гробе, в церкви святого апостола Петра.

Тогда святой Мефодий сказал:

– Если вы меня не послушали и мне его не дали, так как вам самим желательно иметь его у себя, то в таком случае положите его в церкви святого Климента, с которым вместе он прибыл сюда.

Папа повелел сделать так, как говорил святой Мефодий. Снова собрались все епископы, черноризцы и народ, и с честью проводили святые мощи до церкви святого Климента. Перед тем как опускать гроб, епископы сказали:

– Откроем раку и посмотрим: не взято ли что-либо от святых мощей?

Но как ни старались, они не могли, по усмотрению Божию, открыть раку, и тогда святые мощи опустили по правую сторону алтаря в церкви святого Климента. Затем здесь стали совершаться многие чудеса. Видя это, римляне начали все более и более прославлять святого Кирилла и, написав его икону, стали возжигать пред нею свечи день и ночь, воздавая хвалу Богу, прославляющему любящих Его.

По смерти святого Кирилла пришли послы от Коцела, князя паннонского, к папе, прося его отпустить к ним блаженного Мефодия. Папа так отвечал послам:

– Не одним только вам, но и всем славянским народам посылаю его, как учителя от Бога и от святого Петра, первого настольника и ключедержца Небесного Царства.

Отправляя святого Мефодия к славянам, папа вручил ему следующее послание к славянским князьям: «Адриан, епископ и раб Божий, – Ростиславу, Святополку и Коцелу: «слава в вышних Богу и на земле мир, в людях благоволение» (Лк.2:14). С радостью узнали мы, что Господь воздвиг ваши сердца искать Его и показал вам, что не одною верою, но и добрыми делами следует служить Ему: «вера без дел мертва» (Иак.2:26),

Поэтому грешат те, которые думают, что знают Бога, а не желают исполнять закон Его. Не только у сего святительского стола вы просили учителей, но также и у благоверного царя Михаила: вы просили его послать к вам блаженного философа Константина с братом. Святые братья, когда узнали, что ваша страна находится в ведении апостольского престола, ничего вопреки канона не сделали, но пришли к нам и принесли мощи святого Климента. Мы же, возрадовавшись, помыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа совершенного разумом и правоверного, посвятив его и учеников в священный сан. Он может учить вас, как вы о том просите, и переводить священные книги на ваш язык, и по ним совершать святую службу (литургию) и крещение и весь чин церковный, чему положил начало, с помощью Божией и ради молитв святого Климента, святой философ Константин. Также, если кто другой будет в состоянии правильно и правоверно переводить священные книги на ваш язык, чтобы вы удобнее могли познать заповеди Божии, то пусть будет сие дело свято и благословенно Богом, нашей и всей католическою Церковью. Один только храните обычай, чтобы на литургии сначала читали Апостол и Евангелие по-римски, а потом по-славянски, чтобы исполнилось слово Писания: «хвалите Господа все народы» (Пс.116:1) и еще: «начали говорить на иных языках…» величие Бога, «как Дух Святой давал им провещевать» (Деян.2:4). Если же кто осмелится порицать указанных учителей и совращать от истины к басням или, развращая вас, будет хулить книги вашего языка, тот пусть будет отлучен и представлен на суд церкви и до тех пор не получит прощения, пока не исправится. Ибо это волки, а не овцы, и должно узнавать их по плодам и остерегаться их. Вы же, чада возлюбленные, слушайте учение Божие и не отказывайтесь от церковных поучений, и тогда вы будете истинными поклонниками Отцу вашему небесному со всеми святыми. Аминь».

Коцел принял Мефодия с великою честью, но в скором времени снова отослал его к папе, а вместе с ними 20 мужей знатного рода, прося папу посвятить святого Мефодия во

епископа в Паннонию, на престол святого Андроника, апостола из семидесяти. Папа так и сделал.

После этого старый враг и противник истины воздвиг против Мефодия моравского князя[3139] и немецких и латинских епископов этого края. Святой Мефодий был позван на совет, на котором ему предложили такой вопрос:

– Зачем ты учишь в нашей области?

– Если бы я знал, – отвечал на это святой Мефодий, – что это ваша область, то я не учил бы здесь, но эта область принадлежит святому апостолу Петру. Если же вы ради ссоры и лихоимства будете поступать не по правилам, возбраняя проповедовать учение Божие, берегитесь, чтобы, когда будете пробивать железную гору головною костью, не проломить свою голову.

– Говоря с гневом, – отвечали епископы, – ты сам на себя накликаешь беду.

– Я не стыжусь говорить истину и пред царями, – отвечал святой Мефодий. – Вы же относительно меня как хотите, так и поступайте. Я не лучше тех, которые за правду переносили многие мучения в этой жизни.

Много было произнесено речей на этом собрании, но сказать что-либо против Мефодия его противники не могли. Тогда князь сказал с насмешкой:

– Не утруждайте моего Мефодия. Он вспотел, как бы находясь около горячей печи.

– Да, владыко, – отвечал Мефодий. – Однажды встретили вспотевшего философа и спросили его: «Отчего ты вспотел?» «С грубою челядью спорил», – отвечал философ.

Много говорили епископы относительно Мефодия. Наконец сослали его в Швабию, где содержали в темнице два с половиною года[3140].

Дошло известие о заключении святого Мефодия до папы. Узнав об этом, папа Иоанн VIII, преемник Адриана II, прислал проклятие на немецких епископов и запрещение совершать им литургию до тех пор, пока не освободят Мефодия. Тогда епископы освободили Мефодия, но сказали Коцелу,

паннонскому князю: «Если ты возьмешь к себе Мефодия, не считай нас за доброжелателей»[3141].

Однако сами эти епископы не избегли Суда Божия и апостола Петра. Четверо из них скоро умерли.

В Моравии же в это время произошел раздор славян с немецкими священниками. Поняли моравляне, что немецкие священники, которые живут у них, враги славян и стараются предать их немцам. Они изгнали их, а к папе послали следующую просьбу: «Как прежде наши отцы приняли крещение от святого Петра, так и теперь нам архиепископа и учителя Мефодия».

Папа тотчас же отправил святого Мефодия в Моравию, где его приняли князь Святополк, теперь разошедшийся с немцами, и моравляне и поручили ему все церкви и духовенство во всех славянских городах. На место изгнанных немецких священников святой Мефодий ставил священников-славян. Ввиду того, что святой Мефодий и священники совершали богослужение и учили народ на славянском языке, стало сильно расти учение Божие. Многие из язычников отреклись от своих заблуждений и уверовали в истинного Бога[3142]. В это время и моравское государство было так сильно, как никогда не бывало[3143].

Святой Мефодий обладал даром пророчества. Многие его прорицания сбывались; из них укажем некоторые.

Один языческий князь, живший по реке Висле, ругался над христианами и причинял им невзгоды. Святой Мефодий послал к нему сказать: «Лучше тебе, сын, креститься по своей воле и в своей земле, чем на чужой земле поневоле креститься пленником».

Это и произошло.

Однажды Святополк воевал с язычниками и война затянулась. Приближался день памяти святого апостола Петра, и святой Мефодий послал сказать Святополку: «Если обещаешься на Петров день со своими войсками быть у меня, я верую, что Бог вскоре предаст тебе язычников».

Так и случилось.

Один богатый человек женился на своей снохе. Святой Мефодий много учил и наставлял его, однако, не мог убедить их

развестись. Другие же, из-за богатства, льстили им. Тогда Мефодий сказал этому богачу: «Придет время, когда льстецы не будут в состоянии оказать вам помощи и вы вспомните мои слова, но уже будет поздно».

Внезапно, по Божию усмотрению, на этих богачей напала такая болезнь, что они не могли найти для себя покойного места. В таком состоянии они и скончались.

Старый враг и завистник рода человеческого снова воздвиг на Мефодия, как некогда Дафана и Авирона на Моисея (Числ.16), явных и тайных врагов. В это время появились еретики, которые учили, что Дух Святой исходит и от Сына. Эти еретики совращали правоверных с истинного пути, а о святом Мефодии, обличавшем их нечестивое учение, говорили: «Нам папа дал власть и велел изгнать вон Мефодия и его учение».

Собрались все моравляне и велели пред всем народом прочесть то послание, которым будто бы Мефодий изгонялся вон. Народ много печалился, лишаясь такого пастыря и учителя, исключая тех, которыми управляет лесть, как ветер – листьями. В этом же послании папы было написано: «Брат наш, Мефодий, правоверен и совершает апостольское служение. Ему от апостольского престола подчинены все славянские страны, и кого он проклянет, тот проклят, а кого освятит, тот будет свят[3144]".

После этого все враги Мефодия разошлись со стыдом. Злоба же врагов святого Мефодия этим не окончилась. Желая досадить святому, они говорили, что греческий царь на него гневается, и если бы Мефодий был под его властью, то ему не быть бы живым. Бог же милостивый, не желая, чтобы этим хулили его раба, вложил в сердце царя, – ибо сердце царя всегда в руках Божиих, – послать такое послание к святому Мефодию: «Отче честный, весьма желаю тебя видеть. Сделай доброе дело и потрудись прийти к нам, чтобы видеть тебя, пока ты жив и принять от тебя благословение[3145]".

Святой Мефодий отправился в Константинополь и был принят здесь царем и патриархом с великою честью и радостью. Царь похвалил его учение и, удержав двух учеников святого Мефодия, иерея и диакона, у себя со славянскими книгами,

самого Мефодия отправил обратно в Моравию с большими дарами.

Много пришлось перенести неприятностей святому Мефодию: в пустынях – от разбойников, в морях – от сильных волн, в реках – от внезапных омутов, так что на нем исполнилось апостольское слово: «беды в реках, беды от разбойников… беды в море, беды от язычников; в труде и в изнурении, часто в посте, в голоде и жажде» (2Кор. 11:26–27). Затем, оставив все заботы и всю печаль возложив на Бога, святой Мефодий стал вместе с двумя своими учениками-священниками переводить те книги, которые не успел перевести вместе со своим братом, блаженным Константином. Вместе с ними он успел перевести весь Ветхий Завет, кроме книг Маккавейских, а также перевел Номоканон (правила святых отцов) и отеческие книги (Патерик). Начал святой Мефодий свой перевод в марте месяце, а окончил в октябре, 26 числа. Окончив перевод, святой Мефодий воздал достойную хвалу и славу Богу и святому Димитрию Солунскому, в день памяти которого он закончил перевод и к которому, как уроженец Солуни, особенно благоговел.

Около этого времени венгерский король, бывший в Дунайских странах, пожелал видеть святого Мефодия. Многие убеждали Мефодия, из опасения мучений, не ходить к этому королю, но святой Мефодий пошел. Венгерский князь, как и подобает королю, встретил Мефодия с честью, беседовал с ним и отпустил его с большими дарами. Прощаясь, король сказал святому: «Вспоминай меня, честный отче, всегда во святых твоих молитвах».

Так заботился святой Мефодий о своем стаде, отыскивая верных последователей Христу во всех странах и заграждая многоречивые уста. Он вместе с апостолом мог сказать: «Течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды» (2Тим. 4:7, 8).

Когда же приблизилось время принять святому Мефодию покой от страданий и награду за многие труды, стали спрашивать его:

– Кого, честный отец и учитель, ты укажешь из своих учеников твоим преемником?

Показывая на одного из своих учеников, Горазда, святитель сказал:

– Вот муж вашей земли, правоверный и хорошо знающий латинские книги. Если на то будет воля Божия и ваша любовь, я желаю, чтобы он был моим преемником.

В цветную неделю святой Мефодий пришел в церковь и не мог служить от слабости, а только помолился за царя греческого, князей славянских, клириков и весь народ и сказал:

– Посмотрите за мной, дети, до третьего дня.

И действительно на рассвете третьего дня святой Мефодий со словами: «В руце Твои, Господи, предаю дух мой», почил о Господе на иерейских руках. Это было 6 апреля 885 г.

Отпевание совершали по латыни, гречески и славянски, и положили его в соборной церкви в Велеграде. За погребением собралось бесчисленное множество народа. Тут были и мужчины и женщины, и большие и малые, и богатые и бедные, свободные и рабы, вдовы и сироты, странники и туземцы, больные и здоровые. Все провожали со слезами такого доброго учителя и пастыря, бывшего для всех всем, «да вся приобрящет».

Ты святая и честная главо! Свыше в своих молитвах вспоминай и нас, тебя призывающих, и избавляй от всех напастей своих учеников, распространяющих Христово учение и обличающих ереси, чтобы, выполнив с достоинством свое звание в этой жизни, стать с тобою твоему стаду одесную сторону Христа Бога нашего, получив от него жизнь вечную. Ибо Тому подобает слава и честь во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Яко апостолом единонравнии и словенских стран учителие, Кирилле и Мефодие Богомудрии, Владыку всех молите, вся языки словенския утвердити в православии и единомыслии, умирити мир и спасти души наша.

Кондак, глас 3:

Священную двоицу просветителей наших почтим, Божественных Писаний преложением источник богопознания

нам источивших, из негоже даже до днесь неоскудно почерпающе, ублажаем вас, Кирилле и Мефодие, престолу Вышняго предстоящих и тепле молящихся о душах наших.

Житие святого отца нашего Германа архиепископа Константинопольского

Память 12 мая

Святой Герман родился в городе Константинополе. Отец его Иустин, почтенный саном патриция, был одним из первейших сенаторов, превосходивший прочих славою и честью; его по зависти лишил жизни Константин Погонат[3146], когда вступил на греческий престол. По убийстве этого знатного сенатора, Константин повелел оскопить сына его, тогда еще отрока, блаженного Германа, и отдать в клир церковный. Это он сделал для того, чтобы Герман, возмужав и достигнув в миру известного чина и сенаторского звания, не мог чем-либо отомстить дому Погоната за убийство своего отца. Зачисленный таким образом в духовное звание, блаженной Герман жил как Ангел Божий: далекий от пристрастия к миру и мирской суеты, он весь ум свой обращал к Богу, имея всегда на устах хвалу Господу, прилежно занимаясь и днем и ночью изучением Божественных книг. Отсюда он познал глубину премудрости и почерпнул жизненную воду богодухновенных учений, которыми и напоял Церковь Христову в сане пастыря и учителя. Когда святой Герман достиг совершенных лет, то как муж своею добродетельною жизнью сияющий подобно светильнику, был сначала рукоположен в епископа Кизического города[3147]. Здесь он боролся с монофелитской ересью[3148] вместе со святейшим патриархом Киром[3149], с которым и подвергся изгнанию от неверного царя Филиппа[3150]. По смерти же гонителя, вскоре бесславно погибшего и по кончине патриарха Кира, умершего в изгнании, по низложении псевдопатриарха, еретика Иоанна, в царствование Артемия, нареченного Анастасием Вторым, к радости народа был возведен на Цареградский престол святой Герман. Он был муж достойный, к тому же исполненный Божией благодати, которая открывалась в том, что он провидел будущее и пророчески предсказывал о нем. Так, когда он торжественно входил в храм святой Софии в первый раз своего служения, к нему, окруженному народом, желавшим видеть

новоизбранного патриарха, приблизилась одна беременная женщина именем Анна и сказала:

– Благослови, отче, зачатое в моем чреве.

Патриарх взглянул на нее и, внутренними очами провидя будущее, сказал:

– Да благословит тебя Господь молитвами святого первомученика.

Этими словами он предсказал, что родится дитя мужеского пола, соименный святому первомученику Стефану. При этом свое пророчество он подтвердил чудом. Когда Герман говорил, из уст его вместе со словами исходил огненной пламень, которой видела женщина, о чем впоследствии уверяла всех с клятвою, что побудило ее твердо уверовать в пророчество святого. И действительно, Анна родила дитя мужеского пола, которое и назвала Стефаном по пророчеству святейшего патриарха Германа. Этот Стефан, возмужав, облекся в иноческий образ и благочестно подвизался на Авксентиевой горе, а впоследствии явился исповедником за имя Христово, мученически пострадав за святые иконы от злочестивого царя Константина Копронима[3151]. Об этом Копрониме, сыне греческого императора Льва Исаврянина[3152], было также пророчество святого Германа, что он будет лютым гонителем и мучителем правоверных. Во время своего крещения, которое совершал святейший патриарх Герман, Константин осквернил святую купель естественным гноем. Тогда святой Герман сказал о крещаемом:

– Это дитя, когда возмужает, принесет большое зло христианам и всей Церкви: церковную святыню осквернит еретичеством и прольет много крови благоверных рабов Христовых.

Константин впоследствии был прозван Копронимом, что значит «навозный»[3153]. Пророчество святого Германа сбылось в точности: Копроним многих замучил за поклонение честным иконам, между которыми был и вышеупомянутый Стефан.

Иконоборческая ересь началась в царствование Льва Исаврянина, отца Копронима. Лев Исаврянин, погрязший в этой ереси, старался ее как можно более укрепить и распространить

в своем народе. Он разослал во все провинции своего государства злочестивое повеление, чтобы повсюду выбрасывали из храмов святые иконы, попирали их ногами и сожигали, ибо он почитал святые иконы за идолов, а поклоняющихся им – за идолопоклонников.

Святой патриарх Герман мужественно противился царю – еретику. Он неоднократно посылал к царю из клира благоразумных и честных мужей, а также и сам приходил и уговаривал его, чтобы он оставил свой злой умысел; но увещание святого Германа не имели никакого успеха.

Однажды патриарх сказал царю:

– Я слышал пророчество одного святого мужа, что некогда настанет гонение на святые иконы от зловерных, но да не будет оно во время твоего царствования.

– В какое же время и в чье царствование оно наступит, – спросил внимательно император.

– Царь, по имени Конон, – сказал святой Герман, – воздвигнет гонение на святые иконы.

– Мое имя и есть Конон, – отвечал Лев Исаврянин. – Оно дано мне при крещении, Львом – же я прозван уже впоследствии.

Поэтому пророчество вполне должно исполниться во дни моего царствования».

– Нет, государь, – возразил царю святой Герман, – да не будет этого, да не совершится таковое зло в твое царствование, ибо желающий произвести эту злобу есть антихрист, враг Божественного воплощения. Вспомни при этом, царь, и то, что ты пред вступлением на царский престол дал клятву соблюдать непорочно святую веру, ничего не уничтожая из преданий святых Апостолов и богодухновенных отцов и не привнося ничего нового, противного христианской вере.

Царь, слыша таковые слова святейшего патриарха, то чувствовал стыд, то приходил в ярость, стараясь найти такое обвинение против патриарха, чтобы удалить его с престола не как исповедника истины, а как крамольника. Сообщника своему злому намерению он нашел в лице одного пресвитера Анастасия, ученика Германа. Этому Анастасию, по нраву

подобному Иуде, царь обещал патриарший престол по изгнании Германа, а он в свою очередь за это обещал помогать царю в утверждении ереси и уничтожении святых икон. Поэтому Анастасий сделался ярым врагом святого Германа, пытаясь, даже прежде изгнания святого Германа, захватить патриарший престол. Святой Герман, провидя духом его злое намерение и его будущую участь, предсказал Анастасию о его судьбе при следующих обстоятельствах.

Однажды патриарх Герман входил в царскую палату. Анастасий, с гордостью следовавший за ним, наступил сзади на край его одежды. «Не спеши, – сказал тогда Герман Анастасию, – придет время, когда тебя, окруженного толпою народа, с криками поведут в диппин»[3154].

Однако в то время ни Анастасий, ни другие слышавшие, не обратили внимание на эти слова святого Германа и вспомнили уже впоследствии, когда сказанное сбылось, о чем будет речь ниже.

Святой Герман, как добрый воин Христов, безбоязненно и мужественно боролся с еретиками мечом слова Божия. Он послал одного из лучших церковно-служителей к царю с такими словами:

– Не подобает тебе, царь, бесчинно возвышаться пред Богом, Создателем твоим, давшим тебе жизнь и царствование, и не имеешь ты права, как говорится, подвигать неподвижное; не прилично тебе преступать пределы, установленные в древнее время святыми отцами. Ведь человеческим образом, воспринятым Богом Словом от Пречистой и Пресвятой Девы, было истреблено служение бесам и уничтожено идолопоклонство. Изображение красками на доске подобие человеческого образа Христова и неизреченно Родившей Его, а также изображение святых угодников Божиих предано нам почитать уже 725 лет тому назад, когда Господь наш во образе человека явился на землю. По вознесении Господа жена, исцелившаяся от кровотечения через прикосновение к краю одежды (Мк.5:25–34) Его в благодарность за сие сделала изображение Спасителя. Но и прежде этого Сам Господь изобразил Божественный Лик Свой на убрусе (платке) и отослал

его в Едес к Авгарю. Святой евангелист Лука написал образ Пречистой Девы Богородицы. Поэтому Божественные соборы, бывшие в различные времена и в различных местах, повелели не истреблять, но почитать святые иконы. Итак, знай царь, если ты поможешь утвердить этот иконоборческий догмат, я первый пойду против него. Я готов пролить кровь за образ Христа моего, Который пролил Свою кровь, чтобы обновить падший образ моей души. Ясно, что бесчестие, наносимое образу Христову, относится и к Первообразу, т. е. к Самому Христу, равно как и честь возносимая пред образом. Поэтому нам, верным рабам Христовым подобает и умереть за почитание Господа нашего.

В другое время сам святой Герман так говорил царю:

– Если я Иона, бросьте меня в море, ибо я без Вселенского собора не имею права ничего нового узаконять касательно вероучения.

Когда же святой патриарх увидел, что он ничего не может сделать, чтобы отвратить царя от ереси, тогда положил свой омофор в Божественном алтаре, на святом престоле, и оставил свой сан. Царь, сильно разгневавшись на святого Германа за его дерзновенные слова, послал, точно на брань, вооруженных воинов, которые подвергли святого побоям, и с бесчестием изгнали его из патриаршего дома. Святой Герман удалился тогда в монастырь, где провел между иноками остальные дни своей жизни в безмолвии, и с миром почил о Господе. Он был патриархом 14 лет и 6 месяцев[3155].

По изгнании святейшего патриарха Германа, на его место царь возвел упомянутого выше епископа Анастасия[3156], которой заодно с царем выбрасывал из церквей святые иконы и утверждал иконоборческую ересь. Пророчество святого Германа относительно его исполнилось следующим образом.

Когда умер злочестивый Лев Исаврянин, на царство его вступил сын его Константин Копроним, которого свергнул с престола Артавасд, зять Льва. В этом помогал Артавасду патриарх Анастасий, он же и венчал Артавасда и сына его Никифора на царство. По прошествии 3 лет Копроним собрал большое войско и взял Константинополь. Зятя своего

Артавасда и его сыновей, своих племянников, Константин ослепил, а приверженцев Артавасда многих вельмож погубил. Патриарха же Анастасия, Константин велел обнажить и бить пред всем народом на месте, называемом «диппин», а затем, посадив на осла лицом назад, водить с надруганием по городу. Так исполнилось пророчество святого Германа, предсказавшего Анастасию, что его при большом стечении народа поведут на диппин. Нечестивый царь Копроним хотел даже низложить Анастасия с патриаршего престола, но, не найдя другого, более ревностного в поругании святых икон кроме Анастасия, оставил последнего на патриаршем престоле, где он пребывал, как мерзость запустения на святом месте (Мф.24:15), 24 года. В конце жизни его постигла болезнь, именуемая «кордаспос», так что богомерзкие уста, хулившие святые иконы и своего учителя, были для него скверным проходом, через которой исходил естественный гной. От этой болезни Анастасий скончался.

Итак, Анастасий скончался ужасною смертью, а святой Герман вместе с святыми иерархами наследовал блаженную жизнь в Царствии Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святого отца нашего Савина, епископа кипрского

Память 12 мая

Сей преподобный происходил из страны Финикийской[3157] и родился в городе Ликии, где был крещен и принял монашество святой Епифаний. Когда Бог прославил Епифания, то жители Ликии послали за ним пользовавшегося у них известностью мужа, чтобы поставить его епископом своего города. В то время вместе с этим мужем пришел к Епифанию и Савин и, отрекшись от мира, остался с Епифанием и принял иночество. После этого он ушел с Епифанием в пустыню и пробыл там вместе с ним пять лет. Он написал житие преподобного, где описал его всенощные молитвенные бдения, усердные земные поклоны и чудеса, которые совершил через него Господь. Когда святой Епифаний был епископом на острове Кипре[3158], то пожелал рукоположить Савина в сан пресвитера, но он не соглашался на это. Тогда преподобный ввел его в церковь и сказал ему:

– Стань здесь и стой неподвижно.

Он стал, причем ноги его были как бы пригвождёными к земле, и святой Епифаний рукоположил его во пресвитера. После смерти Епифания Савин стал преемником его, заняв епископскую кафедру в том же городе Констанции[3159], где был епископом и Епифаний. Совершив множество достойных памяти чудес, защитив церковь свою от еретиков и благочестиво проведши жизнь, святой Савин отошел ко Господу[3160].

Память святого отца нашего Полувия, епископа Ринокирского

Память 12 мая

Преподобный отец наш Полувий был учеником святого Епифания. Он сопровождал своего учителя тогда, когда он плыл на корабле, возвращаясь из города Константинополя. В то время святой Епифаний сказал ему:

– Чадо Полувий! Вот я отхожу уже из этой жизни; исполни же мою заповедь, иди в Египет, ибо и после смерти моей я буду заботиться о тебе.

И когда святой Епифаний скончался, то Полувий, не дождавшись его погребения, так как тело его не было погребено десять дней, отправился по его завещанию в Египет, и там встретил его начальник города Ринокира[3161] и спросил его:

– Откуда ты идешь?

– Из Кипра, отвечал Полувий, ибо я был учеником Епифания, архиепископа кипрского, который отошел уже ко Господу.

Градоправитель Ринокира сильно был опечален смертью преподобного и, пригласив святого Полувия к себе, поставил его епископом в своем городе. За свою добродетельную и непорочную жизнь святой Полувий удостоился дара чудотворений. Так, молитвою он низвел дождь с неба и умножил тем плоды на нивах. Достигнув глубокой старости, он отошел ко Господу[3162].

Житие святого отца нашего Епифания, архиепископа Кипрского

Память 12 мая

Родиной святого Епифания, еврея по происхождению, была Финикия[3163]: на берегу реки Елевферы, текущей с Ливанских гор в Финикийское море[3164], в трех поприщах[3165] от города Никеи, находилось селение Висандук; здесь и жили, занимаясь земледелием, родители святого Епифания; кроме сына у них была еще, меньшая его по возрасту, дочь Каллитропия. Когда мальчику было десять лет, отец его умер, оставив жене тяжелую заботу о воспитании детей: у осиротевшей семьи только что хватало на прокормление, а дети, между тем были еще малы. Мать вынуждена была кормить их трудами своих рук. Так прошло несколько лет. Случилось, что у вдовицы оказался осёл очень упрямый и буйный. И вот однажды мать сказала Епифанию:

– Сын мой, возьми осла, отведи его в город на рынок, продай там и купи нам пищи.

– Ты знаешь, – отвечал Епифаний матери, – что осел буйный, и когда на торгу покупатели заметят это, то станут меня бить.

– Иди, сын мой, Бог же отцов наших да укротит осла», сказала ему мать. Тогда отрок, повинуясь приказанию матери, повел осла для продажи в город. Здесь первым его покупателем явился тоже еврей. Узнав в продавце своего единоплеменника, он сказал ему:

– Сын мой, мы с тобой веруем в одного любящего правду Бога, и нам не следует обижать друг друга, чтобы не прогневать Бога нашего и потом не сетовать друг на друга. Итак, оценим осла справедливо.

Епифаний на это отвечал:

– Не желал бы продать тебе этого осла, так как он еще необучен, а кроме того упрям и буен; только из-за голода и не имея на что купить пищи, моя мать решила его продать. Но вот

я слышу от тебя, что грешно причинять зло ближнему ради приобретения, и боюсь, как бы не покарал меня Бог.

Изумленный рассудительностью и добронравием отрока, еврей дал ему три пенязя[3166] со словами:

– Сын мой, возьми это, купи матери хлеба и возвратись с ослом в свой дом, и если осёл укротится, то держите его при себе; в противном же случае выгоньте его, чтобы он не убил кого-нибудь.

Епифаний направился домой и на пути около своего селения встретил христианина Клеовия, пожелавшего купить осла. Но честный отрок отказывался его продать. Во время их беседы осёл заупрямился и начал с фырчаньем брыкаться, а, затем, сбросивши с себя Епифания, побежал с дороги. Упавший отрок так разбился, что не мог встать и лежал, горько плача: у него сильно болело ушибленное бедро. Клеовий, подошедши к нему, ощупал бедро и перекрестил его трижды. Тотчас же Епифаний выздоровел и встал. Затем, Клеовий обратился к ослу и сказал:

– Именем Господа нашего, распятого Иисуса Христа, повелеваю тебе остановиться, и за то, что ты хотел убить своего господина, сам не сойдешь с этого места.

Тотчас осел упал и издох. Удивленной происшедшим, отрок спросил Клеовия:

– Кто такой, отче, распятый Иисус Христос, что Его именем совершаются такие чудеса?

– Сын Божий, Которого распяли Иудеи, – отвечал Клеовий. Епифаний побоялся открыть ему свое еврейское происхождение и отправился домой с думою о Христе распятом и с желанием веровать в Него. Пришедши к своей матери, он рассказал ей о всем случившемся. Между тем последняя, не имея чем питаться с детьми, продала свою ниву, а Епифанию велела идти в город учиться какому-либо ремеслу, чтобы впоследствии он мог кормить и себя и ее с сестрою. При самом отправлении Епифания в город, пришел из города в Висандуку богатый еврейский законоучитель Трифон, хорошо знавший его родителей и владевший некоторыми имениями в их селе.

Узнавши, что Епифаниева матерь овдовела, и, видя ее в нищете, он сказал ей:

– Дай мне твоего сына, – я усыновлю его; и если ты согласна, то пусть отселе он почитается моим сыном, а ты и дочь твоя питайтесь от моего дома.

Вдова с величайшей радостью отдала своего сына на воспитание неожиданному благодетелю. И жил Епифаний как сын в Трифоновом доме, будучи обучаем еврейским книгам. Быстрая восприимчивость и редкостная сообразительность добронравного воспитанника сделали его любимцем воспитателя. Трифон хотел даже выдать за него замуж свою единственную дочь. Но по Божией воле она умерла. Вскоре умерли и ее родители, а также и мать Епифания. Оставшись единственным наследником всего Трифонова имения, Епифаний взял к себе на воспитание сестру Каллитропию, внушая ей добрые заветы своего названного отца и учителя.

Однажды Епифаний отправился в родное село посмотреть оставшееся ему после Трифона имение. По Божиему промышлению ему встретился на пути монах Лукиан, писавший книги и продававший их для пропитания себя и нищих. Как раз во время встречи Епифания с иноком за ноги Лукиана ухватился нищий со словами:

– Смилуйся надо мной, человек Божий: вот уже три дня я не ел хлеба, и теперь не знаю чем подкрепиться.

Блаженной Лукиан, не имея в руках ничего, снял с себя одежду и отдал ее нищему, говоря:

– Пойди в город, продай эту одежду и купи себе хлеба». Видевший это Епифаний удивлялся такому милосердию встречного монаха и, придя как бы в восторженное состояние, заметил сияющую белую одежду, сходящую на инока и покрывающую его. В ужасе он быстро слез с коня и, упавши на колена пред иноком, сказал, кланяясь ему:

– Молю тебя, скажи мне, кто ты?

– Ты сперва поведай мне, какой ты веры, и потом я расскажу тебе о себе, – отвечал Лукиан. Епифаний сказал:

– Я – еврей.

Тогда его собеседник – прозорливой старец, заметивши на встречном Еврее действие спасительной благодати Божией, обратился к нему с следующими словами:

– Как ты, будучи евреем, спрашиваешь меня – христианина: кто я? Ибо очень мало общего между евреями и христианами. Вот ты узнал, что я – христианин, и тебе не следует более продолжать речь со мною.

– А что, отче, препятствует мне быть христианином? – спросил Епифаний и получил от Христова последователя такой ответ:

– То одно препятствует, что не хочешь, так как всякое доброе дело предваряет изволение. Если бы ты действительно желал, то был бы христианином.

Умилили эти слова Епифания: оставив первоначальное намерение посетить свою землю в родном селе, он вернулся в городской дом, предварительно умоливши пойти с ним и своего собеседника. Приведя его к себе, он показал ему всё свое достояние.

– Вот мое имущество, отче, – говорил хозяин гостю, – хочу быть христианином и принять иночество, но имею юную сестру, что ты о ней мне скажешь?

– Чадо, – отвечал христианин, – ты можешь быть действительно христианином, имея и земное богатство и сестру. И то и другое не противоречат святой христианской вере. Иночество же ты не можешь принять. Прежде всего прими вместе с сестрой святое крещение. Потом выдай замуж ее с достаточным приданым за христианина. Затем, раздай оставшееся у тебя нищим. И тогда можешь быть истинным иноком.

– Всё это, отче, – говорил Епифаний – по заповеди твоей исполню на самом деле; только не медли с причислением нас к обществу христиан.

– Об этом следует, – сказал Лукиан, – известить епископа: без него нельзя совершить таинство крещения. Итак, я пойду к нему. Ты же пребудь в неизменном намерении и усердии ко Христу Богу нашему. А возвращусь к тебе я скоро.

Лукиан пошел к местному епископу. Епифаний же, пришедши в комнату к сестре, сказал ей:

– Хочу быть христианином и облечься в иноческий чин.

– Чего ты хочешь, – ответила брату сестра, – того и я, и что ты сделаешь, то и я сделаю.

Услыхав о желании Епифания креститься, епископ сильно обрадовался и сказал доброму вестнику:

– Иди, научи юношу и сестру его святой вере и наставь в законе Христовом. Когда же придет воскресной день и мы войдем в церковь, тогда приведи их к милосердному человеколюбцу Богу, чтобы нам присоединить их к Нему святым крещением.

При возвращении Лукиана к Епифанию, последний и сестра его поклонились до земли старцу, прося его со слезами:

– Молим тебя, отче, сделай нас скорее христианами.

Лукиан, подняв их, начал учить христианскому благочестию: обучение, сопровождаемое молитвою, продолжалось до воскресного дня почти непрерывно и днем и ночью. В воскресенье же Лукиан привел Епифания и Каллитропию к епископу. Павши пред епископом ниц, как пред Самим Христом, они просили у него святого просвещения. Поднявши их и приветливо побеседовав с ними, он огласил их. Затем епископ пошел в церковь, имея позади себя Лукиана, за которым следовали ново-оглашенные. При вступлении Епифания на первую ступень церковного входа спал с его левой ноги сандалий[3167]. Когда же он босой ногой ступил на порог, то сандалий спал и с его правой ноги. Епифаний не воротился за сандалиями, но вошел босым в церковь: со столь великим усердием шел он к Богу. Взглянув в церкви на Епифания, епископ увидал на главе его венец, а лице его прославленным. И ввели епископ и Лукиан Епифания с сестрой в купель и крестили их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Восприемником Епифания был Лукиан, а восприемницей Каллитропии святая дева Вероника. На Божественной литургии новокрещенные причастились Христовых Тайн. Затем они по повелению епископа обедали с ним, и пребыли при епископии восемь дней. Потом Епифаний привел сестру, Лукиана и

Веронику в свой дом: здесь, взявши тысячу златиц, он вручил их и свою сестру Веронике, как начальнице Христовых дев инокинь, и отпустил обеих женщин. Наконец, раздавши после продажи всего имения деньги нуждающимся и оставивши себе только 400 златиц для покупки Божественных книг, новокрещенный вышел из города с Лукианом в устроенной старцем монастырь. В нем подвизались десять монахов, усердно занимавшихся писанием книг и этим содержавших себя.

Двадцатишестилетний Епифаний принял иночество и был отдан под руководство первому по Лукиане иноку Илариону, хотя юному летами, но совершенному в добродетелях и украшенному великими дарами чудотворения. Присматриваясь к своему наставнику, новоинок начал подражать его постническим трудам. Он не только учился, по поручению Лукиана, у Илариона читать и писать греческие книги, но обучался у него и подвижнически-богоугодной жизни в иночестве. При содействии Христовой благодати Епифаний преуспевал от силы в силу. Его руководитель по смерти преподобного Лукиана сделался игуменом и стал вести еще более строгую жизнь. Казалось, что это не человек, а один из Ангелов, всегда служащих Богу. На трапезе Илариона было немного хлеба с умеренным количеством соли и воды. Да и это вкушал он или через день, или через два, или через три, а иногда не ел и всю неделю. Епифаний, видя такое постничество, стремился подражать ему, и потом во всю свою жизнь держался постнического устава, принятого от великого постника Илариона. Господь наградил Своего угодника даром чудотворения. Начало его чудес было такое. Монастырь окружала безводная местность, и братия ходили за водой за 5 поприщ и то ночью, вследствие невыносимого солнечного жара днем. Случилось однажды в чрезмерно знойной день каким-то проходившим мимо странникам зайти в монастырь, чтобы утолить страшную жажду. Но иноки не могли этого сделать, так как в монастыре тогда не нашлось ни одной капли воды. Путники ожидали уже своей смерти. Епифаний, жалея их,

простёр руку к находившемуся у них сосуду с вином, и, коснувшись его, сказал братии:

– Веруйте, братия, что Претворивший некогда воду в вино, силен претворить ныне вино в воду (Иоан.2:1–11).

И тотчас по слову Епифания вино претворилось в воду. Обрадованные путники не только напились сами, но напоили и свой скот. После чего вода снова сделалась вином. Все невольно удивились чуду и с этого времени начали особенно уважать Епифания за святость его жизни. Он же, не вынося почитания братии, вышел тайно из монастыря и укрывался в пустыне Спанидрион, питаясь растущими здесь злаками.

Через некоторое время сорок сарацин[3168], ходивших по той пустыни, увидевши Епифания в монашеском одеянии, начали насмехаться над ним. Среди разбойников один был кривой, наиболее притом отличавшийся зверством и бесчеловечностью. Выхватив свой меч, он хотел ударить Епифания.

Но лишь только разбойник занес руку для удара, как его глаз прозрел. В удивлении он бросил меч на землю, указывая товарищам на свой исцелевший глаз. Очевидцы такого чуда насильно взяли с собой Епифания, говоря:

– Ты – наш бог, ходи с нами и защищай нас от случающихся с нами бед.

Три месяца ходил святой с ними. Удерживая их от всех злых дел и не допуская им производить на своих глазах что-либо бесчинное, он всё это время поучал их познанию истинного Бога, вселяя в них спасительной страх Божий.

– Если вы не оставите своих злых дел, – говорил он им, – то не будете благоденствовать на земле и погибнете от карающего правосудного гнева Господа.

Однако, кроткий монах не мог долго быть руководителем дерзких разбойников. Непрестанные наставления и обуздывания Ангела во плоти через три месяца стали совершенно невыносимыми для демонов в человеческом образе. И если при встрече с чудотворцем – иноком они упрашивали его ходить с ними, то теперь, напротив, умоляли святого удалиться от них на прежнее место. Отведя его туда, они устроили ему хижину. Потом простились с ним за

исключением одного, уверовавшего во Христа и сделавшегося достойным учеником преподобного. Полтора года христолюбивой учитель учил раскаявшегося разбойника Божественным книгам и наставлял в постнической жизни. Затем, наставник пошел с своим учеником в монастырь святого Илариона и просил его окрестить новооглашенного. Великий игумен совершил над ним это таинство, назвавши его Иоанном. Иоанн не отлучался от своего учителя и описал его жизнь до самой своей смерти, последовавшей прежде кончины преподобного.

На возвратном пути из монастыря в пустынную келью святому Епифанию и его новокрещенному ученику Иоанну встретился бесноватый юноша, скитавшийся нагим по пустыне. Сжалившись над ним, святой после молитвы к Господу Богу изгнал из него беса. Демон, покинув свою бывшую жертву, вопил:

– О Епифаний, ты меня выгоняешь из моего места, в котором я жил двадцать два года, а я повлеку тебя в Персию, где ты против своего желания предстанешь царю.

С этим бес исчез. Юноша же совершенно выздоровел и, припадая к ногам своего исцелителя, благодарил его. Научив исцеленного воздавать благодарение Богу, святой отпустил его домой. Между тем изгнанный бес, пришедши в Персию[3169], вошел в царскую дочь и начал сильно ее мучить. При этом он кричал:

– Если сюда не придет Епифаний, не покину этой отроковицы. Епифаний, родом финикиянин, приди сюда, и я выйду из царской дочери.

Царь, услыхав о финикийской стране, послал туда своих слуг разыскать Епифания. Они же, расспрашивая о нем во всех городах и селах Финикии, ничего не могли узнать и едва не были убиты туземцами, принявшими их за соглядатаев. После их возвращения ни с чем к царю диавол, бывший в отроковице, продолжал громко кричать:

– Епифаний живет в пустыне, называемой Спанидрион, приведите его сюда.

Тогда царь, призвав тридцать приближенных мужей, сказал им:

– Скинув с себя персидские одежды и надевши греческие, идите в Финикию и ищите пустынного места, называемого Спанидрион. Там найдете некоторого человека по имени Епифаний. Взявши его с собой, приведите ко мне.

Переменивши одежды посланные отправились и достигли названной пустыни. Долго искали они здесь Епифания. Наконец, по указанию одного человека, они пришли ночью к его келлии, когда святой по обычаю совершал с своим учеником ночные молитвы. Они сильно стучались к нему в дверь. Но Христов подвижник, не желая прерывать своего молитвенного правила, стоял на молитве, нисколько не испугавшись стука и как бы не замечая его. Придя в страшный гнев, Персы, наконец, решили взломать келейные двери. Один из них поднял оружие для удара им в двери. И вдруг поднятая рука его одеревенела и высохла. Остальные от испуга невольно отошли на некоторое расстояние от кельи и стали дожидаться наступления дня. С рассветом Епифаний, уже совершивший свои ночные и утренние молитвы, открыл двери и вышел. Увидав преподобного, пострадавший пал ниц пред ним и говорил:

– Помилуй меня, раб бессмертного Бога.

– Чего ты просишь от грешного человека? – спросил смиренной угодник Божий.

– Здоровым пришел на это место, – отвечал тот, – и вот высохла моя рука.

– Как пришел ты здоровым, – сказал преподобный, – так и будь здоровым.

С этими словами он прикоснулся к иссохшей руке, и тотчас она стала здоровой, как и другая. Увидевши такое чудо, товарищи исцеленного приблизились к святому и, поклонившись, открыли ему цель своего прихода: они молили его идти к царю, чтобы исцелить его дочь. Преподобный же, уразумев, что изгнанной им из юноши дух вошел в дочь царя Персидского, вооружился против беса молитвой и с надеждой на Бога отправился с учеником на верблюдах персидских мужей. Через тридцать пять дней путники достигли Персии и

остановились в городе Урионе. Трое же из персов пошли к царю возвестить о прибытии Епифания. Царь тотчас же приказал представить его себе. Преподобный пришел к нему, как к простому человеку, а не как к царю. Земной владыка приветствовал верного слугу Царя Небесного, поднявшись со своего престола. Святой беседовал с ним об истинном Боге Христе Спасителе нашем, о Его непобедимой силе, изгоняющей всякий демонский род. После беседы к чудотворцу приведена была бесноватая царская дочь. Помолившись о страждущей Богу, святой трижды сотворил над ней крестное знамение. Едва успел он его совершить, как бес вышел из отроковицы, сделавшейся после того совершенно здоровой. Обрадованный исцелением своей дочери, царь поклонился преподобному.

Один из персидских волхвов[3170], видевший чудо, воззвал к преподобному:

– О возлюбленный волхв, пришедший сюда для исправления нашего учения, пребывай здесь с нами, и учи нас, и все мы, персидские волхвы, будем тебя слушать.

В ответ на слова волхва святой грозно взглянул на него и с гневом сказал ему:

– О враг истины! Да заградятся лживые уста твои, называющие меня, раба Господа моего Иисуса Христа, волхвом.

И тотчас волхв онемел. Все невольно ужаснулись. Онемевший же припал к ногам раба Бога Вышнего и поклонами просил его разрешить язык. По достаточном наставлении милостивый праведник исцелил наказанного.

– Согрешил я против тебя, раб Божий, – взывал исцеленный, – прости меня.

Между тем благодарный царь велел принести чудному исцелителю в дар множество золота, серебра и драгоценных камней. Нестяжательной инок ничего не взял себе.

– Не требуем, – говорил он царю, – этих временных богатств, надеясь в будущей жизни на лучшие вечные, обещанные нам Господом нашим Христом. Ты же оставь свое при себе; ты любишь стяжание, и губишь из-за них свою душу,

так как, будучи златолюбцем, ты похищаешь чужое, а нуждающимся не даешь.

Отказался он и от приглашения царя обедать с ним.

– Мне достаточно одного хлеба из отрубей и немного соли для укрепления моего немощного тела, – сказал в ответ на царский зов великий постник. Когда же царь, несмотря на отказ святого, велел отвести его с Иоанном в особую комнату к столу, уставленному дорогими яствами, то строгий подвижник ничего не отведал, кроме хлеба.

Десять дней провел истинной последователь Христов во дворце, поучая царя святой христианской вере. Но семена христианской проповеди падали на окаменелое сердце и ослепленный зловерием ум. При последнем свидании с неверующим царем святой Епифаний произнес пред ним поучение о праведных судах, о милосердии, о волхвах, как бесовских слугах и о недозволительности воевать ему с христианскими царями:

– Если пойдешь на них войной, то Самому Христу распятому будешь врагом и погибнешь ужасным образом, – заключил свою проповедь праведник, провожаемой из царских палат самим государем. По выходе из них служитель Живого Бога увидал относимого на погребение мертвеца. Велевши несущим его остановиться, святой Епифаний, воззревши на небо сказал:

– Сын Божий, воздвигнувший Лазаря четвородневного из мертвых (Иоан.11:39–44), восставь и сего мертвеца во славу пресвятого Твоего имени.

Помолившись, святой Епифаний прикоснулся к мёртвому, и он тотчас ожил. Окружающие пришли в ужас и приняли чудотворца за какого-либо из богов. Смиренный же инок, назвав себя рабом Божиим, проповедовал им об истинном Боге, в Троице Святой славимом. Так как его слушатели были не из овец Христовых, то он поспешил в свою страну. Царь хотел было послать с ним охранное войско до пределов Персии. Но неустрашимый воин Христов отказался.

– Имею охраняющего меня Бога, – говорил он царю, – и Его воинов – святых Ангелов.

Тогда царь, простившись с пустынником, отпустил его со словами:

– Иди с миром, Епифаний, слава греков, вспоминай же и о нас, находящихся в Персии.

И пошел богохранимый святой к своей пустынной келлии, созданной для него Сарацинами. Придя в нее, он опять предался безмолвию.

Кругом селения на большое расстояние не было воды. Угодник Божий, усердно помолившись Господу Богу, произвел из сухой земли источник воды, как некогда Моисей от камня в пустыне (Числ.20:11). Затем отшельник при помощи своего ученика развел небольшой сад, посадил в нем съедобные злаки и поливал их из чудесного источника. Но приходившие в сад звери поедали их. Увидавши однажды в саду этих неприятных посетителей, преподобный обратился к ним, как бы к людям, с такою речью:

– Не делайте вреда убогому и грешному человеку, поселившемуся здесь оплакивать свои грехи: я и так немного имею этих злаков, данных мне от Бога для моего прокормления.

И звери, как бы понимающие, со стыдом ушли и более не причиняли ущерба святому. По всей Финикии разносилась слава о святом подвижнике Спанидрийской пустыни. Она снова привела к нему Сарацин, пожелавших принять от него благословение и создавших еще три келлии для собравшихся вокруг него многочисленных учеников. Вскоре образовался здесь целый монастырь, насчитывающий 50 человек братий. Между ними был сын римского епарха[3171] Аэтий Каллист. Он принял иночество от Епифания по следующему поводу. Будучи бесноватым в отрочестве, он однажды увидал во сне Епифания, говорящего ему:

– Хочешь ли, Каллист, чтобы я отогнал от тебя нечистого духа?

– Кто ты, господин мой, могущий отогнать от меня лютого мучителя? – спросил явившегося отрок. Тот отвечал ему:

– Я Епифаний, живущий в Палестинской Финикии, в пустынном монастыре, называемом Спанидрион. Если я отгоню

от тебя злого духа, то придешь ли ко мне и будешь ли жить со мною в моем монастыре?

– Господин, – сказал в ответ больной, – только выгони из меня мучителя, и я тотчас приду жить к тебе.

– Смотри, чадо, – предостерегал Каллиста Епифаний, – не преступи своего обещания.

Проснувшись, бесноватой почувствовал себя совершенно здоровым и рассказал родителям о своем чудесном исцелении. По истечении трех месяцев Каллист обратился к ним с такой просьбой.

– Пустите меня в Палестинскую Финикию отыскать господина Епифания, чтобы остаться у него, – боюсь как бы не возвратился ко мне мучитель-диавол.

Родители тотчас же отпустили своего сына к преподобному с рабами и со множеством золота и серебра. Пришедши к своему исцелителю, исцеленный принял от рук его иночество и отдал ему на монастырское строение принесенное с собой золото и серебро; своих же рабов отослал к родителям.

В то время по всей Палестине славился другой подвижник Христов – преподобный Иларион Великий, имевший свою обитель в пустыне близ Гасского Маиума. Святой Епифаний однажды посетил его со своим учеником Иоанном. Настоятель с братией любезно приняли гостей и удержали их у себя на несколько дней. В это время диавол, приняв образ Епифания, пошел в его монастырь, как бы возвращаясь от Илариона Великого. Преобразившегося беса увидал один неосторожной и нерадивый брат, вышедший без нужды из монастыря. Приняв его за действительного Епифания, он поклонился ему, и тотчас же бес, вошедши в него, стал его мучить. Братия, увидевши беснующегося, недоумевали, как случился этот недуг с здоровым доселе иноком, и скорбели о нем. Что было непонятно для находившихся с ним собратий, то провидел своим духом их отлучившийся прозорливой настоятель.

– Отче, – говорил тогда Епифаний Илариону, – волк влез в мое стадо и смутил моих овец: иду изгнать его.

Сказав это, он простился с великим старцем и братией. Возвратившись с поспешностью в монастырь, он одним своим

присутствием заставил диавола выйти из жертвы его обмана. Исцеленный поведал ему, как сделался он бесноватым. Святой же учил после его рассказа братию хранить себя от диавольских козней.

Недалеко от Епифаниева монастыря жил при пути, пролегавшем через пустыню, свирепый лев, погубивший многих прохожих, так что путники ходили не иначе как весьма большими толпами. Собравшись однажды, они пришли в монастырь к преподобному и сообщили о кровожадности зверя, многих умертвившего. Выслушав их, преподобный сказал им:

– Пойдемте, чада, во имя Господне и посмотрим на того льва.

И пошли все. При приближении к львиному логовищу, на всех напал страх, и все хотели бежать назад. Но святой сказал:

– Покажите мне его место.

Ему показали, стоя вдали. Тогда преподобный пошел к зверю, взывая:

– Где жилище львиное?

Тотчас лев, услышав человеческий голос, выскочил из своего логовища; но, увидавши лицо святого, пал мёртвым. Стоявшие же вдалеке, заметив вышедшего льва, со страху побежали и ожидали, что он растерзает Епифания. Угодник же Божий громким голосом кричал им:

– Не бойтесь, чада: придите и посмотрите на труп зверя». Они после долгих колебаний отважились прийти к святому и, увидавши лежащего у его ног мертвого льва, весьма удивились, прославляя Бога.

Вместе с даром чудотворения и многими иными Господь наградил Своего верного раба великим даром знания и истолкования Божественного Писания. Читая его братиям, он ясно и для всех понятно разъяснял его. Об его начитанности и высоком уме услыхал один греческий философ. Пришедши из Едессы[3172] в монастырь к святому, философ препирался с ним на основании книг эллинских мудрецов: он восхвалял греческое многобожие, а Епифаний доказывал учением Священного Писания истинность христианской веры во Единого Бога, в Троице Святой славимого. Целый год пробыл греческий ученый

в монастыре христианского мудреца, споря с ним и присматриваясь к равноангельской жизни святого и его учеников. Видя к тому же и совершаемые Епифанием чудеса, философ мало-помалу приходил к познанию Христовой истины. Наконец следующее чудо особенно поразило его и окончательно обратило в христианство. 60 человек привели в монастырь бесноватого, связанного веригами[3173]. Преподобный сказал философу:

– Послушай, философ, препирающийся с грешным Епифанием: или ты изгони из этого человека лютого беса призвав своих богов, чтобы я уверовал в них; или я призову моего Бога, распятого Иисуса Христа и изгоню беса, и тогда ты обратись к нашей христианской вере.

Философ молчал, не находя ответа. Тогда святой, призвавши имя Божие, запретил бесу и изгнал его из создания Божия. После этого чуда философ пал к ногам чудотворца, прося крещения и исповедуя Единого истинного Бога, Христа распятого. Преподобный послал новообращенного к Илариону, которой и окрестил его с именем Епифания. Новокрещенный принял затем монашество, был пресвитером и настоятелем иноков.

Ежедневно к преподобному из разных мест приходили во множестве братия и миряне. Чтобы избежать этих многочисленных и нежелательных нарушителей своего святого уединения, Епифаний решил удалиться в Египетскую страну. Отлично зная, что братия не отпустят его от себя, он, призвав их, сказал им:

– Хочу пойти навестить великого старца Илариона.

Братия же, понявши намерение своего наставника, с воплем пали ниц пред ним и молили его не покидать их. Старец обещался не уходить от них и остался в келье. Но через 10 дней вместе со своим учеником Иоанном тайно вышел из монастыря и отправился в Иерусалим[3174]. Поклонившись здесь Животворящему древу Креста Господня, он молился и у других Иерусалимских святынь. Затем, он пошел в Иоппию[3175], где была морская пристань, и сел на корабль, отплывающий в Александрию[3176]. При входе в этот город его встретил

еврейский законоучитель Аквила, пожелавший препираться с ним о вере на основании Священного Писания. Спор продолжался два дня. Наконец, еврей, побежденный христианином, пожелал креститься. Преподобный привел его к архиепископу Афанасию. Святитель с радостью принял обоих: еврея как обратившегося ко Христу, а Епифания как наставившего на путь правый. Немного времени спустя Епифаний из Александрии пошел со своим учеником в Фиваиду[3177]. Их встретил здесь бывший ученик Антония Великого[3178] Пафнутий.

– Благослови нас, отче, – сказал ему преподобный.

На это тот отвечал:

– Благословенны вы Господом.

По молитве они сели и беседовали: Епифаний расспрашивал его о жизни Антония, а он рассказывал ему про нее.

– Хочу, отче, – говорил он ему после этого рассказа, – жить в Нитрийской пустыни[3179].

– Иди, – ответил собеседник Епифания, – и насладись беседами со святыми отцами, живущими в Нитрии, и собери у них духовную пищу, которою ты будешь питать словесных овец на Кипрском острове[3180].

Слова Пафнутия были пророчеством о будущем епископстве Епифания на острове Кипре. Сотворивши молитву, собеседники простились и отправились каждый в свой путь. При приближении к городу Леонитополю Епифаний услыхал, что вблизи города находится монастырь, где живет монах Иеракс, – человек благочестивый на вид, он в действительности был еретиком, так как не православно учил о нашем теле. По его мнению оно не воскреснет, а вместо него Бог даст в будущей жизни другое тело. Ибо написано: «прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:19).

Он говорил также, что дети будут несовершенны в тот век. Епифаний еще в Палестине слышал о нем и желал его видеть. Точно так же и Иеракс слышал о преподобном. Придя в этот монастырь, святой увидал множество народа, слушающего учение Иеракса: все считали его добродетельным, как великого

постника, не вкушавшего масла и не пившего вина. Увидав двух странствующих иноков, Иеракс спросил их:

– Откуда вы?

– Из Палестины, – отвечали странники. Спросивши затем их имена, он опечалился: ему был неприятен Епифаний, славившийся в Египте своей святостью и мудростью. Не обращая больше никакого внимания на Епифания, он продолжал учить народ. Когда еретик дошел в своей проповеди до воскресения мёртвых и стал учить, что не воскреснут человеческие тела, то Епифаний, не вынося его заблуждения, обратился к нему с таким словом прещения.

– Да заградятся уста твои, – чтоб ты научился не хулить нашей надежды.

И тотчас заблуждающийся онемел и сделался неподвижен. Свидетели такого чуда пришли в сильной ужас. А чудотворец начал учить о воскресении мёртвых, уверяя, что они восстанут в том же, но лишь видоизмененном, теле, в каком жили в этом мире. Через несколько часов своей проповеди святой сказал наказанному:

– Научись истинной вере и учи ей других.

И немой вдруг заговорил, исповедуя свое заблуждение и обещаясь покаяться. Преподобный достаточно поучил его правой вере, а затем пошел в Верхнюю Фиваиду. В ней было одно пустынное место, называемое Вувулие. Поселившись в нем, святой, пробыл здесь семь лет. Но и эта пустыня не спасла его от посетителей. Среди них был туземный философ по имени Евдемон, пришедший препираться со святым о вере; философа сопровождал его сын, у которого один глаз был кривой. После долгого спора преподобный посмотревши на сына философа сказал последнему:

– Почему ты не печешься о своем сыне, чтоб избавить его от его телесного недостатка.

– Если бы во всей поднебесной, – отвечал со смехом спрошенный, – один только Евдемонов сын был одноокий, то вправду следовало бы мне заботиться о нем. Но так как многочисленны на земле одноокие, то пусть и он остается таким.

– Но если бы в действительности во всей поднебесной один только твой сын был кривой, а все другие люди на земле видели обоими глазами, тогда что ты делал бы для его исцеления? – продолжал спрашивать Евдемона Епифаний.

– Ничего другого, – сказал в ответ философ, – кроме того, что говорил бы с самим собой: нет во всем мире более несчастного человека, чем мой сын.

– Не принимай в шутку сказанного мной, – сказал святой, – но дай мне для исцеления своего сына и увидишь славу Божию, – возразил святой. Взявши затем отрока, он трижды сотворил крестное знамение над глазом, и исцелил его. При виде такого чуда философ вместе со своим сыном уверовали во Христа. По достаточном научении правой вере Евдемон вместе со всем своим домом принял крещение от местного епископа.

Та же слава о святом Епифании, которая приводила к нему множество народа, породила в епископах Египта желание силою сделать преподобного святителем какого-либо местного города. Но святой духовно прозрел в намерение епископов и сказал своему ученику:

– Возвратимся, чадо, в наше отечество.

И пошли оба в Финикию. На пути они зашли в монастырь великого Илариона, но старца в нем не застали: многочисленные посетители этого монастыря побудили его удалиться в одно пустынное место, находившееся в пределах Кипрского города Пафа[3181]. Братия, рыдавшие по оставившем их отце, увидевши у себя святого Епифания, утешились в печали: сорок дней утешал он их. Затем, отправился в свой монастырь Спанидрион, где все радовались его возвращению. В тот год был голод в Финикии по причине засухи. Узнавши о возвращении великого чудотворца, множество народа пришло к нему в монастырь, усердно моля его испросить у Бога дождя, да даст земля плод свой.

– Что вы меня утруждаете, – сказал им преподобный, – я человек – грешный.

Но они долго и неустанно просили его. Наконец, святой, затворившись в своей келье, стал на желанную молитву. И вдруг небо, доселе совершенно ясное, покрылось грозовыми

тучами, из которых в течение трех дней лил сильный непрестанный дождь во всей Финикии. Тогда народ начал просить угодника Божия о прекращении дождя. По молитве святого он прекратился, и было в тот год великое изобилие плодов земных.

Чем более увеличивалась слава преподобного, привлекавшая к нему ежедневно несметные толпы посетителей, тем более помышлял он о том, чтобы опять уйти из Финикии. Его намерение перешло вскоре в решение. В Ликии[3182], месте крещения святого Епифания, умер епископ, и святители окрестных городов собрались для выбора нового епископа, при этом они вспомнили о святом Епифании. Среди присутствовавших на соборе находился молодой, но совершенный по жизни, целомудренный и добродетельный инок Полувий, знавший преподобного. Ему епископы приказали как можно скорей съездить на коне в монастырь Спанидрион и хорошенько тайком разузнать: в самом ли деле возвратился Епифаний из Египта и находится ли в своем монастыре.

– Никому не открывай поручение, даже самому Епифанию, – сказали отцы собора Полувию. Последний нашел святого в монастыре и приветствовал его.

– Зачем пришел сюда, сын мой? – спросил Полувия святой. Последний отвечал:

– Пришел посетить вашу святость.

– Ты, чадо, пришел, – возразил ему прозорливец, – соглядать мое ничтожество, здесь ли я. Не утаивай от меня приказанного тебе, ибо грех говорить ложь: скажи истину, потому что Бог посреди нас, – будь действительно служителем истины, а Епифаний грешный переходит от места на место, стеная и страшась множества своих грехов. Но слушай, Полувий: останься здесь, а коня отошли к епископам. Пусть ищут они кого знают, как достойного мужа, для епископства; я же останусь для них неведом.

Полувий послушал ясновидца: отославши коня и слугу, он сам остался при преподобном. При наступлении же ночи Епифаний вместе со своим постоянным учеником Иоанном и новопришедшим Полувием вышел тайно для всех из

монастыря. Сначала он посетил Иерусалим для поклонения Животворящему древу Креста Господня и прочим святыням в Иерусалиме и окрестностях. По тридневном пребывании в священном для христианина городе святой Епифаний сказал обоим своим ученикам:

– Я слышал, дети, что великий отец наш Иларион обитает ныне в Кипрской стране, недалеко от города Пафа; итак пойдем к нему и получим благословение от него.

Сказавши это, он пошел с ними в Кесарию Филиппову[3183], находящуюся в Палестине, чтоб сесть там на корабль, отплывающий на остров Кипр. Приставши к Кипрскому берегу, он пошел в Пафскую пустыню к великому подвижнику Илариону. При встрече после долгой разлуки оба отшельника исполнились великой радости. Видя скорбь Илариона по поводу своих немалочисленных посетителей и его намерение переселиться в другое место, Епифаний через два месяца решил уйти от своего радушного хозяина. Прощаясь Иларион спросил своего гостя:

– Куда ты хочешь идти, Епифаний?

– Пойду в Аскалон и в Газу[3184] и далее, пока найду где-нибудь в пустыни безмолвное место.

В ответ на это святой Епифаний услышал от прозорливца такой совет:

– Иди, чадо, в город Саламин[3185], находящийся на острове Кипре. И будет тебе в этом городе доброе пребывание.

Епифаний не хотел и слышать этих пророческих слов, содержащих в себе предсказание на то, что он будет архиепископом в названном городе. Тогда святой предсказатель повторил ему свое пожелание, сказав:

– Говорю тебе, чадо, что тебе следует идти в тот город и жить в нем. Не прекословь, поэтому, мне, чтобы не постигло тебя бедствие на море.

Простившись с Иларионом, Епифаний со своими учениками пошел на морскую пристань. Там стояли два корабля: один, отплывающий в Аскалон, другой – в Саламин. Преподобный отплыл на первом. Через несколько часов неожиданно поднялась на море великая буря. Сильные волны готовы были каждую минуту разбить и потопить корабль в морской пучине.

Все отчаивались в своей жизни. Трое суток продолжалось такое бедствие. Наконец, на четвертый день волны прибили корабль к городу Саламину. Выйдя из корабля, путешественники, изнемогши от продолжительного страха и сильного голода, полегли на землю, как мёртвые. Потребовалась трехдневная остановка как для отдыха усталых пловцов, так и для починки поврежденного корабля. И только на четвертый день корабль был готов к отплытию. Думал продолжать морской путь и преподобный. Но Бог судил иначе.

Как раз в это время в городе происходило избрание архиепископа. Собравшиеся по этому поводу епископы молились несколько дней Богу об указании им достойного для столь великого сана мужа. Между ними был прозорливый престарелый Киферский[3186] святитель Паппий, пятьдесят лет епископствовавший и претерпевший много мучений за имя Христово вместе с Саламинийским епископом Геласием. Этому исповеднику Христову, почитаемому всеми Кипрскими епископами за отца, открыто было Богом, что в Саламин прибыл святой Епифаний, которого и повелено было поставить епископом города. Тогда было осеннее время и наступила пора уборки винограда.

– Пойдемте, дети, в город, – сказал Епифаний своим ученикам, – и купим себе гроздий в путь.

Когда они подошли на торгу к продавцу винограда, и Епифаний, взявши две больших кисти, спросил его:

– Что хочешь за них? – то вдруг с удивлением заметил подходящих к нему четырех епископов. Находившийся среди них и поддерживаемый 2-мя диаконами престарелый Паппий познал Духом Святым преподобного при своем взгляде на него и сказал ему:

– Авва Епифаний, оставь грозды и иди с нами во святую церковь.

Приглашенной же, вспомнив слова Давида: «Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень» (Пс. 121:1), оставил виноград и пошел с епископами. При входе преподобного в церковь весь собор епископов приветствовал его словами:

– Бог тебя послал к нам, авва, да будешь архиепископом этого города и всего острова Кипра.

Святой же, называя себя грешным и недостойным, отказывался носить столь великий сан. Но епископы, не внимая его просьбам, начали возводить его последовательно по степеням священства. Хиротонисуемый же горько плакал, считая для себя неудобоносимым бремя святительства. Видя слезы скорбевшего ставленника, Паппий сказал ему:

– Подобает нам, чадо, молчать о бывшем нам о тебе откровении, но так как я вижу тебя скорбящим и плачущим, то мне нужно объявить тебе то, что нам благоволил открыть Бог. Вот эти собравшиеся святые отцы епископы возложили на мое недостоинство избрание архиепископа, говоря мне грешному: «Помолись ты прилежно Богу, ибо мы веруем, что Бог укажет тебе мужа, достойного архиепископства». Я же, затворившись в своей опочивальне, молил о том Владыку Спаса, и вдруг меня осиял свет как молния, и я услышал голос, говорящий ко мне грешному: – Паппий, Паппий, слушай! – я же устрашенный сказал: – что велишь, Господь мой? – и сказал мне тихо голос: – встань и иди на торг и увидишь там инока, покупающего виноградные грозды, подобного лицом и главой пророку Елисею и имеющего с собой двух учеников. Взявши его, посвятите во архиепископа; имя же тому иноку Епифаний. – И вот я встав, сделал повеленное мне. Ты же, чадо, не противься Божию изволению, «внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями» (Деян. 20:28).

После речи Паппия Епифаний земно поклонился ему и, повинуясь Господней воле, принял посвящение во епископа. После чего возрадовавшиеся епископы разошлись восвояси. Новопоставленный же архипастырь начал пасти вверенное ему словесное Христово стадо на духовной пажити не только своим учительным словом, но и примером своей добродетельной жизни.

В начале архипастырской деятельности святого Епифания один благородный римлянин по имени Евгномон из-за ста златиц долгу Саламинийскому гражданину Дракону был посажен в темницу. И не находилось избавителя для

заключенного: так как он был вдалеке от отечества своего Рима[3187], то никто не хотел поручиться за него. Услыхав об этом и сострадая должнику, святитель пошел к богатому и скупому язычнику Дракону просить его об освобождении от уз Евгномона. Святительская просьба привела в сильный гнев идолопоклонника.

– Пришелец в наш город! – злобно отвечал он, – если хочешь, чтобы я отпустил тебе должника, то поди принеси мне сто златиц.

Блаженной Епифаний дал ему из церковного золота сто златиц и таким образом избавил должника и от уз и от долга. По поводу розданного золота на святителя начал роптать гордый и злобный диакон Карин, возбудивший против святителя ропот и в других клириках.

– Видите ли сего пришельца, – говорил он им, – он хочет разграбить всё, находящееся в церкви, а мы будем виновны в расхищении церковного сокровища.

Карин, бывший богачом, искал через это повода согнать святого Епифания с архиепископского престола, чтоб сесть на него самому. Все клирики, предубежденные им против милостивого поступка архипастыря, говорили Епифанию:

– Недостаточна ли тебе, принятая тобой святительская честь? Но ты еще и имение церковное расточаешь как странник и пришлец, пришедший сюда нищим и нагим. Итак, или отдай церкви сто златиц, или уходи отсюда, откуда ты пришел.

Святой терпел молча. Освобожденный же от уз, отправившись в Рим, продал всё свое имущество и возвратился к святителю со множеством золота. Вручив всё полученное от продажи в руки Епифания, он самого себя отдал на службу Богу и Его архиерею и жил при Епифании до самой своей смерти. Святитель же, взявши из принесенного ему золота 100 златиц, отдал Карину, говоря:

– Вот церковное золото, заимствованное на освобождение должника.

Карин взял его. Между тем прочее золото святой раздал нуждающимся. А Карин, созвав клириков, горделиво похвалялся пред ними.

– Вот, – говорил он им, – золото, расточенное Епифанием, которое я вытребовал от него.

Но клирики начали поносить Карина, вызвавшего их на грех ропота и оскорбление святителя и гневно приказали ему возвратить эти златицы святителю:

– Ибо святитель, – говорили они, – имеет власть расходовать церковное богатство на дела милосердия.

Много и других неприятностей причинял Карин угоднику Божию, но он всё переносил с кротостью.

Однажды, когда святитель у себя за обедом, на котором присутствовали все клирики, истолковывал некоторые тайны Священного Писания, к окну прилетел ворон и начал каркать. А Карин, смеясь над святительским поучением, сказал прочим клирикам:

– Кто из вас знает, что этот ворон, каркая, говорит?

Так как все внимательно слушали поучение, то никто не ответил на вопрос диакона.

И во второй и в третий раз спрашивал Карин:

– Кто бы был настолько смыслен, чтобы понимал воронову речь?

Но никто по-прежнему не внимал его словам, продолжая слушать боговдохновенную беседу святого Епифания. Дерзкий диакон, наконец, спросил самого святителя:

– Если ты премудр, то скажи мне, о чем беседует этот ворон, и если скажешь, то обладай всем моим имением.

Святой же, взглянув на него, сказал:

– Знаю, что говорит ворон: он говорит, что отныне ты не будешь диаконствовать.

И тотчас от святительского слова нашел на Карина ужас и притом его охватила какая-то болезнь, так что он не мог более сидеть за столом и был уведен своими рабами домой.

На другой день утром он умер. Все клирики пришли в великий страх и с того часа с боязнью покорялись и почитали Христова святителя Епифания. Богобоязненная же и бездетная вдова наказанного, принесла к епископу на церковь оставшееся после мужа имущество и посвятила себя на служение Богу; одна рука ее была в совершенном параличе, которой постиг ее

десять лет назад; сотворивши крестное знамение над больной рукой вдовы, бессильной даже держать что-либо, святой Епифаний сделал ее вполне здоровой. Затем он поставил вдову диакониссой[3188], как целомудренную и достойную церковного служения. Великий архиерей Божий святой Епифаний имел также благодать от Господа видеть во время приношения бескровной жертвы наитие Святого Духа на предложенные Святые Дары и обычно не оканчивал молитвы возношения, пока не удостаивался созерцать нисшествие Святого Духа. Однажды произнося молитву возношения, литургисовавший архиерей не увидал знамение. Он повторил ее два раза с самого начала, но видение не было; тогда святой со слезами молил Бога указать причину столь скорбного явления. Взглянувши же на стоявшего налево рипидодержателя-диакона, он заметил, что лице его черно, а лоб покрыт проказой[3189]. Взявши у него рипиду, святой кротко ему сказал:

– Чадо, не принимай ныне причастие Божественных Даров, но иди в свой дом.

По уходе его из алтаря преподобный увидел сошедшую на предложенные дары благодать Святого Духа. После литургии святитель, призвав к себе удаленного диакона, спросил, – нет ли у него на совести какого особенного греха. Диакон открыл, что в мимошедшую ночь соединялся со своей супругой. Тогда святой, созвав весь свой клир сказал:

– О чада, сподобившиеся алтарного служения, отрешите сапоги плотских страстей бессловесных, – не входите к Божественному алтарю, связанные любосластными похотьми, послушайте святого Апостола, говорящего: «имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1Кор. 7:29).

С того времени святитель Христов Епифаний поставлял во диаконы и пресвитеры только благочестивых иноков и беспорочных вдовцов, отнюдь не допуская женатых. И красовалась его Церковь, украшенная чистыми служителями, как прекрасная невеста.

До этих пор житие преподобного Епифания описано его учеником Иоанном, почившим в пресвитерском сане. Прочее же

о жизни святителя написал уже другой его ученик – Полувий. Он начинает так.

– Слава Богу, дающему жизнь и прославляющему прославляющих Его, как прославил Он чудодейственной благодатью Своего угодника Епифания, чудесных дел которого и я частью сподобился быть описателем. Блаженный пресвитер Иоанн, ученик святого отца нашего Епифания, разболевшись к смерти, призвал меня к себе и сказал:

– Чадо Полувий!

– Что велишь мне, отче? – спросил я его. На это Иоанн ответил:

– Так как отец наш Епифаний возбраняет предавать письменам чудеса, совершенные Богом через его святость, то возьми эти хартии, в которые я записывал тайно до сего дня всё, что видел совершенное им; пиши и ты, что отныне увидишь, ибо Бог говорит, что «прибавится тебе лет жизни» (Притч. 9:11), и ты пребудешь во всё время своей жизни при его святительстве. Я же отхожу в путь, в которой неизбежен всем земным. Смотри же не ленись писать, ибо я подвигнут Богом написать это… поди попроси отца прийти ко мне», – добавил он потом.

Я пошел и призвал архиерея Божия. Придя к больному, он сказал:

– Обленился ты, Иоанн, молить Бога о грешном Епифании.

– Тебе, отче, – возразил болящий, – более прилично ныне сотворить молитву о мне, рабе твоем.

По святительской молитве над больным, он сказал святому:

– Подойди ко мне поближе, отче.

Святитель подошел.

– Положи, отче, руки твои на глаза мои и поцелуй меня последним целованием, ибо я уже отхожу, – произнес умирающий.

И как только возложил архиерей свои руки на его глаза и поцеловал его, он предал свой дух Господу. После горького плача по своем возлюбленном ученике учитель-епископ устроил ему почётные похороны.

После того преподобный возымел намерение создать новую церковь на месте прежней небольшой и очень ветхой. Он обратился к Богу за помощью и во время молитвы услыхал голос свыше, обещающий помощь и повелевающий начинать без колебания задуманное им дело. Неложное слово Господа не замедлило исполниться. – У вышеупомянутого грека Дракона долго болел сын. Родитель, призывавший к сыну самых искусных врачей, не принес этим ему никакой пользы, и, наконец, сам разболелся. Святой, придя в его дом, исцелил молитвою сначала сына, а потом и отца. Тогда Дракон, уверовавши и крестившись со всем своим домом, дал на построение церкви пять тысяч златиц. И была создана во славу Божию большая каменная и прекрасная церковь.

У другого гражданина того же города, богатого язычника Синисия умер единственной тринадцатилетний сын Евсторгий: болезнь скорчила ему шею и таким образом удавила его. В доме греческого богача поднялся великий плач. Услышав его, сосед, христианин Ермий, сказал матери умершего:

– Госпожа, если бы сюда пришел великий Епифаний, то он воскресил бы вашего сына.

Она, поверивши словам своего соседа, просила его привести Епифания к ним. Ермий призвал в их дом архиерея Божия. При входе желанного гостя хозяйка припала к его ногам, говоря:

– Великий целебник Христов, яви твое врачебное искусство на нашем детище и восставь его из мертвых. Если ты это сделаешь, то тотчас со всем нашим домом приступим ко Христу твоему.

– Если веруешь Распятому, – сказал ей святитель, – увидишь твоего сына живым.

– Не иное что имею в моем уме, – отвечала она, – как только веровать в Него: увижу ли свое дитя живым?

Тогда святой, подойдя к постели умершего, потер правой рукой его шею и со светлым взором, обращенным на него, тихо произнес:

– Евсторгий!

Отрок тотчас же открыл свои глаза и сел на постели. При таком величайшем чуде все, находившиеся в доме, с изумлением ужасались. А родитель воскрешенного вместе с ним, со своей женой и всем своим домом, крестился во имя Христово и дал святому три тысячи златиц. Но чудотворец сказал ему:

– Я этого не требую, а отнеси строителям церкви.

И была благолепно украшена на золото Синисия новосозданная церковь, получившая в пресвитера к себе Полувия, ученика святого.

Однажды пришел на остров Кипр из Иерусалима некий диакон, поведавший святому об Иерусалимском епископе Иоанне, как о сребролюбце, презирающем нищих. Иоанн был некогда сожителем Епифания в монастыре великого Илариона. Он написал своему знакомому увещательное письмо о милостивом обращении с нищими. Но сребролюбец не внял увещаниям угодника Божия. Через несколько лет Кипрский архиепископ сказал своему ученику Полувию:

– Пойдем, чадо, в Иерусалим поклониться Честному Кресту и Гробу Господню. И поклонившись возвратимся.

И отплыли они от Кипра в Кесарию Филиппову, а отсюда пошли в Иерусалим. После поклонения там святым местам они явились к епископу Иоанну, очень обрадовавшемуся свиданию с Епифанием. Кипрский святитель сказал ему:

– Дай мне, брат, помещение для покоев, так как я хочу задержаться здесь на некоторое время.

Иерусалимский епископ исполнил просьбу своего гостя. Давши ему прекрасный дом, он призывал его к себе ежедневно на трапезу. Приглашаемой, видя множество серебряных сосудов, приносимых с яствами и напитками, – с одной стороны, – и слыша с другой – ропот множества нищих на скупость Иоанна, помышлял как бы привести его к милосердию. И вот в один день он сказал своему богатому хозяину:

– Дай мне, отче Иоанне, на время эти серебряные сосуды: ко мне пришли из Кипра почётные мужи и я хочу их поместить у себя, чтобы похвалиться пред ними твоей любезностью и твоим серебром в твоем доме, данном мне для покоя. Это будет на

славу тебе, ибо, возвратившись к себе, пришедшие мужи начнут рассказывать прочим почётным людям сколь великую проявляешь ты ко мне любовь и сколь велика слава, честь и богатство твоего дома. Итак, дай мне всё это серебро лишь на короткое время. Я же вскоре возвращу тебе его с благодарностью.

Иоанн принес ему множество различных серебряных сосудов. Тогда Епифаний спросил:

– Имеешь ли, отче, еще больше?

– Довольно с тебя, – отвечал корыстолюбивой славолюбец, – и этого.

– Нет, – сказал Епифаний, – но дай всё, что имеешь драгоценнейшего и наилучшего, чтобы подивились гости и была величайшая тебе слава.

Иоанн принес ему лучшие сосуды, говоря:

– Всё, что угодно тебе, отче Епифаний, возьми.

Святой взял от него около 1500 литр[3190] серебра, и отнес в свои покои. В то время прибыл по делам в Иерусалим из Рима торговец серебром по имени Астерий. Преподобный продал купцу за надлежащую цену данное ему местным епископом серебро. Купивши его, Астерий ушел к себе. Угодник же Божий днем и ночью раздавал нищим полученные от продажи деньги – до последней лепты. Через несколько дней Иоанн сказал Епифанию:

– Отдай мне, отче, серебро, которое я дал тебе.

– Потерпи, отче, – отвечал Кипрский архиепископ, – я отдам тебе всё: я еще раз хочу угостить у себя гостей.

По прошествии еще нескольких дней Иерусалимский епископ в церкви, где хранится спасительное древо Креста Господня, вновь напомнил преподобному о возвращении серебра.

– Отдай мне, – говорил он ему, – серебро, которое ты взял у меня.

– Я сказал тебе, отче, – отвечал тихо Епифаний, – отдам всё, только потерпи немного.

После такого ответа Иоанн, исполнившись ярости, схватил Епифания за одежду и, сжавши ее, с угрозою сказал:

– Не войдешь отсюда, не сядешь, не почиешь, пока не отдашь моего серебра. О злой и коварный человек! Отдай мне, что взял, отдай церковное церкви.

Епифаний не возмутился поведением разгневавшегося. По-прежнему он выглядел кротким. Тогда как возмущенный Иерусалимский епископ часа два досаждал преподобному. Все присутствовавшие в храме, слыша его жестокие слова, обращенные к угоднику Божию, изумились. А поругаемый, видя неукротимый гнев и ярость ругавшего, дунул на его лице, после чего он тотчас ослеп. Невольно устрашенной чудесным наказанием вместе со всеми предстоящими, Иоанн пал ниц перед святым, прося помолиться Богу о его прозрении.

– Иди поклонись честному древу Креста Господня, – отвечал на его просьбу угодник Божий, – и получишь прозрение.

Но наказанный не отступал от Епифания, не переставая просить его. Тогда великий святитель, отверзши свои Богомудрые уста, долго поучал корыстолюбца о нищелюбии и милостыни. Потом по молитве и возложении на него своих рук отверз его правый глаз. Полуисцеленный просил чудотворца сделать зрячим и левое око. Но святой ответил ему:

– Не мое это дело, чадо, но Божие: так как Бог закрыл око, то Бог и откроет, чтобы ты вразумился.

После наказания Иоанн исправился, сделавшись и милостивым к нищим и праведным во всех делах.

При возвращении из Иерусалима в свою епископию Епифаний встретил двух скоморохов, хотевших насмеяться над ним следующим образом. Увидавши издалека святителя, один из них притворился мёртвым. Другой же при приближении святого сказал ему:

– Отче, посети мёртвого и покрой какой-нибудь одеждой его нагое тело.

Святой же, посмотрев на притворившегося, стал лицом к востоку для совершения молитвы об усопшем. Помолившись, он снял с себя одежду и, покрыв ею мертвеца, пошел своей дорогой.

По его уходе живой сказал мнимо мертвому:

– Вставай, брат, этот простец уже ушел.

Но последний не отвечал. Окликнув его вторично и толкнув, он нашел его умершим действительно. Полный ужаса скоморох побежал вслед за архиереем Божиим. Догнавши великого чудотворца, он припал к его ногам, прося прощения в своем грехе и моля снять свою одежду и оковы смерти с наказанного им.

– Иди, чадо, – отвечал святой, – погреби мертвеца твоего: ибо он умер прежде, нежели ты начал просить у меня одежды для его прикрытия.

По прибытии Кипрского епископа в свой кафедральной город за ним пришли посланные из Рима с просьбой исцелить от некоторой продолжительной и неизлечимой болезни Проклисию – дочь царя Феодосия Великого[3191] и сестру Аркадия и Гонория[3192], выданную замуж за одного именитого патриция. Весть о прибытии посланцев от царя дошла до местного почётного и очень богатого язычника Фавстиниана, который питал сильную вражду ко святому Епифанию. Фавстиниан пригласил их к себе в дом и ежедневно угощал их. За все время пребывания их у него он почти непрестанно хулил святого.

– Зачем вы веруете как Богу, этому обольстителю, – говорил он им, – зачем внимаете его суетным словам? Он ничего не говорит, кроме ложных слов и привержен очень дурным обычаям.

Но вот случилось, что на одной церковной постройке оказались вместе святой Епифаний, сопровождаемый Римлянами, и Фавстиниан. На их глазах, когда они стояли в строящейся церкви, один споткнувшийся плотник, падая с верху на землю, ударил своими ногами врага преподобного. К удивлению всех упавший нисколько не пострадал и тотчас же поднялся; ушибленной же Фавстиниан пал мёртвым. Епифаний, подошедши к нему и взявши его за руку, произнес:

– Встань, чадо, во имя Господне и иди здоровым в свой дом.

И тотчас мертвец ожил, встал и пошел домой. Фавстинианова же жена, узнав о смерти и неожиданном оживлении своего мужа, принесла его исцелителю 1000 златиц.

– Дай это не мне, – сказал ей преподобный, – но на церковное строение и будешь иметь сокровище на небе.

Затем, угодник Божий пошел в Рим. Здесь он по молитве и крестном знамении исцелил Проклисию, воскресил ее новорожденного сына, крестил его и обоих царских сыновей Гонория и Аркадия. Потом великий чудотворец был приглашен в Царьград самим царем Феодосием Великим, страдавшим неисцелимой и нестерпимой болезнью ног. Святой Епифаний в один час крестным знамением исцелил его, за что и пользовался особенным расположением Феодосия.

В один год на острове Кипре был великий голод. Нищие и бедные во множестве гибли от него. Скупой же богач Фавстиниан при своих многочисленных житницах, наполненных пшеницей, ячменем и другим житом, продавал хлеб по очень дорогой цене.

– Добрый друг, – сказал ему однажды святой, – дай мне из твоих житниц пшеницу, чтобы напитать нищих, я же буду тебе должником.

– Моли твоего Иисуса, Которому веришь, – отвечал ему со злой усмешкой жестокосердой язычник, – чтобы он подал тебе пшеницу для пропитания твоих друзей-нищих.

Но сказанное в насмешку стало действительностью. Святой Епифаний имел благочестивой обычай каждую ночь посещать гробницу святых мучеников и здесь молить Бога о ниспослании того, в чем чувствовалась нужда; свою молитву святой Епифаний подкреплял просьбой святых мучеников о ходатайстве пред

Господом, и всегда получал просимое. И теперь по обычаю святой Епифаний ночью отправился в гробницу святых мучеников, где со слезами молил милосердого Бога о избавлении гибнущих от голода. Во время своей молитвы он услышал голос, говоривший ему:

– Епифаний! Иди без боязни к Диевой[3193] кумирнице и отверзутся пред тобой двери и ты найдешь внутри золото и серебро; взявши то, купи пшена, ячменя и другого жита у Фавстиниана и питай нищих.

Следует заметить, что эта кумирница, называвшаяся «Диева крепость» была заперта с тех пор, как христианские государи, овладевшие страною, затворили и запечатали царскою властью все кумирницы, чтобы более не совершались в них богомерзкие бесовские жертвы. Среди народа ходили слухи, державшиеся у язычников как твёрдая вера, что никто из людей не может подойти и коснуться помянутой кумирницы: такого человека ждала (будто бы) внезапная смерть здесь же на месте. И все далеко обходили кумирницу, тем более, что бесы пугали страхованиями людей и даже убивали тех христиан, над которыми имели, по попущению Божию, такую же власть, как и над поклонниками своими язычниками.

Послушный велению Божию святой Епифаний тотчас отправился к кумирнице, двери которой сейчас же пред ним открылись; здесь он нашел множество золота и серебра. На эти, чудесно приобретенные, богатства он начал покупать хлеб у Фавстиниана. Сребролюбивой богач с радостью продал святому Епифанию все находившиеся в доме запасы хлеба, которые через подаяние милостивого епископа оказались в домах убогих и нищих. Так у голодных оказалась пища, а богатый дом Фавстиниана был ее лишен и в нем наступил голод. Постыдившись просить у преподобного пищи для своего дома, богач послал за нею своего приятеля Лонгина с золотом и с одиннадцатью кораблями в Калабрию[3194]. Но на обратном пути корабли, наполненные хлебом, неожиданно были разбиты в ста стадиях от города сильной бурею. Узнавши о своей беде, Фавстиниан в великой печали хулил Всевышнего и Его угодника.

– Посмотрите, – говорил он, – какие этот христианский волхв творит мне пакости: он не только на суше своим прельщением отнял от моего дома пищу, но и на море погубил мой хлеб, потопивши мои корабли через бесов.

Между тем волнующееся море выбрасывало на Саламинийский берег потопленные зерна. Их сбирали нищие. Так сбылись слова псалма: «Скимны бедствуют и терпят голод, а ищущие Господа не терпят нужды ни в каком благе» (Пс. 33:11).

Почти умирая от голода, жена наказанного богача послала к святому золото с просьбой продать для ее дома хлеба, а преподобный отослал к ней обратно золото со словами:

– Теперь берите от меня безмездно, сколько вам нужно, и отдадите, когда наступит жатва.

Сам же богач озлобленной против святого подговорил злонравного диакона Руфина умертвить святителя, обещая ему за то способствовать своим богатством и связями в возведении его на архиерейский престол. Но Бог сохранил Своего угодника от козней нечестивца. Последний подготовил острой нож, которой и укрепил концом вверх в горнем архиерейском седалище, стоящем в церкви; затем он закрыл седалище обычным покрывалом: это он сделал в тех видах, чтобы святитель, севши в урочное время при богослужении на седалище, получил смертельную колотую рану. Но вот настало время, когда архиерей по порядку богослужебного чина должен был воссесть на горнем месте; подойдя к последнему, святой Епифаний сказал диакону Руфину:

– Возьми, сын мой, покрывало с седалища.

Но Руфин не слушал, хотя святитель трижды повторил свое приказание. Тогда святой Епифаний сам снял покрывало, причем нож упал и вонзился острием в правую ногу диакона.

Поняв коварные замыслы диакона, святой Епифаний сказал:

– Оставь, сын мой, свои козни, чтобы тебе не прилучилось большее несчастие; теперь же выйди из храма, так как ты недостоин приобщаться Божиих Таин.

Диакон, пришедши домой, разболелся и на третий день умер. Фавстиниан же вскоре был обвинен пред царем в хуле на него и посажен им в цареградскую темницу. Любящий врагов своих, святитель хотел было ходатайствовать пред государем об освобождении заключенного. Но последний в раздражении запретил святому всякое ходатайство о нем. Святитель умолчал и спустя немного времени оплакал неожиданную смерть Фавстиниана в темнице. По смерти мужа, жена Фавстинианова отдала всё богатство в церковь и согласно своему желанию была поставлена святым во диаконниссы.

Среди восьмидесяти иноков, находившихся в архиерейском доме святого Епифания, был диакон Савин, выдававшийся добродетельной жизнью, умом и искусством составлять красноречиво книги. Он между прочим описал жизнь святого Епифания; в своем повествовании он рассказывает о его молитвенных всенощных стояниях, коленопреклонениях и о чудесах. Во внимание к редкостным качествам этого иеродиакона, архипастырь поставил его судьей по духовным делам. Однажды на суд к нему явились: богатый, говоривший правду и бедный, дающий ложное показание. Судия, сострадая бедному, защищал его. Во время суда пришел тайно святитель и, спрятавшись в потаенном месте, вышел из него, как только услыхал оправдание судьей неправедного бедняка.

– Чадо, – сказал архиепископ судье, – иди, пиши книги и обдумай слова Писания, чтобы научиться праведно судить, ибо написано: «Не делайте неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего» (Лев. 19:15).

С того времени святой Епифаний всегда сам судил всех приходящих к нему.

Имея великое попечение о своей пастве, он побеждал еретиков и словами и чудесами. Он сделал немым еретика-епископа Аэтия[3195], умершего после того на шестой день, и многие его последователи при виде такого чуда перешли в Православие, припадая к ногам чудотворца. Кроме того, ревнитель правой веры писал царю о всех непокаявшихся еретиках. Царь дал ему власть изгонять их из Кипра. Благодаря всему этому, словесное стадо доброго пастыря было безопасно от хищных волков.

Понесши много лет тяжелое бремя святительства и достигши глубокой старости, святой Епифаний приблизился к своей блаженной кончине. Не задолго до нее ему пришлось отправиться в Царьград по следующей причине. Евдоксия, супруга царя Аркадия, царствовавшего на востоке после своего отца Феодосия Великого, согласившись с Феофилом Александрийским патриархом[3196] на изгнание цареградского патриарха Иоанна Златоустого, побудили Епифания своими

лукавыми письмами прийти в Константинополь на собор. Феофил клеветал в них на Иоанна, что он будто бы еретик, разделяющий воззрение Оригена[3197]. По своей простоте святой поверил им и отправился в Царьград. При его свидании с царем последний принял от него благословение и спросил его, сколько ему лет от рождения.

– Шестидесяти лет, – отвечал святой Епифаний, – принял я архиерейский сан, в архиерействе пробыл 55 лет и три месяца. Таким образом, – всего мне 115 лет и три месяца.

Царь почтил его честные седины и святолепное лицо. Царица же Евдоксия, призвавши святого к себе, сказала ему:

– Отче Епифаний, ты знаешь, что всё Римское царство в наших руках: и вот сегодня я дам тебе всю церковную власть, если ты послушаешь меня, и исцелишь скорбь сердца и сделаешь то, что я думаю.

– Говори, дочь моя, – отвечал святитель, – по силе нашей постараемся сделать то, что будет на спасение твоей души.

Тогда царица, думая преклонить святого на свой замысел лукавством, начала так говорить ему о святом Златоусте:

– Вот этот Иоанн сделался недостойным управлять Церковью и носить столь великий сан, так как восстал на царя и не воздает подобающей нам чести. Кроме того, многие говорят о нем, что он издавна еретик. Для этого мы решили собрать собор и, извергнув его из сана, поставить вместо него другого, могущего добро устроить церковь, чтобы отныне наше царство было мирным.

Говоря это, царица дрожала от великого гнева.

– Нет нужды, – продолжала она, – утруждать многих отцов призывом их сюда на собор; но пусть твоя святость, отче, определит изгнать его из Церкви и поставить вместо него другого, кого укажет тебе Бог. Я же устрою, чтобы тебя слушали.

– Дочь моя, – отвечал ей святитель, – выслушай твоего отца без гнева! Если Иоанн, как вы говорите, еретик, и если он не покается в ереси, то недостоин будет патриаршего сана, и с ним поступим, как повелишь. Если же вы хотите его изгнать за ту только одну вину, что похулил тебя, то Епифаний не даст своего соизволения на это. Ибо царям подобает быть

незлопамятным, но добрым, кротким и прощающим хулы на себя, так как и вы имеете над собой Царя на небесах и хотите от Него прощения вашим согрешениям. «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк.6:36).

После этих его слов еще более усилился гнев самолюбивой царицы. Вся в слезах от сильного раздражения, она гневно произнесла:

– Если ты учинишь препятствие к изгнанию Иоанна, то я открою идольские храмы и сделаю то, что многие, отступивши от Бога, начнут поклоняться идолам, и будет последнее хуже первого.

Епифаний, удивившись ее сильному гневу, сказал:

– Я чист от осуждения того.

Произнеся это, он вышел из царской палаты. В городе же всюду разносился слух о совещании Епифания с царицею по поводу извержения Иоанна и о соглашении его с ней. Этот слух дошел и до того, кого ближе всех касался. Константинопольский святитель тотчас же написал Епифанию следующее:

– Брат Епифаний, я слышал, что ты дал совет на мое изгнание; знай же, что ты более не увидишь своего престола.

Святой Епифаний на это ответил:

– Страстотерпче Иоанне, будучи обидим побеждай, но и ты не доедешь до того места, в которое тебя изгонят.

И сбылось пророчество обоих.

Видя желание неправедно осудить святого Иоанна, святой Епифаний не захотел быть участником такого беззаконного суда. Седши тайно со своими приближенными на корабль, он возвратился восвояси. Во время плавания по морю, чувствуя свое старческое изнеможение и предвидя свое наступающее отшествие к Богу, он так начал беседовать с своими учениками:

– Дети мои, соблюдите мои заповеди, и любовь Божия пребудет с вами: вы знаете в скольких скорбях прошла моя жизнь, и я не вменял их в скорби, но всегда радовался в них по Боге, и Бог меня не оставил, но сохранял меня от всякой неприязненной напасти: «любящим Бога все содействует ко благу» (Рим.8:28). Однажды, мои возлюбленные, когда я жил в пустыне и молился ко Христу Богу об избавлении меня от

козней сопротивного, внезапно по Божиему попущению приступило ко мне множество бесов; ударивши меня о землю и взявши за ноги, они влачили по земле; некоторые же из них били меня. Это они делали со мной десять дней, а потом исчезли. И с того часа я не видал их во всю свою жизнь. Только злые люди, еретики причиняли мне неприятности. Будьте внимательны, о чада мои, и послушайте слов Епифания грешного. Имений не желайте, и много имений приложится вам. Не питайте ненависти ни к одному человеку, и будете возлюблены Богом. Не клевещите на брата, и зависть диавольская не будет обладать вами. Бегайте, как ядовитых змей, ересей, о которых я вам писал в книге Панарий[3198]. Отвращайтесь и сохраняйте себя от мирских похотей, которая и тело и ум разжигает. Знайте, что они сатанинское ухищрение, ибо если даже у неосторожных плоть и не поднимает брани, однако, ум всё-таки мечтает о дурном. Если же наш ум трезв и памятует о Боге, тогда легко можем победить врага.

После этих и весьма многих других духовных увещаний своим ученикам, преподобный предсказал Полувию, что он вскоре будет епископом города Ринокирска, находящегося в Верхней Фиваиде. Карабельщикам же предсказал об очень скорой буре, причем велел не ужасаться, а надеяться на Бога. Одному же из них сказал:

– Не искушай, чтобы не быть искушенным.

Всё это святой говорил в 11 часов дня. По захождении же солнца поднялась великая буря, продолжавшаяся двое суток и приведшая всех пловцов в великий страх. Святой же на предсмертном одре молился Богу о сохранении корабля и всех, находящихся в нем. А на третий день он повелел своим ученикам возжечь уголья, положить на них фимиам и помолиться Богу. Помолившись потом и сам, он всех их обнял, поцеловал и сказал такие последние слова:

– Спасайтесь чада, ибо Епифаний больше не будет с вами в этой жизни.

По произнесении их, он предал свой дух в руки Божии[3199]. Его смерть соединила скорбь с радостью. Горько оплакивающие умершего его ученики и корабельщики были обрадованы

внезапным и совершенным прекращением бури на море. При этом тот корабельщик, которому святой сказал: не искушай, да не искушен будешь, по своему любопытству пожелал узнать, обрезан ли Епифаний или нет. Когда он начал обнажать честное тело святого, то умерший чудотворец, поднявши свою правую ногу, столь сильно ударил ею в лице любопытного, что он далеко упал от тела и умер. Всех объял страх, а товарищи-корабельщики, жалея наказанного, положили его при ногах Епифания. Лишь только его тело коснулось их, как умерший корабельщик ожил. И был еще больший ужас на всех. Приплывши в Саламин, ученики святого возвестили в городе о его преставлении. И тотчас отовсюду стекалось множество народа с плачем и рыданиями. Взявши честное тело своего отца, внесли его осиротевшие дети в созданную им церковь. У гроба святого совершалось множество чудес над болящими всеми недугами. Между прочим получили прозрение три слепца. На десятый день со всего острова сошлись святители, священники, игумены и бесчисленное множество народа и с честью погребли честные останки святого Епифания в той же церкви, воспоминая труды, чудеса и богодухновенное учение преставившегося архипастыря и славя в Троице Единого Бога, Ему же слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Священноначальник чудную двоицу восхвалим вернии по долгу, с Германом Божественнаго Епифания: сии бо попалиша безбожных языки, догматы премудрейшия возложше всем, православно поющым присно благочестия великое таинство.

Страдание святой мученицы Гликерии и с нею Лаодикия, стража темничного

Память 13 мая

В первый год царствования нечестивого императора римского Антонина[3200], при управлении Грециею игемона Савина, христиане, проживавшие в фракийском городе Траянополе, ежедневно собирались в свой храм; здесь они усердною молитвою испрашивали от Бога мира и увеличения верующих, так как тогда было немного боящихся Бога христиан, да и те тяжко бедствовали по случаю гонений. Гонения же были воздвигнуты на христиан потому, что император Антонин, будучи язычником, приносил жертвы нечистым идолам и повсюду разослал приказ, которым повелевал умерщвлять всех тех, кто не будет приносить жертв языческим богам. Когда это повеление царское дошло до Фракии, то игемон Савин отправился с этим приказом в город Траянополь и назначил для граждан этого города день, в который они должны были принять участие в празднестве в честь и бога Дия[3201]; празднество это называлось «лампадофория»[3202], то есть свещеношение, и должно было начаться спустя три дня по прибытии Савина в Траянополь.

В этом городе проживала одна христианская девица, по имени Гликерия, дочь Макария, бывшего ранее римским анфипатом[3203]. Гликерия переселилась сюда из Рима вместе с родителями своими, а затем осиротела; здесь она уверовала во Христа и присоединилась к христианам; она ежедневно вместе с ними посещала храм Божий и усердно молилась здесь как Господу Иисусу Христу, так и Его Пречистой Матери, к Которой она имела особенно сильную любовь, как к Матери Сына Божия; подражая Ее непорочному девству, Гликерия обручила себя Господу Иисусу Христу в невесту. Она часто поучала христиан, говоря так:

– Братия, сестры и отцы и все прочие, заменяющие для меня мою мать земную! Послушайте меня: припомните, какому Царю мы служим, образ какого Царя мы носим на себе и каким

знамением мы ограждаем себя. Будем же всячески стараться исполнять и заповеди этого Царя, дабы получить нам спасение вечное, которое будет дано лишь тем, кто честно и мужественно исполнит все обязанности христианского звания.

Христиане же отвечали ей:

– Мы все готовы, хоть сейчас, положить души наши ради Господа нашего.

На это Гликерия говорила им:

– Прошу вас, помолитесь обо мне ко Господу, дабы Он укрепил и меня на подвиг вместе с вами, дабы Он сподобил и меня пострадать ради имени Его. Помолитесь обо мне ко Господу, да причтет Он и меня к лику нетленных невест Своих, пребывающих в Его небесном чертоге.

И молились о ней христиане.

Между тем спустя три дня по прибытии Савина в Траянополь, началось языческое нечестивое празднование; граждане-язычники, проживавшие в том городе, собравшись вместе, с зажженными свечами устремились все к капищу Дия. Увидав это, блаженная девица Гликерия воспылала ревностью о Христе, Господе Боге своем; сотворив на себе крестное знамение, она с поспешностью пошла к капищу Диеву и, став пред собранием язычников, громко сказала игемону:

– Честный игемон! Вот я желаю начать приношение жертв для Бога истинного. По своему происхождению я славнее всех жителей города этого, потому что отец мой занимал почетную должность анфипата славного города Рима. Поэтому мне и следует первой принести жертву Богу.

Игемон же сказал ей:

– Но где же твоя лампада, при помощи которой ты разожгла бы свою жертву?

Святая Гликерия отвечала на это:

– Моя лампада начертана у меня на челе моем; она неугасима и просвещает всякую жертву, приносимую Богу истинному.

Однако игемон не понял сказанного Гликериею. Поэтому, обратившись к ней, он сказал:

– Хорошо. Подойди и принеси жертву раньше всех.

Но святая сказала:

– Бог вечный не требует, чтобы Ему воскуряли лампады, издающие дым. Поэтому, прикажи погасить лампады у всех, дабы не было видно этого мерзкого дыма. Вот тогда вы и увидите мою жертву непорочную, которую я намереваюсь принести Богу своему.

Игемон приказал погасить все лампады.

В это время святая Гликерия, став на возвышенном месте, так что была видима всем народом, открыла чело свое и показала всем знамение Креста Христова, начертанное на челе ее; затем сказала во всеуслышание предстоявших:

– Видите ли вы теперь пресветлую лампаду, сияющую на челе моем?

Затем, подняв очи к небу и воздевши свои руки, сказала:

– Боже всесильный, прославляемый рабами Своими, явившийся в пещи вавилонской трем отрокам Своим и избавивший их от огня (Дан. 3), заградивший уста львов (Дан. 6), сделавший победителем раба Твоего Даниила, разрушивший идола Вила[3204], умертвивший змия[3205] и сокрушивший образ бесовский на поле Деире! (Дан. 3) Ты, Иисусе Христе, Пречистый Божий, Агнец Святой! Молю Тебя, приди и помоги мне, смиренной рабе Твоей, сокруши идола этого, сделанного руками человеческими и уничтожь эти мерзкие и суетные бесовские жертвы.

В то время, как святая молилась так к Богу, внезапно произошел гром, причем идол Диев упал на землю и разбился на малые части (он был сделан из камня).

Игемон и жрецы, видя это, распалились яростью и приказали народу побить святую камнями. Однако камни, бросаемые на святую, не прикасались ее, но падали около нее и, образуя как бы крепость кругом святой, защищали ее от язычников. Нечестивые язычники, не познав силы Божией, называли святую волшебницею. Но она им сказала:

– Сила Христова, действующая через меня, обличает заблуждение ваше; помощь же Бога моего обратит в ничто все мучения, которые вы замыслите на меня.

После этого игемон приказал, связав святую, отвести ее в темницу. Стражам же темничным, игемон велел с великим вниманием наблюдать за святой, сказав им:

– Смотрите, как бы она не убежала из темницы по волхвованию своему. Тогда она скажет, что это ее Бог избавил ее; а через это она может прельстить многих.

Святая же девица сказала игемону:

– Безумный, нечестивый и безрассудный человек! Неужели ты не понимаешь, что я связана заповедями Господа Бога моего и пригвождена к закону Его? Я не могу отрешить себя от этих, приятных для меня, уз; потому не могу я и бежать от страдальческого подвига, на который я сама по своей воле иду ради Христа, Спасителя моего.

После того как святая изрекла слова эти, она была отправлена в темницу.

В то время как святая Гликерия находилась в темнице, к ней пришел иерей Божий Филократ, желавший навестить узницу Христову. Святая сказала ему:

– Осени меня крестным знамением; украсив меня этим знамением, как бы неким помазанием, помолись обо мне, дабы я угодила Богу моему и Царю, Которому ты служишь; помолись обо мне, дабы я, будучи ограждена знамением Честного Креста, победила злобу диавола.

Пресвитер, знаменав Гликерию честным крестом, сказал:

– Да поможет тебе знамение Христово; да будет для тебя духовным миром Сам Христос, помазующий тебя Своею благодатью, дабы ты мужественно выдержала подвиг свой.

Укрепив о Господе Гликерию и преподав ей мир, Филократ вышел из темницы.

Утром следующего дня игемон Савин прибыл на двор царский, намереваясь здесь мучить святую Гликерию. Подозвав ее к своему судилищу, он сказал ей:

– Согласна ли ты теперь, Гликерия, принести жертву великому богу Дию, которому поклоняется и приносит жертвы и сам император наш?

Святая отвечала:

– Как же я могу поклониться ему или принести жертву после того как бог ваш, упав на землю, разбился на части, не будучи в состоянии оказать себе самому помощь? Я знаю только одного Бога, живущего на небесах, Который помог мне сокрушить нечистого идола вашего. Вот этому-то Богу и следует поклоняться, приносить жертвы и благоугождать.

Игемон снова сказал:

– Принеси жертву, если не желаешь подвергнуться мучениям.

Святая же отвечала:

– Меня будет мучить мой Бог, если я послушаю тебя.

Игемон сказал:

– Значит ты хочешь умереть?

Мученица отвечала:

– Я хочу своими телесными страданиями уврачевать свои душевные болезни.

Тогда игемон приказал повесить святую за волоса на мучилищном дереве и строгать железными когтями тело ее до тех пор, пока она не умрет.

Когда святая была повешена и мучима, то совершенно не ощущала боли от мучений и сказала игемону:

– Нечестивый и преисполненный всякой злобы, слуга диавола! Все муки, которым ты подвергаешь меня, ничто для меня, потому что я совершенно не чувствую их. Близ меня Господь и Бог мой, Иисус Христос, Который помогает мне. Приготовь для меня еще большие муки, потому что боли от этих мук я совершенно не чувствую.

В то время как святая говорила это, слуги, мучившие святую, изнемогли. Игемон же, видя, что муки, придуманные им для Гликерии, были препобеждены святою, приказал снять Гликерию с мучилищного дерева и бить ее в лицо.

Будучи биема, святая сказала:

– Мой Бог есть свет мой, Христос же – крепость моя. Он оградит благостью рабу Свою.

Затем, посмотрев на небо, святая сказала:

– Молю Тебя, Владыко, просвети лице мое и помоги мне мужественно воспринять удары эти. Укрепи меня Ты, Господи,

ибо Ты Бог истинный, сокровищами Святого Духа обогащающий всех, небоязненно исповедующих пред мучителями пресвятое имя Твое. Ты – Господь, помогающий всем, угождающим Тебе на земле, Ты – охраняющей святых Твоих, посредством которых и я познала Тебя, Бога истинного, и возлюбила Создателя моего. Услышь ныне меня, смиренную рабу Твою, подвизающуюся за имя Твое, и помоги мне избавиться от сетей диавола и уст змия.

В то время как святая говорила слова эти, мучители без милосердия сокрушали ее по устам. Но вдруг среди них показался Ангел Господень, который настолько устрашил мучителей, что все они попадали на землю, как мертвые. Игемон же, не видавший Ангелов, сказал святой:

– Скажи мне, Гликерия: почему ты не повинуешься приказанию царскому?

Святая отвечала на это:

– Какого же царя я должна слушаться? Игемон сказал:

– Самодержца римского, приказавшего исполнять этот древний, преданный нам отцами закон, предписывавший поклоняться богам нашим.

Но святая сказала:

– Я слушаю Вседержителя Бога и закону Его повинуюсь. Я храню закон Его и потому приношу в жертву себя саму, подобно тому как в древности Авраам принес Богу в жертву Исаака, сына своего (Быт.22:1–19), за что Авраам был благоугоден для Бога истинного; за эту жертву Бог ниспослал ему благословение и сказал ему, что он будет отцом многих народов.

Игемон сказал:

– Исполни же, наконец, то, что я приказываю тебе, если не хочешь погибнуть лютою смертью, как женщина обольщенная.

Но мученица отвечала:

– Христос, Начальник нас, христиан, и первый наш Подвигоположник, укрепляет на подвиг не только мужчин, но и женщин, и тех из них, которые мужественно подвизались, воюя с отцом твоим, диаволом, Он награждает светлым венцом.

После этого игемон приказал отвести мученицу в темницу и велел морить ее там голодом и жаждою в продолжении многих

дней.

Святая пошла в темницу с радостью, вознося хвалы Богу. Когда она взошла во внутреннее отделение темницы и когда за нею были затворены двери, то она в таких словах стала прославлять Господа: «Благословен Ты, Господь и Бог наших отцов! Благословен Ты, Боже, познаваемый святыми Твоими, верно хранящими заповеди Твои, явивший Себя святому апостолу Петру, выходившему из Рима[3206], посрамивший противника его Симона-волхва[3207], оказавший помощь Давиду, которому Ты покорил под ноги Голиафа (1Цар.17:4–51). Ты, Пречестнейший и Пречистейший Боже, услышь меня и приди на помощь мне, рабе Твоей. Избавь меня от козней вражьих и от соблазна сего нечестивого игемона».

Спустя три дня после этого игемон сказал трибуну: «Возьми мой перстень и наложи им печать на то отделение темницы, в которое заключена та волшебница».

Трибун тотчас пошел, запечатал дверь темницы и приказал темничной страже внимательно следить за тем, чтобы никто не подавал мученице ни пищи, ни пития. Но Ангелы Божии приносили святой мученице пищу и питие и укрепляли невесту Христову.

Спустя несколько дней после этого игемон, намереваясь идти в город Ираклию, пришел в темницу повидать мученицу, так как хотел взять ее с собою. Увидав свою печать на двери темничной, он подумал, что Гликерия уже умерла от голода и жажды, потому что много дней прошло с тех пор, как она была заключена в темницу. Но, открыв двери и увидав святую живою, разрешенною от уз, увидав также и блюда, стоящие пред Гликерией (в них находился чистый хлеб, молоко, была также и вода в чаше), игемон весьма изумился всему этому, так как не уразумел, окаянный, того, что Сам Бог питал рабу Свою. Затем игемон приказал, выведя мученицу из темницы, вести ее за собою в город Ираклию[3208]. Святая же воздала за все благодарение Господу, сказав так: «Владыко Боже! Ты, научающий нас познанию истины Твоей, промышляющий о верных рабах Своих, пославший Даниилу пищу, когда он находился во рву[3209], посылавший пищу и Илии пророку

(3Цар.17:2–6), когда он обитал близ потока, обращающий к истине заблуждающих, просвещающий слепых! Благодарю Тебя за то, что Ты вспомнил и меня, смиренную рабу Твою, и напитал меня во время голода щедрою рукою Твоею от неисчислимых сокровищ Твоих».

Говоря такие слова, святая шла в город Ираклию. Игемон же, прибыв туда заранее, уже приносил жертву в храме, посвященном богу Дию.

Между тем христиане, проживавшие в городе Ираклии, узнав, что к ним идет Гликерия, пострадавшая за Христа в Траянополе, вышли навстречу ей со своим честным епископом Дометием. Отойдя от города за три поприща и увидав святую, они громогласно прославили ее за страдания о Христе, епископ же во всеуслышание принес Богу молитву, говоря так: «Господи Иисусе Христе, свете неугасимый, просветитель всех, пребывающих во тьме, Вождь заблуждающим, проведший Моисея через море, как посуху, фараона же потопивший в море (Исх. 14) молим Тебя: будь Вождем и рабе Твоей, помоги ей до конца мужественно исповедать честное и всесвятое имя Твое!»

Между тем святая была введена в узах в город воинами, сопровождавшими ее.

Утром следующего дня игемон решил предать сожжению мученицу в том случае, если бы она не принесла жертв богам. Вызвав ее пред свое судилище, он сказал ей:

– Не надумала ли ты, Гликерия, принести жертву богам нашим?

Святая отвечала:

– В законе, данном нам Богом истинным, написано: «не искушай Господа Бога твоего» (Втор.6:16), перестаньте же меня уговаривать. Я уже сказала, что я всецело присоединилась и всецело служу Христу, Богу и Господу моему, и отвергаюсь диавола, которому ты служишь. Но если я соединена со Христом, если я обручила себя Христу, то неужели, думаешь ты, я когда-либо отрекусь от Христа, Бога моего, и изберу вместо жизни вечной смерть? Ты можешь делать со мною все, что тебе угодно; но я презираю и буду презирать все суетные блага

земные, так как я хочу приобрести и снискать себе блага небесные.

После того как святая окончила говорить, игемон приказал бросить ее в пещь огненную.

Когда пещь была разожжена, святая оградила себя крестным знамением и сказала:

– Господи Боже, Всесильный! Благословлю Тебя, и прославляю имя святое Твое зато, что Ты даровал мне настоящий день и час сей в веселие вечное, за то, что Ты написал исповедание мое пред Ангелами и человеками. Молю тебя – исполни желание души моей: яви сему нечестивому и мерзкому игемону, что Ты действительно Помощник мой.

Во время произнесения этих слов святая была брошена в пещь. Но тотчас с неба снизошла роса и угасила пламень пещи. Святая же, стоя посреди пещи, как чистая агница,

воспевала такие слова: «Свят Ты, Боже! Благословен Ты, пославший мне, смиренной рабе Твоей, помощь с неба; пусть уразумеют все, что Тебе подчинена всякая тварь; пусть уразумеют все, что по Твоей воле пламя пещи сей потеряло свою силу». Сказав так, святая вышла из пещи невредимой. Игемон же, думая, что Гликерия по своему волшебству не получила вреда от огня, приказал содрать кожу с головы ее. Когда слуги игемоновы приступили к выполнению приказания игемона, святая мученица воззвала к Богу, говоря так: «Господи Боже, произведший свет! Ты, благоволивший процветать правде среди мучений сих, покажи нечестивому игемону Савину, что всякий, твердо надеющийся на Тебя и уповающий на силу Твою, никогда не устрашится мучений за имя Твое, но даже желает еще большего мученического подвига, дабы воспринять более славный мученический венец. Славлю и благодарю Тебя за то, что Ты открыл внутреннее существо души моей, после того как была снята кожа с головы моей, так что я, осияваемая Твоим светом, могу теперь сказать о себе: «открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего» (Пс.118:18).

Игемон же, видя поругание для себя в этих словах святой, приказал отвести ее в темницу и, связав по рукам и ногам, велел положить ее нагую на острый камень.

Когда наступила полночь, в темницу снизошел Ангел Господень. Осияв темницу, он разрешил святую от оков и исцелил ее, восстановив снова на голове ее кожу, содранную мучителями, так что на лице святой не было видно совершенно никаких ран, и святая была здорова и имела цветущее лицо.

Утром следующего дня игемон приказал снова привести к себе святую на допрос. Когда страж темничный Лаодикий, открыв дверь темницы, увидел, что святая была освобождена от оков, то пришел в страх и ужас; не думая, что это была Гликерия, он вознамерился убить себя, так как подумал, что Гликерия убежала из темницы (так поступить страж хотел потому, что весьма боялся наказания от игемона). Но святая сказала ему:

– Не причиняй себе зла, ибо это я – Гликерия.

Страж же, находясь в испуге, сказал:

– Помилуй меня, спаси меня, дабы я не умер от страха, так как я верую в Бога, помогающего тебе.

Святая же сказала ему:

– Следуй за Христом и ты спасешься.

Страж же, выйдя из темницы, возложил на себя узы, которыми была скована мученица, и, неся их на себе, пошел к игемону.

Когда игемон увидал его, то сказал:

– Что это ты сделал, Лаодикий? Где узница, порученная твоему наблюдению? Лаодикий сказал на это:

– Вот она предстоит тебе. Нынешнею ночью она была осияна Божиим светом и исцелена Ангелом, посланным от Бога, который освободил ее от оков; оковы эти надел я на себя; вместе с тем она получила первоначальную красоту лица своего и была совершенно исцелена Ангелом от ран. Видя все эти чудеса Божии, я уверовал в Бога и желаю быть соучастником смерти Гликерии.

Тогда игемон, преисполнившись гнева, сказал:

– Пусть будет усечен этот окаянный, и тогда мы увидим, придет ли Христос на помощь к нему!

Когда приблизилось время усечения мечом, Лаодикий, подняв очи свои к небу, громко воззвал:

– Бог и Господь христиан! Сопричти меня во царствии Твоем ко святой рабе Твоей Гликерии.

Святая же Гликерия молилась о нем к Богу, говоря так: «Отец Господа нашего Иисуса Христа, исцеливший болезни смертные, освободивший человека, плененного грехом, от уз адовых, Ты и раба Твоего Лаодикия освободи от власти диавола; помоги ему до конца довести подвиг своего исповедания и приими душу его в мире».

Лаодикий же, слышавший молитву Гликерии, сказал: «Аминь».

После этого он был усечен во главу; тело же его честное христиане, взяв тайно, похоронили с честью.

Между тем игемон, обратясь к Гликерии, сказал ей:

– Мы знаем, что отец твой был анфипатом римским, знаем также, что и мать твоя была столь же благородного происхождения; но кто тебе помогает, мы этого не знаем; скажи нам об этом ты сама.

Святая отвечала:

– Мне помогает Христос, Спаситель мира и Источник всякой радости, посылавший мне пищу в темнице, разрешивший меня от оков и восстановивший красоту лица моего, попранную тобою.

После этого игемон приказал отдать святую зверям на съедение.

Святая шла к зверям с весельем и радостью, как бы на некий пир. Когда она прибыла к тому месту, на которое выпускаются звери, то остановилась. Тотчас на Гликерию была выпущена большая львица, грозно рыкавшая; но, подойдя к святой, она тихо легла у ног ее и начала их лизать. Святая же, подняв очи свои на небо, сказала: «Благодарю Тебя, Боже всесильный, Боже отцов, Боже милосердия! Благодарю Тебя, укротившего ярость зверя, дабы показать всем Божественную силу Твою! Благодарю Тебя за то, что ты сделал для меня легкими все, даже самые жестокие, мучения. Услышь меня, Боже, и воздай сему злому игемону по делам его, меня же не лиши венца благодати Твоей вместе с прочими святыми Твоими».

После того как святая помолилась так, был слышан с неба голос, говоривший: «Я услышал молитву твою! Приди ко Мне с миром! Вот тебе отверзаются двери Царствия Небесного!»

Вскоре была спущена другая львица, которая, подойдя к святой, угрызла ее, причем тело святой не было растерзано львицей. Так предала святая душу свою в руки Божии[3210]. Звери же тотчас возвратились в свои клети. В тот же час игемон сильно разболелся тяжким недугом – отек весь водянкою и весьма раздулся, так что умер на улице, ибо его не успели принести в дом. Епископ же Дометий взял многострадальное тело святой мученицы Гликерии и похоронил его на одном красивом месте вблизи Ираклии. Впоследствии от честных мощей святой Гликерии истекло цельбоносное миро[3211], врачевавшее многоразличные недуги, во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице славимого, Которому воссылается честь, слава и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 3:

Деву любящи и Богородицу Марию, соблюла еси нетленно твое девство: любовию же ко Господу усердствовавши, пострадала еси мужемудренно даже до смерти. Сего ради и сугубым тя, дево мученице, венцем венчает Христос Бог.

Страдание святого мученика Александра

Память 13 мая

В правление нечестивого императора римского Максимиана по всем странам империи Римской было воздвигнуто жестокое гонение на христиан. Один из сотников, усердный служитель богов языческих, по приказанию императора выстроил капище скверному богу своему Дию[3212] невдалеке от Рима, приблизительно на расстоянии одного поприща от него. Вместе с тем было предписано всем христианам приносить жертвы богам языческим, а также собраться на обновление Диева храма. Царские посланники всюду разъезжали и громогласно возглашали:

– Слушайте, друзья богов! Утром следующего дня вы должны собраться вместе с императором в храме бога Дия.

Все язычники, слышавшие эти возгласы царских вестников, готовились к утру, намереваясь идти в капище Диево. Утром многие из язычников, сделав закупки в городе, отправились к капищу, отчасти ради поклонения и принесения жертв Дию, а отчасти для продажи купленного.

В это время один знатный и богатый муж, по имени Тивериан, саном трибун[3213], имея у себя под начальством многих воинов, порученных его управлению воеводою Филаксом, призвав к себе этих воинов, сказал им:

– Слушайте, братия! Знаете ли вы приказ царский, повелевающий быть нам сегодня вместе с царем в храме Диевом? Будьте же готовы.

В то время, как он говорил это, ему было доложено, что император уже прибыл к тому храму. Тотчас же все поспешно направились к капищу, дабы соприсутствовать императору. Но один из тех воинов, по имени Александр, с детства наставленный во благочестии христианском, боявшийся Бога, сказал трибуну:

– Ты хорошо сделал бы, если бы сказал, что мы должны идти и поклониться Богу истинному, пребывающему на небесах; те же, которых вы называете богами, не суть боги, но бесы.

Тивериан сказал ему:

– Мы сегодня будем приносить жертвы не всем богам, но только одному Дию, хотя у нас и много богов, которых почитает и сам царь, и мы.

Блаженный Александр отвечал на это:

– Дий, которого ты называешь богом, таков же, как и прочие бесы льстивые, увлекающие в погибель поклонников своих, прельщающие их на дела мерзкие и беззаконные, которыми осквернялись и сами боги ваши, как вы говорите о них, именно, иногда они, будучи распаляемы плотским вожделением, прельщали женщин и творили с ними мерзкие дела, оскверняя не только землю, но и море и воздух[3214]. Но кто когда слышал или видел, чтобы бог занимался блудодеянием? Наш же Бог есть Бог невидимый плотскими очами, но познаваемый лишь одною верою, Бог Пречистый, Всесильный, Создатель неба и земли. Наш Бог не требует Себе таких жертв, которые вы приносите своим нечистым демонам; взамен этих жертв Он требует от нас жертвы чистой и бескровной.

Выслушав Александра, Тивериан сказал:

– Оставь свое безумие, Александр! Не хули богов, наших благодетелей, чтобы царь, услыхав об этом, не прогневался на меня за то, что я позволяю быть в полку своем такому богохульнику!

Сказав это, Тивериан отправился к царю, Александр же пошел в дом свой.

Когда наступило время жертвоприношения, царь начал приносить жертву мерзкому богу своему Дию в том храме. В это время Тивериан сказал царю, что один из его воинов, по имени Александр, не исполняет приказания царского, не приносит жертву богу Дию, но поносит и хулит богов. Тотчас царь приказал послать за ним и велел привести его к себе в железных оковах.

В это время был шестой час дня[3215]. Александр лежал в это время на постели своей, предавшись сну. Вдруг явился ему в сонном видении Ангел Господень и сказал: «Александр! Мужайся и крепись, так как тебе предстоит много пострадать за имя Иисуса Христа. Вот для тебя уже приготовлены немалые

муки; вот воины уже идут за тобою, чтобы взять тебя. Но ты не бойся их; пусть не страшится их сердце твое, потому что я послан на помощь тебе. Встань же и помолись Богу, и я буду с тобою во все время твоего подвига».

Встав с постели, Александр начал петь псалом Давидов: «живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю» (Пс.90:1–2), и прочие слова псалма того до конца. Затем, выйдя из дому, Александр встретил воинов, шедших за ним; воины эти были его товарищами по полку, увидав святого Александра, все они попадали на землю от страха, ибо лицо святого сияло, как молния. Но святой сказал им:

– Встаньте, братия! Чего вы испугались?

Воины же сказали:

– Нам показалось, что ты был окружен силою Божию; потому мы и пали на землю от страха.

Но святой сказал им:

– Слушайте меня, братия! Бог неба и земли посетил раба Своего; но вы не смущайтесь: делайте то, что приказано вам; вы ведь посланы за тем, чтобы взять меня связанным и представить на допрос царю.

Воины же сказали на это:

– Мы условились ничего не говорить тебе. Откуда же ты узнал об этом, – скажи нам.

Святой отвечал:

– Не должно мне много говорить с вами, так как я с поспешностью стремлюсь на предлежащий мне подвиг, приготовленный мне Царем небесным. Мне придется идти из Рима до Византии.

Сказав это, святой преклонил колена и в таких словах помолился ко Господу: «Господи Боже отцов наших, хвалимый и благословляемый вовеки! Я прошу и молю Тебя, ныне, не отдели меня от лика праведников своих, не отринь меня, грядущего к тебе, так как ты открыл мне святое и страшное имя свое. Ты, Господи, Помощник и Заступник мой, пошли мне

Ангела твоего, дабы он помог мне и научил меня, что мне отвечать пред мучителем».

После того как святой окончил свою молитву, воины возложили руки на него и сковали его железными узами; потом повели его к императору Максимиану. Мать же святого, по имени Пимения, не знала еще того, что сын ее, Александр, взят на допрос к царю. Был же святой крепок телом, ростом высок, лицом красив и юн, ибо имел всего только восемнадцатый год от рождения своего. Когда святой был представлен на допрос к царю, то Максимиан спросил его:

– Ты ли тот самый, который дерзнул оскорбить меня? Ты ли тот, кто не повинуется начальнику своему и не желает поклониться великому богу моему Дию?

Святой отвечал на это:

– Я поклоняюсь Богу моему, пребывающему на небесах, и Его Единородному Сыну, Господу Иисусу Христу, и Святому Духу. Иного бога я не знаю и не буду исповедовать. Поэтому не спрашивай меня о другом боге. Власти же твоей я нисколько не боюсь и не страшусь, не боюсь я ни твоих угроз, ни твоих мучений, которым ты предашь меня.

Услыхав это, Максимиан весьма разгневался и сказал:

– Что может сделать тот Бог, которого ты исповедуешь?

Отвечал святой:

– Бог мой есть Бог невидимый и всемогущий, так что нет ничего, что не было бы возможно Богу моему.

Максимиан сказал на это:

– Может ли быть богом тот, кто был распят людьми и умер, будучи умерщвлен? Святой отвечал:

– Умолкни, сатана, потому что ты не смеешь своими скверными устами поминать пречистое и пресвятое имя Господа моего Иисуса Христа, по Своей воле претерпевшего и распятие, и смерть! О безумный! Если ты называешь его распятым и преданным смерти, то почему же ты не говоришь и о том, что Он воскрес из мертвых и даровал жизнь многим мертвым?

Максимиан сказал:

– Я хочу пощадить юность твою, потому что вижу, что ты очень молод. Но святой отвечал:

– Пожалей лучше себя самого и потрудись выпутаться из сети, в которую ты вовлечен диаволом. Что же касается до меня, то я не боюсь никаких мучений, так как имею своим помощником Бога.

Максимиан сказал:

– Я уже сказал, что я хотел бы пощадить тебя. Подойди же и принеси жертву; тогда ты будешь постоянно находиться в царской палате и будешь даже занимать здесь первое место.

Святой отвечал:

– Какому же богу ты прикажешь поклониться?

Отвечал Максимиан:

– Поклонись и принеси жертву великому богу Дию.

Святой, подняв руки свои к небу, начал молиться так: «Господи, Иисусе Христе! Не оставь меня, смиренного раба твоего, помоги мне, грешному и недостойному».

Когда он молился так, то, подняв очи свои на небо, увидел, что небеса были отверсты; увидел он и Сына Божия, сидевшего одесную Отца. От такого видения святой преисполнился великой радости духовной. Затем снова спросил Максимиана:

– Какому богу желаешь, чтобы я принес жертву?

Максимиан сказал:

– Принеси жертву великому богу Дию.

Отвечал святой:

– Разве ты не знаешь, что некогда был человеком тот, кого ты называешь богом, и притом был развратным и мерзким человеком, ибо однажды, распалившись плотскою страстью к женщине, принял на себя образ вола и своим волшебством прельстил и осквернил женщину?[3216]

Максимиан, услышав это, рассмеялся и сказал:

– Это доказывает силу богов наших, ибо они являются людям в том виде, в каком пожелают сами.

Святой же сказал ему:

– Окаянный! Ты хвалишь скверные и мерзкие дела богов своих, потому что и сам ты уподобляешься им нечистыми делами своими, ибо не хочешь познать Бога истинного, даровавшего тебе и честь и царство.

Максимиан сказал:

– Власть царскую дали мне мои боги.

Святой сказал:

– Я удивляюсь тебе, как ты, считая себя умным, губишь себя самого, так как ты веруешь в бесов и служишь идолам немым и бездушным, оставив Бога живого и бессмертного. Для чего ты следуешь за сатаною, отцом твоим? Обратись лучше от тьмы к свету, дабы не погибнуть тебе в геенне огненной вовеки.

Тогда Максимиан, преисполнившись гнева, передал Александра трибуну Тиверию, приказав ему мучить святого. Вместе с тем Максимиан приказал Тивериану мучить не только Александра, но и всех вообще христиан; с этою целью он послал трибуна во Фракию, приказав ему везде преследовать христиан. Максимиан приказал вести Александра за собою до Византии. Когда святой Александр услышал об этом, то сказал царю:

– Благодарю тебя, мучитель, за то, что ты хочешь сделать имя мое известным по многим странам. Да сподобит меня Господь и Бог мой претерпеть за имя это святое всякие болезни и мучения по всем концам земным.

Максимиан же приказал удалить святого от лица своего. Трибун Тиверий принял его в свое распоряжение, и утром следующего дня приказал, повесив святого на мучилищном дереве, строгать тело его железными когтями. Александр, во время мучения не испустил ни одного вздоха, но, подняв очи к небу, воссылал благодарение Богу. Затем, сняв святого с мучилищного дерева, трибун Тивериан приказал оковать его железными узами и поручил своим воинам вести его во Фракию.

В то время, когда святой Александр был веден воинами во Фракию, Ангел Господень явился в сонном видении его матери, Пимении, и сказал ей: «Пробудись, поднимись с постели, возьми твоих слуг и животных и последуй за сыном твоим во Фракию; туда ведут сына твоего для того, чтобы он пострадал за имя Христово; ты же, по кончине его, предай погребению честное тело его».

Блаженная Пимения, пробудившись, не стала печалиться и плакать, а наоборот преисполнилась великой духовной радости о сыне своем. Тотчас же встав и приготовив все необходимое

для путешествия, с поспешностью пошла она тем же путем, каким шел и сын ее. Пимения догнала Александра в городе Катаргене.

Войдя в этот город, она увидала, что сын ее предстоял Тивериану, который судил его. Увидав, затем, что Александра начали подвергать истязаниям и мучениям, и весьма возрадовавшись о подвиге возлюбленного сына своего, Пимения велегласно воззвала, сказав так:

– Бог Всевышний, Пастырь добрый, да поможет тебе, сын мой!

Когда Тивериан услышал ее голос, то спросил:

– Чей это голос?

Однако никто не мог сказать, откуда происходил этот голос, так как народа, стоявшего около места того, было слишком много. Затем Тивериан сказал мученику:

– Окаянный, принеси жертву богам!

Святой же отвечал:

– Я согласен принести Богу жертву хвалы.

Мучитель сказал на это:

– Разве ты не говорил мне, что ваш Бог не требует Себе никаких жертв? Святой отвечал:

– Действительно, Бог мой не требует тех жертв, которые вы приносите своим идолам, но Он требует жертвы в правде и святости, потому что Он Бог святой и праведный.

Тогда Тивериан приказал опалять свечами тело святого, сказав:

– Посмотрим, придет ли Бог его спасти его от моих рук.

Святой же, будучи опаляем, подняв очи свои к небу, сказал: «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, пославшему Архангела твоего Михаила в Вавилон и трех отроков от огня пещи избавившему (Дан.3), Ты, Господи, избавь и меня от болезненной муки сей и посрами мучителя, дабы я вместе с псалмопевцем Давидом мог сказать: «мы вошли в огонь и воду, и Ты вывел нас на свободу» (Пс.65:12).

Тивериан, увидав, что огонь нисколько не вредил мученику, весьма устыдился и приказал воинам связать Александра и вести его за собою в дальнейший путь. Мать же святого,

увидав, что сын ее отведен воинами от мучителя, упросила воинов допустить ее к свиданию с сыном. Воины не воспрепятствовали ей. Святой мученик, увидав мать свою, сказал:

– Хорошо сделала ты, госпожа моя, что пришла сюда. Сопутствуй мне до того самого места, на котором я окончу подвиг свой[3217], как открыл мне Господь.

Некоторые же из воинов говорили при этом:

– Блажен ты, Александр, потому что велика твоя вера; велик и Бог христианский. Вот уже как много мук принял ты, и, однако, же нисколько не ослабел в своем исповедании.

Так говорили они во время путешествия, предпринятого по приказанию Тивериана.

Когда путешественники подошли к источнику, случайно протекавшему на пути, то остановились и приступили ко вкушению пищи. Вместе с тем они начали упрашивать и Александра вкусить пищи с ними, тем более, что он уже четырнадцать дней не вкушал хлеба и не пил воды. Святой же, заменяя для себя пищу молитвой, преклонив колена начал петь псалом: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя: помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю» (Пс.120:1–2). Затем начал молиться так: «Господи Иисусе Христе, соблюди меня, агнца твоего, непорочным, дабы не возрадовался враг мой о мне, ибо я познал пресвятое имя Твое. Не посрами меня, Владыко, пред мучителем, но пошли на помощь мне святого Ангела твоего и десницу Твою, и будь мне Защитником, Помощником и Покровителем».

Когда святой окончил свою молитву, ему явился Ангел Господень и сказал: «Не бойся, Александр! Господь услышал молитву твою, и я послан от Бога тебе на помощь».

Когда Ангел говорил эти слова, воины слышали, что кто-то говорил Александру, но кто именно, они этого не видели; поэтому они весьма испугались и от страха и ужаса упали лицами своими на землю. Блаженный же Александр сказал им:

– Что вы видели, братия, что так испугались?

Они же сказали:

– Мы слышали голос Бога твоего, говорившего к тебе; поэтому мы и испугались и от страха пали на землю.

В то время как воины говорили святому слова эти, к месту тому приблизился Тивериан, сопровождаемый вельможами городскими. Тивериан спросил вельмож:

– Как называется место это?

Они сказали ему:

– Оно называется Судным местом.

Тивериан сказал на это:

– Если это Судное место, то на нем следует произвести суд. Приведите же ко мне христианина Александра.

Когда святой предстал Тивериану, то сей последний сказал ему:

– Неужели ты все еще пребываешь в своем безумии и все еще не хочешь поклониться богам нашим? Я вижу, что сердце твое ожесточено, однако, я весьма сожалею тебя и потому хочу обратить тебя к почитанию богов, владык всей вселенной.

Мученик отвечал на это:

– Нечестивый, ослепленный умом, сын диавола, служащий отцу своему – сатане. Как ты можешь сожалеть меня и быть милосердым для меня, ведь сатана, отец твой, ни к кому не милосерд, наоборот, он хочет всех вовлечь в геенну огненную и погубить вместе с собою.

Тивериан сказал:

– О злой и нераскаянный! Как ты осмеливаешься так говорить мне? Разве я равен тебе, что ты говоришь мне такие дерзости? Не за то ли ты бесчестишь меня, что я щажу тебя? Но не следовало бы тебе еще более почитать и уважать меня за мою благость и милосердие, а не поносить меня бранными словами!

Святой отвечал:

– Воистину ты подобен отцу твоему, сатане, так как имеешь сердце ожесточенное, как какой-либо твердый камень. Не понимаешь ли ты того, что место это называется Судным. А это очевидно показывает, что тебя в скором времени постигнет праведный суд Бога, Который будет судить всех, живых и мертвых, и Который воздаст каждому по делам его. Вот тогда ты

и узнаешь, что я говорил тебе истину. Бог будет судить тебя зато, что ты без милосердия мучаешь меня. Он знает, сколь люто и незаслуженно ты мучаешь меня. Но знай, что муки эти принесут мне славу, тебе же приготовят погибель вечную.

Слыша такие слова, Тивериан распалился еще большею яростью и приказал расстелить по земле железные колючки и влачить по ним мученика. Святой же во время столь лютого мучения молчал, как будто совершено не ощущал никакой боли. Видя, что мучения не достигают цели, Тивериан еще более разгневался и приказал четырем воинам бить святого суковатыми палками. Во время мучения святой, принимая побои, сказал Тивериану:

– О нечестивый! Только эти муки ты изобрел для меня. Прибавь другие, более тяжкие, потому что от этих мук я совершенно не чувствую никакой боли, ибо мне помогает Христос, Бог мой.

Тивериан сказал на это:

– Я разрублю тело твое на части, брошу их в огонь, развею в пепел, так что на земле не останется и памяти о тебе. Тогда я посмотрю, придет ли Христос на помощь тебе и спасет ли тебя из рук моих.

Отвечал святой:

– Христос мой тотчас же погубит тебя. Твое тело будет раздроблено на части и твои кости будут раскиданы по земле; ты более уже не увидишь Рима, как не увидишь и лица твоего нечестивого императора, потому что Господь потребит память о тебе с земли. И все это будет тебе в наказание за то, что ты не познал Бога истинного, и не почтил, окаянный, Того, Кто дал тебе эту честь и эту власть. Но если бы ты познал Бога, то ты мог бы стяжать себе на небе жизнь вечную; ныне же ты, оставив Бога истинного, возлюбил сердцем своим отца своего, сатану; вместе с ним ты будешь свержен в геенну огненную. Я же всегда буду прославлять Владыку и Спасителя моего, Господа Иисуса Христа, Который избавит меня от рук твоих и сподобит меня благодати Своей в царстве Своем вечном.

Услыхав такие слова, мучитель изменился в лице своем от гнева и ярости. Однако приказал прекратить мучения.

Между тем день склонился к вечеру. Когда наступила ночь, Тивериан расположился на ночлег в том месте. Уснув, он увидал в сонном видении Ангела Божия, явившегося ему в грозном виде с мечом в руках. Ангел сказал ему: «Нечестивый! Вот я пришел к тебе, ибо ты предал лютым мукам раба Божия Александра, знай, что я мог бы поразить тебя вот этим мечом. Но я подожду еще некоторое время. Пробудившись, иди с поспешностью через Иллирию в Византию, ибо приблизилось время кончины раба Божия Александра».

Тивериан от страха пробудился. От ужаса он трепетал всем телом своим. Подозвав к себе своих советников, сопутствовавших ему, он пересказал им о своем видении. Они же сказали ему:

– Мы давно уже хотели сказать тебе, чтобы ты не мучил столь люто и несправедливо человека того. Но мы не осмеливались этого сделать. Мы слышали, что велик Бог христианский и что Он осуждает на вечные мучения в огне неугасимом тех, кто мучает рабов Его.

После этих слов Тивериан пришел еще в больший страх и ужас и тотчас же приказал воинам своим вести мученика вперед. Сам же пошел сзади него. Тивериан проходил мимо многих городов, однако, не заходил и не останавливался в них, так как, согласно повелению Ангела, весьма спешил в Византию. Но сонное видение еще много дней не выходило из головы его; поэтому Тивериан был в большом страхе и не осмеливался причинять мучений святому Александру. Когда Тивериан проходил через Иллирию и приблизился к городу Сардикии, навстречу ему вышел градоначальник и вельможи городские; но Тивериан не вошел в город, а прошел мимо него. Бывшие же в городе том христиане, услыхав, что трибун Тивериан, шедший из Рима, вел с собою мученика, вышли из города, но не для того, чтобы встретить трибуна, а для того, чтобы видеть мученика. Увидав, что мученик шел отдельно, христиане подошли к нему и, припав к ногам его, сказали:

– Помолись о нас Богу, страдалец Христов!

Он же сказал им:

– Молитесь и вы за меня, братия, дабы я совершил до конца подвиг свой о Христе Иисусе и сподобился восприять обещанный мне венец из Его святой десницы.

Затем мученик был поведен воинами в дальнейший путь. Миновав город Клисуру, путешественники приближались к месту, называвшемуся Вономасийским полчищем, отстоявшему от Филиппополя за сорок поприщ, где и остановились, Тивериан к этому времени уже начал забывать то страшное видение, которое он имел относительно мученика Александра. Позвав святого к себе на допрос, он спросил его:

– Неужели, Александр, ты до этих пор все еще пребываешь в безумии своем? Не желаешь ли принести жертву милосердым богам нашим Дию и Асклипию[3218], владеющим вселенной?

Святой отвечал:

– Ослепленный умом, сын сатаны! Что еще желаешь ты слышать от меня? Ведь я сказал тебе, что бесам я не принесу жертвы.

Тивериан сказал:

– Нет, я и не убеждаю тебя принести жертву бесам; я прошу тебя только принеси жертву Дию и Асклипию, нашим великим богам.

Святой отвечал:

– Безумный! Неужели ты не понимаешь того, что твой Дий и Асклипий суть бесы. Тивериан сказал:

– Нет, они боги мои. И вот я сделаю так, что имя твое будут поносить по всей земле за такое столь великое поругание и меня и богов моих.

Святой отвечал:

– Я сам желаю того, чтобы имя Христово через меня прославилось по всей земле.

Тогда Тивериан сказал воинам, предстоявшим ему:

– Уведите его от лица моего, ибо я не могу выносить его поруганий. Ведите его в Филиппополь и заключите его там в темницу, держите его в темнице до тех пор, пока я не приду в город тот.

Мученик, согласно приказанию Тивериана, был приведен воинами в Филиппополь и заключен здесь в темницу.

Между тем граждане города того, узнав, что в их город скоро прибудет Тивериан, вышли навстречу ему. Войдя в город, Тивериан готовился к принесению жертвы Дию и Асклипию. Христиане же, проживавшие в городе том, узнав, что в их городе в темнице находился святой мученик Александр, подошли к темнице и стали упрашивать темничного сторожа пропустить их в темницу, дабы они могли видеть мученика Христова. Сторож не препятствовал им, потому что и сам боялся Бога. Войдя внутрь темницы и увидав, что святой был заключен в оковы, христиане припали к ногам его и целовали узы его, говоря: «Благослови нас, страстотерпец Христов, благослови также и отечество наше, ибо мы – христиане; мы проживаем в городе этом, одержимые всегда великим страхом, ибо игемон города этого постоянно разыскивает нас, дабы муками отвратить нас от Христа. Однако он до этих пор не мог отвратить нас от исповедания имени Христова. По благодати Божией нас здесь много; в числе нас, христиан, есть даже наиболее славные и именитые здешние граждане. Мы надеемся, что сила Христова победит нечестивую веру эллинскую и в конце концов весь город наш единогласно будет прославлять имя Христово. Ты же, страдалец Христов, претерпи до конца подвиг свой за Христа».

Между тем Тивериан, принося идолам свою мерзкую жертву, вспомнил об Александре, содержавшемся в темнице и сказал вельможам городским:

– Вы должны знать, что я имею с собою христианина, преданного мне для испытания; я принуждал его различными муками к поклонению богам нашим, но нисколько не успел в этом. На мои вопросы он отвечает очень грубо и постоянно поносит и меня, и богов наших. Пусть его приведут сюда. Быть может он устыдится всех вас, здесь присутствующих, и принесет жертву богам.

Тотчас был приведен Александр. Тивериан, сидя рядом с игемоном, сказал мученику:

– Скажи, мне, Александр: ты все еще до этих пор не соглашаешься приносить жертв богам нашим? Вот все

христиане, проживающее в этом городе, уже поклонились Дию и Асклипию, только ты один противишься нам.

Святой же отвечал:

– Ты лжешь, окаянный, как и отец твой, сатана: ни один из здешних христиан не исполнил еще вашего нечестивого приказания. Что же касается меня, то ты все равно от меня ничего не услышишь, кроме того, что я тебе сказал уже раньше, а именно, что я христианин, и что я не принесу жертвы скверным бесам вашим. Вот и теперь опять я, во всеуслышанье всех, здесь собравшихся, повторяю, что я раб Бога Небесного и что я никогда не отрекусь от Христа, Бога моего.

Тивериан, устыдясь, сказал воинам: «Связав его железными оковами, ведите предо мною; я же в скором времени пойду за вами».

И веден был святой в дальнейший путь.

Подойдя к одному источнику, называвшемуся Сирмием, мученик умыл лице и руки свои. Затем, обратясь к востоку, начал молиться, говоря: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой за то, что Ты в Филиппополе сподобил меня исповедать пресвятое имя Твое».

Воины же не дали ему еще помолиться и принудили его продолжать путь.

Когда дошли до места, называвшегося Полчищное (здесь бывали празднества языческие), Тивериан догнал путников. Подозвав к себе Александра, Тивериан сказал ему:

– Разве ты не знаешь, Александр, что я с кротостью говорил тебе пред игемоном, увещевая тебя принести жертву богам нашим; но ты, в присутствии столь избранного общества, презрел мою просьбу. В таком случае, хоть теперь исполни приказание мое и освобожу тебя от мучений.

Отвечал святой:

– То, что я сказал тебе пред игемоном, скажу и на всяком месте. Поэтому ты, сын сатаны, обольщенный диаволом, не думай, что отвратишь когда-либо меня от исповедания имени Христова.

Тогда Тивериан приказал воинам вбить в землю четыре кола и, растянув мученика в четыре стороны, велел привязать

его к тем колам и дать ему двести ударов. Мученик же, с безмолвием принимая наносимые ему раны, молился ко Господу Богу своему. В это время с неба послышался голос, говоривший: «Мужайся, Александр, и не бойся мучений, ибо они временны и скоро-преходящи. Я же всегда с тобою».

Услыхав голос с неба, Тивериан весьма убоялся, тотчас же приказал прекратить мучения и затем отправился в дальнейший путь. Дойдя до города, называвшегося Карасура и находившегося между Филиппополем и Вереею, Тивериан вошел в него; воины же вместе с Тиверианом не вошли в город, но остановились под тенью дерев вблизи города. Был шестой час дня. Так как было очень жарко, то святой сказал воинам:

– Братия, я очень хочу пить.

Но они ему отвечали:

– И мы сами весьма хотим пить, но откуда же мы достанем здесь воду? Святой сказал им:

– Подождите здесь немного, ибо может Бог и на месте сем дать нам воду.

Сказав это, святой преклонил колена свои и помолился ко Господу такими словами: «Господи Иисусе Христе, изведший некогда в пустыни из камня воду жаждавшему Израилю (Исх.17:1–7), призри и ныне милостиво на раба твоего и дай нам на месте сем воду, чтобы мог утолить жажду я и все те, которые находятся со мною. Через сие будет прославлено святое имя Твое».

Когда святой помолился так, вдруг земля расступилась и под дубом истек источник воды чистой и прохладной. Увидав такое чудо, воины сказали:

– Воистину велик Бог христианский, исполняющей просьбы верных рабов Своих.

Затем мученик и воины те вкусили воды от источника и прославили Христа Бога.

Пройдя затем достаточно значительный путь, воины подошли к одной реке, называвшейся Арзоном. Так как все утомились от долгого пути, то расположились здесь на отдых. Сел отдыхать и Александр. Здесь догнал воинов Тивериан и, увидев, что мученик сидел, с гневом сказал воинам:

– Почему вы, окаянные, позволяете сидеть нечестивому человеку тому?

Затем поднявшись, пошли по направлению к городу Вереи.

Когда приближались к этому городу, граждане с честью встретили Тивериана. В городе этом было очень много христиан – больше половины, однако, они, боясь мучений от язычников, в тайне содержали исповедание имени Христова. Увидав мученика Христова, шедшего отдельно от трибуна, они подошли к нему и сказали:

– Радуйся, страстотерпец Христов! Мужайся и крепись, потому что нечестивые мучители никогда не победят всемогущей силы Господа нашего, Иисуса Христа.

Между тем Тивериан, подозвав к себе мученика, сказал ему:

– Послушай меня, Александр, как своего родного отца: принеси теперь жертву богам нашим вместе со мною. Если ты сделаешь это, то, обещаю тебе пред всеми здесь присутствующими, что освобожу тебя, и если ты пожелаешь, можешь занять место начальника в моем полку; если же не пожелаешь быть начальником полка, то пойдешь, куда пожелаешь.

Святой же, улыбнувшись, сказал ему:

– О если бы ты знал, как горько для меня то утешение, которым ты меня утешаешь! Ибо сии слова твои наносят душе моей великое мучение. Но Бог поможет мне не слушать твоего совета. Я тебе уже много раз говорил раньше и теперь говорю и еще раз повторю, что я христианин и твоим бесам не принесу жертвы.

И пошел Тивериан оттуда далее. Мученик следовал за ним, будучи окован узами железными. Пришли к другому месту, расположенному на берегу той же реки Арзона. Место это отстояло от Вереи на четырнадцать поприщ. Здесь было много гостиниц и странноприимных домов. Тивериан заночевал здесь, ожидая мученика, которого сопровождало от города Вереи много христиан.

Когда воины прибыли вместе с мучеником к тому месту, на котором был Тивериан, то мученик стал просить у Тивериана

позволения помолиться в продолжении небольшого времени Богу своему. Тивериан дозволил ему. Святой, увидав поблизости большое ореховое дерево, подошел к нему и, став под его ветвями, преклонил колена, молясь Богу в таких словах: «Господи Иисусе Христе! Пошли святого Ангела твоего и возьми душу мою, ибо я более не могу выносить мучений, так как тело мое изнемогло».

Тивериан, увидав, что мученик молился, сказал воинам:

– Удивляюсь, откуда Александр научился волшебным молитвам. Он вырос ведь на моих глазах. Я сам определил его в сан воина и никак не мог предполагать, что он знает волшебство.

Затем, призвав к себе Александра, сказал ему:

– Александр, принеси жертву богам!

Святой отвечал:

– Воистину ты помрачен умом, ибо снова желаешь слышать от меня то, что я тебе говорил уже много раз.

После этих слов святого Тивериан приказал слугам своим поливать спину мученика кипящим маслом. Но Ангел Господень, невидимо явившись близ мученика, разбил сосуд, в котором было масло; при этом масло возлилось на слуг мучителя и сильно обожгло их. Тивериан же, увидав, что маслом обожжен не мученик, а его слуги, весьма разгневался и приказал четырем воинам растянуть мученика под ореховым деревом и бить его палками без милосердия. Биение продолжалось до тех пор, пока изнемогли воины. Когда мучители прекратили биение, святой Александр сказал: «Владыко Господи! Благослови дерево это и дай ему целебную силу, ибо я пострадал под ним за святое имя Твое».

С того времени, плоды и листья дерева возымели целебную силу и исцеляли веровавших от многоразличных болезней и недугов.

Затем снова воины повели мученика в путь, идя пред Тиверианом. Когда прошли Андрианополь, то приблизились к одному месту, называвшемуся Вуртодексион. Здесь святой встретил мать свою блаженную Пимению, прибывшую сюда ранее мученика, увидав своего возлюбленного сына, она пала к

ногам его, плача и рыдая. Затем, поднявшись, облобызала его. И сказал ей святой:

– Не плачь, мать моя, ибо я надеюсь на Господа моего, что Он утром следующего дня поможет мне окончить подвиг мой.

Здесь догнал воинов Тивериан. Так как день склонялся уже к вечеру, то Тивериан здесь остановился на ночлег и предался сну. В восьмой час ночи[3219] он поднялся с ложа своего и пришел к реке, называвшейся Зионкел, где была гостиница. Солнце уже взошло. Отдохнув здесь несколько от пути, Тивериан сказал мученику:

– Я тебя предавал уже многим мукам, и, однако, ты не хотел обратиться к почитанию богов моих. Знай же, что ныне я предам тебя смерти, если ты не исполнишь моего приказания.

Сказав так, Тивериан удалился от того места. Приближаясь к Византии и подойдя к городу Дризиперу, расположенному при реке Еригоне, Тивериан решил произвести здесь окончательный суд над мучеником и сказал ему:

– Вот смерть твоя, Александр, пред тобою. Что ты скажешь: принесешь ли жертву богам нашим, или нет. Вот я здесь умерщвлю тебя и брошу твое тело в реку, чтобы его пожрали рыбы.

Святой же отвечал ему:

– Я бы весьма возблагодарил тебя, если бы ты сделал то, что говорил; тогда бы я скорее избавился от рук твоих. Богам же твоим мерзким я ни в каком случае не принесу жертвы, хотя бы ты мог погубить меня и тысячами смертей.

Тогда мучитель приговорил Александра к смерти и передал его воинам, приказав отсечь ему голову и бросить тело его в реку. Затем отправился в дальнейший путь; воины же остались здесь для того, чтобы исполнить приказание Тивериана. Сюда стеклось весьма много народа, желавшего видеть кончину мученика Христова; было здесь немало и христиан. Святой мученик, обратившись к палачу, попросил его несколько повременить усечением и дать ему помолиться; при этом мученик попросил воды. Некто из народа, пришедшего посмотреть на зрелище то, взяв сосуд, зачерпнул воды из реки и принес ее к мученику. Святой же, умыв водою лицо и руки

свои, обратился к востоку; затем, оградив себя честным знамением креста, начал молиться, говоря так: «Слава Тебе, Боже отцев наших! Слава Тебе, Бог Авраамов, Исааков и Иаковлев! Слава Тебе, Которого трепещет вся тварь и Которому все поклоняется, ибо Ты Творец неба и земли! Тебе, Богу всех, Богу невидимому и нетленному, со страхом предстоят Серафимы, не смея воззреть на Тебя и восклицают непрестанно: «свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна Славы его!» (Ис.6:3). Тебя благословляет солнце, обходящее небо, благословляет земля и все, что на ней, люди и животные, всякое дыхание жизненное воспевает Тебя, ибо Ты истинный Бог Истинный, Отец, и Сын, и Святой Дух, пребывающий вечно. Вспомни о боящихся Тебя, Владыко, и о воссылающих благодарение всесвятому имени твоему. Не презри и меня, раба твоего, смиренного и недостойного, Человеколюбче Господи».

Затем, обратившись, к христианам, святой сказал:

– Братия и отцы! Вспоминайте труды мои, ибо я не поленился пострадать ради имени Господа нашего, Иисуса Христа, дабы Он был милосерд ко мне и ко всем прочим христианам. Знайте, что тот долгий путь, который я совершил от Рима до этого места, всюду связываемый узами и облагаемый веригами, влекомый с побоями, всячески мучимый, – этот тяжелый путь я совершил не своею силой, но помощью Господа нашего Иисуса Христа. Силою Господа Иисуса Христа я победил и мучителя Тивериана, и помощника его, диавола. Вот я ныне ухожу отсюда, чтобы предстать Владыке моему. Вы же помолитесь обо мне, дабы я снискал себе от Господа милость.

Затем, святой попросил палача подождать еще непродолжительное время и, преклонив колена, начал молиться Богу в таких словах: «Господи Иисусе Христе! Услышь раба твоего, страдающего за имя святое Твое! Ниспошли благодать телу моему; сделай так, чтобы оно, где бы ни было положено, подавало всюду исцеления больным во славу пресвятого имени твоего».

Тотчас же послышался голос с неба, обещавший исполнить просьбу мученика.

Потом мученик сказал воинам:

– Братия! Исполняйте же поскорее то, что повелено вам! Палач же, по имени Целестин, сказал святому:

– Мученик Христов! Помолись Богу своему, дабы не поставил Он этого мне во грех, ибо мне приказано убить тебя.

Сказал ему святой:

– Делай так не по своей воле, но по приказанию других. Тот будет иметь грех на себе, кто приказывал, ты же поскорее сделай то, что повелено, ибо я спешу отойти ко Господу моему.

Целестин завязал глаза святому чистым полотенцем и, вынув меч из ножен, уже хотел нанести удар мученику. Но, увидав святых Ангелов, пришедших взять душу мученика, весьма испугался и стоял, не зная, что делать. Святой же, ожидая в скором времени усекновения головы своей, сказал палачу:

– Делай, брат, то, что тебе повелено.

Но палач отвечал:

– Я боюсь, раб Божий, ибо я вижу неких дивных мужей, стоящих близ тебя.

Тогда святой воззвал к Богу, говоря так: «Господи, Иисусе Христе! Сподоби меня скончать подвиг свой в час сей!»

После этого Ангелы отошли от святого на небольшое расстояние. Тогда палач Целестин отсек честную главу мученика, и тотчас святая душа его была взята на небо Ангельскими руками; Ангелы возносили ее на небо во гласе хваления Бога. Глас тот Ангельский был слышен всеми христианами, стоявшими близ места того.

Так святой мученик Христов Александр окончил подвиг страдания своего[3220], тело же его честное было брошено воинами Тиверианновыми в реку, согласно приказанию мучителя. Но, по Божию усмотрению, честное тело мученика было извлечено из воды четырьмя псами на берег. Псы лизали святое тело и, сидя близ него, охраняли его от хищных птиц и зверей. Когда же к тому месту пришла мать мученика, блаженная Пимения, то она взяла многострадальное тело сына своего возлюбленного и, помазав его ароматами и обвив чистою плащаницей, похоронила с честью при реке Еригоне. От гроба

мученика всем, с верою притекавшим, подавались нескудные исцеления.

В скором времени святой мученик явился матери своей в видении, утешил ее и возвестил ей, что скоро и она преставится Лицу Божию. С нею сей святой мученик предстоит ныне пред престолом славы Божией в сонме прочих святых мучеников, молит о нас Господа Человеколюбца и славит Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, прославляемого и восхваляемого всею тварью, видимою и невидимою, ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Память преподобного отца нашего Павсикакие, епископа Синадского

Память 13 мая

Родиной блаженного Павсикакие был город Апамея[3221], и он происходил от знатных, благородных и усердных в истинном христианском благочестии родителей. Во время своего воспитания, будучи еще в юном возрасте, он предался строгому посту, молитве и другим суровым подвигам, почему и принял впоследствии иночество. Питаясь только небольшим количеством хлеба и водою и достигши через молитву дара врачевания, он исцелял телесные, а вместе с тем и душевные недуги. Так, вступив в брань с бесами, он заочно изгонял их из бесноватых, возвращал зрение слепым, выпрямлял скорченных и совершал другие дивные чудеса. Когда об этом распространилась молва, то он стал известен и Константинопольскому архиепископу, блаженному Кириаку[3222], который, совершив над ним епископское рукоположение, назначил его епископом синадской церкви[3223].

Став епископом, святой Павсикакий немедленно же пращею[3224] слова изгнал из своей паствы церковных волков[3225] и, как зараженные члены тела, словесным мечом своим изрубил и повыбрасывал их вон, чтобы они не причинили какого-либо вреда и здоровым членам. Заботясь так ревностно о своей пастве и тем содействуя ей в деле спасения, преподобный совершил путешествие в город Константинополь и исцелил там императора Маврикия от недуга, которым он был тогда одержим, за что император с золотою печатью послал ему в его город заслуженное им вознаграждение в количестве одной литры[3226] золота. Когда преподобный возвращался из Константинополя в Синаду, то, находясь в Силоне[3227], он молитвою извел из земли источник воды, и его спутники утолили жажду. Прожив так благочестиво и богоугодно и совершив спасение многих, святой Павсикакий оставил эту жизнь и отошел к возлюбленному им Господу[3228].

Память святого Георгия исповедника

Память 13 мая

Святой мученик и исповедник Христов Георгий родился в городе Константинополе. За поклонение честным иконам и почитание их он схвачен был иконоборцами и приведен к нечестивому императору Феофилу[3229]. Последний то угрозами, то убеждениями стал принуждать его отречься от Христа и от поклонения святым иконам, но святой не согласился на это. Возмущенный гнусными и лживыми словами мучителя, он сказал ему: «Всякому истинному христианину надлежит поклоняться честным иконам и чтить их, так как почитание их переходит на первообраз».

За такие слова святому Георгию привязали на шею веревку и стали влачить его по улицам города, как злодея, потом заключили в темницу и, наконец, отняв и разграбив все его имущество, вместе с женою его Ириною и детьми отправили в ссылку, где, перенесши множество бедствий, он с радостью отошел ко Господу[3230].

Страдание святого мученика Исидора

Память 14 мая

В первый год царствования императора Декия[3231], вышел указ царский по всем областям и странам империи римской, предписывавший пересчитать воинов и собрать их в полки. По этому случаю подъехали корабли воеводы Нумерия к острову Хиосу[3232] для того, чтобы собрать здесь всех юношей, предназначавшихся к военной службе.

В это время на острове Хиосе проживал святой Исидор, происходивший из города Александрии, крепкий телом и мужественный духом, по вере же христианин. Он проводил жизнь богоугодную, всегда подвизаясь в посте и доброделании; он был чужд суетных дел и нечистых удовольствий мира сего; равным образом он сторонился и нечистых дел еллинских. Этот Исидор за свою храбрость и мужество был записан в число воинов и сопричислен к полку Нумериеву.

В скором времени от императора вышло новое приказание, – принудить всех христиан поклоняться богам римским; тех же, кто не поклонялся, должно было принуждать к тому мучениями: особенно приказано было наблюдать за воинами; если среди них находился христианин, было предписано принуждать его к поклонению и приношению жертв идолам, согласно древнему римскому обычаю.

В это время один сотник, по имени Иулий, подойдя к воеводе Нумерию, донес ему, что блаженный Исидор был христианином. Воевода тотчас же приказал взять святого. Когда святой был представлен пред судилище Нумериана, то он спросил его:

– Какое имя твое?

– Я называюсь Исидором, – сказал святой.

Воевода сказал:

– Это ты не повинуешься приказу императора нашего Декия и не хочешь приносить богам жертв?

Святой Исидор отвечал на это:

– Кто боги ваши, чтобы мне, христианину, принести им жертву? Не идолы ли они глухие, слепые и ничего не чувствующие?

Воевода сказал на это:

– О злой и нечестивый хулитель! Поистине, ты достоин великих мучений и казни!

Святой сказал:

– Действительно, я достоин пострадать за имя Бога моего; ради Его пресвятого имени я согласен принять всякое мучение и самую смерть, дабы Владыка мой сподобил меня одной участи со святыми мучениками, пострадавшими за святое имя Его ранее меня. Но я верую и твердо надеюсь, что все верующие в Него и уповающие на имя святое Его, никогда не умрут, как сказал Сам Господь наш Иисус Христос: «верующий в Меня» (Иоан. 6:47), «если и умрет, оживет» (Иоан.11:25).

– Принесешь ли ты, Исидор, – сказал Нумериан, – жертву богам, если хочешь остаться живым. или нет?

Святой отвечал:

– Если бы ты и умертвил меня, то над душою моею у тебя нет власти. Поэтому мучь меня, как хочешь, ибо я имею Помощником своим истинного и живого Бога и Господа Иисуса Христа, Который и ныне со мною и по смерти моей со мною будет, и я буду с Ним. Я не перестану исповедовать имени Его пресвятого до тех пор, пока в моем теле будет пребывать дух жизни.

Воевода сказал:

– Ты хоть один раз принеси жертву, повинуясь приказанию царскому, а потом поступай, как хочешь.

Но святой отвечал:

– Не думай, нечестивый, что ты прельстишь меня коварством своим. Тот, кто один раз отвергся от Христа и Бога своего, может ли называться Его верным рабом? «неверный в малом неверен и во многом» (Лук. 16:10), но я не позволю себе даже в мысли моей подумать о чем-либо, неугодном Господу.

Воевода сказал:

– Я советую тебе, Исидор, к твоей же пользе. Послушай же меня. Если же ты меня не послушаешь, то я предам тебя

лютым мукам, и буду мучить тебя до тех пор, пока ты не исповедуешь величие богов наших.

Вслед затем воевода приказал своим воинам растянуть святого и бить его четырем воинам без милосердия.

Когда мучители били святого, то окружавшие его из народа сказали ему:

– Подчинись, Исидор, воле императора, если не желаешь окончить жизнь свою среди мучений.

Но святой отвечал:

– Я повинуюсь воле и приказанию Бога моего, Царя небесного, пребывающего вечно. Этого Бога я исповедую и почитаю; я не отрекусь от Него, и не буду отвержен Им в день суда.

После биения мучитель долгое время соблазнял святого к идолопоклонству и ласками, и угрозами, но совершенно не имел успеха и лишь слышал от мученика брань и укоры как себе самому, так и богам своим. Наконец, преисполнившись гнева, сказал:

– Я прикажу изрезать твой скверной язык на части.

Святой отвечал:

– Хотя бы ты и изрезал язык мой, все равно исповедание имени Христова от уст моих ты не отнимешь.

И отрезан был язык у святого, по приказанию мучителя. Однако святой и по отрезании языка говорил достаточно отчётливо, прославляя Христа, Бога истинного: воевода же от страха пал на землю и сделался немым. Когда его подняли с земли, то он не мог сказать ни одного слова и выражал свои мысли лишь маханием руки. Затем, попросив бумагу, написал на ней:

– Я приказываю усечь мечом Исидора, не повинующегося указу царскому.

Когда слова эти были прочитаны мученику, то он с радостью воззвал, говоря:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе за то, что Ты не лишил меня благодати Твоей! Славлю Тебя, Владыка мой, моя жизнь, мое дыхание! Воспеваю Тебя, Господи, сила моя,

просвещение ума моего! Прославляю Тебя, давшего мне язык, которым я непрестанно славлю Твое величие!

Палач же, взяв мученика, повел его на место усекновения. Святой Исидор шел с радостью и поспешностью, устремляясь как агнец на заклание свое. Затем, посмотрев на небо светлым лицом и радостными очами, святой сказал:

– Владыка Святой! Славлю Тебя за то, что Ты по милости Своей ныне примешь меня в селения Твои и в места упокоения.

Придя же на место, на котором должно было совершиться усекновение главы мученика, святой попросил у палача позволения помолиться. Затем, помолившись достаточное время, преклонил под меч честную главу свою[3233] и таким образом был усечен за исповедание имени Иисуса Христа, Сына Божия, преклонившего на кресте пречистую главу Свою за нас грешных.

После усечения честное тело святого мученика было брошено мучителями без погребения, на съедение псам и зверям. Но один из числа друзей святого, по имени Аммоний, тайный христианин, взяв тело святого мученика, ископал могилу вместе с прочими верными братиями и положил честное тело Исидора в земле, как некое многоценное сокровище. Этот христианин и сам явил себя подражателем доблестного подвига Исидора; плывя по проливу Геллеспонту, он в Кизике[3234] принял венец мученический. Честные же мощи святого Исидора были взяты впоследствии из земли некою благочестивою женщиною, по имени Миропиею, пришедшей сюда из города Ефеса; помазав честные мощи драгоценными мазями и обвив чистою плащаницею, она положила их на почетном месте. Когда гонение на христиан прекратилось, в честь святого мученика Исидора была воздвигнута церковь, в которой подавались многоразличные исцеление болящим от святых мощей мученика Христова, во славу Христа Бога нашего, прославляемого вовеки вместе со Отцом, и Сыном, и Святым Духом. Аминь.

Кондак, глас 4:

Управитель великий вселенней ты явился еси, святе, твоими к Богу молитвами: темже воспеваем тя днесь, мучениче Богомудре, Исидоре преславне.

Житие преподобного отца нашего Серапиона Синдонита

Память 14 мая

В Египте проживал один старец, по имени Серапион, носивший прозвище «Синдонита»[3235], так как прикрывал свою наготу телесную только одним плащом. С юных лет он проводил жизнь иноческую; он не имел никакого имения, не имел даже и келлии; у него не было пристанища и он проживал как птица небесная. Никогда он не входил в дом для того, чтобы отдыхать в нем или покоиться на ложе. Он носил на себе лишь один небольшой плащ и имел всего только одно небольшое Евангелие; Серапион ходил с места на место и останавливался ночевать там, где застигала его ночь. Утром следующего дня, встав от сна, он не оставался на том же месте, но снова продолжал путешествие свое, как бесплотный, почему многие и называли его «бесстрастным». Много раз его встречали поблизости от того селения, где он останавливался. Видели как он, сидя при дороге, плакал, и спрашивали его:

– О чем ты плачешь, старец?

Он же отвечал вопрошавшим:

– Господин мой поручил мне Свое богатство. Но я потерял его, и вот Он хочет наказать меня.

Это говорил святой приточно, Господином называя Бога, богатством душу свою, по образу Божию созданную и искупленную кровью Сына Божия.

Слышавшие же такой ответ, не понимая сказанного, думали, что старец говорит о золоте; поэтому и кидали ему, кто что мог, – кто хлеб, кто овощи, и говорили:

– Возьми, брат, хотя это; о богатстве же, которое ты потерял, не скорби, ибо может Бог вернуть тебе его.

А старец отвечал:

– Аминь! Аминь!

Когда же Серапион прибыл в Александрию, то встретил некоего нищего, совершенно нагого, дрожавшего от холода. И стал старец думать про себя:

– Как это может быть, что я, воображающий себя постником и верным исполнителем заповедей Христовых, ношу одежду, а этот нищий, в образе которого – Сам Христос, мучается от холода? Как же я могу не пожалеть его! Поистине, если я не покрою наготу его и попущу ему умереть от холода, то я буду осужден в день суда как убийца.

Затем, сняв с себя плащ, Серапион отдал его нищему, а сам сел нагой близ места того, держа лишь на груди своей Святое Евангелие, с которым никогда не расставался.

Случилось, что здесь проходил некто, знавший старца. Увидав Серапиона нагим, проходивший спросил его:

– Отец Серапион! Кто обнажил наготу твою?

Серапион же, показывая на Святое Евангелие, отвечал:

– Вот это открыло наготу мою.

Потом блаженный встретил некоего человека, которой был веден за долг в темницу. Пожалев его, но не имея ничего, чтобы он мог ему дать, преподобный продал Евангелие, которое носил с собою, и отдал вырученные деньги, уплатив долг человека того. Затем Серапион пришел в хижину, в которой иногда пребывал. Ученик преподобного, увидев его нагим, спросил его:

– Где твой плащ, честной отец?

Старец отвечал:

– Я послал его туда, где вместо него мы найдем во много раз лучшее.

Ученик снова сказал:

– А Евангелие малое где?

Старец отвечал:

– Чадо, оно (Евангелие) каждый день говорило мне: «продай имение твое и раздай нищим» (Мф.19:21), чтобы приобрести его в День Судный. Я послушал его и сделал так, как оно советовало мне. Я продал его и вырученные деньги отдал нуждающемуся, дабы приобрести себе милость у Бога нашего, Иисуса Христа за то, что я послушал Его Святое Евангелие.

Спустя некоторое время один из знакомых дал преподобному старый худой плащ, дабы он мог прикрыть им наготу тела своего.

Этот нестяжательной старец, пришел однажды в Грецию и пробыл в Афинах три дня; он весьма хотел есть, но ни от кого не мог получить куска хлеба, потому что никто ему ничего не подал, купить же хлеба ему было не на что. Исполняя слова Христовы, он никогда не носил с собою ни монет, ни сумы для денег, ни одежды (Мф.10:9–10), за исключением лишь худого плаща, которым прикрывал наготу свою. В четвертой день пребывание в Афинах Серапион сильно взалкал. Став на возвышенном месте в городе, он начал плакать и громко взывать:

– Мужи афинские! Помогите мне!

К нему подошли философы и начальники города и спросили его:

– Откуда ты пришел старец? И какое горе у тебя?

Он же отвечал:

– Я родом египтянин. Когда я вышел из места родины своей, то впал сразу в три долга, именно: у меня остались два заимодавца, которым нечего было взять с меня, третий же заимодавец не оставляет меня и до этих пор, но истязует меня, требуя с меня долг свой.

Философы же спросили его:

– Кто это заимодавцы твои и кто истязует тебя? Скажи нам, и мы тебе поможем.

Тогда старец сказал им:

– С юных лет смущала меня похоть плотская, сребролюбие и страсть к объядению; от двух я уже избавился и они уже не смущают меня, ибо я не чувствую вожделения плотского; не имею я и имущества или богатства; жажда же пищи не оставляет меня: вот уже четвёртый день, как я ничего не имел во рту; потому жажда пищи не оставляет меня, смущая меня и требуя себе обычного долга.

Некоторые из философов подумали, что он их обманывает, и дали ему золотую монету, но наблюдали издали за ним, что он будет делать.

Старец же, взяв монету, поспешно пошел к хлебным торговцам и, положив монету пред ними, взял один хлеб и ушел оттуда, и более уже не являлся в город тот. Тогда философы

убедились, что старец этот был действительно добродетельным мужем. Подойдя к хлебным продавцам, они дали им монету соответственно стоимости хлеба, купленного старцем, а золотую монету взяли себе.

Блаженный Серапион, придя в Лакедемонию[3236], и узнав, что один из здешних градоначальников был манихеем[3237], но проводил вместе с тем жизнь добродетельную, – пошел к нему и продал себя ему в рабы. Через два года по благодати Божией Серапион убедил его отречься от ереси, так что он присоединился ко святой Церкви православной со всем домом своим. Тогда все возлюбили старца здесь не как верного раба, но как отца родного, и весьма почитали его, радуясь о своем спасении от ереси, и прославляли Бога. Старец же, прожив здесь столько времени, сколько считал нужным для спасения души людей тех и возвратив им деньги, полученные от них, ушел оттуда, по обычаю своему, обходя многие страны и города.

Повествуется об этом старце и то, что он, когда был еще юношей, продал себя одному греку скомороху за двадцать сребренников и, храня деньги эти, жил у грека того до тех пор, пока не обратил его и весь дом его ко Христу Богу. Случилось же это потому, что скоморох видел, как раб его постоянно все дни проводил в посте, вкушая хлеб и воду лишь вечером и то в небольшом количестве, по ночам же всегда вставал с постели и молился Богу со слезами; видя всё это скоморох пришел в умиление и, уверовав во Христа, Бога истинного, крестился, а за ним крестилась и жена его и весь дом его. После этого грек тот сказал Серапиону:

– Иди, брат, ибо мы хотим освободить тебя от твоего рабства, как ты освободил нас от рабства диаволу.

Он же сказал им:

– Так как Бог мой даровал вам спасение, то открою вам тайну мою: я не был рабом, но свободным египтянином; но увидав, что вы заблуждаетесь и близки от погибели, я сжалился над вами и по этой причине продал себя вам в рабство, дабы при помощи Божией наставить вас на путь спасения. Но так как вы теперь уже наставлены на этот путь, то возьмите обратно серебро ваше; я же пойду позабочусь о спасении других людей.

Но они долгое время упрашивали его, говоря:

– Мы готовы почитать тебя, как отца и господина нашего; поэтому будь отныне нам господином, а мы будем рабами твоими. Только не уходи от нас!

Однако никак не могли уговорить его остаться на месте том. Притом они не хотели взять от старца сребренники и говорили ему:

– Честной отец, раздай это нищим; с нас же достаточно и того, что ты направил нас на путь спасения.

Но человек Божий отвечал им:

– Вы сами можете раздать то, что принадлежит вам; я же чужое серебро не могу раздавать нищим.

Они же снова стали упрашивать его, чтобы он хотя бы через год посетил их. После того преподобный ушел оттуда в другую страну.

Однажды, встретив корабль, отправляющийся из Александрии в Рим, Серапион сел на него, желая приехать в Рим. Корабельщики же, отплывши от берега, не спросили старца, – уплатил ли он следуемую сумму за перевозку? Они думали друг о друге, что кто-либо из них принял от старца деньги и вещи; хотя они и видели, что он был в очень бедном плаще, однако, думали, что у него найдутся деньги для уплаты за перевозку.

Когда корабельщики отплыли от берега стадий около пятисот, то приступили вечером ко вкушению пищи. Не видя же, чтобы старец вкушал пищу, они подумали, что он постится в тот день. То же самое видя и на другой и на третий день, и не понимая отчего старец не вкушал пищи, подумали, что он простудился на море и страдал от морского ветра. Увидав, что старец не вкушал пищи и на четвертый и на пятый день, спросили его:

– Человек! Почему ты ничего не ешь?

Он же отвечал им:

– Потому я и не ем, что мне нечего есть.

Поговорив между собою относительно того, кто принимал в корабль вещи человека того, и узнав, что он не уплатил денег за

перевозку, корабельщики начали роптать на преподобного, с гневом говоря:

– Зачем ты вошел сюда, не имея ничего с собою? Что ты будешь здесь есть? чем уплатишь нам за провоз?

Старец же отвечал им:

– Я ничего не имею с собою, кроме этого худого рубища, как это вы видите и сами. Если вы не хотите везти меня с собою, отвезите меня назад и доставьте меня туда, откуда вы меня взяли.

Но корабельщики сказали старцу:

– Если бы ты давал нам и сто золотых монет за то, чтобы мы возвратились обратно для тебя одного, то и тогда мы не согласились бы на это, тем более, что сейчас дует попутный нам ветер.

И позволили старцу быть на корабле, питая его Бога ради.

Преподобный же, придя в Рим, обходил дома всех тех граждан, о которых слышал, что они проводили жизнь благочестивую. Беседуя с ними, он получал для себя пользу духовную. Ради этого он и странствовал, собирая богатство духовное, дабы купить им себе блага небесные в покое вечном. Эти блага он и получил по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава во веки веков. Аминь[3238].

Страдание святого мученика Максима

Память 14 мая

Святой мученик Христов Максим, имея в сердце своем ревность по Боге, увидел однажды, что идолопоклонники не только сами предаются служению идолам, но и других склоняют к этому, заставляя их преклоняться пред языческим храмом. После этого он стал молиться Богу о том, чтобы Он прекратил гонение на христиан, и многих неверующих сам крестил. Один раз, когда совершалось служение идолам, и все язычники усердно стали сходиться и приносить в жертву своим богам не только животных, но и людей, святой мученик, не вынося такого зрелища, вошел в среду идолослужителей и всенародно обличил их, назвав идолов их деревом и камнем, бессильными даже самим себе оказать помощь. Тогда язычники схватили его и сильно сперва избили, а потом побили его камнями. Так и скончался святой мученик[3239].

Житие преподобного отца нашего Пахомия Великого

Память 15 мая

Пахомий родился в Верхнем Египте – в Фиваиде, именно в окрестностях города Эсне[3240], в последнем десятилетии III в.[3241] Родители его были ревностные язычники. С христианами он познакомился гораздо позднее, во время своей кратковременной службы в войске. Задатки чистой жизни сказались в нем очень рано, еще до познания Христа.

Однажды родители поручили Пахомию отнести рабочим котелок с говядиной. Заночевав по необходимости в том месте, Пахомий встретил искушение. Одна из дочерей хозяина, девушка очень красивая, убеждала его согрешить с нею. Целомудренный Пахомий ответил ей строго: «Невозможно мне совершить это худое дело; разве глаза мои – глаза собаки, чтобы мне согрешить с моею сестрою?»

Немедленно он пошел домой. Впоследствии он сам рассказывал об этом случае монахам, убеждая их тщательно предусматривать соблазны и побеждать искушения.

Святой Пахомий не был чужд книжного образования. Его последующая деятельность доказывает это. Притом родители его были люди состоятельные, а среди египтян была развита любовь к просвещению. Детей очень рано, в возрасте пяти-восьми лет, посылали в школу. Здесь они учились читать и писать, причем преподавались им и правила нравственности: эти правила заключались в самых прописях.

Когда Пахомию исполнилось двадцать лет, он был взят в войско. В это время у императора Константина была война с каким-то «тираном», вероятно с Максенцием, в 315 г. Пахомий со своими товарищами – новонабранными воинами отправился в путь. К вечеру достигли города Эсне. Здесь Пахомий и его товарищи были оставлены в здании темницы под охраной стражи. Скоро явились сюда христиане с запасами хлеба и всяких кушаньев и усердно просили путников подкрепить свои силы. Когда Пахомий потом спрашивал, почему эти люди так

заботятся о них, совсем не зная их, ему отвечали, что это христиане, и что они поступают так ради Бога. Это оказало сильное действие на впечатлительную душу Пахомия.

На другой день Пахомий и его спутники отправились далее, к городу Антиноэ[3242]. Здесь очень многие молодые воины предавались всяким утехам и чувственным удовольствиям. Они хотели соблазнить и Пахомия, но он стал выше соблазна и настойчиво отвлекал от зла своих товарищей.

В это время император Константин одержал победу над своими врагами и отдал приказ распустить войско. Вместе с другими и Пахомий освободился от необходимости участвовать в походе. Теперь для него настало время сделаться христианином. Он пламенно желал служить верно Христу Богу, хранить себя чистым от всякой скверны плоти и духа и делать по силам своим добро ближним. Обет совершенной верности Христу он дал еще в заключении в городе Эсне, пораженный милосердием христиан.

Отпущенный на свободу, святой Пахомий отправляется теперь в уединенное селение Шенесит (Хиновоск). Здесь он оглашается в истинах веры Христовой и принимает святое крещение в здешней церкви. В окрестностях селения Шенесит Пахомий жил довольно долго. Он поселился здесь в старинном, тогда уже пустом, храме Сераписа. Надобно заметить, что при широком распространении христианства могло запустеть много храмов языческих. Средства к пропитанию он добывал усердным трудом, возделывая овощи и несколько пальм. Эти овощи и плоды были пищей и для тех, кто случайно или нарочито приходил сюда, также и для бедных, живших в Шенесите. Пахомий преуспевал здесь в любви к ближнему. Многие искали у него утешения. Слава его распространялась и дальше Шенесита. Благочестие, любовь к ближнему и рассудительность Пахомия уже и в это время привлекали к нему многих на постоянное жительство. В это время ревность об угождении Богу очень многих побуждала оставлять шумные города и села, и если являлся где-нибудь особенно усердный подвижник, к нему устремлялись любители пустынного жития. Мы видим, что вскоре Пахомий начинает искать большего

уединения, ищет себе самому руководителя в подвигах духовных. Может быть, именно опыт руководительства своими сожителями и пробудил в Пахомии потребность в руководителе и для себя самого. Живя в окрестностях Шенесита, Пахомий был во многом полезен жителям этого селения. Когда в селении стала свирепствовать какая-то страшная, заразная болезнь, от которой очень многие умирали, Пахомий служил больным и даже доставлял жителям в большом количестве сучья акации, чтобы, сжигая их, они могли очищать воздух.

В первые годы своей иноческой жизни Пахомий еще не вполне ясно отличал православное учение от еретических измышлений, не вполне верно знал, где истинная Церковь Христова. Его старались привлечь на свою сторону последователи еретика Маркиона[3243]. Но он знал, что есть и иные, отличные одно от другого, учения, усиливающиеся доказать свою истинность. Смущенный этим разногласием, он со слезами молил Бога открыть ему, где истина. В восхищении он слышал голос, что истина хранится в той церкви, которою управляет Александр, епископ Александрийский. Конечно Пахомий теперь всем сердцем стал желать познать эту истину и всегда вполне быть верным ей.

Потребность в руководителе побудила Пахомия оставить свое жилище в окрестностях Шенесита. Побуждением к этому было еще желание всецело посвятить себя Богу, духовному очищению и совершенствованию. Пахомий боялся и того, что его постоянные заботы о различных нуждах мирян, заботы более всего приличные священникам и верным мирянам, могут соблазнить более слабых иноков: они, по примеру Пахомия, могли бы увлечь их служением миру и в то же время не суметь сохранить себя не оскверненными от мира. Пахомий оставил окрестности Шенесита, прожив здесь три года. Уходя отсюда, он просил одного старого монаха возделывать здесь овощи и пальмы ради приходивших сюда бедняков.

Вот Пахомий разыскал келью славного своими подвигами старца Паламона. Этот старец жил в некотором удалении от городов и селений. Он пользовался уважением во всей окрестной стране. Около него жили и другие монахи,

следовавшие его советам и подражавшие ему в образе жизни. Но очень многие вскоре уходили отсюда, чувствуя, что им не по силам такой строгий образ жизни. Когда Пахомий постучался к авве Паламону, старец спросил:

– Зачем ты стучишь?

Пахомий отвечал, что и он хочет быть монахом.

Старец возразил ему, убеждая его идти обратно, чтобы испытать себя, может ли он вынести тот строгий образ жизни, какой ведут ученики Паламона. Он говорил Пахомию:

– Я должен сначала сказать тебе, какова мера жизни монашеской. Вот она. Во всякое время мы бодрствуем половину ночи, размышляя о слове Божием; очень часто мы остаемся с вечера до утра работать своими руками, делать веревки, чтобы бороться со сном и снабжать себя тем, что нужно для поддержания нашего тела. То, что остается сверх нашей нужды, мы отдаем бедным. Что же касается того, чтобы есть масло или что-нибудь вареное, пить вино, мы не знаем, что это значит. Мы постимся всякий день до вечера в продолжение летнего времени, а зимою мы постимся по два дня подряд или по три. Правило общих молитв – шестьдесят раз молиться днем и шестьдесят раз ночью, кроме тех молитв, кои мы творим в каждое мгновение и коих счета мы не знаем.

Авва Паламон убеждал Пахомия еще испытать себя и тогда уже снова явиться к нему.

Пахомий решительно ответил старцу:

– Я во всем испытывал себя в продолжение многих дней, прежде чем явиться к тебе.

Тогда Паламон открыл дверь, братски облобызал Пахомия и поспешил объяснить ему, что все это он говорил не из тщеславия, а ради его спасения, что этого они не сообщают людям мирским. Однако авва Паламон опять высказал желание, чтобы Пахомий возвратился в свое прежнее жилище, чтобы там еще испытать себя.

Но Пахомий возразил:

– Я уже испытал свою душу во всем и уверен, что при помощи Божией, по твоим святым молитвам, сердце твое будет спокойно относительно меня.

Старец ответил ему:

– Очень хорошо.

Пахомий тотчас же был принят. Авва Паламон несколько дней особенно внимательно наблюдал за Пахомием, чтобы испытать его в молитве, в бодрствовании, в посте. Когда нужно было есть хлеб, старец оставлял Пахомия есть одного.

После трехмесячного испытания, авва Паламон облек Пахомия в монашеские одежды, опоясал его иноческим поясом[3244], пред чем оба подвижника вместе молились целую ночь. Теперь Паламон особенно старался приучить Пахомия к ночному молитвенному бодрствованию. С вечера они заготовляли материал для ручного труда, потом долго с усердием молились, наконец, принимались за работу, стараясь не потерять молитвенной настроенности духа и не поддаться сну.

Когда наступил праздник святой Пасхи, Паламон сказал Пахомию, что в этот день он будет дважды вкушать пищу. Приготовляя пищу, Пахомий влил в нее немного масла. Но Паламон не захотел такого ослабления поста даже и в день Пасхи. С великою скорбью он говорил: «Мой Бог был распят за меня, а я буду есть масло, которое дает крепость телу!»

Он хотел было совсем отказаться от пищи до другого дня. Старец только тогда согласился принять пищу, когда Пахомий бросил соль, содержавшую немного масла, и подал ему соль, посыпанную золой. Пахомий с великим смирением просил прощения. Конечно, они оба вкусили хлеба с солью. Слезы текли по ланитам строгого старца и смиренного ученика, желавшего во всем подражать своему любимому учителю.

Пахомий часто уединялся среди гор и здесь целые ночи проводил в пламенной молитве. Место, где он молился в летний зной, воздевая руки к небу и не позволяя себе опустить их, иногда покрывалось даже грязью от обильного пота, падавшего с его тела. Пахомий не обращал внимания на то, что иногда в его ноги вонзались колючие иглы терновника. Какие бы неудобства пустынной жизни ни встречались, он с благодушием сносил все, взирая постоянно на те мучения, какие терпел ради нашего спасения Господь Иисус Христос.

Во всем строгие к себе и вместе смиренные, Паламон и Пахомий не дерзали просить себе от Бога знамения, никогда не надеялись на свою праведность. Из последнего времени жизни аввы Паламона известен следующий случай, показывающий, как был строг к себе учитель Пахомия даже и тогда, когда силы его от старости и подвигов очень ослабели.

Однажды Паламон сильно заболел. Иноки пригласили к нему опытного врача. Но врач отказался лечить старца, сказав, что ему прежде всего необходимо улучшить питание. Братья стали убеждать старца послушаться врача. Он согласился принимать пищу, назначенную больным. Когда Паламон и после этого не выздоровел, он начал с глубоким убеждением говорить инокам:

– Не думайте, что здоровье приходит от тленной пищи: ведь сила и здоровье приходят от Христа; ведь мученики Христовы давали отсекать свои члены, терпели огонь и всякие виды мучений, пока, наконец, их не обезглавливали. А я! Я не могу выносить легкую болезнь, я просил врача заботиться о мне; я пользовался лекарствами; потом, согласившись пользоваться ими, я не получил отсюда никакой пользы. Мне остается одно – снова начать свои подвиги; это лучшее лекарство, и Тот, по Чьему пути я иду, конечно будет знать мое намерение, будет пещись о мне больше, чем я сам мог бы сделать.

Авва Паламон с прежним усердием и постоянством предался иноческим подвигам, ограничивая все свои потребности. Милосердый Господь на некоторое время восстановил его здоровье.

Однажды Пахомий ходил по пустыне. Наконец, он достиг развалин селения Тавенниси, немного к югу от Шенесита в округе Тентирском[3245]. Здесь Пахомий услышал голос: «Пахомий, Пахомий, подвизайся и пребывай на этом месте; построй себе обитель, и множество людей придут к тебе, чтобы сделаться монахами около тебя, и получат они пользу душам своим».

Пахомий немедленно идет к авве Паламону и сообщает ему об этом. Тогда они оба отправляются в Тавенниси и строят

здесь обитель, строят собственно небольшое иноческое жилище. Паламон пошел опять на место своих прежних подвигов. При этом он указал на близость своей кончины и предрек будущую славу Пахомиева монастыря. Старец уверял своего любимого ученика, что Господь пошлет ему силу и терпение для управления многочисленными братиями. После продолжительной молитвы, они расстались. Паламону сопутствовали некоторые ученики его, приходившие навестить своего учителя.

Прошло некоторое время, и авва Паламон опасно заболел. Ученики его послали за Пахомием. Он быстро отправился к старцу и остался при нем, чтобы служить ему до самой смерти его. Наконец, старец почил смертью праведника в десятом часу двадцать пятого дня месяца Авива. Ученики его провели всю ночь в чтении и пении псалмов над старцем. Утром они совершили обычную молитву и потом отнесли тело почившего на гору, на некотором расстоянии от его келии; там они похоронили его, совершив еще раз усердное моление об упокоении души усопшего старца со святыми. Все они теперь были в великой печали. Лишившись советов и утешений великого старца аввы Паламона, они считали себя сиротами. Пахомий возвратился в свою келью в Тавенниси, скорбя о почившем наставнике, и в своем уединении предался усиленным подвигам благочестия. Вскоре он сам делается руководителем других на пути ко спасению.

Когда Пахомий один жил в Тавенниси, к нему пришел старший брат его, Иоанн. Пахомий с любовью принял брата. Прошло уже много лет со дня их разлуки, так как Пахомий не возвращался домой после того как был взят в войско. Благочестивая беседа Пахомия сильно подействовала на Иоанна, и он остался в Тавенниси навсегда.

Оба брата теперь трудились уже общими силами. Добытое усердным трудом они отдавали нуждающимся. Они проводили очень строгую жизнь. Одетые в грубое шерстяное платье, они уходили в жаркие места, где стояли до утра на молитве, не сгибая ни колен, ни рук, простертых к небу. Такую всенощную молитву они совершали очень часто, хотя ноги их иногда пухли

от напряжения, а москиты до крови кусали их руки. Если братьев-подвижников одолевал сон, они садились на том же месте, где совершали свою молитву, но не позволяли себе опираться на что-нибудь. В продолжение дня они до тех пор занимались телесным трудом, пока зной от палящих лучей южного солнца не делался невыносимым.

Ради будущих своих сожителей Пахомий начал заботиться об устройстве ограды вокруг того места, где он подвизался с братом. Пахомий желал, чтобы ограда заключила в себе как можно больше места: он ожидал к себе много других иноков. Но Иоанн, предполагая, что они всегда останутся вдвоем, недружелюбно смотрел на этот труд. Он даже портил умышленно стену, которую они строили. Пахомий однажды сказал ему по этому поводу: «Довольно безумия!»

Иоанн очень рассердился и долго потом не мог успокоиться, хотя Пахомий просил прощения.

К вечеру этого дня Пахомий сошел со стены и долго молился. В это время он еще живее почувствовал свою вину пред Иоанном и утром еще с большим смирением просил у него прощения. Конечно, братья-подвижники теперь стали еще больше любить друг друга и смиряться один пред другим, Иоанн более и более преуспевал в подвигах благочестия и самоумерщвления. Скоро достигши высокого духовного совершенства, он умер, оплакиваемый братом Пахомием.

Пахомий в это время был уже совершенным подвижником. Поэтому и искушения бывали у него очень сильные, но своею молитвою и терпением он всегда успевал отражать самые страшные козни врага.

Вот что случалось с ним. Иногда, когда он хотел преклонить колена для молитвы, пред ним, по действию демонов, являлась как бы яма; но Пахомий безбоязненно молился. Иногда на дороге окружали его демоны подобно почетной страже и громко кричали: «Освободите дорогу для человека Божия».

Диавол очень желал внушить Пахомию тщеславие и гордость; но он был совершенно нечувствителен к этому искушению. То вдруг диавол делал, что келия Пахомиева тряслась и колебалась, как будто готова была упасть; но

Пахомий нисколько не смущался этим и с глубочайшим спокойствием повторял слова псалма: «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах. Поэтому не убоимся, хотя бы поколебалась земля и горы двинулись в сердце морей» (Пс.45:2–3).

Однажды демоны являлись Пахомию в виде работников, усердно старавшихся сдвинуть камень с места при помощи канатов, но – без успеха. Молитва Пахомия заставила их исчезнуть. Много раз, когда Пахомий садился есть скудную пищу, бесы являлись ему в виде нагих женщин; но Пахомий закрывал глаза и отвращал от видения сердце и – демоны исчезали. Борьба с темными силами ада требовала от Пахомия большего напряжения всех сил и иногда очень его утомляла. Однажды Господь послал ему нового утешителя в лице инока Аполлона[3246]. Пришедши к Пахомию, этот благочестивый, опытный и добрый инок решительно сказал ему:

– Будь мужественен Пахомий: не бойся никакого действия со стороны духов, ибо помощь Божия даст тебе победу над ними.

Этот старец остался с Пахомием к великому утешению для обоих. Впрочем, старец Аполлон скоро скончался. Однажды, когда Пахомий собирал тростник для своего рукоделия, Ангел Господень явился и сказал ему: «Пахомий, Пахомий, Пахомий! Воля Божия – чтобы ты служил роду человеческому и воссоединял людей с Богом».

Когда Ангел Господень удалился, Пахомий остался и смотрел вслед его, говоря: «Это – дело Господне».

Собрав немного тростника, он пошел в свое обиталище.

Вскоре после явления Ангела, к преподобному Пахомию пришли три человека – Пшентаиси, Сурус и Пшои. Они сказали Пахомию: «Мы хотим сделаться монахами вблизи тебя и быть рабами Христовыми».

Убедившись в их искреннем благочестии, Пахомий с любовью и радостью принимает их и дает им монашескую одежду.

Эти три инока с увлечением и постоянством предаются самым трудным подвигам, руководимые примером и

наставлениями святого Пахомия. Их поразило его трудолюбие. Авва Пахомий сам заботится о всем, сам очищает и поливает сад, отворяет дверь приходящим и беседует с ними, с усердием служит больным. О новых иноках он говорил: «Это – молодые растения, не достигшие еще той меры, чтобы служить другим».

Освобождая новых иноков от всякой внешней заботы, Пахомий внушал им, чтобы они усердно занимались делами, которые прямо ведут к очищению сердца, к укреплению воли в добро. Когда первые ученики открыто выражали Пахомию свое сожаление по поводу его постоянных трудов для них, он говорил им с глубокою верою: «Какой человек может привязать животное к машине[3247] и пренебрегать им дотоле, пока оно не упадет и не умрет? Когда Господь увидит, что я утомлен, Он пошлет нам людей, которые будут помогать нам во всяком добром деле».

Для утверждения первых своих учеников в добродетели, святой Пахомий наложил на них некоторые правила. Единообразие в пище и одежде было признано необходимым и в этом маленьком общежитии.

Слух о благочестии и мудрости святого Пахомия более и более распространяется по Египту. К нему являются то те, то другие люди, проникнутые жаждой высших подвигов. Приходили иногда и отшельники, уже достигшие высокого духовного совершенства, чтобы отдать себя под руководство святому Пахомию. Так явились пять славных подвижников, которые прежде проводили отшельническую жизнь. Это были: авва Печош (или Пекусий), авва Корнилий, авва Павел, авва Пахомий и авва Иоанн. Пахомий всех их принял с радостью. Являлись иногда люди с худым настроением души и с дурными навыками. Замечая, что их нельзя уврачевать, но что они могут своим примером развратить других иноков, Пахомий удалял их из своего общежития. К святому Пахомию стремились многие, и он был для них постоянным руководителем и наставником.

Движимый любовью к ближним, святой Пахомий, с помощью своих иноков, в ближайшем к монастырю селении построил церковь, чтобы жители этого селения могли приступать чаще к причащению Св. Таин и назидаться

слушанием слова Божия. По бедности обитателей, святой Пахомий принял на себя все издержки по совершению Евхаристии. Сам он с братиями и читал в этой церкви. Когда нельзя было найти пресвитера, Пахомий приходил в церковь и назидал присутствующих чтением слова Божия. Иноки в церкви так благоговейно держали себя и Пахомий так усердно исполнял обязанности чтеца, что посетители этой церкви постепенно оставляли грехи, заботились об очищении сердца, делались христианами не по одному лишь имени. На авву Пахомия они смотрели не как на человека, но как на Ангела Божия.

Количество иноков в Тавеннисийском общежитии более и более увеличивалось. Когда оно достигло до ста человек, Пахомий пришел к мысли, что необходимо построить церковь и в самом монастыре. Когда была устроена церковь, братия отправлялись, как и прежде, в субботу в церковь, находившуюся в селении, а в воскресенье пресвитер приходил в монастырь и здесь совершал литургию. Впоследствии выходы братии в село для участия в совершении литургии в субботу прекратились.

Между иноками Пахомиева монастыря никто не имел пресвитерского сана. И сам Пахомий не хотел принять этот сан. Он часто говорил братии: «Хорошо для нас и не просить о подобном деле, чтобы между монахами не было ни зависти, ни спора, ни непослушания, ни разделения, вопреки воли Божией. Как огонь на гумне, если бы не поспешили погасить его, погубил бы труд целого года: то же самое представляет помысел гордости в своем начале. Хорошо, чтобы мы покорялись Церкви Божией твердо и спокойно. И во всякое время, кого только мы найдем посвященным епископами, его и будет довольно для нас для этого дела.

К преподобному Пахомию являлись и пресвитеры, желавшие сделаться монахами. Святой авва не отказывал им в приеме в монастырь. Конечно, они должны были во всем безусловно подчиняться правилам жизни монашеской и обычаям общежития. Пахомий в своем служении спасению ближних обращался к их содействию, если они оказывались

неизменно скромными и послушными. Сам Пахомий ни за что не соглашался сделаться священником, хотя его достоинства всеми высоко ценились.

Известен следующий случай из его жизни. Однажды святой Афанасий, архиепископ Александрийский, обозревал паству. Его везде торжественно встречали. Навстречу ему выходили епископы, пресвитеры и народ. Некоторые епископы, пресвитеры и множество клириков сопровождали его. Вышел навстречу великому святителю и сам Пахомий со своими иноками. Они пели псалмы до тех пор, пока не вошел в обитель архиепископ. В это время Серапион, епископ Тентирский, взял архиепископа Афанасия за руку и сказал ему:

– Прошу твою любовь сделать священником авву Пахомия, отца монахов, чтобы он управлял всеми монахами моего округа.

Услышав это, святой Пахомий мгновенно скрылся. Архиепископ сел. Многочисленная толпа окружила его. Святой Афанасий сказал громко, обращаясь к епископу Серапиону:

– Я слышал о вере Пахомия, будучи еще в Александрии, прежде моего посвящения.

Потом святой Афанасий встал, сотворил молитву и сказал ученикам Пахомиевым:

– Приветствуйте вашего отца и скажите ему: ты скрылся от меня и избежал того, что может возбудить зависть и соревнование; ты избрал добродетель, которая пребудет вечно со Христом. Пусть Господь наш даст тебе по желанию твоему.

Конечно, смирение преподобного Пахомия располагало и братии Тавеннисийского общежития также к смирению. Подобно своему великому авве они не искали и даже боялись возвышения. Ни греческие, ни коптские историки не указывают между ними пресвитеров.

С умножением иноков в Тавенниси явилась возможность укрепить здесь стройный чин общежития, подвести все действия иноков под строгие общежительные правила. Сам преподобный Пахомий был для киновитов[3248] и учителем и судией, был и правилом и образцом для деятельности каждого.

О благе всех и каждого печется прежде всех сам великий авва Пахомий. Он постоянно убеждает иноков не ослабевать в

молитве, не переставать призывать имя Божие, чтобы без молитвы не быть застигнутым врасплох сатаною. Святой Пахомий пользовался всяким случаем, чтобы сказать слово назидания тому или другому брату. Но, кроме этих частных бесед, он обыкновенно говорил еще три общих поучения в течение недели – одно в субботу и два в воскресенье. Он заповедал, чтобы и всегда начальник монастыря составлял и произносил три поучения в неделю. Кроме трех поучений начальника монастыря, во время субботних и воскресных собраний иноков, обязательно в два седмичные поста, т.е. в среду и пятницу, говорили поучения своим монахам начальники домов.

Иноки всякий вечер собирались для духовной беседы и вообще любили назидать друг друга теми уроками, какие каждый извлекал из чтения слова Божия и из наблюдений над жизнью тех или других людей. Иноки любили повторять изречения свящ. Писания и размышлять о них. Поэтому и при взаимных беседах они всегда могли назидать друг друга мыслями и словами Библии. Праздных бесед и пересудов мы не видим в Тавенниси. В общежитии было много домов; каждым из них заведовал особый начальник, у которого был свой помощник, вторствующий по нем. Этот вторствующий заменял начальника в случае его отсутствия или болезни.

Святой Пахомий позаботился о том, чтобы каждого вступающего в монастырь брата встречали иноки особенно благочестивые и мудрые. Эти иноки-привратники каждого нового брата встречали, устраивали и в течение трех лет искуса, до облечения его в монашескую одежду, усердно назидали своими беседами, предохраняя его от всякого зла. Таким образом, новоначальные в Тавенниси находили опытных и постоянных руководителей и могли благочестиво настроиться в первые же годы своей жизни в монастыре. Святой Пахомий и сам внимательно наблюдал за новоначальными. Как радовали его успехи и усердие молодых иноков. Как внимателен он был к их нуждам! Как предохранял он их от всякого соблазна и искушения совне, также как и от увлечения какими-нибудь нечистыми помыслами!

О больных братиях в Тавенниси очень много заботились. О них имели попечение и особо назначенные для служения в больничном доме иноки с их начальником, имел попечение и сам преподобный Пахомий.

При братской трапезе прислуживали особые иноки. Они сменялись через три недели. От этих иноков требовалось постоянное усердие, тем более, что братия вкушали пищу не в одно время. Иноки, служившие при трапезе, в течение трех часов приготовляли, распределяли и раскладывали хлеб, различные овощи и маслины. В дозволенные дни подавали за трапезой сыр, яйца, овощи вареные, похлебку из вареных зерен. Каждый брат подходил к столу в то время, когда желал, и принимал свою часть. Но это было только один раз в день: одни ели в шестом часу, другие – в седьмом, иные – в восьмом, иные – в девятом, в десятом, в одиннадцатом, иные же к вечеру, когда показывались на небе звезды. Некоторые иноки были так строги к себе, что вкушали пищу только один раз в два дня. Вообще пост[3249], согласно первоначальному уставу, не налагался ни на кого против воли. Только более близких к себе иноков святой Пахомий склонял поститься, т.е. совсем воздерживаться от пищи, по средам и пятницам. Но многие иноки сами налагали на себя усиленный пост.

При многочисленности монахов в Тавеннисиисском общежитии было и много различных должностей, послушаний. Исполнение некоторых должностей было особенно трудно. Все проходившие то или другое «послушание» в монастыре, особенно начальники, были очень усердны. Преподобный Пахомий по прошествии некоторого времени иногда сменял тех, кто исполнял известное «послушание», заменяя их другими. В этом случае он желал достигнуть двух целей. Во-первых, он стремился к тому, чтобы вновь назначенный извлекал из своего «послушания» плоды духовные, чтобы он мог получить от Господа награду за свой ревностный труд на пользу братства. Святой Пахомий был того мнения, что всякое «послушание» в обители, исполняемое с усердием, доставляет иноку награду не ниже той, какую получит монах, если будет ревностно поститься, бодрствовать и молиться Богу. Во-вторых, Пахомий

желал, чтобы имели возможность отдохнуть после труда ревностные труженики хотя некоторое время. Однако братия, усердно занимавшиеся исполнением своих «послушаний», неохотно соглашались на отдых, дозволенный великим аввою. Они были убеждены в том, что этот мир не есть место отдыха, а напротив – место напряженного труда, постоянной борьбы и самоотверженных подвигов, и что только тот, кто здесь трудится, в будущей жизни получит истинное упокоение и нескончаемое блаженство. И всякий продолжал с усердием заниматься тем делом или ремеслом, какое знал, или вообще какою-нибудь работою для монастыря, в точности подчиняясь распоряжениям начальника.

От всякого инока, какую бы должность ни проходил он в монастыре, требовалось полное подчинение начальнику и безусловное, точное исполнение устава. Это было главным отличием жизни киновии от жизни отшельнической в тесном смысле этого слова. В полном послушании был и залог духовного совершенствования киновитов. В послушании было великое нравственное преимущество киновии. Нарушение распоряжений начальника или предписаний устава, хотя бы и по ревности о подвижничестве, всегда могло вести к ропоту со стороны других и быть причиною всяких беспорядков в общежитии. Поэтому Пахомий строго наказывал нарушителей долга послушания, чем бы они ни оправдывали себя. Такие случаи бывали и в Тавеннисийском общежитии, хотя очень редко.

Для покупки необходимых вещей и продажи монастырского рукоделья выбирались особенно благонадежные иноки, украшенные всякими добродетелями, чтобы мир не мог их соблазнить, а они служили бы назиданием для мира. Обращалось особенное внимание на то, чтобы они не были пристрастны к стяжаниям, хотя бы от этих стяжаний монастырь мог получить значительную пользу.

Когда в Тавенниси количество иноков увеличивалось более и более, здесь должны были умножаться и различные хозяйственные учреждения. Должно было умножиться и количество лиц, проходивших те или другие «послушания» ради

удовлетворения различных нужд монастыря. Когда количество иноков и монастырей в Пахомиевой киновии умножилось, мы видим там очень много иноков, на которых были возложены различные обязанности по монастырю. Мы видим здесь правильно устроенные хлебные, сначала только в Тавенниси, а потом в монастырях Певоу (самом главном) и Фенум. В этих хлебных иноки работали при самой глубокой тишине, содействовавшей и успеху работы и самособранности духа. Не было здесь разговоров. Даже спросить воды или муки нельзя было: нужное требовали стуком о квашню. Во время работы читали на память заученное из слова Божия.

В одно время в Тавеннисийском общежитии было 15 портных, 7 кузнецов, 4 плотника, 15 красильщиков, 20 дубильщиков кож, 12 погонщиков верблюдов, 20 садовников, 15 сапожников, 12 иноков, приготовлявших покрывала, 10 ночных стражей и 10 переписчиков. Иноки своим трудом приготовляли для обители все необходимое, и лишь немногое им приходилось покупать в городах. Особенно распространено было среди киновитов выделывание рогож, и это не только было хорошим рукоделием для монахов, но и могло усиливать денежные средства киновии, а деньги необходимы были и здесь.

Деньги хранились, по заповеди святого Пахомия, в одном месте, в распоряжении эконома. Этот эконом и удовлетворял все братские нужды. Но иноки не могли иметь свои деньги. Между монахами было много таких, которые пришли в монастырь еще в детстве со своими родителями. Выросши, они не умели различать золота от серебра и были совершенно равнодушны к деньгам.

Нужды братии были очень скромны. Нестяжательность была так велика, что всякий имел только одну одежду и одно покрывало из овечьей или козьей кожи. Разорванную одежду особо назначенный инок должен был чинить, вымывать и потом хранить в складе поношенной одежды. Когда кто-либо из монахов хотел вымыть свое платье, он брал себе одну из этих починенных одежд, а вымыв свое платье, возвращал эту одежду заведовавшему ею иноку.

В киновии было очень много переписчиков. Эти опытные писцы усердно списывали те книги, какие были особенно полезны монахам, по указанию начальника. Трудились они с успехом: монастырские книгохранилища увеличивались, и каждый инок мог найти здесь для себя пищу духовную.

При всяких сношениях с миром иноки должны были соблюдать особенную осторожность. Во время пути они должны были повторять про себя известные им изречения святого Писания и размышлять о них. В путешествие отправлялись всегда несколько человек вместе, по крайней мере двое. Если на пути встречалась женщина, желавшая говорить с ними, то старший инок приближался к ней и, опустив глаза, с великою скромностью вел недлинный разговор. Встречая на пути начальника или воина, каждый инок сходил со своего осла и молился в стороне, уступая дорогу путнику.

В мирских домах иноки обыкновенно не вкушали пищи. В крайнем случае вкушали лишь то, что было разрешено монастырским уставом.

Чтобы мир не оказывал худого влияния на монахов через письменные сношения, письма в монастыре получал начальник, и если он видел, что письмо заключает в себе добрые мысли, то передавал его по назначению. Никто в монастыре не мог рассказывать того, что он видел или слышал в мире, если это не вело к общему назиданию. Что-нибудь назидательное можно было сообщать лишь с дозволения начальника. Вообще говорливость не поощрялась среди иноков.

Странники принимались в особом помещении. Никто из братии не мог принимать их у себя в келье. Даже о приходе кого-нибудь из родных никто не мог передавать монахам: о приходе странников говорили кому следует только привратники. В гостинице странникам оказывали самый радушный прием. Для женщин было отдельное от мужчин помещение. Даже чужих монахов преподобный Пахомий не помещал вместе со своими иноками, не позволял пускать их даже в общую трапезу, хотя и оказывал им все знаки братской любви и позволял им входить в церковь во время общей молитвы, если только они были православные, а не еретики.

Слава святого Пахомия более и более распространялась по Египту. О великих подвигах его узнала, наконец, и родная сестра его Мария, просвещенная уже христианскою верою и остававшаяся девою. Очень желая увидеть брата Пахомия, она отправляется в Тавенниси. Сообщили о ее приходе Пахомию. Отрекшийся от всяких земных пристрастий, избегавший свиданий с женщинами, святой Пахомий отказывает сестре в свидании, но в то же время через монаха-привратника указывает ей новый путь жизни. Он говорит ей, что настоящая жизнь есть лишь приготовление к жизни будущего века, а жизнь в удалении от мира, жизнь монастырская, может дать все средства ко спасению. Пахомий обещает сестре, что для нее иноки построят уединенное жилище, если она захочет проводить жизнь монастырскую. Тогда, говорит он, и другие женщины, поселившись с нею, могут отдаться всецело заботе о достижении духовного совершенства. Грустно было для Марии слышать, что брат ее сам не хочет беседовать с нею. Она заплакала. Но слова Пахомия, переданные ей через монаха привратника, содержали и много утешительного. Она согласилась на то, к чему призывал ее Пахомий. Тогда Пахомий послал монахов построить для нее жилище вблизи селения, на довольно значительном расстоянии от монастыря мужского, на другой стороне Нила.

Спустя короткое время уже большое количество женщин являются к Марии, чтобы навсегда остаться жить с нею. Сестра преподобного Пахомия делается для них матерью, старицей. Она руководит их на пути ко спасению до самой своей смерти.

Со своей стороны и авва Пахомий с великим усердием заботится об этом монастыре. Для ближайшего руководства духовною жизнью в женской обители он назначает старца Петра. Пахомий сам написал особую книгу с правилами монашеской жизни, и эти правила сестры обители должны были усердно изучать и исполнять.

Конечно, могли быть случаи, когда кому-либо из иноков нужно было посетить ту или другую сестру. Свидания эти в случае необходимости разрешались самим Пахомием. Получив разрешение Пахомия, инок являлся к заведовавшему женским

монастырем старцу Петру. Старец посылал за матерью монахинь, за тою монахиней, которую нужно было видеть иноку, и еще за третьей монахиней: все садились, и тогда начинался разговор, причем, конечно, все имели в виду то, что длинные и особенно праздные беседы неприличны монашествующим.

Если какая-нибудь инокиня умирала, сестры относили ее в место их молитвенных собраний. Мать инокинь одевала ее погребальным саваном. Авва Петр сообщал о смерти монахини Пахомию. Назначенные им иноки, проводившие безукоризненную жизнь, отправлялись в женский монастырь. Они останавливались у ворот молитвенного дома и здесь пели священные песнопения. Наконец усопшую погребали, причем к гробнице сопровождали ее с пением сестры в предшествии матери, а старец шел сзади их. Расходились, зарыв усопшую в землю и совершив над нею последнюю молитву. Иногда сестер погребали в самом монастыре, а иногда относили их к ближайшей горе.

Еще в одном случае иноки Тавеннисийского мужского общежития оказывали большую помощь женскому монастырю. Когда являлась надобность исправить или вновь построить какое-либо здание в женском монастыре, Пахомий посылал для этого самых благочестивых монахов. Они находились там под неусыпным надзором старца Петра. Они не могли оставаться в женской обители вкушать пищу, но в тот же день возвращались в свою обитель.

Количество сестер в женском общежитии скоро умножилось до четырехсот. Обычная пища инокинь, их посты, их одеяния, за исключением головного покрывала – все соответствовало принятым в мужском общежитии обычаям. Инокини трудились и на пользу мужского общежития: они приготовляли шерстяные одежды для иноков. В свою очередь они получали необходимые для них припасы от эконома мужского общежития.

Известен один важный случай из жизни женского монастыря. Одна из монахинь как-то вышла за ограду монастыря. Она встретилась с мирянином портным и, удивляясь, спросила его о причине прихода в эти места. Тот ответил, что желал бы иметь работу. Сестра возразила, что они

имеют собственных портных. Портной удалился. Свидетельницей этого разговора была одна монахиня. Поссорившись как-то с той монахиней, она стала порицать ее и припоминала с укоризною ее разговор с портным. Молодая инокиня, взволнованная ложным обвинением, горячо плакала. Она преувеличенно представляла себе тот позор, какой, по ее мнению, ожидал ее теперь в монастыре. Угнетаемая скорбью, она тайно пошла к реке, бросилась в ее волны и утонула. Узнав об этом, другая сестра, позволившая себе незаслуженно укорять несчастную молодую инокиню, впала в великое отчаяние и лишила себя жизни, задушив себя веревкой.

Скоро узнал об этом преподобный Пахомий. Глубоко опечаленный этим случаем, старец запретил поминать их в молитвах домашних, совершать литургию и подавать милостыню за них. Пахомий строго отнесся и ко всем сестрам общежития. Ввиду того, что они не употребили должного старания, чтобы найти невинную и обидчицу, примирить и успокоить их, и пренебрегли их положением и спокойствием, а может быть и поверили клевете одной из сестер, старец отлучил их от святого причащения на семь лет.

Множество людей приходили к Пахомию отовсюду, чтобы навсегда подчиниться ему. Количество монахов в Тавенниси слишком умножилось. Стало очень тесно. По внушению Божию, святой Пахомий пошел искать еще ме́ста, удобного для построения новой обители. Очень удобное место оказалось к северу от Тавенниси, не в далеком расстоянии отсюда. Место это называлось Певоу[3250]. Здесь и был устроен новый монастырь, очень обширный и вскоре сделавшийся средоточием всего общежития.

Монастырь этот был обнесен оградою. Епископ области Диоспольской благосклонно относился к монахам. По его мысли преподобный Пахомий устроил здесь и церковь.

Теперь явилась возможность принимать в общежитие всех, желавших поселиться здесь навсегда. Из старого монастыря в новый Пахомий переселил много монахов, притом именно таких, которые хорошо привыкли к порядкам общежития и могли быть опытными руководителями и служить добрым примером

для новых братии. И здесь были назначены свой начальник, эконом и братия для исполнения различных послушаний. Все с усердием должны были исполнять законы общежития, помня, что они назначены одинаково как для новоначальных, так и для самих начальствующих.

Прошло некоторое время, и два монастыря не могли уже вмещать всех желавших здесь подвизаться. Постепенно устроилось еще семь монастырей. Количество иноков в Тавеннисийском общежитии дошло до семи тысяч человек. Конечно, одни монастыри были более населены, другие – менее. И все это множество иноков, рассеянных по многим обителям, было единым иноческим братством.

Святой Пахомий часто посещал все монастыри. Сам он стал жить в монастыре Певоу, где сосредоточивалось общее управление всех монастырей. Этот монастырь был самым многолюдным. Отсюда иноки других обителей получали необходимые им предметы. Экономy этого монастыря давали отчет в работах. Сюда иноки всех монастырей собирались дважды в год, принимали здесь участие в молитвах и слушании поучений и получали благословение преподобного Пахомия на свои подвиги. В монастыре Певоу совершали и крещение оглашенных во дни святой Четыредесятницы. Тогда оглашенных приводили сюда из всех монастырей. Таким образом, были между иноками люди еще не принявшие святого крещения, но готовившиеся к нему, были оглашенные. В Певоу их приводили для крещения вероятно потому, что там были священники, а в других монастырях не было священников. Конечно, это общение всех монастырей было в высшей степени полезно для монахов: оно связывало всех иноков Пахомиевых обителей самыми тесными узами духовной любви, оно ободряло малодушных, возбуждало ревность в ослабевших, а для усердных и преуспевших подвижников было очень важно, что они видели высокие образцы подвижнической жизни и научались соревновать им и скромно смотреть на свои подвиги. Но всего важнее были эти путешествия в Певоу тем, что они давали возможность всем инокам видеть обычную жизнь святого Пахомия и слушать его наставления. И во время своих

путешествий для обзора обителей святой Пахомий учил монахов не только словом, но и примером. Он готов был повиноваться всякому, смирялся пред низшими и с удовольствием бы принял урок от самого юного члена общежития. Вот один из множества подобных случаев.

Преподобный Пахомий особенно часто ходил в Тавенниси. Во время этих посещений он не оставлял своего обычного ручного труда. По распоряжению аввы Феодора, здесь употребляли особенный способ плетения рогож: веревки не следовало сильно стягивать; в этом случае и труда было меньше, и рогожи выходили лучше. Когда Пахомий плел здесь свою рогожу, один мальчик, живший в монастыре, исполнявший в эту седмицу свою череду на этом послушании, откровенно заметил ему, что он не так плетет, как распорядился авва Феодор. Пахомий с кроткою радостью выслушал замечание отрока и просил научить его, как именно следует работать. Мальчик показал Пахомию, как у них работают. Авва Пахомий тотчас же стал именно так плести рогожу.

Большой страх возбудили среди Тавеннисиотов жившие поблизости варвары, которые не только теперь, но и позднее делали нападения на селения и на монастыри и причиняли им великий вред: грабили, расхищали, вымогали с обитателей выкуп или уводили их в рабство. Иноки северных обителей от них разбежались. Ради того, чтобы северные обители не разрушились совсем и монахи не разорялись совершенно, преподобный Пахомий посылает в северные обители большое количество иноков. Сам он остался в монастыре Певоу, а своего любимого ученика Феодора послал с книгами для чтения к инокам северных монастырей. Отправляя туда Феодора, Пахомий утешал его надеждою на помощь Божию. Пахомий дал обет – в случае удаления варваров послать в церковь, разграбленную ими, книги, много пшеницы и вообще то, в чем эта церковь нуждается. На другой день варвары, совершенно разбитые императорским войском, удалились. Это успокоило монахов.

Когда варвары еще не были поражены, они нашли одного отшельника и заставляли его поить их вином. Но когда он хотел

налить им вина, они требовали, чтобы он сначала принес жертву их богам. Инок не соглашался. Варвары стали грозить ему, что убьют его, если он не исполнит их требования. Несчастный отшельник не имел мужества, чтобы отказаться от принесения жертвы богам языческим. Он исполнил требование варваров. После этого он стал поить варваров вином. Они от опьянения уснули. Это дало иноку возможность убежать от них. Но сердце отшельника было безутешно. Он был так подавлен своим горем, что не мог даже молиться. Вспомнив о доброте и мудрости Пахомия, этот инок поспешно пошел к нему, решившись отдать себя вполне на суд великого старца. Он с глубокою скорбью объявил святому Пахомию, что после своего наружного отречения от Христа через принесение жертвы ложным богам он уже не видит возможности покаяться и получить прощение грехов, поэтому он уже целый месяц не молится Богу.

Пахомий отечески укорил его за то, что он как бы бросил в огонь тот венец, который держал над главою его Ангел и уже хотел возложить на него. Видя искренние слезы невольно изменившего Христу монаха, Пахомий указал ему путь к успокоению. Он предложил ему молиться как можно больше ночью и днем, всегда поститься до вечера, никогда не есть ничего вареного, кроме случаев сильной болезни. Тогда он может обрести милость у Бога, получить прощение и сделаться снова верным рабом Христовым. Вера Пахомия ободрила этого монаха: он перестал уже отчаиваться и начал искренно и с надеждою на милость Божию каяться в своем грехе.

Долгое время в Тавеннисийском общежитии подвизались одни копты[3251]. Наконец слава святого Пахомия дошла и до греков и римлян. И из них некоторые стали стремиться в общежитие под руководство мудрого аввы Пахомия и делались здесь монахами. Святой Пахомий и о них усердно заботился: они были для него дороги не менее коптов.

Некоторым затруднением для Пахомия при обращении с монахами-греками (их было больше, чем римлян) было незнание греческого языка. Равным образом и другие иноки-копты не знали этого языка. Даже на самом близком расстоянии

от Александрии[3252] разговорным языком был не греческий, а коптский язык. Даже сравнительно недалеко от Александрии жившие подвижники, как например святой Антоний Великий, родившийся около Ираклеополя великого, святой Пимен Великий, всю жизнь проведший в Нижнем Египте, в Ските, Теренуофе и северном Диолке, не говорили по-гречески, а тем более трудно было встретить знающего греческий язык монаха в Фиваиде[3253]. В деле попечения о греках преподобному Пахомию помогал Феодор, бывший чтец Александрийской церкви. Но и сам святой Пахомий позаботился о том, чтобы научиться греческому языку.

Святой Пахомий учил иноков и словом и примером. Тем сильнее действовало его слово, что иноки видели в нем пример всех добродетелей. Постоянное молитвенное настроение Пахомия, его глубокое смирение, его строгость к себе самому, строгость даже во время болезни, его любовь ко всем, его проницательность и мудрость – все это привлекало сердца братии к нему, заставляло всех без рассуждения подчиняться его слову, принимать его советы.

Смирение Пахомия было чрезвычайно велико, хотя и совершал он необыкновенные подвиги, хотя и воздавали ему величайшую честь и иноки, и миряне, и даже епископы, иногда присылавшие к нему монахов, чтобы он произнес над ними свой суд. Святой Пахомий боялся осуждать других даже в мыслях. Сподобляясь неоднократно видений и откровений от Бога, он говорил о них братиям тогда, когда от своего рассказа ожидал нравственной пользы для братии.

Однажды братия просили его рассказать какое-нибудь из его видений. Замечателен ответ его. Не желая говорить о бывших ему видениях, с целью предостеречь от превозношения тех иноков, которых Господь сподоблял особенных духовных дарований, святой Пахомий сказал: «Тот, кто исполнен грехов, не получит благодати духовных видений. Но если ты желаешь иметь прекрасное и замечательное видение, то я укажу тебе на одно из них: когда ты увидишь человека благочестивого, скромного сердцем, чистого – вот прекраснейшее из видений: ты видишь Бога невидимого в этом видимом человеке. Не

спрашивай другого видения, которое было бы предпочтительнее этого».

Смиренный Пахомий ни в чем не хотел иметь преимущества пред братиями. Он называл истинно справедливым того брата, который не давал ему большей, по сравнению с другими, доли кушанья. И трудиться он желал наравне с другими. Он не допускал, чтобы кто-нибудь облегчил его труд.

Однажды великий авва отправляется с братиями на работу. Каждый со своим спутником должен был взять известное количество хлеба. Пахомиев спутник хотел один все нести. Но Пахомий не согласился на это, говоря, что начальник во всем должен нести те же труды, что и братия.

В высшей степени нестяжательный, Пахомий носил очень бедное платье. Оно заменяло ему и покрывало в холодное время. В этом платье он принимал приходивших к нему священников и монахов.

Один брат по имени Афанасий, заведовавший монастырской одеждой, обратился к святому Феодору с просьбой отдать ему в склад платье аввы, когда он снимет его, и положить вместо этого одеяние другое, новое и приличное для начальника.

Феодор послушался Афанасия и заменил одну одежду другою.

Но вот Пахомий ищет свою прежнюю одежду. Феодор указывает на новую, но Пахомий настаивает на том, чтобы ему возвратили его старую одежду. На просьбу старца, троекратно повторенную, Феодор ответил, что теперь нельзя уже найти этой одежды, Феодору, однако, стало очень жалко, что он лишил старца той одежды, которая была для него и покрывалом в холодное время. Он даже плакал об этом. Но и Пахомий не считал себя правым в этом случае. Он долго просил у Господа прощения в том, что, уча других послушанию, он сам не оказал послушания тому, кто в монастыре распоряжается одеждою. Какое великое смирение!

Когда однажды Пахомий заболел, Феодор привел его туда, где больные иноки вкушали пишу. Для него приготовили

хорошую похлебку. Он заметил брату, приготовлявшему это кушанье:

– Ты не умеешь приготовлять кушанья; дай мне немного воды.

Поданную воду Пахомий влил в это блюдо. Тогда же Феодор налил ему воды на руки пред началом еды. Пахомий в свою очередь возлил ему воды на ноги.

После еды зашел между ними разговор. На вопрос Феодора: почему он испортил кушанье водой, Пахомий ответил ему:

– Брат, приготовивший мне пищу, приготовлял ради меня с большим усердием, а такое усердие между людьми не бывает продолжительно. И я сказал себе: я сейчас в этот раз буду есть хорошо, а наступит завтрашний день, я буду болен, я буду еще ожидать, что брат даст мне хорошо поесть, и по этой-то причине сердце мое: будет в смущении. Вот поэтому-то я и испортил поданное мне хорошее кушанье, чтобы в другой раз, если он будет небрежен и не приготовит, по-прежнему хорошо, это было для меня уже безразлично.

Феодор спросил старца, почему он возлил ему воды на ноги. Замечательный ответ дал ему святой Пахомий.

– Я поступил так для того, чтобы, если в другом мире скажут мне: Феодор возливал воду на твои руки, мне быть в праве сказать: я сам умыл ему ноги.

Больной Пахомий не хотел вкусить кушанья с маслом. В другой раз во время болезни он не согласился покрыться лучшим покрывалом вместо рогожи и принять горсть фиников. Какая строгость к себе самому!

С особенною любовью относился Пахомий к больным инокам. Более всего он заботился о спасении души заболевшего брата. Он убеждал больного благодарить Бога, возбуждал в нем благочестивые мысли, предостерегал от пристрастия к земле, от увлечения нечистыми помыслами, внушал ему просить прощения у Бога и бодро смотреть на свое будущее, возлагая упование на Господа. Он всегда заботился и о теле больного брата. Больных в общежитии никогда не принуждали к усиленному посту, хотя и не препятствовали им

поститься. Пахомий иногда находил нужным ослабить пост, если видел, что пост очень истощает силы больного и не дает ему поправиться.

Так, один брат был болен во дни Четыредесятницы. Однако он не соглашался ни есть ничего вареного, ни пить вина. Он не хотел позволить себе послабление, если бы ему предстояло даже умереть от чрезмерного воздержания. Мудрый авва Пахомий советовал ему, если он не хочет совсем оставить этот пост, отложить свое пощение до времени полного восстановления сил, когда он будет иметь возможность провести в строгом посте такое число дней, какое должен бы был поститься теперь.

Среди служивших в больнице иноков бывали и такие, которые не хотели исполнять некоторые просьбы больных, казавшиеся им непозволительными для монаха прихотями. Но святой Пахомий смотрел на это иначе. Он готов был доставить больному возможное утешение.

Однажды, например, сам Пахомий тяжко заболел. В больнице ему предложили съесть немного вареных овощей. В это время в больнице лежал тяжко-больной монах, тело которого представляло кожу да кости: так он исхудал после продолжительной болезни. Когда этот инок попросил больничных братии дать ему немного говядины, те не соглашались на это. Тогда больной просил отнести его к авве Пахомию. Великий авва был поражен крайним истощением инока и отсутствием благоразумного сострадания в больничных братиях. Он строго сказал им: «Безумные, где страх Божий? Ведь Бог сказал: «Возлюби ближнего как самого себя». Ужели вы не видите, что этот брат почти мертв? Почему вы не дали ему того, чего он у вас просил? Я теперь не могу ни есть ни пить. Ведь есть различие между болезнями, и одна болезнь бывает более жестокою чем другая».

Пахомий не мог удержаться от слез при виде тяжко-больного инока и бессердечной ревности других о строгом соблюдении устава о пище. Теперь иноки поняли свою неправду. Они тотчас послали купить козленка и приготовили из

него кушанье, которое подкрепило ослабевшее тело больного брата и ободрило его унылую душу.

Пахомий старался в своих учениках возбуждать упование на Бога. Вот один случай, подтверждающий это.

Как-то вечером прибыли братия, чтобы нагрузить лодку тростником. Феодор боялся, что приготовленного им рагу[3254] не достанет для всех. Пахомий понял его мысли и предостерегал его от чрезмерной заботы о пище и малодушного опасения относительно ее, указывая на Божие попечение о человеке. Упование не посрамило Пахомия.

Случился однажды в монастыре недостаток в пшенице. Это очень огорчало и озабочивало иноков. Желая уничтожить их опасения за ближайшее будущее, Пахомий указывал им на два прекрасные ковра, пожертвованные одним добрым человеком: в крайнем случае их можно продать и вырученные деньги расходовать на покупку пшеницы. Целую ночь Пахомий провел в горячей молитве.

На другой день утром постучался в ворота монастыря начальник одного города. Когда привратник отпер ему, он сказал, что дал обет отдать нуждающимся известное количество хлеба, и что в эту ночь он узнал во сне, что именно братия этого монастыря нуждаются в хлебе; пусть кто-нибудь примет привезенный им хлеб. Когда об этом сообщили самому Пахомию, он очень обрадовался и сказал начальнику города, что они действительно нуждаются в хлебе, но им нужна отсрочка в уплате денег. Добрый христианин сказал: «Я не за деньги привез это, но ради того, что вы люди Божии. Пошли же братий внести это».

Пахомий, искренно благодарный доброму человеку, оказавшему помощь обители во время крайней нужды, дал ему в благословение монастырского хлеба и овощей. Начальник города с радостью принял это и ушел довольный тем, что оказал помощь рабам Божиим. Братия удивились и обрадовались неожиданному дару монахолюбивого начальника.

Пахомий боялся, как бы иноки не пристрастились к какой бы то ни было красоте на земле. Он боялся даже, чтобы стройность, изящество и красота храма не развлекали монахов.

Усердно предостерегал святой Пахомий учеников своих от тщеславия. Он убеждал своих монахов творить подвиги в тайне, ради Бога, а не ради похвалы человеческой. Советовал им по внешности не выделяться из среды братии. Вот несколько случаев, показывающих, как настойчиво он боролся с этим врагом подвижников.

Один инок проводил много ночей в непрерывном молитвенном бодрствовании, услаждаясь надеждою заслужить особенное уважение от людей. Пахомий убеждал его изменить образ жизни, говорил, чтобы он ходил в трапезу, когда призываются туда братия, и вкушал с ними пищу, только не до полного насыщения; чтобы совершал такое количество молитв, какое назначено всем инокам, чтобы по выходе из кельи был ко всем любезен и не казался мрачным. Конечно, не следует покидать и своих подвигов, так как и это было бы угождением сатане; но надобно все делать ради Бога, не давая диаволу места в сердце своем. Когда этот инок продолжал действовать по-прежнему, опасаясь, как бы не показаться братиям слабым и жалким, Пахомий опять настойчиво советовал ему ослабить свои подвиги. Много раз он напоминал тщеславному иноку свои прежние наставления и, наконец, сказал ему, что он дойдет до состояния безумия, если будет упорствовать в своем пристрастии к внешним подвигам ради уважения от других, а не ради умерщвления страстей. Но монах делал по-своему, и предсказание Пахомия исполнилось. Тщеславный монах, более и более надмеваясь гордостью по причине своего наружного благочестия, дошел до безумия, до самозабвения. Он готов был даже убить святого Феодора, когда авва послал его отвлечь этого инока от его тщеславной и Богу неугодной молитвы. К счастью, руки его, протянутые с обрубком дерева, онемели, и он только неистово кричал на Феодора, называя его врагом Божиим. Долго он был в таком жалком состоянии. Наконец он исцелился от своего безумия и вместе от прежней упорной гордости.

Святой Пахомий сидел однажды с некоторыми старцами вне келии, беседуя с ними о слове Божием. В это время один брат пред дверью своей кельи приготовлял рогожу. Он работал

с особенным старанием и в этот день успел сплести две рогожи. Он ожидал себе похвалы от аввы Пахомия. Видя его душевное состояние, Пахомий сказал своим собеседникам: «Не видите ли вы этого несчастного брата? Он потерял сегодняшний труд, так как возлюбил славу от людей более, чем славу от Бога; он самого себя утомил и душу свою лишил всякого успеха и прибыли».

Пахомий призвал этого инока и строго укорял его за его мысли. Потом, смягчая свое обличение, Пахомий велел ему принести эти две рогожи, когда братия соберутся в церкви, и просить у иноков прощения и молитв. То же он должен был сделать и в трапезе во время обеда. Чтобы еще более уврачевать его душу, Пахомий велел ему безвыходно сидеть в келье, ежедневно приготовлять по две рогожи вместо одной, есть только хлеб и соль, ни с кем не разговаривать, кроме одного брата, который будет доставлять ему хлеб, и усердно просить у Бога прощения в своем грехе. Это наказание было направлено прямо против главной страсти монаха: он должен был в наказание делать то, что прежде делал по тщеславию. Наказание постоянно напоминало ему допущенный им грех и должно было возбудить в его сердце живейшее раскаяние. Он дорожил похвалою Пахомия: конечно он не мог не понять, что великий авва не без основания так строго наказал его, обличив прежде пред всеми.

Еще один замечательный случай. Однажды святому Пахомию пришлось зайти в монастырь, где иноки были заражены еретическими воззрениями. Здесь монахи передали Пахомиевым ученикам, что их начальник предлагает Пахомию вместе перейти через реку, чтобы показать, кто из них прав, кто более угоден Богу. Когда ученики сказали об этом Пахомию, он очень опечалился тем, что его монахи выслушали и передают такое поручение. Пахомий сказал им строго: «Еретик может перейти через реку по поверхности воды, как проходят по суше, по попущению Божию и при помощи сатаны, желающего утвердить его в его нечестивом веровании и других склонить к этому верованию. Теперь идите и скажите этим людям: «Служитель Божий Пахомий говорит: мои труды и заботы

направлены не к тому, чтобы перейти через реку пешеходом, но к тому, чтобы избежать наказаний Божиих и перейти через ту огненную реку, через которую мы все, люди, должны перейти перед престолом Господа нашего Иисуса Христа. Сверх того Евангелие говорит: «Не искушай Господа Бога твоего».

Святой Пахомий в предложении еретиков видел козни сатаны, желавшего чудесным явлением поколебать в монахах веру и возбудить в них тщеславие. Он убеждал учеников и не склоняться когда-нибудь на что-нибудь подобное и не поддаваться тщеславию.

Когда в каком-нибудь подвижнике проявлялась хотя бы одна добродетель, не испорченная тщеславием, святой Пахомий радовался и этому малому преуспеянию брата и тщательно лелеял его добродетель, видя в ней залог его спасения. Святой Пахомий не желал, чтобы иноки предавались строгим подвигам по принуждению, а не по собственному влечению. Об этом красноречиво свидетельствует следующий случай из жизни киновии.

Однажды, когда святой Пахомий после посещения других монастырей возвращался в ту обитель, где он постоянно жил, братия вышли приветствовать его. При самой встрече один юноша громко заявил ему, что с того дня, как Пахомий их оставил, им не готовили ничего ни из зерен, ни из овощей. Святой Пахомий кротко и приветливо ответил ему:

– Не печалься, сын мой; отныне я займусь вашими делами и позабочусь о вашей пище.

Войдя в монастырь и сотворив в церкви молитву, Пахомий пошел прямо в поварню. Повара плели рогожи, Пахомий спросил главного повара:

– С какого времени ты не готовил похлебки для братии? Оказалось, что уже два месяца, как он ни разу не готовил им похлебки. Пахомий спросил его:

– Почему ты так поступал, когда правила повелевают подавать похлебку братии во все субботы и воскресенья?

Главный повар ответил, что братия из любви к подвигам не едят похлебки, довольствуясь небольшим количеством овощей и масла; прежде похлебка, приготовленная с маслом,

выбрасывалась вон; теперь он назначил одного брата доставлять на трапезу маслины, овощи, уксус, а сам он и другие с ним трудятся над изготовлением рогож. За это время было приготовлено в поварне пятьсот рогож.

Пахомия глубоко опечалило самоволие заведовавшего кухнею монаха. Приказав сжечь самовольно приготовленные рогожи, святой Пахомий строго заметил этому иноку, что он своим сверхдолжным усердием оказал пренебрежение к правилам. Притом же и воздержание иноков в этом случае было уже не делом свободного произволения, а следствием необходимости: никто уже не имел возможности проявить свое усердие, все постились по неволе.

– Что касается меня, – говорил святой Пахомий, – я бы предпочел приготовить кушанья разных видов и сварить всякого рода плоды и поставить все это пред братиями, чтобы им, если они будут обуздывать свои желания и добровольно, ради подвига, отказываться есть это, совершить великое и доброе дело пред Богом. Если на трапезе не подавать разрешенного уставом, то немощные братии не могли бы достаточно подкреплять свои упадшие силы: они могут совершенно ослабеть. Притом между братиями есть много новоначальных, из которых некоторые очень юны и слабы телом: они не могут в иноческих подвигах сравниться с совершенными. Им было бы особенно тяжело, если бы даже по субботам, воскресеньям и праздникам их лишали варева: они могут предаться унынию от непривычной для них строгости жизни.

Какой правильный взгляд на дело! Какая благоразумная строгость к нарушителям правил, какая забота о сохранении порядка в общежитии, какая любовь к немощным братиям слышится в этом выговоре повару, нарушившему правила о пище по чрезмерной ревности о воздержании!

Святой Пахомий всегда имел в виду, что чрезвычайная строгость может привести некоторых подвижников в отчаяние. К инокам новоначальным, неопытным, он относился с особенною предупредительностью и нежностью, видя в них «молодые растения», требующие ухода и поддержки. Пахомий порицал своего любимого ученика Феодора за его суровость к его брату

Пафнутию. Только любовь и мудрость Пахомия удержали Пафнутия в монастыре. Вот случай подобной предусмотрительности и любви в отношении к монаху чужого монастыря.

Невдалеке от Тавенниси был небольшой монастырь, не принадлежавший к общежитию. Начальник этого монастыря часто приходил к святому Пахомию слушать его мудрые наставления, чтобы потом передавать их своим монахам. Один инок этого монастыря усиленно домогался должности, которой не был достоин. Начальник однажды ответил на его просьбы, что Пахомий советовал не давать ему этой должности, потому что он недостоин ее, хотя Пахомий не говорил этого. Самолюбивый монах почти насильно повлек своего авву к святому Пахомию для объяснений. Бледный, в глубокой задумчивости следовал начальник за своим монахом, смущенный его необузданным гневом.

Они застали Пахомия строившим монастырскую ограду. Вне себя от гнева, монах кричал Пахомию:

– Сойди, чтобы доказать мой грех, Пахомий – лжец!

В высшей степени кроткий и терпеливый, Пахомий ничего не ответил грубому монаху. Однако монах продолжал свою брань. Пахомий понял его душевное состояние и спокойно отвечал:

– Прости меня, я согрешил; а ты никогда не согрешал?

Гнев монаха утих. Затем Пахомий отвел в сторону начальника монастыря и разузнал от него, в чем дело. Авва дал ему такой совет:

– Послушайся меня и исполни его просьбу, чтобы душу его вырвать из рук врага.

Начальник монастыря последовал этому совету. И он и его монах были утешены и успокоены Пахомием.

Через несколько дней этот монах раскаялся в своей грубости относительно Пахомия и пошел к нему просить прощения. Он признался, что Пахомий выше, чем говорят о нем, и поведал ему следующее: «Бог знает, что если бы ты не был великодушен ко мне и сказал бы мне одно грубое слово, то я, грешный, оставил бы монашество и снова сделался бы

мирянином. Будь же благословен, человек Божий, потому что Господь оживил меня через твое великодушие».

Святой Пахомий часто напоминал монахам о той ревности, какую они должны иметь. Каждым случаем он пользовался, чтобы возбудить в них усердие к подвигам, к плачу о грехах, к духовному преуспеянию.

Проходя однажды со своим учеником Феодором вблизи гробниц, Пахомий увидел, что здесь несколько женщин безутешно плакали. Он сказал Феодору:

– Не видишь ли ты этих женщин, проливающих слезы о мертвых, которых они не могут воскресить? Тем более мы, которых называют монахами, не должны ли плакать о наших душах, которые умерли по причине греха, и которые воскресит Христос по Своему человеколюбию! Во всяком случае слезы похвальны, если они проливаются с добрым намерением.

Преподобный Пахомий и его монахи радовались не только о своем спасении и благополучии, но и о спасении ближних и об истинном их благополучии. Неправильные учения смущают верующих, производят волнения и разделения в Церкви: святой Пахомий скорбит об этом. Торжествуют православные, ослабевает ересь: какая радость наполняет сердца тавеннисиотов с преподобным Пахомием во главе! Голод или какое-нибудь другое общественное бедствие постигает страну: общая скорбь Египта доходит вскоре до тавеннисийского начальника, и здесь чужое горе вызывает живейшее сострадание.

Так, однажды преподобному Пахомию сказали, что в Египте большой голод, к которому присоединилась еще неразлучная почти спутница голода – моровая язва. Шел уже второй день, как Пахомий оставался без пищи. Но он так живо почувствовал страдания многих от голода, что до другого дня совсем не прикасался к пище и говорил с величайшим сочувствием к страждущим: «Я не могу есть, когда мои сочлены голодны и не имеют хлеба».

И во все время, когда голод продолжался в Египте, Пахомий был в великой скорби, предавался самому строгому посту и молился о прекращении народного бедствия.

Глубоко сочувствовавший всем людям и особенно инокам, святой Пахомий за всех усердно молился. Он молился, чтобы Господь помогал инокам исполнять их высокие обеты и сделаться каждому из них чистым храмом Святого Духа. Молясь за других людей, он прежде всего молился за тех, кто творит добро, чтобы Господь изгладил из их сердца всякое попечение о земном, кроме того, что необходимо для жизни. Молился великий авва и за тех, кто порабощен еще греху или омрачен ересью, чтобы Господь дал им покаяние. Молился он за царей и за всех правителей, чтобы они жили в любви у Бога и у всех людей, чтобы творили суд обидимым, чтобы не пристращались к тленной славе, чтобы походили на тех царей, которые творили волю Божию и были угодны Богу, каков был, например, царь Давид. Молился Пахомий и за пастырей, чтобы Господь помог им быть верными преемниками апостолов, ходить по всем заповедям Господним непорочно, украшаться истинным ведением, твердою, апостольскою верою, чистотою и благочестием.

Святой Пахомий, молившийся о благополучии мира, всем подавал помощь, когда это было возможно. Много людей обратилось к доброй жизни под влиянием его святой жизни и его кроткого вместо твердого слова. Много иноков спаслось под его ближайшим руководством. Мало этого. Святой Пахомий, при Божием содействии, оказывал людям чудесную помощь в их телесных недугах.

Некий пресвитер Дионисий привел к вратам обители кровоточивую женщину, которая ни от кого не получала помощи и получила теперь совершенное исцеление через прикосновение к краю одежды святого Пахомия. Преподобный Пахомий исцелил, через помазание елеем, приведенную одним человеком дочь его, причем сказал отцу ее, что она не живет в девственной чистоте и заповедал ей через отца быть целомудренною. Другой человек привел к святому Пахомию своего сына, одержимого духом нечистым. Юноша был исцелен. И еще одного бесноватого вскоре исцелил великий Авва. Был еще подобный же случай исцеления.

Святой Пахомий однажды молился за человека, одержимого нечистым духом, но ему был глас свыше, чтобы он прекратил свою молитву за него, так как это несчастие постигло его для его же душевной пользы.

В монастыре Певоу был болен один брат. Уже три дня он боролся с болезнью. Явившись к Пахомию, он со слезами просил молитв о своем исцелении, указывая на то, что многие миряне получают исцеление. Пахомий возразил ему на это: «Вера мирян дает исцеление их телу, а через исцеление, которое Бог дает им, они располагаются делать добро. Что же касается до нас, служителей Христовых, наша вера есть нетленное упокоение, которое Бог дает нам в другом мире; без болезни, без скорби мы вели бы себя против заповеди».

Это наставление Пахомия утешило больного инока.

Спустя некоторое время, когда болезнь его все продолжалась, он в сопровождении братии пришел к Пахомию. Все стали просить молитв великого аввы об исцелении этого брата. Пахомий начал молиться, но тотчас же услышал глас: «Не молись за этого брата, потому что Господь послал ему эту болезнь, чтобы спасти его от козней диавола».

Все братия тогда восхвалили Господа, Который печется о Своих рабах и устрояет их спасение.

Хотя рукою Пахомия Господь совершал много исцелений, но великий авва всегда считал высшим и более необходимым исцеление души от служения идолам, от лжи, от блуда и нечистоты всякого рода, вообще от всякого греха. И подавая исцеление телу, он всегда стремился уврачевать вместе и душу человека.

Велики были плоды деятельности святого Пахомия. Иноки под его руководством достигают высокого совершенства. Даже ленивые и закоснелые в пороках исправляются и стараются достигнуть высшей степени совершенства. Среди великих подвижников трудно было чем-нибудь особенным выделиться. Потому-то так мало имен этих иноков дошло до нас. Вот некоторые выдающиеся подвижники.

Пример трудолюбия, терпения, отрешения от тела мы видим в садовнике Ионе. Восемьдесят пять лет он провел в

монашеских трудах. Все деревья в саду были им посажены, но он никогда не вкушал их плодов. Эти плоды доставляли подкрепление и утешение приходившим к Ионе инокам. Платье его было самое нищенское, нечто вроде кожаного покрывала, едва прикрывавшего тело. Одежду из грубой шерсти он надевал только пред принятием Святых Таин, а потом немедленно снимал; этой одежды достало ему на всю жизнь. Он никогда не ел ни одного кушанья, приготовленного на огне. Свою обычную пишу, состоявшую из хлеба и уксуса, он принимал только вечером, и то – не до полного насыщения. Он совсем не думал о телесном покое, и даже во время болезни, даже тогда, когда он был близок к смерти, его не могли убедить отправиться в больницу: он считал себя недостойным пользоваться услугами других. Целый день работая в саду под палящими лучами солнца, Иона только к вечеру прекращал этот нелегкий труд, Когда наступала ночь, он уходил в свою келью, садился посреди на своем стуле и до полуночи вил веревки, устами и сердцем прославляя Бога. Потом только на короткое время он засыпал, оставаясь на своем стуле, причем веревок не выпускал из рук. Бодрый духом, авва Иона скоро вставал, чтобы отдаться молитве и потом приняться за работу в саду. Ночью во время молитвы и рукоделия он никогда не зажигал светильника. Он совершил еще много других дел, достойных удивления. Он умер сидя на своем стуле: веревки оставались в его руках. Желая похоронить его, братия не могли соединить его ног, не могли пригнуть руки к телу, не могли также снять с него обычную его кожаную одежду, чтобы надеть на него чистое платье из шерсти. Его похоронили в том виде, как он умер, облекши только в шерстяной саван. В Пахомиевом общежитии был один инок, пораженный проказою, по имени Афинодор. Этот инок – редкий пример терпения, благодушия и трудолюбия при постоянной, жестокой болезни. Живя вдали от других, как прокаженный, Афинодор питался только хлебом и солью, да и то через два дня к вечеру. Подобно всем монахам общежития он ежедневно плел по рогоже, хотя руки его, поврежденные проказою, от работы обагрялись кровью. Днем он никогда не позволял себе лечь отдохнуть. Понемногу он выучивал на

память отделы Священного Писания. Перед отходом ко сну он долго молился, а в полночь шел на общую братскую молитву. Но всего удивительнее было в нем терпеливое перенесение болезни. Святой Пахомий нередко посылал его в различные монастыри, уверенный в том, что один вид этого инока пробудит благочестивую ревность во многих. Как-то к нему в келью вошел один добрый инок. Он был очень растроган терпением и болезненным видом аввы Афинодора. С братскою любовью этот инок убеждал его перестать трудиться над плетением рогож, так как это причиняет его рукам страшную боль. Инок говорил, что каждый из них с радостью будет трудиться за него и что это нисколько не будет отягощать их. Они и так ради Господа служат больным и странникам. Но терпеливый Афинодор, проникнутый сознанием важности труда для каждого человека и особенно для монаха, решительно сказал своему благожелателю, что для него невозможно перестать работать.

Сердобольный брат советовал ему хотя растирать руки маслом, чтобы они несколько смягчились и перестали трескаться. Афинодор последовал этому совету. Но руки его от масла сделались нежнее; он во время работы чувствовал уже еще большую боль. Пахомий заметил, что этот брат прибегает к помощи масла. Авва с братским укором заметил Афинодору, что он должен не возлагать надежды на масло, а всецело отдать себя на волю Божию, так как не без промысла Божия, не без пользы для него и для других эта болезнь постигла его. Афинодор признал себя виновным и просил у Пахомия прощения. Он целый год потом оплакивал этот грех. Так строги были к себе иноки Пахомиева общежития. Святой Пахомий знал, к кому можно быть строгим и кому следует оказывать снисхождение.

Однажды являются к Пахомию двое юношей. Они оба желали сделаться монахами. Один из них, Сильван, юноша шестнадцати или семнадцати лет, доселе жил в плотской нечистоте. Пахомий принял их с такими мыслями: «Я сделаю их монахами, и если юноша, проводивший дурную жизнь, принес покаяние, я буду хранить его; если же он не раскаялся, я изгоню его».

Авва Пахомий наедине говорил с Сильваном, и юноша откровенно рассказал о своих прежних грехах. Он обещал сделаться другим человеком и более не грешить. Но прошло немного времени и Сильван предался прежним грехам. Авва Пахомий намерен был уже изгнать его, чтобы пример его не развратил кого-нибудь в монастыре. Авва призвал к себе одного благочестивого инока и поручил ему отправиться с Сильваном и еще с пятью иноками в указанный им монастырь и ожидать его там.

На другой день он предполагал здесь объявить Сильвану свое решение об изгнании его из общежития. Но благодать Божия именно накануне этого дня, ночью, коснулась сердца юноши, он твердо решил переменить свой образ жизни и исправить свое сердце. Еще ночью он встал с постели, нашел благоговейного брата, который сопровождал его в этот монастырь: сел подле него и стал горько плакать. На вопрос брата о причине этих слез Сильван ответил ему: «Я плачу, потому что я не пребываю в страхе Божием; если бы я боялся Господа, я соблюдал бы слова аввы нашего Пахомия, человека Божия».

Добрый инок старался утешить его. Он дал юноше такой совет: «До этого дня ты пребывал без страха Божия, но теперь предай душу свою всему тому, что он тебе приказал, и ты приобретешь страх Божий, если соблюдешь это».

Утром пришел в этот монастырь святой Пахомий с двумя монахами. Он тайно призвал к себе Сильвана и беседовал с ним с утра до седьмого часа дня. В этой беседе он раскрыл юноше его душевное состояние, указал ему его великую виновность и объявил, что более держать его в монастыре не может. Страшно поразили юношу слова великого аввы. Он уже думал о самоисправлении, об очищении сердца, о духовном возрождении, а теперь слышит, что его сейчас изгонят из среды монахов, которых он любил и уважал вполне искренно. С горькими слезами Сильван упал к ногам Пахомия. Умоляя старца о пощаде, он говорил: «На этот раз я принесу покаяние и буду исполнять все то, что ты прикажешь мне, не ради тебя

одного, но ради Бога, Который обитает в тебе и Который открыл тебе мою нечистоту».

Он просил старца не изгонять его из монастыря, если он не нарушит более своего обещания. Искренность покаяния Сильвана была очевидна. Пахомий на короткое время ушел от него в уединенное место и молился о нем, чтобы Господь дал ему твердость в исполнении его обещания. Потом он призвал к себе благочестивого инока Санамона и поручил ему заботиться о Сильване, причем рассказал ему о поведении этого юноши, прося молчать об этом. Пахомий предупредил этого инока, что ему предстоит много трудов при исправлении Сильвана, и только тогда вручил ему юношу, когда добрый подвижник изъявил согласие тщательно заботиться о его духовном перерождении. Потом Пахомий призвал Сильвана и дал ему наставление, убеждая всегда быть с этим старцем, подражать его жизни, никуда от него не отлучаться и ничего не делать без позволения. Сильван обещал исполнить заповедь Пахомия. Начальнику этого монастыря Пахомий сказал, чтобы он ни в каком случае не разлучал этих двух иноков; но не открыл ничего о прежнем поведении Сильвана. Пламенея теперь любовью к Богу, Сильван просил себе помощи свыше и обещал полную готовность терпеть всякую скорбь и обиду, как нечто заслуженное, обещал, что будет бодрствоватъ неусыпно над своим сердцем; Сильван исполнил свой обет. Он все усиливает свои подвиги. Он ест только один раз в день и пьет воду не до полного утоления жажды. Он усердно молится и даже большую часть ночи проводит в молитве, а когда его уже одолевает сон, он садится на своей рогоже, не позволяя себе опереться о стену. Все это он делает без всякого тщеславия, с величайшею скромностью имея в виду лишь очищение сердца своего, подавление порочных стремлений и приобретение совершеннейшей любви к Богу. Его скромность простирается до того, что он выбирает себе в пищу худшие овощи и старается получить худший тростник для плетения рогож и корзин, считая себя худшим из всех монахов.

В непродолжительное время Сильван достиг совершенной чистоты духа. Сам Пахомий радовался, видя духовное

преуспеяние юного подвижника, принесшего плоды покаяния.

Однажды братия того монастыря, где жил Сильван, собирали тростник. Пахомий на этот раз был с ними, назидая их словом Божиим. Наконец он сказал инокам:

– Я желаю сообщить вам о том чуде, которое Господь сотворил между вами. Есть среди вас один, который обратился и сделался новым человеком посредством второго рождения, так что он стал совершенным по чистоте сердца.

Пахомий указал и на то, что при высокой степени духовной чистоты этот брат совершенно чужд гордости, и что нет ни одного из братии, который бы походил на него по чистоте и возвышенности души. Иноки удивились, узнав, что Пахомий говорил им о Сильване. Все братия теперь стали выражать Сильвану величайшее уважение. Один за другим они стремились к нему, чтобы услышать от него слово назидания. Они называли его теперь не иначе, как авва Сильван. Но скромный инок с великою кротостью говорил им: «Правда ли, что я ваш авва?»

Он трудился с величайшим напряжением сил, чтобы стать на такую высоту. После этого он не долго жил. Он умер в мире с Богом и совестью.

Святому Пахомию Господь открывал и будущие судьбы иночества. Однажды многие братия с Пахомием отправились резать тростник. Некоторые из иноков провожали их. Между ними был и любимый ученик Пахомия, святой Феодор. Когда уже нужно было отчалить от берега, Пахомий сказал Феодору: «Поспеши войти в лодку».

Феодор, не спрашивая о причине, тотчас исполнил приказание старца, вошел в лодку и даже не подумал о том, чтобы взять с собою книгу, какую читал он в те дни ради назидания. Он рад был, что старец дал ему возможность проявить послушание, которое и не спрашивает, куда и зачем ведут, подобно Аврааму, вышедшему из своей земли по повелению Божию, хотя он и не знал, куда он идет. Когда уже нагрузили лодку тростником, Пахомий увидел нечто очень страшное. Ему представилось, что некоторые из иноков находятся в пасти львов, иные в пасти крокодилов, другие

среди огня, а некоторые под горою, на которую напирают волны, – они стараются взойти на гору, но все их усилия оказываются тщетными. Они все восклицали: «Господи, помоги нам!»

Увидев иноков в таком затруднении, Пахомий бросил на землю тростник, который нес на плечах, простер руки к небу и начал очень громко молиться, прося у Господа помощи для этих несчастных. Видя это, все иноки также бросили ношу и начали молиться. Эта напряженная молитва множества иноков продолжалась до вечера. Пахомию было открыто, что это видение относится к тому времени, когда его уже не будет в живых. Вечером за трапезой Пахомий ничего не ел. Святой Феодор, посланный во время сбора тростника с одним иноком по какому-то делу, ничего не знал о случившемся. Потом ему сообщили о видении Пахомия. Узнав, что старец ничего не ел, Феодор размочил хлеб, приготовил и еще какое-то кушанье и через одного брата передал Пахомию, что желает его видеть. Услышав, что Феодор его зовет, Пахомий немедленно пошел к нему. Думая о судьбе многих иноков, старец все еще продолжал плакать. И Феодору он сказал, что и он должен плакать пред Господом. Один брат в это время заметил, что Феодор еще ничего не ел. Пахомий ответил ему: «Что общего у вас с ним? Пусть он не ест и плачет».

Сам старец, чтобы еще больше не огорчить своего любимого ученика, ел предложенную Феодором пищу, хотя печаль еще была очень сильна в его сердце.

В последние годы своей жизни святой Пахомий имел еще другое видение относительно судьбы иночества. Однажды, затворившись в своей кельи, Пахомий молился с одиннадцатого часа (по нашему: с пятого часа вечера) до полуночи. Вдруг яркий свет осиял его комнату. Он слышит голос: «Поколение, которое будет следовать за тобою, будет проводить такую жизнь, которая будет угодна Богу, как в эти дни».

Потом ему было открыто, как широко распространятся монастыри. Но вот в восхищении он видит какой-то очень глубокий, крутой и мрачный ров. В этом рву ходили в бесчисленном количестве иноки, не различая один другого и

наталкиваясь друг на друга. Некоторые делали страшные усилия, чтобы выйти из этого рва. Одни из них успевали достигнуть до половины глубины, но потом стремглав падали. Многие жалостно взывали о сострадании. Некоторым удавалось, наконец, достигнуть до самой верхней точки этой бездны – до самого отверстия, откуда свет освещал для Пахомия этот страшный мрак; великую хвалу воздавали они тогда Богу. Придя в себя, Пахомий понял, что в этом видении ему открыто будущее состояние душ иноков, которые худо ведут себя – по своей ли небрежности или по вине худых руководителей. Пахомий с великою скорбью взывал к Богу, прося Его милости к монастырям и монахам. Он почти отчаивался за них. В ответ на свои вопли к Богу он услышал голос: «Пахомий, не забывай, что ты человек: все зависит от Моего милосердия».

Простершись на земле, Пахомий молил Бога о милосердии к нему. Тогда он был утешен явлением самого Христа Спасителя в виде человека молодых лет, неизреченной красоты, с терновым венцом на главе. Христос открыл ему, что его ученики будут взирать на него как на светильник, от которого им и можно заимствовать свет для себя. Их поведение будет согласно с правилами. Их внутреннее настроение будет доброе. Им будут подражать последующие иноки. Но настанет время, когда вера ослабеет и пороки усилятся. Нерадение и пристрастие к чувственным благам будут отличать иноков того времени. Духовный мрак усилится. Они будут бороться друг с другом за обладание мирскими благами. Истинных подвижников будет очень мало. Они не будут иметь руководителей. Сами себя они должны будут возбуждать к деланию добра, к удалению от зла. Конечно, их подвиги будут иметь мало цены по сравнению с подвигами первых монахов. Однако они получат награду наравне с первыми, потому что им придется немало страдать от тяжелых для иноков условий современной им жизни. Пахомий был очень рад, когда ему было открыто все это. Много дней он оставался без пищи. На другой день, когда братия собирались на молитву, авва пошел вместе с ними в церковь. Здесь, после

молитвы, он предложил трогательную беседу собравшимся инокам.

Настоящая жизнь, говорил он, быстро проходит, и смерть приближается к нам. Смерть может внезапно постигнуть нас, когда мы совсем еще не готовы. Человек поэтому всегда должен усердно исполнять заповеди Божии, не оставляя без внимания ни одной. Мысль о блаженстве праведных и о мучениях грешных всегда должна быть с нами. При виде могил наших братии мы не можем не думать о тленности человека, о том, что настоящая жизнь не заключает в себе чего-нибудь такого, чем можно было бы гордиться, к чему можно было бы иметь пристрастие. Святой Пахомий настойчиво предупреждает иноков, что именно они, отрекшиеся от мира, будут более всех жалки, если будут поступать вопреки своему долгу, если будут вместо Бога служить диаволу и греху. Великий авва приглашает своих учеников усердно трудиться для своего спасения, делать все возможное и всегда возлагать упование на Бога.

Сильно ослабев от подвигов, преподобный Пахомий вскоре после праздника Пасхи подвергся тяжкой болезни, от которой уже много иноков умерло. Когда к кому-либо приступала эта болезнь, он начинал чувствовать сильнейший жар, глаза делались красными, изменялся цвет лица, появлялось какое-то удушье. Во всех монастырях один за другим умирали иноки, а еще более было больных. Когда заболел Пахомий, Феодор с сыновнею любовью служил ему. Болезнь великого аввы длилась много дней. Он постепенно ослабевал. Жар был необычайный. Старец по три дня совсем не принимал пищи и даже воды. Однако он продолжал вести беседы с братиями. Дней сорок Пахомий пролежал в больнице. О нем заботились наравне со всеми больными. Он так ослабел, что его страшно тяготило толстое покрывало. Он просил Феодора покрыть его более легким одеялом. Феодор немедленно принес легкое и притом новое одеяло и покрыл им старца. Пахомий заметил, что для него сделано предпочтение, и нашел это несправедливым. Старец боялся, что это может кого-нибудь ввести в соблазн. Тогда Феодор снял с него это покрывало и одел его другим, наравне со всеми больными.

Преподав инокам и особенно их начальникам много полезных наставлений, святой Пахомий скончался в четырнадцатый день месяца Пашонс[3255], вероятнее всего – в 348 г., 53 лет от роду.

Рука Феодора закрыла глаза великого Пахомия. Братия бросились к святым останкам, со слезами лобызали уста и святое тело аввы Пахомия. Они читали молитвы об упокоении его и весь этот день и целую ночь. Утром была принесена за него Бескровная Жертва. Затем братия с пением отнесли тело Пахомия к горе и похоронили по обычаю. Это было в пятнадцатый день месяца Пашонс.

Возвратившись в монастырь, братия с великою скорбью говорили друг другу:

– Поистине, мы сегодня осиротели.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Пахомие отче наш. Моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Светильник светел показался еси в концех, пустыню же грады сотворил еси множествы монашескими: сам себе распен, крест твой на рамо взем, и воздержанием тело изнурил еси, моля непрестанно о всех нас.

Память преподобного отца нашего Евфросина, Псковского чудотворца

Память 15 мая

Святой мученик Елеазар[3256] происходил из великого острова России, между севером и западом находящегося в уделе Иафета, из северной страны, из окрестностей богохранимого великого города Пскова[3257]. Он родился и получил воспитание в селе Виделебьи[3258], находящемся на расстоянии тридцати поприщ[3259] от города Пскова. Кто были по плоти его родители, неизвестно, известно только одно то, что он родился духовным рождением, и отцом он имел Бога, Который и родил его водою и Духом, а матерью его была православная отеческая Церковь, почему он и воспитан был в правой вере и наставлении. По достижении возраста родители отдали его в научение Божественным книгам, и он вскоре настолько ясно уразумел Божественные Писания, что мог не только словесно изъяснить их, но и составлять собственные поучительные сочинения. При этом он изучил и философские науки, так что даже старики удивлялись его мудрости и с похвалою отзывались о нем. Никогда он не обнаруживал склонности ни к играм, ни зрелищам, но больше всего любил чтение Божественных писаний и церковные песнопения, причем с юных лет стал предаваться строгому воздержанию, отказавшись совсем от употребления в пищу сладкого. Увидя такое воздержание отрока, родители говорили ему:

– Сын наш! Зачем ты изнуряешь тело свое таким суровым образом жизни и этим причиняешь нам великую скорбь?

– Родители мои, – отвечал на это отрок, – в Писании сказано, что пища и питье не приближают нас к Богу (1Кор.8:8), а только пост, молитва, чистота телесная и воздержание – вот что приближает нас к Богу.

После этого родители Елеазара пожелали сочетать его законным браком, но рассудительный отрок убежал от родителей своих, как серна от тенет[3260]. Родители долго повсюду со слезами разыскивали его и нигде не могли найти, но

благодать Божия хранила его. Вскоре отец его скончался, и мать осталась вдовою. Тогда милостивый Бог, хотящий всем людям спастись и в разум истины прийти, вложил в сердце его благую мысль о том, как бы ему устроить свое спасение и удалиться от мира. Эту мысль он немедленно же и исполнил. Отправившись в монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, что на Снежной горе, – так называлась местность на берегу реки Великой в расстоянии трех поприщ от города Пскова, – он от игумена этого монастыря принял иноческое пострижение, причем навсегда отказался от помыслов, влекущих к миру и всецело отдался обетам иноческого звания. При пострижении ему дано было имя Евфросина.

Приняв иночество, преподобный Евфросин стал ревностно подвизаться в посте, бодрствовании, молитве и всенощных молитвенных стояниях и в то же время неленостно служил братии и в поварне, и в пекарне, и на всех других монастырских работах, как это было принято в монастыре, чем приобрел расположение к себе всех живших в обители иноков. Вскоре слово о преподобном, вследствие такой добродетельной жизни его, стало распространяться повсюду. С огорчением узнал он об этом, так как отвращался от славы людской и считал ее грехом и посрамлением для себя, а потому стал помышлять о том, чтобы избежать этой славы и, избрав для этого пустынную и безмолвную жизнь, подвизаться только для Бога. О таком своем намерении он сообщил духовному отцу своему, и последний, видя, что он процветает в добродетелях, благословил его и сказал ему: «Иди с миром, сын мой! Господь да будет с тобою; да вразумит Он тебя и наставит на ту благую деятельность к которой призвал тебя».

После этого блаженный Евфросин, приняв благословение от своего духовного отца, вышел из обители Пречистой и стал обходить многие места, ища такого, где бы ему можно было в уединении предаться безмолвному житию. По особому усмотрению Божию он услышал о том месте на берегу реки Толвы, которое находится на расстоянии двадцати пяти поприщ от города Пскова и на котором по благодати Христовой стоит ныне монастырь[3261]. Владельцы этого места через некоторых

благочестивых людей стали приглашать его и не по своей воле, а больше по воле Господа, Которому угодно было, чтобы и здесь прославилось святое имя Его. На этом месте и поселился преподобный на безмолвное, уединенное житие, как сказал Божественный пророк: «далеко удалился бы я и оставался бы в пустыне. Поспешил бы укрыться от вихря, от бури» (Пс.54:8–9). Он поставил себе здесь шалаш и с усердием стал предаваться иноческим подвигам, отражая козни невидимого врага постом, бодрствованием, молитвою, всенощным стоянием и земными поклонами. Однажды во время летнего зноя, когда преподобный вышел из шалаша, и лег на землю, чтобы немного отдохнуть от своих подвигов, то тотчас же впал в летний сон, и в это время явились ему вселенские учителя, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, и указали место для построения храма во имя их в той местности, где он подвизался. Когда затем он пробудился от сна, то никого уже не увидел, и такое необыкновенное видение привело его в недоумение.

После этого прошло много времени, и мать преподобного проведала от некоторых людей о месте его пребывания. Взяв с собою все необходимое для путешествия, она пришла к тому месту на берегу реки Толвы, где жил преподобный. Подошедши к его шалашу, она стала просить его, говоря:

– Дорогое чадо мое! Утешь старость матери твоей, покажи мне Ангельское лицо твое, не дай мне со скорбью сойти в могилу, где почивают и отцы наши.

Через щель святой Евфросин увидел мать свою и, узнав ее, сказал ей:

– Не скорби, мать моя, уйди отсюда и не утруждай старости твоей. Если ты желаешь увидеть меня здесь, то не увидишь уже в той жизни. Иди же в монастырь и, подвизаясь, спаси душу твою.

Так и не достигла мать преподобного исполнения своего желания. Со скорбью она ушла от него, поступила в один из монастырей и, проводя дни свои в благочестивых подвигах, оставалась в нем до самой кончины своей. Преподобный же

Евфросин, доблестно и славно проведши жизнь свою, преставился ко Господу[3262].

Память преподобного отца нашего Ахиллия, епископа Ларисийского

Память 15 мая

Сей преподобный жил в царствование императора Константина Великого и происходил от благочестивых родителей. Предавшись благочестивой и богобоязненной жизни и изучив светские науки и высшую философию, он украсил себя всякими богоугодными деяниями, почему и поставлен был епископом верхней Ларисийской Фессалии[3263] для христиан, обитавших во всей Элладе. Присутствуя на Вселенском соборе в Нике[3264], он обличил Ария и его единомышленников[3265]. Возвратившись затем снова в Ларису, он разрушил много идольских капищ, изгнал из бесноватых бесов и совершил великое множество других чудес. Кроме того, он вновь построил церковные здания и богато украсил их, после чего с миром отошел из этой жизни[3266].

Житие преподобного отца нашего Феодора Освященного, ученика Пахомиева

Память 16 мая

Святой Пахомий был уже везде известным аввою, когда Феодор Освященный был еще мальчиком. Он получил сведение о Пахомии, живя уже в одном из монастырей и с юношеским жаром стремясь к высшему совершенству.

Феодор был сын богатых и знатных родителей[3267]. На двенадцатом году от рождения он ежедневно ходил в школу, по желанию отца. Он был более всех детей любим матерью за свой ум и благочестие. Однажды в праздник Богоявления его родители приготовили прекрасные кушанья, поставили разные вина, во всех комнатах разостлали ковры. Юный Феодор, увидав торжественную обстановку дома и роскошной стол, пришел в сильное смущение от одной мысли. Он сказал себе: «если ты будешь есть эти кушанья, то Бог не дарует тебе благ будущей жизни». Крайне взволнованный этою мыслию, мальчик уходит в уединенное место, становится на колени и со слезами молится Спасителю.

– Я не хочу, – говорил он, – этой тленной пищи, которая ведет к гибели; но я желаю Тебя Единого с теми благами, которые Ты назначил верным в другом мире.

Он долго со слезами повторял эти слова. В это время мать ищет его по всему дому. Ожидали Феодора к столу и никто не начинал есть. Найдя его и заметивши на лице его слёзы, мать с нежною любовью говорит ему:

– Ты плакал, сын мой! Где ты был? Мы тебя искали.

Феодор ответил, что с ним ничего не случилось. Мать зовёт его обедать, прибавляя, что, если он не станет есть, то и никто не сядет за стол. Феодор решительно отказался от вкушения праздничной пищи. Он еще некоторое время жил в доме родителей, предаваясь посту, молитве и плачу. От этих слёз у юного Феодора даже заболели глаза. Он в это время продолжал ходить в школу. Но вот приходит конец этого года. Недалеко от селения, где жили родители Феодора, был один

монастырь. Здесь каждый брат жил отдельно от других, в своей келье. Феодор явился сюда и стал жить отшельником. Его здесь скоро все полюбили за его ум, благочестие и скромность.

В том монастыре, где поселился преподобный Феодор, было обыкновение каждый день вечером после трапезы собираться вместе для духовной беседы. Говорили о том, что кому пришлось узнать из Священного Писания или услышать, если это могло послужить к общему назиданию. Эти беседы могли давать обильную пищу для души и предохраняли от праздных бесед или увлечения дурными помыслами. Во время одной из таких бесед, один инок, посетивший недавно Пахомиев монастырь, вспомнил объяснение одного места из Священного Писания, слышанное им от Пахомия. Этот инок с восторгом рассказывал о порядках Тавеннисийского общежития, о том, с какой любовью его там встретили, а более всего о самом Пахомии. Особенно внимательно по обыкновению слушал юный Феодор, сам всегда хранивший молчание. После такой восторженной речи о Пахомии, Феодор воспламенился желанием увидеть великого авву. Оставшись один, он с великим жаром молился. Вот содержание молитвы юного подвижника:

– Боже, Господи, Творец всякой вещи! Если Ты услышишь меня и даруешь мне то, о чем я Тебя прошу; если Ты дашь мне возможность увидеть Твоего служителя Пахомия: то я буду служить Тебе во все дни жизни моей и не уклонюсь от Тебя до дня моей смерти. Да будет воля Твоя, но сделай меня достойным видеть Твоего служителя!

Он целую ночь не мог уснуть, отдаваясь размышлениям о свидании с великим учителем монахов. До утра он не один раз вставал, со слезами умолял Господа сделать его достойным видеть Пахомия. Потом он пошел в келью того брата, которой был в Тавенниси, и просил его непременно рассказать ему подробнее о жизни Пахомия, о тех правилах, какие он дал инокам. Брат подробно ознакомил его с тем, что он знал о Пахомии, его жизни и правилах. С этого времени, Феодор еще напряженнее молился Богу, чтобы Он удостоил его увидеть Пахомия. Феодор надеялся при посредстве Пахомия лучше познать Бога и Его святую волю.

В это время Феодор заболел. Родители носили ему пищу. Феодор отказывался от нее. Но вот болезнь его усилилась. Родители взяли его из монастыря домой. Он и не заметил этого, будучи от болезни некоторое время без сознания. Придя в себя, он очень огорчился тем, что увидал себя снова в доме родителей. Родители, убедившись в твёрдости его решения, возвратили его в монастырь. Теперь уже сами иноки усердно заботились о юном подвижнике до самого его выздоровления.

Прошло еще четыре месяца, и Феодор не прекращал своей молитвы о свидании с Пахомием. В это время в монастырь, где жил Феодор, пришел авва Печош (или Пекусий), инок Пахомиева монастыря. Ему поручено было во время пребывания здесь служить инокам. Его смирение, его молитвенное настроение, всё его поведение вызвали у всех иноков удивление и уважение, и сердца всех невольно располагались к Печошу. Конечно и Феодор познакомился с ним. Он увидел, что при посредстве этого аввы ему легче всего осуществить свое желание. Он и просил Печоша помочь ему в этом. Печош, однако, не решился взять Феодора с собою, опасаясь гнева родителей отрока. Феодор был твёрд в своем намерении. Когда авва Печош с некоторыми иноками сел в лодку, чтобы отправиться в Пахомиев монастырь, Феодор идет вслед за ними пешком. Всё еще не замечаемый, он шел по берегу Нила не на большом расстоянии от лодки. Наконец некоторые иноки заметили его. Они указали на него авве Печошу, вспомнивши, что именно он просил авву взять и его с собою в лодку. Прибыли, наконец, в Тавенниси.

Увидев стены обители, Феодор возблагодарил Господа за исполнение своего желания и в радости целовал эти стены. Увидев самого Пахомия, он со слезами восторженной радости приветствовал великого старца. Пахомий указал ему на Господа, Который исполнит всякое желание его благочестивого сердца, потому что он ради Господа оставил мир. Феодор остался в Тавенниси, готовый исполнять все правила иноческой жизни и подчиняться во всем воле своих руководителей. Ему было только четырнадцать лет. Шел уже пятый год со дня основания Пахомиева общежития.

По рассказу епископа Аммона, приход Феодора в Тавенниси был предсказан с точностью самим Пахомием.

Поселившись в Тавенниси, Феодор стал проявлять величайшую ревность об угождении Богу. Счастлив был юный подвижник, что поучение и частные беседы Пахомия указывали ему верный путь к достижению иноческого совершенства, а весь строй жизни в общежитии не давал ослабеть его ревности.

Однажды в беседе с братиями преподобный Пахомий высказал такую мысль: «если бы человек владел истинным ведением, то он не согрешил бы ни против Бога, ни против своего ближнего». Душа Феодора воспламенилась желанием приобрести это истинное ведение. Вместе с тем он очень скорбел, думая, что ему трудно будет достигнуть исполнение своего желания. Он усердно просил Бога даровать ему истинное ведение, смиренно сознаваясь в своем недостоинстве, в своем бессилии познать истину.

– Господи, – говорил он в молитве, – Господи, к Которому я прибег! Дай мне ведение, как Ты обещал тем, кто возлюбит Тебя, чтобы мне делать всё то, что может удовлетворить Тебя.

Феодор даже часто плакал о том, что он далек от истинного ведения. Пахомий в глубине души радовался этим слезам юноши, поощрял его стремление к приобретению истинного ведения. При встречах он не раз говорил Феодору:

– Старайся приобрести истинное ведение.

Однажды ночью он призвал Феодора, когда ярко светила луна. От этого чудного неба с его светилами обращая мысль юноши к невидимому Творцу всяческих, авва Пахомий сказал Феодору:

– Бойся Его во все дни твоей жизни; знай, что именно Он сотворил нас со всеми творениями, и что мы в Его руке. Когда ты будешь иметь страх Божий и думать, что Бог видит тебя в каждое мгновение, смотри, не согрешай против Него, и таким образом тебе будет послана от Него верная помощь. Воздавай Ему славу каждый день.

Обильные слёзы подтверждали искренность их беседы. Молитвою они закончили обмен мыслей о Боге и об угождении Ему.

Подобные беседы они вели не один раз. Для Феодора, юноши чрезвычайно восприимчивого, пылавшего святою ревностью об угождении Богу, каждое слово святого Пахомия имело большое значение: в его душе не только укреплялись благочестивые чувствования и стремления, но и развивалась духовная мудрость. Пахомий своими беседами, особенно близким общением с Феодором, преднамеренно или ненамеренно, приготовлял Феодора к будущему служению монахам уже в качестве их руководителя в духовной жизни.

Как внимателен был преподобный Пахомий к каждому делу и даже слову Феодора, как твёрдо он вел юного подвижника к высшему совершенству!

Однажды Феодор встретил одного брата с ковром на плечах, возвращавшегося с какого-то монастырского послушания. Феодор спросил его, откуда он идет. Пахомий услышал этот вопрос. Подозвав к себе Феодора, он сказал ему:

– Феодор, смотри, будь господином своего сердца в каждое мгновение. Не спрашивай у брата: откуда ты идешь? Это может войти в привычку. Что за надобность так говорить? Ведь это слово не служит ни для утешения, ни для спасения.

Феодор часто вспоминал это наставление своего учителя, придавая ему большое значение: он знал, что верность в малом ведет к верности и в большом и требуется заповедью Спасителя.

Как-то Феодор стал жаловаться Пахомию на то, что у него сильно болит голова. Пахомий на это сказал ему, что верующий человек не должен никому говорить о своих телесных недугах, кроме тех случаев, когда болезни нельзя скрыть от других, но и подобные болезни надобно переносить с должным терпением. Ведь и вольные и невольные страдания составляют как бы мученичество. Да и вообще нужно умерщвлять свое тело из любви к Богу. Это наставление Пахомия преподобный Феодор принял с глубочайшею верою и стал уже скрывать от людей ту головную боль, которою долго страдал. Ему пришлось еще двадцать лет выносить эту боль, но уже никто не слышал от него жалобы. Феодора посещали и другие болезни, более или менее продолжительные, – например, боль в ушах, лихорадка,

глазная болезнь: он все переносил молча и благодушно. И вообще никто из иноков не умерщвлял себя так, как Феодор, которой тщательно скрывал свои подвиги от людей. Ежедневно он вкушал пищу лишь поздно вечером, а иногда постился по два дня сряду, вкушая пищу лишь к концу второго дня. Иногда он принимал пищу, но не употреблял воды по два дня сряду. Вареную пищу он вкушал только в случае болезни. От употребления приятных на вкус плодов он вообще удерживался. Но если братия вкушали финики, он также ел их вместе с монахами, даже брал с собою довольно много, но съедал потом не более двух. Ночи он любил проводить в бодрствовании. Преподобный Феодор в короткое время успел стяжать много плодов духовных.

Феодор всею душою привязался к своему великому старцу преподобному Пахомию и к своим сподвижникам инокам. Все они были родные ему по духу, и все они также любили его. Но юный подвижник совсем был чужд пристрастия к родным по плоти: они почти не существовали для Феодора, они не могли отвлечь его от любви к Пахомию и монахам.

Как Феодор боялся родственных пристрастий, показывает следующий случай. Шел уже десятый год с того дня, как он пришел в Тавенниси. Его мать, давно желавшая видеть сына, пришла сюда с письмом от епископа области Эсне. Святитель просил Пахомия разрешить этой женщине свидание с ее сыном. Прочитав письмо епископа, Пахомий говорит Феодору, чтобы он шел на свидание с матерью, так как этого очень желает мать и просит об этом епископ. Но Феодор не решился послушаться этого приказания и сказал святому Пахомию:

– Я спрошу тебя об одном. Скажи мне: если я пойду к матери, то не окажусь ли я согрешившим пред Господом, потому что не повиновался заповедям, написанным в Евангелии, так как Владыка наш сказал: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня.» (Матф.10:37).

Пахомий сказал, что он вовсе не хочет принуждать его нарушить заповедь Евангелия об отречении от родственных пристрастий ради совершенного угождения Богу, но предлагал ему идти на свидание с матерью потому, что знал о ее слезах и

опасался, что и сам Феодор будет опечален скорбью матери. Пахомий, признаваясь, что и он сам очень рад точному исполнению его учеником заповеди Божией, выразил мысль, что и епископ будет рад этому, так как именно епископы учат тому, что заключается в Евангелии. Некоторые из братий, желая доставить хотя малое утешение матери Феодора, придумали общую работу для монахов вне монастыря. На эту работу отправился и Феодор. Мать была утешена тем, что хотя издали увидела между монахами своего сына подвижника.

Однажды, когда Феодор был вне монастыря на каком-то послушании, явился в монастырь родной брат его Пафнутий. Он изъявил желание сделаться монахом, но с тем условием, чтобы ему быть вместе с Феодором. Когда Феодор возвратился в обитель, ему передали слова брата. Но ревностному монаху казалось нехорошим, что брат его хочет быть монахом как будто только ради него. Поэтому он не хотел и видеть брата. Однако Пахомий убедил его не отказывать брату в свидании. После взаимного приветствия Феодор сказал брату:

– Если ты пришел сюда ради меня, то возвратись туда, откуда пришел; если же ты пришел ради Бога, то почему не соглашался сделаться монахом прежде, чем я пришел бы к тебе?

С этими словами Феодор тотчас оставил брата. Но Пафнутий пошел вслед за ним и, догнав его, сказал ему со слезами:

– Сколько дней я ожидал твоего прихода, а ты, явившись, говоришь мне такое жестокое слово!

Феодор ответил ему:

– Если ты ради меня пришел, чтобы сделаться теперь монахом, то ты мог бы оставить монастырскую жизнь, если бы я ее оставил. Но если ты так поступаешь по страху Божию, то вынесу ли я эту жизнь или нет – ты будешь оставаться в монастыре постоянно.

Феодор ввел брата в обитель. Вскоре же, спросив келью Феодора, Пафнутий вошел туда и сел. Увидев в своей келье брата, Феодор сильно смутился и сказал ему:

– Оставайся здесь: но я уже не хочу здесь жить из опасения, чтобы нам не быть похожими на людей находящихся друг с другом в плотском родстве. Позволь мне жить вблизи тебя наравне со всеми братиями, потому что в этой обители нет различия, мы все служители Божии и дети нашего аввы.

Суровые слова Феодора страшно огорчили его брата. Пафнутий тотчас пошел к святому Пахомию и со слезами просил отпустить его обратно домой, так как для него невыносимо такое небратское обращение Феодора. Тогда Пахомий призвал Феодора и строго сказал ему:

– Почему ты говорил с ним жестоко? Неужели ты не знаешь, что это молодое растение? Не думаешь ли ты, что всякий, кто придет с тем, чтобы сделаться монахом, будет уже иметь страх Святого Духа? Ведь есть люди, которые приходят, чтобы спасать свои души, а другие приходят по иным побуждениям.

Пахомий указал Феодору, что иноки во всяком случае должны относиться к подобным людям с полным терпением, ожидая, что и они познают, наконец, путь Божий и оставят свое плотское мудрование. Наконец Пахомий просил Феодора быть руководителем брата в жизни монашеской, пока он сам не приобретет истинного понимания обязанностей инока.

Находясь под непосредственным руководством святого Пахомия и с неутомимою ревностью исполняя все его наставления, Феодор скоро сделался образцом для подражания всем инокам. Преподобный Пахомий даже посылал к нему многих иноков за наставлением и утешением. Своим мудрым, полным любви словом, святой Феодор успевал утешать и успокаивать многих. Один инок не мог снести строгих замечаний святого Пахомия. Он готов был даже покинуть братство. Только святой Феодор нашел способ успокоить его.

– Не ты один терпишь, – сказал Феодор, – я также печален сердцем из-за него, потому что он часто укорял меня. Теперь останемся вместе, чтобы утешать друг друга, пока не увидим, не перестанет ли он укорять нас; а в противном случае мы пойдем в другое место.

Эти слова успокоили душу инока. Тем временем Феодор всё сообщил Пахомию тайно от других. Спустя месяц Феодор

пригласил этого брата к Пахомию. Конечно Пахомий с великою кротостью и отеческою нежностью встретил двух монахов. Они оба успокоились: опечаленный прежде Пахомием инок рад был, что авва изменил свое отношение к нему, а Феодор радовался его успокоению и благодарил Бога, пославшего ему случай послужить орудием спасения для скорбевшего монаха.

Вот еще случай, свидетельствующий о той предусмотрительной любви к братиям, какая отличала и Пахомия и Феодора. Один молодой монах пожелал непременно отправиться на свидание с родителями. Пахомий очень опасался, что он уже не возвратится в монастырь. Поэтому мудрый авва не отпускает его одного, а в спутники дает ему Феодора.

– Соглашайся с ним во всем, чтобы он возвратился сюда с тобою, – говорил Пахомий Феодору.

Родители молодого инока с любовью встретили сына и его спутника. В особой комнате подали им пищу, разрешенную монашескими обычаями. Молодой инок просил есть и Феодора. Он сначала отказывался. Но брат сказал, что, если Феодор не будет с ним есть, то он уже не возвратится в монастырь. Феодор вспомнил заповедь Пахомия, протянул руку к пище и немного съел. Но исполняя таким образом последнюю заповедь Пахомия, Феодор хорошо помнил и одну из первых, очень важную. Авва некогда говорил ему, что он сам во время своей монашеской жизни не позволял никому из мирян видеть, как он ест. Следовательно, монаху, по мысли преподобного Пахомия, нельзя вкушать пищу в мирском доме, кроме случая крайней необходимости. Это долго вызывало в душе Феодора раскаяние, и он молил Бога простить ему грех, допущенный ради того, чтобы молодому монаху не дать возможности совсем остаться в мире. Так был строг к себе преподобный Феодор.

Строгость святого Феодора к себе, недоверие к своему мнению – отличительные качества его. Вот случай, при котором особенно ясно выразилась его строгость к себе. Один брат ел много порея. Думая, что молодому монаху не полезно есть много порея, потому что он укрепляет тело, Феодор кротко оговорил его. Потом Феодор стал размышлять о том, хорошо ли

он поступил: может быть, монах сам исправился бы. Однако слова Феодора очень сильно подействовали на молодого инока: он уже до самой смерти, в продолжение двадцати девяти лет, совсем не употреблял порея. Узнав о воздержании этого инока, Феодор и сам уже до самой смерти не ел порея, чтобы не оказаться пред Господом виновным в нарушении того правила, какое наложил на другого.

По этому свойству самоотвержения и самого тонкого благородства, святой Феодор, как и во всем прочем, являлся истинным учеником святого Пахомия.

Нелегко было святому Пахомию управлять многочисленным братством, рассеянным по девяти монастырям. Ему нужен был помощник. Феодор Освященный, лучший из учеников великого старца, мог быть и лучшим помощником в деле служения спасению иноков. «Житие» Пахомия передает, что он имел откровение свыше, утвердившее его в решении сделать преподобного Феодора своим помощником.

Феодор Освященный отличался не только добродетельною жизнью, но и особенным даром слова и познаниями в Священном Писании. Святой Пахомий однажды поручил ему сказать братиям поучение в день воскресной. Феодор без всякой гордости занимает место Пахомия и произносит поучение, считая для себя законом волю старца. Сам Пахомий с глубоким вниманием слушал одушевленную речь своего ученика, заняв место в ряду всех монахов. Но некоторым из иноков не понравилось, что Феодор, этот молодой инок, учит их вместо Пахомия. У них явилась сильнейшая зависть. Они даже оставили собрание. Окончилось поучение. Пахомий призывает ушедших от поучения монахов и упрекает их в том, что они по своей гордости не стали слушать поучение Феодора, между тем как об этом он сделал распоряжение при них же, и к тому же он сам внимательно и с пользою для души слушал речь своего ученика. Пахомий уверял их, что они не получат никакой милости от Бога, если не принесут искреннего покаяния. Конечно многих вразумила строгая речь старца, многие приняли его совет изгонять из сердца зависть и гордость. Однако были и такие иноки, которые после обличения старца еще сильнее

возненавидели Феодора, так что даже не могли спокойно смотреть на него. Сам Феодор не только не питал к ним ни малейшей вражды, но всегда обращался с ними с особенным вниманием и любовью.

Вскоре святой Пахомий поставил Феодора строителем в Тавенниси. Сам великий старец поселился в другом монастыре Певоу. Он надеялся, что Феодор будет управлять в его духе, и что от его мудрых бесед и назидательного примера будет большая польза для монахов.

Какой духовной высоты достиг в это время Феодор, видно из свидетельства опытного и ревностного аввы Корнилия, одного из первых учеников Пахомиевых. Корнилий, смотревший на преподобного Пахомия, как на Ангела во плоти, видел в Феодоре лучшего из учеников Пахомиевых и говорил, что он желал бы в будущей жизни занять место именно после Феодора.

Сделавшись начальником в Тавенниси, святой Феодор часто ходил в Певоу просить себе советов у аввы Пахомия или послушать его общих поучений. Возвратившись к своим инокам, он передавал им слышанное от Пахомия. Авва Пахомий имел обыкновение по окончании поучения заставлять монахов повторять сказанное. И святой Феодор усвоил это обыкновение. С своей стороны труд произнесения поучений он считал для себя необходимым, чувствуя великую сладость от усвоения и сообщения другим слова Божия.

Пахомий также иногда ходил в Тавенниси и здесь беседовал со всеми или с кем-нибудь отдельно о спасении души. Его мудрость, его добродетели, особенно смирение пред всеми, даже пред самыми юными членами братства, всё это было источником назидания для всех. Но особенно Феодор дорожил этими посещениями и слагал в сердце своем уроки от жизни или от слова великого старца.

Пахомий тщательно следил за всеми действиями Феодора, чтобы благовременно подавать ему добрый совет. Когда Феодор не строго смотрел за соблюдением всех правил, назначенных Пахомием, Пахомий указывал ему, что необходимо требовать от иноков послушания всецелого, послушания даже и в малых

делах, потому что нарушение малейшего правила расстраивает порядок монастырской жизни и ведет к развитию в монахах духа непослушания.

Когда два инока позволили себе разговаривать во время работы в хлебной, а Феодор не обратил на это внимание, Пахомий строго и настойчиво говорил ему, что он должен следить за исполнением правил внешнего поведения.

Когда Феодор, совершенствуясь более и более, наконец, достиг высокой степени чистоты сердца и мудрости духовной, преподобный Пахомий вызывает его из Тавенниси к себе в Певоу, желая, чтобы Феодор разделял с ним труды управления всеми монастырями. чтобы он был таким же помощником для него, каким был Иисус Навин для Моисея. Теперь Пахомий нередко дает Феодору очень важные поручения. Он посылает его вместо себя для наблюдения за духовным состоянием братий, для врачевания их духа. Феодор имел право во всех монастырях распоряжаться приемом иноков и изгнанием из обители тех, кто, будучи неисправим, своим поведением производил в братстве соблазн. Объясняя Священное Писание, Пахомий сажает Феодора рядом с собой. Теперь Феодор еще чаще прежнего проповедует вместо Пахомия. Слово его оказывает самое благотворное действие на слушателей. Та любовь, какую Феодор, по свидетельству древнего жизнеописателя, имел не только к каждому монаху, но и ко всякому человеку, давала ему возможность и проникать в духовные нужды братий и помогать им мудрым и теплым словом. Пахомий со своей стороны был для него опытным советником и строгим обличителем: он желал, чтобы Феодор не останавливался на той ступени нравственной чистоты и духовной мудрости, какой он так скоро достиг, но чтобы он совершенствовался более и более, чтобы сделался всецело чистым по духу и не мог уже потерять этой чистоты.

Преподобный Феодор часто поучал иноков. При этом он нередко обращался к инокам с речами, в которых обличал или общие многим недостатки, или недостатки, проступки отдельных лиц, не называя виновных по имени. Случалось, что они сами

приносили покаяние пред всем собранием и просили прощение у братий.

По смерти преподобного Пахомия и его преемника аввы Петрония, жившего не долго после Пахомия, святой Феодор был мудрым руководителем на пути ко спасению для всех монастырей Тавеннисийских, частью помогая в управлении ими авве Орсисию, частью же вместо него управляя монастырями, хотя и в полном единении с ним, как бы в качестве его соправителя. И жизнью и словом великую пользу он приносил инокам и прославился еще чудесами своими. За его подвиги и за его мудрость к нему с особенным уважением относился святой Афанасий Великий. Скончался он лет двадцать спустя после смерти преподобного Пахомия[3268]. Иноки с аввою Орсисием во главе долго оплакивали его. Их скорбь искренно разделял и святой Афанасий. В утешение инокам, святитель Александрийский прислал им большое послание, в котором много и красноречиво говорил о добродетелях и подвигах аввы Феодора Освященного.

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и в телеси Ангел, и чудотворец явился еси богоносе отче наш Феодоре: постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляеши недужныя, и души верою притекающих ти. Слава давшему тебе крепость: слава венчавшему тя: слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 2:

В дому Божии яко финикс процвел еси, плоды же добродетелей Господеви принесл пощением изрядным, отче преподобне. Темже и ублажаешися, яко безплотных равностоятелен.

Память блаженной отроковицы Музы

Память 16 мая

Святой Григорий Двоеслов, папа Римский[3269], поведал своему архидиакону Петру такое сказание о блаженной отроковице Музе (со слов Прова, брата Музы):

«Когда Муза была еще юной отроковицей, ей ночью явилась в сонном видении Пресвятая Богородица Приснодева Мария; Матери Божией сопутствовали многие отроковицы столь же юного возраста, как и Муза. Богоматерь спросила Музу:

– Не желаешь ли ты жить вместе с этими отроковицами и всегда следовать за Мной?

На это Муза отвечала:

– Весьма желаю, Госпожа моя.

Тогда Матерь Божия сказала Музе, чтобы она воздерживалась от детских игр и от всего небогоугодного, так как через тридцать дней Муза придет к Ней и присоединится к лику прочих юных дев.

С этого времени Муза переменила жизнь свою: оставив детские игры и забавы, она всецело посвятила себя жизни богоугодной.

Видя такую перемену в жизни дочери своей, родители Музы весьма удивились. Когда же они спросили ее о причине такой перемены, то Муза сказала им, что она видела во сне Пресвятую Богородицу; сказала им о заповеди, которую дала ей Матерь Божия; поведала также и о том, в какой день она отойдет от жизни этой и присоединится к сонму прочих дев, сопутствовавших Матери Божией.

При наступлении двадцать пятого дня после явления Музе Матери Божией, отроковица впала в тяжкую болезнь; она вся пылала как в огне. На тридцатый день, когда приблизилось время преставления блаженной отроковицы, Муза снова увидела Матерь Божию, пришедшую к ней в сопровождении тех же отроковиц. Матерь Божия стала звать к Себе Музу. Блаженная же отроковица ответствовала Ей тихим голосом:

– Иду, Госпожа моя, иду!

С этими словами блаженная Муза предала душу свою в руки Пресвятой Богородицы и, оставив эту земную жизнь, вселилась в обителях вечных с прочими девами, сопутствовавшими Матери Божией»[3270].

Когда архидиакон Петр выслушал эту повесть, то спросил святого папу Григория:

– Я хотел бы знать, честной владыка, могут ли быть приняты на небесах души праведников прежде, чем они разлучатся от тела?

Святой же Григорий отвечал:

– Мы не можем сказать о всех без исключения праведных людях, что души их будут приняты на небесах; точно так же не можем и сказать, чьи души не будут приняты на небесах. Но вероятно есть люди праведные, души которых находятся как бы в некоем отдалении от Царствия Небесного. Причину этого следует видеть именно в том, что те люди в продолжении земной жизни своей не достигли известного совершенства в добродетельной жизни. Что же касается того, что души праведников, живших богоугодно на земле, когда отрешаются от союза с плотью, то поселяются в обителях небесных, то эта истина – яснее самого света солнечного, ибо Сам Господь наш Иисус Христос говорит: «ибо, где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24:28), то есть, где будет Господь наш Иисус Христос с принятою на Себя человеческою плотью нашею, там без всякого сомнения будут и души праведников. И святой Апостол Павел весьма желал «разрешиться и быть со Христом» (Филип. 1:23). Верующий в то, что Господь пребывает на небесах, должен веровать и в то, что и Павлова душа пребывает на небесах со Христом. Тот же Апостол очевидно для всех свидетельствует, что души праведников по разлучении с телом, водворятся в отечестве небесном, ибо он говорит: «знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2Кор. 5:1). Богу нашему да воссылается слава, честь и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Память святого Апостола Андроника и Иунии, помощницы его

Память 17 мая

Святой Апостол Андроник принадлежит к лику семидесяти Апостолов; он уверовал во Христа ранее святого Апостола Павла, которому он приходился сродником, как об этом свидетельствует Апостол Павел в послании к Римлянам, говоря: «Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа» (Рим. 16:7).

Святой Андроник был епископом Паннонии[3271], однако, он не был проповедником и учителем только одного какого-либо города или одной какой-либо страны, – но он учил по всей вселенной; он путешествовал по разным странам, всюду проповедуя имя Христово и искореняя обольщение бесовское. Помощницею во всех его проповеднических трудах была преславная Иуния. Андроник, вместе с Иуниею умер для мира ради Христа, дабы многих привести к познанию Бога истинного. И действительно, Андроник вместе с Иуниею своею проповедью разрушил многие храмы идольские и вместо них создал церкви христианские, всюду прогоняя из людей духов нечистых и врачуя недуги немощных и больных. Когда же святые Андроник и Иуния, исполняя общий долг всех людей, приняли конец смертной, то они были награждены от Господа венцем Апостольства и страдальческого подвига, так как они много пострадали от язычников. Честные мощи их были обретены вместе с мощами многих других святых мучеников в Евгении[3272]. О этих мощах было возвещено христианам по особому откровению Божию, как об этом подробно сказано в повествовании под 22-м числом февраля месяца.

Кондак, глас 2:

Звезду пресветлую, богоразумия светом просвещшаго языки, Апостола Христова Андроника восхвалим, и с ним во благовестии потрудившуюся Иунию премудрую, вопиюще: молите Христа Бога непрестанно о всех нас.

Память святого мученика Солохона

Память 17 мая

Святой мученик Солохон жил во времена царя Максимиана[3273], был родом египтянин, званием же был христианин. Он служил в чине воина у трибуна Кампана, имевшего под своим начальством три тысячи воинов. Когда, по приказанию царскому, Кампан со своим полком прибыл из Египта в Халкидон[3274], то было повелено всем полководцам вместе с их воинами приносить жертвы идолам. Исполняя приказ царский, Кампан приступил к жертвоприношению.

В то время, как воины полка Кампанова приносили жертвы идолам, святой Солохон вместе с двумя воинами, Памфиром и Памфалоном, исповедал себя христианином и во всеуслышание заявил, что он ни в каком случае не отречется от Христа, даже если бы его предали самым жестоким мукам, но обещал до конца жизни своей пребывать верным Христу. Когда после этого святые преданы были разным лютым мукам и были жестоко избиваемы, то Памфамир и Памфалон предали души свои в руки Божии, святой же Солохон продолжал мужественно во всеуслышание исповедовать имя Христово. Узнав об этом, Кампан весьма разгневался и приказал своим слугам раскрыть мечом уста мученика и вливать ему в рот кровь идоложертвенную. Но мученик, крепостью зубов своих сокрушил железо, затем расторг свои узы и предстал свободным пред мучителем, величая имя Христово и порицая нечестие Кампаново. В это время послышался с неба голос, укреплявший святого в страданиях и призывавший его к мужеству. Вслед затем святой был предан многим другим мукам: мучители били его без милосердия, влачили за ноги по черепицам и острым камням; затем повесили его за правую руку к дереву, прикрепленному к дому, к левой же ноге его привязали большой камень; в таком положении висел святой от шестого часа до часа девятого; при этом мучители всячески увещевали Солохона отречься от Христа, но он не исполнил их нечестивого желания. Когда святой к вечеру был снят с

мучилищного древа и поставлен на землю, то, к всеобщему удивлению, он мог стоять как здоровый. Наконец уже поздним вечером Кампан, придя в ярость, взял в руки трость, которой писали, и с гневом вонзил ее в ухо святому, так что она прошла сквозь всю голову его. Когда воины ушли с места мучения, то сюда пришли христиане, которые и взяли честное тело святого мученика, весьма ослабевшего от мучений; положив его на постель, они принесли его в дом одной вдовы христианки. Здесь святой вкусил немного хлеба и выпил воды. Немного укрепившись, он начал беседовать с христианами, окружавшими постель его, увещевая их быть непоколебимыми и мужественными в исповедании веры Христовой. Затем, подняв очи свои к небу и помолившись достаточное время Богу, святой предал дух свой Христу[3275], Богу нашему, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Страдание святого мученика Феодота и с ним семи дев: Фаины, Клавдии, Матроны, Текусы, Иулии, Александры и Евфрасии

Память 18 мая

Испытав на себе многие благодеяния святого мученика Феодота, – говорит Нил, писатель жития святого мученика, – я считаю себя обязанным не только словом похвалить его страдальческие подвиги, но и делом возблагодарить его; и хотя я ни словом, ни делом не могу выполнить этого в совершенстве, однако, постараюсь сделать то, что могу, ибо мне кажется весьма необходимым предать письмени к сведению боголюбцев и их душевной пользе историю жизни святого мученика Феодота, а также и историю его страданий. Некоторые говорят о нем, что он первоначально жил так, как живут большинство и прочих грешных людей мира сего, ибо он также заботился о снискании благ мира сего, говорят, что, вступив в законный брак, он купил гостиницу ради прибытка имения. Однако его мученическим подвигом венчается и украшается вся жизнь его. Пусть говорят о нем, что хотят, я же буду рассказывать о нем, всё то, что я, сожительствовавший ему, видел очами своими, а также передам и о тех беседах, которым я сподоблен был от святого.

Еще задолго до своего мученического подвига, святой творил много добрых дел. Так, он всемерно боролся против вожделений плотских; хотя он и пребывал в законном супружестве, но он вёл борьбу с плотью своею, покоряя ее духу, согласно слову Апостольскому: «имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1Кор.7:29), святой настолько преуспел в этой добродетели, что мог быть учителем чистоты и целомудрия многим другим. Святой всячески воздерживался от сластолюбия и всякой греховной нечистоты и порабощал тело свое духу постом и воздержанием. Считая пост началом и основанием всякого благого дела, святой вооружался им, как бы щитом, готовясь на брань духовную. Умерщвление тела святой считал обязанностью каждого христианина; жажду богатств и

приобретение имений святой препобеждал усердным раздаянием всех богатств своих нищим. Поучительно в житии его то, что он, несмотря на обладание гостиницей, совершал обильную куплю духовную и приобрел для Бога много душ человеческих; причиною же сего было то, что святой Феодот под видом корчемничества, исполнял обязанность Апостольства; своими богодухновенными учениями и беседами он привел ко Христу много эллинов и иудеев, и много грешников побудил раскаяться в грехах своих. Святой Феодот имел и дар исцеления недугов: возложением рук своих и молитвою он исцелил много болезней телесных, словом же своим врачевал язвы душевные.

Поводом к страданию святого Феодота за имя Христово было следующее. Некий игемон, по имени Феотекн, принял под свое начальство область Анкиры галатийской[3276]. Игемон этот был человеком очень жестоким и нечестивым; он потешал себя зрелищем крови и убийства, нечестие же его было столь велико, что его трудно передать и человеческими словами. Феотекн, принимая власть игемона от царя Диоклетиана[3277], обещал ему в скором времени обратить к язычеству всех христиан, проживавших в Анкире.

И действительно, когда Феотекн прибыл в Анкиру, то от одной вести о его прибытии христиане пришли в столь великий страх и трепет, что тотчас же бежали из того места; селение то опустело, пустыни же и горы населились беглецами. Феотекн посылал от своего имени одного за другим вестников, всюду разъезжавших и возвещавших строгое приказание императора, повелевавшее разорять христианские церкви и сравнивать их с землею, всех же, исповедующих имя Христово, заключать в узы и ввергать в темницы, где христиане будут пребывать в ожидании лютых мучений; при этом имущество христиан должно было отбираться и разграбляться. В это время Церковь Христова уподоблялась кораблю, весьма бедствующему посреди больших волн и боящемуся потопления в глубине морской, ибо нечестивые язычники нападали на дома христиан, расхищали их имущество, извлекали без всякого стыда из домов мужчин и женщин, юношей и девиц и влекли их или к

местам своих нечестивых жертвоприношений или же в темницу. Трудно и пересказать все те беды, которые пришлось вынести в то время христианам. Многие священники из страха мучений бежали от храмов своих; двери храмов оставались открытыми; впрочем сами беглецы не находили себе места, где бы могли укрыться от преследования язычников. Когда имущество христиан было разграблено, наступил голод, столь же тяжелый, как и самые мучения язычников. Тогда многие из христиан, скрывавшихся в горах и пустынях, не будучи в силах перенести мучений голодной смерти, приходили к язычникам и отдавались в их руки, надеясь на милость с их стороны. Тяжело было тогда всем беглецам, пытавшимся найти себе приют в пустынях и горах: в особенности тяжело было здесь тем из христиан, которые ранее жили в довольстве и изобилии и не видели нужды; теперь таким христианам приходилось грызть корни, которые они находили в пустынных местах, и питаться разными сорными травами.

В это именно время блаженный Феодот весьма много потрудился ради исполнений заповедей Господних, предавая себя без страха многим опасностям; он корчемствовал не с тою целью, чтобы приобрести золото, как говорят о нем некоторые, но приобрел себе гостиницу затем, чтобы доставить в ней убежище и упокоение всем гонимым христианам. Кроме того он весьма заботился о христианах, находившихся в узах, спасавшихся же бегством христиан от мучителей-язычников скрывал у себя; он питал также всех христиан, скрывавшихся по горам и пустыням; тела же святых мучеников, выкинутые язычниками на съедение псов, зверей и птиц, он погребал тайно (следует заметить, что игемон приказал предавать смерти тех христиан, которые погребали тела братий своих; поэтому блаженный Феодот похищал их и тайно предавал погребению). Таким образом дом святого Феодота был и гостиницею и вместе с тем убежищем для христиан, так как Феодот, считавшийся корчемником, не навлекал на себя у язычников подозрения в том, что он был христианином. И был святой для всех всем: для гонимых покровителем, для алчущих питателем, для недугующих врачом, для сомневающихся крепким

утверждением, учителем веры и благочестия, наставником богоугодной жизни и возбудителем к подвигу мученическому.

В это время нечестивый игемон Феотекн приказал всюду окропить идоложертвенною кровью всякую пищу и всякое питие, продававшееся на торжищах. Так сделал он ради христиан, намереваясь принудить их, хотя бы против их воли, вкушать пищу, осквернённую идоложертвенною кровью; вследствие этого в христианских храмах нельзя было приносить жертвы Богу истинному, так как во всем городе не было хлеба и вина, не осквернённого язычниками. Узнав об этом, святой Феодот стал раздавать верным жито, пшеницу и вино, заранее купленные им и имевшиеся у него в изобилии. Раздавая пищу и питие всюду и у себя питая многих христиан, Феодот уподобил гостиницу свою кораблю Ноеву, спасавшему всех, находившихся в нем, от вод потопа (Быт. 7:1–24). Ибо подобно тому как тогда, при Ное, никто не мог спастись от вод потопа, кроме тех, кто находился в ковчеге Ноевом, так и теперь в городе нашем (говорит писатель жития святого Феодота), ни один из христиан не мог сохранить себя от осквернения идоложертвенными мерзостями, если не шел в дом Феодота. Таким образом гостиница Феодотова превратилась в странноприимницу, и в храм молитвенный, и в алтарь для иереев Божиих, которые совершали здесь бескровную Божественную Жертву. К дому Феодотову все прибегали, как к кораблю во время потопа. Таково было корчемствование сего блаженного Феодота, такова была его купля и приобретение. Но довольно о сем. Поведаем и о других деяниях святого мученика.

Во время этого гонения, поднятого на христиан, случилось одному другу Феодотову, по имени Виктору, быть взятым язычниками и по следующему поводу: некоторые из жрецов Артемидиных[3278] наклеветали на Виктора игемону, сказав, что Виктор хулил богиню их, выразившись так, что Аполлон[3279] насиловал единоутробную сестру свою Артемиду и осквернил ее в Деле пред жертвенником[3280], и заметив, что эллинам следовало бы стыдиться таких богов своих – блудников, позволявших себе делать такие мерзкие дела, о которых и

слышать не могут целомудренные люди. Взяв Виктора, оклеветанного так, игемон приказал заключить его в темницу. К узнику приходили многие эллины, которые с лестью увещевали его, говоря так:

– Исполни приказание игемона; тогда ты будешь почтен великою честью, будешь другом царя, получишь от него много различных богатств и станешь жить в палатах царских. Но если не послушаешь игемона, подумай о том, какие мучения ожидают тебя; тогда весь дом твой и имущество твое будет разграблено, все родственники твои будут истреблены, и самое тело твое, после многих лютых мучений будет предано горькой смерти и выкинется на съедение псам.

Это и многое другое говорили они Виктору.

Блюститель же благочестия, Феодот, придя ночью в темницу к Виктору, укреплял его на предлежащий подвиг, говоря ему так:

– Ни в каком случае, Виктор, не слушай тех льстивых речей, которые говорят тебе нечестивые язычники, не принимай их совета лукавого, не ходи в след их, не оставляй нас, не предпочитай скверну и нечестие целомудрию и не люби неправду больше правды. Не делай этого, о друг мой! Не делай, зная, что те нечестивцы своими лукавыми и льстивыми обещаниями стараются вовлечь тебя в пагубу. Не таковыми ли обещаниями иудеи прельстили Иуду предателя? Принесли ли ему пользу те тридцать сребренников, которые он получил от них? Ничего другого он не приобрел себе теми тридцатью сребренниками, кроме верёвки, на которой удавился (Мф.27:3–5). Никогда не думай, что ты получишь что-либо доброе от злых, так как обещания их уготовляют смерть вечную».

Этими и им подобными словами укреплял в благочестии святой Феодот Виктора. И Виктор действительно, мужественно выдерживал подвиг свой до тех пор, пока помнил слова, которыми его увещевал святой Феодот. Все взиравшие на страдание святого, восхваляли славный подвиг его. Когда же приблизился самый конец его мученического подвига и наступало время отшествия его из сего мира, Виктор попросил мучителя прекратить на время его страдание, чтобы он имел время размыслить сам в себе. Тотчас же слуги игемона

прекратили мучение и отвели Виктора в темницу. Но Виктор умер в темнице от ран, оставив в неизвестности конец своего исповедания.

После этого блаженный Феодот отправился в селение, называвшееся «Малос» и отстоявшее от города на четырнадцать стадий. Пошел же сюда святой потому, что узнал, что здесь окончил свой мученический подвиг и был брошен в реку, называвшуюся Галиос, святой мученик Валент, страдавший ранее в Мидикинах. Феодот отправился к селению этому, однако, не вошел в него, но остановился около него, на реке, в расстоянии двух поприщ от того селения. Найдя мощи святого мученика, Феодот с честью похоронил их. Когда он возвращался оттуда, то встретил некоторых христиан, которые, увидав его, весьма благодарили его, как благодетеля всех христиан; в особенности они благодарили его за одно великое благодеяние, оказанное им святым, а именно: когда был разорен алтарь Артемидин, то эти христиане были преданы игемону на мучение; но святой Феодот выкупил их после многих хлопот, и выкупил их немалою ценою. Вот за это христиане теперь и кланялись ему, приветствуя его и воссылая ему благодарность. Святой же, высказав радость по поводу свидания с ними, предложил им вкусить вместе с ним пищи. Найдя одно возвышенное и красивое место, они возлегли на траве; на том месте росло много красивых деревьев, было много цветов и всюду слышалось пение птиц. Прежде нежели приступить к вкушению пищи, святой послал двух из них в селение за священником, которой бы благословил им трапезу и вместе с ними вкусил бы пищи, а затем напутствовал бы их обычными молитвами (следует заметить, что святой Феодот привык всегда вкушать пищу с благословения священника и даже, если позволяла возможность, в его присутствии). Когда посланные приближались к тому селению, то увидали священника, выходившего из церкви после пения шестого часа, однако, они не знали, что это пресвитер того селения. Заметив, что на путников громко лаяли собаки, бывшие в том селении, священник подошел к ним и, отогнав собак, приветствовал их, а затем спросил:

– Христиане ли вы? Если вы христиане, то войдите в дом мой, дабы мы возвеселились любовью о Христе.

Они же отвечали на это:

– Да, мы христиане и христиан ищем. Священник же, улыбнувшись, сказал сам в себе:

– Фронтон! (таково было имя его). Вот видишь, как сбываются твои сонные видения!

Затем, обратившись к путникам, сказал:

– Этой ночью я видел во сне двух мужей, очень похожих на вас; они сказали мне: мы принесли сокровище в эту область»; так как мне кажется, что вы очень похожи на тех мужей, то скажите: какое же сокровище вы принесли с собою?

Мужи те отвечали:

– Действительно мы имеем с собою мужа, блаженного Феодота, более драгоценного, чем какое-либо сокровище; если желаешь, то можешь посмотреть его, но сначала покажи нам священника этого селения.

Он же отвечал:

– Я тот, кого вы ищете. Пойдем же и приведем в дом мой человека Божия.

После этого все отправились к святому Феодоту.

Когда священник увидел Феодота, то с любовью приветствовал его; приветствовал также и прочих христиан, а затем начал упрашивать всех идти к нему в дом. Но святой Феодот не хотел идти, говоря:

– Я тороплюсь поскорее прийти в город, ибо для христиан наступил ныне великий подвиг; поэтому я должен по мере сил послужить братиям моим, находящимся в бедах и в большой опасности.

После этого священник сотворил молитву, а затем все приступили к вкушению пищи. По окончании обеда Феодот святой сказал пресвитеру с улыбкою на лице:

– Как красиво это место и как оно удобно для погребения святых мощей!

Священник же отвечал ему:

– Потрудись доставить нам сюда честные мощи.

Святой Феодот отвечал на это:

– Потрудись только, отче, построить на этом месте храм молитвенный, в котором можно было бы поместить святые мощи, и в скором времени к тебе будут принесены мощи мученические.

Затем святой снял перстень с руки своей и, отдавая перстень священнику, сказал:

– Господь да будет Свидетелем между мною и тобою, что вскоре сюда будут принесены мощи мученические.

Это говорил святой, пророчески предсказывая положение здесь своих мощей, ибо всею душою стремился к подвигу мученическому.

Вслед затем святой Феодот пришел в город свой и в дом свой и нашел здесь всё в великом разграблении и разрушении, как будто бы здесь было большое землетрясение.

В городе том проживали семь благочестивых девственниц, с юных лет воспитанных в благочестии и страхе Божием, соблюдавших чистоту телесную и душевную и обручивших себя нетленному и бессмертному Жениху, Христу, Сыну Божию. Проводя благочестивую и богоугодную жизнь, эти девственницы достигли старости; старшей из них была Текуса, приходившаяся теткой святому Феодоту. Взяв этих святых девственниц, игемон предал их многоразличным мукам; но так как муки не могли поколебать веры их, то он отдал их блудным юношам на осквернение, понося их и ругаясь над благочестием христианским. Когда те девственницы были ведомы на осквернение, то вздохнув из глубины сердечной, подняв очи свои на небо и воздев кверху руки свои, они начали молиться Богу в таких словах:

– Господи Иисусе Христе! Ты знаешь, с каким вниманием и усердием мы соблюдали девство свое до тех пор, пока это было в нашей власти; но вот ныне бесстыдные юноши получили власть над телами нашими. Сохрани же нас чистыми, какими Ты Сам знаешь путями.

Когда святые девственницы молились со слезами Богу в таких словах, один бесстыдной юноша, привлек к себе старшую из девственниц, Текусу, намереваясь осквернить ее. Она же, ухватив его за ноги, со слезами сказала ему:

– Чадо! Какое наслаждение может доставить вам наше тело, изможденное старостью, постом, болезнями и мучениями, как вы это сами видите! Мне уже более семидесяти лет. И прочие сестры мои немного моложе меня. Не подобает вам, столь юным людям, прикасаться к телам как бы уже мёртвым, которые в скором времени вы увидите съедаемыми зверями и птицами, так как игемон уже почти приговорил нас к смерти. Не делайте нам зла, и вы получите за это награду от Бога нашего, Господа Иисуса Христа.

Говоря так, святая Текуса, сняла покрывало с головы своей и, показав юноше седину головы своей, опять сказала ему:

– Чадо! Постыдись, ибо и ты имеешь мать, как думаю, столь же состарившуюся как и я, если она еще находится в живых; если же она умерла, то, вспомнив о ней, оставь нас, и ты получишь награду от Владыки нашего Христа, ибо надежда на Него не суетна.

Таковые слова Текусы привели этого юношу и его товарищей в умиление; оставив свое плотское вожделение, юноши те начали плакать и отошли от святых девственниц, не причинив им никакого зла.

Когда Феотекн узнал, что те девственницы не были осквернены, то оставил мысль о насильственном осквернении их и приказал им быть жрицами богине Артемиде, причем обязанностью их было – омывать, согласно языческому обычаю, идолов в ближайшем озере.

Наступил день омовения идолов, весьма торжественно праздновавшийся язычниками. Положив идолов, каждого на особую колесницу, язычники всенародно повезли их с пением и ликованием к озеру. Язычники везли, по повелению игемона, и святых девственниц пред идолами, каждую на отдельной колеснице; девственницы были обнажены для потехи и поругания язычников. Все граждане вышли на празднество это, дабы слушать звук труб, кимвалов и пение женщин, шедших по улицам с открытыми головами и распущенными волосами. От шума и топота толпы народной, а также и от трубных звуков, казалось, сотрясалась вся земля. Вместе со всем народом шел и игемон Феотекн, – порождение ехидны, слуга диавольский.

Язычники взирали на обнаженных девственниц, причем одни из них предавались смеху, другие удивлялись терпению и мужеству их, некоторые же, сожалея об их, изможденных ранами, телах, в умилении плакали и сокрушались сердцем.

Когда при таких обстоятельствах совершалось это нечестивое празднество, святой Феодот был в весьма великой печали ради святых девственниц, так как боялся, как бы какая из них, по слабости естества женского, не ослабела в страдальческом подвиге и не потеряла надежды на помощь Господа Иисуса Христа. Помыслив об этом, Феодот весьма усердно начал молиться за святых подвижниц, прося Бога укрепить святых девственниц в подвиге их. Для молитвы святой Феодот затворился вместе с родственником своим Полихронием, с юным Феодотом, также родственником, и вместе с прочими другими христианами в доме одного убогого христианина, по имени Феохарида, находившемся близ церкви в честь святых патриархов: Авраама, Исаака и Иакова. Пав ниц, Феодот и прочие христиане, молившиеся вместе с ним, лежали на земле, молясь от первого часа дня до шестого, до тех пор, пока жена Феохарида не возвестила, что тела честных девственниц были потоплены в озере[3281]. Услышав такую весть, святой Феодот несколько приподнялся от земли; затем, стоя на коленях, поднял руки свои на небо и, обливаясь многими слезами, как каплями дождевыми, молился в таких словах:

– Благодарю Тебя, Владыка, за то, что Ты услышал голос плача моего и не сделал суетными слёзы мои!

Затем начал расспрашивать жену Феохарида, – каким образом девственницы были потоплены в воде и на каком месте, при береге ли, или посреди реки. Она же сказала ему:

– Я стояла близ того места вместе с прочими другими женщинами и видела, что игемон долго увещевал девственниц послужить идолам омовением их и обещал им многие дары, -, однако, игемон нисколько не успел в своей просьбе, но был еще более постыжен укорительными словами святой Текусы. Жрецы же Артемиды и Афины[3282] предлагали им белые одежды и разукрашенные венцы, дабы в этих одеждах и венцах они совершили бы омовение идолов. Но мученицы, взяв те одежды

и венцы, бросили их на землю и начали топтать их ногами. Тогда игемон приказал навязать на шею святым тяжелые камни, затем, посадив их на лодки, приказал их отвезти на глубокое место и бросить их в воду. Они были брошены в воду стадиях в двух от берега.

Услыхав об этом, святой до вечера советовался с Полихронием и Феохаридом, каким бы образом им вынуть из воды честные тела святых мучениц, дабы предать их погребению. При захождении солнца, к ним пришел один юноша христианин, по имени Гликерий, и сказал, что игемон поставил при озере стражу из воинов, причем приказал наблюдать страже, как бы не были взяты из озера тела мучениц. Услыхав об этом, святой Феодот весьма опечалился, так как ему не легко было теперь взять тела святых мучениц, отчасти по причине стражи, а отчасти по причине тяжелых камней, привязанных к шеям святых; камни эти были настолько тяжелы, что их едва можно было везти на колесницах. Вечером Феодот отправился к близлежащей церкви святых патриархов, вход в которую был загорожен язычниками, дабы не могли пройти в нее христиане. Придя к церкви, святой повергся пред ней на землю и долго молился. Затем, встав, направился ко входу в церковь; но увидав, что вход в нее загорожен, остановился и снова встал здесь на молитву. Услыхав где-то в стороне от себя крик и говор и подумав, что это язычники преследуют его, святой тотчас поднялся и пошел к дому Феохаридову. Здесь он уснул на непродолжительное время. Во сне явилась ему его тётка, святая Текуса, и сказала:

– Ты спишь, сын Феодот, и нисколько не заботишься о нас. Разве ты не помнишь, как я тебя учила, когда ты был еще юношею? Разве ты не помнишь, как я руководила тобой в добродетельной жизни, заменяя тебе отца и мать? И когда я была живой, ты никогда не оскорблял меня, но всегда почитал меня, как родную мать. Но вот теперь, после кончины моей, ты позабыл меня, хотя ты должен бы послужить мне до конца жизни своей. Но, я прошу тебя, не оставь тел наших в воде, дабы они не сделались добычею рыб, но потрудись поскорее извлечь их из воды, так как и ты сам спустя два дня

отправишься на подвиг мученический. Встав с постели, иди к озеру, но берегись предателя.

Сказав это, святая оставила Феодота.

Пробудившись, Феодот передал прочим христианам, находившимся в доме том, о своем видении, и все начали со слезами молиться Господу, прося Его помочь найти тела святых мучениц. Блаженный же Феодот, размышляя о видении, недоумевал, что означали последние слова, сказанные ему Текусой: «берегись предателя». Но потом слова эти оправдались, как это будет видно из нижеследующего повествования.

Когда наступило утро, Феодот послал упомянутого юношу Гликерия вместе с Феохаридом разузнать поточнее относительно воинов, стоявших близ реки, так как думал, что они ушли, по причине праздника богини Артемиды, который в тот день отправляли язычники. Посланные отправились, но увидали, что воины еще не ушли; возвратившись, они возвестили об этом прочим христианам, и все провели тот день в посте и молитве. При наступлении вечера, христиане еще не вкусив пищи, направились к озеру, захватив с собою острые серпы, которыми бы могли разрезать веревки, обвязанные вокруг шеи святых мучениц. Было в это время очень темно, так как в эту ночь не светила ни луна, ни звёзды. Когда все приблизились к тому месту, на котором исполнялись смертные приговоры над злодеями и разбойниками (а место это было очень страшным, так что никто не осмеливался проходить здесь по захождении солнца; здесь валялись трупы, кости и головы, отсеченные от тел, причем некоторые из голов были воткнуты на палки), то все пришли в большой страх, однако, скоро ободрились, так как услыхали голос, говоривший:

– Иди с дерзновением, Феодот!

Выслушав слова эти с благоговением, все осенили себя знамением крестным. И тотчас явился в воздухе с восточной стороны пресветлой крест, испускавший во все стороны огненные лучи. Увидав этот крест, все обрадовались и пришли в страх; а затем, пав на колена, все поклонились святому кресту и помолились Господу. Встав после молитвы, все направились к

озеру; но так как в это время видение креста скрылось, то снова стало так темно, что никто не мог видеть друг друга. В это время пошел дождь, вследствие чего дорога сделалась скользкой, что весьма затрудняло путь. Тогда все стали на молитву, испрашивая у Бога помощи в такой беде, и тотчас явилась лампада огненная, показывавшая путь; вместе с тем явились святому Феодоту и два честных мужа в белых одеждах, имевших седые волосы на головах и бородах и сказали ему:

– Дерзай, Феодот, ибо Господь и Бог наш Иисус Христос написал имя твое в числе имен мучеников, услышав молитву твою слёзную о обретении тел невест Его святых. Мы посланы Им тебе на помощь; мы принадлежим к лику тех отцов, пред церковью которых ты молился прошедшею ночью. Когда ты придешь к озеру, то ты увидишь здесь мученика Сосандра, вооруженного, приводящего в страх и прогоняющего воинов, охраняющих озеро, однако, тебе не следовало бы вести с собою предателя.

Сказав так, святые сделались невидимыми.

Так и не узнал святой Феодот, кто же был предателем из числа шедших с ним.

Следуя за явившейся лампадой, все подошли к озеру. В это время поднялся гром, засверкала молния, полил сильный дождь, началась страшная буря; воины, стоявшие на берегу озера, весьма устрашившись, бежали оттуда, при этом они устрашились не столько грома, молнии и бури, сколько страшного видения; ибо они видели очень большого мужа, имевшего в руках броню, щит и копье; на голове же у него был шлём; от мужа того исходило кругом яркое сияние. Это был мученик Сосандр. Ужаснувшись такого видения, воины бежали, будучи объяты великим страхом. Между тем вода, находившаяся в озере, была прогнана ветром с одной стороны озера на другую, так что дно озера обнажилось и глазам христиан предстали тела святых мучениц, лежавшие на дне озера. Подойдя к святым мученицам, христиане отрезали серпами верёвки, которыми были привязаны камни к шеям мучениц; потом, взяв честные тела, положили их на колесницы и повезли к храму святых патриархов, где и похоронили с

честью. Имена же те мученицы носили следующие: Текуса, Александра, Клавдия, Фаина, Евфрасия, Матрона и Иулия. Пострадали же сии святые девственницы в восемнадцатый день месяца мая.

Утром следующего дня в городе стало известно, что тела святых мучениц были взяты христианами из озера. Узнав об этом, игемон, жрецы идольские и все прочие язычники-идолопоклонники преисполнились великой ярости, так что влекли к допросу каждого христианина, которого случайно встречали на улице. В это время было взято на допрос и предано лютой, мучительной смерти много христиан; они были растерзаны мучителями, как бы звериными зубами. Когда святой Феодот узнал об этом, то хотел отдать себя в руки язычников, но его удержали от этого родственники. Полихроний же, переменив одежды и приняв вид земледельца, пришел на городскую площадь, чтобы узнать о всем, происходившем в городе, но тотчас был схвачен язычниками и представлен на допрос к игемону. Полихроний принял от мучителей много побоев и ран, но пребывал в молчании. Когда же увидал меч, занесенный над его головою, то весьма испугался и рассказал мучителям о том, как корчемник Феодот извлек из озера тела святых мучениц и похоронил их при храме, построенном в честь святых патриархов. Узнав об этом, язычники тотчас отправились к тому месту, где были похоронены честные тела святых мучениц, разрыли их могилы и предали тела сожжению; после этого язычники отправились на поиски Феодота, о чем и было ему возвещено тайно вечером того же дня. В это время святой Феодот понял, что Полихроний, – его родственник и друг и был тем предателем, которого заповедали остерегаться святые патриархи. Решив предать себя мучениям, Феодот так говорил своим родственникам:

– Помолитесь о мне Господу, Иисусу Христу, Богу нашему, дабы сподобил Он меня венца мученического.

И молились все с ним в продолжении целой ночи, причем святой Феодот молился в таких словах:

– Господи Иисусе Христе, надежда для отчаявшихся, – помоги мне совершить мужественно свой подвиг мученический

и приими кровь мою, которую прольют мои мучители, как жертву, приносимую Тебе за всех гонимых христиан. Облегчи их страдание, утиши лютую бурю гонения, дабы верующие пребывали в тишине и покое.

Когда наступил день, святой решил идти к мучителям и предать себя в их руки. Узнав об этом, все родственники его возрыдали и восплакали и, обнимая его, говорили:

– Да получишь спасение, светило и украшение Церкви, честной Феодот! По окончании своих страданий, да сделаешься причастником света небесного, да будешь сопричтен к сонму Ангелов и Архангелов и да осияет тебя слава Святого Духа и Господа нашего Иисуса Христа, сидящего по правую сторону Бога Отца. Да даруются тебе все эти блага за тот подвиг, на который ты выступаешь. Но знай, что для нас, остающихся посреди таких бед, твое отшествие принесет много горя и слёз.

Когда все плакали, говоря такие слова, святой Феодот обнимал и лобызал каждого последним целованием; затем приказал отдать свое тело, если удастся его тайно взять от мучителей, священнику Фронтону, которой придет из селения Малос с его перстнем.

Наконец, святой Феодот оградил себя крестным знамением и мужественно вышел из своего дома.

На пути ему встретились двое из числа старших граждан того города. Желая доказать ему свою любовь и уважение, они советовали ему поскорее где-нибудь скрыться и говорили:

– Жрецы Афины и Артемиды вместе с прочими язычниками клевещут на тебя игемону, говоря, что ты советуешь всем христианам не поклоняться бесчувственному камню и дереву; говорят они про тебя и многое другое; а Полихроний сказал про тебя, что ты тайно похитил тела девственниц. Скройся же, Феодот, пока еще не поздно, ибо безумие – отдавать самого себя в руки мучителей.

Святой же отвечал им:

– Если вы – мои друзья и если вы действительно хотите показать свою любовь ко мне, то не препятствуйте мне на пути, по которому я иду, но наоборот, идите к судилищу и скажите там

старейшинам: – вот, Феодот, на которого клевещут жрецы и народ, стоит здесь, пред дверями.

Сказав так, святой с поспешностью отправился вперед и став посреди судилища, с радостным лицом стал смотреть на орудия мучений; здесь была и разожженная печь, и котлы с кипящею водою, и колёса, и много других орудий мучения. Взирая на всё это, святой нисколько не ужасался сердцем и не смущался в мыслях своих, но продолжал стоять с весёлым лицом, всем являя свое мужество. Когда игемон увидал святого, то сказал ему:

– Ты нисколько не пострадаешь ни от одного из числа всех, находящихся здесь орудий мучения, в том случае, если принесешь жертвы богам; тогда ты будешь свободен от всех преступлений, в которых тебя обвиняют и жрецы, и весь город наш; кроме того, – тогда ты будешь другом нам и любезным царю, которой окажет тебе большие почести; только отрекись от Иисуса, Которого распял в Иудее Пилат, правивший прежде нас. Подумай об этом, Феодот! Ты мне кажешься человеком благоразумным; благоразумный же человек должен поступать во всем с осмотрительностью и рассуждением. Отступи от всякого безумия; убеди также и прочих христиан оставить безумие свое, и тогда ты будешь начальником всего этого города; ты будешь тогда жрецом главного бога нашего Аполлона, дарующего людям многие блага, предсказывающего будущее и исцеляющего недуги врачевством своим; если ты будешь служить этому богу, то ты получишь право назначать и прочих жрецов для служения всем остальным богам. Через тебя будут проходить все назначения на все важнейшие должности, ты будешь ходатаем пред судиями; ты будешь писать послания ко всем народам от имени царя о разных нуждах народных; ты будешь весьма богат, и все родственники твои будут в великом почёте. Если тебе нужны богатства и имение, то я могу дать их тебе, хоть сейчас.

В то время, как игемон говорил это, среди народа раздался громкий возглас, одобрявший слова игемона и увещавший Феодота принять от игемона богатство и почести. Но святой Феодот так ответствовал игемону Феотекну:

– Прежде всего, я прошу помощи у Господа моего, Иисуса Христа (Которого ты назвал простым человеком), в том, чтобы Он сподобил меня обличить заблуждение ваше и показать суету богов ваших; вместе с тем в кратких словах я поведаю тебе тайну воплощения Господа моего и чудеса, сотворенные Им. О Феотекн! Я должен бы говорить тебе о вере моей и о делах моих; но я обличу пред всеми вами, к стыду вашему, дела богов ваших, о которых стыдно и говорить. Тот, которого вы называете Дием[3283] и которого вы считаете богом, более славным всех прочих ваших богов, предавал себя столь гнусному плотскому вожделению, что может считаться началом и концом всякого зла. Ваш стихотворец Орфей[3284] повествует, что Дий убил своего родного отца Сатурна[3285], мать же свою родную Рею взял себе в жены и родил от нее дочь Персефорону; но он не остановился на этом; он прелюбодействовал и со своею дочерью и кроме того имел своею женою сестру Юнону[3286]; точно так же и Аполлон осквернил свою сестру Диану пред жертвенником на острове Делосе. Равным образом и Марс[3287], вознеистовствовал плотскою страстью к Венере[3288], Вулкан[3289] к Минерве, – родные братья на родных сестер. Неужели ты не видишь, игемон, сколь мерзостны беззакония богов твоих? Разве закон ваш не наказывает всех, делающих такие преступления? А вы хвалитесь такими делами блудодейных богов ваших и не стыдитесь поклоняться отцеубийцам, кровосмесникам, прелюбодеям, осквернителям детей, волхвам (обо всем этом написали все стихотворцы ваши, похваляя мерзостные дела ваших богов). Дела же и чудеса Господа нашего Иисуса Христа чисты и не имеют ни одного порока. О таинстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа предвозвестили все святые пророки, говоря, что в последние времена придет к людям Бог с небес, будет жить с людьми, как человек, будет творить знамения и чудеса несказанные, исцеляя многоразличные недуги и сподобляя людей Царствия Небесного. И не только о воплощении Господа, но и об Его вольном страдании за нас, о Его смерти и погребении предсказали заранее с большою точностью те же святые пророки; свидетели этому халдеи и мудрые волхвы персидские,

которые по звезде нашли место Его рождения и пришли к Нему с дарами, дабы поклониться Ему, как Богу. Свидетелями же воскресения Его были воины римские, охранявшие гроб Его. Они сами видели, как воскрес Господь из гроба; об этом они и возвестили архиереям. Но кто может пересказать все чудесные и славные дела, которые сотворил Господь наш, Иисус Христос, во время земной жизни Своей? Прежде всего, Он претворил воду в вино, затем, – пятью хлебами и двумя рыбами насытил пять тысяч народа в пустыне, болящих исцелял, ходил по морю как по суху; власти Его боялось естество огня; слепорожденному Он дал зрение, хромых делал быстроходными людьми; по Его повелению воскресали мёртвые; он воскресил и вернул к жизни четвородневного Лазаря. Все эти преславные и предивные чудеса очевидно для всех показывают, что Иисус Христос был Богом истинным, а не простым человеком.

Когда святой в таких словах свидетельствовал о Божестве Господа нашего Иисуса Христа, все язычники, стоявшие близ того места, пришли в великое смятение и зашумели, как шумит море от ветра. Жрецы рвали на себе волосы, раздирали одежды, разрывали венки; а народ волновался всё более и более и с гневом вопрошал игемона, для чего он позволял такому богохульнику, достойному смерти, говорить столь много, а не предавал его казни и мучению?

Тогда игемон, придя в еще больший гнев, приказал воинам совлечь одежды со святого, повесить его нагим на мучилищном дереве и терзать железными орудиями тело его; игемон и сам поднялся с места своего, намереваясь своими руками мучить святого. В это время поднялась целая буря от вопля народного; народ кричал, требовал и приказывал слугам игемоновым начинать мучение; слуги приготовляли орудие мучений; и лишь только один святой мученик продолжал стоять спокойно, нисколько не смущаясь душою своею и не устрашаясь сердцем. Феодот был столь спокоен, что, казалось, мучение уготовлялись не для него.

Потом святой был повешен на дереве. Когда воины начали терзать без милосердия тело святого железными когтями, то он

как бы сиял радостным лицом своим, ибо имел помощником своим Господа Иисуса Христа. Так мучим был святой долгое время. Уже слуги изнемогли и их сменили другие. Мученик же пребывал непоколебимым в исповедании имени Христова, так что казалось, что он страдал не в своем, а как бы в чужом теле; все свои помышления он устремил к Господу Иисусу Христу, помогавшему ему.

Спустя некоторое время игемон Феотекн приказал возлить на раны святого самый крепкий уксус, смешанной с солью, а затем велел свечами опалять честные рёбра мученика. Мученик, опаляемый огнем, ощутив смрад, исходивший от опаляемого со всех сторон тела своего, начал отворачивать лицо свое в сторону; заметив это, игемон тотчас подошел к нему и сказал:

– Где же ныне, Феодот, все дерзновенные слова твои? Я вижу, что ты препобеждаешься муками. Но если бы ты не хулил богов наших и если бы ты поклонился им, то ты теперь не страдал бы так. Но разве я не советовал тебе, – человеку незнатного происхождения, занимавшемуся корчемничеством, – не противиться повелению царя, имеющего в своих руках власть над твоею жизнью и смертью?

Отвечал на это святой мученик:

– Не думай, игемон, что меня препобеждают мучения твои, видя, что я отвратил в сторону лицо мое, дабы не обонять смрада от опаляемого тела моего. Прикажи лучше слугам своим с большим усердием исполнять то, что им повелено, так как кажется мне, что они слишком лениво исполняют свои обязанности. Ты же сам придумай какие-нибудь еще, более лютые муки для меня, дабы узнать, как велика сила Господа моего Иисуса Христа, укрепляющего меня посреди этих мучений. Опираясь и уповая на помощь Бога моего, я презираю не только тебя, но и твоего царя, как самого последнего пленника.

Когда святой говорил так, игемон приказал воинам бить мученика по устам и сокрушать челюсти и зубы его. Святой же, принимая побои, говорил игемону:

– Если ты разрежешь на части и язык мой, то всё равно нисколько не успеешь в начинаниях своих, ибо Бог и Господь наш Иисус Христос слушает и молчащих рабов Своих.

После того как святой был мучим и терзаем воинами достаточное время, так что все слуги игемоновы утомились, игемон приказал снять Феодота с мучилищного дерева и заключить его до следующего мучения в темнице.

Воины повели святого Феодота через весь город в темницу. Всё тело святого было изъязвлено ранами, через что Феодот показывал всем свою победу над мучителем и над диаволом. Святого окружало во время шествия в темницу весьма много народа, смотревшего на мученика Христова, как на некое любопытное зрелище. Святой же во всеуслышание исповедовал силу Господа нашего Иисуса Христа, говоря так:

– Смотрите, как велика и славна сила Христа Господа моего. Вот вы сами видите, что по Его устроению, страждущие за Его святое имя, не ощущают боли от ран и мучений; вы видите, что Он делает немощную плоть человеческую крепчайшей огня; вы видите, что Он дает столь великое мужество и крепость людям незнатного происхождения, так что они вменяют ни во что приказания самих царей и князей. Владыка наш дает благодать Свою всем верующим в Него, незнатным и знатным, рабам и свободным, варварам и эллинам.

Затем, показав на раны свои, снова сказал:

– Верующие должны приносить такую жертву Богу и Господу нашему Иисусу Христу, Которой и Сам пострадал за нас всех.

Когда святой сказал это, то был введен в темницу и заключен здесь в тесном и узком месте.

По прошествии шестнадцати дней после того как святой Феодот был заключен в темницу, игемон приказал приготовить в центре города, на том месте, где обычно происходили зрелища, судилище. Святой мученик был выведен из темницы и представлен на судилище. Увидав его, игемон сказал ему:

– Подойди к нам поближе, Феодот, потому что мне кажется, что ты, будучи достаточно наказан ранее, оставил теперь всю

гордость свою и переменился к лучшему. Воистину, ты неразумно поступил, навлекши на себя столь великие мучения. Мы же не хотели тебя мучить. Но теперь, оставив свое упорство, познай силу и могущество богов наших; тогда мы наградим тебя теми дарами, о которых мы говорили раньше. Мы обещали тебе эти дары ранее, обещаем их и теперь; ты получишь их, если поклонишься богам нашим; но если ты не поклонишься богам, то тотчас же увидишь и огонь, приготовленный для тебя, и острые железные орудия, и уста зверей, готовых тебя растерзать.

Святой же мученик отвечал на это:

– О Феотекн! Можешь ли ты придумать такое мучение, которое сокрушило бы силу Господа моего Иисуса Христа, укрепляющего меня посреди мучений? Но хотя мое тело уже достаточно изъязвлено орудиями мучений, как это ты и сам видишь, – испытай снова крепость мою; отдай меня на новые мучения, и ты увидишь, что я мужественно перенесу и их, как и раннейшие мучения.

Тогда игемон приказал снова повесить святого на мучилищном дереве и терзать тело его железными орудиями, возобновляя старые его раны. Во время мучений святой велегласно исповедовал имя Христово. Затем мучитель приказал воинам снять святого с мучилищного дерева и влачить по разожженным черепкам. Потом святого снова повесили на дерево и снова терзали железными орудиями, так что на теле мученика не осталось ни одного целого, неизъязвленного места: он весь был как бы сплошною язвою; лишь язык его был цел, которым он и славил Бога, мучителей же и воинов поносил, как немощных. Не зная, каким еще мучением предать святого, игемон издал приказ, приговаривавший святого к смерти и гласивший следующее:

– Мы приказываем усечь мечом Феодота, защитника галилейской веры, врага богов наших, противника повелениям царским и хулителя моего; тело же его должно быть предано сожжению, дабы христиане не могли похоронить его.

И веден был святой за город, на поле, для усекновения. За ним следовало весьма много народа, как мужчин, так и женщин,

желавших видеть его кончину. Дойдя до назначенного места, святой начал молиться Богу в таких словах:

– Господи Иисусе Христе, Творец неба и земли, не оставляющий всех, уповающих на святое имя Твое! Благодарю Тебя за то, что ты сподобляешь меня быть гражданином отечества небесного и причастником Царствия Твоего. Благодарю Тебя за то, что Ты помог мне победить змия и стереть главу его. Молю Тебя, – ниспошли облегчение верным рабам Твоим от бед, окружающих их; пусть прекратится с моею смертью гонение, воздвигнутое на Церковь Твою нечестивыми язычниками. Ниспошли мир Церкви Твоей и избавь ее от наветов вражиих.

Оканчивая молитву и произнося: «Аминь», святой обернулся и увидел христиан, плакавших о нем. Тогда святой сказал им:

– Не плачьте о мне, братия, но лучше прославьте силу Господа нашего Иисуса Христа, помогавшего мне мужественно скончать подвиг мой и победить врага. Я же буду на небесах с дерзновением молить о вас Богу.

Сказав так, мученик преклонил под меч честную главу свою и был усечен в седьмой день месяца июня[3290].

Между тем слуги игемоновы принесли к тому месту много дров, разложили костёр и возложили на него тело мученика Христова, намереваясь сжечь его по повелению игемона. Но внезапно поднялась, по усмотрению Божию, великая буря, явился свет, блиставший кругом тела мученика, как молния, так что никто из воинов не осмеливался подойти к дровам и разжечь их.

Когда игемон узнал об этом, то приказал воинам не отходить от места того и охранять тело мученика, чтобы его не похитили христиане. Исполняя приказание игемона, воины устроили себе палатку из вербовых ветвей и из тростника и сели в той палатке, охраняя от христиан тело мученика.

Между тем по устроению Божию, случилось, что мимо того места проходил священник Фронтон, имевший на руке своей перстень мученика Феодота. Он шел из своего селения в соседнее селение и ничего не знал о случившемся с святым

Феодотом. Фронтон вёз на осле очень вкусное вино, уже давно приготовленное; вино это Фронтон намеревался продать в городе, так как имел свой виноградник и питался от него с семьею своею. Когда Фронтон подошел к тому месту, где стояла палатка с воинами и где лежало тело мученика, осёл преткнулся и упал на землю. Увидав это, воины пошли на помощь Фронтону и сказали ему:

– Куда ты идешь, странник? Ведь наступила уже ночь. Лучше останься с нами, тем более, что здесь есть и пастбище для скота.

Священник согласился с ними переночевать и направился в их палатку (следует заметить, что тело мученика было покрыто сучьями и сеном). При палатке был разведен огонь и уже была готова пища. Воины пригласили Фронтона вкусить вместе с ними. Фронтон же, взяв у них сосуд, наполнил его вином и предложил воинам пить из него. Отведав вина, воины похвалили его, так как вино действительно было очень хорошее. Затем воины спросили Фронтона:

– Сколько лет этому вину?

Фронтон отвечал:

– Лет пять уже есть.

Воины пили вино, не зная, что гость их был христианином и притом священником; за трапезой воины беседовали с Фронтоном о том, что случилось в последние дни; они рассказали ему, как были утоплены семь девственниц за то, что не хотели омыть идолов, как корчемник Феодот взял ночью их тела из озера и предал погребению, как его искали за это городские власти, как он сам пришел на судилище и предал себя на мучения, как мужественно переносил их, как, бы обладавший железным телом. Затем они сказали:

– Вот здесь лежит обезглавленное тело того, кого мы стережем по приказанию игемона.

Слушая их речи, священник возблагодарил Бога, сподобившего его узнать о страдании и кончине святого мученика Феодота. Потом священник начал обдумывать, как бы ему взять отсюда честное тело мученика Христова. Наполнив сосуд доверха, он подал его воинам и сказал им, что они могут

пить вина сколько хотят. Когда воины, упившись, уснули, то Фронтон подошел к честному телу мученика Христова, обнажил его и начал со слезами лобызать его; затем, сняв перстень со своей руки, возложил его на перст мученика с такими словами:

– О святой мученик Христов, Феодот! Ты действительно исполнил то, о чем я просил тебя.

Затем Фронтон крепко привязал к ослу своему честное тело и главу мученика и пустил осла одного обратно в свое селение. И осёл шел к селению Фронтонову, неся на себе честное тело мученика; Фронтон же снова положил сучья и сено на том месте, где лежало тело мученика, и, войдя в палатку, уснул.

Утром следующего дня Фронтон встал очень рано и начал как бы сожалеть об осле, говоря:

– Мое животное убежало отсюда: не украл ли кто его?

Воины сочувствовали Фронтону, не зная, что честное тело мученика было взято отсюда, так как видели, что сучья и сено лежали на своем месте. Оставив у них вино, священник вышел из их палатки, как бы с целью поискать осла своего, но уже не возвратился к ним, так как пошел в свое селение.

Осёл же, по Божию устроению, пришел на то самое место, на котором некогда беседовал святой Феодот с Фронтоном и хвалил это место, как весьма красивое и удобное для упокоения здесь святых мощей; на этом самом месте мученик Христов советовал Фронтону выстроить церковь и обещал прислать в нее мощи мученические. Дойдя до этого места, осёл остановился и не двинулся вперед до тех пор, пока не пришел его господин Фронтон и не снял с него честные мощи. Затем Фронтон призвал сюда христиан и с честью похоронил святые мощи мученика, а впоследствии здесь построил и церковь во имя святого мученика Феодота, во славу же Христа, Бога нашего.

Все это записал я, смиренный Нил (говорит писатель жития святого мученика Феодота); написал же сие я для всех возлюбленных о Христе братий с большим вниманием и усердием, ибо я знал историю жизни святого мученика и был с ним вместе в темничном заключении. Вы же читайте с верою и с любовью, дабы получить одну участь в Царствии Небесном со

святым мучеником Феодотом и со всеми святыми, подвизавшимися за благочестие и дабы радоваться на небесах во Христе Иисусе Господе нашем, Которому воссылается слава, честь и поклонение вместе со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Страдальчески подвизався добре со страдальцы твоими Феодоте, и венцы почести приясте, с честными страстотерпицами девами. Темже Христа Бога молите непрестанно о всех нас.

Страдание святых мучеников Петра, Дионисия, Андрея, Савла, Христины, Ираклия, Павлина и Венедима

Память 18 мая

Во время гонений, поднятых на христиан язычниками, верные воины Христовы полагали души свои за Господа своего, так что вся вселенная обагрялась кровью мученической. В это время был взят язычниками и христианин Петр, красивый юноша, крепкий сколько телом, столько же и духом; взят он был в Лампсаке, городе геллеспонтском. Когда Петр был приведен на допрос к игемону Опитимину, то игемон спросил его:

– Ты христианин?

– Да, я христианин, – отвечал Петр. Игемон сказал:

– Ты имеешь пред глазами своими указы наших непобедимых царей; принеси же жертву великой богине нашей Венере.

Юноша отвечал:

– Удивляюсь тебе, игемон, как ты решаешься убеждать меня поклониться скверной и блудной женщине, позволявшей себе делать столь мерзкие дела, что о них стыдно и говорить? Разве вы теперь не преследуете и не караете законом тех, кто позволяет себе делать таковые дела, какие вы приписываете богине вашей Венере? Но если вы считаете свою богиню блудницею, то как же я могу поклониться и принести жертву мерзкой блудодейце? Нет, мне должно поклоняться Богу живому и истинному, Царю всех веков, Христу Господу моему; Ему единому подобает возносить жертву моления, хвалы и умиление.

Услышав такие слова, игемон приказал воинам привязать юношу к колесам и терзать тело его деревянными и железными орудиями, сокрушая кости его. Но раб Божий Петр, сколь яростнее был мучим, столь твёрже и крепче утверждался в надежде на помощь Господа Иисуса Христа, посмеиваясь безумию игемонову. Потом Петр поднял очи свои к небесам и начал молиться так:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что Ты дал мне такую крепость и твёрдость посреди мучений; сподоби же мне мужественно довести до конца подвиг свой и победить врага нечестивого.

Поняв, что муками ничего нельзя было сделать с мужественным юношею Петром, игемон приказал отсечь ему голову мечом.

В это же время был взят и заключен в темницу и Дионисий, исповедывавший также веру христианскую. Когда игемон собирался идти из Лампсака в Троаду, – город лежащий близ геллеспонтской области, к нему приведены были два воина, христианина, происходившие из Месопотамии[3291], по имени

Андрей и Павел; вместе с ними был приведен и христианин Никомах, который велегласно и непрестанно взывал:

– Я христианин!

Игемон, увидав Никомаха, в слух всех исповедывшего себя христианином, спросил Андрея и Павла:

– А вы что скажете?

Они отвечали:

– И мы христиане.

Тогда игемон сказал Никомаху:

– Принеси жертву богам согласно приказу царскому.

Никомах отвечал:

– Неужели ты не знаешь, что христиане не приносят жертв бесам?

И тотчас игемон приказал воинам обнажить Никомаха, повесить его на мучилищном дереве и терзать тело его железными орудиями.

Когда Никомах уже был недалек от своей кончины и уже немного потерпеть оставалось ему, чтобы получить венец мученический (которой был как бы уже в руках его), он неожиданно лишил себя сего славного венца. Оставив доброе исповедание, он отрёкся от Христа и воззвал во всеуслышание:

– Я никогда не был христианином! Я согласен принести жертву богам.

И тотчас воины прекратили мучение его и сняли его с мучилищного дерева.

Когда окаянный этот богоотступник принес жертву идолам и поклонился им, то на него напал бес и сильно ударил его об землю, так что Никомах стал с яростью бесноваться, кусая язык свой и испуская кровавую пену до тех пор, пока не испустил свою окаянную душу.

В то время как все это происходило, одна девица, имевшая шестнадцать лет от роду и называвшаяся Христиной, стоявшая в народе, обратилась к бесновавшемуся Никомаху и сказала ему:

– О окаянный и погибающий человек! Вот ты из-за одного лишь часа стяжал себе теперь вечную и несказанную муку.

Услыхав это, игемон приказал взять ту девицу и поставить пред судилищем; затем спросил ее:

– Ты христианка?

Девица отвечала:

– Да, я христианка, и вот теперь я плачу и скорблю о погибели окаянного человека; который не хотел перенести маловременного мучения, дабы приобрести себе вечный покой.

Игемон сказал ей:

– Вот он теперь получил покой, так как принес жертву богам; но чтобы вы, христиане, не поносили его, великая богиня наша Диана и Венера изволили взять его отсюда. Но я хочу, чтобы и ты принесла жертву богиням этим, если не хочешь быть поруганной и сожженной на огне.

Святая отвечала на это:

– Бог мой для меня важнее тебя, и потому я не боюсь твоих угроз. Я уповаю на Бога моего, и верю, что Он защитит меня и даст мне терпение во всем.

Тогда игемон приказал отдать ее двум юношам-блудникам, чтобы они осквернили и обесчестили ее. Андрея же и Павла приказал посадить в темницу в то отделение, где находился Дионисий.

Между тем те два бесстыдных юноши, взяв чистую и святую девицу, повели ее с поспешностью в свое жилище, намереваясь обесчестить ее; но лишь только привели ее в свой дом, как их вожделение плотское угасло и они не могли до самой полуночи осквернить ее. Ночью же близ Христины явился

светлой юноша, облиставший светом своим весь тот дом. Юноши те от страха пали на землю как мёртвые; придя в себя, они припали к ногам святой Христины, упрашивая ее помолиться о них к Богу своему, чтобы их не постигло какое-либо наказание от Него. Она же, подняв их с земли, сказала им:

– Не бойтесь, знайте же, что тот юноша, которого вы видели, есть Ангел святой, посланный мне от Христа, Бога моего, для сохранения моего девства, всегда готовый умертвить всякого, кто прикоснется ко мне.

Таким образом святая девица Христина пребыла в чистоте, будучи защищаема Самим Богом.

Утром следующего дня граждане того города, будучи возбуждены жрецами идольскими, пришли к игемону и стали требовать у него отдать христиан, находившихся в темнице, в их руки. Игемон вывел из темницы Дионисия, Андрея и Павла и сказал им:

– Вы должны принести жертву великой богине Диане.

Но святые отвечали:

– Мы не знаем ни Дианы, ни какого другого беса, из числа тех, коих почитаете вы; мы знаем и почитаем лишь Бога нашего, Господа Иисуса Христа.

Народ, услыхав такой ответ от мучеников, громким голосом опять начал требовать от игемона предать в руки им тех христиан, которые хулят богов их. Игемон же приказал бить мучеников, а затем велел отдать их народу.

Тогда толпа, привязав верёвки к ногам святых, повлекла их с громкими кликами за город, намереваясь побить их здесь камнями.

Когда святые мученики были побиваемы камнями, святая Христина, узнав об этом, с поспешностью побежала на место то и, припав со слезами к телам святых, побиваемых камнями, говорила:

– Я хочу умереть вместе с вами на земле, дабы вместе с вами жить и на небе!

Между тем игемону было донесено, что одна девица-христианка, отданная на осквернение двум юношам, была освобождена от их рук каким-то светлым юношею; убежав из

дома тех юношей, она пришла на место побиения камнями христиан и припала к их телам. Узнав об этом, игемон приказал предать ее смерти через усекновение мечом.

Таким образом все упомянутые святые мученики, подвизавшиеся против диавола, мира и игемона Опитимина, сподобились быть победителями врагов своих при помощи Христа, Бога нашего, причем, Петр был умерщвлен после многоразличных мучений, Дионисий, Андрей и Павел были побиты камнями, святая же девица Христина была усечена мечом. Всё это произошло в городе Лампсаке, при царе Декии[3292].

Святые же мученики – Ираклий, Павлин и Венедим были гражданами афинскими. Они проповедовали в Афинах с великим дерзновением имя Христово и увещевали всех нечестивцев оставить свое суетное идолослужение и креститься во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. За свою проповедь они были взяты и представлены на допрос ко градоначальнику афинскому. На допросе они исповедали Бога истинного, Творца всей твари, идолов же называли бесчувственными камнями и деревом, произведением рук человеческих. За исповедание имени Христова сии святые мученики были преданы различным мучениям и, наконец, вместе с учениками своими были ввержены в печь огненную, после чего и скончались[3293]. За свой подвиг они восприняли нетленные венцы от Христа Бога нашего, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Страдание святых мучеников Симеона, Исаака и Вахтисия

Память 18 мая

Святые мученики Христовы Симеон, Исаак и Вахтисий происходили из Персии и пострадали в царствование нечестивого царя Сапора[3294]. Так как они были христианами, то за это идолопоклонники схватили их и стали принуждать отречься от Христа и поклониться солнцу и огню[3295], но они в ответ на это сказали:

– Мы не отречемся от Творца твари и солнцу и огню не поклонимся.

Тогда мучители связали им руки и ноги и жестоко их избили, а потом бросили их в темницу, где в течение семи дней они не принимали пищи. После этого они выведены были из темницы и претерпели различные мучения, наконец, им отсекли мечом честные головы. Так и скончались святые мученики.

Страдание святого священномученика Патрикия и с ним трех пресвитеров: Акакия, Менандра и Полиена

Память 19 мая

Епископский престол святого Патрикия находился в городе Пруссе в Вифинии[3296]. Однажды он начал открыто обличать заблуждения язычников и проповедовать веру Христову; его проповедь обратила ко Христу многих язычников; за это он был взят язычниками вместе с тремя пресвитерами, – Акакием, Менандром и Полиеном, и приведен был на допрос к вифинийскому игемону Юлию, усерднейшему служителю идолов. Сей последний, отправляясь в это время к тёплым источникам[3297], повелел вести за собою и христианского епископа с его пресвитерами, заключенными в железные вериги. Прибыв на источники и омывшись в них, Юлий принес жертвы своему нечистому богу Асклипию[3298] и гнусной богине Сотирии[3299]. Затем, сев на судилищном месте и призвав святителя Патрикия с пресвитерами, Юлий сказал ему:

– Безумец, призывающий Христа и верящий пустым басням! Смотри, сколь велико всемогущество богов наших. Смотри, какую целебную силу этим источникам дали они на пользу нашу. И прежде всего уразумей, сколь велико могущество и сколь велика милость отца нашего Асклипия! Если хочешь избегнуть уз и мучений и спокойно жить в своем отечестве, то, падши, поклонись ему со смиренною мольбою и принеси ему жертву.

Святой же Патрикий отвечал ему на это:

– О сколь много зла изрек ты в своей краткой речи, игемон!

Игемон же с гневом сказал ему:

– Что же преступного сказал я? В чем ты можешь меня обличить, окаянный! Ты и сам должен признать то, что очевидно само собою без всякого обмана и хитрости: разве ты не своими очами видишь исцеления, даруемые от теплых источников силою всемогущих богов наших?

Отвечал святой Патрикий:

– Пресветлый игемон! Если хочешь узнать истину о происхождении, истечении и целебной силе источника теплых вод сих, то я возвещу тебе обо всем этом, если соизволишь выслушать меня с кротостью.

Сказал на это игемон:

– Хотя и ничего другого я не думаю услышать от тебя, кроме басни, наполненной вымыслами, все таки говори, пусть услышу, что ты хочешь сказать.

Отвечал святой:

– Не вымысел, но истину я хочу сказать тебе.

Сказал игемон:

– Какой же иной источник силы теплых вод укажешь ты, кроме силы богов наших?

Святой ответствовал:

– Я христианин, и всякий, кто исповедует сию святыню христианства и поклоняется единому истинному Богу, разумом своим может познавать тайны Божии; потому и я, хотя и грешен, но, исповедуя себя рабом Христовым, знаю и могу тебе сказать истину относительно вод сих.

Сказал игемон:

– Неужели ты будешь столь дерзок и безрассуден, чтобы считать себя умнее философов наших?

Отвечал святой:

– «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (1Кор.3:19). Христос Господь наш, прославляя Отца Своего, сказал: «славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Лк.10:21). И Апостол говорит: не уразумели истины: «ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы» (1Кор. 2:8).

Сказал игемон святому:

– Ты говоришь неудобопонятное. Лучше скажи, по силе и устроению кого текут эти теплые целебные воды? Что касается до меня, то я приписываю это промышлению богов наших, восхотевших таким образом оказать помощь людям.

Отвечая на это, святитель Христов Патрикий, сказал игемону:

– Прежде чем стану говорить, прикажи, игемон, снять ограду[3300], дабы все могли слышать мои слова.

По повелению игемона, снята была ограда и народ наполнил всё то место вокруг. Затем святой начал громогласно говорить следующее:

– Огонь и воду создал из ничего Своим Единородным Сыном Тот же всемогущий и вечный Бог, Который есть Творец рода человеческого. Из огня Он словом Своим сотворил свет, солнце и прочие светила и назначил им светить днем и ночью: до той степени простерлась Его всемогущая сила, до какой было угодно Ему. Из воды образовал Он небесную твердь и на воде же утвердил землю. Промыслом Своим, всё предусматривающим Он устроил на небе и на земле всё то, без чего нельзя жить человеку, которого также Он создал. Провидя же, что созданные Им люди прогневают Его, Бога Создателя своего и, оставив почитание Бога истинного, создадут себе бездушных идолов и будут им поклоняться, – Он по причине этого уготовал два места, куда переселятся люди после своей земной жизни. Первое место Он просветил вечным светом и преисполнил обильными и несказанными благами, другое же наполнил беспросветною тьмою, неугасимым огнем и вечными муками; в светлое место переселятся те, которые, исполняя Его заповеди, будут благоугождать Ему; в тёмное же место будут ввергнуты те, которые нечестивою своею жизнью прогневают Творца своего и тем заслужат себе наказание. И так те, которые будут поселены в месте светлом, будут жить жизнью бессмертною в непрестанной и бесконечной радости, а находящиеся в тёмном месте будут непрестанно мучиться бесконечные веки. Отделив же огонь от воды и свет от тьмы, Создатель каждое из них отдельно образовал и определил каждое к своему месту. Огонь же и вода находятся как над твердью небесною, так и под землей; та вода, которая видима на земле, собранная во вместилища свои, называется морем (Быт.1:10), а та, которая находится под землею именуется бездною; от этой бездны на пользу людям, живущим на земле, и вообще на пользу всему живущему посылаются воды в высоту сквозь земные недра, как бы посредством

водопроводных труб; выходя на поверхность земли, они образуют или источники, или колодцы, или реки. Те из вод, которые в своем течении под землею, проходят около огня, вытекают на поверхность теплыми, а те, которые протекают далеко от огня, выходят на поверхность земли холодными. Потому-то и эти воды тёплы, так как при своем течении они близко подходят к подземному огню; есть же в иных местах воды студенейшие, смерзающиеся в лёд, так как находятся в далеком расстоянии от огня. Итак, подземный огонь назначен на мучение нечестивых душ; вода же преисподней, обратившаяся в лёд, именуется тартаром[3301], в котором боги ваши и те, кто им поклоняются, получат нескончаемую муку, как и из стихотворцев ваших один воспел, говоря: «пределы (конечные) земли и моря ничто иное, как только крайние пределы, где Иапет и Сатурн[3302] (таковы имена этих богов ваших) не услаждаются ни блеском светлого солнца, ни прохладными ветрами»; другими словами: богов ваших, обитающих во тьме и в тартаре, не освещает и не согревает свет солнечный, а обитающих в огне не прохлаждает ветер. – Тартар же под землею помещен настолько глубже всех иных бездн, насколько небо выше всех высот земных. А что под землею уготован огонь для нечестивых, это подтверждают и кипящие источники, которые в Сицилии[3303] выходят из под земли[3304].

Выслушав эти слова святого, игемон спросил его:

– Значит, Христос ваш есть Создатель всех тех вещей, о которых ты говорил.

Отвечал святой Патрикий:

– Воистину Христос, а не кто другой, есть Создатель всей твари; ибо написано: «Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан.1:3). И еще: «Ибо все боги народов ничто, а Господь небеса сотворил» (1Пар.16:26).

Игемон же снова спросил святого:

– Христа ли ты называешь Создателем небес?

Ответствовал святой:

– Христа называю я Создателем всей твари, потому что написано: «Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих

перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил» (Псал. 8:4).

Сказал игемон:

– А, если я ввергну тебя в эти горячие воды, Создателем которых ты называешь Христа, а не богов наших, то сохранит ли тебя Христос невредимым от огня их?

Отвечал святой:

– Я знаю силу Христа моего; я знаю, что Он может сохранить меня целым и невредимым от вод сих, если пожелает: я же сам хотел бы при посредстве вод тех освободиться от временной жизни сей, дабы вечно жить со Христом; тем не менее да совершается надо мной не моя, а Его святая воля, без которой ни один волос не спадет с головы человеческой, без которой ни одна птица не попадет в сеть. Но пусть узнают все слушающие сейчас слова мои, что тех, которые с тобою поклоняются бесчувственному камню, как богу, ожидает вечное мучение в подземном неугасимом огне и преисподнем тартаре.

Услышав это, игемон пришел в великий гнев и тотчас повелел святого, обнажив, ввергнуть в то самое место источника, откуда бьёт кипящая вода. Святой же, будучи ввергаем, воззвал к Богу, говоря:

– Господи Иисусе Христе, помоги мне, рабу Твоему!

Когда святой был брошен в воду, то капли воды, брызнувшей из источника, были жгучее огненных искр и, достигши стоявших вокруг, причинили им сильные ожоги. А святой Патрикий пребывал невредимым в тех водах, как в прохладном месте, и, ликуя, восхвалял Христа Бога.

Видя это мучители распалились еще большею яростью. Игемон повелел воинам вынуть святого из воды и секирою отрубить ему голову, вместе с тремя пресвитерами.

Приготовившись к усекновению, Христов мученик и исповедник, воздел руки свои к небу и сказал:

– Боже, Царь всего и Владыка, содержащий в Своей власти всю тварь видимую и невидимую, приклоняющий слух Твой ко всем, истинно призывающим Тебя, создавший и воды сии во спасение праведным и в наказание нечестивым! Предстань

ныне мне, умирающему во свидетельство за исповедание веры Твоей!

Окончив молитву, святой преклонил для усекновения святую главу свою и скончался мученически. Усекновены были с ним и три его святых пресвитера: Акакий, Менандр и Полиен и все вместе предстали Христу Богу в славе святых. Убиен же был святой Патрикий со служителями своими месяца мая в девятнадцатый день[3305] и принял венец победных почестей от Христа Иисуса, Господа нашего, Которому подобает со Отцом и Святым Духом честь и слава ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Яко светосиянен добротою священства, и мучения кровию преукрашен, с пострадавшими с тобою Патрикие, Христу предстоя, о нас поминай, яко страдалец честный.

Страдание святого мученика Калуфа египтянина

Память 19 мая

Святой мученик Христов Калуф пострадал в царствование Максимиана[3306]. Он был родом из египетского города Фив[3307] и за исповедание веры во Христа схвачен был и предан игемону. Последний велел привязать ему на шею большой камень и повесить его вниз головою, после чего палачи стали бить его, но святой мученик говорил им:

– Я желаю блаженства будущей жизни и ради этого терпеливо переношу побои и страдания.

После такого истязания святого сняли с дерева и стали принуждать его принести жертву идолам, но он отказался сделать это. Тогда его бросили в огонь, где он и принял кончину временной жизни.

Преставление благоверного князя Иоанна Угличского, в иноках Игнатия, вологодского чудотворца

Память 19 мая

Святой благоверный князь Иоанн был сыном благоверного и христолюбивого князя Андрея Васильевича Угличского[3308] и благоверной княгини Елены. Святое крещение он принял в городе Великих Луках[3309] и, достигши возраста, скоро научился грамоте. Он обладал кротким и мирным характером, не любил детских игр и, соблюдая во всем умеренность, прожил в доме отца своего до тридцати лет. В это время ненавидящий добро враг рода человеческого внушил великому князю Иоанну Васильевичу Московскому[3310] ненависть к родному брату его, благоверному князю Андрею Васильевичу Угличскому и его сыновьям, сему Иоанну и Димитрию, и он повелел схватить их, наложить на них тяжелые оковы, свезти в город Переяславль[3311] и заключить в темницу. После этого они были переведены сперва на Белоозеро[3312], а потом в город Вологду[3313], где, заключенные в оковах в темницу, под крепкой охраной прожили много лет. Блаженный князь Иоанн Андреевич, отличаясь мудростью, утешал брата своего, князя Димитрия, и говорил ему:

– Брат! Не скорби о том, что заключен в темницу и страдаешь от этих оков. Бог внушил дяде нашему, государю великому князю Иоанну Васильевичу, поступить так с нами для того, чтобы доставить пользу душам нашим, ибо через это Он сделал для нас невозможным заботиться о суете мира сего. Будем же молиться Господу Богу, чтобы Он послал нам милость Свою с радостью перенести во имя Его страдания наши и избавиться от вечных мучений.

Приобрев таким образом успокоение в страданиях и скорбь о грехах своих, святой князь пробыл в темнице и в оковах тридцать два года и наконец, сильно заболев, почувствовал близость кончины. Он призвал к себе из Спасского монастыря святого Димитрия[3314] игумена Мисаила и принял от него

иноческое пострижение, причем ему дано было имя Игнатия. Радость и веселие наполнили душу блаженного князя, когда он облекся в Ангельский чин. Причастившись пречистых Таин Христовых, он осенил себя крестным знамением и преставился в вечные обители. Это произошло в девятнадцатый день месяца мая 1522 года[3315]. После смерти преподобного князя из тела его изошло благоухание, которое и наполнило весь город. Тогда жители города приготовили к погребению тело его, отнесли для погребения в монастырь преподобного отца Димитрия Прилуцкаго, в храм Всемилостивейшего Спаса и похоронили под алтарем близ Димитрия Чудотворца, на этом месте преподобные и до настоящего времени подают исцеление тем, кто приходит к ним с верою.

Память преподобного отца нашего Иоанна епископа Готфского

Память 19 мая

Святой отец наш Иоанн жил в стране Готфской[3316] в царствование императора Константина[3317]. Он родился по молитве своих родителей, как в древности пророк Самуил (1Цар1:9–20), и, с юных лет предавшись иноческим подвигам, стал жилищем Христа. Он совершил путешествие в Иерусалим и, обошедши в течение трех лет все святые места, возвратился в отечество. В то время император Константин перевел тамошнего епископа в Ираклию Фракийскую[3318], и православные христиане готфские усиленно стали просить святого Иоанна быть у них епископом. Они препроводили его в Иберию[3319], где он принял епископское рукоположение и после этого снова возвратился в родную страну. Когда в его стране произошли неустройства, произведенные каганом[3320], который истребил мечом много невинного народа, то он едва нашел возможность бежать и прибыл в Амастриду[3321], где и прожил четыре года. Услышав о смерти кагана, он сказал бывшим при нем:

– через сорок дней я пойду судиться с ним пред Христом.

Так действительно и случилось. Спустя сорок дней после этого святой Иоанн поучал народ, наставляя его к душевному спасению, и в это время предал дух свой Господу[3322]. Тотчас же согласно его предсказанию к пристани прибыл корабль, и тогда святейший епископ амастридский Георгий, положив тело его во гроб, со свечами и каждением в сопровождении всех жителей города проводил на корабль. На корабле тело святого было доставлено в монастырь его Парфенит[3323] и погребено здесь на месте погребения иноков монастыря. На сем месте после погребения святого Иоанна совершалось и даже до настоящего времени совершается много чудес. Преподобный совершал много чудес и при жизни своей.

Страдание святого мученика Фалалея

Память 20 мая

В царствование Нумериана[3324] игемон Феодор воздвиг гонение на Церковь Божию в городе Эгее[3325] и предавал различному роду смерти верных рабов Христовых. В это время был взят мучителями и христианский юноша, по имени Фалалей, прекрасный лицом и телосложением, с белокурыми волосами, лет восемнадцати от роду, по занятию врач, безмездно лечивший всякие болезни. Юноша был поставлен пред нечестивым судилищем в храме Адриана[3326]. Посмотрев на него и удивившись красоте его, игемон сказал окружающим:

– Где взяли вы сего прекрасного юношу?

Те же отвечали:

– Идя в город Аназар[3327], мы увидели его впереди нас; он же, заметив нас, быстро скрылся в дубраве. Мы начали старательно отыскивать его и едва нашли его, сидящего под дикою маслиною; затем мы взяли его и привели к тебе на суд.

Сказал игемон святому:

– Скажи нам, юноша: какой ты веры, из какого города, кто твои родители и как тебя зовут?

Отвечал святой:

– Я – христианин, имя мое – Фалалей, родом из Ливана[3328], отец мой, по имени Берукий, был воеводой; мать мою зовут Ромилия; имею еще и брата, состоящего в церковном причте, в сане иподиакона; научился я врачебному искусству от врача Макария. Когда все христиане, жившие в Ливане, бежали в горы и пустыни по причине гонения от язычников, я был взят и приведен к Эдесскому[3329] игемону Тиверию; будучи от него мучим, я исповедал имя Отца и Сына и Святого Духа, Бога истинного и всеблагого, Создателя всех, и помощью Господа моего был избавлен из рук мучителей и бежал: ныне же, будучи взят опять, нахожусь в твоей власти. Делай со мной, что хочешь, ибо подобает мне умереть за Христа, небесного Бога, Спасителя моего.

Сказал игемон:

– Надеешься ли ты, окаянный, избежать рук моих, как избежал рук Тивериевых?

Отвечал святой:

– Не хочу уже больше бежать, ибо верую в Господа моего Иисуса Христа и надеюсь на Него, что Он не попустит мне быть посрамленным, но поможет мне претерпеть муки до конца.

Вблизи святого стояли два палача, Александр и Астерий; игемон приказал им, чтобы они, провертев сверлом голени мученика и продев в отверстие веревку, повесили бы его. Но у них, по устроению Божию, отверзлись душевные очи и они, вместо святого, просверлили и повесили дерево. Один же из верующих, ученик святого Фалалея, по имени Тимофей, стоявший там и видевший всё, что происходило, кивнул святому головой, сказав:

– Видишь ли, что они делают?

Отвечал ему святой:

– Молчи, брат; со мною Христос, помогающий мне.

Игемон же, взглянув, увидел не мученика, а дерево висящее и сказал палачам:

– Что это вы сделали? Я велел вам повесить человека, а вы повесили дерево?

И, разгневавшись, игемон, думая, что они насмехаются над ним, повелел обоих бить без милосердия. Они же, подвергаясь ударам, говорили:

– Да будет благословенно имя Господне, потому что отныне и мы становимся христианами, ибо веруем в Господа Иисуса Христа и страдаем за Него!

Услышав такие слова, игемон тотчас повелел усечь их мечом, и они, скончавшись страдальчески, получили венцы у Христа Бога вместе с прочими святыми мучениками.

Святому же Фалалею игемон сказал:

– Принеси жертву богам и будешь жив, и вкусишь блага мира сего.

Отвечал мученик:

– Не убедишь раба Христова принести жертву бесам.

Игемон же, исполнившись ярости, захотел сам просверлить святому голени, но в ту минуту, когда хотел встать со своего

места, почувствовал, что силы его ослабли и он не мог подняться с места. И все язычники, которые находились в Адриановом храме, видя происшедшее, громогласно воскликнули, говоря:

– Велик Бог христианский, творящий таковые чудеса!

Игемон же преисполнившись стыда, начал просить мученика, говоря:

– Помолись обо мне Богу твоему, Фалалей, чтобы я мог встать со своего места, потому что воистину велик Бог твой.

Когда святой помолился, игемон встал, но, видя в этом не Божественную силу, а волшебство Фалалея, сильно разгневался на святого, скрежеща зубами своими. Тогда, схватив бурав, начал сам сверлить ноги мученика, но тотчас у него отсохли руки. Игемон снова воззвал к мученику, говоря:

– Опять прошу тебя, Фалалей, помолись обо мне, чтобы исцелели руки мои.

Святой своей молитвой дал исцеление его рукам. Тогда игемон сказал окружающим:

– Возьмите с глаз моих этого волхва и утопите его в глубине морской, дабы погиб он.

И сказал ему святой:

– Ты начал следствие обо мне; поэтому, ты должен его и докончить.

Отвечал игемон:

– Уйди от меня, волхв, и погибни в ином месте; ибо я еще не сделал тебе никакого зла, а ты уже столько зол причинил мне своим волшебством!

Сказал святой:

– Не думай, мучитель, что бы я испугался твоей угрозы и отвергся от Бога моего; знай же, что я ни в каком случае не принесу жертвы твоим богам; не поклонюсь бесам, которым ты служишь.

При этих словах взяли святого слуги игемоновы и, посадив его в ладью, поехали с ним на самую средину морской пучины и там его утопили. Будучи же утопляем, святой сотворил такую молитву к Богу:

– Господи Боже мой! Не дай мне ныне умереть, потому что я хочу еще пострадать за Твое святое имя, дабы, совершив еще больший подвиг мученичества, восприиму от Тебя нетленный венец в жизни вечной.

Возвратившиеся после утопления мученика слуги, сказали игемону:

– Мы сделали то, что ты повелел нам: мы кинули Фалалея в море и он погрузился на наших глазах.

Но пока еще слуги говорили это игемону, пришел святой Фалалей, одетый в белую одежду. Игемон и все, бывшие с ним, увидев святого, весьма изумились. И сказал игемон святому:

– Вот твое волшебство одолело и море!

Отвечал ему святой:

– Где ныне сила и могущество твоих богов? Где ваша гордость? Вот Господь мой, Иисус Христос, разрушил ваши замыслы и не дал мне умереть, чтобы я еще победил диавола, отца вашего.

Разгневался игемон и сказал находящимся около него:

– Смотрите, как волхв сей и море околдовал, и нас поносит; если мы его отпустим так, то он погубит всех нас своим колдовством.

Был же при игемоне один волхв, по имени Урвикий; тот дал совет игемону, говоря:

– Повели, властитель, отдать его на съедение зверям.

И тотчас игемон, призвав стража, кормившего зверей, приказал ему приготовить место для зрелища, а святому сказал:

– Фалалей, принесешь ли ты жертву богам, или хочешь, чтобы тело твое стало пищею зверям?

Огвечал на это святой мученик:

– Неужели ты еще не познал силы и величия Господа и Бога моего Иисуса Христа? Я же объявлю тебе словами пророческими: «Десница Господня высока, Десница Господня творит силу! Не умру но буду жить и возвещать дела Господни» (Пс.117:16–17).

Затем повели святого на площадь и отдали на растерзание зверям. Но звери не тронули святого. К нему подошла одна

лютая медведица, легла у ног его и начала лизать их. Видя это, игемон заскрежетал своими зубами и зарычал, как лев, от ярости. Затем он приказал выпустить на него голодного льва, а также львицу, но и те, приблизившись, припали к ногам мученика и лизали их. Игемон же от ярости разорвал на себе одежды свои, а народ начал громогласно кричать, говоря:

– Велик Бог христианский! Бог Фалалея, помилуй нас!

Схвативши же Урвикия волхва, бросили его зверям, и тотчас тот был растерзан и съеден ими. Игемон, встав со своего места, приказал мученика убить мечом.

И приведен был святой мученик для усекновения на одно нарочито приготовленное место, называемое Едесса, и после молитвы принял кончину, месяца мая в двадцатый день[3330], в честь и славу Господа нашего Иисуса Христа, прославляемого со Отцом и Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 3:

Мучеником сострадалец явлься и оружник, воин изрядный Царя славы был еси, искушеньми и муками возвышение идолослужителей попрал еси: сего ради честную твою поем память, мудре Фалалее.

Страдание святого мученика Аскалона

Память 20 мая

Когда игемон Арриан направлялся из города Ермополя[3331] в город Антиною[3332], то был приведен к нему на пути один из христиан, по имени Аскалон. Увидав его, игемон сказал:

– Кто это?

Один же из советников игемона, по имени Аполлонид, сказал:

– Я думаю, что это христианин.

Сказал игемон Аполлониду:

– Спроси его, кто он.

Аполлонид спросил святого:

– Кто ты?

Отвечал святой:

– Я – христианин.

Сказал ему игемон:

– Слышал ли ты о царских указах, разосланных по всем странам, которые обязывают христиан приносить богам жертвы?

Отвечал святой Аскалон:

– Да, я слышал о тех нечестивых указах, изданных на соблазн многим.

Сказал игемон:

– Как смеешь ты так поносить царей, называя соблазном их священные и спасительные указы?

Отвечал святой:

– Делай со мною, что хочешь, ибо я не имею тех указов, так как они незаконно издаются не на пользу, но на погибель людям; потому что разве может быть пользы от тех указов, которые призывают к поклонению идолам?

Сказал игемон:

– Тебе мало поносить царей наших: ты и богов наших называешь идолами. Клянусь тебе самими богами, что, если ты не поклонишься им и не принесешь им жертв, то будешь предан мукам, приготовленным ослушникам.

Отвечал святой:

– Я не боюсь твоей угрозы, а боюсь Того, Кто сказал: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28). Поэтому надобно бояться Бога, Который может вечно мучить всего человека, а не вас, которые мучите только одно тело, и то не вечно, а на короткое время.

Игемон сказал:

– Послушай меня и принеси жертву бессмертным богам; потому что, если ты не послушаешь, то уже приготовлено и место для мучения, и мучители.

Отвечал святой:

– Увидим, кто из нас явится более сильным: ты ли мучениями убедишь меня, чтобы я назвал идолов богами, или я тебя убежду признать Христа Господа моего истинным Богом и Создателем всего.

Разгневанный игемон повелел бить мученика обнаженного и повешенного на дереве и строгать его железными орудиями. Святой же, когда немилостиво мучили и терзали тело его, так что части его падали на землю, молчал, не издавая стона болезненного и не произнося ни единого звука.

Игемон же сказал ему:

– Не смягчилось ли сердце твое, чтобы принести жертву богам.

Один же ритор[3333], по имени Визамон, стоявший тут же, сказал:

– Уже смерть приблизилась к нему и он впал в умоисступление.

Тотчас святой сказал ему бодро:

– Я не нахожусь в умоисступлении, и от Бога, Создателя моего, не отступлю никогда.

Сказал Арриан:

– Опять ты ожесточаешься сердцем. Однако место это, на пути, недостаточно удобно для того, чтобы ты был достойно мучим; отправимся же в город и там ты получишь за свое неповиновение достойные тебя мучения.

Сказав это, игемон приказал тотчас развязать мученика и вести его вместе с собою. На пути близ города протекала

великая река, по имени Нил. Святой мученик Аскалон был уже привезен в город Антиной, потому что игемон, не спеша, шел позади. Антинойские граждане, вышедшие навстречу игемону, обступили святого, нагого и в ранах лежащего на земле, на берегу реки (ибо от ран он не мог ни стоять, ни сидеть), и соболезновали ему, и тут же, увидев игемона, дошедшего до реки и садящегося в лодку, приготовлялись встретить и приветствовать его. А святой мученик, услышав говоривших, что игемон переправляется в лодке, собрался с силою, встал с земли и, подняв руки к небу, воззвал к Господу, говоря:

– Боже мой, Иисусе Христе, ради Которого я терплю эти муки и ради любви к Которому стою нагим на позор всем! Услышь меня ныне для прославления святого имени Твоего и распростри всемогущую руку Твою: удержи лодку эту, в которой сидит нечестивый судья, посреди реки и не дай ему достигнуть сего берега, пока не исповедает он Тебя единым истинным Богом, Создателем и Владыкою всего, и пред всем народом не прославит Твое Святое имя, Которое он ненавидит.

Когда святой так помолился, внезапно лодка, в которой сидел игемон, остановилась посреди реки и совершенно не могла сдвинуться с места. Видя это, Арриан удивлялся и, вспомнив слова мученика, обещавшего привести его к признанию Христа Бога, сказал своим слугам:

– Как вы думаете о том, что ладья остановилась на море? Не случилось ли это по волшебству того христианина?

Сказав это, игемон приказал привести другую лодку и сел в нее, – и та лодка, из которой игемон вышел, тотчас сошла со своего места; та же в которую он сел, стала, будто на суше, и никак не могла сдвинуться, хотя и гребцов было много, и паруса были распущены, и ветер был благоприятный. Игемон видя это, послал сказать мученику:

– Так как ты убоялся мучений, которыми я грозил тебе, то по причине этого ты своим колдовством сделал то, что я не могу переплыть реки и войти в город.

Отвечал мученик посланному:

– Жив Господь Бог мой, и не сдвинется лодка, в которой находится Арриан, до тех пор пока не исповедает он имени

Господа моего Иисуса Христа, как я и прежде сказал ему.

Посланный же сказал ему:

– Если даже и исповедует игемон имя Бога твоего, находясь посреди реки, как ты этого хочешь, то как ты, сидя на берегу, услышишь его голос, ибо река, как видишь, очень широка?

Сказал ему мученик:

– Пусть напишет он исповедание Господа моего на хартии и пришлет ее ко мне, и в ту же минуту лодка сдвинется со своего места и пристанет к берегу.

Возвратившись, посланный объявил игемону слова мученика. Игемон же тотчас, взяв хартию, написал собственноручно следующие слова:

– Один есть истинный Бог, Коего почитает Аскалон, и нет другого, кроме Него. Он Создатель и Владыка всего.

Написавши так, игемон отправил хартию к Аскалону. Мученик же, прочитав написанное, помолился Богу и тотчас лодка с игемоном двинулась и достигла берега.

Вошед в город, игемон сел на судилищном месте и, когда поставили перед него мученика, сказал ему:

– Ты всю свою колдовскую силу богоненавистную воздвигнул против меня, чтобы удержать меня на реке, а я на суше явлю над тобой всю силу власти моей.

И тотчас повелел обнажить мученика, повесить его на дереве и жечь рёбра и живот его, пока не растопится всё его тело.

Святой же, опаляемый, молчал.

И сказал ему Арриан:

– Как вижу, ты уже умер, Аскалон.

Отвечал святой:

– Если я и умру, тем не менее опять жить буду.

И сказал игемон своим слугам:

– Только утруждаем себя, муча его; я вижу, он скорее умрет, нежели отступит от своей веры. Однако мы сделаем еще, что можем.

Сказав это, игемон приказал привязать к ногам святого большой камень и велел бросить святого в глубину реки. Воины, взяв святого, повели его к реке. И шло вслед за ним много

народа, среди которого было немало христиан, пришедших видеть кончину мученика. Христиане, захватив с собою хлеба, умоляли святого вкусить от него. Он же не хотел, говоря:

– Не буду вкушать ничего из этой тленной пищи сего мира, потому что я приготовился идти и принять то, что «не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку» (1Кор.2:9). Старайтесь же и вы, братия, получить блага, уготованные святым Божиим.

Когда святой говорил так, воины посадили его в лодку и отплыв от берега, начали привязывать к ногам его большой камень. А он, обратившись к стоявшим на берегу христианам, сказал:

– Дети мои, не пренебрегите моим погребением, однако, сегодня и на следующий день не ищите тела моего; на третий же день придите в северную часть города и там найдете тело мое с привязанным камнем на берегу; похороните меня вместе с тем камнем.

И всё было так. На третий день после потопления мученика, христиане нашли его святое тело так, как он сказал им, с камнем, к нему привязанным, и похоронили его с честью, прославляя Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается честь и поклонение с Отцом и Святым Духом ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Обретение и перенесение честных мощей Алексия, митрополита всей России и чудотворца

Память 20 мая

Во дни благочестивого великого князя Василия Васильевича[3334], самодержца всероссийского, после того как прошло около 60 лет со дня кончины святого Алексия, дивный во святых Своих и прославляющий их всеблагой Бог таким образом открыл бесценное сокровище, то есть, многоцелебные мощи сего святого великого святителя, митрополита Алексия.

Так как первый храм, построенной в сей обители[3335] самим святым Алексием во имя святого архистратига Михаила, в память бывшего чуда его в Хонах, был деревянный, то случилось, что крыша этого храма, пришедшая от долгого времени в ветхость, обрушилась во время совершения Божественной литургии, причем по устроению Божию все бывшие в это время в храме остались невредимыми. Тогда великий князь повелел построить каменный храм, и когда внутри прежнего деревянного храма стали копать рвы для фундамента нового храма, то нашли мощи великого святителя святого Алексия неповрежденными и даже одежды на нем неистлевшими. Вскоре после этого был выстроен каменный храм во имя святого архистратига Михаила с приделом на южной стороне в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Храм этот имел три ступени вверх от земли, но был меньше прежнего деревянного храма, который хотя был и обширнее, но устроен был в одну ступень, и пол в нем был положен прямо на землю. Когда новоустроенный храм был подобающим образом украшен и освящен, то в него внесли многоцелебные мощи святого Алексия и положили в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы.

После этого прошло много лет, и в княжение великого князя Иоанна Васильевича[3336] при преосвященном митрополите Геронтии[3337] стараниями архимандрита этой обители Геннадия стал строиться новый храм с трапезою во имя святого

митрополита Алексия, но этот храм не был тогда окончен, так как архимандрит Геннадий поставлен был архиепископом в Великий Новгород[3338]. Через некоторое время после этого, когда, благодаря усердию того же архиепископа Геннадия, храм и трапеза, а также и другие здания были закончены и храм был украшен и освящен, то честные мощи святого Алексия были перенесены из придела Благовещения Пресвятой Богородицы и положены у стены на южной стороне в созданном во имя его храме. В 1534 году великий князь Василий Иоаннович[3339] повелел сделать для мощей чудотворца Алексия серебряную раку, на верхней доске ее устроить из серебра образ самого святого Алексия и украсить ее золотом, камнями и бисером. Рака была окончена уже после смерти великого князя, в 1535 году, и тело святого Алексия было положено в нее при сыне его, великом князе Иоанне Васильевиче[3340], в день кончины святителя, в 12 день февраля месяца с четверга на пятницу первой седмицы Великого поста.

Рака с мощами святого Алексия стояла на указанном месте около двухсот лет, до 1686 года. Так как храм и трапеза, построенные новгородским архиепископом Геннадием, пришли в ветхость, то в 1683 году по повелению благочестивого царя и великого князя Феодора Алексиевича[3341], самодержца всероссийского, и по благословению Иоакима, святейшего патриарха московского и всея России, старанием и усердием бывшего в то время настоятеля обители архимандрита Адриана, который вскоре после этого был митрополитом царственного города Казани[3342], а впоследствии по благоволению Божию возведен был в сан святейшего патриарха царствующего великого города Москвы и всея России[3343], – была построена на новом месте новая большая трапеза. Она почти вся вынесена была за пределы обители и только незначительною частью своею и одною северною стеною вошла в обитель вместе с храмами, из коих первый – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, бывший прежде придельным в храме святого архистратига Михаила, а второй рядом с первым, как мы уже и видели, – во имя святого митрополита Алексия и при них два притвора, или трапезы,

устроенные для помещения тех, кто приходил к чудотворным мощам, чтобы поклониться им, помолиться и выслушать церковное богослужение. На том же основании между этими двумя храмами был выстроен новый храм во имя святого Апостола Андрея Первозванного для иноков обители, чтобы они всегда и особенно в зимнее время могли слушать различные церковные службы отдельно от сторонних посетителей монастырских храмов. Кроме сего на западной стороне всех этих зданий была устроена другая трапеза для принятия иноками пищи, чтобы они во всем были отделены от приходящих в обитель – суетных мирских людей, думали об одном только Боге и заботились о своем спасении, ревностно упражняясь в молитве, посте и рукоделии, так как в этом и заключается вся жизнь иноческая. Для этого же были устроены и разные входы в храм со вне обители, для мужчин – особый вход в храм святого Алексия, а для женщин – также особый в храм Благовещения Пресвятой Богородицы, чтобы приходящие к многоцелебным мощам святителя входили в эти храмы со вне монастыря и стояли в них, не смешиваясь, каждый пол в особом храме, мужчины отдельно и женщины отдельно. Для иноков же, живших в этой обители, были устроены в эти храмы и трапезы другие входы извнутри монастыря. Это – для того, чтобы иноки могли проводить безмолвную, чуждую суеты, жизнь, а также для того, чтобы по преданию святых отцов и по уставу обители иметь монастырские ворота всегда закрытыми и этим воспрепятствовать мирянам безвременно входить в обитель, а инокам во всякое время выходить из нее. Ибо в прежнее время был такой устав обители, чтобы в течение трех дней на неделе, а именно: в понедельник, среду и пятницу иноки отнюдь не были отпускаемы за стены обители, в остальные же четыре дня они уходили в случае какой-либо необходимой нужды, да и то не самовольно, а отпросившись предварительно у настоятеля или того, кто управлял обителью.

Когда храмы и трапезы были совершенно окончены и украшены подобающим благолепием, то руками самих благочестивых царей и великих князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича, всей Великой, Малой и Белой России

самодержцев, и их царских сановников в сопровождении святейшего всероссийского патриарха Иоакима, находившихся тогда в Москве епископов, всего духовенства и множества народа многоцелебные мощи великого святителя митрополита Алексия с каждением и ароматами были перенесены из старого трапезного храма в новопостроенный и положены на приготовленном месте между двумя храмами, Благовещения Пресвятой Богородицы и святителя Алексия. Это произошло в 20 день месяца мая 1686 года. Храм в честь святого митрополита Алексия был освящен самим святейшим патриархом Иоакимом соборне во славу Единого Бога, в Троице прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа.

Тропарь, глас 4:

Апостольских преемников архиереев сопрестольниче, России всея пастырю и учителю, всеблаженне отче Алексие, Владыце всех молися, мир пастве твоей даровати, и спасение душам, и велию милость.

Тропарь, глас 2:

Яко сокровище пребогатое, многолетно в земли сокровенное, честныя мощи твоя обретошася чудоточащыя, всеблаженне отче святителю Алексие: от нихже врачевство приемлющее обогащаемся, и Христа славословим глаголюще: слава прославляющему святыя своя.

Кондак, глас 8:

Яко солнце незаходимое от гроба возсия нам от мног лет сокровенны честныя твоя мощи нетленны, святителю Алексие, тобою благодать приемлем. Всю бо страну сию и вся бо чудесы и добротою обогащаеши действом благодати, да поем ти: радуйся отче, светило России.

Житие святого равноапостольного царя Константина и святой матери его Елены

Память 21 мая

В то время как языческий мир, вооружаясь против христианства огнем и мечом, помышлял в конце III и начале IV столетий совсем стереть с лица земли самое имя христиан[3344], Промысл Божий уготовал для Церкви Христовой, среди самих кесарей-гонителей христианства, царственного покровителя ее в лице Константина – царя, еще при жизни своей получившего – наименование, навсегда упрочившееся за ним в христианской истории, Равноапостольного, во всемирной же истории Великого.

Рожденный в 274 году у родителей, хотя и не христиан, но знакомых с христианством и ему покровительствовавших, Константин с детства чуждался языческих суеверий и приближался ко Христу истинному Богу. Десница Господня сама постепенно приуготовляла его и многоразличными способами очищала его, как избранной сосуд славы Божией.

Отец Константина Констанций Хлор, цезарь в Западной половине империи[3345], будучи по наружности – официально – идолопоклонником, в душе далёк был от языческого суеверия; внутренно он отрёкся от служения многим ложным богам и признавал Единого истинного Бога, – Ему одному поклонялся он и весь дом свой, вместе с детьми и домашними посвящал одному Царю – Богу[3346]. Насколько Констанций далек был от суеверного служения идолам, об этом свидетельствует следующий замечательной случай из его жизни. Констанций, отказавшийся от служения идолам жертвами и курением, пожелал однажды испытать истинные расположения своих царедворцев; он сделал вид, что хочет исполнять суеверные языческие обряды, и сказал своим придворным:

– Кто хочет пользоваться моим расположением и любовью и оставаться при почестях, тот должен приносить жертвы идолам, а кто отказывается от этого, тот пусть удалится с глаз

моих и не рассчитывает впредь на мое благоволение, ибо я не могу оставаться в общении с неединоверными.

Приняв за истину слова цезаря, придворные тотчас же разделились на две партии: одни, люди лицемерные, без действительных религиозных убеждений, с гибкою совестью, могущею склоняться направо и налево, сейчас же изъявили согласие на предложение царя, хотя до этого времени по низменным расчётам и следовали его благому примеру в отрицании идолослужения; другие же, которые от искреннего сердца пренебрегли языческим суеверием и теперь остались верными своим убеждениям, как истинные рабы Христовы, отказываясь от земных и тленных почестей, начали выходить из состава царской свиты. Видя это, Констанций возвратил оставлявших царский дворец, истинных христиан и сказал им:

– Так как вас вижу я верно служащими своему Богу, то вас я хочу иметь и своими слугами, – друзьями и советниками, ибо надеюсь, что вы верны будете и мне так же, как верны своему Богу.

Обращаясь же к тем, которые склонялись к отлучению от христианства и поклонению идолам, царь сказал:

– Вас я не могу терпеть при своем дворе, – если вы не соблюдаете верности своему Богу, то как будете верны мне!

И так пристыдив их, он удалил этих лицемеров от своего лица; а верных рабов Божиих приблизил к себе и сделал их начальниками в своей области[3347]. И таким образом в то время, когда во всех других пределах обширной Римской империи кипело гонение Диоклетианово, в области Констанциевой христиане жили в мире и благоденствии[3348]. Впрочем не имея возможности являться ослушником воли Диоклетиана, старшего из императоров, Констанций позволил одно – разрушить некоторые из христианских церквей[3349].

Таков был отец равноапостольного Константина Констанций Хлор. – Его расположенность к христианам и предпочтение их язычникам; обращение ко Христу его жены, святой Елены, матери Константина, и дочери Констанции[3350], сестры Константина с малых лет вселяли в душе последнего истинную любовь к Богу и Его закону и полагали твёрдое основание для

воспитания и укрепления его нравственного характера. И это малое зерно посеянное в детской душе возросло впоследствии в великое древо.

Годы юности своей Константин должен был проводить не в среде родной своей семьи, а при дворе Диоклетиана в Никомидии, куда он взят был почти в качестве заложника, хотя и почётного, в обеспечение верности его отца Констанция старшему императору Диоклетиану. Придворная жизнь в столице представляла собою тогда в малом виде всё то нравственное и религиозное растление, до какого только может доходить человечество, порабощаемое нечистыми, страстными сердечными похотями и впадающее в «превратный ум» (Рим.1:28). Суетная пышность и роскошь, пьянство и объядение, необузданный разврат мысли и жизни, интриги и крамолы, озлобление против истинного богопочитания и лицемерное, лживое почтение к мнимым богам, – вот мрачная картина, в которой Промысл представил Константину всё ничтожество и бесславие язычества. Зато тут же, одновременно, а потому и тем более поразительно вырисовывалась пред взором Константина жизнь иного общества, – общины христианской, где старцы и старицы, юноши и девы, простецы и ученые мудрецы, даже дети доказывали истину своей веры, чистоту и высоту ее содержания не словами только, а и своими делами, исповеданием ее своею добродетельною жизнью, страданием за нее даже до смерти. Ибо в это время возгорелось ужаснейшее гонение на Церковь Христову, превосходившее все другие гонения и злостью гонителей, и разнообразием мучений, и числом мучеников, и – торжеством, победным торжеством веры Христовой над всеми языческими кознями. Константин, поставленный Промыслом у самого очага языческой злобы не мог не видеть тщеты всех ее усилий одолеть неодолимое, непосредственно, своими очами созерцал он силу Божию в немощах совершающуюся и всё себе покоряющую. В каждом исповеднике-христианине, в каждом подвиге мученическом взору Константина являлся непререкаемый свидетель правоты веры Христовой, ее превосходства пред язычеством, ее Божественного происхождения. И Константин сохранил в душе

своей залог добра посеянного в детстве, – сохранил чистоту и невинность сердца и уважение к закону Бога, хотя и вращался в нравственно-испорченной среде. Но эта внутренняя отчужденность Константина от растленной придворной жизни, его пытливый ум и духовная благоустроенность, покрываемая скромностью, естественно возбуждали против него злобу окружавших его царедворцев; а его величественная красивая осанка при высоком росте и выдающейся физической силе, привлекавшая к нему взоры народа и располагавшая в его пользу любовь всего войска, была причиною зависти многих и особенно цезаря Галерия. Последний замышлял погубить его и даже составил заговор, чтобы не допустить Константина до царского достоинства, на которое он имел право по своему рождению.

Жизнь Константина подвергалась опасности, но рука Промысла спасла своего избранника и даровала ему то, что хотела отнять у него необузданная, коварная зависть. Константин удалился в Галлию к отцу своему, которого нашел уже на смертном одре и который вскоре скончался.

После смерти Констанция Хлора войско, бывшее при нем, провозгласило (в 306 году) императором Галлии и Британии Константина, которому тогда шел тридцать второй год от рождения, как любимого сына всеми уважаемого кесаря. Под живым впечатлением виденных ужасных гонений христиан на Востоке Константин, унаследовав власть от своего отца, счёл первым своим делом подтвердить все распоряжения его на пользу христиан, – объявил в своих областях свободу исповедания христианства. Приблизился таким образом час победы веры Христовой над языческим суеверием! Но наступлению лучших времен для Церкви предшествовало время Суда Божия над ее гонителями. – Императоры Диоклетиан и Максимиан, утомлённые собственною своею злобою против непоколебимых страдальцев за святую истину, решились искать покоя в устранении себя от царских престолов; но их отказ от власти, не давая мира самим свирепым гонителям, послужил еще поводом и к общественным неустройствам. Галерий, воцарившийся на Востоке вместо

Диоклетиана и недовольный воцарением на северо-западе Константина, не признал его императором, а признал Севера, правившего Италией и Африкой; между тем в Италии императором провозглашен был Максенций, сын Максимиана. Поддерживая Севера, Галерий пошел войною против Максенция, который просил защиты у своего отца, – последний снова принял управление. Север сдался Максимиану и был умерщвлён. Тогда Галерий провозгласил императором своего полководца Ликиния, армия же – цезаря Максимиана. Оказалось таким образом, что в Римской империи сразу царствовали шесть императоров и все они враждовали между собою. Миром и благоденствием наслаждались только подданные Константина, довольствовавшегося унаследованным от отца уделом и не желавшего принимать участия во взаимной борьбе иных соправителей, – всецело посвятившего себя управлению страною по влечению своего чистого сердца и здравого ума в покорности Божественному Промыслу.

– Я отчуждился, – говорил о себе Константин, – от бывших доселе правителей, потому что видел дикость их нравов[3351].

В отношении к христианам он держался, по примеру отца своего, политики мира, ибо ценил их как усердных и верных подданных. Константин понимал, что христианство есть великая сила, могущая пересоздать мир. Тем не менее он еще не был христианином; при всем глубоком уважении к рабам Христовым, он не мог с легкостью, без внутренней борьбы, отказаться от старо-языческих заветов. И только наступившие грозные и трудные обстоятельства расположили его открыто преклониться пред величием «Распятого Бога», дивным образом изведшего его из колебательного состояния и утвердившего его в решении стать христианином.

После Галерия, умершего (в 311 году) от страшно лютой болезни, и Максимиана – правителя Сирии – скончавшегося (в 313 году) позорной смертью – самоубийством, в Восточной половине империи остался единым владетелем Ликиний, женившийся потом на сестре Константина. В западной же половине, – в Италийской области, после повторного

царствования Максимиана, воцарился снова Максенций, вопреки желанию римского народа. Константин признал его царем в Риме и даже отправил к нему мирное посольство. Но Максенций не только не пожелал иметь мирных отношений к Константину, но даже не захотел и называть его царем, желая сам единолично быть самодержцем всех земель и стран Римской области. Укрепившись же на престоле, он проявил во всей полноте присущую ему коварную жестокость и корыстолюбие не только в отношении к христианам, но и по отношению к своим единоверцам-язычникам. Обольстивши, при своем воцарении, нужных ему людей дарами и обещаниями, он начал преследовать и мучить почетных сенаторов, разграбляя их имущество, похищая их жен и дочерей для удовлетворения своих животных страстей, а также страстей и своих любимцев. И был он весьма тяжел и омерзителен для всего Рима по своей жестокости и скверному житию. Римляне, страдая под тяжким его игом, решились тайно искать себе защиты у Константина, прося его прийти и избавить от этого мучителя. Константин прежде всего послал по этому случаю письмо Максенцию, дружески убеждая его прекратить насильнические действия. Но Максенций не только не внял его доброму совету и не исправился, но еще более озлобился. Свое ожесточение он простёр до того, что начал готовиться к войне против Константина.

Слыша об этом, Константин в 312 году решился предпринять военный поход против Римского императора: он хотел исхитить Рим из рук злого тирана. Но поход этот представлял трудности неодолимые. – Самому отважному полководцу, любимому войсками, не легко было заставить армию войти с мечом в сердце Италии, внести войну на почву великого Рима, священную для народов того времени: такое предприятие должно было производить потрясающее действие на имперское войско и глубокий ропот неудовольствия. И сам Константин не мог быть свободным от чувства невольного страха, предпринимая этот поход, тем более, что он никогда сам не видал Рима, который мог казаться ему грозным исполином. При том же Константину известно было, что войско

его противника было многочисленнее его войска и что Максенций крепко надеется на помощь своих национальных богов, которых он старался умилостивить щедрыми жертвами, даже закланием отроков и отроковиц, – что Максенций ограждает себя и свои войска всяческими чарами и волхвованиями и имеет на своей стороне великую силу бесовскую. Надеяться на одни человеческие силы и средства было недостаточно для Константина, и у него явилось искреннее желание иметь помощь свыше. Размышляя о несчастном состоянии империи, тщетно ищущей защиты у бездушных идолов, о помощи Божией, неоднократно явленной отцу его и ему, о тех политических переворотах, которые совершились на его глазах, о постыдной погибели в короткое время трех лиц, которые разделяли с ним верховную власть в империи, он признал безумием попусту держаться богов несуществующих и после стольких доказательств оставаться в заблуждении[3352].

Среди таких тревожных размышлений Константин начал возносить молитву к Богу отца своего, начал просить Его, чтобы Он вразумил его о Себе, подал ему мужество и простер ему десницу в предлежащем деле[3353]. И эта молитва его, как некогда молитва темничного стража (Деян.16.) была услышана – Господь скоро непосредственным явлением утешил его и указал, что подобает ему творить. Евсевий, современник события, слышавший о нем лично от царя, повествует:

– Однажды после полудня, когда солнце начало уже склоняться к западу, – говорил царь, – я собственными глазами увидел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: «сим побеждай».

Это зрелище поразило ужасом как самого царя, так и войско, находившееся около него, ибо крест, как позорное орудие казни, у язычников считался дурным предзнаменованием. Константин находился в недоумении и говорил сам себе: что значит такое явление? Но между тем как он размышлял, наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос с виденным на небе знамением и повелел сделать

знамя, подобное виденному на небе, и употреблять его для защиты при нападении врагов.

Встав от сна, Константин рассказал своим друзьям тайну своего сонного видения, а потом позвал к себе опытных мастеров и, описав им образ чудного знамени, приказал устроить, по подобию этого, хоругвь из золота и драгоценных камней; воинам же своим он приказал изобразить крест на щитах и шлемах. Пораженный дивным видением Константин вместе с тем решился не чтить никакого другого Бога, кроме явившегося ему Христа; пригласив к себе таинников Его слова – христианских священников, – он спрашивал их: кто тот Бог и какой смысл знамения, какое он видел? Выслушав же их ответ о едином Боге, о тайне воплощения Его Единородного Сына для спасения человеков, о крестной смерти Господа Иисуса, победившего смертную державу, о крестном знамении, явившемся ему, что оно есть знак победный, Константин вполне и сознательно в душе своей стал христианином. С того времени он начал усердно заниматься чтением Священного Писания и постоянно имел при себе иереев, хотя и не принял еще святого крещения[3354].

«Призвав Бога всяческих и, как помощника и защитника, Христа Его, также поставив пред своими ратниками победную хоругвь с спасительным знамением, Константин выступил со всем своим войском из пределов Галлии в поход против Максенция в Италийскую область».[3355]

Поход, предпринятый Константином для освобождения Рима от жестокого тирана, не вразумил последнего. – Злочестивый Максенций, принеся обильные жертвы богам с торжественными церемониями, выслушав предсказания гадателей по внутренностям беременных женщин, с многочисленным войском выступил против Константина; но он не отвратил достойного возмездия своему нечестью. Константин, покрываемый спасительным знамением Креста, после трёх встречных столкновений с противником, подступил к самому вечному городу и здесь нанес ему решительное поражение. Максенций, спасаясь бегством через реку Тибр, при разрушении моста погиб, как древний фараон, с отборными

своими всадниками в пучине водной. Победитель с торжеством вступил в Рим и встречен был народом с великою радостью. Сознавая, что эта победа дарована Божественною помощью, Константин водрузил на самом людном месте города священную хоругвь, а потом, когда благодарные Римляне поставили статую в честь нового императора, велел утвердить в руке своего изображения высокое копье в виде креста и начертать такую надпись: «этим спасительным знамением я освободил ваш город от ига тирана и возвратил Римскому народу и сенату прежний блеск и знаменитость»[3356].

Став таким образом повелителем всей западной половины Римской империи, Константин первый из цезарей указом (в 313 году) объявил подвластным ему народам полную веротерпимость: язычникам он оставлял право совершать обряды своего богопочитания, а христианам разрешал свободно поклоняться Единому истинному Богу. За этим указом последовал целый ряд указов[3357], благоприятных Церкви Христовой: запрещена была крестная казнь, отменены были кровавые игрища в цирке; прекращены были языческие жертвоприношения и курения в торжественные дни, установлено празднование воскресного дня с запрещением производства в этот день судебных разбирательств и прекращением работ как свободных граждан, так и рабов; сироты и дети, брошенные родителями, бедные и убогие, которых язычество оставляло без помощи и призрения, приняты были под царское покровительство; по всем городам начались праздники обновления и освящения церквей; везде слышались хвалебные песни и благодарственные молитвы Богу; епископы свободно собирались, чтобы рассуждать о нуждах Церкви. Константин сам иногда присутствовал на этих собраниях, вникал в вопросы, касающиеся веры и с готовностью делал всё, что требовалось для пользы христианского общества. Он освободил священнослужителей от всяких посторонних должностей и от податей, – как свободны были от податей и языческие жрецы, – дабы они могли совершенно посвятить себя служению Богу; он не только возвратил Церкви усыпальницы и все места, отнятые гонителями, но еще даровал для

богослужения несколько обширных зданий, называемых базиликами, в которых заседали судьи и которые, по их внутреннему устройству, было легко превратить в церкви; – предоставил право пастырям решать споры и взаимные несогласия между христианами. Нося на своем шлеме, как видимый для всех знак благоговейного почитания Христа Бога, монограмму «Христос»[3358], Константин дал своим воинам молитву, которую они должны были читать в воскресные дни и которая, будучи исповеданием сердечной веры самого императора, располагала всех признавать Единого всемогущего Подателя благ и Его помощи искать во всех делах[3359].

Благоволение императора вызвало восторг в среде христиан: великой духовной радости исполнились их сердца от вкушения сладости жизни под новым правительством. Современник Евсевий так изображает то время:

– Теперь светлый и ясный день, не омраченный никаким облаком, озарил лучами небесного света Христову Церковь. Мы должны сознаться, что счастье наше выше наших заслуг; мы приведены в величайшее изумление благодатью Виновника столь великих даров: мы достойно дивимся Ему и говорим с пророком: «Придите и видите дела Господа, – какие произвел Он опустошения на земле» (Пс.45:9). Люди всякого возраста, мужеского и женского пола, всею силою души радуясь, умом и сердцем воссылают молитвы и благодарения Богу[3360].

Но между тем как на Западе христиане таким образом благоденствовали под управлением Константина, совсем иное было на Востоке, где царствовал Ликиний: воспитанный при дворе Диоклетиана, полководец при Галерии, он, достигши цесарского достоинства, в душе ненавидел христиан. Породнившись с Константином, Ликиний в первое время не решался противодействовать своему могущественному шурину[3361], – даже подписал изданный последним указ (Миланский) о веротерпимости; но вскоре же, сделавшись после смерти императора Максимиана полновластным властелином всего Востока, начал теснить и унижать христиан. Опасаясь потерять свою царскую власть и слушаясь наветов со стороны представителей идолослужения, он закрывал и

разрушал христианские храмы под предлогом, будто в них молятся по измене ему о Константине и требовал от всех, а наипаче от своих войск, языческой присяги и принесения жертв идолам; ослушников же своей воли он подвергал заточению и ужасным истязаниям, доводя их до мученической кончины. В это время между прочим пострадала мужественная дружина – 40 мучеников. – Ликиний впрочем был жесток не к одним только христианам: и все ему подвластные народы много терпели от его корыстолюбия и злобы. О его подозрительности и жестокости достаточно свидетельствует уже одно то, что он предал смерти жену и дочь своего бывшего покровителя – Диоклетиана и истребил всех детей императоров – Максимиана, Севера и Галерия. Римская империя, по изображению Евсевия, разделенная на две половины, представляла собою две противоположности дня и ночи: жители Востока объяты были мраком ночи, а жители Запада озарены- светом самого яркого дня.

Отношения Ликиния к Константину не могли быть и не были приязненными. Ликиний являл в них коварство и двоедушие; он уверял Константина в дружбе, а втайне ненавидел его, старался делать ему всякое зло; козни его не удавались, и не раз между ними начинались раздоры, оканчивавшиеся войнами. Константин оставался победителем, но обманываемый лживыми увериями зятя, заключал с ним мир. Однако с течением времени отношения между императорами принимали более и более обостренный характер. Угнетаемые подданные Ликиния и гонимые им христиане не видели конца своим страданиям. Ликиний, наконец, перестал скрывать свои замыслы против Константина и вступил в открытую борьбу. В 323 году возгорелась жестокая война между ними. Эта война должна была окончательно решить судьбу христианства в Римской империи, обнимавшей собою «всю вселенную».

Оба императора собрали значительные силы и готовились к решительной битве, каждый сообразно со своею верою: казалось, что одряхлевшее язычество ополчилось против христианства, явившегося в мир обновить человечество. – Накануне сражения Ликиний, окруженный жрецами и

гадателями, собрал отборных воинов и лучших своих друзей в тенистую рощу, в которой стояли идолы, совершил торжественное жертвоприношение и, обращаясь ко всем тут бывшим, сказал:

– Друзья! – вот наши общественные боги, пред которыми нам надо благоговеть, как нас тому учили предки наши. Начальник же враждебного нам войска, отвергнув отеческие обычаи, принял лживые мнения и прославляет какого-то иностранного, неизвестного Бога. Постыдным знаменем его (Крестом) он срамит свое войско; доверившись ему, он поднимает оружие не столько против нас, сколько против богов. Само дело откроет, кто прав и кто заблуждается, – если мы победим, то ясно, что наши боги – боги истинные; если же одержит верх Бог Константина, нами осмеиваемый, чужестранный бог, то пусть чтут его. Но то несомненно, что наши боги победят, потому смело устремимся с оружием в своих руках на безбожников![3362]

Напротив Константин пред сражением удалялся в свою палатку и там молитвою и постом готовился к бою; в эти решительные минуты своей жизни он обращался к своему прошлому, перебирал в памяти события своей жизни, опасности, которым подвергался и которые миновали благополучно для него, – вспоминал постыдную погибель гонителей христианства и мужественно-мирную кончину учеников Христа, и, во всем этом усматривая дивное устроение Всевышнего, поручал самого себя и все свое дело высшему небесному водительству и заступлению. Христиане усердно молились за императора, своего покровителя; священное знамя высилось среди полков Константина и одушевляло надеждою на небесную помощь. С благоговением смотрели войска его на это победное знамя, враги же смотрели на него со страхом; во многих городах Ликиниева царства, среди дня, видели призраки Константиновых войск победоносно шествовавших с этим знаменем. Ликиний сам убеждал своих воинов не заглядываться на неприятельскую хоругвь, «ибо, – говорил он, – она страшна своею силою и враждебна нам».

Языческие жрецы и гадатели предвещали победу Ликинию, но Бог даровал ее Константину. Ликиний многократно делал нападения на приближающегося противника, но каждый раз терпел поражения и спасался бегством; притворяясь раскаивающимся, просил мира, втайне же собирал новые ополчения, искал себе помощи у варваров. Наконец морская победа Криспа, сына Константинова, близ Византии, и сражение при Адрианополе окончательно решили успех войны. Ликиний покорился, а через некоторое время был казнен в Фессалониках, так как, сдавшись победителю, составил заговор против Константина. В 323 году Константин сделался единодержавным государем всей Римской империи.

Эта победа над Ликинием еще раз и так осязательно наглядно убедила Константина, что земные блага и успехи даруются почитателям истинного Бога. И вот как он, представляя себя покорным орудием в руках Всевышнего, со смирением воздает славу одному Богу за свои успехи:

– Не будет конечно никакой гордости, – говорит он в одном из указов, – хвалиться тому, кто сознает, что благодеяния получил он от Существа Всевышнего. Мое служение Бог нашел и судил годным для исполнения Его воли. Начав от Британского моря, я при помощи какой-то высочайшей силы гнал пред собою все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род человеческий призвать на служение священнейшему закону и под руководством высочайшего Существа возрастить блаженнейшую веру.

– Я твердо веровал, – прибавляет он, – что всю душу свою, всё, чем дышу, всё, что только существует в глубине моего ума, – всё я обязан принести великому Богу.

Так настроенный в душе своей, Константин после победы поспешил распространить и на христиан Восточной империи те же права, какими пользовались они на Западе. И на Востоке он запретил приносить от имени императора жертвы идолам; в начальники областей избирал преимущественно христиан; заботился об обновлении и построении церквей; возвращал верным имущества, отнятые во время гонений.

– Кто потерял имущество, – говорилось в одном указе, – проходя нестрашимо и бестрепетно славное и Божественное поприще мученичества, или сделавшись исповедником и стяжав себе вечные надежды, кто утратил их, быв принужден к переселению, потому что не соглашался уступать гонителям, требовавшим предательства веры – имения всех таковых повелеваем отдать.

В случаях, когда не оказывалось близких родственников, отнятые у христиан имущества передавались местным церквам; частные же лица, у которых отбиралось мученическое достояние, получали вознаграждение от царской казны. Христианские чувства Константина особенно полно и характерно выражены были в его рескрипте к областным начальникам:

– Теперь, – так он обращается здесь к Богу, – молю Тебя, великий Боже! Будь милостив и благосклонен к восточным Твоим народам; и через меня, Твоего служителя, даруй исцеление всем областным правителям…. Под Твоим руководством начал я и окончил дело спасения; преднося везде Твое знамя, я вел победоносное войско; и куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, следовал за тем знамением Твоей силы и шёл на врагов. Потому-то и предал я Тебе свою, хорошо испытанную в любви и страхе, душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговею пред силою, которую явил Ты многими опытами и которою укрепляешь мою веру…. Хочу, чтобы народ Твой наслаждался спокойствием и безмятежностью; хочу, чтобы подобно верующим, приятности мира и тишины вкушали и заблуждающиеся, ибо такое восстановление общения может и оных вывести на путь истины. Пусть никто не беспокоит другого…. Люди здравомыслящие должны знать, что только те будут жить свято и чисто, кого Ты Сам призовешь почить под святыми Твоими законами; а отвращающиеся пусть, если угодно им, владеют жребием своего лжеучения… Никто да не вредит другому; что один узнал и понял, то пусть употребит, если возможно, в пользу ближнего; а когда это невозможно, должен оставить его, ибо иное дело – добровольно принять борьбу за бессмертие, а иное – быть

вынужденным к ней посредством казни... Удаляя совесть от всего противного, воспользуемся все жребием дарованного блага, то есть благом мира[3363].

Став единодержавным властелином всей Римской империи и объявив веротерпимость «во всей вселенной» (Лук.2:1), Константин, однако, не был «теплохладен» (Апок.3:15) в своей царственной жизни. Отказавшись от язычества и ставши во главе христианского общества, он в христианстве видел важнейшую опору империи, основной залог могущества и преуспеяния государства, которое, по его мысли, должно пролагать путь к свободному, без насилий, водворению Царства Божия на земле, – указывать и давать средства для воспитания и усовершенствования человеческого рода в духе Христовом. Константин, как явный покровитель христиан, был мало любим в Риме, где оставалось еще много обычаев и нравов языческих. И сам он не любил Рима с его Пантеоном, куда, так сказать механически, были собраны языческие боги всех покоренных народов, и редко и неохотно посещал старую столицу. И Римляне, благодарные освободителю за избавление от тирана (Максенция), не понимали и не могли по достоинству оценить деятельности императора; в нем они усматривали нарушителя старо-народных своих порядков, врага своей религии, тесно связанной с политическим величием Рима. Их неудовольствие и ропот, даже заговоры и – иногда явные возмущения были причиною того, что в уме Константина зародилась и созрела мысль создать себе новую столицу, город христианский, которой бы ничем не был связан с язычеством. Константину полюбилось положение Византии, древнего небольшого городка на берегах Босфора, ознаменованного к тому же морскою победою над Ликинием, и он избрал его и сделал новою столицей империи; он сам с торжественным ходом обозначил на дальнем протяжении границы нового города и начал обстраивать его великолепными зданиями. Обширные дворцы, водопроводы, бани, театры украсили столицу; она наполнилась сокровищами искусства, свезенными из Греции, Италии и Азии. Но уже не строились в ней храмы, посвященные языческим богам, и вместо Колизея, где происходили бои гладиаторов, был устроен

цирк для конских состязаний. Главным украшением нового города были храмы, посвященные истинному Богу, в устроении которых принимал живое участие сам царственный покровитель христиан. Его попечительность простиралась на этот раз не только на великолепие домов молитвы, но даже например на такие незначительности – по его высокому сану: с построением новых церквей в столице ощутился недостаток богослужебных книг, и царь озаботился наискорейшим изготовлением их, – епископу кесарийскому Евсевию было снаряжено нарочитое посольство с наказом, чтобы «отличные писцы написали на обделанных пергаментах пятьдесят экземпляров книг» и чтобы свитки эти доставлены были ему, а «вознаграждение кого следует за труд он оставил за собою»[3364].

По его же распоряжению в столичных церквах богослужебные книги должны были содержаться в пристойно-богатых переплётах.

Проникнутый глубоким религиозным чувством, Константин в новой столице устроил и свою обыденную жизнь сообразно с требованиями благочестия и святости. Сам дворец был явным отображением его христианского настроения. «В царских чертогах было устроено подобие Церкви Божией, и император своим усердием к благочестивым упражнениям подавал пример для других; он ежедневно в определенные часы заключался в недоступных покоях и там наедине беседовал с Богом, в молитвах преклоняя колена, и испрашивал себе потребное, а иногда он приглашал к участью в молитвах и своих придворных. С особым благоговением он проводил день воскресный и пятницу – день крестной смерти Господа Иисуса; в эти дни прекращал обычные занятия и посвящал себя на служение Богу. Дворец Константина таким образом представлял совсем не то, что были дворцы прежних римских цезарей: здесь не слышалось празднословия и коварных интриг, не было шумных, суетных нередко кровавых увеселений; здесь слышались «гимны славословия Богу». Собеседниками царя были «таинники Божия Слова» – епископы и священники – служителями его и стражами всего дома были мужи, украшенные чистотой жизни и добродетелью; самые

копьеносцы, телохранители руководились примером благочестивого царя. Христианин – хозяин дворца налагал на все христианскую печать. В главном чертоге в золоченом углублении потолка устроено было изображение Креста из драгоценных камней в золотой оправе. Над дверью, ведшею в царские палаты «на виду для всех» была утверждена раскрашенная картина, сделанная из воска. Картина эта представляла следующее: лик императора, над головой его крест, а под ногами дракон, низвергаемый в бездну; смысл же картины этой таков: дракона – врага рода человеческого Константин в лице гонителей христианства – языческих императоров низверг в бездну погибели спасительною силою Креста. Картина эта каждому внушала, что хозяин его – почитатель истинного Бога, крестною смертью Своего Сына даровавшего новую жизнь человечеству.

Новая христианская столица, получившая название по имени своего устроителя, – «град царя Константина», Константинополь, занимавшая серединное место между прежних столиц империи – Рима и Никомидии, как некогда Иерусалим – «град царя Давида», не принадлежавший исключительно ни одному колену израильскому[3365], по своему счастливому географическому положению, и врученная покровительству Божией Матери, быстро расцвела и затмила славу и величие не только пышной Никомидии, но и самого великого Рима. И подобно тому, как в древности Давид, водворившись в Сионе, смущался тем, что он «живет в доме кедровом", "а Кивот Завета остается под кожами» (2Цар.5:9–11, 7:2; 1Пар.17 и дал.), так теперь Константин, поселившись в прекрасной Византии, не мог оставаться равнодушным к поруганной «колыбели[3366] христианства» – месту земной жизни Господа Иисуса, Его страданий, смерти и воскресения. Благоговея пред знамением Креста, он пожелал прославить самое «живоносное Древо, на нем же распялся Царь и Господь». Но, как воин и при том проливший много крови, он почитал себя недостойным совершить то самолично. Это благочестивое намерение императора привела в исполнение

его равночестная мать, царица Елена, которую он отпустил в Иерусалим, снабдив ее полномочием и богатыми дарами.

Елена, как повествует Евсевий[3367], эта старица с юношескою быстротою устремилась на Восток, чтобы совершить должное поклонение стопам Господа, – по слову пророка, «поклонимся подножию ног Его» (Пс.131:7).

В стране священной, ознаменованной дивными событиями, где всё напоминает о «великой Тайне благочестия – явлении Бога во плоти», наглядно проявилось величие смиренной души царственной старицы; там святая Елена не облачалась в свойственные ее сану одеяния, а в самой скромной одежде вращалась она среди народной толпы, стараясь быть неузнанной, раздавала щедрую милостыню; подражая Господу Иисусу, свое самоуничижение она простирала до того, что в своем доме собирала девственниц, угощала их и сама служила за столом в виде простой рабыни[3368]. Пример искреннего благочестия царицы производил глубокое впечатление не только на верующих во Христа, но и на неверующих.

Пребывание царицы-матери в «колыбели христианства» ознаменовалось и исполнением предначертаний ее царственного сына. В Палестине все места, освященные евангельскими событиями, уже давно подверглись опустошению. Язычники, по ненависти к христианству, постарались изгладить самую память о них; самое дорогое место для верующего христианского сердца – пещера Гроба Господня была засыпана мусором и сокрыта таким образом от благоговейных взоров; мало того, как бы в насмешку над «Распятым Богом» и Его почитателями, на холме, насыпанном поверх святой пещеры, построено было капище «сладострастному демону любви» (Венере). По указаниям Елены идольские капища, поставленные на местах священных для христиан, были разрушены и вместо них сооружены святые храмы. Так прекрасные церкви построены были, по желанию и на средства царицы в Вифлееме над пещерой Рождества Христова, на горе Елеонской – месте Вознесения Господня; храмами украшены были Гефсимания – место успения

Пресвятой Богородицы, место явления Бога Аврааму у дуба Мамврийского.

Но главнейшею заботою царственной старицы было осуществить мысль ее великого сына, отыскать то самое Древо, на котором был распят Спаситель мира.

Место, где сокрыт был Крест Господень, было неизвестно; к отысканию его благочестивая Елена употребила со своей стороны все средства и свое царское влияние. И после долгих усиленных опросов и исканий место это указано было некиим Иудою, евреем, преклонных лет старцем, сыном иудейского учителя, – указано под языческим капищем, построенным на холме, покрывавшем пещеру Гроба Господня. По приказанию царицы мерзкая Венера была низвергнута, ее капище немедленно разрушено; святитель иерусалимский Макарий совершил молитву на поруганном месте; приступили к расчистке возвышенности. И благочестивая ревность получила дивное подкрепление: трудившиеся, копавшие землю верные обоняли воню благоухания, исходившую из-под земли. Ревность о славе имени Христова побуждала работавших, согласно желанию блаженной Елены, относить материалы разрушенного языческого храма и весь мусор из-под него как можно дальше от места погребения Господа Иисуса, чтобы таким образом ничто осквернённое идолослужением не прикасалось великой христианской святыни. Пещера Гроба Господня была найдена и очищена; близ нее, на восточной стороне, обретены были три креста и подле них доска с надписью и честные гвозди. – Но как было узнать, который из трех крестов был крестом Спасителя? – Общее недоумение по этому делу разрешилось, по устроению Промысла, через такое чудесное событие: случилось, что мимо этого места в то время проносили для погребения мертвеца; святитель Макарий велел остановиться проносившим покойника; стали полагать, по совету епископа, найденные кресты по одному на умершего; и, когда возложен был Крест Христов, мёртвый воскрес. Все, видя это чудо, возрадовались и прославили дивную силу Животворящего Креста Господня. Старица-царица с благоговением поклонилась честному Древу и облобызала его. А так как при множестве народном не

возможно было, по примеру царицы, каждому порознь воздать должное почтение обретенному кресту, то святитель Макарий, удовлетворяя общему желанию – хотя бы издали видеть святыню, благочестно подъяв ее и став на возвышенном месте, сотворил воздвижение Креста Господня пред взором множества верных, которые в то время велегласно восклицали: «Господи, помилуй!» Это было первое Воздвижение честного и Животворящего Креста; совершилось оно в 326 году. Православная Церковь празднует это событие ежегодно 14 сентября[3369]. Многие из язычников и иудеев тогда обратились ко Христу; в числе обратившихся был и тот Иуда, которой указал место, где хранился святой Крест[3370]. Святой Крест потом положен был в серебряный ковчег для сохранения; в великую пятницу он выносим был на Голгофу (в построенном вскоре храме, где он хранился) для поклонения. Но частицу живоносного Древа святая Елена, оставляя Иерусалим, взяла с собою в дар сыну своему Константину. Прожив после того не долгое время блаженная царица-мать скончалась и была честно погребена.

Получив от матери, блаженной Елены бесценное сокровище – частицу святого Креста, Константин решил украсить пещеру Гроба Господня и подле нее построить такой храм, который был бы «великолепнее всех храмов, где-либо существующих»… «Пещеру как главу всего, по словам Евсевия, христолюбивая щедрота царя одела отличными колоннами и многочисленными украшениями. Из пещеры был выход на обширную площадь под открытым небом. Эта площадь выстлана блестящим камнем и с трех сторон ее охватывали непрерывные портики». А с какою поразительною внимательностью христианин-царь относился к построению храма на восточной стороне пещеры, об этом всего лучше дают понятие следующие строки из письма Константина к иерусалимскому святителю Макарию: «что касается до возведения и изящной отделки стен храма, то знай, что заботу об этом я возложил на правителей Палестины. Я озаботился, чтобы их попечением немедленно доставляемы были тебе и художники, и мастера, и всё необходимое для постройки. Что же касается до колонн и мраморов, то какие признаешь ты

драгоценнейшими и полезнейшими, – рассмотри обстоятельно, и ни мало не медля пиши мне, чтобы из твоего письма я видел, сколько каких требуется материалов и отовсюду доставил их. Сверх того хочу знать, какой нравится тебе свод храма – мозаический или отделанный иначе. Если мозаический, то прочее в нем можно будет украсить золотом. Твое преподобие пусть в самом скором времени известит упомянутых правителей, сколько потребуется мастеров и художников и сколько издержек. Постарайся также немедленно донести мне не только о мраморах и колоннах, но и о мозаике, какую признаешь лучшею».

Константин между прочим сам придумал, что храм хорошо будет украсить двенадцатью – по числу Апостолов – колоннами, на верху которых находились бы вылитые из серебра вазы. Неудивительно поэтому, что храм этот представлял собою чудо красоты и видом своим приводил в восторг современников. Евсевий историк между прочим так описывает этот памятник благочестивой ревности первого христианского императора: «Базилика (храм) – здание чрезвычайное, высоты неизмеримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одета разноцветными мраморами, а наружный вид стен, блистающий полированными и один с другим сплоченными камнями, представляется делом чрезвычайно красивым и нисколько не уступает мрамору. Куполообразный потолок украшен дивною резьбою, которая, распространяясь подобно великому морю над всею базиликою взаимно связанными дугами и везде блистая золотом, озаряет весь храм будто лучами света. Главный предмет всего – полукруг, расположенный на самом краю базилики (на восточной стороне), по числу двенадцати Апостолов увенчан двенадцатью колоннами, вершины которых украшены большими вылитыми из серебра вазами – прекрасным приношением Богу от самого царя».

Но благочестивый царь не ограничивался в своем отношении к христианству только попечительностью о внешнем его возвеличении; его озабочивала и внутренняя жизнь Христовой Церкви. Церковь, по мысли Константина, должна

служить важнейшею опорою жизни государственной; религиозное единство должно быть могучим залогом преуспеяния империи. Церковь, блистая величием и внешним благолепием, своим внутренним миром должна привлекать к себе языческое население, постепенно обращая всё государство в один внутренно-сплоченной организм, оживотворяемый Единым Духом Христовым. Такое единство и благостояние Церкви «давали заботливому царю мирные дни и спокойные ночи», в том он видел счастье и свое и всех подвластных ему народов мира».

Не всегда, однако, и не легко давались великому императору эти «мирные дни и спокойные ночи». В его время Церковь Христова, увенчанная уже победным венцом мученичества и получившая право гражданского существования даже с преимуществами пред язычеством, возмущаема была внутренними нестроениями, зародившимися и созревшими еще в тяжкую годину гонений. Едва воцарился Константин в Риме, как с удивлением и скорбью узнал он, что целая область его империи обуревается междоусобием чад Единого Отца. – Среди христиан в Африке возгорелась борьба из-за поставления епископом карфагенским Цецилиана – «предателя»[3371]; его противники избрали себе епископом Маиорина, а вскоре – по смерти Маиорина – возвели на его место главного зачинщика своего противления Доната[3372]. Приверженцы последнего – «донатисты», сблизившись с «новацианами»[3373], утверждали, что только они составляют Церковь Христову и в исступленном фанатизме не стеснялись возводить клеветы на своих противников, даже насильно отнимать у них храмы; дело доходило нередко до кровопролития между враждующими сторонами. Для примирения их и рассмотрения их взаимных жалоб Константин сначала посылал в Карфаген своего «любимого и уважаемого» епископа Осию[3374], поручая ему в то же время раздать денежную помощь тамошним бедствующим христианам[3375]; потом по именному приказанию императора по делу донатистов собраны были два собора – малый в Риме и «из многих епископов разных мест» в Арелате[3376]. Суд, произнесенный на непокойных раскольников этими соборами,

подтвержден был, наконец, в Милане в 316 году под личным председательством Константина, и дело по-видимому уладилось.

Но чем более благочестивый царь знакомился с наличным положением христианства, тем менее оно оправдывало его идеальное представление о святом единстве чад Христовой Церкви. Дело донатистов, обеспокоившее Константина на первых шагах его царствования, имело значение не столько по существу, сколько по страстности борцов. В 323 году после победы над Ликинием, сделавшись единовластителем всей империи, Константин шел на Восток, проникнутый искренним желанием перестроить всё государство заново, на лучших, более твёрдых, началах. В своих планах он первое место отводил христианской Церкви, которая, по его мысли, должна была духовно объединить политически сплоченную мировую империю. Но там, на Востоке, его постигло разочарование более жестокое, чем на Западе. Он прибыл сюда в такое время, когда споры, возбужденные ересью Ария[3377], ничем не сдерживаемые, достигли крайнего своего развития. Евсевий так изображает это время: «не только предстоятели церквей вступали друг с другом в прения, но и народ разделился; ход событий дошел до такого неприличия, что Божественное учение подвергалось оскорбительным насмешкам даже в языческих театрах». Время это было благоприятно для деятельности хулителей божества Господа Иисуса Христа. Ликиний – шурин Константина, отживавший тогда последние годы своего царствования, подписавший некогда с Константином миланский указ о веротерпимости, подозрительно относился к христианам вообще, как людям, в отношении к нему неблагонадежным, ненавидел и даже жестоко гнал их. Во взаимных же их раздорах, вызванных арианскою ересью, он мог усматривать явление желательное, полезное для себя. Споры эти, ослабляя силы Церкви, могли порождать у него надежду на поддержку ему в его замыслах против могущественного шурина. И такие расчёты Ликиния были не напрасны. О епископе Евсевии никомидийском сам Константин, например, отзывался так: «он

даже подсылал ко мне соглядатаев и подавал тирану (Ликинию) чуть не вооруженную помощь»[3378].

Прибыв в Никомидию, Константин глубоко поражен был раздорами, возбужденными арианством. Впрочем, он не сразу понял важность этих событий. И сам он и прибывшие с ним с Запада таинники Божественного учения получали здесь одностороннее освещение дела Ария от никомидийцев, которые в догматических вопросах видели не предмет благочестивой веры, имеющий жизненное значение, а область научного исследования, и даже пустого словопрения. Тем не менее Константин не оставил без внимания арианского дела; на первых порах он отправил обширное примирительное послание в Александрию с убедительною просьбою к епископу Александру и Арию прекратить взаимный раздор. По мнению царя, не прав был и епископ по своей неосторожности и резким вопрошениям, виноват и Арий, что расторг общение, не покоряясь епископу; он рекомендует обоим взять пример с философов, которые, хотя и спорят между собою, но уживаются мирно. При том же оба они стоят на общей почве: оба признают Божественное Провидение, а потому им легко примириться[3379]…

Вместе с этим посланием Константин отправил в Александрию своего «любимого» епископа Осию, которой должен был исследовать это дело на месте и содействовать умиротворению александрийцев. Осия исполнил поручение императора. – Правда он не примирил противников, зато из расследования споров он вынес убеждение, что ересь Ария – не праздное пустословие, а угрожает потрясением основ христианской веры, – ведет к отрицанию всего христианства. В 324 году Осия кордубский возвратился к царю и разъяснил ему серьезную опасность арианского движения. Тогда Константин решился созвать Вселенский собор, которой, по его мнению, оставался единственным средством к умиротворению Церкви. По мысли царя, Собор этот, «выступая войною против главного врага», возмущавшего тогда мир Церкви, хульной арианской ереси, должен был рассмотреть и другие вопросы и дать ответы – определения по устроению внутренней жизни христиан[3380].

Вселенскому собору властью Царя определено быть в городе Никее[3381]. Константин сделал всё, чтобы облегчить созываемым епископам путешествие к месту собрания, содержание же прибывших в Никею он принял на счёт государства. В Никею прибыли святители из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, из Малой Азии, Греции, Персии и Армении и от Задунайских Готфов; из Рима, вместо престарелого епископа, прибыли два пресвитера. Среди собравшихся святителей были: престарелый Александр Александрийский, первый обличитель Ария, привезший с собою архидиакона Афанасия, мужественного и искусного борца с арианами (впоследствии Великого, архиепископа Александрийского), святитель ликийского города Мир Николай, святитель Спиридон чудотворец. Всего на Собор прибыли (с епископами были пресвитеры и диаконы) более 2000 человек и одних святителей было 318 человек).

Собор открылся в июне 325 года в обширной палате царского дворца. Скамьи стояли вокруг комнаты для епископов, а посреди – стол, на котором лежала книга Священного Писания, как верное свидетельствование истины. Когда все собрались, явился Константин во всем величии своего императорского сана, но без вооруженной стражи, в сопровождении придворных из христиан, облеченной в самые пышные царские одежды, блиставшие золотом и драгоценными камнями. Появление его поразило собрание и особенно тех, из присутствовавших на нем, которые прибыв из дальних стран, никогда не видали ни его царского лица, ни царственного величия; но и сам он смутился при виде такого собрания славных пастырей Церкви Христовой, среди которых находились строгие подвижники и чудотворцы, исповедники и мученики с обожженными руками и прободенными очами[3382], пострадавшие за веру, Молча, с поникшим взором, подошел он к приготовленному для него золотому креслу и стоя ждал, пока святители не пригласили его сесть. Выслушав затем приветственно-благодарные речи Евстафия антиохийского и историка Евсевия кесарийского, Константин сам обратился к собранию с речью, в которой выражал свою радость, что видит

такое великое собрание отцов, и умолял их разрешить миролюбиво спорные вопросы. «Бог помог мне, – говорил он, – низложить нечестивую власть гонителей, но несравненно прискорбнее для меня всякой войны, всякой кровопролитной битвы и несравненно пагубнее внутренняя междоусобная брань в Церкви Божией».

Ариане шли на Собор и держали себя на нем смело и уверенно; они не предвидели, что их делу предстоит полный и всесторонний разгром; напротив, они ожидали в своих замыслах счастливого успеха: – они имели на своей стороне до 17 епископов; во главе их был столичный архиерей, имевший связи во дворце царском. Ариане надеялись, что Собор, если и не согласится с их воззрениями, то и не предаст их строгому осуждению.

Арий упорно защищал свое учение, употребляя всю силу своего красноречия. Но непоколебимая, убежденная преданность истинному церковному учению отцов Собора посрамила лживую премудрость богохульника. Защитники православия хорошо понимали, в чем состоит сущность арианской ереси и достойно с глубоким религиозным чувством и истинно просвещенным разумением опровергали ее. Особенною силою слова и меткостью в изобличении еретического буесловия отличался при этом Александрийский диакон Афанасий: его слово расторгало, как легкую паутину, хитрословесие еретика. Споры были жаркие и продолжительные; тщетно Константин употреблял свое влияние, чтобы согласить спорящих и привести к дружелюбному решению спора; чем далее продолжались прения, тем очевиднее становилось, как далеко уклонились ариане от истины. Предложенное Собору Евсевием никомидийским – главою ариан – изложение веры, где определенно выражалась мысль, что «Сын Божий» есть «произведение», «тварь», и «было время, когда Его не было», единодушно было отвергнуто отцами Собора как лживое и нечестивое – самый свиток, на котором оно было написано, был разорван.

Бесповоротно осудив таким образом арианство, отцы Собора решили дать верующим точное исповедание

православного учения – символ веры. Евсевий, епископ кесарийский, представил их вниманию «крещальный символ», которой с давнего времени употреблялся в его церкви и был изложен почти исключительно выражениями, взятыми из святого Писания. Отцы встретили этот символ с одобрением; но чтобы с решительностью устранить возможность вкладывания в него еретической мысли, они признали нужным заменить некоторые общие выражения в нем такими, которые бы в совершенстве определяли церковную истину. Присутствовавший на Соборе император присоединился к отцам в одобрении Кесарийского символа и исповедал свое полное согласие с ним; но с тем вместе Константин предложил внести в символ формулу, на которой останавливались вожди Церкви еще на предварительных совещаниях для выражения церковной мысли о Сыне Божием и Его отношении к Богу-Отцу, – наименование Его «единосущным» Отцу. Слово, сказанное царем, единодушно было принято Собором и послужило определительною основою учения о Лице Господа Иисуса, центрального христианского догмата.

Символ «крещальный» был исправлен и Собором изложен новый Никейский Символ веры непререкаемый для всей Вселенской Церкви.

Заключительное торжественное собрание отцов в Никее состоялось в императорском дворце 25 августа 325 года; оно совпало с 20-летним юбилеем царствования Константина[3383].

Отпуская отцов Собора, Константин в прощальной речи к ним умолял их иметь мир между собою.

– Берегитесь, – говорил он, – горьких между вами споров. Пусть никто не имеет зависти к явившим особенную мудрость: достоинство каждого – считайте общим достоянием всей Церкви. Высшие и превосходные, не смотрите высокомерно на низших: Богу одному ведомо, кто превосходнее, Совершенство редко где бывает и надо иметь снисхождение к слабейшим братиям; мирное согласие дороже всего. Спасая неверующих, помните, что не всякого можно обратить учёным рассуждением, – научения надобно сообразовать с различными

расположениями каждого, подобно врачам применяющим свои лекарства к различным болезням.

Исполнилось таким образом заветное желание благочестивого императора, которое он исповедал, однажды даже приводя Самого Бога во свидетели, – желание – «учение всех народов его державы о Божестве соединить в один общий строй». Великая мысль, подсказываемая царю его святым религиозным чувством, осуществление которой он ставил для себя жизненной задачей с задушевным желанием, – эта, поразительная по возвышенности содержания и широте объёма, мысль Великого Константина теперь введена была в общее сознание, стала достоянием всего христианского мира. Мало того – для осуществления этой мысли в христианской жизни благочестивый царь указал и вернейший путь – Вселенский собор, – шествуя по которому овцы пажити Христовой, как уже званные, так и иные – еще не званные, по благодати Божией, безошибочно входят во двор Небесного Отца, для истинной жизни (Иоан.10:9). И это истинно-победное торжество равноапостольного царя еще возглавилось тогда же отрадным для него получением бесценного сокровища, частицы Животворящего Креста Господня, привезенной из Иерусалима ему в дар матерью царицею Еленою.

Константин жил после того еще более 10 лет и во всё это время своего царствования с неизменною верностью держался Никейского исповедания веры[3384], и ревностно старался утверждать дух христианского благочестия в своем царстве, в себе самом представляя пример достойный подражания. Обладая основательным общим образованием и богословским в частности, он вёл обширную переписку с предстоятелями церквей по предметам веры и благочестия и устроения христианской жизни, а нередко в своем дворце выступал пред собранием царедворцев и народа даже с «боголепным» учительством. Трудолюбие его было необычайно, праздности он не терпел: уже и в преклонном возрасте он не почитал бременем для себя даже собственноручно писать обширные законодательные акты[3385]. Правдиво-великодушный по природе своей и скромный он не прельщался своим царским величием и

шумными восторгами народной толпы, – эти восторги наводили на него даже скуку. Стоя на высоком уровне нравственного развития, Константин хотел поднять до того же уровня и всех, которые приходили в соприкосновение с ним. Так однажды некоего вельможу-лихоимца он вразумил таким способом: пригласив к себе, он взял его за руку и сказал:

– До каких пределов мы будем простирать свою алчность?

Потом промолвил, очертив копьем пространство в рост человека:

– Если бы ты приобрел все богатства мира и овладел всеми стихиями земли и тогда не воспользуешься ничем более такого куска земли, да и то – еще удостоишься ли получить и это!

Другой пример: – выслушав льстивую речь одного почетного лица (из духовных), которое называло царя «блаженным» и выражало, что «он и в сей жизни удостоился самодержавного над всеми владычества и в будущей станет управлять вместе с Сыном Божиим», Константин ответил ласкателю:

– Ты лучше помолись о царе, чтобы и он в будущей жизни удостоился быть рабом Божиим.

Благотворительность царя лилась широким потоком по свидетельству современника, «с утра до вечера он изыскивал кому бы оказать благодеяние»; нищих и вообще людей, выброшенных на улицу, он снабжал и деньгами, и пищей, и приличной одеждой; о детях осиротевших он заботился вместо отца; дев, лишившихся родителей, устроял в замужество, снабжал их приданым из своей казны. Особенно много делал он благотворений в день Пасхи. В новой своей столице Константин ввёл обычай, чтобы в пасхальную ночь по всем ее улицам возжигались высокие восковые столбы, – «как бы огненные лампады», так что таинственная ночь становилась светлее самого дня, а лишь только наступало утро, Константин ко всем неимущим простирал свою десницу, раздавал им подарки. С такою же щедростью царь раздавал милостыню и по случаю своих семейных радостных событий, например – брака его сыновей; – в последних случаях устроялись роскошные пиры и обеды для приглашенных гостей, веселье тогда из дворца выносилось даже на улицу, – царь приветливо принимал

хороводы женщин. Но при царе всегда и во всем соблюдалась полная благопристойность и не допускалось ничего нескромного и соблазнительного.

Последние годы и особенно дни жизни царя Константина и его кончина были достойным завершением его христианской благочестивой настроенности. Еще задолго до смерти Константин начал готовиться к ней. – В новой своей столице он построил храм во имя святых Апостолов. Храм этот украшен был между прочим двенадцатью ковчегами во славу лика Апостольского, а посреди этих ковчегов устроена была гробница. Сначала оставалось неясным, для чего здесь устроена была гробница, а потом это разъяснилось и оказалось, что эту гробницу благочестивый царь устроил для самого себя. Мысль о смерти стала для Константина предметом напряженного размышления, как только он начал чувствовать упадок своих физических сил.

В 337 году Константин в последний раз торжественно отпраздновал в Константинополе Пасху и вскоре занемог. Предчувствуя близкую кончину, он всецело предался святым упражнениям: часто преклоняя колена, ревностно изливал горячие молитвы пред Богом; по совету же врачей он переехал в это время в город Елеонополь, чтобы лечиться там тёплыми ваннами.

Но Константин до сего еще времени не был крещен! Это в наше время и для нас может казаться явлением весьма странным, но в древние времена Церкви христианской многие принимали крещение в зрелых летах или даже в старости, одни – по чувству глубокого уважения к великому таинству, для восприятия которого считали необходимым долгое приготовление, – другие же не без лукавого похотения – пожить сначала в свое греховное удовольствие, а потом уже и возродиться для новой духовной жизни (Бог им Судия!). Константин, с юных лет носивший в сердце своем Христа, издавна сделавшись в душе христианином, отлагал свое крещение по смиренному сознанию своей греховности, желая подвигом целой жизни приготовить себя для этого. Притом же в

душе его хранилось искреннее желание креститься в водах реки Иордана.

Не получая облегчения в Елеонополе и чувствуя крайний упадок телесных сил, Константин переправился в Никомидию и здесь, созвав епископов, просил их удостоить его святого крещения.

Пред крещением умирающий царь произнес такую речь:

– Пришло желанное время, которого я давно жажду и о котором молюсь, как о времени спасения. Пора и нам принять печать бессмертия, приобщиться спасительной благодати. Я думал сделать это в водах реки Иордана, где, в образ нам, принял крещение Сам Спаситель; но Бог, ведающий Полезное, удостаивает меня этого здесь.

Приняв Святое крещение, Константин «ликовал духом, сердце его было полно живой радости. Облеченный при крещении в белую одежду, блиставшую подобно свету, он не снимал ее уже до смерти. Опочил он на ложе, покрытом белыми покрывалами, багряницы же – этого царского отличия – «раб Божий» уже не восхотел и касаться. Свою последнюю благодарственную молитву, «возвысив голос», царь заключил такими словами:

– Теперь я сознаю себя истинно блаженным, ибо имею несомненную веру, что я приобщился Божественного света и удостоился жизни бессмертной.

Великий и равноапостольный Константин скончался, завещав царство трем своим сыновьям, в самый день Пятидесятницы 337 года, на тридцать втором году своего царствования, имея шестьдесят пять лет от рождения. Тело его с великим торжеством перенесено было в созданный им град Константинополь и положено согласно его завету в церкви святых Апостолов в гробнице, им самим уготованной. Ныне же он живет бесконечною жизнью в вечном Царстве Христа Бога нашего, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Креста твоего образ на небеси видев и якоже Павел звание не от человек прием, во царех Апостол Твой Господи,

царствующий град в руце твоей положи: егоже спасай всегда в мире, молитвами Богородицы, едине человеколюбче.

Кондак, глас 3:

Константин днесь с материю Еленою, крест являют всеЧестное Древо, всех убо иудеов посрамление суще, оруже же на противныя верных царей: нас бо ради явися знамение велие, и во бранех грозное.

Память святого благоверного князя Константина и чад его: Михаила и Феодора, муромских чудотворцев

Память 21 мая

Сей святой благоверной великий князь Константин Святославич происходил из рода великого князя Владимира, крестившего святым крещением землю Русскую. В 1192 году[3386] вместе с сыновьями своими князьями Михаилом и Феодором из славного города Шева он пришел в рязанскую землю к городу Мурому. В этом городе жили в то время язычники, не просвещенные еще познанием истинного Бога[3387]. Задолго еще до святого князя Константина родственник его, сын великого князя Владимира благоверный князь Глеб, которому назначен был во владение город Муром, употребил много усилий, чтобы овладеть им и склонить его жителей к принятию святого крещения, но не смог этого сделать и два года жил вдали от него на расстоянии двух поприщ[3388], а потом Святополк обманом вызвал его к отцу, и на пути он был убит[3389]. И сей святой благоверный князь Константин с сыновьями и бывшим при нем войском вступил в битву с муромцами под самым городом, и произошло весьма большое сражение, в котором был убит благоверный князь Михаил. После этого он снова вступил в битву с жителями города и после одержанной над ними победы взял Муром во владение себе и стал в нем княжить.

Прежде всего он построил в городе, в старой горной части его, первую церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, и похоронил здесь убитого сына своего, благоверного князя Михаила, а потом обратил горожан язычников в христианскую веру и крестил их святым крещением. Возблагодарив Бога за успех в этом деле, святой князь построил впоследствии много других церквей[3390] и учредил в своем городе епископскую кафедру. Проведши затем жизнь свою в истинной вере и непорочности во всем, являясь всегда защитником бедных и сирот, он вскоре отошел ко

Господу. Его кончина причинила великую скорбь народу. Все оплакивали его, как отца, и похоронили у построенной им церкви Благовещения, вблизи сыновей его, благоверных князей Михаила и Феодора.

Впоследствии времени родственник святого князя Константина, благоверный князь Георгий Ярославич, возобновил первоначальную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы[3391], и с того времени прославил Господь святых князей, Константина и сыновей его, так как у гробов их стали совершаться чудеса.

Спустя много лет после этого, в 1553 году благоверный царь и великий князь всея России Иоанн Васильевич, идя в поход против нечестивых татар к городу Казани, зашел в город Муром и пробыл здесь две недели. Совершив молебствие у гробов святых чудотворцев, он дал обещание построить монастырь, если возвратится из похода с победою. С Божиею помощью он взял славный город Казань и, возвратившись в свой царственный город Москву, повелел у гробов святых чудотворцев построить каменную церковь. И когда стали копать рвы для этой церкви, то нашли мощи святых князей целыми и нисколько неповрежденными. По окончании постройки церкви в нише церковной стены было устроено особое место, где и положены были святые мощи их. Благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея России самодержец, повелел тогда рязанскому епископу Гурию освятить новопостроенный храм и прислал к освящению его различную церковную утварь. Храм был освящен, устроен при нем монастырь, и с торжеством было отпраздновано это событие. В то время у гробов святых князей совершилось много чудес, которые совершаются и доныне во славу Христа Бога.

Тропарь, глас 4:

Константин днесь весело ликовствует[3392], предстоя престолу святыя Троицы, видя отечествие свое, мастию духовною сияющее[3393], емуже последоваша Михаил и Феодор, сынове его: и молятся вси трие вкупе о душах наших.

Кондак, глас 8:

Изрядному воеводе, и правоверному князю Константину, с сынома его вкупе, отечество его хвалящися вопиет, имеющее его начальника и заступника: яко избавльшеся им от прелести и скверны идольския. Сего ради вопием ему сице: радуйся княже Константине преблаженне.

Страдание святого мученика Василиска

Память 22 мая

После убиения святых мучеников Евтропия и Клеоника, вместе с которыми принял много страданий и святой Василиск (хотя сей последний и остался жив, но находился в темнице), а также и после гибели правителя Асклипиодота, прибыл в область Понта, присланный мучителями Максимианом и Максимином, другой правитель, именем Агриппа, с приказанием продолжать гонение и убивать верующих во Христа. Еще до прибытия его в город Амасию, святой Василиск, находившийся там в темнице, молился со слезами Богу в таких словах: «Господи Иисусе Христе, помяни меня и не забудь меня до последней минуты страданий, но помоги мне скорее получить венец мученический, дабы я не был отделен от тех святых мужей, которые вместе со мною были взяты, прежде меня пострадали и приняли венец мученический».

В полночь явился ему Господь в сонном видении и сказал: «Помню о тебе и не забуду тебя, а твое имя написано (в списке мучеников) впереди тех, которые с тобой взяты. Не скорби, что ты пострадаешь после них, ибо ты предупредишь многих; память же о тебе сделаю славной по всей вселенной. Теперь же иди, простись последний раз с твоей матерью, братьями и родственниками, а когда вернешься, тотчас примешь венец мученический и будешь погребен в Команах[3394]. Не бойся мук, которым ты подвергнешься, потому что Я с тобою, и не может погубить души твоей злоба людская».

Пробудившись, святой Василиск преисполнился радости и возблагодарил Бога. Затем он увидел, что двери темницы открыты. Когда начало рассветать, он сказал стерегущим его воинам и главному стражу темницы:

– Дайте мне свободу на четыре дня, дабы я мог проститься с матерью моею и братьями моими, живущими в селении Кумиальском; вернувшись же, я отойду к истинному Отцу моему, Господу Иисусу Христу.

Воины же и темничный страж так ответили ему:

– Твой Бог, Которому ты служишь постоянно, пусть будет свидетелем того, что мы совершенно отпустили бы тебя из темницы, если бы не боялись правителя, прибытия которого ожидаем в скором времени.

Святой возразил ему:

– Совершенно отпущенным я не желаю быть, но, как и говорил, только пойду прощусь с матерью, братьями и родственниками своими, потому что так повелел сделать мне Господь мой.

– Боимся как бы, вскоре по отлучении твоему, – упорствовали воины, – не потребовали тебя у нас, потому что, вот, как мы слышали, сегодня должен прибыть в город правитель, а все заключенные записаны в судебную книгу.

Святой Василиск сказал на это так:

– Воля Бога моего такова, чтобы я шел в мое родное селение; поэтому, если вы согласны, пусть несколько человек из вас идут со мною и опять вместе со мною вернутся.

Тогда воины уступили его просьбе, и несколько человек из них собрались и пошли вместе с Василиском в его селение.

Встретили же святого его братья (он имел трех братьев) и мать с великою радостью, а воины были приняты в их дом с большою честью.

На следующий день утром святой созвал всех сродников своих и много поучал их относительно того, что служит к душевной пользе, а также наставлял их в истинах христианского учения; он много поучал их и о том, что только путем скорбей возможно войти нам в царство Христово.

Так утешая всех и в последний раз лобызаясь со своими родными, святой изрек:

– Братия, отцы и дети по Христу! Пребывайте в вере в Господа нашего Иисуса Христа и ни в каком случае от Него не отступайте, потому что мир и все, что он в себе содержит, есть только тень, быстро исчезающая; Господь же пребывает вовеки. Умоляю вас помолиться обо мне Владыке всех нас – Богу, да подаст Он мне силу совершить подвиг, страдания, как совершили его и святой Феодор Тирон, и Евтроний, и Клеоник, которые были схвачены вместе со мною. Опасайтесь, мужи,

жены, братья, сестры и дети, я же ухожу от вас, и больше вы не увидите меня в этой временной жизни.

Когда святой окончил эти слова, поднялся сильный плач и рыдание, и все стали просить святого:

– Когда окончишь святую жизнь свою, помолись о нас и о всех христианах Господу, да прекратится воздвигнутое мучителями гонение на православную веру и да уничтожится служение идолам; благодать же Христова да воссияет по всей земле.

После того святой Василиск отправился в путь с воинами, дабы возвратиться в темничные узы.

В это время прибыл в город Амасию правитель Агриппа и, созвав всех почетнейших граждан, вошел с ними в храм языческий, называвшийся Петасон[3395], а потом в другой, называвшийся Серапион[3396], и принес жертву своим нечистым богам. А на следующее утро правитель пришел на место судилища и справлялся здесь о заключенных в узы и прежде всего спрашивал о Василиске, потому что слышал о нем и хотел в самом начале привлечь его на свой суд.

Градоначальник отправился в темницу, желая привести к правителю Василиска, но, не нашедши его там, схватил темничного стража и, связав, привел его перед судилище. Правитель же, подвергнув его истязаниям, спросил:

– Как ты осмелился выпустить из темницы заключенного в нее врага наших богов и ослушника царских повелений?

– Ныне второй день, – отвечал темничный страж, – с того времени, как Василиск с воинами ушел в свое селение.

– Я прикажу умертвить тебя, – исполнившись ярости, воскликнул правитель, – если ты не представишь мне того человека, хулившего наших богов!

– На четвертый день я представлю его пред тебя, – отвечал темничный страж.

И тотчас правитель послал с тем стражем магистриана[3397], человека злого и свирепого нравом, и с ним воинов и дал ему поручение в таких словах:

– Только тогда я поверю, что ты человек, ревнующий о наших богах, когда ты схватишь того богохульника и приведешь

его ко мне. Направь же его в Команы, потому что я сам отправляюсь туда.

Магистриан, выйдя от правителя, изготовил медные сапоги со множеством острых продолговатых железных гвоздей внутри и, взяв с собой темничного стража и воинов, отправился в родное селение Василиска, везя на осле тяжелые железные цепи, приготовленные для мученика.

– Шел же и я, – говорит описатель дальнейших событий, святой Евсигний[3398], – следуя за ними в надежде видеть страдания и кончину святого Василиска. Достигши до того селения, они схватили мученика, выходившего уже из дома по направлению к городу Амасии, чтобы вернуться в свою темницу, и связали его двойными цепями; также и шею его заковали в железную цепь, а на ноги надели медные сапоги с гвоздями внутри, так что гвозди проникли в ноги святого до самых костей, и кровь обильно текла из его израненных ног; при этом мучители сильно били Христова мученика, когда вели его к городу Команы. С плачем провожали его мать, братья и сродники его. На прощание мать сказала ему:

– Сын мой любезный! Христос, Которого возлюбил ты, да будет тебе помощником в этом мученическом подвиге. Недолговременно будет житие твое здесь, зато в будущем веке тебя ожидает вечная жизнь; тяжкие ныне принимаешь муки, зато получишь славный венец от Христа Бога; злые люди мучают тебя на земле, зато Ангелы мира примут тебя на небе; как разбойника судят тебя, но тот самый разбойник, что был распят со Христом, примет тебя в рай; цари смертные и подверженные тлению отнимают у тебя жизнь, но Бог Вечный возвратит тебе жизнь и сопричислит тебя к силам Ангельским. И нас воспомяни, дорогой сын мой, на этом пути ко Господу, по которому ты шествуешь!

Произнесши это, мать возвратилась обратно в дом свой, молясь Господу о своем сыне, да укрепит Он его мужественно перенести мучения.

Святой же, оглянувшись назад и видя следующих за ним трех братьев своих, а также сродников и многих из народа,

плакавших о нем, такими словами умолял их возвратиться к себе домой:

– Не плачьте обо мне, но лучше молитесь Господу, чтобы Он дал мне силу победить диавола и посрамить его служителей.

Потом он облобызал каждого и, увещевая всех вернуться, сказал им:

– Опять увидимся друг с другом в день воскресения и жизни вечной.

Но провожавшие святого не хотели вернуться и с плачем следовали за ним.

И снова увещевал их святой такими словами:

– Для чего вы своим плачем и слезами смущаете мое сердце? О если бы мне позволено было много раз умереть за Господа нашего Иисуса Христа! Умоляю вас, возвратитесь и молитесь за меня Богу!

Но так как они и после этого не хотели возвратиться, то магистриан сказал им:

– Клянусь здравием царей моих, что, если вы не вернетесь, то я свяжу вас всех и отведу к правителю.

Но когда они не послушали и его слов, тогда магистриан с воинами начал бить их и едва мог отогнать их от святого.

Будучи веден таким образом, святой мужественно переносил тяжесть железных вериг и доблестно терпел боль в ногах, пронзенных во многих местах острыми гвоздями, которыми усеяны были медные сапоги, и путь его обагрялся кровью. Сам же он с радостью воспевал:

– «Если ополчится на меня полк, не убоится сердце мое» (Пс.26:3), потому что Ты, Христос Господь, со мною.

Многое и другое вещал святой, обращаясь к Господу в пении и молитве. Магистриан же и бывшие с ним, видя мученика легко идущим, несмотря на то, что ноги его были обуты в сапоги с гвоздями, весьма удивлялись; но со святым мучеником был Господь, облегчавший его страдания.

Когда они достигли селения, называемого Дакозария, магистриан и воины захотели отдохнуть, потому что было жарко и наступил полдень. Владетельница того селения, вдова, по

имени Трояна, увидав пришедшего с воинами магистриана, просила их войти в ее дом вкусить пищи; всего было их человек сорок. Когда они вошли, она все устроила для них. Итак, они ели, пили и веселились, а святого мученика Василиска, со связанными назад руками, привязали к сухому дубу, росшему около ворот ее дома. К святому собралось множество народа, мужчин и женщин, а также детей. Видя его заключенным в тяжкие оковы и привязанным на припеке солнца, а также видя кровь, текшую из его ног, они умилялись и выражали ему соболезнование. Святой же молился Богу, взывая: «Господи, посети меня, как ты посетил Иосифа в темнице (Быт.41), Даниила во рве львином (Дан.6), трех отроков в пещи вавилонской (Дан.3). И как Ты явил милость Сусанне (Дан.13), подвергшейся напасти от лукавых старцев, вывел Петра из темницы (Деян.5:17–20), а Феклу защитил от поругания, так и на мне, смиренном и недостойном рабе Твоем покажи дивную Твою милость и яви чудеса Твои во славу Твоего пресвятого имени!»

Когда святой окончил молитву свою, внезапно произошло землетрясение и был слышен голос свыше, говоривший: «Не бойся, Я с тобою!»

И вдруг медные сапоги, бывшие на ногах мученика, внезапно растаяли, как воск от огня; вериги же спали со святого, а сухой дуб зазеленел, распростирая над святым многочисленные густые ветви свои и покрывая его тенью на большое пространство кругом. А на том месте, где стоял святой и где земля обагрилась его кровью, потек источник воды.

После этого святой вознес в таких словах благодарение Богу: «Господь Иисус Христос, Предвечное Слово и Сын непостижимого и несказанного Отца, благоволивший сойти на землю и сделаться человеком, дабы искупить нас от древнего мучителя диавола и избавить от всех лукавых его козней, вознесший нас на небо, а его поправший и осудивший на пребывание в бездне, даровавший нам новую жизнь, – какими устами прославлю Тебя, какими словами перескажу Тебе свои чувства, как воспою Тебя и возвещу Твои великие дела и силу, которые Ты ныне явил на мне, рабе Твоем, как раньше на

святых Твоих, Евтропии и Клеонике, когда они были замучены по приказанию правителя Асклипиодота! В самом деле, кто я, недостойный, что столь великую и удивительную милость Ты явил на мне; сама земля, видевшая силу Твою, потряслась».

Магистриан же и воины, испугавшись землетрясения, убежали из того дома и, увидев происшедшие чудеса пришли в сильное недоумение. Одни из них говорили, что это только так кажется, другие же считали это волшебством, а народ, стоявший вокруг святого, в ужасе дивился этому и прославлял силу Христа Бога. И многие уверовали во Христа, говоря: «Вот святой человек послан сюда Богом, чтобы освятить наше место».

Принесли к святому расслабленного, лежавшего на постели; когда мученик Христов коснулся его, тотчас расслабленный поднялся, как здоровый, и, взяв свою постель, пошел к себе в дом, прославляя Бога; привели еще и прокаженных, и он исцелил и их, прикоснувшись к ним; всех, страдавших водобоязнью и лихорадочными припадками, а также страдавших всякими другими болезнями или одержимых нечистыми духами – всех исцелял святой словом своим. Все, видевшие чудеса сии, прославили истинного Бога и уверовали в Него; жители же того селения преисполнились великой радости. Уверовала во Христа также и владетельница того селения Трояна, с сыном своим Тройном, и просила крестить ее. «Я, грешный Евсигний, – говорит повествователь, – видя все случившееся, от всего сердца прославлял Господа». В тот же день, вечером, стадо волов, шедшее с пастбища в селение и проходившее по тому пути, где стоял святой Христов мученик, как бы прославляя великие дела Божии, пало перед святым на колени.

Тогда магистриан и воины раскаялись в тех жестокостях, какие они причинили святому, потому что ужас охватил их, когда они увидели дивные чудеса, совершенные Господом по молитвам святого. На следующий день, магистриан кротко сказал мученику:

– Если угодно тебе, господин Василиск, то отправимся в путь, чтобы ради тебя мы не подверглись наказанию от

правителя.

– Хорошо, пойдем в путь, – отвечал святой, – потому что я хочу умереть за моего Господа.

Когда все они вышли из селения того, весь народ, с владетельницею Трояною, провожал святого. Святой же мученик умолял всех их возвратиться к себе обратно: одни вернулись, другие же продолжали следовать за ним. Когда же вступили на большой мост, положенный через реку Иреос, затрясся мост от присутствия Христа, Который шел невидимо с рабом Своим, святым Василиском, как после сам святой мученик Василиск поведал мне, недостойному Евсигнию, – говорит повествователь. – Когда мост потрясся, святой остановился и, воссылая хвалу Богу, умолял народ вернуться обратно и едва убедил его исполнить свою просьбу.

Во время шествия своего святой на каждом высоком и красивом месте преклонял колена свои и молился ко Господу такими словами: «Во всех местах владычества Его благослови, душа моя, Господа!» (Пс.102:22).

Когда же все достигли селения, называемого Саон, то воины и магистриан приготовились вкусить пищи и убеждали святого вкусить вместе с ними хлеба. Он же отказывался, говоря: «Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться» (Пс.22:1); меня питает Владыко мой, Иисус Христос».

Они же снова уговаривали его, говоря:

– Вкуси, господин, чтобы ты не умер с голода и мы ради тебя не приняли наказания, если не приведем тебя ко правителю; ведь уже третий день, как ты вовсе не принимал пищи.

Святой сказал им на это:

– Я преисполнился пищи бессмертной, а потому не хочу вкушать пищи смертной. Вас питает хлеб земной, а меня питает небесное слово Божие; вас веселит вино, а меня – благодать Святого Духа; вас упитывает мясо, а меня пост; вас укрепляет бодрость телесная, а меня крест во имя Христово; вас делает богатыми золото, а меня любовь к Иисусу Христу; вас украшают одежды, а меня добродетели; вы находите веселье в смехе, а я утешаю дух мой молитвой; вы любите царя вашего временного,

смертного и подверженного тлению, жаждете видеть его и исполняете его законы, а я люблю Бога и Царя моего небесного, лобызаю законы Его и желаю питаться лицезрением Его; вы ожидаете славы на земле, а я на небе; вы ищете известности между людьми, а я надеюсь получить славу на Страшном Суде при воскресении праведных, когда скажет Владыка мой: «придите, благословенные отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25:34).

Когда святой говорил так, магистриан велел оседлать животных и предложил мученику сесть на одного осла, сказав:

– Три дня идешь ты, голодный; сядь хоть на животное, чтобы ты не изнемог окончательно.

Святой же не согласился сесть, сказав:

– Меня укрепляет Господь мой, Иисус Христос, а покой и отраду подает мне Святой Дух.

Затем все отправились в путь, а к вечеру пришли в одно селение, где и остановились ночевать. И когда воины сели за вечернюю трапезу, магистриан умолял святого Василиска вкусить с ними чего-нибудь, но он отказался и провел всю ночь в молитве и пении, причем сами святые Ангелы пели вместе с угодником Христовым.

Когда настал день, снова все отправились в путь и дошли до города Команы в четвертом часу дня. И когда приближались к городу, то услышали от многих, встречавшихся по дороге, что правитель предает казни всех, не соглашающихся кланяться идолам. Но Господь явился святому Василиску и сказал ему: «Мужайся, не бойся угроз идолопоклонников, потому что Я с тобою».

Когда они вступили в город, воины, сопровождавшие святого, спрашивали жителей города:

– Где сейчас находится правитель?

Им было сказано, что правитель находится в храме Аполлона[3399] и приносит там жертву богам.

Магистриан, отправившись к правителю, сообщил ему, что он доставил Василиска. Правитель весьма обрадовался этому. Рассказал магистриан также и о чудесах, случившихся во время их пути, но правитель не поверил ему, заметив:

– Все это – волшебство христиан.

Затем он приказал привести к себе святого Василиска в храм Аполлона, думая принудить его здесь к принесению жертвы. Тотчас же к Василиску побежали воины правителя и насильственно повлекли святого в храм, сказав:

– Иди в храм к правителю и поклонись богам, если хочешь быть жив.

Магистриан же и воины, пришедшие с ним из путешествия, начали рассказывать воинам правителя о чудесах, которые они видели, и прибавляли:

– Поистине удивительные знамения и силу Божию видели мы, не в видении или волхвовании, но в действительности происходившие.

Потом, обратившись к святому, они сказали ему:

– Прости нам те жестокости, господин Василиск, которые мы по нашему неведению причинили тебе и помолись за нас твоему Богу!

Пока они это говорили, новые воины, пришедшие от правителя, схватили мученика и повели в храм. Святой вошел в храм с светлым лицом, радуясь о Господе, Боге своем.

Увидав его, правитель спросил:

– Это ты Василиск?

– Да это я, – отвечал святой.

– Так скажи, – продолжал правитель, – принесешь ты жертву богам, или нет?

– Кто это сказал тебе обо мне, – возразил святой, – что я не приношу жертвы Богу? Я всякую минуту совершаю жертву хвалы в честь моего Бога.

Правитель же, не поняв сказанного, сказал святому:

– Хорошо; итак, принеси жертву какому хочешь из всех наших богов.

Святой Василиск, приблизившись к идолу, спросил окружающих:

– Как называется этот бог ваш?

Ему сказали:

– Аполлон.

– Справедливо вы сказали, что он называется Аполлоном, – подтвердил святой; – Аполлон – значит губитель[3400] и поистине влечет в погибель верующих в него и поклоняющихся ему, как богу, так как он не есть бог.

– А как имя тому богу, которому ты хочешь принести жертву? – спросил правитель.

– Бог мой, – отвечал святой, – неизреченный, непостижимый, невидимый и необъяснимый по Своим свойствам.

– А не имеет ли имени Бог твой? – допытывался правитель.

– В святых книгах заключены имена Бога моего, – ответствовал святой, – и, если хочешь выслушать, я сообщу их тебе.

– Назови их, – сказал ему правитель. Тогда святой мученик сказал:

– Бог мой называется Отцом и Вседержителем, Господом Саваофом[3401], Царем всех, Спасителем милостивым, милосердым и долготерпеливым. Ему одному приношу я жертву хвалы!

– Какому богу хочешь приносить жертву – это для меня все равно, – только принеси, – настаивал правитель, – ты призван ведь не рассуждать, а только принести жертву.

– Так, внимай, – обратился святой к правителю, – какова моя жертва.

И подняв руки к небу, он так помолился Богу:

– Боже вечный, Творец неба и земли, внимающий всем, истинно Тебе служащим, услышь ныне и меня, раба Твоего, и сокруши в эту минуту глухого и слепого этого бесчувственного идола, да поймут нечестивые народы, какому они поклоняются богу, и устыдятся и уверуют, что только Ты – единый всесильный Бог.

Только что святой окончил молитву свою, тотчас затряслась земля, идол упал на землю и разбился на куски. Правитель и народ, бывший в храме, от страха выбежали вон, и один только святой Василиск остался в храме и пел:

– «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его. Как рассевается дым, Ты рассей

их… как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия» (Пс.67:2–3).

Спустя некоторое время правитель приказал вывести святого из храма и, скрежеща зубами в злобе против него, сказал:

– О враг богов наших! Зачем ты обещал одно, а сделал другое. Обещал принести жертву богу, а своим волшебством устроил так, что бог наш, Аполлон, упал и рассыпался.

Святой же ответил:

– Кто сокрушил вашего бога, Тот сожжет и храм его.

Едва только святой окончил эти слова, как упал с неба огонь на храм Аполлона и спалил его до основания. В страхе правитель и весь народ убежали оттуда. Потом, призвав святого Василиска, правитель обратился к нему с такими словами:

– О как велики твои волшебства! Бога сокрушил ты и храм его сжег!

Но святой возразил ему:

– Если бог твой поистине есть бог, как ты его называешь, то пусть он отмстит мне за себя.

– Боги наши добры, – возразил правитель, – и не причиняют никакого зла своим врагам.

– О неразумный человек! – воскликнул святой. – Как бесы могут делать добро, будучи злы по природе своей: они и вас, своих почитателей, вовлекут с собою в ад.

– Окаянный волшебник, – убеждал святого правитель, – принеси жертву богам; в противном случае я предам тебя лютой смерти.

На это святой ответил правителю:

– Зверь, живущий в лесу, пес, лижущий кровь, Агриппа блудный, образ диавола, мучитель беззаконный! Зачем ты еще меня удерживаешь? Я тороплюсь окончить жизнь свою!

Правитель сильно разгневался на святого и приказал усекнуть его мечом.

Воины, взяв святого, повели его вон из города на усекновение к месту, называемому Диоскория; при этом множество народа провожало святого. Отдано было повеление

правителем, чтобы, по усекновении, бросить тело святого в реку.

«Когда усекновен был Христов[3402] мученик, увидели мы (повествует святой Евсигний), которым дано видеть, страшное чудо: явилось множество святых Ангелов, которые, приняв душу святого, возносили ее на небо. Господь наш Иисус Христос виден был стоящим на небе и говорящим: «Приди добрый и верный раб Мой, Василиск, войди в Небесное Царствие в сонм праведных, где пребывают рабы Мои, взятые вместе с тобой на мучения за Меня».

Мы, все это видевшие и слышавшие, – продолжает повествователь, – упали ниц на землю и поклонились Господу, благодаря его за то, что Он сподобил нас такого видения.

Затем палач, по имени Приск, взяв тело мученика, повлек его к реке. Мы, приступив к нему (говорит Евсигний) просили, чтобы он немного подождал, пока не разойдется народ и дали ему тридцать золотых монет в выкуп за тело мученика. Он предоставил нам тело мученика сказав:

– Смотрите, чтобы кто не узнал и не рассказал правителю об этом; будет тогда неприятность вам и мне.

Мы же, взяв честное тело, – продолжает Евсигний, – скрыли его и ночью вынесли его на вспаханное поле, похоронили и на том месте посеяли семена. В ту же ночь семена дали росток, а в следующий день дали цвет и плод. Когда мы копали мученику могилу, то некоторые из нас захотели пить воды; по молитвам святого Василиска, которого мы призвали, тотчас близ могилы показался источник воды; напившись, мы прославили и возблагодарили Бога. Источник же тот существует и до нынешнего времени, и больные, которые с верою пьют воду из него, получают исцеление».

После всего этого напал нечистый дух на правителя Агриппу, и он стал искать тело мученика, помышляя в себе: «Если бы я прикоснулся к телу Василиска, наверно я избавился бы от несчастия».

И никто не смел сказать ему, что тело мученика было погребено в земле. Некоторые сказали ему: «Ты велел бросить тело в реку; для чего же теперь ищешь его?»

Тогда Агриппа отправился на место, где был усечен Христов мученик, нашел там несколько капель его крови и, собрав ее своими руками вместе с земною пылью, завязал ее в пояс свой. Тотчас он освободился от нечистого духа и уверовал в Господа нашего Иисуса Христа.

Спустя некоторое время гражданин Комана, Марин, муж благочестивый, построил церковь во имя святого мученика Василиска и, вынув из земли святые его мощи, перенес их в эту церковь. От мощей святого совершалось множество чудесных исцелений от всяких болезней, по молитвам его и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 8:

Во страдании крепок и мужествен явился еси, и в чудесех предивен, явленно Христово имя преднося, мучителя посрамил еси. Тем тя почитаем Василиске, присно зовуще всечестне: радуйся мучеников светлая доброто.

Память преподобного отца нашего Михаила Исповедника

Память 23 мая

Воспоминаемый ныне святой Михаил, епископ Синадский[3403], носивший имя тезоименное (одинаковое) имени Архангелу небесных сил, и житие проводил Ангельское, украшенное девственною чистотою и всякими добродетелями. Еще в младенчестве он был посвящен Богу, а в юношеских летах принял монашество и явился достойным служителем Богу, подвизаясь вместе со святым Феофилактом, епископом никомидийским[3404] в патриаршество святейшего Тарасия, которым оба и были посланы в монастырь, находившийся на берегу Черного моря. Подвизаясь здесь в иноческих трудах, оба святые весьма преуспевали в добродетелях, и молитвы их имели великую силу у Бога.

Однажды во время жатвы, когда в воздухе стояла невыносимая жара, так что от недостатка воды в том месте многие изнемогли от жажды, святые помолились Богу и, по молитвам их, сделалось так, что пустой медный сосуд источал воду, в достаточном количестве. Так Господь исполняет прошения и молитвы почитающих Его и приклоняет слух Свой к их молитвам. Это чудо напоминало собою то, прежде бывшее в пустыне, чудо, когда для изнемогавшего от жажды Израиля Бог извел воду из камня (Исх.17:6) и другое, – когда, ради Самсона (судии израильского), умиравшего от жажды, Бог источил родник живой воды из высохшей кости ослиной челюсти (Суд.15:19).

После того, святейший патриарх Тарасий, видя такую добродетельную жизнь этих преподобных отцов, сиявших как звёзды на небе, признал их достойными высокого архиерейского сана. Блаженного Феофилакта он посвятил в сан митрополита Никомидии, а святого Михаила посвятил в епископы города Синад, и оба они пасли стадо Христово, своею жизнью подавая добрый пример своей пастве.

Когда же отошел от здешней жизни ко Господу святейший патриарх Тарасий, а после него принял престол

Константинопольской церкви святой Никифор, снова поднялась буря ереси иконоборческой, которая уже была осуждена на седьмом Вселенском соборе святых отец[3405]. Нечестивый император Лев Армянин[3406], заразившись той ересью, поднял гонение на Церковь Христову, отрицая почитание святых икон и называя их идолами, поклоняющихся же им подвергал мучениям и смерти. Прежде всего он изгнал святейшего патриарха Никифора, а также и прочих православных архиереев с их престолов, а вместо них назначил своих единомышленников-еретиков, – и водворилась на святых местах мерзость запустения (Дан.9:27).

В это время святой Михаил явил себя ревностным защитником православия и обличителем еретического нечестия. Укрепляемый и умудряемый благодатью Святого Духа, он противоборствовал еретикам и заграждал уста их, порицавших святые иконы. Нечестивый царь Лев, не вынося обличений святого, дерзновенно порицавшего его еретическое заблуждение, предал святителя Христова на мучения. Святой же, не страшась мучений, мужественно отстаивал свои убеждения и сказал императору:

– Я почитаю святые иконы Спасителя моего Иисуса Христа и Пречистой Девы, Его Матери, и прочих святых и поклоняюсь им; твое же распоряжение не считаю возможным исполнить.

Посрамленный Лев, исполнившись гнева, осудил исповедника Христова на изгнание[3407].

Гонимый из одного места в другое, много горьких скорбей и неприятностей перенес святой, пока не достиг обители небесной и не получил покоя вечного. Так кончил он праведную жизнь свою, украсившись двояким венцом, причисленный к архиереям, как архиерей, и к мученикам, как мученик, во славу Христа Бога нашего[3408].

Кондак, глас 8:

Яко архиерей всечестен, и благочестия священнострадалец, прещения злоименитаго не убоявся, еретическое того противление победил еси, свободным гласом велегласно вопия: иконе поклоняюся Христове, и Пречистыя Того Матере. Сего ради тя почитаем Михаиле.

Страдание святого преподобномученика Михаила Черноризца

Память 23 мая

Святой мученик Михаил происходил из города Эдессы[3409] и был сыном родителей-христиан. По смерти их он раздал нищим всё доставшееся ему по наследству от родителей имение и отправился в Иерусалим посетить святые места. В то время Иерусалим принадлежал уже мусульманам.

Поклонившись святым местам, он удалился в обитель святого Саввы и принял здесь монашество.

Спустя некоторое время он был послан своим наставником в Иерусалим продавать изделия иноков. Его встретил здесь евнух[3410] мусульманской царицы Сеиды, который и взял его с собой, так как сосуды, продаваемые им, были очень красивы и хорошо сделаны, и привел к своей царице. Царица, увидав юного инока, прекрасного лицом, но тощего от пощения, прельстилась им, начала соблазнять его на прелюбодеяние и сказала:

– Будь послушен мне, и, если ты болен, я тебя вылечу от болезни.

На эти слова царицы блаженной Михаил ответствовал так:

– Я болею о моих грехах; служу же Господу моему, Иисусу Христу и не хочу слушать тебя.

Царица всячески принуждала святого к беззаконию, подобно тому, как некогда в Египте жена Пентефрия – принуждала к беззаконию Иосифа Прекрасного (Быт. 39:1–23); но целомудренный Михаил не соглашался на беззаконие, так убеждая царицу:

– Нельзя мне этого делать, потому что я монах и дал обет Богу до конца дней моих непорочно сохранить чистоту моего тела.

Нечестивая же женщина та, убедившись, что целомудренный инок ни за что не захочет согласиться на ее беззаконную просьбу, исполнившись стыда и гнева, приказала бить святого палками. Затем она отправила инока, как будто бы

порицателя веры их, к царю, бывшему в то время недалеко от Иерусалима.

Царь, расспросив святого, приказал его развязать и убеждал его перейти в магометанскую веру.

Святой же сказал царю:

– Нельзя мне оставить Бога моего и стать последователем беса.

Царь снова стал соблазнять его:

– Проси у меня, чего хочешь, и будешь царствовать со мною.

– Прошу у тебя одного из трех, – сказал ему на это святой, – или отпусти меня к моему наставнику, или крестись во имя моего Бога, или усекновением меча отошли меня ко Христу, Богу моему.

Но царь приказал дать святому чашу с смертоносным ядом. Святой же, выпив яд, остался невредим, по слову Христа, сказанному во святом Евангелии Его: «если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк.16:18).

Посрамленный царь приказал отсечь рабу Христову голову мечом посреди Иерусалима[3411].

Монахи обители святого Саввы, взявши тело святого мученика, понесли его в свою лавру и с почестями положили мученика Христова вместе со святыми отцами, прославляя Христа Бога, дивного во святых Своих. Аминь.

Житие преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой

Память 23 мая

В городе Полоцке жил князь, по имени Всеслав[3412], имевший сына Георгия. От сего-то Георгия и родилась блаженная Евфросиния.

До принятия иночества святая Евфросиния носила имя Предиславы. Будучи с самых юных лет обучена грамоте, Евфросиния усердно изучала Священное Писание и прочие душеспасительные книги. Из Священного Писания она и научилась страху Божию и усердной любви к Богу, Создателю своему.

Преподобная была весьма красива лицом своим, так что, когда ей исполнилось двенадцать лет, многие славные князья просили отца Евфросинии отдать ее замуж за своих сыновей[3413]. Но отроковица ни в каком случае не соглашалась отдать себя в супружество земному смертному мужу, так как уневестила себя бессмертному Жениху небесному, Господу Иисусу Христу, Сыну Божию. Все помышления преподобной были устремлены к Богу. Однако отец Евфросинии решил выдать ее в замужество за одного князя, хотя бы против воли ее. Когда Евфросиния узнала об этом, то тайно от всех ушла в женский монастырь к блаженной игумении княгине Романе и начала усердно просить постричь ее в образ иноческий. Блаженная же Романа долго не соглашалась на это, отчасти из-за юных лет Евфросинии, а отчасти из-за страха пред отцом ее; поэтому Романа советовала ей вступить в мирскую жизнь, говоря, что она еще столь юна и столь прекрасна лицом. Но увидав, что Евфросиния имела твёрдое намерение постричься для сохранения девства и приобретения Царства Небесного, увидав также, что Евфросиния питала великую сердечную любовь ко Господу Иисусу Христу, Романа приказала бывшему в ее обители священнику постричь Предиславу и облечь ее в ангельский образ; при этом юной княжне было наречено имя Евфросинии.

Когда родители блаженной отроковицы узнали обо всем происшедшем, то преисполнились великой скорби и тотчас направились в тот монастырь. Увидав здесь дочь свою в иноческом образе, они предались неудержимому плачу. Но блаженная Евфросиния, не смущаясь слезами родительскими, советовала им не плакать, а радоваться тому, что они имеют дочь свою обрученною Господу Иисусу Христу, Царю небесному.

В монастыре преподобная Евфросиния пребывала в постоянном посте и молитвах и вместе с прочими инокинями исполняла все монастырские труды, подчиняясь всем с великим смирением.

Спустя некоторое время преподобная Евфросиния начала упрашивать епископа полоцкого Илию дозволить ей поселиться в палатке, устроенной при великой престольной церкви в честь святой Софии (поступая так, блаженная Евфросиния подражала древним девам иерусалимским, в числе которых была и Пресвятая Дева Богородица; девы те жили вблизи Соломоновой церкви, в особых, устроенных при стене церковной, палатках[3414]. Епископ, видя Ангельское житие и Серафимскую любовь к Богу святой, не воспрепятствовал доброму желанию сердца ее. И пребывала святая, как Ангел Божий, в палатке при церкви, постоянно, во все дни и ночи, молясь Богу и славословя Его. В свободное же от молитвы время она писала книги своими руками и продавала их; все деньги, вырученные таким образом, она раздавала нищим.

После того как святая подвизалась уже достаточное время при церкви святой Софии, однажды ночью, она увидела во сне Ангела Божия. Взяв ее за руку, Ангел повел ее за город, к месту, называвшемуся Сельцем; здесь находился Софийский дворец; была также и небольшая деревянная церковь в честь святого Спаса; при этом Ангел сказал блаженной:

– Подобает тебе здесь пребывать, потому что Бог через тебя на этом месте многих приведет ко спасению.

Это видение повторилось второй и третий раз. Преподобная удивлялась, недоумевая о виденном и благодаря Бога, удостоившего ее такового видения. Однако, повинуясь приказанию Божию, Евфросиния ответствовала:

– Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!

И епископу тому явился Ангел в видении и сказал:

– Веди рабу Божию Евфросинию к церкви Спасителевой, находящейся при Сельце, и посели ее при той церкви, дабы там был монастырь из посвященных Богу девиц, которых Бог хочет спасти через сию блаженную Евфросинию. Молитва ее как миро благоуханное восходит к Богу и на ней почиет Дух Святой, как на главе царевой; и как сияет солнце по вселенной, так просияет житие ее пред Ангелами Божиими.

Епископ, пробудившись от сна, отправился к преподобной Евфросинии, дабы возвестить ей волю Божию. Евфросиния же поведала епископу о своем видении, и оба возблагодарили Бога.

Затем епископ позвал князя Бориса, дядю Евфросинии, князя Георгия, отца ее, и многих бояр и прочих честных мужей и, передав им о видении, сказал:

– Вот я в присутствии вас даю Евфросинии место при церкви святого Спаса на Сельце, дабы был там монастырь девический. Пусть никто не препятствует ей и не отнимает у ней то, что я дал ей.

Все согласились с епископом.

Затем святую Евфросинию поселили при церкви в честь Спаса и построили здесь монастырь для девиц, желавших в чистоте послужить Господу Иисусу Христу. Таким образом святая Евфросиния стала наставницей и руководительницей для многих девиц, отрекавшихся от мира и принимавших образ иноческий. Взирая на богоугодное житие блаженной Евфросинии и все прочие девицы поощрялись к подвигам богоугодным.

Спустя некоторое время преподобная послала сказать отцу своему:

– Пусти ко мне сестру мою Градиславу, дабы я обучила ее святым книгам.

Отец отпустил Градиславу. Святая Евфросиния научила младшую сестру свою чтению книжному и, поучив ее многими душеспасительными беседами, уневестила ее Христу, так как побудила ее принять образ иноческий с именем Евдокии.

По прошествии некоторого времени, отец Евфросинии послал сказать ей:

– Отпусти к нам сестру твою.

Евфросиния же отвечала:

– Пусть она побудет еще некоторое время со мною, так как не вполне изучила еще Писание.

Однако родители Евфросинии в скором времени узнали о пострижении и другой дочери своей. Преисполнившись гнева, они пришли в монастырь и с горечью сердечной сказали блаженной Евфросинии:

– О дочь наша! Что ты сделала с нами! Ты прибавила к старой печали нашей еще новую печаль, и к одной скорби еще новую скорбь! Разве не достаточно было тебе оставить нас? Вот ты и другое чадо наше, дорогое для нас, отняла у нас! Для этого ли мы родили вас, для этого ли мы воспитывали вас! Для того ли мы родили вас, чтобы вы ранее смерти своей заключились, как в гробе, в этих чёрных ризах, водворились в монастыре и лишили нас тех утех, которых мы ждали от вас?..

Преподобная же Евфросиния начала утешать родителей своих душеспасительными беседами. Немного утешившись, они возвратились в дом свой, облегчая естественную печаль своего родительского сердца духовною радостью.

В скором времени к преподобной Евфросинии пришла княжна Звенислава, ее родственница, дочь дяди ее Бориса. Звенислава принесла к преподобной все свои драгоценные одежды, приготовленные к бракосочетанию, и сказала блаженной:

– Госпожа и сестра моя! Я вменяю ни во что все драгоценности мира сего; эти брачные украшения я даю в церковь Спасителеву, а сама желаю уневестить себя браком духовным Господу и Богу моему и преклонить голову свою под благое и лёгкое иго Его.

Преподобная Евфросиния приняла ее с радостью и тотчас приказала постричь ее, нарекши ей имя Евпраксии, И пребывали обе подвижницы в пощениях и всенощных молитвах, единою душою служа Господу в преподобии и в правде.

Заметив, что число сестер в обители день ото дня увеличивается, преподобная Евфросиния возжелала построить каменную церковь во имя Спасителя. Усердие ее, при Божием споспешествовании, увенчалось успехом. Вскоре же, в том же году была выстроена красивая каменная церковь. Надсмотрщиком за работой был некий муж, по имени Иоанн. Однажды, когда он спал ночью еще до восхождения солнца, то много раз слышал голос, говоривший ему:

– Иоанн! Встань, иди и смотри за постройкой храма в честь Вседержителя.

Однажды он пришел к Евфросинии и спросил ее:

– Госпожа, это ты посылаешь меня будить и поскорее приниматься за дело?

Евфросиния же, поняв, что голос этот был не от людей, но от Бога, отвечала Иоанну:

– Хотя бы и не я посылала будить тебя, однако, ты слушайся голоса, призывающего тебя к работе и делай то, что он тебе приказывает, ибо это дело Божие.

Дело постройки храма близилось уже к концу. Недоставало только кирпичей, необходимых для постройки храма. Тогда преподобная помолилась к Богу, сказав так:

– Благодарю Тебя, Владыка Человеколюбец, всесильный Боже! Ты, даровавший нам большее, дай нам и меньшее, дабы могли мы довести до конца дело построения храма, созидаемого во славу пресвятого имени Твоего.

На следующее утро, по изволению Божию, строители нашли печь, наполненную обожженными кирпичами, и уже остывшими, притом весьма крепкими. Кирпичи эти были изготовлены невидимою рукою и в весьма непродолжительном времени, – в одну только ночь произошло это чудное дело. Все преисполнились радости и прославили Бога. Таким образом постройка храма была доведена до конца. Вслед затем прибыл сюда для освящения храма епископ с клиром и с князьями и все горожане; все в веселии отпраздновали освящение храма. Преподобная же Евфросиния, пав ниц в храме, со слезами молилась к Богу в таких словах:

– Ты, Господи Сердцеведец, Вседержитель, призри на храм сей, построенной во имя Твое, как некогда призрел на храм Соломонов; призри и на словесное стадо, при храме Твоем собранное. Будь милостив ко всем нам, служащим Тебе при сем святом храме. Подавай нам помощь во всяком деле благом, дабы мы благоуспешно понесли иго, возложенное на нас и шли бы во след Тебя, Жениха нашего. Ты Сам охраняй двор сей словесных овец. Будь нам Пастырем, Придверником и Стражем, дабы ни одна из сестер не была похищена волком, губящим души людей, – диаволом. Ты, Господи, будь для нас оружием и крепкою защитой, дабы не коснулось нас «зло и рана не приблизилась к телу нашему» (Пс.90:10), и не погуби нас за наши грехи. Всё упование свое мы возлагаем на Тебя, потому что Ты – Бог милосердый и милостивый для всех, верующих в Тебя. Тебе будем непрестанно воссылать славу до конца жизни нашей.

Затем преподобная начала поучать сестер, говоря так:

– Вот я собрала вас ради имени Господнего, подобно тому, как птица собирает птенцов под крылья свои; я собрала вас как овец Божиих на луг Божественный: паситесь же в заповедях Господних, преуспевайте добродетелями от силы в силу, дабы и я с радостью, а не с печалью заботилась о спасении вашем и учила вас и дабы я возвеселилась духом, видя духовные плоды трудов ваших. Вот вы видите сами, со сколь великими трудами я посеваю на сердцах ваших слова Божии:, однако, иногда ваши нивы сердечные остаются как бы несозревающими, не преуспевающими в добродетели, время же жатвы приближается. Вот уже лопата на гумне, она отделит плевелы от пшеницы. Весьма боюсь, сестры мои, как бы среди вас не нашлось плевелов, которые будут преданы огню неугасимому. Поспешите же, молю вас, соблюсти себя невредимыми от греховных плевел, дабы вы могли избежать огня геенского. Приготовьте из себя чистую пшеницу Христову, совершенствуйтесь постническими трудами своими, подвизаясь во смирении, чистоте, любви и молитве, и тогда вы приготовите из себя хлеб приятный Богу.

Так поучала преподобная Евфросиния сестёр обители своей, внимательно заботившаяся о них как чадолюбивая матерь о детях своих духовных. Благодаря ее наставлениям и молитвам все инокини преуспевали в жизни добродетельной и приуготовляли из себя сосуды, достойные обитания Духа Святого.

Кроме упомянутой каменной церкви преподобная Евфросиния построила еще и другую каменную церковь в честь и славу Пресвятой Богородицы. Украсив ее иконами, она передала ее инокам, для которых выстроила и монастырь при церкви этой[3415].

Преподобная Евфросиния пожелала иметь в обители своей икону Пресвятой Богородицы, именуемую «Одигитрия»[3416], – именно одну из тех икон, которые написал еще святой евангелист Лука при жизни своей. Преподобная знала, что три иконы, написанные святым Лукою, находятся – одна в Иерусалиме, другая в Константинополе, и третья в Ефесе. Помолившись усердно Богу со слезами, прося Его даровать ей желаемое, она послала одного из слуг обители своей, по имени Михаила, в Константинополь к благочестивому царю Мануилу[3417] и к святейшему патриарху Луке[3418] со многими дарами и просила их прислать ей одну из икон Пресвятой Богородицы, написанных Евангелистом Лукою, и именно ту, которая находится в городе Ефесе. Царь и патриарх, видя великое усердие блаженной Евфросинии к Богу и к Пречистой Матери Божией решили исполнить просьбу ее и отправили посланного в Азию, который и принес в Константинополь из Ефеса чудесную икону Пресвятой Богородицы. Отдав икону слуге обители Евфросиниевой, царь и патриарх отпустили его и дали ему грамоту, в которой выражалась похвала рабе Христовой и давалось ей благословение патриаршее.

Получив честную икону, преподобная Евфросиния преисполнилась великой радости и воздала благодарение Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери. Икону эту Евфросиния поставила в храме Святого Спаса, украсив ее золотом и драгоценными камнями[3419].

Между тем родители преподобной Евфросинии скончались. Проведя достаточное число лет в подвигах иноческих, блаженная Евфросиния пожелала видеть святые места города Иерусалима и поклониться живоносному гробу Христову. Блаженная думала там окончить и жизнь свою, о чем усердно молилась ко Господу. Когда все окружавшие ее узнали о ее намерении, то преисполнились великой скорби. Придя к ней, все со слезами начали упрашивать ее не оставлять их и самого отечества своего. Блаженная же утешала всех с любовью душеполезными беседами, подобно тому как мать утешает детей своих. Между прочим к Евфросинии пришел любимый брат ее Вячеслав вместе со своею супругою и детьми. Поклонившись ей, он сказал со слезами:

– Госпожа, сестра и мать моя. Для чего ты хочешь теперь оставить меня! Для чего оставляешь ты нас, свет очам моим и руководительница жизни моей!

Святая же отвечала:

– Не оставить я хочу вас, а хочу помолиться о себе и о вас на тех святых местах.

Когда блаженная Евфросиния окончила духовную беседу с братом своим, то приказала ему оставить двух дочерей его, Киринию и Ольгу у сестры своей Евдокии; ибо блаженная Евфросиния имела такой дар духовный, что на кого взирала очами своими, тотчас узнавала, есть ли в нем дух добродетели и может ли он быть сосудом избранным для Господа. Таким то образом она и знала наперед, что те две юные отроковицы, дочери брата ее, добродетельною жизнью своею угодят Христу. Когда Вячеслав ушел от Евфросинии, святая сказала дочерям его:

– Я хочу обручить вас Жениху бессмертному, дабы ввести в чертог Царствия Небесного.

Отроковицы же те, усладившись ее богодухновенною беседою, умилились душою и, припав к ногам ее, сказали:

– Да будет воля Господня! Пусть твоя святая молитва устроит о нас, как тебе будет угодно.

Евфросиния, радуясь духом своим о добром намерении отроковиц тех, поучала их душеспасительными беседами и

воспитывала в сердцах их любовь ко Христу.

Затем, спустя некоторое время, Евфросиния призвала брата своего Вячеслава и сказала ему:

– Я хочу постричь твоих дочерей, дабы они были невестами Христовыми.

Но Вячеслав возмутился духом от слов ее и сказал ей:

– Госпожа и мать моя! Что это ты замыслила сделать со мной? Ты хочешь присоединить к одной скорби моей еще и другую скорбь; ты хочешь чтобы я плакал, прежде всего, ради твоего удаления от нас в страну далекую; затем, ты хочешь, чтобы я плакал ради детей моих, будучи лишаем их утехи!

Супруга же Вячеславова, мать тех отроковиц, сокрушалась еще более своего мужа и весьма много и долго рыдала. Однако Вячеслав и его супруга не осмелились противиться словам блаженной Евфросинии, так как принимали слова ее, как бы слова Самого Христа, и знали, что она была истинной рабой Христовой и достойным вместилищем Святого Духа.

Вслед затем Евфросиния попросила бывшего тогда епископом Дионисия прийти в монастырь, ввести отроковиц в церковь и постричь их; при этом Киринии было наречено имя Агафия, а Ольге Евфимия. Потом епископ благословил их благословением святых отцов и матерей от века Богу угодивших.

Спустя некоторое время блаженная Евфросиния вручила обитель свою сестре своей Евдокии и, облобызав всех сестер, помолившись Богу и возложив всё упование на Него, направилась в Иерусалим; при этом все провожали Евфросинию, проливая горькие слёзы. Взяв с собою другого брата своего, по имени Давида и родственницу Евпраксию, Евфросиния прибыла сначала в Константинополь. Здесь она была принята с великою честью царем и патриархом. Затем, поклонившись здесь святым церквам и многим мощам святых, отправилась в Иерусалим. Придя в этот город, она поклонилась живоносному гробу Христову, потом поставила при гробе золотое кадило и принесла многие дары церкви иерусалимской и патриарху. Блаженная Евфросиния обошла и прочие достославные места в окрестностях Иерусалима; поклонившись

святыням с великим умилением, Евфросиния поселилась в монастыре, называвшемся Русским и находившемся при церкви, выстроенной в честь и славу Пресвятой Богородицы. Затем снова пришла ко Гробу Господню и начала молиться здесь со слезами и умилением сердечным в таких словах:

– Господи Иисусе Христе, Сын Божий, родившийся от Пречистой и Пресвятой Приснодевы Марии, ради спасения нашего, сказавший: просите и дано будет вам (Мф.7:7). Благодарю благоутробие Твое за то, что я, грешная, получила от Тебя то, что просила, ибо я сподобилась видеть сии святые места, которые Ты освятил пречистыми ногами Твоими, и сподобилась лобызать святой гроб Твой, в котором Ты почил пречистою Твоею плотью, приняв смерть ради нас. О Преблагой Владыка! Прошу Тебя еще об одном: сподоби меня скончаться на месте святом сем. Не презри моей смиренной молитвы, Создатель мой! Приими дух мой во святом городе этом и посели меня вместе с прочими, угодившими Тебе, на лоне Авраамовом.

Помолившись так, святая пошла в упомянутую церковь, при которой поселилась. Здесь она впала в телесный недуг. Возлежа на одре болезни, она молилась так ко Господу:

– Слава Тебе, Владыка мой, Господи Иисусе Христе! Благодарю Тебя за то, что Ты послушал меня, недостойную рабу Твою, и поступил со мною так, как восхотел Ты Сам.

Желала блаженная Евфросиния быть и на Иордане, но уже не могла идти туда по причине недуга своего. Поэтому она послала на Иордан брата своего Давида и Евпраксию. Возвратившись оттуда, они принесли ей воды иорданской. Святая приняла воду ту с великою радостью и благодарением; она испила воды той и окропила ею всё тело свое. Затем, возлегши на постель, сказала:

– Благословен Бог, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир.

Во время той болезни, имела преподобная видение Ангельское, причем ей было возвещено от Бога и о блаженной кончине ее, и о уготованном для нее покое. И возвеселилась

святая душою о Боге, Спасителе своем, хваля и прославляя Его за многие Его благодеяния.

Затем святая послала в лавру святого Саввы спросить архимандрита и братию о том, нельзя ли дать ей там места для погребения.

Они же отвечали:

– Мы имеем заповедь от святого отца нашего Саввы, – никогда не погребать женщин в обители его. Есть общежительный монастырь Феодосиев, построенной во славу и честь Пресвятой Богородицы. Там почивают многие святые жены. Там почивает и мать святого Саввы, и мать святого Феодосия, и мать святого бессребренника Феодотия, и многие другие честные жены; там подобает быть похороненной и блаженной Евфросинии.

Преподобная услыхав такой ответ, возблагодарила Бога за то, что тело ее будет положено вместе с мощами святых жен, и тотчас послала в обитель преподобного Феодосия с просьбою – приготовить место для погребения. Иноки монастыря того указали на место при церковном притворе и устроили гроб для погребения святой.

Преподобная Евфросиния пролежала на одре болезни еще двадцать четыре дня. Когда приблизилось время ее блаженной кончины, она позвала священника, причастилась от него Божественных Тайн Христовых и посреди молитвы предала святую душу свою в руки Божии в двадцать третий день месяца мая[3420]. Честное тело ее было положено во обители преподобного Феодосия, при паперти церкви Пресвятой Богородицы[3421].

Затем ее брат Давид и родственница Евпраксия, возвратившись в свою родную страну, в город Полоцк, принесли сюда весть о блаженной кончине и честном погребении преподобной Евфросинии. Оплакав кончину блаженной Евфросинии, все постановили каждогодно совершать память ее во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, всею тварью хвалимого и прославляемого, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Преподобного отца нашего Симеона Дивногорца

Память 24 мая

Один юноша, по имени Иоанн, прибыл с родителями своими из Эдессы[3422] в Антиохию[3423]. Иоанн имел брачный возраст, и потому родители его, увидав здесь весьма красивую девицу, по имени Марфу, спросили отца и мать ее, не согласятся ли они отдать ее в замужество за сына их. Эти последние сказали об этом Марфе. Но девица не желала вступать в брачное сожительство, так как решила уневестить себя Христу, Богу и Господу своему, дабы соблюсти в чистоте девство свое. Но так как родители принуждали ее вступить в брак, то Марфа ушла от них и направилась с поспешностью в Предтечеву церковь, находившуюся близ города Антиохии. Придя сюда, она пала ниц и со слезами начала молиться ко Господу, прося Его устроить всё так, как было бы полезнее и спасительнее для нее. И было в этой церкви видение Марфе, повелевавшее ей подчиниться родителям и вступить в брак. Исполняя волю Божию, девица сочеталась с Иоанном, причем была не только его помощницею во всех житейских делах, но и руководительницею, наставлявшею его ко всякому благому делу; Марфа украшала жизнь свою пощением, воздержанием и молитвою, стремясь угодить Богу. Честная Марфа часто приходила в церковь Предтечеву и молилась здесь с великим усердием к Иоанну Предтече, прося его исходатайствовать ей у Бога своими молитвами дар, – родить дитя мужеского пола; при этом Марфа обещала посвятить его, как некогда Анна Самуила (1Цар.1:11), на служение Богу. Спустя год после этого в то время как Марфа, молясь здесь ночью, задремала, ей явился святой Иоанн Предтеча и сказал:

– Надейся, жена. Молитва твоя принята, и ты получишь то, о чем просишь. В знак же благоволения Божия приими вот это благоухание (при этом он дал ей кадило с благовонием); покади этим кадилом свой дом.

Пробудившись от сна, Марфа нашла в руке своей кадило от которого исходило неизреченное благоухание.

Затем ей снова явился Предтеча Господень и сказал:

– Иди к мужу твоему, ибо ты зачнешь сына и назовешь его Симеоном. Он будет вкушать молоко лишь из правой груди твоей, левой же совершенно не прикоснется. Он будет сыном десницы; он не будет вкушать ни мяса, ни вина, ни какой другой снеди, приготовленной с искусством рукою человеческою; пищею для него будет лишь хлеб, мёд, соль и вода. Тебе следует с большим вниманием воспитывать его, как сосуд святой, предназначенный для служения Господу Богу нашему. Спустя два года после его рождения, ты принесешь его в мою церковь и здесь вы его крестите; когда младенец сподобится благодати крещения, тогда будет видно всем, что выйдет из него.

Марфа, преисполнившись и страха, и радости от такого видения, принесла великое благодарение Богу и святому Предтече Господню Иоанну. Затем, возвратившись в дом мужа своего, зачала от него, а когда исполнилось время, родила без болезни сына и назвала его Симеоном. Марфа кормила младенца правою грудью своею. Иногда же, испытывая слова святого Предтечи Иоанна, сказанные ей в видении, давала младенцу левую грудь; но младенец с плачем отворачивал лице свое от левой груди, и ни в каком случае не желал принимать из нее молока. Было дивным еще и то, что в какой день Марфа вкушала мясо или испивала вино, в тот день младенец совершенно не вкушал молока от груди матерней и пребывал голодным даже до следующего дня. Поняв причину невкушения младенцем пищи, Марфа начала воздерживаться от вкушения мяса и вина и так питала имевшего быть великим постником, сама пребывая в постоянном посте и молитве.

После того как младенцу исполнилось два года, родители принесли его в церковь Предтечеву и крестили здесь. По крещении же младенец тотчас заговорил, ясно сказав следующие слова:

– Имею отца, и не имею отца; имею матерь, и не имею матери!

Эти слова он повторял в течение семи дней. Родители весьма удивлялись этому и предвидели, что их младенец будет подражателем не земных дел, а небесных. Когда младенец был вскормлен материнским молоком, то его стали питать хлебом, мёдом и водою, так как мяса он ни в каком случае не хотел вкушать, точно так же как не вкушал и ничего вареного.

Когда младенцу пошел шестой год, случилось землетрясение в Антиохии (в царствование Юстиниана Великого)[3424]. Во время этого землетрясения упал каменный дом, в котором жили родители Симеона, причем отец его умер, будучи убит упавшим домом, мать же осталась живою, так как, по усмотрению Божию, во время этого землетрясения вышла из дома и пребывала в храме; младенец Симеон точно так же находился тогда не в доме своем, но в церкви святого первомученика Стефана, где и был сохранен Богом целым и невредимым. Выйдя из церкви, Симеон не знал, какою дорогою идти ему к себе домой, так как всюду валялись обломки от разрушенных домов. Не найдя дома своего, он долго блуждал, ходя по развалинам Антиохии; наконец, одна благочестивая женщина, знавшая его родителей, взяла его на свои плечи и принесла на гору, находившуюся неподалеку от города, где она сама проживала.

Блаженная же Марфа, мать Симеонова, узнав, что дом ее обрушился и подумав, что с мужем ее погиб и ее сын, будучи задавлен каменными стенами, предалась великому плачу. Спустя семь дней после этого ей явился святой Иоанн Предтеча и сказал, что отрок ее жив, указал также и место, где он находился. Марфа тотчас отправилась к горе той. Придя туда, она нашла Симеона у упомянутой женщины, причем эта последняя с удивлением сказала матери Симеоновой, что отрок в продолжении всех тех семи дней не вкушал ничего, кроме небольшого количества хлеба и воды. Взяв его, мать вместе с ним направилась к церкви Предтечевой и принесла здесь благодарение Богу и Его угоднику Иоанну Предтече за сохранение отрока живым; потом возвратилась к себе.

Однажды, когда Марфа размышляла сама в себе о видениях, бывших ей о отроке, и о многих удивительных делах,

уже совершившихся относительно отрока, она недоумевала, что выйдет из ее сына; уснув, она имела такое видение: ей показалось, что она получила крылья и поднялась на высоту, держа в руках своих отрока; вознося его в дар Господу, она говорила:

– Я желала бы видеть, чадо мое, таковое твое восхождение. Да отпустит с миром Создатель мой меня, сподобившуюся быть благословенною многими женами, ибо я отдаю Всевышнему плод чрева моего

После этого Марфа поселилась с сыном своим на некотором месте, находившемся в Антиохии и называвшемся «Херувим». Название это было усвоено месту тому по следующему поводу: Тит, сын Веспасиана, императора римского[3425], завоевав Иерусалим, взял из иерусалимского храма двух золотых Херувимов, стоявших над кивотом завета, и принес их в Антиохию. То самое место, где были поставлены эти Херувимы, и называлось «Херувимом».

В то время как блаженная Марфа пребывала здесь вместе с отроком своим, Симеону было такое видение: он видел Господа Иисуса Христа, сидевшего на высоком престоле, причем к Нему со всех сторон стекалось много праведников; пред престолом была открыта книга жизни, по которой творился суд; на востоке виднелся рай сладости, на западе же геенна огненная. Затем Дух Святой сказал Симеону:

– Слушай, отрок, и уразумевай всё, что здесь видишь; постарайся угодить Богу, и тогда ты сподобишься одинаковой чести и славы с прочими святыми и получишь неизреченные блага, приготовленные для всех, любящих Господа.

После этого видения, отрок преисполнился премудрости Божественной и получил откровение и видение многих неведомых и чудесных тайн.

Спустя некоторое время Симеон увидел некоторого мужа, дивного лицом, облеченного в белые одежды, сказавшего ему:

– Последуй за мною.

Симеон последовал за ним. Муж, явившийся ему, привел его в страну тиверинскую, находившуюся рядом с Селевкиею. Муж привел отрока на место, называвшееся Пила. Здесь отрок

пребывал в горе пустынной, живя со зверями, как с агнцами. Он имел своими сожителями только зверей, так что никто из людей не видал его. Ночью и днем его осиявал свет неизреченный. Принимал пищу Симеон из рук того светлого мужа, которой привел его сюда. Муж тот часто являлся ему, поучал его во всем и подавал ему в свое время пищу.

Спустя некоторое время по наставлению того же мужа Симеон взошел на верх горы и нашел здесь небольшой монастырь, игуменом которого был блаженный Иоанн, стоявший на столпе. Этот игумен имел частые видения, предуказывавшия, что к нему придет блаженный отрок Симеон: так, например, он видел отрока в белой одежде, иногда направлявшимся в монастырь на колеснице, иногда летающим по воздуху и парящим над монастырем, иногда стоящим на светлом столпе и с столпом приближающимся к монастырю. Видел сей блаженный Иоанн и Ангела, показывавшего ему на отрока того и говорившего:

– Вот это тот, через которого ты получишь спасение.

Обо всех этих видениях игумен Иоанн говорил инокам, пребывавшим вместе с ним.

Когда же, по Божию усмотрению, в его монастырь пришел блаженный Симеон, то иноки весьма удивлялись тому, что столь малое дитя, не имевшее еще и шести лет, могло одно ходить по такой пустыне и найти монастырь. Игумен же Иоанн, увидав Симеона со столпа своего, понял, что это был именно тот отрок, какого он неоднократно созерцал в видениях своих. Весьма возрадовавшись всему происшедшему, Иоанн призвал Симеона к себе, взял на руки свои и облобызал его, со слезами благодаря Бога. Отрок же был лицом весьма красив, белокур волосами, взор его был чист и светел, являвший всем душевную доброту его; отрок был кроток, молчалив, скор на ответ, разумен в слове, преисполнен дарований небесных. Симеон пребывал в монастыре том отдельно от всех, содержа уста свои в молчании. Пощение его было таково: иногда через три дня, иногда через семь, а иногда через десять вкушал он горох, размоченный в воде и пил очень немного воды. Видя всё это, игумен Иоанн весьма дивился.

В монастыре том жил один простец, пасший стада. Увидав вышеестественное пощение отрока того, он разжегся диавольскою завистью к нему и замыслил убить его. Но когда он начал приводить в исполнение свой злой умысел, тотчас рука его засохла; он разболелся всем телом своим, так что был уже недалек от смерти; вследствие этого он исповедал грех свой игумену и блаженному Симеону и покаялся в нем. Отрок же, будучи незлобивым, не только простил ему грех его, но и помолился об его исцелении Богу, и тотчас, лишь только он коснулся иссохшей руки его, она исцелела и всё тело человека того стало здравым. С этого времени игумен и братия стали еще больше почитать сего блаженного отрока, так как видели в нем того, кого Бог предъизбрал на служение Себе еще от чрева матери.

Спустя некоторое время блаженный Симеон начал усердно просить братию построить ему столп близ столпа аввы Иоанна; согласно его желанию столп был выстроен при столпе Иоанновом. Отрок взошел на него, имея всего лишь семь лет от роду, будучи облеченным в образ иноческий блаженным Иоанном. И стоял он на столпе, подражая авве Иоанну.

При начале его подвига столпного, ему явился Господь наш Иисус Христос в виде Отрока, сиявшего неизреченною красотою. Увидав Сего Отрока, святой Симеон воспламенился к Нему любовью от всего сердца своего. Познав же, что это был Бог и Господь его, он с дерзновением спросил Его:

– Господи, как Тебя распяли иудеи?

Господь же, распростерши Свои руки крестообразно, сказал ему:

– Вот так Меня распяли иудеи; впрочем Я Сам благоизволил дать Себя на распятие. Ты же мужайся и крепись, сраспинаясь Мне во все дни жизни своей.

С этого времени святой Симеон как бы забыл совершенно свое тело и уподобился бесплотным тварям, проводя жизнь Ангельскую и превосходя подвигами своими даже старца Иоанна. Иоанн пел каждую ночь по тридцати псалмов, а Симеон по пятидесяти, а иногда по восьмидесяти, часто же и всю Псалтирь пропевал в одну ночь, совершенно не предаваясь сну;

и днем святой непрестанно славословил Господа. Старец же, щадя юность Симеона и опасаясь, как бы он не изнемог от столь великих трудов, увещевал его, говоря так:

– Чадо! Оставь свои, превосходящие силу человеческую, труды, так что ты даже нам не даешь уснуть; для тебя слишком достаточно, что ты от рождения своего сораспялся Христу; необходимо тебе иметь некоторое, хотя бы малое, попечение и о теле твоем; необходимо тебе предаваться хотя бы краткому сну и принимать пищу в меру, дабы ты мог до конца выдержать подвиг постнического жития; ведь пища и питие не оскверняют человека, как говорит Сам Господь в Своем Писании святом: «всё движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам всё» (Быт.9:3).

Отвечал старцу блаженный Симеон:

– Хотя пища и не оскверняет человека, но она рождает греховные помыслы, помрачает ум, укореняет страсть, претворяет духовного человека в плотского, устремляет мысли его к земным вожделениям; нам же, инокам, подобает днем и ночью поучаться в законе Господнем, дабы не подпасть под обольщение сонное, и не впасть в уныние, как говорит пророк: «Душа моя истаевает от скорби» (Пс.118:28). В особенности для славословия Божия должно отверзать уста с недремлющею бодростью, и тогда мы привлечем на себя благодать Духа Святого. Впрочем, что тебе, честной отец, до слов моих? Я для себя самого, но никак не для других, указываю закон, ибо мне необходимо удручать свое юное тело столь великими подвигами.

Удивился весьма старец такому благоразумному ответу юного отрока.

Однажды, когда Симеон был осиян светом от Духа Святого, ему было открыто всё диавольское царство и все демонские мечтания, ибо он видел самого князя тьмы, сидевшего на престоле большом, имевшего венец, блестевший на голове его, причем полки демонов предстояли ему; пред лицом же князя тьмы виднелись все мирские обольщения, уготовляемые им: золото, серебро, камни драгоценные, маргариты; всё это находилось как бы в некоем болоте; всюду слышались гласы

труб, свирелей и прочих музыкальных инструментов. И виден был грех в образе красивой женщины, за которой следовали слуги-искусители, соблазняющие людей ко греху: виден был дух суеты, дух нечистоты, дух лености и дух сребролюбия; виден был змий, никогда не насыщавшийся устами своими, готовый пожрать весь мир. Эти духи-искусители пытались склонить ко греху и Симеона; они призывали его ко греху различными лукавыми словами, но он, оградившись обычным оружием своим, – знамением Честного Креста, – и призвавши имя Христово, всегда отгонял от себя все те мечтания демонские, подобно тому как солнце прогоняет тьму. Посмотрев же на церковь, Симеон увидел престол Божий, от которого исходила слава Божия, осиявшая и Симеона; при этом к святому Симеону был послан из церкви один из патриархов, имевший в руке своей миро благоуханное; возлив его на голову Симеонову, он сказал:

– Силою помазания сего да прогонишь бесов! Препоясавшись Божественною силою свыше, да сечешь их тысячами и да победишь их десятками тысяч. Дерзай же, надеясь на Создателя твоего, ибо «Враг не превозможет его, и сын беззакония не притеснит его» (Пс.88:23).

С этого времени блаженный Симеон принял власть над духами нечистыми и изгонял их из людей, которых исцелял и от всяких других болезней.

Однажды раб Божий Симеон столпник обратился с такими словами к блаженному старцу:

– Отче! Не так давно, всего несколько дней тому назад, Господь открыл мне власть сатаны и все его пагубные богатства; я видел всю лесть и коварство его, с каким он ведет борьбу с людьми добродетельными.

Иоанн же отвечал Симеону:

– Бог да соблюдет тебя, чадо, от всех козней его.

Симеон сказал:

– Хотя бы нечестивая сила демонская и замыслила причинить нам много зла, она нисколько не успеет в этом.

Старец же, видя, что отрок вменяет ни во что искушения демонов, и опасаясь, как бы он не впал в высокоумие, сказал

ему:

– Во всяком случае, чадо, нам следует опасаться многоразличных козней демонских, и недостаточно уповать лишь на добродетель нашу; ибо враг наш обулся в железные сапоги[3426], стараясь всегда вовлечь в искушение иноков; и всегда, как только он видит удобный случай, воздвигает тяжкую брань на иноков. Нам же необходимо всегда молиться к Богу и призывать на помощь Еммануила[3427], дабы Он был всегда с нами и поразил всю силу вражию.

В то время как святые беседовали так, сатана, слышавший их разговор, преисполнился ярости и начал скрежетать зубами на юного подвижника; затем начал устрашать его различными мечтательными образами, превращаясь то в лютых змей, то в зверей, устремляясь на него каждый день и каждую ночь и как бы намереваясь его пожрать. Блаженный же Симеон, имея своим помощником Бога Всевышнего, ограждая себя знамением крестным, говорил:

– Не убоюсь «ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень» (Пс.90:5–6).

В декабре месяце ночью, именно во вторую стражу ночную, диавол, собрав все свои полчища, направился внезапно к святому Симеону и, сорвав крышу, устроенную над столпом, свергнул блаженного Симеона со столпа вниз. Но отрока охраняла рука Божия; поэтому святой стоял у столпа как невредимый, бодрый духом, ибо он нисколько не устрашился нападения вражеского. Затем диавол воздвиг с моря бурный и резкий ветер; поднялась буря, слышались удары грома, виднелась молния, ударявшая всю ночь по столпу Симеонову. Преподобный же Иоанн, думая, что Симеон был уже убит громом и молниею, начал плакать и просил иноков пойти и посмотреть, жив ли отрок и на столпе ли он. Иноки же не отвечали Иоанну, ибо, из страха пред наваждением тем бесовским не выходили из келлий своих; были же среди иноков и такие, которые питали ненависть на отрока Симеона, поддаваясь искушению демонскому. Иноки говорили друг другу:

– Где же пощение отрока того, превосходящее силы человеческие? Где подвиги его? Где чудодействия? Пусть поможет теперь сам себе!

Блаженный же Симеон, услыхав, что старец Иоанн плачет о нем, громко воззвал к нему, говоря:

– Не скорби обо мне, отче, ибо я нисколько не пострадал ни в чем, будучи охраняем благодатью Христовою; диавол же посрамлен.

Когда наступило утро, иноки отправились к столпу Симеонову, думая, что найдут отрока уже мёртвым, но, увидав его живым и радостным, как Ангела Божия сиявшего лицом своим, постыдились. С укоризною от старца Иоанна ушли они, посрамленные, в келье свои.

О блаженном Симеоне услышал Ефрем, архиепископ антиохийский. Узнав, в сколь великих подвигах проводил он жизнь свою, Ефрем пришел к нему и, увидав отрока, столь юного телом, но уже достаточно совершенного в добродетельной жизни, сораспявшего себя Христу, прославил Бога и со слезами возвратился в город свой, рассказывая всюду на пользу граждан строгое постническое житие раба Христова.

С этого времени к блаженному Симеону начали приходить многие как из иноков, так и из мирян, – одни для того, чтобы видеть его, другие для того, чтобы насладиться его боговдохновенною беседою и, наконец, третьи затем, чтобы исцелиться от телесных недугов своих, видя в Симеоне безмездного врача и целителя.

Однажды блаженный Симеон попросил себе у приходивших к нему крепкую и жесткую вервь и тайно от всех обвил ею тело свое, так что вервь проникла до костей его; тело его покрылось язвами, из которых изливалась кровь; власяница, будучи смочена кровью, прилипла к телу святого; начала уже гнить плоть его, но святой Симеон мужественно переносил подвиг свой; наконец, начал исходить смрад от гнившей плоти его. Иноки, восходившие к нему на столп, не знали сначала, откуда исходит этот смрад; потом же, поняв великий подвиг святого, возвестили обо всем авве Иоанну. Иоанн, ужаснувшись столь

великому подвигу, приказал мало-помалу вынуть верёвку из тела Симеона и запретил ему предавать тело свое столь лютым мучениям.

Блаженный Симеон имел и благодать учения, исходившую как река из уст его. Созывая братию, старец Иоанн приказывал говорить Симеону поучение и сам с любовью слушал его. И был таким образом юный отрок мудрым и полезным учителем для старых, ибо уста его были преисполнены благодати Духа Святого.

Старец Иоанн называл Симеона за его дар учительства новым Давидом; говорил ему и о видении, которое он имел относительно него во сне, а именно, говорил, что видел как бы некую Божественную силу, имевшую в правой руке своей сот медовый, истекавший над главою отрока.

Другой старец спросил однажды братию, указывая на столп Симеонов:

– Водятся ли голуби в столпе этом?

Братия отвечали ему:

– Нет.

Тогда старец сказал:

– Я видел голубя, светлого видом, влетевшего к отроку через дверцу, затем через час вылетевшего от него и поднявшегося к небесам.

В то время как старец тот беседовал с братиею, блаженный Симеон имел видение: ему казалось, что он был восхищен на высоту и облетал всю вселенную, как бы имевший крылья; затем ему представлялось, что он был возведен семью лестницами на высокую гору, где, подобно святому Апостолу Павлу, видел то, чего «не видел глаз», слышал то, чего «не слышало ухо» (1Кор.2:9).

Святой Симеон, спускаясь оттуда, спросил водившего его:

– Что это я видел?

Тот же отвечал:

– Это семь небес, на которые ты был восхищен.

Затем святой увидел рай, и прекрасные сады, и пресветлые и пребольшие палаты, и источник мира, протекавший там.

Здесь преподобный не видел никого, кроме Адама и благоразумного разбойника.

Когда Симеон пришел в чувство, то сказал о всем виденном старцу Иоанну. Тот же, выслушав, сказал:

– Чадо! Благословен Бог, даровавший тебе таковую благодать.

Между тем отрок преуспевал все более и более в трудах постнических. Если к нему приходил кто-либо не имевший одежды, то он, сняв с себя одежду свою, отдавал пришедшему, сам же пребывал нагим; так поступал он не только летом, но и зимою. Старец же Иоанн не один раз облекал его в одежду, хотя он и не хотел этого, опасаясь, как бы отрок не умер от холода и стужи. Но отрок, ударяя себя в грудь, плакал, говоря:

– Горе мне окаянному! Вот святые сорок мучеников ради имени Христова терпели и холод и стужу в озере[3428], а я боюсь и немного померзнуть. Как же в таком случае я спасусь от вечного скрежета зубного? Каким образом я могу получить одну участь со святыми?

И рыдал Симеон такими и им подобными словами долгое время.

Старец же, огорчившись, сказал:

– Что еще хочешь сделать с собою, Симеон? Вот у тебя лишь недостает ножа, чтобы ты им умертвил себя!

Спустя некоторое время Симеон придумал такое мучение для плоти своей: он сел на ногах своих и не вставал в продолжении целого года; бедра и голени преподобного начали вследствие этого гнить, так что от гниения распространялся кругом смрад. Авва Иоанн, призвав врача, просил его уврачевать язвы Симеоновы, но Симеон, улыбаясь, сказал:

– Жив Господь мой!. Да не прикоснется ко мне рука или помощь человеческая.

Господь же благодатью Своею подал ему здравие, и встал отрок, будучи здрав обеими ногами и бедрами, так что не имел на них совершенно никаких следов язв от ран. Став на колена, святой возносил долгое время благодарение Богу за свое исцеление.

Когда наступил праздник святой Пятидесятницы, утром праздничного дня блаженный Симеон спросил преподобного Иоанна:

– Отче, кто достоин приятия Духа Святого, подобно тому, как Его приняли святые Апостолы в языках огненных? (Деян.2:1–4).

Старец отвечал ему:

– Не ищи того, что выше тебя, и не расследуй того, что недоведомо тебе; размышляй же о том, что тебе повелено.

Отрок сказал на это:

– В Священном Писании сказано: «Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их» (Пс.144:19).

Сказав так, отрок возвел очи свои к небу и из глубины сердечной помолился Богу в таких словах:

– Господи, пославший Дух Твой Святой на святых Твоих учеников и Апостолов, пошли дар благодати Твоей и на меня;«вразуми меня, и научусь заповедям Твоим» (Пс.118:73), ибо Ты можешь «Из уст младенцев» (Пс.8:3) совершить Тебе хвалу. Ниспошли мне Духа Твоего Святого, дабы я возвестил людям слова жизни вечной.

В то время как святой молился так, на него сошел Дух Святой с неба в виде свечи горящей и преисполнил сердце его премудростью и разумом, так что святой начал многое говорить, поучая всех от Божественного Писания; никто не мог противиться премудрости обитавшего в нем Духа. И не только устами, но и письменами святой поведал много душеспасительных бесед об иночестве, покаянии, о воплощении Христовом, о будущем Суде; кроме того, – он истолковал многие неудобовразумительные места Священного Писания.

Старец Иоанн весьма дивился таковому дару юного отрока и говорил:

– На этом отроке исполнилось то, что написал Давид: «слово Господне испытало его» (Пс.104:19). Теперь я понял, что он совершит многие дивные дела, почти столь же славные, как и дела Апостолов.

И все прочие иноки весьма дивились отроку, и начали даже его бояться, поражаясь не только учением его, но и чудесами, им совершаемыми.

Некоторые из иноков тех видели в сонном видении три чертога, три престола в них и три венца, лежавшие на престолах. Когда иноки те вопросили, кому приготовлена таковая слава, то слышали голос, говоривший:

– Симеону отроку!

Преподобный же Симеон, сияя своим Ангельским житием как солнце, всё более и более воспарял от всего земного к небесному. Он захотел подвизаться на еще более высоком столпе, почему для него и был построен столп, имевший в высоту сорок ступеней. Когда Симеон приготовился восходить на столп этот, то, узнав об этом, к нему пришел архиепископ антиохийский, также и епископ селевкийский, слышавшие ранее о подвигах юного отрока. Придя в монастырь с клиром своим, они, взяв с благоговением блаженного отрока, повели его с возжженными свечами сначала в церковь, – во святой алтарь, где посвятили его в сан диакона, а затем с пением псалмов возвели его на столп тот. И пребывал на этом столпе святой Симеон восемь лет. Старец Иоанн весьма сокрушался сердцем своим об отроке, ибо не видел лица его. Симеон же, подвизаясь на высоком столпе, всем являл свое Ангельское житие, уподобляясь Херувимам, и постоянно славословил Бога.

Но дабы ни один человек не хвалился и не превозносился пред Богом, Бог попустил сатане воздвигнуть на Симеона тяжкую брань плотскую: сатана хотел осквернить его сонными мечтаниями, но отрок мужественно противился искушению; Симеон не давал сна очам своим и усердно молился ко Господу, прося Его быть помощником против восстающего на него врага. Потом Симеон увидал некоего честного мужа, светлого лицом, седого волосами, сходившего с неба, облеченного в ризы священнические и имевшего в руках чашу с Божественными тайнами Тела и Крови Христовых; при этом весь воздух наполнился несказанным благоуханием; когда тот светлый муж подошел к блаженному Симеону, то причастил его святыми и животворящими Тайнами и сказал:

– Мужайся, и да крепится сердце твое! С этого времени сонные мечтания не будут беспокоить тебя, только следи за мыслями своими со тщанием и уповай на Бога.

Святой же Симеон, преисполнившись по случаю видения премногой радости и несказанной сладости сердечной, восхвалил Бога.

Блаженный отрок охранял себя как от различных небогоугодных мыслей, так и от бесед с людьми: каждый день он заключал себя до часа девятого, и ни с кем не желал беседовать, кроме одного Бога.

Между тем наступило время блаженной кончины аввы Иоанна столпника. Предвидя эту кончину, блаженный Симеон послал сказать Иоанну:

– Не печалься, честной отец, если услышишь о дне кончины своей, ибо смерть – общая участь всех людей. Я знаю, что ныне Христос Бог призывает тебя к упокоению, дабы ты после своих трудов почил вместе с прочими святыми. Дай же мне, честной отец, благословение Авраамово и помяни меня, когда придешь поклониться престолу славы Пресвятой и Единосущной Троицы; помолись о нас, дабы и мы, победив мир, получили бы Царство Небесное, и увидели бы в нем друг друга.

Иоанн, выслушав слова эти, не усомнился в истинности их; не испугался он и сердцем своим, потому что всегда был готов к смерти, хотя в это время он не страдал никаким недугом, будучи совершенно здрав телом своим. Иоанн отвечал Симеону через посланного:

– Да благословит тебя, чадо мое, Бог Отец, Которого ты взыскал, и Единородный Сын Бога Отца, Которого ты возлюбил, и Животворящий Дух Божий, Которого ты вожделел всем сердцем своим. Единое Божество Пресвятой Троицы да будет тебе крепостью и защитою и да наставит Оно тебя и утешит тебя. Да будут благословлены все те, кто тебя будет благословлять, проклинающие же тебя будут прокляты. Да даст тебе Господь честь и славу за то, что ты почитал меня, духовного отца твоего, как отца плотского. Да получит благодать и милость от Господа и мать твоя блаженная, много мне послужившая.

Братия, стоявшие около старца, услыхав таковые слова, преисполнились страха и спросили блаженного Иоанна:

– Что это ты, честной отец, завещаешь относительно отрока Симеона?

Старец же отвечал:

– Я весьма желаю, чтобы все вы были подражателями Симеона в его пламенносердечной молитве к Богу; да сподобитесь и вы молитвенной помощи сего отрока, ибо он – сосуд, избранный Самим Богом, великий и честной.

Затем авва Иоанн поучил братию душеспасительными беседами и помолился о них; потом возлег на постель как бы затем, чтобы почить некоторое время, и вскоре же уснул сладким сном на веки, нисколько не поболев телом, – и так отошел к прочим блаженным отцам.

По кончине блаженного старца Иоанна святой Симеон начал подвизаться еще большими трудами. Порядок жизни его был таков: с раннего утра до часа девятого он молился, после девятого часа упражнялся в чтении книг и их переписывании до захождения солнца, по захождении же солнца снова начинал молиться и всю ночь пребывал без сна в постоянной молитве до дневной зари. Когда же наступал день, Симеон позволял сну, как бы рабу некоему, приступить к нему на непродолжительное время. Подремав немного, он вскоре же вставал и начинал свое обычное правило молитвенное. Во время молитвы своей он держал в правой руке своей фимиам, который без горящих углей распространял кругом себя благоухание. Иногда слышался ему голос как бы большой толпы народной, находившейся в воздухе, подпевавшей ему и возглашавшей:

– Аллилуия!

Это был глас святых Ангелов.

Часто святой проводил дни и ночи совершенно без сна. Однажды он совершенно не предавался сну в течение тридцати дней и тридцати ночей, моля Бога отогнать сон от очей его. И было сказано ему от Бога:

– Подобает тебе, хотя бы и на малое время, упокоить тело свое сном.

Диавол же, не вынося столь славного подвига блаженного Симеона, опять вооружился на него со всем полчищем своим, покушаясь устрашить его различными мечтательными образами; иногда он преображался в змей, иногда в различных зверей, устремлявшихся пастью своею на святого; иногда превращался в какую-то необычную птицу, имевшую лицо как у отрока и устремлявшуюся на преподобного; иногда же являлся ему в виде многих воинов, шедших на брань с великими криками, намереваясь согнать святого со столпа и повергнуть самый столп на землю. Однажды диавол ударил по столпу большим камнем; столп наклонился, как бы готовясь упасть, но невидимая сила Божия поддержала его и выпрямила. В другой раз демон явился в виде девицы, чёрной лицом, бесстыдной нравом, пытавшейся обнять руками своими шею святого и говорившей:

– Последний раз я борюсь с тобою, и если ты одолеешь меня, то отойду от тебя до времени.

Все эти и им подобные мечтания и привидения демонские святой прогонял молитвою и знамением Честного Креста.

Имел святой и Божественное дивное видение: он видел небо отверстым и Господа нашего Иисуса Христа, окруженного неизреченным сиянием, как бы каким пламенем огненным; Господу предстояли святые Архангелы, Михаил и Гавриил, один по правую сторону, а другой по левую. Под ногами Господа находилось багряное облако. Увидав все это, святой Симеон поклонился Господу своему и простер руки свои к Нему, прося Его споспешествовать по милости Своей ему в принесении плодов благих. Христос же Господь благословил Симеона трижды Своими перстами. Затем, посмотрев вниз, Симеон увидел на земле весьма много бесов, имевших различные образы: одни из них имели образ диких кабанов, другие козлов. И дал Господь власть Симеону над всеми теми бесами, дабы он мог прогонять их. В знак же власти этой был дан от Господа Симеону жезл финиковый. Тотчас же все бесы бежали от лица Симеонова и пропали неизвестно где.

Блаженный Симеон прогонял и всех лукавых духов из людей, которых приводили к нему и которые были одержимы

бесами; исцелял святой и многие другие болезни и даже воскрешал мёртвых. Так однажды ко святому пришел один человек, у которого умер сын. Припав со слезами к святому, человек тот просил угодника Божия спасти его от столь великой беды и помолиться Богу о умершем сыне его. Святой же, принеся молитву Богу, сказал тому человеку:

– Иди во имя Господне! Сын твой жив!

Человек тот поверил словам святого. Придя в дом свой, он действительно нашел сына своего воскресшим из мертвых. Взяв его, человек тот направился вместе с ним к святому с радостью неизреченною и принес благодарение Богу и угоднику Его, святому Симеону.

Потом Симеон опять увидел Господа и Бога нашего, Которому предстояли чины Ангелов; при этом первейшие из Ангелов держали в руках своих венец царский, украшенный драгоценными камнями; на верху венца находился крест, блиставший как молния. Этим венцем Ангелы хотели венчать Симеона на царство. Увидав всё это, Симеон сказал Ангелам:

– Не отнимайте у меня власяницы, в которую я облекся ради имени Христова.

Ангелы же отвечали ему:

– За это ты и восприимешь уготованный тебе венец Царствия Христова, и облечешься как в багряницу в благодать Святого Духа, и воцаришься вместе с прочими святыми в бесконечном Царствии.

Блаженный же Симеон, воззрев на Господа, сказал:

– Господи и Творец всего! Если Ты благоволишь сподобить меня славы святых Твоих в Царствии Твоем, – то, молю Твою благость, сделай так, чтобы я не вкушал тленной пищи человеческой!

И услышал Симеон, что Господь соизволял прошению его. Вслед затем к блаженному приступили Ангелы, возложили на постническую власяницу его пресветлую одежду царскую, увенчали венцом голову его и воспели велегласно, говоря так:

– Весьма славен Христос, Бог, Царь неба и земли; да будет похваляем и раб Его Симеон!

После этого видения святой Симеон уже совершенно не вкушал земной пищи до самого конца жизни своей, но питался лишь небесною пищею, приносимою ему Ангелом.

О том, сколь великие чудеса сотворил святой Симеон и сколь славны были подвиги его, – повествуется весьма многое; здесь же предлагается немногое из многих подвигов блаженного Симеона.

Однажды святому Симеону были открыты все те беды, которые в скором времени должны были постигнуть город Антиохию и все его окрестности: Симеон видел Ангела, парящего в воздухе над городом Антиохиею с мечом в руке. Тогда святой начал с усердием молиться ко Господу от всего сердца своего, ходатайствуя за город Антиохию пред Богом как новый Моисей и прося Господа отвратить гнев Свой от народа. И сказал ему Господь:

– Вот до Меня дошел вопль грехов города сего; поэтому Я разгневался на сей город и погублю его, послав на него огонь, меч и смерть. За то, что город сей раздражил Меня грехами своими, Я отдам его в плен народу неразумному.

Святой Симеон говорил об этом видении всем, приходившим к нему городским жителям и увещевал их покаяться в грехах своих.

Спустя непродолжительное время действительно Господь воздвиг на Антиохию Хозроя, царя персидского (деда юного Хозроя, взявшего в пленение Животворящее Древо Креста Господня в Иерусалиме)[3429]. Хозрой пришел с большим воинством персидским и халдейским и начал жестокую брань с гражданами города Антиохии. Блаженный же Симеон, пребывая на столпе и будучи укрываем Богом от варваров, пришедших в страну ту, с усердием молился ко Господу, прося Его отвратить гнев Свой от города и не отдавать его в руки врагов, однако, не мог умолить Бога и утолить праведного гнева Божия. Было святому Симеону новое видение: находясь в восторге, он увидел пред собою пресветлый крест, и при кресте двух Ангелов, имевших в руках напряженные луки с приготовленными стрелами. И сказали ему Ангелы:

– Этот крест послал тебе Господь для твоей защиты в знак мира, ибо тебя не коснется гнев Божий, направленной на страну эту; стрелы же эти приготовлены для отогнания врагов, если они восхотят приблизиться к этому месту, где подвизаешься ты. Мы поставлены для твоей защиты.

Потом Симеон увидел в видении, что город был взят; посреди его проходили враги; всюду слышался вопль и плач великий; при этом одни из граждан были усекаемы мечом, другие уводились в плен, иные же прыгали со стен городских и предавались бегству; в числе этих последних он видел и двух иноков его монастыря, которые, испугавшись варварского нашествия, оставили монастырь и гору и убежали в город; но в то время, когда эти иноки бежали из города, их настигли варвары, причем один из них был убит мечом, а другой уводился в плен.

Всё то, что видел святой, в скором времени действительно сбылось спустя всего лишь несколько дней после видения. Город Антиохия был взят неприятелями, предан мечу и огню, причем многие граждане были отведены в плен. Но по молитве святого Симеона некоторые граждане избегли руки варваров. Так когда варвары вошли в город, то многие граждане успели выбежать из него другими воротами, еще не занятыми неприятелем; много граждан также бежали, перескочив через стены городские. Беглецы укрывались в горах и пустынях, охраняемые милосердием Божиим, за исключением упомянутых ранее двух иноков.

Приходили варвары и к той горе, на которой находился монастырь и столп Симеонов, но возвращались ни с чем; ибо гора была покрываема от них, как некогда гора Синайская, мраком и облаком (Исх.19:16), так что варвары не видели ни монастыря, ни столпа. Многие из неприятелей были устрашаемы и обращаемы в бегство какою-то невидимою силою; они бежали в столь великом страхе, как будто за ними гнались полчища вооруженных воинов; ибо молитва святого Симеона была страшным и непобедимым оружием на сопротивников. Ни один инок, из числа всех, подвизавшихся в монастыре, не пострадал от варваров тех, за исключением

двух, упомянутых выше, иноков, бежавших из монастыря в город из страха пред неприятелем.

Когда варвары покинули страну ту, ко святому приходили многие раненые; всем им блаженный Симеон подавал исцеление. Кроме того, святой избавил от уз и пленения и многих граждан, уже отведенных в плен; ибо все те, кто только воспоминал имя Симеоново, находясь в узах, сейчас же освобождался от них; узы спадали с ног и рук их и они ходили посреди варваров, будучи ими не замечены, а затем приходили в страну свою без всякой помехи со стороны неприятеля. Упомянутый выше инок (спутник которого пал от меча неприятельского) был спасен от плена таким именно образом. Спасшись от неприятелей вместе с одним воином антиохийским, инок тот поведал о себе следующее:

– Лишь только мы вспомнили о блаженном Симеоне и со слезами умиления призвали его себе на помощь, тотчас узы, бывшие на нас, разрешились и отпали сами собою; затем мы прошли посреди варвар тех, ибо никто из них не спросил нас ни о чем и не воспрепятствовал нам.

Близ города Антиохии у горы сидел один старец, слепец; он жил подаянием милостыни, которую испрашивал у всех, проходивших тою дорогою. Когда варвары с поспешностью подбежали к городу, то один из них ударил старца мечом по шее, однако, не отсек ему голову, а только причинил смертельную рану; старец валялся в луже крови, истекавшей из него, будучи едва жив. Святой же Симеон, видя все это своим прозорливым оком, послал некоторых братий взять и принести к нему того старца. Иноки положили старца на рогожу и принесли к столпу Симеонову. Святой же, взяв в руки землю и покропив ее освященной водой, приложил ее к ране, сказав:

– Во имя Еммануила, глава присоединись к месту своему и укрепись на нем.

И тотчас же голова старца стала на место свое, срослась с жилами и стала совершенно здоровой. Когда старец исцелился от такой страшной раны, то святой Симеон сказал:

– Вот и очи его отверзлись!

Все, видевшие чудо то, прославили Бога.

Спустя некоторое время блаженный Симеон пришел в огорчение от постоянного беспокойства, причиняемого ему бесчисленным множеством народа, приходившего из разных стран и приносившего многих больных и немощных. Так как всё это препятствовало его безмолвному жительству, то он решил оставить этот столп, на котором подвизался уже восемь лет для того, чтобы удалиться в какое-либо другое, более безмолвное место. В небольшом расстоянии оттуда находилась одна гора, высокая и очень пустынная, ибо в ней совершенно не было воды. Никто из людей не восходил на нее, по причине ее безводия; на ней обитали только дикие звери, змеи и прочие ядовитые гады.

Вот на эту-то гору и замыслил переселиться блаженный Симеон. Когда он подумал об этом, ему явился Господь в сопровождении многих Ангелов, сошедший с неба в облаке светлом на гору ту. Господь сказал ему:

– Потрудись, Симеон, взойти на эту Дивную гору[3430], ибо с этого времени гора эта назовется сим именем; на ней Я явлю на удивление всем благодать Мою тебе.

И тотчас же святому был указан на горе один высокий холм и камень, на котором стояли ноги Господни; и просветилось подножие то от славы Господней как солнце; на этом камне повелел Господь встать Симеону и подвизаться.

По окончании этого видения, Симеон призвал к себе братию и поведал им о соизволении Господнем на переселение его на ту гору. Поставив инокам игуменом одного старого и опытного мужа, Симеон сошел со столпа своего и направился к Дивной горе в сопровождении братии, плакавшей об удалении его.

Когда святой приблизился к указанному ему Богом холму, то остановился и долгое время молился Богу. По окончании молитвы, послышался голос множества Ангелов, возгласивших: «Аминь!»

Потом блаженный Симеон приказал ученикам своим поставить на том месте крест каменный для постоянного напоминания о слышанном на том месте гласе Ангельском. Посмотрев же на холм, находившийся на Дивной горе, святой увидел славу Божию, осиявавшую его; затем, с радостью

взойдя на него, он стал на том самом камне, на котором видел Господа. В это время блаженному Симеону было от рождения девятнадцать лет.

Однако святой Симеон не нашел и здесь покоя от приходящих к нему посетителей. Так уже утром следующего дня народ, пришедший к монастырю Симеонову, не найдя здесь угодника Божия, поднял великий плач. Узнав же, что святой переселился отсюда на другую гору, весь народ пошел туда с поспешностью, неся с собою многих больных и немощных. Увидав пришедших, святой опечалился, ибо ему и здесь не давали побыть лишь с одним Богом. Однако, сочувствуя новопришедшим, преклонился на милость и, возлагая на недужных руки свои с призыванием имени Христова, исцелял их и отпускал домой совершенно здоровыми.

Случилось однажды, что лев, обитавший в горе той, устремился на одного человека, шедшего к преподобному; лев уже совсем приготовился растерзать того человека; человек же, не надеясь бегством спастись от зверя, возопил:

– Не делай мне зла, ради Симеона, угодника Божия!

И тотчас лев, услыхав имя Симеоново, смирился, и не причинил никакого зла человеку тому.

Человек же этот, придя к святому, поведал ему о происшедшем. Прочие пришельцы, убоявшись зверя, просили преподобного прогнать его из той горы, дабы все могли без страха приходить к преподобному. Преподобный же, призвав к себе своего ученика Анастасия, из которого изгнал, как и Христос некогда, семь бесов[3431], сказал ему:

– Иди в пещеру ко льву и скажи ему:

– Тебе говорит Симеон, раб Христов, именем Божиим: уйди с горы сей; да не будет здесь тебе логовища, чтобы ты не устрашал братий, приходящих сюда.

Анастасий пошел к пещере львовой и, найдя в ней зверя, сказал ему слова преподобного, беседуя с ним как с существом разумным.

Лев, исполняя слова преподобного, с поспешностью пошел оттуда в другие пустынные места, не вредя никому в пути.

В то время в стране той весьма умножились различные болезни, причем умирало очень много людей. Святой же, уразумев духом своим, что это случилось по причине гнева Божия за грехи людские, начал усердно молиться Господу со слезами, прося помиловать людей Своих и отвратить от них праведный гнев Свой. И слышал святой глас от Господа, говоривший:

– Зачем ты болеешь сердцем за людей этих? Неужели ты любишь их более, чем Я? Так как умножились грехи и беззакония их, то они заслуживают наказания. Однако для того, чтобы не опечалить тебя, даю тебе власть исцелять различные их недуги и болезни.

Это говорил Господь рабу Своему Симеону.

Люди, жившие близ места того, лишь только впадали в болезнь, сейчас же призывали себе на помощь угодника Божия святого Симеона и видели его (в сонных видениях) посещающим домы их, осеняющим их крестом и подающим всем исцеления. Когда оканчивались их сонные видения, они, пробудившись, ощущали здравие. Призывали же они имя Симеоново таким образом: они зажигали в домах своих лампады, наполненные елеем и воскуряли фимиам, говоря:

– Христе Боже наш, молитвами раба Твоего Симеона, подвизающегося на Дивной горе, помилуй нас

И получали милость от Господа.

Те же из них, которые не имели большего количества елея, вливали елей в кадило и зажигали его; при этом кадило не угасало до третьего и четвертого дня, как будто в кадило постоянно подливался новый елей; так, чудесным образом, в их кадилах не оскудевал елей, по причине призывания имени Симеонова.

Однажды святому Симеону было открыто Господом о приближающейся кончине святейшего архиепископа антиохийского Ефрема. Призвав к себе братию, святой Симеон возвестил им об этом; потом Симеон попросил братию помолиться усерднее ко Господу, ибо, – говорил он, – великий столп церковный готов упасть. Но братия отвечали:

– Мы слышали, что архиепископ пребывает в добром здравии.

На другой день после утреннего пения (день же тот был пятницею) святой Симеон снова призвал к себе братию и сказал им с умилением сердечным:

– Святитель Божий Ефрем преставился этою ночью, ибо я видел душу его, возносимую на небо святыми Ангелами. Проходя близ меня, Ефрем облобызал меня и сказал:

– Прошу тебя, вспоминай меня в молитвах твоих ко Господу.

Затем преподобный Симеон со слезами начал говорить так:

– Горе Антиохии, потому что она теперь не имеет Ефрема! Горе городу, ибо от него взят ныне Ефрем![3432]

По кончине блаженного Ефрема престол архиепископский принял Домн[3433], пришедший в Антиохию из Константинополя. Сей Домн был немилостив к нищим. Узнав об этом, преподобный Симеон предсказал о наказании Божием Домну за его немилосердие. И действительно, в скором времени Домн впал в тяжелую болезнь: руки и ноги его скорчились, так что он не мог ни ходить, ни двигать руками, а лежал как кусок дерева.

Потом святому Симеону было открыто о землетрясении, имеющем быть в Антиохии, еще более страшном, чем первое. Возвестив об этом всем пришедшим, Симеон начал плакать и молить Бога – отвратить гнев Свой. В тот же день вечером затряслась земля столь сильно, что падали стены городские и различные городские здания сравнивались с землею; все люди пришли в великий страх и ужас. Многие из числа граждан были убиты стенами городскими; все же остальные с поспешностью устремились к Дивной горе к угоднику Божию, и упрашивали его со слезами умолить Господа о прекращении бедствия. Когда святой помолился с великим усердием, землетрясение окончилось; затем святой увидел небо отверстым с восточной стороны; отсюда исходил свет неизреченный, означавший благоволение Божие к покаявшимся людям. Потом по повелению Божию преподобный Симеон построил монастырь на Дивной горе, построил также и храм руками людей, исцеленных им (ибо людей сих, получивших уврачевание болезням своим

по молитве святого Симеона, было очень много); затем преподобный молитвою своею испросил у Бога достаточное количество воды для монастыря; по его молитве умножилась также и пшеница в житнице монастырской, настолько, что почти совершенно не уменьшалась в количестве своем до трех лет, несмотря на то, что из житниц брали ее в большом количестве для пропитания множества пришельцев.

Впоследствии святой Симеон построил и новый столп, на который (как это явственно видел преподобный) пришел Сам Господь Иисус Христос со Своими святыми Ангелами и освятил столп тот. Блаженный Симеон взошел на столп с великою радостью, и подвизался на нем до самого конца жизни своей.

Когда блаженному Симеону исполнилось тридцать три года от рождения, по повелению Божию (явленному святому в откровении) Симеон решил принять посвящение в сан иерея, хотя ранее не хотел принимать сего высокого сана. По устроению Божию к блаженному Симеону пришел Дионисий, епископ селевкийский, которой и рукоположил Симеона во пресвитера.

После посвящения в сан иерейский, блаженный Симеон с великим благоговением совершал Божественную бескровную Жертву Тела и Крови Христовых, служа Богу в непорочности, как Ангел. Святой часто имел многоразличные дивные видения и откровения от Бога. Он предсказывал будущие события, предвидя далеко отстоящее, как настоящее; прозирал святой и в тайные мысли людские. Совершил он весьма много чудес, и на земле, и на море, являясь в видениях; он давал зрение слепым, очищал прокаженных, давал здравие хромым, изгонял бесов из людей, заграждал уста зверей, врачевал всякую язву и всякий недуг, воскрешал мёртвых, так что на нем исполнялось слово Христово: «верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит» (Иоан.14:12). Поистине был дивен Бог, явленный в рабе Его, дивном Симеоне!

Когда исполнилось семьдесят пять лет жизни преподобного Симеона, он, предузнав о своем скором отшествии ко Господу, призвал к себе братию, поучил ее достаточное время, затем, воздав всем последнее целование в час вечерний, предал душу

свою в руки Божии в двадцать четвертый день месяца мая[3434], в тот час, в которой он обычно принимал пищу от Ангела. Вместе со святыми Ангелами он наслаждается ныне в бесконечном Царстве созерцанием лица Божия, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Которому воссылается слава ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и в телеси Ангел, и чудотворец явился еси, богоносе отче наш Симеоне: постом, бдением, молитвою, небесная дарования приим, исцеляеши недужныя, и души верою притекающих ти. Слава давшему тебе крепость: слава венчавшему тя: слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 2:

Вышняя желая, дольняя отложив, и яко небо столп соделавый: тем облистал еси чудес зарею преподобне, и Христу всех Богу молишися непрестанно о всех нас.

Страдание святого мученика Мелетия Стратилата и с ним 1318 воинов

Память 24 мая

Святой мученик Мелетий жил в царствование римского императора Антонина[3435], занимал должность стратилата[3436] и происходил из южных стран галатийской области[3437]. Будучи христианином, он молился Богу о том, чтобы совершенно исчезло языческое заблуждение. Тогда бесы, видя свое уничтожение, вошли в собак и стали оплакивать свою погибель. Они ходили повсюду, выли и этим наводили на людей страх, но святой Мелетий с подвластными ему воинами избил их и разрушил языческие храмы. За это Максимиан[3438], правитель того города, где находился святой мученик[3439], велел схватить его и стал принуждать принести жертву идолам, но святой и слышать о том не хотел. Мучитель приказал тогда бить его железными молотками и подвергнуть другим мучениям. После этого святого Мелетия повесили на сосновое дерево и прибили его к нему гвоздями, от чего он и скончался. Комитам[3440] же Стефану и Иоанну, а также всем бывшим под их властью воинам вместе с женами и детьми их отсекли мечом головы. Так и скончались за Христа святые мученики[3441].

Страдание святого мученика Серапиона и с ним Каллиника, Феодора и Фавста

Память 24 мая

Святой мученик Христов Серапион был родом из Египта. В то время, когда совершал свой мученический подвиг святой Мелетий, он пришел из Египта и, видя тех, которые вместе с ним подвергнуты были мучениям, уверовал во Христа. За это он был схвачен и брошен в темницу, где Ангел Божий поставил его епископом для наставления тех, кто имел желание пострадать за Христа. В этот день близкие святого Мелетия, комиты и воины, собравшись вместе, громким голосом говорили, что и они – христиане, чем и возбудили гнев правителя. Епископу Серапиону и волхву Каллинику, уверовавшему во Христа, мечом отсекли головы, Феодор и Фавст со многими другими были сожжены, а женщин и детей палачи изрубили деревянными мечами. Таким образом святые мученики и предали души свои в руки Господа.

Память преподобного отца нашего Никиты Столпника, Переяславского чудотворца

Память 24 мая

Сей преподобный отец наш родился и получил воспитание в городе Переяславле Залесском[3442]. С молодых лет он отличался жестоким и обидчивым характером, устраивал возмущения и причинял людям много зла, привлекая их к суду и производя грабежи. Таких же, подобных себе, он имел и друзей. Однажды, окончив свои занятия, он во время вечернего богослужения пришел в церковь и услышал следующие прочтенные там слова пророка Исайи: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло» (Ис.1:16), и проч. От этих слов он тотчас же пришел в ужас и, возвратившись домой, всю ночь провел без сна, размышляя об этих словах. На другой день по своей привычке он отправился к друзьям своим, развеселился в их обществе и просил их обедать у него в этот день. После этого он пошел на рынок купить провизии и, принесши ее домой, велел жене, чтобы она приготовила обед. И когда жена стала мыть мясо, то заметила, что из него необычно течёт кровь, а потом, когда она положила его в горшок и стала варить, то увидела, что в горшке пенится кровь и выплывает на поверхность то человечья голова, то рука, то ступни ног. От этого она пришла в ужас и рассказала мужу. Когда же он пришел и сам увидел то, о чем рассказала ему жена, то на долгое время его объял ужас, а потом, пришедши в себя, он с глубоким сердечным вздохом сказал:

– Увы мне! Много я согрешил.

После этих слов, молясь и заливаясь слезами, он вышел из дома и, отшедши на одно поприще от города, пришел в монастырь святого великомученика Никиты[3443]. Здесь он упал к ногам игумена сего монастыря и сказал:

– Спаси погибающую душу.

Изумленный такою необыкновенною переменою Никиты, игумен сказал ему на это:

– Испытай себя: пробудь три дня у монастырских ворот, плачь и исповедуй грехи свои пред всеми, кто будет входит в монастырь и выходить из него.

Никита так и сделал. Три дня он плакал и молился, исповедуя пред всеми грехи свои. После этого он увидел вблизи монастыря болотистое место, поросшее тростником, и множество летающих над ним мошек и комаров. Он пришел к этому месту, снял с себя одежду и, вошедши совершенно нагим в болото, сел в тростник и стал молиться Богу. По прошествии трех дней игумен послал инока посмотреть, что делает Никита. Инок пришел и, не найдя его у монастырских ворот, после недолгих поисков нашел его лежащим в тростнике. Мошки и комары огромным облаком кружились над ним. Вернувшись в монастырь, инок рассказал об этом игумену. Тогда игумен вместе с братиею монастыря пришел к Никите и, увидев его в таком положении, что и тела его нельзя было разглядеть (так обильно текла из него кровь) сказал ему:

– Сын мой! Что это ты делаешь с собою!

Никита же ничего другого не отвечал, а только говорил игумену:

– Отец! Спаси погибающую душу.

После этого игумен ввел его в монастырь, постриг в иночество и поместил в тесную келью, где он стал пребывать в постоянных молитвах и посте, проводя без сна дни и ночи. В это время злокозненный враг стал наводить на него страх различными видениями, но он ограждал себя от этих видений крестным знамением, призывая на помощь святого великомученика Никиту, и никому об этом не говорил. Вскоре Никита устроил себе близ церкви столп[3444] и выкопал узкую тропинку под церковную стену, которою и приходил в церковь на молитву. За такие подвиги он получил от Бога дар чудотворений, так как многие, одержимые различными недугами, приходя к нему, получали от него исцеление.

В это время благоверный князь черниговский Михаил[3445] заболел недугом расслабления. Услышав о святом Никите, он велел боярам своим свезти себя в город Переяславль к преподобному для исцеления. Когда он был уже в пути, то

встретил его демон в образе монаха и сказал о себе, что он из того же монастыря, где подвизался и святой Никита. Князь спросил его о преподобном, и демон сказал, что он – обманщик. Это сильно опечалило князя. Через некоторое время тот же демон уже в другом образе снова встретил князя на пути и сказал ему:

– Напрасно ты, князь, утруждаешь себя, совершая такой длинный путь.

Когда же князь подошел на расстояние одного поприща к монастырю, где пребывал преподобный, то повелел поставить себе шатёр, чтобы отдохнуть от пути, и послал в монастырь одного из своих бояр известить преподобного о своем прибытии. Тогда тот же демон встретил посланного в образе слепого на один глаз монаха с лопатою в руках и сообщил ему, что преподобный умер и что он уже похоронил его.

Поняв обман, боярин возбранил демону молитвою святого, и демон остался совершенно недвижимым на том месте, где стоял. Боярин тогда пришел к столпу святого Никиты и сообщил ему о прибытии князя и о тяжком недуге его, после чего святой послал князю жезл свой. Благоверный князь Михаил взял этот жезл в руку свою и стал на ноги совершенно здоровым, так что пришел пешком к столпу преподобного, принял от него благословение и рассказал ему всё о демонском искушении, случившемся с ним во время путешествия. Тогда преподобный возбранил демону именем Божиим и повелел ему явно пред всеми в течение трех часов стоять неподвижно у своего столпа, после чего демон дал святому клятву никогда более не делать зла людям и немедленно исчез. Получив исцеление, благоверный князь Михаил усердно возблагодарил Бога и святого старца и, дав богатый дар монастырю, возвратился в свой город.

Так святой отец наш Никита, пребывая в столпе своем и вознося постоянные молитвы Богу, подавал исцеление всем, кто приходил к нему для получения врачевства от недугов.

В одну ночь пришли к преподобному некоторые из его родственников, с просьбою помолиться за них и, увидев на нем тяжелые вериги, которые от долгого трения о тело вычистились

и блестели, подумали, что они серебряные. Омраченные диавольским наущением, они задумали убить святого и, пришедши к столпу, разобрали бывший на нем покров, вошли в него и насильственно разлучили душу святого от тела его[3446].

Взяв затем вериги, они завернули их в грубую холстину и убежали. Перед утренним богослужением параэкклисиарх[3447] по обычаю пришел к столпу святого, чтобы получить от него благословение, и, увидев, что покров столпа разобран, пошел к игумену и сообщил ему об этом. Тогда пришли к столпу и нашли тело преподобного еще тёплым, причем от него исходило благоухание. Благоговейно взяв его из столпа, с каждением и пением псалмов торжественно похоронили его у церкви святого мученика Никиты с правой стороны вблизи алтаря. При этом все недужные, какие случились в то время, получили исцеление.

Нечестивые же убийцы преподобного, думая, что они приобрели драгоценное сокровище, продолжали бежать и скоро достигли реки Волги. Тут они развернули холстину и, увидев, что три честные креста и тяжелые вериги – железные, что от долгого трения они вычистились и от того блестели, бросили их в реку у города Ярославля близ монастыря святого Апостола Петра[3448]. В первую же ночь после этого один инок этого монастыря, по имени Симеон, увидел на том месте недалеко от берега три ярко светящиеся столпа. Они поднимались от земли к небу и испускали лучи света. Инок рассказал об этом архимандриту своего монастыря, а тот сообщил начальнику города и, сопровождаемые множеством народа, они отправились на это место и нашли честные вериги преподобного, которые подобно сухому дереву чудесно плавали поверх воды. Благоговейно взяв их, с пением псалмов понесли в город и, встретив на пути хромого, которой ползал на ногах по земле, осенили его крестами, бывшими на веригах, после чего укрепились ступни ног и колени его, и он стал на ноги, совершенно здоровый. Кроме сего много других больных, страдавших различными недугами, получили исцеление от вериг преподобного. Спустя некоторое время преподобный Никита явился вышеупомянутому иноку Симеону и сказал ему:

– Пусть сей честной знак моих подвигов в скором времени перенесен будет отсюда и положен на гробе моем.

После этого вериги преподобного с почестями были перенесены из города Ярославля в город Переяславль и положены на честном гробе его. Всем, приходящим с верою, они подают многие исцеления во славу Христа Бога.

Тропарь, глас 4:

Православным смыслом юношская возжеления возненавидев, и доблественныя нравы восприим, врага победил еси, и во благоразумии Богу угодил еси: и свыше от Него прием дар чудес, бесы прогоняти, недуги исцеляти, Никито преславне, моли Христа Бога да спасет души наша.

Кондак, глас 8:

Христа ради от твоих рабов нуждную смерть претерпел еси и венец нетления от Него восприял еси: приходящым же с верою, от честнаго твоего гроба подаеши цельбы, о Никито преподобне, молитвенниче о душах наших.

Память святого священномученика Ферапонта, епископа Кипрского

Память 25 мая

Сей святой Ферапонт был монахом и в сане епископа проходил служение на острове Кипре[3449]. Во время гонения, поднятого язычниками на христиан[3450], он мужественно исповедал имя Господа Иисуса Христа и принял венец мученический[3451]. Честные мощи его первоначально почивали в Кипре, где и источали всем чудодеяния; но впоследствии были перенесены в Константинополь и по следующему поводу: когда агаряне, по попущению Божию опустошали за грехи наши все восточные страны, пленяя жителей их, то приблизились и к острову Кипру, намереваясь и с ним сделать то же, что они сделали с прочими странами восточными. В это время святой Ферапонт явился пономарю своей церкви и сказал ему:

– Иди скорее, возьми мои мощи и неси их в Константинополь, так как враги Креста Христова хотят прийти на этот остров и опустошить его; скажи об этом и прочим христианам, дабы они могли уйти отсюда ранее нашествия агарянского.

Тотчас же пономарь передал всем христианам о явлении святого и о его приказании; в скором времени христиане приготовились к путешествию на корабле; приготовив новую раку, они положили в нее честные мощи святого Ферапонта и, взяв их с собою на корабль, отправились в путешествие.

Когда путешественники проехали большую часть моря и уже приближались к Константинополю, внезапно поднялась великая буря на море; все пришли в великий страх и смущение; но в это время от раки с мощами начало исходить (как бы некий тонкий пар) великое благоухание; благоухание это не только наполнило весь корабль, но разлилось и по морю на три стадии кругом корабля: и тотчас буря утихла, как бы усмиряемая тем дивным и неизреченным благоуханием. Пономарь же, с любовью охранявший честные мощи святого священномученика, услышал голос, исходивший из раки и

призывавший его к ней. Наконец все окружающие услышали этот голос, которым святой Ферапонт призывал к себе блюстителя мощей своих; тогда все с ужасом и благоговением подступили к раке, дабы видеть мощи святого священномученика. Подойдя к раке, все увидали миро благовонное, исходившее от мощей священномученика и наполнившее всю раку. Христиане, находившиеся на корабле, почерпали то миро в стеклянные сосуды и помазывались им с верою для исцеления душ и тел своих.

Доехав до Константинополя, христиане положили честные мощи священномученика Ферапонта в храме, построенном в честь и славу Пресвятой Богородицы[3452]. Всё это произошло в царствование Никифора[3453]. Спустя же некоторое время, по причине многих чудес бывших от тех честных мощей, был выстроен христианами другой храм во имя святого священномученика Ферапонта; в этот храм и были перенесены честные мощи угодника Божия.

Из числа многих чудес, сотворенных угодником Божиим Ферапонтом, лишь немногие записаны. Приведем сказания о некоторых из них.

Некий муж, родом италиец, по имени Флорин, будучи мучим легионом нечистых духов, получил исцеление у мощей святого Ферапонта и возвратился к себе домой совершенно здоровым. Он говорил, что видел как бы некий тонкий пар, весьма благоуханный, исходивший от раки честных мощей; благоухания этого не мог вынести легион бесовский, почему и бежал от него, как бы кем гонимый.

Анастасий, гражданин города Виксиния, долгое время имел иссохшую руку, которая висела на плече его как мёртвая. Но когда он пришел в храм святого священномученика Ферапонта в навечерие Богоявления Господня, то получил полное исцеление: рука его окрепла и стала здоровой, как и другая: в присутствии всех Анастасий взял сосуд исцеленною рукою и наполнил его крещенскою водою. Все, видя это, возблагодарили Бога, прославляемого во святом угоднике Своем Ферапонте.

Был еще один муж, по имени Георгий, саном десятник[3454], воин; по коварству диавола, лицо его было обращено назад и он был слеп на один глаз. Этот Георгий, помолившись у гроба мученика, получил скорое исцеление: лице его повернулось на старое место и око прозрело, за что Георгий и воздал благодарение своему безмездному врачу.

Один расслабленный, по имени Феодор, был принесен в храм, построенный в честь святого мученика. Ему в сонном видении явился святой и подал хлеб и чашу с вином. Он же, взяв это во сне из рук святого, тотчас проснулся и почувствовал в себе силу; встав с постели, он прославил Господа Иисуса Христа и Его святого мученика, сказав:

– О как легко и скоро ты, святой Ферапонт, исцеляешь всякие недуги и болезни!

В храм святого мученика была принесена одна девочка, у которой еще со времени рождения срослись ноги, загнулись назад и приросли к ее спине; но после того как родители ее принесли святому Ферапонту усердную молитву, тотчас ноги приняли у девочки свое обычное положение; они вытянулись и разделились, так что, отроковица, придя в возраст совершенный, ходила, славя и благодаря Бога.

У одной женщины, по имени Марии, случилась на теле неисцелимая болезнь, называвшаяся раком; тяжко страдая и уже отчаиваясь в выздоровлении, Мария поспешила с усердною молитвою ко гробу святого священномученика и получила здесь скорое и совершенное исцеление от своей болезни.

Другая женщина, семь лет страдавшая кровотечением, прибегла с горячею молитвою и верою к святому Ферапонту и лишь только прикоснулась ко гробу его, тотчас остановилась кровь ее, и она в полном здоровье возвратилась к себе домой.

Еще одна женщина, страдавшая водянкою, придя к мощам святого Ферапонта, увидела в сонном видении святого мученика, помазывавшего какою-то мазью больное место на теле ее. Проснувшись, она увидела, что из больного места ее истекло много гноя, после чего она почувствовала себя совершенно здоровой.

Стефан воин, из полков армянских, весьма страдал телом; он был скорчен и пригнут к земле; точно так же и другой воин, по имени Феодор, страдал тем же недугом. Когда оба прибегли к помощи угодника Божия и принесли ему тёплые молитвы, то получили полное исцеление.

Один прокаженный, придя ко гробу святого, очистился по молитвам его от проказы и воздал благодарение Богу.

Некий философ, имевший у себя на груди опасный и весьма большой нарыв, когда пришел ко гробу святого и задремал здесь, то увидел, что святой приложил пластырь к больному месту на его груди. Проснувшись от сна, он почувствовал значительное облегчение от своей болезни, а через день и совершенно исцелился от нее, за что и возблагодарил Бога.

Многие и другие недуги и болезни исцелялись помазанием мира, исходившего от честных мощей угодника Божия Ферапонта; тем же миром бесы изгонялись из людей, умиравшие возвращались от смерти к жизни; и все это творилось молитвами святого священномученика Ферапонта, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

Страдание святого мученика Георгия Нового[3455]

Память 26 мая

Святой Георгий был сыном благочестивых родителей; он имел отца, по имени Иоанн, принадлежавшего к числу знатнейших вельмож города Средца[3456], и мать, по имени Мария. Георгий был дарован родителям своим по их усердной молитве, ибо они достигли уже преклонного возраста и не имели детей, подобно древним Аврааму и Сарре; по этой причине Иоанн и Мария усердно молились ко Господу, Его Пречистой Матери и святому великомученику Георгию Каппадокийскому, в церковь сего угодника Божия они приходили ежедневно, творили здесь милостыню и усердно молили Господа, да разрешится неплодство их. И Господь не презрел их молитвы, но дал им в старости плод чрева мужеского пола. Иоанн и Мария принесли младенца в храм святого великомученика Георгия, крестили его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и дали ему во святом крещении имя Георгия.

Отрок воспитывался в страхе Божием и был обучен чтению книжному; Георгий скоро настолько хорошо изучил священное Писание, что превосходил своими знаниями всех своих сверстников. Когда Георгий достиг юношеского возраста, то был весьма похож красотою лица своего и целомудрием своим на древнего Иосифа.

В то время Болгариею владели сарацины; когда блаженному Георгию исполнилось двадцать пять лет со времени его рождения (родители его в это время уже отошли ко Господу), то сарацины начали склонять его к своему нечестию, говоря ему:

– Георгий, оставь христианство и прими нашу веру. Послушай посланника Божия Магомета[3457]; прими наш закон.

При этих словах сарацины начали возлагать на честную главу святого Иоанна тафию (шапку), которую по своему обычаю носили на головах своих и в которой входили в свои молитвенные дома. Но святой отвечал им, говоря так:

– Не подобает нам, христианам, подражать нечестивым обычаям вашим и носить на головах своих тафии; не подобает нам отрекаться от Христа, Бога истинного, Творца неба и земли, и лишать себя плодов крещения святого. Скажите мне: могу ли я веровать Магомету, который не был послан ни Богом, ни Божиими пророками, ни апостолами, но был простым военачальником полка сатанинского, нося с собою хоругви диавола? Вот вы и сами не знаете, во что вы веруете; вы сами отступили от пути истинного.

Обличив так сарацин, святой Георгий начал громогласно исповедовать Христа истинным Богом, Создателем и Творцом всего существующего, видимого и невидимого, земного и небесного.

Затем, плюнув в лица нечестивым и назвав их людьми безбожными, святой бросил на землю тафию и начал попирать ее ногами, говоря сам себе: «О Георгий! Чего ты медлишь? Христос призывает тебя!»

Нечестивые сарацины, исполнившись гнева, взяли святого и с великими побоями и руганью представили его своему правителю, донося на него и говоря:

– Вот сей хулит и поносит нашу веру.

Игемон же, будучи поражен красотою лица святого и его мужественным взглядом, начал с лестью говорить ему:

– Если отречешься от Иисуса Христа, Которого вы называете Сыном Божиим, и если подчинишься приказанию самодержца Селима[3458] и исполнишь его волю (сему Селиму многие царства повинуются), то получишь многие дары и всевозможные почести от царя нашего и будешь поставлен начальником всех воевод великого города Средца.

Но мученик Христов снова исповедал Господа Иисуса Христа в присутствии многочисленной толпы, сарацинскую же веру обличил и укорил. Тогда мучитель, придя в ярость, приказал бить палками святого без милосердия. И мучим был святой Георгий жестоко, так что его плоть прилипала к палкам, кровь же его текла каплями из язв. Но несмотря на это святой не показывал намерения подчиниться нечестивому повелению царскому.

Тогда правитель приказал резать его по всему телу ножами, с головы до ног и опалять его раны горящими свечами; все тело святого было опаляемо свечами, так что не было видно и лица его, и начала таять плоть его, как тает воск от огня. Но мученик Христов доблестно переносил страдания, призывая и исповедуя имя Господа Иисуса Христа.

После этого мучитель приказал воинам водить мученика по городу, ударять в тимпаны и кричать: «Не ругай посланника Божия Магомета и не поноси его преданий о вере сарацинской».

Святой же молился ко Христу Господу и увещевал сарацин веровать во Христа.

Потом нечестивые разложили большой костер посредине города, намереваясь сжечь святого. И веден был мученик Христов Георгий на приготовленное место для сожжения.

Но изнемогши от ран, он упал на землю безгласным, только уста его двигались, призывая на помощь Господа. Сарацины же, взяв святого еще живым, бросили его на костер. Так окончил свой страдальческий подвиг мученик Христов Георгий. Нечестивые сарацины бросили в костер и много псов для того, чтобы христиане не могли распознать мощей мученика. Но Бог прославил угодника Своего: внезапно на место то нашло облако с громом и молниею и поднялся великий дождь, который и погасил огонь, так что от костра не было даже и дыма. Сарацины же, испугавшись столь великого чуда, разбежались от того места. Между тем дождь шел до самой ночи.

Когда наступила ночь, то над тем местом, где было сожжено честное тело мученика, явился свет, весьма великий, который и озарил все то место. Тогда протоиерей соборной церкви в честь святого великомученика Георгия Каппадокийского отправился вместе с прочими христианами к судьям и, дав им деньги, испросил у них позволение взять честные мощи святого мученика и предать их обычному погребению. Когда судии выразили свое согласие на эту просьбу, то протоиерей тот пошел к митрополиту Иеремии и возвестил ему все о святом мученике. Митрополит же отправился к мощам святого мученика с большою поспешностью и верою, в сопровождении всего священного собора и многих христолюбивых людей, с

пением псалмов и песнопений, со свечами и кадилами. Разгребши пепел на том месте, где виднелся свет, христиане обрели честные мощи святого мученика Георгия Нового, невредимыми от огня. Кости же псов обратились в прах и пепел.

В тех же местах, где святой мученик Христов был водим ночью по городу и где капала кровь его, ночью являлся свет, как бы от свечи горящей; это видели все христиане.

Взяв честные мощи святого мученика, митрополит положил их в раке в храме святого великомученика Георгия Каппадокийского. Здесь почивают честные мощи святого мученика и доныне и по благодати Божией подают исцеления всем, с верою приступающим к ним.

Пострадал же святой мученик Христов Георгий в болгарском городе Средце, где и был воспитан; свой мученический подвиг он принял в 7022 г. от сотворения мира, от рождества же во плоти Бога Слова в 1514 г., в 26 день месяца мая[3459], в царствование над всеми Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава со Отцом, и Святым Духом, вечно. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Божественным желанием от юнаго возраста весь сам себе Господеви возложив, в молитвах и постех образ быв добродетели, богатство же и славу, и доброродство телесное яко не сущее презрев, и Христа Единаго от души возлюбил еси, и того истиннаго суща Бога, в Троице поклоняема, пред нечестивыми турки проповедал еси: и срацынскую веру, и законы моамедовы под ногами поправ, и мучителя ужасив, мучения венцем украсився славне, к небесным востекл еси ликостоянием премудре Георгие. Моли Христа Бога, сохранити отечество твое, и спасти православнаго императора, и люди, и град, иже твоя подвиги присно почитающыя.

Кондак, глас 4:

Яко звезда пресветлая явился еси непрелестная мирови, праведнаго Солнца Христа возвещающи, страдании твоими страстотерпче великий мучениче Христов Георгие, и прелесть погасил еси срацынскую, и моамефова предания и законы под нагами твоими попрал еси: и беззаконнаго царя, и мучителей

ужасил еси крепким твоим терпением: и верным подаеши свет, моляся к Богу непрестанно о всех нас.

Память преподобного отца нашего Иоанна Психаита

Память 26 мая

Святой отец наш Иоанн, с юных лет возлюбив Христа, по характеру своему стал подобен святым пророкам Илии и Иоанну. Оставив мир, он отправился в Психаитскую лавру[3460] и принял там иночество, после чего получил от Бога дар изгонять бесов и исцелять болезни. Он подвизался во время иконоборческих волнений, укрепляя православных в вере своими наставлениями. На него сделан был донос императору, гонителю на иконы[3461], и последний, призвав его к себе, стал принуждать отказаться от поклонения честным иконам, присоединиться к его ереси и подписаться на нечестивом свитке, но преподобный не согласился исполнить это и даже обличил императора, назвав его еретиком. За это он сослан был в ссылку, где претерпел от беззаконных и несправедливых иконоборцев множество бедствий и здесь окончил жизнь свою.

Память святого Карпа, Апостола из семидесяти

Память 26 мая

Святой апостол из семидесяти Карп был последователем и слугою святого апостола Павла; он разносил его послания в те места, куда они назначались. Достаточное время Карп потрудился вместе с апостолом Павлом, благовествуя всюду слово Христово[3462], немало претерпел он за это бед и напастей. Затем святой Карп был поставлен апостолом Павлом епископом города Берии во Фракии[3463].

Святой апостол Карп потрудился, проповедуя Евангелие Христово и на острове Крите[3464]; здесь он, между прочим, принял в дом свой святого Дионисия Ареопагита[3465] и видел Господа, явившегося ему в видении в то время, когда Карп просил Его предать казни двух грешников, и слышал голос Его, возгласивший: «Мучь Меня еще, ибо Я готов еще раз пострадать и быть распятым ради спасения людей»[3466].

Святой Дионисий Ареопагит свидетельствует об этом святом Карпе и то, что он никогда не начинал совершать пречистых и животворящих Тайн прежде, чем не сподоблялся являвшегося ему с неба Божественного видения.[3467]

Святительствуя в Берии, Карп обратил ко Христу многих эллинов-язычников; обличая иудеев, он говорил им, что распятый ими Христос есть Бог истинный и Творец всего. Впоследствии он был с жестокостью убиен иудеями и таким образом предал душу свою в руки Господа[3468]. Честные мощи его были положены верными и богобоязненными людьми в том же городе, где он и святительствовал, причем сими мощами подавались многоразличные исцеления болящим во славу Христа, Бога нашего.

Тропарь, глас 3:

Апостоле святый Карпе, моли милостиваго Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим.

Кондак, глас 4:

Яко звезду пресветлую церковь всегда стяжа тя Апостоле Карпе, чудес твоих многоподаванием просвещаема: спаси верою чтущих память твою.

Память святого апостола Алфея

Память 26 мая

Святой апостол Алфей был отцом апостолов Иакова Алфеева и Левия. Сей Левий был мытарем[3469] и его-то призвал Господь, сказав: «По Мне гряди!» (Мк.2:14).

Оставив все, Левий последовал за Христом и был все время Его неизменным спутником.

Апостол Левий называется еще Матфеем, и он именно написал первое Евангелие.

Святой апостол Алфей происходил из города Капернаума, но где он проповедовал Евангелие – неизвестно.

Страдание святых мучеников Феодоры и Дидима

Память 27 мая

В царствование императоров Диоклетиана[3470] и Максимиана[3471], во время управления городом Александриею[3472] князем Евстратием, было издано приказание царское, повелевавшее христианам или принести жертвы богам, или принять мучения.

Евстратий князь, сев на судилище в Александрии, приказал привести к себе на суд Феодору, христианскую девицу, недавно взятую и заключенную в темницу. Когда она была приведена, судья спросил ее:

– Какой ты веры, девица?

Отвечала святая:

– Я христианка.

Судья сказал:

– Свободная ли ты, или рабыня?

– Я сказала тебе, – отвечала Феодора, – что я христианка; Христос же, придя в мир, освободил меня от греха; рождена же я родителями славными в суетном мире сем.

Князь, посмотрев на градоначальника, по имени Лукий, спросил его:

– Знаешь ли ты эту девицу?

Лукий отвечал:

– Да я знаю, что она происходит из благородного и честного рода.

Тогда князь сказал, обратившись к Феодоре:

– Если ты, девица, происходишь из благородного и честного рода, то почему ты до этих пор еще не вышла замуж?

Девица отвечала:

– Я отреклась от брака ради Христа, ибо Господь наш Иисус Христос, придя в мир и родившись от Пречистой Приснодевы Марии, освободил нас от тления и обещал даровать нам жизнь вечную. И вот я, веруя в Него, решила ради любви к Нему сохранить в чистоте девство мое до самой моей смерти.

Судия сказал на это:

– Цари приказали нам всех девиц, желающих сохранить свою чистоту, принуждать к поклонению богам нашим; если же вы не захотите поклониться богам, то будете отданы в блудилище.

Отвечала девица:

– Вероятно ты понимаешь, что Бог смотрит прежде всего на изволение сердечное. Будучи Сердцеведцем, Он знает все помышления наши и самые намерения наши принимает как дело. Мой Бог знает намерение мое – сохранить в чистоте девство свое; поэтому, если ты и прикажешь, как ты хвалишься, отдать меня блудникам, то это не будет прелюбодеянием для тела моего, а будет насилием и страданием мне; и если ты отсечешь мне голову, или руку, или ногу, или насильно лишишь меня девства, ты через это сделаешь меня не блудницей, а мученицей. Но знай, что Владыка и Бог мой силен сохранить в чистоте девство мое, если пожелает.

Судия сказал:

– Не намеревайся бесчестить свое благородство, не предавай себя поруганию и смеху, будучи дочерью честных и славных родителей, как о тебе здесь свидетельствуют.

Отвечала девица:

– Я прославляю Христа и Бога моего, давшего мне благородство и чистоту, и я надеюсь, что Он сохранит в целости голубицу Свою.

Сказал судия:

– Для чего ты прельщаешься, веруя в человека распятого, как в Бога. Неужели Он избавит тебя от рук, которые возьмут тебя на осквернение? Не думай, что, войдя в блудилище, ты выйдешь из него чистой.

Отвечала Феодора:

– Я верую, что Христос и Бог мой, пострадавший при понтийском Пилате, избавит меня от нечистых рук блудников и соблюдет в чистоте рабу Свою.

После этого судья дал Феодоре три дня на размышление. Но она выражала готовность пострадать, говоря, что и через три дня, точно так же как и через большее количество дней, у ней

не будет иного намерения и желания, как умереть за Христа, Бога своего.

После того святая была отведена в темницу и спустя три дня снова представлена на допрос. Когда игемон понял, что она неизменно пребудет в святой вере христианской, то приказал отвести ее в блудилище. Будучи ведена сюда, святая молилась ко Господу, говоря так:

– Христе Боже, укротивший бессловесных зверей пред лицом святой мученицы Твоей Феклы, (см. житие ее под 24 сентября) укроти и свирепейших словесных зверей, блудников, намеревающихся повредить чистоте тела моего. Ты, Боже, избавивший Сусанну из рук старцев-прелюбодеев (Дан.13), спаси и меня, рабу Твою от таковых же блудников; не допусти быть осквернённой храму, который посвящен лишь Тебе Единому. Ты, отогнавший от меня невидимых врагов, покушавшихся тайно похитить мое девственное сокровище, отгони и этих явных насильников, намеревающихся разбойнически отнять от меня мое богатство. Приди на защиту меня, Господи Боже мой, и всемогущею силою Твоею сделай так, чтобы я вышла отсюда чистой, чтобы меня не коснулись эти нечестивые руки, дабы я прославила святое имя Твое.

В то время как святая молилась так, скверные блудники стояли около дома того и спорили между собою, кто должен войти первый к девице. В это время некий юноша, крепкий телом, одетый как воин, подойдя к ним, и отогнав их от дома того, вошел к девице, причем никто не воспрепятствовал ему пройти к ней. Это был один из христиан, по имени Дидим, который, по Божию устроению, нарочито в образе воина вошел в дом тот как бы для греха, на самом же деле пришел сюда для защищения девицы. Увидав его, святая Феодора, весьма удивилась. Но блаженный Дидим сказал ей:

– Не бойся, сестра! Тот, кто снаружи кажется тебе волком, на самом деле агнец и брат твой по святой вере. Я пришел спасти тебя, рабу и голубицу Бога моего. Переменим одежды, – ты оденься в мои, а я в твои, дабы ты могла унести отсюда в целости девство свое, прикрытое моими одеждами. Я же в

твоих одеждах пойду на подвиг мученический и покажу себя действительным воином Христа Бога.

Святая девица соизволила на такой поступок, поняв, что Дидим был послан к ней от Бога. Переменив одежды, они облеклись – девица в мужеский костюм, а юноша в девический. Потом юноша сказал девице:

– Выходя отсюда закрой лице свое, как будто ты стыдишься, потому что все уходят отсюда со стыдом; тогда тебя никто не узнает.

Девица так и сделала, вышла в воинском одеянии с закрытым лицом; она быстро направилась к дому своему, славя Бога за Его промышление о ней, ибо Он избавил ее таким образом от блудников, как птицу от сети, или как овцу от волков.

Когда Феодора вышла из блудилища, в него вошел некоторый юноша, одержимый блудною страстью; увидав вместо девицы мужчину, он весьма удивился и воскликнул:

– Что это такое? Каким образом девица превратилась в мужчину? Я слышал, что некогда Христос, как говорят христиане, обратил воду в вино (Иоан.2:1–11), но вот теперь я вижу, что Он обратил женский пол в мужеский.

И войдя из блудилища, он говорил друзьям своим:

– Бежим отсюда скорее, бежим, чтобы Христос не обратил нас в женщин!

И побежав, возвестили обо всем судье Евстратию. Евстратий же приказал привести Дидима к судилищу и спросил его:

– Кто ты?

Отвечал Дидим:

– Я раб Иисуса Христа; имя же мое – Дидим.

Сказал судия:

– Почему мы видим на тебе не мужские, а женские одежды?

Отвечал Дидим:

– Я взял их у Феодоры, свои же отдал ей, дабы она не была узнана блудниками и избежала рук их.

Судия спросил:

– Кто тебе приказал сделать так?

Дидим отвечал:

– Бог мой, Иисус Христос, научил меня поступить так; Он послал спасти овцу Его от зубов звериных в целости и неповрежденности.

Сказал судия:

– Где же Феодора? Скажи нам, где она, если не желаешь, чтобы мы мучили тебя.

Отвечал Дидим:

– Поистине не знаю, где она находится сейчас; я знаю о ней только то, что она честная и верная раба Христова, что она исповедует пресвятое имя Христа, Бога нашего; поэтому и Христос возлюбил ее и сохранил ее в чистоте, как Свою невесту.

Князь же, преисполнившись гнева, приказал отсечь мечом главу Дидима, тело же его приказал бросить в огонь.

Святой Дидим, узнав о смертном приговоре своем, преисполнился радости и воззвал к Богу, говоря так:

– Благословен Ты, Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, не презревший молитвы моей и исполнивший желание мое, ибо Ты и рабу Свою, Феодору, сохранил в чистоте и неповрежденности, и меня сподобляешь венца мученического!

И веден был святой за город на усекновение. Когда святая Феодора узнала об этом, то пошла за святым мучеником Дидимом и, придя к месту усекновения, начала препираться с ним о венце мученическом, говоря:

– Хотя ты и спас меня от осквернения, но я не просила тебя спасти меня от смерти. Я была первая взята, первая истязаема и судима; уступи мне кончину мученическую; пусть буду усечена я, ты же иди, куда хочешь; для тебя будет великая награда от Господа за то уже одно, что ты сохранил в чистоте мое девство; я не желаю, чтобы ты умер за меня и предвосхитил мой венец; не желаю я быть виновницей твоей смерти; я сама умру, я сама отдам долг свой, ибо я имею голову; пусть она будет усечена за имя Христово; я имею кровь; пусть она будет пролита за Господа нашего; я не хотела и не хочу быть оскверненной, но желала и теперь желаю быть замученной; не отнимай же от меня венца, которой я начала плести ранее тебя. Но если ты завидуешь моему мученичеству, то позволь мне пойти под меч

первой, ты же можешь быть мучеником Христовым после меня; я хочу, чтобы ты остался после меня, а не я после тебя, потому что от тебя не могут отнять чистоты, меня же могут лишить невинности. Если ты извел меня чистой из блудилища, то позволь мне и Христу предстать чистой.

Святой же Дидим сказал ей:

– Возлюбленная сестра! Господь наш, один раз уже сохранивший тебя неосквернённой, может всегда сохранить чистоту твою; мне же, на смерть осужденному, не препятствуй умереть; я умру за Христа и кровью своею омою грехи свои.

В то время как они с любовью препирались между собою, было приказано усечь мечом их обоих; святая мученица Феодора первая преклонила под меч голову свою, а затем преклонил под меч свою главу и святой мученик Дидим[3473]. Тела же их были брошены в огонь. Таким образом они приняли победные венцы от Христа, Бога нашего, Которому воссылается слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом вечно. Аминь.

Память святого священномученика Ферапонта

Память 27 мая

Сей святой Ферапонт был святителем сардийской[3474] церкви; здесь он обратил ко Христу своим учением многих эллинов-идолопоклонников и просветил их святым крещением. Святой Ферапонт был взят игемоном Юлианом и в узах заключен в темницу; был томим голодом и жаждою долгое время; будучи выведен из темницы, предан различным мукам; затем веден связанный в Синаон, город фригийский[3475], и в Анкир, город галатийский, причем всюду был многоразлично мучим. Когда же святой был приведен к реке, называвшейся Асталой, то был растянут на земле нагой и привязан к четырем кольям, вбитым в землю; затем мучители били святого столь сильно, что даже кожа спала с тела его и земля напиталась его кровью. Колья же те пустили ростки и произрастили ветви и листья; затем выросли в большие деревья и своими листьями исцеляли различные недуги и болезни людей. Наконец святой Ферапонт был приведен в область, находившуюся в Лидии, вблизи реки Гермуса (протекающей по Лидии) в епископии Саталийской (подчиненной митрополии сардийской), и здесь после многих мук был умерщвлен за исповедание имени Христова и таким образом принял от Господа венец нетленный[3476].

Перенесение честных мощей святителей Киприана, Фотия и Ионы, Киевских и всея России чудотворцев

Память 27 мая

В апреле месяце 1472 года во время княжения христолюбивого великого князя всея России Иоанна Васильевича[3477] при преосвященном митрополите Филиппе[3478] в славном городе Москве положено было начало основания святого и великого соборного храма Успения Пресвятой Богородицы. И когда начали разбирать первый храм, которой был построен святым Петром чудотворцем[3479], и разобрали его до полов, то в то время обнаружились гробы прежде бывших святителей русских, преосвященных митрополитов Киприана, Фотия и Ионы. 28 мая в начале второго часа дня гробы их окопали, и тогда пришел преосвященный митрополит всея России Филипп с архиепископами и с ним все московское духовенство, пришел также благоверный великий князь Иоанн Васильевич с сыном своим, мать великого князя, братья его, князья Георгий, Андрей, Борис и Андрей, все сановники великокняжеского двора, князья и бояре, и множество православных христиан, жителей славного города Москвы, мужей и жен. Воспев подобающие сему случаю псалмы, взяли сперва гроб митрополита всея России Киприана и поставили его на приготовленное место в новооснованном храме в особый ковчег на правой стороне, а потом взяли гроб митрополита Фотия и поставили на том же месте. Священные одежды и омофоры, бывшие на святителях, оказались нетленными, несмотря на много лет со дня их кончины, ибо после кончины митрополита Киприана прошло без восемнадцати дней 65 лет, а после кончины митрополита Фотия без тридцати четырех дней 41 год. По перенесении мощей святых Киприана и Фотия пришли ко гробу святителя митрополита Ионы, и когда немедленно после этого снята была с него крышка, то распространилось такое сильное благоухание, что все, стоявшие вокруг этого места, слышали его. При этом все

увидели, что святые мощи святителя совершенно целы, только тело присохло к костям, и одежды, в которые он был облачен, также целы и нетронуты тлением, а между тем после кончины его исполнилось тогда 11 лет и 2 месяца. Взяв гроб святителя, поставили его на верху земли с левой стороны храма.

Благоверный князь Иоанн и преосвященный митрополит со множеством православного народа возблагодарили после этого за это Бога и повелели праздновать память обретения честных мощей святителей в 27 день месяца мая.

Память преподобного отца нашего Ферапонта, Белозерского чудотворца

Память 27 мая

Сей преподобный отец наш Ферапонт происходил из пределов московской области, из города Волока Ламского[3480]. Он был сыном благочестивых родителей по фамилии Поскочиных и в мире носил имя Феодора. Достигши совершеннолетнего возраста, он исполнился страха Божия и пожелал удалиться из мира. Оставив дом свой и родителей, он пришел в славный город Москву и в Симоновом монастыре Пресвятой Богородицы[3481] принял иночество, причем ему дано было имя Ферапонта. После этого, пребывая в послушании, молитвах и посте, он много лет подвизался в этой обители. Однажды по каким-то монастырским нуждам он послан был архимандритом в области Белого озера[3482], рассмотрел находившиеся там места, весьма полюбил их и возвратился в свой монастырь.

По устроению Божественного промысла случилось, что в этом монастыре, пребывая в безмолвии, находился преподобный Кирилл, впоследствии Белозерский чудотворец, и он в это время удостоился видения Пресвятой Богородицы, Которая повелела ему идти в страны Белого озера, как о том подробнее рассказывается в житии его[3483]. Преподобные Кирилл и Ферапонт, сговорившись, вышли вместе из Симонова монастыря и пришли в страны Белого озера. Обойдя все находившиеся там пустынные места, они пришли на то место, где расположен теперь Кириллов монастырь[3484]. Здесь преподобный Кирилл рассказал Ферапонту о бывшем ему явлении Пресвятой Богородицы, и они на этом месте стали строить себе келью. Но преподобный Ферапонт недолго прожил с преподобным Кириллом. Вскоре он ушел от него и нашел между двумя озерами место, которое ему понравилось. Он стал расчищать его и построил себе келью. После этого стали собираться к нему иноки, выстроили монастырь и построили в нем храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы[3485].

Преподобный Ферапонт часто ходил к преподобному Кириллу для духовных бесед и для устроения монастырской жизни, так как жил недалеко от его обители, на расстоянии только двенадцати поприщ, и получал от него великую пользу. Так и проводили в Боге жизнь свою преподобные.

Вследствие такой добродетельной жизни их слава о них дошла до слуха правителей той страны и даже до самого великого князя Андрея Димитриевича, в удел которого входили и области Белого озера. Услышав о святых подвижниках, князь пришел в великую радость от того, что в его владениях явились такие преподобные, прославил Бога и дал из своей казны богатые дары на построение монастырей. Случилось, что княжеским наместником в Белозерской стране был ближний боярин князя. Он посетил обитель Пресвятой Богородицы, виделся с преподобным старцем Ферапонтом, беседовал с ним и очень полюбил его. Возвратившись затем в Можайск, он рассказал о преподобном князю, и последний от сего рассказа пришел в большое умиление, так как был весьма благочестив и боголюбив.

Спустя некоторое время после этого у князя явилось сильное желание устроить монастырь в своем городе Можайске, где он имел свою княжескую резиденцию. Он обратился к своим боярам за советом, где бы найти такого мужа, которой бы устроил обитель, и бояре напомнили ему о блаженном Ферапонте, сказав, что для этого святого дела он не найдет другого, более опытного человека. Тогда князь послал одного из своих вельмож с письмом к святому старцу и подарками для него, прося его не отказать ему в его просьбе. Святой, выслушав просьбу князя, серьёзно обдумал ее и сообщил о ней братии, и братия дали совет ему исполнить просьбу князя. Преподобный подчинился воле братии и, взяв с собою одного из иноков, пришел к князю Андрею. Князь принял святого старца и спутника его с великим почетом и стал просить его присмотреть место для построения монастыря. Преподобный долго отказывался от этого, умоляя князя отпустить его в его монастырь, но никак не мог отказаться и, подчинившись воле князя, пошел и нашел близ реки Москвы на расстоянии одного

поприща от города Можайска удобное и красивое место[3486]. Взяв затем вместе с князем от епископа благословение, они построили храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, соименной храму первой обители преподобного, соорудили при нем по обычаю монастырскому все постройки, благолепно украсили их и собрали иноков[3487]. Князь весьма чтил этот монастырь, более, чем другие находившиеся вблизи монастыри. Настоятелю его он выхлопотал сан архимандрита, преподобного Ферапонта поставил первым настоятелем и заботливо покоил его старость.

После этого преподобный, богоугодно прожив остаток жизни своей, в глубокой старости отошел ко Господу[3488], Которого возлюбил с юности своей, и с почестями погребен был в этом монастыре. Богу нашему слава ныне, всегда и вечно.

Страдание святой мученицы Еликониды

Память 28 мая

Святая мученица Еликонида жила в царствование Гордиана[3489] и Филиппа[3490]; родилась она и была воспитана в Фессалонике[3491]. Когда началось гонение на христиан, она пришла в город Коринф[3492]. Увидав здесь людей, приносивших жертвы идолам, она стала на высоком месте, и громогласно воззвала:

– О несмысленные и жестокосердые мужи коринфские! Я вижу, что вы весьма нечестивы, ибо вы оставили вечного и нетленного Бога и обратились к служению душепагубным идолам. Посмотрите, прошу вас, на высоту небесную, и на широту земную; подумайте о Том, Кто распростёр небо как кожу над головами вашими? Кто основал землю над бездною? Кто может укротить страшным и славным именем Своим неукротимые волны морские? Кто сотворил человека из земли и вдунул в лицо его дыхание жизни? Лишь Тот, Кто содержит дланью Своею всю тварь, есть единый истинный Бог, пребывающий на небесах. «Ибо все боги народов – идолы» (Пс.95:5) суть, немые и бездушные; да будут подобны им и все те, кто им кланяется!

В то время как святая говорила это свободно и громко, нечестивые язычники схватили ее и повлекли на суд к игемону своему Перинниюю.

Игемон, посмотрев на нее и увидав, что она была весьма благообразна и честна лицом, начал с кротостью беседовать с нею, говоря так:

– Да ниспошлется тебе всякое благо, дочь моя прекрасная, так как я думаю, что ты веруешь, что боги наши вечно пребывают; я радуюсь о тебе.

Отвечала святая:

– Какая радость может быть у нечестивых? Радость твоя, игемон, обратится в плач, и гордость твоя обратится в немощь. Я верую в Бога, царствующего над всем, и радуюсь, что

сподобилась ради Бога моего войти в подвиг этот, в котором с несомненностью надеюсь получить венец победный.

Сказал игемон:

– Не уподобляйся своим многословием безумным женщинам, но кротко и вкратце скажи нам, какое имя твое?

Отвечала святая:

– Я не безумна, но мудра о Христе Иисусе, Господе моем; если же ты желаешь узнать имя мое, то я называюсь Еликонидой.

Сказал игемон:

– Тебе дано имя Еликониды не по заслугам, ибо ты по причине великого безумия своего уготовляешь тело свое на мучения и раны.

Отвечала святая:

– Нет, я по справедливости называюсь Еликонидою, потому что милосердие Бога моего всегда со мною и я метаю стрелы на отца твоего диавола[3493]. Точно так же и тебе вполне справедливо дано имя Перинния, потому что твое нечестивое и окаянное тело вместе с скверною душою твоею огненными трезубцами будет повлечено в погибель.

Сказал игемон:

– Скажи нам вкратце: принесешь ли ты жертву богам, или нет? Клянусь богом моим Асклипием врачом[3494], что не пощажу тебя, если ты не послушаешь повеления царского и не поклонишься богам нашим.

– Ты слышишь, – отвечала святая, – что я свободно говорю: я раба Христова; кто же твой Асклипий, – я этого не знаю. Делай со мною, что хочешь.

Тогда игемон, преисполнившись гнева, начал мучить святую. Первоначально он приказал ее нагую, распростерши по земле, бить, резать ноги ее, затем велел бросить мученицу в котёл, наполненный кипящею смолою. Но внезапно явился Ангел Господень, который и остудил котёл, превратив кипящую смолу в холодную росу, так что из котла исходило благоухание. Увидав это, игемон воскликнул:

– О сколь велик чародей Христос, Который может обратить огонь в воду!

Святая же сказала, обратившись к игемону:

– Считаешь ли ты теперь великими богов своих Дия[3495] и Асклипия, после того как их пристыдила женщина, раба Христова?

От этих слов игемон преисполнился еще большей ярости и, назвав святую волшебницей, приказал содрать с головы ее волоса с кожею и опалять свечами голову и грудь ее. Все эти муки святая переносила мужественно, как бы не ощущая никакой боли.

Потом игемон, переменив гнев на кротость, начал с лестью говорить святой:

– Дочь любезная! Приступи и принеси жертву нашим непобедимым богам, в особенности Венере[3496] и Минерве[3497], и я сделаю тебя жрицей великой Дианы[3498] и уравняю тебя с женами сенаторов. В честь тебя я выстрою золотой столп посреди города, донесу о тебе царям письменно, и ты будешь как бы матерью всему этому городу.

Святая же Еликонида отвечала:

– Веди меня в храм богов твоих, дабы я принесла им жертвы.

Услыхав это, игемон преисполнился великой радости и тотчас приказал проповедникам и трубачам возгласить об этом по всему городу; затем с великим торжеством повел святую в храм идольский. Святая же, входя в храм, сказала жрецам:

– Я желаю одна наедине сама с собою принести чистые жертвы; поэтому прикажите всем выйти из храма; выйдите также и сами и закройте двери за собою.

Жрецы исполнили ее приказание и оставили ее одну в капище, сами же, стоя вне капища, ликовали и возглашали трубами и тимпанами.

Между тем невеста Христова, войдя внутрь капища, взяв идол Венеры, разбила его на три части; точно так же свергла и идол Минервы, которой, упав на землю, совершенно разбился. Потом низвергла с алтаря Асклипия и отсекла ему руки, ноги и голову; то же самое сделала и с Дием. Но люди, находившиеся вне капища, не слышали того, что происходило внутри его, так

как звук труб и тимпанов заглушал всё, и стояли все вне капища, ожидая, пока девица совершит свои молитвы и жертвы.

Спустя достаточное время жрецы, наскучив ожиданием, проникли в капище и, увидав, что боги их были повержены на землю, увидав также и святую, восседавшею в алтаре и восхвалявшею Христа, Бога своего, тотчас вскочили, разодрали одежды свои, с великим гневом схватили девицу и повлекли ее к игемону. Придя к игемону, они сказали:

– Погуби волшебницу эту!

И был шум и вопль среди всего народа того, разгневавшегося на сокрушение идолов; все кричали, взывая:

– О игемон! Поскорее погуби эту волшебницу!

Игемон приказал отрезать святой мученице сосцы и заключить ее в темницу, дабы иметь время размыслить, какой лютой смерти предать ее. И пребыла в темнице святая пять дней.

В это время прибыл в Коринф на место Перинния другой игемон, по имени Иустин. Ему было возвещено о мученице Еликониде, о страдании ее и о сокрушении ею идолов. Иустин же, весьма ревновавший о богах своих, преисполнился великой ярости на Еликониду за сокрушение ею идолов и приказал как можно сильнее разжечь печь. И разжигаема была печь та в продолжении трех дней; затем Иустин приказал бросить в печь эту святую Еликониду. Святая же, подобно древним отрокам в Вавилоне, ликовала посреди печи, прославляя и благословляя Господа, ибо огонь был для нее как бы росою и пламень огненный как бы прохладным ветром. Затем из печи вышло большое пламя и устремилось на стоявших кругом язычников; при этом было сожжено до семидесяти мужчин; святая же спустя довольно продолжительное время вышла из огня невредимой.

Игемон сказал, обратившись к ней:

– Скажи нам, скверная женщина, какими волхвованиями ты возмогла преодолеть силу огненную?

Отвечала святая:

– Христос, Господь мой, Которого ты не видел и Которого ты видеть не можешь, придя ко мне, остудил пламень печи.

Не веря этому, игемон приказал принести пред судилище постель медную; велел разжечь ее и положить на нее святую пред глазами своими. Приказав разжигать постель снизу углями, игемон сказал:

– Теперь посмотрим, придет ли Христос спасти ее.

В то время как святая была мучима так, из нее изошло столь много крови, что она погасила огонь; постель же ее остыла.

Тогда мученица была снята с постели и отведена в темницу, где она, припав на землю, молилась так:

– Иисусе, сила и крепость наша! Иисусе, слава наша! Христе, надежда наша! Будь мне помощником и уврачуй язвы мои, Врач добрый, спасающий по благости Своей всех уповающих на Тебя.

Когда она молилась в таких словах, ей явился Христос, Спаситель мира, окруженный весьма светлым сиянием, вместе со святым архистратигом Михаилом и Архангелом Гавриилом. Подойдя к ней, Он подал ей руку Свою, сказав:

– Встань, поднимись на ноги и укрепись! Я всегда с тобою! Я смотрю за подвигом твоим, Я Своею Божественною силою облегчаю страдания твои и врачую твои раны.

Встав на ноги, мученица пала ниц пред Господа, поклонилась Ему и сказала:

– Иисусе, Христе Боже мой! Исцели меня, рабу Твою! Помоги мне победить врага моего, дабы я, преодолев силу его, могла войти в храм Твой с пением и гласом радости.

Господь же сказал ей:

– Дерзай дочь Моя! Вот Я исцелю тебя и приготовлю тебе венец бессмертный в Царстве Моем вечном.

Сказав это, Господь отошел на небо, святые же Ангелы дали Еликониде чистый хлеб, светившийся как солнце. Вкусив этого хлеба, Еликонида почувствовала себя совершенно здоровой; лицо ее просветилось как солнце, и тело ее стало белым как снег. И возблагодарила святая Бога, славословя Его до самого рассвета.

Когда наступило утро, святая была выведена из темницы, потом отведена на судилище, а затем была отдана на съедение

зверям. На нее были выпущены два голодных льва, ничего не евших в продолжении трех дней. Но львы, подойдя к святой, поклонились ей и начали лизать ее ноги. Народ же, видя это, поднял крик, возглашая:

– Воистину женщина эта волшебница, потому что она очаровала даже зверей, так что они не осмеливаются приблизиться к ней. О игемон! Погуби эту женщину! Погуби ее поскорее!

В то время как народ говорил так, двери здания того силою Божиею сокрушились и раскрылись; те самые львы выскочили и бросились на народ с великою яростью, громко рыча; народ обратился в бегство; сам игемон от страха побежал в преторию[3499]. Львы же, преследуя бежавших, умертвили из народа сто двадцать человек. Тогда игемон, не зная, что еще сделать с мученицею, приказал усечь ей голову мечом.

Когда святую повели за город для усекновения, она подняла руки свои к небу и начала молиться, говоря так:

– О Христе, Боже мой! Приди ныне ко мне! Предстань рабе Твоей в час этот! Исполни Свое обещание и введи меня во святую ограду Твою, сопричисли меня к Твоим благословенным овцам. Сопричти меня к женам, Тебе угодившим: Сарре, Ревекке, Рахили, Лии, Сусанне и ко Твоей Пренепорочной Матери, Пречистой Приснодеве Марии, также и к Марфе и Марии, сестрам Лазаревым и к пророчице Анне, свидетельствовавшей о Тебе вместе со святым Симеоном Богоприимцем при Твоем сретении; сопричисли меня и к Елисавете, матери Предтечи Твоего Иоанна, и к первомученице Фекле; присоедини меня к их числу и сподоби меня почить с ними навеки.

В то время как святая молилась так, слышен был голос с неба, возгласивший:

– Гряди дочь Моя! Для тебя приготовлен уже венец и престол. Вот и Ангелы начинают воспевать торжественные песнопения для твоего восхода на небо.

Услышав такой голос, святая Еликонида преисполнилась великой радости, и с веселием преклонила под меч главу свою. Когда она была усечена, то из раны вместо крови истекло

молоко, что было знамением чистоты ее[3500]. Тело же ее честное христиане похоронили с благоговением, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога в Троице, Которому воссылается слава, честь и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Память преподобного отца нашего Никиты, епископа Халкидонского[3501]

Память 28 мая

Преподобный отец наш Никита с юных лет возлюбил Христа; отрекшись от мира и всех мирских привязанностей, он угождал Богу своею добродетельною жизнью, и возведен был на престол халкидонского святительства, на котором, подобно свече, стоящей на подсвечнике, светил миру и украшал Церковь Христову.

Святой Никита был весьма милостив к нищим; он питал алчущих, нагих одевал, странников принимал в дом свой и упокоевал их; он был отцом сиротам, заступником вдовицам и спасителем для всех обидимых.

Когда наступили тяжелые времена ереси иконоборческой[3502], в царствование Льва Армянина[3503], святой Никита показал себя мужественным исповедником имени Христова, ибо много подвизался в борьбе с нечестивым учением, обличая неправославные догматы, увещевая всех с благоговением поклоняться иконе Христа Господа и Его Пречистой Богоматери, а также иконам и всех прочих святых; доблестный исповедник Христов перенес много мучений от нечестивого царя и его единомышленников; перенес он и изгнания, и уничижения, и прочие беды за свое правоверие.

Спустя достаточное время, после многих исповеднических трудов, святой Никита перешел от земли в обители небесные[3504]; Бог прославил его на небесах пред Ангелами Своими, на земле же – пред людьми, ибо от честных мощей его творились многие чудеса, подавались исцеления всяких болезней во славу Бога, прославляемого во святых Своих.

Кондак, глас 8:

Светлостию дел твоих просиял еси преподобне, апостольскаго престола наследник был еси Никито: и яко солнце облистал еси твоей пастве отче, вся Божественных учений исполнь. Темже зовем ти: радуйся Халкидону удобрение.

Память святого Игнатия, епископа Ростовского

Память 28 мая

Святой Игнатий родился от благочестивых родителей и был воспитан ими во всякой христианской добродетели. Убедившись в суете мира сего, он отрёкся от мира и принял пострижение в монашество. Так как он проводил жизнь весьма добродетельную, то был назначен первоначально архимандритом, а потом епископом города Ростова[3505]. Приняв под свое попечение епархию ростовскую, он с великим вниманием пас стадо свое. Пробыв во святительстве двадцать шесть лет, преставился ко Господу в 6796-е лето от сотворения мира, рождества же во плоти Бога Слова в 1288-ом году, в 28-ой день месяца мая, в пятницу, после вечерни[3506].

Узнав о кончине святого, весь город Ростов собрался к телу его; все горько плакали и рыдали, сожалея о кончине общего пастыря и учителя всех, помощника и заступника в бедах и скорбях, ходатая вдовицам и сиротам, питателя нищих и убогих, наставника и учителя иерейского и монашеского чина и советника князей и вельмож. Взяв честное тело святителя Игнатия, все понесли его в церковь, но по причине множества народа, собравшегося в нее, не могли внести его внутрь церкви, а поставили пред церковью; после этого начали петь погребальные песнопения.

В это время проходили мимо церкви две благочестные монахини, одна из них называлась Феодосиею; она была супругою протодиакона святителева Павла, но тотчас же, по вступлении в законный брак, они посвятили себя девственной и чистой жизни. Всю жизнь свою они подвизались в посте и молитвах. Многие могли засвидетельствовать чистоту жизни их. Когда блаженный Павел отошел ко Господу, то супруга его приняла пострижение в иночество. Узнав о кончине святителя Игнатия, она пришла поклониться мощам его; вместе с нею пришла и другая инокиня по имени Ксения, проводившая столь же добродетельную и богоугодную жизнь. Эти две инокини и

еще некоторые благочестивые люди, которые сподобились откровения Божественного, видели такое чудо: когда честные мощи святителя Игнатия были несены к церкви, то святитель Божий встал из гроба в своем архиерейском облачении, пошел по воздуху и стал высоко в воздухе над церковью; затем благословил весь народ и весь город; потом вошел в пещеру, ископанную в земле около жертвенника, где был ему приготовлен и гроб.

Это открыл Бог инокиням тем, а также и еще некоторым благочестивым людям для прославления угодника Своего и в показание всем святости его; этим Господь показал людям, что святитель Игнатий заслужил милость от Господа и сподобился одинаковой части со святыми.

Около того же времени случилось и другое чудо: некий архимандрит Стефан имел со дня рождения своего один палец пригнутым к ладони; когда он прикоснулся к честному телу святителя Игнатия, тотчас скорченный палец его выпрямился, стал здравым, как и прочие пальцы.

Потом честное тело святителя Игнатия было внесено в церковь. Утром следующего дня все снова собрались к мощам угодника Божия, дабы сотворить обычное служение и воспеть погребальные песнопения. Когда положили тело святителя Божия во гроб и дали в руку ему свитки, в которых написаны были имена всех тех, кого святитель Игнатий посвятил в сан пресвитерский и диаконский, то угодник Божий, как живой, простер руку свою и принял свитки. Все, видевшие чудо это, преисполнились великого страха и радости и прославили Бога. Молитвами сего угодника Божия, святителя Игнатия да сподобимся и мы быть вместе с ним участниками благ вечных, уготованных о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Благоверия просвещься учении святительства прием паству, и апостолом наследник быв, тем приял еси от Бога дар чудес святителю отче Игнатие. Моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 4:

Явися днесь пресветлая память твоя святителю преблаженне Игнатие, в мире светло сияющи, и являющи всем Божественное сияние.

Память святого священномученика Елладия

Память 28 мая

Святой Елладий, после разных мук брошенной в огонь и оставшийся невредимым, скончался от побоев. В службе ему сказано, что в темнице посетил его Христос и уврачевал от ран и что узы спали с него. Полагают, что он пострадал от Персов во время нашествия их на восточные провинции Римской империи.

Память святой мученицы Феодосии

Память 29 мая

О святой Феодосии тирской[3507] Евсевий[3508], епископ Кесарии палестинской[3509], свидетель-очевидец, сообщает следующее: «В то время как в стране нашей вот уже пять лет продолжалось гонение, поднятое на христиан нечестивыми идолопоклонниками, в семнадцатый день месяца апреля, в самый день праздника Воскресения Христова, одна благочестивая и богобоязненная девица из нашего города, – говорит Евсевий, – родом из Тира, не имевшая еще и восемнадцати лет, подошла к христианам-узникам, находившимся в претории; в это время христиане с дерзновением рассуждали между собою о Царствии Божием; подойдя к ним, Феодосия начала просить их помянуть ее пред Господом, когда они, окончив свой страдальческий подвиг, предстанут Богу. Воины же, увидав девицу, поклонившуюся узникам-христианам, схватили ее и как бы сделавшую какой дурной поступок, повлекли к игемону Урвану на допрос. Игемон, исполнившись великой ярости и гнева приказал мучить ее лютыми муками. Ее ребра и сосцы были истерзаны железными когтями, так что мясо сошло с нее до костей; потом мученицу Христову, еще живую с радостным лицом терпевшую мучения, игемон приказал утопить в море».

Так говорит Евсевий, видевший всё своими глазами.

Кроме того прибавляют, что сия святая мученица Христова Феодосия, после потопления в море, была извлечена Ангелами из воды на сушу совершенно живою. И ходила святая, нося на руках своих камень, привязанный к шее ее. Потом святая была снова взята язычниками, которые и привели ее в судилище. Святая Феодосия была приговорена на съедение зверей, но она пребыла совершенно невредимой от них. Наконец мучитель приказал усечь ее мечом. Во время усекновения святой видели голубицу, вылетевшую из уст ее, сиявшую как золото и возносившуюся к небесам[3510].

Когда наступила ночь, святая мученица явилась родителям своим вместе со многими другими святыми девами; облечена была святая в одежду более белую чем снег; в руке у нее был золотой крест, а на голове венок; при этом, святая сказала родителям своим:

– Вот видите, сколь велика слава и благодать Христа моего! Вот видите, как велика слава, которой вы меня хотели лишить.

Сии слова сказала святая потому, что родители ее, заметив в ней желание пострадать за Христа, всячески препятствовали ей в этом; но она тайно от них поспешила к узникам Христовым, и, как мы сказали, была взята на мучение и увенчана от Подвигоположника своего Господа Иисуса Христа, Бога нашего.

Страдание святой преподобномученицы Феодосии

Память 29 мая

Святая невеста Христова Феодосия родилась в Константинополе от богатых, честных, благочестивых и добродетельных родителей. Первоначально они были неплодны в продолжении многих лет. Сокрушаясь об этом, они молились и много постились, прибегая и днем, и ночью к храмам Божиим, и щедро раздавая милостыню бедным.

Однажды когда они были в храме, построенном в честь святой мученицы Анастасии на всенощном бдении, мать святой Феодосии усерднее чем раньше молилась о разрешении своего неплодства; когда она немного задремала, ей явилась святая Анастасия мученица и сказала:

– Не печалься, женщина, ибо ты зачнешь и родишь.

Проснувшись, она пришла в великую радость и сказала о видении своему мужу. Тогда муж сказал ей:

– Жив Господь! Если Он разрешит неплодство наше и если мы родим сына ли, дочь ли, принесем то в дар нашему Владыке, Христу Богу.

Спустя некоторое время его жена действительно зачала и родила сию святую отроковицу, которую и назвали Феодосиею, то есть «данною от Бога», ибо она была дарована Богом. Затем просветили младенца святым крещением.

По истечении сорока дней после рождения, мать взяла свою дочь на руки и понесла ее в храм святой Анастасии, с радостными слезами воздавая благодарение Богу и святой мученице, обещая посвятить свою дочь в чин иноческий, дабы она была сопричислена к лику девственниц и невест Христовых (следует заметить, что при том храме был и монастырь для девиц, посвятивших себя на служение Богу).

Приняв благословение Божие, мать возвратилась к себе домой и начала воспитывать обещанное Богу дитя с великим вниманием, научая Феодосию чтению Божественных книг и

страху Божию и возжигая в сердце ее огонь любви Божественной.

Когда Феодосии исполнилось семь лет со времени рождения, отец ее умер; тогда мать, взяв отроковицу, повела ее в монастырь святой Анастасии и отдала ее для пострижения во святой чин Ангельский.

Спустя три года умерла и мать Феодосии, оставив все имение свое дочери-инокине. Но Феодосия, достигнув совершенного возраста, будучи преисполнена разума и любви к Богу, не восхотела принять имение, оставшееся ей от матери, но отдала его Богу, Которому принесла в жертву и саму себя: призвав к себе золотых дел мастера, она дала ему достаточное количество золота и серебра для скования трех икон: Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и святой мученицы Анастасии. Иконы эти имели величину в три локтя[3511]. Блаженная Феодосия поставила их в храме, всё же остальное имение свое раздала нищим, убогим, сиротам и вдовам, а сама в иноческой нищете продолжала служить Господу день и ночь, обогащаясь от Бога богатством духовным. Вооружаясь молитвенною броней на невидимого супостата, она умерщвляла постническими подвигами плоть, воевавшую на дух, побеждала врага бесплотного, попирала главу адского змия и низлагала гордого велиара[3512] смирением, кротостью, богоугодною любовью, чистотою, благоговением, послушанием и прочими иноческими добродетелями.

Однажды, когда святая молилась ночью, к ней подступил диавол и сказал:

– Вот ты ополчаешься на меня: в таком случае и я ополчусь на тебя, и не только на тебя, но и на всех христиан, ибо я нашел такого человека, посредством которого я сумею воздвигнуть брань на Церковь; я многих отвращу от поклонения иконе Христовой; многие пойдут во след меня и будут исполнять волю мою.

Святая же Феодосия, осенив себя знамением крестным, сказала:

– Да будешь проклят ты, диавол, противник христиан! Да уничтожатся и да погибнут все козни твои силою Христа, Бога

моего!

И исчез диавол. Преподобная же Феодосия, осенив себя честным знамением креста, начала воспевать псалом Давидов: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его» (Пс.67:2).

Об этом страшном видении и об всех горделивых словах диавола святая Феодосия передала игумении своей и спросила ее:

– Откуда же может прийти на христиан та беда, которую враг обещает навести?

Игумения ответствовала ей:

– Дочь моя! Апостол свидетельствует: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим.3:12). Ибо стадо Христово всегда было смущаемо лукавыми людьми, мудрствующими неправо, прельщающими всех и самих прельщаемых; эти лукавые люди и суть орудия диавола. Подобным образом и в настоящее время будет диаволом наведено на Церковь Божию смущение и гонение. «А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса» (2Тим.3:13–15).

Спустя некоторое время на правоверного царя Феодосия, прозывавшегося Адрамитином[3513], восстал воевода его, по имени Лев, называвшийся Кононом, родом исаврянин[3514]. Отняв у Феодосия власть царскую, Лев воцарился сам[3515].

В первое время царствования своего он показывал себя благочестивым, но в скором же времени обратился в нового Валтасара[3516], оскверняющего святыню церковную и не поклоняющегося Христу Богу Всевышнему и честной Его иконе. И вдохнул он в Церковь яд аспидов душевредной ереси манихейской; кроме того, сей звероподобный человек, рыкая как бы львиным гласом, произносил хульные слова еретические на святые иконы, называя их идолами, поклоняющихся же им называл идолопоклонниками. Нечестивый царь сей издал приказ, которым повелевал уничтожить поклонение иконам по всему своему царству.

В это время престол Константинопольский занимал святой Герман. Он вместе с прочими православными епископами весьма противился царю и не принимал его еретического приказания, повелевавшего отречься от почитания икон. Герман говорил сему хулителю:

– После того как Владыка и Спас наш воплотился от честных кровей Пресвятой Богородицы и исполнил все Божественные предначертания о спасении нашем, – уничтожена всякая служба идолам и все идольские изображения преданы огню. Прошло уже более семисот лет после того как подвизались Апостолы и возвестили миру спасительное учение Христово. За эти семьсот лет было весьма много праведных и преподобных отцов, и ни один из них не похулил святых икон, тем более ни один из них не слыхал о том нечестивом мудровании, какое вы вносите в Церковь, отвергая почитание святых икон, по долгу воздаваемое святыням от древности. Ибо святая Церковь приняла обычай почитать честные иконы от самой древности, начиная с того нерукотворенного образа, который Сам Спаситель послал на полотенце Авгарю, князю эдесскому. Затем кровоточивая женщина, исцелившаяся от прикосновения к краю одежды Христовой, после вознесения Господня на небо, сделала из камня подобие Иисуса Христа. Потом святой евангелист Лука написал икону Пречистой Девы Богородицы; с этого времени начался благочестивый обычай писания святых икон и украшения ими храмов Божиих и домов христианских. Вот и бывшие ранее нас шесть Вселенских соборов[3517] не похулили сего обычая, но, наоборот, повелели поклоняться изображениям святых, а не отвергать их. Знай же, царь, что я ради святых икон готов не только потерпеть какое угодно зло, но готов принять и самую смерть, ибо икона Христова носит имя Того Самого Христа, Который воплотился от Пренепорочной Девы Марии и пожил на земле с людьми. Каждый благочестивый христианин должен быть готов умереть как за имя Христово, так и за Его честные иконы, потому что тот, кто бесчестит икону, бесчестит и того самого, кто изображен на этой иконе».

Услыхав это, царь преисполнился гнева и ярости; зарычав, как лев, он начал свирепствовать с большою жестокостью, преследуя верующих и предавая различным смертям всех, противившихся ему. Прежде всего он послал воинов своих с оружием и повелел им прогнать с патриаршества святого Германа с бесчестием и побоями; вместо Германа Лев поставил лжепатриарха Анастасия[3518], еретика и единомышленника своего. Затем Лев приказал предать огню все Божественные книги и писания Богомудрых учителей. Следует заметить, что при храме Святой Софии была библиотека, имевшая около трехсот тысяч книг; при библиотеке этой было двенадцать училищ и столько же мудрых учителей; начальником же над этими учителями был мудрый гимназиарх, принявший честь эту от царя и от патриарха. Все сии учители воспротивились безбожному приказанию нечестивого императора; поэтому беззаконный мучитель, окружив вместе со своими воинами библиотеку ту и все училища с учителями и учениками, подпалил ее со всех сторон и сжег, так что никто из бывших там не спасся от огня, не уцелела от огня и ни одна книга.

В это время весь город Константинополь повергся в великую скорбь и печаль; все плакали и воздыхали; одни сожалели о несправедливом изгнании святейшего патриарха Германа, другие о сожжении столь большого числа книг и гибели мудрых учителей, иные о великом бесчестии, наносимом иконам, ибо иконы повсюду сокрушались, бросались в болота и сожигались на кострах.

Новопоставленный же патриарх-еретик, Анастасий, стоявший на святом месте как мерзость запустения (Мф.24:15), был весьма угоден царю, так как всячески споспешествовал ему в его иконоборном еретичестве. Сей лжепатриарх вскоре же выбросил честные иконы из великой церкви и приказал сделать тоже и по всем прочим церквам.

В Константинополе были ворота, называвшиеся «медными»; они были построены еще во времена великого Константина и вели к царским палатам. Над этими воротами находился медный образ Спасителев, висевший здесь в продолжении четырехсот и даже более лет. Тот злочестивый

патриарх вознамерился снять и предать огню сей честной образ, для чего и послал воинов с топорами на нечестивое дело. Когда начальник воинов тех, саном спафарий, приставив к воротам лестницу, начал подниматься по ней с топором в руках и уже готовился приступить к своему богопротивному делу, – его увидели некоторые благочестивые женщины, случайно проходившие там; увидали его также и инокини, в числе которых была и преподобная Феодосия; разжегшись ревностью по иконе Христовой и побуждаемые сею блаженною Феодосиею, более всех их ревновавшей об честных иконах и преисполненною Божественного мужества и дерзновения, – инокини те побежали к лестнице и опрокинули ее на землю; вместе с тем они низвергли и воина того, который, упав с высоты, весьма расшибся. Они же, влача его по земле, били до тех пор, пока он не умер; затем с поспешностью пошли к патриарху Анастасию и начали поносить нечестие его; они укоряли его, как волка, хищника, еретика и врага Церкви Христовой; потом начали метать в него камнями. Анастасий же, преисполнившись стыда и опасаясь как бы не поднялся против него общенародный мятеж, поспешил к царю и возвестил ему о нанесенном ему женщинами теми бесчестии, возвестил также и о убиении спафария при вратах медных. Царь, преисполнившись гнева и ярости, тотчас же, послав воинов своих с обнаженными мечами, приказал им отомстить за бесчестие патриарха и смерть спафария. И посечены были те святые жены за ревность, явленную ими по благочестью; блаженную же инокиню Феодосию, как более благородную по происхождению своему и с большим дерзновением исповедывавшую благочестие и как виновницу всего происшедшего, царь приказал взять и заключить в темницу, нанося ей ежедневно по сто ударов. Так мучима была святая в продолжении семи дней.

На восьмой день мучитель приказал водить святую по всему городу и бить ее без милосердия. Когда святая была приведена на место, называвшееся «Воловьим торгом» (здесь продавались и закалались животные)[3519],случилось, что один воин, сопровождавший святую, нечаянно наступил на большой

козий рог и поранил им свою ногу. Разгневавшись, он взял рог тот и начал бить им без милосердия святую мученицу по голове, затем ударил святую тем рогом в горло и проткнул его; и тотчас святая преподобномученица девица Феодосия, священная невеста Христова предала свою честную душу в руки бессмертного Жениха своего и отошла в небесный чертог Его, будучи увенчана двойным венцем и девства, и мученичества[3520]. Многострадальное же тело ее, брошенное на землю, было взято христианами с благоговением и похоронено в особом месте. От честных мощей святой Феодосии подавались исцеления болящим во славу Христа, Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь[3521].

Тропарь, глас 4:

Добродетель благоприятно мученице постигла еси, Христово приятелище бывши чистое, и Святаго Духа дом возлюблен: отнюдуже посрамила еси врага борющаго род человеческий, добре страдавшая, и посекла еси Копронима Феодосие, мечом веры: и к чертогу небесному преставилася еси радующися. Тебе верою чтущым присно проси велия милости.

Кондак, глас 2:

Трудами живот нетрудный достигла еси, кровию же Копронима удавила еси мученице, сквернаго врага Христовы церкве, всеблаженная Феодосие: и с вышними радуешися воинствы, чтущыя память твою покрывающи.

Память святого юродивого Иоанна, устюжского чудотворца

Память 29 мая

Блаженный Иоанн родился от благочестивых родителей, – от отца, по имени Саввы, и матери Наталии, – в окрестностях великого города Устюга[3522], в селе, носившем название Пухово и расположенном по ту сторону реки, называемой Сухоною, где находился древний город Устюг. С юных лет он обнаружил необыкновенное воздержание. По средам и пятницам он ничего не ел, а в прочие дни питался только хлебом и водою, причем ночи всегда проводил без сна в молитве и всегда ходил с грустным и жалостным лицом, так что те, кто видел его, думали, что он не в полном уме. Так блаженный отрок поступал всегда, и мать его много раз убеждала его изменить такой образ жизни, говоря:

– Дитя мое, не изнуряй тела своего неупотреблением пищи; такое суровое воздержание может причинить тебе болезнь.

– Не принуждай меня к этому, мать моя, – отвечал на это отрок, – воздержание избавит меня от грехов.

– Какие же грехи, дитя мое, – спрашивала мать, – имеешь ты, будучи в таких юных годах? Одна благодать Божия в тебе и никаких грехов мы не видим у тебя.

На это отрок отвечал матери:

– Мать моя! Перестань говорить такие слова, послушай, что говорит Писание: пусть никто из людей не хвалится тем, что он безгрешен; без греха – Один только Бог (Рим.3:10, 23; 1Иоан.1:8, 9). И еще: пища и питие не приблизят нас к Богу (1Кор.8:8). Поэтому не будем питать тела своего, чтобы оно не стало врагом нашим.

Такими словами уговаривал блаженный Иоанн мать свою. Хотя сам он был и неграмотен, но научен был данною ему благодатию Святого Духа, как сказал пророк: «Войду в размышление о силах Господа Бога; воспомяну правду Твою – единственно Твою» (Пс.70:15–16).

После этого отец блаженного из села Пухова переселился в находившийся тоже в окрестностях Устюга город, по имени Орлец[3523], на реке Юг, и здесь скончался. Тогда мать его отправилась в бывший там монастырь Живоначальной Троицы, приняла иноческое пострижение и вскоре избрана была игуменией этого монастыря. Все время она имела сына при себе, но блаженный отрок, познав суету мира сего, принял на себя вид юродивого[3524], и мать, видя, что он так ведет себя, предоставила его воле Божией.

После этого преподобный Иоанн ушел из монастыря и, пришедши в город Устюг, поселился вблизи соборной церкви Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения в церковной сторожке. Бодрствуя по ночам, он возносил непрестанные молитвы Господу, а днем старался казаться людям юродивым и бегал по улицам, чтобы не узнали его притворства. Отдыхал он обыкновенно на навозе и ходил совершенно нагим, только на пояснице носил одно разорванное рубище. Но когда случалось ему одевать на себя рубашку, то и она всегда была ветха и никогда он не мыл ее. Много терпел преподобный от легкомысленных людей оскорблений, насмешек и побоев, постоянно терпел голод и жажду и при этом ни от кого ничего не брал. Однажды вследствие зимнего холода он влез в сильно раскаленную печь, лёг в ней на горящие угли, как на постель, и нисколько от этого не пострадал. Кроме сего он исцелил от горячки жену одного князя, по имени Феодора, прозванного Красным[3525], княгиню, по имени Марию.

Проведши так жизнь свою, блаженный Иоанн, узнав о своем отшествии ко Господу, помолился о всем мире, оградил себя крестным знамением и, легши на землю, предал святую душу свою в руки Божии. Это произошло в 1494 году, в 29 день месяца мая. Преподобный погребен был вблизи соборной церкви и творит чудеса тем, кто с верою обращается к нему[3526].

Тропарь, глас 5:

Наготою телесною, и терпением обнажил еси вражия коварствия, обличая неподобное его деяние, зельне стражда солнечный вар, и нуждныя великия студени, мраза и огня не чул еси, Божиею помощию покрываемь, Иоанне премудре. О верою

творящих память твою честно и усердно притекающих к раце мощей твоих моли избавитися от бед и падения избежати.

Кондак, глас 8:

Вышния красоты желая, нижния сладости телесное ядение тщательно оставил еси, нестяжанием суетнаго мира, возлюбил еси Ангельское житие, преходя скончався Иоанне блаженне: с нимиже моли Христа Бога непрестанно о всех нас.

Житие преподобного отца нашего Исаакия Исповедника

Память 30 мая

Вскоре же после обретения пречестного и Животворящего Креста Господа нашего Иисуса Христа в царствование великого Константина житие его под 21 мая и ненавистник рода христианского и в особенности Самого Христа, Спасителя нашего, противник святой веры, по своему коварству внес смущение в Церковь Божию, а именно: он внушил злочестивому и беззаконному императору Валенту[3527] защищать ересь Ариеву[3528] и способствовать ее распространению. Сей нечестивый император поднял гонение на правоверных христиан; повелел запереть святые храмы, дабы в них не совершались обычные Божественные жертвы, другие же обратил в хлевы для лошадей, иные разрушил до самого основания. Гонение это продолжалось долгое время. И был в это время великий плач и великая скорбь среди христиан, которые все дни и ночи молились ко Господу, прося Его умилосердиться над Своею Церковью святою и сотворить праведный суд и отмщение нечестивому царю. В то время было так, как во времена Апостольские, когда царь Ирод «поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло» (Деян.12:1).

Спустя некоторое время на защиту Церкви Бог воздвиг раба Своего монаха Исаакия, подобно тому как древле воздвиг пророка Даниила на защиту неповинной Сусанны[3529]. Сей блаженный Исаакий первоначально подвизался в восточной пустыне, подражая святому Илии пророку и проводя жизнь ангелоподобную. Узнав о гонении, поднятом арианами на Церковь Божию, узнав также и о том, что и царь споспешествовал распространению ереси, он весьма опечалился; оставив пустыню, он пришел в Константинополь для того, чтобы утверждать верующих во благочестии; слово его было подобно свече горящей; Дух Божий почивал на нем и благодать небесная осиявала его. Увидав своими очами

великие беды, какие терпели верующие от зловерного царя и его единомышленников, он молил Бога, прося Его призреть с высоты престола Своего на гонимых неповинно и явить им милосердие Свое, гордость же гонителей смирить.

Бог, услышавший некогда угодника Своего Моисея, молившегося о людях своих, находившихся в беде (1Цар.28:17–22), услышал и раба Своего Исаакия, и воздвиг на нечестивого царя Валента варваров, именно: варвары, жившие в то время по реке Дунаю, собрав все полки свои, начали войну с греками; они уже захватили в свою власть Фракию и приближались к Константинополю. Необходимо было собрать воинов и царю Валенту, дабы войти на брань с врагами; но здесь случилось с царем то самое, что случилось некогда с Саулом, царем израильским, врагом Давида; ибо Саул не возвратился с поля битвы, согласно пророчеству святого Самуила, так как прогневал Бога (3Цар.22:1–53).

В то время как Валент выходил из Константинополя с полками своими, блаженный Исаакий зашел вперед его и громогласно воскликнул:

– Царь! Отопри храмы для правоверных, и тогда Господь благопоспешит пути твоему.

Но царь не отвечал ему, презирал его, как простеца и безумца; не придав значения словам его, он продолжал путь свой.

На другое утро блаженный старец, подойдя к царю, опять сказал:

– Открой, царь, храмы для правоверных, и тогда война окончится для тебя благополучно: ты победишь врагов своих и возвратишься домой с миром в добром здравии.

Царь, внимая словам его: «возвратишься домой с миром в добром здравии», хотел открыть двери церковные и отдать храмы правоверным, и уже начал советоваться об этом с вельможами своими. Но один военачальник, придерживавшийся злочестия арианского, посоветовал царю не слушать монаха, но с бесчестием прогнать его от себя. Побранив старца, царь с бесчестием и побоями прогнал его от себя и отправился в дальнейший путь.

И на третий день блаженный старец снова подошел к царю; взяв за узду коня, на котором он сидел, Исаакий начал еще усерднее просить и увещевать царя открыть храмы; в противном случае грозил ему судом Божиим.

Случилась на том месте глубокая пропасть, на дне которой росло терние и было болото; когда в это болото попадал какой-либо зверь, то он уже не мог выйти отсюда, но засасывался болотом и погибал. В это болото царь приказал бросить Исаакия, дабы он погиб здесь; потом отправился в дальнейший путь.

Святой же Исаакий, будучи брошен в болото это, был охраняем десницею Божиею и не потерпел здесь никакого вреда: его не уязвило терние и не затянуло болото; он лежал среди терния как бы на мягкой постели среди цветов, хваля и благодаря Бога до тех пор, пока не явились ему три светлых мужа, которые извлекли его из болота здравым и невредимым и поставили на сухом месте; сами же стали невидимы.

Тогда преподобный Исаакий понял, что это Сам Господь послал Ангелов Своих извлечь его из той пропасти; пав на колена, он воздал благодарение Спасителю своему за то, что Он заботился о рабах Своих и не оставлял всех, боявшихся Его и уповающих на Него.

Помолившись достаточное время и укрепившись Духом Святым, Исаакий встал; затем пошел поспешно окружным путем и, обогнав царя, остановился на пути его. Увидав святого, царь весьма испугался и от страха и удивления молчал. Святой же с дерзновением сказал ему:

– Вот ты хотел погубить меня в тернии и болоте; но Господь сохранил меня живым и послал мне Ангелов Своих, которые вывели меня из той пропасти. Послушай же меня, царь! Открой храмы для правоверных; тогда ты победишь врагов и возвратишься обратно с славою; но если не послушаешь меня, то не возвратишься с поля битвы, а погибнешь на нем.

Царь весьма удивился дерзновению монаха и светлости лица его, но несмотря на это не послушал его, так как сердце его было ожесточено и удалено от Бога. Потом царь отдал

блаженного двум сановникам своим Сатурнину и Виктору и приказал им содержать его в узах. При этом он сказал им:

– Держите у себя сего надоедливого старца, до тех пор, пока я возвращусь и воздам ему возмездие за его бесстыдство и дерзновение.

Преподобный же Исаакий, будучи преисполнен благодати Духа Святого, воспылал еще большею ревностью (как некогда пророк Михей против Ахава, царя израильского) и громогласно воззвал к Валенту:

– «Если возвратишься в мире», то знай, что «не Господь говорил через меня. И сказал: слушай, весь народ!» (3Цар.22:28). Говорю же тебе, что ты, выведя войска свои на брань, не одолеешь варваров, но побежишь от них, будешь взят ими и живой сгоришь на огне.

Когда святой сказал это, царь с гневом отправился в дальнейший путь, святой же был отведен в узы.

Между тем греки сошлись с варварами; битва была весьма жестокая; по попущению Божию победили варвары, согласно пророчеству святого Исаакия; многие из греков пали от меча; сам царь Валент был ранен и, не будучи в силах противиться врагам, обратился в бегство. Варвары же преследовали греков и посекали воинов греческих как траву; они настигали уже и самого царя, который бежал лишь с одним советником своим, военачальником, арианином, посоветовавшим ему не слушать Исаакия. Подъехав к некоему селению, он увидал сарай, в котором лежала солома; так как конь его был уже утомлен, он слез с него и скрылся в том сарае вместе с советником своим. Но не укрылся он от карающей руки Божией, потому что варвары, преследовавшие его, доехав до того селения и узнав, что в том сарае скрывались греки, подожгли его со всех сторон и сожгли до основания. Так погиб окаянный царь тот и его злой советник.

После того сражения оставшееся в целости войско греческое направилось навстречу римскому императору Грациану[3530], которой шел на помощь грекам. Придя в области греческие, Грациан избрал в цари грекам Феодосия, называемого Великим[3531]. Феодосий, собрав воинов,

отправился на варваров, победил и прогнал их и с торжеством возвратился в Константинополь.

Между тем некоторые из воинов греческих, не знавшие еще о погибели Валента, в скором времени после его смерти пришли к преподобному Исаакию, содержавшемуся в узах и сказали ему:

– Приготовься к ответу, ибо в скором времени возвратится царь с поля битвы и будет тебя допрашивать и мучить.

Но святой отвечал им:

– Прошло уже семь дней, как я обонял смрад от сожженных костей его; ибо, как я сказал, он сожжен.

Слышавшие это, пришли в великий страх; и действительно в скором времени пришло известие о погибели Валента. После этого святой Исаакий был освобожден от уз, и все начали почитать его как пророка Божия.

Когда в город вошел с торжеством Феодосий, упомянутые выше вельможи, Сатурнин и Виктор, возвестили ему все о преподобном Исаакии, – сказали о его дерзновении и о его пророчестве. Царь, уважая такового мужа, приказал с великою честью привести его к себе и поклонился ему, почитая его великим угодником Божиим и прося его помолиться Богу о нем и о всем его царстве. Преподобный же увещевал царя пребывать во благочестии, возвратить Церкви мир и утешить гонимых. Царь послушал святого и сделал так, как говорил он: прогнал ариан из Константинополя, чему верующие весьма радовались.

Блаженный же Исаакий, возблагодарив Бога за всё, намеревался идти в пустыню, дабы подвизаться там; но Сатурнин и Виктор упросили преподобного не уходить из царственного града, но пребывать около них и споспешествовать молитвами своими и учением мирному жительству христиан; святой соизволил исполнить просьбу их.

В это время между Сатурнином и Виктором произошел спор, так как каждый из них хотел, чтобы преподобный поселился в его доме. Узнав о причине спора их, святой сказал, обратившись к ним:

– Чада! Я вижу любовь вашу ко мне. Но так как вы имеете желание упокоить смирение мое, то, говорю вам, – я у того

пребуду все дни жизни моей, кто первый построит дом мне.

И начали оба заботиться о скорейшем построении дома для угодника Божия.

Сатурнин имел за городом очень красивое место, весьма удобное для жития иноков; на этом месте он и поспешил построить обитель угоднику Божию; здесь и поселился преподобный Исаакий. Точно так же и Виктор выстроил красивое жилище для святого и весьма сожалел, что Сатурнин опередил его. Придя к святому, он начал усердно просить его переселиться в келью, построенную для него. Но преподобный продолжал подвизаться в обители Сатурнина, хотя иногда приходил и к Виктору и жил у него по нескольку дней, не желая огорчать его отказом.

Между тем к преподобному начали собираться многие, желавшие подвизаться вместе с ним в трудах иноческих. Таким образом был построен большой монастырь на средства боголюбивых мужей Сатурнина и Виктора. И был преподобный наставником и игуменом многих иноков, полезным учителем и мирянам, ибо руководил всех на путь спасения и словом, и примером добродетельной жизни своей. Преподобный был весьма милостив к бедным, так что, если иногда не имел ничего, чтобы мог дать просившему, то снимал с себя одежду и отдавал ее; творил святой и многие другие богоугодные дела. Наконец, достигнув старости, приблизился к смерти. Созвав всю братию и преподав всем душеполезное наставление, святой Исаакий поставил игуменом вместо себя некоего честного мужа, проводившего жизнь святую, блаженного Далмата, по имени которого и обитель та впоследствии начала называться Далматскою.

Потрудившись во многих богоугодных делах, преподобный Исаакий отошел ко Господу на вечный покой[3532]; на погребение его собрался весь город; честное тело его было положено в храме святого первомученика Стефана; святая же душа его предстоит престолу Пресвятой Троицы, в лике святых и преподобных отцов и молит вместе с ними за нас Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога в Троице, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

Кондак, глас 8:

Яко угодник Божий верный, по Христове церкви ревностию разжегся, бразды уалентовы удержав, пророчески тому о затворении церкве пагубную смерть предрекл еси преподобне. Темже присно моли о нас, чтущих тя Исаакие преподобне.

Страдание святого мученика Ермия

Память 31 мая

Во время гонения, воздвигнутого на христиан в царствование нечестивого императора римского Антонина[3533], для мучения христиан был назначен императором некий вельможа, по имени Севастиан. Прибыв из Киликии в Каппадокию[3534], он встретил в Команах[3535] некоего воина, по имени Ермия, старца, убеленного сединою, христианина, веровавшего во единого истинного Бога и проводившего жизнь добродетельную. Князь тот сказал Ермию:

– Ко мне прислан указ императора римского Антонина, приказывающий всем христианам приносить жертвы богам римским; если же христиане не захотят приносить жертв, то будут преданы многим лютым мукам. Поэтому и ты, Ермий, принеси жертву богам: тогда ты будешь другом царя; ты будешь награжден великими почестями. Послушайся меня, в противном случае я предам мукам и душу, и тело твое.

Христов подвижник Ермий отвечал на это:

– Я воин небесного и бессмертного Царя Христа, Его же Царствию не будет конца; поэтому я не буду исполнять приказания смертного и нечестивого царя, царствование которого маловременно, в то время как царствование Господа нашего Иисуса Христа пребудет неизменным вовеки; всякий, верующий в Него, наследует жизнь вечную. Вот и я верую в Него. Раньше я служил Ему тайно, но ныне служу явно; диавол не победит меня; ты же имеешь власть лишь над телом моим, и то по попущению Божию; над душою же моею никто не имеет власти, кроме одного Бога, Который подаст мне терпение и сохранит меня невредимым вовеки.

После того как Севастиан выслушал святого Ермия, обратившись к нему, сказал:

– Принеси жертву богам, если хочешь насладиться радостями жизни этой.

Но святой отвечал:

– Какая может быть для меня радость, какое наслаждение и какая жизнь, если я, отступив от Создателя моего, поклонюсь бесам? Поистине, это не радость, а печаль; это не наслаждение, а горе; это не жизнь, а смерть вечная.

Сказал князь:

– Я вижу, что ты очень мудр.

Отвечал святой:

– Я мудр о Господе, Боге моем, в Которого я верую и Которому я служу со всем усердием; за Него я готов пострадать и согласен с радостью умереть.

– Уважая седины твои и ум твой, – сказал князь, – я готов пощадить и помиловать тебя.

Отвечал святой:

– Я не ищу милости у тебя, но ищу милости у Бога, Который умудряет рабов Своих Духом Святым.

На это князь сказал:

– Итак, ты предпочитаешь смерть жизни?

– Эта смерть, – отвечал святой, – не есть смерть, но жизнь вечная, если я с терпением перенесу назначенные тобою муки.

Тогда князь приказал сокрушать лицо святого камнями, бить его в уста и сдирать кожу с лица его. И сказал святой:

– Благодарю Бога моего, ибо благодать Его пребывает со мною.

Потом князь спросил воина:

– Почему ты не берешь своего оброка, как берут его все прочие воины?

– Так как вы несправедливо обираете убогих, – отвечал мученик, – то я по этой причине не беру оброков ваших, и не питаюсь ими, ибо я имею духовную пищу, подаваемую мне Духом Святым, от которой и никогда не взалкаю.

Тогда князь приказал разжечь печь и бросить в нее мученика Христова. Спустя три дня раскрыли печь, но нашли святого живым и невредимым, прославляющим Бога, ибо огонь не прикоснулся телу его.

После этого князь, призвав волхва, приказал ему дать отраву Ермию.

Святой же, помолившись Богу, выпил отравленное питье и нисколько не пострадал, согласно слову Христа Господа, сказавшего: «если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк.16:18).

Волхв приготовил еще более опасную отраву и дал мученику, сказав:

– Если ты нисколько не потерпишь от этого яда, то я оставлю свое волшебство и уверую в распятого Бога, Которому ты служишь.

Святой же Ермий, вкусив эту отраву и испив ее до дна, нисколько не пострадал, но продолжал пребывать здравым и невредимым. Тогда волхв воззвал:

– Ты победил меня, Ермий! Ты одолел и превозмог меня, раб Христов! Ты спас от ада погибшую душу мою и побудил меня служить Богу. Подобно тому как старое изваяние, сделанное из железа, будучи перековано, обновляется; так обновляюсь душою и я, состарившийся во грехах и нечестии; обновляюсь я, обращаясь к Богу живому, пребывающему вечно. О Боже небесный, единый истинный, избавивший меня от обольщения бесовского и от скверны идолослужения посредством раба Твоего Ермия! Прими меня, грешного, обращающегося к Тебе, и помилуй меня, исповедующего Тебя!

Когда он взывал так, князь преисполнился ярости и приказал обезглавить его. И усечен был волхв тот, крестившись кровью своею; и отошел новый христианин и мученик ко Христу Богу, ради Которого он положил жизнь свою.

Святого же Ермия князь приказал мучить без милосердия, вытаскивая жилы по всему телу его. Будучи так жестоко мучим, святой сказал:

– Я совершенно не чувствую никакой боли от мучения; ибо, подобно тому как нож, разрезая жилу, выпускает негодную кровь и дает здоровье телу; так и я, принимая исторгание жил из тела моего, делаюсь всё более и более здравым в вере Христовой.

Потом мучитель приказал бросить святого в котёл, наполненный кипящим маслом. Но котёл тотчас остыл, и масло кипящее обратилось в прохладную росу. Мученик же Христов громогласно восклицал:

– Я не чувствую боли и не исполню твоего приказания, мучитель! Я лишь буду исполнять волю Отца небесного, Которому и приношу себя самого в жертву непорочную, ибо Он – Владыка душ и тел наших.

В то время как святой говорил так, мучитель приказал лить в гортань его горький уксус, смешанной с желчью. Мученик же говорил:

– Эта горечь для меня всё равно что сот медовый ради Бога моего, во имя Которого я и терплю всё сие.

Затем мучитель приказал выколоть глаза святому Ермию. Услышав об этом, святой сказал мучителю:

– Если тебе нужны очи мои телесные, видящие суету мира сего, – то возьми их; я имею очи сердечные, которыми ясно созерцаю свет истинный.

И выколоты были очи у святого мученика.

Потом святой был повешен вниз головою и висел в таком положении три дня, так что много крови вышло через ноздри его. По прошествии же трех дней, пришли некоторые посмотреть на святого, думая, что он уже скончался, но нашли его живым и славящим Бога, чему весьма удивились. Но за неверие их, очи их покрылись мраком; они ослепли и начали взывать:

– Помилуй нас, раб Бога истинного, ибо мы поражены слепотою!

Святой же сказал им:

– Подойдите ко мне!

Когда они подошли к нему, то он, возложив на них свои руки, сказал:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа прозрите.

И тотчас все прозрели и, возвратившись, рассказали обо всем происшедшем.

Князь же, придя в еще больший гнев, приказал содрать кожу со всего тела мученика. Когда слуги исполняли приказание мучителя, святой поносил князя и укорял его мерзких богов, чем вызвал князя на еще больший гнев. Зарычав как лев, он ножом отрезал честную главу святого мученика.

Так окончил подвиг свой мученик Христов Ермий[3536].

Христиане, придя тайно на место то, взяли честное тело его и похоронили в Каппадокии на месте, называвшемся Комана. Здесь совершались многие чудеса от честных мощей мученика и подавались многоразличные исцеления во славу Христа, Бога нашего, Которому вместе со Отцом и Святым Духом воссылается слава, честь и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 6:

Иже по Христе усердно подвизався, в сединах доблих мужество стяжал еси, мучениче Ермее: беззаконных злоумышление поправ Христовою силою, от чаровных напоений невредимь пребыл еси зовый: Бог есть со мною и никтоже на мя.

Страдания святого мученика Философа

Память 31 мая

Сей святой мученик Христов Философ[3537] происходил из окрестностей города Александрии[3538]. О нем, а равно и о том, как он совершил свой мученический подвиг, сообщил великий в иноках Антоний[3539].

Был прекраснейший сад, полный всяких многоцветных и благоуханных растений. В этом саду поставлена была для мучения роскошно украшенная постель, и на нее положен был спать связанный по рукам и по ногам сей святой мученик Философ. Слыша от пришедшей к нему блудной жены соблазнительные и бесстыдные слова, доблестный мученик смежил свои глаза, чтобы не смотреть на нее, но вежд и ушей он не мог закрыть, он был связан, а потому и не мог ничего для этого сделать. Тогда он поступил так. Кусая зубами язык свой и нанося себе этим сильную боль, он от боли не слышал того, что внушала ему бесстыдная жена, а так как не имел возможности закрыть себе ноздри, то мочил своим окровавленным языком нечистую постель, сильно окровавил свою одежду и остался таким образом невредимым от искушения. Такой подвиг совершил доблестный мученик, но не покорился мучителю. После этого ему отсекли голову[3540], и он вечно веселится на небесах[3541].

Житие и страдание святого мученика Иустина Философа

Память 1 июня

Святый мученик Христов Иустин философ родился в Сирии Палестинской, в пределах Самарии, в городе, называвшемся первоначально Сихем, а впоследствии[3542] Неаполис Флавил[3543]. Отец его, по имени Приск, был знатный язычник; язычником же был и сам Иустин, пока не просветился светом святой веры. Одушевленный любовью к истине, с юности имел он прилежание к книжному учению и, благодаря острому уму, успевал в науках, преподаваемых в греческих языческих школах. Усвоив себе искусство красноречия, он почувствовал стремление к философии и сначала сделался учеником одного философа – стоика[3544], чтобы узнать, в чем состояло учение стоиков. Иустин горел желанием получить понятие о Боге, но, пробыв некоторое время у стоического философа, он ничего не узнал от него о Боге, так как стоик не знал Бога и учение о Нем не считал нужным. Тогда Иустин оставил этого учителя и пошел к другому философу, из так называемых перипатетиков[3545], считавшемуся мудрецом. Немного дней прошло, как этот философ уже начал сговариваться с Иустином о плате, не желая учить его даром. Видя сребролюбие своего учителя, Иустин почувствовал к нему презрение, как к лихоимцу, и решил, что этот учитель недостоин даже называться философом, так как ему неизвестно презрение к мирскому богатству. Отвергнув, по указанным причинам, стоиков и перипатетиков, Иустин, побуждаемый неудовлетворенным стремлением к истинной философии, приводящей к познанию Бога, хотел было избрать своим учителем одного известного философа-пифагорейца[3546]. Тот нашел, что Иустину должно прежде всего изучать астрономию, геометрию, арифметику, музыку и некоторые другие науки, как необходимые, – по его мнению, – в земной жизни. Но Иустин рассудил, что для изучения этих наук придется провести много лет, тогда как для души от них не будет никакой пользы; не слыша и от этого

учителя ничего, что удовлетворило бы желание его сердца, с каждым днем все более распаляющегося любовью Божественною, Иустин также оставил его. Потом он обратился к одному из платоников[3547], учение которых в те времена было в великой славе и уважении; платонический философ обещал научить его познанию предметов бестелесных от подобия телесных, высшим знаниям от подобия низших и разумению Бога от разумения идей, – ибо предполагаемым концом этого платонического учения был переход от познания идей к разумению Бога. Блаженный Иустин охотно склонился на такой путь, надеясь постигнуть предмет своих стремлений – Божественную мудрость, дающую знание Бога и исполняющую благодатью Его. При учителе платонике пробыл он довольно времени, скоро изучил догматы и уставы Платона, и достиг совершенства и славы, как еллинский философ. Но истинного христианского богопознания достичь этим путем Иустин еще не мог, ибо Греческие философы, почитая нетленного Бога под тленным образом людей, птиц, четвероногих и гадов, прославляли Его не по достоинству. Все же Иустин имел некоторое духовное утешение, упражняясь в богомыслии и поучаясь богопознанию, на сколько мог постигнуть его ум, еще не просвещенный истинным учением.

Прогуливаясь однажды за городом, на уединенном месте вблизи моря и обсуждая в уме различные философские учения, Иустин увидел какого-то незнакомого ему почтенного старца, убеленного сединами. Когда он со вниманием смотрел на старца, последний сказал:

– Разве ты знаешь меня, что так внимательно на меня смотришь?

– Не знаю, – отвечал Иустин, – но мне удивительно видеть тебя в этом пустынном месте, где я не ожидал никого встретить.

– Родные мои, – сказал старец, – ушли в ту сторону; ожидая их возвращения, я вышел им навстречу, чтобы издалека увидеть их. А ты здесь что делаешь?

Иустин отвечал:

– Я люблю прогуливаться в уединении, чтобы беспрепятственно размышлять о философии.

– Какую же пользу приобретаешь ты от философии? – спросил старец.

Иустин отвечал:

– Что можно найти полезнее философии? Она – просветительница ума, вождь и наставница всякому рассуждению, руководительница жизни; кто хорошо узнает ее, тот как в зеркале видит невежество и заблуждение других; без философского учения и правильного употребления разума не может существовать премудрость. Поэтому должно каждому человеку поучаться философии, дабы знать, что приносит пользу и что нет, чего следует держаться и что отвергать.

– Но приносит ли философия счастье человеку? – спросил старец.

Иустин отвечал:

– Конечно приносит.

– Скажи же мне, что такое философия, и в чем от нее счастье?

– Философия, – отвечал Иустин, – есть разумение всего существующего и познание истины; в обладании тем же разумением и премудростью состоит и приносимое философией счастье.

Старец спросил:

– Если истина познается с помощью правильного философского разумения, то что скажешь ты о Боге?

Иустин отвечал:

– Существо – никогда не изменяющееся, но всегда пребывающее в одном и том же состоянии, первопричина всякого бытия, – вот как мыслю я о Боге.

Старцу понравился этот ответ, и он продолжал вопросы:

– У всего существующего есть ли один общий разум? Ведь о сведущем в каком-либо искусстве говорят, что он это искусство разумеет: землемерие ли то, мореплавание или врачевство; не то же ли бывает и по отношению к прочим вещам Божественным и человеческим? Еще скажи мне: есть ли такой разум, от которого исходит познание вещей как Божественных, так и человеческих?

– Поистине есть, – отвечал Иустин.

– Одно и тоже ли: разуметь Бога, или разуметь музыку, арифметику, астрономию, или что-либо подобное?

– Совсем нет. Иное дело разуметь Бога, иное – знать какое-либо искусство.

– Ты хорошо отвечал, – сказал старец, – некоторые знания получаются нами или от слуха и учения или от созерцания предмета собственными глазами. Если бы, например, кто сказал тебе, что в Индии водится такой-то зверь, не похожий ни на каких других зверей, но совершенно, по своим разнообразным свойствам, отличный от них, – не видев его своими глазами, ты не мог бы знать о нем, а не слышав сначала сам рассказа об этом звере, не мог бы рассказать о нем и другому. Вот теперь я и спрашиваю тебя: как ваши еллинские философы могут правильно разуметь о Боге и утверждать о Нем что-либо истинное, если никогда не видели Его, не слышали и, следовательно, не имеют никакого познания о Нем?

Иустин отвечал:

– Отче! Сила Божества зрится не телесными очами, как рассматриваются человеком какие-либо земные живые существа, но одним лишь умом можно постигать Бога, как говорит Платон, учению которого я следую.

Старец спросил:

– Нет ли в уме нашем некоей силы с такими свойствами и настолько могущественной, посредством которой мы могли бы скорее постигать невидимое, чем познаем телесными чувствами какую-либо вещь?

Иустин отвечал:

– Воистину есть такая сила; Платон называет ее оком ума, которое, по его учению, дано человеку с тою целью, чтобы, очищенное и просвещенное учением любомудрия, могло оно созерцать самую Божественную истину, причину всех вещей, постигаемых умом. Истина же эта не имеет определенного образа, или какого-либо подобия, или возраста, или чего-либо доступного телесным очам, но есть Существо выше всех существ, непостижимое, неисповедимое, соединение благости и красоты; самим же этим Существом от начала насаждено в

благородных душах желание познавать Его, – ибо Оно любит, когда такие души Его познают и созерцают.

Старцу было приятно слышать такие слова, но всё же он не был вполне доволен этим рассуждением Иустина о Боге по учению Платона, как несовершенным по отсутствию христианского исповедания и, не одобряя Платона, сказал:

– Если Платон так учит, как ты исповедуешь, то почему он сам не познал и не постиг истины Божией? Утверждая, что Бог невидим и непостижим, он видимой твари, небу, звездам, деревьям и камням, обтесанным в подобие человеческое, поклонялся как Самому Богу и, обращая в ложь истину Божию, держался кумирослужения, и учил тому других. Я не думаю, чтобы Платон и прочие еллинские философы обладали правильным разумом, могущим достигать истинного Богопознания: «осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели» (Рим.1:21–22). Словом, скажу так: ум человеческий, не наставленный Духом Святым и не просвещенный верою, совершенно не в состоянии познавать и разуметь Бога.

Так и много подобного сему говорил старец о правом боговедении, истинном богопочитании и о прочих Божественных вещах, обличая заблуждение еллинских философов. Дивясь речам старца, Иустин спросил:

– Где же и какого учителя можно найти для наставления в истине, если в Платоне и прочих философах нет истины?

Тогда старец начал повествовать ему о святых пророках, говоря:

– В древнейшие времена, гораздо ранее всех философов, были некие мужи святые, праведные и угодные Богу; исполненные Духа Святого, они предсказывали о том, что совершается ныне, и называются те мужи пророками. Они одни прежде всех познали истину и, возвещая ее людям, ни перед кем не смущались и никого не боялись; никто не мог убедить их в одном слове отступить от истины, и суетная слава не могла победить их. Обо всем, что они созерцали или слышали от Бога в бывших им откровениях, они говорили просто, истинно и безбоязненно. Писания их и ныне существуют; кто читает их с

верою, тому приносят они много пользы и просвещают ум к познанию истины. Не хитрословием и не какими-либо софистическими[3548] доводами или умозаключениями подтверждают свои слова эти святые пророки, но в простой беседе изрекают самую истину, ибо они сами, помимо всех софистических доводов, – вернейшие свидетели истины, как веровавшие в единого истинного Бога, Создателя всего существующего, и предвозвестившие пришествие в мир Сына Его, Господа Христа. И несомненно, что пророки заслуживают веры, так как одни предречения их уже исполнились, а другие ныне исполняются. Истину же некоторых из своих предречений они утверждали и чудесами, творя дивные дела силою, подаваемой им свыше Божией благодати, чего ложные, не Богом поставленные, пророки никогда не могли творить, а лишь устрашали людей некими бесовскими привидениями и обманами.

Так беседовал с Иустином незнакомый ему блаженный муж, и, наконец, сказал ему:

– Прежде всего молись прилежно истинному Богу, да откроет тебе двери света, ибо только тот может созерцать и разуметь Божественное, кого Бог Сам удостоит откровения; открывает же Он всякому, кто ищет Его молитвою и приближается к Нему любовью.

Так сказав, старец отошел от него и стал невидим; никогда и нигде потом Иустин уже не мог найти и увидеть сего мужа. О своих сердечных ощущениях после ухода старца сам Иустин, в беседе с славным иудеянином Трифоном, поведал так:

– Какой-то огонь разгорелся во мне, воспламеняя дух мой стремлением к Богу, и возросла во мне любовь к святым пророкам и к тем мужам, которые суть друзья Христовы. Размышляя о словах старца, я познал, что возвещенная им философия – единственно истинная, начал читать пророческие и апостольские книги и от них стал действительно философом, то есть истинным христианином.

Поведав это о себе впоследствии Трифону, блаженный Иустин предал одновременно памяти, с чего началось

обращение его к Богу, когда незнакомым мужем, как бы посланным с небес, он был наставлен на правый путь.

После душеполезной беседы с боговдохновенным старцем, Иустин немедленно обратился к христианским книгам и с сердечным прилежанием начал читать Божественные Писания. Древние пророчества сивилл[3549] он сопоставлял с предсказаниями святых пророков о воплощении Христа от Пречистой Девы, о Его вольных страданиях, о будущем суде и о кончине видимого мира; усматривая полное согласие в тех и других, дивился, и понемногу, под внутренним наставлением Святого Духа, приходил к более совершенному познанию Бога и Сына Божия. День ото дня усиливалось в душе его стремление к благочестию и, склоняясь к христианской вере, он осуждал в себе еллинское безумие. В то время немалым препятствием для добрых намерений души, стремящейся к христианскому благочестию, были частые и лютые гонения на христиан, а также много бесчестных, постыдных, слухом невмещаемых, клевет в пороках, ложно возводимых на христиан язычниками, – будто бы христиане в своих ночных (молитвенных) собраниях, погасив светильники, вместе с тем угашают и свет чистоты, взаимно оскверняясь нечистотою, и подобно зверям едят человеческое мясо. Такими и подобными гнусными нареканиями язычники и иудеи обесславливали неповинных христиан перед всеми народами. Лжи нечестивых и безумных людей верили, как бы самой истине; и все неверные ненавидели христиан, людей праведных и святых, гнушались ими, презирали и отвращались от них, как от великих беззаконников, повинных тяжким грехам, и предавали христиан на смерть после многих и разнообразных мук. Эти обстоятельства сначала препятствовали Иустину в его намерении присоединиться к христианам; но всё-таки он не давал особой веры обвинениям, возводимым на христиан, зная хорошо, что часто неразумным народным судом неповинные осуждаются как виновные, чистые обесславливаются как развратники и праведные считаются грешниками. Видя же, что христиане безбоязненно дают ответы в судах, мужественно переносят муки, все видимые блага мира сего презирают как сор, добровольно отдаются на мучение за

Господа своего и стремятся на смерть, как на пир, – Иустин рассуждал в себе:

– Неправда то, что говорят о христианах, будто бы они творят такие беззакония: грешник, погрязший в необузданных чувственных наслаждениях и из сластолюбия потребляющий человеческое мясо, не переносит мук, не отдает себя добровольно на раны, но избегает их; будучи же привлечен к какому-либо суду, старается всячески избавиться и не жалеет средств, чтобы откупиться от наказания, дабы потом жить безболезненно и, пользуясь телесным здоровьем, еще более предаваться своим похотям. Не таковы христиане: добровольно избирая страдание за Христа, в Которого веруют, и, предпочитая смерть жизни, разве могут они настолько любить грех?

Так рассуждая, он тщательно разузнавал о жизни христиан и вполне убедился, что они пребывают в страхе Господнем чисто и непорочно, рачительно соблюдают свое целомудрие, постом и воздержанием постоянно умерщвляют себя, часто молятся и всегда упражняются во всяких добрых делах. Убедившись во всем этом, Иустин весьма полюбил христиан от всего сердца, привязался к ним и принял святое крещение. И стал он великим поборником Христовой веры, борцом словом и писанием против эллинов и иудеев, непобедимым воином Христа, крепким и мужественным подвижником.

Стремясь к спасению душ человеческих, он обходил различные страны: учил и проповедовал о имени Христовом, обращая неверных от заблуждения их к Богу. Пришел он и в Рим[3550], как философ, – в философском одеянии, вместе с учениками своими. Так как многие сходились к нему для учения, то он образовал училища и под видом внешнего любомудрия учил истинной христианской философии. Встретив там Маркиона[3551], основателя ереси, он с силою противостал ему, опроверг и написал книги против ересей его, а также и против других еретических учений. Там же в Риме был некий языческий философ-циник[3552] Крискент, великий враг христиан; с этим нечестивым философом истинный христианский философ святый Иустин непрестанно боролся словом и писал против

него книги. Этот циник, сам живя нечисто и весьма беззаконно, ненавидел христиан за их целомудренную жизнь по Боге и завидовал доброй славе Иустина, пользовавшегося за свою боговдохновенную премудрость и чистую, непорочную жизнь почетной известностью у всех римлян. В злобе своей циник клеветал на христиан обвиняя их во многих постыдных делах, чтобы обесславить Иустина вместе с его единоверцами в глазах народа и возбудить к ним отвращение. Слыша и видя это, святый Иустин говорил:

– Я готов пострадать за веру Христову и претерпеть смерть от неверных; и думаю, что она постигнет меня через этого Крискента циника, безумного, любящего гордость больше мудрости, который недостоин названия философа, ибо осмеливается утверждать то, чего достоверно не знает, будто христиане-безбожники, (не имеют Бога), и делают много нечистого и беззаконного; так хулит он нас по ненависти и злобе и тем хуже простых людей, ибо последние не дерзают что-либо говорить о вещах, которых не знают.

Царствовал тогда в Риме Антонин[3553], преемник Адриана. Сам Антонин не был озлоблен против христиан; однако, в силу указов прежних царей, нечестивые идолопоклонники, правившие народом, гнали и убивали христиан из великой ненависти к ним, а также из лихоимства, чтобы грабить имения их; и не столько ради исповедания имени Христова, сколько по ложным клеветническим обвинениям во многих беззакониях, верных предавали суду, допрашивали во взводимых клеветах и казнили различными видами смерти. В это время в Риме произошел такой случай: некая женщина язычница, жившая нечисто, услышав от христиан слово об истинном Боге и учение о целомудренной жизни, о воздаянии праведным и о муке грешным, умилилась душою и уверовала во Христа. Мужа своего, усердного идолопоклонника, погрязшего в плотской нечистоте, она всячески увещевала, желая наставить на воздержную жизнь и обратить к истинной вере. Когда же она увидела, что совершенно не в состоянии исправить его, то изыскивала средства расторгнуть супружеский союз с ним, чтобы не жить вместе и не оскверняться уже более нечистотою.

Муж, узнав, какой христианин научил жену его христианской вере, пошел к градоначальнику жаловаться на христианина, имя которого было Птоломей. Раб Христов Птоломей был взят, долго содержался в смрадной темнице и, преданный суду, был приговорен к смерти градоначальником. Во время этого неправедного суда стоял там некий муж, по имени Лукий, и видя, что блаженный Птоломей осужден неповинно, сказал несправедливому судии:

– За какую вину, градоначальник, ты продаешь на смерть мужа, неповинного смерти? Он не прелюбодей, не насильник, не убийца, не вор, не хищник, в другом каком-либо беззаконии также не обличен. Единственная его вина та, что он исповедал себя христианином.

Грозно взглянув на говорившего, градоначальник со злобой спросил:

– И ты не из числа ли христиан?

Лукий отвечал:

– Да, я христианин.

Тогда градоначальник и его повелел предать смерти. Присоединился к этим двум христианам и третий, друг их, во всеуслышание исповедавший себя христианином; и все трое положили души свои за Христа.

Блаженный Иустин, узнав об этом несправедливом убиении святых, исполнился скорби, написав свиток, или апологию[3554], доказывающую неповинность христиан, вручил ее царю, сыновьям его и всему сенату, безбоязненно готовый на муки и смерть за Христа. Царь со вниманием прочитал этот свиток, подивился премудрости христианского философа и не только не прогневался на него и не предал его смерти, но даже похвалил разум его. В этом свитке Иустин изобличал ложность языческих богов, ясно изобразил всемогущество Христа, доказал, что обвинения, возводимые на христиан, ложны, и что жизнь их целомудренна и праведна. Умилившись, царь повелел, чтобы христиан за исповедание имени Христова не мучили и имений их не грабили, кроме случаев преступлений, поистине достойных осуждения и казни.

Святый Иустин записал это царское повеление; отпущенный царем, он с его соизволением отправился в Азию, где тогда христиане особенно подвергались гонению. В философской одежде, которую не оставлял он до кончины своей, Иустин пришел в Ефес[3555], объявил и изъяснил всем повеление царя и послал его в окрестные страны и города. Настала тишина в Церкви Христовой, гонение на время прекратилось, и верным была великая радость. Пребывая в Ефесе, святый Иустин имел прения с премудрым раввином иудейским Трифоном и одержал победу, ссылаясь на ветхозаветное Писание; об этом прении, как и о вышеназванной апологии, есть в книге Иустина пространное слово[3556].

Пробыв в Ефесе довольно времени, он снова возвратился в Италию и, по примеру Апостолов, всюду в пути проповедовал Христа, обращал путем прений к святой вере иудеев и эллинов и утверждал в ней верных. Когда он пришел в Рим, восстал на него с сильнейшею ненавистью и большею злобою вышеназванный еллинский философ Крискент циник; святой Иустин часто имел с ним прения, всегда его одолевал и посрамлял пред всеми. Не будучи в состоянии противостоять Иустину и не зная, что иное делать, злобный Крискент возвел на него много ложных обличений перед римским судом. Святого взяли и, как повинного наказанию, мучили в узах и истязали на суде; но не нашлось в нем никакой вины. Завистник же, боясь, чтобы Иустина не отпустили на свободу, тайно приготовил смертный яд, посредством которого обманным образом и лишил жизни непобедимого воина Христова.

Так скончался[3557] истинный христианский философ святый Иустин, оставив по себе много писаний, весьма полезных Церкви Христовой и исполненных премудрости Святого Духа[3558]. Представ подвигоположнику Христу Господу, он принял от Него венец страдальческий и был причислен к лику святых мучеников, славящих Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, вовеки, аминь.

Кондак, глас 2:

Премудростию Божественных твоих словес Иустине, церковь Божия вся украсившися, жития твоего светлостию мир

освещает: излияния же ради крове венец прием, и со Ангелы предстоя Христу, моли непрестанно о всех нас.

Страдание святого мученика Иустина и дружины его

Память 1 июня

В то время, когда идолопоклонники по всем странам и городам против благочестивых и соблюдающих благий закон христиан издали нечестивое повеление, чтобы всякий, верующий во Христа, принуждался приносить жертву идолам, были взяты святые мученики Иустин, Харитон и Харита (женщина), Евелпист, Иеракс, Пеон и Валериан, приведены в Рим и представлены на суд градоначальника Рустика. Тот сказал Иустину:

– Окажи повиновение богам и царским повелениям, чтобы не подпасть осуждению.

Святый Иустин отвечал ему:

– Никто и никогда не может быть осужден, если повинуется заповедям Спасителя нашего Иисуса Христа.

Какого учения ты держишься? – спросил градоначальник.

Иустин отвечал:

– Я прилежно изучал всякие внешние учения и достиг искусства во всяком знании, но потом присоединился к истинному христианскому учению, – хотя бы оно и не одобрялось теми, кто заблуждается в неправом мудровании.

Тогда сказал Рустик:

– Так ты, окаянный, любишь учения, противные нашему мудрованию?

– Да, люблю, – отвечал святой Иустин – ибо следую справедливому учению христиан.

– Что это за учение?

– Правое учение, которое мы, христиане, нерушимо соблюдаем, таково: знать единого Бога, Творца и Создателя всего видимого и невидимого, и исповедовать Господа Иисуса Христа Сына Божия, некогда предвозвещенного пророками, Который приидет судить человеческий род. Он есть Проповедник спасения и Учитель желающих утвердиться в добродетели. О бесконечном Божестве Его я, человек

немощный, меньший из всех, не могу говорить с достаточной силою, но исповедую, что это предсказано пророками: они за много веков предвозвестили сошествие на землю Того, Кого наименовал я Сыном Божиим.

Градоначальник спросил:

– Куда сходятся христиане?

Иустин отвечал:

– Всякий приходит туда, куда хочет и может. Разве ты думаешь, что мы все собираемся в одно место? Это дело несбыточное: ибо Бог христианский не пребывает в каком-либо месте, но, будучи невидимым, наполняет небо и землю; везде поклоняются Ему верные, и слава Его провозглашается повсюду.

Сказал градоначальник:

– Всё-таки ответь нам, куда вы сходитесь, и где собираешь ты своих учеников. Иустин отвечал:

– Я доселе находился близ дома некоего Мартина, при бане, называемой Тимиотини, пришел же в город Рим во второй раз, и другого места, кроме названного, не знаю; всякого, пожелавшего прийти ко мне, я присоединял к истинному учению.

– Итак, ты христианин? – спросил Рустик.

– Да, я христианин, отвечал Иустин. Тогда градоначальник обратился к Харитону:

И ты не христианин ли?

Отвечал святый Харитон:

– С помощью Божией, и я христианин.

Потом спросил Рустик блаженную жену Хариту, следует ли и она Христовой вере; Харита также объявила себя христианкой, по благодати Божией. Потом Рустик спросил Евелписта:

– А ты кто?

– Я царский раб, – отвечал тот – но, как христианину, Сам Христос даровал мне свободу; Его милосердием и благодатью стал я участником той же надежды, как и те, которых ты видишь.

Затем градоначальник спросил Иеракса, не христианин ли и он. Иеракс ему отвечал:

– Поистине, и я христианин, ибо почитаю Того же Бога и поклоняюсь Ему.

– Вас сделал христианами Иустин? – спросил градоначальник.

Иеракс отвечал:

– Я и был, и буду христианином.

Бывший тут же святый Пеон сказал:

– И я христианин.

– Тебя кто научил христианству?

– От родителей принял я это доброе исповедание, – отвечал Пеон.

Потом сказал Евелпист:

– И я от родителей моих получил наставление в христианстве, внимая же словам Иустина, еще сильнее укрепился в христианской вере.

– Где же твои родители? – спросил градоначальник:

– В Каппадокии.

Потом градоначальник спросил Иеракса:

– В какой стране живут твои родители?

Иеракс ему отвечал:

– Истинный Отец наш – Христос, а матерь – вера в Него; земные родители мои преставились, я же пришел сюда из Иконии Фригийской.

Обратился градоначальник к Валериану, побуждая и его к ответу:

– Ты также христианин и к богам не усердствуешь?

Валериан отвечал:

– И я христианин, почитаю единого истинного Бога и Ему поклоняюсь, ваших же богов презираю.

Снова градоначальник обратился к Иустину:

– Слушай ты, называющийся красноречивым и считающийся последователем истинного учения: если начиная с головы по всему телу покроешься язвами, то думаешь ли через это войти на небо?

Иустин отвечал:

– Если я претерплю названное тобою мучение, то надеюсь получить такое же воздаяние от Господа моего, какое уготовано сохранившим Христово учение; ибо я знаю, что всех, благочестиво поживших и как-либо пострадавших за Бога, ожидает до скончании всего мира сокровенная Божия благодать.

На это градоначальник Рустик сказал:

– Итак, ты полагаешь взойти на небо и получить некоторую награду от Бога твоего?

– Не полагаю, – возразил Иустин, – но знаю достоверно и надеюсь на это без сомнения.

Сказал Рустик:

– Однако приступим к предстоящему нам делу: соберитесь вместе, и все вместе принесите жертву богам.

На это Иустин возразил:

– Никто, рассуждающий здраво, не захочет лишиться благочестия и впасть в заблуждение и беззаконие.

Градоначальник Рустик сказал:

– Если вы не будете повиноваться нашим повелениям, то понесёте муки без всякого помилования.

Иустин отвечал:

– Воистину желаем претерпеть муки за Господа нашего Иисуса Христа и спастись, ибо эти муки исходатайствуют нам спасение и дерзновение на Страшном Суде Его, на который по повелению Божию предстанет весь мир.

Так же говорили и все прочие святые мученики, присовокупляя:

– Исполняй скорее намерение свое; мы христиане, – идолам приносить жертву не будем.

Выслушав это, градоначальник объявил приговор:

– Не желающие принести жертву богам и покориться царскому повелению да будут наказаны жезлами и отведены на смертную казнь через обезглавление, как повелевают римские законы.

Так святые мученики, славящие Бога, были выведены на обычное место казней, приняли раны и, усеченные секирою, окончили страдание в спасительном исповедании. Потом некоторые из верных тайно взяли их честные тела и погребли на

достойном месте, при содействии благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Агапита Печерского, безмездного врача

Память 1 июня

Когда преподобный отец наш Антоний Печерский был прославлен даром исцеления, пришел к нему в пещеру из Киева блаженный Агапит, желая получить душевное исцеление через пострижение в иноческий чин; удостоившись желаемого, он всем сердцем последовал ангелоподобному житию преподобного Антония, руководясь и его наставлениями. Агапит был очевидцем того, как этот великий муж сам служил болящим и исцелял их своею молитвою, причем скрывая дарование, данное молитве его, вручал недужным под видом лекарства травы от пищи своей. Видя это, блаженный Агапит начал соревновать святому старцу в подвигах и трудился так много лет; когда расхварывался кто-либо из братии, блаженный оставлял келью свою, в которой не было ничего, что можно было бы похитить, приходил к болящему брату и служил ему: поднимал его, укладывал, выносил на своих руках, и непрестанно молил Бога об исцелении недужного; если же болезнь иногда и затягивалась, то через это Господь желал умножить веру и усилить молитву раба Своего Агапита. Подражая подвигам преподобного Антония, блаженный Агапит сподобился быть участником и равной с ним благодати: молитвою своею он исцелял всех болящих, также подавая им травы, которые варил в пищу себе, за что, собственно, и был прозван врачем. О нем распространилась молва в Киеве, и много болящих приходило к нему, отходя здоровыми.

В то время жил во Киеве некий врач, происхождением и верою армянин, настолько искусный в своем деле, что раньше не было равного ему. Достаточно было ему взглянуть на болящего смертным недугом, как он тотчас узнавал и объявлял день и час его кончины, и всегда безошибочно; такого больного он уже ни за что не хотел лечить. Один из болящих такого рода, первый боярин у великого князя Всеволода[3559], которого армянин поверг в отчаяние, предсказав смерть через восемь

дней, был принесен в Печерский монастырь. Но блаженный Агапит, сотворив молитву о нем, дал ему в пищу трав, которые вкушал сам и исцелил его; и немедленно прошла о нем слава по всей земле русской. Армянин, уязвленный стрелою зависти, начал укорять блаженного и послал в Печерский монастырь одного осужденного на смерть, который должен был принять пред Агапитом яд и умереть. Блаженный, видя этого человека умирающим, дал ему с молитвою о нем той травы, которую вкушал сам, и этим избавил от смерти обреченного на смерть. С тех пор армянин особенно вооружился на блаженного и подговорил своих единоверцев подать самому Агапиту питье с примесью смертного яда; блаженный же принял и остался невредимым. «Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения» (2Пет.2:9) по слову Своему: «если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк.16:18).

Потом разболелся в Чернигове князь Владимир Всеволодович Мономах[3560]. Армянин хотя и старательно врачевал его, но безуспешно, так что недуг всё более и более увеличивался. Уже будучи при кончине, князь просил тогдашнего игумена Печерского Иоанна прислать к нему в Чернигов для врачевания блаженного Агапита. Игумен призвал его и известил о просьбе князя, но блаженный Агапит, которого никто еще не видел выходящим из ворот для врачевания вне монастыря, со смирением сказал:

– Если я пойду для этого дела к князю, то и ко всем должен идти. Прошу тебя, отче, не побуждай меня выходить за монастырские ворота ради славы человеческой, избегать которой обещался я пред Богом до последнего издыхания. Если позволишь, лучше я удалюсь в иную страну и потом опять возвращусь сюда, когда минет эта нужда.

Посланный князя, убедившись, что не будет в состоянии призвать к своему господину самого блаженного Агапита, начал просить, чтобы он дал хотя трав для исцеления. По убеждениям игумена, блаженный дал посланному трав от пищи своей; их принесли к князю, последний вкусил и немедленно выздоровел, по молитвам блаженного.

Тогда князь Владимир Мономах пришел сам в Печерский монастырь, желая видеть того, через кого Бог возвратил ему здравие; он никогда не встречался ранее с блаженным и теперь желал почтить его, щедро одарив. Но Агапит, не желая земной славы, скрылся; тогда князь отдал игумену принесенное для угодника Божия золото. Но спустя немного времени, тот же Владимир снова послал одного из своих бояр со многими дарами к блаженному Агапиту. Посланный нашел святого Агапита в келье и положил пред ним подарки князя. Блаженный сказал ему:

– Чадо, никогда, ни от кого и ничего не брал я (за исцеление), потому что исцелял силою не своею, но Христовою; не требую этого и ныне.

Боярин отвечал:

– Отче. Пославший меня знает, что ты ничего не требуешь; но умоляю тебя прими это, чтобы утешить сына твоего, которому через тебя Бог даровал здравие; дар же отдай, если тебе угодно, нищим.

Старец отвечал ему:

– Если ты так говоришь, то приму с радостью. Скажи пославшему тебя, что и прочее, что у него есть, – чужое, и ничего не возьмет он с собою, когда будет расставаться с жизнью; поэтому пусть и остальное раздаст он нищим. Ибо Сам Господь, Который находится среди обездоленных, избавил его от смерти, я же сам по себе никакого успеха не имел бы; и прошу, чтобы он не ослушался этих наставлений моих, дабы не пострадать более сильно.

С такими словами блаженный Агапит взял принесенное золото и вышел с ним из келлии, как бы для того, чтобы спрятать его; вынес и бросил, сам же бежал и скрылся. Спустя немного времени боярин вышел, увидел брошенные пред воротами дары, поднял и отдал игумену Иоанну. Возвратившись к князю, он рассказал ему всё что видел у блаженного и что слышал от него; и все уразумели, что это – истинный раб Божий, ищущий награды от одного Бога, а не от людей. Князь же, не осмеливаясь ослушаться святого, начал раздавать нищим щедрую милостыню.

После многих богоугодных трудов и подвигов, впал в болезнь и сам безмездный врач, блаженный старец Агапит. Узнав об этом, вышеупомянутой врач армянин пришел посетить его и начал спорить с ним о врачебном искусстве, спрашивая, каким средством лечится недуг Агапита.

Блаженный отвечал:

– Тем, каким подает здравие Сам Господь, врач души и тела.

Армянин счёл его совершенно не знающим врачевания и сказал сопровождавшим его:

– Он ничего не знает в нашем искусстве.

Потом, взял его за руку и сказал:

– Говорю истину: на третий день он умрёт; если изменится слово мое, то я изменю жизнь мою, и сам стану таким же монахом.

Блаженный с горячностью сказал:

– Так вот способ твоего врачевания: больше говорить о смерти, чем о помощи! Если ты искусен, дай мне жизнь; если не можешь этого, зачем унижаешь меня и осуждаешь на смерть в третий день? Меня же известил Господь, что через три месяца отойду я к Нему.

Снова сказал ему армянин:

– Вот ты уже весь изменился; такие никогда не выживают дольше трех дней.

Святой Агапит действительно был в крайнем изнеможении, так что без посторонней помощи не мог даже двинуться. Между тем к блаженному Агапиту, самому сильно болящему, принесли для исцеления некоего больного из Киева. Блаженный с Божиею помощью немедленно встал, как бы и вовсе не болел, взял обычную свою траву, которую вкушал, и показал армянину, говоря:

– Вот трава, которою я врачую: смотри и разумей.

Тот, посмотрев, сказал святому:

– Это не из наших трав, но, думаю, из Александрии.

Блаженный, осуждая невежество его, дал болящему вкусить травы, помолился и немедленно сотворил его здоровым. Потом он сказал армянину:

– Сын мой, прошу тебя, вкуси этой травы со мною, если хочешь, ибо ничем иным не могу угостить тебя.

– Отче, – отвечал ему армянин, – мы в этом месяце постимся четыре дня, и теперь я держу пост.

Услышав это, блаженный спросил его:

– Кто ты, и какой веры?

Тот отвечал:

– Разве ты не слышал обо мне, что я армянин?

Тогда блаженный сказал ему:

– Как же ты осмелился войти сюда и осквернить мою келью, да еще держишь меня за грешную мою руку? Выдь от меня, иноверный[3561] и нечестивый.

И тот, посрамленный, удалился.

После того блаженный Агапит прожил, как предрек ранее, три месяца и, немного поболев, отошел ко Господу. Будучи на земле врачем безмездным, он принял великую награду уже на небе, где нет болезни. Братия приготовили к погребению честное тело его и с обычным пением положили в пещере преподобного Антония[3562]. По кончине святого, пришел армянин в Печерский монастырь и сказал игумену:

– Отныне я оставляю армянскую ересь и истинно верую в Господа Иисуса Христа, для Которого желаю трудиться в святом иноческом чине. Блаженный Агапит явился мне и сказал:

– Ты обещался принять иноческий образ; если солжешь, то погубишь и жизнь, и душу. Я верую, что явившийся мне свят, и если бы хотел он дольше жить здесь, то это даровал бы ему Бог. Я полагал, что он не переживет трех дней, а Бог прибавил ему три месяца, а если бы он желал, то жил бы и три года. Но я думаю, что сам он, как святой, захотел оставить нас, стремясь в Царство святых и если преставил его Бог из временной жизни в сей обители, за то даровал ему жизнь вечную в обителях небесных. Поэтому желаю скорее исполнить повеление этого святого мужа.

Игумен, выслушав армянина, постриг его в иноческий образ и долго наставлял врача телес, чтобы он, последуя блаженному Агапиту, был искусен во врачевании своей души. Армянин подвизался богоугодно и, проведя остальную жизнь в том же

Печерском монастыре, здесь же принял блаженную кончину, предав душу свою в руки врача душ и телес, Господа нашего Иисуса Христа, славимого с безначальным Отцом и с Пресвятым, благим и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Память преподобного отца нашего Дионисия, игумена Глушицкого, нового чудотворца

Память 1 июня

Сей преподобный отец наш Дионисий подвизался сперва вблизи озера, называвшегося Великим Кубенским[3563] и находившегося на расстоянии четырнадцати поприщ[3564] на восток от города Вологды. Впоследствии он оставил это место и в сопровождении инока, по имени Пахомия, стал обходить многие места, расположенные в окрестностях названного озера, ища такого, где бы в уединении он мог отдаться служению Богу. Преподобный Дионисий и Пахомий пришли в селение, называвшееся Лучицей[3565], и здесь прежде всего построили себе келью, а вскоре после этого соорудили и церковь во имя святого Николая, которую и освятили по благословению ростовского епископа Григория. После этого стали собираться к ним иноки, чтобы жить с ними и подвизаться для душевного спасения. Устроив на указанном месте монастырь, преподобный Дионисий учредил в нем общежитие и, приняв после этого сан священника[3566], стал в чистоте приносить жертву Господу.

Вскоре после этого преподобный поставил настоятелем устроенного им монастыря ученика своего, вышеназванного Пахомия, и, преподав благословение мира братии, сам удалился из монастыря на расстояние пятнадцати поприщ, на реку Глушицу, и там остановился на ночлег. В тонком сне он услышал как бы голос, раздающийся в этом пустынном месте и зовущий его. Он тотчас же пробудился, почувствовал великую радость и, сотворив молитву, водрузил на сем месте крест, который принес с собою, а потом под одним деревом, – которое и до настоящего времени растет внутри монастыря, имеет чёрные ягоды и называется черёмухой, -соорудил себе небольшую келью. Один человек, страдавший зубною болью, съел с верою ягоду с этого дерева и тотчас же почувствовал себя здоровым. После этого преподобный Дионисий предался на сем месте строгому воздержанию, всенощному

бодрствованию, посту и молитве. И спустя немного времени один за другим стали приходить к нему на это место иноки, так что число учеников его стало умножаться. Видя это, преподобный построил на этом месте церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Покрова[3567], и устроил монастырь. Прошло несколько лет после этого, и число иноков увеличилось до того, что помещение в церкви оказалось для них малым, и они стали просить святого Дионисия, чтобы он построил для них другую церковь, большую этой. Исполняя просьбу братии, преподобный построил новую церковь,[3568] значительно большую первой, чудно украсил ее иконами[3569], снабдил книгами и неленостно стал поучать братию, наставляя их в том, что должно было принести им душевную пользу.

Однажды, когда преподобный собрался идти в церковь к богослужению, на него напало множество бесов. Скрежеща зубами, они стали его бить, а затем, поднявши пол, положили его там и говорили ему:

– Уйди из этого места, иначе ты умрешь злою смертью!

Но преподобный молитвою победил их слабую силу, и они тотчас же исчезли. Между тем братия, не видя святого, пришли в его келью и, нашедши его придавленным половыми досками, подняли пол, после чего он сказал им:

– Видите, братия, какую борьбу ведут с нами враги наши, но пусть это не устрашает нас.

После этого преподобный Дионисий тайно от братии ушел из монастыря и пришел в пустынное место, находившееся в четырех поприщах к югу от большой лавры[3570] на берегу той же реки Глушицы и называвшееся Сосновцем. Здесь он соорудил церковь во имя Иоанна Крестителя[3571], построил келлии и переселил сюда из своего монастыря некоторых из братии. Он сказал им, что здесь будет погребено тело его и поведал им всё необходимое для своего содержания получать из большой лавры. На этом последнем месте своих подвигов еще за семь лет до своей кончины преподобный сам выкопал для себя могилу, чтобы она каждый день напоминала ему о том часе, когда в нее будет положено тело его. С этого времени он еще более усилил свои богоугодные подвиги в посте, молитве и

бодрствовании и много раз всю ночь простаивал на морозе, утруждая этим плоть свою. Совершив силою Христовою множество чудес и причастившись пред исходом души своей Пречистого Тела и Крови, преподобный Дионисий преставился в вечный покой»[3572].

Тропарь, глас 1:

Божественною любовию от юности распалаем Дионисие преподобне, вся яже в мире красная возненавидев, Христа единаго возлюбил еси: и сего ради во внутреннюю пустыню вселился еси, со зверьми живый, весь Христови[3573]. Отонудуже и всевидящее око[3574] твоя труды видев, даром чудес и по преставлении обогатил тя есть. Темже вопием ти: моли непрестанно о всех нас, честную память твою присно в песнех почитающих.

Кондак, глас 8:

Все твое умное желание к Богу вперив, тому невозвратно от души последовал еси, в пустыню вселився, и тамо Ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению: сего ради и Христос тебе прослави, и даром чудес обогати. Темже вси вопием ти: радуйся Дионисие преподобне, пустынный жителю.

Житие во святых отца нашего Никифора Исповедника, патриарха Цареградского

Память 2 июня

Великий поборник благочестия, святой Никифор родился в Царьграде[3575] от благочестивых и богобоязненных родителей Феодора и Евдокии. Отец его сподобился исповеднического венца, потерпев раны и изгнания за почитание святых икон. В царствование Копронима[3576] он занимал должность нотария[3577] по тайным царским делам, и на него к злочестивому царю поступил донос, что он благочестиво почитает святые иконы, поклоняется образу Спасителя, Пречистой Богоматери и всех святых. Царь немедленно призвал к себе блаженного Феодора, подверг его допросу и, убедившись в справедливости доноса, долго принуждал его оставить иконопочитание; когда же раб Христов не оказал повиновения царской воле, то после жестоких побоев, был сослан на заточение в город Молин, брошен здесь в ужасную темницу, в которой и страдал за правоверие. Спустя некоторое время, его снова призвали в Царьград и еще упорнее понуждали склониться к ереси, проповедуемой царем; но он остался как адамант[3578] твёрдым в благочестии, соглашаясь скорее принять раны и смерть, чем нарушить церковные законы и предание святых отцов. По повелению беззаконного царя он снова был подвергнут различным жестоким мучениям, и снова же послан в изгнание; проведя в Никее[3579] узником и страдальцем шесть лет, он отошел ко Господу в вечную свободу блаженной жизни.

Супруга его, честная Евдокия, была участницей всех бед и зол своего мужа, последовала за ним в изгнание, страдала в узах, не разлучаясь с ним ни телом, ни духом. По кончине мужа она возвратилась в Царьград и богоугодно проводила дни свои, как подобает христианской вдовице. В течение этого времени сын ее Никифор после изучения наук получил при царском дворе должность отца своего. Затем блаженная Евдокия сподобилась увидеть своего сына сначала в Ангельском образе, а потом и святительском сане; тогда, возблагодарив Бога, она

удалилась в женский монастырь, постриглась в иночество и после богоугодных подвигов преставилась ко Господу в маститой старости.

Блаженный Никифор, о котором наше слово, был святою ветвью от святого корня: от сосцов материнских воспитанный в благочестии, возращенный в добронравии и наставленный на богоугодное житие, он проводил лета юности целомудренно, в великом воздержании, и был исполнен премудрости внешней и внутренней – мирской и духовной: он изучил в совершенстве не только книги еллинских любителей мудрости, но и Божественные Писания; красноречивый оратор, украшенный всякими добродетелями, отличавшийся разумом и добронравием, он был любим и почитаем всеми. Возмужав, Никифор в царствование Льва, сына Копронимова[3580], был удостоен сана царского советника и соблюдал правоверие посреди зловерных, поклоняясь святым иконам и других приводя к тому же Богомудрыми увещаниями. Когда же, по смерти Льва, в царствование его сына Константина и матери последнего Ирины[3581] созван был в Никее седьмой Вселенский собор против иконоборной ереси[3582], тогда блаженный Никифор, будучи еще мирянином, оказал существенную помощь заседавшим на соборе святым отцам, как человек мудрый и весьма сведущий в Божественном Писании; как мужу выдающейся знатности, ему было поручено говорить на соборе от имени царя.

Таким образом, еще до епископства он явил себя исповедником и учителем православия, посрамляя еретиков при решении спорных вопросов, за что и ублажали и благословляли его святые отцы собора.

После того собора, Никифор еще несколько лет оставался в мирском почетном сане царского советника. Потом, убедившись, что труд для суетного и мятежного мира не приносит пользы душе, – он видел, что во дворце начинаются раздоры между сыном и матерью, – Никифор, пренебрегая суетной славой, оставил высокий сан, удалился из города и поселился на одном дальнем и безмолвном месте при Босфоре Фракийском[3583], там он начал уединенно трудиться для одного Бога, в молитвах и

посте стремясь к своему спасению. По прошествии некоторого времени он построил церковь, собрал иноков, образовав монастырь; сам еще не нося иноческого чина, уже трудился он как инок, испытывая себя, может ли переносить подвиг иноческий, полный скорбей жизни. И жил он так много лет почти до половины царствования Никифора[3584].

По отшествии ко Господу святейшего патриарха Цареградского Тарасия, блаженный Никифор, мирянин по внешнему виду и совершенный инок по жизни, был избран на патриаршество и в то время впервые принял чин иноческий, а затем сначала был рукоположен во пресвитера, а потом, против своего желания и по убеждению царя Никифора, в самый пресветлый день святой Пасхи был возведен на престол архиерейский. И украшал он святую Церковь учительным словом и добродетельным житием, исправляя развращенных, утверждая правых и отгоняя еретиков как волков от словесного стада. В те годы шла война у греков с болгарами, и царь Никифор, отправившись на войну, был убит. После него царствовал сын его Ставрикий, но недолго, всего два месяца, потом умер. После Ставрикия принял царство благочестивый муж Михаил, прозываемый Рангав, который ранее имел сан киропалата[3585]. Через два года его изгнал Лев Армянин[3586], похитивший скипетр греческого царства. Святейший Никифор послал к этому хищнику, до венчания его на царство, епископов с исповеданием православной веры, прося нового царя подписать своею рукою, по обычаю прежних благочестивых царей, обещание содержать неизменно догматы святой веры, изложенные в том исповедании. Лукавый и лицемерный царь на словах показал себя усердным к благочестию и обещался подписать исповедание, но только не ранее венчания:

– Когда, – сказал он, – будет на меня возложен венец царский, тогда подпишу.

И поверили этой лисице. Вместо исповедания благочестивой веры льстец подписал тайно принесенную ему еретиками книгу, повинуясь более подобным себе хищным волкам, чем истинным пастырям. Потом с великою пышностью и славою царскою вошел он в соборную Софийскую церковь;

когда же совершался обычный чин венчания царского, и святейший патриарх возлагал венец на голову, его недостойную, открыл Бог святейшему патриарху, каков будет этот царь: ибо возлагаемый царский венец превратился в руках патриарха как бы в венец терновый и остриями болезненно колол руки архиерея, который познал, что это служит знамением предстоящего вскоре гонения и мучительства от того царя, о чем с душевным сокрушением и известил свой клир.

На другой день по венчании, святой Никифор снова просил царя исполнить обещание и подписать исповедание правоверия, следуя примеру прежних благоверных царей, но Лев уже вступил на путь лжи и, оскверняя царскую порфиру, решительно отказался исполнить предложение святителя. Прошло некоторое время, и царь начал явно хулить святые иконы, вооружившись не против врагов, отовсюду наступавших на Грецию и опустошавших ее, но против икон Христа, Пречистой Богородицы и всех святых, и против поклоняющихся им. Собрав к себе в Царьград всех епископов и пресвитеров, за разные вины по правилам отлученных от служения у Божественного алтаря, он дал им места в царских палатах, и, питал их как откармливаемых зверей, он снискивал через это расположение тех, имя которых чрево[3587]; царь часто беседовал с ними, поучаясь иконоборной ереси, и советовался, какими бы способами восстановить хульный догмат против икон, отвергнутый седьмым Вселенским собором. Чтобы удобнее склонить их к единомыслию с собою, он обещал им не только возвратить прежние звания, которых они были лишены, но еще и увеличить им почести. Надменные милостью царя, они начали усердно помогать ему, всюду тревожа преследованиями правоверных. Именем царя они собрали из всех мест бесчисленное множество книг и сообща рассматривали их; и если находили какую-нибудь книгу еретическую, написанную против икон, ту принимали охотно, как честное Евангелие, и хранили у себя, а если встречалась книга, написанная против иконоборной ереси, ту они немедленно как мерзость бросали в огонь и сожигали. Потом царь повелел всем греческим епископам собраться в Царьград на собор. Епископы

отправились каждый из своего места и, прибыв в город, являлись по обычаю к святейшему патриарху Никифору. Царь же повелел немедленно захватывать таких епископов и ввергать в темницу; тех из них, которые, под страхом навлечь на себя его грозный гнев и преследования, склонялись к еретическому единомыслию с ним, он освобождал от уз и темниц и удостаивал почестей, а непоколебимо пребывавших в правоверии бесчестно угнетал узами, мучил голодом и жаждою. Весьма многие, под влиянием страха, присоединялись к единомыслию с царем, и еретическое сонмище приобрело значительную силу. Лжеучители начали дерзновенно и невозбранно распространять по всем церквам свои хульные учения, склоняя народ не почитать святых икон, истинных же учителей православия они изгоняли из церквей, причиняли им зло, и даже самого святейшего патриарха, богогласную трубу, пытались принудить к молчанию и возбранить ему вход в соборную церковь.

Служитель Божий, святой Никифор, слыша и видя все происходившее в Церкви, непрестанно со слезами молил Бога, да сохранит Он Церковь Свою непорочною и да соблюдет стадо Свое невредимым от еретиков. Призывая к себе многих правоверных, он увещевал их, просил и наставлял: не соединяться с еретиками, избегать закваски (Мф.16:6; Лк.12:1–9). и учения их, как укушения ехидны, не устрашаться лютого того времени и угроз мучителя, убивающего тело, а не душу (Лк.12:4–10).

– Если, – учил он – и весь народ за царем уклонится в ересь, и лишь немногие останутся верны правой вере, то всё же оставшиеся пусть не смущаются своей малочисленностью, ибо Господь благоволит не множеству: Он призирает на одного боящегося и трепещущего слов Его более, чем на множество пренебрегающих страхом Божиим, по Своему слову в Евангелии: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк.12:32).

Потом святейший патриарх созвал к себе известнейших архиереев: Емилиана Кизического, Евфимия Сардийского, Иосифа Фессалонитского, Евдоксия Амморейского, Михаила

Синадского, Феофилакта Никомидийского, Петра Никейского и многих других святых отцов, в числе которых были Феодор Студит[3588], Никита, игумен Мидикийский, и другие правоверные мужи. После долгой беседы с ними о почитании святых икон, веденной на основании Божественного Писания и предания святых отцов, он отправился с вечера в соборную церковь святой Софии и начал всенощное пение, моля Бога о ниспослании мира Церкви и об избавлении ее от ереси. Царь, узнав о том, смутился и испугался, как бы патриарх не поднял мятежа против него среди народа, во множестве собравшегося в церковь на всенощное пение: он знал, что народ любит патриарха, и что все охотно будут повиноваться ему даже до готовности умереть за него. И вот на рассвете царь посылает в церковь к патриарху сказать:

– Зачем ты смущаешь народ и строишь ковы против царя, который желает общего мира и единомыслия? Зачем возбуждаешь на мятеж безумных людей, и кровью междоусобной рати хочешь наполнить царствующий град?

Святейший патриарх отвечал посланным царя:

– Ни о чем подобном тому, что вы говорите, мы и не помышляем; даже на ум нам никогда не приходило то, что о нас думает пославший вас царь. Мы собрались в дом Божий не для какого-либо враждебного царю совета, но на славословие Божие, на моление и мольбы, да умилостивится Бог и оградит миром Церковь Свою, царя и весь народ, да упразднит еретические шатания, а всех утвердит в единомысленном правоверии.

Посланные сказали;

– Нет, не так это, как ты говоришь: одно говоришь ты устами, а другое помышляешь в сердце твоем, и помышляемое хочешь привести в исполнение. А так как ты явно собираешься восстать против царя, то сам и твои единомысленники при наступлении дня идите в царскую палату, и там отвечайте самому царю на предложенный нами вопрос, чтобы и царь мог обстоятельнее узнать о ваших намерениях.

Так сказав, посланные ушли. Все бывшие в церкви, видя и слыша это, поняли, что будет потом, – какое гонение и зло

предстоит перенести служителю Божию и всей Церкви Христовой, и начали молиться еще усерднее, со многими слезами и воздыханиями. По окончании всенощного бдения, святейший Никифор вышел на средину церкви и поучал во всеуслышание:

– О собор, собранный Духом Божиим! Кто ожидал, что святая Церковь подвергнется таким бедам, какие теперь мы видим!? Вместо радости испытывает она печаль и от тишины переходит к смущению. Пасущая на доброй пажити словесное стадо терпит хищение от развратившихся, и Матерь, увещевающая всех чад своих к единомыслию, раздирается на части! Та Церковь, которую Христос приобрел честною Своею кровью, которую сохранил в чистоте от всякого порока (Еф. 5:27), оградил Апостолами, пророками, мучениками и святыми всех чинов и показал как рай украшенный и огражденный стенами, – какие беды терпит она ныне от людей, которые по внешности подобны нам, а на самом деле отстоят далеко от нас, сделались врагами нашими и до того дошли в своей злобе, что вместе с образом наносят бесчестие и тому, кто на нем изображен, и вместе с написанным на доске ликом Христовым отвергают и Самого Христа: ибо как честь, так и бесчестия, творимые образу, относятся к тому, кто изображен на иконе. Ныне враги правды уничтожают древнее церковное предание о почитании святых икон и узаконяют новое, противоположное прежнему, изобретенное еретиками, и тем смущают души верных. Братия и чада! Молю вас, не будем боязливы и малодушны, угрозы их да не ужасают сердец наших; будем ожидать Божией помощи. Враждующие против нас и стремящиеся истребить в Церкви правду подобны плывущим против быстрин речных: они, в конце концов, окажутся в глубине от изнеможения, ибо истина неодолима, и увенчивает почитающих ее, побеждая ратующих против нее. Кто ее держится, тот и безоружный одолеет врага; кто ее лишился, тот легко будет побежден, хотя бы и был вооруженным на брань воином. Свидетели наших слов те, о которых мы говорим: они не имеют никакого познания истины, над ними смеются даже отроки, учащие букварь, ибо они противоречат сами себе в

своих суетных мудрствованиях, как бы съедая, подобно беснующимся, свою плоть. Разумеете ли, что я говорю, братия?

Все, присутствовавшие в церкви, воскликнули:

– Знаем и убеждены, святейший отче, что вера наша православная есть истинная, и за нее мы все готовы умереть.

Патриарх сказал:

– Подобает нам, братия, пребывать согласными и единодушными в исповедании православной веры, чтобы наши противники не могли ни одного от нас отторгнуть к своему злочестию: ибо благодатью Христовою нас больше, чем их.

Люди, взывая громким голосом, снова давали твёрдое обещание стоять за Церковь даже до смерти. После продолжительной беседы с народом в церкви, святейший патриарх, при наступлении дня, возложил на плечи омофор и с бывшими при нем епископами, игуменами и со всем клиром отправился в царские палаты. За ними пошло также много народа. Когда же патриарх с православными достиг дворцовых ворот, то все были удержаны, пропущен был один только первосвятитель. Обыкновенно греческие цари принимали благословение от патриарха и взаимно целовали правую руку в знак духовной любви. Злочестивый же Лев Армянин не оказал входившему патриарху обычного почтительного приветствия, не попросил его благословения, даже не предложил ему сесть, но, грозно смотря на него, начал говорить с гневом:

– Что это за раскол возник среди вас, и на царскую честь ков и восстание? Без нашего ведома собираете соборы, смущаете народ и побуждаете его к волнению и мятежу? Собирать без нашего соизволения и совета соборы и распространять в народе, будто мы держимся зловерия, а не церковного учения, не есть ли явная вражда и начало раздоров? Если бы мы хотели искоренить правые, называемые вами древними, уставы, то своевременно было бы нас хулить, уничижать и обвинять в злочестивой ереси; теперь же, когда, из любви к правоверию, мы желаем истребить раздоры и несогласие и всех привести к единству веры, зачем вы хулите нас, враждуете и говорите, будто мы обижаем Церковь, между тем как мы печемся о ее мире и тишине? Разве ты не знаешь,

что много народа в смятении отторгается от Церкви ради того, что иконы пишутся и поставляются; отторгающиеся приносят книги и показывают в них слова Божественного Писания, которыми возбраняется делать иконы и почитать их? И если на возбуждаемые ими вопросы не будет ответов, то что воспрепятствует разделению в вере, которой уже никогда не прийти в соединение? Поэтому ради тех, кто волнуется умом и смущается недоумением, подобает вам немедленно иметь прение с этими отторгающимися (от Церкви) из-за икон. Наша власть желает и повелевает, чтобы или вы опровергли и привели их в ваше мудрование, или, побежденные в споре, сами им покорились; тогда и мы, увидев, где истина, присоединимся к лучшей стороне и утвердим ее нашей царской властью, чтобы таким образом стоять ей непоколебимо.

Святейший Никифор отвечал царю:

– Нет, молю твое величество, не считай нас виновными в расколах и мятежах. Даже молитвой, как оружием против царской твоей власти, мы не пользовались, ибо от Божественного Писания научились молиться за царя, а не желать ему зла (1Тим.2:2). Также не обращаем мы в еретическое умствование и пагубу здравых слов и учений веры, ибо дерзающих делать подобные дела повелевает учитель правды, святой Иоанн Богослов, не принимать в доме и не приветствовать (2Ин.1:10). Достоверно известно не только нам, но и всякому, кто обладает малейшим смыслом, что мир и тишина – дело весьма доброе: и если кто бывает виновен в нарушении мира, того по справедливости все должны назвать злодеем. Тот царь добр, который умеет обращать брани в мир, и мятежи в тишину; ты же с единомысленниками твоими задумал навести брань на Церковь, пребывающую в мире, и, оставив святые законы, по которым прославляется крест Христов и благочестие озаряет светом вселенную, предложил ввести помраченное учение пагубных людей, которого ни одна из Церквей не принимает: ибо ни Иерусалим, ни Рим, ни Александрия, ни Антиохия не отвергают икон Христа, Пресвятой Богородицы, Апостолов и прочих угодников Божиих, но, напротив, благочестиво почитают их по преданию святых отцов.

Который из Вселенских соборов, утвердивший Духом Святым догматы православной веры, одобрил и принял иконоборные мудрования? И ты, царь, поэтому, не восстанавливай отвергнутую ересь и не вводи в святую Церковь уже осужденного мудрования. У нас же с еретиками прения не будет, ибо какая нужда препираться о том, что уже было соборно святыми отцами опровергнуто, отвергнуто и предано анафеме?

Царь возразил на это святейшему Патриарху:

– Не Моисею ли Бог сказал: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4–5). На каком же разумном основании вы пишете иконы, и ту честь, которая подобает Самому Богу, воздаете созданным вами образам и иконам? Что идолопоклонники делали в старину, то и вы теперь делаете, пренебрегая заповедью Божией, данной Моисею, а через него и всем людям, не только древним ветхозаветным, но и нам новоблагодатным, верным христианам.

Святейший Никифор отвечал:

– Разве ты не знаешь, зачем израильтянам, по исходе их из Египта, была дана Богом заповедь не творить кумиров и всякого подобия? Затем, что жизнь в Египте приучила израильтян к нечестию и идолопоклонническому многобожию египтян, которые боготворили то неких людей, давно уже умерших, то птиц небесных, зверей земных, гадов, рыб и разные чудовища, делали подобие их и поклонялись им, как истинному Богу. Чтобы искоренить в израильтянах идолопоклонство, которому они навыкли в Египте, Бог дал им заповедь о нетворении кумиров, ни всякого подобия, но не возбранил творить честные образы и иконы, которые служат не к уничижению, но к умножению Богопочитания. Ибо не повелением ли Того же Бога Моисей создал скинию и оковал со всех сторон золотом Ковчег завета, в котором хранились скрижали, жезл Ааронов и манна? (3Цар.7 и след.) Разве не повелел Бог сделать золотых Херувимов и поставить их над кивотом в скинии, и по завесам скинии разве не были вытканы подобия лиц Херувимских? И всё это разве не почиталось израильтянами, как честное и

Божественное, а пред всем этим разве не поклонялись израильтяне Богу и не приносили жертвы? Когда же они кланялись и приносили жертвы пред скиниею, кивотом и Херувимами, то не скинии, не кивоту, не Херувимам поклонялись и приносили жертвы, но самому Богу, живущему на небесах; скинию же и кивот с тем, что было в нем, и подобие Херувимов почитали честно, как предметы Божественные, а не обоготворяемые, как и мы ныне поступаем, поклоняясь святым иконам, зажигая пред ними свечи и устрояя лампады. Не доске и не краскам мы кланяемся, но самому лику Христа воплощенного Бога, изображенному на иконе, и не Божество Христово пишем на иконе, – ибо Оно, как невидимое и непостижимое, не изобразимо, – но начертываем человечество Христово, некогда виденное человеческими очами и осязанное руками, и не называем иконы Христовой Богом, но изображением лица Христа, Бога. Христу Богу пред Его святою иконою мы кланяемся как Богу, а икону Христову почитаем как предмет Божественный, но не обожаем ее. Подобное должно сказать и об иконе Пресвятой Богородицы, и о прочих святых, в которых почитается Самый Бог, дивный во святых Своих. Но начав о ветхозаветном, мы еще не кончили. Разве не повелел Бог Моисею вознести в пустыне медного змия, чтобы люди, укушенные змеями, приходили и взирали на него? И не был ли тот медный змий чудотворным образом, чудесно исцелявшим тех, которые терпели укушение от живых змей? Ибо тот змий имел целебную силу не сам по себе, но от Того, Кого прообразовал. Прообразовал же он Христа Спасителя нашего, Которому должно было вознестись на древо крестное, по слову, сказанному потом Самим Христом в Евангелии: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому» (Иоан. 3:14)

И что удивительного в том, что и ныне святые иконы бывают чудотворными, если еще в Ветхом завете от медного змия творились чудеса? Но как этот змий творил чудеса не сам по себе, но силою Того, Кого прообразовал: так и святые иконы бывают чудотворными силою изображенного на них лица. Вспомним еще и храм Соломона: вменил ли Бог Соломону в

грех то, что в созданном храме сотворил он иных, кроме сделанных Моисеем, больших золотых Херувимов, и изобразил подобие их по стенам, столпам и дверям, и сотворил медное море на двенадцати изваянных волах? Не только Бог не вменил этого Соломону в грех, но даже показал, что это дело благоугодно Ему, когда Сам посетил тот храм и всё, что в нем, ибо написано: «облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм» (3Цар. 8:11).

Итак, упомянутая раньше тобою, О царь, заповедь закона Божия о нетворении всяких подобий, данная Моисею, уничтожает только языческое идолопоклонство, а не наше христианское благочестие, – почитание святых икон. Если бы Бог этою первоначальною Своею заповедью также запрещал совершенно всякое писание и подобие честных лиц, как запрещал он изображения нечестивые, то противоречил бы Сам Себе, повелев потом Моисею, как было сказано, создать скинию и ее принадлежности, да еще вознести скованного из меди змия. Но так говорить не подобает: не противоречит Бог Самому Себе, и как верен во всех словах Своих, так свят во всех делах Своих. Он заповедал словом не творить языческих кумиров; изображать же для церковного украшения и славы Божией святые иконы – этому научил делом, Сам на это наставил Моисея, повелев изобразить подобие Херувимских лиц.

Так и многое другое говорили царь и патриарх о святых иконах сначала наедине, потом были допущены внутрь и стоявшие за дверьми епископы и клирики. Вошло и много сенаторов; еще царь вызвал туда вооруженных воинов с обнаженными мечами, на устрашение тех, кто не хотел согласиться с ним. Что там было, какие рассуждения, и какое величие души и смелость обнаружили безбоязненные сердца, о том написано в житии преподобного Феодора Студита, 11 ноября и в житии святого Никиты исповедника, в 3 день апреля. Кончилось же всё это гневом и яростью царя и изгнанием с бесчестием из царской палаты патриарха и всей дружины его. Епископы, бывшие при святейшем Никифоре, немедленно были посланы на заточение в различные места, но патриарх был до

времени оставлен на своем месте, отчасти потому, что не решались окончательно сделать ему зло, отчасти из боязни, как бы народ не поднял из-за него восстание и мятежа. Клириков же и многих из монашеского чина мучили в темницах и узилищах ранами и морили голодом и жаждой, принуждая к ереси.

Святейший патриарх, видя, что царь вполне отпал от правоверия, и Церковь весьма смущена, чин же духовный подвергается гонению и страдает, написал к царице, увещевая ее подать царю необходимый совет прекратить такое гонение, писал также и к градоначальнику Евтихиану, единомысленному с царем и первому советнику его. Движимый ревностью апостольскою и пророческим духом, он к увещаниям присоединил и следующее строгое слово:

– Если не перестанете совращать с прямых путей Господних, карающая рука Господня будет на вас скоро.

Однако святой патриарх не только не мог убедить упорных, но даже подвиг их на большую ярость. Царь послал одного патриция Фому отнять у патриарха управление соборною церковью святой Софии и не допускать, чтоб патриарх служил в ней и говорил поучение к народу, так что патриарх в своем доме был как в заточении, никуда не выходя. От печали и от многих подвигов он изнемог телесно, впал в недуг и лежал на одре болезни, ожидая кончины своей; еретическое же сборище не переставало волноваться и желало с ним прения. Послан был от царя и от единомысленников его брат царицы, именем Феофан, саном спафарий[3589], к святейшему патриарху, чтобы привести его для прений с ними. Святой отвечал посланному:

– Пастырь, лишенный овец, не выходит на рать против волков, и ищущий себе здравие не борется со зверьми. Зачем вы, отняв у меня вверенных мне Христом овец, призываете меня на прение, чтобы я один боролся с еретиками, как с волками? Если вы этого желаете, то возвратите мне овец моих, отпустите из уз и темниц священников и клириков, и пусть каждый примет свое место, да будут возвращены из изгнания архиереи и да примут вновь свои престолы, а находящиеся ныне на их местах еретичествующие лжеепископы, неправильно

возведенные, да будут извержены, и все правоверные, гонимые и страждущие, да получат отдых (от гонения) и первоначальную свою свободу: тогда, если будет угодно Богу и если я выздоровею, мы будем готовы соборно обличить принятую гибельную злобу еретичествующих. Собору же и беседе о вере следует быть в соборной великой Церкви, где Сам Христос Бог присутствует в пречистых Тайнах, а не в царских палатах, ибо о церковном должно рассуждать в Церкви, а в палатах – устроять гражданские дела.

С таким ответом Феофан возвратился к пославшим его. Те еще более озлобились на святого, и снова отправили к нему нескольких из сборища своего, чтобы призвать его уже на суд. Святой патриарх возразил им:

– Кто меня призывает на суд? Кто-либо из патриархов – Римский, Александрийский, Антиохийский или Иерусалимский? Если же их в соборе вашем нет, то к кому мне идти? Или вы меня, патриарха, призываете? Вы ли, беззаконные, будете судить меня, законного пастыря? Не пойду к явным врагам моим, которые, как лютые звери, приготовились растерзать меня без вины с моей стороны. Да и как я пойду больной, когда не в состоянии даже встать с одра? Разве с одром возьмете и понесете меня?

И эти посланные возвратились без успеха. Тогда еретическое сборище, исполненное великой злобы, незаконно лишило сана ни в чем неповинного, святого и богоугодного мужа, патриарха Никифора, и предало его анафеме, само будучи в высшей степени достойно извержения и проклятия; они предали анафеме не только святого Никифора, но и предшественников его, святейших патриархов правоверных и отшедших ко Господу после блаженной кончины, Тарасия и Германа. Этим и закончилось лукавое соборище еретическое.

Поздно вечером царь послал воинов взять Никифора из патриаршего дома и вести его в заточение. Свирепые воины подступили к дому с оружием и дреколиями; производя шум и мятеж, злословя святейшего Никифора и прежде бывших патриархов Германа и Тарасия. Услышав это, патриарх прослезился и благодарил Бога, что сподобился таких

злословий за Православие. Вышеупомянутый патриций Фома, которому царь вверил соборную церковь святой Софии, будучи вместе с тем и блюстителем патриаршего дома, повелел воинам прекратить шум, крепко запер входные двери патриаршего дома, пошел к царю и сказал ему:

– Государь! Нет нужды во множестве воинов, иначе народ, услышав шум, соберется и сделает какое-либо зло; пошли только двоих мужей и с ними несколько слуг, чтобы вынесли патриарха на руках, ибо он очень болен и не может идти сам.

Царь так и сделал, – приказал воинам отойти от патриаршего двора, а через час прислал двух мужей из своего дворца; и был выведен, или скорее вынесен святейший Никифор из своего дома. Желая помолиться в своей великой престольной церкви святой Софии, он вошел в нее, поддерживаемый двумя мужами, повелел зажечь свечи и кадить фимиамом, простерся на землю крестообразно и долго молился, рыдая и орошая землю слезами.

Потом он встал с земли; увидев неких православных, тоже пришедших в храм и плакавших о патриархе, он благословил их, в последний раз простился с ними со словами:

– Чада, я нашел вас правоверными христианами и оставляю вас правоверными христианами.

И вышел из церкви. Воины посадили его на колесницу, и в полночь, когда все спали, отвезли на берег моря. Здесь положили его в ладью и перевезли в Хрисополь[3590], в некое место, называемое Волуе[3591], где был монастырь. Так был неповинно изгнан с престола своего великий угодник Божий святейший патриарх Никифор, после девятилетнего управления Христовой Церковью. Спустя недолгое время, он был отослан далее на остров Проконнис[3592], в монастырь святого великомученика Феодора. Когда же, направляясь к этому острову, везли его на корабле мимо страны, где находился преподобный Феофан, игумен великого села, оба святые мужа прозорливыми очами увидели и приветствовали друг друга. Преподобный Феофан, будучи в келье своей, повелел ученику своему положить в кадильницу горящие угли, зажег свечи,

возложил на угли фимиам и поклонился до земли, беседуя как бы с неким лицом, шедшим мимо. Ученик спросил его:

– Отче! Что ты делаешь? Кому поклонился и с кем беседуешь?

Преподобный отвечал:

– Святейший патриарх Никифор, неправедно изгнанный за правоверие, следует в заточение на корабле мимо этой страны; для того мы зажгли свечи и фимиам, чтобы воздать патриарху подобающую честь.

В то же время святейший патриарх Никифор, находясь на корабле, внезапно преклонил колена, взаимно поклонился святому старцу и, простерши руки в воздух, преподал благословение. Один из бывших с святейшим на корабле спросил его:

– Кого благословляешь, святейший отче, и пред кем преклонил колена?

Патриарх отвечал:

– Феофан исповедник, игумен великого села, приветствовал нас, и почтил зажженными свечами и фимиамом, я же со своей стороны поклонился ему, ибо и он в непродолжительном времени пострадает, подобно нам.

Что вскоре и сбылось. Достигнув назначенного ему места изгнания, святитель Христов Никифор провел там в тесноте и частых болезнях, терпя скудость в необходимом, тринадцать лет, и перешел на вечный покой ко Господу. Преставляясь же, радостною душою произнес слова Давида: «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились» (Пс.123:6–7).

Сказав это, он предал душу свою в руки Господа своего, и рыдали по нем верные, а еретики радовались. Честное тело его было погребено в церкви святого великомученика Феодора. Потом, когда ересиархи погибли, иконоборное мучительство прекратилось и снова воссияли тишина и правоверие, честные мощи святого Никифора были перенесены 13 марта 846 года в Царьград, в царствование Михаила, сына Феофила, и матери его Феодоры, и с честью положены в соборной церкви святой

Софии, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки, аминь.

Кондак, глас 4:

Победы венец с небесе, о Никифоре преславный, яко прием от Бога, спасай верою почитающыя тя, яко священноначальника Христова и учителя.

Страдание святого великомученика Иоанна Нового

Память 2 июня

Немного святых мужей, своею богоугодною, добродетельною жизнью давших нам пример для подражания; в числе их находится и настоящий угодник Божий, не меньший первых, хотя и последний по времени. Владыка Христос почтил венцами не только мучеников первых веков, но и ныне, в последние времена, открывает дверь (Царствия Своего) тем, кто сего ищет, удостаивая их той же славы и дарований. Итак, начнем повествование о святом Иоанне, доблестном воине Христовом, исполненном благодати Святого Духа, – кто он был, откуда родом и как сподобился лика и венца мученического.

Родиной этого мужа был Трапезонт, славный и великий город, лежащий в странах восточных, близ Ассирии и границы великой Армении. Изобилуя всем необходимым, этот город служит удобным пристанищем для кораблей, отовсюду приплывающих к нему; жители же его, имея пребывание свое при море, занимаются торговлею и мореплаванием, откуда и приобретают себе средства к существованию. Так точно и блаженный Иоанн занимался торговлей, совершая частые путешествия по морю к разным городам. Однажды пришлось ему с значительным запасом товаров войти на корабль иноземного мужа, который родом был фряг[3593], верою не восточного исповедания, нравом груб, не милостив и бесчеловечен. Во время плавания святого с тем мужем, начал враг диавол завидовать непорочной жизни Иоанна: он едва переносил добродетельную жизнь блаженного, часто видя его в молитве и посте, благонравным и для всякого доступным, милосердым к терпевшим нужду на корабле и к тем, кому приходилось болеть. Раб Христов утешал таких людей, подавая им необходимое от своего достатка, простирая им щедрую руку с помощью; с глазами, полными слёз, говорил он в себе:

– Если окажешь милость страждущему брату, будешь и сам помилован; и если утешишь скорбящего, и сам сподобишься

утешения от Бога.

Невидимый враг видел это, завидовал и пытался оказать препятствие святому на пути ко спасению. Прежде всего он умыслил отторгнуть его от благочестивой веры и вооружил на него врага видимого, начальника корабля, державшегося другого исповедания веры, который начал досаждать правоверному рабу Христову спорами о восточном (православном) благочестии. В многочисленных словесных прениях о вере, которые были между ними во время морского пути, святой Иоанн, как человек весьма мудрый и искусный в книжном учении, всегда одолевал фряга и обличал его неправомыслие; а тот гневался на неодолимого воина Христова, раздражался, досаждал ему многими укоризнами и из чувства вражды замыслил на него зло. Когда возгорелась в нем такая вражда, корабль пристал к берегу у Белграда, близ Босфора[3594]. Там злой корабельщик пошел к местному градоначальнику, родом и верою персу[3595], усердному хранителю своих отеческих преданий, и взвел пред ним такую клевету на святого Иоанна:

– Начальник! Со мною на корабле прибыл сюда муж, который желает, отказавшись от христианской веры, преданной отцами, приступить к вашей вере и быть общником ваших преданий; во время морского пути он известил меня об этом и многими клятвами подтверждал, что не переменит своего намерения. Если ты позаботишься скорее привести его к единоверию с вами, то тебе будет великая похвала от твоего народа, ибо этот муж весьма искусен в слове и среди знатнейших вельмож города Трапезонта не последний.

Услышав это, нечестивый начальник исполнился радости; сев на обычном судебном месте, он повелел с почетом привести к себе блаженного Иоанна и сказал ему:

– Я много слышал о тебе, почтенный муж, – слышал, что ты возлюбил нашу веру и хочешь приступить к ней. Наша вера имеет предметом размышления честное и зажигает любовью к себе сердца тех, которые разумеют ее; принимающим ее с радостью, она подает благополучную жизнь и долголетие; христианская же вера достойна осмеяния. Почтенный друг! Не

медли отложить ее далее от себя и во всеуслышание пред этим всенародным собранием похули христианские предания и законы; потому и сошлись сюда все вместе, не исключая жён и детей, что слышали о твоем желании исповедать нашу светлую и преславную веру. Иди же, о чудный муж, стань вместе с нами, яснейшим голосом прославь светозарное солнце, воздай честь звезде, предшествующей солнцу, и принеси жертвы небесным светилам, озаряющим вселенную; тогда ты удостоишься многих почестей и великого сана от царя нашего, нам же будешь искренним братом и насладишься жизнью, приятной всем людям.

Пока правитель со смесью злобы и коварства говорил эти льстивые слова, святой Иоанн, возведя вверх мысленные очи, призывал на помощь Владыку, сказавшего: когда поведут вас пред царей и князей ради имени Моего, не заботьтесь наперед, что говорить, или что отвечать в тот час: ибо дастся вам слово, которому не будут в состоянии противиться все противящиеся вам (Ср. Мк. 13:11). Потом, воззрев на мучителя чувственными очами и протянув безбоязненно руку, сказал в ответ:

– Мне думается, что ты явно лжешь, О начальник! Не говорил я, что хочу отречься от Христа моего; да не будет со мною сего, да не попустит Господь мой Иисус Христос когда-либо даже мысли об этом во мне; это умышление врага истины, твоего отца, сатаны. Войдя в тебя, как в свой истинный сосуд, он через тебя беседует со мною, надеясь привлечь меня к погибели, и принуждает меня отступить от истинного Бога, Создателя как иных всех видимых и невидимых тварей, так и самого этого солнца, которое ты чтишь как Бога, прельщенный властью тьмы, и в безумии воздаешь твари ту честь, которую подобает воздавать Самому Богу. Не прельщай же меня склониться ко лжи, а, напротив, узнав сам от меня таинство истины, отложи, прошу тебя, лежащую на душе твоей мглу нечестия и сподобись быть сыном света, воссияв ярче солнца зарею Божественного крещения. И не считай Богом солнце, видимое на небе, но знай, что это – светило огненного свойства, поставленное Создателем для служения людям и сотворенное в четвертый день. А создание разве может быть Богом?

Сказав это, святой Иоанн воздел руки и возвел очи к небу, и во всеуслышание воскликнул:

– Да не отрекусь от Тебя, Христа Спасителя моего, с безначальным Твоим Отцом и с Пресвятым Духом славимого Бога! Не поклонюсь солнцу, не послужу огню, не принесу жертвы звезде, которую языческое баснословие называет Венерою, одноименно с блудной страстью!

Так говорил мученик твёрдым голосом и с радостным лицом. Распаляемый огнем внутреннего гнева мучитель часто менялся в лице и не мог слишком долго терпеть слов мужа, говорящего противное ему, ибо святой Иоанн среди многочисленного народа прославлял того Христа, Которого начальник хулил, исповедовал Его истинным Богом, и до конца уничижал и низлагал нечестивую веру или, вернее сказать, обольщение правителя. Тогда мучитель повелел воинам сорвать с мученика одежды, что воины исполнили тотчас же скорее слова: и стоял святой нагим, – во Христа облечённым. Потом повелел начальник положить пред мучеником множество палок и сказал ему:

– Ты обещался не басни повествовать, а отречься от твоей неполезной веры, и усердно желал присоединиться к нашей светлой вере и украситься нашими законами. Оставь же свое продолжительное злоречие и исполни, что обещал, – присоединись к преславной нашей вере и поклонись светозарному солнцу: если же этого не сделаешь, то за нашу выдающуюся своей благостью веру не только этими жезлами раздроблю твое тело, но и иными лютейшими муками, невыносимыми для человека, буду тебя мучить и, наконец, предам тебя горчайшей смерти.

Святой мученик сказал в ответ:

– О мучитель, исполненный всякой скверны! Я не баснословец, а раб и проповедник истинного, в Троице славимого, Бога, в Которого научился веровать от прародителей и родителей моих; ныне Ему Одному поклоняюсь, Ему приношу жертву хвалы, Его признаю и исповедую Создателем всего, Его ожидаю как Судию живым и мертвым; Он придет воздать каждому по делам в то время, когда повелением Его померкнет

это видимое солнце, поставленное на служение людям. Поэтому не надейся слышать от меня что-либо иное, – что сначала сказал я, то и ныне говорю: доколе обладаю умом и управляю моим рассудком, дотоле не буду почитать твари вместо Творца и не поклонюсь созданию вместо Создателя. А затем не медли, делатель неправды, явно обнаружить скрытый в тебе пёсий и бесчеловечный нрав, и освободи себя от забот об изобретении на меня мук, – каким угодно способом мучительства и смерти посылай меня к Владыке Богу, к Которому я сам стремлюсь. Что хочешь делать, делай скорее, чтобы слуху моему не слишком долго оглашаться твоими нечестивыми речами, о которых сказал пророк: «они злое мыслят в сердце, всякий день ополчаются на брань» (Псал. 139:3), и – очам моим не смотреть долее на твое всескверное лицо. Вот обнаженная плоть моя готова к мучительству твоему. Бей жезлами, сожигай огнем, утопи в воде или рассеки мечом, и если у тебя есть иные, более лютые, муки, не ленись причинить их мне: все готов радостно принять ради любви ко Христу моему.

Эти речи мученика воспламенили гневом свирепого мучителя; он тотчас повелел растянуть блаженного на земле и немилостиво бить суковатыми палками. Слуги били страстотерпца Христова столь жестоко, что многие части раздробляемой плоти его вместе с палками поднимались в воздух, и всё место, где мучили святого, обагрилось кровью. Доблестный же страдалец мужественно переносил это мучение и, возводя умные очи свои на небо, говорил:

– Благодарю Тебя, Владыка Боже, что сподобил меня кровью моею очиститься от грехов моих, в которые, по немощи человеческой, впал я после святого крещения.

Сыны погибели, слыша молитву мученика к Богу, исполнились еще большей ярости и жестоко били его до тех пор, пока не умолк его голос. При наступлении вечера правитель повелел едва дышавшего мученика связать двумя цепями, бросить в темницу и стеречь до утра для сильнейшего мучения. А так как мученик от лютых ран не мог идти сам, то его повлекли как некий труп и ввергли в узилище.

Наутро звероподобный мучитель, севши на обычном судебном месте, повелел привести святого мученика Иоанна. Страстотерпец Христов предстал со светлым лицом и радостною душою. Взглянув на мученика и увидев светлое и обрадованное лицо его, нечестивый судья весьма удивился, как после столь лютого мучения обретается в нем душа, и он веселится, – точно не потерпел никаких страданий.

– Видишь ли, Иоанн, – сказал он, – до какого бесчестия довело тебя твое непокорство? Едва не лишился ты сладкой и всем людям более всего существующего любезной жизни. Впрочем, если ты окажешь повиновение моим разумным увещаниям, то готово тебе и здравие: в течение немногих дней будет уврачевана твоя израненная плоть, ибо есть у нас весьма искусные врачи, пришедшие из Индии и Персии; если же и далее хочешь пребывать в христианстве, то знай, что еще большее зло ожидает тебя.

Святой мученик отвечал:

– Об израненной плоти моей я нимало не забочусь, о судия! Поскольку внешний наш человек тлеет, постольку обновляется внутренний, как говорит великий Апостол Господень (2Кор.4:16). Об одном имею я попечение: претерпеть до конца причиняемые мне от тебя муки, о укрепляющем меня Христе, Который сказал: «претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13:13). Если ты изобрел на меня еще какие-либо муки, причиняй их мне: ибо первые, наложенные тобою на меня, раны вменились мне в ничто.

Посрамленный этими мудрыми словами святого, безумный мучитель затрясся от гнева и, испустив рыкание, как зверь, повелел снова простереть мученика на земле и бить еще более жестоко, и долго слуги беспощадно били страстотерпца, сменяя друг друга, так что и внутренности мученика были изранены; он же, шепча устами, творил молитву к Богу. Когда изнемогли воины, бившие члены тела, облекавшего адамантовую душу, и люди всех возрастов, собравшиеся смотреть мучения, стали кричать на скверного судию, осуждая его немилостивый и суровый нрав, тогда мучитель повелел привести дикого и свирепого коня, крепко привязать к его хвосту ноги мученика, а

одному из воинов, севши на коня, гнать его по городским улицам и влачить Христова страдальца, пока конь будет в силах бежать. Так влачили святого по всему городу, и было горестно благочестивым очам видеть это. Когда же всадник, влачивший святого, достиг жилищ иудейских и скакал по улицам их, то толпы иудеев ругались над влачимым мучеником; эти злобные люди, видоизменяя лица свои, с криками бросали в него, кто что имел в руках, творя бесчинный и нелепый смех. Наконец один из иудеев вбежал в дом, схватил обнаженный меч, настиг влачимого святого и отсек ему честную главу. Так доблестный воин Иисуса Христа окончил свой страдальческий подвиг, предав святую свою душу в руки Господа своего[3596]. Честное тело его воин отвязал от конского хвоста и бросил на том же месте, и лежало оно с отсеченною главою без погребения и призора, и никто из христиан не решался прикоснуться к нему, боясь ярости нечестивых.

Когда настала ночь, можно было явно видеть дивное чудо над телом мученика: ярко горело множество лампад, и три светоносных мужа воспевали неизреченные священные песнопения, и творили каждение, и столп огненный утверждался над телом святого: это чудо видели многие. Один иудей, дом которого был близ того места, где лежало многострадальное тело, думал, что это священники христианские пришли поднять его и предать обычному погребению; он взял лук и стрелу, приблизился туда и, желая застрелить одного из видимых тех (мнимых) священников, положил стрелу, затем с усилием, насколько мог, натянул лук. Когда же он хотел пустить стрелу, то стрела с тетивою прильнула к пальцам его правой руки, а лук к левой руке, и он не мог ни пустить стрелы, ни освободить рук от лука и стрелы; и так страдал этот еврей, змеиное исчадие, всю ночь. На рассвете стали невидимы чудные мужи, скрылись и столп огненный, и лампады, и люди всех возрастов, сходясь на это место, видели окаянного стрелка пребывающим в том же положении, – как натянул он лук со стрелой, так и остался связанный невидимою силою Божиею, будто железными оковами. Против воли вынужден был этот иудеянин поведать

подробно, как о всем виденном им над телом мученика, так и о возмездии, полученном им от Бога за дерзновенную попытку к злобному делу. После достаточного оглашения этого чуда, руки его разогнулись, и он освободился от наказания. Правитель, узнав об этом, весьма устрашился и повелел христианам предать погребению тело мученика: христиане взяли его и с честью похоронили при своей церкви.

Немного дней спустя фряг, который предал святого на мучение, захотел украсть честное его тело и отнести к себе (на родину): он уже раскаялся в злобе своей. Однажды ночью, выбрав удобное время, он пришел с товарищами ко гробу мученика, раскопал место, открыл гроб и хотел взять честные останки. Но Христов воин в это время явился во сне пресвитеру той церкви и сказал:

– Встань и скорее иди к церкви, ибо хотят меня украсть.

Пресвитер тотчас встал, поспешно отправился на место, нашел гроб раскопанным и открытым, тело же святого едва не было унесено. Созвав благочестивых людей, он рассказал им о происшедшем, и все прославили Бога, прославляющего святых Своих; взяв честные мощи святого мученика, внесли их в церковь и положили в алтаре близ святого престола. Там святые мощи находились более семидесяти лет, и бывали над ними часто ночью и днем различные чудесные явления: иногда показывался некий чудный свет, иногда огненный столп, иногда неизреченное благоухание исходило от гроба, проявлялись и силы целебные. Слух о том дошел до правившего в то время Молдовлахиею и поморием благочестивого и христолюбивого великого воеводы Александра, мужа украсившего себя многими добродетелями и любившего мучеников; и весьма пожелал он иметь у себя пребогатое сокровище – честные мощи святого мученика Христова Иоанна. По совету с священнейшим архиепископом Иосифом[3597], он послал в Белград нескольких вельмож своих с достаточным числом войска, и они не замедлили принести оттуда мощи мученика. Навстречу вышел великий воевода со всеми вельможами, священнейший архиепископ с духовным чином и весь народ, радостно приветствуя приход мученика со свечами, кадилами и

благовонным миром. Великий воевода, припадая к раке святого, обнимал многострадальные мощи его, прикасался очами и устами к честным рукам мученика и, проливая радостные и обильные слёзы, молил святого быть хранителем его державы. С великою честью положили честные мощи мученика в святейшей митрополии, в стольном городе молдовлахийского государства Сочаве[3598]. О бывших же тогда и впоследствии исцелениях, которые подавались и подаются от мощей мученика одержимым различными недугами, оставляем, – замечает описатель, – говорить самим тем облагодетельствованным, да проповедуют о полученных от него благодеяниях. Здесь же достаточно было сообщить, какие мучения претерпел святой Иоанн, как посрамил нечестивого градоначальника, какой поднял подвиг и получил венец от руки подвигоположника Христа. Таково было доброе приобретение святого Иоанна: мало дал, но много приобрел, оставив, как бремя, коварному мучителю тело свое, устремился не в Трапезонт, а в вышний Иерусалим, – в мученический лик как мученик, в лоно Авраамово, в селение святых, в благие пристанища, в нетленные чертоги, где предстал Трисвятой и ПреБожественнейшей Троице, Которой слава, держава, честь, прославление и поклонение ныне и в бесконечные веки, аминь.

Тропарь, глас 4:

Житие на земли добре окормляя страдальче, милостынями и частыми молитвами и слезами, паки же ко страданию мужески устремився, персское обличил еси нечестие, тем же церкви был еси утверждение и христиан похвало, Иоанне приснопамятне.

Кондак, глас 4:

Морскую плавая пучину куплею, от востока тщался еси к северу: но Богу призвавшу тя, якоже Матфей мытницу, ты же куплю оставль, и Тому последовал еси кровию мучения, временными искупив непроходимая, и венец приял еси непобедимый.

Память святого мученика Лукиллиана и с ним четырех отроков Клавдия, Ипатия, Павла и Дионисия и святой девы Павлы

Память 3 июня

Святой мученик Лукиллиан, пострадавший во времена римского царя Аврелиана[3599], сначала пребывал в языческом многобожии и даже был идольским жрецом, уже достигшим маститой старости, украшенным сединою и почтенным видом. Жил он недалеко от Никомидии[3600], служа в капищах скверным богам. Потом благодатью Христа Бога нашего, желающего всем спастись и никому не погибнуть (ср. 1Тим.2:4), убедился он в обмане бесовском и языческом заблуждении, достиг познания истины, уверовал в единого истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, отверг и презрел идолов, и обновилась в старости, как у орла, юность его (Пс.102:5). Тогда возродился он святым крещением и всей мыслью и душой вполне предался любви ко Христу.

Выяснял он и прочим язычникам суету и пагубу их нечестия, наставлял на спасение и своим учением приводил ко Христу, так что для многих был он примером обращения к Богу. Местные иудеи, видя, что Лукиллиан перешел из идолопоклонства в христианскую веру и что многие, по примеру и учению его, оставляли кумирослужение, присоединяются к христианам и принимают святое крещение, исполнились гнева и ненависти. Люди богоубийственные и лютые, они из зависти оклеветали его и предали суду нечестивых; и был представлен раб Христов для допроса правителю Никомидии Силвану. Правитель сильно принуждал старца отречься Христа и возвратиться к идолослужению, но тот отказался повиноваться ему. Тогда правитель исполнился ярости и повелел предать Лукиллиана различным мукам: ему сокрушили челюсти, били нещадно палками, повесили вниз головой и потом, после долгого и лютого мучения, ввергли в темницу. Там святой Лукиллиан нашел четырех отроков, заключенных за Христову веру: Клавдия, Ипатия, Павла и Дионисия. Радостно беседовал

он с ними о Христе Боге и укреплял их к подвигу мученическому, чтобы, помня вечное воздаяние на небесах, они не боялись временных мук, не устрашались смерти для будущей жизни и не жалели цветущей юности своей для Христа, уготовляющего им в Царствии Своем неувядающее блаженство. Все вместе они молились Богу дни и ночи и утешали себя надеждою на Христа. По прошествии довольно многих дней, святой Лукиллиан снова был подвержен мучениям уже вместе с отроками, и с ними был брошен в раскаленную печь. Но всемогущий Бог проявил над ними чудесную Свою милость, как некогда над еврейскими отроками, ввергнутыми в печь вавилонскую (Дан. 3): огонь обратился в холод, пламя – в росу, и обильный дождь, пролившись свыше, окончательно охладил всю печь, и вышли святой Лукиллиан и отроки невредимыми. Язычники, ослепленные неверием и злобою, приписывали это преславное чудо Божие не Божией силе, но волшебству христиан. Тогда неправедный судия осудил святых мучеников на смерть и отослал их в Византию[3601], чтобы они там приняли казнь. Когда они достигли Византии, четыре святых отрока, Клавдий, Ипатий, Павел и Дионисий были усечены мечом, а святой Лукиллиан повешен на кресте, по всему телу пригвожденный к нему гвоздями, и так предал дух Богу. Он был распят на кресте иудеями, как это видно из третьей песни посвященного ему канона, где об этом говорится таким образом: «Иуда предаде избавителя Христа древле богоубийцам: ты же ныне беззаконным Иудеем предан был еси».

К их страдальческому венцу присоединилась и святая дева Павла. Рожденная от христианских родителей, она с юности питала в сердце горячую любовь ко Христу, соблюдала девство свое бессмертному Жениху и старалась быть достойной небесного чертога. Осиротев после смерти родителей и обладая достатком, она обходила темницы и, покупая себе у стражи золотом право входа, посещала узников, страдающих за Христа. Она служила рабам Христовым, подавая им все необходимое от имения своего, томимым голодом и жаждой приносила пищу и питье, нагим подавала одеяния, исцеляла уязвленные и гниющие стругами тела мучеников, омывая,

отирая, прикладывая врачебные пластыри и обвязывая чистым полотном. Лобзая их раны, принятые за Христа, она со слезами просила их молиться о ней Христу Богу, да не лишит Он ее Своей милости. Эта избранная невеста Христова приходила и к святому Лукиллиану, заключенному в Никомидии с отроками в темнице, и наслаждалась полезными наставлениями его. Когда мучили святого и отроков, она была свидетельницей подвига их, и втайне сердца своего прилежно молилась о них Христу, да укрепит Он рабов Своих и да подаст им мужество и помощь, чтобы претерпеть им муки до конца, ради славы святого Его имени. Когда народ по окончании казней расходился, она приходила на место мучений святых, собирала по земле пролившуюся кровь их и хранила у себя, как святыню; когда вели старца и четырех отроков в Византию на смерть она последовала за ними и служила им; когда же святые отроки были усечены, святая дева взяла честные тела их и с благоговением предала погребению. По кончине святого Лукиллиана и святых отроков, она возвратилась в Никомидию и продолжала поступать так же. Нечестивые узнали, что она христианка, взяли и привели на суд к тому же правителю Силвану, который, видя, что она остается непокорной после многих льстивых и грозных увещаний, повелел долго и немилостиво бить ее по обнаженному телу прутьями и палками, когда же она от многих ран изнемогла телом, но не духом, Ангел Господень явился и исцелил ее; и возвратилось к мученице телесное здравие, и она явила себя еще более смелой и мужественной в муках. Потом ее жестоко били по устам за то, что она досадила мучителю укорительными словами. Затем ее ввергли в темницу, а потом снова вывели на пытку и бросили в сильно раскаленную печь. Но она вышла из печи без вреда, ибо для нее, как и для прежних святых мучеников, сила Божия уничтожила силу огня, да не коснется невесты Христовой жгучее пламя. После же всего этого мучитель осудил ее на смерть через усекновение мечом и отослал в Византию, чтобы она приняла казнь там же, где скончался и святой Лукиллиан с отроками. Отведенная на то место, где Лукиллиан принял за Христа крестную смерть, мученица Христова усердно

благодарила Бога, сподобляющего ее венца мученического и общения со святыми. Помолившись прилежно Господу, она радостно преклонила под меч свою девическую главу и приняла усечение. Так она перешла из дольних в горные и вошла в небесный чертог, в радость Господа своего, увенчанная от прелюбезнейшего Жениха своего, Христа, Господа нашего, двойным венцом – девства и мученичества.

Житие и страдание святого священномученика Лукиана

Память 3 июня

Вспоминать победы преславных мучеников над диаволом и слугами его и страдальческие деяния подвижников Христовых значит возвещать славу Христа Бога нашего и проповедовать силу Его, явленную в добрых подвигах мучеников, страдавших во славу пресвятого Его имени. Христос Сам был победителем во всем, по слову Своему: «мужайтесь: Я победил мир» (Иоан. 16:33), и сначала Один за всех боролся с врагом. Святые мученики, после Него страждущие, будучи членами (Тела) Его (1Кор.12:27), восполняют, по слову апостольскому, «недостаток скорбей Христовых» (Кол.1:24) в плоти своей, и поскольку они, подвизаясь за пресвятое имя Его, умирают непобежденными, постольку в них Христос является победителем, ибо в них Он страдает как в членах тела Своего, в них являет торжество Свое над супостатом и, прославляясь, вместе с Собою прославляет и Свои члены, за Него страдавшие, то есть святых мучеников, которые настолько ближе всех к Нему по славе, насколько были подражателями Его в страданиях. Поэтому подобает и нам славить и ублажать добрых воинов Христовых, учениями которых и примером мужественных подвигов Церковь Христова сияет по всей вселенной; сами же они под алтарем, одетые в белые одежды, собственною их кровью обагренные, Христовою же убеленные почивают в блаженстве (ср. Мф.5:14).

К лику мученическому принадлежал и святой Лукиан; как только Божественная благодать омыла его банею крещения, тогда же можно было в нем видеть, что он будет великим и преславным среди людей. Родители по плоти назвали его Лукием, в честь великого проконсула Лукия, от которого он вел род свой; потом, благодатью Святого Духа и по обычаю святоотеческому, имя его в крещении было переменено на лучшее. Наименованный родителями Лукием, то есть блестящим, с умножением в нем Божиих дарований приобрел он совершеннейшее имя, нарекшись Лукианом, что значит

светлоявленный. Это было указанием, что в свете новой благодати он будет светом миру о Господе (Мф.5:14). Родом он был римлянин, благородного происхождения, но еще более облагородился вторичным рождением христианским (Иоан.3:3), удостоившись усыновления вечному царю. Был он искусен в премудрости, научен греческому и римскому языку, но совершенную премудрость приобрел от учения святого Апостола Петра; ибо к нему он прилепился, сделался его учеником, и им был напоен небесною премудростью. Навык он от него также нравам и трудам апостольским: после страдальческой кончины его он посетил многие места Италии, рассевая семена слова Божия.

Лукиан уже достиг совершенства в премудрости Божией, когда пришел в Рим наставляемый Богом святой Дионисий Ареопагит[3602], желая посетить святых узников, Апостолов Петра и Павла, но уже не нашел их в живых. Правил в то время престолом апостольским папа Климент. Дружественно и с великою честью принял он Дионисия ради святости его и ради прежней долговременной между ними духовной любви во Христе, и Дионисий пробыл у него немалое время; они утешались лицезрением друг друга, наслаждались душеполезными беседами и укрепляли друг друга не только словами, но и примерами добродетели. Однажды блаженный Климент, исполненный Духа Святого, сказал:

– О возлюбленный брат мой Дионисий! Видишь ли, как обильна жатва Господня посева в язычниках и как мало делателей в слове проповеди Божией (Мф.9:37). А так как ты вполне научен православной вере и достиг совершенства в добродетелях христианского закона, то, – прошу тебя, – иди в Западные страны для имени Господа нашего Иисуса Христа, как добрый воин Его ополчись против врагов Господа нашего и побеждай их силою укрепляющего тебя Бога.

Святой Дионисий от всего сердца согласился на это, и тогда блаженный Климент начал ему искать и собирать друзей, помощников и сослужителей, благочестивых и премудрых, сияющих святой жизнью. Между ними избрал он и святого Лукиана, поставил его епископом и подружил с святым

Дионисием, чтобы ему он был спутником и сподвижником в проповедании слова Божия, прочим же – отцом в Духе Святом, учителем и наставником. Устроив так, блаженный Климент приветливыми словами утверждал избранных, говоря:

– Идите, прелюбезные братия, идите, непобедимые воины Христовы, и как Господь пребывал со святыми отцами нашими апостолами и с их сподвижниками, так да пребудет и с вами, проповедниками Его святого имени: ибо (многое и) неисчетное число народа из язычников будет вами приобретено для Господа и введено в ограду Его.

После долгой беседы святой Климент сердечно простился с ними, благословил и отпустил их с миром; они же пошли все вместе, и проповедовали Христа сначала по всей Италии.

Когда они приближались к городу Тицину[3603], блаженный Лукиан на одном месте, называемом Парма, благовествовал слово Божие народу и отвращал его от суетного идолослужения. Местные жители, неверные и чрезмерно усердные идолослужители, не вынося обиды, причиняемой богам их, и не внимая благовестию слова Божия, не замедлили схватить святого Лукиана и, причинив ему много оскорблений, ввергли его одного в народную темницу. Входя в нее, блаженный с великим веселием воспевал: «Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей» (Пс.85:11), и еще: «Утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои» (Пс.16:5). Так радуясь о Господе, святой муж пребывал в темнице как под кровом крыл Божиих и, в полной надежде на защиту Христа, молился Ему так: «Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое» (Пс. 141:6) ибо меня ждут имеющие быть праведниками, – да через меня к Тебе, Христе, Спаситель мира, обратятся те из язычников, которые предопределены к вечной жизни (Рим.8:28). Такие и подобные моления возносил святой от всего сердца, и молитва его, пройдя небо, была услышана Господом: ибо он просил, чтобы не остаться ему на пути, лишенным сподвижников своих, с которыми он желал идти на страдание и достигнуть туда, куда был послан. Не потому об этом молился доблестный Христов воин, что боялся умереть за Господа своего, но он желал

сначала умножить Господу духовный плод, и потом, собрав обильную и благополучную жатву, вместе с друзьями своими восприять венец мученический и награду за труды свои. И вскоре получил он помощь Божию: некие христиане, узнав об участи святого мужа, пришли ночью к темнице, движимые любовью ко Христу, и каким только могли способом извели Лукиана из уз и доставили ему возможность отправиться вместе со святыми друзьями его.

Святая дружина, наставляемая Господом, пришла благополучно в славный город Италийской страны Тицин, иначе называемый Павия; отдохнув там немного от трудов, они продолжали увеличивать славу Божию, неустанно и обильно в различных местах проповедовая слово Христово, так что на них можно было видеть исполнение слов пророческих: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость» (Ис.52:7; Рим.10:15). Нельзя описать, сколько тысяч народа в короткое время обратили они ко Христу, возвещая всем слово спасения; и настолько споспешествовала им сила Божия, что смотревшие на них думали, что взирают на небесных граждан, ибо знамениями и чудесами сияли они посреди всех, просвещая души избранных Божиих. Потом они оставили Италию; достигнув морского берега, сели на корабль и отправились в плавание, куда Дух Святой направлял их. Радостно пристали они в гавани города Арелата, высадились и были с честью и дружественно приняты жителями этого города; здесь отдохнули и начали по примеру святых апостолов избирать себе страны для проповедания слова Божия. Чтобы проповедью Евангелия Христова распространить и умножить Церковь Божию всюду среди язычников даже до океана Британского, святой Маркеллин с небольшим числом братии пошел в Испанию, блаженный Сатурнин в Галлию, а святой Дионисий с блаженным Лукианом и с прочими пришли в пределы Парисские. Отсюда святой Лукиан с пресвитером Максианом и с диаконом Юлианом удалился на проповедь в Бельгию. Весь проникнутой благодатью Святого Духа, он возвещал там имя Господне, побеждал силу вражью, насаждал Христову Церковь и

наставлял народ к спасению не меньше примером добродетельной жизни, чем словом. Кроме того, дана была ему от Бога сила творить чудеса и врачевать всякие болезни и недуги в людях; а над бесами он получил такую власть, что те, едва услышав его повеление, тотчас оставляли мучимых ими людей.

Днем и ночью непрестанно проповедуя о Христе, Лукиан пребывал в молитвах и бдении, в ежедневном посте, в воздержании и полном умерщвлении плоти, и так изнурял себя постоянно, пока, по слову апостольскому, «представил тело свое в жертву живую, святую, благоугодную Богу» (ср. Рим.12:1). Обычной его пищей были небольшой кусок хлеба и зелень, питьем вода; но сила Божия питала его и благодать Господня укрепляла его утружденные члены. Блаженный с таким желанием стремился к венцу мученическому, что казался уже умершим для мира.

Так носил крест свой этот истинный последователь Господа Христа. Он знал, что мучение бывает двоякое: одно тайное, другое явное; и ранее чем подъять подвиг явного мученичества и увенчаться неувядаемым венцом от Господа, изнурял себя втайне, хотя всем было известно воздержание его. Умерщвлением плоти он был изможден, терпением украшен; обладая чудным смирением, исполненный кротости, он достиг такого совершенства в добродетелях, что, живя во плоти на земле, по духу казался уже живущим с Ангелами на небе. Поэтому лицо его всегда видели светлым и приветливым, а ум мирным, и весь образ сего старца, украшенного чудною сединою, являл земного Ангела, небесного человека.

Когда слава о Лукиане распространилась по всей Бельгии, стал приходить к нему народ, желая принять крещение, и крестился от него во имя Отца и Сына и Святого Духа, сокрушая потом идолов, которых ранее почитал. Древний же враг диавол, видя поругание от тех, которых Христос привлекал к Себе через Своих рабов, обратил все свои хитрости и козни на разорение святой Божией Церкви; он возбудил гнев и ненависть против христиан в Домициане, который после Нерона, тогда уже погибшего, воздвиг второе гонение на христиан: он научил его

принуждать христиан во всей державе римского царства приносить жертвы изваянным богам, твёрдых же в вере избивать после различных мучений. По всем городам и селениям своего царства Домициан разослал нечестивое повеление, чтобы все народоначальники, убеждая христиан поклоняться идолам и приносить им жертвы, неповинующихся губили различными муками. Гонители Христова имени были посланы в Галлию отыскивать воинов Христовых и главным образом пришедших сюда из Рима, слава о которых уже далеко распространилась; они хотели вместе с ними истребить и самое имя Христово. Сюда было послано три гонителя: Латрин, Арий и Антор. Им было дано особое повеление – найти святого раба Божия Лукиана, взять его и представить на суд кесаря или даже немедленно убить мечом, если он не захочет принести жертву идолам. Гонители прошли города и селения Галлии, но нигде не было того, кого они искали. Потом дошла до них весть, что муж Божий Лукиан, проповедуя Евангелие вечного царствия, просвещает бельгийский народ. Услышав это, мучители, распаленные крайнею яростью и гневом, быстро направились в Бельгию.

О том, что приход мучителей близок, святой Лукиан узнал ранее, чем они дошли, по откровению ему Святого Духа. Он остался на месте, где поучал народ словам жизни, и с ним было великое множество людей, уже обращенных ко Христу его проповедью. В надежде вечной славы и блаженного воздаяния, он увещевал их от всего сердца, говоря:

– Возлюбленные о Христе братия и чада! Господу моему Иисусу Христу благоугодно явить мне плоды моих трудов и даровать ранее обещанную награду. О любезнейшие, пребывайте твёрдыми и непоколебимыми в вере Христовой. Я уже стар и утружден, радуюсь венцу мученическому, стремясь отойти от вас ко Господу; вы же пребывайте неизменно в Божией благодати, которую приняли. Страх перед мучителями да не отвратит вас от веры Христовой, да не устрашат вас угрозы, да не уловит лесть, да не отторгнут обещания каких-либо почестей и богатств, но да насладитесь вечной радости в будущей жизни, где вам уготованы неизглаголанные награды. К

ним стремлюсь и я в благой надежде, и ради них не ужасаюсь ярости гонителей.

Сказав это, Лукиан возвел очи на небо и пред всеми благодарил Бога, что Он сподобляет его участи святых мучеников и не разлучает с друзьями. Он сказал:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, Сын Бога живого, подруживший меня с блаженным Дионисием и сподвижниками кончины его и уравнявший меня с ними в трудах; молю Тебя, удостой меня быть вместе с ними и в Царствии Небесном.

Сказав это, он вышел из города Белловака[3604] не потому, чтобы из страха избегал мучения, но чтобы, по заповеди Господней, повелевающей уклоняться от гонителей (Мф.10:23), подать пример стаду своему. Шествуя с блаженными сострадальцами своими, пресвитером Максианом и диаконом Юлианом, он в продолжение всего пути не оставлял душеполезной беседы и молитвы; наконец, он достиг вершины горы, на которую шел и которая находится близ реки, называемой Фара, текущей с запада на расстоянии трех поприщ[3605] от города. Когда он пришел туда, то подобно городу, стоящему на вершине горы, не мог укрыться (Мф.5:14); ибо и самая та гора, живописно возвышавшаяся над рекою, была видима издалека. Там блаженный, став твёрдо, как на открытом для зрелища месте, решил ожидать венца мученического.

Вышеупомянутые мучители, дошедши до города и не найдя в нем святого Лукиана, начали достовернее узнавать, куда ушел он. Им сказали, что он учит народ недалеко от города; они тотчас на борзых конях устремились туда и достигли горы, где человек Божий пребывал с народом и учениками. Сначала взяли святых служителей Божиих, Максиана и Юлиана, чтобы их муками и смертью устрашить святого Лукиана и привлечь к почитанию идолов. Взятым мученикам грозно повелевали поклониться идолам и старались внушить им страх, говоря:

– Если не принесете жертвы нашим бессмертным богам, тотчас мы казним вас мечом.

Но твёрдые в вере мученики безбоязненно отвечали:

– Никогда не поклонимся мы идолам, ибо они суетны и сотворены руками человеческими: мы познали единого истинного Господа Иисуса Христа, Сына Бога живого, за веру в Которого готовы умереть.

Слыша это, злочестивые тотчас убили их мечом на глазах святого Лукиана. Так святые приняли обещанные им от Господа венцы и сопричислились к лику святых мучеников. Святой Лукиан, радуясь и славя Бога о их подвиге, пред всеми сказал:

– Радуюсь и веселюсь о Тебе, Господи Боже мой, что вижу чад моих упредивших меня в получении венца славы Твоей.

Тогда Латрин, Арий и Антор с яростью и гневом единогласно обратили к блаженному жестокое слово:

– Это ты волшебством прельщаешь народ не повиноваться повелению могущественного кесаря и римскому сенату, и не приносить благоприятных жертв бессмертным богам?

Блаженный Лукиан отвечал:

– Я не волхв, а раб Иисуса Христа, научен не чародейству, а Божественной премудрости, силою ее показываю людям Божиим путь истины, и поучаю их, как без препятствия могут они последовать Господу моему Иисусу Христу. Он сошел с небес на землю, чтобы кровью Своею искупить создание Свое от рабства врагу, отвратить от поклонения идолам, лучше же сказать – демонам, и даровать спасение тем, которые из тьмы зловерия приводятся в истинный свет: и справедливо, чтобы они одному Тому преклоняли выю сердец своих, Кто благоизволил претерпеть распятие и смерть за избавление всех.

Мучители возразили:

– Как ты исповедуешь Богом Того, Кого называешь не только умершим, но и распятым?

Святой Лукиан отвечал им:

– Хотя вы по неверию своему и недостойны слышать тайны Небесного Царя, однако, ради множества предстоящих здесь верных я поведаю нечто вкратце: Бог истинный, Сын Бога истинного, в вечности всегда пребывающий с Отцом, в конце веков, желая обновить род человеческий, погибавший вследствие преступления Адама, благоизволил родиться

нетленно и несказанно от Пречистой Девы, дабы быть истинным Богом и истинным человеком, в одном лицо двоякого естества Единым Христом, истинным Сыном Божеским и Человеческим. И Он, будучи бесстрастен по Божеству и всегда пребывая с Отцом, стал не только видим, но и подчинен, по естеству человеческому, страданиям за нас: ибо сделался послушливым Богу Отцу даже до смерти, смерти же крестной, ради искупления нашего (ср. Флп.2:8). Если бы Сын Божий не восхотел быть Сыном Человеческим и не облекся бы в образ смертного, то ни род человеческий не получил бы прощения у Бога, ни смертные не облеклись бы в бессмертие.

Эти и многие иные слова блаженного Лукиана исполнили мучителей еще большей ярости, и они сказали:

– Ты достиг уже глубокой старости, и пора тебе оставить детское празднословие; потому и дерзаешь ты без колебания идти на смерть, потому и не ужасаешься, что тебя прельщает великая суета и отнимает рассудок излишнее многоречие. Истину говорим тебе: если вскоре не покаешься, не оставишь своего безумия и дерзновения, и не принесешь бессмертным богам благоприятной жертвы, то немедленно старость твою без пощады предадим лютым мучениям.

Потом мучители сели и начали грозно спрашивать его:

– Скажи нам скорее свое имя и рождение.

Воин Христов отвечал им:

– Я был назван родителями моими именем Лукия, во святом же крещении, которым возродился в жизнь вечную во Христе, переименован Лукианом. Родом я римлянин; это происхождение пользуется почетом во всем мире. Но я не тем хвалюсь, что я римлянин, а тем, что есмь раб Господа моего Иисуса Христа, что и вы явно можете видеть во мне: ибо нет для меня иной жизни и славы, кроме Господа моего Иисуса Христа, и умереть за Него – приобретение (ср. Флп.1:21).

Тогда мучители сказали:

– Правду мы говорили: ты волхв и соблазнитель тех, которые тебя слушают, главным же образом являешься гордецом, ибо не перестаешь говорить бесстыдно и даже не щадишь своей преклонной старости. Если же ты римлянин, то

зачем безумно отступил от почитания римских богов, которым поклоняются кесарь со всем римским сенатом и весь мир?

Святой Лукиан отвечал:

– Благодатью Христа, в Которого я крестился, и Которого познал как истинного Бога, отрекся я в вере моей не только диавола и идолов, но и всех дел его. Моих же слов и проповеди о Христе Господе вы не хотите ни слышать, ни держать в памяти потому, что неверие ваше ослепило вас и вашего кесаря вместе с сенатом его, от которых вы получили такое повеление, чтобы мы, люди, создание разумное, приносили жертву диаволам, и преклоняли выи наши пред бесчувственными идолами, сотворенным руками человеческими.

Латрин, Арий и Антор, не вынося далее бесчестие богов своих и кесарева, возложили на святого руки свои, связали его и предали воинам, и те, растянув мученика, долго без пощады били его жестокими бичами. Терпя мучения, Христов воин не побеждался страданиями и не устрашался угроз, но пребывал твёрдым в вере Христовой и бодростью духа укреплял изнемогшие от старости и уязвляемые члены. Неизменный и лицом и умом, он не переставал громким голосом исповедовать имя Христово, говоря:

– Никогда не перестану сердцем, верою и устами хвалить Христа, Сына Божия.

Мучители, еще более разъяренные, повелели лишить жизни святого мученика мечом; тогда один воин извлек меч, ударил в уготованную уже к усечению святую выю и отсек пречестную главу. Когда же святое тело лежало обезглавленным и еще двигалось, все были свидетелями, и сами убийцы, что над ним воссиял с неба великий свет, вместе же с светом был слышен голос свыше:

– Радуйся, благий раб Лукиан, не устрашившийся пролить за Меня кровь свою. Приди и прими ранее обещанный тебе венец, и водворись на небе со святыми: приди и наследуй обитель вечной славы, уготованную тебе с Ангелами.

Этот голос был не ради святого, который всегда твёрдо верил в обещанное ему Богом воздаяние, но ради вокруг стоящего народа, чтобы последнему еще более утвердиться в

вере в Господа нашего Иисуса Христа, насаждаемой святым Лукианом в течение столь продолжительного времени. Все это происходило в день субботний, на вышеупомянутой горе, в трех поприщах от города. Видя это и слыша, люди как веровавшие, так и неверовавшие были объяты великим страхом. Иные бежали оттуда, иные удивлялись с радостью, видя себя освобожденными от сетей диавольских: впрочем, не будучи в состоянии взирать на блистание явленного света, немного отступили от того места. Тогда святой Лукиан, хотя и мертвый телом, чудесно принял от Бога силу движения, поднялся как живой с земли и стал на ногах; потом, взяв в руки пречестнейшую свою главу, беспрепятственно пошел, ведомый благодатью обитавшего в нем Святого Духа и помощью Ангелов, и твердыми шагами как живой плотью начал путешествие, неся свою святую главу, как это сделал и друг его, святой Дионисий в городе парижиев. Пройдя около трех поприщ и перейдя по водам вышеназванной реки Фары, муж Божий достиг места, выбранного им себе для погребения. Там возлег на землю и с миром почил о Господе.

Благочестивые люди, обращенные ко Христу проповедью мученика, пришли и помазали святое тело его ароматами, обвили чистым полотном и погребли со многими почестями, не без Ангельского присутствия: ибо когда честное тело предавалось погребению, можно было обонять кроме земных ароматов еще и иное некое дивное и неизреченное благовоние. Все бывшие там дивились и спрашивали друг друга:

– Что это?

Потом сказали:

– Слава Тебе Господи Иисусе Христе, что сподобил нас обонять такое благоухание, какого никогда не обоняли ноздри наши! Слава Тебе, Христе Спаситель: ибо так усладились мы этим благоуханием, что затем уже, думаем, не будем лишены никакого блага!

И пока они это говорили, дотоле им подавалось Божественное благоухание. Отсюда несомненно познавалось присутствие святых Ангелов, которые от начала страдания мученика до самой смерти и погребения его были при нем

неотступно. Совершив честное погребение, благочестивые погребатели поклонились до земли, с сокрушенным сердцем восклицая:

– Веруем, Иисусе Христе, что Ты – истинный Сын Божий, с Отцом и Святым Духом царствующий на небесах, как мы слышали ушами и научились веровать сердцем от святого мученика Твоего Лукиана.

Множество народа, собравшегося на погребение из окрестных городов и сёл, видя это, а последние по времени из пришедших слыша от видевших, умилились сердцем, и в тот же день уверовало в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия душ около пятисот, а прежде учением святого Лукиана в той стране было обращено ко Христу до тридцати тысяч обоего пола и всякого возраста, которые, оставив идолов, исповедали Бога Отца нерожденного и Сына Его Единородного, вместе со Святым Духом, в Троице истинного и единого Бога. Потом некоторые из обращенных по усердию создали церковь над гробом мученика, во славу Божию и в честь угодника Его, святого Лукиана. Тела святых мучеников Максиана и Юлиана были погребены на горе, где они были убиты, но потом, когда число христиан увеличилось, были оттуда перенесены и положены вместе с телом блаженного Лукиана. И многие блага подавались там от Господа нашего Иисуса Христа по ходатайству святых Его мучеников. Как у них была одна вера, одна любовь, и одно исповедание в страданиях, так, – веруем мы, – и в вечном блаженстве одно им сожитие и наследие вечного царства. Благодарим Создателя нашего за то, что трое свидетелей Его, исповедуя Троицу, достигли совершенства мученичеством; их мы благоговейно почитаем, зная, что от них подается слепым прозрение, хромым хождение: бесов освобождение, и многие исцеления от различных недугов творятся их святыми молитвами, благодатью же Господа нашего Иисуса Христа, Ему же с Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки, аминь.

Память святого отца нашего Митрофана, патриарха Константинопольского

Память 4 июня

Святой отец наш Митрофан жил во времена Константина Великого – первого императора-христианина[3606]. Он был сын римлянина Дометия, происходившего из царского рода. Этот Дометий, иначе называемый Дометианом, был братом Прова, некогда занимавшего престол римского императора[3607]. Будучи человеком благоразумным, Дометий скоро сознал ложь идолопоклонства, отрёкся от ложных языческих богов и уверовал в истинного Бога – Господа нашего Иисуса Христа. А так как Рим в то время был исполнен языческого нечестия и христиане подвергались в нем жестокому преследованию, то Дометий, покинув столицу империи, прибыл с двумя сыновьями своими, Провом и Митрофаном, в Византию. Тогда в Византии был епископом богоугодный и святой муж Тит (называемый иначе Тратом или Торатом)[3608]; при нем-то и стали проживать Дометий и его сыновья, обучаемые вере Христовой и закону Господню и наставляемые в добродетельной жизни. Видя, что Дометий всем сердцем и всею душою прилепился ко Христу и полон пламенной ревности потрудиться для Господа, – епископ сопричислил его к церковному причту, рукоположивши в пресвитеры. Когда, наставив Дометия, Тит скончался, то Дометий принял после него епископский престол[3609], а по кончине блаженного епископа Дометия святительский престол принял сын его Пров[3610]. После же преставления Прова, на византийскую архиерейскую кафедру возведен был сын Дометия и брат Прова – святой Митрофан[3611], о котором предстоит нам слово.

В это время император Константин Великий прибыл во Фракийскую область[3612] и остановился в Византии. Увидав здесь святителя Митрофана, император из бесед с ним познал, что он великий угодник Божий, и много дивился добродетельной жизни святителя и его премудрости. Горячо полюбив его и

желая наслаждаться богодохновенными его речами, он взял его с собою в Рим.

Вскоре после того император Константин пожелал перенести свою столицу из Рима в Византию. Город этот ему очень понравился, как по своей красоте, так и по выгодному местоположению своему. Он находится в юго-восточном углу Балканского полуострова на берегу Босфора, пролива, соединяющего Чермное море с Средиземным и Мраморным морями. Прекраснейшие дороги с суши и с моря вели к этому городу, и вся окружающая местность изобиловала различными земными плодами. Всё это так понравилось Константину, что он решил перенести сюда столицу империи. Новую столицу император украсил прекраснейшими зданиями и наименовал ее Новым Римом.

Но, по имени своего создателя, город чаще называли Константинополем, то есть городом Константина, а как резиденция императоров, он именовался еще Царьградом. Перенесши в Византию столицу империи, Константин перевёл сюда также из Старого Рима святителя Митрофана, нарек его своим отцом и исходатайствовал ему у собравшихся в Никее на Первый Вселенский собор епископов[3613] титул патриарха. Митрофан был таким образом первым патриархом Константинопольским.

По причине глубокой старости и телесной немощи, сам Митрофан не был на соборе в Никее. Вместо себя он послал сюда своего хорепископа[3614] Александра – мужа почтенного, святого и престарелого, подъявшего много трудов на пользу церковного мира во Фракии и Иллирии[3615]. Он на соборе занимал место своего патриарха Митрофана и противостоял Арию.

После окончания сего Вселенского собора благочестивый император Константин Великий упросил всех святителей, бывших на соборе, отправиться вместе с ним в Константинополь, чтобы навестить там больного патриарха Митрофана, лежавшего на смертном одре. В одно из воскресений отцы вместе с царем пришли к Митрофану, и долго беседовали с ним. При этом император сказал святому:

– Честнейший отче! Я вижу, что ты изнемог от старости и болезни. Итак, прошу тебя, скажи нам, кто достоин стать твоим преемником?

На эти слова святой Митрофан с радостью во взоре отвечал императору:

– Поистине твоими устами говорит ныне Святой Дух. Действительно, когда я за семь дней до настоящего времени размышлял об этом, Господь открыл мне, что по истечении десяти дней я удалюсь из этого мира. И когда я окончу жизнь свою, пусть после меня вступит на престол сослужитель мой Александр – поистине достойный избрания и дара Духа Святого. После же него имеет быть наследником престола Павел, состоящий в настоящее время чтецом[3616].

Затем, взглянув на блаженного Александра, патриарха Александрийского[3617], он сказал ему:

– Брат! И ты оставишь после себя превосходного наследника.

И, взявши за руку архидиакона его, Афанасия, произнес:

– Вот доблестный воин Христов; он будет наследником после тебя[3618], и не только твёрдо восстанет, вместе с моим братом Александром, против арианского нечестия, но и преуспеет в великих подвигах, так что его, вместе с мужественным Павлом, – ожидают многие страдания.

Так святой предсказал о будущем, и спустя десять дней после откровения Господня, в мире скончался в четвертый день июня месяца, проживши со дня своего рождения всего сто семнадцать лет. Ныне же святой пребывает в бесконечной жизни, предстоя престолу Великого Архиерея, прошедшего небеса, – Христа Спаса нашего; Ему слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Веру Христову ясно ты проповедал еси, и сию соблюдая, во множество воистинну возрастил еси верное твое стадо: темже со Ангелы Митрофане срадуешися, Христу моляся непрестанно о всех нас.

Ин кондак, глас 4:

От младенства явился еси честен сосуд, святитель быв избран Богу, Емуже с веселием взывал еси: равен еси Христе

Отцу и Духу.

Страдание святого мученика Конкордия

Память 4 июня

В царствование императора Антонина[3619] в городе Риме было возбуждено столь жестокое гонение против христиан, что никому, – если он не принесет жертвы богам, – ничего нельзя было ни купить, ни продать. Тогда в городе Риме проживал некий муж по имени Конкордий. Он происходил из благородного дома. Отец Конкордия, Гордиан, состоял в священном сане и был пресвитером. Имея сына Конкордия, Гордиан научил его разумению Священного Писания и веры Христовой. Поэтому епископом римским Пием, – который претерпел мучение за Христа в царствование императора Марка Аврелия[3620], Конкордий был поставлен в иподиаконы. Сей блаженный муж, вместе с Отцом своим, день и ночь упражнялся в посте и молитве; сверх того они щедрою рукою подавали милостыню убогим и всем нуждающимся. С своей стороны они просили у Господа даровать им возможность избегнуть жестокостей воздвигнутого на христиан гонения.

Однажды блаженный Конкордий сказал своему отцу:

– Господин мой! Если ты не будешь иметь ничего против моего намерения, то дай мне благословение отправиться к святому Евтихию и поселиться с ним на короткое время, пока прекратится свирепство врага нашего, императора Антонина.

– Пробудем лучше здесь, чадо, – сказал на эту просьбу Конкордия отец, – дабы и нам получить от Господа венцы мученические.

Блаженный ответил:

– Мученический венец я могу получить везде, где благоволит Христос Бог, – поэтому позволь мне исполнить мое намерение.

После этих слов отец отпустил его, и Конкордий удалился к родственнику своему Евтихию, который тогда находился в своем имении на Саларийской дороге, близ города Требула[3621].

Приняв Конкордия с большою радостью, блаженный Евтихий стал воздавать благодарение Богу, и они вместе

пребывали на том месте, упражняясь в посте и молитвах. Сюда приходили к ним многие, одержимые различными недугами. Они же, молясь во имя Господа Иисуса Христа, подавали им исцеления, – и через это слава о них распространялась среди народа на далекое расстояние. Услышал о них Тусский епарх, Торкват[3622], который проживал тогда в городе Сполете[3623]. Призвав к себе блаженного Конкордия, он прежде всего спросил святого об имени его.

– Я христианин, – отвечал Конкордий.

– Я спрашиваю тебя о твоем имени, – снова сказал епарх, – а не о Христе твоем.

– Я уже сказал тебе, – отвечал святой Конкордий, – что я христианин и исповедую Христа.

– Принеси жертву бессмертным богам, – сказал епарх, – и будешь нам другом, – я буду считать тебя вместо отца и попрошу императора Антонина – господина моего, чтобы он назначил тебя жрецом богов.

– Пусть твои боги останутся лучше при тебе, – сказал на это святой Конкордий.

– Послушай меня и принеси бессмертным богам жертву, – продолжал уговаривать его епарх.

– Лучше ты меня послушай, – отвечал святой Конкордий, – и принеси жертву Господу Иисусу Христу, дабы избегнуть тебе вечных мучений. Если ты сего не сделаешь, то получишь наказание в вечной жизни и воспримешь мучение в неугасаемом огне.

Тогда епарх повелел бить его палками и бросить в общую темницу.

Ночью к Конкордию пришел блаженный Евтихий со святым епископом Анфимом. Анфим был другом Торквата и упросил его отпустить к нему узника на короткое время. И вот Конкордий ночью был выпущен из темницы и прожил вместе с Анфимом немало времени. При этом Анфим посвятил Конкордия во иереи, и они, живя вместе, упражнялись в посте и молитвах.

По прошествии некоторого времени, Торкват послал за Конкордием и спросил его:

– Что ты придумал относительно своей жизни?

– Моя Жизнь – Христос, Которому я ежедневно приношу жертву хваления, а ты будешь гореть в геенне, – сказал епарху Конкордий.

Тогда Торкват повелел привязать святого к позорному столбу. Но святой с радостью говорил:

– Слава Тебе, Господи Иисусе Христе!

– Принеси жертву великому Зевсу[3624], – настаивал епарх.

– Я не стану приносить жертву глухому и немому камню, – отвечал блаженный Конкордий, – так как со мною Господь мой Иисус Христос, Которому служит душа моя!

После этого епарх, разгневавшись, отправил Конкордия на заключение в тесную темницу, а на руки и на шею его повелел наложить железо и запретил кому-либо входить к нему, ибо желал уморить святого голодом.

Но блаженный Конкордий, заключенный в темнице, не пал духом, но с веселием начал приносить благодарность всесильному Богу:

– «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение», – воспевал он.

В полночь явился ему Ангел Господень и сказал:

– Не бойся, но мужественно стой в вере, потому что я с тобою.

По прошествии трех дней, епарх послал к нему ночью двух оруженосцев своих и повелел им:

– Пойдите и сообщите узнику, дабы он принёс жертву нашим богам, или же, в противном случае – ему будет отсечена голова.

Оруженосцы пришли к Конкордию с идолом бога Зевса и спросили его:

– Слышал ли ты, что приказал епарх?

– Я не знаю этого, – отвечал святой.

– Принеси жертву богу Зевсу, – продолжали оруженосцы, – в противном же случае будешь обезглавлен!

Тогда блаженный Конкордий, благодаря Бога, сказал:

– Слава Тебе, Господи Иисусе Христе. И плюнул в лицо Зевса.

Видя это, один из воинов извлек меч и отсек святому голову и таким образом блаженный Конкордий, исповедуя Господа, испустил дух[3625].

После того пришли в темницу два клирика и некоторые благочестивые мужи; взяв тело святого, они положили его недалеко от города Сполеты, в месте, орошенном обильно текущими источниками. Здесь, у гробницы мученика, одержимые демонами и страждущие от различных болезней стали получать исцеления, по молитвам святого Конкордия, предстоящего Господу нашему Иисусу Христу, Который со Отцом и Духом Святым царствует во веки веков. Аминь.

Страдание святых мучеников Фронтасия, Северина, Севериана и Силана

Память 4 июня

Святой Фронтасий, Северин, Севериан и Силан были отправлены первым Петрагорийским епископом Фронтоном[3626] проповедовать слово Божие. Во время проповеди их схватил игемон Сквиридон и допрашивал:

– Скажите мне: откуда вы и какими именами называетесь? Ибо вы не только не принесли жертв богам, но отклонили от этого многих других и разрушили даже храмы богов. Скажите же, коею властью вы делаете так?

Они отвечали ему:

– Зачем ты допрашиваешь нас, игемон, будучи чужд Божественной добродетели? уже не стремишься ли ты уничтожить правое дело? Тогда, прежде чем приступить к исполнению намерения своего, рассуди: кто сотворил твою душу и тело? Ведь языческие идолы – изделие человеческих рук и не могут ни себе принести пользы, ни иным помогать, тем более творить что-либо.

– Я вижу, – сказал Сквиридон, – что вы дерзки и многоречивы, наученные всякому пустословию от вашего Учителя.

– Наши слова исполнены истины, – отвечали Северин и Севериан, – ты же почитаешь идолов, которые суть камни, поставленные демонами; они – глухи, немы и пусты.

– Оставьте свои рассуждения, – прервал их Сквиридон, – и если хотите остаться в живых, принесите жертву богам.

– Наше приобретение заключается в том, – отвечал Фронтасий, – дабы жить и умереть за Христа!

После того игемон обратился к Силану, умевшему играть на гуслях, благозвучных кимвалах и лирах, и спросил его:

– А ты, юноша, почему не приносишь жертву богам?

– Я приготовился, – ответил святой Силан, – принести себя в жертву Господу моему Иисусу Христу, Который благодатью крещения омыл мир от греховной скверны.

– Каким образом омыл? – спросил игемон.

Силан отвечал:

– Господь мой Иисус Христос сказал Своим ученикам: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19), «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Марк 16:16). Таким образом и ты, игемон, если уверуешь во Христа и крестишься – будешь спасен, если же не уверуешь – осужден будешь.

Разгневавшись, игемон приказал вывести их на место казни за город и подвергнуть жесточайшим мучениям. При этом, мучители вонзили в головы мучеников железные гвозди, по подобию тернового венца Спасителя нашего, и пригвоздили их к столбу. В голове каждого было по девяти гвоздей. Но жестокая ярость мучителей не могла отвратить от Христа Его воинов. После того как игемон не мог препобедить святых означенными мучениями, он сделал относительно их последнее решение – повелел отсечь им головы. Тогда святые мученики, преклонив на землю свои колени и препоручив Богу свои души, подставили выи палачам и восприяли мученическую кончину за исповедание имени Христова. Нечестивые воины, усекнувши главы мучеников, бросили их тела для поругания на землю, оставив честные останки без погребения. Но Божественная сила совершила при этом следующее чудо.

Тела святых, при внезапном наитии на них Святого Духа, – ожили, и каждое, взявши в руки лежавшую поблизости свою голову, без всякой человеческой помощи встало на свои ноги и таким образом пришло к реке, называемой Ил. Вступив здесь на воды, ожившие тела мучеников шли по ним, как бы по сухой земле. Перейдя затем реку, на виду у многих, в изумлении наблюдавших чудо, они взошли на высокий холм. Тут они дошли до церкви Пречистой Богоматери Девы Марии, в которой молился святой епископ Фронтон. Святые мученики вошли внутрь церкви и, преклонив колена, сложили свои головы пред ногами епископа, а телеса свои крестообразно распростерли на земле, и они снова стали мёртвыми. Тогда святой епископ Фронтон, с пресвитером Анианом и при участии

многочисленного народа, с почётом и песнопениями, предал погребению в вышеозначенном храме Фронтасия, Северина и Силана. Севериана же, по просьбе некоей благоговейной женщины, он с почетом похоронил в другом месте, находившемся в ее владениях, неподалеку от святых сострадальцев его.

Святые мученики пострадали в царствование римского императора Клавдия[3627], прославив своими делами и твёрдым исповеданием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Зосимы, епископа Вавилонского

Память 4 июня

Преподобный Зосима, прозванный Киликсом (так как был родом из Киликии[3628]) в юности своей возлюбил Бога. Отвергшись мира, он пришел на Синайскую гору[3629], облекся здесь в иноческий чин и начал подвизаться в посте и молитвах. Однако он не долго пробыл на Синае. Стремясь к тишине и безмолвию, Зосима еще в молодых летах отошел с Синайской горы в пустыни Ливии[3630], и там поселился в одном пустынном месте, называемом Аммониак. Здесь он стал жить в полном уединении, заботясь об угождении единому Богу. Однажды он увидал в пустыне той старца, одетого в колючую власяницу. Приблизившись к нему, Зосима хотел поклониться старцу и по обычаю испросить у него благословения. Но старец предупредил его, сказав:

– Зачем ты пришел сюда, Зосима? Иди отсюда, ибо тебе не должно здесь оставаться.

Думая, что старец знает его издавна, Зосима, поклонившись ему и испросив благословение, сказал:

– Молю тебе, отче, окажи мне благоволение! Скажи мне, как ты знаешь меня?

Старец ответил:

– Раньше двух дней тому назад явился ко мне муж, чудный видом, и сказал мне: вот, придет к тебе один инок с Синайской горы, по имени Зосима; не давай ему благословения на пребывание в этой пустыне. Я хочу поручить ему церковь Вавилонскую, что в Египте.

Сказав это, пустынник отошел от Зосимы на расстояние брошенного камня и стал на молитву, воздев руки свои к Богу. Молился он около двух часов; потом, окончив молитву, старец снова подошел к Зосиме и, отечески обняв его, облобызал его в лицо и сказал:

– Чадо мое любезное, хорошо, что ты пришел сюда. Поистине, тебя привел ко мне Бог, чтобы ты предал тело мое

земле, так как я отхожу к Господу.

Тогда Зосима спросил старца:

– Много ли лет пребываешь ты, отче, на этом месте?

И старец ответил:

– Вот уже исполнилось сорок пять лет моего пребывания здесь.

При этих словах подвижника, лицо его просияло, как огонь. Обратившись снова к Зосиме, старец промолвил:

– Мир тебе, чадо, помолись о мне!

И после таких слов лег на землю и тихо отошел к Господу Богу.

Блаженный Зосима, выкопав могилу, похоронил честное тело великого подвижника и, пробыв на месте том два дня, возвратился на гору Синай, славя Бога.

Во время вторичного пребывания его на Синае к нему пришел один разбойник и умолял его такими словами:

– Умилосердись ко мне авва[3631], сподобь меня иноческого пострижения, чтобы мне в безмолвии сокрушаться о грехах своих. Я сотворил много убийств, и вот теперь раскаялся в своей преступной и многогрешной жизни, и хочу остаток дней своих провести в плаче и сердечном сокрушении о бесчисленных моих злодеяниях.

Преподобный Зосима, наставив этого человека, облёк его в иноческий чин; но по прошествии некоторого времени, призвав к себе раскаявшегося разбойника, сказал ему:

– Чадо, поверь мне, что тебе оставаться здесь невозможно. Если узнает кто-нибудь из сановников, что ты спасаешься у нас, то он тебя схватит. Кроме того, тебя может признать кто-нибудь из обиженных тобою и донести на тебя. Поэтому послушай меня, и я отведу тебя в более отдаленный монастырь.

Инок согласился на увещание преподобного, и святой старец отвел его в киновию аввы Дорофея, находившуюся близ Газы[3632]. Поместив его в этой обители, Зосима воротился на Синайскую гору.

Брат же тот прожил в киновии аввы Дорофея девять лет. Но потом, изучив Псалтирь и искусившись в трудах иноческих, он снова возвратился к преподобному Зосиме и сказал ему:

– Сотвори милость ко мне, отче, – дай мне назад мои мирские одежды, а иноческие возьми от меня.

Преподобный спросил его с печалью:

– Зачем, чадо?

Тогда инок сказал ему:

– В продолжении девяти лет пребывал я, отче, как ты сам знаешь, в киновии, упражняясь в посте и всяком воздержании, трудясь с кротостью, молчанием и страхом Божиим и повинуясь всем, в надежде на бесконечное милосердие Божие и на прощение бесчисленных грехов моих. И всё же, несмотря на постоянные подвиги и труды мои, я всегда вижу пред собою дитя, которое говорит мне: «за что ты убил меня?» Это видение я вижу не только во сне, но и наяву: и когда стою в церкви, и когда приступаю к Божественным Тайнам, и когда вкушаю что-либо с братией на трапезе. Ни на один час я не знаю покоя: даже когда я иду, и тогда я вижу пред собою дитя, говорящее мне всегда одно и то же: «за что ты убил меня?» Вот я и решил, отче, идти туда, где я совершил свои разбои, чтобы меня схватили и предали суду. Мне необходимо умереть за безрассудное убиение того дитяти.

Итак, взявши у преподобного отца мирские одежды, инок тот ушел в мир. Когда он пришел в город Диосполь[3633], он был схвачен, и на другой же день восприял казнь, будучи усекнут мечом. Так отошел он к Господу Богу, омыв своею кровью грехи свои.

Вскоре после этого события, преподобный Зосима, томимый непреодолимым желанием жить в тишине и безмолвии пустыни, снова задумал оставить Синайскую гору. И вот, взявши с собою ученика своего Иоанна, преподобный отправился с ним в пустыню, носившую название Порфирион[3634]. Проходя по этой пустыни, они встретили двух отшельников: один из них был родом из Галатии[3635] и носил имя Павла, а другой происходил из Мелетинской области[3636] и назывался Феодором, иноческое же пострижение принял в монастыре аввы Евфимия Великаго. Тот и другой подвижник носили одежды из кожи буйвола. Преподобный Зосима поселился со своим учеником вблизи тех

пустынников, на расстояние около двух поприщ[3637], и прожил там два года.

Но потом ученика преподобного Зосимы, Иоанна, ужалила змия: всё тело его пропиталось змииным ядом, кровь хлынула из глаз, ноздрей, ушей и изо всех кожных отверстий и пор, и Иоанн скончался.

Блаженный Зосима сильно опечалился и пошел к упомянутым выше двум пустынникам. Те, увидав его в сильной скорби, прежде чем Зосима что-нибудь сказал им, предупреждая его, промолвили:

– Что, авва Зосима, умер брат твой?

Зосима, изумившись их прозорливости, возвестил им об обстоятельствах смерти своего ученика, которые и без того были известны старцам.

Тогда оба подвижника, восставши, пошли, вместе с Зосимою, к брату Иоанну. Увидав умершего лежащим на земле, они сказали:

– Не скорби, авва Зосима, – Бог поможет тебе.

И после этих слов громко возгласили, обратившись к умершему:

– Брат Иоанн, встань, ибо тебя зовет твой авва.

Мёртвый тотчас же ожил и встал с земли. Тогда старцы отыскали змию и разорвали ее надвое; потом сказали преподобному Зосиме:

– Авва, мы не ложно возвещаем тебе волю Божию: иди на Синайскую гору; потому что Бог хочет поручить тебе епископство в Вавилонской церкви, что в Египте.

Услышав это, преподобный Зосима принял благословение от святых пустынников и, взяв с собою ученика своего Иоанна, снова возвратился на Синай.

По прошествии некоторого времени авва Синайской горы[3638] послал блаженного Зосиму, вместе с двумя другими иноками, из-за нужд Синайских монастырей, в Александрию[3639]. Александрийский патриарх полюбил блаженных старцев и, удержав в городе, рукоположил их в епископа, одного в Илиополь[3640], другого в Леентополе[3641], а Зосиму в Вавилон Египетский. Ибо в древности было два Вавилона: первый –

знаменитейший и древнейший – находился в Халдейской земле[3642], и в нем царствовали Навуходоносор и все халдейские цари, а другой – менее известный и меньший по объему и количеству жителей находился в Египте. Этот город основали на берегу реки Нила переселенцы из древнего Вавилона, назвавшие новое место поселение своего по имени своей оставленной родины.

В этом-то Вавилоне Египетском преподобный Зосима, по изволению Божию и согласно пророчеству пустынников, принял престол архиерейский и начал пасти стадо Христово. Он добре управлял святою Церковью, образ бывая стаду словом, действием и чистотою (1Тим.4:12). Довольно долго пробыл он во главе Вавилонской церкви и многих наставил на путь спасения. Когда же святой достиг глубокой старости, то, видя свою телесную немощь и ожидая близкую смерть, оставил епископский престол и снова возвратился на гору Синай, место своего прежнего жительства. Здесь, пожив немного, святой скончался в Господе[3643] и в лике святых иерархов предстоит теперь пред Владыкою нашим, Господом Иисусом Христом; Ему слава вовеки. Аминь.

Память святого священномученика Дорофея, епископа Тирского

Память 5 июня

В царствование нечестивого римского императора Диоклетиана[3644] епископом города Тира[3645] был святой Дорофей. Когда нечестивый царь воздвиг на христиан жестокое гонение, Дорофей оставил свою кафедру и скрывался по неизвестным местам. Но с воцарением императора Константина Великого, который царствовал с 306 г. по 337 г., когда в Церкви наступило успокоение, святой Дорофей снова возвратился в Тир на свою кафедру и благополучно пас стадо словесных овец, приводя к Богу многих от идолопоклоннического заблуждения. Жизнь Дорофея продолжалась до времени императора Юлиана Отступника[3646]. Вступивши на престол, Юлиан первоначально преследовал христиан не открыто, повелевая единомышленным с ним областеначальникам всячески стеснять и мучить христиан. Тогда святой Дорофей, видя, что воздвигается на верующих новое гонение, снова оставил кафедру Тирской церкви, избегая таким образом рук мучителей: ибо Господь повелел не отдаваться явным напастям со стороны гонителей, но избегать их; Он сказал: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10:23).

Итак, уйдя из Тира, Дорофей пришел в Малую Азию, но и здесь он не сокрылся от идолослужителей, так как Бог призывал его к венцу мученическому. Он был схвачен приспешниками беззаконного царя в городе Удском[3647]. Претерпевши здесь разнообразные мучения, он среди страданий предал в руки Господа блаженную душу свою, имея сто семь лет от роду[3648].

В совершенстве изучив как светские, так и духовные науки, святой Дорофей оставил после себя различные, весьма важные для христиан, сочинения на греческом и латинском языках, так как он был весьма сведущ в том и другом. Между прочим он составил жития пророков и Апостолов, а также другие весьма полезные сочинения и повествования[3649]. И теперь, будучи сам записан в книге Живота, он водворен в небесных селениях с

теми святыми, повествования о жизни которых он составил во время земной жизни своей.

Кондак, глас 5:

Добродетельми сияя, и Божественными учении паче солнца, и страдании блаженне облистал еси: и просветил еси землю Дорофее, отгнав мглу многобожия, и лютыя ереси. Сего ради память твою светло празднуем.

Преставление преподобного отца нашего Анувия Исповедника и пустынножителя Египетского

Память 5 июня

Преподобный Анувий, имевший великую веру и любовь ко Христу Богу, – был родом египтянином. Во время воздвигнутого нечестивыми идолопоклонниками гонения на христиан, он дерзновенно исповедал Христа пред язычниками, за что был подвергнут мучениям. Но, по Божию усмотрению, он был освобожден из рук язычников и отправился в пустыню; подвизаясь и угождая Богу, он скитался в ней до глубокой старости. Кончина его произошла при таких обстоятельствах.

По Божию устроению в одном месте на берегу реки Нила, орошающего страну Египетскую, сошлись однажды три пустынника: авва Сур, Исаия и Павел. Расспросивши друг друга о том, кто куда идет, они увидали, что все трое имели одно и то же намерение; ибо каждый из них отправлялся к авве Анувию. От того места, на котором сошлись пустынники, до монастыря Анувия путь был трехдневный и лежал по воде; при этом плыть надо было вверх, против течения. И вот пустынники сели на берегу в ожидании, не покажется ли им какой-либо плывущий туда корабль, чтобы они могли сесть на него и достигнуть местности, где проживает преподобный Анувий. А так как в течение долгого времени корабля не показывалось, то они впали в уныние и сказали сами себе:

– Помолимся Господу, дабы Он, по Своей милости, исполнил желание наше и помог бы нам преодолеть препятствие к предпринятому путешествию.

Исаия и Павел сказали при этом авве Суру:

– В особенности помолись ты, отче, ибо мы веруем, что через тебя Бог дарует нам просимое.

Сур повелел и им преклонить с ним колена для молитвы, а сам, крестообразно распростерся на земле и пал пред Господом ниц лицом. Когда, по совершении молитвы, старцы поднялись с земли, они заметили стоявшую около берега лодку.

Обрадованные, они возблагодарили Господа и сели в нее. Двинувшись, лодка поплыла, несомая ветром и управляемая невидимой силой Божией, вверх против течения. Она плыла столь быстро, что в течение одного часа переплыла такой путь, по которому нужно было бы плыть с большим трудом в течение трех дней.

Когда лодка пристала к берегу против Анувиевой обители, отцы вышли на берег. При этом Исаия произнес:

– Господи, яви нам мужа, к которому мы направляемся, вышедшим нам навстречу и поведающим каждому из нас его сердечные тайны!

Тогда отец Павел сказал им:

– Господь открыл мне, что, по прошествии трех дней, Он возьмет к себе от мира авву Анувия.

После этого они пошли от берега к монастырю и, когда немного отошли от реки, навстречу им вышел преподобный Анувий и, обратившись к ним с приветствием, сказал:

– Благословен Господь, Который сподобил меня видеть вас ныне во плоти, подобному тому, как раньше я видел вас в духе.

Радушно проводив их в свою келью, он стал рассказывать каждому из них добрые дела их, никому кроме одного Бога неизвестные, – а именно, кто как подвизается в полном уединении, угождая своему Владыке – Христу Господу, и кто какую имеет благодать от Господа.

После того авва Исаия сказал Анувию:

– Так как и нам, честный отец, Господь открыл относительно тебя, что по истечении трех дней Он возьмет тебя от сей временной жизни, то умоляем тебя, расскажи также и о твоих пустынных трудах и подвигах, которыми ты угодил Богу. Не думай, что ты впадешь в тщеславие: ведь, удаляясь от сего мира, ты оставишь потомкам образ своей богоугодной жизни, дабы нашлись подражатели тебе.

Тогда старец поведал им о себе следующее:

– Я не помню, чтобы я сделал что-либо великое и славное. Вот что только сохранил я в памяти, по благодати Бога моего: с того времени, когда я исповедовал пред мучителями, во время бывшего на христиан гонения, имя нашего Спасителя, с моих

уст не сошло ложного слова. Ибо, исповедовав однажды правду, я не захотел впоследствии вымолвить чего-нибудь ложного, и однажды возлюбив небесное, я не восхотел в остальное время любить что-либо земное. В том мне споспешествовала и милость Божия, ибо Господь даровал мне силу никогда не искать никаких земных благ. Святые Ангелы приносили необходимую для меня пищу. А Господь мой ничего не утаил от меня из того, что совершается на земле. При этом сердце мое всегда было исполнено жажды общения с Ним. Стремясь всеми помыслами к Владыке Христу, Которого возлюбила душа моя, я, дабы всегда зреть Его душевными очами своими и наслаждаться созерцанием Его, – не засыпал ни днем, ни ночью. Постоянно вижу я также Ангела Божия, присутствующего при мне и показывающего всех миродержителей века сего. Свет ума моего никогда не угасал. – Всё, чего я просил у Господа, я получал немедленно. Многократно созерцал я предстоящие пред Богом лики Ангельские; созерцал лики святых мучеников и исповедников, соборы иноков и всех святых, а наипаче тех, у которых не было иного занятия во время жизни на земле, как только в простоте сердца и веры всегда славить и благословлять Господа. Я видел также и сатану и аггелов его, преданных огню вечному. И снова, в противоположной от тех стороне видел праведников, наслаждающихся вечной радостью.

Это и многое другое сему подобное рассказывал в течение трех дней преподобный Анувий отцам, навестившим его, рассказывал не для тщеславия, но для пользы слушавших. Ибо он говорил это с великим смирением, понуждаемый просьбами пришедших. На исходе же третьего дня он мирно и радостно предал дух свой Богу, – и как только дух его расстался с телом, мгновенно появились сонмы святых Ангелов, взяли душу святого и стали возносить ее на высоту небесную. При этом в воздухе слышались сладостнейшие Ангельские песнопения. Так переселился от земли в обители небесные преподобный Анувий, исповедавший пред язычниками имя Христово и претерпевший за то мучения[3650]. Ныне он прославляется пред небесными Ангелами в лике исповедников Господа нашего

Иисуса Христа, Коему со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава вовеки. Аминь.

Память преподобного отца нашего Феодора Пустынника

Память 5 июня

Преподобный отец наш Феодор был скопцом от юности своей. Он оставил мир, принял монашество и удалился в Иорданскую пустыню. Ревнуя об угождении Богу, он много потрудился здесь, за что и получил от Бога дар чудотворения. Однажды ему пришлось отправиться в Константинополь. Придя к морю, он нашел готовый к отплытию корабль и сел в него. Во время плавания случилось, что корабль сбился с пути и долго блуждал, так что все, бывшие на нем, запасы питья и пищи истощились. Моряки и все плывшие на корабле были в недоумении и сильном унынии. Тогда преподобный Феодор, подняв руки к небу, усердно помолился к Богу, спасающему от бед людей. Потом он с молитвою осенил крестным знамением морскую воду и сказал матросам:

– Благословен Бог! Зачерпните сколько вам нужно воды.

Те, почерпнувши, вкусили и нашли, что морская вода превратилась из горькой в пресную, наподобие речной. После того наполнили свои сосуды пресной водой из моря и все другие и, прославивши Бога, до земли поклонились старцу. Но преподобный сказал:

– Простите меня, господа мои! Не ради меня случилось сие чудо всесильного Бога, но ради вас, скорбевших по причине безводия. Ибо Бог, увидав вашу скорбь и печаль смертную, умилосердился над вами и переменил солёную морскую воду в сладкую речную.

Вскоре после этого корабль по молитвам святого старца быстро дошел до пристани, к которой он направлялся. Сей преподобный отец Феодор совершил и много других чудес, а затем преставился к Богу[3651].

Повесть о кончине блаженного Константина, митрополита Киевского

Память 5 июня

Вскоре после того как великокняжеский престол киевский отнят был от блаженного Игоря[3652] и захвачен Изяславом Мстиславичем[3653], внуком Владимира Мономаха[3654], преставился ко Господу святейший митрополит Киевский Михаил II[3655]. Случилось это незадолго до убиения Игоря. На место Михаила великий князь Изяслав избрал одного, весьма книжного, инока, Климента философа[3656], уже принявшего схиму. Этого инока Изяслав привел из Смоленска, и очень желал, чтобы посвящение его было совершено русскими епископами в Киеве, так как за дальностью расстояния не хотел посылать его в Царьград на благословение вселенскому патриарху (как это было прежде в обычае). Изяслав созвал собор из епископов русских и приказал им рукоположить схимонаха Климента в митрополита Киевского. Однако не все епископы согласились на это, не дерзая рукополагать без благословения патриарха Константинопольского. Но были и такие епископы, которые, желая угодить князю, посвятили Климента во епископы главою святого Климента, папы Римского, принесенною святым Владимиром из Херсонеса в Киев. Об этом соборе и поставлении Климента во епископы подробнее сказано в повествовании о житии святого Нифонта, под 8-м числом месяца апреля (сей блаженный Нифонт не соизволял этому незаконному рукоположению).

После Изяслава Мстиславича престол киевский перешел к Георгию Владимировичу[3657], сыну Мономаха. Он не пожелал иметь митрополитом Киевским Климента, как рукоположенного незаконно. В это именно время, по просьбе великого князя, и прибыл из Константинополя от святейшего патриарха вселенского в Киев сей Константин митрополит[3658], о котором и будет наше слово. Сей Константин властью, данною ему патриархом, отрешил от архиерейства и от престола

митрополичьего Климента, а также отрешил от служения и всех тех, кого Климент рукоположил в тот или другой духовный сан.

Спустя несколько лет великий князь киевский Георгий Владимирович Мономахович скончался. И начались великие несогласия среди князей русских, как относительно престола великокняжеского, так и относительно престола митрополичьего: ибо одни считали пастырем Константина, другие требовали вторичного возведения на престол митрополита Климента; в частности, сын умершего великого князя Изяслава Мстиславича, Мстислав Изяславич[3659], правнук Владимира Мономаха, стоял не за Константина, а за Климента. Он говорил так:

– Я не желаю, чтобы Константин был митрополитом Киевским, потому что отца моего многие проклинали за Климента.

Вследствие этого князьям русским пришлось отрешить от престола обоих митрополитов и Климента, и Константина. Потом князья отправили в Константинополь к святейшему патриарху просьбу о том, чтобы он прислал к ним нового митрополита. Святейший патриарх, желая прекратить смуты и несогласия среди князей русских, послал в Киев нового митрополита, по имени Феодора. Тогда блаженный Константин, видя несогласие среди князей и желая уйти от мятежа, оставил престол еще раньше прибытия в Киев нового митрополита. Выйдя из Киева, Константин отправился в Чернигов. Здесь он заболел смертельно. Предчувствуя свою кончину, он написал грамоту, запечатал ее и передал Антонию, епископу черниговскому; при этом Константин взял с Антония клятвенное обещание – после его смерти, сорвавши печать и прочитавши грамоту, исполнить всё то, что написано в ней.

Как только преставился блаженный Константин митрополит[3660], епископ Антоний, взяв запечатанную митрополитом грамоту, отправился с нею к князю черниговскому Святославу Ольговичу[3661]. Распечатав здесь грамоту, Антоний прочитал ее в присутствии всех.

И было написано в той грамоте нечто дивное и ужасное, а именно:

– После моей смерти не предавайте погребению тело мое, но, привязав верви к ногам моим, извлеките меня из города и бросьте на съедение псам; я согрешил; из-за меня произошел мятеж; пусть будет за это на мне рука Господня; пусть я пострадаю, да отвратит Господь несогласие и раздоры от народа Своего.

Услышав это, все пришли в страх и ужас. Князь же сказал епископу:

– Поступи так, как найдешь нужным.

Епископ, не осмеливаясь пренебречь приказанием митрополита и не дерзая нарушить свою клятву, исполнил всё то, что было повелено в грамоте: повлекши тело умершего из города, он бросил его в поле. И лежало тело митрополита без погребения три дня; все преисполнились великого страха и ужаса, видя столь дивное происшествие.

На третий день князь Святослав Ольгович, преисполнившись страха Божия (на него напал великий страх и ужас после того страшного происшествия), приказал похоронить с приличными почестями выкинутое тело архиерея Божия. И принесли тело его в город с великою честью, и положили его в церкви святого Спаса, в Тереме Красном, где был похоронен новый страстотерпец, блаженный Игорь, князь киевский, убитый киевлянами.

В те дни, когда честное тело Константина было выброшено из города Чернигова, в Киеве померкло солнце и поднялась столь великая буря, что даже потрясалась земля, поднялся гром, заблистала молния, так что все киевляне пришли в великий страх и уныние. В это время гром поразил одним ударом восемь человек, – двух священников, двух диаконов и четырех мирян.

Князь киевский Ростислав Мстиславич[3662], внук Владимира Мономаха, находился в это время в Поварах у Вышгорода; буря разрушила шатёр, бывший близ него. Преисполнившись страха и вспомнив о смерти митрополита (об ней возвестил ему через гонца князь черниговский), он послал нарочитого в Киев, к церкви святой Софии и прочим соборам с просьбою совершить всенощное бдение во всех церквах.

– Это наказание, – говорил он, – Господь послал на нас по причине грехов наших.

Все эти страхи и ужасы были только в Киеве; в Чернигове же в эти дни солнце сияло ярко и не было никаких ужасов. По ночам над выброшенным за город телом блаженного митрополита Константина являлись три столпа огненные, ярко сиявшие и доходившие до неба.

После того как честное тело блаженного Константина было погребено, наступило в Киеве полное спокойствие; все, дивясь происшедшему, славили Бога, Которому воссылается слава и от нас, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Страдание святых мучеников: Маркиана, Никандра, Иперехия, Аполлона, Леонида, Ария, Горгия, Селиния, Ириния и Памвона.

Память 5 июня

Святые мученики Христовы Маркиан и Никандр с дружиною своею происходили из Египта. За веру во Христа они схвачены были по повелению правителя области, и их стали принуждать отречься от Христа и поклониться идолам, но они не согласились на это. Тогда их сперва жестоко избили, потом обожгли им свечами ребра и, наконец, повесив, строгали их железными когтями до тех пор, пока оторванные куски тела не стали падать на землю. После этого едва живыми их заключили в темницу, но в темнице явился им Ангел Господень и исцелил их. По прошествии многих дней они вышли из темницы здоровыми и снова явились на суд к правителю области. Видя эти чудеса, многие из язычников обратились к вере в истинного Бога. На суде правителя святые мученики снова были приговорены к заключению в темницу и здесь, томимые голодом и жаждою, скончались[3663].

Житие преподобного отца нашего Виссариона

Память 6 июня

Великий во отцах наших Виссарион был рожден и воспитан в Египте; с юности он возлюбил Бога, и свет благодати Божией воссиял в сердце его. Он соблюдал себя чистым от всякой греховной скверны, стараясь не опорочить той духовной одежды, которую принял при святом крещении.

Святой Виссарион предпринял путешествие ко святым местам в Иерусалиме; здесь видел он преподобного Герасима, проводившего постническую и пустынную жизнь при реке Иордане, которому служил лев. Видел он также и многих других подвижников, живших там в разных местах, впоследствии просиявших своими добродетелями; беседуя с ними, святой Виссарион получал много пользы для души своей.

Возвратившись в отечество, Виссарион приобрел себе духовного отца в лице Исидора Пелусиотского; приходя к нему часто, он научался в добродетели и поощрялся к строгой жизни; наконец, раздавши нищим и монастырям оставшееся после родителей всё имущество свое, Виссарион отрекся от мира и принял пострижение в иночество.

Удалившись в одно пустынное место, Виссарион принял на себя обет безмолвия; изнуряя себя многочисленными трудами и умерщвляя свою плоть постническими подвигами, он, будучи во плоти, уподоблялся бесплотным. Пост его был беспримерным: иногда всю неделю он ничего не вкушал, а иногда оставался без пищи и питья в продолжении 40 дней. Однажды, ставши на одном открытом месте посреди терния и воздев к небу руки и очи, обратив туда же и ум свой, он 40 дней и ночей пробыл на молитве, стоя неподвижно. В продолжении этих сорока дней он не двинулся с места, ничего не вкусил, ничего не сказал никому, не вздремнул, не впал в изнеможение от естественной слабости, ни о чем земном не подумал умом, но весь, подобно бесплотным, устремил духовные очи свои к Богу. За это и сподобился святой от Бога великой благодати: ему сообщен

был дар чудотворения, так что он был подобен древним святым пророкам. Так он уподобился Моисею: подобно тому как Моисей некогда указанным ему от Бога деревом превратил горькую воду в пустыне во вкусную, дабы напоить жаждущего Израиля (Исх.17:6), так и преподобный Виссарион молитвой и крестным знамением усладил горечь морской воды, дабы напоить изнемогавшего от жажды своего ученика, а именно: когда святой вместе с учеником ходил по пустынному морскому берегу, ученик утрудился от сильного зноя и, почувствовав большую жажду, сказал святому:

– Отец, я очень жажду.

Преподобный, сотворивши молитву и осенив море знамением крестным, сказал:

– Во имя Господа почерпни и пей.

Ученик почерпнул из моря воды в маленький сосуд, который носил с собою; отведав воды, ученик нашел ее очень вкусной[3664] и прохладной, как бы истекшей из живого источника; достаточно напившись и прохладившись, ученик взял еще воды в сосуд на дорогу. Заметив это, старец сказал ученику:

– Для чего ты наполнил сосуд водою?

Ученик ответил:

– Прости меня, отче! Я взял воду на дорогу, чтобы снова не томиться жаждою.

Старец сказал:

– Бог, присутствующий на этом месте, присутствует везде и, как здесь, так и в другом месте, Он может дать жаждущему вкусную воду.

Имя того ученика было Дула.

Уподобился преподобный Виссарион и Иисусу Навину: как тот, когда побеждая аморрев[3665], удержал движение солнца (Нав.10:12–13), так сделал и сей угодник, а именно: когда он шел с учеником к одному старцу, солнце склонялось к западу, путь же оставался еще далекий; тогда старец обратился к Богу, молясь так:

– Прошу Тебя, Господи, повели остановиться солнцу до тех пор, пока я не приду к рабу Твоему.

И произошло так: не заходило солнце до тех пор, пока не пришел преподобный к тому старцу.

Был подобен святой Виссарион и пророку Божию Илии. Так, во время засухи он свел с неба на землю обильный дождь (3Цар.18:1–46); это самое не однажды и не дважды, а много раз совершал преподобный.

Еще и Елисею: как тот, разделив воду плащом Илии, перешел реку Иордан (4Цар.2:14–15), так и этот превратил своей молитвой воду в сухой путь и ходил поверх воды: перешел большую реку Нил, как посуху, и везде, где только ему на пути встречались реки, переходил их, как посуху.

Как-то однажды, когда преподобный пребывал в ските, приведен был в храм бесноватый человек; за него совершали молитвы в церкви, дабы избавился он от духа нечистого; но не исходил из него бес, ибо он был весьма лютым. И говорили между собой клирики:

– Что нам делать с этим бесноватым?

А некоторые говорили:

– Никто не может изгнать беса сего, кроме отца Виссариона, но если мы станем просить его об этом, то он не придет в храм; поэтому сделаем так: на следующий день утром он придет в храм первым, но мы придем раньше его и на его месте посадим бесноватого; потом скажем старцу: разбуди спящего.

Клирики так и сделали.

Когда преподобный вошел в храм, то заметил человека, сидевшего на его месте. Не желая прогонять его отсюда, он стал около него. Лишь только начали читать церковное правило, клирики сказали старцу:

– Отче, разбуди спящего.

Виссарион, подойдя к человеку тому, толкнул его и сказал:

– Встань и иди отсюда.

И тотчас бес, прогоняемый словом святого, вышел из того человека; он встал и начал благодарить Бога за то, что Он избавил его от беснования; человек тот с этого времени стал совершенно здоровым.

Таким образом клирики побудили святого сотворить чудо изгнания беса, ибо сей преподобный отец не желал явно

творить чудеса, дабы не быть прославленным людьми; будучи смиренным и считая себя грешным, он избегал похвал человеческих.

Случилось, что один брат в ските впал в некое прегрешение, почему священник повелел ему выйти из храма, как недостойному быть в общении с братией; преподобный Виссарион, вставши, вышел вон вместе с согрешившим, сказав:

– И я грешен.

Таково было смирение святого Виссариона.

Его ученики сообщают о нем, что он в продолжении 40 лет не ложился на постель, дабы отдохнуть; он позволял себе уснуть лишь на небольшое время, причем предавался сну или стоя, или сидя. Преподобный часто увещевал учеников своих бодрствовать, и всячески остерегаться вражеских искушений. Он говорил:

– Иноку следует быть как бы оком, подобно Херувимам и Серафимам; и если кто живет мирно, не имея искушений, таковому еще более нужно бодрствовать и смирять себя пред Богом, дабы как-нибудь, возгордившись, не впасть в какое-либо большее согрешение; ибо, по причине гордости, многие впадали в брань с диаволом; иногда Бог ради немощи нашей не посылает нам испытаний, дабы мы не погибли совершенно.

Жизнь сего святого отца была подобна жизни птицы небесной, ибо никогда он ничего земного не приобретал, не имел своей кельи, или какого-либо пристанища; он скитался по пустыне, переходя с места на место: ходил по горам и лесам подобно заблудившемуся путнику; нисколько не заботился он о телесных нуждах своих; не заботился он ни о пище, ни об одежде; на теле его было самое бедное одеяние, едва прикрывавшее наготу его. Несмотря на то, что днем его опалял солнечный зной, а ночью холод, он редко когда входил под кровлю; он ходил по горам, как птица, ища уединения, возводя свой ум к единому Богу и лишь только на Нем Одном останавливая мысль свою. Слёзы постоянно исходили из очей его, частые вздохи слышались из глубины сердца его, ибо все дни жизни своей он проводил в слезах, всегда плача и рыдая. Достигши глубокой старости, он преставился в вечную жизнь[3666]

и перешел от плача к вечному радованию со всеми святыми о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Вышних сил подражав преподобне, образом птиц житие пожил еси, временная в забытии положив, непрестанным желанием влекомь к небесным добротам Христа Царя, до́ндеже Того достигл еси Виссарионе: моли непрестанно о всех нас.

Память преподобного отца нашего Илариона Нового

Память 6 июня

Блаженный Иларион был сыном Петра каппадокиянина[3667], прислуживавшего при трапезе царской, и матери Феодосии, – людей благочестивых и богобоязненных; в юности он хорошо обучен был Священному Писанию. Когда ему исполнилось 20 лет, он, по евангельскому слову (Мф.10:37; Лк.14:26), оставил отца и мать, дом и богатство и сделался монахом в обители Исихиевой близ Византии. Потом он пришел в обитель Далматскую[3668], принял здесь великий ангельский образ и сделался учеником святого Григория Декаполита, в то время жившего здесь; святой Иларион подвизался в послушании, молчании и великом смирении. Он имел работу в монастырском саду и трудился в этом послушании десять лет; прочитывая историю добродетельного и богоугодного жития соименного себе преподобного Илариона Великого, он, насколько возможно, старался уподобляться сему угоднику Божию постом, всенощной молитвой и всеми прочими иноческими подвигами: поэтому и назван он был Иларионом Новым. Очистив и просветив свою душу, как солнце, он получил от Бога власть над нечистыми духами, так что мог изгонять их.

Игумен обители той сделал его против желания священником, когда уже святой Григорий Декаполит ушел отсюда в другие места. Спустя несколько лет, когда игумен скончался, преподобный Иларион, узнав, что братия хочет сделать его игуменом, решил удалиться отсюда; с этою целью он тайно от всех ночью вышел из обители и ушел в Византию, в надежде отыскать здесь своего учителя святого Григория, но сей последний отплыл в Рим и, возвратившись оттуда, поселился на горе Олимпийской[3669]. Иларион же пришел в один монастырь в Византии; монахи Далматской обители, узнавши о сем, начали просить святейшего патриарха Никифора[3670] поставить им игуменом Илариона, хотя бы и против его желания. Патриарх сообщил об этом императору: призвав к

себе Илариона, царь и патриарх увещевали его принять игуменство над Далматским монастырем. Не смея противиться царской и патриаршей воле, Иларион принял власть игумена и с усердием пас вверенных ему словесных овец в продолжении восьми лет. Потом скипетр греческого царства принял звероподобный мучитель Лев Армянин[3671], который начал смущать Церковь Христову иконоборческой ересью[3672], принуждая многих к своему еретическому мудрованию; тех же, кто не повиновался ему, он или подвергал мучениям, или изгонял в далекие страны. По его приказанию преподобный Иларион был приведен из обители к царю, который принуждал его принять еретическое учение. Добрый воин Христов не только не повиновался еретику-императору, но даже дерзновенно обличил его, назвал безбожником и новым преступником и тем возбудил против себя лютый гнев царя. Много ран и различных мучений причинил блаженному злочестивый царь, а потом заключил его в темницу. Через некоторое время опять, призвавши его к себе, много мучив, но ничего не достигши, царь отдал его своему единомышленнику патриарху Феодоту[3673], по прозванию Касситеру, который принял престол после изгнания за благочестие святейшего Никифора. Этот лжепатриарх Феодот сделал с преподобным то же, что и царь: заключил святого в мрачной темнице и много дней томил его голодом и жаждой, приказавши не давать ему ни хлеба, ни воды. Монахи же, где игуменствовал преподобный, пришли к царю и молили его:

– Царь, возврати нам нашего отца; мы за это обещаемся повиноваться твоей воле.

Царь обрадовался сему обещанию и возвратил им игумена их.

Святой, пришедши в обитель, прожил здесь один год; едва успев немного отдохнуть от мучений и голода, святой снова обрёк себя на мучения, ибо царь, ожидавший исполнения обещания иноков, понял, что его обманули[3674], почему послал воинов в обитель и наказал монахов, а преподобного, взяв, снова заключил в темницу; потом послал его в Фанееву обитель[3675] и там приказал заключить святого в самой тесной

темнице. В этой темнице святой томился шесть месяцев, принимал всякие неприятности и досаждения от жестокого игумена той обители. Потом по царскому повелению он снова был приведен в Константинополь: здесь его снова разными льстивыми увещаниями склоняли к принятию ереси иконоборческой. Но так как Христов страдалец не слушал еретиков, то царь послал его в другую обитель, называемую Кикловеевой[3676]; здесь пробыл он два года и 6 месяцев, томясь в тесной темнице и испытывая разные мучения. Отсюда святой снова был приведен к царю и после сильного избиения заточен в город Протильский[3677].

Злочестивый царь, погубивши многих, и сам погиб люто: он был своими же воинами иссечен мечами в храме на том самом месте, где в первый раз, поругав святую Христову икону, низринул ее; так зло погубил нечестивый свою окаянную душу.

Михаил Травл[3678], принявший царство после него, приказал освободить от уз и заточения всех правоверных. Преподобный Иларион, вместе с прочими был освобожден из темницы, но он не пошел в свою обитель, так как не прекратилась еще иконоборческая ересь, и архиерейские престолы занимали еретики лжеучители и лжепастыри, но пребывал у одной верной и благочестивой женщины, которая в своем имении дала ему уединенное место, устроила келлью с садом и снабжала его всем потребным.

В это время возвратился из заточения и отошел к Господу преподобный Феодор Студийский, также перенесший за правоверие много страданий от еретиков; его святую душу, возносимую Ангелами к небу, видел преподобный Иларион, как о том сказано и в житии Феодора. В тот день, когда преставился святой Феодор Студийский, блаженный Иларион, ходя по своему саду, занимаясь работою и воспевая псалмы Давидовы, услышал вдруг в воздухе какие-то чудные голоса и почувствовал какое-то дивное благоухание; удивившись, он остановился, смотря, откуда всё это; посмотревши вверх, он увидел множество Ангелов в белых одеждах, сиявших светлыми лицами и направлявшихся с песнопениями навстречу кому-то.

Видя вся это, блаженный Иларион в большом страхе пал на землю и услышал голос, говоривший:

– Это душа Феодора, игумена Студийского монастыря, который до крови пострадал за святые иконы и был весьма мужественен в страданиях, а теперь умер и торжественно восходит на небо, встречаемый небесными силами.

Сподобившись такого чудного видения, преподобный Иларион исполнился великого утешения и радости духовной; много дней он радовался душою своею и лицо его от радости сияло, как лицо Ангела.

У той женщины пробыл преподобный свыше семи лет. Когда же после Михаила Травла вступил на царство сын его Феофил[3679], то он собрал всех исповедников и снова начал принуждать их, по примеру прежних злочестивых царей, к иконоборству, не повиновавшихся же ему жестоко мучил. В это время был взят и приведен к царю и преподобный Иларион; принуждаемый к иконоборству, он не покорился царскому повелению и опять обличил его, как злочестивого законопреступника, попиравшего истинные догматы веры; за это святой получил сто семьдесят ударов по спине и заточен был на остров Афусию[3680]. Значительным облегчением для святого было то, что он содержался здесь не в темнице и не в оковах, но жил в келье, хотя весьма тесной. В этой келлии он прожил до самой смерти Феофила. Когда же сей нечестивый царь умер, царица Феодора собрала всех исповедников в столичный город, восстановила православную веру и повелела внести в храмы святые иконы; тогда был отпущен на свободу и преподобный Иларион. Он снова принял игуменство в своей Далматской обители и прославился чудесами. Проживши здесь три года и душеспасительно управив своими учениками, он отошел ко Господу[3681]. Его честная и святая душа так же, как и виденная им душа Феодора, была отнесена на небо Ангелами и в лике святых исповедников предстоит ныне пред престолом славы Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога в Троице, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Ограды живоносныя твоея пажити, пастырски невредимо стадо соблюл еси, и явился еси высотою дел велик, новый Иларионе, по благочестии многи муки и скорби прием. Тем во всерадостный живот вселився горняго Сиона, моли за ны преподобне.

Страдание святых преподобномучениц Архелаи, Феклы и Сусанны

Память 6 июня

Девство, побеждающее мир и укрощающее плотские страсти, не было известно матери всех Еве, ибо ей было сказано Богом: «в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое» (Быт.3:16). Девство же свободно от этого; оно не увядает от долгих лет, но всегда цветет и украшает жизнь девствующих; девственница – становится невестою Христовою и входит в небесный чертог своего Жениха.

Этим честным и Божественным даром, – чистым девством, – была украшена блаженная Архелая, которая уневестилась Христу и показала себя победительницей мира. Жила она в одном месте близ города Рима, в небольшом и неизвестном монастыре, какой мог быть в те тяжелые для христиан идолопоклоннические времена.

Когда нечестивым царем Диоклетианом[3682] было воздвигнуто в Риме великое гонение на христиан, святая девица Архелая, спасаясь с двумя во Христе сестрами и сподвижницами своими, Феклой и Сусанной от преследования мучителей, оставила Рим и бежала в Кампанию[3683]; все они переменили свои одежды на мужские, дабы никто не узнал, что они были девицами; тут невдалеке от города, называвшегося Нола[3684], поселились святые девственницы в глухом и пустом месте, дни и ночи проводя в усердных молитвах к Богу, упражняясь в разных богоугодных делах и врачуя болезни страждущих, так как за чистую и святую жизнь они сподобились благодати чудесного исцеления болезней. Лица у них были смиренные, кроткие и вместе с тем светлые, ибо они всегда радовались сердцем своим о Господе Иисусе Христе; во взоре их сияло целомудрие и святость. Одежды на них были волосяные, простые и грубые, и вид они имели – пустыннический и постнический. Волосы на головах их были острижены, как у мужчин, так что многие считали их за мужчин, а не за женщин. Мало-помалу к ним стали собираться

окрестные люди то за исцелением, то за духовным наставлением, так как они, кроме дара врачевания, имели и способность богодухновенного учения; они врачевали не только тела, но и души человеческие, и многих от языческого нечестия обратили к вере Христовой; слава о них распространилась по всей стране.

Дошла весть о святых девственницах и до начальника кампанийского, именем Леонтия, ибо для надзора за христианами воины были расположены во многих местах; о этих святых девицах они и сообщили начальнику. Сей последний приказал взять их и привести к нему в город Салерну[3685], где тогда судили и мучили христиан. Святые девицы были взяты и приведены на допрос в Салерну. Поняли они, что Господь Иисус Христос – их бессмертный и нетленный Жених, – призывает их к венцу мученичества, дабы приять их в небесный чертог Свой, украшенных не только девством, но и страдальческой кровью, как бы царской багряницей. Преисполненные великим дерзновением и надеждою на Бога, они без страха явились к мучителю и свободным голосом поведали ему всю истину о себе, – кто они и откуда; не скрыли они ни своей жизни, ни веры христианской, не скрыли того, что они – девственницы – обрученные Христу и обещавшие Ему сохранять себя в чистоте до самой кончины. Игемон Леонтий, взирая на них и видя, что блаженная дева Архелая старше прочих летами, более дерзновенна в разговоре, заметив также, что лицо ее было особенно благочестным, обратился к ней и сказал:

– Послушай, Архелая! По какому праву ты созываешь к себе всяких людей, добрых и злых, и учишь их поклоняться Иисусу Назарянину, Который не мог спасти Себя Самого, когда Его мучили и тем более не может оказать помощи никому другому? Как ты осмеливаешься заниматься какими-то волшебными словами и прельщать людей; как дерзнула ты, покрываясь мужскими одеждами, показывать себя мужчиной, когда ты на самом деле скверная и вредная волшебница? Вероятно, ты и этих двух девиц научила волшебству; если я тебя не погублю сейчас, то ты всех неопытных женщин и мужчин обольстишь своим ложным учением.

На это святая девица отвечала:

– Силу и власть диавола я попираю силой Христовой; людей же я научила благому, – именно тому, чтоб они познали единого истинного Бога, сотворившего небо, землю, море и всё, что в них: исцеление же всем болящим подаются именем Господа моего Иисуса Христа, Единородного Сына Божия, посредством меня, Его рабы; я не притворяюсь мужчиной, ибо сейчас объявила себя девицей и рабой Христовой; а эти две сестры мои в Господе с юности воспитаны в вере Христовой.

И сказал игемон:

– Всякий, кто не повинуется царскому приказанию, будет предан лютой смерти.

Отвечала святая:

– Мы имеем – Царя, – Господа нашего Иисуса Христа, ради Которого презрели мир и всё, что в нем; Его приказанию повинуемся и ожидаем милосердия от Того, Кто обладает небом и землей и всем прочим.

Сказал игемон:

– Наши боги всё содержат и всем владеют; имен у них много: Кронос[3686], Трисмегист[3687], Гермес[3688], Афродита[3689], Гера[3690], Афина[3691], Дий[3692], который выше всех. Вот эти силы Божии содержат и управляют всей вселенной.

Отвечала дева:

– Боги твои – слепые, и слепые поклоняются им и веруют в них.

Игемон сказал:

– Ваш Бог один и Он не в силах защитить Себя, ибо и на кресте был распят, и уксусом напоен был, и терновным венцом увенчан, и копьем прободен.

Ответила на это святая:

– Всё это Бог наш потерпел ради нашего спасения, дабы все верующие в Него не погибли, но имели жизнь вечную; твои же боги не видят, не слышат, не говорят, и потому ни себе, ни другим не могут помочь.

После таких слов, игемон, разгневавшись, приказал отдать святую на съедение голодным львам, думая, что они сейчас же

растерзают ее; но звери сделались кроткими, как овцы, и лежали у ног святой. Она же молилась Богу, говоря так:

– Господи Боже, Отец, Сын и Дух Святой, сохранивший доселе тело мое чистым от всякой скверны! Как ныне Ты укротил зверей и дал мне силу победить игемона, более лютого, чем звери, так и всегда будь мне, рабе Твоей, непрестанным помощником.

Игемон, увидав, что святая осталась невредимой от зверей, исполнился еще большей ярости и приказал воинам убить зверей, а святую мученицу вместе с подругами ее, связавши, заключить в темницу. Но в темнице святым мученицам явился Ангел Господень, осветивший их неописанным светом и сказавший:

– Не бойтесь, девицы Христовы! Молитвы ваши дошли к Богу и вам уже приготовлены венцы на небе.

Когда стражи увидели этот необычный свет в темнице, то в страхе и ужасе говорили:

– Действительно, Бог, Которого исповедуют эти девицы, есть Бог истинный.

Утром игемон сказал слугам:

– Приведите ко мне ту волшебницу, которая вчера бесчестила разными хулениями меня и богов моих.

И тотчас святая мученица Архелая была представлена на суд и сказала:

– О игемон, не я, а злые дела твои наносят тебе хулу и бесчестие и готовят огонь неугасимый, в котором ты будешь мучиться вечно вместе с богами твоими; если же ты хочешь избавиться вечных мук, то послушай моих душеполезных слов и прими мой добрый совет: уверуй в создавшего тебя Бога Отца, и в Единородного Сына Его Господа Иисуса Христа, и в Духа Святого от Отца исходящего; сей – Един Бог, в Троице прославляемый и на земле и на небе!

Начальник, принимая слова эти за насмешку и безумие, возразил святой, говоря:

– Если ты послушаешь меня и уверуешь в богов моих, то будешь одарена богатством и честью и получишь не последнее место между честными римскими женами; если же ты не

послушаешь меня, то я отдам тебя на поругание блудникам, затем подвергну жестоким мучениям и, наконец, предам тебя лютой смерти; тело же твое отдам на съедение собакам, зверям и птицам.

Ответила святая:

– Я имею помощником Господа моего Иисуса Христа, Который есть хранитель, как души моей, так и тела. Он сохранит меня от той скверны, какую ты готовишь мне, как сохранил и прежде меня многих пострадавших святых дев; смерти же я не боюсь, ибо надеюсь получить жизнь вечную у Господа моего, Который сподобит меня бесконечной радости и причтет меня к святым Своим Ангелам.

После этого игемон повелел обнажить святую, строгать ее чистое девическое тело железными орудиями и бить жестоко, раны же приказал поливать приготовленным для этого горячим маслом и смолой; и было тело святой острогано и сожжено до костей. Все, бывшие там, взирая на страдание святой мученицы, чрезвычайно удивлялись и недоумевали, каким образом столь слабая девица могла перенести такие жестокие муки и остаться живой. Святая же, поднявши очи свои к небу и крестообразно воздевши руки, сказала:

– Владыка, призри с неба, с высоты престола Твоего святого на Твою верную рабу! Угаси горящий огонь росой Своей благодати и дай моему телу отраду в мучениях, причиняемых мне игемоном.

Едва святая произнесла эти слова, как тотчас над ее головой воссиял свет и слышен был голос, говоривший:

– Не бойся! Я с тобой.

Игемон, видя святую невредимой, от ярости скрежетал зубами.

Вблизи того места находился большой камень, который едва могли сдвинуть с места несколько человек; игемон приказал поднять его и положить на мученицу, чтобы она была раздавлена камнем тем. Когда слуги приступили к исполнению приказания игемона, Ангел Господень, невидимо присутствующий со святой девой, быстро отодвинул камень в

другую сторону, так что он раздавил слуг мучителя, святая же осталась живой и хвалила Бога, воспевая:

– Благословен Ты, Господь Бог отцов наших, спасающий уповающих на Тебя!

Народ, видя это, взывал:

– Велик Бог христианский, – Которого сия девица исповедует!

Игемон же сказал:

– Что теперь делать с волшебницей этой? Все мучения она преодолевает; возьмите ее и выведите из города; вместе с ней возьмите и тех двух девиц, которые следуют за ней, и всех трех умертвите мечом.

Воины тотчас взяли святых мучениц, связали им назад руки и повели за город.

Когда все дошли до назначенного места, воины уже приготовились усечь честные главы святых мучениц; в это время они увидали Ангелов и испугались; Ангелы же святые, взирая на страдание мучениц, приготовились взять со славой мученические души. Воины, почувствовавши некоторым образом присутствие этих Ангелов, пришли в ужас, затрепетали и как бы забыли самих себя. Но святая Архелая, совершивши молитву Богу, сказала воинам:

– Исполните то, что вам приказано.

Воины ответили на это:

– Не смеем, – госпожа, ибо страх объял нас.

Тогда девы все вместе сказали им:

– Если не исполните приказания, то не будете иметь части с нами.

Воины, услышавши это, обнажили мечи и отсекли им головы[3693].

Так три святые преподобномученицы, – Архелая, Фекла и Сусанна, чистые девы, совершили свой подвиг, вошли в чертог небесный и ныне с Ангелами предстоят Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Единому, в Троице славимому, Богу, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

Страдание святого священномученика Маркелла, папы Римского, и прочих с ним

Память 7 июня

Святой Маркелл был родом римлянин; отца его звали Венедиктом. Он принял престол Римской церкви после святого мученика Маркеллина и пробыл на нем в правление нечестивых римских императоров Диоклетиана[3694], Максимиана Геркула[3695], другого Максимиана, по прозванию Галерия[3696], и Максенция[3697] в продолжении пяти лет и шести месяцев. В те дни в Риме происходили следующие события. Император Максимиан по прозванию Геркул, был назначен Диоклетианом в соправители себе. Возвратившись в Рим из африканских провинций[3698] и желая угодить императору Диоклетиану, замедлившему на востоке, Максимиан стал строить в честь его в Риме каменные термы, или бани, доставлявшие язычникам мерзкую прохладу[3699]. Разыскав среди римских полков множество воинов, веровавших во Христа, Максимиан лишил их воинского звания и назначил им такую же работу, которую дал некогда фараон израильтянам в Египте[3700], именно: он заставлял одних делать кирпичи, других известь, третьих копать землю и носить для устройства упомянутых терм камни. Всё это он делал для устрашения христиан, находившихся в Риме, ибо знал, что многие римляне не только из простого народа, но и из числа людей благородных, исповедовали веру христианскую, хотя и не открыто.

В это время в Риме проживал некий богатый и честный христианин по имени Фрасон. Заметив, что христиане томились тяжкою работою и изнемогали от голода, Фрасон пожелал тайно помогать им своими средствами; избрав для этой цели четверых, богобоязненных мужей, он через их посредство снабжал христиан пищею, одеждою и всем необходимым. Этих мужей звали: Сисиний, Кириак, Смарагд и Ларгий.

Когда блаженный папа Маркелл узнал об этом, то весьма возрадовался сердцем по поводу доставляемой христианам милостыни; призвавши к себе упомянутых четверых мужей и

разузнав от них всё относительно Фрасоновой щедрости, Маркелл премного благодарил последнего, а Сисиния и Кириака поставил во диаконы римской церкви.

Однажды ночью, когда оба сии диакона несли на своих плечах посылаемую Фрасоном для святых мучеников пищу, они были схвачены нечестивыми язычниками и приведены к трибуну Экзуперию. Лишь только они были приведены, трибун приказал заключить их в общенародную темницу, а на третий день донес о них императору Максимиану. Император же приказал их назначить на ту же самую работу, которую исполняли прочие христиане и таким образом они были присоединены к тем, которые носили песок для постройки каменного здания.

Среди тех христиан находился некий муж, по имени Сатурнин; по старости лет он не мог носить определенного ему тяжелого бремени. Тогда блаженные диаконы Сисиний и Кириак начали помогать сему старцу и исполняли не только свою работу, но и работу других; устами же своими они непрестанно славословили и восхваляли Бога. Обо всем этом стража донесла трибуну, а последний императору.

Тогда император приказал представить к себе Сисиния, и когда последний явился к нему, то спросил его:

– Какое имя твое?

– Я грешный, – отвечал святой, – именуюсь Сисинием; я раб рабов Господа нашего Иисуса Христа.

– Что это за песнопения, которые вы воспеваете? – спросил Максимиан.

– Если бы ты познал значение воспеваемых нами песнопений, – отвечал святой, – то ты познал бы и твоего Создателя.

На это император сказал:

– Да кто же наш Создатель, как не Геркулес[3701] непобедимый!

Отвечал святой диакон Сисиний:

– Для нас мерзость – не только именовать его, но и слышать о нем.

– Избирай для себя одно из двух, – продолжал император: принеси жертву богу Геркулесу; в противном случае я сожгу на

огне плоть твою.

– Я уже давно желаю пострадать за Христа, Бога моего, – отвечал святой Сисиний – дабы получить вожделенный венец мученичества.

Тогда император, разгневавшись, отдал его на мучение областеначальнику Лаодикию.

Последний заключил святого в Мамертинскую темницу[3702], в которой мученик пробыл семнадцать дней. По истечении же сего срока областеначальник велел снова представить к себе на допрос святого диакона Сисиния.

Из темницы узник прежде всего был приведен к начальнику тюрьмы Апрониану. Посмотрев на него, Апрониан заметил, что лицо его сияло пречудным небесным светом; при сем также он услыхал и голос, говоривший:

– «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25:34).

Тогда Апрониан в страхе и ужасе упал к ногам святого Сисиния и сказал:

– Заклинаю тебя Христом, Которого ты исповедуешь, немедленно крестить меня и соделать меня соучастником венца твоего.

Тотчас же была принесена сюда и вода.

Тогда святой диакон Сисиний, совершивши оглашение[3703] над Апронианом, благословил воду; затем велел войти Апрониану обнаженным в наполненный водою сосуд и спросил его:

– Веруешь ли в Бога Отца, Всемогущего, и в Единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, и в Духа Святого?

Он отвечал:

– Верую.

– Да просветит тебя, – произнес святой Сисиний, – Отец, и Сын, и Святой Дух.

Затем святой велел Апрониану выйти из воды.

После этого Сисиний привел новокрещенного Апрониана к святому папе Маркеллу. Последний помазал новопросвещенного святым миром и, совершив святую Литургию, преподал обоим, – и Сисинию и Апрониану, – а также

и всем, находившимся там христианам, пречистое Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа.

В полдень того же самого дня областеначальник Лаодикий приказал представить к себе на допрос диакона Сисиния. С ним пришел также и начальник тюрьмы, блаженный Апрониан, – новопросвещенный раб Христов. Подойдя к Лаодикию, Апрониан громко воззвал, обратившись к нему:

– Для чего диавол восставляет вас против рабов Божиих, научая вас причинять столько страданий неповинным?

Удивившись таким словам Апрониана, областеначальник сказал ему:

– Как кажется мне, и ты сделался христианином.

– Горе мне окаянному, – отвечал блаженный Апрониан, – что я погубил дни мои в нечестии, до этих пор не зная Бога истинного.

– Действительно, – воскликнул областеначальник, – ты погубишь ныне дни свои!

Затем приказал отсечь ему голову, сказав:

– Если сей не погибнет, то погибнут многие другие.

После этого воины повели святого Апрониана за город. Отойдя от города на расстояние двух миллиарий[3704], воины усекли голову святого Апрониана на дороге Саларийской[3705]; так новопросвещенный Апрониан восприял венец мученический. Святого же диакона Сисиния, а с ним и упомянутого старца Сатурнина, областеначальник приказал заключить в темницу, сказав им:

– Если вы не принесете жертв богам, то я погублю вас, предав многоразличным мукам.

Во время пребывания этих святых в темнице к ним приходили многие язычники и безбоязненно крестились у них. По прошествии сорока дней областеначальник Лаодикий узнал об этом; приказав приготовить себе место для судилища в храме богини Теллюры[3706] и воссев на нем, Лаодикий приказал привести к себе старца Сатурнина и диакона Сисиния. Христовы узники были приведены к мучителю босыми в железных оковах.

– Что же, – спросил их областеначальник, – оставили вы, наконец, суетное обольщение христианское? Неужели и теперь

вы не согласитесь поклониться богам, которым поклоняются наши цари?

– Мы грешные, – отвечал святой диакон Сисиний, – поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу и никогда не преклоним наших голов пред диаволом и бездушным камнем.

Тогда Лаодикий сказал:

– Пусть принесут сюда медные треножники, на которых возжигается курение богам.

Немедленно были принесены треножники с горячими угольями. Мучитель начал принуждать святых воскурить идолам фимиам.

Святой старец Сатурнин сказал мучителю:

– Да обратит Господь в прах идолов языческих.

И тотчас медные треножники, растопившись, растеклись как вода.

Два воина из числа бывших здесь, по имени Папий и Мавр, увидя это, громогласно воскликнули:

– Поистине Господь Иисус Христос, Которого почитают Сисиний и Сатурнин – есть Бог истинный.

Областеначальник Лаодикий, пылая гневом, приказал повесить святых мучеников, Сатурнина и Сисиния, на позорном столбе и бить их без милосердия веревками и суковатыми палками. Будучи так терзаемы, святые взывали, говоря:

– Благодарим Тебя, Господи, Иисусе Христе за то, что Ты сподобил нас быть соучастниками пострадавших за Тебя рабов Твоих.

Тогда воины Папий и Мавр, видевшие страдание святых, вторично воззвали, обратившись к областеначальнику:

– Для чего диавол возбуждает вас против рабов Божиих, научая вас без милосердия мучить их, неповинных?

Лаодикий, воспылав гневом против этих воинов, приказал бить их камнями по устам; раздробивши святым уста, заключил их в темницу. В то же время он приказал своим слугам опалять свечами бока мучеников, висевших на позорном столбе. Но они, претерпевая столь великие страдания, с радостным лицом благодарили Бога.

В тот же день мучитель издал относительно святых смертный приговор. Поэтому они были сняты с позорного столба, выведены за город по нумантийской дороге[3707] и усечены мечом.

Вышеупомянутый благочестивый муж Фрасон, взяв тела святых мучеников вместе с пресвитером Иоанном, похоронил их на своей земле при саларийской дороге.

Заключенные же в темницу воины Папий и Мавр, весьма желали получить святого крещения; помолившись Господу, они вышли из темницы через открытые двери, никем не замеченные. Придя затем к святейшему папе Маркеллу, они приняли от него святое крещение. После крещения они снова отдались искавшим их воинам, и были представлены на допрос к областеначальнику. Увидавши их, областеначальник сказал:

– Теперь я узнал, что вы христиане.

– Да мы действительно христиане, – отвечал святой Папий.

– Оставьте суетное обольщение христианское, – продолжал Лаодикий, – и поклонитесь богам, которым поклоняются наши цари!

– Пусть поклоняются им все потерявшие свои души, если они желают погибнуть навеки, – отвечал Лаодикию святой Мавр.

Областеначальник же Лаодикий сказал на это:

– Если вы не принесете сейчас жертв бессмертным богам нашим, то потеряете свои души. Послушайте меня и исполните то, что я говорю, если желаете остаться живыми.

– Приноси им жертву, – ответил святой Папий, – если хочешь мучиться вечно!

После этого областеначальник приказал положить святых на земле и бить без милосердия палками. Они же, будучи жестоко биты, ничего иного не произносили, как только следующие слова:

– Господи, Иисусе Христе, помоги рабам Твоим!

Затем Лаодикий приказал бить святых оловянными прутьями. В то время как их били в течение долгого времени таким образом, они предали души свои в руки Божии.

Пресвитер Иоанн, взявши ночью тела святых, похоронил их с честью при гробнице пострадавших ранее святых мучеников

Сисиния и Сатурнина (сделал это он по повелению святого папы Маркелла).

В то время возвратился в Рим император Диоклетиан. Областеначальник Лаодикий сообщил Диоклетиану и Максимиану всё относительно святых мучеников, сказав, как он без милосердия мучил их и умертвил. Императоры были обрадованы сим известием и похвалили областеначальника за его усердие.

Между тем упомянутый выше святой Кириак, поставленный во диаконы святейшим папою Маркеллом, находился в это время вместе со святым Сисинием, в темнице; здесь были заключены Смарагд и Ларгий, а также и прочие узники Христовы. Все они исполняли назначенную им тяжелую работу. Их выводили на работы днем, на ночь же снова запирали в темнице. Бог даровал блаженному Кириаку благодать исцеления недугов; многие приходили к нему и приносили своих больных, которых святой Кириак исцелял, после молитвы к Богу; так получали здесь зрение слепые, делались здоровыми расслабленные, изгонялись из людей бесы и по молитвам святого подавалось исцеление болящим от многоразличных недугов.

У императора Диоклетиана была дочь по имени Артемия. По попущению Божию она впала в беснование и была мучима нечистым духом. Узнав о том, Диоклетиан весьма опечалился, так что в тот день по причине скорби не вкушал пищи. Когда же он вошел в комнату своей дочери, бесновавшейся в это время, то бес воззвал устами девицы:

– Я не выйду отсюда, и никто не может изгнать меня кроме диакона Кириака.

Тогда Диоклетиан приказал отыскать диакона Кириака, и когда он был найден в темнице и приведен к императору вместе с обоими друзьями своими, Смарагдом и Ларгием, то император стал упрашивать его войти в комнату дочери его и исцелить ее. Святой Кириак, войдя в комнату дочери царской, обратился к мучившему ее нечистому духу с такими словами:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из сей девицы.

Бес же отвечал ее устами:

– Если ты желаешь, чтобы я вышел из нее, то укажи мне другое обиталище, в которое я мог бы войти.

– Вот тебе мое тело, – отвечал святой Кириак; – если можешь, войди в него!

– В твое тело я не могу войти, – продолжал бес, – ибо оно отовсюду затворено и запечатано.

Тогда святой Кириак сказал ему:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа распятого выйди из сей девицы, дабы она была чистым сосудом для служения Святому Духу.

Дух нечистой закричал тогда, говоря:

– О Кириак! Если ты отсюда изгонишь меня, то я устрою так, что ты будешь послан в Персию[3708].

С сими словами нечистый дух вышел. Девица же Артемия, освободившись от бесовского мучительства, сказала святому:

– Заклинаю тебя Богом, Которого ты исповедуешь: крести меня, ибо я вижу вдалеке Господа, Которого ты проповедуешь.

Здесь стояла и мать Артемии императрица Сирена, которая радовалась сугубою радостью: и по случаю исцеления своей дочери, и по причине явления силы Христовой (ибо она была тайной христианкой).

Приготовив воду, на другой день крестили девицу Артемию во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, тайно от царя Диоклетиана.

С того времени святой Кириак приобрел благоволение императора Диоклетиана, который даровал ему и его друзьям, Смарагду и Лагрию, свободу и подарил ему близ своих терм дом в Риме, обещав ему спокойную жизнь.

Между тем императрица Сирена поучала дочь свою всем сердцем любить Христа и неизменно исполнять закон Его.

Спустя немного времени к Диоклетиану пришло послание от персидского царя; в этом послании персидский царь просил Диоклетиана отправить к нему диакона Кириака, ибо дочь его бесновалась, причем бес взывал ее устами, говоря:

– Никто не может изгнать меня кроме римского диакона Кириака.

Тогда император сказал своей супруге, императрице Сирене, чтобы она позвала к себе Кириака и упросила его отправиться в Персию к бесновавшейся царевне.

Когда святой Кириак был призван к императрице и узнал о послании из Персии, то сказал:

– Во имя Господа моего, Иисуса Христа я отправлюсь, не колеблясь!

Кириак был снабжен императрицею всем необходимым, после чего и отправился в Персию вместе со своими друзьями, – Смарагдом и Ларгием.

Когда он пришел в Персию и был приведен к беснующейся царевне, то диавол воззвал ее устами:

– Что, Кириак, не заставил ли я тебя потрудиться прийти сюда, как говорил об этом тебе ранее?

– Я пришел сюда, – отвечал Кириак, – с помощью Владыки моего, Господа Иисуса Христа, чтобы выгнать тебя и отсюда. Итак, дух нечистый, повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа: выйди из сей девицы и больше не возвращайся в нее.

– Но ведь ты, Кириак, устал и тебе необходимо прежде всего отдохнуть с дороги, – сказал бес.

– Благодаря помощи все устрояющего Бога я не чувствую усталости, – отвечал Кириак.

– Но вот я, – продолжал бес, – что захотел, то и сделал: обещался заставить тебя прийти в Персию, и ты пришел.

– Не можешь ты, бессильный и окаянный, сделать то, что пожелаешь; ты можешь сделать лишь то, что попустит тебе Создатель наш.

Тогда бес стал мучить девицу. Святой же Кириак, пав ниц на землю, начал со слезами молиться Богу. Между тем бес взывал к святому:

– Если ты изгонишь меня отсюда, то укажи мне вместилище, в которое я бы мог войти.

Отвечал святой:

– О безумный! Нигде в создании Божием ты не найдешь себе вместилища, ибо непобедимая и всемогущая сила Господа моего Иисуса Христа отовсюду изгонит тебя.

Тогда диавол немедленно вышел из отроковицы и, убегая, оглашал воздух воплями, говоря:

– О как страшно для меня имя Того, Кто изгоняет меня!

С того времени отроковица стала здоровой. Ей было имя Иовия. Она уверовала во Христа и приняла святое крещение. Уверовали во Христа и крестились многие из царского дома, всего около четырех сот человек. Царь персидский предложил многие дары святому Кириаку. Но он ничего не взял, довольствуясь лишь одним хлебом и водой. Пробывши в Персии сорок пять дней, он удалился оттуда, возвращаясь от персидского царя к римскому императору с благодарственным письмом, которое Диоклетиан почтительно принял. Императрица Сирена и дочь ее Артемия весьма радовались возвращению Кириака.

Спустя немного времени после этого Диоклетиан отправился из Рима на Восток, а Максимиан Геркул в Медиолан[3709], где тот и другой оставили и свое императорское достоинство. Тогда (другой Максимиан), по прозванию Галерий, коего Диоклетиан усыновил себе, а потом выдал за него и дочь свою, – старшую сестру Артемии, Валерию, – пришел в Рим и стал преследовать и убивать христиан. Взяв вместе с прочими святого диакона Кириака, – ибо он гневался на него за Артемию, которую Кириак обратил в христианскую веру, – он посадил его вместе с его друзьями, Смарагдом и Ларгием, в темницу; при этом мучитель приказал водить за собою Кириака обнаженного и закованного в железные вериги по всем тем местам, куда он ни отправлялся. Это он делал для устрашения прочих христиан.

Однажды, когда мучитель шел в какой-то город, его встретил святой папа Маркелл, который громко сказал ему:

– Для чего ты убиваешь служителей Божиих, молящихся за твое царство!

Тогда мучитель, разгневавшись, приказал бить святого палками без милосердия и определил его на должность надсмотрщика над животными. Итак, святой папа Маркелл приставлен был к кормлению животных и сторожа наблюдали за тем, чтобы он неленостно исполнял свои обязанности. Святого

же Кириака с его друзьями император передал своему наместнику Карпасию со словами:

– Убеди этих волхвов, совращающих народ к христианству, принести жертвы; заставь их сделать это, хотя бы мучениями.

Карпасий, взявши святого и находившихся с ним христиан, заключил их в темницу, а затем, воссевши на судилище своем в храме Теллюры, призвал к допросу святых мучеников, – диакона Кириака, друзей его, Смарагда и Ларгия, и вместе с ними четвертого узника по имени Крисцентия, также заключенного в темнице за исповедание имени Христова. Карпасий обратился к христианам с такими словами:

– Почему вы не слушаете императорского приказания и не приносите жертв бессмертным богам нашим?

Кириак и друзья его отвечали:

– Мы приносим себя самих в жертву живущему вовеки Богу и Господу нашему Иисусу Христу.

– Твоя старость, – сказал Карпасий Кириаку, – убелила волоса твои; но вот я теперь обращу твою старость в юность.

С сими словами он приказал растопить смолу и возливать ее на голову святого. Святой же взывал, говоря:

– Слава Тебе, Господи, что Ты сподобляешь нас, рабов Твоих, войти во врата Небесного Царства Твоего!

Крискентиана же мучитель приказал повесить нагим на позорном столбе, бить веревками и палками, строгать железными когтями и опалять огнем. В таких мучениях святой Крискентиан и предал дух свой, всё время воссылая благодарение Богу.

Потом мучитель приказал взять тело его и бросить без погребения на съедение псам, прочих же святых мучеников он снова заключил в темницу. Но упомянутый пресвитер Иоанн, придя ночью и взявши тайно тело мученика, похоронил его вместе с прочими мучениками.

По прошествии четырех дней после этого мучитель, призвав на допрос к себе одного Кириака, спросил его:

– Для чего ты хочешь низвести в ад в лютых мучениях дни твоей старости?? Принеси жертву богам и останешься жив.

– Я, – отвечал святой, – весьма желаю быть замученным за Христа Бога моего; вашим же богам пусть приносят жертвы те, кто не познал истинного Бога, Создателя своего.

Карпасий в гневе приказал повесить святого нагим на позорном столбе и мучить его тем же способом, как и святого Крискентия, причиняя побои вервиями и палками, строгая ногтями, опаляя огнем.

Между тем Христов мученик, перенося все сие доблестно, взывал:

– Помилуй меня грешного, Господи мой Иисусе Христе! Слава Тебе, Сыне Божий!

Карпасий убедившись, что никакими мучениями он не принудит Кириака принести жертвы, повелел прекратить мучения; потом сообщил императору всё, что касалось Кириака и остальных мучеников. Император же приказал предать смерти Кириака и всех, находившихся вместе с ним в темнице.

В той самой темнице, в которой пребывал святой Кириак со своими друзьями, было всего христиан двадцать один человек обоего пола. Выведя их всех за город, язычники обезглавили их вместе со святым Кириаком, Смарагдом и Ларгием. К этому месту ночью пришел пресвитер Иоанн вместе с некоторыми христианами; взяв тела святых мучеников, он похоронил их на том же самом месте, где были похоронены тела и других мучеников.

В это самое время была замучена и умерщвлена за исповедание имени Христова и дочь Диоклетиана, блаженная царевна Артемия, пребывавшая в то время в Риме. Умерщвлена же она была по распоряжению того же нечестивого мучителя Максимиана. Окаянный не пощадил даже своей родственной крови, ибо Артемия была родной сестрой его жены Валерии, и ему самому, как усыновленному Диоклетианом, она приходилась сестрою.

После убиения святого Кириака и прочих, находившихся с ним в темнице, христиан, вышеупомянутый Карпасий выпросил себе у императора дом Кириаков, находившийся близ терм Диоклетиановых; дом этот был подарен Диоклетианом Кириаку. Войдя в этот дом, Карпасий увидал в нем прекраснейший

источник, устроенный святым Кириаком и освященный папою Маркеллом; в этом источнике крестились многие язычники, обращавшиеся в христианство. На поругание и оскорбление христианам Карпасий обратил тот дом в общественную баню и в блудилище и часто сам там омывался, или лучше сказать, загрязнялся, ибо, пируя здесь со своими друзьями, он и его сообщники оскверняли себя омерзительными плотскими грехами.

Однажды он приказал устроить там для себя пир и пришел сюда в обществе девятнадцати друзей своих есть, пить, мыться и блудодействовать. И вот в то время как они предавались своим мерзостям, внезапно пали все мёртвыми, пораженные невидимою силою Божиею. Все окрестные жители пришли от этого в великий страх и заколотили дом тот, ибо никто не решался входить в него.

Между тем нечестивый император Максимиан Галерий отправился из Рима на Восток; императорский престол принадлежавший в то время Константину г. по 337 г. (см. житие его под 21 мая). В то же самое время римские клирики, собравшись ночью, отправились на тот двор, в котором был приставлен кормить скот святой Маркелл, и вывели оттуда архипастыря своего.

Достигнувши хищническим образом римского престола, Максенций также как и его предшественники начал преследовать христиан.

В это время в Риме жили две женщины из благородного сенаторского рода, по имени Прискилла и Лукина. Они обе были вдовами и верными рабынями Господа Иисуса Христа, Которому и служили с великим усердием. Эти две женщины имели много имущества, которым помогали святым во всех их нуждах.

Они устроили в своих имениях весьма хорошие гробницы для погребения тел святых мучеников, ибо бесчисленное множество христиан было тогда умерщвляемо за исповедание имени Христова. Прискилла устроила гробницу на расстоянии трех поприщ от города при саларийской дороге, а Лукина – на расстоянии семи поприщ при дороге остийской[3710]. Тайно по

ночам они собирали тела мучеников, бросавшиеся язычниками на съедение псам, зверям и птицам и с честью погребали их в своих гробницах. И вот, когда святой Маркелл был выведен своими клириками с двора, где он кормил животных, отправился с блаженною Лукиною к тому месту, где был усечен святой мученик Кириак с Смарагдом и Ларгием; выкопавши из земли святые мощи их и обвивши их чистыми полотнами с ароматами, они принесли их в гробницу, принадлежавшую Лукине, и с честью положили их в каменных гробах.

В это время блаженная Лукина пожертвовала в пользу церкви римской многие имения свои; прекрасный же дом свой, находившийся в центре города Рима, она пожертвовала верующим, дабы они обратили его в церковь. Папа освятил сей дом по положенному церковному чину и совершал в нем литургии, принося бескровные жертвы Богу, днем и ночью славословя Бога. И таким образом дом Лукины сделался домом Божиим и соборною церковью в Риме.

Это стало известным нечестивому императору. Последний разгневавшись на Лукину, присудил изгнать ее с бесчестием, как великую грешницу вон из города, всё же имущество ее велел отдать на разграбление. Он делал попытки также склонить к своему нечестию папу Маркелла, но нисколько не успел в этом. Узнавши же, что святой Маркелл был осужден на работу ухода за скотом его предшественником Максимианом, он сделал то же самое определение относительно святого. Желал обесчестить не только папу, но и церковь, он обратил освященный для церкви прекрасный дом Лукинин в скотный двор и приказал содержать там множество скота. Святому же папе Маркеллу он определил все дни жизни его до самой смерти, находясь под стражею, ходить за скотом в этом доме.

Итак, сей святейший пастырь и руководитель душ человеческих в течение девяти месяцев исполнял работу ухода за скотом; великий слуга Божий, подобно некоему плененному рабу, был предметом поругания со стороны нечестивых идолослужителей. Он постоянно был занят работою, так что совершенно не имел отдыха и покоя и испытывал большой недостаток в самом необходимом; он не имел ни достаточной

пищи, ни одежды, ибо сторожа не позволяли никому приходить к нему и что-либо приносить для него. Его одежда состояла из одной только колючей власяницы на теле. По причине таких трудов, страданий, лишений в самом необходимом, а также по причине зловония скотского, святой Маркелл весьма ослабел телом, заболел и предал свою страдальческую душу в руки Божии[3711]. Тот же пресвитер Иоанн, взявши ночью его тело, отнес его в гробницу Прискиллину и, призвав клириков, предал его здесь честному погребению.

Так окончил жизнь свою святейший римский папа Маркелл, первоначально предпослав по пути мученичества многочисленных чад своих к Богу, а затем после них и сам отправился предстать со святыми иерархами престолу Великого Архиерея, Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Память святых мучениц Кириакии, Калерии и Марии

Память 7 июня

Мученицы Христовы Кириакия, Калерия (или Валерия) и Мария происходили из города Кесарии палестинской[3712]. Наставленные в христианской вере одним христианином, они отрешились от мерзких идольских жертв, приступили ко Христу и крестились. Потом они поселились в некоей хижине, пребывая в молчании и моля Бога, дабы рассеялась лесть идолослужения, вера же Христова воссияла во всем мире и таким образом прекратились бы гонения на христиан. Когда они проживали таким образом в пощении и молитвах, то были оклеветаны пред правителем той страны идолослужителями и принуждаемы были отречься от Христа и к поклонению идолам. Но они не хотели ни в каком случае совершить сего. Поэтому они нещадно были мучимы жестокими истязаниями и в тех мучениях предали души свои в руки Божии.

Память святого священномученика Маркеллина

Память 7 июня

Папа Маркеллин вступил на престол в правление Диоклетиана и Максимиана после кончины святейшего папы Кая[3713], во время жесточайшего гонения на христиан, когда в течение тридцати дней в Риме было истреблено после многоразличных мучений семнадцать тысяч христиан обоего пола. В это время схвачен был и приведен на допрос к Диоклетиану и папа Маркеллин. Но, устрашившись жестоких мучений, он воскурил фимиам на алтаре идольском и принес жертву Весте и Изиде[3714]. Желая вознаградить его, император облёк его в драгоценную одежду и назвал своим другом.

После этого, вернувшись домой, Маркеллин горько заплакал и зарыдал как некогда Апостол Петр, отрекшийся от Христа (Мф.26:75). Маркеллин начал обличать и укорять самого себя, так как, хотя многих других утвердил в вере и побудил к мученическому подвигу, тем не менее сам отпал от веры самым позорнейшим образом. Размышляя о сем, папа несказанно скорбел в сердце своем.

В то время в городе Синуессе в Кампании[3715], происходил поместный церковный собор[3716], на который собрались многие епископы и пресвитеры, всего числом сто восемьдесят человек. На этот собор прибыл и Маркеллин. Облекшись во власяное рубище, посыпав пеплом голову с сокрушением сердечным вошел он на собор к отцам и, став пред ними как обвиняемый, открыто пред всеми исповедал грех свой. Проливая горькие слёзы, он испрашивал у честных отцов суда над собою. Отцы же говорили:

– Осуди себя сам своими устами: из твоих уст вышел грех; пусть твоими же устами будет произнесено и осуждение. Мы знаем, что и святой Петр из страха отвергся Христа, но, горько оплакав грех свой, снова получил благоволение у своего Господа.

Тогда Маркеллин произнес следующий приговор над самим собою:

– Я признаю себя лишенным священного сана, которого я недостоин. За это пусть после моей смерти тело мое не предается обычному погребению, но да будет брошено оно на съедение псам; да будет проклят тот, кто осмелится похоронить его.

Возвратившись затем в Рим по окончании соборных заседаний, Маркеллин, взяв драгоценную одежду, которую получил от Диоклетиана, отправился к сему последнему и, бросивши пред ним одежду, обличил его, осудил ложных богов его, а себя назвал тяжким грешником, причем горько плакал. Исполнившись гнева, император отдал его на мучения, а затем присудил к смерти. И вот блаженный Маркеллин был поведен вместе с тремя христианами – Клавдием, Кирином и Антонином за город для обезглавления. За ним следовал пресвитер Маркелл, после него занявший престол папский. Подозвавши его, мученик Христов Маркеллин увещевал, чтобы он оставался твёрдым в вере. Он сказал также относительно своего тела, чтобы никто не осмеливался погребать его в земле, но чтобы оно было брошено на съедение псам:

– Я недостоин, – говорил он, – человеческого погребения, недостоин чтобы меня взяла земля, так как я отвергся Господа моего, Творца неба и земли!

Когда достигли места казни, святой мученик Маркеллин с усердием помолился Господу Христу, приемлющему кающихся грешников и с готовностью предоставил свою выю на отсечение и умер за Христа, Которого сначала отвергся из-за страха мучений[3717]. Вместе с ним были обезглавлены и упомянутые три мужа Клавдий, Кирин и Антонин и тела их были брошены непогребенными при дороге. Впрочем по прошествии нескольких дней верующие, взявши ночью тела Клавдия, Кирина и Антонина, – похоронили их; тело же Маркеллина никто не осмеливался взять и похоронить, так как он дал заклятие не предавать тело его погребению; и валялось честное тело мученика Христова при дороге в продолжение тридцати шести

дней. По прошествии же этого времени новопоставленному папе Маркеллу явился святой Апостол Петр и сказал:

– Почему ты до сего времени не предаешь погребению тело Маркэллиново?

– Я страшусь его клятвы, – отвечал Маркелл, – ибо он дал заклятие не хоронить тела его.

– Разве ты не помнишь, – сказал Апостол, – написанного – «унижающий себя возвысится» (Лук.18:14). Итак, пойди и с честью похорони тело его.

Тогда папа Маркелл взял честные мощи мученика и похоронил их в гробнице Прискиллы – что при Саларийской дороге.

Так скончался священномученик папа Маркеллин, оставивши образец покаяния для многих, впадавших в то время в подобный грех (ибо тогда многие отвергались от Христа из-за страха пред мучениями). Мы же славим неизреченное милосердие Божие всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Житие святого отца нашего Ефрема, патриарха Антиохийского

Память 8 июня

Святой Ефрем первоначально был военачальником на Востоке в правление императоров Анастасия[3718] и Иустина[3719]. Потом он был поставлен в антиохийские патриархи[3720], как человек благочестивый, проводивший добродетельную и богоугодную жизнь, весьма милостивый к нищим, сострадательный ко всем, находившимся в бедах и несчастиях. Избрание же его в патриархи произошло по Божию благоволению и откровению о том одному святому епископу, жившему в то время, когда город Антиохия восстановлялся после разорения.

В то время, по причине умножившихся в Антиохии различных ересей и еретиков, – несториан[3721], евтихиан[3722] и прочих, произносились хуления на божество Христово и уничижаема была честь Пресвятой Богородицы; поэтому над городом Антиохией разразился гнев Божий. В двадцать девятый день месяца мая, в полдень, в пятницу, здесь началось страшное землетрясение; вместе с тем огонь охватил весь город. Землетрясение разрушало каменные здания и городские стены; а огонь уничтожал все остальное; это должно было показать всем великий гнев Божий за грехи людские. Антиохия едва не уподобилась Содому и Гоморре[3723], ибо большая часть города погибла, а вместе с тем погибло и бесчисленное множество граждан, причем одни из них погибли под строениями, падавшими на них, другие сожжены были огнем; в числе прочих скончался под обрушившейся колонной Антиохийский патриарх Евфрасий[3724]. Тогда среди оставшихся в живых поднялся плач и горькое рыдание; жители же всех окрестных городов и стран пришли от всего происшедшего в великий страх и ужас. Сей Божественный гнев, яростно обрушившийся на Антиохию, прозирали духовными очами некоторые из святых отцов, находившихся в весьма далеком от города расстоянии (как, например, преподобный Феодосий

Великий, бывший в Палестине, преподобный Зосима, бывший в Кесарии палестинской). Поэтому они со слезами начали молить Бога, не погубить до конца город, на который Он праведно прогневался.

После этого страшного землетрясения и сильного пожара императором Иустином был отправлен в Антиохию военачальник Востока, сей блаженный Ефрем, с целью обстроить город новыми зданиями. Ефрем с усердием исполнил данное ему поручение.

Среди работавших там был один, тогда никому не известный, епископ, который, сложив с себя сан и звание епископское, под видом нищего строил здание вместе с прочими работниками.

Однажды военачальник Ефрем имел об этом епископе следующее откровение. Устав от работы, епископ лег уснуть на земле; тогда над ним увидали огненный столп, достигавший до неба. Блаженный Ефрем наблюдал не один, не два раза, но многократно и весьма ужасался по случаю виденного, ибо поистине сие чудо было страшно и исполнено ужаса.

Между тем воевода не знал, что этот работник был епископ, ибо по его внешнему виду нельзя было узнать, кто он такой. Он имел вид простого нищего: голова его была всегда в пыли, одежда представляла из себя рваное рубище, испачканное грязью, тело его было истомлено от больших трудов и безмерного воздержания. Призвав к себе этого работника, Ефрем начал расспрашивать его наедине, кто он такой, откуда и как зовут его. Он же отвечал:

– Я один из беднейших жителей сего города; так как я не имею необходимого для жизни пропитания, то я тружусь за плату, и Бог питает меня.

Тогда Ефрем, будучи осенен Богом, сказал ему:

– Поверь мне, что я не отпущу тебя до тех пор, пока ты не выскажешь мне всей правды.

Не имея больше возможности скрывать себя, епископ сказал военачальнику:

– Дай мне слово пред Богом, что ты никому не расскажешь обо мне, пока я жив.

Ефрем клятвенно обещал ему это. Тогда работник сказал:

– Я был епископом, но оставил епископство для Бога и пришел сюда к неизвестным людям; трудясь здесь, я приобретаю своим трудом скромное пропитание; но имени моего и города, в котором я был епископом, я не скажу тебе. Ты же присоедини к той милости, которую ты оказываешь, еще одну милость. На этих днях Господь возведет тебя на епископский престол сей антиохийской Церкви – «пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян.20:28), – истинный Бог наш. Итак, раздавай, как я сказал тебе, обильные милостыни и, противоборствуя еретикам, твердо стой за православную веру. Такими подвигами ты благоугодишь Богу.

Сказав это, неизвестный епископ удалился от Ефрема.

Между тем блаженный Ефрем, выслушав это, весьма изумлялся и сказал сам себе: «Сколько имеет Бог у Себя сокровенных рабов, Которых знает лишь Он один!»

Епископ же тот более уже не пребывал среди работников, а удалился куда-то в иное место; он не хотел быть узнанным людьми, ибо избегал суетной человеческой славы. Пророчество же его сбылось вскоре, ибо, по прошествии немногих дней, блаженный Ефрем судьбами Божиими был назначен патриархом великого города Антиохии.

Какова была ревность святейшего патриарха Ефрема о благочестии и вместе о святости, сие очевидно из нижеследующего.

Однажды ему было сообщено о некоем столпнике, проживавшем в окрестностях Иераполя[3725], – именно Ефрему было сказано, будто тот столпник входил в общение с еретиками северианами[3726]. Великий архиерей Божий тогда самолично отправился к нему и упрашивал его, и даже слезно умолял, отстать от Северова заблуждения и присоединиться к общению со святой соборной Церковью апостольской. Столпник на сие ответил патриарху:

– Я никогда не присоединюсь к вашей Церкви!

– Каким образом желаешь ты, – спросил патриарх, – видеть доказательство того, что благодатью Господа нашего Иисуса

Христа соборная апостольская Церковь свободна от заблуждения неверующих?

Желая устрашить патриарха, столпник ответил:

– Прикажем, господин патриарх, разжечь большой костер и войдем на него оба: будет правой вера того, кто выйдет из огня целым и невредимым; ему мы и последуем все!

Патриарх ответил столпнику:

– Тебе следовало бы послушать меня, как отца, и ничего не испытывать свыше сил наших. Но если ты хочешь испытать вещи, превосходящие силу моего ничтожества, то я, уповая на милосердие всесильного Сына Божия, верю, что для спасения души твоей Он сотворит сие.

После этого патриарх сказал предстоящим:

– Да будет благословен Господь! Принесите сюда дрова.

Когда было принесено множество дров, патриарх приказал развести громадный костер около столпа, а затем сказал столпнику:

– Сойди со столпа, и, согласно словам твоим, пойдем оба в огонь.

Столпник изумлялся между тем горячей вере патриарха и его твердому упованию на Бога и не желал сходить со столпа.

Тогда патриарх сказал ему:

– Разве не сам ты решил так? Разве не этим именно способом захотел ты испытать Бога? Почему же ныне ты не желаешь вступить в огонь?

Вслед за тем патриарх, сняв омофор и став вблизи костра, возвел очи свои на небо и помолился Богу, говоря: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, изволивший спасения нашего ради истинно воплотиться и родиться от Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии! Покажи нам ныне истинную веру».

Окончив молитву, патриарх бросил свой омофор в средину пламени.

Несмотря на то, что огонь горел около трех часов и дрова вполне разгорелись, патриарх вынул из огня свой омофор целым и нисколько неповрежденным.

– Удивясь всему происшедшему, столпник познал, что истинная вера есть вера патриарха; поэтому отрекся от своего нечестия, прокляв Севера, обратился к святой соборной апостольской Церкви и из рук святейшего патриарха Ефрема принял святое причащение Божественных Тайн Тела и Крови Христовых и прославил Бога.

Этот великий угодник Божий совершил много и других чудес.

После достойного управления паствою, он преставился к Богу[3727], Которому он послужил верою и правдою во все дни своей временной жизни. Он вошел в радость Господа своего, и Того, Кого благочестно прославлял на земле, он ныне прославляет на небе со всеми святыми. Аминь.

Память преподобного отца нашего Зосимы

Память 8 июня

Преподобный Зосима был родом финикиянин и родился в приморском финикийском селении Синде, отстоявшем от города Тира на расстоянии двадцати стадий. Упражняясь в подвигах монашества, Зосима воздержанием, постом и иными просиявшими в нем добродетелями исходатайствовал себе столь великую благодать у Бога, что не только пребывал свободным от всякого смущения в своей совести, но и прозирал духовными очами своими в отдаленное будущее как настоящее. Его монастырь находился вблизи того селения Синды, в котором он родился.

Однажды случилось ему быть в Кесарии палестинской, где в то время епископом был преподобный Иоанн, по прозванию Хозевит, взятый на епископскую кафедру за добродетельную жизнь против желания из обители Хозевитской, находившейся не очень далеко от Иерусалима, по дороге, ведущей к Иерихону[3728]. В том же городе Кесарии проживал некий благородный патриций[3729], по имени Аркесилай, – муж благочестивый, украшенный всякими добродетелями. У него обитал преподобный Зосима, быв принят с честью и радостью. В тот самый момент, когда Антиохия рушилась от землетрясения[3730], старец стал внезапно стенать, тяжко рыдать и испускать из глубины сердечной воздыхания; и пролил весьма много слез. Затем, попросив кадильницу и наполнив ее ладаном и горящими угольями, он окадил всех находившихся там: после этого он распростерся крестообразно на земле и стал со умилением молиться Богу. Тогда Аркесилай спросил его:

– По какой причине ты так опечалился?

Он во всеуслышание ответил:

– Пред моим слухом пронесся шум от страшного разрушения и падения Антиохии; этот шум звучит и сейчас в ушах моих.

Аркесилай и другие, находившиеся там, удивляясь и ужасаясь, записали тот час, в который изрек преподобный, а затем вскоре ясно узнали, что сказанное старцем было истиной, ибо Антиохия пала в то самое время, когда старец, прослезившись, распростерся для молитвы и предвозвестил о том падении. Было совершено преподобным много и других чудес; упомянем здесь о некоторых из них.

Случилось как-то вышеупомянутому Аркесилаю прийти в находившуюся в Синде обитель преподобного. Обитель же сия отстояла от Кесарии палестинской на расстоянии пятисот стадий. В это время супруга Аркесилая по неосторожности выколола себе глаз спицей и жестоко страдала. Когда святой епископ Иоанн Хозевит узнал об этом, то с поспешностью отправился к ней осмотреть язву и увидал, что ресницы выпали у ней и глаз вышел из своего места. Тогда он приказал одному из врачей, бывших там, взяв губку, вложить выпавший глаз на свое место и привязать затем губку платком.

Когда все это происходило, к Аркесилаю поспешным шагом отправился посланный, дабы сообщить обо всем, случившемся в его доме. Аркесилай в это время находился в синдийской обители и беседовал с преподобным Зосимою. Узнав о происшедшем в его доме, Аркесилай стал горько рыдать и рвать свои волосы. Преподобный Зосима спросил его о причине плача и, получив ответ, пошел во внутреннюю келью свою, в которой по своему обыкновению всегда молился. Затем вскоре вышел к Аркесилаю с веселым и радостным лицом и сказал: «Иди к себе домой с радостью, ибо Хозевит, по дарованной ему от Бога благодати, исцелил твою жену; теперь у ней оба глаза совершенно здоровы; болезнь не причинила ей никакого вреда, ибо она чудесно исцелена Хозевитом».

Эти два чуда совершены были теми двумя праведными мужами в течение одного часа. Святой епископ Иоанн исцелил выколотый глаз женщины, преподобный же Зосима своими духовными очами издалека прозрел то исцеление и сообщил о нем Аркесилаю.

Однажды преподобный Зосима отправился в Кесарию; он взял с собою осла, на которого возложил свои вещи. На дороге

его встретил лев; схватив осла, зверь побежал с ним в пустыню. Святой Зосима пошел по следам зверя.

Когда же лев, съев осла, насытился, старец подошел к нему и, улыбаясь, сказал:

– Вот что, друг! Идти мне весьма тяжело, так как я сильно устал по причине своей старости; я не в силах на состарившихся плечах своих донести ту тяжесть, которая была возложена на моего осла; поэтому понеси эту тяжесть ты, хотя это и противно твоему нраву, если ты хочешь освободить себя от Зосимы; потом же ты можешь снова стать злым и свирепым согласно твоей природе.

Тогда лев, как бы позабыв свою естественную ярость, стал ласкаться к святому и сделался кротким как агнец и самой своей лаской показывал знаки послушания. Святой Зосима, возложив на него тяжесть, которую нес осел, довел его до ворот Кесарии; затем, сняв здесь тяжесть, снова отпустил зверя в пустыню. Здесь, с одной стороны, обнаружилась всемогущая сила Господня, покоряющая в послушание Своим рабам свирепых зверей, а с другой – очевидно обнаружилось, что добродетельному человеку, исполняющему заповеди Господни и от всего сердца служащему своему Богу Творцу – повинуется и служит все остальное, даже и неразумные создания. И, наконец, сей случай с несомненностью доказывает всем святость Зосимы финикийского[3731]. Да будет же за все сие слава Богу нашему, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Перенесение мощей святого великомученика Феодора Стратилата[3732]

Память 8 июня

Святой великомученик Феодор пострадал за имя Христово при нечестивом императоре римском Ликинии[3733], в городе Гераклее[3734], где святой был воеводою; временем его мученической кончины было восьмое февраля; ныне же празднуется перенесение честных мощей его из города Гераклеи в его отечественный город Евхаиты[3735] согласно его распоряжению, ибо своему слуге Уару, взиравшему на страдания мученика и записывавшему их, святой Феодор дал такое завещание:

«Тело мое похорони в Евхаитах, в имении моих родителей».

Все, желающие получить более подробные сведения об этом святом, могут прочитать подробное описание страданий его, помещенное под восьмым числом февраля месяца. Здесь же мы напомним лишь о дивном чуде, бывшем от иконы его. Об этом чуде свидетельствуют Анастасий Синаит и Иоанн Дамаскин. Чудо же было такое.

В четырех тысячах шагов от Дамаска[3736] находится место, называемое Карсата; здесь стояла церковь, построенная в честь святого великомученика Феодора Стратилата. Когда сарацины завладели этим местом и поселились здесь, то многие из них входили в эту церковь и всячески ее оскверняли; так, например, загоняли в церковь свой скот, входили в ту церковь со своими женами и детьми и совершали здесь мерзкие греховные плотские дела. На одной из стен той церкви находилось изображение святого великомученика Феодора, нарисованное красками. Однажды, когда собрались в этой церкви многие сарацины и разговаривали между собой, один из них, взял лук и стрелу, наметив, выстрелил в образ святого; стрела вонзилась в правое плечо святого, и тотчас от образа истекла кровь как от живого человека. Увидав столь великое чудо, сарацины весьма изумились, однако, не вышли из церкви, но продолжали обитать в ней и совершать здесь нечистые дела,

по своему обычаю. Всего проживало в этой церкви двадцать сарацин, причем каждый из них имел жену и детей; все они в скором же времени после чудесного происшествия погибли, будучи внезапно поражены горькой смертью; те же из сарацин, которые обитали вне церкви, пребыли в то время здравыми и невредимыми.

Анастасий Синаит говорит об этом образе святого, что он сам его видел и что на образе был знак от крови, истекшей из язвы.

Это чудо сотворил Господь нечестивым сарацинам для устрашения, а нам, верным, для напоминания того, что мы должны почитать святые иконы, ибо при них бывает и через них действует чудесная благодать Бога нашего.

Тропарь, глас 4:

Воинствословием истинным страстотерпче, небеснаго Царя воевода предобрый был еси, Феодоре: оружиями бо веры ополчился еси мудренно, и победил еси демонов полки, и победоносный явился еси страдалец. Темже тя верою присно ублажаем.

Кондак, глас 2:

Мужеством души в веру оболкийся, и глагол Божий, аки копие в руку взем, врага победил еси, мучеников превелий Феодоре: с ними Христу Богу моляся не престай о всех нас.

Житие святого отца нашего Кирилла, архиепископа Александрийского

Память 9 июня

Великий учитель церковный – святой Кирилл Александрийский был родом из самой Александрии. Он происходил от благородных родителей – христиан и был по матери племянником известного Феофила, патриарха Александрийского[3737]. Воспитание Кирилл получил по тому времени очень блестящее: он в совершенстве изучил всю светскую еллинскую мудрость, а также хорошо изучил Божественные Писания и христианское вероучение. Дядя Кирилла, патриарх Феофил, видя блестящие способности и целомудренный образ жизни племянника, причислил его к своему клиру, поставив молодого Кирилла архидиаконом. И вот святой Кирилл был как благоуханный цветок, насажденный в церковном вертограде, цветущий возвышенной чистотой и облагоухающий Богомудрым учением Христову Церковь.

По смерти Феофила, блаженный Кирилл единогласно был избран на патриарший престол[3738] и, став патриархом, немедленно удалил из города еретиков, называвшихся новацианами, которые были похожи на фарисеев, оправдывавших себя в глазах людей и утверждавших, будто они чисты и праведны и непричастны никакому греху. В знак якобы непорочной своей жизни новациане носили белые одежды и учили, что человека, впавшего после крещения в смертный грех, не следует принимать в церковное общение. Не может быть – утверждали они – прощения смертному греху такого человека, и только вторичным крещением можно омыть грех его.

Эта ересь произошла от Новациана, который в правление императора Декия[3739] был пресвитером в Риме и, после мученической кончины папы Фабиана[3740], стремился к получению папского престола[3741]. Но, несмотря на все происки, ему не удалось достигнуть желаемого, и на папский престол был избран блаженный Корнилий[3742]. Завидуя Корнилию,

Новациан стал строить ему ковы и во всем противился ему. В то время Церковь испытывала жестокое гонение со стороны язычников[3743], и многие из верующих, боясь жестоких мучений, малодушно принесли жертвы идолам, а затем, приходя с покаянием, со слезами исповедовали грех свой. Видя их покаяние, святой папа Корнилий принимал их снова в общение со святой Церковью, подобно тому, как Христос принял горько плакавшего Петра. Между тем пресвитер Новациан противился папе, утверждая, что недостойно находиться в ограде Церкви Христовой тем, которые, отрекшись от Христа, принесли жертву бесам[3744]. При этом он произносил хуления на святого папу, выставляя его сообщником идолопоклонников. Сам же он прервал с ним общение и, найдя себе некоторых единомышленников, сделался вторым папою в Риме[3745]. Так возник раскол Новациана[3746].

Впоследствии новацианский раскол распространился повсюду, достиг до Александрии и существовал здесь до времени святого Кирилла. Здесь новациане допустили немало противных православию действий. Так они вторично совершали крещение над совращаемыми в раскол, которые раньше были крещены в Кафолической церкви, и не дозволяли второбрачия, называя его грехом прелюбодеяния. Были у них и другие неразумные нововведения.

Святой Кирилл с самого начала своего патриаршества изгнал этих еретиков, вместе с епископом их Феопемптом, из Александрии. Затем он вооружился и против врагов рода человеческого – нечистых духов, которых он изгнал из их обиталищ.

В 120 стадиях[3747] от Александрии находилось одно селение, называвшееся Коноп[3748]. Недалеко от него было место, именуемое Мануфин[3749] (раньше то было селение). Здесь находилось древнее капище, бывшее обиталищем демонов: место это внушало всем ужас, и еще патриарх Феофил хотел очистить его от бесов и освятить для славословия Божия. Но отвлекаемый другими заботами, он не успел привести своего намерения в исполнение. Святой Кирилл, восприяв после Феофила Александрийскую кафедру,

решил исполнить желание своего дяди и предшественника и усердно молился Богу, да подаст Он ему помощь свыше и силу для одоления и изгнания из Мануфина нечистых духов. И вот святому мужу явился в видении Ангел Господень, повелевая ему перенести в Мануфин честные мощи мучеников Кира и Иоанна, чтобы прогнать оттуда силу бесовскую. Святой Кирилл так и поступил, – принес в Мануфин мощи святых и устроил там во имя их церковь. Нечистые духи немедленно были изгнаны оттуда, и место то стало источником исцелений от мощей мучеников.

Изгнав таким образом невидимых бесов из предместий Александрии, святой приложил все старания, чтобы самый город совершенно очистить от бесов видимых, каковыми были христоненавистные иудеи. С давнего времени они проживали в том городе в бесчисленном множестве. Еще со времен Александра Великого и основания Александрии[3750] здесь поселилось немало пришельцев из Иудеи, которые возросли в многочисленное племя. Ненавидя Христа и людей, носивших Его имя, они явно и тайно причиняли христианам всяческие озлобления и неприятности. Зловредны для города были упомянутые выше еретики-новациане, но несравненно злейшими и вреднейшими врагами были иудеи, которые не только возбуждали междоусобия в городе, но устрояли также многочисленные убийства и кровопролития. Призвав к себе начальников иудейских синагог[3751], святитель Божий увещевал их, дабы они удерживали народ свой от подобных злодейств. Но иудейские старейшины не только не вняли увещаниям святителя, но устремились на еще большую злобу.

В городе находилась большая и прекрасная церковь, именовавшаяся Александровской, по имени устроителя ее, епископа Александра[3752]. Однажды иудеи вооружились как на войну, и с наступлением ночи подняли на улице среди христианских домов шум и смятение, крича: «Александровская церковь горит».

Услышав крик, христиане один за другим устремились из своих жилищ на мнимый пожар, с намерением затушить его. И вот безжалостные иудеи – тех христиан, которые выходили из

ворот своего дома, немедленно рубили мечами, или поражали копьями, или ножами – словом, убивали чем попало. И было убито в ту ночь множество христиан.

С наступлением дня о происшедшем побоище узнал святейший патриарх Кирилл. Оправившись от скорби по поводу убиенных, он стал искать правосудия против иудеев. Но епарх города Орест, хотя и был христианин по вере, тем не менее, питая вражду против святого, помогал иудеям, защищая убийц. Тогда святой Кирилл сам отправился со множеством христиан к иудейскому сборищу и изгнал из города всех иудеев, разорил жилища их и сжег их синагогу.

Епарх, пылая за это гневом на святого, стал причинять зло близким родственникам святого, а также и другим известным гражданам, которые были сторонниками патриарха. Так он подверг беспощадным истязаниям на площади грамматика[3753] Иеракса, обнажив его. Между епархом и патриархом происходило большое разногласие. Ибо святейший патриарх защищал христиан, а епарх содействовал иудеям. Каждый из них писал от себя императору Феодосию Младшему[3754], до тех пор, пока от последнего не вышел указ, запрещавший иудеям проживать в городе.

В то время на улицах города часто возникали возмущения и мятежи, во время которых погибало немало людей, не причастных к этим возмущениям. В Александрии проживала одна девица, по имени Ипатия, дочь философа Феона. Она была женщина верующая и добродетельная и, отличаясь христианской мудростью, проводила дни свои в чистоте и непорочности, соблюдая девство. С юности она была научена своим отцом Феоном философии, и настолько преуспела в любомудрии, что превосходила всех философов, живших в те времена, как сообщает о ней Сисиний, епископ птолемаидский[3755], и Суида, прославлявшие ее многими хвалами. Она и замуж не пожелала выйти, отчасти из желания беспрепятственно упражняться в любомудрии и изучении книг, но в особенности она хранила свое девство по любви ко Христу. В Александрию отовсюду стекались все любители любомудрия, дабы видеть премудрую деву Ипатию и слышать ее разумные

речи, так что она была учительницею многих. Ее почитали все духовные и мирские власти, почитал также весь народ, и многие прибегали к ней, ища ее мудрых советов. Желая примирить епарха с патриархом, она со смирением и кротостью приходила к обоим и мудрыми речами склоняла их к миру. Святейший патриарх и сам изыскивал случая примириться с епархом, но тот, по своему злонравию, не желал даже и слышать о примирении. Однажды, когда Ипатия возвращалась откуда-то на колеснице к себе домой, ненавидевшие мир мятежники напали на нее и, вытащив из колесницы, разорвали на ней одежды и избили ее до смерти. Но звероподобная ярость их не остановилась на этом злодеянии, и они в ослеплении своей злобы стали издеваться и над мертвым телом девицы. Разрубив его на куски, они сожгли его в месте, называемом Кинарон[3756].

Когда жители города узнали о происшедшем, то все, а в особенности любители наук, сильно жалели Ипатию. Между прочим, слух о происшедшем мятеже дошел до иноков Нитрийской горы[3757]. Они исполнились скорби и жалости к неповинным жертвам мятежа и, собравшись в количестве до пятисот человек, пришли из пустыни в город, желая защищать патриарха. Случайно им попался где-то епарх, ехавший навстречу в колеснице. Увидя правителя, иноки стали кричать ему, укоряя его и называя еллином и идолопоклонником, потому что раньше он придерживался еллинской веры[3758] и лишь недавно принял крещение в Константинополе. Один из иноков бросил в епарха камнем и попал ему в голову. Когда на крик окружавших епарха во множестве сбежался народ, иноки удалились от него; слуги же епарха схватили одного из иноков, по имени Аммоний. Епарх, предполагая, что иноки были возбуждены против него патриархом, сильно разгневался и предал Аммония жестоким пыткам и мучениям, среди которых он и умер. Узнав об этом, святейший патриарх сильно воскорбел духом и, повелев взять тело мученика, с почетом похоронил его.

Между тем изгнанные из города иудеи, устроив для себя место зрелищ и игр, поставили для поругания Христа и оскорбления христиан длинный крест и, схватив некоего

христианского отрока, распяли его распростертым на кресте. При этом они не гвоздями прикрепили его к кресту, но привязали веревками и долго ругались над ним, смеясь и плюя на него. Окончив насмешки, они били его до, тех пор, пока он не умер на кресте, и так мученик Христов сделался подражателем Христовых страданий. Святой Кирилл, узнав об этом новом злодеянии иудеев, обратился с письмом к императору, которому он сообщал обо всех обстоятельствах случившегося, – и от императора, хотя и не скоро, но все же вышло справедливое распоряжение. По этому распоряжению иудейские начальники, стоявшие во главе замысливших указанное злодеяние, были казнены, епарх же уволен от должности.

После того святитель Христов Кирилл, победив смуту, злобу и вражду врагов христианского имени, благополучно пас вверенное ему словесное стадо овец Христовых.

Но когда утихли в Александрии описанные смуты, во всей поднебесной наступило еще большее волнение, возбужденное ересью Нестория, и святому Кириллу предстояло совершить новый – более великий подвиг. В церкви Константинопольской после кончины патриарха Сисиния[3759], который был преемником Аттика[3760], на патриарший престол возведен был Несторий[3761], переведенный из Антиохии[3762], человек, как предполагалось, твердый в вере и добродетельный по жизни, но внутри тайный еретик. Он рассеивал среди верующих семена еретического учения, как плевелы среди пшеницы, сначала не сам лично, но через своих единомышленников. Ересь же его заключалась в хуле на Христа Бога и на Пречистую Деву Богородицу; ибо он, окаянный, утверждал, что от Девы Марии родился простой человек Христос, а не Бог, так как утроба женщины не могла вместить Бога, а только человека. По учению Нестория, Бог Слово соединился с Человеком Иисусом с самого момента зачатия лишь благодатию и обитал в нем, как в храме. Поэтому Деву Марию Несторий называл не Богородицею, но Христородицею. Ересь Нестория рассеивали среди народа находившиеся при Нестории его приверженцы, епископ Дорофей и пресвитер Анастасий, взятые им с собой из Антиохии.

Однажды в какой-то праздник Анастасий, говоря в соборной Константинопольской церкви поучение к народу, напал на употребление слова «Феотокос» – Богородица – в приложении к Пречистой Деве Марии[3763]. Именно он утверждал, что Деву Марию нельзя называть Богородицею, так как Она была человеком, а каким образом может родиться Бог от плоти человеческой? Проповедь вызвала ропот и шум в церкви. На Анастасия посыпались обвинения в ереси.

Когда же относительно сего был спрошен сам Несторий, то последний стал явно обнаруживать свое безумие и изрыгал яд своих хулений на Христа Бога и на Пречистую Его Матерь.

«Я не могу, – говорил он, – называть Богородицею женщину, родившую плотского Человека, одинакового с собою естества, ибо Она была Материю скинии, уготованной Святым Духом для обитания Божественного Слова. Поэтому справедливее называть ее Христородицею. Этим словом мы обозначим отношение ее к Тому, в Ком обитало Божество».

И вот среди народа наступили распри и раздоры: одни противились ереси и не желали иметь общения с Несторием, а другие, наоборот, соблазнялись еретическим мудрованием и принимали учение еретиков. Ересь эта возмутила не только Константинополь, но и все пределы земли, ибо нечестивый Несторий написал со своими единомышленниками в защиту своего учения множество сочинений, которые он разослал по окрестным городам, отдаленным странам и по пустыням, среди монашествующих[3764]. Этим он произвел такой же раздор среди христиан, какой раньше его возбудил разодравший Христову одежду нечестивый Арий[3765], потому что многие из духовенства и мирян пошли по следам Нестория, как раньше многие шли по следам Ария.

Святой Кирилл, патриарх Александрийский, узнав о еретическом учении Нестория и об успехах его проповеди, возмутился духом и, как верный раб и храбрый воин Христа Бога и пречистой Матери Божией, вооружился против врага Христова и твердо стал за честь Божию и Пресвятой Богородицы. Он явился истинным пастырем овец Христовых, зорко наблюдающим за своим стадом и сражающимся с волком.

Первоначально святой Кирилл любезно писал к Несторию, увещевая последнего отстать от лжеучения и исповеданием правой веры прекратить ту смуту, какую он возбудил в Церкви Христовой[3766]. Затем, видя, что Несторий не исправляется, он написал к нему строгое послание, изобличая его заблуждение. Святой Кирилл писал также и к клиру Константинопольской церкви и ко двору царскому[3767], убеждая не соблазняться учением Нестория. Он написал послание к папе древнего Рима Целестину[3768] и прочим патриархам[3769], сообщая им о ереси Нестория и упрашивая их увещевать последнего к покаянию. Сверх того, им были отправлены письма ко всем властям и епископам различных стран и городов, в которых (письмах) он предостерегал всех от увлечения ересью Нестория. Так как ересь эта совратила, между прочим, многих иноков, он писал и к ним, изъясняя им душепагубный вред ереси и отклоняя их от обольщения ею. Словом, святой Кирилл не переставал вопиять против сего волка до тех пор, пока совсем не отогнал его от стада Христова.

Между тем Несторий не только не исправлялся от Кирилловых посланий, но устремился со своими приверженцами даже и на более худшее. Именно один из сторонников его, епископ Дорофей, в присутствии самого Нестория, встал в соборе на возвышение и громко произнес:

– Если кто назовет Деву Марию Богородицею, – да будет анафема.

И затем сам Несторий стал подвергать мучениям тех из духовенства и иноков Константинопольской церкви, которые сопротивлялись ему и не разделяли его ереси. Вместе с этим он с яростью ратовал и против святого Кирилла, тщеславно и гордо восставая на него и называя его еретиком, между тем как он сам был таковым. Измыслив затем много несправедливых и ложных клевет против святого и праведного, он распространял их среди народа, хуля и бесчестя имя Кирилла. Но Александрийский святитель не обращал на эти клеветы никакого внимания и заботился единственно лишь о спасении душ человеческих.

Несмотря на такую деятельность Кирилла, волнения и смуты продолжались, и несторианская ересь день ото дня возрастала и все более вступала в силу. Уже многие из епископов заразились этим душепагубным еретическим учением и сделались последователями Нестория. Между прочим, ему оказывал некоторую поддержку Иоанн[3770], патриарх Антиохийский, который, не одобряя того, что было сказано Несторием, все же просил Кирилла не придавать его словам особого значения. Это, однако, не могло потушить разгоревшийся пожар. Оставалось одно средство, чтобы прекратить смуту, – созвать Вселенский собор. Созвания собора в одинаковой степени желали и противники Нестория и его сторонники, причем каждая сторона надеялась, что учение ее восторжествует. И вот Феодосий Младший, уступая общим просьбам, решил созвать такой собор[3771].

Назначив местом для собора малоазийский город Ефес[3772], он пригласил всех митрополитов и епископов империи собраться сюда к Пятидесятнице 431 года. При этом от себя он послал в Ефес комита[3773] Кандидиана для присутствия на соборе в качестве императорского представителя.

Несторий прибыл в Ефес вскоре после Пасхи (апреля 19), сопровождаемый 16 епископами; перед самым праздником Пятидесятницы явился святой Кирилл во главе пятидесяти египетских епископов. Около 40 епископов прибыло из окрестных малоазийских городов[3774]. Папа Целестин, вследствие болезней и старости, не мог явиться и отправил двух епископов и пресвитера в качестве представителей себя и «всего собора западного», с наказом руководиться суждением святого Кирилла. Всего съехалось около 200 епископов, но Иоанн антиохийский и другие сирские епископы, которые в большинстве держали сторону Нестория, все не являлись. Съехавшиеся на собор епископы напрасно прождали их до 21 июня и, не дождавшись, открыли, наконец, свои заседания (21 июня 431 года). Вследствие достоинств своей кафедры, святой Кирилл принял председательство на этом соборе, причем сопредседателями его были Ювеналий Иерусалимский и Мемнон Ефесский. Но нечестивый Несторий оказал

противодействие составленному собору и не являлся на него под предлогом, что он будет ждать прибытия Иоанна Антиохийского и сирских епископов. Отцы собора трижды приглашали его явиться, но он упорно отказывался. Тогда они приступили к рассмотрению сочинений Нестория и, по внимательном исследовании, осудили их как еретические. Святой Кирилл представил собору свои письма к Несторию и другим лицам, в которых он изобличал нечестивое мудрование еретика, а также представил определения поместного собора, бывшего перед тем в Александрии. Отцы собора согласились с учением святого мужа, признав его православным и Богомудрым, и одобрили определение поместного Александрийского собора.

Между тем прибыл в Ефес Иоанн Антиохийский с сирскими епископами. Узнав о ходе дела, он, в защиту Нестория, составил отдельный собор, на котором принимал участие Несторий и все его сторонники. Зараженный ересью Кандидиан оказал содействие этому беззаконному собору, и на нем святой Кирилл был несправедливо обличен в ереси Аполлинария[3775], отрицавшей действительное человечество Христа и утверждавшей, будто Христос не имеет души, но вместо нее вмещает в себе Божество. Возводя на святого мужа такое обвинение, ложно клевеща на него, приверженцы Нестория стремились вооружить против него самого императора. На первых порах им удалось достигнуть своей цели. Император поверил их клеветам и повелел заключить святого Кирилла вместе с блаженным Мемноном, епископом Ефесским, в темницу[3776]. Но потом, подвергнув все подробному исследованию и видя, с одной стороны, невинность праведного Кирилла, а с другой – явную ложь и злобу его врагов, Феодосий восстановил святого и доблестного святителя и его приверженца Мемнона в их должностях и ублажал похвалами терпение и кротость первого; еретиков же он повелел обуздать.

Таким образом, святой Кирилл снова стал во главе святых отцов, собравшихся в Ефесе для рассмотрения мудрований Нестория. На этом соборе установлен был тот догмат веры, что воплотившийся от Пречистой Девы Марии Господь наш Иисус

Христос есть истинный Бог, а родившая Его Пречистая Дева Мария есть истинная Богородица. Когда это состоявшееся определение было провозглашено народу, то большая радость была среди всех верующих, и все граждане города Ефеса торжественно восклицали, но не так, как некогда, когда они говорили: «Велика Артемида ефесская»[3777], – а совершенно другие слова: «Велика Пречистая Дева Мария Богородица». Несторий был осужден как еретик и богохульник и не только был лишен своего сана, но и отлучен от Церкви Христовой и предан вечному проклятию. К этому соборному определению присоединился потом и Иоанн Антиохийский с сирскими епископами. Император же сослал Нестория в отдаленнейшую страну, которая называлась Оасим[3778]. Здесь, оставаясь нераскаянным, нечестивый Несторий и окончил жизнь свою в тяжких мучениях. Именно у него живого был изъеден червями богохульный язык его.

Сколь противно православию происшедшее от еретика Нестория хуление Божией Матери, об этом говорит следующий случай, о котором рассказывает преподобный Иоанн в своем сочинений «Луг духовный»[3779]: «Раз, – пишет он, – мы пришли к пресвитеру Коломанской лавры[3780], авве Кириаку, и он рассказал нам следующее: «Однажды я увидел во сне, что за дверями моей келии стоит светозарная, прекраснейшая Дева, одетая в багряницу, и с нею два светолепных мужа. И узнал я, что это – Владычица наша, Пречистая Дева Богородица, а находящиеся с Ней мужи – святой Иоанн Креститель и святой Иоанн Богослов. Тотчас же я вышел из моей келии и, поклонившись, умолял Ее, дабы Она вошла ко мне и благословила мою келью, но Она не желала. Я в продолжение долгого времени умолял Ее, говоря: «Владычица! Пусть не удалится от Тебя уничиженным и посрамленным раб Твой». И много других молений произнес я перед Нею. Тогда, видя мое прилежное моление, Она ответила мне:

– Ты имеешь в своей кельи Моего врага, как же можешь высказывать после того пожелание, чтобы Я вошла к тебе?

С такими словами Она удалилась. Пробудившись от сна, я стал плакать и скорбеть, размышляя, – не согрешил ли я чем-

нибудь перед Пречистою Девою в своих мыслях; ибо другого, кроме меня одного, никого не было в моей келии. Подробно исследовав себя, я не нашел ничего, чем бы я мог согрешить перед Нею. Видя, что скорбь снедает меня, я, дабы хотя немного развлечься среди печали моей, взял почитать книгу. То была книга блаженного Иерусалимского пресвитера Исихия[3781], которую я попросил у него на время. Прочитав книгу, я увидел в конце ее два слова нечестивого Нестория и таким образом познал, какой именно враг Пресвятой Владычицы был у меня в келье. Тогда, встав, я понес книгу к тому, кто дал мне ее и сказал ему:

– Брат, возьми твою книгу; я не столько получил от нее пользы, сколько вреда.

Он спросил меня, чем книга его причинила мне вред, а не пользу. И я рассказал ему о бывшем мне видении. Тогда он, исполнившись Божественной ревности, вырезал из книги два слова Нестория и сжег их в огне, со словами: «Пускай не остается в моей келии враг Владычицы нашей – Богородицы и Приснодевы Марии».

Не следует также умолчать и о том, как святитель Христов Кирилл – этот великий угодник Божий, при столь великой своей святости, тем не менее имел нечто зазорное в себе и противное благочестию, – дабы видеть чудесное его исправление. Он без причины гневался на Иоанна Златоустого – святой на святого. Это не должно нас удивлять, потому что совершенство свойственно лишь одному Богу; из людей же никто не может быть совершенным сам по себе, если только он не «И от полноты Его все мы приняли благодать на благодать»[3782] (Ин.1:16) Христова; потому-то и святые, как люди, причастны человеческим слабостям. Такая слабость была и у святого Кирилла, именно в его отношениях к Иоанну Златоусту: он гневался на святого мужа не только при жизни последнего, но даже и после кончины его и не хотел поминать его во святых. Такой гнев Кирилла происходил не от злобы, но от неведения. Он, с одной стороны, от своего дяди, патриарха Феофила, с другой, от других, питавших вражду к Златоусту, слышал много несправедливых клевет против сего вселенского светильника и,

по своему незлобию, придавал веру лжи, как истине. Ибо написано: «Глупый верит всякому слову» (Притч.14:15). Константинопольский патриарх Аттик, живший раньше Нестория, в своих посланиях убеждал его вписать имя святого Иоанна Златоустого в церковные диптихи[3783], то есть – в книги с именами святых. Сам Аттик раньше также был одним из врагов Иоанна Златоустого, но потом, сознав невинность сего святого мужа и вместе с тем свой грех против него, раскаялся. Вступив на патриарший Константинопольский престол после Арсакия, он вписал в диптихи и Златоуста и, пока был жив, увещевал святого Кирилла письмами, в которых просил его поступить так же. Но последний не слушал его, не желая ниспровергнуть значение бывшего ранее собора против Иоанна, который был созван Феофилом[3784].

Точно так же и святой Исидор Пелусиот[3785], – родственник Кирилла, муж преклонных лет, – видя негодования многих на святого Кирилла за то, что он исключает Златоуста из числа святых, с дерзновением писал ему, увещевая рассмотреть беспристрастно обстоятельства осуждения Иоанна Златоуста.

«Пристрастие недальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит, – так писал Пелусиот в одном из своих посланий к святому Кириллу. – Поэтому, если желательно тебе быть чистым от того и другого недостатка, не произноси необдуманных приговоров, но подвергай деяния справедливому суду; потому что и Бог, Который знает все прежде, нежели придет исполнение, человеколюбиво благоволил снизойти с небес и видеть вопль Содомский (Быт.18:20), научая нас делать все по точном исследовании. Ибо многие, бывшие с тобою на соборе Ефесском, в посмеяние говорят, будто ты удовлетворяешь собственной вражде, а не того православно ищешь, что требовалось бы для Иисуса Христа. Феофилов он племянник, говорят о тебе, и его держится духа. Как Феофил явно излил неистовство свое на богоносного и боголюбивого Иоанна, так и этому желательно похвалиться, хотя в положении подсудимого произошла большая перемена, ибо Иоанн уже претерпел изгнание и теперь не находится в живых».

В другом послании святой Исидор Пелусиот так писал Кириллу: «Устрашают меня примеры из Божественного Писания и вынуждают писать, о чем должно. Ибо, если я – отец, как говоришь сам ты, то боюсь осуждения, какому подпал Илий за то, что не уцеломудрил согрешивших сыновей[3786]; а если, как вернее знаю, я – сын перед тобою, носящим на себе образ великого оного Марка, – то страшит меня наказание, какому подвергся Ионафан за то, что не остановил отца, искавшего волшебницы[3787]. Ибо поелику мог остановить, то умер на сражении прежде согрешившего. Поэтому, чтобы и мне не быть осужденным, и тебя не осудил Бог, прекрати распри, и того мщения за собственное оскорбление, какое следовало бы воздать смертным, не переноси в живую Церковь, – под предлогом благочестия не производи в ней вечного раздора»[3788].

И еще в ином месте святой так писал Кириллу: «Ты спрашиваешь меня об обстоятельствах изгнания святого мужа Иоанна: но я не буду подробно писать о том, дабы мне не показаться человеком, обличающим и осуждающим других, ибо многочисленные несправедливости людей ко святому превзошли всякую меру. Я в кратких чертах припомню тебе жестоковыйный нрав Египта, который вблизи тебя[3789]: он отрекся от Моисея, предался фараону, изъязвил ранами смиренных, озлобил тружеников, устроил города и не заплатил платы работникам[3790]. Упражняясь в таких-то деяниях, он произвел на свет беззаконного Феофила, почитающего золото за Бога[3791]; со своими единомышленниками он восстал на святого Иоанна – боголюбивого и проповедовавшего о Боге мужа. Несмотря на это, дом Давидов утверждается и умножается, а Саулов, как ты видишь, изнемогает[3792] ".

Таковы-то были писания святого Исидора Пелусиота к святому Кириллу. Они возымели на последнего такое действие, что он, прочитав их, стал сознавать свой грех. В особенности же он сознал его и совершенно раскаялся тогда, когда был устрашен следующим видением. Ему представилось, что он находится на некотором весьма прекрасном и исполненном неизъяснимого веселья месте. Здесь он увидел чудесных мужей

– Авраама, Исаака и Иакова, и других святых, как ветхозаветных, так и новозаветных. Вместе с тем он видел там весьма обширный и светлый храм, красоту которого не в состоянии изобразить человеческий язык, и слышал в нем пение сладкозвучных голосов. Войдя в сей храм и изумляясь его красоте и великолепию, Кирилл узрел в нем в сиянии славы Пречистую Владычицу Богородицу, окруженную множеством Ангелов. Среди стоявших вокруг Богоматери находился на почетном месте и святой Иоанн Златоуст, сиявший подобно Ангелу Божию чудесным светом и державший в руке книгу своих сочинений; множество дивных мужей окружало его, подобно слугам. Все они были вооружены, как бы приготовившись к наступлению. И вот, когда Кирилл хотел припасть к ногам Богородицы, чтобы поклониться Ей, то святой Иоанн с находившимися при нем оруженосцами немедленно устремились на него, запрещая ему приближаться к Пречистой Матери Божией и прогоняя его из чудесного храма. Кирилл, видя негодующего против него Иоанна и себя выгоняемого из храма, пришел в трепет. Но вдруг он услыхал Пречистую Деву Богородицу, обратившуюся к Иоанну с ходатайством, чтобы он простил Кирилла и не изгонял его из храма, так как он согрешил перед ним не по злобе, а по неведению. Но Иоанн как бы не желал простить Кирилла. Тогда Пресвятая Богородица сказала: «Прости его для Меня, ибо он много потрудился для Моей чести, – прославил Меня среди людей и наименовал Богородицею»

Когда Пречистая Богородица изрекала эти слова, Иоанн немедленно смиловался и отвечал Богородице:

«По твоему, Владычица, ходатайству я прощаю его». Затем дружелюбно подойдя к Кириллу, он обнял и облобызал его, и таким образом они примирились друг с другом в видении.

После этого видения святой Кирилл стал часто каяться и осуждать себя за то, что до того времени напрасно держал гнев против такого угодника Божия. Потом, собрав всех египетских епископов, он совершил торжественное празднование в честь святого Иоанна Златоустого и записал последнего в церковных книгах в сонме великих святых. Таким-то образом снято было

пятно, лежавшее на святом муже Кирилле, который враждовал против святого Иоанна, причем вражду между Своими рабами рассеяла Сама Пречистая Богородица. С того времени, пока был жив святой Кирилл, он ублажал святого Иоанна Златоустого похвальными речами.

Остальное время своей жизни святой Кирилл прожил среди великих подвигов, заботясь не только о своем спасении, но и о спасении других и наставляя многих на путь праведный. Рассказывают о таком случае из жизни святого угодника Божия Кирилла. В нижнем Египте проживал тогда некий старец, известный своей святой жизнью. Несмотря на это, он, как человек необразованный и простой, придерживался одного неправильного мнения; именно по своему невежеству старец утверждал, что Мелхиседек есть Сын Божий[3793]. О таком мудровании его сообщено было святейшему Кириллу, и последний пригласил к себе того старца. Зная, что старец творит чудеса и так угоден Богу, что Бог исполняет всякую просьбу его, – и что о Мелхиседеке он мыслит неправильно лишь по своей простоте, – патриарх употребил такую мудрость, чтобы наставить его на путь истинный. Кротко обратившись к старцу, он сказал:

– Авва, умоляю тебя помочь мне разрешить одно недоумение: с одной стороны рассудок приводит меня к тому заключению, что Мелхиседек есть Сын Божий, а с другой стороны, что-то говорит мне, что это несправедливо и что он обыкновенный человек и архиерей Божий. И вот я нахожусь в сомнении и недоумении, не зная, к чему прийти. Поэтому я нарочно призвал тебя, дабы ты помолился относительно сего Богу, прося Его открыть тебе о том. И что откроет тебе Бог, не откажись сообщить мне.

Полагаясь на свою богоугодную жизнь, старец смело ответил святому Кириллу:

– Дозволь мне, владыко, уединиться на три дня, по прошествии которых я вопрошу об этом Бога и сообщу тебе то, что будет мне открыто.

Потом удалившись в свою келью и затворившись в ней на три дня, старец молился Богу, чтобы Он открыл ему о

Мелхиседеке. Получив просимое, он пришел к святому Кириллу и сказал:

– Мелхиседек человек, а не Сын Божий. И да будет тебе, владыко, известно, что сие, действительно, так.

Святой Кирилл весьма обрадовался, что спас душу того старца и, поблагодарив, отпустил его. Старец, удалившись, стал проповедовать всем, что Мелхиседек человек, а не Сын Божий. Так мудро наставил угодник Божий невежду на путь истинный.

Пробыв на Александрийском патриаршем престоле тридцать два года и в течение своей жизни очистив Церковь Христову от всех бывших тогда ересей, написав много душеполезных сочинений[3794], святой Кирилл в мире почил о Господе[3795]. При исходе его предстояла Сама Пречистая Матерь Божия, так как он верно потрудился для Нее и доблестно подвизался за честь Ее. Он по достоинству сопричислен к святому Златоусту, и вместе с ним, пламенея никогда не отпадающей любовью, предстоит как Христу Богу, так и Пречистой Богоматери, пребывая в славе Ее, близ ее престола, и восхваляя Преблагословенную Деву с рожденным Ею истинным Богом в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 6:

Бездну нам учений богословия источил еси яве, от источник Спасовых, ереси погружающую блаженне Кирилле, и стадо невредимо от треволнений спасающую. Странам бо всем наставник преподобне, яко Божественная являя.

Память преподобного Александра, игумена Куштского

Память 9 июня

Сей преподобный был родом из города Вологды и принял иноческое пострижение в Каменном монастыре[3796] при игумене Дионисии[3797]. Избегая славы от людей, он ушел из этого монастыря, пришел на реку, по имени Кушту, находившуюся вблизи Кубенского озера, и по благословению ростовского архиепископа Дионисия[3798] построил церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного Ее Успения. Ярославские князья Димитрий и Симеон[3799], узнав это о святом, пришли в великую радость и дали ему значительное пособие на церковные и монастырские нужды, а по смерти князя Димитрия супруга его, княгиня Мария, видя подвиги святого, пожертвовала ему на содержание монастыря, в память мужа своего, селение с крестьянами. После этого святой Александр еще более усилил труды свои. Он вместе с братиею сам обрабатывал землю и собирал много плодов.

Преподобный прожил от рождения своего 60 лет, 2 месяца и 2 дня и преставился в вечную жизнь в 1439 году, в 9 день месяца июня[3800]. Он был среднего роста, телом весьма сухой, голову имел средней величины, лицо – круглое, глаза – кроткие, бороду – густую и круглую, доходившую до груди, волосы – темно-русые с проседью.

Житие святого отца нашего Вассиана, епископа Лодийского[3801]

Память 10 июня

Описывать ныне жития святых, мужественно вооружавшихся при помощи Божией, против плотских похотений и предавать память о них последующим поколениям, полезно по двум причинам. Во-первых, воспоминая мужественные подвиги святых, мы веруем, что и святые воспоминают нас перед Богом; во-вторых, описывая подвиги и мужество святых, мы тем самым побуждаем себя и других подражать сим подвигам. Имея это в виду, мы и постараемся вкратце описать жизнь и подвиги святого Вассиана, епископа Лодийского и исповедника; при помощи сего угодника Божия мы предложим описание его подвигов, ради которых он удостоился быть участником Небесного Царствия.

Этот святой муж с малых лет был старцем, конечно не числом лет, но разумом и добронравием. Отец его Сергий, правитель Сиракузской страны[3802], держался еллинского нечестия.

Он послал сына своего в Рим для изучения языческой философии, чтобы тот мог быть преемником власти отца и искусным правителем граждан. От природы мудрый и рассудительный, Вассиан с прилежанием стал изучать философию и преуспевал в обучении. В это время он услыхал об имени Христовом и о жизни христиан[3803] и тогда же восхотел всем сердцем переменить еллинскую философию на христианское душеспасительное любомудрие; поэтому он стал размышлять, – кому из слуг своего отца (которым он был поручен) он мог бы открыть тайну своего сердца.

Господь же, не желая надолго отдалять воина Своего от предназначенного ему делания, три раза возвещал в сонном видении одному благочестивому пресвитеру о желании и намерении юноши Вассиана сделаться христианином. Пробудившись ото сна, пресвитер стал обходить все училища города Рима, стараясь найти в них того юношу, которого указал

ему Господь в сонном видении. Наконец, после долгих поисков, пресвитер, с помощью Божией, нашел того, кого искал и спросил его, откуда он родом, кто его родители и почему он живет в Риме?

Удивился пресвитер мудрым и рассудительным ответам отрока Вассиана, когда тот рассказал о себе все подробно, и понял, что это и есть тот юноша, которого он искал.

Как любящий отец, пресвитер обнял юношу и облобызал его; затем взял с собой в дом, где рассказал ему о видении, которое ему было от Бога; после этого оба они прославили Бога. Вслед затем Вассиан припал к ногам пресвитера и умолял его, чтобы он поскорее соделал его христианином. Пресвитер прежде всего стал поучать юношу истинам святой веры и объяснял ему таинства христианского закона. Юноша, слыша сие учение, умилялся и распалялся любовью ко Христу. Затем пресвитер огласил его[3804] и научил, как он должен держать себя во время святого крещения. С этого времени Вассиан стал часто приходить к честному пресвитеру с одним своим старейшим рабом, который был ему верен во всем, поучаясь в христианском любомудрии из богодухновенных уст своего духовного учителя.

По оглашении Вассиан начал проводить суровую жизнь: днем постился и молился, ночью же пребывал или в молитве, или за книжным чтением, предаваясь сну лишь на небольшое время. Из предлагаемой ему пищи он вкушал только третью часть, а остальные две части раздавал нищим.

Между тем времени прошло довольно много; настал, наконец, час крещения Вассиана. Вассиан с верным рабом своим отправился в дом пресвитера, где и было совершено святое крещение. Когда Вассиан, по обычному чину крещения, вошел во святую купель, он увидел юношу прекрасного лицом, сиявшего как солнце; этот юноша прислуживал при крещении и держал одежду, в которую должен был облечься новокрещенный, по выходе из купели. Блаженный Вассиан дерзнул спросить его:

– Кто ты? Откуда ты?

– Я давно послан к тебе, – отвечал юноша, – чтобы помочь тебе выполнить твое святое намерение и отогнать прочь все то, что противно сему намерению.

Сказав это, юноша стал невидим. По отшествии юноши, комната наполнилась дивным благоуханием, ощущавшимся с полчаса, так что все, бывшие там, думали, что они находятся не на земле, а на небе.

После святого крещения Вассиан стал проводить еще более строгую жизнь, умерщвляя свое юное тело и порабощая его духу. Приставники и слуги, которым правитель Сергий приказал беречь Вассиана как зеницу ока, не зная Вассиановой тайны[3805], сильно удивлялись, даже обеспокоились, видя его необычное воздержание; они недоумевали, почему он принимает так мало пищи и питья, почему он проводил ночи без сна, почему лицо его бледнело, а тело его истощалось? Видя все это, они спрашивали с недоумением друг друга: «Ради чего так изнуряет себя господин наш?»

Старейший же раб, верный святому Вассиану и знавший его тайну, говорил им: «Не дивитесь сему, так как философское учение может быть постигнуто только такими учениками, которые презрели все страсти и довольствуются только тем, что необходимо для поддержания жизни. Поэтому знайте, что наш господин, желая изучить высочайшее любомудрие, и возложил на себя таковое воздержание и бодрствование».

Но слуги не удовольствовались этим ответом; при этом они вспомнили, что Вассиан, еще младенцем, писал иногда на песке знамение креста или слагал солому наподобие креста, за что кормилица его часто на него гневалась. Наконец, после различных дознаний, следя за тем, куда Вассиан ходит, слуги стали догадываться, что господин их принял христианскую веру и проводил жизнь сообразно христианскому учению. От этого они пришли в немалое смущение и страх, так как боялись гнева отца Вассианова, Сергия. Окончательно они уверились в том, что Вассиан христианин, по следующему случаю.

Однажды, после всенощного бдения и всенощных трудов, блаженный юноша, утомившись, крепко заснул. Во время сна он стал произносить слова молитвы, призывая Бога, Единого в

Троице, и прося направить его на путь к славе, обещанной всем, любящим Его. По молитве был слышен голос свыше: «Радуйся и веселись, вернейший воин Христов, Вассиан! Молитва твоя принята Богом и тебе уготовано лучшее место на небе».

После этого события, слуги окончательно убедились, что Вассиан – христианин; поэтому они тайно, один за другим, отправились обратно в Сиракузы к старому господину своему, правителю Сергию, с неприятной для него вестью; они возвестили правителю, что сын его, Вассиан, принял христианскую веру.

Сергий, будучи идолопоклонником, сильно опечалился по поводу этого и стал размышлять, как бы отвратить сына своего от христианства: ласками или угрозами.

Так мало-помалу от Вассиана ушли из Рима все слуги; остался при нем лишь один старый и верный слуга, который тоже был христианином. На место удалившихся отец Вассиана пожелал послать новых слуг, чтобы они, взяв Вассиана из Рима, привели его к нему.

В это время святому Вассиану пришлось войти ночью, в первое пение петухов[3806], в церковь святого евангелиста Иоанна Богослова. Здесь, молясь по обычаю, он увидел честного мужа, украшенного сединами, который сказал ему следующее:

«Знай, верный исповедник Христов, что тебе необходимо вместе с верным рабом твоим идти отсюда в город Равенну[3807], ибо отец твой, родивший тебя к жизни плотской, намеревается воспрепятствовать спасению твоему душевному; беги отсюда, дабы он не совратил тебя с правого пути. Ради этого милосердый Бог, не оставляющий Своих рабов, послал меня, своего апостола, возвестить тебе об этом, чтобы посланные твоим отцом, нашедши тебя здесь, не воспрепятствовали тебе убежать отсюда».

Святой Иоанн Богослов после этих слов отошел от Вассиана.

Блаженный Вассиан, весьма возвеселившись сердцем по поводу апостольского явления, стал полагать многие поклоны с молитвой к Богу, прося не оставить его помощью Своею. После

молитвы Вассиан возвестил все виденное и слышанное своему слуге. На следующее утро они раздали все свои вещи неимущим и, приняв благословение от духовного отца своего Гордиана, вечером вышли из Рима и отправились в Равенну.

После нескольких дней пути в дороге святой Вассиан увидел оленицу с двумя детенышами; животные уже обессилели и изнемогали от преследования гнавшихся за ними охотников. Охотники почти настигли оленей. Увидев это, святой сжалился над оленицей и над ее детенышами и сказал ей: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повелеваю тебе без страха прийти ко мне».

Оленица тотчас же, как бы поняв слова, сделавшись кроткой, остановилась и без боязни подошла к святому со своими детенышами. Вассиан стал гладить ее рукой, как бы животное давно к нему привыкшее; оленица же лизала ноги его.

Когда охотники, гнавшиеся за оленицей, добежав, увидели, что оленица стоит перед путником кроткой и тот гладит ее рукой, то весьма удивились, недоумевая, как могла перемениться так скоро дикость животного в кротость. При этом один из охотников, злонравный и жестокий, сказал своим товарищам: «Безумцы! Для чего мы медлим и почему не берем свою добычу?»

Сказав это, он стал отнимать оленицу из рук святого.

«Не я, но Бог Высший повелевает тебе, – сказал охотнику святой Вассиан, – не делай никакого зла ни этому дикому животному, ни детенышам его».

Охотник с гневом и дерзостью осмелился оттолкнуть руку угодника Божия; но тотчас же за такое дерзостное дело напал на того жестокого охотника бес, который стал сильно мучить его. В муках он упал на землю, стал кричать страшным воплем, испускать пену и, оцепеневая, сделался как бы мертвым. Ужаснулись тогда и затрепетали от страха остальные охотники и, припав к ногам святого, со слезами стали просить прощения, боясь, как бы и их не постигла подобная участь. Вассиан повелел им отступить от этого места, а сам простерся крестообразно для молитвы и, обратив весь ум свой к Богу, стал молиться: «Боже, – чудный Создатель всего, Боже милосердный

– Спаситель падшего рода человеческого, веселящийся не о погибели мертвых, но о спасении живых: прости лежащего в несчастии по неведению согрешившего и прогневавшего Твою благость!»

В таковых и им подобных умилительных словах молился святой. Встав от молитвы, он подошел к человеку, лежавшему на земле, взял его за правую руку и сказал бывшему в нем бесу: «Диавол! Тот, Кто низвергнул тебя с высоты небесной в бездну, повелевает тебе тотчас оставить образ Божий – сего человека – и удалиться в уготованный для тебя тартар[3808], где ты будешь мучиться вовеки».

Еще святой не успел докончить этих слов, как враг рода человеческого уже вышел из человека, которого даже в малое время измучил так сильно, что тот был почти при смерти. Когда же охотник стал приходить в себя, то не видел ничего глазами своими и лежал на земле неподвижно.

Святой снова стал молиться Богу и, по молитве, осенил крестным знамением глаза охотника, которые тотчас открылись, так что охотник стал видеть. Затем Вассиан оградил всего его крестным знамением и повелел ему встать, и встал охотник здоровым, как бы не потерпевшим никакого вреда.

С трепетом взирали на сие чудесное происшествие, стоявшие вдали, другие охотники; потом подошли к святому и поклонились ему. Вместе с ними кланялся и получивший исцеление, который просил прощения у святого и усердно благодарил своего исцелителя. После этого все разошлись по своим местам: охотники к себе домой, оленица с детенышами была отпущена на свободу, а сам святой Вассиан со своим рабом отправился в дальнейший путь.

Прибыв в город Равенну, Вассиан отправился к епископу этого города, Урсу, который был ему родственником. Епископ, увидав своего родственника, очень возрадовался и особенно, когда узнал, что он верует во Христа и ради любви ко Христу презрел все и стал странствовать. По желанию Вассиана епископ отвел для него спокойное место вне города при церкви святого священномученика Аполлинария, первого епископа города Равенны, рукоположенного святым верховным

апостолом Петром и пострадавшего в царствование Веспасиана[3809] за имя Христово. При этой церкви нашлось очень удобное для Вассиана место: здесь он, пребывая в уединении, отвергшись мира и всего мирского, мог усердно работать Богу, подвизаясь в посте и молитве.

Господь скоро прославил раба Своего: Он даровал ему чудесную благодать исцелять телесные болезни молитвой и душевные недуги – богодухновенными поучениями. За все это он от всех окружающих приобрел уважение, любовь и славу.

В это время от царя Валентиниана[3810] пришло повеление к правителю города Равенны и ко всем гражданам этого города: предать смерти городского судью по имени Вифимния; случилось же это по тому, что клеветники оговорили Вифимния перед царем в больших преступлениях, будто бы совершенных им. Вифимний был связан и приведен на то место, где его должны были обезглавить. Здесь он вспомнил святого Вассиана и так сказал про себя: «Раб Божий Вассиан! По благодати, дарованной тебе Богом, будь мне помощником!»

Сам правитель города и множество народа находилось здесь, желая видеть кончину Вифимния. И вот Вифимний уже преклонил выю для отсечения, а палач, держащий обоюдоострый меч, поднял его, чтобы с силою ударить по вые Вифимния. Но в это мгновение произошло неожиданное событие. Меч выпал из рук палача и упал вдалеке от того места. Палач снова взял меч и, схватив его крепче прежнего руками, поднял, чтобы обезглавить Вифимния, но как только размахнулся, меч снова, как и прежде, выпал из его рук и упал вдали. Палач опять с гневом схватил меч, но снова произошло то же. Все были поражены сим чудом. Правитель города, думая, что палач щадит осужденного из-за награды, которую думал получить, удалил этого палача и приказал другому усечь Вифимния. Но и с другим случилось то же самое: меч до трех раз невидимой силой выхватывался из рук палача и падал вдали. После этого правитель города, удивляясь и страшась происшедшего, приказал отвести осужденного с лобного места, тем более, что и народ требовал освобождения Вифимния, ибо сила Божия защищала его от смерти.

Вифимния посадили в темницу и послали известие к царю, что осужденного не могли усечь два палача. На это известие немедленно пришло от царя милостивое повеление – освободить Вифимния от смертной казни и простить его вину.

Вифимний не скрывал, но, наоборот, говорил о своем, по Боге, заступнике, святом Вассиане, которого он в своей молитве призывал себе на помощь. Освободившись из темницы, он отправился к святому и, лобызая его ноги, воздавал ему благодарение, но святой угодник Божий повелел ему благодарить только одного Бога, избавившего его от смерти. С этого времени все жители города стали с большим почтением относиться к святому, взирая на него как на Ангела Божия и прибегая к нему за помощью.

Клир же и знатные граждане сообща стали просить епископа убедить святого Вассиана принять священнический сан, так как тогда богоприятная молитва Вассиана, возносимая им при совершении бескровной жертвы, будет сильнее перед Богом. Таким образом угодник Божий, хотя и не по своему желанию, был хиротонисован в священнический сан, в коем он провел довольно продолжительное время.

В это время скончался верный слуга Вассиана, пришедший с ним из Рима. Святой Вассиан стал совершать бескровную жертву о его упокоении. В седьмой день по преставлении слуги, во время литургии, преподобный, прилежно молясь о упокоении души новопреставленного, услышал голос с неба, известивший его, что душа почившего получила милость от Бога и причислена к лику святых. Об этом известии Вассиан сказал Вифимнию, находившемуся в церкви за литургиею, и тогда оба они возрадовались духом о спасении души преставившегося.

Около этого времени в городе Лодии, в Лигурии[3811], умер епископ. Жители этого города наложили на себя трехдневный пост и усердно молились ко Господу, прося Его послать достойного мужа, который бы, возшедши на святительский престол, мог благоуспешно управлять Церковью Христовою.

Во время общего поста и молитвы одному из пресвитеров соборной церкви, по имени Климент, мужу добродетельному и честному, уснувшему после церковных трудов, в сонном

видении явился некий светоносный муж и сказал: «Знайте все, что вам уготован Богом во епископы пресвитер Вассиан, пребывающий в городе Равенне и украшенный дарованиями Божиими».

Пробудившись от сна, Климент тотчас же призвал честнейших мужей из клира церковного и мирян, которым и возвестил о сказанном ему Господом в видении. Тогда избрали знатных мужей и послали их в Равенну с просьбою ко святому Вассиану – прибыть к ним в Лодию и принять святительский престол.

Святому же Вассиану, еще прежде нежели посланные пришли в Равенну, Бог в ночном видении открыл о их пришествии и повелел, не отказываясь, идти с ними.

По утру лодийские посланные пришли к святому и объявили ему, что им было повелено. Святой обратился к посланным с такими словами: «Бог создал человека бессмертным, дабы он всегда повиновался воле и указаниям своего Творца. Человек же, преступив Божие повеление, данное ему в раю, сам сделал себя смертным, точно так же и потомков своих сделал смертными. Поэтому не должно человеку противиться воле своего Бога и нарушать Его повеления, но каждому необходимо, со всем усердием стараться выполнять то, что угодно Богу и заповедано Им. Ввиду этого и я, не из желания почестей, но ради нужд единоверных своих братьев, по Божию повелению, не отказываюсь принять налагаемое на меня иго».

Сказав это, святой Вассиан предложил путникам отдохнуть после их трудного пути. Но посланные, обрадовавшись согласию преподобного, не думали оставаться и отдыхать, но желали скорее представить в свой город неоцененное сокровище, стремились скорее отправиться обратно в путь и умоляли святого идти поскорее вместе с ними; поэтому вечером преподобный и посланные отправились в путь.

Когда они приближались к Лодии, весь народ с радостью и весельем вышел навстречу к своему, Богом дарованному, пастырю.

В это время находился в толпе один человек, бывший в параличе, не владевший языком. Вместе с народом этот больной, хотя и с большим трудом, подошел к святому и облобызал святую десницу угодника Божия. Тотчас он окреп телом; язык его разрешился, и он стал прославлять величие Божие. Народ усугубил свою радость, видя, какого святого пастыря и чудотворца даровал им Бог.

Для посвящения святого Вассиана в сан архиерейский прибыл в Лодию святой епископ Амвросий из Медиолана и вышеупомянутый сродник святого Вассиана Урс из Равенны. В первый день января состоялось посвящение Богом избранного мужа Вассиана во епископа, что и доставило великую радость и большое торжество всему городу тому.

Святой Вассиан, сделавшись епископом, стал учить паству свою словом и делом, но главным образом – примером своей добродетельной жизни. К святому Амвросию он оказывал большую любовь о Святом Духе, и от Амвросия имел таковую же любовь, которая выражалась в частых любезных посланиях их от одного к другому.

По прошествии некоторого времени святитель Христов Вассиан выстроил в восточном предместье города великолепный храм во имя святых апостолов и на освящение этого храма пригласил святого Амвросия Медиоланского и Филакса Команского[3812] (Урс Равеннийский в это время уже почил о Господе).

В то время, когда архиереи освящали храм, среди народа, собравшегося на освящение, находилась одна бесноватая отроковица, устами которой диавол стал взывать велегласно: «Зачем вы, мужи Божии, неправедно восстали на меня? Зачем все трое на одного меня вооружились непобедимым оружием? Разве для вас мало, что вы отняли у нас силу вредить кому-либо из вас? Вот вы выгоняете нас и из тех, над которыми мы имели власть. Если выгоните меня отсюда, то, взяв с собою двух или больше (бесов), отправлюсь в другое место, куда вы не придете».

Служители Христовы, услыша диавольский вопль, преклонили колена и стали усерднее молиться ко Господу. Во

время молитвы бес, не стерпев их молитвенной силы, поверг отроковицу на землю и со страшным воплем вышел из нее. Тогда святители приступили к отроковице и, подняв ее с земли уже здоровой, отдали ее родителям, заповедуя им воздать благодарение Господу за освобождение их дочери от мучения демонского.

По освящении церкви была устроена в славу Божию трапеза, за которой святители беседовали о том, что полезно для Церкви Божией. После трапезы и дружеской беседы прибывшие архиереи отправились в свои места, и святой Вассиан с честью проводил каждого из них.

Однажды, во время жатвы, один отрок собирал снопы среди жнецов; его ужалила змея, и он умер. Родители, неутешно рыдая по поводу смерти его, принесли его для погребения во вновь построенную блаженным Вассианом церковь в честь и славу святых апостолов, где в это время случайно находился и сам архиерей Божий, Вассиан. Он часто приходил в эту церковь и совершал в ней богослужение. Во время пения обычного погребального канона плач родителей по отроке стал заглушать голос певцов. Архиерей Божий, сожалея плачущих, повелел всем выйти из церкви; потом остался один, повергся на землю перед Богом со слезами и умолял Его, чтобы Господь повелел душе отрока возвратиться в тело. Во время молитвы святого, тело умершего отрока стало сначала немного, а затем все более и более, двигаться. Святой восстал от молитвы, взял отрока за руку и повелел ему встать. Отрок, как бы проснувшись от сна, открыл глаза, начал звать свою мать и встал. Находившиеся вне церкви родители и народ, услыхав отрока, от радости не могли оставаться на месте тотчас же открыли церковные двери и вошли внутрь храма. Увидев отрока воскресшим из мертвых, все изумились и ужаснулись и, припав ко святому, с радостью лобызали его руки и одежду. Святой же, воздав благодарение всемогущему Богу и сказав поучение, отпустил всех с миром.

По прошествии нескольких лет после этого смертельно заболел святитель Христов Амвросий. Архиерей Божий Вассиан, узнав о болезни возлюбленного своего, о Святом Духе, отца и

друга, поспешил отправиться в Медиолан навестить болящего. Здесь, увидав Амвросия на одре болезни, он остался прислуживать ему, молиться вместе с ним и утешать его надеждой на Христа.

Святому Амвросию было такое видение: ему представилось, что он видит Господа нашего Иисуса Христа, идущего к нему со светлым ликом и любезно ему улыбающегося.

Об этом видении святой Амвросий рассказал находившемуся около него святому Вассиану. Тогда Вассиан, поняв, что приблизился час кончины святого Амвросия, начал плакать и вместе радоваться. Радовался он тому, что святой муж отходил ко Христу, призывающему его, – плакал же по тому, что лишался любезного своего друга в этой временной жизни: но он имел твердую о Христе надежду свидеться с ним в будущей жизни и быть вместе с почившим в лике иерархов.

По кончине святого Амвросия Вассиан и все жители Медиолана оплакали святителя и с честью похоронили святое тело его. После этого Вассиан отправился в свой город, где стал возносить перед Господом бескровную жертву с молитвой о упокоении Амвросия, хотя вполне был уверен, что душа его упокоена со святыми; но молитва и Бескровная Жертва и о святых не бывают бесплодны. Если молитва о святом не может в чем-либо ему способствовать, то она возвращается в недро молящегося – принесет пользу последнему, как говорит Давид: «Молитва моя возвращалась в недро мое» (Пс.34:13).

По прошествии довольно продолжительного времени святому Вассиану снова пришлось отправиться в Медиолан по церковным делам. Входя в город, он увидал на площади весовщика, который на весах вешал различные товары. Этот весовщик был неправеден, многих обманывал и этим старался доставить себе прибыток. Святой увидал на весах беса, в образе маленького эфиопа, перетягивавшего весы, чем и пользовался неправедный весовщик. Святой спросил бывших с ним: «Видите ли вы что-нибудь странное?» Они ответили ему, что ничего особенного не видят. Тогда святой помолился о том, чтобы и прочим для достоверного свидетельства отверзлись очи

видеть тоже, что видел он. И действительно отверзлись духовные очи у пресвитера Климента и у диакона Елвония: они увидели то же, что видел архиерей Божий, именно – маленького эфиопа, сидевшего на весах и исполнявшего приказания весовщика. Они сказали о виденном святому и подтвердили слова Давида, который говорит: «Сыны мужей – ложь; если положить их на весы, все они вместе легче пустоты» (Пс.61:10). Святой позвал весовщика и спросил его:

– При помощи какой неправедной меры ты увеличиваешь вес и обманываешь купцов?

– Я не делаю никакой неправды, – отвечал весовщик и клятвой подтвердил, что вес его правилен.

Тогда святитель показал ему на весах адского эфиопа и сказал:

– Этот эфиоп тотчас же войдет в тебя, сокрушит твое тело и исторгнет из тебя душу твою со страшными мучениями.

Неправедный весовщик от страха задрожал и, припав к ногам святого с покаянием, обещался отстать от неправды. Святой вразумил его от святого Писания и повелел ему все, что он нажил неправдой, раздать нищим. После этого святой молитвой отогнал от весов беса и отправился в свой путь.

Возвратившись обратно в свой город, угодник Божий занялся обычными делами богоугождения и попечением о пастве. Он прожил в архиерейском звании пять лет и с миром отошел ко Господу, Которому верно и истинно работал, имея от роду девяносто лет[3813]. Верные овцы с честию похоронили своего пастыря в сооруженной им Апостольской церкви, и много плакали, лишившись такового отца. Скончался же святой в царствование Гонория[3814] на Западе и Феодосия[3815], сына Аркадия, – на Востоке. Как при жизни, так особенно по кончине своей он был чудотворцем: от гроба его чудесно подавались исцеления болящим по святым молитвам его и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому, вместе со Отцом и Святым Духом, воссылается честь и слава, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Память преподобного Феофана

Память 10 июня

Святой Феофан происходил от языческих родителей. Когда он достиг юношеского возраста, то сочетался браком с одной девицей, но она в скором времени умерла, Феофан же уверовал во Христа и крестился. Затем, оставив все, заключился в одной хижине близ того города и жил там довольно продолжительное время, поучая приходящих к нему хранению заповедей Божиих и целомудренной жизни. Узнав об одной блуднице, что она многих погубила своею красотой, святой Феофан вышел из затвора и, облекшись в светлые одежды, выпросил у своего отца девять литр золота, как бы желая взять за себя ту женщину. Придя затем к блуднице, отдал золото и, убедив ее изменить свою жизнь, крестил ее. После этого, святой Феофан устроил около своей хижины другую хижину, где и затворил означенную женщину. И соделал ту, которая раньше была сосудом греха, жилищем Святого Духа, – золото же раздал нищим. Эти оба угодили Господу и в один и тот же день отошли в небесные обители[3816].

Память святого священномученика Тимофея, епископа Прусского

Память 10 июня

В городе Пруссе, находящемся на границах Вифинии, Фригии и Лидии[3817], близ горы Олимпийской[3818], епископом был святой Тимофей, за чистоту своей жизни и святость получивший от Бога дар чудотворения. Случилось однажды ему умертвить громадного змия, поселившегося в пещере под кипарисовым деревом и причинявшего большой вред животным и людям. Этого змия святой умертвил, бросив в его пасть покров, которым накрывается на Божественном престоле освященный хлеб (агнец). В другой раз он исцелил одного царя, по имени Арита, который страдал тяжкой болезнью, так что уже приближался к вратам смерти. Подобным же образом и некую царицу не только возвратил от смерти к жизни, но и обратил от тьмы идолослужения к свету истинной веры. Кроме сего, святой Тимофей, по дарованной ему от Бога благодати, исцелял различные болезни, совершил много и других чудотворений силою Христовою. Проповедью же своею он просветил всю свою паству и множество неверующих обратил ко Христу. Когда же вступил на римский престол император Юлиан[3819], который отвергся от Христа, стал поклоняться идолам и воздвиг жестокое гонение на Церковь Божию, – то святой Тимофей с особенною ревностью начал трудиться в проповедании слова Божия, укрепляя верующих и обличая язычников в их заблуждениях. Услышав о святом, нечестивый император Юлиан повелел взять его и привести к нему, – и потом посадил его в темницу. Сюда ко святому стекалось множество народа, которому он проповедовал о Христе Боге истинном. Юлиану было доложено, что христианский епископ, заключенный в темнице, учит своей вере приходящих к нему людей. Юлиан тогда послал ему приказание – не учить об имени Иисуса Христа. Но святой Тимофей не послушал распоряжения нечестивого и беззаконного царя, и без боязни продолжал совершать подобающее ему, как христианскому епископу, учить

народ. Когда же император Юлиан снова узнал, что святой Тимофей безбоязненно продолжает проповедовать о Христе, разгневался и послал палача, чтобы он отсек святому голову в темнице[3820]. После блаженной кончины священномученика верующие взяли его святое тело и с честью похоронили его. От его гроба подавалось множество чудесных исцелений разных болезней, во славу Христа Бога нашего[3821].

Страдание святых мучеников Александра и Антонины

Память 10 июня

В одно из гонений на христиан, когда множество верующих во Христа было умерщвлено после различных мучений спустя немало времени от начала гонения, была схвачена и приведена к жестокому правителю Фисту одна христианская девица, по имени Антонина, происходившая из города Кродамна[3822]. За ее благочестивую и добродетельную жизнь Господь сподобил ее принять мученический подвиг, для посрамления и победы над лукавым диаволом.

Когда деву Антонину привели к жестокому правителю Фисту, то он начал ее соблазнять многими лукавыми словами говоря ей так: «Госпожа Антонина, я хочу тебя, деву чистую и целомудренную, сделать жрицей богини Артемиды[3823], дать тебе много подарков и почестей и сделать тебя управительницей всего моего имущества».

На это предложение Фиста святая Антонина долгое время ничего не отвечала, но потом сказала: «Для чего ты обещаешь мне суетные дары? Лучше ты сам, Фист, раздели со мной мои богатства, чтобы через веру в Господа моего Иисуса Христа получить сокровища вечных благ».

– Да не будет того, – возразил Фист, – что ты говоришь, да сохранят меня от сего боги, чтобы мне не уверовать в такого Бога, или лучше сказать Человека, Который был пригвожден ко кресту и умер на нем!

Святая Антонина ответила на это Фисту:

– Не утаиваю я того, что Господь наш Иисус Христос был пригвожден ко кресту и по смерти положен во гроб, но и то о Нем возвещаю, что Он воскрес из мертвых в третий день и ныне сидит одесную Бога Отца Своего, как о том написано в наших книгах: «сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Пс.109:1).

– Ложны все твои пространные речи, – сказал Фист. – Почему ты не соглашаешься повиноваться мне и принести

жертву нашим богам, дабы насладиться всеми благами, какие существуют в мире?

– Не поклонюсь я таким бездушным богам, – ответила святая дева, – ибо они бесы, как и написано о том в законе Господа моего: «ибо все боги народов – идолы, а Господь небеса сотворил» (Пс.95:5).

– Как осмеливаешься ты, – вскричал Фист, – называть наших богов бесами?

– Да, так я их называю, – отвечала святая Антонина, – потому что нет в них никакой силы; никакой помощи ты не получишь от них – поистине они не боги, но бесы.

От этих слов святой Антонины Фист пришел в сильную ярость и повелел воинам сильно бить ее по ланитам, дабы она не была так дерзновенна. Затем снова обратился к ней с такими словами:

– Клянусь богами, что, если ты не исполнишь царского повеления, я, после лютейших мучений, прикажу тебя отвести в непотребный дом – и тем присужу тебя к величайшему посрамлению. Поэтому даю тебе сроку три дня, чтобы ты размыслила – совершенно ли ты откажешься исполнить мое приказание, или пожелаешь раскаяться и принести жертву богам? Ведь многие, разделяющие вашу веру, сначала поступали так же, как и ты, но потом переменяли свои мысли и поклонялись нашим богам.

Тогда святая Антонина сказала правителю:

– Делай, что хочешь, нечестивый мучитель!

После этого святая была отдана под стражу четырем воинам, с которыми с радостью в душе и с веселым лицом отправилась в темницу. Правитель же, призвав к себе тайно начальника темничной стражи, приказал ему не причинять никакой обиды святой деве, но ласковыми словами уговаривать ее отречься от христианской веры и принести жертву идолам, потому что, прибавил Фист, весьма трудно заставить христиан отречься от их веры Когда же начальник темничной стражи посадил святую в темницу, то, придя к ней, начал ее убеждать такими словами:

– Чистая дева Антонина, зачем упорствуешь? Ради чего не желаешь переменить свои мысли! Принеси жертву нашим богам, чтобы избавиться тебе от ожидающих тебя мучений.

Но святая ничего ему не отвечала, так что страж темничный весьма удивился и недоумевал, почему святая дева не отвечала ему ни слова. А святая Антонина, преклоняя колена на землю, день и ночь молилась Господу Богу, оставаясь все время без пищи.

По истечении трех дней пребывания святой Антонины в темнице внезапно раздался сильный гром: запоры темничные разрушились и двери открылись сами собой, внутри же всю темницу осветил сильный свет и с неба послышался голос, говоривший так:

– Встань, Антонина, и подкрепись пищей, вкуси хлеба и воды, будь мужественна и нисколько не бойся нечестивого правителя Фиста, потому что Я с тобой.

Святая же, окончив свои молитвы, произнесла:

– Аминь.

Затем, встав с колен, вкусила хлеба и воды и легла немного уснуть.

При наступлении следующего дня, правитель сел на свое судейское место и сказал: «Приведите ко мне ту дерзкую женщину, да узнаем ее мысли»

Воины, исполняя приказание правителя, привели к нему святую. Когда же святую деву вели на суд, она возвела свои глаза к небу и молилась.

– Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты исполняешь на мне Твою волю, молю Тебя – не оставь меня даже и до смерти моей.

И вдруг послышался с неба голос, возвещавший.

– Иди в путь твой безбоязненно, ибо Я с тобой!

Когда святую деву Антонину привели на судейское место, где восседал Фист, она засмеялась.

Фист, увидав, что она засмеялась, спросил ее:

– Отчего ты рассмеялась?

Святая ответила ему:

– Я открою тебе причину моего смеха, ибо я вижу, что престол, на котором ты сидишь, в скором времени разрушится, и ты погибнешь, – поэтому я и рассмеялась.

Правитель увидав, что она посмеивается над ним, повелел бить ее бичами. Святая же, возведя свои духовные очи к небу, молилась так: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты сподобил меня, окаянную и грешную, разделить жребий святых Твоих, – сего же беззаконника и проливающего невинную кровь низвергни в скором времени на дно ада, чтобы он узнал бессилие своих ложных богов, на которых возлагает всю свою надежду».

Услышав такие слова, правитель, жаждавший человеческой крови, пришел в еще большую ярость и сказал воинам: «Сия злая и дерзкая женщина не только осмеливается поносить наших богов, но и нам самим угрожает; отведите поэтому ее в непотребный дом на осквернение».

Воины тогда взяли святую и отвели в отдельный дом. Святая Антонина, оставшись одна в отдельном помещении, стала усердно молиться Богу. В это время Ангел Господень явился одному из воинов правителя, имеющему двадцать три года от рождения и называвшемуся Александром. Явившись к нему, Ангел сказал:

«Иди к правителю и скажи ему, чтобы он дозволил тебе войти к Антонине. Когда взойдешь к ней, то одень ее твоим плащом и пусть она уйдет из того дома, да не узнает ее злобный правитель».

Доблестный воин Христов, исполняя повеление Ангела, пришел к правителю и стал просить его: «Позволь мне войти к Антонине и если я ее уговорю, тогда освободи ее, а если нет, то делай с ней, что пожелаешь».

Правитель согласился исполнить его просьбу и сказал ему: «Делай с ней все, что тебе желательно». Тогда Александр взошел в то помещение, где находилась святая дева, припал к ее ногам и так начал ей говорить: «Раба Господня, дева Антонина! Господь послал меня к тебе открыть тебе то (как Он мне возвестил), что девство твое будет сохранено».

Святая устрашилась. Но вдруг комнату осветил сильный свет и послышался голос, который говорил: «Не бойся, Антонина! Призвавший тебя на подвиг щедр и многомилостив, – и сего Александра призывает к тому же мученическому подвигу. Оденься в его плащ, голову же свою наклони и спрячь лицо свое и так выйди отсюда, чтобы правитель в таком виде не узнал тебя. Я же так скрою тебя, что он тебя не узнает!»

Тогда святая Антонина взяла у Александра его плащ и надела на себя, закрыла голову свою и, выйдя вон из дому, сделала знак рукой правителю, как бы говоря: поступай, как желаешь. Таким образом святая дева Христова, как серна избегши сетей, пошла своим путем, радуясь своему избавлению. Правитель же, подумав, что это Александр вышел из дома, послал к Антонине еще четырех воинов, сказав им: «Ступайте к ней и сделайте с ней, что вам угодно, а надругавшись над нею, выведите ее вон, да получит она великое бесчестие и мы все посмеемся над ней».

Воины, исполняя приказание правителя, вошли, чтобы осквернить деву, не нашли Ее, а увидали только одного Александра. Сильно удивившись, они спросили его: «Где же та женщина? Отчего ты один?»

Взяв затем его, привели к правителю и сказали: «Мы в той комнате нашли только его одного, девицы же нет там».

Правитель также был весьма удивлен происшедшим и стал спрашивать Александра: «Скажи нам неверный и обманщик, как ты осмелился обмануть нас? Где та нечестивая блудница? Ты обесчестил ее, а потом, одев своим плащом, отпустил, желая взять ее себе в жены; но этого не будет, и ты не избегнешь моего гнева».

Когда Александр ничего не ответил на это правителю, то он долгое время думал, а потом повелел повесить его для мучений и бить его без милосердия. Когда же исполняли повеление правителя и били святого Александра, то правитель снова спросил его: «Где та нечестивая женщина, к которой ты входил?» Александр же опять ничего не ответил, а только устремлял свои глаза к небу.

И вдруг послышался с неба голос, говоривший правителю:

– Жестокий Фист, зачем ты мучаешь невинного человека?

Услышав сей голос, правитель повелел перестать мучить святого, и, сняв мученика с дерева, – отвести в темницу, а святую деву Антонину повелел повсюду разыскивать.

По прошествии пяти дней правитель снова велел привести к нему на суд Александра, и стал спрашивать его:

– Что ты надумал? Принесешь жертву богам, или нет?

Святой Александр отвечал правителю:

– Могу ли я изменить свои мысли, о нечестивый и жестокий мучитель!

– А где та женщина, к которой ты входил? – спросил Фист.

– Не знаю, где она находится, – отвечал Александр.

Между тем когда они так разговаривали, святой Антонине деве явился Сам Господь Иисус Христос и сказал:

– Мужайся и иди туда, где находился несправедливый и жестокий правитель.

Тогда святая пошла и, безбоязненно явившись к правителю, сказала ему:

– Нечестивый и жестокий Фист, кого ты ищешь, не меня ли? Вот я сама являюсь к тебе, чтобы посрамить и уничтожить твою силу.

Увидев святую, Фист пришел в сильную ярость и повелел воинам повесить ее, сильно бить и спрашивать:

– Дева ты, или нет?

Святая же под сильными ударами не испустила ни одного стона. Когда же ее сняли с дерева, то сам правитель стал ее спрашивать: осталась ли она еще девой, или нет? Тогда святая мученица ответила правителю:

– О нечестивый и жестокий мучитель! Мы христиане совершенно не порабощены вашею нечистой похотью, ибо и меня Господь и Бог наш по Своему милосердию сохранил невинной.

Фист посмотрел на нее с удивлением и сказал;

– Если ты еще дева, то подойди вместе с Александром, принеси жертву нашим богам, и останетесь невредимыми.

На это предложение правителя святые мученики Христовы Александр и дева Антонина как бы одними устами отвечали

правителю:

– Нет таких мучений, жестокий Фист, какими бы вы смогли принудить нас поклониться вашим мерзким богам, не имеющим ни разума, ни могущества.

После такого ответа святых мучеников правитель повелел отсечь им руки. Доблестные и благородные воины Христовы простерли тогда свои руки для отсечения и сказали:

– Прежде всего, нечестивый и жестокий мучитель, да будет тебе известно, что никакими мучениями ты не сможешь победить наши благочестивые мысли, – поступай с нами, как желаешь!

Воины обнажили свои мечи и отсекли руки святых мучеников. Они же, как бы не чувствуя боли, прославляли Господа и, обратившись затем к правителю, сказали ему:

«Жестокий и сквернейший правитель! Мы нисколько не чувствуем тех мучений, какие ты причинил нам, тебя же самого Господь наш, рабы Которого – мы, в скором времени ввергнет в геенну огненную, где ты будешь вечно мучиться непрестанными мучениями».

От таких обличений святых мучеников правитель пришел в сильнейшую ярость и приказал вырыть глубокую яму, а прежде всего, повесив святых страдальцев, до тех пор бить их, пока они не почувствуют боли от наносимых им ударов. В яму же приказал набросать во множестве дров и хвороста так, чтобы она наполнилась до верха и сжечь в ней святых мучеников. Между тем они, несмотря на жестокие побои, не ощущали никакой боли, как будто бы не их тела подвергались таким мучениям, но воздавали хвалу Господу Иисусу Христу. Видя это, правитель повелел новыми мучениями терзать их, опаляя ребра их горящими свечами. Тогда святые мученики Александр и Антонина громким голосом воззвали к правителю: «Нечестивый Фист! Мы терпим наши страдания ради любви ко Господу нашему Иисусу Христу, твердо веруя, что в будущей жизни, после этой временной, мы получим вечную награду в Царстве Небесном, а тебя Господь и Бог наш вскоре предаст погибели за то, что ты заставляешь так сильно страдать невинных рабов Его!»

Фист, слыша слова эти, в сильной ярости дал такое приказание своим слугам: «Зажгите находящиеся в яме дрова, чтобы скорее бросить в огонь этих людей».

Когда приказание правителя было исполнено воинами, тогда жестокий мучитель повелел им облить святых мучеников смолой и бросить в яму, пылавшую огнем. При этом он приказал положить еще сверху на дрова сухую смолу, чтобы мученики совершенно сгорели и даже кости их обратились в прах. По исполнении казни правитель повелел засыпать ту яму землей, сказав: «Пусть нельзя будет женщинам их собрать и костей их, как это в обычае у христиан!»

По приказанию Фиста святых мучеников ввергли в огонь и засыпали ту яму. Потом Фист возвратился в свой дом, но не мог вкусить ни пищи, ни питья и сделался немым, ибо посланный на него святыми Ангелами злой дух в течение семи дней мучил его. После же тяжких семидневных бесовских мучений правитель извергнул свою нечестивую душу. Так он умер, и гонение на христиан в тех местах прекратилось. Блаженная же кончина святых мучеников Александра и Антонины последовала в третий день месяца мая[3824], в субботу, в девятый час дня, во владычество Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается честь и слава вечно. Аминь.

Житие и страдания святого апостола Варфоломея

Память 11 июня

Святой апостол Варфоломей был один из числа двенадцати апостолов Христовых. По принятии Святого Духа, сошедшего на апостолов в виде огненных языков (Деян.1:13, 2:1–4), святому Варфоломею выпал жребий, вместе с апостолом Филиппом, идти на проповедь Евангелия в Сирию и в Малую Азию. Туда они оба и отправились – то проповедуя вместе, то расходясь отдельно по разным городам, то вновь сходясь и приводя людей ко спасению через веру в Иисуса Христа.

Проповедуя Евангелие в Малой Азии, святой Филипп на некоторое время отделился от святого Варфоломея и обращал ко Христу диких и непокорных жителей Лидии и Мизии[3825]. В это время святому Варфоломею, проповедовавшему Христа в соседних городах, было повеление от Господа идти на помощь ко святому Филиппу. Присоединясь к нему, святой Варфоломей вместе с ним единодушно подвизался в апостольских трудах и подвигах. За Филиппом следовала еще и сестра его – девица Мариамна, и все вместе они стали служить делу спасения рода человеческого. Проходя города Сирии и Мизии и благовествуя слово Божие, они претерпевали от неверных многие напасти, биение и скорби, были заключены в темницы, избиваемые камнями, но несмотря на все гонения, благодатью Божиею, оставались живы для предстоящих трудов по распространению веры Христовой.

В одном из лидийских селений они встретили возлюбленного ученика Христова, святого Иоанна Богослова, и вместе с ним отправились в страну Фригийскую. Войдя в город Иераполь[3826], они проповедовали там Христа. Этот город был переполнен идолами, которым поклонялись все его жители; между другими ложными божествами была там одна громадная ехидна[3827], для которой был построен особый храм; туда ей приносили пищу и совершали многочисленные и разнообразные

жертвоприношения; безумцы почитали также и других гадов и ехидн. Святой Филипп, прежде всего, вместе со своей сестрой вооружился молитвой на ехидну, в чем помогал им и святой Иоанн Богослов, который был в то время с ними. Все они вместе молитвой, как бы копьем, победили ту ехидну и силой Христовой, умертвили ее. После этого Иоанн Богослов разлучился с ними, предоставив им Иераполь для проповедания слова Божия, а сам пошел в другие города, распространяя повсюду святое благовествование. Святой же Филипп с Варфоломеем и Мариамной оставались в Иераполе, усердно стараясь уничтожить мрак идолопоклонства, дабы воссиял на заблудших свет познания истины; над этим они и трудились день и ночь, уча неверных слову Божию, вразумляя неразумных и направляя заблудших на путь истинный.

В том городе жил один человек, по имени Стахий, бывший слепым уже сорок лет. Святые апостолы, силой молитвы, просветили его телесные очи, а проповедью Христовой просветили его душевную слепоту. Крестив Стахия, святые пребывали в его доме. И пронеслась по всему городу молва, что слепой Стахий прозрел. К его дому стали собираться толпы народа. Святые апостолы поучали всех, стекавшихся к ним, вере во Христа Иисуса. Приносили туда и многих больных, и всех святые апостолы исцеляли молитвой и изгоняли бесов, так что большое число людей уверовало во Христа и крестилось.

Жена начальника того города, по имени Никанора, была укушена змеей и лежала больная, при смерти. Услыхав о святых апостолах, находившихся в доме Стахия, что они одним словом исцеляют всякие болезни, она в отсутствие своего мужа повелела рабам своим отнести себя к ним и получила двойное исцеление: телесное – от укушения змеи и душевное – от бесовского обольщения, ибо, наученная святыми апостолами, уверовала во Христа. Когда градоначальник вернулся домой, рабы передали ему, что жена его от каких-то чужестранцев, проживающих в доме Стахия, научена веровать во Христа. Страшно разгневавшись, Никанор повелел тотчас же схватить апостолов, дом же Стахиев сжечь, – что и было исполнено. Собралось множество народа – и святых апостолов Филиппа,

Варфоломея, а также и святую деву Мариамну с побоями повлекли по городу, поругаясь над ними, и, наконец, бросили в темницу. После этого, начальник города воссел на судейское место судить проповедников Христовых: и собрались к нему все жрецы идольские и жрецы погибшей ехидны, принося жалобы на святых апостолов и говоря: «Начальник! Отомсти за бесчестие богов наших, так как с тех пор, как появились эти чужестранцы, в нашем городе запустели алтари великих богов наших, и народ забывает приносить им обычные жертвы, знаменитая наша богиня-ехидна погибла, и весь город наполнился беззаконием. Умертви этих волхвов!»

Тогда начальник города велел снять одежду со святого Филиппа, думая, что в ней заключаются чары колдовства, но, сняв с него одежду, ничего не нашли. Также поступили и со святым Варфоломеем, – и в его одеждах не нашли ничего. Когда же они с тем же намерением приблизились к Мариамне, чтобы снять одежду и обнажить ее девическое тело, внезапно она в глазах их превратилась в огненный пламень, и нечестивцы со страхом отбежали от нее. Святые апостолы осуждены были правителем на распятие.

Первым пострадал святой Филипп. Просверлив ступени ног его и продев в них веревки, мучители распяли его на кресте вниз головой перед дверями капища ехидны и в то же время кидали в него камнями. Затем они распяли святого Варфоломея у стены храма. И внезапно сделалось великое землетрясение: земля разверзлась и поглотила градоначальника со всеми жрецами и множеством неверующих. Все оставшиеся в живых – и верующие и язычники – пришли в великий страх и с рыданиями просили святых апостолов сжалиться над ними и умолить Единого Истинного Бога своего, чтобы земля не поглотила их так же, как и тех. Поспешно бросились снимать с крестов распятых апостолов. Святой Варфоломей был повешен невысоко, и его скоро сняли. Но Филиппа не могли скоро снять со креста, потому что он был повешен высоко и особенно потому, что на это было особенное произволение Божие, дабы апостол Его через эти страдания и крестную смерть, перешел от земли на небо, куда всю жизнь обращены были стопы его. Вися

таким образом, святой Филипп молился Богу за врагов своих, чтобы Господь отпустил им грехи их и просветил разум их к познанию истины. Господь преклонился к молению его, и тотчас повелел земле исторгнуть живыми поглощенные ею жертвы, за исключением градоначальника и жрецов ехидны. Тогда все громким голосом исповедали и прославили силу Христову, изъявляя желание креститься. Когда хотели снять со креста святого Филиппа, то увидели, что он уже предал Богу святую душу свою, и сняли его мертвым. Родная сестра его, святая Мариамна, все время смотревшая на страдание и смерть брата своего Филиппа, с любовью обнимала и лобызала снятое с дерева тело его, и радовалась, что Филипп сподобился пострадать за Христа[3828]. Святой Варфоломей совершил над всеми уверовавшими в Господа крещение и поставил им епископом Стахия. Новообращенные с честью похоронили тело святого апостола Филиппа. На том месте, где истекла кровь святого Апостола, произросла в три дня виноградная лоза, в знамение того, что святой Филипп за пролитую свою кровь во имя Христа наслаждается вечным блаженством с Господом своим во Царствии Его.

После погребения Апостола Филиппа, святой Варфоломей с блаженной девой Мариамной пробыли несколько дней в Иераполе, утверждая в вере Христовой вновь основанную церковь, а затем отправились каждый в свой путь. Святая Мариамна направилась в Ликаонию и здесь, среди успешного благовествования слова Божия, мирно преставилась ко Господу[3829]. А святой Апостол Варфоломей отправился в Индийские страны, где и пробыл довольно продолжительное время, трудясь в благовестии Иисуса Христа, проходя по городам и селениям и исцеляя болящих Его именем. Посветив своей проповедью многих из язычников и устроив церкви, он перевел на их язык Евангелие от Матфея, которое носил с собой и передал им. У них же он оставил Евангелие, написанное на еврейском языке, которое по прошествии ста лет и было принесено в Александрию Пантеном, философом христианским[3830]. Из Индии святой Варфоломей отправился в Великую Армению[3831]. При его появлении здесь идолы или,

лучше сказать, бесы, обитавшие в идолах, умолкли, громко прокричав последние слова, что Варфоломей их мучит и скоро изгонит. И действительно, не только из идолов, но и из людей изгонялись нечистые духи при одном уже приближении апостола; и ради этого многие обращались ко Христу.

У царя той страны Полимия была бесноватая дочь, устами которой бес взывал: «Варфоломей и отсюда гонишь ты нас!»

Царь, услышав об этом, приказал немедленно найти Варфоломея; и когда апостол Христов пришел к беснующейся, бес тотчас бежал от нее, и царевна получила исцеление. После этого царь, желая отблагодарить святого, послал к нему верблюдов, навьюченных золотом, серебром, жемчугом и другими драгоценными дарами. Апостол же, исполненный нищеты духовной (ср. Мф.5:3), ничего из присланного не оставил у себя, отослав все обратно к царю со словами: «Я не эти вещи приобретаю, а ищу душ человеческих, и если приобрету их и введу в небесные селения, то явлюсь великим купцом перед Господом».

Царь Полимий, умилившись такими словами, уверовал во Христа со всем своим домом, принял крещение от самого святого апостола вместе с царицей и исцелевшейся дочерью своей и со множеством вельмож и великим числом людей из народа: ибо до десяти городов и больше приняли тогда, по примеру царя, святое крещение.

При виде этого идольские жрецы вознегодовали на святого апостола, тяжко печалясь о том, что их боги уничтожались, идолослужение исчезало, и капища их, откуда они получали пропитание, приходили в запустение. Приступив к брату царя – Астиагу, они научили его погубить Варфоломея и отомстить ему за обиды их богов. Тот же, улучив удобное время, схватил святого апостола и в городе Альбане[3832] распял его на кресте головой вниз. Святой же апостол с радостью страдал за Христа и, вися на кресте, не переставал возвещать слово Божие; верующих он утверждал в вере, неверующих же увещевал познать истину и от тьмы бесовской обратиться к свету Христову. Этого не мог слышать мучитель и велел с апостола содрать кожу, святой же, с великим терпением перенося эти

мучения, не умолкал, поучая всех о Боге и вознося славословия Ему. Наконец, мучитель повелел вместе с кожей усечь и главу святого Варфоломея. Тогда умолкли его богоглаголивые уста, тело же, когда была отнята от него голова, осталось висеть на кресте, имея ноги, обращенные кверху, как бы показывая тем шествие апостола к небу. Так скончался апостол Христов Варфоломей, после многих болезней и трудов перейдя в безболезненный покой, в радость Господа своего[3833]. Бывшие при кончине святого апостола верующие, сняв с креста его тело, главу и кожу, положили их в оловянную раку и предали погребению в том же городе, Албане, что в Великой Армении[*]. И подавались от мощей апостольских чудесные исцеления болящим, ради чего многие из неверующих обращались ко Христовой Церкви.

Спустя довольно продолжительное время жестокие гонители, овладевшие той страной, помраченные идолобесием, слыша от других и сами видя чудеса, совершавшиеся от мощей святого, не желая познать Божию силу, взяли те святые мощи в оловянной раке и ввергли их в море. Оловянная же рака, плывя по воде подобно легкой ладье, пристала к острову Липару.[3834] Тамошний епископ Агафон, узнав по откровению во сне о том, что к их острову приплыли святые мощи, вышел с клиром и со всем народом на берег моря. Увидав мощи святого апостола, епископ и все пришедшие сильно удивились, как оловянная рака не потонула в воде, но легче лодки проплыла столь далекий морской путь. И все прославили Бога, творящего столь дивные и чудные дела Свои. Взяв раку со святыми мощами, они с великой радостью перенесли ее с псалмопениями в свою церковь[3835].

Не подобает умолчать и о следующем, находящемся в житии преподобного Иосифа Песнописца, сказании о святом апостоле Варфоломее.

Будучи однажды в Фессалии, преподобный Иосиф получил от одного известного ему добродетельного мужа часть мощей святого апостола Варфоломея. Принеся ее в свою обитель, находившуюся близ Константинополя и построив там особую церковь во имя святого Апостола Варфоломея, Иосиф с честью

положил в ней часть святых мощей его. Питая великую любовь и веру к святому апостолу, он часто сподоблялся видеть его в сновидениях и желал поэтому украсить праздник святого апостола хвалебными песнопениями, однако, он не решался сделать этого, сомневаясь, будет ли угодно это дело святому апостолу, и усердно молил Бога и апостола Божия открыть ему это и даровать премудрость свыше для создания, достойных святого Варфоломея, хвалебных стихов. С постом и слезами молился преподобный Иосиф сорок дней, и когда приблизился день памяти апостола, в навечерие празднества увидел он, что в алтаре явился святой Варфоломей, облеченный в белые ризы, и открыл алтарную завесу, призывая его к себе. Когда же преподобный Иосиф подошел ближе, святой апостол взял с престола Святое Евангелие и положил его на грудь Иосифу, со словами: «Да благословит тебя Десница всесильного Бога, и да изольются на язык твой воды небесной премудрости: сердце твое да будет храмом Духа Святого, и песнопения твои да усладят вселенную».

Так сказал святой Апостол Варфоломей и стал невидим, а преподобный Иосиф, ощутив в себе благодать премудрости, исполнился неизреченной радости и благодарения. С того времени начал он писать церковные гимны и каноны, которыми украсил праздник не только святого апостола Варфоломея, но и многих святых, по преимуществу же почтил он многими канонами Пречистую Богоматерь и святителя Николая. Обильно украсил он святую Церковь песнопениями, за что и получил наименование песнописца. За все сие Христу Спасителю нашему слава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Некоторые думают, что Варфоломей – одно и то же лицо с Нафанаилом, которого Филипп привел ко Христу (Ин.1:45). Именно считают, что имя этого апостола Христова было Нафанаил, по прозванию же, или лучше сказать – по отцу, он назывался Варфоломей, то есть сын Фоломеев. Ибо слово «вар» с еврейского переводится сын, как и в другом месте Христос Господь сказал Апостолу Петру: «блажен ты, Симон, сын Ионин» (Мф.16:17), то есть, сын Ионин. И слепец Иерихонский назывался Вартимей, то есть сын Тимеев. Так

толкуют и о Варфоломее, что он по отцу назывался Варфоломей – сын Фоломеев; ибо Фоломей у евреев было имя древнее и часто употреблявшееся, настоящее же имя Варфоломея, полагают, было Нафанаил. Предполагают же это на таком основании. Прежде всего, в Евангелии нигде не говорится о призвании к апостольству Варфоломея, если только не считать вместо него имя Нафанаил. Затем, первые три евангелиста: Матфей, Марк и Лука, повествующие о Варфоломее, ничего не говорят о Нафанаиле, а евангелист Иоанн, повествующий о Нафанаиле, не говорит о Варфоломее и говоря о ловлении рыб при явлении воскресшего Спасителя называет Нафанаила в числе лиц, близких к апостолам, – именно, он говорит: «были вместе Симон Петр, и Фома, и Нафанаил, и сыновья Зеведеевы» (Ин.21:2). Но иные толкователи с этим не согласны и, согласно с Прологом полагают, что Симон Зилот – одно лицо с Нафанаилом, а некоторые полагают, что Нафанаил – один из числа 70 учеников Христовых.

Кондак, глас 4:

Явился еси великое солнце вселенней, учений сияньми и чудес страшных, световодя почитающыя тя, Варфоломее Господень Апостоле.

Житие и страдание святого апостола Варнавы

Память 11 июня

Святой Апостол Варнава принадлежит к лику святых семидесяти апостолов: первоначальным именем его было Иосиф, но потом его стали называть Варнавой, как об этом мы скажем на своем месте. Родился он на острове Кипр[3836] от родителей евреев, происходивших из рода левитов; из его рода левитов происходили и древние великие пророки Божии – Моисей, Аарон и Самуил.

Прародители Варнавы переселились из Палестины на остров Кипр по причине войн, происходивших в Палестине. Родители его были весьма богаты и имели свое село вблизи Иерусалима, изобиловавшее садами и разными плодами и украшенное большим зданием, так как здесь они имели дом свой. Ибо с того времени, как святой пророк Исаия написал: «И будут строить домы и жить в них, ибо будут семенем, благословенным от Господа» (Ис.65:21–23), евреи, обитавшие в далеких странах, не понимая духовного смысла слов этих, старались иметь свои собственные дома в Иерусалиме; по этой причине и родители Варнавы имели свой дом и свое село около Иерусалима.

Родив того, о ком наше слово, назвали его Иосифом и воспитывали в обучении книжном; когда же отрок пришел в совершенный возраст, то отправили его в Иерусалим к известнейшему в то время учителю Гамалиилу, дабы он научил Варнаву более совершенному пониманию еврейских книг и всего закона Божия. Здесь Иосиф имел в числе сверстников своих и Савла, который впоследствии назван был Павлом; и учились оба они у одного учителя Гамалиила, преуспевая в разуме, понимании книг и в добродетельной жизни.

Иосиф ежедневно утром и вечером приходил в храм Соломонов и молился здесь с усердием Богу, проводя дни юности своей в частых пощениях и великом воздержании; желая соблюсти в чистоте свое девство, он избегал знакомства с

бесчинными юношами и ни в каком случае не желал слышать тех слов, которыми ум юноши мог бы помрачиться, но, внимательно наблюдая за самим собой, постоянно поучался в законе Господнем днем и ночью.

В то время Господь наш Иисус Христос, спустя тридцать лет после Своего вочеловечения, начав открывать Себя миру, пришел из Галилеи; здесь Он учил в храме, творил многие и преславные чудеса; все дивились Ему; со всех сторон стекались к Нему, дабы видеть святое лицо Его и слышать Божественные слова Его, более сладкие, нежели мед и сот. Видел Его и юноша Иосиф и, слушая поучения, исходившие из пресвятых уст Его умилялся сердцем и весьма дивился чудесам, которые Он творил; увидав, как Он исцелил расслабленного при Овчей купели (Ин.5:1–15) словом Своим, видев также и многие другие дивные дела Христовы, Иосиф, распалился сердечной любовью ко Господу и, приступив к Нему, пал ниц к ногам Его; при этом Иосиф просил Господа благословить его и принять его в число Своих учеников. Господь же, презиравший в тайны сердец человеческих, увидав, что сердце Иосифа горело любовью Божественной, любезно благословил его и не запретил ему следовать за Собой. Иосиф прежде всего поспешил в дом тетки своей, по имени Марии, матери Иоанна, названного впоследствии Марком, и сказал ей: «Приди и посмотри на Того, Кого весьма хотели видеть отцы наши; ибо некий пророк Иисус из Назарета галилейского учит в храме и совершает великие чудеса, так что многие считают Его за всеми ожидаемого Мессию».

Лишь только женщина услышала это, как тотчас же, оставив все, с поспешностью направилась к храму; увидав Господа Иисуса Христа, она пала ниц к ногам Его и с мольбой сказала: «Господи! Если я обрела благодать перед Тобой, войди в дом рабыни Твоей, дабы вшествием Твоим благословить всех домашних моих».

Видя ее веру, Господь пришел в дом к ней и благословил ее и всех, находившихся в доме ее. Господь был принят Марией с великой честью и со многой радостью и благоговением; с этого

времени Господь всегда заходил вместе с учениками Своими в дом Марии, когда приходил в Иерусалим.

Когда Господь отправился обратно из Иерусалима в Галилею, то вслед за Ним отправился и Иосиф вместе с прочими учениками. И когда Господь восхотел отправить апостолов Своих на проповедь «к погибшим овцам дома Израилева» (Мф.10:6), то увидал, что их мало, почему и сказал: «жатвы много, а делателей мало» (Мф.9:37); по этой причине Господь явил миру и иных семьдесят учеников, которых послал по два перед лицом своим в каждый город и селение (Лк.10:1). В числе этих семидесяти учеников Господних был одним из первых и святой Иосиф, переименованный святыми апостолами Варнавой, то есть сыном утешения, так как своей проповедью о пришедшем в мир Мессии, он утешал людей, с великим нетерпением ожидавших пришествия Мессии. Подобно тому как сыновья Зеведеевы были названы сынами громовыми (Мк.3:17), так как должны были прогреметь по вселенной своей проповедью как громом, так и сей святой Иосиф был назван сыном утешения, ибо его апостольские труды должны были принести великую радость избранным Божиим. И Златоуст святой, объясняя так причину переименования его, говорит (Деян.11:1–30): «Мне кажется, что он получил свое имя по заслугам, ибо для того, (чтобы быть сыном утешения) он был вполне способен».

После вознесения Господа на небо, святые апостолы жили все вместе в Иерусалиме, как об этом написано и в книге Деяний апостольских: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов» (Деян.4:32–35). В то время и святой Иосиф, названный апостолом Варнавой, продал вышеупомянутое село, находившееся близ Иерусалима, доставшееся ему в наследство от родителей; вырученные деньги он принес к ногам апостолов, ничего себе не оставив, ибо он желал богатеть в Бога, в Которого действительно и обогатился, как

свидетельствуется об этом: «он был муж добрый и исполненный Духа Святого и веры» (Деян.11:24). Варнаве часто случалось видеться с Савлом, причем он вел спор с ним от Писания о Господе Иисусе Христе и прилагал все усилия свои, дабы обратить Савла к святой вере, но Савл был весьма усердным ревнителем отеческих преданий; поэтому он посмеивался над святым Варнавой, как над человеком обольщенным, говорил даже хульные слова и на Господа Иисуса Христа, называя Его сыном плотника, человеком простого звания, преданным позорной смерти. Когда же после убиения евреями святого первомученика Стефана, Савл начал преследовать церковь, «входя в дома верующих, влача мужчин и женщин и заключая их в темницы» (Деян.8:3), тогда святой Варнава весьма оплакивал его и усердно молился Богу, воздевая свои чистые руки, да просветит Он душевные очи Савла, чтобы он познал истину; он весьма желал иметь Савла другом по вере христианской, подобно тому как он имел его другом в Гамалииловом училище.

Слезы и молитвы Варнавы были не напрасны; когда наступило время милосердия Божия, Савл обратился ко Христу, будучи призван голосом Господним свыше, на пути в Дамаск[3837]. И обратился волк в овцу; хулитель имени Христова начал прославлять Господа Иисуса Христа; бывший ранее гонителем, сделался защитником Церкви; ибо по принятии святого крещения Савл тотчас отправился на собрания иудейские и начал проповедовать об Иисусе, говоря, что Он есть Сын Божий, обличая также иудеев, проживавших в Дамаске. Когда же Савл возвратился в Иерусалим, то «и старался пристать к ученикам, но все боялись его, не веря, что он ученик» (Деян.9:26). Тогда святой Варнава, встретив его, сказал: «Доколе, о Савл, не перестанешь быть хулителем великого имени Иисуса Христа и гонителем верных рабов Его? До каких пор ты будешь противиться страшному таинству, издревле предвозвещенному пророками, в настоящее же время сбывшемуся ради спасения нашего?»

Савл же, припав к ногам его, со слезами ответил так: «Прости меня, учитель правды, Варнава! Теперь я понял, что

все, сказанное тобой мне о Христе, – истина; Того, Кого я ранее хулил, называя сыном плотника, Того Самого исповедую ныне Сыном Божиим, Единородным, соприсносущим Отцу и собезначальным, «Сей, будучи сияние славы отчей и образ ипостаси его» (Евр.1:3), в последние дни сии уничижил «Себя самого, приняв образ раба» (Флп.2:7), став совершенным человеком, родившись от Пресвятой Девы Богородицы Марии, приняв вольные страдания и крест; затем Он воскрес в третий день, явился вам, Своим апостолам, вознесся на небо и сидит по правую сторону Бога Отца; Он снова придет во славе Своей судить живых и мертвых и Царствию Его не будет конца».

Услыхав таковые слова от ранее бывшего хульника и гонителя, святой Варнава удивился; прослезившись от радости и обняв Савла, он сказал:

«Кто тебя научил, о Савл, говорить таковы богодухновенные слова? Кто тебя убедил исповедовать Иисуса Назарянина Сыном Божиим? Откуда ты научился столь совершенному познанию догматов Божественных?»

Тогда Савл, со слезами и сердцем сокрушенным, отвечал: «Сам Господь Иисус Христос, Которого я, грешный, хулил и гнал, Он меня научил всему этому; ибо Он явился мне, как извергу и вот еще теперь я слышу Его Божественный глас в ушах своих. Когда меня осиял чудный свет свыше и я упал на землю от страха, то услышал голос, говоривший: «Савл, Савл! Что ты гонишь меня?» Я же, в страхе и ужасе сказал:

– «Кто ты, Господи?»

Он же с кротостью и благоутробием отвечал мне: «Я Иисус, которого ты гонишь».

Весьма удивившись долготерпению Его и помолившись, я сказал:

– «Господи, что велишь мне делать?»

Тогда Он научил меня всему тому, что я сказал тебе (Деян.9:3–6).

После этих слов святой Варнава взял Савла за руку и привел его к апостолам, сказав:

– Вот тот, кто нас преследовал, теперь наш. Тот, кто противился нам, ныне с нами вместе мыслит о Господе нашем;

тот, кто ранее был нашим врагом, ныне нам друг и соработник в винограде Христовом. Вот представляю вам кроткого агнца, который ранее был зверем свирепым.

При этом Савл рассказал апостолам, как он на дороге видел Господа, и что Он говорил ему; рассказал также и о том, как он подвизался в Дамаске за имя Христово.

Апостолы, услыхав все это, удивились, возрадовались и прославили Бога. И был Савл вместе с ними; вместе с ними входил он и выходил из Иерусалима, подвизаясь за имя Христово и мужественно обличая иудеев и эллинов. Эти же последние весьма дивились тому, каким образом человек, столь недавно еще преследовавший всех, называвших имя Иисусово, теперь сам проповедовал Иисуса; и искали убить его. Догадавшись же об этом намерении неверных, братия отвели Савла из Иерусалима в Кесарию и отпустили его в Тарс[3838], в отечество его, дабы он там проповедовал Господа Иисуса Христа.

В это время в Антиохии сирийской, городе большом и славном, начала распространяться святая вера в Господа нашего Иисуса Христа. Ибо когда был убит святой первомученик Стефан, поднялось в тот день великое гонение на церковь Иерусалимскую, так что все верующие рассеялись по странам иудейским и самарийским, кроме апостолов; тогда некоторые из рассеявшихся доходили «до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев» (Деян.11:19); но потом и еллинам начали они благовествовать Господа Иисуса; «И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу» (Деян.11:21). Об этом услышала церковь Иерусалимская; поэтому апостолы послали святого Варнаву в Антиохию сирийскую, дабы он узнал подробнее о всем, происшедшем там и утвердил бы новообращенных. Он же, пришел туда и увидав благодать Божию, весьма возрадовался и утешил всех словом Господним, увещевая всех пребывать при Господе неотступно. В то время как святой Варнава проповедовал там недостаточное время, весьма много народу присоединилось к Господу. Так как ученики умножались с каждым днем, учителей же было немного, так что многая жатва

не имела делателей, то святой Варнава, оставив на время Антиохию, отправился в Тарс, желая найти здесь друга своего Савла; найдя его, он привел в Антиохию; и трудились оба они в обращении душ человеческих ко Христу Богу, приводя к вере во Христа иудеев и эллинов. Пробыли они в Антиохии целый год, собираясь в храме и поучая народ. Здесь впервые ученики их начали называться христианами.

По прошествии года, Варнава и Савл решили возвратиться в Иерусалим для того, чтобы возвестить святым апостолам о том, как действовала в Антиохии благодать Божия. При этом каждый из антиохиян, соответственно состоянию своему, отправил вместе с Варнавой и Савлом все потребное проживавшим в Иудее собратиям своим, обнищавшим и убогим, ибо тогда был голод великий в Иудее, согласно пророчеству святого Агава: сей Агав был также из числа семидесяти апостолов[3839]. Собрав достаточную милостыню, антиохияне отправили ее к старцам через посредство Варнавы и Савла.

Когда Варнава и Савл, называвшийся теперь Павлом, прибыли в Иерусалим, то они весьма возвеселили Церковь, возвестив об умножении верующих в Антиохии и принеся щедрую милостыню от них.

В это время в церкви Иерусалимской внезапно произошло большое смущение, ибо «царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежавших к церкви» (Деян.12:1), и «умертвил Иакова Зеведеева, брата Иоанна, мечом» (Деян.12:2). Заметив же, что это понравилось иудеям, приказал взять Петра и заключил его в темницу, из которой апостол Петр был выведен святым Ангелом. Все это время пока в Иерусалиме не утихло смущение, нанесенное Церкви гонителями, Варнава и Савл укрывались в доме вышеупомянутой Марии, тетки Варнавы, к которой пришел и святой Петр, после того как Ангел вывел его из темницы. Потом Варнава и Савл, окончив свое дело в Иерусалиме, снова возвратились в Антиохию, взяв с собой и сына Марии, по имени Иоанн, названного Марком. После того как все они пробыли достаточное время в Антиохии, подвизаясь в посте, молитве, в служении Божественной литургии и в проповеди слова Божия, благоугодно было Духу Святому

послать их на проповедь язычникам. Дух Святой сказал бывшим в Антиохии пророкам и учителям: «отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их» (Деян.13:2,3). Они прежде всего пошли в Селевкию[3840], отсюда отплыли в Кипр и остановились в Саламине[3841]. Всюду, где ни проходили, они возвещали слово Божие; они имели своим слугой вышеупомянутого Иоанна, названного потом Марком, сына Марии. Пройдя остров до Пафа[3842], они встретили некоего волхва лжепророка иудеянина, по имени Еллима, при анфипате Сергии, муже весьма разумном. Здесь они просветили анфипата святой верой, Еллима же волхва, противившегося им, они ослепили словом. Отъехав из Пафа, они пришли в Пергию памфилийскую. Слуга же их Иоанн, он же и Марк, увидав их великие злострадания, которые претерпевали они за благовестие имени Христова, (ибо они нисколько не боялись смерти), устрашился ходить с ними по причине своих юных лет; поэтому, оставив их, он возвратился в Иерусалим, к матери своей. Варнава же с Павлом, пройдя Пергию, пришли в Антиохию писидийскую (город отличный от великой Антиохии сирийской). Будучи изгнаны отсюда, они оттрясли прах от ног своих и прибыли в Иконию[3843]; но и здесь иудеи и язычники намеревались побить их камнями; они же, узнав об этом, с поспешностью пошли в города ликаонские[3844], Листру и Дервию, и в их окрестности и благовествовали здесь. Здесь они и исцелили одного хромого, бывшего в недуге своем от времени рождения своего и никогда не ходившего; апостолы поставили его на ноги, так что он стал вполне свободно ходить. Народ же, приняв их за богов, вознамерился принести им жертвы; при этом народ называл Варнаву Зевсом[3845], а Павла Гермесом[3846], и едва святые апостолы уговорили народ не приносить им жертв. Потом тот же народ, будучи научен иудеями, поднял мятеж на святых апостолов: побив Павла камнями, народ извлек его из города, думая, что он умер; но он, поднявшись, вошел в город, а на следующее утро он и Варнава вышли из города и отправились в Дервию. Достаточно благовестив этому городу и обратив здесь многих ко Христу, святые апостолы

предприняли обратный путь к Антиохии сирийской, направляясь через те же города и селения. Всюду по пути своему они утверждали души учеников, увещевая их пребывать в вере и поучая их, что многими скорбями надлежит входить нам в Царство Небесное. Рукоположив пресвитеров по всем церквам и помолившись с постом, они оставили учеников своих Господу, в Которого те уверовали. Быв в Пергии и возвестив здесь слово Господне, апостолы отправились отсюда в Атталию[3847], затем отплыли в Антиохию сирийскую, откуда посланы были Духом Святым проповедовать язычникам слово Господне. Придя в город и собрав всех верных, они рассказали им все, что сотворил с ними Бог, и сколь многих язычников они обратили ко Христу, и пробыли в Антиохии немалое время.

Вскоре после этого между уверовавшими евреями и еллинами поднялся спор об обрезании, ибо некоторые из иудеев говорили, что те, кто не обрежется по закону Моисееву, не могут спастись. Уверовавшие же из эллинов считали обрезание большой тягостью для себя. Варнава и Павел противились иудеям и защищали эллинов от обрезания. Но так как спор и пререкание по этому вопросу не прекращались, то для Варнавы и Павла явилась необходимость отправиться из Антиохийской церкви снова в Иерусалим к апостолам и старцам, дабы спросить их об обрезании. Варнаве и Павлу, кроме того, было необходимо возвестить апостолам, что Бог «отверз дверь веры язычникам» (Деян.15:4). Варнава и Павел, посланные церковью (Антиохийской), проходя по Финикии и Самарии, всюду возвещали об обращении язычников, чему верующие весьма радовались.

Когда они прибыли в Иерусалим, то были приняты здесь с любовью святыми апостолами и старцами; все с радостью слушали Варнаву и Павла, возвестивших о всех дивных знамениях и чудесах, которые Бог сотворил рукой их среди язычников. Относительно же обрезания апостолы, посоветовавшись соборне, постановили отменить его навсегда для верующих не только из числа эллинов, но и иудеев, как излишнее при новой благодати. При этом апостолы сочли нужным послать и от себя некоторых христиан вместе с

Варнавой и Павлом в Антиохию, к уверовавшим еллинам; для этой цели избрали Иуду, называемого Варсавой, и Силу, мужей известнейших среди братии и написали так: «Апостолы и пресвитеры и братия находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братиям из язычников: радоваться. Поскольку мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали: то мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавой и Павлом, человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. Итак, мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно. Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здравы» (Деян.15:23–29).

С таковым посланием отправились в путь святые апостолы Варнава и Павел, а вместе с ними и Иуда и Сила, направившись из Иерусалима в Антиохию. В это время упомянутый Иоанн, называемый Марком, сын Марии, тетки Варнавы, не осмеливаясь приблизиться к святому Павлу, подошел к дяде своему, святому Варнаве, с покаянием и слезами, сожалея, что отлучился от них, когда они проповедовали язычникам: Иоанн начал просить святого Варнаву снова взять его с собой, обещая без страха идти на все страдания и самую смерть за Господа: Варнава взял его, как племянника своего. Вместе дошли все до Антиохии. Собрав верных, апостолы отдали им послание; прочитав его, все весьма возрадовались. Иуда же и Сила словом своим утешили братию и утвердили их о Господе. Спустя некоторое время Иуда возвратился в Иерусалим, но Сила продолжал оставаться там. Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя слово Господне прочим.

Спустя некоторое время после этого, Павел сказал Варнаве: «Мы должны опять посетить братий наших; мы

должны пройти по всем городам, в которых проповедовали имя Господне, дабы видеть, как живут братия».

Святой Варнава дал свое согласие на это. При этом Варнава хотел взять с собой Иоанна, называемого Марком, племянника своего; Павел же не хотел этого, говоря: «Для чего мы возьмем с собой трусливого юношу, который ранее оставил нас в Памфилии, не пожелав идти с нами на дело, на которое мы посланы и отлучившись от нас, возвратился к своим родным?»

Произошла распря между нами, так как Варнава хотел взять Иоанна, Павел же не хотел; поэтому они разошлись друг с другом, намереваясь каждый пойти своим путем.

Все это случилось по усмотрению Божию, дабы они, идя врозь, спасли большее число душ. Вполне достаточно было проповедовать одному великому учителю там, где намеревались идти два великих учителя; каждый же, проповедуя отдельно, сделал бы сугубое приобретение для Церкви – один в одной стране, другой в другой, обратив к вере Христовой различных народов. Святой Павел, взяв с собой святого Силу, отправился в Дервию и Листру, а святой Варнава отплыл в Кипр с племянником своим Иоанном[3848].

Достигнув острова Кипра, – своего отечества, святой Варнава предпринял немалые труды, ибо обратил здесь ко Христу много народа. Умножив в Кипре число верующих, Варнава отправился в Рим и, как говорят некоторые, – первый проповедал в Риме Христа. Затем основав и утвердив в городе Медиолане[3849] епископский престол, Варнава снова возвратился в Кипр. Когда он учил здесь о Христе, в городе Саламине, пришли сюда некоторые иудеи из Сирии и начали противиться ему и возмущать народ, говоря, что все, проповедуемое Варнавой, противно Богу и закону Моисееву; эти иудеи поносили многими хулами честное имя Варнавино и замыслили умертвить его, возбудив против него многих. Апостол же, провидя свою мученическую кончину, созвал всех верных, живших в городе том; достаточно поучив их в вере и добрых делах и убедив быть мужественными в исповедании имени Христова, совершил Божественную литургию и причастил

всех Христовых Тайн. Потом, взяв отдельно Марка, спутника своего, сказал ему: «В этот день я окончу жизнь свою, приняв смерть из рук неверных иудеев, как сказал мне Господь; ты же, взяв тело мое, которое найдешь вне города на западной стороне, похорони его и иди к другу моему, апостолу Павлу; возвести ему все то, что ты знаешь о мне».

Святой Варнава имел с собой Евангелие от Матвея, написанное своей собственной рукой; он завещал святому Марку похоронить его вместе с тем Евангелием. Потом, дав последнее целование сроднику своему святому Марку, Варнава отправился на сонмище еврейское. Когда он начал говорить здесь от книг пророческих о Христе, то иудеи, пришедшие из Сирии, восстали на него, возмутили и других евреев и, возложив на него свои убийственные руки, вывели его из города к западной стороне и побили здесь каменьями; потом, разложив костер, бросили на него тело святого апостола для сожжения. Но когда сюда впоследствии тайно от всех пришел святой Марк вместе с прочими братиями, то он нашел тело святого апостола Варнавы невредимым, совершенно не пострадавшим от огня; взяв его, он похоронил его в одной пещере, отстоявшей на пять стадий от города, причем, согласно завещанию апостола, положил на груди его Евангелие[3850]. Потом отправился на поиски апостола Павла; найдя его в Ефесе[3851], рассказал ему все о кончине святого апостола Варнавы; святой Павел оплакал кончину Варнавы, Марка же удержал при себе.

После убиения святого Варнавы в городе Саламине поднялось великое гонение от евреев на верующих; поэтому все бежали из этого города и скрывались, где могли. С этого времени пришло в забвение то место, где были положены честные мощи апостола Варнавы. Спустя много лет, когда вера Христова распространилась по всем концам земли, когда Греко-римским царством управляли христианские цари и когда остров Кипр просиял благочестием и правоверием, Господу благоугодно было прославить то место, на котором почивали мощи Апостола Варнавы. На этом месте начали происходить многие дивные чудеса. Так первоначально один недужный, переночевавший на том месте, получил здравие. То же самое

случилось и с другим больным. Когда же об этом узнали верующие, то нарочито приходили к тому месту, проводили здесь ночь и получали исцеление от недугов своих. Таким образом место то сделалось всюду известным; поэтому сюда приносили многих немощных и расслабленных; все получали здесь полное исцеление от недугов своих и возвращались в дома свои здоровыми. Приводились сюда также и бесноватые, и тотчас духи нечистые отбегали от людей с громкими воплями. Здесь хромые получали хождение, слепые прозрение, и вообще всякий, кто бы ни был одержим каким недугом, получал здесь исцеление. Жители города Саламина весьма радовались по поводу этого, хотя и не знали, по какой причине на этом месте творились столь великие чудеса, ибо никто ничего не знал о мощах апостоловых; поэтому место то назвали «Местом здравия». Но необходимо знать, каким образом были обретены честные мощи святого апостола.

Некий злой еретик, Петр белильник, по прозванию Кнафей, противник IV Вселенского собора святых отцов[3852], происходившего в городе Халкидоне[3853], и защитник ереси Евтихиевой, а также и пособник зловерия Аполлинариева[3854], в царствование Зенона[3855], хитростью захватил престол антиохийского патриаршества и приносил весьма большой вред своим неправым учением Церкви Христовой. Но он не удовольствовался назначенной ему антиохийской епархией, в которой гнал и преследовал христиан, предавая их многим мучениям; он пожелал захватить под свою власть и остров Кипр, издревле свободный, дабы сеять в нем свое лжеучение и преследовать всех, кто стал бы противиться ему (следует заметить, что кипряне, будучи правоверными христианами, отвергали его неправое мудрствование о том, что на кресте пострадало божество).

Но он всячески старался привлечь их на свою сторону, говоря так: «Так как слово Божие пришло в Кипр из Антиохии, то по этой причине кипрская церковь должна подчиняться патриарху антиохийскому».

По причине всего этого архиепископ кипрский, по имени Анфим, повергся в великую печаль, ибо знал, что тот Петр,

пользуясь у царя милостью, очень легко мог достигнуть всего, чего бы ни захотел. И действительно в скором времени пришло приказание царское в Кипр, повелевавшее архиепископу кипрскому прибыть в Царьград для ответа на соборе перед патриархом антиохиянам, требовавшим подчинения острова Кипра епархии антиохийской.

Архиепископ не знал, как ему поступить, ибо и повеления царского ослушаться он не дерзал, и идти в Царьград боялся. Хотя он и проводил святую жизнь, но не обладал даром красноречия и боялся, что будет побежден в споре своими противниками. Поэтому он начал усердно поститься и молиться, испрашивая со слезами помощи, защищения и совета полезного от Самого Бога.

Один раз ночью, когда Анфим задремал от великого молитвенного труда, перед ним предстал некий Божественный муж в светлой священной ризе, осиянный небесными лучами. Явившийся сказал: «Для чего ты, архиепископ, так опечалился и восскорбел? Не бойся, ибо ты нисколько не пострадаешь от своих противников».

Сказав это, явившийся муж вдруг стал невидим. Архиепископ, пробудившись от сна, преисполнился ужаса; потом распростерся на земле крестообразно для молитвы и начал молиться со многими слезами, говоря так: «Господи Иисусе Христе, Сын Бога Живаго! Не оставь Церкви Твоей, но окажи ей помощь славы ради имени Твоего святого. Если это видение было от Тебя, то устрой так, чтобы я видел его еще раз, молю Тебя, и третий раз, дабы я, грешный, окончательно удостоверился, что Ты, Помощник мой, со мной!»

В следующую ночь архиепископ имел то же видение; тот же пресветлый муж явился ему и сказал: «Я тебе уже сказал, что ты нисколько не пострадаешь от своих противников, итак, ничего не опасаясь, иди в Константинополь».

Сказав это, явившийся стал невидим.

Архиепископ Анфим, снова возблагодарив Бога и никому ничего не сказав о виденном, присоединил молитву к молитве и слезы к слезам, да сподобится он сего видения и в третий раз и да будет открыто ему, кто был являвшийся.

В третью ночь тот же муж явился и сказал: «До каких пор ты не будешь веровать словам моим, которые сбудутся в ближайшие дни? Иди без страха в царствующий град, ибо оттуда возвратишься со славой, не потерпев нисколько от противников своих; Сам Бог ради меня, раба Своего, будет твоим защитником».

Тогда архиепископ, дерзнул сказать явившемуся: «Молю тебя, господин мой, скажи мне, кто ты, говорящий мне эти слова?»

Он же отвечал: «Я – Варнава, ученик Господа нашего Иисуса Христа, которого Дух Святой посылал вместе с избранным сосудом Своим святым Апостолом Павлом на проповедь слова Божия язычникам. Для того же, чтобы ты удостоверился в истинности слов моих, вот тебе знамение: выйди за город к западной стороне на пять стадий и на том месте, которое называется «Местом здравия» (ибо там ради меня Бог чудесно подает болящим здравие), раскопай землю под деревом, произращающим рожки: там ты найдешь пещеру и раку, в которой положены мощи мои; найдешь также и Евангелие, написанное моею собственной рукой, которое я переписал от святого евангелиста Апостола Матвея. И когда твои противники, намеревающиеся подчинить своей власти эту церковь, начнут говорить, что Антиохия есть престол апостольский, ты возражай им и скажи: – и мой город – престол апостольский, ибо я имею апостола, почивающего в городе моем».

Когда святой Варнава сказал это архиепископу, тотчас стал невидим. Архиепископ же, преисполнившись великой радости и весьма возблагодарив Бога, созвал клириков, начальников города и весь народ и рассказал всем о бывшем ему троекратном явлении и речах святого Апостола Варнавы; затем отправился со псалмопением к тому месту в преднесении Честного Креста. Когда дошли до указанного места, начали раскапывать землю под деревом, как сказал в видении апостол; раскопав сверху землю, нашли пещеру, закрытую камнями; сняв камни, увидели раку и ощутили великое и несказанное благоухание; открыв же раку, увидели в ней честные мощи

святого Апостола Варнавы в целости и неповрежденности, увидели также и Евангелие, лежавшее на персях его[3856]. Все в великой радости и веселии воздали Богу славу и с благоговением поклонились честным мощам, прикасаясь им с верой и любовью. В это время произошли многие чудеса: все, кто ни был одержим каким недугом, – получали здравие после прикосновения к честным мощам. Потом архиепископ Анфим, не осмеливаясь взять с того места раку с мощами апостоловыми, запечатал ее оловом и приказал пребывать при раке чину духовному и совершать при гробе апостольском денно и нощно обычные псалмопения. Сам же отправился в Царьград; представ собору, он отвечал противникам своим так, как научен был Апостолом Варнавой. Император Зенон весьма возрадовался тому, что во дни его царствования обретено было столь великое духовное сокровище, и тотчас распорядился, чтобы остров Кипр не был в подчинении у патриарха, но самостоятельно управлялся бы своим архиепископом; распорядился также, чтобы архиепископ кипрский поставлялся своими епископами.

Такова свобода дарована была острову Кипру ради мощей святого Апостола Варнавы: с этого времени престол архиерейства кипрского начал называться престолом апостольским, как и прочие патриаршие престолы. Блаженный же Анфим, архиепископ кипрский, был награжден большими почестями от царя и от всего духовного собора. Царь попросил себе Евангелие, обретенное на груди апостола: приняв его, он украсил его золотом и драгоценными камнями и положил его к царской палате своей церкви; архиепископу же дал весьма много золота для построения прекрасного храма на том самом месте, где были обретены честные мощи апостола Варнавы.

Таким образом архиепископ возвратился к себе со славой и честью и в скором же времени выстроил великий и красивый храм во имя апостола; честные мощи святого апостола он положил во святом алтаре, на правой стороне и установил праздновать память святого апостола Варнавы в одиннадцатый день месяца июня (в каковой день были обретены честные

мощи его), во славу Христа, Бога нашего, славимого со Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Господень был еси всеистинный служитель, Апостолов же явился еси седмидесятих первый: озарил еси с Павлом проповедь твою, всем возвещаяй Христа Спаса: сего ради песнопении Божественную память твою Варнаво, совершаем.

Житие преподобного отца нашего Онуфрия Великого

Память 12 июня

Преподобный Пафнутий[3857], подвизавшийся в одном из пустынножительных монастырей египетских, оставил нам повествование о том, как он обрел в пустыне преподобного Онуфрия Великого, а также и других пустынников. Свое повествование он начинает так:

Однажды, когда я пребывал в безмолвии в монастыре своем, пришло ко мне желание пойти во внутреннюю пустыню[3858], чтобы видеть, есть ли там инок, более меня работающий Господу? Встав, я взял с собой немного хлеба и воды и отправился в путь; я вышел из монастыря своего, никому ничего не сказав, и направился в самую внутреннюю пустыню. Я шел четыре дня, не вкушая ни хлеба, ни воды и дошел до некоторой пещеры, закрытой со всех сторон и имевшей только одно небольшое оконце. Я простоял у окна в продолжение часа, надеясь, что, по обычаю иноческому, ко мне кто-либо выйдет из пещеры и выскажет мне приветствие о Христе; но так как мне никто ничего не говорил и не открывал дверей, то я сам открыл двери, вошел и высказал благословение. В пещере я увидел некоего старца, сидевшего и как бы спящего. Я снова высказал ему благословение и прикоснулся к его плечу, намереваясь его разбудить, но тело его было как прах земной; осязав его руками, я убедился, что он умер уже много лет тому назад. Увидав одежду, висевшую на стене, я прикоснулся к ней; и была она как прах в руке моей. Тогда я снял с себя свою мантию и покрыл ею тело умершего, затем, выкопав руками своими яму в песчаной земле, похоронил тело подвижника с обычным псалмопением, молитвой и слезами. Потом, вкусив немного хлеба и испив воды; я подкрепил свои силы и переночевал при могиле того старца.

На следующий день утром, сотворив молитву, я отправился в дальнейший путь к внутренним пустыням; идя в течение

нескольких дней, я натолкнулся на другую пещеру; услыхав около нее человеческие крики, я подумал, что в той пещере, вероятно, жил кто-нибудь; я постучал в дверь; но, не получив ответа, вошел внутрь пещеры; не найдя здесь никого, я вышел наружу, помышляя про себя, что здесь, вероятно, живет один из рабов Божиих, ушедший в это время в пустыню. Я решил ждать на этом месте того раба Божия, так как желал видеть его и приветствовать о Господе; и пробыл в ожидании весь день, все время воспевая псалмы Давидовы. То место показалось мне очень красивым: здесь росла финиковая пальма с плодами, протекал небольшой источник воды; я весьма дивился красоте места того и желал сам жить на месте этом, если бы это было для меня возможно.

Когда день начал уже склоняться к вечеру, я увидел стадо буйволов, шедших по направлению ко мне; увидал также и раба Божия, шедшего среди животных (то был Тимофей пустынник[3859]). Когда стадо приблизилось ко мне, то я увидел мужа без одежды, прикрывавшего наготу тела своего лишь одними волосами. Подойдя к тому месту, на котором я стоял, и посмотрев на меня, человек тот принял меня за духа и привидение, и стал на молитву, ибо многие нечистые духи искушали его привидениями на месте том, как он сам рассказал мне потом об этом.

Я же сказал ему:

– Чего ты устрашился, раб Иисуса Христа, Бога нашего? Посмотри на меня и на следы от ног моих, и знай, что я такой же человек, как и ты; удостоверься осязанием, что я – плоть и кровь.

Посмотрев на меня и убедившись, что я действительно человек, он утешился и, возблагодарив Бога, сказал:

– Аминь.

Потом подошел ко мне, облобызал меня, ввел в свою пещеру и предложил мне для вкушения финиковые овощи; подал и чистой воды из источника, и сам вкусил ради меня; потом спросил меня, сказав:

– Каким образом ты пришел сюда, брат? Я же, раскрывая перед ним свои мысли и намерения, отвечал:

– Желая видеть рабов Христовых, подвизающихся в сей пустыни, я вышел из монастыря моего и пришел сюда; и Бог не лишил меня исполнения намерения моего, ибо сподобил меня видеть твою святость.

Потом я спросил его:

– Как ты, отче, пришел сюда? Сколько лет подвизаешься в этой пустыне, чем питаешься и почему ты ходишь нагим и ничем не одеваешься?

Тогда он поведал мне о себе следующее: «Сначала я жил в одной из фиваидских киновий[3860], проводя жизнь иноческую и усердно служа Богу. Я занимался тканьем. Но во мне явился такой помысл: выйди из киновий и живи один, трудись, подвизаясь, дабы воспринять от Бога большую мзду, ибо ты можешь от плода рук своих не только сам питаться, но и нищих питать и давать покой странствующим братиям. Вняв с любовью своему помыслу, я ушел из братства, построил себе келью близ города и упражнялся в своем рукоделании; для меня было всего достаточно, ибо трудами рук своих я собирал все необходимое для себя; ко мне приходили многие, требовавшие изделий рук моих и приносили все необходимое; я давал приют странникам, избыточествующее же раздавал нищим и нуждающимся. Но моему житью позавидовал враг спасения нашего, диавол, всегда со всеми воюющий; желая погубить все труды мои, он внушил некоей женщине прийти ко мне ради моего рукоделия и просить меня приготовить полотно; приготовив, я отдал его ей. Потом она попросила меня приготовить ей еще полотна; и случилась между нами беседа, явилось дерзновение; зачав грех, мы родили беззаконие; и пребывал я с ней в течение шести месяцев, греша все время. Но, наконец, я помыслил про себя, что ныне или завтра меня постигнет смерть и я буду мучиться вечно. И сказал я себе: «Увы мне, душа моя! Лучше тебе бежать отсюда, дабы спастись от греха и вместе с тем от муки вечной!»

«Поэтому, оставив все, я тайно убежал оттуда и пришел в эту пустыню, дойдя до места сего, я нашел эту пещеру, источник и финиковую пальму, имевшую двенадцать ветвей; каждый месяц одна из ветвей рождает такое количество плодов,

которого вполне хватает для пропитания моего в продолжение тридцати дней. Когда же оканчивается месяц и вместе с тем плоды на одной ветви, тогда созревает другая ветвь. Так, благодатью Божиею я питаюсь, и ничего другого не имею в своей пещере. И одежды мои от долгого времени, придя в ветхость, уничтожились, по истечении многих лет (ибо я уже тридцать лет подвизаюсь в пустыне этой) выросли на мне волосы, как ты видишь; они заменяют для меня одежду, прикрывая наготу мою».

Выслушав все это от подвижника (повествует Пафнутий), я спросил его:

– Отче! В начале твоих подвигов на этом месте, испытывал ли ты какие препятствия или нет?

Он отвечал мне:

– Я претерпел бесчисленные нападения бесов. Много раз они вступали в борьбу со мной, но не могли одолеть меня, ибо мне помогала благодать Божия; я противился им знамением крестным и молитвой. Кроме вражьих нападений, моим подвигам препятствовала еще болезнь телесная; ибо я весьма страдал желудком, так что падал на землю от сильной боли; я не мог творить своих обычных молитв, но, лежа в пещере своей и валяясь по земле, с большими усилиями совершал пение, и совершенно не имел сил выйти из пещеры. Я молился Богу милосердному, чтобы Он дал мне прощение грехов моих ради болезни моей. Однажды, когда я сидел на земле и тяжко страдал желудком, я увидал честного мужа, стоявшего предо мной и сказавшего мне:

– Чем ты страдаешь?

Я же едва мог ответить ему:

– Я страдаю, господин, желудком.

Он сказал мне:

– Покажи мне, где болит.

Я показал ему. Тогда он простер руку свою и положил свою ладонь на больное место; я тотчас выздоровел. Он же сказал мне:

– Вот ты теперь здоров, не греши же, чтобы тебе не было хуже, но работай Господу и Богу твоему от ныне и до века.

С того времени я не болею, по милости Бога, славя и хваля милосердие Его.

В такой беседе (говорит Пафнутий) я провел с тем преподобным отцом почти всю ночь: утром же я встал на обычную молитву.

Когда наступил день, я начал усердно просить того преподобного отца позволить мне жить или близ него или где-либо отдельно поблизости от него. Он же сказал мне: «Ты, брат, не вынесешь здесь демонских напастей». По этой причине он и не позволял мне остаться при нем. Я просил его также сказать мне свое имя. И сказал он: «Имя мое – Тимофей. Поминай меня, брат возлюбленный, и моли обо мне Христа Бога, да явит Он мне до конца милосердие Свое, которого сподобляет меня».

Я, говорит Пафнутий, припал к ногам его, прося его помолиться обо мне. Он же сказал мне: «Владыка наш Иисус Христос, да благословит тебя, да сохранит тебя от всякого искушения вражеского и да наставит тебя на путь правый, дабы ты беспрепятственно достиг святости».

Благословив меня, преподобный Тимофей отпустил меня с миром. Я взял из рук его себе в путь финиковые овощи, почерпнул воды из источника в свой сосуд, потом, поклонившись святому старцу, ушел от него, прославляя и благодаря Бога за то, что Он сподобил меня видеть такового угодника Своего, слышать слова его и восприять от него благословение.

На возвратном пути оттуда спустя несколько дней я пришел в пустынный монастырь и остановился в нем, дабы отдохнуть и пробыть некоторое время. Со скорбью я помышлял в себе какова жизнь моя? Каковы подвиги мои? Моя жизнь не могла быть названа даже тенью сравнительно с житием и подвигами этого великого угодника Божия, которого я сейчас видел. Я пробыл немало дней в таковых размышлениях, желая подражать в богоугождении тому праведному мужу. По милосердию Божию, подвигшему меня позаботиться о душе своей, я не обленился снова идти во внутреннюю пустыню непроходимым путем – той дорогой, где жил варварский народ, называемый мазиками. Я весьма хотел узнать, есть ли еще

другой такой пустынник, служивший Господу? Я весьма хотел найти его, дабы получить от него пользу для души своей.

Отправляясь в предпринимаемый мной пустынный путь, я взял с собой немного хлеба и воды, которых хватило на непродолжительное время. Когда же хлеб и вода были мной уничтожены, то я восскорбел, ибо не имел пищи, однако, я крепился и шел еще четыре дня и четыре ночи без пищи и пития, так что весьма изнемог телом; я упал на землю и стал ожидать смерти. Тогда я увидел святоподобного, прекрасного и пресветлого мужа, подошедшего ко мне; возложив свою руку на уста мои, он стал невидим. Тотчас я ощутил в себе крепость сил, так что мне не хотелось ни есть, ни пить.

Встав, я снова пошел во внутреннюю пустыню и прошел еще четыре дня и четыре ночи без пищи и пития; но вскоре опять стал изнемогать от голода и жажды. Воздев руки к небу, я помолился Господу, и снова увидел того же мужа, который подошел ко мне, коснулся рукой своей уст моих и стал невидим. От сего я получил новую силу и отправился в путь.

На семнадцатый день своего путешествия я подошел к некоей высокой горе; утрудившись от пути, я сел у подножия горы, дабы отдохнуть немного. В это время я увидел мужа, приближавшегося ко мне, очень страшного на вид; он весь был покрыт волосами, как зверь, при этом волосы его были белы как снег, ибо он был седым от старости. Волосы его головы и бороды были очень длинны, доходили даже до земли и покрывали все тело его как некая одежда, бедра же его были опоясаны листьями пустынных растений. Когда я увидал сего мужа, приближавшегося ко мне, то пришел в страх и побежал на скалу, находившуюся на верху горы. Он же, дойдя до подножия горы, сел в тень, намереваясь отдохнуть, ибо весьма утрудился от зноя, а также и от старости. Посмотрев на гору, он увидел меня и, обратившись ко мне, сказал: «Подойди ко мне, человек Божий! Я такой же человек, как и ты; я живу в пустыне сей, подвизаясь Бога ради».

Я (говорит Пафнутий) услыхав это, поспешил к нему и пал к ногам его. Он же сказал мне:

«Поднимись, сын мой! Ведь и ты – раб Божий и друг святых Его; имя же твое – Пафнутий».

Я встал. Тогда он приказал мне сесть, и я сел с радостью близ него. Я начал его усердно просить, – сказать мне свое имя и описать мне свою жизнь, – как он подвизается в пустыне и как много времени живет здесь. Уступая моим неотступным просьбам, он начал свое повествование о себе так: «Имя мое – Онуфрий; я живу в этой пустыне шестьдесят лет, скитаясь по горам; я не видал ни одного человека, ныне вижу лишь тебя одного. Раньше я жил в одном честном монастыре, называвшемся Эрити[3861] и находившемся близ города Гермополя, что в Фиваидской области. В монастыре том проживает сто братии; все они живут в полном единодушии друг с другом, проводя общую согласную жизнь в любви о Господе нашем Иисусе Христе. У них общая пища и одежда; они проводят безмолвную постническую жизнь в мире, славя милость Господню. Во дни своего детства я как новоначальный, был наставляем там святыми отцами усердной вере и любви к Господу, а также поучался и уставам иноческого жития. Я слышал, как они беседовали о святом пророке Божием Илии, именно, что он, укрепляемый Богом жил, постясь, в пустыне, слышал также и о святом Предтече Господнем Иоанне, которому не был подобен никогда ни один человек (Мф.11:11), относительно его жизни в пустыне, до дня явления своего Израилю. Слышав все это, я спросил святых отцов: «Что же: значит, те, кто подвизается в пустыне, больше вас в очах Божиих?»

Они же отвечали мне: «Да, чадо, они больше нас; ибо мы видим ежедневно друг друга, совершаем соборно церковное пение с радостью; если захотим есть, то имеем уже готовый хлеб, точно так же, если захотим пить, имеем готовую воду; если случится кому-либо из нас заболеть, то таковой получает утешение от братии, ибо мы живем сообща, друг другу помогаем и служим ради любви Божией; живущие же в пустыне лишены всего этого. Если с кем-либо из пустынножителей случится какая-либо неприятность, кто его утешит в болезни, кто ему поможет и послужит если на него нападает сила

сатанинская, где он найдет человека, который ободрит его ум и преподаст ему наставление, так как он один? Если не будет у него пищи, где он достанет ее без труда; точно так же, если и возжаждет, то не найдет воды поблизости. Там, чадо, несравненно больший труд, нежели у нас, живущих сообща; предпринимающие пустынную жизнь начинают служить Богу с большим усердием, налагают на себя более строгий пост, подвергают себя голоду, жажде, зною полуденному; великодушно претерпевают холод ночной, крепко сопротивляются козням, наносимым невидимым врагом, всячески стараются победить его, с усердием стараются пройти тесный и прискорбный путь, ведущий во Царствие Небесное. По этой причине Бог посылает к ним святых Ангелов, которые приносят им пищу, изводят воду из камня и укрепляют их настолько, что относительно них сбываются слова пророка Исайи, говорящего: «а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся» (Ис.40:31). Если же кто из них и не сподобляется лицезрения Ангельского, то во всяком случае не лишается невидимого присутствия Ангелов Божиих, которые охраняют такого пустынника во всех путях его, защищают от наветов вражьих, способствуют такому в добрых делах его и приносят Богу молитвы пустынника. Если с кем-либо из пустынников случается какая-либо нечаянная напасть вражья, то он воздевает руки свои к Богу, и тотчас ниспосылается ему помощь свыше и отгоняются все напасти ради чистоты его сердечной. Разве ты не слыхал, чадо, сказанного в Писании, что Бог не оставляет без внимания ищущих Его, ибо не навсегда забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет (Пс.9:19). И еще: Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он избавил их от бедствий их (Пс.106:6): ибо Господь воздает каждому соответственно тому труду, который кто принимает на себя. Блажен человек, творящий волю Господню на земле и усердно Ему работающий: таковому служат Ангелы, хотя бы невидимо: они возвеселяют сердце его радостью духовной и укрепляют того человека всякий час, пока он находится во плоти».

Все это я, – смиренный Онуфрий, – слышал в своем монастыре от святых отцов, и от слов этих усладилось сердце мое, ибо слова сии для меня были приятнее меда, и показалось мне, что я был как в другом некоем мире; ибо во мне явилось непреодолимое желание идти в пустыню. Встав ночью и взяв немного хлеба, так что его едва хватило бы на четыре дня, я вышел из монастыря, возложив все надежды свои на Бога; я пошел дорогой, ведущей к горе, намереваясь идти отсюда в пустыню. Лишь только я начал входить в пустыню, как увидал перед собой ярко сиявший луч света. Весьма испугавшись, я остановился и начал уже помышлять о возвращении в монастырь. Между тем луч света приближался ко мне, и я слышал из него голос, говоривший: «Не бойся! Я – Ангел, ходящий с тобой от дня рождения твоего, ибо я приставлен к тебе Богом, дабы хранить тебя; мне было повеление от Господа – вести тебя в сию пустыню. Будь совершен и смирен сердцем перед Господом, с радостью служи Ему, я же не отступлю от тебя до тех пор, пока Создатель не повелит мне взять душу твою».

Сказав это из светлого луча, Ангел пошел впереди меня, я же последовал за ним с радостью. Пройдя около шести или семи миллиарий[3862], я увидал довольно просторную пещеру; в это время луч света Ангельского исчез из глаз моих. Подойдя к пещере, я пожелал узнать, нет ли там какого человека. Приблизившись к дверям, я, по обычаю иноческому, воззвал: «Благослови!»

И увидел я старца, видом честного и благообразного; на лице и во взгляде его сияла благодать Божия и духовная радость. Увидав сего старца, я пал к ногам его и поклонился ему. Он же, подняв меня рукой своей, поцеловал и сказал: «Ты ли это, брат Онуфрий, споспешник мой о Господе? Войди, чадо, в мое жилище. Бог да будет помощником твоим; пребывай в звании своем, совершая добрые дела в страхе Божием».

Войдя в пещеру, я сел и пробыл с ним немало дней; я старался научиться от него его добродетелям, в чем я и успел, ибо он научил меня уставу жития пустынного. Когда же старец увидел, что дух мой уже был просвещен настолько, что я

понимал, каковы должны быть дела, угодные Господу Иисусу Христу; увидав также, что я укрепился к бесстрашной борьбе с тайными врагами и страшилищами, которые имеет пустыня, старец сказал мне: «Поднимись, чадо; я поведу тебя в другую пещеру, находящуюся во внутренней пустыне, живи в ней один и подвизайся о Господе; ибо для этого Господь и послал тебя сюда, – чтобы ты был насельником пустыни внутренней».

Сказав так, он взял меня и повел в самую внутреннюю пустыню: шли же мы четыре дня и четыре ночи. Наконец, на пятый день нашли небольшую пещеру. Тот святой муж тогда сказал мне: «Вот то самое место, которое уготовано Богом для твоих подвигов». И пробыл старец со мной тридцать дней, поучая меня доброделанию; по прошествии же тридцати дней, поручив меня Богу, пошел обратно к месту своих подвигов. С тех пор он приходил ко мне один раз в год; он навещал меня ежегодно, до преставления своего Господу; в последний год он преставился ко Господу, быв у меня по обычаю своему; я же плакал весьма много и похоронил тело его близ моего жилища.

Потом я, смиренный Пафнутий, спросил его: «Отче честный! Многие ли труды предпринял ты в начале твоего прибытия в пустыню?»

Блаженный старец отвечал мне: «Имей мне веру, возлюбленный брат мой, что я предпринял столь тяжелые труды, что уже много раз отчаивался в жизни своей, считая себя близким к смерти: ибо я изнемогал от голода и жажды; с самого начала прибытия в пустыню я не имел ничего из пищи и питья, случайно разве только я находил пустынное зелье, которое и было мне пищей; жажду же мою прохлаждала только роса небесная; жар солнечный жег меня днем, ночью же я мерз от холода: тело мое покрывалось каплями дождевыми от росы небесной; чего другого я не претерпел, каких трудов и подвигов не предпринял в этой непроходимой пустыне? Пересказать о всех трудах и подвигах невозможно, да и неудобно оповещать то, что человек должен творить наедине ради любви Божией. Благий же Бог, видя, что я всего себя посвятил постническим подвигам, обрекши себя на голод и жажду, приказал Ангелу своему заботиться обо мне и приносить мне ежедневно немного

хлеба и воды для укрепления тела моего. Так был питаем я Ангелом в продолжение тридцати лет. По истечении же тридцати лет, Бог дал мне более обильное питание, ибо близ пещеры моей я нашел финиковую пальму, имевшую двенадцать ветвей; каждая ветвь отдельно от других приносила плоды свои, – одна в один месяц, другая в другой, до тех пор, пока не оканчивались все двенадцать месяцев. Когда оканчивается один месяц, оканчиваются и плоды на одной ветви; когда наступает другой месяц, начинают вырастать плоды на другой ветви. Кроме того, по повелению Божию, потек близ меня и источник живой воды. И вот уже другие тридцать лет я подвизаюсь с таким богатством, иногда получая хлеб от Ангела, иногда же вкушая финиковые плоды с кореньями пустынными, которые, по устроению Божию, кажутся мне более сладкими, нежели мед; воду же я пью из сего источника, благодаря Бога; а более всего я питаюсь и напояюсь в сладость словами Божиими, как и написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф.4:4). Брат Пафнутий! Если со всем усердием будешь исполнять волю Божию, то ты получишь от Бога все необходимое; ибо во святом Евангелии сказано: «Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? Или пить? Или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6:31–33).

Когда Онуфрий говорил все это, – я (повествует Пафнутий) весьма дивился чудному житию его. Потом снова спросил его: «Отче, каким образом ты причащаешься пречистых Христовых Тайн в субботу и в день воскресный?

Он отвечал мне: «Ко мне приходит Ангел Господень, который и приносит с собой пречистые Тайны Христовы и причащает меня. И не ко мне только одному приходит Ангел с причастием Божественным, но и к прочим подвижникам пустынным, живущим ради Бога в пустыне и не видящим лица человеческого; причащая, он наполняет сердца их неизреченным веселием. Если же кто-либо из этих пустынников пожелает видеть человека, то Ангел берет его и поднимает к

небесам, дабы он видел святых и возвеселился, и просвещается душа такого пустынника, как свет, и радуется духом, сподобившись видеть блага небесные; и забывает тогда пустынник о всех трудах своих, предпринятых в пустыне. Когда же подвижник возвращается на свое место, то начинает еще усерднее служить Господу, надеясь получить на небесах то, что он сподобился видеть».

Обо всем этом беседовал со мной Онуфрий (говорит Пафнутий) у подножия той горы, где мы встретились. Я же преисполнился великой радости от такой беседы с преподобным и также забыл все труды путешествия своего, сопряженные с голодом и жаждой. Укрепившись духом и телом, я сказал: «Блажен человек, сподобившийся видеть тебя, святой отче, и слышать прекрасные и сладчайшие слова твои!» Он же сказал мне: «Встанем же, брат, и пойдем к жилищу моему».

И поднявшись, мы пошли.

Я (говорит Пафнутий) не переставал дивиться благодати преподобного старца; пройдя два или три миллиария, мы подошли к честной пещере святого. Вблизи пещеры той росла довольно большая финиковая пальма и протекал небольшой источник живой воды. Остановившись около пещеры, преподобный помолился. Окончив молитву сказал: «Аминь».

Потом сел, предложил также и мне сесть рядом с собой. И беседовали мы, поведав друг другу о милостях Божиих.

Когда день начал склоняться к вечеру и солнце обращалось уже на запад, я увидел чистый хлеб, лежавший между нами, и приготовленную воду. И сказал мне тот блаженный муж: «Брат, вкуси хлеба, лежащего перед тобой, и испей воды, дабы укрепиться; ибо я вижу, что ты изнемог от голода и жажды и от трудов путешествия».

Я отвечал ему: «Жив Господь мой! Я не буду есть и пить один, но только вместе с тобой».

Старец же не соглашался вкусить; я долго упрашивал его и едва мог упросить исполнить мою просьбу; простерши руки, мы взяли хлеб, преломили его и вкусили; мы насытились, остался даже излишек хлеба; потом мы испили воды и возблагодарили Бога; и пробыли всю ту ночь в молитве к Богу.

Когда наступил день, я заметил, что лицо преподобного после утреннего пения молитвенного изменилось, и весьма убоялся сего. Он же, уразумев это, сказал мне: «Не бойся, брат Пафнутий, ибо Бог, милосердый ко всем, послал тебя ко мне, дабы ты предал погребению тело мое; в сегодняшний день я окончу временную жизнь мою и отойду к жизни бесконечной в покое вечном ко Христу моему».

Был же тогда двенадцатый день месяца июня; и завещал преподобный Онуфрий мне, Пафнутию, сказав: «Возлюбленный брат! Когда возвратишься в Египет, напомни обо мне всем братиям и всем христианам».

Я же (говорит Пафнутий), сказал ему: «Отче! После твоего исхода я желал бы пребывать здесь на твоем месте».

Но преподобный сказал мне: «Чадо! Ты послан Богом в пустыню эту не для того, чтобы в ней подвизаться, но для того, чтобы видеть рабов Божиих, возвратиться обратно и поведать о добродетельной жизни пустынников братиям, ради душевной пользы их и во славу Христа Бога нашего. Иди же, чадо, в Египет, в свой монастырь, а также и к другим монастырям и поведай обо всем, что ты видел и слышал в пустыне; поведай также и о том, что ты еще увидишь и услышишь; сам же подвизайся в добрых делах, служа Господу».

Когда преподобный сказал это, то я пал к ногам его со словами: «Благослови меня, честнейший отче, и помолись обо мне, дабы я снискал милость перед Богом: помолись обо мне, чтобы Спаситель мой сподобил меня видеть тебя в будущем веке, подобно тому как сподобил видеть тебя в сей жизни».

Преподобный же Онуфрий, подняв меня от земли, сказал мне: «Чадо Пафнутий! Да не будет пренебрежено прошение твое Богом, но да исполнит его Бог; да благословит тебя Бог и да утвердит в любви Своей и просветит умные очи твои к боговидению; да избавит тебя от всякого несчастия и сетей сопротивника и да продолжит начатое тобой доброе дело; да сохранят тебя Ангелы Его на всех путях твоих (Пс.90:11), да соблюдут они тебя от врагов невидимых, так что сии последние не возмогут оклеветать тебя перед Богом в час грозного испытания».

После этого преподобный отец преподал мне последнее целование о Господе; потом начал молиться ко Господу со слезами и воздыханием сердечным. Преклонив колена и помолившись довольно продолжительное время, он лег на землю и изрек свое последнее слово: «В руки Твои, Боже мой, предаю дух мой!» В то время как он говорил это, его осиял с неба дивный свет, и при сиянии сего света преподобный, веселясь лицом, испустил дух свой[3863]. И тотчас был слышен в воздухе голос Ангелов, певших и благословлявших Бога; ибо Ангелы святые, взяв душу преподобного, возносили ее с радостью ко Господу.

Я же (повествует Пафнутий) начал плакать и рыдать над честным телом его, сокрушаясь о том, что я так неожиданно лишился того, кого так недавно обрел. Потом сняв с себя одежду, я отодрал от нее нижнюю подшивку и прикрыл ею тело святого, в верхнее же сам оделся снова, дабы возвратиться к братии не нагим. Я нашел большой камень, в котором, по устроению Божию, было сделано углубление наподобие гроба; в этот камень я и положил святое тело великого угодника Божия с приличным сему случаю псалмопением. Затем, собрав много мелких камней, прикрыл ими тело святого.

После всего я начал молиться к Богу, прося Его дозволить мне обитать на том месте; я хотел уже войти в пещеру, но тотчас перед моими глазами пещера разрушилась, финиковая пальма, питавшая святого, исторглась из корня своего и источник живой воды высох; видев все это, я понял, что Богу не благоугодно было, дабы я жил здесь.

Намереваясь уйти оттуда, я съел хлеб, оставшийся от вчерашнего дня, испил также и воду, находившуюся в сосуде; потом, подняв к небу руки свои и возведши очи на небо, начал опять молиться. Тогда я увидел того самого мужа, которого прежде видел, путешествуя по пустыне; это был тот самый муж, который укрепив меня, шествовал впереди меня.

Уходя с места того, я весьма восскорбел душой, сожалея, что не сподобился видеть в живых преподобного Онуфрия более продолжительное время. Но потом я возрадовался душой, поразмыслив, что я сподобился насладиться его святой

беседой и получить благословение из уст его; и так я шел, славя Бога.

Пройдя четыре дня, я подошел к некоей келии, стоявшей высоко на горе, имевшей пещеру; войдя в нее, я никого не нашел; посидев немного, я начал думать про себя: «Живет ли кто в сей келии, к которой привел меня Бог?»

В то время как я думал так, вошел святой муж, убеленный сединами; вид его был чуден и светозарен; он был облечен в одежду, сплетенную из вербовых ветвей. Увидав меня, он сказал:

«Ты ли это, брат Пафнутий, предавший погребению тело преподобного Онуфрия?»

Я же поняв, что ему было откровение от Бога о мне, пал к ногам его. Он, утешая меня, сказал: «Встань, брат! Бог сподобил тебя быть другом святых Его; ибо я знаю, по промышлению Божию, что ты должен был прийти ко мне. Я открою тебе, брат возлюбленный, и о себе, что я шестьдесят лет пробыл в пустыне этой и никогда за это время не видал человека, который бы пришел ко мне, кроме братии, обитающей здесь со мной».

В то время как мы беседовали друг с другом, вошли три других, подобные святому, старца. И тотчас они сказали мне: «Благослови, брат! Ты – брат Пафнутий, наш сотрудник о Господе. Ты предал погребению тело святого Онуфрия. Радуйся, брат, что сподобился видеть великую благодать Божию. Господь возвестил нам о тебе, что ты сегодня придешь к нам. Господь повелел тебе пробыть вместе с нами один день. Вот мы уже шестьдесят лет пребываем в пустыне сей, живем каждый отдельно; в субботу же к воскресному дню собираемся сюда. Мы не видали человека, вот только ныне видим тебя единого».

После того как мы побеседовали о преподобном отце Онуфрии и о прочих святых, спустя два часа те старцы сказали мне: «Возьми, брат, немного хлеба и подкрепи себя, ибо ты пришел издалека; подобает нам возрадоваться с тобой».

Встав, мы принесли Богу единодушную молитву и увидали перед собой пять чистых хлебов, очень вкусных, мягких, теплых,

как бы только что испеченных. Потом те старцы принесли кое-что из плодов земных. Сев вместе, мы начали вкушать хлебы. И сказали мне старцы: «Вот мы, как сказали тебе, пребываем в пустыне этой шестьдесят лет, и всегда по повелению Божию приносились нам только четыре хлеба; ныне же, по случаю твоего прибытия к нам послался и пятый хлеб. Неизвестно нам, откуда приносятся сии хлебы, но каждый из нас, входя в пещеру свою, ежедневно находит в ней один хлеб. Когда же мы собираемся сюда накануне воскресного дня, то находим здесь четыре хлеба, каждому по одному».

По вкушении трапезы той, мы встали и возблагодарили Господа.

Между тем день склонялся к вечеру; скоро должна была наступить ночь; став с вечера субботнего на молитву, мы пробыли всю ночь без сна, молясь до утра дня воскресного.

Когда наступило утро, я начал усердно просить отцов тех, дозволить мне пробыть вместе с ними до смерти моей. Но они сказали мне: «Нет воли Божией на то, чтобы ты пребывал в сей пустыне вместе с нами; тебе необходимо идти в Египет, дабы ты возвестил христолюбивым братиям обо всем, что ты видел на память о нас и на пользу слушающим».

Когда они это сказали, я усердно начал просить их открыть мне имена свои. Но они не восхотели поведать их мне. Я долгое время с большим усердием упрашивал их, но нисколько не успел в своей просьбе: они сказали мне только: «Бог, знающий все, знает и имена наши. Поминай нас, да сподобимся видеть друг друга в горних селениях Божиих. Всячески старайся, возлюбленный, избегать искушений и соблазнов мирских, да не будешь побежден ими; ибо они вовлекли в погибель многих».

Выслушав эти слова от тех преподобных отцов, я пал к ногам их и, получив благословение от них, отправился с миром Божиим в путь мой. Те отцы предсказали мне о некоторых событиях, которые действительно и случились.

Выйдя оттуда, я шел по направлению внутренней пустыни один день; дойдя до некоей пещеры, при которой был источник живой воды, я сел для отдыха там и любовался красотой того места; ибо место то было весьма красиво; кругом источника

того росли многие садовые деревья, обремененные плодами. Немного отдохнув, я встал и походил посреди деревьев тех, удивляясь большому количеству плодов тех и помышляя про себя, – кто же насадил здесь все это. Были же здесь различные плоды деревьев, как-то: финики, цитроны, яблоки большие и красные, смоквы, бросквины и виноградные лозы[3864], увешанные большими гроздями, росло здесь много и других плодовых деревьев; плоды их были вкуснее меда; от них разливалось великое благоухание, источник же, протекавший там, орошал все те насаждения. Видя все это, я подумал, что это и есть рай Божий.

В то время как я дивился великой красоте места того, я увидал четырех благовидных юношей, шедших издалека по пустыне ко мне: юноши те были опоясаны овечьими кожами. Подойдя ко мне, они сказали: «Радуйся, брат Пафнутий!»

Я, пав лицом на землю, поклонился им.

Они же, подняв меня, сели рядом со мной и начали беседовать. Лица этих юношей сияли благодатию Божиею; мне казалось, что это были не люди, а Ангелы, сошедшие с неба. Юноши весьма обрадовались моему приходу и, взяв древесные плоды, предложили мне вкусить их; и возрадовалось сердце мое по причине их любви. Я пробыл у них семь дней, питаясь плодами с тех деревьев. Между прочим, я спросил их: «Как вы попали сюда? Откуда вы?»

Они же отвечали мне: «Брат! Так как Сам Бог послал тебя к нам, то мы поведаем тебе жизнь нашу. Мы происходим из города Оксиринха[3865]; наши родители были начальниками того города; желая обучить нас книгам, они отдали нас в одно училище, где мы в скором времени научились простой грамоте (чтению). Когда же мы начали преуспевать и в более совершенном обучении, тогда у нас всех явились одни общие и согласные убеждения, ибо Господь споспешествовал нам: мы решили изучить высшую духовную премудрость. С этого времени, собираясь ежедневно вместе, мы побуждали друг друга на усердие к службе Божией; имея благое намерение в сердцах своих, мы восхотели отыскать где-нибудь безмолвное уединенное место и пробыть на нем несколько дней в молитве,

дабы узнать Божие намерение относительно нас. Каждый из нас взял немного хлеба и воды, именно столько, сколько должно было хватить на семь дней; потом мы вышли из города. Идя несколько дней, мы достигли пустыни; войдя в пустыню, мы пришли в ужас, ибо увидали перед собой некоего светлого мужа, сиявшего славой небесной; взяв нас за руки, он повел нас, как ты видишь, на это место; потом передал нас мужу, уже состарившемуся годами, служившему Господу. И вот мы пребываем здесь уже шестой год. С тем старцем мы подвизались один год, при этом он учил и наставлял нас, – как надо служить Господу. По прошествии же года, отец наш преставился ко Господу, и с того времени мы живем здесь одни. Вот, брат возлюбленный, мы поведали тебе, – кто мы такие и откуда пришли. В продолжение всех тех шести лет, мы не вкушали ни хлеба, ни какой другой пищи, кроме плодов этих садовых деревьев; каждый из нас отдельно от прочих пребывает в безмолвии. Когда наступает суббота, то мы все собираемся на это место, видим друг друга и утешаемся о Господе. Пробыв вместе два дня, субботу и воскресенье, снова каждый расходимся на свое место».

Слыша все это от них, я, смиренный, говорит Пафнутий, спросил их: «Где же причащаетесь вы в субботу и воскресенье Божественных Тайн пречистого Тела и Крови Христа, Спасителя нашего?»

Они отвечали мне: «Для того мы и собираемся здесь каждую субботу и воскресенье, ибо Ангел святой, посылаемый Богом, приходит к нам и преподает нам святое причащение».

Я же, весьма возрадовавшись, услышав сие, восхотел дождаться у них субботы, дабы видеть святого Ангела и получить из его рук Божественное причащение. И пробыл там до субботы. Пробыли и они ради меня в одном месте, не расходясь каждый в келье свои. И проводили мы те дни в славословии Божием и в молитвах, вкушая в пищу плоды садовые и испивая воду из источника. Когда наступила суббота, рабы Христовы сказали мне: «Приготовься, возлюбленный брат, ибо ныне придет Ангел Божий и принесет нам Божественное причащение. Тот, кто сподобится восприять из рук его святое

причащение, получает прощение всем грехам своим и становится страшным для демонов, так что искушение сатанинское не может приблизиться к нему».

В то время как они говорили мне это, я обонял дивный аромат, как бы от сильного каждения фимиама и весьма изумился, ибо никогда не обонял такого дивного аромата. Я спросил юношей:

– Откуда исходит столь неизреченное благоухание?

Они отвечали мне:

– Приближается Ангел Господень с пречистыми Тайнами Христовыми.

Тотчас встав на молитву, мы начали петь и славословить Христа Царя, Бога нашего. Внезапно нас осиял свет с неба; мы увидели Ангела Божия, сходившего с высоты, блиставшего как молния. Я пал ниц на землю от страха. Юноши же те подняли меня и сказали, чтобы я не боялся. Тогда я увидел предстоящего нам Ангела Божия, в образе прекрасного юноши; красоту его трудно было описать; он держал в руке своей святой потир (чашу) с Божественными Дарами. Те рабы Божии подходили к нему по одному и причащались. После них подошел и я, грешный и недостойный, с великим трепетом и ужасом, вместе же с тем и с несказанной радостью, и сподобился причаститься пречистых Тайн Христовых из рук Ангела. Во время причащения я слышал слова Ангела:

– Да будет вам пищей нетленной, веселием нескончаемым и жизнью вечной Тело и Кровь Господа Иисуса Христа, Бога нашего.

Мы отвечали на это:

– Аминь.

После святого причащения мы получили благословение от того преславного Ангела. Потом он перед нашими глазами возлетел к небесам, мы же, пав на землю, поклонились Богу, благодаря Его за великую милость к нам. Наше сердце было преисполнено великой радости, так что мне казалось, что я нахожусь не на земле, а на небе; от той великой радости я был как бы в восторженном состоянии. Потом те святые рабы Божии принесли овощи и предложили их мне, и, сев, мы вкусили их.

Между тем суббота окончилась и наступила ночь; мы провели ее без сна в псалмопении и славословии Бога. В воскресенье мы сподобились той же благодати Божией, что и в субботу; ибо к нам пришел тем же порядком и в том же виде Ангел Божий и, причастив нас, исполнил сердца наши великой радостью. Я же, возымев дерзновение, начал просить Ангела Божия дозволить мне обитать до окончания жизни моей там вместе со святыми рабами Божиими. Но он сказал мне: «Богу не благоугодно, чтобы ты жил здесь; Он повелевает тебе немедленно идти в Египет и возвестить всем братиям о том, что ты видел и слышал в пустыне, дабы и прочая братия потщились проводить доброе житие и угодить Христу Богу. В особенности расскажи всем подробнее о святом житии и блаженной кончине преподобного Онуфрия, которого ты похоронил в камне. Передай братиям и все то, что слышал из уст его. Блажен ты, что сподобился видеть столь дивные великие дела Божия, являемые на святых Божиих. Уповай на Господа, что Он и тебя сопричтет в будущем веке к тем святым, которых ты видел и с которыми ты беседовал. Иди же ныне в путь твой, и мир Божий да будет с тобой».

Сказав это, Ангел возлетел на небо.

Я же (повествует Пафнутий) преисполнился столь великого страха и вместе радости от слов Ангела, что не мог стоять на ногах и упал на землю, как беспамятный. Святые же рабы Божии подняли меня и утешали: потом, предложив овощи, вкусили вместе со мной и возблагодарили Бога.

Наконец, воздав приветствие святым, я отправился в путь свой. Юноши же те честные дали мне в путь овощей и проводили на пять миллиарий. Я усердно просил их сказать мне имена свои. Они сказали: первый назывался Иоанн, второй – Андрей, третий – Ираклампвон, четвертый – Феофил; и приказали мне сказать свои имена братиям для поминовения их. Я просил же поминать и меня в молитвах своих. Потом еще раз воздав взаимное целование друг другу о Господе, мы разошлись; они возвратились на свое место, я же пошел по направлению к Египту.

Отправляясь в пустыню, я был печален, но вместе с тем и радостен; скорбел я потому, что лишился лицезрения и сладкой беседы со столь великими угодниками Божиими, которых не был бы достоин и весь мир; радовался же, что сподобился благословения их и созерцания Ангела, а также и причащения из рук Ангельских.

Я шел в продолжение трех дней; потом подошел к скиту; встретил здесь двух братьев, подвизающихся в отшельничестве. Я пробыл у них десять дней и поведал им обо всем, что я видел и слышал в пустыне. Они слушали меня с великим умилением и радостью; потом сказали: «Воистину, отче Пафнутий, ты сподобился великой милости Божией, ибо ты видел столь великих рабов Божиих».

Те два брата проводили жизнь весьма добродетельную и любили Бога от всего сердца своего; они записали все, что слышали из уст моих. Воздав им приветствие, я пошел в свой монастырь. Запись же о моем повествовании они отправили ко всем святым отцам и братиям, жившим в ските; все, читая и слушая получали большую пользу душевную и прославляли Бога, являющего Свои великие милости на рабах Своих. Потом положили запись о сказанном мной в церкви, дабы все, желавшие, могли читать ее, ибо она была весьма назидательна и научала богомыслию. Я же, меньший раб Пафнутий, будучи удостоен таковой благодати Божией (которой я отнюдь не достоин), и устно и письменно возвещаю всем то, что было повелено мне возвестить во славу Божию, на память святых Божиих и на пользу ищущим спасения души своей. Да будет же благодать и мир Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами, молитвами угодивших Ему святых преподобных отцов наших, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Сиянием Духа Пресвятаго Богомудре посвещся, оставил еси яже в житии молвы, пустыню же достиг преподобне отче, возвеселил еси иже над всеми Бога и Зиждителя. Сего ради прославляет тя Христос, блаженне, великий дародатель.

Житие преподобного отца нашего Петра Афонского

Память 12 июня

Преподобный Петр был родом грек, званием воин и чином воевода. Он воспринял иночество по следующему случаю.

Однажды Петр вместе с другими воинами был отправлен в Сирию[3866] на войну[3867]. Греческое войско потерпело поражение от врагов; Петр был взят в плен[3868] и вместе со многими другими пленниками отведен в Аравию[3869], в город Самару, находящийся около реки Евфрат[3870]. Там он был заключен в темницу и закован в тяжелые железные оковы. Находясь в темнице и тщательно обсуждая свою прежнюю жизнь, Петр вспомнил, что он много раз помышлял отречься от мира и принять монашество. Он понял тогда, что Бог наказал его этим тяжелым пленением за то, что он не постарался исполнить своего доброго намерения. Раскаиваясь в своем нерадении и горячо оплакивая прежнюю жизнь, Петр терпеливо переносил страдания, которые, по его сознанию, он вполне заслужил.

Пробыв в темнице долгое время и не надеясь получить избавление от кого-либо из людей Петр начал воссылать усердные моления к всесильному Богу, могущему Своими, неведомыми людям, путями освободить его из темницы, как некогда Он извел Адама из ада (1Пет.3:18–19) и как освободил Апостола Петра, заключенного в темницу Иродом (Деян. 12:1–25). Вместе с этим Петр призывал на помощь и просил многосильных ходатайств перед Богом у великого чудотворца святителя Николая, скорого помощника находящимся в бедах: Петр издавна имел, по Боге, великую веру и любовь к святителю Николаю и часто к нему обращался за помощью. К своей молитве Петр присоединил такое обещание: если он избавится от уз, то уже не возвратится более в мир, не пойдет даже в свой дом, но тотчас же отправится туда, куда направит его Бог для выполнения иноческого подвига. Он помышлял, если только Бог освободит его от уз, отправиться в Рим, чтобы там, при гробе святого верховного Апостола Петра, постричься

и дать обет отречения от мира. Молясь об этом, святой Петр наложил на себя пост: он принимал пищу через два или три дня, и то понемногу, и, наконец, на целую седмицу отказался от нее. Когда седмица эта стала приближаться к концу, святому Петру в сонном видении явился святитель Христов Николай и сказал: «Я услышал твою молитву, принял воздыхание твоего сердца и просил за тебя благосердого и человеколюбивого Бога. Но так как ты сам был не скор в исполнении Его заповедей, то и Он не хочет скоро освободить тебя от уз, устрояя тебе лучшее для спасения. Однако ты, по уверению милосердого Господа, обнадеживавшего нас, во святом Евангелии словами: «просите, и дано будет вам… стучите, и отворят вам» (Лк.11:9), не ослабевай возносить молитвы и стучать в двери Его благоутробия, чтобы Господь, по Своему милосердию, освободил тебя от уз и отверз для тебя двери темницы. Будь только терпелив в молитве, в ожидании Божией милости».

Сказав это, святой Николай повелел узнику Петру подкрепить свое тело пищей, и стал невидим. Восстав от сна и вкусив пищи, Петр снова и еще прилежнее стал молиться и днем и ночью с благой надеждой на избавление, непрестанно призывая помощника своего святителя Николая.

По прошествии некоторого времени святой Николай снова явился святому Петру во сне, в образе как бы опечаленного мужа, и обратился к нему с тихими и кроткими словами: «Я, брат, будь уверен, не переставал умолять о тебе благость Божию, но не знаю, для каких судеб и каких усмотрений Господь отлагает твое избавление. Однако не отчаивайся в Его милосердии: милосердый Владыка имеет обыкновение отлагать исполнение наших просьб для нашей же пользы, чтобы кто-либо, скоро получив просимое, не пренебрег Его благодатию. При этом Господь желает молитв о тебе и других благоугодивших Ему. Я назову тебе того великого молитвенника, которого, если призовешь на помощь, будешь иметь своим ходатаем, и я верую, что, если мы вместе помолимся о тебе, Человеколюбец услышит нас».

– Кто же, святой владыко, – спросил Петр святителя Николая, – может скорее тебя умолить Бога, – твоим

молитвенным предстательством спасается весь мир: ведь весь род христианский, прибегая к тебе, тобой получает избавление от своих бед.

– Знаешь ли, Петр, – спросил святой Николай, – праведного Симеона, именуемого Богоприимцем, так как он принял на свои руки Христа Господа, принесенного в храм, в сороковой день по рождении?

– Знаю, святитель Божий, – отвечал Петр, – того праведного мужа, о котором есть упоминание во святом Евангелии (Лк.2:25–36).

– Того оба, я и ты, подвигнем на моление, – продолжал святой Николай, – и тогда все недоконченное хорошо окончится: Симеон праведный имеет великую силу и дерзновение перед Богом, близ престола Которого он предстоит вместе с Пречистой Владычицею Девой Богородицею и святым Предтечею Иоанном.

Сказав это, святой Николай удалился.

Петр же, восстав от сна, снова предался усердному молению и безмерному пощению, призывая на помощь вместе со святителем Николаем и святого Симеона Богоприимца.

Когда же преблагий Бог, умоляемый великими угодниками Своими, пожелал избавить от уз страждущего, тогда, по Божественному изволению, святитель Христов Николай явился в третий раз Петру, и не в сонном видении, как раньше, но наяву, и не один, но вместе со святым Симеоном Богоприимцем.

«Дерзай брат Петр, – сказал святитель, – и, отложив печаль, расскажи о своих обетах общему ходатаю и моему сомолитвеннику и воздай ему, по Боге, благодарение».

Петр, возведши очи, увидел святого Симеона честного образом, окруженного сиянием, с златым жезлом в руке и одетого в ветхозаветный священнический ефод[3871]. При виде сего дивного старца Петр ужаснулся. Святой же Симеон сказал ему: «Ты ли это, который усердно просил брата Николая освободить тебя от уз?»

Петр едва мог от ужаса открыть свои уста и ответить святому Симеону:

– Я, угодниче Божий, – который приобрел и тебя своим ходатаем к Богу.

– Исполнишь ли свой обет, – сказал ему святой Симеон, – быть иноком и проводить добродетельную жизнь.

– Да, Владыко, – отвечал Петр, – с помощью Божией исполню.

Святой сказал:

– Если обещаешься выполнить это, то можешь беспрепятственно выйти отсюда и идти куда пожелаешь: ни одно из препятствий не может удержать тебя здесь.

Тогда Петр показал святому свои ноги, скованные железом, и лишь только святой Симеон коснулся оков золотым жезлом – железо тотчас же растаяло, как тает воск в огне. После этого Петр встал на ноги и, увидев темницу открытой, вышел и последовал за святыми Симеоном и Николаем. Когда они были уже вне града, Петр, обдумав свое положение, сказал:

– Не во сне ли происходит все то, что я вижу?

Тогда святой Симеон, обратись к нему, сказал:

– Почему ты, явно творимую тебе милость Божию, признаешь за сон? Разве ты не хорошо видишь; где ты и кому следуешь?

Сказав сие, святой Симеон поручил святому Николаю Петра, который и последовал за святителем. Когда наступил день, святой Николай спросил Петра:

– Взял ли ты что-либо, чем тебе питаться в пути?

– Нет, господин, ничего не взял, – отвечал Петр. Тогда святой Николай повелел ему войти в огород, находившийся недалеко от того места и сказал:

– Ты там увидишь человека, который даст тебе плодов. Возьми сколько хочешь в дорогу и последуй за мной.

Петр действительно встретил в огороде человека, который снабдил его плодами, взяв их, Петр снова последовал за святым Николаем, в сопровождении которого в непродолжительном времени и достиг греческой земли. Тогда святой Николай сказал Петру: «Вот, брат, ты и в своей земле, и имеешь свободное время для выполнения своего обета.

Исполни его вскоре, чтобы снова не попасть тебе в самарскую темницу».

После этих слов святитель Христов Николай стал невидим. Петр, принеся хвалу Богу и своим ходатаям – святителю Николаю и святому Симеону, пожелал немедленно выполнить свое намерение. Он не пошел в свой дом повидаться со своими родственниками, но отправился в Ветхий Рим[3872], чтобы «воздать Вышнему обеты свои» (Притч.7:14) и исполнить все то, о чем говорили его уста в дни его печали. Святитель Христов Николай, взяв Петра под свое покровительство, нигде не оставлял его, и как прежде, когда Петр шел из Аравии в Грецию, видимо ему сопутствовал, так и во время его путешествия из Греции в Италию невидимо пребывал с ним. Святитель Христов постоянно наблюдал за ним, ущедрял его как отец чадолюбивый или как милостивый воспитатель, хранитель бодрый и неотступный.

Когда Петр подходил к Риму – святитель Николай явился папе ночью, в сонном видении, держа за руку мужа и указав на него папе, рассказал по порядку, как освободил его из самарской темницы, а также упомянул и о том, что этот муж дал обещание постричься у гроба святого верховного апостола Петра. Святитель назвал и имя этого мужа и повелел папе, чтобы он принял его и вскоре выполнил его желание. Восстав от сна и размышляя о видении, папа отправился в церковь святого верховного апостола Петра совершить Божественную литургию, желая при этом наяву увидать того мужа, которого видел во сне. Но ввиду того, что день был воскресный, в храме собралось много народа, поэтому папа не мог найти глазами среди большого собрания того, кого желал. Тогда, после долгих поисков, папа громко воскликнул:

– Петр, пришедший из греческой земли, которого святитель Николай освободил в Самаре из темницы – приди ко мне.

Петр тотчас же вышел из толпы, подошел к папе и, припав к ногам его, сказал:

– Вот я, раб твой, Владыко.

Петр высказал папе свое удивление относительно того, что он назвал его, Петра, по имени, тогда как папа не только

никогда не знал его, но и не видал, и сам Петр никому о своем освобождении не рассказывал.

На это папа сказал:

– Не дивись сему, Петр, – мне рассказал все, что касается тебя, великий святитель Николай.

После этого папа принял с любовью Петра и постриг его при гробе апостола, как он обещался. По пострижении папа немалое время держал при себе Петра, научая и наставляя его на путь спасения и затем, по повелению Божию, отпустил из Рима с такими словами:

– Иди, чадо, туда, куда восхощет направить тебя Бог. Милость же Его да будет с тобой, наставляя тебя на путь и сохраняя от коварств диавольских.

Блаженный Петр, припав к ногам папы, сказал:

– Спасайся – прощай – честный отче, спасайся ученик Христов и сообщник моего споручника святого Николая, и помолись о мне грешном.

Приняв благословение от папы и простившись со всем клиром, Петр с надеждой на заступление Божие вышел из Рима, желая возвратиться в греческую землю. Когда же он прибыл на берег моря, то увидал корабль, отправляющийся на восток, вошел в него и отплыл. Ветер был попутный и плавание было начато благополучно.

Долго они плыли безостановочно и только недостаток в хлебе заставил корабельщиков пристать около одного селения. Тогда корабельщики отправились в один из домов того селения, чтобы там испечь хлебы, и застали хозяина и всех его домашних больными. Здесь они испекли хлебы и, пробуя их, сказали одному из своих: «Возьми теплый хлеб и отнеси в корабль кормчему и отцу».

Услыхав об отце, хозяин дома спросил корабельщиков, какой отец плывет с ними. Корабельщики сказали ему, что с ними плывет из Рима монах Петр.

«Умоляю вас, господа мои, – обратился тогда хозяин к корабельщикам, – упросите отца того прийти в мой дом помолиться о нас болящих и благословить нас. Ведь вы видите, что мы от этой лютой болезни почти умираем».

Корабельщики отправились и возвестили об этом отцу. Петр сначала, по смирению и не желая обнаруживать себя, отказывался идти к тому человеку; затем отправился убеждаемый просьбами и побуждаемый человеколюбием – ибо знал, что смерть действительно недалеко от упомянутого человека. Входя в двери дома он сказал: «мир дому сему и живущим в нем» (ср. Мф.10:12). По слову Петра хозяин тотчас исцелился от тяжкого недуга и, чувствуя себя здоровым, быстро встал с одра болезни, как бы от сна, и припал со слезами благодарности к ногам преподобного, лобызая их. Все видевшие чудесное исцеление ужаснулись и прославили Бога. Хозяин же, получивший исцеление, взял преподобного за руку и обошел с ним все постели, где лежали болящие. Преподобный знаменовал каждого из больных крестным знамением, и они исцелялись от недуга. После этого святой Петр с поспешностью возвратился на корабль, где все находившиеся поклонились ему, как великому угоднику Божию. Исцелевший же вместе со всеми домашними, взяв хлеб, вино и масло, пришел к кораблю, чтобы поблагодарить преподобного за полученное исцеление. Святой похвалил его усердие, но повелел благодарить не его, а Бога; приношений же принять не хотел. Тогда человек тот, припав со слезами к ногам преподобного, сказал: «Возлюбленный раб Христов, если сего малого приношения не примешь из наших рук, то не будет радости в нашем доме».

При этом и корабельщики упрашивали преподобного, чтобы он взял дары. И тогда лишь преподобный едва согласился принять их, потом, после благословения, отпустил человека и пришедших с ним, принесенное же отдал корабельщикам, сам ничего не вкусив из него. В дальнейшем плавании пищей преподобному служила онгия хлеба и то вечером, питьем же – малая чаша морской (горькой) воды, которую Господь претворял для него в пресную.

Однажды преподобный Петр задремал и в видении узрел Пречистую Владычицу, Деву Богородицу, сияющую светлее солнца светом небесной славы, и около Нее – святителя Николая, предстоящего Ей со страхом. Святитель Николай, указывая на Петра, говорил Богородице: «Владычица! Ты

изволила освободить раба Твоего от тяжких уз, Ты Сама и укажи ему место, где бы он окончил время своего жития».

«На Афонской горе[3873], – отвечала Богородица, – будет ему покой. Это место есть Мой жребий, данный мне Сыном Моим и Богом, чтобы здесь отвергшиеся мирского волнения и взявшие по силе духовные подвиги, с верой и любовью призывая Мое имя, без печали проводили эту временную жизнь и ради богоугодных своих дел наследовали жизнь вечную. Я очень люблю то место и желаю умножить чин иноков, от которых не отступит никогда милость Сына Моего и Бога, если они будут соблюдать спасительные заповеди. Я распространю иноческие обители на той горе на юг и на север и иноки будут обладать этой горой от моря и до моря, и имя их прославится по всей вселенной, – Я буду защитой тех, которые станут терпеливо подвизаться в посте на Афонской горе».

Такое видение сподобился узреть преподобный Петр. Восстав от сна, он воздал благодарение и хвалу Христу Богу, Пречистой Его Богоматери и великому отцу Николаю. Корабль же при попутном ветре плыл скоро. Но как только приблизились к краю горы Афонской, корабль стал неподвижно, несмотря на то, что ветер надувал паруса и место было глубоко. Тогда корабельщики с ужасом стали спрашивать друг друга: «Что это значит?»

Петр, видя их недоумение, сказал:

– Дети, скажите мне, как называется это место.

– Это гора Афон, – сказали ему корабельщики.

– Думаю, что ради меня, – сказал им святой, – корабль стал неподвижно. Отведите меня на берег и оставьте там. Если же не сделаете этого, то не отплывете отсюда.

Корабельщики, не желая противиться воле Божией, со скорбью лишились святого отца. Они приблизились к берегу и, выведя святого из корабля, оставили его там, говоря с плачем и рыданием:

– Мы сегодня лишаемся великого покрова и помощи.

– Бог человеколюбив, – утешал их святой, – Он находится везде и все исполняет, Он будет вашим Спутником и сохранит вас от всякого зла.

Сказав это, преподобный дал корабельщикам прощальное о Господе приветствие, оградил корабль знамением Честного Креста, благословил всех и отпустил с миром в путь. Сам он отправился в утесистые места, проходя многие болота, пропасти и леса, пока не нашел для своего обитания одну весьма темную пещеру, где было множество гадов и даже бесы. Сколько претерпел там преподобный напастей от бесов и сколько перенес бедствий, сказать невозможно. Здесь вспомним для назидания лишь некоторые из них.

Преподобный Петр, поселясь в помянутой пещере, день и ночь проводил в молитве, отказываясь совершенно от пищи в течение двух недель. Диавол не в состоянии был перенести такого постнического терпения: он собрал все свои воинства и, вооружив их, как бы на войну, стрелами и луками, мечами и копьями, вошел, ярясь, со страшным и сильным воплем в пещеру, желая изгнать оттуда святого. Тогда одни из бесов, напрягая луки, устрашали святого стрелами, другие копьями; иные, обнажая мечи, намеревались прободать его ребра, некоторые же бросали большие камни с такой силой, что тряслась земля и пещера могла обвалиться. Преподобный, не надеясь остаться живым, только повторял: «Умру здесь, если так угодно Богу моему».

Потом, возведя очи горе и воздев руки, он так воскликнул: «Пресвятая Богородица, Дева Мария, помоги мне, Твоему рабу».

Как только услышали бесы для себя страшное и ужасное, а для нас сладкое и любезное имя Богородицы, тотчас с шумом исчезли, а святой, громким голосом призывая при этом имя Господа Иисуса Христа – «Господи Иисусе Христе, не оставь меня» – как бы бичом или пращею прогонял убегающих. С тех пор козни бесов до времени прекратились, и святой Петр, пребывая в покое, прославлял Бога и Пречистую Богородицу. В первое время обитания в горе пищей преподобному служил хлеб, который в небольшом количестве он взял с корабля, и потом, когда хлеб вышел, – пустынные злаки и плоды диких деревьев, росших на той горе. Так святой Петр и питался до тех пор, пока не стал ему приносить с неба Ангел манну, о чем

скажем впоследствии. Теперь же будем рассказывать по порядку.

По прошествии пятидесяти дней после упомянутого вражеского нашествия, диавол снова с многочисленной силой своей, подобно тому как и в первый раз, вооружился на непобедимого воина Христова, для этого диавол, заставил всякого зверя и всякого пресмыкающегося гада, которые находились на той горе, прийти к пещере, где обитал преподобный, а вместе с ними прибыли туда же он сам и его други, обратившись тоже в различных зверей и гадов. Тогда открылось нечто страшное и ужасное: одни из зверей ползали у ног святого, другие свистели ужасным голосом, а некоторые, раскрыв пасти и устремляясь на святого, как бы хотели поглотить его живым. Преподобный, оградив себя крестным знамением и призвав имя Христа Бога и Пречистой Богоматери, уничтожил их силу и далеко отогнал их от себя, торжествуя и веселясь о Боге, своем Спасителе.

В частых борениях с бесами пришлось провести преподобному первый год своего пустыннического жития. Затем диавол стал другими способами искушать преподобного.

Так он принял вид одного из отроков Петра, служившего ему, когда он был в мире воеводой; в образе этого отрока диавол пришел к преподобному и припал к нему, желая поцеловать святого, будучи исполнен мерзости. Затем, плача стал говорить: «Мы слышали, господин наш, как ты был взят на войне, отведен в Самару и там заключен в ужасную темницу и как Бог молитвами святого отца нашего Николая освободил тебя из той темницы и привел в греческую землю. Узнав это, все мы – твои домашние, плача и рыдая, всюду тебя искали и, обходя многие города и селения, о тебе расспрашивали. Не найдя и не узнав, где ты находишься, мы вознесли усердные моления со слезами к святому Николаю, чтобы он открыл нам, где ты – наше сокровенное сокровище – пребываешь. Святой Николай, скорый всем помощник, не презрел наших молитв, но открыл нам все относительно тебя, и мы, рабы твои, возрадовались. Я же, предваряя всех поспешил к тебе, господину моему, и ты, восстав, возвратись в свой дом, чтобы

увидали тебя все, желающие видеть лицо твое и прославили о тебе Бога, чудесно избавившего тебя от уз и плена. О безмолвии же не печалься, так как и там находятся монастыри и удобные места для безмолвия отшельников, и ты можешь поселиться в той обители, где пожелаешь. К тому же и сам ты рассуди по справедливости: что лучше любит Бог из двух, – отшельничество в пустыне, в ущельях гор, приносящее пользу только для самого отшельника, или житие богоугодного и боговдохновенного мужа, своим учением многих обращающего к Богу и наставляющего на путь спасения. Поистине – второе лучше, как свидетельствует Сам Бог во святом Писании: «извлечешь, говорит, драгоценное из ничтожного, то будешь как мои уста» (ср. Иер.15:19). Ведь ты знаешь, что в нашем городе многие погрязли в глубине страстей и требуют такого человека, который бы был в состоянии призвать их к покаянию. Тебе, господин мой, будет определено большее воздаяние от Бога, если ты, пришед, обратишь их к Богу. При этом и нас, рабов твоих, всем сердцем любящих тебя, зачем презираешь, удаляясь от нас и скрываясь в пустыне?»

Это и многое подобное говорил бес со слезами, так что святой немного смутился и, прослезившись, сказал ему: «Сюда привел меня не человек, не Ангел, но Сам Бог и Пречистая Богородица и, если не будет от них повеления выйти отсюда, я не покину сего места».

Бес же, услыша имя Божие и Богородицы, тотчас исчез. Удивился святой козням бесовским, но, оградив себя крестным знамением и вперив ум свой к Богу, пребывал в покое.

По прошествие семи лет лукавый враг снова преобразился в светлого Ангела и с обнаженным оружием в руке, став близ пещеры, воззвал:

– Петр, раб Христов, приди ко мне, и я возвещу тебе добрую весть.

– Кто ты, – отвечал святой, – желающий возвестить мне добрую весть?

– Я архистратиг Господень, – отвечал лукавый прелестник, – посланный к тебе. Крепись, мужайся, радуйся и веселись, так как тебе уготован Богом славный престол и неувядаемый венец.

Теперь же оставь это место и иди в мир, чтобы принести пользу многим. Ведь и источник воды, находившийся близ тебя высох, по повелению Божию, чтобы перемерли от безводия все звери, страшившие тебя.

Говоря это, лукавый враг послал другого беса задержать, по Божиему попущению, течение потока. Святой же Петр по смиренномудрию так отвечал на льстивые слова диавольские:

– Кто я такой – подобный псу смердящему, чтобы ко мне явился архистратиг Господень?

– Не дивись сему, раб Господа, – отвечал бес. – В сие время ты превзошел Моисея, и Илию, и Даниила, и Иова: Моисея и Илию ты превзошел пощением, Даниила – гадами и зверями, которым ты заградил уста, Иова – своим терпением, поэтому ты и назовешься великим на небесах. Встань и посмотри – вода уже иссякла – иди в монастыри, которые находятся в миру; я буду с тобой и через тебя спасу многих, говорит Господь Вседержитель.

– Да будет тебе известно, – отвечал святой бесу, – я не уйду отсюда до тех пор, пока не укажет мне сего моя Помощница – Пресвятая Богородица и теплый в бедах моих заступник – святитель Николай.

Бес, услыхав имя Богородицы и святителя Николая, тотчас исчез. Святой же, узнав лукавство диавола, а вместе с этим и его бессилие, обратился к Богу, говоря: «Господи Иисусе Христе Боже мой! Сей враг мой, как рыкающий лев, ходит, ища меня поглотить (ср. 1Пет.5:8), но Ты своею державной рукой ограждаешь меня, Твоего раба. Благодарю Тебя, так как Ты не отступил от меня; молюсь Тебе, Преблагий Владыко, не оставь меня до конца».

По прошествии того дня, ночью, в сонном видении, преподобному Петру явилась скорая помощница христиан, человеколюбивая Владычица, Пресвятая Дева Богородица вместе со святителем Николаем и сказала:

«Теперь не бойся козней диавольских, ибо Господь с тобой. Ангел Господень утром посетит тебя и принесет тебе манну в пищу, так как ему через каждые сорок дней в продолжение

твоей жизни повелено приносить ее Богом для твоего пропитания».

Показывая манну святому Петру, Пречистая Богородица сказала:

«Вот сия пища будет приноситься на каждые сорок дней твоей жизни».

Сказав это и преподав святому Петру мир, Владычица отошла от него. Петр же, упав ниц, облобызал то место, где стояли ноги Богородицы и святого Николая. Утром явился Ангел Божий, как возвестила Богородица, принес Петру небесную пищу и, отдав преподобному, отошел. Тогда Петр возблагодарил Бога и Пречистую Богоматерь, затем вкусил манны, принесенной ему Ангельскими руками, и так ей подкрепился, что мог в течение сорока дней пробыть без пищи. После этого, по прошествии каждых сорока дней, Ангел приносил преподобному манну и святой Петр подкреплялся ею на сорок дней. Так преподобный провел в безмолвии, пощении и молитве 53 года. В это время прекратились все козни диавола, которые в особенности часто смущали Петра вначале: привидения, мечтания, страхи были им, с помощию Божией, отогнаны. Прожив на горе столько лет, преподобный не видел лица человеческого, не имел одежды, чтобы прикрыть наготу своего тела и ничего такого, что потребно человеческому естеству, только небо было его покровом, а земля постелью. Летом его опалял солнечный зной, зимой он мерз от холода: все это он терпел ради любви Божией и будущего воздаяния.

Когда же Господь восхотел открыть людям Своего раба, тогда по Его особому смотрению произошло следующее обстоятельство. Один охотник, взяв свой лук и колчан, отправился охотиться на гору Афонскую. Пройдя утесистые места, глубокие долины, пересекаемые высокими и частыми холмами, он дошел до того места, где преподобный Петр проводил Ангельское житие. Когда охотник приблизился к этому месту, то увидел большого оленя, выбежавшего из леса, который, играя, бежал вдали перед ним. Увидав прекрасного оленя, охотник погнался за ним и преследовал, стараясь застрелить его, весь день до тех пор, пока олень, по Божиему

усмотрению, не достигнул пещеры преподобного, над которой и стал неподвижно. Охотник, следя за оленем, увидал тогда, направо от зверя, нагого мужа с густой бородой, с волосами, доходящими до чресл, тело которого обросло ими, как у зверей. Увидев преподобного, охотник страшно испугался и бросился бежать назад. Тогда святой Петр, заметив, что охотник устремился назад, воззвал к нему громким голосом, говоря: «Брат! Почему ты боишься и бежишь от меня? Ведь я такой же человек, подобный тебе, а не бесовское привидение, как ты подумал. Возвратись и подойди ко мне, и я расскажу тебе все о себе, так как тебя послал сюда Господь».

Охотник, услыша голос, остановился и со страхом подошел к звавшему его преподобному отцу. Святой ободрил охотника, обнял его и облобызал о Господе и, сев, начал беседовать с ним, подробно рассказывая все о себе: как он, будучи воеводой, был схвачен на войне, как содержался в Самарской темнице, как явлением святого Николая и святого богоприимца Симеона избавился от уз, как прибыл в Рим и возвратился оттуда, как поселился на этой горе и как боролся, чем питался и сколько прожил лет в уединении, одним словом, рассказал охотнику всю свою жизнь. Удивился охотник, слушая рассказ святого, ужаснулся и с умилением сказал: «Теперь я понял, что посетил меня Господь Твоею милостью: Он сподобил меня узреть тайного Своего угодника – тебя, отец. От сего дня всегда пребуду с тобой, раб Божий».

«Да не будет так чадо, – сказал ему на это преподобный. – Ты сначала возвратись в свой дом и испытай себя: можешь ли ты выполнить постнические и отшельнические подвиги? А испытай себя так: воздержись от мяса, вина, сыра и масла, и прежде всего от жены, имущество свое раздай нищим, прилежно молись и постись, испытывая себя сокрушенной душой. Так проведи год и по прошествии его приди ко мне, и что угодно будет Богу, то придется тебе исполнить».

Сказав это, святой дал охотнику как обручение молитву и благословение. Затем, отсылая его к своим, сказал ему в напутствие: «Чадо! Иди с миром и тайну, поведанную тебе,

никому не открывай: сокровище, которое известно многим, может быть украдено».

Охотник поклонился святому и удалился, прославляя и благодаря Бога, что Он сподобил видеть во плоти и беседовать с таковым Своим угодником. Придя домой, охотник выполнил все, что сказал ему святой.

По прошествии года охотник вместе с двумя иноками и своим братом отправились на корабле и остановились против того места, где было пребывание святого Петра. Выйдя из корабля, они прямо пошли в верхнюю пустыню. По дороге к месту, где обитал угодник, охотник, побуждаемый горячей любовью, опередив всех, поспешил к пещере. Он нашел преподобного отца, лежащим мертвым на земле: руки его были сложены крестообразно на груди, благообразно закрыты очи и остальные части тела честно опрятны[3874]. Увидав это, охотник ужаснулся и, над телом преподобного, стал сильно рыдать. Когда спутники охотника пришли и увидели такого дивного мертвеца и друга своего плачущего над ним, спросили: «Кто это, найденный тобой мертвец, и почему ты так горько о нем плачешь?»

Тогда охотник со слезами и рыданием рассказал им подробно житие преподобного, как сам слышал его из уст преподобного в прошлое лето. Повесть о чудесных делах почившего отца умиляла сердца слушавших: они плакали горькими слезами, жалея, что не удостоились увидеть живым столь великого раба Божия и побеседовать с ним. Брат охотника, одержимый нечистым духом, как только прикоснулся к мощам угодника Божия, тотчас получил исцеление. Бес поверг его на землю с громким криком: «О Петр! Разве тебе недостаточно, что ты изгнал меня из моего вертепа; а теперь ты выгоняешь меня и из настоящего моего жилища!»

С этими словами он как дым вышел из уст человека, который лежал точно мертвый. Спустя немного времени он поднялся здравым телом и душой и сказал своему брату: «Благодарю тебя, брат мой, – так как ты привел меня сюда на мое же благо». Затем, припав к мощам преподобного, исцеленный с радостью и благодарностью лобызал их. После

этого взяв честные мощи угодника Божия, они снесли их на берег и, положив на свою ладью, отвезли их в одно довольно известное селение, находившееся под властью македонской; слыша о многих исцелениях истекающих от мощей святого, епископ города с причтом своим взял цельбоподательные останки святого Петра, перенес их с честью в свою епископию и, вложив с ароматами в драгоценную раку, предал погребению в церкви, после трехдневных и трехнощных всенародных славословий Пресвятой Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу – Богу всею тварью славимому всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Удалив себе человеческаго сожительства, в пещерах каменных и разселинах пожил еси, желанием Божественным и любовию, Петре, Господа твоего, от Негоже венец приял еси: моли непрестанно спастися нам.

Страдание святой мученицы Акилины

Память 13 июня

В Палестинском городе Вивлос[3875], где христиане появляются со времени святых Апостолов, жил христианин Евтолмий, честное супружество которого Господь благословил рождением отроковицы; названной Акилиной. Через четыре месяца со дня рождения малютки, мать принесла ее к епископу Евфалию, который огласил младенца, осенив его крестным знамением; затем по истечении двух месяцев, он окрестил отроковицу. На втором году Акилина лишилась отца, отошедшего в небесные селения, и осталась на попечении матери; последняя растила свою дочь, внушая ей правила благочестивой, христианской жизни; семи лет отроковица уже вполне усвоила эти наставления. С дальнейшим возрастом Акилина все более и более исполнялась Святого Духа, украшаясь благодатью Христовой, и она настолько прониклась ею, что в малых и еще несовершенных годах своей юности мужественно победила, как ничтожную вещь, указы нечестивых царей об обязательном для всех идолослужении. Об этом нам и предстоит теперь слово.

Когда Акилине, непрестанно призывающей в молитвах Бога, исполнилось десять лет, шел седьмой год царствования Диоклетиана[3876], в это время начальство над Палестинской страной принял некий Волусиан, скорее порождение диавола, нежели человека. Не признавая истинного Бога, Творца всего существующего, Волусиан с ненасытной злобой начал гнать благочестивых последователей Христа Спасителя, – и многие доблестные воины Христовы, мужественно перенесшие страдания, удостоились неувядаемых венцов.

В эти дни блаженная отроковица Акилина, исполненная Боговедения, часто обращалась к своим сверстницам с таким увещанием:

– Какую пользу вам приносит почитание немых и бесчувственных идолов? Разве вы не знаете, что поклоняющиеся им с верой льстят себя праздной, пагубной,

диавольской надеждой? Это боги мертвые и бессильные, могут ли оказывать благодеяния?

– Какого же ты почитаешь Бога? – спросили сверстницы Акилину.

Она отвечала:

– Я поклоняюсь и почитаю достойного поклонения Единого Бога, сотворившего небо, землю, море и все, что их наполняет. Он изначала благотворит всем верующим в Него и на Него надеющимся и, как Всемогущий, будет изливать Свои благодеяния на призывающих Его до скончания мира.

– Мы слышали, – возразили собеседницы Акилине, – что Бог, о Котором ты проповедуешь, умер на кресте, распятый иудеями.

– Смерть над Ним, – сказала на это святая, – не имеет власти: Он не только Сам ожил, но оживил и умерших, искупив их честной Своею Кровью. Видя, что человек совратился с истинного пути, Он благоволил воплотиться, соделаться человеком, дабы, уничтожив прелесть диавольскую и подав нам благодать с истиной, возвесть и поставить на спасительную стезю павший человеческий род.

– Но кто же Тот, о Ком говорят, что Он распят? – продолжали допытываться сверстницы у Акилины.

– Спаситель всех, возлюбивший человеческий род, – отвечала она. – Он добровольно претерпел страдания, чтобы из ветхого человека водой и Духом[3877] соделать нового; Он взошел на Крест, желая спасти не только живущих на земле, но и освободить от смертных уз содержавшихся во аде; Своим тридневным воскресением Он возвестил, как непреложную истину, что во второе Его пришествие для всех наступит восстание из мертвых.

– Но если, – недоумевали вопрошавшие Акилину, – Тот, о Ком ты говоришь, оказал миру столь великие благодеяния, то почему иудеи, Его единоплеменники, не почитают Его за Бога?

– Этот народ, – объясняла святая отроковица, – всегда уклоняется с правого пути; имея непокорную в своем ожесточении и ослепленную злобой душу, он обычно отвергает то, что истинно и праведно; потому-то иудеи отвергли и

Благодеявшего им, предав Пилату для осуждения на крестную смерть.

Часто слышал подобные беседы блаженной Акилины со своими сверстницами один из рабов начальника области, по имени Никодим, который, наконец, и сообщил своему господину, что в городе живет отроковица, называющая бесами ничтожных, по ее мнению, богов и не повинующаяся указам царей о почитании последних, причем она, проповедуя о каком-то распятом Боге, отвращает некоторых от религии отцов. Услышав это, начальник области послал слуг схватить отроковицу. Взята была на страдание святая мученица Акилина во второй год правления областью Волусиана и на двенадцатом году от рождения. Когда она была приведена на нечестивое судилище, Волусиан, взглянув на нее, спросил:

– Не ты ли противишься царским указам, совращая и других не почитать богов наших, а поклоняться Распятому Человеку? Разве тебе неизвестно повеление царей предавать исповедующих имя Иисуса всяческим мучениям, кончая смертной казнью? Поэтому отрекись от Распятого и принеси бессмертным богам достойные их честь и жертвы, чтобы мы не были вынуждены предать тебя мучениям.

– Если ты, анфипат[3878], – отвечала святая Акилина, – осудишь меня на горькие мучения, то через это доставишь мне нетленный венец, который я надеюсь восприять от моего Спасителя, так как исповедую имя Его, от Коего никогда, хотя бы даже в лютейших муках, не отрекусь. И так не медли, – изобретай для меня, какие тебе угодно, мучения и убедишься самым делом, что я, вооруженная верой, не боюсь твоих мучений.

Тогда Волусиан начал с лаской увещевать святую отроковицу:

– Видя твою раннюю юность и красоту, я жалею тебя, потому что, если предам тебя мучениям, неокрепшие члены твои сейчас же раздробятся; жестокие спекулаторы после лютых мучений предадут тебя горькой смерти, и ты в юности своей лишишься жизни, причем не поможет тебе исповедуемый тобой Бог христианский.

– Я не прошу у тебя сожаления, – возразила святая Акилина Волусиану, – ты, думая оказать мне милосердие, еще более вредишь мне, пытаясь отторгнуть меня от истинного Бога. Молю тебя, не жалей, но отнесись ко мне с самой беспощадной жестокостью, и тогда из моего терпения узнаешь, что надеющиеся на Христа не бывают побеждены.

Анфипат, убедившись, что никакие увещания не могут рабу Христову заставить отказаться от исповедания Иисуса, приказал бить ее по лицу со словами:

– Вот начало мучений, – сладостно и приятно ли оно тебе?

– Бесчеловечный мучитель! – воскликнула Акилина, – так как ты осмелился бить в лице созданную по образу Божию, то знай, что и Тот, Кого образ я ношу, не простит тебе этого в день Своего суда.

– Я полагаю, – сказал судья, – что наши великие боги, держащие теперь в руках своих спасение всего мира, и в том грядущем веке также будут иметь в своей власти спасение всех.

После этих слов он приказал обнажить отроковицу и, простерши, бить ее двум воинам, присоединяя к пытке такие речи:

– Где теперь Бог твой, Акилина, о Котором ты говорила, что Он не окажет мне прощения на своем суде? Пусть Он придет сюда и избавит тебя от моих рук.

Затем Волусиан велел бьющим остановиться и сказал святой Акилине:

– Послушай меня, желающего тебе добра: оставь свое безумие и, если хочешь избавиться мук, откажись от христианской ереси: из рук моих вышел ли избавленным хоть один из надеющихся на Того, Который Сам не оказал Себе избавления, когда Его распяли? Кого, из почитающих Иисуса, оставили жить на земле цари наши?

– Неужели ты думаешь, безжалостный палач, – отвечала святая Акилина, – что я чувствую причиняемые мне мучения? Знай же, что Бог мой подаст мне крепость и терпение несравненно больше тех ухищрений, какие ты изыскиваешь против меня по внушению отца своего диавола.

Волусиан, приведенный в недоумение таким мужеством блаженной отроковицы, сказал ей:

– Я оставлю тебе несколько дней на размышление, чтобы ты, по здравом рассуждении, поклонилась богам и тем сохранила себе жизнь, получив в то же время от царей достойную награду.

– На сколько же дней ты даешь мне ослабу? – спросила святая Акилина.

– На сколько ты хочешь, – отвечал Волусиан.

– Так я прошу тебя, – сказала мученица, – не оставлять мне даже и часа на подобного рода размышления: с малых лет я научена поклоняться только Единому Богу, притекая к Тому, Который, живя на небесах, милостивым оком взирает на земных чад Своих.

Видя твердую любовь отроковицы к Богу, Волусиан сказал сам себе: напрасны увещания и труды мои! И в раздражении он приказал раскаленными железными прутьями просверлить святой голову через уши. Когда раскаленные прутья проходили через мозг отроковицы, то последний вместе с кровью вытекал из ноздрей ее. Но и в таких великих страданиях мученица молилась Богу: «Господи мой, Иисусе Христе! Со дней детства моего руководивший меня, просветивший лучами правды Твоей тайные мысли моего сердца и утвердивший меня в брани против диавола Твоею могущественной и непобедимой силой, Ты, открывавший верующим бездны истинной и великой премудрости, доведи до конца подвиг мой и сохрани неугасимым светильник девства моего, чтобы я вместе с мудрыми девами могла войти в Твой чистый чертог и там удостоилась воссылать Славу Тебе, Совершителю моих желаний».

После этой молитвы святая Акилина от невыносимых страданий точно мертвая упала на землю. Анфипат, подумав, что она действительно умерла, приказал выбросить ее вне города на съедение псам; он не считал достойной обычного погребения мученицу, как нарушительницу царских повелений и хулительницу римских богов. И целый день лежала святая Акилина, поверженная при дороге. В полуночный час блаженной

отроковице явился Ангел Господень и, коснувшись ее, сказал: «Встань и будь здорова! Иди и обличи Волусиана, ибо как сам он, так и намерение его ничтожны перед Богом».

Тотчас же святая Акилина поднялась невредимой и говорила, воссылая хвалу Богу: «Благодарю Тебя, Творец моей жизни, возвращающий мне здоровье и избавляющий от нечестия Своих рабов, Ты, Господи, превечен и нет иного кроме Тебя Бога. Об одном я смиренно молю Тебя: когда я окончу подвиг страдания моего, увенчай меня венцем славы Твоей, и, наслаждаясь осуществлением Твоих обетований, я воспою Тебя тогда среди лика святых, пострадавших за исповедание имени Твоего».

Господь свыше отвечал на молитву смиренной рабы Своей: «Иди, – исполнится то, о чем ты просишь». Услышав это, блаженная отроковица с чувством неизреченной радости пошла в город. Когда она достигла городских ворот, последние открылись сами собой; руководимая Ангелом Господним святая Акилина достигла дворца Волусиана и, войдя беспрепятственно внутрь его, стала перед спящим анфипатом. Последний, проснувшись, заметил предстоящую; в ужасе он позвал своих кувикулариев[3879] и спрашивал их: «Кто эта, стоящая перед моими глазами?»

Кувикуларии, подняв светильники, сказали: «Без сомнения, это Акилина, которую ты после ее смерти от мучений, повелел бросить на съедение псам».

Еще более ужасался анфипат, слушая кувикулариев, однако, повелел до утра держать под стражей отроковицу.

С наступлением дня Волусиан снова потребовал к себе на суд святую Акилину. Он начал его вопросом, обращенным к отроковице:

– Ты ли это, Акилина?

– Неужели ты, беззаконник, имея ослепленные очи душевные отцом твоим диаволом, не видишь теперь и телесными очами? – спросила в свою очередь блаженная отроковица.

– Действительно, я, предстоящая перед тобой раба Господня, есть Акилина.

В сильном недоумении, протирая глаза, анфипат рассуждал сам с собой: «Какие же мучения могут ей повредить, если она не умерла, несмотря на то, что из сгорающей главы ее истек мозг?»

Подумав это, он издал следующее определение об усечении мечом отроковицы: «Акилину, защитницу безбожной ереси христианской, хотя и юную летами, но великую волшебницу, не почитающую бессмертных богов и не повинующуюся царским повелениям, мы в продолжение долгого времени и старательно увещевали, однако, же не могли отвратить ее от безумия, поэтому, после многих мучений, нимало не коснувшихся этой волшебницы, определяем предать ее смерти вне города через усечение главы».

После смертного приговора святую Акилину повели на место казни; когда его достигли, блаженная отроковица испросила себе время для молитвы. Возведя очи к небу, мученица молилась такими словами:

«Всесильный Господи и Боже мой! Благодарю Тебя, приведшего меня на конец моего подвига: славлю Тебя, Боже мой и Творче всех, что не бесплодно я свершила течение моего страдальческого поприща; благословляю Тебя, Создатель всего, что Ты посрамил мучителя, и меня удостаиваешь нетленного венца; приими в мире дух мой, – да оставив земное, улучу небесное».

В ответ на молитву блаженной с неба послышался голос: «Приди, избранная дева, поправшая ярость мучителя и стершая подвигом твоим диавольское жало, и приими уготованное тебе воздаяние».

И сейчас же, вслед за гласом, святая мученица Христова почила сном смертным, прежде нежели палач поднял меч над ее главой. Палач, хотя и видел это, но, не осмеливаясь нарушить повеление анфипата, отсек мечом главу уже умершей, причем из раны вместо крови истекло молоко. Присутствовавшие при казни христиане взяли мощи мученицы, как драгоценность ни с чем не сравнимую: умастив останки ценными ароматами и обвив новыми пеленами, они с честью похоронили их в гробнице, в самом городе Вивлос. И многие

исцеления изливались на болящих от гроба святой мученицы Акилины во славу Христа Бога нашего, вовеки славимого со Отцом и Святым Духом. Аминь[3880].

Кондак, глас 2:

Девства твоего добротами предочистивши душу твою, на высоту мучением востекла еси Акилино всечестная, любовию Жениха твоего Христа уязвившися, Емуже со Ангелы предстоиши веселящися: с нимиже не престай моляся о всех нас.

Житие святого отца нашего Трифиллия, епископа Левкусийского

Память 13 июня

Уроженец Константинополя, святой Трифиллий внешнее образование получил в Берите[3881], учителем же благочестия он имел святого Спиридона епископа Тримифунтскаго. Святой Трифиллий Самим Господом был предызбран и предуказан во епископа: еще не облеченный этим великим званием он был явлен в видении царю Констанцию, как уже архиерей, о чем житие святого Спиридона сообщает следующее.

По смерти Константина Великого власть над Греко-римским государством перешла к его сыновьям, причем, после раздела старший из них, по имени Констанций[3882], получил в управление Восток. Однажды ему пришлось посетить Антиохию[3883], и здесь он неожиданно захворал настолько тяжело, что болезнь не поддавалась усилиям врачей. Тогда, оставив надежду на последних, больной царь обратился с молитвой к Богу, исцеляющему тела и души: он усердно просил Его об исцелении, и вот во сне видит Ангела, который показывает ему целый сонм святителей, а среди них двух, выделявшихся из рядов прочих, как бы в качестве их вождей и начальников: при этом Ангел сказал царю, что они только и могут дать ему избавление от болезни. Пробудившись и обдумывая видение, царь не узнавал, кто именно были являвшиеся ему епископы: и действительно, как мог он узнать тех, имена коих и места рождения ему были неизвестны? Особенно если принять во внимание, что один из показанных ему в епископском сане еще не был епископом и лишь имел сделаться им. Долго недоумевал царь и, наконец, пришел к такому благому решению: собрав к себе епископов из всех окрестных городов, он пытался найти среди них тех двух, которые были показаны ему в видении и не находил. Тогда царь призвал многих епископов и уже из более отдаленных стран, но и среди них не обретались нужные ему лица. После это он разослал указ по всем областям своей империи, повелевая собраться к нему

населявшим ее епископам. Такое повеление, или лучше сказать просьба царя, пришло и в Кипрские пределы[3884] к Спиридону Тримифунтскому, которому Богом было открыто о всем, происшедшем с царем. Собравшись, святой Спиридон отправился к царю, взяв с собой и ученика своего Трифиллия, с которым он был явлен царю, в видении святой Трифиллий – как уже замечено – еще не был епископом. Достигнув Антиохии, путники пошли к царю. Святой Спиридон был бедно одет, в руках имел финиковый жезл, а на голове самую простую, почти нищенскую, митру; на груди у него висел глиняный сосуд, в котором, по обычаю жителей Иерусалима, он носил елей от святого Креста. Поэтому, когда он входил в палаты царя, один из дворцовых слуг, приняв святого епископа за обычного нищего, не только смеялся над ним, не дозволяя идти далее, но даже ударил его по щеке. Будучи незлобив, святой Спиридон, исполняя повеление Господне, подставил ударившему и другую ланиту. Последний, уразумев, что перед ним стоит епископ, понял свое согрешение и смиренно просил прощения, которое и получил. Только что святой Спиридон вошел к царю, как тот узнал его, припомнив бывшее ему видение: встав со своего места, царь подошел и поклонился рабу Божию и просил епископа со слезами, чтобы он помолился Господу об исцелении от болезни. Угодник Божий прикоснулся к голове царя, и последний тотчас стал здоров, радуясь своему исцелению, дарованному Господом по молитвам святого, Царь оказывал святителю великое уважение и весь тот день провел с ним в веселии, угощая доброго врача своего. Святой же Трифиллий сильно дивился славе царской, – красоте палат, величественному виду сидящего царя, которому предстоят вельможи, пышным одеждам слуг и прочему, богатому и необычайному, обиходу дворцовой жизни. Заметив это, святой Спиридон сказал своему ученику: «Что удивляешься, брат? Разве гордость и слава царская делает царя праведным более прочих христиан? Разве царь не одинаково умирает с последним нищим и предается, как он, земле? Разве он не вместе со всеми предстанет нелицеприятному и страшному Судии? Что же ты временное почитаешь как вечное и ничтожное

делаешь предметом удивления в то время, как следует стремиться к невещественному и вечному и любить одну только незыблемую небесную славу».

Потом, спустя немного времени, святой Трифиллий был поставлен епископом города Левкусии на Кипрском острове, но, и будучи епископом, он не прерывал общение со своим отцом и учителем, святым Спиридоном: святой Трифиллий ради своей душевной пользы часто навещал его, как это видно из следующего. Однажды святой Спиридон шел из Тримифунта в город Кирину, его сопровождал при этом и святой епископ Трифиллий. Когда они, проходя горой Пентидактил, вышли на место, называвшееся Паримна, – при красоте природы место это изобиловало садами и виноградниками, – святой Трифиллий, восхищенный окружавшей его природой, захотел и сам быть владетелем какого-либо виноградника в Паримне, он долго обдумывал в душе своей, как бы осуществить свое желание. Не утаилось это от прозорливых очей святого Спиридона: проникая духом в мысли своего ученика, он сказал: «Зачем, Трифиллий, ты непрестанно помышляешь о предметах суетных, желая получить поля и виноградники, которые в действительности не имеют никакой цены и обольщают сердца человеческие призрачной стоимостью? Мы имеем неотъемлемое достояние на небе, – храмину нерукотворенную; ее и ищи, пока же наслаждайся в Богомыслии небесными благами, которые не переходят от одного к другому, но навсегда остаются у того, кто сделается их обладателем».

Такого рода наставления приносили великую пользу душе святого Трифиллия, так что впоследствии он по жизни своей сделался, подобно Апостолу Павлу, избранным сосудом Христовым, исполненным неисчислимых Божественных дарований.

Греческие историки, Никифор[3885] и Созомен[3886], сообщают, кроме того, еще следующее как о святом Трифиллии, так и о святом Спиридоне. Однажды, по нуждам церкви, на Кипре происходило собрание всех епископов острова: на этом собрании присутствовали святой Спиридон и святой Трифиллий, – муж сведущий и книжный, ибо в юности он много

времени учился в Берите: поэтому отцы собора просили святого Трифиллия, чтобы он произнес в церкви поучение к народу. Во время проповеди ему нужно было привести слова Христовы, обращенные к расслабленному и записанные святым Евангелистом Марком: «встань, возьми постель твою» (Мк.2:11), причем святой Трифиллий изменил буквальное изречение Евангельское, назвал одр ложем: «востани и возьми ложе твое». Святой Спиридон, не вынося изменение слов Христовых, сказал Трифиллию: «Неужели ты лучше Сказавшего «одр», что стыдишься слова Его?»

Вслед за этим он открыто перед всеми покинул храм. И ничего не было предосудительного в этом поступке святого Спиридона: будучи человеком некнижным, он своим обличением пристыдил Трифиллия, гордившегося своим красноречием – научил его смиренномудрию и кротости.

Святой Трифиллий своей жизнью угодил Богу, как свидетельствуют об этом богослужебные песнопения, составленные в честь его Церковью: в них утверждается, что святой Трифиллий имел душу милостивую, чистый помысел, незлобивое сердце и правую веру, любовь нелицемерную, выдающиеся подвиги девства, благодатных и покаянных слез и пощения, удивившего бесплотных, – что обходя окрестные страны, он учением Христовым, как лучами солнца, просвещал потемненных грехами.

Упасши в любви и правде свою паству, он отошел отсюда, дабы там, на небе, в сонме иерархов предстоять Христу, Спасителю нашему, Ему же слава вовеки. Аминь[3887].

Кондак, глас 8:

Изрядством жития чистоту девства прием Трифиллие, первопрестольник показался еси Левкусии, и явился еси тем провозвеститель, и богоразумия наставник. Сего ради радостно взываем ти: радуйся, святителей украшение.

Житие и чудеса святого пророка Елисея

Память 14 июня

Святой пророк Елисей был сын Сафата из колена Рувимова[3888]. Он родился в городе Авел-Мехоле[3889] (3Цар.19:16) и был великим чудотворцем. Самое рождение его сопровождалось чудесными явлениями: в городе Силоме, отстоявшем далеко от Иерусалима, стояла золотая телица, которой совратившиеся в идолопоклонство израильтяне поклонялись, как Богу, и приносили жертвы. В самый час рождения Елисея эта бездушная телица так громко закричала, что рев ее был слышен даже в Иерусалиме. Когда все весьма дивились этому, некий священник, исполненный Святого Духа, сказал: «Великий пророк Божий родился ныне, и он должен будет разрушить истуканов и сокрушить сильных!»

Когда же Елисей достиг совершенного возраста, проводя жизнь свою для большего угождения Богу в девственной чистоте, Бог призвал его на пророческое служение. Призвание это совершилось так. Однажды Елисей двенадцатью парами волов пахал землю. Святой пророк Илия, находившийся в то время на горе Хориве[3890] в собеседовании с Богом, получил повеление от Бога помазать Елисея вместо себя в пророка. И вот, когда Елисей был в поле, святой пророк Илия приблизился к нему, возложил на него свою милоть[3891], и, передав ему волю Господню, нарек его в пророка, и повелел ему следовать за собой. Елисей тотчас все оставил и готов был со всем усердием следовать за святым пророком Божиим Илиею, и только испросил у него позволения на короткое время отлучиться домой, чтобы проститься с отцом и матерью. Дома он взял ту пару волов, на которой сам пахал, заколол их, а плуг рассек на дрова, возложил их на огонь и, зажарив на нем мясо, сделал угощение прилучившимся людям и соседям; после этого, поцеловав отца и мать, Елисей немедленно последовал за Илиею и служил ему, поучаясь у него ведению тайн Божиих; по благодати Божией он сделался пророком, не меньшим учителя и наставника своего – святого Илии. Когда же Богу угодно было

взять раба Своего Илию в вихре на огненной колеснице на небо (4Цар.2:1–15) и переселить его в рай, то Илия спросил у Елисея, какого дара он желает от Бога, который бы он, Илия, исходатайствовал ему молитвой своей.

«Проси, – сказал он, – что сделать тебе, прежде чем я буду взят от тебя».

Елисей не просил себе чего-либо земного временного, ибо для него, оставившего все ради Бога и нищего духом, почитавшего все за ничто, не требовалось ничего на земле; он не просил у Илии ни здоровья для тела, ни долготы дней жизни своей, ибо, в чаянии наследия жизни вечной, не желал продолжительного пребывания в этой временной жизни, но испросил себе благодати Духа Святого, сугубой по сравнению с почивавшей на святом Илии.

«Пусть будет, – сказал он, – тот дар пророчества, и дар чудотворения, какой в тебе, вдвое более во мне! Дабы я мог заблуждшихся людей, уклонившихся в служение Ваалу, словом пророческим научить, подтверждая наставления свои чудотворениями, и через сие обратить их опять к единому истинному Богу».

Илия согласился на просимое Елисеем, но под условием, сказав ему: «Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так». И вот, когда они продолжали путь и беседовали, появилась огненная колесница и огненные кони, которые разделили их друг от друга, и Илия в вихре понесся на небо. Елисей смотрел и взывал: «Отец мой, отец мой! Колесница Израилева и конница его!»[3892]

Наконец, когда Елисей перестал уже видеть огненную колесницу, далеко скрывшуюся от него вместе с Илиею в высоте, то начал плакать по нем, как об отце, разодрав одежду свою пополам. Но вот он увидел спущенную с высоты Илиею милоть, которая и покрыла его, и он принял ее, как знак полученного сугубого духа Илии, и получил утешение в своей печали о нем. Он хранил ее у себя, как великое сокровище, или как драгоценную царскую порфиру, – и этой милотию сотворил такое же чудо, как ранее Илия. Желая перейти реку Иордан, он милотию ударил по воде, – вода расступилась, и Елисей

перешел посуху. Видевшие это чудо ученики пророческие, жившие в Иерихоне, убедились, что Дух Илии почил на Елисее и, придя к нему, поклонились ему.

Святой же Елисей пришел в Иерихон и остановился в нем, чтобы пробыть здесь некоторое время. Жители города пришли к нему и сказали: «Вот местоположение города нашего хорошо, как и сам ты видишь; но вода нехороша, и от нее и земля бесплодна!»

Елисей потребовал, чтобы принесли ему новый водонос и всыпали в него соли. Когда это исполнили, он взял водонос и пошел к тому месту, где были ключи и, высыпав там соль сказал:

– Так говорит Господь: «Я сделал эту воду здоровой: она не будет уже теперь причиной смерти и бесплодия.

После этого из Иерихона Елисей отправился в город Вефил, жители которого – израильтяне, отступив от Бога, поклонялись идолам. Когда он приближался к городу, то маленькие дети, игравшие здесь на дороге, встретив его и видя его плешивую голову, начали смеяться над ним и кричать: «Ступай, плешивый! Ступай, плешивый!»

Елисей, проходя мимо, осмотрелся и видя, что они следуют за ним, продолжая насмехаться и кричать, проклял их именем Божиим. И вот выбежали из лесу две медведицы и растерзали из них сорок двух отроков, остальные едва спаслись бегством в город. Этой казнью пророк Божий по праведному суду наказал тех детей за поругание и пресек им жизнь, дабы, придя в мужественный возраст, они не явились более злыми людьми; родители же их были наказаны этим за свое идолопоклонство и вместе получили горькое поучение воспитывать детей в страхе Божием и наставлять их благоговейному почитанию слуг Божиих. Из Вефила Елисей пошел на гору Кармил[3893] и оттуда возвратился в Самарию.

В то время у израильтян начиналась война против моавитян. Царь моавитский, земля которого изобиловала стадами, обыкновенно присылал ежегодно царю израильскому дань из ста тысяч ягнят и ста тысяч овец с рунами[3894]. По смерти же Ахаава, царя израильского, Моса, царь моавитский

отложился от царства Израильского и прекратил присыл обычной дани.

Тогда Иорам, сын Ахаавов, царствовавший над Израилем в Самарии и державшийся нечестия своего отца, собрав свою военную силу и, пригласив на помощь Иосафата, благочестивого царя иудейского из Иерусалима, а также подчиненного ему царя эдомского, двинулся на моавитян через пустыню Эдомскую. По усмотрению Божию, в полках находился и святой пророк Елисей. Семь дней шли три царя со своими полками и не было воды ни для людей, ни для скота; все изнемогали от жажды. Иорам, царь израильский, сказал с воздыханием:

– Собрал Господь нас – трех царей, дабы предать в руки моавитян.

Царь же иудейский спросил:

– Нет ли здесь при полках кого-либо из пророков, через которого можно было бы вопросить Господа?

Слуга царя израильского сообщил, что при полках находится Елисей, сын Сафатов, который служил пророку Илии, возливая воду на его руки[3895]. Царь же Иосафат засвидетельствовал об Елисее, сказав:

– В сем муже пребывает слово Господне.

И вот три царя пришли к святому Елисею и просили его помолиться о них Господу, дабы Он открыл ему, что их ожидает.

Но святой Елисей ответил Иораму, царю израильскому:

– Что общего у меня с тобой? Иди к пророкам отца своего Ахаава и матери своей Иезавели и тех спроси, чтобы они сказали тебе, что вас ожидает.

Иорам же, царь израильский, со смирением сказал ему:

– Неужели Господь собрал нас трех царей, чтобы предать в руки моавитян?

Елисей отвечал ему:

– Призываю во свидетельство Господа сил, Которому предстою, что, если бы я не почитал Иосафата – благочестивого царя иудейского, то не пожелал бы и видеть тебя идолопоклонника.

После этого Елисей потребовал, чтобы привели к нему певца[3896]. И вот, когда явился певец-левит, умевший прекрасно петь псалмы Давида, и пел, – Дух Господень сошел на Елисея, и он, пророчествуя, сказал:

«Копайте глубокие рвы, потому что так говорит Господь: вы не увидите ни дождя, ни ветра, а рвы наполнятся водой, которую будете пить вы и скот ваш, да и самих моавитян Господь предаст в руки ваши и вы победите их силу и разорите все их укрепленные города, посечете все дерева плодоносные и всякий водный источник запрудите камнем и землею и всю страну Моавитскую опустошите».

И сбылись все слова пророка. Наутро, когда благочестивый Иосафат, царь иерусалимский, по обычаю своему приносил жертву Богу руками священническими, люди увидали воду, текущую по Эдомскому пути, которая достигла сначала места, где стояли полки Иосафата, и, разливаясь по окрестности, наполняла все рвы и лощины потоков по долине, и вся земля пропиталась водой и была влажной. Люди утолили жажду и, подкрепившись силами, двинулись на моавитян и нанесли им тяжкое поражение; всю страну их пленили, и по повелению пророка, предали ее опустошению, и после этого с торжеством возвратились в свою страну.

Однажды некая вдова пророческого ученика с горестью говорила Елисею: «Раб твой, а мой муж, умер; ты же его хорошо знаешь, как человека богобоязненного. Теперь приходит заимодавец, которому очень много задолжал мой муж и не находит у меня, что взять, ибо я совсем ничего не имею; и потому желает взять у меня в работу себе двоих моих сыновей, оставшихся мне в утешение в моем вдовстве и дорогих мне как зеницы очей моих».

Так горько взывала вдовица та к пророку Божию. По сказаниям некоторых, вдовица эта была супругой пророка Авдия, управителя дома Ахаавова, который скрыл от меча царицы Иезавели сто пророков Божиих и содержал их на свой счет, на что истратил все свое имущество, задолжав заимодавцам[3897]. Умирая, он предоставил жену и детей промыслу Божию, заповедав им иметь твердое упование на

Господа. Святой пророк Елисей, умилосердившись над вдовицей и ее детьми, спросил ее:

– Что ты желаешь, чтобы я сделал для тебя? Скажи, что ты имеешь теперь в доме у себя?

Она отвечала:

– Нет у рабы твоей ничего в доме, кроме посудины с небольшим количеством елея.

Тогда Елисей сказал ей:

– Поди, попроси у соседей своих, как можно больше, порожних сосудов и, затворившись в доме с сыновьями своими, наливай из своей посудины масло во все эти сосуды, и они будут наполняться.

Вдовица исполнила повеление пророка Божия. Она собрала у соседей порожние сосуды, поставила их в доме, затворила за собой двери и наливала елей из своей посудины в выпрошенные сосуды; сыновья ее, помогая матери, подавали сосуды и наливали их, и елей не оскудевал в ее сосуде, но лился как из источника. Когда сосуды все были наполнены, женщина сказала сыновьям: «Подставьте еще сосуд».

Но дети сказали, что уже нет более порожнего сосуда, и елей перестал течь из сосуда вдовы. Вдовица с великой радостью поспешила к человеку Божию и сказала ему об этом чуде. Елисей же велел ей идти и продавать этот елей и заплатить долг своего мужа, а от оставшегося питаться со своими сыновьями.

Случилось святому пророку Елисею проходить через город Сонам[3898]. Здесь одна богатая женщина упросила его к себе есть хлебы и со всем усердием угостила человека Божия. Пророку Елисею очень часто приходилось проходить тем городом при путешествии от Кармила к Иордану, или в Галгалы, или в Иерихон, и оттуда возвращаться в Кармил; после приглашения женщины он постоянно заходил в дом ее есть хлеб, потому что она была благочестива и добродетельна. Однажды женщина та сказала мужу: «Я уверилась в том, что человек Божий, который часто проходит мимо нас – человек святой. Устроим ему небольшую горницу, поставим ему там

постель, стол, стул и подсвечник, чтобы он, заходя с дороги к нам, мог отдохнуть».

И устроили так. И святой пророк каждый раз останавливался в этой горнице, когда случалось ему быть в этом городе. Однажды человек Божий, отдыхая в горнице, устроенной для него, размышлял, чем бы отблагодарить эту гостеприимную и добродетельную женщину. Он велел слуге своему Гиезию позвать женщину к себе. Когда она вошла, человек Божий сказал ей:

– Вот ты так заботишься о нас; чем я могу отблагодарить тебя за это? Нет ли у тебя какой просьбы до царя, или князя или военачальника?

Она отвечала:

– Нет у меня никакой просьбы к ним, потому что среди своего народа я живу.

Когда женщина ушла, святой обратился к Гиезию, спросив его совета, чем бы можно было отблагодарить ту женщину за ее благодеяние. Гиезий отвечал ему:

– Женщина эта не имеет детей, а муж ее стар, умоли Бога, чтобы Он подал ей наследника-сына.

Угодник Божий поступил так. Он усердно вознес горячую молитву о женщине той Богу и, получив извещение от Него, велел вторично призвать ее к себе. Когда она вошла и встала в дверях, человек Божий сказал ей, что она зачнет и родит сына. Женщина поклонилась ему, и как бы не веря от радости, с мольбой просила святого уверить ее в том. Святой убедил ее, чтобы она твердо верила неложному слову. Женщина действительно зачала и по исполнении времени родила сына, которого и вскормила своей грудью. Однажды, когда отрок уже возрос, летом в жатвенное время он пошел к отцу своему на поле, где была жатва. Пробыв там немного, он разболелся головной болью и закричал: «Голова болит, голова болит!»

Отец велел слуге отнести больного сына домой. Дома больной отрок пролежал на коленях у матери только до полудня и умер[3899]. Мать взяла умершего, отнесла в горницу пророка положила его на постель и, затворив двери, вышла и позвала своего мужа. Ничего не сказав ему о смерти сына, она просила

у него, чтобы он прислал ей слугу и осла, так как она должна идти к человеку Божию в Кармил, откуда скоро возвратится.

Муж спросил ее: «Зачем ты пойдешь к нему? Ведь нынешний день не новомесячие, ни суббота?»

(В эти дни к святому пророку Елисею, жившему на Кармильской горе, собирались люди для славословия Божия и поучения). Жена же отвечала, что хотя ныне не суббота, ни новомесячие, но она должна идти, – и с поспешностью отправилась к святому. Когда она приближалась к Кармильской горе, человек Божий, провидя ее приход, сказал своему слуге Гиезию:

– Это та Сонамитянка. Беги навстречу ей и спроси: Здорова ли ты? Здоров ли муж? Здоров ли сын твой?» Она сказала встретившему ее Гиезию:

– Здоровы.

Но когда она пришла к святому на гору, то припала к его ногам. Гиезий хотел было ее отстранить от него, но Елисей сказал:

– Оставь ее, ибо душа ее ныне скорбит; Господь же утаил от меня об ее печали и не открыл мне.

Женщина сказала:

– Просила ли я сына у господина моего? Не сам ли ты, господин мой, испросил его мне у Бога? Не говорила ли я: не дай мне обмануться? И вот сын мой ныне умер.

Человек Божий умилился над ней и, дав свой посох Гиезию, велел ему скорее идти и возложить этот посох на умершего отрока. Мать же умершего отрока не удовольствовалась этим и, припав к святому пророку, говорила ему: «Жив Господь, и жива душа твоя, я не отстану от тебя». Тогда святой Елисей встал и пошел вместе с ней. Гиезий же, прибыв ранее его, положил посох на лице отрока, но отрок не обнаруживал признаков жизни. Тогда Гиезий возвратился и, встретив человека Божия, сказал ему, что отрок не воскрес. Наконец, прибыл в город сам святой пророк Елисей и, войдя в дом женщины, прошел в горницу. Здесь на его постели лежал умерший отрок. Святой Елисей затворил двери и, помолившись Господу, простерся над отроком, приникнув своими устами к его устам, и своими

глазами к его глазам, и положив руки свои на его руки, и свои колена на его колена, и дышал на него, – и тело отрока стало согреваться. Пророк встал, походил по комнате и опять простерся над отроком. Так было до семи раз, после чего отрок открыл глаза. Елисей позвал Гиезия и велел ему призвать мать отрока. Когда она вошла, Елисей сказал ей:

– Возьми сына твоего!

Женщина припала к ногам человека Божия, и, взяв живого сына своего, радуясь, воздавала хвалу Богу[3900].

После этого пророк Божий Елисей пришел в Галгал, место, где в древности израильтяне на пути в землю обетованную переходили реку Иордан. Здесь пророк Елисей пробыл продолжительное время. И вот наступил голод в той стране. С пророком были и ученики его, проводившие жизнь в подражание ему, в чистоте и нищете, подобно инокам новой благодати. Пребывание человека Божия с учениками было в особом безлюдном месте. Елисей приказал слуге своему поставить на огонь большой котел и варить похлебку для учеников пророческих, которых было числом сто человек. Один ученик пошел в поле собирать зелень и нашел дикий плод, на вид схожий с виноградом, называвшийся колокинхидой, очень горький, почему называли его также желчью земли. Плод этот очень вреден для здоровья, хотя и употребляется при врачевании, но употребление его в большом количестве причиняет смерть. Собиравший не знал всего вреда этого плода и потому набрал полную одежду свою, и всыпал в котел, чтобы сварить. Когда пища была подана ученикам и они стали есть, тогда они тотчас почувствовали горечь и заболели.

– Смерть в котле, человек Божий! – вскричали они в испуге, обратившись к Елисею, и перестали есть, потому что было невозможно.

Елисей велел всыпать немного муки в котел, (не затем, чтобы обезвредить пищу, а чтобы скрыть свое чудотворение) – пища сделалась приятной и безвредной, и евшие ее насытились и исцелились.

В это время пришел к святому пророку Елисею один благочестивый человек из города Ваал-Шалиши[3901] и принес

двадцать ячменных небольших хлебцев от первого сбора ячменя. Человек Божий велел те хлебцы раздать присутствующим. Но слуга его сказал, что этих маленьких хлебцев не достанет на сто человек.

Елисей ответил ему:

– Раздай всем, пусть едят; ибо так Господь говорит, все они насытятся, и еще останется.

И действительно, сто человек насытились и, по слову Господню, сказанному устами пророка, осталось много кусков.

В то время заболел проказой[3902] знаменитый воевода царя Сирийского, по имени Нееман: он славился своей храбростью и военными победами, и потому был в большом почете у царя. Болея продолжительное время, Нееман не находил врачей, которые бы могли исцелить его. Однажды сирийские воины привели из израильской страны взятую в плен девочку и отдали ее в услужение жене Неемана. Девочка та слыхала от своих родителей о святом пророке Елисее и о великих чудесах, совершавшихся по его молитвам, и сказала о том своей госпоже, которой служила.

– О если бы господин мой, – говорила та девочка, – побывал у пророка Божия, который в Самарии, то он снял бы с него проказу его!

Эти слова девочки жена Неемана и передала в точности своему мужу. Нееман пошел к царю своему и стал просить у него, чтобы он отпустил его в землю израильскую, в Самарию – к пророку Божию для исцеления. Царь не только дозволил ему идти, но дал с ним письмо к царю израильскому Иораму, сыну Ахаавову. Нееман, взяв с собой дары для человека Божия, – десять талантов серебра, шесть тысяч золотых монет и десять перемен дорогих одежд – прибыл в землю израильскую и подал царю Иораму письмо от своего царя. В письме было написано:

– Из моего письма, которое ты получишь, узнай, что я послал к тебе слугу моего Неемана, чтобы ты очистил его от проказы.

Царь израильский Иорам, прочитав письмо царя сирийского, сильно опечалился и, разодрав на себе одежды, сказал:

– Разве я Бог, Который один может умерщвлять и оживлять, что он прислал ко мне прокаженного человека, чтобы я очистил его от проказы? Не замечаете ли, что это он ищет предлога, чтобы начать войну против меня?

Святой пророк Елисей, узнав, что царь очень опечален и разодрал одежды свои, послал сказать ему: «Что ты печалишься и зачем разодрал одежды свои? Пусть Нееман тотчас придет и узнает, что есть пророк Божий в Израиле».

Нееман пришел с конями и колесницами и остановился у дверей дома Елисеева. Святой пророк через посланного слугу сказал ему:

– Иди, окунись семь раз в Иордане и тело твое будет таким, каким было ранее, и ты очистишься[3903].

Нееман почувствовал себя обиженным этими словами пророка и ушел, говоря: «Я ожидал, что он сам выйдет ко мне и, встав надо мной, призовет имя Бога своего, прикоснется рукой своею к прокаженным местам моего тела и очистит проказу, а он повелевает мне идти к Иордану. Реки Дамасские, Авана и Фарфар[3904] не лучше ли Иордана и всех вод израильских? Разве я не мог бы омыться в них и очиститься?»

И пошел Нееман обратно из Самарии в сильном гневе. Но на пути слуги его посоветовали ему послушаться повеления пророка Божия и сказали при этом: «Если бы пророк приказал тебе сделать что-либо очень трудное, разве ты не исполнил бы его повеления? А он тебе сказал только: окунись в Иордане и очистишься, а ты и этого не хочешь исполнить».

Нееман послушался совета своих слуг, отправился на Иордан, сошел с колесницы и семь раз окунулся в реке, как велел ему человек Божий, и тотчас тело его очистилось и он вышел из реки бодрый и здоровый, как юноша. И возвратился Нееман со всеми сопровождавшими его к святому Елисею и, став перед ним, сказал:

– Теперь я знаю, что нет Бога по всей земле, кроме Израиля; поэтому прими от раба твоего дары эти, какие я принес тебе.

И при этом предложил человеку Божию золото, серебро, одежды. Но святой Елисей сказал ему:

– Жив Господь, Которому я служу, я не возьму у тебя ничего.

Нееман начал убеждать пророка взять принесенное, но он был непреклонен и не взял ничего.

Тогда Нееман обратился к святому с просьбой, сказав:

«Дозволь рабу твоему взять земли[3905], сколько можно увезти на двух парах мулов; привезя ее домой, я поставлю жертвенник Господу Богу Израилеву, ибо отныне раб твой не будет приносить жертвы никаким богам, кроме Единого Истинного Бога»[3906].

Святой Елисей дозволил ему взять просимое и отпустил его с миром. Когда Нееман ушел от человека Божия Елисея, слуга его, Гиезий, начал размышлять: «Вот какую великую радость сделал Нееману Сириянину господин мой, а он не взял из рук его ни одного дара; пойду вслед за ним, догоню и возьму что-либо у него».

И, встав, поспешил вслед за Нееманом. Нееман, увидав, что Гиезий поспешно догоняет его, сошел с колесницы и пошел навстречу к нему. Когда они сошлись вместе, Гиезий, после приветствия, сказал Нееману:

– Господин мой послал меня сказать тебе, что сейчас с горы Ефремовой пришли к нему двое учеников пророческих, и он просит тебя дать для них талант серебра и две перемены одежд.

Нееман сказал:

– Возьми два таланта.

И тотчас велел положить серебро в два мешка, и дал Гиезию двоих своих слуг отнести посланное, а сверх того дал ему и две одежды. Гиезий, придя с теми слугами домой в вечерний сумрак, взял у них принесенное и, отослав их обратно, скрыл взятое в доме, а сам явился к господину своему.

Святой Елисей спросил у него:

– Откуда ты пришел, Гиезий?

Гиезий отвечал:

– Не ходил раб твой никуда.

Тогда святой Елисей сказал ему:

– Разве сердце мое не ходило с тобой и не видело, как, сойдя с колесницы человек тот шел навстречу тебе, и как ты принял от него серебро и одежды; и разве я не знаю, что ты намерен на это серебро купить себе масличные деревья и виноградники, овец и волов, слуг и служанок? За это проказа Нееманова пристанет к тебе и к твоему потомству навеки.

И вышел Гиезий от Елисея, покрытый проказой и белый, как снег.

Однажды ученики пророческие сказали Елисею:

– Вот жилище, в котором мы живем около тебя, тесно для нас; пойдем к Иордану и принесем каждый по бревну и сделаем себе там жилище.

Святой отпустил их. Один из учеников кротко пригласил и его самого пойти вместе с ними, сказав ему: «Пойди, отче, и ты сам с рабами твоими». Человек Божий встал и пошел вместе с ними. Когда они пришли на Иордан и начали рубить бревна, у одного из рубивших соскочил топор с топорища и упал в воду, и он вскричал: «Ах, господин мой! Топор этот я взял на подержание у друга».

Человек Божий спросил его, где упал топор и, когда тот указал место, Елисей отрубил кусок дерева, бросил его в воду, и топор всплыл на поверхность воды. Святой велел рубившему взять его, и тот, протянув руку, взял его. Столь великая дана была сила святому мужу, что он мог даже естественную тяжесть железа уменьшить так, что железная секира плавала сверх воды, как лист, упавший с дерева.

Святой пророк Елисей провидел происходящее вдали от него с такой ясностью, что как бы все это происходило перед его очами. Царь сирийский, воевавший с израильтянами, много раз совещался с приближенными своими, как устроить засаду для царя израильского, и назначал то или другое место, где должен был залечь назначенный для засады отряд воинов.

Но святой Елисей, провидя это, посылал предупредить царя израильского, говоря: «Остерегись проходить сим местом, потому что там залегли сирияне».

Царь посылал узнать, правда ли это, и уверившись в том, соблюдал осторожность и не приближался к тому месту, а сам

посылал своих воинов, которые внезапно нападали на сириян и поражали их. Это было несколько раз. Царь сирийский, слыша об этом, пришел в смущение и, призвав своих подчиненных, сказал им: «Почему вы не скажете мне, кто открывает мои тайны царю израильскому и предает меня в его руки?» Один из них отвечал ему на это: «Никто, господин мой царь, и не от нас это происходит! А у израильтян есть пророк Елисей, который пересказывает царю израильскому даже те слова, которые ты говоришь в своей спальной комнате».

Царь сказал:

– Узнайте, где пророк тот? Я пошлю воинов взять и привести его сюда.

Воины, разузнав, сказали ему, что Елисей пребывает в Дофаиме[3907]. Царь послал туда конницу, колесницы и большой отряд войска, которые ночью приступили и окружили город. Рано утром слуга Елисея, выйдя из дома, увидал сирийские войска с конями и колесницами, в большом количестве окружившие город, и, вбежав к Елисею, вскричал:

– Что нам делать, господин мой?

Святой Елисей отвечал:

– Не бойся: с нами больше, чем с ними.

И обратился Елисей к Богу с молитвой, говоря:

– Господи! Отверзи очи отрока твоего, дабы он узрел силу Твою.

И Бог отверз очи служителя Елисея, – он увидел, что вся гора занята конями и огненными колесницами кругом Елисея. Святой Елисей вышел со слугой своим из города к сириянам, а те пошли к нему. Елисей помолился к Господу, говоря:

– Порази, Господи, народ сей слепотой.

И Господь поразил их слепотой, как просил Елисей. Тогда Елисей сказал им:

– Это не та дорога и город этот не тот, куда вам нужно идти; но идите за мной, и я приведу вас к тому человеку, которого вы ищете.

И привел он их в Самарию. Когда они прибыли в Самарию, Елисей обратился с молитвой к Богу и сказал:

– Господи! Отверзи им очи, дабы они увидели, где находятся.

И открыл Господь глаза их, и они увидели, что находятся в Самарии. Царь израильский, узнав об их прибытии, и, увидев их, спросил святого Елисея:

– Не велишь ли, отче, их истребить?

Но святой отвечал:

– Нет не истребляй, ибо не ты привел их сюда, и не ты пленил их своим оружием; но сделай им угощение, чтобы они шли к государю своему.

Царь сделал им большое угощение, и они ели и пили, и были отпущены к царю своему, и после этого прекратили свои нашествия из Сирии на землю Израильскую.

Прошло довольно продолжительное время и царь сирийский Венадад начал войну с Иорамом, царем израильским. Он собрал все свое войско и окружил Самарию, столичный город царей израильских, где находился тогда и святой пророк Елисей. Начался сильный голод в городе, так что самые бедные жители поедали своих детей. Однажды к царю израильскому, когда он ходил по городской стене, подошла женщина и с воплем говорила ему:

– Помоги мне господин, мой царь!

Царь отвечал ей:

– Если тебе не поможет Господь, как я могу помочь тебе? С гумна или с точила дам тебе пропитание? Впрочем скажи, что тебе нужно?

Она начала свою жалобу на другую женщину, сказав:

– Вот эта женщина сказала мне: давай, съедим сегодня твоего сына, а завтра моего, и мы сварили моего сына и съели. На другой день я сказала ей: давай съедим и твоего сына, но она его спрятала.

Царь израильский, выслушав такой ужасный рассказ женщины, разодрал одежду свою и страшно разгневался на пророка Божия Елисея за то, что тот своим советом удерживал его не покоряться царю сирийскому и не сдавать ему город, а ожидать помощи Божией.

«Пусть покарает меня Бог и прибавит еще к моему наказанию, если сегодня голова Елисеева останется на нем!» – сказал царь во гневе.

И тотчас был послан исполнитель казни, чтобы отсечь голову пророку. Человек же Божий находился у себя дома, и у него были старцы израильские.

«Знаете ли вы, – сказал он старцам, – что царь Иорам, сын убийцы Ахаава, убившего неповинно Навуфея, послал исполнителя казни снять с меня сейчас голову? Но вы заприте крепко двери и не пускайте его сюда, пока не придет сюда господин его, ибо слышится топот ног господина его, потому что он спешит уже вслед за ним».

Еще святой говорил эти слова, как подошел царь и остановил исполнителя казни; потому что после злого решения своего царь раскаялся, и сам поспешил вслед за посланным, чтобы предупредить исполнение жестокого приказания, ибо царь знал о святости пророка Елисея и его неповинности и о всех благодеяниях его для Израильского царства и для многих людей. Войдя к пророку, царь сказал:

– Вот какое великое бедствие послано на нас от Господа! Чего же мне ждать от Него? Отдам город сирийскому царю и смирюсь перед ним, чтобы не умереть всем нам от голода, лучше, подчинившись ему, остаться всем нам живыми, чем, сопротивляясь, погибнуть от голода.

Но святой Елисей, обратившись к царю и ко всем присутствовавшим, сказал:

– Слушайте слово Господне! Вот что говорит Господь: этот же час завтра в воротах Самарии[3908] будут продавать меру муки пшеничной за один сикль, и две меры ячменя за один сикль.

Один из сановников, самый приближенный к царю, на руку которого царь опирался, сказал на это Елисею:

– Если бы даже Господь отверз небеса, и тогда не будет того, что ты говоришь.

Святой Елисей отвечал ему:

– Вот ты сам увидишь это своими очами, но не вкусишь от хлеба того.

Успокоившись немного, царь ушел в свою палатку. И вот ночью, когда святой Елисей молился ко Господу Богу об освобождении города, Бог наслал великое смятение на войско сирийское: сириянам послышался большой шум от оружия и ржания коней, как бы от большого собравшегося войска, и они порешили между собой, что это цари хеттейский и египетский, нанятые царем израильским, пришли к нему на помощь со своими войсками.

– Бежим отсюда, бежим! – кричали они в великом страхе.

И ночью вместе с царем своим побежали обратно, оставив на месте свои палатки, коней, ослов и все, что было у них в стане, спасая лишь только свою жизнь. В эту же ночь около городских ворот сидели четверо прокаженных, которые, рассуждая друг с другом, говорили: «Зачем мы здесь сидим, ожидая смерти? Если в город пойдем, то умрем от голода, а, оставаясь здесь, также умрем; не пойти ли нам в сирийский стан и если не пощадят нас, то лучше умереть от меча, чем терпеть невыносимые муки от голода».

И, согласившись, встали и пошли в сирийский стан, покрытый еще ночным мраком. Войдя в стан, они не нашли ни одного человека и, пройдя до середины стана и никого не видя, много дивились этому. Они вошли в одну из палаток, и ели, и пили, взяли из нее серебро, и золото, и одежды и, отойдя, скрыли. Возвратившись, они вошли в другую палатку и взяли из нее все, что хотели и сколько могли унести, и опять скрыли. После этого они начали совещаться, говоря: «Нехорошо мы делаем; настоящий день – день радостной вести, а мы молчим: и если останемся здесь до рассвета, то будем повинны в большом грехе; поэтому поспешим к городу и известим царский двор».

Они поспешили к городу и, подойдя к воротам городским, сказали стражам: «Мы ходили в стан сирийский и не видели там ни одного человека, и не слыхали даже голоса человеческого; только кони на привязи и ослы остались там, также и шатры стоят на своих местах, наполненные богатством».

Немедленно обо всем известили царя. Царь встал ночью, собрал приближенных и начал с ними совещаться и,

усомнившись, сказал им: «Я открою вам коварный замысел сириян, который они задумали против нас. Они узнали, что мы страдаем от голода; поэтому, выйдя из стана, скрылись где-либо в поле, намереваясь, когда мы выйдем, гонимые голодом из города, захватить нас живыми, и войти в наш город».

Слуги царя посоветовали послать кого-либо на разведку. Были посланы двое всадников, которые, прибыв в стан сирийский и, никого не найдя в нем, поскакали по следам сириян до Иордана. Весь путь был устлан одеждой и оружием, которые бросали бежавшие в великом страхе сирияне. Посланные возвратились и обо всем известили царя и народ. Люди бросились из города и расхитили весь лагерь сирийский; и мера муки пшеничной и две меры ячменя продавались за один сикль, как сказано было Господом через пророка. Вышеупомянутый сановник, тот, на руку которого опирался царь, получил от него приказание встать у городских ворот для наблюдения за порядком. И вот, когда он хотел распоряжаться, чтобы народ не теснился в воротах, толпа стиснула его и задавила его насмерть, как это и было предсказано человеком Божиим Елисеем, когда этот сановник, не веря слову Господню, сказанному устами пророческими об изобилии хлеба, противоречил: «Если Господь и небо отверзет, то этого не будет» (1Цар.6 и след).

Славен был сей великий угодник Божий и в других дивных пророческих дарованиях и деяниях, как о том пространно повествуется в книгах Царств. Он предсказал семилетний голод в земле израильской (4Цар.8:10). Предусмотрев смерть Венадада царя сирийского, он предсказал переход царства Сирийского в руки Азаила. Помазав Иуя – одного из князей израильских – на царство (4Цар.9:3), он возбудил его истребить богоненавистный идолопоклоннический Ахаавов дом. Иуй убил двоих царей идолопоклонников: Иорама израильского и Охозию иудейского, внука благочестивого царя Иосафата, который, не подражая деду своему, уклонился в нечестие. Он умертвил Иезавель, нечестивую жену Ахаавову, мать Иорама, и избил всех жрецов и волхвов ваалових. Во всех этих делах ему споспешествовали благословения и молитвы святого пророка

Елисея. По смерти Иуя царствовал в Израиле сын его Иоахаз, а ему наследовал Иоас, внук Иуя. В царствование Иоаса человек Божий, имевший пребывание в Самарии, и, будучи уже глубоким старцем, разболелся. Царь израильский Иоас пришел навестить его и, плача над ним, говорил:

– Отче, отче, колесница израилева и кони его!

Елисей сказал ему:

– Возьми лук и стрелы, открой окно к востоку, где находится Сирия, и натяни лук со стрелой.

Царь исполнил это. Пророк же Божий, положив свои руки на руки царя, сказал: «Пусти стрелу к Сирии».

И царь пустил стрелу. Пророк сказал:

– Стрела эта – стрела спасения Господня, и ты победишь Сирию.

И опять велел царю взять в руки лук и стрелы. Царь взял. Пророк сказал ему:

– Ударь стрелой по земле.

Царь ударил три раза и остановился. Человек Божий разгневался на него, сказав:

«Если бы ты ударил пять или шесть раз, то победил бы Сирию окончательно, теперь же ты нанесешь ей только три поражения»[3909].

Так пророчествуя царю, святой Елисей скончался и был погребен с почестями[3910].

Не только при жизни пророк Елисей творил чудеса, но он и по смерти своей явил себя чудотворцем. Через год после его смерти несли хоронить за город одного умершего. В это время появилась толпа моавитян, которые производили набег на землю израильскую. Несшие умершего еще издали увидали неприятелей и бросили труп в близ лежащую пещеру. Это была та пещера, в которой покоился прах пророка Елисеея. Лишь только мертвец коснулся костей пророка, как тотчас ожил и, выйдя из пещеры, пошел в город[3911].

Так и по смерти Бог прославил Своего угодника[3912]. За все сие Богу нашему слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь[3913].

Тропарь, глас 4:

Во плоти Ангел, пророков основание, вторый Предтеча пришествия Христова, Илия славный, свыше пославый Елисееви благодать, недуги отгоняти, и прокаженныя очищати: темже и почитающым его точит исцеления.

Кондак, глас 2:

Пророк Божий явился еси, сугубую благодать прием, воистинну достойную тебе, Елисее блаженне: Илии бо был еси совсельник, с ним же Христу Богу молися непрестанно о всех нас.

Житие святого отца нашего Мефодия, патриарха Константинопольского

Память 14 июня

Уроженец Сицилии[3914], святитель Христов Мефодий в юных летах воспринял иноческий образ, преуспевая в добродетельной жизни. В царствование Льва Армянина[3915], иконоборца, он занимал при святейшем Никифоре, патриархе Цареградском, должность апокрисиария[3916]. Патриарх Никифор послал святого Мефодия к папе в Рим[3917] с одним поручением, касающимся церковных дел; здесь, в Риме, он намеренно задержался на довольно продолжительное время, потому что нечестивый Лев, свергнув с патриаршего престола святейшего Никифора, возвел на него еретика иконоборца Феодота Мелиссийского, по прозванию Касситера[3918]. По кончине царя Льва и лжепатриарха Феодота святой Мефодий возвратился из Ветхого Рима в Новый[3919]. В сане пресвитера он служил Господу в правде и преподобии, неустанно борясь с иконоборческой ересью, особенно усилившейся в то время: по Льве Армянине на царский престол вступил, тоже еретик иконоборец, Михаил Валвос или Травлос[3920]; патриархами во дни его были люди неблагочестивые. И великий подвиг взял на себя блаженный Мефодий, препираясь с еретиками и постыжая их. За такую деятельность нечестивый царь томил в муках и темнице святого Мефодия, как сообщает об этом грек Зонара[3921]: он передает, что Михаил Травлос в начале царствования своего показал себя милостивым правителем: многих святых отцов, заточенных Львом Армянином за почитание икон, он освободил от уз и заключения, но затем, по прошествии уже довольно значительного времени, Михаил отменил это, внушенное лицемерием, доброе дело и, не скрывая своего злобного нечестия, воздвиг гонение на православных. С гневом он ополчился на святого Мефодия и на Евфимия, Сардийского епископа, – о многих других, много пострадавших от него, уже не говорим. Евфимия он отправил за почитание икон в изгнание, а святого Мефодия заключил в

темнице в Акрите[3922]. Тот же Зонара следующим образом описывает нечестие Михаила Травлоса: он подражал во всем, по его словам, царю Копрониму[3923]; благоволя иудеям, он приказал поститься в субботу; не веря воскресению мертвых, Михаил осмеивал надежду на блаженную жизнь за гробом; подвергал насмешкам и предсказания святых пророков, утверждал, что бесов не существует и не почитал за грех скверных плотских деяний: почитая Иуду предателя за святого, Михаил думал, что последний будет спасен. Он ненавидел учение книжное и препятствовал родителям отдавать детей в православные школы, чтобы, изучив священное Писание, они не обличили его безумия, но, пребывая невеждами и бескнижными следовали его еретическому заблуждению. Так говорит Зонара. Святой Мефодий мужественно противился зловерному царю, как пастырь мудрый, сведущий в Божественном Писании, православных догматах и преданиях святых отцов; за это он, как исповедник истины, переносил не только узы и темницы, но даже раны.

По смерти Михаила Травлоса воцарился сын его Феофил[3924] – наследник не только престола, но и зловерия своего отца, Феофил многих замучил за честное почитание святых икон, однако, любя учение книжное, он обновил запустевшие было школы Царьграда, приказал снова начать в них занятия. Он же освободил из заточения и святого Мефодия, как передает об этом греческий историк Михаил Гликос: небывалым, – говорит он, – и чудесным образом извел Бог Мефодия из мрачного узилища: Феофил из любви к знаниям часто проводил время за чтением книг; однажды царю попалась в руки книга, содержание которой ему было малопонятно; кто-то из приближенных заметил Феофилу, что Мефодий, заключенный в темнице в Акрите, известен своим уменьем изъяснять трудные для уразумения места в книгах. Тотчас же царь послал приказ привести к нему из узилища святого Мефодия; увидевшись с ним, он после беседы понял, что святой Мефодий муж мудрый, и освободил его из уважения к нему.

Получив свободу, святой Мефодий снова вступил в словесную борьбу с еретиками, уча воздавать святым иконам

достойные их честь и поклонение; этим он опять навлекал на себя гнев иконоборцев: деятельность святого Мефодия на защиту православия стала известна царю, который сильно гневался на угодника Божия, скрывая свое недовольство до более удобного времени. В эти дни греки вели войну с сарацинами[3925], и была необходимость самому царю присутствовать при войске. Отправляясь к полкам, царь взял с собой и святого Мефодия, частью как бы ради молитвы, частью для бесед от писания и решения недоуменных вопросов, которые, как убедился царь, святой Мефодий искусен был разъяснять. В действительности же царь взял с собой угодника Божия из боязни, как бы в столице, если в ней останется святой Мефодий, не возникло народное возмущение против иконоборцев: народ любил преподобного, как мужа святого и учительного, прекрасно сведущего не только в области управления духовного, но и гражданского; поэтому-то царь и не оставил его в столице на время своего отсутствия, а взял с собой. Но вот, по Божию попущению, измаильтяне одолели греков, уничтожив почти все войско царя, так что последний едва спасся бегством с малыми остатками от своих полков; тогда нечестивый царь обнаружил на святого Мефодия свой гнев, который доселе таил в сердце:

– Потому Бог и даровал врагам нашим победу, – говорил Феофил, – что среди нас находятся идолопоклонники.

На это святой Мефодий возразил:

– Господь, поругаемый христианами в Своей святой иконе, прогневался на них и попустил врагам одержать над нами победу.

Исполнившись ярости, царь сослал святого Мефодия после жестокого бичевания[3926] в заточение на один остров: здесь он приказал заключить его вместе с двумя разбойниками в глубокой гробной пещере, куда не проникал и солнечный свет. Так святой Мефодий явился живым мертвецом, как Иона во чреве китове, пребывая в земных недрах и благодаря Бога. Одному рыбаку поручено было доставлять ему пищу и притом столь скудную, чтобы только не умереть с голода; мучители

желали продолжить жизнь угодника Божия, а с ней – и его страдания в том гробе.

Во время этого заключения святого Мефодия царь Феофил поверг мукам за почитание честных икон двух святых исповедников Феодора и Феофана: на их лицах раскаленным железом была выжжена надпись, свидетельствующая об их поклонении святым иконам, после чего царь отправил мучеников в заточение. Путь их лежал мимо того острова, где томился святой Мефодий, заключенный в гробной пещере. Случайно встретившись с рыбаком, питающим узника, святые исповедники разузнали от него все подробно об угоднике Божием. Не имея возможности увидеться со святым Мефодием, потому что очень строги были люди, ведшие их в заключение, Феодор и Феофан написали к нему следующее приветствие, доставить которое по назначению взялся тот же рыбак:

«К живому, как мертвому сидящему во гробе, к земному, обходящему горние страны и к носящему узы, пишут окованные, имеющие «лица начертаны».

Прочтя это, присланное с рыбаком приветствие и узнав от последнего о подвигах святых страстотерпцев, святой Мефодий благодарил Бога, даровавшего им такое мужество. Затем он ответил им в свою очередь на их приветствие таким письмом: «Погребенный прежде смерти и скованный узами приветствует тех узников, из которых каждый, имея «начертанное лице», вписан горе в книгу жизни».

В своем гробном заключении святой Мефодий пробыл до смерти царя Феофила, и когда (один) гроб приял мертвеца по истине[3927], тогда другой гроб, подобно киту, изрыгнувшему из чрева Иону пророка, даровал миру «живого мертвеца»[3928]. Когда смерть закрыла очи Феофила гробной перстью и затворила его нечестивые уста, наложив молчание на хульный язык, тогда славный исповедник увидел дневной свет и снова отверз свои уста для проповеди благочестия. По кончине Феофила воцарился сын его, Михаил III, причем за его малолетством управляла его мать Феодора[3929]. Первой заботой правительницы была забота о мире церковном, совершенно нарушенном иконоборством: от дней первого царя иконоборца

Льва Исаврянина[3930] до смерти Феофила прошло сто двадцать лет; в течение этого времени икона Христова была поругаема христианами, и разгневанный Бог воздвигал за это немалые бедствия на Христианское царство. В эти годы сарацины, овладев многими христианскими странами, многих жителей их увели, как пленников, в свою область. Тогда же Греко-римское государство разделилось на два царства: между тем ранее царь Нового Рима или греческий обладал и Ветхим Римом, так что Восток и Запад объединялись под скипетром одного царя греческого. Но вследствие развития иконоборческой ереси, связанной с лютыми кровавыми мучениями множества исповедников благочестия, Запад отторгся из-под власти греческих царей, поставив себе своего собственного царя. Поэтому греческий царь вынужден был управлять одной только Грецией, да и то не всей, потому что Палестина со святым городом Иерусалимом, Сирия, Аравия, а также и Египет с подлежавшими ему областями, взяты были сарацинами. Все это Бог попустил за грехи христиан, отпавших от благочестия в ересь и поругавших святые иконы. Принимая во внимание последнее обстоятельство, благочестивая и исполненная боговдохновенного разума царица Феодора приложила все старания к тому, чтобы, уничтожив в Христианском царстве проклятую иконоборческую ересь, утвердить правоверие, возвратив как драгоценное украшение невесты Христовой, святой Церкви почитание честных икон. Она повелела освободить от уз и заключения, а также возвратить из ссылки всех исповедников благочестия, чтобы они пришли на собор в Константинополь, который бы возвратил с подобающею честью храмам святые иконы. По этому указу был освобожден из гробного затвора и святой Мефодий. На патриаршем же престоле, как мерзость запустения на месте святе, все еще пребывал лжепатриарх Иоанн, по прозванию Анний[3931], – еретик и волхв, возведенный на престол царем Феофилом, и так как святые отцы не желали иметь с ним общения, то благочестивая царица Феодора помянутого лжепатриарха, лишив престола, изгнала из Церкви как дикого вепря из виноградника. По благоволению Божию на патриарший престол к неизреченной

радости всех православных был возведен святой исповедник Мефодий.

Это возведение святого Мефодия, происшедшее более по Божию нежели человеческому избранию, еще прежде было предсказано преподобным Иоанникием Великим, о чем житие его говорит так: Игумен Агавронского монастыря Евстратий спросил некогда преподобного Иоанникия:

– Отче, доколе же святые иконы будут попираемы (и доколе продолжится такое положение вещей), при котором Церкви не возвращаются, гонители возрастают и стадо Христово расхищают дикие звери?

Святой отец отвечал на это:

– Подожди еще немного, брат, и увидишь проявление силы Божией: церковное управление примет некто, именем Мефодий, озаренный Божественным Духом он будет руководить Церковью по истине, истребит ереси, утвердит Церковь православными догматами, создаст тишину и единомыслие; противящихся же смирит десница Вышнего,

Это пророчество преподобного Иоанникия сбылось с очевидностью на святом Мефодии. По смерти царя Феофила он был поставлен патриархом Царьграда, как муж достойный столь великого сана, как крепкий столп правоверия и непоколебимое утверждение благочестия, как украшенный мученичеством Христов воин, от Бога предзнаменованный и прозорливым мужем предуказанный на великое служение архиерейское. Святой Мефодий вместе с благоверной царицей Феодорой созвал в Константинополе Поместный собор, который подтвердил догматические определения седьмого Вселенского собора, созванного в царствование Константина и Ирины, в Никеи на иконоборцев[3932]. Не принимающих же догматов этого Вселенского собора Поместный собор, собранный при святом Мефодии, предал вторичной анафеме. Доставив радость православным, обратив церковную смуту в мир, бурю и волнение – в тишину, отцы собора с великим торжеством в первую неделю святой Четыредесятницы внесли честные иконы в церковь Господню. И была великая радость не только в

Царьграде, но и во всех тех местах поднебесной, где находились православные христиане.

Когда повсюду православные христиане совершали духовное торжество, зависть терзала сердца тех, в душах которых была укоренена иконоборческая ересь: таковы были уже помянутый, сверженный с престола, лжепатриарх Анний и брат его Ареабор, имевший сан сенатора и заседавший в царской палате; таковы были и некоторые другие из числа сановных вельмож и людей меньшого чина. Не зная, что делать, они по злобе придумывали, как бы оклеветать святейшего Мефодия. За золото еретики наняли одну единомысленную с ними и знатную женщину, – сын ее был ипатом[3933] в Смирне, – чтобы она, согласно их наставлению, пошла к царице и воспитателям молодого царя и сообщила им, что будто бы новопоставленный патриарх Мефодий блудодействовал с ней. Так поступили клеветники в том расчете, что им будет более удобно хулить как учение святого Мефодия, защищавшего почитание честных икон, так – и самые иконы, если патриарха удастся обесславить, распустив о нем в народе дурную молву и тем опозорив его имя. Подученная еретиками женщина, отправившись к царице и воспитателям молодого царя, открыто перед всеми оклеветала святого Мефодия, принеся жалобу на мужа ни в чем не повинного. Чтобы клевета ее была принята за истину, она проливала слезы, как бы потерпевшая насилие от новопоставленного патриарха. Они удивлялись такому поступку первосвятителя, породившему великий соблазн; тотчас молва распространилась по всему городу, православных смущая, а нечестивым доставляя радость и торжество. Еретики смеялись над православными: «Вот какого имеете вы патриарха, вот за кем вы следуете».

Когда клевета дошла до самого святейшего Мефодия, он недоумевал, откуда именно: она могла возникнуть. Но имея совесть чистой, он в душе радовался незаслуженному бедствию, вместе с тем патриарх и печалился, видя столь великий соблазн среди народа и насмешки еретиков над православными. Как же поступает сей великий святитель, муж не повинный руками и чистый сердцем, соблюдший от утробы

матерней непорочно чистоту своего тела? Желая не столько себя очистить от ложного обвинения, сколько – отнять у Церкви соблазн и заградить лживые уста еретиков, патриарх решил, жертвуя своим стыдом, открыть доколе никому неведомый недуг, которым он страдал и который с очевидностью обнаруживал неспособность первосвятителя к плотскому греховному смешению. Послав в палату цареву, патриарх просил справедливого суда, который расследовал бы дело между ним и помянутой женой. Представ же перед судом, состоящим из честных лиц, патриарх, не хотя спорить с бесстыдной женщиной и желая непререкаемым образом засвидетельствовать о своей неповинности и убежденный к тому же наступившей необходимостью отложить природный стыд, соблюдение коего особенно было обязательно для человека его сана, – святейший Мефодий обнажил «тайное место» своего тела, объятое болезнью, так что «плоть родная» была как бы умерщвленной; и все узнали, насколько ложна была клевета женщины, так как видели, что невозможно столь больному человеку совершить плотской грех. И возрадовались православные, что уничтожился соблазн в Церкви и отнялось поношение от сынов благочестия.. Еретики же покрылись стыдом и заградились нечестивые уста их; болезнь их обратилась на их головы и издевательство их принесло посрамление и уничтожение им же самим.

Когда же судьи спросили святейшего Мефодия, каким образом прилучилась ему болезнь, он, обнаруживая недуг свой, открыл и причину его, о которой доселе тоже никому не говорил: «Когда, – сказал он, – я был послан святейшим патриархом Никифором к папе в Рим и там задержался, в это время по действию пакостника плоти, Ангела сатанина, напало на меня сильное плотское вожделение, соединенное с возбуждением плотских удов; многие дни и ночи боролся я с похотной страстью, изнуряя постом и бдением и умерщвляя себя всякого рода трудами, и так как страсть все-таки не оставляла меня и мне казалось, что я уже близок к падению, со слезами повергся перед святым верховным Апостолом Петром, вручая себя его помощи и прося у него ослабления: я молил его, чтобы он

дарованной ему от Бога благодатной силой избавил меня от плотской брани и тем не попустил осквернить моему телу, освященному для чистоты. Когда я в печали забылся немного сном, мне явился святой Апостол Петр и коснулся своею десницею тайных частей моего тела; от этого прикосновения я ощутил сильную боль, – точно кто огнем ожег заболевшее место; я сильно застонал. Апостол же Петр сказал мне: «Отселе ты не будешь более испытывать плотской греховной брани». «Я тотчас пробудился от сна и нашел себя с тем повреждением, какое вы уже видели».

Этот рассказ святого Мефодия умилил его судей: они признали его неповинным; женщину же ту они приказали подвергнуть наказанию, чтобы она сказала, кто научил ее оклеветать неповинного и чистого архиерея Божия. И тотчас явились палачи, чтобы взять ее для мучений; она же, увидев обнаженный меч, приготовленный огонь, острые терновые жезлы, сильно испугалась и, не доводя дело до казни, открыла истину: она назвала по имени всех, нанимавших и учивших ее, сообщила и о большом количестве золота, полученном от наустителей, указала и место, где оно положено в ее доме. Судьи послали в дом женщины заслуживающих доверия служителей; они отправились и, действительно, нашли на месте, указанном женщиной, золото, которое и принесли судьям. Последние произнесли смертный приговор как над женщиной, так и над подучившими ее оклеветать святого Мефодия. Святейший же патриарх, будучи по своему незлобию верным и истинным последователем Господа, не только не допустил до осуществления смертного приговора, но освободил своих врагов и от предстоящих им ран; он наложил на них одно только наказание, чтобы они во все ведшие праздники чинно с возжженными свечами приходили от Влахернской[3934] церкви Пречистой Богородицы к соборной церкви святой Софии и здесь при вратах храма выслушивали анафему, что и исполнялось. Тогда умолкли хульные еретические уста и ересь иконоборная была совершенно уничтожена в Царьграде благодатью Божиею, молитвой и неусыпным радением угодника Божия, святейшего

патриаха Мефодия, который из причиненной ему незаслуженной напасти вышел с еще большей славой.

Врагам его не было дано того, чего просит у Бога Давид согрешающим: «исполни лица их бесчестием, чтобы они взыскали имя Твое, Господи» (Пс.82:17). Ослепленные злобой с окаменелым сердцем они к первым своим злым делам присоединили новые, не менее горшие. Вышеупомянутый лжепатриах Иоанн, он же и Анний, виновник всех зол, был послан на поклон в один монастырь; во время своего пребывания там, видя святые иконы Христа Спасителя и Пречистой Богородицы и святых Ангелов снова обновленные благочестивыми ревнителями после иконоборческого разорения, Анний приказал своему диакону тем святым иконам выколоть глаза. Диакон поступил согласно приказанию. Об этом было возвещено благоверной царице Феодоре. Ревнуя по Христе Боге, она повелела, было, выколоть глаза самому лжепатриарху, но потом, склоненная просьбами некоторых сенаторов, заменила первое наказание бичеванием: царица приказала нанести двести ударов твердыми бичами лжепатриарху, достойному бесчисленных мук и многих смертей; ибо он во время своей власти многих православных замучил до смерти и, находясь даже в заточении, не переставал наносить бесчестие святым иконам.

Святейший же патриарх Мефодий после всех церковных смут и после многих злоключений, перенесенных им за икону Христову, остальное время своей жизни провел у кормила церковного в мире и тишине, украшая патриарший престол в Царьграде своим Ангеловидным лицом и ангелоподобным житием, стадо словесных Христовых овец руководя к истине и насыщая на пажити богодухновенных учений. Под его влиянием возрастало почитание святых икон, в которых, собственно, чтились изображенные на них лица; вместе с тем он заботился и о том, чтобы в Царьграде и честным мощам угодников Божиих снова по-прежнему воздавалась достойная их честь; во дни владычества иконоборцев честные мощи были поругаемы как и иконы, – на них плевали, их попирали ногами, влачили с поруганием по улицам, бросали в болота и навоз, иногда же

уничтожали, предавая их сожжению или потоплению; только те мощи и сохранились нетронутыми, которых рука благочестивых поспешила укрыть в земле от руки нечестивых. Все это привело к тому, что в Царьграде исчез и самый слух о мощах святых угодников Божиих; поэтому-то святитель Христов Мефодий и приложил все старания к тому, чтобы снова обогатить Царьград честными мощами и научить православных достодолжному их почитанию. Прежде всего он торжественно перенес с места первоначального погребения в столицу мощи преподобного Феодора Студита, пребывшие нетленными и по истечении восемнадцати лет со дня преставления его к Богу. Затем он перенес в Царьград честные мощи патриарха Никифора, покоившиеся на месте его заточения; об этом перенесении патриархом Мефодием мощей своего господина, у которого он был апокрисиарием и который посылал его в Рим, подробно говорится 13 числом месяца марта. Наконец, он как драгоценное сокровище готовил церкви Цареградской в нетленные мощи свое многотрудное, многострадальное и освященное чистотой тело: он уже приблизился к своей кончине, которую и сам предвидел и о которой получил предсказание от преподобного Иоанникия. Предсказав ему в начале патриаршество, он впоследствии предсказал ему кончину. Оба они, одаренные от Духа Святого прозорливостью, предвидели преставление друг друга, как говорится об этом в житии преподобного Иоанникия. В пятый год царствования Михаила, святой патриарх Мефодий, провидя приближающееся отшествие к Господу преподобного Иоанникия, пришел к нему со всем своим клиром, прося последнего благословения и молитв. Преподобный Иоанникий, достаточно побеседовав со святым Мефодием и поучив пришедших с ним православной вере, предсказал патриарху Мефодию, что и он, по его кончине, не замедлит перейти от временного в вечное житие; затем, после молитвы и последнего прощания, они расстались. Патриарх возвратился к себе, а преподобный Иоанникий остался в своей кельи, молясь и приготовляясь к кончине. На третий день по отбытии патриарха преподобный и богоносный отец наш Иоанникий отошел ко Господу (4 ноября); через семь

месяцев, июня, 14 дня, почил о Господе и святейший патриарх Мефодий[3935]. Так сбылось пророчество преподобного Иоанникия, что патриарх не умедлит по его кончине и сам отойти в вечность.

По преставлении святейшего Мефодия поднялись великий плач и рыдание во всей Константинопольской церкви, лишившейся столь великого отца и всемирного светильника; он был погребен с честью, подобающей столь высокому по жизни и служению архиерею. Святой Мефодий пас Церковь Христову четыре года и три месяца и затем перешел в жизнь не оскудевающую временем; причтенный к лику святых иерархов он предстал Пастыреначальнику и великому Архиерею, небеса прошедшему, Господу нашему Иисусу Христу, всеми святыми славимому Богу, Ему же и от нас грешных да будет честь и слава со Отцом и святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

На земли подвизался еси яко безплотный, и небеса наследовал еси Мефодие, яко изъяснивый в концех икон поклонение: в трудех бо и болезнех вящше пребыв, не престал еси дерзновением обличая отметающыяся иконы Христовы.

Память святого пророка Амоса

Память 15 июня

Святой пророк Амос, уроженец города Фекуи, находившегося в земле Иудовой, недалеко от Вифлеема, происходил из семьи незнатной и небогатой: дни свои он проводил, пася стада. Господь же, призирающий не на богатых и сильных, но – на смиренных и нищих, взял его, как Моисея и Давида, от пастушеских стад на пророческое служение (см. Исх.3:1–22, 1Цар.16:1–23). Он повелел ему покинуть землю Иудову и идти в землю Израилеву, чтобы там пророческой проповедью склонить к покаянию людей, развратившихся идолопоклонством. Следует заметить, что по смерти Соломона (954 г. до Р. Х.) Иеровоам (953–931 гг. до Р. Х.) вместе с десятью коленами израильскими отторгся от сына Соломонова Ровоама (954–937 гг. до Р. Х.), царствовавшего в Иерусалиме: из отложившихся колен образовалось особое царство Израильское, первым царем которого и был Иеровоам (3Цар.12:1–33). От дней этого Иеровоама израильтяне, отпав от истинного Богопочитания, поклонялись идолам. Иеровоам, стремясь упрочить свою власть над израильтянами и опасаясь, как бы они, ходя на праздники в Иерусалим ко храму, снова не присоединились к иудейскому царю, его свергнув и убив, сделал двух золотых тельцов – он знал наклонность своих подданных к идолопоклонству – еще предки их, придя из Египта сквозь Чермное море в пустыню, вылили себе из золотых серег тельца (Исх.32:1–35). Сделав помянутых золотых тельцов, Иеровоам одного из них поставил в Дане, а другого в Вефиле – городах своей области; вместе с тем он повелел израильтянам не ходить в Иерусалим, но поклоняться и приносить жертвы золотым тельцам, отправляя в честь их торжественные празднества, при этом царь говорил народу: «Вот боги твои, Израиль, выведшие тебя из Египта» (3Цар.12:28).

Так развратил Иеровоам израильтян. И хотя Господь посылал израильтянам Своих святых пророков для их обличения и возвращения на правый путь, но из них лишь

немногие исправлялись и возвращались к истинному Богу; некоторые же поклонялись и истинному Богу, и золотым тельцам. В числе этих пророков Господь послал со страшными прещениями и раба Своего, святого Амоса. Сей пророк Божий был прост и неискусен в беседе, но не разумом: ибо в нем действовал и говорил его устами Тот же Дух Святой, Который действовал и во всех пророках. Свое пророческое служение святой Амос проходил во дни царя иудейского Озии 809–758 гг. до Р. Х., столицей которого был Иерусалим, и – царя израильского Иеровоама, столица которого находилась в Самарии; но это не тот Иеровоам, который, отторгшись от скипетра Иудова, сделал золотых тельцов, а другой, позднейший по годам[3936]; впрочем, он подобно своему, одноименному с ним предшественнику был идолопоклонник, служивший золотым тельцам. Святой Амос и начал пророчествовать во дни этих царей, за два года до страшного землетрясения в Палестине, причина которого, по сообщениям древних писателей, была следующая: царь иудейский Озия, прозванный Азариею[3937], по гордости своей осмелился войти во святилище храма и принести в жертву фимиам на алтаре кадильном по чину священническому; когда же священники противились этому, он грозил им смертью, и в то самое время началось страшное землетрясение в Иерусалиме и во всей Палестине, причем не только разрушились многие здания, но даже и некоторые горы сдвинулись со своих мест[3938], а крыша храма раздалась вверху и через образовавшуюся трещину на лицо царя упал солнечный луч, тотчас же за этим чело царя и весь он покрылись проказой. Так Господь не потерпел насилия над Своим алтарем и бесчестия, наносимого Его священникам.

В своих пророческих речах, подробно изложенных в книге его имени, святой Амос грозил страшными бедствиями, имеющими прийти от Бога не только на Израиль, но и на окрестные страны, города и народы: Сирию, филистимлян, Тир, Идумею, аммонитян и моавитян, особенно же израильтян, ибо они, после познания Бога, от Него отступили. Господь не так сильно прогневляется грехами неведущих Его язычников, как грехами людей, познавших Его и насладившихся Его

благодеяний. И каких благодеяний не оказывал Господь неблагодарному израильскому народу?! Освободил от рабства в Египте, провел через море, как посуху, одождил взалкавшим в пустыне манну, источил жаждавшим из камня воду, изгнал перед ними народы и ввел их в землю обетованную, изобилующую медом и молоком. Они же в честь золотых идолов, изваянных в виде тельцов, совершали торжественные празднества, восклицая: «Вот, боги твои, Израиль!» Эти праздники отправлялись с особенной пышностью и особенно часто в Вефиле, на высокой горе, где стоял золотой телец. Сюда, поэтому, святой Амос приходил наиболее часто и, возвысив голос к народу, устрашал его грядущими наказаниями Божиими, умолял и увещевал оставить безбожие, но мало кто слушал пророка. Был тогда в Вефиле, жрец, служивший помянутому тельцу; видя, что пророк Божий Амос хулит идола, ругаясь жертвам, приносимым тельцу и отвращая людей от скверных празднеств указанием грозного Суда Божия над поклонявшимися, жрец клеветал на него царю Израилеву Иеровоаму: «Амос, – доносил он, – производит возмущения против тебя среди дома Израилева; земля не может терпеть всех слов его, ибо так говорит Амос: от меча умрет Иеровоам, а Израиль непременно отведен будет пленным из земли своей».

Таким доносом жрец Амасия хотел возбудить гнев в царе на пророка Амоса, но царь мало обращал внимания на слова жреца: хотя и идолопоклонник, он все же почитал пророка Божия и не хотел ему досаждать. Жрец, убедившись, что он не может восстановить царя против человека Божия, сам начал с насилием гнать его: неоднократно он бил святого Амоса и отгонял от Вефиля, запрещая приходить на празднества в честь золотого тельца и отвращать народ от праздничных жертв и веселия: святой же пророк пренебрегал запрещениями жреца и ранами, получаемыми от него; он снова приходил в Вефиль и снова обращался к народу с пророческим учительным и увещательным словом, и снова жрец схватывал его и подвергал побоям. Однажды лукавый жрец с мольбой сказал святому Амосу: «Провидец! Пойди и удались в землю Иудину; там ешь

хлеб и там пророчествуй, а в Вефиле больше не пророчествуй, ибо он – святыня царя и дом царский».

И отвечал Амос, и сказал Амасии: «Я – не пророк и не сын пророка, я был пастух, собирал сикоморы[3939]. Но Господь взял меня от овец и сказал мне: иди, пророчествуй к народу моему Израилю. Теперь выслушай слово Господне. Ты говоришь: не пророчествуй на Израиля и не произноси слов на дом Исааков. За это вот что говорит Господь: когда придут Ассирияне в землю Израилеву, – пленят и опустошат ее, разорят города ее и возьмут город сей, тогда перед твоими глазами бесстыдные воины осквернят блудом жену твою, ибо и ты содействовал заблуждению Израиля перед всевидящими очами Божиими и поучал людей этих совершать нечистые дела в скверном храме золотого тельца, твоего бога; сыновья и дочери твои умрут перед тобой от оружия, и сам ты скончаешься в земле языческой; Израиль же будет отведен в плен из земли своей» (ср. Ам.7:12–17).

Эти слова святого Амоса возбудили в жреце сильнейший гнев, и он начал бить без пощады пророка Божия; наконец, сын жреца свирепый Озия в ярости ударил изо всех сил святого Амоса между бровей тяжелой дубиной и ранил смертельно. Но он не умер тотчас: еле живого его отвезли в землю Иудову, где после нескольких дней он и скончался[3940] на родине, в городе Фекуи; здесь же он был и погребен с отцами своими. Желающий увидать пророчества святого Амоса может найти их в его книге; мы же Бога, его вразумившего, славим ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Очистив духом, пророче, твое светозарное сердце, славный Амосе, пророчествия дар свыше прием, возопил еси велегласно во странах: се Бог наш, и не приложится ин к Нему.

Страдание святого мученика Дулы

Память 15 июня

В то время, как сыны диавола служили ему, и идолопоклонническое волшебство и заблуждение все более и более усиливались, в правление Киликиею[3941] игемона Максима, перед этим правителем был осужден некий раб Христов по имени Дула[3942], муж той же Киликийской области. Он был человеком праведным и богобоязненным, и по всенародному свидетельству, старался вести жизнь добродетельную и во всем соблюдать правду.

Однажды игемону донесено было, что Дула – исповедник Христовой веры, и после того раб Христов был тотчас же ввержен в темницу; при этом нотарий[3943] сказал игемону:

– Правитель, согласно твоему приказанию, военачальники твои обошли всю Киликийскую страну до самых зефиритских городов[3944], и за это время захватили некоего последователя нечестивой христианской веры, и вот его-то и представили мы теперь праведному и пресветлому суду твоему.

На это игемон сказал:

– Когда я буду сам обходить эти города, то прикажу узников, находящихся теперь в темницах, вести за собой и за это время по дороге на нарочно устроенных для того местах, буду мучить их.

И вот вскоре после того он отправился в один из городов зефиритской страны, называемой Преториада[3945]; здесь игемон, сев на судилищное место, прежде всего приказал представить ему блаженного Дулу. Раб Христов, идя на истязание, так молился Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, источник всякой милости, – Ты некогда сказал через пророка Своего Давида: «открой уста твои и я наполню их» (Пс.80:11); да и в Евангелии Своем Ты говоришь: «не заботьтесь, как или что сказать» (Мф.10:19), – и так пошли Ангела Твоего святого и дай мне слово, когда я буду говорить, дабы, представ перед нечестивейшим Максимом, я мог обличить его нечестие; а если мне придется пострадать, я не устрашусь мучений, ибо буду

иметь Тебя перед очами своими и с охотой предам тело свое на истязание: ведь если я не предам тела своего на сожжение, то каких благ могу сподобиться? Какой венец восприиму? И какие тогда я могу показать Тебе, Господу моему, язвы, чтобы Ты, видя их, явил на мне милость Твою и подал прощение прегрешениям моим?»

Когда Дула так молился, воины совлекли с него верхнюю одежду и связанным представили игемону.

И сказал ему игемон Максим:

– Скажи мне, как ты прозываешься?

Святой ответил:

– Я раб Христов.

На это игемон возразил:

– Скажи нам настоящее твое имя, а не христианское: это имя тебе не может принести никакого оправдания и облегчения.

Тогда блаженный Дула сказал:

– Разве я не ясно называю свое имя перед тобой? Истинное мое имя – христианин; то же имя мое, которым называют меня люди, есть Дула, – и я так называюсь потому, что поистине есть раб Христа.

На это игемон произнес:

– Ты еще не испытал страха перед судилищем и всяких мук, потому так дерзко и говоришь с нами. Итак, скажи нам: из какой ты страны, из какого селения и рода?

Святой отвечал:

– Родом я из сей Киликийской области, из зефиритского города – Преториады; происхожу – из знатного рода и с самых малых лет уже считаюсь христианином.

Тогда игемон сказал:

– Если ты происходишь из славного рода, то должен повиноваться непобедимым царям; и потому иди теперь во храм и с усердием принеси там жертву богам, и ты тогда – и от нас будешь вознесен, и от великих царей получишь великую и преславную почесть.

Святой на это ответил:

– Ваши почести и вся власть, какой наделяют людей цари, пусть останутся при вас и при всех тех, которые не почитают

истинного Бога; от меня же да отвратит все это Господь Бог мой, дабы мне обогащаться не в ином чем, как только в вере в Господа нашего Иисуса Христа.

Услышав эти слова блаженного, игемон повелел положить его на землю и бить железными прутьями; при этом он сказал своим слугам:

– Убедите его оставить свое безумие.

Святой же Дула, страдая от ударов, так взывал в это время к Господу:

– Благодарю Тебя, Христе, что Ты сподобил меня претерпевать все это ради святого имени Твоего!

Услышав такие слова мученика, Максим стал укорять святого Дулу и при этом так говорил ему:

– Как может теперь помочь тебе Христос, когда ты весь изъязвлен? Или еще этого ты не можешь понять, безумный человек?

Мученик на это ответил:

– Не говорил ли учитель веры нашей, святой апостол Павел, что никто не может увенчаться, «если незаконно будет подвизаться» (2Тим.2:5).

Тогда игемон спросил его:

– Значит мучимый сейчас, – ты после сподобишься венца?

Святой на это ответил:

– Я ныне подвизаюсь против отца твоего диавола, и если я одержу победу над сатанинской ратью, то есть, над тобой, слугой демона, то восприиму на небесах нетленный венец.

Мучитель на это сказал:

– Зачем ты так безумствуешь, веря в Человека, пригвожденного к кресту?

На это святой Дула ответил:

– Что лучше, – веровать ли в каменные и деревянные идолы, которые есть дело рук человеческих, или в живого Богочеловека и в истинного Господа, Который по Своей воле за нас был распят?

Тогда Максим сказал:

– О беззаконный! Разве ты думаешь, что великий бог Аполлон[3946] есть дело рук человеческих?

На это святой ответил:

– Справедливо ты Аполлона назвал таким именем, ибо оно означает – погубитель[3947]: прилагая к нему сердце свое, ты губишь душу свою, и не только свою, но и тех, кого заставляешь поклоняться ему; но знай, что пребывающий на небесах истинный Бог взыщет от рук твоих души тех людей, которых ты погубил, заставляя их поклоняться идолам. Каков же был нечестивый Аполлон, – об этом я тебе сейчас расскажу: он был, как и ты теперь, невоздержен и объят нечистой любовью к одной жене, по имени Дафна[3948]; он ей давал много золота, но обещанного от нее не получил. Итак, я спрашиваю тебя: скажи мне, – какой же он бог, если, будучи охвачен плотской любовью, не мог достигнуть расположения у той женщины, которую весьма любил? Как же ты можешь в чем-либо надеяться на него? Поистине все это, повествуемое между вами, достойно смеха, а многое достойно даже и плача: в самом деле, скажи мне, тому ли Аполлону ты поклоняешься как богу, которого даже мерзкая и исполненная всякой нечистоты блудница вменяла за ничто и плевала на лицо его? Видишь ли, сколь достойны плача ваши нечестивые дела!

Услышав это, Максим сказал слугам, избивающим мученика:

– Поворотите его на спину и бейте по животу.

Тогда Афанасий, начальник воинской стражи, сказал святому:

– Повинись правителю, – ведь разве ты не чувствуешь, как все тело твое покрывается ранами?

Святой на это сказал:

– Послушайся лучше меня, советник диавола и слуга его, и лучше посоветуй сам себе и игемону своему, – как бы поскорей убедить блудницу Дафну, чтобы она согласилась жить блудно с богом вашим Аполлоном и исполнить его желание, чтобы он, разжигаемый любовью и не получая исполнения своего желания, не погиб бы жестокой смертию – я же имею одного советника – Господа нашего Иисуса Христа.

Тогда мучитель приказал принести железную доску и сказал слугам:

– Раскалите ее посильнее на огне и положите сюда этого хулителя наших богов.

Блаженный, услышав это, сказал:

– Находящийся в геенне твой Аполлон благодарит тебя за то, что ты еще более усиливаешь тот геенский огонь, в каком он теперь страдает; он воздаст тебе за это тем, что и ты вместе с ним будешь низвержен во тьму кромешную, – тогда и я посмеюсь над тобой, нечестивый благодетель Аполлона.

Когда мучившие блаженного, едва совсем не сжегши его, все-таки ничего не добились, и не могли ни льстивым советом обольстить раба Божиего, ни муками убедить его оставить веру во Христа, тогда игемон приказал воинам отвести святого, уже столь измученного, в отдельное темничное помещение и оставить его там совершенно одного, без всякого ухода за ним, – и при этом он добавил:

– Пусть никто из нечестивых христиан не называет его блаженным, ибо, беззаконно надругавшись над нашими богами, вот теперь он подвергся великим мукам.

Но святой Дула пребывал в той темнице, непрестанно славословя Бога и молясь, – да даст Он ему совершить добрый подвиг мученичества.

По прошествии пяти дней, Максим сев снова на судилищное место, спросил:

– Жив ли всезлобный последователь нечестивого христианского мудрования? Приведите его сюда! Военачальник Афанасий на это ответил:

– Он очень тверд в исповедании своего учения и при том так бодр, что как будто не имеет ни одной раны на теле своем.

И при этом он повелел ввести мученика. Игемон, увидев, что все тело святого Дулы невредимо и что лицо его сияет, сказал воинам:

– О окаянные стражи! Не приказывал ли я вам, – чтобы вы не лечили его и не заботились о нем?

На это Пигасий, начальник нотариев, ответил:

– Клянемся величеством твоим, что согласно твоему повелению, мы содержали его в внутреннейшей части темницы и что на шее его все время висело железное изображение

Геркулеса[3949], тяжестью в триста литр[3950]; каким же образом он теперь совершенно здоров, – этого никто из нас не знает.

Тогда святой мученик сказал:

– Безумный игемон! Это – Христос мой исцелил меня и дал моему телу здоровье и крепость для перенесения даже и тех мук, которым ты сейчас снова подвергнешь меня; и это Он сделал для того, чтобы ты познал, что Бог наш – есть Врач, Который дивным образом исцеляет уповающих на Него людей, – а также и для того, чтобы и принял сугубый венец мученичества, а ты бы был подвержен сугубой вечной муке; ведь если бы ты ради своего Аполлона претерпел такие мучения, – разве тогда этот твой Бог мог бы исцелить тебя так же, как исцелил меня мой Христос?

На это игемон, разъярившись, ответил:

– Так как человек этот не перестает со злобой хулить наших богов, то налейте на голову его масла и зажгите его.

Мученик на это сказал:

– Если ты сожжешь мне мозг, то чего этим достигнешь? Выдумай лучше иные муки.

Игемон после этого приказал вложить в ноздри мученика множество горчичных семян.

Тогда святой Дула произнес:

– Смеюсь и теперь над всеми твоими истязаниями!

После этого игемон приказал слугам как можно сильнее бить святого железными когтями по хребту, и при этом поливать его язвы крепким уксусом и растирать острыми черепками.

Когда все это, по приказанию Максима, совершалось, святой страстотерпец так молился:

– Господи Иисусе Христе! Предстань мне, рабу Твоему; вот «на хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои» (Пс.128:3).

Тогда игемон сказал ему:

– Хотя ныне убедись и исповедуй наших богов!

Святой Дула на это ответил:

– Боги твои, а особенно Афродита[3951] и Артемида[3952], да помогут тебе и злобе твоей; если же хочешь, я расскажу тебе и про других твоих богинь и про все их бесстыдство.

После того игемон приказал слугам:

– Разбейте челюсти его, чтобы он не хулил богов и, переломив голени, оставьте его так, дабы он не мог и слова сказать.

На это святой мученик сказал:

– О пребеззаконнейший игемон! За что ты меня бьешь, если я говорю тебе истину, что твоя Афродита и прочие богини проводили жизнь свою в скверных похотях, блудодеяниях, и даже в споре своем о том, кто из них сладострастнее, однажды поставили над собой судьею какого-то пастуха Париса[3953], и зачем ты гневаешься, когда тебе говорят о мерзостнейших делах скверных богинь твоих?

Только мой Бог истинен: Он восхотел стать человеком и был распят на кресте, потом был погребен, через три дня воскрес и сел одесную Бога Отца, чтобы после прийти со огнем, – дабы потребить всех твоих богов!

Услышав это игемон сказал святому:

– Видишь ли, окаянный, и ты двух Богов имеешь? Блаженный на это ответил:

– Не погрешай и не заблуждайся, говоря о двух Богах: троично есть Божество, нами почитаемое.

Тогда сказал игемон:

– Итак, у вас, значит, три Бога?

Мученик на это ответил:

– Я исповедую и почитаю Троицу: верую во Отца, исповедую Сына и поклоняюсь Святому Духу.

После этого игемон сказал;

– Поведай мне, как ты веруешь в одного Бога, а трех исповедуешь?

На это святой мученик ответил так:

– Хотя ты и плотской человек и не разумеешь того, «что от Духа Божия» (1Кор.2:11), однако, ради предстоящих людей я тебе отвечу на твой вопрос. Как ты, будучи человеком, имеешь слово и дыхание, так и всесильный Бог Отец имеет Свое Слово и всесвятого Духа Своего; Сей Бог наш вначале создал человека и почтил его Своим образом, вдохнув в него дух жизни, и поселил его в раю; но когда сатана, исполняющий ныне

через тебя свою волю, принудил человека к преступлению заповеди Божией, как он и теперь через тебя это делает, – и таким образом отторг его от исполнения повелений Божиих, – тогда Бог, желая восстановить погибшее создание рук Своих и привести его на путь истинный, послал на землю Сына Своего, то есть – Слово; и так, сие Слово Божие вселилось в Пречистой Деве и родилось от Нее – через Него-то Бог Отец и даровал спасение миру.

После этого игемон спросил:

– Разве какое-либо слово рождает человека?

Святой на это ответил:

– Не разумеешь ты тайн Божиих. Но если бы ты познал силу всесильного Бога, то уразумел бы, что Тот, кто от персти создал человека и основал на водах землю, утвердил небеса и сотворил все естество, – что Тот-то именно и есть Христос. Но так как естество человеческое не может зреть Божества, то поэтому милосердый Господь, из-за Своей любви к роду человеческому, стал человеком и принял на Себя человеческое естество, дабы – как единым первозданным человеком смерть вошла в мир, так через единого Человека Господа нашего Иисуса Христа произошло бы воскресение мертвых (Рим.5:13).

Тогда игемон сказал:

– Что ты говоришь? Разве будет воскресение мертвых? На это святой мученик ответил:

– Да, будет; иначе как же Бог станет судить мир, если мертвые не восстанут?

Максим сказал:

– Не хочу, чтобы ты мне говорил эти лживые слова; итак, поверь; как умрем, так мертвыми и будем лежать.

– Ты это правду сказал, – ответил мученик, – что вы мертвы, ибо веруете в мертвых идолов, и потому никогда не придете в воскресение живота, но войдете лишь в воскресение суда и вечной муки; но только подобает всем людям предстать перед судище Христово и дать ответ о всем соделанном (2Кор.5:10).

Тогда мучитель повелел воинам связать мученика железными оковами и держать его заключенным в темнице.

На другой день, рано утром, Максим снова повелел раба Божия Дулу представить на суд, и когда мученик явился, он сказал ему:

– О нечестивый, какая тебе польза хулить наших богов?

Блаженный на это ему ответил:

– Я великую награду приемлю от Бога моего, когда укоряю ваших богов; а тебя еще живым постигнет казнь Божия.

Тогда Максим, желая осквернить святого жертвоприношением, сказал предстоящим слугам;

– Вложите в рот его жертвенное мясо и вино.

После этого блаженный сказал:

– Если ты и весь свой богомерзкий жертвенник измоешь и все это вольешь в уста мои, – то и тогда нимало этим не осквернишь раба Божиего.

На это мучитель воскликнул:

– Вот смотри, окаянный человек, ты уже вкусил жертвенного от наших алтарей!

Святой мученик на это ответил:

– Все это нисколько не бесчестит меня, мерзостный и безумный правитель.

Тогда игемон приказал повесить святого на дерево и строгать его тело до внутренностей, челюсти же его вместе с подгортанием оторвать совершенно.

После этого святой мученик сказал:

– Безумный, разве ты не знаешь, что отец твой сатана научил тебя сделать это?

Когда тело мученика было изъязвлено до костей и челюсти были оторваны, игемон приказал снова посадить его в темницу; потом, отправляясь в Тарс Киликийский[3954], Максим повелел вести за собой и узника. Когда они прошли около двадцати поприщ[3955], святой мученик Дула, оградив себя крестным знамением, предал Господу страдальческую душу, и его повезли уже мертвым. Когда же они были на четырнадцать поприщ от Тарса, комментарисий[3956] возвестил игемону, что Дула, укорявший бесчестно богов, уже умер и теперь везется уже мертвое тело его: что же с ним делать? Игемон приказал тело бросить в глубокий ров, чтобы оно осталось без

погребения. Воины же, взяв тело святого, повергли его в реку, текущую в Зефиритскую страну. И когда тело приплыло к какому-то селению, отстоящему недалеко от города Преторнады, и лежало там на берегу, собаки тамошних пастухов почуяли тело святого и один из псов, охраняя его, не допускал ни одной птице коснуться тела мученика; другой же пес, взяв в зубы пастушескую одежду, принес ее и покрыл мощи мученика. Увидев это, пастухи рассказали обо всем в селении и городе, и тотчас же множество верных людей отправилось к мощам святого мученика и благочестно приняли их, благодаря Бога, не лишившего их столь драгоценного сокровища. Взяв благоговейно тело святого мученика, они погребли его с честию, славя Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Память преподобного Дулы Страстотерпца

Память 15 июня

Блаженный раб Божий Дула был монахом одной из киновий[3957] Египетской страны. Во взгляде его всегда светилось смирение и кротость, но по разуму он был велик и славен.

Этот угодник Божий, всеми гонимый и злословимый, всегда радовался и веселился духом. Уничижавших его он считал неповинными, и молился за них Богу, – чтобы Господь не поставил им этого во грех. Возлагая всю вину на диавола, – что это он смущает братию, и с мужеством вооружаясь на него, блаженный Дула терпением, молитвой и незлобием побеждал все козни его. В таком терпении подвижник Божий пробыл двадцать лет, непоколебимо питая в сердце своем кротость и смирение.

Диавол же, не зная, чем бы, наконец, озлобить блаженного, распространил на него такую коварную ложь; причем в этом случае он напал не только на преподобного Дулу, но и на всю братию, опечалив и смутив таким образом всех безмолвников; именно – он научил одного брата, не имеющего страха Божия, проникнуть тайно в церковь и украсть там все церковные сосуды. Сделав все это, монах тот скрыл украденное и затворился в келье своей, как бы никуда перед этим не выходя.

Когда же настало время утренней службы, параекклисиарх[3958], войдя в церковь, чтобы возжечь панникадила, увидел, что украдены все церковные сосуды; он тотчас же пошел и поведал об этом авве[3959]. Потом по обычаю он ударил в било[3960], и все братия собрались в церковь на утреннее пение.

По окончании утрени авва и параекклисиарх возвестили братии, что сосуды украдены, – и все были сильно этим возмущены. Случилось же, что в то время по болезни блаженный Дула не пришел на утреннее правило; и сказали некоторые из братии.

– Никто не мог их украсть, кроме брата Дулы, который от того, должно быть, и не пришел в церковь; если бы не он совершил эту кражу, то пришел бы к полунощнице раньше всех, как это он имел обыкновение делать всегда.

И послали привести его в храм; посланные, отправившись, нашли его, хотя и больным, но все же стоящим на молитве; схватив блаженного, они силой повлекли его в церковь. Тогда святой Дула спросил их:

– Что это значит, братия, и почему вы влечете меня насильно, когда я и добровольно мог бы пойти к святым отцам?

Они же, порицая его хульными и бесчестными словами, сказали:

– Недостойный жизни богохульник, недостаточно ли тебе столько лет смущать нас, а теперь ты надругался даже и над душами нашими.

Он же сказал им на это:

– Простите меня, братия, если я согрешил перед вами.

Потом привели его к авве и ко всему собору отцов, состарившихся в постничестве, и сказали:

– Вот человек – с самого начала смущающий нас и нарушающий правила нашего общежития.

И начал каждый клеветать на него Один говорил:

– Я видел его тайно ядущим зелень.

А другой:

– Я видел его крадущим хлеб и раздающим его вне монастыря.

Иной же так клеветал на него:

«Я видел его, тайно пьющим дорогое вино»

Также и прочие ложно наговаривали на него что-нибудь порочное.

Слыша все это, авва и находившиеся с ним отцы поверили клеветам и спрашивали неповинного Дулу, – правда ли все то, что говорят о нем, и особенно расспрашивали его о покраже, именно – где он спрятал те церковные сосуды, какие украл.

Святой же Дула, оправдываясь, сначала утверждал, что он в этом ни в чем не повинен; а потом, увидев, что ему не верят, замолчал и только произносил:

– Простите меня, отцы святые, я грешен.

Тогда авва повелел совлечь с него монашеские одежды и облечь его в мирское одеяние; и при этом сказал:

– Такие дела недостойны монашеского чина.

Когда же с блаженного Дулы совлекли иноческое одеяние, он горько зарыдал и, воззрев на небо, громко произнес:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Твоего святого имени я облекся во образ сей, но ныне по грехам моим он совлечен с меня.

После этого авва приказал заключить угодника Божия в оковы и передать его эконому; эконом же, обнажив тело его, стал сильно бить святого воловьими жилами, спрашивая его, верно ли все то, что говорят о нем относительно покражи?

Дула же, хоть и со слезами на глазах, но по невинности своей по-прежнему улыбаясь, проговорил:

– Простите, согрешил я.

Тогда эконом, видя его улыбающимся и произносящим такие слова, еще больше рассердился на него; он посадил его в темницу и ноги забил в колоды; и написал также письмо к городскому правителю, возвещая его о покраже и о брате Дуле, – и тотчас же отправил ему это письмо.

Городской правитель, прочтя письмо, немедленно послал своих грубых слуг, чтобы они привели Дулу, как вора. И воины, схватив раба Божия, посадили его на неоседланное животное и, возложив на шею его железные тяжести, повезли его с позором среди города.

Когда блаженного Дулу привели на суд, городской правитель спросил его:

– Откуда ты, как называешься и почему стал монахом; как украл церковные сосуды и куда скрыл их?

Страстотерпец же Христов на все эти вопросы правителя ничего иного не отвечал, как только:

– Согрешил, простите.

Тогда правитель, разгневавшись, приказал положить святого обнаженным на землю, а четырем своим слугам повелел нещадно бить его воловьими жилами.

В то время как блаженного Дулу долгое время без всякого сострадания так били, он, наконец, с улыбающимся лицем сказал городскому старшине:

– Бей меня, бей, – и ты сделаешь украденное серебро мое более чистым. На это правитель сказал ему: «Безумный, я на теле твоем и на ребрах твоих сделаю тебе серебро более чистым, чем даже снег».

И он тотчас же приказал подсыпать под чрево его разожженные угли, а на раны возливать уксус, смешанный с солью.

Даже предстоящие удивлялись такому терпению блаженного и говорили ему:

– Скажи, где скрыл священные сосуды, и ты будешь освобожден.

Мученик же Христов на это ответил:

– У меня нет ни серебра, ни пропавших сосудов. Потом правитель, освободив святого от истязаний, приказал отвести его в темницу.

На другое утро этот старейшина города послал в лавру[3961], приказывая, чтобы к нему вместе со всеми монахами пришел и их настоятель; и они на другой день, собравшись все вместе, пришли к правителю.

И сказал он им: «Многим, различным и тяжким мучениям подверг я вашего брата, которого вы обвиняете в покраже, и ничего худого не нашел в нем».

Монахи на это сказали ему: «Господин правитель, кроме покражи, этот нечестивец много и другого зла сделал, но мы до этих пор, Бога ради, терпели его, ожидая, что он отвратится от своего порока, но он впал в еще худшее».

Тогда городской правитель сказал им: «Что же мне сделать с ним?»

Монахи отвечали: «Сделай с ним, что повелевают законы»,

– Закон наш, – сказал им на это начальники города, – повелевает святотатцу отсекать руки.

Монахи на это проговорили: «Да постраждет он по закону и да получит наказание по делам своим».

Тогда правитель повелел привести страстотерпца и стал перед всеми так допрашивать его:

– Окаянный и ожесточенный человек, – начал он, – скажи нам правду относительно покражи, в которой ты обвиняешься, и ты освободишься от смерти.

На это неповинный Дула ответил:

– Хочешь ли, правитель, чтобы я сказал на себя то, чего не делал? Не хочу лгать на себя, ибо всякая ложь от диавола.

И потом продолжал:

– В том, о чем ты меня ныне допрашиваешь, я считаю себя совершенно не виновным.

Тогда правитель, видя, что блаженный не признает себя виновным, а монахи требуют, чтобы его судили по закону, приказал отсечь ему руки.

После того неповинного старца Дулу повели на место, где казнили осужденных.

В это время тот монах, который был на самом деле виновником кражи и похитителем священных сосудов, пришел в умиление и сказал сам себе: «Как бы теперь или после не найдено было все украденное мной? Да если теперь и утаится это злое дело мое, то ведь в день праведного Суда Божия оно обличится; тогда что сделаю я, окаянный? Какой ответ дам об этом сугубом грехе, – что и сосуды украл, и неповинного брата подверг мукам?»

И пошел он поспешно к настоятелю лавры и сказал: «Авва, пошли поскорей в город к правителю, чтобы не усекали руки брату и чтобы он не умер от страданий, ибо священные сосуды нашлись».

И тотчас же авва послал к правителю, и страстотерпец был отпущен еще раньше совершения казни.

Когда он приведен был в лавру, явно открылась его невинность и всем стало ясно, что покража – дело другого монаха; и начали братия припадать к преподобному Дуле, умоляя его: «Прости, ибо мы согрешили перед тобой». Он же, плача, так говорил им на это: «Простите меня, отцы и братия; я великое воздаю вам благодарение, что ради маловременных страданий, какие вы мне причинили, я избавлюсь вечных мук, и

что, по милосердию Божию, буду сподоблен великих благ; да и всегда, слыша ваши неправды и укоризны на себя, я радовался духом, надеясь тем избавиться великого позора за свои грехи, когда придет Господь во славе Своей и объявит советы сердечные; всего же более я ныне радуюсь тому, что пострадал неповинно: ибо я знаю, какие блага уготовал Бог претерпевающим ради Него страдания; единственная моя печаль – это о вас: да не поставится вам Господом во грех то, что вы так несправедливо поступили со мной, и я теперь молю благоутробного Бога только о том, чтобы Он подал вам прощение».

После этого преподобный Дула, прожив еще три дня, отошел ко Господу, но никто не знал об его кончине. Брат, который был поставлен будить иноков на полунощную молитву, подошел однажды к келье преподобного, но, толкнув ее, не получил ответа. Толкнув же второй и третий раз и опять не получив ответа, он пошел и призвал другого брата; принеся с собой свечу, они открыли дверь и, войдя в келью, нашли преподобного стоящим на коленях: он как будто творил поклоны, но душой отошел уже к Богу, ибо в молитве и коленопреклонении предал дух свой Господу.

Не осмеливаясь прикоснуться к нему, эти два брата оставили его так стоящим и, отправившись, возвестили отцу лавры, что брат Дула преставился. По окончании утреннего пения пришел сам настоятель и, увидев блаженного мертвым, приказал опрятать тело его и для погребения принести к церкви.

Когда честное тело его было приготовлено к погребению и принесено к церкви, ударили в било, – дабы все иноки знали о кончине их брата, и собрались все и прикасались к честному телу святого, как к мученическому. Настоятель в это время послал в соседнюю лавру, чтобы авва и того монастыря пришел со своею братиею, и все бы со славой погребли неповинно пострадавшего брата.

Иноки, теснясь к умершему, мешали и толкали друг друга; поэтому настоятель монастыря вскоре велел внести тело блаженного во храм и запереть двери его, ожидая, пока не

придет вместе со своими иноками авва другого монастыря и таким образом соберутся монахи обеих лавр.

Около девятого часа, когда авва соседнего монастыря уже пришел со своими иноками и таким образом все собрались, – приказали отпереть храм и поставить тело среди собора, чтоб все видели его и чтоб можно было предать тело честному погребению с подобающими песнями. Но когда подошли к телу, то не нашли его: остались одни только одежды и сандалии[3962], – и все очень удивились и исполнились ужаса. Потом настоятели обеих лавр сказали братии: «Видите ли, братия, что могут сделать долготерпеливое страдание, кротость, незлобие и смирение; вот ныне брат наш не только душой, но и телом отошел от нас, будучи невидимо, Ангельскими руками перенесен в иное место, ибо мы оказались недостойными прикасаться к его святому телу, и сей чести он сподобился от Господа ради долготерпеливого страдания своего, какое он переносил с кротостью и незлобием, во смирении сердца; мы считали его грешником и недостойным жить на земле, он же оказался святым и достойным небесной жизни с Ангелами; и теперь мы посрамлены, он же прославился, мы ныне уничижены, а он венчается Христом Господом. Итак, постараемся научиться терпению и смирению, кротости и незлобию, имея перед собой образ сего долготерпеливого страдальца».

Когда настоятели обеих лавр говорили это, все иноки горько плакали и здесь же постановили ежегодно совершать память святому и преподобному страстотерпцу Дуле, – на пользу душам своим во славу же Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Страдание святых мучеников Вита, Модеста и Крискентии

Память 15 июня

В царствование императора Диоклетиана[3963] при игемоне Валериане, преследовавшем христиан, в Сицилии проживал двенадцатилетний отрок, по имени Вит, сын знатного и богатого гражданина Гиласа. Этот Гилас придерживался еллинского нечестия; сын же его, блаженный Вит, будучи просвещен свыше чудодейственной благодатью Духа Святого, в отроческих годах своих познал единого истинного Бога, сотворившего небо и землю; уверовав в Него, он постоянно, днем и ночью, молился Ему, облекшись во власяницу. Юный отрок сподобился услышать Божественный глас, изрекший свыше: «Твоя молитва услышана! Я явлю на тебе милость Мою!»

После того чудесного гласа отроку была дарована от Бога сила творить чудеса. И исцелял он недуги людские, увещевал неверных познать истинного Бога и научал всех пути правому. Ибо всемогущий Бог восхотел совершить Себе хвалу устами и делами сего отрока для посрамления идолопоклоннического нечестия. Господь даровал Виту необычайное разумение и дар чудотворения, дабы еще в отроческих летах блаженный был мужем, сильным в слове и деле, и дабы через это прославился Бог, дивный во святых Своих.

Когда игемон Валериан, вследствие наговоров и клевет многих язычников, узнал об этом святом отроке, то, призвав отца Вита к себе, сказал ему: «Что это? Я слышу, что сын твой поклоняется Тому Самому Богу, Которого почитают христиане? Но если желаешь видеть его здравым и невредимым, то потрудись отвратить его от этого заблуждения».

Гилас, возвратившись домой, начал увещевать сына своего, – не оставлять древнего еллинского служения, совершавшегося его богам. Блаженный же отрок Вит отвечал отцу: «Я не знаю никакого другого Бога, кроме Единого, Сущего от века, Дух Коего носился над водами и отделил свет от тьмы (Быт.1:2–4). Я служу Тому Богу, Который сотворил небо и землю;

Он есть – святой Господь Иисус Христос, Царь Ангелов. Сего Бога я исповедую и буду исповедовать во все дни жизни своей».

Отец Вита весьма разгневался на эти слова сына своего и приказал бить отрока прутьями, при этом он говорил:

– Кто тебя научил говорить так? Разве тебе неизвестно, что если об этом узнает игемон, то ты погибнешь?

Отрок же, принимая побои, отвечал:

– Научил меня этому Христос, я – раб Его, гнева же игемона я нисколько не боюсь.

Тогда Гилас, призвав воспитателя своего сына по имени Модест, сказал ему:

– Смотри, чтобы отрок никогда не упоминал в речах своих о Христе.

Но святой Вит пренебрег приказание отца и постоянно как в своем сердце, так и на устах своих носил имя Христово, и был утешен от Христа Господа Ангельским явлением; ибо в видении ему явился Ангел Господень, сказавший:

– Не бойся, но дерзай об имени Иисуса Христа. Я же дан тебе хранителем; я буду охранять тебя до самой кончины твоей. Знай о сей милости Божией, что тебе будет дано от Бога все, что ты ни попросишь у Него.

Святой отрок был утешен и обрадован этим видением Ангельским и еще с большей ревностью начал исповедовать и прославлять имя Господне.

Отец же святого весьма сокрушался об отроке, так как он был его единственным сыном; поэтому отец Вита старался льстивыми речами своими привести его к служению демонам. Святой же Вит сказал отцу:

– Каким богам ты приказываешь мне поклоняться?

Отец отвечал:

– Разве ты не знаешь, сын мой, наших богов Зевса[3964], Геркулеса[3965], Юноны[3966], Минервы[3967], Весты[3968], Аполлона[3969] и прочих, коим поклоняются цари и князи?

Святой отвечал отцу:

– Те, о которых ты говоришь, суть бездушные идолы, сделанные руками человеческими; они имеют уста, но немы,

имеют очи, но слепы; имеют руки и ноги, но недвижимы. Я же верую во единого живого и всемогущего Бога, ибо мы «Им живем и движемся» (Деян.17:28); я верую в Творца и Промыслителя всей твари, Отца, и Сына, и Святого Духа; я исповедую единого Искупителя и Спасителя рода человеческого, Сына Божия, претерпевшего мучения ради грехов наших, кровию Его мы получили спасение.

Отец со слезами отвечал отроку:

– О любезное чадо мое! Послушай полезного и здравого совета твоего родителя и отвратись от той безумной веры, согласно которой ты почитаешь понапрасну неизвестного умершего человека; отвратись, – дабы игемон, прогневавшись, не погубил тебя и не увеличил бы тем страдания сердца моего.

Блаженный Вит отвечал:

– О если бы и ты, отец, познал, кто и каков Тот, Коего ты, уничижая, называешь умершим человеком! О если бы ты, отец, вместе со мной поклонился Ему! Ибо Сей есть Христос, Сын Бога Живого, Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира.

Гилас сказал:

– Относительно Того Христа, Которого ты называешь Богом, я знаю, что Он, по приказанию Пилата, правившего Иудеей, был предан побоям, приговорен к крестной смерти и распят на кресте иудеями и слугами Пилатовыми.

Святой отрок отвечал:

– Да, было действительно так, как ты сказал, отец. Но есть великое, предивное и святое таинство в этом деле.

Гилас спросил:

– Если рассуждать по истине, то дело это справедливее было бы назвать не таинством, а казнью.

Блаженный отвечал:

– Выслушай меня, отец, с кротостью и познай истину; предание на смерть и распятие Господа Иисуса Христа есть – наше спасение; и знай, что от любви к Нему меня никто никогда не отторгнет никакими мучениями.

Тогда Гилас прекратил разговор, печалясь в сердце своем о сыне.

По благодати Божией, обитавшей в отроке, совершались многие чудеса, а именно: слепые прозревали, больные исцелялись, и демоны, изгоняемые из людей, исповедовали великую святость юного отрока.

Все это не могло утаиться от игемона Валериана. Воссев на своем судилищном месте, он в присутствии всех сказал отцу Витову:

– Благородный муж Гилас! Мне теперь уже стало достоверно известным, что сын твой со всем усердием почитает так называемого Христа, распятого в Иудее; сему Христу он поклоняется, отечественных же богов порицает; поэтому он должен предстать к нам на суд: приведи же его сюда.

Когда юный отрок был приведен к тому нечестивому судилищу, то игемон сказал ему:

– Почему ты не приносишь жертв нашим бессмертным богам? Разве ты не слышал о царских повелениях – предавать смерти после различных казней всякого, кто осмелился бы почитать распятого?

Блаженный отрок, преисполнившись Духа Святого, нисколько не устрашился игемона; изобразив на себе крестное знамение, он отвечал:

– Я не желаю поклоняться бесам и не буду почитать каменных и деревянных кумиров, ибо я имею живого Бога, Которому служит душа моя.

Отец же святого, Гилас, обратившись к своим родным и знакомым, с великим плачем воскликнул:

– Рыдайте вместе со мной, друзья мои, – прошу вас, ибо я вижу, что единственный сын мой погибает!

Тогда святой Вит громогласно воззвал, возражая отцу своему:

– Я не погибаю, но сподобляюсь быть сопричисленным к сонму праведников и угодников Божиих.

Валериан же сказал святому:

– До этих пор я сдерживал себя ради твоего благородного происхождения и ради моего расположения к отцу твоему; до этих пор я не применял к тебе царских приказаний, изданных для законопреступников; но ныне, убедившись, что ты дошел до

ожесточения в своем противлении, я начну на законном основании мучить тебя, дабы ты, получив наказание, оставил свое упорство.

Сказав так, игемон приказал бить палками блаженного отрока.

Святой был побиваем в продолжение долгого времени. Потом мучитель сказал святому:

– Послушай меня теперь и принеси жертву богам.

Мученик отвечал:

– Я уже сказал тебе, игемон, что я поклоняюсь Христу, Сыну Божию.

Тогда игемон, разгневавшись еще более, приказал бить святого железными палками. Но лишь только слуги игемоновы восхотели сделать это, как у них засохли руки; точно так же и рука игемона, которой он указывал слугам своим, внезапно повредилась и сделалась сухой, так что он от боли кричал такими словами: «Горе мне! Я погубил руку свою и теперь тяжко страдаю». Потом сказал отцу святого Вита: «Ты имеешь не сына, а волхва».

Святой же Вит громогласно воззвал:

– Я не волхв, а раб Господа моего Иисуса Христа всемогущего, Который воскрешал мертвых, ходил по водам как посуху, утишал море волновавшееся и врачевал всякие болезни неисцельные, случавшиеся с людьми; ныне Он творит то же самое всемогущею силой Своею. Я – раб Его и потому я стараюсь исполнять заповеди Его. Те же боги, которым ты служишь, какую имеют силу, скажи мне? Пусть они исцелят руку твою, если могут исцелить.

Игемон сказал:

– А ты можешь исцелить руку мою?

Отвечал святой:

– Могу именем Господа Иисуса Христа.

– Сделай же меня здоровым, – сказал игемон, – чтобы я убедился что ты не волхв, а раб Бога истинного, как ты говоришь.

Тогда святой мученик, подняв к небу очи свои, сказал:

– Боже, Отец небесный! Послушай меня, недостойного раба твоего, ради предстоящих здесь, дабы они уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, истинного и всесильного Бога, соцарствующего Тебе вместе со Святым Духом. Сделай так, чтобы ради имени Твоего Единородного Сына исцелела рука игемонова.

Едва только святой окончил эту молитву, как рука Валерианова исцелилась и сделалась такой же, как и раньше. Тогда игемон передал отрока отцу его и сказал: «Возьми сына своего к себе в дом и убеди его принести жертву богам, чтобы он не погиб».

Приведя сына своего в дом, Гилас начал со многой лестью уговаривать его склониться к своему нечестию: он устраивал пиры, составлял хоры певцов; перед Витом играли на стройных музыкальных инструментах, звучали кимвалы и гусли; плясали перед очами святого красивые девицы, веселились юноши; воспевались мирские любодейственные песни, говорились многие соблазнительные слова, дабы через все это уловлено было к суете сердце юного Вита; но душа отрока, твердая как адамант, пребывала ничем не поколебленной; ибо он имел в сердце своем любовь к Богу, препобеждавшую всякую мирскую любовь; он не обращал внимания ни на что из того, что перед глазами его пелось; точно так же не смотрел на то, что делалось перед глазами его; устремив к небу очи свои, он воздыхал из глубины сердечной и говорил: «Не презри, Господи, Боже мой, сердце сокрушенное и смиренное!»

Потом Гилас приказал приготовить горницу для сына своего; он наполнил ее всякими богатствами; пол он устлал красивыми коврами: завесы были украшены жемчугами, постель и весь чертог был преисполнен большим великолепием; в эту горницу он заключил сына своего и велел прислуживать ему для его прельщения красивейшим девицам. Целомудренный же и святой отрок, преклонив колена, в таких словах молился к Господу: «Боже Авраамов, Боже Исааков, Боже Иаковлев, Бог и Отец возлюбленного Отрока Твоего, Господа Иисуса Христа моего! Призри на меня и помилуй меня, укрепи меня силой Твоею, дабы злобный и беззаконный змий не возмог

осуществить на мне, рабе Твоем, свое желание, и дабы язычники не поругались над верным рабом Твоим и не сказали – где Бог их».

В то время как святой молился в таких словах, внезапно в горнице воссиял несказанный свет и были видны светоносные лица, огневидные, как лампады, числом двенадцать; ощущалось и благоухание несказанное, исходившее от тех лиц; благоухание это настолько распространилось в воздухе, что наполнило весь дом, так что отец святого Вита, удивлялся и ужасался со всеми домашними своими и взывал: «Это великое чудо. Откуда исходит такое благоухание, коего мы никогда не обоняли в храмах богов наших?» Потом сказал: «Боги пришли в дом мой к сыну моему». И начал с тщанием отыскивать, откуда исходило то благоухание. Подойдя к дверям сыновней горницы и войдя внутрь ее, он увидел Ангельские лица, имевшие крылья, наподобие орлов; при этом лица сии были преисполнены несказанной доброты, светло сияли и воспевали: «Свят, Свят, Свят Господь» (Ис.6:3).

От того сильного сияния Гилас тотчас же ослеп, ибо имел нечистые очи, недостойные созерцать свет Ангельский, сокрываемый на небесах; ибо сей свет может созерцаться только теми, кто имеет чистые душевные очи.

Блаженный Вит, увидав, что отец его ослеп, проникся естественной к нему любовью и начал молиться за него к Богу, дабы он был помилован. Оканчивая свою молитву, он прибавил: «Но пусть, Владыко, совершается не моя воля, а Твоя; пусть будет так, как угодно Тебе Самому».

Гилас же по причине сильной боли в глазах во всеуслышание взывал: «Горе мне! Я потерял свет для очей моих. Я одержим тяжкой болезнью!»

Все домашние его, рабы и рабыни, видя господина своего весьма страдавшего очами, плакали, так что вопль плача их был слышен в соседних домах; и таким образом скоро весь город узнал о приключившемся с Гиласом. Вслед за этим к его дому начали стекаться многие граждане; сюда пришел также с поспешностью игемон Валериан. Увидав, что Гилас ослеп, опирался на рабов своих и кричал от боли, Валериан спросил: –

по какому случаю он ослеп? Он же отвечал: «Я видел в горнице сына моего богов крылатых; очи их были как звезды: вид ликов их – как молния; не стерпев сияния их, я повредился очами и потерял зрение».

Валериан сказал: «Несомненно, что те боги, которых ты видел, – очень сильны; поэтому тебе необходимо помолиться им, чтобы они исцелили тебя».

Потом, взяв слепого Гиласа, Валериан повел его в храм Зевса. Гилас молился здесь в таких словах: «О, Зевс, бог всесильный! Если уврачуешь очи мои, принесу тебе бесчисленные жертвы, принесу в жертву тебе тельца с золотыми рогами; также и тебе, о богиня Веста, я приведу чистых дев, если получу от тебя помощь».

Так молился Гилас к суетным богам своим, но не только не получал от них исцеление, а наоборот ощущал еще большую боль. Святой же Вит, преклонив колена свои ко Господу, молился в горнице своей об отце своем, говоря так: «Владыко, просветивший слепого Товита[3970], окажи милость отцу моему, если он познает Тебя».

Наконец Гилас был отведен неисцеленным рабами своими из идольского капища в дом свой: войдя в горницу, в которой святой Вит приносил Богу жертву хвалы, он припал к ногам Вита и сказал:

– Возлюбленный сын! Исцели меня!

Святой же Вит сказал ему:

– Желаешь ли ты, отец, быть здравым?

Гилас отвечал:

– Да, весьма желаю.

Святой сказал ему:

– Если хочешь получить исцеление, то отрекись от Зевса, Геркулеса, Юноны, Минервы, Весты и Аполлона.

Отвечал Гилас:

– Каким образом я могу отречься от них?

Сказал святой Вит:

– Не называй их богами, но демонами; идолы, которых ты до сего времени почитал, не почитай, но считай их ни за что, как вещи бездушные и бесполезные. И если ты обещаешь сделать

так от истинного сердца, то очи твои тотчас исцелятся и просветятся.

Гилас сказал:

– Я отрекаюсь от богов и обещаю сделать все то, что ты сказал мне.

Святой сказал:

– Я знаю, что сердце твое ожесточено и слова твои не истинны; но я покажу на тебе силу Владыки моего, ради предстоящих, дабы они уверовали и прославили имя Господа моего Иисуса Христа, хотя ты и недостоин сего.

Сказав так, святой возложил руку свою на болезненные очи отца своего и помолился к Богу в таких словах: «Господи Иисусе Христе, просветивший очи слепорожденному (Ин.9:6–7), победив природу, просвети и очи отца моего, хотя он и недостоин сего по своему неверию; но сотвори сие ради славы имени Твоего святого, дабы враги Твои видели и постыдились и дабы прославились все знающие и любящие имя Твое».

В то время как святой молился так, от очей ослепшего отпали струпы как чешуя; он стал здоровым и мог видеть хорошо глазами своими. Но вскоре же вместо того, чтобы познать истинного Бога и воздать Ему благодарение за полученное от Него исцеление, он начал хулить Благодетеля своего, так говоря сыну: «Меня исцелил не твой Бог, но мои боги, которым я служу и которым я обещал принести жертвы».

И прославлял своих богов нечестивых, во всеуслышание перед всеми говоря: «Благодарю богов моих, исцеливших меня!» Направившись к их капищам, он начал приносить им благодарственные мерзкие жертвы, как обещался; при этом сердце его столь ожесточилось диаволом и ослепилось злобой, что он изменил естественную любовь к сыну своему на ненависть, намереваясь умертвить и сына своего святого и неповинного отрока. Господь же, охраняющий рабов Своих, послал Ангела Своего для сохранения, ибо Ангел Господень в образе прекрасного и осиянного светом юноши явился ночью упомянутому Модесту, воспитателю Витову, веровавшему в Христа, бывшему уже в преклонных летах, и сказал ему:

– Возьми отрока и отправься с ним к морю; на берегу вы найдете небольшую ладью; войдите в нее и вы прибудете в страну, которую я вам укажу.

Модест сказал Ангелу:

– Господи! Я не знаю пути, куда я пойду.

Ангел отвечал: «Я поведу вас!»

И тотчас Модест встав, взял отрока своего Вита, взял также и кормилицу его Крискентию, верную рабу Христову, и отправился с ними к морю, следуя за водившим их Ангелом.

Когда они пришли к морскому берегу, то нашли ладью, приготовленную Господом. И сказал Ангел святому Виту, как бы искушая его: «В какую страну ты пойдешь?» Святой Вит отвечал: «Куда Господь поведет нас, туда мы пойдем с великим усердием».

Ангел спросил: «Имеешь ли ты плату?» Отрок отвечал: «Тот, Которому мы служим, воздаст тебе плату». Потом, войдя в ладью, отплыли от Сицилии; проплыв в продолжение небольшого времени, прибыли в одну из итальянских стран, по имени Лукания, к месту, называвшемуся Аллектория. Когда, приплыв к берегу, вышли из ладьи, тотчас Ангел Господень, бывший в образе юноши вместе с ними в ладье, стал невидим.

Они же, отправившись в путь, подошли к реке, называвшейся Силар, впадающей в море из страны луканийской; близ этой реки они остановились на отдых под красивым многоветвистым деревом. Место это весьма понравилось им, и они расположились здесь для обитания; пищу же им посылал Бог. Подобно тому как в древности по повелению Божию святого Илию питал в пустыне ворон (3Цар.17:4), так и этих святых кормил орел, ежедневно принося им пищу. И начали твориться святым Витом многие дивные чудеса; имя его прославилось по всей стране той, при помощи Бога, прославляющего рабов Своих. Бесы, изгоняемые Витом из людей силой Божиею, кричали: «Что нам и тебе, Вит! Пришел сюда ты прежде времени погубить нас?»

Приходили к святому люди с больными своими; и всех их он исцелял молитвой и крестным знамением, наставляя к

познанию истинного Бога и хранению заповедей Его. И многие неверные обращались ко Христу и принимали святое крещение.

В то время сын царя Диоклетиана был одержим беснованием; при этом бес взывал устами его, говоря: «Не уйду отсюда, если не придет сюда Вит луканийский»

И сказал царь:

– Где мы можем найти того человека?

Демон отвечал: «Вы найдете его у реки Силара».

Тотчас царь послал в Луканию вооруженных воинов, приказав им с поспешностью привести Вита. Воины, придя к указанному месту, нашли раба Христова, совершавшего при реке молитву к Богу, и спросили его:

– Ты – Вит?

Святой отвечал:

– Да, это я.

Воины сказали:

– Император Диоклетиан требует тебя.

Святой Вит отвечал:

– Я – малоизвестный и незнатный отрок: на что я могу быть нужным для императора?

Воины отвечали:

– Его сын терпит мучения от демона, и по этой причине требует тебя.

Святой Вит сказал:

– Идем же во имя Господне.

И отправился с воинами в путь к Риму; с ним отправился и святой Модест; блаженная же Крискентия следовала за ними издалека.

Придя в Рим, воины возвестили Диоклетиану о прибытии Вита; Диоклетиан приказал привести его к себе.

Когда святой предстал перед царем, то последний изумился красоте отрока: святой Вит был действительно красивым юношей, лицо его было как бы Ангельским, очи – как лучи солнечные, потому что он преисполнен был благодати Христовой. И сказал ему Диоклетиан: «Ты ли Вит?»

Святой же не дал ему ответа.

Тогда император начал расспрашивать Модеста, намереваясь от него узнать о святом. Но Модест, будучи стар годами, по простоте своей не мог дать надлежащего ответа царю. По этой причине, император, поругав бесчестными словами Модеста, намеревался прогнать его от себя: тогда святой Вит отверз уста свои и сказал Диоклетиану:

– Для чего ты с такой дерзостью спрашиваешь старца, как юношу; ты должен почтить его, хотя бы ради седин его?

Император же отвечал святому Виту:

– Откуда у тебя эта дерзость, по которой ты осмеливаешься с гневом говорить нам, уничижая наше достоинство?

Святой отвечал:

– Мы не имеем гнева, ибо приняли духа незлобия от Христа, Господа нашего, и являемся подражателями голубиной кротости. Ибо Учитель наш был благ по природе Своей, властью велик, нравом незлобив, смирен и кроток; поэтому и ученики Его должны быть кротки и смиренны сердцем, а не яростны и гневны, как ты называешь нас.

В то время как святой говорил так, внезапно бес закричал устами сына царева, сказав:

– О Вит! Для чего ты прежде времени столь жестоко мучишь меня!

Святой же ничего не отвечал бесу. И сказал Диоклетиан святому:

– Можешь ли исцелить сына моего?

«Сын твой, – отвечал святой, – может быть здравым, но я не могу ему дать здравия: Христос, Сын Божий, рабом Которого я являюсь, если пожелает, то легко может избавить его через меня, раба Своего, от мучения демонского, ибо Он всесилен».

Тогда Диоклетиан начал упрашивать святого исцелить сына. Подойдя к бесновавшемуся, святой возложил руку на голову его и сказал: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, дух нечистый, выйди из создания Божия!»

И тотчас бес вышел из сына царского, но не без вреда для находившихся там; ибо, по попущению Божию, он внезапно умертвил многих неверных, которые посмеивались над святым

Витом словом или мыслию, – и души их мерзкие, как свою добычу, отнес во ад.

Император весьма удивился, увидав сына своего здравым и многих из числа предстоявших умерщвленными; но вместо того, чтобы познать силу имени Иисуса Христа и прославить единого истинного Бога, он помышлял в себе, как бы склонить Вита к своему нечестию. Диоклетиана прельщала и красота святого; он начал с лестью беседовать с ним, говоря: «Любезнейший Вит, послушай меня и принеси вместе со мной жертвы богам; тогда я дам тебе полцарства моего; награжу тебя золотом, серебром и драгоценными вещами; облеку тебя в царскую одежду, и ты будешь искренним, ближайшим другом моим».

Святой Вит отвечал:

– Мне не нужны ни царство твое, ни богатства твои, ибо я имею Господа и Бога моего; если я буду верно служить Ему, то Он облечет меня в нетленную и пресветлую одежду бессмертия в Царстве Небесном.

– Не говори так Вит, – сказал Диоклетиан, – но пожалей жизнь твою; принеси жертву богам, чтобы тебе не погибнуть после многоразличных мучений горькой смертью.

Святой отвечал:

– Я весьма желаю принять те мучения, которыми ты мне угрожаешь; тогда я скорее достигну венца, который обещал Господь избранным Своим.

Тогда Диоклетиан приказал заключить святого Вита и Модеста в мрачную и смрадную темницу, на каждого из них приказал возложить тяжкие оковы, весом по десяти пудов и запечатать дверь и окно своим перстнем царским, чтобы никто не мог дать им хлеба или воды, – мучитель намеревался погубить их голодом и жаждой.

Когда святые были затворены в темнице, внезапно там засиял свет; этот свет видели и стражи темничные, приникшие к скважине. Святой же Вит громогласно восклицал к Богу, говоря: «Боже, приди на помощь нам и избавь нас от этих уз, как Ты избавил трех отроков из печи горящей (Дан.3) и как избавил Сусанну от беззаконных лжесвидетелей» (Дан.13:1–64).

В то время как святой молился так, основание темницы потряслось, засиял еще больший свет и повсюду разлилось несказанное благоухание. Господь наш Иисус Христос явился ему и сказал: «Ободрись, Вит, мужайся, и будь тверд, ибо Я всегда с тобой».

Сказав эти слова, Господь стал невидим. Тотчас оковы спали со святых узников, Вита и Модеста, и сделались как бы прахом. Святые же встали и начали петь: «Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ свой и сотворил избавление ему» (Лк.1:68).

Вместе с тем слышались и Ангельские гласы, подпевавшие им; стражи темничные, видя неизреченный свет и слыша гласы Ангелов, преисполнились страха и ужаса и стали как мертвые. Потом, придя в себя, поспешили к царю со страхом и возвестили ему все, что видели и слышали. Царь же, считая все то за восхваление христиан, призвал к себе устроителя общественных зрелищ и приказал ему утром приготовить место для зрелища, на котором хотел предать узников зверям на съедение. При сем он сказал: «Посмотрю, возможет ли Христос избавить их от рук моих?»

Утром следующего дня святые рабы Христовы были выведены на позорищное место. Святой Вит укреплял блаженного Модеста, воспитателя своего: «Не страшись, отче, будь мужественен, не бойся оружия демонского, ибо приближается нам венец наш».

Народа же, приготовившегося смотреть на то зрелище было пять тысяч человек, кроме женщин и детей, которых было без числа.

И сказал Диоклетиан святому Виту:

– Вит! Где ты сейчас находишься?

Святой же, ничего не отвечая мучителю, возвел очи свои на небо.

Потом император снова сказал ему:

– Где ныне находишься ты, Вит?

Отвечал святой:

– Я вижу себя на позорищном месте; но делай поскорее то, что намереваешься делать.

Диоклетиан сказал ему:

– Пожалей жизнь свою, Вит, и принеси жертву великим богам.

Святой отвечал:

– Да не будет тебе добра, диавол, волк хищный, соблазнитель душ: я удивляюсь безумию твоему, ибо ты, видя силу Божию, не познал Бога и не стыдишься отвращать меня словами твоими от Бога моего. Но я уже не один раз сказал тебе, что не принесу жертвы богам твоим, – или лучше бесам, однако, ты снова без стыда предлагаешь мне свои нечестивые советы. Говорят собаке: иди вон, – и, стыдясь, она уходит; но ты не знаешь стыда. Я имею Христа, Бога моего, Которому служил до этих пор и Которому приношу жертву хвалы от сердца моего; для меня осталось только одно – чтобы я весь был для Него жертвой живой.

Тогда император, придя в великую ярость, вместо того, чтобы выпустить на мучеников зверей, приказал тотчас же приготовить горящую пещь и большой котел и велел растопить в нем олово, серу и смолу; потом приказал ввергнуть в тот котел кипящий и клокочущий одного Вита, сказав: «Вот посмотрим, – поможет ли ему Бог его!»

Святой же Вит, осенив себя крестным знамением, вошел в самую середину котла, кипевшего как море. И тотчас Ангел Господень, представший святому, отнял силу у огня и охладил жар и кипение котла; и стоял святой мученик как бы посреди купели, воспевая песнопения Господу и говоря: «Ты, Боже, избавивший израильтян через Моисея и Аарона от тяжкого рабства египетского, яви милость Свою и нам, славы ради имени святого Твоего».

Потом, посмотрев на царя, сказал: «Благодарю тебя, Диоклетиан, и слуг твоих за то, что вы устроили для меня весьма удобную купель; надлежало бы здесь быть и мылу».

Весь же народ, смотревший на все происходившее, громогласно восклицал: «Мы никогда не видели такого чуда! Воистину истинен и велик Бог отрока сего!»

И вышел святой из котла, не имея никакого повреждения на теле своем; наоборот, тело его, чистое как снег, стало еще

белее; и воспевал он, говоря: Искусил меня, Господи, как золото огнем, испытал меня и ничего не нашел (Пс.16:3).

Потом начал укорять царя в таких словах: «Постыдись, диавол, с отцом твоим сатаной, видя, сколь великую силу являет Господь мой на мне, рабе Своем!»

Царь же, преисполнившись еще большей ярости, приказал привести страшного, большего и лютого льва, одного рева которого люди не могли выносить. И сказал царь святому:

– Неужели и сего победят волшебства твои?

Мученик же отвечал:

– Безумный и несмысленный! Неужели ты не уразумел силы Христа, пребывающего со мной, Ангел Которого вскоре возьмет меня из твоих мучительских рук?

Когда лев направился к святому, Вит осенил себя знамением креста, и тотчас лев упал к ногам его и начал лизать его ступни. И сказал святой Вит императору:

– Вот даже зверь воздает честь Богу моему, а ты не хочешь познать Творца своего; но если бы хотя сейчас ты уверовал в Него, то получил бы спасение.

Император отвечал:

– Веруй в Него ты и род твой.

Святой же, улыбнувшись, сказал:

– Ты правильно сказал, ибо я, и весь род мой, возрожденный банею святого крещения, надеемся получить венец жизни в Царстве Бога нашего.

В это время уверовало во Христа много народа, около тысячи мужей. Царь же сказал мученику:

– Почему это, Вит, ни огонь, ни звери не приносят тебе никакого вреда? Каким волшебством ты их укрощаешь и приводишь народ в удивление, так что многие веруют твоим волхвованиям?

Мученик отвечал:

– Я не укрощаю ни огня, ни зверя никакими волхвованиями; но все это делает сила Христа, Бога моего; огонь и зверь, как создания Божии, повинуются воле Создателя своего, а не мне, и почитают Творца своего, тебе же причиняют великий стыд: ибо огонь, будучи бездушной тварью, и зверь, будучи бессловесным

созданием, знают создавшего их Бога; ты же, имеющий разумную душу, не хочешь познать Бога, так что оказываешься худшим бессловесной и бездушной твари.

Тогда император приказал повесить на мучилищном дереве святых мучеников Вита и Модеста, вместе с ними также и святую Крискентию, воспитательницу Витову, которая, придя к тому месту, исповедала себя христианкой, царя же обличила за его нечестие и мучение святых; потом мучитель приказал строгать обнаженные тела святых железными орудиями. При этом святой Вит сказал царю: «Ты показываешь силу твою немощной и достойной смеха, когда мучаешь женщину».

И мучимы были святые без милосердия с жестокостью, так что от строгания плоть их отделялась, кости обнажались и видны были внутренности. И возопил святой Вит Господу: «Боже, спаси нас и силой Твоею избави нас». И тотчас земля потряслась, начались громы и молнии; идольские капища упали; при этом погибли многие неверные из числа народа, бывшего там: одни были задавлены упавшими зданиями, другие были поражены громом и молнией: сам царь, исполнившись страха, бежал с позорищного места, ударяя себя по лицу и взывая: «Горе мне, ибо я побежден таким юным отроком!» Ангел же Господень, освободив святых мучеников от мучилищного дерева, перенес их в Луканию к реке, называвшейся Силар, и посадил их там под деревом, под которым они прежде остановились, когда пришли из Сицилии.

В то время когда святые находились под деревом тем, к ним собрались многие христиане, проживавшие там. Потом святой Вит помолился к Богу, сказав: «Господи, Иисусе Христе, Сын Бога Живаго! Прими с миром души наши к Себе; тех же, которые пожелают почтить во славу Твою память страдания нашего, – тех сохрани от всяких зол мира сего и приведи их беспрепятственно в Небесное Царствие Твое».

Когда святой молился так, был слышан с неба голос, говоривший: «Услышана молитва Твоя!»

Потом святой сказал, обратившись к стоявшим близ него христианам: «Братие, похороните здесь тела наши; мы же, после исхода нашего, будем молиться за вас ко Господу, дабы

вы получили для спасения своего все, что попросите, и дабы Христос избавил вас от вражды демонской».

После этих слов святые мученики предали одновременно с радостью души свои в руки Божии[3971]. Верные же взяли их честные тела, обвили плащаницами с ароматами и похоронили с честью на том самом месте (место же то называется Мариане). Пострадал святой Вит вместе со святым Модестом и Крискентиею в пятнадцатый день месяца июня, в царствование в Риме Диоклетиана, среди нас же, христиан, в царствование Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается честь и слава вечно. Аминь.

Житие блаженного Иеронима

Память 15 июня

Родина блаженного Иеронима – незначительный городок Стридон, лежавший на границах Далмации и Паннонии[3972]. Время рождения этого великого отца Западной церкви точно неизвестно[3973], как неизвестно точно и его мирское имя: вероятнее всего он носил имя Евсевия, в честь своего отца. Родители блаженного Иеронима принадлежали, как можно думать, к классу богатых отпущенников[3974]; они были христиане и своему старшему сыну дали строго христианское воспитание. «Я вскормлен, – говорил впоследствии о себе блаженный Иероним, – на кафолическом молоке с самой своей колыбели и был тем более предан церкви, что никогда не был еретиком». Начальное образование Иероним получил дома, причем учитель его, несмотря на суровость своего характера, сумел внушить талантливому ученику любовь к науке. Потом для завершения образования родители послали блаженного Иеронима в Рим. По обычаю времени в курс учения входили логика и, как главные предметы, грамматика и риторика; блаженный Иероним, кроме того, ознакомился и с учениями некоторых философов, но особенно много времени уделял он изучению красноречия; он посещал суды, чтобы послушать знаменитых судебных ораторов. Здесь же в Риме, в годы своей юности, Иероним положил начало своей библиотеке, которая во все время последующей жизни служила ему большим утешением.

Пребывание в столице мира, среди соблазнов и искушений, оставило печальный след в душе Иеронима: он сам признавался, что «во время скользкого странствования своей юности» вел в Риме нечистую жизнь, – обстоятельство, стоившее ему потом многих слез и горьких сожалений. Однако эти уклонения с пути благочестия не могли заглушить в нем искру Божию, зароненную в его душу с раннего детства. Он не разрывал молитвенного общения со своими братьями по вере; кроме того, в воскресные дни он, вместе с Паммахием и другими товарищами, обычно посещал гробницы мучеников,

находившихся в окрестностях Рима; когда при этих посещениях Иерониму приходилось опускаться в темные катакомбы[3975], ему невольно казалось, что он живым сходит в могилу.

Здесь же в Риме, еще до окончания образования, в Иерониме созрело решение изменить свою жизнь и начать новую, чистую и добрую. Вероятно, он не замедлил закрепить свое намерение крещением[3976]; точно время крещения блаженного Иеронима неизвестно, но с большой долей приближения к истине допустимо предположение, что он крестился, когда ему было около двадцати лет, и – что таинство совершил над ним или папа Либерий[3977] или один из членов его клира. По удалении из Рима блаженный Иероним предпринял большое путешествие по Галлии, вместе с Бонозом, товарищем своим по школе и молочным братом. Во время этого путешествия Иероним, по его собственному выражению, «на полуварварских берегах Рейна впервые почувствовал желание служить Богу», то есть в нем начало пробуждаться стремление к монашеству с его обетами девства и бедности.

Около 372 года блаженный Иероним возвратился в Стридон из своего путешествия по Галлии. Родители его уже умерли и на нем лежала забота о наследственном имении, о сестре и юном брате Павликиане, – последний был на двадцать лет моложе его. Вероятно эти заботы помещали Иерониму вполне осуществить его намерение об удалении из мира, и он лишь отчасти удовлетворял свое стремление к монашеству, проживая временами в Аквилее[3978], где образовался небольшой полумонашеский кружок из близких между собой и блаженному Иерониму лиц. Но кружок этот неожиданно, по каким-то причинам, о которых Иероним упоминает глухо, распался. Тогда Иероним отправился на Восток, чтобы посетить главным образом Иерусалим, а также отшельников Сирии и Египта. В это путешествие блаженного Иеронима сопровождали его друзья, бывшие члены аквилейского кружка Иннокентий, Никей, Илиодор, Ива и Евагрий. Последний, впрочем, шел с ними лишь до родной ему Антиохии. Свое путешествие они совершали через Фракию, Вифинию, Понт, Галатию, Каппадокию и Киликию. Тягости дальней дороги, соединенные с аскетическими

подвигами, подорвали силы благочестивых паломников. Когда они достигли Антиохии, где нашли радушный приют у Еваргия, то Иероним заболел, а Иннокентий, к великой скорби блаженного отца даже умер; умер и Ива. Печаль усилила болезнь Иеронима, продолжавшуюся довольно долгое время, по всей вероятности до весны 374 года. Выздоровев, Иероним начал заниматься изучением Священного Писания, склонность к чему пробудилась у него еще ранее[3979], с этой целью он слушал беседы по истолкованию Священного Писания у известного Аполлинария[3980]. Не оставлял он и намерения удалиться в пустыню, куда особенно влекло его по смерти близких лиц, тем более, что Илиодор и Никей не хотели уже продолжать путешествие. В 374 году Иероним решил поселиться в «сирийской Фиваиде» – пустыне Халкидонской (к Востоку от Сирии).

Здесь он пробыл почти пять лет, живя, вероятно, в каком-либо монастыре и по временам оставляя его для пустынного уединения, одобряя общежитие и советуя его другим, блаженный Иероним, как показывает его «Жизнь Павла отшельника», питал в то же время особенное уважение, граничившее с благоговением, к тем подвижникам, которые, поселяясь по одиночке в отдаленных местах пустыни, находили себе приют в горных пещерах, иногда они по несколько лет не видели человеческого лица, и лишь дикие звери да скорпионы нарушали их уединение. В сейчас названном сочинении блаженный Иероним упоминает, между прочим, о двух отшельниках, которых сам видел в пустыне Халкидонской: один их них 30 лет питался только ячменным хлебом и пил грязную воду; единственной пищей другого служили финики, которые ему ежедневно, в количестве 5 штук, бросали на дно старого водоема, где он жил. Умерщвляя плоть свою молитвой, суровыми подвигами поста, лишений и физическим трудом, блаженный Иероним в пустынном уединении всего себя посвятил изучению Священного Писания, пользуясь нужными для этого книгами из своей собственной библиотеки и библиотеки живших по соседству в Антиохии друзей, главным образом Евагрия. В это же время под руководством одного

обращенного иудея он начал изучение еврейского языка, на котором, главным образом, написаны книги Священного Писания Ветхого Завета, последнее занятие для блаженного Иеронима служило и смиряющим средством: этой цели вполне соответствовали и унизительность изучения алфавита и немузыкальность слов еврейского языка, мало приятная для блаженнаго Иеронима, образовавшего свой слог на изучении лучших представителей классической литературы. К этому времени жизни блаженного Иеронима, вероятно, относится следующий замечательный сон, который он описывает таким образом:

«Жалкий человек, – говорит он, – я постился как раз перед тем, как намеревался читать Цицерона. После многих, продолжавшихся по целым ночам бдений, после слез, исторгнутых из самого моего сердца воспоминанием о моих прежних грехах, я обыкновенно брался за Плавта. Если, придя в себя, я начинал читать пророков, то их грубая речь коробила меня, и так как я не видел света своими слепыми глазами, то думал, что это вина не моих глаз, а вина солнца. Когда оный древний змий таким образом искушал меня, около половины поста мое изможденное тело было схвачено лихорадкой, семена которой находились во мне, и без всякого облегчения она так питалась моими несчастными членами, что едва кожа держалась на моих костях. Между тем уже делались приготовления к моему погребению, и жизненный жар моей души едва теплился в незначительной теплоте моей груди, причем все тело мое холодело; и вот вдруг я был восхищен в духе перед судилище Божественного Судии, где был такой поток света и такой блеск славы от Ангельских зрителей, что простершись на землю, я не смог поднять своих глаз. На вопрос о том, кто я такой, я отвечал, что я христианин.

«Ты лжешь, – отвечал Спросивший, – ты цицеронец, не христианин; ибо где твое сокровище, там и сердце твое».

– Мгновенно я онемел, и под ударами (ибо Он повелел подвергнуть меня бичеванию) я еще более был мучим огнем совести, размышляя об известном стихе: «Во аде кто

исповедует Тебя?» Но я начал кричать и под удары бича, громко вопя, говорил: «Помилуй меня, Господи, помилуй меня!»

Наконец, стоявшие около меня, бросившись на колена к ногам Судии, умоляли Его простить мою юность и дать возможность раскаяться в моем заблуждении, а впоследствии – подвергнуть меня муке, если когда-либо буду читать книги языческой литературы. Сам я, который в этой смертельной нужде готов был обещать даже больше того, начал каяться и, призывая Его имя, говорил: «О Господи, если я когда-либо буду читать их, то да буду отвергнут Тобой!»

Отпущенный после произнесения этой клятвы, я возвратился в высшую область воздуха и, к удивлению всех открыл свои глаза, залитые таким потоком слез, что мой страх убедил даже неверующих. И действительно, это было не сновидение и не простой сон, которыми часто обманываемся. Это судилище, перед которым я стоял, этот грозный суд, которого я опасался, есть мой свидетель; да не буду я опять никогда приведен на этот суд. Я признаюсь, что мои плечи посинели от побоев, что, проснувшись, я чувствовал самые удары и что отселе я читаю Божественные книги с большей ревностью, чем раньше читал человеческие книги».

Из пустыни Халкидской блаженный Иероним поддерживал общение с близкими ему лицами путем переписки, которой он пользовался как средством для горячего призыва к аскетическим подвигам. В этом отношении особенную известность получило письмо блаженного Иеронима пресвитеру Илиодору; в следующих пламенных словах он убеждает своего друга отречься от мира: «Долой с мольбами, прочь с ласками! Ты пренебрег мной, когда я просил тебя; быть может, ты послушаешь меня, когда я буду укорять тебя. Изнежившийся воин! Что ты делаешь в твоем предательском доме? Вот звук трубный раздается с неба! Вот с облаков сходит вооруженный Вождь для покорения мира! Вот обоюдоострый меч, исходящий из Его уст, разрушает все препятствия. А ты выходишь ли из комнаты на битву, из тени на солнце? Вот противник в самой твоей груди старается убить Христа... Хотя бы твой маленький племянник повис на твою шею, хотя бы с распущенными

волосами и с разодранными одеждами твоя мать показывала тебе те груди, которыми она питала тебя, хотя бы твой отец лежал на пороге – перейди по его телу с сухими глазами и беги под знамя креста! В подобном деле единственная истинная сыновная любовь состоит в том, чтобы быть жестоким».

В Антиохии в начале шестидесятых годов IV столетия явилось одновременно два епископа, Мелетий и Павлин. Избранный в 358 году с согласия православных и ариан[3981], так как те и другие считали его своим сторонником, Мелетий в действительности оправдал надежды православных, заявив открыто, что он содержит то учение о Сыне Божием, которое изложено отцами 1 Вселенского собора[3982]. Но ввиду того, что Мелетий был избран не без содействия ариан, православные ревнители, с любовью чтившие память великого иерарха Антиохийской церкви Евстафия, несправедливо низложенного по происками ариан, отделились от Мелетия во главе с пресвитером Павлином, который в 362 году был возведен в сан епископа. Положение дела осложнилось, когда, в 376 году, в ту же Антиохию был поставлен еще третий епископ аполлинарист[3983] Виталий. Раздоры между партиями усиливались еще богословскими спорами, сосредоточенными на вопросе о достоинстве и равночестности Лиц Пресвятой Троицы. В то время как Павлин для выражения учения о Пресвятой Троице принимал формулу, выработанную на Западе, – в Пресвятой Троице «одна ипостась[3984] в трех Лицах», – Мелетий, следуя словоупотреблению Востока, признавал «одну усию»[3985] и «три ипостаси»[3986]. В сущности сторонники той и другой формулы разумели одно и то же, только выражали тождественную мысль разными словами[3987]. Эти распри, вызванные в Антиохии мелетианским расколом и арианскими волнениями, проникли и в соседнюю с нею Халкидонскую пустыню, где подвизался блаженный Иероним. В письме к папе Дамасу[3988], он в следующих словах сетует на нарушение пустынного уединения, вызванного указанными причинами: «неутомимый враг последовал за мной и в пустыню, так что теперь я в уединенной жизни выношу борьбу еще худшую, чем до поселения в пустыне. С одной стороны ярится

арианское безумство, поддерживаемое охранителями мира. С другой стороны церковь в Антиохии, разделенная на три партии[3989], стремится захватить и меня в себя». Чем далее шло время, тем более усиливались раздоры в Антиохии, а вместе с этим увеличивалось и беспокойство, причиняемое ими блаженному Иерониму. В письме пресвитеру Марку, спустя два года после писем Дамасу, блаженный отец, между прочим, говорит: «зачем они называют меня еретиком, когда я согласуюсь с Западом и Египтом? Мне не уступлено ни единого уголка в пустыне. Меня ежедневно спрашивают о моей вере, как будто бы я вновь родился без веры. Я исповедую, как они желают, – это не нравится им; я подписываю – они не верят мне. У них одно только желание отделаться от меня. Я готов уйти». И действительно вскоре блаженный Иероним удалился из пустыни в Антиохию, вероятно, к другу своему Евагрию. В Антиохии блаженный Иероним присоединился к общине Павлина; последний и рукоположил его во пресвитера. В описываемый период пребывание в Антиохии не могло быть приятным для блаженного отца, ищущего покоя. Поэтому он пробыл здесь не долго; привлекаемый славой о Григории Назианзине[3990], как церковном учителе, блаженный Иероним отправился в Константинополь, епископом которого в это время и был святой Григорий. Впоследствии блаженный Иероним не раз вспоминал, как много он обязан святому Григорию, руководившему его при занятиях, посвященных изучению Писания. Здесь в Константинополе блаженный Иероним встретился с христианским богословом- философом Григорием Нисским, который читал ему свое только что написанное сочинение против еретика Евномия, погрешавшего против православного учения о Святой Троице.

В конце 381 года блаженный Иероним покинул гостеприимный Константинополь и отправился в Рим, побуждаемый, по его собственному выражению, «церковной необходимостью»: нужно думать, что блаженного Иеронима вызвал в Рим папа Дамас на собор по делам злополучного мелетианского раскола, не прекратившегося в Антиохийской церкви и по смерти Мелетия. II Вселенским собором в

Константинополе[3991] на место Мелетия по его смерти был избран Флавиан; папа же с западными епископами поддерживал Павлина, бывшего антиохийским епископом и во дни Мелетия. Это разногласие[3992] между Восточной и Западной Церковью и было причиной созванного Дамасом собора. Блаженный Иероним прибыл в Рим с Павлином и Епифанием, с которыми он встретился в Константинополе, куда они зашли на пути в Рим. В Риме блаженный Иероним тотчас же получил должность секретаря у папы и собора. Отцами собора блаженному Иерониму, между прочим, поручено было изложить исповедание веры, направленное против еретического заблуждения Аполлинария. Вообще положение блаженного Иеронима при папе Дамасе, особенно вначале, было очень влиятельным. Папа, занимавшийся исследованиями в области изучения Св. Писания, пользовался указаниями блаженного Иеронима, поощряя и его в то же время к тем же занятиям.

В первые годы своего пребывания в Риме блаженный Иероним за его аскетический образ жизни, за ученость и красноречие пользовался всеобщим уважением и широкой известностью: достаточно сказать, что блаженного отца открыто называли преемником папы Дамаса по кафедре Римской Церкви. Но спустя недолгое время блаженный Иероним стал предметом ожесточенной ненависти. Его настойчивое указание, что достижение христианского совершенства невозможно без полного отречения от мира и плоти, отталкивало от него не только язычников, но и многих христиан. Этим обстоятельством воспользовались некоторые порочные члены тогдашнего общества, чтобы обвинить подвижника в лицемерии, распространяя про него всевозможные клеветы и обвинения. Многих смущало и то глубокое уважение, с каким блаженный Иероним относился к Оригену[3993]. Такая враждебная настроенность, поставлявшая в вину блаженному Иерониму даже его очевидные заслуги[3994], особенно усилилась после его письма к Юлии Евстохии о сохранении девства. Письмо это относится к 383 году. В нем блаженный Иероним обличает и осмеивает нравственную распущенность и религиозное лицемерие современного ему римско-христианского общества и

преимущественно духовенства. Письмо вооружило против блаженного Иеронима буквально всех римских христиан, тем более, что «все язычники, отступники и все, кто с ненавистью относились к имени христианскому, ревностно списывали это письмо, потому что оно обесславливало все классы христиан, все степени, все профессии и всю Церковь, подвергая их постыднейшему позору»[3995].

Во время этой бури негодования, возбужденной помянутым письмом, блаженный Иероним находил некоторый покой в обществе благочестивых друзей, расположенных к нему и уважавших его. Этот небольшой кружок составляли: Паммахий, патриций[3996] и товарищ блаженного Иеронима по школе, Океан, впоследствии друг блаженного Августина[3997], Марцеллин, нотарий[3998] и человек очень знатный[3999], и – пресвитер Домнион. Сейчас поименованных друзей блаженный Иероним сравнивал с Даниилом, Ананием, Азарием и Мисаилом (Дан.1:1–21). К этому обществу принадлежали и следующие благородные, благочестивые и образованные женщины: Мелания, Альбина и ее дочь Марцелла, Лея, Аселла, а также Павла с ее дочерьми: Блезиллой, Евстохией, Павлиной, Руфиной; к последней семье блаженный Иероним был особенно расположен. Благотворное влияние блаженного Иеронима на связанных расположением к нему благородных и знатных женщин Рима было особенно важно ввиду крайнего упадка нравов того времени: он давал пример лучшей христианской жизни, которая сама за себя свидетельствовала; руководство блаженного Иеронима кружком преданных ему лиц заключалось в том, что он читал и объяснял им Священное Писание, стараясь склонить их к решимости вести аскетический образ жизни, сохраняя девство или вдовство.

В 384 году умер высокий покровитель блаженного Иеронима, папа Дамас; его место занял Сириций – человек не столь просвещенный и неодобрительно относившийся к деятельности блаженного Иеронима. Язык клеветников уже ничем более не сдерживался, так что блаженный отец, месяцев через семь после кончины Дамаса и после своего трехлетнего пребывания в Риме, принужден был оставить последний. Он

удалился из него вместе со своим юным братом Павлинианом и с пресвитером Винцетием. Простившись с друзьями, провожавшими его до пристани, блаженный Иероним с тоской в душе взошел на корабль, чтобы уже навсегда покинуть «вечный город». Единственным утешением при этом скорбном расставании блаженному Иерониму служила та мысль, что «если ему и суждено было сносить позор ложного обвинения, то он познал, что через худую молву и достигается Царство Небесное»… «и перед судилищем Христовым обнаружится, как каждый жил».

Блаженный Иероним покинул Рим с намерением посетить святую землю. На пути туда он, между прочим, останавливался на острове Кипр, где гостил у епископа Саламинского святого Епифания, и – в Антиохии, под радушным кровом епископа Павлина. Здесь в Антиохии к блаженному Иерониму присоединились Павла и Евстохия, порвавшие все связи с родным Римом ради благочестия. Из Антиохии паломники во святую землю – Павла и Евстохия в сопровождении молодых девственниц и Иероним с Винцетием, Павлинианом и немногочисленной группой монахов – отправились вместе. Они посетили башню святого пророка Илии в Сарепте (1Цар. 17:9) и лобызали песок на том месте в Тире, где преклонял колена святой Апостол Павел (Деян.21:3–5); в Кесарии они осматривали дом сотника Корнилия (Деян.10:1–48) и небольшие комнатки в доме «благовестника» Филиппа, где некогда, во дни святых апостолов, жили его четыре дочери-девственницы (Деян.21:8–9). В Иерусалиме паломники с благоговением лобызали Крест Христа, Его гроб, столп бичевания; они посетили и все места Иерусалима, освященные воспоминанием о Господе Иисусе Христе. Из Иерусалима, миновав гробницу Рахили[4000], паломники прибыли в Вифлеем[4001]. Здесь на месте рождения Христа Спасителя Павла в священном восторге воскликнула: «Достойна ли я, жалкая грешница, поцеловать ясли, в которых плакал Господь, будучи малым ребенком – молиться в пещере, в которой Дева Мария родила Младенца – Христа? Это родина моего Господа, Здесь я буду жить, так как Спаситель избрал ее».

После Вифлеема паломники, посетив часовню «Ангела благовестника пастухам» направились к Мертвому морю[4002] через Газу и Хеврон; затем, побывав на Иордане, через Вефил, Силом и Назарет[4003] они достигли моря Галилейского[4004] и горы Фавора[4005]. Из Палестины паломники отправились в Египет[4006], где целый месяц пробыли в Александрии; здесь блаженный Иероним слушал знаменитого по своим знаниям Св. Писания учителя Александрийской огласительной школы слепца Дидима, преемника по кафедре Оригена[4007]. Когда путники прибыли в Нитрийскую пустынь[4008], их встретил епископ Исидор с «бесчисленными толпами монахов». После общения с нитрийскими пустынниками паломники осенью 386 года возвратились в Вифлеем.

Для жительства паломников, решивших остаться в Вифлееме, Павлой предпринята была постройка монастырей – женского и мужского; в последнем настоятелем был блаженный Иероним; Павлой затем построено было еще два женских монастыря. Стройка продолжалась около трех лет; все это время Павла с девственницами и блаженный Иероним с монахами прожили в малоудобных помещениях. Кроме монастырей, Павла выстроила странноприимный дом, где при посещениях Вифлеема находили бесплатный приют паломники, в большом числе стекавшиеся во святую землю даже из таких отдаленных мест христианского мира как Галия, Британия, Армения, Понт, Ефиопия и Индия. Странноприимный дом был открыт для всех паломников, исключая еретиков; «Иосиф и Мария, – говорит блаженный Иероним, – если бы опять пришли в Вифлеем, вновь не оказались бы без места». Широкая и щедрая благотворительность истощила, наконец, и богатые личные средства Павлы, так что блаженный Иероним в делах поддержки монастыря вынужден был отправить в Далмацию своего брата Павлиниана с поручением продать его личное наследство. Сам блаженный Иероним жил в пещере, находившейся по соседству с пещерой Рождества Христова. Пищей ему служил хлеб со съедобными травами, а питьем – вода: да и эту скудную пищу блаженный отец в постные дни вкушал лишь по закате солнца. Он руководил иноками своего

монастыря, надзирая в то же время за благочестивыми упражнениями и занятиями Павлы и Евстохии, причем настойчивые расспросы последних о тех или других малопонятных местах Священного Писания ставили в большое затруднение его самого. Часть трудового дня блаженный Иероним уделял еще на преподавание мальчикам. Но главным занятием его, как и прежде, было изучение Св. Писания и переписка. Сульпиций Север[4009], проживший с блаженным Иеронимом в его пещере шесть месяцев, свидетельствует, что блаженный отец всегда был занят чтением или письмом, почти не пользуясь отдыхом не только днем, но и ночью. Здесь в пещере блаженный Иероним собрал себе, не жалея средств, обширную библиотеку главным образом из трудов Оригена, Дидима, Иринея и Евсевия Кесарийского. В связи с главным занятием блаженного Иеронима по изучению и истолкованию Священного Писания стоит его занятие еврейским языком, которое он продолжал и в Вифлееме: эти занятия он вел то с раввином Вараниной, то с раввином из Лидды или Тивериады, причем последний брал за свои уроки высокую плату. Блаженного Иеронима при изучении еврейского языка воодушевляло, кроме стремления ознакомиться с подлинным языком ветхозаветных священных книг, желание опровергнуть насмешки над христианами иудеев: последние указывали, что тексты Писания, на которые ссылаются христиане, имеют будто бы другое значение в подлиннике.

Время пребывания блаженного Иеронима в Вифлееме было временем рассвета его литературной деятельности. Особенно это нужно сказать про первые десять лет. Затем приступы горячки, страх общественных бедствий, охвативший весь Восток, трепетавший в ожидании нашествия гуннов[4010], нарушили мирное пребывание блаженного Иеронима в Вифлееме. Но особенно много огорчений доставила ему его полемика, от которой он не мог отказаться и здесь, в вифлеемском удалении от мира, и которую он вел с большим подъемом чувства. Блаженный Иероним или обличал лиц, высказывавших взгляды, несогласные с учением Церкви, или защищал свои воззрения в случае нападок на них со стороны

лиц, расходившихся с мнением блаженного отца по известному церковному вопросу. Так блаженный Иероним выступил с тремя обличительными книгами против одного свободомыслящего инока Иовиниана; он указывал на следующие заблуждения в учение последнего:

1) что девство, вдовство и брак сами по себе одинаково безразличны и одинаково приятны Богу;

2) что истинно возродившееся в водах крещения могут быть безгрешны;

3) что пост и соединенное с благодарением Бога пользование пищей имеют одинаковое нравственное достоинство. В 399 году блаженный Иероним был вовлечен в знаменитый спор об Оригене, продолжавшийся около пяти лет. Во время этого спора, доставившего чрезвычайные неприятности блаженному Иерониму, он из прежнего почитателя знаменитого Александрийского учителя обратился в горячего обличителя его заблуждений; спор этот вызвал окончательный разрыв между блаженным Иеронимом и Руфином, некогда друзьями. Более успешна была, тоже доставившая немало огорчения блаженному Иерониму, переписка его с блаженным Августином: Иероним убедил Августина отказаться от его ошибочного мнения, по которому он считал ненужным перевод Священного Писания с еврейского языка ввиду существования перевода 70 толковников. С другой стороны, блаженный Августин убедил блаженного Иеронима молчаливо отказаться от его толкования 11–15 ст. 2 главы послания к Галатам, где блаженный Иероним представлял действие верховных апостолов в свете неискренности, унижавшей их высокое достоинство и колебавшей авторитет Священного Писания.

Блаженный Иероним был по преимуществу человек науки и оставил после себя богатое наследие в виде своих литературных произведений. По предмету и характеру своему эти сочинения могут быть разделены на четыре вида:

1) догматико-полемические;

2) нравственно-аскетические;

3) труды по истолкованию Священного Писания и

4) труды исторические.

К догматико-полемическим относятся: «Разговор против Пелагиан»[4011] (написан в конце 415 г.); «Книга против Гельвидия о приснодевстве блаженной Марии» (в Риме, в 383 г.); «Против Иовиниана (в Вифлееме, в 392 г.) и «Против Вигилянция»[4012]. Немало произведений этого рода было вызвано и оригенистическими спорами: «Послание к Феофилу Александрийскому», «Против иерусалимского епископа Иоанна»[4013] (398–399 гг.). «Две книги апологии[4014] против книг Руфина» (402 г.), «Третья книга или последний ответ на Писание Руфина» (402 г.). Вынужденное участие блаженного Иеронима в распрях, вызванных расколом в Антиохийской церкви, было причиной появления книги: «Спор православного с люциферианином» (в 379 г., в Антиохии). Из переводных чисто догматических трудов замечательны переводы блаженного Иеронима: сочинения Оригена «О началах» (399 г.) и сочинения Дидима «О Святом Духе».

Нравственно-аскетическая деятельность блаженного Иеронима нашла свое выражение главным образом в его письмах; из них сохранилось бесспорно подлинных 120. Особенно поучительны следующие письма блаженного отца; 14-ое к Илиодору, с восхвалением отшельнической жизни; 22-ое к Евстохии о сохранении обета девства; 52-ое к Непоциану о добродетелях монашествующих в связи с изображением идеала пастырского служения; 58-ое к Павлину с наставлениями монаху. Сюда же можно отнести и составленные блаженным Иеронимом описания жизни подвижников: Павла Фивейского (376 г.), Малха-монаха и святого Илариона (оба написаны около 379 г.); 103-ое письмо к Евстохии содержит биографию Павлы – вифлеемской сподвижницы Иеронима.

Но поистине бессмертную заслугу перед христианским миром блаженный Иероним стяжал себе трудами, относящимися к излюбленной им области изучения Священного Писания. Труды этого рода блаженного Иеронима можно разделить на:

1) исагогические,

2) филологические и

3) экзегетические. К исагогическим относятся следующие произведения блаженного Иеронима:

1) «Об еврейских именах», – сочинение это, составленное под влиянием Иосифа Флавия, Филона и Оригена, содержит объяснение в мистико-аллегорическом духе различных собственных имен, встречающихся в ветхозаветных и новозаветных книгах Священного Писания и расположенных в алфавитном порядке. В 380 г. блаженный Иероним написал сочинение под заглавием: «Книга о положении и именах еврейских мест», сочинение весьма важное для изучения топографии и археологии Палестины. «Еврейские вопросы на книгу Бытия», – другое произведение блаженного Иеронима рассматриваемого рода, представляет собой критические замечания на труднейшие места книги Бытия, сделанные на основании сравнительного изучения текстов «италийского», еврейского и греческого 70 толковников. Филологический характер носят следующие произведения, принадлежащие перу блаженного Иеронима: исправление по существующим в его время редакциям перевода LXX, так называемого «италийского», латинского перевода Библии, широко распространенного в латинской церкви, но заключавшего массу погрешностей. Блаженный Иероним приступил к этой работе в 383 г. по поручению папы Дамаса; прежде всего он занялся исправлением четвероевангелия и остальных книг Нового Завета; из ветхозаветных книг им была исправлена Псалтирь. Псалтирь по распоряжению папы Дамаса тотчас была введена в богослужебную практику и стала называться «Римским Псалтирем»[4015]. Книги новозаветные, исправленные блаженным Иеронимом, и доселе входят в состав Библии, употребляемой во всей Западной Католической церкви. Уже во время жизни в Вифлееме блаженный Иероним докончил исправление «италийского текста» и для книг Ветхого Завета, причем эту работу он опять начал с Псалтири, которую он исправил по Оригеновым гекзаплам. Манускрипт последних им найден был в Кесарии, где был Ориген в III в.[4016] Эта Псалтирь известна под именем «Галльской Псалтири», потому что вошла в употребление прежде всего в галльской церкви и потом была

принята во всей Западной церкви. Тем же порядком блаженный Иероним исправил и все остальные книги Ветхого Завета, но этот труд «по лукавству одного человека», как говорит сам блаженный отец, пропал бесследно за исключением книги Иова.

Будучи знатоком еврейского, «халдейского», латинского и греческого языков и имея под руками такое важное пособие как гекзаплы Оригена, блаженный Иероним предпринял самостоятельный латинский перевод всех священных книг Ветхого Завета с их оригинального языка; он желал уничтожить недостатки италийского текста. К работе блаженный Иероним приступил около 390 года, а окончил ее в 405 году, когда оказался переведенным весь Ветхий Завет, за исключением неканонических книг – Варуха, 1 и 2 Маккавейской и Премудрости Иисуса Сына Сирахова. Почти все книги переведены с еврейского подлинника; только Товит и Иудифь переведены с «халдейского языка», да некоторые части книг Есфирь и Даниила с греческого. Перевод блаженного Иеронима не чужд недостатков, потому что велся чрезвычайно поспешно: например, книга Товит переведена в один день, книги Соломоновы в три дня, но и при своих недостатках перевод блаженного Иеронима до этих пор не имеет равных по красоте, выразительности и точности изложения. И неудивительно поэтому, что при Григории Великом[4017] перевод вошел во всеобщее употребление в латинской церкви, а с XIII в. сделался известным под именем Вульгаты, то есть перевода, распространенного среди всего народа.

Экзегетические труды блаженного Иеронима распадаются на переводные (переводы гомилий Оригена – 14 на пророка Иеремию, 14 на Иезекииля, 2 на Песнь Песней, 39 на евангелиста Луку) и его собственные; к последним относятся: толкование на Евангелие Матфея (398 г.), на послания Ап. Павла к Галатам, Ефесянам, Титу и Филимону, а также толкование на Апокалипсис. Много отдельных толкований разбросано по его письмам. Толкование блаженного Иеронима по большей части являются филологическими объяснениями, которые нередко переходят в беседы мистико-аллегорического характера; они ценны еще и в том отношении, что среди

объяснений сохранились отрывки из утраченных теперь произведений Оригена, Аполлинария и Дидима.

Исторические труды блаженного Иеронима исчерпываются следующими: переводом «Хроники Евсевия Кесарийского» на латинский язык, да ее незначительной переработкой и продолжением до 378 г. и «Каталогом о знаменитых мужах». При ограниченности исторического материала, сохраненного древностью, первый труд имеет немаловажное значение. Последний труд, составленный главным образом на основании сочинений Евсевия Кесарийского, дает последовательный исторический обзор всей христианской литературы, оканчивая 14-м годом правления Феодосия Младшего. Наряду со сведениями о сочинениях помещаются и биографии самих писателей: главное внимание в этом обзоре блаженный Иероним уделяет экзегетическим трудам, среди которых он поместил и свои собственные.

Блаженному Иерониму пришлось быть современником падения Рима под ударами готских полчищ Алариха (в 410 г.). «Вечный город», в течение многих веков бывший живым олицетворением государственного могущества, явился местом «ужаса, смятения, голода и бедственности, пожара и кровопролития». Его «блистательные церкви превратились в пепел и мусор». В эти ужасные дни в Риме погибли близкие блаженному Иерониму лица: Марцеллина и Паммахий. Когда весть о падении Рима достигла блаженного Иеронима, она произвела на него впечатление неожиданно разразившегося грома и преисполнила его великой скорбью; последняя нашла свой отголосок в его письмах. «Кто бы поверил тому, – спрашивал он, – чтобы Рим, основанный на триумфах над всем миром, мог подвергнуться разрушению? Чтобы он, матерь народов, мог также сделаться их гробницей? Чтобы все страны Востока, Египта, Африки наполнились толпами юношей и дев прежнего владыки мира? Чтобы священному городу Вифлеему пришлось изо дня в день видеть, как блистательные лица обоего пола, некогда жившие в избытке и роскоши, стремились к его стенам в качестве нищих?» Блаженный Иероним, не будучи в состоянии помочь им, разделял постигшее их горе, проливая

вместе с ними слезы. Но эти слезы были облегчением по сравнению с теми, какие исторгались из его глаз, когда он впервые получил весть о взятии Рима и сопровождавших это мировое событие ужасах: «Мой голос, – говорит он в письме Принципии по поводу смерти ее матери Марцеллы, – подавлен, и рыдания затрудняют мне диктовать слова. Взять город, который сам некогда взял весь мир; мало того, он погиб от голода, прежде чем пал от меча, и едва несколько человек найдено было для того, чтобы взять их в плен. Ярость голодных переходила в гнусное людоедство: люди отрывали друга у друга члены, мать не щадила своего грудного ребенка», В 411 году престарелого подвижника постигло новое испытание: самый Вифлеем трепетал от ужаса, вызванного диким набегом бедуинов-арабов, и лишь милость Божия спасла общину блаженного Иеронима от разорения. Так среди бедствий, пережив всех своих друзей, оканчивал в печальном одиночестве свои дни блаженный Иероним. Самый внешний вид его свидетельствовал о перенесенных им подвигах, лишениях и утратах: уже давно седые волосы обрамляли чело, изборожденное глубокими морщинами; слабые, впалые глаза и бледное изможденное лицо носили следы многих слез. Единственный светлый луч, скрасивший сумрачную старость блаженного Иеронима было поселение в Вифлееме младшей Павлы, внучки Павлы и Альбины, христианской жены языческого жреца, с дочерью Меланией. Они вероятно и закрыли глаза умиравшего старца. Год смерти блаженного Иеронима точно неизвестен. Сохранилось, впрочем, свидетельство Проспера Аквитинского, которое говорит, что блаженный Иероним скончался 30 сентября 420 года. Вероятно, он отошел в вечность после довольно продолжительной и тяжкой болезни[4018]; погребен был близ Павлы и Евстохии в пещере, соседней к месту Рождества Христова. В 642 году мощи блаженного Иеронима были перенесены из Вифлеема в Рим и положены в церкви Божией Матери в Маджиоре; где ныне они, – неизвестно. Сохранилась лишь честная рука, которая находится в Риме в церкви его имени близ площади Фарнезе.

В тот же день перенесение мощей преподобного Феодора Сикеота, – епископа Анастасиупольского (житие его см. 22 апреля

Житие святого отца нашего Тихона чудотворца, епископа Амафунтского

Память 16 июня

Святой Тихон родился на острове Кипре в городе Амафунте[4019] от благочестивых родителей – христиан. С самых юных лет воспитанный своими родителями в христианском благочестии, он научен был ими чтению священных книг, за что был принят в клир церковный и удостоен должности церковного чтеца. За чистоту своей жизни он был поставлен затем святым Мемноном, епископом амафунтским, во диакона. Когда же скончался епископ Мемнон, то, по общему желанию амафунтских христиан, избран был на его место святой Тихон и рукоположен святым Епифанием, архиепископом кипрским[4020].

В то время на острове Кипре оставалось еще много язычников, державшихся древнего идолопоклонства.

Святитель Христов Тихон подъял на себя великий труд, отвращая жителей Амафунта от языческих заблуждений и приводя их к познанию Христа-Бога; в сем великом труде споспешествовал ему Господь, ибо, исторгнув от власти диавола великое словесное стадо, святитель привел его в ограду православной кафолической церкви, обратив козлов в овец Христовых. Святой Тихон уничтожил также вокруг Амафунта идолов, а храмы этих идолов, как жилища бесовские, он искоренял и разорял.

Благочестно управив вверенную ему от Господа паству, святой Тихон скончался в глубокой старости. За свои многие чудеса, сотворенные им не только при жизни, но и по смерти, святой Тихон назван «Чудотворцем».

Из многих чудес святого Тихона до нашего времени сохранилось сказание лишь о двух случаях чудодейственной его силы[4021]. Первое чудо, сотворенное святым Тихоном еще в отроческом возрасте, было следующее. Отец святого Тихона, содержавший семью свою печением и продажею хлебов, посылал сына продавать хлебы. Святой же Тихон раздавал беднякам хлеб даром. Отец его, узнавши об этом, опечалился

и, разгневавшись на сына, начал ругать его за это. Благочестивый же отрок сказал на это отцу:

– Отчего ты печалишься, отец, как бы что-нибудь потерявший? Я дал хлебы взаймы Богу, а в святых книгах сказано: «дающий Богу, сторицею приимет».

– Если не веришь сказанному там, то пойдем в житницу и там ты сам увидишь, как Бог отдает долг заимодавцам Своим.

Сказавши это, он пошел с отцом к житнице, и когда они хотели открыть дверь, то увидели, что то помещение, которое было пусто, всё наполнено чистою пшеницею. Видя такое чудо, отец святого Тихона весьма изумился и, падши на колени, поклонился Богу, воздавая Ему благодарение; с этого времени он перестал гневаться на сына и не препятствовал ему раздавать нищим хлеб, сколько он желал.

Другое чудо, сотворенное святым Тихоном, было следующее:

В одном винограднике садовники, обрезывая сухие ветви у винограда, выбрасывали их вон как негодные. Святой же Тихон, собрав эти ветви, посадил в своем саду. Сажая, он молился Господу о том, чтобы Он дал виноградным ветвям следующие четыре свойства: во-первых, чтобы сухие сучья принялись в земле, пустили корни и росли; во-вторых, чтобы виноградные ветви изобиловали ягодами; в-третьих, чтобы ягоды были сладки и полезны для здоровья; в-четвертых, чтобы виноград его скорее всех поспевал и созревал. Когда наутро святой Тихон вышел в сад, то увидел, что молитва его была услышана: сухие ветви принялись в земле и пустили почки; а когда тем же летом начали расти, то совершенно необычно и неестественно оказались весьма плодородными, и еще в то время, когда в других виноградниках плоды зрели, ягоды в виноградниках святого Тихона были вполне зрелы, приятны на вкус и весьма полезны для здоровья.

Этот виноград не только при жизни святого Тихона обладал такой чудодейственной силой, но и по кончине его был плодороден и каждогодно плоды его поспевали ранее, чем в других виноградниках, так что 16 июня – в день памяти святого Тихона – на выжатом вине из этого винограда было совершаемо

на литургии таинство Евхаристии. Уже из двух этих чудес можно видеть, что святой Тихон был чудотворец и великий угодник Божий.

В службе святого Тихона повествуется кроме того, что он пророчески предузнал и возвестил другим о времени своей кончины[4022].

За таковую святость сего чудотворца Тихона да будет Богу нашему слава, ныне и всегда и во веки веков. Аминь[4023].

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и в телеси Ангел, и чудотворец явился еси, богоносе отче наш Тихоне: постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляеши недужныя, и души верою притекающих ти. Слава давшему тебе крепость, слава венчавшему тя, слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 3:

В постничестве святе боголюбезном пребыв, Утешителеву силу с высоты приял еси, идол низложити прелести, люди же спасти, демоны отгнати, недуги исцеляти: сего ради почитаем тя яко Божия друга, Тихоне блаженне.

Память преподобного отца нашего Тихона, Луховского чудотворца

Память 16 июня

Преподобный отец наш Тихон был родом из Малой России, из Литовских пределов и служил там в военной службе. Не перенося насилий со стороны латинян, он переселился в царствующий город Москву и стал проводить здесь благочестивую жизнь. Впоследствии по крайнему смирению своему он раздал имущество свое бедным, принял иночество и поселился на реке Лухе[4024]. Здесь он устроил скит, собрал много учеников и богоугодно стал подвизаться в посте и воздержании. По великому смирению своему он не принял священнического сана до самой кончины своей. Узнав заранее о своем отшествии к Богу и наставив учеников своих во всем, что могло служить к их душевной пользе, преподобный преставился в вечные обители[4025].

Спустя много лет после кончины преподобного были открыты мощи его[4026] и стало совершаться от них много исцелений. Впоследствии времени, благодаря усердию верующих, на месте подвигов преподобного была устроена честная обитель, которая по благословению Божию существует и доныне.

Страдание святых мучеников Мануила, Савела и Исмаила

Память 17 июня

Святые мученики Мануил, Савел и Исмаил были родными братьями и происходили из Персидской страны[4027]. Родители их были людьми именитыми, но не единоверными: отец держался персидского неверия, а мать была благочестивой христианкой. Детей своих она с самого раннего возраста воспитывала в христианском благочестии, – подобно тому, как в раннем детстве вскормила их своим материнским молоком и возрастила в страхе Божием; а блаженный пресвитер Евноик породил этих святых братьев банею святого крещения и научил их Слову Божию. Когда же они достигли зрелого возраста, то зачислены были в воинское звание. Но посвятив свои телесные силы царю персидскому Аламундарю[4028], – духом своим они всё время работали Царю небесному, Господу нашему Иисусу Христу, стараясь во всем угождать Ему своими добрыми делами.

Однажды они посланы были своим царем к греко-римскому императору Юлиану Отступнику[4029], ради заключения с ним мира. Юлиан сперва принял их с честью и, всячески оказывая им свою милость, всё время относился к ним по-дружески; но потом, узнав, что они христиане, исполнился гнева на них, и вопреки обычаям и законам, общим всем народам, предал этих братьев мукам за веру во Христа и умертвил их после самых тяжких истязаний.

Мученический же подвиг их был таков.

Однажды беззаконный император задумал отправиться в Вифинию, в местность, называемую Оргия Тригон[4030], ибо там скоро наступал один из богомерзких языческих праздников. Когда он, переправившись на корабле из Царьграда к Халкидону[4031], прибыл в названное нами место, то начал тотчас же, со всем множеством собравшегося там народа, совершать скверное свое празднование, поклоняясь идолам и принося бесам бесчисленные жертвы: – и вот начинались здесь непрерывные пирования с пением и музыкой и тимпанными

играниями, – и в честь пагубных языческих богов за это время совершено было здесь много мерзких беззаконий.

Рабы же Христовы Мануил, Савел и Исмаил, находясь тут же, вместе с императором, не хотели даже и смотреть на это нечестивое празднество; отойдя как-то раз в сторону от ликующих и стоя вдали, они рыдали и плакали о прельщении и заблуждении этих людей, и молились ко Господу Богу – и о себе, дабы им не осквернитьcя общением с идолопоклоннеческими жертвами, – и о всех заблуждающихся, чтобы Господь привел их к познанию истины.

– Не оставляй, Господи, – молились они, – людей этих пребывать в столь великой пагубе зол, и не попусти разумному созданию Твоему находиться в таком безумии; – ведь они являются здесь более неразумными, чем даже почитаемые ими камни и деревья: по крайней мере деревянные идолы их, как тварь бесчувственная и неодушевленная, не знают, что перед ними делают; эти же люди, почтенные Тобою душою разумною и будучи Твоим образом и подобием, не видят и не понимают, что совершают и кому воздают божеское почтение: они во тьме ходят, заблуждаются и идут в вечную погибель.

В то время, как святые, находясь вдали, так плакали и молились, император, смотря на приносящих жертвы и на пирующих с ними и не видя при себе персидских посланников, приказал найти их и позвать к нему, чтобы они вместе с ним повеселились. Тогда один из царских постельничих, найдя их отдельно стоящими, стал звать их к царскому торжеству: он думал, что они также принадлежат к идолопоклонническому нечестию. Но рабы Христовы единодушно ответили приглашавшему их царскому постельничему:

– Отойди от нас: мы не отвергнемся той веры, в которой воспитаны от юности, и потому не оставим Господа нашего и не поклонимся живущим в вас бесам; и да не будет с нами того, чтобы мы стали причастными к этому явному заблуждению: мы не настолько безумны и неразумны, чтоб, презрев живого Бога, Создателя нашего, стали поклоняться бездушному созданию. Да и не ради того мы предприняли такой большой путь и пришли сюда, чтобы отречься от своей веры, но чтобы

заключить мир между персидским и греко-римским государствами. И царь твой, равно как и единомысленные с ним, хорошо знают, что не отвратят и не убедят нас перейти к своему нечестию, если даже и предадут нас огню и мукам и лишат самой жизни.

После того постельничий, отойдя от святых, передал эти слова Юлиану, и тот сразу же воспылал на них гневом и яростью, однако, он решил не предавать их сейчас же мукам, чтоб не помешать своему нечестивому празднеству, но отложил это до утра, повелев только заключить рабов Божиих в темницу.

Они же, идя к темнице, так воспевали Господу:

– «Приидите, воспоем Господу, воскликнем Богу, твердыне спасения нашего; предстанем лицу Его со славословием, в песнях воскликнем Ему» (Пс. 94:1–2).

И потом:

– «Кто Бог так великий, как Бог наш!» (Пс. 76:14). Мы же – люди Его и создание рук Его и будем всегда призывать Его.

На другой день Юлиан, взойдя на судилищное место, велел позвать к себе персидских посланников и начал им так говорить:

– Вас, добрые мужи, царь ваш прислал сюда, как людей верных себе и к нам хорошо расположенных, чтобы между обоими царствами восстановить давно ожидаемый всеми мир. Но этот мир может быть восстановлен между нами только при помощи любовного согласия и взаимной приязни. Однако какое же у вас может быть согласие с нами и где же ваша любовь к нам, если вы не захотели вчера вместе с нами совершить празднества и насладиться веселием в честь тех же богов, каких и вы, персы, чтите[4032]? Ведь персы, так же, – как и мы, почитают солнце, луну и звезды, – всесветлейшую огненную силу и прочих наших богов; – почему же вы отказались почтить их вместе с нами и не захотели участвовать в нашем служении им, – хоть бы ради того, чтобы наши условия относительно заключения мира были более крепкими и прочными? Но если вы презираете и уничижаете наших богов, и если вы не единомысленны с нами, то значит, пришли к нам не для утверждения мира, но для нарушения его и для возобновления вражды и войны.

На это святые мужи ответили:

– Мы пришли к тебе от нашего царя ради заключения мирных условий, чтобы ваши воины не переступали наших пределов, а наши – ваших, дабы нам не опустошать бы землю друг друга, – и чтобы наши купцы всегда имели свободный доступ в ваше государство, а ваши – в нашу землю и чтобы те и другие без всякой бы обиды возвращались к себе домой; – вот для условий об этом мы и присланы к тебе, а вовсе не для рассуждения о богах. Пусть всякий почитает того бога, какого хочет, и так именно, как ему нравится. Да из-за веры никогда и не бывает войны между царствами; но распри, ссоры и битвы всегда происходят из-за городов, областей и из-за их границ и пределов. Ты же, оставив всякие переговоры о мире, ради которых мы и присланы к тебе, начинаешь говорить о другом, об чем нам с тобою и не должно говорить. Ведь ты говоришь с нами не о благосостоянии империи своей, – не о мирном отношении к нашему государству, которое сопредельно с твоим, но всё время расспрашиваешь о богах и толкуешь о вере. Если тебе уж так угодно, то знай, что мы, хотя родом и Персы, но по вере христиане, воспитаны матерью нашею в благочестии и наставлены в истинной вере отцом нашим духовным, пресвитером Евноиком. И в нашем отечестве уж много было таких, которые хотели отвратить нас от Господа нашего Иисуса Христа к идолопоклонству, но не успели в этом: благодатью нашего Владыки мы остались непоколебимы и твёрды в исповедании своей веры; надеемся и ныне на помощь Господню, – что и теперь никто нас здесь не отвратит от нашей веры святой и никто не убедит перейти к службе бесовской, которая поистине есть суетна и преисполнена всякого обольщения, заблуждения и лжи.

Тогда мучитель, исполнившись гнева, сказал им:

– Как вы, будучи людьми простыми и невежественными, – не знающие даже и нашего языка, – как вы осмеливаетесь так нагло, и столь безумными речами своими, хулить нашу веру, которую исповедуем мы, люди образованные и прошедшие в совершенстве всё книжное любомудрие? Знакомы мы и с вашим учением. Ведь вы знаете, что я изучал и ваши

христианские книги, но увидев, что в них одна только ложь и нет ничего истинного, тотчас же отверг их, чтобы по причине неясности написанного в них не впасть в какое-либо заблуждение. И кто из тех людей, которые верят вашим книгам и по ним поступают, – кто из таких показал себя когда-либо славным и совершенным и что сделал в своей жизни доблестного? Поэтому советую вам: – оставьте это детское и ложное умствование и верьте лучше тому, о чем издавна уже учили лучшие философы. Если же вы не пожелаете принять моего доброго вам совета, то, и вопреки воли своей, послушаетесь тех мук, которым я тотчас же вас предам.

На это святые ответили:

– Мы научились от Господа нашего – не бояться убивающих тело и не думать, что должно отвечать желающим мучить нас, ибо Сам Дух Святой укрепит нас в страдании и даст слово и дерзновение для ответа. Мы же спросим тебя, что видишь ты в нас безумного, – ты, считающий себя мудрейшим из всех людей? И кто вообще неразумнее, – тот ли, кто познал истинного Бога и Создателя всяческих и благочестно почитает Его, или тот, кто, удалившись от Бога живого, поклоняется бездушной твари, камням и дереву, или чему-либо подобному им? Поистине тот безумен, кто вместо Бога чтит мертвую вещь; – разумен же тот, кто служит Богу живому. Ведь вот – что прежде всего есть дело разума человеческого – это познать Творца своего, Подателя всех даров, и веровать в Него, и усердно служить Ему; а не знать Его – Творца и благодетеля своего и работать врагу своему – душепагубному бесу, – это есть крайнее неразумие. И древние философы ваши, находившиеся в таком зловредном заблуждении, только казались мудрыми, а на самом деле были самыми неразумными людьми, – по слову святого апостола: «называя себя мудрыми – обезумели» (Рим.1:22), и омрачилось их неразумное сердце; вот им-то ты и стал подобен, если только не хуже: ведь те пребывали в своем безумии, не зная и никогда ранее не исповедуя истинной веры, ты же, просвещенный святым крещением и воспитанный в христианстве, отвергся от Христа Бога, и теперь всеми, истинно верующими в Господа,

прозываешься вместо христианина еллином, и вместо благочестивого – нечестивым и безбожным.

Сильно раздраженный такими словами мучеников, Юлиан, исполнившись безмерной ярости, повелел тотчас же жестоко мучить их. Прежде всего их обнажили и, положив на землю, без пощады били суровыми ремнями по хребту и животу, а потом повесили на мучилищном месте, высоко пригвоздив к дереву их руки и ноги, и железными зубцами строгали все тело их. Мученики же Христовы, доблестно перенося эти тяжкие муки, возведши очи свои к небу и молясь Господу, так взывали к Нему:

– О Владыка! Ты, и Сам некогда пригвожденный неверными иудеями к древу и изгладивший грехи мира страстью на кресте и смертью, – призри на нас, висящих теперь на дереве изъязвленными, и так как естество наше немощно, то пошли нам помощь Свою свыше и дай нам облегчение в страданиях наших, ибо только в надежде на Тебя, мы дерзнули принять этот мученический подвиг. Как жестоки и ужасны эти муки, – Ты Сам, Господи, знаешь и видишь, но по любви к Тебе, О сладчайший Иисусе, они приятны нам!

Когда святые так молились, внезапно предстал пред ними Ангел Господень; но его видели одни только святые мученики, омраченные же глаза нечестивых не были достойны того. Сей Ангел, утешив страждущих, даровал им такую отраду в их страданиях, что они как будто бы уже более не чувствовали боли от ран своих и, казалось, – даже и не переносили никогда всех этих мук. Потом Юлиан велел снять с дерева святых мучеников, и когда их сняли, он, как бы издеваясь над ними, сказал им:

– Видите, как я вас щажу, не предавая вас еще большим мукам. Надеюсь, что вы после этого сравнительно небольшого наказания станете теперь единомысленными с нами.

Святые же мученики, хорошо поняв всю лесть его слов, еще с большим дерзновением ответили ему:

– Не думай и не надейся, враг Христов, чтоб мы изменили вере в Господа. Итак, продолжай терзать тела наши, если хочешь еще более мучить нас: мы готовы все претерпеть.

Подвергнешь ли ты нас ранам, огню, мечу или чему-либо еще более ужасному – всё это сочтем для себя скорее радостью, нежели мукою: всё это мы с веселием претерпим за возлюбившего нас Иисуса!

Тогда беззаконный Юлиан, видя, что Мануил, как старейший из братьев, говорит больше и смелее, чем другие братья, велел отвести его к сторону, а сам, начав беседу с двумя оставшимися, – с Савелом и Исмаилом, с лукавством стал так говорить им:

– Вы дети хоть и одних родителей, но люди совсем не одного нрава: старший ваш брат не достоин даже и называться вашим братом, так как он упрям, зол, бесстыден, много говорит и спорит и, оставаясь непреклонным в безумии своем, и вас увлекает за собою и не дает вам избрать лучшего для себя; а вы, как я вижу, люди нрава доброго, кроткого, и не сварливого и вообще – благоразумны. Итак, послушайтесь теперь моего доброго совета, – оставьте своего брата погибать в суетном его заблуждении и в безумном сопротивлении, – принесите жертву нашим богам, и тогда вы получите – от них великую милость, а от нас – богатые дары и честь.

Святые же, не желая даже и слушать этих льстивых слов, громко начали обличать коварство Юлиана и хулить безумие его.

Тогда Юлиан, снова возгоревшись гневом, приказал отвести их на мучилищное место и опалять ребра их горящими свечами. Мученики же, доблестно перенося эти муки, всё время – Господа славили, а мучителя – укоряли. Потом Юлиан вторично велел привести Мануила и – то ласками, то угрозами – опять стал принуждать его поклониться идолам. Наконец, видя, что он, как скала, непоколебим в исповедании Христовом, начал мучить его, как и братьев: он велел в голову каждого из мучеников вбить по железному гвоздю, а за ногти рук и ног – острые колья, и потом им, столь уже изъязвленным, приказал мечом отсечь головы, а тела их – сжечь.

И вот святых мучеников повели на место казни, – на место называемое Константиново, где пред излиянием крови своей они, в последний раз вознесли такую молитву к Господу:

– Боже праведный, безначальный, все приведший из небытия в бытие, в последняя же лета нашего ради спасения умаливший Себя, пребывавший с людьми в образе раба и претерпевший крест, чтобы освободить нас от уз греховных и соделать нас наследниками Царствия Своего, – приими в мире рабов Твоих и сопричти нас к лику от века угодивших Тебе, ибо мы ради имени Твоего святого добровольно приемлем это мечное посечение и отшествие от настоящей жизни, – и обрати к Себе, всемилосердый Владыко, этот порабощенный диаволу народ, который в таком множестве окружает нас, и пошли ему просвещение ума и разум к познанию истины, дабы, познав Тебя Единого истинного Бога, Тебе единому и служить и от Тебя получить вечное спасение.

В то время, как святые мученики так молились, – свыше услышан был голос:

– Приидите, дабы получить венец славы, так как вы доблестно совершили подвиг свой.

Святые мученики усечены были в 17 день месяца июня.

Но когда нечестивые слуги хотели исполнить другое приказание своего беззаконного царя – сжечь тела Христовых страстотерпцев, – мгновенно, по повелению Божию, земля потряслась, и место, на котором лежали святые, глубоко оселось, и таким образом образовавшаяся бездна прияла тела мучеников и сокрыла их, дабы более не прикасались к ним скверные руки мучителей и сила огня не превратила бы их в пепел; – а все слуги от страха бежали.

Тогда многие из народа, там стоявшего, видя такое чудо, уверовали во Христа и, отвергши еллинское заблуждение, присоединились к обществу христиан.

По прошествии двух дней, в продолжение которых христиане непрестанно день и ночь возносили на этом месте мольбы ко Господу, земля снова расступилась и вознесла на верх тела святых, и вот, – повсюду излилось несказанное благоухание.

Тогда верные, исполнившись великой радости, с любовью взяли тела святых и с честью погребли их на этом дивном

месте; после того от гроба святых мучеников в изобилии стали изливаться исцеления для всех недужных.

А нечестивый богоотступник Юлиан вскоре же после того погиб знаменательною и грозною смертью.

По убиении персидских посланников, святых мучеников Мануила, Савела и Исмаила, он отправился со всем войском своим в Персию[4033]. На это прельстили его бесы через своих волшебников – лжепророков, предсказавших ему победу и покорение персов. Царь же персидский, услышав об избиении своих послов, исполнился глубокой печали и великого гнева: узнав, что на него идет законопреступный Юлиан, он так же собрал все войско и, став на границе своего государства, ополчился на гордого своего врага. И когда оба войска сошлись, началась великая битва. Но персы скоро превозмогли и победили римское войско, сокрушив таким образом всю силу Юлиана.

Вот при этой то битве, богоотступника Юлиана и поразил гнев Божий: нечестивый император поражен был невидимою рукою и погиб в великих муках, став под конец посмешищем для всех персов, на которых он так гордо выступил, со своею суетною надеждою, – на радость бесам, в которых он веровал и на которых так надеялся.

Христиане же, освободившись таким образом от жестокого гонения и мучений, прославили Избавителя своего, Христа Бога, Которому и от нас да будет честь и слава, со Отцом и Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь[4034].

Кондак, глас 2:

Верою Христовою уязвлени всеблаженнии, и сего верно испивше чашу, персская служения и дерзость на землю низложисте, Троицы равночисленнии, молитвы творяще о всех нас.

Страдание святых мучеников Леонтия, Ипатия и Феодула

Память 18 июня

В царствование Веспасиана[4035] в Риме жил один сенатор, по имени Адриан, – человек жестокий, немилостивый и изобретательный на всякое зло. Он услыхал о христианах, что они, гнушаясь идольскими жертвами, хулят почитаемых римлянами и греками богов, так как признают только Единого истинного Бога – Христа, к вере в Которого и обращают многих; исполнившись ревности по своих суетных богах, Адриан пошел к царю и просил его, чтобы он дал ему власть принуждать христиан к идолопоклонству с правом мучить и убивать не хотящих поклоняться богам. Царь назначил Адриана игемоном[4036] в Финикийскую страну с полномочием гнать всех верующих во Христа. Когда Адриан, по выходе из Рима, приближался уже к Финикии, ему стало известно, что в городе Триполе[4037] находится военачальник Леонтий, разоряющий отеческие законы, а именно: укоряя древних богов, он учил не поклоняться и не приносить им жертв, чем многих, его слушавших, отвращал от почитания идолов. Адриан тотчас же послал в Триполь трибуна[4038] Ипатия со спирою[4039] воинов, поручив ему схватить Леонтия и держать под стражею до его прибытия.

Раб Христов, Леонтий был родом из Греции; высокого роста, сильный и мужественный, он отличался храбростью в сражениях, в которых одержал много побед; поэтому среди воинов Леонтий пользовался известностью и уважением. К тому же, от природы одаренный разумом, обладая развитым жизненным опытом и книжным учением, Леонтий был мужем совета и правления. Зная же, что существует Один только истинный Бог, Господь Иисус Христос, Леонтий всю свою жизнь отдал на служение Ему, веруя не словом только, но и делом. Милостивый к нищим, он питал алчущих, одевал нагих, давал приют странным, словом украшал себя всеми добрыми делами, за что и был удостоен Господом победного венца.

Когда спира воинов приблизилась к Триполю, трибун Ипатий неожиданно и внезапно заболел горячкой, причину которой объяснял своим воинам следующим образом:

– Я знаю, по какой причине постиг меня настоящий недуг: боги разгневались на меня за то, что, отправляясь в этот путь, я не принес им достойной их жертвы; вот, они и наказывают меня болезнью.

Видя, что трибуна действительно постигла тяжелая болезнь, воины соболезновали ему, печалясь его печалью; прошло три дня, а больной ничего не ел, так как недуг усиливался с часу на час, угрожая смертельным исходом. В ночь с третьего дня на четвертой трибуну явился в видении Ангел Господень и сказал:

– Если хочешь быть здоров, то вместе с твоими воинами воззови трижды к небу: «Боже Леонтия, помоги мне!» Если сделаешь это, сейчас же исцелишься.

Быстро приподнявшись и открыв глаза, палимый внутренним жаром трибун увидал святого Ангела, который стоял пред ним в виде прекрасного юноши, облеченного в белоснежную одежду.

– Я, – сказал он Ангелу, – послан с воинами взять Леонтия и блюсти его под стражей до пришествие игемона Адриана, а ты мне повелеваешь призвать на помощь Бога Леонтия.

Во время этих слов больного трибуна Ангел скрылся от очей его; в ужасе трибун разбудил спавших близ него друзей и сказал им:

– Послушайте, что мне виделось: лишь только я забылся первым сном, предо мною предстал какой-то светлый юноша и советовал мне вместе со всеми вами призвать Бога Леонтия, обещая за это выздоровление. Юношу, пробудившись, я видел и очами, после чего он вскоре исчез.

– Не такое это трудное дело, – сказали друзья; – мы все исполним его, лишь бы ты был здоров.

Один из друзей трибуна, по имени Феодул, особенно сильно удивлялся видению и подробно расспрашивал больного, какой именно видом был явившийся юноша; трибун охотно удовлетворил его любознательности. И разгоралось сердце

Феодула любовью к неведомому для него Богу Леонтия. Когда воины, пробудившись от сна, собрались около болящего трибуна и узнали от него о бывшем ему видении, то, поднявшись все, без исключения, воскликнули, глядя на небо, вместе со страждущим:

– Боже Леонтия, помоги!

Тотчас же трибун поднялся здравым, как будто и не болел; наступил час обеда и трибун начал со своими друзьями есть, пить и веселиться. Чудо же, проявленное над трибуном, исполнило Феодула еще большего удивления, – он сидел отдельно, размышляя в молчании:

– Кто такой Леонтий, и кто Бог Леонтия?

Между тем друзья приглашали Феодула принять участие в пиршественной трапезе, но он, предпочитая ей голод, ничего не желал вкусить. Видя же, что воины под влиянием вина забыли о приказании игемона, Феодул сказал им:

– Вот Адриан завтра или после завтра настигнет нас, а мы и не думаем отыскивать мужа, взять которого нам повелено; если хотите, я и трибун пойдем прежде вас к городу и поищем того, за кем посланы.

Убедив затем трибуна пойти с ним, Феодул и Ипатий оба направились к городу.

Только что они поднялись на верх горы, где находился Триполь, как Леонтий вышел им навстречу и приветствовал их такими словами:

– Радуйтесь о Господе, братья!

– Радуйся и ты, брат! – отвечали трибун и Феодул.

– Кого вы пришли сюда искать? – спросил Леонтий.

– Царю Веспасиану, – сказали они, – стало известно, что в этом городе живет некоторый муж, по имени Леонтий, человек благородный, разумный, добродетельный и храбрый воин; место жительства его мы и посланы узнать; вслед за нами идет игемон Адриан, управлению которого царь поручил всю эту Финикийскую страну; игемон сам желает видеть Леонтия как человека любезного богам, чтобы потом с великою честью послать его к царю, и весь сенат Римский хочет видеть Леонтия, так как всем известно о его мужественной храбрости в боях, в

искусстве управления, о его благочестии и многих других славных делах.

Услышав это, блаженный Леонтий сказал:

– Вижу, что вы люди пришлые, и не знаете того, что делается в этом городе. Пойдемте ко мне; отдохните от пути, а я вам покажу Леонтия, которого вы называете другом ваших богов; в действительности же он вовсе не друг почитаемых вами богов, но знайте его за христианина, верующего в Господа Иисуса!» Ипатий и Феодул говорили между собою:

– Кто этот человек, называющий Леонтия христианином? Не родственник ли его?

Потом они спросили неизвестного им мужа:

– Как тебя зовут?

– О имени моем, – отвечал тот, – так пишется в книгах: «на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона» (Псал. 90:13), ибо мне должно попрать льва – диавола, невидимого врага, и змия – игемона, врага видимого; мне должно победить, как аспидов и василисков, и советников его, ревностных служителей бесов. И когда я восторжествую над всем полчищем льва, тогда само дело явит мое имя.

Слова эти казались загадочными трибуну и Феодулу; пытаясь объяснить их себе, они в недоумении следовали за удивительным мужем в его дом. Святой Леонтий угостил их, устроив для них трапезу. Вкусив от нее, они сказали хозяину:

– Мы весьма довольны твоим угощением, добрый муж! Окажи до конца свое благодеяние к нам, – покажи Леонтия, которого мы ищем. Когда же прибудет Адриан, мы расскажем ему, как много ты сделал для нас, и за это он удостоит тебя великой чести, так что ты будешь находиться в общении с друзьями царя.

– Я – Леонтий, которого вы ищете, – отвечал на это святой, – я тот воин Иисуса Христа, которого взять Адриан послал вас.

Тогда трибун и Феодул припали к ногам Леонтия, говоря:

– Раб Вышнего Бога! Прости нам грех наш и поспеши умолить за нас твоего Бога, чтобы Он и нас избавил от идольского нечестия и лютого зверя Адриана, ибо мы хотим быть христианами.

Затем они передали ему, как явился больному Ангел и как недуг оставил трибуна вслед за призванием Бога Леонтия.

Видя проявление силы Христовой, святой Леонтий исполнился радости; простершись на земле крестообразно, он начал так молиться Богу со слезами:

– Господи Боже, «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим.2:4), призри на нас в час сей: Ты соделал, чтобы за мною последовали те, за коими должен был следовать я; сохрани и меня, овцу Твою, и их со мною вместе просвети светом Твоего милосердия. Излей на них благодать Твоего Святого Духа, созижди в них сердце чистое и, осенив их Святым Твоим знамением, соделай их Твоими непобедимыми воинами, – вооружи и укрепи их на врага – диавола и на слуг его. Да сотрут сии рабы Твои главу невидимого змея и видимого злобного зверя Адриана.

После теплой молитвы святого Леонтия светлое облако осенило трибуна Ипатия и друга его Феодула и крестило их, оросив дождем, причем святой Леонтий призывал в это время над крещаемыми имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа.

По чудесном крещении он восхвалил Бога, сказав:

– Слава Тебе, Боже мой! Призирающий на молитву любящих Тебя и исполняющий желание боящихся Тебя!

Облекши новокрещенных в белые одежды, святой Леонтий повелел носить пред ними возжженные свечи. В это время пришли в город и остальные воины, отставшие в пути; они расспрашивали о Леонтии, а также о своем трибуне и Феодуле. Когда воины нашли их, то чрезвычайно изумлялись и недоумевали, увидев горящие свечи и белые одежды на Ипатии и Феодуле. Узнав же, что последние обратились в христианство и крестились, воины сначала смутились, а потом стали негодовать; тогда же весть о крещении Ипатия и Феодула дошла и до некоторых граждан города; последние подняли мятеж криком:

– Да будут преданы сожжению бесчестящие наших богов!

В городе возникли раздор и смута: одни защищали Леонтия с остальными христианами, а другие хотели их умертвить, но,

впрочем, ожидали прибытия игемона, не осмеливаясь самовольно причинить какое-либо зло христианам.

По прошествии двух дней игемон Адриан приблизился к городу; вышедшие навстречу граждане сообщили ему все о Леонтии и о других, руководимых последним, христианах.

– Некоторый муж, – рассказывали они, – Леонтий по имени и христианин по вере, всех отвращает от богов наших своими, ему лишь известными, волшебными хитростями. Он прославляет в то же время какого-то человека, которого Иудеи, после заушений предали смерти, а Пилат, после биения, распял. Наконец, этот же Леонтий чародейством обольстил даже царских воинов, убедив их принять галилейскую веру; и вот уже третий день, как он держит их, предварительно облекши в белые одежды, безвыходно в своем доме, и вместе с ними славит своего, некогда распятого, Христа, оскорбляя бесчисленными хулениями наших богов.

Адриан тотчас же послал воинов взять Леонтия, трибуна Ипатия и Феодула, приказав заключить их в темницу и держать под стражей до суда. Затем, войдя в город, игемон посвятил день отдыху. Находясь в темнице, святой Леонтий непрестанно поучал своих союзников в Христовой вере и укреплял их на предстоящий мученический подвиг, указывая на будущее воздаяние; всю же наступившую ночь они провели в молитве и псалмопении, славя Бога. Утром следующего дня игемон сел на судилище, когда ему представляли из темницы для допроса святых узников.

– Ты ли Леонтий? – обратился игемон к святому Леонтию.

– Я, – отвечал последний.

– Какого ты, – продолжал допрос игемон, – чина и как твоим волшебным чародейством прельстил этих воинов, некогда верных слуг царя нашего, заставив их служить теперь твоему Богу?

– Я, – объяснил святой Леонтий, – воин Христа моего, я сын того истинного Света «Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Иоан.1:9), и каждый, приходящий к этому Свету, не споткнется (Иоан.11:9–10). Ипатий и Феодул знают теперь, что начало, действие и осуществление упоминаемого

мною Света есть Сам Христос, Сын Божий и Бог безначальный, соприсносущный Отцу, Свет от Света, Бог от Бога; познав Его, они оставили твоих богов, сделанных из дерева, камня или костей бессловесных животных; эти бездейственные и бессильные боги легко уничтожаются.

Игемон, раздосадованный безбоязненною речью святого Леонтия, приказал слугам бить его. Он же, перенося побои, возвел очи свои на небо, откуда ожидал себе помощи, и говорил при этом игемону:

– Безумный мучитель! Ты, думая причинить мне страдания, сам более того мучишь себя, угрызаясь своим сердцем.

После долгих побоев игемон приказал снова отвести в темницу святого Леонтия; затем он обратился к Ипатию и Феодулу:

– По какой причине вы отвергли с детства внушенные вам отеческие обычаи и оставили воинскую награду, опечалив царя?

– Мы получили, – отвечали святые, – лучшую награду у Царя Небесного: Им дарованы нам «хлеб Божий, который сходит с небес» (Иоан. 6:33), и чаша вина, истекшая из ребер Христовых.

– Таким непотребным и бессмысленным речам, – сказал Адриан, – вас обучил нечестивый Леонтий, а я говорю вам: исполните волю царя. Разве вы не знаете его повеления – удостаивать великой чести и наград воинов, чтущих богов, а отвращающихся от них умерщвлять, предавая лютым мучениям?

– Наше воинское достоинство на небесах, – возразили святые Ипатий и Феодул, – и потому делай с нами, что хочешь; как ревнитель богов скверных, ты ополчаешься на нас неповинных; но вскоре погибнет и твоя жизнь, – сокращено время дней твоих.

В ярости Адриан приказал трибуна, обнаживши, повесить на мучилищном дереве и строгать его тело железными когтями. Феодула же велел простереть на земле и бить без милосердия. Святые мужественно переносили все эти муки; помня наставление святого Леонтия, они ничего не произносили кроме

следующей молитвы: «Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного» (Псал. 11:1).

Видя, что святые пребывают твёрды и непоколебимы в Христовой вере, мучитель осудил их на смерть через усечение мечом. Влекомые на смерть, святые Ипатий и Феодул воспевали:

– Ты наше прибежище, Господи! В руки Твои мы предаем души наши.

С радостью они простерли под меч свои выи за Христа и, по усечении, отошли к Господу, чтобы приять из десницы Его уготованный им венец.

После этого святой Леонтий снова был изведен на судилище игемона.

– Пощади, Леонтий, – сказал ему игемон, – свою жизнь, чтобы тебе не испытать тех тяжких мук, какие понесли прельщенные тобою трибун и Феодул. Послушайся меня, принеси жертву богам и тогда удостоишься великой чести не только от меня, но от самого царя и римского сената, ибо царь и вельможи сильно желают тебя видеть.

– Я не хочу, – отвечал святой Леонтий, – видеть лицо твоего царя, враждебного и мерзостного моему Богу. Лучше, если желаешь, будь ты, Адриан, друг моему Христу; и если станешь им, то я покажу тебе, какие честь, богатство и спасение ты получишь в вечной жизни.

Со злобным смехом Адриан спросил:

– Ты хочешь, очевидно, чтобы я получил такое же спасение, какое выпало на долю трибуна и Феодула? Бессмысленная голова! Или ты не знаешь, от какой казни они погибли?

– Та казнь, – возразил святой, – не казнь, а лучшая жизнь, мир и радование: теперь они радуются, водворившись среди чинов Ангельских.

– Выслушай внимательно, что я скажу, – предложил игемон святому Леонтию: кто из людей, не лишенных ума, презрел это солнечное сияние и великих богов Дия, Аполлона, Нептуна, Венеру и прочих затем лишь, чтобы позорною и мучительною смертью окончить свои дни? Поистине никто, кроме очарованных тобою!

– Не слыхал ли ты, – спросил святой Леонтий игемона. – слова Писания: «Ибо все боги народов – идолы» (Пс. 95:5), «Подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них» (Пс. 134:18); кто же из здравомыслящих людей захотел бы уподобиться немому камню или бездушному веществу, каковы в действительности и есть ваши боги, чтобы, принося им жертвы, погибнуть бесконечною смертью?

В сильном гневе мучитель повелел мученика, простертого на земле, бить нещадно четырем сильным слугам, а особому глашатаю при этом восклицать:

– Уничижающие наших богов и не повинующиеся повелениям царей погибнут подобною смертью.

Били святого мученика до тех пор, пока бьющие не изнемогли. Святой же Леонтий говорил мучителю:

– Если и всё тело мое обратишь в одну рану, всё-таки не победишь ума моего, не будешь господином моей души.

Тогда игемон велел повесить святого на мучилищном дереве и строгать всё тело его, ребра и голени острыми железными орудиями. Долго строгали святого мученика; в тяжких страданиях он возвел очи свои к небу и обратился к Богу с такою молитвой:

– Боже мой, Ты моя надежда, спаси меня!

Тогда мучитель сказал палачам:

– Снимите его с дерева; я знаю, что он затем поднимает глаза к небу, чтобы умолить богов наших дать ему облегчение.

Услыхав это, святой Леонтий громко и гневно воскликнул к игемону:

– Погибни ты с богами твоими, опасный и скверный мучитель! Я молюсь моему Богу, чтобы Он даровал мне мужество и силы для перенесения налагаемых тобою тяжких мучений.

Мучитель повелел снова повесить его, но уже вниз головою, привязав к шее тяжелый камень. Долгое время находился в таком положении святой Леонтий, так молившийся вслух:

– Господи, Иисусе Христе, укрепивший рабов Твоих, Ипатия и Феодула, при исповедании Твоего пресвятого имени, утверди

и меня, смиренного и грешного раба Твоего, дабы я возмог перенести настоящие мучения. Не оставь меня, моя Надежда!

– Я знаю, Леонтий, что ты сделаешься другом наших богов, – сказал игемон.

– Я раб вышнего Бога, – возразил мученик, – а ты раб твоих богов, с которыми ты и воины твои погибнете.

Весь день терпел святой Леонтий такие мучения; когда приблизился вечер и солнце уже начало склоняться к западу, игемон приказал снять святого Леонтия с мучилищного дерева и бросить его в темницу до утра. Всю ночь воспевал святой Леонтий в заключении: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?» (Псал. 26:1).

Ему явился Ангел Господень и сказал:

– Мужайся, Леонтий! Господь Бог, Которому ты верно служишь, послал меня к тебе, чтобы я пребывал неотступно с тобою.

И радовался святой и веселился о Господе, Боге своем. Воссияло солнце, и снова Адриан, севши на судилище, потребовал к себе святого Леонтия.

– Как Леонтий, что надумал? – спросил он.

– Я пришел, – отвечал святой, – к одному заключению, – не обращать внимание на твои пустые речи; много раз я говорил раньше и теперь снова повторю, что никогда не оставлю Бога моего, Творца неба, земли, моря и всего, что их наполняет, Господа Иисуса Христа, Сына Божия, претерпевшего для нашего спасения крестные мучения; в Нем одном я полагаю свою надежду.

– Послушай меня, Леонтий! – увещевал игемон, – принеси жертву богам; клянусь тебе моими богами, что в таком случае ты получишь от царя и великую честь и многие богатства.

– Какая честь и какие богатства поднебесной могут заставить меня, – спросил святой Леонтий, – послушать тебя и отречься от Бога моего? Весь мир недостоин Христа Владыки, Которого я люблю всем моим сердцем, из любви к Которому страдаю и готов претерпеть всё; твоим же богам не принесу жертвы.

Окончательно убедившись, что невозможно победить непобедимого воина Христова, т. е. склонить его к языческому нечестию, игемон издал следующий смертный приговор святому Леонтию:

– Леонтия, не только не хотевшего подчиниться велению царя и принести богам жертвы, но и хулившего отеческих богов, повелеваем, растянув на мучилищном древе в четыре стороны бить до тех пор, пока от мучений не извергнет душу свою.

Святого Леонтия распростерли, привязав к четырем колам, вбитым в землю, затем четыре сильных воина долго и жестоко били его, пока в мучениях он не предал святую душу свою в руки Божии; тело же его, брошенное вне города, взяли верные и предали честному погребению близ пристани Трипольской.

Это страдание святого мученика Леонтия описал раб Христов «Кир нотарий», видевший мучение своими глазами; обо всем написал он на оловянных дощечках, которые и положил при мощах мученика в его гробе для последующих христианских поколений, дабы всякий, читающий или слушающий, воздел к небу руки свои и воздал славу Богу, укрепившему на такой подвиг раба Своего. Совершил страдание свое святой Леонтий 18 июня в царствование в Риме Веспасиана, а в Церкви – Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[4040].

Кондак, глас 3:

Мучителей посрамил еси лукавая коварства, и эллинов обличил еси безбожное служение, возсиял еси богоразуме всем человеком, ученьми благочестия Богомудре мучениче. Сего ради твою память почитаем любовию, премудре Леонтие.

Память святого Апостола Иуды, брата Господня по плоти

Память 19 июня

Святой Апостол Иуда принадлежит к числу 12 учеников Господа. Он происходил из племени Давида и Соломона. Святой Иуда родился в галилейском городе Назарете от праведного Иосифа, которому потом была обручена Пречистая Дева Мария. С точностью неизвестно, кто была мать Иуды. По мнению некоторых, это была Саломия[4041], – дочь Аггея, сына Варахиина, брата святого Захарии, отца святого пророка и предтечи Господня Иоанна. Сей Иуда был братом святого Апостола Иакова Праведного, предстоятеля иерусалимской церкви[4042]. Святой Апостол Иуда называется обыкновенно Иудою Иаковлевым, то есть братом Апостола Иакова[4043]. Это наименование он принял по смирению своему, ибо считал себя недостойным называться братом Господним по плоти, тем более, что согрешил пред Господом, во-первых, своим маловерием, а во-вторых, небратолюбием. Что Иуда согрешил маловерием, об этом свидетельствует святой Иоанн Богослов, говоря: «Ибо и братья Его не веровали в Него» (Иоан. 7:5).

Объясняя это место Евангелия, святой Феофилакт[4044] разумеет здесь под братьями Христовыми детей Иосифа. Именно, он говорит:

– Поношение доставляли Ему – т. е. Христу – и братья, дети Иосифа (среди которых был и сей Иуда); откуда же у них такое неверие к Нему? – От своей собственной дурной воли и от зависти, ибо родственникам свойственно завидовать своим более, чем посторонним.

Итак, отсюда ясно, что Иуда согрешил пред Господом своим маловерием.

Но Иуда, кроме того, оказал Христу и небратолюбие, как о том пишется в житии Иакова, брата Божия. Когда Иосиф, по возвращении из Египта, стал делить землю свою между своими детьми, рожденными от первой жены, то он пожелал уделить часть и Господу Иисусу, рожденному преестественно и нетленно

от Пречистой Девы Марии, – тогда бывшему еще малым отроком. Но три сына Иосифовы не захотели принять Христа к себе в долю, как рожденного от другой матери; только четвертый сын – святой Иаков принял Его в совместное владение частью своею и оттого назван потом братом Божиим. Сознавая эти свои прежние грехи – маловерие и небратолюбие – Иуда и не осмеливался именовать себя братом Божиим, но только называл себя братом Иакова, как он и пишет в своем послании: «Иуда, раб Иисуса Христа, брат Иакова» (Иуд.1:1–25).

Кроме названия Иуда Иаковлев, Апостол Иуда имеет еще и другие названия. Евангелист Матфей называет его Леввеем и Фаддеем. Название эти даны Апостолу Иуде не без причины, а именно: слово «Леввей» значит: «сердечен». По отношению к Апостолу Иуде, это название будет означать, что он – Иуда, после соделанных им по неведению, прегрешений против Христа Бога, когда уверился в том, что Иисус есть истинный Мессия – Христос Бог, то соединился с Ним всем сердцем своим.

Апостол Иуда называется еще Фаддеем, что значит: «хвалящий», ибо он прославлял и исповедал Христа Бога и возвестил Евангелие многим народам.

О жизни и деятельности святого Апостола Иуды нам известно очень немногое. Известно лишь, что в конце царствования Домициана[4045] два внука Иуды, занимавшиеся обработкою земли собственными руками, были приведены, по наветам еретиков, к сему императору, как потомки Давида и родственники Господа; но когда император убедился, что никакой политической опасности они для него не представляют, они были отпущены на свободу.

Апостол Иуда, подобно другим «братьям Господа» по плоти, понес многие благовестнические труды, распространяя Евангелие Христово. Вскоре же после вознесения Господа Иисуса Христа на небо, Апостол Иуда, как и все вообще Апостолы Христовы, отправился на проповедь Евангелия. По свидетельству церковного историка Никифора[4046], «Божественный Иуда, не Искариотский, а иной, которому было

двоякое наименование Фаддей и Леввей, сын Иосифа, брат же Иакова, сброшенного с крыши храма иерусалимского, проповедовал Евангелие и распространял христианство сначала в Иудее, Галилее, Самарии, Идумее, потом в Аравии, Сирии и Месопотамии, наконец, пришел в город Едессу, принадлежавший царю Авгарю[4047], где еще раньше его проповедовал Евангелие другой Фаддей, один из семидесяти Апостолов. Здесь Апостол Иуда докончил и исправил то, что не было окончено тем Фаддеем»[4048].

Есть известие, что святой Апостол Иуда проповедовал христианство и в Персии, откуда и написал на греческом языке свое соборное послание. Побуждением или поводом к написанию сего послания послужило то обстоятельство, что в общество верующих вкрались нечестивые люди, которые обращали благодать Божию в случаи к беззаконию и под видом свободы христианской дозволяли себе всякие мерзкие дела. Это краткое послание заключает в себе много глубоких мыслей и назидательного учения. В нем содержится частью учение догматическое: о таинстве Святой Троицы, о воплощении Иисуса Христа, о различии Ангелов добрых и злых и о будущем Страшном Суде; частью же учение нравственное: увещание избегать нечистоты греховной – плотской, хулы, гордости, непослушания, зависти, ненависти, коварства и лукавства; Апостол советует всякому быть постоянным в должности своей, в вере, в молитве, в любви, – советует заботиться об обращении заблудших, сохранять себя от еретиков, душевредные нравы которых он изобразил ясно и объявил, что еретики те погибнут, подобно жителям Содома (Иуд.1:7).

Кроме того в своем послании святой Апостол Иуда говорит, что недостаточно для спасения быть только обращенным из язычества в христианство, но должно при вере делать добрые дела, приличные христианству и достойные спасения, и приводит в пример наказанных Богом Ангелов и людей. Ангелов Бог связал вечными узами во мраке и хранит их на Страшный Суд Свой за то, что они не сохранили своего достоинства (Иуд. 1:6). Людей же, изведенных из Египта, Бог погубил в пустыне за то, что они впали в разврат, живя не по закону Божию (Иуд. 1:5).

Так, Апостол Иуда краткими словами раскрывает нам в послании своем истины великие.

Много различных стран посетил святой Апостол Иуда, проповедуя Евангелие, обращая к Христовой вере народы и наставляя их на путь спасения. В таких трудах достиг он стран Араратских и здесь, отвратив множество людей от идолопоклонства, сделал их христианами. Этим Апостол сильно вооружил против себя жрецов идольских: они схватили его и, после различных мучений, повесили на кресте и пронзили стрелами. Так окончил подвиг и жизнь свою святой Апостол Иуда и отошел ко Христу Богу, дабы принять от Него венец вечного воздаяния на небе[4049].

Тропарь, глас 1:

Христова тя сродника, о Иудо, ведуще, и мученика тверда, священно восхваляем, прелесть поправша, и веру соблюдша: темже днесь всесвятую твою память празднующе, грехов разрешение молитвами твоими приемлем.

Кондак, глас 2:

Павлу явлься собеседник Апостоле, и сим нам проповедь возвестил еси Божественныя благодати, тайноглагольниче Иудо блаженне, сего ради вопием ти: не престай моляся о всех нас.

Ин кондак, глас 2:

Твердым умом избран ученик ты явился еси, и столп необоримь церкве Христовы: языком проповедал еси слово Христово, веровати, глаголя, во едино Божество: от Негоже прославився, приял еси дар исцелений, целити недуги притекающым к тебе, Апостоле Иудо всехвальне.

Житие преподобного отца нашего Паисия Великого

Память 19 июня

Суетная прелесть мира сего, – тленная и преходящая, – привлекает к себе людей, жаждущих ее, и заставляет их, ради ничтожной радости земной, погрешать в своих намерениях и чувствах и прилепляться умом к дольним страстям, и притом настолько, что эти миролюбцы иногда начинают не только презирать обещанную им небесную жизнь, но и – увы! – отвращаются от Самого Творца истинной жизни и более стремятся к временным и земным благам, нежели к будущим, добровольно подготовляя тем для себя лютую и бесконечную смерть; подобно сему и вечное на небесах сокровище, – в людях, уповающих достигнуть его, возбуждает безмерное к себе стремление и насыщает сердца их какою-то Божественною и несказанною сладостью: обетованное нам небесное Царство заставляет таковых людей воспоминать о вечном блаженстве, о воздаянии за труды и светлом торжестве подвижников; мысль об этом настолько побуждает их стремиться к достижению сего Царства, что они не только начинают презирать всё временное и суетное, но даже не щадят и жизни своей, желая, ради Христа, по слову евангельскому (Мф.10:39), положить за Него душу свою, и смерть за Него предпочитают всем земным радостям и удовольствиям. В тех случаях, когда за прекращением гонений, подвижники благочестия не обретали себе мученической смерти, они жаждали претерпеть ее иным образом: они принимают на себя продолжительный, но для них необходимый, подвиг умерщвления своей плоти, и при этом конечно переносят постоянные болезни: ежедневно постясь и умерщвляя себя многоразличными подвигами, они борятся с невидимыми бесами, и еще будучи во плоти, – непрестанно понуждают себя противиться этим бесплотным врагам.

Среди таких славных и богоугодных людей был некий муж, о котором я[4050] и хочу теперь рассказать, поведав об его рождении, юношестве и чудном житии: имя тому мужу было

Паисий. И всякий пусть поверит мне, слыша о нем нечто преславное и вышеестественное, и пусть никто не думает, что я, чести ради, что-либо прибавляю в повествовании об этом святом отце: он на много выше всякой человеческой славы и, будучи восхваляем в вышних селениях святыми Ангелами, не требует хвалы от нас, дольних и грешных. Но я расскажу о нем ради пользы слушающих и желающих возревновать по его добродетелям. И расскажу то, что видел и слышал своими глазами и ушами.

Итак, начну рассказ о достохвальной и поучительной жизни преподобного с самого младенчества его.

Сей славный и блаженный муж родился и жил в Египте, где некогда родился и великий во пророках боговидец Моисей, который, как об этом повествует нам Священное Писание, весьма превознесся своею близостью к Богу и своими великими чудесами. Но не менее прославился Египет и вторично, – жизнью преподобного Паисия, который в нем родился и обогатил его честным своим именем и многоразличными добродетелями.

Родители блаженного Паисия были людьми истинно верующими и боящимися Господа. Они непорочно проводили свою жизнь в исполнении заповедей Божиих и старались всевозможными благими делами угождать одному только Господу.

Они имели семь человек детей и всех их воспитывали в добром послушании, стараясь, чтобы они во всем подражали им, – родителям своим.

Родители преподобного имели во всем достаток и раздавали милостыню всем нуждавшимся. Их руки всегда были простерты к воздаянию, и то, что они отдавали нищим, – это воздавалось им с избытком от Божественных даров.

Но так как никто из людей не может быть непричастным смерти, то и родитель преподобного преставился от жития сего, оставив честной жене своей попечение о детях; из них самым меньшим по летам был отрок Паисий, и из-за него особенно много печали пришлось перенести матери.

Однажды ночью, когда мать отрока уже спала, было ей такое видение: явился Ангел Господень и сказал:

– Бог, Отец сиротствующих, послал меня к тебе спросить, зачем ты так печалишься о детях своих, и постоянно находишься в столь великой заботе о них? Разве ты одна об них печешься, а Бог и не думает об них? Итак, отныне оставь свою печаль и посвяти Богу вышнему одного из сыновей твоих, – через него прославится пресвятое и приснославимое имя Господне.

Мать преподобного на это ответила Ангелу:

– Все сыновья мои принадлежат Господу, и если который из них угоден Ему, пусть Он возьмет его к Себе.

Тогда Ангел, взяв Паисия за руку, сказал:

– Сей угоден Богу.

– Возьми лучше кого-либо из старших, – проговорила тогда старица.

Но Ангел на это ответил ей:

– О добрая женщина! разве ты не знаешь, что сила Божия обыкновенно проявляется в немощных? Итак, сей юнейший избран Богом, и он угодит Ему.

Сказав это, Ангел скрылся.

Мать преподобного, пробудившись от сна, удивилась такому Божественному видению и так возблагодарила Господа:

– Да будет, Владыка, милость Твоя на нас и на рабе Твоем, Паисии!

Потом, после довольно продолжительной молитвы, она повела сына своего в церковь, для поставления его в клирики. Блаженный же отрок Паисий, сподобившись поступления в клир, стал уподобляться мужам добродетельным и, возрастая летами и разумом, вместе с тем возрастал и благодатью Божиею: день ото дня сердце его воспламенялось все большею и большею любовью к Богу, и сам он горел нетерпением, – как бы поскорей достигнуть иноческого пострижения; и вот, – когда наступило это время, и он мог удостоиться посвящения и в иноческом чине начать уже более совершенную жизнь, – он, как агнец непорочный, вразумленный благодатью Божиею, отправился в скитскую пустыню и там, для наставления

духовного, пожелал поселиться у пастыря словесных овец – блаженного Памвы[4051]; сей отец с любовью и радостью принял его и облёк его во святой иноческий образ. Блаженный Памва одарен был даром предведения: по откровению свыше он знал всё, что должно было случиться с Паисием и потому смотрел на него как на избранный сосуд Божией благодати, которая наставляла его на всякое благое дело.

Прежде всего блаженный Паисий ревностно проходил послушание, беспрекословно повинуясь отцу своему и во всем исполняя его волю, и при этом всё время вёл самый суровый образ жизни и как по степеням восходил в сердце своем все к большему совершенству в добродетелях. Преподобный же отец наш Памва, видя, что он предал себя всецело посту, и желая поощрить его на еще больший подвиг, однажды сказал ему:

– Чадо Паисий, новоначальному иноку нужно с осторожностью хранить все чувства от преткновения и соблазнов, а особенно нужно соблюдать глаза от всякого любопытного взгляда; не нужно смотреть никому в лицо, но постоянно устремлять свои очи долу, а умом взирать на высоту и внутренними очами созерцать неизреченную благость Божию, славя и воспевая всесильного Господа.

И вот блаженный Паисий, наставляемый подобными поучительными беседами, возгоревшись еще большею любовью к Богу, решил всё сказанное ему исполнить в точности, – и действительно, – в продолжение целых трех лет он со тщанием соблюдал заповедь – не смотреть на чужие лица, и с прилежанием предался чтению Божественных книг, непрестанно внимая слову Божию и наставлениями его, всегда как водами, напояя душу свою; и был он, по слову Давида, как некий сад, насажденный при источнике вод, возрастая, процветая и принося во время свое сладкий плод, ибо вожделенно ему было сие псаломское вещание к Богу: «Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим» (Псал. 118:103), по апостольскому увещанию, непрестанно молясь, постом же и бдением удручая тело свое, он порабощал его духу и в глубине сердца своего, как некое сокровище, хранил все свои добродетели.

Преподобный же старец Памва, видя его преуспевающим, радовался такой добродетельной жизни его в Боге: отечески наблюдая за ним, он руководительно вёл его на дальнейшие подвиги; и благочестно наставляя на всякое благоугодное дело и познание, скоро соделал его искуснейшим из иноков.

Когда настало время отшествия святого Памвы к небесному наследию, к каковому он так жаждал перейти, сей преподобный отец, благословив блаженного Паисия и изрекши про него немало пророческих слов, перешел к вечной блаженной жизни, дабы воспринять там давно ожидаемые им неизреченные блага.

– Я же, смиренный Иоанн (говорит писатель сего жития), остался с Священным Паисием: во всем подобные друг другу, мы проводили и жизнь вместе; живя вдали от всех и исполняя один и тот же устав и в молитвах и в жизни, как мы его приняли от нашего отца, мы поддерживали друг друга, заботясь только о спасении душ наших. Но спустя немного времени, блаженный Паисий возжелал более высокого подвига и жития, и потому нам надлежало разойтись.

Воспламеняясь духом всё к более суровому постничеству, он не прикасался к пище в продолжение целой недели, а в субботу и в день воскресный вкушал только хлеб с солью и воду, в прочие же дни вместо хлеба чувственного питался хлебом духовным; он часто читал пророческую книгу боговещанного Иеремии, и много раз сей святой пророк, являясь ему, пояснял непонятные для него в пророчестве тайны, и сокровенными мыслями возбуждал его ум к достижению обещанных благ; но простираясь всё вперед, – всё к более суровому образу жизни, Паисий оставил первоначальный подвиг своего пощения и избрал новый: теперь он стал поститься в продолжение целых двух недель и только по прошествии их вкушал, как было сказано, немного хлеба с солью и воды, сколько это было нужно. И об этом его пощении и равноангельном житии никто не знал, только один Бог, ведущий все тайны человеческие, для Которого и всё еще неявленное открыто; к тому же он возжелал принять на себя и подвиг молчания, дабы наедине приносить моление единому Владыке

Христу, приблизиться к Нему еще более и просвещаться Его светом.

– Узнав об этом его желании, – продолжает Иоанн Колов, – я с тяжелою грустью понял, что нам должно разлучиться друг от друга. Но я, желая знать, от Бога ли это его намерение, или от обычного человеческого своеволия, сказал ему:

– Брат Паисий, вот я вижу, что ты хочешь принять на себя подвиг безмолвного жития; поверь мне искренно, что и я имею ту же мысль, но я сомневаюсь, будучи неуверен, – от Бога ли этот помысл или, нет; итак, помолимся к щедрому Богу, – пусть Сам Господь наш по воле Своей устроит нашу жизнь и пусть откроет Он нам, – вместе ли нам пребывать или разлучиться друг от друга.

Паисий на это ответил мне:

– Ты хорошо говоришь, возлюбленный; сотворим же то, что ты сказал.

Итак, встав на молитву, мы всю ночь с усердием молились Господу. И благосердый Господь, не желая презреть нашего моления, послал к нам с известием Ангела Своего святого, который, представ нам поутру, сказал:

– Господь разделяет вас в жизни вашей; итак, ты, Иоанн, пребывая здесь, будь наставником ко спасению других людей, ты же, раб Христов Паисий, перейди отсюда на западную сторону пустыни, ибо Господь сказал, что соберется к тебе великий сонм иночествующих и, по Его повелению, создан будет там монастырь и прославится через тебя имя Его.

Сказав это, Ангел отошел. Мы же (говорит Иоанн) с благодарением поклонились Господу и, по повелению Его, разошлись: я остался на прежнем месте, блаженный же Паисий отправился далее, в западную часть пустыни; там он иссек в горе пещеру и поселился в ней, и здесь всесовершенною чистотою и многоразличными подвигами, так приблизился к Богу, что Сам Христос являлся ему, поучал его и наставлял к добродетели, – как обо всем этом будет сказано на своем месте.

Однажды, когда Паисий сидел в пещере и воспевал Божественные песни, явился ему Спаситель и сказал:

– Мир тебе, Моему возлюбленному угоднику!

Он же, объятый страхом и трепетом, встал и сказал:

– Христе Человеколюбче, Спасе, я раб Твой, и за что Ты, Владыка, оказываешь мне столь великую милость, что теперь Сам изволил снизойти к моему недостоинству?

На это Господь ему ответил:

– Видишь ли пустыню эту, – как она велика и широка? Ради тебя я наполню ее постниками, которые будут прославлять имя Мое.

Тогда избранный угодник Божий Паисий, пав на землю, сказал:

– Владыка Господи! Твоей крепкой руке всё повинуется, и что Ты пожелаешь, то и совершается: – молю же Твою благость, – дай мне уразуметь, – откуда явится всё потребное и нужное для тех, кто в сей пустыне будет подвизаться?

Господь на это ответил:

– Поверь Мне, говорящему тебе истину, – что если Я увижу в них любовь, – матерь всем добродетелям, – и если они будут исполнять все заповеди Мои, то пусть они ни о чем не пекутся: Я Сам буду заботиться о них.

Тогда Паисий снова вопросил Господа:

– Еще раз вопрошу Твою благость: как они беспреткновенно перейдут вражьи сети, и избегнут лютых бесовских искушений?

На это Господь ответил:

– Если они заповеди Мои, как Я тебе сказал, будут соблюдать с кротостью, правдою и смиренным сердцем, то Я не только соделаю их выше всяких вражьих браней и лукавых коварств, но и дам в наследие Царство Небесное.

Сказав это, Спаситель со славою восшел на небеса.

Святой же Паисий, еще более проникшись в сердце своем страхом Божиим, непрестанно стал размышлять о снисхождении к нему с неба Спасителя.

Но отец зависти и человеконенавистник – враг диавол, видя, что Паисий, искусно минуя все коварные сети его, неуязвим пред его кознями и пребывает выше всех его наветов, еще более воспылал на него злобою; но будучи не в состоянии приблизиться к нему, в виду той Божественной силы, каковая

дана была ему от Бога, начал изобретать другие коварства, дабы уловить, наконец, в свои сети раба Христова. Думая пленить его золотою удицею любостяжания, диавол покусился при помощи милостыни уловить угодника Божия в сеть сребролюбия, чтобы – после того как он отпадет от нестяжания – удобнее было лютым духам злобы сделать на него нападение.

И вот льстивый враг рода человеческого отправился к некоему египетскому князю, – мужу богобоязненному и обладающему большим богатством; он явился ему в образе Ангела и сказал:

– Возлюбленный, востав иди в пустыню; ты там найдешь мужа по имени Паисия, – человека совершенно бедного, но весьма украшенного добродетелями и Божественной благодати избранного сосуда; встретив его, ты одари сего старца, не скупясь, золотом, дабы он имел чем пополнить недостаток и прочих пустынножителей.

Князь тот, не уразумев бесовского прельщения, но думая, что это действительно Ангел, взяв часть своего золота и серебра и много другого, что было необходимо для иноков, отправился к святому. Но Божественная сила, обитавшая в Паисии, открыла ему эти козни диавола, который хотел под видом княжеской милостыни пленить святого любостяжанием, – и Божественный муж Паисий, тотчас же востав, пошел навстречу князю.

Когда святой встретил его, князь спросил его о пустынножителе Паисии: – кто он и где живет? Паисий же со своей стороны спросил князя:

– Зачем ты ищешь Паисия? Какая тебе в нем надобность?

Князь ответил:

– Я пришел поделиться с ним золотом, серебром и всем необходимым в жизни, чтобы он раздал всё это инокам.

Тогда святой, отвечая князю, сказал:

– О христолюбец! Познай, что золото и серебро не нужны для желающих жить в сей пустыне, и никто из поселившихся здесь не пожелает взять что-либо из твоего имения; итак, не скорбя, возвратись домой, Бог же примет твое доброе произволение. А если ты хочешь принесенное тобою раздать

неимущим, то ведь по городам египетским много есть людей нуждающихся, убогих, нищих, сиротствуюших и вдовствующих, – заботься об них, – и ты великое приимешь от Бога воздаяние!

Князь, поверив словам святого, возвратился и поступил так, как он его научил: свое имение он раздал нищим, убогим и нуждающимся.

Когда же преподобный Паисий входил в свою пещеру, явился ему диавол и сказал:

– О Паисий! Что мне теперь делать с тобою, ведь ты расстраиваешь все мои хитрые замыслы? Пойду теперь с бранью лучше на других, к тебе же уже более не возвращусь, ибо я побежден тобою.

После этого блаженный муж заклял нечистого духа силою Христовою и отогнал его от себя, – и диавол со стыдом удалился, не смея уже более так нагло приступать к святому.

Вскоре преподобный отправился во внутреннюю часть пустыни, но, пребывая там телом, духом своим он вместе с небесными силами предстоял Владыке всех; здесь, уподобляясь бесплотным, он предался еще более строгой жизни и за то сподобился стать еще на земле созерцателем небесных таин, ибо Дух Святой, пребывающий в нем, благоволил явить ему нескончаемое на небесах торжество праведных.

Однажды, став на молитву, Паисий почувствовал, что он как будто, возлетев на крыльях, находится уже на небе: прежде всего он увидел прекрасные райские селения, преисполненные неизреченного света и веселия, увидел также и церковь первенствующих и вечно торжествующих и, сподобившись здесь причаститься невещественной пищи Божественных Тайн, – он воспринял дар крайнего воздержания и постничества. Причащаясь на седмице однажды, – именно в недельный день воскресения Господня, он до другого недельного дня оставался совершенно без пищи: так силою благодати Божией обогатилось от Зиждителя естество его.

– Мне же (говорит писатель его жития) пусть всякий поверит из верующих Божию слову, ибо слово Божие я имею верным свидетелем. Не то ли и оно говорит, что всё повинуется

Божиему велению? а так как оно истинно, то пусть и передаваемое мною всякий считает за истину. – По причащении Божественных таинств Тела и Крови Христовых преподобный Паисий иногда оставался без телесной пищи семьдесят дней; и в этом нет ничего удивительного, ибо Божественная благодать имеет неизреченную силу, и потому могла поддерживать в нем (Паисии) жизнь лучше, нежели подкрепление тленною пищею. Ибо по плотскому естеству живущих, тело, дабы не изнемочь, требует для укрепления своего питания, а те, которые, наподобие бесплотных, преуспели в вышеестественной жизни, – тем зиждительная сила в изобилии подает сию благодать, которой естество человеческое и повинуется, и живет уже не столько телесною пищею, сколько духовною. Всесильный Создатель, Бог наш знает, как в продолжение трехсот лет и даже больше сохранить жизнь на земле семи спящим отрокам и ведь сохраняет же Он в небесных селениях жизнь Илии до последнего дня. – Но об этом довольно, – будем говорить о блаженном Паисии».

К сему преподобному отцу стекалось множество не только иноков, но и мирян, желавших жить при нем; поселившись вокруг него, как рой пчелиный, все они сильно жаждали насытиться сладостью его духовного мёда. Он же, от присносущного Божественного источника почерпая благодать, сладчайшую более всякого чувственного мёда и сота, источал им сие духовное питие, исполненное неизглаголанной сладости, – так что ежедневно сильно увеличивалось число братий, собиравшихся и умножавшихся около него; все они, отвергши житейские прелести мира сего, евангельски подъяли на рамо ярем Христов. Из числа этих братий – одних преподобный отец отделял на подвиг молчания, дабы они наедине беседовали с Богом в теплой молитве; иным же повелевал служить Господу вместе с другими и единодушно с братиями пребывать в послушаниях и нести на себе общий труд; а третьих оставлял для изучения рукоделия, чтобы они не только сами питались от трудов рук своих, но и питали бы голодных, нищих и с любовью упокоевали бы прочих неимущих братий и странников. Главным же заветом его было следующее: да никто не делает что-либо

по своей воле, но всё по повелению и рассмотрению опытных отцов. Таков был завет преподобного для собиравшихся к нему братий и таково было учение его; что же касается безмолвной жизни самого преподобного отца, то об этом передать подробно невозможно, но из многого да будет сказано хотя нечто малое.

По прошествии некоторого времени, преподобный, видя, что его безмолвная жизнь постоянно нарушается приходящими к нему братиями, стал тяготиться этим, ибо сам он желал строго соблюдать подвиг безмолвия; поэтому он решил оставить ту пещеру, где прежде жил, а вместе с этим – и попечение о братии своей. И вот, тайно от всех, он ушел оттуда и отправился в более отдаленные места пустыни; здесь в одном месте он нашел пещеру, поселился в ней и три года пребывал там. И за это время сильно выросли волосы на голове его и были так длинны, что, привязывая их с некоторым искусством к колу, который был водружен на верху пещеры, он мог, не засыпая ни на минуту, совершать все свои всенощные моления; таким образом как ночью, так и днем, он не давал себе покоя, всецело предаваясь труду, и только в нем имел покой, ради любви Божией, которою всегда был объят. Потому и Господь возлюбил его, и преподобный не раз удостаивался Божественного явления и лицезрения Христова, как и Сам Спаситель наш во святом Евангелии сказал: «кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Иоан. 14:21).

Однажды, когда преподобный Паисий воспламенен был особенно горячею любовью к Богу, и весь ум его богомысленною молитвою был углублен в Господе, – как и прежде, явился ему Спаситель Христос; Паисий же, будучи не в состоянии зреть пресветлой славы пресвятого лица Спасителя, пал на землю объятый страхом и трепетом. Но Человеколюбивый Владыка простер ему руку Свою и (о, неизреченной любви Твоей, Христе Царю, к угодникам Своим!), подняв Паисия от земли, сказал ему:

– Мир тебе, угодник Мой; не устрашайся, и да не трепещет сердце твое; ибо о твоих делах весьма услаждается благостыня Моя, и Мне очень благоугоден подвиг твой; веселись же и

приими достойное за это воздаяние: вот Я даю тебе такой дар: – всё, чего ты ни попросишь у Отца Моего во имя Мое, – дастся тебе.

Святой же Паисий, видя столь великую благость Господню, восприняв некое дерзновение, сказал:

– Человеколюбче Христе Боже! Если по неисповедимой благостыни Твоей Ты сподобляешь меня недостойного и окаянного такой Твоей благодати, то молю Тебя смиренно, Сам наставь и научи меня, о ком и о каких нуждах мне нужно просить, ибо я вижу все мои согрешения пред Тобою и о недостатках моих всегда молю Твое милосердие: прости и покрой благоутробием Своим множество грехов моих, и сподоби меня остальное время моей жизни провести безгрешно, дабы безбоязненно взойдя на стезю спасения, при Твоей помощи и руководстве, мне беспреткновенно достигнуть блаженной жизни; ибо кто может без Твоей помощи и наставления совершить что-либо доброе и получить от Тебя милость? И какие наши добрые дела, какой труд и подвиг достойны столь превеликой милости Твоей, – если бы даже мы и смерть за Тебя приняли, как и подобает нам полагать души свои за Тебя, Создателя и Искупителя нашего, премилосердно возлюбившего нас грешных? Ибо если Ты – Бог бессмертный, за нас, смертных людей, проливая Свою пресвятую кровь, претерпел крест, смерть и гроб, дабы воскресением Своим подать и нам воскресение, то какую смерть должно претерпеть нам ради Тебя, Спасителя нашего?

В то время, как святой Паисий с великим сердечным умилением говорил так ко Спасу, Господь благословил его и, отступив от него, восшел на небеса со славою. Паисий же поклонился Владыке своему, хваля и благодаря за Его милостивное к нему снисхождение.

Последующее же наше слово (продолжает писатель сего жития) имеет целью показать великую ревность сего преподобного о святой вере; ревность эта однажды проявила себя таким образом.

В одном из селений египетских проживал некий старец; – по своему житию это был человек весьма добродетельный, но в

святом Писании он был совсем несведущ, – и вот, по неведению, он впал в такую ересь: про Святую Троицу он говорил не как про троицу, но как про двоицу, т. е. – он исповедовал Отца и Сына, про Духа же Святого он умалчивал, говоря, что Он не есть Бог. И веруя так ложно сам, он и других научал этому своему зловерию; многие из простого народа следовали его хульному мудрованию и учению, видя его добродетельное житие по Боге. Уготовляющий же для всех спасение Христос Бог, не желая, чтобы труды старца и его постнические подвиги были тщетны, возвестил о нем блаженному Паисию и указал ему то селение и место, где жил сей святой старец. Паисий тотчас же с поспешностью стал собираться в путь: он сделал собственноручно множество корзин и при этом приделал к каждой из них по три ушка, и пошел с ними к тому старцу, выдавая себя за странника и продавца рукоделия своего; многие же из находившихся при старце иноков, державшихся ложного его учение и неправой веры, увидев странника и его корзины и не зная, что это Паисий, стали спрашивать, кто он и откуда? Он же на это говорил, что он пришел из пустыни, продавать рукоделие свое. Спрашивали его и о корзинах, почему они сделаны с тремя ушками? И святой Паисий всегда на это отвечал им:

– Так как я раб Пресвятой Троицы и пламенно проникнут любовью к Ней, то поэтому и корзины свои я устроил во образ Святой Троицы с тремя ушками, дабы мне не только веровать сердцем и устами исповедовать, но и рукоделием моим, прообразующим тройственность Божественных Лиц, прославлять Святую Троицу, – Отца и Сына и Святого Духа; ибо одно ушко соделано во образ Бога Отца, другое – во образ Бога Сына, третье – во образ Бога Духа Святого; и подобно тому как каждая корзина имеет три ушка, но сама по себе – едина, так и во Святой Троице три Лица, но един Бог.

В то время, как святой Паисий в кратких словах излагал сию тайну о Святой Троице, мужи те, вместе со своим постником – учителем, устыдились и, приготовившись послушать его, сказали:

– О дивный, скажи нам об истинной вере еще, пояснее, – и поучи нас еще своими беседами – ты уже и сказанным весьма удивил нас.

И Божественный Паисий, исполнившись Духа Святого, как опытный наставник, начал благорассудно и Богомудренно изобличать еретическое заблуждение и его душепагубный вред, и ревностно стал поучать их святой, православной и душеспасительной вере и наставлять на путь истинный. И долго преподобный Паисий беседовал с ними от Божественного Писания и богодухновенных книг, учил их веровать во святую Троицу и благочестно исповедовать сию истину и обратил старца того и всех, кто был с ним, к покаянию о прежнем их заблуждении; и так просветив их, пошел обратно в свою пустыню, воспевая благодарственные к Господу моления. Когда же он приближался к пустыне, внезапно пред глазами его воссиял великий свет и, посмотрев вокруг, он увидел всю пустыню ту наполненною Ангельскими полчищами; удивившись, он недоумевал, что бы это было, и просил у Господа открыть ему, что означало всё виденное им. И тотчас же Ангел святой, сопутствовавший ему, сказал:

– Всё это тебе Бог показал, дабы ты знал, что и при тебе и без тебя, Ангелы, по повелению Его, хранят иноков, в пустыне сей обитающих, как обещал тебе Сам Владыка.

И Паисий, воздав за сие Богу, Промыслителю всех, благодарение, пошел далее, в свою келью.

Последующее же повествование будет предложено о пророческом даровании святого Паисия, именно, какою прозорливостью был исполнен сей угодник Божий.

Слава о Божественном и святом Паисии распространялась повсюду, и многие добродетельные люди призывали его, дабы познакомиться с ним и побеседовать; так и блаженный Пимен, будучи еще в то время совсем юным, возгорелся желанием видеть святого Паисия. Он отправился к преподобному Павлу и стал умолять его, чтобы он пошел с ним к великому Паисию: Павел обыкновенно часто посещал святого Паисия. Но на эту просьбу он сказал Пимену:

– Ты еще очень молод, и я стыжусь вести тебя к сему святому мужу; ибо он – великий угодник Божий и любит безмолвие, и запросто мы не приходим к нему, но с рассудительностью и то не всегда, а только в удобное время, – ради пользы душевной.

Пимен же на это ответил ему:

– Но я, отче, придя к нему с тобою, встану вне келлии, а ты один войдешь к святому, – для меня будет великим утешением и то, если я услышу только его голос, беседующий с тобою; но если я даже и не сподоблюсь слышать его голоса, то всё же, хоть коснусь келлии его, а когда ты будешь выходить от него, прикоснусь еще и к твоим честным ногам, вступавшим вовнутрь келлии, и возьму персть земли, по которой ступали святые ноги угодника, – и это для меня будет великою радостью.

Блаженный Павел, увидев, что Пимен говорит всё это с великим смирением и благою верою, взял его с собою и пошел к великому Паисию; дойдя до келлии святого, Павел один вошел туда, а Пимен остался вне ее.

Приняв Павла с любовью, как отец, святой Паисий спросил его и о юном Пимене, которого хотя и не видал еще телесными очами, но духовными еще издалека узрел его, – и сказал Павлу:

– Где твой спутник – юноша?

Павел отвечал:

– Он, отче, остался вне келлии, ибо боится и стыдится войти к тебе!

Тогда святой, повелев Пимену войти, сказал:

– Не хорошо возбранять посещение к нам тех, для которых Спаситель сотворил удобным восхождение и на небеса; да и мужам Он сказал в святом Евангелии: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18:3).

Сказав это, святой Паисий взял юношу и, обратив лицом к себе, благословил его, а Павлу сказал:

– Поверь мне, любезный Павел, что отрок сей спасет души многих людей и многие, благодаря ему, сподобятся райского селения, ибо с ним рука Господня, охраняющая и к Божественному пути его наставляющая.

Сказав это, святой Паисий, возложив руки свои на главу Пимена, снова благословил его, и после довольно продолжительной беседы о душевном спасении, отпустил их с миром; сам же, безмолвствуя, продолжал подвизаться в обычных своих постнических подвигах.

Однако время поведать и о преславных чудесах преподобного Паисия.

В странах сирийских проживал один великий постник, – человек, украшенный весьма многими добродетелями; однажды, когда сей инок стоял на молитве, он невольно спросил сам себя: – кому из угодивших Богу он подобен? Лишь только он об этом подумал, как послышался свыше небесный голос:

– Иди во страну египетскую, и ты там найдешь мужа, по имени Паисия, который имеет такое же смиренномудрие и любовь к Богу, как и ты.

Услышав это, честный старец тотчас же с поспешностью стал собираться в путь, и, не обращая внимание ни на дальнюю дорогу, ни на тяжкий труд, немедленно же пошел из Сирии в Египет; дойдя до Нитрийской горы[4052], он спросил о Паисии, – где он находится? И так как имя Паисия всюду уже было известно, то ему тотчас же указали место его жительства; да и Паисию пришествие старца было не безизвестно, но по благодати Божией – открыто; и вот, востав, он отправился навстречу к старцу. Встретившись в пустыне, они любезно друг друга обняли и облобызались святым о Господе лобзанием; потом, придя в келью Паисия и сотворив молитву, они сели и стали беседовать.

Слово к святому Паисию первым начал старец; он говорил через переводчика языком сирским, ибо не умел говорить по-египетски. Паисий же будучи египтянином, немало скорбел о том, что не знает сирского языка, так как он не хотел пропустить ни одного полезного слова старца. И вот, возвед очи свои на небо и устремив ум к Богу, он воздохнул из глубины сердца и сказал:

– Сыне, Слове Божий, дай мне, рабу Твоему, уразуметь силу слов сего святого старца!

И лишь только он сказал это, – О сколь близка всегда к нам помощь Божия! – тотчас же стал понимать сирскую беседу старца и, просвещаемый Божественным Духом, начал говорить с ним по-сирски же, и наслаждались они оба богодухновенными беседами без толкователя, говоря друг другу о своих подвижнических трудах, кои им были завещаны от Бога, и – каких кто из них сподобился Божиих дарований.

Так они пребывали вместе шесть дней, насыщаясь духовною сладостью и веселясь о Боге, Спасе своем. По окончании же душеспасительных бесед их, когда старец уже хотел уходить к себе домой, святой Паисий призвал всех учеников своих, бывших тогда с ним, и сказал им:

– О чада возлюбленные, сей преподобный муж, будучи совершенным в добродетелях, – преисполнен благодати Духа Святого; и так, приидите все, дабы сподобиться его благословения, и приимите молитвы его в защиту вам от всех наветов вражиих.

После того как Паисий сказал это, все ученики его стали воздавать старцу – сириянину подобающее ему поклонение и принимать от него благословение. Потом, помолившись Господу о учениках Паисия и воздав ему любезное о Христе целование, а также простившись и со всею братиею, сей старец, сопровождаемый Паисием и учениками его, отправился в свою страну.

Спустя немного времени после отшествия старца, к святому Паисию пришел некий, отдельно живущий от других, брат; ученики святого сказали ему:

– О возлюбленный! Был здесь у нас, из земли сирийской, один человек Божий, великий среди отцов старец; он просвещен и умом и сердцем и весьма укрепил нас своими душеспасительными беседами; он только что ушел к себе домой, и если хочешь видеть его, то можешь: ибо он не успел еще далеко уйти и теперь находится где-нибудь близ нас; – и так, постарайся настигнуть его, дабы сподобиться от него благословения.

И брат тот решил тотчас же идти во след старца. Но святой Паисий сказал ему:

– Не ходи: преподобный старец прошел уже более восьмидесяти поприщ пути, ибо его несут облака.

После того как святой сказал это, все удивились и прославили Господа, дивного во святых Своих.

К преподобному Паисию пришел однажды один брат, желавший его видеть, и застал его спящим, у главы же его он увидел стоящим Ангела-Хранителя, на вид – весьма прекрасного, и, удивившись, сказал: поистине хранит Бог любящих Его! Брат не дерзнул приступить к спящему отцу, так как боялся присутствия Ангела и, возблагодарив Бога, ушел, получив великую пользу от того, что сподобился у преподобного видеть Ангела Божия.

Один из учеников святого Паисия, повинуясь его приказанию, отправился в Египет, чтобы продать свое рукоделие; на пути он случайно встретил некоего еврея, шедшего тоже в Египет и пошел с ним вместе. Дорогою еврей, увидев простоту его, начал изливать скверным своим языком яд, который имел в сердце своем от душетленного змея, и сказал между прочим иноку:

– О возлюбленный! Почему вы так верите в простого, распятого Человека, когда Он вовсе и не был ожидаемым Мессией? Другой должен прийти, но не Он.

После того как еврей наговорил ему много и других лукавых и душевредных слов, инок, по своей умственной слабости и простоте сердечной, был обольщен евреем: он внимал словам его, как истине и даже раз промолвил:

– Может быть и правда, что ты говоришь.

О, прельщение и неожиданная напасть! Ибо сей инок (увы мне) тотчас же лишился благодати крещения, как о том будет сказано ниже.

Когда он возвратился в пустыню и пришел к преподобному Паисию, старец для него стал как бы неприступным: он не только не хотел глядеть на ученика своего, но всюду отвращался от него и не отвечал ему ни одного слова. И долго так отец уклонялся от ученика своего, а сей последний сильно скорбел об этом и болел сердцем, не зная за собою никакой вины или прегрешения пред святым Паисием. Наконец улучив

удобное время, инок пришел к преподобному и, припав к ногам его, сказал:

– Почему, отче, ты отвращаешь от меня честное лицо свое и презираешь меня, окаянного ученика своего? И чего ты прежде никогда не имел обыкновение делать, – то ныне являешь по отношению ко мне, отвращаясь от меня, как бы от какого-то мерзкого человека.

Старец на это сказал ему:

– Кто ты, человек? Я тебя не знаю.

Инок ответил:

– Отче, что ты увидал во мне странного, что не узнаешь меня? Не я ли ученик твой? – и при этом назвал свое имя.

Старец же сказал ему:

– Этот ученик мой был христианином и имел на себе благодать крещения, а ты не таков; но если ты действительно тот ученик мой, то поистине благодать крещения от тебя отошла и образ христианина – отнят. Итак, скажи, что случилось с тобой? И поведай о приключившемся с тобою искушении, и какой душепагубный яд ты принял на пути своем?

– Прости меня, отче, – сказал на это инок, – я ничего не делал.

Святой же сказал:

– Отойди от меня подальше вместе со всеми отрекшимися от Господа, – я не хочу с тобою беседовать; ибо если бы ты был учеником моим, каким был прежде, то я и видел бы тебя таким, каким ты был прежде.

Тогда инок, воздыхая, стал проливать умильные слёзы, говоря:

– Я и есть тот твой ученик, а не другой кто-нибудь, и не знаю, что я сделал дурного.

Великий Паисий после этого спросил его:

– С кем ты беседовал на пути?

– С евреем, – ответил инок, – и ни с кем иным.

Тогда святой сказал ему:

– Что тебе говорил еврей и что ты отвечал ему?

Ученик святого на это сказал:

– Еврей ничего мне другого не говорил, как только сказал, что Христос, Которому вы кланяетесь, не есть истинный Христос, что Спаситель еще только должен прийти в мир; я же на это сказал ему – может быть и верно то, что ты говоришь.

Тогда старец воскликнул:

– О окаянный! Что может быть хуже и сквернее сего слова, которым ты отвергся Христа и Его Божественного крещения? Теперь иди и оплакивай себя, как хочешь, ибо нет тебе места со мною, но твое имя написано с отвергшимися Христа, – с ними ты и приимешь суд и муки.

После этих слов старца, ученик его, воздохнув и заплакав, возвел свои очи на небо и с мольбою возопил к преподобному:

– Отче, помилуй меня, окаянного, и дай мир душе моей! Лишившись по неосторожности Божественного просвещения и сделавшись для лукавых бесов веселием и радованием, – я не знаю, что мне теперь делать; но я прибегаю к Богу и к твоим святым молитвам, – не презри меня окаянного и умоли обо мне Владыку Христа, – да возвратит Он мне снова Свое милосердие!

Когда он так молился, – умилостивляя старца более слезами, нежели словами, святой умилился, смотря на него, и сказал ему:

– Потерпи, чадо, – нам теперь должно умолять о тебе щедроты человеколюбивого Бога.

Сказав это, преподобный затворился на молитву и стал просить Господа, да простит Он грех ученику его, который согрешил пред Ним по неосторожности и бесхитростному невниманию. И Господь, никогда не презирающий, но всегда исполняющий молитвы угодника Своего, преклонился на милость и простил согрешившего; знамением же прощение было следующее видение: преподобный узрел благодать Духа Святого, возвратившуюся в виде голубя к ученику тому и вошедшую в уста его, и при этом увидел и злого духа, вышедшего из согрешившего инока в виде тёмного дыма, и разлившегося по воздуху.

Увидев это, преподобный уверовал, что Господь даровал прощение брату тому и, обратившись к нему, сказал:

– О чадо, воздай вместе со мною славу и благодарение Христу Богу, ибо нечистый хульный дух вышел из тебя, вместо же него в тебя вошел Дух Святой, вернувший тебе благодать крещения; и так, теперь соблюдай себя, чтобы, по лености и неосторожности, снова не впасть во вражьи сети и, согрешив, не наследовать огня геенского.

Таково было одно из чудес святого Паисия; но продолжим повествование и о других его славных деяниях.

Однажды пришел к святому Паисию один старец, по имени Иоанн; он много лет провел в пустыне, обучаясь подвигу поста. Сей брат был весьма голоден и нуждался в пище. Преподобный, уразумев духом, что Иоанн весьма алчен, сказал ученику своему:

– Поскорей приготовь нам трапезу и принеси пищи, дабы нам напитаться с отцом Иоанном.

Когда трапеза была приготовлена, преподобный Паисий предложил Иоанну вкусить от нее, проговорив:

– По причине продолжительного воздержания, тебе теперь потребна пища; итак, вкуси и укрепись.

Иоанн на это сказал ему:

– Прости меня, отче; ныне пост, и ради многочисленных грехов мне подобает поститься.

Тогда старец, удивившись воздержанию Иоанна, тотчас же встал и, воззрев на небо, из глубины сердца произнес;

– Господи, посети раба Твоего Иоанна, паче силы труждающегося ради Твоего имени!

В то время, как Паисий молился так, – по его заслугам, на того, о ком он возносил сию молитву, было ниспослано от Бога великое и преславное озарение; – и вот Иоанн, как бы находясь в восторге, увидел некоего прекрасного юношу, державшего в руках пищу и питие и подававшего их ему, дабы он укрепился после своей алчбы; придя же в себя, он был преисполнен великой сладости, как бы совершенно насытившийся пребогатой трапезы, и уже не нуждался в предлагаемой старцем пище и без того насыщенный небесною снедью, но, воздав благодарение Богу и угоднику Его святому Паисию,

отошел в свою пустыню, и еще более усилил свой подвиг поста, постоянно говоря сам себе:

– Весьма сладко я поел; итак, буду поститься с усердием.

Так сей блаженный Иоанн, укрепляемый молитвами святого Паисия, преуспевал в постничестве.

«Когда я по временам сидел у преподобного Паисия, – пишет блаженный Иоанн Колов, – приходили к нему некоторые иноки, желая слышать от него полезное для их души слово и при этом часто просили его:

– Поведай нам, отче, о нашем спасении, – как мы должны жить для Господа?

Старец же на это говорил им:

– Соблюдайте заповеди Божии и сохраняйте отеческие предания.

И в другой раз иноки просили его:

– Скажи нам, отче, что-нибудь и еще на пользу наших душ.

Божественный же муж, видя прозорливыми очами своими помышления их, каждому сказал то, об чем он думал, и при этом поведал им, какие из помышлений их благи, и каковые – порочны, и от чего эти помыслы пришли к ним на сердце.

Иноки эти, весьма удивляясь прозорливости старца, сказали мне (повествует Иоанн Колов) наедине:

– Поистине, отче Иоанн, авва Паисий открыл нам все тайны сердец наших, и то, что одному только Богу было известно, он ясно это видел в нас.

Я же на это сказал им:

– Много раз и мы по опыту познавали сию его прозорливость; если вы верите мне, то скажу вам истину, ибо ничего иного не намерен о нем говорить, кроме правды: ведь мы боимся истинного Судии, Который говорит в святом Евангелии: «от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Матф. 12:37). «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Матф. 12:36). Итак, неложное и непраздное слово я вам говорю, – всё, что я часто про себя думал и что я тайно делал от других, отец Паисий, встречая меня, когда я к нему приходил,

– обо всем этом говорил мне, как будто он был в келье вместе со мною и видел всё мною совершаемое».

Иноки, услышав это от меня, подивились и сказали:

– «Он дает силу и крепость народу Своему» (Псал. 67:36).

И после этого ушли, прославляя Господа за ту Его великую благодать, какая была дана рабу Его, святому Паисию.

Скажем еще и о том, как сильны были молитвы преподобного и как они могли отступившего от Бога великого грешника снова привести к Богу и обратить его на путь спасения.

Один брат, по имени Исаак, следуя влечению своего сердца, решил оставить свой пустыннический подвиг безмолвия и поселился близ города; и так как он, для продажи своего рукоделия, часто входил в этот город, то весьма скоро впал и в сеть пагубную: одна еврейка подошла к нему что-то купить из продаваемого им; он же, взглянув на лицо ее, заметил красоту ее и тотчас же был охвачен нечистым помыслом к ней; также и женщина та, видя, что он совсем еще юноша, устремила свой взгляд на него, и после происшедшей между ними беседы, они воспламенились друг к другу сатанинскою любовью. Таким образом вскоре, при бесовском содействии, инок увязнул в сети той скверной женщины и, зачав болезнь, родил беззаконие: оставив иночество, он женился на ней и – О горе! Что еще того хуже, – он, окаянный, не только иночество, но и веру свою оставил по любви к этой женщине; он перешел в иудейскую веру и, служа ветхозаветному закону их, жил вместе с евреями, был их постоянным собеседником и хулил Христа, Спасителя нашего, как и иудеи хулят: Исаак во всем следовал воле скверной и нечистой жены своей, которая была объята такою злобою ко Христу и такою ненавистью к пресвятому имени Его, что часто, положив голову окаянного своего мужа себе на грудь и открыв ему рот, небольшим сучком вырывала зубы его, произнося при этом: «да не останется между зубами какая-либо часть христианского причащения», – ибо нечестивая жена эта думала, что у христиан Божественное Причащение долго остается между зубами; – и муж уступал злобе ее и поистине стал врагом Христу, Господу нашему. О безбожие! Знаю я, –

говорит писатель, – что все услышавшие об том возболят сердцем своим, но я удивляюсь Божию долготерпению, Его великому человеколюбию и Его неисчетной Божественной благодати, коя не только любит праведных, но милосердствует и о грешных, и тайным посещением касается сердца их, подобно тому, как солнечный луч, проходя через небольшую скважину в затворенную отовсюду храмину, всю ее освещает. Однако снова перехожу к прерванному повествованию.

Окаянный тот инок, удалясь от иночества и христианства и ниспадая через свое пагубное безверие во глубину адову, после довольно продолжительного времени, как впал в это свое беззаконие, всё-таки начал понемногу как бы приходить в себя и, при угрызении совести, начал познавать всю свою погибель. В это время некоторым братиям той пустыни, где прежде сей отпадший инок Исаак совершал свой постнический подвиг, понадобилось идти по своим надобностям в город. По Божию усмотрению, инокам тем пришлось идти мимо того дома, где он, прельщенный, жил вместе со своею женою еврейкою; увидев их мимо идущих, он тотчас же почувствовал сердечное сокрушение, вспомнив прежнюю свою жизнь и честный сонм святых братий; выйдя к ним из дому, он начал спрашивать их, – откуда и кто они и зачем пришли сюда. Они на это ответили ему:

– Мы из Нитрийской пустыни[4053], ученики великого Паисия, пришли же сюда по своим надобностям.

Тогда он, тяжело вздохнув, сказал им всё о себе, и усердно стал умолять их, дабы они передали великому старцу его просьбу, да умолит он Господа о нем, чтобы его молитвами избавиться ему от сети вражеской. Иноки, болезнуя о нем в сердце своем, обещали передать просьбу его святому старцу, что действительно и сделали: возвратившись домой, они рассказали обо всем этом блаженному отцу. Старец, выслушав их, воздохнул из глубины сердца и сказал:

– Увы мне, возлюбленные чада, как часто мужи из-за женщин лишаются Божественной благодати! Указание на таких мужей мы имеем в святых книгах, написанных древними отцами; ибо для врага, воздвигающего брань на людей, нет

более твёрдого орудия, как женщины; пользуясь этим оружием, супостат легко преодолевал и великих мужей: вспомните великого Давида и его правнуков и внуков; – вот почему и нам всегда нужно быть осторожными и всегда молиться Господу, чтобы избавиться от такого коварства.

Сказав это, старец затворился в своей молитвенной келлии и, став на молитву, так стал взывать к Господу:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Слове! Не презри дела рук Твоих и не попусти тому иноку до конца быть ввержену во глубину погибели, но милостиво призри с небесного Твоего жилища и не презри приносимых мною Тебе молитв: приими моление об отступившем от Тебя и теперь снова пришедшем в раскаяние: молюсь Твоей благости, – призови его на покаяние.

После того как святой, довольно долгое время, так молился и непрестанно умилостивлял щедроты Божии, его мольбами преклонено было милосердие Божие; ибо Спаситель не презирает молитв любящих Его. К святому старцу явился Сам Господь, и Знающий все спросил его:

– О ком ты вопиешь ко Мне день и ночь? Не об том ли отвергшемся от Меня и теперь перешедшем ко врагам – окаянном муже, который некогда был иноком, а теперь стал евреем? Не об этом ли человеке ты молишься, угодник Мой Паисий?

Старец на это ответил Господу:

– О нем я молю Твою благость, человеколюбивый Владыка. Взирая на Твои щедроты, призывающие всех ко спасению и не хотящие смерти грешного, но ожидающие его обращения, – я ради этих щедрот Твоих, дерзнул молить о нем благоутробие Твое: призови, добрый Пастырь, заблуждшее овча, призови снова в Твою ограду и будь милостив к нему.

На сию молитву Господь сказал ему:

– О угодник Мой! Благочестие твое велико: ибо ты, подражая Моей любви, заботишься о спасении грешных; поэтому, не скорби: просимое дастся тебе.

Сказав сие, Господь возшел на небеса. Спустя немного времени, злая та женщина евреянка, пораженная Божиим гневом, умерла. Исаак же снова возвратился в пустыню и,

представ преподобному, припал к честным стопам его, плача и исповедуя грехи свои; своим возвращением и покаянием он доставил великую радость преподобному и всем отцам той пустыни. После поучений великого отца, инок сей снова принял прежнюю веру и снова облекся в ангельский образ; и подвизался он в великих трудах, плача и сокрушаясь о грехах своих; и так прожив все дни свои в покаянии, добродетельно и богоугодно, – он отошел ко Господу. И это всё грешник получил молитвами преподобного Паисия: он покаялся и спасся; нам же, слышащим сии преславные дела, подобает славить и воспевать Христа Бога, Который так возвеличил угодника Своего.

Среди учеников преподобного Паисия был некий старец, который имел совершенно мирские обычаи и нравы; и когда иноки, для наставления, приходили к преподобному и слушали его богодухновенные слова, – слушал с ними и старец тот, но пользы от этого он никакой не получал, ибо не имел в себе хорошо возделанной и влажной почвы, но сердце его было, как камень, ожесточено, и потому доброе семя Божественных бесед не могло в нем укорениться и прозябнуть: по временам он даже поносил слова святого; ибо отойдя от лица преподобного, старец тот, пред другими братиями, иногда позволял себе и ругаться над беседами святого Паисия, говоря при этом одну только растлевающую и хульную ложь, как и подобает людям мирским и нечестивым, – и некоторые иноки соблазнялись хулениями, слышанными от него. По прошествии довольно продолжительного времени, братия, не желая более слышать развращающих слов его, но и не смея сами поведать о том святому отцу, отправились к некоему боголюбивому и добродетельному подвижнику, жалуясь на того злонравного старца; тогда подвижник этот отправился вместе с ними к великому Паисию.

В то время, когда святой наедине упражнялся в богомыслии, послышался Ангельский голос:

– Да известно тебе будет, отец, что старец тот, который находится вместе с твоими учениками, производит соблазны и совращает других братий; и так, нужно пресечь безчинный его обычай и исправить его при помощи заповедей.

На сей голос святой Паисий ответил:

– Давно бы сделал это, если бы знал, что могу исправить его. Но так как диавол готов погубить его и, являясь, заманивает его своим коварством в сеть свою, то поэтому я не могу сказать ему что-либо жестокого, дабы он не принял слово мое с горечью и не счёл его для себя обидным: ведь в этом случае он может выйти из среды братий и из пустыни и снова пойти в мир; тогда я окажусь виновником его погибели и буду повинен пред Богом, так как не мог потерпеть брата, обуреваемого врагом; нужно же молиться о нем, да исцелит его Господь от такого недуга.

Сказав это, он начал молиться о старце том, и тотчас же увидел хульного и бесстыдного духа, исходящего из старца. Потом с тем боголюбивым подвижником пришли братия ко отцу, но прежде чем стали рассказывать о бесчинном старце, пришел и он в след им и, припав к ногам святого отца, стал слезами омывать их, каясь и прося прощения, и обещая исправить свою жизнь. После этого он стал кротким и послушливым: он с радостью слушал богодухновенные беседы, исходящие из уст преподобного отца и всячески старался исполнить на деле то, что воспринимал из его поучений. И вскоре он многих превзошел в добродетели, и стал опытным отшельником, – и всё это при помощи и по молитвам святого Паисия, испросившего ему у Бога великую милость.

Но об этом довольно; нельзя же обойти молчанием и другие преславные дела святого Паисия: поэтому оставим слово об этих его многочисленных чудесах, ибо невозможно подробно описать все эти чудесные деяния; итак сказав об них уже немало, обо всех остальных умолчим.

Однажды в пустыню к святому Паисию пришли два юных брата и, по повелению преподобного, стали жить вместе с теми братиями, которые уже находились в его монастыре; сам же Паисий вместе с учеником своим жил отдельно в пустыне, далеко от монастыря своего.

Долгое время те два брата несли подвиг послушания; наконец, придя к старцу, они стали просить его, чтобы он позволил жить им в пустыне наедине, отшельнически.

Преподобный, видя их пламенное стремление к подвигу постничества и уразумев, что они способны к особенному пустынному безмолвию, исполнил их желание и благословил их переселиться из монастыря в пустынническое отшельничество. И эти два брата, найдя себе в пустыне удобное для подвига безмолвие место, поселились там и богоугодно проводили жизнь, искусно побеждая все искушения злых духов. Невидимый же враг, завидуя всегда всем добрым людям и умея изобретать для рабов Христовых различные и многообразные ухищрения, простер свое коварство и на этих двух иноков и задумал так их обольстить: у одного из пустынных отшельников, который еще не был совершен в иноческом нестяжании, украдено было его убогое келейное имение. Отшельник этот, еще будучи малодушным, и потому жалея украденные вещи, стал искать укравшего, но не нашел его; услышав же об одном прозорливом старце, и надеясь, что тот поможет открыть ему и украденное и укравшего, он отправился к нему: к преподобному Паисию он не посмел идти, боясь, как бы тот ни стал укорять его в любостяжании.

Придя к тому прозорливцу, инок стал просить его, что бы он сказал ему, где находится украденное и кто именно украл. Но старец, не будучи на самом деле просвещен благодатью Божиею в прозорливстве, но провидя всё силою бесовскою, по научению злого беса, – оговорил тех двух иноков, которые недавно поселились в пустыне:

– Вот эти иноки, – сказал прозорливец, – совершили покражу; взяв этих безмолвников, не отпускай их, пока они не отдадут тебе всего.

Услышав это, отшельник тотчас же с поспешностью отправился в лавру той пустыни; придя к игумену и выпросив у него сильную стражу, он пошел далее и как бы нечаянно напал на тех безмолвствующих двух иноков; он схватил их как злодеев и, с побоями влача их, привел в лавру; здесь они с бесчестием заключены были в темницу. Игумен же вместе со старцами, поверив тому прозорливцу, осудил тех иноков, как воров, к лишению иноческого чина и стал пытать их побоями об украденных вещах. Преподобный же Паисий, прозорливо узнав,

по благодати Божией, обо всем совершившемся и жалея тех двух братий, которые в это время неповинно так страдали, востав, отправился из келлии своей в ту лавру. Об его приходе повсюду тотчас же было известно, так как среди пустынножителей не было имени более славного, как имя Паисия, который везде прославлялся за свою богоугодную жизнь. Для приветствия его собрались и братия из окрестных монастырей и отшельнических келлий, сошлись к нему даже и старцы. Пришел между прочим и тот старец, который, по бесовскому обольщению, выдавал себя за прозорливца. И когда все отцы и братия воздавали святому любезное о Христе целование, великий отец наш Паисий спросил их:

– Куда вы удалили двух юных иноков – пустынножителей?

Братия молчали. Потом некоторые из них, отвечая, сказали:

– Отче, они воры, и за дурные дела свои теперь затворены в темнице.

Святой на это сказал им:

– Кто сказал про них, что они воры?

Тогда братия, указывая на прозорливого старца, отвечали:

– Вот этот прозорливый отец указал на них, как на воров.

Тогда великий Паисий вопросил того старца:

– Правда ли то, что ты сказал про них?

Он же ответил:

– Сказанное мною – истина: это открыто мне было от Бога.

После этого святой Паисий сказал:

– Если бы это твое прозорливство было от Бога, а не от бесовского прельщения, то на твоих устах не было бы видно диавола.

Слушая это, все были объяты страхом: ибо всем ясно было, что слова, исходящие из уст Паисия, истинны; и все стали укорять обольщенного того прозорливца, и понуждали его просить прощения у преподобного; и он, объятой стыдом, припал к честным ногам святого, произнося:

– Отец, прости меня и помолись обо мне, прельщенном.

И лишь только святой сотворил молитву за него, как на глазах у всех, из уст прельщенного, вышел тщеславный и лживый бес и, превратившись в большего дикого вепря, с

великою яростью устремился на преподобного, желая как бы растерзать его зубами своими. Но блаженный отец, закляв нечистого духа, послал его в пропасть. А старец тот, который прежде был обольщен диаволом, ощутил и даже глазами увидел исходящую из него бесовскую силу прельщения; исполнившись великого ужаса и трепета, он пал на землю, валяясь у ног Паисия, и со слезами молил получить от него совершенное прощение. Также и прочие братия, которые, предавшись обольщению, оскорбили неповинных, – все они, припавши к святому, просили у него прощение. И вывели из затвора тех двух юных иноков, и все, смотря на них, с умилением плакали, а обидевшие их просили у них молитв. Преподобный же Паисий поучал всех – с осторожностью избегать подобных вражеских прельщений и не верить лжепророчеству тех, которые стараются казаться святыми и прозорливыми. А лаврскому игумену, наедине, он указал, где положены украденные вещи, об укравших же ничего не сказал. Потом, преподав всем прощение и сотворив за всех молитву, он возвратился в свою келью.

В те же времена и в тех же египетских пустынях просиял в подвигах постничества другой угодник Божий, преподобный Павел, по молитвам которого Господь тоже проявлял великую милость людям.

Преподобный Паисий, пожелав однажды посетить его, отправился к нему, и сошлись они, как два Ангела Божия и как два воина Христова, сильно поборающие невидимых врагов и друг другу в том помогающие. И были они оба, как какая-либо твердыня, непреоборимая никаким вражиим лукавством, и беседовали они друг с другом словами исполненными Духа Святого, – вместе наслаждались и сладким плодом молчания; в старости своей они ежедневно изобретали чисто юношеские подвиги, начиная каждый раз как бы сызнова подвизаться и как бы решив вести еще более совершенную жизнь.

Великий Паисий был старше летами Павла, блаженный же Павел по виду своему был сановит, но душою добр; и сказал преподобный Паисий:

– Пока мы в жизни сей, Господь не хочет, чтобы тело наше ослабло и разленилось, и будет стыд нам и срам, если во время кончины нашей мы обрящемся в лености.

Когда преподобный Паисий сказал это, блаженный Павел, выслушав, отвечал:

– О пастыреначальник, вот я уже следую твоему похвальному и доброму совету не допускать себя до лености и уповаю на Бога, что святыми твоими молитвами Он поможет мне провести жизнь согласно твоей воле.

Прожив вместе довольно долгое время и наставив друг друга поучениями, преподобный Паисий и блаженный Павел, после любезного о Господе целования, разлучились телом, но не духом. Преподобный Павел остался на прежнем месте, а святой Паисий возвратился в свою келью.

Оба сии святые отцы были чудотворцами, целителями страстей, опытными руководителями в деле спасения душ, о всех молитвенниками, ходатаями о спасении каждого и наставниками, мужи – сильные делом и словом, служа при этом добрым примером для всякого человека, ибо иноческие труды священного Павла весьма ублажались, а многочисленные и вышеестественные постнические подвиги блаженного Паисия, совершаемые им втайне, – хотя и не все, а только некоторые из них – всем почти были известны; и известны были именно для того, чтобы можно было слушающих об этих подвигах побудить к благодарению всесильного Бога, а подвизающихся – воспламенить к еще большему усердию: ведь ни одно человеческое слово не может достаточно передать всю высоту его духовной жизни; ибо он много служил Господу втайне, и не любил, чтобы его добрые дела были известны другим, – и это конечно – по его великому смирению. И когда его кто-либо из братий спрашивал: какая из добродетелей есть наивысшая? – он отвечал: – та, которая совершается втайне и об которой никто не знает». Также высоко он чтил и следующую добродетель – поступать во всем по воле других, но не по своей. Во всей своей добродетельной жизни преподобный определял – и это свято соблюдал – каждому делу подобающее ему время. У него было время молчать, время говорить, –

время – уединиться и затвориться в своей келье, время – выйти к братиям и беседовать с ними о душеполезном. Итак, в безмолвии, преподобный, путем богомысленного восхождения, приближался Богу, в общении же с братиями искал спасения ближнего; а всего дивнее было то, что он мудро умел скрывать добродетели свои, дабы жизнь его была известна не всем, находящимся в общении с ним. Когда же братия начинали прославлять его за какое-нибудь дело, он оставлял это дело и начинал совершать другой подвиг, дабы все скорее забыли о первом его деянии. «Когда же я, говорит писатель жития преподобного Паисия, спрашивал его, зачем ты так поступаешь? – он с радостью отвечал мне: для того, чтобы прежний подвиг мой остался неповрежденным; ибо великая беда, добавлял он при этом – человеческая похвала, и кто ради нее трудится, тот мало получает для себя пользы, и из таких людей мало кто спасается, так как суетная слава человеческая много им вредит; и истинно было сказано нашим Владыкою:

– «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Матф. 6:3).

Воспомянув эти слова и поучение преподобного, (продолжает Иоанн), я прихожу к концу своего повествования.

Достигнув глубокой старости, – великий по своей жизни и просвещенный добродетелями, – преподобный отец наш Паисий восприял конец здешних трудов, и Господь призвал его к вечному покою и к небесному блаженству. Тело его с честью было погребено множеством иночествующих, душа же его возлетела к небесной и бессмертной жизни.

Немного спустя и блаженный Павел в своей отдаленнейшей пустыне отошел от здешнего жития; перейдя к жизни нестареющейся, он вместе со святым Паисием водворился во светлости святых, – дабы как в иноческих подвигах они подвизались вместе, так и блаженные души их вместе бы наслаждались и нескончаемым упокоением. Честные тела их не долго почивали отдельно одно от другого: по смотрению Божию, скоро и они положены были вместе, – и вот каким образом это произошло.

Преподобный отец наш Исидор, постившийся в своей обители, что на горе Пелусийской, услышав о преставлении великого Паисия, сел на корабль и доехал до того места, где погребено было святое тело преподобного отца; с честью и благоговением взяв его из земли и обвив его погребальными пеленами, он вложил его в ковчег, желая обогатить им обитель свою, как некоторым великим сокровищем, более драгоценным всякого богатства, – и внесши этот ковчег на корабль свой, отправился в путь с великою радостью, воспевая и хваля Господа. Когда же он плыл недалеко от той пустыни, где почивало честное тело преподобного Павла, вдруг корабль, как бы задерживаемый какою-то чудесною силою, остановился и повернулся к той стране, где находилась пустыня святого Павла. Корабельщики долго трудились, стараясь отплыть с этого места, но ничего не могли сделать; они пробыли в таком труде два дня и, не зная, как им тронуться в путь, были в большом недоумении. Преподобный же Исидор, уразумев, что эта остановка корабля есть действие промысла Божия, повелел корабельщикам, чтобы они оставили корабль плыть, куда он хочет, – и корабль, водимый невидимою рукою, поплыл к тому пустынному берегу, где находилось тело святого Павла, и остановился на мели.

В то время, как все бывшие на корабле скорбели об этом и недоумевали, на берег тот из пустыни пришел некий старец, по имени Иеремия; обращаясь к находившимся на корабле, он сказал:

– О возлюбленные! Зачем сверх силы вы трудитесь? Разве вы не видите, что преподобный Паисий призывает любимца своего преподобного Павла? Он хочет вместе с ним быть перенесенным в вашу страну и на одном месте быть положенным; итак, поспешите пойти, чтобы взять тело его.

Услышав это, преподобный Исидор и все бывшие с ним, исполнились великой радости и, высадившись на берег, спросили того честного отца Иеремию:

– Где положено тело святого Павла?

Тогда он повел их в далекую пустыню и показал гроб преподобного Павла. Взяв оттуда честные мощи его, более

драгоценные золота и всяких дорогих камней, они понесли их к мощам святого Паисия, и лишь только вошли на корабль, он тотчас же сам двинулся со своего места и, о чудо! Поплыл с великою скоростью по надлежащему ему пути и немедленно же достиг той пристани, что находилась в Пелусии. Тогда преподобный Исидор вынес на сушу честные мощи обоих святых отцов – и Паисия и Павла, отнес их с пением псалмов и духовных песней в обитель свою и положил в созданной им церкви; и творились здесь преславные чудеса: обуреваемые нечистыми духами и одержимые иными какими-либо болезнями, – лишь только прикасались к честным ковчегам их, как тотчас же получали исцеление: нечистые духи прогонялись, и всякий недуг немедленно врачевался по молитвам этих великих угодников Божиих.

Сие я, Иоанн, по прозванию Колов, написал на пользу читающим и слушающим, – во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, единого в Троице Бога, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Страдание святого мученика Зосимы воина

Память 19 июня

В то время, как римским государством управлял император Траян[4054], еллины, как известно, еще объяты были идолослужением и великою духовною слепотою, – и потому на Церковь Божию, в его царствование, вскоре же воздвигнуто было лютое гонение.

В эту пору среди эллинов жил некий знаменитый муж, по имени Домитиан – игемон Антиохии Писидийской[4055]; придя однажды к царю Траяну, он просил дать ему власть над христианами, дабы всех, кто не пожелает принести жертву богам, принуждать к тому тяжкими муками. Получив от царя такую власть и облекшись в диавольскую броню, он, подобно льву, воспылал гневом на тех, кто решался твёрдо до конца сохранять свою веру во Христа. Проходя как-то через страну Созопольскую, он раз приблизился к городу, называемому Аполлония[4056]. В этом городе жил некий еллин, воин, по имени Зосима, который всё время стремился стать последователем Христовой веры. Услышав о приближении игемона и о наступающем гонении, он, сняв с себя воинское оружие, решил присоединиться ко святой церкви и, научившись вере во Христа и приняв святое крещение, стал стремиться к христианским добродетелям и упражняться в чистоте и целомудрии, в посте и молитвах.

Спустя несколько дней, после того как игемон Домитиан пришел в тот город, приступил к нему один из идолослужителей и сказал:

– В этом городе проживает некий воин, по имени Зосима, который презирает царя и твою власть; он отвергся воинского чина, которым был облечен царем Траяном, и сбросил с себя оружие свое; он называет себя христианином и за ничто считает наших богов; гнушается он также царских законов и презирает царскую власть.

Услышав это, игемон сказал:

– Приведите этого Зосиму сюда, на судилище.

Тогда стражи царские, по повелению игемона, отправившись к Зосиме, схватили его и привели на суд. Игемон, увидев его, спросил:

– Ты Зосима?

Воин Христов отвечал:

– Я – Зосима, раб Господа моего Иисуса Христа.

После этого игемон сказал:

– Прежде всего поведай, в каком ты чине, а потом скажешь – и чей раб.

Святой на это ответил:

– По чину я был воином вашего царя земного, но отвергся ваших пагубнейших богов и стал воином Царя небесного, Христа, истинного Бога.

– О пребеззаконный, – сказал тогда Домитиан, – имя Христово тебе не поможет, но принеси лучше жертву богам, и тебе простится твой грех против царя нашего Траяна, которым ты почтен воинским чином.

Тогда святой сказал:

– Ни за что я не принесу жертвы вашим богам.

После этого Домитиан приказал отвести воина Христова в темницу.

Наутро святой, связанный по рукам назад, снова приведен был на судилище, и игемон повелел повесить его на мучилищном древе. Когда мученик был повешен, Домитиан сказал ему:

– Нечестивый Зосима, принеси жертву богам, а то все члены твои сейчас подвергнутся жестоким мукам.

На это святой отвечал:

– Не только словами, но даже и ранами не убедить меня, чтобы я принес жертву твоим богам.

Тогда игемон приказал жестоким своим воинам нещадно бить святого мученика. Когда начали мучить святого Зосиму, он сказал игемону:

– Напрасно трудятся слуги твои, ибо меня укрепляет Господь, и я не ощущаю наносимых мне ран.

И долго мучили святого, так что и земля обагрилась уже кровью его. Наконец мученик велегласно возопил ко Господу:

– Господи Боже всесильный, седящий на престоле славы Своей, создавший небо, основавший землю и собравший воды во едино место, – надежда наша и упование рабов Своих, услышь меня, молящегося Тебе, и не допусти, чтобы я был побежден угрозами мук или самыми муками, дабы все неверующие имени Твоему, через меня познали Тебя, Единого истинного Бога!

Когда святой молился, вдруг послышался глас с неба:

– Мужайся, Зосима, ибо Я с тобою, и ничто тебя не одолеет.

И этот голос слышали Домитиан и все бывшие с ним,

и некоторые при этом даже воскликнули:

– Велик этот волхв!

А другие говорили:

– Это не волхв, но раб Христа, Бога его, и по-истине велик Бог христианский, от Коего сейчас был ниспослан голос сей!

Тогда игемон приказал четырем воинам силою растянуть святого крестообразно на земле; страдалец же Христов, и без того уже измученный, возвел очи свои к небу и сказал:

– Господи Боже мой, разумевающий помышления человеческие, надежда христиан, прибежище и покой находящихся в бедах! Избавь меня от пагубного коварства бесослужителя Домитиана, дабы все предстоящие познали Тебя, что Ты есть Бог живой, сущий прежде всех веков, и что Ты существуешь от века.

И в то время многие из предстоявшего народа, удивляясь такому великому терпению мученика, уверовали во Христа; игемон же, видя всё это и боясь, как бы все не обратились к христианской вере, пристыженный, ярясь и даже скрежеща зубами, стал размышлять, какою бы лютою смертью погубить раба Христова. Наконец он повелел принести медный одр и разложить под ним сильный огонь, чтобы над ним сжечь мученика. Когда этот одр был сильно разожжен, он приказал положить на него нагим святого страстотерпца. И лишь только Зосима, сотворив на себе крестное знамение, взошел на одр, как тотчас же Господь претворил огонь в росу; ибо через

Ангелов Своих Он снизошел на помощь к мученику. И в то время, как все предстоящие думали, что мученик скончался от лютого огня, Ангелы Господни, подняв святого с одра, на виду у всех, поставили его около одра живым и нисколько не поврежденным пламенем. Народ, видя такое чудо, прославил истинного Бога, Который, послав святых Ангелов Своих, избавил раба Своего от такого огня; и многие тогда обратились ко Христовой вере. Игемон же, восстав со своего судейского места, со стыдом отправился домой, а мученика приказал взять и держать под стражею.

Вскоре после этого игемон Домитиан, отправляясь в город Кононейский[4057], приказал вести за собою связанным и мученика Зосиму, чтобы там в мучениях умертвить его. Придя в этот город и воссев на судилищное место, он приказал обуть мученика в железные сандалии, в которых были набиты острые гвозди, и привязать его железною цепью к молодым необъезженным коням, чтобы он шел за ними. Святой же, будучи привязан к тем коням, в железных с гвоздями сандалиях, так быстро бежал, что, казалось, перегонял даже коней: ибо с ним был Господь, помогавший ему. При этом святой так говорил:

– Господи Боже, дающий ногам моим быстроту оленя, даруй мне терпение до конца!

Игемон, видя такое терпение мученика, повелел заключить его в темницу и отнюдь не давать ему ни пищи, ни питья, чтобы он погиб от голода и жажды. Через три дня, в продолжение которых святой пребывал без пищи и питья, двое прекрасных юношей вошли в темницу; из них один нёс чистый хлеб, а другой – воду в сосуде; и сказали они святому:

– Прими сей драгоценный дар, посланный тебе от Господа Бога твоего.

Мученик же Христов, взяв его, ел и пил, и укрепившись телом так воззвал ко Господу:

– Благодарю Тебя, Господи, что Ты умилосердился надо мною и не презрел меня, но насытил небесным Твоим хлебом и питием; хвалю и славлю величествие Твое вовеки, аминь.

На следующий день, игемон, снова воссев на судилищное место, повелел привести к себе мученика Христова. Святой предстал с светлым лицом; ум же его в то время был всецело устремленным ко Господу. Игемон удивился, увидев мученика нисколько не изменившимся в лице после таких мук, и сказал ему:

– О Зосима, так как ты теперь, по-видимому, пришел в себя, то принеси жертву богам, чтобы более не подвергаться ранам и не умереть лютою смертью.

На это святой отвечал:

– Ты, если хочешь, приноси жертву подобным тебе бесам, а я, как и прежде говорил, служу одному Богу моему.

После этого разгневанный игемон повелел снова повесить мученика на древо и при этом сказал ему:

– Видишь ли, окаянный, сколь многим мукам подвергаешься ты? Неужели ты всё-таки еще не послушаешься меня и не принесешь жертвы богам?

Святой на это ответил:

– Любящий Бога живого ни во что вменяет эти муки.

И повелел игемон строгать тело мученика железными гребнями. Святой же мученик, претерпевая все эти страдания, громким голосом воззвал к Богу:

– Ныне особенно я познаю милосердие Твоего благоутробия, Христе, Творец света, так как Ты укрепил меня мужественно всё претерпеть и даже словом не обнаружить страданий, дабы в моих муках еще более уразумели силу Твоего Божества.

Когда святой произнес это, правитель приказал снять его с мучилищного дерева и снова поставить его пред собою; когда это было исполнено, он сказал ему:

– Много мучений ты перенес ради Христа своего, и всё же никакого облегчения не получил; итак, приступи и принеси хотя теперь жертву богам.

Святой на это ответил:

– О Домитиан, лютейший, бесчеловечный и исполненный всякого нечестия мучитель! Убойся небесного Бога, оставь свое

заблуждение и не называй идолов богами: ведь они бесы, а не боги.

Тогда игемон сказал:

– Ты ли, пребеззаконнейший человек, дерзаешь наших богов называть бесами, – богов, которым в известные дни празднует весь мир?

На это мученик сказал:

– Те праздничные ликования, которые теперь приносятся твоим богам, во аде пусть будут после возданы и тебе, и царю твоему, и всем верующим в них.

После этого правитель снова приказал повесить святого Зосиму на мучилищное дерево и опалять чрево его зажженными свечами.

Тогда мученик сказал правителю:

– Не только чрево мое, но и всё тело мое сожги, – и всё-таки никогда не победишь меня, ибо со мною укрепляющий меня Христос: я даже желаю быть умерщвленным тобою, так как ведь это слава моя пред Христом, если я умру за Него.

Не зная, чтобы еще сделать с мучеником, правитель, наконец, осудил его на смерть, именно – на усечение главы его секирою. Когда святого Зосиму вели на место казни, он так молился Господу:

– Господи Боже мой! Призри на меня, грешного, и приими душу мою с угодившими Тебе от века, так как Ты слава моя и похвала от ныне и вовеки вечные.

Когда мученик подошел к тому месту, где обыкновенно казнили, он был усечен мечом, положив честную главу свою за Христа своего. Это произошло 19 июня, в городе Кононейском, – в то время, как в Риме господствовал Траян, а над нами, христианами, царствовал Господь наш Иисус Христос, – Ему же слава и держава во веки веков, аминь.

Память преподобного отца нашего Иоанна Отшельника

Память 19 июня

Преподобный отец наш Иоанн, оставив мир, посвятил себя монашеской жизни и, желая пребывать в пустынном отшельничестве, поселился в Палестине, недалеко от Иерусалима; здесь все дни своей жизни он проводил богоугодно, – в посте и молитвах.

О его святой жизни в книге, называемой Лимонарь[4058], которая, как известно, составлена преподобными отцами нашими Иоанном и Софронием (после патриархом Иерусалимским), повествуется следующее:

– Нам, Иоанну и Софронию, авва Дионисий – пресвитер и сосудохранитель святой церкви, находившейся в Аскалоне[4059], поведал об авве Иоанне отшельнике, что сей муж был велик по своей жизни и весьма богоугоден. Жил он в окрестностях села Сехуста, отстоящего от Иерусалима на двадцать поприщ; в пещере своей сей старец имел образ Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии; изображена Она была имеющею на руках Своих превечного Младенца Христа Бога нашего. И нужно сказать, что когда старец сей собирался пойти куда: в даль ли своей пустыни, или в Иерусалим, чтоб поклониться честному кресту и гробу Христову и вообще когда хотел посетить те или другие святые Иерусалимские места; или когда хотел помолиться на Синайской горе или тем святым мученикам, мощи коих находились далеко от Иерусалима, – ибо старец сей любил воздавать честь святым, так что иногда он уходил даже и в Ефес, – ко гробу святого Иоанна Богослова, а иногда и к преподобному Феодору в Евхаиты, и даже к святой Фекле в Селевкию Исаврийскую[4060], – словом, куда бы он ни уходил на богомолье, он всегда ставил в своей келье пред этим образом Пречистой Богородицы кандило[4061] и, по обычаю возжегши его и став на молитву, молил Бога, дабы Он благословил путь его. И при этом, взирал на икону Пресвятой Богоматери, он всегда так умолял Ее:

– Пречистая Владычица Богородица, так как я отхожу в далекий и продолжительный путь, то Сама Ты назирай за кандилом Своим, и, по моему к Тебе молению, соблюди его неугасимым, пока я не возвращусь; я же, имея Твою помощь спутешествующею мне, отхожу в намеченный мною путь.

И только после того он отправлялся в путь свой, пребывая в дороге – когда месяц, когда два и три, а иногда и пять и даже шесть; и возвратившись, он всегда находил кандило полным и горящим, каким оставил его, отходя в путь, и никогда не находил его угасшим.

Об этом преподобном отце Иоанне, в той же книге Лимонарь, пишется еще, что идя как-то по окрестностям того села, где находилась его пещера, он встретил однажды большого льва. На этом месте была очень тесная дорога: она лежала между двумя терновыми изгородями, – которыми земледельцы обыкновенно огораживали свои нивы. И настолько был тесен путь тот, что, благодаря этой терновной изгороди, едва можно было пройти лишь одному пешему человеку, и то – без всякой ноши. И вот когда Иоанн и лев стали приближаться друг к другу, – старец решил не уступать пути льву, да и лев, по тесноте места, не мог сойти с пути, так что им нельзя было миновать друг друга. Тогда лев, видя, что угодник Божий не желает возвратиться назад и намерен идти по надлежащему ему пути, стал на задние лапы по левую сторону старца и расширив таким образом тяжестью своего тела изгородь, сделал праведному мужу путь свободным, и таким образом старец прошел мимо льва, касаясь своею спиною его хребта; после этого и старец и лев отправились своим путем.

К сему авве Иоанну пришел однажды некий брат; не увидев ничего в его пещере, он сказал ему:

– Как ты здесь пребываешь, авва, не имея ничего нужного для своих потреб?

Старец на это ответил:

– Чадо, пещера эта есть купля духовная, – она и дает и берет: она дает рукоделие, а берёт все потребное.

Сей богоугодный отец, прожив в своих постнических подвигах и трудах довольно долгое время, отошел ко Господу и

причислен был к лику святых, предстоящих Отцу и Сыну и Святому Духу, единому в Троице Богу нашему, Ему же слава вовеки, аминь.

В тот же день преставление преподобного Варлаама Шенкурского, в 1462 г.

Житие во святых отца нашего Левкия Исповедника

Память 20 июня

Во времена языческие, когда римские цари-идолопоклонники обладали Востоком и Западом[4062], жил в Александрии один благородный муж, по имени Евдикий; не наученный книжному искусству он был мудр духовным обучением, – украшенный добрыми делами. Евдикий проводил свою жизнь в страхе Божием и любви; со щедрою милостынею он соединял подвиг поста и молитвы. У него был единственный сын, о котором и предстоит нам слово, названный родителями Евтропий, а впоследствии переименованный Богом Левкием.

Когда отроку шел десятый год, мать его, Евфросиния, скончалась. Тогда Евдикий, взяв сына своего, пошел с ним в монастырь блаженного Ермия, находившийся в Александрийских пределах и управляемый блаженным игуменом Никитою; здесь Евдикий сам постригся, а сына отдал на книжное обучение. Как мальчик остроумный, все усваивавший быстро и без особенных усилий, Евтропий, с помощью Божиею, настолько успел в книжном учении, что превзошел в этом отношении многих. При том он был кроток, преисполнен смирения и послушания; всем, жившим в монастыре, он служил с усердием, и все любили Евтропия, – одни за его добронравие и послушание, другие за его книжную начитанность и знания, дарованные ему Духом Святым.

Блаженный игумен Никита преставился ко Господу, когда Евтропию было еще только семнадцать лет; несмотря на это, братия, посоветовавшись между собою, просили юношу, еще не постриженного в иночество, быть их игуменом. Но он упорно отказывался, к тому же и отец его, Евдикий, увещевая, запрещал ему в столь юных летах возлагать на себя бремя, которого он еще не обык носить; он советовал Евтропию показывать себя недостойным начальства, как юноше нуждающемуся в руководстве. Так пробыл монастырь Ермия без игумена семь лет, потому что братия не желали никому

более вручать начальства над собою: поэтому, при всем нежелании блаженного Евтропия и несмотря на то, что он не был пострижен, братия, руководимые примером его добродетельной жизни, всё-таки почитали его среди себя за игумена. Когда же Евтропию исполнилось двадцать пять лет, братия, собравшись, сказали ему:

– Зачем ты пренебрегаешь и нашею нуждою и нашими просьбами, – почему не хочешь быть нашим начальником? Вот прошло уже семь лет, как мы, со дня кончины блаженного отца нашего Никиты, не имеем игумена, и каждый живет по своей воле. Смотри не ответить бы тебе за гибель нашу, если какой-либо волк, войдя в обитель, расхитит стадо Божие; мы же никого другого, как только тебя одного, желаем иметь своим отцом: мы все видим твою святую жизнь, знаем о твоем добронравии и данной тебе от Бога премудрости.

На это блаженный Евтропий так отвечал братии:

– Зачем, честные отцы и братия, вы неотступно молите меня о том, чего я совершенно не в состоянии исполнить? Я не пострижен в иночество и не имею никакого церковного чина, – как же я буду вам отцом, не имея в то же время власти поучать вас в храме Божием? Как я могу увещевать старейших из вас, сам будучи юн?

Тогда они начали понуждать его к пострижению и приятию священства, но он ни в коем случае не хотел исполнить их желания. Правда, в душе Евтропий стремился к иноческому чину, но опасался принимать его из боязни, что братия тогда насильно заставят его быть игуменом; так, оставаясь не постриженным, он являл собою пример истинного инока.

В это время в Риме царствовал язычник Коммод. Им был прислан в Александрию в качестве епарха[4063] Филипп, дочь которого Евгения, по обращении в христианство, проводила, в мужеском образе, подвижническую жизнь, окончивши ее мученическою смертью. Филипп, хотя вообще и был милостив к христианам, однако, в силу повеления царя, изгнал из города христиан, святителей, иереев и иноков, разрешив им, впрочем, свободно селиться в предградии, а также строить здесь монастыри и церкви. В эти дни христианским епископом в

данном округе был святой Еллий, имевший пребывание в городе Елиополе, отстоящем от Александрии на незначительном расстоянии. В пригороде Александрийском помянутым епископом был создан монастырь, врученный руководству святого Феодора. Кроме монастыря в той же местности находилась знаменитая в округе церковь во имя Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии; в праздники Ее сюда стекались христиане не только из Александрии, но и из окрестных городов и стран. Поэтому, когда приближался праздник Успения Пресвятой Девы Марии, многие отправились к Ее церкви; и блаженный Евдикий, выйдя из монастыря Ермия, точно так же пошел на праздник вместе со своим сыном Евтропием. Случилось же, что в тот же самый день и на тоже празднество вышел вместе с клиром и множеством народа из Елиополя и святой епископ Еллий; Евдикий и Евтропий присоединились к толпе, идущей за епископом. Епископ имел намерение сначала зайти в созданный им монастырь, управляемый игуменом Феодором, чтобы здесь отдохнуть до наступления праздника. Когда он приближался к монастырю, на пути с ним встретилась дочь епарха, блаженная Евгения, шедшая в мужском образе в сопровождении двух евнухов; увидев епископа, окруженного народом, она вмешалась в толпу с целью расспросить кого-либо о епископе и завела беседу о нем с блаженным Евтропием. Он подробно рассказал ей все об архиерее Божием, как видно из жития блаженной Евгении, и затем привел ее к епископу, которому Евтропий был известен за чистоту жизни и книжный разум.

Когда блаженный Евдикий отдыхал в монастыре, устроенном епископом, ему было ночью в сонном видении Божественное откровение о том, что он скоро умрет, а сын его будет епископом, который уничтожит идолов во Врунтисиополе Италийском[4064], просветив эту страну святым крещением. При этом он слышал, обращенный к нему голос:

– Евдикий, Евдикий, верный раб Господа! Отныне да будет имя тебе не Евдикий, а Евдиклий, то есть кроткий утешитель; сыну же твоему да будет имя не Евтропий, а Левкий, то есть «прииде на него Дух Господень».

Пробудившись, Евдиклий сейчас же позвал сына и рассказал ему о видении, открывавшем волю Божию:

– Смотри, сын мой, вот приближается время моего отшествия, – не будь прельщаем суетным миром; Господь открыл мне о тебе, что ты удостоишься епископского служения, ибо Господь хочет через тебя очистить от идольских капищ Врунтисиополь; и пусть не будет твое имя более Евтропий, но – Левкий; так переименовал тебя Господь, как и меня вместо Евдикия – Евдиклием.

Услышав это, святой Левкий, – он же и Евтропий, – простершись крестообразно на земле поклонился Богу, вознося к Нему такую благодарственную молитву:

– Благословен Ты, Боже отцов наших, Авраама, Исаака и Иакова, ибо Ты не оставляешь без внимания надеющихся на Тебя и не отнимаешь милосердия Твоего от нищих рабов Твоих, милуя меня недостойного: поэтому я славлю и величаю Тебя, Господа неба и земли, ибо Ты Владыка, возлюбивший человека; да будет Тебе слава в бесконечные веки.

Во время этой молитвы святого с неба над церковью послышался голос:

– Левкий, Левкий! Светлый душою и чистый сердцем, вот имя твое написано на небе и память твоя не изгладится из книги жизни.

Этот голос слышали святой епископ Еллий и некоторые из братий, проводившие ночь без сна в молитве. Но никто не мог понять, к кому именно он обращен.

С наступлением утра к епископу пришли братия Ермиева монастыря и сказали:

– Знай, владыка, что мы более семи лет пребываем без игумена, причем каждый из нас живет так, как он хочет. Не раз просили мы честного Евтропия принять начальство над нами; он вырос в нашем монастыре, и жизнь его по святости превосходит жизнь каждого из нас; никто не может сравниться с ним в трудах послушания; он всегда пребывает в посте и молитве, чтении и писании книг; словом, мы видим его подвизающимся во всех добрых делах. Поэтому мы и хотели иметь его себе отцом, чтобы следовать по его стопам; он же не изъявляет на это

согласия, пренебрегая нашей просьбой. Молим тебя, владыка, поставь его нам игуменом, хотя бы против его воли.

– Я тоже, – отвечал епископ, – думал о том, о чем вы сейчас говорите; впрочем, подождите немного, – я попытаюсь убедить его подчиниться нашей воле.

После этого епископ отправился в церковь, так как наступило время святой литургии. Он приказал архидиакону, ставши на амвоне, возглашать к народу:

– Кто из присутствующих здесь носит имя Левкия?

Никто из народа не отозвался на этот зов, потому что не находилось человека, носившего такое имя. Когда архидиакон воззвал к народу дважды и трижды, святой Левкий, видя, что в народе нет иного Левкия, кроме его, отозвался, сказав:

– Я есмь грешный Левкий!

Все удивились, взглянув на него, и говорили с недоумением:

– Ты Евтропий, сын Евдикиев?

Святой Левкий отвечал на это:

– Спросите моего отца, он вам лучше, чем я, расскажет о моем имени.

Тогда вывели на средину блаженного Евдиклия, честного девяностосемилетнего старца, и спрашивали его:

– Какое в действительности имя твоему сыну?

Он же, видя желание Божие, чтобы открылась тайна о нем и об его сыне, рассказал подробно всё видение свое; между прочим и о том, как глас Божий дважды, во сне и наяву, назвал сына его Левкием. Все, слышащие это, в радости благодарили Бога и, подходя к святому Левкию, приветствовали его с великим уважением. Вслед за этим епископ начал увещевать святого Левкия принять сан игумена со священством. Он отказывался, а народ восклицал:

– Левкий достоин быть не только пресвитером и игуменом, но даже епископом!

И несмотря на нежелание святого Левкия, он был хиротонисан и поставлен игуменом. За сим все светло отправили праздник Успения Пресвятой Богородицы в Ее церкви.

Вступив в управление обителью, святой Левкий усилил свои подвиги и творил чудеса живущею в нем благодатью Святого Духа. Однажды привели к нему бесноватого эфиоплянина, уже оглашенного ко святому крещению. Видя его мучения, святой Левкий сказал бесу:

– Перестань, дух диавольский, мучить человека!

Бес, затрепетав, начал вопить с рыданием:

– Если я выйду из него, то куда пойду? – не имею дома, лучше этого.

– Нечистый дух, – повторил святой Левкий свое приказание, – оставь создание Божие и не осмеливайся более входить в него; постыженный и посрамленный выйди из того, кого доселе человеконенавистнически мучил, связав веригами твоей темной силы. Войди же в тех людей, которые не веруют в Господа нашего Иисуса Христа и не поклоняются Его животворящему кресту.

Со страшным криком вышел бес из уст человека в виде чёрной птицы; при этом он воскликнул:

– Что мне и тебе, раб Божий Левкий, – зачем выгоняешь меня из жилища, которое я избрал себе? Я не хотел входить в человека с белым лицом, обычного вида, но вошел в эфиопа с чёрным, неприятным для глаз, цветом кожи, надеясь, что из такого жилища меня никто не изгонит.

Прогнав диавола крестным знамением, святой Левкий поднял человека с земли здоровым и сподобил его потом крещения. Диавол же удалился в Египет, где принял образ громадных размеров змея; он ползал по улицам одного города, с необычною яростью умерщвляя встречных язычников и иудеев, – мужей, жен и детей; не щадил и животных. Святой Левкий, провидя духом столь человекоубийственную злобу диавола, поспешно отправился в Египет; почувствовав приближение к городу святого, диавол бросился в море, оставив после себя множество трупов, лежащих на улицах. Войдя в город и видя множество оплакивающих с рыданием своих мертвецов, святой Левкий вопрошал:

– Чем вызван такой плач?

Тогда ему сказали, как внезапно появился в городе змей, многих умертвивший и – как он только что сейчас, пред его приходом, бросился в море, где и скрылся. Святой Левкий приказал принести воды, освятил ее и начал ею окроплять мертвых, говоря к ним:

– Восстаньте во имя Господа Саваофа, – вы держимы не узами смерти, но лишь повреждены дьявольским ядом, однако, вы не в состоянии сами избавиться от действия силы змеиной, которая могущественнее вас по причине вашего нечестия и сердечной слепоты. Восстаньте же силою Бога моего и воздадите славу Создавшему вас.

Во время этой речи святой Левкий касался своим жезлом трупов. И тотчас все, точно пробудившись, восстали и, хватаясь за ноги святого, говорили:

– Бог, Которому подобает кланяться, есть не иной как Тот Отец, Сын и Дух Святой, Коего ты, раб Божий и отец наш, проповедуешь.

Все воскресшие уверовали во Христа, вместе с ними обратилось в христианство еще до трех тысяч мужей; все они крестились с женами и детьми своими, прославляя Господа нашего Иисуса Христа, сотворившего столь дивные чудеса через святого Своего Левкия.

По прошествии нескольких лет во Христа уверовал со всем своим домом епарх Александрийский Филипп, побуждаемый к тому примером святой дочери своей Евгении; по истечении некоторого времени он оставил начальство, сделавшись христианским епископом. По страдальческой кончине епископа Филиппа преемником ему единогласно избран был святой Левкий. Между тем в Александрии после Филиппа епархом был сначала Терентий, а потом Сатурнин. Будучи врагом христианства, последний обдумывал со своими советниками-идолопоклонниками, как бы поднять в Александрии гонение на христиан, убив предварительно их епископа, святого Левкия: Сатурнин видел, что он многих обращает из язычества в христианство. И стал епарх изыскивать удобное время для приведения в исполнение своего злого умысла. Верные же из жителей Александрии, узнав об этом, совещались между собою,

как бы убить епарха. Тогда святой Левкий, призвав к себе всех христиан, убеждал их оставить свой мятежный замысел и поведал им о бывшем ему от Бога явлении:

– Знайте, возлюбленные, что Господь мой благоволил явиться мне в видении и повелел поставить вам другого епископа, чтобы я мог идти на Запад во Врунтисиополь, ибо город этот нуждается в христианском просвещении.

Услышав это, христиане с рыданием начали припадать к ногам святого, говоря:

– Отче святой! Не оставляй нас сиротами, – не разлучайся с теми, коих приобрел Богу; не покидай нас до своей кончины.

– Вы все знаете, – возразил святой Левкий, – что еще во дни моей юности Господь благоволил о мне открыть отцу моему Евдиклию, как я недостойный восприиму сей святительский сан и как пойду в идолопоклоннический город, в среду народа, не знающего Бога. Так угодно Владыке нашему, чтобы через меня недостойного раба Его присоединить тех людей к святой Церкви. Поэтому именно и повелел мне Господь поставить вам иного отца, я же иду на предуказанное мне дело. О епархе же Сатурнине знайте, что нечестивый замысел его о гонении на христиан не исполнится, ибо сократились дни жизни его и близка его погибель: по моем удалении отсюда рушится дом его, похоронив его со всеми домашними под развалинами.

Сказав это и утешив плачущих христиан, он избрал мужа достойного святительского престола; так поставлен был вместо святого Левкия другой епископ. – Взяв с собою двух своих диаконов, Евсевия и Дионисия и пять учеников, святой Левкий отправился из города на корабельную пристань. Все христиане, числом пять тысяч, не считая жен и детей, с плачем и рыданием провожали своего епископа.

– Зачем, – восклицали они, – покидаешь нас, отче, не жалея детей своих?

Обернувшись назад и видя плачущих, святой Левкий сам возмутился духом, прослезился и, воздевая к небу руки, сказал:

– Господи, Боже мой Иисусе Христе, если есть Твоя воля, не разлучай меня от этих людей Твоих, на служение которым Ты поставил меня!

Только что окончил он эту молитву, как с неба раздался голос, услышанный всеми христианами:

– Левкий! Не пренебрегай повеления Господня, но садись на корабль и отправляйся с миром, куда тебе повелено.

– Вы слышите, – обратился святой Левкий к сопровождавшим его, – волю Господню, братия? Итак, знайте, что не по своему желанию расстаюсь я с вами.

Простившись со всеми, он вошел в корабль и отправился в путь. В Александрии же, согласно пророчеству святого, внезапно разрушился дом епарха, умертвив вместе с последним и всех находившихся внутри.

После пятнадцати дней корабль приплыл в Адрианополь, не Фракийский, а находящийся в древнем Египте; здесь святой Левкий пробыл немного времени, приняв к себе двух пресвитеров, Леона и Савина. Найдя другой корабль, он сел на него, вручив условленную плату, и приплыл в Гидрунт, где пересел на Далматийский корабль, на котором и достиг Врунтисиопольской области. Выйдя из корабля святой Левкий направился к городу со своим клиром. На пути им встретился трибун[4065] Армалеон с его воинами; одного из последних святой Левкий и спросил:

– Кто начальник этого города?»

– Разве вы не слыхали, – ответил воин, – о великом Антиохе, господине этой страны?

– Какую же веру исповедует господин твой Антиох? – снова задал вопрос святой Левкий.

Услышав такой вопрос трибун и воины со смехом сказали:

– Разве есть какая другая вера и какой другой бог, кроме солнца и луны, освещающих вселенную? Не слышат ли уши всех голосов их, гремящих в облаках? Что скорее молнии, исходящей от солнца? Что светлее луны, предвозвещающей своими видоизменениями о наступающих переменах погоды?

– Бедные невежды! – сказал со вздохом святой Левкий. – До вас еще не достигло Божественное просвещение и потому вы не знаете, что солнце и луна – создание Божие и повинуются повелению Господа, свершая свое беспрерывное течение. И не следует называть их богами: в них нет ничего Божественного;

они даже не могут стоять на одном месте, но постоянно движутся, восходят и заходят, закрываются то облаком, то ночною тьмою и бывают то видимы, то сокрыты от глаз. И настолько свет их отличен от присносущного Света, то есть Бога, почитаемого нами, насколько создание отлично от Создателя. Бог наш, создавший солнце, луну, небо и землю со всем, наполняющим их, и есть Свет истинный, просвещающий всех в Него верующих. Он сотворил сияние солнца и луны, повелев им служить людям, населяющим поднебесную, – солнце да светит днем, а луна – ночью. И если бы вы познали невидимый Свет – Бога нашего, то никогда бы не преклонялись пред видимыми светилами.

– Какой же это свет, – спросил трибун Армалеон, – о котором ты говоришь, что он невидим нашими очами?

– Христос, сын Божий, – пояснил святой Левкий, – рожденный Девою Мариею от Святого Духа.

И рассказал им всё о Христе, – как Он родился, как жил среди людей, как пострадал Своею волею, умер, в третий день воскрес, вознесся на небо, сел одесную Бога Отца и – как Он придет судить весь мир, чтобы каждому воздать по его делам. С умилением слушали воины поучение святого Левкия; уверовав в его слова, как в истину, они пали пред ним на землю, говоря:

– Молим тебя, отче, соделай нас участниками вечной жизни!

Он после оглашения крестил их; число новообращенных было шестьдесят семь мужей. Сопровождаемый ими и клиром святой Левкий вошел в город. Так положено было начало просвещению Врунтисиополя светом Христова учения.

Князь Антиох, узнав, что трибун Армалеон уверовал во Христа вместе со своими воинами, призвал его к себе и спросил:

– Правда ли то, что я слышу о тебе, Армалеон? Будто ты с подчиненными тебе воинами сделался христианином?

Армалеон молчал. Тогда Антиох с гневом сказал:

– Почему ты не отвечаешь мне?

– Разве тебе, – спросил трибун, – необходимо нужно гневаться на меня за то, что я теперь христианин?

– Я спрашиваю тебя, – возразил Антиох, – без всякого гнева: скажи нам, кто тебя научил христианской вере? Мы все знали тебя за человека мудрого в наших учениях, который доселе отвергал христианство, и теперь удивляемся, каким путем ты превратился в христианина?

– До этих пор, – отвечал Армалеон, – я был слеп и блуждал в сени смертной, и ныне, просвещенный благодатиею Божиею, я прозрел и пребываю в надежде вечной жизни.

– «Какая это жизнь вечная, о которой ты говоришь? – спросил Антиох.

– Если хочешь, можешь познать ее», – предложил трибун. – Если действительно ты покажешь нам ее, – рассуждал Антиох, – то конечно, хочу видеть и разуметь; впрочем, я не думаю, что есть иная жизнь кроме настоящей и не верю, что существует иной свет и Бог, кроме солнца и луны.

– Солнце и луна, – сказал Армалеон, – не боги, но создание Божие, утвержденное Господом на небе не с тою целью, чтобы привлекать кого-либо на служение себе, но затем, чтобы служить, освещая землю, разумному созданию, то есть человеку, живущему на земле.

С удивлением выслушал Антиох эти слова трибуна и спросил его:

– Кто тебя научил такой мудрости?

– Меня просветил, – сказал он, – один Александриец, по имени Левкий, недавно сюда пришедший.

В это время святой Левкий находился за городом на месте зрелищ против западных ворот Врунтисиополя; он учил здесь народ вере Христовой, крестя приступающих к Господу Иисусу. Антиох послал за ним, с честью прося его прийти к нему. Увидев архиерея Божия, он сказал ему:

– Если хочешь, чтобы мы уверовали в проповедуемого тобою Бога, то умоли Его послать на нашу землю дождь, которого мы не видим вот уже два года. От бездождия земля наша иссохла и утратила прежнее плодородие, почему народ пребывает в скудости и нужде.

Святой Левкий, созвав свой клир и всех новокрещенных христиан, сотворил общее усердное моление к Господу Богу, и

тотчас небо покрылось облаками, из коих полился обильный дождь, напоивший всю землю той страны. Тогда уверовал во Христа весь город во главе с Антиохом, так что крестилось двадцать семь тысяч человек, и все славили Христа, Бога нашего. Построили среди города церковь во имя Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии; другой же храм, во имя Иоанна Крестителя, поставили на том месте, где был крещен народ. Так просветился весь Врунтисиополь светом святой веры.

Уча и утверждая в вере новопросвещенных, святой Левкий сильно разболелся и по откровению Божественному узнал, что болезнь его смертельна. Призвав к себе Антиоха, он завещал ему предать погребению его тело на том месте, где пристал к земле их корабль. Затем, воздев руки, он сотворил молитву о своей пастве, преподал всем последнее благословение и прощальный привет с пожеланием мира; после чего и преставился ко Господу, оплакиваемый всем городом[4066]. Взяв честное тело святого, Антиох перенес его с подобающими почестями на место, где святой, прибыв из Александрии, вышел на землю из корабля. Создав здесь церковь во имя святого Левкия, Антиох положил в ней честные мощи угодника Божия. И многие чудеса совершались от гроба его во славу Отца и Сына и Святого Духа, – Бога, в Троице славимого, Ему же от всей твари хвала, благодарение и поклонение вовеки. Аминь.

Память святого священномученика Мефодия, епископа Патарского

Память 20 июня

Угодник Божий Мефодий, с юных лет предавший себя на служение Господу, явился честным сосудом, приявшим Святого Духа; за это, по избранию Божественному, он сподобился епископского достоинства, став архипастырем словесных овец города Патары, в Ликийской области[4067]. Святой Мефодий руководил свое словесное стадо с богоугодным тщанием, направляя его к совершенству кроткими поучениями. Во дни епископства святого Мефодия возникла Оригенова ересь[4068], обольщавшая многих; видя ее возрастание, святой Мефодий, как пастырь выдающийся, точно огнем попалял ересь своими обличениями, – учением, исполненным мудрости и Божественной благодати, он истребил нависшую над верными еретическую мглу. Его боговдохновенные наставления облистали вселенную подобно молнии и как звук разумной трубы по всей земле раздался голос его поучений. Поэтому невидимый враг был не в состоянии выносить той ревности, какою одушевлен был святой Мефодий в своих великих трудах, подъемлемых ради благочестия, ради Церкви Христовой; он вооружил против святого епископа своих видимых слуг, – язычников, поклоняющихся идолам; по его наущению язычники вознамерились предать мучительной смерти служителя Божия, еще прежде страданий облекшегося в «живоносное умерщвление». Схватив святителя Христова, язычники отсекли ему мечом честную главу. И перешел святой Мефодий в лучшую жизнь; как жертва живая принесся Богу тот, который в начале служил Агнцу Божию, а потом сам заклан был как агнец. Так увенчался двойным венцом добрый подвижник благочестия, боровшийся с ересями и Христа исповедавший пред язычниками безбоязненно, даже до пролития крови и мученической кончины, которая последовала в царство Аврелиана[4069]. Аминь[4070].

Тропарь, глас 1:

Кровь твоя мудре, тайно вопиет от земли якоже Авелева к Богу, Богомудре святителю Мефодие, ясно проповедавый Божие вочеловечение: темже и посрамил еси оригенову лесть, и преставился еси в небесный чертог. Моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 4:

Священнотаинник святыя Троицы, и яже паче ума повелений Божественных проповедник, и православным утверждение был еси, Мефодие, злославныя обличил еси смыслы, правоверия ради кровию твоею священномученик явлься: и Христу со Ангелы предстоя, моли спастися нам.

Память святых мучеников Аристоклия, Димитриана и Афанасия

Память 20 июня

Святой мученик Аристоклий, родом кипрянин из города Тамаса, был соборным пресвитером. Во дни царя Максимиана[4071], когда над христианами разразилось великое гонение, святой Аристоклий удалился в пустыню, где и скрывался в одной горной пещере: здесь во время молитвы его однажды облистал свет, превосходивший солнечный, и с неба послышался голос, повелевавший ему идти в Саламинскую митрополию, что на Кипрском острове, и там воспринять мученический подвиг за исповедание имени Христова. Укрепленный явлением света и Божественным гласом он тотчас же, оставив боязнь мучений, пошел, куда было повелено. По пути, пролегавшем в лесу, он зашел в храм святого апостола Варнавы и здесь нашел диакона Димитриана и чтеца Афанасия, которые встретили его с любовью. Во время беседы святой Аристоклий открыл им о причине своего путешествия в город Саламин, рассказав о бывшем ему видении. Димитриан и Афанасий после этого рассказа возымели непреодолимое желание идти вместе с Аристоклием, чтобы умереть за Христа. Когда они достигли города Саламина, то, вставши на возвышенном месте, на виду у всех, начали громким голосом проповедовать об Иисусе Христе, Его прославляя, а языческих богов, бесчувственных идолов похуляя; язычники тотчас же схватили проповедников и представили на суд к правителю для допроса. Последний, узнав, что они христиане, и видя их непоколебимую преданность святой вере, повелел пресвитера Аристоклия усечь мечом; святых же Димитриана и Афанасия после многих мук он предал на сожжение; но после того как святые мужи пробыли в огне живы и невредимы, правитель осудил и их на усечение мечом. Так скончались[4072] страстотерпцы Христовы, украсившись мученическим венцем.

Перенесение мощей святых мучеников Инны, Пинны и Риммы

Память 20 июня

Сии святые мученики происходили из северных стран, из земли варварской[4073]. Они были учениками апостола Андрея и многих из варваров от почитания кумиров обратили к вере во Христа. За это они были схвачены и представлены правителю варваров, который хотел было обольстить их различными соблазнами и лестными обещаниями, но они не склонились на предложенные им почести и за свою твердость в вере во Христа биты были без пощады. Так как в то время стояла суровая зима и реки замерзли настолько, что их можно было переходить по льду, то посредине реки поставили и утвердили на льду прямые дерева и привязали к ним святых мучеников. Когда под тяжестью деревьев лед стал пригибаться, то вода поднялась до их шей, и они в таком положении предали святые души свои Господу. Некоторые христиане похоронили тогда тела их, но потом епископ[4074] вынул их из могилы и, взяв на плечи свои, положил в своей церкви. Спустя семь лет после кончины своей святые мученики явились тому же епископу и повелели ему перенести мощи их в местечко, называемое Аликс, в сухое пристанище[4075].

Память святого мученика Иулиана Тарсянина

Память 21 июня

Святой Иулиан, сын сенатора язычника и матери христианки, родился в Киликийском[4076] городе Аназарве. По смерти мужа, мать святого Иулиана переселилась из Аназарва в Киликийский же город Тарс[4077]. Здесь она крестила отрока Иулиана в христианскую веру и воспитывала его, обучая вместе с книжным учением истинам веры и правилам благочестия христианского.

Когда Иулиану исполнилось 18 лет, то поднялось сильное гонение на христиан, воздвигнутое императором Диоклетианом[4078]. В числе других христиан был взят и святой Иулиан и приведен на суд к игемону Маркиану[4079]. Но ни жестокие истязания, ни угрозы, ни обещания даров и почестей не могли склонить благочестивого юношу к принесению языческих жертв и к отречению от Христа. Целый год водили Иулиана по разным городам Киликии, везде подвергая истязаниям, но он, подобно адаманту[4080], оставался непреклонен в исповедании веры в Иисуса Христа. Когда святого Иулиана привели в город Эгею[4081], то там нечестивые язычники силою открыли рот святому мученику и вкладывали туда идоложертвенное мясо и кровь, желая нечестивыми жертвами осквернить чистого и святого раба Христова. После этого святой Иулиан был ввергнут в темницу. Сюда к нему пришла его благочестивая мать, которая всюду сопутствовала Иулиану, умоляя Господа укрепить сына ее в страдальческом его подвиге. Когда же мучители взяли мать святого Иулиана и привели ее на суд, то она просила игемону позволить ей в продолжение трех дней навещать сына своего в темнице, дабы убедить его поклониться идолам. Игемон разрешил ей невозбранно приходить к сыну ее в темницу. Она же, проводя с ним в темнице дни и ночи и с материнскою любовью беседуя с ним, со слезами увещевала его претерпеть до конца временные

мучения, дабы сподобиться от Господа вечных благ в царстве мучеников.

По прошествии трех дней, святого Иулиана вместе с матерью привели на суд к игемону. Думая, что мать уже уговорила сына к принесению идольских жертв, игемон стал хвалить ее за это увещание, но та громко и безбоязненно начала исповедовать имя Иисуса Христа и обличать языческое безбожие. Также и святой Иулиан неустрашимо исповедовал и прославлял Иисуса Христа – Единого истинного Бога и обличал языческое многобожие. Тогда разгневанный игемон повелел мучить обоих – и мать и сына. Матери святого, после многих истязаний, отрубили ступни ног, которыми она шествовала за своим сыном, следуя за ним из Тарса; святого же мученика Иулиана положили в мешок, наполненный песком и разными ядовитыми гадами, и бросили в море. Так кончил свои страдания святой Иулиан. Через некоторое время скончалась в страданиях и благочестивая мать его, – и оба получили венец победы от Христа Бога.

Тело святого Иулиана было вынесено волнами на берег, где его нашла одна благочестивая вдова из Александрии и с честью предала погребению. Впоследствии святые мощи Иулиана перенесены были в Антиохию[4082]. Святой Иоанн Златоуст[4083], когда был пресвитером в Антиохии, почтил память святого мученика Иулиана похвальным словом.

Кондак, глас 2:

Благочестия непобедимаго воина, и истины согласника и оружника, вси достойно восхвалим Иулиана днесь, и к нему возопиим: моли Христа Бога о всех нас.

Житие преподобных Иулия пресвитера и Иулиана диакона

Память 21 июня

Родина святых Иулия и Иулиана была страна Мирмидония[4084]. Оба они были родные братья и с младенчества были воспитаны в христианском благочестии и получили доброе наставление в книжном учении. Достигши совершенного возраста, они стали проводить жизнь в девственной чистоте, служа Богу постом и молитвою, поучаясь день и ночь в законе Господнем. За такое богоугодное житие они были удостоены церковных степеней: Иулий был рукоположен во пресвитера, а Иулиан во диакона; и были они в Церкви Христовой, как два светильника, сияя добрыми делами и прославляя ими Отца Небесного. В то время среди пшеницы святой веры еще было много плевел идолопоклоннического заблуждения. Хотя восток и запад находились в то время уже во власти христианских царей, и благочестие всюду процветало, однако, еллинское нечестие не было еще истреблено до конца, в особенности по селениям, где люди в неразумной слепоте еще держались древнего идолослужения. И вот сии два раба Христова, преисполненные ревностью по Боге, прибыли в Царьград к благочестивому царю Феодосию Младшему[4085] и просили дать им его царскую грамоту, дабы им беспрепятственно можно было в греко-римской области уничтожать идолов, разорять и сжигать капища и посещать рощи и сады, насажденные в честь идолов, и взамен того созидать храмы Божии и распространять славу имени Иисуса Христа. Царь дал им на это разрешение, подтвержденное грамотою, в которой было присоединено повеление, чтобы везде по окрестностям и городам все правители епархии (областеначальники, князья, различные сановники и градоначальники) повиновались Иулию и Иулиану во всех делах, и на строение храмов Божиих доставляли им всё потребное. Получили они и от святейшего патриарха благословение на проповедь, и на созидание и освящение

церквей. И вот сии два святые воина Христова, как два апостола, отправились в страны греко-римского царства, проповедуя язычникам имя Иисуса Христа, и обращали многих ко Христу Богу, утверждая их веру не только словом, но и чудесами; ибо от Бога им дана была благодать и сила исцелять недужных, изгонять бесов, – и везде разоряли они идольские храмы, идолов уничтожали. В тех же местах, где еллины в ожесточении своем оказывали им сопротивление, и там, показав царское повеление правителям и градоначальникам и получив от них помощь, святые исполняли свое дело. Они созидали множество церквей не только на пособия из царской казны, но и от щедрого подаяния истинно-верующих христиан: ибо все и повсюду, видавшие таких учителей, просветителей и чудотворцев, не жалели своего имущества, жертвуя его на святое дело. Таким образом они прошли Восток и Запад, и создали до ста церквей. Чудеса же, явленные ими, бесчисленны, так что невозможно подробно их передать, и разве только некоторые можно воспомянуть.

Однажды при постройке церкви в Вивлах, созидавшейся старанием святых братьев, один из работников по неосторожности отсек себе железным орудием большой палец на левой руке, так что вытекло очень много крови, и человек тот упал от изнеможения и боли, как мертвый. Святые, увидев это, взяли отсеченный палец, приложили его к составу, осенив больное место крестным знамением, и палец тотчас прирос к составу своему, и рана закрылась. Святые, подняв с земли человека того здоровым, подали ему в руки его железное орудие, сказав при этом:

– Крепись и трудись во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

В другое время, святые находились в Медиоланской епархии[4086], близ города называемого Гавдианом. Здесь они, очистив от идольских капищ некое селение, сами трудились над построением церкви (девяносто девятой по числу построенных ими церквей). Вместе с ними трудилось над сей постройкой, помогая им, множество верующих. Случилось мимо того места проезжать каким-то людям. Увидав трудившихся над постройкою храма, решили сами с собою, что строители

задержат их и, хотя бы они не желали, будут убеждать их принять участие в работе[4087]. И так как им сие место не возможно было миновать, то они поступили так: одного из своих положили в повозке, как бы мертвого, сделав вид, что везут умершего для погребения. Лишь только они приблизились к самому месту постройки церкви, святые братья обратились к ним со словами:

– Дети! Помогите нам в нашей работе.

Они же в ответ сказали:

– Мы не можем медлить, потому что везем мертвеца для погребения.

– Не лжете ли вы, дети? – спросил святой Иулий.

– Нет, отче, – отвечали они.

– Так пусть же будет вам по слову вашему, сказал им на это святой Иулиан.

И люди те отправились своей дорогой. Удалившись немного далее, они сказали притворившемуся мертвым, чтобы он встал. Но он не вставал; тогда они начали сильнее толкать его, думая, что он спит. Однако вскоре они убедились, что он действительно умер. Чудо это сделалось известным всюду, и все были в страхе и ужасе, так что никто с того времени не дерзал говорить святым ложь.

Через некоторое время после этого святой Иулий пресвитер сказал однажды своему брату, святому Иулиану:

– Оставайся ты, брат, строить здесь эту девяносто девятую церковь, а я пойду поищу другое место, где бы можно было создать сотую, дабы по создании ста церквей на земле, по благодати Божией, быть нам переселенными в Церковь нерукотворенную, вечную на небесах.

Сказав сие, Иулий отправился в путь. Пройдя расстояние около двух миль, он подошел к озеру, называемому Мукорос. Озеро то очень велико; на нем он увидал большой остров, очень красивый, на котором никто не обитал. Смотря издали на тот остров, святой стал размышлять, как бы ему переправиться на него. А так как поблизости не было лодки, то он встал на молитву и, преклонив колена, помолился, сказав:

– Господи Боже всесильный, Иисусе Христе! Твоею всемогущею силою подай мне, чтобы сия милоть[4088] моя, которая на мне, послужила бы мне вместо лодки, дабы, находясь на ней и я, управляемый Твоею десницею, мог переправиться на тот остров, не погрузившись в воду.

Помолившись так, он распростер свою милоть на воде и, сотворив крестное знамение, взошел на нее, – и милоть, как лодка, не погружалась в воду. Святой же, держа в руках жезл, и как веслом гребя воду, управлял чудесною ладьею из милоти и достиг до того острова. Выйдя на остров, он обошел его вокруг и очень радовался, видя его красоту. Посреди острова святой Иулий увидел громадный камень, занимавший большое пространство. На нем решил он построить сотую церковь во имя святых двенадцати Апостолов. Но на острове том водились в большом количестве змеи и всякие ядовитые гады, почему никто из людей не осмеливался даже приблизиться к тому острову. Святый, взойдя на тот камень, сделал из небольшого деревца крест, и водрузил его в небольшую расселину в камне. Помолившись затем Богу, он созвал к себе именем Иисуса Христа всех змей и гадов – и собралось их великое множество к нему. Святой сказал им:

– Уже довольно пожили вы на месте сем, ныне же именем Пресвятой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, повелеваю вам уйти с сего острова, и предоставить место сие для дома Божия и для рабов Христовых, намеревающихся обитать здесь.

Лишь только святой произнес это, как все змеи и гады, как бы поняв его слова, тотчас повиновались его повелению, и, собравшись все вместе, удалились к западной стороне острова; затем, погрузившись в озеро, переплыли на другую сторону к горе, называемой Камункин, и там поселились, устроив гнезда, а остров очистился от гадов. Святой же, как и в первый раз переправившись обратно, направился к христианским селениям, находившимся в окрестности, и, получив от них помощь и всё необходимое, возвратился на лодках с рабочими на остров; потом, заложив на камне церковь во имя святых двенадцати Апостолов, занялся ее постройкою.

В то время брат его святой Иулиан, окончив постройку церкви, что около города Гавдиана, задумал устроить в ней гроб для брата своего Иулия, и начал строить его. Святой же Иулий, узнав об окончании постройки той церкви, пошел, чтобы посмотреть ее и вместе посетить своего брата. Когда он пришел туда, тот встретил его с такими словами:

– Вот, брат, с Божиею помощью и по твоим молитвам церковная постройка окончена, только строится еще гроб для тебя, дабы в нем по преставлении твоем почивало твое тело.

Но святой Иулий, исполненный пророческого дара, сказал на это святому Иулиану:

– Поспеши скорее докончить постройку этого гроба, ибо тебе самому придется почить в нем.

И сие сбылось. Когда гроб был устроен, святой Иулиан диакон преставился ко Господу. Святой же Иулий, предав с честью погребению тело брата, возвратился опять на остров, где и продолжал постройку церкви, посвященной апостолам. Окончив построение церкви, он устроил в ней гроб для себя, потому что предвидел приближавшуюся кончину свою, так как был уже в преклонных летах. В то время в Медиолане от царя был назначен епархом для управления всею тою страною один сенатор, по имени Авдентий, человек благородного происхождения, добродетельный и благочестивый. Узнав о святом Иулиане, он с домашними пожелал побывать на острове Мукоросе, чтобы видеть человека Божия Иулия пресвитера и посмотреть церковь устроенную им; сев на корабль, они отправились. Прибыв на остров, Авдентий сподобился получить благословение от святого и беседовать с ним о духовных предметах, а также и осмотрел церковное здание; после этого он обратился к святому с такими словами:

– Отче! Если ты еще что намерен строить, то скажи мне, и я из своего имения буду помогать тебе, ибо с радостью готов служить вам во всём нужном.

Святой ответил на это:

– Чадо! Строить нам более ничего не требуется, остается построить только около моего гроба гроб для тебя, потому что тело по твоей кончине будет почивать в сей церкви.

Авдентий ответил:

– Пусть твой гроб, отче, будет здесь, а я уже устроил себе гроб в Медиолане.

– Поверь мне, чадо, – сказал ему на это святой Иулий, – что тело твое будет погребено около моего тела, а не в другом каком-либо месте.

Побеседовав довольно со святым и получив от него благословение, Авдентий возвратился в Медиолан. В непродолжительном времени святой Иулий преставился ко Господу и был погребен в своем гробе, от которого по молитвам его подавались многие исцеления болящим. По преставлении святого Иулия, заместителем его был благочестивый пресвитер Илия. По прошествии нескольких лет скончался и Авдентий, медиоланский епарх, и был положен в своем гробе, в Медиолане; но утром на другой же день он был найден лежащим вне своего гроба, не выброшенный кем-либо из него, но как бы вынесенный из него и бережно положенный. Тело его положили обратно в тот же гроб, но и во второй раз он был найден лежащим вне гроба; то же произошло и в третий раз. Хотели положить его на другом месте, но нигде не находилось места для его погребения. Тогда домашние вспомнили слова святого Иулия, сказанные Авдентию, что он ни в каком другом месте не будет погребен, как только рядом с телом его; и отвезли тело Авдентия на остров Мукорос. Блаженный Илия с крестами, кадилами и со свечами встретил тело епарха, и с подобающими почестями предал его погребению при гробе преподобного Иулия.

Так исполнилось пророчество святого, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Житие и страдания святого священномученика Евсевия, епископа Самосатского

Память 22 июня

Святой Евсевий был епископом города Самосаты[4089], находившегося под управлением антиохийского патриарха. Он был мужем правоверным, благочестивым, исполненным ревности по Боге, постоянным и непоколебимым в православном исповедании в то самое время, когда усилившаяся ересь Ария[4090] приносила большой вред, и сильно смущаемая Церковь Божия колебалась, как корабль посреди моря в бурю.

По смерти святого великого царя Константина (царствовал с 306 г. по 337 г .) в восточной половине царства его вступил на престол сын его Констанций[4091], который, как арианин, стал во всём помогать арианам и преследовать их выгоды. Поэтому в его царствование православным пришлось испытать большое гонение и стеснение от ариан, от которых и святой Евсевий перенес не малые страдания за свою ревность по православной вере.

Ревность святого Евсевия о Церкви Христовой стала известна всем после следующего события.

Когда Евдоксий, патриарх Антиохийский, арианин, перешел из-за богатства на цареградский престол[4092], тогда по этому случаю в Антиохии был собран собор всех сирских епископов для избрания патриарха на место Евдоксия. Ввиду того, что не только между народом христианским, но между епископами было мало православных, и многие арианствовали следуя за нечестивым царем, вероучение вновь избранного патриарха должно было иметь большое значение для Православной Церкви. Об этом и позаботился святой Евсевий, который на соборе занимал не последнее место между епископами-первоседателями. Зная хорошо епископа севастийского, в Армении, Мелетия, как правоверующего и твердо держащегося символа первого вселенского Никейского собора, Евсевий всем

советовал, чтобы сего епископа избрали на патриаршество. Арианствующие, не зная православия Мелетия и думая, что он будет их единомышленником, охотно послушались совета Евсевия. Они составили общий относительно Мелетия приговор, подтвердили его своей подписью и отдали на хранение святому Евсевию. Затем, когда получили царское согласие на это избрание, от лица епископов было отправлено известие об избрании к святому Мелетию, и последний был приведен в Антиохию, где его встретили с великою радостью. Святой Мелетий в сане патриарха стал учить свою паству прежде всего хорошей и добродетельной жизни: этим он старался сгладить для строптивых сердец путь к правоверию. Святой ожидал, что, исправив злые нравы, исторгнувши терния и волчцы, он с большим успехом может рассеять семена православия среди своей паствы. По прошествии недолгого времени народ захотел удостовериться, какого исповедания держится их новый патриарх, о чем и стали просить патриарха. По этому случаю святой Мелетий произнес в церкви проповедь к народу, в которой восхвалял православную веру, утвержденную на первом Вселенском соборе в Никее, и исповедовал Сына соприсносущным и соестественным Отцу, не созданным и Творцом всей твари. После такой всенародной проповеди ариане пришли в смущение и сильно разгневались, а православные возрадовались, видя на апостольском престоле такого православного архиерея. С яростью выгнали ариане патриарха из церкви в 30-й день по вступлении его на патриаршество и стали везде хулить его, называя его приверженцем еретика Савеллия[4093]. Затем, по их просьбе, Мелетий был осужден царем в заточение и ночью из Антиохии был отослан в ссылку. На место его ариане избрали в Антиохию Евзоя – арианина.

Святой Евсевий самосатский, видя какое волнение произвели еретики в антиохийской церкви, видя также и незаслуженное поношение, какое оказали ариане новому архиепископу Мелетию, никому ничего не говоря, вышел из Антиохии и отправился в свой город. По отшествии Мелетия, ариане вспомнили, что у Евсевия находится на хранении,

подписанный руками епископов, приговор об избрании Мелетия. Вспомнив это, они пришли в немалое смущение, боясь того, как бы что они сами своею волею избрали себе архиепископа и тотчас же изгнали его. Поэтому ариане стали просить царя, находившегося тогда в Антиохии, послать к Евсевию с просьбою возвратить вверенный ему приговор. Царь немедленно послал за приговором гонца к Евсевию. Посланный, прибыв к епископу, передал ему царское повеление, на что святой Евсевий так отвечал:

– Я не отдам общий приговор, вверенный мне, до тех пор, пока все, вверившие мне этот приговор, не соберутся вместе (на собор).

Посланник возвратился ни с чем, за что царь сильно разгневался и снова послал его, написав строгое повеление, если епископ не пожелает отдать приговор, отсечь ему правую руку. Последнее царь написал для устрашения святого, делать же это он не осмелился приказать посланнику. Когда царский гонец догнал епископа и показал ему грозное послание, святой Евсевий, прочитавши его, тотчас протянул две руки на отсечение со словами:

– Не только одну правую руку, но и левую отрубите; всё-таки я не отдам приговора, обличающего злобу и беззаконие ариан.

Снова посланный возвратился без приговора и рассказал обо всём царю. Царь, услыхав ответ святого епископа, очень удивился его безбоязненному мужеству и твердости, за что впоследствии восхвалял Евсевия пред многими.

По прошествии нескольких лет умер злочестивый царь Констанций, после которого стал царствовать Юлиан Отступник[4094]. Этот царь сначала возвратил святого Мелетия из заточения на антиохийский престол, но потом снова изгнал его.

В царствование Юлиана Церковь Христова испытала еще большее зло, чем в царствование Констанция. К арианской ереси, смущающей всех правоверных во вселенной, присоединилось гонение от идолопоклонников. Сам царь явно отрекся Христа и стал открыто приносить жертвы идолам. На Церковь Христову и на христиан было воздвигнуто гонение,

которое было направлено главным образом против духовенства. Эти гонения привели к тому, что многие православные церкви (в это время) остались без своих служителей, святительские престолы – без архиереев, из которых одни были умерщвлены, а другие разогнаны или арианами – в царствование Констанция, или идолослужителями – в царствование Юлиана. Было до того тяжело, что если бы Господь не прекратил жизнь и царствование Юлиана, то едва ли осталась бы в целости какая-либо церковь со своими служителями.

В такое лютое время святой Евсевий, утаив свой сан святительский, оделся в воинские одежды и в таком виде стал обходить Сирию, Финикию и Палестину, утверждая христиан в православной вере. Где он находил церковь без служителей, там он поставлял иереев и диаконов и прочих клириков и везде поставлял епископами только тех, которые отвергали ересь Ария и мудрствовали православно. Вот какую ревность о Христе, каков труд, какое старание и попечение имел великий архиерей Божий Евсевий о Христовой Церкви в это время!

После позорной смерти Юлиана, стал царствовать благочестивый и христолюбивый царь Иовиан[4095], при котором святой Мелетий был снова возвращен на свой престол. В это время святой Евсевий и прочие православные архиереи стали с дерзновением, не боясь язычников, управлять своею паствою. По совету святого Евсевия, Мелетий собрал Поместный собор в Антиохии, на котором было 27 епископов; между ними первым после Мелетия был Евсевий. На это соборе был Пелагий, епископ лаодикийский, о непорочной и святой жизни которого рассказывают следующее.

В юности своей Пелагий был убежден своими родителями вступить в брак, но когда был введен в чертог, то убедил свою невесту сохранить девство в чистоте. Так под видом супружества он пребывал с женой в нетленном девстве, как брат с сестрой. Кроме сего он отличался и многими другими добродетелями, ради которых был почтен от Бога и от людей святительским саном. Пелагий обнаруживал большую любовь к святому Мелетию и святому Евсевию и был их

единомышленным другом и вместе с ними поборником по благочестию. На упомянутом выше поместном антиохийском соборе святые отцы повелели всем исповедовать и православно содержать единосущие Сына со Отцом, а также и то вероучение, которое было утверждено на первом Вселенском соборе. К этому определению присоединились ариане и приложили свои подписи, хотя сделали это лицемерно, на время, из угождения царю православному, а главным образом боясь православных архиереев, святых Мелетия, Евсевия и Пелагия, пользовавшихся от царя большим уважением. Благочестивый царь сильно любил этих столпов церковных за их правоверие и святую жизнь и слушал их во всем, почему они и были страшны еретикам, которые из боязни к ним присоединялись к Церкви.

По смерти недолго царствовавшего благочестивого царя Иовиана вступил на престол Валент[4096] и еретики снова возвратились к своему зловерию, как псы на свои блевотины[4097], прежде всего совратив царя в арианство через жену его арианку Домнику. Православная Церковь снова стала терпеть притеснения, и епископы ее подверглись изгнанию. Святой Мелетий был изгнан в Армению, святой Пелагий – в Аравию, святой Евсевий был осужден в заточение во Фракию.

Неправедный приказ неправедного царя относительно изгнания Евсевия был доставлен в Самосаты к вечеру. Святой Евсевий, узнав о сем, призвал к себе царского посланного и сказал ему:

– Сегодня молчи и никому не говори о причине твоего прихода, а то узнает народ и, возревновав, может возмутиться и убить тебя; тогда я буду виновником твоей смерти.

Сказав это, святой Евсевий совершил вечернюю молитву и ночью объявил тайну одному из своих верных слуг. Как только все заснули, святитель вместе со своим слугой вышли из архиерейского дома; слуга нес за епископом возглавие и книгу. Когда путники пришли к реке Евфрату, текущей около городских стен, они сели в лодку, чтобы плыть на ней в город Зевгму. Святитель тотчас же приказал гребцам грести, которые, потрудившись всю ночь, на другой день доставили путников в

город Зевгму. Самосатяне, узнав, что святой архиерей оставил их, предались великому плачу и рыданиям, а вместе с тем стали расспрашивать, не знает ли кто, куда ушел святитель. Один из жителей видел, как святитель сел в лодку, и слышал, что святой повелел везти себя в город Зевгму, о чем он и рассказал народу. Тотчас же многие из жителей сели лодки, спешно поплыли за святителем и догнали его в Зевгме. Став пред лицом святителя, они восплакали великим рыданием, стараясь уговорить его, чтобы он возвратился в их город. Святитель отказался. После этого каких только они не творили пред ним молений, каких не говорили слов, припадали ногам, орошали их слезами, чтобы он только возвратился на свой престол. Святой Евсевий напомнил им следующее апостольское слово: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Поэтому противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13:1–2).

Приводя сие апостольское слово, святой говорил:

– Мне невозможно быть противником царского повеления, да и для вас не безопасно противиться царской воле.

После этого поняли пришедшие, что они не в состоянии убедить святого возвратиться обратно и тогда стали давать ему в дорогу, один золото, другой серебро, одежды, а иные рабов, как отходящему в дальнюю сторону. Из предлагаемого святой Евсевий взял очень немногое. При прощании святой поучал их держаться православной веры и апостольских догматов, о всех помолился Богу и, благословив всех, отправился в предлежащий путь, во Фракию, куда был осужден на изгнание.

Когда святой Евсевий находился в Истре, дошел слух, что во Фракию вторглись готы и сильно ее опустошают. Поэтому святой не пошел далее, но остался в Истре, где и пробыл до смерти злочестивого царя Валента. На место Евсевия в Самосаты был назначен арианами епископ арианин Евномий.

Когда Евномий вступал в город Самосаты для управления паствою, никто из жителей города – ни богатый, ни нищий, ни художник, ни земледелец, ни муж, ни жена, ни старый, ни

молодой не вышел к нему навстречу: весь город, будучи правоверным, не желал почтить еретического епископа, ни принять от него благословения, ни даже – видеть его. Евномий царскою властью принял в управление епископию и стал совершать службу в соборной церкви. Народ не стал ходить в ту церковь, а также и в дом архиерейский, не любя архиерея-еретика. Ввиду этого Евномий постоянно находился один, исключая тех, которые с ним пришли. О нем рассказывают, что хотя он был и еретик верою, однако, нравом своим был добр, кроток, тих, смирен и ко всем любезен. О добронравии его рассказывают следующее.

Однажды он вошел мыться в общую баню, и слуги, по обычаю той страны, затворили за ним двери, чтобы не вошли другие туда, где моется епископ. Евномий, узнав, что многие стоят у дверей, желая мыться, приказал слугам отворить двери и впустить всех желающих мыться с ним вместе. Вошедшие в баню, видя епископа, сидящего в теплой купели, не пожелали сесть и стояли пред ним, оказывая ему этим почесть. Епископ предлагал войти им в ту же купель, где он находился, но пришедшие отказались. Понял тогда епископ, что пришедшие из-за него стоят и не желают мыться. Этим он сильно опечалился, вышел из купели и удалился из бани, не желая, чтобы его почитали. Оставшиеся в бане тотчас вылили воду из купели, как осквернённую омовением еретика, и самую купель хорошо омыли, гнушаясь присутствия в ней еретика, и уже затем, согрев новую воду, устроили себе купель. Узнав о сем, Евномий окончательно убедился, что не может привлечь к себе народ самосатский, оставил епископию и удалился из города.

По удалении Евномия ариане поставили в Самосаты от своего зловерия епископа Лукия, явного волка и врага Христовых овец. Граждане города и сему епископу, как и первому (Евномию) не оказывали почести и он жил в общении только с пришедшими с ним, ибо никто из православных не ходил к епископу. Овцы же Христовы, хотя и были без своего пастыря (Евсевия), однако, хорошо помнили его учение и непорочно соблюдали святую веру. Насколько православные

гнушались еретического епископа можно видеть из следующего случая:

Однажды много мальчиков на улице (по детскому обычаю) играли в мяч, перекидывая его от одного к другому. В это время пришлось проезжать здесь епископу. Случайно мяч упал под коней и колесницу епископа. Дети, видя это, громко стали кричать: «мяч осквернился еретичеством, мяч осквернился еретичеством…» Услыхав крики, епископ оставил одного из своих слуг узнать, что делают дети и ради чего они так громко кричали. Дети развели огонь и через пламень стали перекидывать мяч, думая этим огнем очистить мяч от еретичества. Так не только взрослые люди, но и малые дети гнушались еретичества епископа, который был как мерзость запустения на святом месте (срав. Дан.9:27). Узнав об этом, Лукий не последовал кротости Евномия, но разгневался и многих священных лиц сослал в отдаленные места. Племянника Евсевия – блаженного Антиоха, достойнейшего священника, богоугодного и богодухновенного, искусного в книжной премудрости, сослал в Армению; известнейшего среди служителей Господних, диакона Еволкия, прогнал в Оасимскую пустыню. Ввиду сего немалая печаль и скорбь постигли самосатский город.

После страшной кончины злого царя Валента стал царствовать благоверный царь Грациан[4098]. Он тотчас же освободил всех архиереев и других священных лиц, изгнанных за православную веру, и повелел возвратить им прежние престолы. Тогда возвратились: святой Мелетий – в Антиохию, святой Пелагий – в Лаодикию, святой Евсевий – в Самосаты. Вместе с Евсевием в Самосаты возвратились и все изгнанные арианином Лукием, а в числе их священник Антиох из Армении и диакон Еволкий из Оасима. Для православных это было великою радостью, для нечестивых – великим стыдом. По возвращении на прежнее место Евсевий вместе с прочими епископами и в особенности за одно со святым Мелетием стал заботиться о церковном благоустроении. Прежде всего он постарался избрать на архиерейские престолы, бывшие праздными по извержении епископов ариан, мужей достойных и

твердых в православии. Посвящая в архиерейский сан, святой поставил следующих епископов: честного Акакия – в Вирею, добродетельного Феодота – во Иераполь, одноименного себе Евсевия – в Халкиду, Исидора – в Кир, в Едессу же, по преставлении святого архиерея Варсы, возвел на престол исповедника Евлогия. С богоугодным епископом Марином, избранным в арианский город Долихины, святой Евсевий пошел сам (в указанный город), где он хотел очистить церковь от ереси и посадить на престол вновь избранного православного архиерея. Когда Евсевий вошел в этот город, одна женщина арианка бросила в него с крыши горшок и рассекла святому голову. От этой язвы святой Евсевий разболелся и преставился ко Господу. Умирая, он заклинал всех, с ним бывших, чтобы они из мести не сделали какого-либо зла той женщине, которая причинила ему болезнь. В этом случае святой подражал своему Владыке, Который молился за распинающих Его, говоря: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23:34); а также и святому Стефану, молившемуся о побивающих его каменьями[4099].

Так мученически скончался[4100] великий угодник Божий Евсевий от арианской руки, пострадав за Сына Божия, Отцу соприсносущного и соестественного. Святое тело его было возвращено в город Самосаты, где и было честно погребено, со слезами и рыданием всего христианского народа. На место Евсевия был возведен вышеупомянутый блаженный Антиох, сын сестры святого Евсевия. Церковь самосатская процветала в православии, благочестно славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же и от нас да будет честь, слава, благодарение и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Благочестно во святительстве пожив, и мучения путь прошед, идольския угасил еси жертвы, святителю Евсевие; но яко имеяй дерзновение ко Христу Богу, моли спастися душам нашим.

Память святых мучеников Зинона и Зины

Память 22 июня

Святой мученик Зинон происходил из Филадельфии аравийской[4101], носившей в древности название Емана. Зина был слугою его и горел желанием принять страдания за веру во Христа. При игемоне Максимиане, управлявшем областью в царствование императора Максимиана святый Зинон[4102] раздал всё свое имущество бедным, а рабов отпустил на свободу. Услышав о том, какую великую честь игемон оказывает идолам, он пришел к нему вместе со своим слугою, так как этого пожелал сам Зина, который не хотел оставить своего господина и добровольно пошел с ним. Святой Зинон явился к игемону и когда увидел, что тот действительно очень заботится о почитании ложных богов и сам усердно предается служению идолам, то обличил его. Тогда игемон немедленно же повелел бить святого ремнями из воловьей кожи. Во время этого истязания Зинон, протянув руку, ударил локтем в стену идольского храма и этим разрушил и уничтожил его. За это его сперва повесили и без милосердия стали строгать тело его, причем раны натирали уксусом и солью, а потом четырьмя клиньями забили в колодку ноги его. На место мучения святого Зинона пришел слуга его Зина и стал умолять своего господина не отталкивать и не покидать его. Узнав об этом, игемон велел и Зине забить в колодку ноги. Когда же оба святые мученика были приведены к игемону на допрос и отказались отречься от Христа, то их предали жестокому избиению, причем святому Зинону обожгли кроме того раскаленными железными прутьями грудь и ту часть ее, где находится сердце. После этого святых повесили на дерево, к ногам их привязали тяжелые камни и огнем сожгли им мышцы, а затем бросили в яму с огнем и стали лить на огонь масло, но так как святые мученики чудесным образом остались невредимыми и даже не опаленными огнем, то им, наконец, отсекли мечом головы[4103]. Память их совершается в церкви святого Георгия в Кипариссии[4104].

В этот день совершается память святого мученика Галактиона, потопленного в море, и Иулиании, вместе со своим сыном Сатурнином сожженной.

Память святой мученицы Агрипины

Память 23 июня

Святая дева Агрипина родилась и получила воспитание в Древнем Риме. С малых лет она отдала себя Богу и была, по апостолу, «Христово благоухание во спасаемых» (2Кор.2:15). Как ароматное яблоко или как благоуханный цветок, она своим целомудренным и добродетельным житием приносила верным сердцам сладость и благоухание, чем и отгоняла смрад страстей. Она украсила свою душу девственной чистотой и обручилась со Христом, за Которого в царствование Валериана[4105] дерзновенно и мужественно, не убоявшись мучений, предала себя многим ранам из-за любви к своему Жениху Христу. Тело ее было избито палками так сильно, что были перебиты кости, после чего ее обнажили и заключили в оковы. Но Ангел Господень невидимою рукою разрешил от уз и подкрепил ее, и она, поправ всякое нечестие, в муках предала Богу дух свой[4106]. Рабыни Христовы Васса, Павла и Агафоника тайно взяли тело святой мученицы и вышли с ним из Рима. Переходя с места на место, совершив долгое плавание, они приплыли в сицилийскую область, где тайно похоронили святое тело. Как только Сицилия сподобилась принять честные мощи святой мученицы, тогда же она избавилась от мрачной бесовской злобы и стала иметь защиту от агарян в молитвах святой Агрипины. Так, когда агаряне приступили к тому городу, где находилась церковь святой мученицы, и осмелились завоевать его, они тогда же были преданы всеконечной погибели.

От честного гроба мученицы все больные и прокаженные, приходящие с верою, получали исцеление от всяких недугов молитвами святой мученицы, благодатью Христа, Бога нашего. Аминь.

Кондак, глас 4:

Светлых подвиг твоих светоносный наста день, воньже почитающи этих Божественная Церковь, вся созывает весело вопити тебе: радуйся, дево и мученице, Агрипино всечестная.

Повесть о покаянии Феофила

Память 23 июня

Незадолго до нашествия персов[4107] на греческие владения, во второй Киликийской епархии, в городе Адане[4108] жил эконом святой соборной кафедральной церкви этого города, по имени Феофил. Жил он добродетельно и свято, справедливо и разумно распоряжаясь церковным имуществом, праведно и согласно с волей Божией управляя делами. Для архиерея он был оком, присматривающим за всем, и правой рукой, исполняющей все дела и повеления. Он был очень любим своим епископом, да и не только епископом, но и всем церковным причтом и всеми жителями города за свои добродетели, ибо он был отцом сирот, кормильцем вдов, щедрым прибежищем нищих, заступником обижаемых, помощником беспомощных; одним словом, не было человека, которого бы он не утешил в печали словом и делом. За это все почитали Феофила, как отца, любили, как благодетеля, и превозносили похвалами.

Когда же Божиим изволением преставился от временной жизни епископ Аданы, то все благочестивые жители этого города всякого чина, от большого и до самого малого, движимые истинною христианскою любовью к Феофилу за его многие благодеяния, и знакомые также с его чистою и непорочною жизнью, единодушно избрали его себе в епископа. Затем они послали несколько особенно почитаемых граждан к Киликийскому митрополиту с письменным извещением об этом. Прочтя письмо, митрополит согласился утвердить их избрание: Феофил был и ему самому известен за человека добродетельного и богоугодного, способного к управлению епархией, искусного и опытного во всём. Он тотчас же велел призвать его к себе для поставления во епископа Аданской церкви.

Но Феофил, узнав о решении митрополита, не захотел отправиться к нему, упорно отказываясь от принятия епископского сана. Граждане и весь причт долго со слезами

просили и умоляли его стать их епископом, но безуспешно. Тогда они снова отправили к митрополиту прошение, чтобы он поставил им во епископа Феофила, хотя бы и против воли последнего.

Призвав его, наконец, к себе насильно, своим властным повелением, митрополит с радостью и любовью принял его и хотел тотчас же рукоположить во епископа. Но Феофил упал ниц к его ногам и со слезами начал молить не налагать на него такого бремени.

– Я знаю мои грехи! – восклицал он, – я недостоин епископского сана.

После того как он долго пролежал таким образом у ног митрополита, плача и моля избавить его, святитель дал ему три дня срока на размышление, чтобы, рассмотрев обстоятельства, он согласился принять епископский сан, и не пренебрег молением стольких людей, усердно желавших иметь его своим пастырем.

По прошествии трех дней митрополит снова призвал Феофила и начал увещевать и молить его не отказываться от святительского сана; при этом он хвалил чистоту его жизни и искусство в управлении и называл его достойным этого сана. Но Феофил опять упал к его ногам и, проливая обильные слезы, продолжал восклицать:

– Недостоин я святительства!

Видя, что он остается непреклонным, упорно отказывается и не поддается ни повелениям, ни мольбам, митрополит предоставил его, наконец, собственной воле. Поставив во епископа другого, которого также считал достойным, он послал его в Адану, поручив ему Феофила, чтобы тот по-прежнему отправлял свою экономскую службу.

После того как новый епископ пробыл некоторое время на своем престоле, Феофил же продолжал свою обычную службу, – какие-то враги, движимые сатанинской завистью, начали наговаривать епископу на эконома, тайно клевеща на него и обвиняя его во многих неподобающих поступках.

Сначала епископ не внимал их клеветам и не давал им веры, зная своего эконома за человека во всех отношениях

добродетельного и безупречного. Но так как те не переставали клеветать из зависти, чуть ли не ежедневно взводя на Феофила разные унизительные обвинения, то мало-помалу епископ начал склоняться к их словам, выслушивать их клеветы и доверять им.

Спустя некоторое время он отставил Феофила от экономской службы, так чтобы тот более ничем не управлял ни в архиерейском доме, ни в церковном имуществе, но чтобы жил у себя дома, тихо и безмолвно, отдыхая от трудов; экономская же служба была поручена другому.

Освободившись от попечений и житейской суеты, Феофил начал пребывать в служении единому Богу. Но, не терпя вида богоугодной и беспечальной жизни Феофила, ненавистник рода человеческого, диавол, вооружился против него всеми своим коварствами и начал смущать его то собственными помыслами, то посредством других людей, тихо нашептывая ему: «Обесчестил тебя епископ, не помня великих трудов твоих; унизил он тебя, предпочтя тебе худшего, неискусного, недостойного; отдал он тебя на посмеяние и поругание людям».

И стал Феофил, сначала понемногу, внимать этим бесовским наветам и помышлениям, а потом начал всё больше и больше рассуждать об этом сам с собою или с друзьями и горько сетовать. Наконец, коварство врага довело его до того, что, забыв обычное ему упование на Бога, он начал изнемогать в малодушии и печали и пришел в отчаяние. Ему казалось, что все над ним смеются и насмехаются, что уже никто больше не уважает его; он стал стыдиться выходить из дому в люди. В его сердце разгорелось неодолимое желание прежней власти и управления церковным имуществом; день и ночь думал он об этом, смущал себя помыслами и размышлял, каким бы способом вернуть свое прежнее положение, чтобы враги не радовались больше его унижению.

За такое желание и другие неугодные Богу мысли отступила от сердца его благодать Божия, без которой он пришел, наконец, в крайнее отчаяние и начал искать помощи в волшебстве и в бесах. Не захотевший сначала принять епископского сана, он стал теперь стремиться к гораздо

меньшей власти. Так попустил ему Бог за то, что он воспринял в сердце злые помышления и сатанинский совет.

В том городе жил некий еврей, сын погибели, знаменитый волхв, чародей и обманщик. Он был настоящим служителем диавола и многих вводил в погибель. Феофил ночью отправился к этому волхву и, придя к его дому, стал стучать в ворота. Волхв вышел посмотреть, кто стучит и, увидав Феофила, пришел в ужас. Удивленный (так как он знал его), он попросил его войти в дом и, когда Феофил вошел, спросил его:

– По какой причине, господин мой, взял ты на себя труд, – ночью прийти ко мне, худому и недостойному?

Феофил же в ответ бросился к его ногам и, умоляя его, сказал:

– Если можешь помочь, то помоги мне и не отвергни меня в моей великой печали.

Затем он подробно рассказал всё волхву, как опечалил его епископ, отняв у него управление, как отдал его на поругание людям, предпочтя ему худшего, а его отставив от службы; он обещал волхву богатую награду, если тот ему поможет и возвратит прежний почет. Тогда богоненавистный еврейский волхв ответил ему:

– Не сетуй об этом, господин мой, но радостно и с благой надеждой возвратись домой; в следующую же ночь приди ко мне в этот час, и я отведу тебя к моему повелителю, а тот уже во всём тебе поможет.

Услыхав от волхва этот ответ, окаянный (в это время) Феофил сильно обрадовался и возвратился к себе полный гибельной надежды.

Прошел день и снова наступила ночь. В полночь, по повелению волхва, Феофил явился к нему. Волхв отвел его на ипподром, – место, где происходили конские состязания, и сказал ему:

– Если увидишь какое-нибудь видение, или услышишь какой-нибудь голос, то не пугайся и не осеняй себя крестным знамением; крест ни в чем не помогает людям: это достойный смеха христианский обман.

Феофил во всём согласился с ним и обещал не ограждаться крестом; тогда волхв тотчас же показал ему в видении множество разных необыкновенных лиц, украшенных различными светлыми одеждами и с зажженными свечами в руках. Это были бесы; они выкрикивали похвалы своему князю, сатане; князь же тьмы сидел посреди их в гордости и призрачной славе. Тогда окаянный еврейский волхв взял Феофила за руку, ввел его в это гибельное собрание и приблизился с ним к князю.

– Зачем ты привел сюда к нам этого человека? – спросил волхва князь тьмы.

– Господин мой, – ответил богоненавистный еврей, – я привел его к тебе потому, что он, сильно оскорбленный своим епископом, просит у тебя помощи.

– Как могу я помочь тому, кто раб своего Бога? Если он на самом деле хочет стать моим рабом и войти в число моих слуг, то я так помогу ему, что он получит большую власть и честь, чем какие имел раньше, и будет могущественнее самого епископа.

– Слышишь ли, что говорит князь? – спросил тогда волхв Феофила.

– Слышу, – ответил тот, – и исполню всё, что он мне прикажет.

Сказав эти слова, он тотчас же, павши, поклонился сатане и стал целовать его ноги.

– Пусть отречется этот человек от так называемого Сына Марии, – сказал диавол волхву, – пусть отречется также и от Нее Самой, так как я сильно ненавижу их обоих. Отречение же пусть напишет собственноручно и подаст мне. После этого пусть он просит у меня, чего хочет, и получит просимое.

Выслушав это, Феофил ответил ему:

– Я исполню всё, что прикажешь, господин мой, только бы получить желаемое.

При этих словах коварный враг рода человеческого, диавол, простер к нему свои бесовские руки и, обняв Феофила, стал гладить его по бороде и целовать, прикладывая к его устам свои нечистые уста.

– Радуйся, мой искренний и верный друг, – сказал он ему.

И окаянный Феофил, утверждая свою дружбу с диаволом, отрекся от Христа, Спасителя нашего, и от Пречистой Богоматери; написав свое отречение на хартии[4109], заранее приготовленной волхвом, и запечатав, он вручил ее князю тьмы. После этого они дружески обнялись, поцеловались и разошлись: князь тьмы со своими слугами стал невидим и удалился в свое место, в ад; а Феофил с евреем возвратились с ипподрома, оба радуясь своей погибели.

На следующее утро, по Божиему смотрению, как кажется, а не по старанию диавола, епископ, проснувшись, раскаялся, что отставил Феофила от экономской службы. Послав людей, чтобы снова призвать его к себе, в архиерейский дом, он с большими почестями возвел его в прежнюю должность, воздал ему двойную честь и вручил еще большую власть над церковным имуществом и над всеми делами. Сверх того, епископ в присутствии причта и граждан испросил у Феофила прощение.

– Прости меня, брат, – сказал он, – прости, я согрешил перед тобою, обесчестив твою святыню, когда поставил на твое место человека недостойного. Теперь я отставляю его, тебя же молю снова принять экономское управление.

С этого часа Феофил начал жить в своей прежней чести и власти, почитаемый выше всех, и заведуя всеми экономскими делами. Не только причт и граждане воздавали ему великие почести и со страхом повиновались, но и сам епископ возымел к нему уважение, а прежние враги со стыдом замолчали и начали смиренно искать его милостей.

В это время нечестивый и хитрый волхв часто навещал Феофила.

– Видишь ли, господин мой, – говорил он, – как я и мой князь помогли тебе по твоему желанию, и как скоро ты получил от нас помощь.

– Воистину получил. – отвечал Феофил, – и очень благодарю вас.

Прожив недолгое время в таком богоотступничестве, Феофил начал как бы пробуждаться от сна и приходить в себя, сознавая свою погибель. Создатель и Искупитель наш, Христос

Бог не хотящий смерти грешных, но милостиво ожидающий их покаяний[4110], вспомянул прежнюю добродетельную жизнь и труды Феофила, его многочисленные дела милосердия, заботы о нищих и вдовицах, воспитание сирот, защиту обижаемых, помощь всем, требовавшим помощи и всё множество его благодеяний. Не презирая Своего создания по Своей неизреченной благости, Господь явил на нем Свое милосердие ибо нет греха, побеждающего Его человеколюбие: тайным и Божественным Своим внушением, Он вложил в сердце Феофила мысль о покаянии и обращении.

Придя в чувство, Феофил начал размышлять, какое великое и ужасное совершил он злодеяние, отрекшись от Христа Бога и Пречистой Богоматери ради временной и ничтожной человеческой чести. Он начал страдать в душе, мысленно скорбеть и каяться, тяжко вздыхая из глубины сердечной, ударяя себя в грудь, горько плача и рыдая.

Тем временем еврейский волхв был схвачен правителем той страны, осужден законным судом на смерть за свои многочисленные чародейства и злодеяния и получил достойную по делам своим казнь: его сожгли живым.

Феофил же день и ночь плакал и рыдал, сокрушаясь сердцем, не принимая ни пищи, ни пития и не желая ни с кем беседовать. Затворившись наедине, он сетовал и скорбел.

– Горе мне, окаянному! Горе мне, погибшему! – восклицал он. – Что я сделал? В какую низвергся погибель? Куда теперь пойду, чтобы получить спасение? К кому прибегну, чтобы получить помилование? Ко Христу ли Богу? Но я отрекся от Него. К Богородице ли? Но я от Нее отказался. Я сделался рабом диавола и подписью скрепил свое рабство. Кто может вырвать из рук его мое рукописание? Кто поможет мне и избавит меня от его власти? Какая нужда была мне пойти к этому скверному и богомерзкому волхву, вверяться ему и вместе с ним предать себя вечному огню? Какую пользу получил я от этой временной чести? Что такое гордость и благоденствие этого суетного мира? Горе мне! Погиб я окаянный! Горе мне! Я заблудился и попал в сеть, от которой не знаю, как смогу избавиться! Горе мне! Я лишил себя вечного

света и пребываю во тьме! Не лучше ли мне было, когда меня отставили от экономской службы? Не лучше ли мне было, когда я жил беспечально и безмолвно? Зачем я захотел погрузить мою бедную душу в геенну ради временного и суетного людского почитания и тщетной славы? Сам я виновник своей погибели! Сам я убил себя, сам я предатель моей окаянной души! Горе мне! Что я потерял! Горе мне! Как я обманулся! Горе мне! Что теперь делать? Горе мне! Что отвечу я Богу в день суда, когда всё станет явным и очевидным, когда праведные будут увенчаны, я же, окаянный, буду осужден вместе с сатаной, которому продался! Кого умолю я тогда помочь мне? Кто тогда помилует меня? Воистину никто! Горе моей окаянной и несчастной душе! Как отдалась ты адскому плену? Как ты себя погубила? Каким ужасным упала падением! В какие волны погрузила себя! К какому теперь прибегнешь пристанищу? Или к какому устремишься прибежищу? Горе мне, душа! Горе мне! Какое бедствие стряслось над тобой!

Долго рыдая и в отчаянии терзая свою душу скорбью и печалью, Феофил начал понемногу отдаваться надежде на Божие милосердие.

– Я отрекся от Господа моего Иисуса Христа, рожденного от Пречистой Девы Марии, – говорил он себе, – и не смею прибегнуть к Нему. Но, хотя я отрекся также и от родившей Его Богоматери, однако, обращусь к Ней, всей душой и всем сердцем припаду к Ее милосердию. Пойду в святой храм Пречистой Богородицы, паду перед Ее иконой, пребуду там в молитве к Ней, пока не умилостивлю Ее и не сподоблюсь Ее заступлением Божиего милосердия.

– Но какими устами начну я молиться к Ней, – продолжал он, – отвергшись от Нее моими скверными устами? Как начну мою исповедь? Каким сердцем, какою совестью и какою надеждою подвигну я на молитву мой нечестивый язык? Не знаю. Как стану просить прощения моим безмерным грехам? Боюсь, как бы сошедший с неба огонь не попалил меня окаянного, или земля, расступившись, не поглотила меня живым и не низвергла в адскую бездну. Но не отчаивайся до конца, душа моя, и воспрянь и постарайся избавиться от

одержащего тебя зла, притеки к Матери Христовой и не посрамишься.

В одном уединенном месте города стояла маленькая церковь во имя Пречистой Богородицы, в которой служба отправлялась только по праздникам. В этой-то церкви и захотел Феофил затвориться для молитвы, предварительно освободившись от всех дел экономских и отложив все препятствия и житейские попечения. Затворившись в этой церкви и павши перед честной иконой пречистой Богоматери, он начал молиться к Ней, горько плача и рыдая. Никто не знал обо всем этом, кроме его верного слуги Евтихиана, который и описал жизнь Феофила.

Сорок дней и сорок ночей пробыл Феофил в церкви, постясь, исповедуясь, каясь, день и ночь непрестанно молясь и припадая к иконе Пресвятой Богородицы. По истечении же сорока дней, когда он в полночь молился, явилась преблагословенная Матерь Господа нашего, истинное спасение всего мира, прибежище рода человеческого и наша единственная надежда после Бога.

– О человек! – сказала Она ему. – Зачем ты так бесстыдно докучаешь мне, вопия и моля помочь тебе? Ведь ты сам отрекся от Сына Моего и от Меня! Как буду Я молить за тебя Моего Сына и Бога, чтобы Он простил тебя, раба диавола, отдавшегося ему своим рукописанием? Какими очами воззрю Я на пресветлое чело Господне, когда захочу молиться за тебя? Даже Я не могу терпеть бесчестия, наносимого Моему Сыну и Богу. Я могу простить тебе, о человек, в чем ты согрешил предо Мною, потому что Я весьма люблю род христианский, особенно же тех, кто с правою верой и теплой любовью притекает ко Мне и молится в храме Моем: тем Я всячески помогаю, принимаю в Мои объятия и слушаю их молитвы. Но оскорблений и досад, причиняемых вами Моему Сыну, Которого вы вторично распинаете вашими грехами, этого Я не могу ни видеть, ни слышать. Много нужно вам трудов, подвигов и сердечного сокрушения, чтобы умолить Его милосердие. Хотя Он и очень милосердый, но в то же время и праведный Судия, и грозный мститель, воздающий каждому по делам его.

Обрадованный видением Богородицы, Феофил немного ободрился.

– О Владычица моя преблагословенная! – воскликнул он, – Защитница рода человеческого, прибежище и спасение притекающих к Тебе! Знаю, воистину знаю, сколь жестоко я согрешил и прогневал Тебя и рожденного Тобою Бога. Но вижу много примеров людей, до меня прогневавших Сына Твоего и Бога нашего, которым было даровано прощение грехов ради их покаяния и исповеди. Если бы не было покаяния, то как бы Сын Твой пощадил ниневитян? (Ион. 2:1–11, 3:1–10) Если бы не было покаяния, то как бы Он сохранил блудницу Раав? (Иис.Нав.6:24) Если бы не было покаяния, то как бы не только получил прощение, но и снова воспринял дар пророческий Давид, впавший в прелюбодеяние и убийство (2Цар. гл. 11) уже после получения дара? Если бы не было покаяния, то как бы после своего великого падения не только получил прощение, но и сподобился высочайшей чести, – быть поставленным в пастыри словесных овец Христовых (Иоан.21:15–17), святой верховный апостол Петр, столп Церкви, принявший от Бога ключи Царствия Небесного (Мф.16:19), когда он не однажды и не дважды, но трижды отрекся от Господа, и затем начал горько плакать (Лк.22:56–62). Если бы не было покаяния, то как бы Господь сделал евангелистом грабителя – мытаря? (Мф.9:9) Если бы не было покаяния, то как бы святой Павел из гонителя стал избранным сосудом Христовым? (Деян.9:1–20) Если бы не было покаяния, то как бы принял Господь Закхея (Лк.19:1–10), старшину мытарей? Если бы не было покаяния, то как бы стал снова дорог отцу возвратившийся блудный сын? (Лк.15:11–32) Если бы не было покаяния, то как бы получила прощение своим многим грехам плакавшая у ног Христовых блудница? (Лк.7:36–50) Если бы не было покаяния, то как бы открылся рай разбойнику? (Лк.23:39–43) Если бы не было покаяния, то как бы велел апостол принять коринфского грешника? (1Кор.5; 2Кор.2:1–8) Если бы не было покаяния, то как бы мог не только получить прощение своим великим злодеяниям, но и сподобиться мученического венца волхв Киприан, весь уподобившийся диаволу, рассекавший утробы беременных

женщин ради своего волхвования и затем обращенный ко Христу праведной Юстиной? Имея столько великих примеров покаяния и взирая на безмерное милосердие Божие, покрывшее их, дерзнул и я, грешный, прибегнуть с покаянием к Твоему милосердию, всемилостивая Владычица: подай мне руку помощи и испроси у Сына Твоего и Бога нашего прощение моим тяжким грехам.

Когда Феофил произнес эти слова, Пречистая Дева Богородица, истинное прибежище грешных, надежда отчаивающихся и скорая помощь молящихся к Ней, сказала ему:

– Исповедуй, о человек, что рожденный Мною Сын Мой, Которого ты отрекся, воистину Христос Сын Бога Живого, имеющий прийти судить живых и мертвых, и тогда Я умолю Его о тебе и Он примет твое покаяние.

– О преблагословенная Владычица, – ответил Феофил, – как дерзну я, недостойный и окаянный, раскрыть мои скверные и нечистые уста, которыми я ради малой и суетной чести, отрекся от Сына Твоего и Бога моего, и от святого Креста Его, защитника души моей, и от святого крещения, и скрепил отречение отданным диаволу моим рукописанием.

– Ты уж только исповедай, – сказала ему Пречистая Богородица, – и не сомневайся в его милосердии; Он человеколюбив и милосерд и принимает слёзы истинно кающихся: для спасения рода человеческого, Он благоволил воплотиться от Меня и, будучи Богом, стал человеком.

Тогда Феофил со страхом и со стыдом, со смирением и сердечным сокрушением раскрыл уста и громко произнес:

– Верую, исповедую и славлю единого от Троицы, Господа нашего Иисуса Христа, Сына Бога Живого, прежде век несказанно рожденного от Отца, в конце же лет сошедшего с небес и воплотившегося ради спасения нашего от Духа Святого и от Тебя, Пресвятой Девы Марии, истинной Богородицы. Совершенный Бог и совершенный человек Он по Своей воле изволил пострадать за наши грехи и простер Свои пречистые руки на животворящем древе креста: пастырь добрый, Он душу положил за Своих овец, был погребен и воскрес, и с плотью, от

Тебя, Пречистая Дева, принятой, восшел на небеса, и снова со славой придет на землю судить живых и мертвых. Исповедую всё это сердцем и устами и поклоняюсь Ему, Богу моему. Тебя же молю, Владычица! Не гнушайся мной скверным, не пренебреги моим грешным молением, не оставь меня окаянного, прельщенного злобным врагом и ввергнутого в погибель! Но умоли за меня Рожденного Тобою, чтобы Он простил мне мои великие грехи и избавил от погибели, дабы и я со всеми получившими прощение воспел и прославил безмерное милосердие Рожденного Тобою Бога нашего и Твое, преблагословенная Дева!

Приняв от него эти слова как бы некоторое удовлетворение за грех, так ответила ему Пречистая Богородица, источник милосердия, взыскание погибших, истинная и непрестанная ходатаица за нас к Богу и залог нашего спасения:

– Доверяя твоему покаянию ради крещения, которым ты крестился во Христа, и милосердствуя о тебе (ибо Я очень сострадаю всем страждущим), Я приступлю к Сыну и Богу Моему и помолюсь Ему, чтобы Он принял твое покаяние.

Сказав это, Пречистая Дева стала невидимой, и день уже начал рассветать.

О сколь счастлива была для грешника эта ночь, в течение которой он сподобился такого видения Пречистой Богородицы и немалой беседы с Ней!

Получив после этого видения некоторое облегчение своей печали и приращение надежды, Феофил пробыл еще три дня в плаче и молитве пред иконой Пресвятой Богоматери, взирая на нее, припадая к ней, ударяясь в землю головой и чая Богоспасающего его по молитвам Богородицы. По истечении же трех дней снова явилась ему наша надежда и прибежище – пренепорочная Матерь Господа. На этот раз, с радостным лицом взирая на Феофила своими светлыми очами, Она сказала:

– Человек Божий! Угодно покаяние твое милосердому Владыке Богу; принял Он слезы твои ради Меня и услышал твои молитвы. Смотри же теперь и сам, чтобы отныне сохранить правую веру в Него до дня твоей смерти.

– Воистину сохраню, Владычица моя преблагословенная, – ответил Феофил, – и не преступлю Твоего повеления. После Бога Ты мой покров и заступление, и на Тебя возлагаю всё мое упование и надежду. Знаю я, хорошо знаю, премилостивая Госпожа моя, что нет у людей другой помощи и другого покрова, кроме Тебя; никто из уповавших на Тебя не посрамился и никто из моливших Бога через Твое ходатайство не был оставлен. Потому и я, грешный, молю Твою неистощимую благость, врачующую нашу немощь: открой мне заблудшему и павшему в глубину зол, двери твоего милосердия, и повели отдать мне в руки окаянное рукописание, которое я, обманутый, дал сатане: он сильно смущает мою душу и я не могу утешиться от великой скорби, пока это рукописание находится у диавола.

Едва произнес он эти слова, как Пречистая Дева стала невидимой; Феофил же пробыл еще три дня в прилежной молитве, как и раньше. Затем он заснул, утомленный перенесенными трудами и в сонном видении узрел Пречистую Богоматерь, несущую ему хартию с его рукописанием. Проснувшись от радости, он не увидел Пречистой Девы, рукописание же свое он нашел запечатанное и целое, лежащее на груди. От радости и от ужаса он еще сильнее изнемог телом и сделался как бы полумертвым. Придя впоследствии в себя, о сколь великое он воздал благодарение милосердому Владыке Христу и милостивой Богоматери, своей помощнице и заступнице!

На следующее утро (а день был воскресный) он пошел в собор, где архиерей служил литургию. После чтения святого Евангелия, он приблизился к епископу, благословлявшему народ, и с плачем бросился к его ногам, упрашивая, чтобы его выслушали, ибо он хотел во всеуслышание принести свое покаяние. Затем он подробно рассказал всё случившееся с ним: как опечалило его устранение от обязанности эконома, как от печали он отрекся от Христа Бога и Пречистой Богоматери и рукописанием отдался сатане; как потом, постясь, молясь и плача, он увидел Пречистую Богородицу, беседовал с ней, получил прощение грехов, и как ему, наконец, было возвращено его рукописание. Рассказав всё это громко и подробно в

присутствии народа и епископа, Феофил вручил последнему запечатанную хартию, данную им на себя сатане, и упросил его велеть прочесть ее вслух, чтобы все узнали его грех и прославили Божие милосердие, исходатайствованное Богородицей. Распечатав хартию, епископ отдал ее диакону, который стал на амвон и начал читать ее. И все удивлялись такому ужасному делу.

Таким образом, весь причт и народ, мужи и жены и малые дети, все узнали о том, что случилось с Феофилом, как он пал и восстал и получил обратно свое рукописание. Епископ же, обратившись к народу, громко сказал:

– Приидите все верные, прославим преблагого истинного Бога, Господа Иисуса Христа! Приидите благочестивые и любящие Бога и видите дивные чудеса! Приидите христолюбцы, и разумейте, что не хочет смерти грешных премилосердый Владыка наш, но ожидает их покаяния! Приидите и видите, правоверные, как много могут сделать сердечное сокрушение, вздохи и слезы! Кто не удивится, отцы и братия, великому и неизреченному терпению милостивого Бога! Кто не изумится Его безмерному милосердию и человеколюбию, являемому в нас грешных! Воистину чудо! Пророк Моисей после сорокадневного поста получил от Бога скрижали закона (Исх. 24:18, 31:18), а брат наш Феофил после сорокадневного поста получил свое рукописание, отнятое у сатаны силой Божией и ходатайством Божией Матери! Воспоем же и мы с ним, дети, благодарственную песнь Владыке, милосердо принявшему его покаяние, по предстательству пренепорочной Богородицы, Которая для людей есть мост к Богу, надежда отчаянных, прибежище бедствующих, истинная дверь, стучащим в нее грешникам отверзающая Свое милосердие и приносящая наши молитвы к рожденному от Нее Богу нашему. Что мне еще сказать ибо какую песнь воспеть для прославления Ее и Ее Сына? Воистину, чудны дела Твои, Господи, и никакого слова недостаточно для восхваления чудес Твоих! Воистину, «как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро» (Пс.103:24). Воистину, теперь прилично повторить евангельское слово: «принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте

перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот» брат наш Феофил «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк.15:22–24). Пока епископ так говорил, Феофил лежал у ног его и плакал; протянув руку, епископ поднял его с земли. Феофил же, встав, стал просить его сжечь рукописание, но епископ велел ему сделать это самому, что Феофил и исполнил перед всеми. Глядя на сожжение нечестивой хартии, народ долго со слезами взывал:

– Господи, помилуй.

Велев народу, наконец, умолкнуть, епископ продолжал Божественную службу и, по совершении ее, причастил Феофила пречистых и животворящих Таин Тела и Крови Христовых. И тотчас же лицо Феофила просветилось, как солнце. Все видевшие изменение его лица прославили преблагого Бога, оправдывающего и освящающего кающихся грешников.

После всего этого Феофил пошел в ту церковь Пречистой Девы Богородицы, где он постился со слезами покаяния, сподобился Ее святого видения и получил прощение своих грехов: здесь он немного почил после трудов. Узнав, по прошествии трех дней, о приближении своей кончины, он сделал завещание относительно своего имущества, которое всё велел раздать нищим. Простившись затем с присутствовавшей братией, он предал свою праведную душу в руки Бога и Божией Матери. Его похоронили под святой иконой Пречистой Девы на месте, где он принес свое покаяние.

И прославилось в нем милосердие Христа Бога и Пречистой Богородицы, Которой вместе с Сыном Ее да будет от нас грешных, всегда требующих Ее помощи, честь, слава, поклонение, благодарение ныне и присно и во веки веков.

«Я же, смиренный и грешный Евтихиан (говорит написавший эту повесть), воспитанный в дому блаженного Феофила и ходатайством его удостоившийся стать причетником святой кафолической Церкви, – служа господину моему в его печали и скорби, и всюду последуя за ним, видевший своими очами его покаяние и своими ушами слышавший из уст его рассказ об этом: – истинно и правдиво описал всё на пользу

благочестивых, во славу же Христа Бога нашего, славимого вовеки». Аминь.

Празднование Владимирской чудотворной иконе Божией Матери[4111]

Память 23 июня

В 1480 году нечестивый Ахмат, хан Большой Орды, пришел с большою ратью на реку Угру, чтобы начать войну с великим князем Иоанном Васильевичем[4112]. Москве угрожала осада. Тогда великий князь, вооружившись молитвою и благословением Геронтия[4113], митрополита всероссийского, и своего духовника, Вассиана, архиепископа ростовского[4114], выступил против татар на реке Угре; оба святителя усердно умоляли великого князя мужественно бороться с язычниками на защиту православной веры[4115]. Продолжительное время войска стояли друг против друга, не приступая к решительным действиям. Наконец, предстательством Пресвятой Богородицы совершилось дивное чудо: страх напал на татар, и они, боясь друг друга, бежали, никем не гонимые. Так премилостивый Бог, по молитвам Пресвятой Богородицы, даровал к радости христиан необычную победу над врагами без пролития крови, пощадив достояние Свое – град Москву и всю Россию. Когда великий князь Иван Васильевич вместе с сыном своим великим князем Иоанном[4116] и со всем войском возвратился в Москву, то все люди исполнились чрезвычайной радости, восхваляя за славное избавление Бога и Пресвятую Богородицу[4117]. С этого времени в богоспасаемом граде Москве установлен был новый праздник в честь иконы Пресвятой Богородицы, нарицаемой Владимирской, поэтому в настоящий день 23 июня и совершается крестный ход во славу и благодарение Спасителю всего мира, Христу, Богу нашему, и Его Пречистой Матери.

Тропарь, глас 4:

Днесь светло красуется славнейший град Москва, яко зарю солнечную восприимши Владычице, чудотворную твою икону, к ней же ныне мы притекающе, и молящеся тебе взываем сице: О пречудная Владычице Богородице! Молися из Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит град сей, и вся

грады и страны христианския невредими от всех навет вражиих, и спасет души наша, яко милосерд.

Кондак, глас 8:

Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых пришествием Твоего честнаго образа, Владычице Богородице, светло сотворяем празднество сретения Твоего, и обычно зовем Ти: радуйся, невесто неневестная.

Синаксарь на Рождество святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня

Память 24 июня

Когда Незаходимое Солнце правды – Спаситель наш восхотел воссиять миру и уже преклонил небеса и вселился в чистейшую девическую утробу, в это самое время должно было совершиться от неплодной рождение денницы Его – святого Иоанна Предтечи: ему, как провозвестнику, надлежало предшествовать явлению Господа, проповедуя и говоря: «идет за мною Сильнейший меня» (Мк.1:7).

И вот, когда исполнилось святой Елизавете время родить, она родила сына в старости своей, от заматоревшей утробы, как в древнейшие времена родила Сарра Исаака. Так одно чудо предваряет другое: прежде чем Дева рождает Христа, заматоревшая во днях своих рождает Предтечу Христова, чтобы видевшие сверхъестественное рождение от состарившейся, поверили и преестественному рождению от небрачной девицы и сказали себе: «всемогущая Десница Божия, разрешившая неплодство старицы, сильна и нетленную Деву соделать чистою Матерью». Потому-то чудесному рождению Спасителя мира предшествует чудесное рождение Предтечи. Этому надлежало быть для того, чтобы одним чудом приготовить мир к восприятию другого чуда: увидев матерь, заматорелую во днях своих, люди становились более способными к лицезрению Приснодевы, родившей Сына; сделавшись свидетелями дивного рождения от престарелой Елисаветы, они приуготовлялись к вести о «странном» рождении Христа от Девы. Ибо в том и другом событии, по воле Всемогущего Бога, Коему повинуется всякое естество, «чин рождения препобедил естества уставы»[4118].

Когда Елисавета родила Предтечу Христова, то все ее сродники, соседи и знакомые, услышав об этом рождении, радовались вместе с нею, потому что Господь соделал ей великую милость – отнял у нее «поношение бесчадства». Так исполнились слова благовестника Божия Архангела Гавриила,

который говорил Захарии: «жена твоя Елисавета родит тебе сына, и многие о рождении его возрадуются» (Лк.1:13–14). Тогда радовались как сродники Захарии, так и те, кто исполнен был пламенного ожидания Мессии Избавителя. Ибо хотя они и не знали о совершившейся уже тайне воплощения Сына Божия, однако, дух их, окрыляемый под воздействием Духа Святого, – самым событием рождения Предтечи таинственно подвигнут был на радость, и они увидели в этом событии как бы некоторое уверение в том, что дождутся чаемого Мессии.

В 8 день по рождении Предтечи пришли священники и родственники Захарии в дом его для участия в обряде обрезания младенца; при этом они хотели назвать его именем отца – Захариею. Но мать младенца не соглашалась на то; имея мужа-пророка и родивши пророка-сына, святая Елисавета была и сама исполнена пророческого дара и по пророческому предведению настаивала, чтобы ее сына нарекли тем именем, которым повелел наречь его Ангел: от своего мужа она не могла слышать об этом, – ибо Захария возвратился из храма в дом свой, имея как бы связанный язык, и не мог рассказать своей супруге, что он видел Ангела, который благовестил ему о зачатии сына и повелел при этом наречь ему имя Иоанн. Итак, наставляемая Духом Святым, святая матерь называет младенца Иоанном – пророчески, как она и прежде пророчески познала пришествие к ней Матери Божией, когда говорила: «И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк.1:43).

Тогда священники и родственники стали знаками вопрошать Захарию, как бы он хотел назвать младенца. Тот испросил дощечку и на ней написал: «Иоанн имя ему» (Лк.1:63). И тотчас же отверзлись уста Захарии и язык его разрешился от уз немоты, и он стал говорить, прославляя Бога. Все дивились столь многим чудесам, которых свидетелями они были, – изумлялись и тому, что состарившаяся родила младенца, и тому, что немотствовавший отец мыслил о имени сына одинаково с матерью, и тому, что немой, по написании имени, стал говорить и написанное рукой произнес языком, – как будто имя Иоанна было ключом для уст отца, которые, после

написания Захариею этого имени, отверзлись для прославления Бога. Слушая речи Захарии, все дивились и ужасались еще более и поведали о всём виденном и слышанном во всей горней стране иудейской, то есть в пределах священного города Хеврона[4119], в котором был дом Захарии.

Город этот с его пределами, еще во дни Иисуса Навина, отделен был священническому племени Аарона. От Иерусалима он отстоял на расстоянии 8-ми часов пути и был расположен немного дальше Вифлеема на возвышенном месте. «Горним градом» он назывался из-за высоких гор, на которых он был расположен; при этом пределы его носили название «горней страны», как о том написано в Евангельском повествовании о путешествии Пресвятой Богородицы к ее родственнице Елисавете: «Встав же Мария во дни сии (из Назарета Галилейского), с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, т.е. в Хеврон, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету» (Лк.1:39–40).

Таким образом, здесь-то в Хевроне, в горнем граде колена Иудова, посреди нагорной страны, и происходили все те изумительные и чудесные события, о которых было говорено выше. И все слышавшие об этих событиях много дивились и с недоумением думали: «что будет младенец сей?» (Лк.1:66).

И рука Господня была с новорожденным отроком, умножающая в нем действие благодати Божией и соблюдающая его от меча Ирода. Ибо о чудесном рождении Иоанна дошел слух и до Ирода, и он много дивился ему, говоря в себе «что будет младенец сей!» Когда же родился Господь наш Иисус Христос в Вифлееме иудейском и с востока пришли волхвы[4120] и расспрашивали о новорожденном Царе иудейском, тогда Ирод, послав в Вифлеем воинов, с повелением избить там всех детей мужского пола, – вспомнил и о Иоанне, сыне Захарии, о котором он слышал много чудесного, и стал размышлять: «не он ли будущий царь иудейский». Поэтому, терзаясь злобою, он задумал убить и его, и с этою целью нарочито послал убийц в Хеврон, в дом Захарии. Однако посланные не нашли святого Иоанна.

Когда начались в Вифлееме безбожные убийства детей, то глас и вопль, бывший в Вифлееме, дошел и до Хеврона, отстоявшего от города Давидова в недалеком расстоянии; при этом здесь узнали и о причине бывшего в Вифлееме плача. Святая Елисавета, взяв отрока Иоанна, тотчас же поспешно отправилась в высочайшие горы пустыни (в это время святой Захария находился в Иерусалиме, исполняя прилучившуюся чреду служения своего). Сокрывшись в горах, святая Елисавета со слезами молилась Богу, прося Его защитить ее с отроком. И когда, с высоты гор, она увидела приближающихся воинов, то возопила, обратившись к каменной скале:

– Гора Божия! Приими матерь с чадом!

И тотчас расступилась гора, приняла Елисавету с отроком Иоанном внутрь и таким образом скрыла их от настигавших убийц. Так воины, не найдя искомого, возвратились к пославшему их с пустыми руками. Тогда Ирод послал в храм к Захарии оруженосца своего сказать ему «отдай мне сына твоего».

Святой Захария ответил:

– Я служу теперь Господу Богу Израилеву, а где в настоящее время сын мой, – того не знаю.

Ирод сильно разгневался и снова послал к Захарии оруженосца сказать ему, что если он не выдаст сына, то умрет сам. И пришли к нему воины, свирепые, как звери, готовые совершить повеление беззаконного царя, и с яростью говорили священнику Божию:

– Где ты скрыл своего сына? Выдай нам его, ибо царь приказал нам тотчас же убить тебя, если ты не выдашь нам сына своего.

Захария на это мужественно ответил:

– Вы убьете тело мое, Господь же примет мою душу.

И тотчас убийцы, исполняя беззаконное повеление, устремились с яростью на святого и убили его между церковью и алтарем (Мф.23:35). Пролитая кровь его впитавшись осталась на мраморе и сделалась как камень, во свидетельство преступления Ирода и его вечного осуждения.

Между тем Елисавета, сокрытая Богом вместе с Иоанном, пребывала в расступившейся горе. В ней, по Божиему повелению, образовалась для них пещера; вблизи нее явился источник и выросла финиковая пальма, полная плодов. Всякий раз, как наступало время принятия пищи, дерево преклонялось, – когда же они насыщались плодами, снова выпрямлялось.

По прошествии 40 дней после убиения Захарии, святая Елисавета преставилась в упомянутой пещере. С того времени святой Иоанн питаем был Ангелом до своего совершеннолетия, хранимый до дня явления своего Израильскому народу. Так хранила и покрывала рука Божия святого Иоанна, да предъидет он пред Лицом Господним, духом и силою Илииною, и уготовит путь Ему, грядущему спасти род человеческий. За всё сие да славится Христос, Бог и Спас наш, со Отцем и Святым Духом вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Пророче и предтече пришествия Христова, достойно восхвалити тя недоумеем мы, любовию чтуще тя: неплодство бо рождшия и отчее безгласие разрешися славным и честным твоим рождеством, и воплощение Сына Божия мирови проповедуется.

Кондак, глас 3:

Прежде неплоды днесь Христова Предтечу раждает, и той есть исполнение всякаго пророчества; егоже бо пророцы проповедаша, на сего во Иордане руку положив, явися Божия Слова пророк, проповедник, вкупе и предтеча.

Слово св. Иоанна Златоуста на Рождество святого пророка, предтечи и крестителя Господня Иоанна

Память 24 июня

Благовременен день праздника и всеобщей радости, в который мне пришли на мысль служение Гавриила и священство Захарии, и я думаю об осужденном на немоту за неверие. Вы слышали евангелиста Луку, повествовавшего, как праведный Захария, когда «по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, вошел в храм Божий, а все множество народа молилось вне во время каждения. И вот Ангел Господень явился ему, стоя по правую сторону жертвенника кадильного. Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн» (Лк. 1:9–13).

О, странное и таинственное чудо! Справедливо Захария возразил Ангелу. Он требовал одного утешения, и получил другое; молился за народ, и назван был отцом сына: искал прощения грехов, и получил обещание разрешения бесплодной утробы. Захария более желал исцеления душ согрешивших, чем беременности Елизаветы. Справедливо Захария смутился и устрашился и как только увидел Ангела, сказал в душе своей: странен приход этого человека, странно его обещание! Кто сей, что смело вступает в священный храм? Кто сей, что стоит справа алтаря кадильного? Кто сей, что блестит образом чуждого вида? Кто сей? Я не видел человека с крыльями, ни птицы в образе человека; кто же это, что наполняет мою душу страхом? Кто се – светоносец по устам, говорящий великое, при закрытых устах? Кто этот – наблюдатель за моею чредою? Кто он, что препятствует моему ходатайству? Народ, вне молящийся, ожидает меня с ответом от Царя небесного, а этот задерживает меня внутри; через меня они приносили моления к Царю, прося прощения в грехах; об этом я молюсь, чтобы

исполнить желание народа, чтобы показать действие своей чреды; итак, перестань, кто бы ты ни был, устрашающий меня! Если ты Ангел, посланный Богом, то содействуй в моем деле, сострадай вне плачущим, сокрушайся с сокрушающимися. Что за выгода для народа, если у меня будет сын? Что за польза, если Елизавета станет кормить грудью дитя? Что за выгода, если я оставлю наследника? Отойди, устрашитель мой, кто бы ты ни был, отойди от меня! Мы стары; миновало время зачатия; погасла страсть брака; время охладило жар; мы оба мертвы для смешения; юность не цвела, – как старость произрастит?

Так думал Захария. Ангел же говорит ему, как ты сейчас слышал: «не бойся, Захария», не смущайся помыслами; я Ангел света, а не тьмы; я Гавриил, один из начальников у Царя небесного; исполняю повеление, – не по своей власти приказываю; я послан объявить тебе, а не сделать над тобою насилие; облечен я видом, а не в обнаженном существе являюсь пред тобою; пославший меня щадит твою жизнь; не бойся, я послан благовестить тебе, а не изумлять тебя; ты превзойдешь старость, и седое бесчадство и бесплодную утробу; и кто рождает по желанию? Это дар Божий, не изобретение человеческое; разве ты не слышал слов Господа: Я есмь творец человека, «и образовавший дух человека внутри него» (Зах.12:1). Не веришь, Захария? А как был создан Адам, как Ева была сотворена, как Исаак был рожден? Авраам в послушании не ошибся; а ты, иерей, не веришь! Неужели бессильно у Бога всякое слово, Захария? По своей старости ты возражаешь, старец, – телесное омертвение полагаешь сильнее Бога. Если бы ты не видел примера Авраамова, то основательно сомневался бы; ссылаешься на помощь природы, и не веришь настоящему Божественному обещанию, но сомневаешься и споришь? О малом ты просишь, и много получаешь. Ты молишься только об иудейском народе, а я благовествую тебе о том, кто все племена приготовит к спасению.

Захария, услышав это, и, немного отвратив свой взор, в ответ говорил Ангелу: что ты говоришь, Ангел? Родит жена моя? Что же – об этом я молился, или совершаю каждение в свою

чреду ради того, чтобы пред народом высказать свою плодородность? Я прошу о прощении грехов, и ужели сверх этого пожелаю разрешения неплодства? Желаю для народа облегчения, неужели для Елизаветы обременения? Я призываю израненные души к уврачеванию, и неужели, чтобы иссохшие сосцы стали млекоточными? Что ты говоришь, Ангел? Жена моя родит? И что за выгода в этом для вне молящихся? Ужели, услышав, не побьют меня камнями, со словами, что я становлюсь главным иереем не за них и не для общеполезного спасения, но только за себя, что не благословение, а сына я принял? Я теперь уже не думаю о деторождении; отойди! Я этого уже не желаю; о чем я молился, того не получил; и теперь ты мне объясняешь одно вместо другого; неужели же от времени не прекратилась старость? Мы не можем ходить без посоха, и как теперь нам повелевают начать свое деторождение? Старость отвергает природу; это дело вне веры; в гроб мы глядим, и будем нанимать кормилицу? Нет, я теперь уже нисколько не думаю о деторождении, я ищу спасения народа и счастья племени, пленения врагов и благоденствия города, а не детского плача, пеленок и кормления; я нисколько не думаю об этом. Как я окажусь отцом природного сына? Старость отталкивает от себя веру; вне природы это дело; я иду с посохом, как с конем, и ты побуждаешь меня к брачному делу, когда всё тело моё стало гробом? Чем мне убедиться в этом, скажи мне, великий Гавриил? Скажи, чем мне убедиться в этом? Вот мои члены трясутся, вот по старости мы оба в землю смотрим. Если бы один был молод, а другой состарился, была бы некоторая надежда на сказанное; теперь тело нас обоих дряхло; ничего другого мы не ожидаем, кроме серпа смерти, как зрелые колосья во время жатвы; если ты во всём истинен, что говоришь, владыка Гавриил, то дай наперед какое бы то ни было знамение, вручи мне залог обещанного чуда. Чем мне убедиться в этом? Аарон не поверил бы, если бы не расцвел жезл; Моисей не был бы удостоверен, если бы его рука не побелела; Гедеон не понял бы, если бы не было росы на руне; Езекия не признал бы, если бы солнце не отступило назад; чем мне убедиться в этом? Ты дай знамение, и я буду рад, как

юноша; дай знамение, чтобы Елизавета не посмеялась легкомысленно, как Сарра; чем убедиться в этом, вестник Архангел? Откуда для меня очевидны твои слова ко мне? Если я являюсь вторым Авраамом, если будет и для меня свойственное Аврааму, то войди в мой дом, и я омою твои ноги, после совершенного путешествия, и предложу тебе трапезу, исполненную тайны; Елизавета замесит три саты муки, предизображая церковь; спрашивай тельца, чтобы тебе одарить сыном. Чем мне убедиться в этом, о ты, приносящий нам на землю прекрасное благовестие свыше? Зачем, Ангел, преднарекаешь мне имя сына, и исчисляешь добродетели еще не существующего? Покажи мне то, что свыше природы, чтобы мне поверить тому, что против природы. Если небо станет шатром, и я обновлюсь; если море изменится, и жена моя Елизавета станет матерью; если солнце будет задержано, и иссохшие сосцы источат молоко; если луна низвергнется, и иссохшая утроба увлажнится. Чем мне убедиться в этом, «по чему я узнаю это? Ибо я стар, и жена моя в летах преклонных» (Лк.1:18).

Ангел тогда сказал Захарии: ты требуешь от Бога ручательства. Считаешь немощь сильнее Владычнего обещания? Не боишься наперед расспрашивать приносящего тебе благовестие? Чем мне убедиться в этом, – говоришь ты. Разве тебя посылают в Египет, чтобы устрашить фараона? Чем мне убедиться в этом, – говоришь, Захария. Разве ничего сверхъестественного Бог не делает? Ты спрашиваешь последовательности у природы, и не видишь изумительного дела Божества. Скажи мне, Захария, на чем укреплены столпы земли? Чем поддерживается свод неба? Где изобретаются вместилища облаков? Где образуются капли дождя? Где создаются хлопья снега? Кто руководит течением солнца? Кто полагает предел умалениям луны? Кто исчислит множество звезд? Море во время бури как удерживается песком? Как смешиваются теплые потоки? Как создается мрак тумана? Как образуется человек во утробе? И как женский пол оказывается слабее мужеского? Чем мне убедиться в этом, – говоришь, Захария. Ты ищешь последовательности природы, где дело

Божие? Не веришь, что может родить бесплодная? Что же – если услышишь, что Дева сверх ожидания рождает? И может ли быть прежнее неверие верою? И за то теперь наказывается неверие в виду бесплодности, чтобы ты не усомнился в чуде в виду Девы: «ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить» (Лк.1:20). О человеколюбивое наказание, производящее скорее исправление! Ангел вразумляет поколебавшийся голос, обуздывает дерзкий язык: «он объяснялся с ними знаками, и оставался нем». Хорошо у Евангелиста записано и это – «оставался»; молчание ожидает рождаемого голоса, Захария – Иоанна, старец – сына, иерей – пророка. Этим Ангел говорит: так как ты, как неверующий, ищешь знамения от Бога, то прими биченосное знамение в собственном своем теле: «будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется». Где орудие противоречия, там и мщение; где необдуманная смелость, там и воспитательная вожжа; где была дерзость, на том и наказание. Бог желал, Захария, чтобы ты сделался проповедником такого чуда: рождается начальник воинства Царя небесного и предуготовитель освобождения мира от грехов. Так как ты сделал для себя немощь тела сильнее Владычнего обещания, то за это «будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время». Видишь ли, что без веры ничто из должного не совершается.

Только что услышал Захария эти слова, тотчас вышел из храма, с молчанием, наградою за неверие. О чудо! Он вошел для освобождения других, и сам вышел осужденным; принося богослужебное каждение, вынес знак изгнания. Народ ждал услышать что-нибудь благое от него, а он выражал знаками: «никто пусть меня не спрашивает; я устрашаюсь Владычнего негодования». О изумительные дела! Захария обуздывается, и Елизавета благоденствует; язык немотствует, и утроба беременеет; болезнь утробы переселяется на язык; речь обуздывается, и рождаемое освобождается; Захария молчит, и Иоанн играет.

Лишь только бесплодная увидела Деву, утренняя звезда заметила солнце, и сильно взыграл Иоанн в материнской утробе, обвиняя медлительность природы: я, говорит, проповедник Владыки, и зачем связан узами, подобно сорабам своим? Предварю время рождения, не буду ждать родов, чтобы не потерять своего течения, чтобы Владыка не опередил заключенного раба, чтобы последовательность природы не сделалась нарушением порядка; я узнал Присутствующего, и не переношу молчания; я узнал Предпославшего меня в путь пред лицом Своим, чтобы приготовить путь Его пред Ним; я поколеблю узы природы, потому что спешу проповедовать. О изумительные дела и чудеса! О чем не ведали на небесах Ангелы, узнал Иоанн, во утробе носимый, и говорил матери своей. Для Престолов Он был не заметен, и, носимого во утробе приходящий Бог не опередил; от Господств Он скрыл тайну домостроительства, но открыл ее носимому во чреве; и с каким благовестием пришел Архангел к Богородице, это внушил внутри играющий младенец. Пришедший Освободитель нашего рода, будучи во чреве, прибыл к своему другу, Иоанну; и видно было, что Создатель приветствует создание, что Царь пребывает в шатре воина, что Владыка входит в дом раба. Иоанн, увидев из утробы находящегося во утробе, старался превзойти границы природы, говоря: я не знаю ограниченного природою Господа, и не буду ждать времени рождения; мне не нужны для рождения девять утробных месяцев; не нуждаюсь в этом теперешнем заключении; и почему не выйти из уз, удерживающих меня? Я выйду, кратко объявлю значение дивного дела; я печать Божественного пришествия; я утроба воплотившегося Бога Слова; вострублю, и отцовский язык сделаю красноречивым; вострублю, и материнскую омертвелую утробу оживлю. Выйду, предтеку с проповедью, возглашу всем присутствующим: «вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира» (Иоан.1:29). Таково играние Иоанна, или лучше, слова.

«Елисавете же настало время родить, и она родила сына. И услышали соседи и родственники ее, …и радовались с нею» (Лк.1:57–58). Ибо чудом было то, что в старости и с

заматоревшею утробою родила Елизавета; это зависело не только от плотского отца, но и от Бога Слова. Об этом свидетельствует сам Архангел Гавриил, сказавший Захарии: вот «жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет …и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей; и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; и предъидет пред Ним в духе и силе Илии» (Лк.1:13, 15–17).

О, рождение сына иной, изумительной природы! Оно было изумительно и неестественно, так как обычно тот, кто рождает, при содействии страсти рождает, – и та, которая рождает, в болезнях рождает. В чем же скорбь Елизаветы, когда присутствует Святой Дух, а не неопытная восприемница, когда это дело благодати, а не тягость природы? Слушай! Этот труд был ничтожным в сравнении с радостью. – Не после своего рождения Иоанн получил благодать, но из материнской утробы одевшись освящением, стал дивным предводителем, как сказал Ангел: «Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей… и предъидет пред Ним в духе и силе Илии» (Лк.1:15,17). Кто кому будет предшествовать? Иоанн Владыке Христу; поэтому он называется Предтечею, как можно слышать из слов самого Иоанна о Спасителе: «за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня» (Иоан.1:30). **За мною** – по времени; **прежде меня** – по престолу.

Почему Гавриил сказал, что Иоанн предшествует Царю Христу в духе и силе Илии Фесвитянина? Слушай внимательно! Илия значит – Бог. Так как Иоанн имел в самом себе Бога, – он исполнился Духа Святого еще от чрева матери своей, а Бог есть Дух, – то о нем говорил Господь через пророка за много времени раньше: «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною» (Мал.3:1, ср. Мк.1:2) и многих обратит от заблуждения к истине; ради этого Иоанн предшествует Господу в духе и силе Илии, так как у Иоанна много было сходства с Илиею.

Конечно, сын рождается, и речь возвращается к отцу. Захария, когда его спрашивали, как бы он желал назвать дитя, – «потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему». Не

поверивший словам Ангела теперь вынужден писать о явлении, проповедовать письмом; тогда по слуху не принявший сказанного теперь законодательствует рукою, пишет о бывшем. И, дав имя ему, получил речь: отсюда «все удивились. И тотчас разрешились уста его и язык его, и он стал говорить, благословляя Бога» (Лк.1:63–64).

О изумительное и странное чудо! Пишется имя сына, и немые уста отца открываются; Иоанном называется, и язык называющего устрояется. Видишь ли, как он не погрешил, и мы не погрешили, сказав приличное объяснение? Вот имя самого праведного открывает немые уста, и побуждает неподвижный язык. Так вопиющий Иоанн обнаруживается, что даже самое его имя вызывает голос: я «глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф.3:3). О чудо! Слово пребывает, и голос предвозвещает; Владыка идет, и раб предпосылается. Итак, возрадуемся и возвеселимся, что Елизавета родила и Захария возговорил; что неплодная произвела, и старец воскликнул; что восковая дощечка была спрошена, и язык иерейский разрешился и голос возвратился; что Предтеча явился и весь мир возрадовался.

Здесь следовало бы закончить слово, но Захария не позволяет восклицаниями: «благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему» (Лк.1:68). Изумительные дела! Что говорит Захария? После своего исцеления от немоты Захария первый раз воскликнул: «Благословен Господь». Что это значит? Захария был мертвым, и воскрес. Он не был мертвым по природе, но перенес подобие смерти. Он удерживался молчанием, как гробом, и как пеленами, был связан узами языка; он возвратился к жизни, не дыша священством, и принес оплакивание, горесть народа. Когда упраздняется иерей, скорбят все, за кого он ходатайствовал. После этого образного воскресения Захария первый раз воскликнул «благословен Господь Бог израилев». О Захария! Если бы ты не увидел духовного колоса, не узнал духовного земледельца, не получил дара, то не благословил бы дателя. Но Захария восхвалил Бога пророческою песнею, достойною дара. Воскликнем и мы: «благословен Господь Бог

христианский, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему». Ему слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Житие и страдание святой преподобномученицы Февронии

Память 25 июня

В царствование нечестивого царя Диоклетиана жил в Риме епарх[4121] Анфим, имевший сына Лисимаха, которого он обручил с прекрасною девицею, дочерью сенатора[4122] Просфора. Заболев смертельно, Анфим призвал своего брата Селина и сказал ему:

– Брат мой! Вот я расстаюсь с жизнью и вручаю тебе сына моего: будь ему отцом вместо меня, а он пусть будет тебе вместо сына. Когда я умру, поспеши соединить его браком с невестой его, дочерью Просфора.

Выслушав брата, Селин пообещал ему сделать всё так, как он просил его. Анфим же, по прошествии трех дней, скончался. По смерти Анфима, Диоклетиан призвал к себе Лисимаха и дядю его, Селина, и, приняв их особо, сказал Лисимаху:

– Помня любовь ко мне отца твоего, я хотел бы поставить тебя епархом вместо него, но до меня дошел слух, что ты питаешь склонность к вере христиан. Поэтому я отложил свое намерение, пока выяснится, справедливо ли говорят о тебе. Пока же для испытания я решил послать тебя на Восток, чтобы ты искоренил там христианскую веру; и когда возвратишься к нам, исполнив свое поручение, тогда будешь награжден от нас саном епарха.

На такую речь царя Лисимах ничего не посмел возразить, так как был очень юн, имея от роду около 20 лет. Но Селин, дядя его, упавши к ногам Диоклетиана, сказал:

– Умоляю тебя, великий и бессмертный царь, дозволь Лисимаху остаться здесь на несколько дней, чтобы вступить в брак с дочерью Просфора, – и когда он сочетается браком, то с ним вместе пойду и я, и мы вместе сделаем всё так, как повелит нам твоя Божественная власть.

Царь же сказал им обоим:

– Сначала идите, куда я вас посылаю, и истребите христиан, когда же исполните порученное вам дело,

возвращайтесь сюда, – тогда и я отпраздную вместе с вами брак Лисимаха.

Услышав это, они не посмели произнести больше ни слова и покорно повиновались царю, – взявши указ и войска, отправились на Восток.

Лисимах взял с собою родственника своего, комита[4123] Прима, который был сын сестры матери его, – и поручил ему начальствование над войском.

Приехав на Восток, они остановились в области Пальмира[4124], и всех находившихся там, христиан стали предавать различным жестоким мучениям: одних жгли огнем, других отдавали на съедение зверям, а иных посекали мечом и тело их выбрасывали собакам. Селин, дядя Лисимаха, был очень суров и бесчеловечен. Страх объял многих при виде жестокостей Селина. Лисимах же был очень жалостлив к христианам, так как мать его была христианкой, и от нее он научился познанию Христа. Однажды ночью он призвал к себе своего родственника, комита Прима, и сказал ему:

– Уважаемый Прим, ты знаешь, что отец мой по вере был еллин[4125] и в язычестве скончался, но мать моя умерла христианкой и при жизни своей старалась сделать меня христианином. Но боясь отца и царя, я не мог сделать этого открыто и дал матери обещание, что не погублю ни одного христианина и буду стараться сделаться другом Христовым. Теперь же вижу, что христиан жестоко мучит и убивает дядя мой Селин, – и от этого сильно страдает душа моя; ибо в тайне я хочу щадить христиан и тех из них, которые содержатся в узах, отпускать, чтобы они убегали и скрывались, где могли.

Комит согласился помочь ему, и они заключили друг с другом соглашение, обязуясь взаимно щадить христиан. Как только они открывали где-нибудь церкви или монастыри христианские, тотчас же посылали туда тайное известие, предупреждающее о нашествии мучителей, и давали совет скрыться. Сверх того комит повелел единомышленным с ними воинам не хватать христиан на мучения, а схваченных повелевал отпускать.

Пробыв в Пальмире довольно долго, Селин, после того как замучил многих христиан, захотел идти в Сиваполь – город, лежащий в ассирийских пределах[4126], входивших в состав подчиненной Риму области. В этом городе находился женский монастырь, состоявший из 50 монахинь, игумения которых, Вриенна, была ученицей блаженной игуменьи, диакониссы[4127] Платониды, и строго исполняла правила своей наставницы. Устав Платониды был такой. В пятницу ни одна из сестер не должна была работать, но все собирались в церковь и с утра до вечера молились или читали Божественные книги. Сначала до 3 часов утра читала сестрам сама диаконисса Платонида, а потом она отдавала книгу Вриенне, приказывая ей читать до вечера. Точно так же делала потом и Вриенна, которая, приняв, после смерти своей наставницы, начальствование в монастыре, во всем подражала ей.

У игумении Вриенны воспитывались и приготовлялись к иноческой жизни две отроковицы: Прокла и Феврония. Прокле было 25 лет, Февронии 20. Феврония была племянницей Вриенны, т.е. дочерью ее брата, и блистала такой дивной красотой, что ни один художник не мог бы в совершенстве изобразить цветущего благолепия лица ее. Эта красота очень беспокоила Вриенну, и она много думала, как бы сохранить Февронию целомудренною, вдали от соблазнов мира. Все сестры монастыря принимали пищу ежедневно только по разу, к вечеру, и то в очень малом количестве; но Вриенна повелевала Февронии поститься до другого дня, чтобы она целый день оставалась без пищи, и вкушала только к вечеру другого дня, – она надеялась, что благодаря такому воздержанию поблекнет красота Февронии. Феврония, желая умертвить плоть свою, прилагала со своей стороны все силы к столь великому воздержанию, и никогда не ела и не пила до сытости, но жаждою и голодом, многими трудами и подвигами неуклонно изнуряла плоть свою, воздерживаясь, сверх того, и от сна. Постель ее состояла из одной голой доски без всякой подстилки; в длину она имела 3 локтя, а в ширину 1,5 пяди; изнуренная чрезмерным постом Феврония забывалась сном на этой доске, или на голой земле, и притом на самое короткое

время. И когда диавол сонными видениями покушался соблазнить ее, она тотчас же вставала, падала на землю, распростершись крестообразно, и молилась Богу с горькими слезами, чтобы Он избавил ее от диавола; потом, взяв книги Божественного Писания, она прилежно читала их и получала от них духовное наслаждение. Феврония была от природы настолько любознательна и остра умом, что ее уму много удивлялась сама Вриенна.

По пятницам, когда все монахини собирались в церковь для чтения Слова Божия, игуменья Вриенна поручала Февронии читать Священное Писание. А так как вместе с монахинями в храм часто приходили слушать духовные поучения и мирские женщины, то Вриенна приказывала Февронии читать за завесою, чтобы она не видала вида и украшений этих женщин, которых она никогда не видала и раньше. И распространилась добрая молва о блаженной Февронии по всему городу, – повсюду хвалили ее познания и ум, ее красоту и добронравие, ибо она была кротка, смиренна, целомудренна и украшалась всякими добродетелями.

Услышала обо всех этих качествах святой девицы одна женщина сенаторского рода, именем Иерия, и воспылала сильным желанием видеть Февронию и беседовать с нею. Эта женщина принадлежала к еллинской вере, была молода летами и уже овдовела, – прожив с мужем своим всего только 7 месяцев; по смерти мужа, она проживала в доме своих родителей, которые также принадлежали к еллинскому нечестию. Придя в монастырь, она через привратницу известила игумению Вриенну о своем желании видеть Февронию. Когда же Вриенна вышла к ней, Иерия упала к ногам ее и, обнимая их, молила игумению:

– Заклинаю тебя Богом, сотворившим небо и землю, не гнушайся меня нечестивой, бывшей доселе забавой идолов и бесов, – не лиши меня поучительных бесед с сестрой нашей Февронией, чтобы она наставила меня на путь спасения. Тогда я надеюсь обрести у Христа Бога Истинного то, что уготовано христианам. Итак, избавьте меня от суетности века сего и от идольского нечестия, ибо родители принуждают меня ко

второму браку, я же хочу начать новую жизнь, проводя время в поучительных и душеполезных беседах с Февронией: довольно мне и прежних лет, прожитых мною, по неведению, в нечестии.

Говоря это, Иерия обливала слезами ноги игумении, побуждая ее к милосердию.

Вриенна же, выслушав ее, сказала:

– Господь свидетель, госпожа Иерия, что отроковица Феврония еще с двух лет принята мною на попечение, и вот теперь уже 18-тый год, как живет она в монастыре безвыходно, не видя до сего времени ни мужчин, ни мирских женщин, ни их одежды и убранства и ничего мирского. Даже кормилица ее до этих пор не могла ее видеть, и хотя много раз умоляла меня повидать ее и побеседовать с нею, но я не допустила этого. Но теперь видя твое усердие и уразумев твою любовь к Богу и надеясь на твое спасение, я сведу тебя к ней; но только ты перемени свои мирские одежды на иноческие.

Иерия тотчас же с радостью исполнила это условие, и Вриенна отвела ее к Февронии. Увидев Иерию в иноческих одежах, Феврония подумала, что это пришла к ним какая-нибудь странствующая инокиня; поэтому она поклонилась ей до земли и обнявши поцеловалась с нею, как с сестрою о Христе. Вриенна же повелела им обеим сесть и упражняться в поучительном чтении Божественных книг. Тогда Феврония, взяв книги, начала читать Иереи, и та до того умилилась от всего прочитанного, что всю ночь пробыла без сна. Так обе они, оставаясь без сна, и упражнялись в чтении Божественных книг, и ни Феврония не устала, читая книги, ни Иерия, слушая чтение. При этом Иерия пролила столько слёз, что даже земля омочилась слезами ее; ибо, бывши эллинкой по вере, она никогда не слыхала таковых душеполезных наставлений.

Когда настало утро, Иерия едва могла повиноваться игумении, чтобы пойти в дом свой. Со слезами простившись с Февронией она отправилась к родителям. Феврония же спросила помощницу игумении Фомаиду:

– Молю тебя, госпожа, мать моя, скажи мне, кто была та странствующая инокиня, которая так обливалась слезами, точно никогда не слышала Божественных слов.

– Неужели ты не знаешь, с кем беседовала? – сказала ей на это Фомаида.

Феврония ответила:

– Как же я могу знать странствующую инокиню, которую никогда не видела?

Тогда Фомаида сказала ей:

– Сестра эта есть никто иная, как Иерия, знатная женщина нашего города.

– Почему же ты не сказала мне об этом раньше, – заметила Феврония, – я беседовала с ней как с сестрою.

Фомаида сказала:

– Так велела госпожа наша игумения.

После таких слов Феврония замолчала, – и стала молиться Богу в глубине души об Иерии, чтобы Бог обратил ее на путь истинный и принял в свое избранное стадо.

Иерия же, придя домой, рассказала всё, что слышала от Февронии, и начала убеждать родителей своих оставить еллинское заблуждение и познать единого истинного Бога – Иисуса Христа. Те послушались благоразумного совета дочери, уверовали во Христа и приняли святое крещение со всем домом. Так подействовали на них молитвы и наставления святой Февронии.

В скором времени после этого Феврония тяжко заболела. Иерия пришла к ней и ухаживала за ней во время болезни. Вдруг разнеслась весть, что Селин и Лисимах подходят к городу мучить христиан. Тогда все христиане, не исключая священнослужителей и клириков, и даже сам епископ, оставивши всё, бежали из города, гонимые страхом, и скрывались, где могли.

Услышав это, инокини монастыря Вриенны пришли к ней и сказали:

– Госпожа мать наша, что нам делать? Вот приближаются к городу звери лютые – нечестивые мучители, и все верные христиане бежали, боясь мук.

Вриенна со своей стороны спросила их:

– Что же вы думаете и что хотите делать?

Они отвечали:

– Повели, о мать наша, и нам укрыться, чтобы спасти души наши.

На это Вриенна заметила:

– Еще борьбы не видели, а думаете о бегстве, не настал еще час подвига, а вы уж хотите быть побежденными; нет, дети, молю вас, не делайте этого; лучше здесь останемся, претерпим мучения, и умрем за Христа, умершего за нас, чтобы нам жить с Ним вовеки. Услышав эти слова, сестры умолкли. Но на следующий день одна сестра, по имени Еферия, сказала прочим:

– Знаю я, что из-за Февронии не пускает нас мать игумения скрыться, – она хочет, думаю, из-за нее одной погубить нас всех; но пойдем к ней снова, и я за всех скажу ей, что следует.

Услышав это, некоторые инокини согласились с Еферией, другие же стали возражать ей, но наконец, все сговорились и пошли к игумении. Вриенна, уразумев, зачем они пришли, спросила Еферию:

– Что хочешь, сестра?

Она же отвечала:

– Молим тебя, мать наша, позволь нам убежать от грозящих бед, ибо и епископ, и весь клир удалились. Вспомни, о мать наша, что есть среди нас юные отроковицы, за которых нужно бояться, чтобы они, схваченные нечестивыми воинами, не лишились девства и не потеряли своей награды от Бога. Еще же нужно бояться и того, что мы не перенесем мучений и, отрекшись Христа, погубим души наши. Повели также взять нам с собою и сестру нашу, больную Февронию, чтобы скрыть и ее отсюда.

Услышав это, Феврония сказала:

– Жив Христос мой, Которого невестой я себя считаю и Которому отдаю душу свою, – не отойду от этого места, но здесь умру и похоронюсь.

Тогда Вриенна, обращаясь к Еферии, сказала:

– Смотри, что ты делаешь, смущая сестер, – ты видишь, – я неповинна в том, что ты обо мне думаешь.

Потом, обратившись к прочим, сказала:

– Пусть каждая из вас решит так, как ей покажется полезнее.

Тогда все сестры, боясь предстоящих мучений, простились с игуменией и Февронией и, с плачем и рыданием, бия себя в грудь, удалились из монастыря. Прокла же, сверстница и соученица Февронии, обнявши и целуя ее, плакала и говорила:

– Помолись за меня, госпожа и сестра моя.

Феврония, удерживая ее за руку и не пуская, уговаривала:

– Побойся Бога, сестра моя Прокла, не оставляй нас. Ты видишь – я больна и скоро умру. Мать наша Вриенна не может похоронить меня одна, – останься же и помоги ей погребсти меня.

Тогда Прокла ответила:

– Хорошо, сестра моя, я останусь здесь до тех пор, как велишь мне.

Когда же настал вечер, Прокла не сдержала слова своего и тайно убежала из монастыря. С Февронией остались только Вриенна и Фомаида.

Игумения Вриенна, видя опустевший монастырь, с печалью вошла в церковь, упала на землю и горько зарыдала.

Фомаида, успокаивая ее, говорила:

– Перестань госпожа и мать моя. Ибо Бог силен в скорби и напасти сотворить и «облегчение» (1Кор.10:13). Он поможет нам перенести находящие на нас бедствия (Сир.2:10). Вспомни, разве был кто, верующий в Бога, посрамлен, и пребывающий в страхе Божием оставлен без Его помощи?

Вриенна ответила:

– Да, госпожа моя Фомаида, всё так; но что мне делать с Февронией? Куда ее скрыть и сохранить? Какими глазами я буду смотреть, когда варвары поведут ее, как пленницу?

Тогда Фомаида сказала:

– Воскрешающий мертвых, Господь может и Февронию подкрепить и сохранить от варваров невредимой; молю тебя, госпожа и мать моя, перестань огорчаться и плакать; лучше пойдем к больной Февронии, – утешим ее и подкрепим.

Когда они пришли к Февронии, Вриенна опять горько зарыдала. Феврония же, посмотрев на Фомаиду, спросила:

– Что означают слёзы нашей матери Вриенны?

Обернувшись к ней Фомаида отвечала:

– Из-за тебя эти материнские слезы, так как ты молода и красива. Вот придут к нам жестокие мучители, чтобы причинить нам великие скорби: нас, старых женщин, они тотчас же убьют, тебя же, молодую и красивую лицом девицу, они сохранят, чтобы прельстить соблазнами мира, – и мы боимся, что льстивыми словами и насилием они погубят девство твое и лишат тебя чертога, уготованного твоим Небесным Женихом.

Тогда Феврония сказала:

– Молю вас помолитесь обо мне ко Господу, чтобы Он призрел на смирение мое – укрепил мою немощь и подал мне терпение, как подает Он всем рабам Своим, возлюбившим Его от всего сердца.

На это Фомаида ответила:

– Дитя мое, Феврония! Наступает время подвига. Если нечестивые мучители будут соблазнять тебя льстивыми словами, золотом, серебром и многоценными одеяниями, или какими-либо суетными прелестями мира сего, – будь осторожна и внимательна к себе, – не слушайся их увещаний, чтобы тебе не потерять награды от Господа за прежние труды свои. Смотри, чтобы не сделаться тебе посмешищем диавола и игралищем идолов. Помни, что нет ничего славнее девства, и велика награда, ожидающая девственниц. Ибо жених девственниц бессмертен, и всем любящим Его подает бессмертие. Итак, госпожа моя, потщись достигнуть того, чему ты посвятила всю жизнь свою. Блюди себя, дочь моя, чтобы тебе не лишиться залогов твоего блаженства – т.е. благодати крещения и иноческого пострига. Ибо страшен будет Господь, когда сядет на престоле славы Своей судить всех и воздать каждому по делам его.

Внимая этим словам, Феврония укреплялась духом и мужественно готовилась вступить в доблестную брань с диаволом. Потом она сказала Фомаиде:

– Хорошо сделала ты, госпожа моя, утвердив рабу твою в вере и соделав душу мою готовою к доблестному подвигу. Да будет же тебе известно, что если бы я не имела желания

умереть за Жениха моего, то бежала бы, вместе с другими сестрами, чтобы укрыться от страшного страдальческого подвига. Но так как я от всего сердца люблю небесного Жениха моего, Которому я обручилась душою и Которому посвятила тело мое, то дерзаю пойти к Нему стезею мученичества, если Он удостоит меня пострадать и умереть за имя Его.

Вриенна, выслушав такие речи Февронии, сказала ей:

– Дочь моя, Феврония! Вспомни мои труды и заботы о тебе, вспомни, что с двух лет я приняла тебя на попечение из рук кормилицы твоей, – и что до настоящего дня никто из мирян даже не видал лица твоего. До нынешнего дня я блюла тебя, как зеницу ока. А что теперь мне делать с тобою и как блюсти тебя, я уже не знаю. Блюди себя сама, чтобы не опечалить старости моей, не уничтожить трудов, какие я, духовная мать твоя, приложила к твоему воспитанию. Поминай страстотерпцев, которые прежде тебя мужественно и доблестно страдали за Христа и получили теперь венец от Него, среди коих были не только мужи, но также женщины и дети. Вспомни Ливию и Леониду – этих славных сестер, которые мужественно положили за Христа души свои. Ибо Ливия и Леонида, одна будучи усечена мечом, а другая – ввержена в огонь, обе вместе пошли в чертог своего Небесного Жениха. Поминай двенадцатилетнюю отроковицу Евтропию, которая была замучена вместе с матерью. Не всегда ли удивлялась ты послушанию и терпению ее? Ты знаешь, как судья, разрешив ее от уз, хотел ее устрашить стрелами, думая, что она побежит от них. Но вот она услышала голос матери своей, говорящий ей: «дитя мое, Евтропия, остановись», – и отроковица мужественно стала как столб недвижимый, пока не была вся изранена стрелами: тут она пала на землю, предавши дух свой Господу. Отроковица эта был проста и неучена; а ты сама хорошо изучила Божественные книги и была доброю учительницей многих. Итак, помысли, сколь мужественно тебе подобает стать за Господа твоего.

Это и многое другое говорили они друг с другом, пока не прошла ночь и не наступил день.

Когда воссияло солнце, в городе поднялось великое смятение. Это вошли в город Селин и Лисимах, воины которых начали уже хватать многих христиан и бросать их в темницу. Некоторые эллины сказали Селину о находившемся в городе женском монастыре. Селин тотчас же послал воинов взять всех инокинь. Воины, придя к монастырю, окружили его со всех сторон и, секирами разрубивши двери, вошли внутрь его, как дикие звери. Схватив Вриенну, они хотели мечом убить старицу. Но Феврония, видя опасность, упала к ногам воинов и начала громко взывать:

– Заклинаю вас Богом, – убейте сначала меня, чтобы я не видала смерть госпожи моей.

Когда Феврония так вопияла, пришел туда комит Прим; он с гневом отогнал воинов и спросил Вриенну:

– Где же остальные инокини, которые пребывали в этом монастыре?

Вриенна сказала:

– Все в страхе бежали.

Тогда комит сказал:

– О если бы и вы бежали вместе с ними! Но и теперь вы свободно можете сделать это и бежать, куда хотите, – я оказываю вам эту милость.

Сказав это, он вышел из монастыря и отвел с собою воинов. Когда он пришел в преторию к Лисимаху, тот спросил его:

– Правда ли говорили нам, что вблизи есть тут христианский монастырь?

– Правда, – сказал комит.

Затем, отведя Лисимаха в сторону, наедине сказал ему:

– Почти все инокини разбежались из монастыря того, и не нашел я там никого, кроме двух стариц и одной молодой инокини. При этом имею поведать тебе нечто дивное, что я видел в монастыре том: видел я младую черноризицу, столь великой красоты, что таких красивых женщин я никогда не видал доселе. Бог свидетель, что я истину говорю тебе. Увидев ее, я удивился благолепию лица ее, и если бы она не была

одета в убогие одежды, и почел бы ее достойною стать женою тебе, господину моему.

На это Лисимах ответил:

– Если я не хочу преступать заповеди моей матери и проливать кровь христианскую, но желаю всячески щадить христиан, – то как же я могу быть соблазнителем невест Христовых? Никогда я этого не сделаю; но я обращаюсь к тебе, господин мой, с усердною просьбою: изведи стариц тех и молодую черноризицу из монастыря и сохрани где-нибудь, чтобы они не попали на мучение в руки Селина, дяди моего.

Когда они так говорили друг с другом, один из злейших воинов, бывший в монастыре, услыхав беседу их, немедленно отправился к Селину и рассказал ему, что они нашли в женском монастыре весьма красивую девицу, и что комит советует Лисимаху взять ее в жены.

Селин, исполнившись ярости, тотчас же послал воинов, чтобы они сторожили найденных там черноризиц, не давая им возможности скрыться. Затем послал некоторых ближайших и вернейших слуг своих, чтобы они посмотрели на ту девицу и узнали имя ее. Те пошли и, возвратившись, сказали Селину, что в поднебесной, наверное, не найдется ни одной женщины, которая могла бы сравняться красотою своею с виденной ими девицей. После таких слов Селин тотчас же послал глашатая кричать в городе, чтобы наутро следующего дня все жители обоего пола и всякого возраста, собирались смотреть на подвиг юной девицы Февронии.

Услышав это, все люди, жившие в городе и окрестных селениях, собрались на зрелище в большом количестве, чтобы видеть подвиг святой Февронии. С наступлением утра мучитель послал в монастырь наиболее свирепых воинов, и повелел им привести оттуда святую деву на судилище. Воины, придя в монастырь, безжалостно схватили Февронию и, оковав шею ее цепями, повлекли из монастыря.

Тогда Вриенна и Фомаида, со слезами обнимая свою ученицу, стали горько плакать и молить воинов, чтобы они позволили им немного побеседовать с Февронией; воины согласились. И снова Вриенна и Фомаида стали умолять

воинов, чтобы они взяли и их с собою на тот же подвиг, какой предстоял Февронии; ибо старицы боялись, как бы одна она без поддержки с их стороны не устрашилась мук.

Но воины сказали:

– Нам не дано повеления представить вас на судилище, но только одну Февронию.

И вот Вриенна и Фомаида начали утверждать Февронию в вере.

Вриенна так говорила ей:

– Вот ты, дочь моя Феврония, идешь ныне на страдальческий подвиг. Знай, что небесный Жених будет взирать на твои страдания, и Ангельские силы уже приготовили для тебя победный венец, если ты мужественно постраждешь до конца. Блюди, чтобы тебе не убояться мук и не сделаться поруганием бесов. Не жалей тела твоего, когда начнут его раздроблять ранами, ибо оно, если бы даже и не хотели мы, всё равно, по прошествии некоторого времени, вселится в гроб и обратится во прах. Вот я с горьким рыданием буду ждать о тебе благой или печальной вести. Порадей же, дочь моя, – я усердно молю тебя от этом, чтобы мне услышать добрую весть о тебе. О кто бы принес мне ту благую весть, что Феврония мученически за Христа пострадала и вступила в сонмы мучеников!

На это блаженная Феврония ответила Вриенне:

– Надеюсь, мать моя, что как доселе я не преступала заповедей твоих, так и ныне неизменно соблюду наставление и повеление твое. И увидят люди и удивятся и восхвалят труд Вриенны, говоря: вот поистине насаждение и росток Вриенны – той великой старицы! Ибо я в женском теле проявлю мужескую силу духа; вы же молитесь обо мне и не препятствуйте идти на предлежащий подвиг.

Тогда сказала ей Фомаида:

– Жив Господь, сестра моя, Феврония, что и я пойду следом за тобою. Оденусь в мирские одежды и, ставши среди народа, буду смотреть на твой подвиг.

Когда же воины начали торопить Февронию и уже хотели повлечь ее за собою, она сказала тем святым старицам:

– Молю вас, мои матери, благословите меня на дорогу и помолитесь обо мне.

И Вриенна, воздев руки свои к небу, начала так молиться громким голосом:

– Господи Иисусе Христе, некогда явившийся в образе Павловом рабе Твоей Фекле при страданиях ее, явись и ныне смиренной рабе Твоей Февронии в час ее подвига и свыше невидимо укрепи ее, чтобы и через нее прославилось имя Твое святое.

Так помолившись, Вриенна со слезами обняла Февронию и, облобызав ее, отпустила от себя. Воины же, взяв святую деву, повели ее к мучителю Селину.

Немного проводив свою любимую духовную дочь, Вриенна с плачем и рыданием возвратилась в монастырь и, повергшись на землю в церкви, вопияла, молясь к Богу о Февронии. Фомаида же, оставив Вриенну в церкви плачущею, облачилась в одежды мирских женщин и пошла следом за Февронией на позорище. Туда же пошли и те женщины, которые каждую пятницу приходили в монастырь послушать книжные поучения из уст Февронии, биюще в перси свои, они со слезами спешили на позорище, пребывали в сильной печали от того, что лишаются своей учительницы. Весть о том, что Феврония поведена на позорище, дошла также и до Иерии, и она так громко зарыдала, что родители ее и все бывшие в доме ужаснулись и стали спрашивать:

– Что с тобою, Иерия?

– Сестру мою Февронию повели на позорище, учительницу мою отослали на муки за Христа, – отвечала Иерия среди рыданий.

Родители Иерии старались успокоить ее, но она еще больше рыдала и говорила им:

– Оставьте меня, – я не перестану плакать по сестре моей и учительнице Февронии.

Когда она так говорила, родители ее тоже возрыдали, и весь дом огласился плачем о святой Февронии; Иерия же стала просить родителей, чтобы они отпустили ее идти на позорище, и они не препятствовали ей. Взяв много рабов и рабынь, она с

рыданием пошла на позорище и догнала множество жен, со слезами спешивших туда же; среди них была и Фомаида, шедшая в мирских одеяниях. Узнав ее, Иерия пошла вместе с нею, и они обе, проливая многие слезы, пришли на назначенное место. Бесчисленное множество народа собралось там, и судьи уже сидели на своих местах. Когда всё было приготовлено, Селин и Лисимах повелели привести к ним святую Февронию. Святая предстала пред ними, имея руки связанными назади, а шею окованною цепями; видя это, почти все там присутствовавшие залились слезами и предались горькому плачу и рыданиями. Мучитель Селин, подав знак к молчанию, сказал Лисимаху:

– Подвергни эту женщину допросу и выслушай ее ответы.

И начал Лисимах допрашивать Февронию. Сначала он спросил ее:

– Скажи нам, какого ты звания – раба ли ты, или свободная?

– Да, я раба, ответила Феврония.

– Чья же?

– Христова – смело исповедала святая дева.

Снова спросил ее Лисимах:

– Какое имя ты носишь?

И Феврония ответила:

– Нарицаюсь я смиренной христианкой.

Лисимах опять спросил:

– Мы хотим знать имя твое.

– Я уже сказала тебе, что я христианка, ответила Феврония, – но если ты хочешь знать то имя, какое дано мне было при рождении, – то я отвечу тебе: мать назвала меня Февронией.

Тогда мучитель Селин повелел Лисимаху прекратить допрос и сам обратился с речью к святой деве.

– Призываю богов в свидетели, Феврония, что я не хотел снизойти до беседы с тобою; но так как кротость твоя и красота лица твоего победили мой гнев на тебя, – то я спрошу тебя уже не как осужденную, но как дочь мою. Слушай же, дочь моя, пусть боги будут свидетелями, что я истину говорю тебе. Ты видишь сидящего со мною племянника моего Лисимаха; я и

отец его Анфим, теперь уже умерший, наметили ему в жены девицу благородную, обладающую многими богатствами, дочь сенатора Просфора, и уже обручили его с нею. Теперь, если ты исповедуешь свою вину пред богами, то мы уничтожим брачный договор с дочерью Просфора и установим новый – с тобою. И станешь ты женою Лисимаха и, как жена, будешь восседать по правую руку его, как теперь восседаю я. Ты видишь, что он красив, как и ты. Послушай же моего совета, как отца твоего; в награду за то я сделаю тебя знатной и богатой, и ты никогда не узнаешь нищеты. Я не имею ни жены, ни детей, – и всё, что у меня есть, дарю тебе, – делаю тебя госпожою всех имений моих. Всё это я дам в приданое за тобою господину моему Лисимаху, и буду вам вместо отца. Тогда, видя сколь великой чести сподобилась ты, прославят и ублажат тебя все женщины, – порадуется о тебе и доблестный царь наш и со своей стороны тоже наградит вас многим, ибо он обещался поставить Лисимаха епархом Рима. Вот ты слышала всё, что я сказал тебе. Скажи же мне, что ты не отвращаешься от богов наших, этим ты доставишь великую радость душе моей. Если же не послушаешь моего увещания, то не проживешь, клянусь богами, и трех часов. Итак, выбирай себе, что хочешь, и скажи нам.

На это святая Феврония так отвечала Селину:

– Судия! Я имею на небе чертог нерукотворный, в котором совершается брак вовеки нерасторжимый, приданное же мое всё небесное царство. Имея Жениха Бессмертного, я не хочу соединиться со смертным и тленным человеком. А о том, что ты мне обещаешь, я и слушать не хочу. Нет, не трудись, судия! Ни ласкательствами и соблазнами ты ничего не достигнешь, ни угрозами меня не устрашишь.

Услышав такой ответ, Селин сильно разъярился и повелел воинам растерзать на ней одежды, затем – опоясать ее худым и коротким рубищем, и поставить почти нагою на позор пред всеми; он надеялся, что святая дева, видя себя в таком бесчестии, устыдится своего позора и раскается в своем упорстве. Воины тотчас исполнили приказание Селина и поставили мученицу почти совершенно нагою пред всеми.

Тогда сказал ей Селин:

– Что теперь скажешь мне, Феврония? Ты видишь, какое бесчестие сделалось твоим уделом, между тем как ты могла бы пользоваться великими благами.

На это Феврония сказала мучителю:

– Знай, судья, что если ты совлечешь с меня не только те одежды, но даже и это рубище, и оставишь меня совершенно нагою, то я ни во что вменю позор сей. Ибо Один есть Создатель мужа и жены; ради Него я готова не только претерпеть стыд наготы, но желаю даже быть усеченною мечом и сожженною огнем. О если бы сподобил меня пострадать за Себя Тот, Кто добровольно претерпел за меня бесчисленные страдания!

– О бесстыдная и всякого бесчестия достойная! – воскликнул Селин, – я вижу, что ты гордишься красотою своею, и потому не вменяешь себе в стыд бесчестие наготы, ибо ты надеешься прославиться своею красотою, стоя обнаженною среди народа.

Святая ответила ему:

– Христос свидетель, что до нынешнего дня я не видала даже лица мужчины, равно как и моего лица никто из мирских людей не видел. Неужели теперь, находясь в твоей власти, я буду бесстыдна? Нет, бесстыден ты сам, обнажая пред всеми девическое тело. Но скажи мне, безумный судия: если борец выйдет на олимпийские состязания[4128], то не нагим ли он борется, пока не победит противника своего? Точно так же и я, выйдя сюда на борьбу с сопротивным и ожидая для тела моего ран и огня, как могу претерпеть их, оставаясь в одежде? Разве не нагое тело воспринимает раны? И вот я выхожу нагою, чтобы, презирая муки, победить сатану – отца твоего.

Тогда Селин сказал слугам:

– Так как эта женщина сама ищет мук и говорит, что она не боится огня и ран, – то разложите ее на земле, зажгите огонь под нею, и пусть четыре воина бьют ее палками по хребту.

Тотчас воины начали мучить святую, как им было приказано. Долго били святую, так что кровь ручьями текла из тела ее. А чтобы разожженный под нею огонь не угасал, мучители возливали на него масло, дабы пламень становился

больше и сильнее опалял мученицу. Когда так мучили святую, многие из среды народа стали кричать Селину:

– Пощади, пощади юную девицу, милостивый судия!

Но тот, не слушая молений, повелел истязать святую деву сильнее; потом, немного укротившись от гнева, приказал прекратить мучения. Воины оставили Февронию и, считая ее уже мертвою, повергли вне костра.

Фомаида, видя столь тяжкие муки Февронии, изнемогла духом и телом и пала на землю к ногам Иерии. При виде этого Иерия громко возопила:

– Горе, горе мне, сестра моя Феврония! Горе мне, учительница моя! Я уже больше не услышу учения твоего. И не только тебя я лишусь, но и Фомаиды; ибо и та, в печали о тебе, умирает.

Эти слова Иерии услышала Феврония, лежавшая на земле, и стала умолять близ стоящих, чтобы они полили воды на лицо изнемогшей Фомаиды. Те исполнили эту просьбу, и Фомаида пришла в себя и стала на ноги.

Увидев, что Феврония еще жива, Селин обратился к ней с такими насмешливыми словами:

– Что скажешь Феврония? Как сладок показался тебе твой первый страдальческий подвиг?

– Ты видишь, – отвечала Феврония, – что я, несмотря на твои старания, осталась непобедимою, потому что презираю все муки.

Тогда Селин приказал слугам:

Повесьте ее на дереве и железными гребнями строгайте бока ее, раны же опаляйте огнем так, чтобы и кости ее были обожжены.

Мучители тотчас стали исполнять это приказание. Среди таких страданий Феврония возвела очи свои на небо и так стала молиться ко Господу:

– Прииди на помощь ко мне и не презри в сей час рабы Твоей.

И после этих слов она умолкла.

Когда тело ее безжалостно строгали и жгли огнем, многие из собравшихся на позорище не могли смотреть на столь ужасные

муки и отошли оттуда; другие же стали кричать судье, чтобы он пощадил юную и ни в чем неповинную девицу. Тогда Селин повелел прислужникам прекратить мучения. Затем он стал предлагать Февронии, висящей на дереве, некоторые вопросы, но она молчала. Снова распалившись яростью, мучитель повелел снять ее с дерева и привязать к колу, водруженному на земле, – затем сказал:

– Так как эта скверная женщина не хочет отвечать мне, то отрежьте язык ее и бросьте в огонь.

Услышав это, святая мученица тотчас же простерла из уст язык и дала знак воину, чтобы он исполнил приказание. Но лишь только воин коснулся языка, чтобы отрезать его, стоявший здесь народ громко стал кричать, заклиная судию именем богов своих и умоляя его, чтобы он отменил свое приказание. Снисходя к просьбам народа, Селин дал приказ не резать язык, а вместо того велел вырывать зубы. Тотчас же один из мучителей взял железное орудие и начал вырывать зубы мученицы один за другим. Когда он вырвал 17 зубов, Селин велел прекратить это мучение. Между тем из уст святой текли целые потоки крови, и от жестоких страданий она совершенно изнемогла телом. Призвали врача, который остановил течение крови.

Потом Селин снова начал вопрошать святую, обратившись к ней с такими словами:

– Хотя бы теперь, Феврония, подчинилась ты требованию суда и исповедала бы веру в богов.

Святая ответила:

– Анафема[4129] тебе, проклятый и в беззакониях состарившийся слуга диавола! Долго ли ты будешь препятствовать мне на пути моем, заграждая мне вход к Жениху моему Христу? Поторопись скорее освободить меня от сего бренного тела моего, так как Жених мой уже ждет меня.

На это Селин сказал Февронии:

– Вот я велю совершенно истерзать тело твое, предав его мечу и огню. Ибо я вижу, что ты бесстыдно гордишься юностью твоей. Но от этого тебе не будет никакой пользы; твоя гордость принесет тебе еще большее зло и тягчайшие муки.

Святая мученица, истомленная чрезмерными мучениями, не могла больше ничего говорить, но молчание ее еще более распалило ярость мучителя: жестокий Селин велел отрезать у Февронии ее девические сосцы. Народ кричал, умоляя судью, чтобы он пощадил девицу и отменил свое приказание. Но Селин, разгневавшись на мучащего прислужника, сказал ему:

– Зачем медлишь, прескверный противник богов наших? Зачем не исполняешь повеленного тебе?

Тогда прислужник, взяв бритву, начал резать у святой мученицы правый сосец. Она же, возведши очи на небо, громким голосом молилась к Богу, говоря:

– Господи Боже мой, воззри на мучения, мною претерпеваемые, и приими в руки Твои душу мою.

Сказав это, она умолкла и больше уже ничего не говорила. Когда отрезали оба сосца и повергли их на землю, Селин повелел принести огонь и опалять им язвы, образовавшиеся на месте отрезанных сосцов. Точно так же он повелел жечь утробу мученицы, так что истлели все внутренности ее. При этом многие из народа, не будучи в состоянии смотреть на такое мучительство, отходили от позорища и громко проклинали Диоклетиана и его богов.

В это время Фомаида и Иерия послали рабыню в монастырь, чтобы она возвестила Вриенне о всём происшедшем. Услышав рассказ посланной, Вриенна исполнилась духовной радости и веселия и со слезами начала так взывать к Богу:

– Господи Иисусе Христе, Боже наш, прииди на помощь к рабе Твоей Февронии!

Затем, павши на землю, она с плачем и рыданием говорила:

– Где ты теперь Феврония? Где ты, кроткая дочь моя? Где ты, раба Христова? Где ты, украшение иноческого чина?

Наконец, поднявшись с земли и воздев руки к небу, воскликнула:

– Господи! Призри на смиренную рабу Твою, и помоги ей в ее подвиге! Сподоби мне видеть ее скончавшеюся мученицей и вчиненной в лике святых мучеников.

В это время на позорище происходило следующее: мучитель Селин повелел отвязать Февронию от кола, к которому она была привязана; святую отвязали, и она, будучи не в силах стоять на ногах, тотчас же пала на землю. При виде этого комит Прим тихо сказал Лисимаху:

– За что эта юная отроковица терпит столь жестокие мучения? Не пора ли прекратить истязания?

Лисимах на это ответил:

– Подожди, брат, ибо ее страдания для многих, смотрящих на нее, послужат на пользу. И я думаю, что эти страдания и для меня будут во спасение. Я много слышал от матери моей, которая говорила, как мученики своим мужеством обращали многих на путь спасения. Пусть же и эта девица до конца претерпит свой мученический подвиг, чтобы спасти меня и других многих.

В это время Иерия, увидев Февронию, упавшую на землю, громогласно воскликнула, обращаясь к Селину:

– О бесчеловечный мучитель! Не довольно ли было для твоей жестокости и первых мучений, которым ты подверг неповинную сию отроковицу? Разве ты не помнишь матери своей, которая также имела женскую плоть? Разве ты сам не питался сосцами, подобными тем, которые ты повелел отрезать? Неужели ты для того был вскормлен женскими сосцами, чтобы проявлять столь лютую жестокость над женщинами? Я удивляюсь, как это ничто не может укротить твоего жестокого и бесчеловечного нрава. Но знай: как ты не пощадил сей девицы, так не пощадит и тебя Царь небесный.

Так восклицала Иерия. Селин, услышав речь ее, снова исполнился ярости и повелел воинам схватить Иерию из толпы, намереваясь немедленно подвергнуть ее мучениям. Услышав повеление, Иерия с радостью сама пошла навстречу воинам, пролагая путь себе среди толпившегося народа; при этом она повторяла:

– Господи Боже рабы Твоей Февронии! Приими с нею и меня – смиренную рабу Твою.

Но прежде чем она дошла до судилища, друзья Селина стали советовать ему, чтобы он не подвергал Иерию мучению

пред всем народом – в виду ее благородного происхождения.

– Мы боимся, – говорили они, – как бы всё множество собравшегося народа, увидев ее страдания, не пожелала пострадать вместе с нею, и тогда придется иметь дело со всем городом.

Селин послушался их совета и не повелел подвергать Иерию истязаниям, а только гневно воскликнул, обратившись к ней:

– Слушай, Иерия! Клянусь богами, что ты своими дерзкими и бесстыдными речами навлекаешь на Февронию еще большие мучения.

Сказав это, он тотчас же отдал приказ, чтобы святой Февронии отсекли обе руки. Оруженосец, подложив дерево под правую руку мученицы, ударил по ней секирою и отсек ее; таким же образом он отсек и левую руку Февронии. Не удовлетворившись этим, жестокий мучитель повелел отсечь мученице правую ногу. Подложив дерево под ноги святой и взяв секиру в руки, оруженосец с великою силою ударил секирою повыше колена, но не смог отсечь ноги мученицы, – тогда он ударил вторично, то также безуспешно. В народе, при виде этого, начался вопль и смятение, и все негодовали на жестокость мучителя. Оруженосец же ударил по ноге в третий раз, и только тогда едва осек ногу. Феврония от столь лютых мучений затрепетала всем телом и, хотя уже находилась на пороге смерти, однако, насколько была в силах, простирала и другую ногу, кладя ее на дерево, чтобы осекли и ее. Увидев это, Селин сказал:

– Смотрите, сколь великую силу имеет эта бесстыдная женщина.

Потом, обратившись к оруженосцу, в сильном гневе произнес:

– Отсеки ей и другую ногу.

Тот немедленно исполнил это повеление.

Тогда Лисимах, восстав со своего седалища, сказал Селину:

– Неужели ты еще хочешь мучить эту бедную отроковицу? Пойдем отсюда, ибо наступил час обеда.

Но нечестивый Селин ответил:

– Клянусь богами, что я не оставлю ее живою, но буду здесь, пока она не умрет.

Но душа мученицы не выходила из тела ее в продолжение многих часов; тогда Селин спросил оруженосцев:

– Неужели всё еще жива эта бесстыдная женщина?

– Да, жива еще, – отвечали ему, – душа еще пребывает в ней.

Тогда Селин повелел отсечь мученице святую главу ее.

Воин, взяв в одну руку меч, другою схватил волосы на голове мученицы и заклал ее в выю, как закалывают овец, а затем отсек и голову. Тотчас же после этого Селин встал и пошел обедать; с ним шел и Лисимах, проливая слезы.

После мученической кончины святой Февронии верные, находившиеся среди народа, хотели унести честные мощи ее. Но Лисимах приставил к ним воинов с приказанием стеречь их, чтобы ни один член тела мученицы не был похищен. А сам, не желая от великой печали и скорби вкушать, вместе с Селином, пищи, затворился в спальной комнате и горько рыдал там о убиении Февронии.

Селин, увидев сетование Лисимаха, опечалился и также не пожелал принять пищи, но встав начал ходить по покоям дворца, испытывая крайнее смущение. Когда же он случайно поднял глаза вверх, на высоту небесную, на него внезапно напал великий страх и ужас и он сделался нем. Потом, громким голосом воскликнув и зарычав, подобно волу, он ударился головою о мраморную колонну, находившуюся в том покое, и, разбив себе голову, пал на пол мертвым. Среди слуг и воинов Селина поднялся вопль, и произошло смятение. На их крики пришел из своей спальной комнаты Лисимах и видев дядю своего лежащим на земле и мертвым, удивился и исполнился ужаса. Придя в себя, он повелел прекратить вопли и стал спрашивать:

– Как произошло это?

Предстоящие рассказали ему, что видели.

Покивая в удивлении головою, Лисимах промолвил:

– Велик Бог христианский! Он поистине достоин почитания, ибо отомстил за кровь неповинную!

Сказав это, он повелел труп Селина вынести из города и похоронить по эллинскому обычаю. Затем Лисимах призвал к себе комита Прима и сказал ему:

– Заклинаю тебя Богом христианским, – не преступи заповеди моей, которую я даю тебе. Постарайся скорее уготовать для тела Февронии ковчег из деревьев не гниющих и разошли вестников, сзывая христиан на погребение святой мученицы: пусть они собираются безбоязненно, так как Селин уже умер. Вот, ты знаешь, возлюбленный Прим, мое желание. Возьми же отряд воинов и, собрав все отсеченные члены тела Февронии, отнеси их в монастырь; при этом наблюдай, чтобы ни одна часть тела святой не потерялась и не пропала. А чтобы псы не лизали землю, на которую пролилась кровь мученицы, – для этого прикажи счистить ее, затем собрать и отнести, вместе с мощами, в монастырь.

Комит тотчас же призвал воинов, и, согласно желанию Лисимаха, повелел им нести тело мученицы в монастырь; а сам, собрав отсеченные части тела ее: главу, руки, ноги, сосцы и зубы – и завернув в свою хламиду, пошел вслед за ними, сопровождаемый множеством народа. Придя в монастырь, комит никого не допустил внутрь его, кроме Фомаиды и Иерии.

Игумения монастыря, честная старица Вриенна, увидав бездыханное и изуродованное тело Февронии и отсеченные уды ее, от великой скорби и жалости изнемогла телом и пала на землю как мертвая. Комит же, поставив к монастырю стражу воинскую, возвратился к Лисимаху.

Только по прошествии нескольких часов пришла в себя Вриенна. И восставши от земли, она припала к телу мученицы и, обнимая его, вопияла:

– Увы мне, дочь моя Феврония, ныне ты взята уже от очей матери твоей. Кто ныне читать будет сестрам Божественные Писания? Чьи руки разогнут книги, которые ты держала?

В это время все инокини, которые ушли вместе с Еферией, возвратились в монастырь и со слезами поклонились до самой земли телу святой мученицы Февронии.

Горько плакала, при мощах святой мученицы, и блаженная Иерия, которая взывала:

– Поклонюсь святым ногам, поправшим главу змия, облобызаю святые язвы, которые проливают моей душе благодатные токи исцеления, увенчаю похвальным венцом главу той, которая величием своего подвига увенчала весь женский род.

И плакали все сестры над мощами мученицы. Потом, омывши их, они положили на той доске, на которой святая почивала при жизни, когда отдавалась кратковременному отдыху; – поместив на этой доске тело мученицы, они приложили все отсеченные члены к язвам на свое место и с псалмопением понесли честные мощи в церковь.

При наступлении вечера, Вриенна повелела открыть монастырские ворота, чтобы все желающие могли войти в церковь и, увидев мученицу, прославили Бога, давшего ей столь великое мужество и терпение в страданиях И пришло множество народа. Пришел туда также и Лисимах с комитом Примом; ибо он сказал комиту:

– Я отрекаюсь от всех отцовских обычаев и идолослужения и все мои богатства оставляю, и пойду соединюсь со Христом. На это комит ответил ему:

– И я вместе с тобою сделаю то же самое. Пусть погибнет Диоклетиан и его царствование, – не буду больше служить ему, но всё оставив, послужу Христу.

Так они оба, согласившись друг с другом, оставили преторский дворец[4130] и пришли в монастырь к мощам святой Февронии.

Еще пришел туда и епископ того города с священниками и клиром и множеством иноков, – и совершили они всенощное славословие Богу со слезами и радостию духовною.

Когда же наступил день, принесли прекрасно устроенный ковчег для тела мученицы и вложили в него сие честное тело с благоговением; потом приложили к нему каждый отсеченный член, зубы же положили на персях мученицы. После этого намастили мощи миром и ароматами и погребли их в церкви, славя и благодаря Господа. И подавались от гроба святой исцеления болящим, так что множество эллинов уверовали во Христа и крестились. Приняли также святое крещение и

Лисимах с Примом. При этом они сложили с себя сан свой и не пожелали возвратиться к злочестивому Диоклетиану, но отвергшись мира, отправились к архимандриту Маркеллу и приняли иночество; богоугодно пожив в трудах и подвигах постнических, оба они в мире окончили жизнь свою и перешли ко Христу.

Точно так же боярыня Иерия, отдавши монастырю Вриенны все имения свои, приступила к последней с такою просьбою.

– Молю тебя, мать моя, – говорила она, – прими меня к себе в качестве дочери, вместо святой Февронии, и я послужу тебе, оказывая во всём повиновение, как служила тебе Феврония.

Сказав это, она сняла с себя все драгоценные женские одежды и отдала их на украшение церкви; сама же, отрекшись мира, сделалась инокиней.

Празднество в честь святой мученицы Февронии совершалось в монастыре игумении Вриенны после мученической кончины ее ежегодно в июне месяце в 25-й день, в который святая и совершила доблестный подвиг свой за Христа. И в день праздника каждый год совершалось знаменательное чудо: во время всенощного пения среди поющих сестер являлась в храме святая мученица и занимала свое прежнее место. Когда это случилось впервые, все инокини, узрев среди себя святую, устрашились, а Вриенна громко воскликнула:

– Вот пришла к нам дочь моя, Феврония!

При этом она с радостию устремилась к ней, намереваясь обнять ее материнским объятием. Но святая тотчас же сделалась невидима. С того времени никто уже не дерзал прикоснуться к являвшейся, или сказать ей хотя бы слово; но с ужасом и удивлением каждый раз смотрели на нее, и от видения святой ощущали в себе великую радость и умилялись в сердце своем, невольно проливая слезы. В продолжение трех часов стояла святая среди поющих, зримая всеми, а затем снова становилась невидимою.

Епископ того города сильно благоговел пред именем святой Февронии: он основал во имя мученицы церковь, которую

строил в продолжение 6 лет. Окончив строение церкви и украсив ее, он, в день памяти святой Февронии, собрал окрестных епископов для освящения церкви и хотел перенести в нее честные мощи мученицы. По совершении всенощного пения, епископы со всем собором священнослужителей пришли в монастырь и, помолившись, открыли гроб святой и увидели ее честные мощи, сияющие неземною красотою, подобно лучу солнечному. При этом все инокини плакали и рыдали, скорбя, что столь многоценное сокровище от них берется. Когда же руки епископа коснулись ковчега, чтобы взять его, тотчас же раздался в воздухе удар грома, столь сильный, что все пали от страха на землю. По прошествии одного часа епископ снова дерзнул коснуться ковчега; но вдруг сделалось такое землетрясение, что весь город поколебался. Тогда все уразумели, что святая мученица не хочет, чтобы ее мощи взяли с места погребения их. Епископ исполнился великой скорби и уже не дерзал более коснуться ковчега, но стал просить Вриенну:

– Послушай меня, сестра моя, – ты знаешь, с каким усердием воздвиг я, в славу и честь преподобномученицы, храм, на что потребовалось целых шесть лет. И вот святая мученица не соизволила послушать молитв моих и не хочет перейти в созданный в честь нее храм. Поэтому я умоляю тебя: возьми своими руками хотя один из отсеченных членов тела ее и дай нам, чтобы не остался без награды труд мой.

Вриенна простерла руку свою и дотронулась до одной руки святой, намереваясь подать ее епископу, – но рука игумении была удержана невидимою силою и сделалась как бы мертвою. Тогда Вриенна, проливая слезы, начала говорить, обратившись к святой как к живой:

– Молю тебя, дочь моя, святая мученица Феврония, не прогневайся на меня, матерь твою, вспомни труды мои для тебя, а не уничижи старости моей.

Когда она сказала это, рука ее получила свободу.

После этого Вриенна снова сказала мученице со слезами:

– Подай нам благословение свое, госпожа наша, и снизойди на нашу просьбу к тебе.

Сказав это, она снова простерла руку, взяла один зуб мученицы, лежавший на персях, дала епископу и тотчас же затворила ковчег.

Епископ с радостию принял зуб тот, вложил его в золотой сосуд и, с другими епископами, клиром своим и со всем народом, возвратился к новосозданному храму, неся полученный дар с псалмопением, в сопровождении свечей и кадил, при всеобщем народном ликовании. Внеся этот дар в самый храм, епископы освятили его. В тот день в новоосвященном храме немало было исцелений болящих, молитвами святой мученицы: хромые получали крепость ног и ходили, слепые прозревали, бесноватые освобождались от бесов; всякий, кто каким-либо недугом одержим был, едва прикасался устами к той малой части взятой от мощей мученицы и лобызал ее, тотчас же получал исцеление и отходил здравым в дом свой, радуясь и благословляя Бога.

По освящении нового храма во имя святой Февронии преподобная игумения Вриенна прожила еще два года, и, приблизившись к блаженной кончине своей, поставила вместо себя игуменией Фомаиду, после чего и преставилась ко Господу.

«Я же, – говорит писательница жития сего, игумения Фомаида, – по преставлении матери нашей Вриенны написала житие и страдания святой мученицы Февронии, как я видела очами своими; а относительно Лисимаха написала то, что слышала из уст его самого. Всё это я написала для пользы читающих и слушающих прочитываемое, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков». Аминь.

Кондак, глас 6:

Женише мой сладчайший Христе, взываше Феврония, не трудно ми тещи во след тебе; ибо сладость любве твоея, душу мою надеждею впери; и красота милости Твоея, сердце мое услади, испити чашу страданий по тебе: да достойну мя в чертозе с мудрыми девами ликовствовати о Тебе сопричтеши. Темже преподобная страстотерпице, почитающе подвиги трудов твоих, молим тя: моли не затворитися и нам чертога дверем.

Память святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, в иночестве Давида и Евфросинии, Муромских чудотворцев

Память 25 июня

Сей благочестивый князь Петр[4131] происходил из благочестивого и святого рода[4132], воспитан был в православной вере и целомудрии в городе Муроме[4133] и правил княжеством своим, во всём соблюдая строгую справедливость. Когда наступило время, он сочетался браком с благоверною княгинею Февронией, которая также происходила из благочестивого рода[4134] и тщательно была наставлена в благочестии. Будучи таким образом оба святыми и праведными людьми, блаженные Петр и Феврония любили чистоту и целомудрие и всегда были милостивыми, справедливыми и кроткими. Они избавляли от власти обижающих тех, кто подвергался обидам, достойно чтили лиц иноческого и священнического звания, подавая им материальные пособия, с великим милосердием относились к бедным и усердно упражнялись в посте и воздержании. Желая по слову Господа унаследовать землю кротких[4135] и снискать себе вечное блаженство праведников, они кроме того и во всём прочем весьма много угодили Христу своими добрыми делами. Достигши затем маститой старости, блаженный Петр впал в телесный недуг и принял пострижение, причем в иночестве ему дано было имя Давида. После этого, немного поболев, он с твердою верою преставился к Богу в Царство Небесное. Точно так же и святая княгиня Феврония, исполняя искреннее свое желание, постриглась в иночество, получив в иноческом звании имя Евфросинии и подобно супругу своему с непоколебимою верою и чистою совестью преставилась, предавши душу свою в руки Божии[4136]. Таким образом оба святые супруга унаследовали землю кротких, которой с юных лет так желали. После кончины блаженного князя Петра вельможи и бояре оплакивали его, как отца, горожане – как заступника своего и защитника, бедные вдовы и неимущие пропитания – как своего

кормителя и помощника. Честные тела святых князя и княгини с торжеством проводили все жители города и похоронили их в одном гробе в городе Муроме. Святые и до сего дня через честные мощи свои совершают во славу Божию чудеса тем, кто с верою обращается к ним[4137].

Тропарь, глас 8:

Яко благочестиваго корене пречестная отрасль был еси, добре во благочестии пожив, блаженне Петре; тако и супружницею твоею премудрою Феврониею, в миру Богу угодивше, и преподобных житию сподобистеся; с нимиже молитеся Господеви, сохранити без вреда отечество ваше, да вас непрестанно почитаем.

Кондак, глас 8:

Мира сего княжение, и славу временну помышляя, сего ради благочестно в мире пожил еси Петре, купно и супружницею твоею премудрою Феврониею, милостынею и молитвами Богу угодивше. Темже и по смерти неразлучно во гробу лежаще, исцеление невидимо подаваете; и ныне Христу молитеся сохранити град же и люди, иже вас славящих.

Явление чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, нарицаемой Тихвинской

Память 26 июня

В лето от сотворения мира 6891, а от воплощения Бога Слова в 1382, в царствование великого князя Димитрия Иоанновича[4138], при святейшем митрополите всея Руси Пимене[4139] и при новгородском архиепископе Алексии, явилась на Руси пречестная икона Пресвятой Богородицы, с изображением начертанного на левой руке ее младенца, предвечного Господа нашего Иисуса Христа. Явление это произошло при следующих обстоятельствах.

В пределах Великого Новгорода, в небольшом расстоянии от Варяжского моря[4140], на водах великого озера Нево[4141] рыбаки ловили рыбу. И во время ловли осиял их вдруг светозарный луч с неба… Взглянув вверх, они увидели дивное чудо: по воздуху над водами шла, носимая невидимыми руками, икона Пречистой Девы Богородицы, сияющая подобно солнцу. Рыбаки, увидев столь чудесное явление, сначала пришли в ужас, а потом исполнились радости. Оставив свое дело, они вперили очи в зримое ими предивное чудо, желая увидеть, куда идет и где остановится святая икона. Но Бог не соизволил исполнить это желание их, – и святая икона скоро скрылась от очей их и стала невидима.

После того икона Пресвятой Богородицы явилась в тех же новгородских пределах, в селении Вымоченице, на реке Ояти[4142], за сто поприщ[4143] от Тихвина[4144]. Здесь она предстала пред местными обитателями стоящею в воздухе и сияющею неизреченным светом. Увидев такое необычайное явление, обитатели селения того собрались все вместе и, ужасаясь, дивились зримому ими чуду; потом они начали усердно молиться ко Пречистой Богородице. Тогда чудесная икона Владычицы Небесной спустилась с воздушных высот к людям на землю. С великою радостью приняли икону Царицы Небесной обитатели Вымоченицы и тут же с усердием создали в честь ее часовню, в которой и поместили ниспосланный им

образ; впоследствии на месте этой часовни создан был храм в память славного рождества Пресвятой Богородицы. Здесь, в селе Вымоченице, икона пребывала некоторое время, подавая многим больным, с верою притекающим к ней, исцеления.

Но по прошествии немногого времени она была взята оттуда невидимою рукою и, несомая по воздуху, явилась в местечке Кожела, близ реки, называемой Паши[4145], за двадцать поприщ от Тихвина, – явилась совершенно так же, как и в упомянутом выше селении. Увидев ее, сияющую чудесным светом, насельники местечка того стеклись все, исполненные удивления и ужаса, и усердно молились ко Пречистой, чтобы Она даровала им милость и ниспослала им Свою икону. И моление их было исполнено. Икона спустилась с высоты на землю, и местные жители в свою очередь создали в честь ее часовню, на месте которой впоследствии была построена церковь в память Покрова Пресвятой Богородицы.

Но и на этом месте не соизволила Пречистая долго пребывать своей иконе: по прошествии некоторого времени она снова была взята оттуда невидимо и посетила благодатным явлением своим еще несколько мест. На всех этих местах, ознаменованных и освященных присутствием чудотворного образа, усердием верующих созданы были сначала часовни, а впоследствии храмы Божии.

Так чудесно переходила с места на место святая икона, как легкое облако носимая по воздуху, пока не остановилась окончательно близ города Тихвина на реке Тихвинке[4146].

Это последнее явление совершилось совершенно таким же образом, как и первые. Честная икона, подобно облаку, неслась по воздуху и потом стала, пребывая чудесно на воздухе. Таково-то было чудесное и преестественно шествие иконы Богоматери! Множество народа, из города Тихвина и окрестных селений, привлекаемого великим тем чудом, стеклось к месту явления; вместе с ними пришли также и священники с крестами и иконами. Долго молились они пред чудесною иконою, воспевая псалмы и священные песнопения; потом вместе с народом они стали взывать:

– Приди к нам, Царица, приди к нам, Владычица, призри на нас, недостойных рабов твоих, ниспосли нам щедроты человеколюбия твоего, посети нас свыше и просвети помраченных грехами светозарным твоим пришествием.

Когда они так усердно молились и проливали многие слезы, святая икона спустилась с неба на их руки и с благоговением и радостью была принята ими. Усердно облобызав икону и сотворивши пред нею многие моления, жители окрестных селений тут же начали рубить деревья для часовни. В тот же день они сложили три венца, для сруба часовни, и поставили их вокруг иконы. Когда же наступила ночь, собравшийся народ разошелся по домам своим, оставив около чудотворной иконы несколько человек, чтобы они всю ночь неусыпно пребывали в молитве.

Оставленные, действительно, всю ночь молились, но к утру, утомившись от ночного бдения, задремали. И когда они спали, совершилось предивное чудо. Чудотворная икона, вместе с основанием часовни, перенеслась, как бы по мановению Божию, со своего места на другое. Вместе с нею перенеслись на другое место и все бревна, приготовленные для построения часовни; и не только бревна, но даже и щепки – все, до самой маленькой, перенесены были невидимою рукою, – так что никто из стерегущих не видел этого, и не слышал. Когда же пробудились они, то не нашли на прежнем месте ни образа Пречистой Богородицы, ни основания часовни, ни деревьев для нее, и исполнились великой печали и ужаса.

Наутро окрестные жители снова собрались для поклонения пречестной иконе Богородицы и для создания в честь нее часовни. Но не найдя ничего на месте том, где они оставили образ и начали созидать часовню, – пришли в ужас и стали спрашивать проведших ночь около иконы:

– Что это значит?

Те рассказали, как они всю ночь пробыли в молитве, как к утру не надолго заснули, и как пробудившись не нашли ни иконы, ни деревьев, ни даже щеп, взятых неведомо куда. Тогда все исполнились великой печали, скорбя о том, что они

лишились такого многоценного богатства духовного. С плачем и рыданием простирая моления к Богу, они начали так взывать:

– О Владыко Человеколюбче! Ниспосли нам снова Божественный дар Твой, который человеколюбно и преславно послал Российской стране; не скрой от нас бесценного сокровища сего, коим мы надеемся обогатить душевную нищету нашу. О Владычице, Матерь Милосердная! Куда отошла Ты от нас недостойных чад Твоих? Вчера Своим пришествием к нам Ты исполнила сердца наши многою радостию, а ныне отшествием Своим повергла нас в печаль неисходную, предала нас слезам и рыданиям. Но явись нам снова, свете наш, и претвори печаль нашу в радость.

Совершив такую молитву, они разошлись в разные стороны по горе той и по всей окрестной дубраве, взглядывая то на воздух, то на землю, и стараясь отыскать икону. И усердные поиски их не остались тщетными. Скоро они узрели чудесный свет, исходивший с востока, с другой стороны реки Тихвинки, из болотистой лесной пустыни, отстоявшей от горы почти в двух стадиях расстояния. Увидев свет, народ тотчас же устремился по направлению к нему и обрел там икону Пресвятой Богородицы, вместе с основанием часовни и со всеми бревнами и щепами от них. Сруб, сооруженный на горе, оставался совершенно цел, как был поставлен ранее, святая же икона находилась в срубе у восточной стороны его, вися на воздухе, так как не была прикреплена к стене. Видя это, обретшие икону припали к ней, проливая слезы от радости и прославляя Бога и Его Пречистую Матерь.

– Слава Тебе, Христе Боже, – восклицали они, – слава Тебе, Пречистая Матерь Божия, что Ты не оставила нас, рабов Твоих! Молим Тебя, – до конца не оставляй нас, но всегда пребуди с нами, спасая и соблюдая словесное стадо Сына Твоего.

Помолившись, весь народ докончил сооружение часовни, а потом, избравши достойнейших мужей, послал их в великий Новгород к преосвященному архиепископу Алексию и к градоправителю Новгорода, с вестию о преславном явлении

иконы, которая, несомая Ангелами по воздуху, неведомо откуда пришла к ним.

Услышав рассказ о бывшем в Тихвине великом чуде, архиепископ и градоправитель удивились и, исполнившись духовной радости, прославили Бога и Пречистую Матерь Его. Немедленно они известили о чудесном событии великого князя Московского Димитрия Иоанновича, исполнив и его духовной радости. Затем преосвященный Алексий хиротонисал для Тихвина нескольких пресвитеров и диаконов и отослал их, вместе с пришедшими к нему мужами, – дав им антиминс и благословение свое на создание и освящение церкви на р. Тихвинке, во имя Успения Пресвятой Богородицы. Они, пришедши к Тихвинке и совершив моления пред чудотворною иконою, с усердием приступили к построению церкви. Приближался праздник Успения Пречистой Девы Марии, когда они окончили постройку храма. Намереваясь совершить в этот праздник освящение храма, они послали в окрестные селения, поприщ за двадцать и более, пономаря – возвестить христианам о дне освящения церкви и предупредить их, чтобы они постом и молитвой приготовляли себя к предстоящему торжеству.

Пономарь тот, по имени Георгий, был муж праведной жизни, благоговейный и благоугодный. Когда он в день предпразднства Успения возвращался назад к церкви и находился уже за три поприща пути от нее, в лесной пустыне, – он ощутил необычайное благоухание, как бы от множества фимиама и ароматных веществ; ибо благодать Духа Святого облагоухала место то, на котором имела явиться Сама Пречистая Дева Богородица.

Георгий удивился и стал размышлять, откуда исходит в глухой, безлюдной пустыне столь необычайное благоухание. Вдруг он узрел Пречистую Матерь Божию, сидевшую на упавшей сосне, и державшую в десной руке Своей червленый жезл, на который Она как бы упиралась. Пред нею стоял светлый муж, облеченный в светлые ризы и напоминающий видом своим святителя Николая Мирликийского. Увидав это чудное явление, пономарь объят был страхом и ужасом и пал

на землю, как мертвый. Тогда предстоящий Богородице святитель, подошедши, коснулся его и сказал:

– Встань, и не бойся!

Георгий с трепетом и радостию поднялся, стал на колени и, сложив руки на груди своей, созерцал дивное видение.

И вот сидевшая на сосне Пречистая Дева сказала ему:

– Георгий! Иди к церкви моей и скажи священникам и всему народу, чтобы не ставили на ней железного креста, который они хотят поставить; пусть вместо него они поставят деревянный: такова моя воля.

Пономарь, собравшись с духом, в страхе сказал Пречистой:

– Госпожа и Владычица моя! Мне не поверят!

Но предстоявший Богородице святитель сказал ему:

– Если тебе не поверят, то для уверения их дано будет знамение.

После таких слов Пречистая и предстоявший ей святитель стали невидимы. Тогда пономарь окончательно убедился, что он удостоился чудесного видения Пречистой Богородицы и великого святителя Николая Чудотворца. Немедленно припав на землю, он воздал благодарение Богу, Который удостоил его лицезреть такое преславное явление.

Пришедши к церкви, пономарь поведал священникам и всему народу, что он видел и слышал, но те не поверили ему и повелели рабочим ставить на церкви железный крест. Но когда один из рабочих взял, по повелению священников, крест и, влезши на крышу церкви, начал ставить его, вдруг поднялась великая буря и сильный ветер. Порывом ветра человек тот с железным крестом был подхвачен как бы руками и поставлен на землю, без малейшего вреда для него, как будто он не упал с высоты, но сам спустился на землю. Видя это страшное чудо, священники и весь бывший тут народ весьма испугались и, поверив словам пономаря, прославили Бога и Пречистую Его Матерь, а также ублажили и святителя Николая. Потом, немедленно соорудивши деревянный крест, они поставили его над церковью, и с великой радостью и ликованием совершили празднование освящения церкви и вместе воспоминание Успения Пресвятой Богородицы. От иконы Пречистой

Богоматери совершилось тогда множество чудес, и одержимым различными болезнями подавались исцеления. Так было не только при отмеченном торжестве, но и после него.

По освящении церкви на р. Тихвинке весь народ отправился на то место, где Георгий удостоился чудесного видения. Помолившись, они основали здесь часовню во имя святителя Николая, а из павшей сосны, на которой явилась Георгию Пресвятая Богородица, сделали крест и поставили его в часовне для всенародного поклонения и почитания. В часовне этой впоследствии совершилось немало чудес, как и в упомянутой выше церкви в честь Пресвятой Девы Марии.

Прошло после того семь лет, – и вот вследствие небрежения церковных служителей случился, по Божия попущению, пожар в Тихвинском храме Богоматери от не загашенной свечи. Вся церковь превратилась в пепел, но чудотворная икона Пречистой осталась невредимой: невидимою силою Божиею она была вынесена из огня и оказалась невдалеке от того места, на расстоянии полпоприща[4147], стоящею в можжевельнике. Одновременно случился пожар и в часовне, находившейся в пустыне, которая также была объята пламенем и сгорела; но крест, сделанный из упавшей сосны и стоявший в часовне, был также изнесен невидимо из огня и был найден в небольшом расстоянии от часовни, стоявшим в чаще можжевельника.

На месте сгоревшей церкви создали другую, также деревянную, а затем построили и новую часовню в пустыне, на прежнем же месте; после этого поставили в церкви святую икону Пречистой, а в часовне сосновый крест. Но по прошествии лет пяти, церковь снова загорелась ночью и сгорела до основания, чудотворная же икона Богоматери, подобно купине неопалимой[4148], была найдена среди пепла целою и нисколько не поврежденною. Сгорела также, неведомо как, и часовня в пустыне, чудотворный же крест, стоявший в ней, остался тоже невредимым. Все дивились в виду таких необычайных чудес и прославляли Бога и Его Пречистую Матерь. Затем с усердием поспешили в третий раз создать церковь, на месте двух сгоревших, опять деревянную, но более обширную и

величественную по сравнению с двумя первыми. Эта новосозданная церковь просуществовала более ста лет до времени царствования благочестивого князя всероссийского, Василия Иоанновича[4149].

Подвигнувшись великой ревностью и любовью к Пречистой Деве Марии, великий князь Василий повелел построить на Тихвинке вместо деревянной – каменную церковь. На присланные им деньги скоро была устроена каменная паперть, и когда строители стали белить ее, тогда здание, по неисповедимым судьбам Божиим, упало и засыпало камнями строителей, числом двадцать человек. Священники и наблюдавшие за рабочими, а также весь народ, стали сильно скорбеть о засыпанных камнями строителях; ибо они думали, что все они были завалены камнями насмерть. С печалью и плачем начали они разбрасывать камни, желая открыть тела убиенных. Но после трехдневной работы, разбросав все камни, они нашли всех живыми и без всякого повреждения. Так они были соблюдены, по милосердию Божию и заступлением Пречистой Богородицы. Великая радость наполнила сердца всех присутствовавших при этом дивном чуде и все воздали благодарение Христу Богу и Его Пречистой Матери. Затем снова приступили к работам и в скором времени выстроили прекрасную паперть для церкви.

Когда окончено было строение нового храма, – то на освящение ее, по желанию великого князя, прибыл преосвященный Серапион, архиепископ новгородский, который, освятив церковь, с честью внес в нее чудотворную икону Пресвятой Богородицы.

По прошествии некоторого времени прибыл на Тихвинку и великий князь Василий Иоаннович. Влекомый любовью к Пресвятой Деве Марии, он желал увидеть и облобызать чудотворную икону Пречистой, а также помолиться пред нею и посмотреть новосозданный храм. В то время архиепископом великого Новгорода был преосвященный Макарий, который изволением Божиим был потом возведен на престол московской митрополии[4150]. Он сопутствовал великому князю в этом путешествии его и, вместе с ним, прибыл на Тихвинку.

Здесь они с усердием молились пред иконою Пречистой, совершая многие службы и моления, а потом отбыли – архиепископ в Новгород, а великий князь в Москву.

По представлении Василия Иоанновича, на великокняжеский престол московский вступил сын его, Иоанн Васильевич[4151], который первый принял царское венчание. Подобно отцу своему он имел великое усердие к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, что на Тихвинке, и как некогда благоверный князь Василий Иоаннович, пришел туда на поклонение. Увидав, что церковью заведовали здесь мирские иереи и диаконы, а вокруг нее расположены многочисленные селения, царь Иоанн Васильевич нашел это непристойным и задумал основать тут иноческую обитель. Посоветовавшись с митрополитом московским Макарием, новгородским архиепископом Пименом, а также с князьями и боярами своими, он повелел все окрестные селения и находившийся при церкви причт перевести на другое место, далеко отстоящее от церкви, а при церкви – поселиться инокам и начать устроение обители. И вот по прошествии немногого времени, иждивением царским, был устроен на Тихвинке монастырь, весь созданный из камня и огражденный каменными стенами. При этом в нем было установлено общежитие, как и в других великих и славных обителях. Первым игуменом новосозданной обители был Кирилл; при нем многие иноки, привлекаемые чудесами от иконы Пресвятой Богородицы, начали оставлять свои пустынные жилища и приходить в Тихвинскую обитель.

Одним из первых пришел сюда, еще во время устроения обители, инок Авраамий, подвизавшийся ранее в Сергиевом монастыре находящемся на великих Луках и отстоящем от Тихвинской обители около пятисот поприщ. Он, как рассказывал сам, был долгое время болен и уже стал готовиться к смерти. Тогда наставник его Мартирий, муж богоугодный, слыша многое о чудотворной Тихвинской иконе Пречистой Богородицы, о обильных исцелениях, подаваемых через нее недужным, посоветовал Авраамию дать Пречистой обет пойти на Тихвинку и помолиться там пред Ее чудотворной иконой. Больной тотчас же дал такое обещание, и мгновенно получил исцеление от

своей тяжкой болезни; возвратившись таким образом от врат смерти, он тут же и встал с одра болезни совершенно здоровым, радуясь и славя Бога. Возрадовался и наставник его Мартирий, видя скорое исцеление своего ученика и изумляясь дивному чуду Богоматери. При этом он советовал Авраамию не отлагать своего намерения и немедленно идти на Тихвинку, чтобы исполнить данный Пречистой обет свой.

Авраамий немедленно отправился в путь и, достигнув Тихвинской обители, благоговейно исполнил обещанное. С радостными слезами он припал к честной иконе Богородицы, лобызал ее устами и воздавал ей поклонение от всего сердца. Вознеся благодарение Пречистой, он поведал всем присутствовавшим проявленную над ним милость Царицы Небесной. В это время архиепископ новгородский Пимен находился на р. Тихвинке, наблюдая за работами по устроению обители; слух о чудесном исцелении Авраамия дошел и до него. Святитель исполнился радости и прославил Господа и рождшую Его Пречистую Деву Марию. Авраамия он не пожелал отпустить обратно к наставнику его Мартирию, но вручил ему ключи церковные, чтобы он, в благодарность за неизреченную милость к нему Божией Матери, первый приходил в храм ее и последний уходил, отворяя его пред началом служб и затворяя по окончании их.

Между тем старец Мартирий, отпустив Авраамия, начал скорбеть, что он и сам не пошел вместе с ним для поклонения образу Пречистой, и, наконец, решил пойти на Тихвинку, как только возвратится его ученик. Прождав его долгое время, старец стал беспокоиться о нем, – и тогда увидел во сне такое видение. В той стороне, где находился Тихвин, поднялся пред очами Мартирия большой огненный столб, на вершине которого находился образ Пресвятой Богородицы, сияющий подобно солнцу и видом подобный тому, какой был в Тихвинской обители. Тогда у Мартирия возникло сильнейшее желание облобызать этот образ. В таком настроении он проснулся, и вместе с тем еще сильнее стал желать видеть и облобызать чудотворную икону Пресвятой Богородицы, что близ Тихвина. Немедленно собравшись в путь он оставил всё и поспешно

отправился к Тихвину. Достигнув обители и увидев образ Пречистой, Мартирий благоговейно припал к нему, обливаясь многими слезами от радости. При этом он увидел и ученика своего совершенно здоровым и после того не захотел возвратиться в монастырь свой, но остался в Тихвинской обители, чтобы ему можно было ежедневно созерцать чудесный образ Пречистой Девы Марии.

Но по прошествии некоторого времени Мартирий, по изволению Божию, был переселен на другое пустынное место за сорок поприщ от Тихвина, на котором упомянутый Авраамий видел однажды крест на небе, составленный из звезд и освещающий всю местность. Переселяясь туда, блаженный Мартирий взял с собою список с чудотворной иконы пречистой и пребывал здесь в безмолвии, день и ночь работая Богу; взятый с собою список с чудотворной иконы Богородицы он неизменно носил с собою, куда бы ему не случилось ходить. И вот однажды пришлось ему быть в городе Твери, в котором по повелению благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича, жил тогда казанский царь Симеон[4152]. Во время пребывания в этом городе старца Мартирия у Симеона умер сын, Иоанн, который пред этим долго болел. Тогда преподобный Мартирий возложил на мертвого носимую им с собою икону Богоматери, и мертвый тотчас же воскрес. Симеон исполнился великой радости и воздал славословие Господу Богу и Его Пречистой Матери. Потом, желая отблагодарить блаженного Мартирия, он создал в пустыне его каменную церковь и при ней устроил монастырь.

Но мы обратимся теперь к Тихвинской обители и явившейся на Тихвинке чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, чтобы поведать о других чудесах ее.

Со времени явления честной иконы на Тихвинке до создания обители прошло 177 лет, в течение которых церковь находилась в заведывании мирских иереев. Много чудес истекло в это время от святой иконы, немало исцелений подавалось от нее всем с верою притекающим к ней, – но те чудотворения никто из современников не внес в записи для назидания последующим поколениям; и таким образом мы

лишены возможности знать что-либо о этих чудесах. Но и когда устроена была обитель, не много из бывших от иконы чудес записано было, частию от простоты, частью по небрежению, – и это не многое дошедшее до нас мы и собираем, как после жатвы оставшиеся колосья, или после собирания винограда немногие гроздья, случайно оставленные на месте.

Один человек по имени Феофил, бывший слепым в продолжение четырех лет и шести месяцев, помолившись пред иконою Пресвятой Богородицы, получил исцеление и стал зрячим. Это было в 1581 году.

В том же году один отрок, именем Харалампий, одержимый бесом, будучи приведен к образу Пречистой, освободился от духа нечистого.

Захария слепец, пять лет не видевший света, как только приведен был к святой иконе, получил исцеление.

У одного человека, по имени Климента, который жил в царствующем граде Москве, захворала жена, именем Параскева. Уже целый год лежала она на постели и не могла встать с нее; от тяжких болей во всём теле у нее ослепли глаза, и она помрачилась рассудком. Муж ее испытал все средства для болящей, уже отчаивался в выздоровлении своей супруги. Но вот он услышал, что в Тихвине есть чудотворная икона Пречистой Богородицы, от которой истекают исцеления всем прибегающим к ней с верою. Исполнившись надежды, он стал убеждать жену дать обет Пречистой Богородице, что она пойдет поклониться Ее Тихвинской иконе. Та послушалась мужа и дала такой обет. И как только она произнесла слова обета, тотчас же встала с одра болезни, как бы пробудившись от сна, и исцелилась от своего сильного недуга, При этом окрепли все члены тела ее и стали здравы, – только не было возвращено очам ее зрение.

Тогда муж и исцелевшая жена немедленно пошли на Тихвин, совместно исполняя обет, данный Пречистой, Достигнув Тихвинской обители в первую субботу Великого поста, они прямо с пути отправились в церковь к иконе Пречистой и помолились пред святою иконою, сотворив молебное пение. Во время воскресного всенощного бдения, когда они продолжали

стоять и молиться в храме, совершилось над женою новое чудо: благодатию Пречистой она получила прозрение и таким образом совершенно стала здоровою. Все бывшие в церкви, видя такое чудо, со слезами умиления прославили Боги и Пречистую Его Матерь. А исцелевшая и муж ее, после многих благодарственных молений пред святою иконою, возвратились с радостию в место своего жительства. Было это в 1583 году.

В 1586 году к Тихвинскому образу Пречистой Богородицы, приведен был один слепой, по имени Георгий. Когда, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, он молился пред чудотворною иконою, то правым глазом своим он стал видеть. И без посторонней помощи он пошел в дом свой, славя Христа Бога и Его Пречистую Матерь за дарование и исцеления одному оку своему.

По прошествии нескольких дней принесли в обитель к чудотворному образу Владычицы человека, именем Андрея; он был расслабленный, и вместе с тем глухой и немой, и пребывал в таких недугах пятнадцать лет. Когда пред иконою Пречистой совершили моление об исцелении его, тотчас он получил совершенное здравие: ему возвращена была способность слуха, разрешилась немота его, и все члены его получили крепость и силу, так что он стал на ноги, как человек вполне здоровый.

Подобное чудо совершилось и над некоей женщиной Маврой, которая проживала на реке Устье[4153]. Она была слепою, и совершенно не видела света в продолжение семнадцати лет. Будучи же приведена к чудотворному образу Пречистой, она немедленно получила прозрение. Это было в 1587 году.

В том же году 4 марта привели в Тихвинскую обитель из великого Новгорода одного отрока, именем Георгия, который в течение шести лет был одержим нечистым духом и тяжко страдал от того. Когда его подвели к образу Пречистой, то мрачный дух, не перенося света благодати, истекаемой от чудотворного образа, отступил от больного, исчезнув как тьма пред солнцем, и отрок сделался совершенно здоровым.

Одна вдовица, именем Иулиания, заболела глазами столь сильно, что ослепла и в течение двух лет не видала света Божия. Услышав о чудотворной иконе Пречистой, что близ Тихвина, и о неизреченных исцелениях, подаваемых через нее людям, Иулиания воспылала пламенною верою к Пречистой и дала обет сходить к иконе Ее на поклонение. И в тот же час Небесная Владычица дала прозрение ее очам, в доме ее. Немедленно, желая поскорее воздать благодарение Пречистой, она, будучи зрячей, без посторонней помощи пошла в Тихвинскую обитель Пречистой и, исполнив тут свое обещание, возвестила всем о проявленной над нею милости Божией. Это было в 1589 году.

Почти одновременно с этим один хромец, именем Акиндин, уже два года совершенно не могший ходить, так как ноги его были скорчены, – ползком на коленях пришел к чудотворной иконе Пречистой Богородицы, – и лишь только помолился пред Нею, ноги его тотчас же выпрямились и стали здоровы; на глазах у всех он встал на ноги и начал ходить, благодаря Христа Бога и Пречистую Матерь Его.

В том же году, 10 августа слепой юноша, именем Иона, приведенный во святую обитель из великого Новгорода, получил прозрение у образа Пресвятой Богородицы.

Другой юноша, именем Максим, одержимый нечистым духом, когда родители повели его для поклонения образу Пречистой, еще на пути получил небесную помощь от Преблагословенной Матери Божией: силою Божиею нечистый дух был изгнан из него, и он, придя в Тихвинскую обитель, поведал всем о сотворенном над ним чуде. Тогда все воздали благодарение Богу и Пречистой Богородице. Случилось это в 1591 году.

Женщина, по имени Елена, бывшая два года и шесть месяцев совершенно слепою, так что не видела света, прозрела пред чудотворным образом Пречистой в одно из воскресений, на литургии, при пении: «Достойно есть…».

В 1593 году прозрела и еще одна женщина, именем Мария, которая приведена была на праздник Успения Пресвятой Богородицы к чудотворному образу Пречистой.

Точно так же некий человек, именем Климент, – занимавшийся изделием разных вещей из серебра, – заболевший очами и лишившийся зрения, – получил исцеление после молитв пред иконою Пресвятой Богородицы.

Иной слепец, именем Филипп, который не видел света в течение 5 лет, – будучи приведен в Тихвинскую обитель в неделю православия, стоя и молясь здесь пред иконою Пресвятой Богородицы, совершенно прозрел и стал видеть всё ясно. Случилось это 1596 году во время литургии, при перенесении честных даров с жертвенника на святый престол.

В том же году пришел из Москвы некий человек, по имени Кирилл, слепой на один глаз, и во время молитвы пред иконою Пречистой получил прозрение. Вот что он рассказал о себе при этом. Захворав тяжкою болезнью и постоянно страдая болями головы, он ослеп на два глаза, полгода не видал света и совершенно не имел от своей болезни никакого облегчения, хотя близкие проявили о нем и немало всевозможных забот. Он уже стал совершенно отчаиваться получить исцеления, как вдруг его жена узрела во сне видение, во время которого она услышала такие слова:

– Пусть муж твой идет на Тихвин к чудотворному образу Пречистой Богородицы. Там он обрящет исцеление себе. Если же он не пойдет, то восприимет еще большие страдания.

Воспрянув от сна, жена тотчас же рассказала о видении своему мужу. Тот немедленно начал усердно молиться к Пречистой Богородице и дал при этом обет Царице Небесной чистой Богородице сходить на Тихвин поклониться Ее иконе; тогда же он получил облегчение от своей болезни: стал видеть свет очами своими даже сделался совершенно здоровым. Но отлагая исполнение своего обещания со дня на день, он понемногу забыл о нем, и таким образом не исполнил обещанного. За это небрежение снова постигло его Божие наказание: ибо по прошествии некоторого времен болезнь возвратилась к нему, и он во второй раз ослеп на оба глаза. Тогда вспомнив о неисполненном своем обещании и познавши грех свой, больной начал плакать, рыдать и каяться, и снова обратился с молитвою к Пресвятой Богородице, уверяя Ее, что

он исполнит данный раньше обет свой. По милосердию Преблагословенно Царицы Небесной, он и во второй раз получил исцеление, но при этом прозрел только на один глаз, а другой остался у него незрячим. Не отлагая исполнение обета своего на долгий срок, он тут же отправился в Тихвин, и увидев там одним оком икону Пречистой, после молитв пред ней прозрел и на другое око.

В декабре месяце, 9 дня, того же 1596 года пришли в обитель 23 человека, руководителями которых были двое: Григорий и Михаил. Совершив благодарственное молебствие пред чудотворною иконою Пречистой Богородицы они рассказали о себе следующее. Были они далеко в Северном океане на ловле морских зверей. Когда они пристали к одному пустынному месту, то случившимся морским волнением они были задержаны там на очень продолжительное время. Запасы пищи у них оскудели, и, среди мучений голода, все они стали уже недалеки от смерти вследствие долгого неядения. И вот каждый из них в ожидании смерти стал молиться Богу, прося прощения грехов своих. При этом они вспомнили о чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, что на Тихвинке, и начали усердно молиться ей. В наступившую затем ночь одному из них, немного задремавшему среди молитвы, явилась скорая Помощница – Пресвятая Дева Мария и повелела ему сказать всем его товарищам, чтобы они питались некою травою, растущею там, – пока не наступит для них удобное время – отплыть по морю в свои дома. Тот рассказал о видении всем бывшим с ним, – и когда они вкусили от указанной им травы, то обрели в ней изрядный вкус и сытость, как от хлеба. И была для них трава та, как некогда израильтянам манна в пустыне, и они питались ею двадцать дней, пока не прекратилось волнение.

По прошествии немногого времени пришла на Тихвин одна женщина, по имени Елена, которая поведала о себе следующее. Три года она была слепою, но однажды, побуждаемая верою к Пречистой, она велела вести себя к Тихвинской иконе Богоматери, и когда была на пути, внезапно прозрела, дошла до обители без посторонней помощи, здесь

они и воздали благодарное поклонение Божией Матери пред чудотворною Ее иконою.

Точно так же один муж, по имени Мамант, придя от Белозерских пределов[4154], сказал, что он долгое время был слеп, но как только дал обет пойти на Тихвин и поклониться чудотворному образу Пречистой, тотчас же совершенно прозрел. Это было в 1597 году.

Другой муж, именем Диомид, пришел из той же страны и в том же году в обитель Пречистой и также рассказал о себе, что он был расслабленным целый год, но потом, вспомнив о Тихвинской чудотворной иконе Пречистой, стал мысленно молиться ей и дал себе обет сходить на поклонение к пречистому образу: тотчас же он сделался здоровым и, нимало не медля, исполнил свое обещание.

В том же году некто Пимен, одержимый лютым демоном, был отправлен родственниками своими на Тихвин, связанный цепями, – и когда они были еще на половине пути, он получил исцеление милосердием Пречистой: демон из него удалился, и он дошел вполне здоровым и с благоговением поклонился Целительнице своей. Это было 9 декабря.

Один человек, именем Кодрат, стал страдать болью головы, ослеп глазами, и не видел света целые полтора года; услышав же о чудотворной иконе Богоматери, находящейся близ Тихвина, усердно помолился и дал обет идти к ней на поклонение. И лишь только он произнес слова обета, мгновенно получил прозрение. Но отложив путешествие до другого времени, вскоре совсем забыл о своем обещании и не пошел воздать благодарение Целебнице своей – Пречистой Деве Богородице. По прошествии 10 лет с того времени, как он прозрел, опять ослеп таким же образом, как раньше. Но, несмотря на это, не вспомнил своего обещания, пока в сонном видении не получил вразумления. Ибо во сне он увидел некоего мужа, глаголющего ему:

– Иди на Тихвин поклониться образу Пречистой; если не пойдешь и обещания не исполнишь, прозрения глаз не получишь

Восстав от сна, он вспомнил о своем обещании и познал свое прегрешение; немедленно он пошел в Тихвинскую обитель Богоматери, сопровождаемый проводником. Когда же приведен был к чудотворному образу Пречистой и от всего сердца помолился пред ним, то мгновенно получил исцеление милосердием Пресвятой Богородицы.

Некоему человеку, именем Иоанну, долгое время тяжело болевшему и уже приближавшемуся к смерти, явился в сонном видении святитель Христов Николай и сказал ему:

– Если хочешь получить здравие, дай обет Пресвятой Богородице пойти и поклониться чудотворному Ее образу, что на Тихвинке.

Человек тот, пробудившись, тотчас же начал со слезами молиться Пречистой и дал Ей обет поклониться Ее образу, – в то же мгновение он стал совершенно здоровым и отправился в обитель, исполняя обещание свое. Это было в 1596 году.

В том же году приведена была в обитель слепая женщина, именем Мария, десять лет не видавшая света; помолившись пред иконой Пресвятой Богородицы она получила прозрение.

Другая женщина, именем Евдокия, жившая в пределах Онежского озера[4155], будучи бесноватой и расслабленной и имея при этом еще и сухую руку, как только обещалась пойти к образу Пречистой на поклонение, тотчас исцелела в доме своем от бесноватости и расслабления: дух нечистый удалился из нее, и члены, прежде расслабленные, получили крепость и здравие; только рука ее оставалась не исцеленною, чтобы она не забыла о своем обещании. Когда же она пришла в Тихвинскую обитель и помолилась Божией Матери пред Ее образом, тогда и рука ее сделалась здоровою. Это было в 1603 году.

Хромой и слепой человек, именем Иоанн, дал обет пойти на поклонение к образу Пречистой и получил исцеление в своем доме: прозрел на глаза и ноги его выпрямились; тогда он пришел в Тихвинскую обитель воздать благодарение Пречистой в 1606 году марта в 1 день.

Точно так же и другие многие люди, одержимые различными недугами, как только полагали обещание пойти на поклонение к чудотворному образу Пресвятой Богородицы, находящемуся на

реке Тихвинке, тотчас же получали исцеления. «Мы знаем, – говорит Тихвинский летописец, – что от сего святого образа никогда не переставали твориться предивные чудеса и всегда изливались с верою приходящим, как от источника живая вода. Так многие слепые получили прозрение, бесноватые освободились от демонского мучения, глухие утешены были дарованием слуха, расслабленные утвердились в своих жилах, немые получали разрешение от уз, связующих язык, больные ногами вскочили, как олени; страдавшие головною болью исцелели. Даже и в дальних странах одержимые различными недугами, как скоро давали обеты пред чудною иконою, не лишены были скорой от нее помощи. Словом, каждый по нужде своей получал скорое пособие, как только с верою притекал под кров Богоматери.

В царствование благочестивого царя и великого князя Василия Иоанновича Шуйского[4156] было, по грехам нашим, великое смятение в Русской земле, частью от внутренних междоусобий, частью от нападений внешних врагов. Кровь русская лилась повсюду. Царствующий град Москва находился в руках порубежных иноверных людей, а Великим Новгородом со всею его областью владели варяги[4157]. В это время и обитель Тихвинская находилась под властью варягов и терпела от них многие притеснения. Но вот, по милосердию Божию и всесильною помощью Царя Небесного, разрозненные русские войска, собравшись в одно ополчение, отняли у иноверцев царствующий град Москву, и в нем воцарился благочестивый царь и великий князь Михаил Феодорович[4158]. Он послал войска свои и в пределы великого Новгорода против варягов, и здесь, при реке Устье, между русскими войсками и передовыми полками варягов произошла битва. Варяжские ратники были побеждены и ударились в бегство; царские войска настигли их на реке Тихвинке и частью перебили, частью захватили в плен.

Услышав о таком поражении варяжских ратников, воевода варяжский, сидевший в Великом Новгороде и имевший в нем многочисленные полки варяжские, исполнился великого гнева и ярости. Желая отомстить русским за это поражение, он послал полки свои, бывшие в Новгороде, к Тихвинской обители, чтобы

вконец опустошить и разорить ее, со всеми окрестными селениями. Услышав об этом, окрестные жители стеклись с женами и детьми под сень обители и вместе с иноками и немногими царскими ратниками укрылись за крепкими каменными стенами ее, затворившись там от варягов. При этом все они надеялись не столько на крепость стен, сколько на помощь и заступление Необоримой Стены и Покрова всех уповающих на Нее – Пресвятой Девы Богородицы.

Варяги не заставили себя долго ждать; подойдя к стенам обители, они обложили ее со всех сторон и стали нападать на нее. Затворившиеся в обители испытывали сильный страх, – и в то время как одни находились на стенах и сражались с варягами, другие, собравшись вместе с иноками в церкви, со слезами усердно молились Богу и Пречистой Богородице пред Ее чудотворною иконою, совершая всенощное бдение и испрашивая у Пречистой помощи православным христианам. И эта помощь не замедлила явиться им.

В ту же ночь одна из женщин, по имени Мария, задремав во время моления, увидела в сонном видении Преблагословенную Деву Богородицу, Которая, явившись ей, сказала:

– Скажи всем находящимся в обители; пусть они возьмут икону мою и обойдут с нею по стенам вокруг монастыря, и тогда они увидят над собой милость Божию.

Немедленно пробудившись от сна, женщина рассказала о видении всем, бывшим в церкви. Те исполнились радости и упования на помощь свыше и, взяв с молением чудотворный образ Пречистой, вознесли его на монастырскую стену; творя литию, они стали обходить вокруг обители и при этом со слезами взывали к Пречистой Богородице:

– Ты видишь, Царица Небесная, беды рабов Твоих; избави же нас от обстоящих нас супостат и яви силу Твою, да разумеют все враги наши, что Ты, Заступница наша, – с нами.

В тот же час напал на врагов страх великий: они пришли в смятение и все побежали от обители, хотя никто и не гнал их.

Но по прошествии некоторого времени варяги подступили к обители с еще большей силой и, обложив ее, снова повели осаду и делали многократные нападения на монастырь. В

обители во время осады находилось немало людей обоего пола: при тесноте жизни и при совместном обитании мужчин и женщин, не все соблюдали приличную для святого места чистоту и разгорались страстью, подобно сену от огненной искры. Ввиду этого обитель постиг гнев Божий, и Господь оставил ее без Своей помощи. Тогда враги, окружавшие обитель, по Божию попущению, начали приходить все в большую и большую силу, между тем как защитники обители от постоянных сражений изнемогали. Уже отчаяние охватило всех бывших в обители, и они стали ожидать близкую гибель себе от осаждавших. С горьким рыданием все тогда притекли к чудотворному образу Пречистой и умиленно начали взывать перед ним:

– Ты видишь, Пречистая Дева Богородица, смирение наше! Со слезами притекаем мы к пречистому образу Твоему и смиренно умоляем: не остави, Пречистая, обитель Твою, которой Ты Сама положила начало здесь явлением чудотворной иконы Твоей! Ты видишь, Владычица, лютое нападение на нас врагов наших. Не остави же без заступления нас, рабов Твоих, ибо мы ниоткуда не ждем себе помощи, кроме как от Тебя Единой.

В это время в обители находился служитель Соловецкого монастыря Мартиниан, муж благочестивый и богобоязненный. Пречистая явилась ему в видении, окруженная святыми – Николаем Чудотворцем, преподобным Варлаамом Хутынским и Зосимой Соловецким, и сказала:

– Моя помощь отступила от места этого из-за того, что многие осквернили его своими нечистыми деяниями.

В ужасе пробудился Мартиниан от сна и со слезами поведал о своем видении начальствовавшим в обители. Услышав рассказ соловецкого служителя, начальники немедленно разыскали всех людей, осквернявших обитель впадением во власть нечистой похоти, и изгнали их вон; потом очистили притвор церковный и начали умилостивлять Бога и Пресвятую Богородицу многими усердными молениями, проливая обильные слезы и испрашивая у Пречистой прощение и заступление, чтобы не быть им преданными в руки врагов. И

человеколюбный Господь, по ходатайству Пречистой Матери Своей, переменил праведный гнев Свой на милость к погибающим, и с того времени осаждаемые стали крепнуть и приходить в силу, а их враги начали ослабевать. Наконец, собравшись с силами и надеясь на помощь Пречистой, осаждаемые неожиданно вышли из-за стены монастыря и, устремившись на врагов, мужественно вступили в битву с ними. Божественная помощь, по молитвам Пресвятой Богородицы, споспешествовала им, и Господь даровал им победу над врагами, ибо хотя их было и не много, они обратили в бегство многие тысячи врагов и некоторых из них захватили в плен.

Однако и после того варяги не оставили в покое святую обитель. Желая отплатить за свой позор, они, собрав еще большую силу, опять подошли к обители: обступив монастырь, они часто делали яростные приступы к стенам его и начали копать подземные рвы под стены. Тогда Пречистая в ночном видении снова явилась вышеупомянутому Мартиниану и сказала ему:

– Скажи начальникам, чтобы они отогнали свиней от дома Моего, ибо они всюду вокруг изрыли и уже подкопали порог дверей, ведущих к обители.

Такое же явление Пречистой было и другому человеку, находившемуся в обители, именем Григорию, и они оба – Мартиниан и Григорий – возвестили о словах Богородицы всем присутствовавшим в обители.

В ту же ночь Господь послал врагам страшное видение: они увидели идущих с Москвы множество вооруженных воинов, со многими светлыми хоругвями крестоносными. Думая, что это идут царские полки на помощь затворившимся в обители, варяги пришли в ужас и хотели бежать. Но, надеясь посредством своих подкопов нанести вред обители и стенам ее, они несколько задержались.

Между тем осаждаемые, укрепленные видением, бывшим Мартиниану и Григорию, сотворив моление перед чудотворной иконой Богородицы, вышли из монастыря, как и прежде вооруженными, и устремились на своих врагов. Невидимая помощь свыше им споспешествовала и теперь, как то было

раньше: помогая православным, Господь привел в смятение полки вражеские, и на них напал великий страх и трепет. В смятении они обратились в бегство и, в ужасе смешавшись, поражали друг друга, гонимые при этом не столько немногими видимыми воинами, сколько бесчисленными невидимыми ратниками. Тогда православные воины, видя врагов своих бегущими, прияли еще большее дерзновение и гнали их с новой силой, посекая их как стебли, а некоторых забирая в плен; тех же врагов, которые находились во рвах, вышедшее из обители воинство частью поразило мечами, частью засыпало в земле. Когда окончилась битва, то взятые в плен варяги рассказывали, что в прошедшую ночь они видели многочисленное воинство, пришедшее на помощь к обители, и что то же воинство вышло потом из-за стен монастыря и с великой силой погнало их. Слушая такой рассказ варягов, православные со слезами воздали благодарение Богу и Пречистой Матери Божией. Эта славная победа случилась в самый праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, в 1614 г.

На следующий год воевода варяжский, сидевший в Великом Новгороде, пылая яростью против Тихвинской обители, у которой погибло столь великое множество его воинов, снова собрал сильное ополчение и, посылая его на Тихвин, повелел без всякой жалости разорить обитель до основания, икону же Пресвятой Богородицы разрубить на части, а церковь Ее разбросать по камню. Весть о таком повелении его достигла Тихвинской обители. В великий страх пришли все бывшие тогда в ней и хотели было, взяв чудотворную икону Пресвятой Богородицы, бежать с нею в Москву. Но чудотворная икона оставалась на месте своем неподвижно, так что когда священники попытались поднять ее с места с молебным пением, то не могли этого сделать. Чудо вразумило малодушных, и они поняли, что Пречистой Деве Богородице намерение их оставить обитель не угодно. Возложив все упование свое на всесильную помощь Царицы Небесной, все бывшие там затворились в обители и стали ждать пришествия врагов. Но скорая Заступница православных и Неусыпная Хранительница обители Своей не допустила варягов даже дойти

до обители и преградила им путь предивным видением. Варягам представилось, что многочисленное и хорошо вооруженное войско стремительно идет им навстречу, готовое вступить в битву. Не надеясь противостать такой непобедимой силе, они, объятые страхом, обратились в бегство, производя давку и попирая друг друга. С того времени варяги уже не дерзали более подступать к Тихвинской обители[4159]. Так Пречистая Дева Богородица со славой и не один раз защищала обитель Свою от врагов, и не только обитель Свою Она изъяла из их рук, но и Великий Новгород со всеми пределами Она скоро освободила от варяжского ига и вручила православному царю российскому. И по молитвам Ее наступили мир и тишина для всего Российского царства.

По окончании вышеописанных бедствий, когда обитель вместе со всею страною Русскою наслаждалась наступившим миром, угодно было Богу посетить ее, соблюденную от нападений варягов, огнем, чтобы вразумить и очистить от всяких скверн насельников ее. Это страшное посещение Божие было чудесным образом предсказано братии монастыря. Было это так.

В Тихвине проживал один нищий, по имени Никита, для угождения Богу приявший на себя подвиг юродства. И вот ему-то, не во сне, а наяву, явился преподобный Макарий Желтоводский и сказал:

– Поди и передай игумену и братии, чтобы они со тщанием соблюдали воздержание, а наипаче не держали в обители ничего хмельного, так как пьянство бывает причиной всех зол. Сверх того, пусть не допускают в обитель, кроме как на службы церковные, людей, могущих возбуждать соблазны в братии, а в особенности женщин. Скажи им также, чтобы они усердно молились Богу и Пречистой Богородице, дабы отвратить от обители грозное наказание Божие огнем.

Тогда Никита, не знавший святого, вопросил его, кто он.

Явившийся ответил:

– Я – Макарий Желтоводский и пришел сюда к чудотворному образу Пречистой Богородицы.

Сказав это, он стал невидим. Никита же пошел к игумену и братии и рассказал им о бывшем ему видении. Но те не поверили ему и посмеялись над ним, как над юродивым. Прошло несколько дней – и вдруг от незначительной причины загорелась одна келия, пламя быстро разгорелось и охватило все здания, так что загорелась вся обитель. Пожар был столь сильный, что не только деревянные постройки превратились в пепел, но и многие каменные строения рассыпались от огня. Тогда познали иноки, что воистину преподобный Макарий Желтоводский являлся юродивому Никите и предостерегал их через его от грозящего им гнева Божия. Покаявшись, они стали соблюдать все то, что сказал преподобный, и с усердием молились Пречистой, испрашивая у Нее прощения грехам своим. И по милосердию Царицы Небесной обитель, по прошествии некоторого времени, опять благолепно была возобновлена, и стоит невредимой доныне, процветая яко крин и прославляясь чудесами, творимыми от чудотворной иконы Пречистой. Ибо и ныне притекающие в монастырь с верой получают перед иконой просимое и принимают чудесные исцеления недугов своих[4160].

Нам нет необходимости говорить обо всех этих чудесах: они записаны в обители Пречистой во славу Господа Бога и Преблагословенной Его Матери.

Откуда чудотворная икона Пресвятой Богородицы была принесена на Тихвин, об этом нет достоверного известия. В древних рукописных книгах написано, что она пришла в Россию, по изволению Божию, из Греции, из Царьграда, в царствование греческого императора Иоанна Палеолога[4161], за 70 лет раньше взятия Царьграда турками[4162]. Это видно было из следующих обстоятельств.

В то время, когда чудотворная икона Пресвятой Богородицы начала прославляться на Тихвине многими и великими чудесами, случилось некоторым новгородским купцам, мужам благочестивым, быть в царствующем граде Константинополе. Беседуя с ними, святейший патриарх Константинопольский вспомнил о чудотворной иконе, бывшей у них, которая куда-то скрылась и отошла из царствующего города, и спросил их:

– Не слыхали они что-либо о таковой иконе?

Они же рассказали ему следующее, подтверждая свой рассказ клятвенным заверением в истине всего рассказанного:

– Одна чудотворная икона Богоматери, – говорили они, – пришла в великую Русь по воздуху, – Бог весть, откуда, – и являлась там в различных местах, в пределах Великого Новгорода, в расстоянии ста и восьмидесяти поприщ от него, переходя с места на место; наконец, же она со славой явилась на реке Тихвине, где совершила дивные и неизреченные чудеса, – там она пребывает в церкви и ныне.

Услышав такой рассказ и уразумев, что эта икона, явившаяся на Тихвинке, и есть та самая, о которой он спрашивал, – патриарх начал воздыхать из глубины сердца своего и подробнее расспрашивать о Тихвинской иконе. Потом и сам рассказал, как та же икона некогда преславно отошла из царствующего града по морю, направляясь туда, куда благоугодно было Богу, и как, по прошествии некоторого времени, она снова возвратилась в царствующий град, как от нее истекали многие чудеса и благодеяния верным, а также подавались, по молитвам перед нею, как крепкой помощницею, победы и одоления врагов.

– Но теперь, – говорил он, – вследствие нашей гордости, братоненавидения и других неправд, она, конечно, от нас снова отошла и уже более не возвратится.

Сказав все это с умилением, патриарх пошел вместе с новгородскими купцами в церковь и показал им место и ковчег, где стояла икона Пречистой Богородицы. Место то находилось, – если войти в церковь из западных дверей, – у правого столба храма; здесь была поставлена уже другая икона, но мерой меньшая, и горел неугасаемый светильник.

Услышав это и увидев, новгородские мужи сильно удивились и прославили Господа Бога и Его Пречистую Матерь, Которая совершала, при посредстве Своего пречистого образа, в различных странах многие чудеса. Долго они беседовали об иконе Пресвятой Богородицы с патриархом и рассказывали друг другу о чудесах, совершенных Матерью Божией: он – о тех, которые сотворены были в Греческой стране, они же – о тех,

какие изумили Российскую землю. И сильно возрадовались российские мужи, услышав известие, какое они получили относительно чудотворной иконы Пречистой.

Когда же они отошли из Константинополя и достигли Русской земли, тогда от них во всей России стало известно слышанное ими в Царьграде, и вкратце были записаны и расспросы вселенского патриарха о чудотворной иконе Богоматери и рассказ его о чудесах, истекавших от нее, и указание им того места, где икона стояла, находясь в Константинополе. С того времени все уверились, что сей святой образ есть не иной какой, но именно отошедший от Царьграда. Поэтому, по подобию Царьграда, в обители Тихвинской было устроено место для чудотворной иконы Пресвятой Богородицы у первого правого столба при вхождении в церковь из западных дверей, – здесь она и доныне стоит, совершая многие и неисповедимые чудеса.

А так как эта чудотворная икона Богородицы, что на Тихвине, называется некоторыми и Одигитриею, и Римской или Лидской, то уместно будет упомянуть здесь, что в Царьграде было две, особенно прославленные чудесами иконы, из которых одна называлась «Одигитрия» а другая – Римской, или Лидской. Итак, «Одигитрия» это одна икона, а Римская – другая. Об этих двух иконах вкратце расскажем здесь, чтобы всякий имел познание о них.

О чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, нарицаемой «Одигитрия»

Память 26 июня

Список икон Богородицы с изображениями см. на чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, нарицаемой «Одигитрия»

По прошествии некоторого времени после сошествия Святого Духа на Апостолов, святой Апостол и Евангелист Лука, бывший искусным иконописцем, написал на доске начертание образа Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и принес его к Самой Пречистой Деве. Воззрев на изображение лика Своего на иконе, Пречистая воспомянула свое прежнее пророчество о Себе и сказала: ибо отныне будут ублажать Меня все роды (Лк.1:48). Потом, указывая на икону, произнесла: благодать моя с сию иконою да будет. И это слово Пресвятой Богородицы исполнилось в действительности: по благодати Преблагословенной Девы, от иконы той, действительно истекали многоразличные и неизреченные чудеса, и подавались исцеления недужным.

Впоследствии Евангелист Лука отослал эту икону в Антиохию[4163] к державному Феофилу, который был в числе уверовавших во Христа и для которого Лука написал свое Евангелие и книгу Деяний Апостольских. В Антиохии икона была достойно почитаема не только Феофилом, но и всеми находившимися здесь христианами.

Прошло после того много лет, и святая икона была взята из Антиохии и перенесена сначала в Иерусалим, а потом в Константинополь. Перенесение ее в эту столицу греческого царства совершилось при таких обстоятельствах.

Царица Евдокия, супруга византийского императора Феодосия Младшего[4164], прибыв во святую землю для поклонения тамошним святыням, взяла написанную Евангелистом Лукой икону Пресвятой Богородицы и отослала в дар царской сестре, блаженной Пульхерии, как о том написано в житии последней. Пульхерия с радостью и любовью приняла

чудотворную икону и поставила ее в церкви Пресвятой Богородицы, построенной ею во Влахерне[4165]. С тех пор икона эта стала немалым украшением для царствующего града, ибо от нее изливалось много различных чудес и исцелений недужных. По прошествии некоторого времени икона была названа «Одигитриею», что значит: «Путеводительница». Такое название утвердилось за нею после того как Сама Богородица явилась двум слепцам, привела их в Свою Влахернскую церковь к чудотворной иконе, где они, помолившись, получили прозрение.

В царствование Ираклия[4166] на Греческое царство одновременно напали персы и скифы. Воевода персидского царя Хозроя[4167], Сарвар, и скифский князь подступили с многочисленным войском к самому Константинополю и обложили город, отрезав его от остального мира и готовясь нанести ему решительный удар. Тогда Константинопольский патриарх Сергий, взяв с особенным благоговением чудотворную икону «Одигитрия», а также ризу Пречистой Богородицы, стал обходить с ними и с другими священными иконами стены города и совершать молебное пение Господу Богу и Его Пречистой Матери. И по милости Божией, предстательством Пресвятой Богородицы, было даровано грекам чудесное избавление царствующего града их от варваров. Когда патриарх и духовенство, после усердного моления перед иконой Пречистой Девы, опустили ризу Богородицы в воды морского залива, то произошло волнение в море и потопило корабли подступивших врагов; вместе с тем пришли в смятение и те из нападавших, которые были на суше, и потому без особенного труда были прогнаны греческими войсками. В воспоминание этого предивного заступления Пречистой, проявленного над царствующим градом, установлено ежегодно совершать пение благодарственного акафиста в пятую субботу Великого поста.

Когда же наступило господство иконоборческой ереси и на иконы, а также на почитателей их было воздвигнуто нечестивыми царями гонение, тогда некоторые из православных духовного чина взяли тайно ночью из Влахернского храма икону «Одигитрия» и отнесли в обитель Пантократора[4168]. Здесь они

скрыли ее в стене церковной; затем, помолившись, возжгли перед образом лампаду и заградили его, чтобы он не был поруган иконоборцами.

Так чудотворная икона пробыла в течение многих лет, пока не погибли все покровители ереси. И когда в Церкви снова наступил мир и прекратилась противоборственная брань на святые иконы, то долго искали, где находится честная икона Пресвятой Богородицы, написанная Евангелистом Лукой и названная впоследствии Одигитриею. Наконец, по Божию откровению, икону нашли сокрытой в стене церкви Пантократорова монастыря, причем увидели, что зажженная перед нею лампада не погасла. Все верные, узнав о таком обретении чудотворной иконы, исполнились великой радости, и с молением и песнопением торжественно перенесли ее на прежнее место во Влахернском храме.

О чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Лидской, или Римской

Память 26 июня

Святой верховный Апостол Петр и святой Апостол Иоанн Богослов, прежде чем отойти им, как прочим Апостолам, в разные концы земли с проповедью Евангелия, сначала проповедовали Христа в ближайших к Иерусалиму окрестных городах. И когда они были в городе Лидде[4169], который назывался потом Диосполем, и обратили в нем многих ко Христу, то создали там церковь во имя Пречистой Девы Богородицы. Обстоятельства благоприятствовали построению храма. В то время для Церкви Христовой наступили мир и спокойствие, так как вскоре же после убиения первомученика Стефана гонение на христиан прекратилось в Иудее. Этому способствовало то обстоятельство, что римский император Тиверий[4170], который много слышал о Христе Господе нашем, повелел не преследовать христиан. Об этом спокойном для Христианской Церкви времени в книге Деяний Апостольских говорится так: «церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем» (Деян. 9:31). Создав церковь в Лидде, Апостолы Петр и Иоанн отправились в Иерусалим и умоляли Пречистую Деву Богородицу прийти в Лидду посмотреть созданный во имя Ее храм, благословить его и освятить своим пришествием, чтобы моления в нем к Рожденному от Пречистой Богу доходили до Его престола. На такую просьбу апостолов Пречистая сказала: «С радостью возвращайтесь в Лидду: Я буду там с вами». Пришедши снова в Лидду, они увидели в церкви на одном из каменных столбов, утверждающих здание, не рукописанный, но начертанный по Божиему изволению образ Пречистой, представляющий прекрасное изображение лика Ее и всех честных одежд, какие она носила обычно. Увидев это, Апостолы поклонились этому чудотворному и нерукописному образу и воздали благодарение воплотившемуся от Приснодевы Богу Слову. Потом пришла в Лидду и Пресвятая Богородица; увидев

образ Свой, а также множество почитателей Своих, по вере во Христа Иисуса, Она возвеселилась духом и подала образу Своему благодать и силу чудотворения.

Прошло после того много лет, на престол римских кесарей вступил Юлиан Отступник[4171], который воздвиг на церковь Христову жестокое гонение. Зная о существовании в Лидде чудотворного образа Пречистой, он послал туда сродника своего, по имени тоже Юлиана, с повелением стереть тот образ. И тогда совершилось предивное чудо. По мере того как каменщики каменотесными орудиями старались стереть образ, – краски и штрихи проникали вглубь каменного столба, и изображение оставалось невредимым, несмотря на все старание каменотесов. Потрудившись долго и ничего не достигнув, они отошли, не будучи в состоянии изгладить священное изображение. Слух о таком дивном чуде распространился во все концы вселенной – и с этого времени множество верующих стало стекаться в Лидду на поклонение чудотворному образу Пречистой.

По прошествии еще многих лет отправился в Палестину, чтобы поклониться тамошним святыням, блаженный Герман, бывший впоследствии патриархом Константинопольским[4172]. Побывав в Иерусалиме и поклонившись здесь Гробу Господню и прочим святым местам, он прибыл затем и в Лидду. Здесь, поклонившись чудотворному образу Пресвятой Богородицы, он поручил одному иконописцу сделать на доске точный список иконы. Когда тот исполнил порученное ему, Герман принял от него этот список и, взяв икону с собой в Царьград, всегда имел ее у себя, как бесценное сокровище, и ежедневно совершал перед этой иконой моление. Затем, в царствование Артемия, названного Анастасием[4173], он, по изволению Божию, избран был в патриархи царствующего града.

Но Лев Исаврянин[4174], вступивший после Анастасия на престол царский и заявивший себя ревностным иконоборцем, воздвигнул гонение на православных и с бесчестием изгнал святейшего патриарха Германа с патриаршего престола. Изгоняемый из церкви и своего патриаршего дома, святой Герман взял с собой две святые иконы, одну – Христа

Спасителя, а другую – ту самую икону Пресвятой Богородицы, которую иконописец списал для него с самописанной иконы в Лидде. Затем, прежде чем сесть на корабль и плыть в изгнание, он написал папе римскому, святейшему Григорию[4175], послание, в котором извещал о своем невинном изгнании и гонении на православных со стороны иконоборческого царя. Написав это послание, он сделал в крепкой доске иконы Спасителя отверстие и вложил туда послание запечатанным, обозначив время и час написания его. Потом, закрепив отверстие, он со слезами облобызал самую икону и при этом дважды сказал:

– Наставник! Наставник! Спаси Себя и нас!

Сказав это, он опустил икону в море, и она, плывя морем, в одни сутки достигла древнего Рима. В ту же ночь святейшему папе было извещение от Бога о скором пришествии к Риму образа Спасителя. Поэтому на другой день, как только воссияло солнце, папа, взяв с собой клир свой, сел в лодку и со свечами и кадилами поплыл рекой Тибром в море, для сретения иконы Господа Иисуса. Когда они достигли устья реки при впадении в море, то увидели икону, как бы шествующую по водам; исполнившись благоговейного трепета и радости духовной, они поклонились ей. При этом папа Григорий, обратившись к честному образу, произнес:

– Если Ты, Владыко, пришел к нам, недостойным, то молим Тебя: как Ты преславно шел по водам, так взойди и на наши руки, ибо мы, боясь своего недостоинства, не решаемся прикоснуться к Тебе.

Как только он произнес это, икона тотчас же поднялась вверх и пролетев по воздуху, подобно птице, спустилась на руки святителя. Тот, со слезами облобызав и достодолжно почтив ее, – в сопровождении клира, с псалмопением понес ее в Рим и прошел с нею по городу, чтобы все могли видеть ту Божественную икону. Затем он поставил ее в великой церкви святого Первоверховного Апостола Петра. Здесь он вынул из иконы патриаршее послание, совершенно не тронутое водой, и прочитав его, узнал о всем, соделанном в Константинополе, злочестивым царем-иконоборцем. Увидел из послания святейший папа и то, что икона приплыла к ним морем из

Константинополя в течение всего одних суток и, прославив Бога, поведал об этом всем присутствовавшим; тогда все стали величать непостижимую силу Божию. Скорбя по поводу господства на всем востоке иконоборческой ереси и об изгнании святейшего Германа, папа написал к нечестивому царю дерзновенное послание, обличая злочестие его. Икона же оставалась в Риме и от нее изливались здесь многие чудеса и подавались исцеление больным и недужным.

Между тем святейший Герман, видя, что иконоборцы стали подвергать иконы бесчестью и поруганию, рассекать их на части, бросать в огонь и ввергать в нечистоты, а с другой стороны, чувствуя приближение смерти, написал из места изгнания своего второе послание к первосвятителю римскому, и в этом послании извещал его о всех творимых на Востоке беззакониях. Затем вырезал в доске иконы Пресвятой Богородицы, написанной в Лидде, отверстие и вложил в него свое послание, отметив на нем время и час написания. Облобызав икону, святитель с горьким плачем произнес:

«Иди, Владычице, спасаясь не от Ирода в Египет[4176], но от звероподобных иконоборцев в Рим: там православные соблюдут образ Твой и не дадут в руки нечестивых для поругания.

Итак, пусть Твоя честная икона переплывет это большое морское пространство, несомая помощью и благодатью Твоею: ибо Ты носила на руках Своих Сотворившего небо, землю и море. Нас же, бедствующих за святые иконы, через которые мы воздаем честь и поклонение Тебе и Твоему Божественному Сыну, упокой в селениях праведников, в недре Авраамовом».

С такими словами святейший Герман с любовью облобызал икону и опустил ее в море.

И поплыла икона быстрее орлиного полета, и в одни сутки достигла Рима. В ту же ночь первосвятителю римскому было извещение от Бога о пришествии в Рим иконы Царицы Небесной. Поэтому, восстав от сна, он со всем клиром отправился ей навстречу, как отправлялись они раньше для сретения иконы Спасителя, плывя рекой Тибром со свечами и кадилами. Когда они достигли устья реки Тибра, то увидели

икону Пресвятой Богородицы, плывущую к ним не плашмя, но прямо, как бы в стоячем положении, соответственно написанному на ней изображению. Папа простер руки к ней, и икона сама поднялась на воздух и опустилась в его руки. С великой радостью принял святейший папа икону и, облобызав ее, возвратился в Рим, удивляясь предивным чудесам Божиим. Потом он открыл сделанное патриархом Германом отверстие и, прочитав найденное там послание, уразумел, что лишь накануне икона была опущена в море и таким образом приплыла к ним в одни сутки. Поскорбев о святейшем Германе – этом великом светильнике Православной Церкви, угасавшем в изгнании, папа с честной иконой Пресвятой Богородицы совершил торжественное шествие по всему городу, как и с иконой Спасителя, а затем внес ее в церковь св. Апостола Петра и поставил здесь в алтаре. С тех пор от иконы этой истекали в Риме различные чудеса и подавались недужным исцеления.

После того прошло еще несколько лет, в течение которых в Константинополе свирепствовали иконоборческие цари и патриархи. Но вот все они с бесчестием погибли – и на византийский престол вступил благоверный император Михаил[4177], за малолетством которого государством управляла сначала благочестивая мать его – царица Феодора[4178]. При них иконоборческая ересь была совершенно искоренена и наступило торжество православия.

В это время икона Пресвятой Богородицы, взятая святейшим патриархом Германом на место заточения, а потом отплывшая оттуда в Рим и поставленная там в алтаре храма св. Апостола Петра, начала на глазах у всех, бывших в храме, приходить в движение и колебаться, хотя никто из присутствовавших не двигал ее. Это повторялось неоднократно, то во время вечернего богослужения, то утреннего, а иногда и во время литургии. Жители Рима все пришли в ужас и немало дивились такому странному чуду. Первосвятителем римским был тогда святейший папа Сергий[4179] – и вот однажды, когда он соборне, в сослужении многочисленного духовенства, совершал в храме Апостола Петра богослужение, икона Пресвятой

Богородицы вдруг опять пришла в сильное движение и колебание. Видя это, все присутствовавшие пришли в ужас и стали громко и усиленно вопиять: «Господи помилуй!»

Так, призвав на себя милость Божию, они достигли того, что колебания иконы прекратились. Но потом икона, снова придя в движение, поднялась с места, на котором она находилась, и вознеслась на воздух. Тогда все бывшие в храме столпились с восклицаниями в алтаре и стали простирать руки к иконе, чтобы принять ее, боясь, как бы она не упала на землю и не разбилась, – но не могли достигнуть желаемого, так как икона носилась по воздуху очень высоко. Медленно, как бы проходя через церковь, она двигалась к выходу из церкви, носимая невидимыми Ангельскими руками. Святейший папа, со всем клиром и народом, в страхе и трепете последовали за иконой, созерцая предивное чудо. Достигнув Тибра, икона спустилась на воды его и поплыла по течению к морю. Весь народ и папа пошли по берегу и, смотря на отшествие иконы, провожали ее, проливая слезы. При этом святейший папа Сергий восклицал: «Увы нам, Царица и Госпожа наша, увы нам! Куда отходишь Ты от нас, Божественный Кивоте? Как некогда по водам пришла к нам святая икона Твоя, так теперь тем же путем она удаляется от нас. В страх и трепет повергает нас это дивное отшествие Твое: мы боимся, не постигнет ли и нас такое же гонение от иконоборцев или других беззаконников, какое было в Константинополе и из за которого отплыла оттуда Твоя святая икона. Доколе же, Пречистая, не прекратятся бури и еретические волнения, возмущающие Церковь Христову?»

Это и многое другое говорил папа, провожая вместе с народом чудотворную икону, пока та не скрылась от них, подхваченная быстрым морским течением. После того святейший папа повелел записать происшедшее чудо в летописи, чтобы для всех последующих родов осталась память о нем.

Между тем святая икона, плывя морем, достигла Константинополя и пристала к гавани его близ царских палат. Случившиеся там благоверные мужи взяли ее и отнесли к благочестивой царице Феодоре. Приняв святую икону и узнав,

что ее нашли на морской пристани, Феодора сказала, что это, вероятно, одна из тех икон, которые иконоборцы, привязывая к камням, бросали в море: теперь веревки, которыми она была привязана, развязались или истлели, и вот икона выплыла на поверхность. Так вместе с царицей подумали и другие.

Вскоре после того от благоверного царя Михаила и от святейшего патриарха Мефодия были отправлены в Рим нарочитые послы из лиц духовного и светского звания с грамотами к папе, в которых он приглашался в Константинополь на собор для рассмотрения и осуждения иконоборческой ереси. Достигнув Рима и вручив папе грамоты, посланники привели первосвятителя римского и всех православных христиан в великую радость, ибо те увидели, что господство иконоборческой ереси кончилось. Потом они и сами были утешены, узнав здесь о великих чудесах, бывших от икон Спасителя и Божией Матери: как они во дни святейшего папы Григория – сначала одна, потом другая – приплыли морем в Рим, отправленные святейшим патриархом Германом, и как недавно икона Пресвятой Богородицы, сама поднявшись с места, на котором она была утверждена, снова отплыла из Рима. Записав все эти чудесные события, они отметили день отшествия иконы Пречистой Богородицы из Рима и потом, прибыв в Константинополь, рассказали обо всем слышанном царю, царице и патриарху Мефодию. Те вспомнили тогда о найденной на морской пристани иконе и подумали: «Не приплыла ли к нам эта икона из Рима?»

Скоро прибыли в Константинополь особые посланники от папы с поручением быть на соборе представителями римского епископа. Им показали икону Пресвятой Богородицы, обретенную на морском берегу, и они тотчас же узнали в ней тот самый чудотворный образ, который недавно отплыл от них. Поведав об этом всему народу, они привели всех в великую радость и изумление. После того посмотрели записи о дне отшествия иконы из Рима и увидели из них, что икона приплыла в Константинополь в одни сутки. Тогда патриарх со всем клиром, в присутствии царя и синклита, взяли чудотворную икону и, в сопровождении народа, торжественно перенесли ее в

Халкопратию[4180], где они поставили ее в церкви Пресвятой Богородицы, радуясь о ниспосланном от Бога чудесном даре. С того времени эта чудотворная икона Божией Матери названа была Римской, так как она приплыла в Константинополь из Рима.

Тропарь Божией Матери в честь иконы Ее Тихвинския, глас

Днесь, яко солнце пресветлое, возсия нам на воздусе всечестная икона Твоя Владычице, лучами милости мир просвещающи, юже великая Россия, яко некий дар Божественный, свыше благоговейне восприимши, прославляет Тя Богомати всех Владычицу, и от Тебе рождшагося Христа Бога нашего величает радостно. Емуже молися, о Госпоже Царице Богородице, да сохранит вся грады и страны христианския невредимы от всех навет вражиих, и спасет верою поклоняющихся его Божественному, и Твоему пречистому образу, Дево неискусобрачная.

Кондак, глас 8:

Притецем людие к Деве Богородице Царице, благодаряще Христа Бога, и к Тоя чудотворней иконе умильно взирающе припадем, и возопием ей: О Владычице Марие, присетивши страну сию Твоего честнаго образа явлением чудесно, спасай в мире и благовременстве вернаго императора нашего, и вся христианы, наследники показующи небесныя жизни. Тебе бо верно зовем: радуйся Дево, мира спасение.

Память преподобного отца нашего Давида Солунского

Память 26 июня

Блаженный Давид родился в стране восточной и, как светоносная звезда, осиял весь мир: упражняясь в воздержании с младых лет, он явился перед людьми как бы Ангелом во плоти. Поселившись близ города Солуни[4181] в трех верстах от него, святой Давид построил себе палатку под миндальным деревом; тут, подобно птице доброгласной, он утешил всех притекающих к нему многополезными словами. Его ум всегда был устремлен в Божественную высоту: благодаря этому, он обогатился даром чудотворения и сделался светозарным столпом церкви, всех просвещающим своими чудесными знамениями. Мужественно перенося то стужу, то сильный зной, он сделался как бы бесстрастным. И так как он угасил в себе огонь плотских вожделений, то его не мог опалить и огонь вещественный. Однажды он взял в руки разженный уголь и, возложив на него фимиам, предстал перед царем и кадил на него, причем руки его нисколько не пострадали от огня, Увидев это, царь удивился и поклонился угоднику Божию в ноги. Вообще своею жизнью и творимыми чудесами святой Давид много изумлял людей, которые, взирая на святого, прославляли Бога, дивного во святых Своих. После долгой и славной жизни святой Давид с миром отошел к Богу[4182], Которого возлюбил из млада.

Кондак, глас 1:

Сад присноцветущ, добродетелей плоды приносяй, явился еси на садовне древе, яко благопеснивая птица: рай же паче, жизни древо Господа в сердцы твоем прием, яко возделав Богомудре, имже питаеши нас благодатию: присно моли о нас Давиде всеблаженне.

Житие преподобного отца нашего Сампсона страннопримца

Память 27 июня

Великий Сампсон, слава о котором распространилась повсюду, родился в славном городе – Древнем Риме; родители его были люди богатые и знатные и вели свое происхождение от царской крови. Прекрасно изучив всю мирскую мудрость, Сампсон обучился также и врачебному искусству, но не от нужды и не из-за корысти, – так как был вполне доволен и своим собственным богатством, – а отчасти из-за того, чтобы не быть праздным, отчасти же с тою целию, чтобы через знание врачебной мудрости послужить, с помощью Божией, нищим. Многих, страдающих неисцельными болезнями, Сампсон силой своего искусства исцелял. При этом его врачебному искусству споспешествовала и благодать Божия, подающая исцеления, которая была ниспослана ему за его добродетельную жизнь и за веру к Богу. Помимо внешней мирской мудрости Сампсон обладал и разумением Божественных Писаний, много упражнялся в чтении священных книг и, возбуждаемый верою и надеждою, укреплялся в любви Христовой.

Когда преставились родители святого Сампсона, и он сделался обладателем обширных имений, то святой не только не перестал совершать свои дела милосердия, безмездно врачуя неимущих, но даже стал разменивать свои временные и скорогибнущие богатства на негибнущие и вечные, последуя евангельскому слову (Мф.6:20); при этом, щедро раздавая милостыню нищим, по заповеди Божией, – он обеими руками истощал свои богатства, стремясь удовлетворить всякие нужды нищих и неимущих, желая через насыщение их тленного чрева стяжать себе нетленные сокровища. Так он делал во все дни жизни своей, потому что милосердие было свойственно ему от рождения, а через воспитание оно еще больше укрепилось в сердце его. Желая скромнее и проще проводить жизнь свою, Сампсон отпустил множество рабов своих на свободу, оставив себе одного – для необходимых услуг. И в самом деле, зачем

ему было такое множество рабов, если он сам соделался истинным и искренним рабом Господним? Итак, он отрешился от всех богатств своих, коими был связан как своего рода узами, и довольствовался одною одеждою и одною веревкою для препоясания чресл своих. Желая же обогатить душу свою богатством духовным, он презрел мир и всё, что в мире, и, подражая Христу, стал странником: оставив сродников своих и знакомых, он ушел из древнего Рима и поселился в одной пустыне, как некогда пророк Илия.

Но Бог, на пользу многим, привел верного раба Своего в новый Рим, то есть, в Константинополь; здесь, обретши себе некую храмину, святой Сампсон поселился в ней, упокоевая странников и нищих и всячески служа им. При этом святой Сампсон не только врачевал их с помощью своего врачебного искусства, но и старался угождать им пищею и постелью. Всё это он совершал с таким усердием, что добродетель милосердия всем казалась соестественной ему. Как солнцу свойственно проливать лучи света, а огню естественно опалять всё, что прикоснется к нему, так же точно усердие и любовь Сампсона к нищим, больным и странникам были как бы от природы свойственны ему. И Бог, Который не оставляет без Своего благословения дела милосердия к ближним, творимые ради Него, и Который принимает милостыню ближним, как жертву Себе Самому, – сообщил особенную силу заботам и трудам святого Сампсона на пользу больным: все страдающие неисцельными болезнями, коих он принимал в дом свой, получали чудесное исцеление. Но святой данный ему от Бога дар чудотворения скрывал под видом врачебного искусства, так как отличался смирением и не хотел восприять от людей славы и почитания себе. Но не может светильник укрыться под спудом, равно как не может скрыться град, стоящий вверху горы; так и святой Сампсон, сияя светом добрых дел и вошедший на гору совершенного богоугождения, соделался всем известен. Прослышал про него и патриарх Константинопольский и, призвав его к себе, хиротонисал в пресвитеры, хотя святой и не желал того.

Слава о добродетелях святого и его необыкновенном искусстве врачевания дошла и до царских палат. Случилось это при таких обстоятельствах.

Император Юстиниан[4183] впал в сильный недуг и жестоко страдал лютой неисцельной болезнью. Призвали врачей, но они, осмотрев царя, по обыкновению своему начали спорить друг с другом, и долгое время только подавали царю напрасную надежду своими речами, но в действительности не могли уврачевать болезнь царя или даже облегчить его страдания. Призвали из всех областей Греко-Римской империи искусных врачей, но ни один не мог уврачевать царя от той жестокой болезни. Царь разгневался на них и повелел всех их прогнать с очей своих, а сам обратился к Источнику всяких исцелений и всей твари Создателю, Господу Богу: Ему одному он вручал жизнь свою и от Него одного со слезами стал искать помощи себе. И не презрел Бог прилежного и слезного моления царя. Уснув на короткое время, он увидел в видении множество врачей, предстоявших ему и облеченных в светлые одежды. Потом некий светозарный юноша, приступив к нему, начал показывать ему каждого из врачей, говоря, кто какого сана и сколько ему лет; среди них он показал царю одного, смиренного лицом и с седыми волосами, облеченного в священнические одежды; указывая на него, светоносный юноша говорил царю: «Сей, а не иной кто, исцелит тебя, царь, от твоей смертельной болезни».

Воспрянув от сна, царь сильно обрадовался и возблагодарил Бога, Который подал ему благую надежду на выздоровление. Затем, припомнив образ виденного им во сне мужа, повелел снова призвать к себе всех врачей. Когда они предстали перед ним, он долго смотрел на них, ища среди них виденного во сне мужа, и, не найдя такового, снова впал в печаль и начал скорбеть. Потом, не переставая надеяться на помощь Божию, снова повелел искать такого врача, какого он узрел в сонном видении. При этом, описав черты лица виденного им мужа, царь обещал щедро наградить того, кто поможет ему разыскать этого мужа. Многие искали описанного царем врача и не находили. Наконец, один из царских слуг,

который был известен самому царю и находился в дружбе с святым Сампсоном, вспомнил о святом, что он, будучи врачом немощных, по чертам своего лица совершенно подобен описанному царем целителю. Об этом он сказал царю, и царь повелел с почетом привести святого к себе.

Когда святой вошел к царю, царь, узрев его, тотчас же познал, что сего мужа он, действительно, видел в сонном видении. Исполнившись радости, он быстро восстал с седалища своего и, подойдя к святому, обнял его и лобызал не только уста старца, но также главу и руки его, – говоря при этом:

– Ты воистину, отче, тот, коего во сне явил мне Господь Бог, обещая через тебя подать мне здравие.

Сказав это, он отвел его в спальный покой свой и, сев рядом с ним, наслаждался лицезрением его; при этом руки святого он прилагал к глазам своим и со слезами лобызал их, надеясь получить от них исцеления.

Блаженный Сампсон при виде столь великого смирения царя опечалился и кротко сказал ему:

– Не делай сего, царь, не уничижай себя безмерным смирением, чтобы не ввести меня в грех гордости: тогда на тебя ляжет вина моего осуждения Праведным Судиею. В чем превосхожу я людей, будучи нищим и грешным, нуждаясь сам в милостивом снисхождении Господнем ко исцелению грехов моих? Только твоя превеликая вера, обращенная к Господу, и твое теплое упование на Его милосердие, приклонит Христа Царя Небесного на милость и Он исцелит тебя: ибо Он может сотворить все, что хочет.

Сказав это, Сампсон коснулся рукой больного места на теле царя, делая вид, что он прилагает лекарства, и желая этим утаить данный ему от Бога дар чудесного исцеления. И лишь только он коснулся больного места рукой, вдруг царь почувствовал облегчение от болезни, а потом скоро наступило у него и совершенное исцеление.

Получив совершенное здравие, царь сильно обрадовался не только своему выздоровлению, но и тому, что он сподобился увидеть столь великого богоугодного мужа. Потом, желая

достойно возблагодарить святого, предлагал ему много золота и серебра. Но святой сказал царю:

– Я много, царь, имел золота, серебра и имений, но все это ради Христа оставил, чтобы получить вечные небесные блага. Но если хочешь оказать мне твое благоволение, то ради Бога и твоего спасения сделай вот что: устрой рядом с хижиной моей дом, где бы я мог успокаивать немощных и странников, которым я привык служить. Этим ты и себе исходатайствуешь от Бога вечное воздаяние, и мою старость утешишь.

Слушая такие слова святого, царь вменил эту просьбу его скорее в дар себе, чем в прошение, и повелел создать странноприимницу и больницу, как хотел преподобный. Когда же здание было окончено строением, царь приписал к нему различные имения на нужды успокаиваемых там странников и врачуемых больных.

После того, в продолжение многих лет, святой Сампсон предавался своему делу служения странникам и врачевания больных. Среди таких занятий достиг он глубокой старости: ослабев телом, он немного разболелся и приблизился к смерти. Когда же разлучалась душа его от тела, он оставался светел лицом и нимало не скорбел ввиду смерти, как обычно скорбят другие души, преисполненные плотскими и мирскими печалями, одержимые многими грехами, и потому боящиеся смерти.

Святой ведал, Кто призывает его, от каких трудов и к какому спокойному пристанищу и какие утехи ожидают там душу его блаженную, ибо всякий делатель достоин мзды своей (Лк.10:7). Итак, богоугодная душа святого Сампсона отошла в небесные горные страны[4184]; тело же его было с честью погребено в церкви святого мученика Мокия, от племени коего сей великий угодник Божий произошел по плотскому рождению, будучи духовным наследником добродетели святого мученика.

Будучи великим угодником Божиим, святой прославился чудесами, творимыми им не только при жизни своей, но и по смерти. Некоторые из его посмертных чудес мы здесь и припомним.

Однажды был в Царьграде пожар, который начался от церкви святой Софии[4185]. Пожар был столь силен, что никто из

людей не мог ничего сделать, чтобы погасить его. Пламя быстро распространялось и уже горело большинство роскошных палат и зданий, украшавших город. Огонь достиг и до странноприимницы преподобного Сампсона. Но окружив ее со всех сторон, пламя совершенно не касалось ее, и она стояла среди огня, как купина неопалимая. При этом многие видели преподобного Сампсона, который быстро обходил ограду странноприимницы и гневно отстранял от нее пламя пожара – и огонь, как бы устрашившись перед лицом святого и повинуясь его велению, отступил от странноприимницы в другое место. Потом внезапно загремел гром и появилось на небе облако; немедленно после того полил сильный дождь, который, по молитвам святого, угасил весь пожар.

Святой подавал по смерти своей также и исцеление всяких болезней, как он подавал их при жизни своей.

Случилось как-то, что один, знатный муж Феодорит, саном спафарий[4186], сходя быстро ради некоей нужды по ступенькам лестницы своего дома, оступился и повредил сустав ноги своей. Нога неожиданно разболелась, и он слег в постель. В продолжение трех дней он не мог от сильных страданий ни вкушать пищу и питие, ни забыться сном, ни сказать что-либо – и был как немой. Но сохранив при своих страданиях здравый ум, он мысленно прилежно молился Богу и угоднику Его, святому Сампсону, призывая его на помощь. По прошествии трех дней, при наступлении ночи, спафарий Феодорит увидел святого Сампсона, стоявшего у его ног; касаясь поврежденной ноги его, святой говорил:

– Встань, ибо ты уже больше не будешь болеть.

И сказав это, святой сделался невидим.

Феодорит тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым и радостно начал громко благодарить Бога и говорить:

– Воистину великий угодник Божий святой Сампсон!

Потом, осязав свою ногу и видя, что она стала совершенно здоровой, встал и начал ходить. А с наступлением утра пошел ко гробу преподобного и, сотворив перед ним благодарное

поклонение, поведал всем бывшим там о дарованном ему исцелении.

Другой вельможа в Царьграде, по имени Лев, едучи на коне, стер о каменную стену свою ногу: открылась язва, и он тяжко захворал, причем с каждым днем болезнь становилась сильнее. Домашние советовали больному призвать врача, чтобы тот сделал ему кровопускание. И вот, когда приближалось наступление четвертого дня, в который должен был прийти врач к больному, было видение ночью прежде упомянутому Феодориту, который перед этим получил исцеление от своей болезни. Он увидел трех мужей, входивших в дом больного вельможи; в одном из них он узнал святого Сампсона, которого видел во время своей болезни, а относительно двух других подумал, что это бессребренные врачи Косма и Дамиан. Феодорит спросил их:

– Куда вы идете?

Они же, с любовью воззрев на него, ответили:

– К вельможе Льву.

Феодорит на это сказал им:

– Знаете ли вы, владыки мои, что он страдает тяжкой болезнью, и в этот наступающий день к нему придут врачи, чтобы лечить у него поврежденную ногу.

Тогда святые сказали Феодориту:

– Да не будет того, – мы снова придем к нему в пяток и исцелим его.

Воспрянув от сна, Феодорит немедленно пошел к больному и рассказал ему о видении своем. Лев поверил словам его и не принял лекарей, но, возложив все упование свое на Бога, стал ждать пятка, непрестанно пребывая в молитве. И, действительно, когда наступил пяток, больная нога его вдруг получила исцеление и сделалась здоровой, как и другая, совершенно не нуждаясь в каком-либо врачевании. Почувствовав себя здравым, Лев немедленно пошел ко гробу преподобного Сампсона и воздал ему, вместе с явившимися с ним, благодарение.

Прославляя через многие чудеса угодника своего Сампсона, Бог прославил его и через истечение целебного мира

от гроба преподобного, причем болящие всякими недугами, помазуясь этим миром, получали здравие. Целебное действие этого мира испытал на себе и вышеупомянутый вельможа Лев. Случилось ему, после исцеления от своей болезни, снова заболеть всем телом, и он лежал на одре болезни, как расслабленный, причем все члены его тела были недвижимы. Но когда его помазали по всему телу миром, истекающим от гроба преподобного, он тотчас же получил исцеление. В другой раз он заболел очами, но, помазав их миром от гроба святого Сампсона, снова получил здравие.

Воздавая за неоднократные исцеления, творимые ему преподобным, благодарения святому, вельможа Лев принял на себя попечение о странноприимнице его, в это время несколько оскудевшей, и в достаточной степени подавал ей на разные потребы от своих имений.

Не будет неуместным упомянуть здесь и о том, что в странноприимнице начальником был тогда некто Енесий, человек ленивый и к службе своей нерадивый, наблюдавший все нужды больных и странников небрежно. Однажды ночью преподобный Сампсон явился ему не во сне, но как бы наяву, и стал бить его жезлом, с гневом говоря ему: «Почему небрежен ты к службе своей и не заботишься о нуждах странников и больных?»

От биения Енесий заболел столь сильно, что у него отнялся голос и он стал нем: тело же его сделалось синим от ран, причиненных жезлом святого. Когда наутро многие стали приходить к нему, Енесий ничего не мог сказать им, а только показывал на тело свое, синее от биения, потом, взяв хартию и трость, написал в ней, как он был наказан от святого за свою лень и небрежение. Узнав о случившемся, вельможа Лев пришел к больному навестить его. Увидев же, что тело его совершенно сине от биения, он начал со слезами молиться преподобному Сампсону.

«Святой угодниче Божий, – так молился он, – ты знаешь мою веру и усердие к тебе, исполни же теперь молитву мою: вот перед тобой Енесий, которого ты наказал и который, написав на хартии случившееся с ним, поведал сам и грех свой

и твое вразумление ему. Исцели его от болезни, чтобы чудо твое получило большую известность для прославления имени Божия».

Когда вельможа Лев таким образом молился, язык Енесия разрешился и уста у него отверзлись, и он рассказал подробно о всем бывшем с ним и с того времени совершенно исправился.

После того некоторые благоговейные мужи, посоветовавшись между собой, обратились к патриарху и просили его освятить странноприимницу и церковь. Так, действительно, и было сделано. Для успокоения же странников и принятия недужных, были устроены при новопостроенной церкви иной дом и больница.

По прошествии некоторого времени строителем[4187] странноприимницы был Евстратий, который тоже не радел о больных и странниках и к тому же был скуп. Однажды много дней он не давал больным елея и за это он был наказан Богом, разболевшись глазами. Один из друзей его, именем Лев, не тот, о котором мы говорили выше, но другой, носивший тоже имя и служивший в странноприимнице, сказал ему:

– Отпусти для больных и странников в должной мере елея, и ты будешь здоров очами; если же не веришь словам моим, то я дам, в удостоверение сказанного мной, расписку.

Сказав это, он написал Евстратию следующее:

– Я, Лев, уповая на святого чудотворца Сампсона и утверждаясь несомненной верой на него, предоставляю себя поручником тебе в удостоверение того, что если ты дашь довольно елея для нищих и странников, то исцелеют от болезни глаза твои; ибо святой Сампсон испросит тебе здравие.

Приняв такую расписку и дав обещание отпустить в нужной мере елей для больных и странников, Евстратий в тот же день получил исцеление очей. Но так как он был скуп по своему нраву, то снова не стал давать елея. И вот однажды ночью явился ему преподобный Сампсон и со гневом сказал ему:

– Что ты испытываешь меня, пренебрегая моими вразумлениями?

Устрашенный этим видением, Евстратий с наступлением утра призвал друга своего Льва и дал ему множество елея,

прося его, чтобы он помолился за него к святому Сампсону и испросил у святого угодника Божия прощение грехов его.

Один из царских советников, именем Барда, человек знатный, заболел карбункулом, от которого образовались на груди его большие и неизлечимые язвы. Долго он претерпевал тяжкие страдания от своей болезни. Между тем наступил день памяти святого мученика Мокия: врачи, бывшие при больном, и все домашние его ушли в церковь святого мученика на всенощное бдение; больной же лежал на одре, сильно печалясь о том, что не мог идти в церковь на праздник и поклониться чудотворному гробу преподобного Сампсона, находившемуся в той церкви святого мученика. В это время явился к нему некий благолепный старец и сказал ему:

– Встань!

Больной на это сказал:

– Как же я могу встать? Все члены тела моего ослабели от тяжкой болезни.

Но старец снова сказал:

– Говорю тебе – встань и иди в церковь святого мученика Мокия, которому ныне совершается празднество: там ты помолись у гроба святого Сампсона.

Сказав это, старец сделался невидим.

Больной же, ощутив вдруг крепость в членах своих, стал понемногу вставать с одра своего. В то же время он заметил, что боль от язв прекратилась. Когда же он отвязал от ран врачебные повязки и пластыри, то увидел, что язвы совершенно исцелели. Исполнившись радости, вельможа тот оделся в праздничные одежды и пошел в церковь. Увидев его неожиданно исцеленным, все бывшие в церкви удивились и прославили Бога. В то время было в обычае, что, если кто впадет в какой-нибудь недуг, то он повелевал отнести себя в больницу святого Сампсона и там, по вере своей, получал здравие. Так, когда у одного пресвитера заболел раб водянкой, пресвитер отослал его в больницу святого Сампсона. Пробыв здесь несколько дней и не получив облегчения от своей болезни, раб возвратился в дом своего господина. Пресвитер, увидев его, сильно разгневался на него за неверие его и снова

отослал его в больницу, повелел испросить себе мира, истекавшего от гроба святого и помазаться им. Раб пошел, переночевал в больнице святого Сампсона и возвратился оттуда здоровым. О том, как он выздоровел, раб поведал следующее: «В эту ночь я видел во сне явившегося мне святого Сампсона; коснувшись рукой до моего чрева, он сказал мне: «иди отсюда, ты уже здоров». Я тотчас же проснулся и почувствовал себя здоровым».

Такой же болезнью страдала жена церковного служителя Ирина. Она в сонном видении узрела святого Сампсона, пришедшего к ней вместе с святыми бессребрениками Космой и Дамианом, и прикоснувшегося к ней. После того она получила здравие.

Эти и многие иные совершались чудеса и подавались исцеления по молитвам преподобного Сампсона, чем прославился дивный во святых Своих Бог, Коему и от нас воссылается честь и слава, поклонение и благодарение, ныне и присно и во веки веков.

Тропарь, глас 8:

В терпении твоем стяжал еси мзду твою отче преподобне, в молитвах непрестанно терпевый, нищыя возлюбивый, и сия удовливый: но молися Христу Богу Сампсоне милостиве блаженне, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Яко врача всеизрядна, и молитвенника благоприятна, к раце твоей Божественней притекающе, Сампсоне Богомудре преподобне, сошедшеся любовию, псалмы и песньми радующеся, Христа прославляем, таковую тебе благодать подающа исцелений.

Память святого Севира[4188]

Память 27 июня

В стране Тудера[4189] между двумя горами, в долине, называемой Интероклея, была церковь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Пресвитером при ней был Севир, муж дивной и богоугодной жизни. Один из тамошних жителей, заболев и приблизившись к смерти, поспешно отправил послов к тому пресвитеру сказать ему, чтобы он скорее пришел к нему, исповедал бы его в содеянных грехах и разрешил от них пред отшествием к смерти. В это время Севир находился в своем винограднике, где он занимался обрезанием гроздьев. Выслушав просьбу посланных, он сказал им:

– Идите вы сначала одни, я скоро догоню вас.

Но потом, увидев, что еще много осталось собрать гроздьев, захотел еще немного подождать, чтобы собрать и то, что оставалось. Окончив свое дело, он отправился в путь к болящему. На пути встретили его бывшие у больного, которые сказали ему:

– Почему, отче, ты медлил? Но больше не трудись, ибо человек тот уже умер.

Услышав это, пресвитер затрепетал от ужаса и горько начал плакать, нарицая себя убийцею умершего. Не переставая плакать, он достиг дома, где лежало тело умершего и со слезами пал на землю пред одром, рыдая и ударяясь головою об землю; при этом он, в слух всех, бывших там, винил себя в смерти того человека. Когда он рыдал так, умерший внезапно ожил. Увидев это, предстоявшие сильно удивились случившемуся чуду и возрадовались о воскресении умершего и от радости плакали. Потом они спросили:

– Где ты был? И каким образом душа твоя, разлучившаяся с телом, снова возвратилась в него?

Тот ответил:

– Какие-то эфиопы[4190], весьма страшные и гордые, из ноздрей и ушей которых исходил огонь, взяли меня и повлекли в некие темные места, исполненные ужаса и трепета. Но вдруг

явился пресветлый юноша, который шел навстречу нам с другими светоносными мужами; обратившись к влекущим меня, он сказал им со властью: возвратите его, так как о нем плачет Севир пресвитер; ради слез этого мужа Господь снова дарует сему умершему жизнь в теле.

Услышав такой рассказ, Севир встал с земли с неизреченною радостью и воздал Богу благодарение. Затем поучив воскресшего тому, как нужно принести покаяние Богу, он выслушал исповедь его, разрешив от грехов, причастил Божественных Тела и Крови Христовых. После того воскресший прожил еще семь дней, непрестанно молясь к Богу, в восьмой же день он с радостью преставился Ему.

Итак, познаем, как возлюбил Бог пресвитера Своего Севира; ибо Он не восхотел опечалить его, но скоро услышал молитву святого и сотворил согласно желанию его. Отсюда открывается также и то, что и пресвитер Севир от всей души возлюбил Господа Бога и в течение всей жизни своей поработал Ему усердно. Послужив Господу, он, по окончании своего земного подвига, предстал престолу Божественной славы, вместе с ликами святых, славящих Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Коему и от нас да будет слава вовеки. Аминь.

Перенесение честных мощей святых мучеников Кира и Иоанна

Память 28 июня

Сии святые страстотерпцы, Кир и Иоанн, пострадали за имя Христово в 31 день месяца января в царствование Диоклетиана[4191], в городе Конопе, отстоящем от великого города Александрии на двенадцать поприщ. После их страдальческой кончины христиане тайно взяли их святые тела и похоронили их с честью. Целебные мощи этих святых мучеников были обретены по прошествии уже многого времени (со дня их мученической кончины); они были обретены именно тогда, когда правоверные христиане, победив идолослужителей эллинов, начали всюду созидать храмы без страха.

В особенности без страха начали строить храмы христиане со времени императора Феодосия Великого. Император Феодосий Великий[4192], победивший западного царя Максима[4193] со всеми его войсками по молитвам святых отцов, подвизавшихся в египетских пустынях, отправил к сим отцам нарочитых людей с просьбой о помощи. Из числа святых отцов, подвизавшихся в Египте, следует упомянуть об одном, по имени Сенуфий, прославившемся чудесами и пребывавшем в скиту. Относительно сего отца царь писал Феофилу, Александрийскому патриарху, прося послать Сенуфия к нему в Константинополь, дабы подкрепиться его благословением и молитвами в борьбе с противниками. Феофил, исполняя царское желание, отправился сам в скит к преподобному тому отцу Сенуфию и умолял его отправиться в Константинополь к царю Феодосию. Однако Сенуфий ни в каком случае не желал выйти из своей кельи. Наконец, после усиленных просьб патриарха, Сенуфий взял свою хламиду и жезл, поднял их кверху, обратившись к востоку; затем подняв очи свои к небу, сказал:

– Господи Боже сил! Со смирением молюсь Тебе, дай хламиде сей и жезлу сему ту силу, которую Ты по милосердию Своему дал бы мне, если бы я пошел туда.

Помолившись в таких словах, Сенуфий отдал хламиду и жезл патриарху, сказав:

– Пошли это к царю вместо меня и напиши ему, чтобы во время битвы он оделся в хламиду, взял жезл в руку и с дерзновением пошел бы вперед своего полка на врагов; и увидит он силу Божию.

Патриарх послал хламиду и жезл к царю и передал ему слова преподобного.

Царь, приняв посланное с верою и сделав всё, согласно словам преподобного, одержал славную победу над врагами. В память этой победы, а также и в напоминание о преподобном Сенуфии жители города Александрии изваяли статую царя, стоящую на высоком подножии; на статуе царь был облечен в хламиду иноческую и имел жезл в руке; и каждый год жители города Александрии торжественно праздновали день той победы, воссылая благодарение Богу.

С этого именно времени, благодаря всё большему и большему распространению христианства, верующие и начали строить храмы в Александрии и по всему Египту. И когда патриарх Феофил пожелал выстроить в Конопе большую церковь во имя святых Апостолов, обретены были мощи этих святых чудотворцев Кира и Иоанна. Случилось это по кончине Феодосия, в царствование сына его Аркадия. О перенесении же тех мощей написано в житии Кирилла.

«На расстоянии двух поприщ от Конопа было место, именуемое Мануфин (раньше то было селение). Здесь находилось древнее капище, бывшее обиталищем демонов; место это внушало всем ужас, так как здесь обитали многие нечистые духи. Патриарх Феофил, когда еще был в живых, хотел очистить то место от бесов и освятить для славословия Божия, но, отвлекаемый другими заботами и уже будучи близ конца дней своих, святой не успел привести в исполнение своё намерение. Святой Кирилл, приняв после Феофила Александрийскую кафедру, решил привести в исполнение намерение Феофила и усердно молился Богу, да подаст Он ему помощь свыше и силу для одоления и изгнания из Мануфина нечистых духов. И вот, явился ему в видении Ангел Господень,

повелевая перенести в Мануфин честные мощи святых мучеников Кира и Иоанна, чтобы прогнать оттуда силу бесовскую. Святой Кирилл так и поступил, перенес в Мануфин мощи святых[4194] и построил там во имя их церковь. Вскоре же после этого нечистые духи навсегда удалились оттуда, и место то стало источником исцелений, подаваемых от мощей мученических.

Необходимо вспомянуть здесь в кратких словах и о чудесах, совершенных сими святыми чудотворцами Киром и Иоанном.

При святейшем Евлогии, патриархе Александрийском[4195], сын градоначальника Юлиана, по имени Аммоний, имел на шее своей некие болезненные прыщи, росшие внутрь, именуемы врачами скрофулами или струмами[4196]; день ото дня увеличиваясь и назревая сии прыщи весьма отяготили шею его и угрожали смертью; были призываемы многие искусные врачи, но больной не получил от них никакого облегчения. Сей отец с сыном, весьма опечалившись, оставил тех врачей и обратился за помощью к святым чудотворцам, Киру и Иоанну; он начал молиться со слезами при их честных мощах, прося их даровать здравие сыну его. Святые же, явившись в видении, повелели юноше прежде всего оставить заботы о богатстве и славе и, в знак смирения, вымести пыль из храма их; потом, сделав пластырь из воска, смешанного с хлебом, повелели обложить им шею и гортань больного. И как только всё сие было сделано, тотчас разрешились прыщи, и Аммоний получил здравие по молитвам этих святых безмездных врачей.

Спустя некоторое время тот же Аммоний, забыв увещания святых, возгордился и снова заболел другою болезнью, которая была ему наказанием за его преслушание. Он начал страдать желудком, причем болезнь его была столь тяжка, что, по причине ее, он совершенно не мог принимать ни пищи, ни питья; всё, что он принимал устами, извергалось обратно. Тогда он снова обратился за помощью к известным врачам своим, святым страстотерпцам Киру и Иоанну и начал молиться им со слезами. Сии же святые, явившись ему в видении, сначала укорили его за гордость, потом повелели снять драгоценные одежды, облечься во вретище; затем, взяв водоносы, велели

носить холодную воду недужным братиям и нищим для утоления жажды их. Когда Аммоний сделал всё то добросовестно, тотчас явились ему святые и приказали, взяв елея от лампады их, также и воска от возженных при раке их свеч, – сделать пластырь и приложить его к желудку своему. Сделав всё это, Аммоний получил здравие.

Некий александриец, по имени Феодор, издавна ослепший на оба глаза, был приведен в Мануфин к церкви и к многоцелебным мощам святых страстотерпцев; он молился здесь с усердием об исцелении своем от слепоты. Ему явились святые в видении и повелели идти и умыться из источника, протекавшего близ храма их. Тот пошел, умылся и когда отер полотенцем лицо свое, тотчас прозрел и почувствовал, что с глаз его отпали на полотенце бельма, как некая чешуя. Феодор возвратился с радостью к церкви, показывая всем на полотенце следы своей слепоты.

Другой муж, по имени Калос, соответственно своему имени и житием прекрасный[4197], случайно упал с лестницы, раздробил голень ноги своей на многие части и страдал тяжко. Сей муж призывал на помощь многих врачей, но не мог получить от них никакой помощи. Тогда он обратился за помощью с твердою верой к сим безмездным врачам, Киру и Иоанну; Помазав елеем от лампады их свою ногу, больной тотчас же получил исцеление.

Некто Исидор из Маиюмы[4198] страдал болезнью печени, которая, начав гнить, обращалась в кровь, воспалялась и выплевывалась с кровью. Так как человек тот не мог получить облегчения ни от каких врачей, то обратился к многоцелебным мощам этих святых страстотерпцев. Святые явились ему и уже не в сонном видении, а явно, и дали ему вкусить часть лимона; принимая лимон из рук их, он не знал, от кого принимал: он думал, что это был кто-либо из числа народа, пришедшего на поклонение честным мощам мученическим. Когда больной съел данное ему, тотчас желудок его как бы возмутился и изблевал большого червя, угрызавшего печень его; святые же безмездные врачи стали невидимы. Исидор, став с того времени здравым, воздал благодарение Богу и Его святым угодникам.

Некто Мина, начальник города Филопона[4199], страдал сильной лихорадкой; к сей болезни у него присоединилось еще затвердение желудка, так что прекратились его естественные отправления. Все лекарства, принимавшиеся больным в уста, не только не доставляли ему никакого облегчения, но еще более утруждали желудок его, оставаясь в нем. И страдал сей муж две седмицы; болезнь его была весьма люта, так что он отчаялся уже в помощи врачей. Вспомнив же о святых безмездных врачах Кире и Иоанне, Мина повелел нести себя с постелью в Мануфин к многоцелебным мощам их. В то время, как он, помолившись при мощах со слезами, задремал и уснул, явились ему святые и дали вкусить смокву. Пробудившись от сна, он нашел смокву на постели, близ себя; он съел ее, и тотчас разрешилась болезнь желудка его и он стал здравым.

Другой Мина, легкий и скорый ногами своими, как древний Асаил[4200],«как серна в поле» (2Цар.2:18), столь сильно заболел ногами своими, что совершенно не мог ходить и лежал он на постели долгое время, ибо ноги его весьма отекли. Сей Мина приказал нести себя вместе с постелью ко святым чудотворцам, Киру и Иоанну. И когда помазал свои ноги елеем от лампады, горевшей при честных мощах святых, тотчас встал здравым и мог ходить, ибо ноги его совершенно исцелились; за всё сие он возблагодарил Бога и святых угодников Его.

Женщина некая, по имени Феодора, однажды пив воду, проглотила маленькую жабу, не заметив ее; жаба же та во чреве ее начала расти. Первоначально жаба доставляла Феодоре небольшое страдание, ибо была сама мала; когда же та жаба выросла и сделалась большой, то стала причинять столь великую боль, что женщина та совершенно не имела покоя ни днем ни ночью, по причине своих лютых страданий. Она сильно кричала, бросалась на землю, но никто не мог помочь ей и даже никто не мог узнать, какая была у нее болезнь; многие думали, что ее мучил бес. Наконец привели ее к сим святым чудотворцам, Киру и Иоанну; они же, явившись ей ночью, повелели, прежде чем принимать пищу, выпить большое количество воды. Женщина сделала так; тотчас ее желудок заволновался, – она изблевала большую жабу и сделалась

здравой. Все, видевшие это, удивились и прославили Бога и святых угодников Его.

После женщины Феодоры за помощью к святым обратился некий муж Феодор. Сей Феодор случайно принял данную злыми людьми отраву и сильно страдал, не получая помощи от врачей. В то время как сей Феодор молился со слезами об исцелении своем, явились ему в видении святые и повелели съесть некое животное, по-гречески называемое скопендрой[4201]. Пробудившись после видения, Феодор оградил себя знамением креста, ибо думал, что то было демонское привидение; потом снова начал молиться святым, прося у них исцеления. На другую ночь снова явились Феодору святые и приказали сделать то же самое; но он и на сей раз не возымел веры к святым, ибо то животное считалось ядовитым, а не целебным. И в третий раз было то же явление святых, но и на сей раз Феодор не послушал их, думая, что то было демонское обольщение. Наконец, на четвертую ночь святые явились Феодору уже не в сонном видении, а наяву; святые выразили соболезнование Феодору и сказали ему:

– Почему ты не веришь словам нашим? Встань же поскорее и иди к источнику нашему; там съешь то, что найдешь съедобным; то будет для тебя действительным врачевством.

Феодор, уверовал в истинность явления святых, отправился с рассветом дня на источник и нашел там небольшой огурец, лежавший на земле; Феодор взял его и вкусил с удовольствием; и когда он намеревался положить в уста свои последний кусок огурца, то заметил в нем последнюю часть животного, называемого скопендром, – ибо животное то он уже съел почти всё в огурце том; весьма испугавшись, он бросил на землю остаток огурца, после чего начал блевать и изблевал вместе с огурцом и тем животным всю, бывшую в нем отраву. После этого Феодор почувствовал себя вполне здоровым и, придя в церковь, поклонился с благодарением честным мощам своих исцелителей.

Некая женщина, по имени Мария, пришла из Вавилона в Мануфин, к мощам святых чудотворцев. Она привела с собою восьмилетнего сына, у которого, по коварству демонскому, был

извлечен из уст язык; язык отрока имел в длину пядь[4202], был гораздо более обыкновенного человеческого языка и имел весьма странный вид: был толст, черен, смраден, неприятен для всех, взиравших на него и всё время источал черные слюни. Отрок сей случайно упал при гробе святых на землю и ударился языком о мрамор, бывший там; тотчас язык его, освободившись от бесовского коварства, возвратился на свое место и принял обычный размер, и так исцелился отрок тот.

К мощам святых был принесен некто Евгений, из Египта, страдавший водянкою; от сего недуга всё тело его отекло и живот был весьма вздут. Сему Евгению святые явились в видении, коснулись руками живота его и сказали:

– Евгений! Встань и возвратись здравым в дом твой.

Евгений, встав, тотчас освободился от всей тягости отека и получил полное здравие. Воспомянув сии немногие, из числа многих, чудеса святых бессребреников Кира и Иоанна, прославим Христа Бога, даровавшего им таковую благодать, славимого вечно со Отцом и Святым Духом. Аминь.

Тропарь, глас 5:

Чудеса святых Твоих мученик, стену необориму нам даровавый Христе Боже, тех молитвами советы языков разори, царства скиптры укрепи, яко един благ и человеколюбец.

Кондак, глас 3:

О Божественныя благодати дар чудес восприемше святии, чудодействуете в мире непрестанно, вся наша страсти рукодействием изсецающе невидимо, Кире Богомудре, со Иоанном славным: вы бо сущие Божественнии врачеве есте.

Память преподобного Павла

Память 28 июня

Преподобный Павел происходил из города Коринфа[4203], от родителей христиан; будучи воспитан в благочестии и с юности возлюбив Бога, он пришел в один из монастырей и принял здесь пострижение в монашество; он много потрудился в подвигах постнических и был опытным подвижником. На сего Павла вооружился бес блуда; однажды ночью в то время как преподобный Павел стоял на молитве, ему явился бес и сказал:

– Если не удовлетворишь своей похоти плотской, хотя один раз, то жестоко вооружусь на тебя!

Павел же запретил бесу именем Иисуса Христа и прогнал его знамением крестным.

Потом бес научил некую женщину блудницу принести к преподобному младенца, недавно рожденного ею; положив сего младенца на одре преподобного, женщина та сказала ему:

– Я от тебя самого зачала и родила сие.

Старец принял младенца с радостью. Еретики же, придя к старцу, связали ему руки назади и, привязав младенца к вые преподобного, водили его по городу с насмешками. Став посреди народа и дав знак рукой, Павел сказал:

– Послушайте, братия! Спросим младенца и пусть он скажет нам, кто его отец?

(Младенцу же от рождения было немного дней). И сказал Павел младенцу:

– Скажи нам, кто твой отец?

Младенец, разодрав свои пеленки, показал рукою на некоего кузнеца и сказал:

– Вот сей отец мой, а не Павел монах.

Люди, слышавшие это, поклонились старцу, прося у него прощения.

С этого времени Бог даровал преподобному дар врачевания. Павел возлагал руки на недужных и они получали здравие.

Прожив семьдесят с лишним лет, преподобный отошел ко Господу[4204], Которому неленостно служил, и был причтен к лику святых; вместе с ними он прославляет Единого Бога в Троице, Которому и от нас воссылается слава вечно. Аминь.

Житие, подвиги и страдание святого славного и всехвального верховного Апостола Петра

Память 29 июня

Брат первозванного Апостола Андрея, святой Апостол Петр, носивший до призвания Господом Иисусом Христом имя Симона, сын иудея Ионы из колена Симеонова, происходил из Вифсаиды, незначительного и малоизвестного галилейского городка в Палестине. Он взял себе в супружество дочь Аристовула, брата святого Апостола Варнавы, и имел от нее детей: одного сына и одну дочь. Симон был человек бесхитростный и некнижный; проникнутый страхом Божиим, он соблюдал все заповеди Господа, «ходя пред Ним без порока во всех делех своих». Занятием Симона было рыболовство; этим трудом рук своих он, как человек бедный, снискивал пропитание для своего семейства, кормя жену, детей, тещу и престарелого отца своего Иону.

Брат же Симона Андрей, пренебрегая суетою мятежного мира, вступил на путь безбрачной жизни: он пошел на Иордан к святому Иоанну Крестителю, проповедовавшему о покаянии (Мф. 3:1–17), и сделался его учеником. Слыша свидетельства учителя своего о Христе – Мессии и – особенно слова его с указанием перстом на Господа: «вот Агнец Божий» (Иоан.1:29–36), Андрей оставил Иоанна и вместе с другим крестителевым учеником пошел во след Господа, вопрошая Его:

– Равви, где живешь?

– Пойдите и увидите, – отвечал им Спаситель.

Они пошли и увидели, где Он живет, и пробыли у Него день тот (Иоан.1:38–39).

На следующее утро Андрей пришел к брату своему Симону и сказал ему:

– Мы нашли Мессию, Христа.

И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал:

– Ты Симон, сын Ионин, ты наречешься Кифа, что значит камень (Петр)[4205](Иоан.1:41–42). И тотчас святой Петр

возгорелся любовью к Господу, уверовав в Него как истинного Христа, посланного Богом на спасение мира. Но он всё еще не покидал своего дома и не оставлял своего занятия, доставляя своим домашним необходимое для прожития; в этом ради престарелого отца помогал иногда Симону и брат его Андрей; так жили они до времени призвания Господом на апостольское служение.

Однажды, после заключения Иоанна Крестителя в темницу, Господь Иисус Христос проходил близ моря Галилейского (оно известно еще под именем моря Тивериадского или озера Геннисаретского) и, увидев Петра и Андрея, закидывающих сети в море, сказал им:

– Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков (Мф.4:18–20).

Какими же именно ловцами Господь хотел сделать их – на это Он предуказал чудесной ловлей рыбы. Войдя в лодку Симона – Петра, Христос повелел ему закинуть сети, на что Петр отвечал:

– Наставник! Мы трудились всю ночь, и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть.

Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась, что было прообразом духовной апостольской ловитвы – апостолам предстояло уловить многие народы на спасение мрежей Слова Божия. Увидев такое чудо Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал:

– Выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный.

Ужас объял его и всех бывших с ним от этого лова рыб, ими пойманных. В ответ Петру, призывавшему Господа удалиться от него, Спаситель, наоборот, призывает его следовать за Собою:

– Гряди за Мною – отныне будешь уловлять людей для жизни подобно тому, как ранее ловил рыб для смерти.

С этого времени святой Апостол Петр следует за Христом, как и брат его Андрей, и прочие только что призванные ученики. Господь любил Апостола Петра за его простосердечие: он посетил бедный дом Симона, где исцелил прикосновением руки его тещу, лежавшую в горячке. А когда утром Господь, восстав, удалился на молитву в пустынное место, то Петр и бывшие с

ним, не терпя и одного часа быть без Господа, пошли за Ним, старательно отыскивая любимого Учителя; и, нашедши Его, сказали Ему:

– Все Тебя ищут, Господи (Мк. 1:30–37).

И не отлучался святой Апостол Петр от Господа, но неотступно находился при Нем, наслаждаясь Его лицезрением и Его словами «сладчайшими паче меда». Он был очевидцем многих и великих чудес Господа, ясно указывавших на Христа как Сына Божия, в Которого и веровал без всякого сомнения. А как веровал сердцем «в правду», так и устами исповедал «во спасение». Когда Господь пришел в страны Кесарии Филипповой[4206], то спрашивал учеников Своих:

– За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?

Они сказали:

– Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков.

Он говорит им:

– А вы за кого почитаете Меня?

Симон Петр ответил:

– Ты – Христос, Сын Бога Живого.

Это истинное исповедание Апостола Господь удостоил ублажения и обетования; Он сказал святому Петру:

– Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах[4207].

Горевший теплою любовью к Господу, святой Апостол Петр желал, чтобы никакое зло не коснулось Его; поэтому, когда Господь предсказывал Свои страдания, он прекословил Ему, говоря по неведению:

– Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!

Хотя эти слова Апостола и не были угодны Господу Иисусу, Который на то и пришел, чтобы Своим страданием искупить от

погибели человеческий род, но тем не менее они внушены были усердною любовью к Господу; в них обнаружилось, кроме того, и незлобие Апостола: услышав укоризненное слово Господа «отойди от Меня, сатана![4208] ты Мне соблазн», Апостол не почувствовал гневного раздражения и не удалился от Христа Спасителя, но, с любовью выслушав порицание, еще с большим усердием следовал за Господом (Мф.16:13–23). Однажды многие из учеников, не могшие вместить слов Господних[4209], говорили о них:

– Какие странные слова! Кто может это слушать?

И затем отошли от Спасителя и уже не ходили с Ним. Тогда Господь Иисус сказал двенадцати:

– Не хотите ли и вы отойти?

Симон Петр отвечал Ему:

– Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты – Христос, Сын Бога Живого (Иоан.6:53–58).

Имея такую веру и такое усердие к Господу, святой Апостол Петр дерзнул просить у Него дозволения прийти к Нему по воде[4210]. Господь не возбранил этого. Тогда святой Апостол Петр, выйдя из лодки, «пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу». Но не имея, до принятия Святого Духа, совершенной твердости в вере, он, «видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал:

– Господи! Спаси меня.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему:

– Маловерный, зачем ты усомнился?» (Мф.14:28–31).

Господь, избавивший святого Апостола от потопления, избавил его и от маловерия, когда сказал ему[4211]:

– Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя (Лк.22:31–32).

Вместе с двумя другими учениками, Иаковом и Иоанном, святой Апостол Петр удостоился видеть на Фаворе открытую им славу Преображения Господня и своими ушами слышать глас Бога Отца, свыше пришедший к Господу Иисусу. Об этом святой Апостол так упоминает в своем послании:

– Мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но бывши очевидцами Его величия. Ибо он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение». И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе.[4212]

Когда Господь приблизился к вольным страданиям Своим и крестной смерти, тогда святой Апостол Петр обнаружил свою ревность по Господе не только словом, сказав:

– Господи! С Тобою я готов и в темницу и на смерть идти (Лк.22:33), – но и делом, извлекши меч и ударом его урезав ухо рабу архиерея Малху (Иоан.18:10). Хотя Бог по смотрению Своему и попустил Апостолу Петру впасть в троекратное отречение от Христа Спасителя, Господа нашего, но он восстал и исправился через истинное раскаяние, соединенное с горькими рыданиями (Мф.26:69–75). Святой Петр, первый из всех Апостолов, сподобился увидеть воскресшего Господа Иисуса Христа, как говорит об этом святой евангелист Лука: «Господь истинно воскрес и явился Симону» (Лк.24:34); о том же пишет и святой Апостол Павел: Христос «воскрес в третий день по Писанию и явился Кифе, потом двенадцати» (1Кор.15:4–5). Узрев Господа, святой Петр исполнился невыразимой радости, прияв от Него и милостивое прощение своего греха. Троекратное отречение от Господа он окончательно изгладил троекратным исповеданием своей любви к Спасителю, отвечая ему на Его вопрос троекратный:

– Симон Ионин! любишь ли ты Меня?

– Господи! Ты всё знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя.

И Христос Спаситель восстановил Петра в апостольском достоинстве, соделав его пастырем словесных овец и вручив ему ключи Царства Небесного (Иоан.21:15–17).

По вознесении Господа нашего Иисуса Христа святой Петр, как верховный среди Апостолов, явился первым учителем и проповедником Слова Божия, приобретя одним часом Церкви Христовой до трех тысяч верующих душ (Деян.2:14–41). При этом он обнаружил и великую чудодейственную силу. Входя со

святым Иоанном в храм для молитвы, святой Петр увидел одного хромого от рождения человека, сидевшего при дверях храма, называемых Красными. Он, увидев Петра и Иоанна просил у них милостыни. Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали:

– Взгляни на нас.

И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь. Но Петр сказал:

– Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи.

И взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колена, и вскочив встал, и начал ходить, и вошел с ними в храм, ходя и скача и хваля Бога.

Через это чудо и проповедь святого Апостола Петра уверовало во Христа около пяти тысяч человек (Деян.3:1–26; 4:4). Жителей Иерусалима Ананию и жену его Сапфиру святой Петр умертвил словом за святотатство и ложь Святому Духу (Деян.5:1–10). В Лидде[4213] расслабленного Енея, восемь лет лежавшего на одре, он исцелил, сказав ему:

– Еней, исцеляет тебя Иисус Христос! (Деян.9:32–34)

В Иоппии[4214] он воскресил умершую девицу Тавифу (Деян.9:36–42). И не только руки и слова его были чудодейственны, но даже и самая тень его подавала исцеления: «так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них» (Деян.5:15). – А когда царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви (в Иерусалиме), чтобы «сделать им зло» и, убив мечом Иакова, брата Иоанна[4215], схватил святого Петра и посадил в темницу, сковав двумя цепями, то Ангел Господень ночью разрешил его от оков и освободил от заключения (Деян.12:1–10). Верховный Апостол Петр первый открыл дверь веры язычникам, крестив в Кесарии[4216] римского сотника Корнилия после видения ниспущенного с неба полотна, полного четвероногими и гадами, и – голоса, повелевающего Петру заколоть всё это и есть и не почитать нечистым того, что Бог очистил; видение это было знамением обращения ко Христу язычников (Деян. 10:1–48). Святой Апостол Петр обличил

Симона, волхва самаритянина, лицемерно принявшего крещение и хотевшего за деньги купить дар Святого Духа:

– Серебро твое, – сказал Апостол волхву, – да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги: нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое не право пред Богом; итак покайся в сем грехе твоем и молись Богу: может быть отпустится тебе помысл сердца твоего, ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды (Деян.8:18–23).

Здесь помянутые и другие деяния святого Апостола Петра более подробно изложены во святом Евангелии и Книге Деяний святых Апостолов, которые постоянно читаются в храмах в слух верующих. Поэтому не было нужды в видах краткости слова из этих книг Священного Писания брать подробно всё, касающееся святого Апостола Петра; книги эти хорошо должны быть известны православным христианам. О дальнейших же благовестнических подвигах и трудах святого Апостола Петра, мало кому известных, святой Симеон Метафраст[4217] говорит следующее.

Из Иерусалима[4218] святой Петр пришел в Кесарию Стратонийскую[4219], где поставил епископа из пресвитеров, следовавших с ним; исцелив многих в Сидоне[4220] и поставив здесь епископа, он прибыл в Верит[4221], и тут также поставив епископа; затем он пришел в Вивлы, и отсюда в Триполь Финикийский[4222], где обитал у одного разумного мужа Марсона, которого и рукоположил во епископа верным этого города. Из Триполя он пришел в Орфосию; затем в Антраду, потом на остров Арадос, далее в Валанею, Пант и Лаодикию[4223]; в последней он исцелил многих больных, изгнал от одержимых нечистых духов и собрал церковь верных, дав им епископа. Из Лаодикии святой Петр пришел в Антиохию, город Сирии[4224], где скрывался Симон волхв от воинов, посланных римским императором Клавдием[4225], чтобы его взять; узнав о пришествии святого Апостола Петра, Симон убежал в города Иудеи. В Антиохии святой Петр исцелил многих недужных и после проповеди о Едином Боге в трех Лицах поставил епископов: Маркиана для Сиракуз в Сицилии[4226] и Панкратия

для Тавромении[4227]. Из Антиохии святой Петр пришел в Тиниан Каппадокийский[4228], отсюда посетил Анкиру Галатийскую[4229], в которой воскресил мертвеца и устроил церковь, многих огласив и крестив и поставив им епископа. Оставив Анкиру, он направился в Синоп Понтийский[4230], а отсюда пришел в Амасию, занимающую средину Понтийской земли. Затем, побывав в Гангре Пафлагонском[4231], Клавдиополе Гонориадийском и Вифинийском[4232] Никомидии, святой Апостол остановился в Никее[4233]. Намереваясь идти в Иерусалим на праздник Пасхи, он из Никеи повернул назад, – пришел в Писсинунт, а потом в Каппадокию и Сирию. Снова посетив Антиохию, он, наконец, достиг Иерусалима. Во дни его пребывания здесь к нему пришел, на третий год после своего обращения ко Христу, святый Апостол Павел, как сам он сообщает об этом в послании Галатам:

– Спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать (Гал. 1:18).

Уставив за это время церковные законоположения, святой Павел отошел на дело, к которому был призван; святой же Апостол Петр опять посетил Антиохию, где поставил епископа Еводия; прибыв потом в Синад, город Фригии[4234], он удалился из него в Никомидию[4235]; в ней он поставил епископа Прохора, который и по принятии епископства следовал за святым Иоанном Богословом. Придя из Никомидии в Илион, город Геллеспонтский[4236], святой Апостол поставил здесь епископом Корнилия сотника и возвратился в Иерусалим. Тут явился святому Петру в видении Господь Иисус Христос, говоря:

– Встань, Петр, и иди на Запад: настало время преосветиться ему твоею проповедью; Я же пребуду с тобою.

В это время Симон волхв[4237] был уже взят искавшими его воинами и приведен в Рим[4238], чтобы принять наказание по своим делам. Но он, омрачив волшебною хитростью умы многих, так обольстил их, что не только не понес наказания, а даже многими начал почитаться как бог. Этот предтеча сатаны настолько изумил своим волшебством самого кесаря Клавдия, что была изваяна статуя волхва и поставлена между двумя мостами на Тибре с такой надписью: «Симону, святому богу».

Об этом подробно пишут Иустин и Ириней. Мы же (говорит Симеон Метафраст) возвратимся к предстоящему нам слову. Великий Петр, возвестив братии о бывшем ему видении, простился с ними и, посещая церкви, снова прибыл в Антиохию, где застал святого Апостола Павла. Здесь он поставил епископов: Урвана Тарсу[4239], Епафродита Левкии Адриатийской, Апеллия, брата Поликарпа, Смирне и Фигелла Ефесу[4240]; о последнем говорят, что он, уклонившись с правого пути, вступил в общение с Симоном. Из Антиохии святой Петр пришел в Македонию[4241], где тоже поставил епископов: Олимпа Филиппийцам[4242], Иасона Солунянам[4243] и Коринфянам[4244] Силу, которого нашел пребывающим у святого Апостола Павла. Поставив в Патре епископом Иродиона, святой Петр отплыл в Сицилию и, придя в Тавромению, на короткое время остановился у Панкратия, красноречивейшего мужа; огласив и крестив здесь некоего Максима и поставив его епископом, он прибыл в Рим.

В Риме святой Апостол Петр на площадях и в домах ежедневно проповедовал о Едином Боге – Отце всемогущем, и Едином Господе Иисусе Христе Сыне Божием, Боге истинном от Бога истинного и Едином Духе Святом, Господе Животворящем; и многих он привлек к Христовой вере, избавив святым крещением от обольщения идолопоклонством. Видя всё это, Симон волхв не хотел молчать и таить своей злобы на святого Петра, – он почитал себе за посрамление проповедь Апостола, которою ниспровергалась его слава; и начал волхв открыто препятствовать истинному учению Апостола своими лживыми словами и делами, – без всякого стыда он прекословил святому Петру среди города. Волхв обольщал народ, возбуждая в нем странные мечты; он показывал предшествующие и последующие за ним привидения, о которых говорил народу, что это души умерших; показывал он и воскресших из мертвых, кланявшихся ему как богу; исцелял хромых, возвращая им способность ходить и скакать. Но всё это было не действительность, а призрак, подобный баснословному Протею[4245], видоизменявшемуся различным образом: то являвшемуся с двумя лицами, то, спустя немногое время,

превращавшемуся в козу, змея, птицу, то уподоблявшемуся огню, словом, принимавшему на себя всякий вид для прельщения безумных. Но достаточно было великому Апостолу Господню взглянуть на дела Симона – и тотчас исчезали волхвования последнего.

О борьбе святого Апостола Петра с Симоном волхвом, кроме Метафраста, следующее сообщают Пролог и Великие Минеи-Четии.

Когда святой Петр пришел в Рим и узнал, что Симон, называя себя Христом, творит пред глазами народа великие чудеса, то, возгоревшись ревностью по истинном Боге, он отправился к дому Симона, у ворот которого нашел большую толпу людей; они возбраняли Апостолу проникнуть внутрь дома. Тогда святой Петр сказал:

– Зачем препятствуете мне пройти к льстивому волхву?

– Он не волхв, – отвечали из толпы, – но сильный бог; он поставил у ворот своих сторожа, знающего помышления человеческие.

С этими словами святому Апостолу указали на черного пса, лежавшего в воротах, заметив:

– Эта собака умерщвляет всех, думающих о Симоне неправду.

– Я истину о нем говорю, – подтвердил святой Петр, – Симон от беса.

Затем, приблизившись ко псу, Апостол сказал:

– Иди и передай Симону: Петр, Апостол Христов, хочет войти к тебе.

Пес пошел и человеческою речью передал Симону то, что приказал святой Апостол Петр. Все, слышавшие, как говорил пес, ужасались. Симон, в свою очередь, послал того же пса со словами:

– Пусть войдет сюда Петр.

Когда святой Апостол вошел в дом, Симон начал свое волхвование пред народом на глазах у святого Петра. Святой же Апостол с помощью силы Христовой явил большие чудеса. Какие же именно? Из многих этих чудес следующее великое чудо вспоминает древний церковный историк грек Егезипп,

живший около времени Апостолов[4246]. В Риме у одной благородной вдовы, из царского рода, умер в молодых летах сын; и безутешно плакала о нем его матерь; жалевшие ее вспомнили о мужах, явившихся в Риме, о Петре и Симоне волхве, что они воскрешают мертвых; и вот одни призвали к умершему Петра, а другие Симона. На погребение юноши собралось много людей знатных и народа. И сказал святой Петр Симону волхву, величавшемуся пред всем народом своей силой:

– Кто из нас воскресит сего мертвеца, того учение должно быть признано как истинное.

Народ одобрил решение Апостола. Симон же, надеясь на свою волшебную хитрость, обратился к народу:

– Если я воскрешу мертвого, – убьете ли вы Петра?

– Живого сожжем пред твоими глазами! – закричал народ.

Приступив к одру умершего, Симон начал свое волшебство и при содействии бесов достиг того, что мертвый двинул своею головою. И тотчас народ начал кричать, что юноша жив, – что он воскрес. Святого же Петра немедля хотели вести на сожжение. Апостол же, дав знак рукой, просил помолчать и, когда наступила тишина, сказал:

– Если юноша жив действительно, то пусть он встанет, и говорит, и ходит; пока же этого не увидите, не сомневайтесь, что Симон обольщает вас своим волшебством.

Симон долго ходил кругом одра, призывая бесовскую силу, но безуспешно; тогда он хотел бежать со стыда; народ же задержал его. А святой Петр, истинный чудотворец, воскресивший Тавифу и соделавший многие иные славные чудеса, став вдали, поднял к небу очи и руки, и начал молиться:

– Господи Иисусе Христе, повелевший нам Твоим именем воскрешать мертвых, молю Тебя, оживотвори сего юношу, да познают предстоящие здесь, что Ты Бог истинный и нет иного кроме Тебя, живущего и царствующего с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

После этой молитвы он воззвал к мертвецу:

– Юноша! Встань – тебя исцеляет и воскрешает Господь мой Иисус Христос.

И тотчас мертвый открыл глаза, поднялся и начал ходить и говорить.

Это повествование Егезиппа дополняет Маркелл Римлянин, сначала ученик Симона волхва, впоследствии просвещенный Апостолом Петром святою верою и святым крещением. В своем послании к святым мученикам Нерону и Архиллию Маркелл говорит о воскрешенном святым Апостолом юноше:

Юноша, припав к ногам святого Петра, восклицал:

– Я видел Господа Иисуса, повелевающего Ангелам возвратить меня, по твоему молению, моей вдовствующей матери.

Тогда весь народ стал взывать:

– Един Бог и нет иного, кроме исповедуемого Петром!

Симон же волхв бежал, придав бесовскою силою своей голове вид собачьей; тем не менее народ схватил его, причем одни хотели его побить камнями, а другие сжечь. Но святой Апостол Петр воспротивился этому, сказав:

– Наш Господь и Учитель не повелел воздавать за зло злом, – пустите его; пусть идет куда хочет: с него довольно стыда, поношения и убеждения в беспомощности своего волшебства.

Освобожденный Симон, – передает Маркелл, пришел ко мне, предполагая, что я ничего не знаю о чудесном происшествии. Симон привязал к воротам моего дома железной цепью громадного пса и говорил мне:

– Посмотрю, – придет ли к тебе Петр по своему обыкновению.

И через час подошел к дверям святой Петр, отвязал пса, сказав ему:

– Поди скажи Симону волхву: перестань прельщать бесовскою силою людей, за которых Христос пролил Свою Кровь.

Пес пошел и передал, как человек, Симону слова Апостола. Услышав это (говорит Маркелл), я поспешил встретить святого Петра и принял его с честью в свой дом; Симона же и пса выгнал вон. Пес же, не вредя никому другому, бросился на самого Симона и, схватив его зубами, повалил на землю.

Увидев это из окна, святой Петр именем Христовым запретил псу касаться тела Симона. Пес, не трогая тела волхва, изорвал всю его одежду, так что он стал совершенно голым. При виде этого народ кричал на Симона, насмехаясь и браня его; а затем его выгнали вместе со псом из города. От такого срама и стыда Симон целый год не показывался в Риме, – пока преемник Клавдия Нерон[4247], царь нечестивый, не услыхал от злых людей похвал злобному волхву; Нерон отыскал Симона, очень полюбил его и приблизил к себе как друга.

Пролог же и Великие Минеи, кроме того, говорят еще следующее о Симоне волхве.

Симон волхв приказал себя усечь мечом, обещаясь на третий день воскреснуть; вместо же себя он поставил под меч овна, придав ему способность казаться человеком; так овен и был усечен вместо волхва. Святой же Петр, отогнав бесовское наваждение, обличил ложь Симона: все увидели, что в голову усечен не Симон, а овен.

Об окончательной же победе святого Петра над волхвом, погубившей последнего, все согласно передают таким образом.

Не будучи в состоянии ни в чем победить святого Апостола Петра и не вынося более стыда и посрамления, волхв обещался вознестись на небо. Собрав всех служивших ему бесов, Симон с лавровым венком на голове пришел на средину города Рима к одному высокому зданию; поднявшись на последнее, он начал с высоты здания гневно говорить народу:

– Так как вы, Римляне, до этих пор пребываете в своем безумии и, оставив меня, следуете за Петром, то и я покидаю вас; уже не буду я защищать города, но повелю моим Ангелам взять меня на ваших глазах на свои руки и вознесусь к отцу моему на небо, откуда ниспошлю на вас великие казни за то, что вы не послушали слов моих и не веровали моим делам.

Так сказав, волхв всплеснул руками и бросился в воздух; поддерживаемый бесами он начал летать по воздуху, поднимаясь вверх. Люди же в сильном изумлении говорили друг другу:

– Это дело Божие – летать с плотью по воздуху!

Великий же Апостол Петр начал громко, в услышание всех, молиться Богу:

– Господи Иисусе Христе, Боже мой! Обличи прелесть волхва сего, дабы не соблазнились верующие в Тебя!

А потом он воззвал:

– Вам, О бесы! Повелеваю именем Бога моего: не носите его более, но оставьте его там, где он сейчас находится в воздухе.

И тотчас бесы, повинуясь запрещению Апостола, покинули Симона в воздухе; и полетел окаянный волхв на землю, как некогда диавол, сверженный с неба долу, и, упавши, разбился. Присутствовавший при этом народ долго восклицал:

– Велик Бог, проповедуемый Петром и воистину нет иного Бога, кроме Него!

Упавший же волхв, хотя и сильно разбился, но, по Божию устроению, был еще жив, чтобы познать бессилие окаянных бесов и свое собственное, исполниться посрамления и уразуметь силу всемогущего Бога. С раздробленными членами лежал он на земле, испытывая невыразимые страдания, а наутро с мучением изверг свою нечистую душу, предав ее в руки бесов, чтобы отнести в ад к сатане, отцу их. Святой же Петр после низвержения Симона стал на возвышенном месте и, дав знак рукою к молчанию, начал учить народ познанию истинного Бога; и многих своим продолжительным словом обратил к христианской вере.

Царь Нерон, узнав о позорной кончине своего друга, чрезвычайно разгневался на святого Петра и хотел его убить. Но, как повествует святой Метафраст, яростный царь не тотчас, а лишь спустя несколько лет, исполнил свое злобное намерение относительно святого Апостола Петра. По смерти Симона волхва святой Петр пробыл в Риме не долго; обратив многих и крестив, утвердив церковь и поставив епископом Лина, он пошел из Рима в Тарракину[4248], где Епафродита (другого, а не вышеупомянутого) поставил епископом.

Прибыв в Сирмию, город Испании и рукоположив здесь во епископа Епенета, он удалился в Карфаген, в Африке, где посвятил во епископа Крискента. Достигнув Египта, он поставил

в нем епископов: Седмовратным Фивам Руфа, Александрии – Евангелиста Марка. Затем, по откровению, он был в Иерусалиме в день Успения Пречистой Девы Марии Богородицы, и снова возвратился в Египет. Пройдя Африку, он достиг Рима, отсюда пришел в Медиолан[4249], и потом Фотикин, где поставил епископов и пресвитеров. Удалившись в Британию[4250], он прожил здесь долгое время, привлекши многие народы к вере Христовой. В Британии святому Апостолу Петру было явление Ангела, сказавшего ему:

– Петр! Приблизилось время твоего отшествия из этой жизни. Тебе должно идти в Рим, где, претерпевши крестную смерть, ты получишь достойное воздаяние от Христа Господа.

Возблагодарив Бога, святой Петр после явления остался на несколько дней в Британии, утверждая церкви, поставляя епископов, пресвитеров и диаконов. В двенадцатый год правления Нерона он прибыл в Рим и поставил, как помощника в церковном управлении, епископом Климента, хотя последний и отказывался, не желая возлагать на себя такое иго. Вняв увещаниям Апостола, Климент, как послушный сын, преклонил свою выю под Христов ярем и вместе с учителем своим и прочими священными мужами влек колесницу Слова Божия. И многие в Риме благородные и знатные мужи и жены просвещались верою и святым крещением. Были же у царя Нерона две жены, замечательной красоты, которых он любил более всех прочих своих наложниц. Приняв святую веру, они решили вести целомудренную жизнь и не хотели повиноваться похотным желаниям царя. Он же, бесстыднейший и ненасытимый блудник, разгневался за это на всю церковь верных, а особенно на Апостола Петра, – виновника обращения ко Христу помянутых жен, начавших целомудренную жизнь, (вспомнил царь и смерть любимого друга Симона волхва) и начал искать святого Петра для смертной казни. Вышеупомянутый церковный историк Егезипп сообщает, что когда святого Петра искали для убиения, верные просили его, ради пользы многих, скрыться, – удалиться из Рима. Апостол никак не соглашался на это, желая лучше за Христа страдать и умереть; верующие же с плачем умоляли Апостола сохранить

жизнь свою, столь нужную святой Церкви, обуреваемой среди неверных волнами бед. Склонившись на слезные мольбы всего словесного стада, святой Петр дал обещание скрыться из города, и в следующую ночь, простившись со всеми после соборного моления, удалился один. И когда он был у городских ворот, то увидел идущего ему навстречу в город Господа Иисуса Христа; поклонившись ему, святой Петр спросил:

– Куда идешь, Господи?

– Иду в Рим, чтобы снова распяться, – ответил ему Господь и стал невидим.

Изумленный Апостол понял, что Христос, страдающий в рабах Своих, как в Своих действительных членах, хочет и в его теле пострадать в Риме. Поэтому он опять возвратился к верным и был взят воинами на смерть. Святой Метафраст говорит, что святой Петр был взят не один, а с множеством верных, среди коих находились: Климент, Иродион, Олимп; их мучитель осудил на усекновение мечом, а святого Апостола Петра – на распятие. Взявши осужденных, воины повели их на место казни; Климента, как родственника царского, они пощадили, отпустив на свободу; Иродиона же и Олимпа, пришедших в Рим с Апостолом Петром, вместе с многими верующими убили мечом. Святой же Петр молил своих распинателей, чтобы распяли его вниз головой, почитая этим Господа своего, на кресте распявшегося волею, – он не хотел уподобляться Ему в образе распятия, желая под ноги Его преклонить свою голову. Так скончался великий Апостол Господень, святой Петр, прославив Бога крестною смертью: терпя великую муку от гвоздей в руках и ногах, он предал непорочную душу свою в руки Божии 29 июня[4251]. Ученик его, святой Климент, испросив тело Апостола, снял его со креста, спрятал и, созвав оставшихся верных и святителей, похоронил с честью; также предали честному погребению тела и пострадавших с ним Иродиона, Олимпа и прочих верных, славя Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Житие, подвиги и страдание святого славного и всехвального верховного Апостола Павла

Память 29 июня

Святой Апостол Павел, прежде апостольства называемый Савл[4252], по происхождению был еврей, от племени Вениаминова; родился он в Тарсе Киликийском, от родителей знатных, живших прежде в Риме, потом переселившихся в Тарс Киликийский[4253], с почетным званием римских граждан, поэтому и Павел назывался римским гражданином. Он приходился сродником святому первомученику Стефану и (вероятно вместе с ним) послан был родителями в Иерусалим для изучения Моисеева закона; там он был в числе учеников славного в Иерусалиме учителя Гамалиила. Товарищем по учению и другом его был Варнава, ставший потом Апостолом Христовым. Савл основательно изучил закон отцов, сделался великим приверженцем его и присоединился к партии фарисеев (строгих ревнителей всего отечественного и наружно благочестивых).

В то время в Иерусалиме и в окрестных городах и странах святые Апостолы распространяли благовестие Христово; причем у них часто происходили долгие споры с фарисеями и саддукеями (отвергавшими предание и не верившими в бессмертие души) и со всеми книжниками и законоучителями иудейскими, которые постоянно ненавидели и преследовали проповедников Христовых. Ненавидел святых Апостолов и Савл, и даже слушать не хотел той проповеди о Христе, издевался над Варнавою (уже ставшим апостолом Христовым), и произносил хулу на Господа Христа. А когда святой первомученик Стефан был побиваем камнями от иудеев, Савл не только не сожалел о родной ему крови, невинно проливаемой, но и одобрял убийство и сторожил одежды иудеев, поражавших Стефана. После того, испросив себе полномочие от архиереев и старейшин иудейских, он еще с большею яростью терзал церковь (собрание верных), входя в дома и схватывая мужчин и женщин, отсылал их в темницы. Не

удовлетворяясь гонением верных в Иерусалиме и продолжая дышать угрозами и убийством на учеников Господа, он отправился и в Дамаск[4254], с письмами первосвященника к синагогам, чтобы и там, кого найдет из верующих в Христа, и мужчин и женщин, связав приводить в Иерусалим. Это происходило в царствование Тиверия[4255].

Когда Савл приближался уже к Дамаску, вдруг осиял его свет с неба (так внезапно, сильно и ослепительно, что он упал на землю), и в то же мгновение услышал голос, говоривший ему: «Савл, Савл! Что ты гонишь меня?» Он же полный изумления, спросил: «Кто Ты, Господи?» Господь же сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь, трудно тебе идти против рожна»[4256]. Савл в трепете и ужасе спросил: «Господи, что повелишь мне делать?» И Господь сказал: «Встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать» (Деян.9:4–6).

В ужасе были и воины, шедшие с Савлом и, пораженные необыкновенным светом, стояли в оцепенении: голос, говорящий к Савлу, они слышали, а никого не видели.

По повелению Господа, Савл встал с земли и с открытыми глазами своими никого не видел: ослепли телесные его очи, но начали прозревать очи духовные.

Проводники и помощники Савла повели его за руку и привели в Дамаск; там он пробыл три дня, ничего не видя, и в чувстве раскаяния не ел и не пил, и только непрестанно молился, чтобы Господь открыл ему волю Свою.

В Дамаске же был святой Апостол Анания[4257], которому Господь, явясь в видении, повелел отыскать Савла, жившего в доме некоего мужа, по имени Иуды, и просветить телесные его очи прикосновением, а душевные – святым крещением.

Апостол отвечал: «Господи! Я слышал от многих об этом человеке, сколько зла сделал он святым Твоим[4258] в Иерусалиме; и здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое». Но Господь сказал ему: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое»[4259].

Святой Анания, отправясь по повелению Господню и отыскав Савла, возложил на него руки: и тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, вдруг он прозрел и, встав, принял крещение и исполнился Духа Святого, посвящающего его в апостольское служение, и переименован был из Савла в Павла, и немедленно начал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий[4260].

И все слышавшие удивлялись (этой перемене в мыслях гонителя Церкви Христовой) и говорили:

– Не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие? Да и сюда за тем пришел, чтобы вязать их и вести к первосвященникам? (Деян.9:21)

А Савл более и более укреплялся в вере и приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, доказывая им, что Сей есть Христос (т.е. обетованный Мессия). Иудеи, наконец, воспылали на него гневом, согласились убить его и сторожили у ворот городских день и ночь, чтобы он не убежал от них. Ученики же Христовы, бывшие в Дамаске с Ананием, узнавши о совещании иудеев, решивших убить Павла, взяли его и ночью в корзине спустили из окна дома, примыкавшего к городской стене. Он же, вышедши из Дамаска, не тотчас направился к Иерусалиму, но прежде пошел в Аравию[4261], как сам о том пишет в послании к Галатам: «Я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром» (Гал.1:16–18).

Пришедши же в Иерусалим, Павел святой старался присоединиться к ученикам Господа, но те опасались сего, не веря, что и он уже ученик Господень. Святой же Апостол Варнава, увидев его и убедившись в обращении его ко Христу, обрадовался и, взяв его за руку, привел к Апостолам, и Павел рассказал им, как он на пути видел Господа, и что сказал ему Господь, и как он – Павел – в Дамаске смело проповедовал во имя Иисуса. И святые Апостолы исполнились радости и прославили Господа Христа. Павел же святой и в Иерусалиме о имени Господа Иисуса состязался с иудеями и еллинистами[4262]

и доказывал им, что Иисус есть предсказанный пророками Христос.

Однажды, стоя в церкви и молясь, Павел неожиданно и непроизвольно пришел в исступление[4263] и увидел Господа. Господь сказал ему: «Поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что [здесь] не примут твоего свидетельства о Мне». Павел же сказал: «Господи! Им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его». И сказал ему Господь: «Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам» (Деян.22:18–20). После этого видения, Павел святой, хотя и желал еще несколько дней пробыть в Иерусалиме, утешаясь свиданием и беседою с Апостолами, но не мог: иудеи, с коими он спорил о Христе, разъярились и хотели убить его. Узнав о сем, иерусалимские христиане проводили его в Кесарию[4264] и оттуда морем отправили в Тарс (на его родину), где он и пробыл некоторое время, проповедуя соотечественникам слово Божие.

Сюда же потом, по внушению Святого Духа, пришел Варнава и взял Павла с собою в Антиохию Сирийскую, зная о назначении его быть Апостолом язычников; проповедуя здесь целый год в синагогах, они многих обратили ко Христу и назвали их христианами[4265]. По прошествии же года, оба святые Апостолы, Варнава и Павел, возвратились в Иерусалим и рассказали святым Апостолам то, что произвела благодать Божия в Антиохии, и весьма обрадовали Христову церковь в Иерусалиме[4266]. При этом они принесли обильную милостыню от доброхотных жертвователей в Антиохии, в пользу живших в Иудее братий нищих и убогих[4267], так как в то время, в царствование Клавдия[4268], был великий голод, предсказанный, по особенному откровению Святого Духа, святым Агавом, одним из 70 Апостолов[4269].

Вышедши из Иерусалима, Варнава и Павел опять пришли в Антиохию. Когда они пробыли здесь некоторое время в посте и молитвах, в служении Божественной литургии и в проповедании Слова Божия, благоугодно было Святому Духу послать их к язычникам на проповедь[4270]. Дух Святой сказал к старейшинам

в Антиохийском собрании: «Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их» (Деян.13:2). Тогда пресвитер, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустил их[4271].

По внушению Святого Духа, Варнава и Павел пришли в Селевкию[4272] и оттуда отплыли в остров Кипр (на родину Апостола Варнавы). Здесь, бывши в Саламине[4273], проповедовали Слово Божие в синагогах иудейских и прошли весь остров даже до Пафа[4274], где нашли они некоего Елима (волхва) лжепророка иудеянина, именем Вариисуса, который находился при тамошнем проконсуле Сергие Павле, муже разумном и, как видно, имел влияние на него. Проконсул, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать от них Слово Божие и внимал их проповеди. А Елима волхв, противляясь им, старался отвратить проконсула от веры. Святой же Павел, исполнившись Духа Святого и устремив взор на волхва, сказал: «О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! Перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого» (Деян.13:10–11).

И вдруг напал на волхва мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого.

Тогда проконсул, увидев происшедшее, вполне уверовал, дивясь учению Господню. Уверовало с ним и много народа, и увеличивалось собрание верных.

Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию, что в Памфилии, из Пергии в Антиохию Писидийскую[4275]. Здесь они проповедовали о Христе, и когда уже многих привели к вере, то завистливые иудеи подстрекнули начальных в городе людей, приверженных к язычеству и, с помощью их, изгнали Апостолов святых из города и окрестностей его.

Апостолы, отрясши здесь прах от ног своих, пошли в Иконию[4276] и, пребывая там довольно времени, смело проповедовали и привели к вере великое множество иудеев и

язычников, не только проповедью, но и знамениями и чудесами, которые совершались руками их; там они обратили и святую деву Феклу и уневестили ее Христу. А неверующие иудеи возбуждали язычников и начальников их воспротивиться Апостолам и побить их камением. Узнав о сем, Апостолы удалились в Ликаонские города – Листру и Дервию – и в окрестности их[4277].

Благовествуя в Листре, они исцелили некоего человека, который был хром от чрева матери своей и никогда не ходил; именем Христовым они воздвигли его на ноги, и он тотчас встал и стал ходить. Народ, увидев это чудо, возвысил свой голос, говоря по ликаонски: «Боги в образе человеческом сошли к нам» (Деян.14:11). И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием[4278], и приведя волов и принеся венки, хотели принести Апостолам жертвы. Но Варнава и Павел (услышав о сем) разодрали свои одежды и, подойдя к народу, громко говорили: «Мужи! Что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки» (Деян.14:15). И предложили к ним слово о Едином Боге, Который сотворил небо, и землю, и море, и всё, что в них, и посылает с неба дожди и времена плодоносные, и исполняет пищею и веселием сердца людей. И говоря сие, они едва убедили народ не приносить им жертвы. В то время, как они пребывали в Листре и учили, пришли некоторые иудеи из Антиохии и Иконии и убеждали народ отстать от Апостолов, дерзко говоря, что они не говорят ничего истинного, а всё лгут, и еще на худшее возбудили легковерных, ибо Павла святого, как главного проповедника, побили камнями и вытащили за город, считая его уже умершим.

Он же (при помощи верующих), поднявшись, вошел опять в город, а на другой день удалился с Варнавою в Дервию. Проповедав Евангелие в сем городе и приобретши довольно учеников, они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников и умоляя их пребывать в вере. Рукоположив им пресвитеров к каждой церкви, они помолились, соблюдая пост, и предали их Господу, в Коего уверовали.

Потом, прошедши через Писидию, пришли в Памфилию[4279], и проповедав слово Господне в Пергии, сошли в Атталию[4280], а

из нее отплыли в Антиохию Сирскую, откуда первоначально были посланы Духом Святым проповедовать язычникам слово Господне. И прибыв в Антиохию, собрали верных, и рассказали всем, что сотворил Бог с ними, и сколько народа языческого приведено ко Христу.

Спустя некоторое время между веровавшими иудеями и еллинистами в Антиохии возник спор относительно обрезания: одни говорили, что невозможно спастись без обрезания, другие считали обрезание тяжелым для себя делом. Поэтому оказалось нужным Апостолу Павлу с Варнавою идти в Иерусалим к старейшим Апостолам и пресвитерам – спросить у них мнения касательно обрезания и при этом известить их, что Бог отверз дверь веры язычникам; сею последнею вестью они весьма обрадовали всю братию Иерусалимскую.

В Иерусалиме, на соборном совещании, святые Апостолы и пресвитеры совершенно устранили ветхозаветное обрезание, как ненужное при новой благодати, и заповедали только – воздерживаться от идоложертвенной пищи, от блудных дел и чтобы ничем не обижали ближнего, и с этим решением отпустили из Иерусалима в Антиохию Павла и Варнаву, а с ними Иуду и Силу.

Пришедши в Антиохию, Апостолы пробыли там довольно времени и опять отправились к язычникам, разлучась друг от друга: Иуда возвратился в Иерусалим; Варнава, взяв с собой Марка, сродника своего, направился в Кипр; а Павел, избрав Силу, пошел в Сирию и Киликию, и проходя тамошние города, утверждал верных. Пришедши в Дервию и Листру, он обрезал в Листре Тимофея, ученика своего, чтобы только утолить ропот иудействующих христиан[4281] и взял его с собою. Оттуда отправился во Фригию и Галатийскую страну, потом пришел в Мисию и думал было идти в Вифинию[4282], но это не угодно было Духу Святому[4283]. Ибо когда Павел находился со своими спутниками в Троаде[4284], было ему ночью следующее видение: какой-то муж, по виду македонянин, стал пред ним и умолял его, говоря: «Приди в Македонию и помоги нам» (Деян.16:9). Из этого видения Павел понял, что Господь зовет его на проповедь в Македонию. И отплыв из Троады, прибыл на остров

Самофраки, на другой день в Неаполь[4285], оттуда в Филиппы, ближайший город Македонии, бывший колонией римлян. В Филиппах он прежде всего научил Христовой вере и крестил женщину Лидию, торговавшую багряницею (тканями и одеждами багряного или красного цвета); она упросила его поселиться с учениками своими в ее доме.

Однажды, когда Павел шел с учениками в собрание на молитву, встретила его какая-то служанка, одержимая нечистым духом прорицательным, которая прорицаниями доставляла большой доход господам своим. Идя за Павлом и его спутниками, она кричала, говоря: «Сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (Деян. 16:17).

Это она повторяла много дней.

Павел, вознегодовав[4286], обратился к ней и, запретив духу именем Иисуса Христа, изгнал его из нее.

Тогда господа ее, видя, что потеряна надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повели их к начальникам города, говоря: «Сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять» (Деян.16:20–21).

Воеводы, сорвав с Апостолов одежды, велели бить их палками и дав им много ударов, ввергли их в темницу. Здесь, около полуночи, когда Павел и Сила молились, потряслась темница, отворились все ее двери, и узы ослабели. Увидев это, сторож темницы уверовал во Христа, привел Апостолов в дом свой, там омыл раны их, немедленно крестился сам со всем домом своим и предложил им трапезу. И Апостолы опять возвратились в темницу.

На другой день начальники города одумались, что они жестоко наказали невинных людей, и послали служителей в темницу с приказанием отпустить Апостолов на свободу, – пусть идут, куда хотят.

Но Павел сказал к ним: «Нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет, пусть придут и сами выведут нас» (Деян.16:37).

И посланные, возвратясь, пересказали слова Павла воеводам, воеводы испугались, что узники, коих они избили, оказались римскими гражданами; и пришедши к ним, упросили их выйти из темницы и из города. Они же, вышедши из темницы, пришли сначала в дом Лидии, у которой прежде жили, и обрадовали собравшихся там верных. Простившись с ними, отправились в Амфиполь и Аполлонию и оттуда в Солунь[4287].

В Солуни, когда они уже многих приобрели благовестием, завистливые иудеи, собрав несколько негодных людей, устремились к дому Иасона, где пребывали Апостолы Христовы. И не найдя там Апостолов, схватили Иасона и некоторых братьев и повлекли их к начальникам города, клевеща на них, как на противников Кесаря, которые признают царем другого – именно Иисуса. И едва освободился Иасон от этой напасти.

А святые Апостолы, успев скрыться от этих враждебных людей, ночью вышли из Солуни и пришли в Берию[4288]; но и там злобная зависть иудейская не дала покоя святому Павлу; когда солунские иудеи узнали, что и в Берии проповедано Павлом Слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ и подстрекая его против Павла. Вынужден был Апостол святой и оттуда уйти, не из личной боязни смерти, но по настоянию братии, да сохранит жизнь свою, ради спасения многих, и братия отпустили его к морю. Спутников же своих Силу и Тимофея – Апостол оставил в Берии, чтобы утвердили в вере новообращенных, так как он знал, что иудеи только его одного головы ищут. Сам же он сел в корабль и отплыл в Афины[4289].

В Афинах Павел возмутился духом при виде идолов, наполнявших сей город, и скорбел о погибели стольких душ. Он стал толковать в синагогах с иудеями и ежедневно на площадях с греками и философами их. Слушатели привели его в Ареопаг (так называлось место, где при идольском храме производился общественный суд). Привели же его туда отчасти для того, чтобы выслушать от него в бывшем собрании что-то новое, а отчасти и для того (как думает Златоуст святой), чтобы предать его суду, мукам и смерти, если услышать от него что-нибудь достойное казни.

Павел же святой, еще прежде увидев в городе какой-то жертвенник, на котором было написано: «неведомому богу», начал свою речь по этому поводу и стал проповедовать им Истинного Бога, доселе неведомого им, говоря: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян.17:23).

И начал сказывать им о Боге – Создателе всего мира, и о покаянии, и о суде, и о воскресении мертвых.

Услышав о воскресении мертвых, одни из слушателей насмехались, а другие еще более об этом хотели услышать. И вышел Павел из собрания их не осужденный, как невиновный ни в чем: а Слово Божие, проповеданное им, было не без пользы для приобретения душ: ибо некоторые мужи, пристав к нему, уверовали во Христа; между ними был Дионисий Ареопагит и некая знатная женщина, по имени Дамарь, и другие многие, крестились.

Оставив Афины, Павел пришел в Коринф[4290] и жил там у некоего иудеянина, по имени Акилы; сюда пришли к нему и Сила с Тимофеем из Македонии и вместе проповедовали о Христе. Был же Акила со своею женою Прискиллою ремеслом шатерник; Павлу было знакомо это ремесло, и он работал вместе с ними, и трудом своим приобретал пищу себе и спутникам, как сам об этом говорит в послании к Солунянам: «Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас» (2Фес.3:8). И опять: «Нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян.20:34).

А во всякую субботу убеждал в синагогах иудеев, доказывая, что Иисус есть Христос. Но так как они упорно противились и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал им: «Кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам» (Деян.18:6).

И когда он решил уйти из Коринфа, явился ему Господь в видении, ночью, и сказал: «Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе» (Деян.18:9–10).

И оставался Павел в Коринфе год и шесть месяцев, поучая Слову Божию иудеев и греков, и многие уверовали и

крестились, и сам начальник синагоги, Крисп, уверовал в Господа со всем домом своим и крестился. А некоторые, из не уверовавших иудеев напали целой толпою на Павла и привели его пред судилище к проконсулу Галлиону (который был братом философа Сенеки[4291]), но он отказался судить Павла, говоря: «Если бы от него была какая-нибудь обида, или злой умысел, то я имел бы основание выслушать вас и судил бы его; а в споре вашем об учении и о законе вашем, не хочу быть судьей»

И прогнал их от судилища. После этого Павел святой, пробыв там еще довольно дней, простился с братиями и отплыл в Сирию с бывшими при нем. За ним последовали и Акила с Прискиллою, и на пути все остановились в Ефесе[4292]. Там, проповедуя слово Господне, много чудес сотворил святой Апостол Павел, и не только руки его являлись чудотворными, исцеляя одним прикосновением всякий недуг, но и платки его и головные повязки, напитанные потом тела его, имели ту же чудотворную силу: ибо, будучи полагаемы на больных, тотчас исцеляли их и изгоняли нечистых духов от людей. Видя это, некоторые из скитающихся иудейских заклинателей дерзали призывать имя Господа Иисуса над имеющими злых духов, говоря: «Заклинаем вас Иисусом, которого Павел проповедует». Но злой дух отвечал им: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?»

И бросался на них человек, в котором был злой дух, и одолев их, получал над ними такую силу, что бил их и ранил, так что они едва нагие могли убежать от руки бесноватого. Сие сделалось известным всем ефесским иудеям и еллинам, и страх напал на всех их, и славимо было имя Господа Иисуса, и уверовали в Него многие. И даже из тех, которые занимались чародейством, очень многие, по принятии святой веры, собрали свои волшебные книги, и сосчитавши цены их, нашли, что они стоили 50 тысяч драхм[4293], и всенародно сожгли все книги. Так сильно возрастало и возмогало слово Господне.

Павел же готовился идти в Иерусалим и говорил: «Побывав там, я должен видеть и Рим» (Деян.19:21).

Но в это время произошел не малый мятеж в Ефесе от серебряников, делавших модели храма Артемиды. По

укрощении мятежа, Павел святой, пробыв в Ефесе 3 года, отправился в Македонию, оттуда пришел в Троаду, где пробыл семь дней.

В первый же день недели, когда верные собрались для преломления хлеба, Павел повел к ним долгую беседу, так как намеревался уйти от них в следующий день, и продолжал ее до полуночи в горнице, освещенной множеством светильников. Среди слушателей один юноша, именем Евтих, сидя на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись сонный, упал вниз, с третьего жилья (этажа), и его подняли без чувств. Святой Павел, сошедши, пал на него и обняв его, сказал: «Не тревожьтесь, ибо душа его в нем» (Деян.20:10).

И снова Павел взошел в горницу; привели юношу живого и немало утешились. Павел беседовал еще довольно, даже до рассвета, и простившись с верующими, ушел оттуда.

Пришедши в Милит[4294], Павел послал в Ефес – призвать к нему пресвитеров церковных, ибо сам не хотел зайти туда, чтобы не замедлить ему в пути, так как он спешил, чтобы в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме.

И когда пресвитеры ефесские собрались к Апостолу, он произнес к ним поучительное слово и между прочим сказал: «Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян.20:28). И предсказал им, что по отшествии его войдут к ним лютые волки, не щадящие стада. Сказал им о предстоящем путешествии: «И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса» (Деян.20:22–24). Потом он произнес: «И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы» (Деян.20:25). Тогда немалый плач был у них. Падая на выю Павла, они целовали его, особенно скорбя от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до

корабля. Он же, дав всем последнее целование, пустился в путь.

И пройдя многие города и страны, как у берегов моря, так и на островах, и везде посетив и утвердив верных, пристал в Птолемаиде[4295]; оттуда пришел в Кесарию Стратонову[4296], и поселился в доме святого Апостола Филиппа.

Сюда к святому Павлу пришел однажды пророк, именем Агав, и взяв пояс Павла, связал свои руки и ноги, и сказал: «Так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников» (Деян.21:11).

Когда братия услышали это, то стали со слезами просить Павла, чтобы он не ходил в Иерусалим; но Павел в ответ сказал им: «Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деян.21:13).

И замолчали братия, сказавши: «Да будет воля Господня!»

После этого святой Апостол Павел пошел в Иерусалим с учениками своими (в числе коих был и Трофим ефесянин, из язычников обратившийся ко Христу) и радушно был принят святым Иаковом и всем собранием верных[4297].

В это время пришли из Асии[4298] в Иерусалим на праздник Пятидесятницы иудеи, которые постоянно были врагами Павла и везде возбуждали против него мятеж. Увидевши Павла в городе и с ним Трофима ефесянина, они пожаловались на Павла первосвященникам иудейским и книжникам и старцам, что он разоряет закон Моисеев, не велит обрезываться, везде проповедует распятого Иисуса, и друг друга подстрекали против Павла, чтобы схватить его. А когда они увидели святого Павла, в праздник, в храме Соломоновом, то вдруг придумали клевету на него, возмутили весь народ и бросились возложить на него руки, крича: «Мужи Израильские, помогите! Это тот человек, который повсюду учит против народа, закона и места сего (храма), наконец, и язычников ввел во храм и осквернил святое место сие» (они думали, что Павел и Трофима ввел во храм).

При этих криках весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; мятежники, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и поспешно затворили двери: они

хотели убить Павла, но не в храме, чтобы не осквернить святого места.

В это время до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился. Он, немедленно собрав воинов и сотников, поспешил ко храму; мятежники, увидев тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла. Тогда тысяченачальник взял его и велел сковать двумя железными цепями; потом стал допрашивать, кто он, и что сделал?

Народ же кричал к тысяченачальнику, чтобы он предал смерти Павла. Но вследствие шума и разнородного говора в народе, начальник нисколько не мог дознаться, в чем именно виноват Павел, и повелел отвести его в крепость. Множество же народа последовало за начальником и воинами, крича, да будет убит Павел. Когда дошли до высшего крыльца, ведущего в крепость, Павел просил тысяченачальника, чтобы он позволил ему сказать несколько слов к народу; тот позволил. И Павел, остановясь на ступенях, обратился к народу и громко заговорил по-еврейски, говоря: «Мужи братия и отцы! Выслушайте теперь мое оправдание перед вами» (Деян.22:1).

И начал рассказывать им о своей прежней ревности по закону Моисея, и как на пути в Дамаск он был осиян небесным светом, и как видел Господа, посылавшего его к язычникам.

Но народ, не желая более его слушать, стал кричать, обращаясь к тысяченачальнику: «Истреби от земли такого! Ибо ему не должно жить!»

Крича таким образом, они метали одежды и бросали пыль на воздух, увлекаясь яростью, и настаивали убить Павла. Тысяченачальник приказал ввести его в крепость и распорядился было бичевать его, чтобы выпытать от него: за какую вину так озлобился на него народ? Но когда привязали Павла к столбу ремнями, он сказал стоявшему при нем сотнику:

– «Разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда?» (Деян.22:25)

Услышав сие, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря:

– Смотри, что ты хочешь делать! Этот человек – римский гражданин.

Тогда тысяченачальник подошел к Павлу и спросил:

– Скажи мне, ты римский гражданин?

Он сказал:

– Да.

Тысяченачальник смущенно проговорил:

– Я за большие деньги приобрел это гражданство.

И тотчас освободил его от оков.

На другой день тысяченачальник повелел прийти первосвященникам и всему синедриону и поставил пред ними Павла святого.

Павел, устремив взор на синедрион, сказал:

– Мужи братия! Я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня (Деян.23:1).

Первосвященник же Анания при этих словах приказал стоявшим пред ним бить Павла по устам…

Тогда Павел сказал ему:

– Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня[4299] (Деян.23:3).

Заметив же, что в собрании одна часть саддукеев, а другая фарисеев, Павел возгласил, говоря:

– Мужи братия! Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят (Деян.23:6).

Когда он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось: ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа, а фарисеи признают и то и другое. Поднялся большой крик. Фарисеи говорили:

– Ничего худого мы не находим в сем человеке.

Саддукеи же утверждали противное, и великая распря продолжалась.

Тысяченачальник, опасаясь, чтобы собрание не растерзало Павла, приказал воинам взять его из среды их и отвести в крепость.

В следующую за сим ночь святому Павлу явился Господь и сказал:

– Дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме

(Деян.23:11).

С наступлением дня некоторые из ожесточенных иудеев собрались на совещание и поклялись не есть и не пить до тех пор, пока не убьют Павла. И оказалось более сорока душ, произнесших такое заклятие. Узнав об этом, тысяченачальник отослал Павла, с большим отрядом вооруженных воинов в Кесарию, к правителю Филиппу.

Проведав о сем, первосвященник Анания со старейшими членами синедриона отправились и сами в Кесарию и клеветали правителю на Павла, хулили его пред правителем и усильно домогались смерти его, но ни в чем не успели, ибо не найдено было в нем никакой вины, достойной смерти. Однако же правитель, желая доставить удовольствие иудеям, оставил Павла в узах.

Прошло два года. На место Филиппа правителем поступил Порций Фест. Архиереи просили его, чтобы он отослал Павла в Иерусалим. А это затеяли они с злым умыслом: на дороге они надеялись убить Апостола Христова. И когда Фест спросил Павла, хочет ли он идти в Иерусалим на суд, Павел отвечал: «Я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева» (Деян.25:10–11).

Тогда Фест, поговорив с советниками, отвечал Павлу:

– Ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься.

Спустя несколько дней, в Кесарию пришел царь Агриппа[4300] поздравить Феста и, узнав о Павле, пожелал его видеть. И когда Павел, представ царю Агриппе и правителю Фесту, подробно рассказал им о Христе Господе и о том, как он уверовал в Него, царь Агриппа сказал ему:

– Ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином.

Павел же отвечал:

– Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз (Деян.26:29).

После этих слов, царь, правитель и бывшие с ними встали; отшедши в сторону, совещались между собою и решили:

– Этот человек не сделал ничего достойного смерти или уз.

Агриппа же сказал Фесту:

– Можно было бы освободить его, если бы он не потребовал суда у кесаря.

Таким образом решили отправить Павла в Рим к кесарю и отдали его и некоторых других узников сотнику царского полка, именем Юлию; а сей, приняв узников и Павла, посадил их на корабль, и все пустились в плавание.

Плавание их было весьма не безопасно, вследствие противных ветров; когда же они подплыли к острову Криту и вошли в место, называемое «хорошие пристани», Павел святой, провидя будущее, советовал перезимовать там с кораблем; но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла. Когда они отплыли на средину моря, поднялся против их ветер бурный, сделалось великое волнение и пал такой туман, что целых 14 дней они не видели ни солнца днем, ни звезд ночью, и даже не знали, в каком они месте, потому что их носило волнами, и они в отчаянии не ели во все эти дни и уже ожидали смерти. На корабле же было 276 человек. Павел, став посреди их, утешал их, говоря:

– «Мужи! Надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы этих затруднений и вреда. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: «не бойся, Павел! Тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою». Поэтому ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано» (Деян.27:21–25).

И уговаривал Павел всех принять пищу, говоря:

– «Это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы» (Деян.27:36).

Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога пред всеми и, разломив, начал есть. Тогда все ободрились и также приняли пищу.

Когда же настал день, увидели землю, но не узнавали, что это за сторона, и направили корабль к берегу. Приближаясь к нему, корабль попал на косу и сел на мель; нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн. Воины совещались между собою перебить всех узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал; но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения и велел умеющим плавать – первым броситься и выйти на берег; а на них смотря, и другие стали плавать, одни на досках, другие – на чем пришлось из корабельных вещей, и все вышли на землю здоровыми и спаслись из моря.

Тогда узнали, что остров сей называется Мелит[4301]. Жители его, иноплеменники, оказали им немалое человеколюбие, ибо, по причине бывшего дождя и холода, они разложили огонь, чтобы обогрелись промокшие на море.

Между тем Павел набрал множество хвороста и клал на огонь; в это время ехидна, вышедши от жара, повисла на руке его. Когда иноплеменники увидели висящую на руке его змею, они говорили друг другу:

– Верно, этот человек убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить.

Но Павел, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. Они было ожидали, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым, но ожидая долго и видя, что с ним не случилось никакой беды, переменили мысли и говорили, что он – Бог.

Начальник того острова, именем Публий, принял спасенных от моря в дом свой и три дня дружелюбно угощал их. Отец его в это время лежал, страдая горячкою и болью в животе. Павел вошел к нему, помолился ко Господу и, возложив руки свои на больного, исцелил его. После этого события и прочие на острове больные приходили к святому Апостолу и были исцеляемы.

Через три месяца все спасшиеся от моря с Апостолом отплыли отсюда, уже на другом корабле и приплыли в Сиракузы[4302], оттуда в Ригию, потом в Путеолы[4303] и, наконец, достигли Рима. И когда братия, бывшие в Риме, узнали о приходе Павла, то вышли навстречу ему даже до Аппиевой

площади и трех гостиниц[4304]. Увидев их, Павел утешился духом и возблагодарил Бога.

В Риме же сотник, сопровождавший узников из Иерусалима, передал их военачальнику, а Павлу позволил жить особо с воином, стерегущим его.

И жил Павел в Риме целых два года, и принимал всех приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе нашем Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно.

Доселе о житии и трудах Павловых из книги Деяний Апостольских, написанной святым Лукою; о прочих же трудах и страданиях его сам он рассказывает во 2 послании к Коринфянам следующим образом (в сравнении с другими, он был): «более в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях» (2Кор.11:23–26).

Измерив широту и долготу земли хождением, а моря плаванием, Апостол Павел изведал и высоту небесную, будучи восхищен до третьего неба. Ибо Господь, утешая Своего Апостола в многоболезненных трудах, подъемлемых ради Его святого имени, показал ему небесное блаженство, которого око никогда не видело, и слышал он там неизреченные глаголы, которых человеку нельзя пересказать.

Как же совершил Апостол святой прочие подвиги своего жития и деятельности, повествует Евсевий Памфил, епископ Кесарии палестинской, историк церковных событий[4305].

После двух лет узничества в Риме, святой Павел был отпущен на свободу, как ни в чем неповинный, и проповедовал слово Божие то в Риме, то в других западных странах.

А святой Симеон Метафраст[4306] пишет, что после римских уз еще несколько лет трудился Апостол в благовестии Христовом: вышедши из Рима, он прошел Испанию, Галлию и всю Италию, просвещая язычников светом веры и от прелести идольской обращая ко Христу. Когда он был в Испании, одна

благородная и богатая женщина, услышавши о проповеди апостольской о Христе, пожелала видеть самого Апостола Павла и уговорила своего мужа Проба, да умолит Апостола святого прийти в дом их, чтобы они могли радушно угостить его. И когда Павел святой вошел в дом их, она взглянула на лицо его и увидела на челе написанные золотом слова: «Павел Христов Апостол». И увидев сие (чего никто другой не мог видеть), она пала к ногам Апостола с радостью и страхом, исповедуя Христа истинным Богом и прося святого крещения. И первая она принесла крещение (имя ей Ксантиппа), потом и муж ее Проб, и весь дом их, и начальник города Филофей, и многие другие там крестились.

Пройдя все сии страны на Западе, озарив их светом святой веры, и провидев приближающуюся страдальческую свою кончину, святой Апостол опять возвратился в Рим, откуда писал к ученику своему Тимофею святому, говоря: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный» (2Тим.9:6–8).

О времени страдания святого Апостола Павла неодинаковы известия у церковных историографов. Никифор Каллист[4307] во 2-й книге своей истории, в 36 главе, пишет, что святой Павел пострадал в один год и в один день со святым Апостолом Петром, за волхва Симона, которого одолеть он помогал Петру. Другие же сказывают, что спустя целый год по смерти Петра пострадал Павел в тот же 29 день месяца июня, в который за год пред сим был распят святой Петр. Причиной смерти Павла приводят то, что он проповедью Христовой увещевал девиц и женщин к целомудренной чистой жизни. Впрочем в этих известиях нет большого разногласия: ибо в житии Петра святого (по Симеону Метафрасту) говорится, что Петр святой пострадал не тотчас после погибели Симона волхва, а по прошествии нескольких лет, из-за двух любимых Нероном наложниц, которых Апостол Петр обратил ко Христу и научил жить целомудренно. А так как и Павел святой жил в Риме и окрестных странах в то же время, когда и Петр, что легко могло

быть и то и другое, т.е. что Павел святой помогал Петру святому и на Симона волхва, во время первого своего пребывания в Риме, и пришедши в Рим во второй раз, опять с Петром святым единодушно служил спасению людей, наставляя мужчин, и женщин целомудренной чистой жизни. И таким образом святые Апостолы возбудили ярость нечестивого и развратной жизнью жившего царя Нерона[4308], который, осудив их обоих на смерть, казнил Петра, как иностранца, распятием, а Павла, как римского гражданина (которого нельзя было предать бесчестной смерти), усечением главы, если не в один и тот же год, то в один и тот же день. Когда усечена была честная глава Павлова, от раны истекла кровь с молоком. Верные же, взявши святое тело его, положили в одном месте с святым Петром.

Так скончался избранный сосуд Христов, учитель народов, всемирный проповедник, самовидец небесных высот и райских доброт, предмет удивления Ангелов и человеков, великий подвижник и страдалец, претерпевший и на своем теле язвы Господа своего, святой верховный Апостол Павел, и вторично, уже кроме тела, вознесен до третьего неба и предстал Троичному Свету, вместе с другом и сотрудником своим, святым верховным Апостолом Петром[4309], перейдя из церкви воинствующей в церковь торжествующую, при радостном благодарении, гласе и восклицании празднующих, и ныне они славят Отца и Сына и Святого Духа, единого в Троице Бога, Которому и от нас грешных воссылается честь, слава, поклонение и благодарение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Апостолов первопрестольницы, и вселенныя учителие, владыку всех молите мир вселенней даровати и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Твердыя и боговещанныя проповедатели, верх апостолов твоих Господи, приял еси в наслаждение благих Твоих и покой; болезни бо онех и смерть приял еси паче всякаго всеплодия, едине сведый сердечная.

Собор святых славных и всехвальных двенадцати Апостолов:

Память 30 июня

Петра (житие 29 июня Зеведеева (30 апреля Варфоломея (11 июня Иакова Алфеева (9 октября (10 мая

Праздник весьма древний. Свидетельства о нем встречаются уже в IV веке.

Страдание святых мучеников Космы и Дамиана

Память 1 июля

После плотского прославления на земле Владыки Христа Бога нашего повсюду стали известными, как весьма удивительное дело, подвиги святых Христовых мучеников; ибо в них проявилась сила Спасителева; для всех было изумительным высказанное святыми мужественное сопротивление мучителям своим и непобедимое терпение. К числу таковых мучеников принадлежали и сии, родившиеся в Древнем Риме от одного отца и матери и воспитанные в правилах христианского благочестия, – братья по плоти – святые страстотерпцы Косма и Дамиан, о которых предстоит наше слово.

Научившись врачебному искусству, сии святые братья успешно исцеляли всякие болезни, и им содействовала во всем благодать Самого Бога. На каких бы больных людей или скотов ни возлагали они свои руки, те немедленно становились совершенно здоровыми. Сии искусные целители ни от кого не брали вознаграждения за исцеления, за что и были прозваны «безмездными врачами». Только одной самой драгоценной награды требовали они от исцеляемых, – веры во Христа. И действительно не только в самом Риме, но и в окрестных городах и селениях, которые они обходили с целью исцеления недужных, они многих обращали ко Христу. Помимо благодати исцеления, они благодетельствовали людям и щедрым подаянием. У них было большое, собранное предками и перешедшее к ним от родителей имущество, которое они продавали, раздавали нищим и нуждающимся; они питали алчущих, одевали нагих; одним словом, они оказывали милосердие всем бедным и неимущим. Когда они исцеляли больных, то обычно они говорили им так:

– Мы только возлагаем на вас руки, и ничего не можем сделать нашею собственною силою, всё же совершает всемогущая сила Единого истинного Бога и Господа Иисуса

Христа; если вы уверуете в Него и не усомнитесь, то немедленно сделаетесь здоровыми.

И действительно те, веруя, получали выздоровление.

Таким образом ежедневно многие, отвращаясь от идолопоклоннического нечестия, присоединялись ко Христу.

Жилище этих святых врачей находилось в одном римском селении (где было имение их родителей). Имея здесь свое местопребывание, они просвещали святою верою все окрестности.

Между тем диавол, завидуя такой, просиявшей добродетелями, жизни святых, возбудил некоторых своих прислужников отправиться к царю и оклеветать пред ним неповинных. В это время в Риме царствовал Карин[4310]. Сей последний, послушавши клеветников, немедленно послал воинов в то селение, в котором проживали святые, с приказанием схватить безмездных врачей Косму и Дамиана и привести их к нему для допроса.

Когда воины царские дошли до селения, в котором жили святые, и стали расспрашивать здесь о Косме и Дамиане, то верующие собрались к святым и умоляли их укрыться куда-нибудь на короткое время, пока минует их гнев царский. Но святые не только не послушались этого совета, но наоборот намеревались самовольно выйти к отыскивавшим их воинам, желая с радостью пострадать за имя Христово. Когда же к ним собрались многие верующие и слезными мольбами увещевали их сохранить свою жизнь не ради себя, но ради спасения других, то святые, – хотя и против воли, – повиновались им. Тогда верующие, взявши святых, сокрыли их в некоей пещере.

Между тем воины, тщательно отыскивая всюду святых и не находя их, от гнева и досады, схватили некоторых благочестивых мужей из того селения, возложили на них оковы и повели их в Рим.

Узнав о сем, святые Косма и Дамиан немедленно вышли из пещеры и с поспешностью побежали по следам воинов; нагнавши последних на дороге, они сказали им:

– Отпустите невинных, а нас возьмите, ибо мы – те самые, которых вам приказано взять.

Таким образом воины, отпустивши тех мужей, возложили оковы на святых Космy и Дамиана и повели их в Рим. Здесь святые были заключены в оковах в темницу, в которой находились до утра. С наступлением утра, царь воссел пред народом на обычном судилище, которое находилось на месте отведенном для зрелищ; приказав представить пред собою святых узников Космy и Дамиана, царь громко сказал им:

– Это вы противоборствуете богам отцов наших и какою-то волшебною хитростью безмездно исцеляете болезни у людей и скотов, соблазняя простых людей отступать от отеческих богов и законов? Но хотя теперь, оставьте свое заблуждение и послушайтесь моего доброго совета; приступите, принесите жертву богам, которые до сего времени долго терпели вас. Боги, будучи обижены вами, не воздали вам злом за зло, – хотя и могли воздать, – но терпеливо ожидали вашего обращения к ним.

Святые же угодники Христовы как бы едиными устами отвечали царю так:

– Мы не соблазнили ни одного человека; мы не знаем никакой волшебной хитрости, никому не причинили никакого зла, но излечиваем болезни силою Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, как заповедал Он, говоря: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте» (Мф.10:8). Делаем же мы сие безмездно, потому что так завещал Спаситель, Который сказал: «Даром получили, даром давайте» (Мф.10:8). Ведь мы требуем не имений, но ищем спасения душ человеческих и служим нищим и немощным как Самому Христу, ибо Он присваивает Себе те попечения, которые совершаются ради первых, вещая к благодетелям: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф.25:35–36). Сии заповеди Его мы стараемся исполнять, надеясь получить от Него награду в бесконечной жизни Небесного Царствия. Поклоняться же признаваемым тобою богам мы никогда не согласимся. Поклоняйся им ты и те, кто согласен с тобою! Мы же хорошо знаем, что они не боги. Если же ты, царь, желаешь, то мы

предложим тебе добрый совет, дабы ты познал Единого истинного Бога, Творца всех, «ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф.5:45), – для наших потребностей во славу Своего превеликого имени: отступивши от бесчувственных и бездушных идолов – служи Ему!

Император Карин отвечал на сие святым так:

– Я не витийствовать призвал вас, но принести жертву богам.

– Мы приносим, – Отвечали святые, – бескровную жертву – души наши – Единому нашему Богу, избавившему нас от сети диавола и давшему Своего Единородного Сына за спасение всего мира. Сей наш Бог не созданный, но Создатель всех, а твои боги суть измышления человеческие и дела рук ремесленников и, если бы не существовало среди людей ремесла, производящего вам богов, вы не имели бы кому поклоняться!

– Не раздражайте вечных богов, – сказал Карин, – но лучше принесите жертвы и поклонитесь им, если не хотите подвергнуться уже приготовленным для вас мукам.

– Да будешь посрамлен ты, Карин, с твоими богами, – сказали, исполнившись Святого Духа рабы Христовы. – Так как ум твой отвращается от всегда сущего и вовеки живущего Бога и обращается к бесчувственным и никогда не существовавшим идолам, то пусть для твоего посрамления и для того, чтобы ты своим собственным опытом понял, что Бог наш всемогущ, – пусть изменится лице твое на твоем теле и свернется с своего места!

В то время как святые произносили сии слова, внезапно переменилось лицо у Карина и свернулась шея его таким образом что лице его очутилось на его плечах и он не мог повернуть своей шеи, да и помочь ему никто не мог. Таким образом он сидел на троне с искривленною шеею и лицом. Между тем смотревший на сие народ, громогласно взывал:

– Велик Бог христианский и нет другого Бога кроме Него!

В то время многие уверовали во Христа и умоляли святых врачей исцелить царя. Последний и сам умолял их о том же,

говоря:

– Ныне я поистине знаю, что вы рабы Бога истинного. Итак, я умоляю вас, – так как вы уврачевали уже многих, – то исцелите и меня, дабы и я уверовал, что нет другого Бога, кроме проповедуемого вами, сотворившего небо и землю.

– Если ты, сказали ему на сие святые, – познаешь даровавшего тебе жизнь и царство Бога и уверуешь в Него всем сердцем своим, то Он исцелит тебя.

– Я верую в Тебя, – громогласно произнес царь, – Господи Иисусе Христе, истинный Боже, помилуй меня и не помяни моего первого неведения!

В то время как царь произносил сии слова, выпрямилась шея его, лицо стало на свое место, как было сначала, и он, вставши с своего места, возвел очи свои на небо и, воздевши руки, воздал вместе со всем народом благодарение Богу, сказав так:

– Благословен Ты, Христе, истинный Боже, приведший меня посредством этих святых рабов Твоих от тьмы к свету.

Получив таким образом исцеление, царь почтил дарами святых рабов Косму и Дамиана и отпустил их с миром.

Выйдя из Рима, святые направились в свое селение. Жители как сего селения так и окрестных селений, услыхавши обо всем, что сделано было в Риме святыми, вышли навстречу угодникам Божиим и приняли их с радостью, веселясь и прославляя Владыку Христа. Святые, между тем по своему обыкновению снова обходили окрестные города и селения, исцеляя недуги и просвещая всех святою верою, а затем снова возвращались в свое селение. Ненавистник же рода человеческого – диавол, не успев повредить святым своими первыми кознями и не возмогши истребить их из числа живых людей, придумал другое средство. В той стране был один весьма известный врач, у которого первоначально учились врачебному искусству и сии святые Косма и Дамиан. Его-то и научил враг рода человеческого, не терпевший славы угодников Божиих, – позавидовать святым. Призвавши с лестью к себе святых, он повлек их как бы с целью собирания врачебных растений, на гору, затаив между прочим в своем сердце

Каинову мысль[4311]. Заведя далеко святых, он устроил так, чтобы каждый собирал растения отдельно. Затем, напавши сначала на одного, побил его камнями, а потом таким же образом погубил и другого; после всего, взяв тела святых, он сокрыл их при находившемся там колодце[4312].

Таким образом святые страстотерпцы Христовы безмездные врачи Косма и Дамиан, восприняли кончину жизни своей и сподобились мученических венцов от Христа Господа Спаса нашего, Которому воссылается честь и слава со Отцом и Святым Духом ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Память преподобного отца нашего Петра

Память 1 июля

Преподобный Петр родился и был воспитан в Константинополе. Он происходил от славных и богатых родителей. Отец его, по имени Константин, – был саном патриций[4313] и занимал должность полководца. С юности усердно занимаясь науками, сей Петр в особенности хорошо изучил философию, а также изучил и все светские науки. Достигнувши затем мужеского возраста, он вступил в брак и, после кончины своего отца, – унаследовал почетный его патрицианский сан. Он был назначен патрицием в царствование благочестивой царицы Ирины и сына ее Константина[4314]. Когда же на императорский престол вступил Никифор[4315] и у греков началась война с болгарами, тогда Петр был назначен императором главным начальником над всеми полками и отправился с воинами против болгар. Во время происходившей затем великой войны сначала греки победили болгар, а затем, – по Божественному попущению, болгары, оправившись от понесенного поражения, жестоко разбили греков и умертвили самого императора их Никифора.

В это самое время был захвачен болгарами и блаженный Петр с пятьюдесятью греческими князьями и, приговоренный к мучениям и смерти, содержался в темнице. И вот когда он усердно молился Богу о своем избавлении, среди ночи явился ему святой Иоанн Богослов, возлежавший на персях Христовых, освободил его из заключения и привел его в Рим. С того времени Петр посвятил всего себя на служение Богу; убедившись в ничтожестве всего земного, удалился в Олимпийскую гору[4316]; приняв здесь ангельский образ, он подвизался вместе с Иоанникием Великим, преуспевая во всякой добродетели.

Проживши здесь тридцать четыре года, Петр, после того как уже умерла его супруга и сын, прибыл в Константинополь. Здесь он прежде всего некоторое время прожил при устроенной им церкви, именовавшейся Евандрийской. Затем, удалившись в

уединенное безмолвное место, устроил себе здесь небольшую келью, в которой и прожил восемь лет, нося на теле колючую власяницу и во все годы постнической жизни не обувая ног. Он страшно истощил себя постом, бдением и прочими иноческими подвигами.

Подвизаясь так добродетельно и богоугодно, преподобный Петр почил о Господе и был сопричтен к лику преподобных, прославляющих Отца и Сына и Святого Духа вовеки. Аминь.[4317]

Страдание святого мученика Потита

Память 1 июля

В царствование императора Антонина[4318], когда повсюду было поднято гонение на христиан, в Сардинии[4319] проживал некий муж, придерживавшийся идолопоклоннического нечестия, по имени Гилас. У него был единственный сын, тринадцатилетний отрок, по имени Потит. Потит был вразумлен премудростью Бога, – совершающего Себе хвалу «из уст младенцев» (Пс.8:3), – и просвещен благодатью Святого Духа настолько, что познал Творца своего и Ему Одному приносил свои молитвы и поклонения, бездушных же идолов гнушался. Умея читать книги, Потит нашел христианские Божественные Писания и прочитавши их, исполнился духовной премудрости и разума. Удалившись тайно от отца к христианам, он принял святое крещение и отвращался от мерзостных идольских жертвоприношений. Гилас, отец Потита, заметив, что сын его не воздавал поклонения идолам, весьма опечалился и начал с нежностью увещевать его вместе с ним принести жертву богам.

– Отче, – отвечал Гиласу на сии увещания святой отрок, – ты говоришь мне не добрые речи, приказывая принести жертву бесам! Если ты любишь меня, твоего сына, действительно отечески, то и советуй мне то, что спасает, а не губит душу. Я желаю, дабы и ты, познавши истину, отвратился от скверного заблуждения и стал служить Единому на небесах живущему и всё содержащему Богу, – Творцу всей твари!

Отец, разгневавшись, заключил его в отдельную комнату и отдал приказание, дабы никто из домашних не осмеливался давать отроку ни хлеба, ни воды.

– Посмотрим, – пригрозил он, – подаст ли тебе пищу и питие Бог твой, Которого ты почитаешь!

Между тем святой отрок Потит, преклонивши колена, молился Богу, говоря так:

– «Вступись, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною» (Пс.34:1). Я желаю служить Тебе, Господу моему Иисусу Христу, изволившему снизойти с небес

на землю ради спасения рода человеческого. Призри на молитву смиренного раба Твоего и укрепи меня в алчбе, как укрепил Ты ввергенного в львиный ров пророка Твоего Даниила. Ты сказал в святом Евангелии Своем: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся… Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф.5:6,10). Итак, не оставь и меня, заключенного здесь и томимого голодом и жаждою за правду Твою!

Святой пробыл в том заключении много дней, томимый от отца голодом и жаждою, от Бога же укрепляемый духовною пищею и напояемый благодатию Святого Духа, так что лицо его сияло как солнце. Веселясь о Господе, он говорил: Благодарю Тебя, Владыка, что Ты благоизволил насытить меня, недостойного раба Твоего, Твоими духовными благами, которых желают тем сильнее, чем больше получают. Молю также Тебя, Боже благой и милосердный, Боже Ангелов и Архангелов, не желающий смерти грешника, но хотящий да обратится он и будет жив, – услышь меня вопиющего к Тебе всем сердцем о моем родителе: даруй ему познание Твоей истины и разумение веры; отверзи ему ум, дабы познать ему Тебя, Творца своего и послужить Тебе одному, а не еллинскому многобожию. Пусть не порадуется о нем враг рода христианского – диавол, но да прославится на нем Твоя всемогущая сила, наставляющая к спасению заблуждающихся.

Когда святой молился в таких словах, ему явился Ангел Господень, укрепивший его и сказавший:

– Ты получишь то, что просишь! Бог, в Которого ты веруешь от всего сердца своего, – всегда с тобою, и ты получишь то, чего просишь у Него. Но знай также и то, что на тебя замыслил козни губитель душ человеческих – диавол. Итак, тебе необходимо воспринять «всеоружие Божие» (Еф.6:11), дабы ты возмог сопротивляться козням его.

Сказавши сии слова, Ангел света удалился.

Между тем святой продолжал молиться к Богу, говоря:

– «Услышь, Господи, голос мой, которым я взываю, помилуй меня и внемли мне» (Пс.26:11).

По прошествии же некоторого времени внезапно в сиянии ложного света явился Потиту Ангел тьмы и сказал ему:

– Вот я пришел к тебе, о незлобивый юноша, дабы ты не изнемогал телом и душою твоею от голода и жажды, но дабы послушался своего отца и с ним насытился яствами. Я, – Христос, смилостивившийся над тобою; видя твои слезы я пришел навестить тебя.

– «Отойди от меня, сатана» (Мф.16:23), враг истины, – отвечал святый отрок Потит обольстителю. – Ты не обманешь раба Божия: не Христос ты, но антихрист.

Сказавши сие, святый стал молиться, говоря:

– Господи Иисусе Христе! Отгони от меня сего скверного врага и ввергни его в бездну, в которую он осужден со своими слугами!

Тогда диавол, измениви притворное Ангельское подобие, сделался громаднейшим великаном, в пятнадцать локтей ростом, а затем снова преобразился в огромного вола и зарычал страшным голосом. Святой же, оградивши себя знамением креста, сказал ему:

– Перестань, злобный дух, искушать Христовых воинов! Ты не сможешь устрашить искупленного силою креста!

И диавол исчез немедленно, но голос его слышался издалека, говорящий:

– О какой молодой отрок побеждает меня! Увы, где же мне почить теперь? На кого испущу я стрелы мои? Если я подступаю к старику, то и тогда я не столь легко побеждаюсь им, как сим отроком. Но отправлюсь и войду в единственную дочь императора Антонина и на ней покажу силу мою! Против тебя же, Потит, я возбужу царя, и научу его погубить тебя в страшных мучениях!

– Враг, – отвечал святой Потит, – каковым бы мучениям ни подвергали меня, – я повсюду одержу над тобою победу, одержу победу не я, – но Господь мой Иисус Христос!

Потом диавол убежал, взывая:

– Горе мне, потому что я побежден отроком!

После этого отец Потита Гилас, выведя его из заключения, сказал ему:

– Чадо, принеси жертву богам, ибо император повелел, дабы всякий, не приносящий жертв богам, был предаваем смерти после страшных мучений, или был отдаваем на съедение зверям. Я страдаю за тебя, так как ты у меня единственный сын; я не хочу потерять своего наследника.

– Каким богам следует мне, – спросил святой, – принести жертвы, дабы мне знать их по именам?

– Да разве ты не знаешь, – сказал отец, – бога Зевса[4320], Арея[4321] и Минерву[4322]?

– Со дня рождения моего, – отвечал отрок, – я никогда не слыхивал, чтобы сии были богами, но – идолами. О отче, если бы ты знал, сколь велик Бог христианский, Который, смиривши Себя, спас нас, – то ты уверовал бы в Него, ибо Он есть Единый истинный Бог, сотворивший небо и землю, все же прочие боги суть языческие бесы.

– Откуда у тебя сии речи, которые ты произносишь? – спросил Гилас.

– Моими устами говорит Тот, Кому я служу, – отвечал святой, – ибо Он сказал в Своем Евангелии: «Не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Мф.10:19).

– Разве ты не боишься мучений, дитя мое? – спросил Гилас. – Что ты будешь делать тогда, когда будешь отведен к правителю, который предаст тебя лютым мучениям?

– О отче, – отвечал улыбнувшись святый отрок, – безумное слово произнес ты! Искупитель душ наших Господь мой Иисус Христос, – Он укрепит меня, раба Своего. Разве ты, отец, не знаешь того, что именем Господним Давид, безоружный юноша, убил камнем сильного Голиафа[4323] и, извлекши у него меч, обезглавил его?

– В надежде на Бога своего готов ли ты перенести все страдания? – спросил Гилас.

Святой отвечал:

– Верую, что Творец мой, Отец и Сын и Святой Дух, Единый Бог в Троице, даст мне силу не только мужественно перенести все мучения, но и умереть за Него безбоязненно. И ты, отец, уверуй в Бога, о Котором я говорю тебе, и тогда ты спасешься.

Ведь те боги, которым ты ныне кланяешься, суть ничтожество и никогда никого не спасли и не смогли ничего сделать. Да и какая польза кланяться бездушной меди, камню, дереву, которые, когда упадут на землю, не смогут подняться, но разбиваются на части и, будучи разбиваемы, не издают голоса, так как они немы и бесчувственны. Теми именами, которыми вы называете своих идолов, в древности именовались сквернейшие и беззаконнейшие люди, занимавшиеся бесовским волхвованием и предававшиеся разного рода злодеяниям, – достойные всякого наказания. Государственные законы таковых осуждают и предают смертной казни и в настоящее время. Окаянные души тех ваших богов в настоящее время непрестанно мучаются в вечном, никогда не угасающем огне ада. В том же самом огне бесконечно будут мучиться и те, которые ныне служат идолам тех богов. Наш же, – вовеки живущий Бог, – всё направляет к благой цели, управляет всеми видимыми и невидимыми тварями, владычествует над небесным и земным. Он поистине прославит в Своем Небесном Царствии верующих в Него и верно служащих Ему. Впрочем, и на земле Он также делает славными имена их, обогащая их чудесною благодатью, силою которой они творят знамения и чудеса. Ибо Он говорит: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк.16:17–18).

Слушая такие речи, Гилас изумился и сказал:

– Я познал теперь, что христианский Бог, изрекающий устами сего отрока, чего раньше я не слыхивал, – есть истинный Бог. Если бы в отроке не было некоей Божественной силы, то он не мог бы от своего сердца произносить этих слов. Но, как я вижу, устами моего сына говорит Сам Бог.

Вздохнув и зарыдав, Гилас сказал:

– Горе мне грешному! Юный отрок, мой сын, гораздо разумнее меня старика. Он еще в детском возрасте познал истинного Бога, а я, состарившись годами, до сего времени не знал Его. Но теперь я верую сердцем и исповедую устами, что

нет другого Бога, кроме Бога христианского, как нет и подобного Ему!

Таким образом Гилас, уверовавши во Христа, под руководством своего сына, святого отрока Потита, воспринял святое крещение. Святой Потит, подражая трудам апостольским, после крещения своего отца, удалился из своего отечества – Сардинии, пришел в область, именовавшуюся Эпир[4324] и там проповедовал имя Христово. Отсюда затем он пришел в город Валерию. Здесь находилась некая женщина по имени Кириакия, супруга сенатора Агафона, тяжко страдавшая проказою, и ни один врач не мог вылечить ее от болезни. Придя к дверям ее дома, святой Потит сел здесь как нищий. Случайно из того дома вышел евнух; святой Потит обратился к нему с просьбой дать ему испить воды.

– Сюда ли пришел ты просить воды? – сказал святому евнух.

– Я жажду, – отвечал святой, – не столько воды из сего дома, сколько спасения душ, дабы на сем доме была явлена благодать Господа моего Иисуса Христа.

Евнух, удивившись словам святого, спросил его:

– Откуда ты, отрок, и как тебя зовут?

– Я, как и ты, – отвечал святой Потит, – рожден от земли; мое имя Потит; я раб Владыки моего Господа Иисуса Христа, Спасителя верующих в Него душ человеческих и Целителя телесных недугов. Он очищал прокаженных, восставлял от одра расслабленных, просвещал слепых и одним словом Своим воскрешал мертвых.

– Если ты раб Его, – спросил евнух, – то можешь ли ты исцелять прокаженных?

– Где будет вера, – отвечал святой, – там будет и исцеление, ибо Владыка мой, Христос Господь по вере дарует всякому просящему у Него.

– Можешь ли ты исцелить от проказы нашу госпожу? – спросил евнух.

– Если она уверует во Христа, Бога моего, то будет здорова, – отвечал святой.

– Если ты исцелишь ее, – заметил евнух, – то будешь господином всех ее имений.

– Я не желаю, – отвечал на сие святой, – ни серебра, ни золота, ни имущества ее, но желаю лишь обратить душу ее ко Христу, Богу моему.

После этого евнух сообщил обо всем госпоже своей, и святой Потит был введен к ней. Входя в ее спальню, святой сказал:

– Да будет дому сему мир Господа моего Иисуса Христа!

– Умоляю тебя, исцели меня, – сказала святому Кириакия, – если только можешь исцелить.

– Уверуй в проповедуемого мною Бога и приими святое крещение, – отвечал святой, – и тогда будешь здорова.

– Научи меня, как веровать, – сказала женщина.

После этого святой стал поучать ее о Христе Боге, указывая ей истинный путь спасения. Выслушав его, женщина сказала святому:

– Я верую, что нет иного Бога, кроме Того, о Котором ты говоришь мне, и надеюсь, что Он исцелит меня; ты же поступай так, как желаешь.

Тогда святой Потит, склонив колена, стал со слезами молиться:

– Господи Иисусе Христе, Царь Ангелов, Спаситель человеческих душ! Ты сказал ученикам Своим: «Прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте» (Мф.10:8): услыши, Владыка, и меня, раба Твоего, и исцели сию женщину; да будет явлена благодать Твоя на ней, дабы язычники знали, что Ты – Бог истинный и нет иного Бога кроме Тебя.

Помолившись такими словами, святой назначил день для крещения.

И вот, когда женщина вошла в купель и крестилась, она тотчас очистилась от проказы и вышла из купели совершенно здоровой, имея тело как у молодого юноши[4325]. Увидев сие, муж Кириакии Агафон и все его домашние уверовали во Христа и крестились. И много граждан, почти до половины города, – взирая на них, – приняли святую веру и благословляли Бога, говоря:

– Поистине через отрока сего, выведшего нас из тьмы идолослужения, узрели мы великий свет.

– Вот, вы узрели величие Божие, – говорил им на сие святой Потит, – так теперь соблюдайте заповеди Его и вы получите спасение вечное!

Потом удалившись из города того, святой Потит отправился на пустынную гору, прозывавшуюся Гаргара, и там жил со зверями как с овцами, ибо, по Божественному повелению, звери повиновались ему и следовали за ним.

В то время вселился бес в дочь императора Антонина Агнию, и сильно мучил ее. Император, весьма опечалившись, молился за дочь богам своим, давая им обеты и говоря так:

– Боги: Аполлон[4326], Зевс, Арфан, исцелите дочь мою и я приведу вам в жертву волов с позолоченными рогами!

Бес же устами девицы взывал, говоря:

– Я до тех пор не уйду отсюда, пока не придет сюда Потит, живущий на горе Гаргара.

Тогда император немедленно послал одного из своих сановников по имени Геласия с сорока воинами на ту гору отыскать Потита.

Отправившись туда и придя в пустыню Гаргарскую, посланные нашли раба Христова, сидевшего на горе, и увидели множество зверей, окружавших святого. Воины пришли в великий страх и хотели бежать, ибо звери повернулись к ним, намереваясь кинуться на них. Но святой запретил зверям, сказав:

– Разойдитесь по своим местам, и никому не причиняйте вреда.

И тотчас звери разошлись.

Тогда святой сказал Геласию:

– Для чего ты пришел на меня с таким воинством?

– Ты ли Потит? – спросил Геласий святого.

– Я грешный раб Господа моего Иисуса Христа, – отвечал святой.

– Император Антонин требует тебя, – продолжал Геласий, – отправляйся к нему с нами.

– Для чего может потребоваться, – возразил святой, – нечестивому императору христианин?

Но воины, взяв святого, привели его в Рим к императору. Последний спросил его:

– Какого ты рода?

– Я христианин, – отвечал святой, – и родители мои христиане.

– Разве ты не знаешь наших императорских указов, – спросил Антонин, – по которым всякий, не поклоняющийся нашим богам, предается смерти?

– Да я того и желаю, дабы умереть за Христа Бога моего, – отвечал святой.

– До меня дошел о тебе слух, – продолжал император, – будто ты можешь исцелить дочь мою, и если ты сделаешь это, то я окажу тебе многие почести.

– Почему же ее не исцелят твои боги? – возразил святой императору.

– Как осмеливаешься ты с такою дерзостью говорить мне? – спросил император.

– Если я исцелю твою дочь, – отвечал Потит Антонину, – станешь ли ты веровать в Бога, в Которого я верую?

Царь обещался уверовать.

– Я знаю, – сказал тогда святой, – что твое сердце закоренело в нечестии и ты не станешь веровать, но сделаю сие силою Бога моего для предстоящего народа, дабы он видел, веровал и прославил имя Господа Иисуса Христа.

После этого дочь императора была приведена и поставлена пред святым.

– Что, Потит, – сказал тогда диавол святому устами бесноватой, – разве я не говорил тебе, что ты придешь к императору даже и против желания?

Святой, дунув в лицо девицы, сказал бесу:

– Господь мой Иисус Христос, Сын Бога живого, Которому повинуется всякая тварь небесная, земная и преисподняя, запрещает тебе, дух нечистый, и повелевает выйти из сего создания Его. Нет тебе более власти над нею.

С сими словами святой ударил девицу правой рукой по лицу; и тотчас все увидели исходившего из ее уст страшного змея. Выйдя из нее змей исчез. Видя сие, предстоящие исполнились ужаса и говорили:

– Поистине велик Бог сего отрока!

И многие из бывших там уверовали во Христа. Сам император, видя то, удивлялся и говорил:

– О какую великую силу имеет христианское волшебство!

– Безумный царь, – сказал ему на это святой, – горе тебе, – потому что ты, видев величие Божие, не веруешь в Бога!

– Я воздаю благодарность, сказал император, – моим богам, исцелившим дочь мою.

– Ты лжешь, император, – отвечал святой, – не твои боги, но Господь мой Иисус Христос исцелил дочь твою!

– Оставь свои речи, – продолжал император, – принеси жертву моим богам, и я сделаю тебя важным и почтенным среди слуг моих. Я дам тебе золото, серебро и богатство.

Святой Потит отвечал на это:

– Не будет тебе благополучия, император. Ты обещаешь мне всё то, что я считаю прахом земных. Я имею нетленное и несказанное богатство на небесах, которое Господь мой Иисус Христос уготовал всем любящим Его. Твое же золото, серебро и все твои богатства будут сожжены огнем!

– Ты опять начинаешь с дерзостью говорить со мною? – возразил император.

– Да, я не боюсь тебя, – отвечал святой, – ибо Господь мой Иисус Христос силен освободить меня из твоих рук.

– Ты оскорбляешь и позоришь меня, – продолжал император, – но я, щадя твою юность, готов простить сие и советую тебе принести жертву богам, дабы мне не приступить немедленно к мучениям.

– Щади себя самого, – отвечал святой, – ибо страшный ад готовится для тебя, и ты погибнешь сам вместе с твоим царством; ты будешь гореть в огне неугасимом вместе с твоим отцом диаволом.

После этого император, исполнившись гнева и ярости, приказал обнажить и жестоко бить палками святого Потита.

Святой, претерпевая побои, говорил:

– Благодарю Тебя, Господи мой, за то, что Ты сподобил меня пострадать за имя Твое!

– Чего ты желаешь, Потит, – спросил император мученика, – умереть или принести жертву богам, дабы остаться целым и невредимым?

– Каким богам прикажешь ты, – спросил Потит, – принести жертву?

Тогда император, приказав прекратить мучения, спросил Потита:

– Разве ты не знаешь великого бога Зевса, Арфана и Минерву?

Усмехнувшись, святой Потит сказал:

– Посмотрим, какие это боги, и я тогда сделаю так, как ты прикажешь.

Тогда император с радостью повел святого в идольский храм; но тотчас же, как святой помолился здесь Богу Вышнему, идолы пали и разбились на мелкие части. Тогда святой сказал:

– Если они истинные боги, то почему они пали и почему не встают после падения и не оказывают помощи себе самим?.. Познай же, император, как велика сила Бога моего!

Император, преисполнившись стыда и гнева, приказал заковать мученика в тяжелое железо и бросить в темницу.

В то время как святой, заключенный в темницу, молился Богу, к нему явился укреплявший и утешавший его светоносный Ангел. Тяжеловесные железные оковы, бывшие на нем, расплавились как воск; в полночь темница наполнилась светом, и в ней распространилось несказанное благоухание. Стражи, почувствовав благоухание, весьма изумлялись и расспрашивали друг друга, откуда оно исходит. Посмотревши затем в темничное окно, они заметили чудный свет; увидев, что святой освобожден от оков, радуется, восхваляет Бога и беседует с Ангелом, они исполнились страха и ужаса. С рассветом дня они отправились к императору, дабы сообщить ему обо всем. Тогда император приказал устроить место для зрелища; глашатаям же велел возвещать, чтобы к тому месту собирался народ. Когда таким образом собралось много народа,

пришел император и, воссевши на обычном судебном месте, приказал вывести мученика из темницы и представить его к себе на суд. Приведенный к тому месту, мученик оградил себя крестным знамением и с светлым взором предстал пред царем. Между тем Антонин, пылая гневом и грозно взирая на святого, спросил:

– Потит, где, по твоему предположению, находишься ты в настоящее время?

– Я нахожусь на земле Бога моего, – отвечал Потит.

– Ныне наступит твоя погибель, – продолжал император, – и какой бог избавит тебя от руки моей?

– Да исполнится стыда лицо твое, император, потому что пес имеет больше разума. Ведь пес, получив хлеб из чьих-либо рук, ласкается к тому человеку, а ты, получив от Бога моего исцеление твоей дочери, произносишь хулу на Него!

Тогда император приказал повесить святого обнаженным на древе и опалять его свечами, а затем строгать его тело железными когтями. Претерпевая спокойно страдания, как будто не его тело подвергалось мукам, святой поносил императора, говоря:

– Где твои угрозы, император? – Ты похвалялся победить меня мучениями, но я не ощущаю во время мучений никаких страданий. Итак, смотри и уразумевай, что не моему телу, но сердцу твоему доставляют страдания сии мучения, так как я препобеждаю их моим терпением и благодаря им веселюсь еще более.

Пристыженный император еще сильнее воспылал гневом и приказал, снявши мученика с древа, отдать его на съедение зверям. Но звери, выпущенные на святого, подходя к нему, падали пред ним и лизали его ноги, а святой взывал к царю:

– Что теперь ты будешь говорить, скверный мучитель? Ужели доселе не видишь силы Христа, Бога моего?

Тогда император, приказав вернуть назад зверей, сказал палачам:

– Разрубите сего окаянного на части и разбросайте их на съедение псам!

И вот, когда палачи, взявши в руки топоры, стали рубить святого, тогда, – по действию чудесной силы Божией, – плоть святого сделалась столь крепкою, как твердый камень или железо, так что топоры не могли причинить ей никакого вреда, но палачи ранили ими сами себя. Смотревший на сие народ, видя происходившее, пришел в изумление, и многие, – приблизительно около двух тысяч, – уверовали тогда во Христа Господа и взывали, говоря:

– Поистине в сем отроке действует Тот же Бог, Который ранее действовал в пострадавших в сем городе Петре и Павле!

Видя сие и слушая народный голос, мучитель затрепетал и со стоном сердечным сказал:

– О сколь велико волшебство этого скверного христианина!

Затем он приказал приготовить железную сковороду, растопить на ней масло, положить на сковороду мученика и жечь его; велел также растопить олово и поливать им тело мученика. Но святой, как бы находясь в некоем прохладном месте, веселился, славил Бога и говорил императору:

– Заклинаю тебя твоею царскою честью, еще прибавь мне сего растопленного олова, ибо я ощущаю от него весьма большую прохладу!

Император недоумевал, какое бы еще более лютейшее мучение он мог причинить Потиту. И вот, снявши святого со сковороды, он приказал принести длинный железный гвоздь и раскаливши вбить его в голову мученика. В то время как исполнялось сие приказание, по Божественной силе произошло то, что мученик, принявший в голову раскаленный гвоздь, оставался живым, здоровым и безболезненным; между тем как те страдания, которые должен был бы ощущать мученик, обрушились на голову императора и последний, сильно разболевшись головою, взывал к мученику, говоря:

– Раб Христов, помилуй меня и избавь от этой болезни. Ныне познаю я силу твоего Бога!

– Пусть исцелят тебя твои боги, – отвечал святой.

Между тем император не переставая умолял мученика о своем исцелении.

– До тех пор, – сказал тогда мученик, – ты не получишь исцеления, пока не придет сюда твоя дочь, которую Христос мой соделал здравою.

Дочь императора была тотчас же призвана. Припав к ногам мученика, она сказала:

– Умоляю тебя, раб Божий, крести меня во имя твоего Всесильного Бога, Которого ты проповедуешь!

Святой приказал немедленно приготовить купель и в присутствии всего народа сам крестил дочь императора, так как тогда трудно было найти священника, ибо по причине гонения священники укрывались. Затем, после крещения царской дочери, мученик, воздев руки свои, совершил молитву к Богу об исцелении императора и последний тотчас же стал здоровым. Но. – о слепота и безумие идолопоклонническое! – вместо того, чтобы познать истинного Бога и Его благодарить, нечестивый император стал воздавать благодарение своим скверным богам, говоря:

– Благодарю вас, бог Аполлон, бог Марс и богиня Минерва за то, что вы исцелили меня!

Тогда святой стал жестоко укорять императора, обличая его, всецело отдавшегося бесовскому обольщению, в безумии и ожесточении. Император же, разъярившись как бесноватый, приказал вырезать у святого язык и выколоть глаза. Но Христов мученик продолжал говорить и после того как вырезан был у него язык, и прославлял Бога:

– «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс.33:2), благословлю вложившего новую песнь в уста мои и «воспою Господу, облагодетельствовавшему меня» (Пс.12:6). в веселии и радости.

В то же время он говорил императору:

– Чего достиг ты, нечестивый, вырезавши язык мой? Ты надеялся с языком отнять слова из уст моих, но вот ты видишь и слышишь, что я говорю по благодати Христа Бога моего, Который победит тебя, как в древности фараона (Исх.14:1–32).

Тогда император, видя, что он побежден и посрамлен, был в недоумении, что бы еще сделать с мучеником. Желая

избавить себя от укоров со стороны народа, он, наконец, приказал обезглавить мученика мечом.

Таким-то образом святой мученик Христов Потит положил душу свою за Христа в отроческих летах[4327] и ныне царствует с Ним в бессмертной жизни на небесах. Молитвами святого мученика Потита да сподобимся и мы сей блаженной жизни по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом ныне и бесконечные веки. Аминь.

Сказание о положении честной ризы Пречистой Девы Богородицы во Влахернской церкви[4328]

Память 2 июля

В царствование благочестивого византийского императора Льва Великого[4329] и супруги его Верины в Константинополе проживали два благочестивых мужа – саном сенаторы, родные братья Галвин и Кандид. Посоветовавшись между собою, они попросили императора отпустить их в Иерусалим на поклонение святым местам и, получив отпуск, отправились в путь. Достигнув Палестины, они отправились в Галилею, желая побывать в Назарете[4330], увидать святой дом Пречистой Девы Богородицы, в котором Она, – по благовещению Архангельскому и наитию Святого Духа, – неизреченно зачала Бога-Слова. Придя сюда и поклонившись, они остались ночевать в одной небольшой, – находившейся там поблизости, – деревне, так как уже день склонялся к вечеру. По Божественному смотрению, они остановились в доме одной незамужней женщины, преклонной возрастом, родом еврейки, проводившей чистую жизнь. В то время как для них приготовлялась здесь вечерняя трапеза, они заметили внутри жилища отдельную комнату, в которой было зажжено множество свечей, кадился фимиам и исходило ароматное благоухание (ибо там сокрыта была честная риза Пречистой Богоматери). Около той комнаты возлежало также немало больных. Увидев сие, Галвин и Кандид изумились сему странному обстоятельству, предполагая, что там совершалось что-либо из ветхозаветных обрядов. Упросивши затем ту благочестивую женщину разделить с ними вечернюю трапезу, они спросили ее о том, что находится в комнате, освещаемой свечами и благоухаемой кадилами, и зачем около нее лежат больные? Первоначально женщина молчала относительно самого скрываемого у нее предмета, но о происходящих от сего предмета чудесах не могла умолчать и сказала вопрошавшим:

– Честные мужи! Вот, все сии больные, которых вы видите лежащими здесь, – ожидают исцеления своих болезней; ибо на этом месте слепые прозревают, хромые исправляются, бесы из людей изгоняются, глухие получают слух, у немых развязываются языки для речей и здесь скоро исцеляются всякие неизлечимые болезни.

Услыхавши о сем, Галвин и Кандид стали тщательнее расспрашивать женщину, по какой причине была дарована сему месту такая благодать и сила чудотворения? Женщина, всё еще продолжая скрывать истину, отвечала:

– Среди нашего еврейского рода хранится предание, будто на сем месте явился Бог некоему из древних наших отцов и с того-то вот времени сие место исполнилось Божественной благодати и на нем совершаются чудеса.

Внимая словам женщины, Галвин и Кандид еще сильнее воспламенялись сердечным желанием к познанию истины, подобно древним Луке и Клеопе, говорившим: «Не горело ли в нас сердце наше» (Лк.24:32), и сказали женщине:

– Благочестивая жена! Заклинаем тебя Богом Живых открыть нам истину! Ведь мы не по какой-либо другой причине предприняли сюда из Константинополя столь далекий путь, как только для того, дабы видеть все находящиеся в Палестине святые места и вознести на них наши молитвы к Богу. А так как мы слышим, что и в твоем доме находится святое и чудотворное место, то мы желаем относительно его узнать подробнее, каким образом оно освятилось и по какой причине на нем совершаются чудеса?

Тогда, заклинаемая именем Божиим, женщина, вздохнула из глубины души и, испустивши слезы из глаз своих, сказала Галвину и Кандиду:

– Именитейшие мужи! Та Божественная тайна, о которой вы меня вынуждаете сказать сейчас, до настоящего дня никому не была известна. Но так как я замечаю, что вы люди благочестивые и боголюбивые, то я сообщу вам о сокровенной тайне, надеясь, что то, о чем вы услышите от меня, вы сохраните в самих себе, никому не рассказывая. Здесь мною хранится риза родившей Христа Бога Пречистой Девы Марии.

Когда Она преставлялась от земли к небесам, при Ее погребении находилась одна из моих прародительниц – вдовица; ей по завещанию самой Пречистой Богородицы, была отдана та честная риза; она же, получив ту ризу, сохраняла ее у себя с благоговением во все дни жизни своей; умирая, она отдала ризу для хранения одной девице из своего рода, заповедавши ей с клятвою сохранять в чистоте ради чести самой Богородицы не только ту честную ризу Пресвятой Богородицы, но и самое девство свое. Сия девица также сохраняла в большом почете во всю свою жизнь ту ризу; когда же она приблизилась к кончине, то отдала ризу другой чистой и честной девице из своего рода. Таким образом в течение многих лет та святая риза, переходя от одной девицы к другой, дошла и до моих смиренных рук, досталась и мне, состарившейся чистою в незамужней жизни. А так как в моем роде уже не находится такой девицы, которой я могла бы доверить ту тайну, то я рассказываю относительно ее вам, дабы вы знали, что ради той честной ризы, сохраняемой у меня во внутренней комнате, совершаются здесь чудеса. Я умоляю вас никому не рассказывать о сей тайне в Иерусалиме и где-либо в другом месте, где бы вы ни были.

Услыхав о ризе Пречистой Богоматери, Галвин и Кандид преисполнились ужасом и несказанною радостью; они со слезами обещались хранить сказанную им относительно ризы тайну. После этого они упрашивали ту женщину дозволить им пробыть при святой ризе в той комнате в молитве всю ночь, и женщина не запретила им сего.

Тогда, войдя внутрь комнаты, они заметили ковчег, стоявший на почетном месте, в котором находилась святая риза, увидали также горевшие кругом него лампадки и ощутили сильное ароматное благоухание. Затем они начали, усердно поклоняясь, со слезами воссылать Богу и Богородице горячие молитвы. У них обоих была одна мысль, дабы бесценное сокровище досталось царствующему граду. После этого, сговорившись, они вымерили ковчег в ширину, в длину и в высоту и сохранили весь вид его в своей памяти, – а равно также и то, из какого он был сделан дерева. С рассветом дня,

они совершили свои молитвы и вышли из той святой храмины, поблагодарив женщину за дозволение им пробыть всю ночь при честной ризе. Они раздали находившимся там нищим обильную милостыню и отправились, провожаемые той женщиною, в предпринятое ими путешествие к Иерусалиму. Они дали обещание женщине на возвратном пути снова прийти к ней для поклонения честной ризе Пресвятой Богородицы.

Побывавши затем в Иерусалиме, поклонившись животворящему Кресту и Гробу Господню и посетивши все находившиеся в окрестностях Иерусалима святые места, Галвин и Кандид позвали плотника и приказали ему сделать из старого дерева ковчег в точности такого вида и размера, какой они ему указали. После того как ковчег был сделан, Галвин и Кандид купили для него златотканое покрывало и возвратились своей дорогой, держа путь к той женщине.

Когда они прибыли к дому женщины, то показали ей златотканое покрывало, упрашивая женщину покрыть им ковчег честной ризы Пречистой Богоматери. Затем они снова начали просить женщину, дозволить им, как и в первый раз, совершить всенощное с молитвою стояние при ковчеге. Получив разрешение, они пали пред ковчегом лицами на землю и омочили землю слезами, усердно молясь к Пречистой Деве Богородице, дабы Она не возбранила им коснуться к Своему ковчегу с ризою, с целью взять его с собою. Когда наступила уже полночь и все спали, они со страхом взяли ковчег, вынесли его из дома и спрятали в своей колеснице. Вместо же него они внесли в комнату тот ковчег, который наподобие первого сделали они из старого дерева в Иерусалиме; поставивши его на том же самом месте, покрыли его златотканым покрывалом и до рассвета оставались на молитве. С наступлением дня они возблагодарили ту благочестивую женщину, простились с нею и дав милостыню нищим, отправились в путь.

Возвращаясь к себе, они шли поспешно с несказанною радостью. Дойдя до Константинополя, они сначала никому на рассказали о принесенной ризе Пресвятой Богородицы, желая у себя самих скрыть то бесценное сокровище. Устроивши затем в своем доме небольшую церковь во имя святых Апостолов

Петра и Марка, поставили в ней – не на открытом, но в потаенном месте, – тот ковчег со святою ризою. Но когда они заметили, что не могут утаить ризы Богоматери, по причине происходивших от нее чудес, тогда отправились к императору Льву Великому и супруге его царице Верине, и возвестили ему, а равно также и святейшему Константинопольскому патриарху Геннадию[4331] обо всем происшедшем.

Сии последние, исполнившись несказанной радости, отправились в дом Галвина и Кандида и в их церковь. Здесь, открывши тот честный ковчег, увидали в нем святую ризу Пречистой Божией Матери, не истлевшую в течение стольких лет и благоговейно со страхом прикоснулись к ней, любезно лобызая ее устами и сердцем. Затем, взявши ее оттуда, понесли со славою при всенародном торжестве во Влахернскую церковь Пречистой Богородицы и положили там в украшенном золотом, серебром и драгоценными каменьями ковчеге. После этого они постановили ежегодно праздновать во второй день месяца июля положение ризы Пресвятой Богородицы в честь и славу Преблагословенной Девы Марии и родившегося от Нее Христа Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[4332].

Тропарь, глас 8:

Богородице приснодево, человеков покрове, ризу и пояс пречистаго твоего телесе, державное граду Твоему обложение даровала еси, безсеменным рождеством Твоим, нетленна пребывающи; о тебе бо и естество обновляется и время. Темже молим тя, мир граду Твоему даровати, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 4:

Одеяние всем верным нетления, богоблагодатная чистая, даровала еси священную ризу Твою, еюже священное тело Твое покрывала еси, покрове всех человеков. Еяже положение празднуем любовию, и вопием со страхом ти, чистая: радуйся Дево, христиан похвало.

Память святого отца нашего Ювеналия, патриарха Иерусалимского

Память 2 июля

Святой Ювеналий принял престол иерусалимского патриаршества в царствование благочестивого императора Феодосия Младшего[4333]. Во время его патриаршества в Палестине подвизались великие светильники, святые отцы: Евфимий, Феодосий, Герасим Иорданский, которому служил лев, и многие другие. Впрочем, в то время были смуты в Церкви, производимые еретиками. Тогда возникла несторианская ересь[4334], изрекавшая хулы на Пречистую Деву Богородицу, и в городе Ефесе[4335] был созван третий Вселенский собор святых отцов, на котором Ювеналий с святым Кириллом, патриархом Александрийским[4336], и с прочими святыми отцами предал проклятию Нестория и его ересь. После же кончины императора Феодосия, когда на престол вступил Маркиан с Пульхериею[4337], возникла новая ересь – Диоскора и Евтихия[4338], богохульно лгавшая, будто во Христе было одно естество. Тогда в городе Халкидоне[4339] состоялся четвертый Вселенский собор святых отцов[4340], и святой Ювеналий сиял на сем соборе благочестием, среди отцов, как денница посреди звезд, – разгоняя тьму еретического зловерия. Когда же, по окончании собора, Ювеналий возвращался на свою патриаршую кафедру, в Палестину, в образе инока прибыл некий, придерживавшийся евтихианского нечестия, еретик, по имени Феодосий – человек весьма коварного нрава. Последний порицал святой халкидонский собор за то, что будто бы на нем был отвергнут догмат православной веры и возобновлено учение Нестория, и лгал многое другое на Церковь. Этот еретик, как повествует Евагрий[4341], будучи изгнан за свое неверие и злые дела из своего монастыря в Александрии[4342], присоединился к нечестивому Диоскору. Но за свое коварство и злобу Феодосий был наказан жестокими побоями, а потом, как мятежник был посажен на верблюда и с поруганием проведен по городу. Придя после этого в Палестину, он стал возмущать

Церковь, рассевая богохульную ересь. Тогда в Палестине находилась императрица Евдокия, – супруга благочестивого императора Феодосия Младшего, отправившаяся после смерти своего мужа на поклонение святым местам.

Сей еретик Феодосий прежде всего склонил к отрицанию халкидонского собора императрицу Евдокию, а затем своею ересью причинил вред и многим неопытным инокам, соделав их своими единомышленниками. Со множеством обольщенных им иноков он поднял возмущение против патриарха Ювеналия, требуя, чтобы он высказал порицание на собор халкидонский. Но так как Ювеналий не склонялся на сие, то его низложили с престола, и он удалился в Константинополь к императору Маркиану. Между тем еретик Феодосий, имея пособницею императрицу Евдокию и опираясь также на ослепленных ересью иноков, взошел на патриарший престол и причинял многие бедствия православным[4343]. Епископов же и клириков, не желавших иметь с ним общения, он одних низвергал, других предавал мучениям и смерти, разграбляя их имущества и разоряя дома.

Так он поступил со Скифопольским епископом Северианом, не пожелавшим принять его еретического учения. Низложивши Севериана с престола, Феодосий предал его смерти.

Вследствие сего вся Палестина находилась в страшном смущении, а святой город Иерусалим был как бы захвачен и опустошаем варварами. Тогда святые отцы палестинские, скорбя о таком гонении и разорении Церкви, – к тому же и боясь рук мучителя, – скрылись в отдаленнейшие пустыни, слезно молясь Богу об искоренении ереси и скорейшем наступлении мира церковного.

В причте иерусалимской церкви находился тогда некий искуснейший в слове и ревнитель благочестия диакон по имени Афанасий. Видя, что в Церкви на патриаршем месте стоит как мерзость запустения на святом месте (Мф.24:15) еретик лжепатриарх Феодосий, Афанасий придя к нему громогласно воззвал, говоря:

– Перестань, Феодосий, переполнять столькими убийствами святой город! Перестань поднимать брань на Христа и

разбойнически изгонять из Божественной ограды стадо Его!

Лишь только Афанасий сказал эти слова, он немедленно был схвачен Феодосиевыми оруженосцами, вытащен из церкви и после разнообразных мучений и бесчисленных побоев, окончил жизнь свою будучи умерщвлен секирою. Тело же его было влачимо по всему городу на веревке, привязанной к ногам и, наконец, брошено на растерзание псам.

Между тем воевода Дорофей, поставленный императором для управления Палестиной, в это время не был в Иерусалиме, так как находился в войне против моавитян[4344]. Узнавши же обо всём, что происходило во святом городе, Дорофей поспешно вернулся с войском в Иерусалим. Но оруженосцы лжепатриарха Феодосия и императрицы Евдокии по повелению последних заперли пред воеводою городские ворота, не дозволяя ему войти внутрь города; они пустили его не раньше, прежде чем он дал им обещание быть с ними единомышленником в вере. Таким образом сей лжепатриарх Феодосий, возмущая церковь, пробыл на престоле иерусалимского патриаршества двадцать месяцев, до тех пор, пока не пришло от императора к военачальнику приказание схватить его и как мятежника и убийцу отправить на суд в Константинополь. Но заранее узнав об этом приказании императора, Феодосий тайно убежал на Синайскую гору[4345], где скрывался в неизвестности.

Тогда святейший патриарх Ювеналий, пользовавшийся большим уважением в Константинополе у императора Маркиана, Пульхерии и святейшего патриарха Константинопольского за свою добродетель, с соизволения императора отправился в Иерусалим, снова получил патриарший престол и начал приводить в порядок и исправлять всё расстроенное. Пустынные отцы, узнавши о его возвращении, исполнились большой радости и возвратились каждый в свои обители. Императрица же Евдокия, совращенная в евтихианскую ересь упомянутым Феодосием, колебалась умом, не зная, какого исповедания держаться ей. Тогда она послала нарочного в Антиохию к преподобному Симеону столпнику, испрашивая у него полезного совета и наставления. Последний написал императрице письмо, приказывая ей

примириться с святейшим православным патриархом Ювеналием и последовать его благочестивому учению. Императрица немедленно так и поступила и, всенародно отрекшись ереси соделалась общницею Церкви кафолической. Видя сие, обратилось к православию, по примеру императрицы, бесчисленное множество народа, мирян и черноризцев, обольщенных ранее еретиком Феодосием.

После этого святой Ювеналий остальное время своей жизни прожил в мире, украшая святую Церковь словом, жизнью и пастырскою бдительностью. В Прологе записано о нем также следующее.

Когда Маркиан с Пульхерией устроили во Влахерне во имя Пречистой Девы Богородицы церковь, то они писали к святому Ювеналию, спрашивая его: знает ли он, где было положено тело Богоматери? Патриарх ответил, что не знает, однако, напомнил древнее правдивое сказание, о том, как было похоронено тело Богоматери, как святые Апостолы слышали в продолжение трех дней Ангельское пение и как по прошествии трех дней открыли гроб Богоматери, ради одного ученика, не бывшего при погребении, причем не обрели тела Богоматери, но нашли только гробные пелены.

Выслушав сие, император и императрица снова написали к патриарху, упрашивая его, дабы он прислал к ним по крайней мере запечатанную гробницу Богоматери с пеленами, – что патриарх и исполнил.

Святой Ювеналий, потрудившись всего в сане священном тридцать восемь лет[4346], с миром почил и предстоит ныне с небесными иерархами пред престолом славы великого Архиерея Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Страдание святого мученика Иакинфа

Память 3 июля

В царствование императора Траяна[4347] в Риме происходило жестокое гонение на христиан. В то время был издан указ, по которому все, находившиеся под властью римского императора, обязывались приносить жертвы богам, не желавшие же сего делать предавались мучениям.

В это время в царских чертогах проживал один превосходнейший юноша по имени Иакинф, уроженец Кесарии Каппадокийской[4348], имевший двадцать лет от роду. Занимая должность царского постельника, Иакинф всегда находился близ императора. Будучи по вере и по целомудренной жизни истинным христианином, Иакинф в тайне служил Христу Богу, украшаясь чистотою, воздержанием, кротостью и всякими добрыми делами.

Однажды случился какой-то праздник в честь нечестивых идолов; по этому случаю император Траян всенародно приносил жертвы идолам. Прекраснейший же юноша Иакинф не пошел с императором к идольским капищам, но, оставшись во дворце и удалившись в отдельную небольшую комнату, усердно молился здесь единому истинному Богу. Это заметил сверстник Иакинфа, состоявший в том же чине царского постельничего, юноша по имени Уривикий. Подслушавши молитву Иакинфа, Урвикий пошел и донес императору, что Иакинф, нарушая указ императора, молится некоему Иисусу Христу и называет Его Богом.

В это время император Траян вкушал пищу на омерзительном празднестве в присутствии всего народа. Он приказал привести к себе Иакинфа и дал ему идоложертвенное мясо, приказав есть его.

Доблестный воин Христов Иакинф, оградив себя крестным знамением, сказал императору:

– Мне, как христианину, неприлично вкушать осквернённое; я весьма желаю, чтобы и ты, оставив поклонение идолам,

бесовское празднество и свои скверные жертвы, познал истинного Бога и Ему единому служил.

Все вкушавшие яства вместе с императором, а также и предстоявшие ему, удивились такой дерзости юноши Иакинфа и воспылали гневом на него; император же сказал ему:

– Иакинф, молодость твоя делает из тебя гордеца, и ты, недостойный, осмеливаешься учить меня – не служить отеческим богам, но поклоняться какому-то Христу, Которого ни мы не знаем, ни отцы наши не знали!

– Ты не знаешь Его потому, что не достоин познания Его, Бога истинного, сотворившего небо, землю, море и всё, что в них, даровавшего людям светила небесные и создавшего по своему образу человека. Ты справедливо говоришь про себя, что не знаешь Того, Которого и отцы твои, будучи чадами гнева, не знали. Я же рожден и воспитан благочестивыми и христолюбивыми родителями и научен поклоняться и служить Богу моему.

Император разгневался на такой ответ святого и приказал своим слугам бить его по устам.

Поспешно набросившись на Христова мученика, слуги стали жестоко бить его не только по устам, но и по ланитам; когда же он упал на землю, его сильно топтали ногами, говоря:

– Как смеешь ты с дерзостью отвечать императору?

Затем император приказал перестать бить мученика; святой, не будучи в силах подняться вследствие жестоких побоев и попирания ногами, лежал на земле. Между тем Траян приказал насильственно вкладывать в уста святому жертвенные яства. Но святой мученик Христов, крепко стиснув свои уста и зубы, не принимал идоложертвенной скверны. Тогда император приказал сковать святого железными оковами, забить его ноги в колодки и заключить в темницу.

На следующий день утром император, продолжая отправлять вместе с народом тот же скверный праздник, приказал выставить на видном месте все орудия мучений и привести для допроса из темницы мученика Иакинфа. Когда последний был приведен, Траян спросил его:

– Юноша! Подчиняешься ли ты нашему повелению или всё еще продолжаешь упорствовать? Я предвижу, что твой горделивый разум доведет тебя до жесточайших мучений; лучше послушайся меня, принеси жертву богам, если не хочешь погибнуть в жестоких мучениях!

Но раб Христов, пребывая душою и телом тверд как адамант и опираясь на помощь Божию, сказал Траяну:

– Я – христианин, почитаю Христа, поклоняюсь Ему и приношу Ему живую жертву – себя самого. Бесам же твоим я не стану приносить жертву, угрозы твоей не боюсь, ибо я пренебрегаю мучениями, и ты не заставишь меня, раба Христова, принять ваше нечестие; ты не соблазнишь меня к тому, чтобы я из-за маловременной жизни сей оставил жизнь вечную! Делай со мною, что хочешь!

Тогда император, преисполнившись гнева, прежде всего приказал в течение долгого времени бить без пощады распростертого на земле святого юношу, а затем, повесив его на месте мучения, приказал терзать плоть его железными когтями. Страдалец, доблестно претерпевая мучения, взывал к императору:

– Я – христианин, я раб Христа и не отвернусь от Него. Ты же, подвергая меня мучениям за Христа, оказываешь мне благодеяние. Придумай еще более жестокие мучения, ибо я желаю еще сильнее пострадать за Христа, Господа моего, до тех пор, пока, – при помощи Владыки моего Христа, Который помогает всем, призывающим пресвятое имя Его, – я не препобежду твоей жестокости моим терпением!

Между тем наступил седьмой час. Народ, находившийся на зрелище, весьма изумлялся терпению мученика. Тогда император приказал снять святого с позорного столба и, связав, снова отвести его в темницу, строго приказавши сторожам не давать ему никакой другой, кроме идоложертвенной, пищи и пития, дабы, вынужденный голодом и жаждою, он вкусил их. Сторожа строго исполняли повеление императора: ежедневно принося пищу и питье от идольских жертв, они предлагали их святому в темнице. Но, приходя затем наутро следующего дня, они находили всё в целости, так как святой мученик не хотел

даже смотреть на те идоложертвенные яства, как на гнусную мерзость и в течение долгих дней оставался без еды и питья, непрестанно молясь Богу; святой увеселялся духом, как бы пребывая на некоем богатом пиршестве, ибо он был питаем благодатью Святого Духа.

Между тем Траян, посылая слуг, спрашивал сторожей, – вкушал ли Иакинф пищу и питье, приносимые ему от жертв, или нет? Сторожа отвечали:

– Он даже и перстом не касается того, что приносят ему, но оставаясь без пищи и пития, радуется и возносит молитвы Богу своему.

Выслушав сие, Траян разгневался на сторожей, предполагая, что кто-нибудь приносил Иакинфу другую пищу и угрожал сторожам смертью. Но последние клятвенно свидетельствовали, что к святому никто не входил посторонний; они уверяли, что бдительно сторожили темницу, не дозволяя никому даже подходить к ней.

Когда же наступил тридцать восьмой день пребывания мученика в темнице, один из сторожей по обыкновению своему вошел в темницу, неся с собой для предложения мученику идоложертвенное. И вот он увидал в темнице несказанный свет и двух, стоявших близ святого мученика, Ангелов, из которых один покрывал пресветлой одеждой тело святого, а другой возлагал на его голову чудный венец. Увидев сие, сторож весьма испугался и бросив то, что он нес, побежал к императору и сообщил ему, что видел. Император не поверил рассказанному и предположив, что всё это какие-нибудь обольщения, совершаемые волшебством, решил предать страдальца Христова еще более жестоким мукам.

По прошествии двух дней Траян, воссев на публичном судилище, приказал вывести узника из темницы для мучения, сказав:

– Посмотрю как поможет ему Христос, освободит ли Он его из моих рук?

Но когда слуги императора вошли в темницу, то нашли юношу скончавшимся о Господе[4349], увидали также пресветлых Ангелов, принявших вид юношей и стоявших кругом тела; они

держали в руках своих свечи, в то время как темница переполнилась неизъяснимым светом и благоуханием. Объятые страхом слуги выбежали из темницы и сообщили о виденном императору.

Исполнившись стыда и гнева, император послал множество слуг вынести из темницы тело умершего. Последние, войдя в темницу, ничего другого не увидали здесь кроме мертвого тела, которое они и вынесли из темницы. Тогда император приказал вынести за город честное тело мученика и бросить его в пустом месте на съедение зверям, псам и птицам; при сем он приказал сторожам находиться неподалеку, дабы тело святого не взяли отсюда тайно христиане.

Так лежало тело святого мученика в течение долгого времени, не испытывая никакого вреда, ибо его охранял Ангел Божий.

Однажды ночью одному честному пресвитеру, родственнику мученика, по имени Тимофей, явился Ангел и повелел взять тело мученика. Последний, вместе с некоторыми верующими из его дома, с наступлением ночи отправился на то пустынное место. Так как никто не препятствовал ему, он взял святое тело мученика, положил его во внутреннем покое своего дома, обвив оное чистою плащаницею с ароматами. Затем пресвитер ежедневно зажигал при ковчеге с телом святого лампадку и кадил фимиамом.

После этого пресвитер Тимофей, прожив несколько лет и приблизившись к своей кончине, вручил мощи святого мученика некоей честной, святой по жизни и почтенной по возрасту вдове. Последняя, с радостью приняв то бесценное сокровище, хранила его у себя с честью, точно так же ежедневно возжигая кадило и производя каждение; от святых же мощей исходило сильное благоухание и переполняло собою ту храмину. Сия женщина никому ничего не рассказывала относительно мощей святого, так как весь город совершал служение идолам; – лишь сама она день и ночь со слезами молилась при мощах мученика Христова.

По истечении же много времени, когда вдова та приблизилась к кончине, случилось кому-то из знатных мужей

вследствие головной боли лишиться зрения. Больной не видал света в течение целого года и не мог получить никакой помощи от врачей. Святой мученик Иакинф, явившись ему во сне, сказал:

– Человек! Желаешь ли ты вылечиться от болезни своей и исцелиться от слепоты?

– Кто ты, говорящий мне сие? – спросил больной явившегося.

– Я, – отвечал святой, – врач всяких недугов, раб Христов Иакинф.

– Умоляю тебя, – продолжал больной, – возьми всё мое имущество, которым я владею, только дай мне видеть свет, так как, сидя в темноте, я весьма скорблю и страдаю.

– Тебя даром исцелит, – отвечал ему святой Иакинф, – Бог мой, только сделай то, что я прикажу тебе, а именно: отошли на мою родину, в каппадокийский город Кесарию, мое тело, положенное в землю у той вдовы, которая проживает поблизости от тебя; глаза же свои помажь елеем из лампады, горящей при моем ковчеге, – тогда ты прозреешь.

Муж тот, поверивши виденному во сне, встал с одра своего, отправился с провожатым в дом вдовицы и сообщил ей о явлении и повелении мученика. Тогда вдовица, приведя сего мужа во внутренний покой, в котором лежало тело святого, дала ему елея из лампады; когда муж тот помазал свои слепотствующие очи тем елеем, он тотчас же прозрел, но замедлил привести в исполнение приказание святого.

По прошествии некоторого времени, снова мрак покрыл очи его, и он ослеп. Тогда он вновь с провожатым отправился к мощам святого мученика, испрашивая у него исцеления. При входе же в храмину, где почивали мощи святого, он услышал голос, говоривший ему свыше:

– Тот, кто надругался, ныне сам поруган.

Тогда он, упав пред мощами святого, сказал:

– Даруй мне ныне прозрение, угодник Божий, и я немедленно исполню то, что ты мне приказал!

Затем, встав, он снова помазал елеем из лампады очи свои и снова прозрел уже вполне и совершенно, ибо отверзлись не

только телесные, но и душевные очи его: уверовав во Христа, он был просвещен святым крещением.

Упомянутая вдовица к тому времени уже скончалась; тогда ново просвещенный христианин, взяв ковчег с мощами святого и запечатав его, отослал его с надежными людьми в Кесарию каппадокийскую; при этом он приказал отправленным с ковчегом людям пустить мулов (везших ковчег) одних, когда они приблизятся к городу; – там, где они остановятся, должны быть положены мощи, ибо так приказал святой.

Когда же посланные с мощами верные люди подошли к городу Кесарии и находились близ ворот, называвшихся Севастианскими, то пустили мулов без провожатых. Никем не управляемые, последние подошли к дому, в котором родился мученик. Но к этому времени уже скончались родители его. Тогда все, находившиеся в том городе, верующие, собравшись, преисполнились великой радости, по случаю прибытия к ним мощей мученика; потом с честью положили в том доме святые мощи в мраморном ковчеге, прославляя Господа нашего Иисуса Христа. Христов мученик Иакинф скончался в Риме месяца июля в третий день, томимый голодом и жаждою, но насыщаемый верою, молитвою и благодатью Святого Духа, – в то время когда нечестивыми обладал Траян, а над христианами царствовал Господь наш Иисус Христос, Которому воссылается слава с Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь

Кондак, глас 6:

Древо жизни посреде души своея, веру Твою Христе, стяжавый Твой мученик, едемского рая честнейший бысть, древо прелести змиевы погубив дерзновенно духом, венчася славою твоею, многомилостиве.

Житие преподобного отца нашего Александра, первоначальника обители неусыпающих

Память 3 июля

Святой преподобный отец наш Александр родился в Азии. Будучи еще в юных летах, он приходил для образования в Константинополь, где, довольно поучившись, приобрел значительные познания в науках. По достижении же зрелого возраста, поступил в военную службу и впоследствии был военачальником. Любил он, на досуге от служебных дел своих, читать книги Божественного Писания, потому что был добродетелен, честен, постоянен, богобоязлив и украшен целомудрием и воздержанием. Прочтя Ветхий и Новый Завет, он углубился своею мыслью в Евангельские словеса, реченные пречистыми Христовыми устами: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф.19:21). Размышляя об этом и твердо веруя в слово Христово, начал он продавать свои имения, которых у него было довольно, при его высоком служебном положении, и полученное за них – раздавать нищим, бедным, а сам возымел уже непременное намерение отречься от мира и от всего мирского и быть подражателем Христу. Слышал он, что в Сирии обитают святые мужи, проводящие богоугодную жизнь в киновиях, и пожелал идти туда. Сложив с себя звание военачальника и оставив друзей своих, дом свой и рабов своих, и отложив всякое попечение о житейском, пошел в Сирию. Достигнув киновии, в которой аввою был преподобный Илия, он умолил сего отца принять его в число иночествующей братии. Будучи причтен к лику иночествующих, четыре года прожил он в этой киновии, ревностно исполняя все возлагаемые на него послушания и упражняясь, кроме сего, в посте, денно-нощной молитве и в чтении книг. Более всего желал он проникнуть в разумение псалмов Давидовых, желал уразуметь силу каждого стиха в псалмах. В случае недоумений спрашивал он опытных о

непонятном и усердно молился Богу, да просветит его разум к пониманию Божественных Писаний, что и получил по благодати Святого Духа, так что впоследствии, при чтении Божия слова, он уже находил полное услаждение и умиление в своем сердце. Видя, что во всех киновиях братия имеют излишнее попечение о пище и одежде, он вспоминал об евангельских Христовых словах, которые возбраняют излишнюю заботу о пище, питии и одежде, и даже не велят заботиться и о завтрашнем дне. Он был твердо и непоколебимо уверен, что благопромыслитель Господь, питающий птиц и одевающий траву сельную, тем более не оставит без Своего попечения работающих Ему людей, что силен Он и пропитать и одеть их, искали бы они прежде Царствия Божия и правды Его. Одушевленный такими помышлениями, преподобный Александр, взяв имевшееся у него Евангелие, пришел с ним к авве Илии и сказал ему:

– Отче, всё ли истинно, что написано в Евангелии?

Услышав такой вопрос, преподобный Илия удивился и в смущении подумал, что вопрошавший его прельщен каким-нибудь неверием от диавола. Не отвечая ничего на вопрос, он сел и склонил главу свою, а в это время пришли к нему братия.

– Братия, – сказал им преподобный Илия, – помолимся о брате нашем Александре, увязшем во вражеские сети.

И встав сотворил молитву со слезами, а потом, обратившись к Александру, сказал ему:

– Откуда пришел к тебе такой сомнительный помысл, что ты не веришь написанному в святом Евангелии?

– Не не верую я, отче, – ответил ему Александр, – а только спрашиваю, всё ли истинно написанное в святом Евангелии?

– Воистину, всё истинно, – отвечали ему все братия, – и никакого в этом не может быть сомнения.

Тогда сказал им Александр:

– Если всё истинно написанное, то почему же мы не исполняем оного?

– Невозможно немощному человеку исполнить всего, – ответили ему братия.

После такого ответа Александр, воспламенившись своим духом и за ничто почитая прежнее житие свое, проведенное не

в совершенном исполнении евангельских слов, вознамерился уйти в пустыню, чтобы там удобнее пожить по евангельскому слову. Испросив благословение у преподобного Илии и с любовию простившись с братией, пошел он с упованием на Господа, ничего не имея при себе, кроме святого Евангелия. Семь лет пробыл он в пустыне, не имея никакого попечения ни о чем земном. Как он питаем был, по благопромышлению Божию, в пустыне, откроется из последующего повествования.

По исполнении семилетнего пребывания в пустыне, преподобный Александр узнал, что невдалеке от места, где он находился, есть одно селение, в котором жили служившие бесам идолопоклонники. Возгоревшись по Боге ревностью, пошел в это селение и зажег там идольский храм. Увидевши это, жители сбежались к пылавшему капищу и нашли здесь преподобного Александра. Он не отошел от зажженного им капища, но нарочито ожидал, когда стекутся сюда жители идолопоклонники, потому что не хотел утаить от них сделанного им. Когда начали спрашивать его о зажжении храма, то он признался и сказал, что он зажег его. Услыхавши это, бросились на него и хотели убить его, но Бог хранил раба Своего. Некоторые из жителей не согласны были на убиение Александра и поэтому не допускали устремившихся на него и настаивали, чтобы виновного в поджоге предать городскому суду. После этого, когда все поуспокоились от своей горячности, святой возвысил свой голос и сказал:

– О люди! Уразумейте ваше заблуждение, познайте истину, избавьте себя от вечного осуждения, я возвещаю вам Царство Небесное.

И начал им, как Апостол, проповедовать слово спасения. Некоторые слушали его учение, а другие не хотели внимать его словам и отвели его в городской суд. Градоначальником в том городе был тогда Равул. Он, слушая от уст преподобного преподаваемое Божие учение, долго противоречил ему, стараясь оспорить это учение от своих языческих книг и устрашал святого угрозами мучений. Наконец, убедившись, что преподобный Александр и нравом своим кроток, и премудр в своих ответах, и что проповедуемое им учение непреодолимо,

Равул не сделал ему никакой неприятности. Напротив, Господь так устроил, что сей градоначальник пригласил к себе Александра одного, чтобы вести с ним наедине беседу, и прежде всего спросил:

– Скажи мне правду, на каком основании вы, христиане, так презираете жизнь вашу?

На этот вопрос преподобный ответил Равулу:

– Не так ты говоришь, мы не презираем нашей жизни, но стараемся сохранить себя бессмертными вовеки. Истинная жизнь в том и заключается, чтобы жить вечно, а жить только временно – это не жизнь, а смерть. Эту временную, смертную жизнь мы и презираем ради будущей вечной, бессмертной жизни, потому что писано нам: «потерявший душу свою» в сем веке, в жизни вечной «сбережет ее» (Мф.10:39).

Сказал ему на это Равул:

– А где вы надеетесь быть, по прекращении сей земной жизни?

Святой начал проповедовать ему о Царствии Небесном и об уготованных праведным вечных благах. Неверному язычнику, как басня, представлялись сказания святого, но, несмотря на это, ему еще более хотелось слушать новое для него учение, и он спросил еще о начале святой веры. Тогда преподобный, поучая его Богопознанию и раскрывая о благоутробии Божием к людям, начал повествовать о деяниях Господних от самого создания мира, до креста и вольной Христовой смерти, – до воскресения и преславного вознесения на небо. День и ночь продолжалась беседа. Ни пищи, ни питья собеседники не употребили и даже ко сну не клонило их. Когда была речь о святом Илии пророке, как по его слову заключилось небо и как по его молитве ниспал на жертвы огонь, какого не могли вымолить у своих идолов жрецы Ваалovы, Равул, слыша это, смеялся и говорил:

– Все эти ваши христианские басни – выдумки. Советую тебе полезное: принеси вместе с нами жертвы нашим богам; они милостивы и простят тебе то, что ты по неведению прогневал и оскорбил их, сожегши их храм.

Святой сказал:

– Если действительно боги те, которых ты называешь богами, то почему при пророке Илии не послушали жрецов своих, когда они целый день взывали к ним и не свели с неба огня на жертвы? А раб Божий Илия только один и однажды помолился к нашему единому, на небесах живущему Богу (3Цар.18:23–39), и тотчас спал с неба огонь и попалил не только дрова и жертву, но и воду и камни и самую землю пожег, а потом спал свыше огонь и на тех пятидесятников, которые хотели схватить пророка, и сжег их с воинами их (4Цар., 1:1–18).

Рассмеялся Равул и сказал:

– Если то действительно было, то и ты называющий себя рабом Бога твоего, сделай то же. Вот пред нами множество рогож и хворосту, помолись своему Богу, как и Илия, чтоб сошел огонь с неба и сжег это. Тогда и я скажу, что нет другого Бога, кроме Бога, в Которого веруют христиане.

Святой сказал:

– Сперва ты помолись своим богам, пусть они это сделают.

Равул ответил на это:

– Я не имею ни силы, ни дерзновения пред моими богами, помолись ты своему Богу.

Тогда святой Александр, вспомнив, что, по Евангельскому слову, всё возможно верующему (Мк.9:23), с твердою верою и упованием на Бога, встал на молитву и как только, воздевши свои руки, начал молиться, тотчас ниспал с неба огонь на рогожи и хворост и пожег их. Видя это, Равул пришел в великий ужас и боялся, как бы не пал и на него огонь и не сжег его, как пятьдесятников при Илии пророке. И воззвал Равул громким голосом и сказал:

– Воистину велик Бог христианский!

И хотел об этом чуде рассказать народу, но святой строго запретил ему, чтобы никому не сказывал. И умолчал Равул, затаив это в себе, пока жив был преподобный Александр. После же его кончины он объявил об этом чуде пред епископами и монахами, именем Божиим подтверждая истину своего сказания.

После совершенного преподобным Александром чуда, градоначальник Равул целую седмицу был неразлучно с святым

Александром для научения в истинах веры и для наставления на истинный путь спасения, а затем просил просветить его и святым крещением, так как приближался пресветлый день Святой Пасхи. Но ненавистник человеческого спасения диавол захотел воспрепятствовать исполнению этого святого дела и вложил Равулу мысль, чтобы не в городе принять святое крещение, а в церкви, которая находилась за городом. Пошли туда в сопровождении многих из граждан с женами их и детьми. Когда же пришли к сей церкви, то увидали здесь страшно беснующуюся девицу. Испугался Равул и сказал:

– Не хочу быть христианином. Эту девицу наказывают боги за то, что она приняла христианскую веру. Боюсь, чтобы и со мной подобного не случилось.

Сказав это, отошел от церкви и хотел возвратиться назад. Святой же удержал его и сказал:

– Зачем поддаешься диавольскому искушению? Эта девица наказывается за свои грехи, по попущению Божию. Она обещалась пред Богом сохранять чистоту девства, но не соблюла своего обещания и за это страдает от бесов, будучи предана сатане, чтобы душа ее спаслась. А что это истинно, пойди сам к девице и спроси ее.

Равул подошел к беснующейся и от нее самой услышал громогласное признание в грехах, за которые Бог попустил войти в нее сатане и мучить ее. После этого Равул оставил всякое сомнение и просил у святого крещения себе. Когда он крестился и вышел из святой купели, то белая одежда, которая, по обыкновению христианскому, приготовлена была для него к крещению, оказалась вся, сверху донизу, с изображенными на ней красными в кругах, как бы киноварью написанными, крестами. Все удивились такому чуду, а пришедшие сюда за Равулом мужи и жены просили и себе святого крещения. Святой же Александр, желая увериться, что воистину они веруют во Христа, сказал им:

– Следует вам доказать вашу веру. Пойдем в город и, если кто из вас имеет в своем дому идолов, пусть вынесет их на середину града и разобьет их на части своими руками, а потом уже сподобится святого крещения.

Все согласились исполнить это и, придя в город, вынесли из своих домов великое множество идолов и разбили их на середине города, после чего и просвещен был весь город святым крещением. Преподобный оставался на некоторое время в городе и утверждал новокрещеных в святой вере. Когда же увидел, что они утвердились в благочестии и благодарят за это Бога, то сказал Равулу:

– Доселе вы были питаемы млеком, а теперь следует вам питать себя и твердою пищею. Если кто из вас хочет совершенным быть в жизни христианской, пусть послушает Христовых словес. Он говорит: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе сокровище неоскудевающее на небесах» (Лк.12:33), «ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк.12:31, Мф.6:33).

Равул, услышав это, сказал:

– Я не могу быть таким совершенным христианином. Если я всё продам и раздам, то кто будет пропитывать многих моих домашних, и как без заботы можно приобрести то, что нужно для жизни? Если ты хочешь уверить меня в этом, покажи мне на деле, чтобы хоть один день мог пропитать меня и всех моих домашних без нашей об этом заботы. Не знаю, как ты сможешь это сделать, когда ты сам нищий и когда у тебя и для своего пропитания ничего нет и на один день. Если же ты в городе сделать этого не сможешь, о что будешь делать в пустыне, когда мы всё оставим и пойдем за тобой?

Святой же, имея твердое упование на Бога, решительно сказал:

– Возьми домашних своих и, если хочешь, друзей своих, которых знаешь, и веди их на целый день в какую угодно далекую от людей пустыню; буду и я с вами; хлеба чтобы не было ни у кого из вас, даже самого малого куска, и никакой другой пищи. Если Бог не насытит вас, как прежде Израильтян в пустыне, тогда и не будете верить моим словам.

Равул согласился. Когда настало утро, он взял с собою домашних и друзей и пошел в одну непроходимую пустыню, вместе с преподобным Александром, желая видеть на деле исполнение его слов. Шли целый день и уже настал

одиннадцатый час, когда они остановились на месте между двух гор, к которым не было ниоткуда никакого следа. И начал святой Александр по обыкновению своему совершать вечернее пение, а Равул и его спутники, будучи уже изнуряемы голодом, думали, что они будут есть. Когда же окончил святой молитву, то увидели они какого-то, идущего к ним, простого селянина, который вел за собою скот, тяжело навьюченный большими мешками, висевшими по обеим сторонам, в которых были чистые и теплые хлебы и плоды садовые и огородные. И сказал преподобный Равулу:

– Получите эту пищу, и не будьте не верны, но верны.

С радостью приняли они привезенное, и Равул, удивляясь с своими друзьями, сказал:

– Откуда в этой пустыне появился человек с такой пищей? Мы, шедши целый день, едва могли прийти сюда, сему же следовало только в полночь выйти из дому, чтобы в этот час прийти на это место. Если же он и полночь вышел, то почему эти хлебы и теперь теплы, как будто сейчас вынуты из печи?

Так удивляясь, спросили они пришедшего к ним:

– Откуда и кто послал тебя сюда?

– Меня послал к вам мой Господин, чтобы вы не были голодны, ответил им пришедший.

Когда же они хотели еще что-то сказать этому человеку, то он тотчас сделался невидим и со всеми пришедшими с ним животными, потому что это был Ангел Божий в образе простого человека. Ужас объял всех, и тогда все поверили словам преподобного, а еще более словесам Христовым, чтобы ни о чем не заботиться работающим Господу, но во всем полагаться на Промысл Божий. Затем, поблагодарив Бога, ели и ночевали тут, а на другой день возвратились в город. После этого чуда можно было понять, чем преподобный Александр питался семь лет, во время пребывания своего в пустыне, не имея никакого попечения о житейском. Этим чудом градоначальник Равул сильно укрепился и без всякого уже колебания возжелал упражняться в богомыслии. Он прежде всего отказался от своей должности, а потом начал продавать свое имение и, по согласию с женой и дочерьми (а сына у него не было),

раздавать нищим, оставив только им часть на пропитание. Жена его с дочерьми устроила монастырь и, послуживши в нем Богу всем сердцем, угодила Ему, а Равул, всё свое раздав и отпустив на свободу своих рабов, ушел в пустыню, из которой через несколько лет изведен был и поставлен епископом городу Эдессе[4350]. Довольно лет прожил он в святительском сане и, как свет, просвещал свою паству. Но мы возвратимся к повествованию о преподобном Александре.

Преподобный Александр, видя тот город, который он просветил святою верою, процветающим, по благодати Господней, и преуспевающим, веселился в душе своей, но сердце влекло его опять в пустыню. Граждане желали иметь его у себя епископом и умоляли его об этом. Когда же он не согласился и хотел тайно уйти от них, то они и днем и ночью стерегли у городских ворот, чтобы не упустить своего отца и учителя. Но преподобный, как некогда святой Апостол Павел, некоторыми из учеников своих был спущен через стену в корзине (ср. 2Кор.11:32), и удалился в пустыню для любезного ему безмолвия. Шел он два дня по пустыне, и на пути оказалось жилище разбойников. Разбойники взяли его и привели к своему начальнику. Преподобный же своими Боговдохновенными словами не только укротил свирепого и зверонравного вождя разбойнической шайки, но и довел до умиления жестокое сердце его, так что он уверовал во Христа и через несколько дней просвещен был святым крещением. Совершив над ним крещение, преподобный спросил его:

– Чего просил ты у Бога мысленно пред крещением?

– Просил я, – ответил ему крещеный, – чтобы Господь, по очищении грехов моих в купели крещения, скорее взял от меня душу мою.

– Исполнится то, о чем просил ты, – сказал ему святой.

В восьмой день, когда новокрещеный, после очищения своего в святой купели, омыл грехи еще многими слезами истинного покаяния, он преставился к Господу. Видев это, и прочие разбойники присоединились к святой вере и, приняв крещение, начали вести свою жизнь с сокрушенным покаянием, а спустя немного времени, и самое жилище разбойников

обращено было в монастырь, в котором подвизались разбойники, отрекшись от мира, став ревностными иноками. Преподобный некоторое время жил с ними и, учредив иноческие уставы и поставив для них опытного начальника, удалился в глубочайшую пустыню, радуясь о спасении человеческих душ. Два дня шел он и достиг Евфрата. Переправившись через реку, он нашел дерево с весьма обширным внутри дуплом, и эту пустоту в дереве избрал местом для своего пребывания. В дневное время ходил он по горам и по пустынным дебрям, а на ночь приходил к месту своего обиталища. Чем он питался, не нужно спрашивать, когда в пустыне Равулу с его спутниками, как сказано, испросил хлеб у Бога. Обитал он на этом месте долгое время. По Божию внушению, начали приходить к нему братия и селиться при нем, желая подражать равноангельскому житию его. Пребывание здесь преподобного продолжалось двадцать лет. В это время на месте при Евфрате устроилась великая киновия, в которую собралось множество братии. До четырехсот человек было здесь братии из разных стран, – из Греции, из Рима, из Сирии и из Египта. Бог собрал такое стадо и вручил его доброму пастырю преподобному Александру. Но что удивительнее? Такое множество братии, при малом попечении о пище и одежде, имело каждый день полное во всем довольство. И они ничего не оставляли на другой день, а раздавали всё приходящим к ним нищим и странным. Промысл Божий посылал на всякий день пищу рабам Своим. В этой киновии, в первой, учрежден был новый, нигде прежде не бывший, чин неусыпающих. Преподобный Александр сначала установил, чтобы братия ходили в церковь на славословие Божие по семи раз в сутки, по слову пророка, который говорил: «Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей» (Пс.118:164). Потом, обратив внимание на другие слова того же пророка: «Блажен муж, который …о законе Его размышляет он день и ночь!» (Пс.1:1–2), преподобный размышлял, возможно ли на самом деле исполнить человеку пророческое слово, чтобы и днем и ночью неусыпно поучаться в законе Божия славословия. Если бы, говорил он себе, это не было возможно, то Святой Дух не изрек бы сего пророческими устами. И

пожелал он учредить в своей киновии такой чин, чтобы в церкви, и днем и ночью, было непрестанное и неусыпное псалмопение. Если, говорил он, невозможно это по немощи плоти в келье одному человеку, то возможно совершать это в церкви многим, сменяясь по часам. Так он размышлял с собою, но не решался начать такое дело без извещения от Бога. И вспомнив слово Христово: «просите и дано будет вам; стучите и отворят вам» (Мф.7:7), начал усердно молить Господа, да явит ему Свое откровение, угодно ли Ему его намерение и будет ли Ему приятен такой чин, чтобы как всегда Ангелы на небесах, так и люди на земле, пребывающие в его киновии в иноческом Ангельском чине, в церкви, которая есть земное небо, – днем и ночью псалмопением прославляли Бога. Об этом преподобный три года, во все ночи, молился, удручая себя многократным пощением.

Наконец, Господь въяве предстал ему и сказал:

– Начни желаемое тобою, – оно приятно Мне.

И поведал преподобный о явлении Господа некоторым духовнейшим из своей братии, но и им объявил не от своего имени, уподобляясь в этом случае святому Апостолу Павлу, который о себе говорил: «Знаю человека во Христе, который… восхищен был до третьего неба» (2Кор.12:2). После этого преподобный и приступил к учреждению желаемого и благословенного Богом чина. Он, по числу часов дня и ночи, разделил братию на двадцать четыре чреды, чтобы всякий зная час своей чреды, являлся к этому времени на место пения. Для пения назначены были Давидовы псалмы; петь их положено было по стихам, на два лика, без поспешности, кроме того времени, в которое совершались обычные церковные службы. На время совершения этих служб прерываем был новоучрежденный чин псалмопения. Таким образом, в церкви киновии и днем и ночью непрестанно славословили Бога, от чего и самая эта киновия стала именоваться обителью неусыпающих. Уставил преподобный при псалмопении и число поклонов на всякий день, по числу тех прощений, какими Господь повелевает прощать согрешившего – семьдесят крат седмерицею, что и составляло четыреста и девяносто. Кроме

сего, он учредил, чтобы по окончании каждой церковной и монастырской службы и после всякого дела произносили: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение». Уставив такой чин в своей обители, преподобный размышлял, что еще потребно к богоугождению. И вспомнив псаломское слово: «Научу беззаконных путям Твоим и нечестивые к тебе обратятся» (Пс.50:15), решил, что нужно заботиться не только о своем спасении, но и о других, особенно же пребывающих в нечестии. А так как в тех странах много в то время было идолопоклонства, то и умыслил он послать некоторых из братии с Христовою проповедью. Избрал он на это дело семьдесят самых сведущих и особо ревнующих о святой вере, по числу тех Христовых учеников, о которых святой евангелист Лука пишет: «Избрал Господь и других семьдесят [учеников], и послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти» (Лк.10:1). Избрав такое число учеников на Христову проповедь, и помолившись о них, подражатель Христов Александр послал их по два в окрестные идолопоклоннические селения. Благодать Божия споспешествовала им молитвами преподобного отца. Не напрасны были их труды. Они многих из язычников обратили ко Христу.

По исполнении двадцати лет пребывания своего при реке Евфрате преподобный Александр, видя свою киновию вполне благоустроенною и чин неусыпающих в ней, равно как и все уставы, относительно постнического жития, утвердившимися, возвеселился духом своим и много благодарил Господа. После этого, побуждаемый великою ревностью о спасении душ человеческих, восхотел он идти к персидской земле, где весьма укоренено было языческое нечестие. Избрав с собою в путь из братии сто пятьдесят человек, а прочих вручив опытному старцу Трофиму, поставив его игуменом и преподав братии мир и благословение, переправился с отделенной себе братией через реку Евфрат и направился по пустыне к персидским пределам, ничего не взяв с собою, кроме священных книг. И в пути, которым шел, никогда не прекращал с братиею непрестанное на два лика псалмопение, как и в церкви, с переменами по часам и

днем и ночью. Желая испытать терпение сопутствующих ему братий, он водил их по пустыне, где нельзя было достать никакого пропитания, кроме лесных ягод, которыми и предоставил питаться в дозволенное время. Некоторые нетерпеливые начали роптать, как прежде израильтяне на Моисея. Они говорили преподобному:

– Ты вывел нас в эту пустыню уморить нас голодом.

И задумывали уже тайно возвратиться в обитель. Таких оказалось тридцать человек. Провидя помышления их, по откровению Божию, преподобный обличил их в маловерии и велел им возвратиться назад, а прочим сказал громким голосом:

– Верьте мне, братия, что нынешний день Господь пошлет нам обильную пищу и посрамит неверие. Наконец приблизились они к границам персидской земли, где построены были греко-римскими царями хотя не большие, но укрепленные города, в которых было и войско для защиты от неверных. Когда уже недалеко от этих городов преподобный с братиею шел по пустыне, неожиданно, по повелению Божию вышли к нему навстречу военачальники из тех городов, называемые трибунами, с достаточным количеством хлебов и другою разною пищею, и молили святого посетить города их и просветить их, так как много в них обитало служителей бесов. Вкусив с благодарением принесенной пищи и отослав в киновию тех, которые оказались маловерными и нетерпеливыми, святой пошел в те города и при помощи Божией благодати в короткое время всех обратил ко Христу евангельскою проповедью. В одном из этих городов не хотели принимать его учения, особенно когда услышали учение его о милостыне и щедром подаянии. Богатые тогда сказали ему:

– Ты пришел бедняками сделать нас.

Поэтому преподобный и ушел от них, а Бог наказал их бездождием. Три года не было у них дождя, пока не сознали они греха своего. Начали они искать преподобного; найдя его уже в Антиохии, умоляли его, чтобы он простил им грех их. После этого раскаяния на четвертый год сильнейший дождь напоил землю и было великое изобилие земных плодов и обращение

душ ко Господу. Путешествуя далее по пустыне, преподобный пришел к городу, называемому Пальмира, построенному в этой пустыне еще Соломоном. В этом городе жители хотя и назывались христианами, но были из иудеев и придерживались еще ветхого закона. Они, увидевши приближающегося к ним Александра с братией, затворили от него городские ворота.

– Кто, – говорили они, – может прокормить такое множество иноков? – и не пустили их к себе.

Но преподобный возблагодарил Бога и сказал:

– «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека» (Пс.117:8). Братие, не будьте малодушны! Неожиданно для нас посетил нас Бог.

И действительно: когда отошли они от города на некоторое расстояние, недалеко отсюда обитавшие неверные, по расположению Господом их сердец, вышли к ним навстречу с хлебом и всякими земными благами и угостили их и удовольствовали. Отсюда пошел преподобный в Антиохию. Так Бог направлял его путь на пользу многим. И когда приблизился он к Антиохии, исполняя чин обыкновенного непрестанного псалмопения, узнал о прибытии его епископ этого города Феодот, а имя Александрово везде уже было прославляемо и чтимо. Диавол же возбудил некоторых злых и завистливых людей, которые и наклеветали епископу на преподобного и на братию его, будто всё, что они соблюдают – и посты и молитвы, то делают лицемерно, для тщетной славы, напоказ людям. Епископ, не рассудив о ложной клевете, послал многих из своих слуг с теми клеветниками прогнать с бесчестием от города Александра и всех, кто с ним, но, водимый преподобным Александром, честный лик земных Ангелов вошел уже в город с обычным псалмопением, так что посланные епископом встретили их уже в городе. Они, как разбойники, напали на них и, схватив каждого из них, много и тяжко били и вытаскивали вон из города, а преподобному Александру, как начальнику, усугубили раны и бесчестия. Преподобный же и братия его радовались, что сподобились пострадать невинно. Преподобный знал, что это случилось по диавольскому наущению, чтобы воспрепятствовать благому делу и пользе от

него для многих. Он возгорел духом и опять тайно ночью вошел с братиею в город и найдя здесь ветхие пустые бани, в них исполнял свое псалмопение. На другой день епископ узнал об этом. Хотя и не прошел еще гнев его, но и на милость он уже склонялся, боясь не только Бога, но и народа, потому что все граждане антиохийские обрадованы были пришествием к ним Александра, которого все почитали за великого пророка и весьма гневались на епископа за причиненное им преподобному отцу и братиям его бесчестие и увечье. Сам епископ, наконец, умилился и благословил оставаться в городе Александру и братиям его. И были пустые бани обителью для них. Но спустя немного времени граждане, с благословения соизволения епископа, создали церковь для преподобного и устроили монастырь. После этого многие из народа, переставая посещать свои церкви, сходились на церковное пение к преподобному Александру, чтобы слышать от него и медоточное его назидание, которым он поучал приходивших к нему. Душа каждого горела любовью к преподобному. Всё, что нужно было для него и для его братии, приносимо было каждый день. Но они вкушали пищу только однажды в день после девятого часа, а остальное всё раздавали нищим и ничего не оставляли на другой день. Бог постоянно посылал им пищу и всё нужное от милостивых нищелюбцев. Спустя некоторое время преподобный восхотел иметь при своей обители больницу и странноприимную и по испрошении от епископа благословения, устроил по своему желанию. Хотя сам он, будучи нищим, ничего не имел, но богатые всё предоставляли ему от своих сокровищ: все с радостью давали ему, чего бы он ни потребовал и всегда с усердием делали всё, к чему бы он ни располагал их. Преподобный сам ухаживал за больными, сам покоил и странников, наделяя их всем нужным для них из подаяний, получаемых от боголюбивых людей, располагаемых Богом к благотворительности. Больным он подавал исцеление через возложение рук своих, проявлявших великую силу. И прославляли Бога, чудодействующего через него. Замечал преподобный, что епископ в делах своих поступал не соответственно своему званию; видел он не по правде

поступающими и воеводу городского, и других важных сановников и, проникшись Илиною ревностью и вместе с тем будучи преисполнен кротости, безбоязненно и смело обличал, научая их правде от слова Божия. Всем он был учителем и наставником. Но не всем приятна была такая его ревность, особенно же начальствующим. Некоторые и из духовенства хотя и удивлялись его добродетельному житию, но весьма ненавидели его и возбуждали против него епископа. Поэтому послан был от епископа самый злобный иподиакон, по имени Малх, со многими слугами к преподобному, чтобы выгнать его из города. Малх, пришедши, с яростью сильно ударил в лицо святого и сказал:

– Уходи из этого города, нечестивый!

Преподобный же, как незлобивый агнец, сказал ему в ответ кротко, – только евангельским словом:

– «Имя рабу было Малх» (Иоан.18:10).

И когда иподиакон Малх и пришедшие с ним слуги хотели нанести преподобному еще большее оскорбление и изгнать его из града, сбежался в это время народ и сделалось великое смятение; потому что все защищали святого отца и его братию, так что Малх и те, кто был с ним едва могли спастись от волнения народного. Епископ еще более воспылал гневом и советовался с воеводою, который также был гневен на святого. После этого взяли преподобного из обители, тайно от народа, ночью, и прогнали его в Халкиду; разогнали также и братию его, и разошлись все, куда кто мог. По истечении же некоторого времени преподобный Александр снова возвращен был в Антиохию, потому что все антиохийские граждане скорбели о нем и роптали на епископа и на воеводу. Но преподобный, не найдя братии своей, и сам не пожелал жить здесь и намеревался уйти. Узнавши о сем, граждане стерегли его у ворот, боясь, как бы он не вышел, потому что великую любовь имели к нему и желали, чтобы остался жить у них. Преподобный же, решивши оставить Антиохию, переменил иноческую свою одежду и, надев на себя рубище, под видом нищего, вышел ночью из города. Шел он несколько дней и пришел в Киринфинийскую киновию. В этой киновии он нашел весь тот

чин, какой он установил в своей киновии при реке Евфрате, удивляясь и предполагая, что этот чин перенес сюда кто-нибудь из его учеников, благодарил Бога за то, что Он и в этой стране показал ему плоды трудов его. Когда же братия узнали, что это Александр, весьма возрадовались о его пришествии к ним, потому что везде было прославляемо его имя и давно им желательно было видеть его.

Пробыв некоторое время в этой киновии, преподобный пошел отсюда в Константинополь. Бог призывал его туда для спасения многих. Пошли с ним из этой киновии двадцать четыре брата. Пришедши в Константинополь, поселился он при церкви святого Мины, и начали собираться к нему братия. В немного лет собралось до трехсот братий из разных народов – греческого, римского и сирского. Таким образом устроилась здесь обширная обитель, и в ней учрежден был чин неусыпающих. Всё потребное, по благопромышлению Божию, доставляемо было для обители, как это видно будет из нижеследующего. Некоторые из людей знатных, слыша и видя сие нищенское и вместе с тем не имеющее никакой заботы житие иноков, упражняющихся только и днем и ночью в прославлении Бога и не заботящихся ни о чем земном, даже и о завтрашнем дне, нарочито посылали мужей в эту обитель, чтобы пробыть там несколько дней и наблюсти, откуда иноки получают на каждый день пищу. Преподобный Александр, провидя такое намерение, сказал в присутствии подосланных мужей одному из своих учеников:

– Иди и приведи человека, который стоит у монастырских дверей.

Пошел брат и увидел человека с большою корзиною, наполненною чистыми и теплыми хлебами, и ввел его с хлебами к отцу. Преподобный при всех начал спрашивать его: кто он такой и откуда принес хлебы? Спрашивал его не потому, чтобы сам не знал – для него ничего не было утаенного от Бога, но чтобы устыдить маловерных, которые пришли исследовать о житии и пропитании. Спрошенный же начал говорить:

– Я хлебопродавец. Когда я вынимал сегодня из печи хлебы, явился мне какой-то светоносный муж, высокий ростом и

прекрасный на вид и повелительно сказал: неси все эти хлебы рабам Вышнего. В ужасе я сказал ему: я не знаю места, куда нести. А он сказал: иди за мною, и я пошел за ним. Доведя до врат этой обители, он стал невидим.

Преподобный восстав воздал благодарение Богу, и сделалась известна всем его вера в Бога и великое о нем Божие промышление. Настолько был преподобный прозорлив, что знал всё, что делали братия, и даже помыслы их. При случае, наедине он обличал согрешения и отечески исправлял согрешающих. Имел он попечение и о больных и для служения им приставил четверых из братии и велел им каждый день приготовлять теплый напиток для тех, которым нужно было это в их болезнях. И исполняли это служащие. Случилось в один день, или же по воле Божией, чтобы показать твердую веру преподобного в Бога, служащие забыли приготовить для больных теплого напитка. Прозрев об этом и призвав одного из служащих, преподобный спросил, почему не согрели напитка, но тот, намереваясь утаить от прозорливого отца свой поступок, сказал ему, что нет у них дров. Преподобный же сказал ему:

– Почему же ты утром не говорил мне о дровах? Неужели ты испытываешь меня? Впрочем, иди: согрелся уже напиток.

Придя в больницу, брат, в самом деле, нашел котел полный и без огня кипящий и клокочущий. И удивлялись все этому чуду и вере преподобного.

В то время Церковь Христова смущаема была Несториевою ересью[4351] и враг распространил в народе слух, что преподобный Александр еретик, потому что тогда на благочестие смотрели, как на ересь, а ересь считали благочестием, так как еретичествовали тогда многие и сам патриарх Несторий. Приведен был преподобный Александр на суд к зловерным и будучи спрошен о ереси, в которой был неповинен, ответил им словами из псалма:

– «Князья сидят и сговариваются против меня, а раб Твой размышляет об уставах Твоих. Откровения Твои – утешение мое, – советники мои» (Пс.118:23–24).

Когда он это говорил, показался бес и закричал: «Зачем ты прежде времени мучишь меня», – и потом стал невидим.

Святой после сказанных из псалма слов ничего более не отвечал тем, которые испытывали его, но, склонив взор свой книзу, оставался как агнец пред стригущим безгласен. Судьи разгневались и выгнали его вон от себя. Когда же в среде народа слуги сатаны хотели возложить на него свои руки и причинить ему зло, он, будучи защищен покровом Божиим, прошел невредимым посреди их и достиг своей обители, в которой много молитв вознесено было о нем от братии. Потом опять вооружился на него враг и восстановил еретиков против него, которые не только уже его самого, но и многих из братий мучили и узами, и темницею, и побоями, но всё это уготовляло преподобному преславный венец, а врагу посрамление. Когда же миновала еретическая буря, преподобный остальное время своей жизни провел в мире и, угодив Богу и приведя души многих ко спасению, отошел ко Господу[4352] в глубокой старости, подвизаясь в иночестве пятьдесят лет, и с честью погребен был. При гробе его совершались чудеса: во всяких болезнях подавались людям исцеления молитвами преподобного Александра, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Емуже со Отцом и Святым Духом честь, слава, благодарение и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Страдание святых мучеников Мокия и Марка

Память 3 июля

Сии святые мученики были схвачены и преданы епарху[4353] Максимиану, который уговаривал их сперва принести жертву идолам, а потом стал угрожать им смертью. Когда их вели к жертвеннику, то малое дитя шло пред ними и препятствовало им идти. За это язычники взяли его на плечи и стали бить подпругою[4354], причем нанесли ему сто десять жестоких ударов. Тогда дитя сказало епарху:

– Епарх! худому учишь ты меня.

Святые мученики отказались принести жертву идолам, оставшись твердыми в вере во Христа и исповедании ее, и им отсекли мечом головы. Вслед за святым Мокием шли на место казни его жена и дети и плакали, но он велел им не плакать, голову же святого Марка приняла его жена, когда он, стоя на месте казни, был усечен[4355].

Память святого отца нашего Андрея, архиепископа Критского[4356]

Память 4 июля

Святой Андрей родился в городе Дамаске[4357] и был немым от рождения до семи лет. Когда же он вместе со своими родителями причастился в церкви Божественных Таин Тела и Крови Христовых, то во время святого причащения разрешилась его немота и он стал говорить. Христос истинный Сын Божий, совершивший Себе хвалу устами сего немотствовавшего отрока, показал, сколь великая сила таится в пречистых Тайнах. Получив через святое причащение дар речи, блаженный Андрей был отдан для обучения Божественным книгам, а на четырнадцатом году своей жизни был приведен во святой град Иерусалим для служения Богу. Приняв его, святейший патриарх Иерусалимский сопричислил его к клиру и со временем назначил его, как человека разумного, нотарием[4358]. Святой Андрей проводил весьма добродетельную жизнь, подвизаясь в целомудрии, воздержании и кротости, так что ему дивился даже и сам патриарх, и он был угоден Богу и любим всеми.

По прошествии многих лет в Константинополе был созван шестой Вселенский собор святых отцов[4359], в царствование императора Константина Брадатого[4360], против злочестивой ереси единовольников (монофелитов[4361]), – относительно каковой ереси подробнее можно читать в житии преподобного Максима Исповедника. На сей собор тогдашним святейшим патриархом иерусалимским Феодором был отправлен и сей блаженный Андрей, состоявший тогда в архидиаконском сане, ибо самому патриарху нельзя было отправиться на собор в Константинополь, так как Иерусалим находился в то время под мусульманским владычеством. Блаженный Андрей по благодати Святого Духа, которой он был исполнен, в это время сделался известным святым отцам и самому императору. Они заметили в нем не только книжную премудрость и глубокое знание догматов Православной Церкви, но и святую богоугодную жизнь. Против

еретиков же он выказал себя доблестным воином Христовым и, усердно ратуя за благочестие, много помогал собору святых отцов.

После окончания собора святой Андрей возвратился во Иерусалим и пребывал там в своих обычных богоугодных занятиях, заботясь, по поручению патриарха, о сиротах, питая странников, служа больным. Во всем этом он был столь усерден и старателен, как будто он служил Самому Христу. После этого в правление императора Юстиниана второго[4362] Андрей был назначен архиепископом в Крит. Здесь он был светильником миру, осиявающим Христову Церковь богодухновенным учением и своею добродетельною жизнью. Как непобедимый подвижник, которого боятся бесы (ибо он их изгонял), Андрей был грозою для еретиков. Не только невидимые, но и видимые враги отгонялись его молитвами.

Однажды на остров Крит напали прибывшие на кораблях сарацины и осадили город, называвшийся Друмеос, где со своим пастырем, святым Андреем, заперлись христиане. Но сарацины воевали безуспешно и со стыдом отступили, будучи отгоняемы не оружием, а гораздо сильнейшими всякого оружия молитвами святителя, которые он со слезами проливал к Богу и ими, как стрелами, уязвлял врагов. Его молитвы имели большую силу: ими он во время бездождия и засухи низвел дождь, который оросил критскую область и сообщил ей плодородие.

Христов святитель Андрей написал много богодухновенных писаний и великий канон, который поется в четверток пятой недели Великого поста и другие каноны. Он украсил церковь песнопениями и почтил многими похвалами Пречистую Деву Богородицу[4363]. По каким-то церковным нуждам он отправился некогда в Константинополь и здесь оказался для многих человеком полезным. Всякий услаждался его лицезрением и медоточивыми речами и совершенствовался душою. Поэтому-то и стекались к нему все искавшие спасения душам своим. Намереваясь же вернуться из Константинополя обратно в Крит, святый провидел свою кончину и сказал любезным своим друзьям о Христе, что он более не увидит Крита. Простившись с

ними последним целованием, он сел на корабль и отправился в путь. Доплывши до острова Митилены, он заболел, и в одном месте, по имени Иерис, предал в руки Божии свою душу[4364].

Блаженный Андрей с честью пас вверенное ему стадо словесных овец и сопричислен к лику святых иерархов, предстоящих пред престолом Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Емуже воссылается слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Вострубив ясно Божественная сладкопения, явился еси светильник мира светлейший, светом сияя Троицы, Андрее преподобне. Темже вси вопием ти: не престай моляся о всех нас.

Житие святой праведной Марфы[4365]

Память 4 июля

Святая праведная Марфа родилась в городе Антиохии. Родители ее были благочестивые христиане. Они убеждали ее вступить в брак, но она, желая проводить девственную жизнь, не соглашалась на это, однако, некое Божественное видение в церкви святого Предтечи заставило ее покориться родителям и выйти замуж. По Божественному дарованию, о котором она была предуведомлена (как о том подробно описывается в житии Симеона Дивногорца), явлением святого Иоанна Предтечи, – Марфа зачала сына, святого Симеона. Проживши немного лет с мужем, она овдовела и со всяким тщанием воспитывала ребенка, строго следя за его воспитанием по повелению святого Предтечи. Марфа всегда молилась Богу за своего сына, дабы Он принял его, как некогда Самуила от пророчицы Анны, Себе на служение.

Однажды, когда Марфа размышляла об отроке, что постигнет его тогда, когда он взойдет в возраст, она видела во сне следующее видение. Ей показалось, будто она с крыльями и поднимается в высоту, держа в руках ребенка и вознося его в дар Господу со словами:

– Такое то твое восхождение, дитя, я желала видеть!

Пусть с миром отпустит меня Создатель мой, ибо я, сподобившись посвятить Ему плод чрева моего, обрела благодать у Него!

Сие видение, как равно и ранее бывшие ей откровения, блаженная Марфа хранила в своем сердце и благодарила Бога. Она постоянно пребывала в храме Божием, никогда не оставляя церковного правила – почему и жила близ церкви; – раньше всех приходила она в церковь для слушания пения и после всех уходила. Она имела благочестивый обычай приходить на праздничную службу, где бы ни совершалась она, в святые храмы; с большим вниманием и сокрушением сердечным стояла она за всенощными молитвами, проливая слезы и часто причащалась Божественных Тайн Тела и Крови

Христовых. Сколь же достойно она причащалась, – сему свидетельством служило то, что после принятия Божественного причащения, каким-то чудным светом осиявалось лицо ее, как некогда лицо Моисея. Каждую ночь в своем доме, предупреждая час полночный, Марфа вставала на молитву, которую она исполняла с теплотою душевной, омочая слезами лицо свое; весь же ум ее был углублен в Богу, Коего она любила всей силой своей души; она была несказанно милосердна к нищим, питала алчущих и одевала нагих. Часто посещая больницы, она служила больным своими руками, а для умирающих давала от своих трудов необходимые для погребения одежды. Равно также она давала белые одежды своего рукоделья и крещаемым. Она была столь кротка, смиренна и незлобива, что никто никогда не видал ее гневающеюся, или с кем спорящей, или печальной. Притом она оберегала уста свои от многоглаголания, говоря разве только о необходимом. Она весьма любила молчание, так как оно приучает ум к богомыслию; не было слышно с ее уст праздного слова, или лживого, или какого не богоугодного, но от благого сокровища сердца своего она износила благое и устами своими. Святая Марфа была также и миротворицей среди гневающихся, увещательницей не хорошо живущих и образцом целомудренной, благоговейной и богоугодной жизни для всех, – не только женщин, но и мужчин. Она была исполнена и многих других добродетелей, о которых нельзя пересказать подробно. Достаточным свидетельством праведной жизни ее служит великая святость рожденного ею преподобного Симеона, так как такой именно женщине надлежало быть матерью такового сына.

Когда уже преподобный Симеон подвизался на Дивногорском столпе[4366], Марфе, после полуночной молитвы, во время легкой дремоты было следующее видение. Ей явился со святым Апостолом Тимофеем святой Иоанн Креститель, к которому, после Бога и Пречистой Богородицы, Марфа имела особенное усердие и ежедневно с верою молилась, – и сказал ей:

– Я во всякое время ходатайствую за тебя пред Богом и никогда не оставлю тебя.

Тогда Марфа, исполнившись ужасом и радостью, пробудилась от сего видения, со страхом прославила Бога и рассказала о том своему сыну, преподобному Симеону, которого она иногда приходила навестить. Приходя и видя при столпе преподобного множество одержимых всякими недугами, собравшихся сюда в надежде на исцеление, и многие чудеса, совершавшиеся по молитвам преподобного, Марфа не возносилась своим умом, но смотрела на сие с особенною боязнью, дабы как-нибудь враг нашего спасения не расставил сетей пред сыном ее; поэтому она со слезами молилась Богу, дабы Он избавил сына ее от коварства вражия. В то же время она говорила преподобному:

– Чадо мое! За всё сие подобает прославить Бога, действующего через тебя. Ты же помни о своей немощи и с великим вниманием соблюдай сердце свое!

Преподобный с радостью выслушивал увещания матери своей и, веселясь душою за ее богоугодную жизнь, – воссылал благодарение Богу.

Когда блаженная Марфа прожила во многих добродетелях долгие годы и угодила, наконец, Богу, то за год до своей кончины во время теплых полунощных молитв к Богу, она пришла в восторженное состояние и увидала множество ликовствующих чинов небесных, державших в руках свечи и говоривших ей:

– По прошествии года мы возьмем тебя, освободившуюся от плоти, в уготованное Господом для тебя место покоя.

То же самое было открыто и преподобному Симеону. При этом одному и из братии его было следующее видение:

Он видел Матерь Божию Пречистую Деву Марию во славе сидящую на престоле, в то время как блаженная Марфа, с воздетыми к Ней крестообразно руками, обратившаяся в золотой крест и сияющая светом наподобие лучей солнечных, предстояла пред Нею. Она вся представлялась пресветлым крестом, только лицо ее можно было распознать выше креста. Сие видение передано было преподобному Симеону. Он сказал, что сие служит знамением приближающейся кончины блаженной его матери.

Когда истекал последний год богоугодной жизни святой Марфы, она пришла для посещения к своему сыну, преподобному Симеону; Симеон сказал ей:

– Благослови меня, мать моя, как Авраам благословил Исаака!

– Я затем и пришла сюда. – отвечала святая, – дабы сподобиться твоего благословения и молитв. Три только месяца остается моей жизни и я отойду ко Господу Богу моему, Который извел тебя из моей утробы. Он да преподаст тебе благословение и благодать Свою, дабы ты совершил благополучно начатый тобою доблестный подвиг и да удостоит тебя Бог Своего Царствия.

Говоря сие, блаженная Марфа плакала в умилении сердечном. Плакали также и собравшиеся там братия, ибо они весьма опечалились, услыхавши, что через три месяца не увидят уже лица Марфы. Братия говорили:

– Да будет жива душа твоя и да восхвалит Господа!

Она же подтверждала свои слова, повторяя:

– Если не будет так, как я сказала, то считайте меня, вашу рабу, лживой.

– Мы испрашиваем ныне твоего благословения, – говорил ей преподобный Симеон, – сии же речи твои болезненны для нашего сердца.

– Благословенны вы от Господа, – отвечала святая, – благословенны и благословляющие вас.

При этих словах все присутствовавшие поклонились ей. С своей стороны и она, поклонившись им, возвратилась в Антиохию, в дом свой.

На другой день, после удаления своей матери, преподобный Симеон, призвавши опытнейших из братий, сказал им:

– Действительно приближается время отшествия от земли госпожи и матери моей. В минувшую ночь я видел в видении поставленный предо мною престол и на нем воссевшую мать мою, причем мы все стояли кругом нее, а она поучительно произносила к нам первые слова псалма: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (Пс.1:1) и прочее из того

псалма. При сем она изрекала, как мать к своим детям, и многие другие увещательные слова. Затем она встала и впереди нас пошла в церковь, держа в руках пресветлый крест, а мы, воспевая умилительные псалмы, – последовали за ней.

После этого, за несколько лишь дней пред своею кончиной, Марфа снова пришла к преподобному Симеону для последнего уже прощания. При сем она рассказала ему обо всех бывших ей в течение ее жизни Божественных откровениях; сообщила ему также о трудах и подвигах своих, тайно соделанных ею для прославления имени Божия. Эту ночь она провела там. В сонном видении ей казалось, будто она восхищена на высоту небесную и видит дивную и пресветлую палату, о красоте которой никто не в состоянии вымолвить ни слова. В то время, как она ходила в той палате и удивлялась нерукотворенному зданию, она увидела Пречистую Деву Богородицу с двумя пресветлыми Ангелами, вопрошавшую ее:

– Что ты удивляешься?

Она же, благоговейно поклонившись со страхом и радостью Божией Матери, отвечала:

– Я удивляюсь, Владычица, тому, что столь чудесной палаты я не видала на земле во все дни жизни моей.

– Для кого же, думаешь ты, – спросила Пречистая, – уготована оная палата?

– Не ведаю, Госпожа, – отвечала Марфа.

Тогда Матерь Божия сказала ей:

– Разве ты не знаешь, что сие место покоя, которое устроил твой сын и в котором отныне ты останешься вовеки, приуготовлено для тебя?

Сказавши сие, Пречистая отдала повеление Ангелам и они поставили посреди палаты дивный престол; затем она сказала святой:

– Сия слава дается тебе, так как ты пожила богоугодно в страхе Господнем. Желаешь ли ты видеть еще более славное? – спросила после этого Богоматерь Марфу.

При этих словах Она приказала ей следовать за Собою. Взойдя на высочайшие небесные места, Богоматерь показала ей чудеснейшую и несравненно светлейшую первой палату,

преисполненную небесной славы, красоты которой не может постигнуть ум человеческий и выразить язык.

– И сию палату, – сказала Пречистая, – устроил твой сын и он же начал уже основание третьей палаты.

С сими словами Она повела ее к востоку солнца и показала ей райские селения с высоты и множество веселящихся в них хоров мужчин и женщин.

– Сии места, – сказала при сем Владычица, – Сын Мой даровал тем, которые проживши целомудренно и праведно в соблюдении заповедей Господних, с усердием раздавали обильные милостыни, почему и сами сподобились милости от Господа: «ибо блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф.5:7).

Таково было видение святой Марфе, о котором она рассказала своему сыну.

В то время был день воскресный, и Марфа причастилась Пречистых Божественных Таин Тела и Крови Христовой и просияла лицом от благодати Божией и неизреченного духовного радования, которыми она преисполнилась, получив извещение о своей кончине и своем спасении. Весь тот день и наступившую за тем ночь блаженная Марфа провела частью во многих богодохновенных любезных беседах и с преподобным сыном своим, частью в горячих слезных молитвах к Богу. В понедельник же преподавши мир, благословение и последнее прощание своему сыну и всем ученикам его, она, при горьком их плаче, рассталась с ними и отправились в селение, именовавшееся Тивиринт и отстоявшее на три поприща от Дивной горы, – в котором находилась церковь святого Иоанна Крестителя. Здесь она принесла обильные молитвы, а затем стала ослабевать телом. Жители сего селения весьма почитали блаженную Марфу; поэтому просили ее отдохнуть у них от трудов своих. И она действительно тот день и наступившую затем ночь отдыхала у них, причем еще более ослабела телом. Затем во вторник она отвезена была уже в повозке в Антиохию в свой дом, который находился в городском предместье Дафне. В сердце же горячо молясь Богу, проливая обильные слезы и имея несомненную надежду на свое спасение, она предала в

руки Божии святую душу свою в пятый день июля месяца[4367]. Умирая, она завещала, дабы тело ее было погребено на том месте, на котором хоронят странников и нищих. Но преподобный сын ее Симеон, имея откровение от Бога о преставлении своей матери и послав некоторых из своих учеников, перенес тело ее к себе на Дивную гору, дабы похоронить его при своем столпе. О святой Марфе повествуют также и то, что когда святая душа ее отошла ко Господу, некоторые, находясь около честного ее тела, видели, как лицо ее улыбалось радостно и из ее уст были слышны слова:

– Я получила великую благодать от Бога и пребываю в несказанном свете и радости.

Окружающие ее, придя в ужас, помышляли, что святая получила милость от Господа за своего сына. Но на сии размышления святая говорила, что она прославилась не столько за сына, сколько за свою добродетельную жизнь, потому что ради Господа проявила великое терпение в воздержании и подвигах поста, ревностно ходила путем Его заповедей и от всего сердца возлюбила Богоматерь, родившую Господа.

Честное тело святой Марфы было несено из антиохийского предместья Дафне в Дивную гору с великой честью в пятницу. Множество антиохийского народа, священнослужителей с кадилами, свечами и псалмопением сопровождали ее как великую угодницу Божию. Несшие ковчег с ее телом свидетельствовали, что они не ощущали тяжести во время несения. Тогда как тела мертвецов имеют естественную тяжесть, сие честное тело было как-то необычно легко, и как будто само шло по воздуху. Один же молодой человек из толпы, сын почетного гражданина Антония, по имени Сергий, видя сии славные проводы и теснящийся около ковчега народ, – одних с усердием преклоняющих под ковчег свои плечи, других же желающих прикоснуться честному телу, – посмеялся в себе, рассуждая:

– Что за польза от прикосновения к мертвому телу?

И удалился оттуда. И вот он немедленно впал в тяжкий недуг, так что даже лишился языка; эта болезнь его

продолжалась до тридцати дней, и только у гроба святой он получил исцеление, – о чем будет сказано ниже.

Когда же честное тело принесли в обитель преподобного Симеона, находившуюся при его столпе, то стали совершать всенощное пение. В ту же ночь двоим из братии ученикам Симеоновым Марфа явилась в светлой одежде и с светлым лицом. Ученики весьма ужаснулись, зная, что она умерла. Она же сказала им:

– Не бойтесь, потому что Господь не к мертвым меня сопричислил, но к живым. Я пришла помогать вам против диавола, дабы вы, победивши его, получили жизнь вечную.

Произнесши сие, она стала невидима. Когда наступила суббота, для погребения святой собралось множество народа из окрестных деревень и селений со священнослужителями и клириками. Они заметили, что лицо святой во гробе не покрылось мертвенностью, но было как молодое, цветущее красотою и сияющее благодатью. От ее тела не исходил также обычный для мертвецов трупный запах, хотя уже наступил четвертый день после преставления ее. С пением положенных песнопений с честью похоронили тело ее пред столпом святого Симеона по приказанию последнего, дабы всегда ему можно было видеть гроб своей матери. Когда же по прошествии субботы стали совершать воскресную службу, один из толпы, по имени Иоанн, по должности церковный чтец, задремавши, увидал святую Марфу, сиявшую лицом и восходившую по лестнице на столп к преподобному Симеону, а над гробом ее видел Херувимскую колесницу, везомую шестикрылыми животными. Об этом видении впоследствии он сообщил преподобному с клятвою.

– Воздай, чадо, – отвечал Иоанну преподобный, – славу Богу, сподобившему тебя видения Херувимской колесницы. Матерь же моя и я зачаты и рождены во грехах и требуем милосердия Божия.

После этого к преподобному Симеону пришли отец и мать вышеупомянутого Сергия, который смеялся над проводами тела святой Марфы и подвергся за это внезапной болезни; с плачем

и молитвою они просили его уврачевать их сына, подобно тому как исцеляет от болезней многих других.

– Идите, – сказал им на сие святой, – спросите сына о причине его болезни: он уже может говорить, ибо ему в настоящее время легче.

Родители, возвратившись после этого домой, спросили сына о его болезни.

Он отвечал:

– Сия тяжкая болезнь посетила меня за то, что я поглумился над почетными проводами тела святой Марфы, отвернул от нее мой взор и не захотел на плечах моих понести ковчега ее.

Тогда родители, посадив сына в повозку, повезли его на Дивную гору к преподобному. Последний повелел им искать исцеления при гробе своей матери. И вот, когда они со слезами помолились при честном гробе ее, – больной немедленно встал совершенно здоровым, как будто никогда и не болел.

После погребения преподобной братия установили обычай возжигать над ее гробницей лампаду, дабы она, ради почтения святой, горела день и ночь. Спустя некоторое время братия перестали по нерадению возжигать лампаду. Между тем замечая сие, преподобный Симеон молчал, не приказывая ничего относительно лампады, дабы не подумали о нем ученики его, что он безмерно почитает свою мать после смерти.

В то время тяжко заболел эконом обители, так что находился почти при смерти. В полночь больному явилась святая Марфа, говоря:

– По какой причине не возжигаете вы моего светильника? Знайте, что я не нуждаюсь в возжжении мне свечей, будучи сподоблена от Бога моего небесного вечного света; но тем не менее, когда вы возжигаете при моем гробе светильник, то сие делаете для собственного спасения, ибо вы тогда возбуждаете меня к ходатайству за вас пред Господом.

При этих словах святая держала в правой руке как бы пресветлый бисер – частицу животворящего Тела Христова; прикоснувшись этой частицей к больному, она сказала:

– Будь жив и здоров от сего.

Произнесши сие, она стала невидима. Больной же немедленно встал здоровым и отправился к гробнице святой; припавши к ней, орошал землю слезами, с одной стороны испрашивая прощения за свое нерадение, а с другой благодаря за исцеление. После этого он устроил так, чтобы пред гробницей святой горел неугасимый светильник. При гробе святой совершалось также много и других чудес: прозревали слепые, изгонялись бесы из людей, и подавались скорые исцеления от всяких недугов по молитвам святой праведной Марфы и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 2:

В молитвах Господеви предстоящи, Пречистей Деве Богородице пение и хвалы приносящи Марфо честная, породила еси священное отроча, Симеона предивнаго, светильника всемирнаго; с нимже моли присно о всех нас.

Страдание святых мучеников Феодота и Феодотии

Память 4 июля

Святые мученики Христовы Феодот и Феодотия за исповедание Христа был схвачены по повелению нечестивого императора Траяна[4368]. Их стали принуждать отречься от истинного Бога и принести жертву идолам. но они не покорились За это их предали различным мучениям, после чего заключили в ту самую темницу, где был заключен святой мученик Христов Иакинф. Святой стал наставлять и укреплять их в Христовой вере, и темничные стражи донесли об этом императору Траяну. Когда святой Иакинф скончался, то святых Феодота и Феодотию вывели из темницы, и они предстали пред императором. Последний стал принуждать их есть идоложертвенное, но они вместо того, чтобы исполнить его требование, обличил нечестивое идольское заблуждение. После этого их повесили и стали жечь тела их свечами, а потом, сняв с дерева, отсекли им мечом головы. После кончины святые мученики получили вечную жизнь и блаженный покой, а честные тела их были погребены на том месте, где они приняли мученическую кончину[4369].

Страдание святого священномученика Феодора, епископа Киринейского

Память 4 июля

Святой священномученик Феодор жил в царствование императора Диоклетиана[4370] в городе Киринее[4371], который находился в Ливии[4372] и из которого происходил Симон киринейский[4373]. Он хорошо умел писать сочинения и, достигши в этом искусстве высокого совершенства, оставил церквам много собственноручно написанных книг. Поэтому родной сын его Лей сделал на него донос игемону[4374] Дивилиану, что он, имея книги, многих отвращает от служения богам к вере во Христа. Вследствие этого доноса святой Феодор приведен был к игемону и за ним последовало много христиан, в числе которых были святые Лукия и Иероя. От него потребовали, чтобы он отдал свои книги; но он не исполнил этого требования и не покорился, когда велели ему отречься от Христа. За это его сильно избили оловянными палками. После этого он пошел и разрушил языческие жертвенники. Тогда его повесили на дерево и стали строгать по всему телу и при этом растирали раны уксусом, солью и острыми черепками и, наконец, отрезав ему бритвой язык, отвели в темницу. Взяв от преподобных жен[4375] свой отрезанный язык, святой Феодор положил его себе на грудь, и все заметили, как голубь, слетая в окно темницы, прикасался к святому. Видя это, некий язычник Лукий уверовал во Христа, а святой мученик стал здоровым, но прожив после этого немного времени, скончался[4376], причем душа его вышла из тела вместе с голубем.

Между тем игемон, узнав, что Лукий уверовал во Христа, повелел предать смерти святых Лукию, Иерою и Киприллу, а также и всех тех, которые были крещены святым Феодором. После этого Лукий принял крещение и обратил к вере во Христа самого игемона Дигниана. Тогда они оба вместе отплыли из Крита на остров Кипр к другому игемону, который предавал мучениям христиан, и Лукий тайно от Дигниана предал себя мучителям. Он пошел и разрушил языческие жертвенники, за

что ему отсекли мечом голову. Дигниан взял тело его и предал погребению. Память этих святых мучеников празднуется в храме святого Феодора, находящемся в Пергии[4377].

Святая мученица Киприлла была родом из того же города, где жил и святой Феодор. Вышедши замуж, она прожила с мужем около двух лет и после смерти его оставалась вдовою 28 лет. Страдая сильными головными болями и жалея своих родителей, она для исцеления от своего недуга пришла к святому епископу Феодору, заключенному уже за исповедание веры во Христа в темницу. Получив от него исцеление, она вместе с вышеназванными женами Лукиею и Иероею служила ему до его смерти, а когда он скончался, то на нее сделан был донос игемону. Представ пред последним, она исповедала Христа и не покорилась, когда ее принуждали принести жертву идолам, сказав:

– Не будет такая жертва жертвою, принесенною по моей воле.

Тогда палачи сожгли руку ее, держа ее над огнем, а потом повесили ее на дерево и стали строгать по телу, причем из ран текла кровь, а из сосцов молоко. Среди этих мучений святая мученица и предала дух свой Богу.

Обретение мощей преподобного отца нашего Евфимия, Суздальского чудотворца

Память 4 июля

После кончины преподобного архимандрита Евфимия чудотворца и многих других настоятелей в обители его в честь боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа, находящейся в городе Суздале[4378], был архимандрит из иноков этой же обители, по имени Константин. При нем в 1501 году, по попущению Божию, случился пожар, и обитель погорела. После этого Константина стала тревожить мысль, не оскорбил ли он чем-нибудь блаженного Евфимия, не нарушил ли его заповедей или установленных им в обители обычаев и не от того ли случился в обители пожар? Но блаженный Евфимий явился во сне одному из иноков и сказал ему:

– Брат! Скажи архимандриту Константину, что я ничего против него не имею.

Вставши от сна, этот инок отправился к архимандриту Константину и рассказал ему то, что видел во сне. Выслушав рассказ, Константин обрадовался тому, что получил прощение и воздал хвалу Богу, дивные дела совершающему через угодника Своего преподобного Евфимия. Спустя некоторое время после этого некоторые благочестивые люди пожертвовали в обитель нужное для построения сгоревших келий, и архимандрит Константин построил их по тому же плану, по которому они были построены и прежде.

Когда архимандрит Константин скончался, то его место в обители занял архимандрит, по имени Кирилл, из иноков этой же обители, бывший впоследствии архиепископом города Ростова. Будучи человеком мудрым и в духовных, и в мирских делах, Кирилл всячески, насколько было возможно, заботился о том, чтобы не было нарушено ничего из правил общежития и обычаев обители. Ему пришла на сердце благая мысль о церкви, и он стал советоваться с братией о том, чтобы построить новую церковь, большую бывшей, ибо хотя и была у

них в обители каменная церковь, но она была мала и к тому же пришла уже в ветхость, так как ее построил еще сам блаженный Евфимий[4379]. Всё это было делом Промысла всесильного Бога, чтобы сбылось слово Его, говорящее в Евангелиях: «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14), и: «никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать» (Лк.8:16; Мф.5:15). Так и сему светильнику, преподобному Евфимию, невозможно было столько лет быть скрытым под землею. Когда уже начаты были работы по построению большой церкви и рабочие копали ров на правой ее стороне, то нашли гроб, обложенный тремя камнями[4380] и покрытый досками. Приведенные этим открытием в недоумение, рабочие пошли и рассказали о нем архимандриту Кириллу. Тогда последний повелел ударить в било[4381]. Тотчас ко гробу собрались братия, радуясь весьма великой радостью. После этого архимандрит, взял с собою некоторых из братии, отправился к епископу Симеону и рассказал ему о дивном чуде. Выслушав рассказ, епископ Симеон прославил за это чудо Бога, причем сказал следующие слова.

– «Господи! Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф.11:25).

Вскоре после этого он со всем духовенством пришел в обитель и поклонился гробу блаженного Евфимия, благодаря Бога, прославляющего преподобных Своих. Затем открыли гроб и увидели, что лице преподобного светло и одежды, которые были на нем, будто только вчера одеты. Предивное чудо! Столько прошло лет[4382] и не только тело преподобного не истлело, но даже и одежд его не коснулось тление! Целовав мощи преподобного отца, при пении надгробных псалмов и песней поставили их в стене церкви боголепного Преображения Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, где они находятся и доныне. Это произошло в 4 день месяца июля 1507 года. Богу нашему слава теперь, всегда и вечно.

Житие преподобного отца нашего Афанасия Афонского

Память 5 июля

Преподобного Афанасия[4383], достойного бессмертных похвал к смертной человеческой жизни произвел город Трапезунт[4384]. В обучении книгам его возрастила Византия (Константинополь[4385]), а обитель Кименская[4386] и гора Афонская[4387] принесли его как плод, угодный Богу. Родители Афанасия были люди благородные и благочестивые. Его отец происходил из Антиохии[4388], а мать из Колхиды[4389]. Проживали же они в Трапезунде. Отец Афанасия умер еще до появления последнего на свет, а мать, родивши Афанасия и возродивши его святым крещением, отошла к Богу вслед за мужем. Отроку во святом крещении дано было имя Аврамия. Ребенка, уже в пеленах, по смерти родителей, оставшегося круглою сиротою, взяла на воспитание одна благородная черноризица. Еще в отроческом возрасте Аврамия проявлялись признаки, предуказывавшие на образ его жизни в будущем, когда он станет совершеннолетним. Малым ребенком он вел себя наподобие разумного и добронравного мужа, так что даже когда у него происходили со сверстниками детские игры, то последние не назначали Аврамия царем или воеводой, но – игуменом. И действительно, уже с детства он привыкал к иноческой жизни; видя воспитывавшую его черноризицу, непрестанно пребывающую в молитвах и посте, и он насколько возможно для отрока, старался подражать ей, постясь и совершая молитвы. Больше своих сверстников преуспевал он и проходя начальную по тому времени школу. Так возрастая телом и разумом, Аврамий вышел из отроческого возраста. – В то время скончалась черноризица, заменявшая ему мать. Вторично осиротевший отрок Аврамий оплакал ее кончину, как кончину действительной матери своей. Затем он пожелал побывать в Византии для приобретения дальнейшего образования. Бог, заботящийся о сиротах, следующим образом привел в исполнение его желание. В то время в Греции царствовал

благочестивый император Роман[4390]. Им был послан в Трапезунд для собирания торговых податей один из дворцовых евнухов[4391]. Последний, познакомившись с благовидным и разумным отроком Аврамием, взял его с собою в Византию и здесь поручил одному выдающемуся учителю, по имени Афанасию, заботу о его философском образовании. Ученик в скором времени по познаниям сравнялся с учителем. В те годы в Византии проживал один воевода по имени Зефиназер, который сосватал родственницу Аврамия своему сыну; познакомившись с Аврамием, он взял его в свой дом. Юноша Аврамий, хотя и пребывал в богатом доме, изобилующем изысканными яствами, тем не менее не оставлял постнического воздержания, к которому привык у воспитавшей его черноризицы. Избегая удовольствия от брашен, Аврамий не соглашался есть за трапезою воеводы, но удовлетворял свой голод, – и то по необходимости, – неваренym зелием и овощами. Он всегда старался быть бодрым; поэтому, желая победить естественный сон и уничтожить дремоту, он наполнял лохань водою, в которую и погружал свое лицо; всячески изнуряя себя, Аврамий умерщвлял свою плоть и порабощал ее духу. За такую добродетельную жизнь, а также и за выдающийся разум, Аврамий был любим всеми и стал известен людям и даже самому императору. Последним Аврамий назначен был учителем в государственном училище на одинаковых правах с бывшим наставником его Афанасием. А так как учение Аврамия больше нравилось, чем Афанасия, отчего к нему собиралось больше учеников, чем к Афанасию, то последний, завидуя своему прежнему ученику, начал ненавидеть его. Узнавши о сем, блаженный Аврамий в скором времени оставил учительскую должность, не желая опечаливать своего учителя; он проживал в доме вышеозначенного воеводы, предаваясь своим обычным подвигам. После этого от императора последовал воеводе приказ – отправиться, по требованиям государственной необходимости, в Эгейское[4392] море. Воевода, сильно любивший Аврамия, взял и его с собой, когда удалился в плавание по приказанию царя. Они доплыли до Авида, а отсюда достигли Лименя. Здесь Аврамий, заметивши Афонскую

гору, весьма полюбил ее и помышлял о том, чтобы поселиться на ней. Когда они, исполнив поручение императора, вернулись домой, то, по Божественному усмотрению, в Константинополь из находящегося близ Афона Кименского монастыря прибыл преподобный Михаил по прозванию Малеин. Когда Аврамий, слышавший о богоугодной жизни преподобного отца, узнал об этом, то чрезвычайно обрадовался и отправился к нему. Он получил высокое наслаждение от беседы со старцем; и после его боговдохновенных наставлений Аврамия охватило еще более горячее желание отвергнуться мира, чтобы служить Богу в иноческом чине. Он открыл свое намерение и желание преподобному Михаилу, сообщив при этом о себе, – откуда он, кто его родители, какое он получил воспитание, и почему он проживает в доме военачальника. Прозирая, что Аврамий явится сосудом Святого Духа, преподобный весьма полюбил его и долго поучал о спасении, сея в его сердце, как на удобренной почве, семена словес Божиих, дабы он принес сторичный плод добродетелей. В то время, как они вели духовную беседу, пришел навестить преподобного Михаила его племянник Никифор, военачальник Востока, который впоследствии был греческим императором[4393]. Во время беседы со своим преподобным дядей, он заметил юношу Аврамия и спросил о нем старца, кто он такой. Святой сообщил ему всё касающееся Аврамия, а равно и о том, что последний желает быть иноком; с этого времени Аврамий стал известен Никифору. Спустя несколько дней преподобный Михаил возвратился из Константинополя в свою обитель; Аврамий же был не в состоянии пребывать более среди житейской суеты, но презирая всё мирское, увлекаемый стремлением к иночеству и любовию к преподобному, поспешно отправился к нему. Дойдя до Кименской обители, он упал в ноги святому старцу Михаилу, со слезами умоляя облечь его в иноческий образ и тем присоединить к избранному стаду словесных овец Христовых. Преподобный Михаил приветливо встретил Аврамия: не откладывая исполнение его просьбы и не посылая его в разряд испытуемых, преподобный Михаил немедленно постриг Аврамия с именем Афанасия, как уже опытного подвижника, ибо

он замечал в нем горячую любовь к Богу. Хотя в той обители и не существовало обычая одеваться инокам после пострижения во власяницу, блаженный Михаил облек, однако, ею Афанасия, – как бы вооружая доблестного воина Христова в броню против супостатов; Афанасий умолял святого старца положить на него послушание – во всю неделю вкушать пищу только однажды. Но премудрый наставник отсекая волю своего ученика, приказал ему принимать пищу на третий день. Афанасий с усердием проходил все назначавшиеся ему монастырские и церковные послушания, пребывая неутомимым и в иноческих подвигах. Свободное же от монастырских работ время, он посвящал, по приказанию своего духовного отца, на переписку священных книг. За такое трудолюбие Афанасия любили вся братия; так, в течение четырех лет он показал себя совершенным в иноческой жизни. – Затем преподобный отец повелел ему проводить жизнь в безмолвии, в келье, находившейся в пустыне и отстоявшей от обители на одно поприще[4394]; при сем старец дал ему следующую заповедь относительно поста: не на третий день вкушать пищу, как доселе он имел обыкновение, – но на второй, – есть сухой хлеб и пить немного воды; во все же Господские и Богородичные праздники и в дни воскресные он повелел ему, начиная с вечера и до третьего часа дня, пребывать без сна в молитвах и славословии Божием.

По прошествии некоторого времени вышеупомянутый военачальник Востока Никифор – племянник преподобного Михаила, исполняя царскую службу и проходя мимо обители, зашел к своему преподобному дяде Михаилу; во время беседы с ним он вспомнил об Аврамии и спросил:

– Отче, где находится отрок Аврамий, которого я видел у тебя в царствующем граде?

– Он молит Бога о спасении вашем, – отвечал старец. – В настоящее время он уже монах и переименован из Аврамия Афанасием.

Случилось, что с Никифором находился брат его – патриций[4395] Лев. Они оба, выслушавши о добродетельной жизни Афанасия, просили позволения увидеться с ним, и так как старец не противился этому, то они отправились к месту

Афанасиева безмолвия. Встретивши их, Афанасий вел с ними беседы, исполненные духовной премудрости, ибо уста его были насыщены благодатию Духа Святого. Они так усладились его речами, что выразили желание навсегда остаться с ним, если бы только им было возможно освободиться от своих должностей и мирских забот. Возвратившись за тем к преподобному Михаилу, они сказали ему:

– Благодарим тебя, отче, за то, что ты показал нам сокровище, которое ты имеешь утаенным на поле твоей паствы.

Между тем старец, призвавши Афанасия, приказал ему снова предложить пришедшим учительное слово о спасении души. И устами святого действовала благодать Господня так, что слушающие речи его умилялись, сокрушались сердцем и плакали. Да и сам старец изумлялся благодати поучения, исходящей из уст Афанасиевых. С этого времени военачальник Никифор и патриций Лев весьма полюбили блаженного Афанасия. И, уединившись с ним, Никифор открыл ему свое намерение, говоря:

– Отче, я желаю устраниться от мирской бури и, избегнувши житейских забот, служить Богу в иноческом безмолвии. Это желание и намерение окрепли у меня главным образом под влиянием твоих боговдохновенных речей, и я питаю надежду с помощью твоих святых молитв получить желаемое. Блаженный Афанасий отвечал ему на это:

– Господин! На Бога возложи твою надежду – и Он устроит относительно тебя, как желаешь.

Таким образом после продолжительных бесед Никифор и Лев с большою пользою для своих душ возвратились в свой путь.

Преподобный Михаил имел намерение поставить Афанасия после себя игуменом, ибо сам он уже состарился и приближался к кончине. Узнавши об этом, Афанасий, хотя и не желал расстаться с любезным отцом своим, тем не менее убежал оттуда, боясь бремени начальствования и считая себя недостойным пастырского сана; он странствовал по Афонской горе, посещая пустынных отцов, и примером их добродетельной жизни возбуждался к высшим подвигам. Найдя в расселинах

скал несколько братий, проживающих неподалеку друг от друга, он поселился среди них и стал подражать их суровому образу жизни. У них не было никакой заботы о теле, не было ни крова, ни пищи, ни имущества, но ради Бога они охотно и с радостью переносили и мороз, и жар, и голод.

Последний они удовлетворяли дикими овощами, произраставшими в той пустыне, и то немного вкушая их в положенный час. В то время скончался преподобный Михаил Малеин. Узнавши о его кончине, Афанасий плакал о нем как сын об отце. Он узнал также и о том, что военачальник Никифор с братом патрицием Львом снова должны будут проходить мимо того места, и побоялся, чтобы они опять не стали разыскивать его. Поэтому он покинул пустынников, ибо они были известны прочей братии и их часто посещали; опасаясь, что его узнают приходящие к ним, Афанасий отправился в дальнюю обитель, прозывавшуюся по-гречески: «Тузига». Найдя здесь некоего старца, в безмолвии жительствующего вне обители, он просил последнего принять его, а дабы не быть опознанным по имени, он переименовал себя вместо Афанасия – Варнавою.

Между тем старец расспрашивал его, говоря:

– Кто ты, брат, откуда и по какой причине пришел сюда?

– Я был корабельщик, отвечал Афанасий, – и, попавши в беду, дал обещание Богу отвергнуться мира и сокрушаться о грехах моих. По этой причине я облекся во святой иноческий образ и, наставляемый Богом, пришел сюда к твоей святости, желая пребывать с тобою и получать от тебя руководство на пути спасения. Имя же мое Варнава.

Поверивши рассказу Афанасия, старец принял его, и остальное время Варнава проживал со старцем, во всем повинуясь ему как отцу. По прошествии же некоторого времени, он сказал старцу:

– Отче, начни обучать меня грамоте, чтобы я мог хотя немного уметь читать Псалтирь. Когда я жил в миру, я ничего другого не знал кроме плавания на корабле.

Блаженный Афанасий затем притворялся неграмотным, чтобы не быть узнанным и опознанным теми, кто стал бы искать его. Тогда старец написал для него азбуку и учил его, как

никогда не учившегося простеца. Варнава между тем притворялся, будто не может понять и уразуметь азбуки. Так он поступал в течение долгого времени, а старец печалился за него, а иногда разобидевшись, с гневом прогонял его от себя. Названный же Варнава смиренно говорил:

– Отче, не отгоняй меня неразумного и дурного, но Бога ради потерпи и помоги мне твоими молитвами, да подаст мне Господь разумение.

После этого ученик как бы понемногу стал уразумевать письменные слоги и вселял надежду в старце относительно усвоения учеником в будущем книжного знания. В то время знаменитейший восточный военачальник Никифор, узнавши, что Афанасий убежал из Кименского монастыря, был весьма опечален и размышлял, как бы найти его. Он писал к судье Солунскому[4396], чтобы тот, дойдя до Афонской горы, точно разузнал об Афанасии. Прочитавши письмо, судья немедленно с поспешностью отправился во святую гору и, призвавши прота, начальника над всеми игуменами Афонских монастырей, расспрашивал его об иноке Афанасии, описывая ему признаки его лица и возраста и книжное искусство, как сообщил ему Никифор. Прот с уверенностью утверждал:

– Такой муж, какого вы ищете, не приходил на сию гору, а впрочем, – добавил он, – точно сего я не знаю. В скором времени у нас соберется собор, на котором должны присутствовать проживающие на сей горе. И вот, если отыскиваемый вами инок находится где-нибудь на этой горе, то он, конечно, явится в числе других на собор, и в то время мы узнаем его.

Судья вернулся в Солунь.

Тогда на Афоне существовал обычай, чтобы братия трижды в год собиралась в так называемый Карийской Лавре в три нарочитых праздника: Рождества Христова, Пасхи и Успения Пресвятой Богородицы. Собираясь в сие время, иноки праздновали вместе, причащаясь Божественных Таин Тела и Крови Христовых и вкушая общую трапезу. Когда наступил праздник Рождества Христова и собрались из монастырей и пустынножительных келлий отцы и братия, то явился и тот

старец – учитель назвавшегося Варнавою с своим учеником. Прот пристально всматривался в братию, отыскивая в числе ее такого инока, который бы подходил к признакам, описанным Никифором. Заметивши такого, он спросил его имя и так как услыхал, что его зовут Варнавою, то усомнился, – отыскиваемому иноку было имя Афанасий. Но впрочем прот решил определить личность инока по его книжному искусству. И вот, когда наступило время чтению и была предложена книга, прот приказал именовавшемуся Варнавою иноку прочесть пред собором установленное чтение. Но Варнава отказывался, утверждая, что он несведущий и неграмотный. Старец же его, замечая это, улыбнулся и, тихо засмеявшись, сказал приказывающему:

– Авво[4397], оставь, – брат неумелый и в настоящее время он учится лишь соединять буквы и слоги первого псалма.

Но прот настаивал на своем, приказывая читать под угрозою. Тогда блаженный Афанасий, замечая, что не может далее скрываться, к тому же и вынуждаемый угрозою, повиновался власти, установленной Богом, и стал читать как умел, – обнаруживая звучный голос и необычную выразительность, так что все слушавшие удивлялись. Удивился, а вместе ужаснулся и старец, замечая и слыша то, чего он не ожидал и стыдился за свое учительство, но вместе с тем и радовался, воздавая со слезами благодарность Богу за то, что сподобился быть учителем столь учительного мужа. Тогда Афанасий был узнан, и все относились к нему с уважением, а один из почтеннейших отцов, по имени Павел, из Ксиропотамской области, пророчески говорил братии об Афанасии:

– Сей, после нас пришедший на сию гору брат, упредил нас в добродетели и будет по славе первейшим нас в Царстве Небесном. Он будет для многих отцом и наставником на пути спасения.

Прот после этого сообщил Афанасию, что его ищут Никифор с братом своим Львом. Афанасий умолял прота не сообщать о нем, дабы ему не лишиться святой горы. Тогда и прот, понявши, что потерять такого мужа будет лишением для Афона,

обещался не открывать его отыскивавшим. Афанасию же он приказал безмолвствовать в уединении в пустынной келлии, отстоящей от лавры[4398] на три поприща. Здесь, трудясь для Бога наедине, преподобный Афанасий имел пропитание от рук своих. Он переписывал книги, так как был каллиграф и скорописец, в течение шести дней, не оставляя при том обычного монашеского правила, переписывал всю Псалтирь; за переписку книг отцы снабжали его хлебом.

Когда преподобный Афанасий проживал в безмолвии, в то время вышеупомянутый Лев, брат Никифора, бывший уже военачальником на Западе, возвращаясь с войны после победы над дикими скифами, одержанной с помощью Божией и Пречистой Богоматери, зашел на Афонскую гору воздать благодарение за победу над врагами Христу Богу и Его Пречистой Матери. После благодарственного моления, Лев прилежно расспрашивал об Афанасии и, узнавши об его местопребывании, отправился к нему в безмолвную келью. Увидавши Афанасия, Лев сильно обрадовался, приветливо обнимая его, и от радости даже плакал. Он день и ночь проводил в беседах с Афанасием, наслаждаясь его Богомудрыми речами. Замечая сильную любовь военачальника к Афанасию, иноки просили последнего, чтобы он попросил Льва устроить для иноков в Карейской Лавре новую обширную церковь, так как старая была мала и не могла вместить всей братии. Афанасий сообщил об этом военачальнику. Христолюбивый воевода немедленно с радостью дал им множество серебра и золота на постройку церкви. Простившись затем с Афанасием и прочими отцами, Лев пошел своим путем к Константинополю, где и сообщил об Афанасии брату своему Никифору. С этого времени Афонские отцы стали относиться с особенным уважением к Афанасию, восхваляя его; многие стали приходить к нему и для душевной пользы.

Между тем преподобный, любя безмолвие и отовсюду избегая человеческой славы, удалился из места своего поселения и обходил внутренние места горной пустыни; наставляемый Богом, он пришел на самый край Афона, в местность прозывавшуюся Мелана, имевшую обширнейшую

пустыню и далеко отстоявшую от остальных жилищ постников. Устроивши на одном холме, с площадкой наверху, шалаш, Афанасий начал здесь подвизаться, стремясь к высшим подвигам. Первоначально коварный враг диавол, желая изгнать преподобного, делать это новое место поселения для него ненавистным, возбуждая в нем настойчивую, с трудом побораемую, мысль удалиться. Но добрый подвижник побеждал свои сомнения таким размышлением:

– Перетерплю здесь весь этот год, а по окончании года поступлю так, как Бог устроит.

Когда же прошло означенное время, то в последний день года подвижником с особенною силою овладели помыслы, влекущие его оттуда, так что он сам себе сказал:

– Утром уйду и возвращусь в Карейскую Лавру.

Затем он встал на молитву, совершая пение третьего часа, и внезапно появившийся свет небесный облистал его, и облако помышлений тотчас рассеялось. С чувством несказанного веселия и восторга святой изливал от переполненного Божественной любовью сердца радостные слезы. С того времени преподобный Афанасий получил дар умиления и плакал, когда желал. Место же то он настолько возлюбил, насколько раньше оно было ненавистно для него, и он жил в нем, прославляя Бога. В это время военачальник Никифор был отправлен императором с войском на остров Крит[4399], которым завладели тогда мусульмане. Не надеясь на силу греческого войска, но ища молитвенной помощи у святых отцов, Никифор послал одного из доверенных ему лиц на корабле на Афон, написавши ко всему собору афонских отцов просьбу о молитве их к Богу, чтобы подана была ему свыше помощь против мусульман. Он просил еще прислать к нему Афанасия, который, как он слышал от брата своего Льва, проживает на Афоне. Прочитавши письмо военачальника, афонские отцы совершали неленостные молитвы о нем, затем, отыскавши Афанасия в пустыне и призвавши его на собор, приказывали ему идти к военачальнику. Первоначально Афанасий совсем было не хотел идти и едва повиновался, будучи побуждаем угрозами старцев. Вместе с ним отправили и одного из уважаемых старцев,

которого Афанасий почитал своим учителем, следуя за ним как ученик. Севши на корабль, они отплыли в Крит. Когда они явились к благочестивому военачальнику Никифору, то последний, лишь только увидел Афанасия, подбежал, бросился ему на шею, облобызал его и плакал от радости, почитая его как своего духовного отца. Заметивши же, что Афанасий относится к своему спутнику – старцу как ученик к учителю, Никифор удивлялся его смирению и, оставивши всё управление внешними делами, проводил время в духовной беседе с преподобным Афанасием. Он вспоминал при этом свое давнишнее обещание отречься от мира и сделаться иноком; и умолял преподобного первоначально устроить в той пустыне, в которой он сам проживает, келлии для молчальников. Никифор давал Афанасию серебра и золота на устройство этих келлий, но Афанасий, любя беспечальную и безмолвную жизнь, отказался от хлопот о келлиях, не принял серебра и золота, чем весьма опечалил военачальника. Пробывши вместе лишь несколько дней и насладившись взаимным лицезрением и дружелюбными беседами, они расстались. Афанасий возвратился на Афон, а военачальник отправился на войну и, по молитвам святых отцов, победил мусульман и снова присоединил Крит к Греции. Вскоре затем военачальник Никифор опять отправил на Афон одного из своих приближенных по имени Мефодия (который потом был игуменом Кименской обители) с золотом к преподобному Афанасию, на устройство келлий. Золота послано было литр[4400] шесть.

Блаженный Афанасий, увидавши теплую любовь к Богу Никифора и его доброе намерение и сознавши, что оно дело Божия изволения, принял золото и начал заботиться о стройке. Очистивши помянутое место, он прежде всего поставил келлии для безмолвия Никифору, устроил храм во имя святого Иоанна Предтечи, а потом у подножия горы воздвиг прекраснейшую церковь во имя Пречистой Девы Богородицы. Когда приступили к постройке церквей, то завистливый враг начал ей препятствовать: у созидавших церковь людей цепенели руки и делались совсем неподвижными, так что их нельзя было

приблизить к устам. Уразумевши, что это дело бесов, преподобный горячо помолился Богу, отогнал козни лукавого и тем освободил от оцепенения руки рабочих. Таково было начало чудес великого отца. Окончив церковь в честь Пресвятой Богородицы, преподобный стал устраивать кругом нее келлии, – словом, созидать прекрасную обитель; он выстроил трапезу и больницу, странноприимный дом, затем для больных и странников баню, мудро устроивши и все прочие необходимые для обители здания; затем он собрал множество братии, дав ей в руководство строго общежительный устав, составленный по образу древнейших палестинских обителей; для вновь собранного словесного стада преподобный Афанасий явился игуменом, который был угоден Богу и к которому благоволила Пресвятая Богородица: ибо один из иноков видел Ее посещающей созданную преподобным обитель и церковь Свою; сподобившийся сего видения инок Матфей был подвижник, безукоризненно проходивший путь иноческой жизни и потому имевший чистые и просвещенные сердечные очи. Стоя в церковном собрании с благоговейным вниманием и страхом на утреннем пении, он узрел Пресветлейшую Деву, вошедшую в церковь с двумя пресветлыми Ангелами. Один из них шел впереди Ее со свечою, – а другой позади; Сама же Она, обходя братию, раздавала подарки. Братиям, поющим на клиросах, Она давала по одной золотой монете, а тем, которые стояли внутри церкви по прочим местам, давала по двенадцати цат, стоявшим же на паперти – по шести. Видевший сие Матфей и сам сподобился от Пречистых рук Ее принять шесть цат. После этого явления Матфей пришел к преподобному отцу и упрашивал его дать ему место в числе поющих, причем он рассказал святому, что он видел. Уразумевши, что то было посещение Пречистой Девы Богородицы, преподобный отец исполнился великой духовной радости. Относительно же раздаяния братии золотых монет, он заключил, что это были даруемые Ею каждому по достоинству различные благословения: стоявшим во время пения с горячейшею молитвой и вниманием давалось большее воздаяние, а которые менее внимали – те менее и получили. Зревший же то видение

потому был сравнен в меньшими, чтобы, с одной стороны, будучи опечален лишением большего, рассказал о видении, а с другой для того, чтобы не возгордился равенством своим с достойнейшими, но в смиренномудрии пребывал с меньшими. Через это явление с очевидностью обнаружилось, – каково было благоволение Пречистой Девы Богородицы к преподобному Афанасию и его обители. Каково же было устройство обители преподобного, каков в ней был порядок, уставы и законоположения, о всём том подробно описано в отдельной книге его жития[4401], – желающий пусть там и читает. Мы же, повествуя сокращенно, собираем особенные деяния (хотя они и все необыкновенны).

Преподобный Афанасий, услышавши, что военачальник Никифор по смерти царя Романа[4402] был поставлен царем в Греции за неоднократные победы над мусульманами, весьма опечалился, потому что в виду его обещания быть иноком, он принял на себя заботы об обители. (Да будет же известно, что это император Никифор прозывался также Фокою. Но это не тот Фока, который убил императора Маврикия и не тот Никифор, который воцарился после императрицы Ирины и был убит в войне с болгарами, но иной Никифор Фока – позднейший по годам;. Преподобный, скорбя о неисполнении Никифором обета, предполагал оставить всё и бежать. Приготовляясь к побегу, он сообщил братии, что желает идти к императору для устройства монастырских дел. Захвативши с собою некоторых из братии, он действительно отправился в путь и, дойдя до Авиды, оставил при себе троих братьев, а прочих возвратил в монастырь, говоря:

– Мне достаточно с сими троими уйти в Константинополь.

Когда они удалились, Афанасий написал письма к императору, напоминая ему о его обещаниях Богу и укоряя за суетное изменение прекраснейшего намерения и сообщая о своей скорби, – именно, что из-за него он возложил на себя столько забот. В конце письма он приписал следующее:

– Я не повинен пред Христом Господом в твоем обмане. Оставляю тебе новособранное Божие стадо; его ты вручи, кому

желаешь. Я со своей стороны думаю, что быть начальником достоин Евфимий, – инок выдающийся по жизни и учительству.

Написавши так, Афанасий не сообщил своим ученикам о том, что написал, но запечатавши письмо, выбрал одного из троих братий и вручив ему письмо, отправил его к императору. По прошествии же немногого времени, он отослал от себя в монастырь и другого ученика по имени Феодота, под предлогом навестить братию и поглядеть за порядком в монастыре. Сам он остался с одним учеником по имени Антонием; с ним Афанасий отправился в Кипр, где побывавши в некоторой обители, именовавшейся обителью «Священных» упросил игумена дозволить им жить в ближайшей к тому монастырю пустыне. Получив просимое, он стал жить в безмолвии для Бога, приобретая себе пищу трудами рук своих, именно переписывая, как и раньше, книги. Когда же тот брат, который был отправлен с письмом в Константинополь, передал последнее в руки императору, то император, взявши его, обрадовался. Но распечатавши и прочитавши письмо, он весьма сильно опечалился с одной стороны по причине своей неправды пред Богом, а с другой по тому, что преподобный Афанасий оставил обитель и неизвестно куда скрылся. И брат, узнавши о содержании письма, стал плакать и рыдать, что потерял отца своего. Император немедленно отписал в обитель, дабы начальствование над нею до времени принял Евфимий. Вместе с тем царь во все страны своих владений разослал приказ о розыске преподобного Афанасия. Это повеление императора достигло и острова Кипра и было близко к своему исполнению. Но преподобный, познавши о том, немедленно, взявши ученика, удалился на морской берег и, встретивши здесь по Божественному усмотрению корабль, сел в него и при помощи попутного ветра скоро пристал к другому берегу. Преподобный старец недоумевал, – в какую сторону ему обратиться. Он имел в виду направиться к святым местам в Иерусалим, но путь туда был неудобен по причине мусульманского нашествия. Не желал он уклоняться к сторонам Греции, по причине поисков его со стороны императора. Таким образом он не знал, куда держать ему путь. С наступлением ночи преподобный стал на молитву,

испрашивая у Бога совета и наставления. И вот ему было Божественное откровение и повеление, чтобы он возвратился на Афон в свою обитель, потому что его трудами она имеет быть приведена к окончательному внешнему и внутреннему завершению, причем многие через его наставления спасутся. Получив от Бога такое откровение, преподобный сообщил его Антонию, и они немедленно пустились в путь, по суше возвращаясь на прежнее место. От продолжительного многодневного пути у Антония заболели и отекли ноги. Они сильно горели, и он совсем не мог идти. Тогда преподобный, собравши немного растущей кругом травы и растерши ее в горсти, приложил к ногам ученика и, обложивши древесными листьями, перевязал своею головною повязкою, а затем взял больного за руку, поднял его, и Антоний немедленно воззвал:

– Слава Тебе, Христе Боже за то, что Ты облегчил мне болезнь!

Дальше он шел как и раньше, имея ноги здоровыми. Вышеупомянутый брат Феодот, которого преподобный отец отослал навестить братию, придя в обитель, застал в ней всех колеблющимися вследствие удаления отца и сокрушался об этом сердцем. Не перенося же потери своего отца, он отправился в Кипр, повсюду его отыскивая. Будучи в Атталии[4403], по Божественному усмотрению он встретил его на дороге; увидавши друг друга, они весьма обрадовались. Отец, услыхавши о смутах среди братии в обители, изменил радость на печаль. Феодота он немедленно отпустил в Лавру, дабы он сообщил братьям о его приходе, а сам отправился для молитвы в монастырь, находившийся в Лампидии. Здесь увидавши одного брата, потерявшего рассудок и неистовствовавшего, Афанасий возложил на него руку и исцелил его. Поучивши здесь немногое время, он отправился к Афону и достиг своей обители. Братия, когда увидали его, то подумали, что видят солнце и от радости восклицали:

– Слава Тебе Боже!

Все, подходя, целовали кто руки, кто ноги, кто рубище его. После этого преподобный по-прежнему снова стал всем управлять в обители, на ее созидание.

С течением времен явилась необходимость преподобному отцу самолично отправиться к императору с хлопотами по делам монастыря. Итак, он отправился и прибыл в Константинополь Узнав об этом, император радовался и вместе с тем стыдился: радовался, так как желал видеть преподобного и стыдился, потому что должен был показаться ему в императорском сане; поэтому он встретил его не как император, но как один из обыкновенных, простых людей. Взявши его за правую руку и облобызав ее, он привел его во внутреннюю палату своего дворца и, сидя наедине, они со слезами радости любезно вели взаимную беседу.

– Я знаю, отче, – говорил император, – что я виновник всех твоих трудов и скорбей, презрев страх Божий и не исполнивши моего обещания. Но умоляю тебя, – потерпи на мне, ожидая моего покаяния, когда Бог дарует мне возможность «воздать ему мои обещания».

Межу тем преподобный увещевал его быть боголюбивым, благочестивым, не гордым, милосердным, щедроподательным и, напоминая будущее воздаяние в жизни вечной, поучал его всем хорошим делам, приличествующим императору христианину. Преподобный пробыл в Константинополе много дней, часто дружески беседуя с императором. Отпуская его, император дал монастырю всё необходимое. Затем он утвердил указом, чтобы обители ежегодно давалось с острова Лимнос двести сорок четыре златника. Преподобный возвратился к братии с щедрою царскою милостью.

В то время как преподобный успешно подвизался и руководил на пути спасения множеством братий, – на него восстал со всею своею силою ненавистник добра диавол и вооружился на войну против храброго Христова воина. Об этом открыто было одному из старцев-подвижников, который, придя в исступление, видел бесовский полк, подходящий к горе Афонской; в полке этом находился один начальник, как бы тысячник – страшный и грозный, показывавший большую власть. Он разделил помянутый полк: сто бесов отправил обходить всю гору и уловлять иноков, а сам с девятьюстами отправился со страшной ненавистью в Афанасиеву лавру.

Прежде чем сообщено было это видение преподобному, его постигла следующая болезнь. Когда по своему обыкновению он трудился с другими работниками на морской пристани, случайно упало ему на ноги огромное дерево и переломило суставы и голени, так что святой лежал на одре болезни в течение трех лет. Впрочем он и во время болезни не желал оставаться в бездействии, но писал книги, в сорок дней оканчивая патерик. И лежа, он вооружался против невидимого супостата и, одерживая победу, отражал его козни. Тогда враг, не имея успеха в Лавре, отправился и возбудил старых простецов иноков, проживавших по прочим святогорским монастырям и проводивших жизнь отшельническую; он внушал им следующие неодобрительные мысли о действиях преподобного:

– Зачем Афанасий причиняет насилие святой горе и разоряет древние законы? Он воздвигнул многоценные здания, устроил новые пристани, выкопал новые водоемы, накупил волов, засеял поля, развел виноградники, словом – сделал гору мирским поселком.

Посоветовавшись между собою, эти старцы отправились в Константинополь к императору Иоанну, преемнику умершего Никифора[4404]; наговаривая на Афанасия, они упрашивали императора прогнать его с Афонской горы. Император через посланного призвал к себе Афанасия, уже выздоровевшего после болезни; увидав его и уразумев пребывающую на нем благодать Божию, император вместо того, чтобы разгневаться на подвижника, почувствовал к нему расположение; он весьма полюбил богодохновенного отца, оказал ему почет и осыпал его царскими благодеяниями. Он подтвердил и прежний указ, данный императором Никифором, чтобы в обитель давалась дань с острова Лимнос в размере двухсот сорока четырех златников и с почетом отпустил Афанасия обратно. Тогда те древние старцы-простецы, исполнившись стыда, раскаивались в своих замыслах и, приходя к преподобному, просили у него прощения. Устыдился и супостат диавол и, сильнее воспылавши гневом, снова во своим легионом напал на Лавру святого отца. Это нашествие видел честный старец Фома, имевший чистые душевные очи. Он после совершения

молитвословий третьего часа пришел в исступление и видел все горы и холмы, деревья и хворост переполненными небольшими эфиопами, которые, сердясь и пылая враждою, друг друга призывали к войне и битве, злобно и свирепо восклицая:

– До каких пор мы будем терпеть, друзья? Почему мы не растерзаем зубами здесь поселившихся? Почему не истребим их немедленно отсюда? Да и до каких пор будем терпеть их начальника врага нашего? Разве вы не видите, как он выгнал нас отсюда и завладел нашими местами?!

Когда они так говорили, вышел из келлии преподобный Афанасий. Увидавши его, эфиопы содрогнулись и смутились. Он же, напавши на них, бил их, ранил и отгонял; он не переставал наносить им побои, пока не отогнал всех далеко от Лавры. Когда старец Фома сообщил о видении преподобному, последний немедленно встал на молитву и со слезами умолял Бога сохранить свое стадо от зубов вражеских. И поистине преподобный молитвою как бы железным жезлом побивал и прогонял невидимых зверей. Последние же, хотя и убегали, но всё же, понемногу возвращаясь снова, не переставали своими кознями возбуждать вражду. В одном иноке они поселили такую ненависть к преподобному, что он не желал даже глядеть на него, и по действию бесов в нем так возросла злоба, что он покушался даже на убийство. Приготовивши и отточивши меч, он изыскивал подходящего случая, чтобы убить преподобного отца. Как-то раз ночью, когда все спали, а преподобный пребывал в своей келье в бодрствовании на молитве, убийца подошел к келлии святого, под предлогом, – будто имеет весьма нужное к нему слово; в то же время он держал под рукою обнаженный меч; он стукнул бесстрашно в дверь, говоря:

– Благослови, отче!

И голос его был голосом Иакова, а руки Исавовы[4405]. Преподобный же отец, будучи праведен как Авель, не знал, что снаружи стоит Каин и вызывает его для убийства[4406], – он спрашивал из келлии:

– Кто ты?

И немного приотворил дверь.

Убийца же, испугавшись отеческого голоса, с трепетом упал на землю. Бог, охраняющий верного Своего раба, внезапным ужасом поразил убийцу: его руки ослабли, меч упал на землю, и он сам лежал пред ногами отца распростертым на земле как мертвец. Видя это, преподобный удивился и ужаснулся, и поднимал лежащего с земли. Едва придя в себя последний растроганным голосом сказал отцу:

– Помилуй меня, отче, твоего заклателя! Прости мою злобу, которую я замышлял против тебя и прости нечестие моего сердца!

Зажегши свечу и увидавши на земле меч, отточенный как бритва, Афанасий уразумел замысел инока:

– Чадо, – сказал он, – как на разбойника вышел ты на меня с сим мечом?! Но перестань рыдать, зажми рот, спрячь эту вещь, никому не говори о случившемся и подойди ко мне – я облобызаю тебя; Бог же да простит тебе твое согрешение!

Таково было незлобие преподобного отца! С того времени он обнаруживал большую любовь к тому брату. Последний же, всегда воспоминая о своем грехе и наблюдая незлобие и любовь к себе отца, непрестанно рыдал и не мог утаить случившегося происшествия, обличая свой грех и прославляя добродетель преподобного. Он умер с искреннейшим раскаянием и преподобный так плакал о нем, как ни о ком другом. И еще один брат, подобно первому ненавидя отца, изыскивал случай истребить его из среды живущих на земле. Не зная же, как это устроить, он предался бесовским волхвованиям и чарованиям; причинивши отцу много смертельных волшебств и чарований, он не имел к своему удивлению никакого успеха. Случайно он спросил некоего брата:

– Причиняют ли человеку смерть чародейства?

Брат отвечал, что благочестивому и по-божески живущему человеку не может причинять вреда никакое чарование или волхвование. Выслушавши это, волшебник проклинал себя в своей совести. Узнавши же затем, как отец простил намеревавшегося убить его брата, он изумился его незлобию, умилился, пришел в страх Божий и, отправившись к отцу, упал ему в ноги, с большим рыданием исповедуя свой грех и

испрашивая прощения, которое он получил от незлобивого отца. Таким был преподобный Афанасий относительно согрешающих пред ним. За это Бог и прославил его повсюду. В его паству собралось множество братий из различных стран, не только из Греции, но и из Италии, из самого древнего Рима, из Калабрии[4407], Амалфии[4408], Иберии[4409], и – не из числа только простолюдинов, но из числа богатых и благородных. Даже игумены многих монастырей, бросивши свое начальствование, приходили под начальство к преподобному. Не только игумены, но и архиереи, оставляя свои кафедры и паствы, приходили в паству святого отца и желали быть его пасомыми. Из числа таковых были – великий между патриархами Николай, он же и Харитон, Андрей Хризополит и Акакий, просиявший в течение многих лет в постничестве. Точно так же и состарившиеся в непроходимых пустынях подвижники, придя, по Божественному строению, к отцу, водворялись в его лавре, желая назидаться примером его добродетельной жизни. Из числа последних был: преподобный Никифор, подвизавшийся вместе с святым Фантином в горах Калабрии. Им было Божественное видение, приказывавшее Фантину идти в Солунь, а Никифору на Афон к преподобному Афанасию, у которого он, проживши долгое время, преставился и был похоронен. По прошествии же некоторого времени, когда мощи его, по случаю вынутые из земли, переносилась в другое место, из сухих костей проистек источник благоуханнейшего, несравнимого ни с какими ароматами мира. Таковые-то святые отцы посылаемы были Богом под управление преподобного отца Афанасия, из чего ясно познается богоугоднейшая по сравнению с другими жизнь его. Подобно тому как от ветвей познается корень и от плодов дерево, так точно по успешным ученикам познается опытный учитель и по добрым овцам их добрый пастырь. Но уже пора, вкратце припомнивши о чудесах Афанасия, привести речь о нем к концу. Бог, прославляющий Своих святых чудесами, не лишил и сего великого угодника Своего дара чудотворения. Прежде всего скажем об его прозорливости.

Однажды наступил жестокий мороз. Преподобный позвал к себе одного из послушников по имени Феодора и сказал ему:

– Брат, взявши пищу, поспеши в Кесарийское (так именовалась на Афоне одна местность). Когда, идя по направлению к морю, будешь напротив Трохал, – встретишь трех, изнемогающих от мороза и голода и находящихся при смерти, мужей, один из которых инок. Подкрепи их хлебом, чтобы к ним возвратилась сила, и они согрелись, и приведи их сюда.

Отправившись, Феодор нашел всё действительно так, как пророчески сказал отец, и все дивились прозорливости святого. Некогда преподобному явилась необходимость по монастырским делам отплыть на корабле к острову с некоторым из братии. По попущению же Божию невидимый враг, желая потопить отца с братиею, поднял страшный ветер, бурю и волнение, опрокинул корабль среди пучины, так что всех немедленно затопила вода. Но десница Божия поспешно избавляющая от бед своего угодника в ту же минуту привела корабль в прежнее положение, укротила бурю и святой очутился сидящим при корме и призывающим к себе братию. Вода подносила их к кораблю как бы на руках. Преподобный же отец, вытаскивая их по одному из воды, всех собрал живыми. Не находился один лишь Петр Кипрянин; не видя его, отец взволновался сердцем и громко воззвал:

– Чадо Петр! Где ты?

И вместе с восклицанием отца Петр поднимался из глубины и подносился водой к кораблю, где и был принят руками преподобного. Таким образом сам преподобный и братия его спасены были от потопления; и злобный враг не только не порадовался, но еще более был постыжен. Блаженный отец всюду посрамлял врага, одерживая над ним победу и прогоняя его. Он изгнал беса из инока Матфея, жестоко мучимого нечистым духом. По молитвам святого прогонялись также невидимые мучители и от прочих, подвергавшихся пагубным страданиям. Преподобный владел также и силой исцелений и, прислуживая больным, многим оказывал чудесную помощь своими руками. Он исцелил прокаженного брата; другого страдавшего язвою также сделал здоровым. Третьего, имевшего раковую язву, уврачевал, сотворивши рукою на язве

троекратное знамение креста. Своею молитвою он отогнал саранчу, налетевшую на остров и пожиравшую всю без исключения зелень. Однажды, когда он с братией плыл на корабле по морю, почувствовался недостаток в питьевой воде, так что братия изнемогали от жажды; святой Афанасий приказал почерпнуть морской воды и, благословивши ее, превратил в пресную, ею братия и утолили жажду. Один брат по имени Герасим, обрабатывая в винограднике одну крепкую и высокую лозу, пожелал, так как он владел большой телесной силой, вытащить ее руками из земли. Пошатнувши лозу руками два и три раза, он тем не менее не смог ее вытащить, себе же повредил ужасно. У него надорвался живот, вышли внутренности, и он сильно страдал от боли. По молитве же и знамении святым крестом со стороны преподобного отца получил уврачевание. Тот же самый Герасим, приводя во свидетели Бога, повествовал и о следующем чуде:

– Когда я, – говорил Герасим, – проходил послушание разрезывания хлебов, – у меня явилась надобность сходить к отцу и спросить о каком-то деле. Случилось, что тогда он находился один на молитве в храме святых Апостолов. Я пошел к храму и, посмотревши в окно, увидал, что преподобный отец молился, причем лицо его было как пламень огненный. Я ужаснулся и немного отступил. Обождавши, я снова посмотрел и заметил, что лицо его, окруженное подобием огня, блестит как лицо Ангела. От страха я крикнул и произнес:

– О отче!

Он же, заметивши, что я испугался и понявши от чего, запретил мне кому-либо рассказывать о виденном.

О сем Герасим сообщил братии после преставления преподобного. Некий брат, будучи отправлен отцом на послушание в мирское селение, прельстился по искушению врага плотским грехом и совершил блуд. Сознавши затем тяжесть греха, он отчаивался в своих помыслах и, возвратившись в монастырь, припал к ногам святого со слезами и рыданием и исповедал ему свой грех и отчаяние. Преподобный, изучив его многими полезными наставлениями и убедив не отчаиваться в человеколюбии Божием, приказал ему

оставаться среди братии в своем первоначальном послушании. Между тем один из старцев, по имени Павел, узнавши о падении брата и соболезновательном милосердии отца, роптал и на первого и на второго: брата он укорял за то, что он осмелился совершить столь скверный поступок, нарушивши обет чистоты, а отцу говорил в лицо, что несправедливо прощать такого грешника, но ему необходимо понести многочисленные и тяжелые наказания. Тогда кроткий отец, сурово посмотревши на ропщущего, сказал:

– Павел! Смотри, что ты делаешь! За собой наблюдай, а не братии грехи рассматривай, ибо написано: «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (1Кор.10:12).

С того времени, по Божию попущению, невидимый искуситель стал уязвлять сердце Павла стрелами скверных помыслов и разжег огнем сладострастия плоть его, и Павел не имел покоя в течение трех дней и трех ночей, весь возгоревшись похотью плотского греха, так что даже стал отчаиваться в своем спасении. А что было хуже всего, так это то, что он стыдился даже открыть отцу свою борьбу. Зная духом об этом, преподобный, призвавши Павла к себе, наедине беседовал с ним о некоторых монастырских делах. Путем беседы он понемногу привлекал Павла к исповеданию плотской его страсти. Тогда Павел, упавши в ноги отцу, рассказал ему свою беду и просил у него облегчения. Преподобный преподав Павлу наставление не осуждать согрешающего брата, отослал его в послушание его. Он был келарем. Сам же, ставши на молитву, усердно со слезами помолился о нем Богу, и в тот же час Павел освободился от страсти. Он ощутил какой-то холод, излившийся на его голову и прошедший по всему телу до самых ног, и от того погасло в нем похотливое раздражение плоти. Другой брат, по имени Марк, уроженец Лампсакии, жестоко обуревался такою же греховною плотскою похотью; придя к отцу, он исповедал пред ним свою страсть и испрашивал у него молитвенной помощи. По прошествии же нескольких дней, он увидел отца в сновидении, спрашивавшего его:

– Как ты чувствуешь себя, брат?

– Весьма жестоко страдаю, отче, – отвечал тот.

– Растянись ничком по земле, – сказал отец.

Когда же он распростерся по земле, отец наступил своею ногою на его лядвия. Он же поднявшись от давления ноги, почувствовал, что исцелен от страсти и с того часа имел спокойствие, не испытывая более плотского волнения. Изложивши вкратце сии немногие из многих чудеса преподобного отца нашего, совершенные им при жизни, станем повествовать о его преставлении.

Так как, – о чем уже упоминалось раньше, – к преподобному отовсюду собиралось множество братии, то, для помещения всего собора братии явилась нужда распространить церковь; поэтому к церковным стенам подстраивались паперти и приделы. Когда было не окончено строение одного придельного алтаря, прилучилась необходимость самому отцу взойти туда и посмотреть на производившуюся работу, – раньше чем отправиться в предстоящий ему тогда путь в Константинополь; он собирался идти к императору по делам монастырским. Итак, прежде всего призвавши братию, он предложил ей поучение блаженного Феодора Студита[4410], присоединив полезные увещания и от своих благоглаголивых уст. Затем, затворившись в келье, он молился в течение долгого времени. После этого он вышел из келлии одетый в мантию, имея на голове священный куколь (клобук) блаженного отца своего Михаила Малеина, который он имел обыкновение надевать на себя только лишь по большим праздникам и во время причащения Божественных Христовых Таин: и в этот день он точно совершал праздник и был светел лицом как Ангел Божий. Захвативши за тем с собою шестерых братий, он отправился с ними на работы. Когда они были уже на верху здания, то по недоведомым судьбам Божиим провалился верх последнего и всех уронил вниз, засыпал землею и камнями. Пятеро немедленно предали Богу свои души, а отец и с ним один строитель, по имени Даниил, остались живыми между каменьями. Все тогда слышали голос преподобного отца, взывавшего в течение трех часов или даже больше:

– Господи Иисусе Христе, помоги мне! Слава Тебе Боже!

Сбежавшая братия с рыданием и говором разрывали каменья и землю какими случилось орудиями, а то руками и ногами. Они откопали отца уже скончавшимся о Господе, не поврежденного телом; только лишь правая нога его была поранена. Около же него откопали живым строителя Даниила, всего разбитого, и вынесли их оттуда. Такова была кончина преподобного отца нашего Афанасия, которая, быть может, кому-нибудь покажется и бесчестной, ибо он скончался не на одре болезни, но «дорога в очах Господних смерть святых Его!» (Пс.115:6) Для угодника Божия его кончина, о которой ему было не неизвестно, явилась виновницею мученического венца. Провидя оную духом, он предсказал ее за некоторое время своему ближайшему ученику Антонию:

– Прошу тебя, – говорил он, – совершить тот путь, который предстоит нам по монастырским надобностям в Константинополь. Мне, как то угодно Богу, более не увидать царя земного.

После своей кончины[4411] преподобный лежал не погребенным три дня, пока не собрались отцы из всех святогорских обителей и не устроили ему почетных похорон. Честное тело его не изменилось, не отекло, не потемнело и лицо его было как бы лицо живого спящего человека; не ощущалось и обычного от мертвеца запаха. О нем у всех был большой плач. А когда совершали над ним похоронные песнопения, то из его раны, которая была на ноге, вопреки природе вытекала кровь. Кто когда замечал, чтобы из раны трехдневного мертвеца истекала кровь? Заметивши это, некоторые из почтенных старцев собирали сию кровь в полотенца и помазывались ею, как великою святынею на благословение. Так погребли честное тело преподобного отца. Телеса же пяти братий, найденные между обрушившимися каменьями, честно погребли раньше. Разбитый Даниил оставался живым в течение нескольких дней и со вздохом поведал о видении, которое было ему в ночь пред кончиною преподобного:

– Я видел, – передавал Даниил, – будто, вот, от императора явился некий светлый посол, который звал к нему отца. И

действительно отец, вышедши из лавры, с шестью братьями, – в числе которых находился и я, – последовал за послом. И вот, когда мы пришли к прекраснейшему царскому дворцу и приблизились к дверям, то преподобный отец с пятью братьями вошел в царскую палату, а я оставлен был наружи и весьма плакал. Изнутри я услыхал тогда кого-то, говорящего мне:

– Ты напрасно рыдаешь, человек, – ты не можешь войти внутрь, если тебе не позволит отец, с которым ты пришел.

Я же, услышавши это, начал сильнее рыдать и призывал отца умилительным голосом. По прошествии немногого времени, отец, выйдя, взял меня за правую руку и ввел во дворец, и я сподобился видеть царя и поклонился ему.

С сими словами Даниил предал душу свою в руки Божии.

Воспомянем и еще о некоторых чудесах преподобного Афанасия, случившихся уже после его преставления. Вышеуказанному Антонию, постоянному ученику преподобного, привелось с некоторыми из братии по монастырским нуждам быть в Гагрской области. Путешествуя здесь, они к вечеру встретили стерегшего овец пастуха, который имел единственного сына, укушенного зверем и находившегося уже при смерти. Отец сильно рыдал о сыне. Увидавши проходящих мимо странствующих иноков, он упрашивал их завернуть к нему и, оказывая им гостеприимство, предложил им что имел в пищу – хлеб и молоко. Иноки удивились его добродетели, что он не оставлял страннолюбия даже и тогда, когда находился в такой печали, и соболезновали ему в его горе. Среди иноков был один брат, по имени Симеон, который имел при себе полотенце, омоченное кровью преподобного отца. Этим полотенцем Симеон обвязал рану ребенка, и последний немедленно заснул крепким сном и проспал до утра. Там же заночевали и иноки. Поутру ребенок встал здоровый, исцеленный от раны, и попросил есть. Тогда все прославили Бога. В другой раз, когда один из братий был опять послан на монастырское послушание, ему случилось войти в дом некоего христолюбца, где лежала на одре болезни женщина, в течение долгого времени страдавшая кровотечением. Мужи все домашние скорбели о ней. Узнав о причине их скорби, инок сказал:

– Я имею на полотенце кровь святого Афанасия и если желаете, то омочим окровавленное полотенце в воде, выжмем его, а воду ту пусть выпьет больная, и она будет здорова.

Больная женщина, услышавши речи инока, стала слезно упрашивать его, дабы он поскорее исполнил свое предложение. Тогда инок, приготовивши такую воду с кровью святого, подал ей. Женщина, приняв воду, сказала:

– Святой Афанасий, помоги мне!

И выпила всю. Немедленно после этого остановилось у ней кровотечение, и она стала здоровой. Опять, в другой раз, как-то инок Симеон и инок Георгий отправлены были на корабле для некоторых монастырских послушаний. Они доплыли до Певкийской пристани, где нашли некоего корабельщика умирающим, уже не говорящего в течение восьми дней, оплаканного друзьями и отчаявшегося в своем выздоровлении – они возложили на него обагренное кровью святого полотенце. Больной корабельщик немедленно, как бы воспрянув от сна, встал здоровым. Совершались также различные чудеса и при гробе святого. А именно: изгонялись из людей нечистые духи, у приходящих с верою и помазывавшихся елеем из горящей при его гробе лампады исцелялись различные недуги. Припомним также и следующее, что случилось с добродетельным иноком Евстратием. У последнего каким-то образом повредились внутренности, так что естественная необходимая моча вытекала у него не в виде воды, но виде крови. Этой болезнью он страдал в течение семи лет и несмотря на то, что прибегал ко многим врачам, последние были не в состоянии ему помочь. Отказавшись от врачей, он положился на Бога, молясь о ходатайстве пред Ним преподобному отцу Афанасию. Как только он прибегнул к сему подающему исцеления врачу, то и получил от него исцеление следующим образом. – В сновидении ему казалось, будто он находится за трапезой и видит: на обычном игуменском месте сидел преподобный отец, а пред ним полная склянка воды и блюдо винограда. Преподобный, взявши несколько виноградин, положил их в воду, которую давал Евстратию выпить. Евстратий же, предполагая, что это обыкновенное врачебное средство (от

которого он отрекся), не пожелал принять. Тогда отец сказал ему:

– Не бойся, выпей, и тебе это будет во здравие.

Тогда Евстратий, приняв и выпив, пробудился от сновидения и с того часа почувствовал себя совершенно исцелевшим от сего недуга.

Но уже благовременно закончить теперь слово о жизни, подвигах и чудесах преподобного, изложенное с сокращениями на основании книги, подробно повествующей о святом муже.

Да будет дивному во святых Своих Богу, проявившему Свою чудесную милость и силу на преподобном Афанасии, бесконечная слава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Еже во плоти житию твоему удивишася Ангельстии чини, како с телом к невидимым сплетением изшел еси, приснославне, и уязвил еси демонския полки; отонудуже, Афанасие, Христос тебе воздаде богатыми дарованьми: сего ради, отче, моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Яко невещественных существ зрителя изрядна, и деятельна сказателя всеистинна, взывает тя стадо твое богоглагольниче: не оскудей моля о рабех твоих, избавитися напастей и обхождений, вопиющым ти: радуйся, отче Афанасие.

Память преподобного отца нашего Сисоя Великого

Память 6 июля

Измлада возлюбив Бога, преподобный Сисой взял на себя иго креста и с усердием последовал за Христом, подвизаясь в пустынях египетских подвигами поста; он проводил жизнь равноангельскую, – смирением и молитвою побеждая полчища невидимых врагов. Местом его подвигов была пустынная гора, в которой подвизался преподобный Антоний Великий, и сам блаженный Сисой был подражателем жития Антониева. За свое смиренномудрие он получил такую благодать от Бога, что даже воскрешал мертвых, как явствует из Патерика[4412], где о святом Сисое сообщается следующее.

Некий мирянин отправился к авве Сисою на Антониеву гору за благословением, взяв с собою сына, малолетнего отрока. Случилось, что в дороге, разболевшись, сей отрок умер; но его отец не смутился, и с верою понес мертвеца к старцу. Войдя в келью преподобного, он упал к ногам его, положив у ног преподобного и своего умершего сына, как будто тот испрашивал у него благословения и молитвы. После того как старец совершил молитву и преподал благословение, мирянин вышел вон, оставив ребенка лежащего мертвым у ног старца. Старец не заметил, что ребенок мертв и, предположив, что он ждет благословения, сказал ему:

– Встань, дитя, и уходи отсюда.

И мертвец немедленно воскрес и пошел в след за отцом.

Тогда человек тот, увидав своего сына живым, возвратился с ним к старцу и, поклонившись, воздал ему благодарность. Старец, уразумев, что воскресил мертвого, весьма опечалился, ибо он не желал иметь славы чудотворца, и запретил тому человеку рассказывать о случившемся до самой его кончины.

Сего богодухновенного отца братия некогда спросили:

– Если брат впадет в грех, довольно ли ему для покаяния одного года?

– Жестоко слово сие, – отвечал на сей вопрос старец.

Тогда братия сказали:

– Итак, согрешившему подобает каяться только шесть месяцев?

– Много, – отвечал старец.

– Может быть, – снова спросили братия, – для его покаяния достаточно сорока дней?

– Много, – снова ответил старец.

Потом он сказал:

– Я верую в милосердие Человеколюбца Бога, и если человек покается всею душою, то Бог примет его покаяние в течение трех дней.

Один брат снова спросил старца, говоря:

– Как поступить мне, отче, так как я впал в грех?

– Исправься, чадо, – отвечал старец, – и спасешься.

– Но я, по исправлении, снова пал, – отвечал брат.

– Снова исправься, – сказал старец.

– До каких же пор, – спросил брат, – будет продолжаться мое падение и восстание?

– Пока не наступит твой конец и застанет тебя или в добре, или во зле; поэтому должно всегда пребывать в исправлении, дабы в нем же и кончина застигла.

Был у сего преподобного отца ученик Аполлос. По силе вражьего коварства в числе прочих пожеланий и искушений у него явилось желание священнического сана. В сновидениях ему являлись бесы в образе святителей, хиротонисавшие его во епископа. Пробудившись от сна, он начал упрашивать старца, дабы тот приказал идти ему в город к архиерею принять рукоположение во священника. Но старец воспрещал ему сие и, поучая его, вразумлял не искать сана выше своего достоинства. Огорчившись постоянным поучением и наставлением старца, Аполлос тайно бежал от него и удалился к родственникам в Александрию, дабы при содействии последних скорее получить пресвитерский сан.

Когда Аполлос шел по дороге, встретился ему в образе неизмеримо высокого человека бес. Он был наг и черен, с отвратительным лицом, с толстыми губами и железными когтями. Имея звериное подобие, он в то же время был похож и

на мужчину и на женщину. Распространяя смрад, бес являл пред глазами Аполлоса такое бесстыдство, что сего невозможно даже передать на письме. Кинувшись Аполлосу на шею, бес обнимал его руками и часто целовал. Аполлос ограждал себя крестным знамением и вырывался из рук его. Но бес говорил ему:

– Зачем ты убегаешь от меня? Знай, что ты мой, и люблю я тебя, ибо ты исполняешь мои желания. Я потому-то и пришел к тебе, дабы сопровождать тебя, до тех пор, пока не доведу до конца всех твоих желаний.

Будучи не в состоянии переносить его смрад и бесстыдство, Аполлос возвел очи на небо и громким голосом возопил:

– Боже, молитвами отца моего Сисоя, помоги мне и избавь меня от сей напасти!

И вот бес, отступивши от него на небольшое расстояние, преобразился в красивую нагую женщину и сказал ему:

– Подойди и удовлетвори твоему желанию, потому что ты много успокаивал меня твоими помыслами в своем сердце.

– Я хотел сделать тебя, – сказал потом бес, – священником и епископом, но молитвы Сисоя, сластолюбивого старца, отгоняют меня от тебя.

С сими словами бес стал невидим.

Объятый сильным страхом, Аполлос возвратился к старцу и припавши к его ногам, исповедал пред ним всё происшедшее и просил прощения. Он рассказал также и братии, какие страдания претерпел он от обольщения диавольского и как помогли ему молитвы преподобного отца Сисоя.

Поистине молитва его была сильна для отгнания бесов. Она и от другого ученика старца Сисоя, по имени Авраама, отогнала мучившего его нечистого духа. Все злые духи бежали от него, не смея приблизиться к храброму и непобедимому воину Христову.

Преподобный Сисой прожил в пустыне шестьдесят лет. Когда он уже был при смерти (причем в это время у него находились братия), просветилось лицо его, как свет, и он сказал братии:

– Вот, пришел авва Антоний.

Затем, немного помолчав, он снова сказал:

– Вот, пришел лик пророков.

И снова он просиял еще более и сказал:

– Вот, пришел лик Апостолов.

И вдвойне просияло лицо его, и он беседовал с невидимыми лицами.

Братия упрашивали его, говоря:

– Отче, скажи нам: с кем ты ведешь беседу?

И он сказал им:

– Это Ангелы пришли взять меня, но я молюсь им, дабы они оставили меня на короткое время, чтобы я мог покаяться.

– Тебе нет нужды в покаянии, отче, – сказали ему братия.

На сие старец ответил:

– Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего.

Но все братия знали, что он совершен в добродетелях. После этого он снова просиял еще сильнее и лицо его стало как солнце, и все убоялись сего. Тогда старец сказал:

– Вот, приходит Господь, взирайте все. Он говорит: принесите Мне избранный сосуд из пустыни!

С сими словами преподобный предал дух свой Господу[4413]. В сей момент появилась молния и храмина наполнилась благоуханием.

Закончив такою блаженною кончиною временную жизнь свою, преподобный Сисой переселился в жизнь бесконечную. И ныне он водворяется со Христом и наслаждается Его лицезрением вместе с теми ликами святых, коих он видел при своей кончине.

По молитвам преподобного отца нашего Сисоя, да сподобимся и мы сей радости благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Емуже слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и телеси Ангел, и чудотворец явился еси, богоносе отче наш Сисое, постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляеши недужныя, и души верою притекающих ти. Слава давшему тебе крепость: слава венчавшему тя: слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 4:

Подвизався, Ангел на земли виден был еси, озаряя, преподобне, помышления верных богознаменьми всегда: темже тя верою, Сисое, почитаем.

Страдание святой мученицы Лукии девицы и с нею Рикса и других

Память 6 июля

Святая мученица Лукия была родом из Сицилии[4414], из страны каппадокийской[4415]. Она взята была в плен викарием Риксом[4416], который стал принуждать ее принести жертву идолам, но она не согласилась на это и выразила решительное желание остаться рабой Христа. Викарий пришел в умиления от ее твердости, отпустил ее и ее служанок, дал ей особое помещение и дозволил ей в уединении предаваться молитве. Отправляясь однажды на войну, он просил ее помолиться о нем Богу и по ее молитве возвратился с войны победителем. Спустя 20 лет после этого святая Лукия стала просить викария отпустить ее в Кампанию, чтобы там принять мучения за Христа. Но он не пожелал отпустить ее одну и, оставив свое царство, богатство, жену и детей, сам отправился с нею. Когда они прибыли в Кампанию, то здесь схвачены были бывшим тогда игемоном[4417], и по приказанию последнего им отсекли головы. Вместе с ними были преданы мучениям и другие святые мученики, а именно: Антоний, Лукиан, Исидор, Дион, Диор, Кутоний, Аронос, Папик и Сатурн[4418] и среди этих мучений скончались[4419].

Страдание святого мученика Коинта

Память 6 июля

Сей святой мученик родился во Фригии[4420] и здесь наставлен был в христианском благочестии. Пришедши затем в Неолиду[4421], он раздавал бедным милостыню и исцелял одержимых нечистыми духами. Начальник области Руф стал принуждать его принести жертву идолам, но тут же подвергся беснованию, и святой исцелил его. За это Руф наградил его подарками и с почестями отпустил его. Идя после этого по дороге к Пергаму[4422], святой Коинт схвачен был язычниками из города Ким[4423], которые и подвергли его мучениям, но в это время внезапно произошло землетрясение, от которого идольские капища разрушились и идолы попадали на землю. Тогда мучители, прекратив мучения, связали святого и в таком положении оставили его. Вскоре после этого некто Клеарх, вновь назначенный правитель города, прибыв в Кимы, приказал схватить святого Коинта и сокрушить ему голени, но святой выздоровел, прожил после этого еще десять лет и, совершив множество чудес, отошел ко Господу[4424].

Страдание святых мучеников Марина, Марфы, Авдифакса, Аввакума, Кирика, Валентина пресвитера, Астерия и многих других

Память 6 июля

В царствование римского императора Клавдия[4425] пришел из Персии в Рим некий муж благородного происхождения, богатый и по вере христианин, именем Марин, с женою своею, Марфою, и двумя сыновьями, Авдифаксом и Аввакумом, чтобы поклониться гробам святых Апостолов[4426] и других святых. Находясь в Риме, они стали посещать христиан, содержавшихся в оковах, и погребать тела тех, которые были казнимы за веру во Христа. Перейдя реку Тибр[4427], они нашли там в другом городе святого мученика Кирика, который был заключен в темницу и который перенес уже до этого много страдания за Христа. Придя к нему, они поверглись к ногам его, прося его, чтобы он помолился о них Господу, а потом стали служить ему и другим заключенным с ним Христовым узникам имением своим, умывали им ноги и кропили себя этою водою. Служа таким образом святым, они пробыли там восемь дней.

В это время император Клавдий повелел без суда предавать смерти всех тех, кто окажется принадлежащим к христианской вере. Незадолго пред этим были схвачены 260 человек христиан, которым по судебному приговору императора определено было копать землю, а место заключения их находилось за городом, при дороге, называвшейся Саларийской[4428], где производились гончарные работы. Всех этих христиан император повелел воинам расстрелять стрелами на месте народных зрелищ, а тела их сжечь огнем. Когда Марин и Марфа с сыновьями своими узнали об этом, то они сильно опечалились и, отправившись вместе с святым Иоанном пресвитером на место казни святых мучеников, тайно вынимали из огня тела их, какие только можно было вынуть, обвертывали в чистое полотно и погребали в пещере[4429], находившейся при

Саларийской дороге на склоне горы, называемой Кекумер. Вместе с телами этих святых мучеников они погребли и тело одного убитого за Христа императорского трибуна[4430], по имени Власта, и пробыли там много дней, вместе с пресвитером Иоанном, проводя время в посте и молитвах. Узнав об этом, император Клавдий повелел разыскать Марина и спутников его, но они не были найдены, потому что скрывались.

Возвратившись затем от этой пещеры и придя к темнице, где был заключен святой мученик Кирик, они не нашли его в ней, так как в ночь пред их приходом он был убит мечом и брошен в реку Тибр. Узнав, на каком месте было брошено тело святого, они подождали ночи и, когда наступила темнота, стали искать его и, нашедши, похоронили в пещере, в гробнице Понтиана[4431].

Когда после этого они проходили тою стороною Тибра, то в не рассеявшейся еще ночной темноте из горницы одного дома им послышались голоса поющих. Это были христиане, которые собрались вместе с епископом Каллистом и совершали всенощное богослужение, прославляя Бога. Услышав голоса поющих христиан, Марин и его спутники весьма обрадовались и, подошедши к дверям этого дома, стали стучаться, но христиане, бывшие в доме, не хотели открыть им дверей, так как боялись язычников, чтобы те не напали на них. Тогда святой епископ Каллист, обратившись к бывшим с ним, сказал:

– Будьте мужественны, не бойтесь. Христос стучит в наши двери. Откроем Ему, так как он нас к этому призывает.

Сказав эти слова, епископ сам пошел и открыл дверь. Когда Марин, Марфа и оба сына их увидели епископа, то поверглись к ногам его, прося у него благословения. Епископ же и все христиане обрадовались им и, введя их в горницу, с любовию приветствовали их и затем стали совершать молитву вместе с ними. Марин с женою и сыновьями своими пробыл в этом месте два месяца, причем днем они скрывались, а ночью собирались на молитву.

В это время император Клавдий повелел привести во дворец, находившийся вблизи народных зрелищ, на суд к себе и для допроса, взятого за исповедание Христа и закованного в

тяжелые оковы одного почтенного мужа, по сану пресвитера, именем Валентина, и сказал ему:

– Почему ты, живя среди народа нашего, не состоишь в согласии с нами? Я достаточно слышу о вашем христианском учении, и удивляюсь, как ты, будучи умным человеком, прельщаешься пустыми сказками вашей веры?

– Если бы ты знал дар Божий, заключающийся в вере нашей, – отвечал на это блаженный пресвитер Валентин, – то с радостью принял бы нашу веру и ты сам, и народ твой, отверг бы ложных богов и сделанных руками человеческими идолов и исповедал бы Единого всемогущего Бога Отца и Иисуса Христа, Сына Его, Творца всего существующего, сотворившего и небо, и землю, и море, и всё, что в них.

После этого один из находившихся при императоре, блюститель закона, громко сказал святому пресвитеру:

– А что ты думаешь о боге Дии[4432] и Меркурии[4433]?

– Ничего другого я не думаю, – сказал святой Валентин, – как только то, что они были жалкие и нечестивые люди, которые время жизни своей провели нечестиво, в пороках и удовольствиях. Да если расскажешь мне об их происхождении и их деяниях, то и сам увидишь до какой степени они были нечестивы.

После этих слов святого блюститель закона громко воскликнул:

– Этот человек порицает богов, правителей римского государства!

Император Клавдий, терпеливо выслушав этот разговор, сказал после этого Валентину:

– Если Христос есть Бог, то почему ты не изложишь мне всей правды о Нем?

На это святой пресвитер сказал императору:

– О царь! Послушай меня, и будет спасена душа твоя, расширится царство твое и исчезнут враги твои. Ты всех будешь побеждать и здесь будешь наслаждаться временным, а в будущей жизни вечным царством. Сделай только следующее: покайся в пролитой тобою крови святых, уверуй во Христа и приими святое крещение.

Выслушав эти слова, Клавдий сказал присутствовавшим:

– Слышите, римские граждане и все люди, какое здравое учение возвещает нам этот человек.

Но епарх[4434], по имени Калпурний, громко сказал на это:

– О царь ты соблазняешься пустым учением этого человека. Судите сами, справедливо ли нам оставить тех богов, поклоняться которым мы научены с детства нашего.

После того как епарх сказал эти слова, изменилось сердце императора, и он передал Калпурнию святого пресвитера Валентина и со скорбью сказал ему:

– Терпеливо выслушай его, и если проповедуемое им учение окажется не основательным, то поступи с ним по закону, по которому судятся похитители священных предметов, но если найдешь, что основателен и правдив совет его, то почему нам не послушать его?

Епарх Калпурний, взяв святого Валентина, поручил его одному из бывших под его властью главных сановников, по имени Астерию, человеку известному своим умом, и сказал ему:

– Если ты сможешь словами склонить этого человека к Единомыслию с нами, то я сообщу об уме твоем императору, и ты будешь другом его.

После этого Астерий взял пресвитера Валентина к себе и привел его в дом свой. Когда святой Валентин вошел в дом Астерия, то преклонил колена на молитву и молился так:

– Боже всех видимых и невидимых тварей, Создатель рода человеческого, для спасения нас от обольщения диавольского и для приведения от тьмы к свету пославший Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, Который и призвал нас к Себе, сказав: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28), Ты обрати к Себе дом сей и дай после тьмы свет, пусть он познает Тебя – Бога и Христа в единстве с Духом Святым вовеки. Аминь.

Когда святой окончил эту молитву, то Астерий, слышавший слова его, сказал ему:

– Меня удивляет то, что ты называешь вашего Христа светом.

– Действительно, – ответил святой Валентин, – Господь наш Иисус Христос, рожденный от Духа Святого и Пречистой Девы Марии, есть истинный свет, просвещающий всякого человека грядущего в мир (Иоан.1:9).

– Если он просвещает всякого человека, – сказал на это Астерий, – то я теперь же испытаю, истинно ли то, что ты говоришь. Я имею дочь, ослепшую ранее двухлетнего возраста, и если ты именем Христа твоего возвратишь ей зрение, то я сделаю всё, что ты повелишь.

– Приведи ее ко мне, – сказал святой пресвитер.

Астерий поспешно пошел и привел слепую отроковицу. Тогда святой Валентин, воздев руки и возведя очи к небу, долго и со слезами молился, а потом положил руку свою на глаза слепой и сказал:

– Господи, Иисусе Христе! Просвети рабу Твою, так как Ты – свет истинный.

После этих слов отроковица немедленно прозрела. Увидев это, Астерий и жена его упали к ногам святого и сказали:

– Умоляем тебя, делай с нами, что ты желаешь, дабы стали мы рабами Христа и спаслись наши души.

– Сделайте же то, – сказал им на это святой Валентин, – что я повелю вам. Если вы от всего сердца веруете во Христа, то истребите всех идолов, которые находятся в доме вашем, поститесь, простите долги всем вашим должникам и приимите святое крещение, – тогда вы будете спасены.

Астерий и его жена с радостью согласились исполнить всё это, и святой Валентин, наложив на них трехдневный пост, стал учить их истинам святой веры. А так как под властью Астерия было много узников, то он всех их освободил от оков и выпустил из темницы на свободу. После трехдневного поста наступил воскресный день, и Астерий крестился со всем домом своим, в котором было 46 человек мужчин и женщин, после чего пригласил в дом свой святого епископа Каллиста и принял от него благословение.

Услышав о крещении Астерия, блаженный Марин, жена его Марфа и сыновья их Авдифакс и Аввакум с великою радостью

пришли в дом его, возблагодарили Бога и прожили там тридцать два дня.

Между тем император, узнав, что Астерий учением пресвитера Валентина обращен к вере во Христа и принял крещение со всем домом своим, немедленно же послал воинов схватить его самого и всех его домашних, и воины, пришедши неожиданно, схватили всех находившихся в доме Астерия, в числе которых был святой Марин с женою и сыновьями, и привели их к императору. Последний повелел пресвитера Валентина, Марина, его жену и сыновей отделить от прочих, а Астерия и домашних его связанными послал в город, называемый Остией[4435], чтобы там они были подвергнуты суду и наказанию.

Святой Астерий и все бывшие с ним приведены были в город Остию и отданы судье, по имени Геласию, который, увидев их, повелел всех бросить в темницу. По прошествии двадцати дней он приказал привести их на суд и сказал им:

– Знаете ли вы, что повелел император и все советники[4436] его?

– Не знаем, – отвечали святые.

– Повелено, – сказал судья, – чтобы те, кто поклоняется богам, жили и были свободны, а те, которые не желают им поклоняться, после различных мучений были казнены.

На это святой Астерий сказал судье:

– Пусть поклоняются богам те, кто им подобны, и пусть с ними погибнут, а мы кланяемся Единому истинному, всемогущему Богу, живущему на небесах, и Ему приносим себя в жертву.

От этих слов судья пришел в гнев и немедленно повелел повесить святого Астерия и мучить его, а всех прочих – без пощады бить палками. Подвергши святых мучеников в этот день таким мучениям, судья повелел снова бросить их в темницу и при этом сказал:

– Следует приготовить для них более жестокие мучения.

После этого он сделал распоряжение, чтобы на следующий день было приготовлено зрелище и был собран весь народ. Когда наступило утро, Геласий прибыл на зрелище, сел на

особом месте для суда и, приказав привести святого Астерия вместе с другими мучениками к себе, сказал ему:

– Оставь свое суетное безумие и дай обещание принести жертву богам, чтобы не погибнуть в мучениях тебе и тем, которые находятся с тобою.

– Мы все желаем умереть за Христа, – отвечал на это святой Астерий, – как и Он умер за нас грешных, чтобы очистившись от скверн мира сего, удостоиться перейти к желанному для нас Царствию небесному.

От такого ответа Геласий пришел в сильный гнев и повелел Астерия и всех, бывших с ним, отдать на растерзание зверям. После этого святые мученики были отведены на место, находившееся вблизи золотого капища и называвшееся звериным, так как там содержались звери. Когда святые вошли в яму, то открыта была перегородка, за которою находились звери, и последние были выпущены на них. Тогда святой Астерий громко воскликнул, говоря:

– Господи Боже всемогущий, спасший раба Твоего Даниила во рву львином и через пророка Аввакума посетивший и укрепивший его[4437], Ты и нас, рабов Твоих, посети через святого Ангела Твоего.

Вышедшие из-за перегородки звери никому из святых мучеников не причинили никакого вреда, напротив кланялись святому Астерию и бывшим с ним. Увидев это, Геласий обратился к народу и сказал:

– Видите, как эти люди укротили зверей волшебным искусством своим.

Но многие из народа говорили:

– Бог, Которому они служат, сохраняет их.

После этого судья повелел вывести из ямы святых мучеников, приготовить большой костер и бросить их в него на сожжение. Когда зажжен был огромный костер, то святой Астерий сказал прочим святым мученикам:

– Будьте смелы, не бойтесь, ибо тот, кто виден был в вавилонской печи с тремя отроками, теперь стоит среди нас.

И когда святые мученики были брошены в огонь, то пламя немедленно же погасло, жар претворился в прохладу, святые

остались невредимыми. Тогда судья, видя себя побежденным и посрамленным, приказал вывести святых мучеников за город и там предать их особой казни, – одних обезглавить, а других побить камнями. Так и кончился мученический подвиг этих святых мучеников.

Оставленных же в Риме вместе с блаженным пресвитером Валентином святых мучеников Марина, Марфу, Авдифакса и Аввакума император Клавдий велел привести на суд к себе. Сперва он отдал приказание без пощады избить святого Валентина палками и затем отсечь ему мечом голову, а потом обратился к святому Марину и бывшим с ним и сказал им:

– Откуда вы?

– Из Персии, – отвечали святые.

– Для чего же вы, – спросил он их, – оставили свое отечество и пришли сюда?

– Мы имели желание, – отвечали святые, – поклониться гробам святых апостолов и у этих гробов вознести молитвы наши Господу.

После этого император сказал:

– Откуда вы приобрели золото и серебро, так как я слышал о вас, что вы богаты.

– Мы приобрели их, – отвечали святые Марин и Марфа, – от нашего имущества, которое в большом количестве имели в Персии и которое продали. Часть вырученного от продажи мы раздали бедным, а часть принесли с собою сюда, да и то не для себя, а для того, чтобы послужить им святым. А до какой степени мы были богаты в Персии, ты можешь понять из того, какого мы благородного происхождения. Отец мой Маромей был первым после Персидского царя, эта, супруга моя, – дочь Кусинита, знаменитого в Персии князя.

– Почему же вы, – спросил их император, – оставили отечественных богов, почитаемых в Персии, и пришли сюда искать мертвых людей?

– Мы рабы Христа, – отвечал на это Марин, – и пришли поклониться святым апостолам, бессмертные души которых живут с Богом, чтобы они были ходатаями за нас пред Христом, Богом нашим.

– А где золото и серебро, которое вы принесли из Персии? – спросил Клавдий.

– Мы отдали его Богу, – отвечал святой Марин, – Который дал нам его на время.

Император пришел от этих слов в гнев и отдал святых мучеников своему наместнику, по имени Мускиану, и сказал ему:

– Если они не принесут жертвы богам, то после различных мучений предай их смерти.

Мускиан, взяв святых, сел на месте суда в храме римской богини Теллуды[4438] и, приговорив их к мучениям, велел разложить пред ними все орудия пыток и стал грозить им жестокими муками, стараясь этим принудить их к принесению жертвы идолам. Но святые не подчинились его воле, и он приступил к мучениям. Сперва он повелел разложить на земле святого Марина и долго быть его палками. Будучи избиваем, святой мученик громко произносил не иное что, а только следующие слова:

– Слава Тебе, Господи Иисусе Христе!

Затем также стали бить палками Авдифакса и Аввакума. В это время мать, святая Марфа, смотря на страдания детей своих, укрепляла их материнскими увещаниями, чтобы они мужественно переносили страдания за Христа, Который претерпел за нас большие страдания. После этого мучитель повелел повесить этих трех мучеников, отца с сыновьями, на орудие мучений и железными когтями содрать с них тело и огнем опалить им ребра. При этом святые мученики с радостными лицами взывали:

– Благодарим Тебя, Христе Боже наш, что Ты удостоил нас претерпеть эти страдания за имя Твое.

Мускиан приказал затем снять святых с орудия мучений и отсечь им руки, – причем Марфа собирала кровь их и радостью помазывала себя ею, – а потом – повесить им на шеи отсеченные руки их и водить по всему городу Риму. Когда святых мучеников водили по городу, то глашатай кричал, говоря им:

– Не хулите богов, ибо за это несете наказание.

В ответ на это святые громко говорили:

– Не боги – они, а бесы, которые погубят вас с царем вашим.

После таких страданий святые мученики выведены были на тринадцать поприщ от города на место, называемое Нимфа Катавасси; и святому Марину с Авдифаксом и Аввакумом отсекли головы, а святая Марфа была утоплена в реке[4439]. Одна женщина христианка, по имени Филикита, тайно взяла тела обезглавленных святых мучеников, а также нашла в воде и тело святой Марфы, и погребла их на поле своем, прославляя Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом славимого во веки веков. Аминь.

Память преподобного отца нашего Фомы Малеина

Память 7 июля

Преподобный Фома, до принятия иноческого сана, состоял на военной службе и был известен своим богатством и своею храбростью. Отличаясь телесною силою, он совершил немало подвигов в сражениях, и много раз, благодаря ему, его соплеменники одерживали победы над врагами. Но, по любви ко Христу, Фома покинул мир и житейскую суету и принял на себя легкое иго Христово[4440] – иноческий чин. Он стремился уподобиться Христу, Господу своему, обрекши себя на нищету и воспитывая в себе смирение, для чего искал наставлений у богоугодных подвижников, известных своею постническою жизнью и живших в разных монастырях. Когда же, полного желая спокойствия для своих постнических подвигов, Фома решил идти в пустыню, то ночью пред ним заблистал огненный столп на небе и сам святой пророк Илия явился ему, чтобы показать ему дорогу в недра пустыни.

Под руководительством таких проводников, Фома пришел в гору, носившую название Малея[4441], которая стала для него тем же, чем гора Кармил[4442] для Илии. Здесь он стал жить в одиночестве, пребывая в общении только с Богом и сподобляясь Божественных откровений и видений.

Как прежде, живя в миру, он храбро побеждал врагов видимых, так и теперь, по удалении от мира, обитая в пустыне, он своею непрестанною молитвой как бы острым мечом поражал и прогонял невидимые полчища злых духов. А так как нельзя укрыться от человеческих взоров городу, стоящему на горе, или звезде, сияющей на тверди небесной, то и преподобный Фома не мог скрыться от людей в пустынной горе Малее, на которой он сиял своею святостью как блестящая звезда и озарял землю.

Когда люди узнали о подвижнике, то он стал просветителем для помраченных смыслом и помощником для тех, кто нуждался в его помощи, ибо он получил от Бога силу

чудотворений и благодать исцелений. Он чудесно исцелял всякие болезни, подавал слепым прозрение, хромым возвращал способность правильно и легко ходить, а однажды, благодаря его молитве, на безводном месте открылся источник воды. Но не только во время земной своей жизни Фома совершал многочисленные чудеса, а и по преставлении его к Богу чудеса совершались у честных его мощей. Люди верующие получали необычно скорое исцеление от всяких недугов и даже от неизлечимых болезней, а также от беснования – и по молитвам святого и по благодати Христа, Бога нашего[4443].

Кондак, глас 4:

Велию победу мужески показал еси, отонудуже Божественною любовию разгоревся, царя тленнаго и вся красная преобидел еси, на горе малейстей вселение совершив: от неяже в небесная возшел еси к царю царей, Фомо, моли непрестанно о всех нас.

Страдание святых мучеников Перегрина, Лукиана, Помпея, Исихия, Папия, Саторнина и Германа

Память 7 июля

Сии святые мученики были родом из Италии и пострадали в царствование императора Траяна[4444]. Когда началось гонение на христиан, они сели на корабль и прибыли в город, по имени Диррахий[4445]. Находясь в этом городе и видя, как святой епископ Астий[4446] висел, распятый на кресте и обмазанный медом, и как шершни и мухи жалили его, они прославили его за исповедание Христа. Поэтому узнали, что они – христиане, и воины тотчас же схватили их. На допросе они исповедали свою веру во Христа и по повелению анфипата[4447] Агриколая их посадили на корабль и потопили на глубоком месте в море. Так и скончались святые мученики[4448]. Тела их выброшены были впоследствии волнами на берег и здесь же в песке были погребены. Спустя 90 лет после этого святые мученики явились Александрийскому епископу и сказали ему: «Возьми наши тела».

Тогда епископ с почестями похоронил тела святых и на месте их погребения построил небольшую церковь.

Житие и страдание святых преподобномучеников Епиктета пресвитера и Астиона монаха

Память 7 июля

В царствование нечестивого римского императора Диоклетиана[4449], в одной из восточных областей Римской империи жил один добродетельный муж, проводивший иноческую жизнь, по имени Эпиктет. Это был пресвитер, с самой юности своей начавший служить Христу. Он обладал даром чудотворений, какой преподан был ему от Бога за его чистую жизнь. Он исцелял всякие болезни; возвращал зрение слепым, излечивал прокаженных, восставлял с одра болезни расслабленных, изгонял бесов. Из этих чудес, удостоверявших его святость, нижеследующие заслуживают особого внимания.

Однажды, в то время, когда Епиктет пребывал в своей келье, стоявшей недалеко от одного селения, и упражнялся в молитвах и благоговейных размышлениях, к нему привез один комит[4450] свою дочь, пятнадцатилетнюю отроковицу, совершенно расслабленную. Желая получить исцеление для своей дочери комит припал к ногам Епиктета и так умолял его:

– Человек Божий! Сжалься надо мною и не отталкивая меня. Ведь и милосердный Бог, Которому ты служишь, не отвергает никого, кто приходит к Нему[4451]. Вот моя единственная дочь больна уже три года и не может пошевелить ни одним членом тела. Она едва жива, но я твердо верую, что Тот, Кто исцелил жену, двенадцать лет страдавшую кровотечением[4452], может исцелить и мою дочь. Только помолись за нас, сжалься над нами; ведь мы чада Церкви Христовой и просвещены святым крещением.

Тогда служитель Божий Епиктет, помолясь усердно Богу, помазал святым елеем расслабленную отроковицу. Та тотчас же выздоровела и встала на ноги свои, а все окружавшие ее воссылали благодарения Богу. Преподобный же сказал комиту:

– Возлюбленный! Если ты хочешь, чтобы в доме твоем никто не болел, причащайся со всеми твоими домашними

каждое воскресенье Божественных Таин Тела и Крови Христовой, надлежащим образом предварительно очистив сердце свое.

После этого он отпустил их с миром.

Другой раз привели к нему бесноватого. Преподобный три дня держал его при себе, подвергая своими молитвами беса страшным мучениям, и бес такими словами выражал свое состояние:

– О горе! О мучение! Зачем я терплю это? Не лучше ли было бы мне оставаться во Фригии[4453], в идольском капище, и принимать каждодневно поклонения и жертвы от множества неразумных людей? Теперь же здесь мне приходится без всякой вины терпеть мучения от одного этого человека.

Святой пресвитер в третий день положил запрещение на беса и изгнал его из того человека.

Опять, в другое время, привели к святому одну благородную и богатую женщину – язычницу, которая, потерявши зрение, напрасно искала исцеления у разных врачей. Она умоляла человека Божия, чтобы он коснулся ее ослепших очей своей десницею, так как она слышала, что его честными руками совершались многие чудеса и подавались исцеления больным. Святой, во внимание к ее усердным мольбам, в которых проявилась ее вера, положил на ее глаза свою десницу, призывая имя Господа Иисуса Христа, и женщина тотчас прозрела, воскликнув при сем:

– Слава Тебе, Бог христиан!

С этого времени она обратилась ко Христу со всем домом своим. Но слишком много пришлось бы говорить у чудесах сего угодника Божия, а между тем и сказанного достаточно, чтобы видеть его святость; поэтому время перейти и к другим сказаниям.

Из близлежащего города пришел, по-видимому, случайно, гуляя со слугами, к месту, где обитал преподобный, один юноша лет 18, по имени Астион. Он был сын богатого вельможи и язычник. На самом деле Промысл Божий привел его к келлии преподобного. Он захотел узнать, кто живет здесь, и, войдя в

келью, увидел почтенного на вид мужа, который любезно принял его и, посадив около себя, спросил:

– Откуда ты, чадо? И кто твои родители?

Юноша отвечал:

– Отец мой – градоначальник, а мать – дочь сенатора Юлиана.

Я у них один и они любуются мною как драгоценнейшею жемчужиною.

Святой же сказал ему:

– Правильно ты выразился, чадо, что родители твои любуются тобою как драгоценнейшею жемчужиною. Да, они только смотрят, а не имеют тебя. Ведь блаженная душа твоя дороже всякого жемчуга, и приятна Христу Спасителю нашему, Который, как я вижу, избрал ее себе на служение. Послушайся же меня, возлюбленное чадо! Отвергни от себя всё, что имеет этот видимый временный суетный мир, чтобы со всеми святыми получить в будущей жизни невидимые вечные блага. Ведь всё, что мы видим в мире, – это всё проходит мимо и скоро кончается, а то, что приготовил Бог любящим Его и служащим Ему, пребывает вечно, как вечен и Сам Бог. Золото и серебро, которое мы можем видеть, не есть нечто истинное, а только некоторое обольщение для людей. Я же скажу тебе, каково то истинное золото, которое стоит приобрести. В наших христианских книгах есть такое обращение: «советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться и белую одежду, чтобы одеться» и чтобы не явиться тебе обнаженным[4454]. Это чистое золото – Христос Господь наш, воспламеняющий Божественной любовию сердца людей. Если ты, чадо, захочешь иметь Его в твоем сердце, то тебе тотчас же приготовлены будут небесные богатства, и ты оденешься в белые одежды, а эти одежды – вера, надежда и любовь; облекшись в них как в броню, ты будешь выше не только этого видимого мира, но победишь и диавола, которого вы почитаете за бога, со всеми его служителями. Еще же, возлюбленный, ты должен знать и то, что родивший тебя по плоти отец твой не есть твой истинный отец, потому что он дал тебе только плоть тленную, скоро умирающую. Истинный же твой отец –

Всесильный Бог. Он, создав твою бессмертную душу, послал ее в тело твое, зачатое по Его же велению. Итак, у тебя один отец – видимый, Другой же – невидимый. Видимый твой отец – смертен, подлежит условиям времени, бедствиям и страданиям, и бессилен. Невидимый же твой Отец – бессмертен, вечен, никаким страданиям не подлежит; Он всемогущ и всё держит в Своих руках. Он сказал – и ты создался во утробе матери. Он повелел – и ты вышел из утробы своей матери. По Его воле ты пришел в юношеский возраст. И если дети должны почитать плотского своего родителя, то тем более должны они чтить Того, Кто создал нас по образу и подобию Своему, дал нам смысл и разум и поставил нас владычествовать над творениями рук Его. Он из рабов сделал нас, по Своей благости, Своими сынами, братиями и друзьями. Поэтому Его, – нашего истинного Отца, даровавшего нам столько благ, – мы должны знать, любить, почитать и всегда Ему поклоняться. Точно так же и наша истинная мать – не та, которая рождает нас по плоти, для этого мира, но Та, Которая рождает нас в вечную жизнь духовно. Она обручена нашему Спасителю, почитается Ангелами, украшается пророками, прославлена Апостолами, мучениками, и возносится исповедниками, для коей Христос Господь приготовил чертог небесный. Эта святая мать зовется людьми Церковью. Голос Ее – голос горлицы, заботящейся о птенцах своих; уста Ее источают миро апостольского учения; очи – истинная вера и твердая надежда на Бога; с рук Ее каплет смирна благодеяний, творимых из сострадания и любви; два Ее сосуда – два завета. Ветхий, в коем учили пророки, и Новый, в котором проповедовали Апостолы; а через святое крещение Она рождает своих чад для бессмертной жизни. Итак, приди, милое чадо! Питайся от сосцов этой истинной Матери; послушайся моего совета – пренебреги временными богатствами твоих родителей, чтобы тебе стать наследником вечных, приготовленных для сынов Божиих, сокровищ. Послушай, как истинный твой Отец говорит через меня тебе: «пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе» (Быт.12:1), «в землю, где течет молоко и

мед» (Исх.3:8,17), – учениями пророков, Апостолов и святых отцов. И когда ты исполнишь всё повелеваемое тебе, тогда тебе дано будет райское наследие, отверзнутся тебе небесные сокровища, дана будет слава горнего Царства, увидишь Ангельские чины и лики всех святых, и будешь жить с ними как любящий и любимый брат, будучи в то же время близок к Богу как сын.

Благоразумный юноша, выслушав эту высокую речь человека Божия и уверовав в ее истинность, умилялся сердцем, но ничего не сказал ему на этот раз, опасаясь бывших с ним слуг, которые могли передать его слова родителям. Поэтому он удалился, поклонившись оному достопочтенному мужу.

Следующим утром очень рано юный Астион пошел поспешно к тому преподобному старцу один, подобно мудрой пчеле, которая летит снова на то место, где она накануне собирала сладкий мед. Войдя в келью к пресвитеру Господню, он приветствовал его такими словами:

– Здравствуй, Апостол Христов, служитель Нового Завета!

Святой же отвечал ему:

– Здравствуй и ты, прекрасный юноша! Я вижу тебя носящим мученическую одежду и в венце из дорогих каменьев.

Когда начали они, сидя, беседовать, старец сказал:

– Что, чадо, прозябло ли семя, какое вчера, по благости Божией, мы посеяли в твоем сердце? Произрастит ли оно плод? Или же всё еще сердце твое пребывает во тьме неверия?

Астион сказал:

– Вчера я сказал тебе, святой отче, что я – единственный сын у своих родителей и очень любим ими. Я боюсь опечалить их; ведь, если я открыто приму христианскую веру, то они, от чрезмерной грусти, или бросятся в море или потеряют рассудок, или другим каким-нибудь образом лишат себя жизни. Но я не хочу, чтобы то, что доставит мне спасение, стало для родителей моих причиною смерти и вечной погибели. Поэтому, если ты соизволишь принять мой совет, отче, – сделай меня христианином в тайне, и теперь приготовь меня к принятию крещения. Когда же совершишь надо мною всё, что полагается по христианскому чину, тогда окажи, прошу, мне милость:

возьми меня с собою в какую-нибудь далекую страну, куда тебе укажет путь Господь, чтобы не видели мои очи слез родительских, чтобы моя совесть не поколебалась при виде их печали и чтобы я из любви к ним не повредил делу своего спасения.

Услышав такие слова юноши, святой старец возрадовался духом и повелел ему все дни поститься и остерегаться осквернения идоложертвенною пищей, и в то же время заповедал ему воссылать моления Христу Спасителю, истинному Богу, Юный Астион с усердием выполнял эти повеления. Тайно от домашних, он каждый день ходил к старцу и у него учился святой вере. Когда же он хорошо узнал Христа и твердо уверовал в Него, тогда священный старец окрестил его.

Спустя немного времени, ночью оба они ушли оттуда, причем Астион захватил с собою немного денег в путь. Подойдя к пристани морской, они нашли там корабль, который отправлялся к скифским странам, и, взявши себе места на этом корабле, они сели на него. Довольно долгое время проведя в плавании, они сошли на берег и вошли в город, называемый Алмирис[4455], стоявший в скифских пределах, при реке Дунае. Они нашли около этого города удобное для жительства уединенное место и там, построивши себе небольшой дом, поселились.

Родители Астиона, не видя своего любезного сына, начали его повсюду отыскивать и, не находя, много плакали и рыдали, напрасно призывая сына по имени. Отец восклицал:

– Астион, милое мое чадо, где ты теперь? Астион, любезнейший, единственный сын мой! Что сталось с тобою? Зверь ли какой нежданно съел тебя или глубина водная приняла тебя? О опора моей старости и свет очей моих! Где теперь искать тебя, не знаю, и в какую страну послать за тобою рабов моих – недоумеваю!

Также и мать Астиона, разрывая на себе одежды и ударяя себя рукой в грудь, рыдала и говорила:

– Кто разлучил меня с тобою, милое мое чадо, Астион! Думаю, не Бог ли христианский, послав кого-нибудь, прельщением отвратил тебя от нас. Горе мне, несчастной! Горе

мне, – я вся полна скорбию бесконечной. Пропали напрасно все мои труды и болезни, которые я претерпела при твоем рождении и воспитании! Погиб плод чрева моего, погибла надежда и слава моя! Я сижу как опустевший город. Доселе я была матерью, а теперь уже не мать, потому что лишилась единственного своего любимого чада!

Так всё время неутешно плакали родители Астиона. Епиктет же и Астион, рабы Христовы, проводили жизнь около города Алмириса в постнических подвигах. Их святое, добродетельное житие не осталось тайной, так как святым пресвитером Епиктетом творились многие исцеления, и к ним начал стекаться народ, принося больных.

Однажды одна знатная женщина пришла к ним со своим сыном, которого несли ее слуги, так как он был нем, глух и расслаблен. Ему было около пятнадцати лет от роду. Положив сына своего к ногам святого старца, женщина сказала сему последнему:

– Я не знаю, откуда ты пришел, но верю, что если ты захочешь, то можешь исцелить моего сына. По-видимому, ты ученик Назарянина, о Коем мы слышали много чудесного и удивительного. Если ты действительно Его ученик, то помоги нам и научи нас познать Его, чтобы и нам сделаться Его рабами.

Святой же сказал ей:

– Если ты, женщина, уверуешь от всего сердца, что един есть Бог истинный, Который создал для нас небо и землю и всё видимое, то будет исполнена твоя просьба.

Сказавши это, он повелел поднять отрока с земли и, три раза плюнув в немые уста его, спросил:

– Скажи нам, чадо, в какого бога нужно веровать? В кумиры ли, которых изготовляют люди, или в Иисуса Христа распятого, Который тебя ныне исцеляет?

Отрок громким голосом воскликнул:

– Нужно веровать, честный отче, в Иисуса Христа, являющего всегда столь великие благодеяния людям!

Видя это чудо, Алмииские граждане прославили Бога, и в тот день более тысячи душ обоего пола уверовало во Христа,

Спасителя нашего. И благодать Божия совершала чудеса не только через святого Епиктета, но через святого Астиона.

Так однажды, когда он вышел почерпнуть воды к реке Дунаю, его встретил бесноватый. Астион осенил бесноватого крестным знамением, и бес тотчас же бежал из того человека, взывая:

– О Астион! Вера твоя и чистота твоего сердца возымели, по воле Божией, великую власть над нами!

В другое время, будучи куда-то послан старцем, Астион во время путешествия увидел человека, упавшего с высокого здания на землю и лежавшего на земле как мертвый, тогда как родители его плакали по нем. Умилосердившись над ними, блаженный Астион помолился тайно такими словами:

– Господи, Иисусе Христе! Ты некогда через Апостола Твоего Павла возвратил от врат смертных к жизни Евтиха, упавшего с окна третьего жилья (Деян.20:9–12), и Энея от восьмилетнего расслабления восставил через Апостола Твоего Петра (Деян.9:33–34), а также через того же святого Петра, человеку, родившемуся хромым, укрепил ноги и голени и дал ему силу ходить! (Деян.3:2–8) Так и теперь поставь этого человека живым и здоровым через меня, Твоего недостойного раба!

Помолившись таким образом, Астион подошел к лежавшему и произнес Апостольское слово:

– «Во имя Иисуса Христа Назорея, встань и ходи!» (Деян.3:6)

И взявши его за правую руку, поднял его живым и здоровым. Исцеленный же, вместе с родителями своими, тотчас пошел к келлии святых, взывая и говоря:

– Один только есть Бог – Бог Епиктета и Астиона! Поистине, один есть только Бог – Бог христианский! Я не уйду отсюда, – ныне же сделайте христианами и меня и моих родителей.

Священник Господень Епиктет, огласив и поучив их, повелел им поститься и готовиться к принятию того святого дара, и через некоторое время просветил их святым крещением. Диавол же, видя, что его посрамляет не только старец, но и юноша, и что его лишают душ человеческих,

которые были прежде его добычею, терзался завистью и вооружался против них всячески своим коварством, хотя и безуспешно. Впрочем, он нашел случай повредить юноше.

Однажды, без благословения старца, Астион вышел к реке почерпнуть воды. Враг, увидя Астиона, не защищенного благословением старца, тотчас, по попущению Божию, навел на него некоторые греховные помыслы и смутил душу юноши. Астион, воротившись в келью, постыдился исповедать пред отцом своим духовным эти помыслы и в течение трех дней подчинялся им, не будучи в силах побороть их. Он постился, молился со слезами и изможда л трудами плоть свою, но нечистые мысли все-таки не отступали от него, как будто какой невидимый стрелок уязвлял его ими как стрелами. Старец же заметив его смущенный и грустный вид, сказал ему:

– Что это значит, чадо, что я вижу тебя необычно смущенным? Ибо та печаль, какую я вижу в тебе, не есть печаль святых, заботящихся о своем спасении, и потому на лице своем отражающих некоторое внутреннее сетование. Думается мне, что это печаль смертоносная, подобная той, какая погубила советника Авессаломова Ахитофела[4456] и Иуду, предателя Христова.

Тогда Астион исповедался пред старцем в таких словах:

– Дня три тому назад, когда ты беседовал с почтенными мужами о небесных тайнах, мне нужно было сходить за водой. Мне стыдно было получить от тебя благословение при тех мужах и притом я не хотел прерывать вашей беседы. Итак, без твоего ведома, без твоего благословения, я пошел за водой и в это время по дороге меня окутало мрачное облако дурных помыслов. Вот прошел уже третий день, как я борюсь с ними и не могу их изгнать из себя – поэтому-то я и пребываю в смущении.

Грозно посмотрел на него святой старец и сказал:

– И зачем ты, без моего повеления, вышел из дверей келлии? Зачем без благословения иерея Христова ходил ты? Разве ты не знаешь, что благословение начальника для юношей есть непреоборимая стена, крепкая броня и непобедимое оружие против диавола?

Сказавши это, старец повелел Астиону простереться на земле крестообразно для совершения молитвы, причем то же самое сделал и сам, и оба вместе со слезами стали молиться Богу. Довольно помолившись, они встали с земли и Астион в это время увидел какого-то черного юношу с горящею свечею, который бежал от него со словами:

– Исповедь твоя, Астион, посрамила ныне мою великую силу, и молитва ваша сделала меня безоружным.

Так жили там преподобные отцы и много душ человеческих обратили ко Христу Богу от идольского обольщения.

В то время в город Алмирис пришел правитель той страны, по имени Латрониан. Когда решал он разные государственные и народные дела, идолослужители донесли на этих двух святых мужей, что они будто бы волшебники, прельщают много народу своими чародеяниями и отвращают людей от принесения жертвы богам. Правитель тотчас велел схватить их и бросить в темницу. Находясь в узах, святые непрестанно молились и пели псалмы Давидовы.

Однажды старец сказал своему ученику:

– Возлюбленное мое чадо! Если нас выведут на допрос и будут спрашивать о имени, роде и отечестве нашем, то ничего не станем отвечать им кроме того, что мы – христиане, что это наше имя, род и отечество и что мы рабы истинного Бога.

Наутро правитель повелел приготовить посреди города место для производства суда и собрать сюда же через глашатаев народ. Он сам пришел сюда в третьем часу дня, сел на седалище своем послал в темницу за святыми. Когда они явились пред ним, он, взглянув на них, пришел в ужас, так как увидел какой-то чудесный свет Божией благодати, просвещавший их лица, и оба они вообще внушали почтение своим внешним видом. Святому Епиктету было в то время шестьдесят лет. Он был высок ростом и имел длинную бороду, украшенную сединами. Точно так же и святой Астион был высокого роста и прекрасен лицом, особенно блистая красотою целомудрия. Лет ему от рождения было тридцать пять. Взирая на них, правитель почти целый час времени молчал, не находя что сказать, потом, наконец, спросил их:

– Скажите нам, как вас зовут, какого вы рода и из какой страны пришли сюда?

Святые отвечали:

– Мы – христиане!

Но правитель сказал:

– И я знаю, что вы принадлежите к проклятой христианской вере, – а вы скажите нам о вашем роде и отечестве.

Святые снова ответили ему:

– Христиане – мы! Знаем единого Бога, Господа нашего Иисуса Христа, и Ему одному поклоняемся, идольских же мерзостей гнушаемся и отдаляемся от тех, кто им кланяется, говоря с псалмопевцем: «Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них!» (Пс.113:16).

Услышав это, правитель сильно разгневался и повелел обнажить их и бить без пощады долгое время. Святые же, терпя побои, говорили:

– Господи, Иисусе Христе, Учитель наш! Да совершается над нами Твоя воля!

Правитель, видя их твердость, еще более разъярился и говорил:

– Где ваш Христос, Которого вы непрестанно призываете? Пусть теперь Он придет помочь вам, пусть вырвет вас из рук моих!

Святые же повторяли:

– Христиане – мы! Да будет над нами воля Бога нашего!

Тогда правитель еще сильнее распалился гневом и повелел повесить их на подмостках, где их мучили, приказал строгать тела их железными когтями, подпаляя их в то же время огнем. Они же восклицали только:

– Мы – христиане! Да будет над нами воля Бога нашего!

Святых мучили таким образом до конца седьмого часа дня, и тогда правитель повелел снять их с пытки и увести снова в темницу. Один же из прислужников палача, по имени Вигилянций, слыша те слова, какие постоянно повторяли святые во время мучений, и полагая, что в этих словах заключается особая волшебная сила, уничтожающая боль в теле во время мучений, запомнил их в точности и днем и ночью

размышлял о них. Спустя три дня он начал громко восклицать перед всеми:

– Я – христианин, да будет над нами воля Бога нашего!

После этого он пошел в темницу к святым, научился у них святой вере и через несколько дней со всем своим домом удостоился принять святое крещение. Святые же, после первой пытки, провели в темнице пять дней и потом снова были вызваны к допросу. Правитель и теперь не смог никакими уговорами обратить их к свое нечестивой вере и потому опять начал их мучить Сначала он повелел натереть рубцы от прежних ран уксусом и солью, а затем бросил мучеников в большой котел, наполненный кипящею смолою. Святые же в этом котле с кипящей смолою пребывали неповрежденными как бы в купели и повторяли свои прежние слова:

– Христиане – мы! Да будет над нами воля Бога нашего!

Правитель удивлялся, видя, что они в кипящем котле оставались живыми и невредимыми, и говорил:

– О как велика сила христианского волшебства!

После этого он повелел взять их из котла и опять бросить в темницу, причем запретил к ним всякий доступ и подачу хлеба и воды, чтобы они погибли от голода и жажды. Святые же пробыли в темнице тридцать дней, питаясь только словом Божиим и укрепляясь благодатию Святого Духа.

Когда святые мученики на месте публичной казни, в присутствии всего народа, были допрашиваемы и судимы, в тот город случайно пришел, по устроению Божию, один человек из восточных стран. Он узнал Астиона, так как хорошо знал его родителей, и вот, возвратясь в свое отечество, он пришел к родителям Астиона и сказал им:

– Я видел сына вашего в скифском городе Алмирисе с одним старцем, Епиктетом, в то время как оба они подвергнуты был мучению за Христа.

Родители, услышав об этом, со слезами стали умолять того человека сказать им правду, и тот уже клятвою подтвердил свое сообщение. Тогда родитель Астиона сказал:

– Если я сподоблюсь увидеть возлюбленного сына моего, то немедленно исполню всё, что он повелит мне и чему научит

меня!

Также и мать говорила:

– Если еще в этой жизни увижу милое мое чадо то всё оставлю и последую за ним. Если он повелит мне быть христианкою, – не откажусь, и вместе с ним не убоюсь ни мучений, ни смерти за Христа!

После этого они поручили свой дом и имение верным своим друзьям, сами же с несколькими рабами и рабынями отплыли в Скифию. Но прежде чем прибыли они в город Алмирис, святые мученики Епиктет и Астион так закончили свой страдальческий подвиг.

Через тридцать дней, в течение которых они были томимы в темнице голодом и жаждою, правитель снова призвал их на суд и здесь сказал им:

– Много раз я спрашивал вас о ваших именах, о роде и об отечестве и вы не сказали мне правду. Думаю, что вы не иные кто, как воплощенные демоны – ведь, и они не имеют ни имени, ни рода. Итак, скажите мне, воплощенные бесы! – так я могу назвать вас – принесете ли вы жертвы богам нашим или же нет? Если – нет, то я нынче же отрублю вам головы.

Святые отвечали:

– Мы – христиане, а не бесы и именем Христовым изгоняем бесов из тел людей. О если бы и ты пожелал освободиться от пребывающего в тебе беса! Мы изгнали бы его из тебя силой Христа, Бога нашего!

Тогда правитель разъярился и повелел бить святых мучеников камнями по устам, а потом, подвергши их наказанию палочными ударами, осудил их на усечение мечом.

Когда святых вывели за город на место казни, они испросили себе у совершителей казни время для молитвы и, ставши к востоку, воздели к небу свои руки, возвели очи горе и долго молились Богу. После этого святой Епиктет попросил, чтобы сначала казнили Астиона, но этот последний сказал ему:

– Тебе, отче, сначала следует принять эту честь – увенчаться венцом мученичества, ибо ты пресвитер Господень, отец и учитель мой, а я уже пойду за тобою!

Святой Епиктет отвечал:

– Семнадцать лет, чадо, по благодати Божией, я сохранял тебя в чистоте и непорочности. Ужели же теперь решусь погубить труд стольких лет и оставить тебя одного, без меня? Разве ты не знаешь, что коварство врагов очень хитро и незаметно на вид? Я опасаюсь того, что ты, увидевши мою смерть, испугаешься и станешь предметом посмеяния для врага. Нет, чадо! Пусть я уподоблюсь Аврааму, приносящему в жертву Исаака. Ты иди впереди меня и первым прими мученический венец. Я верую, что святой Михаил с прочими Ангелами, Авель с пророками, Петр с Апостолами, Даниил с исповедниками вышли навстречу тебе и ждут принять тебя и с торжественными песнями вести к престолу Христа, Спасителя нашего.

Святой Астион сказал:

– Да будет, святой отче, воля Господня и твоя!

После этого он оградил себя крестным знамением и сказал:

– Ты, Господи, защитник мой! В руки Твои предаю дух мой!

С этими ловами он преклонил под меч свою голову и скончался[4457]. Святой же Епиктет, припавши к телу ученика своего, умолял палачей, чтобы они убили его в таком положении. И тогда он от удара мечом умер за Христа. Все же бывшие там язычники и христиане увидели, что честные тела их стали сиять как бы солнечными лучами, и необычайное благоухание распространялось там.

Поздним вечером вышеупомянутый Вигилянций со своими домашними и с прочими христианами взял тайно тела мучеников и, обвивши их чистыми плащаницами и намастив ароматами, на избранном месте похоронил с честью.

В ту же ночь в правителя Латрониана вошел злой демон, и правитель встав рано поутру и, по обычаю, явившись в палату, где разбирались государственные дела, начал как безумный говорить разные нелепости, а потом схвативши меч, бросился на бывших там с ним и начал их рубить и наносить им раны. Они же, увидя его в таком бешенстве, схватили его и, вырвавши меч из рук его, стали его бить, а потом связали ему руки и ноги и заперли в небольшую комнату, где он спустя два дня скончался страшною смертью, будучи задушен демоном.

По кончине святых мучеников, родители Астиона водным путем приблизились к городу Алмирису. В это время святой Астион явился Вигилянцию и сказал:

– Отец мой и мать моя ныне придут сюда искать меня. Окажи мне любовь свою, брат, – выйди на пристань, возьми их к себе в дом, успокой их и утешь: они истомились из-за меня великой печалью. Кроме того, научи их спасительной вере и открой пред ними величие истинного Бога.

Вигилянций тотчас же пошел к пристани и там увидел приставший к берегу корабль, с которого сошли родители Астиона. Они спрашивали встретившихся им там людей, не видел ли кто молодого человека, по имени Астиона. Вигилянций подошел к ним и сказал:

– Я видел его и хорошо с ним знаком. Пойдемте сначала ко мне, отдохните в моем доме, и я вам расскажу о нем.

С великой радостью родители Астиона пошли к пригласившему их Вигилянцию, который всячески заботился об их успокоении. Когда же они умоляли его, чтобы он рассказал им об их сыне, то Вигилянция сказал им, что Астион недавно был в этом городе и только несколько дней тому назад ушел отсюда с одним почтенным старцем в очень далекую страну, будучи позван с честью славнейшим царем принять участие в его славном царствовании. Итак, мало-помалу Вигилянций раскрыл пред ними учение об иной, вечной жизни, о райских обителях, о Царстве Небесном и о Бессмертном Царе, Христе Господе, об Ангелах и ликах святых, соцарствующих Христу, к коим теперь причтен и Астион, их сын. Родители же Астиона, слушая слова, каких прежде никогда не слыхали, удивлялись, умилялись и ощущали в сердцах своих некоторую духовную радость и еще сильнее желали знать, куда ушел их любезный сын. Вигилянций тогда повел их сначала в келью святых мучеников и показал им оставшийся после них святой крест и Евангелие, а потом начал беседовать с ними об учении евангельском и обратил их к вере во Христа. После этого он рассказал им о страдании святых мучеников Епиктета и Астиона, как они за Христа положили жизнь свою, и сводил их на место, где погребены были тела святых. Когда они поплакали

там немалое время, он повелел им с вечера стать на молитву и всю ночь молиться вместе с ним Христу Богу. Прошла уже полночь, начинала сиять и денница, как внезапно заблистал пред ними яркий как молния свет и почувствовалось в воздухе чудное благоухание – это явились пред ними в красоте неизреченной святые мученики. Святой Астион, обнявши свою мать, с любовью облобызал ее, говоря:

– Хорошо, что ты пришла сюда, ученица Христова и моя мать, Маркеллина! (таково было ее имя).

Также и святой Епиктет, обнявши голову отца Астионова, лобызал его говоря:

– Радуйся о Господе, возлюбленный брат Александр (таково было имя ему) – ты сподобился быть причтенным к числу верующих и оказался достойным вечного блаженства.

Потом оба сказали Вигилянцию:

– Радуйся и ты, брат возлюбленный, ибо исполнилось на тебе слово Писания: «Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак.5:20).

Много и другого утешительного говорили они им и всё это было полно духовной сладости, и потом через некоторое время стали невидимы. Родители Астиона пришли в великую радость от бывшего им видения и от сладкой беседы со святыми и излили свои чувства в молитве и благодарили Бога за то, что сподобились видеть в небесной славе сына своего, которого так долго они с печалью в сердце искали.

В то время в скифской стране был христианский епископ Евангел. Во время гонения он скрывался, но, узнавши о погибели правителя Латрониана, без страха уже пришел в город Алмирис, чтобы посетить и утвердить в вере христиан. К этому святителю Вигилянций привел родителей Астиона и в подробности рассказал ему всё о них и о святых мучениках. Епископ же, воздав прославление святым мученикам, принял с радостью обратившихся ко Христу родителей Астионовых и окрестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Александр и Маркеллина после этого довольно долго оставались при гробнице мучеников в посте и молитвах, а потом воротились

домой и, продавши всё свое большое имение, раздали деньги нищим, немного оставив себе на пропитание. Они проводили таким образом богоугодную жизнь до самой кончины своей.

Так украсились на небе венцом мученическим святые преподобномученики Епиктет пресвитер и монах Астион. Когда к ним присоединились отшедшие с земли Александр с Маркеллиною, то и они сподобились участия в блаженстве святых по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает со Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Страдание святой мученицы Кириакии

Память 7 июля

В царствование императора Диоклетиана[4458] некий христианин, по имени Дорофей, и жена его, именем Евсевия, будучи бездетными, молились Богу о том, чтобы Он даровал им детей, причем обещали посвятить Ему свое дитя, если оно родится у них. По их молитве в один воскресный день у них родился младенец женского пола, которому они дали имя Кириакии[4459] и крестили его святым крещением. Воспитывая дочь свою в христианском учении и добрых наставлениях, они сохраняли ее в непорочности, чтобы, согласно своему намерению, отдать ее на служение Богу. В это время воздвигнуто было на христиан гонение[4460], и благочестивые родители с дочерью своею были преданы императору Диоклетиану, который, произведши над ними суд, сперва повелел в течение долгого времени бить их, и потом Дорофея и Евсевию отослал в Митиленскую страну[4461] к правителю Иусту, а Кириакию – в Никомидию[4462] к кесарю Максимиану[4463]. Последний, допросил святую и видя, что она тверда и непоколебима в вере, повелел разложить ее на земле и долгое время без милосердия бить ее. Во время этого истязания Кириакия предавалась молитве, и это привело Максимиана в страшный гнев, но святая мученица сказала ему:

– Не обольщайся, Максимиан! Никогда ты не заставишь меня подчиниться твоей воле, ибо мне помогает Бог.

После этого Максимиан послал святую Кириакию к правителю Вифинии Илариону, который, допросив ее, велел ввести ее в идольский храм, но святая помолилась и по ее молитве произошло сильное землетрясение, причем все идолы, бывшие в храме, попадали на землю и рассыпались в прах, в храм ворвался вихрь и поднял этот прах на воздух, а затем блеснула огненная молния и опалила правителю Илариону лицо, после чего он, упавши со своего седалища, тут же умер. Тогда пришел другой князь области, соправитель первого и, узнав обо всем случившемся, приговорил Кириакию к сожжению

огнем. По его повелению раскалена была большая сковорода, и на нее бросили святую. Тут она, молитвенно воздевши руки, долго молилась, и в это время при чистом летнем небосклоне сошло с неба облако и уничтожило весь жар огня, так что Кириакия осталась совершенно невредимой. После этого правитель повелел привести святую Кириакию на место суда и выпустить на нее разных зверей, но и тут она осталась невредимой, так как звери вместо того, чтобы броситься на нее, валялись у ног ее. Видя это, многие из бывших здесь язычников уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, а святая брошена была в темницу. Спустя некоторое время после этого правитель пришел на место суда и, сев на свое судейское седалище, приговорил ее к смерти. Святая Кириакия попросила у него разрешения помолиться, долго молилась и, давши наставления сопровождавшим ее христианам, преклонилась к земле и мирно скончалась. Когда пришли воины, чтобы исполнить над нею судебный приговор, то нашли ее уже умершею и пришли от этого в удивление. В это время послышался с неба голос, сказавший им:

– Братия! Идите и расскажите всё о великих делах Божиих.

Воины после этого возвратились, прославляя Бога.

Страдание святого великомученика Прокопия

Память 8 июля

Святой город Иерусалим возрастил славного великомученика Прокопия, который своими родителями был назван не Прокопием, а Неанием; имя же Прокопия святой получил после, от Самого Христа Господа, при крещении, как будет видно из последующего. Также и Иерусалим в то время именовался нечестивыми язычниками не Иерусалимом, а Элией. По разрушении Иерусалима Титом[4464], сыном Веспасиана[4465], когда прошло довольно много лет, римский император Адриан[4466], которому при рождении было дано имя Элий, пожелав снова воздвигнуть город на месте разрушенного Иерусалима, наименовал его своим именем – Элия и воспретил эту Элию называть Иерусалимом. Он был весьма враждебен христианству и покушался не только истребить с земли пресвятое имя Христово, но хотел, чтобы предано было совершенному забвению и то самое место, где пострадал Христос. Поэтому он и назвал Иерусалим Элией.

В том городе жил некоторый славный муж, сенаторского рода, по имени Христофор. Он был сам христианином, но супруга его, Феодосия, пребывала в язычестве. От них-то и родился Неаний, по рождении коего Христофор в скором времени отошел ко Господу.

Феодосия, оставшись вдовою, воспитала отрока в языческой вере и научила его служить идолам, так как сама была усердною служительницей демонов. Отрок отличался быстрою сообразительностью и, будучи отдан матерью еллинским учителям, скоро прошел все светские науки.

Когда он достиг юношеского возраста и уже стал переходить в возраст мужеский, мать захотела отдать его царю на военную службу. В это время нечестивый римский император Диоклетиан[4467] прибыл в Антиохию Сирийскую, при реке Оронте. Феодосия, узнав об этом, пришла с сыном своим в Антиохию и отдала его на царскую службу. Император, видя

юношу красивого собою и высокого роста и кроме того узнавши о полученном им образовании, весьма полюбил его и повелел ему пребывать в своих царских палатах около себя, вместе с другими, ему подобными. Потом император в скором времени сделал его воеводою и послал его с войском в египетский город Александрию[4468], чтобы там гнать, мучить и избивать христиан, а имения их отбирать в царскую казну. Неаний же сказал императору:

– Слышал я о тех людях, государь, что они чтут какого-то Сына Божия, по имени Христа, и что они очень тверды духом, непокорны и дерзостны, готовы до конца стоять за свою веру. Они скорее умрут, чем оставят своего Христа, и ни за что не станут приносить жертв нашим богам. Поэтому я думаю, что нам не удастся обратить их к нашей вере.

Тогда император разгневался до крайности и начал так хулить Христа Спасителя:

– Бог их, как сами они утверждают, не имел жены. Каким же образом Он мог родить Сына? А Тот, в Кого христиане веруют, рожден женою и еврейским народом как преступник осужден на смерть, был бит, увенчан тернием, поруган, распят на кресте, напоен оцтом и желчью и умер в страшных страданиях. Если Он был Бог, то почему Он не спас Себя от рук евреев? И если Себе Он не помог в беде, то может ли оказать помощь кому-нибудь другому?

Такие и еще худшие хуления изрекал сын погибели! «Ибо слово о кресте, – как пишет Божественный Павел, – для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1Кор.1:18). Неаний же, убежденный речами императора, пошел с двумя отрядами воинов в путь, ему указанный. Но так как в то время солнце пекло чрезвычайно сильно и воины и кони их изнемогали от зноя, то приходилось путешествовать ночью, а днем – отдыхать. Когда они прошли мимо сирского города Апамеи[4469], в третьем часу ночи сделалось землетрясение, заблистала молния, загремел сильный гром, так что все воины были от страха как бы мертвыми. Воевода же услышал с неба голос, говоривший ему:

– Неаний! И ты идешь на Меня?

Неаний же сказал:

– Кто Ты, Господин? Я не могу Тебя узнать!

Как только он это сказал, в воздухе показался крест блестящий как хрусталь, и с креста послышался голос:

– Я – распятый Иисус, Сын Божий!

В трепете Неаний сказал:

– Император поведал мне, что Тот Бог, Которого почитают христиане, не имел жены, как же Ты – Сын Божий? Если же ты действительно Сын Божий, то как осмелились иудеи надругаться над Тобою, распять Тебя и умертвить?

И голос с креста ответил ему:

– Я претерпел это ради людей добровольно, чтобы избавить грешников от власти диавола, взыскать погибших и оживотворить мертвых. И если бы Я не был Сыном Божиим, то как бы, по смерти, Я остался жив и говорил с тобою?

После этого крест поднялся на небо и тотчас же с неба послышался голос:

– Этим знамением, какое ты увидел, побеждай врагов твоих, и мир Мой будет с тобою!

Таким образом Неаний, как некогда Савл[4470], через явление ему Господа на пути, из гонителя сделался избранным сосудом Господа Иисуса Христа, и от того чудного видения и от сладкой беседы с ним Самого Господа он почувствовал в своем сердце неизреченную радость и духовное веселие.

После этого Неаний со своим войском пришел в Скифополь[4471] и призвавши к себе золотых дел мастера повелел ему сделать крест, наподобие того, какой он видел ночью. Мастер же отказывался, говоря:

– Я не могу этого сделать, ибо он есть знамение для галилеян, называемых христианами. Если император узнает об этом, то я погибну страшною смертью.

Неаний требовал, чтобы он тайно сделал крест, клянясь ему, что не скажет об этом ни царю, ни кому-либо другому. Тогда золотых дел мастер, взявши у воеводы достаточно золота и серебра для указанной цели, тайно сделал крест такого вида и размера, как указано ему было воеводою. Как только крест был сделан, внезапно появились на нем изображения трех лиц,

написанные невидимою рукою, с еврейскою надписью: на верхней части – Эммануил[4472], а на двух сторонах – Михаил и Гавриил[4473]. Увидев это, мастер недоумевал, кто написал это, ибо в комнате, кроме него, никого еще не было. Он хотел было особым орудием стереть это изображение, но не мог этого сделать, потому что рука его не двигалась и была как сухая. Воевода же, увидя крест, спрашивал мастера, чьи это были лица и для чего они были начертаны? Мастер с клятвою уверял:

– Когда я окончил работу, эти лица сами собою изобразились, и я не знаю, чьи они. Я хотел было стереть их, но не мог – рука моя оцепенела.

Тогда Неаний уразумел, что в кресте заключается некоторая Божественная сила; он поклонился ему, облобызал его и, обвив его пурпурною тканью, оставил у себя, храня его с благоговением. Теперь уже он вооружался не против христиан, но против варваров и побеждал их силою Христовой, покоряя их страны. Даже против самого невидимого врага – диавола он выступил на битву и победил его своими мужественными, принятыми за Христа, страданиями.

Страдание его началось так. Когда он был в своем городе Иерусалиме, в то время называвшемся Элией, граждане просили его, чтобы он отомстил агарянам[4474] за причиняемые ими обиды. Эти агаряне нападали на ту страну и, рыская кругом города, похищали тех, кто случайно находился вне города, а более всего притесняли женщин, коих брали себе в жены. То же самое делали они и в окрестных селениях. Храбрый воин Христов, вооруженный силою святого Креста, смело выступил со своим войском и погнался за агарянами, молясь в своем сердце так:

– Помоги мне, надежда моя, Христе Боже!

И был к нему голос с неба:

– Надейся, Неаний, ибо Я, Господь Бог твой, с тобою!

Услышав этот голос, воевода стал еще смелее и нанес врагам жестокое поражение, причем отнял у них всех пленников: во время битвы той погибло шесть тысяч агарян, из воинов же Неания не было ни одного ни раненого, ни убитого. И послал Неаний вперед вестников к своей матери с известием о

победе над врагами, что весьма обрадовало его мать. Она с радостью встретила его, когда он с торжеством и добычей вернулся в город, и когда он вошел в дом, сказала ему:

– О милое мое чадо! Когда ты вышел на битву, я, взявши в руки кадильницу и фимиам, вошла к богам и молилась им за тебя, чтобы они помогли тебе. И вот теперь ты, с их помощью, оказался победителем! Поэтому войди к ним и возблагодари их, чтобы они помогали тебе и на будущее время.

Неаний отвечал ей:

– Хорошо поступила ты, мать моя, молясь за меня, но мне помог мой Бог.

Мать сказала тогда:

– Не говори, чадо, об одном боге, чтобы не разгневались и не отвернулись от тебя другие боги.

Неаний же сказал ей:

– Не обольщайся, мать, идольским многобожием. Как бы они могли оказать мне помощь, будучи сами бездыханны? Если же они мне помогли, то спросим их, – пусть они скажут нам о том, и тогда мы убедимся в их силе.

Сказавши это, он вошел в опочивальню матери, где были золотые и серебряные идолы, и сказал, обращаясь к ним:

– Вам говорю я, мнимые боги, скажите нам: кто мне помог в сражении?

Идолы же молчали, и как бы они могли отвечать, будучи немыми? Тогда Неаний сказал матери:

– Вот видишь, мать, каковы твои боги. Если и одного слова они сказать не могут, то как могут они оказать кому-нибудь помощь?

Мать же сказала:

– Потому не отвечают тебе боги, что ты с насмешкою спрашиваешь их.

Но Неаний сказал:

– Спроси их в таком случае ты сама – они тебе должны ответить, как своей усердной служительнице.

Та, с великим благоговением подойдя к ним и преклонивши колена, сказала:

– О всемогущие боги! Великий Зевс[4475] и ты, царица Гера[4476], и владыка моря Посейдон, и солнцеобразный Аполлон[4477], и ты, защитница города, Паллада[4478], и прочие боги! Молю вас, скажите нам, вы ли помогли рабу вашему, моему сыну, в сражении?

Но ответа от них не было.

Тогда блаженный Неаний, держа в руке крест, исполнился Божественною ревностью, сняв верхнюю одежду и отстранив мать от идолов, начал их разбивать, ударяя о землю и попирая ногами, а затем, раздробив их на куски, раздал то золото и серебро нищим. Мать же, при виде этого, чрезвычайно разгневалась и забывши естественную любовь к своему сыну, поспешила в Антиохию к императору Диоклетиану и в слезах жаловалась ему на сына, который и богов ее разбил, и ей не оказал подобающей чести, отстранив ее от богов. Император же успокаивал ее, внушая ей надежду на то, что или ласкою, или угрозами они смогут обратить сына ее к прежней вере в богов.

– Если же, – сказал император, – он не обратится, то погибнет за свои преступления злой смертью, а ты, кого захочешь, выберешь в сыновья себе из моей свиты.

И тотчас же император написал правителю Палестины, Иусту, который был родом из Италии, человеку жестокому, чтобы тот, в присутствии знатных людей из окрестных городов, обратился к воеводе Неанию, сыну Феодосии, уклонившемуся в христианскую веру, с увещанием, то дружеским, то грозным, снова обратиться к богам; если же он не послушается, то приказал мучить его без пощады. В этом письме заключались хуления на Христа.

Правитель Иуст, получив царский указ, собрал избранных из городов Палестины мужей и сам отправился в Элию к воеводе, которому, после приветствия, вручил царское письмо. Воевода же, когда прочитал письмо и написанные в нем хулы против Господа нашего, то не вытерпел и, разорвав письмо на мелкие части, бросил их на воздух, говоря:

– Я – христианин, ты же исполни, что тебе приказано.

Правитель сказал тогда:

– И императора я боюсь, и тебя как друга совещусь и жалею тебя! Я не знаю, что мне думать! Но послушай меня и этих почтенных мужей и, в нашем присутствии, принеси жертву богам. Если же ты этого не сделаешь, то поневоле я должен буду исполнить повеление.

Тогда Неаний сказал правителю:

– Ты к делу упомянул о жертве: – вот я приношу в жертву себя самого Христу, моему Богу.

С этими словами он снял с себя пояс, положенный ему по его сану, и бросил его правителю в лицо, отказываясь от царской службы для того, чтобы быть воином Царя небесного, и обличая языческое неверие. Правитель же и пришедшие с ним мужи, во гневе, схватили его и увели в Кесарию палестинскую[4479], называвшуюся Филипповой, а также Севастией Панеадой, в которой некогда было поставлено изваяние, изображавшее Христа, сделанное по просьбе кровоточивой женщины, исцелившейся от прикосновения к одежде Господней[4480]. Там правитель, воссевши на открытом для всего народа месте, поставил Неания на допрос. Увидев его, граждане, умы коих были помрачены языческим нечестием, как бы пьяные или бесноватые стали кричать правителю:

– Это – враг и истребитель наших богов, презирающий повеления императора!

Правитель же, уже и сам будучи человеком весьма свирепым, стал еще жесточе от криков толпы народной. Тотчас он повелел обнажить и повесить Неания на месте пытки, и потом строгать железными когтями тело его. Через это у Неания тело отпадало кусками и стали видны голые кости. Некоторые из зрителей, при виде таких страданий, жалели о молодости мученика и плакали о нем. Мученик же, видя их слезы, сказал им:

– Плачьте не о мне, а о погибели душ ваших; ибо того нужно оплакивать, кому предстоит бесконечно мучиться в аду.

Потом возведя очи к небу, он так молился:

– Боже! Укрепи меня, раба Твоего, на посрамление врагу и во славу пресвятого Твоего имени!

Когда палачи утомились, мученик был снят, по повелению правителя, с пытки и брошен был в темницу. Страж же темничный, по имени Терентий, помня об одном, оказанном ему Неанием благодеянии, сжалился над ним, подостлал ему сена и покрыл полотенцем и мученик едва живым лежал в темнице.

В полночь в городе началось землетрясение – это Бог с Ангелами Своими пришел посетить раба Своего. В темнице засиял необыкновенный свет, двери темничные открылись и со всех узников, там находившихся, спали оковы. Тогда явились два Ангела в виде прекрасных юношей и сказали мученику:

– Воззри на нас.

Мученик же, обратив к ним свой взор, сказал:

– Кто вы?

Те отвечали:

– Мы – Ангелы, посланные к тебе от Господа.

Мученик же сказал им:

– Если вы – Ангелы Господни, то поклонитесь при мне Господу и оградите себя крестным знамением, чтобы я поверил вам.

Ангелы тотчас исполнили его желание и сказали:

– Итак, верь, что нас послал к тебе Господь.

Мученик сказал:

– Знаю, что когда три отрока были брошены в печь Вавилонскую, то к ним был послан от Господа Ангел[4481], чтобы остудить жар огня. Но что такое сделал я? Или разве я брошен в огонь, что признан достойным Ангельского посещения?

Когда мученик со смирением говорил эти слова, внезапно явился ему Сам Господь Иисус Христос в неизреченной славе и, прикоснувшись мученику, исцелил его от ран и поставил на ноги вполне здоровым. Затем Он окрестил его водою и сказал:

– Теперь уже ты будешь называться не Неанием, а Прокопием[4482]. Мужайся и крепись, ибо ты совершишь великие дела и приведешь к Отцу Моему большое стадо.

Прокопий же, радуясь и ужасаясь, пал на землю, поклонился Господу, молясь, чтобы Он укрепил его в страданиях, дабы ему не убояться лютых мучений. Господь сказал ему:

– Не бойся – Я с тобою!

Сказав это, Он восшел на небеса.

Святой же Прокопий с того дня, как явился ему Господь, имел в сердце несказанную радость духовную и был полон небесного восторга. И тело его стало столь здорово, что на нем не осталось и следа бывших прежде ран. Он «уповал" на Господа, и «Он помог" ему, «и возрадовалось сердце» его («и процвете плоть» его) (Пс.27:7).

На другой день после этого явления рано утром правитель послал одного из воинов в темницу узнать, жив ли мученик. Он полагал, что тот уже умер от вчерашних лютых истязаний. Темничный страж Терентий сказал воину, что он не спал всю ночь и что в полночь в темнице происходило что-то необыкновенно страшное, а именно, произошло землетрясение, засиял чудный свет, открылись двери и с узников спали оковы, а с Неанием беседовали какие-то, сиявшие необыкновенным светом, мужи. Воин, нагнувшись к темнице, закричал мученику:

– Жив ли ты, Неаний?

Святой отвечал:

– Жив и здоров, по благодати Бога моего.

Воин сказал:

– Мне тебя не видно.

Святой отвечал:

– Всякий, убегающий от света Божия и служащий демонам, слеп и ходит в темноте, не зная, куда идет.

Воин же пошел к правителю и сообщил ему о том, что слышал. Правитель сел тогда на судилищном месте и снова вызвал Христова мученика к допросу. Все глядели на него и видели его светлое лицо и здоровое и белое тело, как будто никогда не носившее ран. Многие из присутствовавших на суде, в удивлении, восклицали:

– Бог Неания! Помоги нам!

Правитель же, вставши со своего судейского места и давши народу знак к молчанию, воскликнул громким голосом:

– Братья! Почему вы удивляетесь, видя Неания здоровым? Боги умилосердились над ним и исцелили раба своего.

Святой тогда сказал ему:

– Хорошо ты сказал, что я исцелен милосердием Божиим; но если ты полагаешь, что это чудесное исцеление совершено силою твоих богов, то пойдем к ним в храм, чтобы узнать, какой именно бог исцелил меня.

Правитель, думая, что мученик хочет поклониться богам, весьма обрадовался и повелел убрать цветами путь от суда к капищу и поставить по дороге красивые покрывала. Глашатай же с возвышенного места восклицал:

– Неаний, сын благородной женщины Феодосии, раскаялся, обратился к богам и идет принести им жертву.

Язычники, слыша это, радовались; те же, кто в тайне исповедовали Христа, скорбели. Множество народу с женами и детьми собралось на зрелище.

Торжественно шел правитель с святым Прокопием и со всеми знатными мужами к языческому храму. Войдя туда, святой тайно помолился Христу Богу, сотворил пред идолами в воздухе крестное знамение и сказал:

– Вам говорю, нечистые идолы, убойтесь имени Бога моего и силы святого Креста: идите с мест ваших и сокрушитесь, разлейтесь как вода!

И идолы тотчас пали все и от их падения произошел большой шум. Они раздробились на части и, что еще удивительнее, весь материал, из какого они были сделаны, превратился, по велению Божию, в простую воду и всё капище наполнилось водою, которая целым потоком устремилась в двери капища.

Это чудо весьма удивило всех, и многие восклицали:

– Бог христианский! Помоги нам!

Правитель же, изумленный происшедшим, от ужаса не знал что делать, но потом, придя в себя, повелел отвести мученика в темницу, а сам с великою скорбию пошел домой.

Поздним вечером в темнице, где был заключен святой, пришли два отряда воинов с двумя своими начальниками, Никостратом и Антиохом, и умоляли святого, чтобы он причислил их к воинству Христа, Царя небесного. Святой же Прокопий стал просить темничного стража, Терентия, чтобы он позволил ему на некоторое время выйти из темницы; страж

разрешил ему это, хорошо зная, что тот, кто сам хочет пострадать за Христа, не убежит. Святой, выйдя на свободу, повел тех воинов к епископу того города Леонтию, который, из страха преследований, скрывался в одном месте. Найдя его, Прокопий попросил его окрестить воинов, и сам снова вернулся в темницу. Епископ в ту же ночь совершил оглашение[4483] над теми воинскими отрядами, окрестил их и приобщил их Божественных Таин Тела и Крови Христовой. Когда они после этого подошли к темнице, святой мученик стал учить их истинам святой веры и исповеданию имени Иисуса Христа и утвердил их настолько, чтобы они могли безбоязненно и мужественно претерпевать страдания.

Когда наступил день и правитель, по обычаю, пришел на место, где публично производился суд, пред ним явились те воины. Они громко прославляли Христа, объявляя себя христианами и выражая готовность идти за Христа на страдания и смерть. Правитель же, видя столько воинов, смело идущих на смерть за Христа, был поражен удивлением и ужасом и долго убеждал их отпасть от Христа и снова обратиться к богам. Когда же он увидел, что те остаются непреклонными, то приговорил их к смерти через усечение мечом. И выведены были они из города на место казни, где для совершения над ними приговора было собрано большое число палачей Выведен был туда и святой Прокопий, в оковах, чтобы устрашить его видом казни такого большого числа воинов. Но он, взирая на их подвиг, радовался духом и молился за них Христу Богу, чтобы Он до конца подкреплял их и чтобы души их принял в Свое Небесное Царство. Тогда палачи с другими нечестивыми воинами окружили те два отряда уверовавших во Христа и изрубили их мечами, причем погибли и оба начальника тех отрядов, Никострат и Антиох. Так новые воины Царя Христа, положив за Него свою жизнь, перешли с торжеством от земли на небо. Некоторый же знатный благотворитель, по имени Евлалий, ночью, со множеством верующих, собрал тела мучеников и предал их погребению; святой же Прокопий по-прежнему находился в узах.

Когда мученик Христов пребывал в темнице, к нему пришли двенадцать благородных женщин и сказали через оконце святому:

– Мы – рабыни Христовы!

Донесено было об этом правителю и правитель тотчас же повелел посадить их в темницу, войдя в которую они радостно говорили:

– Прими нас, Господи, в Свой небесный чертог!

Войдя внутрь темницы, они поклонились святому Прокопию, который стал учить их святой вере, Божественной любви ко Христу и теплой молитве к Богу.

Спустя некоторое время правитель, воссевши на обычном месте для производства суда, повелел вывести из темницы тех честных жен и представить к нему на суд. На место допроса явилась и мать Прокопия, Феодосия, желая видеть, как будут держать себя на допросе те женщины. Когда они были представлены на суд, правитель сказала им:

– Согласитесь ли вы принести жертвы богам, чтобы быть в почете у нас, или же, оставаясь при своем упорстве, вы захотите подвергнуть себя лютой гибели?

Святые жены отвечали:

– Почет, какой ты нам обещаешь, пусть погубит тебя самого, а мы – рабыни Христа распятого, Который вывел нас из погибели. Он нам честь и слава!

Разгневанный правитель повелел каждую из этих женщин растянуть на земле и бить нещадно палками. Затем они были повешены на месте мучения нагие и ребра их жгли огнем, тогда как они молились Христу Богу, призывая Его на помощь. Потом правитель повелел отрезать им сосцы, говоря:

– Поможет ли вам Распятый, на Коего вы надеетесь?

Женщины отвечали:

– Он уже помог нам, как сам видишь, человеконенавистный мучитель! Вот мы – женщины – побеждаем тебя, могущественного правителя, пренебрегая назначаемыми нам тобою мучениями.

Мучитель еще сильнее распалился гневом и повелел раскаленным до красна железом обжигать им пах. Он говорил:

– Чувствуете ли, как жжет огонь, или нет?

Святые жены отвечали:

– Это ты почувствуешь боль от огня, когда будешь ввергнут в неугасающий адский огонь. С нами же здесь предстоит наш Помощник – Господь, Которого ты не видишь, как слепые не видящие солнца.

Когда святые жены страдали так, Феодосия, мать святого Прокопия, стоя посреди народа и взирая на мужество и терпение тех жен, горько плакала. Потом, когда в ее душе воссиял свет истинного познания, она исполнилась ревностью о Боге и, подойдя к правителю, воскликнула:

– И я раба распятого Христа Бога!

Такое обращение случилось с нею по молитвам святого великомученика Прокопия, который всё время молился о том Богу.

Правитель и все его окружавшие, а также и весь народ, услышав, как благородная Феодосия, мать Неания, дерзновенно исповедует Христа, чрезвычайно удивились происшедшей в ней перемене, как она могла пренебречь своим высоким положением, богатством и знатностью и безбоязненно идти на мучения. Правитель сказал ей:

– Госпожа Феодосия! Кто прельстил тебя оставить отеческих богов и говорить такие речи?

Она же отвечала:

– Я вовсе не чувствую себя прельщенною и обманутою. Прежде я действительно находилась в заблуждении, будучи прельщаема демонами, когда вместо истинного Бога, сотворившего небо и землю, я кланялась мерзким идолам – делу рук человеческих.

Правитель, указывая перстом на мучимых женщин, сказал Феодосии:

– Эти обманщицы, как видно, прельстили тебя?

Она же отвечала:

– Они не прельстили, но научили меня познать истину своими страданиями. Как в самом деле они могли в таких муках оставаться мужественными, если бы Тот, Кто укрепляет их, не был истинным Богом? Итак, не они обманщицы, но ты сам

обманщик, ведущий во тьму и заблуждение и влекущий людей на погибель!

Правитель сказал:

– Одумайся, Феодосия, и испроси себе прощения у богов. И мы помолимся им о тебе, чтобы они простили тебе этот твой грех.

Она же отвечала:

– Я прошу прощения у распятого Христа за прежнее свое неразумие и за соделанные мною дурные поступки.

Разгневанный правитель повелел посадить ее в темницу вместе с теми подвергшимися истязаниям женщинами.

Когда Феодосия вошла в темницу, ее увидел сын ее, святой Прокопий, и весьма обрадовался, – он уже духом узнал об ее обращении ко Христу, – и сказал ей радостно:

– Госпожа, мать моя! Зачем ты пришла сюда и из-за чего оставила ты богов своих?

Она же сказала ему:

– Милое мое чадо! Я теперь знаю истину. Смотрела я на святых женщин страдалиц и размышляла: как возможно было бы, чтобы слабые женщины перенесли столь тяжкие мучения, если бы их не укреплял Тот Христос, за Которого они страдают? А если бы Христос не был Всемогущим Богом, то как бы Он мог подкрепить страдающих за Него? Когда я размышляла так, сердце мое почувствовало глубокое умиление и какой-то луч воссиял в моем уме. Я поняла ничтожество богов и уверовала, что истинный Бог – Един, Которого исповедуешь ты, и святые женщины, и прочие мученики.

Тогда сказал ей святой Прокопий:

– Блаженна ты госпожа, мать моя, так как сподобилась от Бога такого просвещения и так как пришла за это сюда, в эту темницу!

И пребывала святая Феодосия в темнице, прислуживая святым женщинам. Чистым полотном она отирала их кровавые раны и прикладывала врачебные пластыри к их язвам, так как она была обучена врачебному искусству. А святой Прокопий учил свою мать святой вере. Той же ночью он взял ее и повел к епископу Леонтию, который окрестил ее во имя Отца, Сына и

Святаго Духа, потом снова возвратился в темницу, радуясь и прославляя Бога за ее просвещение.

После этого святые жены с Феодосией были выведены из темницы и представлены на нечестивое судилище. Правитель сказал Феодосии:

– Знай, благородная женщина, что я щажу тебя и не хочу отдать тебя на позор и мучения. Итак, одумайся и призови милосердных богов, чтобы сподобиться от них – прощения, а от нас – большей чести!

Святая отвечала:

– Безумный и несмысленный человек! Ужели тебе не стыдно называть богами изваянных кумиров? Если в том большое достоинство, когда человек, по мере своих сил, старается добрыми делами уподобиться Богу, то и вам также следует уподобляться вашим богам – идолам, то есть быть слепыми, глухими, немыми, не двигающими ни руками, ни ногами, каковыми являются и боги ваши.

На эти слова ее правитель разгневался и повелел ее бить по устам, а потом, растянувши по земле, подвергнуть палочным ударам, и затем железными когтями строгать ее тело. Прочие же святые женщины, взирая на ее страдания, молились за нее Богу, чтобы Он укрепил ее, и пели следующие стихи из псалма, каким научил их святой Прокопий:

– «Приидите, воспоем Господу, воскликнем твердыне спасения нашего» (Пс.94:1); «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах» (Пс.45:2).

Правитель же, слыша это, повелел сокрушать святым женам челюсти оловянными прутьями, а потом связать тех мучениц вместе со святой Феодосией одною железною цепью, вывести вон из города и предать усечению мечом.

Жены с веселием и радостью пошли на смерть, как на брачный пир, положили за Христа Бога свои головы и сподобились небесного чертога.

По кончине их, святой Прокопий снова был поставлен на суд и правитель сказал мученику, рыкая как лев:

– Доволен ли ты, нечестивец, погибелью стольких душ?

Святой отвечал:

– Я не погубил их, а избавил от гибели и привел от смерти к жизни.

И повелел правитель бить его железною перчаткою по устам и раздирать ему лицо железными когтями, так что у него лилась кровь, обагряя землю. Потом мученика били свинцовыми прутьями по вые, но он, несмотря на такие мучения стоял неподвижно, как столп.

После этого правитель, приказав бросить мученика в темницу, с огорчением пошел домой: ему было стыдно и досадно, что он не в силах был одолеть страстотерпца Христова. От печали он не сказал в тот день ни с кем ни одного слова, а потом заболел горячкою, слег в постель и в ту же ночь умер, предав душу свою демонам, которым он служил с таким усердием.

Проповедь же о Христе всё более и более распространялась и ежедневно множество мужей и жен присоединялись к Христовой вере, благодаря учению и чудесам святого Прокопия. Когда он находился в темнице, к нему многие приносили больных и он исцелял их благодатию Христовой и отгонял нечистых духов от людей, а через это язычники обращались к истинной христианской вере.

После смерти правителя Иуста, в Палестину прибыл от императора Диоклетиана другой правитель, по имени Флавиан, также родом из Италии, но еще более свирепый, чем первый. Прибывши в Кесарию палестинскую и узнав о мученике Прокопии, он тотчас потребовал его к себе на суд и допрашивал о его имени, роде и вере. Произнося хуления на Христа, Бога нашего, нечестивец этот говорил мученику:

– Дивлюсь я, что вы, христиане, признавая, что Бог ваш рожден от жены и распят людьми, поклоняетесь Ему. Не безумие ли это?

Мученик Христов отвечал:

– Если хочешь терпеливо выслушать меня, правитель, то я покажу тебе, что ваши же книги свидетельствуют о нашем Боге. Прежде всего скажу я, что един есть Бог истинный, неизменный по природе, бесстрастный, предвечный и вечный; а те не боги, которых много, которые подлежат страданиям и изменениям,

явились в известное время и, что можно сказать о некоторых из них, уже покончили свое жалкое существование. Не знаком ли тебе ваш Ермий[4484], прозванный Трисмегистом, то есть трижды великим, а также и Сократ[4485], которые утверждают, что Бог один, а не много богов? Во-первых, послушай, что пишет Ермий к врачу Асклепиаду[4486]: «Владыка и Создатель всего, – Тот, Кого мы называем Богом, создал этот видимый и чувственный мир. И так как созданный Им первый и единственный мир показался Ему прекрасным и полным всяких благ, то Он любовался им и возлюбил как Свое порождение». – Смотри же, правитель, ваш Ермий признает бытие только Единого Бога, а не многих! И если бы богов было много, то не существовало бы единой предвечной Божественной природы, но много природ, появляющихся в известные сроки. Ибо вы об одних богах говорите, что они существовали раньше, о других – что они явились позже; один у вас – бог неба, другой – бог моря, да и вообще все видимые вещи имеют своих богов-покровителей. Не за то ли и Сократ ваш был присужден Афинянами выпить яд, что он отрицал многих богов? А эти ваши бессмертные боги – и прежде всего Зевс, отец богов, отцеубийца и муж своей единоутробной сестры, разве он жил не в Крите[4487]? Не показывают ли и доселе там его гробницу? А ваш Посейдон не был ли начальником разбойников, хищником и губителем? И гробница сего разве не находится в Калабрии[4488]? Как же вы называете своих богов бессмертными, когда они умерли как обыкновенные люди, когда показывают их гробницы, и все их злые дела римские и греческие писатели хорошо знают? Таковы-то боги ваши, которых не только христиане, а даже их почитатели обличают и хулят! Если же ты о Христе Спасителе, Боге нашем, сказал, что Он был рожден женщиною и потом распят, то послушай о тех таинственных откровениях, какие имеются о Нем в ваших же книгах. Ведь это ваша предсказательница, называемая Сивиллою[4489] (та самая, чьи книги римский царь Тарквиний[4490] купил за дорогую цену), так ясно написала о воплощении Христовом во второй своей книге: «когда Дева родит Слово Божие и среди ясного дня явится с востока звезда, вестница великого чуда для смертных, тогда к

ним придет Сын великого Бога, облеченный в плоть, подобную человеческой. Ему волхвы принесут дары – золото, смирну и ладан, и это будет Ему приятно». Также и о кресте Христовом та же Сивилла говорит: «о, блаженное древо, на котором будет распростерт Христос! Тебе достойно быть не на земле, а на небе». Затем и о втором пришествии говорит: «с неба придет великий Царь, Владыка всех веков, имеющий судить всех людей и весь мир. Его, как истинного Бога, верующие и не верующие увидят восседающим на высоком престоле и воздающим каждому по заслугам». – Если же и еще захочешь послушать предсказаний пифийского Аполлона[4491], ливийского Аммония[4492], Додоны[4493] и Пергама[4494], то прочти внимательно их книги и узнаешь Христа, Бога вышнего, о Котором они предсказали и Который должен был прийти для спасения и обновления человеческого рода. Когда Язон, вождь Аргонавтов[4495], спрашивал дельфийского Аполлона о капище, которое в Афинах считалось самым древним: «скажи нам, пророк, солнцеобразный Аполлон, кому будет принадлежать этот храм в самые последние времена?» – то Аполлон отвечал: «вы можете исполнять свои обряды, какими выражаете почтение богам, а я исповедую Единого Бога, царствующего на небесах, Коего вечное Слово зачнется чистою Девой. И как стрела, пущенная из огненного лука, Оно пройдет по всей вселенной, всех захватывая и приводя как дар к Отцу. Матери Его будет принадлежать храм этот, а имя ей Мария». – И опять, когда Ваттос[4496] спросил того же Аполлона о боге, тот отвечал: «один только причинит мне горе – это Муж с неба, Который, будучи Богом, всё-таки будет страдать, хотя Божество не будет страдать. По Божеству и по человечеству Он будет иметь от Отца бессмертие и жизнь и силы, а по Матери Он будет иметь смерть, крест и гроб. Из Его очей будут течь теплые слезы и Он пять тысяч людей насытит пятью хлебами. О Нем всякий скажет: Христос есть Бог мой, распятый, умерший, воскресший из гроба и восшедший на небо».

Когда святой приводил свидетельства о Христе Боге из греческих книг, правитель сидел как глухой аспид, не желая

слышать и уразумевать правды. Он с насмешкою сказал святому:

– Ты отлично разъясняешь нам Божественные дела, как будто у тебя есть небесные ключи и печати! Однако, прежде чем я начну мучить тебя, советую тебе прекратить свои пустые речи; и, отрекшись от нелепого христианства, изволь веровать с нами по старому, как повелел император. Если же ты не хочешь этого исполнить, то в наказание за свое упорство ты будешь подвергнут лютым мучениям. Тогда уже по неволе исполнишь то, что тебе приказывают!

Святой мученик отвечал:

– Если ты не хочешь познать истинного Бога, Которого ты можешь видеть духовными очами, то убивай и истребляй тела человеческие, режь и рассекай нас на части за своих богов, а я принесу моему Богу жертву хваления. Ты называешь безумными нас, знающих единого Бога, живого и истинного. Не ты ли, напротив, сам безумец, если приносишь жертвы мертвым и поклоняешься бесчувственным камням? Если камень, которому ты поклоняешься как Богу, вещь хорошая, то для чего ты его рассекаешь и разделяешь и потом, разделив на многие части, одну часть, имеющую некоторое сходство с человеком, ты называешь богом, которому и жертвы приносишь? Прочие же части того же камня ты употребляешь на какое-либо низшее назначение или сыплешь в болотистое место и попираешь ногами. То же ты делаешь и с деревом. Отрубивши от него одну часть и вытесав из нее идола, ты поклоняешься ему, а оставшуюся часть дерева обращаешь на какое-нибудь более низкое употребление или же бросаешь в огонь. Если камень или дерево есть бог, то всякий камень или дерево нужно почитать как бога. Если же ни дерево, ни камень не есть Бог, то к чему ты просишь здоровья и спасения у гнилого дерева и бесчувственного камня? Если же ты и железо назовешь богом, то и железо подчинено силе огня и, будучи раскалено, теряет свою природную твердость, становится мягким, так что его бьют молотами. Можно ли бога бить молотами? Не назовешь ли богом огонь? Но он лишь до тех пор силен, пока ему есть что сожигать; а если не будешь подкладывать дров, то и его сила

пропадает, а водой он и вовсе угашается. Как могут быть богами такие вещи, из коих одна уничтожает другую?

Правитель же, не вынося речей святого, повелел одному из предстоящих, некоему Архелаю, ударить мученика по шее мечом, а святой тотчас преклонил шею свою под меч, будучи готов умереть за Господа своего. Когда же Архелай, поднявши меч обеими руками вверх, хотел нанести сильный удар по вые святого, – внезапно ослабел и руками и всем телом и, упавши на землю, испустил дух.

Правитель, видя это, пришел в ужас и повелел отвести мученика в железных цепях в темницу. На шестой день после этого правитель снова вывел мученика на суд и повелел его бить бычачьими жилами изо всех сил, терзать ему тело раскаленными железными гвоздями, подпаливать раны его и натирать их уксусом с солью.

Потом был принесен медный жертвенник с горячими угольями. Святому положили в правую руку фимиам и простерли ее над горячими угольями, думая, что он от боли повернет руку и тогда ладан упадет на огонь. В таком случае можно было бы сказать, что он принес богам жертву, бросив на огонь курение. В таком положении руку святого держали около двух часов, он же, углубясь мыслью в Боге, не обращал внимания на горевшую руку и жертвенник с огнем стоял напрасно. Зрители дивились этому и славили Христа, а правитель и его владыка, диавол, чувствовали себя посрамленными. Святой, возведя очи свои к небу, говорил:

– «Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня советом Твоим» (Пс.72:23–24). Десница Твоя, Господи, прославилась крепостию; десная рука Твоя, Господи, сокрушила врагов; десница Господня явила силу; десница Господня вознесла меня!

После этого мучитель повелел связать руки у мученика и повесить, а к ногам привязать два тяжелые камня. И в таком положении святой висел долгое время: от тяжести камней выходили из своих мест суставы его тела. Затем мучитель повелел снять мученика с пытки освободить его от камней и бросить страстотерпца в огненную печь, в самое сильное пламя.

Святой же, входя в печь, оградил себя крестным знамением и сотворил молитву Богу. Тотчас же из печи вышло пламя, которое попалило всех находившихся около нечестивцев, а святой оставался невредим: для него огонь изменился в прохладу.

Это удивительное чудо крайне поразило всех, и правитель, испугавшись, убежал в претор. Некоторые из граждан тогда стали кричать правителю:

– Умертви поскорей этого волшебника, ибо если ты этого не сделаешь, то весь город увлечен будет его волшебством.

И издал правитель тогда окончательный смертный приговор, которым повелевалось мечом отсечь голову святому. Когда его вывели на место казни, святой испросил себе время для молитвы и, став лицом к востоку, воздев руки к небу и устремив очи горе, помолился о городе, о людях, о находящихся в бедах, о больных, сиротах и вдовах, чтобы все были охраняемы Божественным Промыслом. Более всего он молился о том, чтобы языческое нечестие как можно скорее заменено было христианским благочестием и чтобы святая Церковь Христова возрастала, умножалась и сияла правою верою до скончания века. Когда он оканчивал молитву, услышан был с неба голос, который обещал исполнить просимое, а самого мученика призывал к наследованию Царства Небесного. Тогда святой мученик Прокопий с радостью преклонил под меч честную главу свою и был усечен мечом, положив за Господа своего жизнь свою в 8 день июля месяца[4497]. Некоторые же из христиан, ночью, взяли его честное тело и обвив его чистым полотном и умастив ароматами, с честью похоронили его на избранном месте, славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому подобает всякая честь и слава ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Ревностию ко Христу Божественною распалаемь, и креста крепостию ограждаемь, врагов шатание и дерзость низложил еси, Прокопие, и честную церковь возвысил еси, верою преуспевая, и просвещая нас.

Празднество Пресвятой Деве Богородице в честь явления Ее иконы Казанской

Память 8 июля

В 1579 году, в царствование Иоанна Васильевича Грозного, который, при помощи Божией, покорил город Казань, столицу царства Татарского, в этом городе отроковице Матроне явилась во сне Богоматерь. Она сказала, что на том месте, где находится их дом, скрыта в земле Ее икона, и повелевала объявить об этом духовным и мирским властям в городе. Видение сие не один раз повторилось. Матрона поведала об этом матери. Но та оставила без внимания слова малолетней своей дочери. Наконец, отроковица увидела икону Богоматери в огненных лучах, причем был слышен страшный голос: «Если ты не поведаешь глаголов Моих, Я явлюсь в другом месте; но ты погибнешь!» На этот раз мать послушалась просьбы дочери, устрашенной последним видением, и отправилась вместе с нею к архиепископу и воеводам. Но те не хотели им верить. Тогда, возвратившись домой, мать сама стала копать землю в указанном месте. К ней присоединились и другие, но ничего не могли найти. Наконец, когда стала копать сама отроковица Матрона, образ Пречистой Богородицы был найден и извлечен из земли. Икона была с великою честию отнесена в церковь и прославилась чудотворениями[4498].

Тропарь, глас 4:

Заступнице усердная, Мати Господа вышняго, за всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего, и всем твориши спастися, в державный Твой покров прибегающым. Всех нас заступи, о Госпоже Царице и Владычице, иже в напастех и в скорбех и в болезнех, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею, и сокрушенным сердцем, пред пречистым Твоим образом со слезами, и невозвратно надежду имущих на Тя, избавления всех зол, всем полезная даруй, и вся спаси, Богородице Дево: Ты бо еси Божественный покров рабом Твоим.

Кондак, глас 8:

Притецем людие к тихому сему и доброму пристанищу, скорой помощнице, готовому и теплому спасению, покрову Девы, ускорим на молитву, и потщимся на покаяние: источает бо нам неоскудныя милости Пречистая Богородица, предваряет на помощь, и избавляет от великих бед и зол благонравные и богобоящыяся рабы Своя.

Память святого священномученика Панкратия, епископа Тавроменийского

Память 9 июля

Святой Панкратий был родом из Антиохии. Он родился в то время, когда Господь наш Иисус Христос «явился на земле и обращался между людьми» (Вар. 3:38), совершая чудеса в Иерусалиме и во всех окрестных странах и городах.

Отец Панкратия, живший в Антиохии, услышал о Его преславных чудесах и пошел с некоторыми друзьями и с сыном своим, юным Панкратием, в Иерусалим, чтобы видеть Господа. Увидев, как Он учит народ и исцеляет всякие недуги и творит многочисленные знамения и чудеса, он уверовал в Него как в Сына Божия и познакомился с некоторыми святыми Апостолами Христовыми, более же всего с святым верховным Апостолом Петром; с этого же времени и юноша Панкратий стал известен святому Петру.

Пробыв довольно долго в Иерусалиме, и услаждаясь лицезрением Христа и слушанием Его сладких речей, родитель Панкратия со своими друзьями вернулся в Антиохию. После же добровольных страданий и смерти Христа Спасителя, за коими последовало Его воскресение и вознесение, в Антиохию пришел один из Апостолов – это было раньше, чем прибыл туда святой Петр и окрестил родителя Панкратия со всем его домом. Через некоторое время и отец и мать Панкратия отошли ко Господу, Панкратий же, отказавшись от имения, доставшегося ему по наследству от родителей, ушел в Понтийские горы[4499].

Здесь, в одной из пещер, Панкратий пребывал в уединении, посте и молитвах, предавшись самопознанию и находясь в общении только с Богом. Когда же святой Апостол Петр, вышедши из Иерусалима, проходил по тем странам с проповедью о Христе, то встретил в Понте Панкратия и, узнавши его, взял с собою в Антиохию, а потом пошел с ним в Киликию, где встретился со святым Апостолом Павлом. Здесь оба Апостола, Петр и Павел, по взаимному соглашению, поставили епископов: Крискентия – в Галатию, Маркиана – в

Сиракузы[4500], Панкратия же – в Тавромению, город сицилийский[4501].

Направляясь к месту своего служения, блаженный Панкратий сел на корабль, плывший в Сицилию. На корабле этом плыли с Панкратием и два начальника корабля, Ликаонид и Ромил, которым он предложил Слово Божие, проповедуя о Царствии Божием и о тайнах нашего спасения. Он обратил их к вере во Христа и просветил святым крещением.

Когда они прибыли к городу Тавромении, то бесы, пребывавшие в тамошних идолах, пришли в смятение и кумиры, пораженные прибытием Панкратия, начали падать и разбивались вдребезги. А там были очень уважаемые у эллинов боги: Фалькон, Лисипп и Скамандрон[4502], которым был посвящен храм, стоявший на высоком холме на самом берегу моря.

Лишь только святой Панкратий подошел к этому храму, как он тотчас же растрескался и как бы от страшного сотрясения упал в море со всеми идолами. Среди народа произошло тогда большое смятение.

Прибыл туда и правитель города, Бонифатий, который, увидев святого Панкратия и услышав его учение, уверовал во Христа и крестился. Его трудами, подъятыми во славу имени Христова, в течение месяца была построена церковь, в которой стал служить архиерей Божий, уча и просвещая собиравшийся к нему народ, приносивший с собою и своих больных: святой подтверждал свое учение знамениями и чудесами, исцеляя всякие болезни и изгоняя бесов.

Когда, день ото дня, число верующих всё более и более увеличивалось и уже почти весь город был просвещен святою верою, так что слава имени Христова стала распространяться и по всей стране той, диавол возбудил против христиан некоего нечестивого мучителя Аквилина. Из вражды ко Христу и христианам он с большим отрядом воинов пошел на Тавромению, чтобы разрушить ее, а всех живших здесь христиан предать избиению.

Когда граждане пришли в ужас при этой вести, святитель Божий стал утешать их, убеждая, что они не потерпят от врагов

никакого вреда. И когда враги приблизились к городу, против них вышел, как духовный воин, святой Панкратий со своим клиром, неся с собою непобедимое оружие – честный крест Христов и две святые иконы – Христа Спасителя и Его Пречистой Богоматери. Тотчас же сильный страх напал на врагов; они были как бы окутаны тьмою; от силы Божией пришли они в смятение, ум их помрачился и они начали рубить и убивать друг друга, некоторые же сами себя пронзали мечами. Потом, как только они пришли в себя, вышли из окутавшей тьмы и увидели, что убивают друг друга, они поняли, что так наказывает их Бог за враждебные действия против христианского города. Оставшиеся в живых после этой братоубийственной битвы побросали свое оружие и явились к непобедимому храброму воину Христову, святому Панкратию. Они припали к честным ногам его, прося прощения, и умоляли его о том, чтобы он сделал их христианами. И гражданам города была двойная радость: во-первых, они избавились от грозного нашествия врагов, а во-вторых, враги их стали им друзьями по вере. Поэтому слова святого стали с этих пор приниматься с еще большим уважением и все его повеления исполнялись. И не только этот город, но и другие окрестные города были просвещены святою верою.

Но по истечении многих лет, которые святитель Панкратий провел, управляя новопросвещенным стадом Христовым, некоторые из оставшихся там язычников, особенно злобные и упорные в своем заблуждении, согласившись с начальником своим Артагастом и выбравши подходящее время, напали тайно на служителя Божия и побили его камнями. Так святой Панкратий, самовидец Христов и ставленник апостольский, подвизался добрым подвигом, окончил свою жизнь мученически[4503] и со святыми Апостолами предстал Христу, своему Господу, чтобы созерцать Его лицом к лицу в бесконечные веки.

Кондак, глас 4:

Светлая тавромением, Панкратие, звезда показался еси, и священнострадалец явился еси за Христа: Емуже ныне предстоя, моли за чтущыя тя блаженне.

Житие и страдание преподобных отцов Патермуфия и Коприя и с ними Александра мирянина

Память 9 июля

Император Юлиан[4504], сначала веровавший во Христа, а потом уклонившийся по действию диавола снова в язычество и ставший сыном сатаны, отправился на войну с персами. По пути в Персию он пролил много крови святых и, будучи в Антиохии, схватил двух антиохийских пресвитеров, Евгения и Макария, которые, после продолжительной пытки, были им сосланы в Мавританию, в заточение. В то время в египетских пустынях жили два преподобных мужа, Патермуфий и Коприй; они пребывали в полном единомыслии и вместе служили Богу. Патермуфий был старше годами и более опытен в подвигах иноческих и крепок добродетелью, Коприй же, младший первого по годам, был еще не вполне утвержден в иноческой жизни, имел в Патермуфии своего наставника и отца духовного. Прежде чем они были подвергнуты мучениям, Коприй рассказал Патермуфию следующее, бывшее ему ночью во сне, видение.

– Видел я, – говорил он, – отверзающиеся небеса и некоторого светлого мужа, который, с жезлом в руке, шел ко мне. Потом я увидел, что навстречу ему идет с другой стороны кто-то черный, который зажигает огонь и распространяет вокруг себя дым. Этот черный простер руку и взял меня; очутившись в дыму, я находился в крайне бедственном состоянии и со всех сторон мне грозили опасности, а тот светозарный муж далеко ушел от меня. В это время с неба раздался голос: «плод этого человека будет разорван, но потом снова будет употреблен на доброе дело». После этого видения я, в смущении, проснулся.

– Не хорош этот сон! – сказал Патермуфий. – Боюсь, как бы ты не отступил от Бога живого. Вот, преступный император Юлиан отрекся от Христа и воздвиг гонение на Церковь Божию. Думаю, что и мы будем подвергнуты мучениям. Смотри же, чадо, не отрекайся от Христа из боязни пред мучениями, будучи

обольщен обещаниями наград. Бойся Бога, помни Его заповеди, и будь мужествен.

После этого видения прошло немного времени, и император Юлиан с большим войском прибыл в Египет. Услышав, что в египетских пустынях живет много пустынников, он послал туда воинов, чтобы они захватили всех, кого найдут. Тогда были взяты вышеупомянутые отцы, Патермуфий и Коприй, и приведены на допрос к мучителю. И спросил Юлиан преподобного Патермуфия:

– Сколько тебе лет, старец?

Он же отвечал:

– Семьдесят пять лет уже моей временной жизни на земле.

Взглянув на Коприя, император сказал:

– Скажи теперь ты, младший, сколько тебе лет?

Коприй отвечал: – Мне от роду сорок пять лет.

Тогда император повелел отвести в темницу старца Патермуфия, а Коприя оставил и так стал говорить с ним:

– Принеси, человек, жертвы богам, чтобы избегнуть ожидающих тебя мук. Оставь обманчивую христианскую веру, которая не приносит тебе никакой пользы. Вот и я прежде верил Христу, но пользы от этого не видел никакой. Теперь же, веруя в бессмертных богов, сподобился от них получить много великих благодеяний. Советую и тебе отказаться от Христа и принести жертву богам; тогда я приближу тебя к себе и ты получишь от меня много милостей.

Коприй, затаив дыхание, слушал императора. Он впал в самозабвение и, увлекшись его пагубными обещаниями, сказал Юлиану:

– Доброму ты учишь меня, государь! Хорошо, что я нашел в тебе учителя и доброго наставника.

Потом он громко воскликнул:

– Отныне я Юлианов ученик, а не христианин, и как я прежде заблуждался, пребывая в обманчивой вере христианской, так теперь постараюсь всё исправить – я поклонюсь богам и принесу жертву.

Услышав эти слова, император чрезвычайно обрадовался и сказал:

– Счастлив человек этот более всех других тем, что он познал древних отеческих богов, дающих вечную жизнь миру!

После этих слов Коприй поклонился и принес жертву идолу Аполлону и, отступив от Бога, принял в себя диавола.

Святые Ангелы отступили от него, бесы же окружили его и радовались.

Узнавши, что Коприй отступил от Христа, преподобный Патермуфий чрезвычайно опечалился, плакал и рыдал о нем и, преклонив колена, так молился:

– Господи, Боже сил! Не погуби грешника, преступившего Твою заповедь! Помяни о трудах, какие он совершил в юности своей по любви к Тебе, не отвергай его от лица Твоего, так как он обольщен речами законопреступника. Помилуй Твое создание и взыщи дело рук Твоих!

Наутро император сел на престол свой, а Коприй стоял около него с правой стороны. На нем был пурпурный плащ. Когда Патермуфий, по повелению императора, был приведен на допрос, Коприй, увидав его, сказал:

– Вот идет обманщик, который лишил меня моего счастья.

Когда же старец подошел к судилищу, Коприй закричал ему:

– Что, Патермуфий? Видишь, я радуюсь, а тебе приходится плакать. Я уже не христианин, а последователь Юлиана.

Патермуфий отвечал:

– Да, вижу, что ты радуешься, и поэтому я плачу о тебе.

Император тогда сказал старцу:

– Не плачь, а принеси жертву богам и радуйся вместе с ним.

Патермуфий отвечал:

– Радость его временная. Теперь он радуется, а в будущей жизни будет плакать, если не раскается. Я же плачу теперь, но буду радоваться в жизни будущей. Он здесь величается в пурпуровом одеянии, а там окажется нагим; теперь он насыщается, а в будущей жизни будет алкать. Я же теперь алчу, а в будущей жизни насыщусь, когда явится слава моего Бога. Ныне он тебе, царю земному, предстоит в числе слуг твоих со славою, а там от лица Царя небесного он будет изгнан и брошен в геенну огненную к бесам.

Сказавши это, старец взглянул в лицо Коприю и прорек:

– Теперь же ты – гной, в котором радостно ликуют бесы. Ведь Ангелы отступили от тебя. Ты удалил от себя Бога и облекся в диавола. Жизнь истинную, вечную ты возненавидел, а временную, ложную, возлюбил. Но вспомни о делах юности твоей, приди в себя, покинь заблуждение, каким ты, к несчастью, увлекся и иди ко мне, чадо! Возлюби снова Бога и покайся пред Тем, пред Кем согрешил ты, а Он по Своему милосердию, примет тебя и простит тебе грехи твои.

Когда старец изрек эти слова, Коприй умилился сердцем и, раскаявшись, громко воскликнул:

– Горе мне, горе мне, горе мне!

Потом начал колебаться то в одну, то в другую сторону. Затем, воспрянув духом и взглянув на небо, сказал:

– Теперь я уже не Юлианов, а снова Христов! Согрешил я, преступив Божию заповедь, я совершил беззаконие, отрекшись от Господа моего, но в том и познается Твоя благодать, Владыка, когда Ты помилуешь меня, совершившего столь тяжкий грех. Будь, Человеколюбец, милостив ко мне. Я похож теперь на сухое дерево, у которого нет плодов и омертвели листья. Слова беззаконных ввели меня в заблуждение и диавольская буря потопила меня. Надо мной посмеявается змей, и возрадовались обо мне лики бесов. Звезды небесные пришли в смятение, солнце и луна сокрыли свет свой из-за моего великого греха, каким я огорчил Бога. Но вы, Ангелы Божии и лики праведных и жители всего мира, соберитесь вместе и оплачьте мое падение и помрачение моего ума. Ведь я лишился Христа, Солнца правды, и во мне погас свет веры; вся духовная красота отнята у меня.

Потом, обратившись к императору, Коприй сказал:

– Зачем ты, диавол прельстил меня? Зачем, законопреступник, ты и меня увлек в свою погибель?

И снявши с себя пурпурную одежду, он бросил ее перед ним, говоря:

– Возьми себе ту славу, какую ты мне дал, а я опять возьму то, что потерял. Бог мой благо и сотворит меня хотя как одного из Своих «наемников» (Лк.15:19).

Император, увидев, что Коприй снова обратился ко Христу, разгневался и повелел тотчас же раскалить большую железную сковороду. Коприй же, слыша это повеление, сказал:

– Хорошо ты поступаешь, император! Сожги меня, рассеки на части, чтобы мне многочисленными мучениями искупить свое падение. Прежде же всего, казни язык мой, потому что он прежде всего согрешил, отказавшись от Христа.

Тогда император повелел раскалить небольшую железную ложку и положить ее на язык Коприю. Последний же, увидев ложку, раскаленную как уголь, сказал святому Патермуфию:

– Молись за меня Богу, отец, ибо я прихожу в ужас при мысли об ожидающем меня мучении.

Старец сказал ему:

– Терпи, чадо, с радостью, и Господь тебе поможет!

И вот, когда ложка дотронулась до языка Коприя, то показалась ему холодною как лед, и язык Коприя не получил никакого ожога. Император сказал тогда:

– Эти люди волшебники, ведите их на раскаленную сковороду.

Когда их повели, Коприй сказал старцу:

– Молись за меня, мой учитель, ибо я весьма страшусь мучения.

Старец сказал:

– Не бойся, чадо! Будь мужествен, вспомни о своих, принятых тобою на себя с самого детства твоего в пустыне, постнических подвигах и трудах, мужественно подъятых во славу Божию. Помнишь ли, как ты провел без пищи тридцать пять дней? Помнишь ли еще, как, сраспинаясь Христу (Гал.2:19), ты стоял в течение двенадцати дней неподвижно с распростертыми крестообразно руками? Разве ты забыл, как ты ложился на жесткие камни и на острые черепки? Если всё это в течение твоей жизни ты охотно терпел ради Христа, то зачем ты боишься теперь этой муки, продолжающейся один только час?

Коприй, утвердившись этими словами, с просветленным лицом, без боязни, пошел вместе с старцем к сковороде. Когда они всходили на нее, Патермуфий сказал:

– Брат Коприй, возведи очи твои горе!

Коприй же, взглянув на небо, сказал:

– Вижу приближающихся Ангелов, главы которых покрыты росою. Молю тебя, отец, скажи им, чтобы они не гневались на меня за то, что я отрекся от Христа.

И таким образом оба они вошли на сковороду и ходили как на лугу, насмехаясь над мучителем, ибо сковорода тотчас же совершенно остыла. Увидев это, мучитель пришел еще в большую ярость и повелел растопить как можно сильнее печь, чтобы бросить туда мучеников на сожжение. Когда печь растопляли, к Коприю подошел один из царских воинов по имени Александр и сказал:

– Коприй! Ты сначала принес жертвы богам, а теперь не хочешь. Обратись же снова к нам, чтобы избавиться от гибели в огне.

Святой Коприй отвечал ему:

– О если бы первый мой грех, какой я совершил пред Христом, предан был забвению пред лицом Божиим! Если собрать всю воду морскую и все реки, и источники, и все капли, падающие с неба, то всего этого было бы мало для омытия скверны греха моего. Однако я не отчаиваюсь в милосердии человеколюбивого Владыки моего.

Александр, пришедший в умиление от слов Коприя, сказал:

– Хотел бы и я стать воином Того Царя, Которому вы служите!

И тогда Коприй научил его истинной вере и обратил ко Христу.

Когда же печь была растоплена до яркого пламени и преподобные мученики пошли в нее, Александр последовал за ними говоря:

– Пойду с вами, блаженные отцы! Возьмите меня, ради Христа, в печь!

Они взяли его под руки и пошли вместе, но потом Александр вырвался из их рук и пошел один впереди. Когда они приблизились ко входу в печь, то навстречу Александру вырвался большой клуб пламени из печи, но не опалил его, и Александр сказал, обращаясь к этому пламени:

– Если ты по повелению Божию вышел для того, чтобы сжечь меня, то сожги грешника!

При этих словах его, пламень разделился на две части и стал двумя стенами, как некогда вода в Чермном море (Исх., 14 гл.), открывая ему путь посреди. И вошел Александр внутрь печи, не тронутый пламенем, и, увидев там Ангелов Божиих, сказал им:

– Молю вас, господа мои, спасите меня грешного!

Ангелы отвечали:

– Для того мы и посланы сюда от Бога, дабы спасти тебя.

И они взяли душу его ко Господу, а тело его мертвое осталось в огне совершенно целым. После него вошли и преподобные отцы Патермуфий и Коприй, также не поврежденные от огня, и пребывали близ тела Александрова, воспевая хвалу Богу.

Когда печь погасла, святые были выведены к императору живыми и невредимыми, нисколько не пострадавшими от огня, а тело святого Александра было вынесено также не поврежденным от огня, и от него шло великое благоухание. Император с удивлением сказал тогда:

– Наши боги – велики, а Христос – ничто!

Потом опять стал принуждать святых к поклонению идолам. Преподобный же Патермуфий сказал ему:

– Так как ты идешь на сражение не для прославления имени Божия, то не воротишься назад, но будешь ранен смертельно и умрешь страшною смертию.

Тогда император сильно разгневался и повелел усечь их мечом.

И выведены были святые из города на место усекновения. Там они, пред кончиною своею, обратились с молитвою к Богу, и вот с неба раздался голос, который восхвалял Патермуфия, прощал Коприя и обоих их призывал к вечному успокоению.

Тогда они с радостью преклонили под меч свои головы и скончались, положив за Господа жизнь свою.

Нечестивый же Юлиан, отправившийся на войну с персами, был побежден персидским войсками и, как предсказал святой Патермуфий, не вернулся в свою землю.

Кончина святых преподобномучеников Патермуфия и Коприя, а с ними и святого Александра последовала в июне месяце в девятый день[4505]. В то время над римлянами царствовал законопреступник Юлиан, а над христианами – Господь наш Иисус Христос, Емуже со Отцом и Святым Духом подобает честь, слава и держава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память преподобного Патермуфия

Память 9 июля

Патермуфий, как сообщает о нем Коприй, был сначала идолопоклонником. Он стоял во главе шайки разбойников, воровал и даже снимал одежды с погребенных, совершал и всякие другие злодеяния и мерзости, и молва о его злодействах распространялась по всем странам египетским. Обращение его к Богу совершилось по следующей причине.

Однажды ночью он влез на крышу дома, в котором жила дева, посвященная Богу. Хотел он разобрать кровлю и, войдя через нее в дом, совершить задуманное им злодеяние. Однако, как он ни старался, кровлю он разобрать не мог и, усталый, заснул там.

Во сне он увидел какого-то светозарного мужа, одетого в одежду царя, который сказал ему:

– Перестань отныне совершать свои злодеяния, перестань проливать человеческую кровь, красть и творить другие беззакония! Раскайся и начни богоугодные труды, прими на себя служение Ангельское и проведи остаток своей жизни в добродетели, я же сделаю тебя вождем и князем над своими войсками.

Патермуфий обещал, что он сейчас же с усердием начнет исполнять эти повеления. Явившийся показал ему тогда целое ополчение монахов и повелел ему принять начальство над ними.

Пока продолжалось это сновидение, прошла ночь и воссиял дневной свет. девица вошла на кровлю дома и, увидев там спавшего человека, пришла в большой страх. Патермуфий же, воспрянув от сна и увидав стоявшую перед ним девицу, был в каком-то оцепенении и безумии. Когда девица стала спрашивать его: кто он, откуда и с какою целью пришел сюда, то он ничего не отвечал на ее вопросы и только просил показать ему, где находится христианская церковь. Девица, видя в совершающемся пред нею дело Божие, повела его в церковь и представила пресвитерам.

Увидев пресвитеров, он пал к их ногам, со слезами прося их о том, чтобы они сделали его христианином и наставили на путь покаяния. Пресвитеры же, зная его, дивились и не верили его словам, видя в его просьбах только коварство и обман. Но когда он стал плакать и продолжал неотступно свои моления, то они сказали ему:

– Если ты окончательно отстанешь от своих злодеяний и будешь вести хорошую жизнь и творить добро, мы примем тебя в христианское общество.

Он обещал исполнить всё, что они ему прикажут, и тогда пресвитеры совершили над ним оглашение[4506] и через несколько дней крестили его. По принятии крещения Патермуфий просил пресвитеров, чтобы они дали ему какую-нибудь заповедь, исполняя которую он утверждался бы на пути ко спасению, и они научили его читать наизусть первые три стиха псалма первого. Вникнув в эти стихи, он сказал:

– Этого довольно для моего спасения.

Спустя три дня по принятии крещения, он отправился в пустыню и провел там много времени, пребывая дни и ночи в молитве и слезах и питаясь корнями росших там трав. Затем он возвратился к церкви, привыкнув те три стиха не только читать наизусть, но и исполнять на деле. Пресвитеры же, дивясь такой происшедшей с ним перемене к лучшему, а также и его чрезвычайному воздержанию, хотели его удержать при себе, чтобы научить его чтению, но он, прожив с ними одну неделю, снова ушел в пустыню и пробыл в ней семь лет, питаясь уже не корнями и травами, а хлебом, который посылаем был ему от Бога однажды в неделю. Каждый воскресный день он находил пред собою чистый хлеб, доставлявшийся невидимою рукою, и, вкусив хлеба этого с благодарением, он опять до следующего воскресенья оставался без пищи и не чувствовал изнеможения от голода. Бог даровал ему и дар разуметь книги и всё Божественное писание он знал на память.

Спустя семь лет, по повелению Божию, преподобный Патермуфий снова возвратился из пустыни в населенную местность на пользу многих и своею постническою жизнью

многих привлек к себе. Его ученики во всем подражали его добродетелям.

Пришел к нему и один юноша, желавший быть его учеником. Преподобный, приняв его, облек его в иноческое одеяние, состоявшее из волосяного рубища, кукуля и козьей кожи, которая у иноков обыкновенно называется милотью или милотарем, и учил его богоугодной иноческой жизни.

У преподобного же Патермуфия было в обычае посещать больных и присутствовать при их кончине и погребать умерших, причем сам он заботился одеть их в погребальные одежды. Видя такое усердие старца в деле погребения умерших, тот юноша сказал ему:

– Отче! хотелось бы мне, чтобы, когда я умру, ты одел меня и похоронил.

Отец отвечал:

– Я так и сделаю, чадо, и буду одевать тебя до тех пор, пока ты сам не скажешь: довольно.

В скором времени тот юный монах преставился, старец же, обвивши, по обычаю, его погребальными одеждами и покрыв лицо ему, сказал:

– Довольно ли тебе, чадо, этого для погребения или же прибавить еще что-нибудь?

Тогда мертвый, в слух всем, отвечал:

– Довольно, отче!

Все присутствующие при этом удивились такому чуду и стали прославлять старца как чудотворца. Он же, не вынося их прославления, тотчас же, после погребения мертвеца, ушел, тайно от всех, в пустыню.

Через некоторое время, однако, старец снова вернулся навестить братию, для коей он был руководителем в иноческой жизни. Ему было открыто в это время от Бога, что один брат, живший в особой отшельнической келлии, близ одного селения, смертельно заболел, и преподобный поспешил навестить его. Так как путь туда был довольно далек, то преподобный запоздал в дороге. Заходило уже солнце, и святой не хотел в это время, ночью, пройти в то селение, соблюдая слово Господне: «ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма»

(Иоан.12:35), и еще: «кто ходит днем, тот не спотыкается» (Иоан.11:9). Тогда, движимый силою веры, святой обратился к наполовину уже зашедшему солнцу с такими словами:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, стань солнце на пути твоем и подожди до тех пор, пока я не войду в селение.

И остановилось солнце, наполовину уже сокрывшееся, и стало светить только одною половиною, ожидая, пока святой не вошел в селение. Жители же того селения дивились, видя, что солнце так долго не заходит, и, собравшись посреди селения, смотрели на то чудо. Прошло некоторое время, и они увидели преподобного Патермуфия, идущего в их селение из пустыни и, встретивши его, спрашивали о причине чудесной остановки солнца. Он сказал им:

– Разве вы не помните слов Господних, в Евангелии содержащихся и научающих иметь веру? «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно», то можете и горы переставлять (Мф.17:20). Кто же верою может переставлять горы, тот ею же может и остановить солнце в его течении.

Когда он сказал это, то все поняли, что ради него остановилось солнце, которое скрылось именно тогда, когда он вошел в селение. Тогда все со страхом поклонились старцу и пошли за ним, когда он отправился к больному брату. Войдя к нему в келью, преподобный нашел его уже скончавшимся о Господе. Он сотворил молитву, подошел к нему, облобызал его тело и сказал:

– Что тебе более приятно, брат, – жить ли со Христом по отшествии от нас, или же побыть еще с нами, в теле?

Мертвый тотчас же ожил, открыл очи, поднялся на одре и сказал:

– Зачем ты возвратил меня к жизни, отче? Лучше для меня отойти ко Христу и быть с ним, а жить во плоти я более не хочу!

Тогда старец сказал ему:

– Почивай же с миром и помолись обо мне!

И тот возлег и снова почил.

Все присутствовавшие при этом пришли в ужас и говорили:

– Поистине, это – Божий человек.

Преподобный же, приготовив тело умершего к погребению, всю ночь провел в пении псалмов, а утром, предав оное с честью земле, ушел оттуда.

В другой раз преподобный посетил иного брата, также заболевшего смертельно. Увидав, что больной страшится смерти из-за грехов своих, он сказал ему:

– Отчего ты, чадо, не готов к отшествию? Кажется мне, что совесть, обличительница твоя, хочет идти туда вместе с тобою.

Больной сказал:

– Прошу тебя, отче, помолись за меня Богу, чтобы Он дал мне немного времени для покаяния.

Старец же отвечал:

– Вот теперь ты ищешь времени для покаяния, а где прошедшие времена? Что совершил ты во дни своего иночества? Ты не только не успел уврачевать своих прежних язв, но прибавлял к ним всё новые и новые.

Больной, однако, не переставал умолять старца со слезами о том, чтобы он помолился за него Господу. И сказал тогда старец:

– Если ты отныне не будешь прилагать одно зло к другому, то мы помолимся за тебя. Человеколюбец Господь благ и долготерпелив и даст тебе некоторый срок для очищения грехов твоих.

Сказавши это, он преклонил колена для молитвы и после молитвы встал и сказал больному:

– Три года дает тебе Господь прожить еще на земле – только принеси истинное покаяние!

И взяв его за руку, преподобный поднял его здоровым и увел его с собою в пустыню.

Спустя же три года он снова пришел с ним к братии и представил им его как Ангела Божия. Много братии сошлось слушать сладкие слова преподобного, и он сказал им здесь слово о плодах покаяния. беседа продолжалась до утрени, и во время этой беседы брат, окончивший трехлетнее покаяние, как бы задремал и предал душу свою в руки Божии, без болезни и страха, как бы уснувший сладким сном.

Сообщается о преподобном Патермуфии еще, что он много раз переходил реку Нил по верху воды. А однажды, когда несколько человек из братии собрались в одной келлии и, при запертых дверях беседовали о спасении души, святой стал посреди их, как некогда Христос Господь посреди Апостолов. Так был велик в деле чудотворений преподобный Патермуфий, исполненный благодати Божией. Он преставился ко Господу, проведя много лет в угождении Богу[4507].

Память преподобного Коприя

Память 9 июля

Святой Коприй, самовидец святого Патермуфия и повествователь о чудесах его, был саном пресвитер и также имел от Бога благодать чудотворения. Он жил в тех же египетских странах, исцеляя различные болезни в людях и изгоняя злых духов. Когда однажды он рассказывал собравшимся к нему братьям на пользу душ их, о жизни преподобного Патермуфия и о других святых, то один брат, не доверяя его рассказам, не слушал его и задремал. Но вот во время сна своего он увидел в руках святого Коприя книгу, написанную золотыми письменами, из которой он и рассказывал нечто братии. Около него стоял светозарный муж, почтенного вида, украшенный сединами. Этот муж, грозно взглянув на дремавшего, сказал:

– Почему ты не веришь тому, что говорится, и, не слушая, дремлешь!

Брат, воспрянув в ужасе от сна, тотчас сказал другим о том, что видел, и с тех пор стал с верою и вниманием слушать все беседы святого Коприя.

Однажды у преподобного находились странствующие иноки, пришедшие к нему послушать его бесед на спасение души. В это время к дверям келлии подошел один поселянин с сосудом, наполненным песком, и стал дожидаться, когда старец окончит свою беседу. Братия же, увидев человека и песок спросили старца:

– Для чего принесен этот песок?

Старец ответил:

– Не следовало бы мне, о чада, говорить вам об этом, чтобы не показаться тщеславящимся делами Божиими и чтобы не потерять воздаяния за труды свои. Но так как я вижу, что вы предприняли долгое и трудное путешествие к нам, то не скрою от вас того, а для вашей пользы поведаю вам дела Божии, какие Бог благоизволил совершить через нас грешных. Земля того селения, которое находится поблизости от нас, была

весьма неплодородна, и от хлеба, какой сеяли на нивах, едва-едва получалось обратно посеянное. Какой-то червь поедал прозябения и подгрызал колосья, прежде чем они созревали. Жители того селения все были идолопоклонниками, но с помощью Божией благодати, мы всех их обратили в святую веру и окрестили. Ставши христианами, они явились к нам и стали умолять нас, чтобы мы помолились за них Христу Богу, дабы Он послал их земле плодородие. Мы им сказали:

– Мы помолимся, но вы должны иметь непоколебимую веру в Бога.

Тогда они обещали содержать твердую веру и, набравши в пазухи песку с той земли, по коей ходят наши грешные ноги, стали просить меня, чтобы я именем Господним благословил им этот песок как семена. Я сказал им:

– Да будет вам по вере вашей!

Они же, придя домой, смешали тот песок с хлебными семенами и посеяли всё на полях. И вот тогда уродилось столько хлеба, сколько не получается ни в одной местности Египта. С тех пор всякий год земледельцы приходят к нам и приносят нам для благословения песок. Вера их не обманывает и они всегда имеют урожай.

Преподобный Коприй, однажды вступив в пререкание о вере пред народом с еретиком манихеем[4508], и видя, что он не может смиренными и кроткими словами своими одолеть велеречивого гордеца, захотел делом показать правоту своей веры. Он велел развести большой огонь и звал с собою туда еретика, чтобы выяснилось, чья вера правая: кто не сгорит, говорил святой, тот, значит, верует правильно. Манихей же сказал ему:

– Сначала войди ты!

Святой вошел в огонь, но пламя пред ним расступилось на обе стороны и он в течение получаса времени стоял на угольях как на траве, без всякого вреда для себя; он вышел из пламени невредимым – даже и одежд его не коснулся огонь. Увидя это, народ весьма удивлялся и прославлял Христа Бога. Еретик же не хотел входить, но народ бросил его в пламя и он тотчас

начал сгорать там. Однако, весь обожженный, он успел выскочить из огня и побежал. Народ, схватив его, кричал:

– Пусть еретик будет сожжен!

Преподобный Коприй успокоил народное волнение и отпустил еретика, обгоревшего как головня, живым.

Около своей келье старец имел небольшой сад; в этом саду он разводил хлебные злаки и плоды, которые шли на пропитание приходивших к нему странников. Один же идолопоклонник, зайдя ночью в этот сад, украл плодов столько, сколько мог унести, и часть их, придя домой, стал варить на котле на огне. Но прошло более трех часов, много дров было им сожжено, а плоды не только не сварились, но даже и вода в котле не согрелась. Это необычайное обстоятельство привело в сильное удивление грабителя и он, сознавая свой грех и уразумев силу Христову, действующую в христианах, взял всё украденное и даже то, что уже было в котле, и снес к ногам старца, признаваясь в совершенной им краже. При этом он просил у старца прощения и умолял сделать его христианином. Случилось, что в то время у старца было много странников; все они возрадовались о чудесном обращении того человека ко Христу, вкусили от тех плодов и возблагодарили Бога. Кроме этих чудес преподобный Коприй, благодатью Христовою, совершил и много других и почил с миром[4509]. Он удостоился одинаковой части с преподобным Патермуфием в Царстве Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает честь и слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Житие святого отца нашего Феодора, епископа Едесского

Память 9 июля

В городе Едессе[4510] был муж, по имени Симеон, имевший жену Марию. Оба они были благочестивы, боялись Бога и свято исполняли Его заповеди. Так как они были богаты, то творили большую милостыню. У них родилась только одна дочь, и им очень хотелось иметь дитя мужеского пола. Поэтому они путешествовали по разным церквам Божиим, постились и молились, испрашивая себе у Бога сына.

Однажды в святую Четыредесятницу, именно в субботу первой недели Великого поста, когда празднуется память святого великомученика Феодора Тирона, оба они пришли с приношениями в церковь святых Апостолов к утрени. За службой на них обоих в одно время нашла какая-то дремота и они, каждый в отдельности, удостоились такого видения. Видели они стоявшего в церкви святого Апостола Павла со святым великомучеником Феодором Тироном. Святой великомученик говорил святому Апостолу, указывая перстом на Симеона и Марию:

– Вот эти люди, ученик Господень, горячо просят Бога о даровании им дитяти мужеского пола. Исходатайствуй же им у Бога, чтобы их просьба была исполнена и чтобы их жертвы на храмы и их милостыня нашли себе воздаяние.

И видели они, что Апостол кладет им на руки младенца мужеского пола, говоря:

– Вот, у вас уже есть сын!

Великомученик же сказал:

– Да будет имя ему Феодор, ибо, поистине, младенец этот будет даром Божиим[4511].

После этого видения и по окончании утрени, они рассказали друг другу свои видения и дивились тому, что обоим представилось одно и то же. Они возблагодарили Бога, видя в этом предвещание о зачатии сына и с радостью вернулись домой. Когда же Мария зачала, то соблюдала себя в полном

воздержании, как носящая в себе того, кто должен был сделаться сосудом Святого Духа.

Когда исполнилось время, у них родился сын, которому они нарекли имя Феодор, согласно с волею великомученика, и которого просветили святым крещением. Дитя выросло, и родители отрока отдали его учиться. Но отрок, оказалось, был неспособен к учению – у него была слаба память, и он нескоро запоминал уроки. В этом, однако, оказалось особое действие Промысла Божия, Который хотел, чтобы отроку преподана была мудрость не людьми, а благодатью Господней. Отрок часто получал выговоры и от родителей и от учителей, а сверстники его смеялись над ним, и он через некоторое время пришел к мысли просить вразумления у Бога. Он стал часто ходить в церковь и усердно молиться.

Однажды, по действию Божественного вдохновения, в воскресный день пред святою литургиею он пришел в церковь и, войдя в алтарь, спрятался под святым престолом. Никто не заметил этого; архиерей начал совершать святую службу, отрок же Феодор заснул там и проспал до конца литургии. И было ему во сне такое видение. Он увидел какого-то отрока, по-видимому сверстника ему по годам, блиставшего как солнце, который кормил его медовым соком и, давая ему в руки пастырский жезл, благословлял его. После этого видения Феодор воспрянул от сна и вышел из-под престола. Архиерей же и бывшие с ним в алтаре, увидевши его, удивились и спрашивали его, как он там очутился. Он рассказал им о себе всё и о том, какое ему было видение. Архиерей пришел в страх и тотчас причислил отрока к своему клиру, поставив на должность чтеца. С того времени Феодор стал сообразителен и способен к учению, превосходя разумом не только сверстников, но и старших себя.

Он преуспевал и в духовных и в светских науках, каким он обучался у известного тогда в Едессе учителя философии, по имени Софрония, в краткое время прошедшего с Феодором все науки.

Когда Феодору исполнилось восемнадцать лет от роду, отец его Симеон преставился ко Господу, а потом через год отошла

ко Господу и Мария, мать Феодора. Последний же раздал доставшееся ему от родителей большое имение нищим, выделив только одну часть своей замужней сестре. Сестра эта имела сына Василия, который сподобился сана епископа в городе Емессе и был писателем сего жития преподобного Феодора.

По смерти родителей, двадцати лет от роду блаженный Феодор отправился в Иерусалим. Поклонившись Гробу Господню и обойдя все святые места, он прибыл в лавру преподобного Саввы, которая в то время была управляема аввою Иоанном, и, приняв там ангельский образ, упражнялся в постнических подвигах и проходил всякие труды иноческого послушания, неленостно в течение двенадцати лет участвуя во всяких монастырских служениях. Потом он упросил настоятеля, чтобы он повелел ему пребывать одному в безмолвии, в отдельной келлии, и, получив такую келью, проводил время в безмолвии, служа Богу. Пищу его составлял небольшой кусок хлеба – по закате солнца и немного воды, и то не всякий день. Иногда он по два и по три дня оставался без пищи, много раз и на долгое время удалялся в иорданскую пустыню, где без хлеба и без воды проводил дни и ночи, только всё время молясь как бы бесплотный, и потом возвращался снова в свою келью. Двадцать четыре года он провел в таких постнических подвигах, и вот о такой его подвижнической жизни услыхал один родственник его – юноша из города Едессы, по имени Михаил, который и пришел к Феодору, желая подражать его добродетелям. Феодор принял его, постриг и держал его при себе как ученика, спостника и сподвижника. Михаил же научился плести корзины, блюда и другие предметы, которые, по приказанию учителя, носил на продажу во святой город Иерусалим, а вырученные за продажу деньги приносил своему духовному отцу, Феодору, который отсылал их в лавру, чтобы не даром брать из обители пищу.

В те времена Палестина и Финикия были уже подвластны не греческим царям, а сарацинам[4512]; ибо, по попущению Божию за грехи тамошних жителей, они подчинены были царям сарацинским. Христиане сохраняли себе жизнь и свободу веры

только большими данями. Но верующих Господь в то же время и утешал, творя у святого гроба знамения и чудеса, которыми заграждались уста хулителей Христовых, агарян. Многие старейшины арабские издалека приходили в Иерусалим, чтобы видеть гроб Христов, и здесь воздавали почести христианскому патриарху и прочим святителям, а жителям Иерусалима оказывали разные милости. В то время царь сарацинский Адрамелех с женою своею, Сеидою, отправился из Вавилона[4513] в Иерусалим, чтобы видеть гроб Христов и совершавшиеся при оном чудеса. Адрамелех был человек кроткий, не желавший обижать христиан – хотя и брал с них дани. – Он любил побеседовать о вере с людьми учеными и говорил при этом согласно со своими народными понятиями. Когда он еще оставался во святом граде, блаженный Михаил, ученик и родственник преподобного Феодора, по повелению его пришел во святой град продавать свое рукоделие и жил в находившейся в городе гостинице монастыря преподобного Саввы. Сначала он пошел поклониться гробу Христову и святой Голгофе[4514], а потом вышел на торг с рукоделием. Тут его встретил евнух царицы Сеиды. Увидев хорошие корзины и блюда, он удивился такой красивой работе и сказал ему:

– Ступай, юноша, за мною – ты получишь хорошую цену за все твои вещи.

Михаил последовал за ним как незлобивый агнец до дверей дома новой египтянки[4515]. Евнух доложил царице, что один монах продает очень красивые вещи, и царица тотчас же велела ввести монаха к себе. Когда блаженный Михаил вошел к ней, дурная женщина почувствовала нечистую страсть к юному иноку. Он, в самом деле, был красив лицом, статен; борода у него чуть пробивалась, он был тонок и бледен от постоянного поста, а кроме того в его внешнем благообразном виде отражалась внутренняя красота его добродетельной души. Вперив в него взоры, царица разгоралась страстью и стала спрашивать его, кто он и откуда? Он же отвечал:

– Я убогий монах из лавры святого Саввы.

Царица сказала ему:

– Я вижу, юноша, что ты бледен и худ; мне жаль тебя и я хотела бы сделать для тебя добро. Если ты раб чей-нибудь, я освобожу тебя; если пленник, я выкуплю тебя; если болен, я вылечу тебя; если нищ, я обогащу тебя.

Целомудренный Михаил, слыша ее льстивые речи, понял ее лукавые намерения и, обратившись сердцем к Богу и возведши духовные очи к Нему, молился в уме такими словами:

– О Владыко Человеколюбче, спаситель плененных и надежда отчаявшихся! – Ты, избавивший пророка Твоего Даниила от челюстей львиных (Дан.14:37–52), избавь и меня в настоящий час от этой злой львицы, хотящей поглотить душу мою и свести ее живою во ад!

Потом он сказал царице:

– Я некогда пленен был любовью к миру, но Владыка мой Христос избавил меня от этого Своею благодатию. Я был рабом греху, но Господь мой, принявший на Себя образ раба, освободил меня. Он нашел меня больным, и взял немощи мои и сделал меня вполне здоровым. Был я нищ и убог, но Сын Божий, имеющий безмерное богатство, ради меня стал нищ и несказанно обогатил меня, так что я ни в чем теперь не нуждаюсь и не требую твоего. Я имею сам богатство, здоровье, свободу и, по милости Спаса моего, у меня много всяких благ.

– Юноша, если ты будешь мне другом, то многими благами насладишься, многие будут тебе завидовать и ты над многими будешь господином.

Святой Михаил отвечал:

– Я люблю Владыку моего Христа, возлюбившего меня и предавшего за меня Свою жизнь, и хочу любить Его всей душою. Друзья мои – чины небесных Ангелов и лики всех святых, проводивших на земле равноангельское житие. Они блистают несказанною красотою и благолепием, и я не хочу иметь общения с тобою.

Тогда царица Сеида начала грозить ему:

– Если ты не исполнишь моего желания, то я предам на муки твое тело и велю покрыть его ранами.

Инок отвечал:

– Я стараюсь исполнять волю моего Господа, твоей же воле ни в каком случае не стану повиноваться. Если же ты предашь мое тело мучениям и пытке, то этим только исходатайствуешь вечное блаженство для души моей. Знай, что ни обещаниями ты не заставишь меня исполнить твое желание, ни мучениями не запугаешь.

Царица сказала:

– Окаянный! Скольких благ ты лишаешь себя! Почему ты не исполняешь моего желания? Разве я не красива? Разве я не мила тебе и не возбуждаю в тебе страсти?

Преподобный отвечал:

– Ты не только не красива, но чрезвычайно противна, безобразна и гнусна. Ты достойна не любви, а ненависти!

Тогда нечестивая царица, исполнившись чрезвычайною яростью, повелела растянуть на земле целомудренного инока и бить без пощады палками. Долго она мучила его, а потом послала в узах к царю с таким письмом:

– Этот мерзкий монах осмелился уничижать меня грубою бранью. Если ты оставишь его в живых, то увидишь меня мертвой.

Царь, прочитав ее письмо, решил исполнить ее желание, чтобы не огорчить ее, но сначала сам захотел увидеть инока и приказал привести его к себе.

Когда преподобного привели к царю, он не захотел преклониться пред ним, как было в обычае при представлении царю и вельможам, но стоял прямо, мужественно выставляя на вид свою внутреннюю доблесть и неповиновение врагам. Царь же, с яростью глядя на него, сказал:

– Горделивый монах! Что ты имеешь сказать по поводу совершенной тобою дерзости? Но я думаю, что тебе и сказать нечего!

Страстотерпец отвечал:

– Царю прежде всего нужно иметь три добродетели: страх Божий, правосудие и милостивое долготерпение к виновным.

Услышав такие слова, царь успокоился и, повелев развязать Михаила, спросил его, откуда он. Он же сказал:

– Родом я из города Едессы, а теперь я инок лавры святого Саввы.

Когда же царь спросил о преступлении, в каком его обвиняли, то святой сказал:

– На мне исполнилась известная притча: некто, случайно, наткнулся на змия василиска, который одним взглядом умерщвляет людей. Убегая от него, он встретился со львом, и ему лучше казалось остаться со львом, чем с ядовитым змием василиском, умерщвляющим одними глазами.

Царь понял смысл притчи и его невинность. Юноша понравился ему и своею красотою и своим благоразумием, и он захотел уговорить его оставить христианскую веру и обратить в свою.

У него был один еврей, ученый и красноречивый, которого он позвал к себе и при котором он начал говорить иноку следующие слова:

– Я жалею тебя и щажу твою юность, видя твой разум. Послушайся же моего совета или даже приказания – отступи от Христова учения, откажись от христианской веры и присоединись к моей. Тогда ты будешь мне вместо сына и я поставлю тебя выше всех князей и властителей и сделаю тебя управляющим всем моим имением.

Преподобный Михаил, возведя очи к небу и вздохнув из глубины сердца, сказал:

– Да не будет того, О Христос, Царь мой, чтобы я отступил от Тебя, Бога моего, хотя бы мне пришлось претерпеть многочисленные муки.

Адрамелеху же он сказал:

– Царь! Я раб Отца и Сына и Святого Духа, единого нераздельного Божества. Так я исповедую и от своего исповедания не отступлю, но всегда пребуду в нем!

Царь сказал ему:

– Что же? Тебе, значит, нравится оставаться в том ничтожном звании, в каком ты находишься?

Святой отвечал:

– Эта иноческая одежда украшает меня гораздо больше, чем тебя твои царские одеяния.

Царь сказал:

– Я хорошо изучил свои книги, прочитал также и ваше христианское писание, которое вы называете Евангелием. Но ни там, ни здесь я не нашел заповеди, которые бы повелевали гнушаться брака и мяса.

Святой отвечал:

– Жизнь христианская имеет два вида – жизнь иноков и мирян. Мирянам благословляется вступать в брак и вкушать мясо: в этом для них нет греха, если только они свято будут соблюдать другие Христовы заповеди. Но нам, отрекшимся от мира и обещавшимся пребывать в девстве, не подобает вступать в брак, ибо учитель язычников, Апостол Павел сказал: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1Кор.7:32–33); и еще: вступающий в супружество «поступает хорошо», а не вступающий в супружество «поступает лучше» (1Кор.7:38). Итак, мы, желая угодить Единому Господу нашему Иисусу Христу, избрали лучший путь жизни – безбрачие. Мы не вкушаем и мяса, но не потому, что считаем его оскверняющим, а ради воздержания. Павел говорит: «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир» (Рим.14:17) и другие добрые дела, как и пост со святостью.

Царь сказал:

– Павел обманул вас!

Но святой отвечал:

– Не обманул, но освободил от заблуждения и указал путь к тем благам, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9). Если же ты, царь, действительно хочешь узнать обманщика и предтечу антихриста, то такой обманщик Магомет, который ввел в заблуждение всё племя сарацинское и даже на Персию излил яд своего нечестия.

Еврей же, стоявший близ царя, сказал святому Михаилу:

– А ваш Павел разве был не еврей?

Святой отвечал:

– Хотя он был и еврей, но, по Господню повелению, он отменил сень Ветхого Завета и благовестил истинную

благодать, о которой предсказывали в Ветхом Завете пророки.

Еврей сказал:

– Как ты мог научиться у Павла, которого ты и не видал вовсе? Научись лучше у меня; ведь ты меня и видишь и слышишь.

Михаил сказал:

– Если ты станешь учить как и он, то я послушаю тебя. Если же ты вводишь противное его учению, то я бегу от тебя как от змия, ибо Павел сказал: «Кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал.1:9).

Царь сказал:

– Почему вы не хотите признавать пророка Магомета? Разве он не о Боге проповедовал сарацинам, арабам и персам? Не сокрушал ли он идолов и не учил ли добродетельной жизни?

Святой отвечал:

– Если кто-нибудь выведет человека из темницы и заключит его в другую мрачную темницу, то разве он этим сделает тому человеку благодеяние? Не обманул ли он его, переведя из одной тьмы в другую? Так с вами поступил и ваш Магомет. Мы же знаем, что к свету ведет только один истинный, верный путь – я говорю о правой вере в Отца и Сына и Святого Духа, Бога Единого в Трех Лицах.

Царь сказал:

– Ты считаешь себя разумным и красноречивым, но ведь нас двое, а ты один, и победа, конечно, останется за нами.

Святой отвечал:

– Вас не двое, а трое, и все вы будете побеждены одним, по силе Христовой.

Царь спросил:

– Мы беседуем с тобою двое – я и еврей. Как же ты двоих называешь тремя? Кто у нас третий?

Святой отвечал:

– Посреди вас невидимо находится ваш учитель – диавол.

Царь разгневался на такие слова, но всё-таки сдерживал свою ярость, надеясь словами победить воина Христова, и сказал ему:

– Брось свое многословие и покорись мне. Исповедуй, что Магомет – пророк и посланник Божий, и ты будешь мне вместо сына и получишь возможность наслаждаться разными удовольствиями.

Святой сказал:

– Признаешь ли ты, царь, Бога и Божие Слово?

Царь отвечал:

– Да, признаю!

Святой сказал еврею:

– Признаешь ли ты, что «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс.32:6).

Еврей отвечал:

– Да, это так!

Тогда, исполнившись духа Христова, проповедник Христов сказал им:

– Вот вы сами свидетельствуете об истине, хотя и не веруете, как следовало бы. Я же ни в каком случае не стану слушать ложных учений, но остаюсь при том, что сказал: Магомет не пророк и не посланник Божий, а обманщик, лжец и предтеча антихриста. Ты же, еврей, твердо знай, что Христос уже пришел в мир, через непорочное рождение от Пречистой Девы и потому тебе уже нечего ожидать рождения Его по плоти. Тот же, кого ты ждешь, будет мерзкий антихрист, который смутит всю вселенную, а Магомет обманщик – предтеча этого антихриста!

Присутствовавшие при этом споре персы и сарацины приходили в ярость от речей святого, а христиане радовались, говоря друг другу:

– По благодати Христовой, инок победил!

Царь же, разгневавшись на еврея, сказал ему:

– Напрасно я взял тебя в помощники себе – я никакой помощи от тебя не получил!

Он прогнал его от себя, сказавши:

– Я и один одолею монаха и обращу его на свою сторону.

А святой Михаил, полный радости, сказал:

– Вот уже один, силою Христа моего, побежден и бежал со стыдом; осталось еще двое, но скоро и они будут побеждены,

ибо мой Заступник непреоборим и непобедим!

После этого царь сказал страстотерпцу:

– Одно из двух остается тебе, монах, или подчиниться мне и принять нашу веру или же умереть во цвете лет страшной смертью.

Святой сказал:

– Царь! Прошу у тебя чего-нибудь из трех: или отпусти меня к моему старцу, или отошли меня ко Христу моему, поразив меня какою хочешь смертью, или стань христианином будь в общении с нами!

Царь, не будучи в силах выносить его дерзновенных речей, чрезвычайно разгневался и повелел поставить мученика на горячие уголья босыми ногами. Страстотерпец, однако, стоял недвижимо на горячих угольях, никем не поддерживаемый, мужественно перенося жар огня, из-за любви ко Христу, и даже воспевая псалмы Давидовы. Долго стоял он в таком положении и, наконец, царь приказал снять его с угольев и подать ему чашу с ядом. Мученик взял чашу, прочитал символ веры – Верую во единого Бога – до конца, оградил себя крестным знамением и выпил яд без всякого для себя вреда. Царь пришел в удивление и велел привести из темницы одного из осужденных на смерть преступников и дать ему такого же яду. Когда преступник выпил чашу с ядом, то со страшным криком тотчас же испустил дух, и тело его тотчас же разложилось, тогда как святой Михаил оставался цел и невредим. Тогда все бывшие там христиане исполнились великой радостью и единогласно прославляли Бога.

Сарацины же, чувствуя глубокий стыд и считая всё происшедшее поруганием над своею верою, кричали царю, чтобы он или умертвил того монаха или же отдал приказ об истреблении всех христиан. Царь, из угождения сарацинам, приказал вывести мученика за город и мечом отрубить ему голову. И выведен был мученик на смерть, а толпы сарацин и христиан последовали за ним до места казни. Пришедши на означенное место, мученик стал лицом к востоку и, воздвигши очи и руки к небу, молился так:

– Владыка Вседержитель, Вышний, Безначальный, Присносущный, Создатель всякой твари, Царь царствующих и Господь господствующих! Благодарю тебя за то, что Ты сподобил меня окончить подвиг. И ныне я умоляю Твою благость: пусть не прикоснется ко мне рука диавола, и пусть не ввергнет он меня в глубину погибели, но через святых Твоих Ангелов возьми мою душу и введи меня в обители успокоения. Тебя, Господи, я возлюбил и Тебя пою и величаю Отца и Сына и Святого Духа, Единое Божество и Царство, ибо Тебе принадлежит слава вовеки. Аминь.

Помолясь так и простившись с верующими, он преклонил под меч свою голову и скончался будучи усечен мечом[4516]. Христиане же воссылали славу Богу, подкрепившему Своего мученика.

Иноки, обитавшие в монастырской гостинице святого Саввы, в Иерусалиме, хотели взять тело мученика и отнести его в лавру, но христиане, жившие в Иерусалиме, воспротивились этому, говоря: «Здесь он страдал, здесь его нужно и положить, чтобы тело его было святыней и сообщало благословение верующим». Иноки же, наоборот, говорили, что он получил воспитание в пустыне, что он чадо преподобного отца Саввы и что его не следует хоронить где-нибудь, кроме лавры. Долго они спорили между собою, и о споре их весть дошла до самого царя, который присудил, чтобы тело мученика было взято иноками, которые после этого взяли оное и принесли в гостиницу.

В тот же день преподобный Феодор имел откровение о святом Михаиле и, пришедши в церковь, сказал авве и братиям:

– Ныне брат наш Михаил совершил в городе мученический подвиг.

Авва тотчас послал братию, чтобы перенести с почестями в лавру тело мученика. Они пошли и принесли его оттуда ночью, чтобы сарацины не нанесли какого оскорбления телу мученика. Господь же явил чудо над мощами Своего раба: с неба сошел огненный столп и шествовал впереди несших тело мученика, осиявая их. Некоторые из граждан, которые в ту ночь не спали,

также видели, как оный столп шел по направлению к лавре и освещал ту местность.

Преподобный Феодор вышел навстречу мученику, источая обильные слезы, которые вызваны были частью сожалением, частью радостью. Он плакал о святом Михаиле как об ученике и родственнике своем, и радовался тому, что его любезный сожитель сподобился мученического венца. Также и авва лаврский со всею братией вышел навстречу со свечами и кадилами, воспевая песнопения в честь мучеников. Так внесли они тело святого Михаила в церковь.

В то время в лавре был один больной инок, по имени Георгий, который три года лежал в болезни и которого преподобный Михаил часто навещал. Этот расслабленный услышал о кончине Михаила и стал просить братию, шедшую в церковь, чтобы и его снесли туда же, дабы он мог увидеть мученика, бывшего для него любимым братом. Но никто не обращал внимания на него и все проходили мимо. Тогда больной от сильного огорчения прослезился и сказал:

– Брат Михаил! Если ты обрел благодать у Бога и получил дерзновение ходатайствовать перед Христом, то вспомни и обо мне, твоем друге, и испроси для меня, расслабленного силу, дабы и я мог прийти и увидеть тебя и воздать тебе целование о Господе.

Только что он сказал это, как тотчас же внезапно почувствовал себя крепким, и тот, кто не мог повернуться лежа на одре, встал с одра здоровым. Он пришел в церковь, припал к телу мученика, и лобызал его со слезами, говоря:

– Поистине, любезный брат мой, ты имеешь великое дерзновение перед Христом; поистине совершенную любовь явил ты мне, страдальцу: ты и при жизни своей много послужил мне, недостойному, и, отойдя ко Христу, вдруг даровал мне неожиданное здравие.

Братия же, воспевши обычные погребальные песнопения, положили мученика во гробнице святых отцов прежде пострадавших.

Так окончил свою жизнь святой преподобномученик Михаил в 9 день месяца июля. Он являлся потом часто преподобному

Феодору в ночных видениях, украшенный мученическим одеянием и венцом и озаряемый неизреченным светом. Он говорил:

– Не скорби обо мне, отче, ибо я получил милость от Христа Бога моего, от Которого и тебе приготовлено воздаяние за преподанные тобою мне наставления.

Здесь кончается речь о святом мученике Михаиле, и мы обращаемся снова к житию преподобного Феодора.

Устрояющий всё на пользу Господь, не восхотел более скрывать под спудом пребывания в пустыне такого светильника, каков был блаженный Феодор, который мог своею добродетельною жизнью принести пользу многим и как свет светить миру. Поэтому Он поставил его на высокое архиерейское служение.

Во святую великую Четыредесятницу в Иерусалим прибыл святейший патриарх Антиохийский для поклонения животворящему гробу Христову и по делам своей Церкви. В это время, когда в Иерусалиме было два патриарха, кроме них еще много епископов из Иерусалимской и Антиохийской епархий, из города Едессы пришли в Иерусалим некоторые уважаемые представители духовенства и мирян, просить епископа для города Едессы, так как тамошний епископ скончался. Начали отыскивать человека, который бы был достоин того сана и престола, и святейший патриарх Иерусалимский, будучи руководим Духом Божиим, вспомнил о блаженном Феодоре и сказал:

– Никто, по моему мнению, не ведет такой равноангельской жизни и в то же время не способен так к управлению церковными делами как дивный в молчальниках Феодор, инок лавры преподобного Саввы.

Палестинские отцы вполне согласились с таким отзывом патриарха о святом Феодоре, ибо все в Палестине хорошо знали о подвижнической жизни Феодора. Весь собор возрадовался, и тотчас патриархи послали за Феодором и нарекли его во епископа, хотя он с плачем отказывался от этого сана. Они повелели ему пройти обычные церковные степени и принять посвящение во иереи. Возрадовались и посланцы из

Едессы об избранном для них епископе, так как слышали о его богоугодном житии и знали, что он – уроженец их города.

Когда наступил великий четверток – день тайной вечери Христовой, оба патриарха служили со множеством епископов и при этом хиротонисали преподобного Феодора в епископы. Во время же посвящения совершилось великое чудо на виду у всех. Голубь, цветом белее снега, стал парить в верху церкви и потом сошел на главу поставляемого епископа. Видевшие это патриархи, епископы и священники дивились и прославляли Бога и говорили:

– Поистине этот муж достоин святительского сана!

По совершении же посвящения, преподобный Феодор весь сиял благодатью как Ангел Божий и весь внешний вид его являл в нем совершеннейшего богоносца. В святую же и Великую Субботу, а также и в пресветлый праздник Воскресения Христова он служил вместе с обоими патриархами, в понедельник же светлой недели, он отправился в лавру прощаться со святыми отцами. Те и радовались, и плакали: радовались тому, что брат их сподобился святительского сана, плакали о том, что лишаются ближайшего общения с таким великим отцом. Плакал много и святой Феодор, покидая своих любезных друзей, свою отшельническую келью и вожделенное для него безмолвие, и, простившись со всеми, проливая слезы, возвратился во святой град. Потом после Фоминой недели по просьбе едессян, он отправился, не медля более, в Едессу. С ним был и Василий, писатель его жития, приходившийся ему племянником по сестре. Когда они достигли реки Евфрата и расположились на ночлег в палатках, поставленных на берегу, преподобный, сожалея о том, что должен был покинуть святой град и святую лавру, произнес слова псалмопевца:

– «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс.136:1).

Произнесши эти слова, он прослезился и задумал бежать, но едессяне, понявши его намерение, поставили стражей, чтобы не лишиться своего пастыря. И в ту ночь преподобному было видение. Некто явился ему и сказал:

– Не уподобляйся ленивому рабу, который скрыл в землю данный ему от Господа талант (Мф.25:18), но уподобляйся рабу, принявшему пять талантов и приобретшему десять, за что он и получил власть над десятью городами (Лк.19:16–17). Не отказывайся носить возложенное на тебя иго Христово!

После этого видения святой Феодор сказал:

– Да будет воля Господня!

И отправился с едессянами, решив более не оставлять своего нового служения и уже не печалясь о выпавшем ему жребии.

Когда они приближались к Едессе, то весь город вышел навстречу нового архиерея и православные с неизреченною радостью приняли его. Возрадовался духом и святой Феодор, увидев здание соборной церкви в Едессе, по величине и красоте немногим разве уступавшее Иерусалимской церкви Воскресения Христова. Благословив всех, он припал к честной раке святых мучеников Гурия, Самона и Авива и прослезился. Таким образом святитель Христов принял престол свой – (в то время в греческой империи царствовал Михаил[4517] с матерью свое Феодорою) – и стал усердно пасти врученную ему Богом паству и словом и делом, с одной стороны питая ее богодухновенными учениями, с другой наставляя на путь спасения примером своей добродетельной жизни. А так как в том городе было немало ересей – и несториева[4518], и северова[4519], и евтихиева[4520], и манихейская[4521], то он печалился об этом и немало трудов положил на борьбу с еретиками, видя в них хищных зверей. И в православных святитель Христов возбуждал радость, а в еретиках досаду, и православные радовались тому, что у них был такой Богомудрый пастырь и учитель, а еретики горевали и замышляли против него зло. Но он был тверд как адамант и никакие нападения не могли лишить его мужества. Ему горько было смотреть на грешников, оставлявших истинную веру, но с другой стороны он радовался при виде мужей добродетельных и утвержденных в благочестии и любил часто дружески беседовать с ними наедине.

В то время близ Едессы, около монастыря святого великомученика Георгия, в котором проводили постническую жизнь и инокини, жил уважаемый всеми столпник, по имени Феодосий, муж высокой жизни, престарелый (ему было уже более ста лет) и имевший от Бога особый дар прозорливости. Преподобный епископ Феодор часто посещал его и беседуя с ним как с искренним другом находил в нем утешение. Столпник говорил ему:

– Не ослабевай, служитель Господа, в трудах своих и пусть не кажется тебе тяжким иго Господне. Всё для тебя окончится благополучно, и если многие из еретиков будут замышлять злое против тебя, то не будут иметь успеха в своих намерениях. Господь расстроит их планы и они будут побеждены, посрамлены и изгнаны из дворов церковных. Эти слова столпника исполнились в свое время – об этом будут сказано впоследствии. Здесь же нужно сказать еще о частых духовных беседах епископа со столпником, в которых столпник сообщил много полезного епископу. Однажды он рассказал ему следующее.

– Был, – говорил столпник, – в этом городе много лет тому назад один человек, по имени Адер, благородный и знатный и очень богатый, как в древности праведный Иов. Он был ко всем милостив, нескудно подавал милостыню нищим и жертвовал на монашеские обители и приходил часто ко мне побеседовать о предметах духовных. Он имел супругу и троих детей и был человек праведный, незлобивый, кроткий, смиренный, молод летами и крепкого здоровья. Один раз он пришел ко мне, по своему обычаю, и я увидел, что он очень печален. Я сказал ему:

– Что ты печален, духовное мое чадо?

Он же, обливаясь слезами, отвечал:

– Нагим я вышел из чрева матери моей, нагим должен отойти и в могилу. Ничего я из временного богатства и из суетной славы не унесу с собою. Давид сказал: «собирает и не знает, кому достанется то» (Пс.38:7), «не пойдет за ним слава его» (Пс.48:18). Человек оставляет свое богатство чужим и иначе быть не может. И апостол говорит: «проходит образ мира сего» (1Кор.7:31). Слышу как и Христос Спаситель наш

восклицает: «кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк.14:33), и еще: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф.10:38). Поэтому, отче, я хочу всё оставить по любви к Богу и жену, и детей, и имение, и жить для Одного Господа, приведшего меня из небытия в бытие. Ты же дай мне свое отеческое благословение и один хлеб из твоей келлии и помолись за меня!

Я подивился словам его и сказал ему:

– Доброе у тебя, я вижу, намерение, но ты берешь на себя великий подвиг. Спасется тот, кто претерпит до конца (Мф.24:13), поэтому смотри, чадо мое, как бы тебе напоследок не раскаяться. Лучше вовсе не давать обета, чем, давши обет, не исполнить его. Но если ты исполнишь, то, конечно, блажен будешь, переменив временное на вечное.

Он же сказал:

– Да будет воля Господня!

После этого я помолился о нем и, давши ему один хлеб, отпустил его. А он, убежавши из мятежного мира как из темницы, прибыл в Иерусалим и помолившись усердно у гроба Христова и побывав во всех святых местах, ушел в лавру святого Саввы и принял иноческий чин, будучи переименован из Адера в Афанасия. Он проводил жизнь истинного инока, угодил Богу и отошел к Нему. Добродетельная же супруга его, по удалении его, долгое время оплакивала свое одиночество и нередко при этом обращалась к нему как бы видя его пред собою:

– О господин мой, – говорила она, – ты старался о том, чтобы спасти душу свою, а на меня одну возложил заботу о детях твоих. Да видит это Всевидящий Бог и пусть рассудит между мною и тобою!

Через некоторое время однажды ночью ей предстал в сновидении муж ее, с просветленным лицом в белой блестящей одежде, и сказал ей:

– Перестань плакать и жаловаться на меня. Вот я беру детей к себе, ты же старайся спасти душу свою. И мне в том же виде явился этот человек и сказал:

– В монастыре, находящемся близ тебя, старейшая безмолвница через три дня отойдет ко Господу; ты устрой туда вместо нее мою супругу, чтобы она жила в ее келлии, постясь и в полном уединении. Пусть останется при ней и младший ребенок, пока не возрастет. Он будет следовать по моим стопам и войдет на апостольский престол в Иерусалиме.

После этого явления на третий день преставилась в том монастыре старая безмолвница, а потом скончались и двое детей Адеровых. Остался только один, самый маленький ребенок, который также был болен при смерти. Мать же, огорчаясь и лишением мужа и смертью двоих детей, видя, что и последнее ее чадо находится при смерти, в своей великой печали плакала горько, а потом, взявши на руки младенца, побежала ко мне, недостойному. На половине пути младенец на руках матери умер, и мать не знала, что делать в таком печальном положении. Случайно или, лучше сказать, по Божественному промышлению, ее встретила одна блудница, и мать, тотчас положив к ней на руки мертвого ребенка, сама бросилась к ногам ее, умоляя ее со слезами, чтобы она помолилась за ребенка Богу. Блудница же, приведенная в изумление такою просьбою, сказала, что она явная грешница, повинна во многих преступных и скверных делах и потому не смеет обратиться к Богу с ходатайством, и не может даже поднять глаза свои на небо и открыть уста для молитвы. Мать же, как бы лишившаяся ума от печали, продолжала, обнимая ее ноги, просить ее. Тогда блудница, ставши лицом к востоку, вздохнула из глубины сердца и ударивши себя в перси и обливаясь слезами, начала молиться так:

– Недостойна я, Господи, по множеству грехов моих воззреть на высоту небесную и своими скверными устами именовать Твое святое имя, но, подобно древней блуднице, плакавшей у ног Твоих (Лк.7:36–50), умоляю Твое человеколюбие – излей ныне на нас от Твоего благоутробия Твое милосердие! Та грешница просила прощения своих грехов, а я, не дерзая просить прощения своим бесчисленным беззакониям, молю об этом непорочном младенце, о чем просит меня с настойчивостью эта целомудренная раба Твоя.

Жизнодавец, Спаситель всех! Даруй жизнь этому отроку. Если я, женщина с жестким и немилостивым сердцем, сожалею о нем, насколько более Ты, по самой природе Своей милостивый и человеколюбивый, милосердствуешь о Твоем создании!

О, неизреченное благоутробие Божие! Когда грешница помолилась таким образом, ребенок ожил. Явно грешную женщину, помолившуюся с сердечным сокрушением и смиренно исповедавшую грехи свои, Бог услышал и, по ее молитвам, воскресил умершего, предвидя ее будущее обращение и святую жизнь в будущем. Мать, увидя ребенка живым, чрезвычайно обрадовалась и воздала хвалу Богу, а грешница, при виде такого чуда, пришла в ужас и, не будучи в силах сказать ни одного слова, упала ниц на землю, испуская струи слез. Так дивен в делах Своих Бог! Он воскресил ребенка, утешил огорченную мать, блудницу расположил к искреннему раскаянию и приготовил Себе достойного Раба для святительского служения. – Этот воскрешенный ребенок стал потом патриархом Иерусалимским.

Когда всё это совершалось на пути, я смотрел со столпа и, по Божественному откровению, увидел яркий свет, сошедший с неба и осиявший молящуюся грешницу, умершего ребенка и плачущую мать. Призвав к себе ученика, я послал его за обеими теми женщинами и они, пришедши, рассказали мне на мои вопросы всё в подробностях, согласно с тем, что открыто было мне Господом. Супруга же Адерова говорила:

– Рассуди, честный отче, между мною и супругом моим, твоим духовным сыном. Я вышла за него замуж, будучи непорочна, стала матерью троих детей, а он, без всякой вины с моей стороны, ушел неизвестно куда. Когда я много времени провела в слезах, он однажды явился мне во сне, будучи одет в светлое одеяние и сказал:

– Вот, я беру младенцев к себе, а ты, если хочешь, спаси душу свою!

После этого видения двое детей моих умерли, а теперь он хочет взять и последнего и оставить меня умирать от тоски и сожаления. Если он делает так по твоему повелению, то пусть Бог рассудит между вами и мною!

Я же сказал ей:

– Дочь, не печалься; твой сын не умрет, но останется жив и сподобится великой славы. Ты же, по совету твоего супруга, позаботься о спасении души твоей. Вот тебе приготовлена уединенная келлия в монастыре близ меня. Одна богоугодная раба Христова, состарившаяся в постничестве, скончалась, – будь ее заместительницей и подражай ее житию.

На мое предложение женщина тотчас же согласилась, а потом и грешница со слезами стала умолять, чтобы и ее приняли как кающуюся и причислили к святым постницам.

Через некоторое время обе те женщины, раздавши нищим все свои имения, вступили в монастырь святых постниц, стали очень усердными инокинями и своими подвигами угодили Богу. Ребенок же воскресший, придя в возраст, отправился в Палестину и бывши в лавре святого Саввы узнал, что там проводил иноческую жизнь его отец. Он сам постригся здесь в иноки и, испросив себе отцовскую келью, долговременными постническими подвигами снискал себе уважение среди палестинских отцов. По Божию изволению, он возведен был на патриарший Иерусалимский престол, в течение семи лет управлял мудро Церковью Христовою, а потом, совершив в непорочности путь свой, переселился в вечные обители.

Этот рассказ дивного столпника доставил большое утешение святителю Христову Феодору и он спросил у столпника:

– Скажи мне, отец духовный, сколько времени ты живешь на этом столпе и вообще, прошу тебя, скажи, ничего не скрывая, Господа ради, всё о своей жизни.

Старец же, вздохнув из глубины сердца и прослезившись, сказал:

– Ради имени Господня и по истинной любви скажу я всё тебе, добрый пастырь словесного стада Христова, а ты сохрани в тайне это, доколе Господь не возьмет меня из этой жизни. Во дни юности моей я со своим старшим братом Иоанном отрекся от мира. Три года мы трудились в монастыре, а потом в нас пробудилось желание вести уединенную жизнь в пустыне. По совету своего духовного отца, мы ушли в лежащую около

Вавилона пустыню и найдя там две, недалеко одна от другой расположенные пещеры, стали жить в них в уединении, каждый в своей пещере. Пищу нашу составляли зелень и древесные плоды, какие можно находить в пустыне, а в субботу и в воскресенье мы вместе совершали молитвы и пели псалмы; вкусивши вместе обычной пустыннической пищи, мы снова расходились по своим пещерам, наедине молясь и размышляя о Боге. Ходя по пустыне, мы также старались не встречаться друг с другом и только Ангел Господень часто посещал и утешал нас в нашем уединении. Однажды, когда мы врозь ходили по пустыне, собирая растения, я увидел вдали своего брата, который идя, вдруг остановился с удивлением, а потом, немного постояв на месте, оградил себя крестным знамением и перепрыгнул через находившееся перед ним место как бы через какую-нибудь сеть и быстро убежал в свою пещеру. Удивился и я такому поступку брата и пошел посмотреть, что заставило брата обратиться в бегство. Подойдя к тому месту, я увидел большое количество просыпанного золота и, сотворивши молитву и снявши мантию, я собрал в нее просыпанное золото и едва донес его до пещеры, ничего не сказавши об этом брату. Потом я отправился в город и купил хороший, крепкий дом, с большими комнатами и с источником чистой воды. Там и устроил церковь и монастырь, собрал сорок монахов, завел странноприимный дом и больницу для успокоения странников и больных и купил для монастыря довольное количество земли. Устроив всё, я нашел мудрого человека, которого поставил игуменом того монастыря. За покрытием всех расходов по устройству монастыря у меня осталось еще две тысячи златниц, из которых тысячу я отдал игумену на нужды монастыря, а другую тысячу раздал нищим, себе не оставивши ни одной златницы. Потом, простясь с игуменом и братией, я вернулся опять в пустыню отыскать брата своего. Когда я шел в пустыню, то в сердце моем явилась горделивая мысль: вот брат мой не сумел воспользоваться найденным золотом для доброго дела, а я совершил нечто великое и богоугодное. Размышляя так, я приблизился к тому месту, где жил брат, и горделивый помысл о моем превосходстве перед братом не оставлял меня. И вот мне

вышел навстречу Ангел Господень, посещавший меня раньше и, грозно взглянув на меня, сказал гневно:

– Зачем ты тщеславишься и превозносишься пред братом своим? Скажу тебе по правде, что весь твой долговременный труд, все твои заботы об устройстве монастыря не сравняются с тем, что сделал брат твой, перепрыгнув через найденную им кучу золота. Он не через золото перескочил, а через большую пропасть, которая образовалась между богатым и Лазарем (Лк.16:26–31), перелетел на легких крыльях и лоно Авраамово ожидает его. Он старался угодить Богу, ты – людям. Поэтому несомненно брат твой выше тебя перед Богом и ты ни в каком случае не сравнишься с ним, хотя и считаешь себя лучшим чем он. За это тщеславие ты не увидишь в течение этой жизни ни его, ни меня и тебе придется пролить немало слез для того, чтобы умилостивить Бога.

Сказавши это, Ангел скрылся из глаз моих, а я поспешил к пещере, где жил брат мой, но уже не увидел его там. Я громко плакал, до потери сил, и вот через семь дней я услышал издали голос Ангела, говоривший мне:

– Тебе нужно идти к городу Едессе и там, близ церкви святого Георгия, войти на столп и пребывать в покаянии, пока Господь не смилостивится над тобою.

Итак, я пошел с плачем из пустыни и, придя сюда, восшел на этот столп. Здесь я пробыл сорок девять лет, борясь с различными помыслами, окружавшими меня подобно мрачному облаку, и безутешная скорбь наполняла мое сердце. На пятидесятом году, в одну из суббот, поздним вечером, я почувствовал в своем внутреннем существе какое-то сладкое просветление, с которым вместе рассеялось и мрачное облако тяготивших меня помыслов. Всю ту ночь я провел без сна, воссылая с сердечным умилением молитвы Богу и орошая лицо свое слезами утешения. Когда настало воскресенье и я пел обычные псалмы третьего часа, внезапно явился предо мной святой Ангел и сказал:

– Мир тебе и спасение!

Я же, утешенный этим явлением, пал на землю и сказал со слезами:

– Зачем ты отверг меня от лица твоего и разлучил меня с братом моим? Вот я теперь подвергаюсь многим искушениям!

Ангел, взяв меня за руку, поднял меня и сказал мне:

– Из-за гордости твоей, с какою ты уничижил в мыслях своих своего брата, я скрылся от очей твоих, но не вовсе оставил тебя, а невидимо пребывал с тобою, сохраняя тебя, как то повелел мне Бог. Теперь же за смирение твое Господь помянул тебя и послал меня, чтобы я, открыто для тебя, был с тобою и в этой и в будущей жизни. Тебе дается теперь от Господа благодатный дар прозорливства, чтобы узнавать людей праведных и грешных, чтобы о праведниках радоваться, а за грешных молиться, дабы они обратились от греховной жизни к покаянию. И брат твой жив и всё время молится за тебя Господу, но увидишь ты его только в будущей жизни.

– Вот и всё, что я мог сказать тебе, архиерей Божий, о своей жизни!

Святой Феодор тогда спросил его, как он узнаёт праведников и грешников. Столпник отвечал:

– Если мимо этого места проходит человек праведный и богобоязненный, то я вижу сияющую над ним благодать Божию; около него по обеим сторонам шествуют святые и пресветлые Ангелы, а вдали идут не смеющие приблизиться к нему бесы. Если же мимо меня идет грешник, то вижу кругом него полчище ликующих бесов, а вдали шествует Ангел, сетуя и плача о погибели грешника. Когда же бесы захотят окончательно погубить того человека, Ангел с огненным оружием в руках прогоняет их.

Такими душеполезными беседами преподобного столпника святой Феодор много утешался, благодаря Бога за то, что ему случилось найти среди своих пасомых такого человека, богодухновенного угодника Господня и прозорливого отца. С тех пор он часто посещал его и вел с ним духовные беседы.

Так мудро святой Феодор пас Христово стадо, стараясь уничтожить умножившиеся ереси. Еретики же исполнялись яростью и начали явно покушаться на святого пастыря. Вознамерились они целою вооруженною толпою ворваться в церковь во время богослужения, убить пастыря и разогнать

овец, но это не удалось им и на них исполнилось слово Писания: «составили замыслы, но не могли [выполнить их]» (Пс.20:12). Всякий раз как только они приближались к церкви, сила Божия мешала им войти: у них то оцепеневали руки, то пламень огненный, вырывавшийся вдруг навстречу им из церкви, отгонял их. Недоумевали они долго, что предпринять, но потом решили действовать иначе. Они возбудили против Церкви Божией и против святителя правителей той области, агарян (Едесса находился под владычеством сарацин), давши им большие подарки, и, с их разрешения и при их содействии, отняли у Церкви много имений, селения, нивы, сады и всё прочее, откуда получали средства к жизни дом архиерея и прочий причт. Они, и главным образом богатые манихеи, творили много обид и насилий и прочим православным христианам.

Приходилось святителю Феодору идти в Вавилон к царю сарацинскому по имени Мавий, преемнику Адрамелеха, жаловаться ему на причиняемые Церкви обиды и просить о прекращении этих обид, и о справедливом расследовании всего дела. Сначала святой Феодор отправился за советом к преподобному столпнику. Столпник одобрил его намерение и предсказал ему всё, что должно случиться с ним. Он сказал, что святитель успешно исполнит поставленную им для себя задачу и что не только получит удовлетворение всех нужд церковных, но что и самого царя обратит к Христовой вере. Советовал ему столпник поискать и брата его, Иоанна, который должен был находиться где-нибудь повыше Вавилона, в пустыне, и написал даже брату письмо. Святитель же, попрощавшись с столпником, возвратился в епископию, и через несколько дней приготовился к путешествию и, помолясь Богу о стаде своем и о себе, он пошел в намеченный им для себя путь.

Достигши Вавилона, святой Феодор пришел в христианскую церковь и явился к тамошнему митрополиту, который с радостью принял святого Феодора и дал ему у себя помещение. Когда же он стал расспрашивать Феодора о цели его путешествия, то Феодор с подробностью рассказал ему о всех нападках еретиков на церковь, о расхищении церковных

имуществ и о страданиях православных людей. В то время у митрополита случайно находились двое придворных, из коих один был начальник над царскими писцами, а другой начальник над врачами. Оба они были православные христиане. Слыша рассказ епископа, они от глубины сердца соболезновали ему. Тогда митрополит сказал тем придворным, чтобы они напомнили царю о прибытии епископа из Едессы, но те отвечали:

– Теперь не время – царь тяжко болен, зрение его от болезни притупилось и на глазах у него болячки. Кроме того у него воспалена печень, а это, по нашему мнению, болезнь неизлечимая. Разве можно теперь обращаться к нему с каким-нибудь делом?

Святой же Феодор сказал им:

– Как знать, господа мои, – может быть ради моего смирения Господь и исцелит его?

Они отвечали ему:

– Если ты искусен во врачевании или имеешь от Бога благодать исцелений, то это время как раз подходящее для того, чтобы получить тебе благоприятное для тебя решение.

Утром начальник врачей, явившись к царю, чтобы оказать ему обычную врачебную помощь, сказал ему, что прибывший из Едессы епископ весьма успешно врачует болезни. Царь тотчас же приказал призвать его, и епископ пошел к царю, молясь и воспевая в сердце своем псалом Давидов: «Живущий под кровом Всевышнего» (Пс.90:1–16). При входе его в царскую спальню, больной царь едва слышным голосом, сказал:

– Епископ! Если можешь, то помоги мне. Я ужасно страдаю и уже приближаюсь к смерти.

Святитель же Христов, возведши очи сердца своего к Богу и с твердою верою призвав на помощь Владыку Христа, скорого врача, повелел принести чистый сосуд и чистой воды. Имея с собою немного земли от животворящего гроба Христова, он растворил эту землю в воде, и часть этой воды велел царю выпить, а остатком помазал ему голову, чело, веки, глаза, сердце и плечи. После этого он попросил, чтобы царю дали спокойно заснуть, а сам удалился в гостиницу. Больной царь

крепко заснул и во время сна у него прошла всякая болезнь и он был, по благодати Христовой и по молитвам святого Феодора епископа, возвращен от врат смертных. Пробудившись, царь почувствовал себя совершенно здоровым и глаза его глядели ясно. Он весьма дивился такому быстрому и неожиданному полному исцелению и, в радости, приказал тотчас позвать к себе этого искусного во врачевании святого епископа и долго его благодарил и восхвалял. Святой же повелел царю принять пищи, и царь ел и пил как совершенно здоровый человек.

На другой день утром царь созвал всех своих высших вельмож и, севши на высоком престоле, показал всем ясно, что он выздоровел. Все радовались исцелению царя, и царь устроил в тот день большой пир всем вельможам, градоначальникам, войску и всему народу. Началось веселое пиршество, а царь святому епископу Феодору воздал почести пред лицом всего собрания, одарил его великими дарами и называл его светом очей своих. На третий же день царь призвавши его к себе, причем святому Феодору были оказаны особые почести, сказал:

– Человек Божий, свет очей моих! Скажи мне, по какой причине ты пришел сюда? Всё, что ты потребуешь от меня, я исполню.

Тогда святитель Христов начал во всех подробностях рассказывать царю о всех обидах, чинимых святой Церкви и православным христианам, о грабеже церковных имений, о притеснениях и нападках всякого рода. И царь после этого приказал немедленно написать к правителям Киликии, Сирии и Месопотамии[4522], чтобы они поспешили возвратить Едесской церкви все ее владения, а за обиды, причиненные христианам, привлечь виновных к суду. Далее царь повелевал, чтобы еретики присоединились к соборной Церкви; если же они не захотят исполнить этого предписания, то велел манихеям отрезать языки, а несториан, севериан и евтихиан выгнать из города, места же собраний их разорить. Когда это царское повеление было записано, царь сказал святому:

– Ты, отче, останься здесь на некоторое время с нами, а я пошлю воеводу с моим указом, чтобы он исполнил его в точности. Пошли с ним кого-нибудь из своих учеников, и больше ни о чем не заботься: всё будет исполнено по твоему желанию!

Итак, от царя был послан воевода, а от епископа – три клирика, и вскоре из Едессы пришло извещение, что всё там приведено в порядок. Многие из еретиков, испугавшись царских угроз, присоединились к Православной Церкви, другие же, продолжавшие упорствовать в своем нечестии, подверглись телесным наказаниям или же были изгнаны.

Пребывая в Вавилоне, святой епископ Феодор часто был приглашаем к царю как врач и при этом веял понемногу семена учения Христова. Семена эти падали на добрую почву царского сердца и царь отчасти уже начал просвещаться светом истинного познания. Потом святитель испросил у царя позволение отправиться на краткое время в пустыню, чтобы найти указанного ему столпником пустынножителя. Когда позволение было дано, он пошел с двумя своими учениками и удалившись из города примерно на сто поприщ, при помощи Божией нашел преподобного Иоанна, брата столпника, в пустыне, в едва доступной, темной пещере. Преподобный сам вышел навстречу епископу и звал по имени святителя и учеников его. Сотворивши молитву и приветствовав друг друга, они сели и вступили в духовную беседу. Преподобный Иоанн очень походил на своего брата, столпника Феодосия. Он просил святителя, чтобы тот совершил в его пещере Божественную литургию и причастил его Пречистых Тайн Тела и Крови Христовой и епископ исполнил его желание – совершил литургию и причастил его. По принятии святого причастия пустынник весь исполнился духовною радостью и предложил гостям пустынную трапезу, которая показалась им необычно вкусной. Вкусивши, они возблагодарили Бога и опять занялись духовною беседою. Старец сказал епископу:

– Отче! Где то письмо, какое написал мне мой брат, столпник?

Епископ, удивляясь прозорливости старца, сказал ему?

– Кто сообщил тебе, авва, что у меня есть письмо к тебе от твоего брата?

Преподобный старец отвечал:

– В тот самый час, когда письмо было написано, оно было прочтено мне и тотчас же на обратной стороне письма был дан от меня брату ответ.

Епископ вынул из сумки письмо в запечатанном виде и хотел отдать его пустыннику, но тот просил епископа распечатать письмо и прочитать. Когда епископ исполнил его желание, то нашел на обратной стороне письма следующие слова:

– Иоанн, последний среди иноков, из пещер Вавилонских, Феодосию столпнику Сирии, родному брату моему, желает радоваться о Господе! Прочитал я письмо твое в то время как оно было написано и тогда же написал тебе ответ, ибо если мы далеки друг от друга телесно, то душа моя неотступно пребывает с тобою и то, что открывает тебе Бог, известно и мне. Всё, написанное тобою о святом епископе, приходит в исполнение, при содействии Божественного Промысла. Святая Церковь укрепляется, еретики посрамляются и будут изгнаны, неверный царь, вместе с просветлением очей телесных, получает просветление и очей духовных. Будь здрав о Господе, брат, и моли обо мне Владыку Христа, чтобы мы в будущей жизни увидели друг друга и пребывали неразлучно вместе.

Прочитавши с удивлением такой чудесный ответ, епископ вспомнил о пророке Аввакуме, который был взят Ангелом из Иудеи в Вавилон к Даниилу и снова в тот же час возвращен был в Иудею, и сказал сам себе:

– Всемогущий Бог, сотворивший в древности такое чудо, мог и теперь сотворить подобное: Он дивен во святых своих (Пс.67:36).

Святой епископ пробыл у преподобного пустынника день и ночь, а наутро, по совершении молитвы, простился с ним и возвратился в Вавилон, к царю. Царь сказал ему:

– Хотелось бы мне, любезнейший отче, никогда не расставаться с тобою ни в этой жизни, ни в будущей, – так тесно соединилась моя душа союзом любви с тобою!

Епископ отвечал:

– Я вижу, что двери между мною и тобою открыты. Мне не нужно выходить вон, а тебе ко мне нет надобности входить. Когда же двери затворятся, мы разлучимся друг с другом и об этом я весьма скорблю душою.

Царь же сказал:

– Что такое эти двери и что значит их закрытие? Прошу тебя, скажи мне, чтобы я мог это понять!

Тогда святитель, вынув из-за пазухи Святое Евангелие, истолковывая его на понятном царю наречии. Царь же, со вниманием слушая, умилялся сердцем и возгорался любовью ко Христу.

В это время при нем было только трое вернейших слуг, родом из Аравии, которые также с умилением слушали Святое Евангелие, чтение которого епископ продолжал до самого вечера. Наутро же царь, освободившись от дел, снова призвал к себе святителя как бы для того, чтобы спросить у него совета как у врача, а на самом деле для того, чтобы воспользоваться через него врачевством для души своей; и снова целый день внимательно слушал повествования Евангелия и поучения Спасителя, и уверовал потом во Христа и сам и его три служителя. Святитель сказал им, чтобы они готовились к принятию святого крещения. Он назначил им некоторый срок для поста и научил их молиться Богу, написавши им на их языке Трисвятое, Отче наш и другие молитвы, а также Символ веры – «Верую во единого Бога». Всё это делалось тайно, чтобы не узнали сарацины, которых царь опасался. Епископ каждый день посещал царя как врач и наедине учил царя, а потом и трех его служителей, таинствам святой веры. Через некоторое время он тайно окрестил царя и его трех служителей, и нарек царю имя Иоанн. Он совершил в царской опочивальне святую Литургию, причастил новокрещенных Божественных Тайн Тела и Крови Христовых и все они вместе возрадовались великой радостью. Радовались об обращении грешников и святые Ангелы, и во внутренних царских покоях ликование совершалось при невидимом участии небесных сил.

Новопросвещенный царь Иоанн, по любви к Искупителю рода человеческого, Иисусу Христу, пострадавшему на кресте, очень желал иметь частицу древа честного и Животворящего Креста Господня, на коем был пригвожден Господь наш. Но так как Крестное Древо в то время находилось не в Иерусалиме, а перенесено было греческими царями в Царьград[4523], то святителю Христову Феодору пришлось отправиться в Царьград с царским письмом, которое гласило следующее:

– Превысокому и благочестивому самодержцу греческого царства царю Михаилу с благочестивою и Богомудрою матерью, Феодорою, Иоанн, царь сарацинский, желает радоваться о Господе! Благодарю преблагого Бога, избавившего меня от заблуждения и давшего познать истину святого Евангелия и исповедовать веру христианскую, и прошу Ваше Царское благочестие даровать мне часть от животворящего честного древа крестного, на коем распялся Христос мой. Хочу иметь оное при себе как защитника своего.

С таким письмом и большими дарами царь сарацинский послал к царю греческому святого епископа Феодора, который, прибывши в Царьград и отдавши царю письмо с дарами, был с почестями принять царем и святейшим патриархом.

Случилось в то время матери царя, Феодоре, заболеть глазами, на которых стали означаться бельма, помрачавшие зрение, и вот святитель Христов, взявши земли от Гроба Господня и смешав ее с чистой водою, помазал ее очи и исцелил ее. Да и не одной царице, а и другим недужным он нередко подавал исцеление.

Царь же приказал сделать золотой ящичек, украшенный драгоценными камнями и жемчугом, и вложил в него частицу честного древа Животворящего Креста Господня. При этом он написал царю сарацинскому следующее:

– Михаил, благочестно верующий во Христа Бога, Самодержец над всеми греками, Иоанну, возлюбленному нашей кротости, царю сарацинскому, желает радоваться о Господе! Получили мы твои письма, исполненное всякого благочестия и весьма возрадовались и возблагодарили Бога, изведшего тебя «из тьмы в чудный Свой свет» (1Пет.2:9) и призвавшего к

наследованию вечной жизни и бесконечного царства. Вот ты стал сыном Авраама, а не Измаила, чадом Сарры, а не Агари[4524]. Мы восхваляем твою мудрость, потому что ты познал Истинного Царя. Пребывай же до конца в вере Христовой и заповедях Спасителя нашего. Просьбу же твою исполняем с радостью. Да будет тебе Честное Древо Животворящего Креста Господня защитою от всех видимых и невидимых врагов и блаженною надеждою на будущую жизнь!

Вручив это письмо к сарацинскому царю святому Феодору, епископу Едесскому, с частицею Животворящего Крестного древа и кроме того еще икону Спасителя и наградив святителя дарами, греческий царь отпустил его с миром. По дороге в Вавилон, святитель зашел в свой стольный город Едессу и даровал большое утешение своему духовному стаду, а также посетил и дорогого его сердцу столпника, преподобного Феодосия. Немного времени пробыв в Едессе, он отправился в Вавилон, исцеляя повсюду на пути разные болезни то возложением Животворящего Крестного древа и земли от Гроба Господня, то своими святыми молитвами. Когда же он пришел к царю Иоанну, то царь принял его с величайшею радостью, поклонился до земли крестному древу и иконе Спасителя, облобызал их со слезами радости и поставил в своей опочивальне, устроив пред этою святынею неугасимую лампаду своими собственными руками; письмо же греческого царя он прочитал с великою любовью.

Святой Феодор пребывал в Вавилоне, творил много исцелений и прогонял бесов из людей. Этому христиане чрезвычайно радовались, сарацины же и евреи истаивали от великой зависти. Среди последних был один еврей, начальник над еврейским обществом и законоучитель. Он внушил вельможам персидским и сарацинским, чтобы они предложили царю издать повеление о назначении открытого прения о вере между христианами и евреями. Царь, зная, что рабы Христовы побеждены не будут, согласился с их предложением. Назначен был день для прения и собралось великое множество персов, сарацин, евреев и христиан, а потом со всем своим советом явился на собрание и сам царь. Когда царь сел на высоком

месте, еврейский законоучитель выступил как представитель всех евреев один против христианских учителей и святителей, митрополита Вавилонского и епископа Едесского: так был красноречив тот еврей и так гордился он своими знаниями! Но когда он начал говорить не от Писания, а вымышлял разные нелепости и хулы на Христа, нашего Господа, то святой Феодор, исполнившись Божественною ревностью и дав знак рукою к молчанию, сказал еврею:

– Если бы ты что из закона Моисеева или из других святых пророков предложил нашему вниманию, то мы стали бы отвечать тебе. Но так как ты отверз велеречивые уста свои для хуления и лжи и говоришь не то, что возвещено святыми пророками, а что внушено тебе отцом твоим, сатаною, «о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды» (Деян.13:10), то против всех твоих хульных и лживых речей я тебе скажу только одно Давидово слово: «да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое с гордостью и презреньем» (Пс.30:19).

И тотчас тот велеречивый еврей замолчал и его хульный язык онемел, так что он ничего не мог сказать. Тогда иудеи были посрамлены, а христиане возрадовались, персы же и сарацины удивились, и радовался в душе царь, что христиане победили и сила Иисуса Христа прославлялась.

Потом царь повелел того законоучителя еврейского, пораженного немотою от Бога, бить нещадно воловьими жилами и потом посадить в темницу. Также были наказаны и другие еврейские начальники и с позором были прогнаны из собрания. Спустя же три дня тот еврей, который был брошен в темницу, не в силах будучи говорить, обратился с письменною просьбою к святому епископу Феодору, прося у него пощады и обещаясь принять христианство. Святитель, дав знать об этом царю, освободил еврея из темницы, и тот, припадая к ногам святителя, знаками просил у него крещения, так как язык его оставался немым. Епископ совершил тогда над ним оглашение[4525] и потом, когда ввел его в купель святого крещения и призвал над ним имя Пресвятой Троицы, его язык тотчас освободился от немоты и он начал громким голосом

прославлять Отца и Сына и Святого Духа и исповедал, что Иисус Христос есть поистине Сын Бога Живого, возвещенный законом и пророками.

Итак, еврей стал христианином, получив во святом крещении вместо прежнего имени новое – Самон, а по его примеру и некоторые другие евреи приняли святую веру и крестились. Также многие из персов и сарацин уверовали во Христа, но сохраняли свою веру в тайне, боясь, чтобы не подвергнуться преследованиям и казни со стороны своих властей.

После этого, через несколько дней, святой Феодор собрался идти к пустыннику, преподобному Иоанну, и заявил о том царю; царь сказал, что и ему бы хотелось увидать того угодника Божия и послушать его учения. Святой на это сказал:

– Одобряю твое желание, ибо если ты его увидишь, то получишь от этого большую пользу. Он – муж высокой души и имеет дар прозорливости, так что может говорить о будущем как о настоящем.

Так согласились они вместе идти к пустыннику. Царь при этом сделал вид, что идет на охоту и хочет несколько дней провести в пустыне за ловлею диких зверей. Итак, он отправился со множеством служителей и воинов, имея при себе и епископа как постоянного своего врача.

Они ходили по горам и пустынным долинам и поймали много добычи. Когда же они приблизились к тому месту, где в пещере пребывал пустынник, царь разослал своих слуг и сам остался с небольшой свитою. Потом, подойдя еще ближе к пещере, он оставил и эту свиту, и пошел вперед, взявши с собою только тех троих вернейших, обратившихся в христианство служителей, святитель же взял с собою ученика своего Василия, который впоследствии написал его житие. Преподобный же Иоанн, духом провидя, что к нему идут царь и епископ, вышел к ним навстречу, неся в руках огонь и фимиам, – приветствовал их поклоном и ввел к себе в пещеру, где они все и стали беседовать о полезном для души. И сказал царю пустынник:

– Блажен ты, так как, отрекшись от суетного и ложного, возлюбил истину, вводящую тебя в жизнь. Блажен ты потому, что увенчаешься венцом мученичества и вместо временного земного царства будешь вечно царствовать на небе со Христом. Слава Богу, Единому в Троице, ибо Он вывел тебя изо рва страстей и из глубины скверны, поставил на камень ноги твои и вложил в твои уста новую песнь!

После этого преподобный старец предложил пришедшим пищу, какую можно было найти в пустыне, и воду для питья, и те вкусили и возблагодарили Бога. Царь сказал:

– По правде сказать, никогда во все дни царствования моего не принимал я с таким удовольствием пищи и питья, как сегодня! Воистину, отец духовный, ты – царь, а я – нищ и убог!

И старец говорил:

– Господь сподобит тебя скоро получить истинное царство за то, что ты пришел посетить меня, нищего.

Царь предлагал старцу много золота, но тот не взял, говоря:

– Жителю пустыни золото не нужно, раздай его живущим в городе нищим, и получишь награду сторицею на небесах!

И дивился царь равноангельскому житию преподобного старца, а потом, после продолжительной беседы, все простились со старцем, который провожал их благословениями и молитвами, и удалились, и, встретившись со служителями и воинами, возвратились в город. Царь сказал святому Феодору:

– Как я должен благодарить тебя, честнейший отче, за то, что дал мне возможность увидеть поистине небесного человека, который стоит выше всех в мире!

Между тем добрый пастырь помышлял о возвращении к своему стаду. Он боялся, как бы без него еретики, эти злые волки, не напали на его стадо и не нанесли вреда его духовным овцам. Поэтому он стал просить царя отпустить его в Едессу. Царь же, прослезившись, сказал:

– После твоего отшествия, кажется мне, отче, я проживу уже не долго. Я не хочу оставаться тайным чтителем Бога и тайно носить имя христианина. Иди же с миром домой и возьми с собою частицу древа честного и Животворящего Креста

Господня, чтобы оно не было после моей кончины попрано ногами неверующих. Если же через год ты услышишь, что я еще жив, то приди опять навестить меня и принеси с собою эту святыню, а если услышишь о мой кончине, то помолись об упокоении души моей.

Царь дал святому епископу Феодору множество золота и серебра и всяких драгоценных вещей как на украшение храмов Божиих, так и для раздачи нищим и убогим, и, простившись, они расстались со слезами. При удалении своем святитель оставил в Вавилоне одного из своих служителей, чтобы он наблюдал за тем, что там случится по его уходе, и, удалившись из Вавилона, благополучно возвратился в Едессу к своим овцам духовным.

Через некоторое время по удалении святого Феодора благоверный царь Иоанн, пребывавший в Вавилоне, не желая более сохранять в тайне свою веру во Христа и любовь к Нему, но намереваясь явить себя христианином на деле пред всеми, призвал к себе всех князей, воевод и градоначальников и сказал им:

– Великую тайну я хочу открыть вам и пусть никто не сомневается в моих словах! Мне открыто от Бога, что близка моя кончина и что я через несколько дней удалюсь из этой жизни. Поэтому я повелеваю вам и всему народу собраться на поле (царь указал на какое поле) завтра утром. Я хочу вам объявить мое завещание.

Сказавши это, он отпустил их и они ушил опечаленные. Потом царь повелел глашатаям громко объявить по городу, чтобы весь народ утром собрался на то поле, а сам всю ту ночь провел в молитве. Рано утром он призвал к себе митрополита, объявил ему о своем намерении и просил его совершить во внутренней молитвенной комнате Божественную литургию. В конце литургии он с умилением причастился из рук святителя Божественных Таин Тела и Крови Христовой и, вручив святителю драгоценные дары, отпустил его. Потом он облачился в светлую царскую одежду, сел на коня и выехал с большою свитою на назначенное место, где уже собрались бесчисленные толпы народа: персы, измаильтяне, евреи и христиане, и все начальники и властители. Приготовлен был

высокий помост, и на нем был поставлен высокий царский престол, чтобы царя могли видеть все. Все удивлялись, для чего их собрал царь, и спрашивали друг друга, о чем царь будет говорить. Царь же, прибывши на место, воссел на своем престоле и через некоторое время, давши знак к молчанию, встал с престола и громко начал говорить:

– Слушайте все, персы и агаряне и евреи и почтенные христиане! Я – христианин, имя мне – Иоанн. Я верую во Отца и Сына и Святого Духа, в трехсоставное но единое существо Божества, и нет в поднебесной другой правой веры, кроме христианской. И так как Господь мой Иисус Христос сказал в Евангелии: «всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф.10:32), то вот я исповедую Его пред небом и землею, пред Ангелами и людьми!

С этими словами, он вынул из-за пазухи золотой крест, украшенный драгоценными камнями, и поднял его обеими руками вверх, чтобы видно было всем. Потом, оградивши себя крестным знамением и поклонившись до земли на восток, он облобызал честной крест и сказал:

– Кресту Твоему честному поклоняюсь, Христе, и признаю Тебя Богом и Спасом моим, и воссылаю Тебе хвалу с безначальным Твоим Отцом и с пресвятым и благим животворящим Твоим Духом вовеки, аминь!

Слыша это, все удивлялись и стояли как будто онемев. Потом князья и воеводы с другими начальниками в ярости возопили:

– Пусть умерщвлен будет ругатель нашей веры!

И напали они на царя и пронзили его мечами и копьями на смерть, а с ним вместе умертвили и трех верующих служителей, также исповедавших имя Христово[4526].

Так принял мученическую кончину в Вавилоне благоверный царь Иоанн с тремя своими слугами в третий день мая месяца. Тогда все христиане, бывшие свидетелями этого происшествия, пришли в крайний страх пред яростью агарян и, убежав с поля того, скрылись, тело же царя было брошено там без погребения.

Ночью того же дня святой страстотерпец явился в грозном виде старейшинам и властителям и сказал:

– Скорее отдайте тело мое христианскому митрополиту, чтобы он предал его погребению; если же вы не сделаете этого, то я всех вас тотчас же погублю.

Когда они пробудились от сна, то ранним утром собрались вместе, рассказывая друг другу о бывшем им всем сновидении, и пришли в ужас. Тотчас же они послали к христианскому митрополиту повеление, чтобы он взял тело царя и похоронил его. Митрополит тотчас пошел, взял тело святого мученика царя Иоанна и тела святых трех слуг его и принес их в церковь, где и предал честному погребению. От их общей гробницы совершались разные чудеса и часто подавалось исцеление от всяческих болезней не только христианам, но и агарянам, которые вследствие этого стали склоняться к принятию христианства.

В ночь после своей кончины святой царь Иоанн явился в сновидении святому Феодору, епископу Едесскому. Он был в белой чрезвычайно блестящей одежде, а на голове у него был чудный венец, красоту которого невозможно изобразить на словах. Он сказал епископу:

– Вот, честный отче, Христос Господь прославил меня великою славою и сопричислил меня к мученическому лику! Вчера я исповедал пред всеми Его пресвятое имя и за то убит был персами и сарацинами, душа же моя, выйдя из телесной темницы, получила блага, о каких ты говорил мне. Да благословит тебя Бог за то, что ты сделался ходатаем моего спасения, и я молюсь нашему общему Владыке, чтобы он повелел скорее и тебе прийти ко мне, дабы вместе наслаждаться блаженной жизнью по благодати Пресвятой Троицы.

Пробудившись от сна, святой епископ Феодор пошел к преподобному Феодосию столпнику и рассказал о бывшем ему видении. Столпник сказал ему, что это было действительно видение; потому что о том же самом и он получил откровение от Бога. Через несколько дней из Вавилона пришел слуга, который был там оставлен, и сообщил во всех подробностях о

том, как благоверный царь Иоанн с тремя отроками пострадал за Христа. И радовался святой Феодор от все души, благодаря Бога за то, что труд его был не напрасен, но принес столь прекрасный плод в Небесное Царство.

Через некоторое время после этого, столпник увидел в видении, что брат его, преподобный Иоанн пустынник, отошел ко Господу, а потом после кратковременной болезни преставился и сам столпник, преподобный Феодосий. Святитель похоронил его в церкви святого великомученика Георгия, в монастыре святых постниц. По прошествии же трех лет после убиения святого царя Иоанна, этот страстотерпец снова явился святому Феодору в том же виде, как и в первый раз, и сказал:

– Шествуй, любезный отче, – тебя призывает Христос! Он соизволил, чтобы мы вместе с тобою жили в Его царстве и радовались в Его чудном свете.

Из этого видения святитель Христов Феодор заключил, что отшествие его к Богу приблизилось. Поэтому он, сделав нужные распоряжения по делам церкви Едесской и преподав благословение и мир духовным овцам своим, оставил свою паству и удалился в Иерусалим. Поклонившись святому животворящему гробу Христову, он пришел в лавру святого Саввы, в которой началась его иноческая жизнь, и поселился в своей прежней иноческой келлии. Он прожил здесь три недели и переселился в нерукотворные обители, предавши святую душу свою к руки Богу в 9 день месяца июля. Патриарх Иерусалимский вместе с епископами похоронил с честью в той же лавре тело угодника Божия, в котором сей последний совершил столько подвигов, славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому и от нас, грешных, да будет честь, слава, поклонение и благодарение ныне и присно и во веки веков, аминь.

Память преподобного отца нашего Антония Печерского

Память 10 июля

Во дни благоверного и святого князя Владимира[4527] Господь благоволил явить Церкви Своей светильника и иночествующим наставника, – приснопамятного мужа, преподобного и богоносного отца нашего Антония.

Преподобный Антоний родился в городе Любече[4528]. С юных лет проникнутый страхом Божиим, он желал облечься в иноческий образ. Когда человеколюбивый Бог вложил ему в сердце намерение идти в Греческую страну и там постричься, Антоний тотчас же привел его в исполнение, путешествуя по примеру Господа, странствовавшего и трудившегося ради нашего спасения. Достигнув Царьграда[4529], преподобный Антоний отсюда направился во святую гору Афонскую[4530]; обходя ее монастыри, он удивлялся жизни в них святых отцов, которые, будучи во плоти, возвышались над человеческою природою, подражая в подвигах бесплотным Ангелам. И сильнее прежнего возгорелась в сердце Антония любовь ко Христу. Желая уподобиться по жизни помянутым отцам, он пошел в одну из обителей Афона и умолял игумена возложить на него ангельский образ иноческого чина. Прозирая в будущую подвижническую жизнь преподобного, игумен не отказал ему в просьбе и постриг его[4531], наставив в заветах совершенного иночества. Новопостриженный инок во всем благоугождал Богу, подвизаясь на пути добродетели; но особенно преподобный Антоний преуспевал в покорности и послушании, так что все радовались, глядя на его жизнь. Преподобный Антоний пробыл на святой горе, на месте своего пострижения, уже немалое время, являясь наставником ко спасению для многих и сам достигая больших степеней совершенства, когда игумен получил внушение от Бога отпустить преподобного в русскую землю. Призвав его к себе, игумен сказал:

– Антоний! Иди обратно в русскую землю, – пусть и там живущие через тебя преуспевают и утверждаются в вере

христианской; да будет с тобою благословение святой горы!

Приняв это благословение, как за исходящее из уст Божиих, преподобный Антоний отправился в землю русскую. Придя в город Киев[4532], он раздумывал, – где бы ему поселиться, и стал обходить монастыри, которые начали основываться иноками-греками, пришедшими с митрополитом Михаилом для крещения Руси; впрочем, эти обители не содержали чина и устава совершенного общежития. По смотрению Божию, ни одна из обителей не была угодна преподобному Антонию для жительства. Поэтому он начал ходить по окрестностям Киева, – по лесам и горам, и так достиг даже Берестова. Найдя здесь пещеру, когда-то вырытую варягами[4533], преподобный Антоний, сотворив молитву, поселился в ней, проводя жизнь в великом воздержании.

По преставлении благоверного князя Владимира власть захватил безбожный и окаянный Святополк[4534], севший на великокняжеском престоле в Киеве. Желая истребить с лица земли своих братьев[4535], он убил Бориса и Глеба, принявших таким образом мученическую кончину[4536]. Видя такое кровопролитие, преподобный Антоний снова удалился на святую гору.

Но вот благоверный князь Ярослав, победив Святополка, сел в Киеве[4537]. Ярослав любил Берестово[4538] с его церковью во имя святых Апостолов; при ней был пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, великий постник и сведущий в Божественном Писании. (Спустя много лет, Ярослав, любивший окружать себя духовным чином[4539]), по изволению Божию и согласию собранных им епископов, избрал Илариона митрополитом, в которого он и был поставлен в Киевском храме святой Софии[4540]. Пресвитер Иларион удалялся временами из Берестова на Днепр, на холм, покрытый вековым лесом, где ныне находятся дальние или Феодосиевы пещеры монастыря; в этом холме Иларион ископал себе пещеру сажени в две, где и молился в тайне Богу, воспевая псалмы и творя поклоны.

Преподобный же Антоний в это время находился на святой горе, в монастыре своего пострижения, и опять игумену было откровение от Бога:

– Пошли, – сказал Господь, – Антония снова в землю русскую, ибо он Мне нужен там.

Игумен, призвав преподобного открыл ему:

– Антоний! По воле Божией иди опять в землю русскую и да будет с тобою благословение святой горы!

Вместе с этим игумен предсказал преподобному, что в земле русской он явится отцом многих черноризцев; благословив, затем, Антония, игумен отпустил его с напутствием:

– Иди с миром!

С этим благословением преподобный Антоний опять пришел в Киев. Взойдя на холм, где Иларион ископал помянутую небольшую пещеру, преподобный Антоний возлюбил это место. Помолившись Богу со слезами. он сказал:

– Господи! Да будет на сем месте благословение святой Афонской горы и – молитва моего отца, меня постригшего; утверди, Боже, мое вселение здесь!

После этого он избрал пещеру местом своего обитания. И жил здесь преподобный в непрестанной молитве, вкушая сухой хлеб и удовлетворяя жажду умеренным количеством воды, да и то через день, иногда же через два; а иногда он не вкушал ничего всю неделю, пребывая день и ночь в молитвенном бдении и усердно руками своими копая большую пещеру.

Узнав о поселении преподобного в пещере, некоторые христолюбцы приходили к нему сюда, принося потребное для поддержания тела и испрашивая себе благословения; находились и такие пришельцы, которые выражали желание жить с преподобным; из числа последних был и блаженный Никон[4541].

В это именно время пришел[4542] к преподобному Антонию и преподобный Феодосий, будучи двадцатилетним юношей: преподобный Антоний велел постричь Феодосия блаженному Никону, – иерею и опытному черноризцу.

По прошествии многих лет, когда преставился благоверный князь Ярослав[4543], власть принял старший сын его Изяслав, севший на великокняжеском столе в Киеве[4544]. Преподобный же Антоний Печерский в это время уже прославился во всей

русской земле за свою многодобродетельную жизнь, подобно тому как в древности прославился в Египте Антоний Великий. Узнав о подвижнической жизни преподобного Антония, христолюбивый князь Изяслав пришел к нему со своею дружиною, прося молитв и благословения; и еще более возросла известность преподобного, почитаемого всеми. И начали к нему стекаться христолюбцы, желая пострижения: он же принимал их и постригал.

Среди этих христолюбцев пришли к преподобному Антонию: сначала блаженный Варлаам, сын знатного Киевского боярина Иоанна[4545], а потом – Ефрем, княжий евнух[4546]. Согласно выраженному ими желанию преподобный Антоний велел блаженному Никону их обоих постричь, что доставило преподобному с братией много неприятностей. Не только разгневанный боярин Иоанн, придя в пещеру со множеством челяди и разогнав богоизбранное стадо преподобного отца нашего Антония, извлек из пещер сына своего, блаженного Варлаама и, заменив его монашеские одежды светлыми боярскими, насильно повел к себе домой; но и сам великий князь Изяслав, узнав о пострижении сына боярского и своего любимого евнуха, тоже сильно разгневался на стадо, собранное во имя Христово преподобным Антонием; он повелел схватить блаженного Никона, постригавшего иноков, питая к нему за это особенное нерасположение; он приказывал Никону убеждать Варлаама и Ефрема снова жить в мире, угрожая ему заточением с его наставником Антонием и всеми находившимися в пещере; самую же пещеру князь намеревался раскопать.

Столь великий гнев князя, возбуждаемый кознями «князя тьмы», понудил преподобного Антония с оставшеюся братией удалиться из пещеры в другую страну. Но княгиня, узнав об этом, усердно просила князя не изгонять своим гневом рабов Божиих из своей области, чтобы не навлечь такого же гнева Божия, который постиг, тоже по изгнании черноризцев, отечество ее, – землю Ляхов. (Княгиня, дочь короля Польского Болеслава Храброго, была родом из Польши; она напоминала князю следующий случай из жизни своего отца: за пострижение

преподобного Моисея Угрина Болеслав изгнал черноризцев из Польши; Господь разгневался таким поступком короля: последний умер скоропостижно, а в поднявшейся, затем, междоусобице было убито много епископов и бояр). Вняв с трудом мольбам княгини, князь, наконец, образумился и убоялся Бога: он послал к старцу просьбу о возвращении на покинутое место; преподобного Антония едва нашли после трех дней розысков и умолили возвратиться.

Таким образом преподобный отец наш Антоний снова вернулся в свою пещеру. Он непрестанно умолял Бога, – да подаст Господь ему силу мужественно переносить напасти, наносимые врагом, ненавистником добра и – да не предаст зверям душ исповедующих Его, да не забудет убогих Своих навсегда[4547]. Господь услышал молитву преподобного: не только разогнанные овцы снова возвратились с миром к своему пастырю, но к нему в пещеру приходило множество и других, умоляя избавить их от тьмы пути, ведущего к погибели, – и обратить к свету пути спасительного. Преподобный Антоний всех принимал с любовью: после наставлений, – как должно следовать за Христом, он повелевал блаженному Никону постригать желающих. И собралось около преподобного братии двенадцать человек; общими усилиями была выкопана большая пещера, а в ней устроены церковь и келлии, которые существуют и доселе.

Однажды преподобный Антоний сказал братии, объединенной под его водительством:

– Бог вас собрал, братие, а я вас постриг по благословению святой горы, которым и сам я пострижен от ее игумена; да пребывает на вас первее всего благословение от Бога и Пресвятой Богородицы, а также – и благословение от святой горы.

Затем преподобный отец сообщил братии:

– Живите одни, – я поставлю вам игумена; я же хочу жить один, как привык к тому в прежние годы.

И поставил им игуменом блаженного Варлаама. Сам же, избегая мятежа и молвы, сначала затворился в одной келлии, здесь же в пещере, а потом переселился на другой холм, где

начал копать новую пещеру, которая находится под нынешним великим печерским монастырем[4548].

Блаженный игумен Варлаам и братия, приняв благословение преподобного Антония, остались на жительство в прежней пещере. Когда же число братии возросло настолько, что пещера не могла вместить всех во время соборного моления, то задумали поставить малый храм вне пещеры. Игумен и братия пришли к преподобному Антонию в его новую пещеру и сказали ему:

– Отче! Братия умножаются, и мы уже не можем помещаться во время соборной молитвы в пещере: повелением Господним и Пресвятой Богородицы, а также твоею святою молитвой благослови, поэтому, поставить малую церковь вне пещеры.

Преподобный дал свое благословение. Они же, поклонившись ему до земли, удалились и начали постройку над пещерою малого храма во имя Успения Пресвятой Богородицы.

После совершения малой надпещерной церкви, князь Изяслав, во святом крещении Димитрий, создал каменный храм в честь святого, христианское имя которого носил, то есть в честь великомученика Димитрия, при храме он устроил монастырь. На игуменство для этого монастыря князь Изяслав взял блаженного Варлаама – игумена братии, живущей в пещере: надеясь на богатство, он хотел свой монастырь возвысить пред монастырем печерским. Но хотя и существуют многие монастыри, поставленные богатством царей и бояр, однако, они не могут сравниться с теми, которые поставляются молитвами святых, слезами, пощением и бдением. Так и преподобный Антоний не имел золота, но своими слезами возрастил обитель, несравнимую с другими. Впрочем, блаженный Варлаам был взят в монастырь святого великомученика Димитрия еще в то время, когда Печерский монастырь только что устроялся. По удалении игумена и после общего совещания, братия, находившиеся в пещере, решили идти к преподобному Антонию.

– Отче, – сказали ему иноки, – поставь нам игумена.

– Кого же вы хотите? – спросил преподобный.

– Кого хочет Бог, Пресвятая Богородица и ты, честный отче, – отвечали пришедшие.

– Тот из вас, – решил преподобный Антоний, – который отличается послушанием, кротостью и смирением, пусть и будет вам игуменом[4549].

Тогда братия начали просить преподобного Антония, чтобы он благословил на игуменство преподобного Феодосия, как единонравного ему и во всех благих делах искусного; и благословил его преподобный Антоний на игуменство. Братия же вся, в числе двенадцати человек, поклонились преподобному Антонию до лица земли, радуясь, что получили такого наставника.

Сделавшись игуменом, преподобный Феодосий с усиленным тщанием начал заботиться об обители, присоединяя к этим заботам великое пощение и слезные молитвы; великое содействие оказывали ему молитвы и благословение начальника его, преподобного отца нашего Антония, наедине безмолвствующего. И Господь начал умножать черноризцев, так что вскоре под водительством преподобного Феодосия оказалось до ста человек. Преподобный Феодосий, видя такое умножение братии, пришел, после совета с нею, к намерению поставить монастырь. И снова все пошли к преподобному Антонию и сказали ему:

– Отче! Братия всё более и более возрастают в числе, – мы хотим поставить монастырь.

Преподобный Антоний сильно обрадовался.

– Благословен Бог, – воскликнул он, – за всё! Молитва же Пресвятой Богородицы и отцов святой горы да будет с вами и да содействует вам.

Затем он послал одного из братии сказать князю Изяславу:

– Князь христолюбивый! Бог умножает братию, а место, где мы поселились, тесно: просим тебя, – благоволи отдать нам гору, которая над пещерою.

Князь Изяслав чрезвычайно обрадовался, услышав это; он послал боярина своего, чтобы он отдал инокам во владение гору над пещерою. Преподобный Феодосий и братия заложили на ней большую[4550] деревянную церковь и, отстроив ее,

украсили иконами; они поставили также келлии, а самый монастырь оградили столбами, и переселились сюда из пещеры. С этого времени монастырь, зачавшийся от благословения святой горы, стал именоваться Печерским, ибо черноризцы жили прежде в пещере[4551].

После этого преподобный игумен Феодосий решил утвердить свой монастырь и мысленным ограждением, то есть уставом, определяющим жизнь иночествующих не в затворе, но в монастыре: он начал искать подходящий для указанной цели монастырский устав. И в данном случае ему поспешествовали молитва и благословение преподобного отца нашего Антония: по его именно благословению и молитве Господь устроил так, что как раз в это время нашелся одни честный инок Студийского монастыря, по имени Михал, пришедший из Греции с митрополитом Георгием[4552]. У него был устав Студийской обители[4553]. Списав этот устав конечно в переводе с греческого, преподобный Феодосий, решив его ввести в своей обители, уставил весь «ряд церковный» – как совершать богослужебное пение и чтение, и поклоны за ними; как стоять в церкви и проводить время за трапезой; что вкушать за нею и в какие именно дни. От Печерского монастыря Студийский устав переняли и все другие монастыри; благодаря этому, Печерская обитель имеет преимущество первенства и чести пред всеми другими русскими монастырями.

Во дни игуменства преподобного Феодосия, направлявшего посредством нового устава и с помощью молитв и благословения преподобного отца нашего Антония жизнь Печерской обители по пути добродетели, пришел в обитель, будучи семнадцатилетним юношей, и преподобный отец наш Нестор, писатель жития преподобного Феодосия и других: преподобный Феодосий, принимавший с любовью приходящих к нему, охотно принял и его, по совету и благословению преподобного Антония. Допытываясь, почему именно обитель именуется Печерскою, Нестор вкратце, ради назидания верующих, в летописании своем сообщил о подвигах первоначальника монастыря, преподобного Антония[4554].

Но скажем нечто о чудесах, хотя и не всех, а также – о честной кончине святого Антония, заимствовал сведения у блаженного епископа Симона и близкого к нему инока печерского Поликарпа[4555] и оставив пока свидетельства летописца о самых подвигах и напастях, перенесенных преподобным.

Преподобный отец наш Антоний, уединившийся в другую пещеру, видя умножение и благочиние избранного стада, воссылал благодарение Богу, преуспевая и сам в добродетели от силы в силу. За это и Господь прославил его, – имя преподобного Антония просияло в земле русской различными чудесами и особенно даром исцеления и пророчества.

Дар чудотворных исцелений преподобный Антоний обнаруживал в таком виде. Старец сам служил болящим и исцелял их своею молитвою; но, прикрывая смирением эти исцеления по его молитве, он с благословением давал больным в качестве лекарства зелень, которою питался; недужные, вкусив ее, делались здоровыми, какою бы болезнью ни были одержимы. Впоследствии блаженный Агапит явился подражателем преподобному Антонию, врачуя болезни таким же образом[4556].

О даре же предведения святого Антония, кроме других примеров, свидетельствуют еще следующее.

Три князя Ярославича, – Изяслав, князь киевский, Святослав черниговский, Всеволод переяславский, отправляясь на войну с половцами[4557], пришли к преподобному Антонию, прося благословения. Он же, провидев гнев Божий, имеющий их постигнуть, сказал им:

– За ваши грехи вы будете побеждены варварами и обращены в бегство, причем многие из ваших воинов утонут в реке, другие будут взяты в плен, а остальные падут от меча.

Что и сбылось после битвы на реке Альте[4558], когда князья, едва сохранив жизнь, бежали: Изяслав и Всеволод в Киев, Святослав же в Чернигов; половцы же рассеялись по юго-восточным окраинам русской земли, пленяя и губя ее жителей.

Вместе с этим пророчеством князьям преподобный Антоний предсказал Шимону, сыну князя варяжского Африкана, что

Шимон, по благодати Божией, в помянутой битве не только избегнет смерти, находясь уже среди трупов, но, спустя много лет, первым будет положен в каменной печерской церкви, о которой преподобный также предвозвестил, что она устроится чудесным образом. Сам Шимон, возвратясь с битвы, поведал преподобному Антонию:

– Я лежал, – рассказывал он, – раненый среди убитых, и вот какая-то Божественная сила исхитила меня из их среды и исцелила от ран; всех моих близких и воинов я тоже нашел невредимыми. – Подобие же церкви, имущей создаться, которая будет местом моего упокоения, я видел дважды в воздухе один раз при реке Альте, находясь среди убитых, а другой – ранее на море, когда бежал в русскую землю к князю Ярославу от дяди Якуна, изгнавшего меня из варяжского княжества.

Затем Шимон самым делом подтвердил свои слова о явленном ему благоволении Божием к созданию церкви, предсказанной преподобным Антонием. Шимон передал ему пояс и золотой венец с такими словами:

– Это я снял с иконы – распятие Христа Спасителя, когда удалялся из моего отечества. Ты предсказал, что я буду погребен здесь; мне же был голос Божий, повелевавший, чтобы этим поясом было измерено основание церкви, где я буду положен и подобие которой мне показано в воздухе; венец же должен быть, по тому же повелению Божию, укреплен над жертвенником.

Так явно обнаружилось, что предсказание преподобного Антония вполне согласовалось с волей Божией; впоследствии это подтвердила и сама действительность: спустя много лет после сейчас рассказанного Шимон был первым положен в богозданной каменной печерской церкви.

Теперь, снова возвратившись к летописцу, скажем о следующей немалой напасти, перенесенной преподобным Антонием. Князь тьмы – диавол, не вынося света дел добрых, снова попытался через князя Изяслава лишить стольный Киев великого светильника, преподобного отца нашего Антония, сияющего в темной пещере, точно под спудом, чудесами и добродетелями.

После победы, одержанной, по предсказанию преподобного Антония, половцами в вышеупомянутой битве, киевские люди понуждали князя Изяслава, чтобы он снова вышел с ними на врагов, рассеявшихся по русской земле. Князь не соглашался на это. Поднялось[4559] возмущение, во время которого из темницы был освобожден князь полоцкий Всеслав, находившийся в плену в Киеве[4560]. Возмутившиеся люди объявили Всеслава киевским князем, а Изяслав принужден был бежать в Польшу. Через семь месяцев он возвратился оттуда к Киеву с Болеславом Храбрым. Всеслав, вышедший, было, им тоже с войском навстречу, убежал, затем, тайком к Полоцку. Тогда Изяслав вошел в Киев[4561]. Он начал, по наущению диавола, гневаться на преподобного Антония, которого кто-то оклеветал пред ним, – что будто бы Антоний любил Всеслава, давал ему советы, что он будто бы даже главный виновник всей смуты, происшедшей в Киеве[4562]. Преподобный же Антоний в это время служил в пещере болящему Исаакию затворнику, которого прельстил диавол, явившись в образе Иисуса Христа, и оставил еле живого, вовлекши в пляску с бесами[4563]. Это служение преподобного Антония было особенно ненавистно обольстителю, опасавшемуся, как бы Исаакий вскоре не исцелился душою и телом от сатанинского искушения. Поэтому диавол всячески и возбуждал гнев в князе Изяславе, чтобы он изгнал преподобного Антония из киевских пределов. И на некоторое время он достиг этого. Князь черниговский Святослав, узнавши, что брат его Изяслав сильно гневается на преподобного Антония, прислал за святым ночью и тайно[4564] взял его к себе в Чернигов. Преподобному Антонию полюбилось одно место близ Чернигова в горах Болдинских: здесь он выкопал себе пещеру и жил в ней; впоследствии на этом месте возник монастырь[4565]. Вскоре князь Изяслав, рассмотрев хорошенько и беспристрастно дело, убедился в незлобии святого и узнал козни искусителя. Сожалея о случившемся, он послал в пределы черниговские к преподобному Антонию, умоляя его опять возвратиться в киевскую область к своему богоизбранному стаду. Преподобный Антоний, кроткий и смиренный сердцем подвижник, склонился на эти просьбы: он

возвратился к печерской братии, находившейся в смятении и забвении как овцы без пастыря. Бог не хотел, чтобы такой светильник, светозарное солнце русской земли, преподобный отец наш Антоний положил начало благочинного иноческого жития в ином городе, кроме богоспасаемого стольного Киева: но откуда через благоверного князя Владимира воссиял свет православной веры во всю землю русскую, оттуда же Господь благоволил воссиять через преподобного Антония и лучу совершенного закона подвижнического.

И после таких напастей не изнемог преподобный отец наш Антоний, но, восходя по ступеням всё больших и больших подвигов, трудился в пещере, пока не одержал полной победы над немощною пред ним силою дьявола. По слову евангельскому он изгонял род обольстителей молитвою и постом[4566], а также и другими трудолюбными подвигами: бдением, стоянием и бесчисленным коленопреклонением на молитве. И до смерти он уже не оставлял своей темной пещеры, хотя жизнь его в ней была непрестанною борьбою с миродержателями тьмы века сего.

Снова поселившись в пещере, преподобный Антоний опять начал проявлять дар чудотворений и даже в более сильной степени. Он стал с великим тщанием заботиться о каменной печерской церкви, о создании которой сам предсказал, получив к тому же свидетельство о благоволении Божием к этому делу от Шимона. Преподобный Антоний совещался с преподобным игуменом Феодосием, молясь в то же время с усердием Вышнему Тектону[4567], да благословит Он Сам Своими пречистыми руками и да содействует созданию дома Пречистой Своей Матери, Владычицы нашей Богородицы, ибо, говорил преподобный словами Давида: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс.126:1). Когда преподобный Антоний подвизался в такой молитве, произошло дивное чудо: не отлучаясь от Печерского монастыря, как некогда преславный чудотворец святитель Николай от Мир, он вместе с единонравным своим другом преподобным Феодосием явился в Константинополь, представ Царице Небесной, Пресвятой Богородице; получив от Нее с преподобным

Феодосием золото, он дал его мастерам-каменщикам, чтобы они, по повелению Царицы Небесной, шли в землю русскую для построения печерской церкви.

Каменоздатели пришли из Греции и возвестили об этом чуде. Преподобный же отец наш Антоний явил еще иные дивные чудеса, свойственные древним пророкам Гедеону и Илии.

Когда каменщики-строители начали спрашивать преподобного Антония о месте, на котором он желает воздвигнуть храм, повеленный Пресвятою Богородицею, то преподобный отец три дня молился, чтобы Господь, троичный в Лицах, Сам указал знамением с неба место, достойное для жилища Царицы Небесной. Когда собрались для избрания такого места, то, по внушению Божию, приехал князь Святослав и подарил под церковь принадлежавшее ему поле, примыкавшее к пещере. Но этого мало. Сам Царь Славы, Господь Иисус Христос явился преподобному Антонию, когда он стоял на помянутой молитве первую ночь.

– Антоний! – сказал Господь, – ты обрел благодать предо Мною.

Услышав это, преподобный Антоний испросил у Господа, чтобы в эту ночь по всей земле была роса, а на предполагаемом для церкви месте суша; в другую же ночь он испросил у Господа сушу, а на место, угодное Ему для храма, росу[4568]. На третий день преподобный отец благословил предуказанное место и велел размерить его золотым поясом, взятым с иконы Спасителя и полученным от Шимона, – в тридцать поясов в длину и двадцать в ширину, как повелено было Шимону свыше. Затем преподобный Антоний низвел молитвою своею огонь[4569], уничтоживший поросль того места, которое, после окружения рвом, стало уже совершенно готовым; здесь и была поставлена чудотворная печерская церковь, «небеси подобная» по выражению сказания о ней[4570].

Так преподобный отец наш Антоний столь великими чудесами уготовил место для храма своей обители и благословил самое начало его постройки. После этого он начал приуготовлять самого себя к отшествию к Церкви вечной,

нерукотворенной в обителях небесных; об этой Церкви святой Апостол Иоанн в Откровении пишет: «Храма же я не видел в нем»[4571], ибо Господь Вседержитель его храм» (Откр.21:10,22). Так предсказала и Царица Небесная, во время явления Своего во Влахерне[4572], открывши строителям церкви:

– Сей Антоний только благословит вас на дело, ибо он сам отходит в вечный покой; за ним во второе лето последует и Феодосий[4573].

Но в каком приуготовлении к честной кончине нуждался преподобный Антоний, который, проводя добродетельную жизнь в пещере, мог сказать с Апостолом: я каждый день умираю (1Кор.15:31)? Который не ложно применял к себе во все дни слова пророка: (я) спешил не медлил соблюдать заповеди Твои (Пс.118:50)? Преподобный Антоний готов был в душе своей (к переходу в вечную жизнь) и смущался мыслью не о себе, но за свое богоизбранное стадо, как бы его не оставить в смятении. Так исполнилось на преподобном слово Апостольское: влечет меня то и другое: «имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше (для самого Апостола); а оставаться во плоти нужнее для вас» (Фил.1:23–24).

Видя же, что уже приспело время его отшествия и отложения от тела, преподобный Антоний утешал детей своих обещанием, что, и по отшествии своем, он не оставит того святого места, на котором подвизался, но, заботясь об обители, всегда будет посещать и назирать ее, помогать живущим в ней и притекающим в нее с верою. Но особенно ценно превосходящее всякие наследия следующее благостное обетование преподобного Антония о месте своих подвигов: он обещал молитвами своими ходатайствовать, чтобы, как сам он отходит от тела с покаянием и уверенностью в помиловании, так того же сподобились и остальные, находящиеся здесь и имеющие любовь к нему, – чтобы они тоже умирали в покаянии и были помилованы.

По своем переходе во вторую пещеру преподобный Антоний пробыл в ней лет 14–16; в ней он окончил свое житие временное, переменив его на вечное в 10 день июля месяца, от

сотворения мира в 6581 году, от Рождества Христова в 1073, а от рождения своего девятидесятом, в княжение Святослава Ярославича[4574] и во дни царя греческого Романа-Диогена[4575]. Честные мощи преподобного первоначальника тогда же были положены в той пещере, где он преставился, то есть в пещере под великим монастырем. Но как сам преподобный отец во время жизни своей удалялся от глаз человеческих, тайно молясь в уединении Богу, так и мощам своим он испросил тот же дар, – да будут они удалены от взоров людских: подобало нашему российскому законодателю сподобиться одинаковой участи с израильским. Израильтяне не могли смотреть на лицо Моисея по причине исходящего от него великого сияния с тех пор, как он принес им закон с горы Синая[4576]; так не могли видеть и преподобного отца нашего Антония, в свете дел добрых жившего в пещере, после того как он принес земле русской закон с горы Афона. Тело израильского законодателя – Моисея было сокрыто от зрения[4577], и тело преподобного Антония, законодавца российского, Бог, дивный во святых Своих, доселе чудотворно возбраняет нам видеть: многие, дерзнувшие раскопать место, где положены честные останки преподобного Антония, наказаны были опалением огня: они испытывали сильные мучения от обжогов до тех пор, пока не раскаивались в своем дерзновении. Но хотя мощи преподобного Антония и удалены от наших взоров, но помощью они всегда с нами и близ всех, усердно призывающих угодника Божия: они неоскудно творят чудеса, помогая всем, с верою притекающим к честному гробу преподобного.

Как свет, сияющий во мраке темного гроба, они с особенною силою отгоняют от людей тьму бесовскую; эта тьма не может объять сего света, но обычно исчезает от блистания его. Избавляют мощи преподобного отца нашего Антония и от различных недугов, ополчающихся не на одно лишь тело, но и на душу. Это вполне постиг святой Иоанн Многострадальный: после трехлетней борьбы с нечистыми страстями, доставившей ему много мучений распалением плотской похоти, он пришел ко гробу преподобного Антония и здесь пробыл в молитве день и

ночь. И вот он услышал голос преподобного, обращенный к нему:

– Иоанн! Иоанн! Должно тебе затвориться в сей пещере, чтобы, с помощью Божиею, прекратилась брань, побежденная уединением и молчанием.

Иоанн так и сделал. И благодатию Божиею по молитвам преподобного отца нашего Антония был спасен: нечистые страсти телесные, хотя и вооружались на него вместе с нечистыми духами едва не тридцать лет, однако, как видим из жития его, не одержали над ним победы[4578].

Преподобный Антоний не оставил, как обещался, и места своего святого. Заботясь о нем, он, по преставлении своем, подобно тому как и ранее во время жизни, явился вместе с преподобным Феодосием в Константинополе и здесь условился с греческими иконописцами относительно изготовления ими честных икон для печерской церкви; при этом он вручил им довольно золота, как и ранее храмоздателям с тем же преподобным Феодосием. Преподобный Антоний послал иконописцев в Киев в Печерский монастырь к блаженному Никону, бывшему тогда игуменом; это сообщает сказание об украшении печерской церкви[4579].

Не ложен явился преподобный отец наш Антоний и в благостном своем обетовании по своем отшествии содействовать любящим его, в том, чтобы они оканчивали жизнь свою, проведенную на его святом месте, в покаянии и сподобились помилования от Господа. Это слово обетования его чудотворно сбылось самым делом на блаженном Еразме, черноризце Печерском. Оплакивая расточение золота, потраченного им на украшение печерской церкви[4580], он впал в лютый недуг; семь дней лежал он без чувств и уже, по видимому, приблизился к кончине, но никак не мог преставиться; ибо не хотел Господь, чтобы он скончался на том святом месте без покаяния. И вот на восьмой день блаженному Еразму явился преподобный Антоний с преподобным Феодосием и сказал:

– Мы молились Богу о тебе, и Он даровал тебе время покаяния.

Еразм тотчас выздоровел, принес покаяние во грехах и помилованный Богом скончался на третий день. Он сподобился, как сообщается в его житии, причисления к лику святых[4581].

Прославим же вседаровитого Человеколюбца за дарование столь великого чудотворца преподобного Антония, первоначальника иночествующим в нашей земле русской. Ни одному человеку невозможно описать всех его деяний, особенно совершенных до преставления, ибо он проводил жизнь в тайне, в безмолвии пещерного уединения; это доступно только Самому Сердцеведцу, знающему безвестное и тайное; Тот, Которого язык есть трость книжника скорописца (Пс.44:2), Тот Сам начертал пространное житие преподобного отца нашего Антония в книгах живота вечного. Нам же, не нашедшим многих книг, утраченных во время многих браней, – собравшим лишь некоторые сведения, следует усердно молить сего чудотворного первоначальника, чтобы и мы, соделавшись участниками его благонадежного обетования, сподобились, по его ходатайству, окончить жизнь в покаянии и помиловании от Бога, – да обрящем имена наши написанными в книге живота вечного вместе с именем преподобного Антония, как имена детей и отца, по благодати и человеколюбию Верховного начальника нашего спасения Господа Иисуса Христа, Которому с Его безначальным Отцом и Единосущным Духом честь, слава, хвала и царство ныне и присно и в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От мирскаго мятежа изшед, отвержением же мира евангельски Христу последовал еси, и равноангельное житие пожив, в тихое пристанище святыя горы Афона достигл еси: отонудуже благословением отцев в гору Киева пришед и тамо трудолюбно жизнь совершив, отечество свое просветил еси, и множеству монашествующих стезю ведущую к небесному царствию показав, Христу сия привел еси, егоже моли, Антоние преподобне, да спасет души наша.

Кондак, глас 8:

Возложив себе Богу, паче всех возлюбленному от юности преподобне, тому от всея души любовию последовал еси: мира же тленная нивочтоже вменив, в земли пещеру соделал еси, и в

ней добре противу невидимаго врага козней подвизався, яко светозарное солнце во вся концы земли возсиял еси. Отонудуже веселяся прешел еси к небесным чертогом, и ныне со Ангелы владычню престолу предстоя, поминай нас чтущих память твою, да зовем ти: радуйся Антоние, отче наш.

Страдание святого мученика Аполлония

Память 10 июля

Святой мученик Христов Аполлоний был родом из города Сард[4582], находившегося в Лидии[4583]. Когда он шел однажды в город Иконию[4584], то был схвачен и приведен к правителю этого города Перенниию. На допросе он объявил себя христианином, и правитель стал принуждать его поклясться именем императора. На это святый Аполлоний сказал ему:

– Не следует клясться именем смертного императора, а надлежит клясться только именем Творца и Создателя всякой твари.

Посрамленный такими словами святого, Перенний пришел в гнев и повелел повесть его на дерево, после чего его подвергли продолжительным мучениям, среди которых он с усердною молитвою за верующих и с мольбою о спасении всех людей предал душу свою в руки Божии[4585].

Страдание святых мучеников Вианора и Силуана

Память 10 июля

Святой мученик Вианор был родом из Писидийской области[4586]. За исповедание веры во Христа он схвачен был по повелению правителя города Исаврии[4587] Севириана, который стал принуждать его отречься от Христа, но он не подчинился такому требованию и за это его сперва жестоко искололи ножом, потом повесили и стали строгать и жечь раскаленными железными молотками, затем выбили ему зубы и после всего этого отрезали уши. При этих мучениях присутствовал некий Силуан и, видя терпение святого мученика, уверовал во Христа, за что ему немедленно же отрезали язык, а потом отсекли голову. Святому же Вианору просверлили еще пяты, выкололи правый глаз, содрали с головы кожу и, наконец, отсекли голову. Святые мученики Вианор и Силуан скончались вместе и предали души свои в руки Божии[4588].

Страдание святых сорока пяти мучеников, пострадавших в Никополе Армянском

Память 10 июля

Нечестивый царь Ликиний[4589], принятый Константином Великим и управлявший восточными странами, издал по всей своей области повеление предавать различным мукам и смерти христиан, не желавших поклоняться идолам, и имущество их отнимать на перестройку городов. Когда это повеление пришло в Никополь армянский, язычники начали готовить муки и различные орудия мучения для христиан и стали многих верных брать и отводить на мучение; тогда более сорока рабов Христовых собрались и решились, не дожидаясь, пока их схватят нечестивые, самим по своей воле пойти на суд, исповедать имя Христово и отдаться на мучение. Из них главнейшие были Леонтий, Маврикий, Даниил, Антоний, Александр, люди знаменитые и своим родом, и образованием и отличавшиеся добродетельной жизнью; они пошли все вместе к игемону армянской области и объявили, что они христиане. Игемон удивился единодушному согласию стольких людей и мужеству, с каким они по собственной воле шли на мучения, и спросил их:

– Откуда вы? И кто вас научил не поклоняться нашим богам?

Отвечал святой Александр:

– Мы здешние, одни из города, другие из сел, эта земля наша родина, отец же наш – Христос небесный; Он научил нас не поклоняться ложным богам, глухим и слепым, делу рук человеческих. Игемон сказал:

– А где ваш Христос? Ведь Он был распят и умер?

Святой Леонтий отвечал:

– Ты знаешь, что Христос умер? Так узнай же, что Он и воскрес из мертвых и вознесся на небо; Он умер за нас по Своей воле, но воскрес снова, как Сын Божий.

Игемон сказал:

– Жив теперь Христос?

Леонтий отвечал:

– Игемон! Ваши боги не живут после смерти, а Господь наш живет вечно, хотя и умер на некоторое время ради нашего спасения; смертью же Своей Он избавил нас из вечной смерти, дал нам жизнь и научил нас умирать ради Него, чтоб жить с Ним бесконечной жизнью.

А игемон начал хвалить своих богов Зевса, Аполлона, Асклипия[4590] и других. На это Леонтий сказал:

– Разве Зевс великий бог?

– Он владеет небом, – отвечал игемон, – он отец всех богов.

Леонтий возразил:

– Богу подобает быть праведным, чистым, безгрешным, а ты что скажешь о своем боге Зевсе?

– Я его называю праведным, чистым и безгрешным, – сказал игемон.

На это святой Леонтий сказал:

– Зевс праведен – а разве он не сверг с престола своего отца Крона? Он чист и безгрешен – а разве не он взял себе в жены свою родную сестру Иру и не осквернил многих чужих жен? Он губил не только женщин, но и мужчин и творил самые мерзкие беззакония[4591]. Как же он, такой грешник, мог быть богом? Если ваш бог грешник, то ему для исправления нужен иной бог, безгрешный.

Разгневался игемон Лисий и яростно сказал:

– Кто тебе дал право судит богов наших, злой человек! Они мне боги, не пощажу вас, но жестоко погублю всех!

Сказал святой Леонтий:

– Не гневайся, игемон, если слышишь правду; не даны ли людям законы не иметь никому чужой жены, не брать в жены себе сестру, не обижать, не убивать никого? И если кто осмелится поступать в чем-либо против законов, тот называется преступником и подлежит суду и смертной казни. А ваши боги – люди и преисполнены всех зол и беззаконий: они были блудниками, прелюбодеями, человекоубийцами и, как законопреступники, какому грозному суду и сколько раз смертной казни они подлежали! Поэтому вашим беззаконникам-

богам нужно подчиниться человеческим законам и подражать людям, строго соблюдающим законы, а вы будьте судьями ваших богов, будьте богами и палачами, пока не исправите их.

Игемон сказал:

– О безумный! Не ваш ли Бог был распят как злодей? а кто из наших богов был распят?

Отвечал святой Леонтий:

– Распялся за нас Христос Бог наш, и мы похваляемся крестом Его, ваши же боги трепещут, боятся Распятого Бога нашего и бегут далеко от крестной силы. Бог наш по Своей воле пострадал на кресте, а ваши боги нехотя погибли горькой смертью. Бог наш – Спаситель рода человеческого, а ваши боги – губители людей. Наш Бог истинный, а ваши боги ложные и не боги, а бесы и пагубные обольстители; сами они погибли и поклоняющихся им ведут к вечной погибели.

Взбешенный этими словами святого Леонтия, игемон приказал бить по устам камнями всех исповедников Христовых.

– Пусть бьют их, – говорил он, – в уста, которыми изрекается хула на наших богов.

Святых били, а они говорили:

– Пусть бьет тебя Бог, слуга сатаны! Ты услышал правду и несправедливо судишь, ты вне себя, нечестивый!

Потом мучитель велел всех их обложить железными веригами и бросить в темницу. Святые в темнице веселились, как в чертоге, о Боге, Спасителе своем, и пели Давидовы псалмы: некоторые из них с детства были начитаны в книгах. А святой Леонтий ободрял всех такими словами:

– Братья честные и рабы Христовы! Перенесем всё терпеливо! Вы знаете из Священного Писания, сколько вытерпел праведный Иов, и каково было страдание Господа нашего, и как скончались иные святые рабы Его. Иоанн Предтеча был обезглавлен, Стефан побит камнями, Петр распят стремглав, Фома пронзен копьем, другие умерли за Господа своего иною мученическою смертью. Сколько святых пострадало в царствование Адриана[4592], Декия, Максимиана и других прежних нечестивых царей, не только мужчины, но и женщины, как, например, мы слышим о святой Фекле, Евфимии,

Капитолине, Иулитте и других святых мученицах, имена которых записаны в книгах жизни на небе; как мужественно они подвизались и победили диавола! И если женщины были так мужественны, то нам, мужчинам, нужно быть еще более крепкими и непреодолимыми и свои души положить за Христа Бога нашего, положившего Свою душу за нас на кресте.

Такими словами ободрил Леонтий святой братию и все с готовностью желали претерпеть за Христа всякие мучения. Стоял зной, и святые мучились сильной жаждой; пришла в темницу навестить их одна благородная и благочестивая женщина, по имени Власиана, беспрепятственно принесла холодной воды из источника, бывшего там поблизости, и напоила их.

Наступившую ночь святые проводили в молитвах и пении псалмов; не спал и Лисий игемон в ту ночь: он обдумывал, каким мукам подвергнуть содержимых в тюрьме рабов Христовых. Под утро он заснул, и явился ему во сне бес и сказал:

– Будь тверд, Лисий; я бог Асклипий, мучь нещадно хулящих нас христиан; много нелепостей наговорили они о нас в темнице; поскорей погуби их всяческими муками.

Проснулся игемон, с наступлением дня начал суд и поставив перед собой святых связанных, сказал им:

– Поклонитесь богам и будете друзьями самодержцам и нам, вам дадут каждому по двести златниц, новые хорошие одежды, пояса, приведут мальчиков, принесем жертву, устроим пир и повеселимся вместе; если же не послушаете меня, то жестоко будут вас мучить. Попрошу вас, не лишайтесь этой приятной жизни, не расставайтесь с вашими женами, детьми и друзьями, принесите жертву хоть одному какому-нибудь из наших богов.

Отвечали святые как бы в один голос:

– Будь проклят ты, мучитель, со своими богами; мы не станем приносить жертв нечистым бесам, нам не нужно ни вашего золота, ни одежд, ни пира, ни дружбы; Христос нам и Отец, и дражайший Друг, и за Него мы готовы всё претерпеть и умереть.

Тогда мучитель приказал их всех нагих повесить и строгать тело их железными крючьями; и долго, до самого полудня строгали святых мучеников, пока не стало сильно печь солнце и игемон ушел с этого зрелища домой; святые же, остроганные до костей, по приказанию мучителя опять были заключены в темницу. Вышеупомянутая благочестивая женщина Власиана опять пришла навестить их и сквозь окно напоила водой их, изнемогших от язв и от зноя; и прохладились святые, благословили эту женщину, помолились о ней и о детях ее и благодарили Бога, что сподобились страдать за Него.

Когда святые сидели в темнице, увидел святой Леонтий, что некоторые из братии тяжело страдают от ран, и очень беспокоился о них, как бы в крайнем изнеможении они не отпали от веры; поэтому он молил Бога послать им скорее окончание подвига.

Был в городе известный гражданин, по имени Ирод, язычник, пользовавшийся почетом у игемона, как советник; и у этого гражданина был секретарь Филин, любимый святым Леонтием за добрый нрав. За ним послал святой и, когда тот подошел к окну темницы, сказал ему:

– Брат Филин, скажи господину своему Ироду, чтоб он, если ему случится за чем-нибудь быть у игемона, вспомнил о нас и посоветовал завтра постановить нам смертный приговор.

Филин ушел и передал это Ироду. В это время Ирода позвали к игемону на ужин; он не пошел тотчас же, и игемон ждал его. Опять послали за ними, но он пришел поздно со словами:

– Я не могу есть; я видел, как строгали осужденных, как текло много крови, и мне противно; желудок мой не может принимать пищи; мне тошно.

Игемон спросил:

– Как ты посоветуешь, что мне с ними сделать?

Ирод ответил:

– Пусть умрут завтра. Ведь они преступники царского повеления и достойны смерти, так почему же и их сейчас же не казнить?

На это игемон дал клятвенное обещание умертвить их на следующий день. Тотчас Филин поспешил к темнице и сообщил о слышанном святому Леонтию. Узнали об этом все братия и обрадовались, что завтра умрут за Христа; они благословили Филина за его труд и стали молиться, приготовляясь к смерти. В молитве они говорили:

– Господи Боже отцов наших, прославь имя Твое святое в нас; сокрушенной душою и духом смиренным молимся Тебе; прими нас приносящих самих себя Тебе в жертву живую, как всесожжения овец и ягнят, и как тьмы агнцев тучных, так пусть будет теперь наша жертва пред Тобою, и пусть она будет Тебе угодна: нет стыда надеющимся на Тебя! Ты знаешь, Господи, что мы возлюбили Тебя и ради Тебя предались на смерть. Ты же укрепи нас всех, чтоб ни один не отстал от этой дружины, чтобы не посмеялся и не порадовался о нем наш враг.

Так молились святые и ободряли друг друга; в полночь же запели великий псалом на свое погребение, а именно: блаженны непорочные и т.д. (Пс.118). По окончании псалма пришел Ангел Господень, наполнил светом темницу и сказал им:

– Радуйтесь, рабы Христовы, близка кончина ваша, имена ваши записаны на небе, надейтесь, с вами Бог.

С этими словами Ангел удалился. Они же поклонившись, благодарили Бога. В это время два темничных сторожа, Меней и Вирилад, родом египтяне, не спали, видели свет, заблиставший в темнице, и слышали голос Ангела, но самого Ангела не видели. И сказал Меней Вириладу:

– Видишь, брат, какого царя это воины? Я с самого начала сочувствую христианам: они идут не беззаконным путем, а праведным, и хранят веру в своего Бога, днем и ночью никого не обижают, не ищут чужого имения, а даже свое раздают, всех любят, всем благодетельствуют; ты и сам это знаешь; а какова жизнь тех, которые скитаются в египетских пустынях? Разве не странна и удивительна? Они творят чудеса. Я думаю войти к ним в темницу и просить их принять меня к себе; а ты, брат, как думаешь?

Вирилад отвечал:

– Так же, как и ты. Вот ведь и мы, недостойные, сподобились увидеть свет, которым осиял Бог их, за Коего они умирают с радостью. Если бы кто стал принуждать игемона умереть за Зевса, или за Аполлона, или за Асклипия, или за кого-либо из прочих богов. захотел ли бы он умереть? Ни за что: ему жизнь дорога. А они не щадят себя, без боязни идут на смерть за своего Бога и удостаиваются от Него такой славы, какой боги никому из поклоняющихся им никогда не являли. Отчего нам не обратиться к этим праведным людям и к истинному Богу?

Посоветовавшись таким образом, оба сторожа вошли внутрь темницы и припали к святым со словами:

– Господа наши, рабы Христа, истинного Бога, примите и нас в ваше число: и мы веруем во Господа Иисуса Христа, возлюбившего вас, и просим вас помолиться Ему, чтобы Он сподобил и нас одинаковой участи с вами.

Святые обрадовались их обращению к Богу и приветствовали их, говоря:

– Вы братья наши, так как Господь наш призвал вас к исповеданию пресвятого имени Своего и даст вам одинаковую награду с нами, как и пришедшим в одиннадцатый час в Его виноградник[4593].

На следующее утро игемон Лисий вышел с воинами за город на то место, где собирался умертвить святых мучеников, недалеко от реки, называемой Ликос. Там устроил он суд и приказал привести и поставить перед собой святых мучеников. Увидев, что два темничные сторожа присоединились к святым узникам, он сказал первому советнику своему Апиану:

– Вот и эти безумные захотели умереть! разве жизнь не лучше смерти?

Апиан сказал на это:

– Прикажи мучить их самыми жестокими муками.

– Нет, – возразил игемон, – они испугаются мук и опять обратятся к богам, и останутся живы; а я не хочу оставлять их в живых; пусть умрут. Всем за одно издам смертный приговор.

И когда поставили перед ним на суд святых мучеников, то он не задал им вопроса о вере и не назначил никакого

истязания, но тотчас приговорил их к смерти и написал следующий приговор:

– Этим представленным мне на суд сорока пяти человекам, христианской веры, ослушавшимся царского повеления и хулившим богов своих предков, назначаю достойную по их делам казнь: сначала отсечь им топором руки и ноги, потом бросить на сожжение в огонь, и оставшиеся после сожжения их кости бросить в реку.

Тотчас слуги посадили мучеников на землю и стали рубить им руки и ноги. Был сильный солнечный зной, и святые мученики страдали от жажды, одни вследствие боли в ранах, другие – от солнечного зноя; иные умерли в этих страданиях, иные едва дышали, иные же мужественно терпели. Один из них, по имени Ианикит, смотря на свои отрубленные руки и ноги, улыбнулся и сказал:

– Смотрите, как жатвенный серп сжал мои члены, словно колосья!

А святой Сисиний, лежа в своей крови, привалился к случившемуся там поблизости камню, открыл уста свои и так молился Богу:

– Господи, Податель всех благ, источивший некогда в пустыне воду из камня и напоивший жаждавшего Израиля (Исх.17:1–7), Ты теперь открой этот камень, испусти воду и напой немного меня: Ты видишь жажду нашу, от которой мы погибаем.

По молитве его внезапно двинулся камень, раздался и испустил источник ключевой воды. Святой Сисиний испил воды и благословил Господа, говоря:

– Прославляю Тебя, Боже мой, за то, что напоил меня жаждавшего, как мать молоком ребенка, хвалю Тебя, Царь мой, что не презрел меня, раба Твоего! Но молю Тебя, не презирай и любимых братьев моих, Твоих рабов, и прохлади их, изнывающих от жажды, изливая невидимо на них росу благодати Твоей, и всем нам дай твердость скончаться вместе в Твоей надежде; изведенному же Твоей силой источнику этому, которым Ты вновь явил древнее чудо, повели течь до конца мира и дай воде этой целебную благодать и силу во славу

Твою, Христе, и Твоего Отца и Святого Духа, в память о нас сорока пяти мучениках, Твоих рабах, пострадавших за Тебя.

В это время слуги разожгли приготовленный огромный костер и стали брать тела мучеников и класть в огонь; одни из святых были еще живы, другие уже умерли; и мертвых вместе с живыми предавали сожжению. Повергая в огонь мучеников, слуги считали их и не досчитывались одного; они удивлялись и стали искать. А святой Сисиний, лежа около камня, источившего воду, отозвался:

– Вот я! Возьмите меня, несите меня в огонь!

Его взяли и снесли в огонь. Сожгли святых мучеников, огонь угас, а слуги начали искать оставшихся в пепле мученических костей и сколько нашли, собрали в тряпки, снесли и высыпали в реку Ликос[4594]. Река приняла в себя кости святых как драгоценное сокровище и сохранила их на одном неглубоком месте около берега, собрав их все вместе своими струями. Пришли потом искать их благочестивые люди и без труда нашли их; собрали их все до одной и сберегали в почетном месте, пока не погиб нечестивый царь Ликиний, соправитель царя Константина, управлявший восточной половиной царства, и не воцарился один Константин. Когда дана была свобода Церкви Христовой по всей вселенной, тогда и кости этих святых мучеников были показаны всем, и была построена церковь во имя их. От святых костей их подавались исцеления, а также и от того источника, который вызвал святой Сисиний своей молитвой. Пострадали святые сорок пять мучеников десятого июля, в Никополе армянском, при Лисии игемоне, когда Ликиний царствовал над востоком; над нами же царствует Господь наш Иисус Христос, Которому с Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне и в бесконечные веки, аминь.

Кондак, глас 8:

Христа ради мученицы многия муки подъясте, и многобожие низложисте все идольское, и разрушисте безбожие всякия прелести, Христовою силою сия поправше; нас всех верно научаете вопити яве: аллилуия.

Сказание о перенесении честной ризы Господа нашего Иисуса Христа из Персии в царствующий град Москву

Память 10 июля

Во дни благоверного царя и великого князя, самодержца всей России, Михаила Феодоровича[4595], в патриаршествование же святейшего Филарета[4596], отца царева по плоти и духу, – в Персии царствовал шах Аббас[4597]. Питая любовь и расположение к благоверному царю Михаилу, Аббас часто отправлял к нему послов с дарами[4598]; подобно сему и российский царь присылал к нему послов с дарами. В 7133 году от сотворения мира (от Рождества же Христова в 1625 году), в марте месяце прибыл в Москву к благоверному царю Михаилу от шаха некий славный посол, по имени Урусамбек; посол этот был отправлен вышеупомянутым шахом Аббасом. Урусамбек привез с собою послание и много ценных подарков благоверному царю Михаилу. Кроме того он принес с собою послание и драгоценный подарок святейшему патриарху Филарету, – именно: ризу Господа нашего Иисуса Христа, положенную в золотом ковчеге, украшенном драгоценными камнями. В этом послании персидский шах извещал, что риза Христова найдена, во время завоевания Иверской страны[4599], в митрополичьей ризнице, где она была запечатана в одном из крестов; взяв эту ризу, шах и отправил ее в дар святейшему патриарху московскому. В том же послании персидский шах прославлял великое имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в таких словах:

– Кто не будет чтить Его (Господа Иисуса Христа), как Бога, тот пусть будет сожжен на огне без всякого милосердия; и да будет достоин всякой чести и прославлен тот, кто разожжет огонь для такого богохульника.

Святейший патриарх Филарет с радостью принял сей великий дар, более драгоценный, чем все земные, самые дорогие, подарки; потом патриарх Филарет призвал к себе находившихся в то время в Москве опытных греческих старцев;

одни из этих старцев прибыли в Москву из Иерусалима, другие из стран греческих; среди них был, между прочим, Нектарий, впоследствии архиепископ вологодский и великопермский, а также и Иоанникий, незадолго перед тем прибывший в Москву со святейшим Феофаном, патриархом иерусалимским. Святейший патриарх Филарет спросил этих старцев-греков, – знают ли они что-нибудь о ризе Господней и что говорят о ней в странах греческих? Каждый из старцев поведал то. что ему было известно о ризе Господней. Между прочим архиепископ Нектарий сказал:

– Когда я был архидиаконом у святейшего патриарха Константинопольского, случилось мне быть посланным от него ради некоторых церковных надобностей в страну Иверскую. Был я здесь случайно в церкви, именуемой «Илета»; здесь я заметил на правом клиросе у первого столпа много возженных свеч. Я спросил священников, бывших там:

– Что это?

Они отвечали мне, что здесь положена риза Христова; сказали, что принес ее один из воинов их страны, бывший в Иерусалиме при распятии Господа; поведали также, что много чудес творилось сею ризою Христовою.

Другие из греков сказали святейшему патриарху, что везде, – как в Палестине, так и в странах греческих, – правоверные единогласно утверждают, что риза Господня находится в Иберии; этот воин получил по жребию ризу Господню[4600], после чего отнес ее в свою родную страну – Иберию и отдал ее здесь, как драгоценный подарок, своей родной сестре, бывшей отроковицею; вслед затем этот воин поведал всем о том, что было в Иерусалиме с Господом Иисусом Христом. Отроковица, услыхав рассказ того воина, возлюбила ризу Господню и с благоговением хранила ее. Спустя непродолжительное время после этого, отроковица та умерла. Умирая, она завещала погребсти ее тело, вместо обычных погребальных одежд, в ризе Господней. Так и было сделано. Спустя некоторое время над могилою той отроковицы выросло большое и очень красивое дерево. В царствование великого Константина, императора греко-римского[4601] (когда Иберия была просвещена святым

крещением), из этого дерева стало истекать благовонное и целебное миро; этим миром помазывались все, одержимые какою-либо болезнью или недугом и получали исцеление. Правоверные цари иверские, видя таковые славные чудеса, выстроили над тем древом красивую церковь, и назначили быть при ней епископу. По прошествии многих лет, когда, по попущению Божию, персы пленили в первый раз Иберию, тогда они разорили и ту церковь, при которой находилось то мироточивое древо. Впоследствии Иберия освободилась от ига персидского, однако, древа там уже не было, миро многоцелебное уже не истекало из места того; только столп означал то место. Что же касается до ризы Господней, то все единогласно утверждали, что она находится в Иберии; многие полагали, что она взята была, по смотрению Божию, во время пленения персидского, верующими с того гроба для сохранения в неприкосновенности; каким же образом она оказалась потом в церкви митрополии, – об этом не сохранилось никаких известий.

Святейший патриарх Филарет выслушал все сообщения о ризе Господней; потом посоветовался с преосвященными российскими архиереями (тогда было время святой Четыредесятницы): по совету с ними был объявлен строгий пост и молитва. Потом, совершив всенощное бдение в неделю крестопоклонную, святейший патриарх повелел ризу Христа Спасителя и Бога нашего возлагать на недужных подобно тому, как в древности благочестивая царица Елена возложила на мертвеца крест Христов для удостоверения всех в его истинности[4602]. И как тогда крест Христов был узнан по причине силы, коею воскрес мертвец, так и теперь подобным же образом все удостоверились в истинности ризы Господней; ибо от нее получили исцеление и скорое выздоровление все болящие, на которых она возлагалась.

И благоверный царь и святейший патриарх преисполнились великой радости о такой благодати; потом приказали устроить в великой соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, на западной стороне, в правом углу, почетное и особо украшенное место, где было изображение живоносного гроба Христова. Здесь и была положена честная риза Господня. Сия риза и

доселе зрится и с благоговением почитается всеми; от нее и доныне подаются исцеления всем болящим, притекающим к ней с верою[4603].

Установлено же было празднование положения честной ризы Господней в 10 день месяца июля[4604] во славу Христа, Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Днесь притецем вернии к Божественней и цельбоносней ризе Спасителя нашего Бога, благоизволившаго сию плотию носити, а на кресте святую Свою кровь излияти, еюже искупи нас от работы вражия. Темже благодаряще вопием ему: спаси православнаго императора нашего, Николая Александровича, и святителей, и град, и вся люди честною твоею ризою защити, и спаси души наша, яко человеколюбец.

Кондак, глас 4:

Одеяние нетления, спасительнаго целения всем человеком Владыко, даровал еси Твое Божественное сокровище честную ризу, яже есть хитон, еюже живоносную и святую плоть вочеловечения Твоего одеяти благоволил еси: сию желанием приемлюще светло празднуем, страхом же и любовию, яко Благодателю воспевающе, зовем Ти Христе: сохрани в мире благовернаго императора нашего Николая Александровича, и святителей, и вся люди, по велицей Твоей милости.

Воспоминание о чуде святой великомученицы Евфимии Всехвальной

Память 11 июля

Святая великомученица Евфимия родилась, воспитывалась и увенчалась мученичеством в Халкидоне, Вифинском городе, который лежит при заливе Черного моря, против Царьграда, по другую сторону разделяющего их пролива Босфора фракийского: пострадала она в царствование Диоклетиана[4605], шестнадцатого сентября, когда и празднуется ее память. Сегодня же вспоминается то чудо, которое было от честных ее мощей во время четвертого Вселенского собора святых отцов, происходившего в Халкидоне, и которым было явлено и утверждено православное исповедание веры; чудо и это явилось знамением для святых отцов, чтобы не приступать к общению со зловерными и произошло следующим образом.

Патриарх Александрийский Диоскор и Евтихий, архимандрит цареградский, еще при жизни правоверного царя Феодосия[4606], воздвигли богохульную ересь на Господа нашего Иисуса Христа, сливая два Его естества, божеское и человеческое, в одно естество[4607]; они прельстили многих духовных и мирян своим зловерием, совратили в свою ересь многих знатных придворных и широко пользовались их вескою поддержкою.

Когда собрался Поместный собор в Ефесе[4608] (через несколько лет после бывшего там же вселенского третьего[4609]), или, лучше сказать, разбойническое сборище, на котором святейший Флавиан патриарх Цареградский[4610], исповедник благочестия, был убит единомышленниками Диоскора и Евтихия, – тогда еще больше укрепилась та ересь и стала приниматься за правоверие, истинная же вера православная стала отвергаться, как какое-нибудь зловерие. Нужно было собрать четвертый Вселенский собор святых отцов для истребления этой ереси и для утверждения православной веры.

В это время благочестивый царь Феодосий перешел из этой жизни к Господу, а после него принял царство добродетельный и

богоугодный Маркиан[4611] со святою Пульхериею. Эти ревнители правоверия и благочестия, видя, как ереси смущают Церковь, и какие царят в ней раздоры, повелели святым отцам со всей вселенной собраться в славный город Халкидон, дабы рассмотреть и обсудить здесь вопросы веры.

Собрались святые отцы, числом шестьсот тридцать[4612], в числе них святейший Анатолий, патриарх Цареградский, святейший Ювеналий и посланники святейшего Льва, папы Римского; присутствовали и зловерные во главе с Диоскором, патриархом Александрийским, Максимом – антиохийским, которому Диоскор доставил патриаршество вместо отставленного Домна, и другие согласные с ними архиереи, и Евтихий со своими единомышленниками, так что набралось множество еретиков; все вместе со святыми отцами собирались они на совещание в церковь святой великомученицы Евфимии, находившуюся в предместье города около Босфора. Это была престольная церковь Халкидонской митрополии, весьма просторная, могущая вместить в себе многое множество народа; в ней почивали и мощи этой великомученицы, от которых творились дивные и славные чудеса; из них скажем хотя о некоторых. В день святой памяти ее, в который она пострадала за Христа, каждый год текла из честных мощей ее кровь, как будто только что вытекшая из ран; ее собирали следующим образом. Гроб был большой мраморный, покрытый мраморной доскою, а внутри его находился деревянный ковчег с мощами святой; в этом мраморном гробе, в левой стороне было небольшое отверстие, в которое проходила рука и которое закрывалось накрепко, а в нужное время открывалось; через него сам епископ по окончании всенощной, перед святой литургией черпал ту кровь посредством губки, привязанной к длинной железной рукоятке; он влагал туда сухую губку, вынимал оттуда ее полную крови и выжимал из губки кровь в особо приготовленный для этого сосуд. Народ при виде сего воссылал великую славу Богу и святой Его мученице и помазывался той кровью на благословение и исцеление своих болезней. Эта кровь была весьма благоуханная, как будто бы смешана была с драгоценным миром, но никакое миро на земле

не могло сравниться с этим: эта кровь была несравненно выше всяких ароматов и исцеляла всякие болезни. И не только во время ежегодного празднования своего святая великомученица источала такую благоухающую миром и целебную кровь из честных своих мощей, но иногда и в другое время, особенно же, если святитель той церкви бывал угоден Богу своей добродетельной жизнью. Бывали и многие явления; часто святая являлась молящимся ей с верою, или лежавшим в болезни, или приходившим в церковь к ее гробу, или же находившимся в различных бедах и призывавшим ее на помощь. И стекался народ с великою верою к ней на поклонение в Халкидон отовсюду, от всех городов, а в особенности, поблизости из Царьграда. Там же по повелению царскому, должен был собраться Вселенский собор святых отцов.

Много было на том соборе у правоверных с еретиками рассуждений, прений и несогласий, так как зловерные никак не хотели согласиться с православным учением. Тогда святейший Анатолий, посоветовавшись с другими святыми отцами, сказал еретикам:

– Напишите на свитке исповедание вашей веры, также и мы напишем свое исповедание, и оба свитка, запечатанные, положим в гроб на честные мощи святой великомученицы Евфимии; будем поститься и соборно молиться Богу, чтобы Он через эту угодницу Свою открыл нам, какое исповедание правильное.

После этих слов святейшего Анатолия, все одобрили его совет, и написали два свитка: правоверные свой, а зловерные свой, запечатали своими печатями, открыли гроб святой, положили оба свитка у нее на груди, закрыли опять гроб, приложили царскую печать, приставили стражу и три дня постились и молились. С наступлением четвертого дня пришел царь и весь собор к честному гробу святой и, когда, сняв царскую печать, открыли гроб, то увидели, что свиток правоверных святая великомученица держит в правой руке, а свиток зловерных лежит у ней в ногах. Удивительнее же всего было то, что она, протянув руку как живая, подала царю и

патриарху свиток с правым исповеданием. Тогда все несказанно обрадовались, прославили Бога, воспели похвальные песни с благодарением святой великомученице и поклонились с теплою любовию ее чудотворным мощам. И тотчас объявили православную веру, как утвержденную Богом и чудесно возвещенную святою великомученицей, а еретическое зловерие предали проклятию. Многие из еретиков, увидев такое чудо, обратились к православию, а кто оставался непреклонным, тех лишили сана и сослали в заточение. С этого времени иконописцы начали изображать на иконах святую великомученицу Евфимию со свитком в правой руке, в незабвенную память этого славного чуда во время собора. Как тогда, так и после святая мученица не переставала творить чудеса и источать из своих честных мощей благоухающую миром кровь.

Прошло много лет; престол принял Маврикий[4613], царь благочестивый, но он, по своему маловерию, дерзнул усомниться в чудесах святой и истекающую от мощей ее кровь стал считать поддельною, а не истинною. Желая испытать и добиться истины, он сделал так. Задолго до дня годовой памяти святой великомученицы он запечатал гроб и отверстие в нем своею царскою печатью. Когда подошел день ее празднества, он сам прибыл из Царьграда в Халкидон и, сняв печать, открыл отверстие; тотчас же распространилось прекрасное благоухание и наполнило всю церковь; крови, или, лучше сказать, мира, подобного крови, истекло из честных мощей святой больше обыкновенного; ни в один год не истекало так много, как в этом, чтобы пристыдить маловерие царя и утвердить крепко веру в силу Божию, которою может совершаться все сверхъестественное. Господь, Который в древности мог из кости животного, из ослиной челюсти, вывести для Самсона[4614] источник ключевой воды (Суд.15:18–19), разве не мог потом источить кровь и миро из нетленных мощей Своей угодницы? Тогда царь, поняв свое прегрешение, раскаялся и с тех пор крепко верил в святую.

Впоследствии, в царствование Ираклия[4615], попущением Божиим случилось нашествие персов на вифинскую страну и на

окрестности Халкидона, так что всё предместье, по варварскому обычаю было опустошено. Неприятели вошли и в церковь святой великомученицы и взяли всё, что нашли; хотели открыть гроб святой, но никак не могли этого сделать и, сколько ни трудились, ничего не добились: не только верхняя мраморная доска оставалась неподвижной, но даже и малого отверстия в гробу нельзя было сделать. Тогда персы принесли множество дров и хворосту, обложили гроб, наложили на него целую гору горючего вещества и зажгли в надежде, что мрамор от сильного жара треснет. Однако и таким образом они ничего не добились. Всё, что было наложено, сгорело дотла, а гроб святой остался нисколько не поврежденным. Такою дивною сделал Бог Свою угодницу! По уходе персов царь совещался с патриархом о мощах святой великомученицы Евфимии, и решили они перенести их из Халкидона в Царьград, боясь вторичного нашествия варваров на Халкидон. В Царьграде, близ ипподрома[4616], построили церковь во имя святой, наподобие Халкидонской, большую и прекрасную, перенесли в неё с почестями святые мощи с каменным гробом; при них определили быть митрополиту халкидонскому ради большей чести мощам. Гроб поставили в алтаре вместо Божественного жертвенника, и совершалась на гробе Бескровная Жертва; внутри же находились честные мощи великомученицы; от них и в Царьграде совершались чудеса, как в Халкидоне, и кровь, благоухающая миром и целебная, источалась в обычное время.

Прошло много лет, много царей переменилось, миновали вселенские соборы святых отцов – пятый и шестой[4617], спустя еще после них долгое время воцарился и именем и нравом зверь – царь Лев Исаврянин[4618]. Он первый начал смущать Церковь Божию иконоборческою ересью, называя святые иконы идолами и рассуждая со своими единомышленниками так:

– Вот те, о ком говорит пророк: «Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат» (Пс.113:13–14).

Ему противодействовал святейший патриарх Герман[4619] ; царь с бесчестием сверг его с престола, а на его место возвел еретика, своего единомышленника; таким же образом и других

правоверных архиереев, противившихся его ереси, он с бесчестием отправлял в изгнание. Не только святые иконы, но и мощи святых хулил он, как пес, необузданным языком и уничижал их всячески. Видя и слыша о чудесах от честных мощей святой великомученицы Евфимии, он терзался в душе от зависти, но не осмеливался ничего дурного с ними сделать, боясь народного восстания и мятежа. Он выдумал такую коварную вещь. Он пошел ночью со своими единомышленниками тайно в церковь святой Евфимии и открыл гроб ее, которого не могли открыть персы: попустил Христос Бог рукам зловерных христиан коснуться честных мощей невесты Своей, которые сохранил неприкосновенными от неверных язычников. Персы грешили в неведении, а христиане отважились на злодеяние, зная, что делали; попустил им Бог, к большему их осуждению, совершить бесчестие святой. Злочестивый царь, открыв гроб, вынул оттуда с деревянным ковчегом чудотворные и нетленные мощи святой Евфимии, а вместо них положил какие-то гнилые, вонючие кости, которые нарочно приготовил для этого, и опять накрыв доской, ушел, унесши с собою воровским образом те честные мощи и положил их в одной из комнат царского дворца. Сестры же его и дочери тайно приходили к святым мощам, кадили благовониями, освещали свечами, почитая их и с любовию поклоняясь им. Но вскоре узнал про то злочестивый царь и тотчас взял ковчег с мощами и ночью бросил его в море. На утро, собрав толпу зловерных, он стал смеяться в лицо над правоверным народом, глумясь и укоряя мощи святой великомученицы:

– Ступайте, глупые, посмотрите на обман, которым вас прельщают, называя нетленными и чудотворными мощи славной Евфимии, откройте гроб и посмотрите, правда ли это.

И тотчас послал своих приближенных с народом открыть гроб. Пошли, открыли и увидели все гнилые, вонючие кости. Еретики тогда начали смеяться и глумиться над правоверными, называя их поклонниками гнилых костей; правоверные же удивлялись такой неожиданности, недоумевали, стыдились, жалели. Тогда многие подумали о всех чудесах святой, что это был обман, плевали на те гнилые кости, выбросили их вон, а

также и тот мраморный гроб вытащили из церкви, и храм Божий обратили в мерзость запустения; его подвергли большому поруганию, и церковь та стала как какой-нибудь пустой вертеп, или скотское стойло, или даже хуже, потому что там было место для всякой скверности и нечистот. Потом внутри церкви кузнецы устроили кузнечные печи и стали заниматься там своим ремеслом; и где прежде слышалось пение Божественных славословий, оттуда стали раздаваться звуки молотов, ударяющих по железу на наковальне, послышались нелепые голоса сквернословия и бесчинный говор людей. Эти ремесленники жили в пустой церкви с женами и детьми, а в святом алтаре, как в закрытом месте, устроили себе отхожее место; и долго терпел Бог такие дела людей, такое осквернение Его святыни, пока не погубил злых злом, воздвиг опять Православие, очистил и освятил Свое место, сделав его опять селением славы Своей.

Когда честные мощи всехвальной мученицы были брошены в пучину морскую, плыл по смотрению Божию корабль из пристани, называемой Софиина; на этом корабле были два хозяина, братья Сергий и Сергон. Они, увидев близ своего корабля несомый волнами ковчег, взяли его из воды на корабль, думая, что в нем какое-нибудь земное сокровище и, поставив паруса, поплыли дальше. Находясь в пристани называемой Авидова, они открыли ковчег и увидели там нетленные мощи; от них неслось великое благоухание, и порадовались они этому духовному сокровищу, особенно, когда в видении узнали святость тех мощей; а именно, в наступившую ночь они увидели в видении над мощами великую славу, горящие светильники и свечи, и мужей светлых, поющих и восхваляющих Бога. Получив это видение, они стали молить Бога открыть их, какого святого эти мощи; плыли они дальше и подплыли к острову, называемому Лимнос. На этом острове тоже находились чудотворные и мироточивые мощи, святой мученицы Гликерии, проводя ночь около этого острова, они увидели в видении святую мученицу Гликерию, идущую к их кораблю, а из корабля вышедшую ей навстречу прекрасную девицу; они обе нежно

обнялись. И сказала девица, пришедшая к девице, вышедшей из корабля:

– Будь здрава, мученица Христова, Евфимия всехвальная!

Та же сказала ей в ответ:

– Будь здрава, мученица Христова, Гликерия блаженная!

И, приветствовав друг друга, разошлись: святая Гликерия пошла к себе, а святая Евфимия возвратилась на корабль. Это видение одно и то же было обоим братьям; они очень обрадовались, что узнали, чьи это мощи, и в теплой молитве усердно припадали к святой великомученице Евфимии, обнимали ковчег, целовали его, проливая от радости слезы. Они хотели это бесценное сокровище везти в свое отечество, но Богу и Его святой угоднице не было это угодно. Корабельщики поставили паруса и пустились в путь в свою сторону; когда они были далеко уже от этого острова, внезапно поднялась буря и сильное волнение, и корабль прибило волнами опять к тому же острову. Опять корабельщики, как утихнет море, пускались плыть, но опять, по Божию повелению, внезапно поднимались волны и приносили корабль к острову. И это делалось не два, не три раза, но много раз; и были все на корабле в большом недоумении.

Наступила ночь, и явилась им Христова мученица и сказала:

– Зачем стараетесь вы носить меня туда и сюда? Я не уйду отсюда, не хочу идти туда, куда вы хотите меня везти.

И прибавила:

– Мало разве мне было перенесения из Халкидона в Византию (Царьград), ввержения в море, принесения сюда? Зачем вы хотите еще везти в далекие страны? Вам не по силам это, не трудитесь больше, но постройте мне маленький дом на этом острове, и я почию здесь.

С этими словами она стала невидима. Честные братья Сергий и Сергон тотчас охотно повиновались повелению святой, остались в пристани, высадились с корабля на землю, пошли и объявили епископу того острова о мощах Евфимии всехвальной и ее повелении. Епископ обрадовался этому, но велел им втайне хранить святые мощи, так как и на том острове было

получено грозное повеление злочестивого царя выбрасывать и предавать огню святые иконы и честные мощи святых. Вследствие злочестивого приказания и мироточивые мощи святой мученицы Гликерии скрывали под спудом. Потом, присмотрев подходящее место, епископ благословил Сергия и Сергона на постройку маленькой церкви мученицы Христовой Евфимии, неподалеку от берега моря. Вскоре постройка была завершена, прибыл епископ, освятил церковь и положил в святом алтаре в земле, под спудом честные мощи, чтоб не узнали про них иконоборцы. После всего этого оба брата возымели благое намерение дать следующий обет святой мученице:

– Не оставим, – сказали они, – тебя, святая великомученица Евфимия всехвальная, и не отступим от твоих мощей честных, но здесь послужим тебе до конца нашей жизни.

Дав такое обещание, они продали весь товар, который везли на корабле, отреклись от мира, стали жить при той церкви в посте и молитвах и в скором времени, угодивши Богу, преставились в бессмертную жизнь по ходатайству святой прехвальной мученицы Евфимии, которой усердно послужили. Пред кончиною своей они положили на гробе святой мученицы каменную доску, чтоб не забылось вовсе место, хранящее в себе это пребогатое сокровище, и на доске написали так:

– Мы, Сергий и Сергон, родные братья, плывя по Геллеспонту (Цареградскому морю), взяли из моря носимые волнами честные мощи прехвальной святой Христовой мученицы Евфимии и, по повелению ее, положили их здесь.

Впоследствии епископ того острова построил прекрасную церковь и хотел перенести в нее мощи святой Евфимии; придя в ту маленькую церковь, которую построили братья, он совершал всенощные молитвы. Он задремал, и ему явилась святая со словами:

– Не начинай того, что задумал делать, отче преподобный! Я не послушаю тебя в этом, но иди к сестре моей, святой мученице Гликерии, помолись ей, и я стану просить; и она позволит перенести себя в твою церковь, меня же оставь почивать на этом месте, пока я не возвращусь назад к себе.

Епископ проснулся в ужасе и не осмелился приступать к выполнению своего намерения. Святую же мученицу Гликерию, сберегаемую в другом месте, перенес он в свою церковь по совершении в ней молитв, и положил ее под спудом. Так охранялись мощи святых от враждовавших против них злочестивых иконоборцев. Хотя они находились и под спудом, однако, правоверные собирались к ним и с честью справляли их празднества, ибо теми угодницами Божиими подавалось исцеление всяких болезней.

Однажды, в день памяти святой великомученицы Евфимии, во время совершения празднества в ее церкви, случилось одному воеводе, стороннику и ревнителю иконоборческой ереси, плыть мимо того острова на кораблях с войском: он послан был куда-то по службе. Подъехав к пристани, он высадился на берег и увидел большое собрание людей около церкви, находившейся близ пристани. Спросив и узнав причину празднования, – а именно, что народ совершает праздник ради мощей почивающей там святой мученицы Евфимии, – он, злочестивый, вышел из себя и бросился с войском на ту церковь и разогнал народ с криком:

– Разве это позволяют цари? Идолопоклонники вы, служители мертвых костей!

С такими ругательствами над православными христианами, окаянный разорил ту церковь почти до основания; мощи же святые остались целы под спудом. И опустело это место на долгое время.

По смерти злочестивого царя Льва Исаврянина, вступил на престол сын его Константин, по прозванию Копроним[4620], от злого корня еще злейший отпрыск. Он не только отвергал почитание икон, но отвергал втайне и Самого Христа Бога и, окаянный, хулил даже Пречистую Деву Богородицу скверным своим языком, ругался и над святыми угодниками Божиими. С юности он привык ко всему дурному, дурной жизни, научился волшебству и чародейству и беспощадно проливал человеческую кровь. Он превосходил жестокостью своего отца, много убил невинных и праведных людей, а иноков совсем изгнал из Царьграда. Царствовал же он долго, попущением

Божиим за людские грехи, и наделав бесчисленное количество зла, умер горькой смертью; после себя он оставил царство сыну Леону, который также был иконоборец, но не проявлял такой жестокости, как его отец и дед. По смерти же Леона воцарился сын его Константин с матерью Ириною[4621], – а это имя означает мир (с греческого), – она поистине принесла мир Церкви Христовой. В малолетство ее сына она одна управляла греческим царством, и правила хорошо и богоугодно; она исправляла всё испорченное и разоренное царями-иконоборцами и возвращала из гонения святых отцов, изгнанных за почитание честных икон. Действительно, она была благочестива и боголюбива, она созвала седьмой Вселенский собор[4622], со святейшим патриархом цареградским Тарасием[4623] во главе; таким образом церквам святым было возвращено благолепие – иконы, а иконоборческая ересь предана проклятию святыми отцами. Тогда и та церковь святой великомученицы Евфимии в Царьграде, близ ипподрома, о которой говорилось выше и которая была опустошена Львом Исаврянином, была восстановлена благоверною царицею Ириною; она велела очистить церковь от нечистот и исправить всё разоренное, украсила ее всячески благолепными иконами, снабдила священными одеждами и драгоценными сосудами; освящена была церковь, и стали совершаться в ней опять, как прежде, Божественные службы, и митрополит Халкидонский опять стал жить при ней. Христолюбивая царица Ирина усердно старалась разыскать мощи всехвальной мученицы Евфимии. С тех пор, как Лев Исаврянин тайно похитил святые мощи и бросил их в море, пронесся среди православных слух об этом тайном злодеянии царя, и рассказывали, что святые мощи где-то нашлись и сберегаются верующими; царица и старалась узнать, где они. Господь же, исполняющий желание боящихся Его, дал знать царице о честных мощах святой мученицы следующим образом. На том острове Лимносе, где мощи, как было сказано, хранились под спудом, жил один известный человек, по имени Анастасий, саном комит[4624]; ему досталось в собственность по наследству то место, на котором два упомянутых выше брата, Сергий и Сергон, построили церковь в

честь святой великомученицы Евфимии и скрыли в земле честные ее мощи, положив на гробе каменную доску с надписью. Этот Анастасий комит, видя, что церковь всехвальной мученицы на его земле совсем разорена, вновь выстроил ее на прежнем основании и украсил с подобающим благолепием. Впоследствии случилась с ним напасть по несправедливой клевете завистливых людей, и он неповинно был лишен своего сана. Тогда он отправился в Царьград, чтоб оправдаться от ложной клеветы и опять получить свой сан. Когда он искал там заступника и ходатая к царице, ему кто-то сказал, что ему может помочь халкидонский митрополит, потому что он более других имеет право заступаться за обиженных. Анастасий стал искать митрополита и нашел его во дворце; припав к нему, он рассказал цель своего прибытия и просил митрополита помочь ему и походатайствовать за него. Митрополит же отказывался, говоря:

– Не могу я этого сделать, мне не по силе это дело.

С этими словами митрополит ушел из дворца в свой дом, а Анастасий шел за ним до архиерейского дома; увидя отпертую церковь, он вошел в нее помолиться. После долгой молитвы с коленопреклонением он сел где-то: в это время не было службы. Один из церковнослужителей, очередной на той неделе, подошел к нему с вопросом, кто он и откуда. Анастасий рассказал ему всё о себе и открыл ему свое горе, а потом спросил церковнослужителя:

– Какого это святого церковь?

Тот отвечал:

– Эта церковь святой великомученицы Евфимии всехвальной.

Как услыхал это Анастасий, тотчас, прижимая руки к груди, с любовью воскликнул:

– О моя святая Евфимия!

– Почему ты называешь ее своею? – спросил церковнослужитель.

Анастасий отвечал:

– У меня в церкви, в моем доме, ее честные мощи, поэтому-то я осмеливаюсь ее назвать своей.

Церковнослужитель сказал:

– Как это может быть? Правду ли ты говоришь? Смотри, не лги, а то плохо тебе будет; ведь царица очень старается разыскать мощи святой Евфимии и митрополиту повелела молиться Богу о том, чтоб Он открыл, где находятся честные мощи Его мученицы.

Анастасий сказал:

– Поверь мне, честный человек, у меня мощи Евфимии всехвальной, которые были в Халкидоне.

Услышав это, церковнослужитель попросил его немного подождать там, а, сам радостный, поспешил объявить об этом митрополиту, преподобному Андрею. Митрополит обрадовался и, тотчас призвав к себе Анастасия, расспрашивал о мощах святой; он рассказал всё подробно, как рассказывают среди жителей того острова о честных мощах Евфимии всехвальной, и как на каменной доске было написано двумя братьями, взявшими эти мощи из моря. Преподобный митрополит отправился тотчас к святейшему патриарху Тарасию и рассказал ему об этом; а святой тот патриарх с митрополитом пошел к царю и его матери, взявши и Анастасия с собою, и рассказали ей о честных мощах мученицы Христовой. Все радовались и благодарили Бога, Анастасий же щедро был одарен и получил снова свой прежний сан. Немедленно снарядили богатый корабль и отправили на нем почетных лиц духовного сана и из царских придворных с Анастасием комитом на остров Лимнос, чтоб перенести оттуда мощи святой в Царьград; после благополучного плавания, они прибыли на тот остров. Когда узнали местные жители, что прибыли цареградцы и хотят взять мощи Евфимии всехвальной, стеклось множество народу весьма враждебного: хотели воспротивиться царским посланникам и не давать им унести с их острова то бесценное духовное сокровище, а более всего обрушивались на Анастасия комита, называя его предателем. И начался уже ропот в народе, так что едва епископ лимносский мог успокоить его, говоря:

– Люди, не противьтесь такой воле Божией и не возбуждайте гнева царя: «Гнев царя – как рев льва»

(Притч.19:12).

Когда умолк народный ропот, открыли гроб святой и вынули из-под земли честные мощи невесты Христовой, как прекрасный цветок, и наполнился воздух благоуханием, и понесли мощи на корабль при пении псалмов, со свечами и кадилами. Народ же со слезами провожал, плача, что лишается такого драгоценного богатства, и стоял на морском берегу, провожая плывущий корабль глазами, пока он не скрылся из виду. Когда корабль прибыл в Константинополь, вышел весь город с царем и его матерью, и святейшим патриархом, навстречу честным мощам мученицы Христовой, и приняли их с радостью и торжеством, понесли с честью в церковь, откуда они когда-то были тайно похищены еретиками и положили на том же месте и в том же каменном гробе, где они лежали прежде.

Так святая великомученица Евфимия всехвальная опять оказалась на своем честном месте в Царьграде, и славили за ее чудеса Бога, прославляемого во святых Его, Которому и от нас воссылается честь и слава ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Жениха твоего Христа возлюбивши, и свещу твою светло уготовльши, добродетельми возсиявши, всехвальная Евфимие, тем возшла еси с ним на брак, венец страдания от него приемши. Но от бед избави нас, чтущих верою память твою.

Кондак, глас 6:

Подвиги во страдальчестве, подвиги в вере положила еси тепле за Христа Жениха твоего: но и ныне якоже ереси и врагов шатание, под ноги православных царей покорити моли Богородицею, яже от шестисот тридесяти богоносных отец предел приемшая, и хранящая, всехвальная.

Преставление блаженной княгини Ольги, во святом крещении Елены

Память 11 июля

На конце темной ночи идолослужения, облегавшей Русскую землю, блаженная Ольга явилась как заря пред наступлением светлого дня святой веры во Христа – «Солнце правды».

Блаженная Ольга происходила из знаменитого рода: она была правнучка Гостомысла, того славного мужа, который начальствовал в Великом Новгороде до тех пор, пока, по его же совету, не был призван от варягов на княжение русское Рюрик с братьями[4625]. Родиной Ольги была весь Выбутская, находящаяся ныне близ города Пскова, тогда еще не существовавшего[4626]. Родители блаженной Ольги сумели внушить своей дочери те правила честной и разумной жизни, которых сами держались, несмотря на свое идолопоклонство. Ольга отличалась целомудрием и светлым умом, как это сейчас же будет видно.

Рюрик, умирая[4627], оставил после себя сына своего Игоря еще малолетним отроком, поэтому как Игоря, так и самое княжение, до дней совершеннолетия сына, Рюрик поручил попечению родственника своего Олега. Последний, собрав значительное войско и имея при себе малолетнего наследника княжения Игоря, отправился к Киеву. Убив здесь Аскольда и Дира, Олег подчинил себе Киев, и стал он единовластителем варяго-русских владений, сохраняя княжение для племянника своего Игоря; по делам правления Олегу приходилось бывать то в Киеве, то в Великом Новгороде. Князь же Игорь, достигнув юношеского возраста, занимался охотой. Случилось ему, во время охоты по окрестностям Новгорода, зайти в пределы Пскова; выслеживая зверя около помянутой веси Выбутской, он увидел на другой стороне реки место, удобное для лова, но не мог туда попасть за неимением лодки. Спустя немного времени Игорь заметил какого-то юношу, плывшего в лодке; призвав его к берегу, он велел себя перевезти на ту сторону реки. Когда они плыли, Игорь, внимательнее всматриваясь в лицо гребца,

увидел, что последний не юноша, а девица; то и была блаженная Ольга, выделявшаяся своею красотою. Красота Ольги уязвила сердце Игоря; в нем разгорелось похоть; и он начал прельщать ее словами, склоняя к нечистому плотскому смешению. Блаженная же Ольга, уразумев помыслы Игоря, разжигаемого похотью, пресекла беседу его, обратившись к нему, точно мудрый старец, с таким увещанием:

– Зачем смущаешься, князь, замышляя дело неисполнимое? Слова твои обнаруживают твое бесстыдное желание надругаться надо мною, чего да не будет! – я об этом и слышать не хочу. Прошу тебя, – послушайся меня и подави в себе эти нелепые и позорные помышления, которых нужно стыдиться: вспомни и подумай, что ты князь, а князю для людей должно быть, как правителю и судии, светлым примером добрых дел; ты же теперь близок к какому беззаконию?! Если сам ты, побежденный нечистою похотью, будешь совершать злодеяния, то как же ты будешь удерживать от них других и судить справедливо своих подданных? Оставь такое бесстыдное вожделение, которого гнушаются честные люди; и тебя, хотя ты и князь, последние могут возненавидеть за это и предать позорному осмеянию. Да и то знай, что, хотя я и одна здесь и бессильна по сравнению с тобой, ты всё-таки не одолеешь меня. Но если бы даже ты мог и одолеть меня, то глубина этой реки мне тотчас же будет защитой: лучше мне умереть в чистоте, похоронив себя в этих водах, чем быть поруганным моему девству.

Такие увещания к целомудрию, обращенные блаженною Ольгою к Игорю, образумили последнего, пробудив в нем чувство стыда. Он молчал, не находя слов для ответа; так они переплыли реку, а потом расстались. И удивился князь столь выдающемуся разуму и целомудрию юной девицы. Действительно, – подобный поступок блаженной Ольги достоин удивления: не зная истинного Бога и Его заповедей, она обнаружила такой подвиг в защите целомудрия; тщательно охраняя чистоту своего девства, она образумила юного князя, укротив его похоть словами мудрости, достойными ума мужа.

Спустя немногое время после сейчас описанного, князь Игорь вместе с родственником своим Олегом отправился в Киев с намерением там утвердить престол княжения, что и было исполнено: они сели на княжение в Киеве, и в Великом Новгороде, как и в прочих подчинившихся им городах Русской земли, посадили своих наместников. Когда наступило время бракосочетания князя Игоря, то выбрали многих красивых девиц, чтобы среди них найти достойную княжеского чертога; но ни одна из них не полюбилась князю. Вспомнив целомудренную и прекрасную Ольгу, Игорь тотчас послал за нею родственника своего Олега. Олег с великою честью привез Ольгу в Киев[4628], и Игорь вступил в брак с нею. Затем умер и Олег[4629], родственник и опекун Игоря, и Игорь стал править безраздельно. В начале своего самостоятельного княжения Игорь вел упорные войны с окрестными народами. Он ходил даже на Царьград: захватив многие страны греческой земли, он возвратился из этого похода с добычею и славою[4630]. Остальные годы своей жизни он проводил в тишине, имея мир с пограничными землями. В это время у Игоря родился от блаженной Ольги сын Святослав, впоследствии отец святого и равноапостольного князя Владимира. И правил Игорь на престоле великого княжения в Киеве с благополучием: богатство стекалось к нему в изобилии из многих мест, ибо и дальние страны присылали ему многие дары и дани.

Смерть постигла Игоря таким образом. Пользуясь наступившим после многих войн миром, Игорь начал обходить города и области для взимания обычной дани. Придя к древлянам[4631], он вспомнил, что они в начале его княжения отступили от него, и только после войны покорились ему снова: за это Игорь удвоил на древлянах дань, чем очень отяготил их. Они же, опечалившись, начали советоваться с князем своим Малом:

– Когда волк повадится к овцам, то по одной может растащить всё стадо, если не убьют его; так и мы, – если не убьем Игоря, то он всех нас погубит.

После этого совещания они начали выискивать удобного времени. И вот когда Игорь полученную с древлян дань отослал

в Киев, а сам остался у них с небольшим числом дружины, то древляне сочли этот случай подходящим для себя: они неожиданно напали на Игоря под городом своим Коростенем; убили дружину князя и его самого, и похоронили их там. – Такова была кончина князя Игоря – доброго властителя областей земли русской, внушавшего страх окрестным народам. По смерти опекуна своего Олега Игорь прожил тридцать два года[4632].

Весть об убийстве Игоря, достигнув Киева, вызвала сильные слезы у Ольги, оплакивавшей вместе с сыном Святославом своего мужа; плакали также и все жители Киева. Древляне же, по убийстве Игоря, составили следующий дерзкий замысел: они хотели Ольгу взять в жены своему князю Малу, а наследника Игоря, малолетнего Святослава, тайно умертвить. Таким образом древляне думали увеличить власть своего князя. Они немедленно на ладьях отправили к Ольге двадцать нарочитых мужей, чтобы они просили Ольгу сделаться женою их князя; а в случае отказа с ее стороны им было велено угрозами понуждать ее – пусть, хотя и насильно, стать женою их господина. Посланные мужи водным путем достигли Киева и пристали к берегу. Услыхав о прибытии посольства, княгиня Ольга позвала мужей – древлян к себе и спросила их:

– С добрым ли намерением прибыли вы, честные гости?

– С добрым, – отвечали последние.

– Скажите же, – предложила Ольга, – зачем именно вы прибыли к нам?

Мужи отвечали:

– Нас послала к тебе древлянская земля с такими словами: «Не гневайся, что мы убили твоего мужа, ибо он, как волк, расхищал и грабил. А наши князья добрые правители, распространившие древлянскую землю. Нынешний же князь наш без сравнения лучше Игоря: молодой и красивый, он к тому же кроток, любвеобилен и милостив ко всем. Пойди же за нашего князя, – ты будешь нам госпожою и обладательницею древлянской земли.

Княгиня Ольга, скрывая свою печаль и болезнь сердечную о муже, сказала посольству с притворною радостью:

– Мне угодны слова ваши, – ведь мужа мне уже не воскресить, а оставаться вдовою для меня не беспечально: будучи женщиной, я не в состоянии как следует управлять таким княжеством; сын же мой – еще малый отрок. Итак, я с охотою пойду за вашего молодого князя; к тому же я еще и сама не стара. Теперь идите, отдохните в ладьях ваших; утром же я позову вас на почетный пир, который устрою для вас, чтобы всем стала известна причина прибытия вашего и мое согласие на ваше предложение; а затем я пойду к князю вашему. Вы же, когда посланные утром придут звать вас на пир, знайте, как вам должно соблюдать, при этом, честь пославшего вас князя и вашу собственную: вы прибудете на пир таким же образом, как прибыли к Киеву, т.е. в ладьях, которые понесут киевляне на головах, – пусть все увидят вашу знатность и мою любовь к вашему князю, ради которой я почитаю вас такою великою честью пред моими людьми.

С радостью древляне удалились в свои ладьи. Княгиня же Ольга, мстя за убийство своего мужа, раздумывала, – какою бы смертью погубить их. Она приказала той же ночью выкопать глубокую яму во дворе при загородном дворце княжеском, в котором находилась и прекрасная палата, приготовляемая для пира. Наутро княгиня послала честных мужей звать сватов на пир; они, же, как безумные, сидя в ладьях говорили:

– Мы не пойдем пешими, ни поедем на конях, ни в колесницах, но как присланы от князя нашего в ладьях, так нас и несите на головах ваших к вашей княгине.

Киевляне же, смеясь над их безумием, отвечали:

– Наш князь убит, а княгиня наша идет за вашего князя; и мы ныне, точно невольники, делаем приказанное нам.

И посадив их в маленькие лодочки по одному, киевляне понесли их, надутых пустою гордостью Когда принесли древлян на помянутый двор княжий, Ольга, смотревшая из палаты, приказала бросить их в глубокую яму, приготовленную для этого. Затем, подошедши сама к яме и нагнувшись над нею, она спросила:

– Угодна ли вам такая честь?

Они же кричали:

– О горе нам! Мы убили Игоря и не только не приобрели через это ничего хорошего, но получили еще более злую смерть.

И приказала Ольга засыпать их живыми в той яме.

Сделав это, княгиня Ольга немедленно послала своего гонца к древлянам со словами:

– Если вы действительно хотите, чтобы я пошла за вашего князя, то присылайте за мной посольство и более многочисленное и более знатное, чем первое; пусть оно с честью ведет меня к князю вашему; присылайте же мужей – послов как можно скорее, пока меня не удержали киевляне.

Древляне с великою радостью и поспешностью послали к Ольге пятьдесят знатнейших мужей, начальнейших старейшин земли древлянской после князя. Когда они пришли в Киев, Ольга велела приготовить для них баню и послала к ним с просьбой: пусть послы после утомительного пути вымоются в бане, отдохнут, а потом уже придут к ней; они с радостью отправились в баню. Когда древляне начали мыться то сейчас же нарочно приставленные слуги крепко снаружи заложили затворенные двери, обложили баню соломою с хворостом и подожгли; так с банею сгорели старейшины древлянские вместе со слугами. И снова Ольга отправила к древлянам гонца, извещая о скором своем прибытии для бракосочетания с их князем и приказывая приготовить меда и всякого питья и пищи на том месте, где убит был ее муж, чтобы, придя к ним, сотворить прежде второго своего брака по первом своем муже тризну, т.е. поминальный пир по обычаю языческому; и потом уже пусть будет брак. Древляне на радости всё приготовили в изобилии. Княгиня же Ольга по обещанию своему отправилась к древлянам со многим войском, точно приготовлялась к войне, а не для бракосочетания. Когда Ольга приблизилась к стольному городу древлян Коростеню, последние выступили ей навстречу в праздничных одеждах, – одни пешими, а другие на конях, – и приняли ее с ликованием и радостью. Ольга же прежде всего пошла на могилу своего мужа, и здесь сильно плакала о нем; совершив затем, по обычаю языческому поминовенную тризну,

она повелела насыпать над могилой большой курган. И сказали ей древляне:

– Госпожа-княгиня! Мы убили твоего мужа за то, что он был немилостив к нам, как волк хищный. Ты же милостива, как и наш князь, – теперь мы заживем благополучно!

Ольга отвечала:

– Я уже не скорблю о первом своем муже, совершив над могилою его то, что должно было совершить; наступило время с веселием готовиться ко второму браку с князем вашим.

Древляне же спрашивали Ольгу о первых и вторых послах своих.

– Они идут вслед за нами по другому пути со всем моим богатством, – отвечала княгиня.

После этого Ольга, снявши печальные одежды, облеклась в брачные светлые, свойственные княгине, показывая, вместе с тем, радостный вид. Она повелела древлянам есть, пить и веселиться, а своим людям приказала, чтобы они прислуживали древлянам, ели с ними, но не упивались. Когда же древляне напились, княгиня велела своим людям заранее приготовленным оружием, – мечами, ножами и копьями избивать древлян: убитых пало до пяти тысяч и более. Так Ольга, смешав веселье древлян с кровью и отомстивши этим за убийство своего мужа, возвратилась в Киев.

На другой год Ольга, собравши войско, пошла на древлян с сыном своим Святославом Игоревичем, и его привлекая к отмщению за смерть отца. Древляне вышли им навстречу с немалою воинскою силою; сойдясь вместе[4633], обе стороны ожесточенно бились, пока киевляне не одолели древлян; и гнали первые последних до стольного города Коростеня, предавая смерти. Древляне затворились в городе, Ольга целый год неотступно осаждала его. Видя же, что трудно взять город приступом, мудрая княгиня придумала такую хитрость. Она послала сказать древлянам, затворившимся в городе:

– Зачем, безумные, хотите уморить себя голодом, не желая мне покориться? Ведь все остальные города ваши мне выразили покорность; жители их уплачивают дань и живут покойно в городах и селах, обрабатывая свои нивы.

– Мы хотели бы тоже, – отвечали затворившиеся, – покориться тебе, да боимся, как бы ты не стала снова мстить за князя своего.

Ольга же отправила к ним второго посла со словами:

– Я уже неоднократно мстила и на старейшинах и на прочих людях ваших; и теперь желаю не мести, но требую от вас дани и покорности.

Древляне согласились уплачивать ей дань, какую она захочет. Ольга предложила им:

– Я знаю, что вы сейчас обнищали от войны и не можете уплатить мне дани ни медом, ни воском, ни кожами, ни другими годными для торговли вещами; да я и сама не хочу отягощать вас большою данью; дайте мне какую-нибудь малую дань в знак вашей покорности, хотя бы по три голубя и по три воробья от каждого дома. Мне совершенно этого достаточно, чтобы убедиться в вашей покорности.

Древлянам дань эта настолько показалась ничтожной, что они даже насмехались над женским разумом Ольги; они тотчас поспешили собрать от каждого дома по три голубя и воробья и послали ей с поклоном. Ольга сказала пришедшим к ней из города мужам:

– Вот, вы теперь покорились мне и сыну моему, – живите же в мире, завтра я отступлю от города вашего и отправлюсь домой.

С этими словами она отпустила помянутых мужей; все жители города сильно обрадовались, услыхав о словах княгини. Ольга же раздала птиц своим воинам с приказанием, чтобы поздним вечером к каждому голубю и каждому воробью привязан был лоскут пропитанный серою, который следовало зажечь и пустить всех птиц на воздух вместе. Воины исполняли это приказание: птицы полетели в город, из которого были взяты; каждый голубь влетал в свое гнездо и каждый воробей в свое место, и тотчас город загорелся во многих местах, а Ольга в это время отдала своему войску приказ окружить город со всех сторон и начать приступ. Население города, спасаясь от огня, выбегало из-за стен и попадало в руки неприятеля, так взят был Коростень; много людей из древлян погибло от меча,

другие с женами и детьми сгорели в огне, а иные утонули в реке, протекавшей под городом; в это же время погиб и князь древлянский. Из оставшихся же в живых многие отведены были в плен, а другие оставлены княгинею на местах их жительства, причем она наложила на них тяжкую дань[4634]. Так княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство своего мужа, подчинила себе всю древлянскую землю и со славою и торжеством возвратилась к Киеву.

И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. И была она для последних страшна, своими же людьми любима, как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обидящий, налагающий наказание с милосердием, – и награждающий добрых; она внушала злым страх, воздавая каждому соразмерно достоинству его поступков; во всех делах управления она обнаруживала дальновидность и мудрость. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательна к нищим, убогим и малоимущим; до ее сердца скоро доходили справедливые просьбы, и она быстро их исполняла. Все дела ее, несмотря на ее пребывание в язычестве, были угодны Богу, как достойные благодати христианской. Со всем этим Ольга соединяла воздержную и целомудренную жизнь: она не хотела выходить вторично замуж, но пребывала в чистом вдовстве, соблюдая сыну своему до дней возраста его княжескую власть. Когда же последний возмужал, она передала ему все дела правления, а сама, устранившись от молвы и попечений, жила вне забот управления, предаваясь делам благотворения.

Наступило время благоприятное, в которое Господь восхотел славян, ослепленных неверием, просветить светом святой веры и привести в познание истины и наставить на путь спасения. Начатки этого просвещения Господь благоизволил в посрамление жестокосердных мужей явить в немощном женском сосуде, т.е. Через блаженную Ольгу. Ибо как прежде проповедниками Своего воскресения Он соделал жен-мироносиц (Мф.28:9–10), и Свой крест честный, на котором

распялся, явил миру из недр земных, женою-царицею Еленою, так и потом, в земле Русской, изволил насадить веру святую, дивною женою, новою Еленою – княгинею Ольгою. Господь избрал ее как честный сосуд для пресвятого имени Своего – да пронесет она его в земле Русской. Он возжег в сердце ее зарю невидимой благодати Своей, отверз ее умные очи к познанию истинного Бога, Которого она еще не знала. Она уже уразумела обольщение и заблуждение языческого нечестия, убедившись, как в истине самоочевидной, в том, что чтимые безумными людьми идолы – не боги, но бездушное произведение рук человеческих; поэтому она не только не почитала их, но и гнушалась ими. Как купец ищет многоценный жемчуг, так Ольга от всей души искала правого богопочитания, и нашла его следующим образом. По смотрению Божию она услышала от некоторых людей, что один есть Бог истинный, Творец неба, земли и всего создания, в Которого и веруют греки; кроме же Его нет иного Бога[4635]. Стремясь к истинному богопознанию и от природы не будучи ленивой, Ольга захотела сама сходить к грекам, чтоб своими глазами посмотреть на службу христианскую и вполне убедиться в их учении об истинном Боге. Взяв с собою особо знатных мужей она отправилась с большим имением к Царьграду водным путем, здесь ее приняли с великой честью царь и патриарх, которым Ольга вручила многие дары, достойные таких лиц. В Константинополе Ольга поучалась вере христианской, ежедневно с усердием внимая словам Божиим и присматриваясь к великолепию богослужебного чина и к другим сторонам христианской жизни. Сердце ее разгорелось любовию к Богу, в Которого она уверовала без сомнения; поэтому Ольга выразила желание приять святое крещение. Царь же греческий, бывший в то время вдовым, хотел Ольгу сделать своею супругою: его привлекала в ней красота ее лица, ее благоразумие, храбрость, слава, а также обширность российских стран. Император сказал Ольге:

– О княгиня Ольга! Ты достойна того, чтобы быть христианскою царицею и жить вместе с нами в этом стольном городе нашего царства.

И начал император говорить Ольге о супружестве с ним. Она же показывала вид, что не отвергает предложения царя, но сначала просила о крещении, говоря:

– Я пришла сюда ради святого крещения, а не ради брака; когда же я буду крещена, тогда возможна речь и о супружестве, ибо не велено нечестивой и не крещеной жене сочетаться с христианским мужем. Царь начал торопить с крещением: патриарх, наставив достаточно Ольгу в истинах святой веры, огласил ее таким образом ко крещению. И когда была уже приготовлена купель для крещения, Ольга начала просить, чтобы сам царь был восприемником ее от купели: «Я, – говорила она, – не буду креститься, если сам царь не будет мне крестным отцом: я уйду отсюда без крещения, – вы же воздадите Богу ответ о моей душе». Царь согласился на ее желание, и крещена была Ольга патриархом, царь же стал отцом ее, восприяв ее от святой купели. Ольга наречена была Еленою, как и первая христианская царица мать Константина Великого наименована была Еленою. По крещении патриарх за литургией причастил Ольгу Божественных Таин Пречистого Тела и Крови Христовых и благословил ее со словами:

– Благословенна ты среди жен российских, ибо ты, оставив тьму, взыскала истинного света; возненавидев идольское многобожие, ты возлюбила единого истинного Бога; ты избежала вечной смерти, обручившись жизни бессмертной. Отселе тебя будут ублажать сыны российской земли!

Так благословил ее патриарх. Из лиц, пришедших с Ольгою, многие, мужчины и женщины, также крестились, и была радость в Царьграде по случаю крещения княгини Ольги: царь же устроил в тот день великий пир, и все веселились, славя Христа Бога. Затем царь снова начал речь о браке с Ольгою, нареченною во святом крещении Еленою. Но блаженная Елена отвечала ему на это:

– Как можешь ты меня, свою крестную дочь, взять себе женою? Ведь не только по закону христианскому, но и по языческому почитается гнусным и недопустимым, чтобы отец имел женою дочь.

– Перехитрила ты меня, Ольга! – воскликнул царь

– Я и прежде говорила тебе, – возразила блаженная Ольга, – что пришла сюда не с тою целью, чтобы царствовать с тобою, – мне с моим сыном довольно власти и в русской земле, – но чтобы уневеститься бессмертному Царю, Христу Богу, Которого я возлюбила всею душою, желая сподобиться Его вечного царства.

Тогда царь, оставив свое невыполнимое намерение и плотскую любовь, возлюбил блаженную Ольгу духовною любовью как свою дочь, щедро одарил ее и отпустил с миром. Оставляя Царьград, блаженная Ольга пошла к патриарху и, прося напутственного благословения, сказала ему:

– Помолись, святой отец, Богу за меня, возвращающуюся в свою страну, где сын мой пребывает в языческом заблуждении и все люди тверды, как камень, в древнем своем нечестии, – да избавит меня там Господь, по твоим святым молитвам, от всякого зла.

Патриарх ответил ей:

Верная и благословенная дочь моя о Святом Духе. Христос, в Которого ты облеклась во святом крещении, Сам да соблюдет тебя от всякого зла, как соблюл он Ноя от потопа, Лота от Содома, Моисея с Израилем от фараона, Давида от Саула, Даниила от уст львовых трех отроков от печи. Так и тебя да избавит Господь от напасти, благословенна ты в народе твоем и тебя будут ублажать внуки и правнуки до последних лет.

Это благословение патриарха блаженная Ольга приняла как сокровище, ценнейшее самых дорогих даров; вместе с этим она приняла и наставления о чистоте и молитве, посте и воздержании и о всех добрых делах, свойственных богоугодному христианскому житию. Затем блаженная Ольга приняла от патриарха честный крест, святые иконы, книги и прочие потребные для богослужения вещи; она приняла от патриарха также пресвитеров и клириков. И удалилась блаженная Ольга из Константинополя к себе домой с великой радостью[4636].

Повествуется, что честный крест, полученный ею из руки патриарха, имел следующую надпись: «Русская земля обновилась для жизни в Боге святым крещением, принятым

блаженною Ольгою» По кончине блаженной Ольги верные хранили этот крест до дней великого князя Ярослава Владимировича; последний, создав в Киеве великую и прекрасную церковь святой Софии, поставил в алтаре ее, на правой стороне, помянутый крест. Ныне крест сей уже не существует: ибо во время многократных разорений Киева святые церкви его предавались опустошению. Но обратимся к повествованию о блаженной Ольге.

Возвратясь в Киев, новая Елена – княгиня Ольга, как солнце начала прогонять тьму идольского нечестия, просвещая омраченных сердцем. Она создала первую церковь во имя святителя Николая на Аскольдовой могиле, и многих от киевлян обратила ко Христу Спасителю. Но сына своего Святослава она никак не могла привести в истинный разум, – к познанию Бога: всецело отдавшийся военным предприятиям, он не обращал внимания на слова матери. Он был муж храбрый, любивший войны, так что жизнь свою проводил больше среди полков и ратей, нежели дома. Матери его, обращавшейся к нему с увещаниями, Святослав говорил:

– Если я приму христианскую веру и крещусь, то от меня, отступят бояре, воеводы и вся дружина, и мне не с кем будет воевать с врагами и защищать наше отечество.

Так ответил князь Святослав; впрочем, он не возбранял креститься хотевшим; но не много было вельмож, принимавших святое крещение, наоборот – вельможи поносили таких людей, ибо для неверных христианство есть безумие (Ср. 1Кор.1:18); от простого же народа много прилагалось ко святой церкви. Святая Ольга посетила Великий Новгород и друге города, – всюду, где только было можно, приводя людей ко Христовой вере: она при этом сокрушала идолов, поставляя на их месте честные кресты, от которых для уверения язычников соделывались многие знамения и чудеса. Придя на родину, в Выбутскую весь, блаженная Ольга простерла и здесь слово проповеди христианской к близким ей людям. Во время пребывания в этой стране она достигла берега реки Великой, текущей с юга на север, и остановилась против того места, где в реку Великую впадает река Пскова, текущая с востока (в

описываемое время на этих местах рос большой дремучий лес); и вот святая Ольга с того берега реки увидела, что с востока на сейчас помянутые места, озаряя их, сходят с неба три пресветлых луча: чудный свет от этих лучей видела не только сама святая Ольга, но и спутники ее; и сильно обрадовалась блаженная и возблагодарила Бога за видение, которое предуказывало на просвещение благодатию Божиею той страны. Обратившись к сопровождавшим ее лицам, блаженная Ольга сказала пророчески:

– Да будет вам ведомо, что изволением Божиим на это месте, озаряемом трисиятельными лучами, возникнет церковь во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы и создается великий и славный город, изобилующий всем.

После этих слов и довольно продолжительной молитвы, блаженная Ольга поставила крест: и доныне храм молитвенный стоит на месте, где блаженная Ольга его водрузила. Обойдя многие города земли русской, проповедница Христова возвратилась в Киев и здесь для Бога явила благие дела: если во дни язычества она творила дела добрые, то тем более теперь, просветившись святою верою, блаженная Ольга украшалась всякими добродетелями, стремясь благоугождать новопознанному Богу, своему Создателю и Просветителю. Вспомнив о видении на реке Пскове, она послала много золота и серебра на создание церкви во имя Святой Троицы; при этом она повелела населять то место людьми: и в короткое время разросся город Псков, так названный от реки Псковы, в великий город, и прославлялось в нем имя Пресвятой Троицы.

В это время князь Святослав, оставив в Киеве свою матерь и детей своих Ярополка, Олега и Владимира, пошел на болгар[4637]: во время войны с ними он захватил до восьмидесяти городов, и ему особенно понравился их столичный город Переславец[4638], где он и начал жить. Блаженная же Ольга, пребывая в Киеве, учила своих внуков, детей Святослава, христианской вере, насколько последняя была доступна их детскому пониманию; но она не решалась крестить их, опасаясь какой-либо неприятности со стороны сына, и положилась на волю Господню. В то время как Святослав замедлил в земле

болгар, печенеги[4639] неожиданно вторглись в пределы киевские, обступили Киев и начали осаду; святая Ольга с внуками затворилась в городе, которого печенеги не могли взять. Господь, хранивший верную рабу Свою, защитил и город по ее молитвам. Весть о нашествии печенегов на Киев достигла Святослава; он поспешил со своим войском из земли болгарской, неожиданно напал на печенегов и обратил их в бегство; войдя в Киев, он приветствовал свою мать, уже больную, и снова хотел оставить ее, чтобы идти в землю болгар. Блаженная же Ольга со слезами говорила ему:

– Зачем оставляешь меня, сын мой и куда ты идешь? Ища чужого, кому поручаешь свое? Ведь дети твои еще малы, а я уже стара, да и больна, – я ожидаю скорой кончины – отшествия к возлюбленному Христу, в Которого верую; я теперь ни о чем не беспокоюсь, как только о тебе: сожалею о том, что хотя я и много тебя учила и убеждала оставить идольское нечестие, уверовать в истинного Бога, познанного мною, а ты пренебрег этим; и знаю я, что за твое непослушание ко мне тебя ждет на земле худой конец, и по смерти – вечная мука, уготованная язычникам. Исполни же теперь хоть эту мою просьбу: не уходи никуда, пока я не преставлюсь и не буду погребена; тогда иди, куда хочешь. По моей кончине не делай ничего, что требует в таких случаях языческий обычай; но пусть мои пресвитер с клириками погребут по обычаю христианскому мое грешное тело; не смейте насыпать надо мною могильного холма и делать тризны; но пошли в Царьград золото к святейшему патриарху, чтобы он совершил молитву и приношение Богу за мою душу и раздал нищим милостыню.

Слыша это, Святослав горько плакал и обещал исполнить всё завещанное ею, отказываясь только от принятия святой веры. По истечении трех дней блаженная Ольга впала в крайнее изнеможение; она причастилась Божественных Таин пречистого Тела и животворящей Крови Христа Спаса нашего; всё время она пребывала в усердной молитве к Богу и Пречистой Богородице, Которую всегда по Боге имела себе помощницею; она призывала и всех святых; с особенным усердием молилась блаженная Ольга о просвещении по ее

смерти земли русской; прозирая будущее, она неоднократно во дни жизни своей пророчески предсказывала, что Бог просветит людей земли русской и многие из них будут великие святые; о скорейшем исполнении этого пророчества и молилась блаженная Ольга при своей кончине. И еще молитва была на устах ее, когда честная душа ее разрешилась от тела и, как праведная, была принята руками Божиими. Так она преселилась от земных к небесным и сподобилась войти в чертог бессмертного Царя – Христа Бога и как первая святая из земли русской была причтена к лику святых. Преставилась блаженная Ольга, во святом крещении Елена, в 11 день июля месяца[4640]. Она прожила в супружестве сорок два года, а во время вступления в супружество она была девицею совершенного возраста и силы, – ей было около двадцати лет. На десятый год по смерти мужа она сподобилась святого крещения, по крещении же пожила богоугодно пятнадцать лет. Таким образом всех лет ее жизни было около девятидесяти. И оплакивали блаженную Ольгу сын ее князь Святослав, бояре, сановники и все люди; блаженная Ольга погребена была с честью по христианскому обряду.

По преставлении святой Ольги сбылось ее пророчество о злой кончине сына и о добром просвещении земли русской. Сын ее Святослав (как сообщает об этом летописец) был убит, по истечении немногих лет, в битве князем печенежским Курей[4641]. Куря отсек голову Святослава и из черепа сделал себе чашу, оковав ее золотом и написав следующее:

«Ищущий чужого, губит свое». Во время пира с вельможами своими князь печенежский пил из этой чаши. Так великого князя Святослава Игоревича, храброго и доселе непобедимого в битвах, по предречению матери постигла злая кончина за то, что он не слушал ее. Исполнилось пророчество блаженной Ольги и о земле Русской. Спустя двадцать лет по ее кончине, внук ее Владимир принял святое крещение и просветил святою верою землю русскую[4642]. Создав каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы (называемую десятинною, потому что на содержание ее Владимир давал десятую часть от своих имений) и посоветовавшись с Леонтием, митрополитом

Киевским, святой Владимир изъял из земли честные мощи бабки своей нерушимы, нетленны и исполнены благоухания; он с великою честью перенес их в помянутую церковь Пресвятой Богородицы и не под спудом, но открыто положил их ради притекающих к ней с верою и получающих исполнение своих молитв: многие исцеления различных недугов подавались от честных мощей[4643].

Не должно предавать умолчанию и следующее: над гробницей блаженной Ольги в церковной стене было оконце; и если кто с твердою верою приходил к честным мощам, оконце само собою открывалось, и стоящий наружи ясно видел через оконце лежавшие внутри честные чудотворные мощи, причем особенно достойные видели и исходящее от них некое чудесное сияние; и из имеющих веру кто бы ни был одержим каким-либо недугом, тотчас получал исцеление. Приходившему же с маловерием оконце не открывалось, и он не мог видеть честных мощей, даже если бы вошел в самую церковь: он видел только гроб и не мог получить исцеления. Верующие же получали всё на пользу тела и души по молитвам святой Ольги, нареченной во святом крещении Еленою, и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Крилами богоразумия вперивши твой ум, возлетела еси превыше видимыя твари: взыскавши Бога и Творца всяческих, и того обретши, пакирождение крещением прияла еси. Древа животнаго наслаждающися, нетленна вовеки пребываеши, Ольго приснославная.

Кондак, глас 4:

Воспоем днесь благодетеля всех Бога, прославльшаго в России Ольгу Богомудрую: да молитвами ея подаст душам нашим грехов оставление.

Память святого мученика Киндея

Память 11 июля

Святой Киндей был пресвитером Памфилийского селения Сиды. В царствование Диоклетиана он был схвачен, по приказу игемона Стратоника, и осужден на сожжение. Его повели на место мучения в железной с гвоздями обуви. Воины, ведшие его, на пути встретили дровосека и насильно отняли у него дрова для костра, но святой Киндей заплатил дровосеку деньги, сам возложил на себя дрова и нес их до места мучения. Поставленный среди огня, мученик оставался невредим и призывал народ познать силу Христову. Вдруг началась гроза, и сильный дождь залил костёр. Когда гроза прекратилась, святой помолился Господу и испустил дух.

Страдание святых мучеников Прокла и Илария

Память 12 июля

Святые мученики, Прокл и Иларий, были родом из пределов города[4644] Калипта, что близ Анкиры[4645]; пострадали они от игемона Максима в царствование Траяна[4646]. Первым был взят святой Прокл и приведен к самому царю, находившемуся тогда в пределах той страны; затем он был закован в железо и ввергнут в темницу. Царь, рассмотрев дело Прокла и найдя, что последний не повинуется нечестивым повелениям[4647], предал его на мучения игемону Максиму. Максим, севши на судилище, потребовал к ответу узника Христова, – он спросил его:

– Какого ты рода?

– Род мой Христов, – ответил святой Прокл, – и моя надежда Бог мой.

– Клянусь богами, не пощажу тебя!

Сказал игемон и снова спросил:

– Знаешь ли ты царские приказания, оглашенные везде, чтоб все христиане принесли жертвы богам?

– Я слышал, – отвечал святой, – о этих приказаниях беззаконников; эти повеления они дали в соблазн многим, а себе на погибель.

– Ты смеешь, – негодуя и удивляясь сказал игемон, – укорять царя и законы его хулить?! Не видишь разве, какие за это муки предстоят тебе, окаянный?

– Делай, что хочешь, – возразил мученик, – я не принесу жертвы богам твоим и не боюсь мук, убивающих тело, а не душу; лучше бояться Бога, чем людей.

– Избирай себе, – предложил игемон, – или жизнь или смерть: вот видишь мучилищное дерево, для тебя приготовленное, и орудия для пыток, – ждем твоего ответа: чего хочешь?

Святой Прокл отвечал:

– Если вы боитесь нарушить царское приказание, чтоб не получить кратковременных мучений, то тем более мы, христиане, боимся нарушить заповедь Божию, чтобы не впасть в вечные мучения, уготованные Богом для тех, которые отступают от Него и кланяются вашим ложным богам, кои и сами на грядущем суде будут преданы вместе с приносящими им жертвы на бесконечную погибель.

– Ужели, – удивился игемон, – ты дерзаешь укорять и богов наших? Говорю тебе, что против твоего желания я заставлю тебя признать могущество богов наших.

– А я надеюсь, – возразил мученик, – на Бога моего, что прежде чем ты убедишь меня исповедать богов твоих, я сделаю так, что ты пред всеми воинами и слугами, вопреки желанию, признаешь Владыку моего и напишешь собственной рукой: истинен Бог грешного Прокла и нет иного, кроме Него.

Разгневанный игемон приказал мученика повесить нагим на дереве, привязать к ногам тяжелый камень и железными крючьями строгать его тело. И долго так мучили святого Прокла, он же всё переносил мужественно, ничего не говоря, только смотря на небо; потом его сняли и заключили в оковы.

После этого игемон отправился в город Калипт и повелел вести за собой мученика, который принужден был пешим не отставать от быстрых лошадей. Когда было пройдено почти полдороги, мученик стал молиться, громко взывая к Богу:

– Боже мой Иисусе Христе, ради Которого страдаю я, ведомый с поруганием воинами! Внемли сегодня рабу Твоему, да прославится имя Твое вовеки: простри Свою всесильную руку, удержи беззаконного игемона сего и не допусти его продолжать путешествие, пока он пред всеми людьми не исповедует, что нет иного Бога, кроме Тебя!

Когда святой помолился таким образом, вдруг игемон неожиданно остановился в пути, точно связанный: не могли двинуться ни кони, ни он сам, удерживаемый невидимой силой Божией. Остановились и все воины, дивясь такому чудесному делу. Долго старались двинуть колесницу, погоняли коней, впрягали в подмогу еще других, пытались вести сами и ничего не могли сделать, даже не были в состоянии снять с колесницы

самого игемона: колесница стояла, как гора неподвижная, а игемон на ней – как пригвожденный. Тогда игемон сказал своим спутникам:

– Видите удивительную волшебную силу этого хитрого христианина, – что он с нами сделал, с места не можем двинуться и назад идем?!

Тогда игемон послал одного из слуг своих, по имени Ермия, сказать мученику который был далеко позади:

– Что это ты сделал, остановивши нас своим волшебством среди пути? Очевидно, боясь ожидающих тебя в городе мучений, ты прибег к такой хитрости, чтоб только не вели тебя туда.

Но святой Прокл сказал слуге игемона:

– Клянусь Господом Богом, что вы не двинетесь с места до тех пор, пока игемон не исповедует имя Господа моего Иисуса Христа, как я ему сказал еще прежде.

– Если, – спросил Ермий, – игемон и исповедает имя Бога твоего, стоя среди пути, то как же ты услышишь или узнаешь об этом, находясь далеко от него?

Мученик сказал:

– Пусть он напишет это исповедание на хартии и пришлет мне, и сейчас же вы двинетесь вашим путем в город Калипт.

Возвратившись, Ермий передал слова мученика игемону, который, хотя и не желал, но вынужден был постигшим несчастьем взять хартию и написать:

– Един есть истинный Бог, – Тот, Которого почитает Прокл, и нет иного Бога, кроме Него.

Написавши так, он послал хартию мученику, и тотчас кони и воины двинулись и отправились в путь.

Достигши города Калипта, игемон сел на судилище и, призвавши святого Прокла, сказал ему:

– Ты на нас показал в пути всю силу своего волшебства, я же здесь покажу тебе силу своей власти, и как ты принудил меня признать твоего Бога, так и я заставлю тебя признать наших богов и им принести жертву.

Сказавши это, он приказал принести горящие свечи и опалять ими живот и ребра святого Прокла: жгли мученика так,

что всё тело его обгорело, но он, не обнаруживая никакого нетерпения, молчал, как будто носил чужое, а не свое тело. И сказал ему игемон:

– Ты пренебрегаешь муками?

Святой отвечал:

– Я пренебрегаю этими, но боюсь вечных.

Снова сказал игемон:

– Покоришься ли ты богам нашим?

– Я покоряюсь, – услышал он ответ, – Христу, вовеки пребывающему: Он моя Надежда!

Спросил игемон:

– Хочешь ли в муках умереть?

– Если и умру, – возразил святой Прокл, – то снова буду жить!

Тогда игемон приказал воинам вывести святого Прокла из города и, распявши на дереве, стрелять в него из луков. Взяли воины мученика и сказали ему:

– Послушай нас и принеси жертву богам, – тотчас тебя исцелят искусные врачи от ран, и ты будешь почтен важным саном.

– Я, – отвечал страстотерпец, – имею сан на небе, которым меня почтит Христос Бог мой, перестаньте же прельщать меня и делайте, что приказано вам.

Когда они шли и говорили об этом, им встретился на пути один, только что вышедший из юности муж, по имени Иларий, племянник святого Прокла, сын его родного брата. Он приблизился, поклонился своему дяде и, целуя его, воскликнул:

– И я христианин!

Воины взяли Илария и заключили в темницу, а святого Прокла привели на место казни, распяли на дереве и, натянувши свои луки, начали стрелять в него. Мученик, пронзаемый по всему телу стрелами, молился Богу, говоря:

– В руки Твои, Господи, предаю дух мой, спаси меня, Боже истинный!

И с этими словами преклонивши голову, испустил дух. Скончался святой мученик Прокл в 12 день месяца июля. Верующие тайно взяли мощи его и погребли.

Иларий же сидел в темнице и воспевал:

– «Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь – твердыня моя и прибежище мое», и прочее из 17-го псалма.

Когда он уснул, явился ему в видении Ангел Господень и сказал:

– Мужайся и крепись, я с тобой, – я послан от Бога, чтоб укрепить тебя.

На третий день после кончины Прокла святой Иларий был приведен на пытки. И спросил его игемон:

– Ты христианин?

Ответил мученик:

– Да, христианин, – весь мой род был в христианстве и все умерли, почитая Христа.

Тогда игемон в ярости приказал долго и жестоко бить мученика, повесивши нагим на дереве. Потом осудил его на смерть, повелевши вывести его за три поприща от города и там отсечь ему голову. Воины связали мученику руки, повергли его на землю и, зацепивши за ноги, повлекли его, а мученик в это время пел: «Основание его на горах святых. Господь любит врата Сиона более всех селений Иакова» (Пс.86:2)

Тело мученика, влачимое по земле, разрывалось, земля обагрялась кровью; когда же они отошли на три поприща от города, палач обнажил меч, а святой молился Богу:

– Господи Иисусе Христе, прими дух мой!

И была отсечена глава мученика. Скончался святой Иларий в 15 день месяца июля, на третий день по кончине святого Прокла. Тело святого Илария было брошено на том же месте, где было обезглавлено. Верующие ночью пришли, взяли его и вместе с останками святого Прокла положили в землю, прославляя Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Яко денница звезда возсия мучеников Прокла и Илария честное страдание, предозаряющи нас чудес светлостьми: темже празднуем память вашу, Христа Бога молите, да спасет души наша.

Память преподобного отца нашего Михаила Малеина

Память 12 июля

Преподобный Михаил происходил из Харсианской области в Каппадокии от знатного рода, в миру назывался Мануилом. Родственный ему император Лев Мудрый (ум. в 912 году) удостоил его звания кандидата и он служил в Константинополе; по смерти этого императора Мануил ушел в пределы Вифинские[4648]; имея 18 лет, он отдался под руководство старца Иоанна Еладита на горе Киминской, где и пострижен с именем Михаила. После великих подвигов иноческой жизни Михаил основал лавру на горе Киминской близ реки Галла на юго-западе Вифинии. Около 953 года под его руководство поступил Авраамий, наименованный в монашестве Афанасием, впоследствии основавший знаменитую лавру на Афоне[4649]. Он здесь провел около 6 лет. Преподобный Михаил скончался в своей обители после 50-летних подвигов иноческой жизни в 962 году. Господь еще при жизни прославил его многими знамениями и чудесами. Он прозывается Малеином по родовой фамилии. Сестра его была матерью двух знаменитых полководцев Никифора и Льва. Никифор Фока сделался царем вскоре после кончины преподобного (в 963 году). На средства сего царя преподобный Афанасий создал знаменитую лавру на Афоне. По имени преподобного Михаила (Малеина) назван первый царь, родоначальник царствовавшего в России дома, Михаил Феодорович[4650].

Кондак, глас 2:

Плотскую тяготу утончил еси делы, душевную же быстрость вперил еси просвещением, Михаиле, и явился еси Троице жилище: юже зря блаженне ясно, моли непрестанно о всех нас.

Страдание святой мученицы Голиндухи

Память 12 июля

В земле персидской[4651] в царствование Хозроя Старшего[4652] жила некая женщина молодая и красивая, называемая персидским именем Голиндухи; была она из знатного рода великих вельмож, в замужестве тоже – за известным начальником волхвов[4653]. После трех лет замужества она вразумлена была Божественным просвещением и, начиная понимать заблуждение персидского нечестия, искала, – какая вера есть истинная. Слыша о христианской, чистой и нескверной вере, она размышляла в себе: эта ли вера есть истинная, или существует еще иная какая? И желала Голиндуха быть наставленной в ней и прийти к познанию истины. Она находилась в таком размышлении довольно продолжительное время, и вот во сне в одну ночь ей было такое видение: она увидела светлого Ангела Божия, который, взявши ее, повел к какому-то темному и огненному месту, полному великого страха и ужаса, где было множество людей, которые подвергались мучению. Голиндуха спросила Ангела, ведшего ее:

– Что это за ужасное место и кто это здесь мучится?

Ангел сказал ей:

– Это место казни грешных и неверующих, – мучаются в нем и твои прародители, которые поклонялись идолам и ложным персидским богам.

Скорбела Голиндуха о гибели своих прародителей и тяжко вздыхала. Потом Ангел повел ее в другое место, где был рай Божий и жилище праведных, и показал ей через малую дверцу бывший там великий свет и в нем многих мужей и жен, веселящихся в неописанной радости; показавши это, Ангел вошел в те дверцы; захотела и она тоже пойти за Ангелом, но он не пустил ее, сказавши:

– Ты не можешь войти сюда, не будучи христианкой: сюда никто не входит из не принявших святого крещения Христова.

Тотчас со страхом проснулась Голиндуха, удивляясь виденному, и очень желала сделаться христианкой, возмущаясь персидским нечестием и волхвованием своего мужа. Озабоченная мыслью, как бы сподобиться святого крещения, она стала со слезами молиться об этом истинному христианскому Богу и скоро получила просимое; наставляемая и руководимая Ангелом Господним, она тайно вышла из дома, пришла к одному священнослужителю, находившемуся в скрытом месте; так Голиндуха была приведена бесплотным Ангелом к Ангелу во плоти, которым она была наставлена в вере и крещена; при крещении дано было ей имя Марии.

По принятии крещения она снова возвратилась в дом, но уже не повиновалась естественному супружескому закону, не желая быть осквернённой нечестивым мужем, так как была обручена невестой Христу; по наставлению духовного отца, крестившего ее, Голиндуха пребывала в посте и молитве, посвящая ей целые ночи; она день проводила в молчании, не желая беседовать с неверными, а мужу своему не позволяла и прикоснуться к себе. Удивлялся муж происшедшей с ней неожиданной перемене и ее необычному поведению, недоумевал, что это с ней случилось, и беспокоился о ней. Но особенно жалел он о лишении плотского соединения с ней, ибо она совсем не желала общения с ним; и долго он старался сломить ее упорство то лаской и просьбой, то насилием и побоями, но не мог достигнуть цели, так как невеста Христова была укрепляема невидимою силою Божиею, и муж был не в состоянии одолеть ее. Узнавши, наконец, что супруга его стала христианкой, муж стал плакать о ней, как о погибшей, и всячески увещевал ее со слезами, чтоб она отказалась от Христа и была бы с ним по-прежнему в супружеском общении; но не смог поколебать ее, утвержденную, как столп непоколебимый, в вере и любви Христовой. Еще производил он над ней свои волхвования, призывая на помощь бесовскую силу, но тоже ничуть не успел, ибо бесы не смели даже издали приблизиться к ней, видя, что она осиявается благодатию Христовою. Тогда пошел он к царю Хозрою и с большим сожалением поведал ему, что жена его сделалась христианкой и

гнушается союза с ним. Царь послал одного из своих приближенных увещевать ее, но вельможа возвратился тоже ни с чем. И не раз, а много раз было это: то знатных мужей, то благородных жен посылал к ней царь с лаской и лестью, чтоб она обратилась к прежней вере и вступила в сожительство с мужем, но весь труд их был напрасным. Однажды царь послал сказать Голиндухе, что, если она откажется от христианской веры и снова обратится к персидской, то он возьмет ее себе в жены, и она будет царицей; но святая сказала пришедшим к ней:

– Я спрошу вас об одной вещи, скажите мне: вот царь возьмет меня себе в жены; но не умрет ли он, – останется ли жив вовеки? Если будет бессмертен, то я послушаюсь его.

– Невозможно человеку быть бессмертным, отвечали пришедшие: царь – человек и без сомнения умрет.

Тогда святая сказала:

– Я не хочу соединиться со смертным и недолговечным царем, так как соединена с Царем бессмертным, вовеки живущим, Христом Богом моим, за Которого готова и страдать и умереть.

Посланные, возвратившись, передали слова ее царю; он разгневался, приказал заковать ее всю в железные оковы и бросить в темницу, чтоб ее все забыли так, как мертвую. И оставалась мученица в темнице 18 лет. Между тем умер Хозрой, царь персидский, после него стал царем сын его Ормисдас, а в Греции переменились цари: Иустин Младший[4654], Тиверий второй[4655], а после них святой Маврикий[4656]. В это время пришел в Персию от греков посол, по имени Аристовул, муж честный, боголюбивый и богоугодный; он, услышавши о том, что в темнице сидит Мария – Голиндуха, пожелал ее видеть и получить от нее благословение. Он попросил царя персидского нарочито, чтобы он позволил ему беспрепятственно приходить в темницу; получив разрешение, он пришел к святой, облобызал ее узы, которыми она была окована за Христа, и даже некоторую часть их взял себе, как благословение. Проживая в Персии, муж этот часто приходил к святой и научил ее псалмам

Давидовым, так что невеста Христова, сидя в темнице, как в чертоге, воспевала их и благодарила Бога.

По уходе Аристовула Ормисдас отдал святую Голиндуху волхвам на мучение по их желанию; они каждый день выводили ее из темницы, наносили ей множество ран и немилосердно мучили, но утром находили ее невредимой и здоровой. Однажды сосцы ее от ран совершенно распались, ибо ее сильно били и по животу и по груди; когда же утром ее вывели снова на мучение, то сосцы и всё тело оказалось невредимым; видя это персы удивлялись и прославляли силу Христову, а многие из них даже перешли в христианскую веру. Волхвы же ярились, как звери, на агницу Христову и изобретали всё новые муки: обожгли голову ее огнем; потом вложили Голиндуху в мех, завязавши и запечатавши, и бросили в глубокий ров, чтоб она там умерла. Но всесильной рукой Божией, сохраняющей жизнь ее, она осталась живой, хотя многие дни пребывала без пищи и питья, а может быть, кормилась невидимой пищей и невидимым питием. Бог, где хочет, побеждает естественный порядок. Когда действием сверхъестественной силы мученица много дней оставалась живою, приказано было осквернить ее бесстыдным людям. Для этого она введена была в особую комнату; но когда они входили к ней, то не находили ее, ибо Бог соделал ее невидимой: не могли их скверные очи увидеть чистую невесту Христову; когда же они ушли, снова она стала видима для слуг мучителя и снова взяли ее на мучения, – на различные страдания. Потом она брошена была на съедение громадному и страшному змею, который содержался и кормился в одной глубокой пропасти. Но Заградивший некогда уста львам, чтоб они не съели брошенного в ров Даниила[4657], послал Ангела Своего, и он заградил уста змея, чтоб тот не повредил и не прикоснулся к многострадальному телу святой мученицы; обуздалась лютость змея, и стал он кротким пред ней, как ягненок, лежал и отдыхал у ног ее, и оставалась святая в пропасти со змеем четыре месяца: змею все дни бросалась положенная пища, а мученица без пищи и пития оставалась живой, как и прежде, благодаря силе Божией, чудесно сохраняющей ее жизнь. Потом спустя много дней, она захотела

есть, и явился ей Ангел Божий и, творя крестное знамение, прикоснулся к ее устам, со словами:

– Отныне ты не будешь чувствовать ни голода, ни жажды, а если что пожелаешь вкусить, как еще не бесплотная, то это будет в твоей воле.

Сказавши это, он вывел ее из той пещеры. Увидевши ее, нечестивые снова ее взяли, чрезвычайно удивляясь, как она была не съедена змеем и как вышла из пещеры, и говорили, что она христианским волхвованием околдовала змея, чтоб он не съел ее, и что волхвованием же вышла из рва. И снова утверждали:

– Как сильно христианское волхвование, – оно превосходит даже персидское!

Царь же, узнавши о ней, что она жива, приказал мечом отсечь ей голову, но когда она была ведена на усечение, Ангел Господень похитил ее из рук ведущих воинов и сохранил живой. Ушедшая мученица, оставаясь неизвестной для мучителей, пребывала между христианами, которых тогда было немного в Персии: они жили на малозаметных местах, как бы скрываясь, хотя о них и знали неверные. По слову Ангельскому святая не испытывала ни голода ни жажды, разве иногда только, желая показать, что она не призрак, но имеет тело, брала малый кусок хлеба и, омочивши его в воде, съедала; делала же это не часто, а редко – иногда через 10 дней, а то и больше. Спустя немного времени после того как мученица была сохранена от смерти, погиб с шумом нечестивый царь персидский Ормисдас, убитый своими приближенными, сделался царем сын его Хозрой[4658], внук старшего Хозроя, но и против него восстали вельможи, и он убежал из Персии. Размышлял он, куда ему направиться: в Аравию ли, где уже были сарацины, или в греческие страны к христианам; недоумевая, куда держать путь, наконец, решил он пустить вожжи коня своего, в какую сторону пойдет он, туда и направиться. Когда он достиг того места, где один путь ведет в Аравию, а другой в греческие страны, конь пошел путем греческим, и направился Хозрой со всеми своими приближенными в Греческую область, где и был с честью и любезностью принят царем греческим Маврикием. Маврикий

дал Хозрою большую силу своего войска; с ним Хозрой пошел в Персию, победил врагов и снова взял престол своей. Наступили отрадные, свободные дни для христиан, живших в Персии, ибо Хозрой считал Маврикия своим отцом и потому до его смерти не делал зла христианам. С Хозроем пришел в Персию святой Дометиан, епископ Мелитийский, посланный Маврикием. Он, как прежде Аристовул, собственными очами видел святую мученицу Марию, называемую по-персидски Голиндухой, но уже не в оковах, а на свободе, проповедующей персам о Христе; он беседовал с ней, слышал о ее страданиях или из ее уст непосредственно, или от других, и возвратившись в Грецию, поведал о ней многим. По проповеди Марии в Персии приняли святую веру ее родственники, и другие знаменитые люди и немало народа, ибо видели многие творимые ею чудеса, в том числе немало предсказаний о будущем и исполнение их, ибо она имела дар прозорливости, проницая в тайное и сокровенное; благодаря всему этому в тех странах умножалась слава Христова. После этого святая отправилась в пределы Греческой области, в Киркисию и Дарию, посетила Иерусалим и здесь поклонилась Животворящему древу Честного Креста, Гробу Господню и прочим святыням. Пришла она между прочим в один монастырь, где господствовала ересь злочестивого Севира, утверждавшего страдание Божества и присоединявшего, поэтому, к трисвятому такие слова: распныйся за нас, помилуй нас, Отец и Дух Святый, вместе с Сыном страдавшие на Кресте. Помолилась святая Богу, чтоб Он открыл ей об этих Севирианах, следует ли принимать их причащение или нет, и увидела Ангела, держащего два потира[4659], – один полный тьмы, а другой исполненный света, и открывающего ей, что потир с тьмой есть еретическое причащение, а со светом – причащение Святой Соборной Кафолической[4660] церкви. Поэтому святая пренебрегла общением с еретиками и поспешила уйти оттуда. Руководимая Ангелом Божиим, проходила она и другие страны и города, посетила Иераполь Сирский и в нем епископа Стефана, который впоследствии написал ее житие. Когда приблизилась блаженная кончина ее, она немного заболела в церкви святого мученика

Сергия, которая находилась между Низивией и городом, называемым Дарой, помолилась о спасении всего мира, возблагодарила Бога за великую Его милость, на ней явленную, и радостно предала свою святую душу в руки Господа, Которого так возлюбила и ради Которого так много пострадала; она причтена была к лику святых мучениц в Царстве Небесном. Так святая мученица Мария, она же и Голиндуха, окончила свою земную жизнь о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава вовеки, аминь[4661].

Собор святого Архангела Гавриила

Память 13 июля

Благовестника нашего спасения, великого слугу Божиего и радостного посланника к Пречистой Деве Марии (Лк.1:26), Архангела Гавриила мы восхваляем в песнопениях, составляя ему второй раз праздничный собор. Первый его собор празднуется на другой день после Благовещения Пресвятой Богородицы, 26 марта, теперь же снова этот собор празднуется в святой церкви и снова его чудесные по Божиему повелению явления воспоминаются и прославляются. Он Моисея, избежавшего руки фараона, научил в пустыне книжному писанию, сообщил ему о начале мира, создании первого человека Адама, о жизни его и по нем бывших патриархов, о последующих временах, – о потопе и разделении языков; объяснил ему расположение небесных планет и стихий, научил его арифметике, геометрии и всякой премудрости. Он пророку Даниилу объяснил чудесные видения о царях и царствах, имеющих быть впоследствии и изображенных ему в виде разных зверей: сообщил ему о времени освобождения людей Божиих из плена Вавилонского, а также и о времени первого пришествия в мир Христа через воплощение от Пресвятой Девы (Дан. 8:1–27, 9:1–27). Он явился святой праведной Анне, которая в своем саду скорбела о своем неплодии и со слезами молилась Богу, и сказал ей:

– Анна, Анна! Твоя молитва услышана, воздыхания твои прошли облака, а слезы твои дошли до Бога: ты зачнешь и родишь благословенную Дочь, о Которой благословятся все племена земные, Ею дастся спасение миру, а получит Она имя Марии.

Также святой Гавриил явился и праведному Иоакиму, постившемуся в пустыне, и возвестил ему тоже, что и святой Анне, что они будут иметь дочь, от века избранную Матерью Мессии, грядущего для спасения рода человеческого. Сей великий Архангел был приставлен от Бога хранителем рожденной от неплодных богоотроковицы Марии и, когда Она

была введена в храм, питал Ее, ежедневно принося Ей пищу. Он же явился святому священнику Захарии, стоящему на правой стороне алтаря кадильного, возвестил ему разрешение от неплодства престарелой жены его Елисаветы и рождение святого Иоанна Предтечи Господня, и, когда он не поверил, связал язык его немотой до дня исполнения слов его (Лк.1:25). Этот же предстатель Божий, будучи послан Богом в Назарет, явился Пресвятой Деве, обрученной праведному Иосифу, и возвестил Ей зачатие Сына Божия осенением и действием в Ней Духа Святого. Также явился он во сне и Иосифу, объяснивши ему, что отроковица осталась невинной, ибо Зачатое в ней от Духа Святого (Мф.1:18–21). А когда Господь наш родился в Вифлееме, сей Ангел Господень Гавриил явился пастырям, стерегущим ночью стада свои, и сказал:

– Возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям; ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь.

А затем тотчас со множеством небесных воинов воспел: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк.2:10–14).

Полагают, что этот Ангел явился с неба Христу Спасителю перед Его страданиями, когда Он молился в саду, ибо имя Гавриил значит крепость Божия. Явившийся Гавриил укреплял Его, так как между другими служениями имел и это – укрепление в подвигах, а Господь наш тогда подвизался в усердной молитве (Лк.22:43; Евр.5:7). Сей же Ангел явился мироносицам, сидящим на камне у гроба, возвещая им о воскресении Господнем (Мф. 28:1–20; Мк. 16:1–20; Лк. 24:1–53; Иоан. 20:1–31): таким образом, будучи благовестником зачатия и рождества Господа, он явился и благовестником Его воскресения. Он же явился и Пресвятой Деве Богородице, горячо молившейся на горе Елеонской, возвестил Ей приближение Ее честного успения и от земли на небо переселения, и дал Ей светлую райскую ветвь. Святая Церковь, воспоминая его многократные явления в Ветхом и Новом Завете и зная его постоянное ходатайство пред Богом о роде христианском, ныне совершает ему соборное празднование,

чтоб люди Божии с усердием всегда и горячо прибегали к заступничеству и помощи этого ходатая и благодетеля рода человеческого, и его молитвами получали оставление грехов от Христа Господа Спасителя нашего[4662].

Тропарь, глас 4:

Небесных воинств архистратиже, молим тя присно мы недостойнии, да твоими молитвами огради нас кровом крилу невещественныя твоея славы, сохраняя нас припадающих прилежно, и вопиющих: от бед избави нас, яко чиноначальник вышних сил.

Кондак, глас 2:

На небесех зря Божию славу, и на земли с высоты подая благодать, начальниче Ангелов мудре Гаврииле, Божия славы служителю, и мира Божественный поборниче, спасай, соблюдай вопиющыя ти: сам буди помощник, и никтоже на ны.

Ин кондак, глас 2:

Архистратиже Божий, служителю Божественныя славы, Ангелов начальниче и человеков наставниче, полезное нам проси, и велию милость, яко безплотных архистратиг.

Память преподобного Стефана Савваита

Память 13 июля

Преподобный отец наш Стефан родился в 725 году. Десятилетним отроком вступил он в лавру святого Саввы и до самой кончины, последовавшей в 794 году, святой Стефан проводил жизнь или в этой обители или в ближней пустыне, почему он и назван Савваитом. Святой Стефан совершил много знамений и чудес, предузнав, между прочим, и свою кончину. Он не одно лицо со Стефаном Савваитом, память которого чтится 28 октября.

Память святого Серапиона

Память 13 июля

Святой Серапион жил во времена царя Севера[4663] и был муж благочестивый и добродетельный. Взятый князем Акилой и спрошенный о вере, Серапион исповедал себя христианином и смело прославлял Бога истинного; поэтому и был подвергнут разным мучениям, а затем брошен в огонь и таким образом окончил жизнь[4664].

Житие святого отца нашего Иулиана

Память 13 июля

Святой Иулиан (признаваемый некоторыми за Симона прокаженного, упоминаемого в Евангелии (Мф.26:6) и переменившего в крещении имя Симона на Иулиана), был поставлен во епископа, верховным Апостолом Петром и послан им в Галлию на проповедь слова Божия. Пришедши в Кеоманийский город[4665], он стал для него первым Апостолом, как святой Дионисий Ареопагит для Парисиан[4666] ибо в один год оба они полагали в тех странах основание святой вере и устрояли церковь Христову, трудясь апостольски в проповеди и заботясь о спасении душ человеческих. Сначала неверным Кеноманянам новое учение, проповедуемое устами святого Иулиана, служило для одних предметом соблазна, а других – посмеяния и издевательств; но когда Кеноманяне увидели чудеса, совершаемые всесильным именем Христовым, то начали понемногу верить учению. Ибо руками проповедника об истинном Боге совершались многие чудеса: изгонялись бесы, очищались прокаженные, отверзались очи слепым и всякие болезни исцелялись, – свое учение о Боге святой Иулиан удостоверял чудесными делами, призывая на болящих имя Христово и осеняя их крестным знамением. Врачуя таким образом тела их, он вместе с тем исцелял и души их, проповедуя о Христе Иисусе и просвещая святым крещением. Сначала святой жил в предместье города в одном маленьком доме, и начали к нему сюда приходить многие: новообращенные для наставления, а неверующие за исцелением от болезни, и здесь последние получали двойное исцеление, становясь верующими. Место, где жил святой, было безводно, так что приходящие к нему и остававшиеся у него терпели большую нужду в воде, которую приносили издалека; поэтому человек Божий с находившимися у него мужами вышел однажды в одну близлежащую рощицу, водрузил здесь в землю свой жезл и во всеуслышание помолился Богу:

– Господи Боже наш, источивый некогда из твердого камня воду жаждущим людям Твоим в пустыне (Числ. 20:1–29), призри и на нас, рабов Твоих, открой нам сокровище Твоего благоутробия и повели из этой сухой земли истечь источнику живой (родниковой) воды, чтоб все предстоящие познали, что Ты истинный Бог, в конце веков пославший в мир Сына Твоего, чтобы ввести верующих в Тебя в истинную обетованную землю.

Когда святой окончил молитву и верующие произнесли «аминь», тотчас из земли, где был воткнут жезл, истек источник воды, являя людям всемогущество силы Божией и великую веру и дерзновение к Богу святого угодника. Тогда верующие укрепились в вере, а неверные припали к ногам человека Божия и просили крещения. Водой этого источника и крестил их святой угодник Божий; так день ото дня росла и множилась Церковь Христова. Когда святой епископ Иулиан прославился своими чудесами, князь города того, по имени Дефенсор, пожелал видеть его и послал пригласить его к себе с честью. Святой отправился к князю; когда он приближался к дому его, то заметил у ворот слепого, просящего милостыню; почувствовавши к нему жалость, он призвал имя Иисуса Христа и, осенивши глаза его крестным знамением, возвратил ему зрение. Велика была радость прозревшего и велико удивление присутствующих при совершении чуда, о котором тотчас было сообщено князю. Князь же поторопился выйти навстречу святому, желая посмотреть и прозревшего; увидевши обоих и слепца и святого, он поклонился Божиему проповеднику, ввел его в дом и, упав ему в ноги, смиренно стал просить, чтоб он научил его, – как получить жизнь вечную. Святитель Божий достаточно наставил апостольскою проповедью князя и его домашних святой вере, т.е. познанию истинного Бога, и, назначивши пост, приготовил их к крещению; а через несколько дней князь со всем своим родом крестился и отдал святому свой дом среди города для устройства в нем церкви, обеспечив самую церковь пожертвованием соответствующих средств. По примеру князя многие из видных граждан, приняли святую веру и крестились, сделав также значительные пожертвования святителю Божию. Он же устроил благолепную церковь, щедро

украсил ее, и сюда стал собираться народ, научаемый им вере, просвещаемый святым крещением и утверждаемый чудесами, ибо святой Иулиан имел от Бога такую силу чудотворения, что даже и мертвых воскрешал.

Был в городе один знатный муж, по имени Анастасий, еще не принявший святой веры и державшийся идолопоклонства: он имел любимого сына, который тяжко заболел и умер. Отец, полный великой жалости и скорби по утраченном сыне, пришел к святителю и, рыдая, взывал к нему:

– Служитель Божий Иулиан, учащий о Христе, как Боге истинном, заклинаю тебя Христом-Богом, Которого ты проповедуешь, возврати мне сына моего!

Святой сказал:

– Анастасий, если ты уверуешь в Проповедуемого мной, то получишь и сына живого и сам наследуешь жизнь вечную.

Анастасий дал клятвенное обещание, говоря:

– Если получу живого сына, то уверую во Христа Бога истинного и от идолов совершенно откажусь.

После этого святитель, сопровождаемый своим клиром, пошел с Анастасием в дом его, где лежало мертвое тело отрока, и, увидевши многих плачущих и с криками рыдающих, приказал им замолчать; все стали смотреть на него, думая про себя, что он хочет делать с мертвым телом? Чудотворец же, подошедши к одру, взял руку мертвого и, поднявши глаза к небу, со слезами помолился, говоря:

– Господи Иисусе Христе, воскресивший сына вдовы, выносимого для погребения из города Наина (Лк.7:11–16), и четырехдневного, уже разлагающегося, Лазаря словом силы Твоей воззвавший (Иоан.11:43–44), повели, чтоб и этот отрок воскрес из мертвых, ибо когда он воскреснет телом, многие воскреснут душей, уверовавши в Тебя. Пусть познают предстоящие, что Ты Христос, Сын Бога Живого, совершивший спасение мира повелением Отца, Которому через Тебя достойно воздаем благодарение в бесконечные веки!

Клир произнес: «аминь», и тотчас отрок, как бы проснувшись от сна, встал живым и здоровым. Все, увидевши это, ужаснулись и удивились чрезвычайно; неописанная радость

была в доме Анастасия и всеобщими устами прославлялся Единый Истинный Бог Иисус Христос. И крестились, уверовав в Него, Анастасий со всем домом своим, а также и все видевшие и слышавшие это: спустя некоторое время, и другое такое же чудо совершил Христос Господь через Своего угодника Иулиана, во славу Своего пресвятого имени: однажды вышедши с клиром из города, чтоб, обойдя Кеноманийскую страну, привести к спасению погибающие человеческие души, он увидел, как несли для погребения на языческом кладбище одного умершего юношу, единственного сына некоего вельможи, по имени Иовиниана, и много народа следовало за мертвецом. Подошедши к ним святой епископ приказал несущим остановиться и, дав народу рукой знак замолчать, сказал громко отцу умершего:

– Иовиниан, Христос, Которого я проповедую, сделавшийся человеком ради человеков, воскрешал мертвых, изгонял словом бесов и всё, что желал, делал, живя с людьми, чтоб показать силу Своего Божества. Если ты в сего Бога, оставивши идолов, уверуешь всем сердцем и обещаешь очиститься святым крещением, то возрадуешься и о своем спасении и о воскресении сына!

Тогда Иовиниан и весь народ, припавши к ногам святого, стали просить милости, – воскресить умершего. Со слезами говорил Иовиниан Святому:

– Великий слуга Божий Иулиан, если единственного моего сына, который был утешением и радостью моей жизни, сделаешь живым, то не только я уверую во Христа Истинного Бога, но и весь народ сей, оставивши богов своих, примет с усердием веру, тобой проповедуемую!

Исполненный чудотворной благодати, святитель Божий преклонил колена, возвел к небу очи, поднял руки и во всеуслышание обратился к Богу с такой молитвой:

– Владыка всемогущий, изволивший стать человеком ради нашего спасения, с людьми живший и знамением креста твоего из рода человеческого изгнавший смерть, повели, да воскреснет этот юноша, чтоб проявлением столь великой Твоей силы утвердилась вера верующих в Тебя, сердца же неверующих

покорились Тебе, Единородному Сыну Бога Живого, Которого мы исповедуем со Отцом и Святым Духом царствующим во веки веков!

Предстоящие произнесли «аминь», и тотчас восстал мертвый с одра, на коем несли его, и с ужасом все удивились новому чуду. Юноша же воскресший начал громко взывать:

– Воистину велик Бог христианский, Которого проповедует раб Его Иулиан!

А отцу своему сказал:

– Действительно, мы доселе заблуждались, не ведая истинного Бога, ибо почитаемые нами боги суть бесы: я видел их в аду и смотрел, как они не имели покоя и непрестанно мучились в лютых муках.

Тогда все громким голосом начали славить Христа истинного Бога, уверовали в Него и, наученные святым епископом, приняли крещение вместе с Иовинианом и его сыном. Так добрый пастырь обрел заблудших овец и пошел в назначенный путь, сопровождаемый множеством народа, желавшего наслаждаться его богодухновенными словами и видеть его чудеса.

Когда святой Иулиан приблизился к одному селению, называемому Проилаиак, день уже склонился и поздним вечером вошли они в селение, желая тут отдохнуть. В этот час у господина селения того умер маленький сын; святой услышавши в доме том рыдание, вошел сюда, вспомнивши слова Екклесиаста: «Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира» (Еккл.7:2). Ему дана была особая комната для сна, но он приказал принести ему мертвого отрока и, затворившись с ним, пробыл в молитве до восхождения солнца. Молитвой его отрок воскрес, возвращен был родителям живым и здоровым, и плач последних обратился в радость. Когда наступил день, прошел слух об этом чуде по всему селению, и все сошлись сюда посмотреть воскресителя и воскресшего. Увидевши чудотворца, многие принесли к нему своих больных, а он, о всех молясь и всех благословляя, исцелял их. Всё село со своим господином приняло святую веру во Христа и просветилось крещением. Родители же обещались

Богу посвятить воскресшего отрока и пожертвовать церкви всё селение, коего он был наследником, так чтоб отрок, пришедши в возраст, сделался церковнослужителем, а селение приобщено к церковному имуществу. Когда святой шел отсюда и приблизился к другому сселению, называемому Руилиак, что над рекой, по имени Лида, его встретили посланные от господина того селения с просьбой, чтоб он поскорей пришел к ним, так как единственная дочь господина, будучи бесноватой, сильно мучится от нечистого духа, причиняя большую печаль и родителям и родственникам. Святитель Христов пошел туда ускоренным шагом и, изгнавши из отроковицы беса, привел к вере Христовой родителей ее, находящихся же там идолов, уничтожил и создал церковь, и пробыл здесь до тех пор, пока всё селение и его окрестности не были приведены к Богу святым крещением. Потом он пошел оттуда в селение, называемое Артин, в котором было большое идольское капище, где находился знаменитый идол скверного языческого бога, называемого Юпитером: в идоле жил бес и прельщал заблуждающихся людей разными наваждениями. Жители сего селения и его окрестностей, усердные служители бесов, услышавши, что христианский епископ идет к ним, собрались во множестве и не хотели его пускать к себе, так как боялись, чтобы он не сделал с их идолом того, что делал в других селениях, повергая их в прах. Когда же пришел к ним святитель Божий, то они с яростью начали кричать: одни говорили, что его нужно убить, как разрушителя древних отеческих обычаев, а другие вопили, что его следует сжечь, как волхва, обманщика и врага богов их; хотя сильно злобились на него, но никакого зла они не могли сделать ему, так как десница Вышнего защищала его.

Вооруженный броней и оружием невидимой Божественной силы, он, как храбрый воин, смело прошел среди народного возмущения, вошел в идольское капище и, призвавши всесильное имя Христово, повелел идолу пасть, а бесу выйти оттуда; и тотчас идол, пав на землю, сокрушился в прах и бес явно вышел из него в виде громадного и страшного змея, извергающего пастью огонь, и устремился он на своих

служителей, ибо много неверующего народа вошло в капище; змей начал с лютостью пожирать и уничтожать людей. Народ, не имея возможности убежать от ярости и яда змея, стал взывать к святому Иулиану о помощи, прося избавить его от такой беды. Служитель Божий простер свою руку к змею и крестным знамением, как бы железною палицею, начал бить и прогонять его и повелел видимому бесу перестать вредить людям и уйти в бездну гибели; змей, выбежавши из капища, стал невидим. После этого народ, познавши свое заблуждение, воззвал к святому:

– Раб истинного Бога, спаси нас погибших!

Святитель, довольно наставивши их, всех приобрел Христу, ибо те люди с усердием приняли веру, крестились, капище то разорили, а вместо него, по повелению святителя, соорудили церковь во славу Христа Бога, и в других местах, где были идолы, уничтожили их, и наступила великая радость в стране той по случаю избавления от идольского прельщения. Так усердный пастырь обошел пределы своей паствы и привел словесных овец на духовную ниву, исхитивши их из пасти волчьей; разве что кое-где оставалась небольшая часть погибших, не отвергшихся прежней прелести. Выше упомянутый князь Дефенсор, услышавши, как святитель Божий просветил Кеноманийскую страну, творя благодатию Христовой многие чудеса, очень радовался и славил Бога. Потом он сам пошел к святителю и после любезного приветствия начал его просить, прийти к нему в селение; у князя был прекрасный дом и большое имение; последний хотел, чтобы святитель здесь совершил духовное торжество по случаю победы над искорененным идолослужением, и присутствовал на праздничной трапезе – пусть во славу Божию все возвеселятся, благодаря человеколюбивую благостыню Господа. Угодник, ищущий везде спасения душ человеческих, не отказался исполнить просьбу князя и пошел в селение его. На пути нашли они одного отрока, валявшегося на земле; громадный уж обвил его, связавши ноги, как веревкой, и всё тело опоясавши кругом; увидя это, все испугались. Человек же Божий Иулиан, подошедши ближе, помолился Богу, говоря:

– Господи, Иисусе Христе, род человеческий, лишившийся рая лестию змея, избавивший Твоим крестом, избави и это создание Твое от связавшего его ужа, да уразумеют предстоящие, что Ты Спаситель всех уповающих на Тебя! И тотчас уж разорвался пополам и стал мертвым, отрок же освободился от него невредимым, и все славили Бога. Когда приблизились к селению, в которое шли, то много народу вышло им навстречу; среди встречавших два бесноватых, возопили ко святому о помощи; призвавши имя Христово, святитель тотчас изгнал нечистого духа. Получившие исцеление и все находившиеся там уверовали во Христа, святитель же Божий с большой честью и любовию был принят в селении, в доме князя, и было великое торжество, не для тела только, но и для духа: ибо все рассуждения присутствовавших были о славе и силе Христовой и о погибели бесов, побежденных и посрамленных в идолах. По окончании праздника, бывшего во славу Божию, князь показал епископу все свои сокровища, прося его взять, что ему угодно, но святой не пожелал ничего взять, ибо не золото и серебро, но спасение душ человеческих служили для него самым ценным сокровищем. Святитель Божий достаточное время поучивши своими богодухновенными словами князя, весь дом его и всё селение, крестивши тех, которые оказались не крещеными, и утвердивши их в вере, отошел в свой город. Когда он входил в город, узники, находившиеся в темнице близ ворот города, увидевши в оконце святого, возопили к нему громким голосом, прося избавить от оков. Будучи милосердным, чадолюбивый отец пожалел их и, прежде чем идти домой, пошел к судьям, которым вверено было управление городом, и стал просить их, чтобы они ради его возвращения отпустили узников на свободу; но они по жестокосердию не уважили просьбы епископа, и он опечаленным ушел от них. Прежде всего святой пришел в церковь и совершил здесь благодарственное моление Богу, помогшему ему души столь многих привести ко спасению, потом он вошел в дом, где ему предложена была трапеза, но он ничего не пожелал есть, опечаленный за участь узников. Но Господь, творящий волю боящихся Его, послал Ангела Своего,

который открыл двери темницы, сокрушил все оковы и отпустил на свободу узников. Они, вышедши из темницы, через весь город направились к архиерейскому дому, и никто не препятствовал и ничего не говорил им, так как все видели, что не человеческой рукой, а Божией силой они освобождены от оков и выпущены из темницы. Святитель Божий, увидевши их, идущих к нему, исполнился радости, пригласил их разделить его трапезу и, достаточно усладив их телесным и духовным празднованием, отпустил каждого идти по домам своим.

Святой епископ Иулиан, управляя новопросвещенной церковью и духовной пищей питая новособранное стадо словесных овец, пробыл на своем престоле довольно времени и, апостольски трудясь в благовестии Христовом, будучи уже маститым старцем, приблизился к честной своей кончине, совершенно истребивши идолослужение и бесовское почитание в стране Кеноманийской. За несколько дней до кончины святитель ушел из города в одно селение, принадлежащее церкви, и здесь заболел. В городе узнали о его болезни и собрались к святителю клирики, благочестивые граждане и все горевшие к нему любовью; святитель, поучивши их некоторое время, повелел по смерти его избрать ему преемником пресвитера Туривия, трудившегося вместе с ним для спасения душ человеческих; после этого, совершивши последнее целование и преподав благословение мира, отдал в руки Божии свою святую душу. Не случилось при кончине святого быть князю, – в это время он не был в городе, но замедлил в своем отдаленном селении, однако, ему она стала известна таким образом: в тот день, когда преставился святой, князь обедал в доме своем со своими друзьями, вдруг открылись его духовные очи и он увидел, что святой Иулиан, облаченный в святительские одежды, с тремя диаконами, несущими светильники, вошел к нему и преподал благословение, а диаконы поставили светильники на столе, и все сейчас же исчезли. Увидавши это, князь обратился к сидящим с ним:

– Видите вы ту славу, какую я вижу?

Но те сказали, что они ничего не видели; тогда князь пояснил:

– Не видели ли вы отца нашего Иулиана, явившего нам столько доброго и творившего столько чудес? Вот он сейчас с тремя диаконами и тремя светильниками вошел сюда, со светлым и радостным лицом благословил нас, оставивши у нас светильники, ушел; я думаю, что он преставился уже, ибо мы слышали, что он заболел.

Сказавши это, князь тотчас же встал и поспешно отправился в город и в то селение, где преставился святой; нашедши его умершим в Господе, горько плакал так же и весь народ проливал слезы о своем отце и пастыре; положивши на колесницу его честные мощи, повезли в город. Когда подошли к реке, называемой Сартой, бывшей возле города, весьма глубокой, которую нужно было переезжать на пароме, кони, везшие колесницу с телом святого, вместо того, чтоб взойти на паром, устремились прямо в реку и, управляемые невидимой рукой, пошли по глубокой реке, как по мосту, не омочивши ног даже до колен. Таким образом они перешли на другой берег, и все удивлялись и ужасались славному тому чуду: дивный чудотворец святой Иулиан не только при жизни, но и по смерти творил чудеса. Когда тело его несли торжественно в город и все устремлялись навстречу, одна женщина мыла своего младенца в медном тазу, под который подложила небольшой огонь, чтоб согреть воду; увидевши тело святого и множество народа со свечами, кадилами и слыша песнопение, забыла о своем младенце и, оставивши его, вышла посмотреть торжественное провождение честного тела угодника Божия; она стояла и глядела, пока не миновали дома. Потом, вспомнивши о дитяти, поспешила возвратиться и увидела огонь сильно разгоревшимся, а вода в тазу обратилась в кипяток; от ужаса закричала она, быстро сняла с огня таз и вылила горячую воду, но дитя она нашла живым, здоровым и нисколько не поврежденным от кипятка. Это чудо увидали многие там случившиеся и поняли, что младенец был сохранен по молитвам святого угодника. Погребен был святитель Христов Иулиан в построенной им церкви на месте, где прежде был княжеский дом, подаренный святому, и при гробе его совершалось много чудес: во всяких болезнях подавались

исцеления молитвами сего святого, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Духом Святым честь и слава во веки веков, аминь.

Страдание святого мученика Маркиана

Память 13 июля

Святой мученик Маркиан, еще в юношеском возрасте, был схвачен и подвергнут мучениям в городе Иконии, а потом привели его (в Каппадокию) к правителю Перенниию. Он мужественно обличил последнего в языческом нечестии, а Христа исповедал Богом и Владыкою. За это его стали строгать по костям и щекам; затем мучитель, раздраженный обличительными словами страдальца, не удовольствовался этими мучениями, а повелел еще положить его на раскаленную сковороду, и после этого – изрезать ему язык. Когда всё это было исполнено, и святой мученик остался твердым в вере и продолжал исповедовать Христа, то правитель приговорил его к усечению мечом. После этого воины взяли святого Маркиана и в то время, когда он молился и благодарил Бога, отсекли ему голову[4667].

Память святого Апостола Акилы

Память 14 июля

Святой Апостол Акила, один из семидесяти, был учеником святого Апостола Павла и им был поставлен во епископа. Родом он был еврей из Понтийской страны[4668]; до обращения в христианство жил вместе с женой своей Прискиллой в Италии; когда же кесарь Клавдий[4669] повелел евреям выселиться из Рима[4670], Акила с супругой ушел в Коринф[4671]. Причина же выселения евреев из Рима была следующая: когда в Риме началось благовестие Христово и сюда прибыл святой верховный Апостол Петр, многие из живших в Риме иудеев приняли святую веру во Христа, но многие оставались в неверии; поэтому возник между иудеями большой спор: одни признавали Христа истинным Мессией, другие отвергали Его и хулили. Неверующие иудеи, как в Иерусалиме и других странах, так и в Риме со злобой восстали на верующих: не вынося даже имени Иисуса Христа, они вооружали против верующих в Него эллинов и везде возбуждали на них гонение. Те из эллинов, которые обратились ко Христу, защищали верующих евреев от неверующих и возникали между ними большие споры и вражда, о чем и довели до сведения кесаря Клавдия. Так как верующими Господь Христос назывался Сыном Божиим и Царем Израильским, то кесарь опасался, чтоб не возникло какого-нибудь смущения в народе и не появился какой-нибудь новый царь, желающий отнять от него власть. Поэтому и приказано было всех евреев, и верующих во Христа и неверующих, изгнать из Рима и всей Италии. Была еще и другая причина этого изгнания, именно: неверующие иудеи совратили в иудейство царицу Агриппину, жену Клавдия. Вместе с изгоняемыми иудеями был изгнан и Акила, как еврей; поселился он в Коринфе и питался здесь трудами рук своих, владея мастерством скинотворца или делателя палаток. В это время святой Апостол Павел, проповедуя Христа между язычниками, пришел из Афин в Коринф, главный город Ахаии и, нашедши здесь Акилу с Прискиллой, остановился у них; так как они знали

одно мастерство, то вместе и занимались им; научивши Акилу и Прискиллу вере во Христа, Павел крестил их (Деян.18:1–3). Пробывши в Коринфе год и шесть месяцев, уча слову Божию и побеждая при содействии Христовом иудеев и язычников, Павел отплыл в Сирию; за ним, как за своим учителем и виновником спасения, последовали Акила и Прискилла, сильно привязавшись к нему духовной любовью. С ними и другими своими последователями Павел пристал в Ефесе[4672], затем, желая на приближающийся праздник Пасхи быть в Иерусалиме, он Акилу с Прискиллой оставил в Ефесе для наставления ефесян в святой вере Христовой, а сам отправился в Иерусалим[4673], обещаясь опять возвратиться в Ефес. После отшествия Павла прибыл в Ефес еврей Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сильный в книжном учении; он был оглашен в пути Господнем, горячо проповедовал и учил о Господе, но крещения во святую Троицу еще не принимал, зная только крещение Иоанново. Акила и Прискилла, услышавши в собрании смелую проповедь Аполлоса, пригласили его к себе и более определенно разъяснили ему путь Господень (Деян.18:24–28). После этого святой Павел возвратился из Иерусалима в Ефес и отсюда написал первое свое послание веровавшим во Христа Коринфянам, оканчивая его такими словами:

– Приветствуют вас усердно Акила и Прискилла с домашней их церковью (1Кор.16:19), – то есть со слугами своими.

После этого умер царь Клавдий, и евреям снова возвращена была свобода жить в Риме, каждый из них возвращался в Италию на прежнее свое место, к своему имению, тогда и Акила с Прискиллой возвратились в Рим. Когда святой Павел пришел снова в Коринф и писал оттуда послание к Римлянам, то не забыл в нем послать приветствие своим любезным ученикам, говоря в последней главе так:

– Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе, которые голову свою положили за мою душу, которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников (Рим.16:3–4).

В Риме святой Акила был не долгое время и с женою своею пошел снова в Асию[4674], будучи назначен епископом и послан туда своим учителем Апостолом Павлом на проповедь слова Божия. Пришедши в Ефес, он помогал в трудах святому Апостолу Тимофею, ученику Апостола Павла[4675], поставившего его епископом для ефесян и оставившего его здесь, как он говорит в первом своем послании, к нему, писанном из Лаодикии:

– Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе (1Тим.1:3).

Впоследствии, когда святой Апостол Павел будучи гоним иерусалимскими иудеями, был приведен связанный в оковах в Рим и писал отсюда второе послание к Тимофею в Ефес, то снова вспомнил об этих возлюбленных своих учениках, говоря:

– Приветствуй Прискиллу и Акилу (2Тим.4:19).

Святой Акила, проповедуя Христа в Асии, Ахее и Ираклии, привел ко спасению великое множество душ человеческих, обративши язычников от идольского служения и крестивши. Проходил он и по другим странам, проповедуя везде Царство Божие, просвещая святой верой, сокрушая идолов, воздвигая церкви и поставляя священников. Претерпевши немало напастей, он был убит неверными[4676] и обрел покой на небе с прочими святыми Апостолами, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Яко велие солнце, церковь тя стяжавши, славне Акило, светлостьми учения твоего просвещает верно чтущыя тя, Господень апостоле.

Память преподобного Еллия

Память 14 июля

Преподобный Еллий в египетских пустынях прославился среди монахов постническими подвигами и угодил Богу добродетельною жизнью. С детства он отдан был в монастырь на служение Господу, воспитан в воздержании и целомудрии, научен кротости и смирению и сподобился благодати Божией, получив с юности дар чудотворения. Так, когда его, еще отрока, посылали принести огня, он брал горящий уголь в одежду и приносил его старцу, не опаливши последней. Братия, видевши это, удивлялись чуду и желали подражать дивной жизни отрока, превосходившего по святости старших. Однажды блаженный Еллий, ходя один в пустыне, пожелал съесть меду и увидел сот, наполненный медом и лежавший на камне; догадавшись, что то было вражеское коварство, он стал себя укорять, говоря:

– Отойди от меня искусительное вожделение, ибо написано: «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» (Гал.5:16).

Сейчас же он ушел с того места и, удалившись в глухую пустыню, пребывал в посте, изнуряя и как бы казня за невоздержание свое тело лишением пищи. В третью неделю своего пощения увидел он на земле в пустыне красивые яблоки и другие садовые плоды и, опять догадавшись, что это вражеское искушение, сказал:

– Не вкушу и даже не прикоснусь ни к чему из этого, чтобы не соблазнить брата моего, то есть душу мою, ибо написано: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Втор.8:3; Мф.4:4).

Пропостившись четвертую неделю, он немного заснул и увидал представшего ему в видении Ангела Божия, сказавшего:

– Встань и, что найдешь из предложенного тебе, вкуси без всякого сомнения и подкрепись!

Проснувшись, он увидел источник родниковой воды и кругом какую-то зелень, с хорошим запахом и весьма вкусную для еды; он съел той зелени, выпил из источника и подкрепился

телом. Впоследствии он говорил братии, что он никогда во всю жизнь не вкушал с такою сладостью пищи. Прошедши немного от того места, он нашел пещеру и поселился здесь, пробывши в ней некоторое время. Когда же его телесная природа требовала пищи, он на камнях молился Богу, и тотчас невидимой рукой ему приносились чистый свежий хлеб, масличные ягоды и разные овощи.

В одно время преподобный отправился посетить в пустыни братию, имевшую нужду в необходимом, и понес им пищу из того, что ему посылалось Богом. Будучи в пути и чувствуя утомление от тяжести ноши, он увидел ослов, ходивших и пасшихся в пустыне, и обратился к ним, говоря:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа пусть один придет сюда и понесет мою ношу!

Тотчас один осел, сильнейший из стада, кротко подошел к нему, святой же положил на него свою ношу, сам сел и скоро достиг жилища находившихся в пустыне братий, обрадовавши их принесенной пищей, а осла отпустил в пустыню. В другой раз он тоже пришел в один пустынный монастырь рано в воскресенье и, узнавши, что там в церкви не совершается службы, спросил, по какой причине день Господень остается без богослужения? Братия ответили, что священник, живущий на другом берегу реки, не пришел, боясь крокодила, появившегося в реке и уже пожравшего многих людей. Святой сказал им:

– Если хотите, то я пойду и призову священника.

Но братия ответили:

– Нет! Да и кто тебя перевезет на ту сторону: все боятся из-за крокодила и приближаться к перевозу!

Но святой Елий, уповая на Бога, пошел и, когда был на берегу реки, призвал имя Господне, и тотчас появился крокодил. Тот, который привык губить людей, по Божиему повелению сделался перевозчиком праведному: с кротостью и страхом он взял святого себе на хребет, перевез через реку и поставил на другом берегу. Преподобный, дошедши до жилища священника, стал просить его прийти к братиям, но пресвитер, не зная его, спросил:

– Кто ты и откуда?

Он ответил, что только недавно пришел в монастырь. Пресвитер, хотя видел ветхую и заплатанную одежду блаженного, но по словам и благонравию узнал в нем Божиего человека и сказал:

– Брат, ты имеешь плохую телесную одежду, зато добрую душевную!

Затем он встал и пошел к обители. Когда они пришли к реке и не нашли, на чем можно было переехать реку, преподобный сказал пресвитеру:

– Не беспокойся, отче! Бог нам приготовит ладью!

И громким голосом призвал к себе крокодила; последний, услышавши голос святого, тотчас явился к ним и кротко подставил свой хребет, чтоб они взошли на него. Сначала преподобный взошел на спину крокодила, потом пригласил пресвитера, сказав:

– Взойди отец, не бойся!

Но пресвитер, увидавши крокодила, испугался и побежал назад. Братия же стояли на другом берегу и смотрели на то чудо, как человек Божий переправлялся через реку на крокодиле, и со страхом удивлялись этому. Преподобный, переплывши реку, вышедши на берег и извлекши за собой крокодила, сказал ему:

– Тебе лучше умереть самому, чем уничтожать людей и съедать их!

И тотчас крокодил пал и издох.

Еллий святой пробыл в монастыре три дня, поучая братию богодухновенными словами; будучи сам прозорливым, он знал помышления всякого и совесть каждого брата и каждому особо говорил кто чем искушается. Одному говорил, что он разжигается духом нечистоты, другому, что он разжигается гневом, иному, что он пленяется лакомствами, иному, что другой какой-либо страстью обуревается. Также на пользу всех обнаруживал добродетели других иноков, одного называя кротким, другого праведным, иного терпеливым, иного послушным, иного имеющим какую-либо добродетель; жизнь всех и все тайные дела, добрые и злые, ему были открыты Богом. Всякий из одолеваемых страстями говорил о себе, что

верно то, что объявлял Еллий, и все умилялись сердцем, исправляя жизнь свою. Однажды во время духовной беседы преподобный отец сказал:

– Приготовьте трапезу, ибо странствующие братия сейчас придут сюда!

И действительно, когда была приготовлена трапеза, как сказал святой, пришли в монастырь издалека путешествующие братия; с честью приняв их, святой Еллий ушел в пустыню. Один из юных братий стал просить его, чтоб он позволил ему с ним идти в пустыню, и сказал ему святой:

– Тяжелое это дело, брат, и требует большого труда, ибо нужно крепко стоять против диавольских искушений и многое терпеть.

Но брат обещал всё перенести, и святой приняв его, повелел жить в другой пещере. И в наступившую ночь напали на него бесы сначала невидимо, смущая ум его скверными помыслами, а затем видимо, как страшные видения устремились на него и давили, желая умертвить. Он, выбежавши из пещеры, поспешил к святому и рассказал ему о своем несчастье. Старец, утешивши брата немногими словами и утвердивши его в терпении и вере, снова отвел его в ту же пещеру, очертил пальцем место поселения и, оградив его крестным знамением, повелел вооружиться именем Господним и не бояться. И жил брат в пустыне той уже невредимый бесовскими нашествиями и сподобился пищи, невидимой рукой приносимой, как его преподобный наставник, которого питал Сам Бог. Святой Еллий достиг глубокой старости, совершил многие чудеса и преставился Богу, Которому угодил и был причтен к лику преподобных предстоящих на небе престолу Отца, Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Емуже слава ныне, присно и во веки веков. Аминь[4677].

Память святого мученика Иуста

Память 14 июля

Святой Иуст, родом римлянин, был воин. Ему было чудесное видение: на воздухе явился кристалловидный крест. Иуст уверовал во Христа и раздал всё свое имение нищим. По приказу игемона Магненция он был схвачен, претерпел многие мучения, после которых предан был огню и скончался даже без повреждения волос.

Страдание святых мучеников Кирика и Иулитты

Память 15 июля

В городе Иконии страны Ликаонской жила одна молодая женщина, благородного происхождения, из рода бывших ранее римских царей, по имени Иулитта, верой христианка; не долгое время пожив в законном супружестве[4678], она овдовела, родивши мальчика. Она крестила младенца и дала ему имя Кирика. В это время нечестивый Диоклетиан[4679], держа скипетр римского царства, воздвиг сильное гонение на христиан во всех подвластных ему странах; комит Дометиан был поставлен Диоклетианом начальником Ликаонской страны; он был муж суровый и бесчеловечный, зверонравный, радующийся пролитию христианской крови. Пришедши в Иконию, Дометиан начал яростно мучить верующих во Христа и усердно отыскивать тайно держащихся христианства. Верная раба Христова Иулитта, увидевши это и зная, что ей со своим благочестием скрыться от мучителей невозможно, решилась бежать, ибо боялась, что она не перенесет жестоких пыток и отвергнется от Христа. Поэтому оставила она все свои имения, которых у нее было много, дом свой, родственников, рабов, всякую прелесть мира сего, славу и наслаждение, ради любви Христовой, и, взявши сына своего Кирика, которому было три года, и двух верных рабынь, ночью ушла из города Иконии и отправилась в странствование, помня сказанное в Писании: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр.13:14).

Пришла она в Селевкию[4680], как странница и нищая, скрывая свое благородное звание, но и здесь она нашла такое же гонение на христиан, ибо некий Александр, принявший от царя начальство, пришел в Селевкию и без жалости убивал всех исповедующих имя Иисуса Христа. Блаженная Иулитта, помня также писанное: «дадите место гневу», то есть бегите от гнева[4681], и еще: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф.10:23), – ушла из Селевкии и отправилась в Тарс, город Киликийский, и жила здесь между бедняками.

Спустя некоторое время тот же начальник Александр пришел и в Тарс[4682] мучить христиан; святая Иулитта некоторыми была узнана и о ней доложили начальнику. Последний тотчас приказал ее привести, а сам воссел на открытом для народа судилище. Когда воины взяли ее вместе с сыном, обе рабыни ее убежали; они издали стали следить за ней, чтоб видеть ее страдание и кончину. И приведена была мученица пред начальником, имея на руках трехлетнего отрока святого Кирика. Спрошенная начальником об имени, роде и отечестве, она смело исповедала имя Господа нашего Иисуса Христа и назвала себя христианкой:

– Мое имя, – говорила она, – происхождение и отечество – это Небесное Царство Христа моего!

Начальник, разгневавшись, повелел взять у нее отрока, обнажить и бить беспощадно жесткими жилами. Когда били мученицу, дитя, смотря на это, плакало и вырывалось из рук держащих его, чтоб пойти к матери. Начальник, видя красоту дитяти, приказал принести его к себе, затем, взявши его, посадил на своих коленах и стал утешать, чтобы оно не плакало, гладил его по голове, целовал его и говорил ему всякие ласковые слова, но дитя упиралось, вырывалось из рук, отворачивало голову от начальника, не даваясь ни гладить ни целовать себя скверными устами; ребенок всё смотрел на мать, которую били, плакал и кричал:

– Я христианин! Пусти меня к матери!

Отрываясь руками от начальника, он ногтями царапал лицо его. Тогда начальник пришел в ярость, бросил дитя на пол и ногой толкнул его в бок, сбросивши вниз с высокого седалища; дитя, ниспадая по каменным ступеням и ударяясь головой об острые углы, всё то место покрыло своей кровью и отдало свою святую и непорочную душу в руки Божии. Так увенчался мученичеством святой отрок Кирик.

Мать же его блаженная Иулитта, жестоко и долго мучимая, страдая как бы в чужом теле и как столп бездушный ничего не чувствуя, ничего другого не говорила, кроме этих слов:

– Я христианка и не принесу жертвы бесам!

Когда перестали бить ее и подняли с земли, она увидела пред судилищем свое любимое дитя окровавленное и мертвое; исполнившись радости, Иулитта сказала:

– Благодарю Тебя, Господи, что ты сподобил сына моего такой благодати, что он прежде меня мученически скончался за имя Твое святое и принял неувядаемый венец в славе Твоей.

После этого начальник повелел ее повесить и железными зубьями строгать тело ее, а потом, взяв кипящую в котле смолу приказал поливать ее на раны. Когда таким образом мучили святую Иулитту, глашатай взывал:

– Пощади себя, Иулитта, пощади свою юность и поклонись богам, чтоб тебе избавиться от мук и не погибнуть лютой смертью как сын твой.

Мученица отвечала:

– Не поклонюсь бесам и их глухим и немым идолам, – я поклоняюсь Господу моему Иисусу Христу, Единородному Сыну Божию, Которым Отец небесный всё сотворил (Кол.1:12–16), и стараюсь прийти к сыну моему, чтоб с ним сподобиться Царства Небесного. Увидевши непреодолимое терпение и великое мужество мученицы, начальник осудил ее на усечение мечом. Взяли ее слуги и повели из города на то место, где убивали осужденных на смерть. Святая шла, как бы к венцу брачному; придя к тому месту, она попросила немного времени для молитвы, а затем преклонивши колена, молилась:

– Благодарю Тебя, Господи Боже мой Иисусе Христе, что Ты призвал сына моего прежде меня, сподобивши его пострадать за имя Твое святое, и ему, оставившему суетную жизнь со святыми; приими и меня, недостойную рабу Твою и сподоби получить благодать пред Тобой – быть причтенной к мудрым девам (Ср. Мф.25:1–13), вшедши в Твой нетленный чертог, чтоб дух мой благословил Тебя, Создателя моего, Твоего безначального Отца и соприсносущного Духа вовеки, аминь.

После такой молитвы святой Иулитты, палач, поостривши меч, ударил им в выю и отсек честную голову, оставивши тело на том месте без погребения на съедение псам и зверям; также и тело святого Кирика, вытащивши из города, бросил у тела матери и ушел. Когда настала ночь, вышеупомянутые две

рабыни пришли сюда, взяли тело госпожи своей и ее сына и, отнесши далеко, погребли в земле. Одна из этих рабынь прожила до дней Константина Великого[4683], первого христианского царя, во время которого воссияла истина и Церковь Божия, по благодати Христовой, стала господствующей; тогда-то рабыня показала верным христианам то место, где погребены были честные мощи святых мучеников Кирика и Иулитты и рассказала о их страданиях. Святые мощи их были вынуты из недра земли нетленными, исполненными благоухания и подающими больным исцеления. Страдания их были описаны в память и честь святых мучеников, на пользу верным и во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки[4684]. Аминь.

Кондак, глас 4:

Во объятиях носящи христомученица Иулитта Кирика, на подвизе мужески веселящися взываше: Христос есть мучеников похвала.

Страдание святого священномученика Афиногена и десяти учеников его

Память 16 июля

Во времена нечестивого римского царя Диоклетиана[4685] было жестокое гонение на христиан, все, жившие богоугодно, находились в беде, повсюду было неспокойно, многие предавали друг друга на смерть, отец сына, брат брата, родственник родственника, – из страха пред царем. Прибыл в армянский город Севастию один игемон, по имени Филомарх; собрав множество идольских жрецов, он повелел им, с венками на головах, приносить скверным богам своим жертвы с веселием и торжеством, при звуках труб и кимвалов, при игре на гуслях и свирелях. Сам же, севши на виду у народа на суде, приказал проповеднику громко кричать следующее:

– Послушайтесь, граждане и все знаменитые люди, царского повеления, пойдите и принесите богам жертвы!

И сколько ни было народу, закричали все:

– Мы – христиане и не поклонимся идолам!

Тогда мучитель приказал воинам избивать народ, и многие умерли за Христа и приняли венцы небесные. После этого подошел к мучителю начальник отряда воинов, Николай, и сказал:

– Господин игемон! Здесь есть один человек, по имени Афиноген, епископ христианский, который всех совращает в свою веру; живет он в селе Пидахфоне.

Игемон тотчас послал воинов взять его. У святого Афиногена близ того села в особом уединенном месте был маленький монастырь, где он жил с десятью учениками своими в посте и молитвах. Пришли воины к монастырю его и не нашли самого святого епископа: он отлучился куда-то; тогда они связали его учеников, и отвели их в Севастию. Увидел их игемон и приказал отвести в темницу, заковать в оковы и строго следить за ними; а воинам сказал:

– Найдите мне учителя их.

Воины пошли повсюду разыскивать Афиногена. Муж же Божий Афиноген, придя в монастырь и не найдя своей братии, вошел в молитвенный храм и, смотря со слезами на стоявший там честный крест, сказал:

– Где братия моя, которых я Тебе поручил? Кто будет совершать со мною обычные молитвы к Богу? Где прекрасные ветви масличные? Что с ними? Не знаю!

И тяжко горевал святой. Выйдя из монастыря, он ходил вокруг него, удивляясь и недоумевая, куда ушли братия; и вот прибежал к нему олень, которого недавно он вскормил своими руками, начал ласкаться к нему и лизать его руки. Потом он встретил одного знакомого человека, который спросил его:

– Где был ты, святой владыка, когда взяли твоих учеников? Ведь игемон присылал за ними воинов, приказал связать их и вести в город, чтоб замучить.

Услышав это, святой обрадовался и, посмотрев на небо, сказал:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что достойных рабов Своих призвал Ты в Царство Небесное!

Отослав оленя в пустыню, сам он поспешил в город Севастию к своим ученикам. Придя к городскому судье, он начал громко кричать:

– Зачем ты обокрал меня, мучитель, расхитив церковь мою? Пусть видит Бог злое дело, совершенное тобой, и пусть обрушится Своим гневом на тебя!

Тотчас воины схватили святого, и привели к игемону, говоря:

– Вот Афиноген, которого ты велел искать, он очень оскорбляет твою светлость!

Игемон тотчас велел бросить его в темницу, где были заключены его братия за Христа. Увидев своих братий, святой очень обрадовался и сказал им:

– Мир вам! Благодать Христова да будет с вами, дети мои: вы оказались угодны Богу, потому Он и позвал вас на обед небесный! Будьте тверды, не бойтесь соблазнов мучителя; вам Бог поможет завтра совершить ваш подвиг, и будете вместе с

Ангелами и ликами святых вступать в райские радости и в веселии славить небесного Владыку вовеки!

На следующий день мучитель сел на суд и приказал привести к себе Афиногена с десятью его учениками. Он сказал им:

– Принесите жертву богам, по царскому повелению; если же не послушаетесь, то я буду мучить вас лютыми муками и лишу вас жизни, как погубил упорствовавших прежде вас: злом погибли злые.

Святой же Афиноген ответил ему:

– Те, которых ты, мучитель, называешь погибшими, не погибли, но ликуют на небесах вместе с Ангелами.

Игемон сказал:

– Не задерживай меня, Афиноген, а послушайся поскорее меня и вместе с товарищами своими принеси жертву богам, чтобы не погибнуть вам злой смертью.

На это святой сказал игемону:

– Мучитель беззаконный, пес прескверный и бесстыдный! Не испугаешь нас своими угрозами, делай, что хочешь: мы готовы терпеть всё за нашего Бога.

Тогда мучитель разгневался и велел десять учеников Афиногена обнаженных повесить на дубе, жестоко бить и железными гребнями строгать их тело. Они же, страдая, говорили:

– Мы готовы на раны ради Христа Бессмертного; не отречемся от Тебя, Владыка Боже наш!

Мучитель, увидев их мужество и терпение, непреодолимое никакими муками, велел усечь их мечом. И скончались святые в добром исповедании и со славою перешли в райские селения. По убиении святых десяти мучеников, игемон обратился к святому епископу Афиногену со словами:

– Где же твой Христос, Которого ты называешь Богом? Почему Он не пришел сюда и не избавил твоих учеников от моих рук?

С этими словами игемон велел и его также повесить нагого на дереве и бить. Святой же, когда его били, говорил:

– Слава Тебе, Боже, что сподобил меня страдать за имя Твое!

Сказал ему игемон:

– Что же и тебя не избавляет твой Бог от моих рук?

Мученик отвечал:

– Избавил и избавит от злой хитрости твоей, беззаконный!

Тогда игемон велел снять его с дерева и опять жестоко бить по ребрам, а святой воскликнул, обращаясь к Богу:

– На тебя, Господи, уповал, спаси меня Твоей милостью!

И был ему Божественный голос свыше:

– Дерзай, избранник Мой! Я с тобой, – Бог твой, сохраняющий тебя!

Этот голос слышал не только святой, но и слуги, мучившие его; их объял страх, и они не могли больше мучить человека Божия, так как руки их оцепенели. Один из друзей игемона, по имени Филипп, сидевший с ним вместе, сказал ему:

– Не говорил ли я тебе раньше, что христиане – волшебники? Погуби и этого поскорее, чтоб не соблазнились те, кто на него смотрит.

Игемон тотчас отдал приказ умертвить мученика мечом, а святой сказал мучителю:

– Прошу тебя, игемон, прикажи отвести меня в мой монастырь и там умертвить.

И игемон исполнил его просьбу.

Когда святого вели в его монастырь, он пел некоторые стихи из псалмов Давидовых и радовался тому, что скоро разлучится с телом и отойдет к Господу. Когда он был близко от монастыря, вышеупомянутый олень вышел из пустыни навстречу святому и поклонился ему в ноги. И сказал ему святой:

– Ты лишился братии, вот лишаешься и того, кто вскормил тебя! Бог же Вечный пусть не даст тебя и твоего потомства в руки охотников, но пусть потомство твое будет прибегать сюда в память нашу на заклание и в пищу во славу Божию тем, кто будет приходить праздновать нашу память.

Олень, проливая слезы, припал к ногам святого, а он осенив его крестным знамением, сказал:

– Иди с миром в пустыню!

Войдя в свой монастырь, святой Афиноген помолился Богу так:

– Господи Боже мой! Прими душу мою с миром и сподоби меня быть вместе с моей братией, чтоб нам вместе славить пресвятое имя Твое вечно! Подай, Господи, вечное Твое благословение всем чтущим с любовью память мою, всем молящимся Тебе с упоминанием моего имени; яви Свою благодать и подай им скорую помощь во всякой их нужде.

Во время его молитвы послышался голос с неба:

– Сегодня со Мною и учениками своими будешь в раю, и все просьбы твои исполнятся!

Мученик, услышав этот голос, весьма обрадовался и с веселием подставил под меч свою голову; ему усекли голову; так скончался он о Господе. Честное тело его погребли верующие на том же месте и собирались каждый год в день кончины его для торжественного празднования его памяти[4686]. И случилось дивное чудо: тот олень, которого святой вскормил и благословением отпустил в пустыню, приходил по заповеди его на праздник и приводил с собою детей. Оставив их, он уходил в пустыню, и никто ему не мешал. Это делал олень каждый год: приходил на праздник и приводил своего детеныша, которого закалывали и съедали в память и честь святого мученика Афиногена епископа и десяти учеников его, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Владычню речению последовав, яко пастырь изрядный душу твою положил еси за Христовы овцы, священномучениче Афиногене: сего ради восхваляем тя, и с тобою десятицу ученик твоих, иже пострадаша, страхом Божиим и твоим учением наставляеми. Тем угодивших Владыка венца вас живоначальною десницею, егоже о всех нас молите.

Страдание святой мученицы Иулии

Память 16 июля

Когда персы взяли знаменитый в Африке город Карфаген[4687] и множество жителей отвели в плен, в это время вместе с другими пленниками из этого города была взята и та маленькая девочка, о которой будем говорить, блаженная Иулия, дочь одного знаменитого человека Аналсона; она была отвезена в палестинскую Сирию и продана в рабство одному купцу, нечестивому язычнику. Девочка, хотя была и у неверного господина, однако, крепко держалась святой веры во Христа, в которой родилась, и христианских добрых обычаев, которые усвоила с младенчества, – часто молилась и постилась. Ставши девицей, она тщательно соблюдала себя в чистоте, жила целомудренно и в строгом воздержании и верно служила своему господину, по слову Апостола: «В простоте сердца вашего, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники» (Еф.6:5–6), но как бы пред очами Божиими, исполняя с благоразумием все, порученные ей, дела, которые не были противны Богу и ее целомудренной жизни, а что было противно, к тому никто не мог ее принудить. Господин ее усиленно принуждал ее отречься от Христа и склонял ее нечестиво жить по их языческим обычаям; но никакими угрозами нельзя было склонить ее к тому, потому что она готова была скорее умереть, чем отступить от Христа или лишиться своего целомудрия. И уже хотел погубить ее хозяин ее, но видя, что она верно служит и усердно работает, пощадил ее и удивлялся ее доброму нраву, кротости, смирению и строгому постничеству; он видел, что она постилась каждый день, кроме субботы и воскресенья, свободное же от работы время проводила не в праздности и покое, а или в теплых молитвах к Богу, или же в чтении книг, чему она научилась в детстве; редко когда и ночью она ложилась спать. На вид она всегда была бледная, сухая, изможденная от трудов и воздержания. Удивлялся весьма этому ее хозяин и, видя, что она поступает всё так же, начал жалеть ее, любить и уважать: это Бог, отечески оберегая

угодницу Свою, святую Иулию, преклонял на милость к ней жестокое сердце неверного человека. Ей было уже более двадцати лет, когда хозяин ее – он был купец – задумал плыть со многими товарами в Галлию. Он взял с собою и верную рабыню свою Иулию, так как видел, что его имущество увеличивается под ее присмотром: Бог благословил за нее дом того купца (как некогда в Египте дом Пентефрия ради Иосифа (Быт.39:5)). Поэтому-то вместе со своими богатыми товарами он взял и рабу свою, а скорее Христову, которая была дороже всякого товара, и отправился в плавание. Он пристал к острову Корсике[4688], мимо которого плыл. Хотя на этом острове были и христианские города, но немало было и язычников, и когда купец этот пристал к тому острову, то увидел близ пристани сборище своих единоверцев язычников, совершавших празднество и приносивших жертвы бесам. Он вышел к ним со всеми слугами, купил жирного быка, принес вместе с язычниками скверную жертву, и начали все есть, пить и веселиться. Святая же Иулия осталась на корабле и в глубине сердца вздыхала и плакала, скорбя о заблуждении и погибели этих людей.

Один из сборища того пришел на корабль, увидел Иулию, девицу плачущую и вздыхающую, узнал, что она христианка, пошел и сказал тайно начальнику того сборища, заведовавшему жертвоприношениями:

– На приставшем корабле есть девушка, которая хулит наших богов и осуждает нас за то, что мы приносим им жертвы.

Тотчас начальник этого нечестивого сборища спросил палестинского купца:

– Почему не все твои люди пришли с корабля на наш праздник и жертвоприношение?

На ответ купца, что пришли все, начальник возразил:

– Я слышу, что на твоем корабле есть какая-то девушка, которая бранит и хулит богов наших.

Купец отвечал:

– Ты говоришь о моей рабыне? Да никоим образом я не мог ее отвратить от христианского заблуждения и склонить к нашей

вере, ни ласками, ни угрозами; и если б она не была верна мне и так усердна в работе, давно бы я погубил ее разными муками.

Начальник сказал ему:

– Заставь ее теперь поклониться вместе с нами богам и принять участие в жертвоприношении; или я дам тебе вместо нее четырех своих рабынь, или возьми ее стоимость деньгами, только дай мне ее, и я заставлю ее поклониться нашим богам.

Купец ответил:

– Я тебе сказал, что невозможно ее принудить к этому, потому что она скорее предпочтет умереть, чем отречься от своей веры. И продать ее тебе нельзя: если б ты давал мне за нее всё свое имущество, то и это не сравнилось бы с ее службой; действительно, она очень верна, и имение мое увеличивается в ее руках; я поэтому всё поручил ей.

Начальник же сборища, посоветовавшись тайно со своими людьми, устроил ради гостей еще большое пиршество и сильно напоил вином купца, хозяина Иулии. Напившись, он крепко заснул, заснули также от вина и все, кто были с ним. Тогда нечестивые язычники с того острова поспешили на корабль, вывели святую Иулию на землю и привели к начальнику своему. И сказал ей начальник:

– Девушка, принеси жертву богам, я дам за тебя твоему господину выкуп, какой он попросит, и отпущу тебя на свободу.

Святая отвечала:

– Моя свобода в том, чтоб служить Христу, Которому я и служу каждый день чистой своей совестью; а вашего заблуждения я гнушаюсь!

Тогда начальник велел бить ее по ланитам. И сказала мученица:

– Если Господь мой Иисус Христос претерпел за меня удар по щеке и плевание в лицо, то разве я не претерплю того же за Него! Пусть бьют за Него меня по щекам, вместо же плевков пусть текут по моему лицу слезы!

Мучитель велел терзать ее за волосы, раздеть до нага и бить жестоко по всему телу. А мученица, пока ее били, громко говорила:

– Я исповедую Того, Которого били ради меня! Владыка мой претерпел терновый венец и распятие на кресте. Пусть же и я, раба Его, буду участницею и подражательницею Его страданиям, чтоб прославиться мне с Ним во Царствии Его!

Потом мучитель велел отрезать ей девические груди; она же мужественно переносила все эти лютые муки ради любви ко Христу. Мучитель желая поскорей погубить ее, пока не проснется ее господин, велел, наскоро сделать крест и распять на нем мученицу, как некогда иудеи распяли Христа. И уподобилась святая Иулия в страдании своем за Христа Самому распятому Христу Господу, сподобившись быть распятой за Него на кресте.

Когда она висела на кресте и была уже близка к смерти, проснулся ее господин и, лишь увидел ее распятую, – какая великая жалость наполнила сердце его! Но ничем помочь было нельзя: невеста Христова была уже при последнем издыхании. Когда же святая душа ее освободилась от телесных уз, то все видели, как из уст ее вылетела голубка, белее снега и улетела вверх, к небу; кроме того мучившие ее видели Ангелов; и напал на всех великий страх; все бежали оттуда, и только бездыханное тело святой осталось висеть на кресте[4689]. Но не оставил его Христос Господь: он заповедал Своим Ангелам хранить его, пока не устроил ей честного погребения, следующим образом.

Неподалеку от острова Корсики есть маленький островок, прежде называвшийся Маргаритой, а теперь Горгоной; на нем был мужской монастырь; там Ангел Господень явился инокам, возвестил им всё, что случилось со святой мученицей Иулией, и повелел им скорее плыть на корабле к тому острову, снять с креста многострадальное тело святой мученицы и принести в свой монастырь для погребения. Монахи сели на корабль, поставили паруса и поплыли; достигнув пристани, они нашли всё так, как сказал им Ангел Господень. Сняв с креста святое тело, они обвили его чистой пеленой. Они нашли и отрезанные груди ее, брошенные неподалеку и лежавшие около камня, взяли их и приставили к телу на свое место; потом отнесли тело на корабль и благополучно возвратились в свой монастырь; там

тело предали погребению с честью в церкви, прославляя Христа Бога, укрепившего рабу Свою на такой мученический подвиг. При гробе ее стали совершаться чудеса и подавалось исцеление всяких болезней; чудеса совершались также и на том месте, где она пострадала. Узнали и христиане – жители того острова о страдании святой и построили во имя ее на том самом месте, где она была распята, церковь маленькую, потому что там было тесно: это место представляло из себя крутой холм. А там, куда были брошены ее отрезанные груди, вытек из-под камня источник ключевой воды, которая была целебна: все больные, которые пили ту воду или омывались ею, получали выздоровление. Совершилось и еще чудо: тот камень, которого коснулись груди святой (и из-под которого вытек источник), в те времена, каждый год в день ее памяти испускал из себя как будто пот, капли молочные и вместе кровяные, в обозначение девства и мученичества святой Иулии, которая, как молоком, убелилась девственною чистотою и обагрилась кровью, пролитою за Христа. И капали такие капли целый тот день, с утра до вечера; ими помазывались и получали исцеление.

По прошествии же многих лет церковь та во имя святой мученицы, построенная на месте ее страдания, обветшала и частью разрушилась. Тогда хотели на другом месте, более просторном, – так как это было очень тесно, – но неподалеку, построить новую церковь во имя святой, побольше. Когда приготовили камень, кирпич, известь и всё необходимое для постройки, и уже хотели на следующий день закладывать фундамент, нашли наутро весь этот материал, камни, кирпичи и всё прочее на прежнем месте, где лежала старая церковь; строители пришли в недоумение. Однако, немного спустя, они опять перенесли всё на то новое место, намереваясь строить там новую церковь; но всё снова ночью перенеслось на прежнее место. В ту ночь сторожа видели светлую девицу, клавшую на воз, запряженный парой светлых волов, весь материал, заготовленный для стройки, и перевозящую его на прежнее место; они поняли, что святая желает, чтобы возобновили храм на прежнем его месте, и сделали по ее желанию. Было много и других чудес на обоих островах тех,

Корсике и Горгоне, пока не были взяты оттуда честные мощи святой и перенесены в Бресчию[4690]. И после перенесения мощей жители Корсики приходят с верою в храм святой, не лишаются ее помощи и сохраняются от нападений врагов ее святыми и несокрушимыми молитвами и милосердием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Страдание святого мученика Антиоха

Память 16 июля

Святой мученик Христов Антиох был родом из города Севастии[4691]. Будучи по профессии врачом, он ходил по всем городам своей страны и своим искусством исцелял одержимых различными недугами. По повелению правителя области Адриана он был схвачен и, претерпев многоразличные мучения, брошен был, наконец, в котел, но остался невредимым. Затем его приговорили к борьбе с дикими зверями, но звери при виде его приходили в радость, ложились у ног его и лизали их, а один зверь проговорил человеческим голосом, обличая мучителя. После этого святой мученик помолился Богу и по его молитве все идолы рассыпались, как песок. Тогда ему осекли голову, причем из раны потекла кровь с молоком. Воин, отсекший святому Антиоху голову, по имени Кириак, тотчас же после казни святого смело объявил себя христианином и произнес проклятие на идолов. За это, по повелению Адриана ему осекли голову, и он погребен был вместе с святым мучеником Антиохом[4692].

Страдание святого мученика Павла и с ним святых мучениц Алевтины и Хионии

Память 16 июля

Сии святые мученики были родом из Египта. Схваченные, они были приведены в город Кесарию и, представ пред правителем на допросе, исповедали Христа истинным Богом. За это им сожгли сперва левые ноги, затем выкололи ножами правые глаза и, наконец, вместе с другими мужами и женами, также веровавшими во Христа, их предали сожжению, от чего они и скончались. Пред этим святая Хиония была повешена на дереве и строгана по телу, сестра ее Алевтина, угрожая судье, разрушила ногами жертвенник, за что и подвергнута была беспощадным мучениям, а святой мученик Павел стал на молитву и помолился сперва о христианах, а после и о всех язычниках, чтобы они пришли к познанию Бога истинного и перестали преследовать верующих во Христа. Этою молитвою он вызвал слезы у присутствовавших, после чего ему отсекли голову.

Страдание святой великомученицы Марины

Память 17 июля

Святая Марина родилась в Антиохии писидийской[4693] от благородных родителей, но не благоверных, а омраченных языческим нечестием. Отец ее Эдессий был идольским жрецом; он отдал свою дочь Марину, лишившуюся матери еще в пеленках, кормилице, жившей в одном селе за пятнадцать верст от города. Когда девочка, бывшая на воспитании, приходила уже в возраст, оказалось, что она была прекрасна телом и еще прекраснее душой: и благоразумием, и добронравием отличалась она. Так как в те времена было поднято гонение на христиан, то иереи и клирики, учителя Слова Божия, скрывались кто в пустынях, горных пещерах, из боязни мучителей, кто в селах между простыми людьми, – скрывались под видом нищих, однако, где только могли, поучали, хотя и тайно, святой вере и многих обращали от языческого заблуждения ко Христу.

Случилось и Марине, двенадцатилетней девочке, услышать от одного человека Божия слово о Христе Иисусе, истинном Боге, как Он воплотился от Святого Духа в утробе Пречистой Девы и родился от Нее, сохранив Ее девство ненарушенным, как много сотворил чудес, изволил добровольно пострадать ради спасения людей, умер, воскрес, вознесся на небо и уготовал бесконечную жизнь и славу, и Царство вечное верующим в Него и любящим Его. Услышав это, благоразумная девочка Марина уверовала во Христа, и распалилось сердце ее Божественной любовью, так что она ни о чем другом не говорила и не думала, как только о Христе Иисусе; или где слышала она речи об истинном Боге, всё внимание ее было там. А как уверовала она в Него сердцем, то не стыдилась и устами исповедовать Его, хотя и не была еще крещена за неимением христианского священника, который бы мог ее окрестить. И желала Марина пролить кровь свою за Христа и креститься ею, как купелью крещения, как она слышала о многих святых мучениках обоего пола, что крестились своей

кровью те, которые положили свои души за Господа: она хотела подражать им.

Эдессий, узнав, что дочь его Марина уверовала во Христа, возненавидел ее и перестал считать дочерью, а относился к ней, как к чужой; а девица возложила всю надежду свою на Отца небесного. Ставши взрослой, лет пятнадцати, она вышла раз в поле посмотреть на овец своего отца, которые там паслись. В это время случилось встретить ее тому мучителю христиан, который ехал в Антиохию писидийскую; увидев красавицу девушку, епарх поразился ее необычайной красотой, тотчас увлекся ею и задумал взять ее себе в жены. Он остановился и стал расспрашивать девицу:

– Какого ты рода, девушка, чья дочь и как тебя зовут, скажи мне правду о себе. Я вижу, что ты очень хороша собой: если ты свободных родителей, то я вступлю с тобой в законный брак, если же ты чья-нибудь рабыня, то я выкуплю тебя и возьму к себе.

Девица же, отличаясь целомудрием больше, чем красотой своей, кротко ответила, чья она дочь и как ее зовут; не утаила и того, что она Христова раба, верует во Единого Бога, Создавшего небо и землю, соединена с Ним сердечною любовью и иного жениха не желает. Услышав, что она христианка, епарх, которому дано было разрешение мучить христиан, велел своим воинам взять ее вести за собой в город, однако, почтительно: от ее девичьих благоразумных слов он еще больше полюбил ее, понадеялся скоро угрозами мук отвратить ее от Христа и уговорить ее вступить с ним в брак. Девица же, будучи ведена воинами, молилась во всеуслышание Богу, говоря:

– Господи Иисусе Христе, Боже мой! Не оставь меня и не отдай души моей в погибель! Пусть не одолеют меня враги мои, пусть не осквернится слух мой их лукавыми речами, пусть не уступит ум мой их скверным соблазнам, пусть не устрашится сердце мое их страшных угроз! Не попусти вере моей быть ввергенной в грязь и тину, чтоб не порадовался мне диавол, ненавидящий добро, но пошли мне помощь с высоты Своего престола, дай премудрость, открой уста мои, чтобы

подкрепленная Твоей силой и умудренная Твоей благодатью, я без страха отвечала на вопросы мучителя! Ей, Господи мой, призри милостью в этот час на меня; вот я теперь как овца среди волков, как птица среди ловцов и как рыба в сетях; приди же и избавь меня от козней вражиих!

Так молилась святая по пути, пока не дошли до города Антиохии писидийской.

Прибыв в город, епарх, по своему нечестивому обычаю, сначала принес жертвы скверным своим богам, принес торжественную похвалу своим царям, взял, каких нашел, христиан и вверг в темницу, чтоб стерегли их до мучений; а девицу Марину поручил беречь некоторым знатным женщинам. На следующий день, устроив торжественный суд, приказал сначала привести на допрос святую Марину: он всё думал о ней. Девушку привели, а он с сладострастием смотрел на необыкновенную красоту ее и всё более и более разгорался к ней плотскою любовью. Потом он начал с коварством говорить ей:

– Знают все боги, прекрасная девица, как я жалею твою юность и щажу молодое тело твое, цветущее красотою. Поэтому прошу тебя, послушайся меня, – принеси жертву богам, и тебе будет хорошо: ты тотчас получишь много имущества, будешь богата, станешь счастливее всех своих сверстниц и будешь пользоваться почетом больше всех женщин в этом городе.

Святая же Марина отвечала:

– Я научилась исповедовать небесного Отца и Его единородного Сына и Пресвятого Духа, Единого в Троице Бога Истинного и Живого, и привыкла Ему поклоняться и Ему приносить всегда жертву хваления, и я не поклонюсь богам, которых не знаю и не принесу им жертвы: они бездушны, бесчувственны и не знают сами себя: они не знают, почитают ли их или бесчестят. Я не воздам им той почести, какая подобает моему Создателю!

Епарх сказал:

– Прошу тебя опять, Марина, послушайся меня, почти непобедимых богов; они хорошо знают, что если ты послушаешься моего совета, то тотчас на глазах у всех граждан

удостоишься великой чести: я возьму тебя в жены себе, все тебя будут уважать, как мою возлюбленную супругу, и дам я тебе почет и славу, а ты мне принесешь радость и усладишь мою жизнь! Если же ты не послушаешь меня и отвергнешь любовь мою к тебе, то знай, ты испытаешь много зла: ты заставишь меня, хоть я и не хочу этого, мучить тебя и погубить такую красоту твою, здоровье и сладостную жизнь; ты подвергнешься жестоким, нестерпимым мукам и погибнешь от огня и железа!

Отвечала святая:

– Не надейся, епарх, переменить мою веру во Христа на ваше безверие, – ни ласками, ни угрозами: я верная раба моего Владыки, пострадавшего добровольно за меня. Если Он за меня претерпел распятие на кресте и смерть, не щадя Своего пресвятого тела, принятого от Пречистой Девы Марии, то и я должна за Него всячески страдать и умереть, нимало не щадя своего грешного тела и здоровья. Не думай испугать меня своими угрозами: я готова на всякие муки и на смерть. Укрепит меня Тот, на Кого надеюсь! А что ты мне говоришь о супружестве, почете, славе и богатстве, то всё это для меня противно и мерзко. Неужели я оставлю Бессмертного Жениха моего Христа, Царя Небесного и вступлю в брак с псом смердящим, мертвым душою? Никогда!

Услышав такие смелые слова святой Марины, епарх раздосадовался, оскорбился, сильно разгневался и тотчас, переменив любовь на вражду и ненависть, велел снять одежды с невесты Христовой, приказал положить ее на земле и бить прутьями без пощады. Долго били святую без милости; ее девическое тело разрывалось от ран, и кровь текла из ран ручьями, обагряя землю. Смотря на это, народ проникался к ней жалостью, что так жестоко мучат такую красивую девушку, и многие плакали. Глашатай же кричал:

– Марина, принеси жертву богам, не губи понапрасну красоты своей и не лишай себя преждевременно этой сладкой жизни!

Но мученица, возведя к Богу свои духовные очи, молилась, прося помощи свыше и укрепления в страдальческом подвиге;

она не чувствовала боли в мучении, подкрепляемая благодатию Христовой: словно раны налагались не на нее, а на чужое тело. Говорили ей некоторые из народа:

– Девушка, для чего ты сама губишь свою красоту? Отчего ты не покоряешься? Смотри, как жесток судья, он погубит тебя, и память о тебе исчезнет с земли; мы жалеем тебя!

А святая громко отвечала им с укором:

– Лукавые советники, злые помощники, вы стараетесь соблазнить меня! Как древний змей подал Еве лукавый совет в раю, так вы теперь советуете мне отступить от Бога моего; прочь от меня, беззаконные: не соблазнить вам меня, ибо я всей душой предана Христу!

Потом, когда палачи перестали ее бить, сказал мучитель страдалице:

– Это начало твоих мук, Марина, и если ты будешь упорствовать в непокорстве, то испытаешь еще большие муки.

Святая отвечала:

– Делай всё, что угодно тебе и отцу твоему диаволу; я не обращаю внимания на муки, ибо мне помогает Христос, Который скоро посрамит все ваши хитрости.

Епарх еще больше разгневался и приказал прибить ее гвоздями к доске и железными трезубцами строгать ее тело. Она же, подняв глаза к небу, говорила:

– Окружили меня враги мои, замышляя зло против меня, но Ты, Господи мой, призри на меня и помилуй меня, пошли мне помощь животворящего Твоего Духа. Пусть Он умудрит меня исповедовать пресвятое имя Твое до последнего издыхания, пусть даст мне крепость мужественно противиться диаволу и слугам его, чтоб я одолела и посрамила их; удостой меня быть образцом для любящих Тебя, и хранящих свое девство ради Тебя, чтоб стать мне вместе с ними по правую сторону во время праведного суда Твоего!

Так молилась святая, и жестокие слуги жестокого мучителя, словно людоеды, всё сильнее терзали трезубцами тело святой, и отваливалось тело кусками с кровью на землю, так что были видны голые кости. Епарх не мог смотреть на такое мучение; он закрыл свое лицо и отвернулся, а все присутствующие

изумлялись такому терпению святой. Потом снова заговорил с ней мучитель:

– До каких же пор ты будешь упорствовать, Марина? Вот уже и тело твое растерзано; хоть теперь согласись принести богам жертву, чтоб тебе не погибнуть совсем.

Мученица отвечала:

– Мерзкий пес! Свинья! Ты пожираешь человеческое мясо, и притворяешься милосердым, будто жалеешь меня! Я сама себя не жалею ради Христа, не пощадившего Себя, но отдавшегося за меня на большие муки. Если я послушаю твоего безумного совета и пощажу свое тело, то как же увенчается моя душа в Царстве Небесном?

После того епарх велел снять мученицу с гвоздей и запереть в особую темницу, глубокую и мрачную, полную всяких бесовских страшилищ, куда бывали заключаемы осужденные на смерть.

Сидя в этой темнице одна (других осужденных тогда не было там), святая мученица молилась Богу в теплоте души своей, взывая из глубины сердца:

– Боже Вышний, Тебе предстоят со страхом все небесные силы, и все начала и власти трепещут пред лицом Твоим, и всякое создание Твоею всемогущей силой сохраняется, изменяется и обновляется! Ты, Владыка, призри с небесной высоты, с престола славы Своей на меня смиренную, непотребную и недостойную рабу Твою: на Тебя надеюсь, к Тебе прибегла я и страдаю Твоего ради имени. Призри, Благоутробный, и исцели мое тело, израненное, как разорванное одеяние, обнови мою душу и сохрани ее для Твоего царства. Дай мне одолеть и попрать моего врага, как попирается ногами песок, чтоб мне стереть его силу Твоею непобедимою помощью и чтоб прославилось во мне пресвятое имя Твое вовеки.

Наступила ночь, а святая всё не переставала молиться Богу; тогда диавол осмелился испугать мученицу мечтательным страшилищем; так попустил Бог для большого прославления Своей угодницы. Внезапно потряслась темница, и показался какой-то мрачный свет, как будто от огня в дыму; затем явился

диавол в виде пестрого, громадного, страшного змея, а тело его, насколько было видно, окружало и опоясывало множество меньших змей и ехидн. Змей ужасно свистел и зияя огромной и жадной пастью, испускал нестерпимый смрад; он обошел вокруг мученицы, наводя на нее страх и ужас; потом раскрыл свою мерзкую пасть, напал на святую и схватил ее голову, стараясь проглотить. Казалось, мученица проглочена змеем, как некогда пророк Иона китом (Ион.2:1). Однако, она не отчаялась и не усомнилась, но, вперивши весь свой ум в Бога, осенила себя крестным знамением и тотчас увидела, что утроба змея расселась, а она сама избавилась от него и была цела и невредима; и в то же время погибло всё то бесовское страшное привидение: земля разверзлась, поглотила змея и всех змей с ним и бросила их в ад; святую же мученицу осиял небесный свет. Посмотрев вверх, она увидела, что открылась кровля темницы и на нее сходят сверху как бы лучи солнечные; увидела она также большой крест, сияющий несказанным светом, а над крестом голубку, белую как снег, которая говорила ей человеческим голосом:

– Радуйся, Марина, разумная голубица Христова, что победила злого врага! Радуйся и веселись, дочь горнего Сиона, что пришел день веселия твоего, когда войдешь ты с мудрыми девами в чертог нетленный бессмертного Жениха, Царя Небесного!

При этих словах голубки, Марину охватила несказанная радость и сладость, растерзанное ее тело начало заживать, и она сама чувствовала, как раны ее зарастали, язвы покрывались кожей, исчезала боль и немощь, и стала она опять, как прежде, здорова и прекрасна всем телом. Она радостно благодарила Бога:

– Благословляю Тебя, Владыка, и прославляю Тебя, Господи Боже мой; восхваляю имя Твое, что Ты сжалился надо мной, посетил меня, исцелил мое тело, укрепил мою душу и не предал меня в руки врагов моих, но, показав мне их ужасный вид, бросил их в глубочайшую бездну и отогнал от меня их ужас; теперь же, радуясь и веселясь о Тебе, Боге Спасителе моем, молю Тебя, Благого Человеколюбца, сподобь меня бани

святого крещения, чтоб я, омытая кровью и водой, стала достойной войти в Твой небесный чертог со святыми девами, невестами Твоими, так как Ты благословен вовеки!

В таких видениях и откровениях, и в таком торжестве и радости провела святая Марина всю ту ночь, пока не начался день и не настало время ее последнего подвига.

С наступлением утра епарх Олимврий опять сел на неправедный и нечестивый суд свой; весь народ собрался на зрелище. Приказано было привести из темницы мученицу на допрос. Увидев ее с светлым лицом, совсем здоровою и невредимою, даже без следа вчерашних ран, епарх очень удивился и молчал в изумлении, недоумевая, как это мученица, израненная вчера, за одну ночь совершенно выздоровела. Удивлялся и народ этому чудесному исцелению: одни превозносили силу Христову, другие же относили это к волшебству. Потом епарх, с трудом открыв свои уста, стал говорить святой:

– Видишь, Марина, как наши боги заботятся о тебе! Они сжалились над твоей юностью и красотой и исцелили тебя от твоих ран. Нужно и тебе в благодарность за полученное от них благодеяние принести им жертвы; а еще больше, тебе нужно быть подражательницей и преемницей своего отца: он служит богам в сане жреца и тебе нужно стать жрицею и служить им всю жизнь.

Святая отвечала:

– Не подобает мне оставить Бога моего Истинного и Живого и служить ложным и мертвым богам вашим; наоборот, тебе необходимо познать Единого Бога Небесного и уверовать в Него, видя на мне такую силу Его: ты вчера растерзал меня на части, а Он ныне сразу сделал меня здоровой и невредимой! Он – Всемогущий врач душ и тел человеческих!

Ожесточенный епарх опять велел мучить святую. Опять ее повесили на дерево, принесли зажженные свечи и стали опалять ей грудь и бока; она же, углубившись внутрь себя, молилась в глубине сердца Богу и молча терпела; она была обожжена как уголь и истерзана, будто мясо в пищу. И когда ее, еле живую, сняли с дерева, она громко сказала:

– Господи! Ты сподобил меня за имя Твое пройти через огонь, сподобь пройти и через воду святого крещения, и, омытую от грехов, введи меня в покой Твой.

А мучитель, услышав, что мученица упомянула о воде, сказал:

– Хочет пить, окаянная; надо напоить ее!

И он велел принести огромную бочку с водой и бросить в нее связанную мученицу, чтобы погрузить ее туда и утопить. Когда слуги взяли ее, чтоб бросить в воду, она громко сказала:

– Господи Иисусе Христе, выводящий из оков, разрешающий узы смерти и ада и поднимающий из гробов манием Божественной силы Твоей! Призри на рабу Свою и расторгни узы мои! И пусть эта вода будет мне желаемым святым крещением на рождение в жизнь вечную, чтоб, совлекшись ветхого человека, я облеклась в нового и явилась к Тебе в одежде брачной в Твой чертог!

Пока мученица так молилась, слуги бросили ее в бочку с водой, стали погружать ее в воду и топить. Но вдруг затряслась земля, и веревки, которыми была связана мученица, развязались, слуги же, объятые ужасом, разбежались от бочки; сверху над головой мученицы засияли лучи несказанного света, и снова явилась та виденная ею прежде белая голубка, сходящая сверху, подобно солнцу с венцом золотым в устах; она парила над головою мученицы, касалась ее ногами и опять летела в высоту. Видение это было видимо не только святой, но и некоторыми из присутствовавших, которые были достойны такого видения: многие из народа были тайными христианами и сподобились видеть это. Святая же стояла в воде, не погружаясь, пела, славя и благословляя великое имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Потом показался огненный столп над святою, достигавший неба, а на столпе крест, как бы хрустальный, испускавший светлые лучи; голубка взлетела и села на верху креста. И послышался свыше голос, и все слышали его:

– Мир тебе, невеста Христова, Марина! Ныне ты примешь неувядающий венец добродетели от руки Господней и почиешь в Царстве Небесном вместе со святыми.

Услышав этот голос и увидев, что мученица вышла из воды здоровою, без всякого следа ожогов, невредимою телом и прекрасною, тотчас великое множество мужчин и женщин уверовали во Христа, открыто признали себя христианами и, казалось, были готовы на смерть за Христа. Игемон ужаснулся, увидев, что такое множество народа обратилось ко Христу, и недоумевал, что ему делать; потом, разъяренный, он вывел на народ вооруженное мечами войско, которое было при нем и велел рубить всех, кто только славил имя Христово. Тогда и все неверные или трусливые из народа убежали, а те, кто истинно веровал, сами шли под меч. И пало убитых обоего пола до пятнадцати тысяч человек, которые, крестившись своей кровью и очистившись от всех грехов, вошли в радость Господа своего, увенчанные мученическим венцом. Затем епарх велел и мученицу усечь мечом. Когда святую вывели на место казни, она попросила немного подождать тех, кто вел ее, и, обратившись к следовавшему за ней народу, увещевала всех познать Единого Истинного Бога, Творца всего, и уклониться от бесовского обмана и погибели идолопоклонства. Потом она стала молиться и долго молилась за всех; вдруг сотряслась земля, страх напал на всех, и многие упали от страха на землю; упал и палач. Это Господь наш Иисус Христос явился с неба со святыми Ангелами Своей невесте, призывая ее в Свой покой и простирая руки, чтоб принять ее душу. Она же, несказанно обрадовавшись, побудила палача, чтоб он поскорее исполнял, что ему приказано. Она подставила под меч честную свою голову и была обезглавлена[4694]; а душа ее была взята руками Господними и унесена в небесные селения. Так окончила свой мученический подвиг святая великомученица Марина семнадцатого июля. Страдание же ее описал очевидец раб Божий Феотим, видевший всё мучение и сподобившийся быть зрителем тех видений, которые были явлены святой; он передал это верным на пользу, в честь и память возлюбленной невесты Христовой Марины, и во славу Человеколюбца Христа Спасителя нашего, Которому со Отцом и Святым Духом и от нас пусть будут честь и слава, Ныне и вечно. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Девства добротами преиспещренна дево, нетленными венцы венчалася еси Марино: кровьми же мученичества обагрена, чудесы просветившися исцелений, благочестно мученице прияла еси почесть победы твоего страдания.

Страдание святого мученика Емилиана

Память 18 июля

В царствование нечестивого Юлиана богоотступника[4695] было поднято жестокое гонение на христиан, которое подобно вихрю или буре смутило всю вселенную. По всему царству римскому, по всем областям и городам было разослано приказание, чтоб христиане, к какому бы племени и народу ни принадлежали, обоего пола и всякого возраста, без милосердия отдавались на разные муки и жестокую смерть. Таким неправедным приказанием богоненавистный царь этот нарушил правые законы и обагрил весь восток и запад проливаемой нещадно христианской кровью, пылая гневом и враждой против Христа и Его рабов. Между другими жестокими игемонами, которых он рассылал в разные области и города мучить христиан, он назначил в город Доростол, в области Мизии, немилостивого мучителя, по имени Капитолина, губителя людей и служителя идолов; прибыв в названный город, он прежде всего явился в идольское капище, принес жертву бесам и поклонился бездушным идолам. Потом на другой день он вышел на судилище, бывшее на площади, сел на высоком троне, гордо и грозно на страх христианам и, объявив царское повеление, стал старательно расспрашивать, нет ли в городе противников богам, не называет ли там кто себя христианином? Граждане с клятвою утверждали, что у них в городе нет ни одного такого, но что все поклоняются богам и приносят им ежедневно жертвы. Услышав это, игемон Капитолин весьма обрадовался и пригласил всех именитых граждан к себе на обед, сказав:

– Так как я вижу, что вы усердно почитаете отеческих богов, то нам надо сегодня вместе поесть, попить и повеселиться.

Был в том городе один тайный христианин, по имени Емилиан, раб одного уважаемого начальствующего лица, язычника. Он во время пира игемона с начальниками, улучив удобное время, вошел один (никто его не видел) в идольское капище, захватив с собой железный молоток, и начал бить

идолов; он разбил их на куски, опрокинул их алтари, разметал жертвы, сломал и раздробил огромные светильники, которые стояли пред идолами и, разорив всё, как храбрый воин, ушел, радуясь и торжествуя в душе. После него в капище вошел кто-то из язычников; увидев, что всё разорено, он пришел в ужас и поспешил сказать о том игемону и обедавшим вместе с ним гражданам. Тотчас все встревожились, игемон пришел в ярость и приказал разузнать, кто сделал это; посланные поспешили и вскоре увидели какого-то поселянина, шедшего мимо капища с поля; они схватили его и потащили к игемону, причем били его как злодея; и много народа с жрецами шло за ними, причем все говорили о поругании своих богов и приходили в ярость. Блаженный же Емилиан, видя это, помыслил в себе:

– Если я скрою свое дело, то какая мне будет от этого польза? Я только больше отягощу свою совесть, или из-за меня убьют неповинного человека, и я буду убийцей перед Богом.

Подумав так, он обратился к тем, кто вел и бил поселянина, и старался остановить их, громко крича:

– Пустите этого неповинного человека, возьмите меня: это я сокрушил и попрал ваших бездушных богов!

Те, оставив поселянина, схватили с яростью святого Емилиана и повели его к игемону с побоями и оскорблениями. Игемон, сев на обычном месте суда перед всем народом и увидев приведенного к нему Емилиана, спросил граждан:

– Кто это?

Граждане отвечали:

– Это злодей, сокрушивший богов и поправший жертвы.

Игемон, преисполнившись гнева, обратился к гражданам с укором:

– А вы раньше сказали, что в вашем городе нет ни одного противника богов; вот нашелся такой, благодаря вашему нерадению; за эту вину вы внесете в царскую казну литру золота[4696].

Сказав это гражданам, он обратился к Емилиану и гневно начал спрашивать его:

– Скажи нам, нечестивец, как зовут тебя!

Доблестный воин Христов отвечал:

– Я христианин.

Игемон, еще больше разгневавшись, сказал:

– Имя твое скажи нам, мерзкий человек!

Мученик отвечал:

– Родители мои называли меня Емилианом, Христос же, истинный Бог, сподобил меня быть и называться христианином.

Игемон спросил:

– Скажи, нечестивый человек, кто тебя научил нанести такое оскорбление бессмертным богам?

Раб же Христов отвечал:

– Бог и душа моя повелели мне сокрушить бездушные истуканы, называющиеся у вас богами, чтоб все видели, что они – бездушные, глухие и немые, что у них нет разума, но что они камень и дерево, которое не чувствует; знай же, что истинному – Богу, сотворившему всё, я не нанес оскорбления, но оскорбил ваших ложных богов, которые ничего не сотворили, но сами сделаны вами, и я бросил их на землю, чтоб они погибли навсегда!

Игемон сказал на это:

– Один ты разбил богов или еще кто был с тобою?

Отвечал святой:

– Один я с помощью Христа моего стер в прах ваших идолов и попрал ногами жертвы и светильники их; и ни один не мог отмстить мне за обиду, даже не мог уклониться от моих рук, так как они бессильны, бесчувственны. Будьте же такими и вы, делающие их, и все, надеющиеся на них.

Игемон в ярости приказал раздеть раба Христова, чтоб бить его. Когда сняли одежды с мученика, игемон сказал ему:

– Скажи нам, окаянный, кто тебя научил разбить богов?

Отвечал святой:

– Я уже тебе сказал раньше, и еще скажу, что никто другой, как только Бог и душа моя повелели мне сделать это.

Тогда игемон приказал слугам:

– Обнажите его и бейте сильнее, чтоб он знал, что дерзость его не поможет ему, и не избавит его никто от моих рук!

И начали с жестокостью бить его.

Когда настолько уже побили мученика, что земля обагрилась кровью его, игемон спросил святого:

– Скажи, окаянный, кто тебя научил сделать это злодейство?

Мученик же среди побоев отвечал:

– Я сказал тебе, что мне повелел сделать это Бог и душа моя, и ты всё не веришь мне; да я и не зло сделал а добро, потому что я посрамил беса и прославил Бога.

Игемон сказал слугам:

– Переверните его и бейте по животу и груди: горд он, ослушник царских законов!

И долго нещадно били мученика; потом игемон велел перестать бить святого и спросил его:

– Ты раб или свободный?

– Я раб градоначальника, – отвечал святой.

Тогда игемон прогневался на градоначальника, хозяина Емилиана, за то, что держит у себя такого раба, противника богов и непокорного царскому повелению, приговорил его к уплате в царскую казну штрафа в литру серебра, а мученика осудил на сожжение. Тотчас же слуги и множество народа схватили святого и повели вон из города; затем на берегу реки Дуная, разведя огромный костер, бросили в него мученика. Пламя огненное окружало святого, но не касалось его; потом разлилось вокруг на далекое расстояние и пожгло всех неверных, до кого только достигало, иных сильно опалило, а прочие едва убежали. Бывшие же среди народа тайные христиане не получили никакого вреда от огня, хотя пламя и доходило до них. Святой стоял в огне, лицом на восток, ограждая себя крестным знамением и благословляя Бога. Помолившись же, сколько захотел, он сказал:

– Господи Иисусе Христе, приими дух мой[4697]!

С этими словами он возлег и почил о Господе, когда огонь уже угасал. Тело его нисколько не было повреждено огнем, даже волосы не опалились. И те из граждан, которые были тайными христианами, пошли к жене игемона, исповедовавшей также втайне христианскую веру, рассказали ей всё о святом и убедили ее выпросить у мужа для погребения тело мученика,

чудесно не тронутого огнем. Она упросила мужа, и тот позволил беспрепятственно взять тело святого; и взяли его верные, обвили пеленой с ароматами и похоронили с честью на месте, называемом Гизидина, отстоявшем за три поприща от города[4698]. Пострадал за Христа святой мученик Емилиан восемнадцатого июля, в пятницу, от Капитолина игемона, в царствование над римлянами и греками Юлиана Отступника, а над нами – Владыки нашего Иисуса Христа, с ним же Отцу и Святому Духу воссылается честь и слава, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Божественною ревностию распалаемь, огня сослужащаго не устрашился еси, возшед небоязненно волею, возгнещаемым огнем всесожжегся, и Владыце яко жертва принеслся еси мучениче, славне Емилиане. Христа Бога моли, даровати нам велию милость.

Житие преподобного отца нашего Памвы

Память 18 июля

Преподобный Памва прожил до старости постником в пустыне у горы Нитрийской, в Египте[4699]. Об его добродетельной, богоугодной и святой жизни рассказывают многие великие отцы, как будет видно из дальнейшего повествования, собранного из различных источников. Прежде всего преподобный Антоний Великий[4700] сказал о нем, что страхом Божиим (которого был преисполнен Памва) он вселил в себя Духа Божия. Преподобный Пимен сказал:

– Три дела мы видели у отца Памвы: голод всякий день, молчание и рукоделие.

Преподобный Феодор Студит[4701] о том же блаженном отце дает такое свидетельство: «Памва и деянием и словом да ублажится достойно, яко высокий»[4702]. Сократ же Схоластик[4703] пишет о нем, что в начале своего иночества он, будучи неграмотным, пришел к одному из братий, чтоб научиться у него псалмам Давидовым. Услышав в самом начале первый стих тридцать восьмого псалма, а именно: «буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим», он не захотел слушать других стихов, но ушел со словами:

– Довольно мне этого одного стиха, если я научусь исполнять его на деле.

И после уже не приходил к учителю.

Спустя шесть месяцев его увидал где-то учитель и спросил его:

– Почему ты до этих пор не приходил ко мне?

Памва ответил:

– Не научился еще исполнять на деле того стиха.

Потом, по прошествии многих лет один из знакомых отцов спросил его:

– Научился ли ты уже, брат, тому стиху?

Памва ответил:

– Девятнадцать лет не переставая учился и едва привык на деле исполнять то, чему он учит.

Хотя сначала святой Памва был неграмотен, но впоследствии он был умудрен Богом и хорошо знал священное Писание, даже для других он был умелым учителем (как пишет о нем Палладий[4704]; следующие четыре брата, славные в Египте, были его учениками: Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий, называемые великими и упоминаемые в житии святого Иоанна Златоуста[4705]. Первый из них, Диоскор, был потом епископом Ермопольским; это не тот Диоскор, который был еретиком и проклят на четвертом Вселенском соборе святых отцов[4706], но другой того же имени, живший раньше. Кроме того и Драконтий честной, упоминаемый в житии преподобного Иллариона Великого, епископ и исповедник Христов, претерпевший изгнание от ариан, был также учеником блаженного Памвы в юности своей. Учителем сих-то учеников был Памва.

Этот преподобный между многими иными великими добродетелями отличался еще совершенным презрением к золоту и серебру. Когда святая Мелания римлянка, повсюду раздавая всё свое богатое имущество нуждающимся Христа ради, прибыла в Александрию, то, услышав о святом Памве, пришла к нему вместе со странноприимцем пресвитером Исидором Александрийским; она принесла с собою триста литр серебра и просила Памву взять себе, сколько хочет, из принесенного ею серебра. Но он даже не взглянул на него и не перестал рукодельничать, – он плел рогожку, – а только ответил ей:

– Да вознаградит тебя Господь за твое усердие, которое ты имеешь к Нему.

Когда же она продолжала настойчиво просить его взять сколько-нибудь, преподобный сказал служащему ему брату:

– Возьми, что дают, с осторожностью и снеси и раздай братьям в Ливии[4707] и на островах: они очень бедствуют, так как земля у них бесплодна, а братьям египетских монастырей ничего не давай, потому что их земля плодородна, и они могут иметь достаток от своего труда.

Тогда блаженная Мелания отдала всё принесенное серебро тому брату для раздачи бедным и сказала преподобному

Памве:

– Отче, заметь, сколько я даю серебра: триста литр.

Он же ответил ей:

– Бог, Которому ты принесла серебро, дочь моя, не спрашивает тебя, сколько ты принесла: неужели «Кто исчерпал воды горстью своею и пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли, и взвесил на весах горы» (Ис.40:12) не знает о количестве твоего серебра? Если б ты мне давала серебро, то, разумеется, ты сказала бы мне, сколько даешь, а ты даешь его Богу, Который не презрел и двух лепт вдовицы, но принял их охотнее многих богатств (Мк.12:42); так молчи, не вострубi перед собой! (Мф.6:2)

К преподобному Памве пришел однажды отец Пиор и принес с собою небольшой кусок черствого хлеба. На вопрос Памвы:

– Зачем, отец, ты принес с собой хлеба?

Пиор отвечал:

– Чтоб не стеснить тебя. (То есть чтоб не обидеть тебя хлебом, а есть свой).

Через несколько дней преподобный Памва отправился к отцу Пиору, захватив с собою кусок своего черствого хлеба, обмакнув его в воде. Увидев это, Пиор спросил:

– Зачем ты, отец, принес намоченный хлеб?

Он отвечал:

– Чтоб не только в хлебе, но и в воде не стеснить тебя.

Однажды святой Афанасий Александрийский попросил отца Памву прийти к нему в Александрию. На пути старец с несколькими братьями увидел сидящих мирян, которые не обращали внимания на проходивших иноков; Памва сказал этим мирянам:

– Встаньте и приветствуйте монахов с почтением, чтоб получить от них благословение: они часто беседуют с Богом и уста их священны.

Потом, пришедши в город, он увидел публичную женщину, разодетую на соблазн людской; и заплакал старец. Тогда братья спросили его:

– Что ты плачешь, отец?

Он отвечал:

– Я плачу по двум причинам: о погибели души этой женщины и о том, что у меня нет такого усердия к своей душе, какое она имеет к своему телу. Она разукрасилась так, чтоб угодить людям, а я не забочусь украсить свою душу, чтоб она угодна была Богу.

Будучи всегда преисполнен умиления, преподобный Памва никогда не смеялся, никогда на лице его не было даже улыбки. Однажды бесы захотели заставить его засмеяться; они привязали веревку к перу и потащили у него перед глазами словно какую тяжелую кладь, говоря и крича друг другу:

– Помогите! Помогите!

Увидев это, отец Памва рассмеялся. Тогда бесы, обрадовавшись, закричали:

– Вот, наконец, Памва засмеялся!

А он возразил им:

– Я не смеялся, а посмеялся над вашей немощью: одного пера поднять не можете!

Бесы убежали пристыженные.

Ученики его рассказывают о нем еще, что он был очень осторожен в разговоре и рассудителен в ответах. Когда его спрашивали о чем-нибудь из Божественного Писания или о каком-либо деле, он не тотчас отвечал, но сначала долго молчал и раздумывал сам с собой, а потом часто говаривал:

– Я не знаю, что ответить на этот вопрос.

И только через три дня или три недели, а иногда и через три месяца он давал ответ на вопрос. Ответы его бывали справедливы и весьма полезны, так как влагались в его разум Божией благодатью. Поэтому все принимали слова из его уст со страхом, как из уст Божиих: Бог говорил его устами.

Во времена этого преподобного были в тех же египетских странах два родные брата, Паисий и Исаия, дети богатых родителей; отец их был известный купец, который ездил с дорогими товарами до самой Испании. Разделивши между собою большое богатство, доставшееся им после смерти их родителей, они сказали друг другу:

– Какую мы выберем себе жизнь? Если будем заниматься торговлей, как наш отец, то кто знает, кому достанутся после нас плоды наших трудов? Да еще придется постоянно бояться, чтоб не попасть в какую беду: разбои, кораблекрушения. Выберем лучше жизнь монашескую, вложим отцовское имение в небесную сокровищницу; поступив так, мы и души свои спасем.

Посоветовавшись так, оба они отказались от мира. Один тотчас же свою часть наследства раздал нищим, церквам и монастырям, ничего не оставив себе, ушел в пустыню и научился там какому-то небольшому ремеслу, с помощью которого и кормился трудами своих рук; и жил он один богоугодно, прилежно постясь и трудясь. Другой же построил себе маленький монастырь неподалеку от мирских жилищ и, приняв к себе немногих братьев, давал приют странникам и кормил нищих. Построив странноприимный дом и больницу, он давал приют всем приходившим и служил весьма усердно больным, а в субботу и воскресенье он устраивал по два, по три и по четыре обеда для нищих. Пожив таким образом несколько лет оба брата преставились к Господу. По их кончине многие братья стали беседовать о тех братьях: одни больше хвалили того, кто раздал сразу свое имение и ушел на безмолвие в пустыню, другие же отдавали предпочтение другому, который своим имуществом долгое время служил странникам, нищим и больным. Не уступая долгое время друг другу в этом споре, братия пошли спросить об этом преподобного отца Памву, желая узнать, которого брата жизнь угоднее Богу и кто из них получит большую награду. Преподобный же Памва на их вопрос отвечал так:

– Оба совершенны пред Богом, странноприимец уподобился праведному Аврааму, а пустынник святому пророку Илии, и оба одинаково угодили Богу.

Братия всё-таки не соглашались, и противоречили друг другу; одни, прославляя более пустынника говорили:

– Он исполнил евангельскую заповедь: продай имение твое и раздай нищим, и, взяв крест, последовал Христу, терпя жажду и голод каждый день; а странноприимец, хотя и служил нищим,

однако, и сам пользовался своим имением; ел и пил со странниками, обедал с больными.

Противники же возражали, говоря, что и страннолюбец исполнил Христово слово, сказанное в Евангелии: «не пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» для других (Мф.20:28). Ведь он стольким послужил, каждый день выходя на людную дорогу, ища странника, нищего, больного, бедного и приводя таких в свой дом, где давал всем покой; и если за одну чашу холодной воды, поданную жаждущему, обещана от Бога награда, то какую же награду получит брат, принимавший странников, удовлетворивший бесчисленное количество жаждущих и голодных и служивший всякому больному, как Христу.

Видя такое разногласие между братьями, преподобный Памва сказал им:

– Погодите немного, братия, пока я не получу извещение от Бога; тогда я скажу вам.

Через несколько дней опять пришли к нему братья за ответом на свой вопрос; тогда старец сказал им:

– Перед Богом говорю вам, что обоих тех братьев (Паисия и Илию) я видел стоящих вместе в раю.

Услышав это, все братья успокоились и прославили Бога.

После этого откровения, бывшего преподобному о двух братьях, всем стало ясно, какую великую благодать имеет он у Бога, если удостоился до смерти увидеть райское блаженство; и он сам был подобен райским жителям вследствие того, что видел их, а еще больше вследствие изобильной благодати Божией, обитавшей в нем. Еще в тленном теле живя среди людей, он носил уже на лице своем печать райского нетления, был светел не только душою, но и телом, и сияло лицо его славой как некогда лицо святого пророка Моисея. Об этом в житиях святых отцов рассказывается так. Три года преподобный молился Богу:

– Господи, молю Тебя, не прославляй меня на земле!

Бог же, прославляющий угодников Своих, так прославил его, что братья не смели смотреть на его лицо от той славы, которую имел он: так святой был прославлен на земле в своем

теле прежде прославления своего на небе. Когда же наступило время его блаженной кончины, после семидесяти лет его жизни, он сказал стоявшим около него братьям:

– С тех пор как я поселился в этой пустыне, построил келью и обитаю в ней, не проходило ни одного дня, чтоб я не работал чего-нибудь своими руками до утомления; я не помню также, чтоб я ел когда-либо хлеб, данный мне кем-нибудь, но всегда – заработанный трудами моих рук; и из уст моих не выходило такого слова, в котором бы мне приходилось теперь со стыдом раскаиваться, однако, я отхожу к Господу так, как будто и не начинал богоугодно и по-иночески жить.

С этими словами он предал честную и святую свою душу в руки Божии[4708], не пострадав никакой телесной болезнью. Такова была жизнь и кончина этого угодника Божия, святые молитвы которого да помогут и нам научиться богоугодной жизни и кончину добрую получить по милосердию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Иоанна Многострадального

Память 18 июля

«Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян.14:22), – сказал Апостол Павел.

Согласно с ним и возлюбленный ученик Иисусов, Иоанн девственник, сказал:

– «Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби» (Откр.1:9).

С ними согласен и возлюбленный ученик Пресвятой Богородицы из Печерской обители, наш русский девственник Иоанн, который прозван Многострадальным; действительно много скорбей перенес он ради обещания девства, данного небесному Жениху. Так он сам рассказывал про свою жизнь, незадолго уже до смерти, по следующему поводу. К этому преподобному, затворившемуся на одном тесном месте, в пещере преподобного Антония, и проведшему там всю свою жизнь, приходил часто один из братьев, которого обуревал диавол плотским вожделением; он просил святого помолиться Господу об ослаблении его страсти. Преподобный же Иоанн говорил ему:

– Брат, мужайся, пусть окрепнет твое сердце, терпи во имя Господне и сохрани пути Его, и Он не оставит тебя в руках наших врагов и не даст им уловить тебя.

Отвечал ему обуреваемый страстью:

– Поверь мне, отец, если не дашь мне ослабления, то я не буду знать покоя, но буду ходить с места на место.

Преподобный же Иоанн сказал ему:

– Зачем ты хочешь отдать себя на растерзание врагу? Ты будешь похож на человека, стоящего на краю пропасти; придет к нему враг и внезапно столкнет его вниз, и такое падение будет ужасно, так что потом ему уже не подняться; если же ты останешься здесь, в святом монастыре, ты будешь похож на человека, стоящего далеко от пропасти, которого враг как бы ни трудился тащить, не может сбросить; так Господь за твое терпение избавит тебя от пропасти страстей и от бренной

нечистоты; послушай, брат, я расскажу тебе, что случилось со мной в юности.

И он начал рассказывать всю свою жизнь подробно.

Когда я пришел (говорил он) в этот святой монастырь печерский и стал трудиться по чину святого Ангельского иноческого образа, – я, сильно разжигаемый похотью, – весьма много претерпел ради своего спасения! По два, иногда и по три дня я не ел, часто и целую неделю я совершенно не принимал никакой пищи и жаждою умерщвлял себя: целыми ночами я не спал; в таком страдании я провел около трех лет, но и таким образом не нашел я покоя. Тогда я пошел в пещеру, где положен был преподобный отец наш Антоний и пробыл день и ночь в молитве у его гробу; и вот я услыхал голос преподобного ко мне:

– Иоанн, Иоанн, тебе нужно здесь затвориться в пещере, чтоб, не видя ничего и пребывая в молчании, побороть страсть. Господь поможет тебе молитвами Своих преподобных.

Потому (продолжал он) я с тех пор затворился здесь в тесном и печальном месте, где живу вот уже тринадцатый год; и не скоро я достиг покоя. Целые года боролся я со страстями и телесными помыслами, ведя жизнь строгую, немало лет, удручая свое тело сначала только постом и бодрствованием; потом, не зная, что делать и не будучи в состоянии побороть плотской страсти, я решил жить нагим; я повесил на свое тело тяжелые вериги и так с тех пор и поныне я изнуряю себя холодом и тяжестью железа. Однако, когда и этого всего бывало недостаточно, я придумал иное: выкопал глубокую яму, по самые плечи мне. Когда настали дни святого Великого поста, я влез в яму и засыпал всего себя землей, так что у меня остались свободными только руки и голова, и так я пробыл под тяжестью земли весь пост, не будучи в состоянии двинуть ни одним суставом; но и от этого не прекратилась жгучая плотская страсть моя. Кроме того меня пугал враг диавол, желая выгнать меня оттуда, и я ощутил такое его коварство: на дне ямы загорелись мои ноги, жилы в них стянуло, кости трепетали, пламя достигло уже живота и члены мои начали гореть. Я же не обращал внимания на жестокую боль, но радовался душою,

радовался, что душа моя сохранилась чистою от скверны: я предпочел сгореть в том огне ради Господа, нежели выйти из ямы поруганным от беса, и в то же самое время я увидел страшного и лютого змея, который дышал пламенем, обжигал меня искрами и хотел пожрать. Так он делал несколько дней, желая прогнать меня. С наступления Светлой ночи Воскресения Христова напал на меня внезапно тот лютый змей, захватил в пасть мою голову и руки, на голове и на бороде у меня опалились волосы, как ты теперь видишь, и я, уже находясь в пасти у того змея, вскричал из глубины моего сердца:

– Господи Боже, Спаситель мой, зачем ты оставил меня? будь щедр ко мне, Владыка, потому что Ты один Человеколюбец! Спаси меня грешного, ибо Ты один – безгрешный! Избавь меня от скверного беззакония моего, чтоб я не погиб в сетях лукавого навеки, спаси меня от этого врага: вот он рычит, как лев, желая меня поглотить. Покажи силу Твою и приди спасти меня! Блесни Своей молнией и прогони его, чтоб он исчез от лица Твоего!

Когда я кончил молитву, тотчас свет Божественный блеснул как молния, и лютый змей тот исчез; и я его до этих пор не видал, по милости Божией. Я услышал тогда и голос Господа ко мне:

– Иоанн, Иоанн! Вот тебе была помощь, теперь смотри сам, чтоб больше не пострадать в будущем веке.

Я же (сказал он), поклонившись, сказал:

– Господи, зачем ты оставил меня на жестокое мучение?

Отвечал мне голос:

– По мере твоего терпения было это послано тебе, чтоб ты, испытанный огнем, стал чист, как золото; выше силы не допустит Бог искушения человеку, чтоб не изнемог он и не был поруган лукавым змеем. Но как разумный хозяин поручает крепким и сильным рабам большую и тяжелую работу, а слабосильным и слабым – плохую и легкую, так понимай и ты о борьбе с телесною похотью, из-за которой ты молишься о себе. Но помолись тому мертвецу, который находится близ тебя, чтоб он излечил тебя от блудной страсти: он сделал больше Иосифа[4709] и может помогать страдающим от этой страсти.

А я (продолжал он), не зная имени этого мертвеца, стал восклицать:

– Господи, помилуй меня молитвами этого преподобного!

Потом я узнал, что это был Моисей, родом угрин (венгерец). Тогда меня осиял несказанный свет, в котором я и теперь нахожусь, не нуждаясь в свете ни ночью, ни днем, и все достойные, которые приходят ко мне, довольствуются этим светом и видят воочию мое утешение, которое осветило меня в ту ночь Воскресения, давая надежду на будущий свет.

Окончив этот рассказ о многострадальной жизни своей, преподобный отец наш Иоанн обратился к одержимому страстью плотскою и сказал:

– Мы ведь сами, брат, помышляем своим умом о плотском, за это и попускает на нас Бог страдания Своим праведным судом, потому что мы не приносим достойных плодов покаяния. Но, брат, я скажу тебе: помолимся этому преподобному Моисею, и он поможет тебе.

После этого он помолился вместе с одержимым страстью; потом взял одну кость от мощей преподобного Моисея и дал ему, говоря:

– Приложи ее к своему телу.

Сделав это, брат тотчас почувствовал, как угас жар в теле его; блудная страсть перестала беспокоить брата и замерла в теле его; с тех пор не было ему более мучений от нее. Тогда святой и брат, одержимый страстью, вместе воздали хвалу Богу за то, что тех, которые прославили Его чистотою в своей жизни, прославляет Он и по смерти чудесами, очищающими людей от греха.

Вскоре после рассказа о своих великих страданиях многострадальный затворник, преподобный отец наш Иоанн 18 июля предал дух свой в руки Господу[4710], чтоб воцариться с Тем же, с Кем вместе пострадал. Мощи же его святые, подающие неоскудевающее исцеление, как столп защиты от лица вражьего, стоят и теперь непоколебимо там, где он сначала там себя закопал по плечи, когда подвизался, и после, когда узнал время своего преставления. Молитвами многострадального сего затворника, преподобного отца нашего Иоанна (честное

тело которого, как победившего телесную страсть многим страданием, стало столпом в доме Божием), да будем и мы направлены, как светом столпа, явившимся пред Моисеем, – в ту обетованную небесную землю, текущую молоком и медом, чего удостаиваются кормящиеся грудью младенцы, а также и этот девственник Иоанн, подобно Иоанну – наперснику Христа, благодатию и славою в Троице славимого Бога, Которому воссылается слава ныне и вечно. Аминь.

Страдание святого мученика Иакинфа

Память 18 июля

Сей святой мученик происходил от благочестивых родителей Феоклита и Феопилы. Он родился в то время, когда церковью в городе Амастриде[4711] управлял епископ Ираклий, и получил имя от явившегося Ангела. Будучи трех лет от роду, он, призвав имя Христа, воскресил умершего мальчика, который после того подвизался вместе с ним и усовершенствовался в добродетели. Достигши старости и совершивши множество чудес, он увидел однажды, как неразумные идолослужители поклоняются пустому внутри дереву вязу. Он пошел срубил это дерево. За это его схватили и привели в город Амастриду к правителю области Кавстрисию, по повелению которого его сперва жестоко избили, причем выбили ему зубы, потом, привязав к нему веревки, влачили по земле и, наконец, заключили в темницу, где он и предал дух свой Богу[4712].

Житие преподобной матери нашей Макрины

Память 19 июля

Святая Макрина родилась в Каппадокии в царствование Константина Великого[4713]. Родители ее были Василий и Эмилия; она была у них первым ребенком и была старшей сестрой Василия Великого, Григория Нисского и других братьев и сестер. У честных родителей всего было десять человек детей: четыре сына и шесть дочерей. Этой первой дочери до рождения ее по Божию откровению, бывшему матери во сне, было дано имя Фекла: а именно: перед самым временем рождения мать уснула и увидала во сне, что она носит на руках еще не рожденное дитя. И подошел будто бы какой-то светлый и честный муж, посмотрел ласково на дитя и три раза назвал его Феклой, давая знать, что это дитя будет подражательницей целомудренной жизни святой первомученицы Феклы и вольной мученицей без крови.

Проснувшись после этого видения, Эмилия родила это дитя и назвала его Феклою; но домашние и родственники захотели лучше назвать ее Макриною, по имени ее бабки с отцовской стороны, святой Макрины, которая в царствование Максимиана Галерия[4714] подверглась вместе со своим мужем гонению за Христа и семь лет скиталась в пустынях, терпя крайнюю нужду, пока не прекратилось гонение. Итак, двойное имя было у новорожденной: Фекла по откровению, Макрина по прозванию; и не напрасно: она унаследовала богоугодную жизнь от обеих тех угодниц Божиих, так же, как и они, пылая в сердце пламенной любовью к Богу. Привычка называть ее Макриною настолько укрепилась среди людей, что некоторые и не знали ее первого имени, и все звали ее другим: верим, что под обоими теми именами записана на небе, в книге жизни эта невеста Христова.

Девочку вскормили, и, когда ребенок стал приходить в возраст, мать начала ее воспитывать и учить грамоте, начиная не с языческих басен (как это делали обыкновенно другие

матери) и не с сочинений поэтов, в которых много такого, что недостойно чистого девического слуха; она выбирала из книги премудрости Соломона[4715] и из псалмов Давида или из других книг Божественного писания подходящие стихи, и именно такие, которые заключали в себе или молитвы и славословия Божии, или же добрые нравоучения. Девочка училась успешно, она была способная; и были постоянно у ней на устах слова книжные и молитвенное пение на всякое время дня: вставала ли она с постели, или принималась за какое-либо дело, садилась обедать или вставала из-за стола, полдень и вечер она не пропускала без пения, псалмов, и, отправляясь спать, она совершала установленную молитву. Она была научена матерью и рукоделию, свойственному девице, и ей не позволяли проводить время в праздности и детских играх, но постоянно занимались или чтением книг, или рукодельем.

Когда отроковице исполнилось двенадцать лет, она оказалась настолько красивой, что не было подобной девушки во всей той стране; даже живописцы не могли изобразить красоту лица; поэтому много богачей и знатных людей беспокоили просьбами ее отца, каждый желая женить на ней своего сына.

Отец же Макрины, как благоразумный человек, выбрал из всех одного юношу, отличавшегося среди других не только знатным происхождением, но и разумом и добронравием, и обручил с ним свою прекрасную дочь Макрину; но свадьбу отложил, пока девушка подрастет и достигнет брачного возраста. Юноша же дожидался и успешно занимался науками; но Бог, устраивающий всё премудро, по Своему смотрению пресек временную жизнь его и перенес его в жизнь вечную. Тогда блаженная девица, в юных летах отличавшаяся разумом старицы, твердо решила ни за кого не выходить замуж, но сберечь в чистоте девство свое до конца жизни. Много юношей упрашивали Макрину выйти замуж, и сами родители и родственники уговаривали ее вступить в брак; но она, не по летам рассудительная, словно не юная, а скорее старица, по своим благоразумию и рассудительности, отвечала:

– Не хорошо девушке, обрученной одному жениху, выходить за другого, незаконно преступить однажды совершенное обручение; ведь по естественному закону супружество должно быть одно, как одно рождение и одна смерть, а тот, кому я обручена и кого называют умершим, не умер, – верю я в надежде воскресения, – а жив и только ушел далеко в другую страну до времени общего воскресения; не мал грех и позор супруге, если она, по уходе куда-нибудь своего супруга, не сохранит супружеской верности, а соединится с другим.

Так отвечала благоразумная девица Макрина всякому, кто говорил ей о браке и советовал выйти замуж, и сохраняла себя в непорочном девстве; она была постоянно при своей матери, как при бдительном стороже ее жизни и служила ей усердно, со смирением, не стыдясь и тех работ, которые исполняли рабыни, но работала всё с ними вместе, как бы одна из рабынь. Особенно, когда отец ее отошел к Господу, она стала для овдовевшей матери неотступной служанкой и утешительницей во всех ее печалях и скорбях; она усердно смотрела за всем домом, а всем остальным своим братьям и сестрам, как старшая, была учительницей и наставницей, как вторая мать, в особенности же последнему брату Петру, который родился во время кончины отца: когда он явился в мир из утробы матери, отец ушел из мира; этого последнего брата сама святая Макрина научила грамоте, воспитала его благоразумию и добронравию, научила его целомудренной жизни, и он был потом святителем, не последним среди угодников Божиих.

Когда брат ее Василий, который родился после нее, возвратился домой после многих лет учения в различных странах и стал по своей юности гордиться своей ученостью, святая Макрина кроткими и боговдохновенными речами своими вскоре привела его к такому смирению, что он вскоре презрел всё житейское и избрал себе монашескую жизнь. Эта истинная раба Христова и другого брата, по имени Невкратия, еще юного, своими душеполезными беседами обратила к любви Божией и к чистой жизни: оставив всё, Невкратий ушел в пустыню, где, служа престарелым пустынникам, окончил свою жизнь в молодых еще летах.

По увещанию этой благоразумной девицы и мать ее, блаженная Эмилия, устроив остальных дочерей замуж и отпустив на волю рабов и рабынь, оставила заботы и попечение этого суетного мира и пошла в девичий монастырь, так что обе – и мать, и дочь – стали Христовыми невестами, приняв на себя иноческий образ. Некоторые и из рабынь захотели вместе с ними отречься от мира и пойти в монастырь, и всё у них было общее, одна келья, один стол, одни одежды; всё, нужное для жизни у них было поровну; они служили Господу единодушно, в смирении, кротости и любви, и не было у них ни гнева, ни зависти, ни ненависти, ни презрения, ничего такого, что не было бы угодно Богу: они совсем были чужды суетных желаний и тщеславия. Их слава была в том, что никто их не знал, богатство в нищете, пища в воздержании; отрясши от тела всё земное, как пыль, они пели псалмы и читали книги день и ночь. Одно постоянное было у них дело и отдых от труда – богомыслие и молитва, а попечение и труды для нужд тела они считали неважными поделками, а не самым делом.

Какой язык может рассказать богоугодную жизнь их, протекавшую в постнических подвигах, коими они уподоблялись Ангелам? Они были как бы средостением между Ангелами и людьми, превосходя телесных людей и равняясь с Ангелами чистотой и воздержанием; они не сравнялись с Ангелами только тем, что те были бестелесны, а они имели тело. Если б кто и сравнил их с Ангелами, не ошибся бы; действительно, одетые телом, они подражали бестелесным, предстоя с ними на небе пред Богом боголюбивым сердцем. Такое житие проводили они немалое время, но до самой старости и смерти.

Когда преподобная Эмилия уже в преклонных летах приближалась к блаженной кончине своей и ослабла телом, пришел к ней последний сын ее Петр, проводивший богоугодную жизнь, и вместе со святой Макриной ухаживал за матерью во время ее болезни. При самом же разлучении ее с телом у постели умирающей с обеих сторон сидели ее дети, Макрина и Петр, и называли по именам остальных братьев и сестер, а она всем, как сокровище, оставляла свое материнское

благословение. Потом, положив одну руку на Макрину, а другую на Петра, она сказала, обратившись к Господу:

– Тебе, Господи, отдаю начаток и десятину от плодов моего чрева: начаток – эта перворожденная дочь, – десятина – этот последний сын! Ты в Ветхом Завете повелел приносить Тебе начаток[4716] и десятину плодов[4717]: пусть Тебе будут они благоприятной жертвой и пусть снизойдет на них Твоя святыня!

С этими словами она предала свою святую душу в руки Божии. И похоронили с честью дети свою мать, положивши тело ее в гроб своего отца, при мощах ее мужа: так она распорядилась перед смертью. Спустя некоторое время после этого святой Василий Великий поставлен был архиепископом Кесарии Каппадокийской и посвятил в пресвитеры своего брата Григория (называемого Нисским), а также пригласил к себе и другого брата, Петра, и причислил его к церковному причту; узнав об этом, святая Макрина порадовалась в душе. Через девять лет она опять услышала о святом Василии, что он преставился к Господу, и горько опечалилась, скорбя не столько о смерти родного брата, сколько о том, что угасло такое светило Церкви и пал такой столп благочестия. Потом приблизилось время отхода к Богу и самой святой Макрине; об ее честном преставлении святой Григорий, епископ Нисский, ее брат, пишет следующее.

Через девять месяцев[4718] по кончине Василия был созван собор епископов в Антиохии, на котором был и я (говорит Григорий); после собора я собрался посетить и повидать нашу сестру Макрину; давно мы с ней не видались, – мешали многие беды и неприятности, которым я подвергался, гонимый всюду арианами. Итак, я отправился к ней: когда я проехал уже очень много и уже приближался к месту назначения, за день до моего прибытия к сестре ночью во сне было мне следующее видение. Мне казалось, что я ношу на руках мученические мощи, от которых исходят светлые лучи, как от светлого зеркала положенного против солнца, так что глаза мои не могли смотреть на этот яркий блеск. Это видение повторялось три раза в одну ночь, и я не мог его понять; а в душе у меня была какая-то печаль, и я отправился в путь, ожидая, как то сбудется

этот сон. Когда я был близко от того места, где блаженная Макрина проводила Ангельскую и небесную жизнь, и когда многие вышли мне навстречу на пути и приветствовали почтительно меня, я спросил одного из знакомых о моей сестре Макрине: мне сказали, что она тяжело больна. Я поспешил, скорбя в душе; прибыв в обитель, я пошел сначала в церковь, где все монахини ожидали нас. После молитвы и благословения я увидел, что среди монахинь нет их игуменьи, моей сестры Макрины, и тяжело мне стало на сердце. Я пошел в ее келью и нашел ее тяжело больной, лежавшей не на постели, а на земле, на доске, покрытой рубищем; деревянное изголовье было также прикрыто рубищем. Увидев меня, входящего в дверь, она поклонилась и упала на руки: встать она не могла, но, насколько можно было ей поклониться с постели, она отдала мне поклон, я же поскорее поднял ее, положил на том же месте и со слезами целовал ее. А она протянула руки к Богу и сказала:

– Благодарю Тебя, Владыко Боже мой за то, что ты и это благодеяние оказал мне, исполнил мое желание, послал Своего слугу посетить рабу Твою.

Потом она начала разговаривать со мной, скрывая свою болезнь: она не хотела опечалить моей души, поэтому изредка слабо стонала, стараясь, как-нибудь удержать частые вздохи, и смотрела на нас со спокойным лицом. Ведя серьезные речи, она вспоминала Василия Великого; грустно мне стало при этом на душе, и я не мог удержаться от слез. Она, увидав мои горькие слезы, тотчас перестала говорить о Василии и начала о другом; стала говорить о дивном Промысле Божием и Его заботах, о будущем веке, о том, зачем человек был создан и как он стал смертным, как через временную смерть переходит в вечную жизнь, – и другие боговдохновенные речи вела она, давая нам великую пользу, и своей душе радость: она полна была Духа Святого: как бы из источника какого истекала благодать из уст ее, и весь ум ее был занят небесным. Окончив разговор, она сказала мне:

– Пора тебе, отец, отдохнуть немного от долгого пути и подкрепить тело пищей.

Хотя мне и не хотелось уходить от нее и прекращать приятный разговор, в котором я поистине находил покой душе своей, однако, я не осмелился ослушаться ее, раз ей так захотелось; и я ушел от нее. Нам было приготовлено место для отдыха в ближнем саду, очень красивом, под сенью деревьев, но ничто меня не радовало; сердце мое болело; я видел, что сестра моя близка к смерти, и ждал, как сбудется мое сновидение, которое, – я уже понимал, – начинало исполняться, и которое я толковал себе так: мощи мученические – это сестра Макрина, которая, действительно, истощая себя в течение стольких лет постническими подвигами ради любви к Богу, умертвила свое тело, как мученица, и совсем умерла для греха; лучи светлые, исходившие от мощей, означали благодать Духа Святого, обитавшую в ней.

Среди таких моих печальных размышлений, блаженная, узнав это духом, прислала мне сказать, что болезнь ее уменьшается, и ей стало легче. Это она сделала, чтоб я не печалился, и не терял надежды на ее выздоровление, однако, этим она утешала меня, говоря иносказательно не о телесном, а о душевном своем здоровье: тогда я, обрадовавшись этой доброй вести, принял пищи и немного уснул. После я опять пришел к ней, и она снова начала душеполезную беседу, вспоминая все благодеяния, оказанные ей и всей нашей семье; и приносила за это глубокую благодарность Богу. Я же слушал и наслаждался ее словами, думая про себя: если б этот день был подлинней, чтоб побольше насладиться ее речами! День уже склонялся к вечеру и нас призывало время к вечерней службе в церковь. Больная отпустила нас, а сама стала усердно молиться Богу.

На следующий день, когда я пришел к ней (говорит святой Григорий), я уже видел, что она скончается: я видел, что все телесные силы оставили ее, и я очень опечалился. Она поняла мою печаль и стала утешать меня различными боговдохновенными словами и душеполезными рассказами, а сама была полна духовной радости: в ней не было ни страха смерти, ни даже какого-либо смущения, но одна только надежда на Бога. К полудню она еще более обессилела, перестала

разговаривать с нами, а стала беседовать в молитве с Богом, воздевая к Нему руки. Молилась она таким тихим голосом, что мы едва слышали. В молитве ее были следующие слова:

– Ты, Владыка, удалил от нас страх смерти, ты устроил так, что конец этой временной жизни будет для нас началом вечной лучшей жизни. Ты успокаиваешь наши тела сном смерти не надолго и опять разбудишь их последней трубой. Ты наше бренное тело, созданное Твоими руками, вверяешь земле, как сокровище; и то, что даешь ей, опять взыщешь с нее, преобразив смертное и неблаголепное в бессмертное и благолепное. Ты избавил нас от проклятия и греха, Ты стер голову змея[4719] и вырвал из его пасти поглощенного человека. Ты сокрушил врата ада и, покорив силу того, кто властвовал над смертью, открыл нам путь к воскресению; Ты дал боящимся Тебя знамение, крест Твой святой, для утверждения и сохранения нашей жизни. Боже Вечный, Которому я предалась от утробы матери моей, Которого со всей силой души я полюбила и Которому с юности я отдала свою душу и тело! Приставь ко мне светлого Ангела, дабы он отвел меня в место светлое и прохладное, где есть вода покоя[4720] и лоно[4721] святых отцов! Ты, удаливший огненное оружие, заграждающее вход в рай разбойнику, распятому вместе с Тобою и вверившему себя Твоему милосердию, помяни и меня, рабу Твою, во Царствии Твоем: ведь и я распяла себя вместе с Тобою, пригвождая страхом Твоим свое тело и всегда исполняя Твои повеления. Пусть не отделит меня та страшная пропасть от Твоих избранников, а завистник пусть не остановит меня на пути, пусть не будет перед глазами Твоими моих грехов, которые по естественной слабости нашей я совершила пред Тобою или словом, или делом, или помышлением! Прости меня, ибо Ты имеешь власть отпускать грехи! Устрой с моей душой так, чтобы она, освободившись от тела, явилась к Тебе непорочной без греха и скверны; пусть будет она как кадило пред Тобою.

С этими словами блаженная перекрестила себе глаза, уста, сердце и с молитвою предала душу свою в руки Божии[4722]. Казалось, она уснула обыкновенным сном: закрыты глаза, закрыт рот, руки как следует лежат на груди, всё тело так

хорошо одето, что не требовало от рук человеческих никакого одеяния. Я же смотрел на нее и горько плакал; также и монахини, которые до тех пор сдерживали слезы, боясь обеспокоить плачем свою духовную мать, и таили внутри свою сердечную боль, когда увидели, что она уже была без дыхания, тотчас громко заплакали и горько зарыдали. С трудом можно было уговорить их перестать плакать и начать обычное пение и молитву.

После этого я попросил их выйти ненадолго из той комнаты и остался при умершей с немногими людьми, которые были ближе к ней при жизни и служили ей; среди них была одна, по имени Вестиана. Она происходила из сенаторского рода, вышла замуж, но недолго пожила с мужем, так как он скоро переселился из этой жизни, а она, овдовев, не пожелала вступить в другой брак но, презрев славу, богатство, красоту и наслаждения этого мира, перешла к блаженной Макрине, нашла в ней нежную хранительницу своего вдовства, и пробыла при ней много лет, успешно подвизаясь в иноческой жизни. Я сказал этой Вестиане:

– Нужно теперь одеть это мертвое девическое тело в чистые одежды.

Вестиана же обратилась с вопросом к другой монахине, Лампадии:

– Как распорядилась наша духовная мать о своих похоронах?

Лампадия же, прослезившись, сказала мне:

– Кончина этой преподобной матери нашей украсилась чистою жизнью, а телесного украшения, как в жизни своей временной никогда не требовала она, так и для погребения своего не приготовила. Вот колкая власяница, вот простая ряса, вот ветхая мантия и головной покров, вот плохие сандалии, – это всё ее богатство, и ничего нигде не спрятано, ни в сундуке, ни в ризнице: одна у нее была ризница и сокровище – небесная обитель, туда положила она всё свое, а на земле ничего не оставила.

Тогда я (говорит святой Григорий) сказал тем монахиням:

– У меня есть со мной мое новое одеяние, которое я приготовил себе для погребения; угодно ли ей будет, если мы ее оденем в это мое одеяние?

Монахини отвечали мне:

– Если бы и жива была она, – не отвергла бы твоего подарка, потому что она почитала и любила тебя: почитала, как святителя, любила, как родственника, да и вообще братнее сестре не чужое.

Тогда я послал за поим погребальным одеянием и велел Вестиане и Лампадии одеть в него покойницу.

Вестиана, одевая честное тело святой Макрины, сняла с ее выи железный крест и перстень, тоже железный, на котором был изображен крест, и сказала мне:

– Вот какое украшение носила на шее невеста Христова!

Тогда я взял себе перстень, а Вестиане дал крест. При этом она мне сказала:

– Добрую часть ты выбрал себе, отец; в этом перстне есть частица животворящего древа Честного Креста Господня.

Потом она сказала мне еще:

– Вот посмотри еще, отец, чудесную вещь!

И, открыв немного грудь умершей, она показала мне знак на теле от бывшей когда-то раны и рассказала мне то, что сама слышала от нее лично:

– Когда еще блаженная жила при матери, сделался у ней на этом месте мучительный и неисцелимый веред; нужно было его разрезать, для чего необходимо было прибегнуть к помощи искусных врачей: иначе он должен был разойтись по всему телу, коснуться сердца и повлечь за собой смерть. Мать убеждала ее показать этот веред врачам и полечиться у них, говоря, что врачебное искусство дано Богом на исцеление людям. Ей же было очень тяжело дать мужчине смотреть на свою обнаженную грудь и позволить прикоснуться к себе и она решила лучше переносить тяжелую боль и даже умереть, чем показаться врачам.

Однажды вечером, послуживши, по обыкновению, матери своими руками, она пошла в молитвенную комнату и, затворившись, пробыла там всю ночь на молитве, творя земные

поклоны и орошая слезами всю землю, прося исцеления у Самого Бога, истинного Врача души и тела. Потом, взяв горсть земли, смоченной ее слезами, она приложила ее к больному месту. На следующий день мать, печалясь о ней, опять убедительно просила ее позволить врачам полечить свой вереД. Она же возразила:

– Мне довольно будет, мать, если ты положишь мне на вереД руку и перекрестишь ею.

И когда мать, просунув руку под ее платье и крестя, ощупала больное место, она не нашла вереда: Божиею силой выздоровела она, и рана и боль исчезли, остался только маленький знак на месте этого вереда в память чуда Божия.

Так рассказывала Вестиана, а святой Григорий записал это. Он подробно описал также и погребение ее, мы же для краткости скажем только следующее. Мертвенный лик святой Макрины был так красив, что он сиял какими-то чудными лучами. На погребение ее стеклось множество народа, никем не званного, но собранного Богом. Все собравшиеся громко плакали; народ очень теснился, стараясь прикоснуться к раке с мощами святой, и вследствие тесноты с трудом могли донести их до могилы. Положили ее в гробе ее родителей, рядом с мощами ее матери: так велела она, чтоб вместе почивали тела тех, чья жизнь протекла вместе. Из чудес ее святой Григорий, брат ее и написатель ее жития, упоминает только одно то, как преподобная при жизни своей подала исцеление одной девочке, слепой на один глаз (у ней было бельмо), целуя девочку в больной глаз: от поцелуев ее святых уст исчезло бельмо, и глаз стал хорошо видеть. О других чудесах ее тот же святой Григорий говорит так:

– Многое другое, что я слышал от живших с ней монахинь и знавших хорошо об ее делах, я не записал в этой повести, потому что многие когда им рассказывают, верят лишь тем делам, которые сами могут сделать, а тому, что свыше их сил не верят и считают ложью. Поэтому я не стану рассказывать и о том, как во время голода не истощалась пшеница, подаваемая ее руками нуждавшимся, и хлеб, раздаваемый голодным, – и о других немалых чудесах ее: о скором исцелении болезней, о

изгнании бесов, о пророческом предведении, об предсказаниях будущего. Хотя это всё действительно было, всё это справедливо, однако, я пройду это молчанием, чтоб не быть мне виноватым в грехе неверия людей слабых, которые, будучи преданы своей плоти, не знают, как Бог по мере веры раздает Свои дары, имеющим малую веру дает меньше даров, более верующим дает более.

Мы же, веруя во Всемогущую Силу Божию, славим Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Кондак, глас 4:

Бога благаго всем сердцем возлюбила еси Макрино преподобная: и сего крест честный на рамо приемши усердно последовала еси Ему: отонудуже согрешений обрела еси прощение.

Житие преподобного отца нашего Дия

Память 19 июля

Родиной преподобного Дия была Антиохия Сирийская; он происходил от христианских родителей, был воспитан в благочестии, с юности стал совершать постнический подвиг, наставленный боговдохновенными мужами на добродетельную иноческую жизнь, много боролся с невидимым врагом – диаволом и с более близким врагом, с собственною плотью, вводящею душу в соблазн. Диавола он побеждал постоянною молитвою, а плоть свою одолевал постом и бодрствованием, и многими другими трудами всячески умерщвлял тело свое земное, порабощая плоть духу. Ел он очень мало, и то не каждый день, но через день или два, а часто и целые недели проводил без пищи и без сна. Покорив себя таким воздержанием, победив врага духовного, он достиг высокой степени бесстрастной жизни и сделался чистым жилищем Святого Духа: вселилась в него благодать Божия, и стал он человеком сильным и в деле и в слове, – творил чудеса, многих наставлял на спасение и славился через него Отец небесный. Он прожил довольно долго в Антиохии, потом Бог повелел ему в видении идти в Константинополь, чтобы принести людям еще больше пользы. Сначала он не поверил видению и боялся, нет ли тут какой-нибудь козни от диавола, ибо знал, что и диавол может преобразить себя в «Ангела света» (2Кор.11:14). Но когда во второй раз было ему это же Господне явление и повеление, а кроме того ему был показан и самый город тот, в котором он никогда не был, а именно: в видении он увидел весь Царьград, как он есть, – тогда он повиновался воле, делающего всё на пользу, Бога и, оставив Антиохию, прибыл в Царьград. Войдя в город и увидев святые Божии церкви, дворцы и прекрасные городские строения, он удивлялся: всё это он видел в откровении, показанном ему Богом, и тут он убедился, что видение, которое он имел, когда был в Антиохии, было истинно. Ходя не только по городу, но и по окрестностям, он нашел одно пустынное место за городом, на котором находились древние

языческие могилы и жило много бесов; прохожие очень боялись этого места из-за бесовских привидений и ужасов; но ему понравилось это место, и, вооружившись силою крестною и молитвою, словно оружием, против бесов, он поселился там, построив себе маленькую хижинку. Нельзя пересказать всех беспокойств, которые ему причиняли бесы и днем и ночью. Они беспрестанно нападали на него в разных странных привидениях, желая его испугать и прогнать с того места, но он, как храбрый воин Царя небесного, призывая страшное для бесов имя Христово, мужественно сопротивлялся им, не чувствуя боязни, и побеждал их. Желая узнать, благословляет ли Господь его жить на этом месте, он помолился об этом три раза Единому в Троице Богу и, взяв свой сухой посох, воткнул его в землю со словами:

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа! Если этот посох произрастет здесь и пустит корни, то и я останусь здесь.

Бог же, исполняющий желание боящихся Его и принимающий их молитвы, услышал молитву угодника Своего и исполнил его просьбу: сухой посох Он оживил влагой; и принялся посох, пустил корни, выросли у него ветви, и начал он понемногу расти, пока в течение нескольких лет не вырос в большой дуб, который и впоследствии, после смерти преподобного, стоял не одну сотню лет, но много, пока процветало правоверие в христианстве. Преподобный Дий, увидев, что сухой посох принялся, понял из этого, что воля его Господа – жить ему на этом месте. Он еще крепче вооружился против бесов, очищая это место от их скверных привидений и ужасов. Долго боролись с ним бесы, но не могли одолеть его и прогнать с того места и бежали сами оттуда, как побежденные и обращенные в бегство. Очистив таким образом своими молитвами это место от бесов, святой жил в нем по Ангельски, славословя Бога день и ночь, получая пищу Промыслом Божиим. Потом стали про него узнавать люди. Окрестные жители, увидев, что старец поселился на таком страшном месте, мимо которого и проходить опасно, сначала удивлялись, а потом начали приходить к нему. Увидев, что у него нет ничего в келье, стали приносить ему необходимое, а он поучал

приходивших к нему пути спасения и пользовал их боговдохновенными словами, а тем, что ему приносили, угощал приносящих, а также кормил нищих и проходящих странников. Особенно пронеслась о нем слава, когда по благодати Божией, жившей в нем, он начал исцелять людские болезни, и стало стекаться к нему множество больных, и он скоро давал им не только телесное, но и душевное здоровье: к телесным болезням, как лечебный пластырь, он прикладывал молитву, а душевные раны перевязывал полезным учением, приводя в умиление и убеждая каяться.

В то время царствовал благочестивый и христолюбивый царь Феодосий Младший[4723], внук Феодосия Великого. Услыхав о преподобном Дии, он сам пришел посетить его; он удивился его образу жизни и его нестяжанию и умилился благодатию душеполезного учения, исходившего из его уст. Еще подивился он и сухому посоху, который принялся и из которого выросло дерево: он приказал на свои царские средства поставить там церковь и построить монастырь, чтоб преподобный отец начальствовал там над многими и руководил ими на пути к спасению, а святейший патриарх Аттик уговорил преподобного принять священнический сан. Таким образом угодник Божий Дий стал игуменом собравшейся к нему братии, славным учителем всех, кто приходил к нему, чудесным врачом душ и телес, и был полезен всей столице. А обитель его сделалась покойным пристанищем для тех, кому некуда было преклонить голову. В обители не хватало воды, так как место то было безводное, и воду носили издалека. Поэтому братия просили преподобного позволить выкопать колодезь в монастыре, не только для монастырских нужд, но и для пользы приходящих туда. Святой согласился на их просьбу; долго копали колодезь, и выкопали уже глубоко, но воды всё не было: место было холмистое и каменистое. Братия были в отчаянии, рабочие хотели перестать работать, так как воды уже перестали ждать; тогда пришел преподобный к месту работы и, взяв заступ, велел опустить себя в колодезь; когда его опустили до половины колодезя, он велел остановить корзинку, в которой его спускали, и ударил заступом три раза в земляную стену, произнося имя Пресвятой

Троицы; и тотчас оттуда вышел обильный источник воды; едва успели вытащить вон рабочих, работавших на дне колодезя: так быстро стала прибывать вода и наполнять колодезь; все удивлялись этому чуду и славили Бога. Один из рабочих, стоя наверху и видя, что вода течет из земляной стены, не поверил и сказал другому тайно, что старец волшебством каким-нибудь сделал так, что потекла вода: ибо он помышлял про себя, – как это можно, чтоб на самом дне на нашлось воды, и вдруг вверху из стен она потекла так обильно? При этих словах его внезапно постиг суд Божий: он поскользнулся, упал в воду и утонул. Узнав об этом, его жена прибежала быстро, громко рыдая, и начала кричать на преподобного и упрекать его следующими бранными словами:

– Не приходил бы ты лучше сюда, старик, волшебник, соблазнитель, губитель! Погубил ты моего мужа, вот я сама убью себя, чтоб грехи нас обоих были на твоей душе!

Много еще оскорбительного сказала она среди вопля и крика. Преподобный же стал утешать ее кротким голосом и говорил:

– Подожди немного, женщина, надейся и возьмешь отсюда своего мужа!

Женщина еще больше рассердилась и кричала:

– Лживый монах! Откуда ты мне достанешь мужа? Неужели ты воскресишь мертвого?

И, бросившись на преподобного, она схватила его за одежду, желая разорвать ее на нем. Тогда братия вступились, схватили ее и выгнали за монастырские ворота. А святой сказал братии:

– Оставьте ее, это не она оскорбляет нас, а бес, который ее научает и который скоро будет посрамлен помогающей нам благодатью Божией.

Сказав это, он велел искать в воде утонувшего человека; его нашли и вытащили вон. Он лежал мертвым; чудотворец, угодник Божий, Дий подошел к нему, прилежно помолился Богу, взял за руку мертвеца и поднял его с земли живого; призвав жену, он отдал ей мужа. Ужаснулась жена, увидев мужа живым, и всех объял страх от этого чуда. Жена же вместе с мужем

ушла домой. На дороге, не дошедши до дому, внезапно у ее только воскрешенного мужа подкосились колени, он упал на землю и снова умер. Увидев это, жена затрепетала от ужаса: она боялась, как бы и ее Бог не наказал Своим гневом, как бы и она не упала и не умерла. Она возвратилась в монастырь с плачем и рыданием, бросилась в ноги преподобному и просила прощения:

– Честный отец! Моего мужа, – сказала она, – которого Бог воскресил по твоим молитвам, Он опять умертвил за грехи мои!

И всех объял еще больший страх от дивных и неведомых судеб Божиих. А преподобный уговорил женщину остальную жизнь проводить в покаянии, оплакивать свои грехи, а братию послал с приказанием предать ее мужа обычным образом погребению.

Преподобный сотворил много и других чудес силою и содействием Всесильного Бога (но они остались нам неизвестны, потому что за древностью времени, и вследствие различных, часто случавшихся гонений на Церковь и разорений Царьграда, много книг погибло и до нас дошло то немногое, что мы рассказываем о преподобном Дии). Чудотворец жил долго; уже в глубокой старости он заболел и был при смерти; созвав братию, поучал ее и, причастившись Божественных Тайн сделался словно мертвый, без движения, не дыша. Все, думая, что он умер, стали оплакивать его и готовиться к погребению. Прибыл и святейший патриарх Константинопольский Аттик и случайно бывший тогда в городе патриарх Антиохийский Александр, собралось много и других именитых лиц духовных и светских, желавших похоронить святого с честью. Он же, словно проснувшись и встав с постели, сказал:

– Бог мне дал еще пятнадцать лет жизни.

И встал он здоровый, и все радовались возвращению его из врат смертных, потому что всем он был полезен: со святителями вел духовную и Богомудрую беседу, царям был молитвенником и ходатаем к Богу, ищущим спасения был образцом добродетельной жизни, грешников приводил к раскаянию, больных исцелял, странникам давал приют, нищих кормил, и каждому помогал во всякой нужде; преподобный Дий

был всем для всех, каждому помогая и словом и делом, для всякого он был как бы родным отцом.

Прожив данные ему Богом пятнадцать лет в обычных постнических трудах, пользуя души многих и являясь светом миру, он приблизился к концу своей земной жизни. Однажды он вошел в церковь помолиться в святой алтарь и видит: явился ему какой-то светлый муж, одетый в священнические ризы, и сказал ему:

– Исполнилось время твоей жизни и настало время перехода тебе в жизнь нескончаемую; приготовься расстаться с телом и отойти к Господу.

Преподобный поклонился явившемуся ему мужу и горячо поблагодарил Бога за такое извещение о смертном часе, потом созвал братию, обратился к ней с последним поучительным словом и относительно своего погребения завещал не позволять, если кто захочет, брать его тело в город, но похоронить в своем монастыре. Потом, приготовив всё нужное к своей доброй христианской кончине, помолившись довольно о всех и о себе самом и простившись со всеми в последний раз, он увидел перед собою Ангела Божия и отдал ему с радостью свою честную душу[4724]. Так преставился к Господу преподобный отец наш Дий. Царь и патриарх хотели перенести его честное тело в город, на защиту городу, но монахи передали его завет, не полагать нигде его тела кроме монастырской гробницы. Не смея нарушить завет старца, они исполняли его волю и предали его честно погребению в его обители, славя дивного во святых Бога, Единого в Троице, Отца и Сына и Святого Духа, Ему же и от нас пусть будет честь и слава, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и в телеси Ангел, и чудотворец явился еси богоносе отче наш Дие, постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляешь недужныя, и души верою притекающих ти. Слава давшему ти крепость, слава венчавшему тя, слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 2:

Чистотою души Божественне вооружився, непрестанную молитву яко копие приим державно, разсекл еси демонов полки, чудотворче отче наш Дие. Моли непрестанно о всех нас.

Житие и чудеса святого пророка Илии

Память 20 июля

Приступая к изложению жития святого Илии, Боговидца и славного ревнителя по Боге, беззаконных царей обличителя, отступивших от Бога людей наказателя, ложных пророков казнителя, дивного чудотворца, которому повиновались стихии, которого слушало небо, великого угодника Божия, до этих пор пребывающего во плоти и имеющего прийти на землю пред вторым пришествием Христовым, – для более ясного и сильного доказательства ревности его, которою он поревновал по Господе Боге, в кратких словах предложим те события, которые случились прежде него.

Издревле избранные люди Божии, от двенадцати сыновей Израиля размножившиеся в двенадцать племен, называемых коленами, составляли одно царство, управляемое нераздельно и единовластно одним вождем, начиная от Моисея и Иисуса Навина и прочих судей Израильских до царей Давида и Соломона[4725]. Когда же, по смерти Соломона, на царство вступил сын его Ровоам и когда он в управлении царством, не следуя, по молодости своей, советам опытных старцев, а слушая подобных себе юношей, оказался тяжелым для подданных своих, ибо отягощал их чрезмерными налогами и работами, жестоко наказывал их, даже не редко отправлял в ссылки; тогда десять колен отложились от него и избрали себе в цари другого, по имени Иеровоама. Иеровоам прежде был рабом Соломона. Однажды Соломон хотел предать его смерти за некоторую с его стороны вину, но Иеровоам убежал в Египет, где и пробыл до смерти Соломона[4726]. По смерти же Соломона он возвратился в землю Израильскую и был избран царем коленами израильскими, отложившимися от Ровоама. Ровоам, сын Соломонов, царствовал в Иерусалиме над двумя только коленами – Иудиным и Вениаминовым; Иеровоам же, раб Соломонов, царствовал над десятью коленами Израильскими, проживая в городе Сикиме[4727], который им был восстановлен и возобновлен, так как до этого времени был в разрушении.

Оставшиеся верными сыну Соломонову два колена были названы царством Иудейским; а десять колен, перешедшие к рабу Соломонову, составили царство Израильское.

Но так как колена Израилевы, хотя и разделились на два царства, однако, все вместе служили одному Богу, сотворившему небо и землю, ибо не могли иметь ни другого храма, кроме Иерусалимского, построенного Соломоном, ни других священников, кроме поставленных Богом; поэтому во всякое время из царства Израильского люди во множестве ходили в Иерусалим для поклонения и жертвоприношения Господу Богу своему. Видя это, Иеровоам, царь Израильский, начал беспокоиться, говоря:

– Если эти люди всегда так будут ходить в Иерусалим для поклонения Богу, то захотят опять перейти к первому своему царю, сыну Соломонову, а меня убьют.

Размышляя об этом, он начал отыскивать средства, как бы отвратить Израильтян от Иерусалима, чтобы они не ходили в Иерусалим. И надумал он прежде всего отвратить их от Бога.

– Невозможно, – сказал он, – оставить им Иерусалим, если сначала они не оставят Бога.

Зная же, что народ тот, израильтяне, легко склонен к идолопоклонству и ко всякому нечистому беззаконию, Иеровоам придумал для их богоотступления такую коварную хитрость. Он вылил из золота двух молодых телиц, подобно тому, как древние израильтяне, по выходе своем из Египта, изваяли себе в пустыне золотого тельца, которому и поклонялись вместо истинного Бога (Исх. 32 гл.). Созвав к себе весь народ израильский и указывая собравшимся на тех двух телиц, Иеровоам сказал:

– Израиль! это – боги твои, которые вывели тебя из земли Египетской. Не ходите более в Иерусалим, а сим богам поклоняйтесь.

И поставил он тех телиц в различных местах: одну в Вефиле, а другую в Дане[4728], построив для них прекрасные храмы, установив в честь их празднества и многие жертвоприношения и назначив для них жрецов; и даже сам исполнял обязанности жреца. Для большего соблазна

грехолюбивых людей, Иеровоам приказал, чтобы при тех вылитых из золота телицеобразных идолах в дни установленных в честь их праздников совершались всякие беззакония.

Так, нечестивый царь, ради временного царствования, и сам отпал от Бога, и все десять колен Израилевых отвратил от Него. После этого царя и другие цари Израильские со всеми подданными своими держались того же нечестивого идолопоклонства, как тому научились и привыкли при Иеровоаме.

Премилосердый же Господь, не оставляющий и оставивших Его людей, но, по Своей благости, ищущий их обращения, посылал к Израильтянам Своих святых пророков, чтобы они обличали заблуждения их и увещевали их, избавившись от диавольских сетей, возвратиться опять к благочестивому почитанию истинного Бога. Между пророками, в разные времена посылаемыми Богом к Израилю, был послан и великий из пророков, святой Илия, о жизни которого и предстоит нам слово.

По достоверным сказаниям, родиной святого пророка Божия Илии была страна Галаадская, по ту сторону Иордана[4729], пограничная Аравии; город же, в котором родился он, назывался Фесвит, отчего Илия и прозван Фесвитянином[4730]. Происходил Илия из рода Ааронова, от отца, по имени Саваха. Рождение Илии было ознаменовано видением его отцу. В то самое время, когда мать Илии рождала его, Савах увидел белообразных мужей, которые разговаривали с младенцем, пеленали его огнем и кормили его, влагая в уста его пламень огненный. Устрашенный таким видением, Савах пошел в Иерусалим и рассказал о видении священникам. Тогда один из них, муж прозорливый, сказал Саваху:

– Не бойся видения относительно твоего сына, но знай, что младенец тот будет сосудом благодати Божией: слово его будет как огонь, сильно и действенно, будет велика и ревность его по Господе, и жизнь его будет благоугодна Богу, и будет судить он Израиля оружием и огнем.

Таково было при рождении Илии знамение и предсказание о нем, указывающее на то, каким он будет, когда возмужает.

Воспитание и обучение свое Илия, как происходящий из священнического рода, получил между священниками; с самых юных лет предавши себя Богу, возлюбил он девственную чистоту, в которой пребывал, как Ангел Божий, непорочный пред Богом, чистый душой и телом. Любя же размышлять о Боге, он часто удалялся для безмолвия в пустынные места, где подолгу беседовал наедине с Богом в теплой к Нему молитве, пылая к Нему, как Серафим[4731], пламенною любовью. И сам Илия был любим Богом, так как Бог любит любящих Его. Илия сподоблялся милостивой беседы с Богом и, вследствие своей равноангельской жизни, приобрел к Нему великое дерзновение: всё, что просил Илия у Бога, он получал, как обретший пред Ним благоволение. Слыша же и видя, с одной стороны, совершающиеся в развращенном Израиле беззакония: царей – пребывающими в богопротивном нечестии, судей и старейшин – поступающими не по правде, народ – служащим мерзостям идольским и коснеющим во всяких духовных и телесных пороках без страха и боязни Бога, приносящим сыновей и дочерей своих в жертву бесам; а с другой, – ревностных чтителей истинного Бога претерпевающими всяческие притеснения и гонения, даже до смерти – о всём этом пророк Божий сильно болел сердцем: он то оплакивал погибель столь бесчисленного множества душ человеческих, то сетовал на жестокое гонение праведных; особенно же он скорбел и страдал душою о бесчестии, наносимом истинному Богу со стороны нечестивых людей, и всё более и более исполнялся ревностью о славе Божией. Прежде всего Илия молил Бога, дабы обратил Он грешников к покаянию. Но так как Бог требует от грешных людей добровольного обращения, а в ожесточенных сердцем израильтянах не было такого стремления к добру, то пророк Илия, сильно возревновав о славе Божией и о спасении людей, просил Бога наказать израильтян временно, чтобы хотя таким средством отвратить их от нечестия. Но зная в то же время, что Господь, по Своему человеколюбию и долготерпению, не скор к наказанию, Илия, по великой своей ревности о Нем, осмелился

просить Бога повелеть ему, Илии, наказать законопреступников, в той мысли, что не обратятся ли они к покаянию, когда будут наказаны человеком. И неотступно просил об этом Илия Бога, пока не получил просимое от всещедрого Господа: премилостивый Господь, как чадолюбивый отец, не хотел опечалить любимого слугу Своего, сыновне Ему служащего и даже самой малой Его заповеди не нарушившего; но так как Илия во всём был послушен Ему и никогда ничем не прогневал Его, то Он и внимал прошениям и молитвам верного раба Своего, не опечаливая его неисполнением их.

В то время в Израиле царствовал беззаконный царь Ахав, имея стольным городом своим Самарию (этот город был уже третьей столицей царства Израильского: первою столицей был Сихем, в колене Ефремовом, второй – Ферс, в колене Манассиином, третьей – Самария, опять в Ефремовом колене). Ахав женился на Иезавели, дочери царя Сидонского Ефваала. Иезавель, как язычница, принесла с собой в новое отечество свое идола Сидонского бога Ваала[4732]. Ахав же построил для него в Самарии капище и поставил там жертвенник ему, сам поклонялся Ваалу, как богу, и всех израильтян принуждал кланяться сему идолу. Через это он вскоре до крайности развил в своем царстве идолопоклонство, чем более всех царей, царствовавших до него над Израилем, прогневал Господа Бога Вышнего. И вот к этому-то царю и пришел пророк Божий Илия, исполненный ревности по Боге, и обличал его в заблуждении, – что он, оставивши Бога Израилева, сам кланяется бесам и вместе с собой весь народ свой влечет к погибели. Видя же, что царь не слушает его увещаний, святой пророк к словам приложил дело, предав наказанию царя – богопротивника и подданных его. Он сказал:

– Жив Господь Бог всемогущий, Бог Израилев, пред Которым я стою[4733], – если в эти годы будет на землю роса или дождь, то не иначе, как только по моему слову.

Сказавши это, Илия ушел от Ахава, и, по слову пророка, небо заключилось и настала засуха: ни одна капля дождя или росы не упала на землю. Вследствие засухи был полный неурожай хлебов, и наступил голод. Ибо, когда согрешает один

царь, и на всех подданных гнев Божий приходит (как и прежде вследствие грехопадения одного Давида страдало всё царство[4734]). Пророк же Божий Илия ожидал, что Ахав, царь Израильский, будучи наказан, сознает свое заблуждение, обратится к Богу с покаянием, а вместе с собой обратит на путь истинный и развращенный им народ. Но когда святой Илия увидал, что Ахав, подобно фараону, остается ожесточенным, не только не думает оставить нечестие, но, наоборот, более и более погружается в бездну зла, преследует и даже убивает людей, благоугождающих Богу своею жизнью, то продолжил наказание на другой и на третий год. В это время исполнилось слово первого Боговидца, святого пророка Моисея, сказанное Израилю:

– Будет небо над тобою медью, а земля под тобою железом (Втор.28:23); потому что при заключившемся небе, земля не имела влаги[4735] и не давала никакого плода.

Так как воздух был всегда зноен, и всякий день от палящего солнца стояла сильная жара, то все деревья, цветы и трава завяли, – плоды погибли, сады, нивы, поля сделались совершенно пусты, и не было на них ни пахаря, ни сеятеля. Вода в источниках иссякла, малые реки и потоки совсем высохли, а в больших реках количество воды уменьшилось, вся земля сделалась безводной и сухой, и умирали от голода люди, скот и птицы. Такое наказание постигло не только Израильское царство, но и окрестные страны. Ибо когда в городе загорится один дом, пожар распространяется и на соседние дома. Так случилось и в поднебесной: один народ израильский навлек на себя гнев Божий, а страдала вся вселенная. Но всё сие произошло не столько от гнева Божия, сколько по ревности о славе Божией пророка Илии. Ибо премилосердый и человеколюбивый Господь, по безмерной благости Своей, видя бедствие людей и гибель всяких животных, уже готов был послать дождь на землю, но Он удержался от сего, чтобы исполнить решение Илии и чтобы не оказались ложными слова пророка:

– Жив Господь, – от сего времени не упадет на землю дождь или роса, разве только по моему слову.

Сказавший же это настолько был объят ревностью по Боге, что и себя не щадил, ибо знал, что, когда истощится на земле запас пищи, и ему, как и всем людям, предстоит терпеть голод. Но он пренебрегал этим, ибо предпочитал лучше умереть от голода, нежели помиловать нераскаянных грешников, враждующих против Бога.

Что же творит всеблагой Бог? Он посылает пророка Илию в некоторое уединенное место, далекое от жилищ человеческих, говоря:

– Иди на восток и скройся у потока Хорафа[4736], что против Иордана. Из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя там (3Цар.17:3–4).

Сделал же сие Господь для того, чтобы избавить Илию от убиения его Иезавелью, чтобы Илия не погиб от голода и чтобы посредством воронов и Хорафского потока возбудить в Илии сострадание к людям, страдающим и погибающим от голода и жажды. Вороны в сравнении с другими птицами обладают особенным свойством (Пс.146:9): они очень прожорливы и не имеют никакого чувства жалости даже к птенцам своим, ибо ворон лишь только выведет птенцов своих, покидает их в гнезде, улетая в другое место и обрекая птенцов на смерть от голода. Только Промысл Божий, пекущийся о каждой твари, спасает их от смерти: в рот к ним сами собой прилетают мухи, которых птенцы и проглатывают. И всякий раз, когда вороны, по повелению Божию, прилетая каждый день к пророку, приносили ему пищу, – утром хлеб, а вечером мясо, совесть в Илии, – этот внутренний в человеке голос Божий, – взывала к его сердцу:

– Смотри, вороны, будучи во природе дикими, лакомыми, прожорливыми, не любящими своих птенцов, как заботятся о твоем пропитании: сами голодны, а тебе приносят пищу. Ты же, сам человек, не имеешь сострадания к людям, и не только людей, но и скот и птиц хочешь уморить голодом.

Также, когда через некоторое время увидал пророк поток высохшим, Бог сказал ему:

– Время уже помиловать мучимую тварь и послать ей дождь, чтобы и тебе самому не умереть от жажды.

Но ревнитель Божий крепился, – напротив, он молил Бога, чтобы не было дождя до тех пор, пока будут наказаны еще не наказанные, и пока погибнут на земле все враги Божии. Тогда опять Господь, премудро склоняя Своего раба к милосердию, послал его в Сарепту Сидонскую[4737], находившуюся не под властью царя Израильского, к бедной вдове, чтобы он размыслил в себе, какое бедствие нанес он не только людям богатым и состоящим в супружестве, но и бедным вдовам, которые не только во время голода, но и в годы урожаев хлеба и всякого земного обилия часто не имеют дневного пропитания. Пророк, пришедши к воротам этого города, увидал вдову, несущую дрова, не более двух поленьев; ибо у ней в кадке была одна только горсть муки и немного масла в кувшине. Так как Илия был мучим голодом, то он попросил у вдовы кусок хлеба. Вдовица же, поведавши ему о своей крайней бедности в последнее время, сказала, что она хочет для себя и для своего сына из оставшейся у нее муки приготовить в последний раз обед, а потом им предстоит умереть от голода. Человек Божий мог бы этим умилиться и сжалиться над всеми бедными вдовами, страдающими от голода; но великая ревность по Боге, побеждала всё, и он не оказывал никакого милосердия к погибающей твари, желая прославить Творца и показать всей вселенной Его всемогущую силу. Имея же от Бога, по вере своей, дар чудотворения, Илия сотворил так, что мука и масло в доме вдовицы оставались неистощимы; и он был питаем вдовицей до тех пор, пока прекратился голод. Пророк и умершего сына вдовицы воскресил молитвою, соединенною с троекратным дуновением на умершего, как о том написано в Слове Божием. Существует сказание об этом воскрешенном сыне вдовицы, что имя ему было Иона, что именно он, придя в возраст, сподобился пророческого дара, был послан в Ниневию проповедовать покаяние; будучи же поглощен в море китом и через три дня выброшен им, прообразовал собою тридневное Христово воскресение, как в пророческой книге и в житии его[4738] подробно повествуется.

По прошествии трех бездождливых и голодных лет, всеблагой Бог, видя создание Свое совершенно

уничтожающимся на земле от голода, умилосердился и сказал рабу Своему Илии:

– Пойди, явись Ахаву; я хочу помиловать творение Свое и по твоему слову послать дождь на высохшую землю, напоить ее и сделать плодоносною. Ахав уже склоняется к покаянию, ищет тебя и готов послушаться тебя во всём, что ты прикажешь ему.

Пророк тотчас же из Сарепты Сидонской отправился в Самарию, стольный город Израильского царства. У царя Ахава был в то время домоправителем некто Авдий, верный слуга ему и человек богобоязненный. Он скрыл от убиения Иезавелью сто пророков Господних, поместив их в двух пещерах, по пятидесяти в каждой, и питал их хлебом и водой. Призвав к себе этого домоправителя, царь Ахав (еще до прихода к нему Илии) послал его поискать при высохших потоках травы, чтобы было чем прокормить уже немногих оставшихся в живых коней и другой скот. Лишь только Авдий вышел из города, то встретил святого пророка Илию, поклонился ему до земли и сказал, что Ахав тщательно искал его во всём царстве своем. Святой Илия отвечал Авдию:

– Поди, скажи господину своему: вот я, Илия, иду к нему.

Авдий отказывался, говоря:

– Боюсь, как бы, когда я пойду от тебя, Дух Господень не перенес тебя в другую страну, и я окажусь тогда лжецом пред господином своим, и он, разгневавшись на меня, убьет меня. Илия отвечал:

– Жив Господь сил, пред Которым я предстою! Сегодня же я покажусь Ахаву!

Авдий воротился и сказал царю. Ахав поспешил выйти навстречу человеку Божию. Когда же он увидал Илию, то от затаенной в нем злобы к пророку, не мог удержаться от жестокого слова и сказал Илии:

– Ты ли это, развращающий Израиля?

Пророк же Божий безбоязненно отвечал Ахаву:

– Не я развращаю Израиля, а ты и дом отца твоего, оставившие Господа Бога своего и почитающие скверного Ваала.

После этого пророк Божий, как имеющий в себе силу помощи Божественной, начал со властью приказывать царю, говоря:

– Немедленно пошли и собери ко мне на гору Кармил[4739] все десять колен Израилевых, приведи четыреста пятьдесят нечестивых пророков, служащих другим идолам на горах высоких и в рощах[4740], питающихся от стола Иезавели; пусть они вступят в спор со мною о Боге, и увидим, который есть Бог истинный.

Тотчас же царь, разослав гонцов по всей земле Израильской, собрал бесчисленное множество народа, и всех нечестивых пророков и жрецов созвал на гору Кармил, и сам туда пришел.

Тогда ревнитель Божий Илия, ставши пред собравшимися, обратился к царю и ко всему Израильскому народу с такими словами:

– Долго ли вы будете хромать на оба колена ваши? Если Господь Бог, выведший вас рукою крепкою из Египта, есть Бог, то почему не следуете Ему? Если же Ваал есть бог ваш, то идите за ним.

Народ молчал, да и не мог что-нибудь ответить, ибо всякий израильтянин своею совестью был обличаем в заблуждении. Тогда Илия продолжал:

– Вот что: чтобы вам ныне познать истинного Бога, делайте то, что я буду приказывать вам. Вы видите, что я только один во всем Израиле остался пророком Господним; всех же других пророков вы убили; видите также, сколь много здесь пророков Вааловых. Итак, дайте нам двух тельцов для жертвоприношения, одного мне, а другого жрецам Вааловым; но огня не надо нам. На чью жертву с неба спадет огонь и попалит ее, бог того и есть истинный Бог, и все должны поклониться Ему, а не признающие Его пусть будут преданы смерти.

Выслушав эти слова, весь народ одобрил решение пророка Божия и сказал:

– Пусть будет так; слово твое хорошо.

Когда же в средину собрания были приведены тельцы, святой Илия сказал нечестивым пророкам Вааловым:

– Выберите себе одного тельца, и вы первые приготовьте жертву, ибо вас много, а я один, и приготовлю после. Положив же на дрова тельца, огня не возжигайте, но молитесь вашему богу Ваалу, чтобы он с неба послал огонь и сжег вашу жертву.

Бесстыдные пророки так и поступили. Бросив жребий, они взяли тельца, разделили его на части, положили их на жертвенник поверх дров, и начали молиться Ваалу своему, чтобы он послал огонь на жертву их. Они призывали имя его с утра до полудня, крича:

– Послушай нас, Ваал, послушай!

Но не было ни голоса, ни ответа. Принялись они скакать вокруг жертвенника, но всё напрасно. В полдень пророк Божий посмеялся над ними:

– Кричите громче, – говорил он, – чтобы бог ваш услыхал вас; должно быть, он сейчас не свободен: или занят чем-нибудь, или с кем беседует, или пирует, или уснул[4741]; кричите как можно громче, чтобы разбудить его.

Лжепророки громким голосом звали Ваала и, по обычаю своему, кололи себя ножами, а другие били себя бичами до крови. Пред наступлением вечера святой Илия Фесвитянин сказал им:

– Замолчите и перестаньте; уже время быть моей жертве.

Почитатели Ваала перестали. Тогда Илия, обратясь к народу, сказал:

– Подойдите ко мне!

Все подошли к нему. Пророк взял двенадцать камней по числу колен Израилевых, построил из них жертвенник Господу, затем, положив на жертвенник дрова, разделил тельца на части, положил их на дрова, вокруг жертвенника выкопал ров и приказал людям, чтобы они, взяв четыре ведра, лили воду на жертву и на дрова; так и сделали. Илия приказал повторить; повторили. Приказал в третий раз сделать то же, и сделали. Вода полилась вокруг жертвенника, и ров наполнился водой. И возопил Илия к Богу, обратив взор свой к небу, говоря:

– Господи Боже Авраамов, Исааков и Иаковлев! Услышь ныне меня, раба Твоего, и пошли с неба огонь на жертву, чтобы все сии люди ныне познали, что Ты един Бог Израилев, а я –

раб Твой, и Тебе принес жертву сию! Услышь меня, Господи, ответь мне огнем, чтобы сердца людей этих обратились к Тебе.

И упал от Господа с неба огонь[4742] и уничтожил всё сожигаемое, – и дрова, и камни, и золу, и даже воду, которая была во рву, – всё истребил огонь. При виде этого весь народ пал лицом на землю[4743], взывая:

– Воистину Господь есть Бог един, и нет другого Бога, кроме Него!

Илия сказал народу:

– Задержите пророков Вааловых, чтобы ни один из них не убежал.

Народ исполнил его приказание, и Илия отвел их к потоку Киссону, впадающему своими водами в Великое море[4744]. Там он своими руками заколол их[4745] и нечестивые трупы их бросил в воду, чтобы земля не осквернилась ими и чтобы воздух не заражался смрадом от них. После этого святой Илия велел царю Ахаву скорее пить и есть и запрягать коней в колесницу, чтобы отправиться в путь, потому что скоро пойдет большой дождь, который омочит всё. Когда Ахав сел есть и пить, Илия взошел на гору Кармил. Наклонившись к земле, он положил лицо свое между коленами своими и молился Богу о ниспослании дождя на землю. Тотчас же по молитве его, как бы ключом, отверзлись небеса и выпал большой дождь, который омочил всех и жаждущую землю обильно напоил. Тогда Ахав, сознав свое заблуждение, на пути в Самарию оплакивал грехи свои. Святой же Илия, опоясав чресла свои, пеший шел впереди его, радуясь о славе Господа Бога своего.

Нечестивая царица, жена Ахава, Иезавель, узнавши о всём происшедшем, страшно разгневалась на Илию за погубление ее бесстыдных пророков и, клянясь своими богами, послала сказать ему, что на завтрашний день, в тот самый час, в который Илия убил пророков Ваала, она убьет его. Святой Илия устрашился смерти, ибо был человек со всеми свойственными людям немощами, как и сказано о нем: «Илия был человек подобный нам» (Иак.5:17). Из-за угроз Иезавели он бежал в Вирсавию[4746], в царство Иудейское, и пошел в пустыню один. Прошедши пустынею один день, он сел под можжевеловым

кустом отдохнуть. Терзаемый печалью, он стал просить у Бога смерти себе, говоря:

– Господи! Довольно для меня, что я до этих пор жил на земле; возьми теперь душу мою; ужели я лучше отцов моих?!

Пророк сказал так не вследствие скорби от гонения на него, но как ревнитель Божий, не терпящий злобы человеческой, бесчестия Божия и поношения пресвятого имени Господня: для него легче было умереть, чем слышать и видеть беззаконных, презирающих и отвергающих Бога своего. С такою молитвою на устах Илия лег и уснул под деревом. И вот касается его Ангел Господень, говоря:

– Встань, ешь и пей.

Поднявшись, Илия увидал у своего изголовья теплый опреснок и кувшин воды, встал, поел, напился воды и опять уснул. Ангел Господень вторично коснулся его, говоря:

– Встань, ешь и пей, ибо тебе предстоит далекий путь.

Илия, вставши, еще поел, напился воды и, подкрепившись этою пищею, шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией Хорива[4747], где поселился в пещере. Здесь собеседником ему был Сам Господь Бог, Который явился ему в легком ветре, тихо дующем в чистом воздухе. Когда приближался к нему Господь, предшествовали страшные знамения Его явления: сначала была сильная буря, разрушающая горы и разбивающая скалы, потом шел огонь, но в огне не было Господа; после огня веяние легкого ветра; тут и был Господь[4748]. Когда Илия услышал прохождение Господа, он закрыл лицо свое плащом и, вышедши из пещеры, встал около нее. Он услыхал Господа, говорящего ему:

– Что ты здесь делаешь, Илия?

Илия ответил:

– Ревнуя возревновал я о Тебе, Господе Вседержителе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, жертвенники Твои разрушили и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но моей души ищут, чтобы отнять ее.

Господь же, утешая Илию в печали его, открыл ему, что не весь Израильский народ отступил от Него, но Он имеет семь тысяч тайных рабов Своих, которые не преклоняли колен своих

пред Ваалом. Вместе с тем Господь возвестил Илии о предстоящей в скором времени погибели Ахава и Иезавели и всего дома их и повелел Илии предназначить на Израильское царство некоторого достойного мужа по имени Иуя, который и имел истребить весь род Ахавов, а Елисея – помазать во пророка[4749]. Так, утешив раба Своего, Господь отошел от него. Угодник же Божий, по повелению Господню, ушел от Хорива, по пути встретил Елисея, сына Сафатова, пашущим землю двенадцатью парами волов; возложив на него свой плащ, святой Илия объявил ему волю Господню, нарек его пророком и приказал ему идти за собою. Елисей же сказал Илии:

– Умоляю тебя, отпусти меня на короткое время проститься с отцом и матерью моими, и тогда я пойду за тобою.

Святой Илия не воспрепятствовал этому. Елисей же, пришедши домой, заколол пару волов, на которых сам пахал, устроил угощение соседям и родственникам, а затем, простившись с родителями, ушел к Илии и всюду следовал за ним, будучи для него слугой и его учеником.

В это время царь Ахав, под влиянием своей нечестивой жены Иезавели, к прежним беззакониям прибавил новое, следующее.

У одного израильтянина, по имени Навуфея, был виноградник близ владения царя Ахава в Самарии. Ахав предложил Навуфею:

– Уступи мне твой виноградник, чтобы он служил для меня садом, ибо он находится близ моего дворца. Тебе же я дам другой, много лучше этого; а если тебе это не угодно будет, то деньгами заплачу тебе за твой виноградник.

Навуфей отвечал:

– Сохрани меня Господь, чтобы я отдал тебе наследие моих предков[4750].

Ахав возвратился в дом свой смущенный и оскорбленный ответом Навуфея, и от досады не мог есть хлеба. Иезавель же, узнав причину печали его, подсмеялась над ним говоря:

– Ужели такова твоя, царь Израилев, власть, что даже на одном человеке ты не силен проявить свою волю? Но перестань

печалиться, ешь хлеб и подожди немного времени: я сама отдам тебе в руки виноградник Навуфея.

Сказавши это, она написала от имени царя приказание старейшим гражданам израильским и приложила к нему царскую печать. Написано же было, чтобы они возвели на Навуфея ложное обвинение, будто он злословил Бога и царя, и, представивши лжесвидетелей, побили бы его за городом камнями. И совершилось то несправедливое убийство по беззаконному приказанию. После казни ни в чем неповинного Навуфея Иезавель сказала Ахаву:

– Теперь наследуй виноградник без денег, ибо Навуфея уже нет в живых.

Ахав, услыхав об убийстве Навуфея, немного опечалился, а потом пошел в виноградник, чтобы принять его в свое владение[4751]. На пути встретил его, по повелению Божию, святой пророк Илия и сказал ему:

– Так как ты несправедливо убил невинного Навуфея и незаконно завладел его виноградником, то поэтому говорит Господь: на том самом месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы полижут и твою кровь; также и жену твою Иезавель съедят псы, и весь дом твой будет истреблен.

Ахав, услыхав эти слова, заплакал, снял с себя царские одежды, оделся во вретище и наложил на себя пост[4752]. И столь малое покаяние Ахава пред Господом возымело такую силу, что исполнение назначенного наказания всему дому его было отложено на время после смерти Ахава. Ибо Господь сказал Своему пророку Илии:

– Поелику Ахав смирился, то не наведу Я бед на дом его при его жизни, но при сыне его.

После этого Ахав прожил три года и был убит в сражении[4753]. С места битвы он был отвезен на колеснице в Самарию, и его кровь, текущую с колесницы, лизали псы, как и предсказал пророк Божий. Также и всё, что предсказано было об Иезавели и всем Ахавовом доме, исполнилось потом в свое время, уже по взятии святого Илии на небо (4Цар. 9:1–37).

По смерти Ахава вместо него воцарился сын его Охозия, который оказался наследником как престола, так и нечестия

отцовского, ибо, слушая свою нечестивую мать Иезавель, он поклонялся и приносил жертвы Ваалу, чем очень прогневал Бога Израилева. Однажды, вследствие неосторожности, Охозия упал из окна своего дома и очень сильно заболел. Он отправил послов к ложному богу Ваалу, собственно же к бесу, который жил в идоле Вааловом и давал ложные ответы обращавшимся к нему с вопросами. К тому бесу он и послал спросить о своем здоровье, выздоровеет ли он от болезни. Когда послы Охозии шли к Ваалу, на пути, по повелению Божию, предстал им пророк Илия и сказал:

– Разве нет Бога в Израиле, что вы идете спрашивать у Ваала? Возвратитесь и скажите пославшему вас царю, так говорит Господь: с постели, на которую ты слег, не встанешь, но умрешь на ней.

Возвратившись, посланные передали эти слова больному царю. Царь спросил их:

– Каков видом человек, сказавший вам эти слова?

Они отвечали:

– Человек тот весь в волосах и по чреслам своим подпоясан кожаным поясом.

Царь сказал:

– Это Илия Фесвитянин.

И послал он старейшего пятидесятиначальника и с ним пятьдесят человек, чтобы они взяли Илию и привели к нему. Те пошли и увидали Илию на горе Кармиле, ибо он привык пребывать преимущественно на этой горе. Увидав Илию сидящим на верху горы, пятидесятиначальник сказал ему:

– Человек Божий! Сойди сюда; царь приказывает тебе идти к нему.

Святой Илия отвечал пятидесятиначальнику:

– Если я человек Божий, то пусть сойдет огонь с неба и попалит тебя и пятьдесят мужей твоих.

И тотчас упал с неба огонь и пожег их. Царь послал другого пятидесятиначальника с таким же числом людей, но и с ними случилось то же: упавший с неба огонь попалил и их. Царь послал третьего пятидесятиначальника с пятьюдесятью мужами. Этот пятидесятиначальник, узнав, что случилось с

прежде него посланными, пришел к святому Илии со страхом и смирением и, павши на колени пред ним, умолял его, говоря:

– Человек Божий! Вот я и сии рабы твои, пришедшие со мною, стоим пред тобою; помилуй нас: мы не по своей воле пришли, а посланы к тебе; не погуби нас огнем, как погубил ты посланных прежде нас.

И пощадил пророк пришедших со смирением; прежде же приходивших он не пощадил потому, что они приходили с гордостью и властью, хотели взять его как пленника и вести его с бесчестием. Господь повелел святому Илии идти с этими третьими безбоязненно и сказать царю то же, что прежде говорил. Поэтому человек Божий, сошедши с горы, пошел с пятидесятиначальником и с его людьми. Пришедши же к царю, Илия сказал ему:

– Так говорит Господь: так как ты посылал спрашивать Ваала о жизни твоей, как будто во Израиле нет Бога, Которого ты мог бы спросить, то за это ты не встанешь с одра, на котором лежишь, но умрешь.

И умер Охозия, по слову Божию, изреченному устами пророческими. После Охозии вступил на царство брат его Иорам, потому что Охозия не имел сыновей. На сем Иораме прекратился род Ахавов, будучи истреблен гневом Божиим во дни святого пророка Елисея, как о том пишется в житии его.

Когда же приблизилось время, в которое Господь определил взять к Себе Илию живым, во плоти, Илия и Елисей шли из города Галгала в город Вефиль. Зная по откровению Божию о приблизившемся взятии своем на небо, Илия хотел оставить Елисея в Галгале, смиренно скрывая от него предстоящее свое от Бога прославление. Он сказал Елисею: «Оставайся ты здесь, ибо Господь послал меня в Вефиль». Елисей же святой, также по откровению Божию знавший о предстоящем совершиться, отвечал:

– Жив Господь и жива душа твоя, что не оставлю я тебя, – и оба пошли в Вефиль. Сыны пророческие[4754], жившие в Вефиле, подошедши к Елисею наедине, сказали ему:

– Знаешь ли ты, что Господь возьмет от тебя господина твоего над главою твоею?

Елисей отвечал:

– Знаю и я, но молчите.

После этого Илия сказал Елисею:

– Оставайся здесь, меня же Господь послал в Иерихон.

Елисей ответил ему:

– Жив Господь и жива душа твоя, что не оставлю я тебя, – и пришли оба в Иерихон. Сыны пророческие, которые были в Иерихоне, подошедши к Елисею, сказали ему:

– Знаешь ли ты, что сегодня Господь возьмет от тебя господина твоего над главою твоею?

Елисей отвечал:

– Я узнал уже, молчите.

Святой Илия опять сказал Елисею:

– Оставайся здесь, потому что Господь послал меня к Иордану.

Елисей же сказал:

– Жив Господь и жива душа твоя, что я не отстану от тебя, – и пошли вместе. Вслед за ними, в отдалении от них, пошли пятьдесят человек из сынов пророческих; когда оба святых пророка дошли до Иордана, Илия взял свой плащ, свернул его и ударил им по воде; вода расступилась на обе стороны, и они прошли оба через Иордан посуху. Перешедши Иордан, Илия сказал Елисею:

– Проси у меня, что бы мне для тебя сделать, прежде нежели я буду взят от тебя.

Елисей отвечал:

– Прошу, чтобы духа, который в тебе, было во мне вдвое больше, чем в тебе[4755].

Илия сказал:

– Трудного ты решился просить; но, впрочем, если увидишь, как я буду от тебя взят, то будет по твоему; если же не увидишь, то не получишь.

Когда они шли и разговаривали так, вдруг внезапно явилась колесница и кони огненные[4756] и разлучили их друг от друга, причем Илия в вихре был взят на небо. Елисей же смотрел и восклицал:

– Отче, отче! Колесница Израилева и конница его! (Этими словами он как бы говорил: ты, отче, был всею силою для Израиля: твоею молитвою и ревностью ты помогал Израильскому царству гораздо более, чем помогали ему великое множество военных колесниц и всадников вооруженных.) Елисей уже более не видел Илии[4757]. Тогда он взялся за одежды свои и в скорби разодрал их. Вскоре упал к ногам его брошенный свыше плащ Илии. Подняв его, Елисей остановился на берегу Иордана и, разделив им подобно Илии воду на обе стороны, перешел посуху и стал наследником благодати, действовавшей в его учителе. Святой же пророк Божий Илия, на огненной колеснице взятый вместе с плотию на небо, до этих пор жив во плоти, хранимый Богом в селениях райских. Его видели три святых Апостола во время Преображения Господня на Фаворе (Лк.9:30), и опять увидят его обыкновенные смертные люди пред вторым пришествием Господа на землю. Избежавший смерти от меча Иезавели, он пострадает тогда от меча антихристова (Откр.11:3–12), и уже не только как пророк, но и как мученик удостоится в лике святых большей, чем теперь, чести и славы от праведного мздовоздаятеля Бога, в трех Лицах Единого, Отца и Сына и Святого Духа, Которому честь и слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь[4758].

Тропарь, глас 4:

Во плоти Ангел, пророков основание, второй предтеча пришествия Христова, Илия славный, свыше пославый Елисееви благодать недуги отгоняти и прокаженныя очищати. Темже и почитающым его точит исцеления.

Кондак, глас 2:

Пророче и провидче великих дел Бога нашего, Илие великоимените, вещанием твоим уставивый водоточныя облаки, моли о нас единаго Человеколюбца.

Память преподобного отца нашего Авраамия Чухломского, Галичского чудотворца

Память 20 июля

Сей преподобный отец наш, с юных лет воспылав любовью к Богу, пришел к великому Сергию чудотворцу и принял от него иноческое пострижение. За свою добродетельную жизнь он удостоен был священнического сана, после чего еще с большим усердием стал предаваться иноческим подвигам. Отличаясь величайшим смирением, он оставил обитель преподобного Сергия и, удалившись в пустынные места Галичской страны[4759], основал там много обителей[4760]. Он пришел на одно место близ горы и, проливая обильные слезы, предался молитве. В это время он услышал с горы голос, сказавший ему:

– Аврамий! Взойди на гору. Здесь стоит икона Матери Моей.

Преподобный взошел на гору и увидел икону Пречистой Богоматери с Предвечным Младенцем, стоящую на одном из росших здесь деревьев. Пав ниц, он стал со слезами молиться и снова услышал голос, сказавший ему:

– Встань, Авраамий!

Он встал, и икона сама, никем не поддерживаемая, сошла к нему на руки. На этом месте он построил себе сперва келью и долгое время пребывал здесь в уединении, а спустя много лет устроил в этом пустынном месте монастырь, собрал множество учеников и с неослабным усердием подвизался в посте и воздержании. Узнав заранее время своего отшествия к Богу, преподобный созвал братию своей обители, преподал им на их душевную пользу наставления, причастился Тела и Крови Христовых и в 1375 году в 20 день месяца июля преставился в вечные обители[4761]. Богу нашему слава теперь, всегда и вечно.

Житие святого пророка Иезекииля

Память 21 июля

Святой пророк Изекииль происходил из еврейского города по имени Сарира. Он был сыном Вузия, от племени Левиина, и священником Бога Вышнего. Во время второго Иерусалимского пленения он был отведен Навуходоносором[4762] в плен в Вавилон[4763] вместе с Иоакимом, царем иудейским, названным Иехониею Вторым (4Цар.24:1). Трижды взят был Иерусалим Вавилонским царем Навуходоносором: в первый раз во дни иудейского царя Иоакима (который в священном Писании называется также Елиакимом (4Цар.23:34)), сына Иосии, брата Иоахаза и Седекии, отца другого Иехонии; он первый был отведен Навуходоносором в узах в Вавилон; тогда же был отведен в плен и святой пророк Даниил с тремя отроками, Ананией, Азарией и Мисаилом. Но в скором времени Навуходоносор отпустил Иоакима вновь царствовать в Иерусалим, сделав его своим данником. Процарствовав в Иерусалиме три года под властью Навуходоносора, Иоаким, по истечении этих трех лет, отложился от него, не пожелав платить ему дани. Поэтому снова пришло на Иерусалим Вавилонское войско, святой город был взят, царь Иоаким убит и брошен за городом на съедение псам, а на его место по повелению Навуходоносора поставлен был царем сын его, тоже Иоаким, которого назвали и другим отцовским именем – Иехониею, и сделали его вторым Иехонией, таким же данником вавилонского царя, каким был прежде его отец. Но так как и этот другой Иехония в очах Господа Бога делал зло, то, по попущению Божию, в непродолжительном времени Навуходоносор снова пришел на Иерусалим и взял в плен Иехонию со всем домом его, увел множество знатных людей, храбрых мужей, всех, кто был способен носить оружие, различных художников, взял также золотые церковные сосуды: это было второе Иерусалимское пленение. В это пленение взяты были: святой пророк Иезекииль, Мардохей и Иоседек, отец Иисуса, обновившего потом с Зоровавелем разоренный Иерусалимский храм. Третье

же и последнее разорение и опустошение Иерусалима Навуходоносором было во дни царя Седекии[4764], которого Навуходоносор поставил царем вместо Иехонии, наложив на него дань. Но когда и Седекия сверг с себя иго Навуходоносора, тогда тот же Навуходоносор, придя со всем халдейским войском, окончательно разорил Иерусалим, истребив его огнем и мечом, а оставшийся народ увел в плен. С того времени перестало существовать как царство Иудейское, так и всё царство Израильское. Это третье разорение Иерусалима Навуходоносором подробно описано в житии святого пророка Иеремии.

Находясь в плену Вавилонском, иерей Божий Иезекииль жил близ реки, называемой Ховар; и явилось ему дивное видение на тридцатом году его жизни, в пятый год по взятии в плен Иехонии, в четвертый месяц[4765], в пятый день этого месяца: он видел отверзшиеся небеса; с севера дул сильный ветер и шло оттуда великое и пресветлое облако; посреди его двигалось пламя, а кругом было блестящее сияние; из этого облака явилось подобие четырех животных, с виду похожих на чистую, раскаленную в огне медь. Каждое животное имело по четыре лица: лицо человека, льва, тельца и орла. Кроме того у них было по четыре крыла, а под крыльями – человеческие руки; два крыла были простерты для полета, двумя другими они покрывали свои тела; огонь клубился между животными, и молния исходила из огня. Видны были также четыре больших колеса, по одному при каждом животном; колеса эти с виду были как камень фарсис цвета лазурного, как море, с золотым отблеском, производимым солнечными лучами. В этих колесах виднелись еще как бы другие колеса; все эти колеса, как бы одушевленные, имели в себе силу жизни и отовсюду полны были глаз, а четыре животные, казалось были впряжены в эти колеса, как в колесницу; и когда двигались животные, двигались вместе с ними и колеса; когда же животные стояли, стояли и колеса. Во время шествия от крыльев их слышался шум и звук, как бы звук многих вод, как бы шум многолюдного стана. Когда же они стояли, безмолвствовали и крылья их. Так стояли они и безмолвствовали, когда с высоты доносился глас Божий. Ибо

над этими четырьмя животными и колесами виднелся небесный свод, подобный кристаллу, и на своде – престол, как бы из сапфира, а на престоле пресветлый образ человека и кругом него сияние наподобие радуги, которая светится в облаках в дождливый день.

Такое видение славы Господней имел святой пророк Иезекииль. В нем, по толкованию мужей Богомудрых и боговдохновенных, пресветлый образ человеческий на сапфировидном престоле прообразовал воплощение Сына Божия в утробе Пречистой Девы, Которая была одушевленным престолом для вочеловечившегося от Нее Бога и была прообразована этим сапфировидным престолом; потому что драгоценный камень сапфир, похожий своим светлым цветом на небо и заключающий в себе, как небо, звезды, золотистые частицы, служит образом Пресвятой Девы Марии, в Которой, как и в небесном естестве, нет ни единого порока; чрево Которой явилось пространнее небес, вместивши в себе Невместимого, и Которая, как звездами, украшена многочисленными дарами Божией благодати; четыре животные с четырьмя лицами прообразовали четырех святых Евангелистов, из коих каждый, описывая жизнь Христову с людьми на земле, изобразил Его человечество, прообразуемое в этих животных лицом человеческим; Божество Христово, обнаруживаемое лицом льва; страдание Христово, указуемое лицом тельца; воскресение и вознесение Христово, изображаемое лицом орла[4766]. Четыре колеса со множеством глаз, в которых виднелись и другие колеса, были образом четырех частей вселенной, заключающей в себе различные народы; проникнув туда, проповедь апостольская отверзла многим народам духовные очи к познанию и созерцанию Бога; огонь же, двигавшийся посреди виденного откровения, и великое сияние вокруг него являли величество неприступной славы Божией. Также и другие духовные тайны были прообразованы в том дивном и страшном видении, при созерцании которого святой Иезекииль от ужаса пал ниц на землю и слышал свыше от Сидящего на престоле в подобии человеческом голос, говорящий ему:

– Сын человеческий, встань на ноги твои и я буду говорить с тобою.

И вошла в него какая-то невидимая сила, которая подняла его с земли и поставила на ноги.

Когда пророк с трепетом стал перед славою явившегося ему Господа, Господь сказал ему:

– Сын человеческий! Я пошлю тебя к дому Израилеву, к людям, огорчающим Меня, которые оскорбили Меня; они и отцы их отреклись от Меня до самого нынешнего дня; это люди с огрубелою душою и жестоким сердцем: к ним Я пошлю тебя, и ты скажешь им слова Мои; не устрашись лица их, если они и рассвирепеют и окружат тебя, как скорпионы (Иез.2:3–4).

Когда Господь это говорил, Иезекииль увидал простертую к себе руку и в ней книжный свиток; рука та развернула перед ним этот свиток, и было в нем написано внутри и снаружи: «Плач, стон и горе».

И сказал ему Господь:

– Сын человеческий! Съешь этот свиток и иди скажи сынам Израилевым то, что Я прикажу тебе (Иез.3:1).

Иезекииль, открыв уста свои, съел этот свиток, и он был в устах его сладок, как мед. С того времени Иезекииль исполнился пророческого духа и благодати, и всё, что потом говорил ему Бог, он принимал в сердце свое. Когда же стало удаляться от очей его это чудесное видение, он услышал голос, как бы голос многочисленной толпы, говорящий:

– Благословенна слава Господня от места Его!

При этом и шум крыльев парящих животных и двигающихся колес был похож на шум великого землетрясения. Так эта страшная колесница славы Божией ушла вверх с глаз его, и видение окончилось. После этого видения пророк семь дней провел в молчании, размышляя о виденном и слышанном. И снова было к нему слово Господне, говорившее:

– Сын человеческий! Я поставил тебя стражем дому Израилеву, и ты будешь слушать слово из уст Моих и будешь вразумлять их от Меня. Когда я скажу беззаконнику: «смертию умрешь!», а если ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он

жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих. Но если ты вразумлял беззаконника, а он не обратился от беззакония своего и от беззаконного пути своего, то он умрет в беззаконии своем, а ты спас душу твою.

Затем, будучи выведен духом в поле, Иезекииль снова увидал славу Господню, как и прежде, и приказано ему было запереться в дому своем и пребывать в молчании до тех пор, пока Господь не прикажет ему открыть уста, чтобы говорить и проповедовать слова Божии. В это время молчания ему открыта была предстоявшая через несколько лет последняя осада и разорение Иерусалима халдеями и гибель народа для того, чтобы он не только словом возвестил об этом людям, но чтобы изобразил это и делом: ему приказано было Господом обрить голову свою и бороду и разделить волосы свои, размерив их весами на три части; одну часть – сжечь огнем перед глазами тех людей, которые были вместе с ним в плену, другую часть волос изрубить мечом, а третью – развеять по ветру, указывая (этим) на то, что гнев Божий, намереваясь покарать в Иерусалиме и во всей Палестине людей Израильских, не желающих обратиться к истинному покаянию и не оставляющих мерзостей идолослужения, разделил их своим праведным судом на три части, чтобы каждая часть понесла свое наказание: так, часть людей во время осады Иерусалима умрет от голода и моровой язвы, другая часть падет от меча халдеев, а третья – рассеется по вселенной. Всё это потом и сбылось, так как народ еврейский сильно разгневал Бога, – ибо, хотя в те времена евреи и служили Богу небесному, выведшему праотцев их из Египта рукою крепкою и мышцею высокою, но привыкши со времен Соломона кланяться идолам, они и их не оставляли, прельщаясь их богомерзкими праздниками, во время которых никем не возбранялось им устраивать скверные пиршества и совершать постыдные и беззаконные дела, так как и сами цари, и князья, и судьи, и старцы были зачинщиками в этом нечестии. Поэтому евреи поклонялись и Богу небесному, держались и идолопоклоннического нечестия и ставили идолов в храме Божием, и там, где прежде приносилась жертва самому

Единому Вышнему Богу, там потом одновременно совершались скверные жертвоприношения и бесам, что было очень не угодно Господу, ибо уподобляло народ этот прелюбодейке, которая не сохраняет верности своему истинному мужу, но прелюбодействует и с другими. Поэтому-то и в Евангелии Господь сказал потом об этом народе: «род лукавый и прелюбодейный» (Мф.12:39); и прежде в пророчестве Иеремии (Иер.3:1) уподобил Бог этот род жене-прелюбодейке и долгое время через святых пророков увещевал его покаяться. Но когда они не покаялись, Он отдал их на окончательное разорение халдеям и землю их предал запустению на семьдесят лет. Однако, хотя по истечении семидесяти лет Иерусалим и храм были обновлены Зоровавелем, но они уже не имели прежней красоты, богатства и славы; и хотя освобожденные из плена вавилонского евреи и переселились снова в свою землю, однако, они управлялись уже не своими царями, но находились под чужим и тяжелым игом, служа чужеземным царям, сначала Вавилонским, затем египетским, потом римским, от которых и погибли окончательно. Об этом конечном разорении Иерусалима предсказал Сам Господь, говоря: «не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф.24:2). А о прежнем опустошении от халдеев предвозвещал святой пророк Иезекииль (наряду с прочими святыми пророками).

Во времени святого пророка Иезекииля, находившегося в плену в Вавилонии, в земле халдейской, жил в Иерусалиме святой Иеремия. Хотя оба эти пророка и находились на далеком расстоянии друг от друга, тем не менее они единодушно предсказывали запустение Иерусалима и многое другое, что раскрывается в их книгах: ибо в обоих пророках действовал Дух Божий; и посылались некоторыми иерусалимлянами пророческие слова Иеремии в Вавилон к пленным братьям, а из Вавилона Иезекиилевы слова посылались в Иерусалим; и свидетельствовал Иезекииль в Вавилоне перед народом своим, что истинно пророчество Иеремиино, а в Иерусалиме Иеремия свидетельствовал истину Иезекиилева пророчества, но ни тому ни другому не оказывалось доверия со стороны развращенных маловерных иудеев, которые, прельстившись

идолопоклонством, всецело доверились лжепророкам, а тех святых пророков, которые поистине Духом Божиим пророчествовали, они считали лживыми. Поэтому Иеремию преследовали иерусалимляне, а Иезекииля содержали в мучительных оковах те, кто находились в плену вавилонском, как и Господь предрек ему, говоря: «вот, возложат на тебя узы и свяжут тебя ими» (Иез.3:25). Святой Иезекииль был так прозорлив, что видел происходившее далеко от него так, как будто бы оно совершалось на его глазах: находясь в Вавилоне, он видел то, что происходило в Иерусалиме (Иез.8:11, 16), и говорил об этом народу, бывшему вместе с ним в плену. Однажды он был перенесен Ангелом из Вавилона в Иерусалим и поставлен в храме Соломоновом, – видел там идолов, стоящих снаружи и внутри, как мерзость запустения на месте святом и совершаемые в честь их скверные богослужения: видел, как старейшины израильские совершают каждения перед кумирами, как священники отвратили лица свои от престола Божия и поклоняются солнцу, а женщины сидят и плачут по Фаммузе, измышленном греками Адонисе[4767], который прелюбодействовал со скверной Венерой[4768], был сражен диким вепрем, язычниками же был причислен к лику богов, а развращенными евреями принят как бог. Видел он также славу Божию наподобие той, какую он прежде видел на реке Ховаре: она, разгневанная, собиралась выходить из храма, оставляя его пустым. И слышал он, как Господь говорил ему:

– Сын человеческий! Уже ли не велико то беззаконие, которое, как ты видишь, творят эти люди? Они землю наполнили нечестием и сугубо прогневляют Меня (и как бы сговорились прогневить и раздражить Меня); зато и Я отомщу им в ярости Моей, не пощадит их око Мое и не помилует, и хотя бы они взывали в уши Мои громким голосом, – не услышу их.

Затем послышался еще сильнейший голос Божий, взывающий грозно и страшно и так говорящий пророку:

– Приблизилось отмщение и гибель городу, и пусть каждый имеет губительные орудия в руках своих.

Когда Господь сказал это, вышли шесть страшных вооруженных мужей с обнаженными мечами; между ними был

муж, одетый в белые священнические одежды, имевший при себе чернильницу и трость писца, и сказал ему Господь:

– Пройди посреди города Иерусалима и сделай знак на челе (мужей) рабов моих, которые скорбят в сердцах своих, воздыхают и плачут о беззакониях, совершаемых в этом городе: этих избранников моих я избавлю от наказания.

И пошел этот благообразный муж в священнической одежде и ставил знак на челе тех людей, которые верно служили истинному Богу. Знак этот был греческая буква, называемая Тау и похожая на честный крест, подобно тому как в нашей азбуке пишется заглавное Твердо. Между тем как этот муж в благолепном иерейском одеянии проходил по городу и отмечал знаком рабов Божиих, вслед за ним посланы были те страшные шесть мужей, прообразовавшие собою шесть военачальников халдейских войск, которые должны были прийти с Навуходоносором для истребления Иерусалима; этим шести мужам сказал прогневанный Господь:

– Идите, поражайте, не щадите, не милуйте ни старца, ни юноши, ни жены, ни девицы, ни младенца, но всех избейте до смерти, начиная с освященных иереев и старейшин; а на ком есть знак Мой, к тем не прикасайтесь.

И видел святой пророк в этом видении, что избивалось всякое сословие и возраст народа иерусалимского обоего пола, как потом и на самом деле должно было совершиться. И пал пророк ниц пред Господом, взывая:

– Горе, горе! О тяжело мне, Адонаи Господи, ибо Ты истребляешь остаток Израиля, изливая на Иерусалим ярость Твою!

После этого он снова увидал того благообразного мужа в священнической одежде, который, возвратясь ко Господу, сказал:

– Я сделал, как Ты повелел мне, Господи.

И снова приказано ему было Господом, чтобы он, взяв в пригоршни горящие уголья между колесами Херувимов, посыпал их на весь Иерусалим в знак того, что он будет истреблен халдеями не только мечом, но и огнем. После этого

восхищения и видения пророк снова очутился в Халдее на своем месте, а виденное им скоро сбылось.

Пророчествовал также святой Иезекииль и о соседних язычниках, посмеявшихся над наказываемым от Бога Иерусалимом, об Аммонитянах, Моавитянах, Едомлянах, Филистимлянах, об Идумее, Тире и Египте, возвещая им такое же наказание Божие, которое должно было постигнуть их через халдеев за то, что они порадовались разорению и опустошению Иерусалима. После того как всё это сбылось, он пророчествовал затем о прекращении гнева Божия на евреев, о возвращении их из Вавилона в свое отечество и о восстановлении и обновлении города и храма; ибо он во второй раз был восхищен рукою Господней в землю иудейскую (Иез.40:5) уже после того как Иерусалим был разорен и опустошен, и видел во время бывшего ему там откровения, что место, на котором стоял Иерусалим, по повелению Божию размеряется, город и храм Господень созидаются и слава Божия наполняет храм свой, как о том подробно написано в его пророческой книге.

Всё это видение было таинственным прообразом нашего освобождения от работы вражией и устроения Церкви Христовой: оно должно было совершиться через явление во плоти Бога, рожденного от Пречистой Девы, Которую сей пророк назвал «вратами заключенными» и непроходимыми ни для кого, кроме Самого Бога (Иез.44:2). Ему же дано было от Бога откровение и относительно воскресения мертвых (Иез.37:1). Он видел, будто рукою Божией он был восхищен и поставлен посреди поля, которое было наполнено множеством человеческих костей, весьма сухих, и все они по слову Божию облеклись плотью, и когда вошел в них дух, ожили и стали на ноги свои, и было их весьма великое множество. И сказал Господь:

– Я открою гробы ваши и выведу вас из гробов ваших.

Кроме того и относительно многих других тайн Божиих, которые должны были с полною ясностью исполниться в последние времена, даны были откровения пророку Божию; он все их предвозвестил и записал в своей книге: кто желает, пусть

прочтет там. А мы, сокращая свое повествование, упомянем только, основываясь на свидетельстве достоверных о нем повествователей, что он был также и великим чудотворцем; подобно Моисею он был разделителем вод. А именно, однажды, когда при реке Ховаре собралось к нему множество евреев, напали на них разбойническим образом халдеи; но он своею молитвой сделал то, что вода речная разделилась и открыла сухой путь преследуемым людям, чтобы они могли перебежать на другую сторону. И прошел народ еврейский посуху, халдеи же, дерзнувшие идти за ними тем же путем, были покрыты водами и погибли. Будучи в Вавилонии судьей над коленом Дановым и Гадовым и видя, что они не чтут Господа и преследуют соблюдающих закон Господень, он наслал на их селения змей и гадов, которые поедали их младенцев и скот. Затем, сжалившись над ними, он удалил от них этих змей и гадов молитвою. Во время голода он своими молитвами к Богу умножил людям пищу в изобилии и смертельно изнемогших от голода от врат смерти возвратил к жизни, сам же потом умер мученическою смертью[4769]. Видя, что его еврейский народ, бывший вместе с ним в плену, сообщается с халдеями в идолослужении и навыкает всем нечестивым делам их, он обличал его, увещевал оставить эти беззакония и грозил ему гневом Божиим. Вследствие этого еврейский старейшина, предавшийся халдейскому нечестию, исполнившись гнева, умертвил его, растерзав его конями. Народ, собрав его растерзанное тело, похоронил его на поле Маур, в усыпальнице Сима и Арфаксада, прародителей Авраама. И собиралось к могиле его множество евреев и возносили они там свои молитвы Богу Саваофу, Которому воссылается слава во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Божий явился еси пророк, Иезекииле чудне, Господне воплощение всем провозвестил еси, сего Агнца и зиждителя Сына Божия явльшася вовеки.

Житие преподобных отец наших Симеона, Христа ради юродивого и Иоанна, спостника его

Память 21 июля

Во дни благочестивого царя Иустиниана[4770], когда христолюбивые люди стекались в Святой Город Иерусалим[4771] на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня[4772], по Божиему промышлению пришли из Сирии[4773] в Иерусалим на поклонение честному древу Креста – двое юношей. Имя одного – Иоанн, а другого – Симеон; оба знатные и богатые.

Иоанну в это время было от рода 24 года; он имел молодую жену и жил при старике отце, а мать у него уже умерла; а Симеон был еще холост[4774] и имел только вдовую старуху мать, 80 лет. Оба эти юноши, происходившие из одной страны и сдружившиеся между собою в Христовой любви, пробыли вместе в Иерусалиме довольно времени, обходя и поклоняясь святым местам. – Когда они, возвращаясь к себе, спустились в долину Иерихунтинскую и, проезжая подошвой горы, миновали город, то увидели по берегам священной реки Иордана[4775] монастыри. Тогда Иоанн, обратясь к Симеону, спросил:

– Знаешь ли, кто живет в тех обителях?

– А кто в них обитает? – пожелал узнать Симеон.

– Ангелы Божии живут в них, – отвечал Иоанн.

Симеон же, подивившись и вздохнув, спросил:

– А можем мы их видеть?

– Если захотим начать такую же, как они жизнь, – отвечал Иоанн, – то, без сомнения, усладимся лицезрением и беседою их.

Оба они ехали верхом; теперь же сошли с коней, отдали их своим слугам, приказав:

– Ступайте, не спеша, впереди нас.

Итак, слуги вели коней впереди, а они, следуя издали, рассуждали, как бы спасти свои души. Идя понемногу, они подошли к перекрестку: один путь, многолюдный, вел в Сирию,

куда и им надлежало идти, а другой путь вел к Иордану, где виднелись монастыри. Указывая Симеону пальцем на дорогу, ведущую к Иордану, Иоанн сказал:

– Вот путь, ведущий к жизни.

А, показывая на дорогу, лежащую по направлению к Сирии, прибавил:

– Этот же путь приводит к гибели. Итак, брат, станем здесь на распутии, помолимся Богу, чтобы Он научил нас, каким путем следует идти.

И, преклонив колена, они начали горячо молиться:

– Боже! Боже! Боже! желающий спасения всему миру! Яви волю Свою твоим рабам и укажи нам путь, которым мы должны идти!

Помолившись довольно времени, Иоанн и Симеон бросили жребий, и жребий выпал идти по дороге, ведущей к Иордану. Тогда преисполнились они великой духовной радости со смирением благодарили Бога. И тотчас забыли о своих родных, – один отца и жену, а другой – мать, презрели свои богатства и как бы за сон сочли все привлекательное и услаждающее в этом мире. И обняв друг друга, облобызались святым лобызанием, и пошли по пути к Иордану, которым действительно, достигли вечной жизни. И устремились с радостью, как Петр и Иоанн к живоносному гробу Христову (Иоан.20:1–10), укрепляя увещевая друг друга: Иоанн боялся, чтобы как-нибудь сожаление о состарившейся матери не отклонило Симеона от доброго намерения, а Симеон точно так же боялся за Иоанна, чтобы любовь к молодой жене, подобно тому, как магнит железо, не отвлекла его от предпринятого пути. – Поэтому они обращались друг к другу со словами духовного наставления и утешения. Иоанн говорил Симеону:

– Не унывая и не ослабевай, возлюбленный брат! Ибо я надеюсь на Господа, Который возродил нас в нынешний день. Да и какая польза для нас от мирской суеты? Или какую найдем помощь в богатствах в день Страшного Суда? Не скорей ли они повредят нам? Точно так же наша юность и телесная красота – разве они всегда с нами? Не изменятся ли от старости и не

погибнут ли от смерти? Да мы и сами не знаем, дождемся ли старости, ибо и юноши, не ожидающие смерти, умирают.

А Симеон со своей стороны убеждал Иоанна:

– У меня, брат, нет ни отца, ни братьев, ни сестер; есть одна только родительница моя, уже престарелая, и не столько о ней соболезную, сколько боюсь в своей душе за тебя, чтобы не отвела тебя с этого благого пути мысль о прекрасной и любезной жене твоей, с которой так недавно сочетался ты браком.

Так, беседуя между собою, шли они вперед. И о том молили они Бога, да покажет им Свою волю, в каком бы монастыре им постричься. И выбрали для себя такое знамение: в каком монастыре найдут они отворенные ворота, в тот, значит, Бог и повелевает им войти. Случилось им прийти в монастырь преподобного Герасима, в котором игуменом был муж боговдохновенный, по имени Никон; ему было возвещено Богом о пришествии этих двух юношей, возгоревшихся Божественною любовью. Ибо Никон видел в тот день во сне Господа, говорящего ему:

– Встань, отвори двери ограды, да войдут сюда Мои овцы.

Игумен, поднявшись, пошел и отворил монастырские ворота и сел около них, ожидая прихода овец Христовых. Иоанн же и Симеон, приближаясь к монастырю, когда увидели отворенные ворота и у ворот сидящего старца, возрадовались великой радостью. И обратился Иоанн к Симеону:

– Доброе это знамение, брат, – вот монастырь отворен и привратник сидит, как будто нарочно, ожидая нашего прихода.

Когда они приблизились к воротам, игумен встал и сказал:

– Хорошо сделали, что пришли вы, агнцы Христовы.

И приняв их ласково, ввел в монастырь и угостил их пищей телесной и духовной; как странников он успокоил в ту ночь Симеона и Иоанна. Наутро игумен обратился к ним с таким словом:

– Прекрасна и угодна Богу любовь ваша, которую вы к Нему единодушно питаете, о дети! Но вам надо тщательно блюстись, чтобы не угасил ее в вас враг нашего спасения. Путь ваш хорош, но не надо ослабевать на нем, пока не будете увенчаны.

Похвально намерение ваше, но не нерадите, чтобы не охладела в сердцах ваших теплота духовная. Хорошо, что вы поставили вечное выше временного. Конечно, доброе дело служить родителям по плоти, но без сравнения выше служить Отцу небесному. Милы братья по плоти, но гораздо спасительнее духовные. Полезны друзья, которых вы имеете в миру, но много лучше приобрести друзей среди святых угодников Божиих. Сильны ходатаи и заступники ваши пред князьями, но всё же не таковы, как Ангелы, ходатайствующие за нас пред Богом. Хорошо и милостыню давать нищим Бога ради; но никакое приношение не благоприятно столь Богу, как душу и волю свою предать Ему всецело. Приятно наслаждение сей жизнью, но ничтожно по сравнению с наслаждениями райскими. Прекрасно и всеми любимо богатство, но никак не сравнится с теми сокровищами, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор.2:9).

Приятна и красота юности, но ничто в сравнении с достоинствами Прекраснейшего всех сынов человеческих[4776]. Прекрасно стать воином царя земного, но непродолжительно и опасно это служение. А быть воином Царя небесного значит торжествовать над всею вражьею силою.

С таковыми и подобными этим наставлениями обратился к ним преподобный игумен и, видя обильные слезы, текущие из глаз их, сказал Симеону:

– Не жалей, не плачь о сединах госпожи твоей матери, ибо за твои труды Бог лучше ее утешит, нежели сам ты, находясь при ней. Если бы даже ты неотступно был при ней и то не знал бы наверно, – ты бы ее раньше похоронил, или она тебя. И умер бы ты без угождения Богу, не имея ничего, что могло бы избавить тебя от будущих зол после смерти: ибо ни материнские слезы, ни отцовская любовь, ни богатство и слава, ни брачный союз, ни любовь к детям не могут умолить страшного Судию, а только – добродетельная жизнь, подвиги и труды, подъятые ради Бога!

Потом, обратившись к Иоанну, сказал:

– И тебе, о чадо! Да не влагает враг таковых мыслей, чтобы ты стал рассуждать в уме своем: кто без меня поддержит

престарелого отца и прокормит? Кто утешит рыдание супруги моей? В самом деле, если бы вы предоставили их одному Богу, а сами пошли работать другому, то вы по справедливости сокрушались бы о них. А так как Единый есть Бог, Которому вы поручили родителей своих, и из любви к Которому оставили их, то должны знать, что Он Сам промыслит о них. Подумайте также и о том, что когда были вы в миру и трудились для жизни временной, благость Господня заботилась о вас и щедро наполняла дом ваш; тем более Господь позаботится о домах ваших ныне, когда вы пришли трудиться Ему всем сердцем, желая совершеннее благоугодить Ему. Вспомните О дети! Ответ Господа, желавшему следовать за Ним и сказавшему: «Господи! Позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего». Господь сказал: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф.8:21–22). Так и вы с непреклонною волею и твердым сердцем идите во след Христа. Ибо, если бы земной и смертный царь призвал вас к себе, желая сделать вас постельничими или советниками, разве вы не пренебрегли бы вашими домашними и не пошли бы со скоростью к царю, чтобы служить ему в славе и чести и услаждаться лицезрением и милостью его? И это бы вы сделали из-за краткого времени, пока он захотел бы почтить вас перед своими вельможами.

Иоанн же и Симеон отвечали:

– Истинно так, отче!

И продолжал игумен:

– Тем с большею О дети! Должны мы поспешностью и усердием идти на зов Царя небесного, призывающего нас к чести, которой уподобиться и с которой сравниться не может никакая самая высокая мирская почесть. Мы должны послушать Бога, призывающего нас к Себе, помня любовь Его к нам, ради которой Он не пощадил Своего Единородного Сына, но предал Его за нас на кровавую смерть, чтобы сделать нас сынами Своими; и если бы за это мы пролили всю нашу кровь, то и тогда не воздали бы нисколько по достоинству в сравнении с явленной Им благостью и любовью: потому что нельзя приравнять кровь царскую крови рабов.

Сказав всё это им и догадываясь, что Симеон и Иоанн, одетые богато, выросли, не зная нужды, боговдохновенный игумен, хотя и видел их горячее усердие к Богу, всё-таки советовал им не тотчас возлагать на себя иноческий образ, но подождать некоторое время: пусть сами себя испытают, – смогут ли вынести тягость подвижнической жизни. А они, упавши к ногам его, молили его со слезами, чтобы он безотлагательно постриг их и облек в святой чин.

После того старец, желая их испытать, взял отдельно Иоанна и говорит ему:

– Я уже убедил твоего друга, чтобы он еще на год остался в миру.

– Если ему угодно, – возразил Иоанн, – пусть остается, я же не в состоянии так долго ожидать пострижения, но умоляю тебя, отче, тотчас совершить надо мной, то чего жаждет душа моя.

Симеон же, видя их отдельно беседующих, сказал старцу:

– Не медли, отче, слушая доводы Иоанна; трепещет за него у меня сердце, что затужит он о супруге своей, с которою в нынешнем году сочетался браком, богатой и прекрасной, и ради нее да не уклонится от любви к Богу.

Иоанн также обратился к старцу со слезами (очень он был склонен к слезам):

– Молю тебя, отче, немедленно постриги нас, чтобы не погубить дорогого мне брата. У него мать, которая так сильно любит его, что не может жить, не видя его, и боюсь за него, чтобы, вспомнив о любви к нему матери, не отшатнулся от любви к Богу; итак не перестану печаловаться, пока не увижу его постриженным.

Старец же, видя их взаимную заботу друг о друге, и по опыту зная, что Бог не постыжает, не отвергает прибегающих к Нему всею душою и твердою верою, не медля более, ввел их в церковь и постриг в начальный иноческий образ. Когда же совершалось их пострижение, Иоанн сильно плакал, а Симеон тайно толкал его, давая знать, чтобы он молчал, – он думал, что тот плачет об отце и жене своей. Но тот изливал слезы от горячей сердечной любви к Богу.

После пострижения и по совершении святой литургии, игумен опять простер к ним продолжительное поучительное слово, ведая своим прозорливым духом, что недолго пробудут они в его монастыре, так как Бог призовет их на еще более совершенное житие.

Тот день пришелся в субботу, и хотел игумен наутро, в воскресенье, возложить на них совершенный чин Ангельского образа.

И стали говорить некоторые из братий Иоанну и Симеону:

– Блаженны вы, потому что наутро возродитесь и будете чисты, как бы только что родились; вы очиститесь от ваших грехов, как будто только в этот день получили крещение.

А те, не понимая того, что говорили им, изумились и ужаснулись и, придя к святому игумену в субботу вечером, молили его такими словами:

– Не крести нас, отче, потому что мы христиане и дети христианских родителей, вновь рожденные погружением святого крещения.

Игумен же, не понимая слов их, спросил:

– Кто вас хочет крестить, О дети?

Они отвечали:

– Слышали от братий, что наутро будем крещены.

Тогда игумен, поняв, что братия говорили им о святом Ангельском образе, сказал:

– Хорошо объяснили вам отцы: потому что наутро хотим облечь вас в совершенный чин Ангельского образа, который освободит вас от всех сделанных вами в мире прегрешений, подобно второму крещению.

Иоанн же и Симеон не знали, что такое совершенный чин Ангельского образа. И приказал игумен позвать брата, которого в прошлую неделю посвятил в тот совершенный чин, чему еще не исполнилось 7 дней, так что брат носил постоянно, по уставу монастырскому, все одеяния святого чина. Когда этот брат пришел, Иоанн и Симеон, увидев его, припали к ногам игумена и молили, чтобы он тотчас же, еще вечером, облек их в этот чин.

– Мы люди, – говорили они, – не знаем, проживем ли эту ночь и увидим ли утро, и, вдруг, отойдем от этой жизни, не получив такого венца, радости и славы, в какой видим этого брата.

Уразумел игумен, что они созерцают какое-то видение, и отпустил призванного брата обратно в келью. Когда тот ушел, опять Иоанн и Симеон усиленно стали просить игумена:

– Отче, Бога ради, тотчас облеки нас в одежды, которые мы видели на том брате: поистине в монастыре твоем не видели ни одного в такой славе, как брат тот.

– Что видели вы, дети, на том брате? – спросил их игумен.

Они отвечали:

– Видели на голове его пресветлый венец и вокруг сияние, и какие-то лики светолепные, со свечами в руках, окружали его с удивительным пением.

И подивился игумен такой душевной их чистоте и сказал им:

– Наутро и вы, по благодати Святого Духа, получите такой же венец и славу вместе со святым Ангельским чином.

Когда наступил воскресный день, игумен совершил над ними тот святой чин, и оба видели друг на друге венцы, сияющие на их головах, и ночью видели лицо друг друга ясно, как днем: и такой радостью исполнилась душа их, что они не желали вкусить ни пищи, ни пития.

По прошествии 2 дней, после принятия совершеннейшего чина, случилось им встретить того прежде названного, виденного в славе, брата, облеченным во вретище и выполняющим монастырское послушание, – они не видели над ним прежней славы и венца и удивлялись. Симеон же сказал Иоанну:

– Поверь мне, брат, что, по истечении 7 дней, и мы не будем видеть друг над другом блестящего венца и сияния, как теперь.

Иоанн спросил:

– Итак, чего ты хочешь для себя еще, брат?

– Послушай меня, – отвечал Симеон, – я хочу, чтобы мы, как вышли из мира, так и отсюда уйдем на еще более

безмолвное пустынное житие; ибо с тех пор как облек нас честной игумен во святой сей образ, разгорелось мое сердце от некоторого чудесного желания, и душа моя никого не хочет видеть, ни говорить, ни слышать чей-нибудь голос, но желает оставаться в полнейшем от всех удалении и в глубоком молчании.

– Что будем есть, живя в пустыне? – возразил Иоанн.

Симеон отвечал:

– А что едят другие пустынножители, о которых слышали из уст поучающего нас игумена? Питающий тех пропитает и нас, и, думаю, игумен так много говорил нам о пустынножителях из желания, чтобы и мы избрали пустынножительство.

Иоанн опять возразил:

– Но мы еще не научились петь псалмы по уставу монастырскому?

– Спасший угодивших Ему ранее Давида, – успокоил его Симеон, – спасет и нас, и как научил Он слагать псалмы Давида, пасшего овец в пустыне, так и нас научит. Не ослушайся меня, брат, но как вместе посвятили мы себя Богу, так и потрудимся для него вместе.

Иоанн согласился, говоря:

– Как ты хочешь, так и сделаем; но как мы выйдем из монастыря, двери которого на ночь запирают?

Иоанн отвечал:

– Отверзший нам днем, откроет и ночью.

Когда они таким образом согласились и порешили и когда наступила ночь, игумен увидел во сне некоего почтенного мужа, святого по виду, открывающего монастырские ворота со словами:

– Выходите, овцы Христовы, на свое пастбище.

Тотчас, поднявшись, он поспешил к воротам и нашел их открытыми и, думая, что Иоанн с Симеоном уже вышли, сел печальный, вздыхал и думал:

– Не достоин был я принять молитвы отцов моих, ибо не я, а они были отцами и учителями. О какие драгоценные камни (как сказано в Писании) не узнанные лежат на земле, многими видимые, но не многими ценимые!

Когда игумен так размышлял в себе и сокрушался, вот, вышли из своей кельи к воротам рабы Христовы, чтобы покинуть монастырь. И увидел игумен идущих впереди них прекрасных юношей с ярко горевшими свечами. Иоанн же и Симеон юношей тех не видели, но, заметив открытые врата, сильно обрадовались, что не лишились своей надежды. Когда же увидели у ворот старца, испугались и хотели вернуться, не догадываясь, что это игумен. Игумен же подозвал их словами:

– Не бойтесь, чада, идите во имя Господне!

Они же, узнав, что это игумен, еще более обрадовались и поняли, что Бог, открыв ему ранее об их приходе, указал и отшествие их, и поклонились старцу со словами:

– Благодарим тебя, отче, но как достойно возблагодарим Бога и честную твою главу, не знаем. И кто из нас мог надеяться сподобиться таковых даров? Какой царь мог бы почтить нас таким саном? Какие сокровища обогатили бы нас столь скоро? Воды каких бань так очистили бы наши души? Какие бы родители могли нас так любить и спасти, как ты, честный отче?! О Христе ты нам отец и мать, владыка, пастырь и наставник, и руководитель! Через тебя получили не похищаемое сокровище и нашли бесценную жемчужину спасения; узнали, поистине, силу второго крещения, как поведали нам отцы. Просим же твое блаженство, отче, чтобы помолившись о нас, отпустил нас рабов твоих идти, куда нам укажет Бог: ибо от всей души мы пожелали послужить Ему и поминай, отче, своих овец, коих принес Богу в жертву.

Всё это произнесли они с великими слезами. Плакал и игумен от душевной радости, видя столь великое желание их служить Богу. Наконец, поставив Симеона направо, а Иоанна налево и воздев руки к небу, произнес молитву:

– Боже праведный и славный! Боже великий и крепкий! Боже Предвечный и Вечный! Приклони ко мне грешному слух в час сей! Услышь меня, Господи, обещавший послушать всех, истинно служащих Тебе! Направь стопы рабов Твоих этих и ноги их поставь на путь мира. Будь Помощником сим незлобивым отрокам и сохрани их целыми, как голубей; запрети всем нечистым духам, да не приближаются к ним, но да бегут далеко

от лица их. Возьми щит и латы и восстань на помощь им; обнажи меч и прегради [путь] преследующим их; скажи душе их: «Я – спасение твое!» (ср. Пс.34:3). Соделай, да удалится от их мысли всякое малодушие и ужас, и да сгинет всякая гордыня и самомнение и всякая злоба; да утихнет всякое разжжение плоти, случающееся от природы и от бесовского искушения; да освятится их тело и душа, и дух их просветится светом благодати Твоей, да возрастая духовно, перейдут в возраст мужа совершенна и сподобятся получить часть среди угодников Твоих, восхваляя Тебя со святыми Ангелами и всегда поклоняясь Тебе – Отцу, Сыну и Святому Духу, Богу Единому в Троице вовеки, аминь!

Потом, обратившись к рабам Христовым, со слезами произнес:

– Бог, Которого вы избрали, О добрые дети! И к Которому вы прибегли, да пошлет Он Ангела пред лицом вашим, который приготовит вам безбоязненный путь и пойдет впереди вас, избавляя вас от вражеских сил, как Иакова от Лавана и от Исава (Быт. 31:1–55, 32:1–32, 33:1–20), и – Даниила от пасти льва! (Дан. 6:1–28)

И, обняв их обоих, опять обратился с молитвою к Богу:

– Спаси, Боже, спаси возлюбивших Тебя всем сердцем: ибо Ты праведен, Господи. Не оставь тех, которые оставили ради Тебя всё суетное!

Затем опять обратился к ним:

– Берегитесь, чада! Потому что выходите на страшную брань, но не бойтесь! Силен Бог и не пошлет вам искушений выше меры. Подвизайтесь, дети, и да не будете побеждены врагом; стойте мужественно, имея броней святой иноческий чин Ангельского образа. Но помните Сказавшего: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк.9:62). Не будьте ленивы и унылы, начиная сей путь Господень, чтобы и на вас не исполнилась притча о начавшем ставить столп: «Этот человек начал строить и не мог окончить?» (Лк.14:30). Мужайтесь, дети, зная, как ничтожна борьба и как велик венец, как непродолжителен труд и вечно отдохновение.

Пока они упражнялись в таких беседах, подошло время звонить к утрене, и им нужно было выходить из монастырских ворот; Симеон, отведши игумена отдельно, сказал ему:

– Молю тебя, отче, ради Господа, помолись усердно за брата моего Иоанна, да изгладится из ума его память о жене, чтобы вследствие вражеского искушения, не оставил меня, и я истаю от сожаления о разлуке с ним; помолись и об отце, родившем его, да утешит его Господь, чтобы он не печалился об оставившем его сыне.

Также и Иоанн, отведши старца в сторону, умолял:

– Бога ради, отче, не забудь в святых твоих молитвах брата моего Симеона, да не удалится от меня к матери, увлекаемый любовью к ней; иначе пристань послужит нам местом потопления.

Удивился старец таковой между ними любви и, обещав молиться за них, благословил их, ограждая крестным знамением, и отпустил с миром.

Отошедши от преподобного игумена, рабы Христовы, Симеон и Иоанн, молились:

– Боже! По молитвам раба Твоего, отца нашего Никона, Сам веди нас куда Тебе угодно; ибо мы странники и не знаем ни места, ни страны, куда бы обратились, но, стремимся к Тебе, хотя, быть может, в глубине пустыни ждет нас смерть.

Потом обратился Иоанн к Симеону:

– Что теперь будем делать, брат? Куда пойдем?

Симеон отвечал:

– Пойдем направо, потому что всё что правое, то хорошо.

И пошли на правую сторону; было же то промышлением Божиим: Господь не оставляет рабов Своих. Пройдя порядочно, они подошли к Мертвому морю[4777] и нашли близ моря и Иордана, впадающего в то море, место удобное и келью, где пребывал один пустынножитель, за несколько дней перед тем преставившийся ко Господу; были здесь и сосуды небольшие, и огород с насаженным овощем, которым питался преставившийся старец. Увидев это, рабы Христовы обрадовались так же сильно, как радуется нашедший значительное сокровище, и благодарили Бога, и, поселившись

там, начали жить. Немного времени спустя, враг наших душ, диавол, не стерпев богоугодного жития рабов Христовых, начал войну против них, Иоанну влагая воспоминание о жене и отце, Симеону – любовь к матери. Они же, когда видели друг друга печальными, тотчас говорили друг другу:

– Стань, брат, помолимся вместе Владыке нашему Иисусу Христу, да сохранит нас от вражеских козней молитвами святого старца нашего Никона.

И когда молились они, скоро приходила к ним помощь Божия, отражающая от них вражеские наветы. Иногда искуситель влагал им желание отведать мяса и выпить вина; иногда показывал во сне родителей и сродников: или сокрушающихся о них, или же пирующих; то повергал их в уныние и леность, то, думая ужаснуть их привидениями, опять внушал им мысль вернуться в монастырь, как будто им было невыносимо пустынножительство. И разнообразными способами пестрый змей тот старался прервать праведное житие тех похвальных подвижников. Они же, помня свои обеты и светлые венцы, которые сначала видели друг над другом, а также помня наставления и слезы своего старца, превозмогали в служении Господу и утешались, часто ощущая в сердцах своих некоторую духовную сладость. После мужественного сопротивления вражеским искушениям, являлся им во сне преподобный Никон, то увещевал их, то молитву совершая за них Богу, то научая их псалмам и молитвам. И, пробудившись, они помнили наяву то, чему научились от него во сне и имели от того великую радость. Так же точно и печаль, происходившую от воспоминания о домашних, облегчил им Господь, через два года, такими откровениями. Представилось Симеону в ночном сонном видении, что он посещает матерь свою в ее доме и говорит ей на сирском наречии:

– Ладохрелихем, то есть, не заботься, мать; ибо хорошо нам: я и господин Иоанн здоровы и водворены в царской палате и вот носим венцы, которыми увенчал нас царь, украсив нас светлыми одеждами; скажи также и родителю Иоанна, чтобы не тужил о своем сыне и, вообще, не заботьтесь о нас.

Много раз повторялось Симеону это видение, и из этого он понял, что его мать уже не печалится о нем, будучи утешена Богом. Точно так же и Иоанну в сонном видении являлось какое-то пресветлое лицо со следующими словами:

– Вот я сделал отца твоего беспечальным, вселив в него покой и радование и жену твою на этих днях возьму в мое царство.

Рассказывая друг другу о таковых видениях, Иоанн и Симеон радовались в своих душах и веселились о Боге Спасителе своем. И с тех пор не знали никакой печали первый – об отце и жене, а второй – о матери; но одна у них была забота – днем и ночью славословить Бога. То для них был труд не утомительный и забота без печали – постоянно творить молитвы, и в непродолжительное время они сделались достойными сосудами Святого Духа и сподобились созерцания Божественных откровений. Иногда они жили и отдельно друг от друга, но недалеко, не больше, как на расстоянии брошенного камня. И если одному из них приходила мысль вражеская, тотчас смущаемы прибегал к другому: ибо они открывали друг другу свои мысли и, молясь вместе, прогоняли наветы вражеские.

По прошествии некоторого времени, блаженный Симеон, сидя на отдельном месте. пришел в восторг и видит себя в своем отечестве, в городе Эдессе[4778], навещающим больную мать, со словами:

– Как живешь, мать?

А она отвечает:

– Хорошо мне, сын мой!

Он же снова сказал ей:

– Иди, ничего не боясь, к Царю, ибо я умолил Его за тебя и приготовил тебе место хорошее, и когда Он захочет, то и я приду к тебе.

Пришед в себя после этого видения, Симеон понял, что в ту минуту умерла его мать, и поспешил к Иоанну, прося его, да помолится он о душе его матери, а сам, преклонив колена, так молился со слезами:

– Боже, жертву Авраама благосклонно принявший (Быт. 22:1–24) и не отвергший жертвы Иеффая (Суд. 11:1–40) и дары Авеля не презревший (Быт. 4:1–26), ради отрока своего Самуила явивший матерь его, Анну, пророчицей (1Цар. 1:1–28, 2:1–36) Ты, Господи мой, Господи! Меня ради, раба Твоего, прими душу доброй моей матери; помяни ее болезни и труды, принятые ради меня; помяни ее сокрушение и слезы, которые она пролила, когда я укрылся от нее к Тебе. Помяни грудь ее, которой она меня вскормила, надеясь иметь от меня помощь и утешение и не получив того, на что надеялась. Не забудь, Владыко, ее сердечные рыдания, причиненные мною, когда я оставил ее Тебя ради. Вспомни, сколько ночей не приходил сон на ее глаза, от постоянной мысли о своем сиротстве и моей юности. О как сокрушалась она сердцем, глядя на мои одежды, в которые уже не облекалось ее драгоценное сокровище! Помяни, скольких радостей и веселия лишил я ее моим от нее удалением, чтобы служить Тебе, моему и ее Владыке и Богу! Дай ей Ангела Твоего хранителя сильного, который избавит душу ее от хитрых и немилостивых воздушных духов, желающих всех погубить[4779]. Повели, Боже мой, разлучиться душе ее от тела без болезни и страха и, как Благий, прости ей все согрешения, которые она соделала в сей жизни. Ей, Боже правосудный! Не переведи ее из печали в печаль, из беды в беду и от сокрушений к сокрушениям, но вместо печали, какою она скорбела обо мне, единственном сыне своем, подай ей радость и вместо горя веселие, приготовленное, Боже мой, для святых Твоих.

Молился с ним вместе и Иоанн о душе преставившейся. И, поднявшись с молитвы, утешал Иоанн Симеона:

– Вот, брат, Бог услышал твои молитвы и взял к Себе матерь твою; потрудись же еще со мной и оба помолим Господа, да покажет Свою милость и бывшей моей жене, да или приведет ее к иночеству, или возьмет к Себе от этого мира.

И оба о том молились.

Прошло не много времени, и Иоанн, находясь в восторге, увидел свою жену, сидящей в своем доме: пришла к ней Симеонова мать, взяла ее за руки и говорит:

– Встань, сестра моя, и пойдем ко мне, ибо украшенный дом дал мне Царь, Который сделал сына моего вместе с твоим мужем Своими воинами; перемени свои одежды и облекись в чистые.

И тотчас она, встав, переменила одежды и пошла вслед за ней. Из этого видения понял Иоанн, что умерла жена его и вместе с матерью Симеона поселилась в месте праведных, и сильно возрадовался. С этого времени оба стали беспечальны и пробыли в пустыне, живя вместе, претерпевая всякое злострадание, 29 лет, мужественно борясь с невидимыми врагами и, по Божией благодати, побеждая их и прогоняя. А особенно Симеон в столь великое пришел бесстрастие, что тело его стало, как будто, бесчувственное дерево, не ощущающее никакого сильного желания, так как все члены его были умерщвлены.

Однажды Симеон сказал Иоанну:

– Нет больше нам, брат, нужды оставаться в пустыне, но, послушай меня, пойдем, послужим спасению других: здесь мы только себе помогаем, а награды за помощь другим не имеем. Не Апостол ли говорит: «никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого», еще: «угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но [пользы] многих, чтобы они спаслись» (1Кор.10:24, 33). И еще: «для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор.9:22).

Сказал ему на это Иоанн:

– Думаю, брат, что сатана, возненавидев наше уединение, внушил тебе такую мысль, но воспротивься ему и останься здесь, дабы подвиг наш, который мы здесь начали и на который мы призваны Богом, мы и окончили в этой пустыне.

Симеон возразил ему на это:

– Поверь мне, брат, что я здесь более не останусь, но по силе Христовой иду и поглумлюся над миром.

Иоанн стал говорить ему:

– Я еще не достиг такого совершенства, чтобы мог глумиться над миром; боюсь, чтобы как-нибудь он не посрамил меня и не лишил меня благодати Божией. Умоляю тебя, добрый мой брат, ради Господа, соединившего нас, не оставь меня

смиренного, не отлучайся от своего брата; ты знаешь, что после Бога я не имею никого, кроме тебя одного, брат мой; от всех отказался и привязался к тебе одному. А ты хочешь теперь, как в море, оставить меня в этой пустыне одного. Вспомни день, когда мы бросили жребий и пошли вместе служить Господу и обещали не разлучаться друг с другом. Вспомни тот час, когда преподобный отец наш Никон облек нас в святой великий ангельский образ, и были мы оба, как одна душа и все дивились любви нашей. Не забудь слов великого старца, которыми он нас утешал и увещевал ночью, когда мы выходили из монастыря; не оставляй меня, брат, молю тебя, чтобы как-нибудь не погиб один без тебя, и Бог взыщет с тебя за мою душу.

Симеон вразумлял его:

– Считай меня, что я умер; в самом деле, если бы я умер, не оставался ли бы ты один? Поверь же, что если пойдешь со мною, поступишь хорошо; если не пойдешь, – твоя воля; я же всё равно здесь не останусь, но иду, куда велит мне Бог.

Иоанн понял, что это от Бога внушение его брату, чтобы шел из пустыни в мир и не стал больше ему прекословить. Сокрушаясь же о разлучении своем с братом, так сказал ему:

– Смотри возлюбленный Симеон, чтобы собранное в пустыне не рассыпал мир, и что преуспел, благодаря молчанию, то пусть не повредится от мирской молвы; да не погубит сон твоих всенощных бодрствований и мирские утехи да не рассеют иноческого созерцания. Берегись, чтобы вид женщин, от коих Бог сохранил тебя до нынешнего дня, не погубил твоего целомудрия и страсть к собиранию имущества не похитила твоей пустынно нестяжательности, – чтобы посты твои не порушились вкушением многоразличных снедей и чтобы не уничтожились плачь твой от смеха, а молитва – от лености. Если ты и получил, возлюбленный, от Бога такую силу, что можешь невредимо для спасения твоего пребывать в мире, среди людей, всё-таки храни бережно сердце твое от того, что будешь делать перед людьми телом; в том пусть не принимает участия воля, пусть не прикоснется душа твоя к тому, к чему прикоснется рука, и сердце не будет иметь удовольствия от того, что будут вкушать уста и вместе с выступающими ногами

да не возмутится внутренний покой, и всё творимое вне да не ощутится внутри, и твой ум пусть сохранится безмятежным. Я радуюсь о твоем спасении, только ты молись обо мне Богу, чтобы не разлучил Он нас в будущем веке друг от друга.

– Не бойся, любезный брат мой Иоанн, – отвечал ему на это Симеон, – что я хочу делать, то не по моей воле, а по Божиему хотению и ты узнаешь, что мое дело угодно Богу из того, что приду к тебе до своей смерти и приветствую тебя и позову тебя с собою и через немного дней пойдешь за мною.

Побеседовав так, оба стали на молитву и долго молились со многими слезами. Потом, несколько раз обняв друг друга и облобызав уста и грудь, отпустил Иоанн Симеона, далеко проводив его: не хотелось ему разлучаться с ним. И каждый раз как говорил ему Симеон:

– Возвратись уж, брат Иоанн, – слова эти были для него, как острый меч, отделяющий душу от тела. В конце концов, облобызав друг друга, они расстались: Симеон пошел в мир, а Иоанн возвратился в пустыню, проливая из глаз слезы.

Вышед из пустыни, блаженный Симеон пошел в святой град Иерусалим: ибо сильно желал видеть святые места, которых не видал столько лет и, дойдя до святой Голгофы[4780], оставался там три дня, приходя и поклоняясь честному и животворящему Кресту и святому Гробу Господню. Прилежно он молился Богу, чтобы Господь скрыл дела его перед людьми, пока не преставится из здешнего мира, чтобы тем избежать пустой славы и гордости, которая погубила и низвергла даже Ангелов с неба, но пусть все принимают его за безумного и несмысленного и да получит просимое. Господь слушает молитвы истинных рабов Своих и внимает прошению их.

И сколько, после того, творил чудес угодник Божий: бесов изгонял, будущее предсказывал, болезни всякие исцелял, от скоропостижной смерти избавлял, неверных приводил к вере, грешных убеждал к покаянию; тем не менее люди не могли узнать всей его святости, так как Бог скрывал ее от них, но даже до самой смерти считали его юродивым и бесноватым. Он и сам умел свои чудесные дела, совершаемые по Божией благодати, скрывать извне являемым юродством, как покажет

это последующий рассказ. Пусть не соблазнится кто-либо читая про некоторые странные и вызывающие смех действия, которые святой Симеон творил в притворном юродстве, глумясь над пустым и горделивым миром, но обсудит каждый слова апостольские: «если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным» (1Кор.3:18–19). И еще: «мы безумны Христа ради, потому что немудрое Божие премудрее человеков» (1Кор.4:10, 1:25). Из Иерусалима пошел преподобный Симеон в город Эмессу и там начал свое Христа ради юродствование: подходя к городу, увидел на сорной куче дохлого пса; сняв свой пояс, он привязал пса за ногу и повлек его в город, быстро прошел через ворота и тащил по улицам. Собралось множество детей, которые бежали за ним с криком:

– Монах юродивый, монах юродивый!

И бросали в него камнями и били палками. А утром в воскресенье, он вошел в церковь при начале литургии, имея за пазухой орехи. Прежде всего Симеон начал гасить свечи, а когда хотели его выгнать, он, вскочив на амвон, бросал орехи в женщин и едва с большим трудом могли изгнать его из храма. Он же, убегая, опрокинул продаваемые хлебы и так сильно был избит хлеботорговцами, что едва остался жив. После того, один харчевник, продавец съестных предметов и сочива, нечестивец, державшийся Севировой ереси[4781], увидав блаженного старца и, не подозревая его юродства, обратился к нему со словами:

– Что бродишь, старец? Поди ко мне и продавай сочиво, бобы, крупу и прочую снедь.

Он тотчас согласился и, севши в каморке того человека, начал даром раздавать припасы приходящим нищим, и сам их ел, потому что не вкушал пищи целую неделю. И когда всё раздал и ничего не собрал денег, то человек тот начал сильно бить его и вырвал у него бороду и выгнал их своего дома; но старец, не уходя, сел у ворот. Через час, услышав, что жена харчевника потребовала горячих углей, чтобы возжечь фимиам, побежал к печи и, не найдя совка, взял горстями горячие уголья и принес к госпоже, чтобы положила ладан для каждения. Увидав это, она ужаснулась закричала и закричала на него:

– Что ты делаешь? Зачем ты сжигаешь руки свои?

А он переложив огонь в свою одежду, сказал:

– Если не угодно тебе, чтобы я кадил руками, то буду кадить одеждою.

И, положив ладан, кадил, пока не угасли угли. Видя руки и одежду его невредимыми от огня, муж и жена сильно изумились и присоединились потом к кафолической церкви, а старца стали почитать святым: но он бежал из того дома и не вернулся, пока то чудо не пришло в забвение.

Когда он юродствовал в городе, один содержатель корчмы взял его к себе и держал его, как раба. Был же он нрава жестокого и немилосердного и редко когда давал старцу пищи, хотя ради него и получал много прибыли, так как горожане говорили, глумясь:

– Пойдем пить в корчму, где юродивый.

Старец своим юродством веселил пивших. Однажды приполз змей, пил вино из сосуда и, выпустив в него яд, уполз. Никого не было тогда в комнате, и юродивый был вне дома, кривляясь среди народа и пляша под игру бубна. Спустя некоторое время, он вошел в дом и увидел над сосудом никому не видимое слово: «Смерть».

Поняв случившееся, старец взял палку и разбил сосуд, полный вином, и вино пролилось. В ту минуту пришел корчемник и, увидев, что старец разбил сосуд, схватил ту же палку и бил его без милосердия, пока не устал сам, и выгнал его из дома. Наутро старец опять пришел в корчму и как бы прятался от своего господина. И опять приполз змей, стал пить вино из другого сосуда; увидав это, корчемник схватил палку и, думая убить змея, ударил по сосуду; змей уполз, а сосуд разбился и вино пролилось; не только сосуд тот, но и стаканы, стоявшие поблизости от него, разбились. Старец же, стоя позади, вскричал:

– Видишь, что не я один, безумный, разбивал сосуды, но и ты то же делаешь.

Тогда корчемник, поняв, почему Симеон разбил вчера сосуд с вином, раскаялся, что безвинно бил жестоко Симеона, и стал почитать его как святого. Старец же, не желая себе почитания, а желая бесчестия и поругания и мудро прикрывая видом

юродства свое Ангельское во плоти житие, сделал следующую вещь: в один день, когда жена корчемника одна почивала в своей комнате, а муж ее продавал вино, пришел к ней старец и начал снимать с себя одежды, делая вид, что хочет лечь с ней. Она, видя то, закричала, и прибежал корчемник, которому жена сказала:

– Выгоните этого проклятого юрода, потому что он хочет меня насиловать.

Муж подверг старца заушению и выгнал его вон на стужу: был сильный холод и дождь, и сел старец вне дома, терпя холод в одной ветхой и разорванной одежде. С тех пор не только сам корчемник не считал его за святого, но и другим, если кто говорил, что Симеон юродствует Христа ради, с клятвою утверждал:

– Поистине, бесноватый и помешанный он, к тому же и блудник: хотел жену мою насиловать, и мясо ест и другие неподобные дела творит, как не знающий Бога.

Ибо преподобный, много раз, после семидневного голодания, при всех ел мясо, нарочно для того, чтобы не только юродивым, но и грешником все считали его. Для большего же обнаружения своего мнимого безумия, отлагая человеческий стыд, много раз ходил он по базару нагой, как бы бесплотный, истинный подражатель бесплотным. Дьякон, служивший при церкви в том городе, по имени Иоанн, муж добродетельный и богоугодный, хорошо зная притворное, ради Христа, юродствование Симеона, увидав однажды старца не то от голодания, не то от тягостей, подъемлемых при юродствовании, сильно ослабевшего телом и, желая его, как бы шуткой, вымыть, спросил:

– Пойдешь в баню вымыться, юродивый?

А тот, засмеявшись, сказал:

– Пойду, пойду.

И тотчас сняв с себя рубище, и свив его, положил себе на голову. И сказал ему дьякон:

– Оденься, брат, ибо если идешь нагой, я не иду с тобой.

Старец отвечал ему:

– Я дело прежде самого дела сделал, и если не хочешь со мной идти, то предупрежу тебя.

С этими словами побежал вперед. Было же 2 бани: одна мужская, другая – женская; он, оставляя в стороне мужскую, пошел к женской. Дьякон же, настигнув его, закричал:

– Постой, юродивый, не ходи туда; ибо то женская баня.

Обратившись к нему, Симеон сказал:

– Всё равно там горячая и холодная вода, и тут горячая и холодная, другого особенного ничего нет ни там, ни здесь.

С этими словами устремился вперед и, голый, вошел в баню, и сел среди женщин. Те тотчас все на него бросились, били его и выгнали от себя. После того, дьякон, особенно, наедине, спросил святого:

– Отче, как чувствовала себя твоя плоть, когда ты, голый, вошел к нагим женщинам?

Старец отвечал:

– Поверь мне, брат, что всё равно, как дерево среди дерев, так и я был среди них, не ощущая, что имею тело, не думая, что среди телесных существ нахожусь, но вся моя мысль была устремлена на Божие дело.

Такое бесстрастие своего умерщвленного тела, открыл блаженный тому дьякону, от которого не таил и всего жития своего, видя в нем истинного раба Божия. И стала между ними обоими дружественная любовь о Христе и знали они богоугодные дела друг друга.

Юродствуя, преподобный Симеон не себя одного, но и других спасал: многих грешников приводил к покаянию, наставляя словами и делом. Один юноша впал в грех прелюбодеяния и тотчас, по Божию наказанию, предан был в изможднение плоти сатане (1Кор.5:5) и мучим был от нечистого духа. Увидав это, старец ударил его по щеке и сказал на ухо:

– Не прелюбодействуй.

И тотчас вышел из него бес, и стал здоров юноша. Спрашивающим, как он исцелился, рассказывал:

– Я видел старца, с деревянным крестом в руке, который прогнал от меня черного страшного пса ударами креста, и я стал здоров.

Не мог он открыть, что Симеон юродивый исцелил его, потому что Бог удерживал язык его даже до самой смерти Симеоновой. Был один комедиант, по площадям разыгрывавший смешные действа, по имени Псифас. Когда он выполнял перед народом обычное свое дело, пришел туда Симеон и, видя комедианта, прозрел некоторую добродетель в его жизни, и, желая отвлечь его от явно совершаемого неблагоугодного дела, взял очень маленький камень и, сделав крестное знамение, бросил в него и попал ему в правую руку и тотчас засохла рука у того – и никак не могли узнать, кто бросил камень И ушел комедиант болен и уныл. Во сне явился ему преподобный со словами:

– Вот я бросил в тебя камнем и если не покаешься и не поклянешься мне, что не будешь больше заниматься тем смехотворным искусством, не исцелеешь.

Тот поклялся ему Пречистою Девою Богородицею, что не будет больше показывать тех игр, и, встав, почувствовал себя здоровым и рука его выздоровела, но не мог назвать своего исцелителя, а только твердил, что какой-то монах с венцом из финиковых ветвей на голове исцелил его. Провидел же и будущее преподобный и прикровенно для других предсказывал его. За несколько дней пред великим землетрясением в царство Маврикия[4782], от которого (землетрясения) пала Антиохия[4783] и разрушились многие каменные здания в Эмессе, старец, юродствуя, похитил из училища плетеный ременный бич и, бегая по городу, ударял по каменным столбам; которыми поддерживались здания и перед некоторыми столбами приговаривал:

– Господь повелевает тебе стоять крепко.

А перед одним:

– Ты ни стой, ни падай. И, когда было землетрясение, все столбы, которым святой, ударяя, приказывал стоять, остались целы и невредимы; другие упали и с домами, державшимися за них, и в прах разбились. А тот столб, которому святой сказал «не стой, не падай» расселся пополам, сверху донизу, и стоял, несколько наклонившись. Когда святой, ударяя по столбам, приказывал им стоять, многие думали, что это он делает в

неистовстве, а когда увидели, что они целы и невредимы стоят после землетрясения, многие тут поняли, что то было пророческое предзнаменование юродивого о землетрясении. Также, когда должен был случиться мор, приходил святой в училища, целовал детей, как бы смеясь, говоря каждому:

– Иди, О добрый мой! Иди, О прекрасный мой!

Не всех же детей целовал, но тех, на которых указывала благодать Божия. А учителю сказал:

– Так, брат, ради Бога, не бей тех детей, которых я целую, потому что им нужно идти в далекий путь.

Учитель же надругался над ним, то сам бил его, то детям приказывал бить его, и привязывали старца к столбу и били. А когда, по Божию попущению, пришел на город мор, в живых не остался ни один из тех детей, которых лобызал святой, но все перемерли, и тогда поняли его пророчество.

Старец имел обычай входить в дома богатых и играть юродствуя, причем он неоднократно лобызал их рабынь перед всеми. Случилось одной рабыне знаменитого гражданина согрешить с одним юношей и зачать от него; когда же дознано было, что она беременна, и госпожа спрашивала ее, с кем она согрешила, не хотела рабыня объявить своего соблазнителя, но сказала, что чернец юродивый изнасиловал ее. Когда старец, по обычаю, пришел в тот дом, госпожа сказала ему:

– Хорошо ли ты поступил Симеон, что изнасиловал мою рабыню, которая даже беременна от тебя?

Старец же посмеялся ей:

– Не заботься теперь, не заботься, пока она не родит, и будешь иметь маленького Симеона.

С того дня начал старец звать ту рабыню своею женой и постоянно приходил к ней, принося ей чистого хлеба, мяса и рыбы, приговаривая:

– Ешь, жена моя, ешь.

Когда же пришло время родов, разболелась та женщина и три дня не могла родить и приблизилась к смерти. Госпожа ее обратилась к святому, прося его:

– Помолись, старец, Богу, потому что жена твоя не может родить.

А он, играя и ударяя в ладоши, прибавил:

– Клянусь Иисусом, клянусь Иисусом, не родится у нее ребенок, пока не признается, кто его отец.

Слыша это, мучащаяся родами, открыла правду, что оболгала неповинного инока и назвала своего соблазнителя, с которым согрешила. Тогда родила ребенка и начали старца считать святым; а другие говорили, что он волхвует действием сатаны: ибо юродив и бесноватый.

Также святой прозревал и тайные помышления человеческих сердец, что ясно из следующего: близ города был монастырь, где два отца в беседах производили исследование об Оригене, почему такой мудрец уклонился в ересь[4784]. Один утверждал, что Оригенова мудрость не от Бога, а от учения и чтения многих книг, а другой, – что невозможно человеку, без благодати Божией, говорить и писать так, что иное и до сего времени принимается православными. Так, после долгих словопрений и несогласий, порешили они друг с другом:

– Слышно, что пустыня Иорданская имеет великих святых отцов, умудренных Богом; итак пойдем туда, не найдем ли там, кто бы разрешил наше сомнение.

Так порешив, пошли сначала в святой город Иерусалим и, поклонившись святым местам, отправились в пустыню Мертвого моря и, по устроению Бога, не презревшего их трудов, обрели преподобного Иоанна, который был другом и сопостником Симеона.

Пришел в то время уже и Иоанн в совершенную меру святости и имел дар провидения. Он, как только увидел шедших к нему отцов, сказал им:

– Хорошо поступили вы, оставившие море с тем, чтобы почерпнуть из сухого озера.

После продолжительной между ними духовной беседы, когда вспомнился и спор об Оригене, преподобный Иоанн изрек к пришедшим:

– Я, отцы, не получил от Бога дарования, чтобы мог рассуждать о недоведомом, а идите к юродивому Симеону, что в городе вашем, тот на всё, о чем ни спросите, ответит вам.

Они же, возвратившись к себе, пришли в город Эмессу и спрашивали:

– Где юродствующий старец Симеон?

Некоторые, смеясь, говорили им:

– Что хотите услышать от безумного, соблазняющего всех, над всем глумящегося, а больше всего досаждающего инокам?

Они же, пренебрегши такими речами, искали старца и в доме одного овощника нашли его, лежащего над бобом и евшего боб, подобно медведю. И тотчас один из них, соблазнившись, подумал, рассмеявшись про себя:

– Поистине на великого мудреца пришли взглянуть! Многому можем научиться у него!

Приблизившись же к нему, сказали:

– Благослови, отче!

Он же, взглянув на них, сказал с гневом:

– Напрасно пришли, и безумец тот, кто послал вас ко мне.

Потом, встав, сильно ударил в щеку соблазнившегося, закричав:

– За что бранишь боб, сорок дней мочен он; Ориген такого не ел; но зашел в море, не мог из него выйти и потонул в глубине. Уходите отсюда, уходите, а то биты будете!

Они же ушли, дивясь прозорливости старца, потому что, не спрашивая их, сказал им об Оригене и вспомнил пославшего их и обличил сердечный помысл, но не могли никому о нем рассказать. А что сказал о бобе, что мочен был сорок дней, означало, что столько дней пробыл он без пищи, как о том после сам сказал другу своему диакону Иоанну.

Однажды, взяв из овощницы свирель, вышел на улицу к близлежащему месту, на котором, в пустом доме, поселился нечистый дух, пугая многих поздно проходящих, а иным и вредя. Седши там, святой играл на свирели молитву преподобного отца своего Никона, которой у того научился, и выгнал ею оттуда беса. Бес же, приняв образ малого страшного эфиопа, побежал в овощницу и всех там перепугал и всю посуду перебил. Когда Симеон возвратился, то увидел жену овощника напуганную и унывшую; она рассказала ему:

– Какой-то мурин страшный и яростный, низкого роста, быстро вошед всех нас перепугал и всю посуду перебил.

А святой и сказал ей:

– Это я послал его на вас, за то, что вы не присоединяетесь к святой церкви (а они держались ереси Севира).

Женщина хотела, было, схватить юродивого и бить, но он, нагнувшись, захватил горсть земли и бросил ей в лицо и залепил землей глаза, крикнув ей:

– Воистину, не схватишь меня, пока не присоединишься к моей церкви, а если не захочешь присоединиться, опять придет к вам мурин.

С этими словами убежал из того дома. На другой день, опять в тот же час, бес, как и накануне, в образе эфиопа, вошел в то же овощное хранилище и сделал то же, что и первый раз. Тогда все, живущие в том доме, не медля, присоединились к Православной Церкви. Также и еврей один, хулитель имени Иисуса Христа обращен был ко Христу преподобным Симеоном. Тот еврей (так как Бог указывал ему путь ко спасению) увидел раз моющегося старца и двух Ангелов, с ним беседующих и, поняв, что он угодник Божий, хотел объявить о нем (то, что видел) в народе. Святой же, явившись ему во сне, запретил кому бы то ни было рассказывать виденное. Еврей же, наутро, вышед на площадь не был в состоянии сохранить тайну; но когда он хотел обратиться к народу с рассказом о Симеоне, тотчас явился ему святой и коснулся его уст, изображая на них крест, и сделал его немым, а сам бежал от него, скача и играя среди народа, а жидовин оставался немым. Тогда он пришел к святому, кланяясь и поматыванием головы показал ему, что он должен креститься. После во сне старец явился ему, говоря:

– Или крестись, или оставайся нем.

Итак, крестился еврей и, когда вышел из святой купели, тотчас стал владеть языком и начал прославлять Бога. Тогда привел он ко святому крещению и всех своих домашних.

Такой чистоты и бесстрастия достиг святой, что и, играя, среди женщин, пребывал, как чистое золото среди огня, и много раз бесстыдные женщины срамно щекотали его, влагая руки в его недра, но он оставался как будто мертвый, подобный

бесчувственному дереву, освобожденный, по благодати Божией, от всякого естественного вожделения. Рассказывал он о себе ранее названному диакону Иоанну:

– Когда я был в пустыне и сначала имел много беспокойства от плотских страстей и молил Бога об облегчении брани, явился мне святой Никон с вопросом:

– Как живешь, брат?

А я отвечал:

– Жестоко страдаю, отче, и если ты мне не поможешь, не знаю, что и делать, потому что плоть сильно восстает на меня.

Старец с улыбкою зачерпнул воды из святого Иордана и вылив мне на живот, с крестным знамением, сказал:

– Вот и здоров ты.

И с тех пор перестал я ощущать плотское вожделение и во сне, и наяву.

Вот как рассказывал о себе блаженный тому дьякону. Будучи бесстрастен, он безбоязненно подходил к женщинам, и как в древности купина в Синае оставалась среди огня неопалимой (Исх., гл. 3), так он – от женского прикосновения; святой Симеон приходил в их среду, желая им спасения. Иногда он говорил какой-либо блуднице:

– Хочешь ли я буду иметь тебя подругою: я дам тебе 100 златиц, только не твори ни с кем греха.

С этими словами показывал блуднице золото, которое Бог давал ему невидимо, сколько он хотел. Блудницы же, издеваясь над ним, обещали не грешить ни с кем. Но он требовал от них клятвы. И если которая клялась остальное время сохранять себя чистой, давал ей золото; но потому, если не сохранив клятвы, она грешила, тотчас узнавал то святой, обличал ее и посылал на нее или какую-нибудь лютую болезнь, или беса, чтоб мучил ее, пока не даст истинных доказательств, что действительно покаялась. Но как только люди начинали считать его святым, он тотчас совершал нечто такое, что было явным доказательством не святости, а безумия; иногда он ходил хромая, а иногда прискакивая; иногда ползал по земле, задевая ноги проходящих; иногда же лежал на земле, колотя ногами. В новомесячие же притворялся бесноватым и падал, как

одержимый бесом. И много иного, неприятного человеческим глазам и нелепого творил он, являя себя для всех безумным, чтобы никто не считал его святым. Однажды он святую Четыредесятницу оставался без пищи, а в Великий четверг, с утра, сидя на торговой площади, ел; видя это, проходящие говорили:

– Смотрите на этого безумца; он и великого четверга не почитает, а ест спозаранку.

Увидав его, дьякон Иоанн спросил:

– На сколько ты купил того, что ешь?

Он отвечал:

– На 40 медных.

Указывая прикровенно, что 40 дней не ел. Слыша о таком житии Симеона, один проживающий близ Эмессы, вельможа подумал про себя:

– Пойду, взгляну на него и узнаю, юродствует ли он ради Христа, или же на самом деле безумен.

Когда он пришел в город и был около жилища блудниц, увидел, что одна блудница носила старца на плечах, а другая била ремнем, и соблазнился он в своей мысли:

– Кто поверит, что этот лживый чернец не творит блуда с этими нечистыми женами?

Когда он так про себя думал, то был от юродивого еще на расстоянии брошенного камня; старец, оставив тех женщин, побежал к вельможе и, ударив его по лицу, открыл свою одежду и, показал, не стыдясь, свою умерщвленную плоть; скача перед ним, он спрашивал:

– Думаешь ли, окаянный, что тут может возникнуть похотение?

Тот удивился, что еще издали старец узнал его помысли и убедился, что он раб Божий, по своей воле юродствующий Христа ради, но не мог никому о том рассказать, хотя и хотел: ибо какою-то силою (как и других) удерживался язык его до кончины святого.

Бес опять вселился на одной улице в городе, в другом пустом доме; приблизившись к последнему, преподобный Симеон увидел беса, который готовился ударить, ожидая

мимоходящего; тогда старец набрал небольших камней за пазуху, стал на противоположную сторону и во всех, желавших идти этим путем бросал камнем, не давая никому прохода: один же пес проскочил там и тотчас, пораженный бесом, начал источать пену.

Тогда святой говорил людям:

– Теперь проходите: ибо, вместо человека, поражен пес.

После того пришлось старцу идти мимо одного места, где веселилось множество девиц. Увидав его, девицы те начали издеваться над ним, крича:

– Монах! Монах!

И зазывали его в свое собрание. Он же, желая наказать их бесчинство и сделать целомудреннее, помолился тайно в сердце своем Богу и скривил всем им глаза, так что каждая стала косой, а старец пошел дальше. Девицы же, почувствовав кривизну глаз своих, поняли, что это сделал юродивый и бежали вслед за ним, с плачем взывая:

– Поправь, юродивый, поправь глаза нам!

Они думали, что волшебством он сделал то. Настигнув старца, они схватили его и насильно заставляли:

– Развяжи, – говорили, – что связал.

А он, шутя, говорил:

– Если которая из вас хочет исцелиться, пусть даст поцеловать косые глаза и исцелеет.

Некоторые из них, которых Бог хотел исцелить, соглашались, чтобы старец поцеловал их в очи, и от поцелуя они тотчас исцелялись, – глаза их становились такими же, как прежде. А те, которые погнушались старцем и не согласились, чтобы он их поцеловал, те остались не исцеленными и плакали. Когда старец ушел от них не очень далеко, те побежали за ним с криком:

– Подожди, юродивый, подожди, ради Бога, подожди! Целуй нас!

Но старец не слушал их. Так старец бежал, а девицы гнались за ним. Из видевших это одни говорили:

– Играют с ним девицы.

А другие сочли их объюродевшими; святой говорил иным из зрителей:

– Если бы Бог не искривил им глаз, то они превзошли бы блудодеянием всех сирийских женщин; а теперь они не будут такими.

Однажды несколько Эмесийских горожан пошли в Иерусалим на праздник Пасхи. Когда они возвращались по домам, по окончании праздника, один из них отделился и направился в пустыню посетить святых отцов, чтобы сподобиться их молитв и благословения. Он обходил отеческие келлии с дарами, подавая милостыню из своего имущества. По Божию устроению, случилось ему встретить преподобного Иоанна, жившего близ Мертвого моря и Иордана и бывшего спостником святого Симеона; горожанин поклонился ему, прося его благословения и молитв. И сказал ему преподобный Иоанн:

– Имея в городе угодника Божия Симеона, именуемого юродивым, зачем ты у меня, убогого, просишь молитв; в его молитвах не только я, весь мир нуждается.

И, взяв того человека, он ввел его в свою келью – и вот нашлась в его келлии предложенная невидимою рукой, посланная от Бога трапеза, необычная для пустыни: были тут и хлебы чистые, горячие, рыбы хорошие, вино и сосуд. И, севши, ели и, насытившись, благодарили Бога. После трапезы преподобный Иоанн, взяв три просфоры, тоже посланные Богом, дал тому человеку со словами:

– Передай это брату моему, Симеону юродивому и скажи ему: «Молись за брата своего Иоанна».

Когда же, возвратившись, человек тот входил в Емес, встретил его в воротах преподобный Симеон со словами:

– Здоров ли брат мой Иоанн? Не съел ли ты трех просфор, которые он послал мне в благословение?

И дивился возвращавшийся такой прозорливости. Старец же, взяв его в свое убогое жилище, предложил ему такую же, посланную Богом, трапезу, какую преподобный Иоанн предоставил ему в пустыни, при этом Симеон рассказал ему всё, о чем они беседовали с Иоанном в той пустыне, что пили и ели. Вышед от старца, муж тот, с ужасом много дивясь

прозорливости старца, никому не смел рассказать о том, частью возбраняемый Богом, частью стыдясь людей, так как знал, что не поверят ему: ибо все считали Симеона безумным, – его, кто был мудрее всех людей.

На вышеназванного диакона Иоанна однажды, по Божию попущению, пришла такая напасть: злодеи ночью совершили в городе убийство и, взяв труп убитого, бросили во двор диакона. Когда наступил день и нашли мертвеца в доме дьякона, прошел немалый говор: судья, схватив дьякона, судил его, как убийцу, и не нашлось свидетелей о его невиновности, и он не мог оправдаться. Осужден был невинный дьякон на смерть – быть повешенным на дереве. Когда же вели его на место казни, он ничего другого не говорил, как только:

– Бог юродивого, помоги мне! Бог Симеона, предстань в час этот!

А Симеон в то время где-то в другом месте совершал свое юродство. Господь восхотел избавить невинного дьякона от такой напрасной и позорной смерти, – и вот один человек пришел к старцу и сказал:

– Юродивый! Друг и благодетель твой диакон Иоанн осужден на смерть, и если он умрет, погибнешь с голоду: ибо никто больше не заботится о тебе.

И с этими словами рассказал, за что осудили его на смерть. Святой же тотчас пошел в тайное место, где привык в уединении молиться и которого никто не знал, кроме этого диакона; там, преклонив колена, он начал усердно просить Бога об избавлении диакона от смерти. И тотчас нашлись самые убийцы и поспешно были посланы от судьи конные вслед за поведшими дьякона на смерть, чтобы освободить невинного. И нашли их уж на месте, на котором должны были повесить дьякона. Отпущенный дьякон пошел не в свой дом, но прямо к тому месту, где молился святой Симеон и застал его еще не кончившим молитвы и стоявшим с поднятыми кверху руками; диакон в ужасе остановился неподалеку сзади святого Симеона: ибо видел (что после подтверждал с клятвою) пламя, подобно мечам, выходившее из уст святого и сияние огненное вокруг него, и не смел дьякон приблизиться к нему, пока он не

кончил молитвы и огненное сияние не вознеслось к небу. Оглянувшись, святой сказал диакону:

– Что, брат Иоанн, чуть не испил ты смертной чаши? Иди, молись, благодари Бога Избавителя: это искушение случилось с тобой ради того, что два нищих приходили к тебе, а ты имел, что дать, и не дал, но отвернулся от них и отпустил ни с чем. Разве это твое, что подаешь? Или не веришь Сказавшему, что дающий нищему Бога ради, сторицею примет в нынешнем веке, а в будущем получит жизнь вечную; если веруешь, дай; если не даешь, ясно, не веруешь Господу.

Таковы были слова юродивого, или лучше, святого и преподобного мужа: ибо, когда он бывал с тем дьяконом наедине, то ничего юродского не делал, но с кротостью и сердечным сокрушением беседовал о полезном и много раз дьякон тот, слушая душеполезные слова святого, чувствовал великое благоухание, выходящее из его уст.

В одно воскресенье, с утра, после семидневного поста, святой Симеон, юродствуя, взял в правую руку сверченное мясо, по-гречески называемое элладой, по латыни люканикой, иначе колбасой, положил ее на плече, как дьяконский орарь, а в левой руке держал горчицу и, обмакивая элладу в горчицу, ел; приходившим к нему забавляться он мазал губы горчицею. И приблизился к нему один грубый крестьянин с больными глазами и с бельмом на одном из них. Святой Симеон вдруг помазал горчицею по его глазам. Закричал тот от сильной боли в глазах, произведенной крепкою горчицею. А юродивый сказал ему:

– Иди, безумец, умойся уксусом с чесноком и тотчас исцелеешь.

Но тот не послушав святого, пошел ко врачам, еще больше ослеп и сильнее заболел. После, раскаявшись, дал себе зарок: если бы даже выскочили глаза, выполнить, что прикажет старец. И когда он умыл глаза свои уксусом с чесноком, то в ту же минуту совершенно стал здоров глазами. После встретил его святой где-то на пути и сказал:

– Вот теперь здоров, не воруй же коз у соседа.

Так наказал святой крадущего, зная тайные дела человеческие. Украдено было у одного горожанина 500 златиц и печалился тот человек о погибшем своем золоте и старательно разузнавал о нем; был он жесток со своими рабами и бил их немилосердно. Однажды юродствующий старец встретил его на улице словами:

– Хочешь ли, чтоб нашлись твои златицы?

– Ей, ей! хочу, – отвечал тот.

– А что заплатишь мне? – спросил юродивый, – если тотчас найдешь золото.

Тот обещал 10 златиц.

– Не надо мне золота, но поклянись, что не будешь бить укравшего, – потребовал святой, – а и также никого другого.

И клялся ему горожанин. Тогда святой открыл ему:

– Пекарь твой украл златицы, но, берегись, не бей его и никого другого.

И вернулся человек тот в свой дом, нашел всё, как сказал ему святой и взял у раба своего пекаря золото целым и не бил его. После, когда хотел прибить кого-либо из рабов за какую-нибудь вину, болезненно одеревеневала у него рука и не мог бить. Вспомнив свою клятву, пошел к юродивому, прося:

– Разреши клятву, юродивый, пусть свободно действует моя рука.

А тот, как бы не понимая, юродствовал. И много раз приходил к нему, докучая, чтобы разрешил от клятвы. Тогда явился ему святой в сонном видении со словами:

– Освобожу тебя от клятвы, но лишу и твоего золота и всё твое имение уничтожу. За что ты хочешь бить своих слуг, которые в будущем веке пойдут впереди тебя?

После того видения муж тот, пришедши в страх Божий, со всеми был кроток.

Чтобы люди не узнавали о таковых чудесах святого, он притворился бесноватым и как будто вследствие бесовского действия знающим, что творится втайне в людях; для этого ходил с бесноватыми, как один из них и, соболезнуя о них, своею молитвою из многих прогнал бесов; другие же

бесноватые, или вернее всего бесы, поселившиеся в людях, роптали на него:

– О юродивый! Пренебрегающий всем миром, зачем пришел обижать нас? уйди отсюда; не наш ты; зачем всю ночь мучишь и жжешь нас?

Святой же, в притворном бесновании (ибо от Святого Духа всё знал) весьма многих людей обличал в их тайных грехах: иных в нечистоте, других в краже, третьих в клятвопреступлении: каждого во всяком его грехе. Обличал же иных отдельно, иных перед другими; третьим в притчах указывал их злые дела, да заглянут в свою совесть, а иных явно поносил за творимые ими беззакония. И так весь город удерживал от смертных грехов, приводя людей к сознанию и к покаянию. Многие же думали, что не от Бога, а через беса он знает их тайны, так что и самого считали за бесноватого. От этого иные из нераскаянных грешников боялись прийти к нему или встретиться с ним, но бегали от него, чтобы не быть изобличенными.

В то время в городе жила одна волшебница, чародейка, бывшая виновницей многих несчастий между людьми. Желая разрушить ее волшебства, преподобный стал часто приходить к ней, как будто дружась с ней, и приносил ей подаваемое ему съестное, и медницы и одежды. Раз он сказал ей:

– Хочешь я сделаю тебе такую вещь, что, если будешь носить ее, никто не сможет упрекнуть тебя и никакое зло не приблизится к тебе?

Она же, полагая, что юродивый знает нечто такое при содействии беса:

– Хочу, – говорит, – сделай.

Он взял маленькую дощечку, написал на ней по-сирски следующее:

– Да запретит тебе Бог отвращать более от Него людей.

Написав это, он дал дощечку жене, чтобы повесила ее на шею, а когда она сделала это, тотчас уничтожилась бывшая в ней волшебная сила, и волшебница перестала вредить и помогать кому бы то ни было.

Старец же, идя со своею нищею братиею, приблизился к печи, в которой приготовляют стекло. Работал здесь еврей. Сев около печи, святой грелся, а еврей изготовлял склянки. Святой сказал друзьям своим нищим:

– Хотите я рассмешу вас?

Они, обратив к нему свои глаза, хотели видеть, что он будет делать. И когда еврей изготовил одну склянку, он издали осенил ее правой рукой, и тотчас склянка та расселась. Когда еврей приготовил другую склянку, расселась и та от крестного Симеонова знамения; так распались третья, четвертая и до седьмой, – и стали нищие хохотать и рассказали еврею, в чем дело. Еврей же, рассердившись, схватил головню и прогнал юродивого, ударяя его и опаляя. Юродивый же, удаляясь, кричал ему:

– О нечистый! Перебьются все твои склянки, пока не сотворишь креста на своем челе.

Когда еврей снова начал делать склянки, разбилось еще тринадцать, одна за другой. Он же, видя напрасными свои усилия, хоть и не желал, перекрестил лоб свой и перестали разбиваться склянки. Познав силу святого Креста, еврей пришел тогда в святую церковь, и стал христианином, приняв святое крещение.

В то время заболел один из главнейших граждан, в дом которого преподобный юродивый привык приходить и играть. Этому гражданину, когда болезнь его очень усилилась, было такое видение: будто с каким-то мурином страшным он бросает игральные кости и что между ними заклад: если у больного не выпадет три раза шестеричное число, то победа принадлежит мурину. И был больной в большом сомнении и страхе. Явился же больному Симеон юродивый, говоря:

– Истинно на этот раз одолеет тебя этот черный, но дай мне слово, что отселе не станешь осквернять ложа жены своей прелюбодеянием, и я кину за тебя и не одолеет тебя он.

И поклялся, в видении, больной святому, что не будет прелюбодействовать. Святой взял, кинул кости, и три раза выпало по шесть, и удалился мурин от больного: последний,

проснувшись, почувствовал облегчение от болезни. Юродивый, по обычаю, придя к нему в дом, пригрозил:

– Счастливо ты кинул три раза кости, но, поверь мне, если нарушишь клятву, мурин тот удавит тебя. С этими словами и всех укорив юродствуя, быстро ушел оттуда.

Имел у себя преподобный каморку ради покоя, а особенно ради ночных молитв и не было в ней ничего, кроме охапки хвороста. Там каждую ночь оставался на молитве до утрени, обливая слезами землю, а с наступлением дня сплетал себе венок из маслины или трав и, возложив себе на голову, а в руке держа ветвь, ходил по городу, крича:

– Торжество царю победителю и его городу!

В этих словах городом святой называл душу, а царем ум, господствующий над страстями, как он объяснил то другу своему, диакону Иоанну, к которому часто заходил тайно, подробно объясняя свои слова и поступки, клятвенно требуя, чтобы он никому ничего не говорил до самой его смерти. За два дня до смерти пришел он к этому Иоанну с такими словами:

– Нынче я ходил к возлюбленному моему брату Иоанну пустынножителю, с которым с самого начала отказался от мира и постригся, и нашел его сильно преуспевшим в добродетели и в совершенстве угодившим Богу и порадовался о нем: ибо видел его носящим на голове венец с надписью: венец пустыннического терпения.

После того преподобный Симеон прибавил:

– Видел некоего славного, сказавшего мне: иди, юроде, иди ко мне и примешь не один, а много венцов за спасение многих душ человеческих.

Сказав это святой вздохнул и заговорил опять:

– Не знаю за собой ничего такого, что было бы достойно небесного воздаяния; ибо юродивый и лишенный разума, какую может получить награду, разве задаром, по Своей благодати, помилует меня мой Владыка? Но молю тебя, брат, никого из нищих, особенно из иноков, не презирай и не укоряй; да знает любовь твоя, что многие из них очищены злостраданием и, как солнце, сияют перед Богом. Так и между простыми людьми, живущими в деревнях и возделывающими землю, ведущими

жизнь в незлобии и правоте сердечной, которые никого не бранят, не обижают, но от труда рук своих в поте лица едят хлеб свой, много, между такими, великих святых: ибо видел их приходивших в город и причащающихся Тела и Крови Христовых и сияющих, подобно чистому золоту. Всё, что говорю тебе, господин мой, не подумай, что говорю из какого-нибудь тщеславия, но твоя любовь принудила не скрыть от тебя лености моего окаянного жития. Знай же, что и тебя Господь скоро возьмет отсюда: итак позаботься, сколько есть сил, о душе своей, чтобы иметь возможность без задержки перейти область воздушных духов и избегнуть лютой руки князя тьмы. Знает Господь Бог мой, что и я много печалюсь и имею великий страх, пока не перейду эти страшные места, где все человеческие дела и слова разбираются подробно. Потому-то и молю тебя, чадо и брат мой Иоанн, всячески старайся быть милосерд: ибо в тот грозный час милосердие может помочь нам больше всех других добродетелей, как написано: «Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь» (Пс.40:2). Соблюдай же и сие: не приступай к Божественной службе, имея против кого-либо гнев, да не оскорбят твои грехи пришествие Святого Духа.

Об этом и о многом другом побеседовав с честным диаконом, преподобный Симеон молил его зайти через два дня в его убежище. И, ушедши от него, больше не показывался в городе, но безысходно пребывал до последней минуты своей кончины. Какова была его кончина не знает никто, только Бог и Ангелы его: ибо те обычно присутствуют при кончине нищих, совершенно оставленных людьми, как присутствовали на гноище, когда умирал Лазарь, как сказано в Евангелии: «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово» (Лк.16:22). Итак, несомненно, что те же святые Ангелы предстали в час блаженной кончины и сему Симеону, нищему духом и преподобному в действительности, и, тихо освободив праведную душу от чистого тела, понесли с песнями радости в небесные обители.

По прошествии двух дней, некоторые из тех нищих, что вели со святым Симеоном дружбу, не видя его за это время,

подумали: не болен ли юродивый? И пришли в убежище его и нашли его под хворостом, лежащим мертвым и сказали:

– Вот юродствовал при жизни, и по смерти остался таким: ибо не лег на хворост, но под хворостом скончался.

И двое каких-то взяли тело его без омовения, без обычного пения, без свеч и ладана, и понесли похоронить его на том месте, где хоронят странных. Был же несен святой на погребение мимо дома того новокрещеного христианина, что прежде был еврей, делавший склянки, и он, слыша множество поющих приятнейшими голосами невыразимые песни, прислонился к окошечку и никого не видел, кроме двух человек, несущих тело юродивого на погребение, а голоса не переставали петь невидимо. Это Ангелы Божии пели, и христианин тот ощущал необыкновенное благоухание, наполняющее воздух:

– Блажен ты, юродивый, – сказал он, – потому что, не имея людей, совершающих над тобой надгробное пение, имеешь небесные силы, почтившие тебя песнями и райскими благовониями окадившими тебя. И тотчас пошел с теми двумя человеками и понес честное тело и своими руками похоронил его между гробами странников и нищих и рассказал всем, как слышал Ангельское пение над умершим вместе с неизглаголанным благоуханием. Диакон же Иоанн, пришедши в то помещение и, не найдя святого, всюду старательно искал его и горько плакал, узнав, что святой Симеон умер и погребен. И пошел ко гробу его, желая взять оттуда тело его и с почестью в почетном месте похоронить его и, когда открыли гроб, не нашли тела святого: ибо Господь со святыми Своими Ангелами, переложил его на неведомое людям место. Тогда все жители Емесийского города, как бы проснувшись, начали вспоминать и друг другу рассказывать чудесные дела Божия угодника, и пророчества, и многострадальное житие его. Тогда поняли, что юродивый не был безумным, но был мудрее всех мудрецов нашего времени и, считаемый грешником, был праведен и преподобен, путем юродства и греховности прикрывая перед людьми свое Богомудрое и богоугодное житие. Таково было житие и таковы подвиги сего чудесного Симеона,

юродствовавшего Христа ради, который, как древле Лот, живя среди содомлян, не загрязнился их грехами (Быт. 19:1–38.); так и этот новый Лот, живя среди мира, на заразился мирскими страстями. Скончался преподобный Симеон месяца июля в 21 день, а после него и преподобный Иоанн, сопостник его в Иорданской пустыне, почил блаженною кончиною[4785]. И как вместе начали служить Господу, так и на небе вместе предстали пред престолом Божиим. Житие же обоих было рассказано праведными устами Симеона диакону Емесийской церкви Иоанну; а этим диаконом верно и справедливо передано великому между отцами святому Леонтию, епископу Кипрского Неаполя; а он передал письмо на пользу читающих и слушающих, во славу Христа Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Жизнеописание равноапостольной святой мироносицы Марии Магдалины

Память 22 июля

Великая равноапостольная[4786] святая[4787] мироносица[4788] Мария Магдалина[4789], особенно прославившаяся в Церкви христианской своею пламенною, непоколебимо самоотверженною любовью к Господу Иисусу Христу, была родом из богатого в то время города Магдалы[4790], который находился в Галилейской[4791] области Палестины, на берегу озера Геннисаретского, или иначе моря Галилейского[4792], между городами Капернаумом[4793] и Тивериадою[4794]. По происхождению из города Магдалы святую равноапостольную Марию и называют Магдалиною, для отличия ее от прочих благочестивых жен, упоминаемых в Евангелии с именем Марии.

Равноапостольная святая Мария Магдалина была истою галилеянкою. А галилеянин, галилеянка в проповеди и утверждении христианства означает очень много особенного. Галилеянином звали Самого Христа Спасителя (Мф.26:69), так как Он с младенчества рос и жил и потом много проповедовал в Галилее, и даже в четвертом веке греко-римский император Юлиан Отступник умер (в 363 г.) со словами, обращенными ко Христу:

– Ты победил меня Галилеянин!

Первозванные Апостолы Христовы, которые навсегда оставались самыми близкими к Спасителю, все были галилеянами, исключая одного только Иуды Искариота-предателя не галилеянина. При явлении, после Воскресения, Христа Спасителя на горе в Галилее многочисленному сонму (более 500) верующих, большинство их состояло из галилеян, ходивших за Господом во время Его проповеди по Галилее, слушавших Его учение, бывших свидетелями Его чудес и на себе испытавших благость милосердного Целителя Иисуса[4795]. И как вообще галилеяне воспринимали и распространяли учение Христово ревностнее иудеев прочих областей Палестины, поэтому в начале всех последователей Христа

Спасителя называли «галилеянами» (Деян.1:11). Галилеяне же также много и резко отличались от иудеев прочих областей Палестины, как контрастно отличалась природа Галилеи от южной Палестины. В Галилее природа была жизнерадостна и население живое, простое; в Палестине южной – бесплодная пустыня и народ, не желающий признавать ничего, кроме буквы и формы правил. Жители Галилеи охотно воспринимали идеи духа закона; у иудеев же иерусалимских господствовала одна рутинная внешность. Галилея стала родиною и колыбелью христианства; Иудея была иссушена узким фарисейством и близоруким саддукейством. Галилеяне были пылки, отзывчивы, стремительны, благодарны, честны, храбры, – были восторженно религиозны, любили слушать поучения о вере и о Боге, – были откровенны, трудолюбивы, поэтичны и любили греческое мудрое образование[4796]: И Мария Магдалина, исцеленная Христом Спасителем, проявила в своей жизни много прекрасных отличительных свойств своих родичей галилеян, первых и ревностнейших христиан.

Относительно первой части жизни святой равноапостольной Марии Магдалины известно только то, что она была подвержена тяжкому, неизлечимому недугу, была одержима, по евангельским словам, «семью бесами»[4797] (Лк.8:2). Причина и обстоятельства возникновения этого ее несчастья неизвестны. Но Святое Евангелие и отцы Церкви Христовой поучают, что такие особенные тяжкие страдания Провидение Божие допускает для того, чтобы «явились дела Божии», то есть чтобы явились особенные действия Божии в отношении к людям и особенные действия, совершаемые Богом через Мессию Христа, каково в настоящем случае исцеление от бесов, для славы Бога и Христа и для духовного просвещения, для спасения Марии Магдалины. По учению Христа Спасителя о подобных обстоятельствах следует полагать, что Мария Магдалина была одержима бесами не по причине грехов ее, или родителей ее, а Провидение Божие допустило это для того, чтобы Господь Иисус Христос явил дело Славы Божией, явил великое чудо исцеления Марии Магдалины, просветления ее ума, привлечения ее к вере во Христа Спасителя и к вечному

спасению. Причина же тяжкого страдания Марии Магдалины от бесов, как причины и других неведомых, непостижимых для человека действий и попущений Божиих в отношении людей, заключается в мировых тайнах премудрости Божией, которых люди не могут постигнуть. Не страдая столь тяжко и неизлечимо, Мария Магдалина могла бы или вовсе оставаться в стороне от дела Христа Спасителя, или же относиться к чудесам Христа Богочеловека с любопытством и удивлением, но без живой и спасительной веры, и она не возвысилась бы до той высшей, ничем непоколебимой любви к Господу, за которую она была утешена явлением воскресшего Христа Спасителя прежде даже всех ближайших Его Апостолов (Мк.16:9; Иоан.20:16). Но беспомощная в страданиях, не могла галилеянка Мария Магдалина быть равнодушна к слуху о Чудотворце, «исцеляющем всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф.9:35). И вот она спешит найти этого Чудотворца, делается самовидицею, как «многих исцелил Он от болезней и недугов, и от злых духов, и глухих, и слепых, и хромых, и прокаженных, и мертвых воскресил» (Лк.7:21–22; Мф.11 и проч.), – и Мария пламенно верит в Его всемогущество, прибегает к Его Божественной силе, просит себе исцеления и, по вере, получает просимое: мучительная сила злых духов оставляет ее, она освобождается от порабощения бесам[4798] и жизнь ее освящается Божественным сиянием ее Исцелителя, Которому Мария Магдалина вполне себя и посвящает, как пылкая благодарная галилеянка.

С тех пор душа Марии Магдалины воспылала самою благодарною и преданною любовью к ее Спасителю Христу, и она уже навсегда присоединилась к Избавителю Своему, всюду следовала за Ним, чтобы воспринимать Его спасительные наставления и пользоваться каждым случаем служить Божественному Исцелителю своему. А по тогдашним земным обстоятельствам, в которые поставил Себя Христос, как Сын Человеческий, Он нуждался в служении и материальном Ему и делу Его. Ведь Христос родился в бедности в пещере, в которую в Вифлееме загоняли домашний скот и колыбелью Его там были простые ясли (Лк.2:7,12,16). Мать Его в жертву,

полагавшуюся за новорожденного, могла принести в храм Божий только двух молодых голубей по семейной бедности (Лк.2:24). В маленьком Галилейском городке Назарете[4799] Христос до 29 лет жил так же в бедности, как усыновленный член семьи простого плотника. И во время проповеди Евангелия Царствия Божия, для того, чтобы в деле исполнения великой миссии Богочеловека было возможно меньше препятствий, Христос оставил совсем в стороне отношения к семье Своего усыновителя Иосифа (Мф. 12:46–50; Мк.3:31–35; Лк.8:19–21), в которой воспитывался, и всякие попечения о Своем материальном благополучии и личной собственности. Поэтому Христос не имел никакого имущества, кроме носильной одежды странствующего галилейского учителя веры, так что, после трех лет Его общественного служения, Христос оценен был только в тридцать сребреников, то есть около 30 рублей, что составляло тогда в Палестине цену за самого бедного неимущего из рабов (Мф.26:15). На земле, которую Он пришел спасти, Христос не владел никаким клочком земли, никаким домом.

– Лисицы имеют норы и птицы гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову (Мф.8:20), – сказал Сам Христос.

Без жилища и имущества и обыкновенная пища Спасителя состояла, как пища самого простого бедного галилеянина, из ячменного хлеба[4800] да изловленной в Галилейском озере и сваренной в кипятке там же на берегу рыбы, а по временам из куска дикого меда, который жители свободно собирали. Укор же лукавых фарисеев, что Сын Человеческий «любит есть и пить вино» (Мф.11:19), относился к тому, что Христос не отказывал разделять трапезу приглашавших Его, как общественного учителя, так как учителя там пользовались гостеприимством (Лк. 5:1–39, 7:1–50, 10:1–42). И хотя Апостолы и некоторые последователи Христа владели небольшим имуществом, – у Апостола Петра был дом в Капернауме, у Иоанна – в Иерусалиме, а другие почитатели Христа занимались некоторыми промыслами и имелся у них общий денежный ящик (Иоан.12:6, 13:29) для оплаты расходов на насущные

потребности, на вспомоществование другим бедным и на милостыню нищим, но даже небольшие суммы на крайние необходимости не всегда бывали там у них в наличности. Так что когда иудейские сборщики ничтожной подати на храм пришли к Апостолу Петру и сказали:

– Учитель ваш не даст ли дидрахмы (только около 40 копеек), – то ни у Христа Учителя, ни у учеников Его не оказалось подобной ничтожной суммы!.. (Мф.17:24–27)

А между тем о Христе и чудесах Его шел слух по всей Сирии[4801]; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями, и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи, и десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Мф.4:25; Лк.6:17; Мк.3:7–8). И среди этого множества всякого народа из разных отдаленных местностей находилось много бедных, нуждающихся не только в пище, а даже и в одежде…

Так вот по всему этому-то многие благочестивые жены, которые исцелены были Христом от тяжких болезней и имели достатки от своих имущественных средств, сопутствуя своему Благодетелю в хождении Его с проповедью Евангелия, «служили Ему имением своим» (Лк.8:3), то есть, в случаях нужды, уплачивая расходы по насущным потребностям бедных, сопутствовавшим их Спасителю и, по указанию Его, оказывали необходимые пособия нуждающимся в материальной помощи. Из таких благодарных жен Евангелист Лука называет Марию Магдалину первою (Лк.8:2), потому что она первая подала другим пример такого признательного служения делу Богочеловека, или же она преимуществовала пред всеми прочими усердием в этом святом деле. А бескорыстное, ревностное их служение Христу Спасителю в то время, когда «Он не имел, где головы преклонить», и от большинства людей видел холодность, удивление или вражду, – было отрадно Господу Иисусу, много утешало Его среди постоянных трудов и частых оскорблений.

Особенно замечательна при этом была чрезвычайная стойкость и необыкновенное мужество, с которыми относилась

святая Мария Магдалина к своему Избавителю. И, несмотря на всякие препятствия и страшные опасности, даже в тяжкие дни и часы жестоких страданий Христа, Мария Магдалина явила себя мужественнее и преданнее Апостолов до того, что, когда почти все и Апостолы, несмотря на обещания свои умереть с Господом, побеждены были страхом от врагов Господних, «бежали» (Мф.26:56) и скрылись, – Мария Магдалина любовью победила страх и непоколебимостью своего участия к Страдавшему старалась смягчить тернистый путь, каким Он шел для спасения мира. Жестокие страдания Спасителя, распятого на кресте[4802], усугубляли вызывающие наглые глумления иудейских первосвященников, книжников и старейшин, которые, не довольствуясь исполнением их гнусного мщения, находясь близ креста Распятого Христа, насмешливо высказывали бессовестные и дерзкие упреки Невинному Страдальцу, говоря:

– Других спасал (от смерти), а себя не может спасти. Пусть спасет Себя, если Он Христос, Царь Израильский, пусть теперь сойдет со креста, чтобы мы видели и уверуем в Него (Мф.27:41–43; Мк.15:31–32; Лк.23:35)…

Также и воины римские ругались над ним и, подходя, говорили:

– Если Ты Царь Иудейский, спаси Себя (Лк.23:36–37)…

И разбойники, распятые с Ним, ругались над Ним и, злословя Его, один сказал:

– Если Ты Христос, спаси Себя и нас (Мф.27:44; Лк.23:39)…

И проходящие из толпы, злословили Его, кивая головами своими и говоря:

– Э, разрушающий храм и в три дня созидающий, если ты Сын Божий, сойди со креста (Мф.27:39–40; Мк.15:29–30)…

И вот когда таким образом глупость и дикость толпы с низкой злобой иудейских старейшин окружали Распятого Христа, – мученический взор Его с утешением замечал слезы благочестивых женщин, между которыми Мария Магдалина была «из первых же» (Мф.27:55–56; Мк.15:40; Лк.23:27). В этих сострадательных слезах как бы блеснул для Сына Человеческого луч света среди мрачного царства греха и этот

луч от благодарных женщин утешил Невинного Страдальца свидетельством еще не вконец испорченной природы человеческой.

День великого искупления Богочеловеком падшего человечества был ясный. Время было уже около полудня, и по еврейскому названию времен дня, был час шестой (Лк.23:44; Мф.27:45; Мк.15:43). Но вот в этот ясный полдень «меркнет солнце и делается тьма[4803] до часа девятого, то есть, по современному названию часов дня, до третьего часа пополудни (Мф.27:45; Мк.15:33; Лк.23:44). Страшное, величественное, внушительное небесное знамение – угасание солнца, тьма, обнявшая всё земное, среди полуденного яркого света, тяжело сдавила хулителей Невинного Христа, привела их в ужас и молчание. Знакомые же почитатели Распятого, сначала стоявшие вдали и смотревшие(Лк.23:49; Мф.27:55; Мк.15:40), приблизились к Страдальцу, окружили крест Его и из них Евангелист называет Марию Магдалину опять первою (Мф.27:56; Мк.15:40). Таким образом Мария Магдалина у ног Христа Спасителя не только чудотворца, прославляемого и воспетого младенцами, но и у ног Иисуса Назарянина, униженного, обесчещенного, позорно распятого, оставленного даже Его Апостолами!..

И после смерти Исцелителя Своего Мария Магдалина не покидает Его: она сопровождала перенесение тела Его Иосифом[4804] Аримафейским и Никодимом[4805] от креста ко гробу[4806], была при погребении Его, смотрела, где полагали Христа (Мф.27:61; Мк.15:47) и когда, чтобы отдать честь по закону Божию наступающему уже великому празднику Пасхи, оставила погребенное Его тело, то пламенная благодарная любовь Марии Магдалины в глубокой скорби открыла ей источник утешения. Любовь внушила ей желание оказать и с ее стороны возможную последнюю честь уничиженному иудеями ее Спасителю. Она покупает миро и ароматы (Лк.23:56), чтобы помазанием тела погребенного Христа воздать Ему, по еврейскому обычаю, возможную почесть.

Предприятие это, давшее Марии Магдалине наименование еще и мироносицы, принадлежало ей, так как два Евангелиста

поставляют ее опять первою, между некоторыми другими женами, ей последовавшими в нем, а третий – только одну ее (Мф.28:1; Мк.16:1; Иоан.20:1) и именует в этом благородном деле.

И вот среди ночного еще сумрака (Иоан.20:1), первого дня недели, после скорбной Субботы, среди опасности от озлобленных иудеев, уже покушавшихся наложить руки на учеников Христовых, и в то время, когда Апостолы Распятого с разбитою душою заперлись в своем помещении, – Мария Магдалина с некоторыми благочестивыми женами, презирая угрожающую опасность, бесстрашно идет ко гробу Спасителя, неся ароматы и миро[4807] (Лк.23:56; Мк.16:1), приготовленные для помазания тела Христова, чтобы оказать Почившему последнюю дань любви и почитания. О страже, приставленной иудеями к пещере гроба Христова, и о запечатании первосвященниками входа в нее Мария Магдалина не знала, так как всё это произошло уже после удаления всех почитателей Иисуса из сада (Мф.27:62–66) Иосифа Аримафейского. Но теперь, на пути из Иерусалима к пещере гроба Христова, Мария Магдалина вспомнила, что вход в ту пещеру был закрыт Иосифом и Никодимом таким большим, тяжелым камнем, которого не в силах отвалить от входа ни она, ни спутницы ее. И вот, в смущении об этом препятствии, мироносицы говорят между собою:

– Кто отвалит нам камень от дверей гроба?.. (Мк.16:3)

Размышляя об этом, Мария Магдалина, опередя прочих мироносиц и подойдя ближе к пещере гроба, взглянув, вдруг видит, что, смущавший ее камень уже отвален от входа в пещеру… (Иоан.20:1; Мк.16:4).

У иудеев того времени, камень, закрывавший доступ ко гробу умершего, считался неприкосновенным, как бы освященным. И отваление камня от входа в пещеру гроба Христова показывало, что с телом Погребенного там произошло что-то особенное. Что же именно? – Проще и прежде всего была мысль, что тело Иисуса взято кем-либо из этой пещеры Иосифа Аримафейского и могло быть положено в другом месте. И эта мысль, лишиться возможности воздать Ему последнюю честь,

столь поразила Марию Магдалину, что она немедля же, не входя в пещеру, побежала назад в Иерусалим, чтобы известить Апостолов Петра и Иоанна о случившемся при гробе Христовом. Она была уверена, что, извещенные ею, Апостолы примут самое деятельное участие в разыскании тела Иисуса:

– Унесли Господа из гроба и не знаем, где положили Его, – говорит она Апостолам (Иоан.20:2).

И действительно ревностнейшие Апостолы Петр и Иоанн тотчас пошли ко гробу[4808]. Они побежали оба вместе; но Иоанн бежал скорее Петра и пришел ко гробу первым; наклонившись, он увидел лежащие пелены, но не вошел в пещеру гроба. Вслед за ним приходит Симон Петр, входит во гроб и видит пелены лежащие и плат, который был на главе Иисуса, не с пеленами лежащий, но особо в другом месте, – и всё сложенное в порядке. Тогда вошел и Иоанн, увидел, и, молча, уверовал, что Христос воскрес; так как если бы кто перенес тело Иисуса в другое место, то сделал бы это, не обнажая его равно как если бы кто похитил его, то не стал бы заботиться о том, чтобы снять плат, свить его и положить на другом месте, но взял бы тело в том виде, в каком оно лежало; да и смирна с алоем, употребленные Никодимом при погребении Христа, очень крепко приклеивают пелены к телу, – поясняет святой Иоанн Златоуст (Иоан.20:3–9): – Но не с одинаковым чувством отошли Апостолы от опустевшего гроба своего Учителя: Петр, вместо веры, только с удивлением «пошел назад, сам в себе дивясь происшедшему» (Лк.24:12)…

Когда в таком еще смутном и слабом настроении Апостолы ушли от опустелого Гроба Христова, к нему возвратилась опять Мария Магдалина. Дойдя до пещеры Гроба, она стала плакать и, безутешно скорбя, наклонилась (Иоан.20:11) в низкий вход пещеры, чтобы еще взглянуть туда, где был погребен ее Спаситель. И там видит, в белом одеянии сидящих, двух Ангелов[4809], одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей:

– Жена, что ты плачешь?

Мария отвечает им:

– Унесли Господа моего и не знаю, где положили Его!

Горе Марии было столь велико, что она не сообразила, что с ней говорят не люди, а Ангелы, принявшие вид людей для облегчения ее горя светлым торжественным праздничным своим видом на месте печального погребения Христа, и она отвечает им всё теми же словами, какими говорила Апостолам об исчезновении из Гроба тела Христова. А Ангелы, торжественным светлым явлением своим подготовляя Марию Магдалину к возвещению дивного воскресения Христова, однако, не говорят ей, как прочим мироносицам, что Тот, Кого она с такою ревностью разыскивает, славно воскрес, потому что Господу угодно было причислить саму Марию Магдалину к непосредственным вестникам Воскресения Христова.

И вот в то время, когда Мария Магдалина в ответе своем Ангелам поведала им причину своего плача, Христос Спаситель внезапно появился позади Марии, отчего Ангелы приняли особо почтительное к Нему положение; Мария же Магдалина, заметя в них перемену, обратилась назад и увидела «Иисуса стоящего, но не узнала, что это Иисус» (Иоан.20:14). – Тягота горестных мыслей, обильные слезы мешали ей хорошо рассмотреть, Стоящего позади нее, да, очевидно, и Самому Христу Спасителю не угодно было, чтобы она сразу узнала Его, как не вдруг открыл Он Себя Эммаусским путникам (Лк.24:13–32), и теперь Мария Магдалина приняла Его за садовника (Иоан.20:15) сада Иосифа Аримафейского, в котором помещалась эта пещера святого Гроба.

Не узнанный же Мариею Магдалиною, Христос говорит ей:

– Жена, что плачешь? Кого ищешь?

Слыша в этих словах сострадательное участие к ее скорби, Мария отвечает доверчивою просьбою:

– Господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его (Иоан.20:15).

Как много самоотверженной любви и глубочайшей преданности выразила Мария Магдалина в этих кратких и простых словах! Она не называет предполагаемому садовнику Иисуса Христа Его именем, а только говорит «Его"… Она столь высоко чтила своего Учителя сама, что полагает и другие должны знать Его и Им интересоваться. Она умоляет мнимого

садовника открыть ей, куда унесено тело Иисуса, так как садовник этого сада должен был знать тайну исчезновения этого тела из гробницы Иосифа. Похищение не могло произойти без его ведома, потому что ему был поручен этот сад. А если бы сам Иосиф, владелец сада, переложил бы тело в другое место, то это также не могло бы совершиться без ведома садовника. И Мария Магдалина просит у этого садовника указания места нахождения тела Христова, чтобы ей взять Его:

– Я возьму Его, – говорит она.

При безмерной любви к Господу Мария совсем забывает о своих слабых силах и надеется взять и унести сама тело своего Спасителя. Усердие и любовь ее так велики и пламенны, что она считает себя чрезмерно сильною. И не получая быстрого ответа на свой живой вопрос, Мария Магдалина, как свойственно очень обеспокоенному человеку, опять обратилась в сторону Ангелов, желая, может быть, от них слышать что-нибудь об Иисусе, или, чтобы узнать причину, побудившую их принять особенно благоговейное положение. Господь же, тронутый высотою и силой ее любви, уже знакомым Марии благодатным голосом, называет ее по имени:

– Мария! (Иоан.20:16)

Теперь Мария Магдалина услышала тот памятный на всю жизнь голос ее Спасителя, силою которого Он изгнал из нее толпу бесов, – тот небесный голос, который проникал и оживлял всякую душу, – тот дивный голос, который услаждал души слушателей Его небесным блаженством. И Мария почувствовала теперь близкое присутствие Божественного Учителя, в Котором заключались все блага ее, всё ее счастье, и несказанная радость наполнила всю душу Марии. От полноты счастья она не могла говорить и, опять обратясь к Господу, просветленным взором узнала Его и, с восторгом воскликнув только одно слово: «Учитель!» (Иоан.20:16) – бросилась к ногам Христа Спасителя…

В радостном восхищении Мария Магдалина еще не могла себе представить и сознать всего величия Христа Воскресшего. И потому Господь, чтобы просветлить ее помышления и научить

об изменении через воскресение уже и плоти Его, кротко сказал ей:

– Не прикасайся ко Мне[4810] (Иоан.20:17), ибо Я еще не восшел к Отцу Моему.

Мария Магдалина восторженно выразила поклонение человечеству своего и Спасителя и Учителя, а Христос, запрещением ей прикасаться, возвышает, освящает ее помышления, научает более благоговейному обращению и дает разуметь Марии Магдалине, что время для теснейшего духовного общения с Ним настанет тогда, когда Он совсем скроется от чувственных очей Своих учеников и взойдет на небо к Богу Отцу Своему. А так как и прочие ученики Христовы, при вести о воскресении Его, могли подумать, что теперь Он уже навсегда с ними на земле и, быть может, осуществит народные мечты о великом иудейском земном царстве, то Христос Спаситель посылает Марию Магдалину предостеречь их от таких мыслей и мечтаний. Удостоверяя теперь Апостолам Воскресение Христово ясным созерцанием ею Воскресшего и Его речью, она посылается Господом возвестить им, что Христос уже не долго будет на земле, что Ему с самым прославленным телом надлежит вскоре взойти к Богу Отцу. Но, чтобы весть об этом удалении не привела их в смущение и скорбь, Господь повелевает Марии Магдалине сказать ученикам Его, что Отец Его, к Которому Он восходит, есть вместе и их Отец, милостиво называя их при этом Своими братиями:

– Иди к братиям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему…[4811] (Иоан.20:17)

Сказав так, Христос стал невидим. А обрадованная, осчастливленная Мария Магдалина идет и возвещает всё (Иоан.20:18), случившееся с нею Апостолам Христовым, и с восторгом утешает их скорбь дивными словами:

– Христос воскрес!

Вот поэтому-то, как первая, посланная от Самого Господа, благовестница совершившегося Христова Воскресения, Мария Магдалина Церковью христианскою признана «Равноапостольною».

Здесь светлейшая черта всего дивного служения Марии Магдалины Церкви Христовой. В утро Воскресения Христова она удостоена была видеть Господа воскресшего первая из всех учеников и учениц Его[4812] (Мк.16:9; Иоан.20:14–17) и первая же по непосредственному повелению Господа сделана вестницею, проповедницею для них Воскресения Его. Апостолы проповедовали Воскресение Христово всему миру: Мария Магдалина проповедовала Воскресение Христово самим Апостолам – она была Апостолом для Апостолов!.. Святые отцы Церкви провидят в этом обстоятельстве особенную тайну и премудрость провидения Божия.

– Жена, – учит святой Григорий Богослов, – из уст змия приняла первую ложь, и жена же из уст Самого Воскресшего Господа первая услышала радостную истину, дабы чья рука растворила смертное питье, та же самая подала и чашу жизни…

Освященная созерцанием Воскресшего, восторжествовавшего над смертью, победоносного Христа, пламенная Мария Магдалина и без слов была полным, решительным свидетелем Воскресения Христова. Но благодатной ее вести о Воскресении Иисуса Учителя Апостолы и все, бывшие с ними в доме Иоанна Богослова[4813], не поверили. Они «печалились, плакали и, услышав, что Христос жив и что она видела Его, не поверили» (Мк.16:10–11; Иоан.20:18). – Почему же?..

Мария Магдалина пользовалась полным несомненным доверием Апостолов. Кроме того и между прочими мироносицами, которые также известили учеников Христовых в сообщенном им при Гробе Господнем Ангелами восстании из мертвых их Учителя (Лк.24:9–11, 4–8; Мф.28:5–7; Мк. 16:1–20), – были мать Апостола Иоанна Богослова, и мать Апостола Иакова, и Марфа и Мария сестры Лазаря с прочими благочестивыми женами, которые все пользовались также полным доверием Апостолов; но они «не поверили им, почтя рассказ их за мечтание» (Лк.24:9–11; Мк.16:11; Мф.28:17) – Столь велико было тогда уныние небольшого общества учеников Христовых: – После того как первосвященники иудейские взяли и распяли их Учителя Иисуса, а Апостолы

разбежались и скрылись, они внезапно лишились всего, всех своих личных и народных надежд; в них затмилась вера в Иисуса Мессию, в Его силу и славу; с потерею веры, потерялось и мужество духа; угнетало их и сознание не исполненного долга пред Христом Учителем, Которого они малодушно оставили одного в руках врагов и разбежались (Мф.28:56; Мк.14:50), и, не имея никакой поддержки ни в себе, ни вне себя, они думали больше уже о сохранении своей собственной безопасности «страха ради от иудеев» (Иоан.20:19) До смерти Христовой они всё «надеялись, что Он, – Учитель их, – есть Мессия, Который избавит Израиля» (Лк.24:21), откроет славное земное царство Израильское, но позорная Его смерть на кресте совсем разрушила эти их надежды и мечты. В глазах всех людей того времени распятие было самою ужасною и позорною смертию, оно было знаком страшного «проклятия» по закону Моисея (Втор.21:23; 1Кор.1:23), и в душах учеников Иисуса после распятия Его осталась вера в Него только как в Пророка, «Который был сильный в деле и слове пред Богом и всем народом…» (Лк.24:19) – В тяжко угнетенном сознании учеников Христовых не укладывалась мысль о том, что истинный Мессия, Христос, Сын Божий может умереть, как человек, и так, как Иисус действительно умер на кресте. И хотя они видели чудотворное воскрешение Иисусом дочери Иаира (Мк.5:41), сына вдовы Наинской (Лк.5:11–17) и Лазаря (Иоан.11:44), – но вот Сам Иисус умер, как и прочие пророки, то и воскреснуть может Он только со всеми людьми в последний день; а чтобы ранее этого чудотворцы пророки сами воскресали, не было примера никогда… – Петр же и Иоанн, видевшие гроб Христов, ничего не могли сообщить, как только то, что он был пуст. Об видении Ангелов и Воскресшего сообщали только все женщины… Томительное, глубоко тяжкое, положение… И вот более пылкий Апостол Петр опять идет к святому Гробу, не давая себе отчета, не зная, – зачем пошел, так как сам уже видел пустое место, где был погребен Христос. Но теперь он скоро возвратился и с восторгом возвестил ученикам:

– Воистину воскрес Христос!.. Я сам видел Его: Он и мне явился на пути (Лк.24:33–34; 1Кор.15:5).

Теперь, казалось довольно было свидетелей очевидцев Воскресшего для уверения истины Воскресения Христова, и многие ученики радостно поверили, но всё-таки еще не все[4814]. А Мария Магдалина с прочими мироносицами, сияющая счастьем и презирая все опасности от неистовых врагов Иисуса Христа, не могли оставаться спокойными на одном месте и переходя из дома в дом, от одних учеников Христовых к другим, в чистоте, простоте, глубине и крепости любви к Своему Исцелителю и Учителю, восторженно повторяли несчетное число раз отрадное благовестие:

– Христос Воскрес! Воистину воскрес!..

И благодатно, быстро стало расти из семени самого меньшего из всех зерновых семян огромнейшее дерево Церкви Христовой[4815]. Малая горсть искренно преданных Христу Спасителю учеников и учениц, из коих самою ревностнейшею была святая равноапостольная мироносица Мария Магдалина, восторжествовали над надменным суемудрием язычества, владели целыми царствами с их царями и Божественное учение Христово пронесли из края в край – во всю вселенную земли (Деян.1:8), повторяя торжественные слова первого благовестия святой Марии Магдалины:

– Христос Воскрес! Воистину воскрес!..

Вот, христиане, важнейшие черты жизни святой равноапостольной мироносицы Марии Магдалины, не подлежащие никакому сомнению, так как они засвидетельствованы самим словом Божиим в святом Евангелии. – Для чего же они сохранены и предлагаются Церковью, для чего читают их? – Не для прославления ли святой Марии Магдалины? – О нет! Святые, живущие во славе небесной, в высокой и вечной славе Божией не имеют нужды в славе земной, в ничтожной славе от человеков. Но таким воспоминанием их земного жития, подвигов и добродетелей дается нам самим наставление и побуждение к богоугодной жизни и к душеспасительным подвигам. Через святого Апостола Христова Павла Господь повелевает нам:

– Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам Слово Божие; и, взирая на кончину их жизни, подражайте

вере их (Евр.13:7).

И вот святая Церковь Христова сохраняет нам и предлагает нашему вниманию очерки жизни святых людей для нашего самоиспытания, самоусовершенствования и спасения через подражание вере и духу этих Божиих святых, дабы мы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования Божии… (Евр.6:12) – Святая равноапостольная мироносица Мария Магдалина самоотверженно исполнила первую и главную заповедь Христа Спасителя: «возлюбила Господа всем сердцем своим, всею душею своею, всем разумением своим и всею крепостию своею» (Мк.12:30–33; Мф.22:37–40). Осуществление святою Мариею Магдалиною при всяких обстоятельствах такой истинной всецелой любви к Господу служит жизненным образцом для любви каждого христианина к Богу Спасителю нашему. И по примеру святой Марии Магдалины все мы, христиане, должны иметь и проявлять самоотверженную любовь к Богу, всем сердцем своим, всеми желаниями, стремлениями и силами души своей и всем разумением, всеми познавательными способностями своими, должны мы всецело прилепляться к Господу Спасителю нашему. Сила любви нашей к Богу должна быть такова, чтобы никто и ничто не могло отлучить нас от этой любви: «ни жизнь, ни смерть, ни высота, ни глубина, никакая тварь, ни Ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее» (Рим.8:38–39).

Со времени описанных святыми Евангелистами явлений Воскресшего Христа Спасителя и вызванной этими явлениями пламенной проповеди святой Марии Магдалины о Воскресении, сохранившиеся новозаветные книги не сообщают более подробностей о деятельности равноапостольной святой Марии Магдалины и сведения о дальнейшей жизни ее составляют теперь предмет предания[4816]. Предания же о последующей ее жизни нескольких местных христианских церквей много разнятся по местности, откуда исходят; по существу, однако, везде предания эти сообщают о ревностной равноапостольной деятельности святой Марии Магдалины. И разность этих преданий зависит от того, кого или каких именно из святых

евангельских жен разумеют эти церкви под именем святой равноапостольной Марии Магдалины? Некоторые христианские церкви запада и также отцы Церкви с учеными богословами объединяют в одну, или в две личности трех евангельских жен: грешницу, которая в доме Симона фарисея покаялась, обливала ноги Христа Спасителя своими слезами, отирала своими волосами и помазала драгоценным миром (Лк.7:37–38; Мк. 14:1–72; Мф. 26:1–75), – потом еще Марию из Вифании, сестру Лазаря (Лк.10:39; Иоан.11:28), – и еще Марию Магдалину, которая была освобождена Христом Спасителем от семи бесов[4817] (Иоан. 11:1–57, 12:1–50, 19:1–42, 20:1–31; Мк.16:3; Мф.27:7). Но Восточная греко-российская православная Церковь ныне, как и прежде признает все эти, упоминаемые Евангелиями с разными признаками, три личности за различные, особые, не желая основывать исторические сведения на произвольных, только вероятных толкованиях. Вследствие этого предание Восточной греко-русской Православной Церкви сообщает, что, после Евангельских явлений Воскресшего Христа до Вознесения Его и после, святая равноапостольная Мария Магдалина пребывала с Пресвятою Богородицею и Апостолами и была деятельною споспешницею первых успехов распространения христианской веры сначала в Иерусалиме. Но, полная усердия, пылкой веры и ревностной любви к благовестию Божию, она затем проповедовала и по другим странам, всюду возвещая небесную благодать, радость и спасение всем, уверовавшим в Спасителя мира Христа Воскресшего.

Посетив, между прочим, Италию[4818], святая равноапостольная Мария Магдалина изыскала случай явиться к царствовавшему в то время императору Тиверию I[4819] и поднесла ему, по общепринятому восточному обычаю, яйцо, окрашенное в красный цвет, сказав при этом:

– Христос воскрес!

Не удивила императора бедность подношения святой Марии Магдалины, впервые явившейся к нему, потому что он знал древнее обыкновение, вообще на Востоке и также у иудеев, являясь в первый раз к высшим, или в торжественном

случае к знакомым или покровителям, подносить в знак почтения дар, с каким-либо известным, или с особым, специальным, символическим значением. Примеры этого находятся в иудейской ветхозаветной истории[4820] (Быт.43:11; 3Цар.10:2), и также представляют дары, поднесенные богатыми волхвами[4821], родившемуся Иисусу Христу в Вифлееме иудейском[4822]. А люди бедные в подобных обстоятельствах приносили в дар разные плоды своей местности или яйца птиц. Так, следуя отчасти этому древнему обычаю и с целью красным цветом поднесенного яйца и неслыханными до того словами «Христос Воскрес!» – возбудить любопытство подозрительного императора Тиверия, святая равноапостольная Мария Магдалина с разъяснения значения такого ее поднесения начала свою горячую проповедь о Воскресении и учении Христа Спасителя. Она с большим вдохновением и убеждением рассказала императору о жизни, чудесах, распятии и воскресении Иисуса Христа и прямым, простодушным изложением чрезвычайно несправедливого, пристрастного суда над Иисусом Христом озлобленных членов Иерусалимского Синедриона[4823] и попустительства при этом малодушного римского правителя Иудеи Пилата Понтийского[4824], к осуждению на распятие Иисуса Христа, навлекла на них гнев императора. Тиверий предал их суду, которым Пилат лишен был власти и сослан в Галлию, в город Виенну[4825], где, по одному преданию, удрученный угрызениями совести и отчаянием, сам лишил себя жизни. По другому же преданию, приговоренный судом к смертной казни, Пилат раскаялся, обратился с молитвою ко Христу, и был Спасителем прощен, в знак чего, по отсечении головы его, она была принята Ангелом[4826].

Вместе со святою равноапостольною Мариею Магдалиною отправились, по преданию, в Италию сестры Лазаря Марфа и Мария[4827]; а Пилат, узнав, об этом и боясь разоблачений христианами его противозаконных действий, сам отправил императору Тиверию донесение об Иисусе Христе[4828], в котором он свидетельствовал о благодетельной жизни Христа, об исцелении Им всяких болезней, увечий, даже воскрешении умерших и о прочих великих чудесах Его. Пилат утверждал, что,

проверив обвинения иудеев, он не нашел в Иисусе Христе никакой вины; много подвизался избавить Его от рук крамольных иудеев, но не мог достигнуть Его избавления и отдал Иисуса на их волю, ради народного крика и крамольного обвинения иудеями самого Пилата… А по распятии иудеями Иисуса совершились страшные знамения в природе, и много людей умерших воскресло, когда на третий день воскрес Иисус, и Пилат, как свидетель, одержимый великим страхом, доносил державному кесарю о всём содеянном с Иисусом Христом, Который стал предметом веры, как Бог[4829]:

После таких свидетельств со стороны римского правителя Иудеи и со стороны почитателей Христа Спасителя, император Тиверий, по преданию, сам уверовав во Христа Спасителя, предложил причислить Иисуса Христа к лику богов римских и даже тогда, когда Римский Сенат[4830] отверг такое его предложение, Тиверий царским указом грозил наказывать всякого, кто осмелился бы оскорблять верующих во Иисуса Христа.

Таким образом ревностною бесстрашною проповедью о Христе Спасителе святая равноапостольная Мария Магдалина, с прочими благочестивыми христианами, побудила и языческого правителя Иудеи письменно засвидетельствовать всемирное событие Воскресения Христова пред миром языческим и самого языческого императора, всемирной тогда, империи Римской, побудила признать величие и Божественное могущество Христа Спасителя, облегчив всем этим распространение христианства.

Христиане же того времени, узнав о значении и силе впечатления, произведенного подношением святою Мариею Магдалиною императору Тиверию красного яйца со словами: «Христос Воскрес!» – начали подражать ей в этом и, при воспоминании Воскресения Христова, стали дарить красные яйца и говорить:

– Христос Воскрес!.. Воистину Воскрес!..

Так мало-помалу обычай этот распространился повсюду, сделался всеобщим между христианами всего мира[4831]. И яйцо при этом служит символом, или видимым знаком, воскресения Христова и воскресения мертвых и нашего возрождения в жизнь

будущую, которого залог имеем мы в Христовом Воскресении. Как из яйца рождается птенец и начинает жить полною жизнию, по освобождении от скорлупы, и ему открывается обширнейший круг жизни, – так и мы, при втором пришествии Христа на землю, сбросив с себя с телом земным всё тленное на земле, силою Христова Воскресения воскреснем и возродимся для другой, высшей, вечной, бессмертной жизни. Красный же цвет пасхального яйца напоминает нам то, что искупление человечества и наша будущая новая жизнь приобретены излиянием на кресте пречистой крови Христа Спасителя. Таким образом, красное яйцо служит напоминанием нам собою одного из важнейших догматов нашей Божественной веры.

Святая равноапостольная Мария Магдалина долго продолжала проповедовать благовестие Христа Воскресшего в Италии и в городе Риме[4832], и при первом посещении Рима Апостолом Павлом и после отбытия его через два года оттуда. Кроме предания, свидетельство об этом можно видеть в характерном привете святой Марии Апостолом Павлом в послании его из торгового греческого города Коринфа к христианам, находившимся тогда в Риме (Рим.16:6). Святой Иоанн Златоуст поучает об этом, что, воздавая каждому верующему, соответствующую ему, похвалу, Апостол Павел приветствует святую равноапостольную Марию, как уже много потрудившуюся и посвятившую себя апостольским подвигам. Труды ее, упоминаемые здесь Апостолом, были подвигами Апостолов и Евангелистов, – следовательно равноапостольными; она служила, – добавляет святой Златоуст, – и деньгами, и неустрашимо подвергалась опасностям и совершала тяжкие путешествия, разделяя с Апостолами всякие труды проповедничества.

Из Рима, по преданию Церкви, святая равноапостольная Мария Магдалина прибыла в город Ефес[4833], тогда особенно знаменитый в Малой Азии. В Ефесе, по преданию и свидетельству многих святых отцов и церковных писателей, святая равноапостольная Мария Магдалина помогала святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову в благовестнических

трудах, оставаясь там до мирной своей кончины, и в Ефесе же она была похоронена.

Нетленные прославленные мощи святой равноапостольной Марии Магдалины в девятом веке при императоре Льве VI философе[4834], торжественно перенесены были из Ефеса в Константинополь[4835] и помещены были в храме монастыря святого Лазаря. Таково предание православной Восточной христианской Церкви.

Но нельзя решительно утверждать, что мощи святой равноапостольной Марии Магдалины навсегда всецело остались в Константинополе. Они могли быть перенесены самими верующими в другое место из опасения от победоносных нападений турок; они легко могли быть взяты и на запад в Рим, из Константинополя, когда им овладели в начале XIII века итальянцы с крестоносцами четвертого похода[4836], так как тогда мощи святых многих юго-восточных областей были уносимы и разделяемы по разным городам западных стран Европы.

Римско-католическая церковь утверждает, что мощи святой равноапостольной Марии Магдалины, за исключением ее главы[4837], покоятся в Риме, около Латеранского дворца римских пап в главном храме святого Иоанна Латеранского[4838], под алтарем, который папа[4839] Гонорий III[4840], сам там похоронивший ее мощи, освятил в честь святой равноапостольной Марии Магдалины. И кроме того открытыми мощами этой святой римско-католическая церковь почитает с 1280 года мощи, разделенные на части, во Франции в Провансе, близ города Марселя[4841], где над теми мощами в уединенной долине, у подошвы крутых гор, воздвигнут величественный храм во имя святой Марии Магдалины[4842].

Православная греко-российская восточная христианская Церковь и западная римско-католическая, равно как и англиканская, церкви празднуют память святой равноапостольной Марии Магдалины, 22 июля; в некоторых местных церквах это самый заповедный праздник.

Вот всё, что известно до этих пор о святой равноапостольной мироносице Марии Магдалине несомненно

истинного, преданного нам святым Евангелием, и вероятного по преданиям местных церквей христианских, для которых равно как и для всех святая равноапостольная Мария Магдалина была, по непосредственному от Христа Спасителя повелению, первою из людей проповедницею спасительного Христова Воскресения.

– Воскресение же Христово есть для всех нас, – поучает великий святитель Церкви[4843], – источник размышления, созерцания, удивления, радости, благодарности, надежды, всегда полный, всегда новый, сколь ни давно, сколь ни часто из него почерпаем; оно есть вечная новость!.. И надобно ли основать веру, возбудить надежду, воспламенить любовь, просветить мудрость, воскрылить молитву, низвести благодать, уничтожить бедствие, смерть, зло, дать жизненность жизни, сделать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава – не призрак, но вечная молния вечного света, всё озаряющая и никого не поражающая?.. – На всё сие найдется довольно силы в одном чудодейственном слове: «Христос Воскресе!»

Откликнемся же и мы, христиане, на такое чудодейственное благовестие великой посланницы Самого Спасителя нашего святой равноапостольной Марии Магдалины восторженным: воистину, воистину Христос Воскрес!

Тропарь, глас 1:

Христу нас ради от Девы рождшемуся честная Магдалина Мария последовала еси, того оправдания и законы хранящи: темже днесь всесвятую твою память празднующе, грехов разрешение молитвами твоими приемлем.

Кондак, глас 3:

Предстоящи преславная у креста Спасова со иными многими, и Матери Господни состраждущи, и слезы точащи, сие в похвалу приношаше глаголющи: что сие есть странное чудо; содержай всю тварь пострадати изволи: слава державе Твоей.

В тот же день перенесение мощей святого священномученика Фоки к 404 году в Царьград из Понта. (Память его празднуется 22 сентября

Страдание святого священномученика Аполлинария

Память 23 июля

Во дни кесаря Клавдия[4844] святой Петр, Апостол Иисуса Христа[4845] со многими сопутствующими ему христианами пришел из Антиохии в Рим[4846]; здесь вначале, вшедши в иудейское собрание, он назвался иудеянином. И стал возвещать учение об Иисусе Христе, доказывая свидетельством пророческих книг, что Христос есть истинно Сын Божий, пришедший для спасения рода человеческого; он поведал и о всех чудесах Господа Иисуса, которые Он сотворил среди Израиля. Когда святой Апостол Петр ежедневно проповедовал таким образом в сонмище иудейском, многие из иудеев уверовали во Христа, и не только из иудеев, но многие и из римлян, слыша проповедь Апостола, с радостью принимали его слово, говоря:

– Бог взыскал род человеческий, пославши Сына Своего для обновления мира.

И, уверовав во Христа, крестились. Немало времени спустя святой Апостол Петр обратился к ученику своему Аполлинарию, пришедшему с ним из Антиохии, с такими словами:

– Вот ты хорошо наставлен в познании Христа, Сына Божия и вполне уведал все Его Божественные деяния. Итак, прими освящение Святого Духа и иди в многолюдный город Равенну[4847] и, ничего не боясь, проповедуй там имя Иисуса Христа!

Произнесши это, Апостол Петр сотворил молитву и, возложив руки на главу Аполлинария, поставил его епископом города Равенны.

– Да пошлет Господь наш Иисус Христос Ангела Своего, который сохранит тебя в пути и исполнит, что ты просишь.

С такими прощальными словами Апостол отпустил Аполлинария, облобызав его. Приблизившись к вышеназванному городу, Аполлинарий вошел в дом одного воина, по имени Иринея, желая, как странник, отдохнуть. Во

время беседы с ним, святой епископ объявил этому Иринею о себе: кто он, откуда и ради чего идет в их город, и говорил о Христе Иисусе и Его Божественной силе. Ириней сказал ему:

– Отче – странник! У меня есть сын слепой, и если проповедь твоя имеет силу, исцели его, чтобы он прозрел, тогда я, уверовав в Бога твоего, пойду во след Его.

И повелел святой привести к себе слепого; когда же того привели, собрались все домашние, желая видеть, что сделает со слепцом странник. А он, осенив крестным знамением очи слепого, изрек:

– Боже вездесущий! Внеси познание Сына Твоего в этот город, да не только телесные, но и духовные очи людей этих просветятся, чтобы познали они Тебя, Единого истинного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Которого Ты послал для спасения мира (ср. Иоан.17:3).

Как только святой изрек это, тотчас отверзлись очи слепого, и он прозрел и припал к ногам человека Божия с родителями своими. Итак, вся та семья уверовала во Христа и крестилась в реке, которая протекала недалеко от Равенны, и стал святой жить в том Иринеевом доме.

А в городе была больная женщина, супруга трибуна[4848], по имени Фекла, много лет лежавшая в болезни; и хотя ее пользовали различные искусные врачи, она не могла излечиться. Случилось, что новокрещенный воин Ириней пришел к трибуну и, видя, что тот сильно огорчен неизлечимою болезнью жены своей, обратился к нему с такой речью:

– Живет у меня странник, который моего слепого сына излечил без всякого лекарства; если прикажешь, чтобы тот пришел к тебе, он тотчас исцелит и твою супругу.

Трибун спросил:

– Откуда этот человек пришел сюда?

– Из Рима, – отвечал Ириней.

– Что же он римлянин? – переспросил трибун.

– Не знаю; однако, сдается мне, что он родом не римлянин, а грек.

– Приведи его тайно в дом мой! – заключил трибун беседу.

Когда святой Аполлинарий входил с Иринеем в город Равенну, то, осенив себя крестным знамением, молился:

– Боже, поспешествующий учителю моему Петру, споспешествуй и мне, да прославится имя Твое святое в этом граде и да исполняется здесь Твоя воля!

Когда святой вступил в дом трибуна, трибун приветствовал его:

– Хорошо, что пришел, О врач! Что может быть, в самом деле, приятнее студеной воды для жаждущего?

– Да почиет, – сказал святой Аполлинарий, – на вас благословение Господа нашего Иисуса Христа.

– Кто Тот, Кого ты назвал? – спросил трибун.

– Он Сын Бога Живого (ср. Иоан.6:69), обновивший весь погибший мир, – ответствовал Аполлинарий.

– Вижу, что ты – галилеянин[4849], – сказал трибун.

– Истинно, так, – подтвердил святой.

– Умеешь ты врачевать? – спросил трибун.

– Нет, – отвечал святой, – я ничего не знаю, кроме имени Иисуса.

– А какая сила в имени Иисуса? – сказал трибун.

– А вот, – отвечал святой, – призови сюда воинов, которые под твоею властью, и на глазах всех познаешь силу Господа моего Иисуса Христа!

Трибун тотчас же через посланного созвал всех своих воинов и затем обратился к святому:

– Вот моя жена много лет лежит на одре болезни, и лекарство не только не помогает ей, но еще более вредит. Итак, если в тебе заключена какая-либо врачующая сила, яви ее над болящей!

– Да откроет Бог, – молитвенно пожелал святой, – очи ваших сердец, чтобы, видя чудеса Его, все уверовали в Него!

И, подойдя к постели, взяв за руку больную, произнес:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа встань и веруй в Него, и не помысли, что кто-либо подобен Ему.

И тотчас жена почувствовала себя здоровою, встала с постели и громко свидетельствовала:

– Нет иного Бога, кроме Иисуса Христа, Которого ты проповедуешь.

Видя это трибун и все его воины, удивляясь, восклицали:

– Воистину только этот Бог, Который творит таковое! Он может вспомоществовать нам и на войне, если мы Его возлюбим!

И уверовали во Христа трибун с женою своей и с детьми и со всеми домашними, и многие из бывших там язычников веровали и крестились. С этого времени святой Аполлинарий стал иметь пребывание в городе в доме трибуна, и повседневно приходило к нему множество людей, и он тайно учил их веровать во Христа и крестил; уверовавшие же отдавали своих детей святому для книжного учения. И святитель Божий устроил в доме трибуна из одной комнаты церковь и совершал в ней литургию и причащал верующих Божественных Таин Тела и Крови Христовых. Оставаясь там 12 лет, рукоположил двух пресвитеров, Адерета и Калокира, а Маркиана, человека благороднейшего происхождения, и философа Левкадия поставил диаконами и шесть человек клириками и совершал с ними дневные и ночные моления, славословя Бога. Когда же число христиан умножилось, и слух об имени и силе Иисуса Христа и Его проповеднике прошел в народе, то не мог остаться в неизвестности человек Божий, и было о нем сообщено правителю города Сатурнину.

Когда за ним было послано, и он был приведен, то правитель представил его главнейшим жрецам Равеннского Капитолия и в присутствии их обратился к нему с вопросом:

– Кто ты таков?

– Я христианин, – громким голосом исповедал святой в ответ.

– А кто Христос? – спросил князь.

– Христос есть Сын Бога Живого, Которым движется всё существующее на небе и на земле и в море, – отвечал святой.

– Это Он послал тебя, – допытывался судья, – к нам ниспровергнуть служение нашим богам? Разве ты не знаешь великого бога Зевса, обитающего в городском капитолии, которому и ты должен поклониться?

– Кто он не знаю, и о храме его мне неизвестно, – ответствовал святой.

Тогда жрецы идолов предложили святому:

– Так иди и посмотри на великий храм его, дивно украшенный, и в нем увидишь изображение непобедимого Зевса и поклонишься ему.

И привели святого Аполлинария к тому храму; когда он вошел в него и увидел богатые украшения, то посмеялся и обратился к жрецам с такою речью:

– Вот сколько золота и серебра по-пустому здесь собрано: не лучше ли было раздать его нищим, чем понапрасну повесить пред демонами?

Тогда нечестивые преисполнились гнева и ярости, сильно избили святого, а затем, привязав веревкой за ноги, вытащили его за город и бросили на морском берегу, как мертвого; святого Аполлинария, едва живого, взяли его ученики и укрыли в доме одной вдовы, верующей во Христа, и заботились о нем.

Спустя шесть месяцев, один знатный человек, по имени Вонифатий внезапно стал нем; к нему призывали многих врачей, но последние ничем не могли помочь ему. В то время стало известно в его доме, что раб Божий Аполлинарий жив и укрывается у одной вдовы. Жена немого поспешила к человеку Божию и, припадая к ногам его, молила, чтобы он пришел в дом к ней и исцелил ее мужа. Святитель Христов, встав, пошел туда и, когда входил в дом Вонифатия, одна из рабынь, отроковица, одержимая нечистым духом, схваченная им, воскликнула:

– Уйди отсюда раб Бога Живого! Если же не уйдешь, то я добьюсь, что тебя, со связанными ногами, опять выволокут из города!

Святой, запретив нечистому духу, изгнал его из рабыни; войдя к больному и немому Вонифатию, он так помолился о нем Богу:

– Господи Иисусе Христе, затворивший уста этому человеку, чтобы не призывал он к себе бесов на помощь, открой их ему ныне, да призовет он Твое преблагословенное имя и уверует, что Ты – Бог, живущий вовеки.

Когда святой так помолился, а предстоявшие христиане произнесли «аминь», в ту же минуту разрешился язык немого и уста его открылись для славословия Единого Бога, и он громогласно воскликнул:

– Нет другого Бога, кроме проповедуемого Аполлинарием!

В тот день уверовали во Христа более 500 мужей и приняли святое крещение. Не много дней спустя, нечестивые, возбужденные бесами ко гневу, снова схватили святого Аполлинария и сильно били палками, запрещая ему, – да не смеет он проповедовать об Иисусе, ни даже упоминать имя Его. Святой же, лежа на земле, восклицал:

– Воистину Бог есть Иисус Христос, волею пострадавший за людей.

Язычники, не вынося его свидетельства о Христе, поставили его босыми ногами на горячие уголья и, мучая его, жгли на огне. А он еще с большею силою громко проповедовал Христа. Потом, привязав святого Аполлинария за ноги, мучители вытащили его из города, с криком:

– Хотя ты и творишь исцеления, но, если хочешь быть живым, не осмеливайся входить в город.

И святой лежал близ города и непрестанно учил о имени Иисуса Христа. Приходили к нему многие богобоязненные люди и прислуживали ему. Умножавшиеся в числе от проповеди святого верующие создали небольшую церковь недалеко от города на морском берегу, и совершал в ней архиерей Божий святую Литургию и обращающихся ко Христу Богу крестил в море.

Спустя несколько лет святой был прогнан неверными и отправился в италийскую страну Емилию и здесь проповедью, кого только мог, приводил к святой вере. В это время, по его повелению, управлял церковью пресвитер Калокир; являл и тот великие знамения силою имени Иисуса Христа. Пробыв достаточно времени в Емилии и обратив многих ко Христу, святой Аполлинарий опять вернулся в Равенну, где верующие приняли его с радостью. В то время Равенна имела уже другого правителя, по имени Руфина, у которого была только одна дочь, и она так тяжко болела, что уже ожидали ее смерти. Услышав о

святом Аполлинарии, правитель приказал с честью привести его в свой дом, чтобы он помог его дочери. Когда святой епископ с клириками вступал в дом князя, умерла больная. И начали плакать и громко рыдать как родители ее, так и все домашние. Увидав святого, Руфин так сказал ему:

– Лучше бы ты не приходил в дом мой, потому что за тебя разгневались на меня великие боги и не захотели, чтобы моя дочь избавилась от смерти.

– Клянись мне здравием твоего цезаря, – возразил святой, – что не помешаешь дочери твоей идти во след Спасителя своего, и ты увидишь силу проповедуемого мною Господа нашего Иисуса Христа.

– Я знаю, – отвечал Руфин, – что дочь моя умерла, но если я увижу ее воскресшею и говорящею, восхвалю силу Бога твоего, и не воспрещу ей последовать за своим Спасителем.

Тогда святой, приблизившись к покойнице, молился:

– Господи Иисусе Христе Боже мой, исполняющий все прошения Апостола Твоего Петра, моего наставника, исполни и мою просьбу, – воскреси эту отроковицу, так как она Твое создание. И да видят предстоящие Твою силу и разумеют, что нет иного Бога, кроме Тебя!

Потом, прикоснувшись к мертвой, воскликнул:

– Восстань и исповедуй Создателя твоего!

И тотчас девица воскресла, стала на ноги и, громко взывая, восклицала:

– Велик Бог, Которого проповедует Аполлинарий, и нет, кроме Него, другого Бога!

Обрадовались родители отроковицы, обрадовались и все христиане, что так прославилось имя Господа Иисуса. Крестилась девица с матерью и все домашние, и всех принявших крещение душ обоего пола было триста двадцать четыре, и многие другие из язычников уверовали во Христа и крестились. Правитель же Руфин, хотя и уверовал во Христа, но страха ради перед цезарем, не принял крещения, но втайне любил святителя Божия и служил ему. Дочь же его посвятила себя Иисусу Христу, обручив себя Ему, как невеста, и пребыла девою в течение всей своей жизни.

Сообщено же было цезарю язычниками, что какой-то человек, пришедший из Антиохии, своим волшебством и чарами, внес имя Иисуса Жидовина в город Равенну, и многие из народа слушают его, причем он даже семью и домашних Руфина совратил в свою веру. Цезарь же, немедленно послал наместника своего, именем Мессалина, в Равенну лишить власти Руфина, а Аполлинария приказал или принудить к поклонению языческим богам, или изгнать в самые отдаленные страны. Мессалин, исполняя волю цезаря, позвал Аполлинария в преторию и при капитолийских жрецах расспрашивал его, – кто он, откуда и чем занимается. Святой же сказал о себе, что он христианин, родом из Антиохии, ученик апостольский; дело же его исключительно состоит в проповедовании Иисуса Христа, Сына Бога Живого, сотворившего небо и землю, и море и всё, что на них и в них.

– Не того ли проповедуешь Христа, Который, несколько лет тому назад, назвался Сыном Божиим, и был убит жидами? – спросил Мессалин. – Если бы Он был Бог, то не умер бы и не принял бы поругания, но так как Он был горд, то предан был на мучение и погиб от смертной казни, – ради чего ты причисляешь Его к богам, не знаю.

– Сей Иисус Христос, – сказал ему святой Аполлинарий, – о Котором ты говоришь, Бог был, есть и будет вовеки. Желая освободить род человеческий от порабощения врагу, Он смирил Себя и воплотился от Святого Духа в утробе чистой, не познавшей мужа Девы и родился от Нее несказанно.

– Всё это и мы слышали, – возразил Мессалин, – но это маловероятно.

– Послушай меня, о судья! И внемли, – воззвал святой. – Бог был в чистой плоти и творил удивительные чудеса и знамения, а когда был взят иудеями и распят, то пострадала принятая от Пресвятой Девы плоть Его, а Божество осталось чуждым страдания и бессмертным; этим Божеством и плоть воскресла из мертвых в третий день и Он, явившись многим, вознесся на небо, откуда и сошел. Столь великую силу и власть Он дал верующим в Него, что последние именем Его могут

изгонять бесов, исцелять всякие неизлечимые болезни и воскрешать мертвых (Мк.16:17–18).

– Не можешь меня переубедить, – возразил Мессалин, – чтобы я стал последователем неизвестного Бога, Которого не признают цезарь и сенаторы; но войди в городской капитолий и вознеси своими руками курение великому и страшно гремящему богу Зевсу; если же не захочешь этого сделать, то предам тебя различным мукам и сошлю в изгнание.

– Если и в капитолий войду, всё же не принесу курения бесам, но принесу жертву хвалы Господу моему Иисусу Христу, – отвечал святой.

Жрецы же идольские закричали:

– Да будет Аполлинарий мучим!

И повелел Мессалин обнажить мученика и бить палками без пощады со словами:

– Принеси жертву богам!

А святой, во время этой пытки восклицал:

– Я – христианин!

– Протяните его на месте мучения, – яростно воскликнул один из жрецов, – и истязайте еще жесточе, пока не воздаст хвалы бессмертным богам.

Но и среди этих, более жестоких, мучений святой Аполлинарий взывал:

– Исповедую Богом живым Господа Иисуса Христа и никого иного!

Спустя час, Мессалин, повелев ослабить муки, обратился к страстотерпцу:

– Скажи мне, окаянный, какого воздаяния ожидаешь ты за принятые муки?

– В наших книгах, – отвечал мученик, – написано: «Претерпевший до конца спасется» (Мф.24:13), и если кто умрет за Христа, тот жив будет: таково воздаяние для христианина.

Смотрело же на страдание святого много народа, верующих и язычников, и верующие, видя его мужество и терпение, прославляли Бога Небесного. Мессалин тогда снова приказал слугам мучить раба Христова и лить кипящую воду на его раны.

А тем временем приказал готовить корабль, намереваясь закованного в железо мученика сослать в заточение в Иллирик[4850]. Один из истязавших святого слуг, более всех ярившийся на страстотерпца, внезапно был охвачен лютым бесом, упал на землю и умер, так как бес исторгнул из него окаянную его душу. А святой Аполлинарий, будучи снят с мучилища, обратился к Мессалину:

– Нечестивый, почему ты не веруешь в Сына Божия? – тогда бы ты мог избегнуть вечной муки в геенне[4851]?

Разъярился мучитель и приказал бить святого по устам камнем. Христиане, видя такую жестокость мучителя, не могли более терпеть (было их великое множество), но, подвигнувшись на гнев, произвели народный мятеж; бросились они на язычников и несколько человек убили; хотели убить и Мессалина, но он, когда заметил начавшийся шум и народный мятеж, испугался и тотчас, схватившись с места, бежал и скрылся где-то в укрепленном здании. Воинам он приказал схватить Аполлинария, заключить в темницу, забить его ноги в колодки и не давать ему ни пищи, ни питья, чтобы он умер, изнемогая от голода и жажды. Но Бог, насыщающий всех, не покинул Своего раба, а послал Ангела подкрепить святого, когда он взалкал, и Ангел Божий пришел в темницу видимо, так что темничные стражи смотрели на него, и принес узнику Христову пищу и питие, которые тот взял и, вкусив, подкрепился и благодарил Бога. Спустя четыре дня, Мессалин, услышав что учитель христианский Аполлинарий еще жив в темнице, приказал заковать его в тяжелые железные оковы, тайно посадить на корабль и отправить в заточение. С ним пошли и три клирика, не желая расстаться со своим отцом и учителем и пустились в плавание.

Через несколько дней неожиданно поднялась сильная буря, и море жестоко взволновалось, корабль разбился от напора волн и все утонули; уцелел только святой Аполлинарий с тремя клириками и два воина с ними; хранимые Богом, они приплыли невредимыми к берегу; железные же оковы, в которых святой был заключен, спали с него, разбитые невидимой рукой в то время, когда разрушившийся корабль стал погружаться.

Спасенные от гибели вышли на берег. И два помянутые воина спросили святого:

– Господин! – отче! Куда мы пойдем? что будем делать?

– Веруйте, – отвечал святой, – в Господа нашего Иисуса Христа, – примите святое крещение и будете живы.

Они тотчас же, прокляв идолов, крестились во имя Отца, Сына и Святого Духа. И ходил святой с тремя клириками и двумя новопросвещенными воинами с одного места на другое, пришли даже в Мизию[4852], где никто не принимал их. Святой же, увидев одного знатного человека, имевшего проказу на своем лбу, спросил:

– Хочешь ли быть здоровым?

– Хочу, – отвечал тот.

– Веруй в Господа нашего Иисуса Христа, – сказал святой.

– Кто меня исцелит, – отвечал больной, – тот будет моим Богом.

Святой Аполлинарий, призвав имя Господа Иисуса, прикоснулся к проказе того человека и тот тотчас же стал здоров, отрекся от идолов, уверовал во Христа и крестился. Жил у него святой много дней, уча неверных познанию истинного Бога и просвещая их святым крещением. Так же точно он многих из неверных привел ко Христу проповедью слова, когда шел оттуда по берегу реки Дуная. После того пришел во Фракию и пребывал там близ одного языческого капища, где стоял идол нечистого языческого бога Серапида, который беседовал со своими поклонниками: потому что бес, сидевший в идоле, давал ответы приносящим жертвы и спрашивающим о всяком деле. Когда святой пришел туда, идол замолк. И были сильно опечалены нечестивые жрецы и все язычники той страны, что бог их онемел. После того как они долго умилостивляли его жертвами, чтобы он снова заговорил с ними, едва кое-как он проговорил:

– Разве не знаете вы, что из Рима пришел сюда ученик Апостола Петра и связал меня именем Иисуса, которое он проповедует? Пока он отсюда не будет изгнан, я не могу отвечать на ваши вопрошения!

Тотчас язычники старательно стали разыскивать Христова проповедника и, нашедши, били немилосердно; затем, приведя его к морю, отыскали там корабль, отплывавший в Италию; и, умолив правителя своей страны, отправлявшего корабль тот, посадили на него святителя Божия, говоря:

– Откуда ты пришел, туда и возвратись!

И при попутном ветре достигли Италии. Вышед на сушу с учениками, человек Божий пошел в город Равенну к своей пастве и, явившись в Равенне после трехлетнего изгнания, принят был верующими с великою радостию. Язычники же сильно гневались, узнав, что христианский епископ возвратился из изгнания, и замышляли злое, подыскивая удобное время для выполнения своего умысла.

Достаточно времени спустя, когда святитель Божий совершал святую Литургию в церкви, находившейся в селении одного известного мужа, по имени Киринея, напали на нее язычники в огромном числе и, разогнавши словесную паству Христову, схватили самого пастыря святого Аполлинария и с побоями привели его связанного в город и предоставили самым главным капитолийским жрецам храма Зевса. Те, увидев его, с гневом закричали:

– Недостоин он предстать пред великого бога Зевса, над которым не раз надругался, но пусть ведут его к Аполлону!

Когда святой был приведен в храм Аполлона, он вознес молитву Господу своему, и идол тот тотчас, упавши наземь, рассыпался в прах, а немного времени спустя, и храм тот непотребный разрушился. Видя то, христиане прославляли Всемогущего Бога своего, а язычники, схватив святого Аполлинария, привели его к князю, по имени Таврусу, и предали тому мученика для осуждения на смерть. Правитель же, созвавши в преторию всех советников – граждан, спрашивал узника Христова в их присутствии, «Чьею силою творит он такие чудеса, исцеляя больных?»

Святой поведал, что всё исполняет силою Христовою, ибо один Христос есть истинный и всесильный Бог.

– У меня, – сказал судья, – сын слепой от рождения; если ты силою Христа твоего сделаешь, что он прозреет, то и мы

будем веровать, что Христос есть Бог истинный; если же ты этого не сделаешь, то предадим тебя огню, да погибнешь по заслугам.

Святитель Христов приказал привести слепорожденного и, когда тот был приведен, человек Божий осенил крестным знамением слепые очи и произнес:

– Во имя Иисуса Христа Распятого открой глаза твои и прозри.

И тотчас слепой от рождения, открыв глаза, прозрел. И все дивились, восклицая:

– Действительно совершающий таковые чудеса есть Бог истинный.

И многие уверовали во Христа. Правитель же, освободив святого из рук неверующих, отправил его ночью в свое имение, в шести миллиариях[4853] от города, под предлогом, что там будет держать его в оковах. Но святитель оставался в том селении все четыре года не в оковах, а на свободе, и сходились к нему все верующие и из язычников многие приходили к нему; он обращал и их проповедью евангельскою к святой вере и крестил; всех больных, которых приносили к нему, он исцелял.

В те дни избран был в Риме кесарем Веспасиан[4854] и начальствующие в Равенне жрецы писали Кесарю послание в следующих словах:

– Если ты не погубишь волхва Аполлинария, вредного для твоего царства, то погибнет почитание богов и умалится слава Рима; потому что повседневно соблазняя своим волшебством множество народа, он поносит бессмертных богов и разрушает их храмы; если же один он из живущих будет уничтожен, слава Рима вовеки сохранится.

Кесарь Веспасиан, рассмотрев то, отписал в Равенну следующее:

– Если кто нанесет бесчестие и поношение богам, тот должен вознаградить их принесением даров, или да будет изгнан из города, потому что неприлично мстить кому-нибудь за богов, ибо они сами могут отмстить врагам своим, если прогневаются.

Когда такой ответ цезаря пришел в Равенну, патриций[4855] Демосфен, принявший тогда правление над городом, схватил святителя Божия Аполлинария, уже престарелого от лет и изнемогшего физически от многих мучений. Толпа язычников требовала от Демосфена, чтобы он или подверг Аполлинария мучению, или отправил куда-нибудь далеко в опасные для здоровья местности, где бы он без вести и погиб. Демосфен же отдал святого одному сотнику под стражу, пока тот не измыслит мук, каким бы его подвергнуть и в какие зловредные места изгнать. Сотник же тот, будучи тайным христианином, приняв человека Божия, отвел его не в темницу, но в дом свой и покоил его. Спустя несколько дней он обратился к святому Аполлинарию с такою речью:

– О господин и отче, не спеши умирать, ибо жизнь твоя очень нужна нам для нашего блага; но выйди ночью в селение, где находятся больные и оставайся там до того времени, пока не уляжется народное волнение.

С этими словами сотник отпустил святого в полночь тайно из города, Когда же святой вышел, некоторые из почитателей идолов, узнав о том, поспешили вслед за ним и, настигши его на пути, били его и рубили мечами, пока не показалось им, что он умер; тогда, оставив его, удалились.

Когда наступил день, пришли ученики и нашли святого едва дышавшим и, взяв его, принесли в селение к больным, где он прожил семь дней. Перед кончиною собралась к нему вся паства, и долго он учил ее не отступать от святой веры Христовой, гнушаться языческих непотребств, и пророчески предсказал имевшие наступить многочисленные гонения против Церкви Христовой, также предсказал, что после всех тяжких бедствий, будет повсеместное истребление идолов и воссияет свет благочестия по вселенной, явятся христианские цари, и христиане беспрепятственно будут приносить жертвы живому Богу. Прибавил к сказанному и следующее:

– Если кто непоколебимо пребудет в вере Господа нашего Иисуса Христа, тот не умрет, но жив будет вечно.

Высказав это и многое другое, почил о Господе святитель и мученик Христов. И оплакивали его все верующие и положили

его честное тело в каменном гробе и погребли его глубоко в земле из страха пред нечестивыми, чтобы не надругались над телом его, вырывши из земли. Пас святитель Божий Аполлинарий церковь Христову двадцать восемь лет с месяцем и четырьмя днями. Пострадал святой в десятые календы августа (то есть июля 23-го) в царствование у Римлян Веспасиана, а у нас (христиан) Господа нашего Иисуса Христа со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь[4856].

Память святых мучеников Трофима и Феофила

Память 23 июля

Святые мученики Трофим и Феофил пострадали в царствование Диоклетиана[4857]. Вместе с ними пострадали еще верные слуги и истинные рабы Христовы, – числом всего тринадцать. После того как они отказались повиноваться приказанию нечестивого мучителя, – не принесли мерзких жертв бездушным идолам, – и не пожелали отречься от Христа, они были повешены на мучилищном древе; затем язычники начали терзать тело их острым железом, а также бросали в страстотерпцев камнями; наконец, перебив у них голени, бросили их на костер. Но всемогущею силою Божиею святые были сохранены целыми и невредимыми посреди пламени и вышли из огня без вреда. Тогда мучитель, разгоревшись лютою яростию, как огнем геенским, приказал умертвить мечом всех их. И отсечены были у святых честные главы в честь и славу Главы всей Церкви, – Господа нашего Иисуса Христа[4858].

Страдание святой мученицы Христины

Память 24 июля

В городе Тире[4859] один муж высокого рода, по имени Урван, которому принадлежала власть игемона, имел дочь, молодую отроковицу, уведевшую еще в ранних годах своей юности Бога Создателя своего; претерпев мужественно множество лютых мук, она положила за Него и свою душу.

Когда она родилась, отец и мать дали ей имя Христины, что было не по их языческому мудрствованию, но по Божию предусмотрению: это самое имя, как бы некоторое пророчество, предзнаменовывало, что отроковица, пришедши в возраст, сделается христианкой, Христовой рабой и невестой, и мученицей. Когда ей минуло одиннадцать лет, сказалась необыкновенная красота ее, и не было среди отроковиц, подобных ей по красоте. Тогда отец, желая охранить ее от человеческого взгляда, устроил ей помещение в чрезвычайно высокой палате, приставил к ней лучших рабынь и, поместив там изображения своих богов из золота и серебра, приказал ей повседневно возносить им фимиам и поклоняться. Многие из знатных и богатых людей, слыша о красоте девицы, желали каждый иметь ее за своим сыном в супружестве. Когда же они умоляли о том отца Христины, то Урван отвечал:

– Ни за кого не отдам моей дочери, но посвящаю ее моим богам: чрезвычайно возлюбили ее милостивые боги, и пусть для них пребудет она девственницею, служа им всегда!

Отроковица Христина, возрастая годами и разумом, так как Бог просвещал и вразумлял ее Своею благодатью, начала приходить к познанию истины. Так, взирая в окошечко на небо и на небесные светила, из созданий познавала Создателя и, убедившись в бесчувственности и пустоте бездушных идолов, не захотела приносить им курения и поклоняться, но, смотря на восток, на небо, в вышину, вздыхала и плакала, говоря сама в себе:

– Доколе пребудут сердца людей потемненными, доколе останется омраченным их неразумный смысл, который не

обращается к Господу Богу, сотворившему небо и землю и украсившему их такою заметною для глаз красотою?

Рассуждая так сама в себе, она начала поклоняться Единому, Живущему на небесах, истинному Богу и со слезами молилась Ему, да откроет Он ей Себя, дабы она точно узнала Того, к Кому зажглось любовью ее сердце. Когда же она пробыла достаточно дней в молитве и посте, то сподобилась посещения от милости Божией: ибо явился ей Ангел Господень, осенил ее крестным знамением, нарек невестою Христа, совершенно наставил ее в Богопознании и возвестил ей о подвигах страдания, именно – что за Единого в Троице Бога она будет истязуема от трех мучителей; укрепив ее на подвиг, он дал ей, так как она взалкала от пощения, вкусить чистый хлеб. После этого Ангельского явления отроковица утешалась духом и радовалась о Боге Спасе своем, благодаря Его, что Он посетил рабу Свою посланием к ней святого Ангела; с тех пор она начала еще с большею теплотою молиться Господу и утешаться любовью к Нему. Исполнившись ревностью к Богу, она начала, по одному, брать и сокрушать золотых и серебряных идолов и, раздробив их на части, поздно вечером выбросила из окошка вниз на улицу; утром же проходившие мимо собрали то раздробленное золото и серебро.

Однажды игемон Урван, желая посетить свою дочь и поклониться своим богам, вошел в ту высокую палату и, не увидав идолов, спросил Христину:

– Где боги?

Она же молчала. Тогда, призвав рабынь, он спрашивал и их о богах, а те рассказали ему о том, что сделала с идолами его дочь. Разгневавшись, он начал бить дочь по щекам, прибавляя:

– Куда дела богов?

Но она не хотела ему отвечать. Потом, не сразу открывши честные уста свои, исповедовала Единого истинного Бога, живущего на небесах, Создателя всего. Так называемых богов, золотых и серебряных, назвала бесами – идолами и рассказала, как она сокрушила их своими руками. Тогда, исполнившись величайшей ярости, Урван изрубил мечом всех рабынь, а дочь подверг различным мукам: сначала секли ее без

пощады прутьями и бичами, а потом связанную бросили в темницу. Узнав об этом, мать, с плачем и рыданиями, поспешила к ней и увещевала отвратиться от Христа и вернуться к отеческим богам. Но Христова мученица не только не хотела слушать слов матери, но в таких словах отреклась от нее самой:

– Не называй меня твоею дочерью. Разве не знаешь ты, что я ношу имя Христово, какого имени не сподобился никто из нашего рода? По имени и по делам я уж не вашего рода, а Христова; я стала родственницею Христа – Царя небесного, я Его раба и дочь; Он мне отец, мать и Господь!

Долго таким образом мать плакала и, не успев ничего, ушла в горести. Когда прошла ночь и настал день, Урван, подвигнутый бесом злобы на лютость, забыв о естественном чувстве любви к дочери, воссел в судилище, желая мучить святую Христину не как свою кровную дочь, но как чужую и великую злодейку. Когда вели святую из темницы на место суда, многие женщины, видя ее, говорили:

– Бог рабы Твоей Христины! Помоги ей, потому что она прибегнула к Тебе!

Вот Христова агница стала перед Урваном, не как перед отцом, но как перед мучителем и плотоядным зверем, и стал соблазнять ее хитростью родитель:

– Жалею о тебе, дитя мое, и умоляю тебя приступи к великим нашим богам и принеси им вместе со мною жертву, чтобы они помиловали тебя и простили тебе грех твой, в коем ты виновна перед ними. Если же ты не сделаешь этого, то ты не дочь мне, и я тебя не помилую.

– Великую радость доставишь ты мне, – отвечала святая, – если не будешь называть меня твоею дочерью: потому что ты – слуга сатаны, а я раба Христова и уж не твоя дочь, потому что Отцом мне – Создатель мой.

Воспламенившись великою яростью, Урван приказал отроковицу повесить на мучилище обнаженною, строгать и дробить острым железом ее чистое девическое тело. И до такой степени было остругано тело, что показались голые кости. Когда она была отвязана от виселицы и увидела лежавшие на земле

части своего тела, отпавшие во время пытки, то, собравши их, бросила в лицо отцу со словами:

– Ешь мясо твоей дочери.

Он, еще сильнее разъярившись, распростер святую Христину на железном колесе мучилища, приказал зажечь под нею огонь и горячим маслом поливать ее тело. Тело святой Христины, повертываемое колесом на огне, пеклось, как рыба или мясо для снеди. Для человека, особенно женщины, невозможно было остаться живою от такого мучительства, но Бог хранил жизнь рабы Своей и укреплял ее для прославления святого Своего имени и на унижение язычников. Святая Христина, мучимая таким образом, славила Бога и молилась Ему. Святые же Ангелы невидимо предстояли ей, облегчая ее мучения. В то же время по Божию повелению, неожиданно от огня отделился огромный пламень и устремился на стоявших вокруг нечестивых, и спалило их до тысячи человек. Урван же, не зная, что более сделать с мученицею, приказал бросить ее в темницу; здесь Ангел Господень явился ей во время молитвы и исцелил ее от язв и сделал ее совершенно здоровою; он дал ей и пищу, которую принес; мученица подкрепилась и славословила Бога. После того отец приказал бросить ее в море; слуги, взяв рабу Христову, посадили ее в лодку, отвезли далеко от берега и, навязав большой камень на шею, бросили в пучину. Ангел Божий принял ее и отвязал камень от шеи; камень погрузился, а святая, поддерживаемая руками бесплотного, ходила по водам, как посуху; и так море было для нее купелью святого крещения, которого она так жаждала. Светлый облак осенил ее и был свыше голос, провещавший над нею имя Святой Троицы, как требует того чин святого крещения, и увидела святая Христина Господа, явившегося ей и изрекшего ей наполняющие радостью слова. Вышедши на сушу, она явилась пред лицом своего родителя и ужаснула его. В самом деле удивлялся и ужасался нечестивец, видя святую отроковицу, вышедшею из моря живою. Но и в таком чуде он не усмотрел Божией силы, а счел его за действие волшебства. Он повелел снова бросить мученицу в темницу, намереваясь на утро казнить ее мечом. Но в ту ночь сам, неожиданно

посеченный косою смерти, погиб на веки, а святая осталась жива, прославляя и благодаря Бога.

После неожиданной погибели Урвана, прислан был от царя, на его место, другой (игемон) по имени Дион, и ему было сообщено о заключенной в темнице Христине. Он, выведши ее из темницы и представив ее на свой суд, сначала пытался ласкательством увлечь мученицу к богоотступничеству; когда же нашел ее непоколебимой в святой вере, долго мучил ее, подвергнув бичам, стругая железными когтями и паля огнем. Он приказал сильно разжечь железную сковороду, протянуть на ней обнаженную святую и вертеть, поливая кипящим маслом и смолою, принуждая ее поклониться идолу Аполлона, стоявшего там поблизости. Но мученица как адамант[4860] пребывала тверда в постоянстве исповедания пресвятого имени Иисуса Христа. Идола же Аполлона своею молитвою она разрушила, и когда идол упал и обратился в прах, тогда и правитель Дион упал в землю и умер. Бес, обитавший в кумире, когда разрушилось его обиталище, унес душу своего ревностного служителя и водворил ее с собою в аду, а святую мученицу приняли опять оковы и темница. И не бесследно было страдание девы Христовой, потому что многие из народа, видя такие чудеса, славили Единого Бога Иисуса Христа, и уверовало в Него до трех тысяч душ, и приходили обращавшиеся к святой, содержавшейся немалое время в темнице, и она учила их, пока не прибыл в город Тир иной правитель, по имени Юлиан.

Он, призвав святую к суду, также подверг ее различным мукам: сначала разожгли огромную печь и три дня раскаляли ее; потом бросили туда мученицу и закрыли, и пять дней пробыла там, в печи, святая отроковица Христина, не тронутая огнем, как в древности вавилонские отроки (Дан. 3:1–100); как будто сидя в чертоге, пела она, славя Бога. Ибо с нею были Ангелы Господни, орошая и прохлаждая печь, и с ее пением соединяли свое, так что воины, стоявшие на страже у печи, слышали голоса поющих. Когда, спустя пять дней, открыли печь, святая оказалась цела и невредима, ничуть не тронутая огнем, и прославлялся Бог христианский, а языческое нечестие посрамлялось. Игемон же, ослепленный сатанинскою злобою,

не познал в этом Божией силы, но называл такое удивительное чудо волшебством. Желая во что бы то ни стало преодолеть непреодолимую, он призвал волхвов и кудесников, умеющих заговаривать всяких гадов, и приказал им своим чарами собрать множество змей, ехидн и скорпионов и всех их пустить на мученицу, чтобы они причинили ей смерть своими ядовитыми укусами. Когда же пустили гадов на святую, ни один из них не причинил ей вреда, хотя и ползали они вокруг и даже обвивались по ее телу. Около стоял главнейший из кудесников, который своим нашептыванием и хитростями поощрял гадов, чтобы они поражали укусами отроковицу. Но те, по Божию повелению, с силою устремились на своего чарователя и тотчас причинили ему смерть своими укусами. А святая сказала гадам:

– Именем Иисуса Христа повелеваю вам, ползающим змеям, ехиднам и скорпионам: идите каждый на свое место, никому не вредя!

И гады тотчас расползлись в разные стороны. Спустя некоторое время, смилосердившись над умершим от гадов, она воскресила его, помолившись Господу, и сделал то, что он стал христианином. И не только он, но многие, видя такие дивные чудеса, уверовали в Господа. Князь же, разъярившись, приказал отрезать ей девственные сосцы и потекло из ран молоко вместо крови. Тогда отрезали ей язык, прославлявший Христа Бога. Мученица же и после того как отрезали ей язык, говорила ясно и, схватив отрезанный язык, бросила в лицо князю и попала ему в глаза:

– Ешь, – сказала, – нечестивец, мои члены!

И ослеп князь от этого прикосновения языка к глазам, а святая еще с большею силою благословляла Бога, а идолов и идолослужителей поносила. Игемон же, не снося более обидных слов святой Христины и гневаясь за свое ослепление, приказал предать ее смерти. Тогда святая была проколота железными копьями от воинов, и предала непорочная дева и великая мученица Христова святая Христина свою честную и святую душу в руки Господа своего. Столь великую силу явил в лице ее Господь, что три лютых мучителя не возмогли одолеть одной отроковицы. Один из рода святой Христины, веровавший

во Христа, взял многострадальное тело ее и похоронил с честию. Всё это происходило в царствование у римлян и греков нечестивого Севера, в великое царствование у христиан Господа Иисуса Христа, Которому честь и слава со Отцом и Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков, аминь[4861].

Кондак, глас 4:

Световидная голубица позналася еси, криле имущи злате, и в высоте небесней возлетела еси, Христино честная: темже твой славный праздник совершаем, верою поклоняющеся твоих мощей раце, из неяже истекает всем обильно исцеление Божественное, душам же и телом.

Житие преподобного отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерского

Память 24 июля

Блаженный и достохвальный Поликарп – многоплодный по имени[4862] – был многоплоден и в своих добрых делах; он принес тот обильный плод, о котором сказал Небесный Делатель: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан.12:24), и еще: «кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Иоан.15:5). Этот блаженный скоропреходящую славу и образ мира сего вменил в прах и, приняв святой Ангельский иноческий образ в монастыре, прославившемся пещерами, словно зерно, на вспаханной земле, умерщвлял всячески постническими подвигами свое тело, духом всегда пребывая в Боге. Таким образом он сотворил много плодов, достойных покаяния, и проявил на себе все плоды духа: любовь нелицемерную к Богу и к братии, радость непорочной совести, мир победы над всякими страстями, долготерпение в несчастиях и печалях, благость в повиновении всем, милосердие в сердечных заботах о бедных, веру непоколебимую в исполнении заповедей, истинную в исполнении обетов, кротость в незнании гнева, воздержание от пищи и питья, обильного и вкусного, и вообще от всех страстей телесных (ср. Гал.5:22–23). Все эти плоды возрастил в блаженном Поликарпе Бог, а насадил святой Симон, епископ владимирский и суздальский[4863]. Последний был ему родственник по крови и не хотел, чтоб и духом Поликарп удалялся от него, но, как добрый корень, старался вырастить и добрую ветвь. Поэтому, когда Симон сам был назначен из печерского святого монастыря на престол владимирской и суздальской епископии, то взял туда же с собой и блаженного Поликарпа; там он поощрял Поликарпа к добродетельной жизни и для этого вел с ним душеполезные беседы о том, что сам читал или слышал в разговорах очевидцев о прежних святых иноках печерских, о том, какие тяжелые труды несли они, и о

том, как они настолько угодили Богу, что даже и здесь просияли чудотворным нетлением своих мощей, в знак получения ими нетленного венца на небе. А блаженный Поликарп, вспахав землю сердца своего послушанием и посеяв там семена отеческого поучения, принес плод сторицею. Он не только сам был многоплоден в добродетели, но и во всех православных желал вкоренить такую же плодоносность. Поэтому, что слышал от блаженного епископа Симона о богоугодных подвигах преподобных отцов печерских, всё это он потрудился написать на пользу и другим спасающимся; таким образом, живя при том блаженном епископе, он изложил дивные жития многих святых в своем послании к блаженному Акиндину, архимандриту печерскому; эти жития помещаются во второй части Киево-Печерского патерика. Впоследствии блаженный Поликарп, хотя и расстался телесно с отцом и наставником своим Симоном, возвратившись из его епископии опять в печерский монастырь, однако, своей добродетелью он не удалился от того святого мужа: он хорошо укоренил в своем сердце его прежние поучения и старался хранить и возращать их. И святой Симон со своей стороны не переставал и здесь поучать его своим письменным посланием, полным боговдохновенных наставлений и описаний добродетельной жизни печерских святых. Имея всегда перед глазами это послание, блаженный Поликарп записывал все слова отеческие на скрижали своего сердца, читал их умом и исполнял на деле. Так строго подвизаясь, он достиг высокой степени добродетели.

Когда блаженный Акиндин, архимандрит печерский, заботливо и богоугодно пасший Христово стадо, достиг глубокой старости и после долговременных трудов переселился к Господу на вечный покой, тогда не было в богоизбранном числе святых братий другого старейшего и более опытного в иноческих подвигах, кроме Поликарпа. Поэтому весь полк добрых воинов Христовых единогласно и единодушно избрал себе в вожди и наставники этого блаженного, как достойного и могущего управлять кормилом святой великой лавры Пресвятой Богородицы и преподобных отцов наших Антония и Феодосия печерских; это было при великом князе киевском Ростиславе

Мстиславиче[4864], при митрополите Иоанне, четвертом митрополите этого имени[4865] и третьем после митрополита Клима, освященного главою святого Климента[4866]. Приняв начальство над святой великой лаврой печерской[4867], блаженный Поликарп усердно старался сохранить все монастырские уставы, положенные преподобным Феодосием[4868], ничего к ним не прибавляя (постороннего). Он оказался искусным руководителем в деле спасения; такого действительно и требовала чудотворная лавра и славилась им. Повсюду шла слава о ее благочинии под начальством блаженного Поликарпа. Многие из благородных и владетельных князей пользовались его наставлениями и стремились к добродетельной жизни, так что оставляли свои славные престолы из желания жить вместе с ним, ярким примером чего является приснопамятный киевский князь Ростислав Мстиславич. Этот христолюбец, ставя себе всегда образом жизни блаженного Поликарпа, завел у себя такой добрый обычай: великим постом, каждую субботу и каждое воскресенье он приглашал к себе на обед двенадцать печерских монахов и тринадцатого блаженного архимандрита Поликарпа, и, накормив их, не отпускал с пустыми руками. А сам каждое воскресенье причащался Божественных тайн, молясь со слезами, воздыханием сердечным и стонами, так что никто, кто видел его в таком умилении, не мог удержаться от слез. Когда же кончался святой великий пост, то в Лазареву субботу христолюбивый князь созывал всех печерских блаженных старцев, просиявших постническим подвигом, угощал их всех радушно, одарял милостынею и отпускал с честию. Таким же образом созывал и угощал он братию и других монастырей, но в особенности братию печерскую, потому что очень любил добродетельную жизнь всех их и по преимуществу блаженного их наставника Поликарпа, подражавшего всячески первоначальным наставникам печерским Антонию и Феодосию. Князь, поэтому, часто говаривал блаженному, чтобы принял его в число иноков печерской обители. Но блаженный Поликарп отвечал ему:

– Благочестивый князь! Вам Бог велел вести другую жизнь, – управлять, творить праведный суд и строго соблюдать крестное целование.

А князь Ростислав возражал ему:

– Отец святой! Княжение мира сего не может быть без греха, и мне оно уже надоело и утомило меня своими вседневными заботами, поэтому хотелось бы мне хоть немного в старости послужить Богу и подражать тем князьям и царям, которые узким и трудным путем шли и достигли Небесного Царства.

На эти слова блаженный Поликарп сказал:

– Христолюбивый князь! Если ты хочешь этого от всего сердца, то да будет воля Божия.

Хотя князь и не успел привести в исполнение этого намерения, однако, из следующего ясно видно, что оно было у него действительно горячим сердечным желанием, а родилось под влиянием доброго примера святого Поликарпа.

Когда князь сильно заболел в Смоленске и велел везти себя в Киев, то сестра его Рогнеда, видя, что брат так слаб, просила его:

– Останься здесь в Смоленске, и здесь положим тебя в своей церкви.

Он же отвечал ей:

– Пожалуйста, не делайте так, но даже если я и очень слаб, всё-таки пусть меня везут в Киев; если Бог меня возьмет в пути, то пусть положат мое тело в монастыре святого Феодора, построенном моим отцом; если же Бог избавит меня от этой болезни, то обещаюсь постричься в монахи в святом Печерском монастыре при блаженном Поликарпе.

Потом, когда усилилась его болезнь, и он уже был при смерти, он сказал своему духовному отцу, священнику Симеону:

– Ты ответишь Богу за то, что не позволил мне постричься у того святого мужа в Печерском монастыре: я горячо желал этого, и да простит мне Господь грех, что я не исполнил обета!

Так принял он блаженную кончину. Началом и причиной такой добродетельной жизни приснопамятного князя было не что иное, как пример подвижнической жизни и

боговдохновенная беседа преподобного отца нашего Поликарпа, бывшего в его княжение достойным начальником святой чудотворной Печерской лавры; увлекая не только братию, но и благочестивых мирян своим добродетельным примером, он поставлял их на путь покаяния и спасения. Так заботливо пас он врученную ему Богом паству. Он долго жил и в глубокой старости преставился к Господу в 6690 году от сотворения мира, а от рождества Христова в 1182, 24 июля, в праздник святых страстотерпцев, князей русских Бориса и Глеба. Облачили его тело и погребли с честью вместе со святыми отцами.

После его смерти возникло большое затруднение в монастыре: братия не могли себе избрать нового игумена. Хотя многие из блаженных старцев были достойны такого сана, но ни один не хотел его принять по своему смирению и обету безмолвия: им казалось лучше быть в повиновении и находиться в уединении, чтоб своего сокровища добродетели, собранного упорным трудом, не расточить в заботах и печалях, которые обыкновенно неразлучны с начальствованием. Горько тужили и скорбели братия: нельзя было такому большому стаду ни одного часа быть без пастыря. Во вторник ударили в било; собрались вся братия в церковь и начали молиться о своей нужде Пресвятой Богородице и преподобным отцам Антонию и Феодосию, призывая на помощь подвижника – новопреставленного блаженного Поликарпа и прося его, чтоб умолил Бога указать им вместо себя игумена, и через то показал бы, угодил ли он Господу, или нет. Совершилось чудо: словно одними устами многие сразу сказали:

– Пойдем к благочестивому священнику Василию на Щековицу[4869], пусть он будет нашим игуменом и управляет иноками печерского монастыря.

Пришли все с поклоном к священнику Василию и сказали:

– Мы все, братия печерского монастыря, кланяемся тебе и хотим тебя себе в отцы и игумены!

Священник Василий был весьма изумлен, поклонился им в свою очередь земным поклоном и сказал:

– Отцы святые! Я думал только о монашестве; куда мне недостойному быть игуменом.

И долго отказывался он, пока, наконец, не уступил их настойчивых просьбам. Тогда братия взяла его с собой в монастырь.

В пятницу на пострижение этого Богом избранного Василия прибыли преосвященный митрополит Киевский Никифор[4870] и боголюбивые епископы: Лаврентий туровский и Николай полоцкий, и все пречестные игумены: преосвященный митрополит Никифор постриг его собственноручно. Так стал он начальником и пастырем добрым иноков святого печерского монастыря после его молитвами, он был для всех образцом добродетелей, во славу и честь небесному Наставнику и Начальнику пастырей, Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, Ему же со безначальным Отцом и с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, подобает от всего создания непрестанное славословие и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

В тот же день память святых страстотерпцев князей российских Бориса (Романа) и Глеба (Давида). (См. 2 мая

Житие преподобной девы Евпраксии

Память 25 июля

Во дни благочестивого царя Феодосия Великого[4871] был в Константинополе[4872] один знатный сановник Антигон, родственник царю, человек разумный и в словах и в поступках, мудрый в советах; он давал всегда добрые и полезные указания в делах государственных, кроме того он был добр, сострадателен к людям, милостив к нищим и охотно помогал всем, кто просил его. Царь любил его не только как родственника, но и как благочестивого христолюбца и хорошего советника. Антигон был также и очень богат, настолько, что после царя не было никого богаче его. Он взял себе в супруги красивую девицу также из царского рода, по имени Евпраксию; она была благочестива и богобоязненна, любила посещать святые церкви, молилась Богу со слезами и щедро одаряла храмы Божии на украшение святынь Господних. У Антигона и Евпраксии, этой знатной, богоугодной четы, соединенной телом и душой, любимой царем и царицей, родился ребенок девочка, и назвали ее по имени матери Евпраксией. Однажды, после ее рождения, Антигон сказал своей жене Евпраксии:

– Ты знаешь, жена, что эта жизнь коротка и что богатства этого суетного мира – ничто: жизнь человеческая едва продолжается до восьмидесяти лет, богатства же, приготовленные на небесах боящимся Бога, пребывают бесконечные века. А мы, связанные мирскими заботами и прельщаемые временными богатствами, проводим наши дни в суете, не приобретая никакой пользы своей душе.

Услышав это, Евпраксия спросила Антигона:

– Что же нам надо делать, господин мой?

Антигон отвечал:

– Мы родили о Боге одну дочь, и довольно нам одной, прекратим плотской супружеский союз, – будем жить дальше без этого.

Тогда Евпраксия подняла руки кверху, возвела очи на небо и со вздохом сказала мужу:

– Благословен Господь Бог, приведший тебя в страх Его и наставивший тебя на разум истинный. Не скрою, господин мой, я много раз молила Бога, чтоб просветил Он сердце твое и вложил тебе в ум такую благую мысль, но никогда и не решалась высказать тебе свое желание; раз ты сам заговорил об этом, то позволь и мне кое-что сказать.

– Скажи, госпожа моя, что ты хочешь, – согласился Антигон.

– Ты знаешь, господин мой, – продолжала Евпраксия, – что говорит Апостол: «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1Кор.7:29–31). Итак, давай проводить эту кратковременную жизнь как ты хочешь, без плотского сношения, чтобы вместе улучить вовеки нетленную жизнь. А столько богатства, как у нас теперь, и столько имения – на что нам? Разве возьмем что-нибудь из них с собою в гроб? Поэтому с добрым намерением твоим раздай и это нищим, чтоб не бесплодно было решение, принятое нами.

Услышав эти слова супруги своей, Антигон прославил Бога и начал щедро раздавать свое имение нищим; с супругою же своею он жил, как брат с сестрой, без плотского сношения, во взаимной духовной любви, единодушно и единомысленно угождая Богу. Поставив себе такие добродетельные правила в жизни, Антигон преставился к Господу, прожив только один год без соития с женою; и оплакивали его царь и царица, как родственника и как праведного и благочестивого человека. Соболезновали они и о овдовевшей Евпраксии, еще очень молодой: она жила только два года и три месяца в супружеских сношениях с мужем, и один год без них. После погребения Антигона, царь и царица старательно утешали Евпраксию. Она же, взяв свою дочь, дала ее им на руки и, упав им в ноги, сказала с плачем и рыданием:

– В руки Божии и ваши отдаю эту сироту; примите ее в память родственника вашего Антигона и будьте ей вместо отца и матери.

Многие из присутствовавших при этом прослезились, и сам царь с царицей плакали. Через четыре года после этого, когда отроковице Евпраксии было пять лет, царь, посоветовавшись с матерью ее, обручил ребенка с одним из сенаторских сыновей, благородным юношей, который обещался ждать, пока подрастет отроковица; утвердив это, царь велел Евпраксии взять у него залог и обязательство. Спустя некоторое время, один сенатор захотел жениться на Евпраксии, вдове Антигона, и просил царицу через некоторых знатных женщин тайно от царя уговорить Евпраксию согласиться на брак с ним. Царица послала от себя придворных женщин ко вдове Евпраксии, советуя ей выйти замуж за помянутого сенатора. Услышав это, Евпраксия заплакала и сказала пришедшим к ней женщинам:

– Горе вам будет в будущей жизни за то. что вы подаете такой совет мне, обещавшей Богу жить в чистоте вдовства; уйдите от меня: ваш совет противен моему желанию!

Получив такой укор, они со стыдом ушли и рассказали об этом царице. Когда узнал об этом царь, он сильно разгневался на царицу и стыдил ее:

– Ты сделала, – говорил он, – совсем неприличное тебе дело! Разве достойно оно христианской царицы? Так ли ты обещалась Богу царствовать благочестиво? Так ли ты помнишь Антигона, близкого нам родственника и полезного советника? Жену его, мало пожившую с ним и при нем еще, согласно с его желанием, избравшую чистую жизнь для Бога, ты убеждаешь опять возвратиться к мирской жизни! Бога ты не боишься! Над тобой, неразумной, всякий смеяться будет!

От этих слов царице стало так стыдно, что она, как камень, молчала часа два. И немалая ссора была у царя с царицей из-за Евпраксии. Услышав о том, Евпраксия очень опечалилась, скорбя смертельно; лицо у ней похудело. Она решила тайно удалиться из Царьграда и с горькими слезами сказала своей дочери Евпраксии:

– Дитя мое, у нас в Египте большое имение, пойдем туда, ты посмотришь имущество твоего отца и мое: ведь это всё твое.

Вместе с дочерью и немногими рабами и рабынями она тайно от царя ушла из города и, прибыв в Египет, стала

наблюдать за своими имениями. Она отправлялась иногда во внутреннюю Фиваиду со своими слугами и экономами и, обходя церкви и монастыри, мужские и женские, делала много пожертвований, щедро раздавая золото и серебро.

Был там близ города один девический монастырь Тавеннский со ста тридцатью монахинями, о богоугодных делах которых много хорошего рассказывали в народе: ни одна из них не пила вина, не вкушала масла, винограда и каких-либо плодов. Некоторые из них, которые поступили в монастырь с детства, никогда и не видели последних. Пища их была хлеб с водой, сочиво и зелень, и то без масла. Они ели один раз в день, вечером; некоторые же – через день, а иные через два дня принимали немного пищи. Они никогда не отдыхали и не мылись. О бане нечего и говорить: они и слышать не могли об обнажении тела, и самое слово баня употреблялось у них в упрек, в стыд и насмешку. Каждой постелью служило волосяное рубище на земле, трех локтей в длину и один локоть в ширину: на этом они спали и то немного. Одеждой их были власяницы, длинные до земли, покрывавшие их ноги. И каждая трудилась по силе, сколько могла. Когда какой-либо из них случалось заболеть, то она не принимала никакого лекарства, но с благодарностью переносила болезнь, как бы принимая великое благословение от Бога, и от Него одного ждала помощи. Никто из них не выходил за монастырские стены и не разговаривал с приходившими, а все переговоры велись через одну привратницу: всё усердие их было направлено на собеседование с Богом в молитве и на угождение Ему. Потому и Бог принимал их молитвы и творил много ради них знамений, подавая исцеление всяким больным, которые стекались туда. Блаженной вдове Евпраксии очень понравился этот монастырь достойною удивления жизнью этих монахинь; она часто приходила туда с дочерью и приносила в церковь свечи и ладан. Однажды она сказала игумении и другим старшим сестрам:

– Я хочу вашему монастырю принести небольшой дар в двадцать или тридцать литр[4873] золота, чтобы вы помолились Богу обо мне, о дочери моей и об умершем ее отце Антигоне.

Игумения же – она была диаконисса[4874], и звали ее Феодулой – так отвечала ей:

– Госпожа моя, этим рабыням твоим вовсе не нужно ни золота, ни имущества: они всё отвергли в этом мире, чтобы сподобиться наслаждения вечными благами, поэтому мы ничего не хотим иметь на земле, чтоб не лишиться небесных богатств. Впрочем, чтоб не опечалить тебя, – принеси немножко масла в церковные лампады, свечей да ладану, и получишь за это награду от Господа.

Евпраксия так и сделала, и просила игуменью и всех сестер помолиться об ее муже Антигоне и о дочери.

Однажды, когда Евпраксия пришла, как обыкновенно, в этот монастырь, то игуменья, словно по внушению от Духа Божия, сказала маленькой девочке Евпраксии:

– Госпожа моя Евпраксия, любишь ли ты этот монастырь и этих сестер?

– Да, госпожа, – отвечала та, – я люблю вас.

– Если ты любишь нас, – продолжала игуменья, – то останься с нами в иноческом образе.

Девочка отвечала:

– В самом деле, если не будет огорчена моя мать, я не уйду отсюда.

Тогда игуменья спросила ее:

– Скажи мне правду, кого ты больше любишь: нас или своего обрученного?

– Я его не знаю, – отвечала девочка, – а вас знаю и люблю. Скажите же и вы мне, кого вы больше любите: меня или Того, как вы называете, Обручника?

Игуменья отвечала:

– Мы любим тебя и Христа нашего.

Девочка на то призналась:

– И я люблю вас и Христа вашего.

А мать ее Евпраксия сидела, слушала благоразумные речи своей дочери, и обильные слезы текли из глаз ее. Слушала и игуменья с умилением слова маленькой девочки и удивлялась, как она, еще ребенок – ей не было еще полных семи лет – так

умно отвечала. Наконец, мать, которой жалко стало дочери, сказала ей:

– Пойдем, дитя мое, домой, уж вечер.

Но девочка отвечала на это:

– Я останусь здесь с госпожой игуменьей.

На это игуменья заметила ей:

– Ступай с матерью домой, тебе нельзя здесь остаться: здесь может жить только такая девушка, которая посвятила себя Христу.

– А где Христос? – спросила девочка. Игуменья обрадовалась и показала ей пальцем на образ Христа. Девочка побежала, поцеловала икону Спасителя и, обратившись к игуменье, сказала:

– Воистину и я обещаюсь Христу и не уйду отсюда с матерью, но останусь с вами.

– Дитя, возразила игуменья, тебе не на чем спать, тебе нельзя остаться здесь.

– На чем вы спите, – отвечала девочка, – на том и я буду.

Уже вечер склонялся к ночи, а мать с игуменьей всё уговаривали всячески девочку уйти из монастыря и пойти домой, но ничего не могли сделать, так как она вовсе не хотела уходить оттуда. Наконец, игуменья сказала ей:

– Дитя, если ты хочешь здесь жить, то ведь надо будет учиться грамоте, Псалтири и – поститься до вечера, как и другие сестры.

– И поститься буду, согласилась девочка, и учиться всему буду, только оставьте меня здесь.

Тогда игуменья сказала матери:

– Госпожа моя, оставь ее здесь: вижу, что воссияла в ней благодать Божия, что праведные дела отца ее и твоя чистая жизнь, и обоих вас родительские молитвы и благословение ведут ее в жизнь вечную.

Тогда стала благородная Евпраксия, подвела к иконе Спасителя свою дочь, подняла руки вверх и сказала со слезами:

– Господи Иисусе Христе, Ты позаботься об этом ребенке: Тебя желала она, Тебе отдала себя!

Потом обратилась к девочке:

– Евпраксия, дочь моя! Бог, утвердивший неподвижно горы, да утвердит тебя в страхе Своем.

С этими словами, отдала она девочку в руки игуменьи, а сама плакала и била себя в грудь, и все монахини плакали с ней вместе. Итак, она вышла из монастыря, отдав дочь свою Богу.

Наутро рано пришла она опять в монастырь. Игуменья взяла девочку Евпраксию, привела ее в церковь и, совершив молитву, облекла ее в Ангельский иноческий образ при матери ее. Мать, увидев ее в Ангельском чине, воздела руки к небу и так начала молиться о ней Богу:

– Царь вечный, начавший в ней благое дело, Ты и доверши его, – дай ей исполнять волю Твою святую; пусть получит милость у Тебя, Творца, эта сирота, отдавшаяся Тебе с детства.

Потом она спросила дочь:

– Дитя мое, нравится ли тебе эта иноческая одежда.

– Да, я люблю ее, – отвечала девочка, потому что я слышала от госпожи игумении и от других монахинь, что эту одежду дает Христос в залог обручения любящим Его.

Мать сказала на это:

– Христос, Которому ты обручена, дитя, Он да удостоит тебя Своего чертога.

С этими словами она поцеловала свою дочь, потом, простившись с игуменьей и всеми сестрами, вышла из монастыря. По своему обыкновению, она стала посещать и другие монастыри в Египте, и пустынные и городские, а также жилища нищих, помогая своим имуществом всем бедным и нуждающимся. Повсюду разносилась слава о блаженной вдове Евпраксии, о ее добрых делах и многочисленных милостях; дошли слухи об этом и до самого царя Феодосия Великого и до его вельмож; все дивились такой жизни ее и славили Бога, Который укреплял ее. Слышно было о ней, что она ни рыбы не ест, ни вина не пьет, постится каждый день до вечера, и поздно вечером принимает очень немного постной пищи, кутьи или овощей; всех удивляло такое воздержание ее при громадных средствах. Спустя несколько лет игуменья названного выше

монастыря пригласила к себе добродетельную вдову Евпраксию и сказала ей тайно:

– Госпожа моя, я тебе хочу сообщить важное дело, но не пугайся.

– Говори, госпожа моя, что ты хочешь, – отвечала она. Игуменья сказала следующее:

– Если ты хочешь распорядиться относительно своей дочери, то делай это поскорее. Я видела в сновидении твоего мужа Антигона, в великой славе стоящего перед Владыкой Христом и молящего Его, чтоб Он велел тебе оставить тело свое и пребывать с ним вместе, наслаждаясь такою же славой, какой он сподобился за свою добродетельную жизнь.

Услышав это, благочестивая женщина не только не смутилась, но даже очень обрадовалась: она желала расстаться с телом и отойти ко Христу. Она тотчас позвала свою дочь, которой было уже около двенадцати лет, и сказала ей:

– Дитя мое, Евпраксия! Вот меня уже зовет Христос, как сообщила мне мать игуменья, и близок день моей кончины; поэтому всё имущество твоего отца и мое я отдаю в твои руки, распорядись им честно, чтоб унаследовать тебе Царство Небесное.

Девица Евпраксия заплакала и сказала:

– Горе мне! Осталась я одна сиротой!

– Дитя, – сказала ей мать, – у тебя есть отец Христос, Которому ты обручилась; ты не остаешься одинокой сиротой: вместо матери у тебя будет госпожа игуменья, только старайся исполнить то, что обещала Христу. Бойся Бога, уважай сестер, повинуясь им со смирением; никогда не думай в душе о том, что ты царского рода, и не говори: им следует работать на меня, а не мне на них, но будь смиренна, и будет тебя любить Господь; будь нищей на земле, и будешь богата на небе. Вот, всё в твоих руках: если монастырь будет нуждаться в деньгах, дай, сколько будет нужно, и молись за меня и отца твоего, чтоб нам получить милость от Бога и избавиться от вечной муки.

Такой завет дала своей дочери блаженная Евпраксия; через три дня она преставилась ко Господу и была погребена в том монастыре.

Услышал царь, что умерла Евпраксия, жена Антигона, призвал того сенатора, с сыном которого была обручена девочка Евпраксия, и сказал ему, что она отрешилась от мира и ушла в монастырь. Он же убедительно просил царя послать за ней поскорее, чтоб она немедленно явилась в Царьград к своему жениху, и чтоб состоялся брак их. Царь поспешил это исполнить. Но невеста Христова Евпраксия, получив и прочитав письмо царя, рассмеялась, села и написала ему лично следующее:

– Владыко царь! Неужели ты прикажешь мне, рабе твоей, оставить Христа и соединиться с человеком тленным и смертным, который сегодня жив, а завтра его будут есть черви? Не заставляй меня этого делать. и пусть тот человек не беспокоит из-за меня твое величество: ведь я уже невеста Христова и мне нельзя обмануть Его. Но я прошу ваше величество в память моих родителей взять всё их имущество и раздать святым церквам и монастырям, нищим, вдовам и сиротам; затем, отпусти на волю рабов и рабынь и прикажи управителям родительских имений простить все долги должникам: исполни всё, как следует, владыка мой, чтоб мне без заботы и препятствия служить Христу моему, Которому я вверилась всей душой. Владыко царь и царица, помолитесь и вы Господу обо мне, рабе вашей, чтоб он удостоил меня послужить Ему.

Написавши собственноручно такой ответ, Евпраксия запечатала его и отдала посланному; тот возвратился в Царьград. Получив письмо Евпраксии, царь прочел его вместе с царицею наедине, и много слез пролили они от умиления и молились Богу об Евпраксии. На другой день царь созвал всех вельмож и в числе их отца того юноши, с которым была обручена Евпраксия, и велел при всех прочесть ее письмо; все слышавшие в слезах говорили:

– Царь, поистине эта девица из твоего рода, прекрасное дитя прекрасных родителей Антигона и Евпраксии, святой отпрыск от святого корня!

И все, как один человек, славили за нее Бога. Отец жениха тоже не посмел ничего сказать царю об Евпраксии. Царь же

распорядился, как следовало, всем имуществом ее, оставшимся ей после родителей, раздав его церквам и нищим и таким образом исполнив ее желание; прожив немного после этого, царь отошел к Господу. А Евпраксия начала еще усерднее подвизаться, угождая Богу, и постилась сверх сил; ей было тогда двенадцать лет, когда она избрала себе самый суровый образ жизни. Сначала она ела один раз в день, и то вечером, а потом она стала поститься до следующего и, наконец, до третьего дня. Она трудилась, служа сестрам со всевозможным усердием и исполняя со смирением самую черную работу: мела трапезную комнату и другие кельи, стлала сестрам постели, носила на кухню воду и дрова, варила пищу, мыла посуду, и во всех монастырских службах не было усерднее ее. В том монастыре существовал обычай: если какая-либо сестра подверглась искушению во сне от диавола, то должна была тотчас сказать об этом игумении; а та со слезами молилась Богу, чтоб Он отогнал от той сестры диавола, и приказывала ей набрать каменьев, насыпать их под волосяную постель и спать на ней, а сверху на постель насыпать пеплу и спать так десять дней. Однажды и Евпраксия подверглась во сне некоторым соблазнам от искусителя; тогда она набрала каменьев под свою волосяную постель и посыпала ее сверху пеплом. Увидев это, игумения улыбнулась и сказала одной из старших сестер:

– Вот, и эта девушка начала страдать от диавола!

И стала молиться о ней:

– Боже, сотворивший ее по образу Твоему, – говорила она, – и повелевший ей избрать этот иноческий чин, Ты утверди ее в страхе Твоем и от бесовских наветов сохрани ее!

Потом она призвала к себе Евпраксию и спросила:

– Почему ты мне не сказала, что тебе было искушение от диавола, а скрыла это от меня?

А та упала игумении в ноги со словами:

– Прости меня, госпожа моя, что постыдилась сказать тебе.

– Дочь моя, – внушала ей игумения, – это начало твоей борьбы со врагом; крепись, чтоб одолеть его и получить венец!

Спустя некоторое время Евпраксия опять подверглась искушению диавола и рассказала одной сестре Юлии, которая

очень ее любила и наставляла в подвигах. А Юлия сказала ей:

– Госпожа моя Евпраксия, не скрывай этого от игумении, но расскажи ей, как следует, чтоб она помолилась о тебе; говорят, она сама в юности много претерпела искушений от диавола. Рассказывают, что она однажды ночью после сильного искушения вышла из кельи, стала под открытым небом, подняла руки к небу и пробыла так сорок дней и ночей без еды, без питья, без сна, стоя и молясь Богу, пока не победила диавола. И мы все бываем искушаемы врагом, но надеемся, что с помощью Христовой одолеем нашего искусителя. Поэтому, сестра, не удивляйся этому, не смущайся, но расскажи поскорее игумении о случившемся с тобою, не стыдись!

Услышав это, Евпраксия поблагодарила Юлию:

– Помоги тебе Бог, сестра, за то, что ты наставила меня и укрепила мне душу: я пойду и расскажу госпоже великой о том, что случилось со мной.

– И не только расскажи, – прибавила Юлия, – но и попроси ее помолиться о тебе и прибавить тебе подвига.

Евпраксия пошла и рассказала игумении об искушении диавольском. Игумения сказала ей:

– Не удивляйся этому, дочь моя; со всяким оружием нападает на нас диавол, но не бойся, стань мужественно и непоколебимо, чтоб он не одолел тебя. Много еще тебе предстоит искушений от него; а ты подвизайся, чтоб победить его и получить от Христа, жениха твоего победные венцы. Усиль свой пост, сколько можешь: за подвиги получают честь. Скажи мне, дитя, как ты постишься?

– Я принимаю пищу через два дня, – отвечала Евпраксия.

– Прибавь еще один день к своему посту, – сказала игуменья, – и ешь на четвертый день после захода солнца.

Евпраксия приняла этот наказ с радостью

Евпраксии исполнилось двадцать лет от роду; она возмужала телом и была красива, – обнаруживая знатность своего рода. Подвергшись опять искушению, она сообщила о том игумении, а игумения сказала ей:

– Пойди, дитя, и перенеси эти каменья сюда и сложи их около печи.

Евпраксия тотчас начала носить эти каменья. Среди них попадались большие, которые с трудом можно было бы поднять двум сильным сестрам. Она же их одна поднимала, клала на плечо и несла: она была сильна телом, а еще сильнее послушанием, и ни к кому не обращалась с просьбой помочь ей, потому что тяжелы камни, или потому что она голодна или выбилась из сил, – но с усердием исполняла приказание. Когда же она перенесла все каменья, то игуменья через несколько дней опять сказала ей:

– Нет, нехорошо, что эти каменья лежат около печи, отнеси их опять на прежнее место.

Она ничуть не ослушалась, а снова принялась за дело и тщательно выполняла то, что ей было приказано. Удивлялись сестры такому послушанию ее, терпению и трудолюбию, а некоторые из молодых смеялись, другие же говорили:

– Крепись, сестра Евпраксия, будь тверда!

А она же была весела и пела за работой. Труд ее продолжался тридцать дней, когда игумения приказала ей оставить это дело и послала ее на послушание в пекарню. Она исполняла с великой радостью всякие приказания; иногда сеяла в пекарне муку, месила тесто и пекла хлебы, иногда в кухне варила пищу и колола дрова, иногда в столовой прислуживала сестрам: и ни в каком деле она никогда не заленилась, не ослушалась, не отнеслась небрежно, не роптала, но во всякой службе была добра, послушна, тщательна и терпелива. При всем том она никогда не пропускала обычного молитвенного правила в полночь, ни утреннего пения, ни первого, третьего, шестого и девятого часов; после же вечернего пения она подавала кушанье постницам.

Диавол попытался еще раз потревожить ее ночным искушением. Однажды ночью он явился ей во сне в виде того юноши, с которым она было обручена: будто бы с множеством воинов он пришел похитить ее и насильно тащил из монастыря. Она лежала на своей постели и во сне начала кричать и звать сестер, чтоб помогли ей избавиться из рук похитителя. От ее крика проснулись сестры, сбежались к ней, разбудили ее и стали спрашивать, почему она кричала. Она рассказала про

виденное во сне искушение диавольское, и все начали о ней молиться. Так как и снова ее тревожил искуситель, то игумения сказала ей:

– Смотри, дитя мое Евпраксия, как бы диавол не подействовал на твой разум, как бы не пропал труд твой; потерпи еще немного, борись с ним мужественно, и он убежит от тебя.

И Юлия также говорила Евпраксии:

– Сестра, если мы теперь, пока юны и сильны, не станем бороться с нашим врагом и не победим его, то как нам победить его в старости?

Евпраксия отвечала ей:

– Жив Господь, сестра моя Юлия, если прикажет мне игумения, то я не стану принимать пищи целую неделю, пока с помощью Господа, не одержу победы над врагом, искушающим меня.

– Право, сестра моя, – возразила Юлия, – я не могу столько поститься, а ты, если можешь, то хорошо сделаешь; во всем монастыре нет никого, кто бы мог не принимать пищи целую неделю, кроме матери нашей игумении.

Тогда Евпраксия отправилась к игумении и попросила у нее разрешения назначить себе такой пост, чтоб не есть целую неделю. Игумения сказала ей на это:

– Делай всё, что можешь, дитя мое; да укрепит тебя Творец твой Бог и даст тебе одолеть диавола!

И начала Евпраксия поститься по целой неделе, принимая пищу только по воскресеньям и не оставляя в то же время ни монастырских работ, ни услуг сестрам, так что все дивились столь великим подвигам ее. «Вот целый год следим мы за Евпраксией, – говорили некоторые из сестер, – ну, видали ли мы, чтоб она сидела, хоть бы когда ест? Нет, и не могли видеть, – только разве когда ночью ляжет отдохнуть на постель, – а то и пищу вкушает стоя.

И все сестры любили ее за то, что она так трудилась и была так скромна, хоть и царского была рода, и молились о ней Богу, чтоб Он даровал ей крепость и спасение.

В числе сестер была одна, по имени Германа, которая, как говорили, происходила от простой и бедной рабыни; она одна не любила всеми любимой Евпраксии: диавол разжигал в ней зависть. Однажды Германа нашла в кухне Евпраксию одну за работой и начала браниться:

– Евпраксия постится всю неделю, а мы не можем; что мы станем делать, если игуменья велит нам так поститься?

Евпраксия возразила ей:

– Извини, сестра, великая госпожа наша велела каждой подвизаться по своим силам, и на меня не насильно возложила этот труд.

Германа, разгневавшись, сказала:

– Обманщица, много в тебе разных хитростей! Кто не знает, что ты нарочно это делаешь из стремления к суетной славе, чтоб все видели и хвалили тебя: ты хочешь, чтоб по смерти игумении, к тебе перешел ее сан; но я уверена, ей Богу, что тебе никогда не начальствовать над нами!

Евпраксия со смирением упала ей в ноги.

– Прости меня, госпожа моя, – сказала она, – согрешила я перед Богом и тобой!

Когда узнала об этом игумения, она позвала Герману и стала ей выговаривать при всех сестрах:

– Раба лукавая и безбожная! Какое зло тебе сделала Евпраксия, что ты ей мешаешь в ее богоугодном деле? Ты будешь отлучена от церковных служб и трапезы с сестрами, как недостойная!

Евпраксия со слезами долго упрашивала игумению простить Герману и в течение тридцати дней не могла упросить; на тридцатый день Евпраксия взяла с собой Юлию и просила старших сестер похлопотать у игумении о прощении Германы. Игумения позвала Герману и сказала ей:

– Разве ты не поняла, окаянная, какое великое зло мешать кому-либо в добром деле? Ты не подумала и о том, что она дочь сенатора, из царского рода, и так смиренна, так отдалась Богу и служить тебе недостойной.

Тогда все сестры стали просить игумению за Герману; насилу умолили ее, и Герману простили. Таким образом,

видимый враг на время оставил свою злобу, а враг невидимый, диавол, не переставал бороться с Евпраксией, злобствуя на нее за то, что был побеждаем ее смирением. Так, однажды ночью он навел на нее скверные мирские мечты, чем глубоко смутил ее. Она, как почуяла лютое нападение вооружившегося на нее врага, вскочила с постели, осенила себя крестным знамением и вышла из своей кельи; на дворе, на особом месте стала она, простерла руки свои к небу, вперивши в небо очи и ум, и стояла так молясь день и ночь, ничуть не двигаясь с места, как врытая в землю, сорок дней; в это время она не пила, не ела, не говорила ни с кем, не спала и не опускала рук. В начале ее стояния игумения, узнав об этом: пришла к ней и сказала:

– Да утвердит тебя, Бог, дитя, и подаст тебе терпение!

Евпраксии было тогда двадцать пять лет от роду. Когда она простояла две недели, игумения и сестры с улыбкой смотрели на такое терпение ее и радовались за нее. Прошло тридцать дней и стали удивляться сестры и говорили игумении:

– Матушка, как видно, Евпраксия хочет совершить твой сорокадневный труд, как ты бывало стояла также.

– Да утвердит ее Бог, отвечала игумения, будем все молиться о ней!

По прошествии сорока дней, она еще простояла пять дней, и потом в изнеможении упала на землю, и лежала как мертвая. Собрались сестры, внесли ее в комнату и не могли пригнуть ее рук: она вся была как деревянная и не могла произнести ни одного слова. Игумения принесла ей пищи, поднесла к ее устам и сказала:

– Дитя мое Евпраксия! Во имя Господа нашего Иисуса Христа, съешь!

И тотчас она, взяв пищу, съела и заговорила, немного укрепилась и встала; ее повели в церковь, благодаря Христа Бога, укрепившего рабу Свою на такой подвиг. После этого Евпраксия стала понемногу принимать пищи и поправляться.

С этого времени диавол уже не мог более смущать Евпраксию скверными мечтаниями и разжением плотских страстей: невеста Христова одержала окончательную победу над его искушениями; тогда он начал изобретать против нее

иные козни, как человекоубийца искони (Иоан.8:44): он захотел совсем лишить ее жизни следующим образом. Однажды блаженная Евпраксия пришла с водоносом к колодцу почерпнуть воды; а диавол, по попущению Божию, схватил ее и бросил в колодец; она, как потом сама рассказывала, дошла головой до дна колодца, но, всплывши наверх, ухватилась за веревку, свесившуюся с ведра в колодец, и воскликнула:

– Господи Иисусе Христе, помоги мне!

Раздались крики, что Евпраксия упала в колодец, собрались сестры с игуменией и вытащили ее. Она же перекрестилась и сказала с улыбкой:

– Жив Христос мой! Не победишь меня, диавол, не уступлю тебе: до сегодняшнего дня носила воду в одном сосуде, теперь стану носить двумя.

И стала так делать. После этого случилось ей колоть дрова для кухни; когда она взмахнула топором, чтоб ударить по полену, диавол свел ее руки; она ударила топором себе по ноге и рассекла голень; рана была очень глубока, и текло много крови. Она в изнеможении упала на землю и лежала словно мертва. Это видела Юлия; она испугалась, закричала и, прибежав к сестрам, рассказала, что Евпраксия поранила себя в ногу топором и умерла. Сошлись сестры и обступили ее с плачем: игумения пришла, полила холодной воды ей на лицо и сказала ей, осенив ее крестным знамением:

– Дитя мое Евпраксия! Что ты помертвела? Взгляни и скажи что-нибудь сестрам: они скорбят о тебе.

Она открыла глаза и сказала игумении:

– Не плачь, госпожа моя матушка, душа во мне.

Игумения тогда обратилась с молитвой к Господу:

– Господи Иисусе Христе! Исцели рабу Твою, за Тебя она так много страдает.

Потом, обвязав ей ногу волосяным платком, игуменья подняла Евпраксию и хотела вести в келью. Она же, посмотрев и увидев лежащие дрова, сказала:

– Жив Господь мой! Не пойду отсюда, пока не соберу дрова и не отнесу их на кухню.

– Я соберу, – сказала Юлия, – а ты ступай, ляг.

Но Евпраксия не дала Юлии собрать дрова, а сама набрала полную охапку поленьев и понесла. В кухню надо было взбираться по лестнице; когда Евпраксия взошла на верхнюю ступеньку, диавол заплел ей ноги и помешал ей: она наступила ногой на край своей одежды и упала лицом на поленья, которые несла в руках; лучина вонзилась ей в лицо около глаза; Юлия закричала, подбежала к ней и стала говорить:

– Не говорила ли я тебе, что ты не можешь нести дров, ляг, а ты не послушала меня.

– Не печалься, сестра, – возразила Евпраксия, – вытащи осторожно занозу из моего лица, а глаз мой невредим, по милости Божией.

Занозу вынули; много крови текло из раны; игумения взяла масла и соли и, помолившись, помазала рану, а Юлия стала уговаривать Евпраксию:

– Пойди, госпожа моя, ляг на постель и отдохни, а я послужу госпожам сестрам.

Но Евпраксия отвечала:

– Жив Господь мой, не буду отдыхать, пока не окончу послушание мое сестрам.

Все сестры много упрашивали ее отдохнуть, так как рана ее болит, но она не захотела отдыхать; она стояла и варила пищу, а из обеих ран струилась кровь; она не легла, пока не кончила прислуживать сестрам и в трапезе; только, окончив совсем свою службу, поздно вечером пришла она к своей постели. Бог, видя такое терпение ее, скоро исцелил ее раны, и она выздоровела. А диавол разрывался от зависти и еще раз попробовал погубить ее. Однажды она вошла зачем-то на высокое здание вместе с сестрами; диавол сбросил ее сверху вниз. Сестры, бывшие с ней, поспешили спуститься вниз по лестнице: они думали, что Евпраксия разбилась до смерти, упавши с такой высоты. А она поднялась с земли невредимая и шла им навстречу; на их вопрос, не разбилась ли она, она отвечала:

– Не знаю, как я упала и как встала.

И все славили Бога, сохранившего рабу Свою от смерти.

В другой раз, когда она варила для сестер зелень в котле и хотела отставить кипящий котел от огня, диавол подкосил ей ноги; она упала назад, а котел с кипящим кушаньем опрокинулся ей на лицо. Помощница ее Юлия закричала, что Евпраксия обварилась, и сбежались все бывшие поблизости сестры; а Евпраксия быстро поднялась с земли и сказала улыбаясь Юлии:

– Что ты наделала, сестра? Понапрасну ты встревожила сестер и игуменью!

И все видели, что лицо ее невредимо, ничуть не обожжено. Игуменья заглянула в котел и увидела, что остатки кипятка на дне еще клокочут; тогда она спросила Евпраксию:

– Разве на тебя не попал кипяток?

– Жив Господь, – отвечала она, – я почувствовала словно холодную воду, а не кипяток на своем лице.

Удивилась игумения и сказала:

– Да сохранит тебя Бог до конца, дитя мое!

Потом старшим сестрам она сказала наедине:

– Видите, Евпраксия сподобилась благодати Божией: упала с крыши и не разбилась, облила лицо себе кипятком и осталась невредима.

– Видим, – отвечали сестры, – что Евпраксия истинная раба Божия и что хранит ее Господь: от стольких искушений спас Он ее.

В этот монастырь приходили из ближнего города и окрестных селений женщины – мирянки, приносили своих больных детей, а также приводили и бесноватых: Господь, как сказано было выше, подавал исцеление больным и изгонял бесов по молитве богоугодной игумении и сестер, живших по Божии. Они собирались в церковь и устраивали совместные моления о разных больных, и те получали исцеление и возвращались домой здоровыми. Была в том монастыре одна бесноватая, которую с юных лет ее мучил живший в ней лютый демон, князь других нечистых духов. Эта женщина была связана цепями по рукам и ногам; она скрежетала зубами, свистела, испускала пену и громко кричала, так что все пугались ее крика. Много раз игумения со старицами молилась в церкви Богу, чтоб

отогнал Он беса от этой страдающей женщины, но молитвы их не были услышаны: по Божией воле это оставалось для большого чуда и для показания святости невесты Христовой Евпраксии, как об этом будет сказано ниже. В этой женщине был такой лютый бес, что никто не мог к ней близко подойти; она была привязана в одной подвальной комнате к столбу, и пищу и питье ей подавали издали: привязывали посуду к длинной палке, клали туда хлеб, бобы и какую-либо зелень и протягивали к ней; а она часто, схватив посуду с палкой, бросала их в лицо подававших. Так держали ее долгое время в монастыре. Однажды привратница пришла к игумении сказать, что явилась в монастырь какая-то женщина и плачет, а с ней восьмилетний ребенок, расслабленный и глухонемой, и просит она помолиться об исцелении своего ребенка. Игуменья, зная по откровению от Бога, что Евпраксии уже дана благодать исцелений и власть над нечистыми духами, призвала ее к себе и сказала:

– Пойди, возьми ребенка у матери, которая стоит у ворот, и принеси сюда.

Она пошла и, увидев совсем расслабленного ребенка, глухонемого, сжалилась над ним, вздохнула и, перекрестив его, сказала:

– Бог, сотворивший тебя, да и исцелит тебя, дитя!

С этими словами она взяла его на руки и пошла с ним к игумении. Ребенок, пока она несла его на руках, тотчас исцелился, начал говорить и звать свою мать. Евпраксия, услышав, что ребенок заговорил, пришла в ужас и положила его на землю; а ребенок встал и побежал к воротам, зовя мать. Привратница пошла и рассказала об этом игумении. Игумения тогда позвала к себе мать этого ребенка и сказала ей:

– Что же это, сестра, ты искушать нас пришла со здоровым ребенком?

– Владыка Христос свидетель мне, госпожа моя, – отвечала мать, – что до настоящего часа ребенок мой не говорил, не слышал, не действовал руками, ногами ступить не мог, а когда эта честная девица взяла его на руки, тотчас заговорил, выздоровел и начал ходить.

Тогда игумения сказала этой женщине:

– Милостью Христовой выздоровел у тебя ребенок, иди с миром и благодари Бога.

Когда женщина с исцеленным ребенком ушла, игумения сказала Евпраксии:

– Я хочу, дочь моя, чтоб ты кормила из своих рук ту страдающую беснованием сестру в нашем монастыре, если ты не боишься ее.

– Не боюсь, госпожа моя, – отвечала Евпраксия, – и если прикажешь, буду это делать.

После того Евпраксия взяла хлеба и вареной пищи в посуде и принесла к бесноватой; та тотчас заскрежетала зубами, бросилась на нее и, схватив посуду, хотела разбить. Евпраксия же, взяв ее за руку, сказала ей:

– Жив Господь, я повалю тебя на землю, возьму посох нашей госпожи игумении и буду жестоко тебя бить, чтоб ты больше не бесчинствовала!

Бесноватая увидела, что Евпраксия гораздо сильнее ее, – Господь укрепил рабу Свою, – испугалась и замолчала. А святая начала ласково увещевать ее:

– Сядь, сестра моя, – говорила она, – ешь, пей и не смущайся.

Та села, ела и пила и заснула. С этого времени перестали подавать ей пищу издали на палке, она брала ее из рук Евпраксии, и дивились все сестры. Если же когда бесноватая начинала смущаться, рваться и кричать, то сестры говорили ей:

– Замолчи, вот Евпраксия придет к тебе с посохом и прибьет тебя!

И тотчас бесноватая усмирялась и умолкала. Вышеупомянутую Герману опять стала грызть в сердце зависть; она говорила другим сестрам:

– Разве никого нет еще из сестер, кроме Евпраксии, которая бы носила бесноватой пищу; дайте мне хлеб, и я так же буду служить бесноватой, как и Евпраксия.

Она взяла хлеб и кутью, подошла к бесноватой и сказала:

– Возьми, сестра, поешь!

Бесноватая же крепко схватила ее, разорвала на ней одежду донага, заскрежетала на нее зубами, повалила ее на землю, села на нее и, навалившись, начала кусать и есть ее тело на плечах и шее. Раздался ужасный вопль, но никто не решался подойти к ней; тогда Юлия поспешила в кухню и сказала Евпраксии:

– Германа совсем погибает от бесноватой!

Прибежала Евпраксия, схватила бесноватую за руки и за шею, и так избавила Герману, всю израненную и окровавленную.

– Разве хорошо ты сделала, – обратилась Евпраксия к бесноватой, – так изранила сестру?

А она стояла, скрежеща зубами и испуская пену.

– Жив Господь, – прибавила Евпраксия, – с этого времени, если ты причинишь зло какой-либо сестре, я не пощажу тебя, а возьму у игумении посох и без жалости буду бить тебя.

Тогда та легла и замолчала.

На следующее утро рано пришла Евпраксия навестить больную. Оказалось, что она разодрала на себе все одежды и, сидя нагая на земле, собирала свой гной и ела. Сжалилась над ней блаженная Евпраксия и прослезилась; потом одела ее в другую одежду, принесла ей хлеба, воды, накормила и напоила ее. Возвратившись в свою келью, она весь день плакала тайно от сестер и молилась, чтобы Господь исцелил страдающую; так и всю ночь пробыла она в молитве, а Бог открыл ее молитву игумении; наутро игуменья позвала ее к себе и спросила:

– Дитя мое Евпраксия, почему ты скрыла от меня свою молитву о страдалице; если б ты мне сказала, и я бы потрудилась вместе с тобой.

– Прости меня, госпожа моя, отвечала Евпраксия, я видела ее в таких мерзостях и сжалилась над ней.

– Дочь моя, – сказала ей игумения, – мне нужно тебе кое-что сказать; но смотри, не возгордись. Вот Христос дал тебе власть изгнать того беса, и на всех других бесов дана тебе сила.

Услышав это, Евпраксия упала на землю, посыпала себе голову землей и восклицала, говоря:

– Как мне, окаянной и такой скверной, изгнать беса, если вы столько лет молились и не могли до этих пор этого сделать.

Игумения сказала:

– Дитя мое, это дело дожидалось тебя, чтоб узнали, какая великая награда приготовлена тебе на небе; не прекословь, исполни, что тебе приказывают.

Евпраксия пошла сначала в церковь, бросилась на землю перед образом Господа нашего Иисуса Христа, омочила землю слезами, прося помощи свыше. Потом, помня приказание игумении, она отправилась к бесноватой; за ней шли все сестры, чтобы посмотреть, что будет. Подошедши к больной, Евпраксия сказала:

– Исцеляет тебя Господь наш Иисус Христос, создавший тебя.

И осенила ее крестным знамением. Бес закричал страшным голосом: «Что эта за лживая и скверная монахиня! Сколько лет уже я живу в этой женщине и никто меня не изгнал, а эта нечистая хочет изгнать!

– Не я тебя изгоняю, – сказала Евпраксия, – но Христос Бог мой, Жених мой!

А бес кричал:

– Не выйду, нечистая, у тебя нет силы меня выгнать!

– Я нечистая, отвечала святая, много во мне всякой скверны, как ты говоришь, но выйди из нее, тебе повелевает Христос Бог мой! А если не хочешь выйти, то я возьму посох у госпожи нашей игумении и буду бить тебя.

Бес долго возражал и всё не хотел выходить. Тогда Евпраксия взяла у игумении жезл и пригрозила ему, говоря:

– Выходи, а то буду бить тебя.

– Как же я выйду из нее, – возражал бес, – когда я заключил с ней условие и не могу его нарушить?

Святая ударила три раза жезлом со словами:

– Выйди из создания Божия, дух нечистый – Христос Господь повелевает тебе.

Зарыдал бес:

– Куда мне идти? – говорил он.

– Иди в тьму кромешную, – отвечала святая, и в вечный огонь, на бесконечную муку, приготовленную тебе и отцу твоему сатане и всем, исполняющим вашу волю.

Все сестры стояли и смотрели издали, не смея подойти. Так как бес не хотел выходить и всё спорил, то святая Евпраксия подняла глаза к небу и воскликнула:

– Господи Иисусе Христе! Не постыди меня в этот час, чтоб не порадовался из-за меня нечистый бес!

И тотчас бес закричал громким голосом и вышел, а женщина стала с тех пор совсем здоровая. Евпраксия взяла ее с собой, обмыла, одела в чистую одежду и повела в церковь; там все вместе прославляли и благодарили Христа Бога. А Евпраксия с того дня стала отличаться еще большим смирением служила всем сестрам, как рабыня. Когда матери приносили в монастырь больных детей, игумения отсылала их к святой Евпраксии, а она, хотя и не хотела, но повинуясь приказанию начальствующей, исцеляла их благодатию Христовой.

Когда приближалось время блаженной кончины святой Евпраксии, игумении было откровение от Бога во сне, что невеста Христова уже призывается в небесный чертог; очень встревожилась игумения этим видением, – ей жалко было расставаться с любимой Евпраксией; она стала плакать и никому не хотела говорить о своем видении. Старицы, увидев, что она тужит и плачет каждый день, сначала не смели спросить ее, почему она так тужит; потом сами так опечалились ее печалью, что обратились к ней с вопросом:

– Скажи нам, госпожа наша, матушка, почему ты так печальна? у нас сердце разрывается, глядя на твою печаль и слезы.

– Не заставляйте меня открыть вам до завтра, – отвечала игумения.

– Жив Господь, сказали старицы, – если ты не откроешь нам, матушка, то очень опечалишь нас.

Тогда игумения сказала:

– Я не хотела вам говорить до утра, но, если уж вы так просите меня, то слушайте: нас покидает Евпраксия, – завтра

уходит она из этой жизни. Но пусть никто из вас сегодня об этом не говорит ей, чтоб не смущать ее, – пусть она не знает этой тайны, пока не наступит ее время.

Услышав эти слова игумении, сестры горько расплакались: все очень любили Евпраксию и чтили, зная ее за великую угодницу Божию и истинную рабу и невесту Христову; лишиться ее для них была большая потеря. Одна из сестер услышала, что старицы плачут, проведала причину, побежала тотчас в пекарню и застала там Евпраксию вместе с Юлией за печением хлебов.

– Знаешь, госпожа, – сказала она, – игумения со старицами о тебе плачут.

Евпраксия и Юлия удивились этим словам и молча стояли. Потом Юлия сказала Евпраксии:

– Уж не упросил ли царя тот, твой бывший жених, взять тебя из монастыря силой, – не об этом ли скорбят игумения со старицами?

– Жив Господь мой Иисус Христос, – отвечала святая, – хоть все царства земные соберутся, не смогут принудить меня оставить Христа моего; однако, госпожа моя Юлия, поди, узнай повернее, о чем это плачут; очень мне неспокойно на душе.

Юлия пошла, стала у дверей и слушала, что говорят, а игумения в это время рассказывала старицам свое видение.

– Видела я, – говорила она, – двух честных мужей в светлой одежде; вошли они в монастырь и говорят мне: пусти Евпраксию, Царь ее требует; потом пришли другие два, еще светлее, и сказали: возьми Евпраксию и веди ее к Царю. Я тотчас взяла ее и повела; когда мы пришли к каким-то чудным воротам, – я их красоту и описать не могу, – они отворились сами собой, и мы вошли внутрь; там увидели нерукотворную палату, полную несказанного блеска, и высокий трон; на нем сидел сияющий Царь. Я не могла войти внутрь, а Евпраксию взяли и повели к Царю; она поклонилась Ему в ноги поцеловала его пречистые стопы. Я увидела там бесконечное множество Ангелов и святых, и все стояли и смотрели на Евпраксию. Потом я увидела Матерь Божию, Пречистую деву Марию, Владычицу нашу; Она взяла Евпраксию и показала ей

прекрасный чертог и приготовленный венец, сияющий славою и честию. И слышала голос, который говорил ей:

– Евпраксия! Вот награда тебе и покой; но теперь иди, а через десять дней приходи и будешь наслаждаться этим всем бесконечные века.

Так рассказывала игумения старицам о своем видении, а сама плакала и, наконец, сказала:

– Вот нынче десятый день с тех пор, как я видела, и завтра Евпраксия преставится.

Услышав это, Юлия стала бить себя в грудь и пошла в пекарню с плачем и рыданием. Увидала ее плачущую Евпраксия и сказала:

– Заклинаю тебя Сыном Божиим, скажи мне, что ты слышала, что так плачешь?

– Я плачу, – отвечала она, – потому, что сегодня мы расстаемся с тобой: я слышала от великой госпожи нашей, что завтра ты скончаешься.

Евпраксия, как услышала это, тотчас лишилась сил и упала на землю, словно мертвая. Юлия сидела над нею и плакала.

Потом Евпраксия сказала Юлии:

– Дай мне руку, сестра моя, подними меня и отведи меня в дровяной сарай; там положи меня.

Юлия так и сделала. Евпраксия лежала на земле, плакала и говорила Господу:

– За что, Владыка, ты погнушался мною, странницей, сиротой? За что презираешь меня? Теперь бы мне время трудиться и бороться с диаволом, а Ты теперь берешь у меня душу! Смилуйся надо мной, рабой Твоей, Господи, и оставь меня по крайней мере на один этот год, чтоб мне покаяться в грехах моих, потому что не покаялась я, нет у меня добрых дел и нет у меня надежды на спасение. Умершим нет покаяния, ни слез, и не мертвые хвалят Тебя, Господи, и не сходящие в ад, но живые благословляют имя Твое святое; дай мне один год, как бесплодной смоковнице.

Когда она так рыдала, одна из сестер услыхала, пошла и сказала игумении со старицами:

– Кто рассказал ей, спросила игумения, о нашем разговоре и смутил ее душу? Не запретила ли я вам сообщать ей эту тайну, пока не придет ее час? Что вы наделали! Прежде времени смутили ее! Пойдите, приведите ее сюда!

Когда привели святую, она упала в ноги игумении, говоря:

– Отчего не сказала ты мне, матушка, что близка моя кончина; я бы поплакала о моих грехах! И вот теперь я отхожу без надежды на спасение: нет у меня благих дел. Пожалей меня, владычица моя, помолись обо мне Богу, чтоб Он дал мне пожить один год, дабы мне покаяться в грехах. Я отхожу без покаяния и не знаю, какая тьма обымет меня и какая мука ожидает меня.

Игумения на это сказала ей:

– Жив Господь, дочь моя Евпраксия, нетленный Жених твой Христос удостоил тебя Небесного Царствия и приготовил тебе прекрасный чертог и венец вечной славы.

И начала игумения рассказывать ей всё свое видение о ней и так утешала ее, вселяя в ее душу надежду; кроме того она просила Евпраксию помолиться о ней Богу, чтоб Он и ее сподобил такой же участи. Евпраксия, лежа у ног игумении, занемогла: сначала у ней сделался озноб, а потом жар объял ее.

– Возьмите ее, – сказала тогда игумения сестрам, и внесите в молельню, приходит ее час.

Ее взяли, положили в молельню и сидели возле нее, скорбя и плача до вечера; вечером игумения приказала сестрам принять пищи, а при Евпраксии остаться одной Юлии, так как та никогда не оставляла ее. Юлия затворилась с нею и пробыла до утрени. Она просила Евпраксию:

– Сестра, не забудь меня перед Господом! Вспомни, что я не расставалась с тобою; вспомни, что и грамоте я научила тебя; вспомни, что и к подвигу я побуждала тебя; умоли Христа, чтобы Он и меня взял с тобою!

С наступлением утра увидела игумения, что Евпраксия уже при последнем издыхании, и послала Юлию к сестрам сказать:

– Идите, проститесь в последний раз с Евпраксией: она кончается.

Собрались сестры, стали прощаться с ней, плача и говоря:

– Помяни нас, сестра, во царствии Христовом!

Она же не могла говорить и молчала. После всех пришла и та, которую Евпраксия избавила от мучившего ее беса; она целовала руки ее со слезами и говорила:

– Эти святые руки много послужили мне недостойной ради Бога, ими отогнан был от меня мучивший меня диавол.

Евпраксия же ничего ей не отвечала, и сказала игуменья:

– Разве не жаль тебе этой сестры, Евпраксия, она так плачет, а ты ничего не скажешь ей?

Евпраксия взглянула на эту сестру и сказала:

– Что ты беспокоишь меня, сестра, оставь меня в покое, я при кончине уже; но бойся Бога, и Он сохранит тебя!

Потом, посмотрев на игумению, она сказала:

– Молись за меня, матушка, так как трудно душе моей в эту минуту.

И все сестры с игуменией стали молиться о ней и, когда, кончив молитву, сказали аминь, предала честную и святую свою душу в руки Божии святая и преподобная невеста Христова Евпраксия. Прожила она тридцать лет[4875]. Много плакали над ней сестры, погребли ее подле матери ее и прославляли Бога за то, что сподобил их иметь в своей среде такую богоугодную сестру и проводить ее к Богу. Юлия же не покидала ее гроба в течение трех дней, плача и рыдая, а на четвертый день пришла к игумении веселая и радостная и сказала:

– Помолись обо мне, матушка; меня уже зовет Христос, Которого умолила за меня госпожа Евпраксия быть вместе с нею.

Сказав это, она простилась со всеми сестрами и скончалась на пятый день. Ее похоронили возле гроба святой Евпраксии. Через тридцать же дней преподобная игумения диаконисса Феодула созвала сестер и сказала им:

– Выберите себе мать вместо меня, которая бы могла управлять вами: меня зовет Господь; много молила Его обо мне госпожа Евпраксия, чтоб Он учинил меня вместе с нею и Юлией: Юлия вместе с Евпраксией также сподобилась чертога небесного; к ним отхожу уже и я.

Сестры все радовались за Евпраксию и Юлию, что они вошли в радость Господа своего, и молились, чтоб Он и их сподобил той же участи. О матери же, оставляющей их, плакали они и выбрали себе начальницей одну из сестер, по имени Феогнию. Ее позвала к себе перед кончиной игумения и сказала ей:

– Ты знаешь хорошо весь порядок и устав монастырской жизни, заклинаю тебя Пресвятою Единосущною Троицей, не приобретай для монастыря никаких имений, ни богатств, чтоб не занимать ум сестер земными заботам, чтоб из-за земных они не лишились благ небесных, но пусть они, оставив без внимания всё временное, получат вечное.

А сестрам она сказала:

– Вы знаете жизнь святой Евпраксии. Подражайте ей, чтоб вместе с нею сподобиться чертога небесного.

Потом она, простившись со всеми в последний раз, велела ввести себя в молельню, затворить двери и никому не входить к ней до завтра. Наутро рано вошли к ней сестры и нашли ее скончавшейся о Господе и с плачем погребли ее подле святой Евпраксии. С того времени никого более не хоронили на том месте; а от честных мощей этих угодниц Божиих бывало много чудес: подавалось исцеление всяких болезней, изгонялись бесы, которые громко кричали:

– О Евпраксия! Ты и по смерти побеждаешь и изгоняешь нас!

Таковы были жизнь и подвиги преподобной Евпраксии, которая сподобилась небесной славы. Постараемся и мы подражать ей: будем приобретать смирение, послушание, кротость, трудолюбие, терпение, чистоту ее и целомудрие, чтоб и нам ее молитвами оказаться достойными вечных благ, радости и пребывания с Ангельскими ликами, – чтоб сподобиться нам наслаждения славой Господа нашего Иисуса Христа в Царствии Его небесном со всеми святыми в бесконечные веки, аминь.

Житие святой Олимпиады диакониссы

Память 25 июля

Родиной святой Олимпиады, названной так в честь своей матери, был Царьград, где жили ее известные и знатные родители. Отец ее, Анисий Секунд, был один из самых почтенных сенаторов, а мать ее была дочерью того знаменитого епарха Евлавия, который упоминается в рассказе о чудесах святителя Христова Николая и который в царствование Константина Великого был первым лицом после царя. Олимпиада, дочь Евлавия, сначала была обручена с младшим сыном Константина Констою, который после отца царствовал в Древнем Риме; но он был убит до брака, а она была выдана за Арсака, царя армянского, с которым недолго пожила и овдовела, тогда Олимпиада вышла замуж за вышеназванного сенатора Анисия Секунда и родила святую Олимпиаду, которая еще не достигла совершеннолетия, как родители уже обручили ее с благородным юношей, сыном епарха Невридия; самый же брак был отложен. Но прошло двадцать месяцев, жених умер, и осталась Олимпиада девицей и в то же время вдовою; она не захотела уже, хотя и достигла совершеннолетия, выходить замуж за другого, но пожелала пребывать в девстве и целомудрии всю свою жизнь.

По смерти своих родителей, Олимпиада осталась наследницей великих богатств и бесчисленного имения; всё это она посвятила Богу и стала раздавать щедрою рукою нуждающимся: церквам, монастырям, пустынножителям, больницам, приютам для убогих и странников, сиротам и вдовам, и впавшим в нищету; посылала она щедрую милостыню также и заключенным в тюрьмах, и сосланным в заточение; так по многим местам распространялась ее щедрость. Сама же она постоянно молилась и постилась, всячески умерщвляя свое тело и порабощая его духу.

В то время царствовал Феодосий Великий[4876], отец Аркадия и Гонория; у него был один родственник, по имени Елпидий, за которого он желал выдать блаженную Олимпиаду, молодую и

красивую, но она не хотела. Царь обращался к ней с просьбами, всячески стараясь уговорить ее выйти замуж за его родственника Елпидия, но она никак не соглашалась, несмотря на то, что ей грозили, и она знала, что царь разгневался. Она послала царю такой ответ:

– Государь! Если б Бог хотел, чтоб я была замужем, то не взял бы у меня моего первого мужа; но, так как Он знал, что не на пользу мне в этой жизни быть замужем, то освободил мужа от совместной жизни со мною, а меня избавил от тяжелого ига мужней власти и Свое благое иго (ср. Мф.11:30) положил на мои помыслы.

Царь разгневался и приказал начальнику города отнять у нее всё ее имение и хранить его, пока Олимпиаде не минет тридцать лет от роду. Начальник не столько по царскому приказанию, сколько по наговору Елпидия, так обижал и стеснял ее, что она не только в имуществе своем, а даже и в себе самой не была властна: он не позволял ей ни беседовать с богоугодными святителями, ни посещать церковь, добиваясь чтоб с тоски она пошла замуж, но Олимпиада радовалась и благодарила Бога. Через некоторое время она написала царю следующее:

– Ты оказал мне, владыка, царскую милость и поступил истинно по-епископски[4877], приказав другому заботиться и беречь мое бремя, о котором я заботилась сама; еще большее благодеяние сделаешь ты мне, если прикажешь твоему чиновнику раздать всё мое имение церквам, нищим и недостаточным людям, чтобы я избегла суетной славы, раздавая не сама, и тогда не буду пренебрегать настоящим своим богатством[4878], свободная от забот о богатствах земных и скоро погибающих.

Царь прочел ее письмо и, размыслив сам с собою, позволил ей опять владеть своим имением: он наслышался о ее добродетельной и богоугодной жизни, о великом ее воздержании и жестоком умерщвлении тела. Действительно, она совсем не ела мяса, не ходила в баню; если же нужда ее заставляла, по нездоровью, вымыться, то она в одной рубашке садилась в ванну с теплой водой и мылась не раздеваясь, так

как она стыдилась не только служанок, но и самой себя и не хотела видеть своего нагого тела.

По такой целомудренной и честной жизни святая Олимпиада, добродетелям которой удивлялись и святители, была взята на служение церкви, – святейшим патриархом Нектарием[4879] она назначена была диакониссою[4880]. И служила она Господу честно и праведно вместе с другими диаконниссами, подобно евангельской вдове святой Анне, «которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лк.2:37). Жизнь блаженной Олимпиады была настолько беспорочна, что даже и враги ее не могли найти в ней чего-либо заслуживающего порицания. Враждовавшие со святым Иоанном Златоустом, патриаршествовавшим после Нектария, враждебно относились и к этой неповинной рабе Христовой, и из них более всего Феофил, патриарх Александрийский: он гневался на нее за то, что изгнанных им из египетской пустыни честных иноков (о них подробно рассказывается в житии Златоуста) она приняла, когда они явились в Царьград, и кормила Христа ради. Она вообще весьма радушно давала приют и покой приходившим в город странникам, монахам и епископам, уделяя им от своего имущества, и сам Феофил прежде часто пользовался ее гостеприимством и щедростью. Впоследствии же он враждебно относился к ней и за вышесказанных иноков, и за святого Иоанна Златоустого, и старался обесславить ее несправедливыми обвинениями, но никто не верил его злобной лжи и клеветам, – все знали ее чистую и святую жизнь. Слава об этой истинный рабе Христовой распространялась по всем церквам; она поступала подобно тому упоминаемому в Евангелии самарянину, который человека, израненного разбойниками и оставленного всеми прохожими без внимания, посадил на своего осла, привез в гостиницу и приложил заботы к его выздоровлению (Лк.10:30–37), действительно, она давала пристанище всем, не имевшим где главу преклонить; о нищих и больных, пораженных язвами, брошенных на улицах и всеми оставленных она усердно заботилась и вообще не притворно и всецело была предана делу милосердия. Сколько она истратила на добрые дела, золотом и серебром, одеждой и

ежедневной раздачей пищи нищим, и которые приезжали в Царьград по своим делам, и всячески удовлетворяла их нужды. Так, она пришла на помощь своим имуществом, пожертвовав много золота, серебра и церковных украшений святому Амфилохию, епископу иконийскому и Онисиму понтийскому (а раньше и Григорию Богослову, святительствовавшему в Царьграде перед Нектарием), и Петру севастийскому, брату Василия Великого, и Епифанию кипрскому. Оптиму – он умер в Царьграде – она закрыла глаза своими руками. Не только святым и добродетельным людям делала она добро, но и крамольникам и врагам, как Антиоху, епископу птолемаидскому, Акакию веррийскому, Севериану гавалийскому и их подобным. Она была незлобива и всю себя отдала Богу, потому и имение свое она считала не своим, а Божиим. Ее уважал святой Иоанн Златоуст, как великую рабу Божию и любил ее духовною любовью, как некогда святой Апостол Павел Персиду, о которой пишет: «Приветствуйте Персиду возлюбленную, которая много потрудилась о Господе» (Рим.16:12). И Олимпиада святая сделала не менее Персиды, много трудясь ради Господа и служа святым с великою и теплою любовью.

Когда ни в чем неповинного святого Иоанна Златоуста несправедливо свергли с престола, блаженная Олимпиада горько плакала об этом вместе с другими диаконисами. Выходя в последний раз из церкви, Иоанн Златоуст вошел в крестильню, позвал блаженную Олимпиаду с диаконисами Пентадиею, Проклиею и Сальвиною, добродетельною вдовою, и сказал им:

– Подите сюда, дети мои, и послушайте меня. Что против меня ведется, вижу я, подходит к концу. Я свое дело сделал и думаю, едва ли вы еще увидите меня. Поэтому прошу вас, не оставляйте церкви из-за епископа, которого поставят на мое место, по принуждению ли, или общим советом, но повинуйтесь ему, как повиновались Иоанну: церковь не может быть без епископа. Итак, да будет с вами милость Божия, поминайте меня в своих молитвах!

Они же, обливаясь слезами, упали ниц перед ним; и отправился святой в путь к месту своего заточения.

После его изгнания загорелась соборная церковь; и немалая часть города выгорела; поэтому все сторонники святого Иоанна, неповинные, допрашивались начальником города об этом пожаре: предполагалось, что они подожгли церковь; тогда пострадала и святая Олимпиада, как будто бы и она была виновна в том поджоге; ее приводили на суд и сурово допрашивали (начальник был жесток и бессердечен). Хотя и не нашлось за ней никакой вины, однако, он несправедливо присудил Олимпиаду уплатить большое количество золота за поджог, в котором она не была виновна.

После этого святая покинула Царьград и отправилась в Кизик[4881], однако, враги не оставили ее в покое и там; ее осудили на изгнание и заточили в Никомидию[4882]; узнав об этом, святой Иоанн Златоуст написал ей из своего заточения послание, утешая ее в ее скорби[4883]. Пробыв долгое время в заточении и претерпев много горя, блаженная преставилась[4884] ко Господу. После кончины, когда ее честное тело не было еще погребено, святая явилась во сне епископу никомидийскому и сказала:

– Положи мое тело в деревянный ковчег и брось в море; куда выбросит его на берег волнами, там и пусть будет оно погребено.

Епископ так и сделал. Ковчег выбросило волнами на сушу в местности близ Царьграда, называемой Врохти, где была церковь святого Апостола Фомы. Местным жителям было извещение от Бога о теле святой Олимпиады; они вышли на берег, нашли ковчег и положили его в церкви Апостола. И стали подаваться исцеления от всяких болезней. Спустя много лет напали на это место варвары, сожгли церковь, а святые мощи, оставшиеся невредимыми от огня, хотя ковчег и сгорел, бросили в море; и сделалась вода кровавою в том месте, куда были брошены мощи: так Бог возвещал о страдании рабы Своей. Но чудотворные мощи опять были взяты из моря верными. Узнав об этом, патриарх Цареградский Сергий[4885] послал пресвитера Иоанна, приказав принести их с честью в Царьград. Когда пресвитер прибыл на то место и поднял святые мощи, множество крови вытекло из них: и весьма дивились все, как

через двести лет течет кровь из сухих костей, словно из живого тела. Так перенесены были эти святые и чудотворные мощи в царствующий город и положены в девичьем монастыре, который основала святая Олимпиада; и много было чудес от святых ее мощей: исцелялись всякие болезни, и изгонялись бесы молитвами святой Олимпиады и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В тот же день успение праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. (Житие ее, вместе с прав. Иоакимом, см. 9 сентября

Житие преподобного отца нашего Моисея Угрина

Память 26 июля

Более всего обык нечестивый враг воздвигать брань на людей нечистою блудною страстью, потому человек, омраченный этою нечистою скверною, перестает во всех своих делах взирать на Бога, так как только «чистые сердцем Бога узрят» (Мф.5:8). Блаженный отец наш Моисей, совершая подвиги в этой брани больше иных, злопострадал, как настоящий воин Христов, пока до конца не победил силу нечистого врага и не оставил нам примера для подражания. О нем сообщается следующее.

Известно о блаженном Моисее, что он был родом Угрин[4886], любимец благоверного, святого князя и российского страстотерпца Бориса. Он служил князю вместе с братом своим Георгием, которого, когда он защищая своим телом своего господина, упал на него, убили при реке Альте[4887] вместе с святым Борисом[4888], воины безбожного Святополка; они отрезали ему и голову из-за золотой гривны[4889], которую возложил на него святой Борис.

Блаженный Моисей один избавился от смерти и пришел к Предиславе, сестре Ярослава, в Киев и пребывал там, укрываясь от Святополка, и усердно молился Богу, пока не прибыл благочестивый князь Ярослав, побуждаемый жалостью к убиенным братьям, и победил безбожного Святополка[4890]. Когда же Святополк, убежав к ляхам[4891], вернулся с Болеславом и изгнал Ярослава, а сам стал княжить в Киеве[4892], тогда Болеслав, возвращаясь в свое княжество, взял с собою в плен двух сестер Ярослава и многих его бояр, а в числе последних и блаженного Моисея, которого заковали по рукам и по ногам в тяжелые железные оковы и крепко стерегли, ибо он выделялся сильным сложением и красивым лицом.

В ляшской земле увидала его одна женщина, благородная, красивая и молодая, имевшая большое богатство и великую власть; муж ее, пошедши с Болеславом, не вернулся, потому

что был убит в сражении. Эта женщина, заметив красоту преподобного, возгорелась к нему плотской похотью и начала обольщать его, убеждая такими словами:

– О человек! Зачем ты переносишь такие мучения, имея выход, благодаря которому мог бы ты избавиться оков и страдания?!

– Богу так угодно, – ответствовал ей Моисей.

– Если ты мне покоришься, – продолжала женщина, – я избавлю тебя и сделаю известным во всей земле ляхов и будешь обладать мною и всеми моими владениями.

Блаженный же, понимая ее нечистое вожделение, возразил ей:

– Кто из мужей, послушавшись жены, изменил к лучшему когда-нибудь свое положение? Первозданный Адам, послушавшись жены, был изгнан из рая. Самсон, превосходивший всех силою и победивший целое войско, женщиною был предан иноплеменникам. Соломон, постигший глубину премудрости, повинуясь женщине, поклонился идолам. Ирод, одержавший много побед, угождая жене, отсек голову Иоанну Предтече. Итак, каким образом я стану свободным, сделавшись рабом женщины, которую я не познал со дня рождения?[4893]

– Я тебя выкуплю, – говорила она, – сделаю знаменитым, поставлю господином над всем моим домом и желаю иметь тебя своим мужем, только ты исполни мою волю; ибо нет сил видеть твою красоту бессмысленно погибающею.

– Будь уверена, – обратился к ней блаженный Моисей, – что я не исполню твоей воли и не желаю ни господства над тобою, ни богатства; выше всего этого для меня душевная и телесная чистота. Да не погублю пятилетнего подвига, то есть мучительных уз, которые Господь определил мне незаслуженно терпеть, за что надеюсь избавиться мук вечных.

Тогда женщина та, видя, что может лишиться такой красоты, перешла к другому диавольскому решению, размыслив, что, если выкупить его, то он всячески, хотя бы насильно, покорится ей. Итак, она послала к тому владельцу, у коего святой был в плену, чтобы он взял с нее, сколько хочет, только пусть продаст

ей Моисея. А тот, видя удобный случай приобрести богатство, взял с нее почти 1000 золотых, а Моисея передал ей. Жена та, получив власть над ним, без всякого стыда влекла его на неподобное дело. Освободив от оков, она одела его в дорогое платье, кормила изысканными кушаньями, и, похотливо обнимая его, понуждала к соитию. Блаженный же Моисей, видя неистовство женщины, еще более прилежал молитве и посту, предпочитая из угождения Богу сухой хлеб и воду, но с чистотою, дорогим яствам и вину, но со скверною. И тотчас же совлекши с себя красивые одежды он, подобно Иосифу, избежал греха (Быт. 39:1–23), ни во что поставив удовольствия мира сего. Посрамленная женщина пришла в такую ярость, что замыслила уморить блаженного голодом, ввергнув его в темницу. Бог же, дающий пищу всякому созданию, Который некогда питал Илию в пустыне (2Цар. 17:1–29), также Павла Фивейского и многих иных рабов Своих, уповающих на Него, не оставил и сего блаженного: в самом деле, один из рабов той же женщины, склоненный Богом к милости, тайно приносил Моисею пищу. А другие уговаривали его:

– Брат Моисей, что мешает тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова жила с мужем всего один год и красивее других женщин; богатству ее нет числа. Значение ее в этой земле ляхов очень велико, так что если бы она захотела, то и князь бы не погнушался ею, а ты, пленник и раб, не хочешь сделаться ее господином?! Если ты скажешь, что не хочешь нарушить заповеди Христовой, то не говорит ли Христос в Евангелии: «Поэтому оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью» (Мф.19:5). Также и Апостол: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1Кор.7:9). Он же говорит и о вдовицах: «Желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак» (1Тим.5:14). Ты же не давал монашеского обета, но свободен от него. Зачем же предаешься мучениям злым и тяжелым и так страдаешь? Если тебе приключится и смерть в таком бедственном состоянии, какую получишь похвалу? В самом деле, кто из первых праведников, как Авраам, Исаак, Иаков, гнушался жен? Никто, кроме теперешних черноризцев. Иосиф раб убежал от жены, но после и он взял себе жену

(Быт.41:45). Да и ты, если живой уйдешь от сей жены, после (как думаем) также сам себе отыщешь жену. И кто не посмеется над твоим неразумием? Лучше тебе покориться жене этой, сделаться свободным и господином над всем домом ее.

Блаженный же Моисей отвечал им:

– Истинно, братие и добрые друзья мои, вы хорошо мне советуете. Понимаю так, что предлагаете мне слова, злейшие из нашептанных змием Еве в раю: вы понуждаете меня покориться этой жене, но ни в каком случае я не приму вашего совета; если мне случится и умереть в этих оковах и тяжких муках, то я ожидаю за это от Бога многообразной милости, и если много праведников спаслось с женами, я грешный один не могу спастись с женою. Да, если бы и Иосиф повиновался вначале жене Пентефрия, то после, когда взял себе жену, не царствовал бы в Египте. Видев же его прежнее терпение, Бог даровал ему египетское царство; поэтому он был прославляем в роды родов как целомудренный, хотя и прижил детей. А я не желаю египетского царства и еще менее господствовать и быть высоко стоящим в земле ляхов и пользоваться честью далеко во всей русской земле, но всё это презрел ради Небесного Царства. Поэтому то, если я выйду живым из рук этой женщины, то никакой другой жены искать не буду, но (если Богу угодно будет) сделаюсь черноризцем. Что сказал Христос в Евангелии: «Всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф.19:29). Христа ли больше послушать или вас? Апостол еще говорит: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1Кор.7:32–33). Итак, спрашиваю вас: для кого надобно больше работать – для Господа или для жены? Знаю также, что Апостол пишет и следующее: «Рабы, повинуйтесь господам своим» (Ефес. 6:5), но во благо, а не на зло. Итак, вам, держащим меня, пусть будет известно, что никогда не прельстит меня женская красота, ни тем более удалит меня от любви ко Христу.

Услыхав это, жена та приняла другое хитрое намерение в своем сердце. Она приказала посадить блаженного на лошадь в

сопровождении многих слуг водить по своим городам и селам, прибавляя:

– Всё это твое, если тебе нравится; поступай со всем, как хочешь.

Говорила же она и сама людям:

– Это ваш господин, а мой муж; всякий, кто встретится ему, пусть кланяется.

Он посмеялся над несмыслием жены той и сказал ей:

– Напрасно трудишься! Ведь ты не можешь ни прельстить меня тленными предметами сего мира, ни лишить меня моего нетленного богатства; пойми это и не трудись напрасно.

Тогда женщина в ярости ответила ему:

– Не знаешь разве, что ты продан мне, и кто может освободить тебя из моих рук? Ни за что не выпущу тебя живым, но после многих мучений предам тебя смерти.

Блаженный же смело сказал ей:

– Не побоюсь никакой муки, потому что Господь со мною; Ему с этой минуты (по Его изволению) желаю служить в иноческой жизни.

И в то время, руководимый Богом, пришел к блаженному Моисею один черноризец из святой горы, по сану иерей, и постриг его во святой Ангельский иноческий образ. Он много учил его (Моисея) чистоте духовной, чтобы не предавать своих плеч врагу и не бояться той нечистой жены, и с тем ушел. Искали этого черноризца повсюду и не нашли. Тогда госпожа, отчаявшись в своих упованиях, подвергла тяжким побоям преподобного инока Моисея: приказала, распростерши, бить его палками, так что земля пропиталась кровью. Подвергавшие Моисея побоям убеждали его:

– Покорись своей госпоже, исполни ее волю; если ослушаешься, то на части раздробим твое тело; не думай, что избегнешь этих мук, но, после многих истязаний, еще в горших предашь дух свой; сжалься над самим собою; отбрось эти монашеские рубища и облекись в дорогие боярские одежды и избавишься угрожающих тебе пыток.

Мужественный Моисей отвечал на это:

– Братья! Делайте, что вам приказано, без всякого замедления: я же ни в каком случае не могу отречься от монашества и любви к Богу, и никакое истязание ни огнем, ни мечом, ни нанесением ран не может заставить меня отказаться от Бога и от великого Ангельского образа. А этой потерявшей стыд и с помраченным разумом женщине, всячески презревшей не только страх перед Богом, но и стыд перед людьми, бесстыдно принуждающей меня к осквернению тела и прелюбодеянию, никогда не покорюсь и не исполню ее окаянного приказания.

Много сокрушалась эта женщина о том, как бы отомстить за свое посрамление, наконец написала Болеславу следующее послание:

– Сам знаешь, что муж мой был убит на войне, веденной тобою, а ты разрешил мне взять себе в мужья, кого только захочу. Я полюбила одного из твоих пленников, юношу красивого, и, выкупив, привела его в свой дом, заплатив за него много золота, и всё золото и серебро в моем доме и всю власть отдала ему, только бы он захотел стать моим мужем. Он же всё это поставил ни во что. Много раз голодом и побоями истязала я его, но совершенно ничего не достигла. Мало ему того, что пять лет был в оковах у прежнего владельца, теперь вот шестой год пробыл у меня и много был мучен мною за его непослушание: всё это он сам навлек на себя своим жестокосердием; теперь же он и пострижен неким черноризцем: итак, что ты прикажешь сделать мне с ним?

Болеслав приказал женщине той приехать к себе и привести Моисея. Это было исполнено согласно его повелению. Увидев преподобного, он долго принуждал его взять ее в жены, но не убедил. Напоследок же сказал ему:

– Найдется ли другой столь бесчувственный человек, как ты, – ты лишаешься многих благ и чести и предашься тяжелым мукам?! От сего дня знай, что жизнь и смерть твоя в твоих руках: или, исполнив волю твоей госпожи, будешь почтен от нас и будешь иметь великую власть, или, в случае ослушания, примешь лютую смерть после многих мук.

Князь обратился также и к жене с такими словами:

– Пусть не будет купленный тобою пленник свободен ни в каком случае, но, как госпожа, поступи с твоим рабом по своему желанию; чтобы и другие не осмеливались ослушаться своих господ.

Преподобный же отец наш Моисей отвечал ему на это:

– «Какая польза человеку, – говорит Господь, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф.16:26) А ты – как обещаешь мне почет и славу, которых скоро и сам лишишься, и гроб тебя примет уже ничего не имеющего? Точно так же и эта нечистая жена жестоко будет убита.

Всё это и сбылось по предсказанию преподобного. Но прежде этого жена та, получив над ним окончательную власть, еще более бесстыдным образом привлекала его ко греху: так, она приказала насильно положить Моисея на свою постель, где лобызала и обнимала его; но не могла и этим привлечь его к тому, чтобы он исполнил ее желание. Ибо преподобный говорил ей:

– Напрасен труд твой, женщина: не думай, что я не творю этого греха, как некий безумец, или потому, что не могу, я только ради страха Божия гнушаюсь тебя, нечистой.

Услышав это, женщина приказала давать ему ежедневно по сто ран; напоследок она приказала оскопить его. Преподобный Моисей лежал, как мертвый, от потери крови едва сохраняя слабые признаки жизни. Болеслав не препятствуя этому, поднял к тому же великое гонение на монахов и всех их изгнал из своей области, желая угодить госпоже Моисея как женщине знатной и любимой им. Бог же вскоре послал отмщение за Своих рабов. Ибо в одну ночь Болеслав внезапно скончался[4894] и поднялся великий мятеж во всей ляшской земле. Потому что, восставши, люди избили епископов и бояр своих, в числе которых убита была и та потерявшая стыд женщина.

Об этом гневе Божием, случившемся по изгнании за пострижение преподобного Моисея монахов, напоминала много лет спустя великому князю киевскому Изяславу княгиня его, по происхождению ляхиня, дочь Болеслава, с увещанием прося его, чтобы не удалял из области своей преподобного Антония и

его братию за пострижение блаженного Варлаама и евнуха Ефрема[4895]. Но будем говорить о настоящем. Преподобный отец наш Моисей, получив малое облегчение, пришел в пещеру к преподобному Антонию, имея на себе знаки мученичества, как храбрый воин Христов: и жил богоугодно, подвизаясь в молитве, посте, бодрствовании и во всех иноческих добродетелях, коими и победил все козни нечистого врага до конца.

За премногие победы над нечистыми блудными страстями, восставшими на сего преподобного, Господь даровал ему силу побеждать те же страсти, восстающие и на других. Так, один из братии, будучи побораем страстью блудною, придя, молил сего преподобного, чтобы он помог ему:

– А я, – сказал, – если что мне повелишь, обещаюсь хранить до самой смерти.

Преподобный повелел ему:

– Никогда во всю твою жизнь не говори ни одного слова женщине.

Тот дал обещание от всего сердца. Тогда святой, подражая первому Моисею, творившему жезлом чудеса, прикоснулся жезлом своим к лону братнего тела, так как без жезла, вследствие болей от прежде принятых ран, не мог ходить сам по себе; и тотчас умерли (потеряли силу) все нечистые страсти того брата, и с той поры не было больше ему соблазна.

Так живя провел сей добрый воин Христов, в страдании и своем богоугодном подвиге, шестнадцать лет: неповинно был мучим пять лет в оковах у взявшего его в плен, показывая, как Иов, благодарственное к Богу терпение; шестой год мужественно пострадал более, чем Иосиф, за целомудрие; потом десятилетним равноангельским безмолвием в пещере, переданным от святой Афонской горы, просиял прежде других, как тот первый Моисей «десяточисленным» законом, по Ангельскому устроению, переданным ему от святой Синайской горы. Затем и наш преподобный Моисей сподобился, поистине, быть Боговидцем: он оказался достойным блаженства чистых сердцем, и чтобы видеть Бога лицом к лицу переселился месяца июля, двадцать шестого дня[4896], когда еще был жив

преподобный Антоний, в пещере которого и доныне почивают нетленно чудотворные мощи сего святого мужа, не растлившего чистоты.

Своими мощами святой Моисей побеждает и по смерти нечистые страсти, как уведал святый многострадальный Иоанн. Ибо он, укрывшись в пещере и врыв себя до рамен против мощей преподобного Моисея, долго страдал, побеждая в себе телесную страсть, и напоследок услышал глас Господень:

– Да помолится мертвецу, находящемуся против него, сему преподобному Моисею Угрину!

Когда многострадальный исполнил это, немедленно был избавлен от нечистой брани. Также и другого брата, страдавшего от той же мерзости, избавил тот же святой Иоанн, когда одну кость от мощей преподобного Моисея дал одержимому страстью, чтобы он приложил к своему телу, как о том рассказано в житии преподобного Иоанна Многострадального. И нам, избавившимся от всякой нечистоты, да будет преподобный Моисей вождем, направляющим по пути спасения молитвами своими; да поклонимся с ним в Троице поклоняемому Богу, Ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память священномученика Ермолая

Память 26 июля

Честной пресвитер Ермолай и его сострадальцы – священномученики Ермипп и Ермократ были иереями святой никомидийской церкви; они являли собою остаток от тех 20 000 мучеников, сожженных Максимианом в церкви, память которых совершается 28 декабря. Эти три служителя Господня скрывались из боязни язычников в различных местах, но при этом, где только представлялся удобный случай, они поучали язычников святой вере и обращали ко Христу. Так святой Ермолай, увидев Пантелеимона врача, обратил его в христианство после богодухновенной беседы. Когда же Пантелеимон взят был на мучения нечестивым царем Максимианом и был спрошен, от кого научился христианской вере, то святой, не будучи в состоянии солгать, открыл им святого христианского пресвитера Ермолая. И тотчас взяты были святой Ермолай и сослужители его рабы Христовы Ермипп и Ермократ и приведены на нечестивое судилище. На допросе они мужественно исповедали Христа Бога истинного, похулили скверных идолов и их поклонников; за это, приговоренные мучителями к смертной казни, они скончали жизнь мечным посечением. Более подробно о их страданиях сообщается в житии святого великомученика Пантелеимона под 27 числом

Кондак, глас 4:

Яко святитель благочестно пожив, и священномучения венец приял еси: идольския жертвы погасив, добрый пастырь Христова стада был еси, премудре, и Пантелеимону истинный учитель. Сего ради почитаем тя песньми вопиюще: от бед избави нас присно молитвами твоими, Ермолае отче наш.

Страдание святой преподобномученицы Параскевы

Память 26 июля

Святая преподобномученица Параскева жила в царствование императора Антонина[4897] в окрестностях древнего города Рима. Она была единственной дочерью у родителей и упражнялась в изучении священных Писаний. Когда родители ее скончались, она раздала имущество свое бедным, приняла иночество и, подражая святым Апостолам, стала ходить, проповедуя о Христе, причем многих язычников обратила к истинной вере. Поэтому иудеи оклеветали ее пред императором, который повелел привести ее к себе и после того как она, несмотря ни на убеждения, ни на угрозы, не пожелала отречься от Христа, приказал сперва одеть ей на голову раскаленный шлем, а затем бросить ее в медный котел, наполненный сильно вскипятившимся маслом и смолою, но святая чудесным образом осталась от всего этого невредимою и, сотворивши чудо[4898], обратила к вере во Христа императора Антонина и бывших при нем. Отпущенная после этого из Рима на свободу, святая Параскева отправилась в другие города и везде проповедовала о Христе. Пришедши в один город, в котором царствовал некто Асклипий, она приведена была к нему. Убедившись в том, что она не изменит своих мыслей, царь приказал отвести ее за город к обитавшему в пещере и наводившему на всех ужас змею, чтобы он растерзал ее, но она сотворила над змеем крестное знамение, и он от этого распался надвое. После этого Асклипий и бывшие при нем уверовали во Христа. Отпущенная снова, святая стала ходить по всем городам и странам и проповедовать Христову веру. Пришедши в город, в котором царствовал другой царь, по имени Тарасий, она приведена была на суд к нему и стала проповедовать о Христе. Тогда он подверг ее многочисленным и жестоким мучениям, но так как не мог этим заставить ее отречься от Христа, то повелел отсечь ей мечом честную главу[4899].

Страдание святого великомученика Пантелеимона

Память 27 июля

Когда царствовал нечестивый Максимиан[4900], жестокий мучитель христиан, и когда почти вся вселенная была покрыта тьмою идолопоклоннического нечестия, повсюду на верующих во Христа воздвигнуто было великое гонение и мученически скончалось много исповедников пресвятого имени Иисуса Христа, тогда пострадал за Христа в Вифинской стране[4901] в городе Никомидии[4902] и святой великомученик Пантелеимон.

Этот преславный среди мучеников страстотерпец Христов родился в том же городе Никомидийском от знатного и богатого отца, по имени Евсторгия и от матери Еввулы. Отец его, по своей вере был язычник, горячо прилежавший к идолопоклонству; мать – христианка, от прародителей своих наученная святой вере и усердно служившая Христу. Итак, соединенные телесно были разделены духовно: он приносил жертвы лживым богам, она приносила «жертву хвалы» истинному Богу. Родившегося же у них отрока, о котором наше слово, назвали Пантолеоном, что значит: во всём лев, ибо предполагалось, что мужеством он будет подобен льву. Но, впоследствии, отрок был переименован Пантелеимоном, то есть всемилостивым, потому что всем оказывал милосердие, когда без платы лечил больных или подавал милостыню нищим, щедрою рукою раздавая нуждающимся отцовское богатство.

С раннего детства мать воспитывала отрока в христианском благочестии, научая познанию единого истинного Бога, живущего на небесах, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы он веровал в Него и угождал Ему добрыми делами, отвращаясь языческого многобожия. Отрок внимал наставлениям матери и усваивал их, насколько возможно было по его отроческим летам. Но, какая утрата и лишение! Добрая его мать и руководительница в молодых летах отошла ко Господу, оставив отрока еще не пришедшим в совершенный разум и возраст. После ее смерти отрок легко пошел по следам отцовского

заблуждения; отец часто приводил его на поклонение к идолам, утверждая в языческом нечестии.

Затем отрок был отдан в грамматическую школу, а когда он с успехом прошел курс всего внешнего языческого любомудрия, отец отдал его одному славному врачу Евфросину в медицинскую школу, дабы он получил навык в врачебном искусстве. Отрок, будучи восприимчивого ума, легко усваивал то, чему его учили и, вскоре превзошедши своих сверстников, мало чем не сравнялся и с самим учителем: к тому же он отличался поведением, красноречием, красотою и на всех производил приятное впечатление; был он известен и самому царю Максимиану. Ибо Максимиан жил в то время в Никомидии; предавая христиан мучению, он сжег их 20 000 в церкви, в день Рождества Христова умертвил епископа Анфима, и многих, после различных мучений, предал различного рода смерти. Врач Евфросин часто приходил с лекарствами в царские палаты мучителя или к нему самому или к его придворным, потому что врач этот давал средства от болезней всему царскому двору. Когда Евфросин приходил к царю во дворец, его сопровождал и отрок Пантолеон, следовавший за своим учителем, и все удивлялись красоте и доброму разуму отрока. И царь, увидев его, спросил:

– Откуда он и чей сын?

Получив ответ, царь приказал учителю скорее и как можно лучше научить отрока всему врачебному искусству, выразив желание иметь его при себе всегда, как достойного предстоять пред царем и служить ему. В то время юноша приходил уже в совершенный возраст.

В те дни был в Никомидии старец пресвитер, именем Ермолай, из страха пред нечестивыми укрывавшийся с немногими христианами в маленьком и незначительном доме. Путь Пантелеимона, когда он шел из своего дома к учителю и обратно, лежал мимо жилища, в котором укрывался Ермолай. Видя в окошечко юношу, часто проходящего мимо, Ермолай из лица и взгляда его познал его добрый нрав; уразумев духом, что юноша будет избранным сосудом Божиим, Ермолай вышел однажды навстречу юноше и упросил его на самое малое время

зайти к нему в дом. Кроткий послушный юноша вошел в дом старца. Посадив его около себя, старец спрашивал его о происхождении и родителях, о вере и о всём образе его жизни. Юноша всё рассказал подробно и сообщил, что его мать была христианка и умерла, а отец жив и, согласно языческим законам, почитает многих бесов. И спросил его святой Ермолай так:

– Ну, а ты, доброе чадо! К какой стороне и вере хотел бы принадлежать, отцовской или матерней?

Юноша ответил:

– Моя мать, пока была жива, учила меня своей вере, и я возлюбил ее веру. Но отец, как более сильный, принуждает меня исполнять языческие законы желает водворить меня в царской палате в чине близких и сановных воинов и слуг царя.

Святой Ермолай спросил опять:

– А в каком учении наставляет тебя твой учитель?

Юноша передал так:

– Учение Асклепиада, Иппократа и Галена[4903]; так, именно, хотел отец мой, да и учитель говорит, что если я усвою учение этих, то легко могу лечить всякие болезни у людей.

В последних словах святой Ермолай нашел повод к полезной беседе и начал в сердце юноши, как на доброй земле, сеять доброе семя Божиих словес:

– Верь мне, – обратился он, – О добрый юноша! – я говорю тебе одну истину; учение и искусство Асклепиада, Иппократа и Галена ничтожно и мало могут помогать прибегающим к ним. Да и боги, которых царь Максимиан и твой отец и прочие язычники почитают, суетны и не что иное, как баснословие и обман для слабоумных. Истинный же и всемогущий Бог есть един – Иисус Христос, в Которого если ты будешь веровать, то будешь исцелять всякие болезни одним призванием Его Пречистого имени. Ибо Он слепым давал зрение, прокаженных очищал, мертвых воскрешал; бесов, которым язычники поклоняются, изгонял из людей одним словом; не только Сам Он, но и одежды Его подавали исцеление: ибо жена, двенадцать лет одержимая кровотечением, едва только прикоснулась к краю одежды Его, тотчас исцелилась. Но кто может подробно

рассказать о всех чудесных действиях Его? Как невозможно исчислить песок морской, небесных звезд и капель воды, так нельзя исчислить чудес и измерить величие Божие. И теперь Он – Помощник крепкий Своим рабам, утешает печальных, исцеляет больных, избавляет от бедствий и освобождает от всех вражеских зол, не ожидая, что будет умолен тем или другим, но предупреждая молитвы и даже сердечное движение. Силу совершать всё это дает и тем, которые любят Его и посылает им дар еще больших чудотворений; наконец, дает бесконечную жизнь в вечной славе Небесного Царствия.

Пантолеон веровал этим наставлениям святого Ермолая, как истинным, принимая в свое сердце; с радостью он углублялся в них умом, и сказал он святому старцу:

– Я много раз слышал это от матери моей и часто видел, как она молилась и призывала того Бога, о Котором ты мне рассказываешь.

С этого дня Пантолеон каждый день приходил к старцу и наслаждался его богодухновенными беседами, укрепляясь в познании истинного Бога. И когда он возвращался от своего учителя Евфросина, то не раньше приходил домой, как посетив старца и приняв от него душеполезные наставления.

Однажды случилось ему, когда на обратном пути от учителя он свернул несколько в сторону, найти мертвого ребенка, укушенного огромною ехидною, и самую ехидну, лежавшую тут же близ ужаленного. Видя это, Пантолеон сначала испугался и немного отступил, а потом подумал сам в себе так:

– Теперь пришло время испытать мне и убедиться, истинно ли всё, что говорил старец Ермолай.

Взглянув на небо он произнес:

– Господи Иисусе Христе, хотя я и недостоин призывать Тебя, но если ты хочешь, дабы я сделался рабом Твоим, яви силу Твою и сделай так, чтобы во имя Твое, отрок этот ожил, а ехидна издохла.

И тотчас отрок, как будто от сна, встал живым, ехидна же расселась пополам. Тогда Пантолеон, совершенно уверовав во Христа, обратил свои телесные и духовные очи к небу и благословил Бога с радостью и слезами за то, что Он вывел его

из тьмы к свету познания Своего. Быстро пошел он к святому Ермолаю пресвитеру, припал к его честным стопам, прося крещения. Он рассказал ему о случившемся, как мертвый отрок ожил силою имени Иисуса Христа и как погибла ехидна, причинившая смерть. Святой Ермолай, оставив дом, пошел с ним взглянуть на издохшую ехидну и, увидев, благодарил Бога за совершенное чудо, через которое Он привел Пантолеона к Своему познанию. Возвратясь домой, он крестил юношу во имя Отца и Сына и Святого Духа, и, совершив литургию во внутренней своей комнате, причастил его Божественных Таин Тела и Крови Христовых.

По крещении Пантолеон оставался при старце Ермолае семь дней, поучаясь от Божественных слов, сообщаемых ему устами старца и благодатью Христовой: как из источника живой воды утучнял он свою душу к изобилию духовных плодов. На восьмой день он пошел к себе домой, и отец его спросил у него:

– Сын мой, где ты пробыл столько дней, я беспокоился о тебе?

Святой ответил:

– Был с учителем у царя во дворце, – лечили больного, которого царь очень любит, и не отходили от него семь дней, пока не возвратили ему здоровье.

Так говорил святой и говорил не ложь, но под видом притчи сообщая истину таинственно и иносказательно: в уме своем учителем называл он святого Ермолая пресвитера, под царской палатой разумел он тот внутренний покой, в котором совершалось Божественное таинство, а больным называл свою душу, которую возлюбил небесный Царь и которая была пользуема семь дней духовным врачеванием.

Когда следующим утром он пришел к учителю Евфросину, тот спросил у него:

– Где ты пропадал столько дней?

– Отец мой, купив имение, послал меня принять его, и я замедлил, внимательно осматривая всё, что там есть: потому что оно куплено за дорогую цену.

И это он говорил иносказательно о святом крещении, которое он принял, и о прочих таинствах христианской веры,

которые он узнал и которые все необычайной цены, превосходящей всякие богатства, ибо они приобретены кровью Христовою. Услышав это, Евфросин прекратил свои расспросы. Пантолеон же блаженный преисполнен был благодати Божией, нося внутри сокровище святой веры. Он сильно заботился об отце своем, как бы извести его из тьмы идолобесия и привести к свету познания Христа и каждый день, беседуя с ним с мудростью притчами и вопросами, говорил ему:

– Отец! Почему боги, сделанные стоящими, как сначала поставлены, так и до нынешнего дня стоят, никогда не садятся; сделанные же сидящими до нынешнего дня сидят и никогда не встают?

– Не совсем ясен и мне вопрос твой, – отвечал отец, – и сам не знаю, что на это отвечать.

Святой же, постоянно предлагая и другие, подобные этому, вопросы отцу, заставил того сомневаться в своих богах и понемногу понимать ложь и заблуждение идолопоклонства; отец уж перестал так почитать идолов, как почитал их прежде, принося им каждодневно многочисленные жертвы и поклонение, а начал презирать их и не поклоняться им. Видя это, Пантолеон радовался, что хотя возбудил в отце сомнение относительно идолов, если не успел совершенно отвратить его от них. Не раз хотел Пантолеон разбить идолов отца своего, коих много было в его дому, но удерживался, частью чтобы не прогневать отца своего, которого, согласно заповедям Божиим, должно почитать, отчасти ожидал, когда отец, познавши сам истинного Бога, захочет своею рукою сокрушить их.

В то время привели к Пантолеону слепого, просившего об исцелении таким образом:

– Умоляю тебя, пощади меня, ослепленного и лишенного драгоценного света; все врачи, какие только есть в этом городе, лечили меня и не получил я от них никакой пользы, но и последних проблесков света, какие я мог видеть, лишился я вместе со всем моим имуществом; ибо много потратил я, награждая их, и вместо исцеления получил от них только вред и потерю времени.

Святой возразил ему:

– Если ты всё имущество раздал тем врачам, от которых не получил пользы, то чем вознаградишь меня, если получишь исцеление и прозреешь?

– Всё последнее немногое, – воскликнул слепец, – что у меня осталось, с готовностью отдам тебе.

Святой произнес:

– Дар прозрения, открывающий для тебя свет, даст тебе Отец светов, истинный Бог через меня, недостойного раба Своего, а ты обещанное не мне отдай, а раздай нищим.

Услышав это, Евсторгий, отец Пантолеона, сказал ему:

– Сын мой! Не решайся касаться такой вещи, которой ты не можешь сделать, иначе ты будешь осмеян: что, в самом деле, можешь ты сделать больше лучших тебя врачей, которые лечили его и не могли вылечить?

– Никто, – возразил святой, – из врачей тех не знает, какое средство применяемо в данном случае, как знаю я, ибо огромное различие между ними и между учителем моим, который открыл мне это средство.

Отец его, думая, что он говорит об учителе Евфросине, заметил:

– Я слышал, что и учитель твой пользовал этого слепца и ничего не мог сделать.

– Подожди немного, отец мой! – ответил Пантолеон, – и увидишь силу моего врачевания.

С этими словами он коснулся пальцами глаз слепого, сказав:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа, просвещающего слепых, прозри.

Тотчас открылись очи слепого – и он стал видеть. И в ту минуту отец Пантолеона, Евсторгий вместе с прозревшим человеком, уверовали во Христа и были крещены святым пресвитером Ермолаем, и преисполнились они великой духовной радости о благодати и силе Христовой.

Тогда Евсторгий начал сокрушать в своем доме всех идолов, в чем помогал ему и сын его святой Пантолеон; раздробив идолов на части, они бросили последние в один глубокий ров и засыпали землею. Прожив, после этого недолгое

время, Евсторгий преставился ко Господу. Пантолеон же, сделавшись наследником весьма богатого отцовского имения, тотчас даровал свободу рабам и рабыням, щедро наградив их; имущество же стал раздавать нуждающимся: убогим, нищим, вдовам и сиротам. Он обходил темницы и, посещая всех тех, которые страдали в оковах, утешал их врачеванием и подаянием того, в чем они нуждались; таким образом, он был врачом не только ран, но и бедноты человеческой; ибо все принимали от него неоскудную милостыню; нищие обогащались от его щедрот; а в лечении помогала ему благодать Божия. Ибо ему дан был свыше дар исцеления и он безвозмездно исцелял всякие болезни не столько аптекарскими средствами, сколько призыванием имени Иисуса Христа. Тогда-то Пантолеон явился, в действительности, Пантелеимоном, то есть всемилостивым, и по имени, и на деле оказывая всем милость и не отпуская от себя никого без подаяния или не утешенным, ибо недостаточным вручал вспоможения, а больных безмездно лечил. Обратился к нему весь город со своими больными, оставив всех прочих врачей, ибо ни от кого не получалось столь скорых и совершенных исцелений, как от Пантелеимона, успешно лечившего и ни от кого не принимавшего платы. И стало известно имя всемилостивого и безмездного врача во всём народе, а прочие врачи осуждались и осмеивались. Вследствие этого возникла со стороны врачей по отношению к святому немалая зависть и вражда; началась она еще с того времени, когда прозрел вышеназванный слепец. Дело возникло следующим образом.

Однажды, когда этот слепец, прозревший благодаря святому Пантелеимону, шел по городу, увидели его врачи и говорили про себя:

– Не это ли тот, что был слеп и искал у нас исцеления и мы не могли вылечить его? Как же он теперь видит? Кто и какими средствами исцелил его и открыл ему глаза?

И спросили его самого, как он прозрел? И тот человек не скрыл, что врачом его был Пантелеимон. Те, зная, что он был учеником Евфросина, сказали:

– Великого учителя великий ученик.

Не знали, что через Пантелеимона действовала сила Христова и, не догадываясь, исповедали истину, что Пантелеимон – великий ученик великого учителя – Иисуса Христа. Но хотя устами они лицемерно и похваляли святого, а между тем в сердцах своих от зависти задумывали злое и наблюдали за святым, отыскивая против него какое-нибудь обвинение, чтобы его погубить. И заметив, что он ходит в темницы и здесь исцеляет язвы учеников, страдающих за Христа, заявили Максимиану мучителю:

– Царь! Юноша, которого ты повелел научить врачебному искусству, желая иметь его при себе в твоей палате, презрев твою столь очевидную к нему милость, обходит темницы, врачуя узников, хулящих богов наших, одинаково с ними мудрствуя о наших богах и других склоняя к тому же зломудрствованию. Если ты не погубишь его в скором времени, то немало причинишь себе беспокойства, потому что увидишь, как многие, благодаря его прельщающему учению, отвратятся от богов. В самом деле, врачебное искусство, которым Пантолеон исцеляет, он приписывает не Эскулапу[4904] или другому из богов, а какому-то Христу и все, кого он лечит, веруют в Него.

Так говорили клеветники, умоляя царя, чтобы он приказал призвать, исцеленного Пантолеоном, слепца в удостоверение и точное свидетельство справедливости их слов. И царь тотчас приказал отыскать того прозревшего слепца и, когда тот был приведен, спросил его:

– Скажи, человек, как Пантолеон исцелил твои глаза?

Тот отвечал:

– Призвал имя Христово, коснулся глаз моих, и я тотчас прозрел.

– А ты как думаешь, – обратился к нему царь, – Христос тебя исцелил или боги?

– Царь! – отвечал он, – врачи эти, которых ты видишь вокруг себя, прилагали много забот и в течение долгого времени к моему излечению; они взяли всё мое имущество и не только не принесли мне никакой пользы, но лишили меня и того малого зрения, которое я имел и вконец ослепили меня. Пантелеимон

же одним призванием имени Христова сделал меня зрячим. Теперь ты уж сам, О царь, рассуди и реши, кто лучший и настоящий врач: Эскулап ли и прочие боги, в течение долгого времени призываемые и нисколько не помогшие, или Христос, только один раз Пантелеимоном призванный и тотчас давший мне исцеление.

Не зная, что на это отвечать, царь, по обычаю всех мучителей, стал принуждать его к нечестию:

– Не безумствуй, человек, и не вспоминай Христа, ибо, очевидно, что боги дали тебе возможность видеть свет.

Исцеленный же, не обращая внимания на власть царя и не боясь угроз мучителя, ответствовал Максимиану дерзновеннее, чем евангельский слепец (Иоан.9:27), некогда представленный на допрос к фарисеям:

– Ты сам безумствуешь, О царь! Слепых твоих богов называя подателями зрения, и сам ты подобен им, не желая видеть истины.

Исполнившись гнева, царь приказал тотчас лишить его жизни мечом, и была усечена глава доброго исповедника имени Иисуса Христа, и он отошел, чтобы лицом к лицу в немерцающем небесном свете видеть Того, Которого исповедал на земле, получив телесное зрение. Тело его святой Пантелеимон купил у убийц и похоронил близ тела отца своего.

После того царь велел призвать к себе Пантолеона. Пока воины вели святого к царю, он пел слова псалма Давидова: «Боже хвалы моей! Не премолчи, ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные» (Пс.108:1–2) и далее из псалма того. Так он телом предстал пред земным царем, духом – пред Небесным.

Царь Максимиан, глядя на него без всякого гнева, кротко начал так убеждать его:

– Не хорошие вещи слышал я о тебе, Пантолеон; говорят мне, что ты всячески порицаешь и унижаешь Эскулапа и прочих богов, Христа же, погибшего злою смертью, прославляешь и на Него надеешься и Его одного называешь Богом. Тебе, кажется, не безызвестно, сколь великое я обратил на тебя внимание и сколь великую явил к тебе милость, что и в моем дворце ты

принят, и учителю твоему, Евфросину, приказал в скорости научить тебя врачебному искусству, чтобы ты неотступно всегда находился при мне; ты же, презрев всё это, уклонился к врагам моим. Но, впрочем, не хочу верить тому, что говорят о тебе; потому что привыкли люди говорить много неправды. Вот почему я призвал тебя, чтобы ты сам рассказал о себе правду и обличил лживую на тебя клевету завистников, в присутствии всех, принесши, как подобает, жертву великим богам.

Святой отвечал:

– Делам больше, нежели словам нужно давать веру, О царь! Потому что истина гораздо более познается из дел, чем из слов. Итак, поверь рассказам обо мне, что я отрекаюсь от Эскулапа и прочих ваших богов, а прославляю Христа, потому что из дел Его я познал, что он Единый Истинный Бог. Вот выслушай хотя вкратце дела Христовы: он сотворил небо, утвердил землю, воскрешал мертвых, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, одним словом поднимал с одра расслабленных. Что подобного сотворили почитаемые вами боги, – не знаю – и могут ли сотворить? Если же теперь хочешь узнать всемогущую силу Христову, увидишь ее действие тотчас на самом деле. Прикажи принести сюда какого-нибудь человека, лежащего на одре смертной болезни, относительно которого врачи потеряли надежду и пусть придут ваши жрецы и призовут своих богов и я призову Бога моего – и который из богов исцелит больного, тот пусть будет признан Единым истинным Богом, прочие да будут отвергнуты.

Царю понравился этот совет святого, и он приказал тотчас поискать такого больного.

И вот принесен был на постели человек, расслабленный в течение многих лет, который не мог действовать ни одним членом и был как будто какое-нибудь бесчувственное дерево. Пришли же и жрецы, – служившие идолам и опытные во врачебном искусстве, и предложили святому, чтобы он сначала призвал своего Христа.

Святой возразил им:

– Если я призову моего Бога и Бог мой исцелит сего расслабленного, то кого же будут исцелять ваши боги? Но пусть

вы первые призовете ваших богов и если они исцелят больного, то не для чего будет и призывать моего Бога.

Итак, жрецы начали призывать своих богов: один – Эскулапа, другой – Зевса, тот – Диану, другие – иных бесов и не было заметно ни голоса, ни внимания. И долго они упражнялись в своих богопротивных молитвах без всякого успеха. Святой же, видя их напрасное старание, посмеялся. Увидев его смеющимся, царь обратился к Пантолеону:

– Сделай ты, Пантолеон, если можешь здоровым этого человека призыванием своего Бога.

– Пусть отойдут жрецы, – сказал святой – и они отошли.

Тогда святой, подойдя к постели, возвел очи свои на небо и произнес следующую молитву:

– «Господи! Услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня; в день скорби моей приклони ко мне ухо Твое; в день, [когда воззову к Тебе], скоро услышь меня» (Пс.101:2–3); и яви всемогущую Твою силу перед не знающими Тебя, ибо всё возможно для Тебя, О Царю сил!

Произнесши эту молитву, святой взял расслабленного за руку со словами:

– Во имя Господа Иисуса Христа, встань и будь здоров!

И тотчас расслабленный встал, почувствовал крепость во всем теле и радовался, ходя, и, взяв свою постель, понес ее в свой дом.

Видя такое чудо, многие из предстоявших уверовали во Христа; жрецы же, служившие идолам, скрежетали зубами на раба Христова и обратились к царю с такими словами:

– Если он останется в живых, то уничтожатся жертвоприношения богам, и мы будем осмеяны христианами; погуби его, О царь! Как можно скорее.

Тогда царь сказал Пантолеону:

– Принеси, Пантолеон, жертву богам, чтобы не погибнуть понапрасну; ты знаешь, ведь сколько людей погибло потому, что отреклись от наших богов и вследствие ослушания нашим приказаниям. Разве ты не знаешь, как жестоко был мучим старец Анфим?

– Все умершие за Христа, – ответствовал святой, – не погибли, а нашли себе вечную жизнь. И если Анфим, будучи стар и немощен телом, мог вынести жестокие мучения за Господа нашего, тем более мне, юному и сильному телом, должно безбоязненно претерпеть все муки, на которые ты меня обречешь, ибо я буду считать жизнь пустою, если не умру за Христа, а если умру, сочту это приобретением.

Царь приказал повесить обнаженного мученика на мучилищном дереве и железными когтями строгать его тело, опаляя ребра горящими свечами. Он же, перенося эти страдания, воззрел на небо и сказал:

– Господи Иисусе Христе! Предстани мне в эту минуту, дай мне терпение, дабы я до конца мог вынести мучения.

И явился ему Господь в образе пресвитера Ермолая, изрекши:

– Не бойся, Я с тобою.

И тотчас руки мучителей ослабели и как бы омертвели, так что из них выпали орудия пытки и свечи погасли. Увидев это, царь приказал снять мученика с места мук и сказал ему:

– В чем сила твоего волшебства, что и слуги изнемогли, и свечи погасли?

Мученик отвечал так:

– Волшебство мое – Христос, всемогущая сила Которого всё соделывает.

Царь возразил:

– А что ты сделаешь, если я назначу еще сильнейшие муки?!

– В больших муках, – отвечал мученик, – большую силу явит Христос мой, посылая мне большее терпение на то, чтобы посрамить тебя. А я, понесши за Него более тяжкие муки, получу от него большие воздаяния.

Тогда мучитель повелел растопить олово в большом котле и бросить туда мученика. Когда олово кипело, мученика подвели к котлу, он же возвел очи свои к небу и так молился:

– «Услышь, Боже, голос мой в молитве моей, сохрани жизнь мою от страха врага; укрой меня от замысла коварных, от мятежа злодеев» (Пс.63:2–3).

Когда он так молился, опять явился ему Господь в образе Ермолая, и, взяв его за руку, вошел с ним в котел, и тотчас огонь угас и олово остыло, а мученик пел слова псалма: «Я же воззову к Богу, и Господь спасет меня. Вечером и утром и в полдень буду умолять и вопиять, и Он услышит голос мой» (Пс.54:17–18). Предстоявшие дивились чуду, а царь воскликнул:

– Что же, наконец, будет, – если и огонь погас, и олово охладело? Какой же муке предам этого волшебника?

Предстоявшие посоветовали:

– Пусть он будет ввержен в морскую глубину, потому что не может же он всё море околдовать, – и тотчас погибнет.

Мучитель повелел, чтобы так и было сделано.

Слуги, схвативши мученика, повели его к морю, посадили его в лодку, навязав на шею большой камень; отплыв далеко от берега, они бросили его в море, а сами вернулись на берег. Когда святой был брошен в море, снова явился ему Христос, как и в первый раз, в образе Ермолая и стал камень, привязанный к шее мученика, легок, как лист, так что Пантелеимон держался с ним на поверхности моря, не погружаясь, но, точно посуху, ходил по водам, руководимый, как некогда Апостол Петр, десницею Христовой; он вышел на берег, воспевая и прославляя Бога и предстал царю. Царь несказанно изумился такому чуду, воскликнув:

– Какова же сила волшебства твоего, Пантолеон, что и море ты подчинил ему?

– И море, – объяснил святой, – повинуется своему Владыке и исполняет волю Его.

– Так ты и морем владеешь? – спросил царь.

– Не я, – ответил мученик, – но Христос мой, Создатель и Владыка всей видимой и невидимой твари. Он обладает как небом и землею, так равно и морем: «Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих» (Пс.76:20).

После того мучитель повелел приготовить вне города звериный цирк, чтобы отдать мученика на съедение зверям. Весь город собрался на это зрелище, желая видеть, как прекрасного и безвинно страдающего юношу будут терзать

звери. Явился сюда и царь; приведя мученика, он показывал ему пальцем на зверей с такими словами:

– Они приготовлены для тебя; итак, послушай меня, побереги твою юность, пощади красоту твоего тела, принеси жертву богам, иначе умрешь жестокою смертью, терзаемый зубами зверей.

Святой же изъявил желание лучше быть растерзанным зверями, нежели повиноваться такому лукавому совету и повелению. И его бросили зверям. Господь же и тут, явившись святому в образе пресвитера Ермолая, заградил пасти зверей и сделал их кроткими, подобно овцам, так что, подползая к святому, они лизали ноги его. Он гладил их рукою и каждый из зверей старался, чтобы рука святого коснулась его, оттесняя один другого. Народ же, видя это, изумился и громогласно восклицал:

– Велик Бог христианский! Да будет отпущен неповинный и праведный юноша!

Тогда царь, преисполнившись гнева, вывел солдат с обнаженными мечами на тех, которые славили Христа Бога, и многие из народа, уверовавшие во Христа, были убиты; приказал же царь и зверей всех убить. Видя это, мученик возгласил так:

– Слава Тебе, Христе Боже, что не только люди, но звери умирают за Тебя!

И удалился царь с места зрелища, скорбя и гневаясь, а мученика бросил в темницу. Убитые люди, взятые своими, преданы были погребению, а звери были оставлены на съедение псам и плотоядным птицам. Но и тут совершилось великое чудо: звери эти много дней лежали без всякого прикосновения не только со стороны псов, но и птиц, и мало того, – трупы их не издавали запаха. Узнав это, царь приказал бросить их в глубокий ров и засыпать землею. Для мученика же приказал устроить страшное колесо, усеянное острыми спицами. Когда же к нему привязали святого и стали то колесо вертеть, тотчас колесо действием невидимой силы разлетелось на части и многих, стоявших поблизости ранило, на смерть, а мученик сошел с колеса цел и невредим. И напал на всех страх,

в виду таких чудес, какими Бог прославлялся в лице Своего святого. А царь сильно изумился и спрашивал мученика:

– Кто научил тебя совершать столь великие волшебные действия?

– Не волшебству, но истинному христианскому благочестию я научен, – сказал мученик, – святым мужем пресвитером Ермолаем.

– А где тот учитель твой Ермолай, – спросил царь, – хотим видеть его?

Мученик же, разумея духом, что для Ермолая приблизилось время венца мученического, ответил царю:

– Если прикажешь, я призову его к тебе.

И отпущен был святой, в сопровождении трех стерегущих его воинов призвать пресвитера Ермолая.

Когда же мученик пришел к тому дому, в котором жил пресвитер, старец, увидев его, спросил:

– Чего ради пришел ты, сын мой?

– Господин и отец, царь зовет тебя.

– Вовремя ты пришел звать меня, – сказал старец, – потому что наступил час моего страдания и смерти; ибо в эту ночь явился мне Господь и возвестил: «Ермолай! Надлежит тебе много пострадать за Меня, подобно рабу Моему Пантелеимону».

С этими словами, старец радостно пошел с мучеником и предстал перед царем. Царь, увидя пресвитера, спросил его об имени. Святой же, называя свое имя, не скрыл и своей веры, громогласно называя себя христианином. Царь снова спросил его так:

– Есть ли еще кто-нибудь с тобой той же веры?

Старец ответствовал:

– Имею двух сослужителей, истинных рабов Христовых, Ермиппа и Ермократа.

Тогда царь приказал и тех привести перед себя и сказал трем тем служителям Христовым:

– Это вы отвратили Пантолеона от наших богов?

– Сам Христос, – возразили они, – Бог наш тех, кого считает достойными, призывает к Себе, выводя их из тьмы идолобесия

к свету Своего познания.

– Оставьте теперь, – предложил царь, – ваши лживые слова и обратите снова Пантолеона к богам, тогда и первая вина вам простится и заслужите от меня почести в такой степени, что сделаетесь ближайшими друзьями мне в моем дворце.

– Как можем мы это сделать, – с твердостью спросили святые, – если мы и сами готовимся умереть с ним за Христа Бога нашего?! Ни мы, ни он не отречется от Христа, ни тем более не принесем жертвы глухим и бездушным идолам.

Сказав это, они обратили все свои мысли к Богу и стали молиться, возведши глаза свои к небу. И свыше явился им Спаситель и тотчас произошло землетрясение и поколебалась местность та.

– Видите, как боги прогневались на вас, – провозгласил царь, – они колеблют землю!

– Ты правду сказал, – согласились святые, – что из-за ваших богов поколебалась земля, ибо они упали со своих мест наземь и разбились, низверженные силою Бога нашего, прогневавшегося на вас!

Когда они так говорили, прибежал к царю вестник из капища с известием, что все их идолы пали на землю и рассыпались в прах. Безумный же правитель, видя во всём этом не силу Божию, но волшебство христиан, воскликнул:

– Поистине, если этих волхвов не погубим в самой скорости, то весь город погибнет из-за них.

Он приказал Пантелеимона отвести в темницу, старца же Ермолая и с ним его двух друзей, подвергнув многим истязаниям, осудил на усекновение мечом. И так три святых мученика: пресвитер Ермолай и сослужившие с ним, Ермипп и Ермократ, совершив свой мученический подвиг, вместе предстали Святой Троице в славе небесной.

После убиения трех святых мучеников, царь, приказав представить перед себя святого Пантелеимона, обратился к нему с такими словами:

– Многих я обратил от Христа к нашим богам, ты один не хочешь послушать меня. Уж и учитель твой Ермолай с обоими своими друзьями поклонился богам и жертву принес им, и я

почтил их почетным саном в моем дворце. Поступи и ты также, чтобы получить с ними одинаковую честь.

Мученик же, зная своим духом, что святые скончались, попросил царя:

– Прикажи им прийти сюда, чтобы я видел их пред тобою.

– Нет их теперь здесь, – солгал царь, – потому что я отослал их в другой город, где они получат великое богатство.

– Вот ты, против желания, изрек истину, – разъяснил ему святой, – ты отослал их отсюда, предав смерти, и они действительно отошли в град небесный Христа получить богатства, которых невозможно видеть глазу.

Царь, видя, что мученика никоим образом нельзя преклонить к нечестию, приказал жестоко бить его и, подвергши жестоким ранам, осудил его на смерть, чтобы отсекли ему главу мечом, а тело его повелел предать огню. И воины, взявши повели его на усекновение вне города.

Святой, идя на смерть, пел псалом Давида: «Много теснили меня от юности моей, но не одолели меня. На хребте моем орали оратаи» (Пс.128:2–3). И так до конца слова псалма того.

Когда воины вывели мученика от города на расстояние больше, чем одно поприще, тогда пришли на место, на котором Господу угодно было, чтобы скончался раб Его; они привязали Пантелеимона к маслине и, приблизившись, палач ударил мечом святого по вые, но железо перегнулось, как воск, а тело святого не приняло удара; потому что он еще не окончил своей молитвы.

Воины в ужасе воскликнули:

– Велик Бог христианский!

И, упавши к ногам святого, просили:

– Молим тебя, раб Божий! Помолись за нас, да отпустятся грехи наши, что мы сделали тебе по повелению царя.

Когда святой молился, послышался с неба голос, обращенный к нему и утверждающий переименование его; потому что Господь, вместо Пантолеона назвал его Пантелеимоном, явно сообщая ему благодать, чтобы миловать всех прибегающих к нему во всяких бедах и горестях – и призывал его Господь на небо. Святой, исполненный радости,

повелел воинам, чтобы усекли его мечом; но те не хотели, потому что боялись и трепет напал на них. – Тогда святой обратился к ним с такими словами:

– Если вы не исполните порученного вам, не получите милости от Христа моего.

Воины приступили и сначала облобызали всё тело его; потом поручили одному – и он отсек мученику голову и вместо крови потекло молоко. Маслина же та с той минуты покрылась плодами с корня до вершины. Видя это, многие из народа, бывшего при усечении, уверовали во Христа.

О чудесах, явленных тут, сообщено было царю, и он повелел немедленно маслину ту изрубить на куски и сжечь вместе с телом мученика.

Когда огонь погас, верующие взяли тело святого из пепла, неповрежденное огнем и похоронили с честью на близлежащей земле схоластика Адамантия.

Лаврентий, Вассой и Провиан, служившие при доме мученика, следовавшие за ним издали, видевшие все его мучения и слышавшие голос с неба, бывший к нему, написали повествование о жизни и мучениях его и передали святым церквам в память мученика, на пользу читающим и слушающим во славу Христа Бога нашего со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и всегда и во веки веков. Аминь[4905].

Тропарь, глас 3:

Страстотерпче святый и целебниче Пантелеимоне, моли милостивого Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим.

Кондак, глас 5:

Подражатель сый Милостиваго, и исцелений благодать от Него прием, страстотерпче и мучениче Христа Бога, молитвами твоими душевныя наша недуги исцели, отгоня присно борца соблазны от вопиющих верно: спаси ны, Господи.

Память преподобной игумении Анфисы

Память 27 июля

Святая Анфиса (вернее – Анфуса) подвизалась в VIII веке, в странах мантинейских, в Азии. Оставив родительский дом, она подвизалась сперва уединенно, в пещерах. Встретив старца Сисиния, она продолжала подвиги по его наставлениям и настолько преуспела в духовной жизни, что 90 девиц вверили себя ее руководительству. Преподобная Анфиса пострадала за почитание святых икон. Супруге гонителя Константина Копронима она предсказала рождение мальчика и девочки. Последняя, под именем Анфусы, также прославилась своею святостью и воспоминается Церковью 12 апреля.

Святые Апостолы (из семидесяти) Прохор, Никанор, Тимон и Пармен

Память 28 июля

После Вознесения Господня и по ниспослании Святого Духа на Апостолов, число верующих в Иерусалиме значительно увеличилось; поэтому, по совету Апостолов, пребывавших в то время в Иерусалиме, избраны были семь мужей, исполненных Духа Святого и премудрости (Деян.6:5), на служение диаконское. Имена этих мужей были следующие: Стефан, Филипп, Прохор, Никанор, Тимон, Пармен и Николай антиохиянин. О самом избрании их книга Деяний апостольских повествует так:

«В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей. Тогда двенадцать [Апостолов], созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и [сии], помолившись, возложили на них руки. И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме» (Деян.6:1–7).

Из числа всех этих избранных память святого первомученика Стефана почитается в двадцать седьмой день декабря месяца; память святого Филиппа чтится в одиннадцатый день месяца октября; память же прочих диаконов, за исключением Николая, – не причтенного к лику святых[4906], святая Церковь почитает одновременно в нынешний день, несмотря на то, что они скончались в разные времена и в

разных местах, проповедуя имя Христово и запечатлев свою проповедь мученическою смертью.

Святой Прохор первоначально сопутствовал святому верховному Апостолу Петру (еще до Успения Матери Божией) вместе с прочими учениками; сим же Апостолом Петром святой Прохор был поставлен в епископы вифинского города Никомидии, как об этом повествует блаженный Симеон Метафраст[4907] в сказании о житии и подвигах святого Апостола Петра (под 29 июня). После же Успения Матери Божией Прохор был спутником и сотрудником святого Апостола Иоанна Богослова; вместе с ним Прохор прошел по многим странам, принимая везде страдания от язычников за благовествование имени Христова; вместе с Иоанном Богословом Прохор был заточен на остров Патмос; здесь он записывал всё, что слышал от святого Иоанна Богослова, изрекавшего по откровению Божию[4908]; после этого святой Прохор опять потрудился в Никомидии, где он был первым епископом; здесь он обращал ко Христу язычников, умножая новособранную церковь. Скончался святой Прохор мученически, будучи убит язычниками за благовествование имени Христова в городе Антиохии[4909].

Святой Никанор пострадал в тот же день, когда был побит камнями святой первомученик Стефан; в это время было поднято жестокое гонение на церковь иерусалимскую; святой Никанор, как и первомученик Стефан, был умерщвлен вместе с двумя тысячами людей, уверовавших во Христа. Об образе убиения его упоминается в каноне, что он был как ягненок, принесен в жертву Богу[4910].

Святой Тимон был поставлен святыми Апостолами епископом города Бостории, находившегося в Аравии; за проповедь имени Христова он много пострадал как от иудеев, так и от язычников; наконец, был брошен в сильно разожженную печь, но нисколько не пострадал от огня и вышел из печи невредимым. Предание римской церкви прибавляет, что святой Тимон, выйдя из печи невредимым, был предан крестной смерти[4911].

Святой Пармен со усердием совершал служение, порученное ему святыми Апостолами; на их глазах он умер и их

руками был похоронен и ими же оплакан. Однако, некоторые утверждают, что он пострадал пред смертию и был украшен венцом мученическим[4912].

Кондак, глас 1:

Диакони честнии и самовидцы Слова, и сосуди избраннии явистеся веры, Никанор, Прохор, Пармен и Тимон, славнии: темже днесь священную память вашу празднуем, в веселии сердца вас ублажающе.

Память святого мученика Евстафия

Память 28 июля

Святой мученик Христов Евстафий служил в войске. Так как он был христианином, то был схвачен и приведен к правителю города Анкиры[4913] Корнилию. На допросе он смело исповедал Христа, и за это его сперва без пощады избили, потом просверлили ему пяты, затем, привязав к нему веревку, влачили от города Анкиры до реки Сагки[4914], причем правитель шел вслед за ним и смотрел, и, наконец, положили его в ящик и бросили в реку. Но в это время по изволению Божия явился Ангел Господень и вынес ящик из реки на сухое место. Святой оказался живым и, находясь в ящике, пел: «Живущий под кровом Всевышнего» (Пс.90:1) и прочее. Увидев это, правитель почувствовал себя посрамленным и, вынув меч свой, сам убил себя. Между тем святой мученик помолился Богу, из рук явившегося Ангела причастился Божественных Таин, принесенных ему с неба голубем, и после этого предал дух свой в руки Господа[4915]. Честные мощи его были погребены в городе Анкире.

Память святого мученика Акакия

Память 28 июля

Святой Христов мученик Акакий пострадал в царствование Ликиния[4916], которому и предан был для суда. За исповедание Христа Ликиний повелел повесить его и строгать по телу, а потом отослал к епарху[4917] Терентию. Последний приказал бросить его в котел, наполненный смолою и салом, но он остался совершенно невредимым. Когда епарху надо было отправиться в Апамею и Аполлонию[4918], то он велел святому Акакию следовать за собою. В одном из этих городов его ввели в языческий храм, и он силою молитвы ниспроверг всех бывших в этом храме идолов. После этого епарх отдал его для суда трибуну[4919], по повелению которого он был сперва сильно избит, потом боролся со зверями и, наконец, был брошен в печь, но остался невредимым. Трибун, думая, что печь холодна, подошел к ней, желая удостовериться в этом, но сам сгорел и тело его обратилось в прах. После смерти трибуна святой отдан был на суд Посидонию, который повелел наложить на него тяжелые оковы и отвести в Милет[4920], где он снова ниспроверг идолов. За это ему отсекли голову[4921], причем из раны истекла кровь и молоко. Некий пресвитер Леонтий похоронил тело его в городе Синнаде[4922].

Страдание святого мученика Иулиана

Память 28 июля

В царствование императора Антонина[4923] язычники принуждали христиан приносить жертвы богам; в противном случае язычники угрожали христианам лютыми муками и самою смертью. В провинции Кампании[4924] тогда игемоном был некто Флавиан, человек весьма жестокий; сей игемон ненавидел имя Христово.

Игемон Флавиан послал по всей провинции Кампании своих нечестивых слуг, приказав им забирать всех христиан, каких они встретят, и привести их в город Атину, в коем он сам находился в то время.

В это время в Кампанию прибыл из Далмации[4925] некоторый муж, юный летами, но старый по поведению и мудрости христианской; прекрасный и самым телом, но еще более прекраснейший благодатию и святостью; честный по происхождению, но еще более честнейший по вере. Имя мужу тому было Иулиан. В то время как Иулиан проходил около города Анагния, случайно натолкнулся он на воинов игемоновых. Иулиан воздал им христианское приветствие, сказав:

– Мир вам, братия!

Воины же, догадавшись по этим словам и по всему кроткому поведению святого, что это был христианин, начали спрашивать его, – кто он и откуда? Каково его имя и какую веру он исповедовал.

Раб же Божий Иулиан, желая пострадать и умереть за имя Христово, бесстрашно отвечал:

– Я христианин; имя мое – Иулиан; происхожу я из Далмации; направляюсь же в эти страны, всюду увещевая людей отвергнуть поклонение идолам и уверовать в единого истинного Бога, и Сына Его Господа Иисуса Христа; я увещеваю людей почтить Того, о Котором я проповедую и ради Которого я готов положить жизнь свою.

Воины весьма удивились столь мужественному ответу святого, однако, взяли его, крепко связали и повели, ударяя палками и оружием и говоря:

– Посмотрим, насколько справедливы будут слова твои о том, что ты желаешь умереть за Распятого!

Перенося побои, святой молился Богу, прося дать ему силу до конца претерпеть страдания за святое имя Его. И молитва святого Иулиана была услышана Богом, ибо нисшел голос, укрепивший святого и говоривший:

– Не бойся, Иулиан! Я буду с тобою и дам тебе силы и мужество.

Тогда святой юноша принес благодарение милосердому Богу, после чего был отведен к игемону и по повелению его был заключен в страшной темнице, называвшейся «Холодным рвом». В этой темнице святого содержали семь дней без пищи и пития, думая погубить его голодом и жаждою.

Но Бог не оставил раба Своего, ибо послал к нему святого Ангела. Узник Христов наслаждался лицезрением и беседою с сим Ангелом, принимая небесную пищу из рук его.

Спустя семь дней игемон вышел на публичное судилище (здесь потом была построена церковь во имя Пречистой Богородицы) и воссел на судилищном месте в присутствии множества собравшегося народа; потом приказал представить себе мученика для допроса. Когда святой был приведен к игемону, то сей последний спросил его:

– Не стыдно ли тебе, столь красивому и честному юноше, поклоняться малоизвестному назарянину, распятому на кресте? Разве не лучше было бы, если бы ты отрекся от этой дурной веры? Поклонись богам нашим, тогда царь будет милостив к тебе.

Мученик отвечал:

– Моя слава и похвала – распятый Христос, Бог мой; и я не желаю сам ничем иным хвалиться кроме Креста Господа моего; а за святую веру, которую ты называешь дурною, я готов умереть. Но твои боги поистине мерзки; ибо они бесы; пусть стыдятся их все те, кто поклоняется им.

После этих слов святого, игемон пришел в ярость, и повелел бить святого по устам, а также мучить его, растянув на мучилищном дереве.

Святой же, принимая побои, молился Богу, говоря так:

– На Тебя, я, Господи, уповаю; силою Твоею спаси меня. Ты мой Бог, помощник мой, прибежище и избавитель мой; пусть устыдятся все, поклоняющиеся идолам и замыслившие сделать мне зло. К Тебе, Господи, взываю я: не отдай меня во власть врагов моих.

И снова послан был святому голос с неба, укрепивший святого и говоривший:

– Не бойся! Подвизайся мужественно!

Тогда мученик Христов, обратившись к народу, сказал:

– Внимайте, окаянные! Не надейтесь на богов, коих вы сделали сами себе своими руками; познайте Того Бога, Который создал из ничего небо и землю.

Увещевая народ в таковых словах, святой Иулиан обратил ко Христу более тридцати мужей; потом снова был отведен в темницу.

Утром следующего дня святой снова был выведен на судилище. Игемон сказал ему такие слова:

– Я хотел бы пощадить тебя, не щадящего самого себя и не хотящего поклониться богам непобедимым.

На эти слова святой мученик отвечал:

– Напрасно ты говоришь мне это; ты уже не изменишь моих мыслей. Я поклоняюсь Тому Богу, Которому должны все поклоняться. Этот Бог сотворил небо и землю.

Игемон Флавиан пришел в гнев от этих слов святого и приказал повесить Иулиана на мучилищном дереве и терзать святого побоями и строганием железом. Но по силе Бога, дивного во святых Своих, руки мучителей ослабели и разболелись, так что они не только не могли коснуться святого, но даже не могли держать в руках орудий мучения, и вообще не могли ничего делать.

В то время как игемон весьма удивлялся этому, прибыл вестник, возвестивший, что храм бога их, называемого

Сераписом[4926], упал и идол того бога вместе с прочими идолами превратился в прах.

Игемон и его бесовские слуги пришли в великое изумление от сего известия, и преисполнились стыдом; христиане же, находившиеся среди народа и исповедовавшие втайне святую веру, возрадовались душою и прославили Христа Бога.

Потом язычники, стоявшие близ места того, воскликнули во всеуслышание:

– Да будет погублен сей волхв как можно скорее!

Игемон, преисполненный гнева и злобы, тотчас же изъявил согласие на требование народа и предал мученика на смерть, высказав свое решение в таких словах:

– Повелеваем усечь мечом во главу Иулиана, наученного христианами волшебной хитрости, хулителя богов, ослушника царского приказания; усечь же повелеваем на том месте, где разрушился храм, дабы отомстить за бесчестие, нанесенное богам нашим.

И поведен был святой к тому месту.

Придя туда, святой преклонил колена и помолился Богу в таких словах:

– О бесконечная благость Божия! Благодарю, Тебя, Боже за то, что Ты сподобил меня, недостойного, такой честной смерти, как смерть за святое имя Твое. Молю же Тебя, омой меня сим самым пролитием крови моей, очисти меня от грехов моих и введи меня в благословенное Царство Твое. Приими дух мой в мире. Не забудь милосердием Своим и всех тех, кто пожелает во славу пресвятого имени твоего почтить память моего страдания.

После того как святой помолился в таких словах, с неба послышался голос, удостоверявший, что молитва его была услышана, и призывавший святого в места горние. И усечен был во главу святой мученик Иулиан[4927]. Святая душа его, отрешившись от плоти, взошла на небеса, ко Христу Богу нашему, царствующему со Отцом и Святым Духом, Коему воссылается слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Страдание святой мученицы девицы Серафимы

Память 29 июля

Во дни страшных гонений, воздвигнутых нечестивыми римскими царями, много верующих пострадали за Христа в различных мучениях. В это время в селении Виндене, в доме одной женщины Савины, которая происходила из знатного рода, проживала девица Серафима, антиохийская гражданка. Своими поучениями она привела и Савину к вере Христовой.

Игемон Берилл послал своих слуг в дом Савины, с приказанием взять святую девицу Серафиму и представить к нему на суд. Блаженная Савина воспротивилась этому и всеми силами старалась не допустить, чтобы посланные взяли девицу. Но святая Серафима сказала ей:

– Госпожа моя и мать! Отпусти меня с ними. Ты только усердно молись за меня Богу. Я уповаю на Господа моего Иисуса Христа и верую, что Он придет ко мне и даст мне силы верно послужить Ему, хотя я и недостойна сего по грехам моим.

Блаженная Савина не решилась, однако, отпустить святую деву с нечестивыми слугами игемона, и вместе с нею пошла сама к игемону. Так как она по своему происхождению принадлежала к знаменитой сенаторской фамилии, то игемон, увидев ее пред собой, пришел в смущение и поспешил отпустить ее домой вместе со святою Серафимой.

Прошло три дня. Игемон распорядился устроить судилище на том месте, где обыкновенно происходил суд, и приказал градоправителям привести Серафиму. Нечестивые властители схватили святую девицу и повели на суд. Блаженная Савина снова последовала за нею. Увидев, что нет возможности освободить Серафиму из рук ее врагов, она закричала игемону:

– Свирепый азиатский пес! Не смей делать зла святой девице Божией. Ты сам погибнешь, ибо с нами Христос Бог наш, и Он казнит и тебя, и нечестивых царей твоих вечными муками за те многочисленные страдания, кои вы изобрели для слуг Бога живого.

Сказав это, Савина с рыданием возвратилась в дом свой.

Тогда игемон обратился к Серафиме с такими словами:

– Принеси жертву бессмертным богам, коим поклоняются и цари наши.

Серафима отвечала:

– Я благоговею и служу Всемогущему Богу, сотворившему небо и землю и всё, что на них находится. Те же, кому ты повелеваешь поклониться, не боги, а бесы; почитать их мне не подобает, ибо я христианка.

Игемон сказал ей:

– Тогда подойди и принеси Христу твоему ту самую жертву, которая уготована нашим богам.

Серафима отвечала:

– Я каждый день приношу Ему жертву, поклоняюсь Ему и молюсь Ему и днем и ночью.

Тогда игемон спросил:

– Где храм Христа твоего? Какую жертву ты Ему приносишь?

Серафима отвечала:

– Жертва, угодная Христу, состоит в том, чтобы я непорочно сохранила в чистоте свое девство, и с Его всесильной помощью привела и других к этому подвигу.

Игемон сказал:

– Это ли церковь ваша и жертва?

Серафима отвечала:

– Нет ничего выше познания истинного Бога и служения только Ему Единому благочестивой жизнью.

Игемон сказал:

– Уж не ты ли сама, как говоришь, церковь для Бога твоего?

Серафима отвечала:

– Так как я соблюдая себя непорочной всесильной помощью Бога моего, то я поистине Его церковь. В нашем Священном Писании сказано: «Вы храм Бога живаго» (2Кор.6:16).

Игемон спросил:

– Но если тебя изнасилуют и растлят твое девство, останешься ли ты тогда церковью для Бога твоего?

Серафима на это ответила словами Священного Писания:

– «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог» (1Кор.3:16–17).

Но игемон не понял этих слов и приказал отдать Серафиму в руки двух бесстыдных юношей, родом из Египта, чтобы они всю ночь пробыли с ней. Эти нечестивые юноши взяли ее и отвели в темную храмину. Святая дева с умилением молилась Господу:

– Господи Иисусе Христе, истинный хранитель и блюститель девства моего, призываю Тебя на помощь! К Тебе взываю, свет и веселие вечное! Ты, посетивший и укрепивший заключенного в темнице Апостола Твоего Павла, призри и на меня и помилуй смиренную рабу Твою. Избавь меня от нечестивой похоти юношей сих. Молю Тебя, пусть потемнеют очи их и не прикоснутся они к рабе Твоей, на Тебя уповающей! Да не осквернят они моего тела, Твоею святыней запечатленного. Посрами их бесстыдство и не попусти моего растления, повели скорее, да преставлюсь к Тебе. Призри и на рабу Твою Савину, благий Иисусе, и укрепи ее силою Твоею, да не восторжествует лютый враг диавол: ибо и она много претерпела в деле моем. Услыши меня, Господи Иисусе Христе, благословенный и преславный и превозносимый со Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

И вот, в первом часу ночи, когда нечестивые юноши хотели совершить свое постыдное дело, вдруг поднялся великий шум и началось страшное землетрясение, которое слышали и все окрестные жители. Юноши как бездыханные пали на землю и все члены их пришли в расслабление. Видя такую скорую помощь Божию, непорочная девица, воздевши руки к небу, со слезами благодарила Господа и всю ночь провела в молитве. Ранним утром явились посланные от игемона спросить юношей, исполнили ли свое хотение. Войдя в храмину, они увидели, что святая дева молится, а юноши лежат, как мертвые, не имея силы ни встать, ни сказать что-либо; и только открытые очи свидетельствовали, что они еще живы. Собралось множество народа посмотреть на это чудо. Услыхав о происшедшем, игемон снова повелел представить к нему на суд рабу Божию Серафиму и сказал ей:

– Удовлетворено ли, Серафима, твое плотское желание, или ты всё еще распаляешься похотью?

Святая Серафима отвечала:

– Ты, как я вижу, имеешь развращенное сердце и диавол в нем обитает; потому ты так и кощунствуешь. Но я не познала тех юношей, о которых ты говоришь, и даже не чувствовала, были ли они со мною.

Игемон сказал:

– Так ты утверждаешь, что они не провели с тобою всю ночь?

Серафима отвечала:

Со мной был Тот, Кому я служу как раба и Кто стяжал меня Своею кровию.

Игемон спросил:

– Кто же это?

Серафима отвечала:

– Хранитель и блюститель мой, Господь Иисус Христос.

Игемон сказал:

– Для чего так много непотребного говоришь ты? Скажи лучше, каким волхвованием ты привела тех юношей в расслабление?

Святая Серафима отвечала:

– Нам, христианам, не подобает учиться волшебству, а кого убиваете вы своим злодейским волшебством, тех оживляет наш Господь и всех Владыка Иисус Христос, когда призывают Его помощь.

Игемон сказал:

– Если твой Христос может преодолеть всю волшебную хитрость, то призови Его, чтобы Он возвратил этим юношам былую их телесную силу. Тогда мы можем узнать от них самих, что они делали у тебя всю ночь. Сам я почти уверен, что ты каким-нибудь злым волхвованием лишила их рассудка, чтобы они не могли возвестить о твоей нечистоте.

Серафима отвечала:

– Бог, Коему я служу, всемогущ, и нет для Него ничего невозможного.

Игемон сказал:

– Так сделай же, чтобы юноши пришли в себя, чтобы возвратилось их здоровье и они могли говорить.

Серафима отвечала:

– Ты всё еще думаешь, что я волшебница. Но я совсем не ведаю волшебной хитрости. Я приношу Богу моему свои молитвы, по которым Он подает просимое не одной только мне, но и каждому, кто призывает Его всем своим сердцем.

Игемон сказал:

– Делай, что хочешь, только пусть юноши получат способность говорить, и мы уведаем, сохранила ли ты свое девство.

Серафима отвечала:

– Я уже сказала тебе, что не знаю волхвования: я только могу молить Бога, чтобы Он явил Свою милость.

Игемон сказал:

– Иди же к тому месту, где находятся юноши, и помолись о них Богу твоему.

Серафима отвечала:

– Мне идти туда неприлично; ибо тогда другие лишены будут возможности видеть это чудо и по своему неверию также подумают о мне, как думаешь и ты, что я волшебница. Лучше прикажи принести омертвевших юношей сюда.

Игемон дал повеление принести юношей на место суда. Когда их принесли, все изумились, глядя на них. Они были в таком великом расслаблении, что, казалось, не имели ни языка, ни рук, ни ног.

Игемон сказал:

– Серафима! Помолись теперь своему Богу, чтобы юноши выздоровели.

Тогда святая Серафима, воздев руки к небу, стала молиться с умилением:

– Всесильный Господи Боже! Ты сотворил небо, землю и море, и всё, что на них. Ты, через Своих учеников и Апостолов, воскрешал мертвых, исцелял прокаженных, подавал немым речь и глухим слух. Услыши ныне меня, рабу Твою, на Тебя уповающую. Не презри моления моего и не отвратися от меня из-за неверия несчастного правителя этого, но даруй исцеление

юношам сим, пред лицом всех ожидающих сего чуда. Пусть посрамится безумец, который неистовством возбужденный воздвиг гонение на верующих в Тебя. Поспеши, Господи, явить силу Твою, да познают, что Ты един Бог, творящий чудеса, и нет иного, кроме Тебя.

Помолившись так, святая Серафима подошла к юношам и, прикоснувшись к ним, возгласила:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю: встаньте на ноги!

Юноши тотчас же встали и начали говорить. Увидев это, все пришли в ужас и удивлялись.

Но игемон сказал:

– Разве вы не заметили, что она не могла исполнить свою волшебную хитрость до тех пор, пока не прикоснулась к юношам руками?

После этого он обратился к юношам и спросил:

– Как могла эта женщина лишить вас ума и телесной силы?

Юноши отвечали:

– Господин игемон! Когда мы по твоему повелению вошли к ней, то вдруг явился какой-то юноша, прекрасный и весь блистающий как солнце. Он стал посередине между нами и девицей. От необычайного его сияния напал на нас страх, трепет и тьма, и полное расслабление. С того часа и до сего времени мы пребывали в таком состоянии. Рассуди теперь сам, волшебница ли она, или воистину велик ее Бог.

Игемон обратился к Серафиме и сказал:

– Объясни мне, Серафима, какою хитростью ты это сделала, и я тотчас тебя отпущу.

Серафима отвечала:

– Я возненавидела учение злое, да и все христиане могут отогнать всякое волшебство и чародейство, и никакого от них вреда не испытают, если только призовут имя Господа своего.

Игемон сказал ей:

– Вижу я, как много можешь ты сделать своим волхвованием; однако, вот что скажу тебе: если ты не принесешь жертвы моим богам, то прикажу отсечь твою голову.

Серафима ответила:

– Делай, что тебе угодно, но я бесам твоим жертвы не принесу, и не исполню воли сатаны, отца твоего, ибо я христианка.

Тогда игемон приказал опалять ее тело двумя свечами. Но свечи вдруг погасли, а те, кто опалял, упали на землю. Святая Серафима, возведя очи к небу, говорила:

– Господи Иисусе Христе, пусть устыдятся и посрамятся все мои враги.

Игемон сказал ей:

– Принеси жертву богам, чтобы не умереть тебе в мучениях.

Серафима отвечала:

– Я для того и не приношу жертвы вашим бесам, чтобы не умереть вечною смертью.

Игемон сказал ей:

– Безумная и беснующаяся! Послушайся царских повелений, поклонись бессмертным богам и освободишь себя от мучений и гибели.

Серафима отвечала:

– Сами вы одержимы бесами и безумны, ибо отрекаетесь от Бога живого и истинного и поклоняетесь бесам, с коими вместе и погибнете. Я же приношу себя в жертву бессмертному Богу, только бы Он благоизволил принять меня, хотя и грешную, но истинную христианку.

Тогда игемон повелел бить ее палками. Когда это было исполнено, внезапно поднялось великое землетрясение. От одной из палок, которыми били святую, отскочил обломок и попал в правый глаз игемону, и через три дня он ослеп.

Тогда игемон пришел в великую ярость и издал такой приказ:

– Серафиму, не только презирающую царские заповеди, но и повинную в великих злодеяниях, повелеваем убить мечом.

И святая дева Серафима была обезглавлена.

Благородная Савина, с великим благоговением взявши ее святое тело, совершила погребение его с почестями, подобающими такой деве и мученице Христовой, и как великое сокровище и драгоценнейшую жемчужину положила в своем

новом гробе, воссылая хвалу Христу, истинному Богу, со Отцом и Святым Духом славимому вовеки. Аминь.

Страдание святого мученика Каллиника

Память 29 июля

Святой мученик Каллиник родился в Киликии и был воспитан в христианском благочестии. Достигши зрелого возраста, Каллиник увидел, как много людей держится языческого нечестия; помраченные бесовскою прелестью, они далеки от Владыки Христа, веруют в камни бездушные и приносят жертвы идолам. Горько плакал Каллиник о погибели этих людей и решил начать открыто их учить познанию истины, чтобы обратились они от своего заблуждения и уверовали во Христа Бога. Проповедуя, подобно Апостолам, слово Божие, прошел Каллиник многие города и селения, и прибыл, наконец, в галатийский город Анкиру. В этом городе он оставался довольно долгое время. Заботясь о спасении душ человеческих и трудясь во благовестии Христовом, он многих обратил ко Христу. За это он был схвачен неверными и представлен на суд князю Сакердону. Сакердон был усерднейший служитель идолов, враг Христов и лютый гонитель христиан. Приведя к нему Каллиника, нечестивые возопили:

– Вот чужестранец Каллиник, который научает людей, чтобы они не приносили жертв богам и не поклонялись им, и многих он уже прельстил.

С яростью взглянув на святого, князь грозно стал его допрашивать:

– Как ты осмелился, безумец, будучи здесь пришлецом, развращать народ, научая его оставить богов, которые мир сотворили и которых почитает царь, и все власти, и вся вселенная? Разве не ведаешь ты их могущество?

Святой кротко отвечал ему:

– Раб я Христов. Видя, как люди идут к погибели, я болею за них сердцем, и сколько могу, стараюсь добрым учением обратить их от тьмы к свету, и от погибели ко спасению Ибо в наших книгах написано: «обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов»

(Иак.5:20). Хотел бы я и тебя привести к свету от обдержащего тебя бесовского помрачения и наставить на истинный путь.

Князь, исполненный гнева, сказал:

– Ужели ты хочешь и думаешь, чтобы я отверг богов и, послушав твоих безумных слов, предпочел блаженной жизни горькую смерть. Нет, никогда! Наоборот, я убежду тебя, даже против твоей воли, поклониться нашим богам. Ибо я предам тебя лютым мучениям и тогда посмотрю, придет ли твой Бог, чтобы избавить тебя от моей власти. Не пощажу твоего тела до тех пор, пока ты не познаешь силы и власти богов, и не принесешь им жертвы.

Святой мужественно отвечал Сакердону:

– Всякое мучение ради Господа моего для меня так же желанно, как голодному пища. Не медли поэтому и не трать времени на угрозы, а начни на деле свое мучительство. Вот тело мое – оно готово на муки. В душе же моей Сам Бог, Который уготовит мне спасение, а тебе погибель.

Еще более разгневанный, князь сказал:

– Несчастный! Как ты смеешь досаждать мне такими речами? Клянусь богами, что не помилую я тебя, но сдеру тело твое с костей, всякое мучение измыслю для тебя, до тех пор, пока не погибнешь ты лютой смертью.

Святой отвечал:

– Сквернейший из всех нечестивцев! Доколе ты будешь напрасно терять время в своей ярости, а к делу не приступать. Предавай мучению меня, и уведай мужество и великодушие подвижника Христова, ожидающего принять от своего Спасителя победный венец.

Тогда мучитель повелел обнажить мученика и бить его без пощады воловьими жилами. Долго били святого, а глашатай восклицал:

– Каллиник, познай богов и призови их, и они избавят тебя от мук!

Но святой мученик смеялся над мучителем и муками, и громко говорил:

– Ты грозил мне великими мучениями, а налагаешь самые слабые муки. Нанеси мне большие раны, предай лютейшему

мучению: ибо я ни огня не боюсь, ни меча не ужасаюсь, смеюсь над смертью, так как жду от Бога моего вечной жизни.

Тогда князь повелел повесить страстотерпца на дереве и строгать его тело железными гвоздями. Так острогали его плоть до костей.

Но святой продолжал смеяться над этим мучительством, как будто мукам подвергалось не его, а чужое тело, и говорил князю:

– Прикажи еще сильнее строгать меня, ибо чем больше строгаешь мое тело, тем больше насыщаешь душу мою: мне помогает Христос; укрепляемый Его благодатью, я не ощущаю боли от мучений.

После того мучитель велел снять с древа страдальца Христова, обуть его в железные сапоги, с острыми гвоздями внутри, вести в город Гангры, отстоящий от Анкиры в восьмидесяти поприщах, и там сжечь его. Так он решил сделать потому, что в этом городе Каллиник обратил весьма многих ко Христу. Он думал, что, увидев мученическую кончину Каллиника, эти новообращенные ужаснутся и возвратятся к прежней вере. Итак, лютый князь предал воина Христова в руки своих жестоких солдат и отдал им приказ – самим ехать на борзых конях, а мученика гнать пред собою впереди, понуждая его побоями идти скорее. Обутый в железные сапоги с гвоздями, мученик ходил, как бы не ощущая боли от гвоздей, и воспевал псалом Давидов: «Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Пс.39:2–3).

Так отправился он в назначенный путь и шел скоро, без всякого принуждения, впереди всадников.

Когда они прошли шестьдесят поприщ и пришли на место, называемое Матрика, воины от сильного солнечного зноя, – ибо был июль месяц, – стали мучиться жаждой. Воды на пути нигде не было, и воины изнемогали сами, и кони их едва дышали. Тогда они возопили к святому со слезами:

– Раб истинного Бога, помилуй нас, отчаявшихся в самой жизни нашей. Умоли Бога твоего, чтобы Он дал нам воду, и мы

не умерли. Слышали мы, что Бог твой всемогущ. Забудь же, что мы тебе причинили страдания: не по нашей воле, а по повелению князя мучили мы тебя.

Видя, что они умирают от жажды, святой Каллиник пожалел их и, желая сделать добро врагам своим, стал около случившегося на дороге камня, и, возведя очи на небо, стал молиться:

– Владыка неба и земли, и моря, и всей твари! Ты в древности напоил водою из камня странствующих в пустыне Моисея и бывший с ним народ. Покажи и ныне чудеса Твои: пусть, по Твоему повелению, из камня сего потечет вода, и напоит этих жаждущих, чтобы и тем, кто не ведает Тебя, были явны преславные дела Твои и прославилось Твое святое имя.

Как только он окончил молитву, тотчас из камня забил источник живой воды. Все пили, утоляли жажду и громко взывали:

– Велик Бог христианский, и славен более всех!

С того часа сей источник не переставал давать воду в незабвенную память чуда Божия, совершившегося по молитвам мученика.

Достаточно прохладившись, воины и кони их остальной путь совершили уже без труда и прибыли в Гангры. Не хотелось им предавать на смерть своего благодетеля Каллиника, избавившего их в пути от гибели. Но боясь, что князь, разгневавшись, их самих предаст смерти, они исполнили повеление княжеское. Разжегши печь, они поставили мученика близ самого пламени. Он же, радуясь и веселясь, осенил себя крестным знамением и стал молиться:

– Отче небесный! Благодарю Тебя, что Ты удостоил меня умереть за имя Твое святое. Прими в мире дух мой и посрами Твоих врагов, всесильный Боже!

С такими словами вошел он в самую средину пылавшей огнем печи, и возлегши предал святую свою душу в руки Божии. Когда печь погасла, честное тело его найдено было невредимым. Верующие взяли его и погребли с подобающею честию, прославляя Отца, Сына и Святого Духа, единого в

Троице Бога. Да будет Ему и от нас честь и слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Горняя красная достойно ныне наследовал еси: Христовою бо зело любовию разжегся, на огнь Каллиниче тем мужественно дерзнул еси. Емуже и ныне предстоя, не престай моля о всех нас.

Святые апостолы Сила, Силуан, Крискент и другие с ними

Память 30 июля

Святой Апостол Сила, которого старшие Апостолы избрали на служение делу проповеди Слова Божия, нес большие труды во благовестии учения Христова, сначала вместе со святым верховным Апостолом Павлом, а потом и один, без него. Когда от Иерусалимского собора было составлено к Антиохийской церкви послание о том, чтобы не обрезывать язычников, принимающих святую веру Христову, святой Сила был послан сюда вместе с другими заслуженными мужами, как об этом пишет святой Лука в Деяниях апостольских:

– «Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избравши из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей начальствующих между братиями» (Деян.15:22).

Пришедши в Антиохию, они собрали народ и отдали послание. Прочитавши его, все очень обрадовались полученному наставлению. Иуда же и Сила, обладая даром пророчества, усердно наставляли верующих, утешая и утверждая их в вере. Сила пожелал остаться в Антиохии, а Иуда возвратился в Иерусалим. После этого Апостол Павел возымел намерение для проповеди пойти в другие страны и в спутники себе избрал святого Силу. Порученные братией благодати Божией, они отправились и побывали в Сирии и Киликии, утверждая здесь церкви. Проходя через Дервию и Листру, они встретили там Тимофея и вместе с ним пошли в Македонию. Когда они были в Филиппах, то изгнали пытливого духа из одной служанки, которая через прорицания доставляла большой доход своим господам. Когда последние увидали, что пропала надежда дохода их, то схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам, обвиняя их в том, что они возмущают жителей города. Собралось много народа, а начальники, сорвавши одежды с Павла и Силы, повелели бить

их палками. После многих ударов, они заключили святых Апостолов в темницу, заковав ноги в колодки. В полночь, когда Павел и Сила, воспевая, молились Богу, вдруг произошло такое великое землетрясение, что темница заколебалась, двери сами собой открылись и оковы ослабели. Темничный сторож пробудился и, увидевши, что двери темницы открыты, выхватил нож и хотел себя убить, думая, что узники убежали, но Апостол Павел, отозвавшись к нему, удержал его от самоубийства. С трепетом сторож припал к Павлу и Силе, а затем вывел их из темницы и привел в свой дом, где омыл их раны, и крестился сам и все домашние его. Отсюда святые Апостолы Павел и Сила пошли в Амфиполь, Аполлонию и Солунь. Многие из греков и немало благородных женщин присоединились к ним. Евреи же, из зависти и непокорства, пригласивши некоторых негодных людей, возмутили против Апостолов народ и стремились погубить их. Братья ночью отослали Павла и Силу в Берию, но и здесь пришедшие из Солуни евреи возбудили народ против проповедников Слова Божия. Поэтому Павел ушел в приморские страны, а Сила и Тимофей остались здесь. Ушедши через несколько дней, они нашли святого Павла в Коринфе (Деян. 16:1–40, 17:1–34, 18:1–28). Здесь святой Сила стал епископом. Потрудившись довольно времени в проповедовании Слова Божия и совершивши в течение жизни некоторые знамения и чудеса, он отошел ко Господу.

Святой Апостол Силуан трудился в проповедовании Слова Божия вместе с верховными Апостолами Петром и Павлом; они оба в своих писаниях упоминают о нем. Святой Петр в первом своем соборном послании пишет так:

– «Сие кратко написал я вам через Силуана, верного, как думаю, вашего брата» (1Пет.5:12).

Святой Апостол Павел во втором послании к Коринфянам тоже говорит:

– «Сын Божий Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном» (2Кор.1:19).

Отсюда ясно, что святой Силуан с каждым из верховных Апостолов трудился в проповедании учения Христова, будучи участником в их трудах и болезнях. В Солуни же он был

епископом и, подъявши много скорбей ради веры, отошел здесь ко Христу, венчающему все подвиги.

О святом Апостоле Крискенте вспоминает святой Апостол Павел во втором послании к Тимофею, говоря: «Крискент в Галатию» (2Тим.4:10), т.е. был послан на проповедь. В Галатии же он был епископом: затем проповедовал о Христе в Галлии и в городе Виенне поставил епископом своего ученика Захарию, возвратился снова в Галатию, и здесь мученически скончался в царствование Траяна[4928].

О святом Апостоле Епенете также вспоминает Апостол Павел в послании к Римлянам: «Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа» (Рим.16:5). Епенет был епископом в Карфагене.

В том же послании к Римлянам Апостол Павел вспоминает и Апостола Андроника: «Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа» (Рим.16:7)[4929].

Кондак, глас 4:

Лозие явистеся Христова винограда, гроздие приносяще мудрии в добродетелех, вино нам спасения источающе: еже приемлюще веселия исполняемся, празднующе всечестную вашу память, в нюже молитеся о оставлении грехов наших, Господни апостоли.

Страдание святого священномученика Валентина

Память 30 июля

В Омврии, итальянской области, в городе, называемом Интерамна, был епископом святой Валентин, получивший от Бога дар врачевания. Он, исцеляя в людях всякие болезни и недуги молитвой и призыванием пресвятого имени Иисуса Христа, обращал неверных от идольского служения к Богу (в то время языческое многобожие еще господствовало в мире и нечестивые цари, владевшие западом и востоком, преследовали христиан). В эти дни три схоластика[4930], родом из Афин[4931] веры языческой и по имени: Прокул, Ефив и Аполлоний, пришли для учения в Рим, желая получше ознакомиться с языком и римской наукой. Они нашли одного ученого наставника, опытного в обоих языках: латинском и греческом, по имени Кратона, поступили к нему в учение и жили в его доме. Случилось одному из сыновей Кратона, именем Херимону, сильно заболеть; болезнь состояла в том, что хребет его согнулся, голова очутилась между колен, и он никак не мог выпрямиться. Многих врачей призывали, но они никакой пользы не могли принести больному. Страдал он таким образом около трех лет и потерял всякую надежду на исцеление. Пришел как-то в дом Кратона трибун[4932], по имени Фронтон; увидевши больного, он сказал:

– Такая болезнь была у моего родного брата, и он получил исцеление от некоего христианского епископа, называемого Валентином, который живет в городе Интерамне.

Сообщивши об этом, трибун советовал Кратону послать к сему епископу своего больного сына; сказал он о своем брате еще и то, что он, получив исцеление, не пожелал оставить епископа и, привлекаемый его добротой, привязался к нему любовью. Услышавши всё это, Кратон послал к епископу некоторых почетных, верных и преданных ему, мужей с просьбой, чтобы он пришел к нему, так как невозможно было в такой путь отправлять больного отрока. Человек Божий для

славы Господней не поленился прийти из своего города в Рим к пригласившему его мужу, и принят был им с большой честью. Показавши святителю больного Херимона, Кратон стал просить, чтобы он исцелил сына, как исцелил брата трибуна. Святой Валентин сказал:

– Если ты хочешь, будет исцелен сын твой.

– Половину своего имения не пожалею отдать тебе, если ты только можешь исцелить сына моего, – ответил Кратон.

– Удивляюсь, – возразил святой, – тебе, что ты, будучи мудрым учителем, не понимаешь сказанных мною слов. Опять говорю тебе, если пожелаешь, выздоровеет больной, ибо если уверуешь во Христа моего, всё будет возможно для верующего. Верующий несравненно более приятен Богу чем неверующий, который полагает свою надежду в мирских и ничтожных вещах и почитает за богов изображения некогда живших злых людей, сделанные из дерева, камня или какого-либо вещества. Как возможно допустить, чтобы богами были те, которые, будучи погружены в дурные дела и упражняясь в жестоких мучениях, ни одного часа не имеют свободного от мерзостных беззаконий? Если веру, предлагаемую тебе мною, ты примешь, отказавшись от языческого нечестия, и возложишь свою надежду на Единого Бога, невидимого и всемогущего, то будет дано здоровье твоему сыну, как ты желаешь. Ту же половину имения, которую ты предлагаешь мне, раздай нищим, пусть они молят Бога о тебе и твоем сыне. Меня же ты никаким образом не убедишь, чтобы я что-либо взял от тебя за исцеление твоего сына; прошу только одной веры. Итак, веруй в Сына Божия Иисуса Христа, что Он есть истинный Бог, откажись от всех своих идолов, и ты увидишь своего сына здоровым.

Кратон сказал на это:

– Хотя я не знаю, в чем собственно состоит ваша вера, но слышал, что всякий спасается по своей вере; вера одного не может помочь другому и наоборот, чье-либо неверие не может повредить другому.

Святой епископ отвечал:

– В жизни человеческой есть такое, что не может другим ни помочь ни повредить; и отеческое неверие не может вредить

вере сыновней, но в нужде и при исцелении больных вера одного может способствовать другому, например, верой отец в состоянии помочь сыну, сестра брату и господин рабу. В Писании мы читаем, что сотник по вере получил выздоровление своего умирающего раба (Мф.8:5–13); начальник синагоги свою умирающую дочь увидал возвращенной к жизни (Мф.9:23–25), а сестры, плачущие о своем умершем и погребенном брате Лазаре, увидали его на четвертый день воскресшим по слову Господа, и возрадовались (Иоан. 11:1–44). Есть и другие многочисленные примеры в Ветхом и Новом Завете, ясно показывающие, что вера одного может помочь другому. Бывает и так, что неверие одного приносит вред другим, например, неверие одного человека фараона причинило различные казни всему Египту и даже погубило его со всем его воинством.

Слушая эти и подобные им речи епископа, учитель Кратон пал к ногам его и сказал:

– Верую в Проповедуемого тобой, что Он есть Истинный Бог и нет другого, кроме Того, Кто повелевает болезням и смерти уйти, и они уходят; повелевает жизни – и возвращается.

Святой епископ Валент на это сказал ему:

– Веру христианскую следует обнаруживать не только словами, но и делом.

– Каковы же, – спросил учитель, – те дела, которыми может обнаружиться вера?

– Откажись, – поучал епископ, – от идолов, сделанных руками человеческими, и прими святое омовение, чтобы причислиться к сынам Божиим.

– Каким же образом, – спросил Кратон, – вода, омывающая только телесную скверну, может очистить от грехов?

– Вода, – разрешил его недоумение святой, – когда над ней будет призвано имя Пресвятой Троицы, получает таинственно Духа Святого, Который и очищает все грехи крещающегося в сей воде человека.

– Наша беседа всё растягивается, – сказал Кратон, – а жизнь сына моего Херимона сокращается.

Святой Валентин на это сказал:

– Если ты не будешь веровать тому, чего никогда не мог ни слышать, ни видеть, сын твой не может быть здоров.

– Что же это такое, – недоумевал Кратон, – чего я не мог ни видеть, ни слышать?

– Слышал ли ты, – пояснял святитель, – когда-либо про Деву, непорочно зачавшую и родившую и по рождении оставшуюся Девой? Видел ли ты кого-либо, ходящего по морю, как по суше? Слышал ли ты, чтобы кто одним словом укрощал бурю морскую, чтобы Он в конце концов был распят, умер, погребен, в третий день воскрес из мертвых, на глазах многих вознесся на небо, причем Ангелы, ясно явившиеся людям, засвидетельствовали, что Он снова придет с неба судить живых и мертвых? Если ты веруешь сему, что всё так произошло, то приступи и прими крещение, чтобы и сын твой получил здоровье и ты сам сподобился жизни вечной.

– Всё, что ты говоришь, сделаю, – согласился учитель, – только пусть сын мой будет здоров.

На это сказал святой епископ:

– Так как вся премудрость, мирская, которой ты учителем считаешься, пред Богом ничтожество и ты не можешь так совершенно веровать, как требует самая вера, то дай мне слово, что ты со всем своим домом обратишься ко Христу и крестишься после того как сын твой по моей вере получит здоровье!

Тогда учитель Кратон, призвавши жену свою и всех домашних, пал к ногам святителя, и все обещались сделаться христианами, если исцелеет Херимон. Были здесь и вышеупомянутые юноши: Прокул, Ефив и Аполлоний, они также, желая выздоровления сыну своего учителя, обещались сделаться христианами. После этого святой епископ повелел приготовить отдельную комнату и пребывать в молчании день и ближайшую ночь; сам же, взявши в эту комнату больного, затворился с ним в одиночестве. Больной был согнут телом, как бы в круглый клубок: голова была между коленами, ноги на плечах и спине. Ни одна часть тела не была свободна, не в состоянии об был даже языком говорить и только стонал; никто из врачей не мог ни понять, ни излечить этой болезни. Святой

епископ Валент, взявши свою власяницу, на которой он обыкновенно молился, постлал ее на землю и положил на нее больного полумертвого отрока, а сам всю ночь молился и славословил Бога. В полночь в той комнате воссиял небесный свет, так что находящимся вне казалось, как будто внутри загорелся огонь, а после полночи отрок встал здоровым и начал громким голосом хвалить Бога. Родители и все бывшие в доме, услышавши голос Херимона и произносимые им слова, очень обрадовались, так как в течение трех лет они слышали только его стоны. Подошедши к дверям, они начали стучать и просить святого, чтобы он открыл им и они увидели бы Херимона. Но святой ответил, что он не откроет им до тех пор, пока не совершит своих обычных молитв; и ждали они до утра, радуясь случившемуся. Когда начался день, святый епископ открыл дверь и, выведши отрока совершенно здоровым, как будто он никогда и не болел, передал его родителям. Тогда учитель Кратон со всем своим домом уверовал во Христа и крестился; все радовались духом о Боге, Спасителе своем.

Исцелившийся отрок Херимон, по принятии крещения, не пожелал оставить своего врача святого Валента; точно так же и вышеуказанные три юноши, оставивши после крещения мирскую мудрость, привязались со всем усердием к духовному учителю Божиему архиерею и стали его учениками, подражателями его святой жизни и искателями своего спасения. И другие схоластики одних с ними лет юноши и отроки, побуждаемые их увещаниями и примером честной и целомудренной жизни, обращались к вере Христовой и святому крещению, так что стало стекаться к ним множество схоластиков, которые послушавши их богодухновенного учения, научались небесной мудрости и вступали на путь истинный. Когда же сын начальника города, именем Авундий, уверовавши во Христа и крестившись, возгорелся Божественной ревностью и явно пред всеми исповедал себя рабом Христовым, то отец его и другие начальники сильно разгневались, схватили первоучителя христианской веры святого епископа Валента и беспощадно били его; они склоняли его к идолопоклонству, но он не пожелал исполнить воли их; поэтому его снова мучили

еще более люто и затем заключили в темничные оковы. Святой же радовался, что сподобился пострадать за Христа, Господа своего, и украшенный подобно апостолам принятыми ранами, как дорогими украшениями, хвалился ими и говорил:

– Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем (Гал.6:17) и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых (Кол.1:24).

При этом своих учеников, приходивших к нему в темницу, он укреплял в святой вере. Узнавши об этом, начальник сильно разъярился и, пославши за ним ночью, вывел его из темницы и отсек ему голову. Так окончил свой страдальческий подвиг святой епископ Валентин. Ученики святителя Прокул, Ефив и Аполлоний, взявши честное тело его, отнесли в город Интерамна, купили в предместье небольшую часть земли и погребли с честью, пребывая при гробе несколько дней и ночей в посте, молитвах и славословии Господа. К ним собирались бывшие в городе верующие и множество неверных; последние, послушавши их душеспасительных речей и Христовой проповеди, просвещались верой. Спустя некоторое время об этом стало известно градоначальнику Леонтию, и он, схвативши этих трех отроков, посадил их в темницу. Когда же увидел, что народ волнуется и жалеет их, так как все любили их, то приказал ночью убить их: днем осудить их на смерть он боялся, чтобы волнующийся народ не отнял их. Так святые мученики ночью были усечены мечом и отошли к немерцающему свету Небесного Царствия. Вышеупомянутый святой Авундий, сын римского начальника, когда пришел к своим возлюбленным друзьям и узнал об убиении их, очень опечалился; взявши честные тела, он с честью похоронил их при гробе своего учителя святого Валента, прославляя Господа Иисуса Христа, Который живет и царствует со Отцом и Святым Духом в бесконечные веки веков. Аминь.

Страдание святого мученика Полихрония

Память 30 июля

Нечестивый Римский царь Декий[4933], замучив многих христиан, отправился со всем своим войском в Персию; победивши персидское воинство и взявши в плен страну, он овладел областями: Вавилонией, Вактриною, Иркaнией, Ассириею; нашедши в этих землях многих христиан, царь стал их преследовать и всячески мучить. Был тогда в Вавилоне епископ Полихроний, а с ним три пресвитера: Пармений, Елима и Хрисотель и два диакона: Лука и Муко; схвативши их, Декий приказал тотчас вести их для принесения идольской жертвы. Но святой Полихроний смело сказал:

– Мы самих себя приносим в жертву Господу нашему Иисусу Христу; бесам же и ничтожным идолам, сделанным руками человеческими, никогда мы не поклонимся.

Декий приказал епископа с пресвитерами и диаконами заключить в темницу, а сам начал строить в городе Вавилоне храм своему мерзкому богу Сатурну, которому сделал и позолоченного идола. В Рим к начальнику Валериану он написал о своей благополучной победе над персами, которая, по его мнению, дана была ему от богов, и приказал устроить в Риме большой праздник в честь богов, христиан же мучить и убивать.

Валериан поступал в Риме согласно этому приказанию царя. Когда мерзкий храм Сатурну был окончен в Вавилоне, нечестивый Декий призвал на свой суд епископа Полихрония с пресвитерами и диаконами и сказал:

– Ты тот богохульник, который ни богов не почитает, ни царских повелений не исполняет?

Святой епископ, не отвечая ни одним словом, стоял молча. Тогда царь обратился к пресвитерам и диаконам:

– Начальник ваш онемел!

Но пресвитер Пармений сказал:

– Не онемел отец наш, но не желает осквернять своих чистых и святых уст, исполняя повеление Господа нашего

Иисуса Христа, сказавшего: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф.7:6). Хорошо ли чистые уста осквернять гноем?

Разгневанный Декий сказал:

– Так мы гной?

И тотчас приказал пресвитеру отрезать язык. Когда святому Пармению отрезали язык, он, несмотря на это, ясно произнес, обращаясь к святому Полихронию:

– Святой отче, молись за меня, ибо я вижу на тебе Царя – Духа Святого, Который твои уста закрывает, а в мои влагает медяной сот.

Так дивен Бог во святых Своих: имеющему язык повелевает молчать, а тому, у кого язык отрезан, дает дар слова, чтобы показать Свою всемогущую силу. И сказал Декий епископу:

– Полихроний, принеси жертву богам и будешь мне другом, и новый храм Сатурна я поручу тебе.

Епископ ничего не ответил ему. Декий, пришедши в ярость, приказал камнем бить его по устам, святой же, когда его били, воздевши руки к небу и подняв глаза, испустил дух. Декий оставил тело мученика поверженным пред храмом Сатурна. В ближайшую ночь два благородные мужа, из персидских князей, по имени Авдон и Сеннис, тайные христиане, взяли сокровенно тело святого епископа Полихрония и погребли его близ городской стены. Декий же отправился в город Кордуву, находившийся в стране Персидской, и приказал узников, пресвитеров и диаконов, вести за собой закованными в железо.

Когда святых вели, то железные оковы спадали с их шеи и рук. Пришедши в город Кордуву, Декий приказал представить на суд приведенных узников и сказал им:

– О безумные, и вы желаете погибнуть, вот предлагаю вам принести жертву бессмертным богам!

Но пресвитер Пармений, которому был отрезан язык, громко ответил:

– О окаянный, убеждающий нас поклониться идолам, сделанным руками человеческими! лучше ты поклонись Господу

нашему Иисусу Христу: если не поклонишься Ему, то погибнешь вместе с богами твоими.

Декий приказал всех их повесить для мучений. Но святые и в таком положении благодарили Бога, говоря пресвитеру Пармению:

– Молись о нас, отче!

Он же сказал:

– Бог, Отец Господа нашего Иисуса Христа, пусть даст нам в утешение Духа Святого, Который царствует во веки веков.

И все ответили:

– Аминь!

Декий же в ярости вскричал:

– Вот волшебство! Человек без языка говорит: не есть ли это явное доказательство волшебства?

На это пресвитер Пармений ответил:

– Господь наш Иисус Христос, давший некогда немому язык, и мне грешному, при отрезанном языке, дал способность говорить; ты же и имея язык и говоря, – нем, так как не славишь истинного Бога!

Декий приказал жечь их огнем, прикладывать раскаленные железные доски к бокам и железными крючьями терзать тела их. Когда так мучились святые, послышался голос с неба, сказавший:

– Приидите ко Мне, смиренные сердцем!

Декий, услышавши этот голос, объяснил и его волшебством, и приказал снять мучеников и отсечь им головы, а тела их бросить за городом на дороге и приставить сторожей, чтобы кто-либо не взял их и не предал погребению. Так окончили свое мучение за Христа святые страстотерпцы три пресвитера: Пармений, Елима и Хрисотель и два диакона: Лука и Муко. Брошенные тела их выше названные два князя, которые вместе с царем пришли сюда, ночью похитили и погребли в своем селе близ Кордувы. В это же время царь Декий послал по всей Персии искать христиан и мучить их; некоторые из слуг его сказали ему:

– Царь, те пленники, которых ты помиловал и которым дал жизнь и свободу, христиане; они собирают тела христианские,

погребают их на своем селе и богам не кланяются, даже приказаний твоих не исполняют.

– Кто эти нечестивцы? – с гневом спросил царь. Слуги назвали Авдона и Сенниса. немедленно царь приказал позвать их к себе и, когда они явились, сказал:

– Неужели вы настолько безумны, что не понимаете, что не по иному чему вас победили и покорили под власть римскую, как за непочтение к богам?

На это они ответили:

– Потому Христос и сделал нас победителями над диаволом, что мы презираем богов ваших.

С гневом Декий сказал им:

– Вы не знаете разве, что жизнь ваша в моих руках?

– Жизнь наша, – ответили святые,– в руках Бога нашего и мы кланяемся Тому, Кто сошел с неба на землю для нашего спасения.

Декий приказал заковать их железными веригами и заключить в тесную темницу. Святые, когда их заковали в цепи, сказали:

– Вот слава наша, которую мы всегда надеялись получить от Господа нашего!

В тот же день два другие благородные мужа Олимпий и Максим были обвинены пред царем, что они христиане, и царь, тотчас взявши их, приказал бить их палками без допроса, говоря:

– Не достойны они того, чтобы слушать слова их, так как они не почитают богов, и заслуживают смерти, считая своим Богом умершего человека.

Святой Максим возразил на это:

– Хорошо ты сказал «умершего», но почему не сказал также и «воскресшего?»

– Назовите нам сокровища ваши, – сказал Декий.

Отвечал святый Олимпий:

– Сокровище наше, золото, серебро и всякое богатство есть Господь наш Иисус Христос, ради Которого мы не щадим здоровья нашего и презираем все богатства земные!

Когда святых жестоко били, они говорили:

– Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, что Ты благоизволил сопричислить нас к рабам Твоим!

Декий всё больше приходил в ярость и приказал бить мучеников оловянными прутьями; потом передал их своему наместнику, некоему Анисию, который продолжал мучить их и, наконец, отсек им головы секирой, а тела их бросил на съедение псам. Пять дней лежали тела не погребенными и ничто не коснулось их; на шестой день христиане, взявши ночью честные останки, погребли их с честью.

После этого нечестивый Декий пошел в Рим, и с ним были ведены закованные в цепи святые мученики из Персии Авдон и Сеннис, которых Декий вел при себе для своей славы, чтобы устроить зрелище римлянам. В это время начальник Валериан в Риме взял святого папу Сикста, его клир и многих христиан и заключил их в темницу. Много дней папа находился в темнице; сюда приходили к нему тайные христиане, приносили своих детей, приводили также родственников и знакомых, которые от идольского нечестия обращались ко Христу; они были в темнице крещены папой. В эти дни Декий со славой и великим торжеством вступил в Рим, ведя за собою двух персидских князей Авдона и Сенниса, как пленников. Затем, после этого, Декий созвал весь римский сенат вместе с начальником Валерианом и представил им приведенных из Персии князей, связанных цепями, но одетых по-княжески; хотя они были изможденны разными мучениями в пути, но для славы Декия украшены были золотом, серебром и дорогими уборами с драгоценными камнями. Указывая на них пальцем, Декий сказал:

– Посмотрите на врагов, которых боги и богини предали в наши руки. Это враги римскому царству!

Посмотревши на них, весь римский сенат удивился их благородному виду и, объятый жалостью к ним, пришел в умиление. Такую благодать Господь дал рабам Своим, что взирающие на них скорее приходили в умиление, чем в ярость. Декий приказал позвать главного Капитолийского жреца, по имени Клавдия, который и явился, принеся с собою идола и треножник, и сказал Декий святым:

– Принесите жертву богам, и вы станете свободными римскими князьями, будете владеть всеми вашими имениями, обогатитесь еще другими богатствами и получите от нас большие почести!

Но святые ответили:

– Мы только себя приносим в жертву Богу нашему Господу Иисусу Христу; твоим богам ты сам приноси жертву!

После этого царь повелел к утру приготовить зрелище, чтобы на нем персидских князей Авдона и Сенниса отдать на съедение зверям. Когда настало утро и всё было приготовлено к зрелищу, царь Декий не явился и вместо себя прислал начальника Валериана. Последний, пришедши и выведши мучеников, прежде всего стал склонять их к идолослужению, говоря:

– Пощадите вы свое благородство и возложите фимиам на алтарь богов; если не сделаете этого, то погибнете от зубов зверей.

– Мы уже говорили, – сказали святые, – что только Господу нашему Иисусу Христу приносим жертву хвалы и кадило молитвы, и Ему одному кланяемся, идолов же рукотворенных никогда не будем почитать.

Стоял тут идол Солнца, и приказал Валериан воинам, чтобы они вели мучеников к сему идолу и принудили поклониться ему, но святые, подошедши к идолу, плюнули на него. Тогда Валериан пришел в ярость и приказал святых мучеников бить оловянными прутьями, а потом вести нагими на то особо устроенное место, где их должны были съесть звери на глазах народа, смотрящего с возвышающихся ступеней. И стали святые нагие телом, но во Христа облеченные духом, и осеняли себя крестным знамением. Выпущены были на них сначала два льва, а потом четыре медведя, но звери не вредили им и лежали у их ног, как стражи. Тогда Валериан сказал:

– Это очевидно волшебство христианское!

И повелел зверей отвести, а оруженосцам войти и убить мучеников. Святые были заколоты мечами; зацепивши за ноги, тела их извлекли и бросили пред идолом Солнца для устрашения христиан, как повелел мучитель; лежали они здесь

три дня. Один тайный христианин, по имени Кирин, саном иподиакон, живя близ того места, похитил ночью тела мучеников и похоронил их в своем доме в оловянной раке. Так закончили жизнь святые мученики Авдон и Сеннис, князья персидские. Святый папа Сикст с клиром был замучен после них; страдание его вместе с архидиаконом Лаврентием воспоминается в десятый день августа. Честные мощи двух святых мучеников Авдона и Сенниса находились в земле до воцарения Константина Великого; в дни же его царствования, по Божиему откровению, они были обретены верующими и перенесены в Понтианову гробницу в честь и славу Христа Бога нашего со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь[4934].

Память святого Иоанна Воина

Память 30 июля

Сей святой Иоанн служил в войске[4935] в царствование императора Юлиана Отступника[4936] и вместе с другими воинами послан был убивать христиан. Тем, кто видел его при исполнении этого дела, он казался гонителем христиан, но тайно он оказывал им немалую помощь. Так, одних прежде, чем они были схвачены, он извещал, чтобы они могли убежать, а других уже после того как они были схвачены, освобождал. Он оказывал милосердие не только гонимым христианам, но и тем, которые просили у него помощи, давая им всё то, в чем они нуждались. Упражняясь в молитвах и посте, святой Иоанн посещением больных и утешением скорбящих украшал жизнь свою и совершенствовал себя в добродетели. Проведши жизнь свою так богоугодно, он отошел к Господу и был погребен на том месте, где погребали странников[4937]. Впоследствии же времени он в откровении рассказал одной женщине о всех деяниях своих, которые совершил в жизни своей, а также назвал ей и имя, которое носил. Говорят, что кроме сего святый Иоанн совершил и другие чудеса. Особенно же он известен тем, что удерживает от бегства рабов, обличает воровство и открывает похищенное. Такими делами чудотворения обогатил Бог святого Иоанна за его добродетельную жизнь.

Святой праведный Евдоким

Память 31 июля

Святой праведный Евдоким был родом из Каппадокии[4938], сын благочестивых родителей Василия и Евдокии. В царствование Феофила[4939] он служил в войске и отличался добродетельной жизнью, усердно соблюдая все заповеди Божии и пребывая в посте и воздержании, а также в молитве и сокрушении о грехах. Прилежно занимаясь чтением и изучением Божественных книг, он оказывал щедрую милостыню нищим, убогим, сиротам и вдовицам, благодетельствовал церквам и монастырям и, являя всем обильную милость, соблюл свою девственную чистоту беспорочно. Он настолько был целомудрен, что никогда не позволял себе ни беседовать с женщинами, ни смотреть на них; даже не допускал к себе женщин, кроме своей матери, которую одну сыновне почитал и с которой беседовал. Во всяких разговорах соблюдал себя от празднословия и пустословия, предпочитая молчание многословию; устранялся от тех, кто любит говорить без дела и глупости; лжи, клеветы и всякого осуждения не то, что говорить, но даже не желал и слышать, украшая свою душу всякими добродетелями. Среди толков, смятения и суеты мирской на него можно было смотреть, как на лилию среди терновника или золото в огне, нисколько не поврежденного мирскими соблазнами и страстными влечениями. За свои добродетели он был любим и уважаем всеми, известен и царю, который поставил его начальником Каппадокийского полка и послал в страну Харсианскую[4940] для управления народом. Пользуясь властью, он вел управление с добротой и полной справедливостью, так что в своей жизни был праведен и пред Богом и пред людьми. О тайных же его добродетельных подвигах никто не может ни знать, ни сказать, кроме всеведущего Бога, испытывающего сердца и помышления наши, Которому сей блаженный и праведный муж поработал всем своим сердцем и душой и, вполне угодивши Ему, с миром преставился в молодых летах: он имел только 33 года от

рождения. На нем исполнилось Писание: «Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу» (Прем.4:13–14). Хотя он не дождался старческих седин, но совершенством добродетельной жизни превзошел многих старцев, ибо богоугодная старость не числом лет измеряется: богоугодной сединой служит мудрость и старым возрастом – чистая жизнь добродетельного мужа; если кто достигнет такого возраста, тому нет необходимости долгие лета пребывать в суетном и ничтожном мире, и он желает «разрешиться и быть со Христом» (Филип.1:23). Достигнув такого возраста, святой Евдоким скончался, хотя и был молод летами. Он угодил Богу, и Бог возлюбил его, поэтому он взят был из среды грешников и восхищен, чтобы злоба не извратила его разума и лесть не соблазнила души его (ср. Прем. 4:1–20) Как произошла его кончина, об этом сообщили присутствующие при ней. Когда он, лежа на одре болезни, приблизился к смертному часу, то созвал своих домашних и завещал им с клятвой, чтобы они, по отшествии души его, не осматривали, не омывали его тела и похоронили в той же одежде и тех сапогах, какие были на нем, и так положили бы его во гроб. Потом приказавши всем выйти и затворить двери, он совершил молитву, которую слышали некоторые через дверь. В молитве он просил, чтобы кончина его никому не была видима, как и жизнь его, заключавшая в себе тайные подвиги, не была кому-либо известна. Возблагодарив Бога за всё, он, наконец, произнес: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой», и вышел из тела и отошел ко Господу. Домашние погребли его так, как он завещал им.

Господь, желая прославить Своего угодника и показать по его кончине, какой святости была жизнь его, дал его прославленным мощам чудесную благодать, по которой от них получались исцеления всяких болезней. Прежде всего, некий муж, по имени Илия, имеющий в себе нечистого духа и сильно от него страдающий, немного времени спустя после преставления и погребения святого Евдокима, гонимый и мучимый бесом, пришел ко гробу праведника. Как только ноги его коснулись гроба, тотчас, как будто опаленный огнем,

нечистый дух громко вскрикнул и, бросивши человека на гроб, вышел из него и бежал, гонимый молитвами праведника. Люди, увидевши это, начали приводить и приносить своих больных и класть их на гроб тот; и все получали скорое исцеление; за это святого Евдокима почтили тем, что сделали надгробную сень и зажгли лампаду. Слава о чудесах его распространилась повсюду, и многие стали стекаться к нему; одержимые разными болезнями получали исцеление то через помазание елеем из лампады, то через приложение к больным местам земли, взятой от гроба. Одна женщина принесла свое дитя, имевшее расслабленные руки, неподвижные, как будто мертвые; как только она помазала елеем из лампады святого руки своему дитяти, сейчас же оно исцелилось и начало исправно действовать руками своими. Подобно этому был принесен другой отрок, расслабленный ногами, так что он не был в состоянии ни ходить ни стоять; когда омертвевшие ноги его помазали тем же елеем из лампады, тотчас отрок выздоровел и начал ходить и скакать, хваля Бога. Одна женщина, имевшая на своем теле мучительный веред, пришла и, взявши земли от гроба святого, смешала ее с водой, а лучше сказать со слезами, и приложила к вереду, как целительный пластырь, и в тот же день совершенно исцелилась. Слава о чудесах святого Евдокима дошла и до Царьграда, где еще жили его родители, переселившиеся сюда из Каппадокии. Мать его из Византии пришла в Харсианскую страну и, увидевши гроб сына и большое при нем собрание народа, стекающегося для получения исцеления, припала ко гробу и, обнимая его, со слезами говорила:

– О мое дорогое чадо! Свет очей моих! Откуда тебе эта великая чудодейственная сила? Откуда такая целительная благодать? Воистину это тебе дано от Бога за твои тайные добродетельные труды, которыми ты угодил своему Владыке! Блаженна я среди матерей, сподобившись быть родительницей такого сына, и уже не рыдания совершаю по тебе, как по умершем сыне, а приношу духовные песнопения, как другу Божию, живущему с Богом.

Произнесши и другие слова с радостными слезами, мать приказала снять камень, откопать землю и открыть раку; когда было это сделано, то увидели тело святого, ничуть не истлевшее, лицо светлое, как живое, и уста в своей естественной красоте; хотя святой был в земле уже 18 месяцев, однако, нисколько не изменился, был, как живой, только уснувший; великое благоухание исходило от него, и вынесли раку с мощами из земли наверх. Когда мать пожелала облечь сына в новые одежды, случилось тут быть одному пришельцу монаху, по имени Иосифу, мужу добродетельному, в сане пресвитера; он поднял из раки тело святого, как живое, – его руки и ноги свободно сгибались; инок снял с тела святого прежние одежды, и с ног сапоги без всякого труда, ибо сами руки поддавались раздеванию и ноги разутию; облекши тело в новую одежду, опять благочинно положили его в раку.

Мать пожелала взять и отнести с собой в Византию чудотворное тело своего возлюбленного сына.

– Звезда сия, – говорила она, – воссияла из моей утробы, пусть же и возвратится ко мне, в дом мой!

Но жители той страны собрались и не дали ей тела, говоря так:

– Хотя звезда сия взошла из твоей утробы, но у нас совершился заход ее, и снова ясней она воссияла чудесами. Хотя от тебя возросла сия добрая лоза, но у нас принесла сладкие плоды целебной благодати. Если бы Бог желал чудесным мощам угодника быть в другом месте, то он разве не мог бы живым возвратиться туда, откуда он пришел к нам?! О добрая мать! Не противься судьбам Божиим и не завидуй нам в нашем даре; достаточно тебе той славы, что ты родила такого святого!

На такие слова мать замолчала и, пробывши несколько дней при гробе сына, попрощалась со всеми и возвратилась домой. Вышеупомянутый иеромонах Иосиф сделался блюстителем мощей святого угодника и некоторое время пребыл при нем, но потом, нашедши удобное время, тайно ночью взял мощи праведника и ушел с ними в Царьград. И во время пути совершались чудеса: как украденное миро, хотя и

скрываемое, не может быть утаено по причине сильного благоухания, так и мощи святого Евдокима, тайно взятые, не могли быть скрыты по причине исходящей от них благодати исцеления: если в пути где встречался больной, он получал исцеление. Одна бесноватая женщина приблизилась к прославленной раке, и возопил в ней бес, обличая несомого праведника и говоря на него хулы, но тотчас пораженный невидимой силой бросил женщину и убежал от нее. Игумения Мантинийского монастыря имела болезнь и большую язву в тайном месте тела; она никак не могла от нее излечиться и сильно страдала. Встретивши мощи святого, она коснулась честной раки, приложилась к телу святого и шепотом сказала ему, как живому, о своем недуге и тотчас получила исцеление. Иосиф донес честные мощи святого Евдокима до Византии, и отдал их родителям; те невыразимо обрадовались, и не только они, но весь город очень радовался принесению к ним чудотворных мощей[4941]. Родители честную раку своего святого сына вскоре оковали серебром и положили ее в построенной ими же церкви Пресвятой Богородицы, славя и благодаря прославляемого в Троице Бога Отца и Сына и Святого Духа, Которому и от нас да будет слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От земли воззвавый тя к небесным селением, соблюдает и по смерти невредимо тело твое, святе Евдокиме: ты бо в целомудрии и чистом жительстве блаженне жительствовал еси, не осквернив плоти. Темже со дерзновением моли Христа Бога, спастися нам.

Кондак, глас 2:

Вышних желая, с вышними совокупляяся, и колесницу огненную, Божественными восхожденьми добродетелей совершил еси душу, преблаженне Евдокиме: на земли пожив яко безплотен, Зиждителю всех благоугодил еси.

Память святой мученицы Иулитты

Память 31 июля

Святая Иулитта, насильственно лишенная имения, прося у судии правосудия, получила ответ, что может возвратить свое имение только отречением от Христа; неустрашимая исповедница имени Христова предпочла тогда смерть отпадению от веры; отказавшись от имения и жизни, святая Иулитта бестрепетно вступила в подвиг мученичества; страдание ее совершилось в 304 или 305 году при императоре Диоклетиане.

Происхождение честного и Животворящего Креста Господня

Память 1 августа

Праздник изнесения Честного Креста установлен в день первого августа в Греции Константинопольским патриархом Лукою[4942] при царе Мануиле[4943], а в России – митрополитом Киевским Константином[4944] и Нестором, епископом Ростовским[4945], при великом князе Андрее Юрьевиче[4946]. Причина его установления была следующая. Царю Мануилу и князю Андрею, находившимся между собою в мире и братской любви, случилось в один и тот же день выйти на войну: первому из Константинополя на сарацинов[4947], и второму из Ростова на болгар. (Великий князь жил в то время в Ростове: болгарами же назывались язычники, обитавшие на низовьях Волги, отсюда они получили и свое наименование). Господь Бог даровал им полную победу над врагами: царь греческий одолел сарацин[4948], а князь Андрей Боголюбский победил болгар и покорил их себе, обратив в своих данников. – Когда Андрей шел на войну, то имел обычай брать с собою икону Пресвятой Богородицы, держащей на руках Предвечного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, и изображение Честного Креста Христова, который носили среди войска два иерея. Перед самым выступлением он возносил ко Христу и Богоматери усердные слезные молитвы и приобщался Божественных Таин Христовых. Этим непобедимым оружием он вооружался более, нежели мечами и копьями, и на помощь Вышнего надеялся более, нежели на храбрость и численность своего войска, хорошо зная изречение Давида: «Не на силу коня смотрит Он, не к [быстроте] ног человеческих благоволит, – благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его» (Пс.146:10–11). Своих воинов князь также побуждал к молитвам и примером собственных благоговейных молитв, и прямым повелением, и все, павши на колени, со слезами молились пред иконою Пречистой Богородицы и честным Крестом Христовым. Великий же князь, взирая на икону, так говорил в своей молитве:

– О Владычице, родившая Христа Бога нашего! Всякий, надеющийся на Тебя, не погибнет, и я, раб Твой, по милости Божией, имею в Тебе стену и покров и – Крест Сына Твоего – как оружие обоюдоострое на врагов. Умоли Спасителя мира, Которого держишь на руках Своих, чтобы сила крестная была, как огонь, попаляющий врагов, хотящих вступить в брань с нами, и Твое всесильное предстательство да поможет нам одолеть их.

После усердной молитвы все лобызали святую икону и честной Крест и безбоязненно шли на врагов: Господь содействовал им силою крестною и Пречистая Богородица оказывала им помощь, ходатайствуя за них пред Богом. Постоянно держась такого обычая пред каждым сражением, великий князь не изменил ему и пред битвою против болгар: он вышел, имея, подобно царю Константину в древние времена, впереди войска Крест Господень. Выступив на поле, после сражения с болгарами, русская рать обратила последних в бегство и, преследуя их, захватила пять городов; в числе их был и город Бряхимов на реке Каме. Когда же возвратились после битвы с неверными в свой стан, то увидели, что от иконы Богоматери с Младенцем-Христом исходят светлые, подобные огненным, лучи, осиявающие всё войско; это было в первый день августа месяца. Дивное зрелище еще более возбудило в великом князе дух мужества и надежды, и он снова обратил свои полки в погоню за болгарами; он сжег большинство городов их, положив на уцелевшие дань, и опустошил всю землю; после этой победы великий князь возвратился с торжеством домой. – Греческий царь Мануил, вышедший со своим войском против сарацин, в тот же именно день видел также подобное чудо, – исхождение от находившейся вместе с честным Крестом среди войска иконы Пречистой Богородицы со Спасителем лучей, осеняющих весь полк, и в этот день он победил сарацин.

Царь и князь сообщили, воздавая славу Богу, особыми посланиями друг другу об одержанных с помощью Божиею победах и о чудесном сиянии, исходившем от иконы Спасителя. По совещании со старейшими епископами, в знак благодарения

Христу Спасителю и Его Пречистой Матери, они установили праздник в первый день августа. В воспоминание же силы крестной, вооружившись которой они победили врагов, повелели износить священнику из алтаря честный Крест и полагать его среди церкви для поклонения и лобызания его христианами и для прославления распятого на кресте Господа Иисуса Христа. Кроме того, епископы повелели совершать в этот день освящение воды, отчего и праздник получил свое название – изнесения Честного Креста, потому что честный Крест торжественно вместе с другими святыми иконами выносится на реки, колодези и источники. – Празднуем, братие, воздавая хвалу и благодарение всесильному Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, Владычице Богородице, благоговейно почитая и честный Крест Христов; но празднуем с благоговением, благоугождая Богу, пребывая между собою в мире и любви, оказывая дела благотворения и удаляясь, памятуя страх Божий, от грехов: чтобы, угодивши Создателю нашему и Владыке, удостоились вечного празднования со всеми святыми после того дня, когда явится знамение Сына Человеческого на небеси (Мф.24:30), – честный Крест Христов, предыдущий пришествию Судии живых и мертвых, грядущему с силою и славою многою, и осияет всех праведных светлыми и радостными лучами. По совершении же суда, предъидет всем святым, предводя их в Царство Небесное, и будут блаженствовать все святые, радуясь бесконечные веки; к ним, по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы, да причтет и нас грешных всемилостивый Спас наш Христос[4949]. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы благоверному императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя, и твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Кондак, глас 4:

Вознесыйся на Крест волею, тезоименитому Твоему новому жительству щедроты Твоя даруй, Христе Боже, возвесели силою Твоею благовернаго императора нашего Николая

Александровича, победы дая ему на сопостаты, пособие имущу Твое оружие мира, непобедимую победу.

Тропарь, глас 8:

С вышних призираяй, убогия приемляй, посети нас озлобленныя грехи, Владыко Всемилостиве. Молитвами Богородицы даруй душам нашим велию милость.

Кондак, глас 4:

Всякия скверны, Всемилостивый Спасе, аз бых делатель, и во отчаяния ров впадся, но стеню от сердца, и вопию к Тебе, Слове: ускори щедрый, и потщися на помощь нашу, яко милостив.

Страдание святых ветхозаветных мучеников Елеазара священника, семи братьев Маккавеев, матери их Соломонии и иных с ними.

Память 1 августа

Прежде чем начать повествование о страданиях святых мучеников, имена которых здесь, на земле, записаны в «Книгах Маккавейских», а на небе – в книгах жизни вечной, уместно, в виде краткого предисловия, предварительно сообщить о бывших в те года смутах в Иерусалиме[4950] и о гонениях на благочестивых иудеев, соблюдавших закон Божий; те и другие сначала возбудили сами лживые законоучители и властолюбивые первосвященники иерусалимские; когда же, по попущению разгневанного Господа, иудеи подпали под власть языческих народов, то эти смуты и гонения усилились до такой степени, что святой город исполнился крови и святыня Божия – мерзости.

Первое великое и страшное разрушение Иерусалима, произведенное Вавилонским царем Навуходоносором, было во дни царя иудейского Седекии, о чем сообщается в житии святого пророка Иеремии и в житии святого пророка Иезекииля. Спустя семьдесят лет после этого разорения иудеи, по милосердию Божию, избавились от плена и возвратились в Иерусалим; во святом городе снова возникли прекрасные здания, и вновь построенный храм Божий, подобно первому, был благолепно украшен; эта история возвращения из плена, обновления Иерусалима и храма подробно излагается в книгах Ездры и Неемии. Число людей Божиих быстро увеличивалось: они скоро расселились по Палестине в том же порядке и почти в том же количестве, как и прежде; святой город, верный закону Божию, долгое время процветал в благочестии, наслаждаясь спокойствием под управлением своих первосвященников-князей. Он пользовался славою и уважением ото всех, хотя и находился под властью языческих царей. Многие языческие

цари и князья, будучи идолопоклонниками, чтили, однако, Бога Израилева и посылали в Иерусалим храму Господню дары (2Макк.3:2); они с особенным уважением относились и к первосвященникам; например, Александр, царь Македонский, увидев вышедшего ему навстречу первосвященника Адду, поклонился ему до земли; войдя же в Иерусалим и храм Божий, он принес дары и жертвы Господу Саваофу. Подобным образом поступали и другие языческие цари. Царь египетский Птоломей Филадельф послал множество даров в Иерусалим храму Господню и написал первосвященнику Елеазару, прося его прислать книги святого Писания и сведущих мужей, которые бы могли их перевести с еврейского языка на греческий; преемник Птоломея Филадельфа Птоломей Филопатор, победив сирийского царя Антиоха Великого, пришел в Иудею, и в Иерусалиме, в храме Господнем, принес благодарственную жертву единому истинному Богу. Также и Антиох Великий, победив в свою очередь египтян, пришел в Иерусалим, чтобы поклониться истинному Богу; во святом храме он принес множество жертв с благодарственными молитвами и щедро одарил первосвященника и других начальников иудейских. В таком уважении находился Иерусалим и храм Божий у язычников; об этом упоминает и святое Писание, когда говорит, что сами цари почитали место и прославляли церковь великими дарами (ср. 2 Макк.3:2). Подобное отношение со стороны язычников к Иерусалиму продолжалось до тех пор, пока начальники его, пребывая в страхе Божием, соблюдали закон Господень, ведя богоугодную жизнь; когда же они забыли закон Божий, то на них, как и прежде, обрушились многочисленные бедствия. Началом их послужило следующее обстоятельство.

Во дни праведного первосвященника Симона, восхваляемого в книге Иисуса сына Сирахова (Сир. 50:1), когда в Азии и Сирии царствовал Селевк, сын Антиоха Великого, был в Иерусалиме некоторый муж по имени Симон, происходивший из колена Вениаминова; ему поручено было заведование сокровищами храма, управление слугами церковными и начальство над воинами, составлявшими церковную стражу. Из гордости и ненависти он всегда оказывал сопротивление

первосвященнику и производил смуты в народе; не вынося угроз и увещаний, которые первосвященник часто бывал вынужден ему делать, Симон задумал учинить зло не только последнему, но и всей церкви. С этою целью он пошел к военачальнику Сирии и Финикии Аполлонию и сообщил ему о сокровищах церковных: Симон сказал, что в хранилищах при храме находятся бесчисленные богатства, где вместе с сокровищами церковными хранятся безмерные сокровища, принадлежащие всему народу, при этом он добавил, что все эти богатства могут перейти в руки царя (2Макк.3:5–6). Аполлоний передал сообщение Симона царю, отличавшемуся своим корыстолюбием. Последний тотчас же послал в Иерусалим с войском хранителя царских сокровищ Илиодора, чтобы вывезти упомянутые сокровища в царское хранилище. Когда Илиодор, по прибытии в Иерусалим, начал отбирать церковные богатства и грабить деньги, собранные и хранимые для пропитания нищих и странников, вдов и сирот, то его, как подробно сообщает это 3 глава второй книги Маккавейской, постигло наказание Божие: он подвергся такому жестокому бичеванию со стороны Ангелов, что чуть не умер, и, поэтому, принужден был возвратиться к царю, не исполнив его приказания. Вскоре после этого царь Селевк был убит своими приближенными; ему наследовал его родной брат Антиох, прозванный Епифаном, то есть светлым; он отличался еще большею испорченностью, чем его предшественник. Некоторые чаще называли Антиоха Епимином, то есть безумным: он безумно восстал на истинного Бога и на храм Его, являя собою образ будущего антихриста[4951]. В Иерусалиме возникли большие смуты. Брат первосвященника Онии, Иасон, желая получить священноначалие, пошел к царю и купил у него сан первосвященника за большое количество денег. Желая угодить царю, этот недостойный властолюбец выразил пред ним свою любовь к эллинским[4952] гражданским законам, нравам и обычаям и обещался вводить их среди евреев: получив за свои деньги и обещания власть первосвященника, Иасон лишил ее своего брата, святого Онию, и начал на место существовавших у евреев добрых гражданских законов вводить языческие беззакония. При подошве горы

Сиона он устроил места для зрелищ, училища, в которых проводились греческие философские учения, устроил и палестры для игр юношей; Иасон завел даже, вопреки прямому запрещению закона, во святом городе блудилищные дома, где безнаказанно совершалось прелюбодеяние; эти непотребные дома посещались главным образом юношами, обучавшимися эллинским искусствам. Введя нечестие эллинское в Иерусалиме, Иасон многих отвратил от истинного богопочтения, так что даже священники оставляли храм Божий для зрелищ, бегов, борьбы и других игрищ и бесчиний языческих; еще более ими увлекались люди юные и нетвердые в законе: они восхваляли эллинские законы и обычаи и, забывая закон Божий, легко склонялись к нечестию. Люди же твердые в законе и истинно-благочестивые, видя совершающиеся в Иерусалиме беззакония, не могли не воздыхать о разорении завета Господня и об осквернении святого города; они оплакивали и своих единоплеменников, идущих по следам слепого вождя – Иасона, который из любоначалия оставил Бога и Его закон, продал отеческое благоверие и ввел в среду народа Божия столько поводов к соблазну и падению.

Иасон пользовался своею, незаконно приобретенною, властью три года, после чего был изгнан другим, подобным ему властолюбцем и приверженцем эллинского нечестия, – Менелаем; таким образом Иасон сам должен был претерпеть то, что ранее причинил брату своему праведному Онии. Менелай дал царю большее количество денег и за это получил власть первосвященника; изгнав Иасона, он добился у нечестивого вельможи царского насильственной смерти и прежде бывшему первосвященнику, праведному Онии. Однако и Менелай не долго пробыл первосвященником: власть первосвященника у него отнял брат его Лисимах, давший царю еще более денег; Менелай, подобно Иасону, также подвергся изгнанию. Лисимах был убит народом за воровство церковных сосудов и денег. Менелай, желая отомстить за смерть своего брата, купил у царя право наказать иерусалимлян смертью и многих из них, совершенно невинных, лишил жизни, вместе с тем он снова получил у царя власть первосвященника

(2Макк.4:23–50). Подобные нестроения и смуты в Иерусалиме, возрастание с каждым днем языческого нечестия и открытое совершение беззаконий прогневали Господа, и приблизился Его праведный, воздающий по делам суд. Явилось дивное знамение, предвозвещавшее грядущий на город гнев Божий: в воздухе видели полки воинов; облеченные в золотые одежды и со шлемами на головах, воины, сидя на конях, вступали между собою в битву, держа в руках обнаженные мечи и копья; одни из них посекали друг друга мечами, другие поднимали вверх копья и щиты, третьи пускали друг в друга стрелы, – словом делали всё, обычно совершающееся во время сражений; от броней и оружия воинов исходил огненный блеск (2Макк.5:2–3). Это страшное, наводящее ужас, видение продолжалось до сорока дней. Жители Иерусалима пребывали в великом страхе и недоумении; каждый из них невольно спрашивал сам себя: что же это хочет быть? В это время в Иерусалим пришло ложное известие, что будто бы царь умер в битве с египтянами: он, действительно, ушел тогда на войну в Египет. Наиболее благочестивые из Иерусалимлян радовались, торжествовали и веселились, полагая, что злой и нечестивый царь на самом деле погиб. Когда же стало известно, что последний не умер, но жив и возвращается из Египта в Сирию, то они решили более не подчиняться ему и не платить дани; поэтому они приготовились для борьбы с ним. Узнав об этом, царь пришел в сильнейшую ярость и пошел с войском к Иерусалиму; иерусалимляне закрыли перед ним ворота, но не могли оказать ему достаточно сильного сопротивления, потому что среди самих осажденных возникли разногласия: уклонившиеся в эллинское нечестие, среди них особенно лжепервосвященник Менелай, питали к царю расположение. Взяв с помощью своего войска город, царь велел без пощады избивать не только всех встречающихся на улицах, но и входить в дома для убийства мужей, жен, старцев, юношей и младенцев; в три дня число убитых достигло восьмидесяти тысяч; связанных и брошенных в темницы было сорок тысяч; почти столько же роздано воинам в качестве пленных. В гордости своей царь, под предводительством предателя отечества и закона – Менелая, осмелился войти в

храм Божий; здесь он взял золотой алтарь, золотой светильник, золотые кадильницы и все драгоценные сосуды, пожертвованные царями для украшения храма; он захватил также завесу, венцы и другие золотые украшения и, найденное им, скрытое золото и серебро. Опустошив и осквернив храм Божий, разорив город и наполнив его кровью и рыданиями, царь возвратился в Антиохию, а в Иерусалиме и по всей Иудее Антиох оставил для пыток над израильтянами еще более чем сам он, жестоких мучителей (2Макк.5:5–22).

По истечении некоторого времени, Антиох разослал по всему царству указ, чтобы все его подданные без различия племени исповедовали вместе с ним одних и тех же греческих богов и держались одних и тех же греческих законов. Не только все язычники согласились исполнить этот указ, но даже и из иудеев многие ему повиновались: они принесли жертвы идолам и осквернили субботу. Спустя немного дней после издания указа, царь послал из Антиохии в Иерусалим одного из своих советников – старца, родом афинянина, с поручением принудить всех евреев отречься от отеческих законов, поклониться идолам и вкусить от идоложертвенного мяса; он дал особое повеление заставлять евреев есть свиное мясо, запрещенное законом. Вместе с тем Антиох приказал храм Господень превратить в идольское капище: поставить в нем идола Юпитера и назвать его храмом Юпитера Олимпийского. Посланный царем старец в сопровождении войска пришел в Иерусалим и приступил к исполнению повеления царева: он осквернил храм Господень, поставив в нем идолов, которым приносил мерзкие жертвы, понуждая к тому же и людей Божиих. Многие из евреев, не имевшие твердости душевной, поспешили принести жертвы идолам; те же из них, которые отличались твердостью в вере, бежали в горы и пустыни и здесь, спасаясь от мук и охраняя себя от скверн языческого служения, скрывались в пещерах и пропастях. Оставшиеся же в городе были схвачены и с горестью в душе принуждены были, повинуясь насилию, идти в день рождения царя и другие языческие праздники для принесения жертв идолам; не хотевши делать этого подвергались мучениям (2Макк.6:1–9).

Все жители Иерусалима были объяты великим страхом, так что никто не осмеливался открыто назваться иудеем, праздновать день субботний, обрезывать своих детей, вообще исполнять предписания закона Моисеева: у всех пред глазами стояли будущие муки и смерть. В это время присланному царем мучителю было донесено, что две женщины иудеянки обрезали по своему закону рожденных ими младенцев. Тогда мучитель велел схватить этих женщин и водить их для поругания по городу, привесив за шею младенцев к сосцам; потом их сбросили с городской стены вниз головою; таким образом матери с младенцами приняли мученическую кончину. Узнав также о некоторых иудеях, что они собираются в ближайшие к городу пещеры для празднования субботы, мучитель приказал всех их сжечь огнем (2Макк.6:10–11).

После этого был схвачен один из первых книжников, священник по имени Елеазар, человек уже престарелый, украшенный сединами, весьма благообразный видом, славный своею мудростью и благочестием; его все знали, как одного из самых первых законоучителей в Иерусалиме: он был одним из семидесяти двух толковников, переведших святое Писание с еврейского языка на греческий царю египетскому Птоломею Филадельфу. О страданиях этого честного отца в святом Писании повествуется следующее. Когда Елеазара привели к мучителю и, заставляя есть, начали насильно влагать ему в уста свиное мясо, то он согласился лучше умереть славною мученическою смертью за закон Божий, нежели сохранить через его нарушение бесчестную и прогневляющую Бога жизнь. Таким образом Елеазар по собственной воле пошел на муки; дорогой он отплевывался, потому что принужден был устами коснуться нечистого мяса; он подавал пример другим богобоязненным иудеям, которым также угрожала смерть за соблюдение закона Божия, самым делом научая их, что не должно совершать греха ради сохранения земной жизни, не должно из привязанности к ней нарушением закона прогневлять Бога. Некоторые из язычников, давно знавшие Елеазара, жалея его, принесли ему тайно вместо свиного, другое, не запрещенное законом мясо, и говорили на ухо:

– Возьми это и ешь пред всеми вместо свиного; все, видя, что ты ешь мясо сочтут его за свиное, которое приказывает есть царь, и ты таким образом избегнешь мук и смерти.

Но благоразумный и благочестивый старец, не задумываясь, отвечал им:

– Я скорее соглашусь пойти в ад, нежели прогневать Господа моего нарушением Его святого закона, и не должно мне, достигшему столь преклонных лет, лицемерить на соблазн многих юных: когда они увидят, что я делаю то, что вы мне советуете, то скажут: «Вот Елеазар уже в глубокой старости оставил древний закон наших отцов для закона язычников», – и из-за моего лицемерного поступка они отступят от истинного Бога и погибнут, глядя на мой пример; из любви к временной жизни, они начнут презирать закон Божий и уклонятся в эллинское нечестие, а я посрамлю свою старость, явившись виновником погибели стольких душ. Если я избегну мук от людей, то карающей десницы Божией я не избегну ни во время жизни на земле, ни после смерти за гробом; лучше мне умереть теперь, и умирая твердо, не падая духом при мучениях за святой закон, я украшу мужеством свои седины и оставлю юным добрый пример для подражания.

При этих словах святого Елеазара повлекли на мучения, и те люди, которые сначала выражали ему свое сожаление, теперь, после его речи, воспылали на него гневом и яростью. Во время великих мучений, когда от лютых ран священник Божий уже приближался к смерти, он сквозь стоны обратился к Господу:

– Всеведущий и о всех милосердствующий Господи, Ты ведаешь и то, что я, хотя и мог бы избежать смерти, однако, с радостью и любовью охотно принимаю жестокие раны, подвергая тяжким мучениям свое тело: ибо страдаю для прославления Твоего святого имени.

Сказав это, он скончался, оставив не только юношам, но и всем иудеям в своей смерти пример мужества (2Макк.6:18–31). Повествование священных книг о страданиях святого Елеазара дополняется еще следующим преданием: после жестокого биения ему влили в ноздри крепкий уксус, издававший

отвратительный запах, и затем бросили в огонь, – он же, помолившись Богу, чтобы Господь принял его мучения и смерть, как жертву за весь народ еврейский, предал дух свой.

После мученической кончины святого Елеазара были схвачены вместе с матерью семь братьев; так как они принадлежали к знатному роду, то их для испытания отправили к самому царю в Антиохию. Здесь, вопреки прямому запрещению закона, царь заставлял их есть свиное мясо, что почиталось явным знаком отступления от Господа Саваофа, в Которого верили евреи, и приражением к нечестию эллинов, в которое уклонялись боящиеся мук иудеи. Упомянутые семь братьев, ученики пострадавшего священника и учителя иерусалимского Елеазара, хорошо помнили его наставления и пребывали непоколебимы в своем благочестии: они не повиновались царю, ни за что не соглашаясь преступить закон. За это их подвергли долгим мучениям, биению бичами и воловьими жилами. Об их страданиях и безбоязненном дерзновении пред мучителем святое Писание во 2 книге Маккавейской повествует так. Один из братьев, старший возрастом, приняв на себя обязанность ответа, сказал царю:

– О чем ты хочешь спрашивать, или что узнать от нас? Мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческие законы.

Тогда царь, озлобившись, приказал разжечь сковороды и котлы. Когда это было исполнено, царь тотчас велел у юноши, принявшего на себя ответ, отрезать язык, содрать кожу, отсечь члены тела, в виду прочих братьев и матери. Лишенного всех членов, но еще дышащего мученика царь велел отнести к костру и жечь на сковороде; когда же от сковороды распространилось сильное испарение, братья вместе с матерью увещевали друг друга мужественно претерпеть смерть, говоря:

– Господь Бог видит и поистине умилосердится над нами, как Моисей возвестил в своей песни пред лицом народа; «и над рабами умилосердится».

Когда умер первый, вывели на поругание второго и, содравши с головы кожу с волосами, спрашивали, будет ли он есть (свиное мясо), прежде нежели начнут мучить, отсекая по частям его тело? Он же, отвечая на родном языке, сказал: нет.

Поэтому и он принял мучения таким же образом, как первый, и при последнем издыхании сказал:

– Ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной.

После того третий брат подвергнут был поруганию, и на требование дать язык, тотчас выставил его, неустрашимо протянув и руки, и мужественно сказал:

– От неба я получил их, и за законы его не жалею их и от него надеюсь опять получить их.

Сам царь и бывшие с ним изумлены были таким мужеством отрока, как он ни во что вменял страдания. Когда скончался и этот, таким же образом терзали и мучили четвертого. Будучи близок к смерти, он так говорил:

– Умирающему от людей вожделенно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; для тебя же не будет воскресения в жизнь.

Затем привели и начали мучить пятого. Он, смотря на царя, сказал:

– Имея власть над людьми, ты, сам подверженный тлению, делаешь, что хочешь; но не думай, чтобы род наш оставлен был Богом. Подожди, и ты увидишь великую силу Его, как Он накажет тебя и семя твое.

После этого привели шестого, который, готовясь на смерть, сказал:

– Не заблуждайся напрасно, ибо мы терпим это за себя, согрешивши пред Богом нашим, от того и произошло достойное удивления[4953]. Но не думай остаться безнаказанным ты, дерзнувший противоборствовать Богу.

Наиболее же достойна удивления и славной памяти мать, которая, видя, как семь ее сыновей умерщвлены в течение одного дня, благодушно переносила это в надежде на Господа. Исполненная доблестных чувств и укрепляя женское рассуждение мужеским духом, она поощряла каждого из сыновей на родном языке и говорила им:

– Я не знаю, как вы явились во чреве моем: не я дала вам дыхание и жизнь; не мною образовался состав каждого из вас. И Творец мира, Который образовал природу человека и устроил

происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы не щадите самих себя за Его законы.

Антиох же, думая, что его презирают, и принимая эту речь за поругание себе, убеждал самого младшего, который еще оставался, не только словами, но и клятвенными уверениями, что и обогатит и осчастливит его, если он отступит от отеческих законов, что будет иметь его другом и вверит ему почетные должности. Но как юноша нисколько не внимал, то царь, призвав мать, убеждал ее посоветовать сыну сберечь себя. После многих его убеждений она согласилась уговаривать сына. Наклонившись же к нему и посмеваясь жестокому мучителю, она так говорила на родном языке:

– Сын! Сжалься надо мною, которая девять месяцев носила тебя во чреве, три года питала тебя молоком, вскормила и вырастила и воспитала тебя. Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё сотворил Бог из ничего, и что так произошел и род человеческий. Не страшись этого убийцы, но будь достойным братьев твоих и прими смерть, чтобы я, по милости Божией, опять приобрела тебя с братьями твоими.

Когда она еще продолжала говорить, юноша сказал:

– Чего вы ожидаете? Я не слушаю повеления царя, а повинуюсь повелению закона, данного отцам нашим через Моисея. Ты же, изобретатель всех зол для евреев, не избегнешь рук Божиих: мы страдаем за свои грехи. Если для вразумления и наказания нашего живой Господь и прогневался на нас на малое время, то Он опять умилостивится над рабами Своими; ты же, нечестивый и преступнейший из всех людей, не возносись напрасно, надмеваясь ложными надеждами, что ты воздвигнешь руку на рабов Его; ибо ты не ушел еще от суда Всемогущего и Всевидящего Бога. Братья наши, претерпевши ныне краткое мучение, получили жизнь вечную, а ты, по суду Божию, понесешь праведное наказание за превозношение. Я же, как и братья мои, предаю и душу и тело за отеческие законы, призывая Бога, чтобы Он скоро умилосердился над народом, и чтобы ты с муками и карами исповедал, что Он един

есть Бог, и чтобы на мне и на братьях моих окончился гнев Всемогущего, праведно постигший весь род наш.

Тогда разгневанный царь поступил с ним еще жесточе, нежели с прочими, негодуя на посмеяние. Так и этот кончил жизнь чистым, всецело положившись на Господа (2Мак.7:2–40). Видя это, блаженная матерь, – имя ей Соломония, – исполнилась неизреченной радости, что предпослала Господу детей своих непорочными; ставши над телами их, она простерла вверх руки свои и, помолившись с теплыми радостными слезами, предала дух свой в руки Божии. Так скончалась матерь с детьми своими, положив души за закон Господа Вседержителя[4954].

Взирая на пролитие крови рабов Своих, Господь умилосердился над народом еврейским: Он воздвиг среди них Иуду, происходившего из священнического рода и прозванного Маккавеем. С воинскою силою Иуда оказал мужественное сопротивление нечестивому Антиоху и после победы заставил удалиться его военачальников. Затем он предал смерти всех, уклонившихся в эллинское нечестие, и очистил храм от идолов, о чем пространно повествуют книги Маккавейские.

Царя же Антиоха еще в здешней жизни постиг праведный суд Божий. Он подвергся ужасной болезни: внутренности его начали гнить и переполняться червями, причем от него исходил нестерпимый смрад. Тогда, по пророчеству юнейшего из мучеников (2Макк.7:34–35), нечестивый Антиох невольно должен был признать всемогущество хулимого им ранее истинного Бога, и после своих гонений обратился к Нему с молитвой. Но Господь не даровал милости тому, кто сам не оказывал ее другим: Антиох, не принеся искреннего раскаяния, умер злою смертью, возбуждая у всех мысль о справедливом суде Божием. Все прославляли всесильного Бога, как и ныне прославляется Он ото всех родов и всегда будет прославляться в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Болезньми святых, имиже о Тебе пострадаша, умолен буди Господи, и вся наша болезни исцели, Человеколюбче, молимся.

Кондак, глас 2:

Премудрости Божия столпи седмочисленнии, и Божественного света светильницы седмосвещнии, Маккавеи всемудрии, прежде мучеников превелии мученицы, с ними же всех Богу молитеся, спастися почитающым вас.

Страдание святых мучеников Леонтина, Атта, Александра, Киндея, Минсифея, Кириака, Минея (Минеона), Катуна и Евклея.

Память 1 августа

Сии святые мученики жили в царствование императора Диоклетиана в памфилийском городе Пергии в то время, когда Памфилиею управлял игемон Флавиан, и все происходили от христианских предков. Минеон по ремеслу был плотник, а прочие занимались земледелием. Все они, имея одно и то же настроение, приняли одно благое решение и предназначили себя к мученическому подвигу. Поэтому, оставив свои житейские занятия, они ночью пришли в храм Артемиды[4955] и разрушили в нем все предметы почитания. За это они были схвачены и подвергнуты допросу, после чего их беспощадно стали бить и при этом огнем опаляли им раны, а потом железными когтями содрали почти до костей тела их, обожгли им зажженными свечами плечи и выкололи гвоздями глаза. После всех этих мучений они были брошены в темницу, где, по повелению мучителя, им не давали ни пищи, ни воды. Затем их отдали на растерзание зверям, но святые мученики укротили зверей, так что все, бывшие при этом, пришли в ужас и громко воскликнули:

– Велик Бог христианский!

Тотчас же разразилась гроза с громом и молнией, причем на землю падал дождь вместе с огнем и градом. В то же время послышался некий голос, призывавший святых, и они, услышав этот сладостный голос, пришли в великую радость. Тогда по повелению игемона им отсекли мечом головы[4956]. Так и окончилось мучение их.

Перенесение мощей святого первомученика и архидиакона Стефана

Память 2 августа

После побиения от иудеев святого архидиакона Стефана камнями (Деян.7:55–60) честное тело его лежало без погребения сутки и день: оно было повержено на съедение псам, зверям и птицам; но ничто не коснулось тела, ибо Господь охранял его. На вторую ночь славный законоучитель Иерусалимский Гамалиил[4957], упоминаемый в книге Деяний апостольских (Деян. 5:34, 22:3), начавший склоняться к вере Христовой и сделавшийся тайным другом святых Апостолов, послал благоговейных мужей взять незаметно тело первомученика; он отнес его в свою весь, от имени владельца называвшуюся Кафаргамала, то есть весь Гамалиила; она отстояла за двадцать поприщ[4958] от Иерусалима. Здесь Гамалиил совершил честное погребение тела святого Стефана, положив его в пещере в новом своем гробе. Потом Никодим, «начальник иудейский», приходивший ночью к Иисусу Христу (Иоан.3;1–2), преставился, плачась над гробом святого Стефана; и его похоронил тот же Гамалиил, близ гроба первомученика. Затем и Гамалиил, приняв святое крещение вместе с сыном своим Авивом и пожив богоугодно некоторое время в благочестии христианском, скончался; оба они погребены были в той же пещере, при Стефановом и Никодимовом гробе.

По прошествии многих лет, когда погибли мучители, в продолжении долгого времени гнавшие Церковь Божию, и настали с обращения Константина Великого дни царей христианских, – дни церковной тишины и повсюду сияющего благочестия, – тогда обретены были, по Божию откровению, честные мощи святого первомученика Стефана и погребенных с ним богоугодных мужей: Никодима, Гамалиила и Авива.

Они были обретены пресвитером помянутой веси Лукианом после такого видения. В третий час одной ночи с четвертка на пяток Лукиану явился в сонном видении некий святолепный

старец, высокого роста, украшенный сединою, с продолговатою бородою, облеченный в белую одежду, украшенную златовидными изображениями крестов; в руке старец имел золотой жезл. Толкнув им в бок пресвитера, он три раза позвал его по имени:

– Лукиан! Лукиан, Лукиан!

Затем стал говорить:

– Иди в Иерусалим и скажи святому архиепископу Иоанну: «Доколе мы будем затворены, – почему не открываешь нас? Ибо во дни твоего святительства нам подобает быть явленными; открой, не медли, наш гроб, где в пренебрежении лежат наши мощи, то мочимые дождем, то попираемые ногами неверных. Я забочусь не столько о себе, сколько о лежащих со мною святых, достойных великой чести; открой указываемые тебе мощи, – да отверзет Бог двери Своего милосердия миру, объятому многими бедами.

Пресвитер Лукиан, исполнившись ужаса, спросил явившегося ему мужа:

– Кто ты, господин? И кого ты разумеешь под находящимися с тобою?

– Я, – отвечал явившийся, – Гамалиил, воспитатель и учитель Апостола Павла, а со мною почивает господин Стефан архидиакон, побитый камнями иудеями и первосвященниками иерусалимскими за веру Христову: тело его, поверженное на съедение псам, зверям и птицам, я взял ночью, принес в сию весь и положил в моей пещере в приготовленном для себя гробе, желая разделить с ним одинаковую участь в воскресении и благодати Господней. В другом же гробе, в той же пещере, положен господин Никодим, наученный святой вере от Самого Христа Господа и (по вознесении Господнем) приявший от Апостолов святое крещение; иудеи узнав об его вере во Христа и крещении, исполнились гнева и хотели его убить, как и Стефана, однако, они не сделали этого из уважения ко мне, так как Никодим был мне родственник; иудеи отняли у него начальство и имения его присоединили к церковным; затем, прокляв его, они выгнали его из города с бесчестием и укоризнами многими: тогда я взял его в свою весь и кормил до

кончины; когда же он умер, я похоронил его близ мощей первомученика Стефана. Там же в третьем гробе, выкопанном в пещерной стене, я похоронил умершего на двадцатом году жизни моего любимого сына Авива, вместе со мною приявшего святое крещение от Апостолов Христовых; с ними я, умирая, завещал положить и мое тело.

– Где же мы будем искать вас? – спросил пресвитер.

– Ищите нас, – отвечал Гамалиил, – пред весью на полуденной стороне, на ниве Делагаври (то есть ниве мужей Божиих).

Воспрянув от сна, пресвитер воздал хвалу Богу и так помолился:

– Господи, Иисусе Христе! Если это явление от Тебя, а не обольщение, то повели повториться ему до трех раз.

И стал Лукиан поститься, вкушая лишь сухой хлеб, до следующего пятка, пребывая в молитве и никому не открывая видения.

В третий час ночи на другой пяток опять явился Гамалиил пресвитеру Лукиану, как и в первый раз.

– Зачем, – спросил он, – ты пренебрег моим повелением идти и передать архиепископу Иоанну всё, сказанное тебе?

– Прости меня, господин мой, – отвечал пресвитер, – я боялся тотчас же по первом видении идти и возвестить, опасаясь как бы не оказаться лживым; поэтому я молил Господа, – да пошлет Он тебя ко мне и второй и третий раз, чтобы мне увериться в истине.

Гамалиил же, простирая руку, сказал:

– Мир тебе, пресвитер, почивай!

И казался он как бы удаляющимся с глаз священника.

Затем, снова обратившись к нему, сказал:

– Лукиан! Ты думаешь о том, как обрести и узнать мощи каждого из нас; так вот смотри и разумей показываемое тебе.

Сказав это, он принес пресвитеру четыре корзины; три из них по виду были золотые, четвертая же серебряная. Одна из золотых корзин наполнена была красными цветами, вторая шафрана благовонного. Первую золотую корзину, с красными цветами, Гамалиил поставил по правую сторону пресвитера на

востоке, другую, золотую, с белыми цветами поставил на северной стороне, а третью и четвертую корзину поставил вместе на западной стороне, против первой, находящейся на восточной.

– Что это значит, господин? – спросил пресвитер показывавшего ему корзины Гамалиила.

Он отвечал:

– Это гробницы наши, в которых мы почиваем: так, первая золотая корзина с красными цветами, поставленная к востоку – гроб святого Стефана, обагрившегося за Христа мученической кровью; другая золотая корзина с белыми цветами, стоящая на север, есть гроб господина Никодима; третья также с белым цветом, золотая корзина, стоящая к западу – мой гроб; четвертая же корзина серебряная, полная благовонного шафрана и стоящая рядом с моею, – гроб моего сына Авива, который был чист от греха телом и душою от чрева матери и скончался в непорочном девстве.

После этих слов Гамалиил стал невидим, стали невидимы и корзины.

После этого видения пресвитер принес благодарение Богу и усилил пост и молитву до третьего пятка, ожидая сподобиться явления в третий раз. И снова в ночь третьего пятка, тот же честный и святолепный Гамалиил, представ пресвитеру, сказал с угрозою:

– Почему до этих пор ты не озаботился сходить к архиепископу и открыть ему явленное и сказанное тебе? Неужели ты не видишь, какая засуха и скорбь в поднебесной? Ты же не радишь. Разве нет в пустынях святых мужей, лучших тебя по жизни, достойных сего откровения? Но мы, минуя их, хотим быть явленными через тебя. Итак, встань, иди и скажи архиепископу, да откроет место, где мы почиваем, и устроит здесь храм, дабы нашими молитвами Господь стал милостив к своим людям.

Пресвитер, встав и возблагодарив Бога, отправился с поспешностью в Иерусалим, где и сообщил архиепископу Иоанну о бывшем ему трикратном видении и повелении. Архиепископ прослезился от радости и сказал:

– Благословен Господь Бог человеколюбец, хотящий явить нам Свою милость откровением святых Своих: и когда мы сподобимся обрести мощи их, то должно мне мощи первомученика Стефана перенести сюда в город, где он подвизался против иудеев, где видел отверстые небеса и Христа Бога, стоящего во славе Своей (Деян. 7:1–60). Ты же, сын мой, – обратился он к пресвитеру, – иди на ту ниву и отыщи место, где лежат святые; прокопав до гроба их, возвести мне.

Пресвитер, возвратившись из города в свою весь, созвал благоговейных мужей и пошел с ними на ниву Делагаври. Среди этой нивы был холм; думая, что здесь почивают мощи святых, он хотел копать, но сначала посвятил всю ночь молитве на том холме. В эту же ночь святой Гамалиил явился одному обитавшему поблизости тех мест иноку Нугетию, говоря:

– Иди и скажи Лукиану пресвитеру, чтобы он не трудился раскапывать тот холм, ибо не там лежим мы; но пусть ищет нас при дебри, на полуденной стороне, там мы погребены; на холме же том нас полагали, когда несли на погребение, и здесь над нами, по древнему обычаю, творили плач, во свидетельство этого плача бывшего над нами и насыпан холм.

Восставши, инок отправился по указанию и нашел на помянутом холме пресвитера Лукиана со многими мужами; они уже начали раскопку; тогда инок поведал Лукиану о том, что он видел и слышал. Пресвитер прославил Бога, явившего и другого свидетеля откровению. И направились к дебри, при которой нашли камень с еврейской надписью Хелиил, то есть рабы Божии; окопав камень и сдвинув с места, они нашли тесный вход в пещеру. Влезши в пещеру со свечою, увидели выкопанные в стенах гробы и в них мощи святых. Вход в пещеру был с полуденной стороны; так что по правую сторону к востоку находился гроб святого Стефана, против входа, на север, гроб святого Никодима; на западной же стороне против святого Стефана почивал святой Гамалиил с сыном, как было это прежде указано пресвитеру видением корзин. Тотчас пресвитер сообщил об обретении святых мощей[4959] иерусалимскому архиепископу Иоанну.

Архиепископ, взяв двух прилучившихся епископов, Елевферия Севастийского и Елевферия иерихонского, поспешил к месту обретения мощей, расширив вход пещерный, они вошли внутрь. Когда открыли гроб святого первомученика, тотчас потряслась земля и люди, достойные по жизни, услышали вверху голос Ангелов поющих: «Слава в вышних Богу и на земле мир!» Благоухание же от мощей святого исходило такое, какого никто из людей никогда прежде не ощущал; это неизреченное благоухание разносилось по воздуху за десять поприщ, и все присутствовавшие думали, что они находятся как бы в раю. Много народа пришло с архиепископом из Иерусалима и окрестных селений; среди пришедших находилось много больных, страдавших различными недугами, – слепые, хромые, мучимые внутренними недугами и бесами, покрытые вередами и язвами; все они получили исцеление. Число исцелевших простиралось до семидесяти трех человек. Итак, взявши мощи четырех угодников Божиих, вынесли их на холм с пением псалмов и других священных гимнов; люди же прикасались к ним, лобызая их с благоговением. Вскоре архиепископ на том холме создал церковь во имя обретенных святых и положил в ней мощи Никодима, Гамалиила и Авива; мощи же святого архидиакона Стефана он торжественно перенес в Иерусалим и положил в церкви, находившейся во святом Сионе.

В эти же времена один благородный муж, сенатор Александр, с женою Иулианиею прибыл на поклонение святым местам из Царьграда в Иерусалим: видев чудеса, совершавшиеся при гробе святого первомученика Стефана, Александр устроил в городе каменную церковь во имя его и усердно просил архиерея перенести в нее мощи святого Стефана; архиерей, убежденный усердною мольбою, исполнил просьбу. Спустя некоторое время Александр заболел в Иерусалиме смертным недугом и завещал с клятвою жене своей: пусть она устроит ковчег, подобный ковчегу первомученика, и в том положит его при мощах святого Стефана. Завещав это, он умер. Жена исполнила предсмертную волю мужа: она устроила ковчег, подобный

ковчегу святого Стефана, и предала мужа торжественному погребению рядом с ковчегом первомученика. И жила она в Иерусалиме при помянутой церкви, не желая разлучаться с умершим мужем; она верила, что он жив для Бога.

Так как жена Александра была еще молода, красива и к тому же богата, то многие из знатных лиц склоняли ее на второй брак. Но она, как целомудренная женщина, никак не хотела вступать во второй брак: она твердо решила сохранять верность первому мужу, надеясь разделить с ним в воскресение одинаковую участь, уготованную праведникам (Мф.25:34). Когда же один из знатных начальников сильно докучал ей, желая вступить в брак с нею, то Иулиания, желая избавиться от него, умыслила следующее: взявши тело мужа, возвратиться на родину в Царьград, несмотря на то, что уже прошло восемь лет со дня преставления мужа. Она просила архиепископа, чтобы он не запрещал ей взять тело мужа; архиепископ не соглашался; тогда Иулиания сейчас же написала к отцу своему, жившему в Царьграде, прося его исходатайствовать у царя такое повеление, по которому бы она могла беспрепятственно взять тело мужа и прийти в Царьград. В скором времени от царя пришло желаемой разрешение, которое они и показали архиепископу. Увидев письмо царя, архиепископ уже не мог более противиться и благословил быть по прошению Иулиании. Она же, открывши с благословением в земле то место, где стояли оба ковчега, святого первомученика Стефана и ее мужа Александра, взяла ковчег с мощами святого вместо ковчега мужа; так поступила Иулиания как бы обманувшись, на самом же деле по изволению Божию и по желанию первомученика. Возложивши ковчег на колесницу, запряженную мулами, Иулиания отправилась в путь. Был же вечер, когда она оставила Иерусалим; и в ту же ночь над перевозимыми мощами в воздухе послышался голос Ангелов, поющих славословие Богу, а от ковчега исходило великое благоухание, как от мира, излитого в большом количестве. Слышались и крики бесов, издали взывавших:

– Горе нам! Так как идет Стефан и бьет нас.

Слуги Иулиании, слыша всё это, испугались и сказали госпоже своей:

– Что это значит, госпожа, что слышатся различные голоса, называющие имя Стефана? Не везем ли мы ковчег первомученика Стефана вместо ковчега нашего господина Александра?

Она же отвечала со слезами радости:

– Молчите, дети, всё делается так, как угодно Богу и Его святому рабу.

Достигши приморского город Аскалона, они нашли корабль, направлявшийся в Царьград; уплатив корабельщику следуемую плату, они сели в корабль с мощами святого и начали плавание. Когда корабль находился среди моря, поднялась страшная буря, так что корабль покривился; все испугались, видя вздымавшиеся громады волн; но вот явился мореплавателям видимо святой первомученик Стефан и сказал:

– Я с вами – не бойтесь!

Сказав это, он стал невидим, и тотчас успокоилось море, и всё дальнейшее плавание было благополучно; над мощами же святого ночью явился свет, от ковчега исходило сильное благоухание, в воздухе же слышалось пение Ангелов. Когда пристали к Халкидону, то решили пробыть здесь пять дней. Жителям города стало известно о мощах святого Стефана, они устремились к кораблю, принося с собою и недужных; и все больные, находившиеся в городе, получили исцеление, благодаря пришествию первомученика; отгонялись от людей и бесы, которые кричали при этом:

– Стефан, побиенный камнями от жидов, придя, мучит нас жестоко и гонит нас повсюду, – на земле и на море.

Отплыв от Халкидона, корабль благополучно достиг Царьграда. Благочестивая Иулиания пошла к отцу и подробно сообщила ему всё о мощах святого архидиакона Стефана. Затем они отправились вместе с отцом к царю и патриарху и им сообщили то же; и все исполнились великой радости. Патриарх с клиром и всем народом пошел на пристань в сретение мощей первомученика. Вынесши ковчег из корабля, поставили его на царскую колесницу и повезли с псалмопениями, хотя внести в

дворец царя; так приказал царь. Сколь много совершалось в это время чудес при святых мощах и сказать невозможно; словом, все, какими бы ни были одержимы недугами и болезнями, получили исцеление. Когда торжественное шествие достигло до «Константиновых бань»[4960], то мулы, везшие царскую колесницу с мощами остановились; и как ни били их слуги, заставляя идти дальше, они никак не могли сойти с места. Тогда один мул, приобретя, по Божию велению, дар слова, сказал:

– Зачем понапрасну бьете нас? На этом именно месте святой первомученик Стефан изволяет быть положенным.

Услышав это, все присутствующие исполнились сильного удивления и ужаса, и прославили Бога. Царь же тотчас повелел на этом месте приступить к постройке церкви каменной; и в скором времени создана была прекрасная церковь во имя святого первомученика и архидиакона Стефана; в ней и положили его честные мощи во славу и хвалу Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом славимого вместе[4961], да будет Ему и от нас грешных честь и слава, поклонение и благодарение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Царским венцем венчася твой верх от страданий, яже претерпел еси во Христе Бозе, мучеников первострадальче Стефане: ты бо иудейское обличивый неистовство, видел еси твоего Спаса одесную Отца. Того убо моли о душах наших.

Кондак, глас 6:

Первый сеялся еси на земли небесным делателем, всехвальне Стефане. Первый на земли за Христа кровь излиял еси, блаженне: первый от него победы венцем увязлся еси на небесех, страдальцев начало, венечниче мучеников первострадальне.

Преставление святого и праведного Василия Блаженного, чудотворца Московского

Память 2 августа

Сей блаженный Василий жил в царствование благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича[4962] и в правление святейшего Макария, митрополита Московского и всей России. Отца его звали Иаковом, а мать – Анною. Их молитвами он был испрошен у Бога и по их вере дан был им. С юных лет он воспылал любовью к Богу и стал жить по заповедям Его. Оставив, затем, отчий дом и родных своих, блаженный Василий в надежде на будущие блага переменил тленное достояние на духовное, так как вместо отца у него было отсечение бремени грехов, вместо матери – чистота, вместо братьев – желание стремиться к горнему Иерусалиму, а вместо детей – сердечные воздыхания. И чтобы иметь всё это, он изнурил себя многоразличными суровыми подвигами. Блаженный настолько был беден, что не имел для себя даже малой пещеры и не носил на теле своем одежды, а пребывал всегда без жилища и ходил нагим и летом и зимою, зимою замерзая от холода, а летом страдая от зноя. Находясь постоянно среди шума и криков, но имея душу свою свободною от страстей, он всегда проводил Христа ради жизнь юродивого. Он ничего не говорил и представлялся как бы лишенным дара слова, желая этим скрыть от людей свои добродетели и быть ведомым только Богу. Но «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14). Вследствие чистоты жизни блаженного и его несокрушимого терпения, слава о нем дошла до слуха благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, которому о жизни его рассказал преосвященный митрополит Макарий. Оба они весьма дивились его терпению и прославили Бога за то, что Он даровал в их время такого святого мужа.

Таким образом, неизменно подвизаясь в трудах и терпении, перенося голод и жажду и ежедневно подвергая себя смертным

опасностям, блаженный Василий прожил жизнь свою. Заболев, наконец, он слег в постель. Благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич, всей России самодержец, услышав о близком отшествии святого к Богу, пришел к нему вместе со своею благочестивою царицею и великою княгинею Анастасиею и со своими благородными царевичами, Иоанном и Феодором, чтобы посетить его и принять от него благословение. Блаженный, будучи близок к смерти и находясь уже при последнем издыхании, пророчески сказал царевичу Феодору:

– Всё, что принадлежит твоим предкам, будет твоим, и ты будешь их наследником.

После этих слов блаженный предал душу свою в руки Божии. От тела его весь город наполнился благоуханием и множество жителей города стеклось на его погребение. Открылось умилительное зрелище. Царь и князья до святого храма сами несли на плечах своих тело блаженного, епископы и священники со всем причтом, прославляя его, пели псалмы и церковные песнопения, а народ со слезами восклицал, говоря:

– Преблаженный Василие! Молись усердно Христу Богу нашему за город наш Москву и за все русские города и селения, за христолюбивого царя нашего, его благочестивую царицу и за благородных детей их, а воинству его будь пособником в победе и одолении супостатов.

Участвуя в погребении блаженного, царь с царицею проливали из очей своих радостные и скорбные слезы, – радостные потому, что в такой кончине святого они видели доказательство его совершенства и причтения его к лику святых, а скорбные – потому, что лишились такого доблестного подвижника. И уже тогда многие от прикосновения к святым мощам блаженного получали исцеление. Преосвященный митрополит Макарий с священным собором, воспевши над телом святого псалмы и погребальные песнопения, с почестями похоронили его во 2 день месяца августа 1552 года[4963]. Всего жития его было 88 лет, из которых 72 года он провел в юродстве. Господь прославил блаженного чудесами и после смерти его, в 1588 году. Богу нашему слава ныне, всегда и вечно.

Тропарь, глас 8:

Житие твое, Василие, неложное, и чистота нескверна, Христа ради тело твое изнурил еси постом и бдением, и мразом, и теплотою солнечною, и слотою, и дождевным облаком, и просветися лице твое яко солнце: и ныне приходят к тебе российстии народи, цари же и князи, и вси людие, прославляюще святое твое успение. Тем Христа Бога моли, да избавит ны от варварскаго пленения, и междоусобныя брани, и мир мирови подаст, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 4:

Духом Божиим водим, преблаженне Василие, оттряс еси мирский мятеж, и жития треволнения возгнушался еси, и совлекся одеяний тленных, и облекся в ризу безстрастия, убежал еси ловления льстиваго миродержца, и был еси странен во твоем языце, и паче земнаго богатства избрав богатство небесное, увязлся еси венцев терпения. И ныне, преблаженне Василие, моли Христа Бога о творящих святую память твою, да зовем ти: радуйся, преблаженне Василие.

Преподобные отцы наши Исаакий, Далмат и Фавст

Память 3 августа

Преподобный Далмат жил в царствование Феодосия Великого[4964] служил в войске[4965] и пользовался уважением царя. Затем, презрев для Бога всё мирское, он оставил жену и детей[4966]; взяв с собою одного только сына Фавста, он пошел к преподобному Исаакию, имевшему обитель близ Константинополя; здесь они были пострижены преподобным Исаакием в иноческий чин и оба вели богоугодную жизнь, постоянно соблюдая строгий пост. Когда преподобный Исаакий[4967], уже достигший глубокой старости, почувствовал приближение смерти, то созвал братию; преподав ей последнее наставление, он поставил игуменом вместо себя преподобного Далмата, от имени которого и самая обитель получила впоследствии название Далматской[4968]. Патриархом цареградским Аттиком преподобный Далмат был рукоположен во священника[4969]. Он проводил жизнь полную воздержания и однажды в великий пост в течение сорока дней не вкушал пищи[4970]; постом и молитвою преподобный Далмат побеждал бесовскую силу. Он подвизался и против видимых служителей беса – еретиков несториан, хуливших Пречистую Матерь Божию[4971]: преподобный Далмат был деятельным помощником святых отцов третьего Вселенского собора, заседавшего при царе Феодосии Младшем в Ефесе[4972], этим преподобный Далмат приобрел себе любовь царя и святых отцов, которые сделали его архимандритом Далматской обители. Отдав таким образом почти всю свою жизнь на служение Богу, преподобный Далмат отошел в глубокой старости в вечность[4973]. – Преподобный Фавст, подобно своему отцу, был великим подвижником, он строго соблюдал заветы иноческие и из них особенно пост[4974]. Скончав течение здешней земной жизни, он переселился в вечные обители и в бессмертной жизни причтен к лику преподобных отцов.

Кондак, глас 2:

Пощением воссиявшия яко светила, и ереси развратившия верою, песньми Исаакия восхвалим, и с Далматом Фавста, яко Христовы угодники, Того молящи о всех нас.

Житие преподобного Космы, скопца отшельника

Память 3 августа

В книге Лимонарь[4975] передается следующий рассказ пресвитера Викантийского монастыря аввы Василия о преподобном Космe.

«Во время моего пребывания в Антиохии, – говорил пресвитер, – из Иерусалима пришел к святейшему патриарху Григорию авва Косма, скопец из лавры[4976] Фаранской, это был строгий постник, ревнитель веры, твердый хранитель догматов церковных, отлично знающий Святое Писание. Спустя немного дней после своего прибытия в Антиохию, старец преставился; патриарх приказал положить его честное тело в своем монастыре, где был погребен некоторый епископ. Однажды я пошел ко гробу святого старца, чтобы поклониться его праху и здесь увидел нищего, просившего милостыню у входивших в церковь. Заметив меня, он трижды поклонился при гробе и, сотворив иерейскую молитву об упокоении преставившегося, сказал мне:

– Велик, господин авва[4977], старец, которого вы погребли здесь два месяца назад.

– Почему ты знаешь? – спросил я.

Он отвечал:

– Я был двенадцать лет расслабленным, – истину говорю, не лгу, – и через этого старца Господь даровал мне исцеление. Когда я нахожусь в скорби, он приходит и утешает меня, доставляя мне облегчение. Я не скрою от тебя и другого чуда о нем же: с того самого времени, как вы похоронили его, я слышу каждую ночь, как он говорит епископу: «Не прикасайся ко мне и не приближайся еретик, ты враг святой кафолической церкви».

Выслушав это, я пошел к патриарху и передал ему свой разговор с нищим; вместе с тем я просил патриарха взять тело старца и положить в другом месте. Но святейший патриарх сказал на это:

– Верь мне, сын мой, что ничего вредного не может причинить еретик святому Косме: всё рассказанное тобою произошло затем, чтобы от нас не была скрыта ревность по вере и добродетель старца и – чтобы обнаружилось нечестие епископа, и он не почитался бы как православный».

Этот же пресвитер Василий передает о преподобном Косме и другой рассказ:

«Я пришел к нему в лавру, и старец рассказал мне о себе, что однажды ему пришла на ум мысль, – что означают слова Господа, обращенные к ученикам: «Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лк.22:36), и ответ Его: «довольно", когда они сказали: «вот, здесь два меча» (Лк.22:38). Долго размышлял старец над этими изречениями Господа и, не придя ни к какому решению, отправился в полдень в лавру Пирга к авве Феофилу, чтобы попросить у него объяснения. Во время дороги, пролегавшей по пустыне, приближаясь к Каламону, он увидел громадного змея, спускавшегося с Каламонской горы, змей был так велик, что своею тяжестью оставлял на земле глубокий след, а изгибы тела его образовывали большие дуги, он как раз пересекал путь старца. Уразумев козни дьявола, хотевшего заставить преподобного отказаться от своего намерения, старец вооружился молитвою и безбоязненно продолжал своей путь: хранимый силою Божией, он без всякого вреда, точно сквозь ворота, прошел через изгибы тела змея. Придя к авве Феодору, он предложил ему свой вопрос и услышал от него такой ответ:

– Два ножа означают два вида богоугодной жизни, – деятельность или труд и созерцание или погружение ума в богомыслие молитву, кто обладает двумя этими добродетелями, тот совершенный человек».

К своим сообщениям о преподобном Косме пресвитер Василий добавил еще следующее:

«Во время моего десятилетнего пребывания в лавре Фаранской у преподобного Космы, к которому я пришел в самом начале своей иноческой жизни, он постоянно наставлял меня своими боговдохновенными беседами; однажды, рассуждая со

мною о спасении души, он привел одно выражение из слов святого Афанасия Великого и при этом заметил:

– Когда или услышишь, или найдешь в книге какое-либо выражение святого Афанасия, то, если не имеешь хартии, запиши его на твоей одежде».

Такое уважение имел преподобный Косма к великим отцам и учителям церкви: с ними и он, по окончании своей богоугодной жизни здесь на земле, получил часть в вечной жизни по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава и ныне и присно.

Святые семь отроков ефесских

Память 4 августа

Во дни нечестивого римского царя Декия[4978] Церковь Христова была гонима, и много рабов Христовых, – священнослужителей, церковнослужителей и других верных, боясь безжалостного мучителя, принуждено было скрываться, где кто мог. Когда, пылая ненавистью к христианам, Декий пришел из Карфагена[4979] в Ефес[4980], то прежде всего приказал собраться жителям окрестностей для принесения жертв идолам. Ослепленный своею гордостью, царь поставил среди города идолов, устроив перед ними жертвенники, вместе с царем, по его повелению, на них должны были принести жертвы сначала городские власти. При этом всенародном праздничном жертвоприношении земля напоилась кровью и воздух наполнился смрада и дыма: так много заколалось и сжигалось животных. Спустя два дня, от царя вышло повеление собрать всех христиан и заставить принести жертвы идолам. Христиан начали искать повсюду: их вытаскивали из домов и пещер, соединяли в одну толпу и с бесчестьем приводили на площадь, где собирался народ, приносивший жертвы. Некоторые из последователей Христовых, не обладавшие крепостью душевною, боясь предстоящих мук, отпадали от веры и на глазах у всех поклонялись идолам. Другие христиане, бывшие или очевидцами или слышавшие о таких поступках со стороны своих собратий по вере, скорбели душою своею, оплакивая их отпадение от Христа и ниспадение в идолопоклонство; твердые же в вере и крепкие духом безбоязненно шли на муки и, умирая от разнообразных истязаний, мужественно полагали души свои за Господа своего. Мучимых было такое великое множество, что кровь их, истекавшая при нанесении ран и раздроблении костей, лилась на землю, как вода, тела мучеников или бросались, как сор при дороге, или вешались кругом на городских стенах, а головы на особых колах ставились пред городскими воротами; вороны, ястребы и другие плотоядные птицы слетались к стенам и пожирали тела умерших за веру. Для потаенных и

скрывающихся христиан доставляла великую печаль невозможность взять и погребсти тела братий, поедаемые птицами; воздевая руки к небу, они с рыданиями молились Господу, чтобы Он избавил церковь Свою от такого мучительства.

В это время в Ефесе находилось семь отроков, они были сыновья уважаемых городских начальников и служили в войске, имена их следующие: Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан и Антонин. Не будучи связаны узами телесного родства, они были связаны узами родства духовного, – верою и любовию Христовою; они вместе молились и постились, сораспинаясь Христу умерщвлением плоти и строгим соблюдением целомудрия. Видя постоянные притеснения и жестокие казни христиан, они сокрушались в душе своей и не могли удержаться от слез и воздыханий. – Когда язычники вместе с царем отправились приносить жертву, святые отроки уклонились от них; придя в церковь христианскую, они поверглись на землю пред Господом и, посыпав прахом свои головы, воссылали к Нему слезные молитвы. Подобные поступки с их стороны не укрылись от взора некоторых людей (в то время каждый наблюдал за другом своим, какому богу он молится, и предавал на смерть брат брата, отец сына, сын отца; никто не скрывал ближнего своего, если замечал, что он молится Христу). Они тотчас же пошли к царю и сказали:

– Царь, живи во век! Ты призываешь издалека христиан, убеждая приносить жертвы, а между тем находящиеся около тебя пренебрегают твоей царской властью и, не слушая твоих повелений, нарушают их, держась христианской веры.

Разгневанный царь спросил, кто именно противится его повелениям. Доносчики сказали:

– Максимилиан, сын городского правителя, и шесть других отроков, сыновей знатных ефесских граждан; все они уже имеют значительные военные чины.

Царь тотчас же велел схватить их, заковать в цепи и привести к себе. Святые отроки скоро были приведены к царю с

глазами еще не обсохшими от слез и со следами праха на голове. Взглянув на них, мучитель сказал:

– Почему вы не явились вместе с нами на праздник в честь богов, которым поклоняется вся вселенная? Подите теперь и, подобно другим, принесите богам должную жертву.

Святой Максимилиан отвечал:

– Мы исповедуем Единого Бога и Царя небесного, Своею славою наполнившего небо и землю, и Ему каждый час приносим духовную жертву веры и молитвы, идолам же вашим, чтобы не осквернить душ наших, мы не принесем жертв, состоящих из сожжения животных, сопровождаемого смрадом и дымом.

После такого ответа царь велел отнять у юношей их воинские пояса, – знак занимаемого ими высокого положения:

– Вы не достойны, – сказал он, – служить в войске царя, ибо не повинуетесь ни ему, ни богам.

Однако, видя красоту и молодость их, царь сжалился над ними и сказал:

– Было бы безжалостно сейчас же предать мукам столь молодых, – поэтому, прекрасные юноши, я даю вам время для размышления, чтобы вы, образумившись, принесли жертву богам и таким образом сохранили себе жизнь.

Затем он приказал снять с них цепи и освободить их до назначенного времени, а сам удалился в другой город, намереваясь опять возвратиться в Ефес.

Святые же отроки, следуя учению Христову, дарованное им царем свободное время употребляли на добрые дела: взяв в доме родителей своих золото и серебро, они раздавали его тайно и открыто нищим. Вместе с тем, они совещались между собою, говоря:

– Удалимся на время из города, пока в него не возвратится царь, уйдем в ту большую пещеру, которая находится в горе на восток от города, и там, пребывая в безмолвии, усердно помолимся Господу о даровании нам крепости при предстоящем исповедании Его святого имени, чтобы мы могли, безбоязненно явившись к мучителю, мужественно перенести

страдания и получить от Владыки нашего Христа уготованный верным рабам неувядаемый венец славы.

Так сговорившись между собою, они отправились к восточной горе, известной под именем Охлон, захватив с собою столько серебра, сколько нужно было для покупки пищи на несколько дней. Придя в находившуюся в горе пещеру, они пробыли в ней довольно продолжительное время, непрестанно славя Бога и молясь о спасении своих душ. Хождение в город для покупки нужного было поручено святому Иамвлиху, как самому младшему. Святой Иамвлих, весьма разумный отрок, отправляясь в город, переменял свои одежды на рубище, чтобы его не узнали; из захваченных с собою денег, он отделял часть для раздачи нищим, а на остальные покупал пищу. В одно из таких посещений города, святой Иамвлих, скрывая свое имя, разузнавал когда именно, скоро ли возвратится царь. Спустя достаточное время, святой Иамвлих, под видом нищего, снова пришел в город и сам увидел вшествие возвратившегося с пути царя и слышал оповещенное в городе его повеление, чтобы все градоначальники и военачальники на следующее утро приготовились для принесения жертв богам, – столь ревностный язычник был царь. Кроме того Иамвлих услышал, что царь велел отыскать и их, отпущенных на время, чтобы они вместе с другими гражданами, в его присутствии, принесли жертвы идолам. Испуганный Иамвлих, захватив немного хлеба, поспешил к братьям в пещеру; здесь он рассказал им всё, что видел и слышал, сообщил также и о том, что их уже ищут для принесения жертв. Эти известия привели их в страх: пав на землю с плачем и стенаниями, они молились Богу, поручая себя Его покровительству и милосердию. Восстав от молитвы, святой Иамвлих приготовил трапезу, состоявшую из небольшого количества принесенного хлеба; был уже вечер, и солнце заходило; севши, святые отроки подкрепили себя пищею, ожидая предстоящих мучений. Окончив скудную трапезу, они беседовали между собою, ободряя и поощряя друг друга к мужественному перенесению страданий за Христа. Во время этой душеспасительной беседы их стало клонить ко сну: от сердечной печали отяжелели очи их. Милостивый же и

человеколюбивый Господь, всегда пекущийся о церкви Своей и верных рабах Своих, повелел семи святым отрокам уснуть дивным и необычайным сном, желая в будущем явить дивное чудо и уверить сомневающихся относительно воскресения мертвых. Святые уснули сном смертным, души же их хранились в руке Божией, а тела лежали нетленными и неизмененными, как у спящих.

Утром царь приказал отыскать семь благородных отроков, и после тщетных поисков сказал вельможам:

– Я жалею юношей, потому что они были из знатного рода и отличались красотою, думаю, что они, боясь гнева нашего, убежали куда-нибудь и скрываются, хотя, по милосердию своему, мы готовы щадить тех, которые, покаявшись, опять обращаются к богам.

Вельможи отвечали на это:

– Не печалься, царь, об этих юношах; противящихся тебе и богам: мы слышали, что они не только не покаялись, но сделались еще злейшими хулителями богов; раздав городским нищим множество золота и серебра, они бесследно исчезли. Если позволишь, то можно призвать родителей их и пытками заставить открыть место, где находятся сыновья.

Царь, не медля, приказал призвать родителей святых отроков и сказал им:

– Скажите, не утаивая, где ваши, опозорившие мое царство сыновья? Вместо них я велю погубить вас: ведь вы дали им золото и серебро и отослали куда-то, чтобы они не явились пред лицом нашим.

Родители отвечали:

– Прибегаем к твоему милосердию, царь! Выслушай нас без гнева: мы не замышляем козней против твоего царства, никогда не нарушаем твоих повелений и постоянно приносим жертвы богам, – за что же нам грозишь смертью? Если же сыновья наши развратились, то не мы учили их этому, мы не давали им золота и серебра; они сами тайно взяли его и, раздав неимущим, убежали и скрылись, по дошедшим до нас слухам, в великой пещере горы Охлон. Прошло уже много дней, а они всё не возвращаются: не знаем, живы ли они там или нет.

Царь, выслушав, отпустил родителей, а потом велел завалить каменьями вход в пещеру, говоря:

– Так как они не покаялись, не обратились к богам и не явились ко мне, то пусть отныне не видят более лица человеческого и погибнут от голода и жажды в заваленной камнями пещере.

Царь и жители Ефеса думали, что отроки еще живы, не зная, что они отошли уже ко Господу. В то время, когда заделывали вход в пещеру, два царских постельничих Феодор и Руфин, тайные христиане, описали на двух оловянных дощечках страдания семи святых отроков, сообщив и их имена, потом они вложили эти дощечки в медный ящичек и поставили последний среди камней, положенных в пещерном ходе: если, думали они, Господь посетит рабов Своих до Своего славного пришествия, и пещера когда-нибудь будет открыта, и найдены будут тела святых, тогда, по нашему описанию узнают об именах и делах их и поймут, что эти тела – тела мучеников, умерших в загражденной пещере за исповедание Христа. Так был завален вход в пещеру, при сем на него была навешена печать.

Вскоре после этого умер нечестивый Декий. После него было много и других нечестивых царей, также гнавших церковь Божию, пока с Константина Великого не наступило время христианских царей. Во дни благочестивого царя Феодосия Младшего[4981], когда прошло уже довольно продолжительное время со смерти Константина Великого, появились еретики, отрицавшие воскресение мертвых, хотя Господь Иисус Христос и передал об этом Церкви Своей ясное, уничтожающее всякое сомнение, учение. И, однако, многие усомнились, и не только миряне, но даже некоторые епископы сделались последователями ереси. Со стороны уклонившихся в ересь вельмож и епископов, – из последних особенно выделялся епископ Егинский Феодор, – возникло сильное гонение на православных. Одни из еретиков говорили, что за гробом люди не могут рассчитывать на воздаяние, ибо по смерти уничтожается не только тело, но и душа, другие же утверждали, что души будут иметь свое воздаяние, – одни тела истлеют, погибнут.

– Как могут, – говорили они, – восстать эти тела, спустя целые тысячелетия, когда нет уж и самого праха их?

Так умствовали еретики, в своем нечестии забывая слова Христовы в Евангелии: «мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Иоан.5:25), забыли и написанное у пророка Даниила: «многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан.12:2), – и пророка Иезекииля, говорящего от лица Божия: «вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших» (Иез.37:12). Не помня этого учения Священного Писания, еретики производили большие смуты в церкви Божией. Они доставляли царю Феодосию сильную печаль: он усердно в посте и слезах молился Богу, чтобы Он, Творец всего, избавил от пагубной ереси церковь Свою. Милостивый Господь, не хотя, чтобы кто-нибудь, заблуждаясь в истинах веры, погиб, услышал молитву царя и слезные стенания многих верных и явно открыл тайну ожидаемого воскресения мертвых и вечной жизни. По действию Божественного промысла, произошло следующее. Некоторый муж, по имени Адолий, владетель горы Охлон, где в загражденной пещере пребывали спящие отроки, имея на горе свободное место, захотел там сделать ограду для овец. При ее постройке рабы брали каменья, которыми был завален вход в пещеру; совершенно не предполагая, что в горе находится пещера, они думали, что камни составляют естественную часть горы. Отсекая камни и унося их на место работы, они образовали в устье пещеры отверстие, в которое мог свободно пролезть человек. В это время Господь наш Иисус Христос, Владыка жизни и смерти, воздвигший некогда четверодневного Лазаря (Иоан.11:39, 43–44), воздвиг уже много лет спавших (около двухсот) и семь святых отроков: по Его Божественному велению, святые мученики воскресли, как бы пробудившись от сна. Восстав, они прежде всего вознесли утреннее славословие Господу, после чего, по обычаю, приветствовали друг друга. Им казалось, что они пробудились от обыкновенного ночного сна, потому что ничто не указывало им на пробуждение от смерти: одежды на них были совершенно не повреждены, внешний вид нисколько не изменился, – по-прежнему они цвели здоровьем и

красотою; всё невольно приводило святых отроков к мысли, что они вчера уснули, а теперь, утром, пробудились. Вступив в беседу между собою, они с печалью вспоминали о гонении на христиан и о том, что им надлежит отправляться в город по приказанию царя, повелевшему приносить жертвы идолам; они были уверены, что Декий ищет их для мучений. Обратившись ко святому Иамвлиху, они просили его снова рассказать, что он слышал в городе. Святой Иамвлих отвечал:

– Что сказал вам вчера, то скажу и сегодня: царь велел в нынешний день всем гражданам быть готовым для жертвоприношения, велел вместе с тем искать и нас, чтобы мы вместе со всеми на его глазах поклонились идолам, а если не сделаем этого, то он предаст нас мукам.

Тогда святой Максимилиан сказал, обращаясь ко всем:

– Братья, выйдем и явимся безбоязненно пред Декием: долго ли будем сидеть здесь подобно малодушным? Изыдем и без страха пред царем земным исповедуем Царя небесного, Истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, а за славу Его святого Имени прольем свою кровь, положим души наши, не будем бояться мучителя и мук смертных: они не могут лишить нас жизни вечной, которой мы ожидаем по вере во Христа Иисуса. Ты же, брат Иамвлих, озаботься приготовлением для нас в обычное время пищи, возьми сребреник и иди в город, там купи хлеба в большем, чем вчера, количестве, – ты вчера принес мало, и мы голодны теперь; узнай, что приказал относительно нас Декий и возвращайся поскорее, чтобы, подкрепившись пищею, мы могли по собственной воле выйти отсюда и предать самих себя на мучения.

Святой Иамвлих взял сребреник и отправился в город; было очень рано, только что начало рассветать.

Выходя из пещеры, святый Иамвлих к удивлению своему увидел камни; что это значит, подумал он, когда они положены? Вчерашний день их здесь не было. Спустившись с горы, он шел со страхом, опасаясь войти в город, где его могли узнать и свести к царю. Приблизившись к городским воротам, святой Иамвлих с великим изумлением заметил на них честной Крест, прекрасной художественной работы. И всюду, куда он не

обращал взоры свои, везде с тем же изумлением замечал другие здания, жилища и стены. Святой Иамвлих пошел к другим воротам города и там с недоумением увидел изображение Честного Креста, поставленное на стене; он обошел все ворота города и везде видел святые Кресты. От недоумения святой Иамвлих близок был к безумию. Возвратившись опять к первым воротам, он думал: что же это значит? Вчера нигде не было изображений Честного Креста кроме тех, которые тайно хранились у верных, а теперь они открыто поставлены на воротах и стенах города, вижу ли я их на самом деле или мне только кажется? Не во сне ли я? Ободрившись, он вошел в город. Пройдя немного, святой Иамвлих услышал, что многие клянутся Именем Христовым. Он пришел в ужас, размышляя: вчера никто не смел открыто произнести Имя Христово, теперь же я слышу его из многих уст; по-видимому, это не Ефес, а какой-то другой город, при этом и здания другие и на людях совершенно иные одежды. Продолжая путь свой, он спросил одного человека:

– Как называется этот город?

– Ефес, – отвечал тот.

Святой Иамвлих не поверил и по-прежнему думал: без сомнения я попал в какой-то другой город, нужно скорее купить хлеба и поторопиться выйти из города, чтобы окончательно не заблудиться. Приблизившись к продавцу хлебов, он вынул сребреник и отдал ему для уплаты за хлеб и остановился, ожидая покупку и сдачу. Сребреник был очень велик и имел на себе надпись и изображение древнейших царей. Продавец взял сребреник и показал его другому, тот подал третьему, а этот четвертому, подошли и другие присутствовавшие при этом; глядя на сребреник все удивлялись его древности и, осматривая святого Иамвлиха, говорили на ухо друг другу:

– Наверное этот отрок нашел какое-нибудь спрятанное во дни глубокой древности сокровище.

Святой Иамвлих, заметив их шепот, испугался, думая, что его узнали и сговариваются о том, чтобы его схватить и представить царю Декию.

– Прошу вас, – сказал он, – возьмите себе сребреник: я не хочу с него сдачи.

Но окружавшие схватили святого Иамвлиха и, удерживая, говорили:

– Открой нам, откуда ты и каким образом нашел сокровище времен древних царей, удели нам часть, и мы не скажем о тебе, а если ты не согласишься разделить его вместе с нами, мы предадим тебя судье.

Слыша это, святой Иамвлих удивлялся и, недоумевая, молчал. Они же продолжали:

– Нельзя уже утаить это сокровище, – где оно, скажи, лучше по собственной воле, пока не заставят этого сделать пытки.

Святой Иамвлих не знал, что им сказать, и молчал подобно немому. Тогда мужи сняли с него пояс и, одев ему на шею, держали его среди торговой площади; среди народа разнесся слух, что схвачен какой-то отрок, нашедший сокровище. Святого Иамвлиха окружила большая толпа; все смотрели на лицо его, говоря: он не здешний, мы раньше никогда не видали его. Святой же Иамвлих, хотя и желал сказать, что он не нашел никакого сокровища, но от сильного изумления не мог сказать ни одного слова; он глядел на толпу, стараясь найти кого-нибудь из знакомых или кого-нибудь из домашних, – отца, матерь или раба. Никого не находя и не узнавая, он пришел еще в большее удивление: вчера его все знали, как сына знатного человека, а сегодня не только никто его не узнает, но и сам он не находит никого из знакомых. Распространившийся по городу слух о взятии святого Иамвлиха дошел до начальника города и епископа Стефана[4982]: по Божию смотрению, оба они в это время находились вместе и вели между собою беседу; оба они велели привести к себе юношу, захваченного со сребреником.

Во время пути святой Иамвлих думал, что его ведут к царю Декию, и еще прилежнее глядел в народ, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых, но все ожидания его были напрасны. Когда его привели к начальнику города и епископу, то они взяли сребреник и, рассматривая его, дивились, так как он относился ко времени очень древних царей. Потом начальник города спросил святого Иамвлиха:

– Где найденное тобою сокровище? Конечно, ты оттуда взял этот сребреник.

– Я не знаю никакого сокровища, – отвечал святой Иамвлих, – мне одно лишь известно, что он взят мною у моих родителей и ничем не отличается от обычных, употребляемых в этом городе, сребреников. Я удивляюсь и недоумеваю, что такое со мною делается.

– Откуда ты? – спросил градоначальник.

Святой отвечал:

– Думаю, что из этого города.

Градоначальник сказал на это:

– Чей ты сын? Находится ли здесь кто-нибудь из знающих тебя? Тогда он пусть придет и засвидетельствует справедливость твоих слов, и мы отпустим тебя.

Святой Иамвлих назвал по имени отца, мать деда, братьев и других родственников; никто не знал их.

– Ты говоришь неправду, – возразил градоначальник, – называешь какие-то странные и необычайные имена, каких мы никогда и не слыхали.

Святой отрок в недоумении молчал, опустив голову, одни из присутствовавших говорили:

– Он юродивый.

– Нет, он лишь притворяется таким, чтобы избегнуть беды, – отвечали другие.

Градоначальник с гневом начал угрожать святому Иамвлиху:

– Как мы можем верить тебе, когда ты говоришь, что это сребреник ты взял из числа других, употребляемых твоими родителями? Ведь на нем изображение и надпись древнего царя Декия, по смерти которого прошло уже много лет, и сребреник совсем не похож на те, какие ходят ныне. Неужели родители твои так стары, что помнят царя Декия и имеют его сребреники? Ты еще молод, не имеешь тридцати лет, и хочешь своим коварством обмануть старцев и мудрецов Ефесских. Я тебя брошу в темницу, подвергну наказанию и не отпущу до тех пор, пока не скажешь правды, не откроешь, где найденное тобою сокровище.

Во время этой речи градоначальника святой Иамвлих с одной стороны убоялся его угроз, с другой удивился при словах, что Декий был в древнее время; упав на колена, он сказал:

– Молю вас, господа мои, ответьте мне на то, о чем я вас спрошу, а я сам расскажу вам всё без принуждения: царь Декий находится ли в городе, он жив или нет?

Епископ отвечал ему:

– В настоящее время, сын мой, в этой стране нет царя по имени Декия, в прежние годы, во времена древние, действительно, был такой царь; теперь царствует благочестивый Феодосий.

Тогда святой Иамвлих сказал:

– Молю вас, пойдемте со мною и я покажу вам в пещере горы Охлон своих друзей, от которых убедитесь в справедливости сказанного мною. Мы, действительно, убегая от Декия, несколько дней тому назад удалились отсюда и скрылись в той пещере; Декия я вчера видел, когда он входил в Ефес, теперь же я не знаю, Ефес это или какой другой город.

Епископ, размышляя, говорил в себе:

– Бог хочет открыть через этого юношу какую-то тайну.

– Идем с ним, – обратился он к градоначальнику, – и посмотрим: что-то чудесное имеет совершиться.

Поднявшись, епископ и градоначальник пошли с юношею, за ними последовали все городские власти и множество народа. Когда шествие достигло до горы, святой Иамвлих первый вошел в пещеру, а епископ, следуя за ним с остальными, нашел при входе в пещеру, между двумя камнями, медный ящичек с двумя серебряными печатями; открывши перед всеми ящичек, епископ и градоначальник нашли в нем две оловянные дощечки, в которых было написано, что семь святых отроков – Максимилиан, сын городского начальника, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан и Антонин – бежали от царя Декия и скрылись в этой пещере; повелением же Декия вход в пещеру был завален каменьями, и святые отроки умерли в ней мученическою смертью за Христа. После этого чтения все пришли в изумление и громко прославляли Бога.

Войдя в пещеру, они нашли святых отроков, цветущих красотою; лица их выражали радость и сияли светом благодати Божией; епископ, градоначальник и народ припали к ногам святых отроков, воздавая хвалу Богу, сподобившему их увидеть столь славное чудо. Святые отроки рассказали им всё о себе, о Декии, – каково было при нем гонение на христиан. Тотчас епископ и градоначальник послали письмо благоверному царю Феодосию, прося его прислать честных мужей, чтобы видеть чудо, явленное Господом в его царствование:

– Ибо, – писали они, – в наши дни показал Господь в воскресении тел святых отроков образ будущего всеобщего воскресения не только души, но и тела.

Царь Феодосий, получив известие, пришел в сильную радость и тотчас, в сопровождении вельмож и множества народа, поспешил из Константинополя в Ефес, где был встречен торжественно, как подобало его высокому положению. Епископ, градоначальник и другие городские власти повели царя к пещере. Когда Феодосий, проникнув внутрь пещеры, увидел, подобных Ангелам, святых отроков, то пал к ногам их, они же, простерши руки, подняли его с земли. Восстав, царь с любовью обнял святых отроков и, лобызая их, не мог воздержаться от слез, потом, севши против них на земле, он с умилением глядел на них и славил Бога:

– Господа мои, – говорил он, – в лице вашем я вижу Самого Царя и Владыку моего Христа, некогда воздвигшего Лазаря из гроба: ныне Он и вас воздвиг Своим всесильным словом, чтобы явно возвестить нам о грядущем воскресении мертвых, когда находящиеся в гробах, услышав глас Сына Божия, оживут и изыдут из них нетленны.

Святой Максимилиан сказал царю:

– Отныне царство твое за твердость веры твоей будет несокрушимо, и Иисус Христос, Сын Бога Живого (ср. Мф.16:16), сохранит его во Имя Святое Свое от всякого зла; верь, что ради тебя Господь воскресил нас прежде дня всеобщего воскресения.

Во время довольно продолжительной беседы святые отроки говорили царю и много других душеспасительных истин, а царь

с епископом, вельможами и народом внимал им с радостью духовною (Греческий описатель церковных событий Никифор Каллист прибавляет, что царь в течение недели каждый день разделял с ними трапезу и служил им). После этих собеседований святые отроки на глазах у всех, наслаждавшихся их лицезрением, опять склонили головы на землю и уснули по Божию повелению смертным сном. Сильно плакал царь над ними, и все присутствующие не могли удержаться от слез.

Царь велел приготовить из серебра и золота семь гробниц, чтобы положить в них тела святых отроков. В ту же ночь они явились во сне царю, повелевая ему не трогать их, но оставить почивать на земле, как они почивали прежде. На месте успения святых отроков собрался сонм святителей, которые, сотворив светлый праздник, достойно почтили святых мучеников. Царь же раздал щедрую милостыню нищим и убогим той страны, отпустил на свободу находившихся в темницах, после чего с радостью возвратился в Царьград, славя Христа Бога нашего, Ему же и от нас грешных да будет честь и слава со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь[4983].

Тропарь, глас 4:

Велия веры чудесе, в пещере яко в чертозе царском, святии седмь отроцы пребыша, и умроша без тли: и по мнозех временех восташа яко от сна, во уверение воскресения всех человеков. Тех молитвами, Христе Боже, помилуй нас.

Кондак, глас 4:

Мира сущая тленная презревше, и нетленныя дары приемши, умерше кроме тления пребыша: темже востают по многих летех, все погребше лютых неверие: яже во хвалении днесь вернии восхваляюще, Христа воспоим.

Житие и страдание святого мученика Понтия

Память 5 августа

Кто может уверовать, если Господь не привлечет к Себе? Кто может совершать подвиги, если Господь не поможет? Кто может удостоиться мученического венца, если Христос не дарует его? И я недостойный, – говорит описатель настоящего жития Валерий, воспитывавшийся и учившийся вместе со святым мучеником Понтием, – не получил такой благодати, чтобы вместе с ним и умереть за Христа, но ради его подвигов и мученичества надеюсь на милость от Господа. Всё, что я говорю о нем, – призываю во свидетели Христа и Его Ангелов, – видел и своими глазами, слышал своими ушами и даже отчасти разделял с ним. Ради этого и вы верьте настоящему правдивому повествованию, и за веру вашу вы получите вместе со святым мучеником награду от Господа в день воскресения мертвых.

В Риме[4984] жил почтенный сенатор Марк; он был бездетен, что доставляло большую печаль как ему, так и жене его Юлии. На двадцать втором году супружества Юлия к великой радости почувствовала, что она забеременела; на пятом месяце беременности она, обходя вместе со своим мужем идольские капища, – оба они были язычники, – пришла в храм Дия, называвшегося великим. Здесь Юлия взглянула на жреца, который с венцом на голове совершал жертвоприношение пред идолом; вдруг жрец пришел в сильнейшее возбуждение и, снявши с себя венец, начал раздроблять его на части, крича со слезами:

– Эта жена носит во чреве того, который разрушит до основания сей великий храм и уничтожит его богов!

Эти слова взволнованный жрец проговорил громким голосом несколько раз, чем привел всех присутствовавших в ужас и из них особенно Марка и Юлию; они в трепете убежали из храма в свой дом, находившийся близ храма. Взяв камень, Юлия наносила себе удары по чреву и бокам со словами.

– О если бы мне не зачинать того, от кого разорится храм и боги сокрушатся; лучше мне самой умереть с ним, чем родить его!

Когда приблизилось время, она родила совершенно здорового младенца, хотя все ожидали, что он будет мертв, вспоминая те сильные удары камнем, какие наносила себе мать. Юлия хотела убить новорожденного, но отец воспротивился этому, говоря:

– Если Дий захочет, он сам отомстит своему врагу; мы же не будем убийцами своего дитяти.

Так мальчик остался жить и был назван Понтием. Когда сын подрос, родители отдали его в училище, и никогда не брали его с собою в храм. Отрок же возрастал не только годами, но и умом: уже во время ранней юности он мог по справедливости быть назван философом; вместе с тем он был очень сведущ и в других науках, так как обладал отличной памятью и большою начитанностью; стремлением к истинному знанию Понтий превосходил всех своих сверстников.

Раз ранним утром он отправился к своему учителю, и ему случилось проходить мимо одного христианского дома и в то именно время, когда собравшиеся там вместе с папою Понтианом[4985] верные пели утренние псалмы. Вслушавшись в пение Понтий разобрал слова: «Бог наш на небесах; творит все, что хочет. А их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих. Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат; есть у них ноздри, но не обоняют; есть у них руки, но не осязают; есть у них ноги, но не ходят; и они не издают голоса гортанью своею. Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них» (Пс.113:11–16).

Остановившись, он вздохнул и невольно задумался над смыслом этого изречения, затем, умилившись под действием благодати Святого Духа, Понтий заплакал и, подняв руки кверху, воскликнул:

– Боже, Которому я слышу сейчас возносимую хвалу, дай мне познать Тебя!

Затем он подошел к дверям дома и стал прилежно стучать в них. Выглянувшие сверху из окна сказали папе:

– Какой-то отрок стучится в дверь.

Папа, уже знавший всё по откровению Святого Духа, сказал:

– Идите отоприте ему, чтобы он пришел к нам, «ибо таковых есть Царствие Божие» (Лк.18:16).

Честный отрок вошел в дом только с одним своим сверстником и товарищем по учению Валерием, который и написал житие святого Понтия; рабов своих он оставил на улице. Войдя в комнату и увидя, что совершается богослужение, отрок удалился в угол, где и пробыл до конца богослужения, внимательно слушая и умиляясь сердцем. Затем он подошел к святому папе и, припав со слезами к ногам его, говорил:

– Молю тебя, отец мой, открой мне смысл слов, которые сейчас вы пели, – идолы язычников слепы и глухи, не обоняют и не могут осязать руками; особенно меня поразило изречение: «подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них».

Папа с любовью привлек к себе Понтия и сказал ему:

– Вижу, сын мой, что Бог просветил твое сердце, заставив его стремиться к Нему. Подумай и посмотри, – не все ли идолы сделаны или из золота, или серебра, или меди или вообще из какого-нибудь вещества? Кто не знает, что каменные идолы высечены из гор и оттуда положенные на колья привезены для продажи на торговую площадь? Могут ли эти, созданные из земли идолы, которых в будущем ждет разрушение и обращение в землю, быть богами? Наш же Бог, в Которого мы веруем, на небесах, и Его можно видеть только сердечными, а не плотскими очами и – познавать только верою.

На это блаженный Понтий отвечал:

– Мой отец и господин, ты говоришь совершенно справедливо: кто действительно не видит, что идолы бездушны и недвижимы и что ими полна не только торговая площадь, капитолий и храмы, но и все улицы: их такое множество, что и счесть нельзя; они имеют самый разнообразный вид и сделаны путем весьма высокого искусства, до какого только мог дойти ум

человека. Кто не видит также, что они прикреплены железом или оловом к своим местам, чтобы их не свалил ветер, и – они не разбились; известно и то, что воры и разбойники часто похищают золотых и серебряных идолов, и как они могут охранять людей от зла, когда сами нуждаются в охранении со стороны одних людей, чтобы их не украли другие?

Святой папа Понтиан удивлялся уму отрока и, взяв его за руку, хотел посадить с собою, но блаженный Понтий сказал:

– Если при наших учителях, обучающих маловажным вещам, мы не смеем сидеть, то как я сяду с отцом, который вместо пути заблуждения указывает мне путь правды и вместо тьмы свет.

Папа отвечал:

– Господь и Учитель наш Иисус Христос дал нам такой завет, чтобы все были едино в Нем (ср. Иоан.15:4–5) и наставляли друг друга на полезное.

Потом папа спросил блаженного отрока:

– Имеешь ли ты родителей?

– Вот уже другой год, – отвечал Понтий, – как мать моя умерла; жив только мой отец, уже глубокий старец, для которого я служу единственным утешением.

– Он христианин или язычник? – осведомился папа.

– Мой отец, как и большинство, ревностный язычник, – сказал на это Понтий.

– Бог, просветивший тебя без всякого учения со стороны людей, – говорил папа, – может просветить и твоего отца, чтобы родивший тебя в эту смертную жизнь познал через тебя жизнь бессмертную. И ты, сын мой, послушайся меня: веруй во Христа и прими святое крещение, избавляющее от вечных мучений.

В подобных выражениях папа около трех часов наставлял Понтия, объясняя ему учение о Царствии Божием; огласив его и пришедшего с ним отрока Валерия и подготовив их таким образом к принятию святого крещения, он отпустил обоих с миром. Они же вышли и как агнцы, покинувшие обильное пастбище, радовались, что обрели спасение своих душ. С этого времени они каждый день приходили к святителю Божию, поучаясь у него.

Однажды сенатор Марк спросил Понтия:

– Что нового узнал ты, сын мой, за эти дни у твоих учителей?

– За всё время учения, – отвечал Понтий, – я не слышал от них ничего лучше того, чему научился теперь.

Отец радовался, полагая, что отрок узнал новые сведения из наук, проходившихся в языческих школах. Блаженный же Понтий, выискивая удобный случай, чтобы склонить к вере во Христа и отца вместе с собою, в один день сказал:

– Я от многих, отец мой, слышу, что боги, которым мы поклоняемся суетны и ничего не имеют в себе Божественного, в чем отчасти убежден и сам: они обладают только подобием органов человеческих и совершенно бездеятельны; каждый, желающий иметь в доме богов, нанимает мастера и через него делает себе богов из таких материалов, какие позволяют средства: из золота, серебра или чего-нибудь другого. Умоляю тебя, отец мой, скажи мне, слышал ли ты или видел ли когда-нибудь, чтобы стоящие в нашем доме боги за всё время пока находятся здесь проявили силу в каком-либо действии?

– Никогда не было ничего подобного, – отвечал Марк.

– Тогда для чего же чтить их, – приносить жертвы, воскурять фимиам и кланяться им? – спросил Понтий.

От этих слов Марк пришел в сильную ярость и хотел ударить сына мечом, говоря:

– Ты хулишь моих богов!

Потом, успокоившись, он сказал:

– Неужели, сын мой, мы одни только будем не признавать богов и не приносить им жертв?

Блаженный Понтий возразил на это:

– Здесь же в городе очень много людей, которые приносят истинную жертву истинному Богу.

– Где их найти? – спросил Марк.

– Если хочешь, я пойду и приведу к тебе мужа, который всё тебе ясно расскажет, – предложил Понтий.

Отец согласился. Понтий обратился к Валерию и сказал:

– Вот перемена произведенная десницею Вышнего, – и тотчас отправился к святому папе Понтиану и привел его к отцу.

Папа долго беседовал с Марком, научая его познанию истинного Бога и открывая ему тайны святой веры. Марк от всего сердца уверовал в Господа нашего Иисуса Христа и вместе с папою и сыном начал сокрушать стоявших в доме идолов; после этого он вместе с сыном и всем домом принял святое крещение. После крещения Марк прожил недолго и преставился ко Господу, будучи уже весьма почтенным старцем. Блаженному Понтию в это время было двадцать лет. Спустя шесть месяцев по смерти отца, он был взят ко двору царя Александра и сделан сенатором на место отца своего. Это произошло по нарочитому действию промысла Божия, чтобы впоследствии, в установленное время, через Понтия познали Христа не только народ, но и цари. Исполненный истинного благочестия святой Понтий пользовался невольною любовью и уважением со стороны всех царедворцев. В это время доблестно скончал свою жизнь святой папа Понтиан, убитый за исповедание Христово по приказанию Максимиана, преемника Александра, его место занял святой Анфир, но и он, едва пробыв месяц на престоле римского патриарха, мученически умер за Христа при том же Максимине. После святого Анфира папою был избран святой Фавий; он любил святого Понтия как родной отец родного сына. Святой Понтий отдал ему всё свое имение для раздачи нищим, особенно единоверцам. Но уже время перейти к рассказу о том, каким образом истинный раб Христов святой Понтий обратил ко Христу царей и как в борьбе с дьяволом одержал победу, стяжав мученический венец.

После погибели мучителя Максимиана царем был Гордиан, преемником которого явился Филипп, сделавший своим соправителем сына своего тоже Филиппа; оба они очень любили святого Понтия, как человека мудрого, благочестивого и полезного в делах правления своими советами. В третий год своего царствования, бывший в то же время тысячным от основания Рима, они, отправляясь в храм для принесения богам благодарственной жертвы, пригласили с собою и любимого своего сенатора Понтия:

– Пойдем и воздадим благодарность великим богам за то, что они дали нам возможность праздновать тысячелетие Рима в

самом городе.

Святой Понтий всячески старался уклониться от их приглашения, чтобы не идти в языческий храм, но цари настойчиво звали его, как друга, с собою. Тогда святой Понтий, поняв, что настало удобное время для открытия царям единого истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, сказал:

– О добрые цари, Богом поставленные над людьми, зачем вы не поклоняетесь Тому, Кто даровал вам царскую честь и власть, почему Ему, Единому, не приносите жертвы хвалы?

Царь Филипп старший сказал на это:

– Я и хочу принести жертву великому Дию потому именно, что он даровал мне власть царскую.

Святой Понтий возразил ему с улыбкой:

– Не обманывайся царь, поклоняясь Дию: один Бог на небе, всё создавший единым словом Своим и всё оживотворивший благодатью Святого Духа.

– Зачем ты всё это говоришь, не знаем, – ответили оба царя.

– От века ли существует Дий? – спросил святой Понтий.

– Нет, – сказали цари, – прежде Дия был Кронос отец его; он царствовал в Италии и под его управлением народы Италии наслаждались благоденствием.

– А в то время пока царствовал Кронос в Крите и пока он, будучи изгнан сыном своим Дием, не пришел в Италию, разве последняя не имела народов и правителей? – снова спросил святой Понтий.

– Нет, – продолжал он, – не прельщайтесь ложными баснями ваших стихотворцев. Один Бог над всеми на небе, – Бог Отец, Который вместе с Сыном Своим и Святым Духом управляет всем, что Он создал, и поддерживает силою Своею всё существующее; создал же Он и небо, и землю, и море со всем, что находится в них; после всего Он сотворил по образу и подобию Своему бессмертного человека и подчинил его власти всё, что на земле, в море и воздухе. Видя ту великую честь, какою Бог облек человека, сверженный с неба дьявол исполнился зависти и внушил человеку льстивую мысль о нарушении заповеди Божией, чтобы через это он оказался

неблагодарным и непослушным пред своим Творцом и Благодетелем. Человек последовал коварному совету обольстителя и тем лишил себя бессмертия, своим преслушанием наведя смерть не только на себя, но и на весь род человеческий. Но дьявол не удовлетворился этим обольщением человека и изобрел идолов, которых вы называете богами, чтобы еще более отторгнуть род человеческий от Создателя. Милосердный же Господь, не желая окончательной гибели созданного по Его образу человека, благоизволил послать на землю с Небесного Престола Единородное Слово Свое[4986]: Слово Божие действием Святого Духа вселилось в утробу Пречистой Девы, непостижимо приняло от Нее плоть и родилось от Нее неизреченно, и Слово стало человеком, чтобы обновить падшего человека и уничтожить власть дьявола. Богочеловек явил над людьми множество чудес: Он исцелял словом слепорожденных, расслабленных и привязанных к одру болезни много лет, очищал прокаженных, воскрешал мертвых, – воззвав из гроба четверодневного Лазаря, даровал ему жизнь; как Бог всемогущий он содеял неисчислимое множество и других чудес. Но иудеи, не веруя в Него и завидуя Ему, предали Его Понтийскому Пилату игемону и пригвоздили ко кресту Пришедшего спасти их. Он же, как Бог, восстал в третий день из мертвых и по воскресении Своем в течение многих дней являлся ученикам Своим; Он уничтожил смерть, причиненную дьяволом человеку, Своею смертью и Своим воскресением даровал нам жизнь вечную, и как Он, восстав от мертвых, уже не умирает, так и мы, по окончании этой кратковременной, но обильной скорбями жизни, восставши из гробов наших, будем вечно жить с Ним. Указав путь спасения, Он вознесся на небо, и если кто пренебрежет этим спасением, тот вместе с дьяволом подвергнется вечному осуждению; верующий же и идущий путем спасения вечно будет со Христом в Царствии Небесном.

Святой Понтий долго просвещал царей: он рассказал им всё подробно о Христе, о тайнах веры и о будущей жизни, и его речь, проникнутая благодатью Святого Духа, отверзла царям ум: уразумев всю истинность его слов, они умилились сердцем

и уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. Цари умоляли святого Понтия на следующий день еще более подробно изъяснить им тайну спасения, чтобы они могли избежать неугасимого огня и в будущей бессмертной жизни получить часть со святыми. В этот день, равно как и после, цари не ходили в капитолий для принесения жертв идолам; они приказали только день тысячелетия Рима отпраздновать народными зрелищами. Святой же Понтий не замедлил отправиться к святейшему папе Фавию, которому и рассказал всё; папа, исполненный живейшей радости, преклонил колена, говоря:

– Господи Иисусе Христе, благодарю Тебя, что Ты благоизволил через раба Своего Понтия привести царей римских к познанию Твоего пресвятого имени!

На другой день папа и Понтий вместе отправились к царям и долго беседовали с ними о едином истинном Боге и о всем пути спасения; видя веру царей, папа огласил их ко святому крещению, а потом, спустя непродолжительное время, и крестил; вместе с ними крестились и другие, ибо по примеру царей весьма многие уверовали во Христа. И кто может передать радость христиан в это время? Тогда сбылось и произнесенное по велению Божию дьяволом через бесновавшегося жреца о святом Понтии, когда он находился еще в утробе матери: заручившись разрешением царей, святой Понтий вместе со святым папою Фавием, пошел в храм Дия, где было произнесено вышеупомянутое предсказание; здесь они сначала сокрушили идолов, а потом разорили до основания и самый храм; было уничтожено и несколько других языческих храмов, их место заняли святые Божии церкви; в эти дни очень многие обращались ко Христу и крестились. Но они не составляли собой всех жителей Рима: это была только часть его, и не все капища, наполненные идолами, были разрушены за описываемые благоприятные для Церкви Христовой, но немногие, по воле Божией, годы. Такою свободою она наслаждалась только четыре года: Господь Иисус Христос, желая искусить Церковь Свою как золото в горниле, попустил начаться новому гонению, – нечестивый Декий[4987], находясь во

главе язычников, поднял восстание и убил благочестивых царей за их веру во Христа. И многие из новокрещенных, не обладавшие твердостью душевною, боясь гонений, снова возвратились к язычеству; другие же бежали, скрываясь, где кто мог, а мужественные смело шли на муки, полагая за Христа души свои. В это лютое, неожиданно, как буря, поднявшееся гонение святой Понтий укрылся в одном месте в самом Риме, но его особенно старательно отыскивали языческие жрецы; своим разрушением идолов и капищ он возбудил в них к себе сильнейшую ненависть, – они жаждали предать его мучениям. Это обстоятельство побудило святого Понтия бежать в одну ночь из Рима, следуя словам самого Господа, говорящего в Евангелии: «когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф.10:23); он пришел в город Кимелу[4988], находившийся на границе Галлии, близ Альпийских гор; здесь он жил как странник и пришелец. Царь Декий вскоре погиб, и после кратковременного царствования Галла с Волузианом на престол римского государства вступил Валериан[4989] с сыном Галлиеном. Эти цари желали уничтожить самое имя христиан не только в Риме, но и во всех областях его; с этою целью они повсюду рассылали особых начальников для мучения христиан; два таких мучителя, Клавдий и Анавий, были, между прочим, посланы и в Галльскую область. Они прежде всего пришли в город Кимелу; принеся жертвы богам и устроив посреди города судилище, они издали повеления, которым предписывалось христиан брать и представлять к ним для пыток. Святой Понтий, как муж знаменитый и знатный, был схвачен и представлен прежде всех на беззаконное судилище. Увидев его, игемон Клавдий сказал с гневом:

– Ты тот Понтий, который, не знаю каким волшебством, произвел смятение в Риме и отвратил от богов царей?

– Я никого не совращал и не производил никаких смут, – отвечал святый Понтий, – но обратил, кого мог, от язычества к истинному Богу.

Игемон сказал:

– Цари наши, зная, что ты человек знатного рода, приказали тебе принести жертву богам: в противном случае ты будешь

осужден на различные мучения вместе с людьми худородными и нищими.

Святой Понтий возразил на это:

– Мой царь и утешитель Христос, и если за Него я лишусь земного отечества, то буду наследником вечного, и если лишусь скоропреходящих благ, то буду участником вместе со святыми Ангелами в небесной славе.

– Зачем ты хочешь достичь избавления, произнося совершенно непонятные речи? – спросил Клавдий, – тебе предстоит одно, – принести жертву богам: если не сделаешь этого, то тело твое будет растерзано на пытке.

– Ведь я сказал тебе, что я христианин и никогда не принесу жертвы богам, – отвечал святой Понтий.

Игемон приказал святого Понтия бросить, заковав предварительно в цепи, в темницу, пока он сообщит о нем царям; затем Клавдий отправил к ним такое письмо:

– Владыкам вселенной, могучим победителям, царям римским Валериану и Галлиену рабы ваши Клавдий и Анавий: войдя в пределы Галлии, мы нашли Понтия, некогда смутившего Рим, сокрушившего богов и разорившего их храмы, а теперь укрывающегося от вашей власти и не повинующегося вашим велениям, и так как он один из знатнейших сенаторов, то мы не посмели подвергнуть его мучениям, но только, заключив в узы, посадили в темницу, доколе вы не рассмотрите это дело и не повелите, как мы должны с ним поступить.

Цари прислали такой ответ:

– Владычество наше повелевает вам следующее: если Понтий не захочет принести жертвы богам, то вы получаете над ним полную власть и можете умертвить его каким только образом хотите.

Получив повеление царей, игемоны Клавдий и Анавий отправились в судилище и приказали привести Христова узника. Клавдий сказал святому Понтию:

– Выслушай справедливое приказание владык твоих, которым они повелевают тебе принести богам жертву; если не сделаешь этого, то предашься на мучения вместе с осужденными.

Святой Понтий ответил:

– Я не имею никакого другого владыки, кроме единого Господа моего Иисуса Христа, Который всегда может избавить меня от тех мук, какими вы угрожаете мне.

– Я удивляюсь, – говорил Клавдий, – как ты человек знатный по собственной воле дошел до такой нищеты и бесчестия, – ты служишь такому Господу, о Котором вы сами рассказываете, что Он был человеком бедным и простым, и что Его убил, не знаю за какое преступление, Пилат, тоже подобно нам игемон. Не лучше ли тебе повиноваться господам, которые кротко управляют всем римским царством?

– Удивляюсь и я, – возразил святой Понтий, – как ты, будучи человеком разумным, дошел до такого безумия, что не хочешь познать Творца неба и земли, обнищавшего ради твоего спасения и – дерзаешь называть бесславным Того, Кого на небе почитают Ангелы и Кто не по принуждению, а по своей воле благоволил ради нашего избавления претерпеть распятие от иудеев и Пилата. О если бы ты захотел преклониться пред столь великим в своем смирении Богом: тотчас просветился бы ум твой и ты уразумел бы, что в своем заблуждении лежишь как в темной пропасти вместе со своими богами, или лучше сказать бесами; владыки же твои, которых ты называешь правителями римскими, поклоняясь дереву и камню, не только сами идут к погибели, но и увлекают за собою подчиненный им народ; знайте, что если вы останетесь в своем неверии, то погибнете лютою смертью и в день Страшного Суда вместе с вашими богами осудитесь на вечные муки.

Эти слова привели игемона в ярость; в гневе он закричал слугам:

– Приготовьте грабли, железные рожны, огонь и всё, что имеется для мучений; пусть пред всеми обнаружится его безумие!

– Всё уже готово, – отвечали слуги.

– Протяните его на дыбу, – приказал игемон, – чтобы он всем телом своим почувствовал мучения, и посмотрим, избавит ли его Бог от наших рук.

Святой Понтий, в то время как его протягивали, говорил игемону:

– Хотя по неверию своему ты и называешь Бога моего бессильным, но я твердо верю, что муки которые ты намерен причинить мне, по силе Владыки моего Иисуса Христа не коснутся тела моего и оно избежит страдание.

Тотчас же орудие пытки с великим громом упало и превратилось в прах; слуги от страха, как мертвые, тоже попадали на землю, а святой Понтий, исполнившись радости, сказал игемону:

– Хоть теперь убедись, маловер, что Господь мой имеет власть «избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания» (2Пет.2:9).

Клавдий игемон от гнева не знал, что делать; товарищ его Анавий сказал ему:

– Мудрый муж, когда мы пришли сюда, то в одно время с нами было приведено два громадных медведя, пойманных в Далматских горах; прикажи устроить зрелище и отдай Понтия на съедение этим зверям.

Быстро, по приказанию игемона, было устроено зрелище, и святой мученик поставлен посреди; два сторожа вывели медведей, чтобы они растерзали святого. Но медведи неожиданно бросились на сторожей и пожрали их, к святому же Понтию они боялись даже приблизиться. У присутствовавшего при этом народа исторгся невольный крик:

– Един есть Бог – Бог христианский, в Которого верует Понтий!

Уязвленный в своей гордости и еще более разгневанный игемон закричал слугам, чтобы они, как можно скорее, принесли дров и хвороста: он хотел сжечь святого мученика. Святой Понтий сказал ему:

– В чем обвиняешь ты меня, что считаешь возможным предать меня огню? Ты сам погибнешь в неугасимом огне; меня же Господь мой всегда, если захочет, сохранить невредимым среди огня, как соблюл Он в древности трех отроков в вавилонской печи (Дан., 3 гл.).

Когда были собраны дрова и другие, быстро воспламеняющиеся, вещества, святого Понтия поставили связанного среди того места, где совершались зрелища; затем его обложили кругом дровами и хворостом и зажгли их; все думали, что от мученика останется один только пепел. Но когда всё сгорело, то увидели, что святой Понтий жив и совершенно невредим: огонь не коснулся даже его одежды. И снова народ воскликнул:

– Велик Бог христианский!

Видя свое поражение, игемон почувствовал сильный стыд и сказал святому мученику:

– Чего ты гордишься, как будто бы уже победил все мучения, не думаешь ли избежать более сильных? Но вот близ честной храм Аполлона: ступай и принеси в нем жертву.

Святой Понтий отвечал:

– Я приношу Господу моему Иисусу Христу в жертву мое тело, которое до этих пор соблюл чистым от языческих мерзостей, а вас и царей ваших скоро постигнет справедливый суд Божий за то. что вы несправедливо гоните невинных рабов Христовых.

Игемон же начал лицемерно уговаривать его:

– На самом деле следовало бы, чтобы ты был нашим судьей, а не мы твоим: ведь ты один из первых сенаторов, и мы недоумеваем из-за каких напрасных надежд ты лишаешь сам себя чести и богатства.

– Честь этого мира и богатства его, – отвечал святой Понтий, – похожи на утренний туман, скрывающий от глаз человека и землю, и горы, и море; когда же повеет ветер, он быстро исчезает, – точно его и не было; но честь, богатство и слава, к которым я стремлюсь, пребывают вечно.

Во время этой речи святого иудеи, в большом числе находившиеся среди народной толпы, начали кричать, обращаясь к игемону:

– Убей, убей скорее волхва этого!

А святой Понтий, подняв руки к небу, говорил:

– Благодарю Тебя, Боже мой, что и иудеи вопиют против меня, подражая отцам своим, кричавшим Пилату на Христа:

распни, распни Его! (ср. Иоан.19:6, 15).

После этого игемон произнес смертный приговор святому Понтию:

– Ведите его за город, и там бросьте в болото.

Всё было исполнено, как приказал мучитель. И святой мученик Понтий, будучи обезглавлен, этим последним мучением завершил свои страдания за Христа. Честное же тело святого, описатель страданий его и сверстник его, Валерий предал погребению на том самом месте, где оно было повержено по усечении главы[4990].

Спустя немного времени по смерти святого Понтия, сбылись его пророчества. Нечестивый царь римский Валериан во время войны с персидским царем Сапором был захвачен в плен, где постоянно подвергался всевозможным издевательствам: всякий раз когда Сапор садился на коня, он наступал ногою на шею Валериану, как будто на подножку; другой же царь римский Галлиен был убит своими воинами на дороге в Медиолан. Игемон же Клавдий и друг его Анавий сделались бесноватыми в тот именно час, когда святой мученик был усечен: Клавдий собственным зубами изгрыз свой язык и выплюнул его изо рта, а у Анавия глаза вышли из орбит и повисли вдоль щек, и после недолгих, но лютых мучений от бесов, они оба окончили жизнь свою. Язычники и иудеи, видя исполнение слов святого Понтия, почувствовали страх, и многие начали почитать гробницу святого мученика. Валерий же, описав жизнь и страдания святого, и видя, что гонение не прекращается, сел на корабль и отплыл, боясь мучителей, в Ливию. А честная душа святого мученика Понтия вошла в радость Господа своего Владыки нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святого мученика Евсигния

Память 5 августа

Святой Евсигний происходил из Антиохии; за всё время царствования Диоклетиана, Максимиана, Констанция Хлора, Константина Великого и его сыновей он служил в войске; он известен, между прочим, как собеседник святого мученика Василиска и описатель его страданий, понесенных им при Максимиане. По усечении главы святого Василиска, святой Евсигний видел вместе с ним изображенный звездами на небе Крест, и, вооруженный силою крестною, он мужественно боролся с противниками. Прослужив в войске шестьдесят лет, он оставил его при сыне Константина Великого Констанции, так как был уже очень стар. По возвращении на родину в Антиохию, он посвятил жизнь свою Богу, проводя всё время в молитве и посте, постоянно посещая храмы Божии; так он дожил до времени Юлиана Отступника, гонителя христиан[4991]. Когда этот нечестивый царь прибыл в Антиохию, то святой Евсигний был взят на мучения, благодаря следующему обстоятельству. В один день он шел в церковь и на пути встретил двух язычников, поднявших между собою какой-то спор, перешедший в ссору. Когда святой Евсигний поравнялся с ними, они остановили его со словами:

– Нам известно, доблестный муж, что ты долгое время был воином и, поэтому, знаешь законы, – просим тебя разбери наш спор и произнеси свой справедливый суд.

Святой Евсигний исполнил их просьбу и разобрал их дело, как требовала того справедливость; один оказался правым, а другой нет. Последний обиделся, пошел к царю и донес ему, что Евсигний христианин. Царь приказал взять святого и привести к себе на суд. Представ пред мучителем, святой Евсигний безбоязненно обличил его за то, что он не следовал примеру Константина Великого, а отрекся от Христа и, перейдя в язычество, заменил поклонение истинному Богу почитанием идолов. Святой Евсигний восхвалял при этом веру и благочестие Константина Великого, рассказывая по порядку, как

он видел Крест на небе и победил силою Его врагов, как, оставив язычество, всем сердцем прилепился к Господу Иисусу Христу, просветив верою и святым крещением не только себя самого, но и всю вселенную. Ублажая таким образом Константина Великого, святой Евсигний в то же время обличал богоотступника и укорял его за нечестие. Не желая выслушивать этих укоризн, Юлиан приказал отсечь голову воину Христову. Таким образом святой Евсигний мученически скончался за Христа на сто десятом году жизни и преселился в жизнь вечную, где нет времени.

Память священномученика Фавия, папы Римского

Память 5 августа

Святой Фавий происходил из Рима[4992] и был пресвитером во дни нечестивых римских царей, особенно приверженных к язычеству и гнавших, поэтому, церковь Божию. Сначала святой Фавий жил в одном селении близ Рима, а потом переселился в самый город и здесь с усердием занялся погребением тел мучеников: в это время много христиан было мучимо и убиваемо за веру, причем тела их бросались за городские ворота на съедение собакам, зверям и птицам; святой Фавий тайно ночью брал тела мучеников и с честью предавал земле. По убиении в царствование Максимиана[4993] за исповедание Христово святейшего папы Анфира[4994], верующие, скрывавшиеся от преследований и содержавшие в тайне свою веру, собрались для избрания нового папы вместе с епископами и пресвитерами в один храм, неизвестный гонителям: один малозаметный дом служил для них храмом в это тревожное для христиан время. Здесь в собрании присутствовал и святый Фавий. Когда начались изыскания, кого бы по достоинству избрать для занятия столь высокого положения, каким было положение римского епископа, многие припоминали честных и выдающихся мужей, которые бы могли по Закону Христову пасти стадо Его, но о святом Фавии никто даже и не думал: он, как недавно пришедший из села, был одним из незначительных по положению пресвитеров. При выборе начались несогласия, и вдруг вверху над головами явился белый, как снег, голубь; спустившись, он сел на голове пресвитера Фавия, затем снова поднялся вверх и сделался невидим. Тогда все поняли, что Сам Господь через Святого Духа Своего избрал Фавия в предстоятеля и пастыря церкви Своей и с великою радостью посадили его на патриарший престол. Таким образом святой Фавий сделался папою римским; в церкви же Христовой настало спокойствие. Мучитель Максимин был убит своими воинами, после него на престол вступил Гордиан[4995], при

котором и прекратилось гонение: этот царь, хотя и был язычником, но отличался кротким, добрым характером, он запретил гнать христиан. Наслаждаясь в его царствование миром, они повсюду устраивали церкви. Святой Фавий в погребальных пещерах устроил над гробами мучеников много поместительных храмов, где верные собирались для молитвы, а над самыми пещерами, служившими убежищем во время гонений, он соорудил часовни. Церковь возрастала, благодаря ежедневному обращению язычников от нечестия к христианству; особенного процветания она достигла по смерти Гордиана, когда его место занял Филипп[4996], разделявший управление вместе с сыном своим, тоже Филиппом, оба они приняли христианство, будучи просвещены одним благочестивым и знатным мужем Понтием; святой папа Фавий крестил их. В это время особенно увеличилось число верных: следуя примеру царя с сыном, многие крестились, и веру Христову можно было свободно и безбоязненно исповедовать. Святой папа Фавий, при содействии истинного раба Христова сенатора Понтия, созидал храмы, разрушая в то же время капища вместе с идолами. Но церковь не долго, – около четырех лет только, – наслаждалась таким покоем и свободой: Глава ее Христос, желая, чтобы невеста Его, за которую Он пролил Кровь Свою, здесь на земле была как золото, испытанное в горниле и как цветок среди терний, опять попустил ей подвергнуться бедам и страданиям, и началось гонение, поднятое адским драконом, который, как открыл Господь Иоанну Богослову в видении, преследовал блиставшую небесным величием Жену, испуская из пасти целую реку воды, чтобы потопить Ее[4997]. Этот древний ненавистник добра, не вынося возрастания славы Христовой, поднялся против принявших христианство, благочестивых царей. Ненавидевшие Христа и христиан язычники, собравшись под предводительством нечестивого Декия[4998], убили царя Филиппа и его сына именно: за то, что они уверовали во Христа и дозволили свободное исповедание религии христианской. После убийства царей они обратились на христиан; в это время кровь христиан лилась рекою. Святой папа Фавий был схвачен прежде всех: его, как представителя и учителя христиан,

язычники особенно сильно ненавидели. Искали и благочестивого сенатора Понтия, но не нашли: он, подобно многим верным, скрылся, а потом бежал из Рима. Святой же папа Фавий был обезглавлен[4999] и перешел вместе со многими, в одно время с ним убиенными, овцами своей паствы из церкви воинствующей в церковь торжествующую. А святой Понтий был взят впоследствии и тоже приял мученическую кончину за Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

Синаксарь[5000] на Преображение Господне

Память 6 августа

Приближаясь к вольным ради нашего спасения страданиям, Господь наш Иисус Христос начал говорить ученикам, что «должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту» (Мф.16:21); Он сказал это в Кесарии Филипповой[5001] после исповедания Его Апостолом Петром Христом, Сыном Бога живого, – «Ты – Христос, Сын Бога Живаго» (Мф.16:16). Шел уже последний год трилетней проповеди Иисуса Христа и тридцать третий от рождения Его Пречистою Девою. Слова Христовы сильно опечалили учеников и особенно – Апостола Петра, который и начал прекословить Господу, говоря: «будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!» (Мф.16:22). Заметив скорбь учеников и желая облегчить ее, Иисус Христос обещает некоторым из них показать Свою славу, в какую облечется по Своем отшествии: «есть некоторые из стоящих здесь, – сказал Он, – которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф.16:28). Спустя шесть дней после изложенных событий, Господь в сопровождении учеников и множества народа отправился из области Кесарии Филипповой в пределы Галилеи[5002]; день уже склонился к вечеру, когда Он достиг Галилейской горы Фавор[5003]. Имея обыкновение удаляться ночью от учеников для уединенной молитвы Богу Отцу, Иисус Христос и на этот раз, оставив под горою народ и взяв из учеников с собою только Петра, Иакова и Иоанна, взошел с ними на вершину горы, чтобы помолиться, и здесь, отойдя от них на небольшое расстояние на возвышенный холм, предался молитве. Три же Апостола, утомившись частью от восхождения на гору, частью от продолжительной молитвы уснули, как передает об этом святой евангелист Лука: «Петр же и бывшие с ним отягчены были сном» (Лк.9:32). Во время их сна, когда близился рассвет, Господь Иисус Христос преобразился, блистая славою Своего Божества; по Его велению Ему предстали два пророка, –

Моисей от мертвых и Илия из рая; они беседовали о предстоящих Ему в Иерусалиме страданиях и смерти. Эта беседа и особенное проявление Божественной силы пробудили Апостолов; увидев неизреченную славу Господа Иисуса, – лицо Его, сиявшее как солнце, ризы, блиставшие белизною как снег, и двух мужей, стоявших в этой славе и говоривших с Ним, Апостолы пришли в ужас. По откровению Святого Духа, они тотчас в мужах узнали Моисея и Илию и поняли, что беседа идет о вольных Христовых страданиях; внимая ей, Апостолы стояли с трепетом, наслаждаясь в то же время зрением Божественной славы, насколько возможно было это для их телесных очей. И Сам Господь явил им славу Свою в той степени, в какой может видеть земной человек и не лишиться зрения; для смертного человека недоступно лицезрение невидимого, бессмертного Божества. Моисей некогда молил Господа, чтобы Он явил ему Свою Божественную славу лицом к лицу; Господь на это ответил: «человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх.33:20). Когда беседа Христа с Моисеем и Илией приходила к концу и Апостолы, по внушению Святого Духа, узнали о скором отшествии их, Апостол Петр проникся скорбью, что пророки хотят скрыться из глаз их: он желал бы непрестанно наслаждаться дивным зрелищем Христовой славы и честных пророков; проникшись дерзновением, он сказал: «Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илии» (Лк.9:33). Во время этих слов Апостола Петра светлый облак, представивший Христу обоих пророков, осенил Апостолов, окружив верх горы, чтобы опять по Божественному велению взять пророков и отнести каждого в его место; еще более убоялись Апостолы, когда, приближаясь ко Христу, вошли в самый облак и услышали говорящий из него голос: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте» (Лк.9:35). При этих словах свыше Апостолы от великого ужаса окончательно утратили присутствие духа и в сильном страхе пали ниц на землю. В то время когда они пали, распростершись, слава Господня, и вместе с нею и пророки, скрылась от них. Господь подошел к лежавшим на земле ученикам, говоря: встаньте, не

бойтесь! Поднявши глаза, Апостолы никого не увидели, кроме Господа Иисуса. Начался рассвет, и они стали спускаться с горы; дорогою Господь заповедал им никому не говорить о видении до тех пор, пока Он, по страдании и смерти, не воскреснет в третий день из гроба, и они умолчали и никому не сказали за это время ни о чем из того, что удостоились видеть.

Слово на Преображение Господне

Память 6 августа

Не у одних только Евангелистов находим повествование о Преображении Господнем: его дают нам и учители Церкви в многочисленных словах, посвященных этому празднику; здесь они выясняют и значение его, предлагая таким образом обильную духовную трапезу для христиан, любящих предаваться благочестивым размышлениям. И нам, имеющим под руками эти поучения и слова отцов Церкви, вполне уяснившие смысл Преображения Христова, ничего не остается иного, как только внимать готовому учению, наслаждаться полною возвышенных мыслей духовною трапезою, и не будет бесполезно, если, пользуясь словами учителей Церкви, мы соединим вместе находящиеся в них толкования, собирая их как куски по трапезе, и приложим их к изъяснению того же празднества для желающих.

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними» (Мф.17:1–2).

Почему Христос Спаситель, желая пред вольными страданиями и смертью Своей явить ученикам Своим, насколько было возможно для них, Свою славу, взял на гору Фавор не всех учеников? Потому, что среди них находился Иуда, недостойный этого Божественного видения. Святой Феофилакт, архиепископ Болгарский, так думает об этом: «Владыка Христос не взял двенадцати учеников на гору, ибо Иуда был недостоин своими предательскими очами видеть славу преображения Христова». Прекрасно воспел и святой Дамаскин: «Нечестивые не узрят славы, Твоей, Христе Боже».

Но нельзя ли было Иуду, как недостойного, оставить под горою одного, а прочих Апостолов взять на гору? Конечно, для Господа это было вполне возможно: но долготерпеливый Владыка наш, покрывая грехи всех людей, не захотел обличить недостоинства Иуды, ни подать ему повода к большему падению, как говорит Писание: «Не обличай кощунника, чтобы

он не возненавидел тебя» (Притч.9:8). Ведь если бы Господь, взявши всех Апостолов, оставил бы только одного Иуду, то последний исполнился бы гнева и ненависти не только по отношению к Иисусу Христу, но и ко всем Апостолам; он имел бы нечто вроде извинения для своей предательской злобы ко Христу, мог бы говорить: я потому предал Иисуса, что был Им презираем. Так полагает блаженный Феофилакт: «Если бы Христос оставил под горою одного Иуду, а прочих взял бы с собою, то некоторые люди могли бы говорить, что это именно обстоятельство ранило сердце Иуды и заставило его обратиться к мысли о предании своего Владыки».

Но не позавидовал ли Иуда трем Апостолам, взятым на гору? Не позавидовал: он знал, что они шли на молитву, которая должна была продолжаться всю ночь, как пишет святой евангелист Лука: «Взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться» (Лк.9:28); Иуда же был ленив и желал всю ночь проспать под горою; ленивый и сонливый нерадит о подвигах благочестия.

Почему же Господь взял на гору не более как трех Апостолов? Он сделал это с тою целью, чтобы исполнить Писание, которое говорит во Второзаконии: «При словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится дело» (Втор.19:15). Взяв с собою трех Апостолов, Господь Иисус Христос восхотел взять еще и двух пророков, чтобы для живых и мертвых были свидетели того, что Он есть Сын Божий, посланный для спасения мира Богом Отцом и засвидетельствованный гласом свыше. Но для чего же присутствуют три Апостола, если для свидетельства достаточно двух человек? Моисей призван от мертвых, чтобы свидетельствовать о пришествии Христа в мир мертвым, заключенным во аде, Илия, – чтобы сказать Еноху в раю; три же Апостола призваны затем, чтобы впоследствии проповедовали о славе Христа, виденной в преображении, говоря: «и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Иоан.1–14). И паки: «Не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от

велелепной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе» (2Пет.1:16–18).

Для Господа, явившегося в Своем Преображении предметом благоговейного восторга для Ангелов и человеков, было довольно, чтобы из живущих на земле только трое видели славу Его и были ее свидетелями: три Апостола пред Его очами были достойнее всех народов и племен. Что один праведник имеет пред Богом несравненно большее достоинство, чем множество грешников, – это Сам Господь ясно показал в Ветхом Завете: желая устрашить силою Своего могущества египетского фараона, Он повелел Моисею явиться к последнему и объявить, что пославший его Бог есть Бог трех человек: Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Но мог ли фараон, царь столь многих городов и столь великого народа, как народ египетский, убояться Бога, называвшего Себя Владыкою только трех человек? Не стыдно ли было пред царем такой великой земли заявлять, что пославший Моисея владеет только тремя человеками? Не более ли бы соответствовало делу, если бы для смягчения ожесточенного сердца фараона Моисей сказал, что Пославший его есть Бог, царствующий над всеми странами поднебесной, владеющий всеми царствами вселенной? Однако Господь не благоволил сделать так, но пожелал прославиться пред фараоном только как Владыка трех рабов Своих. Почему? Несомненно потому, что эти трое, угождая Богу и заботясь только о благах небесных, в очах Божиих были достойнее всех царств и племен. «Поэтому и, – говорит Апостол, – Бог не стыдится их, называя Себя их Богом» (Евр.11:16), как бы говоря: чего ты, фараон, гордишься величиною твоего царства и множеством подчиненных тебе городов и народов? Я имею таких трех рабов, из которых ни с одним не может сравниться твое царство, – Я Бог Авраама, Исаака и Иакова и не стыжусь этого. То же говорит и святой Златоуст, рассуждая: «Бог вселенной не стыдится называться Богом трех (человек), и справедливо: ибо святые превосходят всех своих достоинством, – один творящий волю Божию лучше десятков

тысяч беззаконников». Три Апостола были взяты на Фавор для лицезрения славы Божией, и более не было нужно: ибо их не был достоин мир (ср. Евр.11:38).

Почему Господь взял с собою не других каких-либо Апостолов, но именно Петра, Иакова и Иоанна? Святой Златоуст и другие отцы Церкви дают на этот вопрос достаточный ответ. Мы же, приведя себе на память три необходимые для спасения и с особенною определенностью отмечаемые святым Писанием добродетели, – веру, надежду и любовь, скажем: Господь потому взял с собою этих трех Апостолов, что в них уже с самого начала обнаружились, проявившись с особенною ясностью впоследствии, упомянутые три добродетели. В Петре – вера: он прежде всех исповедал Христа Сыном Бога живого (Мф.16:16), а потом Сам Господь сказал ему: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк.22:32); в Иакове – надежда: он первый из двенадцати Апостолов должен был ради надежды израилевой преклонить под меч свою голову; в Иоанне любовь: он был любимейший ученик Господа, нареченный сын Пречистой Девы Марии (Иоан.19:26–27). За это впоследствии святые Апостолы Петр, Иаков и Иоанн названы были Апостолом Павлом столпами (Гал.2:9). Святой Златоуст так изъясняет это наименование в похвалу Апостолов: «Великие и дивные (столпы), которых все прославляют: они первые верою, надеждою и любовью, как столпами, утвердили первенствующую церковь».

В этих трех Апостолах, кроме того, находим предуказание на три чина избранных угодников Божиих, наиболее других достойных того, чтобы видеть Христа в Его небесной славе: чин боголюбцев, чин мучеников и чин девственников. Во святом Апостоле Петре образ боголюбцев: он, по свидетельству святого Златоуста, особенно сильно любил Господа Иисуса Христа, а по силе любви своей ко Христу здесь, в жизни временной, каждый будет возлюблен Им там, в жизни вечной и будет наслаждаться лицезрением Его, как и Сам Он сказал: «Любящих меня я люблю» (Притч.8:17). И паки: «Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Иоан.14:21). Во святом Апостоле Иакове видим образ

мучеников не только тех, которые должны были проливать за Христа свою кровь, но и тех, которые, без пролития собственной крови, ежедневно ради Христа умирают греху, распиная плоть со страстьми и похотьми (Гал.5:24). Иаков значит запинатель, борец, победитель: этих качеств нельзя приобрести без страдания. Всякий борющийся с искушениями, исходящими от невидимого врага, одолевающий и побеждающий свои страсти ежедневным умерщвлением, есть, подобно Иакову, мученик и сильный борец, хотя он и не проливает своей крови; о степени перенесенных во время борьбы страданий и усилий, с какими отражаются и побеждаются искушения, он прославится с победителем Христом. Во святом Иоанне-девственнике предуказывается на чин хранящих чистоту плоти и духа; для них дается особое обетование видеть Бога во славе: «блаженны, – сказал Господь, – чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф.5:8). Господь, беря с Собою на Фавор Петра, Иакова и Иоанна для явления им славы Преображения, тем самым поучает, что хотящий обитать с Ним в Небесном Царстве и наслаждаться Его лицезрением должен в любви подражать Петру, в мученичестве Иакову, в чистоте Иоанну, вообще по мере сил своих такой христианин должен подражать угодникам Божиим, которые горели теплою любовью к Богу, явили себя, не проливая своей крови, ежедневными мучениками через непрестанное умерщвление своей плоти, и – соблюсти себя от всякой скверны плоти и духа, очистив себя истинным покаянием.

С какою целью Господь возводит учеников Своих для молитвы на высокую гору, и не удаляется с ними в какое-либо ровное место? С тою, чтобы приблизив их от земных низин к небесной высоте, преподать всем таинственным образом урок, что желающий сподобиться откровений от Бога и видеть славу Его должен оставлять дольние, земные пристрастия, должен желать и искать благ горних, небесных. «Он возводит их, – говорит блаженный Феофилакт, – на высокую гору, показывая, что если кто не возвысится над земными пристрастиями, тот не достоин видеть подобные откровения. Прекрасно поучает святой Апостол Павел, когда говорит: «Ищите горнего, где

Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол.3:1–3). Ходящий в низине не может видеть далеко, взошедший же на высокую гору без затруднения окидывает взором далекие пространства, и заботящийся лишь о настоящей жизни, как может понять сладость будущих небесных благ? Входя же на гору богомыслия, он познает и видит умом, как глазами, даже то, что превыше небес. Пресмыкающиеся по земле гады и живущие на ней животные не могут глядеть на солнечный луч, так и ум человека, погруженного в земную суету, никак не может видеть славу Христову и озаряться светом Его благодати. Итак, вознеси ум твой, христианин, от земли к небу, от настоящего к грядущему, от пристрастия к земному к желанию небесного, тогда познаешь, как благ Бог Израилев, как сладостен сладчайший Иисус, как радостна любовь Его и насладишься Его Божественными откровениями.

Господь возводит учеников Своих не на низкую, а высокую гору. Зачем? Чтобы научить их богомыслию и вместе с тем трудолюбию: без труда нет возможности взойти на высоту. Высота горы – образ богомыслия, восшествие на гору – указание на труд. Хорошо ум возносить к Богу, но не следует и труда оставлять: добрые дела достигаются трудом. Ум видит Бога, а труд приводит к зрению Его; ум покоряется Христу, слушая заповеди Его, а труд носит иго Христово, ходя во след Его. Богомыслие наслаждается внутренним зрением Христа, трудолюбие же привлекает на себя взоры Его: «призри, – сказал псалмопевец, – на страдание мое и на изнеможение мое» (Пс.24:18). Быть же видимым Христом не меньшее благо, чем видеть Его. Обе эти добродетели, – богомыслие и трудолюбие для желающего достигнуть небесных благ и радостей так же необходимы, как птице крылья: птица с одним крылом не может летать по воздуху, и человек, обладая только одной из этих добродетелей, не может вознестись на высоту совершенного спасения; богомыслие без трудолюбивой жизни не действительно, и не приносит пользы трудолюбие без богомыслия. С двумя крылами всякая птица летает свободно; двумя добродетелями, – богомыслием и трудолюбием, каждый

восходит на мысленный Фавор, чтобы вечно зреть славу Божию, – восходит в начале трудолюбием, ибо оно предтеча богомыслию и боговедению. Святые Апостолы подъяли труд, восходя на высокую гору, чтобы видеть славу Преображения Господня, и кто же может надеяться без труда достигнуть радости лицезрения Божия?

Зачем Господь возвел на гору только Петра, Иакова и Иоанна, не взяв идущего за ними народа или остальных Апостолов? Чтобы через это научить искать уединения и безмолвия тех, которые желают упражняться в богомыслии и наслаждаться умным боговидением.

Одна только троица Апостолов была возведена на безмолвное место, – возвышенность горы была как пустыня, там не жили люди, – чтобы в уединении и безмолвии для нее яснее открылась слава Господня. При рассеянии и сутолоке жизни Господь не открывается так, как в уединенном безмолвии: пророк Илия видит Бога умом своим, когда, стоя пред царем израильским Ахавом, говорит, рассуждая с ним: «Жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою!» (3Цар.17:1), т.е. телом предстою тебе, а умом моему Богу, телесными очами вижу тебя, а умными Бога, но несравненно яснее зрит пророк Илия Господа своего в уединении и безмолвии на пустынной горе Кармил (3Цар. 19): здесь он удостаивается сладкой беседы с Богом и откровений Его не только внутренне, но и в видимых образах. Правда, можно и среди молвы житейской возводить иногда ум свой к Богу, однако, не с таким удобством, как в безмолвном уединении: там так много препятствий, а здесь тишина и покой! Разве напрасно говорит Сам Господь: «Остановитесь (т.е. освободитесь от молвы житейской) и познайте, что Я – Бог» (Пс.45:11); познайте Меня, говорит, предаваясь благочестивым размышлениям, как Я благоутробен и милосерд, как люблю любящих Меня и близок всем ищущим Меня; познайте Меня и скоро Меня найдете, если только бросите суету и удалитесь от излишних мирских забот. Познав это, многие бежали из многомятежного мира в безмолвные пустыни, скитались в горах и пропастях земных (Евр.11:38), чтобы наедине всецело посвятить себя Богу,

наслаждаясь благами общения с Ним: пустынным, воспевает святой Дамаскин, непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетного кроме.

Поищем таинство и здесь, – почему Господь возвел Апостолов на гору не днем, а при наступлении ночи? Потому, что ночь более способствует сосредоточенной молитве, чем день: ночью молчит вся вселенная и ничего не видать кроме неба, украшенного звездами и своим великолепием невольно влекущего к себе глаза и ум. Господь возводит учеников ночью на Фавор и с тою целью, чтобы научить и нас всех во время молитвы ни о чем земном не думать, но устремляет свое сердце к небу. Некогда царь Давид пророчески воспел, указывая каким образом человеку откроется уразумение Божественных тайн. Внимаем ему, отыскивая этого учителя: «ночь, – говорит он, – ночи открывает знание» (Пс.18:3); ночь действительно и есть такой учитель, который научает разуму Божию людей, сидящих в продолжение этой кратковременной жизни как во тьме ночной и сени смертной: «Если посмотришь на небо (ночью), – говорит святой Кирилл, – как свечами сияющее множеством бесчисленных звезд, и подумаешь, что весь день суетившиеся люди теперь в ночное время (предаваясь сну) ничем не отличаются от мертвых, тогда возгнушаешься грехами человеческими». Итак, вот наставление, преподаваемое ночью: она научает познавать суетность житейских забот и дел, прогневляющих Бога, и убеждает избегать тех и других. Все живущие на земле ночью подобны мертвым; всё, видимое днем, ночью бывает покрыто тьмою, как бы погребено ею. Удивительные чертоги и прекрасные здания становятся похожими на гробы; чудные деревья, сады и леса напоминают пугала; золото, серебро и драгоценные камни ничем не отличаются в ночной тьме от меди, железа и простых камней; красота и ценность их не заметна; ничто, находящееся на земле не может доставить человеку ночью наслаждения своею красотою, всё покрыто темнотою и видимо одно только небо, украшенное, как жемчугом, звездами и доставляющее наслаждение смотрящим на него. Здесь видно Божественное намерение: ночь таинственно поучает нас богоугождению.

Уединился ли ты в безмолвии на молитву, соединенную с трудолюбивым подвигом, и начинаешь подниматься умом твоим на гору богомыслия, пусть для твоих очей все земные предметы будут таковы, какими они являются для них ночью; все житейские блага, приносящие лишь временное удовольствие, пусть презираются тобой, отвращайся от них как от недостойных христианина, как не заключающих в себе ничего истинного и покрытых смертною сенью. Пусть ум твой созерцает одни только небесные блага, тогда тебе откроется свет благодати Божией и ты исполнишься духовной радости от сладости созерцания откровений Божиих.

Почему Господь для явления Апостолам славы своего Преображения возводит их на Фавор, а не какую-либо другую гору? Фавор в переводе с еврейского значит чертог чистоты и света; поэтому Господь и возводит их на Фавор, а не на другое место, чтобы Апостолы от самого названия горы получили наставление о том, что желающий присутствовать при явлении Божественной славы должен прежде всего иметь совесть свою подобной чертогу чистоты, достойному приятия в себя света благодати Божией. Вспомним здесь и древнее событие, совершившееся на Фаворе. Когда начальник войск ханаанских Сисара пришел для истребления Израильтян, тогда Варак, предводитель последних, взошел на Фавор и собрал здесь израильское войско, отсюда он устремился на врага и окончательно поразил всё ханаанское войско, так что погиб и сам Сисара (Суд., 4 гл.). Это древнее событие Господь таинственно повторил в своем Преображении: намереваясь одержать окончательную победу над адским Сисарою, он прежде всего взошел на Фавор, чтобы, здесь, как бронею, вооружившись явлением Божественной силы, устремиться на диавола и победить его, об этом именно и велась беседа на Фаворе: «говорили об исходе Его» (Лк.9:31). Здесь указание и христианину, хотящему преодолеть невидимого врага и наводимую им греховную силу, – пусть он прежде всего взойдет на Фавор сердечной чистоты, пусть очистит истинным покаянием свою совесть и преобразится от злой жизни в добродетельную, – облечется в броню правды и примет

«всеоружие Божие» (Еф.6:13), тогда без особенного труда он одержит победу над вражией силой.

Господь, взойдя на гору с учениками своими, «преобразился пред ними» (Мф.17:1–2). Это слово, – «пред ними» написано Евангелистами с целью: для уяснения того, что не для Себя преобразился Христос, просветив лицо Свое, как солнце: свет, «будучи сияние славы» (Евр.1:3), не имеющий в себе никакой тьмы, не нуждается в просвещении. Он преобразился ради нас, чтобы просветить нашу тьму и преобразить нас из рабов греха в истинных рабов Своих и из сынов гнева – в возлюбленных сынов Бога; целию пришествия Христа, которую Он и осуществил, было обращение нас в детей Божиих. Ради этого Он воплотился от Пресвятой Девы и духа Святого, ради этого «по виду став как человек» (Флп.2:7), ради этого Он приял образ раба, и какой только труд не понес Он ради того, чтобы обновить в нас, как сынах, погибший образ Отчий! Некогда Моисей говорит Господу: «святилище, [которое] создали руки Твои, Владыка» (ср. Исх.15:17). Заметим это - "создали руки Твои»: не говорит «руки человеческие по Твоему повелению сделали», но «Ты Сам трудился руками Своими». Моисей сказал это, указывая на безмерное попечение Господа о человеке: чего ради человека Господь не сделал и не делает? Ради него Он создал небо и землю, моря, реки – всё что в них и на них; ради него Он днем и ночью освещает светилами небо; ради него посылает дождь, росу и снег; ради него Он, как земледелец и вертоградарь, насаждает и возращает, чтобы человек ни в чем не терпел недостатка. Рассуждая об этом святой Кирилл Иерусалимский говорит: «Для каждого Спаситель наш является соответственно его душевной настроенности: для требующим принести свои молитвы (Богу) ходатай и архиерей. Или: «для имеющих грехи он соделывается Агнцем, чтобы быть закланным за нас и всем всё бывает, неизменен пребывая в тожестве естества своего». Так самым разнообразным образом служит нам Владыка наш, говорящий: «Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф.20:28). И всё Он делает, ища не Своего, а нашего блага, чтобы мы, познав Его непрестанные благодеяния, прониклись

благодарностью и преобразились из грешных в праведных, из миролюбцев в боголюбцев. И на Фаворе Он преобразился ради нас же, чтобы мы знали об уготованной нам небесной славе; Он «уничиженное тело наше преобразит» (Флп.3:21), чтобы оно в общее воскресение соответствовало телу славы Его в бесконечном Его царствии, уготованном «от создания мира» (Мф.25:34) для любящих Его. С ними да сподобит и нас милосердием Своим благодати лицезрения Своего Бог и Владыка наш, Христос человеколюбец, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 7:

Преобразился еси на горе Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху: да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе.

Кондак, глас 7:

На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша: да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистину Отчее сияние.

Житие преподобного отца нашего Пимена Многоболезненного

Память 7 августа

Приступая к повествованию о блаженном Пимене, остановим наше внимание на его великом мужестве в страданиях и отсюда научимся, что болезни должно переносить терпеливо и – что сила Божия в немощах совершается. – Блаженный Пимен уже и родился больным; болезнь не оставляла его всю жизнь, но эта болезнь тела не дала в нем развиться болезни душевной: он был чист от пороков и соблюл девство от утробы матери. Неоднократно просил он своих родителей, чтобы они позволили ему удалиться в монастырь для пострижения в иноческий образ, но из сильной любви к нему они не соглашались на эти просьбы, желая иметь его наследником по своей смерти. Однажды, по действию Божественного Промысла, устрояющего всё к лучшему, блаженный Пимен особенно сильно заболел, так что даже не надеялся и на выздоровление; повинуясь необходимости, родители принесли его тогда в Печерский монастырь[5004] и просили живших в нем преподобных отцов помолиться об избавлении их сына от болезни. Но усердные молитвы иноков не приносили исцеления болящему; молитва блаженного была сильнее молитвы их всех, – он просил себе у Господа еще большей болезни, так как опасался, что, по выздоровлении, родители опять возьмут его из монастыря и таким образом лишат его возможности получить пострижение. Поэтому, когда отец и мать сидели около него, не допуская пострижения[5005], блаженный Пимен сильно печалился и молился Богу, чтобы Он исполнил его желание, какими ведает путями. И вот в одну ночь, когда родители его и рабы были погружены в глубокий сон, вошли к нему светлые Ангелы, одни – в образе прекрасных юношей, другие – игумена и братии; они несли в руках Святое Евангелие, свечи, власяницу, мантию, куколь и всё остальное, нужное при пострижении:

– Хочешь ли, чтобы мы постригли тебя? – спросили они преподобного.

Он с радостью отвечал:

– Ей хочу; Господь послал вас, господие мои; исполните желание моего сердца.

Они тотчас же начали творить вопросы, совершая сполна всё, что положено в уставе иноческого пострижения; так они постригли его в великий ангельский образ, облекли его в мантию и куколь, нарекли Пименом. Дав ему, по обычаю, горящую свечу, они сказали:

– В течение сорока дней и ночей свеча не угаснет.

И вместе с тем предсказали ему постоянную болезнь, избавление от которой будет знаком для него скорого наступления смерти. Целовав блаженного Пимена, они удалились в церковь, где положили на гроб преподобного Феодосия волосы его, завернувши их в полотно.

Иноки, находившиеся в ближайших келлиях, слыша пение, разбудили прочих, думая, что или игумен с некоторыми из братии постригает болящего, или он преставился; они все вместе отправились в келью, где лежал преподобный. Здесь они нашли всех спящими, – отца, матерь, рабов; иноки разбудили их и заметили, что келлия полна благоухания, а болящий полон радости и веселия и облечен в иноческую одежду.

– Кем ты пострижен и что за пение мы слышали здесь, которого, однако, не слыхали твои родители? – спросили они, обращаясь к преподобному.

– Я думал, – отвечал он, – что меня постриг, нарекши Пименом, игумен, пришедший сюда с братией; они-то и пели, как вы слышали; они же мне дали и эту свечу, которую вы видите, сказав, что она будет непрерывно гореть в течение сорока дней и ночей; затем, положив мои волосы в убрус, они удалились с ними в церковь. Услышав это, иноки тотчас поспешили в церковь, но нашли ее запертой; разбудив пономарей, они спросили их, – входил ли кто в церковь после вечерней молитвы. Те отвечали, что никто не входил, так как и самые ключи находятся у екклесиарха[5006]. Был разбужен

екклесиарх (он никому не давал ключей и сам ни с кем не входил в церковь); взяв ключи, иноки вошли в храм и здесь на гробе преподобного Феодосия действительно нашли лежащие в убрусе волосы. После этого о всём известили игумена. Последний чрезвычайно удивился и старательно доискивался, кто бы мог постричь преподобного Пимена, но все розыски были напрасны. Тогда для всех стало очевидно, что пострижение, по повелению Божию, совершили святые Ангелы. Долго рассуждали игумен и братия, вменять ли чудесное пострижение как обычное, совершенное по уставу, и пришли к мысли не повторять над блаженным Пименом пострижения, так как имелись ясные доказательства действительности совершенного над ним: иноки действительно нашли, как и говорил блаженный Пимен, волосы его на гробе преподобного Феодосия, и свеча, для которой было довольно суток, чтобы сгореть, в течение сорока дней и ночей горела, не угасая[5007], на что тоже указывал преподобный тотчас по своем пострижении. Ввиду этого они только сказали:

– Для тебя, брат Пимен, достаточно дарованного тебе Богом образа и имени.

– Но всё-таки открой нам, – говорил игумен, придя с книгою пострижения, – кто именно были постригавшие тебя и не опустили ли они чего, написанного в этой книге.

Блаженный Пимен сказал игумену:

– Что меня испытываешь, отче? Ты сам, придя сюда со всею братиею, совершил надо мною всё, что положено в этой книге, при этом ты сказал, что мне всю жизнь должно испытывать страдания от болезни и лишь пред смертью я буду избавлен от нее, так что буду в состоянии нести свой смертный одр; молись о мне, святой отче, чтобы Господь даровал мне терпение.

Выслушав это, все оставили его.

Блаженный же Пимен, по предсказанию постригших его, много лет лежал в тяжкой и возбуждавшей отвращение болезни: ею гнушались все прислуживавшие ему и часто дня по три не давали ему ни есть, ни пить, но он всё переносил с радостью, благодаря Бога.

Случилось как-то, что один больной, страдавший таким же недугом, как и преподобный Пимен, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки, на которых лежала обязанность служить больным, внесли его к блаженному Пимену, чтобы служить обоим вместе и равномерно, но, небрежно относясь к своим обязанностям, они часто забывали об них, так что больные по временам изнемогали от жажды. Тогда блаженный Пимен сказал лежавшему с ним больному:

– Так как прислуживающие нам гнушаются нами по причине смрада, исходящего от нас, то захотел ли бы ты, брат мой, нести их обязанности, если бы тебя восставил Господь?

Больной обещался преподобному с усердием служить до самой смерти. Блаженный Пимен сказал на это:

– Вот Господь отнимает болезнь твою от тебя, и ты, сделавшись здоров, исполни обещание твое, – служи мне и подобным мне, а на нерадиво исполнявших обязанности свои Господь наведет лютую болезнь, чтобы они, испытав наказание, получили спасение.

Больной тотчас встал и начал служить преподобному; нерадивых же служителей, по слову его, объял недуг.

Избавившийся от болезни брат не долго послужил преподобному Пимену: не выдержав смрада, он удалился и оставил его томиться голодом и жаждой; уйдя, он поселился в другой келлии. И вот внезапно его, как огнем, охватил сильный жар; не имея сил подняться, он три дня мучился от жажды и, наконец, стал кричать:

– Ради Бога сжальтесь надо мною, ведь я умираю от жажды!

Услыхав его, иноки, находившиеся в ближайшей келлии, пришли к нему; видя его болезнь, они сообщили о ней преподобному Пимену:

– Брат, служивший тебе, умирает.

– Что сеет человек, – отвечал преподобный, – то и пожнет (ср. Гал.6:7): он бросил меня голодного и жаждущего, и сам потерпел то же, солгав Богу и презрев мое недостоинство. Но мы научены не воздавать за зло злом, поэтому идите и скажите ему: «Тебя зовет Пимен, – встань и иди к нему».

Когда заболевшему передали это, то он тотчас сделался здоров и, вставши, без всякой помощи пришел к преподобному. Блаженный Пимен долго увещевал его, говоря:

– Маловер, вот ты здоров; смотри, опять не согрешай! Разве ты не знаешь, что равную награду будут иметь как болящий, так и служащий ему. Терпение униженных не останется бесплодно: испытывающие здесь кратковременную скорбь и тяготу, будут испытывать радость и веселие там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыханий, но жизнь бесконечная. Ради этого я и терплю всё; Бог, через меня избавивший тебя от твоего недуга, может и меня восставить от этого одра и исцелить мою немощь, но я не хочу: «претерпевший же до конца спасется» (Мф.10:22), сказал Господь. Лучше мне в этой жизни превратиться в труп, чтобы в той тело мое было нетленно; лучше здесь переносить смрад, чтобы там наслаждаться неизреченным благоуханием. Величественно, брат мой, церковное служение в светлом, чистом и святом месте, где богоугодно и сладостно с невидимыми Ангельскими силами возносить молитвы к Богу, почему церковь и называется земным небом, а стоящие в ней почитаются за стоящих на небе. Эта же темная и смрадная келлия не прежде ли суда суд? Не прежде ли бесконечной муки мука? Но терпящий всё это с благодарением может с правом сказать: «твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой» (Пс.39:2); утешая подобных страдальцев, Апостол говорит: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами… Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Евр.12:7–8), и Сам Господь увещевает нас, брат мой, говоря: «терпением вашим спасайте души ваши» (Лк.21:19).

Проникнувшись этим наставлением преподобного, брат не покидал его, служа ему; доблестный же страдалец и истинный подражатель праведного Иова, святой Пимен лежал двадцать лет на одре болезни, непрестанно благодаря Бога. Когда же настало время отшествия его, в Печерском монастыре явилось знамение: над трапезною показались ночью три огненных столпа, которые потом перешли на верх церкви. Один Господь

знал истинное значение этого знамения, но не будет несправедливым предположить, что через него показывалось, что Бог-Троица, Который «творит Ангелами Своими духов, служителями Своими – огонь пылающий» (Пс.103:4), уже ниспослал Своих Ангелов за душою многоболезненного Пимена, как за душою Лазаря: в этот день он внезапно выздоровел и узнал о наступлении своей смерти, вспомнив предсказание постригших его. Встав, он обошел все келлии, всем кланяясь и прося прощения. Болящим же инокам говорил:

– Братья и друзья мои, встаньте и проводите меня!

Тотчас по слову его оставила их болезнь, и они, сделавшись здоровы, последовали за ним. Преподобный же Пимен, войдя в церковь, приобщился Божественных Таин и после этого, взяв смертный одр свой, понес его, без всяких указаний к пещере, в которой никогда не был, которую никогда не видал со дня своего рождения. Войдя в пещеру, он поклонился гробу преподобного Антония[5008] и указал место, где желал быть погребен. Перед смертью он поведал чудную тайну, указывая на гробы некоторых из братий, лежавших вблизи:

– Здесь, – сказал, – вы положили в этом году двух братьев, одного без схимы, а другого в схиме[5009]; первого, положенного без схимы, вы найдете в схиме; он неоднократно хотел принять ее, но всё откладывал, но так как он явил дела, достойные этого образа, то Господь даровал ему схиму по смерти. Другого же брата, положенного в схиме, найдете без нее: он не хотел схимы во время жизни, не показал и дел достойных ее, а говорил, когда увидите, что я покидаю этот мир, тогда постригите меня в схиму; не помнил он слов сказавшего: «ни мертвые восхвалят Господа, ни все нисходящие в могилу; но мы будем благословлять Господа» (Пс.113:25–26). Поэтому и отнято у него достоинство схимы и дано показавшему дела, достойные ее: «ибо всякому имеющему» (добрые дела) «дастся и приумножится, а у неимеющего» (добрых дел) «отнимется и то, что имеет» (Мф.25:29). Третий брат, – продолжал он, – много лет тому назад положен здесь и весь истлел, но схима его осталась нетленной: она блюдется для его осуждения и обличения, ибо он совершал дела недостойные этого образа, –

всю жизнь провел в лености и грехах, не помня слов Господа: «кому дано много, много и потребуется» (Лк.12:48); пострижение в схиму не приносит никакой пользы тем, которые не совершают добрых дел, избавляющих от вечных мук.

Открыв тайну, преподобный Пимен сказал братии:

– Вот пришли постригавшие меня для приятия моей души.

Тотчас после этих слов он возлег и преставился о Господе[5010]. Иноки с великою честью положили его на указанном месте. – Откопавши гробы, о которых рассказал преподобный, они нашли, соответственно его словам, трех черноризцев: из двоих, недавно умерших, один погребенный в схиме, был лишен ее, – она была возложена на другого, не имевшего ее; третьего же брата, уже давно умершего, нашли всего истлевшего; одна только схима его была цела. И долго дивились все неизреченному суду Божию, воздающему каждому по делам его. Богу слава, честь и держава подобает и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Преставление преподобного Ора черноризца

Память 7 августа

В Фиваиде Египетской[5011], стране смежной с Эфиопией[5012], среди монашествующих находился чудный муж, по имени Ор, основавший множество монастырей, иноки которых, числом до тысячи, были под его властью; это был девяностолетний, украшенный сединою старец-схимонах, обладавший чрезвычайно благолепною наружностью: лицо его выражало такую одухотворенность, что он производил впечатление бесплотного существа. Свою подвижническую жизнь преподобный Ор начал в дальней пустыне, где прожил много лет в совершенном одиночестве, соблюдая строжайший пост. Затем, по повелению Божию, он переселился отсюда и устроил близ одного города монастырь; чтобы братия не имели нужды ходить далеко за дровами, он своими руками насадил около него рощу; до его прихода здесь не было ни одного дерева. Так заботился преподобный не только о душевном спасении братии, но и о необходимом для телесной жизни, стараясь, чтобы иноки ни в чем не имели недостатка. Когда же сам он жил в дальней пустыне, то питался там лишь зеленью и кореньями, казавшимися ему очень вкусной пищей; воду он пил лишь в том случае, когда находил ее; большую часть дня и ночи преподобный Ор посвящал усердной молитве. Такой образ жизни он вел до глубокой старости, и вот однажды ему явился во сне Ангел Господень, говоря:

– Ты будешь отцом многих, ибо тебе вверится много людей, и многие тысячи ты наставишь на путь спасения; в будущей жизни ты получишь награду соответственно чину приобретенных тобою для спасения; не приходи в сомнение, помышляя, сколько нужно будет иметь необходимого для удовлетворения телесных нужд такого множества людей: у тебя не будет недостатка ни в чем, – будешь иметь всё, что попросишь у Бога.

После этого видения старец приблизился к селениям; сначала он выстроил себе маленькую келлийку и насадил

овощей; и здесь, как ранее в дальней пустыне, преподобный Ор питался только овощами, да и их вкушая в небольшом лишь количестве: часто в течение недели он только один раз принимал пищу. Ранее он не умел читать, но, по переселении из дальней пустыни, Господь сообщил ему дар уразумения писаний: когда одним из братии была принесена ему книга, он открыл ее и начал читать, как давно научившийся книжному искусству. Вместе с тем преподобный Ор получил от Бога власть над бесами: к нему силою приводили бесноватых, которые во всеуслышание говорили о совершаемых им тайно богоугодных делах; много и других исцелений творил преподобный дарованною ему свыше благодатью Христовою. К преподобному Ору стало стекаться множество желающих подвизаться под его руководством, и скоро образовалось значительное собрание монашествующих, наставником и руководителем которого был преподобный. Он имел обыкновение сначала вкушать пищи духовной, а потом уже приступать к пище телесной: только приобщившись Божественных Таин, он шел за трапезу, уча братию боговдохновенными наставлениями или сообщая душеполезные рассказы. Однажды в назидание братии он рассказал следующее:

– Я видел в пустыне одного мужа, который в течение трех лет не вкушал земной пищи: Ангел Господень через каждые два дня приносил небесную пищу, заменявшую ему в то же время и воду.

– Знаю, – поведал преподобный Ор в другой раз, – такого инока, к которому явились бесы, приняв вид небесных воинств и Ангельских чинов; они указывали ему на огненную колесницу, где находился как бы царь, окруженный славою. Этот царь сказал иноку:

– Ты обладаешь всеми добродетелями, теперь тебе остается только поклониться мне, и я возьму тебя, как Илью (4Цар. 2:1–25), на огненную колесницу и вознесу отсюда.

При этих словах инок впал в раздумье:

– Что это значит? – размышлял он. – Я постоянно поклоняюсь моему Спасителю, Который и есть мой Царь, и если

бы этот видимый мною был Им, то не требовал бы от меня поклонения, зная, что я всегда поклоняюсь Ему.

После такого размышления инок сказал:

– Я имею своего Царя, Которому непрестанно поклоняюсь; ты же не мой царь.

Тотчас бесы исчезли и со своим царем, и с колесницею.

Всё это преподобный Ор рассказывал братии как о ком-то другом, но многие из нее хорошо знали, что всё рассказанное происходило с ним. Преподобный Ор был очень приветлив и милостив ко всем: когда к нему приходил какой-либо брат и выражал желание жить с ним, он в один день выстраивал ему келью: принимаясь за дело, преподобный Ор созывал всю братию и все помогали ему с усердием: одни носили камни, другие песок, третьи воду, четвертые деревья, и к вечеру таким образом была готова келлия; отдавая ее пришедшему брату, преподобный Ор в достаточной степени снабжал его и всем необходимым для жизни. Бог в обилии посылал Своему угоднику всё, что он просил у Него. О преподобном отце существует и следующий рассказ, относящийся к тому времени его жизни, когда он имел еще только одного ученика: однажды при наступлении светлого праздника Воскресения Христова, этот ученик сказал своему учителю:

– Знаешь ли, отче, что теперь Пасха, и нам должно праздновать ее, как и все празднуют.

– Ей, сын мой, – отвечал старец, – я забыл, что теперь Пасха.

И, выйдя из келлии, преподобный Ор стал под открытым небом, простерши вверх руки: так не меняя положения, он простоял три дня, предаваясь размышлениям о Боге. Спустя три дня, он возвратился в келью, говоря:

– Вот, чадо, по мере сил моих, я и отпраздновал Пасху.

– Что это ты делал, отче? – спросил ученик.

– Для монаха, – отвечал старец, – праздник и Пасха заключаются в том, чтобы ум его проходил мимо, как Израиль сухими ногами по морю (Исх., 14 гл.), молвы житейской и приближался к Богу. Инок, – продолжал он, – удаляясь от видимого мира, становится ближе к невидимому Богу:

привязываясь же к земным предметам, он через это удаляет себя от невещественного Бога.

Будучи отцом многих братий, преподобный знал жизнь и дела каждого, даже творимые им тайно.

Так, однажды, некоторый странствующий инок, страдавший пороком лжи, идя к преподобному, спрятал свои одежды. Явившись к нему полунагим, он просил у него одежды: преподобный Ор тотчас же пред всеми обличил его во лжи, вынеся спрятанную одежду. Вся братия прониклась страхом, видя, что прозорливый отец знает тайны и скрытое от других и никто не осмеливался утаивать что-нибудь от него или где-нибудь вдали от его глаз совершать что-либо противозаконное, ибо Бог открывал ему всё. Наставив множество на путь спасения не только из среды иноков, но и мирских людей, преподобный Ор преставился ко Господу[5013] в небесные обители и причтен к лику великих преподобных отцов, предстоящих пред престолом Отца и Сына, и Святого Духа, единого Бога в Троице, Ему же слава вовеки. Аминь.

Память святого преподобномученика Дометия

Память 7 августа

Святой Дометий жил в царствование Константина Великого. Родиной его была Персия, где он и был обращен из язычества в христианство неким Уаром. Оставив родственников и отечество, полное языческого нечестия, святой Дометий удалился к пределам греческого государства, к городу Низибии[5014]. Войдя здесь в один монастырь, он принял святое крещение, а затем облекся во иноческий образ, беспорочно проходя подвиг постнической жизни. Но по наветам завистливого и лукавого беса его возненавидели обитавшие в том монастыре иноки, так что святой Дометий принужден был бежать оттуда в монастырь святых мучеников Сергия и Вакха, в городе Феодосиополе[5015]. Тут он подражал житию архимандрита Нурвела, о котором повествуется, что в течение шестидесяти лет он не вкушал ничего вареного, спал чрезвычайно мало, да и то не лежа или сидя, а стоя – наклонясь на жезл. Архимандрит Нурвел поставил преподобного Дометия в диаконы, но когда святой узнал, что архимандрит хочет принудить его сделаться священником, он удалился и оттуда[5016]. Уединившись на одной пустынной горе[5017], святой Дометий проводил здесь жизнь по Богу, терпя зной, мороз и все изменения погоды. Потом, войдя в один вертеп, он жил уже там, совершая множество чудес именем Христовым: многих, приходящих к нему, он исцелял от болезней, приводя от идолопоклонства к вере Христовой. Когда же в эту местность пришел Юлиан Отступник[5018], то узнав всё о святом Дометии, он велел его побить камнями. Посланные для совершения злодейства отправились и нашли в третий час дня святого отца с двумя учениками совершающего подобающее пение. Бросившись на них, они побили их камнями, и так закончил течение своей богоугодной жизни преподобный Дометий с двумя своими учениками[5019].

Тропарь, глас 4:

Постнически предповизався на горе, умная врагов ополчения всеоружием креста погубил еси всеблаженне. Паки же ко страдальчеству мужески облеклся еси: и обоих ради венчался еси от Бога, преподобномучениче, Дометие приснопамятне.

Кондак, глас 6:

Яко преобидев тленная, и долу влекущая мудрования, преподобномучениче Дометие, велик наставник монахом показался еси, не устрашився ярости царя, не хотяща чтити Христа истиннаго Бога. Сего ради и скончался еси, воспевая песнь: Бог есть со мною, и никтоже на ны.

Страдание святых мучеников Марина и Астерия

Память 7 августа

Во дни языческих царей Валериана и сына его Галлиена[5020] в Риме жил честный и добродетельный вельможа, по имени Астерий, исповедовавший веру Христову; он был знатный и богатый человек, пользовавшийся расположением царей. При гонениях, постигавших в то время Церковь Христову, Астерий строго соблюдал благочестие, нисколько не скрывая при этом своей веры в Господа Иисуса.

Однажды, находясь в пределах Палестины, святой Астерий пришел в город Кесарию Филиппову[5021], известный у финикиян под именем Панеады; в этом городе, населенном множеством идолопоклонников, был обычай совершать одно языческое празднество близ источника, вытекающего из горы Панеас; отсюда, полагают, берет начало и река Иордан. В этот праздник приносимая бесу жертва делалась невидима: обитавший там бес похищал жертву, скрывая ее от глаз, и ослепленные заблуждением язычники прославляли это бесовское обольщение как великое чудо. Раб Христов Астерий, присутствуя при самом бесовском празднике, не мог не поболеть сердцем о заблуждении и душевной слепоте обольщенного народа; подняв очи к небу и воздвигнув руки, с верою помолился Христу Богу, чтобы Он изгнал оттуда беса, прельщающего народ. И тотчас бес был прогнан силою Божиею, и чудо бесовское прекратилось, – все своими глазами видели жертву; она уже не скрывалась как ранее и не делалась невидимой. Когда же прекратилось чудо, прекратилось и празднество, так как язычники перестали собираться у источника. Так молитва святого Астерия, соединенная с верою, очистила место от бесовской скверны.

Страдание же его за Христа произошло, по смотрению Божию, таким образом. В другой Кесарии, Палестинской[5022], жил знатный и богатый воин по имени Марин, но он был еще более честен верою во Христа и – богат добрыми делами.

Товарищи по полку призывали его на место сотника, открывшееся по смерти занимавшего его воина. Когда Марин готовился занять помянутое место, другой воин, завидуя и сам желая сделаться сотником, пошел к судье Ахеос: он открыл ему, что Марин, как христианин, не хочет приносить жертвы богам и изображениям царей, а потому, – добавил доносчик, – такого человека в силу римских законов нельзя ставить сотником. Судья тотчас призвал Марина и спросил его о исповедуемой им вере; услыхав от самого Марина, что он христианин, судья дал ему три часа для размышления, – избрать ли жизнь или смерть. Святому Марину предстояло только два исхода: или принести языческую жертву и остаться в живых или умереть за исповедание веры Христовой.

В это время епископ Кесарии Палестинской Фетеик пришел к исповеднику Христову, взял его за руку и ввел в церковь, преподавая душеполезные наставления. Затем придя с ним во святой алтарь, епископ, указывая рукою на Святое Евангелие и на воинский меч, которым Марин был препоясан, сказал:

– Из двух этих вещей избери, достойный муж, какую-либо одну: или носить этот меч, чтобы временно служить земному царю, а по смерти получить вечную погибель, или – сделаться воином небесного Царя, положить душу за Его пресвятое имя, написанное в сей книге и царствовать с Ним бесконечные веки.

Святой Марин, простерши правую руку ко святому Евангелию с горячею любовию облобызал его, показывая, что он готов за Христа идти на смерть. Тогда епископ сказал ему:

– Всей душой твоей прилепись к Богу и, укрепляемый Его силою, приими то, что сам избрал.

После этого епископ отпустил святого Марина со словами:

– Иди с миром.

Когда святой Марин шел из церкви, то глашатай стоял уже у дверей суда, громко призывая Марина по имени, так как три часа уже прошли. Войдя в судилище, святой Марин безбоязненнее прежнего исповедал себя христианином, во всеуслышание прославляя имя Христово и порицая языческое нечестие. Судья произнес ему смертный приговор, и святой мученик Марин был изведен за город и там обезглавлен. При

его мученической кончине присутствовал святой Астерий, по устроению Божию на это время пришедший в город. По страдальческой смерти святого Марина он снял с себя верхнюю драгоценную одежду, простер ее по земле, потом обвил ею честное тело мученика вместе с главою и, донеся до могилы на собственных плечах, предал погребению с честью. За это он и сам удостоился мученического венца: нечестивые язычники схватили его и отсекли ему главу[5023], и таким образом святой Астерий, вместе со святым Марином, в лике святых мучеников предстал небесному Царю – Христу.

Это было в царствование Галлиена, наследовавшего престол после погибели своего отца Валериана. За пролитие крови множества христиан он был наказан гневом Божиим: во время сражения персы одержали победу над римлянами, и Валериан живым попал в плен к Саворию персидскому царю; его отвели в Персию, и там он заменял Саворию подножку, когда последний садился на коня. При этом Валериана нельзя было выкупить из позорного плена: Саворий не желал брать за него никаких сокровищ, дорожа той славой, что он имеет возможность наступать на выю римского царя. После продолжительного издевательства над Валерианом, царь персидский велел, наконец, содрать с него кожу пред всем народом и посыпать солью; так зло погиб злой, еще в этой жизни начав вечные муки. Такая погибель отца устрашила Галлиена: он познал в ней Божие наказание за безжалостное пролитие христианской крови; поэтому Галлиен издал указ для всех областей римского государства, где предписывалось прекратить гонение на христиан и разрешить епископам свободно управлять своими церквами. Но прежде чем указ пришел в Кесарию палестинскую святые Марин и Астерий прияли мученическую кончину за Христа и вошли в радость Господа своего и нашего Владыки Иисуса Христа, царствующего с Отцом и Святым Духом.

Празднование Пречистой Богородице в честь явления Ее пречестной и чудотворной иконы, нарицаемой Толгской

Память 8 августа

В 6822 году от сотворения мира[5024] во время киевского и всероссийского митрополита Петра при благоверном князе Ярославском Давиде Феодоровиче епископ ростовский и ярославский Прохор, – по другим известиям Трифон, – объезжая свою епархию, прибыл в Кирилло-Белозерский монастырь; отсюда он продолжал путь водою на лодках, – сначала по притоку Волги Шексне, а затем по самой Волге до Ярославля. Когда путники были на расстоянии шести поприщ[5025] от Ярославля, день начал склоняться к вечеру; тогда они пристали на ночлег к горе, стоявшей на той стороне Волги, где находился город; поднявшись на гору, они разбили шатер. Стоянка была как раз против того места, где в Волгу впадает приток ее Толга; вся эта сторона была покрыта большим лесом. Во время ночлега епископ проснулся в полночь и заметил какой-то свет; быстро поднявшись и выглянув из шатра, он нашел всех своих спутников, – священников, клириков, слуг и даже сторожей спящими; между тем великий свет озарял всю местность. Оборотившись к реке, епископ заметил на противоположном берегу чрезвычайно светлый, необыкновенно сияющий столб, при этом он увидел и мост, ведущий к нему через Волгу; это таинственное явление возбудило в епископе удивление, смешанное с ужасом. Однако, помолившись Богу, он, захватив свой епископский посох, вышел из шатра и, не будя никого, направился к реке и взошел на видимый им мост: в действительности же епископ шел по воде как по дереву, – на этом месте никогда не было моста, но, по повелению Божию, вода, отвердев, образовала как бы мост под его ногами. Достигнув противоположного берега, епископ увидел образ Пресвятой Богородицы, держащей на руках Младенца, Господа нашего Иисуса Христа; образ не стоял на дереве, а чудесно держался на воздухе на высоте пяти локтей, так что с земли его

нельзя было достать руками. Епископ, поклоняясь иконе Богородицы, воссылал Владычице мира теплые молитвы, соединенные со слезами; после довольно продолжительной молитвы он возвратился обратно, забыв на этом месте свой посох. Перейдя по тому же самому мосту реку, епископ возвратился в свой шатер, и так как все спали, то его путешествие никому не могло быть известно; до утра епископ спокойно проспал. Когда рассвело, все встали, и по обыкновению была пета утреня. Настало время идти к лодкам, и слуги начали искать посох святителя, но все поиски были тщетны. Тогда они сказали епископу, что неизвестно куда девался посох, хотя вечером он был поставлен в шатре. Епископ вспомнил, что забыл свой посох на той стороне реки, и понял, что Господь желает сделать известным помянутое чудесное явление; не будучи в состоянии от слез вымолвить слова, он начал показывать перстом за Волгу; потом, едва говоря от волнения, святитель рассказал по порядку, как он достиг противоположного берега Волги и что там видел; затем он приказал ехать в указываемом им направлении за Волгу и взять там посох. Слуги поехали и во время поисков посоха обрели в лесу икону Пречистой Богородицы, но уже не на воздухе, а стоящей между деревьев на земле; близ нее лежал и посох. Поклонившись святой иконе и взявши посох, они возвратились к святителю и сообщили ему, что видели икону Пресвятой Богородицы. Тогда епископ, отложив на время путь к Ярославлю, переехал со всеми своими людьми Волгу; увидев икону Пресвятой Богородицы, он тотчас узнал тот самый образ, который ночью держался на воздухе, окруженный светлым сиянием в виде столпа. В радости и веселии духовном святитель преклонил колена, воссылая теплые молитвы Пресвятой Богородице и благоговейно лобызая Ее святую икону. И все присутствовавшие также не могли удержаться от радостных слез и, поклоняясь честному образу, также усердно молились Матери Божией.

Это чудесное явление иконы Пресвятой Богородицы совершилось восьмого августа, когда почитается память святого Емилиана, епископа Кизического.

Святитель Прохор, нимало не медля, тотчас начал собственными руками очищать место, где явилась святая икона, рубить лес и приготовлять деревья для постройки церкви; его примеру ревностно следовали и находившиеся с ним; в тот же день заложили маленькую церковь и к полудню окончили ее постройку. Слух о чудесном явлении и связанных с ним событиях дошел до Ярославля, и множество народа поспешило к месту, где находился епископ; среди пришедших были и духовные и миряне, старые и молодые, богатые и бедные, здоровые и больные. При виде иконы Пресвятой Богородицы они исполнились неизреченной радости и усердно молились; каждый старался помочь сооружавшим церковь, – кто рубил деревья, а кто трудился вместе с начавшими постройку храма. Когда он был окончен, епископ в тот же день к вечеру освятил его и внес чудотворный образ; затем, совершив во вновь сооруженном храме богослужение, святитель нарек его во имя честного Введения Пресвятой Богородицы и установил празднование явления Ее образа в восьмой день августа месяца. Все присутствовавшие при этом недужные получили, по благодати Пресвятой Богородицы, исцеление. Тогда же епископ повелел быть при церкви монастырю и в тот же день поставил ему игумена. С этого времени на месте явления чудотворного образа была устроена обитель, сначала довольно незначительна, а потом, с расширением своей славы, она увеличилась и в своих размерах. Эта обитель, хранимая Богом, существует и доныне и известна под именем Толгской, от впадающего на этом месте в Волгу притока – Толги.

Со дня явления чудотворного образа Пресвятой Богородицы начало совершаться множество чудес, из которых упомянем здесь только о некоторых, наиболее выдающихся. В 6900 году 16 сентября[5026], при игумене Германе, когда священник возгласил на утрени после девятой песни: «Богородицу и Матерь света песньми возвеличим!» внезапно от правой руки Пресвятой Богородицы истекло миро, и церковь наполнилась дивным благоуханием; все присутствовавшие в храме при виде этого чуда не могли удержаться от удивления и ужаса, прославляя в то же время Бога и Его Пречистую Матерь.

После утрени стали совершать молебен Пресвятой Богородице, и при окончании его во время пения «Владычице, приими молитву рабов Своих» от левой ноги Пречистого Младенца, держимого Богородицею на руках, истекло миро; таким образом глазам верующих, находившихся в то время в храме, представились два источника, – от правой руки Пресвятой Богородицы и левой стопы Христа, – чудесно источающие миро от одной иконы. Дивное чудо это не могло не возбудить духовной радости в игумене и братии: они со слезами преклоняли колена пред Пречистой Богородицей и помазывали чело свое миром, которое обладало великой целебной силой: кто из недужных, – какою бы болезнью он не страдал, – ни помазывался чудесным миром, тотчас делался здоров. Спустя некоторое время после этого чудесного события, один боярин, по имени Никита, был послан великим князем из Москвы в Белозерский край: когда он вместе с женою и слугами прибыл в Ярославль, то сел в лодки, чтобы дальнейший путь продолжать водою вверх по реке. У этого боярина был единственный сын, еще маленький мальчик, – ему было не более четырех лет, – и вот дорогою он разболелся и умер, и его мертвого довезли до Толгского монастыря Пресвятой Богородицы, чтобы здесь похоронить. Отец и мать умершего мальчика горько плакали пред иконою Пресвятой Богородицы, так как не имели более детей. Опрятав тело, занялись приготовлением гроба и остального, нужного для погребения; в этих печальных хлопотах прошло время с часу дня до десяти вечера. И вот, когда, после обычного молебствия, началось надгробное пение, мальчик неожиданно ожил и воскликнул; все ужаснулись и вместе с тем радовались; особенно же радовались родители. Они не знали, как благодарить Господа и Его Пречистую Матерь, снова увидев своего сына живым и здоровым. – Однажды по попущению Божию в монастыре случился большой пожар; при этом и церковь загорелась так быстро, что братия не успели отворить церковных дверей и хотя что-нибудь вынести из храма; вся церковь со всем находившимся в ней сгорела. Все со скорбью думали, что этой же участи подверглась и чудотворная икона. Но после пожара неожиданно нашли в роще близ монастыря

святую икону, совершенно неповрежденную и окруженную сиянием: конечно, не человеческими, а только Ангельскими руками могла быть взята святая икона из великого пламени. Братия с радостью приняли святую икону и, не медля, принялись за постройку нового храма, более обширного по размерам и великолепного по своим украшениям. И доселе можно видеть прекрасные церковные здания и монастырские постройки. Благодать же Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии и доныне не перестает совершать чудотворения, как от источника, от Своей святой иконы, источая исцеления болезней и отгоняя от людей злых духов.

Чудеса эти подробно описаны в самой обители; мы же, изложив только немногое, да и то кратко, – для более подробного повествования не достало бы и времени, – прославим Бога и Его Пречистую Матерь Деву Марию; воздадим подобающее поклонение и Ее честной иконе, которую все роды христианские должны почитать всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святого отца нашего Мирона чудотворца, епископа Критского

Память 8 августа

Святой Мирон родился на острове Крите[5027], здесь же был и воспитан; он женился в довольно ранней молодости; главным занятием его было земледелие, причем «от пота лица своего» святой Мирон ел хлеб не только сам, но и кормил других, подавая от своих урожаев убогим. Господь благословлял за это труды святого Мирона: размерам подаяний соответствовала величина урожаев. Святой Мирон был милостив более всех людей, обитавших в той земле: однажды он застал на своем гумне воров, когда они уже до того наполнили мешки житом, что не могли поднять их; святой Мирон вместо того, чтобы подвергнуть их телесному или какому-нибудь иному наказанию, подошел к ним и своими руками пособил поднять мешки на плечи; при этом он строго запретил ворам рассказывать о его поступке. За свою добродетельную жизнь святой Мирон был сделан пресвитером; в этом сане он ревностно поучал своих пасомых святой жизни христианской, а во время гонения со стороны нечестивого царя Декия[5028] горячо убеждал их твердо переносить страдания. Когда с погибелью Декия[5029] окончилось гонение, святой Мирон был возведен на престол епископа: будучи епископом, он установил памятование святых мучеников, пострадавших во время гонения за Христа, а также силою Божиею сотворил много чудес и других дивных дел. Так, между прочим, святой Мирон остановил течение реки: во время наводнения одному знатному мужу, по имени Тритон, нужно было перейти реку[5030]; святой епископ остановил ее течение, пока помянутый муж, перейдя реку, снова не возвратился обратно; тогда святой Мирон послал свой посох с приказанием опять продолжать реке свое обычное течение. Когда посланцы святого Мирона достигли реки и, возмутив жезлом святителя в ней воду, повторили его повеление, река с чрезвычайной быстротою и стремительностью протекла по руслу в прежнем направлении. Много чудес, по своему величию подобных сейчас

описанному, сотворил святой угодник Божий. Святой Мирон отошел ко Господу уже столетним старцем, всю жизнь посвятив Богу путем исполнения Его святых заповедей[5031].

Память святого отца нашего Емилиана Исповедника, епископа Кизического

Память 8 августа

Емилиан, епископ Кизический[5032], претерпел страдания за исповедание Христово в царствование Льва Армянина иконоборца[5033]. Святого Емилиана неоднократно принуждали оставить поклонение честным и святым иконам, но он, неуклонно следуя учению святых отцов, не повиновался. За эту верность вере православной ему пришлось перенести от еретиков много неприятностей, даже тюремные заключения[5034], но святой Емилиан всё переносил с радостью в надежде за временные страдания получить вечное блаженство. С таким чисто христианским настроением проходя среди скорбей и страданий свой жизненный путь, святой Емилиан умер в заточении, уповая на Господа и украшенный венцом исповедника.

Кондак, глас 3:

Добляго тя поборника по Троице явльшася, церковь славит поющи Емилиане, за ню же пострадал еси: сего ради почитаем память твою, языческого нашествия избави рабы твоя.

Страдание святого Апостола Матфия

Память 9 августа

Святой Апостол Матфий, происходивший из колена Иудина, родился в Вифлееме; с раннего детства он начал изучать священные книги и закон Божий в Иерусалиме под руководством святого Симеона Богоприимца. От него святой Матфий был наставлен в добродетельной жизни: он проводил богоугодную жизнь, строго следуя по пути, начертанному в заповедях Божиих. Настало время, когда Господь, по прошествии тридцати лет со дня Своего рождения от Пречистой Девы Марии и по принятии крещения от Иоанна, явил Себя миру; собрал учеников, Он проповедовал наступление Царствия Божия, совершая в то же время неисчислимые чудеса и знамения. Святой Матфий, внимая учению Христа и видя Его чудотворения, исполнился к Нему любовью: оставив мирские заботы, он вместе с другими учениками и народом последовал за Господом, наслаждаясь лицезрением воплотившегося Бога и неизреченною радостию Его учения. Господь, Которому открыты самые сокровенные движения человеческого сердца, видя рвение и чистоту душевную святого Матфия, избрал его не только в число Своих учеников, – но и для апостольского служения. Сначала святой Матфий принадлежал к числу семидесяти меньших Апостолов, о которых в Евангелии говорится: «Избрал Господь и других семьдесят (учеников), и послал их по два пред лицем Своим» (Лк.10:1); после же вольных страданий, воскресения и вознесения Господа нашего Иисуса Христа на небо святой Матфий был причтен к сонму двенадцати Апостолов. По отпадении Иуды от лика двенадцати Апостолов, последний, – так как вместо Иуды никто не был избран, – утратил свою полноту, а с ним и право на именование двенадцати; поэтому верховный из Апостолов, святой Петр, став посреди собрания первых христиан, обратился к верующим со словом о том, что на место отпавшего и погибшего Иуды должны избрать кого-либо из тех, которые находились с Апостолами во всё время, когда пребывал с ними Господь

Иисус, чтобы избранный Им сонм двенадцати ближайших Апостолов был цел и неизменен. «И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою… и Матфия; и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из этих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда… И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам» (Деян.1:23–26), как двенадцатый. Это избрание вскоре было утверждено Господом при ниспослании Духа Святого в виде огненных языков: ибо Дух Святой опочил как на прочих святых Апостолах, так и на святом Матфие, даруя ему равную благодать с учениками Господа. По сошествии Святого Духа Апостолы метали жребий, кому из них и в какую страну идти для проповеди евангельской; святому Матфию досталась по жребию Иудея, где он и трудился, обходя города и веси и благовествуя о явлении во Христе Иисусе спасения миру; впрочем, не только среди Иудеев, но и среди язычников проповедовал он имя Христово. Предание говорит, что святой Матфий обращался с благовестием Христовым и к жителям Эфиопии[5035] и претерпел здесь множество различных мучений: его влачили по земле, подвергали побоям, привешивали к столбу, строгая бока железом и поджигая огнем; но укрепляемый Христом, святой Матфий мужественно и с радостью переносил эти мучения. По некоторым же известиям святой Матфий проповедовал Евангелие и в Македонии[5036], где нечестивые греки, желая испытать силу возвещаемого святым Апостолом учения, схватили его и заставили выпить отраву, лишавшую человека зрения: кто выпивал ее, тот делался слепым. Но святой Матфий, выпив во имя Христово отраву, не потерпел от нее никакого вреда и даже ослепленных этою отравой, – их было более двухсот пятидесяти человек, – исцелил, возлагая руки и призывая имя Христово. Диавол, не терпя такого поругания, явился язычникам в виде отрока, повелевая убить Матфия, так как он уничтожает почитание бесов; когда же они хотели схватить святого Апостола, то принуждены были в течение трех дней безуспешно искать его: святой Матфий, хотя и ходил среди них, был им невидим.

Потом святой Апостол явился к искавшим его язычникам и добровольно предал себя в руки их; они, связав его, заключили в темницу, где явились ему бесы, с яростью скрежетавшие на него зубами, но в следующую ночь ему в великом свете явился Господь; ободрив святого Матфия и освободив от оков, Он открыл двери темницы и выпустил его на волю. Настал день, и Апостол снова встал среди народа, еще с большею безбоязненностью проповедуя имя Христово; когда же некоторые, ожесточившиеся сердцем, не веруя его проповеди и придя в ярость хотели убить его своими руками, внезапно разверзлась земля и поглотила их; оставшиеся же пришли в ужас, обратились ко Христу и крестились.

Затем Апостол Христов снова возвратился в жребий свой, – в Иудею, и многих от сынов Израилевых он обратил к Господу Иисусу Христу, возвещая им Слово Божие и подтверждая его знамениями и чудесами: именем Христовым святой Матфий возвращал слепым зрение, глухим слух, умирающим жизнь, восстанавливал хромых, очищал прокаженных и изгонял бесов. Называя Моисея святым и побуждая соблюдать закон, данный ему Богом на скрижалях, святой Матфий в то же время учил веровать во Христа, в знамениях и образах предвозвещенного самим Моисеем, предсказанного пророками, посланного Богом Отцом на спасение миру и воплотившегося от Пречистой и Пренепорочной Девы. При этом все пророчества о Христе святой Матфий истолковывал, как уже сбывшиеся на пришедшем Мессии.

В это время первосвященником иудейским был Анан, ненавидевший Христа и хуливший Его имя, – гонитель христиан, повелевший сбросить с кровли церковной святого Апостола и брата Божия Иакова и тем убивший его. И вот когда святой Матфий, обходя Галилею, проповедовал Христа, Сына Божия в здешних синагогах, ослепленные неверием и злобою иудеи, исполнившись сильной ярости, схватили святого Апостола и привели в Иерусалим к помянутому первосвященнику Анану. Первосвященник, собрав синедрион и призвав на суд святого Апостола, обратился к утратившему совесть сборищу с такими словами:

– Вся вселенная и настоящее собрание знают, какую укоризну навлек на себя наш народ, и это – не по нашей вине, но по развращению некоторых, от нас же вышедших и по ненасытному корыстолюбию, – скорее мучительству, – римских правителей; не следовало бы и упоминать об этих вводителях новых ересей, прельстивших столько тысяч народа: вы сами знаете, сколько из них побито римскими воинами; так погибли обольстители и обольщенные, покрывая позором наше племя; таковы родоначальники ересей: Иуда Галилеянин и Февда Волхв; с их погибелью уничтожилась и самая память о них. Но среди всех подобных еретиков восстал ересиарх Иисус Назарянин: Он называл Себя Сыном Божиим и Богом и многих удивлял Своими волшебными знамениями и чудесами, привлекая к Себе сердца и проповедуя отменение закона; за что и принял суд по закону, который хулил. И что сказать? Разве мы не знаем, что закон дан был Моисею Самим Богом, что его соблюдали патриархи и пророки, которым Бог даровал силу совершать такие чудотворения, каких не мог Иисус: кто не знает Моисея с Богом, как с человеком беседовавшего? Кто не знает Илию, взятого в рай на огненной колеснице? Кто не слышал, что умерший, выброшенный на мертвые кости Елисея ожил? И иные угодники Божии сколько совершили чудес, однако, ни один из них не дерзнул на такое дело, как Иисус, – присваивать себе честь Божию и устанавливать новый закон; пророки, вдохновляемые Святым Духом, говорили исполненные смирения, а Он с гордостью говорил Свои собственные измышления и дошел до такого безумия, что первосвященников и князей подвергал укоризненным порицаниям, а книжников и фарисеев называл лицемерами; сделал ли что подобное кто-либо из пророков? И по гордости Своей Он обрел соответственный конец, приняв мзду по делам Своим. О если бы память Его с Ним погибла, и учения Его, с Ним умершего, никто не воскрешал! Особенно же печально, что храм Божий, святой город и законы отцов находятся в рабстве у римлян, и нет ни сострадающего, ни соболезнующего, ни избавляющего; нас без вины влачат по судилищам, а мы терпим; нас обольщают, а мы даем молчаливое согласие; нас грабят, а мы

не издаем и звука; и – что всего печальнее, – галилеяне предают нас в руки римлян, без стыда обвиняя нас и народ наш в убиении Иисуса, как неповинного. Лучше пусть погибнут эти немногочисленные галилеяне, чем это святое место и весь народ наш подвергнется истреблению от римлян; из двух зол, – если нет возможности избежать обоих, – следует избирать меньшее, более терпимое. И этот, сейчас стоящий пред нами ученик Иисусов, достоин смерти; но пусть сначала сам в себе размыслит, – мы не отнимаем времени для размышления, потому что не погибели, а исправлении его желаем, – и из двух пусть изберет одно, – или следовать закону, данному Богом через Моисея, и тем сохранить жизнь, или именоваться христианином и умереть.

В ответ на это святой Матфий, подняв руки, сказал:

– Мужи и братья! Я не хочу говорить много о том обвинении, которое вы возлагаете на меня, – для меня имя христианина не преступление, а слава. Ибо Сам Господь говорит через пророка, что в последние дни «назовет рабов Своих новым именем» (Ис.65:15).

Первосвященник Анан возразил:

– Разве не преступление считать за ничто святой закон, не почитать Бога и слушать пустые рассказы о волшебствах?

– Если послушаете меня, – ответил святой Матфий, – я объясню вам, что проповедуемое нами учение не басни и волшебство, но сама истина, уже давно засвидетельствованная законом.

Когда первосвященник дал свое согласие, святой Матфий открыл свои уста и начал истолковывать ветхозаветные прообразы и пророчества об Иисусе Христе, как Бог дал обетование праотцам Аврааму, Исааку и Иакову из семени их воздвигнуть такого Мужа, через Которого благословятся все земные племена, о чем и Давид говорит в словах псалма: «и благословятся в нем [племена], все народы ублажат его» (Пс.71:17), – как несгораемая купина прообразовала воплощение Христа от Пречистой Девы (Исх.3:2), о Которой предсказал Исаия: «се Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис.7:14), то есть с нами Бог.

Моисей то же ясно предвозвестил о Христе, говоря: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте» (Втор. 18:15). Он же предуказал вольные страдания Спасителя, вознеся на дерево змея, об чем говорил и Исаия: «как овца, веден был на заклание» (Ис.53:7) и: «и к злодеям причтен был» (Ис.53:12); пророк Иона, вышедший невредимым из чрева китова, был прообразом тридневного воскресения Господня.

Эти пространные изъяснения ветхозаветных книг, говорящих о Христе Иисусе, привели Анана в гнев, так что он не выдержал и сказал святому Матфию:

– Так ли ты осмеливаешься посягать на закон? Разве тебе не известны слова Писания: «если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет при том: «пойдем в след богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им"… «И пророка того или сновидца того должно предать смерти?» (Втор.13:1, 2, 5).

Святой Матфий отвечал:

– Тот, о Котором я говорю, не только Пророк, но и Господь пророков, Он – Бог, Сын Божий, о чем свидетельствуют истинные чудеса Его; поэтому-то я и верую в Него и надеюсь быть непоколебимым в исповедании Его пресвятого имени.

– Если тебе дадут время для размышления, покаешься ли ты? – спросил первосвященник.

– Да не будет, чтобы я отступил от истины, которую уже обрел, – отвечал святой Апостол. – Я всем сердцем моим верую и открыто исповедую, что отверженный вами и преданный на смерть Иисус Назарянин есть Сын Божий, единосущный и совечный Отцу, а я раб Его.

Тогда первосвященник, затыкая уши и скрежеща зубами, закричал:

– Хулит! хулит! Пусть выслушает закон!

Тотчас была открыта книга закона и было прочтено то место, где написано: «Кто будет злословить Бога своего, тот понесет грех свой, и хулитель имени Господня должен умереть,

камнями побьет его всё общество, пусть не щадит его око ваше и тем изымете зло из дел Израиля» (ср. Лев.24:15–16).

По прочтении этого места, первосвященник сказал Апостолу Христову:

– Твои слова свидетельствуют против тебя; кровь твоя падет на голову твою.

После этого первосвященник осудил святого Матфия на побиение камнями; и Апостола повели на казнь. Когда пришли на место, называемое Вефласкила, то есть дом побитых камнями, святой Матфий сказал к ведшим его иудеям:

– Лицемеры, справедливо говорил о подобных вам пророк Давид: «толпою устремляются на душу праведника и осуждают кровь неповинную» (Пс.93:21); то же говорит и пророк Иезекииль о такого рода людях, что они умерщвляют души, которые не должны умирать (Иез.13:19).

После этих слов Апостола Христова два свидетеля, – как требовал того закон, – положили свои руки на его голову и засвидетельствовали, что он хулил Бога, закон и Моисея; они же первые бросили камни в святого Матфия, причем последний просил, чтобы эти первые два камня были погребены с ним, как свидетели его страданий за Христа. Потом и остальные начали бросать каменья, побивая святого Апостола, и он, подняв руки свои, предал дух свой Господу. Беззаконные же иудеи к мучению присоединили еще издевательство: уже по смерти мученика, они, из угоды римлянам, отсекли ему мечом по обычаю римскому голову, – точно Апостол Христов был противник кесаря. Так, подвизаясь добрым подвигом, святой Апостол Матфий окончил свое течение. Верующие же, взяв тело Апостола, с честью предали его погребению, воссылая славословия Господу нашему Иисусу Христу, Ему же с Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь[5037].

Кондак, глас 4:

Светозарное яко солнце, во весь мир изшедшее, вещание твое просвещает языческую церковь благодатию, чудоносче Матфие Апостоле.

Страдание святого мученика Антония

Память 9 августа

Святой мученик Антоний был родом из города Александрии[5038], веровал во Христа и проводил богобоязненную жизнь. Его схватили и привели к начальнику города. На допросе он объявил себя христианином и смело стал проповедовать о Христе, как об истинном Боге. За это он был повешен на дереве, и его стали строгать по телу железными орудиями, но он не отрекся от Христа и сопротивлялся мучителям, терпеливо перенося мучения, вследствие чего и осужден был на сожжение огнем. Стоя на костре, он так поучал предстоящих:

– Возлюбленные братья мои! Не служите столько телу, но больше душе. Помните, что она дана вам Богом и сродна разумным Божественным силам[5039] и заботьтесь о том, чтобы принести ее Владыке чистою.

После кончины святого мученика[5040] тело его было найдено нисколько не поврежденным.

Память святых мучеников Иулиана, Маркиана и прочих, пострадавших с ними за иконы

Память 9 августа

Когда на престол греческого царства вступил соименный зверю Лев Исаврянин[5041], по прозванию Конон, то он воздвиг гонение на Церковь Божию, подняв среди нее новую иконоборческую ересь, по которой святые иконы почитались за идолов, а благочестно поклоняющиеся им – за идолопоклонников. Лев Исаврянин приказал выбрасывать из храмов, домов и вообще жилищ святые иконы и уничтожать их, ввергая или в огонь или в воду; не разделявших же его еретических заблуждений он или ссылал в крайние пределы государства или подвергал различным мучениям и даже убивал. В начале своего гонения он сверг с бесчестием и побоями святейшего патриарха Константинопольского Германа[5042] за то, что последний противился его распоряжениям; на место свергнутого патриарха был возведен единомысленный с царем еретик Анастасий[5043]. В это время многие благочестивые христиане восстали против ереси, за что и прияли мученический венец, как и те, о которых нам сейчас предстоит слово. Их страдание началось по следующему поводу. В Константинополе со времен Константина Великого существовали ворота, известные под названием Медных; издавна над этими вратами находился образ Спасителя, тоже медный. Этот образ нечестивый царь и патриарх приказали снять; приставили лестницу, по которой и начал подниматься один из воинов, саном спафарий; это возмутило благочестивое чувство собравшейся у ворот громадной толпы народа; некоторые из нее схватили лестницу и бросили ее вместе с находившимся на ней воином на землю, предав последнего смерти. Узнав о таком поступке народа, царь послал против православных вооруженных обнаженными мечами воинов, которые умертвили множество мужчин и женщин, старых и молодых; число их известно одному только Господу. Наиболее же знатные,

почитатели икон, находившиеся среди народной толпы, были взяты живыми; имена их следующие: Иулиан, Маркиан, Иоанн, Иаков, Алексий, Димитрий, Фока, Петр, Леонтий. После жестокого наказания палками, они были ввергнуты в темницу, где находились в узах до восьмидесяти дней, терпя нещадные побои: каждому из них ежедневно полагалось по пятисот ударов. Но укрепляемы силою Христовою, святые мученики мужественно переносили всё, не утрачивая сил телесных; видя это, мучитель велел сначала обжечь раскаленным железом лица их, а потом вывести на площадь и убить мечом. Так окончили свои страдания святые. Вместе с ними за благоговейное почитание икон была усечена одна знатная женщина, по имени Мария Патрикия. Тела святых мучеников были брошены в морскую пучину. Когда были схвачены святые мученики, вместе с ними взята была и преподобная Феодосия черноризица, как обвиненная в том же преступлении, – она вместе с другими участвовала в опрокидывании лестницы. Преподобная Феодосия прияла мученический венец ранее помянутых святых; память ее почитается в двадцать девятый день мая месяца; под этим числом помещено и житие ее.

Все святые мученики, пострадавшие за честную икону Спасителя, вместе предстали Владыке Христу, Богу нашему, Ему же слава вовеки. Аминь[5044].

Страдание святых мучеников Лаврентия архидиакона, Сикста папы и прочих с ними

Память 10 августа

Святой папа римский Сикст[5045] был схвачен вместе со своим клиром и заключен в народную тюрьму правителем римским Валерианом в то время, когда царь Декий[5046] с торжеством возвращался в Рим[5047] после победы над персами. Святой Сикст родился в греческом городе Афинах; сначала он был философом, а потом стал учеником Христовым. Когда он пришел в Рим, то оказался, как человек мудрый и благочестивый, весьма полезным членом Церкви Христовой; здесь в течение более или менее продолжительного времени он проходил различные иерархические степени. По убиении за исповедание Христово святого папы Стефана[5048], на его место, как на верную смерть, был возведен святой Сикст: в то время не было папы, которого бы миновала чаша страданий. Когда святой папа Сикст вместе с клириками и другими христианами находился в темнице, в Риме за Христа мучили двух персидских князей Авдона и Сенисса: их, как пленников, Декий привел с собою в оковах. После их мученической кончины[5049], царь Декий и Валериан приказали привести к ним ночью святого папу Сикста в храм, известный под именем Теллюды. Когда посланные пришли за папой в темницу, он сказал христианам, разделявшим с ним узы:

– Братья и присные мои, не бойтесь временных мук, помня те великие мучения, какие для получения венца вечной жизни претерпели до нас святые; Сам Христос пострадал ради нашего спасения, оставляя нам пример для подражания (ср. 1Пет.2:21), – не бойтесь пострадать за Христа, чтобы вместе с Ним воцариться. Вместе с папою были взяты два диакона, Фелициссим и Агапит; они были поставлены пред Декием и Валерианом.

– Знаешь ли ты, – обратился Декий к папе, – по какой причине ты взят и представлен пред нами?

– Мне это очень хорошо известно, – отвечал папа.

– Если знаешь, – сказал царь, – то поступай так, как поступают другие на твоем месте: этим ты сохранишь жизнь себе и увеличишь число твоих клириков.

– Действительно, – подтвердил папа, – я постоянно забочусь об увеличении клира.

– Тогда принеси жертву богам и получишь начальство над всеми жрецами, – предложил царь.

Святой Сикст возразил на это:

– Я всегда приношу чистую и непорочную жертву всесильному Богу Отцу, Сыну Его, Господу нашему Иисусу Христу, и Духу Святому.

– Мы щадим твою старость, – продолжал увещевать папу царь, – пожалей и ты себя самого и клир твой, чтобы избавить его от смерти.

– До этих пор, – отвечал святой Сикст, – я заботился и сейчас забочусь как о себе, так и о клире моем, чтобы вместе с собою всех исхитить и избавить от вечной смерти.

– Ведите его, – приказал Декий воинам, – в храм Марса, пусть принесет там жертву; если он не сделает этого, то заключите его в особую темницу, Мамертинову.

Святого папу вместе с диаконами привели в храм Марса и стали убеждать принести жертву; он же сказал на это воинам:

– О ослепленные дьяволом и всякого сожаления достойные, люди: зачем поклоняетесь немым и глухим идолам, которые не могут оказать помощи ни себе, ни другим? Послушайте меня, дети мои, покайтесь, чем избавите души свои от вечных мук.

Но они, исполняя приказание царя, отвели папу и диаконов в Мамертинову темницу.

Святой архидиакон[5050] Лаврентий увидев, что папу ведут в тюрьму, воскликнул обращаясь к нему:

– Куда идешь, отец мой, без сына своего? Куда, святой архиерей, спешишь без своего архидиакона? Ты никогда не совершал без моего сослужения бескровной Жертвы: чем же я теперь прогневал твое милосердие? Разве я уже недостоин того, чтобы находиться с тобою вместе? Разве ты не знаешь

меня, как всегда покорного тебе служителя? И если я участвовал с тобою в принесении Божественных Таин, то почему не участвую вместе с тобою и в пролитии своей крови за Христа? Возьми же, отец мой, сына своего с собою, не оставляй, учитель, ученика твоего, принеси меня в жертву Богу, как Авраам сына своего Исаака (Быт, гл. 22) и как верховный Апостол Петр первого архидиакона Стефана (Деян, гл. 6–7), и после того уже, как увидишь меня приявшим мученический венец, сам приступай к нему.

Святой Сикст отвечал ему:

– Я не покидаю тебя, сын мой, но сохраняю для больших мучений: тебе предстоят за веру Христову большие подвиги. Я уже стар и поэтому выхожу на более легкую борьбу; тебе же должно обнаружить над мучителем более славную победу и торжество. Не плачь: знай, что, спустя три дня после моей смерти, ты, левит, пойдешь за своим священником; тебе не нужно моего присутствия для твоей поддержки. Илия оставил Елисея, но не лишил его чудодейственной силы (4Цар. 2). Иди, воспользуйся этим временем: раздай по собственному усмотрению церковные сокровища нищим и нуждающимся. Святой Лаврентий повиновался: взяв все церковные сокровища, не исключая и утвари, он ходил по городу, разыскивая скрывающихся клириков и убогих христиан, и помогал им по мере их нужды. Так он пришел на гору Хелион, где нашел жилище одной вдовы, со дня смерти мужа которой прошло уже тридцать два года; эта вдова, по имени Кириакия, укрывала у себя многих христиан вместе с их пресвитерами и клириками. Святой Лаврентий принес сюда ночью серебра, одежд и других необходимых предметов и стал умывать ноги как священнослужителям, так и остальным христианам. Вдова же Кириакия, поклонившись ему в ноги, сказала:

– Умоляю тебя, раб Христов, возложи руки твои на мою голову, которая у меня страшно болит.

Святой Лаврентий отдал ей полотенце, которым вытирал ноги и возложил на голову ее руки, сотворив крестное знамение, и сказал:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа будь здрава!

И тотчас вдова избавилась от своей болезни. В ту же ночь святой Лаврентий пошел в местность города, известную под именем Канарийской и тут в доме одного христианина по имени Наркиса встретил много христиан; он умыл ноги и им, уделив от церковных сокровищ на их нужды. Здесь находился один слепой христианин: он с плачем обратился ко святому:

– Положи твою руку на мои глаза, чтобы мне видеть твое лицо.

Святой Лаврентий сказал:

– Господь наш Иисус Христос, отверзший очи слепому, да просветит тебя!

С этими словами он сотворил крестное знамение на очах слепого; последний тотчас прозрел и возрадовался, видя лицо святого Лаврентия. По выходе отсюда, святой узнал, что в Непотиановых пещерах скрывается множество христиан; он направился туда, захватив с собою серебра на их нужды. Здесь он нашел до семидесяти трех христиан, считая женщин и мужчин; тут присутствовал и святой пресвитер Иустин; умыв ноги христианам и раздав последние деньги, святой Лаврентий удалился. Услышав, что святого папу Сикста вместе с двумя диаконами повели на суд в храм Теллюды, святой Лаврентий поспешил туда, желая увидеть, что там будет.

Когда папа появился на судилище перед Декием и Валерианом, то царь сказал ему:

– Жалея старость твою, мы желаем тебе добра, – послушай нас и принеси богам жертву.

– Пожалейте лучше себя, – отвечал святой Сикст, – и не хулите Бога Небесного, раскайтесь в пролитии крови святых, чтобы окончательно не погибнуть.

От этих слов Декий пришел в сильнейший гнев и сказал Валериану:

– Если его не уничтожить из числа живущих, то никто не будет повиноваться властям и слушаться их.

– Предать его смерти! – отвечал Валериан.

Тогда диаконы воскликнули, обращаясь к мучителям:

– О если бы вы, недостойные, послушали увещаний нашего отца; этим вы избегли бы ожидающих вас вечных мук!

– Долго ли будут, – сказал Валериан, – они жить и угрожать нам муками?! Ведите их в храм Марса, – пусть принесут жертву; если же они не исполнят этого, то отсеките им головы.

Храм Марса находился за городской стеной, пред Аппиевыми воротами. Когда святых привели сюда, святой Сикст произнес, глядя на храм:

– Да сокрушит тебя Христос, Сын Бога Живого!

Не успели присутствовавшие при этом христиане сказать «аминь!», как началось землетрясение, часть храма обрушилась и находившийся в нем идол разбился. Святой же Лаврентий воскликнул святому папе:

– Не оставляй меня, отец мой, я уже раздал порученное мне тобою сокровище!

Воины, услыхав о сокровище, схватили святого Лаврентия и не отпускали его, а святого папу вместе с диаконами предали смерти на пригорке перед храмом, оставив тела их не погребенными. Когда наступила ночь, пришли пресвитеры с диаконами и остальными христианами и взяли честные тела: папу положили в гробнице, находившейся в усыпальнице Калликста, а диаконов – в усыпальнице Претекстата. Мученическую кончину за Христа святой папа Сикст и диаконы его Фелициссим и Агапит потерпели в шестой день месяца августа[5051]. По убиении святого Сикста, воины повели святого Лаврентия к царю и сказали ему:

– Мы схватили архидиакона Сикста: он получил от епископа сокровище и где-то спрятал его.

Услышав о сокровище, царь очень обрадовался и, призвав к себе святого Лаврентия, сказал ему:

– Где сокровища церковные, которые ты спрятал?

Святой Лаврентий ничего не ответил на это.

Тогда Декий передал его епарху Валериану со словами:

– Разведай у него о церковных сокровищах и заставь его поклониться богам: если же он не откроет сокровищ и не поклонится богам, то пусть погибнет в мучениях!

Валериан, взяв святого Лаврентия, отдал его для заключения в темницу военачальнику Ипполиту, бывшему в то же время и смотрителем тюрьмы. Ипполит затворил святого

Лаврентия в темнице, где уже находились и другие узники; среди них был один грек, по имени Луциллий: он содержался в тюрьме очень долгое время и от постоянного плача сделался слепым.

– Веруй, – сказал ему святой Лаврентий, – в Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа и крестись: Он возвратит тебе зрение.

– Я уже давно имею желание креститься во имя Христово, – отвечал слепой.

– Веруешь ли от всего сердца? – спросил святой Лаврентий.

Слепой с плачем отвечал:

– Я верую в Господа Иисуса Христа, отрицаюсь от суетных идолов и презираю их.

Ипполит терпеливо выслушивал разговор святого Лаврентия со слепцом, желая убедиться, – отверзнутся ли действительно очи слепому и как совершится это чудесное событие. Святой же Лаврентий, огласив Луциллия и благословив воду, крестил его; и тотчас отверзлись очи слепого, и он воскликнул громким голосом:

– Благословен Господь Иисус Христос, вечный Бог, даровавший мне зрение!

Услышали об этом чуде и другие слепцы и стали приходить к темнице ко святому Лаврентию. А он, возлагая на их глаза руку с крестным знамением и призывая имя Христово, возвращал им зрение. Всё это возбуждало в Ипполите невольное удивление. Спустя некоторое время он сказал святому:

– Покажи мне церковные сокровища.

– Если ты уверуешь, – отвечал святой Лаврентий, – во всесильного Бога Отца и в Сына Его Господа Иисуса Христа, то тебе откроется сокровище и дастся жизнь вечная.

– Если на самом деле исполнится то, что ты говоришь, то я исполню всё, что ты велишь, – сказал Ипполит.

– Послушай меня, – продолжал святой Лаврентий, – и поскорее исполни то, что тебе посоветую: отрекись от глухих и немых идолов и крестись.

Ипполит согласился и увел святого Лаврентия из тюрьмы к себе домой. Дав Ипполиту наставления относительно святой веры и огласив его, святой Лаврентий совершил над ним святое крещение.

– Я видел, – сказал Ипполит по крещении, – безгрешные души в великой радости. (Это и были те именно сокровища, о которых предсказывал ему святой Лаврентий, что они будут открыты для него: во время крещения Господь в дивном видении показал ему небесные блаженства).

– Заклинаю тебя, – обратился потом Ипполит с просьбой ко святому Лаврентию, – Господом Иисусом Христом, – крести весь мой дом.

И святой Лаврентий крестил в доме Ипполита девятнадцать человек, мужского и женского пола. В это время Ипполиту передали приказание, чтобы он вел святого Лаврентия к Валериану. Ипполит передал об этом святому Лаврентию, и тот сказал:

– Пойдем, – как мне, так и тебе готовится мученический венец.

Когда они оба появились пред Валерианом, последний сказал святому Лаврентию:

– Оставь свое упорство и покажи нам сокровища, которыми, как говорят, ты владеешь.

– Дай мне время на два или на три дня, и я открою тебе сокровища, – предложил ему святой Лаврентий.

– Я вверяю тебе его на три дня, – обратился Валериан к Ипполиту и отпустил святого Лаврентия. Святой же Лаврентий в эти три дня собрал в дом Ипполита множество нищих, вдовиц и сирот, слепых, хромых и больных. Когда же прошли три дня, он привел всех их к Декию и Валериану, которые находились в Салюстиевой палате:

– Вот в них, – обратился святой Лаврентий к Декию и Валериану, которых вы сейчас видите, как в сосудах, заключены вечные сокровища, и кто влагает свое имение в эти сосуды, тот с избытком снова получает его в Царствии Небесном.

Пристыженные этим поступком святого Лаврентия, Декий и Валериан весьма разгневались, но уже более не

расспрашивали его о сокровищах, а стали принуждать к идолопоклонству.

– Чего ты строишь козни, – сказал Валериан, – принеси богам жертву и брось свои волхвования, на которые надеешься.

– Зачем вы позволяете дьяволу научать вас принуждать христиан к поклонению бесам? – спросил святой Лаврентий, – посудите сами, справедливо ли поклоняться сделанному человеком идолу с живущим в нем бесом, забывая Бога Небесного, Создателя всего видимого и невидимого.

Придя в ярость, царь приказал, обнаживши святого, простереть его на земле и бить скорпионами (скорпионом называлось орудие для пыток, – это тонкая железная палка с острыми зубцами). Святого мученика били так жестоко, что его кровью обагрилась земля; сам же Декий в это время говорил:

– Не хули богов, не хули!

Святой же Лаврентий, перенося удары, отвечал:

– Я благодарю Бога моего, что Он удостоил меня сделаться участником в тех страданиях, какие претерпели рабы Его – святые мученики; ты же, несчастный, ослеплен безумием и яростью своей.

Тогда Декий приказал прекратить мучения и поднять с земли святого Лаврентия; затем он велел принести и поставить перед ним железный одр, доски, оловянные прутья и другие орудия для мучений; указывая на всё это, он говорил:

– Всё послужит для твоих мучений, если ты не принесешь богам жертвы.

– Я давно желал, как пиршества, подобных мучений, – отвечал святой Лаврентий, – они для вас мучения, а для нас слава.

– Если эти мучения, – издевался Декий, – для тебя составляют пиршество и славу, то скажи нам, где скрываются и другие, подобные тебе христиане: их бы привести сюда, – пусть пиршествуют вместе с тобою.

– Вы нечестивцы, – отвечал святой Лаврентий, – недостойны того, чтобы видеть тех, имена которых написаны на небесах.

После этого царь приказал вести связанного мученика в Тивериев дворец, куда направлялся и сам. Придя сюда, он сел в храме Дия и приказал привести к себе святого Лаврентия:

– Скажи нам, – сказал он, – где скрываются нечестивые христиане, чтобы мы имели возможность очистить от них город; сам же ты поклонись богам и не надейся на сокровища, которые утаиваешь.

– Я не открою тебе рабов Христовых, – отвечал святой, – на сокровища же я не напрасно уповаю: они мне хорошо известны.

– Не думаешь ли избавиться от мук золотом или серебром? – спросил царь.

– Я раб Христов, – отвечал мученик, – и на Него возлагаю всю мою надежду; мне известны и те небесные сокровища, которые уготовал мне и всем рабам Своим Христос, Бог мой.

Разгневанный царь велел бить святого палицами, обжигая ему бока раскаленными железными досками; во время этих мук святой Лаврентий молился Богу:

– Господи Иисусе Христе, Боже от Бога, помилуй меня раба Твоего: на меня клеветали, но я не отрекся от Тебя; меня спрашивали, и я исповедал Твое пресвятое имя.

Потом Декий приказал бить мученика оловянными прутьями, и святой Лаврентий воскликнул при этом:

– Господи Иисусе Христе, приими дух мой!

Тогда с неба ему раздался голос:

– Еще многие страдания тебе предстоит претерпеть!

Этот голос слышали все. Декий же, придя в неистовство, громко закричал:

– Мужи римские и народное собрание! Вы слышите голос бесов, утешающих этого волхва и святотатца, который не почитает богов наших, не слушает меня, царя, и не боится мук!

И затем он приказал опять протянуть святого Лаврентия и снова бить его скорпионами. Но святой мученик смеялся над муками, посрамляя Декия и молился, говоря:

– Благословен ты, Господи Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Благодарю Тебя за то, что Ты оказываешь нам недостойным Свою милость, но даруй мне и благодать Твою,

чтобы присутствующие здесь и смотрящие на меня познали, что Ты утешитель рабов Своих.

Во время этой молитвы один из воинов, присутствовавших при мучениях, по имени Роман, уверовал во Христа и воскликнул громким голосом:

– Святой Лаврентий, я вижу пресветлого юношу, который стоит около тебя и отирает язвы и всё тело твое; заклинаю тебя Господом Христом, пославшим тебе своего Ангела, не покидай меня!

Декий сказал Валериану:

– Мы побеждены этим волхвом! – и, приказав отвязать мученика от дыбы, он отдал его Ипполиту в тюрьму. А воин Роман принес полный водонос с водою ко святому Лаврентию, упал к его ногам, со слезами умоляя, чтобы он крестил его. Когда он был крещен, неожиданно пришли другие воины, взяли его и отвели к царю; он же, прежде чем даже начали спрашивать, восклицал:

– Я христианин!

Царь тотчас же приказал обезглавить его: тогда Романа отвели за город через Саларийские ворота и отсекли ему голову; это было в девятый день августа месяца. Тело его вышеупомянутый пресвитер Иустин взял ночью и с честью предал погребению.

В ту же ночь Декий и Валериан, находясь в Олимпиадских банях, недалеко от дворца Салюстия, приказали приготовить судилище для представления святого Лаврентия на последнее испытание; вместе с этим они велели приготовить и все орудия для мучений. Узнав об этом, Ипполит начал плакать. Святой же Лаврентий, утешая, говорил ему:

– Не плачь обо мне, лучше радуйся, так как я иду получить славный мученический венец.

– Почему я не могу закричать при тебе «я христианин!», чтобы умереть вместе с тобою? – спросил Ипполит.

– Затаи ныне, – сказал святой Лаврентий, – свое исповедание в сердце: спустя немного времени, я позову тебя, – ты услышишь и придешь ко мне.

Когда царь вместе с Валерианом сел на судилище, к нему привели святого мученика Лаврентия.

– Оставь свое волшебство, – сказал ему Декий, – и открой нам, какого ты рода.

– Я родился, – отвечал святой, – в Испании, воспитание получил в Риме и с самых пеленок христианин; с детских лет я уже был научен закону Божию.

– Это ли ты, – спросил царь, – называешь законом Божиим, чтобы не почитать богов и не бояться мук?

– Закон, которому я научен, – отвечал святой, – открыл мне и заставляет почитать Бога моего, Господа Иисуса Христа; укрепляемый Его именем. я действительно не боюсь мук, которыми ты мне угрожаешь.

– Принеси жертву богам, – сказал царь, – если же не сделаешь этого, то тебя будут мучить всю ночь.

Святой Лаврентий сказал на это:

– Моя ночь не темна, но вся сияет светом.

Мучитель приказал бить камнем святого Лаврентия в уста; святой же мученик еще более укреплялся духом, посрамляя царя, и благодарил Бога.

– Принесите железный одр, – сказал Декий, – пусть возляжет на нем в эту ночь гордый Лаврентий.

И принесли одр, представлявший собою железную решетку; его поставили пред Декием и Валерианом, а потом положили на него обнаженного святого мученика, подложив под одр горячие уголья; при этом слуги прижимали сверху святого Лаврентия железными рогатинами, поджигая его, точно это было съедобное мясо.

– Принеси жертву богам, – сказал царь.

– Я себя самого, – отвечал мученик, – принес с сокрушенным духом в жертву моему Богу как благовонное курение.

В это время слуги еще более разводили огонь, всё сильнее накаливая одр.

– Знай, несчастный, – обратился мученик к царю, – что эти горячие уголья готовят мне прохладу, а тебе вечные муки: знает Господь мой, что я, оклеветанный за исповедание Его святого

имени, не отвергся от Него, но спрошенный сказал, что я христианин, и теперь, находясь на огне, воссылаю Ему свою благодарность.

– Где тот огонь, которым ты нам угрожал? – спросил Валериан.

– О безумные и ослепленные! – отвечал святой, – знайте, что эти уголья, на которых вы меня жжете, душе моей служат прохладою, а вашим душам уготовляют неугасимый огонь.

Все присутствовавшие удивлялись жестокости царя, который приказал испечь живого человека. Святой же Лаврентий говорил с просветленным лицом:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты укрепил меня! – и, подняв глаза на Декия и Валериана, сказал:

– Вот, окаянные, вы уже испекли одну сторону тела моего, поворотите его на другую и ешьте испеченное.

Потом сказал славя Бога:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты сподобил меня войти во врата Твои!

С этими словами он испустил дух. Декий и Валериан увидав, что мученик скончался, со стыдом ушли, оставив тело на одре. Ипполит же похитил до восхождения солнечного честное и многострадальное тело святого мученика; обвив его плащаницею с ароматами, он дал знать святому пресвитеру Иустину. Последний тотчас пришел к Ипполиту, и оба отнесли тело к вышеупомянутой вдове Кириакии; здесь оно оставалось до вечера, и весь этот день они постились, проливая слезы. Поздним вечером, при многочисленном стечении христиан, со слезами отнесли тело в пещеру, находившуюся на земле, принадлежавшей вдове; совершив здесь всенощное моление, с честью похоронили мученика. Святой пресвитер Иустин совершил Божественную литургию и все приобщились Пречистых Таин Тела и Крови Христовых. Святой мученик Лаврентий окончил свою страдальческую жизнь в десятый день августа месяца. Святой же Ипполит потерпел страдания вместе с другими на третий день после святого Лаврентия, о чем на своем месте будет сказано пространнее. Да будет за всё это

слава Богу нашему, во Святой Троице славимому ныне и присно и во веки веков. Аминь[5052].

Кондак, глас 2:

Огнем Божественным распалив сердце твое, огнь страстей до конца испепелил еси, страдальцев утверждение, богоносе мучениче Лаврентие, и в страданиих вопиял еси верно: ничтоже мя разлучит любве Христовы.

Житие преподобных отец наших Феодора и Василия, иноков Киево-Печерских

Память 11 августа

«Корень всех зол есть сребролюбие» (1Тим.6:10), – говорит святой Апостол Павел. Исполнение этого изречения мы видим в настоящем житии преподобных Феодора и Василия: враг и виновник зла возбудил в душе святого Феодора греховные мысли и намерения ничем иным, как сребролюбием; через сребролюбие диавол причинил телесные страдания и смерть не только преподобному, но и советнику его, блаженному Василию. Об этих святых отцах повествуется следующее.

Преподобный Феодор во время жизни в миру обладал очень большим состоянием. Услышав однажды слова Господа в Евангелии, – «всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк.14:33), он последовал им: оставив мир и раздав свое богатство нищим, преподобный Феодор сделался черноризцем Печерского монастыря, ведя жизнь полную подвигов. По приказанию игумена он поселился в пещере, известной под именем Варяжской, где и прожил много лет, соблюдая строгое воздержание. Во время пребывания преподобного Феодора в этой пещере диавол поселил в нем скорбь и сожаление о розданном нищим имении, приводя ему на ум преклонность лет, слабость здоровья и скудость монастырской пищи. Блаженный Феодор не понял, что подобные мысли есть дьявольское искушение. Забывая слова Господа: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф.6:25–26), и видя нищету свою, он начал приходить от скорби к отчаянию, с каждым днем всё более пленяясь искушением. Однажды он открыл, ничего не утаивая, свою печаль своим друзьям.

Среди черноризцев Печерского монастыря был некто Василий, один из наиболее добродетельных по жизни. Желая

извлечь преподобного Феодора из рва отчаяния и утешить его, он сказал ему:

– Молю тебя, брат Феодор, не губи награды своей, но если ты сожалеешь об имении, розданном нищим, то я постараюсь возвратить его тебе в том же количестве: ты только скажи пред Господом, чтобы твоя милостыня вменилась мне, и тотчас избавишься от скорби и снова приобретешь через меня свое имение. Впрочем, смотри, попустит ли это Господь: в Константинополе также некто сожалел о золоте, розданном нищим, и вменил пред Богом милостыню другому, взяв с него деньги, равные розданным; когда он сказал: «Не я, Господи, сотворил милостыню, но она есть дело сего», то тотчас упал среди церкви и умер, потеряв таким образом и золото и жизнь.

Выслушав это, блаженный Феодор образумился и начал оплакивать свое падение, ублажая брата, исцелившего его от столь опасной душевной болезни. О таких людях сказал Господь: «если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста» (Иер.15:19). С этого времени между Феодором и Василием еще более усилилась любовь друг к другу. С тех пор преподобный Феодор неустанно преуспевал в заповедях Божиих, стараясь совершать всё необходимое для праведной, богоугодной, святой и непорочной жизни. Диавол же подвергся великому посрамлению, не будучи в состоянии окончательно прельстить преподобного Феодора сребролюбием. Он опять вооружился на преподобного, строя новые козни, чтобы возбудить в нем страсть любостяжания. Однажды игумен послал преподобного Василия из монастыря на некоторое послушание, исполнение которого заняло у него три месяца: считая это время удобным для своих козней, диавол, приняв образ Василия, пришел в пещеру к преподобному Феодору как будто для душеспасительной беседы.

– Как ты, – говорил он, – преуспеваешь в добродетельной жизни? Прекратилась ли у тебя борьба с искушениями бесовскими или всё еще продолжается, возбуждая в тебе любостяжание через воспоминание о имении розданному нищим?

Преподобный Феодор, не узнав беса и полагая, что с ним говорит брат Василий, отвечал:

– По твоим, отче, молитвам я с успехом выдерживаю борьбу с диаволом и не слушаю возбуждаемых им мыслей, и теперь, что ты мне прикажешь, я охотно исполню, повинуясь тебе: в твоих наставлениях я нашел великую пользу для моей души.

Мнимый же брат, не слыша из уст преподобного Феодора имени Божия, приобрел еще большую смелость:

– Я даю тебе, – сказал он, – новый совет: исполнив его, ты найдешь покой и скоро получишь от Бога вознаграждение в размере розданного тобою имения: проси у Господа Бога, чтобы Он послал тебе множество золота и серебра, и не позволяй никому входить к тебе в пещеру и сам не выходи из нее.

Преподобный Феодор обещал всё это исполнить. Тогда оставил его полный злых ухищрений диавол; незаметно внушая преподобному мысль о приобретении сокровищ, он побуждал его молиться об этом. Блаженный Феодор молил Господа послать ему сокровище, которое он обещался всё раздать нищим. После молитвы он уснул и увидел во сне беса, который, приняв вид светлого Ангела, указывал ему на сокровище в пещере. Это видение было не один, а много раз. Спустя некоторое время преподобный Феодор пришел на указанное ему в сновидении место; начав копать, он действительно нашел здесь сокровище, состоящее из золота, серебра и ценных сосудов. После этого бес под видом Василия опять пришел к нему и сказал:

– Где данное тебе сокровище? Явившийся тебе Ангел открыл и мне, что по своим молитвам ты получил множество золота и серебра.

Блаженный Феодор не захотел показать ему сокровища. И тотчас коварный бес начал явно советовать ему, влагая и тайные помысли, взять сокровище и удалиться с ним в другую страну. Сначала он сказал преподобному:

– Не говорил ли я, брат Феодор, что ты вскоре получишь от Бога вознаграждение за розданное тобою имение, ибо Он Сам сказал: «всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или

отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф.19:29), и вот теперь в руках твоих богатство; делай с ним, что хочешь!

– Я затем просил его у Бога, – отвечал преподобный, – чтобы всё дарованное мне раздать нищим и думаю, что для этого именно оно и ниспослано мне.

– Смотри, брат Феодор, – возразил враг, – не причинил бы диавол опять тебе скорби через это раздаяние, как прежде; сокровище дано тебе, как замена розданного тобою, и я даю тебе совет: возьми его и иди в другое место, а там приобрети себе землю; и в том месте можешь спастись и избежать бесовских козней. Когда же придет время смерти, то никто не запретит тебе раздать имущество, кому захочешь, и по тебе через это сохранится благодарная память.

Преподобный Феодор отвечал:

– Мне стыдно, что я, оставя мир с его благами и обещавшись окончить жизнь в этой пещере, сделаюсь беглецом и мирским человеком.

– Ты не можешь, – убеждал его диавол, – скрыть здесь сокровища: о нем узнают и тогда возьмут его от тебя. Лучше послушайся меня и исполни скорее, что я посоветую тебе: если бы Богу не было угодно, чтобы ты обладал имуществом, то Он не послал бы тебе сокровища и не известил бы меня, чтобы я тебя наставил.

Тогда блаженный Феодор, поверив бесу, как брату, начал тайно приготовлять повозки и сосуды, в которые бы мог поместить сокровища, чтобы с ними выйти из пещеры и отправиться, куда бы повел его диавол, хотевший хитростью своею удалить святого от места преподобных Антония и Феодосия, от Пресвятой Богородицы и, главным образом, от Бога. Но человеколюбивый Господь, «Который хочет, чтобы все люди спаслись» (1Тим.2:4), спас по молитвам своих преподобных и раба своего Феодора.

В это время возвратился из путешествия преподобный Василий, ранее избавивший блаженного Феодора от злых

помышлений. Желая повидаться с ним, он пришел к нему в пещеру, говоря:

– Как ты проводишь теперь, брат Феодор, жизнь свою по Боге? Давно я тебя не видал.

Преподобный Феодор удивился такому приветствию и сказал:

– Что это ты говоришь, что долгое время не видел меня? Вчера, третьего дня и раньше ты постоянно приходил ко мне, поучая меня, и вот я теперь, отправляюсь, как ты мне велел.

В свою очередь преподобный Василий еще более удивился такому ответу:

– Скажи мне, – спросил он, – что значат твои слова, будто я вчера, третьего дня и раньше постоянно приходил к тебе, наставляя тебя? И куда ты идешь? Я только сегодня возвратился с дороги и ничего не знаю: быть может тебя искушал диавол? Молю тебя, ради Бога не скрывайся от меня.

Преподобный Феодор с гневом сказал ему:

– Что ты искушаешь меня? Зачем смущаешь душу мою, говоря в одно время так, а в другое иначе? Чему я должен верить?

Выразив так ему свою досаду, он прогнал его от себя.

Выслушав это, преподобный Василий удалился в монастырь А бес снова пришел в образе Василия к преподобному Феодору:

– Потерял я окаянный ум, – сказал он, – говоря тебе то, что не следует; поэтому я не помню поношения, нанесенного мне тобою, и повторяю тебе опять: в эту же ночь иди скорее отсюда, захватив свое сокровище.

С этими словами он удалился.

Преподобный же Василий, взяв с собою некоторых старцев, опять пришел к Феодору:

– Бог свидетель, – обратился он к нему, – что прошло три месяца, как я не видел тебя: я был отослан игуменом по монастырским делам; сегодня третий день как я возвратился, а ты, едва только я вошел к тебе, сказал мне, что за всё время моего отсутствия я постоянно приходил к тебе. Думаю, что к тебе приходил в моем образе бес; если хочешь убедиться,

сделай так: не позволяй никому из пришедших к тебе начинать беседы с тобою, прежде чем он не сотворит молитвы Иисусовой: если вошедший не захочет, тогда узнаешь, что он есть бес.

После этого преподобный Василий сотворил молитву запрещения, призывая на помощь святых, и, наставив Феодора, ушел в монастырь в свою келью. Бес не дерзнул снова явиться преподобному Феодору, и для него стало явно коварство обольстителя. С той поры он заставлял каждого приходящего к нему прежде всего сотворить молитву Иисусову и потом уже беседовал с ним. Так преподобный Феодор победил врага и избавился при помощи Божией от уст льва, ищущего добычи (ср. 1Пет.5:8). Подобное избавление Господь оказывал и оказывает многим избранникам Своим, скитающимся в пустынях и пропастях, безмолвствующим наедине в затворах: им нужна великая нравственная сила и Божия помощь, чтобы их во время борьбы не победил и не поглотил зверь душегубитель.

Будучи избавлен от рва погибели, преподобный Феодор стал заботиться о том, чтобы впал в яму сам враг рода человеческого: прежде всего он закопал глубоко в землю найденное им сокровище, едва не приведшее его к отпадению от Бога; в то же время преподобный Феодор непрестанно молил Господа, чтобы Он даровал ему забвение места, где зарыто сокровище и отнял от него страсть любостяжания. Господь услышал молитву раба Своего: преподобный Феодор совершенно забыл, где было скрыто им сокровище, и никогда не думал о приобретении богатств; золото и серебро для него стали не дороже грязи.

Затем, чтобы не пребывать в праздности, которая порождает леность, а с нею и беспечность, чем диавол снова мог воспользоваться для своих искушений, преподобный Феодор возложил на себя великий труд: он поставил в своей пещере жернова и начал работать на братию, причем не только сам молол жито, но сам и приносил его из монастыря; ночь он проводил почти без сна, посвящая большую часть ее молитве и работе на ручных жерновах, а днем относил муку и снова приносил жито. Своими трудами преподобный в течение многих

лет немало облегчал монастырских рабов, не стыдясь разделять их труд.

Однажды монастырский келарь, увидев, какой тяжелый и мучительный подвиг возложил на себя преподобный Феодор, пришел в умиление: когда было привезено из монастырских сел жито, он отправил пять возов его к преподобному, чтобы он избавил себя от лишнего труда, – не ходил за ним в монастырь. Преподобный Феодор, высыпав жито, принялся за работу, поя псалмы. Утомившись, он хотел немного отдохнуть, вдруг раздался как бы удар грома, и жернова начали сами молоть. Уразумев козни диавола, преподобный Феодор поднялся и начал усердно молиться, после чего сказал громким голосом:

– Господь запрещает тебе, лукавый бес!

Но бес не переставал молоть на жерновах. Тогда преподобный снова сказал:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергшего тебя с небес и давшего во власть угодников Своих, я грешный повелеваю тебе не оставлять работы, пока не перемелешь всё жито: потрудись и ты на святую братию.

Сказав это, он продолжал молитву: бес же не посмел ослушаться и в одну ночь измолол всё жито. Утром преподобный Феодор дал знать келарю, чтобы тот прислал за мукою. Келарь удивился столь необычайному делу, как можно было смолоть в одну ночь пять возов, и сам отправился в пещеру, чтобы вывезти из нее муку, причем совершилось другое чудо: от этого же жита получилось еще пять возов муки. Так сбылось здесь, в сейчас рассказанном событии из жизни преподобного Феодора, слово Апостолов, некогда говоривших Иисусу Христу: «Господи! И бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк.10:17), а также и обетование Самого Слова Божия: «се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью» (Лк.10:19). Лукавые бесы хотели устрашить преподобного Феодора и заставить его повиноваться себе как прежде, во время его прельщения, но вместо этого сами наложили на себя узы рабства, так что принуждены были возопить:

– Мы не будем более появляться здесь.

Преподобные Феодор и Василий установили между собою благочестивый обычай никогда не утаивать своих мыслей, но обоим обсуждать их вместе, чтобы видеть, насколько они богоугодны. По обоюдном совещании, Василий удалился безмолвствовать в пещеру, а преподобный Феодор, как достигший уже старости, вышел из нее с тем, чтобы поселиться в древнем монастыре.

В это время монастырь был сожжен. Деревья на устройство церкви и келлий, пригнанные плотами по Днепру, лежали на берегу, и наняты были работники, чтобы ввести их на гору, но преподобный Феодор, желая сам поставить себе келью, начал на себе носить бревна с берега на гору, не дозволяя никому работать за него. Лживые бесы, забыв свое, вынужденное подневольное работой обещание никогда не приближаться к преподобному, снова начали свои козни: все бревна, какие с великим трудом блаженный Феодор вносил за день на гору, бесы ночью сбрасывали вниз, желая через это добиться его удаления. Поняв козни бесов, преподобный сказал им:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего вам войти в свиней (Мф.8:32), я, грешный раб Его, повелеваю вам все бревна с берега перенести на гору, чтобы братия, работающая Богу, не отрывалась от своего труда и могла без ваших козней выстроить храм Пресвятой Богородице и келлии себе; тогда узнаете, что Господь присутствует на этом месте.

В ту же ночь бесы перенесли с берега на гору все бревна, предназначенные для постройки монастыря. Когда утром на берег приехали нанятые для перевозки, то не нашли ни одного бревна; поглядев по сторонам, они увидели, что бревна уже находятся на горе и не свалены в кучу, а разложены в порядке: особо – предназначенные для крыши, особо – для пола и особо – длинные, чрезвычайно тяжелые балки. Всё это, как дело превышающее человеческие силы, возбуждало удивление. Так прославился Господь через угодников своих Феодора и советника его Василия; ради их подвигов Господь явил это чудо. Но эти сродные по духу рабы Божии не гордились, видя повиновение себе бесов, следуя наставлению Христа: «не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что

имена ваши написаны на небесах» (Лк.10:20). Бесы же, столь явно обличенные в своих кознях святыми Феодором и Василием, не могли стерпеть своего поношения, – они когда-то пользовавшиеся, как боги, почитанием и поклонением от язычников, теперь должны были переносить от верных угодников Божиих презрение, унижение и бесчестие, должны были, как рабы купленные, трудиться для них то меля жито, то таская бревна, и к тому же, повинуясь запрещению тех же святых, они должны были удаляться от людей. Поэтому-то во время переноски бревен они и вопили, как слышали некоторые:

– О злые и лютые враги наши Феодор и Василий! Мы не перестанем бороться с вами, пока не предадим вас смерти!

С этого времени лукавые бесы, – не зная, что послужат к еще большему прославлению преподобных, – начали всеми способами возбуждать злых людей на святых Феодора и Василия. Тотчас же, по чудесном перенесении бревен, нанятые для перевозки рабочие подняли возмущение:

– Давай нам, – говорили они блаженному Феодору, – нашу плату: мы не хотим знать, какими хитростями ты вместе с Василием перенес бревна, когда мы готовы были их перенести.

К тому же присудил и недобросовестный судья, будучи подкуплен золотом: не помня угрозы Господа, что судящий неправедно сам будет осужден, он не побоялся сказать преподобному Феодору:

– Пусть помогут тебе платить те бесы, которые помогли перевозить.

Великую скорбь доставило это новое искушение диавола нестяжателю Феодору и советнику его Василию. Не достигши смерти преподобных, диавол, вспоминал свою первую победу над блаженным Феодором, воздвиг опять смертоносную бурю. Приняв образ преподобного Василия, безмолвствовавшего в то время в Варяжской пещере, он пришел к одному из ближайших к князю бояр; это был человек жестокий нечестивый, лично знавший преподобного Василия.

– Феодор, живший до меня в пещере, – сказал ему искуситель, – нашел большое сокровище, состоящее из золота, серебра и ценных сосудов, и хотел, было, бежать с ним, да я

удержал его; теперь он притворяется юродивым и имеет сношения с бесами, которым приказывает то молоть жито, то носить бревна на гору с берега; при всем этом он тщательно скрывает найденные им богатства, чтобы удалиться с ним куда-нибудь тайно от меня, когда настанет для этого более благоприятное время; в последнем случае князю, конечно, ничего не достанется.

Услышав это, боярин повел мнимого Василия к князю Мстиславу Святополковичу. Бес рассказал и ему то же самое, присоединив еще следующий совет:

– Схватите его как можно скорее, пока не сбежал, и тогда получите сокровище; если он не захочет расстаться с ним добровольно, прибегните к побоям; но если и после них не согласится отдать, то подвергните его, не жалея, пытке и позовите меня: я пред всеми уличу его и укажу самое место, где спрятано сокровище.

Обольстив, таким образом князя, бес скрылся.

На другое утро князь, точно собравшись на охоту или против неприятеля, в сопровождении множества воинов поехал в монастырь; взяв преподобного Феодора, он привел его к себе в дом и стал сначала с ласкою спрашивать его:

– Скажи мне, отче, правда ли ты, как я слышал, нашел сокровище?

– Да, – отвечал преподобный, – я действительно нашел его, и оно спрятано теперь в пещере.

– Не известно ли, – снова спросил князь, – кто именно спрятал его и как много в нем золота, серебра и сосудов?

– Еще при жизни отца нашего Антония, – сказал блаженный Феодор, говорили о сокровище, спрятанном варягом в этой пещере, отчего она и до этих пор называется Варяжской; я видел его; оно состоит из множества золота, серебра и сосудов, только латинских.

– Почему же ты, отче, не отдашь его мне? – спросил князь. – Я разделю его с тобою, ты возьми сколько тебе будет нужно, и за это ты станешь вместо отца как мне, так и моему отцу (последний в это время находился в Турове).

Преподобный Феодор сказал на это:

– Я бы ничего не потребовал бы себе из того, что мне не принесет никакой пользы, всё бы отдал вам: на вас лежат такие заботы, от которых я совершенно свободен, но Господь отнял у меня всякую память о том месте, где мною зарыто сокровище.

Тогда князь в гневе приказал слугам:

– Скуйте этого монаха по рукам и ногам и не давайте ему даже через три дня хлеба и воды: он не дорожит моими милостями.

После того как преподобный Феодор был закован, его снова спросили, куда он спрятал сокровище?

Преподобный Феодор отвечал на это то же, что и ранее:

– Я сказал уже, что не знаю, где оно находится.

После этого ответа князь велел его бить, так что власяница, бывшая на преподобном, омочилась кровью; потом, по приказанию того же князя, его повесили в сильном дыму и, привязав сзади, развели под ним огонь. Многие дивились терпению преподобного Феодора: он пребывал среди пламени точно среди росы; огонь не коснулся даже власяницы. Один из видевших это рассказал князю; последний, придя в ужас, опять стал увещевать старца:

– Зачем ты губишь себя, не открывая сокровища, которое должно быть наше?

– Я тебе истину говорю, что по молитвам брата моего Василия был избавлен от сребролюбия, когда нашел сокровище, и теперь, – снова повторяю, – Господь отнял у меня память, где оно зарыто, – отвечал преподобный Феодор.

Выслушав этот ответ, князь тотчас послал за блаженным Василием, которого привели силою, так как он не хотел выходить из пещеры.

– Всё, что ты советовал мне сделать с этим злым старцем, – обратился князь к преподобному Василию, – я сделал, и ничего не достиг и призываю во свидетели тебя, которого желаю иметь вместо отца.

– Что же я тебе советовал? – спросил в недоумении преподобный Василий.

– Он, несмотря на мучения, не хочет открыть, где спрятано им сокровище, которое, как ты сообщил мне, было им найдено,

– отвечал ему князь.

– Узнаю козни лукавого беса, – сказал преподобный Василий, – прельстившего тебя, оболгавшего меня и сего честного мужа: вот уже пятнадцать лет, как я не выхожу из пещеры.

– Ты при всех нас говорил князю, – возразили присутствовавшие при разговоре беса с князем.

– Вас всех прельстил бес, – отвечал преподобный, – я не видел ни вас, ни князя.

Разгневанный князь приказал и его, как преподобного Феодора, подвергнуть жестокой пытке. Не вынося обличения и придя в сильнейшую ярость, от опьянения перешедшую в буйство, он взял стрелу и ранил блаженного Василия. Извлекши стрелу из своего тела, преподобный бросил ее князю со словами:

– Этою стрелой скоро сам будешь ранен, – что и сбылось по пророчеству святого. После этого князь велел заключить преподобных, еле живых уже от мучений, в отдельную темницу, чтобы утром подвергнуть их новым, более жестоким пыткам. В ту же ночь оба преподобных отошли ко Господу (в 1098 г.). Господь вывел их души из темницы для прославления Его всесвятого имени в присносущем свете. Узнав об их смерти, пришли братия и, взяв тела святых страдальцев, с честью погребли их в Варяжской пещере, где они проводили свою, полную богоугодных подвигов, жизнь. Впоследствии они были перенесены в пещеру преподобного Антония, где и доныне лежат нетленны в окровавленных одеждах и власяницах, тоже не подвергшихся тлению.

Спустя немного времени после их блаженной кончины, сбылось пророчество преподобного Василия: князь Мстислав Святополкович был ранен стрелою во время битвы с князем Давидом Игоревичем в городе Владимире; узнав стрелу свою, которою ранил преподобного Василия, он сказал:

– Вот я умираю, наказываемый за преподобных Феодора и Василия.

Так злой убийца был наказан за свое преступление; преподобные же страдальцы, как победители диавола,

побеждающего сребролюбием, увенчаны не тленным серебром и золотом, но вечною славою и честию: они получили венец от драгоценного Камня – Христа, Ему же честь и слава с Богом Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Страдание святой мученицы Сосанны девы и иных с нею мучеников

Память 11 августа

В царствование Диоклетиана[5053] и Максимиана[5054], по прозванию Геркула, в Риме жил пресвитер Гавиний, родной брат папы Римского Гаия[5055]; обладая хорошим знанием языческих философов и отлично изучив святое Писание, Гавиний, по совету и настоянию своего брата, написал много книг в опровержение языческих заблуждений. Оба они происходили из знатного рода, так что доводились роднею царю Диоклетиану; последний, впрочем, не желал признавать своего родства с ними; он презирал их за то, что они исповедовали христианскую веру: Диоклетиан ненавидел ее и поэтому отрицался от своих родственников христиан.

Пресвитер Гавиний имел дочь по имени Сосанну; он воспитал ее в истинно христианском духе, с малых лет внушив ей страх Божий, вместе с тем он дал ей и хорошее светское образование. Сосанна отличалась умом и телесною красотою, которую превосходила красота душевная: она всем сердцем любила Господа Иисуса Христа и была Его верной, целомудренной рабой. Услыхав об уме и красоте Сосанны, Диоклетиан захотел сделать ее женою сыну своему Максимиану. (Другие называют его Максимином; в действительности он не был сыном Диоклетиана, а был усыновлен им, как происходивший от его ближайших родственников; сначала Диоклетиан выдал за него свою дочь Валерию; после же ее смерти он захотел сочетать Максимиана браком с родственницей своей Сосанной. Этот Максимиан имел другое имя Галерий, и его нужно отличать от вышеупомянутого Максимиана, прозванного Геркулом). Диоклетиан послал к Гавинию знатного мужа, своего двоюродного брата Клавдия, переговорить с ним о том, чтобы он отдал дочь свою Сосанну за его сына Максимиана. Придя с этим поручением к Гавинию, Клавдий сказал:

– Пресветлый царь наш Диоклетиан послал меня к тебе с великой милостью и радостью: он хочет возобновить родство с тобою через устройство брака твоей дочери, и какое благодеяние может быть для тебя большим, чем это новое прославление твоего рода через кровный союз с царским домом!

– Мы убоги и смиренны, – сказал Гавиний, – и при своем недостоинстве, как можем называться родственниками царю?

Клавдий отвечал:

– Разве ты и твой брат, епископ Гаий, не сыновья сенатора Максимиана, бывшего родственником дяди нашему, брату господина нашего царя Диоклетиана?

– Это верно, – согласился Гавиний, -, однако, обстоятельства последнего времени вынуждают сказать, что мы недостойны названия родственников царя.

– Не отрицайся твоего родства, – возразил Клавдий, – вот наш господин и царь повелевает отдать тебе за сына его Максимиана свою дочь, об уме которой идет слух, что она обладает обширными знаниями в науках; и справедливо не разделяться ветвям, происходящим от одного корня; этого желаем и мы, твои родственники; думаю, что это доставит и тебе радость.

Гавиний сказал:

– Прошу дать мне время, чтобы узнать мнение самой дочери о твоем предложении.

На этом они расстались.

По уходе Клавдия Гавиний попросил прийти к нему в дом брата своего папу Гаия, который жил недалеко. Когда пришел Гаий, Гавиний рассказал ему с каким поручением от царя приходил к нему Клавдий. Затем они позвали к себе Сосанну и сказали ей со слезами на глазах:

– Царь Диоклетиан прислал к нам родственника нашего Клавдия, передавая через него свое желание видеть тебя супругою сына своего Максимиана.

Блаженная Сосанна так отвечала на это отцу и дяде:

– Куда исчезла теперь ваша мудрость? Поистине я не замечаю ее в вас; если бы я не была такой христианкой, какой

стала, благодаря вашим наставлениям, тогда со мной действительно можно бы было говорить о том, о чем вы сейчас ведете речь; теперь зачем вы оскверняете ваши уши и уста, слушая нечестивые слова и передавая их мне с тою целью, чтобы я вышла замуж за нечестивого мучителя? Ведь вы сами безбоязненно отреклись от всякого родства с ним за его нечестие, с которым не может мириться исповедуемая вами святая христианская вера. Но слава всесильному Богу, даровавшему мне дух, сродный святым Его: отвергая через веру в Господа нашего Иисуса Христа это скверное супружество с нечестивцем, я сподоблюсь мученического венца!

– Смотри, дочь моя, – сказал на это Гавиний, – будь тверда в вере, которою сейчас обладаешь, чтобы соблюсти себя непостыдной пред Господом, и мы возрадуемся, видя плод твоей веры, приносимый Владыке Христу.

– Господие мои, – отвечала Сосанна отцу своему и дяде, – вы часто поучали меня соблюдать девство ради Господа Иисуса Христа, и теперь в любви к Нему и страхе Его я так утвердилась, что не могу даже помыслить о плотском супружестве; отец мой, я только Того буду любить, для Того жить и на Того надеяться, Кому ты сам навсегда поручил меня; Он, Владыка, знает искренность моего сердца!

– Так как ты вручена небесному жениху Христу Богу, то пребывай всегда в любви Его, соблюдая Его заповеди, – сказал святой папа Гаий.

Так оба святые служители Господни, узнав о добром намерении Сосанны, долго утверждали ее в ее благочестивом желании, исполняясь в то же время великой радости, исторгшей из глаз их невольные слезы умиления.

Спустя три дня, Клавдий в сопровождении множества слуг опять пришел к Гавинию; оставив последних около дома, он сам вошел внутрь, где нашел и папу Гаия. После обычных приветствий Клавдий сказал:

– Для вас, честные отцы, не безызвестна та радостная причина, которая привела меня к вам.

– Хотя бы, – отвечал епископ Гаий, – и не было такой причины, мы и так рады тебе, будучи родственниками друг

другу; мы рады утешиться этим родственным свиданием и беседой друг с другом.

– Вы знаете, любезнейшие братья, – продолжал Клавдий, – что господин наш, царь Диоклетиан, выражает сильное желание вступить с вами в более тесное родство, и я советую и прошу вас: исполните волю владеющего вселенной и тем утешите его.

– Предай об этом желании царя моему господину и брату, епископу Гаию, – отвечал Гавиний.

– Наш доброжелательный царь, – обратился Клавдий к Гаию, – хочет взять в супруги своему сыну вашу дочь, а мою внучку; ему известно об ее красоте, разуме и талантах; мы, родственники, полагаем, что ничего не может быть почетнее того, чтобы род наш не только не отлучался от царской крови, но еще теснее соединился с нею: через это он еще более возвысится и прославится.

Так как епископ молчал, то на речь Клавдия отвечал Гавиний:

– Позовем девицу и спросим саму ее.

Тогда была позвана к ним святая Сосанна. В комнате не было никого из посторонних; сидели только они трое. Увидав Сосанну, Клавдий прослезился от любви и радости и хотел, обнявши, приветствовать ее поцелуем. Она же воспротивилась этому и сказала, отвернувшись от него:

– Моему Господу Иисусу Христу известно, что уст рабыни Его никогда не касались мужские уста: не оскверняй их.

– Я хотел поцеловать тебя, как родственник: ведь ты мне внучка, – отвечал Клавдий.

Святая Сосанна сказала на это:

– Меня побуждает гнушаться твоего поцелуя не какая-либо другая причина, а то обстоятельство, что твои уста осквернены идольскими жертвами.

От этих слов святой Сосанны Клавдий, точно почувствовав прикосновение к своему сердцу перста Божия, умилился и сказал:

– Что я должен сделать, чтобы очистить от скверны мои уста?

– Покайся и крестись во имя Отца и Сына и Святого Духа, – отвечала святая Сосанна.

Тогда Клавдий обратился к епископу со словами:

– Очистите меня, ибо человек чистый через веру во Христа лучше служащего богам: я принес им множество жертв, но не получил от них ничего, хотя и цари преклоняются пред ними.

Увидав чудесное, быстрое изменение, произведенное в Клавдии действием благодати Божией через слова непорочной девы, епископ Гаий сказал с радостью:

– Послушай меня, брат мой! Я намерен дать тебе добрый совет: ты пришел к нам, чтобы найти невесту сыну твоего господина, а Бог ищет тебя и хочет по молитвам этой девы спасти тебя, чтобы и из нашего рода нашлись достойные царствия Божия. Итак, веруй в Бога, кайся в пролитии крови святых мучеников и не медли принятием святого крещения.

– Если я, – спросил Клавдий, – приму святое крещение, то очистятся ли все греховные скверны моего сердца?

– Без сомнения; только веруй от всего сердца, – отвечал святой папа.

Слыша это, святая Сосанна припала к ногам своего дяди, святого Гаия со словами:

– Умоляю тебя, господин мой, не отлагай ради Христа крещения Клавдия, спаси его душу.

– Сначала убедимся, истинно ли он верует во Христа Бога, – сказал святой епископ.

– Я искренно верую, – воскликнул Клавдий, – только бы были прощены грехи мои, как обещаете вы мне.

– Во имя всемогущего Господа Иисуса Христа прощаются тебе все грехи твои, – отвечал Гаий.

Клавдий пал на землю пред ногами святителя и взывал, посыпая прахом свою голову:

– Господи Боже, свет превечный, прости грехи мои, содеянные в неведении и неверии, исполни меня Твоей благодати, чтобы жена и дети мои познали, что Ты один спасаешь уповающих на Тебя!

Тогда святой Гаий, огласив и наставив Клавдия, отпустил его домой. Потом Клавдий пришел ночью ко святому Гаию

вместе с женой и двумя сыновьями, прося у него святого крещения. Не отлагая более, епископ крестил их; пресвитер Гавиний был их восприемником. Когда Клавдий вышел из святой купели, то сказал:

– Я видел свет, превосходивший солнечный и осиявший меня во время крещения.

По святом крещении и миропомазании, епископ совершил святую Литургию и приобщил крещенных Божественных Таин Тела и Крови Христовой, и все радовались о Боге Спасе своем. Супруге Клавдия имя было Препедигна, а сыновей звали одного Александром, а другого Куфием. После крещения Клавдий начал продавать имение свое и раздавать его нищим; для этого он разыскивал скрывавшихся по различным потаенным местам христиан, ходил также тайно по ночам в темницы; всем, кого находил, Клавдий умывал ноги, целовал их и восполнял нужду их щедрыми дарами, снабжая их на каждый день одеждою и пищей, при этом он непрестанно каялся во грехах, содеянных в предыдущую жизнь.

Спустя некоторое время Диоклетиан начал спрашивать о Клавдии, почему он не принес никакого известия, хотя был нарочно послан к Гавинию, чтобы узнать о согласии Сосанны на брак с его сыном; царю доложили, что Клавдий болен. Тогда он послал к нему, чтобы посетить больного и расспросить о Сосанне его младшего брата Максима, занимавшего почетную должность при дворе. Максим нашел брата своего одетым во власяницу и возносящим молитвы к Богу. Он пришел в ужас и сказал:

– Брат мой возлюбленный, воспитавший меня с самого детства, что заставило тебя так измениться, – ты стал так бледен и худ?!

– Если хочешь выслушать меня, я расскажу тебе о причинах моей перемены, – отвечал Клавдий.

– Скажи мне, господин мой, о твоей болезни! – воскликнул Максим.

– Я каюсь, – начал рассказывать Клавдий, – что повинуясь царям и исполняя их приказания, убивал христиан, проливая таким образом неповинную кровь; хотя я и делал это по

неведению, следуя приказаниям царя, однако, теперь сильно скорблю и раскаиваюсь в этом.

– Что это ты говоришь брат мой? – возразил Максим. – Владыка наш, царь Диоклетиан посылал тебя к брату нашему Гавинию, чтобы ты сосватал дочь его сыну; чтобы узнать об этом, я и послан к тебе, а ты говоришь что-то совершенно другое.

– Я за этим и ходил, – сказал Клавдий, – к возлюбленной внучке нашей и видел ее: она прекрасна как телом, так и душою; она свята и премудра и уже невеста небесного царя Христа; благодаря ей, и я избавился от грехов моих. Но чтобы и тебе было известно о милосердии Божием, которое хочет всех спасти, ночью пойдем к брату нашему пресвитеру Гавинию, и ты увидишь свет вечный.

– Всё, что ты велишь, я сделаю, – отвечал Максим.

В ту же ночь они пошли к воротам города, известных под именем Саларийским и находившихся у Салюстиевых палат. Когда Гавинию сказали, что его братья, Клавдий и Максим, стоят около дома и желают войти к нему, то он тотчас поспешил им навстречу и с радостью ввел их к себе. Прежде чем начать с ними беседу Гавиний встал на молитву: он преклонил колена и склонил голову; Клавдий и Максим последовали его примеру.

– Господи Боже, – говорил, молясь, Гавиний, – собирающий рассеянных и призирающий на собранных, призри на дела рук Твоих, просвети всех верующих в Тебя: Ты свет истинный во веки веков.

Все отвечали:

– Аминь!

Восставши, они обнимали и целовали друг друга, а Клавдий припал к ногам пресвитера, лобызая их. Видя это, Максим удивлялся и просил разрешения повидаться с Сосанной. Гавиний велел ее позвать. Войдя к ним, она сначала поклонилась Богу, а потом, подойдя к отцу, сказала:

– Благослови меня, отче.

Пресвитер же снова помолился ради пришествия Сосанны:

– Да подастся нам мир от Господа нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует со всесильным Богом Отцом во веки

веков, – сказал он.

– Аминь! – воскликнули все.

Увидав святую Сосанну, исполненную смирения и целомудрия, Максим хотел поцеловать ей руку; она же не дозволила этого. И в то время как все они долго не могли удержать слез, вызванных родственною любовью, святому Гаию, жившему недалеко от устроенной им церкви, сказали, что братья его собрались вместе. Он подумал, что их берут на мучения и, желая первым из них испытать участь мученика, поспешил в дом Гавиния. Все увидав его, от неожиданности пришли в страх и поклонились ему до земли.

– Мир вам! – сказал им святой Гаий, – мужайтесь во имя Господа, помолимся!

И начал молиться, говоря:

– Господи Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, пославший Его на спасение всех, желая изъять нас из тьмы мира сего и ввести в жизнь вечную, утверди нас, рабов Твоих, в вере Твоей, ибо Ты царствуешь во веки веков.

– Аминь, – сказали присутствовавшие.

Севши, епископ начал боговдохновенную беседу; все со вниманием слушали говоримые им слова Божии; святая же Сосанна слушала стоя, не желая сидеть при них; в то же время она тайно молилась. По окончании беседы епископ сказал Максиму:

– Благодарим тебя, брат, что ты посетил нас.

– Я недостойный пришел к вам, чтобы целовать ваши святые ноги, а что первоначально побудило меня идти к вам, о том сами хорошо знаете, – отвечал Максим.

– Лучше скажи ты сам, – предложил ему святой Гаий.

– Царь Диоклетиан, – сказал Максим, – просит отдать Сосанну за сына его Максимиана.

– Дева имеет уже Христа, небесного Жениха, данного ей Богом Отцом, и пусть будет тебе хорошо известно, что она уже не может выходить замуж, – ответил на это предложение епископ.

– Всё, что дает Бог, вечно, – сказал Максим.

– Приими и ты жизнь вечную, – предложил ему папа.

– Что есть жизнь вечная? – спросил он.

– Та есть жизнь вечная, которую познал я, – вступил в беседу Клавдий.

– Кого ты познал, Того и я познать желаю, – обратился к нему Максим, – но все-таки нам не следует удаляться от родства с царем.

– Мы убеждаем тебя, – возразил святой Гаий, – веровать в Господа нашего Иисуса Христа, вечного Сына Божия, а видимая слава и честь земного царя временны, и родство с ним не приносит ничего; всё это вместе с кратковременною жизнью минует и погибнет. Что же обещает нам небесный Царь, Христос Бог наш, то вечно и необходимо, и достойно того, чтобы к тому стремиться.

Выслушав это, Максим умилился и с радостью дал согласие принять святую веру.

– Тебе известно, брат, – сказал епископ, – что мы оставили всё свое имение и теперь ничего не ищем кроме Господа нашего Иисуса Христа, Которым мы живем и Которым хвалимся.

– Не медлите, господие мои, – воскликнул Максим, – но поторопитесь сделать всё, что считаете необходимым для моего спасения.

Заповедав ему пост, епископ отпустил его домой. Удалившись, Максим сначала скрывал свою веру во Христа, хотя и горел любовью к Гавинию, Гаию и особенно к Самому Господу Иисусу; потом, при усилении в нем любви к Богу, он начал явно исповедовать имя Христово, презирая смерть. Но епископ и пресвитер советовали ему скрывать свою веру в продолжении пяти дней, пока не распродаст своего имения и не раздаст нищим. Максим повиновался им. Спустя пять дней он пришел к святому Гаию и, припав к его ногам, сказал:

– Заклинаю тебя, господин мой, именем Христовым, просвети меня святым крещением, как просветил ты брата моего Клавдия; с того самого времени, как ты наставил меня в учении Господа нашего Иисуса Христа, сердце мое до того умилилось, что я не могу успокоиться, пока не приму святого крещения.

Епископ крестил его и, совершив святую Литургию, приобщил Божественных Таин. Максим пребывал у родственников своих христиан, воспевая с ними Богу и славя Его; в это время он окончательно распродал имение, которое он не мог продать и раздать в пять дней, и раздал нищим через верного друга своего Фарсона, который был тайный христианин и впоследствии описал страдания этих святых мучеников, так как всё совершалось на его глазах.

По прошествии пятнадцати дней со времени посещения Максимом Клавдия, Диоклетиан узнал, что оба они, – а последний и со всем своим семейством, сделались христианами: это очень его огорчило. Однако он скрывал свою печаль и своей супруге, царице Ирине сказал только, что посылал к Гавинию, желая сосватать дочь его Сосанну сыну своему Максимиану. Услышав об этом, Ирина прославила Бога: она была тайная христианка, а царю сказала:

– Делай, что внушает тебе Бог.

Не доверив царице своей скорби, Диоклетиан призвал к себе военачальника Юлия, язычника и человека жестокого, и рассказал ему с печалью, что возлюбленные родственники его, посланные для обручения невесты сыну Максимиану, приняли христианство, несмотря на его запрещение.

– Все пренебрегающие царские повеления, – сказал Юлий, – хотя бы последние были несправедливы, должны подвергнуться смертной казни; твое же приказание было справедливо, и если они его нарушили, то тем более достойны смерти.

Царь тотчас приказал Юлию послать воинов, чтобы взять всех кроме епископа Гаия, что и было исполнено. Пресвитера Гавиния с дочерью он велел стеречь в кустодии; Максима же и Клавдия с женой и детьми послал в изгнание; потом он велел сжечь их в городе Остиа[5056], бросив пепел в море; так скончались святые, удостоившись славного мученического венца.

Спустя пятьдесят пять дней, Диоклетиан велел супруге своей взять к себе Сосанну, чтобы склонить ее к браку с его сыном. Когда же святая Сосанна, находившаяся под стражей,

увидала идущих за нею, то с глубоким сердечным вздохом и слезами сказала, обращаясь к Богу:

– Господи, не оставь рабы Твоей!

Когда Сосанну ввели к царице, то последняя поклонилась ей прежде, чем она: царица чтила в ней благодать Христову и целомудрие. Святая Сосанна упала пред царицею на землю, но она ласково подняла ее со словами:

– Радуется о тебе Спаситель наш Христос.

Услышав из уст царицы имя Христово, святая Сосанна возрадовалась и сказала:

– Благодарю Христа Бога моего, царствующего на всяком месте!

И обе они, царица Ирина и святая Сосанна, радовались о Господе Боге, с любовью беседуя о Нем. Они возносили к Нему горячие молитвы, особенно же святая Сосанна: следуя наставлениям отца, она непрестанно днем и ночью воспевала благословляя Бога. Диоклетиан же в это время ждал, надеясь, что Сосанна даст согласие на брак. После долгих ожиданий он послал за царицей и спросил ее:

– Склонила ли она Сосанну на брак с его сыном? Склоняется ли она на любовь Максимиана?

– Напрасен труд там, – отвечала царица, – где преследуется невозможная цель, и не следует надеяться там, где не будет согласия: я не замечаю в Сосанне и следа таких мыслей и намерений, которые бы позволяли думать, чтобы кто-либо мог ее каким-нибудь образом принудить к этому.

Услышав это, Диоклетиан пришел в сильнейший гнев и дал позволение сыну своему Максимиану опозорить Сосанну, совершив над нею гнусное насилие, но не во дворце, – пусть отведет ее в дом отца ее и там обесчестит ее, повинуясь своей постыдной похоти. Святая Сосанна принуждена была оставить дворец, чтобы отправиться в дом свой. Отпуская святую Сосанну, царица с плачем говорила ей:

– Избавивший в древности рабу Свою Сосанну (Дан. 13) избавит и тебя, поможет тебе и дарует славное упокоение.

Простившись, они расстались, рыдая. Когда святая Сосанна была приведена в свой дом двумя женщинами, она упала на

землю в своей комнате и здесь с рыданием и плачем молилась Избавителю своему Христу, чтобы Он поспешил к ней на помощь. В ту же ночь пришел распаляемый скверною похотью сын царя Максимиан; войдя тихонько в комнату, где молилась святая Сосанна, он увидел над нею Ангела Божия, от которого исходило великое сияние. На Максимиана напал сильный страх: не осмелившись подойти к святой Сосанне, он поспешил как можно скорее домой, во дворец, где и рассказал о всём своему отцу.

– Это не больше как волшебство христиан, – сказал Диоклетиан.

И послал одного из приближенных своих, Куртия, разузнать, что делается в доме Сосанны. Но и Куртий, как только вошел в дом, тотчас почувствовал сильный страх и в ужасе побежал к царю. В это время Диоклетиан вел споры с царицею относительно пришествия Христа и почитания богов. Будучи побежден царицею, он вспомнил о Сосанне и сказал:

– Почему ты не увещевала ее, видя ее красоту и ум, согласиться на брак с моим сыном?

– Она избрала себе лучшее, – отвечала царица, – ведь и сын твой сам говорил, что видел над нею неприступный свет.

Царь чрезвычайно разгневался и приказал некоему Македонию, ревностному язычнику, отличавшемуся жестокостью, идти к Сосанне и принудить ее не только посредством угроз, но и мучений к идолопоклонству; вместе с тем Диоклетиан приказал делать это тайно, чтобы не осуждали царя за мучительство, говоря, что он не щадит даже родственников своих. Македоний пришел к святой Сосанне, захватив с собою маленького золотого идола, изображавшего бога Дия; показывая его святой, он приказывал ей поклониться ему. Свята Сосанна дунула на идола со словами:

– Господи мой, Христе Иисусе, пусть не видят очи мои дьявольского орудия.

И тотчас идол, находившийся в руках Македония, сделался невидим, точно кто вырвал его. Македоний удивился и думал, что как-нибудь сама святая Сосанна похитила идола и спрятала его:

– Вижу, – сказал он, – что ты любишь золото, так как украла идола из моих рук, и не могу не похвалить тебя за это: думаю, что ты не взяла бы идола, если бы не любила его.

– Господь Бог мой, – отвечала святая Сосанна, – послал Ангела Своего, который и удалил идола из глаз моих, выбросив его вон из дома.

Во время этих слов ее вошел слуга Македония, докладывая, что идол выброшен из дома на дорогу. Придя в сильную ярость, Македоний своими руками разорвал одежды на святой Сосанне и начал без жалости бить ее палками. Святая же Сосанна взывала в это время:

– Слава Тебе, Господи!

– Принеси жертву богам, – сказал Македоний.

– Я сама себя приношу в жертву Господу моему, – отвечала святая.

Македоний доложил царю о неизменном и твердом пребывании Сосанны в вере и о поругании ею идола. Царь приказал там же, в доме, убить ее мечом. И была усечена глава невесте Христовой, святой мученице Сосанне; она отошла, веселясь и радуясь, в светлый чертог небесного Жениха своего. Узнав об убиении святой Сосанны, царица взяла ночью честное тело святой мученицы и собрала кровь ее пролитую на земле покровом со своей головы: обвив полотном, умащенным ароматами, царица положила тело ее в усыпальнице святого Александра, где было погребено много мучеников, а кровь ее, собранную на головное покрывало, вложила в серебряный ковчег, который спрятала в своей комнате, где она обычно тайно молилась и днем и ночью. Святой же папа Гаий храмину, где была пролита кровь святой мученицы Сосанны, освятил в церковь и совершал в ней Божественные службы[5057]. – Спустя немного времени пострадал и святой пресвитер Гавиний, а после него приял мученическую кончину и святой Гаий; все они, как мученики, предстали престолу Божию, славя Отца, Сына и Святого Духа, единого Бога в Троице. Ему же и от нас да будет честь и слава, и ныне и присно, и во веки веков[5058]. Аминь.

Память святого мученика Евпла диакона

Память 11 августа

В царствование Диоклетиана и Максимиана гонение на христиан распространилось по всей вселенной. В это время упомянутыми нечестивыми царями в Сицилию был послан для розыска и мучений христиан один, известный своею жестокостью, князь, по имени Пентагур. Придя в город Катану, мучитель приказал городскому начальнику Калвисиану собрать на площадь весь народ, не только живущий в городе, но в окрестностях. На Ахиллиевой площади было приготовлено место для зрелища, и на звуки труб и бубнов собралось множество народа обоего пола и разного возраста. Сюда пришел и князь Пентагур с Калвисианом; увидев народ, он спросил последнего:

– Все ли воздают честь и поклонение и приносят жертвы нашим богам?

Калвисиан отвечал:

– Поистине, светлый князь, все, которых ты видишь, усердно служат великим богам, принося множество жертв; среди них нет ни одного нечестивца.

Этот ответ привел Пентагура в сильную радость, и он выразил свое одобрение как народу, так и начальнику города; затем, обнародовав повеление царей, он пред всеми дал власть Калвисиану, – если найдется кто-либо называющий себя христианином, то он может предать его мучениям и умертвить. После этого Пентагур удалился в другие города; Калвисиан же призвал к себе преторских слуг и приказал им тщательно разыскивать, не найдется ли где-либо в городе или его окрестностях кто-либо, хотя бы даже тайно исповедующий христианскую веру, – такого человека они должны взять для мучений. Тогда подошел один из слуг и сказал:

– Здесь в городе есть человек по имени Евпл: он носит с собою какую-то книгу и, обходя дома и улицы, учит народ, называя великим христианского Бога.

(Святой Евпл был диакон и носил с собою Евангелие: читая из него народу о чудесах Христовых, он учил его веровать во Спасителя).

Услышав это, Калвисиан тотчас послал взять его и привести к себе связанного. Воины отправились, разыскивая святого Евпла по всему городу; наконец, они нашли его в одной бедной хижине, где он читал Святое Евангелие, поучая слушающих; воины взяли его, связали ему назади руки и повели на суд к городскому начальнику, захватив и Евангелие. Увидев святого Евпла, Калвисиан сказал:

– Ты ли хулитель богов и преступник приказаний царских?

Святой Евпл отвечал:

– Кто такие ваши боги, чтобы я почитал их?

– Наши боги – Юпитер, Асклипий и Диана, – сказал Калвисиан.

– Ты, – возразил ему святой, – слеп, не зная единого истинного Бога, сотворившего небо и землю, создавшего человека из земли и нас христиан облекшего бесценною и пресветлою одеждою бессмертия, которая есть святое крещение.

– Ты потому говоришь так горделиво, что не испытал еще мучений, – сказал Калвисиан.

– Для меня эти муки венец светлый, а для тебя тьма и погибель, – возразил святой Евпл.

Тогда Калвисиан, сильно разгневавшись, приказал повесить святого Евпла и строгать его железными гребнями. Во время этих мучений святой Евпл поднял к небу глаза свои и, молясь, говорил:

– Господи Иисусе Христе, облеки меня, с которого как одежду совлекают теперь плоть, бессмертием в будущей жизни, даруй мне на час сей крепость, чтобы не победили меня муки. И с неба был голос:

– Мужайся и крепись, Евпл! Тебе уже уготована истинная одежда.

Долго строгали святого мученика, причем Калвисиан говорил ему:

– Неужели ты не оставишь своего заблуждения? Почему ты не хочешь войти в храм богов и принести им жертву, чтобы от них получить прощение своих грехов, от царей – честь и богатство, от нас – предложение дружбы; вообще через это ты приобрел бы много золота и серебра.

– О сын погибели слуга и сообщник дьявола! – отвечал святой Евпл, – не знаешь ли, как грозно в день Страшного Суда Божия ты будешь наказан за всех тех, которых теперь склоняешь к идолопоклонству золотом и серебром?

Еще более разгневавшись, мучитель приказал бить святого по челюстям железными молотками и сокрушать ему бедра и голени. Во время этих побоев святой Евпл укорял мучителя, говоря:

– Безумный, ослепленный злобою человек! К чему ты причиняешь мне эти муки, которые я, укрепляемый моим Богом, считаю за паутинные сети? Если можешь, изобрети еще более лютые, а эти для меня не более как игра.

После этого Калвисиан приказал отвязать святого Евпла и, повесив ему на шею Евангелие, отвести в темницу, при этом он велел особенно тщательно запереть тюремные двери и запечатать их его перстнем, и поставить стражу, чтобы никто не мог пройти к святому Евплу и принести с собою хлеба и воды: Калвисиан хотел, чтобы он, мучимый жаждою и голодом, умер. Святой Евпл пробыл в темнице семь дней и ночей и почувствовал сильнейшую жажду; тогда он помолился Господу:

– Господи Иисусе Христе, истинный Бог наш, дарующий пищу всему живущему, Ты, напоивший в древности людей Твоих, водимых по пустыне Моисеем, источив им из камня живую воду (Исх.17:6), Ты, изведший для Сампсона воду из сухой челюсти ослиной (Суд.15:19) и омывший нас водою святого крещения, дай и мне, молю Тебя, прохладу, ибо я изнемогаю от жажды: повели, да истечет в темнице этой источник воды и утолит жажду мою, и все узнают, что Ты один Бог и нет другого, подобного Тебе.

Когда святой Евпл окончил эту молитву, внезапно в темнице появился источник воды; он выпил этой воды и удовлетворил ею не только свою жажду, но и свой голод, как

будто бы пищею; святой Евпл воспел, славя и благодаря Бога. По прошествии семи дней, Калвисиан приказал вывести из темницы мученика, если он еще жив: он полагал, что святой Евпл отчасти от ран, отчасти от голода и жажды уже умер. Когда воины пришли и открыли двери темницы то пришли в ужас, увидев, что вся темница полна воды. Святой же Евпл простер руки над водою, как бы повелевая, и вода тотчас стала невидима. Воины сказали друг другу:

– Поистине велик Бог, Которому служит этот человек!

И, взяв святого мученика, они повели его в дом городского начальника. Последний увидев, что святой Евпл нисколько не изменился телом и весел, точно идет с пиршества, очень удивился и сказал:

– Хотя теперь поклонись богам, прежде чем тебе не отсекут головы.

Святой Евпл отвечал:

– Коварный и ослепленный друг дьявола! Кому охота оставить свет для того, чтобы ходить во тьме?

Разгневанный градоначальник приказал оторвать ему уши железными крючками и отвести связанного в претор для суда; сюда пришел и сам мучитель и, севши на своем месте, долго принуждал святого к принесению нечестивых жертв, но, видя, что святой Евпл остается непреклонным, Калвисиан осудил его на усекновение мечом. Выслушав свой смертный приговор, святой Евпл просил градоначальника, чтобы пред усекновением ему дано было время для молитвы, Калвисиан изъявил свое согласие на просьбу. Когда воины повели святого мученика на казнь, то им сопутствовала большая толпа народа, среди которой немало было и христиан, тайно державшихся своей веры. Достигнув места, святой Евпл остановился; потом, обратившись к народу, он взял Евангелие, которое всегда носил с собою, и, открыв, начал читать о чудесах Христовых, поучая познанию истинного Бога, и многие из язычников просветились светом истины Христовой. Затем святой Евпл начал молиться Богу и к нему пришел глас свыше:

– Блажен ты Евпл, добрый и верный раб Мой, гряди и вступи в радость Господа твоего, наслаждаясь покоем со всеми

от века благоугодившими Мне!

После того как раздался этот глас, святой Евпл преклонил главу свою и, по усечении ее, отошел ко Господу своему: его страдания закончились в одиннадцатый день августа месяца[5059]. Благоговейные мужи из христиан взяли честное тело и главу и погребли в особо уготованном месте, и по молитвам святого мученика при гробнице его совершалось много исцелений, в которых действовала благодать Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 1:

Законы Христовы в руку обнося, предстал еси вопия врагом в подвизе: самозван есмь страдальчествовати твердейши. Темже приклонив радостно выю твою, подъял еси усечение мечом, скончавый течение твое.

Святые мученики Фотий и Аникита

Память 12 августа

В Никомидии, городе Вифинской области[5060], нечестивый царь Диоклетиан (284–305) поднял открытое гонение на христиан; среди города, по его приказанию, были выставлены орудия для мучений: мечи, сечки, рожны, железные ногти, сковороды, колеса, котлы и другие бесчеловечные изобретения подобного рода; были приготовлены и звери; всем этим Диоклетиан хотел устрашить призывающих имя Христово. Во все концы римского царства он разослал грозные указы, которыми повсюду повелевалось гнать христиан, – мучить и убивать их, при этом на Единородного Сына Божия изрекались многие хулы.

В это время в Никомидии жил один благородный и знатный комит, по имени Аникита. Исполнившись ревностию по Боге, он явился к царю и безбоязненно исповедовал Господа Иисуса Христа, истинного Сына Божия, – святой Аникита красноречиво поведал царю о безначальном рождестве Сына Божия и Его воплощении, по исполнении лет, для нашего спасения; в то же время он порицал заблуждение идолопоклонников, называя богов языческих глухими и бесчувственными; и, наконец, обратился к царю с такими словами:

– Твои мучения, царь, приготовленные христианам и объявленные им, нисколько нас не устрашают: для нас муки – ничто, и мы никогда не поклонимся бездушным идолам.

Царь, полный гнева и ярости, не в силах был выслушивать боговдохновенную проповедь святого Аникиты и приказал ему тотчас же обрезать язык, но он и после этого говорил ясно, славя Христа Бога; затем его били воловьими жилами так жестоко и так долго, что обнажились кости. Но святой Аникита, – точно не он, а кто другой подвергался мучениям, – мужественно переносил страдания и громко проповедовал смотревшему на него народу, что Христос есть единый истинный Бог. После этого царь велел отдать святого Аникиту на съедение зверям: был выпущен громадный лев, который, с грозным ревом

приблизившись к мученику, неожиданно сделался смирнее ягненка: он ласкался ко святому и пот, выступивший от мучений на его челе и щеках, отер, как губою, лапою. А святой Аникита громко взывал:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты избавил меня от зубов этого зверя! Молю Тебя, Владыко, и в предлежащем мне подвиге простри Свою десницу в помощь рабу Твоему, чтобы я мог победить ярость мучителя и удостоиться от Тебя мученического венца.

После этой молитвы святого началось землетрясение, причем капище Геркулеса вместе с его идолом и часть городской стены обвалились, и многие из язычников погибли под их развалинами. Тогда Диоклетиан приказал отсечь мечом главу святого мученика, но когда воин поднял меч, чтобы исполнить повеление царя, тотчас руки его ослабели, а сам он упал на землю и был недвижим точно бесчувственный. Видя это, Диоклетиан приказал привязать святого Аникиту к колесу, находящемуся среди острых железных прутьев, подложить огонь и вращать колесо: он желал, чтобы святой мученик умер разрезаемый на части железом и обжигаемый огнем. Но святой Аникита, привязанный к колесу, так молился:

– Господи Иисусе Христе, ради предстоящих освободи меня от мучений, чтобы смотрящие на меня, видя твою скорую помощь, могли мужественно стать против мучителя и принять от Тебя мученический венец.

И тотчас узы святого Аникиты развязались; колесо остановилось, и огонь погас. Тогда мучитель велел наполнить котел оловом, расплавить последний и бросить туда святого мученика. Все видели Ангела Господня, который вместе со святым Аникитою входил в котел, и едва только мученик прикоснулся к котлу, олово остыло и сделалось как лед.

Сродник святого Аникиты, по имени Фотий, видя его подвиги и силу Христа, сохраняющего раба Своего, отложил всякую боязнь; выйдя из среды народа на самое место казни, он подошел к святому мученику и с любовью обнял его и поцеловал, называя отцом и ходатаем своего спасения; этим поступком Фотий ясно показал, что он готов претерпеть за

Христа какие угодно мучения; обратившись затем к царю, Фотий сказал:

– Постыдись, идолопоклонник! Боги твои ничто.

Тогда Диоклетиан с гневом вскричал воинам:

– Убейте его мечом!

Но когда один из воинов поднял обнаженный меч, чтобы им ударить мученика, силою Божиею руки его обратились на себя самого, так что ударив себя по коленам, он упал на землю и умер. После этого святого Аникиту и Фотия заковали в железные цепи, и обоих вместе бросили в тюрьму. Спустя три дня Диоклетиан призвал их к себе и сказал:

– Если послушаетесь меня и принесете жертву богам, то я возвеличу вас и обогащу.

– Честь твоя и богатство твое, – отвечали святые, – пусть останутся с тобою на твою погибель.

В ярости мучитель приказал сначала повесить их на дыбе и строгать тело железными когтями, опаляя огнем раны, а потом – бить камнями. Но все эти муки святые переносили с радостью и благодарили Бога, так как не чувствовали никакой боли: Господь ради славы Своего Святого имени соблюдал их невредимыми. Затем они были привязаны за ноги к диким коням, которые и влачили их. Но и таким мучением Диоклетиан ничего не достиг: Господь опять сохранил их без вреда, – святые мученики, будучи влачимы, точно находясь в колеснице, славили непобедимую силу Господню и укрепляли друг друга; дикие же кони внезапно остановились; ноги святых освободились от привязи, и они встали совершенно здоровыми. Мучитель опять приказал подвергнуть их жестокому биению, поливая раны уксусом, смешанным с солью; потом они опять были ввергнуты в темницу, где провели три года. Затем святые были выведены для новых мучений. По приказанию Диоклетиана три дня разжигали народную каменную баню, в которую потом затворили святых мучеников. Но святые Аникита и Фотий помолились Богу, баня расселась; забил ключ воды, доставлявший им прохладу. Когда сторожа на третий день открыли баню, то увидели, что святые ходят в ней невредимы, воспевая хвалу Богу; об этом было доложено царю. Последний,

как бы не веря известию, пошел сам убедиться в его справедливости. Святые, увидев царя, сказали ему:

– Вот мы, мучитель, во всех муках явились победителями, а ты побежден и посрамлен.

Царь возвратился домой со стыдом; он приказал взять мучеников и держать в оковах до тех пор, пока придумает, как их погубить. По его приказанию была устроена громадная печь, укрепленная на четырех железных столбах; в ней могло поместиться множество людей. Как некогда Навуходоносор (Дан., гл. 3) он приказал раскалить эту печь, намереваясь сжечь в ней не только двух святых мучеников, но и всех христиан, каких только найдет. Христиане же, не ожидая когда их язычники станут ввергать в печь, сами вместе с женами и детьми направились к ней, восклицая:

– Мы христиане и почитаем единого Бога!

Сначала в печь вошли святые мученики Аникита и Фотий, а за ними и всё множество собравшихся христиан с молитвою и воздетыми к небу руками направилось в огонь. Из пламени христиане взывали:

– Благодарим Тебя, Отче и Боже всесильный, что Ты верою в Единородного Твоего Сына и Господа нашего Иисуса Христа собрал нас для мученического венца; молимся Тебе, Милосердый, простри с высоты руки Твои и приими души наши в вечный покой, который Ты уготовал Твоим исповедникам.

Во время этой молитвы они почили о Господе. Святые же Аникита и Фотий пробыли живыми в печи той в течение трех часов, а затем, помолившись, предали души свои в руки Божии. Когда слуги извлекли железом тела святых Аникиты и Фотия, то увидели, что они настолько не пострадали от огня, что даже волосы были целы. И многие из язычников уверовали во Христа Бога нашего, Ему же слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[5061].

Память святого священномученика Александра, епископа Команского

Память 12 августа

В городе Комане[5062], близ Неокесарии, епископом которой в описываемое время был святой Григорий Чудотворец, жил в добровольной бедности один муж, по имени Александр; его богоугодная жизнь была сокрыта от людских взоров и – известна одному только Богу. Святой Александр, будучи прекрасно образованным человеком, мог бы приобрести значительные богатства и пользоваться всеобщим уважением, но он избрал ради Бога добровольную нищету. Презирая мир, он ни во что не ставил свои знания и выдавал себя за человека некнижного, невежественного, исполняя слово Апостола: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор.3:18). Желая кормиться трудами своих рук, блаженный Александр в крайнем смирении избрал для этого едва ли не последний род службы: он начал делать уголья и продавать их, снискивая этим дневное пропитание. Через это святой Александр стал предметом шуток и забавы для детей: от работы лицо и одежда его пропитывались угольной пылью, и когда он в таком виде являлся на рынок, то походил на эфиопа; во всем городе святой Александр был известен как угольщик. Но Господь, живущий на высоких, призирающий на смиренных и возносящий их, благоволил еще во время здешней, земной жизни прославить смиренного раба Своего Александра и даровать в нем церкви Своей столп и украшение; для этого Он удостоил его епископской степени. Умер епископ Команский, и жители города отправили в Неокесарию к святому Григорию Чудотворцу посольство с просьбой, чтобы он пришел к ним и поставил епископа. Святой Григорий вскоре прибыл. Когда на соборе стали избирать мужа, достойного занять святительский престол, начались разногласия: одни избирали лиц благородного происхождения, другие – богатых, третьи – красноречивых, четвертые – почтенных видом и возрастом, и всех этих избранников

приводили к святому Григорию Чудотворцу, как людей достойных похвалы и епископства. Святой Григорий Чудотворец не спешил, однако, с избранием и посвящением епископа, ожидая, когда Сам Господь явит достойного. Он обратился к собору и напомнил ему, как избрал Бог Давида, чтобы последний царствовал над Израилем: когда Иессей привел старшего сына своего Елиава к святому Самуилу, то пророк спросил Господа, что не сей ли предназначается в помазанника Его? Но Господь сказал Самуилу: «Не смотри на вид его и на высоту роста его» (1Цар.16:6–7).

– И нам должно, – говорил святой Григорий, – избирать пастыря для этого города, не судя по внешности, но следует искать уготованного Богом: ибо человек смотрит на лицо, а Бог на сердце, и мерою достоинства служит не внешний вид а внутренняя настроенность сердечная, известная только Господу.

Эти слова святого Григория некоторым были неприятны, и они с усмешкой говорили между собою: если смотреть не на внешний вид и благородство происхождения, то и Александр угольщик может быть избран и поставлен епископом. Напоминание об угольщике возбудило смех и в других, присутствовавших на соборе; святой же Григорий по некотором размышлении сказал:

– Не без действия Божия Промысла упоминается этот человек, сделавшийся сейчас предметом посмеяния.

И начал спрашивать:

– Кто этот Александр, о котором вы вспоминаете? Я хочу видеть его.

Святой Александр стоял в это время у здания, где был собор, и держал мулов, принадлежавших прибывшим на избрание; некоторые вышли и привели святого Александра на собор. Когда он встал среди собрания, все начали смотреть на него и смеяться, потому что от угля как он сам, так и бедное рубище его были черны. Во время всеобщего смеха он стоял с почтением пред святителем, углубившись в себя и не обращая внимания на смеявшихся. Святой же Григорий Чудотворец, обладавший даром прозрения, познал обитавшую в блаженном

Александре благодать Божию, делавшую его достойной избрания на святительский престол. Встав со своего места, он уединился с святым Александром и стал спрашивать его, заклиная именем Божиим говорить правду, кто он? Святой Александр, хотя и желал скрыть себя, но не будучи в состоянии сказать неправду пред столь уважаемым святителем и к тому же боясь клятвы, рассказал всё о своей жизни: как он, человек многосведущий, для Бога так смирил себя и облек себя добровольною нищетою. Из беседы с ним святой Григорий убедился, что он отлично знает не только науки, но и Священное Писание. После этого святитель приказал своим приближенным отвести к нему святого Александра, и там его вымыть, одеть прилично и привести снова на собор. А сам, снова сев на свое место, вел в это время боговдохновенную беседу. Спустя немного времени, на собор был введен святой Александр, омытый, в светлой одежде и чрезвычайно благолепный лицом; все видевшие раньше святого мужа, узнав его, не могли удержаться от изумления. А святой Григорий начал с ним беседовать, предлагая ему вопросы из Священного Писания. Святой Александр отвечал так благоразумно, что присутствовавшие не могли не признать его за человека ученого и разумного, причем еще более удивлялись: зачем муж таких познаний скрывал свою мудрость, живя среди них, как последний невежда? В то же время они укоряли себя, что столь мудрого человека, смирившего себя ради Бога, осмеивали, почитая за безумного. Тогда все, бывшие на соборе, с радостью и единогласно избрали святого Александра в епископа, в исполнение слов Господних, говорящих в писании: «Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (1Цар.16:7). Святой Григорий, возводя святого Александра по степеням иерархическим, сначала посвятил его в иереи, а потом в епископа. После посвящения в епископа, он велел святому Александру сказать народу назидательное слово. Когда святой говорил поучение, то из уст его благодать Духа Святого истекала точно река, приводя сердца в умиление; и весь город радовался и славил Бога, имея такого учительного пастыря. Святой Григорий удалился в Неокесарию, а святой Александр

пас в Команах стадо Христово, для верующих являя пример словом и жизнию. При этом святителе случилось одному молодому философу из Аттики быть в Команах; слушая поучения святителя народу, он смеялся над простотою его речи, лишенной ораторских украшений; но святой Александр в своих поучениях заботился не о красоте слова, а об его назидательности, и ради простоты слушающих слово его отличалось простотою, будучи в то же время очень душеспасительно. Но вот однажды помянутому аттическому философу было такое видение: пред ним появилась стая очень красивых белых голубей, испускавших сияющий блеск, как говорит псалмопевец: «Крылья покрыты серебром, а перья чистым золотом» (Пс.67:14), и при этом был голос:

– Это слова Александра епископа, над которыми ты смеялся.

Очнувшись от видения, философ устыдился своего поступка и, отправившись к епископу, просил у него прощения.

Вскоре в царствование Диоклетиана[5063] поднялось на христиан гонение, и святой Александр, епископ Команский, был схвачен нечестивыми язычниками; принуждаемый к идолопоклонству, он не отвергся Христа, за что, после мучений, и был ввергнут в огонь, где святой епископ и принял кончину за Христа Бога нашего.

Святого мученика Ипполита

Память 13 августа

По мученической кончине святого архидиакона Лаврентия, блаженный Ипполит, военачальник и блюститель тюремный, с честью предал погребению многострадальные останки мученика, который был сначала для него узником, а потом сделался учителем; домой блаженный Ипполит возвратился лишь на третий день после погребения. Все домашние его, – числом девятнадцать человек обоего пола, – были христиане, – они были наставлены в истинах христианской веры и затем крещены святым Лаврентием. Вместе со всеми домочадцами блаженный Ипполит после общей домашней молитвы приобщился Божественных Таин Тела и Крови Христовых, а потом, по принятии духовной пищи, была предложена трапеза для подкрепления тела; но прежде чем приступили к ней, пришли воины и взяв блаженного Ипполита, повели его к царю Декию[5064]. Увидев его, царь засмеялся и сказал:

– Неужели и ты стал волхвом, потому что украл тело Лаврентия?

– Я не волхв, но христианин, – отвечал блаженный Ипполит.

Тогда разгневанный царь приказал бить его по устам камнями, а затем – снять с него одежду, составлявшую обычное одеяние христиан.

– Ты не обнажил меня, но облекаешь в более ценную одежду, – сказал на это блаженный Ипполит.

– Разве ты более уже не чтишь богов, если так безумствуешь и не стыдишься своей наготы? – спросил царь.

– Я мудр и не наг, – возразил блаженный Ипполит, – ибо облекся во Христа; я тогда был безумен, когда подобно тебе служил бесам, и тогда был наг, когда не имел благодати Христовой, а теперь я христианин.

– Принеси жертву богам, – предложил царь, – чтобы тебе, подобно Лаврентию, не погибнуть от мук.

– О если бы я удостоился участи святого Лаврентия, имя которого ты, окаянный, своими сквернымы устами и

произносить-то не должен! – воскликнул блаженный Ипполит.

Царь велел протянуть его на земле и бить без жалости палками; святой же мученик в это время громко взывал:

– Я христианин!

Тогда мучитель приказал прекратить побои, поднять блаженного Ипполита с земли и одеть в обычную воинскую одежду, при этом он сказал, обращаясь к святому мученику:

– Вспомни о своем воинском сане и будь по-прежнему нам другом, по-прежнему вместе с нами принося жертвы.

– Я воин Христа, моего Спасителя и за Него желаю умереть, – отвечал блаженный.

Декий после этого сказал епарху Валериану:

– Возьми всё имение его, а его самого замучь до смерти.

В тот же день посланные Валериана разграбили имение блаженного Ипполита; узнав, что в доме Ипполита найдены верующие во Христа, Валериан велел их привести к себе. Среди приведенных находилась и кормилица Ипполита, по имени Конкордия. Взглянув на них, Валериан сказал:

– Пожалейте свою жизнь, чтобы не погибнуть вместе со своим господином Ипполитом.

– Мы желаем лучше, – отвечала Конкордия, – с честью умереть за веру Христову вместе с нашим господином, чем, утратив ее, жить среди вас, нечестивцев.

– Порода рабов не иначе, как только ранами может быть исправлена, – сказал Валериан и приказал бить Конкордию оловянными прутьями; во время побоев святая мученица предала дух свой Господу. Здесь находился под караулом воинов и блаженный Ипполит: увидав мученическую кончину своей кормилицы, он с радостью воскликнул:

– Благодарю Тебя, Господи, что питавшую меня предпослал в Твое царствие к святым Твоим!

Епарх сказал:

– Ты всё еще надеешься на волшебную хитрость, – не почитаешь богов и не повинуешься повелению царя?

И разгневавшись, Валериан приказал всех вместе с Ипполитом вывести через Тивуртинские ворота за город и там предать смерти. Святой Ипполит ободрял их во время пути:

– Не бойтесь, – и я и вы имеем над собою одного Владыку.

Когда пришли на место казни, то все были усечены воинами на глазах блаженного Ипполита. Всех приявших эту мученическую кончину, – разного пола и возраста, – было восемнадцать человек, не считая святую Конкордию, убитую в городе. Самого же святого Ипполита, по приказанию епарха, привязали к диким коням и влачили по каменистым местам до тех пор, пока он не отошел ко Господу. Святой мученик Ипполит вместе с домочадцами своими пострадал за Христа в тринадцатый день августа месяца и в третий день по мученической кончине святого Лаврентия.

При наступлении ночи к месту казни пришел с верующими святой Иустин пресвитер и, собрав тела святых мучеников, предал их там же погребению. Тела же святой Конкордии, несмотря на самые тщательные поиски в городе, никак не могли найти; это так сильно опечалило святого Иустина, что он заплакал. Честное же тело святой Конкордии было, по приказанию мучителя, брошено в нечистое место. Один христианин, по имени Ириней, узнал об этом от одного воина, уже спустя три недели со дня смерти блаженного Ипполита, – взяв с собою другого христианина – Авундия, он извлек ночью тело святой мученицы, нисколько не пострадавшее от нечистот, и принес его к пресвитеру Иустину. Пресвитер был очень рад и похоронил честные останки рядом с телом святого Ипполита и прочими мучениками. Наутро это стало известно Валериану; он приказал схватить Иринея и Авундия и бросив туда, откуда они извлекли тело святой Конкордии, потопить их живыми в нечистотах. И оба святые умерли там в двадцать шестой день августа месяца. Святой Иулиан извлек тела их ночью и предал погребению при мощах святого Лаврентия, славя Христа Бога, славимого со Отцом и Святым Духом вовеки[5065]. Аминь.

О создании церкви честного Успения Пресвятой Богородицы в Киево-Печерской обители

Память 14 августа

Никто не должен сомневаться, что в великой и первой в России лавре[5066] преподобных Антония и Феодосия Печерских прекрасная, по великолепию подобная небу, каменная церковь Пресвятой Богородицы создана, украшена и освящена по воле и промышлению Господа и молитвенному ходатайству Его Пречистой Матери. Вместе с блаженным епископом Симоном[5067] скажем прежде всего о самом начале ее созидания, сопровождавшемся чудесами.

В земле варяжской был князь Африкан, брат Якуна слепого, – того самого, который, сражаясь со своим полком за Ярослава с лютым братом его Мстиславом, отказался надеть тканую золотом одежду. У Африкана было два сына, Фриand и Шимон; по смерти Африкана, Якун обоих сыновей его выгнал из их собственных областей. Шимон пришел в Россию к благоверному князю Ярославу, который принял его и окружил почетом; он сделал его старейшим боярином у сына своего Всеволода, и действительно у Всеволода Шимон пользовался очень большою властью.

Благодаря следующему обстоятельству, Шимон имел очень сильную любовь к святой Печерской обители. В княжение в Киеве Изяслава Ярославича на русскую землю произвели нападения кочевники половцы[5068]; против них выступили три князя – Ярославичи: Изяслав, Святослав и Всеволод, при котором находился и Шимон. Все они пришли к преподобному Антонию, прося его молитв и благословения на брань. Старец, открыв свои правдивые уста, ясно предсказал им погибель. Шимон упал в ноги старцу и просил, чтобы Господь сохранил его от такой беды. Преподобный отвечал ему:

– Сын мой, многие из вас падут от меча, другие во время бегства от врагов будут потоптаны, ранены и в воде утонут; ты же, спасшись, будешь положен здесь, в церкви, которая имеет

создаться. Когда полки обоих станов встретились на реке Альте[5069], то христиане, лишенные помощи Божией, были побеждены, – князья убежали, многие же воеводы со своими воинами были убиты; посреди них лежал и раненый Шимон. Взглянув вверх на небо, он увидел великую церковь, как и прежде видел на море, и вспомнил слова Спасителя, некогда сказанные ему[5070]; тогда Шимон воскликнул:

– По молитвам Пречистой Твоей Матери и преподобных Антония и Феодосия избавь меня, Господи, от этой горькой смерти.

И вдруг какая-то сила исхитила его из среды мертвецов, и он мгновенно исцелился от ран, снова сделавшись совершенно здоров. Возвратившись после этого опять к преподобному Антонию, Шимон всё рассказал ему, поведав кроме того еще следующее:

– Отец мой Африкан сделал большой, около десяти локтей, крест с изображением на нем подобия Христова; почитая изображение Господа, он возложил на чресла его золотой пояс весом около 50 гривен[5071], а на главу венец; когда же дядя мой Якун выгнал меня из моей области, я взял пояс и венец и услышал голос от обратившегося ко мне образа Спасова:

– Никогда, человече, не возлагай венца сего на свою голову, но неси его на приготовленное для него место, где преподобный создаст церковь Моей Матери; ему и отдай в руки, чтобы повесил над Моим жертвенником.

– Я, – рассказывал Шимон, – упал от страха и, оцепенев, лежал как мертвый, потом поднялся, вошел на корабль; во время плавания приключилась сильная буря, – так что мы отчаялись остаться в живых. Тогда я вспомнил о поясе, о котором совершенно забыл, и начал громко молиться:

– Господи прости меня, ибо я умираю сейчас за этот пояс, который взял у Твоего честного образа, – и вдруг я увидел церковь вверху и думал: какая это церковь? И свыше был голос:

– (Это та самая церковь), которая будет создана преподобным во имя Божией Матери; она будет также величественна и высока, как ты сейчас видишь; размер ее преподобный произведет тем золотым поясом, – двадцать

поясов в ширину, тридцать в длину и пятьдесят в вышину; в этой церкви ты будешь положен.

После этого на море настала тишина. Мы же все прославили Бога и очень обрадовались, сознавая, что избавились от горькой смерти.

Рассказав всё это, Шимон обратился к преподобному Антонию:

– Вот, отче, я не знал, где создастся показанная мне церковь, пока не услышал от тебя, что я буду положен здесь в имеющейся создаться церкви.

И, взяв золотой пояс, он отдал его преподобному Антонию со словами:

– Вот мера основания для той церкви, – а, отдавая венец, сказал:

– Этот венец должен быть повешен над святым жертвенником.

Старец, воздав хвалу Богу, отвечал:

– Сын мой, отселе имя твое будет не Шимон, а Симон.

Святой Антоний, призвав блаженного Феодосия, сказал:

– Вот кто, Симон, воздвигнет церковь.

И после этого вручил преподобному пояс и венец. С этого времени Симон проникся сильною любовью ко святому строителю Феодосию: он много давал ему из своего имения на устроение показанной Богом церкви и часто приходил к нему. Однажды Симон, придя к блаженному Феодосию, сказал ему после обычной беседы:

– Отче, я попрошу у тебя одного только.

– Что можешь, – отвечал преподобный Феодосий, – просить ты, сын мой, человек знатный, у нашего смирения?

– Очень великого и превышающего мои силы дара я прошу у тебя, – возразил Симон.

– Ты знаешь, сын мой, – снова отвечал преподобный Феодосий, – нашу нищету, – у нас очень часто не находится и хлеба для дневного пропитания; что же такое я имею, – не знаю.

Симон сказал:

– Если хочешь можешь даровать мне по данной тебе благодати от Господа, Который назвал тебя преподобным: ибо когда я снимал венец с главы Христовой, то Господь мне сказал:

– Неси венец на уготованное ему место, и отдай в руки преподобному, который созиждет церковь Моей Матери.

– Вот я и прошу у тебя, – дай мне слово, что ты благословишь меня как при жизни, так и по смерти моей и твоей.

Святой Феодосий отвечал:

– О Симон, просьба твоя превышает мои силы! Но если ты увидишь мое отшествие и, по моем преставлении, устроенную здесь церковь, в которой нерушимо блюдутся преданные ей уставы, то знай, что я имею дерзновение к Богу; теперь же не знаю, – угодна ли молитва моя.

– Твоя праведность, – отвечал Симон, – засвидетельствована Самим Господом: я слышал о тебе от пречистых уст святого Его образа, поэтому и прошу тебя: как о своих черноризцах, так помолись о мне грешном, о моем сыне Георгии и всех моих родственниках.

Святой Феодосий, как бы давая обещание, сказал:

– Я молюсь не о них только, но и о всех любящих святое место это.

Тогда Симон, пав на землю, просил:

– Отче, я не уйду отсюда, пока не подтвердишь своих слов письмом.

Понуждаемый любовью Симона, преподобный Феодосий написал следующее:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, молитвами пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и святых сил бесплотных… – и прочие слова разрешительной молитвы, кончая:

– Да будеши прощен в сем веце и в будущем, егда приидет праведный Судия судити живым и мертвым.

С того времени эту молитву стали влагать в руки умершим, как это завещал первый Симон относительно себя. При той же молитве преподобный Феодосий написал Симону и следующее:

– Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии си, хотя воздать каждому по делам его; тогда, Владыко, сподоби рабов Твоих, Симона и Георгия, стать одесную Тебя во славе Твоей и услышать Твой радостный глас: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф.25:34).

Затем Симон снова попросил:

– Помолись, отче, чтобы отпустились грехи родителей моих и сродников.

Преподобный Феодосий, подняв руки, сказал:

– Да благословит вас Господь от Сиона и узрите благая Иерусалима во все дни жизни вашей, до последних вашего рода (ср. Пс.127:6).

Симон принял молитву и благословение святого, как драгоценнейший жемчуг, с которым не желал расстаться и во гроб отходя, что впоследствии и случилось. До сего времени он был варяг – латинянин, а с этого, наученный преподобным Феодосием, оставил, по благодати Божией, латинские заблуждения и чистосердечно обратился к православной вере; с ним обратился и весь дом его, в котором насчитывалось до трех тысяч человек, – в числе их были и иереи. Всё это произошло, благодаря чудесам преподобных Антония и Феодосия Печерских. – По прошествии довольно продолжительного времени, когда была уже сооружена печерская церковь, в ней был, по откровению свыше и согласно пророчеству преподобного Антония, положен первым Симон.

Повествование о достохвальном Симоне и бывших ему откровениях Божиих ясно показывает, что образ святой печерской церкви прежде построения ее на земле, был предъизображен на небе, так что здесь исполнились слова псалмопевца: Сам Вышний основал ее (ср. Пс.86:5). Впоследствии, по ходатайству Царицы Небесной, это обнаружилось еще яснее, как можно видеть из последующего.

Прошло уже несколько лет, как Симон вручил преподобному Антонию пояс и венец, и вот однажды к преподобному Антонию и Феодосию приходят из Царьграда четыре церковных мастера, – строители каменных церквей, люди весьма богатые:

– Где вы желаете начать постройку церкви? – спросили они их.

– Где Господь укажет, – отвечали преподобные.

– Удивительная вещь, – говорили строители, – вы знаете время своей смерти и в то же время не можете указать места для церкви, хотя при найме и вручили нам столь большое количество золота.

Призвав всю братию, преподобные начали расспрашивать греков:

– Расскажите нам без утайки, о чем вы стали говорить.

Строители сказали:

– Однажды, когда мы спали в наших домах, рано утром, – только что взошло солнце, – к каждому из нас приходят благообразные юноши и говорят:

– Вас зовет во Влахерну[5072] Царица.

Мы, взяв с собою друзей и родственников, все пришли ко Влахерну в одно и то же время и, разговорившись, узнали, что призваны к Царице одними и теми же посланцами и словами. Там мы увидели Царицу, окруженную множеством воинов; мы поклонились Ей, а Она сказала нам:

– Я хочу в России, в Киеве, соорудить Себе церковь; поэтому повелеваю вам, – возьмите на три года золота и отправляйтесь на сооружение церкви.

Поклонившись, мы отвечали:

– О Владычица – Царица, Ты отсылаешь нас в чужую сторону, – к кому мы там пойдем?

– Вот сих, – сказала Она, – предстоящих здесь, Антония и Феодосия Я посылаю тоже.

– К чему же, Владычица, – вопрошали мы, – даешь нам на три года золота? Скажи им только, чтобы мы могли получать пищу и всё необходимое, а Ты Сама знаешь, чем нас наградить.

– Антоний – отвечала Царица, – он отходит на вечный покой[5073], туда за ним во второе лето пойдет и Феодосий; берите же, как можно больше золота, и идите, а наградить вас никто так не может, как Я: дам вам чего «не видел… глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор.2:9). И Сама Я приду видеть церковь, в которой хочу жить;

после этого Она дала нам мощи святых мучеников: Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова, Феодора, сказав: положите их в основании церковном. Мы, взяв святые мощи и золота даже больше необходимого, спросили Царицу о размерах церкви:

– Для измерения, – отвечала Она, – Я послала пояс Сына Моего, по Его повелению; всё-таки выйдите на простор и посмотрите размеры ее.

Мы вышли и на воздухе увидели церковь. Возвратившись, мы снова поклонились Царице, спрашивая: какое будет, Владычица, имя церкви?

– Я хочу ей дать Мое имя, – отвечала Она.

Мы не посмели спросить Ее о имени Ее, но Царица Сама сказала:

– Церковь будет во имя Богородицы и дала нам из Своих рук сию святую икону.

Слыша это, все прославили Бога и Его пречистую Матерь; святой же Антоний сказал мастерам:

– Мы никогда, чада, не выходили к вам из этого места.

Но греки с клятвою утверждали:

– При многих свидетелях мы взяли золото Царицыно из ваших именно рук, с ними вместе проводили вас до корабля, и через месяц, по вашем отплытии, сами отправились в путь; теперь уже десятый день, как мы покинули Царьград.

Святой Антоний отвечал им на это:

– Великой благодати удостоил вас Христос, ибо вы являетесь исполнителями Его воли; призывавшие вас те благообразные юноши – пресветлые Ангелы, а влахернская Царица есть Сама пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодева Мария; стоявшие же вокруг Нее воины были бесплотные Ангельские силы; принятие же вами из наших именно рук золота есть чудо Божие, которое Господь благоволил совершить над рабами Своими, Ему одному доведомыми путями. Благословен ваш приход, и вы себе имеете добрую Сопутницу – сию святую икону Владычицы Богородицы, Которая да дарует вам, как обещала, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце

человеку»; сего никто не может даровать кроме Богородицы и Сына Ее, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Пояс Его и венец принесены сюда из земли варяжской; широта, длина и высота пречестной той церкви указаны идущим от велелепной славы с небес гласом, обращенным к Симону варягу, который и принес нам пояс и венец.

Греки со страхом поклонились святым, спрашивая как и прежде:

– Где место для построения церкви? – покажите.

Преподобный Антоний отвечал:

– Будем три дня молиться, и Господь покажет его нам.

И вот по внушению Божию для изыскания места, где построить церковь, собралось множество народа, хотя его никто и не звал; одни указывали одно место, другие другое, но места не находили. Поблизости лежало поле князя, и по строению Божию, как раз в это время прилучилось проезжать мимо самому князю Святославу; увидев народ, он спросил, что это делается? И когда узнал, то повернул коня и приблизился к народу; и точно движимый Богом князь указал место на своем поле, где и велел строить церковь.

Преподобные молились до трех дней. И в первую ночь молитвы преподобному Антонию явился Господь, говоря:

– Антоний! Ты обрел благодать предо Мною.

Преподобный Антоний отвечал:

– Если я, Господи, обрел благодать пред Тобою, то пусть будет по всей земле роса, а на месте, которое Ты благоволишь освятить, – суша.

И утром, когда по всей земле была роса, на том месте, где теперь церковь, нашли сушу. Помолившись в другую ночь, преподобный Антоний сказал:

– Господи, пусть по всей земле будет суша, а на святом месте – роса.

И утром на святом месте увидели росу в то время, как вся земля была суха (ср. Суд.6:37–40). В третий день помолились на этом месте; преподобный Антоний благословил его; ширину и длину места размерили золотым Христовым поясом, принесенным Симоном из варяжской земли, причем

руководились той мерой, какая была указана Шимону голосом с неба, когда он находился на море. Затем преподобный Антоний, подняв вверх руки, молился громким голосом, подобно пророку Илии в древности:

– Послушай мене, Господи, послушай мене (днесь) огнем, и да разумеют вси людие сии, яко ты еси хотяй сего (ср. 3Цар.18:37).

И тотчас с неба спал огонь: он пожег хворост и терн, уничтожил росу и по размеренному месту образовал ложбину, подобную рву. Окружавшие в это время преподобных от страха упали как мертвые. – Так, по благодати Божией и усердным молитвам верующих во главе с преподобным Антонием, стало известным то место, которое избрал Бог: и еще ранее благодать Божия, по молитве преподобного Феодосия, как повествует житие его, предуказывала на это место, – то видением пламени, склоняющимся сюда дугою от прежней церкви, то видением Ангелов, носящих святую икону.

После чудесного указания места преподобными Антонием и Феодосием заложена была каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы; это было в 6581 году от сотворения мира и 1073 году от Р. Х. при боголюбивом епископе Михаиле, – митрополит Георгий тогда находился в Греции, – во дни благоверного князя Святослава Ярославича[5074]. Последний своими руками начал копать ров для церковного фундамента и дал 100 гривен золота преподобному Феодосию для более успешного ведения постройки.

В основание стен положили и мощи святых мучеников, данные во Влахерне пресвятой Богородицей мастерам. По Ее предсказанию преподобный Антоний не долго прожил по закладке церкви, – в тот же год он отошел на вечный покой. Преподобного Феодосия сильно заботило построение церкви, но и он вскоре, во второй год по смерти преподобного Антония, когда фундамент был уже окончен, преставился в вечные обители. Стройка церкви была приведена к концу в третий год при блаженном Стефане, преемнике преподобного Феодосия. Блаженный Стефан был свидетелем только что описанных преславных чудес: он видел, как пришли из Царьграда с иконою

Богородицы мастера, слышал и их рассказ о найме их Царицей во Влахерне. В память этих чудес он устроил, уже по выходе из печерского монастыря, церковь на Клове[5075] в честь Влахернской Божией Матери. А благоверный князь Владимир Всеволодович Мономах, – тогда еще отрок, – видел как с неба спал огонь и выжег яму, где было золотым поясом размерено основание для церкви.

Молва о дивных чудесах разнеслась по всей земле русской. Она побудила и князя Всеволода с сыном Владимиром приехать из Переяславля в Киев. Владимир тогда был болен; его опоясали помянутым золотым поясом, и он, по молитвам святых отцов наших Антония и Феодосия, тотчас выздоровел. Поэтому христолюбивый князь Владимир взял размер показанный Самим Богом печерской церкви и в своем княжении в городе Ростове, выстроил точно такую же церковь по вышине, длине и ширине; при этом на особой хартии он описал все праздники, установленные в церкви печерской, для руководства своей церкви. Сын же Владимира, князь Георгий, услышав от своего отца о чудесных событиях при построении печерской церкви, тоже создал в своем княжении, в городе Суздале церковь такого же размера. Но время перейти к рассказу об украшении печерской церкви святыми иконами.

Спустя десять лет по пришествии из Царьграда мастеров – строителей, оттуда же пришли к тогдашнему печерскому игумену блаженному Никону и мастера – иконописцы:

– Покажи нам, – говорили они ему, – нанимавших нас для иконного писания, – мы хотим переговорить с ними: в присутствии многих свидетелей мы сговорились с ними украсить иконным письмом небольшую церковь; этот же храм очень велик; в противном случае возьмите ваше золото, а мы возвратимся в Константинополь.

Эти слова привели игумена в недоумение, и он сказал иконописцам:

– Каковы были уговаривавшиеся с вами?

Иконописцы описали ему их внешний вид и сообщили имена, – одного звали Антонием, другого Феодосием. Тогда игумен воскликнул:

– О дети мои! Нам невозможно представить вам их; уже десять лет, как они отошли ко Господу, где непрестанно молятся за нас, охраняя эту церковь, промышляя о своем монастыре и живущих в нем.

Слыша ответ, иконописцы пришли в ужас. Они привели к игумену многих купцов, тоже из Царьграда, говоря:

– Вот перед ними мы уговаривались с теми и взяли из рук их золото; ты же не хочешь нам показать их; если они преставились, то покажи нам их изображение, чтобы и эти видели, – они ли это.

Тогда игумен пред всеми вынес икону преподобных Антония и Феодосия. Увидев образ, греки поклонились со словами:

– Поистине это те самые, и веруем, что они живы и по смерти и могут оказывать милости и спасать прибегающих к ним.

А купцы подарили мозаику, которую привезли, было, для продажи: впоследствии ею был украшен святой алтарь. Затем иконописцы начали каяться в своем согрешении и рассказали следующее:

– Когда мы на лодке приплыли в Киев, то на горе увидели сию великую церковь и спросили: какая это церковь? «Печерская, которую вы призваны украсить», – отвечали нам.

Видя величину церкви, мы разгневались и хотели плыть обратно. Но ночью случилась ужасная буря, и, вставши утром, мы заметили, что находимся близ Триполя, а лодка сама идет вверх против течения, – точно ее влекла какая-то сила. Мы силою удержали ее и целый день стояли, размышляя, что же будет далее? Как мы в одну ночь без помощи весел прошли такой путь, который другие с трудом совершают и в три дня? В следующую ночь нам было видение: мы видели эту церковь и наместную чудотворную икону Божией Матери, Которая говорила нам:

– Что вы напрасно мятетесь, не покоряясь воле Сына Моего и Моей? Если не будете повиноваться Мне и побежите обратно, Я всех вас и вашу лодку поставлю близ Моей церкви: и знайте, что вы не выйдете оттуда, но, постригшись в Моем монастыре, там окончите и жизнь вашу. Я же исходатайствую вам в

будущем веке милость ради молитв строителей – Антония и Феодосия.

Вставши утром, мы снова хотели бежать обратно: но хотя из всех сил помогали течению веслами, лодка всё-таки шла вверх; поэтому мы отказались от своего намерения, отдавшись воле Божией, и лодка скоро сама пристала близ монастыря.

После этого рассказа все – черноризцы и греки – строители и иконописцы прославили Бога, Его пречистую Матерь, Ее чудотворную икону и преподобных Антония и Феодосия.

Затем иконописцы приступили к украшению церкви, в чем Господь содействовал им своими знамениями. Когда иконописцы украшали алтарь мозаикой, тогда в алтаре сам собою изобразился образ Пресвятой Богородицы; в это время здесь присутствовали все иконописцы, среди них – и преподобный Алипий, учившийся у них и помогавший им; Богу угодно было сделать их свидетелями столь дивного и ужасного чуда. Когда они глядели на образ, он внезапно засиял сильнее солнца, так что иконописцы не в состоянии были взирать на него и в ужасе упали ниц. Немного поднявшись, они хотели снова взглянуть на чудесный образ: и вдруг из уст Богоматери излетел белый голубь. Находившиеся в церкви смотрели, – не вылетел ли он из церкви. И вот на глазах у всех голубь снова вылетел из уст Спасителя и носился по всей церкви: он подлетал к образам святых, садясь одному на руки, а другому на главу; потом слетев вниз, он сел за местною чудотворною иконою Пресвятой Богородицы; присутствовавшие в церкви хотели взять голубя: приставили лестницу, но голубя не находили ни за иконою, ни за завесою; осмотрели всюду и не видели, куда скрылся голубь. И стояли все, взирая на явившуюся в алтаре икону: и вот опять на глазах у них из уст Богоматери вылетел голубь и поднялся ввысь к Спасителеву образу. Стоявшие внизу закричали работавшим вверху:

– Возьмите его!

Они протянули за ним руки, но голубь опять влетел в уста Спасителя. Опять свет, превышающий солнечный, осиял всех, заставляя закрыть глаза: они же, падши ниц, поклонились Господу, благодаря Его за то, что Он сподобил их видеть

действие Пресвятого Духа, пребывающего в печерской церкви. Укрепляемые чудотворениями, иконописцы, украшая подобную небу печерскую церковь, украшали и себя различными добродетелями. Пожив богоугодно в иноческом образе, они в том же Печерском монастыре окончили и дни свои; точно так же и мастера – строители; все они положены в притворе в пещере преподобного Антония, где и доныне лежат тела их нетленно. Так исполнилось предсказание, которое слышали блаженные иконописцы от пречестной иконы Богородицы, когда явилась им печерская церковь в то время, как они пытались возвратиться в Царьград; Она сказала им: вы не выйдете оттуда, но, постригшись, там и умрете.

Прилично вспомнить здесь и о другом удивительном чуде, явленном Богом в то же время от пречестной чудотворной иконы Богородицы, находящейся в печерской каменной церкви Успения Божией Матери.

В Киеве жили два знатных мужа, – друзья между собою, – Иоанн и Сергий: однажды они, придя в печерскую церковь, увидели, что от чудотворной иконы Богородицы исходит свет, превышающий солнечный, и пред нею они подтвердили свое духовное братство клятвою. По прошествии многих лет, Иоанн смертельно захворал, оставляя после себя пятилетнего сына Захарию: призвав печерского игумена, блаженного Никона, он, в его присутствии, раздавал свое имение нищим, а сыновнюю часть – тысячу гривен серебра и сто гривен золота вручил Сергию; ему же он поручил и сына своего, как своему другу и верному брату, завещая, чтобы Сергий отдал его сыну серебро и золото, когда тот подрастет. Сделав это распоряжение, он вскоре преставился.

Когда Захарии исполнилось пятнадцать лет, он захотел взять у Сергия свое серебро и золото; но Сергий, искушаемый диаволом, захотел для приобретения богатства погубить свою жизнь. Он отвечал юноше:

– Отец твой всё имение отдал Богу, – у Него и проси золота и серебра; Он твой должник, и быть может сжалится над тобою; я же ни отцу твоему, ни тебе не должен ничего; отец твой, по

безумию своему, раздал всё имение свое нищим и оставил тебя без всяких средств.

Услышав это, юноша стал оплакивать свою бедность. Затем он отправил к Сергию просьбу, говоря:

– Отдай хотя половину из моего наследства, оставя себе другую, равную, часть.

Но Сергий жестокими словами поносил как отца Захарии, так и его самого. Захария потом просил третью часть или хотя даже десятую; видя же, что ничего нельзя получить, сказал Сергию:

– Если ты не брал ничего, то приди и поклянись мне пред чудотворною иконою Пресвятой Богородицы церкви печерской, пред которою ты заключил с моим отцом братский союз.

Сергий, не смущаясь, пошел в церковь и став пред иконою Пресвятой Богородицы клялся, что не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота. Когда же он захотел облобызать икону, то не мог приблизиться к ней. И вот, выходя из церкви, он начал кричать:

– Преподобные, Антоний и Феодосий, окажите мне защиту пред сим немилостивым Ангелом, который хочет меня погубить; молитесь пресвятой Богородице, чтобы Она отогнала от меня многих бесов, которым я предан, – пусть возьмут серебро и золото, запечатанное и скрытое у меня в клети.

На всех напал великий ужас, и с этого времени никому не позволяли клясться пред святой иконой Богоматери. Послали и нашли действительно запечатанный сосуд, и в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота. Так умножал наследие Господь – отдатель милостивым. Захария все деньги отдал игумену Иоанну, чтобы он употребил их, куда хочет; сам же постригся в Печерском монастыре и здесь окончил свои дни. На это серебро и золото была устроена вверху печерской церкви церковь в честь святого Иоанна Предтечи для поминовения болярина Иоанна и сына его Захарии, которым принадлежало серебро и золото.

Сказав о чудесах, сопровождавших украшение печерской церкви иконным письмом, скажем, как Вышний освятил селение Своей Матери.

В первый год игуменства тезоименного благодати блаженного Иоанна, при митрополите того же имени, чудотворно выстроенная и украшенная печерская церковь была освящена; освящение ее, по благодати Божией, сопровождалось такими чудесами. – Когда стали готовиться к освящению церкви, то увидели, что нет каменной доски для святого престола; несмотря на все усилия, не могли найти мастера, который бы мог ее сделать; поэтому принуждены были заменить каменную доску деревянной. Но митрополит Иоанн не хотел, чтобы в столь великой церкви на святом престоле лежала не каменная, а деревянная доска; это привело игумена и братию в сильную печаль, так как освящение церкви нужно было отложить на некоторое время. 13 августа иноки, по обычаю, пошли в церковь для совершения вечерни и вдруг увидели, что у алтарной преграды находится каменная доска и столпцы для устроения святого престола; об этом сейчас дали знать митрополиту; последний воздал хвалу Богу и приказал совершать вечерню на освящение. Долго и старательно искали, откуда и кем, по воде или посуху, привезена была доска, – и как она внесена в церковь, которая не отпиралась; но все усилия были напрасны. Тогда послали туда, где делаются этого рода вещи, три гривны серебра для уплаты мастеру за сделанную им каменную доску; но такой мастер, хотя его искали всюду, не находился; ибо каменную доску на трапезу в дом Матери Своей даровал Сам Творец и Промыслитель всякого блага; на ней именно Он желал во все дни за весь мир бысть закалаем. Но это не конец чудесам. На другой день утром, по чудотворном обретении помянутой доски, митрополит Иоанн был сильно опечален, что настало время освящению печерской церкви, и при нем нет ни одного епископа, ибо кафедры их были на далеком расстоянии от Киева, и вдруг неожиданно явились боголюбивые епископы: Черниговский Иоанн, Ростовский Исаия, Юрьевский Антоний, Белгородский Лука, хотя их никто и не звал; таким образом желание митрополита совершить освящение церкви вместе с епископами исполнилось. Митрополит чрезвычайно удивился, так как никого не посылал за епископами и спросил их:

– Зачем вы пришли сюда, когда вас не звали?

Епископы отвечали:

– Тобой, Владыко, были присланы к нам юноши, которые передали нам, что 14 августа будет освящаться печерская церковь и чтобы мы были готовы к совершению вместе с тобою литургии; и вот мы, по слову твоему, здесь. Антоний же Юрьевский добавил:

– Я был болен, и в эту ночь ко мне вошел черноризец, говоря: завтра освящается печерская церковь, – ты должен быть там; как только я услышал, сделался здоров и вот, по твоему повелению, здесь.

Митрополит намеревался разыскать людей, звавших их, но вдруг раздался голос:

– «Исчезоша испытающии испытания» (Пс.63:7).

Тогда он простер к небу руки, говоря

– О пресвятая, Госпоже Богородице! Как при Своем преставлении собрала Ты от концов вселенной Апостолов для большей славы Твоего погребения, так и теперь на освящение Своей церкви собрала наших сослужителей и наместников, благослови нас на сие дело и ради славы Сына Твоего и Своей помоги нам.

Все были в ужасе от таких чудес, которым, впрочем еще не конец.

Когда при освящении, обошедши три раза церковь, приблизились к дверям ее и начали петь: «Возьмите врата князи ваша», то никто из церкви в ответ на это не запел: «Кто есть сей царь славы?» – так как в церкви никого не оставили. Но после продолжительного молчания вдруг извнутри церкви раздалось пение, подобное Ангельскому: «Кто есть сей царь славы?» Стали доискиваться, что это за певцы, откуда они и как могли войти в церковь, когда двери ее были закрыты; но в церкви не нашли ни одного человека. И для всех стало очевидно, что всё это творится Промыслом Божиим; и все, вспоминая чудеса при создании печерской церкви, восклицали с Апостолом:

– «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?»

(Рим.11:33–34). – Так совершилось освящение печерской церкви в 6597 году от сотворения мира, от Р. Х. в 1089 году, во дни благоверного князя киевского Всеволода Ярославича, при чудотворном содействии, по молитвам Пречистой Своей Матери и преподобных отцов наших Антония и Феодосия, Самого Господа.

Действительно полно чудес, братие, повествование о печерской церкви, которую Господь показал в явлении прежде ее создания и которой из земли варяжской прислал от Своего честного образа венец и пояс, а в земле греческой подобие церкви показала Сама Пресвятая Богородица, прославшая свою икону и мощи святых мучеников. В истории ее создания, которая распадается на три части, – историю построения здания церковного, его украшения и освящения проявилось действие Святой Троицы. Сам Бог Отец, Ветхий деньми, назначенал место, где должна быть выстроена церковь, сушею, которая есть знак ветхости или старости; Сын, «иже сниде яко роса на руно», ниспослал росу, а Дух Святой, сошедший в огненных языках, ниспослал с неба огонь. Также и при украшении церкви Отец, создавший по своему образу человека, изобразил без руки человека – иконописца в алтаре мозаикою образ Пресвятой Богородицы, Сын – солнце правды наполнил тогда церковь сиянием, Дух Святой, явившийся в виде голубя, явил видение голубя, излетевшего из уст образа. Наконец, во время освящения Отец, некогда даровавший закон на каменных скрижалях, даровал камень для святого престола, Сын, архиерей седший превыше небес, собрал чудесным образом архиереев, Дух Святой – язык, вещавший во всю землю, – из середины церкви, когда там никого из людей не было, издал ответ. Если же Бог, поклоняемый в Троице, с такими чудесными знамениями благоволил соорудить Себе пречестную печерскую церковь во имя любимой Им Небесной Царицы, то, конечно, Он и пребывает с любовью здесь; с Ним пребывает и стоящая одесную Его Царица, Заступница и прибежище всех христиан, Пресвятая Богородица, как и Сама Она обещалась во Влахерне, говоря мастерам:

– Я и Сама приду видеть церковь и хочу жить в ней.

Так же и святые Божии, мощи которых лежат по церковными стенами, как недвижимое основание, неотступно пребывают в печерской церкви. Что скажем о ней? Поистине она свята и дивна и подобна небу. Поэтому нам должно воздать благодарение и похвалу отшедшим благоверным князьям, христолюбивым боярам, честным инокам и всем православным, имевшим усердие к святой печерской церкви. По молитвам преподобных отцов наших, Антония и Феодосия, да подаст благость и милость свою глава церкви Христос как им, так и нам, – чадам церкви православной; Христу Богу честь и слава со безначальным Его Отцом и пресвятым и благим и животворящим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Перенесение мощей преподобного отца нашего Феодосия

Память 14 августа

В восемнадцатый год с того времени, как преподобный отец наш, Феодосий перенесен был душою от земли на небо[5076], Господь благоволил, чтобы и тело его перенесено было из пещеры во святую и подобную небу печерскую церковь. Последнее совершалось таким образом.

Вся братия святой, великой и чудотворной печерской лавры, собравшись вместе с руководителем своим игуменом Иоанном, единодушно пришли, после совещания, к решению перенести из пещеры в великую каменную церковь честные мощи блаженного и богоносного Феодосия, мужа преподобного и высокого по жизни, чудного добродетелями и славного чудесами. Братия говорили между собою:

– Что мы напрасно лишаем себя отца и учителя своего? Не прилично нам быть лишенным пастыря, не подобает и пастырю оставлять порученные ему Богом овцы, чтобы дикий зверь не расхитил словесное стадо Христово. Нам, братие, следует постоянно иметь пред очами честную раку отца нашего, принося ему всегда достойное поклонение. Неудобно ему пребывать вне монастыря и церкви своей, ибо он положил ей основание и соединил монашествующих.

Затем все, как одними устами, сказали:

– Возьмем честные мощи любимого отца нашего и перенесем их из пещеры сюда: «зажегши свечу, – говорит Господь, – не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф.5:15).

После этого решения братия тотчас устроили место для положения честных мощей и поставили каменную раку. Приблизился праздник Успения Пресвятой Богородицы. За три дня до праздника игумен приказал идти в пещеру и раскопать место, где были положены честные мощи преподобного отца нашего Феодосия. Первый исполнитель этого дела и первый

самовидец честных мощей был блаженный Нестор, написавший настоящее повествование. Он сам о себе так свидетельствует:

– Я поведаю вам по истине и правде, – ибо я слышал не от других[5077], но сам был первым участником. Игумен, придя ко мне, сказал: «Пойдем, сын мой, к преподобному отцу нашему Феодосию» И пришли мы в пещеру совершенно ни для кого не заметно. Осмотревшись, мы назначили место, которое нужно раскопать и удалились. Потом игумен сказал мне: «Возьми на помощь себе кого хочешь из братии, и кроме этих избранных не говори никому, – пусть не знает никто из братии, пока честные мощи не вынесем на место пред пещерою».

Я в тот же день приготовил орудия для копания. Был вторник; глубоким вечером я взял с собою двух братьев, мужей чудной жизни, – более же никто не знал. Когда пришли в пещеру, то, сотворив молитву с поклонением, приступили, не медля, с пением псаломских песен, к делу. Копать начал я; после продолжительного труда, я вручил заступ другому брату. Так копали до полуночи и не могли обрести мощей святого. Тогда мы начали скорбеть и плакать: сначала думали, что святой не благоволит нам явить себя; эту мысль сменила другая, – не копаем ли мы в другой стороне? И вот я снова взяв орудие, начал копать еще прилежнее. Один из братьев, бывших со мною и находившийся пред пещерою, услышав удар в било[5078] церковное, призывающий на утреню, сказал мне, что уже ударили в церковное било. Я же в это время раскопал землю над честными мощами и отвечал брату: я уже, брат, прокопал землю. Когда же я сделал это, то меня объял великий страх и начал я восклицать:

– Ради преподобного Феодосия помилуй меня, Господи!

Затем я послал сказать игумену:

– Прииди отче, – изнесем честные мощи преподобного.

Игумен пришел с двумя братьями; я же прокопал еще более. И наклонившись мы увидели мощи, лежащие святолепно: все составы были целы, и их не коснулось тление; лицо светло, очи сомкнуты, уста соединены, власы же присохли к главе. Возложив на одр честные мощи, мы вынесли их пред пещеру.

Так говорит святой Нестор об участии своем (в обретении честных мощей); он же свидетельствует и о дивных делах Божиих, происшедших при этом.

В эту ночь в монастыре печерском бодрствовали два брата, сторожа, когда игумен тайно с неизвестным им братом перенесет честные мощи преподобного; и смотрели они прилежно по направлению к пещере; когда ударили к утрене в церковное било, они заметили, что три столпа, в виде как бы светозарных дуг, постояв над пещерою преподобного Феодосия, переместились на верх великой церкви, куда преподобный имел быть перенесен. Это видели и другие из иноков, идущих к утрене в церковь; видели и в самом городе многие из благочестивых граждан.

Досточудный Стефан, бывший, после преподобного Феодосия печерским игуменом, и затем устроивший монастырь на Клове и после этого, по изволению Божию, ставший епископом города Владимира, был тогда на Клове в своем монастыре; и в ту ночь он увидел через поле великую зарю над пещерою. Подумав, что это переносят честные мощи преподобного Феодосия (ему возвещено было за день о событии) он очень сожалел, что без него совершается перенесение. Он тотчас сел на коня и в сопровождении Климента, поставленного им вместо себя игуменом на Клове, быстро направился к пещере. На пути издалека они видели великую зарю, а когда начали приближаться, то заметили над пещерою многие свечи. Но придя к пещере, они не увидали ничего. Тогда поняли, что виденная ими Божественная светлость исходила от честных мощей преподобного Феодосия. Подойдя к дверям пещеры, Стефан и Климент увидели святого Нестора с братией, окружавших честные мощи.

На другой день по обретении честных мощей преподобного по изволению Божию собрались боголюбивые епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Порозский, – собрались и игумены всех монастырей (киевских) со множеством черноризцев; стеклось из города и множество благоверных людей, пришедших из города со свечами и фимиамом. И взявши

честные мощи святого Феодосия перенесли их в Богозданную пречестную церковь. И возрадовалась пречестная церковь, прияв своего светильника, так что свет дневной покрывался светом свечным. Затем святители прикасаясь, иереи припадая, иноки с народом притекая с любовью, лобызали мощи святого, воссылая Богу песнопения духовные, а преподобному принося благодарственное хваление. Итак, положили честные мощи в основанной преподобным Феодосием церкви Успения Пресвятой Богородицы, на правой стороне, – положили в четырнадцатый день августа месяца, в четверток, в первый час дня: и праздновали торжественно этот день. Не должно здесь обойти молчанием того обстоятельства, что в третий день по перенесении мощей преподобного отца нашего Феодосия сбылось следующее его пророчество.

Во дни игуменства единственною заботою преподобного Феодосия было, как бы возможно наилучшим образом управить врученное ему стадо; при этом он заботился не только о черноризцах, но и о спасении мирских людей, особенно о детях своих духовных; он утешал и наставлял приходящих к нему; иногда посещал домы их и подавал благословение. Среди вельмож находился духовный сын святого Феодосия, по имени Иоанн; жена его Мария и сам он были люди благочестивые, проводившие целомудренную жизнь. Блаженный отец придя однажды в дом к ним (он любил их, так как они жили по заповедям Господним и в любви между собою) начал поучать супругов о милостыне убогим, о Царствии Небесном, уготованном праведным, и о муках грешным, и многое другое говорил им от Божественного писания, пока слово не дошло до положения во гроб тела. Воспользовавшись этим словом преподобного, благочестивая жена Иоанна сказала ему:

– Отче честный! Кто знает, где будет положено мое тело?

Боговдохновенный же Феодосий, исполнившись пророческого дара, отвечал ей:

– Истину говорю тебе: где мое тело будет положено, там и ты, по прошествии нескольких лет, почиешь.

Что и сбылось в восемнадцатый год по преставлении святого, когда перенесли честные мощи его; в это время

преставилась жена Иоанна Мария. Мощи преподобного Феодосия были перенесены в 14 день августа месяца, а она в шестнадцатый день того же месяца и года была положена в той же печерской церкви против гроба преподобного Феодосия, на левой стороне. Затем, в пятнадцатый год по перенесении мощей преподобного Феодосия преставился и муж Марии, великий боярин Иоанн, уже маститый девяностолетний старец, сын храброго воеводы Вышаты, внук воеводы Остромира и сам довольно продолжительное время бывший воеводою; Иоанн был праведник и не худший своих предков, как человек благий, кроткий, смиренный, удалявшийся от зла. Он был положен у головы своей жены против гроба того же преподобного Феодосия, так что и на нем исполнилось пророчество блаженного отца о положении там же, где лежит и его тело.

Уместно здесь вспомнить и о следующем. Господь, прославляющий прославляющих Его и благоволивший к перенесению мощей преподобного Феодосия из темной пещеры в святую печерскую церковь в восемнадцатый год от преставления Его, желая еще более прославить угодника Своего, благоволил к перенесению его именем и почитанием из темного неведения во все православные церкви, также в восемнадцатый год от перенесения из пещеры, – да светит сей светильник всему миру.

Сердцеведец возложил на сердце блаженному Феоктисту, печерскому игумену, озаботиться о том, чтобы имя преподобного Феодосия было вписано в синодик или соборник церковный, и чтобы он причтен был к лику древних преподобных отцов и всех святых, которым православная церковь совершает празднество повсюду. Блаженный Феоктист начал напоминать об этом благоверному великому князю Михаилу-Святополку Изяславичу[5079]: он просил его повелеть преосвященному митрополиту Никифору[5080] собрать Освященный собор епископов, игуменов и весь церковный клир и сообщить им причину собрания, и тогда пусть совершится всё, как будет угодно Богу. Митрополит с удовольствием внял речи князя, собрал епископов, игуменов и весь клир церковный и сообщил им о предполагаемом чествовании преподобного

Феодосия. Князь же великий поведал всем отцам собора о житии преподобного. Тогда все единодушно и единогласно решили издать определение, чтобы преподобный Феодосий почитался в православной (русской) церкви, как равный всем, уже почитаемым повсеместно святым. Преосвященный митрополит повелел епископам, чтобы каждый из них во всех церквах своей епархии вписал имя преподобного Феодосия в соборник святых. Епископы с радостью исполнили это: вписали имя преподобного Феодосия и начали воспоминать его во всех храмах, молясь ему и ежегодно совершая с похвалами день торжества его во славу всё дарующему Богу и угоднику Его, дароименитому Феодосию.

Блаженному же Феоктисту, с усердием потщавшемуся послужить отцу своему, преподобному Феодосию, – вписать в соборник имя его, Господь воздал по трудам: спустя немного времени, он был избран во епископа богоспасаемого града Чернигова и хиротонисан тем же преосвященным митрополитом Никифором. Когда он вступил на свой престол, тогда христолюбивый князь Давид, княгиня, бояре и все люди приняли его с неисповедимою радостью, как сотворившего неисповедимую радость церкви вписанием в соборник имени преподобного Феодосия. Ради его молитв и мы, с блаженным Феоктистом, ожидаем услышать радостный призыв: «радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк.10:20)

Поместим здесь же и сказание блаженного епископа Симона[5081] о чудотворном украшении золотом и серебром честной раки преподобного отца нашего Феодосия, который своими честными перенесенными мощами как бы золотом и серебром нетленным украсил святую печерскую церковь, а прочие церкви православные украсил почитанием своего честного имени. Было это так. Спустя довольно продолжительное время по пренесении мощей преподобного Феодосия, сын Симона и внук Африкана, варяжских князей, тысяченачальник Георгий, управлявший областью в земле Суздальской от князя Георгия Владимировича Мономаховича, захотел украсить честную раку преподобного Феодосия в знак своей великой любви к нему. Он послал из Суздаля в Киев, в

Печерский монастырь, одного из своих бояр, именем Василия, и вручил ему, для окования раки преподобного, пятьсот гривен[5082] серебра и пятьдесят гривен золота. Взяв серебро и золото, Василий с неохотой отправился в путь, проклиная свою жизнь и день своего рождения:

– Что это, – говорил он, – задумал господин наш погубить такое богатство? И какая награда будет ему за то, что он обложит гроб мертвого? Как видно, собрал он без труда – понапрасну и расточает. Но горе именно мне, не осмелившемуся ослушаться своего господина, – зачем я оставил дом свой и ради кого шествую этим горьким путем? Получу ли от кого честь? – ведь я послан не к князю, ни к какому-либо вельможе. Что скажу той горсти каменной? И кто мне ответит? Кто не посмеется над моим безумным приходом? Так и многое другое говорил Василий к сопровождавшим его. Святой же Феодосий явился ему во сне, говоря с кротостью:

– О чадо! Я хотел вознаградить тебя за труд твой; но если ты не покаешься, много потерпишь неприятностей.

Однако, Василий не оставлял ропота, и Господь навел на него великую беду за его грехи: все кони подохли, а имущество, кроме посланного сокровища, украли воры. Тогда Василий взял пятую часть от сокровища, состоящего из золота и серебра, посланного для окования раки святого; он издержал это на надобности себе и коням, не догадываясь, при этом, о наказании, постигшем его за хулу. Когда же он был в Чернигове, то упал с коня и так сильно разбился, что не мог даже и рукою двинуть. Сопровождавшие Василия положили его на колесницу и привезли под Киев уже вечером. И в ту ночь явился Василию святой Феодосий, говоря:

– Василий! разве ты не слышал слов Господа: «приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк.16:9); и: «кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф.10:41). Доброе дело замыслил сын мой Георгий; с ним и тебе, за твой труд, предстояло увенчаться, и такую славу не всякий получит, какой ты имел быть сообщник с Георгием. Теперь же ты всего лишился; но всё-таки не

отчаивайся в своей жизни, хотя ты не можешь исцелиться другим образом, кроме как покаявшись в своих согрешениях. Прикажи внести себя в печерский монастырь, в церковь Пресвятой Богородицы, и пусть положат тебя на мою раку и будешь здоров; золото же и серебро, издержанное тобою, найдешь в целости.

Это сказал преподобный Феодосий Василию, явившись явно, а не во сне. Наутро же пришел к Василию со всеми боярами князь Георгий Владимирович; увидев его в сильном недуге, он с печалью удалился. Василий же, уверовав в видение святого, приказал вести себя в печерский монастырь. Когда они были у берега, вошел кто-то незнакомый к игумену печерскому и сказал:

– Иди скорее на берег, приведи Василия и положи его на гробе преподобного Феодосия; когда он вручит тебе сокровище, обличи его пред всеми, что он взял пятую часть из него; и если покается, прости его. С этими словами сказавший стал невидим. Игумен Тимофей стал доискиваться относительно человека, пришедшего к нему; но никто не видел его входящим и выходящим. Игумен пошел к Днепру, привел Василия и положил его на раке святого Феодосия; и Василий восстал цел и здрав. Он стал давать игумену порученное ему сокровище, говоря:

– Вот, ты найдешь здесь четыреста гривен серебра и сорок золота.

Игумен же сказал ему:

– Чадо! а где еще сто гривен серебра, и десять золота?

Василий начал каяться и сознался:

– Это я взял и издержал; потерпи, отче, и всё возвращу тебе; думал я утаить это от всевидящего Бога.

Тогда высыпали золото и серебро из сосуда, где оно находилось под печатью, сочли пред всеми и нашли в целости, – пятьсот гривен серебра и пятьдесят золота; и все прославили Бога и святого Феодосия. Тогда Василий начал по порядку рассказывать о явлениях ему святого и о его деяниях о нем. Утром князь, взяв с собою врачей, пришел к месту, где видел больного Василия, желая лечить его, и не нашел. Узнав, что

Василий отвезен в печерский монастырь и подумав, что он уже умер, князь с поспешностью отправился в обитель и здесь нашел Василия, – точно он и не болел. Услышав от него о дивных чудесах, князь и ужаснулся и исполнился духовной радости; он пошел поклонился чудотворному гробу преподобного отца нашего Феодосия и удалился. Услышав об этом, Георгий Симонович, тысяченачальник, еще более возгорелся любовью к пресвятой Богородице и к святому Феодосию; к своему великому дару он присоединил еще гривну[5083], которую сам носил и в которой было сто гривен золота; при этом он написал следующее:

– Вот я, Георгий, сын Симона, раб Пресвятой Богородицы и святого Феодосия, благословенный его святою рукой, болел некогда три года глазами и не видел луча солнечного, но по слову преподобного исцелел, – ибо я слышал из уст его: «прозри!» и прозрел. Ради этого я пишу сию эпистолию (т.е. письмо) последнему роду своему, да никто не отлучает себя от обители Пресвятой Владычицы Богородицы и преподобных отцов, Антония и Феодосия Печерских; их молитва приносит заступление и в селах обители: когда мы с половцами[5084] пришли на Изяслава Мстиславича, то издали увидали высокий город, и тотчас отошли от него. Но никто не знал, что это за город; из половцев же, бывших около него, было много раненых, и бежали мы от того города. После же мы узнали, что то было село печерской обители; города же там никогда и не бывало; да и сами, жившие в селе том, не знали о происшедшем; выйдя утром, они увидели, что было кровопролитие и сильно удивлялись. Потому я и пишу вам, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия: он обещал отцу моему Симону молиться о нас, как молится о своих черноризцах; и написал он молитву, которую отец мой повелел, когда его будут класть во гроб, вложить в свою руку, в ожидании исполнения того обетования, о чем, явившись одному из богоносных отцов, сказал так:

– Скажи сыну моему Георгию, что я восприял благая по молитвам святого, – и ты, сын мой, следуй за мною добрыми делами.

– Кто не пожелает благословения и молитвы святого Феодосия и уклонится от него, тот возлюбит клятву, – и да приидет она на него.

Здесь конец эпистолии вышепомянутого Георгия христолюбца; и нам, оканчивающим настоящее сказание, должно научиться от него, – да не уклонимся благословения и многопоспешествующей молитвы преподобного отца нашего Феодосия, но приблизимся к нему добрыми делами, и он приблизится к нам. И таким образом не убоясь клятвы, получим благословение, как наследники царства, уготованного от сложения мира Господом нашим Иисусом Христом, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святого пророка Михея

Память 14 августа

Святой Михей, первый пророк этого имени, происходил из колена Ефремова и был сын Иемблая. Он жил во дни святого пророка Илии, когда над израильтянами в Самарии царствовали Ахав с Иезавелью, а над Иудеями в Иерусалиме – Иосафат. В это время потомки двенадцати сынов Иакова разделились на два царства: одно называлось царством Иудейским, – в состав его входили колена Иудово и Вениаминово, а столицей был Иерусалим; другое же называлось Израилевым и включало в себя остальные десять колен еврейского народа; столицей этого царства служила Самария. В Израильском царстве находилось и колено Ефремово, к которому принадлежал по происхождению и святой пророк Михей. Он часто обличал израильского царя Ахава в тех же грехах, в каких и святой пророк Илия, т.е. или за отпадение его от Бога в идолопоклонство, или за содеваемые им неправды. Царь ненавидел пророка-обличителя, но не смел его убить: царя удерживали боязнь наказания Божия, стыд пред невинностью праведного мужа и страх, что сбудутся его пророческие предсказания. Впрочем пророк, уступая несправедливому гневу царя, удалялся из столицы и почасту жил в горах: он опасался, как бы, многократно являясь к царю и обличая его, не возбудить в последнем ни пред чем не останавливающегося гнева.

В эти дни между домом царя израильского Ахава и домом царя иудейского Иосафата завязались родственные отношения: Иосафат взял у Ахава дочь его Афалию за своего первого сына Иорама. Побуждаемый родственною любовию Иосафат из Иерусалима прибыл в Самарию к Ахаву. Во время торжества в честь гостя Ахав просил Иосафата помочь ему на войне против ассирийского царя, чтобы отнять у него Рамоф Галаадский; этот город издавна был израильским, но царь ассирийский отнял его силою. Иосафат, обещая сам идти на войну вместе с Ахавом, сказал:

– Как ты, так и я, как твой народ, так и мой народ: иду с тобою на войну. Но сначала вопросим Господа Бога: будет ли для нас благополучна эта война?

И тотчас Ахав собрал своих нечестивых и ложных пророков, числом 400; главою этих лжепророков был Седекия, сын Ханаана. Все они ободряли Ахава надеждой на успех, говоря:

– Иди, – Бог предаст в твои руки не только город Рамоф, но и самого ассирийского царя.

Но царь иудейский Иосафат, как человек благочестивый и верный Богу, понял, что среди этих пророков нет ни одного истинного, но что все они льстецы и потаковники, поэтому Иосафат сказал Ахаву:

– Нет ли здесь хотя одного такого пророка Господня, которого бы мы вопросили и он ответил нам правду?

Ахав отвечал:

– Есть один муж, который может вопросить Господа и открыть нам истину, – это Михей, сын Иемвлая, но я ненавижу его, так как он всегда предсказывает мне одно только зло.

– Не говори так, – возразил Иосафат Ахаву, – но призови, послушай его и не гневайся на его обличения.

И тотчас Ахав послал за пророком Михеем, который в то время пришел из пустынных гор в Израиль. Оба же царя сидели во всём своем величии на престолах у ворот Самарии, а лживые пророки прорицали пред ними. Причем глава их Седекия сделал железные рога и, протрубив, сказал Ахаву:

– Так говорит Господь: этими рогами ты уничтожишь и истребишь Сирию.

Точно так же и остальные лжепророки говорили:

– Иди в Рамоф Галаадский и победишь ассирийского царя: Господь предаст его тебе в твои руки.

Между тем посол, отправленный к пророку Михею, сказал ему:

– Вот все пророки предсказывают царю доброе; прошу тебя, говори и ты то же с ними, чтобы твои слова не расходились с их словами.

– Жив Господь! – отвечал пророк Михей, – и что скажет мне Сам Господь Бог мой, то именно я и скажу царю.

И вот, придя, святой Михей стал пред израильским царем Ахавом, который спросил его:

– Послушай, Михей, – идти ли мне в Рамоф Галаадский на войну или должно удержаться?

Пророк, не тотчас отвечая на вопрос царя и желая его привлечь к более усердным вопросам, сказал:

– Идите, – будет вам успех, и они преданы будут в руки ваши.

Ахав, видя, что пророк говорит не с дерзновением, обратился к нему:

– Усиленно заклинаю тебя: скажи мне истину как пред Господом.

Тогда святой Михей сказал с дерзновением:

– Я видел всех сынов Израиля, рассеянных по горам как овец, у которых нет пастыря.

Этими словами пророк предсказывал, что войско израильское на войне лишится своего пастыря, т.е. царя: он будет убит и все, как овцы волками будут разогнаны ассирийскими войсками по горам и пустыням. И сказал Ахав царю Иосафату:

– Не говорил ли я тебе, что он не пророчествует о мне доброго, а только худое?

Святой Михей продолжал:

– Так выслушайте слово Господне: я видел Господа, сидящего на престоле Своем, и всё воинство небесное стояло по правую и по левую руку Его. И сказал Господь: кто увлек бы Ахава, царя израильского, чтобы он пошел и пал в Рамофе Галаадском? И один (из предстоящих) говорил так, другой говорил иначе. И выступил один дух и стал пред лицем Господа, и сказал: я увлеку его. И сказал ему Господь: чем? Тот сказал: я выйду и буду духом лжи в устах всех пророков его. И сказал Он (Господь): ты увлечешь его и успеешь; пойди и сделай так. Знай царь, – говорил пророк, – что дух лжи в устах пророков твоих, и Господь изрек о тебе недоброе.

Во время этих слов пророка подошел лжепророк Седекия и ударил по щеке святого Михея, проговоривши:

– Какой Дух Господень сказал тебе всё это.

– Вот ты увидишь это, – отвечал святой Михей, – в тот день, когда из страха пред ассириянами будешь бегать из комнаты в комнату, чтобы скрыться хотя в доме своем.

Переполненный гневом, Ахав велел взять пророка Михея и посадить в темницу и там кормить «хлебом печальным» и поить «водою печальною», т.е. давать ему хлеба и воды в таком малом количестве, чтобы пророк только не умер от голода и жажды, а остался жив до возвращения царя, который хотел предать его мучениям. Царь так и сказал:

– Держите его, пока я не возвращусь в мире.

Святой Михей отвечал царю:

– Если ты возвратишься в мире, то не Господь говорил через меня.

Затем святой Михей обратился к народу и громко сказал:

– Слушайте это все люди!

Святой пророк был посажен в темницу, находившуюся в столице царства израильского, – Самарии. Царь же Ахав отправился на войну, где и был убит согласно пророчеству святого Михея; об этом подробно сообщается в 22 главе Третьей книги Царств и в 18 главе Второй книги Паралипоменон. По смерти Ахава воцарился сын его Охозия.

О кончине святого пророка Михея ничего не говорится в святом Писании; лишь в прологе сообщается, что он будто бы был убит Иорамом, сыном Ахавовым; но уже раньше замечено, что Иорам был зять, а не сын Ахава. Однако весьма вероятно, что святой пророк Михей умер мученическою смертью от кого-либо из мучителей: ибо жена Ахава Иезавель, оставшаяся после мужа вдовою, и сын его Охозия, принявший после отца царство и зять, царь иерусалимский Иорам, – все они не могли чувствовать расположения к предсказавшему погибель Ахава. Память пророка Михея в Великой Минее Четии и в Киевских месяцесловных святцах полагается в пятый день месяца января. И в Минее Четии о нем говорится, что за обличение беззакония он был убит и брошен в пропасть: ближние святого Михея извлекли его честное тело оттуда и предали погребению в своей земле, близ гроба одного странствовавшего пророка. По прошествии 150 лет, быть может и более, по первом пророке

Михее, явился (в VIII в. до Р. Хр.) другой святой пророк того же имени, память которого и совершается ныне.

Он происходил из колена Иудова; родиной его было местечко Морасфи близ города Елевферополя; отсюда святой пророк получил и свое прозвание Морасфитянин. Он пророчествовал в Иерусалиме во дни царей иудейских Иоафама, Ахаза и Езекии; в это же время жил и святой пророк Исаия. Святой Михей обличал своих единоплеменников, что они, уклонившись в идолопоклонство, забыли истинного Бога и усвоили нечестивые обычаи язычников. С сердечным сокрушением говорил им пророк, обращаясь от лица Божия:

– Люди Мои, что Я сделал вам? чем оскорбил вас? чем досадил вам? – Отвечайте мне. Или за то, что Я вывел вас из земли египетской и избавил от рабства, вы оставили Меня и признали своими богами языческих идолов?

Обличая также притеснения, неправды, грабительства и обиды, причиняемые князьями, судьями и старейшинами убогим и нищим, святой Михей говорил:

– Слушайте главы дома Иаковлева, ненавидящие добро и ищущие зло, не вам ли должно прилагать все усилия, чтобы творить праведный суд? Вы же до того несправедливо притесняете совершенно неповинных нищих и убогих, что содрали с них кожу, истолкли их кости и раздробили тело, – точно хотите вложить их в котел для приготовления снеди. Слушайте же это, главы дома Иаковлева, гнушающиеся правосудием и искривляющие всё прямое, созидающие Сион кровью и Иерусалим – неправдою!

Так пророк обличал грешных и, видя их неисправление, оплакивал погибель их, взывая со стенаниями:

– Горе мне! Ибо со мною теперь – как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды (так нет угождающих Богу!). Увы, душа моя! Не стало милосердых на земле, нет праведных между людьми; все строят ковы, чтобы проливать кровь; каждый ставит брату своему сеть. Руки их обращены к тому, чтобы уметь делать зло; начальник требует подарков, и судья судит за взятки.

Оплакивая при обличении нечестивых их нераскаянность, пророк предсказывал грядущий на них гнев Божий: он постигнет сначала столицу израильского царства Самарию, так как здесь началось идолопоклонство и нарушение закона Божия, и языческое нечестие; затем подобному же наказанию подвергнется Иерусалим, – правосудие Божие судило прийти в разорение Самарии от ассириян, а Иерусалиму – от халдеев. И снова рыдал пророк говоря:

– Увы, увы мне! Посещение Божие наступает!

Но между подобными печальными предсказаниями пророк Божий возвестил и радостное, что Пастырь и Спаситель душ наших, Господь Иисус Христос родится в Вифлееме: «И ты, Вифлеем Евфрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле». (гл. 5, ст. 2).

Остальные предсказания сего святого пророка Божия изложены в пророческой книге его имени.

Как, по совершении своего пророческого служения, окончил свою жизнь святой Михей мы не имеем определенных сведений, но не думается, что он умер мученическою смертью. В книге святого пророка Иеремии сообщается, что когда священники вместе с ложными пророками и множеством народа хотел убить святого Иеремию, то некоторые из старейшин защищали его, говоря собранию:

– Михей Морасфитянин пророчествовал во дни Езекии, царя иудейского, и сказал всему народу иудейскому: так говорит Господь Саваоф: Сион будет вспахан, как поле, и Иерусалим сделается грудою развалин, и гора дома сего – лесистым холмом. Умертвили ли его за это Езекия, царь иудейский, и весь Иуда? Не убоялся ли он Господа и не умолял ли Господа? И Господь отменил бедствие, которое изрек на них, а мы хотим сделать большое зло душам нашим.

Из этих слов можем видеть, что святой пророк Михей не был убит, но, по окончании своей богоугодной жизни, в мире почил. Он умер и был погребен на своей родине, – Морасфе. По прошествии очень многих лет его честные мощи вместе с мощами пророка Аввакума были обретены в царствование

Феодосия Великого по откровению Божию Зевину, епископу Елевферопольскому. За всё сие да будет Богу нашему слава всегда, ныне и присно, и вовеки. Аминь.

Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

Память 15 августа

По совершении Господом спасения рода человеческого и вознесении Его на небо, пречистая и преблагословенная Дева Мария, Матерь Божия и Ходатаица нашего спасения, среди первых христиан жила довольно продолжительное время; Она исполнялась великой духовной радости, взирая на расширение по всей вселенной Церкви Христовой и на распространение до пределов земли славы Сына и Бога Своего; в эти начальные дни жизни Церкви христианской Пресвятая Богородица воочию увидела исполнение Своих слов, что Ее будут ублажать все роды (Лк.1:48), – христиане, повсюду славившие Христа Бога, ублажали и Его Пречистую Матерь, тогда еще обитавшую на земле.

Пресвятая Богородица приблизилась к пречестному и славному успению Своему уже исполненная дней[5085]; Она Сама желала скорее отойти от тела и войти к Богу. Душа Ее всегда была объята одним непрестанным желанием увидеть сладостное лицо Сына Своего, Сидящего одесную Отца на небесах (Евр.1:3); горя к Нему несравненно большею любовию, нежели Серафимы[5086]. Матерь Божия, изливая из святых своих очей потоки слез, тепло молилась Господу, чтобы Он взял Ее из этой юдоли плача в горние[5087] блаженные обители. Живя в доме святого Иоанна Богослова на Сионе[5088], Она часто удалялась отсюда на гору Елеонскую[5089], – место вознесения на небо Сына Своего и Господа; здесь в одиночестве Она возносила Ему Свои усердные молитвы. И вот однажды во время такой уединенной молитвы Богоматери на горе Елеонской о том, чтобы Господь скорее послал Ей кончину и взял к Себе на небо, пред Нею предстал Архангел Гавриил[5090], служивший Пресвятой Богородице с первых дней Ее детства: он питал Ее во Святая Святых, принес Ей благую весть о рождении от Нее Сына Божия (Лк.1:27–38), неотступно охранял Ее во всё время жизни Ее на земле. Со светлым лицом передал небесный

посланник Пресвятой Богородице радостные для Нее слова Господа, что вскоре, – по прошествии трех дней, – Она отойдет ко Христу Богу. Возвещая Пречистой Деве час смертный, Архангел говорил Ей, чтобы Она не смущалась, а с радостью приняла его слова, ибо они призывают Ее в бессмертную жизнь к вечному Царю славы:

– Сын Твой и Бог наш, – говорил Архангел, – с Архангелами и Ангелами, Херувимами и Серафимами, со всеми небесными духами и душами праведных приимет Тебя, Матерь Свою, в Небесное Царство, чтобы Ты жила и царствовала с Ним бесконечное время.

В знамение торжества Богородицы над смертью, то есть что над Нею не будет иметь власти смерть телесная, как не обладала Ею смерть душевная, и – что Она, точно сном уснувши смертью на малое время, скоро, как пробудившись, восстанет и, отгнав от Себя смерть как от глаз дремоту, узрит при свете лица Господня бессмертную славу и жизнь, куда и отойдет при радостных кликах с веселием духовным, – в знамение всего этого Архангел вручил Пресвятой Деве райскую ветвь: это была, сияющая светом небесной благодати, ветвь от финиковой пальмы; ее должны были, как сказал Архангел, нести пред одром Богоматери, когда пречестное и пречистое тело Ее будет несено для погребения. Преблагословенная Матерь Божия исполнилась несказанной радости и духовного восторга, ибо что могло быть для Нее радостнее и приятнее жительства на небе с Сыном Своим и Богом и – блаженства при созерцании Его сладостного лика? Пав на колена, Она начала усердно благодарить Творца Своего:

– Я не была достойна, – молилась Пресвятая Богородица, – приять Тебя, Владыко, в утробу Мою, если бы Ты Сам не помиловал Меня, рабу Твою; Я соблюла вверенное Мне сокровище и поэтому имею дерзновение просить Тебя, Царь славы, чтобы Ты охранил Меня от области геенской[5091]: если небо и Ангелы трепещут пред Тобою, то тем более созданный из персти человек, не имеющий за собою никаких заслуг кроме дарованных Твоею же благостию; Ты, Господь и Бог, благословенный вовеки.

Пречистая Владычица при исходе Своем из этой жизни желала видеть святых Апостолов, уже разошедшихся с евангельскою проповедью по вселенной; Она молила Господа и о том, чтобы в час кончины Своей Ей не видеть князя тьмы и ужасных слуг его, но чтобы Сам Сын Ее и Бог, исполняя Свое обещание, пришел и принял Ее душу в свои святые руки. Когда Владычица наша, преклоняя колена, возносила на горе Елеонской Творцу Своему молитвенные просьбы и благодарения, то молитва Ее сопровождалась таким чудесным явлением: масличные деревья, стоявшие на горе Елеонской, точно одушевленные кланялись, вместе с Богородицей: когда Матерь Божия преклоняла колена, тогда и деревья пригибались книзу; когда Она восставала, тогда и они снова выпрямлялись; деревья, как рабы, служили Богородице, почитая Богоматерь.

По окончании молитвы Пресвятая Богородица возвратилась домой, и тотчас всё сотряслось от присутствия невидимой силы Божией, окружавшей Богоматерь, и – от славы Господней, которою Она была осияваема. Лицо Ее, и всегда сияющее благодатию Божиею более чем лицо Моисея, говорившего некогда с Богом на Синае (Исх.34:30), просветилось еще более несказанною славою. – Преблагословенная Владычица начала готовиться к Своей кончине. Прежде всего Она сообщила о ней усыновленному Ей возлюбленному ученику Христову Иоанну и показала ему светящуюся райскую ветвь, завещая ему именно нести ее пред Своим одром; затем Пресвятая Дева сообщила о том же и прочим, служившим Ей домочадцам. Потом Она повелела наполнить Свою горницу благоуханием, приготовить и зажечь в ней возможно более светильников, украсить как самую горницу, так и стоящий в ней одр, – словом, устроить всё нужное для погребения. Святой Иоанн Богослов тотчас послал к святому Иакову, брату Господню и первому епископу иерусалимскому, а также – ко всем родственникам и ближним, сообщая о скором, – с точным обозначением дня, – отшествии Матери Божией. Святой Иаков не замедлил известить всех христиан, живших не только в Иерусалиме, но и в окрестных городах и селениях, так что с епископом Иерусалимским собрались ко Пресвятой Богородице все родственники и

великое множество верующих обоего пола. Пречистая Владычица во всеуслышание поведала собравшимся слова, сказанные Ей Архангелом о переселении Ее на небо и в подтверждение показала полученную от Своего благовестника райскую ветвь, которая, как солнечный луч, сияла светом небесной славы. Слыша из уст Самой Богородицы весть о скорой Ее кончине, окружавшие Ее верующие не могли удержаться от слез: весь дом наполнился плачем и рыданиями; все умоляли милосердую Владычицу, как общую всех Матерь, не оставлять их сиротами. Но Матерь Божия просила не плакать, а радоваться Ее кончине, так как, ставши ближе к Божию престолу, лицом к лицу взирая на Сына Своего и Бога и беседуя с Ним уста к устам, Она может по смерти с большим дерзновением умолять Его о милосердии и благости; при этом преблагословенная Богородица обещала не оставлять сиротами по Своем отшествию и не только их, но и весь мир: Она весь мир будет посещать, внимая его нуждам и помогая бедствующим. Утешительные слова Богородицы отерли слезы плакавших и утишили их печаль. Пречистая Владычица сделала затем завещание относительно двух Своих одежд, чтобы они отданы были двум бедным вдовицам, которые с усердием, получая от Нее пропитание, служили Ей. О Своем пречистом теле Матерь Божия завещала, чтобы оно было погребено в лежащем при горе Елеонской, недалеко от Иерусалима, Гефсиманском саду[5092], где находилась гробница праведных родителей Ее, Иоакима и Анны, и Обручника Ее святого Иосифа; эти гробницы примыкали к простиравшейся между Иерусалимом и горой Елеонской долине Иосафатовой, бывшей местом общего погребения для бедных жителей Иерусалима.

Во время этих предсмертных распоряжений Пресвятой Богородицы внезапно послышался шум, по силе напоминавший раскаты грома, и облака окружили дом святого Иоанна Богослова, – то, по повелению Божию, Ангелы восхитили разошедшихся с проповедью Евангелия по концам вселенной Апостолов и на облаках принесли их в Иерусалим, поставив на Сионе пред дверями дома, где обитала Матерь Божия. Святые

Апостолы, видя друг друга, радовались и вместе с тем удивлялись, говоря:

– Что за причина, ради которой Господь собрал нас вместе?

К ним вышел святой Иоанн Богослов и с радостными слезами приветствовал их, сообщая, при этом, о скором преставлении Пресвятой Богородицы. Тогда святые Апостолы поняли, что Господь собрал их с различных концов вселенной для присутствия при блаженной кончине Пречистой Его Матери, чтобы они с честью предали погребению Ее пречистое тело. Весть о скорой кончине Матери Божией переполнила сердца святых Апостолов сильною скорбью. Войдя внутрь дома, они увидели Богородицу с радостным лицом сидящую на одре; святые Апостолы приветствовали Ее словами:

– Благословенна Ты от Господа, сотворившего небо и землю!

– Мир вам, братья, избранные Самим Господом! – отвечала Пречистая Владычица.

И потом спросила:

– Как вы прибыли сюда?

Святые Апостолы открыли Ей, что каждый из них был восхищен силою Духа Божия с места своей проповеди и принесен на Сион на облаке. Матерь Божия прославила Бога, услышавшего Ее молитву и исполнившего Ее сердечное желание, – видеть при Своей кончине святых Апостолов.

– Господь, – говорила Она, обращаясь к ним, – привел вас сюда для утешения Моей души, которой предстоит, как требует того смертная природа, скорое разлучение с телом: уже приблизилось предопределенное Мне Моим Создателем время.

Они же в ответ на это с печалью говорили Ей:

– Во время Твоего пребывания на земле мы, Владычица, утешались, взирая на Тебя, как на Самого Владыку и Учителя нашего, а теперь, лишаясь Твоего присутствия, как вынесем тяжелую скорбь, объявшую наши души? Но Ты отходишь в премирные обители по изволению рожденного Тобою Христа Бога, и мы не можем не радоваться решению Божию о Тебе, хотя вместе с тем не можем не оплакивать и своего сиротства, ибо более не увидим Тебя, Матерь и Утешительницу нашу.

При этих словах святые Апостолы обливались слезами.

– Не плачьте, – утешала их Пресвятая Богородица, и Моей радости, друзья и ученики Христовы, не омрачайте свою скорбью, – лучше радуйтесь вместе со Мною, так как я отхожу к Сыну Моему и Богу. Тело Мое, которое Я Сама уготовала для погребения, предайте земле в Гефсимании, а затем опять возвращайтесь к возложенной на вас проповеди Евангелия; Меня же, если изволит Господь, и по Моем отшествии увидите.

Во время этой беседы Богоматери со святыми Апостолами прибыл и избранный Богом сосуд, – святой Апостол Павел: припав к ногам Пресвятой Богородицы, он отверз свои уста, восхваляя и ублажая Ее:

– Радуйся, – говорил святой Апостол, – Матерь Жизни и мое проповедание; если я до вознесения Господа Иисуса Христа не мог насладиться лицезрением Его здесь, на земле, то, взирая теперь на Тебя, думаю, что вижу как бы Его.

С Апостолом Павлом были и близкие его ученики Дионисий Ареопагит[5093], Иерофей[5094] и Тимофей[5095]; присутствовали и остальные, из числа семидесяти, Апостолы, – все были собраны Святым Духом, чтобы сподобиться благословения Пречистой Девы Марии и своим присутствием содействовать большей торжественности Ее погребения. Пречистая Владычица каждого из святых Апостолов призывала к Себе по имени, восхваляя веру и подвиги при благовестии о Христе Иисусе; каждому Она желала вечного блаженства и молилась о мире всего мира.

Настал пятнадцатый день августа месяца, и приблизился ожидаемый всеми благословенный час, – это был третий час дня, – отшествия Пресвятой Богородицы. В горнице возжено было множество светильников; святые Апостолы возносили славословие Богу; пренепорочная же Дева возлежала на украшенном одре, приготовляясь к блаженной кончине и ожидая пришествия к Себе возлюбленного Сына Своего и Господа. Внезапно в горнице заблистал несказанный свет Божественной славы, помрачивший светильники. Те, которым открыто было это видение, пришли в ужас. Они видели, что кровля горницы открыта и слава Господня нисходит с небес, – Сам Царь славы Христос со тьмами Ангелов и Архангелов, со всеми небесными

силами, со святыми праотцами и пророками, некогда предвозвещавшими о Пресвятой Деве, и со всеми праведными душами приближался к Пречистой Своей Матери. Увидев приближение Сына, Матерь Божия в великой радости воскликнула слова Своей песни:

– «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей» (Лк.1:46–47).

И приподнявшись с одра, как бы пытаясь идти в сретение Сыну Своему, Она поклонилась Господу. Он же, приблизившись и с любовию взирая на Нее, говорил:

– Приди Ближняя Моя, приди Голубица Моя, приди драгоценное Мое сокровище и войди в обители вечной жизни.

Матерь Божия, поклонившись, отвечала:

– Благословенно имя Твое, Господи славы и Боже Мой, благоволивший избрать смиренную рабу Свою для служения таинству Твоему; помяни Меня, Царь славы, в вечном Твоем царствии; Тебе известно, что Я всем сердцем Моим возлюбила Тебя и соблюла вверенное Мне сокровище, и теперь приими в мире дух Мой и защити Меня от всяких козней темной, сатанинской силы.

Господь утешил Ее исполненными любви словами, убеждая не бояться сатанинской силы, которая уже побеждена Ею; Он с любовью призывал Ее безбоязненно прейти от земли к небу.

– «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое» (Пс.107:2), – отвечала на это Пресвятая Дева.

И, затем, произнесши сказанные Ею некогда слова, – «да будет Мне по слову твоему» (Лк.1:38), снова возлегла на одре. Чувствуя неизреченную радость при виде пресветлого лица Сына Своего и Господа, Матерь Божия, от любви к Нему преисполненная духовного восторга, предала пречистую душу Свою в руки Господа; при этом Она не ощутила никакой боли, но как бы уснула сладким сном: Тот, Кого Она зачала без нарушения девства и родила без болезни, приял и душу Ее от пречистого тела. И тотчас началось исполненное радости дивное Ангельское пение, в котором слышались, часто

повторяемые Ангелами, слова приветствия Гавриилова Пресвятой Деве:

– «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лк.1:28).

С такими торжественными песнопениями провожали небесные чины пресвятую душу Богоматери, на руках Господа грядущую в горние обители. Святые Апостолы, удостоившиеся видения, умиленными очами провожали Матерь Божию как некогда Господа, возносившегося с Елеонской горы (Деян.1:9–12); они долго стояли, испытывая ужас и как бы находясь в забытьи. Придя в себя, ученики Христовы поклонились Господу, со славою вознесшему на небо душу Своей Матери, и с плачем окружили одр Богородицы. Лицо преблагословенной Девы Марии сияло как солнце, и от пречистого тела Ее исходило дивное благоухание, подобного которому здесь на земле невозможно и найти. Все верующие, благоговейно почитая пречистое тело, лобызали его со страхом; от честных мощей Богородицы исходила освящающая сила, наполнявшая радостью сердца всех прикасавшихся к нему. Болящие же получали исцеления: слепые прозревали, у глухих отверзался слух, хромые выпрямлялись, бесы изгонялись, – всякая болезнь совершенно исчезала от одного только прикосновения к одру Божией Матери.

Среди этих событий, сопровождавших смерть Божией Матери, началось торжественное шествие с Ее пречестным телом для его погребения: святой Апостол Петр вместе со святыми Апостолами Павлом и Иаковом, братом Божиим, став во главе, подняли вместе с другими святыми Апостолами из числа двенадцати одр Пресвятой Богоматери; святой же Иоанн Богослов нес впереди райскую ветвь, испускавшую сияние. Остальные же верующие со свечами и кадилами шли вблизи, окружая одр. Все воспевали исходные молитвословия: святой Апостол Петр начинал, а прочие стройно пели за ним псалом Давида: во исходе Израилеве от Египта (Пс.113), присоединяя к каждому стиху аллилуиа; по внушению Святого Духа воспевали и другие торжественные и благодарственные молитвы и псалмы. Торжественное шествие с пречистым телом Богоматери

направлялось от Сиона через Иерусалим в Гефсиманию. Над одром и провождающими появился облачный круг, напоминавший венец и озаренный необыкновенно светлым сиянием. А в облаках, во всеуслышание, наполняя воздух, раздавалось дивное Ангельское пение. Этот облачный венец плыл по воздуху над одром Божией Матери до самого места погребения; за всё это время не прекращалось и Ангельское пение. Но радостное шествие, – вполне описать его не может слабый человеческий язык, – было неожиданно прервано. Многие из не веровавших во Христа иудеев, услышав необычное пение и увидев торжественное шествие, покинули свои жилища и присоединились к нему: они также пошли за город, удивляясь той славе и чести, какие воздавались пречестному телу Матери Иисуса Христа. Узнав об этом, архиереи и книжники пришли в сильную ярость и послали слуг и воинов, – подговорив также многих и из народа, – чтобы они догнали шествие и разогнали его участников; вместе с тем они приказывали учеников Христовых убить, а тело Богоматери сжечь. Но когда послушная подстрекателям толпа, вооружившись точно на сражение, в ярости побежала вслед за сопровождавшими тело Пресвятой Богородицы и уже стала настигать их, внезапно облачный круг, плывший по воздуху, спустился на землю и точно стеною окружил как святых Апостолов, так и остальных христиан; преследовавшие слышали лишь пение, никого не видя за облаком. Святые Ангелы, невидимо парившие над телом Богоматери и христианами, поразили злобных преследователей слепотою: одни из них разбили головы о городские стены; другие ощупывали их и, не зная, куда идти, искали проводников. В это время одному иудейскому священнику, по имени Афонию, случилось выйти в путь: видя святых Апостолов, – облако по Божию повелению для большей славы Богоматери снова поднялось, – и множество христиан со свечами и пением, окружавших тело Приснодевы Марии, Афоний переполнился завистью; в нем вспыхнула прежняя злоба к Господу нашему, и он сказал:

– Смотри, какой почет окружает тело Той, Которая родила льстеца, разорившего закон наших отцов!

Будучи очень силен, он с неистовою яростью подбежал через толпу христиан к одру, чтобы сбросить на землю тело Пречистой Владычицы нашей: когда дерзкие руки священника коснулись одра, тотчас невидимый Ангел рассек их посредине невещественным мечом Божия отмщения, и они повисли, не отрываясь от одра, сам же Афоний упал на землю, восклицая:

– Горе мне!

Уразумев свой грех, он стал каяться и говорить святым Апостолам:

– Помилуйте меня, рабы Христовы!

Святой Апостол Петр приказал остановиться несшим тело Богоматери и сказал Афонию:

– Вот ты получил, чего желал; знай, что Бог – отмщений Господь явил Себя (Пс.93:1), и мы не можем исцелить тебя от твоих ран; это может сделать только Сам Господь наш, на Которого вы неправедно восстали и, схватив, убили; но и Он не захочет даровать тебе исцеления, пока ты не уверуешь в Него всем сердцем и не исповедаешь устами, что Иисус есть истинный Мессия, Сын Божий.

Афоний воскликнул:

– Верую, что Он есть предвозвещенный пророками Спаситель мира – Христос; мы с самого начала увидели, что он есть Сын Божий, но, омраченные злобною завистью, не хотели открыто признать величия Божия и предали Его безвинно смерти; но Он силою Своего Божества в третий день воскрес, посрамив всех нас, – его ненавистников: мы пытались путем подкупа стражи утаить Его воскресение, но ничего не могли сделать, так как слава об этом повсюду распространилась.

Когда Афоний говорил это, раскаиваясь в своем грехе, святые Апостолы и все верующие радовались радостью Ангелов о кающемся грешнике: святой Апостол Петр повелел Афонию с верою приложить раны усеченных рук к висящим на одре, призывая имя Пресвятой Богородицы. Афоний исполнил это, и тотчас отсеченные руки присоединились к своему месту; они сделались совершенно здоровы; остался только знак

отсечения, – точно красная ниточка, окружавший локоть. Афоний пал пред одром ниц, кланяясь рожденному от Пресвятой Богородицы Христу – Богу и ублажая многими похвалами Пречистую Матерь Его: он приводил из святого Писания пророчества, свидетельствующие как о Ней, так и о Христе, и все удивлялись вдвойне, видя чудесное исцеление усеченных рук Афония и слыша от него мудрые слова, которыми он прославлял Господа Иисуса и восхвалял Богородицу. Затем Афоний присоединился к святым Апостолам, следуя с прочими христианами в Гефсиманию за одром. Точно так же получили исцеление и те из пораженных слепотою, которые, сознавая свой грех, с раскаянием подходили с проводниками к честному одру и касались его с верою, – они получали прозрение не только телесных, но и душевных очей. Милосердая Матерь всех, Пресвятая Владычица наша, как рождением Своим доставила радость всей вселенной, так и в успении Своем не восхотела никого опечалить: как благая Матерь благого Царя, Она и бывших врагов Своих милостиво утешила благодатными дарами Своими.

Но вот святые Апостолы со всем множеством христиан достигли Гефсиманского сада; когда поставили одр с пречестным телом, то снова поднялся плач среди христиан: все, лишаясь такого сокровища, рыдали о своем сиротстве; отдавая последнее целование, христиане припадали к телу Пресвятой Богородицы и целовали его, обливаясь слезами, так что только к вечеру могли положить пречестное тело во гроб; но даже и тогда, когда ко гробу был уже привален громадный камень, христиане не отходили от него, удерживаемые любовью к Богоматери. – Святые Апостолы пробыли при гробе Пресвятой Богородицы, не покидая Гефсиманского сада, трое суток, днем и ночью воспевая псалмы. И во все это время в воздухе слышалось дивное пение небесных воинств, восхваляющих Бога и ублажающих Его пречистую Матерь.

По особенному устроению Божию один из Апостолов, святой Фома, не присутствовал на преславном погребении тела Пречистой Богородицы; он только на третий день явился в Гефсиманию. Святой Апостол Фома сильно скорбел и

сокрушался, что не удостоился, как прочие святые Апостолы, последнего приветствия и благословения Пречистой Богородицы; он сильно плакал также и о том, что один только не видел Божественной славы, дивных таин и дел Божиих, явленных во время успения и торжественного погребения Богоматери. Святые Апостолы, сжалившись над ним, решили открыть гроб, чтобы святой Фома мог увидеть, хотя бы мертвое тело преблагословенной Богородицы, поклониться ему и облобызать его и через это получить некоторую ослабу своей печали и утешение в огорчении. Но когда святые Апостолы, отвалив камень, открыли гроб, то пришли в ужас: во гробе тела Богоматери не было, – остались одни только погребальные пелены, распространявшие дивное благоухание; святые Апостолы стояли в изумлении, недоумевая, что это значит! Лобызая со слезами и благоговением оставшуюся во гробе погребальную пелену, они молились Господу, чтобы Он открыл им, куда исчезло тело Пресвятой Богородицы? К вечеру они сели, чтобы немного подкрепиться пищею. У святых Апостолов во время трапезы был такой обычай: они оставляли среди себя незанятым одно место, полагая на нем в честь Христа, – как Его часть, – кусок хлеба. По окончании трапезы, вознося благодарение, они брали помянутую частицу хлеба, называемую частью Господа, и поднимали вверх, славя великое имя Пресвятой Троицы, затем, после слов «Господи Иисусе Христе, помогай нам!» съедали этот кусок, как Божие благословение. Так поступали святые Апостолы не только тогда, когда все были вместе, но и когда каждый находился вдали друг от друга. Теперь же в Гефсимании, во время трапезы, они ни о чем другом не думали и не говорили, как о том, почему не нашлось во гробе пречистого тела Богоматери. И вот, когда, окончив трапезу, святые Апостолы начали воздвизать отложенную в честь Господа частицу хлеба, славя Пресвятую Троицу, вдруг услышали Ангельское пение: поднявши глаза, они увидели на воздухе стоящую Пречистую Матерь Божию, окруженную множеством Ангелов. Она была осияваема неизреченным светом и сказала им:

– Радуйтесь! – ибо Я с вами во все дни.

Святые Апостолы, исполнившись радости, вместо обычного «Господи Иисусе Христе, помогай нам», воскликнули:

– Пресвятая Богородица, помогай нам!

С этого времени они как сами уверовали, так и святую Церковь научили верить, что Пречистая Матерь Божия в третий день после погребения была воскрешена Своим Сыном и взята с телом на небо. Снова войдя во гроб, святые Апостолы взяли оставленную плащаницу для утешения скорбящих и как неложное свидетельство восстания Богоматери из гроба.

Не подобало скинии жизни быть во власти смерти и Породившей Создателя твари разделить участь тления с земною тварью. Законодатель явился исполнителем данного от Него закона, – сыновья да чтут родителей: Он почтил пренепорочную Матерь Свою, как Себя, – как Сам Он со славою воскрес в третий день и потом вознесся с пречистою плотью на небо, так и Матерь Свою воскресил со славою в третий день и взял к Себе в небесные селения. Об этом предсказывал и святой Давид, говоря: «стань, Господи, на место покоя Твоего, – Ты и ковчег могущества Твоего» (Пс.131:8); Его пророческие слова сбылись при воскресении Господа и воскрешения Им Своей Матери. – Высеченный в камне пустой гроб Богоматери, как и Сына Ее, доселе сохранился и служит предметом благоговейного почитания верных.

Господь по особому смотрению Своему замедлил прибытие святого Фомы ко дню преставления Пречистой Богородицы, чтобы для него был открыт гроб, и церковь таким образом уверилась в воскрешении Богоматери, подобно тому как ранее, через неверие того же Апостола, уверилась в воскресении Христовом (Иоан.20:24–31). – Так совершилось успение Пречистой и Преблагословенной нашей Богородицы и – погребение Ее непорочного тела, Ее преславное воскрешение и торжественное уверение о взятии Ее на небо с плотью.

По окончании всех этих дивных чудес и таин Божиих, святые Апостолы, снова носимые облаком, возвратились каждый в ту страну, откуда взят был во время своей проповеди Евангелия.

Святой Амвросий, говоря о жизни Владычицы нашей на земле, так описывает дивные душевные качества Пресвятой Богородицы:

– Она Дева не только по плоти, но и по духу: смиренна сердцем и нетороплива в речи; слова Ее полны Божественной мудрости; Она почти постоянно в чтении святого Писания и неутомима в трудах; целомудренна в беседах, говоря с людьми, как пред Богом; никого никогда Она не обидела, желая всем добра; никем, хотя бы и убогим, не гнушаясь, ни над кем не смеясь, но всё, что ни видела, покрывала Своею любовью; из уст Ее никогда не исходило слова, не приносившего благодати; во всех делах Своих Она являла образ высочайшего девства. Внешний вид Ее был отображением внутреннего совершенства, – благости и незлобия.

Так говорит святой Амвросий. Описание святости душевной и внешнего вида Богоматери встречаем также у Епифания и Никифора:

– Во всяком случае Она сохраняла досточтимую сановитость и постоянство; говорила очень мало, только о необходимом и добром, – слова Ее были сладостны для уха; к каждому Она относилась с должным уважением; с каждым человеком вела соответствующую беседу, не смеясь, не возмущаясь, тем более не гневаясь. Рост Ее был средний; цвет лица, как цвет зерна пшеничного; волосы светло-русые и несколько златовидные; взгляд быстрый, проницательный; глаза, цветом напоминавшие масличный плод; брови немного наклоненные, темные; нос средний; уста, подобные цвету розы и сладкословесные; лицо не совсем круглое; руки и пальцы продолговатые; в Ней не было никакой гордости, во всем простота, без малейшего притворства; Она была чужда всякого потворства, являя, в то же время, пример высочайшего смирения. Одежды Ее были просты, без всяких искусственных украшений, как о том говорит сохранившийся доселе покров Ее главы, – словом, во всем у Ней проявлялась проникавшая Ее Божественная благодать.

Так повествуют Никифор и Епифаний о душевном и телесном образе Пресвятой Богородицы во время жизни Ее на

земле.

Теперь же о Матери Божией, водворившейся в небесных обителях и стоящей одесную престола Божия, могут поведать только небесные духи, да души праведных, предстоящие Богородице и наслаждающиеся лицезрением как Бога, так и Пречистой Девы; они лишь могут сказать нам о Ней, как того требует Ее святость. Мы же, славя Отца, Сына и Святого Духа, Бога единого в Троице, славим по Бозе и Его Пречистую Матерь, и Ей, от всех родов славимой и блажимой вовеки, поклоняемся усердно.

Об отдельных событиях из жизни Пресвятой Богородицы со дня Ее рождения писано в нарочитые праздники Ее: на зачатие, рождение, введение во храм, благовещение, также и на Рождество Христово и Сретение. А здесь, после повествования о Ее бессмертном успении, в пополнение истории Ее жизни, расскажем, где и как жила Владычица наша по Вознесении Христовом.

Святой евангелист Лука в Деяниях Апостольских пишет, что, по отшествии на небо Господа, ученики Его возвратились с горы Елеонской в Иерусалим; войдя в горницу (где была тайная вечеря Христа), «все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, Материю Иисуса» (Деян.1:13–14). По вознесении Иисуса Христа Богородица была для учеников Его единственным утешением, радостью в печали и твердой учительницей веры. Ибо все слова и чудесные события, которые Матерь Божия слагала в Своем сердце (Лк.2:19), начиная от радостного благовещения Гавриила о бессеменном зачатии и нетленном рождении Христа из девической утробы и кончая годами младенчества Господня и временем жизни до крещения от Иоанна, – всё это Она открыла ученикам Своего Сына; как имевшая обильные откровения от Святого Духа и Сама бывшая свидетельницею всех чудесных действий, совершившихся в жизни Христовой до дня явления Господа миру, Матерь Божия укрепляла веру святых Апостолов подробным повествованием о жизни Спасителя до Его крещения. Все верующие, пребывая в помянутой горнице, неустанно молились, приготовляясь к принятию даров

обещанного Господом от Отца Святого Духа. И во время сошествия, – в 11 день по вознесении Господнем, – Святого Духа на Апостолов в виде огненных языков (Деян.2:1–4), ниспосланный от Отца Утешитель (Иоан.14:16) прежде почил на Пречистой Деве, и до сего бывшей достойным Его храмом, в котором Он пребывал неотступно. Дары Святого Духа излились на преблагословенную Деву в большем изобилии, нежели на святых Апостолов, подобно тому как больший сосуд может больше вместить в себе воды, и Пречистая Дева, сосуд самый богатый дарами Святого Духа, потому что Она выше Апостолов, пророков и всех святых, как и взывает к Ней Церковь: «Воистину Ты, Дева чистая, выше всех»; поэтому Она и даров Святого Духа вместила в себе более всех.

Матерь Божия жила в доме святого Иоанна Богослова, находившемся на самом высоком месте Иерусалима, – на горе Сион: с того самого времени, когда Господь сказал со креста Своей Матери, указывая на возлюбленного ученика: «Жено! Се, сын твой», и ученику: «се матерь твоя» (Иоан.19:26–27), Иоанн взял Пресвятую Деву к себе и действительно служил Ей как своей матери. – По сошествии Святого Духа, святые Апостолы не тотчас разошлись по вселенной с проповедью Евангелия, но еще долгое время пробыли в Иерусалиме, как это видно из Деяний Апостольских. Здесь повествуется, что, по убиении святого первомученика Стефана (Деян. 7:59–60), настало «великое гонение на церковь в Иерусалиме; и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии» (Деян.8:1); ученики Христовы, защищаемые силою Божиею пробыли в Иерусалиме около десяти лет, считая со времени вознесения Господня до дня, когда «царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло» (Деян.12:1). Правда, за описываемый промежуток времени святые Апостолы уходили на время в другие страны, как Петр и Иоанн вместе в Самарию (Деян.8:14–15), или один Петр – в Лидду, где исцелил страдавшего восемь лет расслабленного Энея (Деян.9:32–34), и – Иоппию, где воскресил умершую Тавифу (Деян.9:36–43), Кесарию, где крестил Корнилия сотника (гл. 10), и Антиохию, где основал первый престол своего

епископства; или, как Иаков, брат Иоанна, ходил в Испанию, но затем они опять возвращались в Иерусалим. В начале своей проповеди святые Апостолы желали служить, главным образом, спасению израильского народа, утверждая в то же время первую церковь в Иерусалиме, которая всех церквей мать, как воспевает святой Иоанн Дамаскин: «Радуйся, Сионе святый, мати церквей, Божие жилище: ты бо приял еси первый оставление грехов»; вместе с тем они желали, как можно чаще, видеть Матерь Божию и поучаться у Нее. Почитая Ее, как бы наместницу Христову, святые Апостолы взирали на пречестное и славное лицо Богоматери, как лицо Самого Христа, и, слушая исполненные благости слова Приснодевы, они проникались несказанной духовной радостью, за сладостью Ее слов забывая горечь бед и несчастий. Поэтому многие из уверовавших во Христа из далеких стран приходили в Иерусалим, чтобы видеть Матерь Божию и слышать Ее, исполненную святой мудрости, беседу; что слава о Христе и Его Пречистой Матери, распространившись по всем концам вселенной, многих привлекала в Иерусалим к Пресвятой Деве, это ясно видно из послания святого Игнатия Богоносца святому Иоанну Богослову из Антиохии:

– У нас, – пишет он, – находятся многие жены, желающие видеть Матерь Иисуса; они постоянно стремятся найти возможность прийти к вам и посетить Ее, припасть к груди, питавшей Господа Иисуса, и узнать от Нее некоторые тайны. У нас Она прославляется как Матерь Божия и Дева, исполненная благодати и добродетели; о Ней сообщают, что Она радостна в бедах и гонениях, не скорбит в нищете и недостатках, не только не гневается на причиняющих Ей обиды, но еще благодетельствует им; при радостных событиях Она кротка, милосерда к бедным, оказывая им помощь, насколько может; враждующим же на нашу веру Она противостоит с твердостью: Она Учительница нашего нового благочестия и всем верным Наставница на всякое доброе дело; особенно любит смиренных, и Сама ко всем смиренна; все видевшие Ее превозносят. И сколь Она смиренна, когда законники иудейские и фарисеи смеются над Ней! Нам говорили люди, достойные полного

доверия, что в Марии, Матери Иисусовой естество человеческое кажется, по причине Ее святости, соединенным с естеством Ангельским. Всё это возбуждает в нас, слышащих, безмерное желание видеть небесное, – скажу так, – дивное и пресвятое чудо.

В другом послании тот же святой Игнатий Богоносец пишет снова святому Иоанну Богослову:

– Если откроется возможность, я думаю прийти к тебе, чтобы видеть собранных в Иерусалиме верных, и особенно Матерь Иисуса: о Ней говорят, что Она честна, приветлива и во всех возбуждает удивление, и все желают Ее видеть; да и кто не желает видеть Деву и беседовать с Родившею истинного Бога?

Из этих посланий святого Игнатия к Иоанну Богослову можно легко понять, с каким сильным желанием стремились святые увидеть одушевленную святыню Божию, Марию Пречистую Деву, и сподобившиеся видеть почитали себя счастливейшими. Воистину блаженны очи видевших Ее по Христе Спасителе, и блаженны уши сподобившихся услышать из пречестных уст Ее слова, возрождающие к жизни духовной!

Какую радость и благодать они получили!

Для того Господь и оставил на земле Свою Пречистую Матерь, чтобы Ее присутствием, руководством, поучениями и теплыми молитвами к Сыну и Богу воюющая церковь умножалась и утверждалась, и возрастала до дерзновения полагать жизнь свою за Господа. Матерь Божия всех укрепляла, всех утешала радостью о Святом Духе и за всех молилась. Когда святые Апостолы заключены были в темницу, Матерь Божия с умиленным сердцем молилась за них, – и к ним был послан Господом Ангел, который ночью отворил двери темницы и вывел их вон (Деян.5:18–19). Когда святой первомученик Стефан был веден на смерть, Матерь Божия издали шла за ним, и когда святого Стефана стали побивать камнями (Деян.7:57–60) в долине Иосафатовой, при потоке Кедрон, Она вместе с Иоанном Богословом стояла вдали на одном холме, оттуда смотрела на его кончину и усердно молилась Богу, чтобы Господь укрепил страдальца и принял душу в Свои руки. Когда

«Савл терзал церковь» (Деян.8:3), гоня верующих, Матерь Божия молилась о нем Господу с такими теплыми слезами, что превратила его из хищного волка в кроткого агнца, из врага в Апостола, из гонителя в ученика и учителя вселенной. И каких благодеяний не получила первенствующая церковь от Пречистой Богородицы, как грудное дитя от своей матери? Какой благодати не почерпали из этого неоскудеваемого источника? Не без Ее забот и благодатного воздействия церковь была воспитана и доведена до мужественного возраста, – окрепла настолько, что и врата адовы ее не могут одолеть (Мф.16:18); чему и Сама Богоматерь радовалась, по слову Давида, как матерь веселящаяся о детях (Пс.112:9). Она видела, что церковные чада постоянно умножаются: так уже в начале через проповедь святого Апостола Петра обратилось 3000 (Деян.2:41), потом 5000 (Деян.4:4), а потом всё более и более. Святые Апостолы, возвращаясь с проповеди Евангелия в Иерусалим, также рассказывали Пресвятой Богородице о распространении Церкви Христовой по всей вселенной. Успех проповеди христианской исполнял Ее духовной радости и побуждал воссылать хвалу Сыну Своему и Богу.

Но вот Церковь постигло гонение Ирода: он убил мечом возвратившегося из Испании Иакова, брата Иоаннова, а затем задержал Петра и посадил его в темницу с намерением предать подобной же смерти (Деян.12:1–4), тогда, по чудесном освобождении святого Петра из уз темницы через Ангела, настала нужда и самим Апостолам покинуть Иерусалим, чтобы избежать лютого гонения иудеев; они разошлись по вселенной, бросив жребий, кому и какая из них выпадает для проповеди страна. Но прежде чем разойтись, святые Апостолы составили символ веры, чтобы повсюду согласно проповедовать и насаждать святую веру во Христа. Каждый удалился в свой жребий; в Иерусалиме остался один только брат Божий, святый Иаков, самим Господом поставленный епископом Иерусалимским. Избегая гонения, удалился и святой Иоанн Богослов вместе с Матерью Божиею, Которой он был усыновлен: они покинули Иерусалим, уступая лютому гонению и мучительству, пока не ослабеет гнев иудеев: но, чтобы не терять

времени напрасно, Матерь Божия и святой евангелист Иоанн пошли во Ефес, куда Богослову выпал жребий. Это пребывание Пречистой Богоматери со святым Иоанном в Ефесе ясно подтверждается следующим: существует послание к Константинопольскому клиру от отцов третьего Вселенского собора, заседавшего в Ефесе против Нестория; в этом послании находится такое место: «Родоначальник злочестивой ереси Несторий, званный (на суд) святыми отцами и епископами собора в Ефесе, где некогда пребывали святой Иоанн Богослов и святая Дева, Богородица Мария, не дерзнул прийти к ним, будучи обличаем своею злою совестью и сам себя отлучая; поэтому, после трикратного призыва, он осужден праведным судом святого собора и низложен от священного сана». Из этих слов о пребывании Богоматери с Евангелистом Иоанном в Ефесе видно, что Пресвятая Дева вместе с возлюбленным учеником Христовым действительно, покинув Иерусалим, некоторое время провела в Ефесе. И не только Ефес, но и другие города и страны, просвещенные светом Христова учения, посещала Матерь Божия: предание говорит, что Она была в Антиохии у святого Игнатия Богоносца, которому послала пред Своим посещением извещение о Своем путешествии: «Приду с Иоанном, чтобы видеть тебя и твою паству». Говорят также, что Пресвятая Богородица была на острове Кипре[5096] у четверодневного Лазаря, проходившего там епископское служение, и – на горе Афонской. Об этом пишет Стефан, инок святогорский.

По вознесении на небо Господа нашего Иисуса Христа, святые Апостолы вместе с Матерью Божиею неразлучно пребывали на Сионе; здесь они ожидали Утешителя, как повелел им Господь, заповедавший не отлучаться от Иерусалима до получения обетованного Святого Духа (Лк.24:49). Ученики Христовы бросили жребий, кому именно из них и какая именно страна дана будет для проповеди Евангелия Божия; Пресвятая Богородица сказала:

– И я хочу принять участие в проповеди евангельской и желаю вместе с вами бросить свой жребий, чтобы получить страну, какую укажет Бог.

По слову Божией Матери святые Апостолы с благоговением и страхом метнули жребий, и Ей выпала жребием Иверская земля[5097]. Пречистая Богородица с радостью приняла Свой жребий и тотчас, – по сошествии Святого Духа в виде огненных языков, – хотела идти в Иверскую страну, но Ангел Божий сказал Ей:

– Теперь не отлучайся от Иерусалима, но до времени пребывай здесь, – страна, выпавшая Тебе, просветится в последние дни и Твое владычество утвердится там; по прошествии некоторого времени Тебе предстоит труд благовестия в земле, в какую направит Тебя Бог.

И пребывала Пречистая Богородица в Иерусалиме довольно продолжительное время.

Четвородневный Лазарь жил на острове Кипре; здесь он был рукоположен во епископа святым Апостолом Варнавою. Он сильно желал видеть Пречистую Матерь Господа нашего, Которую давно уже не видел, но не смел прийти в Иерусалим из боязни иудеев. Узнав это, Матерь Божия написала Лазарю послание: здесь Она утешала его и приказывала прислать за Нею корабль, чтобы Ей посетить его в Кипре; самому же Пресвятая Дева не велела ради Нее приходить в Иерусалим. Прочтя послание, Лазарь чрезвычайно обрадовался, удивляясь в то же время смирению Божией Матери; нимало не медля, он отправил за Нею корабль вместе с ответным посланием. Преблагословенная Богородица вошла в корабль вместе с возлюбленным учеником Христовым Иоанном и с прочими, с благоговением сопровождавшими их, и все поплыли к Кипру. Но внезапно поднявшийся противный ветер загнал корабль в гавань, находившуюся близ Афонской горы; это и был тот кратковременный труд благовестия, о котором говорил Матери Божией Ангел. Вся Афонская гора[5098] была переполнена идолами: здесь было большое капище и святилище Аполлона, причем на этом месте совершались гадания, волхвования и другие бесовские действа. Все язычники очень почитали это место, как избранное богами; сюда стекались на поклонение со всей вселенной, и здесь получали ответ от гадалок на свои

вопросы. И вот когда в пристань вошел корабль, на котором находилась Пресвятая Богородица, все идолы тотчас возопили:

– Все, прельщенные Аполлоном, сойдите с горы в Климентовой пристани для встречи Марии, Матери великого Бога Иисуса (так бесы, находившиеся в идолах против своей воли, понуждаемые силою Божиею, возвестили истину, подобно возопившим некогда ко Господу в стране Гергесинской: «что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» (Мф.8:29).

Слыша всё это, народ дивился, и поспешил на морской берег к помянутой пристани; увидев корабль и Матерь Божию, они с честью встретили Ее и спрашивали в своем собрании:

– Какого (Ты) родила Бога? И как Ему имя?

Пресвятая Богородица, открыв Свои Божественные уста, возвестила народу всё подробно о Христе Иисусе. Все, павши на землю, поклонились родившемуся от Нее Богу и оказали великое почтение Родившей Его; уверовав, они крестились, ибо много чудес совершила здесь Матерь Божия. По крещении, Она поставила новопросвещенным начальником и учителем одного из сопровождавших Ее на корабле и, возрадовавшись духом, сказала:

– Это место да будет Моим уделом, данным Мне от Сына и Бога Моего.

После этих слов Пресвятая Богородица благословила людей, сказав опять:

– Благодать Божия да пребудет на этом месте и на живущих здесь, с верою и благоговением сохраняющих заповеди Сына и Бога Моего, – всё необходимое для жизни они будут иметь в изобилии без тяжелого труда; им будет дарована жизнь небесная, и до скончания века не отступит от места сего милость Сына Моего; Я буду Заступницей месту сему и теплой Ходатаицей за него пред Богом.

Сказав это, Матерь Божия опять благословила народ и, войдя вместе с Иоанном и сопровождавшими Ее в корабль, отплыла в Кипр. Она застала Лазаря в сильной скорби, так как путешествие Пресвятой Богородицы было слишком продолжительно, и он боялся, не произошло ли замедление от

бури: ему не были известны события, по смотрению Божию совершившиеся на Афонской горе. Своим прибытием Матерь Божия преложила его скорбь в радость; в дар ему Она привезла омофор и поручи, которые Сама сделала для него; Она рассказала ему всё, что произошло в Иерусалиме и на Афонской горе. И воссылали благодарность Богу за всё. Пробыв в Кипре не много времени, утешив тем христиан кипрской церкви и благословив их, Матерь Божия села на корабль и отплыла в Иерусалим. (До зде Стефан, инок святогорский).

Посетив помянутые страны, Пречистая Дева Мария снова поселилась в Иерусалиме в доме святого Евангелиста Иоанна; всесильная десница Божия сохраняла Ее от завистливых козней богоубийственной синагоги, не перестававшей враждовать против Сына Божия и верующих в Него. Конечно, озлобленные иудеи не оставили бы в живых Матери Иисусовой и каким бы то ни было образом погубили Ее: но особенное смотрение Божие осеняло одушевленный Кивот Божий, чтобы его не коснулась рука неверных. Некогда Сын Ее, Христос Бог наш, после проповеди в Назаретской синагоге, когда исполненные ярости иудеи повели Его на верх горы, чтобы оттуда сбросить вниз, невредимо прошел среди них: иудеи хотя и видели Его, но не могли возложить своих рук и даже коснуться Его, потому что сила Божия отбросила их назад и удерживала в таком положении, так как не пришло еще время страданий Сына Божия (Лк.4:29–30); то же самое явил Господь и над Пречистою Своею Материю, удерживая замышляемые иудеями козни и разоряя их совет против Нее: очень часто пытались иудеи схватить Божию Матерь и, предав мучениям, убить, но не могли ничего сделать. Среди столь сильной ненависти и вражды Пречистая Дева жила в Иерусалиме как овца среди волков и как крин среди тернов, часто повторяя, действительно сбывшиеся над Нею, слова праотца Своего Давида: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду

надеяться» (Пс.26:1–3), ибо Ты, Сыне и Боже Мой, со Мною. – Пресвятую Богородицу посетил, чтобы поклониться Ей, святой Дионисий Ареопагит, обращенный ко Христу святым Апостолом Павлом в Афинах и неотступно сопутствовавший ему в течение трех лет. Он сильно желал видеть Божию Матерь и, поэтому, спустя три года после своего обращения, с благословения учителя своего, святого Апостола Павла, пришел в Иерусалим: увидев Пречистую Богородицу, он исполнился великой духовной радости. В послании своем к святому Апостолу Павлу, святой Дионисий Ареопагит так описывает свое посещение Божией Матери.

– Для меня, наш великий руководитель, было несомненно, – говорю как пред Богом, – что кроме Всевышнего Бога не может существовать ничего, столь исполненного Божественной силы и дивной благодати, и, однако, человеческому уму невозможно постичь, что я видел благообразную и превосходящую святостью всех небесных Ангелов всесвятейшую Матерь Господа нашего Иисуса Христа; это даровали мне благодать Божия и почесть лика апостольского, а также – неисповедимая благость и милосердие Самой милостивой Девы. Я снова исповедую пред всемогуществом Божиим, пред благодатию Спасителя и пред великою славою Девы, Матери Его, что когда я с Иоанном, первым среди евангелистов и пророков, который, живя по плоти, сияет как солнце на небе, введен был к благообразной и Пречистой Деве, то меня снаружи облистало великое Божественное сияние, просветившее мою душу; при этом я ощутил столь дивное благоухание, что дух мой и тело едва были в состоянии вынести это проявление славы и предначатие вечного блаженства; от славы и Ее Божественной благодати изнемогло сердце мое и дух мой. Свидетельствую Богом, пожившим в пречестнейшей девической утробе, что я признал бы Ее за истинного Бога и почтил бы Ее поклонением, подобающим только одному Богу, если бы новопросвещенная душа моя не сохраняла в себе твои Божественные наставления и законы: никакая честь и слава людей, прославленных Богом, не может сравниться с тем блаженством, какое испытал я недостойный, в то время

удостоившийся; это время было для меня временем величайшего блаженства. Благодарю превышнего и преблагого Бога моего, Божественную Деву, великого среди Апостолов Иоанна, также и тебя, украшение церкви и начальника непобедимого, милостиво явивших мне столь великое благодеяние.

Из этого послания святого Дионисия Ареопагита ясно видим, какой Божественной благодатью было осияваемо лицо Пречистой Владычицы нашей, во время жизни Ее на земле и – как просвещались души и какой духовной радости наполнялись сердце видевших Ее во плоти. К ней во множестве и отовсюду стекались новопросвещенные обоего пола; как истинная Матерь, Она всех принимала одинаково без лицеприятия, всем разливая щедроты Своей благодати, – болящим подавая исцеление, слабым здоровье, печальным утешение, и всем без исключения утверждение в вере, непоколебимость в надежде и Божественную радость в любви, грешникам же исправление.

Во время жизни в доме святого Иоанна Пресвятая Дева часто посещала те места, которые возлюбленный Сын Ее и Бог освятил стопами Своих ног и пролитием Своей крови. Так Она посещала Вифлеем, где несказанно соблюдши Ее девство, от Нее родился Христос Бог, но особенно часто Матерь Божия приходила на места, где пострадал волею наш Господь. Матерняя любовь побуждала Ее проливать здесь обильные слезы, причем Она говорила:

– Здесь возлюбленный Сын Мой был бичуем, здесь увенчан терновым венцем, здесь шел, неся крест, здесь был распят.

При гробе же Богородица исполнялась неизреченного веселия и восклицала с радостными слезами:

– А здесь Он был погребен и в третий день воскрес со славою.

В дополнение к этому сообщают следующее. Некоторые ненавистники из иудеев донесли архиереям и книжникам, что Мария, Матерь Иисуса, каждый день ходит к Голгофе и при гробе, где был положен Сын Ее Иисус, преклоняет колена, плачет и воскуряет фимиам; тогда они поставили стражу, которая бы не допускала проходить этим местом никому из

христиан. Отсюда видим, что уже в то время начался благочестный обычай посещать верными христианами святые места и здесь поклоняться Христу Богу, за нас пострадавшему волею: первый пример в этом отношении дала Сама Богородительница, Которой последовали и прочие святые жены и мужи. Итак, от архиереев и книжников, исполненных злобы и убийства, была поставлена стража, которой было приказано никого не допускать ко гробу Иисуса, а Матерь Его убить. Но Бог ослепил стражей, так что они не могли видеть пришествия на гроб Христа Иисуса Его Матери. И когда преблагословенная Дева, верная обычаю Своему, приходила ко гробу, стражи не могли увидеть как Ее, так и находившихся с Нею. Спустя долгое время, они покинули гроб и с клятвою уверяли архиереев и книжников, что они не видели никого, кто бы приходил ко гробу Иисуса. Пресвятая Богородица часто ходила также на гору Елеонскую, откуда вознесся на небо наш Господь: преклоняя колена, Она лобызала отпечатлевшиеся на камне стопы от ног Христовых. С сильными слезами молилась Матерь Божия при этом, чтобы Господь и Ее взял к Себе: конечно, Она несравненно более, чем святой Апостол Павел, имела «желание разрешиться и быть со Христом» (Флп.1:23), и часто повторяла слова Давида: «когда приду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день и ночь» (Пс.41:3–4), когда увижу возлюбленного Сына Моего? Когда приду к Нему? Сидящему одесную Бога Отца? (Мк.16:19) когда предстану пред престолом Его славы? Когда насыщусь Его лицезрения? О пресладкий Сын и Бог Мой! Время ущедрити Сион (ср. Пс.50:20), – время помиловать Меня, Твою Матерь, до этих пор скорбящую, не видя Твоего лица, в печальной юдоли этого мира; изведи из тела, как из темницы, Мою душу; как олень стремится к водному источнику, так душа Моя стремится к Тебе, Боже, чтобы насладиться, когда Мне явится Твоя слава (Пс.41:2). Пречистая Дева иногда оставалась на Елеонской горе довольно долгое время: при подошве горы находился гефсиманский сад и небольшое владение Зеведея, доставшееся по наследству святому Иоанну Богослову. В гефсиманском саду Господь наш пред вольною Своею страстью

до кровавого пота молился, падая на колена и лицо Свое пред Отцом Небесным (Мф.26:36–44). Здесь на этом самом месте, возносила Свои теплые молитвы и Его Пречистая Матерь, также падая на колена и лицо и обливая землю слезами; здесь Она и была утешена Господом через Своего Ангела, известившего Ее о скором Ее преставлении на небо. По свидетельству Георгия Кедрина, историка греческого, Пресвятой Богородице пред кончиною Ее Ангел являлся два раза: первый раз за пятнадцать дней до успения, а второй за три дня; от Ангела Матерь Божия получила райскую финиковую ветвь, которую пред одром Ее нес святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов. Некоторые, как например епископ Сардийский Мелитон, сообщают, что возлюбленный ученик Христов до успения Богородицы удалился в Ефес и оттуда, подобно прочим Апостолам, но только раньше их, был восхищен облаком и принесен к погребению Божией Матери. Однако другие, например Метафраст и Софроний, без всякого колебания утверждают, что святой Иоанн Богослов никогда не отлучался от богоблагодатной Матери, Которой был усыновлен, но, как истинный сын, служил Ей, давая приют в своем доме до самой Ее кончины. Только изредка, на очень короткое время, он посещал окрестные местности (как видели выше из Деяний Апостольских: так святой Иоанн Богослов вместе с Апостолом Петром был в Самарии), но он делал это с согласия и по благословению Самой Божией Матери и немедленно снова возвращался к Ней в Иерусалим; а до его возвращения Пречистой Богородице служил святой Иаков, брат Божий, никогда не покидавший свою епископию – Иерусалим. Если же и согласиться с говорящими, что Иоанн Богослов, как и прочие святые Апостолы, был восхищен облаком, то, без сомнения, из ближайшей к Иерусалиму местности.

Торжественное празднование Успения Пресвятой Богородицы 15 августа установлено в царствование благочестивого царя греческого Маврикия[5099]. – Радостно празднуя всеславное преставление Божией Матери с земли на небо, воздадим славу Родившемуся от Нее и на небеса со славою приемшему Ее, – Христу Богу нашему, со Отцом и Святым Духом славимому вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси Богородице: преставилася еси к животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша.

Кондак, глас 2:

В молитвах неусыпающую Богородицу, и в предстательствах непреложное упование, гроб и умерщвление не удержаста: якоже бо Живота Матерь к животу престави, во утробу Вселивыйся приснодевственную.

Перенесение из Эдессы в Константинополь нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа

Память 16 августа

Во дни явления Господа нашего Иисуса Христа на земле, когда, живя с человеками, Он с проповедью о Царствии Божием проходил грады и веси Иудеи и окрестных стран,«исцеляя всяк недуг и всяку язю в людех», в Эдессе, городе Сирийском по ту сторону реки Евфрата, жил князь Авгарь. Он страдал неисцельной болезнью, – проказою: снаружи его покрывали синеватые язвы; внутри он чувствовал ломоту костей и расслабление всего тела. До Авгаря достиг слух[5100] о Господе Иисусе Христе и о великих чудесах, совершаемых Им, – как словом Своим Он врачует проказу, расслабление и всякую болезнь; и сильно желал Авгарь увидеть своими глазами Творца таких чудес, надеясь и сам получить от Него исцеление. А так как князь не имел возможности сам идти в Иудею, то послал просьбу Господу Иисусу, умоляя Его прийти к Нему в Эдессу. Не имея же уверенности, что просьба будет исполнена, Авгарь отправил в Палестину искусного живописца Ананию, поручив ему изобразить на иконе лицо Господа; князь желал иметь хотя ту отраду в своей болезни, что будет видеть изображение лица Христа Иисуса; столь велика была у него любовь ко Христу, внушенная верою по слуху. Послание Авгаря Господу Иисусу состояло в следующем: «Князь Эдесский Авгарь Иисусу, благому Спасителю в странах иерусалимских явившемуся, во плоти радоваться.

До меня достиг слух о Тебе и Твоих преславных чудотворениях, как без врачевства и лекарств Ты исцеляешь болезни, – слепым даешь прозрение, хромым хождение, отгоняешь от людей нечистых духов, очищаешь прокаженных, расслабленных, в течение многих лет лежащих на одре, врачуешь словом и воскрешаешь мертвых: слыша о Тебе, что Ты совершаешь столь дивные чудеса, я относительно Тебя пришел к такого рода двум заключениям: Ты или Бог, сошедший

с неба, или Сын Божий. Поэтому я и обращаюсь к Тебе с таким смиренным молением, да потрудишься прийти ко мне и исцелить неизлечимую болезнь мою, от которой я страдаю уже много лет; дошло до меня также, что иудеи ненавидят Тебя и хотят причинить Тебе зло. Я же имею город, хотя и небольшой, но красивый и изобилующий всем; итак приходи ко мне и живи со мною в моем городе, в котором для нас обоих найдется всё потребное».

С этим посланием Авгаря живописец Анания достиг Иерусалима. Он увидел Господа Иисуса учащего на равнине среди множества людей, но не мог приблизиться к Нему по причине тесноты, производимой скученностью народа. Ожидая времени, когда разойдется народ, Анания вступил на один камень, немного возвышавшийся над землею; отсюда он внимательно всматривался в лицо Спасителя, намереваясь изобразить его; и не мог Анания сделать этого, ибо Всевидец, не благоволивший к намерению живописца, изменял лицо Свое Божественною, непостижимою, недоступною для изображения руки человеческой, славою и благодатию. Долго трудился Анания, но ничего не достиг. Господь же повелел Апостолу Фоме идти и привести мужа, который, стоя на камне, изображает его лицо. Когда его подвели и он еще ничего не начал говорить, Господь подозвал его к себе по имени и, указывая на его занятие, назвал его по имени живописцем Ананиею и открыл причину его пришествия, говоря:

– Где письмо князя твоего Авгаря, которое ты принес ко мне из Эдессы?

Анания, в удивлении и ужасе от Господней прозорливости, тотчас вынул послание князя и с трепетом отдал его в руки Спасителя. Господь, прочтя послание, написал Авгарю следующее:

«Блажен ты, Авгарь, не видевший Меня и уверовавший в Меня, ибо о Мне написано, что видящие Меня не имут веры, не видящие же Меня уверуют в Меня и наследуют жизнь вечную. Ты пишешь ко Мне, чтобы Я пришел к тебе, но Мне подобает совершить то, ради чего Я послан, и, по совершении, возвратиться к Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду

вознесен к Нему, тогда пошлю к тебе одного из учеников Моих, который, совершенно исцелив тебя от твоей болезни, подаст тебе и находящимся с тобою жизнь вечную (через крещение)».

Написав такое послание Авгарю, Господь Иисус Христос запечатал его печатью, на которой находилось еврейским письмом такое начертание: Божие видение, Божественное чудо. Затем Господь, исполняя желание Авгаря и художника, приказал принести воду и, умыв пресвятое лицо Свое, отер его поданным Ему четвероконечным убрусом. И О чудо! Простая вода обратилась в краску, и на убрусе отпечаталось пресвятое подобие Божественного лица. Отдавая это изображение Анании вместе с письмом, Господь сказал:

– Неси, отдай пославшему тебя. (Это были последние дни жития Господа на земле пред Его страданиями[5101].

И возвратился[5102] Анания в Эдессу к князю своему и отдал ему нерукотворенное изображение на убрусе лица Христова и письмо. Взяв их, Авгарь исполнился радости и облобызал с любовью; поклонившись образу Христову, он тотчас получил облегчение в болезни, так что только малая часть проказы оставалась на лице его до того времени, когда должен был прийти к нему посланный Господом ученик.

По вольном же страдании, воскресении и вознесении на небо Господа, в Эдессу пришел, по Божественной благодати, святой Фаддей, один из семидесяти Апостолов: достаточно наставив Авгаря святой вере в Христа, святой Фаддей крестил князя; и когда Авгарь, войдя во святую купель, крестился, тотчас уничтожилась оставшаяся часть проказы, и он вышел из купели совершенно чистым, здравым телом и душою. Вместе с Авгарем крестился весь дом его и весь город, и славилось в Эдессе имя Господа нашего Иисуса Христа, единого истинного Бога. Был же на воротах Эдессы стоявший здесь исстари идол какого-то языческого божества, которому всякий, входивший в город, обязан был воздать поклонение. Этого идола Авгарь свергнул с его места и уничтожил; потом он устроил над воротами в каменной стене круглое углубление, в которое не мог попадать дождь; наложив убрус нерукотворенного образа Христова на доску не гниющего дерева, Авгарь обложил и

украсил его золотом с драгоценными камнями и поставил в стене над вратами; кроме того, он сделал еще такую надпись золотыми буквами:

– Христе Боже! Всякий уповающий на Тебя не постыдится.

И повелел Авгарь всем входящим в город и исходящим из него поклоняться Божественному образу Христову; он издал закон, повелевавший непременно воздавать таковую честь Господню изображению; это благочестное повеление Авгаря, огражденное законом, соблюдалось в течение многих лет: как во дни жизни его и его сына, по нем княжествовавшего в Эдессе, так и при его внуке. Затем, при одном из правнуков Авгаря, приявших княжение в Эдессе, возобновилось в городе древнее языческое нечестие: этот князь, развратившись, отступил от Христа и уклонился в идолопоклонство. Увидев на городских вратах образ Спасителя, почитаемый всеми входящими и исходящими, князь, как враг Христа, вознегодовал; он захотел сбросить со стены Божественное изображение, поставив на его место идола. Узнав об этом, по особому извещению от Господа, епископ Эдессы пришел ночью с клириками к вратам города и, поднявшись по лестнице, поставил пред святым образом Христовым зажженную лампаду с деревянным маслом; потом епископ заложил святой образ глиняною доскою, а затем кирпичами и покрыл заделанное таким образом место мелом и сравнял со стеною, – так ему было повелено Божественным явлением. Когда нерукотворенный образ Христов стал невидим, нечестивый князь оставил свое намерение. И, по многом времени, в памяти людей уничтожилось воспоминание о святом образе, забыто было и место его заграждения; никто не знал о нем до дня его чудесного явления после очень многих лет, совершившегося следующим образом.

Во дни благочестивого царя Иустиниана царь персидский Хозрой с большим войском подошел к Эдессе, окружил его и начал упорную и продолжительную осаду. Когда же граждане, находясь в изнеможении от недоумения и великого страха, со слезами молились Богу, в одну ночь епископу Эдессы Евлавию явилась некая пресветлая, блистающая великою славою,

невеста; показывая перстом на городские ворота и место в стене, она сказала:

– Вверху этих врат сокрыт Божественный нерукотворенный образ Спаса Христа; хорошо сделаешь, когда вынешь его из заграждения.

Епископ с поспешностью пошел ко вратам и, поднявшись к месту указанному в стене, нашел всё так, как было сказано ему в откровении; узнав заграждение, он раскопал его и отнял доску; и нашел пречистый и пресвятой образ Христов цел и невредим, лампаду, несмотря на то, что прошло уже столько лет, не угасшей и полной елея; а на самой доске, которою заложен был образ, отобразилось нерукотворенно другое такое же подобие Лица Христова. Епископ взял убрус с изображением Спаса и показал гражданам; и была для всех великая радость, и все исполнились мужества, уповая на Господа. Епископ, совершая усердное моление, понес образ по стенам города, являя Лицо Спасителя персидским воинам, осаждавшим город, и тотчас всё персидское войско, гонимое Божественною силою, обратилось в бегство. Так Эдесса милосердием Христа Бога нашего и явлением Его нерукотворного пресвятого образа была избавлена от своих врагов.

Затем, также по прошествии многих лет, когда в Греции был царем Роман Багрянородный, прозывавшийся еще Ликапенис, разделявший власть с Константином, сыном Льва Премудрого и своим зятем, святой убрус с нерукотворенным изображением Божественного Лица Христова перенесен был из Эдессы, захваченной сарацинами, в Константинополь: в те времена уже вся Сирия, в которой и находится Эдесса, была под властью сарацин. Перенесение это совершилось таким образом: царь греческий Роман, желая иметь в Царьграде бесценное сокровище (нерукотворенный образ Спаса) много раз посылал к эмиру Сарацинскому просьбу отдать ему нерукотворный образ Христов. Эмир же, упрашиваемый эдесскими христианами, не хотел отдать образа, и возникла война: царь Роман послал в Эдессу свое войско и стеснил город, опустошая окрестности. Тогда эдессяне послали к царю греческому просьбу о прекращении войны; царь же просил у них образ Христов. Эмир

же сарацинский, под властью коего была Эдесса, не хотел отдать даром; царь же христианский, движимый великим желанием иметь у себя нерукотворный образ Христов, дал эмиру двенадцать тысяч сребреников и возвратил из плена греческого двести знатных сарацин, к этому он присоединил еще свое царское за золотой печатью писание, обещая никогда не поднимать войны ни на Эдессу, ни на его окрестные города. Получив через это желаемое, царь принял нерукотворенный образ Христов и с ним вместе и то послание, которое, как замечено выше, Господь наш Иисус Христос написал Авгарю, князю эдесскому; руками архиереев и прочих честных мужей духовного чина святой образ был перенесен в Царьград. По пути и в самом Царьграде от честного образа совершались многие чудеса: исцелялись всякие недуги, – слепые прозревали, глухие слышали, хромые ходили и бесы изгонялись. Один же бесноватый восклицал:

– Восприими, Константинополь, твою славу и веселие, а ты, Порфирородный, честь твоего царства.

Так взывая, человек этот исцелился от беснования.

Празднование перенесения нерукотворного образа Христова установлено в 16 день августа месяца, когда именно: Его приял с великою честью и торжеством царствующий город и поставил в церкви Пресвятой Богородицы Фаросской[5103] на защищение граду и во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого ныне и присно и во веки веков. Аминь[5104].

Тропарь, глас 2:

Пречистому Твоему образу поклоняемся Благий, просяще прощения прегрешений наших Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся Спасе наш, пришедый спасти мир.

Кондак, глас 2:

Неизреченного и Божественного Твоего к человеком смотрения, неописанное Слово Отчее, и образ неписанный и богописанный победителен ведуще неложнаго Твоего воплощения, почитаем того лобызающе.

Слово преподобного Иоанна Дамаскина[5105] о поклонении святым иконам

Память 16 августа

Так как некоторые порицают нас за то, что мы поклоняемся и почитаем образ Спасителя нашего и образ Матери Божией, а также и образа (иконы) прочих святых рабов Христовых[5106], то пусть знают таковые, что первоначально Бог сотворил человека по образу Своему. Ради чего мы поклоняемся друг другу (приветствуем друг друга), как не по той причине, что все мы созданы по образу Божию? Богоносный и святой великий отец Церкви Василий Великий[5107] говорит, что честь, воздаваемая образу, восходит к первообразному. Первообразное же есть то, коего подобие начертывается и от коего дается изображение на иконе. И по какой причине люди Моисеевы поклонялись скинии вещей небесных, стоя вокруг нее, между тем как скиния являла собою подобия многих изображений, ибо Бог сказал Моисею: «Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе» (Исх.25:40). Также и Херувимы, осенявшие алтарь, не были ли делом рук человеческих; точно так же и преславная иерусалимская церковь была построена разве не искусством руки человеческой? Святое Писание осуждает лишь тех, кто поклоняется идолам и кто приносит жертвы демонам. И еллины, и иудеи приносили жертвы: но первые приносили жертвы бесам, вторые же Богу. Жертвы эллинов были отвержены и прокляты, жертвы же иудеев были благоприятны Господу. Вот принес жертву Ной[5108], и «обонял Господь приятное благоухание» (Быт.8:21), ибо эта жертва была принесена от чистого и благожелательного сердца; но еллинские идолы, как мерзкие и богоненавистные, были запрещены и прокляты, так как были кумирами демонов.

Кроме сего кто может изобразить лице Бога невидимого, бесплотного, неописуемого, не поддающееся изображению? Безумным безбожием было бы желание изобразить Божество так, как оно существует Само в Себе. По этой причине в Ветхом

Завете иконы не были в употреблении. Но потом, когда благосердый Бог, по Своей милости, устрояя наше спасение, явился в образе истинного человека, а не в подобии только лица человеческого, как некогда являлся Аврааму и пророкам, но явил Себя истинным человеком, ходя по земле, живя с людьми, творя чудеса, пострадав, распявшись на кресте, быв погребен, потом воскрес и вознесся на небеса – тогда всё то, что было в действительности, всё то, что видели люди, но то, чего не видели мы, не жившие в то время, – всё сие тогда и записано было в наше назидание и напоминание, дабы мы, не видя то, как бы слышали то. и, уверовав, получили блаженство (вечное). А так как не всем дано знать писания, не всем дан дар чтения книг, то святые отцы единогласно рассудили изобразить всё сие на иконах для быстрейшего воспоминания, как славные победоносные знамения. Ибо часто по нерадению нашему мы забываем о страдании Господнем; посмотрев же на изображение Христова распятия, мы тотчас воспоминаем Его спасительные страдания и, припав, поклоняемся, не вещи, но Тому, Коего изображение мы видим перед собою; ибо мы поклоняемся не тому материалу, из которого составлено Евангелие, но написанному в нем слову Божию; точно так же мы поклоняемся не тому материалу, из которого сделан крест, но изображаемому крестом Распятию Христову. Крест ничем не отличался бы от материала, из коего он составлен, если бы не изображал собою Распятия Христова. То же самое следует сказать и о иконе Пресвятой Богородицы, ибо та честь, которую мы воздаем Богоматери, восходит к Воплотившемуся от Нее. Точно так же и мужественные подвиги святых угодников Божиих, изображаемые на иконах, возбуждают нас к мужеству, ревности и подражанию их добродетелям и к прославлению Богу и, как мы сказали, та честь, которую мы воздаем благохвальным подвижникам, изображенным на иконах, есть свидетельство нашего усердия пред общим всех нас Господом и, кроме того, та честь восходит к истинному первообразу.

То, что мы сказали, не записано в Священном Писании, как не записано там и о поклонении на восток, почитании креста и многом другом, тому подобном. В Истории же записано, как

Авгарь, царь эдесский, послал живописца своего, дабы он написал образ Господа, но тот (живописец), не мог исполнить приказанное ему, по причине дивного света, исходившего от лица Христова. Тогда Сам Господь приложил полотенце к Божественному и животворному лицу Своему и изобразил на полотенце Свое подобие, которое и послал к Авгарю, дабы исполнить его желание. А что святые Апостолы многое передали нам без писаний, об этом свидетельствует Апостол язычников святой Павел: «итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2Фес.2:15). И в другом месте: «хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания» (1Кор.11:2).

Память святого мученика Диомида

Память 16 августа

Святой Диомид был родом из города Тарса Киликийского[5109], по занятию он был врачом, верою же был христианин, и врачевал не только тела, но и души людские; ибо он увещевал эллинов уверовать в Бога и просвещал их, подготовляя ко святому крещению.

В царствование императора Диоклетиана[5110], святой Диомид оставил Тарс и пришел в город Никею, находившийся в Вифинии[5111]; и здесь, по обыкновению своему, святой Диомид творил врачевания, причем врачевал не только лекарственными средствами, но главным образом призыванием всесильного и цельбоносного имени Господа нашего Иисуса Христа и знамением Честного Креста; многих идолопоклонников он обратил к вере во Христа благодаря своему искусству врачевания, а также и учением своим.

Когда император Диоклетиан, бывший в то время в странах восточных, узнал об этом, то послал воинов взять святого. Когда воины прибыли к тому месту, то нашли святого Диомида уже умершим о Господе, однако, отсекли мертвому главу, дабы отнести ее к императору. Но тотчас по отсечении главы, воины те лишились зрения, и стали слепыми, так что их повели другие к царю, причем они несли отсеченную главу святого мученика Диомида.

Когда император увидел главу, а также увидел и слепых воинов, то приказал им тотчас же отнести главу и приложить ее к телу на свое место; лишь только воины сделали так, как тотчас же прозрели и уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, Коему воссылается слава вечно. Аминь[5112].

В тот же день память преподобного Херимона

Память 16 августа

Преподобный Херимон упоминается в книге Палладия «Лавсаик» и в Патерике алфавитном. Пещера его отстояла от воды на двенадцать поприщ; по преставлении он был обретен сидящим на своем месте и держащим в руках свое рукоделие, ибо он скончался за работой. Сей святой Херимон упоминается также святым Феодором Студитом[5113] в Триоди постной, в субботу сырную в каноне на утрени, в песни шестой[5114].

Страдание святого мученика Патрокла

Память 17 августа

В царствование Аврелиана[5115] на христиан было поднято жестокое гонение в Галлии, а также и в других местностях. В это время в городе Трикассине проживал честный муж, по имени Патрокл; обитал он на окраине города в доставшемся ему после смерти родителей доме; он был богат и имел много имущества. Этот муж служил Богу днем и ночью, ибо возлюбил святой закон Его и проводил строго христианскую благочестивую жизнь; будучи хорошо обучен наукам, он со усердием читал всегда священное Писание и ежечасно преклонял колена свои на молитву. Пищу принимал он только один раз в день, в двенадцатый час, совершив предварительно вкушения пищи славословия и молитвы ко Господу; и богатства, которые имел он, раздавал нуждающимся, вдовам и сиротам, и в особенности нуждающимся христианам, служившим Господу от всего сердца своего. Милосердие его было столь велико, что нищие принимали его за раздаятеля сокровищ небесных, ибо он не собирал себе сокровищ на земле, но на небесах и удалялся от всех удовольствий мирских, помышляя лишь о снискании Царства Небесного. Сей святой муж, проводивший жизнь свою в страхе Божием, в посте и молитве и во всяком богоугождении, получил от Господа власть повелевать бесами; ему дарована была также благодать исцеления, так что он изгонял нечистых духов силою Христовою и исцелял различные болезни, случавшиеся с людьми. В это время нечестивый царь Аврелиан, жестокий гонитель христиан, прибыл из города Сенонийска в город Трикассин; услышав о святом Патрокле, Аврелиан приказал взять его и привести к себе. Увидав Патрокла, он сказал ему:

– Я слышал о твоем безумии; ты принял суетную веру и поклоняешься Тому, Кто был поруган людьми.

Но святой ничего не отвечал на эти безумные слова.

Тогда Аврелиан спросил его:

– Какое имя ты носишь?

Святой отвечал:

– Мое имя – Патрокл.

Аврелиан снова спросил:

– Какую веру содержишь ты и какому богу поклоняешься?

Святой Патрокл отвечал:

– Я поклоняюсь Богу живому и истинному, обитающему на небесах и призирающему на смиренных; я поклоняюсь Тому Богу, Который знает всё, прежде нежели что-либо совершилось.

Аврелиан сказал:

– Оставь безумие свое и поклонись нашим богам; ты будешь награжден за это нами честью и богатством и имя твое будет прославлено.

Святой отвечал:

– Я не знаю иного Бога, кроме Того истинного, Который сотворил небо, землю, море и всё, видимое и невидимое.

Аврелиан сказал на это:

– Докажи нам, истинно ли то, что ты говоришь?

Патрокл отвечал:

– Поистине справедливо всё то, что я говорю; но так как вы все погибаете во лжи, то не хотите уверовать истине, ибо ложь всегда ненавидит истину.

Аврелиан сказал:

– Я тебя предам огню, если ты не принесешь жертвы богам.

Святой же отвечал:

– Вот я приношу жертву хвалы, да и самого себя приношу в жертву Богу моему, Который благоволил призвать меня к мученическому подвигу за святое имя Свое.

Тогда царь Аврелиан преисполнился гнева и приказал возложить на ноги мученика железные оковы, разожженные на огне; приказал также связать святому руки назади железными веригами, разожженными на огне; потом велел бросить святого в темницу и держать там до тех пор, пока он не измыслит способа погубить святого.

Находясь в оковах, святой молился Богу, говоря так:

– «Да будет же милость Твоя утешением моим, по слову Твоему к рабу Твоему» (Пс.118:76).

И еще:

– «Буду радоваться и веселиться о милости Твоей, потому что Ты призрел на бедствие мое» (Пс.30:8).

Спустя три дня царь Аврелиан воссел на публичном судилище своем и приказал вывести мученика из темницы и представить ему на суд. Когда святой был приведен, царь сказал ему:

– Хулитель, иди, спаси скорее себя самого от смерти и принеси жертву богам.

Мученик отвечал:

– Господь наш спас от смерти вечной души рабов Своих; Он не оставит всех, уповающих на Него; если же ты желаешь получить что-либо из моих богатств, то я охотно их дам тебе, ибо вижу, что ты нищ.

Аврелиан сказал на это:

– Как осмеливаешься ты называть меня, императора, нищим, когда я имею бесчисленные сокровища?

Святой отвечал:

– Ты имеешь богатства земные, скоропреходящие; но ты нищ, ибо ты не имеешь самого себя, так как ты не стяжал в сердце своем святой веры в Господа нашего Иисуса Христа; поэтому ты будешь осужден Судиею праведным, – Богом, на мучения вместе с отцом твоим, – диаволом.

Аврелиан сказал:

– Ты жестоко оскорбляешь меня и потому я не могу быть милостивым к тебе.

Мученик сказал:

– Для меня милостив Бог мой, Которому я служу с юных лет. Но горе тебе, когда ты будешь отведен на то место, где пребывает в мучениях диавол, коему ты ныне служишь; там увидишь ты вечные муки, уготованные тебе.

Император сказал на это:

– Я не понимаю того, что ты говоришь; понимаю только то, что ты в моих руках и нет никого, кто бы мог спасти тебя от рук моих.

Святой сказал:

– В твоей власти – находится лишь тело мое; души же моей ты коснуться не можешь, ибо никто не имеет власти над ней,

кроме Единого Бога, создавшего ее, Который и сказал нам, рабам Своим: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф.10:28).

Царь Аврелиан сказал на это:

– А разве наши боги не имеют такой же точно власти, ведь они для нас истинны, ибо они всегда дают ответы о всём, о чем их спрашивают; это они доселе попускают жить тебе, – своему врагу и хулителю.

Святой сказал:

– Какие боги у вас?

Аврелиан отвечал:

– К числу богов наших принадлежат и великий Аполлон[5116], и могущественный Зевс[5117], и мать богов Диана[5118], ибо они без обмана предсказывают людям будущее[5119].

Святой же Патрокл сказал:

– Что касается до Аполлона, коего ты называешь богом, то мы слышали от отцов наших, что он был пастухом царя фессалийского Адмета[5120]; относительно Зевса, коему ты поклоняешься как богу, нам известно, что он был человеком мерзким и нечестивым, блудодеем, прелюбодеем, грабителем и сеятелем всякого зла; известно, что он посевал вражду и бесчинства среди людей, совершал убийства и грабежи, да и умер позорнейшею смертью, так что земля не приняла трупа его. Диану же, именуемую матерью богов ваших, кто не знал, что она беснование полуденное[5121]. О окаянное безумие людей, ослепленных неверием, поклоняющихся суетному и пустому!

Царь сказал:

– Мое терпение велико, ибо я до этих пор слушаю твои хулы. Но теперь я говорю тебе в последний раз: если ты не поклонишься и не принесешь жертв Аполлону, Зевсу и Диане, то я сейчас же предам тебя смерти.

Мученик отвечал:

– Нечестивый мучитель! Ты похож на разбойника, который убивает неповинного человека, тела же его пожрать не может. Так и ты, хотя и хвалишься, что предашь смерти мое тело, но не

съешь его; а если бы ты даже и пожрал тело мое, то не посмел бы повредить моей душе.

После того как святой сказал эти слова, Аврелиан весьма разгневался и приказал усечь святого мечом. При этом Аврелиан приказал своим воинам усечь святого не на сухой земле, но где-либо в болотистом месте, дабы он не мог быть предан обычному для людей погребению, но был бы съеден гадами, птицами и зверями.

Воины взяли святого мученика и повели его к берегу реки, по имени Секвана, дабы усечь святого здесь, в болоте, на берегу реки. Святой шел на смерть с веселием, молитвенно взывая:

– Господи Иисусе Христе, не попусти телу моему погибнуть в том месте болотистом, но возвеличь пресвятое имя Твое, дабы оно было славно пред очами врагов Твоих, и дабы язычники не сказали: где же Бог их? – услышь, Владыко святой, молитву мою, как Ты услышал Моисея и Аарона, молившихся о людях Твоих и, разделив им море, Ты провел (израильтян) посуху (Исх.14:21–32); так и мне повели перейти реку сию на ту сторону, на место не болотистое, дабы на сухой земле была пролита кровь моя и дабы тело мое нашло бы себе покой не в болоте: «извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне» (Пс.68:15): избавь меня от мучителей моих!

Едва только святой помолился в таких словах, как помрачились глаза воинов, приведших его, так что они (воины) не видели мученика.

Святой же Патрокл, войдя в реку, пошел по воде, ступая ниже колен; а между тем та река была весьма большой и глубокой, и, кроме того, имела много воды от дождя; но святой мученик шел по ней, не опускаясь даже до колен; потом, перейдя на другой берег, мученик взошел на гору, находившуюся там, и сказал:

– Господь хранит души преподобных святых Своих и спасает их от рук грешников.

Воины же, не видя мученика, коего они вели, пришли в великий страх и ужас, ибо боялись, что царь подумает, что они

отпустили осужденного по своей воле, и предаст их казни; воины говорили сами в себе:

– Как велик Бог человека того, ибо Он спас его от рук наших невидимо!

Другие из воинов говорили:

– То был не человек, но некое привидение, ибо он бесследно исчез из наших глаз.

В то время, когда воины долгое время спорили об этом между собою, не решаясь возвратиться к царю некая женщина-язычница, переплывавшая в лодке реку, услыхав спор воинов и увидя их печаль, сказала им:

– Я видела на той стороне реки, на горе, человека христианина, коего вы ищете; он лежал ниц и молился Богу своему.

Они же, имея ноги, скорые к пролитию крови неповинной, тотчас переплыли реку на лодке и взойдя на гору, нашли святого в том положении, как сказала им та женщина. Тогда старший воин сказал с досадою святому:

– Поистине ты достоин смерти, ибо ты убежал от нас; но вот ты опять в наших руках; и теперь уже не убежишь от нас: ты будешь предан смерти; а если желаешь остаться в живых, принеси жертву богам нашим.

Святой отвечал им:

– Я не поклонюсь нечестивым бесам; я поклоняюсь только Богу единому.

Воины сказали ему:

– Какой бог у тебя, – рожденный или сотворенный?

Святой сказал:

– О заблуждение суетное! О неверие безумное! О речи неразумные! Кто из людей может что-либо сказать о Боге безначальном! Кто может поведать о Его происхождении? Он сказал, и всё произошло; Он повелел, и создано было всё, – видимое и невидимое. Он послал Избавителя роду человеческому, Сына Своего Единородного, Господа нашего Иисуса Христа, пролившего за нас святую кровь Свою, дабы избавить нас от погибели и вечной смерти; но Господь воскрес в третий день из мертвых, вознесся на небо в присутствии

учеников и послал им, как обещал, Святого Духа. И веровать должно так, как учил Дух Святой устами Апостолов; ибо учение сие есть правое и истинное; тот же, кто не верует учению сему, не увидит жизни вечной, но гнев Божий будет пребывать на том (человеке) вечно. Мы, христиане, твердо веруем и надеемся получить жизнь вечную от Христа, Бога нашего; поэтому мы и страдаем за Него с любовию и умираем с готовностью, зная, что живем ли мы, умираем ли мы, принадлежим Господу. Все же, поклоняющиеся бесам, подобно вам, вместе с бесами будут ввержены в огонь геенский.

В то время как святой произносил эти слова, воины пришли в гнев и, назвав святого хулителем своих богов, обнажили мечи, дабы усечь святого. Мученик же сказал, обратившись к Богу:

– В руки Твои, Господи, предаю дух мой; ибо Ты знаешь, что я умираю за имя Твое пресвятое.

После этого святой мученик Патрокл был усечен во главу[5122].

Воины взяли главу мученика и бросили ее на далекое расстояние от тела; потом ушли.

В это время на горе, поблизости от того места, находились двое нищих, в преклонных летах, пользовавшиеся ранее милостынею от рук святого и исповедывавшие веру христианскую. Сии видели кончину мученика и слышали последние слова его. Когда воины ушли, сии взяли тело мученика и главу его с великим страхом, боясь быть замеченными нечестивыми; честное тело и главу мученика они скрыли до вечера, а потом тайно поведали обо всём протопресвитеру того города, по имени Евсевию.

Когда наступила ночь, протопресвитер пришел к тому месту (где было скрыто тело мученика) вместе с диаконом Ливерием; обвив чистою плащаницею то святое тело, они предали его погребению в ту же ночь, тихо и с немногими свечами пропев подобающее псалмопение, боясь язычников.

Скончался святой мученик Патрокл в царствование в Риме Аврелиана, среди христиан же при владычестве Господа нашего Иисуса Христа, Коему воссылается честь и слава вместе со Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Алипия Печерского

Память 17 августа

Преподобный отец наш Алипий Печерский явил себя подражателем святому Евангелисту Луке, ибо служил Господу, сотворившему нас по образу и подобию Своему (Быт.1:26), подобно оному Луке, а именно: он не только изображал чудодейственно лики святых на иконах, но и воплощал в душе своей их добродетели; кроме того был дивным врачом; благочестное житие его представляется нам в таком виде:

В княжение благоверного князя киевского Всеволода Ярославича[5123], при игумене преподобном Никоне, по устроению Божию и по совету преподобных отцов Антония и Феодосия, чудесно явившихся в Константинополе в десятый год по своем преставлении, – прибыли для украшения святой печерской церкви греческие иконописцы; этим-то иконописцам и был отдан блаженный Алипий своими родителями в обучение живописному искусству. Святой Алипий был очевидцем того дивного чуда, о котором повествуется в сказании о церкви печерской, именно: когда иконописцы украшали живописью алтарь, то в нем сама собою изобразилась икона Пресвятой Богородицы: при этом икона сия просветилась и блистала ярче солнца: потом из уст Пресвятой Богородицы вылетел голубь, который, полетав долгое время (по церкви), влетел в уста Спасителя, изображенного на иконе, находившейся в верхней части церкви. – Тогда-то обучался сей блаженный Алипий, помогая своим учителям; и он кроме того прекрасно живописал в душе своей, ибо благодать Пресвятого Духа пребывала в той церкви печерской.

Когда упомянутые иконописцы окончили свое дело и украсили иконами святую церковь, украшен был и Алипий преподобным игуменом Никоном чудным образом святого Ангельского иноческого чина. И начал святой Алипий обучаться искусству изображать в душе своей добродетели святых, будучи

уже обучен искусству изображал вещественно (на иконах) их лики.

Святой Алипий был настолько искусен в своем деле, что, по благодати Божией, видимым изображением на иконе воспроизводил как бы самый духовный образ добродетелей; ибо обучался искусству иконописному не ради стяжания богатства, но ради стяжания добродетелей; он постоянно трудился, живописуя иконы для игумена, для братии и для всех нуждавшихся, ничего не взимая за труд свой.

Блаженный Алипий просил всех, видевших обветшавшие иконы в какой-либо церкви, сообщать ему об этом; тогда он, не требуя никакого вознаграждения, своим искусством украшал те церкви. Если же святой был свободен от такой работы, тогда упражнялся в иконописном искусстве для себя и живописал иконы, которые отдавал тем, у кого он брал взаймы золото и серебро, нужное для украшения икон. Так поступал святой для того, чтобы не проводить времени в праздности; он уподоблялся древним святым отцам, постоянно занимавшимся рукоделием, и самому верховному Апостолу Павлу, который говорит о себе: «нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян.20:34).

Если же когда случалось святому Алипию зарабатывать какую-либо сумму денег своим рукоделием, то он делил ее на три части: первую часть тратил на поновление икон, вторую на милостыню нищим и третью – отдавал на монастырские нужды. Так поступал святой ежегодно, не давая себе покоя ни днем, ни ночью; ибо ночью он упражнялся в молитвенном бодрствовании и поклонах, днем же с великим смирением, нестяжательностью, чистотою, терпением, постом, любовью, богомыслием занимался рукоделием; никто никогда не видал его праздным; но при всём том он никогда не пропускал молитвенных собраний хотя бы для своих занятий.

Когда игумен заметил столь великие добродетели и иконописное искусство у преподобного, так что он был достоин, нося ангельский образ иноческого чина, являть собою подражателя Сына Божия Иисуса Христа, – Иерея по чину Мелхиседекову[5124], возвел его на степень иерейства. Тогда

преподобный был поставлен как светильник на свещнике (Мф.5:15), или, лучше сказать, как образец для подражания на высоком месте, сияя сугубою красотою добродетелей иноческих и иерейских; и был святой образцом не простым, ибо творил чудеса; из многих чудотворений его мы напомним здесь о некоторых.

Некто из числа богатых граждан города Киева страдал проказою; сей искал помощи у многих врачей, волшебников и язычников, но не только не получил облегчения от своей болезни, а впал еще в худшее состояние. Тогда один из друзей больного посоветовал ему идти в печерский монастырь, дабы просить молитвы у святых отцов; он согласился, но с неудовольствием.

Когда сей больной был приведен в монастырь печерский, игумен приказал напоить его водою из колодца преподобного, а также велел умыть ему той же водою и лицо. И тотчас на теле больного появилось так много гноя, в наказание за неверие его, что все сторонились от него, не будучи в состоянии выносит смрадного запаха, исходившего от тела больного. Тогда с плачем и негодованием сей прокаженный возвратился к себе в дом, и не выходил из дома многие дни, по причине исходившего от него смрада, говоря друзьям своим: «бесчестием покрывают лице мое. Чужим стал я для братьев моих и посторонним для сынов матери моей» (Пс.68:8–9), потому что я не явил веры преподобным отцам Антонию и Феодосию; и каждый день ожидал своей смерти.

Однако, придя в себя, сей муж решил исповедать все грехи свои; поэтому пошел опять в монастырь печерский к преподобному Алипию и исповедал ему свои согрешения. Преподобный же сказал ему:

– Ты хорошо сделал, чадо, что пришел исповедать Богу грехи свои пред моим недостоинством; так свидетельствует о себе и пророк, взывая ко Господу: «я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс.31:5).

Потом преподобный Алипий долгое время поучал его душеспасительными речами, затем, взяв иконописные краски,

украсил лицо его, помазав гнойные места; после этого святой Алипий повел больного в церковь, причастил его Божественным Тайнам и повелел ему умыться тою водою, которою обычно умывались священники после принятия святых Таин; вскоре же после этого гнойные струпья сошли с больного и он стал здрав, как и раньше.

В этом чудотворении преподобный отец наш Алипий явил себя подражателем Самому Господу нашему Иисусу Христу; ибо подобно тому как Христос, исцеляя прокаженного, повелел ему показаться иерею и принести дар за очищение свое (Мф.8:4), так и сей преподобный приказал больному проказою показаться ему, как иерею, во время священнослужения, и принести в дар то, о чем говорит пророк: «что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения прииму» (Пс.115:3–4). Упомянем здесь и о даре, ибо правнук сего прокаженного, в благодарность за очищение его, оковал золотом кивот, находившийся над святым престолом в церкви печерской.

Кроме сего преподобный Алипий явил себя подражателем Христа, исцелившего слепорожденного; ибо, подобно тому как Христос, исцеляя слепорожденного, сначала помазал ему очи брением, потом повелел ему умыться в купели силоамской (что значит «посланный») (Иоан.9:6–7), так и сей преподобный, сначала помазал струпы прокаженного иконописными красками, потом приказал ему умыться тою водою, которою умываются обычно иереи, – посланники Божии; таким образом святой исцелил больного как от проказы телесной, так и от слепоты греховной, так что все, пришедшие вместе с больным из города, весьма изумились такому скорому исцелению. Но преподобный Алипий сказал им:

– Братия! Обратите внимание на то, что сказано: «никто не может служить двум господам» (Мф.6:24); ибо сей человек первоначально был порабощен демону по причине грехов своих; поэтому, когда он пришел к Богу, но по совету вражию, отчаялся в спасении своем и не веровал в Господа, Который только Один и мог спасти его, – то проказа еще с большею силою охватила тело его, в наказание за его неверие; ибо

Господь сказал: «просите", и не просто «просите», но с верою, «дано будет вам» (Мф.7:7). Когда же ныне он вторично обратился с раскаянием к Богу, в моем присутствии, то «Бог, богатый милостью» (Еф.2:4), исцелил его.

Выслушав это, люди поклонились святому и отправились в обратный путь вместе с исцеленным, прославляя Бога и преподобных отцов Антония и Феодосия, а также и их ученика, преподобного отца нашего Алипия; и говорили об этом святом Алипии, что он явлен был им как новый Елисей, ибо он исцелил от проказы того больного подобно тому, как Елисей исцелил от проказы Неемана сириянина (4Цар.5:14).

Был еще некто из того же города Киева, муж благочестивый. Сей построил церковь и пожелал иметь семь больших икон для украшения церкви; сей муж отдал серебро вместе с досками, предназначенными для начертания икон, двум монахам монастыря печерского, знакомым ему, попросив их посоветоваться со святым Алипием относительно написания икон. Но монахи ничего не сказали Алипию, а серебро присвоили себе. Спустя некоторое время тот муж послал спросить монахов, написаны его иконы или нет? Они отвечали, что Алипий требует еще серебра. Потом снова, взяв серебро, присланное от мужа того, присвоили его себе. Затем, дойдя до крайнего бесстыдства, сии два монаха снова послали сказать тому мужу (клевеща на святого), что Алипий требует еще столько же серебра, сколько получил. Христолюбивый муж тот дал серебро и в третий раз, сказав:

– Я весьма желаю получить молитву и благословение от дела рук его.

Святой же Алипий ничего не знал о том, что делали монахи.

Наконец муж тот послал еще раз узнать точно, не написаны ли уже иконы? Монахи же те, не зная, что ответить, сказали, что Алипий взял всё серебро, трижды посланное, но икон писать не хочет.

Тогда христолюбивый муж тот прибыл в монастырь печерский вместе со своею дружиною, отправился к игумену Никону и рассказал ему о причине печали, нанесенной ему (якобы) Алипием. Игумен, позвав Алипия, сказал ему:

– Для чего ты, брат, наносишь такую обиду сему сыну нашему, который весьма упрашивал тебя написать иконы и дал тебе серебра, сколько ты просил? Но ты, взяв так много серебра и дав обещание написать иконы, не написал их, хотя в иных случаях писал иконы и без всякой платы.

Блаженный же Алипий отвечал на это:

– Честный отец! Ты хорошо знаешь, что я никогда не выказывал лености в деле сем; но сейчас я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь.

Тогда игумен снова сказал ему:

– Ты взял тройную цену за написание семи икон; но до этих пор ты не написал их.

И тотчас, желая обличить святого, приказал принести доски, предназначенные для написания икон (доски те за день пред этим видели стоявшими в одном из монастырских строений, и на них не было ничего изображено): игумен приказал также позвать и тех монахов, через посредство которых оный муж передавал серебро святому, дабы сии монахи обличили Алипия.

Посланные за досками, нашли их весьма искусно расписанными и принесли их к игумену; увидав сие, все, бывшие там, весьма удивились и впали в великий страх; потом с трепетом пали ниц на землю и поклонились тем образам, созданным не рукою человека, – именно образу Господню, образу Пресвятой Богородицы и прочим образам святых Божиих.

Потом пришли те два монаха, которые оклеветали Алипия; не ведая ничего об этом чуде, они вступили в пререкание со святым, говоря:

– Вот ты взял тройную цену, а икон писать не хочешь!

Услыхав эти слова, все, бывшие там, показали тем монахам иконы, сказав:

– Вот эти иконы, написанные Самим Богом, удостоверяют невинность Алипия!

Монахи же те, увидя иконы, пришли в ужас от столь великого чуда. Они тотчас же были обличены игуменом в воровстве и лжи, были изгнаны из монастыря и лишены всего имущества своего.

Но сии монахи не прекратили злобы своей: они стали распространять в городе хулу на преподобного Алипия, утверждая, будто бы они сами написали те иконы; – начальник же наш, – говорили они, – не желая вознаградить нас за труд, – дабы отстранить нас от работы, солгал относительно икон, что будто бы они написаны Самим Богом, восхотевшим оправдать Алипия.

Услыхав такие речи, многие граждане пошли из города в монастырь, дабы видеть те иконы и поклониться им. Однако, несмотря на то, что многие из граждан и поверили тем монахам, оклеветавшим преподобного Алипия, – Бог, прославляющий святых Своих, как Он Сам говорит во святом Евангелии: «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14); и еще: «зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф.5:15), – Бог не утаил добродетельных подвигов сего праведного мужа; ибо до самого князя Владимира Мономаха[5125] дошла весть об этом чуде, сотворенном Господом ради святого Алипия; сие чудо было удостоверено еще следующим образом:

По попущению Божию, случился в Киеве пожар, от которого сгорел почти весь Подол[5126] в Киеве; в этой части города находилась и церковь с упомянутыми иконами, также сгоревшая, однако, после пожара нашли все те семь икон совершенно неповрежденными.

Когда князь услышал об этом, то пришел лично сам на место пожара, желая видеть бывшее там чудо. Увидав иконы, оставшиеся невредимыми от огня, князь прежде всего узнал, что они были написаны в течение одной ночи по устроению Бога, восхотевшего оправдать Алипия от возводимой от него клеветы. Тогда князь Владимир Мономах со усердием прославил Творца всего Бога, явившего столь великие чудеса ради добродетелей преподобного Алипия. Потом, взяв одну из тех икон, – именно икону Пресвятой Богородицы, приказал отправить ее в город Ростов, в каменную церковь, находившуюся там, построенную им самим. Некогда разрушилась и сия церковь в Ростове, однако, икона та осталась совершенно неповрежденной. Потом икона была

поставлена в деревянную церковь; но и эта церковь, спустя некоторое время сгорела от пожара; икона же опять осталась неповрежденной, так что на ней не оказалось и небольшой царапины после пожара.

Всё сие с несомненностью подтверждало добродетельную жизнь преподобного отца нашего Алипия, ради которого написалось сама собою та икона.

Перейдем теперь к чуду, совершившемуся при кончине святого, дабы видеть, как дивно сей человек, искусный творец икон, перешел из жизни сей временной в жизнь вечную.

Некий благочестивый человек попросил преподобного отца нашего Алипия написать икону Пресвятой Богородицы; при этом он просил святого написать сию икону ко дню праздника Успения. Но преподобный заболел в скором времени и уже приближался к смерти своей; а икона, между тем не была написана; человек тот весьма скорбел по сему случаю и очень беспокоил святого. Блаженный же Алипий сказал ему:

– Чадо! Не беспокой меня, но возложи всю печаль свою на Господа, и Он сделает, как пожелает: икона будет на своем месте в праздник свой.

Муж тот, поверив словам святого, пошел в дом свой с веселием.

Потом он снова пришел к Алипию накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы. Увидав, что икона не была написана. Увидя также и то, что преподобный Алипий разболелся еще больше, муж тот стал укорять блаженного, говоря так:

– Почему ты не сказал мне ничего о своей тяжкой болезни? Тогда я отдал бы икону другому иконописцу, который бы и написал ее мне, дабы праздник был честен и торжественен; но вот теперь ты ввергаешь меня в великий стыд.

Преподобный с кротостью отвечал ему:

– О чадо! Разве это сделал я по своей лености? Однако Бог может единым словом Своим написать икону Матери Своей; вот я сам ухожу из мира сего, как открыл мне сие Господь, но не хочу оставить тебя в печали.

Муж тот отошел с глубокою скорбью. Тотчас после его ухода к преподобному Алипию вошел некий светлый юноша, который и начал писать икону мужу тому. Алипий подумал, что человек тот, обидевшись на него, прислал нового иконописца, и принял сначала юношу того за человека, однако, быстрота и изящество его работы показывали, что то был Ангел; ибо он в продолжении трех часов написал весьма красивую икону, то полагая на икону золото, то растирая различные краски на камне и живописуя ими; потом сказал преподобному:

– Отче! Быть может здесь еще чего не достает, или в чем-либо я погрешил?

Преподобный же отвечал:

– Ты сделал всё прекрасно; Сам Бог помог тебе написать икону с таким благолепием; это Он Сам сделал через тебя.

Когда же наступил вечер, тот иконописец вместе с иконою сделался невидимым.

Между тем хозяин иконы не мог уснуть всю ночь от печали, так как думал, что икона не будет готова к празднику; поэтому он считал себя недостойным такой милости Божией и называл себя великим грешником. По сей причине, встав утром, на другой день, он пошел в церковь, дабы исповедать там Господу свои согрешения. Но едва лишь он открыл двери храма, как увидел икону, стоявшую на своем месте. Тотчас же он пал на землю от страха, думая, что это было привидение: затем, немного поднявшись от земли, и со вниманием посмотрев на икону, он понял, что это была его икона. Вследствие сего он пришел в великий страх и ужас и вспомнил слова преподобного Алипия, который сказал ему, что икона будет готова к своему празднику; потом пошел и разбудил всех домашних своих. Домашние его с веселием поспешили в храм со свечами и кадильницами; увидав здесь икону, сиявшую как солнце, все пали на землю, поклонились иконе и облобызали ее с радостною душою.

После этого тот благочестивый муж отправился к игумену и рассказал ему о чуде, случившемся с иконою; потом они вместе отправились к преподобному Алипию и нашли его уже отходящим из мира сего. Несмотря на это, игумен спросил его:

– Отче! Кем и как была написана икона мужу сему?

Алипий передал им всё, что видел, и сказал:

– Икону ту написал Ангел и он же предстоит здесь намереваясь взять душу мою.

Сказав сие, блаженный предал дух свой в руки Господа в семнадцатый день месяца августа[5127]. Братия, покрыв пеленами тело его, отнесли его в церковь; потом сотворив обычное погребальное пение, положили тело святого в пещере преподобного Антония.

Так украсил сей святой чудодейственный иконописец небо и землю; пожив на земле телом, он восшел на небо с добродетельною душою, в прославление Начальника иконописцев, Бога Отца, Который сказал: «сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему» (Быт. 1:26), а также и по «образу ипостаси Его» (Евр.1:3), Бога Сына, Который «по виду став как человек» (Флп.2:7); вместе со Святым духом, сходившим с неба во образе голубя (Мф.3:16) и виде языков огненных (Деян.2:3). Всех сиих, Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, пребывающих в едином существе, восхвалим вместе с преподобным отцом нашим Алипием и будем прославлять в бесконечные веки. Аминь.

Страдание святых мучеников Стратона, Филиппа, Евтихиана и Киприана

Память 17 августа

Сии святые мученики, будучи людьми знатными, обходили Никомидию[5128] и, посещая народные зрелища, учили собиравшийся там народ, убеждая его оставить служение идолам и обратиться к вере во Христа. Однажды начальник города увидел, что место зрелищ пусто, почти без зрителей и, узнав причину этого, а именно, что народ оставил собрание людей, сходившихся на зрелища, будучи научен святыми мучениками, и потому пренебрегает отеческими обычаями, проводя новую какую-то жизнь, немедленно повелел привести святых к себе. Когда они предстали пред начальником города, то объявили ему, что содержат веру во Христа и учили ей других. Тогда их привели на место зрелищ и отдали на растерзание зверям, но звери не причинили им никакого вреда. После этого они были подвергнуты многим разнообразным мучениям и, наконец, брошены в огонь. Таким образом святые мученики прошли поприще[5129] страданий за Христа и, одержав победу, восприняли венцы[5130].

Память святого мученика Мирона

Память 17 августа

Святой Мирон был пресвитером в Ахаии[5131] в царствование нечестивого царя Декия[5132]; игемоном же той страны был Антипатр. Святой происходил из знатного и богатого рода; он был весьма кроток нравом; в своем сердце он всегда питал теплую любовь к Богу и людям и проводил жизнь богоугодную.

Однажды, в день праздника Рождества Христова, игемон Антипатр вошел в христианский храм, чтобы взять христиан, собравшихся на молитву, и предать их мучениям; увидя это, святой Мирон преисполнился ревности и с силою обличил игемона и укорил его. За это он был взят, по приказанию игемона, и предан жестоким мучениям: он был повешен на древе и подвергнут строганию железным гребнем; затем был опаляем огнем; наконец, был брошен в сильно разожженную и испускавшую страшное пламя пещь; но в это время из печи исшел огонь и попалил сто пятьдесят нечестивых слуг игемоновых, стоявших вблизи; святой же остался живым, по благодати Христовой, не потерпел никакого вреда и, стоя посреди печи, благословлял Бога, В то же время в печи видны были святые Ангелы, стоявшие посреди огня кругом святого и охлаждавшие печь.

Когда печь угасла и святой вышел из нее, не потерпев никакого вреда, игемон начал принуждать его поклониться идолам; когда же святой не исполнил сего нечестивого приказания, то игемон повелел снять кожу со святого и резать ее на ремни, от плеч до ног. Святой же мученик, взяв с себя один ремень, бросил его в лицо игемону; тогда он снова был подвергнут строганию железными когтями по обнаженному телу и потом отдан был на съедению зверям, однако, не потерпел от них никакого вреда.

Тогда игемон Антипатр, увидя себя постыженным во всём страстотерпцем Христовым Мироном, преисполнился гнева и бешенства и своими же собственными руками умертвил себя; так погиб нечестивый с шумом, отдав мерзкую душу свою бесам

в ад на вечные мучения. Святой же мученик был отведен в город Кизик[5133] и здесь скончался, будучи усечен во главу, предав душу свою святую в руки Божии[5134]. Таким образом, приняв венец мученический, он вошел в радость Господа своего.

Кондак, глас 4:

Из млада Христа возлюбив преславне, и Того соблюдая Божественные заповеди, к тому притекл еси весь цел, Мироне всечестне, и со Ангелы молишися прилежно. Проси всем почитающым память твою оставления грехов.

Страдание святого священномученика Емилиана и прочих с ним

Память 18 августа

Святой Емилиан родился в азиатской области Армении. Родители его – христиане – были люди знатные и богатые. Они отдали его для книжного обучения одному добродетельному мужу, некоему священноиноку Илариону. Основательно научившись разумению книг и пришедши в совершенный возраст, Емилиан проводил целомудренную, богоугодную и благочестивую жизнь, с усердием предаваясь посту, молитве и чтению книг и соблюдая в непорочности свою девственную чистоту. Когда до Армении дошел слух, что нечестивые римские императоры Диоклетиан и Максимиан воздвигли в Европе жестокое гонение на христиан, то Емилиан воспламенился святою ревностью о правой вере и, горя любовию ко Христу до готовности принять смерть за Него, вознамерился идти в те страны, чтобы там проповедовать язычникам имя Христово и отдать за Господа своего жизнь свою. У Емилиана было два брата, Дионисий и Ермипп. Боговдохновенными увещаниями он и им внушил те же намерения. И вот братья после кончины своих родителей по взаимному согласию оставили из любви ко Христу дом, родину, наследство и все блага мира сего и отправились из Азии в Европу. Они взяли с собою и учителя своего, священноинока Илариона и пришли в Италию в город Сполитон[5135]. В этом городе между язычниками они нашли много христиан, проводивших чистую и праведную жизнь, и по их просьбе стали у них проживать. Блаженный Емилиан был для всех примером святости, ибо и днем, и ночью он упражнялся в молитве и проповедании Слова Божия.

По прошествии некоторого времени в соседнем городе, называемом Требией[5136], скончался епископ. Тогда жители этого города, бывшие христианами и жившие среди идолопоклонников, как пшеница среди сорной травы и как лилия среди терновника, узнав о жизни и мудрости святого Емилиана, избрали его себе епископом, как человека, хотя и

молодого по летам, но превосходящего разумом и добродетелями стариков. Для посвящения они отправили его в Рим к святейшему папе Маркеллину. Приняв от папы архиерейское посвящение, святой Емилиан вместе с учителем и братьями своими переселился из Сполитона в Требию, кафедральный город своей епархии. Вступив в управление своею паствою, он правил ею доблестно, наставляя стадо Христово и делом, и словом, причем, чудесно исцеляя болезни и врачуя благодатью Христовою тела и души человеческие, он и многих из неверных обратил к христианской вере.

В то время правителем тех стран был человек жестокого характера, по имени Максимиан, которому нечестивые императоры вручили власть над Этруриею и Умбриею. Прослышав о христианском епископе Емилиане, что он многих обращает от служения идолам ко Христу и упраздняет языческие храмы, Максимиан поспешно прибыл в Требию и, приказав схватить святителя Божия и привести к себе на суд, сказал ему:

– Емилиан, что я слышу о тебе? К чему безумием своим ты добровольно хочешь предать себя смерти? Если не поклонишься нашим богам, то я подвергну тебя жестоким мучениям и велю предать тебя ужасной смерти.

– Я не поклонюсь бесам, – с полною твердостью ответил святой епископ, – потому что все языческие боги – бесы, как говорится и в святых книгах, и кто им кланяется, тот унаследует в аде вечные муки.

От этих слов правитель пришел в ярость и велел без пощады бить святого, а потом после избиения стал на словах издеваться над ним. Он поносил Христа Бога и говорил, что христианский Бог не имеет никакой силы, а те боги, которых он чтит, всемогущи. Тогда святитель Божий сказал ему:

– Испытай, если желаешь, и узнай, чья сила больше, Христова или твоих богов? Прикажи принести сюда какого-нибудь расслабленного или человека, одержимого какою-либо иною болезнью, и повели жрецам вашим, пусть помолятся богам об исцелении больного; помолюсь и я моему Богу, и чей

Бог Своею силою исцелит больного, Тот Бог пусть и будет признан всеми Богом истинным и пусть все поклонятся Ему.

Это предложение святого Емилиана понравилось Максимиану, и он немедленно же послал разыскать больного. Вскоре принесен был один человек расслабленный, с очень давнего времени лежавший в постели и совершенно не владевший своими членами. На это зрелище собралось множество народа, желавшего видеть имевшее совершиться чудо. И вот по повелению правителя жрецы стали молиться богам своим, призывая Аполлона, Зевса, Меркурия и других суетных и ложных богов своих, чтобы они исцелили расслабленного. Очень долго молились они, но не имели никакого успеха, а святой, стоя в стороне, смотрел и посмеивался над ними и над их богами. Наконец, Максимиан повелел жрецам своим прекратить молитву и, обратившись к епископу христиан, Емилиану сказал ему:

– Теперь ты помолись Богу своему, если ожидаешь что-либо получить от Него.

Тогда епископ, преклонил для молитвы колена и, подняв руки, возвел глаза свои к небу и стал молиться, говоря:

– «Господи! Услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня… в день, [когда] воззову [к Тебе], скоро услышь меня» (Пс.101,2–3). Яви, Господи, всем присутствующим здесь, что Ты – Один истинный Бог, и спаси верующих в Тебя.

Так помолившись, святитель подошел к расслабленному и, взяв его за руку, сказал:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа встань и будь здоров.

Расслабленный тотчас же встал, здоровый во всем теле, и на глазах всех стал ходить, радуясь и прославляя Бога. Он всем показывал себя в удостоверение, что совершенно исцелился, и с радостью ушел домой.

Это чудо привело в изумление всех, наблюдавших его, и многие уверовали во Христа. Сам Максимиан начал было в душе склоняться к вере, но нечестивые жрецы стали убеждать его не веровать, говоря, что не силою Божиею совершилось это

чудо, а волшебным искусством Емилиана, и взывали к правителю:

– Предай смерти этого чародея, дабы не погибло совсем почитание богов.

Слушая нечестивых жрецов и давая лживым словам их больше веры, чем видимой силе Божией, Максимиан снова стал убеждать святого Емилиана поклониться идолам и говорил:

– Принеси жертву богам, зная то, что многие, не послушавшие моего совета, погибали до этих пор в страшных мучениях.

– Те, которые не принесли жертвы твоим нечестивым богам, – отвечал святой, – но решились умереть за Христа, теперь наслаждаются вместе с Ним вечным блаженством.

– Не говори мне больше об имени Христа, – сказал на это Максимиан, – но пощади свою молодость, ибо ужасные мучения ожидают тебя.

– Я, – раб Христа, – отвечал святой Емилиан, – и не перестану открыто произносить и прославлять имя Иисуса Христа; за Него я готов потерпеть всевозможные муки и самую смерть.

Тогда Максимиан приказал раздеть святого, повесить на месте пыток и опалять тело его зажженными свечами.

Безропотно перенося эту пытку, святой мученик молился Господу, чтобы Он укрепил его в страданиях. И вот явился ему Христос и сказал:

– Не страшись, Емилиан, Я Сам – с тобою!

И в ту же минуту свечи погасли и руки палачей скорчились. Видя это, правитель велел снять мученика с места пыток и сказал ему:

– Каким искусством ты действуешь, что и свечи погасил и искалечил руки слуг моих? Но в моем распоряжении есть для тебя еще более сильные мучения, преодолеть которые ты уже будешь не в состоянии.

– Искусство мое, – ответил на это мученик, – Христос мой, и если ты подвергнешь меня большим мучениям, то Он даст мне и больше терпения и покажет на мне еще большую силу Свою.

Тогда Максимиан приказал расплавить котел олова и бросить в него мученика. Но Христос опять явился Своему рабу и, взяв его за руку, вместе с ним вошел в котел, и огонь немедленно же погас, котел распался и олово вылилось, а святой остался невредимым. Это чудо привело в изумление правителя и всех, бывших при нем, однако, они не признали в нем силы Божией.

После этого Максимиан дал повеление привязать к шее святого мученика большой камень и бросить его в протекавшую близ города реку, носившую название Клитумна. Но и здесь явился святому Емилиану Христос и, как некогда Апостола Петра, взял его за руку и из водной глубины вывел на берег. Воины привели святого обратно к правителю и рассказали ему о совершившемся чуде.

Максимиан приказал тогда бросить Емилиана на съедение зверям, но и звери не причинили святителю Божию никакого вреда, потому что Сам Господь, снова явившийся угоднику Своему, был тут. Христос сказал ему:

– Мужайся, Емилиан, добрый и верный раб Мой!

И звери успокоились: львы и леопарды сделались кроткими, как ягнята, и одни лизали ноги святого, а другие – руки его. При виде таких чудес народ закричал:

– Велик Бог христианский! Пусть раб Его будет отпущен на свободу.

И в этот день уверовало во Христа тысяча человек. В страшном гневе на народ Максимиан выслал на него вооруженных воинов и приказал им убивать тех, кто прославлял Христа. Таким образом, было убито обоего пола и всякого возраста тысяча человек уверовавших. Кроме того, по приказанию разгневавшегося правителя, были перебиты и звери, не причинившие вреда мученику. Видя избиение зверей, Емилиан воскликнул, сказав:

– Слава Тебе, Христе Боже, ибо за Тебя умирают не только люди, но и звери.

Находясь в затруднении относительно того, какому бы еще мучению подвергнуть святого Емилиана, Максимиан велел посадить его в темницу. В это время по совету своих палачей он

приказал соорудить особое колесо для пытки и приделать к нему множество острых железных зубьев. Но когда, по его приказанию, приведенного из темницы святого мученика привязали к этому колесу и покатили с горы, то в то же мгновение явившийся святому Господь отвязал и снял его с колеса, а покаченное колесо изранило и убило многих, находившихся под горою язычников. После этого святой мученик снова был посажен в темницу. Между тем Максимиан, узнав о двух братьях святого Емилиана, Дионисии и Ермиппе, и об учителе их Иларионе, послал воинов разыскать их, так как из страха они скрывались. Когда они были найдены и приведены к правителю, он велел посадить их в ту же темницу, где находился и святой Емилиан. Увидав учителя своего и братьев, святитель Божий очень обрадовался; и все вместе они радовались, что удостоились страдать за имя Христово. В ту же ночь блаженному Иларион у было от Бога откровение, что все они скоро примут мученические венцы. Вскоре после этого Дионисий и Ермипп вместе со старцем Иларионом были приведены на суд к правителю. Но когда последний, принуждая их поклониться идолам, стал угрожать им мучениями, то для укрепления их явился им Христос Господь, и в то же время произошло землетрясение, идолы попадали со своих мест и разбились в прах. Поэтому святые, по повелению правителя, были жестоко избиты и, наконец, обезглавлены. Таким образом, они и приняли обещанные им Господом мученические венцы.

На другой день утром Максимиан повелел привести на судилище святителя Божия Емилиана и сказал ему:

– Братья твои и твой учитель отреклись от Христа, и я послал их в другой город для принятия почестей.

Но святой Емилиан, зная по откровению Божию о мученической кончине святых, ответил правителю:

– Мучитель, ты говоришь неправду: не отреклись они от Христа, но положили жизнь свою за Него. Впрочем, ты выразился правильно, сказав, что послал их в другой город, потому что, убив их, ты действительно послал их в город небесный для принятия почестей от Царя славы, Христа, за Которого они пострадали.

От этих слов Максимиан пришел в ярость и приговорил святого Емилиана к усечению мечом. После такого приговора святой, сопровождаемый большою толпою народа, для совершения казни выведен был из города на расстояние одного поприща[5137] на место, называемое Карпианово. Шествуя к месту казни, мученик пел, прославляя Бога и молясь за народ. Когда палач нанес святому удар мечом в шею, то меч согнулся, как воск, и не причинил никакой раны. Тогда воины, бывшие при казни, упав к ногам святого, просили у него прощения, признали, что Христос есть единый истинный Бог, и умоляли святого мученика помолиться о них Христу Богу. И когда мученик, преклонив колена, начал молиться не только о них, но и о всех людях, то ему послышался с неба голос, извещавший его, что молитва его принята, а его самого призывавший в горние обители. Услышав этот голос, святой мученик исполнился невыразимой радости. Он хотел поскорее отрешиться от тела и жить со Христом, однако, у него было желание достигнуть этого не обычною, а мученическою смертию, он помолился Господу, чтобы Он дал ему умереть от меча. И вот пришел другой палач и отсек ему честную главу. Таким образом, и увенчан был святой епископ Емилиан венцом мученика. Из раны его вместо крови потекло молоко, и многие из язычников, будучи очевидцами таких чудес, уверовали во Христа. Они же завернули честное тело святого мученика в чистые, умащенные душистым маслом, пелены и тут же похоронили.

Впоследствии, когда гонение на христиан прекратилось, верующие торжественно перенесли мощи святого в город и положили их в священном месте, прославляя Христа Бога, Которому и от нас да будет слава со Отцом и Святым Духом ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

Память святых мучеников Флора и Лавра

Память 18 августа

Святые мученики Флор и Лавр были братьями не только по плоти, но и по духу, так как оба единодушно веровали во Христа и угождали Ему добрыми делами. По занятию они были каменщиками. Учителями их были благочестивые мужи Прокл и Максим, от которых вместе с ремеслом они научились и богоугодной жизни по правилам христианской веры. За веру во Христа сперва преданы были смерти их учителя, а потом, спустя некоторое время, вслед за учителями своими и они унаследовали мученические венцы, приняв страдальческую смерть от правителя Иллирии[5138] Ликиона. Поводом к страданию их был следующий случай.

Некий правитель соседней страны обратился к правителю Иллирии с просьбою прислать ему искусных каменщиков для построения великолепного каменного храма языческим богам. Так как самыми искусными в стране знатоками этого дела были святые Флор и Лавр, то Ликион и отправил их к этому правителю. Сооружая согласно воле последнего храм, святые братья раздавали бедным плату, получаемую ими за свой труд, и при этом учили бедных святой вере во Христа. Сами они всегда проводили время в посте, молитве и трудах: ночью молились, а днем производили свои работы; пищу принимали в малом количестве, зато обильно кормили голодных и бедных. Действуя таким образом, они обратили к христианской вере не только призреваемых ими бедняков, но и одного языческого жреца с его сыном. Случилось это так.

В один день, когда святые братья тесали камень, к ним подошел сын жреца, молодой юноша, и, ставши близко, смотрел на их работу. Вдруг от камня отскочил осколок, ударил юношу в глаз и выбил его. От боли юноша закричал; на его крик прибежал отец его, языческий жрец. Видя, что лицо сына окровавлено и глаз выпал, он разорвал от горя на себе одежды, стал бранить святых работников и бросился было на них, чтобы их побить, но его удержали бывшие тут же другие рабочие.

Удостоверяя невинность святых братьев, они говорили, что виноват в своем несчастии сам юноша, потому что он близко подошел к ним в то время, когда они тесали камень и смотрел на их работу, не принимая мер предосторожности. Святые угодники Божии Флор и Лавр, стараясь успокоить жреца, обещали скоро исцелить глаз его сыну и сделать его настолько же зрячим, как и прежде.

После этого они взяли юношу на ночь к себе в дом и стали учить его познанию единого истинного Бога, Иисуса Христа, причем говорили ему:

– Если будешь всем сердцем веровать в Того Бога, о Котором мы возвещаем тебе, то глаз твой скоро будет здоров.

– Если глаз мой станет таким же, как был прежде, – ответил юноша, – то я уверую в вашего Бога и буду чтить Его. Без сомнения больше надлежит веровать в Того Бога, Который исцеляет больных и возвращает зрение слепым, нежели в тех богов, которые не только больных не исцеляют, но и здоровых делают больными.

При этом юноша рассказал святым о таком происшествии.

– Есть, – сказал он, – среди наших жрецов один жрец, по имени Ерм. Когда за несколько лет пред этим хотели поставить его в жреческое звание, то привели к идолу Зевса, чтобы возложить руку идола на его голову. Такой существует у нас обряд при поставлении в жречество. Он состоит в том, что руку идола, приделанную к плечам и движущуюся в суставе, жрецы при помощи серебряной цепи поднимают кверху, а потом спускают на голову поставляемого. Когда эту руку спускали на голову Ерма, то серебряная цепь случайно выскользнула из рук держащих ее, и рука идола, упав на лицо Ерма, ободрала его ногтями вплоть до костей, так что до сего дня издалека видны зубы его. И ни один бог не оказал ему помощи, напротив ему делается всё хуже.

Когда юноша рассказал об этом происшествии, святые Флор и Лавр со слезами начали молиться Богу о том, чтобы Он исцелил юношу и просветил не только его телесный глаз, но и душевные его очи. После усердной молитвы они осенили больной глаз юноши крестным знамением и глаз немедленно

зажил, сделался совершенно здоровым и так же хорошо видел, как и прежде. Вследствие такого чуда уверовал во Христа не только исцеленный юноша, но и отец его, языческий жрец. Имя этому жрецу было Мемертин, и он с этого времени из служителя демонов стал рабом Господа нашего Иисуса Христа вместе с сыном своим.

После этого святые работники Флор и Лавр, получая в своей работе помощь от Ангела Божия, в короткое время окончили постройкой сооружаемый храм, но не оставили его для жилища идолов, а освятили его для прославления пресвятого имени Иисуса Христа. Они поставили в нем к востоку честной крест и, собрав до трехсот человек бедняков, братьев своих по вере, совершили всенощную молитву, прославляя Христа Бога. Во время молитвы сошел свыше свет неизреченный небесной славы и наполнил храм дивным сиянием. По окончании всенощной молитвы все бывшие в храме, отправились к стоявшему неподалеку зданию, в котором находились приготовленные для нового храма идолы и, обвязав шеи этих идолов своими поясами, стали влачить их по земле, бить и ломать и таким образом раздробили их на мелкие части.

Узнав обо всём этом, областеначальник велел схватить Флора и Лавра и всех тех, кто были с ними, и в числе последних Мамертина и сына его. Всех, бывших со святыми, он приговорил к сожжению, а их самих, предав жестокому избиению, велел связать и отослал к правителю Иллирии Ликиону. Ликион обстоятельно расспросил их обо всём и, узнав, что они – христиане и остаются непоколебимыми в своей вере, велел бросить их в глубокий колодец и засыпать землею.

Спустя много лет были обретены их святые и многоцелебные мощи и с честью перенесены в Константинополь во славу Христа, Бога нашего.

Тропарь, глас 4:

Преудобренную и Богомудрую двоицу пресветлую восхвалим вернии по достоянию, Флора преблаженнаго, и Лавра всечестнаго, иже усердно Троицу несозданную ясно проповедаста всем. Темже пострадавше до крове, и венцы

пресветлыми увязостеся: молитеся Христу Богу, да спасет души наша.

Кондак, глас 8:

Яко благочестия мученики, и страдальцы Христовы Богомудренны, вселенная преславно почитает Флора и Лавра днесь: яко да улучим благодать и милость молитвами их, и избавимся бед и напастей, гнева же и скорби в День Судный.

Память святых мучеников Ерма, Серапиона и Полиена

Память 18 августа

На этих святых мучеников язычники сделали донос, что они почитают Христа, а от идолов отвращаются и презирают их. Вследствие этого они были схвачены и, представ пред римским епархом[5139], дерзновенно исповедали веру во Христа. За это их сперва заключили в смрадную темницу, а потом вывели из нее, но они не пожелали принести жертву идолам. Поэтому их стали влачить по тесным и непроходимым местам, и они, ударяясь о камни, предали Богу честные души свои, восприняв вечное блаженство там, где находится жилище всех радующихся[5140].

Страдание святого мученика Андрея Стратилата

Память 19 августа

Нечестивый Максимиан[5141], управляя восточною частью Римской империи, воздвиг повсеместное гонение на христиан. В это время в Сирии находился один военачальник, по имени Антиох, человек жестокого характера и ревностнейший служитель идолов, дышавший угрозами и казнями на верующих во Христа. Ему поручена была императором власть над всею Сириею и дано было повеление подвергать пыткам и казням христиан, для чего предоставлено было в его распоряжение значительное число тысяченачальников с подчиненными им римскими войсками. В числе других тысяченачальников, как благоухающий цветок лилии среди терновника, под властью Антиоха был последователь Христа Андрей, который содержал первоначально святую веру во Христа втайне, а потом, когда наступило время, явил и ее всему миру, открыто пред всеми исповедав имя Христово. Хотя он и не был еще крещен, но с твердою верою питал в сердце своем и горячую любовь ко Христу, уклоняясь от всякого дела, неугодного Богу, и ревностно совершая дела, согласные с волею Божиею. За такое благочестие Бог даровал ему необыкновенное мужество и храбрость в битвах, так что по храбрости и мужеству не было равного ему во всем римском войске. Не раз он одерживал блестящие победы над врагами и пользовался среди воинов большею славою и почетом, чем прочие полководцы.

Однажды значительные силы персидского войска, возбуждая против Антиоха войну, сделали внезапное нападение на Сирию. Вследствие неожиданности нападения персов Антиох был в большой тревоге. Но вспомнив о доблестном тысяченачальнике Андрее, он поспешно призвал его к себе, поручил ему вместо себя главное начальство над войском и, наименовав его Стратилатом, то есть старшим начальником над военачальниками, повелел выступить с войсками против

напавших на страну врагов и остановить их движение, причем сказал ему:

– Твое мужество и храбрость твоя на войне известны не только мне, но о них хорошо знает и сам император; вот почему я и почтил тебя таким высоким званием. Итак, я поручаю тебе эту неожиданно возникшую войну. Возьми войско, начальствуй над ним вместо меня и постарайся еще больше увеличить ту славу, которую имеешь.

Приняв такое поручение, воин Христов святой Андрей не ради своей личной славы, но ради славы имени Иисуса Христа желал выступить против врагов с подобающею доблестью, но, уподобляясь древнему Гедеону (Суд.7:1) из многочисленного римского войска он выбрал себе для войны только небольшое число воинов, хорошо зная изречение святого царя Давида, что Господь «не на силу коня смотрит Он, не к быстроте ног человеческих благоволит, – благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его» (Пс.146:10–11). Выбор святого Андрея пал на тех, коих указала ему благодать Божия таинственным действием вдохновения на сердце его, и выступил с ними против врагов. Увидев весьма значительные силы противников, которые, как саранча, напали на сирийскую область, святой Андрей стал укреплять своих воинов для мужественной борьбы, чтобы они при малочисленности своей не устрашились многочисленного персидского войска, и так как все воины его поклонялись идолам и ни один из них не был еще христианином, то он предложил им познать единого, всемогущего и в войнах страшного Бога, оказывающего всесильную помощь верующим в Него. Он сказал им:

– Братья и друзья мои! Теперь вы на деле можете убедиться, что языческие боги – бесы. Будучи сами бессильными, они никому и помочь не в состоянии, но есть единый истинный Бог, Которому я служу, Который сотворил небо и землю. Он – всемогущ, и всем, кто призывает Его, Он посылает скорую помощь: делает таких сильными на войне и врагов обращает пред ними в бегство. Вот, как вы и видите, против нас идут многочисленные полки врагов, которые по своей многочисленности гораздо сильнее нас, но если вы

отвергнете ваших суетных богов и вместе со мною призовете единого истинного Бога, то вы тотчас же увидите, что враги исчезнут пред вами подобно тому, как исчезает какой-нибудь дым или пыль.

Когда святой сказал это, все бывшие с ним воины поверили словам его и, призвав на помощь Христа Бога, смело бросились на врагов. Произошла жаркая битва, и воины святого Андрея одержали блестящую победу, так как по вере и молитвам святого в помощь им явилась свыше невидимая сила, которая навела страх на войска персов и привела их в расстройство, и они, отступив, обратились в бегство, а войско римское, предводительствуемое святым Андреем, преследуя их, мечами своими посекало головы персов, как посекают серпом колосья. Таким образом и произошла при помощи силы Христовой славная победа римлян над персами. Когда враги были прогнаны, то все воины, бывшие с святым Андреем, при виде такой неожиданной победы, одержанной при помощи Христа, уверовали в Него, а святой Андрей стал, насколько мог, утверждать их в вере, разъясняя им правые пути, приводящие ко спасению. Торжественно возвратясь с войны, святой Андрей и его воины, увенчанные славою, вступили в город Антиохию.

Между тем некоторые из завистливых военачальников, завидуя доблести и славе святого Андрея, донесли на него Антиоху, сообщив ему, что стратилат Андрей чтит распятого Бога. Услышав это, Антиох пришел в сильный гнев и послал к нему некоторых начальствующих мужей из военного звания узнать от него, справедливо ли то, что о нем говорят. Узнавши, что всё это действительно справедливо, Антиох отправил снова послов к Андрею отчасти с увещаниями, а отчасти с угрозами и напоминанием ему о своей нетерпимости к христианам и, наконец, велел посланным сказать ему:

– Ты хорошо знаешь, какой мучительной казни я предал сына Полиевктова, Евфимия, и вместе с ним многих других последователей христианской веры. Никого из них я не пощадил. На что же после этого рассчитываешь ты и на что надеешься, воздавая божеское почитание Человеку, Который был распят на кресте?

Когда посланные от Антиоха пришли с таким поручением к святому и передали ему эти слова, то он сказал им в ответ:

– Слова Антиоха более ободряют меня нежели устрашают: ибо если те, о которых он напоминает мне, будучи преданы жестоким мучениям, стали его победителями и в венцах мучеников предстали Христу Богу, то почему же и мне не быть верным рабом моего Иисуса Христа, чтобы вместе с ними, пострадавшими за Него прежде меня, удостоиться наследия в царстве Его?

После того как посланные сообщили Антиоху этот ответ святого Андрея он исполнился ярости и послал к святому воинов с приказанием связать и привести его к себе. Севши на судейское место, он велел святому Андрею открыто пред всеми объявить, желает ли он подчиниться царскому повелению или намерен служить своему Богу. Тогда святой, стоя на этом нечестивом судилище, пред лицом Ангелов и людей громким голосом смело исповедал Христа истинным Богом, а себя рабом Его. После этого мучитель немедленно приказал принести медное ложе и сильно раскалить его, дабы жечь на нем Христова воина. Когда ложе было раскалено до того, что от него отскакивали искры, то Антиох сказал мученику:

– Андрей, ты много потрудился на воинской службе, поэтому следует тебе после стольких трудов отдохнуть на этом ложе.

Святой мученик, не ожидая пока палачи возьмут его, немедленно же сам снял с себя одежды, поспешно взошел на ложе и, легши протянулся на нем, как бы на мягкой постели, мужественно перенося жжение своего тела. Ощущая сначала боль, он стал молиться Христу Богу, чтобы Он ниспослал ему скорую помощь, и действительно огонь, по повелению Божию, немедленно потерял свою силу и не мог вредить телу мученика. В то же время Антиох повелел схватить и некоторых других мужей из числа воинов Андрея и, приказав прибить гвоздями руки их крестообразно к деревам, состоящим из четырех частей, с насмешкой спрашивал их, приятно ли им это? Считая такое страдание за Христа весьма приятным для себя, они сказали:

– О если бы мы удостоились быть подражателями Христа, нашего Господа, распятого на древе крестном!

После этого мучитель снова обратился к святому Андрею и спросил его, достаточно ли он наказан огненным жжением и не желает ли отречься от Христа и обратиться к почитанию богов. На это мученик ответил, что желает терпеть до конца, потому что конец венчает всякое начатое дело; ибо от Христа Бога получает награду не тот, кто хорошо начал свой подвиг, но тот, кто хорошо окончил его. Поэтому мучитель Антиох повелел снять святого Андрея с медного ложа, а его товарищей освободить от дерев и бросить в темницу, как бы для того, чтобы дать им время на размышление, пока не согласятся обратиться к богам, а на самом деле для того, чтобы сообщить о них императору, так как он не решался без ведома и согласия последнего предать казни такого доблестного и сановного мужа, как Андрей, и его товарищей. Император Максимиан, получив и прочитав донесение Антиоха, нашел небезопасным открыто казнить смертью такого знаменитого воина и вместе с ним других воинов, оказавших такое необыкновенное мужество: не произошло бы от этого волнения и мятежа в войске и не возникла бы из-за них новая война. В ответ он написал Антиоху письмо, в котором повелел отпустить Андрея и его дружину, освободив их от заключения и казни, но в то же время дал Антиоху тайное повеление, чтобы он после освобождения Андрея и его товарищей, подождав немного времени, искусно нашел за ними какое-нибудь другое преступление и казнил их смертью, если они упорно останутся христианами, как бы не за веру, и притом, чтобы брал их для казни по одному. Получив от императора такое повеление, Антиох немедленно же освободил святого Андрея и его товарищей от оков и темниц и отпустил их на свободу, причем повелел им оставаться в том же звании, в каком они были и прежде.

Между тем воин Христов, святой Андрей, узнав по откровению Божию о таком коварном замысле нечестивцев, тайно от Антиоха вместе со всеми воинами, уверовавшими во Христа (а их было 2593 человека) ушел в Киликийский город Тарс[5142] к епископу этого города Петру для принятия от него

святого крещения, так как никто из воинов его и сам он не был еще крещен. Спустя некоторое время Антиох, узнав об уходе святого Андрея и его дружины в Киликийскую область, исполнился страшной ярости и гнева и, посоветовавшись с близкими к себе лицами, послал правителю Киликии Селевку письмо, в котором писал:

– Я знаю, что ты слышал об Андрее, который был тысяченачальником в императорских войсках. Ныне он не только сам впал в безумие, не повинуясь повелениям императора, но и многих из воинов обратил к тому же безумию и, как мы слышали, бежал со своими единомышленниками в Киликийскую область. Почему, во исполнение повеления императора, прикажи схватить Андрея и всех, кто находится с ним, и, связав, пришли их к нам. Если же они вздумают оказать сопротивление или бежать, то прикажи вооруженным воинам избить их.

Селевк, получив от Антиоха такое письмо, немедленно разослал во все местности Киликии послов разведать об Андрее и находящихся с ним воинах и, узнав, что он находится в Тарсе, сам с войском отправился туда. В это время святой Андрей, провидя духом, что волки идут уже на стадо Христово, просил тарсийского епископа, блаженного Петра и другого епископа из города Вереи, по имени Нона, случайно находившегося тогда в Тарсе, немедленно же совершить над ним и его воинами святое крещение, и епископы тотчас же крестили святого Андрея и всю дружину его.

Приняв святое крещение, святой Андрей со своими сподвижниками ушел из Тарса в местность, называемую Таксаниты не потому, что боялся смерти, которой, напротив, очень желал ради Христа, но исполняя повеление Господа своего, выраженное в словах: «когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф.10:23). Вскоре после этого Селевк с вооруженными как на войну воинами прибыл в Тарс. Не найдя там Андрея с его дружиною, он встревожился и даже изменился от гнева в лице, а потом, исполнившись страшной ярости, отправился в погоню за стадом Христовым. Между тем святые из вышесказанного места пошли в пределы Армении в горы,

называемые Таврос[5143], а Селевк повсюду гнался за ними вслед, стараясь настигнуть их, чтобы предать избиению. Проходя на этих горах различные местности, святые пришли в одно тесное место, со всех сторон окруженное отвесными подобно стенам скалами, на которое можно было войти через единственный проход, как через ворота в город. Здесь святой Андрей остановился со своею дружиною и стал ожидать своих убийц, так как это именно место было предуказано ему Богом для мученической кончины его и его сподвижников. Святой Андрей обратился тут к своей дружине с такими словами:

– Друзья, братья и дети мои, «ныне время благоприятное, ныне день спасения» (2Кор.6:2; Ис.49:8); будем же единодушно и твердо стоять в любви Божией, как повелел наш Господь, и не станем поднимать рук наших на преследующих нас, но поднимем их к Богу с молитвою благодарения за то, что Он дал нам дожить до сего времени, когда мы получим наследие со всеми святыми, пострадавшими за Него. Итак, будем молиться Ему, как молился святой первомученик Стефан, когда иудеи побивали его камнями, говоря: «Господи Иисусе Христе, приими (Деян.7:59) души рабов Твоих, которые мы предаем в руки Твои».

Сказав такие слова дружине своей, святой Андрей, став посреди нее и, подняв руки и обратив взор свой к небу, начал молиться, говоря:

– Господи, Господи, великий и всесильный! Услышь молитву грешного и недостойного раба Твоего и всех, находящихся со мною, непорочно сохранивших святую веру в Тебя, приими с миром наши души, покрой их Твоим милосердием и удостой райских обителей. Владыко! Молимся Тебе еще и о тех, которые будут почитать нашу память. Исполняй все приводящие ко спасению прошения их и ради молитвы нашей будь им помощником во всех их нуждах. А на месте сем, где будет пролита за Тебя наша смиренная кровь, пусть будут источник, подающий исцеления и прогоняющий нечистых духов. Всех же тех, кто будет приходить сюда, сохраняй от всяких бедствий и подавай им душевное и

телесное здравие, чтобы на месте сем прославлялось пресвятое Твое имя, Отца и Сына и Святого Духа.

В то время как святой Андрей и бывшие с ним молились так Богу, их настиг Селевк со своими воинами. Обнажив мечи и заскрежетав зубами, они как звери бросились на стадо Христово. Святые же воины Христовы, хотя как храбрые и опытные в бою и могли бы защитить себя, в этом тесном месте с одним только проходом, от рук убийц, но, подражая Господу своему, как незлобивые агнцы отдались убийцам своим на заклание. Преклонив колена, они протянули выи свои под мечи, и воины Селевка, без милосердия посекая их, в короткое время всех перебили. И пролилась кровь святых, как вода, ручьем текущая из этого места, души же их с торжеством вошли в радость Господа своего.

Святые пострадали в 19 день месяца августа, в воскресный день во втором часу дня и на том месте, где пролилась их мученическая кровь, немедленно вытек источник ключевой и целебной воды.

Избиение святых видели скрывавшиеся на одной скале вышеупомянутые епископы, Петр из Тарса Киликийского и Нон из города Вереи, ибо они со своими клириками издали следовали за ними, желая видеть их кончину. Когда Селевк после избиения святых мучеников пошел со своими воинами обратно домой, эти епископы с клириками своими подошли к телам мучеников и плакали над ними, а потом, приготовив их к погребению, с честью похоронили на том же месте. Видели они и источник, вытекший по молитве святых мучеников и, попивши из него воды, узнали о целебности ее, ибо один из клириков, бывший с епископами, долгое время страдал от нечистого духа, но когда напился из этого источника, то нечистый дух немедленно оставил его. После погребения святых епископ Петр не возвратился в Тарс, так как Селевк стал искать его, чтобы предать смерти, но со всеми бывшими с ним пошел в Исаврию.

Между тем окрестные жители, узнав о целебном источнике, стали приходить к нему и приносили своих больных. Они пили воду, мылись ею и получали исцеление от всяких болезней по

молитвам святого страстотерпца Андрея и пострадавших с ним святых мучеников и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом да будет честь и слава ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 5:

Земнаго сана славу оставив, и Небесное Царство наследовал еси, кровными каплями, яко пречудным камением нетленныя венцы украсил еси, и ко Христу привел еси собор страстотерпец, с лики Ангельскими в невечернем свете незаходимаго солнца Христа обрел еси, святе Андрее Стратилате: егоже моли с пострадавшими с тобою присно, да спасет души наша.

Кондак, глас 2:

В молитвах Господеви предстоя, якоже звезда солнцу предтекий, и желаемое сокровище Царствия узрел еси, радости неизреченныя исполняяся, безсмертному Царю в безконечныя веки, от Ангел безпрестани хвалимому поеши, Андрее Стратилате: с нимиже молися непрестанно о всех нас.

Празднество в честь Донской[5144] иконы Божией Матери

Память 19 августа

В настоящий день в обители, называемой Донскою и находящейся близ царствующего города Москвы, совершается праздник Пречистой Деве Богородице в честь почитаемой чудотворной иконы Ее.

Об этой иконе повествуется следующее.

Когда благоверный великий князь Димитрий Иоаннович между реками Доном и Непрядвою сражался с нечестивым татарским ханом Мамаем, то там в русских войсках была и сия пречестная и чудотворная икона. Она была принесена донским войском великому князю в дар и в помощь против врагов. По молитвам Пречистой Богоматери благодатною Ее силою, исходящею от чудотворной иконы, татары были побеждены. Торжественно празднуя вместе с войском своим победу, великий князь возвратился в престольный город свой Москву и принес с собою честную икону, названною Донскою по случаю бывшей за Доном победы над татарами.

Об обители, называемой от Донской иконы Пресвятой Богородицы Донскою, существует такой рассказ.

В царствование благоверного царя и великого князя Феодора Иоанновича Крымская орда сделала внезапный набег на владения Московского государства, и татарский хан Мурат Гирей подступил к самому престольному городу Москве. Тогда благоверный царь вышел со своим войском против татар и расположился станом на том самом месте, где находится теперь обитель. Сюда же в свой воинский стан он взял и икону Пресвятой Богородицы, принесенную с Дона. При помощи Пречистой Богоматери он одержал победу над татарскими войсками и прогнал их. Воздавая Богоматери благодарение за победу, он повелел на этом месте построить каменный храм и поставить в нем упомянутую икону. С того времени обитель и стала называться Донскою.

В этот день из великого соборного храма города Москвы в обитель приходит всё священное сословие с честными крестами и иконами и совершает торжественное празднество в честь Божией Матери.

Страдание святых мучеников Тимофея, Агапия и Феклы

Память 19 августа

Славный мученик Тимофей был родом из палестинского города Газы[5145]. Так как он вызывал удивление своею жизнию и даром слова, то и поставлен был учителем Христовой веры. Он схвачен был в Газе и, представ пред правителем города Урбаном, на допросе объявил себя христианином, причем проповедал о любви Христовой к людям, о Его пришествии на землю и воплощении. За это его подвергли разнообразным мучениям, но он остался непреклонным в вере. Брошенный после этого в огонь, он скончался. В то же самое время в том же городе святые Агапий и Фекла были подвергнуты жестоким мучениям, и так как и после этого еще держались веры во Христа, то были брошены на растерзание зверям, от чего и скончались, восприняв небесные венцы[5146].

Житие святого пророка Самуила

Память 20 августа

До начала царей у израильтян, в то время, когда народом Божиим управляли еще судьи, жил человек по имени Елкана. Он происходил из племени Левиина и проживал в уделе Ефремовом, в городе, называемом Рамаф (Рама) и расположенном на горе, именуемой Спера. Впоследствии этот город назван был Армафемом и Аримафеей, откуда потом был родом Иосиф, предавший погребению пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа. Елкана имел двух жен. Имя одной было Анна, а другой – Феннана. У Феннаны рождались дети, а Анна была неплодна. Елкана, однако, любил Анну больше Феннаны, вследствие чего Феннана ненавидела Анну и часто оскорбляла ее. Смущаемая своею ненавистницею, Анна скорбела о своем бесчадии и от скорби плакала. Елкана ежегодно в великие праздники ходил с обеими своими женами в Силом (так называлась гора и город) для принесения жертвы и молитвы Господу Богу Саваофу, ибо до построения храма в Иерусалиме там находился храм и ковчег Божий и туда приходили все племена Израилевы на поклонение Богу. В то время священником и вместе судией израильским был некто, именем Илий, у которого было два сына, Офни и Финеес.

Однажды Елкана, пришедши с женами своими в Силом и принесши жертву Богу, дал из принесенного в жертву часть Феннане и особую часть каждому из детей ее, Анне же – только одну часть, так как у нее детей не было. Тут Феннана стала насмехаться над нею и упрекать ее. Анна была очень огорчена и упреками Феннаны, и неплодством своим. Она плакала, не вкушала пищи и от сильной скорби, что Господь заключил ее утробу, не дал ей детей и через то сделал ее для Феннаны предметом поношения, пришла в изнеможение. Тогда муж ее Елкана сказал ей:

– Анна, что с тобою? Что ты плачешь, почему не вкушаешь пищи и зачем столь сильною скорбью иссушаешь сердце свое? Не лучше ли я для тебя десяти детей?

Но Анна не имела сил утешиться. По окончании трапезы она встала и пошла в Силом, в храм Господень Священник Илий сидел в это время на своем священническом месте у порога дверей храма Господня. Став перед храмом, Анна поклонилась Господу и стала плакать от скорби сердца своего. Она начала молиться, говоря в тайне:

– Адонаи Господи Саваоф! Если Ты милостиво призришь на смирение рабы Твоей и, вспомнив обо мне, дашь рабе Твоей дитя мужского пола, то я принесу его Тебе в дар, чтобы оно служило Тебе во все дни жизни своей. Оно не будет пить вина и никакого опьяняющего напитка, и бритва (как это в обычае у назореев) не коснется головы его.

В то время, как Анна молилась так пред Господом и надолго продолжила свою молитву, священник Илий смотрел на уста ее. Так как она говорила в сердце своем и уста ее только двигались, а голоса ее не было слышно, то Илий счел ее пьяною и сказал ей:

– До каких пор в пьяном виде ты будешь оставаться здесь? Удались от места Господня и протрезвись.

– Нет, господин, – отвечала ему Анна, – я не пьяна, но я – женщина, удрученная тяжкою скорбью. Я не пила вина и никакого другого опьяняющего напитка; я излила душу мою пред Господом. Не дай же рабы твоей дочерям Израилевым в насмешку, ибо от великой горести и скорби моей я говорила доселе.

Тогда Илий сказал ей на ее слова:

– Иди с миром. Бог Израилев да исполнит всякое прошение твое, какое ты просила у Него.

– Я, раба твоя, – сказала Анна, – нашла милость в очах твоих.

После этого Анна возвратилась к мужу своему, ела с ним и пила, и лицо ее не было уже печально, как прежде. На другой день, вставши рано и поклонившись Господу, они возвратились в дом свой. И призрел Господь на смирение Анны, услышал молитву ее и разрешил ее неплодие. Анна зачала и, когда исполнилось время, родила сына и дала ему имя Самуил, что значит испрошенный у Бога.

Вскоре приблизился праздник, в который муж Анны по обычаю своему ходил со всем своим семейством к Господу в Силом принести жертвы и молитвы свои Богу и отдать десятину от плода земли своей. Анна сказала мужу:

– Теперь я не пойду с тобою в Силом, но останусь дома, пока не вскормлю младенца, а когда он будет отнят от груди, тогда пойду явиться лицу Господню и исполню обет, который дала Господу: пусть останется сын мой навсегда для служения Ему.

Муж ответил ей:

– Делай, что угодно тебе, и пусть исполнит Господь слово твое, вышедшее из уст твоих. Анна оставалась дома и не ходила в Силом к Господу три года, пока не отняла от груди младенца Самуила, потому что у еврейских матерей было в обычае кормить младенца грудью три года.

После того как Самуил был отнят от груди, Анна вместе с ним и с мужем своим пошла в Силом. Они повели для жертвы трех тельцов и понесли три меры пшеничной муки и мех вина и вошли в дом Господень в Силоме и дитя с ними. Анна принесла дитя в дар Господу, как обещала, и, отдавая его священнику Илии, говорила:

– Я – та самая женщина, которую три года тому назад ты видел здесь молившеюся Господу о разрешении неплодства. Господь исполнил прошение мое и дал мне это дитя, которого я просила у Него. Теперь я отдаю его Господу, чтобы оно служило Ему во все дни жизни своей.

С такими словами Анна отдала в руки священника дитя свое и поклонилась Господу, а ее муж Елкана вручил ему для жертвы принесенные дары (1Цар.1:1–28) Тут Анна исполнилась пророческого духа и воспела, говоря:

– Утвердилось сердце мое в Господе и вознеслась сила моя в Боге моем, – и прочие слова, которые теперь часто поются в церкви (1Цар.2:1–10).

Совершив свои благодарственные жертвы и молитвы, Елкана и Анна возвратились домой, а трехлетнего отрока Самуила оставили Господу у священника Илии, так как не пожелали уже взять к себе того, кого однажды вручили Богу. И с

того времени отрок воспитывался при храме Божием, учился грамоте и служению при святыне Божией под наблюдением Илии. Мать, часто приходя в Силом с дарами для Бога, приносила одежды своему сыну и радовалась о нем, видя его возрастающим и в священнической льняной одежде совершающим служение в храме Господнем. Священник Илий любил его, замечая его усердие в служении и провидя в нем данное Богом дарование. И благословил Илий родителей Самуила и сказал Елкане:

– Да даст тебе Господь детей от меня вместо Самуила, которого вы принесли в дар Господу.

После этого Господь снова ниспослал милость Анне, и она стала рождать сыновей и дочерей, а Самуил в это время возрастал не только телом, но и разумом и был в благоволении у Господа и у людей.

Священник Илий был стар, а сыновья его, Офни и Финеес, были люди порочные. Как и сыновья беззаконников, они не знали Бога и не соблюдали священнического долга. Они причиняли обиды приносящим жертвы, отбирая себе лучшие части и допуская поругания над женщинами, приходившими для молитвы в храм Господень. И был от них соблазн и обида всему Израилю, потому что они совершали и многие другие несправедливости. Об этом слышал отец их Илий и не наказывал их побоями и отлучением; он только словами уговаривал их прекратить дурные поступки, но они его не слушали. И разгневался Господь не только на порочных сыновей, но и на отца их за то, что он не наказывал их надлежащим образом за их преступления, хотя сам и был непорочен. И захотел Господь погубить Илия и сыновей его со всем домом их и послал сперва к Илию одного неизвестного пророка сказать ему:

– Я избрал дом отца твоего из всех домов израильских для служения Мне в храме Моем, но ты пренебрег честью, которую Я дал тебе, и оказал предпочтение сыновьям твоим предо Мною, ибо попускал им совершать предо Мною беззакония. Поэтому Я отниму эту честь от дома твоего, ибо только прославляющих Меня Я прославлю, а бесславящие Меня будут

посрамлены. Вот наступают дни, в которые Я истреблю потомство твое и потомство дома отца твоего. Знамением же наступающего на дом твой наказания будет для тебя то, что оба сына твои в один день вместе умрут от меча. И вместо них Я поставлю священника, верного Мне, который всё будет совершать по сердцу Моему (1Цар.2:10–36).

Такое пророчество было Илию в то время, когда Самуил был еще малолетним отроком, но и после этого пророчества Илий не постарался обуздать сыновей своих действительным наказанием, но продолжал вразумлять их только словами, и развращенные сыновья не боялись своего отца. А Бог, всё больше и больше прогневляемый, приближал наказание и вторично предсказал его Илию через Самуила следующим образом.

Когда Самуилу было уже двенадцать лет и он служил Господу при священнике Илии, случилось, что Илий в одну ночь почивал на особом своем месте в притворе, бывшем при храме Господнем, и глаза его начали смежаться сном, а Самуил спал в храме Господнем, где находился ковчег Божий, и светильник еще горел. И воззвал Господь со стороны внутренней завесы, говоря:

– Самуил, Самуил!

Самуил, тотчас же проснувшись, отвечал:

– Вот я!

И побежал к Илию и сказал:

– Вот я! Ты звал меня.

Но Илий сказал:

– Я не звал тебя, сын мой! Пойди назад и ложись.

Самуил пошел и лег. Но Господь вторично воззвал к нему:

– Самуил, Самуил!

Самуил встал, побежал к Илию и во второй раз сказал:

– Вот я! Ты звал меня.

Но священник сказал:

– Я не звал тебя, сын мой! Пойди назад, ложись.

Самуил не знал еще в то время голоса Господа, потому что не было ему откровения Божия.

И воззвал Господь к Самуилу еще в третий раз. Он, быстро встав, пошел в третий раз к Илию и сказал:

– Вот я! Ты звал меня.

Тогда понял Илий, что Господь зовет отрока, и сказал:

– Пойди назад, сын мой, и ложись, и когда зовущий еще позовет тебя, ты скажи:

– Говори, Господи, ибо слышит раб Твой.

Самуил пошел и лег на месте своем. И пришел Господь, став вблизи, и воззвал, как в первый, во второй и в третий раз, говоря:

– Самуил, Самуил!

Самуил, проснувшись и быстро встав, сказал:

– Говори, Господи, ибо слышит раб Твой.

Господь сказал Самуилу:

– Вот Я сделаю дело во Израиле, о котором кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах. В тот день Я исполню над Илием всё то, что Я говорил о доме его. Я начну и окончу. Я объявил ему, что накажу дом его на веки за то преступление, что он знал, как нечестиво поступают сыновья его, и не обуздывал их.

Эти слова Господни Самуил слушал с трепетом и, когда окончилось явление Господа, он опять уснул и спал до утра. Вставши утром, он отворил двери храма Господня и боялся открыть это видение господину своему, священнику Илию. Но Илий позвал Самуила и сказал:

– Сын мой, Самуил! Что говорил тебе Господь? Прошу тебя, не скрой от меня.

И с клятвою потребовал Илий от отрока Самуила не скрывать от него ни одного из слов Божиих. Тогда Самуил рассказал ему всё, что слышал. Священник Илий со смирением сказал:

– Как угодно Господу моему, пусть так и сотворит.

Но Илий не имел уже сил обуздать и исправить сыновей своих, потому что был уже очень стар, и сыновья совершенно не боялись его. А Самуил день ото дня всё возрастал и укреплялся духом и благодать Божия умножалась в нем. С ним был Господь, и он говорил слова пророческие, и ни одно из его

слов не оставалось не исполнившимся. И понял весь народ израильский, что Самуил – пророк Господень (1Цар. 3:1–21).

По прошествии некоторого времени пришло наказание Божие на дом Илия, а вместе с тем и на весь израильский народ, потому что прогневили Бога не только сыновья Илия, но и израильтяне. Хотя и не все они, но многие из них, приобретши от язычников навык к идолопоклонству, не оставляли его и, служа истинному Богу, в то же время приносили и жертвы идолам и тем разгневали Бога своего. Но долготерпеливый Бог терпел грехи народа, пока не оскорбили Его сыновья Илия, которые были священниками и правителями народа израильского. А когда они своими беззакониями возбудили Бога к гневу и наказанию, тогда праведный Судия и Мздовоздаятель, вспомнив и грехи народа, наказал всех вместе, потому что вместе с начальствующими Бог подвергает наказанию и подчиненных. И не так скоро грехи народа возбуждают разгневанного Бога к наказанию, как грехи тех, кого поставил Он начальниками и правителями народа.

Филистимляне пошли войною на израильтян и израильтяне были побеждены филистимлянами, и из войска израильского пало убитыми четыре тысячи человек. И сказали друг другу старейшины израильские:

– За что поразил нас сегодня Господь пред иноплеменниками? Возьмем из Силома ковчег Господа Бога нашего и принесем в наш стан. Пусть он пребывает среди нас во время войны нашей с филистимлянами и спасет нас от руки врагов наших.

Решив так, они послали в Силом и взяли оттуда ковчег Бога, сидящего на Херувимах, а при ковчеге Божием были оба сына Илия, Офни и Финеес. Когда ковчег Господень прибыл в стан, весь Израиль от радости поднял такой сильный крик, что стонала земля. Филистимляне услышали этот крик и сказали:

– От чего такие громкие восклицания в стане еврейском?

И узнали филистимляне, что ковчег Господень прибыл в стан Израильский. Они устрашились и сказали:

– Бог пришел к ним в стан воевать с нами. Горе нам! Кто избавит нас от руки Его? Ибо Он поразил египтян всякими

казнями. Но укрепимся, мужи филистимские, и будем мужественно сражаться с евреями, чтобы нам не быть в порабощении у них, как они у нас.

Ободряя друг друга такими словами, филистимляне мужественно стали против евреев. Произошла война и великая битва с обеих сторон, и филистимляне вместо того, чтобы быть побежденными, победили евреев. Так как Бог был разгневан, то не оказала помощи святыня, ибо куда приходит наказание Божие, там оно не щадит и самой святыни. Филистимляне одолели израильтян, убили тридцать тысяч воинов их, взяли в плен ковчег Божий и убили бывших при нем обоих сыновей Илия. Таким образом, по слову Божию, оба вместе пали они от меча.

Так Бог наказывает подчиненных за грехи начальников и за порочные поступки служащих алтарю попускает нечестивым расхищать святые алтари и приводить в запустение храмы Свои. Сыновья Илия, бывшие вместо престарелого отца своего священниками, судиями и правителями всего Израиля, главным образом прогневали Бога своими беззакониями, а между тем весь Израиль подвергся за них наказанию от Бога и ковчег Господень предан был в нечестивые руки иноплеменников.

Когда войско израильское было таким образом побеждено, один человек из племени Вениаминова, по имени Иеминей, убежав с места сражения, в разорванных одеждах и с прахом на голове пришел в Силом и объявил в городе о поражении израильского войска, и весь город восстенал громким плачем. Илий сидел в это время на седалище своем у дверей храма Господня, и сердце его трепетало за ковчег Божий. Услышав звуки народного вопля, он спросил бывших при нем:

– От чего такой шум?

Тогда тот человек, который прибежал из стана, пришел к Илию и сказал:

– Я прибежал с поля сражения.

Илий спросил его:

– Что произошло там, сын мой?

– Израильтяне, – ответил он, – побеждены филистимлянами и бежали от них; произошло великое поражение народа, оба

сына твои убиты, и ковчег взят.

Илий, когда услышал о взятии ковчега Божия, тотчас же упал с своего места навзничь, сломал себе хребет и умер, так как был стар и тяжел, будучи девяносто восьми лет (1Цар. 4:1–22).

Между тем филистимляне после поражения израильского войска взяли ковчег Божий и, торжествуя и тщеславясь, что взяли в плен святыню Израиля, принесли его в главный город свой Азот, внесли в храм нечистого бога своего Дагона и поставили его вместе со своим идолом. Но, вошедши на другой день утром в храм Дагона, они нашли бога своего на земле, лежащим ниц пред ковчегом Божиим. Они подняли его с земли и поставили на свое место. Но когда, на следующий день, утром, они снова вошли в храм, то нашли Дагона не только лежащим пред ковчегом Божиим, а и разбитым: голова его и обе ступни ног лежали отсеченные, каждая особо, на пороге, а обе ладони рук его – при дверях; осталось только туловище Дагона. Сила Божия, бывшая с ковчегом, наказала так не одного только филистимского бога, но и всех филистимлян и землю их. От малого до большого она поразила их необыкновенною болезнью с гнойными наростами в тайных местах тела, и многие умирали, а кто оставался в живых, те страдали от страшных ран и так сильно кричали от невыносимой боли, что их крик доходил до неба (1Цар.5). Кроме того страна наполнилась мышами, которые всё поедали, и земля стала смрадною от множества мышей. Филистимляне поняли тогда, что Бог израильский наказывает их за Свой ковчег, взятый ими в плен и против своего желания отправили его обратно к израильтянам с золотыми дарами, как о том подробно написано в первой книге Царств (1Цар. 6:1–21). Мы же возвратимся к повествованию о святом пророке Самуиле.

По окончании вышеописанной войны и после смерти священника и судии израильского Илия, израильтяне 20 лет были под игом филистимского рабства, находясь во власти своих врагов и платя им дань. Но спустя 20 лет, Бог призрел на бедствие народа Своего, угнетаемого филистимлянами, и когда, сжалившись над ним, пожелал избавить Израиль от власти его

врагов, то сперва воздвиг среди него проповедника покаяния, верного раба и священника Своего, пророка Самуила. Ибо не хотел Бог иначе помиловать народ Свой, как после того, когда он раскается. И святой Самуил стал проповедовать всем племенам израильским, говоря:

– Если вы всем сердцем вашим обращаетесь к Господу, то удалите из среды вашей иноземных богов и дубравы Астарты[5147] и устремите сердца ваши к Господу и служите Ему Одному, и Он избавит вас от руки филистимлян.

Народ послушал слов Самуила и поверил ему, так как знал его с детства его, а также – и то, что его слова пророческие всегда исполнялись. И удалили сыны Израилевы иноземных богов, Ваала[5148] и дубравы Астарты и стали служить одному Господу, а святой Самуил, как пророк и священник Божий, был у них судьею и правителем. И повелел святой Самуил всему Израилю собраться к нему в город Массифу на высокую гору, чтобы совершить там всенародную покаянную молитву Богу. Когда же народ израильский собрался к пророку Божию Самуилу и молился, постясь и исповедуя грехи свои и говоря: «Согрешили мы пред Господом», а святой Самуил, как священник Божий, приносил Богу жертву о прощении грехов народа, тогда филистимляне, услышав о собрании народа израильского и подумав, что они готовятся идти против них войною, вооружившись в большом числе, неожиданно напали на израильтян, намереваясь совершенно истребить их. Израильтяне, услышав, что враги их приближаются с целью напасть на них, сильно испугались и сказали пророку Божию Самуилу:

– Не переставай взывать о нас Господу Богу нашему, чтобы Он спас нас от руки филистимлян.

Но святой ободрял их, чтобы они не страшились, а только молились Богу и надеялись на Него, и сам, принося жертву, усердно молился о них. И услышал Господь молитву Самуила. Не окончил он еще жертвоприношения, как подошли филистимляне, чтобы воевать с израильтянами, но Господь возгремел в тот день сильным громом над филистимлянами и навел на них страшные громовые удары и молнию: они пришли

в ужас и были поражены пред Израилем. Тогда наступили израильтяне из города Массифы и погнались вслед за врагами своими и, преследуя поражали их до места под Вефхором[5149] и, по молитвам святого угодника Божия Самуила и вследствие раскаяния своего, при помощи Божией, совершенно разбили своих врагов.

Так усмирил Господь филистимлян пред народом Своим, и не стали они более ходить в пределы Израилевы во все дни Самуила и, кроме того, те города, которые они отняли у израильтян, опять отдали им назад. И был мир среди народа Божия во всё то время, когда судьей и правителем над ним был святой Самуил, который достойно правил всем Израилем. Он ходил по городам, исправлял всё, что требовало исправления, и совершал суд справедливо и бескорыстно, так как ни от кого не принимал подарков, и судил, не обращая внимания на лица судившихся. Потом он возвращался в Армафем (Раму), так как там был дом его, там он судил народ и там построил жертвенник Господу (1Цар. 7:1–17).

Пребыв много лет судьею Израиля, святой Самуил состарился и поставил вместо себя судьями народа двух сыновей своих, Иоиля и Авию. Но сыновья его не захотели ходить путями его: они уклонились в корысть и стали брать подарки от приходивших судиться к ним, судили по дарам и совершали суд несправедливый. Поэтому старейшины израильские, собравшись, пришли к святому Самуилу и сказали ему:

– Вот ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими. Итак, поставь над нами царя, чтобы он судил и управлял нами, как у других народов.

Эти слова старейшин не понравились Самуилу, так как не просили они, чтобы он наказал сыновей своих или отнял у них власть судей, что с готовностью он сделал бы, но чтобы поставил им царя, а народ настаивал, говоря:

– Дай нам царя, чтобы он судил нас.

Тогда Самуил помолился Господу, и Господь сказал ему:

– Послушай голоса людей этих и сделай им так, как они просят, ибо не тебя они отвергли, но Меня, чтобы я не

царствовал над ними. Однако объяви им о правах царя, который будет царствовать у них.

И сказал Самуил народу:

– Израильтяне! Знайте, как будет властвовать над вами царь, которого вы просите. Он возьмет сыновей ваших и сделает их своими слугами: возложит на них оружие, посадит на коней, повелит им бегать пред колесницами своими и поставит их у себя тысяченачальниками и сотниками. Кроме того он обратит их в рабов своих: сделает их пахарями полей своих, жнецами нив своих, собирателями винограда в виноградниках своих и исполнителями всяких потребных для него работ. И дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанья и пекли хлебы. И поля ваши, и виноградные и масличные сады, и всё, что есть лучшего у вас, он возьмет и отдаст слугам своим, а какие останутся у вас посевы, виноградники и нивы, на те наложит он десятину, так что из того, что останется у вас, вы будете давать ему десятую часть. Равным образом рабов и рабынь ваших и лучший скот ваш он отберет у вас для себя, и вы будете рабами его. И в те дни восстенаете вы, обремененные царем вашим, но не будет Господь отвечать вам, потому что вы сами пожелали себе царя.

Когда святой Самуил говорил это, народ не хотел слушать слов его, но кричал ему, говоря:

– Хотим мы царя, чтобы быть и нам, как прочие народы. Пусть судит нас царь наш и выходит впереди нас на войну против врагов наших.

После этого святой Самуил повелел народу разойтись по домам, доколе Бог не укажет для него человека, достойного быть царем (1Цар. 8).

В племени Вениаминовом, в городе, называемом Гаваа (Гиве) был человек по имени Кис. У него был сын, по имени Саул, высокий ростом и красивый, и не было среди израильтян виднее его. Пропали у Киса ослицы, и послал Кис сына своего Саула со слугою искать их. Разыскивая ослиц, они прошли по всем местам и не нашли. И вот подошли они к горе, называемой Сифа, где находился город Армафем (Рама),

родина и место жительства святого Самуила. И сказал Саул слуге своему:

– Возвратимся домой к отцу, ибо отец, я думаю, не столько беспокоится об ослицах, сколько о нас.

Но слуга сказал ему:

– Вот в этом городе есть человек Божий, прозорливый. Тем, кто приходит к нему, он предсказывает будущее. Пойдем и мы к нему; может быть, и нам скажет он, где найти ослиц.

И пошли они к человеку Божию, а Господь еще до этого открыл святому Самуилу всё о Сауле и повелел, чтобы он помазал его на царство. Святой Самуил, увидев сына Кисова, Саула, ласково встретил его и велел ему не беспокоиться об ослицах, потому что они уже нашлись, и дал ему приют у себя на тот день и ночь. На другой день утром, отпуская от себя Саула, Самуил, взяв сосуд с елеем, возлил елей на его голову, поцеловал его и сказал:

– Вот Господь помазал тебя в цари над народом Своим. Теперь ты будешь царствовать над народом Господним и спасешь его от руки окружающих его врагов.

Это помазание совершено было тайно, как пророчество о будущем царствовании Саула. И сказал святой Самуил помазанному Саулу всё, что должно было произойти на пути его, сказав:

– Вот тебе знамение, что Господь помазал тебя в цари. Когда ты пойдешь теперь от меня, то встретишь двух человек близ гроба Рахили в пределах Вениаминовых в Целуахе, быстро идущих; они скажут тебе: «Нашлись ослицы, которых ты ходил искать, и вот отец твой забыл об ослицах и очень беспокоится об вас». Ушедши от этих двух человек, когда придешь к дубраве Фаворской, то встретишь там трех человек, идущих к Богу в Вефиль с приношениями для жертв, – одного, ведущего трех козлят, другого, несущего три мешка хлебов, и третьего, несущего мех вина. Они будут приветствовать тебя и дадут тебе два хлеба. Потом ты взойдешь на холм Божий и встретишь сонм пророков. И найдет на тебя Дух Господень и будешь с ними пророчествовать. Когда эти знамения увидишь сбывшимися согласно с словами моими, то знай, что с тобою – Бог.

Когда Саул ушел от святого Самуила, то всё произошло на пути так, как сказал ему пророк.

После этого святой Самуил повелел всему народу собраться к Господу в город Массифу, сам пришел туда и сказал израильтянам:

– Так говорит Господь Бог Израилев: Я вывел отцов ваших из земли египетской и избавил вас от руки фараона и от всех царей, угнетавших вас, а вы теперь отвергли Бога вашего, Который спасает вас от всяких бедствий, и потребовали царя, чтобы он был поставлен над вами. Итак, пусть будет по желанию вашему.

Сказавши это, Самуил поставил пред Господом все племена израильские по коленам их и стал бросать жребий, из какого племени избирать царя; жребий пал на племя Вениаминово. Потом опять стали бросать жребий на известных в этом племени мужей, и жребий пал на Саула, сына Кисова. начали искать среди себя Саула и не находили, потому что он скрылся в одном доме, считая себя недостойным такой высокой чести и избегая ее, но Господь открыл его. Тогда некоторые из народа вместе с Самуилом пошли и взяли его оттуда и поставили среди народного собрания. Он ростом был выше всего народа. И сказал Самуил всему народу:

– Видите ли, кого избрал Господь. Подобного ему нет ни одного среди вас.

Весь народ обрадовался и воскликнул:

– Да живет царь!

И изложил Самуил народу законы касательно царя, написал эти законы в книгу и положил пред Господом. Однако тогда не вполне утвердилась еще царская власть Саула, так как были недовольные и несогласные. Самуил отпустил народ, и каждый пошел к себе домой. Пошел также в свой дом в город Гаваа (Гиву) и Саул и с ним пошли храбрые, сердца которых Господь расположил к Саулу, а противники его сказали:

– Разве может сей избавить нас от руки врагов наших?

И презрели они его и не поднесли ему даров, но Саул показал вид, что не слышит пренебрежительных слов их (1Цар.9–10).

Прошло около одного месяца после этого, и Аммонитский царь Наас с громадным войском пришел к городу в уделе Манассиином, называемому Иавис Галаадский, и осадил его со всех сторон. Осажденные жители города, видя большое войско Нааса, сказали ему:

– Заключи с нами союз, и мы будем служить тебе.

Но Наас им ответил:

– Я заключу с вами союз, но с тем, чтобы выколоть у каждого из вас правый глаз и тем положить бесчестие на всего Израиля.

Тогда жители города послали к Саулу, прося его помочь им и освободить их от осады. Саул немедленно же отправил послов во все области израильские, быстро собрал значительное войско и, взяв с собою святого пророка Самуила, внезапно подошел к Наасу. Утром, очень рано он напал на него, разбил и рассеял его войско и убил его самого. Тогда Израильтяне сказали пророку Самуилу:

– Кто говорил, что Саул не царствовал над нами? Дайте нам этих людей, и мы умертвим их.

Но Саул сказал:

– Пусть в сей день ни один человек не умрет из-за меня, потому что сегодня Господь совершил спасение во Израиле.

А святой Самуил сказал:

– Пойдем в Галгал и обновим там царство.

И пошел весь народ, и Самуил при всем народе помазал там Саула на царство пред Господом в Галгале. И принесли там мирные жертвы пред Господом и весьма веселились там Саул и все Израильтяне (1Цар. 11:1–15).

В это время, когда израильтяне радовались о новопоставленном царе своем, с которым одержали столь славную победу над аммонитянами, святой Самуил сказал им:

– Вот я послушался голоса вашего во всем, что вы говорили мне, и поставил над вами царя, и вот царь ходит теперь пред вами от юности моей и до сего дня. Итак, скажите теперь пред Богом и пред помазанником Его, царем вашим, взял ли я у кого-нибудь из вас вола или осла или что-либо другое? Причинил ли я кому обиду и притеснение или взял из

чьих-нибудь рук плату и какой-либо подарок? Свидетельствуйте на меня, и я возвращу вам.

Народ отвечал ему:

– Ничем ты не обидел нас и не притеснял нас, не брал силою и не взимал от нас ни платы, ни каких-либо подарков.

После этого Самуил сказал:

– В этот день свидетель – Господь и помазанник Его, царь ваш, что вы не имеете за мною никакого проступка, из-за которого могли бы требовать царя, так как Сам Господь был Царем вашим и правил вами через различных судей, спасая вас от руки врагов ваших. Знайте же, что великий грех совершили вы пред Господом, потому что просили себе царя. Вот сейчас вы увидите знамение (1Цар. 12:1–25).

Сказав эти слова, Самуил стал молиться Господу. Стояло время жатвы и был ясный и сухой день. Вдруг загремел сильный гром, засверкала страшная молния, появились тучи и потек проливной дождь. Весь народ пришел в большой страх от Господа и Самуила и сказал пророку:

– Помолись Господу Богу твоему о рабах твоих, чтобы не умереть нам, ибо видим мы, что ко всем нашим грехам мы прибавили еще грех, прося себе царя.

И ответил святой Самуил народу:

– Не бойтесь, Господь не оставит народа Своего. Оставайтесь при вашем царе, но служите Господу всем сердцем вашим и исполняйте волю Его вы и царь ваш, а я не перестану молиться о вас Господу; только бойтесь Его и истинно служите Ему, помня все чудеса и благодеяния, которые Он совершил для вас. Если же станете делать зло, то погибнете вместе с царем вашим. Сказав всё это народу, святой Самуил оставил власть судии и занимался одним только священническим служением.

Царствуя над Израилем, Саул с течением времени стал развращаться, прогневляя Бога, и осмеливался присваивать себе права священнического звания, – приносить Богу жертву без священника Божия Самуила. К тому же он оказался и непослушным повелению Божию. Ибо устами пророка Своего Самуила повелел ему Господь пойти и истребить амаликитян за

давнее их злое дело, – за то, что когда народ Израильский шел по пустыне из Египта в землю обетованную, они сделали ему большое препятствие на пути. Повелел же Господь, сказав так:

– Не давай пощады никому из них, но предай смерти всё от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овец и от верблюда до осла.

Царь Саул, собрав из израильтян большое войско, пошел в страну амаликитян, разбил их войска и, овладев их страною, захватил живым царя их. Весь народ амаликитский: старых и малых, мужчин и женщин он истребил мечом, а царя их пощадил. Кроме того, всё лучшее из стад амаликитских он и воины его взяли себе, истребив только худшее и малозначащее. Они разграбили также для себя и всё лучшее имущество амаликитян, не исполняя повеления Господня, чтобы ничему не давать пощады и ничего не брать себе, но всё предавать уничтожению.

И было такое слово Господа к Самуилу пророку:

– Жалею, что поставил Я Саула царем, ибо он отвратился от Меня и слова Моего не исполнил.

И опечалился Самуил о Сауле и взывал к Господу всю ночь, молясь о нем. Встав рано утром, Самуил пошел навстречу израильтянам, возвращавшимся с войны, и встретил Саула в Галгале. Увидев святого Самуила, Саул сказал ему:

– Благословен ты у Господа, ибо я исполнил всё, что сказал мне через тебя Господь.

Но Самуил сказал:

– А что это за блеяние овец в ушах моих и мычание волов, которое я слышу?

Саул ответил:

– Я привел их от амаликитян. Какие оказались лучшими, тех народ пощадил и собрал их, а какие были хуже, тех истребил.

И сказал ему святой Самуил:

– Зачем ты не послушал голоса Господня во всём, что Он говорил тебе, бросился на добычу и сделал зло пред очами Господа?

Тогда Саул ответил Самуилу:

– Я послушался голоса Господня и сделал так, как Он повелел мне. Я истребил амаликитян, взял царя их и привел живого, а народ взял добычу из стад, – лучших овец и буйволов, – для всесожжения и принесения жертвы Господу Богу.

Святой Самуил отвечал Саулу:

– Неужели угодны Господу всесожжения и жертвы ваши? Не лучше ли было исполнить повеление Господне? Ибо послушание гораздо угоднее Богу всех жертв и тука овнов. Непокорность повелению Божию есть такой же грех, как и волшебство, и нарушение заповеди Господней есть то же, что и идолопоклонство. И так как ты отверг слово Господа, то отвергнет поэтому и тебя Господь, и не будет царствовать дом твой во Израиле.

Саул сказал:

– Согрешил я, ибо преступил повеление Господа и слова твои, но я убоялся народа и послушал голоса его. Но, прошу тебя, снизойди ко греху моему и возвратись со мною к жертвам, чтобы мне поклониться Господу Богу на глазах твоих.

Но святой Самуил обратился, чтобы уйти от него, а Саул схватился за край одежды его и разодрал ее, увлекая к себе человека Божия. Тогда святой сказал ему:

– Ныне отторг Господь царство израильское от тебя и отдал его ближнему твоему, лучшему тебя.

Саул сказал Самуилу:

– Я согрешил пред Господом, но не унижай меня теперь пред старейшинами израильскими и пред народом моим и воротись со мною, чтобы я поклонился Господу Богу твоему.

Самуил возвратился с Саулом, и они поклонились Господу. И сказал святой Самуил:

– Приведите ко мне сюда Агага, царя Амаликитского.

Агаг, дрожащий, пришел к нему и сказал:

– О как горька смерть!

Святой Самуил сказал ему:

– Как меч твой лишал жен детей их, так мать твоя между женами пусть лишена будет сына.

И разрубил Самуил Агага пред Господом в Галгале, не потому, чтобы поступал мучительски, но чтобы исполнить повеление Господне. После этого Самуил ушел в Армафем (Раму), а Саул отправился в дом свой в Гаваю (Гиву). И не видался более святой Самуил с царем Саулом до дня смерти своей, но скорбел о нем, сожалея о его погибели (1Цар. 15:1–35).

По прошествии некоторого времени сказал Господь Самуилу:

– Доколе ты будешь скорбеть о Сауле, которого Я отверг, чтобы он не был царем над Израилем? Наполни рог твой елеем и иди в Вифлеем к Иессею, ибо между сыновьями его Я нашел достойного быть царем.

Самуил ответил Господу:

– Как я пойду? Саул услышит и убьет меня.

Тогда Господь сказал:

– Возьми из стада телицу и, приведя ее в Вифлеем, скажи, что пришел принести жертву Господу. И пригласи к жертве Иессея и сыновей его. Я укажу тебе, что делать, и ты помажешь Мне того, о котором Я скажу тебе.

И сделал Самуил так, как сказал ему Господь, и пришел в Вифлеем. Его пришествием старейшины города приведены были в страх, вышли к нему навстречу и сказали:

– О прозорливец! Мирен ли приход твой?

Самуил ответил:

– Мирен. Я пришел принести жертву Господу. Освятитесь воздержанием и молитвою и приходите ко мне, и я совершу жертвоприношение.

Совершив жертвоприношение, святой Самуил пришел в дом Иессея и повелел ему подвести к нему по одному сыновей своих. Иессей подвел к пророку старшего сына своего, Елиава. И спросил пророк Господа, молясь Ему про себя, не этот ли предназначен Им в цари? Господь сказал Самуилу:

– Не смотри на вид его и на высоту роста его, потому что Я отринул его. Ибо, не на лицо смотря, Я сужу. Человек смотрит на лицо, а Бог смотрит на сердце.

Тогда призвал Иессей Аминадава и подвел его к Самуилу. Пророк сказал:

– И этого не избрал Господь.

Потом привел Иессей Самму, и сказал Самуил: «И сего не избрал Господь».

Так подводил Иессей к Самуилу семерых сыновей своих. И сказал Самуил Иессею:

– Это все уже сыновья твои?

Иессей ответил:

– Есть еще один, младший. Он пасет овец в поле.

Самуил сказал:

– Пошли и пусть приведут его, ибо мы не сядем обедать, пока он не придет сюда.

Иессей послал, и привели Давида. Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом. И сказал Господь Самуилу:

– Встань и помажь его, ибо это – он.

Самуил взял тогда рог с елеем и помазал Давида среди братьев его. И почил Дух Господень на Давиде с того дня и после. После этого Самуил встал и пошел в Армафем (Раму) в дом свой (1Цар.16:1–13).

Окончив дни жизни своей, Самуил, уже в старости, опочил сном смерти. И собрались все израильтяне и плакали по нем и похоронили его в доме его в Армафеме (Раме) (1Цар.25:1).

Сего святого пророка Самуила Иисус, сын Сирахов, превозносит, хвалою говоря:

– Возлюбленный Господом Своим пророк Господень Самуил учредил царство и помазал царей (Саула и Давида) над народом своим. Он судил народ по закону Господню и (по молитвам его) Господь призирал на Иакова. По вере своей он был дознан истинным пророком. Он воззвал к всемогущему Господу, когда отовсюду теснили его враги, и Господь возгремел с неба; в сильном шуме слышным Он сделал голос Свой и истребил вождей тирских и всех князей филистимских. Еще прежде времени кончины своей (Самуил) свидетельствовался пред Господом и помазанником Его, что из имущества даже до обуви ни от кого ничего не взял, и ни один человек не укорил

его. Он пророчествовал и после смерти своей и предсказал царю (Саулу) кончину его, и в пророчестве возвысил из земли голос свой, что беззаконный народ истребится (Сир. 46:16–23).

Вот что говорит о Самуиле Сирах. Мы же, грешные, надеясь по молитвам сего святого угодника Божия получить прощения грехов и спасение, будем прославлять Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, ныне всегда и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 8:

Яко многочестный дар[5150], прежде зачатия вдан Богу, и измлада тому яко Ангел послужил еси всеблаженне, и сподобился еси предбудущая вещати. Темже вопием ти: радуйся пророче Божий Самуиле, архиерею великий.

Святые мученики Севир и Мемнон сотник и с ними тридцать семь мучеников

Память 20 августа

В тот же день память святых мучеников: Севира, родом из Фракии, и Мемнона сотника, и с ними тридцати семи мучеников, пострадавших за Христа в Филиппополе, от игемона Апелиана. Севир был подвергнут строганию железом, затем на его персты были надеты раскаленные перстни, потом он был опоясан железным поясом, раскаленным на огне, и, наконец, был усечен во главу. Сотник Мемнон был растянут на двух столбах и предан мучению, причем мучители вырезали у него из кожи три ремня с головы до ног; затем мучители отсекли руки и ноги у Мемнона и прочих тридцати семи мучеников, разожгли великую пещь и бросили всех страдальцев Христовых в огонь. Так окончили страдания свои святые страстотерпцы[5151].

Житие святого Апостола (из семидесяти) Фаддея

Память 21 августа

Святой Апостол Фаддей происходил из города Эдесса[5152]; родом он был еврей и в совершенстве знал Священное Писание Ветхого Завета. Во дни святого Иоанна Крестителя святой Фаддей пришел в Иерусалим; услышав здесь проповедь Предтечи Господня и увидав Ангельскую жизнь его, Фаддей весьма изумился и принял крещение от Иоанна Предтечи. Вскоре после того святой Фаддей увидел Господа нашего Иисуса Христа, пребывавшего во плоти и обитавшего среди людей, услышал также учение Его и увидел дивные чудеса, совершенные Господом нашим Иисусом Христом, и последовал за Ним. Святой Фаддей был принят Господом и причтен к сонму семидесяти Апостолов (меньших), о которых сказано в Евангелии: «избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти» (Лк.10:1).

В числе сих-то семидесяти Апостолов был воспоминаемый ныне святой Апостол Фаддей. Отправляя этих Апостолов на проповедь Евангелия, Господь сказал им:

– Жатвы много, а делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. Идите; Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему. И если нет, то к вам возвратится. В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть: ибо трудящийся достоин награды за труды свои: не переходите из дома в дом. И если придете в какой город, и примут вас; ешьте, что вам предложат. И исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: приблизилось к вам Царствие Божие. Если же придете в какой город, и не примут вас, то, вышедши на улицу, скажите: и прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам, однако, ж знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие… Слушающий вас Меня

слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня, отвергается Пославшего Меня (Лк. 10:2–16).

Семьдесят учеников отправились на проповедь Евангелия с великою радостью и проповедовали слово Господне. Потом возвратились ко Господу и возвестили Ему, что и бесы повиновались им ради имени Его.

После вольного страдания, смерти, тридневного воскресения и вознесения на небо Господа нашего Иисуса Христа, святые Апостолы разошлись для проповеди Евангелия по всей вселенной; святой Апостол Фаддей был послан Господом для проповеди Евангелия в город Эдессу; ибо Господь наш Иисус Христос еще до вольного страдания Своего обещал прислать сюда одного из числа Своих святых Апостолов. Правителем города сего был князь Авгарь и вот сему-то Авгарю Господь и обещал прислать Своего Апостола.

Сей Авгарь был одержим неисцельною болезнью, – проказою. Услыхав о дивных чудесах, творимых Господом Иисусом Христом, Авгарь весьма пожелал видеть Его, слышать Его учение и исцелиться силою Его от своей тяжкой болезни. Но не дерзая надеяться на то, что Господь Иисус Христос придет к нему Сам, Авгарь послал к Господу некоего искусного иконописца и поручил ему изобразить красками лицо Господа. При этом Авгарь отправил к Господу послание, в котором писал о том, что он слышал о Господе и Его дивных чудесах, как Он без всяких врачебных снадобий и растений исцелял болезни, давал зрение слепым, хождение хромым, исцелял прокаженных, изгонял из людей духов нечистых, врачевал одним словом Своим расслабленных, лежащих долгое время на одре болезни, и воскрешал мертвых.

– Слыша о Тебе всё это, – писал Авгарь, – я думаю о Тебе одно из двух: или Ты Сам Бог, сошедший с неба, или Ты Сын Божий, так как Ты творишь весьма удивительные и преславные чудеса. Поэтому я пишу Тебе сие послание мое смиренное, дабы Ты потрудился прийти ко мне и исцелил бы меня от моей неизлечимой болезни, которой я страдаю уже много лет[5153]:

Господь наш Иисус Христос, видя веру и упование князя Авгаря, послал к нему нерукотворное изображение Пречистого Лица Своего, а также написал и послание, в котором говорил так:

– Блажен ты, Авгарь, не видевший Меня, но уверовавший в Меня, ибо о Мне написано, что видящие Меня не явят веры; не видящие же уверуют в Меня и наследуют жизнь вечную. Ты пишешь ко Мне, чтобы Я пришел к тебе, но Мне подобает совершить то, ради чего Я послан, и по совершении возвратиться к Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду вознесен к Нему, тогда пошлю к Тебе одного из учеников Моих, который, совершенно исцелив тебя от твоей болезни, подаст тебе и находящимся с тобою, жизнь вечную.

Князь Авгарь, получив сие послание и увидя нерукотворный образ Господа нашего Иисуса Христа, преисполнился великой радости. Облобызав с любовью послание и поклонившись образу Христову, Авгарь вскоре же получил значительное облегчение от своей болезни, потому что лишь только незначительная часть проказы осталась на лице его.

Для окончательного уврачевания Авгаря от болезни и был послан Господом, согласно Его обещанию, святой Апостол Фаддей, который исцелил Авгаря уже вполне, не только телом, но и душою, как об этом и будет сказано ниже.

Когда святой Апостол Фаддей пришел в город Эдессу, то не открылся сразу князю Авгарю, а вошел сначала в дом одного знакомого ему еврея, по имени Товия. Пребывая у сего еврея, святой Фаддей чудесно творил многоразличные исцеления силою Христовою, исцеляя всевозможные болезни возложением рук и призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа.

Весть о святом Фаддее вскоре же распространилась по всему городу, и жители города того начали приносить к святому Апостолу многих больных; видя быстрое исцеление их, все весьма дивились.

Спустя некоторое время было донесено князю Авгарю, что неизвестный муж, пришедший из Иерусалима, творит многие чудеса именем Христовым.

Тотчас же Авгарь вспомнил об обещании Христовом прислать к нему одного из учеников Своих и подумал про себя, – не тот ли пришел, кого обещал прислать Господь. Потом приказал позвать Товию и сказал ему:

– Я слышал, что в доме твоем обитает какой-то муж, пришедший из Иерусалима; говорят, что муж этот исцеляет болезни именем Иисуса Христа.

Товия отвечал:

– Да, действительно так; совершенно верно сказал ты, господин, что тот муж, который проживает у меня, творит много чудес именем Господа Иисуса Христа.

Тогда князь сказал:

– Приведи его ко мне.

Товия отправился к святому Фаддею и сказал ему:

– Меня призывал к себе князь города сего и приказал мне привести тебя к нему, чтобы ты исцелил его от болезни, которою он страдает.

Святой Фаддей отвечал:

– Воистину я послан к нему.

На другой день рано утром оба отправились к князю; между тем у князя уже собрались все вельможи и советники.

Когда святой Апостол Фаддей входил во двери княжеских палат, князь посмотрел на него и заметил, что лицо Апостола осиявалось каким-то необычным светом. Авгарь пришел в ужас, встал со своего места и поклонился до земли Апостолу Христову.

Между тем все, бывшие там, весьма изумились сему поступку князя, недоумевая, ради чего князь поклонился простому человеку, так как не видали того дивного сияния, которое исходило от лица Апостола Христова.

Потом князь спросил святого Фаддея:

– Ты ли ученик Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Который обещал послать мне одного из Своих учеников, дабы совершенно исцелить меня от недуга моего и даровать мне, равно как и всем близким моим, жизнь вечную?

Апостол Христов отвечал:

– Так как ты явил великое упование ко Господу моему Иисусу Христу, то я и послан Им к тебе; и если вера твоя увеличится еще более, то будет исполнено всё, чего ты ни пожелаешь по вере твоей.

Авгарь отвечал:

– Я столь горячо веровал в Него (Господа Иисуса), что намеревался собрать войско и идти войной на иудеев, распявших Господа, дабы отомстить им за их жестокость и злобу и дабы окончательно истребить их; но мне воспрепятствовали в этом власти римские, коим подчинена страна наша.

Святой Фаддей сказал:

– Господь и Бог наш Иисус Христос совершенно не нуждался в помощи человеческой во время Своего страдания от завистливых и жестокосердых иудеев; ибо Он Сам мог, если бы пожелал, явить легионы Ангелов; но, исполняя волю Отца, Господь наш пострадал ради спасения мира; исполнив же волю Отца Своего, Он взошел к Нему на небеса со славою и воссел одесную Его; Господь наш не нуждается в том, чтобы кто-либо отомстил за Него врагам Его, ибо Сам имеет власть над всеми; Он Сам будет некогда судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его.

Святой Апостол Фаддей говорил князю Авгарю и всем тем, кто был вместе с ним, многое и другое о Господе нашем Иисусе Христе; потом, доведя его до полнейшей веры в Господа, крестил его.

Тотчас же после крещения Авгарь получил исцеление от проказы. Следует заметить, что после первого исцеления[5154], у Авгаря еще оставалось лицо в проказе, а сначала он был поражен проказою по всему телу своему. Когда принесено было к нему письмо (послание) Христово и нерукотворный образ пресвятого Лица Христова, тогда впервые Авгарь был исцелен, – его тело очистилось от проказы, и только небольшая часть его тела, по Божию усмотрению, именно лицо, оставалось еще не исцеленным до прибытия Апостола.

Вместе с тем произошло и другое исцеление не тела только, но и души, после прибытия Апостола по святом

крещении; ибо из святой купели князь Авгарь вышел совершенно здравым.

И не только князь Авгарь крестился после проповеди Апостола; крестились все, проживавшие в доме его, также крестились и все те, кто видел чудеса, совершенные Апостолом, а также и те, кто был исцелен Апостолом от болезней.

После того святой Апостол Фаддей приказал князю собрать всех горожан, дабы и они могли слышать слово Божие.

Утром следующего дня собрался весь народ. Апостол Христов, став на высоком месте, начал благовествовать всему народу об едином Боге, сотворившем небо и землю, и всё, видимое и невидимое всемогущею силою Своею; святой Апостол Фаддей поведал народу и о том, как Господь наш Иисус Христос сошел с небес на землю, неизреченно воплотившись ради спасения людей, как Он пострадал волею, воскрес, вознесся на небеса и приготовил для добродетельных вечную награду на небесах, для злых же нескончаемые муки в аде. Поведал святой Апостол и о всех прочих тайнах Божия домостроительства в подробных речах.

Весь народ, слушавший Апостола, явил веру словам его, так как видел и чудеса, совершенные Апостолом: все видели исцеленным князя своего и многих других, одержимых ранее различными болезнями; все начали прославлять Господа и стали просить крещения у Апостола.

Таким образом город Эдесса был просвещен святою верою во имя Господа нашего Иисуса Христа и святым крещением; после этого здесь начали строиться храмы, и были поставлены пресвитеры руковозложением Апостольским.

Князь Авгарь весьма желал отблагодарить Апостола Христова чем-либо за свое чудесное исцеление, поэтому он предлагал ему много золота, но святой не принял ничего, сказав:

– Если мы оставили свое собственное, то как пожелаем получить и приобрести что-либо от других?

После того как святой Апостол Фаддей утвердил в Эдессе святую веру и благочестие и направил всё ко благу, он

отправился в Месопотамию[5155]; здесь он просветил многих, обратив ко Христу, и создал храмы; святой Апостол прошел по многим сирийским городам, подвизаясь во благовестии имени Христова. Потом пришел в финикийский город Бейрут[5156]; проповедав здесь имя Христово и крестив многих, святой Апостол Фаддей почил здесь с миром о Господе[5157].

Следует заметить, что воспоминаемый ныне святой Апостол Фаддей есть иное лицо от святого Апостола Иуды Фаддея, называемого Леввеем, Апостола из двенадцати, память коего празднуется в девятнадцатый день месяца июня (под сим числом можно читать и житие его). В Прологе под нынешним числом над синаксарем воспоминаемому ныне святому Апостолу Фаддею есть такая надпись: «Память святого Апостола Фаддея, что и Леввей». Однако следует заметить, что прозвище «Леввей» должно усвоять не сему святому Фаддею, но иному, Апостолу из двенадцати, как об этом упоминается и в Евангелии Матфея (Мф. 10:3).

Более подробно говорит об этом Никифор Каллист[5158], древний греческий церковный историк, в 40-ой главе второй книги своей Истории. Именно Никифор Каллист говорит следующее: «Святой Иуда, не Искариот, но иной, коему усвоялось два наименования: Фаддей и Леввей, сын Иосифа, брат Иакова, сверженного с крыши храма, первоначально благовествовал Евангелие в Иудее и Галилее, в Самарии и Идумее, а также и в аравийских городах, в сирийских и месопотамских странах, потом прибыл во Эдессу, город Авгаря, где ранее благовествовал имя Христово иной Фаддей, Апостол из семидесяти, и здесь восполнил всё то, что не было окончено тем Фаддеем»[5159].

Так говорит Никифор Каллист о этих двух Фаддеях: одного он именует (из числа двенадцати Апостолов) Леввеем, а другого же (воспоминаемого ныне), – из числа семидесяти Апостолов, – только Фаддеем, а не Леввеем.

Следует заметить также, что и святой Апостол и Евангелист Матфей называется у некоторых Евангелистов Леввеем[5160].

Кондак, глас 4:

Яко звезду пресветлую церковь тя стяжа, апостоле Фаддее, чудесы твоими всегда просвещаема: спаси верою чтущыя память твою.

Память святой мученицы Вассы и чад ее: Феогния, Агапия и Писта

Память 21 августа

Святая мученица Васса жила в царствование императора Максимиана[5161] в городе Едессе[5162]; соединившись брачными узами с некоторым жрецом идольским, по имени Валерием, она родила трех сыновей: Феогния, Агапия и Писта и воспитала их в благочестии христианском, так как была христианкой (она получила познание о святой вере христианской от своих родителей). Будучи оклеветана мужем своим, она должна была предстать судии языческому, которому и исповедала себя христианкой; поэтому она была заключена в темницу вместе с чадами своими. Потом святая Васса была выведена на судилищное место; при этом на ее глазах сыновья были преданы различным мучениям: сначала был повешен и подвергнут строганию Феогний; потом был предан биению другой сын ее Агапий; сему Агапию мучители сняли кожу с головы до груди, но он молчал и не проронил ни одного слова; затем был предан различным мучениям и третий сын ее. Мать, взирая на страдания детей своих, укрепляла их и молитвенно увещевала мужественно перенести подвиг свой. И все сии три отрока, мужественно вытерпев все возлагавшиеся на них мучения, одновременно были усечены мечом.

Васса, мать их, возрадовалась, предпослав ко Христу возлюбленных детей своих; потом снова была подвергнута темничному заключению; при сем она была томима голодом, но получала пищу от Ангела, чем укреплялась к еще большим страданиям. Потом, согласно приказанию мучителя, она была отведена в Македонию и понуждаема здесь к мерзкому жертвоприношению, однако, не послушалась мучителей, за что была брошена сначала в воду, потом в огонь; после этого была подвергнута биению камнями, но осталась невредимой посреди всех мучений. Когда она была отведена в идольское капище, то взяла кумир бога Зевса[5163], бросила его на землю и разбила. Потом святая Васса была отдана на съедение зверям, но

осталась невредимой посреди них. Тогда мучители бросили ее в море на тридцать поприщ от берега. И видели все, смотревшие издалека на святую, как три светлых мужа, сиявшие ярче солнца, повели святую в корабль и посадили ее на престоле. Спустя восемь дней после этого, святая Васса явилась воинам на некоем острове, называющемся Геллеспонтом; когда об этом узнал игемон македонский, по имени Филипп, то написал к управителю кизикской страны (геллеспонтской епархии), о том, чтобы взять мученицу; сей, взяв святую, принуждал ее к идольскому жертвоприношению. Но, увидав, что святая оставалась непреклонной, приказал связать ей назади руки и бить ее без милосердия по всему телу; наконец, приказал усечь честную главу ее. Так предала святая мученица Васса святую душу свою в руки Христа Бога, Коему воссылается слава ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь[5164].

Страдание святой мученицы Евлалии

Память 22 августа

В царствование языческих императоров, когда вся вселенная была омрачена еллинским безбожием, в испанском городе Баркиноне[5165] проживала некая девица, по имени Евлалия, – дочь христианских родителей. Сия от младенческих лет своих возлюбила Господа нашего Иисуса Христа всем сердцем своим; обитала же она вместе с родителями своими в селении, находившемся в довольно значительном расстоянии от города. Родители весьма любили Евлалию за ее кротость, смирение и ум, превышавший года ее; Евлалия была научена книгам, и у нее было одно твердое намерение – служить Господу своим девством непорочным. И упражнялась святая в чтении книг, и в славословии Бога днем и ночью, обитая в особой келлии вместе со своими сверстницами.

Когда Евлалии исполнилось четырнадцать лет, император Диоклетиан[5166] поднял жестокое гонение на христиан. В город Баркинон прибыл игемон Дакиан; сей принес здесь мерзкие жертвы нечестивым богам своим, потом начал отыскивать христиан, дабы принудить их воскурить фимиам идолам. Вследствие этого в городе было великое смятение, так как христиане были насильственно извлекаемы из домов своих и принуждаемы мучениями к идолопоклонству; обо всём этом вскоре же стало известно и по всем окрестным селениям.

Когда девица Евлалия услыхала обо всем этом, то преисполнилась великой духовной радости и с веселым лицом сказала:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе! Слава пресвятому имени Твоему, ибо я получила то, чего добивалась. Я верую в Тебя, Владыко мой, что при Твоей помощи исполнится желание сердца моего.

Когда родители Евлалии, а также и девицы, бывшие при ней, услышали эти слова святой, то не понимали, о чем говорит она, спрашивали ее, – что за причина веселия ее, что она получила и чего она желает. Но она ничего не сказала им, тая в

душе свои намерения. И удивлялись все, ибо святая имела обычай не утаивать ничего, что она уразумевала относительно святой веры, но насколько сама постигала в книгах, будучи просвещаема благодатиею Божиею, настолько все пересказывала всем на пользу, почему все и любили ее, как свою душу. Не сказала же тогда о мыслях своих Евлалия для того, чтобы не встретить препятствия своим намерениям со стороны отца и матери, чрезвычайно любивших ее.

Когда наступила ночь и все спали (и уже было первое пение петухов), святая девица вышла тайно из дома своего, причем никто не заметил ее ухода, – и направилась к городу, вся охваченная любовью к небесному Жениху своему Христу Господу, имея твердое намерение положить за Него душу свою. И это ночное путешествие не казалось ей страшным, как это обычно бывает для всех юных отроковиц, боящихся выйти ночью из дома своего; всё упование возложив на Бога и твердо намереваясь умереть за Него, святая пренебрегала ночною темнотой, не смущалась привидениями ночными, ни зверями, переходившими ей путь; но подобно оленю, стремящемуся к источникам водным, устремлялась и сия по каменистой дороге ногами босыми, не привыкшими к такой суровой дороге.

Святая Евлалия пришла в город уже днем. Проходя через ворота городские, она услышала зов глашатаев, призывавших народ к позорищу. Она устремилась к месту позорища того, находившемуся в середине города: здесь увидела святая игемона Дакиана, сидевшего на высоком судилищном месте. Пробиваясь с усилием сквозь народ, святая предстала пред игемона и громким голосом сказала:

– Неправедный судия, восседающий на высоком престоле и не боящийся Бога, пребывающего выше всех. Для того ли восседаешь ты здесь, чтобы губить неповинных людей, которых создал Бог по образу Своему и по подобию Своему, дабы они служили Ему; Ты увлекаешь их к служению сатане и предаешь смерти тех, кто не слушается тебя.

Игемон, удивившись столь великой дерзости юной девицы, сказал:

– Кто ты, осмелившаяся явиться пред судилище наше без зова, произносящая в лицо нам укоризненные слова и противящаяся царскому приказанию?

Святая же с великим дерзновением отвечала:

– Я – Евлалия, раба Господа Иисуса Христа, Который есть царь царствующих и Господь господствующих; уповая на Него, я не постыдилась самовольно прийти и обличить тебя. Для чего ты поступаешь столь неразумно, презирая Бога, Который сотворил всё: небо, землю, море и всё, что на них и в них; зачем поклоняешься ты диаволу, да, кроме того, принуждаешь и людей, служащих Богу истинному, различными мучениями к поклонению идолам, которые – не боги, но бесы; с ними и вы все, поклоняющиеся им, будете преданы огню вечному.

Игемон, преисполнившись гнева, тотчас приказал бить по спине обнаженную девицу без милосердия палками дубовыми. И когда Евлалия была побиваема, то игемон сказал:

– Окаянная девица! Где же Бог твой? Почему Он не спасает тебя от этих побоев; и для чего ты настолько обезумела, что дерзаешь говорить о деле, не касающемся тебя? Признайся же, что ты сделала это по неопытности, не зная, сколь велика власть судии; тогда ты получишь прощение; ибо и мне жаль тебя, такую юную, красивую и благородную девицу, предавать столь жестоким побоям.

Святая же отвечала на это:

– Я посмеваюсь над тобой, ибо ты советуешь мне солгать, что будто бы я по неведению дерзнула пойти на мучения за Бога моего, и что, будто бы я не знала, как велика власть твоя. Кто не знает, что власть каждого деспота бывает временной; подобно тому как человек ныне живет, а на другой день умирает, так власть его изменчива. Власть же Господа моего Иисуса Христа бесконечна, ибо и Сам Он вечен. Я не желаю лгать, ибо страшусь Владыки моего, Который предаст геенне огненной, на сожжение, всех лжецов и беззаконников; моя же девическая юность еще более украсится и мое благородство еще более увеличится, если я приму страдания ради Господа моего. Знай же, мучитель, что я не чувствую боли от причиняемых мне страданий, благодаря защищению Христа, Владыки моего,

Который осудит тебя по делам твоим в день Страшного Суда на вечные муки.

От этих слов мученицы, игемон разгневался еще более и приказал повесить святую на мучилищном, крестообразно составленном, древе, и железными гребнями строгать ее чистое девическое тело, пока не будет снята с нее вся кожа. Святая же посреди тех страданий взывала к Богу, говоря так:

– Господи, Иисусе Христе! Услыши меня, недостойную рабу Твою, и прости согрешения мои! Укрепи меня посреди мучений, которые я принимаю за имя Твое святое, дабы был постыжен диавол вместе со слугами своими.

Игемон же сказал ей:

– Где Тот, к Коему ты вопиешь? Лучше послушай меня, безумная и окаянная отроковица, и принеси жертву богам: тогда ты будешь оставлена в живых; ибо вот уже приближается смерть твоя и нет никого, кто бы мог тебя избавить.

Святая же Евлалия отвечала ему:

– Да не будет тебе никакого блага, святотатец, бесноватый, преисполненный пагубы человек! А я тем более не отступлю от Бога моего, ибо Тот, к коему я взываю, обретается здесь; но ты не видишь Его, по причине своей нечистоты, так как ты недостоин Его видеть; Он укрепляет меня, так что я вменяю ни во что муки, которые ты осмеливаешься наносить мне.

Тогда игемон приказал опалять святую зажженными свечами, приказав жечь ее до тех пор, пока она не умрет.

Будучи опаляема, мученица преисполнилась радости и громогласно изрекла слова псалма: «Вот, Бог помощник мой; Господь подкрепляет душу мою. Он воздаст за зло врагам моим; истиною Твоею истреби их. Я усердно принесу Тебе жертву, прославлю имя Твое, Господи, ибо оно благо, ибо Ты избавил меня от всех бед» (Пс.53:6–9).

В то время как святая молилась в таких словах, огонь от свечей обратился на слуг и сильно обжег лица их, так что они пали на землю. Когда святая увидела сие, то возвела очи свои на небо и еще громче сказала:

– Господи Иисусе Христе! Услыши молитву мою, и яви на мне милосердие Твое; сопричти меня ко избранным Твоим для

успокоения в жизни вечной: «покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся» (Пс.85:17); верующие же в Тебя пусть прославят силу Твою.

Помолившись в таких словах, святая предала дух свой Богу[5167]; и видели все голубицу белую, как снег, вылетевшую из уст ее и устремившуюся на небеса; все, видевшие сие, весьма изумились; христиане же (коих среди народа было много), радовались, что сподобились иметь и из своего города ходатаицу ко Господу на небесах.

Когда игемон увидел, что мученица уже умерла, то весьма устыдился, будучи побежден юною девицею и, с гневом встав с судилищного места, отправился к себе в дом. Игемон приказал оставить тело мученицы висящим на том мучилищном дереве и поставил стражей, дабы никто не мог снять оттуда тела мученицы; игемон сказал, – пусть она висит на дереве до тех пор, пока ее не съедят птицы и не растащат костей ее.

Когда же игемон отошел, а тело святой всё еще висело на древе, внезапно нисшел с облака снег и покрыл честное тело святой мученицы, как одеждою белою; на стражей же напал страх; отступив от того места, они наблюдали издалека, ужасаясь всему бывшему.

Между тем обо всём узнали родители святой: ибо они, встав утром и не видя у себя дома своей любимой дочери, были в великом смущении и начали всюду искать ее. Уже около полудня они узнали, что дочь их умерла за исповедание имени Христова и еще висит на мучилищном древе; тогда они поспешили в город с горькими слезами. Увидав святую мертвой, растянутою крестообразно на древе, покрытою снегом, родители ее весьма плакали, сокрушались и рыдали слезами горькими; но вместе с тем они и радовались, что любезная дочь их восприняла венец мученический и вошла в чертог Жениха небесного. Они намеревались взять тело мученицы Христовой к себе, но не были допущены к нему стражей; смотря на святую издалека, они плакали, а вместе и веселились духом.

На третий день некоторые благочестивые мужи ночью взяли честное тело святой мученицы (стражи не заметили сего) и обвили его чистою плащаницею с ароматами в присутствии

родителей ее, которые слезами омывали тело дорогой дочери своей. Святой же Филикс (впоследствии пострадавший за исповедание имени Христова)[5168], взирая на лицо умершей мученицы, со слезами радости сказал:

– Госпожа Евлалия! Ты раньше нас сподобилась получить венец мученический!

Когда Филикс говорил эти слова, лицо девицы, бывшее мертвым уже три дня, улыбнулось, как живое, посмотрев на него; после этого все, бывшие там, начали петь слова псалма: «Взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их» (Пс.33:18).

И похоронили тело святой мученицы Евлалии с честью, прославляя Бога Отца, и Единородного Сына Его, Господа Иисуса Христа, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Царство Которого бесконечно и пребывает во веки веков. Аминь.

Празднество в честь Грузинской иконы Божией Матери

Память 22 августа

На севере России протекает река Пинега, впадающая в реку Двину; по берегам реки Пинеги расположено много селений; к этой реке примыкает большая и высокая гора, именуемая Черною; гора эта тянется до самого Океана (Северного Ледовитого) и имеет в длину около пятисот поприщ; ранее она была пуста и не заселена людьми.

По некоему откровению Божию на горе той был построен в 7111 году от сотворения мира (в 1603 году от Р. Хр.) монастырь во имя Пресвятой Богородицы; монастырь сей был построен неким иереем той страны по имени Мироном, – бывшим впоследствии игуменом того монастыря.

Следует заметить, что в царствование благоверного царя и великого князя Михаила Феодоровича[5169] персидский шах Аббас[5170] покорил под свою власть Иверию[5171]; найдя здесь многоцелебную ризу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, он взял ее; в это время персы взяли в Иверии много и других святынь и честных икон и отнесли всё в Персию, не ради почитания (ибо были язычниками), но для продажи русским купцам; ибо русских купцов в это время было очень много в Персии, и персы знали, что они воздавали почести и поклонялись святым иконам. В числе этих купцов был некто, по имени Стефан из русского города Ярославля; сей Стефан был управителем имения гражданина города Ярославля, по имени Георгия. К сему-то Стефану некий перс и принес икону Пресвятой Богородицы, украшенную серебром и золотом, и предлагал ему купить ее. Благочестивый муж тот с великой радостью купил у перса ту честную икону.

В то самое время, когда он покупал сию икону в Персии, упомянутый выше господин его Георгий, живший в городе Ярославле, имел сонное видение, причем слышал такие слова:

– Управитель твоего имения, проживающий в Персии, приобрел тебе бисер драгоценный; и когда он принесет тебе его,

то ты отправь его в пределы области Двинской, на Черную гору.

Действительно, спустя некоторое время из Персии прибыл упомянутый Стефан, управитель имения Георгиева, и принес Георгию честную икону Пресвятой Богородицы, которую он купил в Персии. Георгий с радостью принял святыню и, вспомнив видение, сказал:

– Это и есть поистине бесценный бисер, о коем мне было сказано в сонном видении.

В скором же времени после этого, согласно повелению Божию, Георгий отправился в пределы Двинской области и пришел к упомянутому выше монастырю Черногорскому[5172] с тою честною иконою (икона сия была названа Грузинской потому, что была взята из страны Иверской или Грузинской). Георгий принес в дар монастырю много золота, серебра, церковной утвари и книг богослужебных[5173].

В то время, когда в монастырь сей была принесена честная икона Богоматери, игумен и братия совершали в храме всенощное бдение; некий монах той обители, по имени Питирим, слепой и глухой уже много лет, находившийся во время служения в монастырской больнице, вышел в сени пред келлиею своею, дабы помолиться Богу. В то время как он молился, неожиданно великий свет осиял его, так что он весьма испугался, ибо уже много лет не видал света (по причине слепоты); Питирим принял сие за бесовское обольщение; потом осенил себя знамением Честного Креста и поднял очи свои на ту великую гору, после чего увидел на ней свет, подобный лучам солнечным; затем, сотворив молитву, тотчас начал видеть очами и слышать ушами. После утреннего славословия Питирим пришел к игумену и поведал ему, а также и братии, о полученном им исцелении от слепоты и глухоты; и все, бывшие там, прославили Бога.

Когда благочестивый муж тот Георгий (бывший в то время там), услышал об этом преславном чуде, то построил красивый храм в монастыре том во славу Пресвятой Богородицы. И тогда начали совершаться многоразличные чудеса от той святой иконы; подавались исцеления многим больным; так например, благодать Пресвятой Богородицы исцелила некую женщину, по

имени Неонилу, бывшую в расслаблении; была исцелена также и другая женщина, по имени Феодосия, страдавшая очами. Пресвятая Богородица явила помощь Свою некоему человеку, по имени Кодрату, одержимому беснованием и гонимому бесами по пустыне в течение десяти недель, – ничего не евшему и не пившему; Богоматерь, явившись ему, укрепила его, указала ему путь к дому его родителей и повелела прийти в Свою обитель к чудотворной иконе, обещая даровать ему полное исцеление от болезни, кое и подала действительно. По заступлению Матери Божией был спасен от потопления некий человек, по имени Иоанн, занимавшийся ловлею рыбы и утопавший на озере; кроме сего Богоматерь явилась еще иному человеку, по имени Павлу, жившему в стране приморской и одержимому желудочною болезнью в течение целого года; явившись сему Павлу, Матерь Божия научила его Божественному Писанию и исцелила его от болезни. Точно так же Богоматерь исцеляла и от многих других неизлечимых болезней и недугов, как то: от болезней желудка, опухолей тела, различных глазных и зубных болезней; исцеляла также одержимых нечистыми духами и доныне являет чудодейственную силу Свою исцелением от различных болезней[5174]. И не только там, но и в Москве совершаются многие чудеса от списка с той честной иконы, который находится в храме Святой Троицы.

Список же с иконы был сделан по следующему поводу.

В 1654 году чудотворная Грузинская икона Богоматери была принесена из Черногорского или Красногорского монастыря в Москву для поновления живописи и была поставлена, как полагают, или в Троицкой, в Никитниках, церкви, или в доме одного из прихожан сей церкви. На первой неделе Великого поста того же года иеромонах Макарий, по просьбе некоего ремесленника Гавриила Евдокимова, имевшего тяжко больного сына, принес эту икону к нему в дом для молебствия, и болящий получил исцеление. В благодарность за исцеление Гавриил Евдокимов и соорудил список с чудотворной иконы Грузинской, который поставил в Троицкой, близ Варварских ворот, церкви.

Чудеса от сей иконы совершаются и поныне, и она пользуется усердным молитвенным почитанием среди жителей города Москвы[5175].

Сии чудеса подавались всем, приходившим с верою и совершались во славу Господа нашего Иисуса Христа, прославляемого вместе со Отцом и Святым Духом, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Память святых мучеников: Агафоника, Зотика, Феопрепия, Акиндина, Севириана и прочих с ними

Память 22 августа

Мученик Христов Агафоник жил в Никомидии[5176] в царствование императора Максимиана[5177]; он отвращал эллинов от поклонения идолам и приводил их ко Христу; на мучения он взят был комитом[5178] Евтолмием. Когда этот комит, посланный императором в понтийскую страну для мучения христиан, плывя на корабле, прибыл на место, называемое Карпин, то нашел там святого Зотика вместе с учениками, исповедовавших Христа; учеников его комит Евтолмий осудил на смерть крестную, святого же Зотика он взял с собою. Возвратившись в Никомидию, он взял некоего Приципса, наученного святой вере христианской святым Агафоником; связав его, вместе с Агафоником, Зотиком и прочими христианами, среди коих были Феопрепий, Акиндин и Севириан, повел всех во Фракию, куда прибыл и сам император, дабы здесь предать всех мучениям. Когда святые находились в стране, называемой Потама, комит предал смерти святого Зотика, Феопрепия и Акиндина, ибо они уже не могли идти по причине ранее полученных ран и язв; пришедши же в окрестности Халкидона[5179], комит предал смерти святого Севириана, дерзновенно исповедавшего Христа; прочих же мучеников, вместе со святым Агафоником, повел в Византию и здесь некоторое время мучил их; потом прибыл вместе с ними в Слимврию, на место, называвшееся Аммус, – ибо здесь пребывал Максимиан; здесь святой мученик Агафоник, а также и все христиане, приведенные с ним из Никомидии, были в последний раз истязаны и мучены, после чего были осуждены на смерть и усечены, пострадав за имя Христа, Бога нашего[5180].

Кондак, глас 1:

Звание благое стяжав Богомудре, мужей лукавых отвратился еси веры, не убоявся мук Агафониче славне. Темже

благим был еси наследник, и приял еси со страждущими с тобою достойныя венцы.

В тот же день память преподобной Анфусы, святого священномученика Афанасия епископа и двух слуг святой Анфусы: Харисима и Неофита

Память 22 августа

Святая Анфуса, дочь богатых жителей города Селевкии, приняв крещение, подвизалась 23 года в пустыне. Афанасий, епископ Тарса Киликийского, крестивший святую Анфусу, был усечен мечом в царствование Аврелиана (270–275 гг.); той же смертью скончались Харисим с Неофитом, крестившиеся вместе со своею госпожою. Святая Анфуса преставилась в мире, спустя долгое время после их мученической кончины (более 20 лет).

Страдание святого священномученика Иринея, епископа Лионского

Память 23 августа

Святой Ириней, епископ лионский, принадлежит к числу замечательнейших отцов и учителей Церкви. Он жил и подвизался во II в., посвятив всю жизнь свою борьбе с гностицизмом[5181]. Значение его для христианской Церкви II в. можно сравнивать с значением святого Афанасия Великого для христианской церкви IV в. И тот и другой одинаково, и по преимуществу являются в своей жизни и деятельности защитниками чистого, неповрежденного церковного учения против ложных еретических учений своего времени, – святой Ириней – против гностицизма; святой Афанасий – против арианства[5182].

Святой Ириней происходил из Малой Азии; его родиною был город Смирна; с юных лет Ириней изучил основательно всю эллинскую мудрость; он был хорошо знаком с греческою поэзиею, философиею и прочими эллинскими науками.

Однако святой Ириней не увлекся лжеименным мирским знанием. Услыхав о духовной мудрости, – премудрости христианской, Ириней пожелал восприять ее всем сердцем своим; теперь он уже пожелал поучаться только сей истинной душеспасительной мудрости, мирскую же мудрость – эллинскую вменял ни во что.

В истинах веры христианской святой Ириней первоначально был наставлен святым Поликарпом, епископом смирнским. Сей святой Поликарп был учеником святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и им самим был поставлен на епископский престол города Смирны. Святой Поликарп весьма много потрудился на пользу Церкви Христовой, ибо он заботился не только о своей пастве смирнской, но писал послания и соседним церквам. По свидетельству блаженного Иеронима[5183], Поликарп был «вождем всей Азии в христианстве».

Учеником-то сего славного Поликарпа и был святой Ириней; услышав из уст святого Поликарпа душеспасительное учение

христианское, Ириней возлюбил его более всякой светской науки; сделавшись учеником Поликарпа, святой Ириней стал как бы учеником Самого Христа, ибо со всем усердием воспринимал умом своим истины веры христианской и отдал всего себя на служение Богу. Так как Поликарп был учеником святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, то он передавал святому Иринею всё то, что слышал сам от святых Апостолов, бывших самовидцами и слугами Христовыми.

Ириней запечатлевал всё сие в уме своем, записывая всё на сердце своем, как на некоей хартии.

Святой Ириней был рукоположен святым Поликарпом в сан пресвитера и был послан им в Галлию для проповедования здесь Слова Божия.

Епископом в Лионе в то время был святой Пофин, запечатлевший впоследствии свою проповедь мученичеством за имя Христово. Прибыв в галльский город Лион, святой Ириней начал усердно трудиться, помогая святому Пофину в его архипастырских трудах.

В это время в Лионе было поднято жестокое гонение на христиан со стороны язычников, и святой Ириней явил себя мужественным защитником христиан и твердым столпом Церкви. Отсюда святой Ириней был послан епископом Пофином в Рим, дабы отвезти послание исповедников к епископу Елевферию[5184].

Возвратясь из Рима, святой Ириней после мученической кончины святого Пофина[5185] воспринял в свое управление престол архиерейский.

Святой Ириней был добрым пастырем для лионских граждан в самые тяжелые для них времена, ибо тогда Церковь Христова обуревалась многими бедами: нечестивые идолопоклонники подняли тогда жестокое гонение на христиан и, кроме того, безбожные еретики начали сеять смуты и несогласия в Церкви Божией.

Святой Ириней терпеливо переносил ради имени Христова все притеснения и неприятности, наносившиеся ему идолопоклонниками, на еретиков же он грозно вооружился своим словом и писаниями. Архипастырская деятельность

святого Иринея не ограничивалась Лионом, всех граждан которого Ириней обратил в христианство, но простиралась и на всю Галлию. Святой Ириней поддерживал самые живые сношения с церковью римскою, а также и с церквами малоазийскими, что свидетельствуется его посланиями к римским пресвитерам Флорину и Власту, а также посланиями к римскому и малоазийским епископам во время споров о праздновании Пасхи, возникших при папе Викторе I[5186]. Святой Ириней всегда старался примирять враждующих и несогласных. Так например, когда упомянутый папа римский Виктор I своею неразумною настойчивостью грозил произвести разделение среди восточных и западных христиан из-за разногласия во взглядах на время празднования Пасхи, святой Ириней своим влиянием успел предотвратить разделение и примирил несогласных.

Великую ревность проявил святой Ириней и в обличении современных ему еретических лжеучений. Он написал много сочинений, в которых дерзновенно обличал заблуждения еретиков и раскрывал истины христианского вероучения. Из всех его сочинений наиболее замечательно сочинение, озаглавленное «Против ересей»[5187]. Это сочинение святой Ириней начал писать по просьбе одного друга своего с целью опровержения ереси валентиниан[5188], сильно распространявших тогда свое лжеучение не только в Риме, но и в Галлии. Затем, желая показать ложность и сущность валентиновой ереси, лишь повторявшей предшествующие заблуждения еретиков, святой Ириней описал древнейшие ереси, появлявшиеся ранее и вступавшие в борьбу с христианством; и истинно-христианскою мудростью Ириней опровергал все заблуждения еретиков и раскрывал единственно спасительное учение – христианское.

Главным основанием, на котором зиждется всё христианское вероучение, «столпом и утверждением Церкви»[5189], – по выражению святого Иринея, – служат четыре новозаветных Евангелия, написанные учениками и самовидцами Господа. Эти Евангелия, – рассуждает Ириней, – суть следующие: Евангелие Матфея, написанное на еврейском

языке, Евангелие Марка, – ученика Апостола Петра, Евангелие Луки, – спутника святого Апостола Павла, и Евангелие возлюбленного ученика Господня Иоанна, написанное им во время пребывания его в Малой Азии, в Ефесе. Таким образом подлинно-апостольских Евангелий, достоверных и непогрешимых, существует в Церкви только четыре; и «невозможно, – рассуждает святой Ириней, чтобы Евангелий было больше или меньше, чем сколько их существует в Церкви»[5190]. – Последователи же (еретика) Валентина, – продолжает он, – без всякого страха предлагают свои сочинения и хвалятся, что имеют больше Евангелий, чем сколько их есть. Они дошли до такой дерзости, что свое недавнее сочинение озаглавливают «Евангелием истины», хотя оно ни в чем не согласно с Евангелиями Апостолов. Ибо если предлагаемое ими Евангелие истинно, а между тем вовсе не сходно с теми, которые нам преданы Апостолами, то желающие могут узнать, как самые писания показывают, – что оно не есть преданное Апостолами Евангелие истины[5191]. – А что те Евангелия суть истинные и достоверные, святой Ириней доказывает следующим образом. Евангелий должно быть четыре, уже по тому одному, что существует лишь четыре страны земли; затем четверичное число Евангелий должно было соответствовать, по рассуждению святого Иринея, четырем заветам, которые даны были Богом человечеству, – завету, данному при Адаме до потопа, завету, данному после потопа при Ное, – законодательству при Моисее и, наконец, четвертому и последнему завету – христианскому, содержащему в себе все остальные заветы[5192]. Наконец, самое главное доказательство именно четверичного числа Евангелий, а не большего или меньшего, святой Ириней видит в соответствии Евангелий четырем апокалипсическим животным, – Херувимам, на которых от вечности восседает «всё устрояющее и всё содержащее Слово»[5193]. Сила этого доказательства состоит в том, что Евангелие должно служить выражением четырех видов или образов деятельности Сына Божия, на которые указывается в Апокалипсисе[5194] под символом четырех животных – Херувимов. Первое животное, как повествуется в Апокалипсисе,

– подобно льву и указывает на предвечное господство и царскую власть бога Слова; это же самое выражает собою и Евангелие Иоанна, описывая вечное и славное рождение Сына от Отца, как Бога от Бога: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан.1:1–2). Второе животное подобно тельцу и означает первосвященническое служение Господа нашего Иисуса Христа; на это же самое служение, по рассуждению святого Иринея, указывает и Евангелие Луки; оно начинается рассказом о священнике Захарии, приносящем Богу жертву; это значит, что Агнец, предопределенный от вечности для заклания за грехи мира, явился в мир, дабы принести Богу искупительную жертву за грехи людские. Третье животное, на котором восседало Слово, имело лицо человека и указывало на явление Сына Божия в образе и виде человеческом; и Евангелие Матфея тоже главным образом возвещает о человечестве Иисуса Христа, представляя Его Сыном Иосифа и Марии. – Наконец, четвертое животное подобно орлу летящему и указывает на присутствие в Церкви Духа Святого, ниспосланного Богом Отцом ради искупительных заслуг Сына Божия; присутствие же Духа Святого выражает, по рассуждению святого Иринея, и Евангелие от Марка, написанное в форме сжатого и как бы сокращенного рассказа, потому что таков именно пророческий дух. «Таким образом, – заключает святой Ириней, – какова деятельность Сына Божия, таков и вид животных, и каков вид животных, таков характер Евангелия. Четверовидны животные, четверовидно и Евангелие, четверовидна и деятельность Господа»[5195]. Полное соответствие Евангелий четырем образам деятельности или служения Господа нашего Иисуса Христа составляет таким образом несомненное доказательство их подлинно апостольского происхождения, их истинности и достоверности; все другие евангелия, выдаваемые истинными, – не подлинны и недостоверны, – потому что подлинных Евангелий может быть только четыре, ни больше, ни меньше.

Святой Ириней особенно порицал еретиков, отрицавших единство существа Божия. Еретик Маркион ошибочно

утверждал два противоположные действия в Боге, выразившиеся в двух заветах, – Ветхом и Новом; он утверждал, что существуют два бога, – один наказывающий и карающий, а другой – только милующий.

Обличая это лжеучение, святой Ириней говорил, что такое представление несогласно с самым понятием о Боге. Истинный Бог, – рассуждает святой Ириней, – не может быть ни исключительно наказывающим и карающим, без любви и благости, ни исключительно благим и милосердым, без правосудия и суда, потому что как любовь, так и правосудие принадлежат Богу существенно и необходимо. Одно из существеннейших свойств Божиих, – рассуждает святой Ириней, – есть премудрость. Если Бог премудр, значит он обладает способностью определять и решать, следовательно и судить; а если судить, значит каждому воздает по делам его, то есть или наказывает или награждает[5196].

Одно из главных доказательств, на котором Маркион основывал свою теорию противоположности между ветхозаветным и новозаветным домостроительством, – между Ветхим и Новым заветом, состояло в том, что действия Божии в Ветхом завете были будто бы противоположны действиям Бога в завете Новом; Бог в Ветхом завете является как бы только Богом суда и правды, – рассуждал Маркион, – Бог в Новом завете является как бы исключительно Богом любви и благости.

В своих сочинениях святой Ириней опровергал это нечестивое заблуждение Маркиона и раскрывал ту мысль, что как Ветхий, так и Новый завет составляют одно неразрывное целое. Приписывать Богу в Ветхом завете одно только правосудие, а в Новом завете только одну всеобъемлющую любовь, значит, по рассуждению святого Иринея, не знать и не понимать духа и смысла ни того, ни другого завета. Бог строго наказывает в Ветхом завете, но Он еще строже будет наказывать и наказывает в завете Новом. Христианство – совершеннее иудейства, Новый завет шире и полнее Ветхого завета; на этом основании и требования христианства должны быть гораздо строже; чем требования иудейства. В иудействе дано было меньше средств для исполнения Божественного

закона, в христианстве дано их гораздо больше, – в христианстве сообщены все благодатные дары и силы для исполнения Божественного закона; вследствие этого и всякое нарушение и неисполнение этого закона в христианстве должно наказываться гораздо сильнее, чем в иудействе. – «В Новом завете, – рассуждает святой Ириней, – насколько увеличилась наша вера в Бога (т.е. раскрылась шире), настолько же увеличились и требования относительно образа жизни, – нам заповедано воздерживаться не только от худых дел, но даже и от худых помышлений, от праздных разговоров, от легкомысленных слов и пустых речей; в этой же мере увеличилось и наказание тем, которые не веруют в Слово и презирают Его пришествие»[5197]. В иудействе, по тому самому, что оно не совершеннее христианства, наказания Божии, по рассуждению святого Иринея, были «умеренными», и как бы временными наказаниями; а в христианстве, так как оно выше и совершеннее иудейства, эти наказания гораздо строже и уже не временные только, а вечные[5198].

Таким образом, как в Ветхом завете, так и в Новом, Бог одинаково являет Себя Существом и наказывающим и любвеобильным; и там и здесь, Он и награждает и наказывает, и милует и карает. И это – один и тот же Бог истинный, всемогущий и всесовершенный.

Обличая Маркиона и прочих, ему подобных, еретиков, святой Ириней подробно раскрывает в своих сочинениях смысл и значение Ветхого завета.

Ветхозаветный закон, по рассуждению святого Иринея, заключает в себе две стороны: внешнюю, обрядовую, и внутреннюю, нравственно-духовную. Внешняя сторона закона имела только относительное и временное значение: те обрядовые предписания и установления, которыми была окружена вся жизнь ветхозаветного человека, и которые держали его под игом рабства, по взгляду святого Иринея, имели смысл только по отношению к иудеям, и были в руках Промысла Божия только необходимым средством для нравственно-религиозного воспитания еврейского народа; евреев нужно было держать под игом рабства, – «по грубости и

непокорности их сердца», – рассуждает святой Ириней, и «по всегдашней склонности их возвращаться к идолам и лить себе золотых тельцов»[5199]. С наступлением же Нового завета обрядовые предписания Моисеева закона оказались совершенно ненужными и излишними, потому что человек стал теперь в другие отношения к Богу, в отношения близкие, сыновние, и сделался способным исполнять повеления Божии свободно и непринужденно, без особых подробных внешних предписаний. Дух рабства в отношениях человека к Богу в Ветхом завете, и дух сыновства в Новом завете, по рассуждению святого Иринея, нисколько не противоречат друг другу. Изменение духа рабства на дух свободы и сыновства указывает только на строгую постепенность и последовательность, и на премудрую целесообразность в истории Божественного домостроительства и в нравственно-религиозном воспитании людей. Один и тот же Бог воспитывал известным образом древнее человечество, и воспитывает совсем другим образом новое человечество. – «Бог всё делает мерою и в порядке, – рассуждает святой Ириней, – и нет у Него ничего неизмеренного, потому что нет ничего беспорядочного»[5200].

Как необходимое воспитательное средство в руках Божественного завета, оказалось ненужным и излишним и поэтому отменено, – внешняя сторона Моисеева закона была в то же время, по рассуждению святого Иринея, пророчеством о будущих временах Мессии, и имела прообразовательное значение. И с этой стороны, отменение обрядового закона Моисеева опять естественно и необходимо, и нисколько не доказывает противоположности между Ветхим и Новым заветом. Но что особенно говорит против теории Маркиона, – так это отношение Спасителя во внутренней, нравственной стороне ветхозаветного закона; Спаситель, – рассуждает святой Ириней, – не отменил этой стороны, а только «восполнил и распространил ее»[5201]. Главнейшею нравственною заповедью Моисеева закона была любовь к Богу и ближнему; Спаситель не отменяет этой заповеди, а напротив, утверждает и уясняет ее, как основную заповедь новозаветного закона. Нравственное

учение Евангелия и вообще Нового завета выше и совершеннее нравственного ветхозаветного учения, – но главная основа того и другого одна и та же; отсюда и Виновник того и другого нравственного учения – один и тот же.

Итак, – по рассуждению святого Иринея, – между Ветхим и Новым заветом нет ни малейшей противоположности, и оба они суть творения одного и того же истинного и высочайшего Бога, устроявшего дело спасения людей в строгой постепенности и последовательности, по премудрому плану, начертанному от вечности; отсюда понятно само собою, что и ветхозаветные писания, в которых выражается воля и домостроительство Божие о спасении людей, так же богодухновенны и спасительны, как и новозаветные писания, в которых изображается самое совершение и усвоение спасения. «Один и тот же Дух Божий, – рассуждает святой Ириней, – Который через пророков возвещал, каково имело быть пришествие Господа, а посредством старцев[5202] хорошо истолковал то, что было сказано пророками, – Он же и через Апостолов проповедовал, что пришла полнота времен усыновления и приблизилось Царство Небесное»[5203].

По учению святого Иринея, Бог есть Господь всего в самом широком смысле этого слова. Только Он один есть Владыка и Господь всего, и другого равного или подобного Ему Владыки и Господа нет и быть не может, «потому что, – рассуждает святой Ириней, – тот, кто имеет кого-либо выше себя или равного себе, уже не может называться ни Богом, ни Царем великим»[5204]. Только один Бог, как Господь всего, – безраздельно обладает верховною властью и могуществом над всем; всё остальное, что существует, сотворено Им и содержится Его властью.

Обличая еретиков, святой Ириней рассуждал и об источниках святой веры христианской. В кратких словах его рассуждения состояли в следующем.

Священное Писание как Ветхого, так и Нового завета, – несомненно имеет Божественное происхождение, ибо оно написано под особым духовным озарением Духа Божия на писателей священных книг. Сей Святой Дух действовал как через пророков, так и через Апостолов. Священное Писание

есть первый и самый главный источник веры и религиозного знания, – истинный и непогрешимый и для всех обязательный. Правильное и безошибочное разумение Писания возможно только при руководстве святой вселенской Церкви, и в ней только одной можно найти истину. Такое же Божественное происхождение, как и Писание, имеет и священное Предание, – которое, поэтому, составляет другой источник веры и религиозного знания, точно так же истинный и непогрешимый и для всех обязательный, как и Священное Писание, единственною хранительницею подлинно апостольского Предания может быть только вселенская Церковь, в лице ее предстоятелей. – «Всякий, кто желает знать истину, – рассуждает святой Ириней, – должен обратиться к Церкви, потому что Апостолы только ей одной сообщили Божественную истину, и, как богач в сокровищницу, положили в нее всё, что относится к истине. Только Церковь есть дверь жизни»[5205]. И, в частности, по учению святого Иринея, только пастыри Церкви, законно рукоположенные, суть истинные учители и хранители истины, заключенной в Церкви.

Такое значение Церкви, как единственно непогрешимой хранительницы и носительницы подлинно-апостольского предания, святой Ириней основывает на постоянном присутствии в ней Духа Святого, и на постоянном действии в ней Божественных даров и сил. Дух Божий, по учению святого Иринея, существует в Церкви с самого ее основания. Он есть как бы жизнь и душа Церкви; Он движет и управляет ею точно так же, как душа движет и управляет членами нашего тела. В Церкви положены Богом все необходимые служения, – апостольство, пророчество, учительство, – при помощи которых содевается спасение наше.

В силу постоянного и непосредственного присутствия в Церкви Духа Божия, Церковь никогда не может погрешать или заблуждаться. Отсюда Божественная истина, заключенная в ней апостолами, устно или письменно, всегда останется в ней одною и той же, такою же чистою и Божественною истиною, какою была она и при Апостолах, – потому что один и тот же Дух Святой действовал и в Апостолах, действует и теперь в

Церкви, в лице их преемников. Преемство апостольского звания, рассуждает святой Ириней, сохраняется в Церкви повсюду и непрерывно, а вместе с ним и апостольское предание сохраняется в его чистом и неповрежденном виде. – «Вообще, – замечает святой Ириней, – Церковь, хотя и рассеяна по всему миру, но, в силу присутствия в ней одного и того же Духа Божия в силу непрерывности в ней одного и того же апостольского звания, она сохраняет повсюду одно и то же учение. Она одинаково верует, имея как бы одну душу и одно сердце, одинаково проповедует, учит и передает, имея как бы одни уста. Одинаково веруют и имеют одно и то же предание церкви и в Германии, и Испании, и Галлии, и на Востоке, в Египте и Ливии. Как солнце одно и то же во всем мире, так и проповедь истины сияет и всех просвещает одна и та же во всей Церкви»[5206].

Так поучая и наставляя всех, святой Ириней спас многих от языческого идолопоклонения и от еретического заблуждения; многих христиан наставил он на пусть спасения, а иных укрепил к мученическому подвигу. Наконец, и сам пострадал за имя Христово, в царствование императора Севира[5207]. За исповедание Евангелия святой Ириней был усечен во главу и восприял таким образом славный венец мученичества во Царствии Господа нашего Иисуса Христа[5208].

Память святого Каллиника, патриарха Константинопольского

Память 23 августа

Святой Каллиник первоначально был священником и сосудохранителем Влахернского[5209] храма во имя Пресвятой Богородицы. Когда же патриарх Павел отошел ко Господу, святой Каллиник был возведен на патриаршеский престол. Это было в царствование Юстиниана II[5210], – царя злонравного и не богобоязненного, который притеснял весьма многих (христиан), не уважал духовного чина и не чтил храмов Божиих.

Сей царь строил для себя большой и прекрасный дворец, который хотел назвать своим именем. По близости от того дворца находился храм, воздвигнутый во имя Пресвятой Богородицы; храм сей назывался митрополичьим. Так как одну из стен дворца, строившегося по приказанию императора Юстиниана, нужно было вести мимо упомянутого храма, то император задумал разрушить его, дабы храм не был помехой воздвигаемому дворцу, тем более, что именно на том самом месте должны были быть построены ступени и крыльцо перед входом во дворец. Император приказал патриарху преподать молитву благословения для разборки упомянутого храма. Но патриарх воспротивился царю, сказав:

– Я не имею молитвы на разорение храма; напротив того, у меня есть молитвы на основание и созидание храма, ибо Бог сотворил мир для бытия, а не для разрушения.

Тогда посланники царя начали с силою упрашивать патриарха и даже принуждать его исполнить повеление императора. Он же, прослезившись, воскликнул:

– Слава Тебе, Христе, терпящему всё!

И тотчас храм разрушился.

Спустя непродолжительное время, по праведному суду Божию, и самого царя постигло разорение: ибо он был с бесчестием изгнан из своего царства, а выстроенный им дворец стал жилищем других. Совершилось всё это таким образом.

Когда император узнал, что жители Константинополя ропщут на него, так как не любили его за частые притеснения и за беззаконную жизнь его, и услышал, что в городе все дурно отзываются о нем, то преисполнился гнева и ярости на весь город; потом приказал патрицию[5211] и воеводе Стефану, мужу жестокому, без милосердия проливавшему кровь человеческую, родом персу, скрытно от всех приготовить вооруженных воинов и в ближайшую ночь неожиданно напасть на благороднейших граждан и умертвить их всех без пощады.

В то время в Константинополе проживал воевода Леонтий, подвизавшийся на Востоке. Сей воевода не один раз выказывал большую храбрость на войне и победил много полков неприятельских; но вместо почести и похвалы был заключен царем на три года в темницу. В это время он только что был освобожден от темничного заключения.

Сей Леонтий, узнав о жестоком и неправедном умысле и приказании императора, рассказал тайно обо всем некоторым из своих верных друзей. Они передали то же самое и таким же путем другим своим друзьям, и таким образом к позднему вечеру все они собрались вместе в значительном числе. Дабы предупредить имевшее начаться ночью неправедное избиение граждан, все они, вооружившись, отправились в царский дворец. Увидя, что царь спит, воины взяли его и связали. Тотчас же Леонтий открыл все темницы, вывел оттуда всех заключенных, вооружил их и послал их по всему городу. Сии ходили по городу и восклицали:

– Христиане! Соберитесь все ко храму святой Софии, так как царь Юстиниан побежден и связан.

Услыхав об этом, все отправились в храм с великою радостью, говоря:

– «Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!» (Пс.117:24)

Когда наступил день, Леонтий вывел царя, связанного, на то место, где обычно бывало конское ристание[5212]; в присутствии всего народа, собравшегося к тому месту, он отрезал нос царю и отправил его в Херсонес[5213] в заточение; с тех пор Юстиниан и был прозван «Корконосым»[5214]. Жители же

Константинополя тотчас провозгласили царем Леонтия; на царство венчал его святейший патриарх Каллиник.

Леонтий пробыл на царстве три года; потом он был изгнан с царства воеводою Апсимаром, коего воины избрали в императоры и назвали Тиверием III[5215]. Апсимар, взяв Леонтия, отправил его на заточение в монастырь далматский; Апсимар царствовал семь лет.

В это время Юстиниан Корконос бежал из Херсонеса от заточения и направился сначала к хазарам, а потом к болгарам; собрав у болгар большую воинскую силу, Юстиниан направился к Константинополю и остановился у Золотых ворот[5216]. Численность его войска была столь велика, что оно доходило до Влахерны. Юстиниан стоял здесь три дня и предлагал жителям Константинополя снова принять его к себе на царство; но жители Константинополя выразили ему порицание и брань.

Между тем Апсимар, испугавшись Юстиниана, пришедшего на него с великим войском, убежал в Аполлонию[5217]. Тогда Юстиниан отправил послов к святейшему патриарху Каллинику и ко всему синклиту[5218], умоляя принять его и клятвенно обещая никому не причинить никакой обиды.

Патриарх и синклит, после совещания, предложили Юстиниану облобызать честный крест Господень, Святое Евангелие и Пречистые Тайны Тела и Крови Христовых, дабы лобзанием сим он подтвердил свою клятву, – именно, чтобы не мстить никому за свое прежнее изгнание. Юстиниан подтвердил таким образом клятву свою.

Тогда жители Константинополя открыли для него городские ворота и приняли его с честью. Царь же, войдя с воинами в город и получив царство, тотчас же нарушил свою клятву, окаянный, и начал умерщвлять многих из лиц, состоявших в синклите, а также и прочих именитых граждан. Потом приказал привести из обители далматской Леонтия, изгнавшего его; также его воины взяли и Апсимара в Аполлонии, и привели к нему; он приказал обоих, связанных, провести с бесчестием среди города. Потом повелел привести их к себе на место конского ристалища; когда они были приведены и брошены у его ног, он

наступил ногами на шеи их и попирал главы их, воины же его громогласно взывали:

– «На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона» (Пс.90:13).

Осмеяв и поругавшись над ними, Юстиниан приказал обезглавить их.

Но этого мало: Юстиниан наполнил кровью весь город, не пощадив и народа. Потом, взяв святейшего патриарха Каллиника, выколол ему глаза, отрезал нос и язык и послал на заточение в Рим, приказав его здесь замуровать в стене каменной.

Повеление царское было исполнено, и святого Каллиника замуровали в стене. Но через сорок дней заграждение отпало, и святой Каллиник оказался еще жив, хотя едва дышал. Через четыре дня святой отошел ко Господу[5219].

В это время папе римскому Иоанну VI[5220] в сонном видении явились святые верховные Апостолы Петр и Павел и повелели похоронить с честью тело святого патриарха Каллиника в их апостольской церкви. Папа исполнил приказание святых Апостолов.

Клятвопреступник же и мучитель, император Юстиниан Корконос не избежал праведного Суда Божия. Не вынося его бесчеловечных притеснений, граждане и военачальники составили против него заговор и, выбрав удобное время, напали на него и отсекли ему голову.

Так погиб нечестивый злою смертью; святитель же Христов Каллиник сподобился венца мученического во Царствии Господа нашего Иисуса Христа.

Память святого мученика Луппа

Память 23 августа

Святой мученик Лупп жил в царствование императора Аврелиана[5221] и был рабом некоего господина, свободен же во Христе Господе (ср. 1Кор.7:22), в Коего он уверовал; преисполнившись благочестивой ревности, святой Лупп разбил бездушных еллинских идолов, а иных потопил в глубине морской. Увидав сие, нечестивые идолопоклонники, преисполнившись ярости, устремились на святого с обнаженными мечами, намереваясь рассечь его на части, но пришли в безумие и посекали друг друга; святой же, пребывая невредимым посреди язычников, проповедовал им слово Божие, будучи преисполнен веры, премудрости и благодати Божией. Несмотря на все усилия, нечестивые не могли взять святого, ибо им препятствовала в сем сила Христова, не допускавшая их даже приблизиться к мученику Христову; поэтому, нечестивые, стоя вдали, натянули луки свои и начали пускать в святого стрелы, но вместо мученика поражали стрелами друг друга; святой же Лупп, стоя как мишень для стрельбы (место прицела) посреди всех, не только не был умерщвлен стрелою, но даже не был и ранен. А так как мученик Христов еще не был крещен и весьма желал святого крещения, дабы не умереть от рук мучителей не христианином, то помолился об этом Господу; и тотчас с неба пролилась на него вода. Таким образом святой мученик Христов восприял свыше Божественное крещение, в присутствии всех эллинов, смотревших на него и весьма удивлявшихся всему происходившему.

После этого святой Лупп добровольно предал себя, как агнец непорочный, на заклание в руки нечестивых; сии же, взяв святого, повели его к игемону. Игемон пытался сначала ласками убедить раба Христова отступить от Господа своего и поклониться идолам, однако, не возмог прельстить святого; тогда игемон приказал бить святого палками без милосердия; после этого игемон предал святого иным мучениям, но так как

не мог преодолеть непобедимого раба Христова, то осудил его на усечение мечом.

Таким образом святой мученик Лупп, преклонив под меч главу свою, положил душу свою за Христа, Господа своего[5222], и был похоронен верующими с приличными почестями; от гроба же его подавались врачевания всех недугов и болезней, ради святых молитв его и по благодати Господа нашего Иисуса Христа.

Память преподобных Евтихия и Флорентия

Память 23 августа

В пределах нурсийской страны проживали вместе во святом иноческом образе два мужа, проводившие отшельническую пустынную жизнь; одного из них звали Евтихием, а другого Флорентием. Евтихий, возгреваемый теплотою духовной ревности, заботился не только о своем спасении, но и о спасении других и всячески старался привести ко Господу всех своими душеспасительными поучениями и наставлениями; Флорентий же, по простоте своей, помышлял лишь о себе одном, проводя в молитвах всю жизнь свою.

Невдалеке от места обитания этих святых Евтихия и Флорентия находился монастырь; случилось, что в этом монастыре умер авва[5223]; монахи, собравшись вместе, пришли к Евтихию и начали просить его быть аввою в их монастыре. Внимая их просьбе, Евтихий пошел к ним и принял начальство над монастырем, друга же своего Флорентия оставил одного подвизаться на том отшельническом месте, дабы не опустела церковь, которую они там имели (церковь та была весьма невеликой).

Оставшись один, Флорентий начал молиться со усердием к Богу, прося Его помочь ему одному беспрепятственно подвизаться в том уединенном месте.

Вслед затем как-то раз совершив обычные молитвы и выйдя из храма, Флорентий увидал медведя, стоявшего у дверей храма, преклонившего голову свою к земле и не обнаруживавшего ни в чем своего зверского нрава, напротив показывавшего кротостию своею, что он был послан к святому Флорентию от Бога для услуг и для работы. Поняв это, святой раб Божий Флорентий возблагодарил Бога, пославшего ему такого сожителя. Флорентий имел при своей келье пять овец; не зная, кто бы мог пасти и охранять их, Флорентий приказал медведю, сказав:

– Иди, выгони овец этих на пастбище, и паси их; около же шестого часа возвратись вместе с ними.

И всегда зверь поступал так, приняв на себя порученное ему попечение об овцах; таким образом тот, кто привык всегда вкушать добычу, растерзав ее, пас овец, томясь голодом и препобеждая свой естественный нрав.

Когда человек Божий хотел поститься до часа девятого, то приказывал медведю прийти с овцами к девятому часу; и поступал так зверь. Когда же не намеревался поститься до часа девятого, но изъявлял желание вкушать пищу в шестом часу, в тот час возвращался и медведь; одним словом, зверь повиновался всякому приказанию человека Божия и никогда не ошибался, – не приходил никогда к девятому часу, когда ему было повелено прийти к шестому, и наоборот, ни разу не приходил к шестому часу, когда было приказано прийти к девятому. Ибо Сам Бог вразумил того зверя, коего отдал в подчинение угоднику Своему, и научил его понимать приказание старца и исполнять его волю.

После того как зверь служил старцу долгое время, по всей стране той начала распространяться молва о человеке Божием Флорентии, ибо все удивлялись тому дивному делу, видя, что зверь пас овец и служил старцу.

Между тем древний враг диавол возбудил некоторых к зависти; ибо диавол, видя добродетельных людей, сияющих своею славою, уловляет завистью тех, кои развращены нравом и житием, и увлекает их в погибель. И вот,по наущению диавола, четыре монаха, – ученики святого Евтихия, – весьма позавидовали Флорентию, так как их учитель не творил знамений; а между тем один лишь Флорентий (рассуждали завистники), оставленный их учителем в пустынной келлии, так прославился. Питая такие мысли, те четыре ученика пришли к Флорентию и, притаившись в том месте, на которое медведь выгонял овец для пастьбы, убили медведя. Так как медведь не возвратился к старцу в тот час, в который ему повелено было возвратиться, то старец был в смущении; подождав до вечера, но не дождавшись ни зверя, ни овец, старец начал печалиться о

том, что медведь, которого он по простоте своей привык называть братом, не возвратился к нему.

На другой день утром Флорентий отправился на поле, дабы искать зверя, а также и овец; увидя медведя убитым, старец весьма опечалился. Рассмотрев внимательно и поняв, кем был убит зверь, старец начал плакать; плакал он впрочем не столько о смерти медведя, сколько о погибельной злобе тех четырех братий, и горько рыдал.

Когда авва Евтихий узнал о печали и скорби Флорентиевой, позвал его к себе и начал его утешать. Человек же Божий в присутствии аввы, с глубоко опечаленным лицом, сказал:

– Я надеюсь на Всемогущего Бога, что те, кои убили медведя, не причинившего никому никакого зла, получат еще в настоящей жизни пред глазами всех наказание от Господа.

Лишь только угодник Божий успел сказать эти слова, как за ними последовало и самое дело; ибо внезапно те четыре монаха были поражены от Господа страшною проказою, так что сгнили все члены их, и они умерли в той болезни.

После того как случилось всё это, человек Божий Флорентий пришел в великий страх, что проклял братий тех, и никогда в продолжении всей жизни своей не переставал рыдать о братиях тех, себя же называл их жестоким убийцею.

Всё сие сотворил всемогущий Бог для того, чтобы тот простой и добродетельный муж будучи обижен, никогда более не проклинал никого устами своими.

Сей богоугодный муж сотворил и еще другое дивное дело. Когда о нем всюду пронеслась молва, к нему пришел издалека некоторый диакон, дабы сподобиться его молитв и благословения. Увидав кругом келлии его весьма много змей и разного рода гадов, диакон весьма испугался и воскликнул, сказав:

– Раб Божий! Помолись обо мне!

В то время воздух был очень чист и ясен, так как освещался сиянием солнца. Флорентий, выйдя из келлии и став на земле, устремил очи свои на небо и поднял руки свои вверх, молясь, дабы Господь изгнал оттуда тех гадов средствами, какими Ему Самому было ведомо. И тотчас послышался гром,

явилась молния и побил тот гром вместе с молниею всех змей, обитавших на месте том. Увидав всё сие, человек Божий Флорентий, снова подняв очи на небо, сказал:

– Вот Ты, Господи, побил змей сих: но кто же возьмет их отсюда?

И тотчас после слов его прилетело великое множество птиц, числом столько, сколько было избиенных гадов; и каждая птица взяла по одной змее, отнесла далеко и бросила там; таким образом было очищено от гадов то место, на котором жил преподобный.

Пожив в течение всех дней своих в великом богоугождении, святой Флорентий отошел к жизни нескончаемой[5224].

Подобно сему преподобный Евтихий пас вверенную ему паству в течение многих лет; наставив многих на путь к небесному Царствию и руководив многих ко спасению, святой преставился ко Господу[5225]. И тот, кто при жизни своей не творил чудес, явился чудотворцем по преставлении своем; ибо от одежды, оставшейся после смерти святого, подавались исцеления больным, страдавшим различными недугами. Так прославил Господь раба Своего.

Когда случалось бездождие и земля страдала от засухи, то жители страны той, собравшись вместе, брали одежду преподобного Евтихия, приносили ее в церковь и, совершив молитву Господу, проходили с нею через селения, нивы и сады; и тотчас ниспосылался от Господа дождь, увлажнявший и насыщавший землю[5226]. Этим ясно всем показывалось, насколько велика была при жизни внутренняя сила душевной добродетели того, кого одно внешнее одеяние, приносимое пред Господа, уже отвращало гнев Господень.

Так прославлялся Бог обоими угодниками Своими тогда, и ныне ради них же прославляется от нас рабов Своих, – и будет прославляем в бесконечные веки. Аминь.

Страдание святой мученицы Сиры

Память 24 августа

При царе персидском Хосрое Старшем[5227], в двадцать восьмой год царствования его, в Персии явилась, как некий чистейший жемчуг в море, святая девица Сира, просиявшая красотою веры христианской и прославившаяся великими страдальческими подвигами за имя Христово.

Святая Сира родилась в городе, называвшемся Керх-Селевкия, и происходила из нечестивого рода. Отцом ее был жрец идольский, весьма уважаемый (язычниками) волхв; он был долгое время судиею и начальником сонма волхвов и жрецов персидских; он хорошо знал учение древнейшего архиволхва Зороастра[5228], первого знатока астрологии (звездочетной науки) в Персии. Сей волхв, отец святой девицы Сиры, весьма ненавидел христиан и весьма опасался того, как бы его дочь не узнала о христианстве и не познакомилась бы с христианскими девицами. Ибо тогда в Персии было весьма много христиан (как и вообще их было весьма много по всей Азии под властью агарян), несмотря на то, что их весьма притесняли и преследовали. По этой причине (желая предохранить Сиру от христианского влияния), отец и отдал ее по смерти матери в другой город, называвшийся Фарсом (в этом городе весьма сильно распространено было волшебство) к некоей родственнице своей женщине-волшебнице, дабы она воспитала ее в нечестивых обычаях языческих.

Когда отроковица начала приходить в разумение, то была обучена волшебству и посвящена мерзкому идольскому служению, именно: ей поручено было совершать бесам некие тайные жертвы, называвшиеся язычниками «Иасф» и считавшиеся ими за чистые жертвоприношения.

Всё это говорится о святой девице Сире для того, чтобы было известно, в каком помрачении и обольщении бесовском находилась она и от сколь великой тьмы она перешла к свету познания веры истинной, избежав сетей диавольских.

Когда Сира пришла уже в совершенный возраст и основательно изучила всё волшебное искусство, – ибо уже служила мерзким богам персидским в сане жрицы, – путь спасения устроился так.

По промышлению и изволению Божию, она познакомилась с некоторыми бедными христианскими женщинами и от них услышала впервые о Христе Господе, Боге истинном; потом она начала подробнее расспрашивать их о христианской вере, о ее догматах и о всем учении христианском, а также и о жизни христиан; и всё то, что слышала от них, взвешивала в уме своем, сравнивая веру христианскую с персидскою и находя между тою и другою великое различие. Ибо всё то, что относилось до персидской веры, она начала считать ложным и мерзким, всё же, касавшееся веры христианской, – праведным и чистым; тогда у нее явилось твердое намерение оставить нечестие персидское и присоединиться к христианам. Желая еще более основательно ознакомиться с христианским благочестием, она начала тайно приходить в храмы христианские, слушала там чтение и пение церковное и поучения от слова Божия и внимательно присматривалась к благочинному и благоговейному совершению служб церковных. Мало-помалу она весьма полюбила веру христианскую, и ей понравился образ жизни христиан. Тогда она начала осторожно подражать христианам пощением и умерщвлением тела своего. Ей было уже восемнадцать лет от роду, и она более всего опасалась того, как бы ее не отдали в замужество и не обременили бы ум ее житейскими попечениями. Поэтому она не показывалась на глаза людей (язычников), не водила знакомства с славными и богатыми девицами и женщинами персидскими, но избегала их, сторонясь беседы и дружбы с ними; к христианским же девицам и женам часто приходила и беседовала с ними о рождении Христа от Пречистой Девы, о всех чудесах Его, о Его вольном страдании и смерти, о Его воскресении и вознесении с плотью на небеса, о будущем Страшном Суде, о воздаянии праведным и о муках грешников. Всему, что слышала от христианских девиц, она веровала без сомнения, запечатлевая всё, сказанное ими, в сердце своем,

умиляясь душою и возгораясь всё более и более любовью ко Господу. Она запиралась в своей комнате, читала христианские книги, привыкала к молитве и псалмопению и молилась единому истинному христианскому Богу, посыпая пеплом главу свою. Так долгое время подвизалась она, храня втайне веру христианскую. Ибо она боялась отца своего и прочих волхвов, и кроме того думала, что для спасения достаточно и втайне веровать во Христа: еще не уразумела она апостольского слова: «сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим.10:10).

Спустя довольно продолжительное время Сира впала в некую болезнь, однако, не искала врачевства в волшебстве, как это было в обычае у тех нечестивых, но обратилась сердцем своим ко Господу. Страдая телом, она пришла к храму христианскому и начала упрашивать пресвитера дать ей хотя немного праха церковного, надеясь получить от того праха исцеление. Но пресвитер отвергнул ее, как нечестивую, сказав:

– Какое общение может быть между тобою, неверующей, и верующими? Что общего между тобою, идолослужительницею, и храмом христианским?

Она не прогневалась на это, зная сама о своем недостоинстве, но умолчала и прикоснулась с верою к одежде иерея, как некогда кровоточивая женщина прикоснулась к одежде Христовой (Мф.9:20–22), – и тотчас получила исцеление от недуга своего; потом возвратилась здоровой домой, так что все удивлялись столь скорому выздоровлению ее.

После этого святая девица Сира подумала про себя так: если такова сила служителей Христовых, то во сколько раз всесильнее Сам Христос, – и весьма пожелала познать совершеннее веру христианскую, думая, каким бы образом сподобиться святого крещения.

Диавол, завидующий всему доброму, заметив в блаженной девице Сире начатки святой веры, вознамерился воспрепятствовать ей; поэтому он явился ей ночью в гневном виде и начал обличать ее за то, что она, оставив родные обычаи, обратилась в болезни к помощи христиан и прикоснулась к одежде христианского священника.

Блаженная же девица, поняв, что то было бесовское обольщение, осенила себя знамением креста, как была научена христианами, и, преклонив колена, начала читать девятидесятый псалом Давидов: «живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится» (Пс.90:1), весь до конца.

Диавол после этого исчез на непродолжительное время, но после прочтения псалма явился снова и сказал девице то же самое с гневом.

И снова девица преклонила колена свои к Богу и начала читать тот же псалом.

Снова диавол исчез на непродолжительное время, но потом опять возвратился и дерзнул сказать девице:

– Я – бог, обитающий в вышних, под защитою коего все пребывают; и тебе (продолжал он) следует прибегнуть ко мне, а не к христианам, обольщающим тебя.

Святая девица, трижды поклонившись с молитвою, начала с усердием просить Христа Бога открыть ей истину и отогнать от нее всякое обольщение.

И тотчас силою Божиею искуситель был отогнан от святой; но в уме ее, как след от обольщения бесовского, осталось сомнение. Уразумев, что это сомнение было от бесовского наваждения, Сира с теплым сердцем обратилась к Богу, каясь со слезами и исповедуя Ему свою немощь.

В следующую ночь святая утешена была Богом в видении сонном, предзнаменовавшем ее мученичество.

Ей казалось, что она стоит на некоем высоком месте, выше священников, и держит в руках своих святой потир, наполненный кровью Христовою; сей потир она показывала народу, причем два диакона кадили, стоя по ту и другую сторону от нее. Это видение знаменовало собою то, что святой предстояло испить чашу страдания за имя Христово в присутствии народа, который будет смотреть на позорище; высокое же место, на коем она стояла, знаменовало собою высокую честь мученичества, превосходящую все чины святых; а каждение было знаком того, что страдание ее было

благоприятно Богу, как жертва и фимиам, и что страданием тем облагоухается вся Церковь Христова.

После того видения, святая начала проводить строго подвижническое житие о Боге. Вскоре же ее братья и родственники узнали, что она сочувствовала вере христианской: ибо видели, что она и телом изменилась, и лицом была бледна от воздержания и поста, почти ни с кем не разговаривала, но запиралась в комнате своей и пребывала в молчании, перестала приносить жертвы богам и оставила службы, обычно совершавшиеся у язычников. Видя это, они опечалились и начали просить мачеху уговорить девицу оставить такую жизнь и не отступать от служения отеческим богам, дабы не опорочить род их и не навлечь гнева царского на весь дом их. Мачеха же, будучи научаема тем, кто прельстил в древности, приняв подобие змеи, Еву в раю[5229], – приступила наедине к той блаженной девице, с радостным и веселым лицом, и начала говорить ей о себе, что и она исповедует ту же веру христианскую, но втайне хранит ее и служит Христу. Мачеха советовала ей втайне не отступать от Христа, но явно для всех совершать обычное жреческое служение идолам, дабы все, видя, что она служит богам, престали подозревать ее в принадлежности к христианству.

– Поступая так, – говорила обольстительница, – ты и Христа не прогневаешь (ибо Он довольствуется и тем, если кто служит Ему втайне) и отца и братий твоих не раздражишь, и избежишь лютых мук, которые неминуемо постигнут тебя, если ты не послушаешь совета моего. Подумай, как ты, юная девица, немощная телом, вытерпишь побои, раны, терзание плоти, жжение на огне, и прочие муки; неужели ты не опасаешься того, что, не вынеся страданий, ты против воли своей отречешься от Христа? Тогда ты сделаешь большой и непростительный грех. Гораздо лучше для тебя служить Христу втайне, а явно показывать притворно, что ты будто бы служишь богам. Это не будет вменено тебе в грех.

Это и многое другое, подобное сему, говорила ежедневно мачеха девице Сире и склонила сердце ее к своему совету:

«худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор.15:33), – говорит Писание.

Однако Господь не попустил рабе Своей погрязнуть в обольщении том, как в некоей бездне, но снова подкрепил ее новыми откровениями.

Прошло после того четыре месяца; наступил великий пост, – святая Четыредесятница, и святая девица пожелала подвизаться тайно в пощении и молитве. Когда святая начала поститься, то увидала (в сонном видении) своих братьев погруженными в гной и тину, также увидала и отца лежавшим на некоем грязном одре; посмотрев же на другую сторону, увидела чертог и одр высокий и красивый, блистающий дивным светом; видела также и много светлых лиц, призывавших ее в тот чертог.

После того видения, она пробудилась от сна и рано утром отправилась в храм христианский; придя к епископу Иоанну, она рассказала ему всё подробно о себе, как она исцелилась от болезни своей прикосновением к одежде иерея, какие видения были ей от Господа, и начала просить епископа сподобить ее святого крещения.

Епископ, услыхав обо всём, рассказанном ему девицею, возрадовался духом о девице, поняв, что она была призываема Богом к спасению. Однако, приняв во внимание тогдашнее суровое время, не сподобил ее крещения, так как знал, что она происходила из весьма знатного рода и имела очень уважаемого (язычниками) отца; знал также и о непримиримой ненависти, которую питали все волхвы к верным; он боялся раздражить язычников, дабы они не пришли в ярость от крещения той девицы, не уговорили бы царя поднять гонение на Церковь Христову, и не разогнали бы духовных овец Христовых своею яростью, будучи жестоки, как волки. Кроме того, епископ опасался и за девицу, боясь, как бы она, испугавшись гнева родителей и устрашась мучений, не отверглась бы от Христа и дабы через то не была поругана благодать святого крещения. Поэтому епископ советовал блаженной девице первоначально исповедать Христа пред отцом своим, братьями и родственниками и всеми домашними своими. Если бы

оказалось, что она в состоянии вытерпеть страдания, которые могли причинить святой ее родственники, то она могла бы быть непоколебимою до конца в исповедании имени Христова; и тогда она будет сподоблена святого крещения. Дав такой совет девице, епископ отпустил ее с миром.

Девица отошла от епископа весьма опечаленною, так как ее желание не было исполнено; она смущалась в мыслях, ибо находилась между любовью и страхом, – горела любовью ко Христу, но в то же время боялась мучений; поэтому она умолчала из страха.

Спустя некоторое время святая девица снова имела сонное видение, именно, она увидела Ангела Божия, державшего в руках железную палку и ударившего ее этою палкою; при этом Ангел вопросил ее:

– Где твое обещание? Ведь ты обещалась верно служить истинному Богу и крепко стоять за святое имя Его против нечестивых.

Пробудившись от сна и видения сего, девица пришла в великий ужас.

Когда наступило утро, она была позвана к мачехе своей. Мачеха приказала ей совершить утреннее жертвенное служение богам, по обычаю. Уже горя ревностью по Христе Боге, Сира намеревалась явно исповедать имя Христово и отречься от волшебства и идолослужения пред всеми, однако, притворно показала в тот час послушание матери своей и, взяв орудия жреческого служения по чину диавольскому, согласно преданиям Зороастра, подошла к жертвеннику; но в это время увидела себя осиянною как бы неким светом Божественным. Укрепившись в сердце своем и изгнав страх из души своей, святая разбила пред глазами всех те жреческие орудия, плюнула на огонь (который персы почитали божеством), затушила его, разрушила алтарь и громогласно воскликнула:

– Я – христианка! Я отвергаю служение идолам, порицаю все скверные волшебные дела бесовские, попираю ложных богов и алтари нечестивые, верую же во Единого истинного Бога христианского, и иду к храму христианскому.

Братья с мачехою, а также и все, бывшие в доме и слышавшие всё, сказанное девицею, взяли ее, удержали и заключили в комнате, дабы она не вышла оттуда; потом поставили стражей охранять девицу (отца тогда дома не случилось). Блаженная же начала просить их призвать отца ее, дабы исповедать имя Христово и пред ним, хотя бы и была предана им на мучения; ибо она не желала более таить веру свою во Христа, но желала явно показать ее всем, не страшась никаких мучений.

Между тем в это время к девице пришли ее родственники и знакомые и начали со слезами увещевать ее оставить такое дело и не печалить отца и братий, не бесчестить рода своего и не отдавать себя самовольно на лютые мучения; но святая даже и слышать не хотела этих лукавых увещаний.

Когда пришел отец и увидел, что его волшебный огонь, который он почитал за бога, был потушен, алтарь опрокинут, орудия жреческого служения были сокрушены, когда услыхал также, что дочь его Сира громогласно прославляла имя Христово, то исполнился великой ярости и, схватив ее, начал бить ее своими руками без милости, и бил ее до тех пор, пока не изнемог сам. Потом начал со слезами увещевать ее и ласкать, говоря с ней милостиво и дружелюбно, однако, не имел никакого успеха. Несмотря на то, что отец предавал ее многим мучениям, заключал ее в узы, запирал в темном месте, и морил голодом и жаждою, и причинял много побоев; иногда же или сам, или через родственников своих ласково упрашивал ее обратиться к отеческим богам и жреческому служению, – истинная раба Христова пребывала твердою, как адамант, и была непоколебима, как столп, в исповедании пресвятого имени Господа нашего Иисуса Христа.

Когда отец убедился в непоколебимом сочувствии Сиры к вере христианской, а также и в том, что девицу невозможно было отвратить от христианства никоим способом, он пошел и рассказал обо всем Мавиптису, который считался у персов начальником волхвов. Мавиптис же, собрав всех жрецов и волхвов из соседних городов, воссел вместе с ними у храма бога их – огня, и приказал представить пред судилище свое

девицу Христову. Собралось туда много народу; среди народа немало было и христиан, пришедших видеть подвиг девицы Сиры; ибо всем уже было известно об ее обращении и о страданиях, причиненных ей отцом.

Мавиптис начал допытываться от девицы, почему она отвергла отеческих богов и отеческие предания и приняла иную веру. Девица отвечала на это так:

– Ни один человек, имеющий здравый разум, не будет уподобляться неразумным животным, идущим во след рождших их, – неведомо куда, но пойдет тем путем, который он найдет лучшим; ни один рассудительный человек не пойдет за отцами и праотцами своими, увлекающими его в заблуждении своем в погибель. Подобно сему и я, увидя, что вера христианская была несравненно лучше отеческого нечестия, избрала лучшее и отвергла худшее.

Мавиптис с гневом сказал:

– Многие мучения ожидают тебя, девица, если ты не послушаешь нас.

Сира, положив руку себе на шею, с великим дерзновением сказала:

– Отсеки сию; это в твоей власти, – говорю тебе раз навсегда.

Мавиптис после этого много раз спрашивал ее, но она ничего не отвечала ему, а читала про себя псалмы Давидовы, которых язычники не разумели.

Мавиптис, наконец, спросил окружающих:

– Что она говорит?

Но никто не знал того, что говорила она. И лишь только один из бывших там (язычников) сказал:

– Она читает христианские молитвы.

Мавиптис тотчас приказал позвать епископа христианского, дабы узнать, христианские ли слова говорила девица.

Епископ пришел в великом страхе, боясь власти волхвов. Мученица посмотрела на него. Заметив, что он в страхе, девица громко сказала ему:

– Не бойся, отче, но вспомни слова Писания: «буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь»

(Пс.118:46). И еще: «и не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28).

Когда епископ был спрошен о словах, сказанных девицею, то удостоверил, что действительно то были слова христиан.

Мавиптис, разгневавшись на девицу, приказал бить ее по устам. После этого он то говорил ей с лестью, то угрожал мучениями, но не успел ни в чем, и был посрамлен пред христианами, которые присутствовали здесь и смотрели на всё происходившее.

Потом Мавиптис приказал некоторое время содержать девицу в доме отца ее, не желая теперь же возвещать о девице царю, дабы не обесчестить знатный род ее; при этом Мавиптис дал совет отцу девицы, скорее ласками, чем угрозами убедить девицу отступить от христианства. И возвратилась мученица домой, радуясь и славя Бога за то, что сподобилась пострадать за имя Христово пред князем, судьями и всем народом.

В то время, когда девица была в доме отца ее, Господь утешал и укреплял рабу Свою новыми откровениями; ибо она часто видела Ангелов, которые учили ее, как отвечать нечестивым судьям. Иногда ей являлись Моисей, Илия, Петр Апостол и другие святые, как об этом повествуется в более пространном сказании о страдании святой девицы Сиры.[5230]

Между тем отец девицы всячески старался отвратить ее от Христа, но не мог победить ее твердости, и поэтому опять возвестил об упорстве девицы Мавиптису и всему сонмищу волхвов.

В то время случайно прибыл в тот город некий вельможа, состоявший в верховном совете при царе, по имени Дар; оба эти вельможи, Дар и Мавиптис, находились вместе в то время, когда им пришлось выслушать отца девицы, жаловавшегося на дочь свою, а также и оговорившего христиан в том, что они будто бы возмутились против него и хотели побить его камнями.

Вельможа Дар послал к девице нескольких именитых мужей, приказав им спросить святую, почему она оставила волшебную мудрость и жреческое служение и уклонилась к христианской вере? При этом Дар приказал посланным увещевать девицу ласковыми словами, обещая ей царские

дары; а если бы она не послушала их, приказал им сказать девице, что ее ожидают лютые мучения.

Когда посланные пришли к девице и начали расспрашивать ее обо всем, говоря с ней ласково и любезно, девица отвечала:

– Я хотела сама идти к тому, кто вас послал, дабы сказать ему о моей вере во Христа: но так как ко мне пришли вы, то слушайте: я приняла христианскую веру потому, что я уразумела ее истинность и правоту, так как эта вера признает Творцом всего единого Бога, всесильного и бессмертного; волшебство же ваше и служение идолам я возненавидела потому, что вы признаете многих богов, но боги эти бездушны и ничтожны, Скажите же тому, кто вас послал: смотри, не измени своему обещанию, но на самом деле предай меня на мучения согласно тому, как ты обещал, ибо я готова пострадать и даже умереть за Христа, Бога моего.

Услыхав такой ответ девицы, вельможа Дар преисполнился гнева и приказал взять девицу из дома отца и перевести в темницу; затем, связав железными цепями по рукам и ногам, заключили ее в тесном и мрачном помещении и не давали ей ни хлеба, ни воды.

И пребыла святая в заключении темничном три дня и три ночи, не будучи в состоянии двинуться, как по причине тяжелых железных цепей, коими она была связана, так и по причине тесноты помещения.

Спустя три дня девица была выведена из заключения. Тогда язычники спросили ее: довольно ли для нее сего наказания и не желает ли она обратиться к исповеданию богов отеческих и к признанию отеческих законов.

Девица оставалась непреклонной в вере Христовой.

Тогда язычники снова произвели суд над нею и постановили бросить ее в некий глубокий ров, темный, смрадный и мерзкий, связав при этом святую очень тяжелыми железными узами. Когда возлагали на девицу узы, хотели сковать вериги гвоздями, но гвозди не входили в приготовленные для них места; были призваны многие кузнецы, но не успели ни в чем. Мученица сотворила крестное знамение на гвоздях и веригах, и тотчас гвозди сами собою расположились на своих местах. Однако

враги Христовы, ослепленные злобою, не уразумели чудесной силы креста святого и без милосердия сковали святую, нагнув голову ее к ногам: потом бросили в ров.

Христос Господь, не оставляющий любящих Его, тотчас послал рабе Своей, находившейся в том рву, утешение; ибо ее озарил там свет небесный, оковы железные разрешились сами собою и спали со святой, смрад превратился в благоухание; мученица пребывала во рву, как в чертоге, радуясь и прославляя Бога.

Между тем христиане, бывшие в том городе, собравшись вместе с епископом своим в храме, начали со слезами молиться к Богу о мученице Сире, дабы Он помог ей доблестно совершить подвиг свой.

И пребывала мученица в том рву пятнадцать дней, так что никто не думал, чтобы она могла остаться живой по причине великого смрада и голода, а также и по причине тяжести оков, на нее возложенных.

Между тем в то время случилась засуха, от продолжительного бездождия, и народ говорил, что это гнев Божий покарал всех засухою и голодом за невинные страдания девицы Сиры.

Спустя пятнадцать дней нечестивые судьи узнали, что девица Сира оставалась жива во рву и что она освободилась от оков. Все пришли в великое изумление. Святую перевели из рва опять в народную темницу.

Лишь только мученица была выведена из рва, тотчас пролил с неба на землю обильный дождь, который и оросил землю в избытке; и говорили в народе, что Бог послал этот дождь ради девицы Сиры, выведенной из рва.

Господь дал рабе Своей и дар чудотворения, так что она могла исцелять болезни и изгонять бесов; ко святой, находившейся в темнице, приходили весьма многие, желая получить от нее исцеление; и все те, кои прикасались к ее одежде, или только к ее оковам, получали исцеление от недугов своих; бесы же не терпели приближения к ней.

Спустя некоторое время наступил праздник, учрежденный в честь святых мучеников, ранее пострадавших в Персии; этот

праздник совершался лишь один раз в году в храме, находившемся вне города; мученица пожелала быть на том всенародном праздновании и на том всенощном пении; ибо некий боголюбивый христианин дал сторожам золото и поручился им сам за мученицу, дабы ее отпустили из темницы, обещаясь обратно возвратить ее в темницу утром следующего дня.

Святая была отпущена из темницы; при этом она переменила одежду свою, дабы язычники не узнали ее; придя к храму, она встала в углу притвора и слушала пение церковное.

Случайно оказалась в том праздничном собрании некоторая бесноватая женщина; лишь только женщина та подошла к святой девице Сире, тотчас бес, находившийся в женщине той, громко воззвал, говоря, что мученица Сира пришла в храм и может изгнать его. И когда все, бывшие там, начали искать святую мученицу по храму, она тотчас ушла оттуда и пришла в темницу.

Так боялись ее бесы, что даже не могли приближаться к ней.

В одну из следующих ночей святая девица Сира снова была отпущена на поруки из темницы, за вознаграждение стражи; тогда она пошла к епископу и приняла от него святое крещение в храме, находившемся в городе.

После всего этого Мавиптис, и прочие бывшие с ним судьи и волхвы, решили послать мученицу к царю, так как не могли никоим способом отвратить ее от исповедания веры христианской. Отправляя девицу к царю, судьи те положили на шее мученицы печать, согласно обычаю своему, дабы не представлена была какая другая женщина вместо девицы Сиры; печать же та была такого рода, что ее нельзя было никоим способом снять с шеи святой мученицы, разве только вместе с головой.

Взяв святую, воины повели ее в город, называвшийся Алиаком, ибо царь находился в то время там; воины передали мученицу начальнику города вместе с письменным сообщением о вине мученицы, и о том, коего она рода и какие мучения она претерпела.

Начальник города (епарх) сначала приступил к увещанию святой ласковыми словами, затем начал угрожать муками, уговаривая девицу обратиться к прежней вере и делам (т.е. к вере и жизни языческой); но увидав, что она его не слушалась, приказал снять с нее одежды, одеть ее в некое жалкое рубище и отдал ее под наблюдение иудеев, зная, что иудеи были врагами христиан.

Иудеи, взяв святую, связанную железными оковами, заключили ее в тесном помещении, в пищу же ей давали очень небольшой кусок ячменного хлеба, дабы она не умерла от голода; при этом каждый день укоряли ее бранными словами, хулили также и Христа, говоря:

– Где же рассказанная о тебе басня, что сами узы спадают с тебя, с твоей шеи, рук и ног? Посмотрим ныне, как спадут узы!

Однажды, когда иудеи в таких словах посмеявались над святой, она, подняв к небу очи свои, вздохнула и в глубине сердца своего помолилась ко Господу; и тотчас перед глазами иудеев узы ее спали и с шеи, и с рук, и с ног ее, так что иудеи весьма дивились.

Святая пребывала у иудеев одиннадцать дней, потом епарх снова приказал привести ее к начальнику волхвов, бывшему при царе, пересказав ему о девице всё то, что ему было известно.

Начальник волхвов, приказав представить себе девицу, спросил ее:

– Ради чего ты отвергла веру нашу? Ведь нашу веру хранят с честью и цари, и князи, наша вера распространилась повсюду и владеет всеми и обогащает тех, кто хранит ее; и ради чего ты присоединилась к христианам, – людям бесчестным, бедным и всеми презираемым и ненавидимым.

Девица отвечала с дерзновением:

– Где ныне венцы ваших умерших царей? Где слава князей? Всё это погибло; цари и князи, подобно траве, расцвели на непродолжительное время, но потом увяли и унаследовали смерть вечную, так как не познали Бога истинного, Творца всего и не почтили Владыку жизни и смерти, но поклонялись творению как божеству, почитая огонь, воду, солнце, луну и

звезды. Христиане же за те страдания, которые они претерпевают от вас в настоящей жизни, получат жизнь вечную; а за временное бесчестие они наследуют славу небесную.

Начальник волхвов пришел в ярость от таких слов девицы; потом начал подробно расспрашивать ее, где она была ранее. Узнав, сколь великие мучения она вынесла, а также узнав и о ее тяжком темничном заключении, услышав также и о том, что святая находилась под наблюдением иудеев, он приказал отдать ее опять иудеям, и велел им наблюдать тщательно, чтобы никто из христиан не приходил к девице.

Взяв святую, иудеи без милосердия начали мучить ее, терзая ее различными муками в продолжение трех дней.

Когда один сановник царский, коему было поручено наблюдать за всеми темницами и за всеми узниками, услышал о мученице, то взял ее от иудеев и поместил в свою темницу. Поступил же так сей муж ради прибытка, так как у христиан был обычай покупать себе золотом и серебром у темничных стражей право входа в темницу, к узникам, страдавшим за имя Христово.

В то время, когда мученица находилась в темнице, некоторые христиане, получив за деньги право входа в темницу, пришли к святой девице Сире, дабы навестить ее. Увидав, что она была крепко связана оковами железными и лежала на голой земле, они принесли ей и устроили постель, дабы хотя сколько-нибудь облегчить ее великие муки. Но один из темничных стражей придя к мученице, сбросил ее с постели и причинил ей сильную боль, по причине тяжеловесности возложенных на мученицу оков. И тотчас те узы железные разрешились сами собою и спали с мученицы, так что все, бывшие там, весьма изумлялись всему происшедшему.

В те дни царь пожелал идти из того города в другой город, называвшийся Ресанкусадон; с ним пошли и все вельможи персидские, а также и начальник волхвов. Следом за ними поведена была и святая мученица Сира (будучи связанной), а также и все прочие узники; в продолжение всего пути, святая мученица молилась ко Господу, воспевая псалмы Давидовы. Воины, ведшие святую, много раз требовали от нее, чтобы она

умолкла; по этой причине возлагали на нее еще более тяжелые оковы; но она не переставала воспевать и благодарить Бога.

Когда пришли на место, называвшееся Карс, начальник волхвов вместе с прочими судьями приказал представить святую на допрос и спросил ее:

– Ты имела вполне достаточно времени для размышления; скажи же нам, что ты избираешь: согласна ли ты возвратиться к первоначальному служению богам и остаться в живых, или ты желаешь умереть в христианстве?

Святая отвечала:

– Что я могу еще избирать кроме того, что я уже избрала раз навсегда? Ведь я говорила много раз, что я христианка, раба Господа моего Иисуса Христа: Его я люблю, Ему я служу и за Него я желаю умереть.

Начальник волхвов сказал:

– Скажи нам слова мудрости волшебной, коим ты первоначально была обучена.

Святая же начала громогласно вещать слова молитвы к Богу из псалмов Давидовых.

Начальник волхвов весьма разгневался и приказал разорвать одежды ее и представить к себе на допрос обнаженною; потом спросил:

– Неужели ты не чувствуешь сейчас никакого стыда?

Святая отвечала:

– Ради чего мне стыдиться? Я не грабительница, не блудница; я не сделала никому никакого зла; хотя вы и лишили меня одежды внешней, но я имею одеяние пресветлое, нетленное, вечное на небеси, которое уготовал для меня Господь мой, ради Коего я и обнажена ныне.

В то время, когда святая говорила эти слова, князь страны хузаинской, восседавший вместе с волхвом, сказал:

– Она беснуется.

Но святая отвечала:

– Не я бесноватая, а ты бесноват, ибо ты служишь бесам; если желаешь, я положу знамение креста на челе твоем, тогда из тебя выйдет бес, и просветятся душевные очи твои, так что ты познаешь истину.

Тогда все, бывшие там, громогласно воззвали:

– Она повинна смерти, ибо хулит богов наших, унижает царя и говорит дерзости князьям.

Тогда судьи присудили ее к смерти и снова наложили печать на ее выю, дабы по чьему-либо ухищрению не была умерщвлена другая женщина вместо нее. Уже намеревались в тот же день отвести ее на убиение. Но некоторые из судей советовали отсрочить смерть ее на непродолжительное время, говоря, что не следовало бы ее умерщвлять на том месте, так как там было много христиан и поэтому мог подняться мятеж и ропот ради ее смерти. По этой причине умерщвление мученицы Христовой было отложено, и судьи отдали святую опять старшему блюстителю над темницами; приняв мученицу, сей блюститель над темницами повелел связать ее, а заключить в одном помещении с прочими темничными узниками.

После этого царь направился оттуда в город, называвшийся Вефармаис, и здесь остановился на некоторое время. Сюда же была приведена и святая мученица и заключена в темницу. В темнице мученица заболела весьма сильно, так что уже ожидала смерти; тогда мученица Христова начала молиться ко Господу со слезами, прося не дать ей умереть здесь, но сподобить ее венца мученического и кончины посреди страданий. Бог услышал молитву рабы Своей и даровал ей здравие.

Тогда один из стражей темничных, возбуждаемый диаволом к плотскому греху, стал просить своего начальника разрешить ему совершить блудодейственное поругание над узницею (святою девицею Сирою).

Получив разрешение от начальника стражей, язычник приступил к невесте Христовой, горя нечистою похотью. Но Господь, охраняющий рабу Свою, невидимо поразил у того стража очи, уши и язык, так что он стал слепым, глухим и немым, и, пав ниц на землю, начал издавать неистовый вопль.

Начальник стражей, увидя всё это, вместо того, чтобы прийти в ужас, познать силу Божию и наказать стража того за дерзость, сам замыслил совершить беззаконие, горя страстью к святой девице.

Святая сказала ему:

– Я обручена Царю небесному и Он не попустит осквернить девственницу и невесту Свою.

Но начальник стражей не слушал ее. Однако, когда он хотел бесстыдно приблизиться к девице, тотчас Ангел Божий поразил его, и он упал на землю как мертвый. Пришли слуги и унесли его оттуда; он не скоро пришел в себя, но и после такового наказания Божия, раб сатаны остался неисправимым. Преисполнившись ярости, он замыслил тотчас же погубить мученицу, ибо ему было приказано предать мученицу какому-либо роду смерти. Сей нечестивец не пожелал умертвить святую мечом, но замыслил удавить ее вервием. Призвав кузнеца, он приказал ему снять с мученицы оковы железные.

Святая же девица сказала начальнику над стражами:

– Кузнец здесь не нужен.

Сказав эти слова, она сама сняла оковы с выи, рук и ног своих. И удивлялись все, смотревшие на сие, однако, не познали силы Божией.

Тогда начальник стражей темничных приказал опять связать руки мученицы Христовой, дабы она не оказала сопротивления во время казни. Но мученица снова сказала ему:

– Оставь суетные советы твои, ибо я сама по своей собственной воле отдам себя на смерть за Бога моего, так что даже не пошевелю рукою.

Тогда нечестивые обвязали выю мученицы вервием и начали затягивать петлю. Когда святая была уже при смерти, они несколько ослабили вервие и сказали ей:

– Если отречешься от христианской веры, оставим тебя в живых.

Но мученица отвечала им:

– Делайте то, что вам приказано.

Они снова начали душить, но опять ослабили вервие и спросили:

– Не желаешь ли отречься от Христа, дабы остаться в живых?

Но святая мученица, желая умереть за Христа, снова повелела им делать то, что приказано. Тогда мучители с силою

потянули вервие с обеих сторон, пока не умертвили святую мученицу.

Так скончалась святая мученица девица Сира, пострадав за Христа, Господа своего[5231].

Честное тело ее мучители решили не предавать погребению, но отдать на сьедение псам. Поэтому они взяли из темницы тело мученицы, отнесли его в дом, собрали сюда множество псов и, заперев ворота, бросили псам на съедение тело мученицы. Но псы не прикоснулись к нему, и ночью язычники выбросили из того дома тело мученицы. Христиане города того, узнав о страдальческой кончине мученицы Христовой, внимательно наблюдали за тем, что будут делать мучители. Когда тело мученицы Христовой было выброшено, христиане взяли его и похоронили с честью, славя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Коему воссылается и от нас честь и слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Память священномученика Евтихия

Память 24 августа

Святой Евтихий происходил из города Севастополя[5232]. Услыхав о благовестии имени Христова, он оставил своих родителей и друзей и пришел к возлюбленному ученику и Апостолу Иоанну Богослову; всюду следуя за ним и подражая его житию, святой Евтихий поучался от него премудрости Божественной и почерпал от него, как от источника, благодать Божию. Преисполнившись ревности апостольской, святой Евтихий мужественно искоренял обольщение бесовское. Встретив святого Апостола Павла, Евтихий стал его спутником и много потрудился вместе с ним, проповедуя Евангелие и мужественно перенося все злоключения; поэтому сей святой Евтихий и считается учеником того и другого, – и Евангелиста Иоанна Богослова и святого Апостола Павла.

Сей Евтихий сопричислен также к числу меньших Апостолов и именуется Апостолом, хотя и не обретается в числе семидесяти Апостолов; почтен же он наименованием Апостола потому, что потрудился со старейшими Апостолами, благовествуя имя Господа нашего Иисуса Христа, а также и потому, что сими старейшими Апостолами был поставлен в епископа для служения слову (проповеди) и приношения жертвы, и, наконец, потому, что с проповедью имени Христова прошел многие страны и притом не только вместе с прочими Апостолами, но и один. Впрочем, он проповедовал Евангелие не один, так как всегда имел своим спутником Ангела Божия, который укреплял его и предсказывал ему обо всём, имевшем с ним случиться. Сей Апостол Христов всюду переносил с терпением и заключение темничное, и побои, страдая мужественно за Господа своего.

Однажды, когда святой Евтихий был заключен в темницу и томим голодом долгое время, ему был послан с неба хлеб от Бога; этот хлеб был принесен невидимою рукою; вкусив сего хлеба, Апостол Христов настолько укрепился, что вменял ни во что все мучения, коим его предавали.

В другой раз, когда он был повешен нагим на мучилищном дереве и был терзаем железными орудиями, от чистого тела его истекло с кровью благовонное миро и наполнило воздух благоуханием.

Потом, когда святой Апостол был брошен в горящий костер, внезапно послышался гром с неба, затем нисшел большой дождь вместе со снегом (градом) и погасил огонь, а святой остался живым и невредимым и прославил Господа.

Святой отдан был также на съедение зверям, но они сделались кроткими, как овцы, при виде его; но что всего замечательнее: лев, выпущенный на него, говоря человеческим голосом, прославил во всеуслышание величие Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и весьма изумил и даже привел в ужас всех, смотревших на зрелище.

Но что удивительного? Тот, Кто мог в древности открыть уста Валаамовой ослице (Числ.22:28–31), так что она изрекла по-человечески, разве не мог открыть уста льва, чтобы он проглаголал человеческим языком, на обличение и постыжение нечестивых и на прославление всемогущей силы Своей? Один и Тот же Господь присутствовал и чудодействовал и здесь, и там.

Что касается того, как святой Апостол Евтихий окончил свой подвиг, то известно, что он был приведен связанным из Ефеса в свое отечество Севастополь и здесь скончался. Служба же, положенная ему в Минее, упоминает о роде смерти его, именно: он был усечен мечом во святую главу, которую Бог и увенчал благолепным венцом победы[5233].

Кондак, глас 3:

Апостолов сопрестольник, и святителей красота быв Евтихие, мученически прославился еси, просиял еси яко солнце, всех просвещая, и разорил еси безбожия нощь глубокую. Сего ради тя почитаем, яко Божественнаго воистинну священнотаинника Христова.

Память святого мученика Татиона

Память 24 августа

Сей святой мученик был родом из Мантинея, находившегося в Клавдиопольской митрополии и Гонориадской епархии[5234]. Схваченный язычниками за то, что веровал во Христа, он приведен был в город Клавдиополь[5235] к правителю города Урбану и на допросе объявил себя христианином, за что и заключен был в темницу. После этого он был подвергнут вторичному допросу и так как неизменно пребывал в Христовой вере, то его сперва избили палками, а потом стали строгать по телу железными орудиями, после чего снова избили и стали влачить по городу. Достигши городских ворот, святой мученик оградил себя знамением креста и в это время услышал свыше голос, который благовествовал ему радостное будущее, после чего предал дух свой Господу[5236].

Святой Апостол Тит

Память 25 августа

Святой Апостол Тит был родом из Крита и происходил от родителей, хотя и благородных (ибо они вели свое родство от Миroя, царя критского), но не правоверных – язычников, придерживавшихся идолопоклоннического нечестия. Тит и сам первоначально служил тому же нечестию и выказал в юных годах большую ревность в изучении наук еллинских: он с усердием изучал сочинения древних философов и стихотворцев, как например Гомера и прочих. Несмотря на это Тит проводил жизнь незлобивую и целомудренную; хотя он и не знал Бога истинного, однако, соблюдал в непорочности девственную чистоту тела своего, как впоследствии свидетельствовал о нем святой Игнатий Богоносец в своем послании к филадельфийцам, называя Тита девственником; Того Самого Бога, Коего Тит не знал верою, он чтил добрыми делами своими, и был Ему угоден.

Когда Титу исполнилось двадцать лет от рождения, он услышал голос, нисходивший к нему с неба и говоривший:

– Тит! Тебе следует уйти отсюда и спасти твою душу, ибо учение еллинское не ведет ко спасению.

После того как Тит услышал этот голос, он восхотел слышать его и во второй раз; ибо он знал, что иногда бывают гласы и внушения от идолов. Теперь Тит уже не хотел веровать в идолов, так как начал познавать обольщение бесовское (коему поддаются все, поклоняющиеся идолам); и прожил там еще один год.

Потом было ему во сне повеление от Бога – прочесть еврейские книги; и после того сонного видения Тит начал искать книги еврейские. Найдя книгу святого пророка Исайи, Тит раскрыл ее и остановился на главе сорок первой, которая начинается так: «Умолкните предо Мною, острова, и народы да обновят свои силы» (Ис.41:1). Читая главу эту, Тит встретил в ней некоторые слова, которые, как ему казалось, Сам Бог изрекал сердцу его, именно: «ты Мой раб, Я избрал тебя и не

отвергну тебя: не бойся, ибо Я с тобою»; не прельщайся, «ибо Я Бог твой» (Ис. 41:9–10). И еще: «Я Господь, Бог твой; держу тебя за правую руку твою» (Ис. 41:13). В конце же главы прочитал об идольском обольщении, – именно: «не было никого, и между ними не нашлось советника, чтоб Я мог спросить их, и они дали ответ. Вот, все они ничто, ничтожны и дела их; ветер и пустота истуканы их» (Ис.41:28–29).

Эти и другие слова книги пророческой были для Тита как бы ключом, открывшим двери ума его к познанию единого истинного Бога и вместе с тем к уразумению идольского обольщения и заблуждения языческого; и с того времени Тит воспламенился сердцем к Богу, Коего почитали евреи.

В это время на острове Крите (где проживал Тит) распространился слух о Христе, – Боге, явившемся во плоти, проживавшем среди людей в Иерусалиме и совершавшем дивные и несказанные чудеса; ибо слава о Нем проходила по всем концам земли. Анфипат[5237] Крита, приходившийся Титу дядей по матери, посоветовавшись с именитыми мужами, послал в Иерусалим своего племянника, сего благоразумного и любознательного Тита с тем, чтобы он хорошенько выслушал и уразумел то, что говорилось из уст Христовых, и побеседовал с Ним; таким образом, Тит мог возвестить самым подробным образом своим соотечественникам всё то, что сам узнал бы о Христе.

Тит отправился в Иерусалим; увидав Владыку Христа, он поклонился Ему и следовал за Ним и учениками Его, смешиваясь с народом, во множестве ходившем за Господом; таким образом Тит был самовидцем многих чудес, совершенных Христом, и видел спасительное страдание Господа, уверился также и в воскресении Его. После же вознесения Господня, когда Дух Святой сошел на Апостолов в виде языков огненных, так что Апостолы начали говорить на разных языках, Тит слышал беседу Апостолов, говоривших и по-критски, и весьма изумлялся, как об этом написано и в книге Деяний Апостольских: «пришельцы критяне (среди них был и Тит) и аравитяне», удивляясь, друг другу говорили: «слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих»

(Деян.2:10–11). Впоследствии Тит пересказал обо всём этом в отечестве своем Крите.

Блаженный Тит принял участие и в служении апостольском; когда дверь веры была открыта и для язычников (Деян.14:27) и были крещены сотник Корнилий, а потом и прочие еллины, тогда и Тит, происходя от язычников необрезанных, принял крещение от святого Апостола Павла, ранее называвшегося Савлом. Хотя Тит и уверовал во Христа, но, пока не крестился, Апостолы не принимали его в первенствующую церковь, так как вообще не принимали необрезанных; Тит же не хотел исполнять ветхозаветного обряда обрезания, однако, иудеи, уверовавшие во Христа, требовали первоначально от всех язычников исполнения сего обряда, говоря, что без обрезания никто не может получить спасения, как об этом написано и в книге Деяний апостольских: Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: «если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись» (Деян.15:1). Таковые роптали и на святого первоверховного Апостола Петра за крещение сотника Корнилия и вступили в спор с ним (Апостолом Петром), говоря ему, что он пошел в дом мужей необрезанных и ел с ними. Когда же святые Апостолы на соборе рассмотрели этот вопрос, то постановили не принуждать язычников обрезываться; тогда и Тит блаженный пришел ко крещению, так как никто не принуждал его к обрезанию, о чем упоминает и Апостол Павел в послании к Галатам, говоря: «но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться» (Гал.2:3).

После крещения Тит был уполномочен прочими главными Апостолами к служению апостольскому и сопричтен к числу семидесяти меньших Апостолов; Тит послан был вместе с Апостолом Павлом, на проповедь Слова Божия, к язычникам; и Тит постоянно следовал за Павлом святым и не только как ученик за учителем, но и как сын, следующий за возлюбленным отцом. Ибо Павел называет его своим сыном, как это можно видеть из послания его к Титу: «Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость» (Тит.1:4). Ходил же святой Тит иногда вместе с Апостолом Павлом, иногда же был посылаем им проповедовать самостоятельно; так, например, он был послан

Павлом в Далмацию, о чем упоминает Павел в послании к Тимофею, говоря: «Тит в Далматию» (2Тим.4:10), т.е. был послан мною на проповедь Евангелия в города далматские. Иногда святой Апостол Павел посылал Тита со своими апостольскими посланиями, как например к Коринфянам, коим он говорит: «я упросил Тита и послал с ним одного из братьев» (2Кор.12:18). Говорит еще: «мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил» (2Кор.8:6). И еще: «благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам» (2Кор.8:16). Несомненно, Павел питал к Титу великую любовь духовную о Христе, так как он называет его то сыном, то братом своим, а когда он замедлил, уйдя от Павла, то сей последний скорбел о нем, говоря о себе: «придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита» (2Кор.2:12–13). И насколько великий Апостол скорбел без Тита, настолько утешался его присутствием, ибо говорит: «Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита» (2Кор.7:6). И еще говорит: «обрадованы мы радостью Тита» (2Кор.7:13).

Проходя по многим странам с благовестием имени Христова святые Апостолы пришли в Крит, отечество Тита. Анфипатом же тогда в Крите был Рустил, муж сестры Тита; услыхав проповедь апостольскую о Христе Боге, он первоначально посмеялся ей; но когда умерший его сын, воскрешен был Апостолом Павлом, то Рустил уверовал во Христа и принял святое крещение со всем домом своим; вместе с тем приняли святую веру и крещение и многие из числа прочих неверных, обитавших на острове том. Святой же Павел поставил блаженного Тита епископом острова Крита и прочих близлежащих островов и, поручив ему новопросвещенных христиан, оставил его там; сам же отправился в другие страны проповедовать имя Христово язычникам. Придя в Никополь, святой Павел написал послание Титу, в коем поучал его благому управлению (паствой): «для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал» (Тит.1:5). Объясняя эти

слова апостольские, святой Златоуст говорит: «Тит был более искусным из числа всех, бывших с Павлом; ибо, если бы он не был искусным, Павел не поручил бы ему всего острова, не повелел бы окончить недоконченное, не подчинил бы суду его епископов, если бы не надеялся на сего мужа (Тита)».

Когда Павел задержался в Никополе, то снова призывал к себе Тита, говоря в своем послании к нему: «когда пришлю к тебе Артему или Тихика, поспеши прийти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму» (Тит.3:12). И пришел к нему святой Тит в Никополь; побыв вместе с ним непродолжительное время, Тит снова был послан им в Крит.

После этого святой Павел был взят в Иерусалиме, заключен в оковы и послан в Рим. Тит, услыхав обо всём этом, пришел в Рим, дабы видеть страдальческий подвиг своего учителя. Тит пробыл в Риме до кончины святого Апостола Павла; по усечении честной главы Апостола (что было сделано по приказанию Нерона[5238], Тит предал погребению честное тело Апостола и снова возвратился к своей пастве, в Крит; престол святительства своего Тит имел в одном из лучших критских городов, называвшемся Гортиной; Тит трудился непрестанно, обращая ко Христу эллинов от заблуждения их, поучая их и утверждая веру их чудесами.

Следует заметить, что на острове том был идол почитаемой язычниками богини Дианы[5239]; на поклонение сему идолу приходило много эллинов, которые приносили также и жертвы. Однажды святой Тит пришел на то место собрания нечестивых и начал говорить им слово Божие, увещевая их обратиться к истинному Богу, познав обольщение идольское. Но так как народ не слушал слов его, то святой Тит помолился Богу, и тотчас идол тот упал и рассыпался в прах. Тогда все, бывшие там, пришли в ужас, и уверовало во Христа в день тот пятьсот человек. точно так же, когда, по приказанию императора римского, на острове Крите строился большой храм идольский в честь мерзкого бога Зевса[5240], – и уже заканчивался постройкой, – Апостол Христов Тит, проходя мимо того места, помолился Богу истинному, и внезапно храм тот упал и разрушился до основания. Видя такое чудо, многие еллины обратились ко

Христу и построили прекрасную церковь во имя Господа Иисуса Христа, Бога истинного.

Просветив остров Крит и окрестные страны светом веры святой, Апостол Тит достиг глубокой старости; он преставился ко Господу, имея от роду девяносто четыре года. При кончине его пришли с неба Ангелы, дабы взять душу его; и просветилось лицо его, как солнце. Ибо чья жизнь была светом миру, того и смерть была почтена осиянием света от Господа нашего Иисуса Христа[5241].

Кондак, глас 2:

Павлов явився собеседник, Апостоле, с сим нам слово предвозвестил еси Божественныя благодати, тайноглагольниче Тите приснопамятне. Сего ради вопием ти: не престай моляся о всех нас.

Перенесение честных мощей святого Апостола Варфоломея

Память 25 августа

После страдальческой кончины святого Апостола Варфоломея[5242], которую он восприял за Христа от нечестивых в армянском городе Албане[5243], верные приняли честное тело святого Апостола и положили его в том же городе в оловянном ковчеге; и начали совершаться чудеса от мощей Апостола, ибо болящим подавалось от них исцеление; по сей причине многие из неверных обращались ко Христу. Слуги же диавола, жрецы нечестивые и жестокие, услыхав о тех чудесах и даже видя их очами своими, не только не познавали силы Божией, но ожесточались в сердцах своих и возненавидели честные мощи Апостола. Дойдя до крайней степени вражды и ярости, сии слуги диавола взяли упомянутый оловянный ковчег с мощами и бросили его в море, намереваясь потопить его во глубине морской. Кроме того сии нечестивцы бросили в море и еще четыре ковчега с мощами других святых мучеников, и именно, как полагают: Папиана, Лукиана, Григория и Акакия. Но вместо того, чтобы потонуть в пучине морской, сии ковчеги плавали наподобие лодок по поверхности моря, нося в себе бесценные сокровища. Ковчег Апостола Варфоломея, хотя и был оловянным, но не потонул в воде; напротив, сверх природы оказался чрезвычайно легким и носился по морю посреди прочих ковчегов мученических, как корабль, управляемый Богом Всесильным; ибо два ковчега находились по правую сторону его и два по левую, ради чести апостольской.

Плавая чудесным образом по морю, упомянутые ковчеги приплыли к Босфору Фракийскому в Пропонтиде, затем проплыли через Геллеспонтский пролив, переплыли через моря Эгейское и Ионийское, и достигли до Сицилии; оставив Сиракузы по левую сторону, направились к западу и приплыли к острову Липаре. Здесь ковчег Апостола пристал к берегу; ковчеги же прочих святых мучеников, проводив Апостола до Липары, оставили его здесь и разделились, направившись

каждый, по Божественному изволению, в свою сторону. Папианов ковчег поплыл в Сицилию, Лукианов в Мессинию, Григориев в Калабрию, Акакиев в город Аскалус; обо всём этом было откровение от Бога епископу острова Липары Агафону.

Сей епископ пришел с клиром и народом на берег морской и, найдя здесь ковчег с мощами Апостола, преисполнился радости вместе с прочими и сказал:

– Откуда пришло к тебе, о Липара, такое бесценное богатство; поистине ты ныне возвеличился и прославился; ликуй и радуйся, принимая руками своими посетившего тебя сего великого твоего заступника и ходатая к Богу и воскликни к нему: благо пришел ты к нам, Апостол Господень!

Все удивлялись тому, каким образом оловянный ковчег с мощами святого Апостола, не только не потонул в воде, но оказался легче ладьи и переплыл столь далекий путь морской, руководимый, очевидно, не силою человеческою, но силою Божиею. И прославляли все величие Божие.

Посем, взяв святой ковчег с мощами Апостола, понесли его с пением псалмов торжественно в церковь; и истекло миро от святых мощей Апостола; сим миром подавалось врачевание болезням неисцельным[5244].

Сии честные мощи Апостола Христова находились на том острове долгое время, даже до времен царствования Феофила иконоборца[5245]. В царствование же сего Феофила, по попущению Божию за грехи людские, агаряне взяли в плен остров Липару. Правитель города Беневента, князь Сикард, давно уже слышавший о чудесах Апостола Христова, воспламенился теплою верою к святому; поэтому, позвав из города Амалфии моряков и обещав вознаградить их в достаточной степени, он уговорил их отплыть на корабле на остров Липару и оттуда привезти к нему мощи святого Апостола Варфоломея, как некое драгоценное сокровище. Сии мужи отплыли на корабле, приплыли к острову Липаре, взяли оттуда столь желанное сокровище духовное и возвратились к своим. И лишь только князь Сикард услышал о приближающихся к нему мощах святого, вышел с епископом и многими людьми на кораблях в море для встречи; честные мощи Апостола Христова

были приняты с радостью; потом их внесли с честью в город Беневент и положили в Великой церкви, торжественно отпраздновав сие событие. С того времени было установлено празднество в честь перенесения честных мощей святого Апостола Варфоломея, в двадцать пятый день месяца августа. От этих честных мощей подавались одержимым различными болезнями исцеления, по молитвам Апостола Варфоломея и по благодати Господа нашего Иисуса Христа[5246].

Кондак, глас 4:

Явился еси великое солнце вселенней, учений сияньми и чудес страшных, световодя почитающия тя, Варфоломее, Господень апостоле.

Память святых исповедников Христовых, пострадавших в Едессе от ариан

Память 25 августа

После многих гонений на христиан, поднятых нечестивыми идолопоклоннеческими царями и мучителями, Церковь Христова получила свободу во дни великого царя Константина и начала процветать в мире и тишине, однако, на нее было воздвигнуто новое гонение по действу диавола, но уже не от идолопоклонников, а от христиан зловерных, уклонившихся в еретичество. По кончине императора Константина – богохульная ересь Ариева[5247] весьма усилилась, сначала в царствование Констанция[5248], сына Константинова, а потом в царствование Валента[5249]; ибо тот и другой придерживались ереси Ариевой и каждый, в свое царствование, весьма притеснял Церковь Христову.

В царствование Валента, когда правоверные архиереи изгонялись с престолов своих, а на их места поставлялись еретики, в городе Едессе был епископом Варсис, – муж правоверный и святой, имевший дар исцелять всякие болезни в людях; сей Варсис с усердием противостал ереси Ариевой. Злочестивый царь Валентин, не терпя сего святого мужа, изгнал его с престола и послал в заточение, первоначально на остров Арад; но услыхав, что там ко святому епископу Варсису приходят многие из народа и слушают его правоверное учение, Валент переслал его оттуда в Оксиринф, город египетский. Но когда святой прославился и здесь чудесами и учительством своим, то Валент снова переслал его в еще более отдаленный город, по имени Фенон, находившийся близ обитания варваров; здесь и скончался святитель и исповедник Христов блаженною кончиною; оставшийся же после него одр (постель) на острове Раде подавал исцеление недугам; все, страдавшие какими бы то ни было болезнями, возлегая на тот одр, становились здоровыми и освобождались от духов нечистых.

Изгнав сего святого архиерея с престола церкви едесской, нечестивый царь возвел вместо него волка, – именем и нравом;

ибо того суетного архиерея звали Лупусом, что значит «волк»[5250]. И таким образом вместо истинного пастыря в стадо Христово вошел волк хищный в овчей одежде архиерейства.

Правоверный же народ едесский не хотел вступать в общение с тем лжепастырем, еретиком, как мерзости запустения (Мф.24:15), настоятельствовавшем на месте святом, – в церкви; поэтому правоверные граждане города того выходили из города в поле, собирались на открытом месте и совершали здесь служение Богу, как в храме; ибо ни один храм не был отдан в распоряжение правоверных, но все храмы были затворены для них и всеми славнейшими храмами завладели ариане, согласно приказанию царскому.

Случилось однажды, что сам царь, направляясь из Антиохии, пришел в Едессу; узнав, что правоверные (христиане) гнушаются нечестия арианского и не хотят иметь общения с упомянутым епископом, но бегут от него и собираются вне города для молитвы, – царь разгневался на епарха едесского, по имени Модеста, за то, что он позволял народу поступать так, и ударил по ланите епарха; потом приказал ему приготовить вооруженных воинов; затем повелел епарху, выведши этих воинов на место молитвенного собрания народного, посечь и предать смерти христиан и разогнать их.

Епарх, хотя и получил внушение от царя, но, щадя неповинный народ, известил тайно правоверных, чтобы они на другой день не выходили из города и не собирались на обычную молитву и служение, так как царь, по гневу своему, приказал вывести на христиан вооруженных воинов, чтобы их умертвить. Правоверные же, услыхав об этом, вместо того, чтобы убояться, преисполнились еще большей ревности, и, встав рано утром, вышли за город вместе с женами и детьми своими; христиане направились к обычному месту собрания своего, намереваясь положить там за Христа души свои. Епарх же, исполняя приказание царское, утром следующего дня отправился с вооруженными воинами к тому месту, выступив как бы на войну. И когда он был у ворот городских, то увидал некую женщину, вышедшую из дома своего, не затворившую за собою дверей, одевшуюся наскоро (не принарядившуюся), несшую с собою

малого отрока; женщина та плакала и старалась обогнать его воинов; направляясь за город. Епарх приказал взять ее и привести к себе. Остановившись на дороге, епарх начал допрос, сказав:

– Несчастная женщина! Куда ты спешишь в столь ранний час и почему ты так торопишься?

Женщина отвечала:

– Я спешу на поле, где собираются христиане.

Епарх отвечал:

– Разве ты не слыхала, что епарх намеревается прийти туда с воинами и побить всех, кого он найдет там?

Женщина отвечала:

– Да, я слышала об этом; потому-то я и тороплюсь, дабы вместе с ними (христианами) умереть ради имени Христова.

Епарх снова спросил:

– Для чего же ты взяла с собой сего отрока?

Женщина отвечала на это:

– Я хочу, чтобы и отрок сей вместе со мною сподобился венца мученического.

Услыхав об этом, епарх изумился такой ревности христиан и готовности их умереть за веру и приказал воинам возвратиться обратно; затем пошел к царю и сказал ему:

– Если прикажешь мне умереть, – я готов; но я не могу исполнить приказания, данного тобою мне.

Потом епарх рассказал царю о женщине с ребенком, сказав о том, с каким усердием она спешила за город в поле, дабы сподобиться смерти мученической, чего желала она и для себя, и для ребенка; затем епарх возвестил царю и о готовности всего народа принять смерть, ибо все христиане с женами и детьми были готовы умереть за исповедание веры своей во Христа.

– И невозможно, – прибавил епарх, – принудить народ едесский к общению в вере с епископом, если бы даже и всех граждан предать смерти; но какая может быть польза от этого? Ибо они за свой мужественный страдальческий подвиг прославятся среди всех христиан, на нашу же долю останется стыд и вечное посмеяние.

Говоря так, епарх отклонил царя от избиения народа: царь приказал не притеснять народ, повелев брать на истязание лишь иереев, диаконов и прочих клириков, не желавших иметь общения с епископом арианским.

После этого епарх позвал к себе весь духовный чин едесский, содержавший правоверие, начал с кротостью увещевать всех повиноваться приказанию царскому и предлагал войти в общение с епископом, именуемым Лупусом. Епарх сказал при этом:

– Верхом безумия является то, что вы, представляя из себя небольшое число людей, не слушаете приказания царского и противитесь ему, в то время как он владеет многими странами.

Когда епарх говорил это, все молчали. Потом епарх, обратившись к старейшему пресвитеру, по имени Евлогию, находившемуся уже в летах преклонных, спросил его:

– Почему ты не отвечаешь мне?

Евлогий ответил:

– Я не отвечаю тебе потому, что ты говоришь всем сообща; по этой причине я не хочу предварять ответом своим всех прочих. Но если ты спросишь только меня одного о чем-либо, тогда я тебе отвечу.

Епарх спросил:

– Почему ты не причащаешься с царем?

Блаженный же Евлогий, осмеивая вопрос еретика, ответил:

– Разве царь принял сан пресвитерства, чтобы мне причащаться вместе с ним?

Епарх, преисполнившись гнева, укорил святого старца и сказал:

– О безумный! Почему ты чуждаешься веры царевой и не входишь в общение с теми, кто входит в общение с царем?

Тогда все, вместе со святым старцем Евлогием, исповедали свою веру православную во Христа, Бога истинного, соестественного и соприсносущного Отцу, и выразили готовность положить души свои за сие исповедание.

После этого епарх по повелению царскому взял восемьдесят мужей духовного чина. заключил их в оковы и послал на заточение во Фракию.

И когда сии исповедники Христовы были отводимы во изгнание, отовсюду из городов и селений навстречу им выходил народ, оказывал им почести и снабжал их всем необходимым. Узнав об этом, еретики послали в скором времени сообщить царю, сказав, что вместо бесчестия изгоняемым оказывается великая честь.

Тогда царь приказал разделить упомянутых христиан по двое и велел послать всех в разные страны, кого во Фракию, кого в Аравию, кого в Египет, – и в прочие страны. Блаженный же старец Евлогий, а вместе с ним и другой честный пресвитер, по имени Протоген, были отведены в фиваидский город Антиной, где христиан было немного, эллинов же, поклонявшихся идолам, было бесчисленное множество. Здесь святые пребыли немалое время, исцеляли различные болезни в людях призыванием имени Иисуса Христа и обратили к вере христианской многих язычников, сподобив их святого крещения.

Когда нечестивый царь Валент погиб, и скипетр восточного царства принял благочестивый Феодосий, ересь арианская устыдилась и стихла и сила и власть еретиков, преследовавших Церковь Христову, изнемогла; исповедники Христовы, бывшие в изгнании (именно те из них, кто еще не отошел ко Господу, но оказался в живых), получили свободу и возвратились каждый в отечество свое: архиереи православные снова получили свои престолы. Тогда и упомянутые два святых пресвитера Евлогий и Протоген возвратились из заточения в Едессу; а христиане правоверные отняли у ариан свои церкви; так как святой Варсис уже отошел ко Господу во изгнании, то Евлогий был поставлен епископом городу Едессе; Протоген же был поставлен епископом в месопотамский город Каррию. Сии святые Евлогий и Протоген украшали оба Церковь Христову словом и житием до дня кончины своей[5251]. Мы же о всех тех славим Христа Бога, Спасителя нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Память святого Мины, патриарха Константинопольского

Память 25 августа

В царствование Юстиниана[5252] святой Мина был пресвитером и питателем странников в Странноприимнице святого Сампсона. После того как патриарх Анфим[5253] был низложен с престола за еретическое мудрствование, святой Мина как муж правоверный, проводивший святую жизнь и достойный поэтому высокого сана, был возведен на патриаршество святым Агапитом[5254], папою римским, пришедшим в то время в Константинополь.

Во время патриаршества святого Мины в городе Константинополе случилось такое чудо:

Некоторый отрок еврейский вошел вместе с детьми христианскими в храм, во время причащения пречистых Таин Тела и Крови Христовых; сей отрок, приступив к Тайнам вместе с прочими детьми, принял причащение. Когда отрок пришел домой, отец спросил его, где он был и почему запоздал? Он же, как дитя, рассказал ему всю правду, – сказал, что был в храме христианском и принял причащение христианское. Услышав об этом, отец еврей весьма разгневался, и, взяв ребенка, бросил его в разожженную печь, при помощи которой выделывал стекло (так как был делателем стекла); но жене своей не сказал ничего.

Между тем мать с плачем искала всюду своего сына и звала его по имени; на третий день поисков она подошла к разожженной печи, и ребенок откликнулся на зов ее; тогда она с большим трудом извлекла его оттуда и спросила:

– Каким образом и почему ты, находясь в таком огне, не сгорел и всё еще жив?

Отрок же рассказал ей следующее:

– Ко мне часто приходила некая Жена пресветлая, охлаждала огонь и давала мне воду; Она и пищу приносила мне, когда я был голоден.

В скором времени весть об этом чуде прошла по всему городу; об этом чуде уведал царь Юстиниан и святой патриарх Мина. После этого упомянутого отрока крестили вместе с матерью, отца же того отрока, пришедшего в ожесточение и не пожелавшего креститься, царь предал суду, как детоубийцу, и приказал казнить смертью

Святой Мина пас Церковь Христову шестнадцать лет и потом преставился ко Господу[5255].

Страдание святых мучеников Адриана и Наталии

Память 26 августа

Великий гонитель Церкви Христовой нечестивый царь Максимиан[5256], преследуя и умерщвляя повсюду множество христиан, прибыл в город Никомидию[5257]. Войдя в идольское капище, царь совершил поклонение скверным своим богам, пав ниц пред идолами на землю, и, при участии всех жителей города, принес мерзостные жертвы. Вслед за тем он приказал отыскивать христиан и предавать их на мучения. Особенными наказаниями угрожал царь тем, кто вздумал бы скрывать христиан. Напротив тем, кто, узнав, где скрывается христианин, донесет о нем, или же, найдя такового, сам представит на суд, царь обещал награды и почести. Поэтому стали выдавать друг друга на смерть: сосед – соседа, ближний – ближнего своего; кто из-за боязни грозного повеления царя, кто из-за наград.

Некоторые из нечестивых донесли военачальнику своему о том, что в одной пещере скрываются христиане и поют в ней всю ночь и молятся Богу своему. Немедленно были отправлены воины, которые пришли в пещеру и захватили всех бывших в ней христиан, числом двадцать три человека. Сковав железными цепями, отправили их в город для представления царю.

В то время царь проезжал на колеснице в идольское капище для принесения жертв. Встретив его на пути, воины, ведшие связанных христиан, закричали ему:

– Царь! Вот – противники твоему повелению и хулители наших великих богов.

Повелев остановить колесницу и, подозвав к себе поближе тех узников, царь спросил их, откуда они.

– Мы родились в этой стране, а по вере мы христиане, – ответили они.

– Разве вы не слыхали, – продолжал царь, – какие мучения ожидают тех, кто именует себя христианами?

– Слышали мы, – отвечали святые, – и смеялись над безумием твоим и над самим сатаною, действующим в сынах, неверующих в Бога, над коими ты – начальник!

Разгневанный царь воскликнул:

– О окаянные! Как осмеливаетесь вы называть меня безумцем и смеяться надо мною? Клянусь великими богами, что я в лютейших мучениях сотру ваши тела!

– Растяните их и бейте палками без всякой пощады, – приказал он воинам, – и мы посмотрим тогда, придет ли их Бог к ним на помощь и освободит ли их из рук моих?

И мученики жестоко были биты воинами. Когда били мучеников, они говорили царю:

– Враг Божий! Поставь над нами еще хоть троих мучителей; сколько бы ты их ни звал и каких бы мук ни выдумывал, знай, что этим ты только приумножишь нам венцы.

– О окаяннейшие из людей! – воскликнул царь. – Я сниму с вас ваши головы и вы ли ожидаете венцов на них?.. отвергните суетную веру свою и не губите себя за свое безумие!

Мученики отвечали:

– Тебя погубит Бог за то, что ты неповинно мучаешь Его рабов, не сотворивших никакого зла!

Тогда царь приказал воинам:

– Бейте их камнями по устам!

Схвативши поспешно в руки камни, слуги начали ими быть мучеников по устам, но не столько наносили вред им, сколько себе, так как до того обезумели, что этими самыми камнями сокрушали друг другу челюсти.

А святые говорили мучителю Максимиану:

– Беззаконник и богоненавистник! Ты без милости бьешь нас, ни в чем не повинных пред тобою, убьет же и тебя Ангел Божий и погубит весь нечестивый твой дом. Ты не можешь насытиться муками, коими мучаешь нас в продолжении стольких часов и с такою жестокостью, а тебя самого ожидают несравненно большие муки; очевидно ты не подумал о том, что мы имеем одинаковое с тобою тело, с тою лишь разницею, что твое – скверно и нечисто, а наше – очищено и освящено святым крещением.

Разгневанный еще более такими словами, мучитель Максимиан воскликнул:

– Клянусь великими богами, что я повелю отрезать у вас ваши языки, чтобы и другие, смотря на вас, научились не противоречить господам своим!

Мученики Христовы отвечали:

– Послушай, нечестивый мучитель! Если ты ненавидишь и мучаешь тех рабов, которые противятся своим земным господам, то зачем же ты принуждаешь нас противиться Господу Богу нашему? Или ты хочешь, чтобы и нас постигли те же муки, которые уготованы тебе?

– А скажите, – спросил мучитель, – какие муки уготованы мне?

– То, что уготовал Бог диаволу и Ангелам его, – отвечали святые, – уготовал Он и вам, сосудам диавола; а именно: неугасимый огонь, червь неусыпающий, непрестанное мучение, вечную казнь, адскую погибель, тьму кромешную, где – плач и скрежет зубов и многие другие неисчислимые муки.

– Клянусь, отрежу у вас языки! – воскликнул мучитель.

– Безумец! – отвечали святые, – если ты отрежешь у нас те органы, коими прославляем мы Бога, то наши воздыхания еще легче дойдут до Него и наши сердца еще сильнее возопиют к Нему, а изливаемая тобою наша кровь, как труба, возвысит свой голос к Владыке о том, что мы страдаем неповинно.

Услыхав такой ответ святых, нечестивый царь повелел заковать их в железные цепи и посадить в темницу, а имена и речи их записать в судебные книги.

Когда святых ввели в судебную палату, чтобы записать имена их, один из начальников оной, муж знатный, по имени Адриан, державшийся еллинского нечестия[5258], будучи свидетелем терпеливого и мужественного страдания оных мучеников, приступив к ним, спросил их:

– Заклинаю вас Богом вашим, Коего ради вы так страдаете, – скажите мне по совести, какую награду ожидаете вы от Бога вашего за такие мучения? Думаю я, что вы надеетесь получить от Него нечто великое и чудное.

Святые мученики отвечали ему:

– Мы своими устами не можем выразить тебе, и ты слухом своим не можешь вместить, ни умом постигнуть тех радостей и преславных почестей, которые мы ожидаем получить от Владыки нашего, Праведного Воздаятеля.

– А из законодательных, пророческих и других книг вам неизвестно ли что об этом? – спросил Адриан.

– И сами пророки, – отвечали святые, – не могли в совершенстве постигнуть умом тех вечных благ, так как они были такие же люди, как и мы; хотя они угождали Богу благою верою и добрыми делами и говорили то, что внушал им Дух Святой, но об оной славе и воздаяниях, которые мы ожидаем получить, в Писании говорится: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9).

Услыхав такие слова, Адриан вышел на средину и сказал писцам, записывавшим имена мучеников:

– Запишите и мое имя с этими святыми, так как и я – христианин и вместе с ними умру за Христа Бога!

Писцы тотчас же отправились к царю и возвестили ему о том, что Адриан объявил себя христианином и просит их записать и его имя в число осужденных.

Услыхав об этом, царь удивился и разгневался и, призвав тотчас же к себе Адриана, спросил его:

– Ты лишился разумения, Адриан? Или и ты также хочешь злой погибели?

– Нет, – отвечал он, – я не лишился разума, а, напротив, от великого безумия пришел в здравый разум.

– Не рассуждай, – воскликнул царь, – лучше проси прощения, сознайся пред всеми, что ты согрешил и вычеркни свое имя из списка осужденных.

– С этих пор, – отвечал Адриан, – я начну умолять истинного Бога о том, чтобы Он простил мне мои грехи, которые я совершил, будучи язычником.

Разгневанный такими словами Адриана, царь Максимиан повелел тогда и его заковать в железные цепи и заключить в темницу вместе с теми мучениками, назначив день, когда предаст всех их на мучение.

Один из слуг Адриана, прибежав поспешно в его дом, возвестил госпоже своей Наталии, жене Адриановой, о том, что господина его заковали в цепи и отправили в темницу.

Услыхав о сем, Наталия пришла в великий ужас, горько, горько заплакала и, разорвав на себе одежды, спросила слугу:

– За какую же вину господина моего посадили в темницу?

– Будучи свидетелем того, – ответил слуга, – как некоторых людей мучили за имя какого-то Христа и за то, что не послушались царского повеления, не отреклись от своей веры и не принесли жертвы богам, господин наш просил писцов, чтобы и его имя они записали в число осужденных на смерть, так как хочет умереть вместе с ними.

– А ты не знаешь ли точнее, за что мучили тех мужей? – опять спросила слугу Наталия.

– Я же сказал тебе, – отвечал слуга, – что их мучили за некоего Христа и за то, что они не послушались царского повеления поклониться богам.

Тогда Наталия весьма возврадовалась духом, перестала плакать, сбросила с себя разорванные одежды и, надев самые лучшие, отправилась в темницу.

Дочь верующих в Бога и святых родителей, Наталия боялась ранее открыть кому-либо свою веру во Христа, которую хранила тайно, так как видела, какому лютому гонению и мучению подвергаются христиане со стороны нечестивых; теперь же, услыхав о том, что муж ее верует во Христа и записан в число осужденных на мучение, и она твердо решила объявить себя христианкой.

Войдя в темницу, блаженная Наталия припала к ногам мужа своего и, облобызав его оковы, сказала:

– Блажен ты, господин мой, Адриан, так как нашел такое сокровище, которого не наследовал от своих родителей: **тако бо благословится человек бояйся Бога**. Поистине, господин мой, ты теперь в таких юных летах своею верою во Христа собрал такое богатство, какого не приобрел бы даже и на старости лет, оставаясь в еллинском заблуждении. Теперь без печали пойдешь ты в будущую жизнь и найдешь такое сокровище, которого не получат там те, которые собирают себе

большое богатство и приобретают имения. Там уже не будет им времени на то, чтобы приобретать что-либо, или давать взаймы, или самим от кого занять, когда никто не может избавить от вечной смерти во аде и от мук геенских; там никто не поможет друг другу – ни отец сыну, ни мать дочери, ни великое земное богатство – собравшему его, ни рабы – господину своему, но каждый понесет свое наказание. Твои же все добродетели, господин мой, пойдут с тобою ко Христу, чтобы воспринять тебе от Него блаженство, уготованное любящим Его. Иди же к Нему с дерзновением, не боясь будущего наказания; ведь ты уже теперь победил и огонь неугасимый и прочие муки. Молю же тебя, господин мой, твердо пребыть в том звании в которое ты призван Божиим милосердием. Да не возвратит тебя с оного доброго пути ни сожаление о юной красоте, ни любовь к родным, ни друзья, ни богатство, ни рабы, ни рабыни, ничто земное: всё это придет в ветхость и истлеет; но имей пред очами своими только то одно, что – вечно, и не взирай на тленные и временные блага мира сего. Не увлекайся льстивыми словами сродников и друзей твоих, чтобы не отвлекли они тебя от веры своим лукавым советом. Возненавидь их ласки, отвергни их советы и не слушай обманчивых слов их; взирай только на одних, находящихся с тобою, святых мучеников, их словам внимай, их терпению подражай без всякого колебания. Не бойся ярости мучителя и различных его мук, всё это скоро окончится, а от Христа на небе Его рабам, страждущим за Него, будет вечная награда.

Сказав это, Наталия умолкла. Был уже вечер.

Адриан сказал ей:

– Теперь ступай домой, сестра моя, и спи спокойно, а когда я узнаю о времени, в какое нас выведут на мучение, я извещу тебя, чтобы тебе прийти и видеть нашу кончину.

Встав от ног Адриана, Наталия подходила к каждому из двадцати трех узников и, припадая к ним, лобызала оковы их, говоря:

– Рабы Христовы! Молю вас, утверждайте сию Христову овцу; советуйте ему претерпеть до конца, указуя ему на будущее воздаяние, уготованное верным, приносящим кровь

свою Христу Богу, подобно вам, принесшим Ему кровь свою, за каковое страдание ваше вы получите в награду вечное спасение. Присоедините и его душу к душам своим и будьте ему отцами вместо плотских родителей, которые были нечестивыми; укрепите его вашим святым советом в том, чтобы он, веруя несомненно, совершил страдальческий свой подвиг.

Сказав это, Наталия снова обратилась к Адриану, находившемуся в самой глубине темницы:

– Смотри, господин мой, – сказала она, – не щади своей молодости и красоты телесной: бренное тело будет пищею червей. Не помышляй ты об имении своем, о золоте и серебре, так как всё сие не принесет пользы на Страшном Суде. Там никто никакими дарами не может искупить души своей от вечной погибели, так как никто не примет даров; только одни добрые дела святых душ примет Бог вместо даров.

Сказав это, Наталия ушла домой.

По прошествии нескольких дней Адриан, услыхав, что царь хочет уже вывести его вместе с прочими узниками на суд и мучение, обратился к святым мученикам с такою просьбою:

– Господа мои! – сказал он, – с вашего благословения мне нужно сходить в свой дом и позвать рабу вашу, а мою сестру Наталию затем, чтобы видеть ей наше страдание, так как я обещался позвать ее в час, назначенный для оного.

Святые дали ему свое благословение и поручились за него; Адриан, заплатив темничным стражам, отправился.

Один из горожан, увидев его идущим домой, поспешно прибежал к Наталии и возвестил ей, что муж ее освобожден от оков и подходит к дому.

Услыхав о сем, Наталия не поверила и сказала:

– Кто же мог освободить его? Не может быть, чтобы муж мой разлучился со святыми мучениками.

Во время разговора пришел также один из слуг и сказал:

– Знаешь ли, госпожа, что господин наш освобожден и подходит близко к дому?

Думая, что он отвергся Христа и за то освобожден, Наталия пришла в великую скорбь и горько зарыдала, а увидав в окно,

что он уже близко подходит к дому, бросив из рук свою работу, поспешно встала и, затворив двери, громко сказала:

– Отойди от меня, отступник от Бога, обманувший Господа своего! Не могу я беседовать с отвергшимся от Бога и не стану слушать лживых слов. О безбожник и окаяннейший человек! Кто побудил тебя взяться за дело, которого не мог довести до конца? Кто разлучил тебя со святыми? Кто соблазнил тебя удалиться от содружества с оными? Что обратило тебя в бегство еще до выхода на брань? Ты не увидел еще врага, а бросил уже свое оружие; на тебя не выпущена еще стрела, а ты уже уязвлен! Удивилась я, думая, может ли быть что доброго от безбожного рода и нечестивого города? Может ли быть принесена чистая жертва Богу от потомка мучителя? Будет ли благоуханным для Вышнего кадило со стороны тех, кои проливают кровь неповинную? И что делать мне, окаянной, вышедшей замуж за сего нечестивца? Не удостоилась я звания супруги мученика, напротив сделалась я женою отступника; кратковременна была моя радость и перешла она в вечное поношение; была мне на некоторое время похвала среди жен, а теперь я буду иметь пред ними непрестанный стыд!

Блаженный Адриан, стоя за дверями и слушая слова Наталии, радовался душою и укреплялся на подвиг, горя еще большим желанием исполнить то, что обещал Христу Богу. Он удивлялся таковым словам молодой жены, недавно вступившей с ним в брак, так как прошло всего лишь тринадцать месяцев со дня их венчания.

Видя великую скорбь жены своей, Адриан, стуча в двери, начал просить ее, говоря:

– Отвори же мне, госпожа моя, Наталия! Не убежал я от мучений, как ты думаешь; нет, не мог я так поступить. Я пришел взять тебя с собою, как обещал, чтобы тебе видеть нашу кончину.

Не веря его словам, Наталия с упреком продолжала говорить ему:

– Вот как обманывает меня преступник, вот как лжет второй Иуда! Отойди от меня, чтобы не убить мне тебя!..

И не отпирала дверей.

– Отвори же скорее, – просил Адриан, – а то я уйду не увидев тебя и ты будешь скорбеть о том, так как мне нужно скорее возвратиться. За меня поручились святые мученики, и, если я не приду в назначенный срок, и о мне спросят начальники, а меня не будет, то святые мученики кроме своих мук должны будут понести таковые и за меня; но могут ли они понести мучения и за меня, когда они и так уже едва живы?

Услыхав это, Наталия тотчас с радостью отворила двери, и оба они припали друг к другу в объятия.

– Блаженна ты жена! – сказал Адриан. – Ты одна познала Бога, чтобы спасти мужа своего! Поистине, ты супруга, любящая мужа! Венцом за то будет тебе блаженство, так как ты, хотя и не терпишь сама мук, но соболезнуешь страданию мучеников своим участием.

Взяв жену свою, Адриан отправился вместе с нею.

Дорогою он спросил ее:

– А как же мы поступим со своим именьем?

Наталия отвечала:

– Оставь, господин мой попечение о земном, чтобы не совратило оно ума твоего; заботься и помышляй единственно о том, чтобы совершить тебе подвиг, на который ты призван. Забудь о всём мирском, тленном и душевредном, позаботься лучше о том, чтобы видеть и получить вечные блага, уготованные тебе и тем святым, с коими идешь путем Господним.

Войдя в темницу, раба Божия Наталия припала к святым мученикам и, лобызая оковы их, видела при этом, что раны их уже загноились и из них падали черви, а от тяжести железных оков, коими они были связаны, телесные составы их отпадали друг от друга. Наклонившись, она отирала гной от ран их. Потом немедленно послала она своих служанок принести из дома хорошего полотна и перевязок. Когда всё это было принесено, Наталия своими руками перевязывала раны страдальцев и, насколько могла, облегчала их нестерпимые страдания, прислуживая в темнице семь дней до самого изведения их на суд.

Когда настал день суда, царь Максимиан воссел на судилище и повелел привести к себе узников. Слуги тотчас же отправились в темницу объявить им царское повеление. Увидев, что они так изнемогли телом от тяжких ран, что и ходить даже не могут, слуги повлекли всех мучеников, как трупы скотов, связанных одною цепью; Адриана же вели позади всех, связав ему руки назади.

Когда они подходили к судилищу, было возвещено царю, что узники приведены.

– Ведите, – приказал царь, – сюда всех вместе, чтобы они видели мучение друг друга; ведите же их нагими, приготовленными к мучению.

Начальник темницы доложил царю:

– Царь! Те, кои были мучены раньше, не могут быть приведены сюда на испытание. Повели привести одного Адриана, так как он еще бодр и здрав телом и может понести различные мучения; тела же других загноились, сквозь раны их виднеются кости и, если начать их мучить снова, они, пожалуй, тотчас же умрут, не перенеся многих мук, им уготованных. Мы же не хотим того, чтобы умерли они от кратковременного мучения, как мало виновные, но дай им некоторое время на то, чтобы они выздоровели и поокрепли, чтобы понести им потом множайшия мучения за свои беззакония.

Тогда царь приказал ввести одного Адриана.

Раздев Адриана донага, слуги дали ему при этом и орудия казни, чтобы он нес их сам своими руками.

Святые мученики сказали ему:

– Блажен ты, Адриан, что сподобился понести крест свой и последовать Христу! Смотри же, не страшись, не возвращайся назад и не теряй своей награды; остерегайся того, чтобы не украл сокровища твоего диавол; не бойся видимых мук, но взирай на будущее воздаяние: смело приступи и посрами мучителя! Знай: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим 8:18), которую мы надеемся получить по милости Господней.

Блаженная Наталия также сказала ему:

– Обратись, господин мой, умом своим к одному только Богу, и пусть сердце твое не страшится ничего! Мал труд, но покой бесконечен, кратковременно страдание, но слава мученическая вечна; потерпишь немного болезней и вскоре будешь радоваться с Ангелами. Если ты, служа земному царю, заботился о собирании малых податей, не щадил своего здоровья и готов был умереть на войне, то не с большим ли мужеством теперь надлежит тебе понести всякие мучения и умереть за Царя Небесного, с Коим сам воцаришься!

Когда привели Адриана к нечестивому царю Максимиану, он, взглянув на него, спросил:

– Ужели ты пребываешь еще в своем безумии и хочешь мучением окончить жизнь свою?

– Я уже прежде говорил тебе, – отвечал Адриан, – что я не обезумел, но образумился и готов умереть в сей жизни!

Царь спросил:

– Не принесешь ли ты жертвы и не поклонишься ли богам, подобно тому, как я и все, которые со мною, кланяемся им и приносим жертвы?

– Безумец, – отвечал Адриан, – заблуждаясь сам, зачем же ты и других вводишь в то же заблуждение? Ты ведь не только себя самого подвергаешь погибели, но и весь народ, который слушает тебя, увлекаешь в ту же погибель, советуя и принуждая поклоняться бездушным истуканам, оставив истинного Бога, Творца неба и земли!

– Так ты считаешь наших великих богов малыми? – спросил царь.

– Я, – отвечал Адриан, – не называю их ни малыми, ни великими, ибо они – ничто.

Разгневанный мучитель приказал тогда жестоко бить его палками.

Блаженная Наталия, услыхав, что ее мужа начали бить, известила о том святых мучеников, сказав:

– Господин мой начал страдать!

Святые тотчас же начали молиться за него Богу, чтобы Он укрепил его в муках.

Царь же повелел мучителям приговаривать: «Не хули богов!»

Когда мученика били, он говорил царю:

– Если я мучаюсь за то, что хулю богов, которые не суть боги, то какое же мучение ожидает тебя за хулу Бога Живого и истинного?

– Ты научился говорить так дерзко, вероятно, у этих льстецов? – спросил царь.

Мученик отвечал:

– Зачем ты называешь льстецами наставников на спасение и вождей к вечной жизни? Вы большие обманщики, увлекающие людей в погибель!

Разгневанный Максимиан повелел четверым сильным слугам жестоко бить мученика толстыми кольями.

И когда били Адриана, он говорил:

– Чем более ты, мучитель, изобретешь мне мучений, тем больше исходатайствуешь мне за них венцов!

А блаженная Наталия о всем, что спрашивал царь и что отвечал ему Адриан, передавала святым мученикам.

– Пощади хоть юность свою, – продолжал увещевать мучитель, – и призови богов! Зачем тебе так напрасно и добровольно погибать? Мои боги – велики, и я весьма сожалею о тебе, видя, как тяжко ты мучаешься и как гибнет твоя красота!

– Я щажу себя, – отвечал мученик, – чтобы не погибнуть мне до конца!

– Призови же богов, – упрашивал мучитель, – они помилуют тебя, а я возвращу тебе прежний твой чин. Не должно сравнивать тебя с теми, которые находились с тобою в узах, так как ты человек благородный, сын знатных родителей и хотя молод, но достоин великих почестей; те же узники – бедняки, низкого происхождения и глупые невежды!

– Я знаю, – отвечал мученик, – что тебе известен мой род и происхождение; но если бы ты знал род тех святых и богатое наследие, которого ожидают они, ты бы один из первых припал к их ногам и просил их помолиться о себе и своими же руками уничтожил бы своих бездушных богов!

Разгневавшись еще сильнее, мучитель приказал четверым сильным слугам бить мученика по чреву.

И они били святого до тех пор, пока не прорвалось чрево и из него начали выпадать внутренности. Видя это, мучитель повелел перестать бить.

Блаженный Адриан был молод и нежен телом: ему было лишь двадцать восемь лет от роду.

– Видишь ли, – обратился к нему царь, – как я щажу тебя! Ты хоть одним словом призови богов и тотчас же они будут милостивы к тебе; а я призову врачей, чтобы они залечили твои раны, и сегодня же ты будешь находиться в моем царском дворце!

– Если ты обещаешь мне уход за мною врачей, – отвечал мученик, – и почет в твоем дворце и говоришь, что твои боги будут милостивы ко мне, то все-таки пусть они своими устами скажут мне, что они хотят дать мне, пусть скажут, какое благодеяние обещают они мне! И когда я услышу их слова, то принесу им жертвы и поклонюсь, как ты того желаешь!

– Не могут говорить они! – отвечал царь.

– А если они не могут говорить, – сказал мученик, – то зачем же и поклоняться им, немым и бездушным?

Во гневе и ярости мучитель повелел опять связать святого мученика с прочими узниками и заключить их в темницу, назначив день, когда выведет их на суд.

Тогда воины, взяв святых мучеников, одних повлекли, других, изнемогших от телесных страданий и не могущих ходить, несли на руках, а святого Адриана вели и снова заключили в темницу.

Блаженная Наталия ободряла его и утешала и, обняв, говорила:

– Блажен ты, господин мой, что сподобился участи святых мучеников! Блажен ты, свет очей моих, так как страдаешь ради Пострадавшего за тебя! Вот ты теперь идешь видеть славу Его и быть общником оной, ибо общник Его страданий будет причастником и славы Его.

Во время этого разговора Наталия отирала кровь его и помазывала ею свое тело.

А святые мученики весьма радовались мужественному терпению Адриана и, приступив к нему, лобызали его, говоря: «Мир тебе, брат».

А те, которые не могли ходить от тяжести ран, лежали на полу и ползком приближались к нему, чтобы лобызать его, и все говорили ему:

– Радуйся о Господе, возлюбленный брат, так как имя твое написано с прославленными рабами Божиими!

– Радуйтесь и вы, рабы Христовы, – отвечал Адриан, – вы получите венцы за вашу заботу обо мне! Молитесь же за меня ко Господу, чтобы Он укрепил меня, весьма изнемогшего телом, и чтобы восстающий на меня враг – диавол – ничего не мог сделать со мною!

– Уповай на Бога, – сказали святые. – Сатана не одолеет тебя: ты далеко отогнал его своим страданием. Мы сначала боялись за тебя, думая, что ты, как человек, будешь немощен, а теперь, видя твое крепкое терпение, мы более уже не сомневаемся в тебе и веруем, что при Божией помощи враг ничего не может сделать с тобою; поэтому не бойся: с тобою – Христос, Победитель диавола!

Вместе со святою Наталиею были и другие благочестивые жены, которые прислуживали святым, прикладывая к их ранам целебные лекарства и делая им перевязки, разделив при этом между собою мучеников так, чтобы каждая могла послужить своему всяким за ним уходом.

Узнав о том, что многие благочестивые женщины приходят в темницу и прислуживают узникам, прикладывая к их ранам лекарства, нечестивый царь запретил их допускать туда к узникам.

Видя, что женщинам нельзя было более приходить к мученикам, святая Наталия остригла на голове своей волосы, переоделась в мужское платье и, войдя в темницу в образе мужчины, одна прислуживала не только мужу своему, святому Адриану, но и всем прочим святым мученикам.

Перевязав раны мучеников, она села у ног Адриана и говорила:

– Молю тебя, господин мой, помнить наш союз и мое присутствие при тебе во время твоего страдания и желание тебе венцов; помолись ко Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он взял и меня с собою, чтобы, как жили мы с тобою вместе в этой многоскорбной и исполненной грехов жизни, так неразлучно пребыли и в оной блаженной жизни. Молю тебя, господин, когда предстанешь ты Христу Господу, принеси Ему первую о мне молитву; верю я, что все, о чем ни попросишь ты, даст тебе Господь, ибо молитва твоя любезна Ему и приятно прошение твое. Но ты знаешь нечестие граждан этих и безбожие царя, и я боюсь того, как бы не принудили меня выйти замуж за другого, нечестивца и язычника; тогда осквернится ложе мое и расторгнется союз наш. Молю тебя, соблюди супругу свою, как учит апостол, дай мне в награду за мое целомудрие умереть с тобою!

Сказав это, она встала и снова служила святым, подавая им пищу и питие, омывая и перевязывая их раны.

Благочестивые женщины, узнав, что Наталия в мужском одеянии служит святым, по ее примеру, также остригли волосы на головах своих и, одевшись в мужские одежды, по-прежнему входили в темницу и служили святым.

Когда нечестивому царю стало известно о том, что сделали женщины, а также и о том, что узники весьма изнемогли от гнойных ран и едва живы, он повелел принести к ним в темницу наковальню и железный молот, чтобы перебить мученикам голени и руки, сказав при этом:

– Пусть умрут они не обычною для людей насильственною смертью!

И когда мучители и убийцы-слуги принесли в темницу железную наковальню и молот, Наталия, увидав это и узнав причину их прихода, встретила их с мольбою о том, чтобы они начали с Адриана, так как она боялась, чтобы муж ее, видя лютое мучение и кончину других мучеников, не устрашился.

Мучители послушали Наталию и приступили сначала к Адриану.

А Наталия, подняв ноги мужа своего, положила их на наковальню; мучители сильным ударом молота по ногам

мученика перебили ему голени и отбили ноги.

– Умоляю тебя, господин мой, раб Христов, – сказала Наталия, – пока ты еще жив, протяни руку свою, чтобы отбили ее и ты тогда сравняешься с прочими святыми мучениками, которые более пострадали, нежели ты!

Святой Адриан протянул к ней свою руку, а она, взяв ее, положила на наковальню. Мучитель, ударив сильно по руке молотом, отсек ее и тотчас святой Адриан предал душу свою в руце Божии от великих страданий.

Умертвив святого Адриана, мучители пошли с молотом и наковальнею к прочим мученикам, но они сами клали свои ноги и руки на наковальню и говорили:

– Господи, приими души наши!

После этого нечестивый царь повелел сжечь тела мучеников, чтобы христиане не могли взять их.

Услыхав об этом повелении царя, блаженная Наталия тайно взяла руку мужа своего и скрыла ее у себя, чтобы она не была сожжена.

Когда слуги мучителя разожгли печь и выносили тела святых мучеников из темницы на сожжение, святая Наталия и прочие благочестивые жены следовали за ними и собирали мученическую кровь в свои дорогие одежды и повязки и, храня у себя, мазали ею свои тела. Кроме того, они скупили за деньги у слуг даже и их одежды, обагренные кровью мучеников.

Когда тела святых были брошены в печь, женщины со слезами воскликнули:

– Помяните нас, господа наши, в вечном покое вашем!

А святая Наталия подбежала уже к печи, чтобы броситься в огонь, желая принести себя вместе с мужем в жертву Богу, но была удержана от этого.

Вдруг загремел страшный гром, засверкала молния и пошел сильный дождь, который затопил все места водою и погасил самую печь. Объятые страхом, нечестивые мучители бежали, а многие из них на дороге падали мертвыми, поражаемые молниею.

Когда слуги мучителя разбежались, находившиеся там верные мужи вместе со святою Наталиею и прочими женами

вынули из печи тела святых мучеников целыми, нисколько неповрежденными от огня, так что даже и волоса на них не обгорели.

Один благочестивый муж со своею женою, припадая к Наталии, начал просить ее и прочую братию, говоря так:

– Мы живем на краю города в уединенном месте; мы гнушаемся безбожия и не можем больше смотреть на то жестокое кровопролитие, которое творит нечестивый царь и поэтому не хотим более пребывать здесь и переселяемся в Византию. Дайте нам тела святых мучеников, мы перенесем их на корабль, увезем их отсюда с собою и там сохраним их до смерти нечестивого царя Максимиана; по смерти же его, если будем живы, мы возвратимся и привезем тела святых опять сюда, чтобы они были почитаемы всеми. Если же они ныне останутся здесь, то царь опять велит их сжечь и вы будете предателями тел, которые сохранил Бог от сожжения посредством дождя.

Все согласились и перенесли тела мучеников на корабль, чтобы отправить их в Византию; а ветер к отплытию корабля был благоприятен.

Между тем святая Наталия жила в своем доме, имея у себя руку любезного своего супруга, святого Адриана, которую она, помазав драгоценным миром и обвив порфиром, положила в изголовье своей постели, чего никто не знал из ее домашних.

Спустя некоторое время один знатный муж, саном тысяченачальник, пожелал жениться на Наталии, так как она была молода, красива собой и богата. Он просил царя, чтобы тот позволил ему взять за себя замуж жену Адрианову и царь согласился на этот брак. Жених немедленно же послал к Наталии знатных женщин с предложением своей руки. Но Наталия сказала им:

– Я рада вести, что такой муж хочет взять меня замуж; но прошу вас подождать до трех дней, чтобы приготовиться мне, так как я никак не ожидала, чтобы кто захотел так скоро сочетаться со мною браком.

Говоря это, блаженная Наталия замыслила бежать туда, куда были увезены тела мучеников.

Отпустив к тысяченачальнику присланных к ней женщин и обнадежив их, сама она, войдя в спальню свою, где хранилась рука святого Адриана, и павши на землю, с плачем воззывала ко Господу:

– Господи Боже наш, Боже скорбящих и сокрушенных сердцем, призри на меня, рабу Твою, и не допусти, чтобы осквернилось ложе мученика твоего Адриана. Не забудь, Владыка, страданий раба Твоего, которые он претерпел ради святого Твоего имени! Милостивый Господи! Помяни преломление голений и отсечение рук его и прочих рабов Твоих, претерпевших ради Тебя, и да не напрасны будут их страдания. Помилуй ради их и меня и не допусти до сожительства с Твоими врагами. Ты, избавивший от огня святых оных, избавь и меня от намерения скверного человека!

Во время сей молитвы Наталия от изнурения и печали задремала и уснула тонким сном, и вот, в сонном видении ей явился один из святых мучеников и сказал:

– Мир тебе, раба Христова, Наталия! Верь, что Бог не презрел тебя и мы также не забыли твоих трудов, которые ты понесла своим уходом за нами во время заключения нашего в темнице; предстань пред лицо Христа, мы молим Его о том, чтобы Он повелел и тебе поскорее прийти к нам.

Блаженная же Наталия спросила его:

– А скажи мне, святой мученик, предстал ли с вами Христу Господу господин мой Адриан?

Мученик отвечал:

– Он прежде нас предстал пред Владыкою! А ты ступай и немедленно сядь на корабль и плыви туда, где находятся наши тела; там явится тебе Господь и приведет тебя к нам!

Пробудившись от сна, святая Наталия тотчас же покинула все и, взяв одну только руку святого Адриана, вышла из дома и, подойдя к берегу морскому, увидала корабль, как бы нарочито ее ожидающий и готовый отплыть в Византию. Войдя в оный, она увидала на нем людей обоего пола и всех христиан, бежавших от мучения нечестивого царя Максимиана, и воздала славу Богу.

Тысяченачальник же, узнав об отъезде Наталии, выпросил у царя на помощь воинов и, сев на другой корабль, погнался за нею. Когда корабль его отплыл от берега на тысячу стадий, подул на море противный ветер, который погнал корабль назад к берегу на то место, откуда он отплыл, и причинил ему большой вред, так что многие из бывших на корабле потонули. А христианский корабль, на котором была святая Наталия, плыл без всякой опасности. В полночь явился им диавол, как бы плывущий на корабле с востока, имея при себе людей наподобие моряков; диавол спросил христианских корабельщиков как бы голосом кормчего:

– Вы откуда и куда держите путь?

Те отвечали:

– Мы из Никомидии, плывем в Византию[5259].

Враг сказал им:

– Вы сбились с прямого пути, поверните корабль на левую сторону.

Говоря так, диавол хотел их обмануть и утопить. Христиане, поверив лживому совету и думая, что, встретившиеся им, действительно плывут с востока, начали направлять паруса и корабль налево; но вдруг явился им святой мученик Адриан, сиявший светом, и закричал громким голосом:

– Плывите по предпринятому пути и не слушайте слов врага, наверно приготовляющего вам погибель.

Сказав так, мученик, казалось, пошел вперед по водам, а диавол исчез вместе со своим кораблем.

Блаженная Наталия, встав, увидела святого Адриана, идущего впереди корабля и воскликнула:

– Вот мой господин!

И тотчас святой стал невидим.

Подул благоприятный ветер. Путешественники прибыли в Византию до рассвета и пристали к берегу, на котором вблизи находился храм, где были положены тела святых мучеников, и с радостью высадились.

Придя в храм к телам святых мучеников, святая Наталия с несказанною радостью припала к ним, лобызая их и проливая от радости слезы; приложив руку святого Адриана к его телу,

она преклонила колена и долго молилась. Потом после продолжительной молитвы она встала и облобызала находящихся на оном месте братьев и сестер, так как там собралось много верных христиан, которые приняли ее с радостью, ввели ее внутрь дома и стали просить ее немного отдохнуть, так как видели, что она очень изнемогла от морского плавания. Когда она крепко заснула, ей явился во сне святой Адриан и сказал ей:

– Хорошо, что ты пришла сюда, раба Христова и дочь мученическая: приди в покой свой, уготованный тебе от Господа, приди и восприми должную тебе награду!

Встав от сна, святая Наталия рассказала свой сон находившимся при ней христианам и просила их помолиться о ней. После этого она уснула снова. Верующие через час пришли разбудить ее, но нашли ее уже скончавшеюся, ибо ее святая душа отошла в вечный покой ко Господу. Так, вскоре после страданий святых мучеников, и святая Наталия окончила свой мученический подвиг, хотя и без пролития крови. Много она спострадала святым мученикам, служила им в темнице и смотрела на их страдания, а также покинула ради целомудрия и дом свой и отечество, и в лике мучеников предстала пред Христом, Спасителем нашим, Коему со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Мученицы Твои, Господи, во страданиих своих венцы прияша нетленныя от Тебе Бога нашего: имуще бо крепость Твою мучителей низложиша, сокрушиша и демонов немощныя дерзости, тех молитвами спаси души наша.

Кондак, глас 4:

Жены Богомудрыя Божественныя словеса, в сердце положив Адриане мучениче Христов, к мучениям усердно устремился еси, с супругою венец прием.

Празднество в честь сретения Владимирской иконы Божией Матери

Память 26 августа

В княжение благоверного великого князя Василия Дмитриевича[5260], при святейшем митрополите Киприане[5261], случилось нашествие на землю Российскую агарянского царя (завоевателя монгольского) Тамерлана; сей Тамерлан, поднявшись с востока с великим воинством, покорил много стран и, наконец, приблизился к пределам страны Российской. Подойдя к границам области Рязанской, Тамерлан взял город Елец, пленил князя елецкого и умертвил многих христиан; ибо был ненавистником и грозным преследователем христиан. Тамерлан похвалялся опустошить всю землю российскую и искоренить веру христианскую; сей опустошитель направил путь свой к городу Москве, намереваясь его разрушить.

Когда великий князь Василий Дмитриевич услышал об этом, то собрал своих воинов и направился к городу Коломне. Отправившись отсюда, он остановился на берегу реки Оки и ополчился здесь против неприятеля; Тамерлан же простоял на одном месте пятнадцать дней. Когда великий князь (и все воины христианские) узнал о великой силе нечестивого царя, пришедшего в Россию с многочисленным войском, услышал также и о его злом намерении, то вместе с воинами поднял к небу руки свои и помолился со слезами к Господу и к Пречистой Матери Божией, прося об избавлении от того безбожного агарянина: великий князь призывал на помощь угодников Божиих, святых иерархов Петра и Алексия, преподобного Сергия и прочих российских чудотворцев.

Одновременно с тем великий князь попросил отца своего духовного, преосвященного митрополита Киприана, объявить народу пост с молитвою; великий князь просил также митрополита взять из города Владимира чудотворную икону Матери Божией и принести эту икону в Москву для защиты престольного города российского. Святитель Божий Киприан и ранее помышлял принести в Москву упомянутую честную икону

Матери Божией; когда же получил повеление от князя, тогда со усердием возблагодарил Бога за то, что Он вложил в сердце великого князя ту же мысль; единомыслие с великим князем святейший митрополит принял за знамение Божия благоволения и соизволения на то, чтобы чудотворная икона Богоматери была принесена в Москву.

В скором времени после этого митрополит послал во Владимир нарочитых мужей чина духовного, дабы взять там честную икону Богоматери; собрав весь чин духовный и множество народа, святейший митрополит соборно принес молебствие о победе над врагами и заповедал всем пост с молитвою, сам же не отходил от церкви, совершая службы днем и ночью и молясь со слезами о великом князе, о воинах его и о всех православных христианах.

Когда честная икона, взятая в городе Владимире, приближалась к городу Москве, в пятнадцатый день месяца августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, навстречу ей вышел преосвященный митрополит с прочим чином духовным и со множеством народа. Увидав ту святую икону, все пали на землю и поклонились ей как Самой Пречистой Матери Божией, пришедшей к ним, и с великою радостью приняли ее; взирая на сию икону, все проливали слезы со умилением и молились Богоматери об избавлении от нашествия агарян.

Общая усердная молитва не была напрасною: в тот же день, в который честная икона Пресвятой Богородицы была принесена в Москву, нечестивый царь агарянский Тамерлан пришел в ужас, быв испуган страшным видением во сне, и побежал обратно со всем войском своим, хотя никто его не преследовал.

Видение же было ему такое: он увидал пред собою высокую гору, с верха которой шли святители на него, неся в руках золотые жезлы и угрожая ему; над святителями сими Тамерлан видел в воздухе необычайный свет; видел он также и Царицу некую, стоявшую среди тех святителей в несказанной славе, облеченную в ризу багряную и сиявшую молниеносными лучами ярче солнца. Кругом сей Царицы находилось бесчисленное множество вооруженных воинов, служивших Ей и как бы

приготовившихся на войну. Руки Царицы были простерты к небу – Она как бы молилась. Тамерлану казалось, что Царица сия угрожала ему, повелевая отойти от пределов земли Российской и как бы приказывая воинству Своему устремиться на него.

От сего страшного видения Тамерлан пришел в ужас; встав с постели своей, он в страхе закричал:

– Горе мне, ибо я видел страшное зрелище!

И трепетал несчастный, сотрясаясь и стеная, и находился как бы в исступлении.

Спустя некоторое время Тамерлан пришел в себя, позвал князей и военачальников своих и рассказал им все, что видел, трясясь от страха.

Они же, выслушав рассказ Тамерлана и увидав, что он трясся от страха, пришли также в ужас и, недоумевая, спрашивали друг друга:

– Что же будет теперь?

Некоторые же говорили:

– Виденная Царица есть Матерь Бога христианского, Господа Иисуса Христа; несомненно, Она намерена защитить христиан, ибо Она их Помощница и Заступница.

Тамерлан сказал:

– Если христиане имеют такую Помощницу, то мы понапрасну вооружились на них; мы трудимся суетно; ибо если Она пошлет только одного из числа предстоящих Ей, то Она победит нас всех, так что мы не найдем и места, куда мы могли бы убежать.

Таким образом тот нечестивый царь со всем своим воинством агарянским возвратился обратно, убежав со стыдом, ибо агарянам казалось, что многие полки воинов из земли Российской преследовали их; придя от сего в страх и трепет, агаряне давили друг друга, бросали оружие свое и оставляли свою добычу, а также и все, взятое в плен.

Так дарована была православным христианам победа над врагами без боя и поражение без пролития крови, по молитвам Пресвятой Девы Богородицы.

Сие нашествие Тамерлана вместе с агарянами и чудесное изгнание его из пределов земли Российской совершилось в 6903

году от сотворения мира[5262]; с того времени в царствующем городе Москве был установлен праздник в честь сретения иконы Пресвятой Девы Богородицы, именуемой Владимирской[5263], в незабвенное и благодарственное воспоминание чудесного избавления от агарян, дарованного по заступлению Матери Божией. Да будет и от нас воссылаться всегда Матери Божией вместе с родившимся от Нее Христом Богом честь, слава и поклонение ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Днесь светло красуется славнейший град Москва, яко зарю солнечную восприимши, владычице, чудотворную Твою икону, к нейже ныне мы притекающее и молящеся Тебе взываем сице: О пречудная Владычице Богородице, молися из Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит град сей, и вся грады и страны христианския невредимы от всех навет вражиих, и спасет души наша, яко милосерд.

Кондак, глас 8:

Взбранной воеводе победительная яко избавльшеся от злых пришествием Твоего честнаго образа, Владычице Богородице, светло сотворяем празднество сретения Твоего, и обычно зовем ти: радуйся Невесто Неневестная.

Житие преподобного отца нашего Пимена Великого

Память 27 августа

Преподобный Пимен был родом египтянин[5264]; вместе со своими двумя младшими братьями он ушел в один из общежительных монастырей египетских; здесь вместе с братьями он принял образ иноческий[5265].

Спустя несколько лет после этого, мать этих братьев, по чувству естественной любви матери к детям, отправилась к ним, желая видеть их, однако, не могла их видеть и потому встала около храма, в ожидании их прихода в храм на молитву. Когда они направлялись к храму, мать подошла к ним, но они побежали от нее назад, и, войдя в келью, закрыли от нее двери; подойдя к дверям, она начала стучать и призывать сыновей своих, стоя вне келлии и плача со умилением. Но иноки не только не открывали дверей келлии, но даже ничего не отвечали. Между тем в то время, когда та женщина плакала долгое время, стоя у дверей келлии, авва Анувий, услышав обо всём, вошел иными дверями к инокам и сказал Пимену:

– Что же мы сделаем с этою старицею? Вот она уже долгое время горько плачет, не отходя отсюда.

Тогда Пимен, встав, подошел к дверям и спросил:

– О чем ты плачешь, старица?

Она же, услышав его голос, но не видя его самого, так как двери были затворены, сказала:

– Я хочу видеть вас, дети мои! Не моими ли сосцами я питала вас? Не я ли вырастила вас? И вот ныне я нахожусь уже в преклонных летах; я весьма страдаю сердцем, слыша голос детей своих, но не видя их. Я весьма хочу видеть вас, дети мои, прежде, нежели умру.

Пимен сказал:

– Где желаешь ты видеть нас: здесь, или в той, будущей жизни?

Она отвечала:

– Увижу ли я вас там, чада мои, если не буду видеть здесь?

Пимен отвечал:

– Если ты благодушно потерпишь и не увидишь нас здесь, то мы надеемся, что, по человеколюбию Божию, ты непременно увидишь нас там.

Внимая тому, что было сказано, она ответила:

– Действительно, я предпочитаю видеть вас там, нежели здесь.

Потом отошла с великою надеждою, весьма радуясь, ибо желала видеть детей своих лучше в будущей жизни, нежели в жизни временной.

Блаженный Пимен, проводя дни и годы в трудах постнических и непрестанно пребывая в молитвах, преуспевал в добродетелях иноческих и, при помощи Божией, мужественно ополчился на невидимого супостата; он умерщвлял свою плоть, воевавшую на дух, истощал ее, как некоего пленника, великими трудами и покорял ее на служение духу; таким образом, он восшел на вершину бесстрастия и стал славнейшим из всех пустынных отцов, как наиболее совершенный в добродетелях.

Спустя некоторое время правитель страны той пожелал видеть преподобного отца нашего Пимена и послал к нему вестника с просьбою дозволить ему прийти к преподобному. Старец же весьма опечалился, размышляя в себе так:

– Если вельможи будут приходить ко мне, дабы оказать мне честь, то и из народа многие будут приходить ко мне и беспокоить меня; они помешают моему безмолвию, и я лишусь благодати смирения, которую я при помощи Божией стяжал с юности великими трудами; тогда я легко могу впасть в гордость.

Рассудив в себе так, преподобный отказался видеть князя и просил его через того же вестника не приходить к нему, – так как, – сказал преподобный, он не увидит его; напротив, отгонит его с места того.

Услыхав такой ответ, князь весьма опечалился и сказал:

– Это за грехи мои я не удостоился видеть человека Божия.

Однако весьма желая видеть как-нибудь святого старца, придумал такую хитрость: взял, как бы за некоторый проступок, сына сестры старца и заключил его в темницу, надеясь, что старец будет ходатайствовать пред ним за своего племянника;

таким путем думал он увидать святого. Поэтому князь сказал своим слугам:

– Если придет авва Пимен, то тотчас же выпущу юношу на свободу; а если не придет, – то не оставлю без наказания провинившегося: ибо проступок его весьма велик.

Когда мать юноши (сестра Пимена) услышала об этом, то тотчас же отправилась в пустыню к брату; придя к его отшельнической келлии, она начала стучать в дверь, слезно моля его пойти к князю и походатайствовать за ее сына, дабы он был освобожден.

Старец же не только не отрыл ей двери, но ничего не ответил.

Однако сестра долгое время продолжала со слезами упрашивать старца, стуча в дверь; но так как она не получила ответа, то начала с укоризнами и гневом говорить старцу:

– Немилосердный, бесчувственный, жестокий, безбожный и зверонравный! Неужели тебя не трогают слезы мои? Ведь сын мой, который у меня только один, находится в смертной опасности!

Старец же послал ученика сказать ей:

– Иди отсюда: Пимен не имеет детей и потому он не печалится.

Сестра возвратилась с горьким плачем, укоряя брата.

Когда князь услышал обо всём происшедшем, то сказал своим друзьям:

– Скажите старцу, – пусть напишет ко мне письмо с ходатайством об освобождении, и тогда я отпущу из темницы племянника его.

И многие советовали старцу написать письмо князю. Старец написал так:

– Прикажи властию своею хорошенько исследовать преступление провинившегося юноши, и если будет найдено что-либо достойное смерти, то пусть он умрет, дабы временною казнию избегнуть мук вечных; если же провинившийся не окажется достойным смерти, то, наказав его, как требует закон, отпусти.

Когда князь прочитал такое послание старца, то удивился уму и добродетели мужа, поняв, что то был истинный угодник Божий; князь отпустил юношу; преподобный же Пимен, избегая суетной славы и почестей людских, скитался по разным странам долгое время. Потом поселился снова в египетской пустыне и пребывал в ней до старости, угождая Богу трудами постническими; и многих иноков отцом был сей святой Пимен.

Поучая учеников своих смиренномудрию, так как и сам был смиренномудр, преподобный приводил ученикам в образец сказание о некоем старце (быть может, о себе самом), говоря так:

– Еще не так давно один монах египтянин жил близ Царьграда на некоем пустынном месте, имея небольшую келью. Случилось один раз проходить местом тем благочестивому царю Феодосию (Младшему[5266]); услышав об иноке, жившем там, царь оставил всех своих спутников и, приняв вид одного из простых воинов, направился к дверям келлии старца. Когда царь постучал в двери, инок открыл келью, но не узнал в пришедшем царя, а принял его за простого воина. Сотворив молитву, оба сели. Потом царь спросил:

– Как подвизаются отцы, обитающие в Египте?

– Все молят Бога о спасении нашем.

Осмотрев кругом всю келью старца, царь не нашел в ней ничего, кроме корзины, висевшей на стене, а в ней немного сухого хлеба; потом сказал старцу:

– Отче! Благослови меня вкусить немного.

И тотчас старец налил воду в сосуд, насыпал соли и положил куски сухого хлеба; и ели оба вместе; затем старец принес кувшин с водою и дал пить царю. После трапезы царь спросил старца:

– Знаешь ли ты, кто я?

Он отвечал:

– Не знаю, господин, Бог знает тебя.

Тогда царь сказал ему:

– Я – царь, Феодосий.

И тотчас старец поклонился ему.

Потом царь сказал:

– Блаженны вы, иноки, так как вы свободны от забот суетного мира сего и проводите жизнь безмолвную, заботясь лишь о том, как получить жизнь небесную, вечную и блага небесные. Воистину говорю тебе, что я, рожденный в своем царстве и сейчас состоящий царем, никогда не вкушал с такою сладостью хлеба и не пил воды, как ныне вкусил и пил с большим удовольствием.

Старец же отвечал:

– Это потому, что мы, монахи, вкушаем пищу с молитвою и благословением; по этой причине и самая простая пища бывает вкусною. В ваших же домах приготовление кушаний совершается без молитвы, но со многими ссорами и разговорами праздными; по сей причине ваша пища не получает благословения, которое могло бы усладить ее.

Воздав целование старцу, царь отошел оттуда и с тех пор весьма почитал того монаха.

Между тем старец, боясь погибельного самопревозношения и гордости, дабы не потерять дара смирения своего из-за почитания людского и дабы не лишиться благодати Божией, встав, бежал оттуда и потом опять пришел в Египет.

Такое сказание поведал ученикам своим святой Пимен, желая научить их смирению; этим сказанием святой Пимен хотел научить учеников своих уклоняться от суетных похвал и почестей, которые приносят инокам не пользу, а вред.

Святой Пимен поучал учеников своих и прочим добродетелям; наставления его были всегда действительными, ибо он мог всякого научить пути спасительному; подобно тому как жизнью своею он являл равноангельский образец добродетели, так и слово его было всем на пользу. И приходили к нему не только новоначальные, но и состарившиеся в подвигах иноческих и спрашивали его о том, что полезно для спасения души; все, приходившие к преподобному, получали от него Богомудрые и богодухновенные ответы в назидание душ своих; ответы те записывались некими в Отеческие книги[5267]. Некоторые из этих ответов припомним здесь.

Некто спросил авву Пимена, говоря так:

– Если я увижу брата моего, согрешившего, должен ли я скрыть грех его?

Пимен отвечал:

– Если мы скроем грехи братьев наших, то и Бог скроет грехи наши.

Некоторый брат сказал авве Пимену:

– Отче! Я нахожусь в смущении и думаю уйти отсюда.

Старец сказал:

– По какой причине ты хочешь уйти отсюда?

Брат отвечал:

– Я слышу дурные речи об одном из числа здесь живущих братий и соблазняюсь.

Старец сказал:

– То, что ты слышал, неправда.

Брат ответил:

– Воистину, отче, то было правдой, потому что передавший мне о том заслуживает всякого вероятия.

Но старец сказал:

– Нет, передавший тебе не заслуживает веры, ибо, если бы он заслуживал веры, то не передал бы тебе то. Но ты никогда не верь тому, что говорят тебе, если сам не видел того; ибо и Бог, услышав вопль Содомский, не удостоверился, пока не сошел Сам, дабы видеть всё очами Своими[5268]: «и сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» (Быт.18:20–21).

Брат сказал на это:

– И я, отче, своими собственными глазами видел, как брат тот творил грех.

Услышав это, старец посмотрел на землю; потом, взяв с земли небольшой сучок, сказал брату:

– Что это?

Брат отвечал:

– Это сучок.

Потом старец посмотрел на верх постройки и, указав на бревно, на котором покоилась крыша здания, спросил:

– А это что?

Брат отвечал:

– Это бревно.

И сказал старец брату:

– Запомни же в сердце своем, что грехи твои подобны сему бревну, грех же брата, о котором ты говоришь, подобен сему сучку; тогда ты никогда не будешь приходить в смущение и соблазн.

Эти слова святого Пимена слышал авва Сисой, бывший тогда у него: весьма удивившись слышанному, он сказал святому Пимену:

– Как восхвалить тебя, авва Пимен! Поистине слова твои преисполнены благодати и славы, как некий камень драгоценный!

Тогда авва Пимен сказал:

– Сказано: свидетельствуй лишь о том, что видели очи твои. Но я говорю вам, что если вы увидите что и очами своими, не давайте тому веры.

И потом рассказал такой случай.

Некий брат был осмеян бесом таковым призраком: он видел иного брата, творившего грех с женщиною; брат смутился в мыслях и был обуреваем похотью. Подойдя, он толкнул их ногою своею, сказав:

– Оставьте; для чего вы согрешаете?

Но оказалось, что то были снопы пшеницы, а не люди.

Поэтому, – заключил Пимен, – говорю вам: не давайте веры и тому, что видите очами своими.

Авва Анувий сказал святому Пимену:

– Но какой ответ ты дал бы Богу, если бы ты видел грешника и не обличил бы его?

Пимен сказал на это:

– Я сказал бы Богу так: Господи! Ты повелел: «вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Мф.7:5). Я исполнил повеление Твое.

Потом некий брат спросил авву Пимена, сказав так:

– Отче! Я совершил тяжкий грех. Я хочу провести в покаянии три года. Но достаточно ли трех лет для покаяния?

Старец отвечал:

– Этого много.

Тогда брат сказал:

– Итак, ты приказываешь каяться только один год?

На это старец отвечал:

– И этого много.

Когда об этом услышали другие братья, то сказали:

– Следовательно каяться следует не более сорока дней?

Но старец на это сказал:

– И этого много.

И потом прибавил:

– Я думаю, что, если человек покается от всего сердца своего и положит твердое намерение более не возвращаться ко греху, то Бог примет и трехдневное покаяние его.

Иной брат спросил авву Пимена, сказав так:

– Как должно жить человеку?

Старец отвечал:

– Из примера Даниила мы видим, что его не могли оклеветать ни в чем, кроме того, что он служил Господу Богу своему.

Этими словами святой дал понять, что человеку должно жить так, чтобы вся жизнь его была ничем иным, как только служением Господу Богу.

Другой инок спросил:

– Каким образом уберечься мне от козней врага?

Отвечал отец:

– Когда котел, разжигаемый снизу, кипит, то ни муха, никакое другое насекомое не может коснуться его; когда же он остынет, то на него садятся и мухи, и насекомые. Подобно сему и к иноку, со усердием подвизающемуся в делах добродетели, враг не смеет приступить и увлечь его в свои сети; к человеку же, проводящему жизнь в беспечности и лености, враг приступает с легкостью и увлекает ко греху, как хочет.

Некто спросил старца о том, как можно избавиться от навязывающихся уму злых помыслов. Старец отвечал на это:

– Случай этот подобен человеку, имеющему по левую сторону от себя огонь, а по правую сосуд с водою; если человек

загорится от огня, то возьмет воду из сосуда и загасит огонь. Огонь – это помыслы злые, которые враг нашего спасения влагает в сердце человеку, как искру в некую храмину, дабы человек распалился пожеланием греховным; вода же – это молитвенное устремление человеком себя к Богу.

Опять спросил старца Пимена авва Аммон о помыслах злых, исходящих от сердца, и о суетных пожеланиях. И отвечал старец от святого Писания, сказав так:

– Какую славу может получить топор, без секущего им? И может ли хвалиться пила, не имея работника? Так и ты не посылай на помощь злым помыслам своего соизволения, и все эти помыслы рассеются.

Авва Иосиф спросил авву Пимена о посте, сказав так:

– Как подобает поститься?

Старец отвечал:

– Я каждодневно вкушаю немного пищи, не насыщаясь вполне.

Авва Иосиф спросил:

– А когда ты был юношей, то не постился ли ты по два дня?

Отвечал Пимен:

– Поистине постился и не только по два дня, но и по три, и по целой неделе; но святые отцы, испытавшие то и другое, нашли, что лучше вкушать каждодневно, но понемногу; ибо это царский путь (ко спасению), более легкий и удобный, дабы не превозносился ум.

Игумен монастыря Великого спросил авву Пимена, сказав так:

– Каким образом я могу стяжать умиление?

Старец отвечал:

– Разве может быть умиление в том сердце, которое помышляет о сырах, сосудах с маслом и иных житейских делах?

Иной спросил старца:

– Что лучше: говорить, или молчать?

Старец отвечал:

– Кто говорит Бога ради, тот хорошо делает; также и тот, кто молчит Бога ради, хорошо поступает.

Такие мудрые ответы давал старец на вопросы; кроме того в Отечниках находятся многие мудрые изречения святого Пимена. Вот некоторые из них.

Авва Пимен говорил:

– Когда человек намеревается строить дом, то собирает многие предметы, из которых можно построить дом; подобно сему и мы легко созиждем в себе дом духовный, если возьмем по небольшой частице от каждой добродетели.

Сказал еще:

– Человеку необходимо соблюдать три главных правила: бояться Бога, часто молиться и творить добро ближнему.

Говорил также авва Пимен:

– Нестяжание, терпение и рассудительность – вот три основы иноческого жития; ибо написано: если бы нашлись в ней сии три мужа: «Ной, Даниил и Иов, – то они праведностью своею спасли бы только свои души» (Иез.14:14). Ной – образец нестяжательности, Иов – терпения, Даниил же рассудительности; если в иноке окажутся сии три добродетели, то Бог, спасающий Его, возобитает в нем.

Говорил еще старец:

– Если инок возненавидит два предмета, то может быть свободным от соблазнов мира сего.

Брат спросил старца:

– Какие же это предметы?

На это старец ответил:

– Покой плоти и тщеславие.

Потом старец сказал:

– В Евангелии написано: «имеющий одежду, пусть продаст ее и купит нож» (Лк.22:36); это значит: имеющий покой плоти своей, пусть оставит его и начнет проводить жизнь суровую, вступив на путь тесный.

Потом еще сказал:

Когда Давид боролся со львом или медведем, то умерщвлял зверя, взяв его за гортань (1Цар.17:34–35); подобно сему и мы с Божиею помощью победим льва, – диавола и медведя, – плоть нашу, если наложим узду воздержания на гортань и чрево наше.

Еще старец сказал:

– Если бы Навузардан, – начальник над поварами царя вавилонского, не пришел в Иерусалим, храм Господень не был бы сожжен; подобно сему и в нас не воспалится огонь вожделения греховного, а также и ум наш, борющийся со врагом, никогда не потерпит поражения, – если мы не будем преданы объедению и неге.

Говорил еще старец:

– Подобно тому, как пчелы бегут от дыма, позволяя людям пользоваться сладкими плодами их работы, так покоем тела отгоняется от души нашей страх Господень и она (душа) лишается всякого доброго дела.

Затем еще сказал:

– Подобно тому, как всякий оруженосец царский стоит близ царя, будучи всегда готовым к защите его, так и душе нашей должно быть всегда готовой на борьбу с бесом блудодеяния.

Однажды авва Пимен услышал о брате некоем, постившемся по шести дней и вкушавшему немного пищи только на седьмой день, но вместе с тем гневавшемся на брата своего, Авва Пимен сказал о таковом:

– Научился поститься шесть дней, а от гнева не может воздержаться и один день.

Пресвитер одного монастыря, услыхав о неких братиях, ходивших часто в город, мывшихся в бане, не прилежавших к спасению своему, – разгневался на них и, придя в монастырь, снял с них одеяние монашеское; но потом раскаялся, пошел к авве Пимену и рассказал ему о всем, что он сделал с теми братьями. Старец же сказал ему:

– Не имеешь ли и ты в себе чего-либо от ветхого человека; или, быть может, ты окончательно совлекся его[5269]?

Пресвитер услышав от старца такие слова, умилился, призвал тех братий, которых огорчил, раскаялся им и снова облек их в одеяние монашеское.

Однажды пришел к авве Пимену авва Исаак и, увидав, что он возливал на ноги свои небольшое количество воды, сказал ему:

– Как жестоко иные удручают тело свое!

Старец же сказал ему:

– Мы не научены быть телоубийцами.

И потом сказал:

– Бывает иногда, что человек кажется молчащим: но если сердце его осуждает других, то он говорит всегда. И есть такие, которые с утра до вечера говорят языком, но в то же время соблюдают молчание (ибо не осуждающий ближнего – то же, что молчащий).

Авва Иосиф рассказал, повествуя так:

– Когда однажды мы сидели у аввы Пимена, среди нас был юный брат Агафон; желая что-то сказать сему Агафону, старец (Пимен) назвал его аввою, сказав так:

– Авва Агафон.

Но мы сказали старцу:

– Этот брат еще юн; почему ты называешь его аввою?

Старец же отвечал:

– Уста его молчаливые заставляют меня называть его аввою.

Потом говорил еще авва Пимен:

– Брат, находящийся вместе с ближним своим, должен уподобиться истукану каменному; будучи обижаем, он не должен гневаться; будучи хвалим, он не должен превозноситься.

Еще сказал:

– Злом никогда не победить зла; если кто-либо причиняет тебе зло, то окажи таковому добро; тогда твоя добродетель препобедит его злобу.

Этой добродетели (как и другим добродетелям) преподобный Пимен поучал и самым делом; ибо до его прибытия из скита в Египет, в Египте жил некий старец, почитаемый всеми. Когда на то место пришел авва Пимен, то многие, оставив того старца, начали приходит к Пимену; по сей причине тот старец начал гневаться на пришедшего авву (Пимена), стал завидовать ему и говорить о нем дурное. Когда авва Пимен услыхал об этом, то опечалился и сказал своим братиям:

– Что теперь делать нам, ибо люди эти повергли нас в скорбь, оставив столь святого и добродетельного старца и придя к нам, незначащим ничего? Каким образом мы устраним гнев великого отца того? Приготовим немного пищи, возьмем немного вина, пойдем к старцу, вкусим с ним; быть может таким образом мы умилостивим сердце его.

Взяв немного пищи и вина, они отправились к тому старцу и постучали в двери келлии его. Ученик того старца, услышав стук, спросил:

– Кто это?

Ему ответили:

– Скажи авве твоему, что Пимен с братиею своею пришел, дабы принять от твоего аввы благословение.

Ученик пошел и рассказал об этом старцу. Старец же, выслушав сказал:

– Пойди и скажи им: идите отсюда, ибо у меня нет времени видеть вас.

Когда ученик сказал так пришедшим, то сии последние ответили ему:

– Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не сподобимся поклониться старцу.

И стояли на зное солнечном при дверях келлии.

Видя смирение и терпение пришедших, старец умилился, открыл им двери и принял их с лобзанием; севши, все беседовали с любовью и вкусили принесенного. Потом старец тот сказал:

– Поистине не только справедливо то, что я слышал о вас, но я вижу в вас добрые дела во сто крат большие.

С того времени старец стал миролюбиво относиться к авве Пимену.

Так умел преподобный Пимен устранять злобу враждующего на него и давал пример этого другим.

Преподобный Пимен умел врачевать иных и молчанием своим, как словом.

Однажды пресвитеры страны той посетили монастырь, в котором пребывал преподобный; авва Анувий, желая хотя несколько угостить их, вошел к преподобному Пимену и сказал

ему об этом. Однако Пимен не дал ответа, но пребывал в молчании долгое время; и отошел от него авва Анувий с печалью.

Потом братия, бывшие у него, спросили его (авву Пимена):

– Почему ты не дал ответа авве Анувию?

Старец же отвечал им:

– Я не имел для этого орудия (т.е. языка); ибо я мертв; мертвый же не говорит; поэтому не считайте меня пребывающим с вами.

Так поступил старец для того, чтобы его не звали к тем новопришедшим братиям на трапезу; ибо о нем повествуют и сие, что, когда братия призывали его вкусить вместе с ними пищу, он шел с плачем, как бы нехотя; ибо не желал насыщать чрева своего, но вместе с тем не хотел ослушаться братий, дабы не огорчить их.

Некий инок, услышав о добродетельном житии преподобного Пимена, пришел к нему из далекой страны, дабы видеть его и поучиться от него; старец принял инока с честью; облобызав друг друга, сели; инок начал беседовать со старцем от Божественного Писания, о вещах трудноуразумеваемых, о которых говорится в Писании, и о предметах небесных. Отец же Пимен, отвернув лицо свое, молчал и не давал никакого ответа пришельцу. Инок тот долгое время говорил от Писания, но не получал ответа от старца, ибо он молчал; потом инок вышел из келлии с печалью и сказал ученику старца:

– Понапрасну я предпринял столь великий и трудный путь: я пришел сюда ради него (аввы Пимена), но он не сказал мне ни одного слова.

Потом, войдя к старцу, тот ученик сказал ему:

– Отче! Ради тебя пришел сей честный муж, славный среди иноков страны своей: почему же ты не сказал ему ничего?

Старец отвечал:

– Он от вышних, – и говорит о предметах небесных, а я от нижних, – и могу говорить только о земном. Если бы брат, пришедший к нам, говорил о душевных страстях, о плотских немощах, то я отвечал бы ему; а так как он говорит о предметах небесных, то о них я ничего не могу сказать.

Ученик, выйдя от старца, пошел к тому иноку и сказал ему:

– Знай, отче, что старец неохотно беседует от Божественного Писания, но если кто-либо начинает говорить с ним о страстях душевных, тогда старец отвечает.

Умилившись, инок тот вошел к старцу и спросил его:

– Авво! Что делать мне, ибо я во власти страстей?

Тогда, посмотрев на него с радостным лицом, старец сказал:

– Хорошо сделал ты, что пришел; теперь я открою уста свои и наполню их благими речами.

И беседовал с ним достаточное время о том, как побеждать восстающие на нас похоти. Весьма насладившись богодухновенными словами старца, инок тот возблагодарил Бога за то, что Он сподобил его видеть такового старца и слышать его беседу; и возвратился к своим, радуясь, что получил великую пользу для души.

Потом иной инок, авва Исаак, пришел к отцу Пимену и нашел его сидящим молча и как бы находящимся в исступлении. Подождав достаточное время, но не видя, чтобы старец пришел в себя, инок тот сделал земной поклон старцу, сказав:

– Скажи мне, отче, где был ты умом своим?

Он же, был вынужден на ответ усиленною просьбою, ответил:

– Мой ум был там, где плакала Пречистая Дева Мария Богородица, стоя при кресте; и я хотел бы так всегда плакать.

Таковой великий в отцах, преподобный Пимен, изучивший всякую добродетель, приносивший пользу всем как житием, так и словом своим, имел столь великое смирение во уме своем, что часто со вздохом говорил:

– Я буду брошен на то место, куда будет брошен сатана!

Однако Господь вознес смиренного раба Своего в места, где пребывают святые Ангелы, в селения праведных и преподобных; Господь вселил его, после земной, исполненной многих лет жизни, в обители небесные, где лета не кончаются[5270]; там все святые, предстоя престолу славы Божией, всегда славят Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого

Бога в Троице, Которому и от нас, грешных, воссылается слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Пимене отче наш, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Светлых подвиг твоих, преподобне отче, наста днесь святая память твоя, души благочестивых веселящи, Пимене Богомудре, отче наш преподобне.

Память преподобных Кукши священномученика и Пимена постника

Память 27 августа

Не место многим словам там, где дела представляют ясное свидетельство, как это можно сказать о этих блаженных; ибо блаженный священномученик Кукша, – один из отцов святого печерского монастыря, – был всем известен, так как крестил вятичей, – помраченных ранее неверием, и просветил многих верою. Сей святой Кукша сотворил много преславных чудес, – изгонял бесов, низвел дождь с неба, осушил озеро, сотворил много и других удивительных чудес. Наконец, после многих мучений был усечен неверными вместе с учеником своим.

В то же время в Печерском монастыре подвизался блаженный Пимен постник, угождая Богу; за свое великое пощение и труды он получил от Бога столь великий дар, что прославился не только исцелением больных, но и предвидением будущего и совершающегося в отдаленных и неизвестных местах. Сей святой Пимен исцелял многих болящих, пророчествовал многое и предузнал о своем отшествии ко Господу за два года до кончины. Святой Пимен, прозрев усечение блаженного Кукши, находившегося вдали от него, громогласно возгласил среди церкви печерской:

– Брат наш Кукша в нынешний день умерщвлен!

Сказав сие, Пимен преставился в один день с святым Кукшею и учеником его[5271].

Таким образом сии трое вместе получили тройственную радость, которую око не видело, ухо не слышало и которая не восходила на сердце человеку (ср. 1Кор.2:9); сию радость приготовил Бог, Единый в Троице, для всех, любящих Его: Ему воссылается слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Память святого Ливерия исповедника, папы Римского

Память 27 августа

Святой Ливерий вступил на престол епископский после папы Иулия[5272]. С самого начала своего правления он был ревностным поборником православия и постоянным защитником святого Афанасия Александрийского, боровшегося против ариан. Император Констанций (склонившийся на сторону ариан) ни угрозами, ни ласками, ни через своих приближенных, ни сам лично не мог принудить святого Ливерия к осуждению святого Афанасия, следовательно, и православия; за такую твердость в православии Ливерий был отправлен в ссылку в Берию, – во Фракию. Но когда император Констанций был в Риме[5273], народ, уважавший и любивший своего архипастыря, испросил у императора возвращение папы Ливерия в Рим. Однако прежде возвращения в Рим Ливерий был вызван на третий сирмийский собор (полуарианский), где принужден был подписаться под определением сего собора. После этого только, получив позволение возвратиться в Рим, Ливерий возвратился туда[5274] после двухлетней ссылки. Но потом Ливерий принес глубокое раскаяние в своем поступке (выразившемся в подписании определения третьего сирмийского полуарианского собора), по примеру святого Апостола Петра, который искренним раскаянием загладил свое отречение от Господа. В Риме Ливерий много потрудился на пользу православия и, наконец, преставился ко Господу[5275].

Память преподобного отца нашего Осии исповедника, епископа Кордубского

Память 27 августа

Сей преподобный, удалившись от мирских удовольствий и, украсив себя всякими добродетелями, поставлен был на кафедру епископа города Кордубы[5276]. Ревнуя о православной вере, он отправился на первый Вселенский собор, чтобы обличить безумие Ария и уничтожить его душевредную ересь. И когда все собрались на этот Собор, то он своими обличениями досаждал Арию и многим другим. После того как православные епископы были удалены императором Константином[5277] со своих кафедр за то, что не принимали участия в изгнании Афанасия Великого[5278] и не стали причастными лжеучению Ария, то и он был сослан в ссылку, где, перенесши множество страданий, скончался[5279].

Память преподобного Пимена (палестинского)

Память 27 августа

Святые отцы Софроний и Иоанн записали об этом святом Пимене в своей книге[5280] так:

– Авва Агафоник, игумен лавры преподобного отца нашего Саввы, поведал нам, – повествуют они, – следующее:

– Я шел, – рассказывал авва Агафоник, – однажды в пустыню Руву к авве Пимену, жившему в пещере и питавшемуся кореньями. Найдя его, я поведал ему о мыслях своих и, так как был уже вечер, то он оставил меня одного на ночь в пещере, а сам ушел в другую пещеру. В эту ночь было очень холодно, и я очень страдал от стужи. Утром следующего дня старец пришел ко мне и спросил меня:

– Как провел эту ночь ты, сын мой?

– Я, – повествует авва Агафоник, – отвечал ему:

– Прости меня, отче! Всю эту ночь я очень страдал от холода.

Он же сказал мне:

– Говорю тебе правду, сын мой, – я нисколько не пострадал от холода.

– Услышав это (рассказывает Агафоник), я весьма удивился, так как старец был нагим; потом спросил его, сказав так:

– Яви любовь мне, отче, – расскажи, почему ты не пострадал от холода, будучи нагим?

И отвечал мне старец:

– Пришел лев, лег около меня и согрел тело мое, однако, знай, сын мой, что я буду съеден зверями.

Тогда я спросил его:

– По какой причине ты, отче, будешь съеден зверями?

На это старец ответил мне:

– Когда я жил в мире на родине моей (оба они происходили из Галатии[5281]), то я был пастухом овец; однажды, когда я пас овец, мимо моего стада проходил некоторый муж; мои псы

напали на него и растерзали. Я мог спасти его от псов, но не сделал этого. И узнал я, по откровению Божию, что и я должен умереть такою же смертью, – именно буду растерзан зверями.

Об этом рассказал преподобный Пимен авве Агафонику; и действительно случилось так, как сказал он; ибо спустя три года стало известно, что пустынножитель Пимен был съеден зверями[5282]. Душа же его святая сопричтена к лику отцов преподобных по милосердию Господа нашего Иисуса Христа, Коему воссылается слава вечно.

Житие преподобного отца нашего Моисея Мурина

Память 28 августа

В странах египетских проживал некий разбойник, по имени Моисей, родом мурин,[5283] лицом мрачный; первоначально он был рабом некоего славного господина, но по причине убийства, совершенного Моисеем, был прогнан тем господином и присоединился к разбойникам; сии же последние, видя, что он был силен и обладал суровым характером, избрали его своим атаманом (вождем). Сие повествуется о святом Моисее ради того, чтобы было видно его исправление и чтобы было известно, каким образом Моисей от такой дурной жизни пришел к раскаянию и богоугождению; ибо грехи святых (ранее бывшие) не утаиваются, ради прославления милосердия Божия, которое отделяет честное от недостойного и из грешников творит праведников.

Совершая разбой, Моисей вместе с товарищами производил много хищений, кровопролитий, творил много иных мерзких беззаконий и преступлений; своею жестокостью Моисей прославился среди всех, ибо все боялись его. Из числа дел его разбойнических следует упомянуть о сем:

Моисей питал злобу на одного пастуха, пасшего овец, за то, что сей пастух со своими псами (охранявшими стадо) воспрепятствовал некогда Моисею совершить злодеяние; увидав однажды, что тот пастух пас овец по ту сторону реки Нила, Моисей замыслил его убить. Река Нил была переполнена водой (по случаю разлива); Моисей, связавши свою одежду, привязал ее к голове, взял в уста меч и отправился в плавание по этой великой реке. Упомянутый пастух, увидав Моисея еще издали, когда он переплывал реку, оставил овец и убежал с того места: Моисей же, переплыв реку, но не найдя пастуха, умертвил четырех крупнейших ягнят, потом связал веревкою этих ягнят и затем обратно переплыл реку Нил, взяв с собою ягнят; очистив этих ягнят от шкуры, Моисей съел мясо их

(бывшее очень вкусным), а шкуру продал и на вырученные деньги выпил вина.

Долгое время Моисей проводил жизнь в таких греховных делах; но однажды случайно он пришел в сознание, ибо Бог умилосердился над ним и призвал его к покаянию, так как Преблагий и Человеколюбивый Владыка не ищет погибели грешников, но ожидает их обращения ко спасению. Сей грешник умилился сердцем, раскаялся в своих злодеяниях, оставил разбой и своих товарищей, пошел в пустынный монастырь и предал себя в повиновение и послушание игумену и братиям, более же всего Самому Богу; Моисей пролил много слез и днем и ночью, каясь о содеянных ранее грехах своих; все, поручаемые ему, работы и послушания, он исполнял неленостно, и был славным иноком.

Спустя некоторое время Моисей ушел в отшельническую келью; здесь он жил один, помышляя о Боге и очищая теплым покаянием свои беззакония, совершенные прежде.

Когда Моисей проводил такую покаянную жизнь, на него, находившегося в келье, напали четыре разбойника, не знавшие, что то был Моисей. Он же, будучи только один, поборол их, связал и, взяв их на плечи как связки снопов, принес в монастырь к церкви, сказав братиям:

– Что посоветуете вы сделать мне с ними? Я не должен никого обижать, но они пришли ко мне, и я взял их.

Отцы приказали ему развязать тех разбойников и отпустить их на свободу, сказав:

– Мы никого не должны убивать.

Разбойники же, поняв, что то был Моисей, ранее бывший их начальником, удивились такой перемене жизни его и прославили Бога, сами же умилились, пришли в страх Божий и, покаявшись, стали славными иноками.

И не только эти четыре, но и другие разбойники, услышав о своем вожде Моисее, – что он покаялся и стал иноком, – также оставили разбой и все греховные дела и стали добродетельными иноками.

Итак, Моисей пребывал в трудах покаяния. Первоначально его обуревали греховными помышлениями бесы блудодеяния,

разжигая похоть его и увлекая его к прежней блудодейственной жизни, как он сам потом рассказывал братиям, говоря так:

– Я претерпел столь великие неприятности, борясь с вожделениями плотскими, что едва не нарушил обета иноческого.

Отправившись к авве Исидору пресвитеру, в скит, он поведал ему о своих страданиях от похоти плотской. И сказал ему святой Исидор:

– Не смущайся, брат! Ты еще новоначален (т.е. только лишь начал подвизаться), и потому бесы с ожесточением нападают на тебя, думая найти в тебе прежний нрав; для отогнания их советую тебе соблюдать повседневный пост и воздержание и не насыщать вполне чрева своего. Подобно тому, как пес, привыкший грызть кости, выбрасываемые мясоторговцем, – не уходит до тех пор, пока место торговли не закроется; но когда торговля прекращена и нет уже никого, кто мог бы бросить псу что-либо для съедения, тогда он, истомившись голодом, отходит от места того; так и бес блудодеяния находится вблизи человека, питающегося до пресыщения. Но если ты будешь постоянно соблюдать пост и воздержание, умерщвляя члены свои земные и заграждая дверь пресыщения пощением, не допуская войти в себя пресыщению, разжигающему греховные вожделения, тогда бес, как бы истомившись от голода, отойдет от тебя с печалию.

Раб Божий Моисей, отправившись в келью свою, затворился в ней и пробыл в повседневном пощении, вкушая очень немного хлеба вечером после захода солнца; весьма много Моисей трудился в рукоделании, пятьдесят раз в течение дня вставал на молитву, совершая ее с коленопреклонением.

Однако несмотря на то, что Моисей томил тело свое трудами и пощением, плотское вожделение, влекущее ко греху, не исчезало в нем. Тогда он опять пошел к авве Исидору и сказал ему:

– Отче! Я не могу быть в келье моей, ибо меня обуревают страсти плотские.

Блаженный же Исидор, взяв его, повел в верхнее отделение своей кельи и сказал ему:

– Посмотри на запад!

Моисей посмотрел и увидал множество страшных демонов, суетившихся и приготовлявшихся к борьбе.

Потом авва Исидор сказал:

– Теперь обратись к востоку и посмотри.

Посмотрев на восток, Моисей увидел бесчисленное множество святых светоносных Ангелов, также приготовлявшихся к борьбе.

И сказал святой Исидор Моисею:

– Те, кто на западе, поднимают брань на святых Божиих, а те, кто на востоке, посылаются от Господа на помощь благим подвижникам. Знай же, что помогающих нам больше, нежели тех, кто восстает на нас.

Моисей, будучи укреплен таким видением и словами старца, возвратился в келью свою и снова начал упражняться в обычном пощении и трудах молитвенных.

Однако и после этого брань не оставляла его; напротив, Моисей начал страдать еще более от врага, будучи разжигаем мечтаниями сонными. Поэтому, встав, он пошел к иному святому старцу, весьма опытному, и сказал ему:

– Что делать мне, авва? Сонные видения помрачают ум мой, разжигая мою плоть, услаждая страсть и возбуждая меня к первоначальному греховному образу жизни, смущая меня привидениями?

Старец отвечал ему:

– Ты потому страдаешь, перенося то мерзкое наваждение, что не соблюдаешь ума своего от сладострастных мечтаний. Сделай же так, как я говорю тебе: посвяти себя бдению, мало-помалу привыкни к нему и молись с бодростью; тогда ты освободишься от той брани.

Моисей принял такой добрый совет от опытного святого наставника, возвратился в келью и начал обучаться всенощному бдению (т.е. бодрствованию молитвенному в течение всей ночи); он стоял посреди келлии всю ночь и не преклонял колен в молитве, дабы не предаться сну, но стоял прямо, не смыкая очей своих.

Святой пробыл в таком подвиге шесть лет; но и таким способом он не мог избавиться от плотского вожделения, воюющего на дух; ибо Бог попустил так для того, чтобы преподобный, быв искушен как золото в горниле, получил бы славный венец с прочими страдальцами.

Спустя некоторое время мужественный инок измыслил новый тяжелый подвиг: выходя ночью из келлии своей, он обходил отшельнические келлии старцев пустынных и, взяв водоносы, оказывавшиеся свободными при келлиях, приносил воду, причем старцы не знали об этом (вода находилась в отдалении от места того). Некоторые из старцев имели свои келлии за два поприща[5284] от воды, другие за три, четыре и даже более; были и такие, которые совершенно не могли сами приносить себе воду за глубокою старостью; таковым Моисей каждую ночь наполнял водою сосуды. Таковой подвиг святого Моисея был ненавистен диаволу. По попущению Божию, диавол причинил святому Моисею такую неприятность:

Однажды ночью блаженный тот трудолюбец наклонился в колодезь с сосудом некоего старца, намереваясь почерпнуть воду; в это время диавол ударил его с большою силою некоторым древом по спине; старец упал без чувств и лежал как мертвый.

Утром следующего дня, к тому колодцу пришли монахи, дабы взять здесь воды, и увидели Моисея, лежавшего полумертвым. Монахи пошли к великому скитскому авве Исидору и рассказали ему обо всём; он же, придя с братиею, взял Моисея и принес к храму. И был недужен Моисей, как расслабленный, и страдал так, что едва выздоровел через год.

Потом сказал ему авва Исидор:

– Брат Моисей! Не увеличивай своей брани с бесами сверх сил, ибо в дерзновении необходимо хранить меру.

Непобедимый воин Христов Моисей отвечал на это:

– Я не окончу борьбы до тех пор, пока мерзкие мечтания сонные не оставят меня.

Тогда авва Исидор сказал ему:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, вот уже ныне оставляют тебя эти вожделения плотские; теперь ты будешь в

мире; приступи же с дерзновением и причастись Божественных Таин Тела и Крови Христовых. Знай, что такая тяжелая брань плотская была попущена тебе ради того, чтобы ты не возгордился в уме своем, будто бы ты своими пощениями и подвигами преодолел страсти, и дабы ты, возгордившись, не погиб.

Услышав эти слова, Моисей причастился Таин Божественных, ушел в келью свою и подвизался уже в мире, будучи свободен от ранее бывших обуреваний и проводя строгое постническое безмолвное житие.

Спустя некоторое время Моисей был спрошен о том: беспокоят ли его страсти? Моисей отвечал:

– С того времени как служитель Христов Исидор помолился обо мне, я уже не страдаю от плотского вожделения.

После столь великих искушений блаженный Моисей получил мир (душевный), по милосердию Божию и проводил с того времени уже без искушений плотских жизнь свою; вместе с тем он получил от Бога великую власть над бесами, так что презирал их, как насекомых; и исполнился святой благодати Духа Святого, и был славен среди подвижников.

Так как святой Моисей прославился своим добродетельным житием, то о нем узнал и князь (правитель) страны той; сей последний отправился в скит, желая видеть авву Моисея. Старец был извещен о том, что князь намеревался прийти к нему, дабы видеть его (Моисея); но Моисей, выйдя из келлии, замыслил убежать в болото и тростник; слуги же, бывшие вместе с князем, встретили его и спросили:

– Где находится келлия аввы Моисея?

Он сказал им:

– Что вам нужно от него? Старец тот неразумен, весьма лжив и проводит жизнь греховную.

Они же, услышав эти слова, изумились и прошли мимо. И когда пришли к храму, то князь сказал клирикам:

– Я слышал об авве Моисее и пришел принять благословение от него; но нас встретил некий монах, шедший в Египет, и когда мы спросили его о том, где живет авва Моисей,

то он охулил Моисея, назвав его старцем неразумным, лживым и проводящим греховную жизнь.

Услышав это, клирики весьма опечалились и спросили:

– Каков из себя был тот старец, который произнес сии хуления на святого мужа?

Они ответили:

– Это был старец высокий, мрачный лицом, в худой одежде.

Клирики сказали:

– Поистине тот и был аввою Моисеем; но так как он не пожелал показать вам себя, не пожелал также и принимать почестей от вас, то сказал вам о себе дурное, как бы о ком другом.

Получив многую пользу (душевную), князь ушел, прославив Бога.

Так избегал преподобный Моисей славы и почестей людских и чуждался беседы с приходившими к нему мирянами, хотя был гостеприимен, ибо принимал с любовью всех, приходивших к нему, странствующих братий, как о страннолюбии его записано в Отечнике.

Однажды всем отцам пустынножительным было дано в скиту такое повеление:

– Поститесь всю неделю эту и учините Пасху.

Случайно некоторые странствующие братья пришли к Моисею из Египта; старец приготовил для них немного вареной пищи; но когда его соседи увидали дым, то сказали клирикам:

– Моисей нарушил повеление и варит себе пищу.

Но клирики сказали:

– Обличим его тогда, когда он придет в собрание (ибо все знали о постнических подвигах Моисея).

Когда наступила суббота, Моисей пришел в храм к пению соборному; и сказали ему в присутствии всех клириков:

– Отче Моисей! Ты нарушил заповедь человеческую, но исполнил заповедь Божию.

Повествуется также в житии преподобного Арсения:

Некоторый брат пришел издалека в скит для того, чтобы видеть преподобного Арсения; будучи приведен к Арсению, брат

тот видел его, но не сподобился слышать слов его; ибо старец (Арсений) сидел молча, глядя на землю.

После того странствующий инок начал упрашивать брата привести его к Моисею, бывшему разбойником до пострижения в иночество. Брат согласился исполнить его просьбу и повел его к преподобному Моисею.

Когда они пришли к Моисею, то сей последний принял их с радостью, предложил им отдохнуть и подкрепиться пищею и, оказав им большую любовь, отпустил их от себя.

Дорогою скитский брат сказал пришельцу:

– Вот ты видал и отца Арсения, и отца Моисея. Кто из них лучше, по твоему мнению?

Брат отвечал на это:

– Лучший из них тот, кто принял нас с любовью.

– Один инок, узнав об этом, стал молиться к Богу, говоря так:

– Господи! Скажи мне, кто из них более совершен и заслуживает большей благодати Твоей: тот ли кто скрывается от людей, ради Тебя, или тот, кто принимает всех, также ради Тебя?

Этот инок в ответ на молитву свою имел следующее видение: ему представились два корабля, плывшие по какой-то очень большой реке; в одном корабле находился преподобный Арсений, и Дух Божий управлял кораблем его, соблюдая его в великой тишине; в другом был преподобный Моисей; кораблем же его управляли Ангелы Божии, влагавшие мед в уста Моисея.

Проведя долгое время в трудах постнических, преподобный Моисей был сподоблен сана пресвитерского, по некоему откровению Божию; и когда был произведен в первую степень священническую, то был облечен в стихарь; при этом епископ сказал ему:

– Вот авва Моисей ныне весь бел.

Моисей же сказал епископу:

– Владыко! Что делает священником: внешнее или внутреннее (т.е. как бы сказал так: «Одежда ли, покрывающая извне человека, делает его достойным священства или внутренние добродетели?»).

Епископ же, желая искусить Моисея, дабы увериться в том, действительно ли он – раб Христов, имеющий добродетели внутри души своей, сказал клирикам:

– Когда Моисей войдет в алтарь, изгоните его; потом идите за ним и слушайте, что он будет говорить.

Клирики так и сделали: изгнали Моисея из алтаря, сказав:

– Выйди вон, мурин!

Он же, выйдя и став в отдельном месте, начал укорять себя, говоря:

– Хорошо поступили с тобою, пес, хорошо поступили с тобою, мракообразный эфиоп; ибо ты недостоин, и как ты осмеливаешься войти в святое место; ты не человек: как же осмеливаешься ты подходить к людям и служителям Божиим?

Услышав эти слова святого, клирики возвестили о них епископу; тогда епископ приказал снова позвать Моисея в алтарь и хиротонисал его в сан пресвитера. Потом спросил его, сказав:

– Что думал ты, отче, тогда, когда, быв изгнан, ты был возвращен снова?

Моисей отвечал:

– Я сравнивал себя со псом, который, будучи изгнан, бежит, будучи же призываем обратно, возвращается быстро.

И сказал епископ:

– Поистине этот человек достоин Божественной благодати; ибо Бог дает благодать смиренным.

Подобное же испытание было с сим отцом и ранее, когда он был еще новоначальным; ибо когда братия были все в сборе в скиту, отцы пожелали искусить смирение Моисея и начали уничижать его, говоря:

– Для чего этот эфиоп ходит посреди нас?

Он же, слышав это, молчал.

Когда братия думали расходиться, то спросили его, сказав:

– Отец Моисей! Смутился ты или нет?

Он отвечал им словом псалма: «Я потрясен и не могу говорить» (Пс.76:5) (т.е. я переношу уничижение молча).

Приняв на себя сан пресвитера, преподобный Моисей подвизался еще пятнадцать лет, имея от рождения семьдесят

пять лет; собрав кругом себя семьдесят пять учеников, он скончался мученически[5285] таким образом:

Однажды, находясь среди братий, он сказал:

– Вот варвары придут в скит, дабы посечь монахов; встаньте и бегите отсюда.

Братия же сказали ему:

– Почему же ты, отче, не бежишь отсюда?

Но он сказал им:

– Я уже много лет ожидаю того времени, когда на мне исполнится слово Владыки моего, Господа Иисуса Христа, сказавшего: «все, взявшие меч, от меча и погибнут» (Мф.26:52).

На это братия сказали ему:

– И мы не побежим, но умрем с тобою!

Но он ответил им:

– Я в этом не нуждаюсь; пусть каждый поступает так, как находит лучшим.

Тогда братия убежали с места того, и только семь иноков остались при преподобном. Спустя некоторое время старец сказал им:

– Варвары уже близко!

Один из упомянутых семи иноков, испугавшись, убежал из келлии и скрылся в некоем месте. Варвары, войдя в келью, умертвили святого Моисея и находившихся с ним шесть иноков. Спасшийся же от смерти инок, находясь в потаенном месте, видел небо отверстым и семь пресветлых венцов нисходивших с неба.

После того как варвары ушли, инок сей возвратился в келью и нашел Моисея и прочих иноков умерщвленными; тела их оказались лежавшими в крови; увидав сие, инок тот начал плакать; потом пришли остальные братия и с плачем похоронили умерщвленных иноков.

Так окончилась жизнь преподобного отца нашего Моисея Мурина, из разбойников сделавшегося иноком и искренним раскаянием угодившего Богу, так что ему, как мученику, отверзен был не только рай, но и самое небо, и он был украшен венцом славы. По молитвам его да наставит и нас на истинный путь покаяния и да сподобит и нас Царствия Небесного

Человеколюбный Владыка Христос, Бог наш, Коему со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Пустынный житель, и в телеси Ангел, и чудотворец явился еси богоносе отче наш Моисее: постом, бдением, молитвою, небесная дарования приим, исцеляеши недужныя, и души верою притекающих ти. Слава давшему тебе крепость: слава венчавшему тя: слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 4:

Мурины заушив, и лица демонов поплевав, мысленно просиял еси якоже солнце светло, светом жития твоего и учением наставляя души наша.

Память преподобного отца нашего Саввы Крыпецкого, псковского чудотворца

Память 28 августа

Преподобный отец наш Савва родился, получил воспитание и принял иночество в чужих странах. Неизвестно, из какой он был страны[5286], известно только, что родился он не в русской земле, а, как иностранец, пришел в город Псков, в монастырь Пресвятой Богородицы, называемый Снятогорским[5287]. Принятый игуменом, он доблестно подвизался в иноческих подвигах и за свою добродетельную жизнь заслужил у всех похвалу и славу. Но не желая славы от людей, он перешел на реку Толву в монастырь великого Евфросина[5288]. Преподобный Евфросин принял его и поручил ему исполнять обязанности монастырского слуги. Инок Савва исполнял эти обязанности ревностно и со смирением. Спустя немного времени, испросив благословение у великого Евфросина, он ушел в пустыню, находившуюся на расстоянии 15 поприщ от Евфросинова монастыря, к озеру, называемому Крыпец, и поселился тут на совершенно безлюдном месте. Немало искушений от бесов вынес здесь преподобный Савва. Вскоре он построил на месте своих подвигов церковь во имя святого Иоанна Богослова, устроил келлии и основал монастырь, после чего к нему собралось немалое число братии. Слава о его добродетельной жизни быстро распространилась повсюду, и о нем узнал Псковский князь Ярослав Васильевич[5289]. Князь питал к преподобному великое уважение. Он делал большие пожертвования на устроение монастыря, подарил земли[5290] и озера на пропитание братии и часто сам посещал монастырь, чтобы принять благословение у преподобного. В одно время он пришел в монастырь с княгинею, своею супругою. Преподобный Савва с великим почетом встретил его, но княгине войти в монастырь не разрешил, а благословил ее за воротами монастыря и там подал ей исцеление, так как она была больна.

Преподобный Савва прожил много лет, и в 1495 году 30 августа[5291] отошел ко Господу. Мощи его были обретены в 1554

году вследствие явления преподобного священноиноку устроенного им монастыря Исайи и до сего дня подают многие исцеления с верою приходящим к ним во славу Христа Бога, Которому да будет слава ныне, всегда и вечно.

Память святой праведной Анны

Память 28 августа

Святая и праведная Анна происходила из колена Асирова и была дочерью Фануиловою. Как показывает самое имя ее (Анна с еврейского значит «милостивая») она была женщиною добродетельною. За свою благочестивую жизнь Анна была наделена даром пророческим. Достигши глубокой старости, она, по слову Евангелия, «не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лк.2:37).

Святая Анна принадлежала к числу тех благочестивых иудеянок, которые с нетерпением ожидали пришествия Мессии, – сюда был принесен Младенец Христос Иосифом и Мариею, дабы совершить над Ним законный обряд. В это время Симеон Богоприимец взял Младенца Иисуса на руки и произнес свое дивное пророчество о Нем, сказав так:

– «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, Которое Ты уготовал пред лицом всех народов, Свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля» (Лк.2:29–32).

Затем Симеон, обратившись к Матери Господа, изрек Ей сие пророчество:

– «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий (и Тебе Самой оружие пройдет душу), да откроются помышления многих сердец» (Лк.2:34–35).

В эти святые торжественные минуты была в храме святая праведная пророчица Анна. Ей в это время было уже восемьдесят четыре года. Таким образом на закате жизни своей она имела счастье видеть Младенца Иисуса. Теперь уже она могла умереть спокойно.

Выслушав пророчество Симеоново о Христе, она вместе с Симеоном славила Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме[5292].

Сказание об усекновении главы святого пророка, предтечи и крестителя Господня Иоанна

Память 29 августа

Святому Иоанну, Предтече Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, подобало предварить смертью своей, как рождение Господа, так и смерть Его; и, подобно тому, как на земле он проповедал о пришествии Господа, сказав: «идет за мною Сильнейший меня» (Мк.1:7): так и находившимся в аду душам праотцов святых он должен был проповедать пришествие Господа; ибо Предтеча Иоанн должен был сказать здесь, что уже явился ожидаемый в мире Мессия. И подобно тому, как Господь наш Иисус Христос пострадал за грехи людские, так и Предтеча Его предполучил страдальческую смерть по причине беззакония Иродова. Случилось же сие так:

Ирод, называемый Антипой, сын старейшего Ирода, избившего младенцев вифлеемских, – злая отрасль от злого корня, имевший в своей власти Галилею, первоначально женился на дочери Арефы, царя аравийского; он прожил с нею немало времени. Но потом, будучи пленен красотою Иродиады, жены Филиппа, брата своего, сблизился с нею, ибо она соизволяла похоти его; по требованию сей любодейцы, он прогнал от себя первую законную жену свою и женился на жене брата своего, противно закону; ибо если бы и умер брат его, он не мог бы взять его жены, так как оставалась бы в живых дочь брата, рожденная от той жены; закон же повелевал брать жену умершего брата (вдову) только тогда, когда умерший брат не оставлял после себя детей[5293]. Достоверно сообщают, что Ирод отнял жену у Филиппа, брата своего, еще тогда, когда он был жив; таким образом он сотворил великое беззаконие, как хищник, прелюбодей и кровосмеситель.

Видя такое беззаконие, учиненное Иродом, ревнитель закона Божия, обличитель грехов человеческих и проповедник покаяния, – святой Иоанн Креститель не умолчал, но пред

лицом всех обличал Ирода, как прелюбодея и грабителя, отнявшего жену у брата своего, и говорил ему:

– Не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего.

Ирод же, не вынося обличения, приказал заключить Иоанна в темницу, обложив его оковами; особенно гневалась на святого жена Ирода, Иродиада, и весьма желала смерти его, но не могла его умертвить, ибо сам Ирод оберегал узника от убийственного намерения жены своей. Ирод считал Иоанна мужем праведным и святым; ранее он со сладостью слушал его и, внимая словам его, творил много добра; поэтому Ирод боялся отдать Иоанна на смерть. Однако он боялся не столько Бога, сколько людей, как говорит Евангелист Матфей: «и хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка» (Мф.14:5); Ирод боялся, как бы народ не восстал на него и не поднял мятежа; по сей-то причине он не осмеливался предать явно на смерть пророка и Крестителя Господня, всеми любимого и почитаемого, но только томил его в темничном заключении, желая заградить не умолкавшие уста своего обличителя.

Святой Иоанн в темнице пробыл долгое время; его ученики собирались к нему; Иоанн часто поучал их добродетельной жизни, согласно закону Божию, и возвещал им об уже пришедшем в мир Мессии, к Коему он и посылал их, как об этом сказано и в Евангелии: «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Мф.11:2–3). Он посылал вопросить не потому, что сам не знал; ибо как он мог не знать Того, Кого сам крестил и над Кем он видел Духа Святого, сошедшего с небес, относительно Которого слышал и голос Отца, свидетельствовавшего, и на Которого, наконец, сам указывал перстом, говоря:

– «Вот Агнец Божий» (Иоан.1:36).

Иоанн посылал учеников своих вопросить Господа для того, чтобы ученики его своими очами увидели славные чудеса, которые творил Господь и дабы окончательно убедились в том, что Он (Иисус Христос) пришел спасти род человеческий.

Спустя некоторое время наступил день, в который Ирод имел обыкновение совершать празднование своего рождения. Собрав всех князей своих, воевод, старейшин и тетрархов[5294] Галилеи, Ирод устроил для них великое пиршество (Мк.6:21). Во время этого пиршества дочь Иродиады плясала и своею пляскою весьма угодила Ироду и возлежавшим вместе с ним; по научению своей жестокой матери она попросила у Ирода главу святого Иоанна Крестителя и получила просимое, ибо Ирод поклялся ей дать всё, что бы она ни попросила, хотя бы даже полцарства его. Окаянный не пожелал нарушить клятву свою, не пожелал огорчить мерзкую мать плясавицы, но забыл о том страхе, в силу которого он не решался до этих пор умертвить Иоанна, забыл также и о святой жизни его и, как упившийся вином, распалился намерением пролить кровь неповинную. И тотчас он послал палача в темницу, приказав усечь главу Иоанна и принести ее на блюде.

Таким образом Предтеча Христов, за обличение беззаконного сожительства Ирода и Иродиадою, был усечен в темнице, уже поздно ночью; ибо то мерзостное пиршество святым Евангелистом Марком названо вечерей: «делал пир (говорит Евангелист) вельможам своим» (Мк.6:21); эта вечеря затянулась далеко за полночь, и когда все уже сильно упились вином и достаточное время утешались пляскою упомянутой бесстыдной девицы, тогда-то и было учинено то неправедное убийство. И принесена была глава святого Иоанна на блюде посреди пиршества, причем кровь еще капала и (как сообщают некоторые) глава изрекала те же обличительные слова и после усечения, сказав Ироду:

– Не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего.

О, сколь великий страх объял тогда всех, возлежавших и предстоявших на вечери той, когда все увидели человеческую голову, как пищу, носимою на блюде, источавшую кровь, и, кроме того, движущею устами и изрекавшею слова; и сию главу плясавица взяла дерзкими руками своими и отнесла к матери своей. Иродиада же, взяв ее, проколола иглою язык, обличавший беззакония ее; посмеявшись достаточное время, Иродиада не позволила похоронить главу Иоанна Вместе с

телом, ибо боялась, как бы Иоанн не воскрес, если глава его будет присоединена к телу, и тогда не начал бы снова обличать ее и Ирода. Тело святого Предтечи ученики его в ту же ночь взяли из темницы и похоронили в Севастии; главу же Крестителя Иродиада закопала в земле, у себя во дворце, на некоем бесчестном и потаенном месте. Относительно того, каким образом оттуда была взята глава Крестителя, написано под двадцать четвертым числом февраля, когда празднуется Обретение сей честной главы.

После умерщвления святого славного Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, окаянный Ирод совершил и другое, не меньшее, злодеяние; ибо он посмеялся над Господом нашим Иисусом Христом во время вольного Его страдания за нас, как о том повествует святой евангелист Лука: «Ирод со своими воинами, уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лк.23:11).

Однако мщение Божие не замедлило совершиться над пророкоубийцею и поругателем Христа; ибо, с одной стороны, кровь Иоаннова вопияла на Ирода к Богу, как некогда кровь Авелева на Каина (Быт.4:1–16); с другой стороны, иные беззакония Ирода (особенно поругательство над Господом нашим Иисусом Христом) навлекали на него праведную казнь Божию; и действительно спустя непродолжительное время Ирод лишился царства и жизни вместе с Иродиадой и плясавицей. Ибо Арефа, царь аравийский, мстя за бесчестие и поругание над его дочерью, собрал воинов и пошел с ними на Ирода; точно так же и Ирод, собрав своих воинов, вышел на борьбу с Арефой. Произошла жаркая схватка воинов с той и другой стороны; воины Арефы победили воинов Иродовых; Ирод понес сильное поражение; почти все воины его были побиты, и сам он спасся с большим трудом. После этого Ирод лишен был своей власти и всех своих богатств кесарем римским и был послан на заточение с прелюбодейцею и дочерью ее первоначально в Лион, город галльский, потом был переслан оттуда в Илерду, город испанский, и здесь окончил жизнь свою в лишениях и

бедствиях; но ранее своей смерти он видел смерть плясавицы, своей дочери, которая погибла таким образом:

Как-то раз зимою она пожелала перейти ради какой-то потребности реку, по имени Сикорис; когда она шла, лед подломился под нею и она упала в воду, погрузившись до шеи. По правосудию Божию, лед сдавил шею ее, так что она висела телом в воде, имея голову над льдом; и подобно тому, как некогда она плясала ногами по земле, так и на сей раз она не доставала ногами до земли, но только производила в воде беспомощные движения, как пляшущая, причем быстрое течение реки колебало ее, однако, никто не мог оказать ей помощи; и до того времени висела окаянная в воде в таком положении, пока острый лед не перерезал шеи ее. Мерзкий труп ее, занесенный водою под лед, не был найден, глава же ее была принесена к Ироду и Иродиаде как некогда глава Предтечева, но только была отсечена не мечом, а льдом. Так наказало правосудие Божие плясавицу, которая повинна была в усечении честной главы святого Иоанна.

После этого погиб «с шумом» и беззаконный убийца Ирод с мерзкою Иродиадою; ибо повествуют, что они были пожраны живыми землею.

Святой же Иоанн, как при жизни своей, так и после кончины был Предтечею Христу Господу. Ибо предварив сошествие Господа в ад, он благовествовал находившимся в аду Бога, явившегося во плоти, и порадовал святых праотцев; с ними он был изведен из ада, после разрушения его по воскресении Христовом, и сподобился многих венцов в Царствии Небесном, как девственник, как пустынножитель, как учитель и проповедник покаяния, как пророк, как Предтеча и Креститель и как мученик. По молитвам его да наставит и нас на путь истинного покаяния и да сподобит нас Царствия Небесного Христос, милосердый Господь и Бог наш, Коему воссылается слава со Отцом и Святым Духом вечно. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Память праведнаго с похвалами: тебе же довлеет свидетельство Господне, Предтече, показал бо ся еси воистинну и пророков честнейший, яко и в струях крестити сподобился еси

проповеданнаго. Темже за истину пострадав радуяся, благовестил еси и сущым во аде Бога явльшагося плотию, вземлющаго грех мира, и подающаго нам велию милость.

Кондак, глас 5:

Предтечево славное усекновение, смотрение бысть некое Божественное: да и сущым во аде Спасово проповесть пришествие. Да рыдает убо Иродиада, беззаконное убийство испросивши: не закон бо Божий, ни живый век возлюби, но притворный, привременный.

Слово святого Иоанна Златоуста на день усекновения главы святого Предтечи Господня Иоанна [5295].

Память 29 августа

Снова Иродиада беснуется, снова смущается, снова пляшет, снова требует у Ирода беззаконного усечения главы Иоанна Крестителя. Опять Иезавель[5296] умышляет восхитить виноградник Навуфеев[5297] и умышляет изгнать в горы святого Илию. И не все[5298], слышавшие голос Евангелия, изумитесь вместе со мною дерзновению Иоаннову, неразумию Иродову и звероподобному неистовствованию безбожных женщин. Ибо что мы слышали? «Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу» (Мк.6:17). За что? «за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего».

Кто в достаточной мере обличит безумие Иродово, проявившееся по причине его чрезмерной женоугодливости? Или кто опишет неслыханную дерзость злых женщин? Кажется мне, что в поднебесной нет такого зверя, который был бы подобен злой жене (ныне я говорю лишь о злой женщине, а не о доброй и целомудренной, ибо знаю, что есть много женщин кротких и благонравных, о добродетельной жизни которых будет упомянуто впоследствии, к пользе и для подражания добродетельным, дабы мы возлюбили то, что добро и честно). Ни один зверь в мире не похож на злую женщину. Что может быть опаснее змеи из числа пресмыкающихся? Также ничто, однако, лев и змий питают менее злобы, нежели женщина (злая), как подтверждает мои слова и мудрейший Соломон, говоря: «лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливою и сердитою» (Прит.21:19; ср. Сир. 25:18). Пусть не подумает никто, что пророк изрекал сие, посмеиваясь (над женщиною): самые дела удостоверяют с точностью то же самое: Даниила во рву львы устыдились; праведного же Навуфея умертвила Иезавель. Кит сохранил невредимым Иону во чреве: Далида же, остригши и связавши Самсона, предала его иноплеменникам. Змии, аспиды и гадюки убоялись Иоанна в

пустыне: Иродиада же усекла его на вечери. Вороны питали Илию на горе: Иезавель же устремлялась убить его после того как он благодействовал, низведши дождь. Вот что она говорила ему:

– Если ты Илия, то я – Иезавель; пусть сотворят со мною боги (что хотят), и пусть увеличат возмездие мне, если завтра в сей же час твоя душа не будет умерщвлена (ср. 3Цар.19:2).

И убоялся Илия, и ушел ради спасения души своей, и скрылся в пустыне, идя сорок дней, и начал искать смерти себе, сказав:

– Господи, Боже! Достаточно для меня (страданий сих): возьми от меня мою душу, ибо я нисколько не лучше отцов моих!

О горе! Пророк Илия испугался женщины; убоялся женщины тот, кто носил в себе дождь вселенной над язычниками, кто свел с неба огонь, кто молитвою воздвиг мертвого.

Да, действительно, убоялся. Ибо никакая злоба не может быть сравнена со злобою злой женщины. Мои слова подтверждает и книга Премудрости, говоря: «нет головы ядовитее головы змеиной» (Сир. 25:17) и нет злобы более злобы женской!

О зло диавольское и острейшее оружие!

Издревле в раю диавол уязвил Адама женщиною, женщиною кротчайшего Давида склонил к обманному убийству Урии, женщиною склонил к преступлению мудрейшего Соломона, женщиною мужественнейшего Самсона ослепил, по вине женщины умертвил сыновей священника Илии, по вине женщины заключил в оковах в темницу благороднейшего Иосифа, по вине женщины предал на усечение Иоанна, – светильника всего мира.

Да, что говорю я о людях (вообще)? По вине женщины диавол и святых отвлекал от добродетелей; он (диавол) женщиною всех посекает, всех убивает, всех порочит, всех уничижает; ибо женщина бесстыдная никого не щадит, священников не чтит, левита не стыдится, пророка не стесняется. О зло, злейшее всякого зла, женщина злая! Если она бедна, богатеет злобою; если же имеет богатство,

способствующее ее лукавству, то это вдвойне пагубно. Женщина нетерпеливое животное, неисцельный недуг, неукротимый зверь. Я видел и аспидов неукротимых укрощенными, и львов, и единорогов и медведей прирученными; женщина же злая и, будучи обличаема, гневается, и будучи усовещеваема с ласкою, превозносится. Если муж ее облечен властью начальственною, то она и днем и ночью развращает его речами, побуждая к злодейству, как Иродиада Ирода; если же она имеет бедного мужа, то побуждает его к гневу и брани. Если она вдова, то самолично бесчестит всех; ибо не обуздывает языка своего страхом Господним, не взирает на будущий суд, не уповает на Бога, не хранит законов любви. Злой женщине ничего не стоит предать смерти своего мужа. Ибо жена праведного Иова советовала ему отдать себя на смерть через хуление (Бога), говоря:

– Скажи некое слово ко Господу, и умри (Иов.2:9).

О нрав лукавый! О намерение неблагочестное! Жена Иова не явила милосердия, видя своего мужа, страдавшего утробою по причине тяжелой болезни, подобно углю распространяющему искры, – видя всё тело его покрытым язвами и снедаемым червями; не склонилась к милосердию, видя его скорченным, весьма болезненным и крайне страдавшим, испускавшим сквозь болезненно отверстые уста учащенные дыхания. Не смягчилась сердцем, видя ходившего некогда в царской порфире, ныне лежащим на гноище, обнаженного телом. Не вспомнила прежнего обычного нежного супружеского отношения, не вспомнила о том, сколь много славы и добра получила она от него ранее. Но что говорит она:

– Скажи некое слово ко Господу, и умри.

О милость женщины! О средство к врачеванию скорбей! О узаконение любви супружеской! Разве он (т.е. муж) когда-либо говорил тебе, бывшей в болезни, такие слова? Не молитвами ли своими и делами благими он излечивал тебя от болезней? Разве не достаточно было для него и сего временного наказания, что ты испрашиваешь для него вечное мучение через хуление (Господа)? Или ты не знаешь, что всякий грех

отпустится людям, хуление же, – грех против Духа Святого, – не отпустится им ни в сей жизни, ни в будущей? (Мф.12:31)

Желаешь видеть иную (женщину), подобную сей своим лукавством? Посмотри на Далиду, которая, связав сильного Самсона, предала его иноплеменникам (Суд.16:6); она предала иноплеменникам своего супруга, которого любила, ласкала, которому говорила, что любила его больше чем себя. Того, кого вчера любила, ныне обольщает, кого вчера согревала лобзанием, ныне, обольщая, предает смерти. Разве он был не красив? Кто был красивее его тогда, когда, нося на голове семь кос (Суд. 16:13–14), он являл образ седмосветлой благодати? Разве он не был мужествен? Но кто был мужественнее его тогда, когда он один поборол в пути страшного льва и одною лишь челюстью ослиною побил тысячу иноплеменников? Но, может быть, он не был добродетелен? Нет, он был добродетелен настолько, что, ощутив некогда жажду, он помолился о воде (о ниспослании ему от Бога воды), и из держимой им в руках мертвой челюсти истекла вода, которою он утолил жажду. И вот такого прекрасного, такого мужественного, такого добродетельного мужа, собственная жена, как врага, связала и отдала в руки неприятелей. Но каким образом женщина возмогла победить такого сильного? По причине свойственной мужчинам доброты: ибо, лишив его ночью тайны его силы, она связала его нагого крепким вервием. Поэтому мудрость (Божественная) повелевает тебе: «от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих» (Мих.7:5).

Какое животное, скажи мне, могло помыслить таковое на сродный себе мужеский пол? Какая змея намеревается погубить своего сожителя? Какая львица отдаст на заколение своего льва? Ты видишь, что справедливо изрекает Книга премудрости, говоря, что «нет головы ядовитее головы змеиной» (Сир. 25:17), и нет злобы более злобы женской!

Скажу прямо: тот, кто имеет злую жену, пусть знает, что он имеет возмездие своим беззакониям. Дабы слово сие было не бездоказательным, слушай Премудрость, изрекающую, что злая жена посылается беззаконному мужу за его дурные дела (Сир. 25:22–29).

Доселе мы говорили о злой женщине, и здесь окончим сию речь. Подобает теперь воспомянуть и добрых женщин, в особенности ради тех, кто присутствует здесь.

Почему же сии женщины называются добрыми? Потому, что когда видят добродетели, угодные Богу, творимые иными, то радуются о них, как о своих, и труды тех усвояют себе, как награду за добродетель.

Добродетельною и нищелюбивою женщиною была соманитянка, которая, испросив согласие мужа, устроила для Елисея место обитания, дабы он мог иметь у нее отдых (4Цар.4:9–10; ср. Лк.4:25–26); она устроила для него постель, светильник и трапезу; постель не была лишена одеяния, но была снабжена приличным пророка убранством; светильник был не без света, но с елеем, горящим и светящим; трапеза была не без хлеба, но преисполнена пищи.

Точно так же кто скажет что дурное относительно той убогой вдовицы, которая принимала пророка Илию? Она не имела многих пенязей, но явила богатство благорасположения. У нее не было ни пшеницы, ни вина, ни иного чего из числа предметов земных; у нее не было поля, засеянного пшеницею, которое приносило бы ей хлебные злаки; виноградник не родил для нее сладостного гроздия; растения не рождали для нее сладких овощей. Каким же образом она могла принимать и питать пророка? Хотя она не имела даже и пяди земли для обработки, не имела также виноградника и на локоть (т.е. площадью, или объемом), но всегда во время жатвы ходила по меже и, наклонившись к земле, собирала колосья, падавшие из-под серпов жнущих; таким образом она на каждый год запасала для себя необходимое количество пищи. К сей-то вдовице пришел Илия во время голода, когда вся земля истаявала от бездождия, когда небо разоралось, воздух раскалился, облака заключились; когда не было ни злака, ни цветка, ни отпрыска растения, ни дыхания влажного ветра, орошавшего и поднимавшего рост молодых колосьев; когда реки иссохли, источники, питавшие реки, исчезли от зноя, а море стало весьма соленым, ибо пресные воды не попадали в него по причине того, что дождь и потоки иссякли. Тогда-то пришел

Илия к убогой вдовице. Но вы знаете, как страдает вдовица и во время хорошего урожая. Однако пророк оставил богатых, имевших обильные запасы хлеба, и, сойдя с горы, пришел к сей вдовице. Но почему Илия, низведший с неба огонь своим словом, не низвел себе хлебов? Может быть потому, что не мог? Нет, мог, но не сделал так. Почему же? Дабы не лишить плодов нищелюбия вдовицу, и дабы увеличить благословением сосуд с мукою и небольшой запас масла. Ибо пророк пришел не столько с целью напитаться, сколько с целью напитать убогую и сделать явным скрытую в сердце ее добродетель и благорасположение. Так творит Бог: ибо, будучи в состоянии питать всех рабов Своих, бывших вместе с Ним в мире, Он требует подаяния, дабы обнаружить благорасположенные сердца делами их нищелюбия. И когда уже не бывает никого, кто мог бы напитать их (рабов Своих), тогда Он питает их или птицами, как Илию на горе, или чужестранным пророкам, как Даниила во рву, или зверем морским, как Иону китом, или Сам от Себя посылает пищу, как отцам нашим в пустыне; ибо, когда у них не было ничего, что бы они могли взять (себе для питания), тогда Он ниспослал им с неба манну и источил из камня воду. Но когда святые Его живут в миру с прочими людьми, то Бог удерживает десницу Свою, хотя и видит их скорбными; оставляет их, дабы вознаградить благодатию тех, кто пожелает благотворить им; ибо через сие могли бы получить спасение многие.

Итак, Илия пришел к вдовице, у которой не было ничего, кроме горсти муки, которой ей могло хватить разве только на один обед для нее и для детей ее. Что же говорит ей пророк?

– Принеси мне немного воды в сосуде, дабы я мог напиться.

Когда она пошла за водой, то он сказал в след ее:

– Принеси мне также в руке твоей и хлеба печеного.

Она сказала о том, чего не имела, но то, что имела, не утаила, а объявила, сказав:

– Жив Господь! Разве есть у меня где хлеб в потаенном месте? У меня нет ничего кроме горсти муки и небольшого количества масла в сосуде.

Замечательно уже то, что несмотря на такую скудость, она не утаила бывшего у ней небольшого остатка пищи. Как много ныне таковых, которые, имея много золота и серебра, не делятся с друзьями своими, когда те просят у них? Даже и тогда, когда их упрашивают с любовью, они говорят, что не имеют ничего, не желая давать; но если, после долгих просьб склонятся к тому, чтобы дать кому-либо взаймы, тогда берут с тех, кому дают, расписку, более прочную, чем железо, связывают подписью руку принимающую, в присутствии свидетелей и поручителей. Но та вдовица по одному слову не отреклась от горсти муки.

Что же сказал ей пророк?

– Поспеши и приготовь опресноки, прежде всего для меня, потом же для тебя и для детей твоих.

Сие слово пророческое было испытанием, – было испытанием сердца, было испытанием благорасположения. Сердце блаженной вдовицы находилось как бы в тисках, будучи в недоумении, что предпочесть, любовь ли к своим детям, или нищелюбие к пророку? И предпочла вдовица лучше обидеть себя и детей своих, пророка же принять, ибо знала, что «кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка» (Мф.10:41); и напоивший чашею студеной воды во имя ученика, не потеряет награды своей (Мф.10:42).

Но почему же пророк сказал: «Поспеши!» Разве он был настолько голоден, что нуждался в особенном усердии вдовицы? Нет, ни в каком случае, но он таинственно знаменовал сим, что благое дело должно творить с усердием и радостью, а не с печалью и тоскою: «ибо доброхотно дающего любит Бог» (2Кор.9:7).

– Поспеши и приготовь, прежде всего для меня, потом же для тебя и для детей твоих.

«Поспеши», – подобно тому, как Авраам, когда к нему пришли Ангелы, поспешил к волам и заколол тельца, дабы принять Агнца (Быт.18:6); также подобно тому, как Сарра поспешила к опреснокам, дабы получить хлеб, сокрытый в небесах.

Поспеши и поступи так, как Авраам с жертвами Богу; не тебе первой и потом мне, как поступили: Каин, Офни и Финеес, сыновья священника Илия, которые уничижали Бога, взимая в свою пользу начатки даров, приносимых Богу.

Вдовица исполнила приказание пророка с усердием.

Пророк же, приняв хлеб, хотя малый, но поданный с великим усердием, вкусил от него и наполнил благами дом ее, ибо он сказал:

– Не оскудеет горсть муки в водоносе, и масло в сосуде, до тех пор, пока Господь не пошлет дождя на землю.

Но почему, – до того времени (когда будет ниспослан дождь)?

Дабы таинственно показать, что ветхий закон оканчивается тогда, когда явилась новая благодать, как дождь с неба.

И действительно случилось так, как сказал пророк.

Видишь ли, как добрые женщины получили плоды нищелюбия? Ибо благие труды дают благие плоды и не истлевающий корень целомудрия.

Вы, женщины, слышали о делах злых женщин и о добродетели благих; одних возлюбите, других же сторонитесь; тем подражайте, других же избегайте, дабы, следуя пути благих (женщин), вы были бы сопричислены к лику святых, о Христе Иисусе, Господе нашем, Коему подобает слава и держава вечно. Аминь.

Святые отцы наши Александр, Иоанн и Павел, патриархи Константинопольские

Память 30 августа

Святой Александр был архиереем (хорепископом[5299]) при святейшем Митрофане, первом патриархе Константинопольском[5300]; сей Александр был преукрашен всякими добродетелями. Когда был созван Первый Вселенский собор в Никее, то на собор послан был как ревностный поборник благочестия Александр, ибо патриарх Митрофан не мог быть на соборе по причине своей старости, а также и по причине недугов телесных. Занимая место патриарха на сем соборе (т.е. будучи его представителем и заместителем), Александр ревностно защищал веру православную против злочестивого Ария. Когда заседания собора окончились, и Александр уже возвращался в Константинополь, блаженному Митрофану явился Ангел Господень: сей Ангел возвестил Митрофану о близости его кончины и повелел назначить после себя патриархом Александра. Ангел сказал Митрофану:

– Через десять дней ты примешь венец от Бога; престол же патриаршеский пусть примет после тебя твой сослужитель Александр.

Благочестивый царь Константин вместе со многими отцами пришел к святейшему патриарху Митрофану, лежавшему уже на одре смерти. Когда Константин спросил его, кому бы он благословил передать престол патриаршеский после его смерти, то святой Митрофан ответил на это:

– Господь открыл мне, что после меня престол примет сослужитель мой Александр, поистине достойный избрания и дара Духа Святого.

Так и совершилось.

После того как святейший патриарх Митрофан отошел ко Господу, патриархом Константинопольским был поставлен Александр, который с усердием пас словесное стадо Христово[5301], отгоняя волков, – еретиков и эллинов, ибо не

только с арианами, но и с философами еллинскими (Александру) пришлось вести великую борьбу.

Так однажды некоторые из числа еллинских философов осмелились, подойдя к царю, обличить его в том, что он, отвергнув древнюю веру отцов, а также и законы римские и греческие, принял некую новую веру и новые законы, что вело, как говорили сии философы, не к укреплению, а к разрушению царства. Философы просили царя разрешить им вступить в прение о вере с епископом Александром. Царь разрешил это прение. Святитель Божий Александр, хотя и не был обучен еллинской философии, однако, преисполненный Духа Святого, не отказался от прения.

Когда философы собрались в большом числе и изъявили желание все одновременно вступить в прение с христианским епископом, то святитель предложил им избрать из своей среды одного, более мудрого и красноречивого философа, и поручить ему вести прение; остальные же философы могли слушать прение.

– Невозможно, – рассуждал святой Александр, – одному человеку переговорить вас всех, кричащих и возглашающих.

Философы выбрали из своей среды одного, коего считали более мудрым, и представили его святителю, а сами приготовились слушать со вниманием. Начиная прение, святейший патриарх Александр сказал тому философу:

– Именем Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе умолкнуть!

И тотчас у философа отнялся язык и он стал немым, так что не мог сказать ни одного слова.

Тогда, всё собрание философов пришло в страх и стыд, так что одни из них бежали с позором, а другие уверовали во Христа. Философ же, лишившийся дара слова, дал знаками понять, что он признает как свое заблуждение, так и правоту веры христианской; потом он припал к ногам святителя; и тотчас освободился язык его от немоты: он начал во всеуслышание прославлять Господа нашего Иисуса Христа, после чего был крещен вместе с прочими друзьями своими.

По сему случаю царь и все верующие возрадовались, и прославляли все Бога, даровавшего столь чудесную силу угоднику Своему.

Сей святой Александр потом умертвил своею молитвою и злочестивого Ария.

Еретик Арий, спустя несколько лет после первого Вселенского собора, был призван в Константинополь; здесь он обольстил, по своему лукавству, благочестивого царя Константина так. Константин спросил его: так ли он верует, как заповедали веровать святые отцы на соборе Никейском? Арий же, держа на груди у себя хартию с написанием своего зловерия, ударил себя рукою в грудь и сказал:

– Я так верую!

Таким образом сей еретик, по видимому выражал согласие с верованием, утвержденным в Никее, но в уме своем говорил, что веровал так, как написал своею рукою, каковая запись и находилась у него на груди. И клялся нечестивый пред царем, говоря, что «веровал так».

Не подозревая о таком лукавстве, царь поверил словам Ария и послал его к святейшему патриарху Александру, повелев ему принять в общение церковное Ария, как православного; при этом назначен был и воскресный день, в который Ария должно было ввести в храм для общения с верными.

Однако святой Александр отказывался принять в общение Ария, как основателя ереси.

Между тем суббота проходила и наступало воскресенье. В ночь на воскресенье архиерей Божий повергся на молитву в алтаре пред престолом. Со слезами молил он Бога взять душу его из тела, лишь бы не видеть ему того дня, в который Арий приступит к общению церковному и к причащению святых Таин; или же, по милосердию к Церкви Своей, истребит Ария из среды живых.

Святой Александр молился так всю ночь; наступило утро и приближалось время литургии. Из палат царских Арий вышел с великою гордостию, направившись к храму; он был окружен царскими сановниками, сочувствовавшими его ереси, и множеством оруженосцев.

Когда Арий подошел к тому месту, которое называлось «Торжищем Константиновым» (здесь стоял мраморный столп, имевший на себе изваяние царя), то его охватил великий страх от угрызавшей его совести; по причине страха Арий почувствовал необходимость в удовлетворении потребности телесной, и начал искать некоего скрытого места. Неподалеку оттуда находилось общее народное место; войдя туда, Арий был неожиданно поражен лютою болезнью внутренности, и разверзлась утроба у нечестивого, как у Иуды (Мф.27:1), так что все внутренности вышли из него.

Так ужасно погиб еретик.

Стоявшие поблизости и ожидавшие выхода Ария, видя, что он долго не выходит, сами вошли к нему, и нашли его мертвым, лежавшим в гное и в крови. И тотчас по городу прошло известие о страшной неожиданной смерти еретика Ария; еретики были посрамлены, православные же весьма радовались, что Христос, Бог истинный, явил мщение Своему врагу и хулителю; наипаче же воздавал благодарение Христу Богу святейший патриарх Александр, благодаря Бога за то, что Он явил милосердие Церкви Своей и спас ее от того лютого волка.

Благочестивый царь Константин Великий, узнав о такой смерти Ариевой, еще более укрепился в благочестивой вере и уже до самой кончины своей защищал догматы собора Никейского.

Такую силу пред Богом имела праведная молитва великого архиерея Божия Александра. Подобно острому оружию, она умертвила врага Божия и доставила торжество Церкви православной; об этом впоследствии упоминал святой Григорий Богослов[5302] в своем слове к цареградцам, отзываясь с одобрением и похвалою об Александре, говоря так:

– Поистине скажу вам: вы – ученики славного Александра, ревностного поборника и проповедника Святой Троицы, который и словом и делом вооружился против еретического заблуждения. Вы помните о его равноапостольной молитве, которою он уничтожил начальника и руководителя еретиков на месте, которого был достоин нечестивейший язык, дабы позором воздать за позор и дабы бесчестною смертью,

посланною по заслугам, было бы обличено на веки смертоносное зло еретичества, погубившего много душ.

Это слово говорил святой Григорий на похвалу святого Александра и на посрамление нечестивого Ария, почему и упомянул о смерти Ариевой, случившейся в бесчестном месте, по молитвам Александра; ибо, подобно тому как Арий оскорблял Сына Божия, хуля Его Божество, равносильное и соприсносущное Богу Отцу, так и сам принял смерть бесчестную; таким образом за оскорбление было отомщено оскорблением.

Святой Александр пас Церковь Христову достаточное число лет, пока не достиг глубокой старости. Когда он уже был при смерти, его словесные овцы обступили одр пастыря своего и спросили его:

– На кого оставляешь ты нас, своих детей, отче? Кого ты поставишь вместо себя нашим пастырем; кто бы мог, идя по стопам твоим, твердо управлять Церковью?

Александр, указав на двух честных мужей, – именно на Павла пресвитера и на Македония диакона, сказал в ответ:

– Если вы желаете иметь пастыря разумного и украшенного добродетелями, то выберите себе Павла; если же хотите иметь пастыря только благовидного, сияющего внешнею красотою, то изберите Македония.

Сказав сие, святейший патриарх Александр преставился ко Господу, имея от рождения своего девяносто восемь лет. После него престол восприял святой Павел, первый патриарх Константинопольский с сим именем[5303] (память его 6 ноября).

Святой Иоанн, прозванный Каппадоксом, ибо он был родом из Каппадокии, воспринял престол Константинопольского патриаршества после неправоверного Тимофея[5304], в конец царствования еретика Анастасия[5305]. Избран он был против своего желания (ибо не хотел принимать сей высокий сан), и был возведен на престол патриаршеский скорее народом правоверным, нежели властью царскою. Иоанн не имел покоя от нечестивого царя (Анастасия) до дня смерти его, будучи ненавидим им и преследуем; ибо сей царь защищал ересь Севера, псевдопатриарха Антиохийского[5306], противника собора

святых отцов, бывшего в Халкидоне (IV Вселенского)[5307]. Сей еретик Север, следуя учению Диоскора и Евтихия, отлученных на том соборе и преданных анафеме, признавал лишь одно естество в Лице господа нашего Иисуса Христа: он утверждал, что Слово и плоть в воплощении слились в одно естество, и не признавал в едином Лице Христовом двух естеств, как научили веровать святые отцы и как и ныне, богословствуя, Церковь воспевает: «естеством Бог сый, и естеством быв человек нас ради: не во двою лицу разделяемый, но во двою естеству неслитно познаваемый»[5308]. Упомянутый суемудренный противник православия ошибочно утверждал, что Божество Святой Троицы страдало на кресте вместе с человечеством Христовым; по сей причине он прибавлял к пению Трисвятого такие слова: «распныйся за ны, помилуй нас».

От сего окаянного Севера возникла ересь акефалов, то есть безглавых, названных так потому, что они не признавали власти епископов православных над подчиненными им церквами, подобно тому как глава начальствует над прочими членами; но каждый из них считал себя начальником и учителем, согласно собственному умствованию. После того как неправоверные епископы и пресвитеры, защищавшие сие лжеучение, умерли, среди тех еретиков не совершалось по обычному церковному чину ни крещения, ни Божественной литургии; причащались же они приготовленным заранее и долго сохраняемым агнцем, собираясь во дни святой Пасхи и раздробляя агнец на маленькие частицы. Тогда каждый из этих еретиков избирал для себя веру, какую хотел; самовольно приняв власть учительства, они учили и других, проповедуя им свое лжеучение. Поэтому от этих еретиков расплодилось весьма много ересей, противоречивших одна другой; об этих еретиках упоминает греческий церковный историк Никифор Каллист, в восемнадцатой книге, в главе сорок пятой, замечая так:

– К числу таковых еретиков принадлежал злочестивый царь Анастасий, который много повредил Церкви Божией, изгоняя православных архиереев с их престолов; сей царь пожелал изгнать и святого Иоанна, патриарха Константинопольского, но суд Божий постиг еретика, и жизнь его была пресечена смертью.

Не излишне было бы упомянуть здесь и о смерти сего нечестивого царя, случившейся при таких обстоятельствах.

За несколько дней до своей кончины, сей царь видел во сне некоего страшного мужа, подобно Судии восседавшего со славою на высоком престоле, причем ему предстояли многие. Сей Судия держал в руке Своей книгу; раскрыв эту книгу, он нашел в ней имя Анастасия и, показав сие Анастасию царю, сказал:

– Я хотел дозволить тебе пожить большее время, но по причине твоего нечестия Я изглажу из жизни твоей четырнадцать лет.

Сказав так, Судия изгладил написанное в книге; царь же, будучи объят страхом и трепетом, встал с тревогою от сна, позвал одного из ближайших советников своих, по имени Аманта, во всём согласного с ним (а также согласного и с его еретическим мудрствованием), и пересказал ему с печалью о том сонном видении. Амант, выслушав царя и придя в ужас от его рассказа, сказал:

– В эту ночь и я имел страшное видение: мне представилось, что я стоял близ твоего лица царского, как бы слуга, но подошла большая свинья, схватила меня за верхнюю одежду и, бросив меня на землю, съела.

Пересказывая друг другу о таких страшных снах и приходя от сего в ужас, они позвали некоего волхва, по имени Прокла, и рассказали ему сны свои, дабы он истолковал их. Он сказал им, что они оба скоро умрут.

И действительно в скором времени во дворец царский ударила молния и убила царя. Так погиб нечестивый злою смертью.

По кончине царя Анастасия на престол царский был избран Иустин[5309], муж благочестивый и праведный. Амант же и прочие нечестивцы, споспешествовавшие злым делам Анастасия и притеснявшие верных, были преданы, по суду праведному, смерти. Таким образом сбылись на Анастасии и на Аменте их сонные видения.

После погибели этих врагов, наступили мир и спокойствие в Церкви Христовой и среди ее пастырей. Святейший патриарх

Иоанн вместе с новоизбранным благочестивым царем Иустином и со всем правоверным народом возрадовались освобождению Церкви святой от ига мучителей и воспели в храме благодарственные пения. В скором же времени после этого они (царь и патриарх) созвали ближайших епископов (числом сорок) на Поместный собор и предали анафеме Севера, лжепатриарха Антиохийского и всех единомышленников его, а вместе с тем утвердили и восхвалили четвертый Вселенский собор, бывший в Халкидоне.

Остальные дни жизни своей святой Иоанн прожил в мире церковном, со усердием пася вверенное ему стадо и угождая Богу; пробыв на престоле три года, Иоанн с миром отошел ко Господу[5310].

Святой Павел, почитаемый ныне, – четвертый Константинопольский патриарх того же имени, был родом из Кипра; престол патриаршеский он воспринял после Никиты[5311], еретика иконоборца[5312], в царствование Льва[5313], сына Копронимова. Об этом святом Павле упоминается в жизнеописании святого Тарасия[5314].

Павел был муж добродетельный и благочестивый, но слишком слабовольный и боязливый, ибо, видя великие мучения за святые иконы, которые принимали многие правоверные от нечестивого царя, он утаивал благочестие свое и вступал в общение с еретиками, хотя и не хотел того. По смерти того нечестивого царя он хотел восстановить благочестивый обычай поклонения святым иконам, но не мог сего сделать, ибо не имел себе помощника; между тем иконоборчество сильно укрепилось во всем городе, а также и в окрестных странах. По сей причине Павел был весьма опечален; видя, что на успех надеяться трудно, он решил оставить престол патриаршества своего, на коем он пробыл не более четырех лет; заболев, он тайно ушел из дома патриаршеского в монастырь святого Флора, где принял на себя святую схиму.

Скоро всюду узнали о сем, и все были в великом удивлении.

Царица Ирина[5315] весьма опечалилась по сему случаю, узнав, что патриарх поступил так, никому ничего не сказав. Ирина пришла к нему с сыном, царем Константином, и спросила его:

– Отче? Что ты сделал и по какой причине ты поступил так?

Павел же отвечал на это:

– Сей святой образ схимнический побудила принять меня болезнь и ожидание близкой смерти, но более всего побудили меня оставить престол патриаршеский церковные смуты и раздоры; ибо Церковь страдает, будучи возмущаема ересью иконоборческою; по причине долгого нечестивого мудрствования еретиков, Церковь получила сильную рану, и я, окаянный, трижды уже одобрял ту ересь рукою моею и моею подписью; я не только не избежал сетей зловерия, но я погряз в них и языком и рукою моею, о чем ныне весьма скорблю; но всего более уязвляет и отягощает мою душу то, что я вижу, как все страны, подчиненные вашей власти, храня твердо православное исповедание веры, пребывая в православном учении и веселясь, чуждаются церкви нашей и гонят нас, как чуждых овец, от себя, как стада Христова. По сей причине я не желаю быть пастырем еретическому собранию и предпочитаю лучше быть во гробе, нежели подлежать анафеме от святой четверицы престолов апостольских[5316]. Но так как Бог дал в руки ваши власть скипетра, дабы вы имели царское попечение о христианском стаде, рассеянном по поднебесной, то обратите свое внимание на скорбь Матери вашей, – Церкви, и не допустите ей пребывать более в неутешной печали, но всячески позаботьтесь о том, чтобы она опять приняла прежнее свое благолепие. Не дозволяйте более мерзкой ереси, подобно некоей свинье, вышедшей с поля, опустошать и разорять виноград Христов в ваше благоверное царствование; не дозволяйте ереси осквернять виноград Христов нечестивым мудрствованием. Вы имеете искусного делателя, который может возделать грозд истинного исповедания, выработав его в Божественном точиле единой Церкви. Сей делатель наполнит чашу премудрости и приготовит для народа благочестивого питие православного мудрования.

Спросили его:

– Отче? О ком ты говоришь это?

Он отвечал:

– Я говорю о Тарасии[5317], первом советнике вашем царском; я знаю, что он достоин быть управителем Церкви, так как он может жезлом разума своего отогнать еретическое суесловие и упасти разумно словесное стадо Христово, собрав его за единой оградой правоверия.

Услыхав такие слова от патриарха Павла, благочестивая царица Ирина и сын ее, царь Константин, отошли со скорбью. Павел же, обратившись к некоторым вельможам, оставшимся у него, сказал им:

– О как бы хотел я не быть на том престоле в то время, когда Церковь была в смятении от еретиков, осужденных вселенскими престолами. Если не будет созван седьмой Вселенский собор и если не будет осуждена ересь иконоборческая, вы не будете спасены.

Вельможи сказали ему:

– Для чего же ты при поставлении в патриархи, дал письменное одобрение иконоборчеству?

Отвечал Павел:

– Так как я дал тогда подпись, то теперь я каюсь в сем и боюсь наказания от Бога за то, что молчал тогда страха ради и не говорил вам истины. Ныне же я каюсь, и говорю, что вы не можете надеяться на спасение, если пребудете в том еретическом мудрствовании.

Спустя несколько дней после этого патриарх почил с миром[5318]. С того времени граждане в Константинополе начали свободно и безбоязненно беседовать и препираться с еретиками о святых иконах в защиту которых никто не дерзал со времени Льва Исавра[5319]

открыть уст своих.

Уведав всё сие о воспоминаемых ныне трех святителях: Александре, Иоанне и Павле, прославим Единого в Троице Бога, Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Кондак, глас 8:

Христовою любовию распалаеми славнии, и ярем его приемшии крест честный, подражатели того жития явистеся, и Божественныя славы его причастницы бысте, Александре Богомудре со Иоанном чудным и Павлом славным. Темже престолу Его предстояще, прилежно молитеся за души наша.

Житие святого благоверного князя Александра Невского[5320]

Память 30 августа

Святой благоверный великий князь Александр Ярославич родился в 1219 году, 30 мая, в городе Переславле[5321].

Отец Александра Ярославича, великий князь Ярослав Всеволодович, по отзывам его современников, был кроткий, милостивый, благочестивый, всеми любимый князь. Мать благоверного Александра, благоверная княгиня Феодосия, своим благочестием и подвижничеством еще при жизни своей приобрела и от современников имя святой княгини[5322]. Под надзором благочестивых, нежно любивших его родителей и проходили детские годы жизни благоверного князя Александра.

По тогдашнему обычаю его рано начали учить, и так как при воспитании больше всего заботились тогда о развитии в душе ребенка страха Божия и благочестия, то и учили благоверного князя прежде всего священным книгам – Евангелию, Псалтири, любимой в святой Руси священной книге, в мудрых словах которой наши благочестивые князья искали и находили себе утешение в самые тяжелые минуты своей жизни, когда ни от кого, кроме Господа, нельзя было ожидать ни помощи, ни утешения.

Господь с детских дней готовил в благоверном князе Александре светильник, горящий верою добродетелями. По свидетельству древнего описателя жизни благоверного князя, никогда он не предавался детским забавам и развлечениям. Любимым его занятием было чтение священных книг, любимым отдыхом – пламенная молитва к Господу, пример которой он постоянно наблюдал в лице своей благочестивой матери. Пением церковных песнопений услаждал он свою душу, постом и воздержанием укреплял и развивал свои телесные силы.

Наряду с книжным обучением в княжеской древнерусской семье много внимания обращалось и на воспитание физическое: на развитие силы и ловкости, уменья владеть мечом и копьем, ездить на коне и т.п., так как князь должен был

быть опытным не только в подвигах духовных, но и в подвигах ратных, должен быть не только воином Христовым, но и воином земным, уметь защитить святую Церковь и силою слова и, когда это требовалось, силою меча. И благоверный князь Александр, непобедимый витязь, как называли его современники, в совершенстве усвоил эту сторону княжеского воспитания и для своих соратников был не только руководителем, но и образцом ратной доблести.

Рано начинали подготовлять юных князей и к предстоявшей им правительственной деятельности. И здесь для благоверного Александра высоким примером и образцом для подражания мог служить его знаменитый отец, этот, – по отзыву современников, – страдалец за русскую землю, положивший душу свою за вверенную ему Богом в управление страну.

Но недолго благоверному князю Александру пришлось жить под родительским кровом и попечением; очень рано пришлось ему вступить на самостоятельный жизненный путь.

Богатый в то время Великий Новгород, владевший почти всем теперешним севером Руси, «вольный» город, сам предписывавший себе законы и порядки, сам выбиравший себе князей и удалявший их, – предложил княжеский стол отцу благоверного князя Александра Ярославу. Ярослав Всеволодович принял это предложение; но он не мог примириться с тем подчиненным положением, в каком находился князь у новгородцев. В 1228 году, разгневавшись на новгородцев за их непокорность, Ярослав Всеволодович удалился в свой Переяславль, оставив в Новгороде, на попечении доверенных своих бояр, двух малолетних своих сыновей Феодора и Александра. 5 июня 1233 года совершенно неожиданно скончался старший из княжичей, в то время как шли приготовления к его свадьбе, и благоверный князь Александр остался одиноким в чужом для него городе.

Нелегко было его положение здесь. С одной стороны, свободолюбивые новгородцы хотели, чтобы молодой князь не выходил из-под их воли, послушно исполнял их желания, считался с их вольностями и обычаями. С другой стороны, твердый в своих стремлениях, Ярослав Всеволодович требовал

от сына идти той же дорогою, какою шел он, заботиться о возвышении в Новгороде княжеской власти, не считаясь с вспышками недовольства этим новгородцев. Сколько от юного князя требовалось твердости воли, осторожности и в то же время уменья обращаться с людьми, снисходительно относиться к их взглядам и привычкам, чтобы, выполняя план отца, привлечь к себе доверие и любовь новгородцев, не хотевших поступиться чем-либо из своих вольностей. Он жил здесь как бы между двух огней, всегда настороже, успешно обходя все трудности. Им доволен был отец; его полюбили новгородцы, называли его «наш князь» и гордились тем, что у них княжит Александр, которого каждая русская область хотела бы видеть своим князем.

Не одним умом и мудрым управлением привлекал к себе умы и сердца новгородцев благоверный князь Александр. Привлекали их к святому князю и его редкие душевные качества, а также, наряду с духовною красотою, необычайная красота телесная, которая поражала всех, кто хоть раз видел благоверного князя. О том неотразимом впечатлении, которое производил благоверный князь Александр своею внешностью, в древнем его житии сохранилось следующее известие.

В Новгород прибыл один из немецких рыцарей, по имени Андриаш. Пораженный дивною красотою благоверного князя Александра, он, по возвращении на родину, в следующих словах передавал своим соотечественникам свои впечатления: «Я прошел многие страны, видел много людей, но ни среди царей, ни среди князей я не встретил ни одного, который мог бы сравняться с князем Александром».

Такое же впечатление произвел величественный образ благоверного князя Александра и на страшного завоевателя Руси – Батыя. Что же касается русских людей, современников святого Александра, то они, описывая внешний вид своего князя, подобно немецкому рыцарю, не могли подыскать сравнений из современной жизни. По красоте они сравнивали благоверного князя с патриархом Иосифом, которого фараон поставил начальником над всею Египетскою страною, по силе – с ветхозаветным судиею Самсоном, по уму – с царем

Соломоном, по мужеству и военным доблестям – с древним римским императором Веспасианом[5323].

Когда благоверный князь говорил с народом или отдавал приказания своим воинам, то, замечает современник – описатель жития князя, его голос звучал как труба.

Но еще больше привлекал к себе благоверный князь своею духовною красотою, которая современникам его казалась такою же необычайною, как и красота телесная. «Он был милостив паче меры», – заметил летописец.

Милосердие представляло собою отличительную, наследственную черту в княжеской семье благоверного князя Александра. Ею отличались его родители, Ярослав и Феодосия, ею стяжал себе общую любовь дядя благоверного Александра, великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, ее заповедал предок святого Александра, великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах, великий древнерусский милостивец, привлекавший к себе всех своею щедростью и готовностью помочь каждому нуждавшемуся.

События новгородские, при которых проходила юность благоверного князя Александра, особенно должны были содействовать развитию в святом князе этой унаследованной им от предков черты. Богатый торговый Новгород, вследствие не вполне благоприятных почвенных условий для земледелия, нередко страдал от недорода и бесхлебья. В такое время цена на хлеб страшно поднималась, и бедному люду иной раз угрожала голодная смерть. Подобное несчастие и произошло в первые годы жизни благоверного князя Александра в Новгороде.

В 1230 г., вследствие раннего мороза, в Новгородской области погибли все озимые посевы. Подвоза хлеба не было, так как и в других местах Руси был недород хлеба. Незначительную помощь новгородцы могли получить от западных своих соседей, немецких купцов, с которыми Новгород вел широкую торговлю. Но того, что могли доставить иностранные купцы, было слишком мало. За недостатком хлеба начали есть мох, липовую и сосновую кору, желуди, потом принялись за конину, собак и кошек, но и этой пищи не хватало.

Множество непогребенных трупов людей, умерших от голода, валялось по улицам; некому было позаботиться о их погребении, каждый жил под страхом такой же ужасной смерти. Голод, казалось, заглушал в сердцах людей все человеческие чувства. Брат брату, отец сыну, мать дочери отказывали в куске хлеба. Родители продавали детей в рабство, только бы добыть себе этот несчастный кусок. Наконец, обезумев от голода и отчаяния, начали есть человеческие трупы, а некоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живых людей, убивали их и поедали. Дороги и улицы опустели, каждый боялся выходить или выезжать из дома. Никакие казни не останавливали пойманных и уличенных; голод пересиливал страх наказания и смерти. Всякий гражданский порядок приходил в разрушение: начались грабежи, поджоги жилищ, с целью отыскать как-нибудь запасы хлеба, началась братоубийственная резня. Благоверный князь Александр, тогда почти еще ребенок, переживал вместе с новгородцами все эти ужасы, и нужно представить, как они повлияли на его впечатлительную детскую душу. Но это несчастие не было единственным. Не один раз повторялись, в меньшей лишь степени, такие же бедствия и позднее; напоминая собою пережитое, они вселяли страх и за будущее.

В благоверном князе эти несчастия бедного люда вызывали к нему особую жалость. По свидетельству древнего жизнеописания, Александр Ярославич был истинным другом всех нуждающихся и обездоленных, отцом вдовицам и сиротам, питателем нищих и убогих. Памятуя заповедь Спасителя не собирать себе сокровищ на земле, он щедро оделял нуждающихся, и из княжеского дома никто не уходил неудовлетворенным в своей просьбе.

Наряду со страшными бедствиями Божиего наказания благоверному князю Александру, живя в Новгороде, приходилось много наблюдать и бедствий, происходивших от человеческого произвола и несправедливости.

Свободный город, так дороживший своею вольностью, не всегда и не ко всем был одинаково справедлив и заботлив. В народных собраниях, на которых решались все государственные

дела, нередко под влиянием богатых людей проходили такие постановления, которые тяжело отзывались на судьбе людей бедных и справедливо вызывали с их стороны ропот и недовольство. Обиженные не всегда могли найти защиту у людей, стоявших у власти, так как обычно эта власть, приводившая в исполнение постановления народных собраний, принадлежала тем же богатым людям. И нередко недовольство переходило в открытое возмущение; враждующие стороны жестоко расправлялись с теми, кто казался им главным виновником; на Волховском мосту[5324] происходили ужасные зрелища: живых людей сбрасывали в реку, и только голос новгородского святителя, призывавший забыть вражду и злобу, очистить себя молитвою от братской крови, останавливал эту братоубийственную вражду. Новгородский князь не мог в таких случаях предпринять что-либо для успокоения города, он вынужден был оставаться сторонним зрителем происходивших ужасов, так как его вмешательство вместо успокоения могло бы вызвать еще большее раздражения. По новгородским взглядам, не дело князя – вмешиваться во внутренние новгородские дела.

Бывали затем случаи, когда повод к народным волнениям подавали и сами князья и особенно их бояре и дружинники, не всегда справедливо относившиеся к местному населению. Много заботился благоверный князь Александр о том, чтобы его подчиненные в своих отношениях к населению не подавали никаких поводов к недовольству или жалобам. Мудрые советы давал он своим дружинникам о том, как нужно им пользоваться своею властью.

«От Бога, – говорил он, – получили мы власть над людьми Божиими и в страшный день Суда Божия должны будем отдать отчет в пользовании этою властью. Оградив себя страхом Божиим, помня этот день всеобщего воздаяния каждому по делам его, со всею справедливостью производите суды; не смотрите на лица и положения тяжущихся, будьте одинаково внимательны как к богатому, так и к бедному. Наказывая виновных, не будьте жестоки, соразмеряйте милостью наказание. Ничего не делайте под влиянием гнева, раздражения и зависти. Не забывайте нуждающихся, помогайте всем,

творите «нещадную» милостыню, чтобы и себе заслужить милость Божию».

Несомненно, что благоверный князь Александр не ограничивался лишь подобными наставлениями, но, помня завет мудрого своего предка, Владимира Мономаха, советовавшего князю во все вникать самому, не поручать делать другим того, что сам можешь и должен сделать, внимательно следил за действиями своих приближенных. И благодаря этому почти никогда не нарушались мир и согласие между князем и новгородцами, ни разу не высказано было со стороны последних упрека князю или его дружинникам. «Князь наш без греха» – вот отзыв новгородцев о святом Александре. Этот отзыв они повторяли и в такие минуты, когда, под влиянием недоброжелателей, обычное согласие готово было по-видимому рушиться, когда, забывая о заслугах князя, виновники раздора готовы были сказать обычные в таких случаях слова: «Ты, князь, сам по себе, а мы сами по себе», то есть больше нам не нужен, иди, куда хочешь.

Но не с одними трудными условиями новгородской жизни приходилось иметь дело благоверному князю Александру. В годы его юности Господь ниспослал великое испытание и всей Русской земле. Еще в 1223 г. на юге России появился страшный завоеватель, никому до того времени не известный, – татары. Южнорусские князья потерпели от татар страшное поражение на берегах речки Калки[5325], от которого, по словам современников, на целые 200 лет печальна стала Русская земля. Но победитель, как бы удовольствовавшись этою победою, не продолжал своего наступательного движения, оставил на время Русь в покое. На северо-востоке Руси не обратили должного внимания на грядущую беду, не думали о том, что страшный враг может появиться опять. Среди князей шли раздоры, которые еще более ослабляли Русь. И вот, когда через 14 лет после Калкского погрома снова в пределах Руси появились татары, они не встретили на своем опустошительном пути почти никакого отпора. Предводитель татар Батый, переправившись с своими ордами через Каму и Волгу, опустошал одно за другим русские княжества. Рязань, Москва и

стольный град тогдашней северо-восточной Руси Владимир представляли собою одни развалины. Великий князь Юрий Всеволодович попытался было остановить татар, дал им битву на реке Сити[5326], но потерпел поражение и сам погиб в этой несчастной битве.

Разорив другие встретившиеся на их пути города, татары подвигались к Новгороду. Но, замечает современник этих страшных событий, молитвами новгородских святителей, князей и преподобных Господь защитил Великий Новгород и новгородского князя: не дойдя 100 верст до Новгорода, татары поворотили на юг, пошли разрушать матерь русских городов – стольный град Киев.

Со времени этого нашествия начался в русской истории тяжелый период, известный под именем татарского ига. Великокняжеский престол занял отец благоверного князя Александра Ярослав Всеволодович. Приехав во Владимир, столицу тогдашней Руси, он нашел здесь лишь развалины и трупы. Началась неутомимая деятельность князя: очищен был город от трупов, возвращено и успокоено разбежавшееся население, восстановлен порядок. Но полного спокойствия не было, так как никто не знал, что предпримет грозный завоеватель, чем закончит он свой разрушительный набег. Боялись всюду нового нападения хана на Русь и повторения прежних ужасов. Население было так напугано, что, по словам современника, заслышав лишь одно слово «татары», каждый бежал, куда придется, не зная, куда бежит.

Ярослав Всеволодович для успокоения народа и для того, чтобы выяснить, какие отношения будут у хана к России, поехал в Орду просить милости у Батыя. Много трудов, огорчений и унижений пришлось пережить и испытать благоверному князю за это путешествие, чтобы склонить на милость грозного хана. Но Ярослав Всеволодович сумел расположить к себе Батыя. Современник летописец сообщает даже, что в Татарской Орде с честью приняли русского князя и, отпуская его на Русь, передали ему верховную власть над всеми русскими князьями.

Русские люди могли теперь несколько успокоиться от пережитых ужасов и от тревожных мыслей о будущем. Правда,

татары потребовали от русских поголовной, очень тяжелой дани и беспрекословного исполнения всех их требований, но они не беспокоили их своими набегами, жили вдали от них[5327], оставили неприкосновенными порядок русской государственной жизни и, что особенно было важно, русскую веру, эту основу гражданского порядка древней Руси и залога ее будущего возрождения – освобождения от тяжелого ига.

Проживая в Новгороде, вдали от татар, благоверный князь Александр Ярославич не принимал ближайшего участия в деятельности своего отца по восстановлению порядка в северо-восточной Руси. Да об этом и некогда было ему подумать. Одновременно с тем, как северо-восточной Руси грозила гибель от татар, северо-западным русским городам – Великому Новгороду и Пскову угрожал не менее опасный враг – шведы, немцы и литовцы.

Пользуясь разгромом Руси татарами, невозможностью со стороны великого князя подать помощь новгородцам и псковичам, они усилили свой натиск на пограничные русские города и надеялись без особых усилий подчинить их своей власти.

Страшная опасность угрожала русскому северо-западу. Дело шло здесь не только о возможности утратить свою политическую самостоятельность, оказаться оторванными от Русской земли, но утратить и веру православную. Западный враг делал дерзкое покушение на эту вековую русскую святыню, которой не тронул даже языческий завоеватель. Уже давно со стороны пап раздавался призыв о необходимости бороться против «схизматиков»[5328] силою меча, потоками крови привести их в подчинение папе и католической церкви. Татарский погром представлялся для этого, по-видимому, очень благоприятным временем, и неудивительно, если призыв к борьбе против православия стал настойчивее раздаваться со стороны высшего представителя католической церкви и внимательнее выслушивался некоторыми из его духовных чад. Но в лице благоверного князя Александра Ярославича Господь воздвиг такого могущественного, непобедимого защитника

православной веры, против которого ничего не могли сделать католики.

Благоверный князь Александр предвидел неизбежность борьбы и подготовлялся к ней. В 1239 г. он женился на дочери Полоцкого князя Брячислава, одного из окраинных русских князей, которому еще больше, чем Новгороду, угрожали католики. В лице своего тестя Александр Ярославич приобрел таким образом надежного, хотя и не сильного союзника. Венчание князя происходило в Торопце[5329], брачные пиры – в Торжке и Новгороде. И как только окончились брачные торжества, благоверный князь Александр тотчас принялся за важное дело – устройство укреплений на границах новгородско-псковских земель, откуда можно было прежде всего ожидать нападений. На реке Шелони был построен ряд крепостей. Но неприятель не дал закончить эти подготовительные работы по укреплению новгородско-псковских границ. Через четыре года после Батыева нашествия началась упорная борьба с западным врагом, не прекращавшаяся в продолжение почти всей жизни благоверного князя Александра Ярославича. Первыми начали борьбу шведы.

В то время на шведском престоле был королем Эрих. Ближайший родственник короля – Биргер, отважный рыцарь и полководец, прославившийся уже своими смелыми набегами на теперешнюю Финляндию и пограничные с нею новгородские владения, рассчитывал после бездетного Эриха занять шведский престол. Новыми победами он хотел снискать себе народную любовь и, подстрекаемый папою, начал войну против Руси. С большим отрядом войска, в состав которого входили, кроме шведов, норвежцы и финны, сопровождаемый католическими епископами, Биргер в 1240 г. неожиданно для русских появился на устье реки Ижоры[5330] и послал в Новгород дерзкий вызов благоверному князю Александру: «Я уже в твоей земле, опустошаю ее и хочу взять в плен и тебя. Если можешь мне сопротивляться – сопротивляйся». Биргер был убежден в невозможности сопротивления со стороны благоверного князя Александра и заранее уже торжествовал победу. И действительно, его нападение было неожиданным для

новгородцев, застало их неподготовленными к отпору. Жалостно было видеть, замечает современник, что великий князь Ярослав не мог узнать о беде, угрожавшей его сыну, и вовремя помочь ему, и что Александр Ярославич не мог предупредить об опасности отца. Новгородское войско не было собрано. У Александра Ярославича была лишь небольшая дружина, которую он наскоро пополнил новгородцами. Но он не испугался дерзкого вызова врага. Против него он искал защиты и помощи прежде всего у Бога. В новгородском храме святой Софии, Премудрости Божией, с пламенною, слезною молитвою о помощи обратился благоверный князь к Господу, прося Его рассудить его спор с гордым врагом, не предать достояния Своего в руки нечестивых.

– Боже праведный, великий, превечный и всемогущий, – молитвенно взывал благоверный князь Александр. – Ты сотворил небо и землю, установил пределы владений народам и повелел жить, не переступая в чужие владения. Малому стаду верных Твоих Ты дал надежду, чтобы не бояться нападающих на них. Призри и ныне, прещедрый Владыка, услышь гордые слова врага этого, похваляющегося разорить святую Церковь Твою, истребить веру православную, пролить неповинную кровь христианскую. Рассуди мой спор с ним. Восстань на помощь и защити нас, чтобы не смели сказать враги наши: «Где их Бог?» На Тебя, Господи, уповаем и Тебе воссылаем славу ныне и присно и во веки веков.

С такою же пламенною молитвою обратился затем благоверный князь к Заступнице рода христианского, Победительной Воеводе, Божией Матери, и к святым покровителям веры православной и небесным предстателям и молитвенникам за святую Русь – благоверным князьям Владимиру, Борису и Глебу преподобным.

По окончании молитвы благоверный князь принял благословение от новгородского владыки Серапиона, велел своим приближенным одарить нищих и попросить у них молитв, а сам вышел к своей дружине, смущавшейся своею малочисленностью, чтобы подкрепить ее на предстоящий подвиг. «Не в силе Бог, а в правде», – такими словами ободрил

благоверный вождь своих сподвижников. Затем с этою горстью храбрецов он быстро направился навстречу врагу, и здесь, на берегу реки Невы, в знаменательный для Руси день блаженной памяти ее просветителя, благоверного князя Владимира (15 июля) произошла знаменитая битва, за которую Александр Ярославич получил название Невского.

Чтобы подкрепить защитников православной веры на предстоявший им подвиг, Господь даровал им чудесное предзнаменование.

В войске благоверного Александра был один ижорянин Пелгусий, во святом крещении Филипп, которому Александр Ярославич вручил ночную стражу, как опытному воину, хорошо знавшему местность. Среди своих соплеменников, державшихся язычества, христианин Пелгусий отличался благочестивою жизнью: он проводил время в молитве, трудах и постных подвигах; и Господь удостоил этого благочестивого воина следующего чудесного видения.

При восходе солнца Пелгусий услышал со стороны реки шум от приближающегося судна и, думая, что это враг, удвоил свою бдительность. Гребцы покрыты были как бы мглою, скрывавшею их лица. Видны были только два витязя, стоявшие в лодке. Светлые лица их и одежды показались как бы знакомыми Пелгусию; и вдруг он услышал голос, подтвердивший его предположение, рассеявший все его сомнения, радостью наполнившими его душу. Старший из витязей, обращаясь к младшему, сказал: «Брат Глеб, прикажи грести быстрее, поспешим на помощь сроднику нашему Александру Ярославичу». Это были преподобные страстотерпцы, благоверные князья Борис и Глеб, которых молитвенно призывал на помощь благоверный князь Александр.

Пелгусий поспешил рассказать виденное князю. Ободренный этим чудесным предзнаменованием, Александр Ярославич в тот же день напал на врага. Шведы не ожидали нападения, не думали, что противник так близко, не знали его числа и силы. Упорная битва продолжалась с утра до вечера.

Одушевляемая своим вождем, дружина благоверного князя оказала чудеса храбрости, приводила в изумление врагов. Сам

Александр Ярославич был все время во главе сражающихся; он нанес рану в лицо предводителю шведов. Один из дружинников подрубил шатер Биргера; другой, увлеченный битвою, взбежал на шведский корабль, продолжая наносить своим мечом страшные удары растерявшимся от неожиданности и страха врагам. Разбитые на всех пунктах, потеряв храбрейших из своих товарищей, шведы, несмотря на численный свой перевес над русским войском, не посмели возобновить сражение, остаться до утра на поле битвы. Наполнив две ямы трупами павших в сражении, захватив с собою на суда более знатных из убитых, они в ту же ночь поспешили удалиться от негостеприимных для них берегов Невы. Урон со стороны русских был незначительный: убито было всего двадцать человек, в том числе один из шести наиболее отличившихся в битве воинов – Ратмир.

Но не одною храбростью дружины и ее вождя была приобретена эта славная Невская победа. Господь, ободривший русских воинов чудесным видением до начала битвы, ниспослал Свою помощь и во время ее. На другой день участники битвы с удивлением увидели множество неприятельских трупов по другую сторону реки Ижоры, почти в непроходимом месте, куда не заходил ни один из русских воинов во время сражения. Ангелы Божии невидимо помогали горсти защитников святой веры против врагов, хуливших ее.

Принеся благодарение Господу за Его чудесную помощь и за одержанную победу, с великою славою возвратился благоверный князь Александр в Новгород, восторженно приветствуемый новгородцами.

Никогда не забывала святая Русь этого славного подвига святого князя и его дружины, молитвенно вспоминала имена павших в битве воинов и навсегда сохранила за благоверным князем Александром наименование Невского. Долго помнили о своем поражении и враги. Но новгородцы, которые особенно должны бы были дорожить этим подвигом своего князя, по-видимому, скоро о нем забыли. Прошла опасность, и вскоре они рассорились с князем. Александр Ярославич оставил Новгород

и ушел в Переяславль. Скоро новгородцам пришлось раскаяться в своем неблагодарном поступке.

Услышав о неладах в Новгороде и об отъезде из города святого Александра, Ливонские немцы решили воспользоваться этим и напали на Псков[5331]. Взяв пограничную псковскую крепость Изборск, немцы подступили затем к Пскову. Псковичи не могли выдержать осады, тем более, что среди них нашелся один изменник, который тайно впустил немцев в город. Священный град святой Ольги сделался теперь немецким владением. Были поставлены немцами наместники в городе; вслед за установлением немецких порядков нужно было ожидать и перемены веры: немцы решили открыть в Пскове католическую епископию.

Но опасность грозила не одному Пскову: немцы шли и на Новгород. Захватив зимою новгородскую Водскую пятину[5332], они построили здесь крепость Копорье, взяли Тесов, в тридцати верстах от Новгорода производили грабежи и убийства, забирали в плен и отправляли пленников в Ливонию. В Новгороде на всех напал страх, прекратилась торговля, ждали осады города, но отсутствие руководителя и вождя делало то, что к защите города готовились очень плохо. Тогда новгородцы и вспомнили о своем знаменитом князе, раскаялись в нанесенной ими святому Александру обиде и решили во что бы то ни стало упросить его вернуться в Новгород. С этою целью во Владимир было отправлено новгородцами к великому князю Ярославу Всеволодовичу посольство, чтобы он отпустил в Новгород благоверного князя Александра.

Ярослав отправил в Новгород войско с сыном своим Андреем. Но новгородцам нужен был не Андрей, а Александр; они видели, что только он может избавить их от постигшей беды, и потому поспешили отправить к великому князю новое посольство, во главе с архиепископом, вторично просить на княжение Александра Ярославича. Милостивый князь не вспомнил нанесенной ему новгородцами обиды, поспешил туда, где так нуждались в нем. С его приездом в Новгороде все изменилось: быстро и успешно подготовлялись к борьбе с подступавшим к городу врагом, ко всем вернулась вера в успех

и воодушевление на новые подвиги со своим героем – князем. Закончив приготовления к войне, Александр Ярославич с новгородскими и низовскими полками направился освобождать Псков. Немцы были изгнаны из Пскова, и псковичи радостно встретили своего избавителя.

Но благоверный князь не ограничился лишь изгнанием немцев из Пскова. Нужно было упрочить покой на северо-западе Руси, проучить врага и предупредить возможность с его стороны новых нападений. Благоверный князь решил наказать немцев за их нападения и грабежи наступательным движением на их же владения.

Подкрепив себя молитвою в храме Святой Троицы, перед ракою мощей благоверного своего сродника Псковского князя Всеволода Мстиславича, напутствуемый молитвами и благопожеланиями псковичей, Александр Ярославич направился со своими полками в Ливонию. Немцы не ожидали такого быстрого нападения и не могли оказать сопротивления: Ливония была опустошена русскими войсками. На обратном пути из Ливонии в Псков благоверный князь остановился на берегу Чудского озера и здесь 5 апреля 1242 г. произошла знаменитая битва с немецкими рыцарями, известная в истории под именем Ледового побоища[5333].

Многочисленное войско рыцарей уверено было в победе. «Пойдем, возьмем в плен русского князя Александра; славяне должны быть нашими рабами», – хвастливо говорили рыцари. Но, надеясь на помощь Божию и веря в святость и правоту защищаемого им дела, благоверный князь не убоялся этих хвастливых слов. Не смутила его и первая неудача в столкновении с рыцарями. Легкие передовые отряды, посланные благоверным князем следить за движением неприятеля, наткнулись на главные немецкие силы и были разбиты. Часть их попала в плен, другая прибежала к князю с печальным известием о постигшей неудаче. Тогда благоверный князь остановил свои войска на льду Чудского озера возле урочища Воронья камня на Узмени[5334] и здесь начал готовиться к решительной битве.

Число его воинов пополнилось свежими силами из новгородцев, но и теперь, по сравнению с рыцарским войском, оно было слишком мало. Зато эта малочисленность возмещалась воодушевлением воинов, их безбоязненною готовностью положить свои головы за правое дело и за любимого князя. Вождю не нужно было подкреплять ратный дух воинов; все сознавали важность предстоящего события и самоотверженно шли на битву с гордым врагом. «О дорогой и честный наш княже! Пришло время, мы все положим за тебя свои головы», – такие воодушевленные возгласы неслись из рядов русских воинов.

Рыцари первые начали сражение. Закованные с головы до ног в железные латы, двинулись они на русское войско, чтобы раздавить его своею многочисленностью. Но здесь они встретили такой мужественный отпор, что были поражены. Вместо ожидаемого расстройства или даже бегства врага, они с ужасом увидели, как ряды русских плотнее смыкались, образуя собою как бы живую стену. Рыцари были смущены и остановились. Тогда благоверный князь Александр, заметив смущение врага, искусно совершил с частью своих полков обходное движение и напал с той стороны, откуда рыцари совершенно не ожидали нападение. Произошла ужасная сеча. Страшный шум от ударов мечей по щитам и шлемам, от треска ломавшихся копий, стоны сраженных и утопавших не давали возможности вождям руководить сражением, отдавать приказания войску. Правильного боя не было. Чувствуя свое поражение, рыцари напрягали все свои силы, чтобы только пробиться через окружавшие их кольцом русские полки и избежать плена. Но и это не удалось. Лед на озере покрылся кровью и во многих местах не выдерживал, проваливался, увлекая за собою и бойцов, и их оружие. До позднего вечера продолжалась битва. Потери рыцарей были громадны. Оставшиеся в живых искали спасения в бегстве, но русские настигали их и убивали. На протяжении семи верст озеро покрылось трупами. Много рыцарей было взято в плен, еще более погибло, и от недавно столь грозного и многочисленного ополчения не осталось почти ничего.

Торжественно возвращались в Псков победители во главе со своим вождем. Близ коня благоверного князя шло пятьдесят знатнейших рыцарей, позади русского войска – множество простых пленных. Радостно встретили псковичи своего избавителя.

«Господь, пособивший кроткому Давиду победить иноплеменников, помог и благоверному князю нашему освободить град Псков от иноязычников и иноплеменников», – всюду раздавался этот радостный возглас.

Всюду были общая радость и ликование; все сознавали, как важна была эта победа, какую услугу оказал благоверный князь окраинному русскому городу, для которого не по силам было защищать свою самостоятельность от нападений многочисленных врагов. Никогда псковичи не должны были забыть этого подвига святого князя Александра Ярославича. «О невегласы псковичи! Если забудете великого князя Александра Ярославича или отступите от него или от детей его и от рода его, то уподобитесь евреям, которых Господь освободил из рабства Египетского, питал в пустыне крастелями, а они Его забыли», – говорит современник-летописец, заканчивая описание этой славной победы. Этими словами он как бы хочет предостеречь псковичей от поступка их старших братьев – новгородцев, которые так скоро забыли о невской победе и обнаружили не только свою неблагодарность, но и неуменье понять и оценить подвиг своего знаменитого князя.

Торжественно отпраздновав освобождение Пскова, благоверный князь Александр Ярославич со своими полками поспешил в Новгород, где его встретили с неменьшим восторгом и радостию, как и в Пскове.

Долго помнили в обоих русских окраинных городах о славной победе на Чудском озере и еще в конце XVI в. не переставали молитвенно вспоминать имена воинов, павших в этой битве. Далеко разнеслась слава победителя. На берегах Варяжского[5335], Черного и Каспийского морей, в Риме и в далекой Азии, замечает современник-биограф благоверного князя, передавали о славных победах Александра Ярославича.

В то время, как на Руси торжественно праздновали победу, в Ливонии весть о разгроме рыцарского ополчения быстро разнеслась и навела на всех ужас. Немцы со дня на день ожидали, что благоверный князь Александр не замедлит со своими полками явиться к столице Ливонии – Риге, и не надеялись своими силами отразить нападение Русского князя, защитить свою новую столицу. Магистр (начальник) Немецкого Ордена поспешил отправить посольство к датскому королю и просил у него помощи против новгородского князя.

Но благоверный князь Александр вовсе не думал и не хотел завоеваний. Окончив свое славное дело, освободив Новгород и Псков от угрожавшей им беды, он уехал в свой Переяславль. Тогда немцы, услыхав об отъезде из Новгорода князя, поспешили прислать туда своих послов и просили о заключении мира и о размене пленниками. Они отказывались от всех своих завоеваний, готовы были уступить новгородцам часть своих пограничных к Новгородской земле владений, только бы склонить новгородцев к миру; и мир был заключен «на всей новгородской воле», то есть на тех условиях, которые предложили сами новгородцы.

Так закончилась борьба со шведами и немцами.

Для русских Невская и Чудская победы имели огромное значение. Теперь не страшна была угроза иноземцев завладеть окраинными русскими городами, подчинить их своей власти и принудить русских людей переменить на католичество святую православную веру. Сам Бог рассудил вековой спор, оградил наше отечество от козней латинян, указал предел распространению немецкого владычества, мощною рукою Своего угодника, благоверного князя Александра, грозно предостерег не вторгаться в чужие пределы и не посягать на русскую святыню – православную веру. Великую услугу оказал святой Руси ее защитник, благоверный, «непобедимый» – как назвали его современники – князь Александр Ярославич, и никогда святая Русь не забывала и не забудет этого великого земного подвига его.

Два сильных западных врага были побеждены и не казались уже столь грозными, как это было раньше. Но

появился новый, правда не столь опасный, зато более свирепый враг – литовцы, от опустошительных набегов которых страдали юго-западные границы Новгородских и Псковских владений.

По восточному побережью Балтийского моря, на равнине между устьями рек Вислы и Западной Двины, уже несколько веков жило близкое нам и по происхождению и по языку литовское племя. Бедное и неразвитое умственно, оно на первых порах столкновений своих с славянами должно было признать их превосходство, подчинилось окраинным русским князьям и платило им дань. Литовцы в это время были разделены на отдельные племена, враждовавшие нередко одно с другим и не имевшие государственного устройства и порядка. Но в начале XIII в. под влиянием постоянных нападений рыцарей Немецкого Ордена разрозненные дотоле литовские племена начали объединяться. Среди литовцев появились воинственные князья, приобретавшие все большую власть и влияние в стране. Литовские князья сначала боролись в союзе с русскими князьями против общего их врага – немцев, но затем стали нападать и на своих союзников. Небольшими отрядами на своих выносливых и быстрых конях они делали набеги на русские пограничные волости, производили опустошения и убийства. Население окраинных новгородских и псковских городов и сел жило под постоянным страхом неожиданных литовских нападений, а так как новгородцы и псковичи, занятые, преимущественно, борьбою с немцами и шведами, держали у себя главным образом тяжеловооруженное войско и очень мало легкого, подвижного войска – стрелков, то и не могли оборонять пограничные с Литвою владения. Защитником и здесь явился благоверный князь Александр.

Летом в достопамятный год Ледового побоища получены были в Новгороде известия о хищнических набегах литовцев, и тогда же благоверный князь начал с ними борьбу. За один поход ему удалось рассеять до семи неприятельских отрядов, действовавших отдельно друг от друга в разных местностях. Много предводителей литовских отрядов было избито полками благоверного князя или взято в плен. Теперь литовцы начали,

как говорит современник этих событий – летописец, бояться имени князя Александра, но не хотели прекратить своих хищнических набегов.

В 1245 г. они опустошили окрестности Торжка и Бежецка и с захваченною добычею и пленниками собирались уже возвратиться на родину. Но под стенами Торопца были настигнуты соединенными силами новоторжцев, тверичей и дмитровцев и, потерпев поражение в открытом поле, засели в Торопце. Тогда на защиту древнего Торопца, удела князя Мстислава Мстиславича Удалого, поспешил благоверный князь Александр со своею небольшою дружиною и новгородцами. В первый же день осады Торопец был взят войсками благоверного князя. Литовцы бросились бежать из города, но были настигнуты дружиною Александра Ярославича и дорого расплатились за свои набеги. Восемь предводителей их пало в битве; оставшиеся в живых, побросав награбленную добычу, спаслись бегством.

Но благоверный князь Александр не ограничился этою победою. Чтобы проучить дерзкого врага и обезопасить русские границы от дальнейших литовских набегов и опустошений, он, несмотря на нежелание новгородцев сопровождать его в дальнейший поход, с одною своею маленькою дружиною погнался за врагами. Возле озера Живца он настиг беглецов и истребил их всех до последнего человека. Затем направился в Витебск, где княжил тесть его Брячислав, и после непродолжительного отдыха снова двинулся на литовцев, уже в их владения, разбил новое их ополчение близ Усвята и навел такой страх на врагов, что они долгое время не осмеливались нападать на русские владения.

Так доблестно охранял свой северо-западный удел благоверный князь Александр Ярославич. Своею необыкновенною храбростью и воинскими дарованиями он сумел даже в такое тяжелое для древней Руси время, как первые годы татарского ига[5336], не только защитить древнерусские северо-западные области, но и совершенно обезопасить их и в то же время доказать западному врагу, что и

сраженная татарами Русь в состоянии защитить свою самостоятельность и свою веру.

Не в одной только Новгородско-Псковской земле радовались победам благоверного князя. Весть о них разносилась по всей тогдашней Руси, ободряла русских людей в годину тяжелых испытаний, взоры всех останавливались на князе-герое, вселявшем надежду на лучшее будущее. Северо-восточная Русь, томившаяся под властью татар, не менее Новгорода хотела видеть у себя на великокняжеском престоле благоверного князя Александра и способна была лучше новгородцев оценить его деятельность.

События 1246 г. прекратили на время деятельность благоверного князя Александра на северо-западе Руси, отозвав его на северо-восток. В этом году мученически скончался в Орде отец благоверного князя Александра – великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович[5337]. По древнерусскому порядку право на великокняжеский престол принадлежало брату покойного князя – Святославу Всеволодовичу. Но теперь верховная власть и право раздавать княжеские столы принадлежали уже татарам, и, чтобы получить утверждение хана, Святослав должен был лично побывать в Орде. В том же году направились в Орду на поклон хану и племянники Святослава – Андрей и Александр Ярославичи.

Слух о храбром новгородском князе и о его знаменитых победах достиг и до хана. Батый хотел видеть благоверного князя, о котором так много говорили, и потребовал от него немедленно явиться в Орду.

«Мне Бог покорил многие народы, ужели ты один не хочешь покориться? Если хочешь сберечь свою землю, приходи ко мне на поклон», – велел передать Александру Ярославичу Батый.

Нельзя было ослушаться этого приказания грозного властелина, и благоверный князь поспешил отправиться в далекий путь.

Неизвестно было, что его там ждало. Его отца приняли там с честью, но этот почетный прием был куплен ценою целого ряда унижений и оскорблений. Князей заставляли проходить через очистительные огни, кланяться кусту, теням умерших

ханов и т. п. Не все из русских князей соглашались исполнить эти унизительные для христианина требования и за свою непокорность платились жизнью. Пример русского князя-мученика Михаила Ярославича Черниговского, несомненно, хорошо был известен благоверному князю Александру. Но в то же время пример его отца показывал, что и послушание, исполнение всех ханских требований не всегда спасали. Ярослава Всеволодовича, с почетом принятого в первый приезд его в Орду, татары отравили, когда он приехал во второй раз. И благоверный князь Александр решил отказаться исполнить языческие обряды, хотя бы этот отказ стоил ему жизни. Мужественный защитник православной веры, из млада избранный Господом сосуд благочестия, мог ли он поступить иначе!

Напутствованный святыми дарами и благословением архиепископа направился он из Новгорода в Орду.

Когда благоверный князь прибыл в Орду и когда, перед представлением хану, ему велели исполнить обычные у татар обряды, он отказался исполнить это приказание. «Я христианин, – сказал он, – и мне не подобает кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, в Троице славимому, создавшему небо, землю и все, что в них». Спокойный, твердый ответ святого князя поразил придворных хана; но еще более они были удивлены, когда Батый, услышав о нежелании Александра Ярославича исполнить татарские обряды, вместо обычного в таких случаях распоряжения «Смерть ослушнику», приказал не принуждать более святого и поскорее привести его к нему.

«Царь, – обратился к хану благоверный князь, преклоняясь перед ним, – я кланяюсь тебе, потому что Бог почтил тебя царством, но твари я не стану кланяться. Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь».

Батый долго любовался прекрасным, мужественным лицом Александра Ярославича и, наконец, обратившись к окружавшим его придворным, сказал: «Правду мне говорили о нем: нет князя ему равного». Также почетно был принят благоверный князь и ханшею.

Батый не был самостоятельным властелином, он считался лишь наместником великого хана, жившего в Кара-Коруме, в горной окраине азиатской пустыни Гоби, расположенной за Байкалом. Поклонившись ближайшему своему властелину – Ордынскому хану, русские князья должны были отправиться и на поклон к верховному владыке монголов, в отдаленную его столицу. Этот далекий, крайне трудный путь должен был, по приказанию Батыя, совершить и благоверный князь Александр Ярославич[5338].

Он был милостиво принят повелителем Азии и некоторое время прожил в столице монголов, внимательно изучая характер этих властителей Руси. Только уже в 1250 г. Александр Ярославич и его брат Андрей вернулись на Русь. Хан дал Андрею великокняжеский престол, а за Александром Ярославичем оставил Киев и Новгород. Но Киев, матерь русских городов, древнейшая столица Руси, после татарского разгрома представлял собою одни развалины. Население Киевской области разбежалось от татар частью на юго-запад, в теперешнюю Галицию, частью на северо-восток, во Владимирскую Русь. Александру Ярославичу здесь нечего было делать, и потому, пробыв некоторое время во Владимире, он вернулся в Великий Новгород.

С радостью встретили его новгородцы; но радость эта вскоре омрачена была печалью и тревогою: благоверный князь, утомленный тяжелым путешествием и тем, что пришлось ему пережить в Орде, опасно занемог. С тревожным участием следили новгородцы за ходом болезни своего князя, с утра до вечера храмы были переполнены народом, горячо молившимся о выздоровлении благоверного князя. И Господь не отверг народной молитвы: благоверный князь оправился от тяжелого недуга.

Новгородцы наслаждались теперь миром. Их западные соседи, помня знаменитые победы Александра Ярославича, не смели повторять своих нападений и только норвежцы изредка делали набеги на пограничные новгородские владения. Благоверный князь хотел обезопасить свой удел и от норвежских нападений, он хотел привлечь норвежцев к союзу с

новгородцами. С этою целью к норвежскому королю Гакону было отправлено посольство, которому одновременно с этим было поручено предложить королю вступить в родственные связи с Александром Ярославичем – отдать свою дочь Христину замуж за сына Александра, Василия.

Предположенный брак не состоялся, но главная цель посольства была достигнута: норвежский король в свою очередь прислал в Новгород послов для заключения договора с новгородцами, и с этого времени норвежские набеги прекратились. Вскоре после заключения этого договора Александр Ярославич навсегда уже оставил новгородский княжеский стол.

Андрей Ярославич, получивший великое княжение, не имел ни той осторожности, ни правительственной мудрости, которыми отличался его старший брат. Он мало занимался управлением, большую часть времени проводил в разного рода развлечениях, окружил себя неопытными советниками и не сумел ужиться с татарами. В Орде смотрели на него, как на непокорного князя, и преемник Батыя Сартак решил наказать русского князя. Он отправил против него свои полчища под начальством Неврюя. Андрей Ярославич, как только заслышал о приближении татар, бежал из Владимира сначала в Новгород, а затем, когда новгородцы отказались его принять, в Швецию[5339]. За неосторожные действия великого князя приходилось расплачиваться населению. На защиту его и явился благоверный князь Александр.

Чтобы избавить родину от татарского опустошения, Александр Ярославич направился в Орду и не только успел укротить гнев хана и таким образом остановить начавшееся на Руси кровопролитие, но и получил от хана ярлык на великое княжение. С этого времени и начинается подвижническое служение благоверного князя родине, все свои силы посвятившего на то, чтобы облегчить тяжесть татарского ига.

Александр Ярославич не щадил средств своей княжеской казны на выкуп пленных, которых массами уводили татары в Орду. Заботился он и о том, чтобы остававшиеся в плену не лишены были главного утешения в своем горе – молитвы и

богослужения. Вместе с митрополитом Кириллом он выхлопотал у хана разрешение на устройство в столице Орды – Сарае – русской епархии.

Но не одни пленники нуждались в заботах благоверного князя. После Неврюева нашествия Северо-восточная Русь снова была опустошена, и благоверный князь Александр спешил восстановить разрушенные храмы, собрать разбежавшихся людей, помочь им устроиться на разоренных пепелищах. Как отец, замечает современник святого князя, заботился он о народе; и благодаря этим заботам в великом княжестве мало-помалу устанавливались спокойствие и порядок. Благоверный князь хотел не только успокоить население, но и облегчить его тяжелое положение, ослабить, сколько возможно, самое иго татарское.

Не изменив русского государственного строя, сохранив неприкосновенными святую веру и церковное устройство, татары обложили за это Русь тяжелою данью. Они брали все лучшее и ценное и в своих требованиях не соображались с тем, в состоянии ли их данники платить налоги в том размере, в каком от них требовали. Татары брали поголовную дань, не различая богатых и бедных; несостоятельных данников они без всякой жалости забирали в Орду и обращали в рабство.

В 1257 г., с целью точнее определить доходы, какие можно получать с Руси, татары прислали своих чиновников исчислить всех русских людей. Великий князь хорошо понимал, что как бы ни была тяжела эта мера, необходимо подчиниться, чтобы не вызвать сопротивлением еще худшего со стороны татар. Но не все так думали.

По настоянию князя во Владимиро-суздальской Руси исчисление произошло спокойно, и Александр поспешил в Орду, чтобы склонить на милость хана, довольного послушанием русских людей и их князя. Но в Орде решено было подвести под число и Великий Новгород, где особенно сильно была развита ненависть к поработителям Руси. Зная о таком возбуждении новгородцев, великий князь с тяжелою, озабоченною думою возвращался на родину. И его опасения оправдались.

Как только в Новгороде услышали о готовящейся переписи, в народе началось брожение, начали устраивать вечевые собрания и постановили скорее умереть, чем подчиниться ханскому требованию. Новгородцы не хотели согласиться на перечисление и потому, что Новгород не был завоеван татарами, и многим казалось, что уже поэтому татары не имеют права распоряжаться над областью святой Софии так, как хотят. «Умрем за святую Софию и за домы Ангельские (св. обители)», – раздавались клики на улицах города, и горожане готовились к восстанию.

Александр Ярославич, чтобы предотвратить от Новгорода страшную татарскую месть, поспешил сюда. Он надеялся, что новгородцы послушают его благоразумного совета. Но еще до приезда князя в городе начались несогласия: в то время, как чернь хотела бороться против татар, богатые люди предпочитали уплатить требуемую дань, чтобы не раздражать и татар, и великого князя. Александр Ярославич воспользовался этим и своею твердостью успел склонить новгородцев на перепись. Однако появление татарских чиновников и злоупотребления, которые происходили во время переписи не только от татар, но и от зажиточных новгородцев, снова возбудили движение в Новгороде. Сторону волновавшихся принял на этот раз и новгородский князь Василий Александрович, но, боясь отца, он убежал в Псков.

Благоверный князь Александр приказал схватить непокорного сына и, лишив его новгородского княжения, отправил в Суздальскую Русь. Были строго наказаны и зачинщики мятежа, а так как и после этих строгих мер новгородцы не хотели успокоиться и согласиться на ханские требования, то благоверный князь Александр вместе с татарами немедленно оставил Новгород, предоставляя самим новгородцам считаться с гневом хана. Отъезд великого князя подействовал сильнее всяких убеждений: новгородцы смирились, приняли ханских чиновников, и таким образом разгром Новгорода татарами был предупрежден.

Но прошло с небольшим два года, и снова на Руси начались волнения против татарских сборщиков дани,

угрожавшие перейти в открытый мятеж и охватить почти все города северо-восточной Руси. Поводом к этим волнениям послужили следующие обстоятельства.

Новый хан – Берке – ввиду злоупотреблений, какие допускались сборщиками дани, утайки собранной ими суммы, передал ее сбор на откуп хивинским купцам или бессерменам. Последние, естественно, в целях наживы собирали гораздо больше той суммы, какую они уплатили хану, и допускали еще большие притеснения населения, по сравнению с прежними татарскими сборщиками. Народ не вынес этих притеснений, и в различных местностях началось возмущение. Но возмущение это дошло до крайности, когда среди сборщиков появился один монах-отступник от православной веры, по имени Зосима, который не только притеснял своих соплеменников, но и дерзко оскорблял православную веру. Народ не мог перенести этих оскорблений, и в Ярославле убили ненавистного отступника, а вслед за этим начался мятеж и в других русских городах Ростовского и Суздальского княжеств; прогоняли татарских сборщиков, избивали особенно ненавистных из них. Распространились слухи, что сам великий князь Александр разослал по городам грамоты «бить татар» и готовится стать во главе народного движения.

Расправа с ханскими сборщиками должна была вызвать страшное возмездие со стороны татар. Снова нужно было великому князю поспешить в Орду, предотвратить от Руси грядущую беду. Тяжелый подвиг предстоял благоверному князю. Но в эту минуту ужасных настроений в северо-восточной Руси неблагополучно было и на северо-западе, в новгородско-псковских пределах.

После Невской битвы и Ледового побоища западные враги не осмеливались нападать на Русь. Убедившись в невозможности победить невского героя, они решили испробовать другое средство, чтобы подчинить его себе.

В 1248 г. папа Иннокентий IV отправил к Александру Ярославичу посольство, во главе с двумя учеными кардиналами – Галдом и Гемонтом. В грамоте, которую должны были передать русскому князю послы, папа писал: «Мы

слышали о тебе, как о князе дивном и честном, и что земля твоя велика, и мы послали к тебе двух наших кардиналов, чтобы ты послушал их учения». Выражая притворную скорбь, что великая земля русского князя не находится в подчинении Римской церкви, папа убеждал Александра Ярославича подчиниться его власти и позаботиться о приведении к латинской вере своего народа. Убеждая, что только в латинской церкви можно найти спасение и истинную веру, папа указывал и на те земные выгоды, которые доставит князю его подчинение папской власти. В то же время он старался предупредить, что это подчинение нисколько не унизит русского князя, тем более, добавлял папа, что «мы будем считать тебя наилучшим между католическими государями и всегда с особенным усердием будем стараться об увеличении твоей славы». Наконец, зная, как дорога для благоверного князя память об его отце, папа заведомо ложно сообщал в своей грамоте, будто бы еще Ярослав Всеволодович выражал искреннее желание подчинить Русскую церковь папе и что только преждевременная смерть Ярослава помешала ему исполнить это намерение.

Но все эти ухищрения папы не имели никакого успеха. На длинное послание Иннокентия Александр Ярославич дал очень краткий и в то же время сильный по своей убедительности ответ: «То, что совершилось от создания мира до потопа, и от потопа до разделения языков и до Авраама, от Авраама до исхода израильтян из Египта и до перехода Чермного моря и до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона и до римского императора Августа, при котором родился Спаситель мира Христос, и до страсти, воскресения и вознесения Господа и до первого Вселенского собора и прочих седми Вселенских соборов – все это мы хорошо знаем, а в вашем учении не нуждаемся и не примем его».

Папы не остались в долгу: они стали поднимать против непокорного русского князя шведов и рыцарей; но и эти новые походы были безуспешны.

В 1256 г. шведы сделали попытку снова завладеть финским побережьем, и в союзе с датчанами и емью[5340] начали строить крепость на реке Нарове. Тогда новгородцы отправили к

великому князю послов с просьбою о помощи, разослали и по своей волости собирать войско, и неприятель, испугавшись этих приготовлений, поспешил уйти за море. Зимою приехал в Новгород благоверный князь и вместе с новгородцами и своими полками пошел на Емь, в Финляндию, чтобы устрашить финнов и предупредить возможность дальнейших нападений на новгородские окраины. Путь по незнакомой стране был чрезвычайно трудный: за метелями войско не видело ни дня, ни ночи; но несмотря на трудности, поход был очень удачный: русские опустошили землю еми, и неприятель не смел и подумать о сопротивлении.

В 1262 г. начались враждебные столкновения с немцами. Великий князь готовился к походу на немцев, но мятеж против татар побудил его поспешить в Орду. Русское войско под начальством брата великого князя, Ярослава, и сына его, князя Димитрия Александровича, и на этот раз одержало ряд блестящих побед: был взят город Юрьев, древний русский город, строение великого князя Ярослава Мудрого, и с большою добычею и множеством пленников войско вернулось в Новгород.

Между тем благоверный великий князь Александр благополучно доехал до Орды, и Господь помог ему умилостивить раздраженного хана. Последний не только простил русских за избиение татарских сборщиков, но, по ходатайству святого князя Александра, дал им и новую милость – освободил от тяжелой обязанности нести военную службу в татарских полках[5341].

Благоверный князь спешил возвратиться на родину с радостною вестью. Но этой радостной вести не удалось услышать русским людям из уст самого князя. Это был уже последний подвиг благоверного князя. Утомленный трудностью пути и тревогами, какие пришлось ему испытать, благоверный князь Александр Ярославич на обратном пути из Орды в Городце[5342] опасно занемог. Предчувствуя блаженную свою кончину, он созвал своих спутников и обратился к ним с последнею прощальною беседою, которая у всех вызвала горькие слезы при мысли о предстоящей утрате. Затем

благоверный князь призвал к себе игумена и принял иноческое пострижение, заменив свое княжеское имя иноческим – Алексий. Приняв Св. Тайны и простившись с окружавшими его иноками, благоверный князь-инок тихо отошел в вечные обители, предал свою чистую душу Господу, Которому так пламенно послужил в земной своей жизни. Это было 14 ноября 1263 г. Он скончался во цвете лет, не имея еще 45 лет от роду. Неодолимый в битвах, изнемог он под бременем великокняжеского венца, который в то тяжелое для Руси время был поистине венцом терновым, требовал постоянного напряжения сил и взамен этого доставлял великому князю лишь огорчения и тревоги.

Во Владимире скоро узнали о блаженной кончине великого князя, раньше, чем пришли из Городца нарочитые вестники. Господь чудесно открыл это тогдашнему Владимирскому святителю, митрополиту всея России Кириллу.

Когда владыка, окруженный духовенством, возносил пламенные молитвы о святой Руси и о ее великом князе, он удостоился следующего чудесного видения: он видел, как Ангелы Божии возносили на небо блаженную душу благоверного князя Александра. Пораженный этим видением святитель безмолвствовал, а затем, выйдя на амвон, сообщил молящимся горестную весть: «Братия, знайте, что уже зашло солнце земли Русской». Когда народ в недоумении выслушал эти слова, святитель, помолчав немного, разъяснил смысл произнесенных им слов: «Ныне преставился благоверный великий князь Александр Ярославич». Ужас охватил всех от этой скорбной вести. Храм огласился воплями скорби и отчаяния; «Погибаем», – в один голос повторяли молившиеся. Какую глубокую скорбь вызвала кончина благоверного князя, можно судить по тем словам современника святого князя, которыми он начинает описание его кончины.

«Горе тебе, бедный человек! Как ты можешь описать кончину своего господина! Как зеницы твои не выпадут из глаз вместе со слезами! Как сердце не разорвется от горькой печали! Отца человек может забыть, но доброго господина не может; если бы можно было, с ним лег бы и в гроб».

Такое же чувство испытывали и все очевидцы этого горестного события. Как только во Владимире услышали о приближении к городу тела благоверного князя, все устремились навстречу. Митрополит Кирилл вместе с духовенством встретил тело почившего князя в Боголюбове. Бесчисленное множество народа – богатые и бедные, взрослые и дети заняли все окрестности. И как только показался гроб, все неудержимо ринулись навстречу, каждый стремился облобызать раку, в которой находилось тело благоверного князя. Плач народа покрывал все: не слышно было голоса духовенства и певчих; по словам современника, казалось, что от стонов и крика могла потрястись земля.

23 ноября в соборном храме Владимирском митрополитом и священным чином торжественно, в присутствии массы народа, был совершен чин погребения. Господь ниспослал утешение оплакивавшим кончину благоверного князя. Во время совершения погребального чина произошло следующее чудо.

Когда эконом митрополита Кирилла Севастиан приблизился ко гробу и хотел разнять руку усопшего, чтобы митрополит мог вложить в нее «прощальную грамоту» (разрешительную молитву), то благоверный князь, как бы живой, сам простер свою руку, принял свиток и затем снова сложил свои руки крестообразно на груди. Благоговейный ужас объял всех присутствовавших. Все удивлялись и прославляли Господа, показавшего такое чудесное знамение. Благоговейно взяв раку с телом благоверного князя, погребли его в монастырском храме Рождества Пресвятой Богородицы.

О происшедшем при погребении чуде, по распоряжению митрополита Кирилла, было сообщено всем, и таким образом по всей благочестивой Руси, оплакивавшей своего князя-хранителя, положившего жизнь за святую Русь, вместе с горестною вестью о его преждевременной кончине распространилась и утешительная весть, что в лице благоверного князя Александра Русь приобрела нового молитвенника и заступника пред престолом Всевышнего. Сколько утешения внесла эта весть в скорбные души русских людей, тревожно взиравших на ближайшее будущее!

Вся жизнь благоверного князя Александра Ярославича была посвящена служению своему отечеству. Своею беспримерною храбростью и воинскими доблестями он сохранил свой северо-западный удел от постоянных притязаний на него западных католических народов; силою меча и мудростью охранил он православную Церковь и от нападений латинян и от происков римских пап; осторожностью и мудрою правительственною деятельностью облегчил он татарское тяжелое иго, дал возможность русским людям спокойнее его переносить, поддержал в них веру в могущество Руси, вселил надежду на лучшие времена; самих поработителей заставил с уважением относиться к покоренной стране и ее князю. Это великое служение благоверного князя прекрасно определил его современник-биограф следующими словами: «Он много потрудился за землю Русскую, и за Новгород, и за Псков, и за все великое княжение живот (жизнь) свой отдавая, и за православную веру».

Но и после своей кончины благоверный князь Александр Ярославич не прекратил своего великого служения Русской земле; всегда он являлся предстателем и скорым помощником в самые трудные минуты в жизни нашего отечества.

Двести с лишком лет после кончины благоверного князя сносила наша родина тяжелое татарское иго. Много она испытала от татар бед и угроз, пока под мудрым правлением потомков благоверного князя Александра, князей московских[5343] окрепла, вступила в борьбу со своими поработителями и не только свергла их иго, но и подчинила своей власти когда-то грозные татарские царства. Через 120 лет после кончины благоверного князя Александра при московском великом князе Димитрии Ивановиче Донском в первый раз русские одержали победу над татарами на берегах реки Дона[5344]. Очень дорого русским стоила эта победа, но она была и драгоценна для них, так как подняла народный дух и вселила уверенность, что время господства татар проходит. И в эту важную историческую минуту на помощь святой Руси явился ее небесный покровитель, благоверный князь Александр Ярославич. Вот что передается в древнем житии благоверного князя о чудесной

помощи, оказанной им своему сроднику, великому князю Димитрию Ивановичу.

В обители Пресвятой Богородицы во Владимире, где почивали мощи благоверного князя, один богобоязненный инок, проводивший благочестивую подвижническую жизнь, ночью в притворе церковном со слезами молился Господу об избавлении Руси от полчищ предводителя татар Мамая. Он призывал в своей молитве на помощь великому князю Димитрию благоверного князя Александра. И во время своей молитвы он увидел, что перед гробом благоверного князя сами собою загорелись свечи, затем из алтаря вышли два благолепных старца и, приблизившись к гробнице святого, сказали: «Встань, поспеши на помощь сроднику своему, благоверному князю Димитрию Иоанновичу». И святой князь Александр тотчас встал и сделался невидим. Пораженный этим чудом, инок безмолвствовал, и только после того как было узнано, что как раз в это время произошла славная Донская победа, он сообщил о своем видении Владимирскому святителю. По распоряжению владыки тогда же были освидетельствованы мощи благоверного князя, которые и были найдены нетленными. Масса недужных обращалась с молитвою к новоявленному угоднику Божию и при раке его святых мощей происходило множество исцелений.

Знаменитая Донская победа, эта одна из самых радостных минут в жизни наших предков в тяжелую эпоху татарского ига, не освободила еще Руси от чужеземной власти. Орда была ослаблена, но и Русь была еще не настолько сильна, чтобы отстоять свою независимость. Татарское владычество продолжалось, только оно уже утратило свой прежний характер. И сами татары увидели, что московские князья создали из разрозненных прежде русских княжеств сильное единое государство, которое не преминет воспользоваться своею силою, а также и теми раздорами и разделениями, которые происходили тогда среди татар и ослабили их прежнее могущество. Прошло сто лет после Донской победы, и правнук Димитрия Ивановича Донского, великий князь Иоанн III, без битвы сумел уничтожить татарское иго, освободить Русь от

двухвековой власти азиатов. Теперь окончательно уже изменились прежние отношения между русскими и татарами. Русь, в княжение благоверного князя Александра Невского послушная данница татарского хана, теперь начинает свое наступательное движение против татар и постепенно подчиняет их своей власти. Когда-то грозные татарские царства одно за другим входят в состав нашего государства, и лишь в народной памяти сохраняются обрывки воспоминаний о господстве покоренных инородцев над Русью. В этой продолжительной и упорной борьбе с татарами наше отечество по-прежнему не было оставлено помощью и покровом его небесного защитника, благоверного князя Александра Невского.

В 1552 г., отправляясь в поход на завоевание Казанского царства, царь Иоанн Васильевич молился во Владимире перед ракою мощей благоверного князя Александра, призывая его на помощь. Как бы в залог своей помощи благоверный князь проявил следующее чудо.

Вместе с царем молились и его бояре, а в том числе и будущий описатель чудес благоверного князя. Когда он вместе с другими прикладывался к мощам святого, то вложил в скважину (отверстие) раки три перста своей больной руки. Ему показалось, что он омочил их в какую-то благовонную мастику, и когда он вынул руку, то от прежней болезни не остались и следа. Все присутствовавшие при этом чудесном исцелении благоговейно прославили благоверного князя Александра, сподобившегося от Господа дара исцелений, и с надеждою на его помощь направились в дальнейший путь.

Благополучно окончился Казанский поход. Татарское царство, расположенное вблизи Москвы и целое столетие беспокоившее своими набегами пограничные русские области, покорилось московскому царю. На месте и рядом с татарскими мечетями появились святые церкви, началась проповедь святого Евангелия в этом магометанском крае, и предки наши спокойно могли уже смотреть вперед. Вслед за Казанью было присоединено и другое татарское царство – Астрахань, и царица русских рек – Волга, с ее богатствами, на всем ее протяжении сделалась теперь русскою рекою. Успешно начали

распространять русские свою власть на далеком востоке, в Сибири, постепенно подвигаясь к берегам Великого океана. Но на юге, в Крыму, остался еще сильный враг – крымские татары, с которыми долго пришлось вести борьбу Русскому государству[5345]. Союзник московского государя до присоединения к Москве Казани и Астрахани, крымский хан теперь, видя усиление Руси, начал с нею борьбу, тем более для нас опасную, что его поддерживал верховный защитник ислама – султан турецкий. И во время этой борьбы не переставал изливать свою помощь небесный покровитель Руси благоверный князь Александр Ярославич.

В 1571 г., во время нападения на Москву крымского хана Девлет Гирея, во Владимире старец Рождественского монастыря Антоний, молитвенник и постник, во время своей молитвы пред иконою Богоматери об отвращении от родины страшного ханского нашествия удостоился следующего чудесного видения. В то время, как он скорбел о постигших родину бедствиях, он вдруг увидел двух юношей в светлых одеждах, с быстротою молнии на белых конях приближавшихся к обители. Сойдя с коней, они оставили их у монастырских врат, а сами вошли в церковь (это были благоверные князья Борис и Глеб). Старец Антоний последовал за ними. Как только благоверные князья вошли в храм, открылись царские двери и зажглись свечи. Подойдя к раке благоверного князя Александра, святые Борис и Глеб обратились к нему со следующими словами: «Встань, брат наш, великий князь Александр, поспешим на помощь сроднику нашему, благоверному царю Иоанну Васильевичу». Благоверный Александр тотчас встал и вместе с ними вышел из храма к монастырским воротам. Здесь стояли приготовленные к брани три белых коня, на которых и сели благоверные князья. Отправляясь в путь, они сказали: «Пойдем в соборный храм Пречистой Богородицы и позовем с собою сродников наших, благоверных князей Андрея[5346], Всеволода[5347], Георгия[5348] и Ярослава[5349].

Старец последовал за ними. И здесь, как и в монастырском храме, при входе святых князей открылись царские врата, благоверные князья встали из своих гробниц и через стену

градскую чудесно по воздуху направились к Ростову с следующими словами: «Пойдем в Ростов к царевичу Петру[5350], пусть и он поможет нам». С помощью этих небесных воинов и была одержана победа над Крымским ханом.

Так хранил свое отечество от татар благоверный князь Александр Ярославич, вся земная жизнь которого была посвящена той же заботе – охранению святой Руси от грозного завоевателя.

Небесный заступник Русского государства, отличавшийся при жизни своей великим милосердием, помогавший каждому обездоленному и страждущему, благоверный князь Александр и после своей кончины не переставал изливать свои милости всем нуждавшимся и молитвенно обращавшимся к нему за помощью. При раке святых его мощей болящие получали исцеление, скорбящие и озлобленные – благодатное утешение и помощь. Не все эти чудотворения были записаны, но и та незначительная их часть, которая была описана древними биографами святого князя, ясно показывает, какой обильный источник исцелений и чудес истекал от святых мощей благоверного князя Александра, какой драгоценный сосуд милости Божией приобрела святая Русь в своем небесном покровителе и вожде. Неоднократно еще до установления празднования святому Александру иноки Рождественской обители сподоблялись видеть небесные знамения, предуказывавшие святость, богоугодность благоверного князя; не один раз и они, и обитель, и город Владимир получали небесную помощь от святого князя.

В 1491 г. во Владимире произошел страшный пожар, во время которого сгорел и храм, где покоились мощи благоверного князя Александра. Во время этого пожара молящиеся увидели благоверного князя, как бы на коне поднимающимся на воздух к небу. И после пожара оказалось, что несмотря на то, что вся внутренность храма обгорела, мощи благоверного князя остались не поврежденными огнем.

В 1541 г. после праздника Успения Пресвятой Богородицы, после окончания вечерни, перед ракою мощей благоверного князя Александра загорелись сами собою свечи, и многие из

братии и из молящихся с удивлением наблюдали это. Пономарь монастырский по простоте своей не усмотрел здесь чего-либо необычного, подошел и затушил свечи. Затем доложили о случившемся настоятелю, архимандриту Евфросину, и когда он подошел к гробнице и ощупал одну из свечей, то заметил, что от нее распространяется особая какая-то теплота. Это чудо все поняли, как особенное знамение святости благоверного князя Александра.

Монах Рождественского монастыря, старец Давид, сильно и долго болел. Лежа на своей постели и проливая слезы, он молился благоверному князю Александру об исцелении. Вскоре он почувствовал облегчение и усугубил свою молитву. По окончании молитвы он получил полное исцеление от своей болезни.

Монах того же монастыря, по фамилии Красовцев, долгое время был в расслаблении. Его поднесли к раке мощей благоверного князя Александра, и когда он с умилением смотрел на нее, испуская теплые слезы и припоминая свои грехи, он почувствовал, что в его расслабленные члены вернулась сила, и вскоре совершенно выздоровел.

Монастырский человек Терентий был подвержен беснованию. Когда его подвели к раке мощей благоверного князя и помолились о нем, он тотчас сделался кротким и начал молитвенно благодарить Бога и Его угодника за исцеление.

Еще больше записано древними биографами исцелений, которые совершились над мирскими людьми различных состояний и возрастов.

Один сын боярский, Семен Забелин, проживавший в Пскове, был настолько болен, что не владел ни руками, ни ногами и совершенно не мог ни есть, ни пить. Имея глубокую веру к благоверному князю Александру о котором в древнем Пскове всегда сохранялось благоговейное воспоминание – он стал просить домашних свезти его во Владимир помолиться перед ракою мощей благоверного князя, и здесь, во время молитвы, получил исцеление от своей болезни.

Другой сын боярский, Головкин, был поражен такою же болезнью, не надеялся на выздоровление и только и думал о

смерти. Почти все свое имущество он раздал врачам, но от лечения не получил никакой помощи и пользы. И вот по предстательству благоверного князя Александра при раке его святых мощей он получил от Господа то, чего не могло ему дать врачебное искусство: полное исцеление от своей неизлечимой болезни.

Из одного села Владимирского уезда принесена была расслабленная женщина и положена на ступенях близ святых мощей благоверного князя. Во время горячей молитвы к угоднику Божиему об исцелении, она вдруг почувствовала, как Святой князь, чудесно явившись к ней, взял ее за руку и воздвигнул от одра болезни.

У Владимирского дворянина Максима Никитина был сын, отрок Иоанн, – немой и расслабленный. Родители с верою к благоверному князю принесли своего несчастного сына в Рождественскую обитель, и здесь он получил исцеление.

Многие по предстательству благоверного князя Александра получили исцеление от слепоты. Так, один слепец из города Владимира, Давид Иосифов, в храме во время чтения Евангелия вдруг увидел свет. Взволнованный до глубины души блеснувшею надеждою на исцеление, он усугубил свою молитву к угоднику Божиему и попросил подвести себя к раке святых его мощей. Когда здесь, у святых мощей, его окропили святою водою, он совершенно прозрел.

Из села Красного Владимирской губернии привезена была женщина, утратившая зрение, и у раки святых мощей благоверного князя получила полное исцеление, как будто никогда и не болела.

Неоднократно изливалась милость от чудотворных мощей благоверного князя и на страдавших ужасною болезнью беснования. Вот некоторые случаи из числа записанных древними биографами.

Из села Старого был привезен в монастырь бесноватый, который своим страшным видом наводил на всех ужас: произносил ужасные слова, как зверь бросался на людей. Его привезли в монастырь связанного, и во время молебна он получил исцеление.

Другой бесноватый не узнавал даже и близких родных, рвал на себе волосы, кусал себе язык; его тело было покрыто язвами от побоев, которые сам же он наносил себе. И по предстательству благоверного князя Александра он сподобился получить полное исцеление от своей ужасной болезни.

В монастырской деревне Угрюмовой, Владимирского уезда, крестьянин Афанасий Никитин подвергся припадкам умоисступления, так что не узнавал окружающих, отказывался принимать пищу, совершенно лишился сна. Внезапно в минуту просветления он начал просить домашних, чтобы они отвели его в Рождественскую обитель к мощам благоверного князя Александра. Родные исполнили его желание, и вот на пути в обитель больной почувствовал себя здоровым и, придя в обитель, в сердечном умилении рассказывал всем, как явился ему святой князь Александр и как сам он указал ему искать исцеления у раки святых его мощей.

Столько милостей удостоились получить по вере к благоверному князю болящие и озлобленные душою! И никогда не угасала в наших предках память о благодеяниях угодника Божия и его земных подвигах на славу отечества нашего. Жизнь благоверного князя Александра Ярославича тотчас же после его кончины сделалась предметом назидательных описаний. Вслед за житием, написанным современником благоверного князя, появились другие, более подробные жития, которые составлялись в разных местах Русской земли и особенно там, где жил и благодетельствовал святой князь: во Владимире и в Новгородско-Псковской области. Старались сохранить в назидание потомкам все черты из жизни и деятельности страдальца за Русскую землю, этой светлой звезды, озарившей путь жизни наших предков в самую мрачную, тяжелую пору татарского ига. Одновременно с биографами и древнерусские летописцы вносили в свои труды рассказы о жизни благоверного князя, и благодаря этому ни об одном из князей северовосточной Руси не дошло до нас столько сведений и рассказов, как о благоверном князе Александре.

Тотчас же почти после блаженной кончины святого князя началось и церковное его прославление. Уже самое чудо,

происшедшее при его погребении, ясно свидетельствовало всем о его святости, богоугодности; об этом же свидетельствовали и другие чудеса, изливавшиеся непрестанно, как из неиссякаемого источника, от раки святых его мощей. В 1547 г. по желанию царя Иоанна Васильевича в Москве происходил церковный собор, под председательством знаменитого митрополита всероссийского Макария, на котором установлено было всероссийское празднование русским святым, почитавшимся до того времени местно. На этом соборе был установлен и всероссийский праздник в честь благоверного князя Александра Невского и, по распоряжению митрополита, составлена была служба (на 23 ноября, на день преставления благ. князя) и новое, более пространное житие. В начале XVII в. в Москве имелся и храм в честь благоверного князя Александра.

В 1724 г. был установлен и новый праздник – 30 августа, по случаю перенесения мощей благоверного князя из Владимира в С.-Петербург.

На берегах Невы спустя около 500 лет после кончины святого Александра императором Петром I были одержаны новые блестящие победы над старым врагом России – шведами. Здесь в 1703 г. было положено начало новой столице Русского государства, а в 1717 г. и новой русской святыне – Александро-Невской лавре. Император Петр I желал, чтобы из Владимира перенесены были в С.-Петербург мощи благоверного князя, и как только Россия почувствовала себя прочною в новозавоеванном крае, было сделано распоряжение о перенесении мощей. Император сам составил подробный указ о том, как совершить это перенесение, и сам внимательно следил за устройством новой обители и храма, где должны были быть положены святые мощи благоверного князя Александра. Но войны со шведами и турками замедлили исполнение этого распоряжения и только уже в 1723 г. приступлено было к его исполнению.

Торжественно проводил Владимир свою достопамятную святыню, около пяти веков составлявшую драгоценное украшение этого древнего града. С 10 на 11 августа во всех

храмах было совершено всенощное бдение, а наутро Божественная литургия. Духовенство города и окрестных монастырей, при многочисленном стечении народа, отправилось в Рождественский монастырь, и после молебствия рака со святыми мощами на руках священнослужителей была вынесена из храма и проведена за город. 17 августа мощи благоверного князя были с еще большею торжественностью встречены в Москве, а затем церковная процессия направилась через Тверь и Новгород в С.-Петербург. Перенесение мощей благоверного князя Александра представляло собою общерусское торжество. Во всех городах и селениях совершались богослужения, толпы народа на всем пути сопровождали святыню. В С.-Петербург предполагалось внести святые мощи 30 августа, в день, в который праздновался недавно перед этим заключенный со шведами Ништадтский мир. Но дальность пути не дала возможности осуществить точно этот план, и только уже 1 октября святые мощи прибыли в Шлиссельбург. По распоряжению императора они были поставлены в тамошней соборной церкви Благовещения и перенесение их в С.-Петербург было отложено на 30 августа следующего (1724) года.

Встреча святыни в С.-Петербурге отличалась особенною торжественностью. Император со свитою прибыл на галере к устью реки Ижоры. Благоговейно поставив святые мощи на галеру, Государь приказал своим вельможам взяться за весла, а сам, стоя у кормы, управлял рулем. В Петербурге была устроена особая пристань, где и остановилась галера со святыми мощами. В сопровождении духовенства и народа знатнейшие вельможи несли раку святых мощей. Колокольный звон и пушечная пальба увеличивали торжественность. Мощи были поставлены в церкви, посвященной благоверному князю. На другой день в Александро-Невской обители продолжалось торжество: Государь раздавал присутствовавшим план предположенных в монастыре построек и тогда же было установлено навсегда праздновать перенесение мощей 30 августа.

Так исполнилось заветное желание царя. Ему не удалось закончить начертанный им план устройства новой обители: через полгода после этого торжества Петр скончался. Но преемники Петра докончили начатое им. Его дочь, императрица Елизавета Петровна, устроила великолепную серебряную раку, в которой почивают и ныне святые мощи. Императрица Екатерина II на месте старого собора повелела построить новый, и 30 августа 1790 г. произошло освящение нового храма и перенесение в него мощей благоверного князя.

И ныне благоверный князь Александр Ярославич хранит Богом врученный ему удел – отечество наше. И ныне близок и скоропослушлив он всем, с верою призывающим святое его имя, изливает свою милость и предстательствует пред престолом Вседержителя Бога – Ему же, прославляющему святые Своя, честь и слава во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Яко благочестиваго корене пречестная отрасль был еси, блаженнее Александре: яви бо тя Христос яко некое Божественное сокровище российстей земли, новаго чудотворца, преславна и богоприятна. И днесь сошедшеся в память твою верою и любовию, во псалмех и пениих радующеся славим Господа, давшаго тебе благодать исцелений: егоже моли спасти град сей, и державе сродник твоих богоугодней бытии, и сыновом российским спастися.

Другой тропарь, глас 4:

Познай свою братию российский Иосифе, не в Египте, но на небеси царствующий, благоверный княже Александре, и прими моления их, умножая жита людем плодоносием земли твоея, грады владычествия твоего ограждая молением, и наследником твоим благоверным императорам нашим на сопротивныя споборствуя.

Кондак, глас 8:

Яко звезду тя пресветлую почитаем, от востока возсиявшую, и на запад пришедшую: всю бо страну сию чудесы и добротою обогащаеши, и просвещаеши верою чтущыя память твою, Александре блаженне. Сего ради днесь празднуем твое успение, людие твои сущии: моли спасти отечество твое, и

державу православнаго императора нашего Николая Александровича, и вся притекающыя к рацее мощей твоих, и верно вопиющыя ти: радуйся граду нашему утверждение.

Другой кондак:

Якоже сродники твои, Борис и Глеб, явишася тебе с небесе в помощь подвизающемуся на Вейлгера свейскаго и воев его: тако и ты ныне, блаженне Александре, приди в помощь твоим сродником, и побори борющыя ны.

Память преподобного отца нашего Александра Свирского

Память 30 августа

Блаженный Александр родился[5351] во владениях Великого Новгорода[5352], в Обонежской области[5353], которая была расположена по реке Ояти[5354], в селе, называвшемся Мандера и находившемся против Островского монастыря Пресвятой Богородицы, честного Ее Введения[5355]. Он родился от отца, по имени Стефана, и матери, именем Василиссы, по некоему явлению Божественной Силы[5356] и был освящен святым крещением. Когда наступило время обучать его грамоте, то он отдан был родителями для изучения Божественных Писаний. Но в то время, когда товарищи его по учению успешно проходили науку, он медленно усвоял ее. Это было по особому усмотрению Божию, чтобы он получил разумение от Бога, а не от людей, что потом и случилось. Однажды он пришел в церковь и, пав пред образом Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери, со слезами стал молиться о том, чтобы дано было ему разумение к изучению Божественных Писаний. И на его молитву немедленно же последовал ответ – он услышал голос, который сказал ему: «Встань, не бойся. Ты получишь то, о чем просил».

Обрадованный отрок встал и пришел к отцу своему. Отец и мать заметили его душевную радость и предугадали, что она происходила от проявления к нему милости Божией и, думая так, благодарили за это Бога. Блаженный же отрок с этого времени стал оказывать быстрые успехи в учении, причем внимательно слушал чтение Божественных книг и во всем повиновался своим родителям. В то же время он соблюдал такой строгий пост, что только раз в день употреблял в пищу один хлеб и то в меру, по ночам же спал очень мало. Родители отрока приходили от этого в изумление, и мать, увещевая его, однажды сказала ему:

– Сын мой! Зачем ты так изнуряешь себя? Принимай пищу вместе с нами и спи, как и мы. Но отрок ответил на это матери:

– Для чего ты, мать моя, говоришь мне это, отклоняя меня от приятного мне воздержания? Ведь в Писании сказано, что пища и питие не приблизят нас к Богу (1Кор. 8:8). Оставь меня поступать так, как я начал.

Удивляясь такому мудрому ответу сына, и особенно видя, что к такому подвигу у него есть искреннее желание, мать сказала ему:

– Как хочешь поступать, сын мой, так и поступай.

Но дивный отрок чувствовал более влечения к подвигам, нежели к видимым благам; обилие имущества считал тенью и на все, что есть человеческого на земле, смотрел, как на суетное и ничтожное.

Когда он достиг совершенного возраста, то родители хотели было сочетать его законным браком, но боголюбивый юноша уклонялся от этого. Он всегда желал и думал о том, чтобы уйти из мира и достичь того, чего желал. Взяв благословение у отца своего как бы для того, чтобы идти в находившееся неподалеку селение, он ушел из родного дома и, наставляемый Богом или, лучше сказать, имея своим спутником Ангела, пришел в монастырь святого Спаса, Боголепного Его Преображения, что на Валааме[5357]. Он упросил настоятеля этого монастыря постричь его в иночество. В это время ему было от роду 26 лет. Поступив в монастырь, он с таким усердием предавался подвигам добродетельной жизни, что все стали говорить о нем. Тяготясь такою известностью, он испросил у тамошнего настоятеля благословение и, не взяв с собою ничего кроме необходимой одежды, ночью ушел из монастыря. Он пришел на то место, где сперва хотел было поселиться на жительство, когда ушел от своих родителей. Место это находилось на берегу озера[5358], на расстоянии четырех поприщ от реки Свири. Здесь преподобный построил себе небольшую келью, которою и пользовался для кратковременного отдыха от своих подвигов.

Однажды он обходил окрестные местности, ища такой, где бы он мог устроить себе жилище, и увидел красивое место, освещенное неким Божественным светом, на котором и доныне стоит монастырь. Когда он находился здесь и случилось ему однажды выйти из своей кельи к озеру, чтобы почерпнуть воды,

то послышался с неба голос, который назвал его по имени и сказал ему: «Так как ты был исполнителем Моих заповедей, то за это Я соберу к тебе бесчисленное множество людей, ты же не отвергай их, но приими с простертыми руками и будь им наставником ко спасению».

Услышав эти слова, преподобный пал ниц на землю и вознес Богу благодарственное моление, после чего, почерпнувши воды, возвратился в свою келью.

Спустя некоторое время после этого к преподобному пришел родной брат его, по имени Иоанн, который разыскивал его. Увидев брата, преподобный обрадовался ему, и они оба стали трудиться, чтобы сделать себе более просторное жилище, так как хотели жить вместе. Но вскоре брат преподобного скончался, и Александр, воспев над ним погребальные песнопения, похоронил его. После этого преподобный снова отдался строгому постничеству, и число братии умножалось. Они, пребывая в безмолвии, жили отдельно один от другого и подражали преподобному каждый по мере сил своих.

Так проводил жизнь свою преподобный и достиг того, что молитвою своею прогонял бесов и имел своими собеседниками Ангелов. Однажды он удостоился видеть Самого Бога, явившегося ему в трех Лицах, и беседовать с Ним о том, как создать церковь, построить монастырь и собрать братию. Когда затем он молился о том, где поставить церковь, то Ангел Господень указал ему место для нее. Братия принудили его принять священство, и спустя некоторое время он построил церковь во имя Святой Троицы и освятил ее, после чего число братии стало еще более увеличиваться.

Хотя преподобный и принял игуменство над братиею, но не изменил своего правила и, будучи игуменом, подавал всем пример смирения, помня слова Господа, сказавшего: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (Мк. 9:35; см. 10:43). Поэтому преподобный и смирял себя, стараясь быть меньше всех, и всем служил. Он всем давал собою пример и трудился, раньше всех выходя на работу. Всегда он делал все сам своими руками: ходил в поварню, месил тесто и пек хлебы, иногда носил из озера и воду, рубил дрова и носил их в

монастырь. Иногда он приходил в мельницу, где иноки мололи рожь, и в то время, когда они еще спали, брал приготовленную для размола рожь и, измолов назначенную для каждого инока часть, ставил измолотое на своем месте, а потом уходил в свою келью. В церковь он приходил прежде всех и после всех выходил. Никто никогда не видел его лежащим даже на рогоже или возливающим на тело свое воду. Одеждою ему служил сделанный из грубой ткани подрясник, настолько сильно истертый, что на нем нашито было множество заплат. Многие неразумные люди издевались над ним и поносили его, но он такие поношения принимал от них с радостью.

По прошествии некоторого времени по изволению Божию преподобный построил каменную церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы[5359], расширил монастырь, по четырем сторонам велел построить келии, а по средине выстроил большую церковь с трапезою и устроил все прочее, что было полезно для нужд братии.

Так богоугодно провел жизнь свою преподобный и до конца дней своих продолжал свои подвиги, за что и получил от Бога дар чудотворения еще при жизни своей. Наконец, чувствуя, что наступает время его отшествия к Богу, он призвал к себе братию и сказал им:

– Братия! Вот уже приближается конец жития моего, и я ухожу из этой жизни. Вручаю вас Богу. Да сохранит Он вас и утвердит в любви Своей.

Сказав эти слова, преподобный поучал братию хранить между собою любовь, быть снисходительными друг к другу и упражняться в других добродетелях. В заключение он завещал им, чтобы и после его смерти никто из них не держал у себя никаких опьяняющих напитков. Когда же наступил час, в который душа преподобного должна была отойти к Богу, он воздел к небу руки свои и сотворил молитву, закончив ее словами:

– Господи! В руце Твои предаю дух мой.

Так, с молитвою на устах, преподобный предал честную душу свою Господу. Это произошло в 1533 г. в 30-й день месяца августа. Всех лет жизни его было 85. Честное тело его с

почестями было погребено у церкви Боголепного Преображения с правой стороны у алтаря. Оно подает многие исцеления приходящим с верою к святому гробу преподобного[5360].

Тропарь, глас 4:

От юности Богомудре, желанием духовным в пустыню вселився, единаго Христа возжелал еси усердно стопам в след ходити. Темже и Ангельстии чини зрящее тя удивишася, како с плотию к невидимым кознем подвизався премудре, победил еси полки страстей воздержанием, и явился еси равноАнгелен на земли, Александре преподобне. Моли Христа Бога, да спасет души наша.

Кондак, глас 8:

Яко многосветлая звезда днесь в странах российских возсиял еси отче, вселився в пустыню Христовым стопам последовати усердно возжелел еси, и того святое иго на Рамо твое взем честный крест, умертвил еси труды подвиг твоих телесная взыграния. Темже вопием ти: спаси стадо твое, еже собрал еси мудрее, да зовем ти: радуйся преподобне Александре, отче наш.

Память преподобного отца нашего Христофора

Память 30 августа

О сем преподобном Христофоре Иоанн и Софроний, написатели книги, именуемой Лимонарь, повествуют так:

– Когда мы были в Александрии, то пришли к авве Феодулу, находящемуся в обители святой Софии, что в Фаране; старец поведал нам, сказав:

– Я постригся в иночество в киновии преподобного отца нашего Феодосия; эта киновия находится в пустыни святого Христова города Иерусалима; там встретил я большого ростом старца, по имени Христофора, родом римлянина. Однажды я поклонился ему, сказав: «Яви мне любовь, отче, расскажи мне, каковы были подвиги твои от дней юности?»

После того как я много упрашивал его, старец понял, что я просил его о том ради пользы (душевной); тогда он поведал мне о себе, сказав так:

– Когда я отрекся от мира, чадо, то питал великую любовь и усердие к подвигу иноческому:

днем я упражнялся в служении Богу, вечером же, уже поздно, я уходил в пещеру, в которой ранее имели обыкновение молиться преподобный Феодосий и прочие святые отцы. Входя в пещеру, я творил сто поклонов и на каждой степени падал ниц пред Богом: всех же степеней восемнадцать. Войдя внутрь пещеры, я проводил время в молитве до тех пор, пока не ударяли в било, созывая на утреннее пение; только тогда я выходил из пещеры и направлялся к церкви.

В таком подвиге я пробыл одиннадцать лет, никогда не изменяя сего правила, подвизаясь с великим пощением и хранением помыслов, трудясь телом во всех поручаемых мне службах и испытывая большое лишение, по причине нестяжательности моей.

Однажды ночью, когда я пришел к пещере, я начал творить обычные мои коленопреклоненные моления на степенях; дойдя до последней степени, я остановился – неожиданно я оказался

в восторженном состоянии: я увидел, что вся пещера была наполнена лампадами, из коих одни горели, другие же не горели. Видел я также двух мужей светообразных, ходивших в белых ризах и возжигавших лампады, и спросил их:

– Для чего вы поставили здесь сии лампады, так что я не могу войти сюда и помолиться?

Они отвечали мне:

– Это лампады отцов, служащих Богу.

Тогда я снова спросил их:

– Почему же одни из лампад горят, а другие нет?

Они ответили мне:

– Служащие Господу со усердием зажгли лампады свои, а ленивые не зажгли лампад.

Потом сказал им:

– Окажите мне любовь, скажите мне: моя лампада горит или нет?

Они ответили мне:

– Трудись и молись, и тогда мы зажжем ее.

Но я сказал:

– Я всегда молюсь и не делаю ничего иного до сего времени.

После этих слов я пришел в себя и не видел уже никого больше. Потом я сказал себе:

– О Христофор! Ты должен понести еще большие труды, дабы зажечь лампаду свою!

Утром следующего дня я вышел из монастыря и отправился на Синайскую гору, ничего не взяв с собою, кроме одежды, в которую я был облечен. После того как я пробыл на горе Синайской пятьдесят лет, потрудившись во многих подвигах, низшел ко мне голос, говоривший:

– Христофор! Иди в монастырь твой, в котором ты подвизался ранее, дабы почить там вместе с отцами твоими.

Поведав сие о себе, преподобный Христофор после этого пожил немного времени и предал святую душу свою в руки Божии.

Потом тот же авва Феодул поведал нам (повествуют Иоанн и Софроний) о том же отце Христофоре, что в другое время,

прежде кончины своей, преподобный Христофор поведал сие:

Однажды днем я вышел (поведал он) из монастыря моего и пошел во Святой город Иерусалим, дабы поклониться и облобызать животворящий крест Господень. И когда я был там, поклонился и уже выходил, то увидел некоего брата, стоявшего при вратах, среди двора церковного, – ни входящего, ни выходящего. Я видел также и двух воронов, бесстрашно летавших пред лицом его и не позволявших ему войти. Я понял, что те вороны были демонами. Тогда я сказал стоявшему:

– Скажи мне, брат, по какой причине ты стоишь посреди ворот и не входишь?

Он отвечал мне:

– Прости меня, отче, я одержим помыслами; один помысел говорит мне: иди и поклонись честному кресту и облобызай его; другой же помысел говорит: нет, не ходи, но иди сначала и исполни свое дело; в другое время ты придешь и поклонишься.

Я же, слышав это (говорит святой Христофор), взял брата за руку и ввел в храм, и тотчас исчезли те вороны; я предложил ему поклониться честному кресту и святому Гробу Господню и потом отпустил его с миром.

Это поведал мне (говорит Феодул), преподобный Христофор, так как видел, что я много упражнялся в делах монастырских, но мало прилежал к молитве, – дабы я знал, что прежде всего следует исполнять служение духовное, а потом уже работу, необходимую для телесных потребностей.

Уведав о сем, блаженные отцы Иоанн и Софроний написали сие на пользу читающим и слушающим, во славу Христа, Бога нашего[5361].

Память преподобного отца нашего Фантина

Память 30 августа

Сей преподобный родился в Калабрии[5362] и был сыном Георгия и Вриены. С юных лет своих он посвятил себя на служение Богу. Отданный в один монастырь[5363] и приняв иноческое пострижение, он упражнял себя во всякого рода добродетелях и стал настолько искусным исполнителем заповедей Божиих, что удостоился великих Божественных откровений. Скитаясь по пустыням и горам, он по двадцати дней пребывал без пищи и четыре года провел в совершенной наготе. Угнетаемый многими бедствиями от сарацин[5364], он терпеливо переносил их в течение шестидесяти лет, а потом, взяв учеников своих Виталия и Никифора, отправился с ними в Пелопоннес[5365] Часто он приходил в Коринф[5366] и для многих был помощником в деле спасения. Ходил он и в Афины[5367], где помолился в храме Богородицы, после чего отправился в Солунь[5368] и был там свидетелем чудес от мощей великомученика Димитрия. Он прожил здесь восемь лет в обычном воздержании, соблюдая принятое правило, и в глубокой старости окончил жизнь свою[5369].

Житие и страдание святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского

Память 31 августа

Святой Киприан, епископ карфагенский, принадлежит к числу замечательнейших отцов и учителей Церкви III-го века. Ему пришлось жить и действовать в такую годину, когда Церковь Христова обуревалась как гонениями со вне, – от язычников, – так и смутами внутренними – от еретиков и расколоучителей. Святой Киприан явил собою образец, как мужественного архипастыря, пострадавшего за имя Христово, положившего душу свою за своих пасомых, так и разумного устроителя внутренней жизни Церкви. Он оставил многочисленные сочинения, в которых касается разнообразных богословских вопросов и в которых решает почти все недоумения, возникавшие в его время, относительно внутреннего благоустроения жизни Церкви. Поэтому жизнь его и история его страдания представляются особенно поучительными.

Киприан родился в начале III в[5370]. Родители его были язычниками и принадлежали к числу знатных и благородных граждан города Карфагена. Первоначальное имя его было Фасций Киприан. В юности Киприан получил хорошее светское образование. Весьма большие успехи оказал Киприан в красноречии, почему был избран учителем риторики в карфагенском училище; по сей же причине многие избирали его своим ходатаем по ведению судебных дел (адвокатом). Можно предполагать, что Киприан по наследству получил значительное состояние; кроме того, выгоды адвокатской должности доставляли ему обильные средства к широкой жизни, почему вначале, будучи язычником, Киприан проводил жизнь греховную. Следствием сего было то, что Киприан, как сам замечает, «покорствуя страстям (своим), невольно благоприятствовал своему собственному несчастию, как будто оно от природы было его уделом»[5371].

Такую греховную жизнь проводил Киприан до тех пор, пока благодати Божией не благоугодно было осенить его душу и призвать его ко спасению. Полагают, что Киприан оставался язычником до своей полной возмужалости, по всей вероятности, до сорокашестилетнего возраста[5372].

В начале III в. в Карфагене было уже много христиан. Киприан знал об этом; он не мог не заинтересоваться возвышенным учением христианским, ибо от природы был наделен любознательным и благородным умом. Еще до обращения своего в христианство Киприан познакомился с некоторыми сочинениями Тертуллиана[5373] и это натолкнуло его на путь истины.

Еще будучи язычником, Киприан начал чувствовать отвращение от языческой жизни. Он сознавал пагубность и греховность гладиаторских зрелищ, где убийство одних доставляло удовольствие другим; Киприан питал отвращение и к языческим трагедиям и комедиям, которые предавали памяти людей минувшие злодеяния и развращали людей. Еще будучи язычником, он с прискорбием смотрел на несправедливости и притеснения со стороны судей, на обманы и ссоры между частными лицами; еще будучи язычником, он сознавал, что знатность, честь и богатство, которые кажутся многим так заманчивыми и обольстительными, на самом деле наполняют душу только пустыми и мучительными опасениями и тревогами. Все это привело Киприана к убеждению, что в язычестве спастись нельзя, что языческая религия не может дать человеку мира душевного и не может заслуживать ни малейшего внимания сравнительно с религиею христианскою.

Но сознание глубины и повсеместности нравственного развращения останавливало на время обращение Киприана в христианство. Он часто задумывался о своем нравственном падении, о необходимости исправиться и начать новую жизнь в христианстве, но в то же время страшился первоначально высоких требований христианства; он почитал весьма трудным то духовное возрождение, какое даруется в христианстве, ибо уже много лет он провел в язычестве. Свои сомнения и недоумения по этому поводу он красноречиво выражает в

«Письме к Донату». Киприан говорит здесь: «Возможно ли отложить все то, чем был кто-либо ранее, и при том же сложении тела сделаться другим человеком по уму и по сердцу?.. Возможно ли совлечься того, что, родившись от глубокой материи, вместе с нею отвердело, или от долговременной привычки укоренилось вместе с летами… Научится ли когда бережливости тот, кто привык к великолепным пиршествам и изысканными снедям? Наденет ли когда-нибудь обыкновенное и простое платье тот, на ком всегда были драгоценные, украшенные золотом, одеяния? Нет, – рассуждал Киприан, – сын роскоши, привыкший к почестям, никогда не решится быть частным и незнатным человеком. Всегда сопровождаемый своими слугами, окружаемый в знак почести многочисленною толпою раболепствующего пред ним народа, он считает наказанием, когда бывает один. Быв пленником беспрестанных забав, он обыкновенно предается винопитию, надмевается гордостью, воспламеняется гневом, помышляет о хищении, поддается жестокости, увлекается похотением. Так часто рассуждал я сам с собою, – пишет Киприан, – ибо и сам был подвержен многим заблуждениям»[5374].

В состоянии такой нравственной борьбы и нерешительности Киприан не мог не почувствовать необходимости в посторонней помощи и совете; и Киприан обратился для разрешения своих сомнений к одному карфагенскому пресвитеру, по имени Цецилию. Цецилий успел убедить Киприана в крайней нелепости языческого многобожия и в том, что самые злые наклонности человека могут измениться по действию всесильной благодати Божией. Таким образом, Киприан принял твердое намерение стать христианином.

По существовавшему в древней Церкви обычаю Киприан до крещения должен был некоторое время провести в состоянии так называемого оглашения[5375]. Неизвестно, сколько времени Киприан провел в состоянии оглашения; можно предполагать, что оно было непродолжительно.

Решив стать христианином, Киприан на самом деле доказал искренность своего решения переменою в самом образе своей

жизни. Еще в состоянии оглашения Киприан продал все имения свои и вырученные деньги раздал нищим, не оставив ничего для себя. После этого пресвитеру Цецилию, наблюдавшему за духовною жизнью Киприана, уже нельзя было сомневаться в искренности обращения своего ученика. Вскоре за сим, конечно, должно было последовать и крещение Киприана.

Живое чувство духовного преобразования, дарованного в таинстве крещения, сильно подействовало на Киприана. Вот как описывает он в письме к другу своему Донату спасительные действия таинства крещения:

«Когда животворные воды крещения омыли пятна прежней моей жизни, и в очищенное и в оправданное сердце пролился небесный свет; когда, приняв Духа небесного, сделался я новым человеком, тогда чудесным образом я совершенно уверился в том, о чем ранее сомневался; тайны начали открываться, мрак – исчезать; то, что прежде казалось трудным, сделалось удобным, невозможное стало возможным… В принятии небесных даров нет меры. Лишь бы только жаждало и было отверсто сердце наше, мы столько имеем веры, способной к принятию благодати. Она дарует способность уничтожать ядотворную силу греха трезвенною чистотою, непорочною мыслью, чистым словом, непритворною добродетелью: она очищает скверны развращенных сердец, возвращая им здравие; она даст силу примирять врагов, успокаивать беспокойных и грозными заклинаниями понуждать к признанию нечистых духов, вселяющихся в человека. Образ благодатного действия над теми, в коих живут злые духи, невидим, неприметны удары, коими она поражает последних, но казнь видима и разительна. Так вселившийся в нас дух благодати начинает являть свою могущественную силу, и хотя мы тела своего с членами еще не переменили на другое, наше око не затмевается уже мраком века сего. Какое могущество, какая сила Духа! Кто очистился и пребывает чистым, тот не только сам себя сохраняет от мирских соблазнов, не только не уловляется никакою сетью нападающего на него врага, но и укрепляется в своих силах до того, что над всем воинством противника господствует как повелитель»[5376].

Так благодать Божия вскоре после крещения Киприана ознаменовалась в нем внутренним духовным возрождением. Хотя он изменил уже, как это было упомянуто выше, образ жизни своей еще до крещения, находясь в состоянии оглашения, но, по собственному признанию его, вера его получила полную твердость, и воля совершенную свою силу и крепость уже в крещении. Он крестился, вероятно, в праздник Пасхи или Пятидесятницы[5377].

После крещения Киприан начал проводить жизнь строго добродетельную. Он являл собою всем пример нестяжательности, ибо, сострадая нищим и бедным он благотворил им, раздавая все, что имел. Главнейшими занятиями святого Киприана после крещения были молитва и чтение Священного Писания.

Оказывая дела милости и благотворя всем нуждающимся, Киприан не мог не питать особенной любви и благодарности к наставнику своему, пресвитеру Цецилию, открывшему ему тайны веры христианской и способствовавшему обращению его в христианство. И пресвитер Цецилий, видя в Киприане столько преданности и расположения к себе, пред смертью своею, кроме него, не нашел никого иного, кому мог бы с большею уверенностью и надеждою поручить попечение и заботы над оставшимся семейством своим.

По обращении в христианство Киприан жил в одном доме с Цецилием, ибо отдал все имения свои бедным; при этом и тот и другой, и Киприан и Цецилий, проводили жизнь строго добродетельную.

Спустя год или немного более по крещении Киприан рукоположен был в сан пресвитера Церкви карфагенской.

В сане пресвитера святой Киприан еще с большим усердием начал подвизаться во благочестии. По свидетельству диакона Понтия[5378], Киприан в сане пресвитера сделал многое по подражанию древним праведникам и сам стал достойным подражания.

В скором времени после этого умер епископ Карфагенский Донат. На освободившуюся епископскую кафедру всем народом

единогласно был избран святой Киприан. Таким образом в сане пресвитера Киприан пробыл не более года.

Киприан первоначально отказывался от такой чести, считая себя недостойным принять столь высокое служение. Он говорил, что были пресвитеры, старейшие его возрастом и более достойные его. Но народ, любивший своего доброго пастыря, настоятельно требовал поставления в сан епископа святого Киприана. Когда наступило время, назначенное для рукоположения, христиане окружили дом, в котором был Киприан, и не хотели оставлять занятых ими входов и выходов до тех пор, пока Киприан не согласился идти с христианами в храм. При всем своем высоком смирении, Киприан должен был уступить любви братии, пришел в храм и, к радости всех, был рукоположен во епископа.

Таким образом святой Киприан был поставлен, подобно светильнику, на свещник, дабы светить миру своими добродетелями[5379].

В сане епископа Киприан обратил свое внимание прежде всего на благоустроение церковное. Следует заметить, что в то время было немало христиан, которые только именовали себя христианами, а в действительности проводили жизнь, недостойную истинного христианина. Так как гонения от язычников на христиан прекратились уже давно, и Церковь наслаждалась почти сорокалетним миром, то некоторые христиане легкомысленно дозволяли себе отступления от строгих христианских обычаев. Вот как сам Киприан описывает нравственные недостатки его времени:

«Каждый заботился об умножении собственности. В иереях не было ожидаемого по их обету благочестия, в служителях (клириках) не было чистой веры, в делах – милосердия, в нравах – благоустройства[5380]. Многие христиане не хранили твердо истин веры Христовой и отступали от Христа. Допускались часто безрассудные клятвы, презрение и непослушание предстоятелям, злословие и взаимная вражда»[5381].

Ввиду всего этого святому Киприану в сане епископа пришлось весьма много потрудиться на пользу внутреннего

благоустроения Церкви.

В скором же времени по поставлении в сан епископа святой Киприан приступил к искоренению вкравшихся в жизнь христиан беспорядков.

Киприан обратил свое внимание прежде всего на клир, на самих пастырей Церкви, которые являлись руководителями народа. Киприан не допускал никого даже к низшим степеням служения в клире без предварительного тщательного исследования о способностях и поведении каждого; он требовал известной подготовки от лиц, желавших выступить на служение Церкви; самое испытание в знании христианского учения Киприан производил в присутствии пресвитеров, как это известно относительно Оптана, коего Киприан в начале своего епископства назначил учителем оглашенных.

Вместе с тем Киприан заботился и об исправлении нравов и среди христиан. Диакон Понтий в таких словах говорит о епископском служении святого Киприана: «Какое у него было благочестие! Какая бдительность! Какое милосердие! Какая строгость! Столько святости и благодати изливалось из уст его, что он приводил в изумление всех, видевших его».

Наружным видом своим святой Киприан был честен, лицом благообразен, ибо таившаяся внутри души его святыня отображалась и на лицо его. Как мудрость, по слову Екклесиаста, так и святость украшает лик человека (Еккл 8:1); в сем же человеке Божием – святом Киприане – было и то и другое: он был и мудр, и свят. Одежды носил он ни слишком богатые, ни слишком убогие, ибо святой избегал гордости и превозношения, но не желал подвергать бесчестию и сан архиерейский. Характер его был весьма сдержан: он был ни слишком суров, ни слишком мягок и кроток сверх меры; где нужно было наказать, там он, хотя и милостиво, являл гнев свой, почему был всеми уважаем и почитаем. Кроме сего, святой Киприан являл великое милосердие и сострадание ко всем обиженным и бедствующим: он был помощником сиротам, странникам, нищим и больным.

В своих архипастырских распоряжениях и действиях святой Киприан проявил столько рассудительности и мудрости, что его

совета искали и предстоятели других Церквей.

Так, например, Рогациан, епископ Новский, просил совета у святого Киприана по поводу оскорбления, причиненного ему неким диаконом. Киприан отвечал:

– Если диакон и впредь будет ослушиваться тебя и оскорблять тебя, ты можешь, по праву своей власти, или лишить его сана, или отлучить от общения; однако, – прибавлял он, – мы более желаем, чтобы ты прикрывал обиды и оскорбления кротким терпением, нежели наказывал священною властью.

Другой епископ, Евкратий, спрашивал Киприана:

– Должно ли допускать до общения церковного лицедея, который и после того как сделался христианином, обучал молодых людей тому искусству, каким занимался в язычестве?

Киприан отвечал на это:

– Бедность не может извинить сего лицедея (ныне христианина); он может содержаться церковными приношениями, если только пожелает довольствоваться содержанием более умеренным, но без греха. Поэтому убеди его довольствоваться церковным содержанием: если же у вас церковные приношения недостаточны для пропитания трудящихся, то пусть он придет к нам, и от нас получит необходимое для питания и одеяния.

Много и других советов давал святой Киприан всем, вопрошавшим его, ибо не желал утаивать своей мудрости и разумения, но старался быть полезным всем.

По изволению Божию святой Киприан провел немного лет в мирном управлении своей епархией. В скором времени по занятии Киприаном епископского престола над Церковью, подобно буре, разразилось гонение Декия[5382]. Вскоре же после вступления на престол сей нечестивый император издал указ, по которому все христиане принуждались к принятию языческой религии и к принесению жертв богам.

Задолго еще до начала сего гонения Киприан был извещен от Господа видением об этом бедствии, именно: Киприан видел старца, по правую сторону коего сидел юноша, исполненный некоторого смущения, негодования и печали, а по левую кто-то

держал сеть и угрожал захватить ею стоящий кругом народ. Киприан удивился этому видению. Оно было объяснено ему в том смысле, что сидящий по правую сторону печалится и скорбит о том, что христиане не соблюдают Его заповедей, а находившийся по левую сторону радуется тому, что открывается случай и дается дозволение излить на народ ярость свою. Святой Киприан понял, что лицами, представившимися ему в видении, были Бог Отец, Господь наш Иисус Христос и исконный враг мира – диавол.

Этим гонением христиане были подвергнуты испытанию, как золото в огне, дабы тем ярче и сильнее был явлен всюду блеск добродетелей христианских.

Когда в Карфаген прибыл указ императора, язычники хотели подвергнуть мучению прежде всего Киприана. Его, как более известного своими добродетелями и своим влиянием на христиан, язычники намеревались ранее всего предать мучениям, дабы тем устрашить остальных христиан. Но так как время подвигов святого Киприана еще не наступило, то он решил удалиться на время из Карфагена, дабы своими увещаниями и наставлениями из неизвестного язычникам места поддерживать веру христиан и побуждать их твердо исповедовать имя Христово. Решив удалиться на время из Карфагена, Киприан написал своим пресвитерам и диаконам, а также и предстоятелям Церкви римской, послание. В этом послании Киприан сообщал, что он удаляется из Карфагена для того, чтобы его присутствие не усилило еще более ярости гонения, что, хотя и отсутствуя от своей паствы телесно, он присутствует с нею в Господе, что он написал тринадцать посланий для утешения сильных, ободрения слабых, для устранения разного рода нестроений в церковной внутренней жизни и для успокоения душ колеблющихся.

Киприан так объяснял свой поступок: «Первая степень победы состоит в том, чтобы исповедовать Господа после взятия руками язычников. Вторая степень славы состоит в том, чтобы благоразумным удалением спасти себя для Господа. Одна есть – всенародное исповедание, другая – частное. Одна побеждает гражданского судию, другая – благоприятнее Богу,

как Судии, ибо поддерживает чистую совесть в непорочности сердца. В одном случае обнаруживается более живая твердость, в другом – более уверенная осторожность. Один, когда приближается час его, оказывается уже созревшим для смерти, для другого, быть может, она отсрочена, – для того, например, который, оставив свое наследие, удалился по той именно причине, чтобы ему не отпасть, но несомненно исповедовал бы себя христианином, если бы и он был также взят (язычниками)».

Без сомнения, своим временным удалением Киприан оказал Церкви более высокую услугу, чем мог бы оказать ее сразу же принятым мученичеством.

Пред удалением своим святой Киприан разделил церковные деньги, бывшие доселе в его заведовании, между всеми клириками, оставшимися в Карфагене, для более удобного вспомоществования неимущим и бедным. Клир, со своей стороны, охотно сообщал своему епископу все сведения о состоянии его паствы и повиновался ему так же, как и в его личном присутствии. По справедливости можно сказать, что он один только и был способен управлять карфагенскою церковью в такое тяжелое время.

Его жизнеописатель, диакон Понтий, замечает: «Представим себе, что он (Киприан) тогда (т.е. тогда, когда бы не скрылся из Карфагена) удостоился мученической кончины… Кто бы научил падших покаянию, еретиков – истине, расколоучителей – единству, чад Божиих – сохранению мира и молитве?»

Святой Киприан находился таким образом в постоянном сношении с своею паствою и посылал неоднократные письма и сообщения пресвитерам, диаконам, мученикам и исповедникам. Первым он говорил, что прибудет к ним, как только Бог покажет ему, что такова Его воля. Он просил их иметь попечение о вдовах, больных, странниках и о всех неимущих. Хотя он и оставил для этой цели некоторую сумму денег, но, опасаясь, что, быть может, она уже вся истрачена, он отправил своего слугу Нарика с новым денежным приношением. Более всего заботился Киприан о том, чтобы христиане не пали духом среди бури огорчений. С не меньшею задушевностью писал святой

Киприан также исповедникам и мученикам. Он укреплял их мужество, превозносил их верность; увещевал всех христиан смотреть за тем, чтобы должные почести оказывались телам мучеников после их смерти и чтобы им доставлялось всевозможное облегчение во время их страданий.

О святых исповедниках Киприан отзывался с великою похвалою. Он побуждал своих клириков заботиться о том, чтобы, как нет ни в чем недостатка в славе исповедников, так не было бы ни в чем недостатка и в помощи им, и просил, чтобы его извещали о днях их смерти, дабы он мог приносить в их воспоминание возношения и жертвы.

В первое время после удаления святого Киприана из Карфагена ярость язычников, преследовавших христиан, несколько ослабела. Но спустя некоторое время она усилилась еще более. Для принуждения христиан к отречению от исповедуемой ими веры, были придуманы язычниками различные жестокие пытки и мучения. Исповедников имени Христова и поражали бичами, и били прутьями, и раздирали железными орудиями, и жгли на огне. Темницы переполнились христианами; одни из заключенных в скором же времени получали венцы победные, другие были близки к тому, чтобы получить сии венцы, ибо были воодушевлены тем же мужеством и с той же ревностью стремились на подвиг брани. Но были и такие христиане, которые не выносили мучений и приносили жертвы, или курили ладан идолам, или за деньги покупали у градоначальников записки, в которых означалось, что они приносили жертвы идолам и отреклись от Христа, хотя этого не было на самом деле. Некоторые даже добровольно без всякого требования приносили жертвы богам языческим. Других языческие судии, с наступлением ночи, отпускали домой и не понуждали к жертвоприношению, но они сами просили дозволения принести жертвы в вечернее время, не отлагая их до другого дня. Много было и таких, которые склоняли друзей своих к отречению от веры христианской, какое совершали сами.

Горько и тяжело было святому Киприану слышать о падении слабых членов своей паствы! Падение их он называл

отторжением части собственного сердца. Впоследствии писал он по сему поводу: «Скорблю, скорблю, братия, с вами, и болезнь моя не облегчается моею сохранностью и моим собственным здравием; как пастырь, я уязвлен ударом, нанесенным моему стаду. С каждым из вас соединено мое сердце, с каждым я болею и умираю! Ударами жестокого врага поражено и мое тело! И мою душу прошло оружие! Мое сердце, удаленное и свободное от гонения, не осталось в покое; любовь поразила меня, когда поражены мои братья»[5383].

Около этого времени случилось еще одно обстоятельство, причинившее немало огорчений святому Киприану.

Необходимо заметить, что в древности в церкви карфагенской, как и в других церквах, среди исповедников было в обычае давать отпавшим особого рода ходатайственные записки, или «письма мира», по которым согрешившие были скорее допускаемы в общение с верными. И теперь многие из отпавших от Христа возлагали большую надежду на ходатайство исповедников и мучеников. Но при этом многие исповедники, по излишней снисходительности к падшим, не обращали внимания на свойство их покаяния и давали эти ходатайственные записки («письма мира») без надлежащего рассмотрения и осторожности. Только немногие исповедники просили епископа даровать мир некоторым падшим по окончании гонения, по возвращении самого епископа и по тщательном исследовании нравственного состояния падших. Такая снисходительность к падшим оказывалась в то время, когда гонение еще свирепствовало в Карфагене; следовательно, эта снисходительность могла ослабить твердость в вере и прочих христиан, еще не подвергшихся гонению.

Когда святой Киприан узнал обо всем этом, то отправил в Карфаген три письма к клиру, исповедникам и народу; и так как главными нарушителями древнего церковного благочиния оказались пресвитеры, то Киприан во всех этих письмах обличал их более всего; всех вообще – и клир, и народ – Киприан убеждал ожидать соборного рассуждения о принятии падших в Церковь, а самый собор обещал созвать по окончании

гонения и по возвращении своем в Карфаген. Исповедников Киприан просил обращать особенное внимание на дела и заслуги, на род и качества грехопадения каждого, из числа тех, за кого они будут предлагать свое ходатайство.

Но все эти письма святого Киприана не имели полного успеха. Правда, пресвитеры, послушные своему пастырю, перестали допускать падших к общению в Церкви наравне с верными и увещевали их прежде всего загладить свой грех искренним покаянием; но некоторые из падших и после этого не пожелали принести покаяния, не хотели ожидать решения своего дела до окончания гонения, а требовали себе немедленно разрешения грехов.

Однако святой Киприан не ослабил своих требований и после известия о таковом непослушании со стороны некоторых падших христиан.

Охраняя с такою твердостью благочиние церковное, святой Киприан из места своего удаления открыл еще переписку с соседственными епископами для того, чтобы их согласием еще более подтвердить свое требование покаяния от падших. В ответ на его письма епископы сообщали, что они вполне одобряли его требования и писали ему, что ни в каком случае не следует ему отступать от своего постановления до собора, имеющего быть по окончании гонения.

В то время как соседние епископы открыто подтвердили и одобрили требования святого Киприана относительно падших, исповедники объявили свое несогласие с ним. Один из них, Лукиан, от имени всех, написал к Киприану письмо, в котором он уведомлял Киприана, что все исповедники даровали мир падшим; этот же Лукиан написал подобное письмо и римскому исповеднику Целерину.

Ободренные таким покровительством исповедников, падшие в нескольких городах Африканской провинции произвели возмущение против предстоятелей и с угрозами требовали у них себе мира, уже дарованного, как уверяли они, исповедниками и мучениками. В самом Карфагене беспокойные миряне после этого с большою дерзостью начали требовать себе примирения с Церковью.

Между тем святой Киприан увещевал клир и народ поступать так, как ему было предписано ранее.

Ввиду сего более благонамеренные из падших совершенно смирились и обещали полное послушание епископу. В скором времени после этого некоторые из них уже писали святому Киприану, что они сознают свое грехопадение, совершают предписанное церковными правилами покаяние, не желают поспешного и неблаговременного примирения с верными, но ожидают возвращения своего епископа, говоря, что самое примирение в его присутствии будет для них приятнее.

В скором времени после этого Киприану было открыто в видении, что скоро восстановится мир в Церкви, что только для некоторых еще, на непродолжительное время, продлится гонение и что по мере усердия в молитве может последовать ускорение мира.

И действительно, видение святого Киприана стало оправдываться самыми событиями. Гонение на христиан в Карфагене хотя еще продолжалось, но ослабевало; язычники начали дозволять исповедникам имени Христова пользоваться все большею и большею свободою. Заключенные в темницах выходили на свободу, а сосланные на заточение, возвращались в отечество.

Однако гонение еще не окончилось. Еще много забот и беспокойств предстояло славному архипастырю, святому Киприану. За время отсутствия Киприана в Карфагене явилась потребность в пресвитерах и клириках. Киприан избрал себе как бы четырех наместников, которым и поручил тщательно распознавать лета, состояние и заслуги тех лиц, которые имели быть произведены Киприаном в ту или другую иерархическую степень. Наместниками сими были избраны два епископа ближайших к Карфагену епархий – Калдоний и Геркулан, затем Рогациан, карфагенский пресвитер и исповедник, и клирик Нумидик.

Упомянутые лица тотчас же приступили к исполнению требований своего епископа. Но исполняя порученное им дело, они встретили сильное противодействие со стороны тех лиц, которым не нравилась столь законная и необходимая

попечительность Киприана о выборе достойных служителей Церкви. Таким человеком явился некто Фелициссим, мирянин, и пресвитер Новат; к ним присоединились еще четыре пресвитера, опасавшиеся справедливого суда Киприана над собою. Они, и особенно пресвитер Новат, побудили Фелициссима открыть восстание против своего епископа.

Когда все это стало известно Киприану, он произнес отлучение на Фелициссима и угрожал подвергнуть такому же наказанию и всех его сообщников, а самое письмо, которое Киприан писал по сему случаю, он повелел прочитать народу и переслать в Карфаген к клиру. Пока оказалось только шесть ярых приверженцев Фелициссима, которые тогда же были отлучены от Церкви; но так как нашлись новые сторонники Фелициссима, то возмущение, произведенное им, еще не было устранено.

Киприан намеревался возвратиться в Карфаген к празднику Пасхи, но ввиду того, что возмущение Фелициссима и его сторонников еще не окончилось, он, не желая увеличивать смятения своим появлением, решил провести праздник Пасхи на месте своего удаления; а чтобы в отсутствие его враги не приобрели еще большего успеха, он письменно увещевал свою паству не доверять пагубным словам возмутителей.

Глубоко страдал святой Киприан в это время за свою паству. Его скорбь выразилась в письме, написанном по сему случаю:

«Как я мучусь теперь, – писал он карфагенским христианам, – что не могу сам прийти к вам и лично увещевать каждого из вас, по учению Господа и Его Евангелия. Мало было для меня уже двухгодичного изгнания и горького разлучения с вами; мало было скорби и печали, которая постоянно мучила меня без вас; мало было слез, днем и ночью проливаемых о том, что пастырю, которого вы избрали с такою любовью и горячностью, нельзя лично приветствовать вас, ни быть в ваших объятиях. Для истаивающего от печали сердца нашего наступила еще большая скорбь. При таком беспокойстве и нужде я сам не могу в скорости прийти к вам… Но зато отсюда убеждаю и прошу вас, любезные братия: не доверяйте пагубным речам, не внимайте

легковерно обманчивым словам, не избирайте вместо света – тьму, вместо дня – ночь, вместо пищи – глад, вместо пития – жажду, вместо лекарства – яд, вместо здоровья – смерть... Не принесут нам мира те, которые сами не имеют мира... Никто да не отклонит вас от путей Господних. Пусть погибают одни те, которые захотели своей погибели; пусть остаются вне Церкви одни те, которые отделились от Церкви; пусть одни те не будут с епископами, которые возмутились против епископов... Прошу вас: отделитесь от таковых, послушайтесь моих советов. Я каждодневно изливаю за вас постоянные молитвы пред Господом; я желаю воссоединить вас с Церковью; я только прошу у Бога прежде мира Матери (Церкви), а потом уже ее чадам. Соедините с моими молитвами и молениями ваши молитвы, с моим плачем ваши слезы»[5384].

Увещевая так трогательно тех, которые могли понять в его словах голос отеческой любви, святой Киприан угрожал наказанием – отлучением от Церкви – тем, которые не захотели бы повиноваться ему.

Письмо это, конечно, удержало благонамеренных на стороне епископа.

Вскоре после этого, когда Новат при посредстве своих сообщников без согласия и ведома святого Киприана, произвел Фелициссима в диакона, Киприан написал еще два письма к клиру и народу об этом незаконном посвящении. Это были последние письма из места его удаления. Возмущению Фелициссима был положен конец уже на соборе, происходившем, по возвращении Киприана, в Карфагене[5385].

Вскоре же после возвращения в Карфаген Киприан председательствовал на сем соборе, который подверг рассмотрению два вопроса: о расколе Фелициссима и о допущении падших к общению с верными.

Отцы собора после многих и долгих рассуждений единодушно постановили, что падшим не должно отказывать в общении с Церковью, чтобы они не отчаялись в милосердии Божием и не стали жить по-язычески, но что и не должно преждевременно допускать их к общению – что соединению их с Церковью должны предшествовать продолжительное покаяние,

молитва Богу, соединенная со слезами, и исследование нравственного состояния каждого из них. При этом по различию падших были назначены и различные степени покаяния. Фелициссим же и его единомышленники, как возмутившиеся против власти епископа, были отлучены от Церкви.

Однако враги Киприана не успокоились. Пресвитер Новат вскоре отправился в Рим и здесь, изменив Филициссиму, присоединился к партии Новациана[5386], вследствие чего произвел многие смуты как в римской, так и в карфагенской церквах. Фелициссим же вместе со своими единомышленниками через год произвел новое возмущение против святителя Божия Киприана.

Новациан начал распространять в Риме лжеучение, утверждая, что падших ни в каком случае не следует принимать в общение, хотя бы они и приносили покаяние; вместе с тем, Новациан сделал попытку предвосхитить честь епископства у законно избранного в епископы пресвитера римского Корнилия. Благодаря содействию Новата, прибывшего в Рим, Новациану удалось побудить трех италийских епископов к совершению над ним рукоположения во епископа.

Святой Киприан с истинно христианскою мудростью старался пресечь в самом корне все церковные раздоры и волнения. Киприан известил окружным посланием африканских епископов о законном поставлении во епископы Корнилия и о незаконных действиях Новациана. Святитель Божий не переставал внушать всем ту истину, что там, где законно избран и рукоположен один епископ, нельзя поставлять другого епископа, и убеждал возмутителей мира церковного оставить гибельный раздор и споры и возвратиться в лоно единой истинной Церкви вселенской. Для предохранения же верующих от соблазна расколоучителей Новациана и Фелициссима, святой Киприан написал книгу «О единстве Церкви».

Испытания Киприана этим еще не окончились. Нашлись люди, которые продолжали сеять в Церкви плевелы раздора и возмущения. Так, некий еретик Приват, присоединившись к партии Фелициссима, добился незаконного поставления во епископа карфагенского Фортуната. Однако после увещаний

Киприана сторонники Фортуната начали оставлять его и возвратились к миру церковному.

Дабы окончательно устранить все раздоры и несогласия, порождаемые врагами мира церковного, святитель Божий Киприан решил созвать Поместный собор в Карфагене. Таких соборов в Карфагене было несколько. На сем соборе были решены многие вопросы, касавшиеся внутренней церковной жизни, как например, о принятии падших, о крещении еретиков и т. п. Мало-помалу возмущение, произведенное в жизни церковной непокорными членами Церкви, утихало, и в Церкви водворялись мир и тишина.

Господу благоугодно было посетить святого Киприана еще новым испытанием: на смену бедствий от гонения со стороны язычников, появилось бедствие стихийное – моровая язва.

Неожиданно разразившееся бедствие было одинаково тяжело как для христиан, так и для язычников. Моровая язва без перерыва значительное время свирепствовала в каждой провинции, в каждом городе и почти в каждом семействе.

Общее бедствие вызвало Киприана на самую самоотверженную и благородную деятельность. В то время как язычники только еще более укреплялись в своем себялюбии, в то время как они, по-видимому, всецело предались страху, который заставлял их покидать самых дорогих своих родственников и оставлять мертвых непохороненными на улицах, христиане, руководимые Киприаном, оставались непоколебимыми. Сам Киприан не ограничился увещаниями, а своим личным примером подавал образец для подражания всем христианам.

Язва сопровождалась своими обычными страшными спутниками – засухой и голодом; кроме того, по границам Римской империи бродили орды варваров-нумидийцев и делали нашествия, во время которых они уводили много пленных; христиане карфагенские, руководимые святым Киприаном, жертвовали деньги на выкуп хотя бы некоторых из числа этих пленников.

Таким образом, во время страшного бедствия общественного Киприан принял все меры к тому, чтобы

всячески облегчить участь страждущих.

Несмотря на это, среди язычников находились люди, которые осмеливались утверждать, что язва, как и прочие бедствия общественные, была послана богами языческими за непоклонение им христиан. Такие слухи распространял особенно некто Димитриан, один из судей карфагенских. Вслед за ним и другие язычники повторяли эту клевету на христиан.

Святой Киприан опроверг это заблуждение, написав особое сочинение по сему поводу. «Бедствия мира, – писал он Димитриану и всем тем, кто разделял его мысли, – имеют свою причину в развращении людей; эти бедствия предсказаны пророками, как наказания за пороки, которые особенно распространены среди язычников и которые сами по себе всегда разрушают благосостояние народов, как и отдельных лиц. Языческие боги, – рассуждал Киприан, – не могут сами защищать себя, и тем явно доказывают свою зависимость от христиан, когда изгоняются из людей христианами[5387]; мы, христиане, – рассуждал святой Киприан, – хотя также подвергаемся внешним бедствиям, но при безропотном перенесении их и надежде на будущую жизнь, мы не страдаем от несчастий».

Между тем приближалось время страданий святого Киприана. На престол вступил император Валериан[5388], который воздвиг жестокое гонение на христиан.

Весть о новом гонении на христиан скоро достигла и до церкви африканской и, как обыкновенно, сколько устрашала малодушных, столько же воспламеняла к мужественному терпению твердых в вере. «О чем лучше и более нам должно заботиться, как не о том, чтобы непрестанными увещаниями приготовить вверенный нам народ против стрел диавола», – писал тогда святой Киприан Фортунату, епископу Туккаборскому. Но кроме устных и письменных увещаний, святой Киприан и самым делом подал пример небоязненного исповедания своей веры пред язычниками.

После того как было объявлено гонение на христиан, проконсул карфагенский, Аспазий Патерн, получил указ императора, который предписывал принуждать христиан к

поклонению идолам; при этом епископы христианские подлежали изгнанию, а христианские собрания запрещались. Проконсул намеревался прежде всего принудить к отречению от веры христианской святого Киприана, а поэтому прежде всего призвал его к допросу.

Когда Киприан пришел, Проконсул спросил его:

– Император приказал мне принудить всех христиан поклониться идолам: ты что скажешь относительно этого?

Святой Киприан отвечал:

– Я – христианин и епископ христианский; я не знаю иных богов, кроме Единого Истинного Бога, сотворившего небо, и землю, и море, и все, что находится в них; сему Богу мы, христиане, служим днем и нощию.

Проконсул сказал:

– Так ты будешь упорствовать в своем решении?

Киприан ответил на это:

– Благое решение, ведомое Господу, должно оставаться неизменным. Проконсул сказал:

– В таком случае ты, согласно приказанию императора, должен отправиться на заточение. Киприан ответил проконсулу:

– Я охотно пойду на заточение.

После этого проконсул спросил еще Киприана:

– Я имею приказание от императора не только относительно епископов, но и относительно иереев; поэтому, скажи мне, какие иереи находятся в сем городе?

На это Киприан отвечал:

– Вашими законами запрещены доношения (доносы); поэтому я не могу открыть и объявить тебе иереев, но если будешь искать их, то, конечно, найдешь в городе.

Проконсул сказал еще:

– Мне поручено еще смотреть, чтобы у христиан нигде не было своих собраний и чтобы они нигде не отправляли своих служений.

Святой Киприан ответил проконсулу:

– Поступай, как тебе приказано.

В скором времени после этого святой Киприан был отправлен в ссылку в Курубис[5389]. Диакон Понтий, описавший

жизнь святого Киприана, добровольно сопровождал его к месту заточения.

В первый же день по прибытии сюда святой Киприан имел ночью видение, предзнаменовавшее его мученическую кончину. Об этом видении Киприан рассказал диакону Понтию, поведав следующее:

«Едва лишь я слегка задремал, я увидел некоего юношу, некрасивого и неблагообразного, который ввел меня в преторию на суд; мне казалось, что я должен был предстать суду игемонову. Игемон, посмотрев на меня, ничего мне не сказал, но тотчас написал что-то. Я не знал, что он написал; но я увидел иного юношу, благообразного лицом, стоявшего сзади игемона; сей юноша смотрел, как писал игемон, и читал про себя написанное игемоном. Прочитав написанное, юноша тот знаком руки дал мне понять, что там был написан относительно меня суд смертный, ибо мне надлежало быть усеченным мечом. С своей стороны и я знаком руки дал понять юноше, что я понял то, что он объяснял мне; при этом я начал со усердием просить судию того дать мне еще один день жизни, чтобы я мог устроить все свои дела. В то время как я просил об этом судию, сей последний, ничего не отвечая мне, но как бы в ответ на мою просьбу начал что-то писать. Юноша, стоявший сзади судии, следя за тем, что писал судия, знаком руки объяснил мне, что моя жизнь будет продолжена еще на один день. Я очень обрадовался этому, однако, находился в великом страхе и смущении».

Это видение святой Киприан истолковывал относительно себя в том смысле, что ему было предопределено Богом умереть от усечения мечом за исповедание имени Христова. Один день жизни, дарованный ему, согласно сему видению, Киприан истолковал как один год. И действительно он скончался мученически за исповедание имени Христова, будучи усечен мечом, спустя год после того видения.

Находясь в изгнании, святой Киприан все время проводил в богомыслии, приуготовляясь к смерти. В заточении Киприан написал много Богомудрых творений; всех, кто приходил к нему для душеспасительной беседы, он поучал, прося всех быть

твердыми в вере, не страшиться угроз мучителей и страданий за исповедание имени Христова; он увещевал христиан не привязываться к временным и скоропреходящим утехам жизни сей, но искать жизни вечной.

Пребывая в изгнании, святой Киприан терпеливо переносил все лишения ради имени Христова, вменяя заточение в родное отечество свое. Ибо для христианина, возложившего все упование свое на Бога, отечество и родной дом является странствованием, согласно сказанному: странник я у Тебя и пришелец, как и все отцы мои (Пс 38:13); с другой стороны, для такого христианина отечеством является и место изгнания и странствования, ибо на всяком месте он видит присутствующего близ себя Бога, согласно сказанному: всегда видел я пред собою Господа (Пс 15:8).

Прошел еще год, и на место упомянутого выше Аспазия Штерна проконсулом назначен был Галерий Максим. В это время император Валериан издал еще более жестокий указ о преследовании христиан, именно: Валериан требовал, чтобы все христианские епископы, пресвитеры и вообще все руководители христиан были лишены своих должностей и имущества, а в случае дальнейшего пребывания в христианстве должны быть преданы смерти.

Повеление императора стало известным в Африке тогда, когда проконсул Галерий Максим отлучился в местечко Утику, куда было сослано из разных мест множество христиан. Проконсул хотел здесь же начать преследование христиан и сюда приказал своим воинам привести святого Киприана.

Всегда готовый с полным спокойствием и бесстрашием принять мученическую кончину, святой Киприан считал, однако, приличным и полезным совершить подвиг мученичества среди своей паствы. Рассуждая так и вместе следуя совету друзей своих, которые уведомили его об отправлении за ним стражи, Киприан скрылся на время в одно неизвестное место, но только до возвращения проконсула в Карфаген. А дабы это временное уклонение не подвергалось нареканию, Киприан написал к клиру и народу письмо, в котором объяснял причину своего

удаления; в этом же письме Киприан в последний раз преподал наставления клиру и пастве.

Едва лишь проконсул Галерий Максим прибыл в Карфаген, сейчас же Киприан вышел из места своего уединения. Вскоре после этого проконсул послал двух честных мужей, приказав им взять Киприана. Киприан мужественно исшел на мученический подвиг и отправился вместе с упомянутыми двумя мужами в колеснице к проконсулу. Но так как, по приказанию проконсула, суд над святителем Божиим был отложен до следующего дня, то Киприан отведен был на ночь в дом одного из тех мужей, которые были посланы проконсулом для взятия Киприана. Здесь святитель провел последнюю ночь, причем, по состраданию и доверию к нему, он был оставлен почти без стражи.

Между тем по городу распространился слух, что епископ Киприан возвращен из заточения для того, чтобы восприять смерть мученическую; и тотчас устремились христиане к тому дому, в котором пребывал Киприан, желая видеть в последний раз своего пастыря и учителя. При этом христиане явили по отношению к святому Киприану еще более любви и преданности, нежели как это было при избрании его в епископы. Они не хотели расстаться со своим любимым архипастырем до самой кончины его, и потому всю ночь провели без сна пред дверями его дома. Поступили же так христиане не потому, чтобы хотели освободить святого Киприана из рук и власти язычников, но для того, чтобы сподобиться от него, как отца своего духовного, последнего благословения.

Утром следующего дня Киприан был выведен из того дома и представлен проконсулу для допроса.

Проконсул спросил Киприана:

– Ты ли Киприан?

Киприан ответил:

– Да, это я.

Проконсул сказал затем:

– Это ты в качестве епископа стоишь во главе тех безумных людей, которые именуют себя христианами?

Киприан ответил:

– Да, я епископ людей Христовых.

Проконсул продолжил допрос, сказав:

– Благочестивейшие и славные императоры повелевают тебе принести жертву богам.

На это Киприан ответил:

– Ни в каком случае я не сделаю сего.

Проконсул сказал:

– Поразмысли хорошенько и избери то, что ты находишь более полезным для себя.

На это святитель Божий ответил:

– Поступай так, как тебе предписано. Что же касается меня, то в столь ясном для меня деле я не вижу необходимости в размышлении.

После этого проконсул посоветовался с прочими судиями, бывшими при допросе и, упрекнув Киприана за непочитание идолов, произнес решительный приговор об усекновении его мечом, сказав так:

– Киприан, епископ христианский, должен быть усечен мечом.

Святитель же Христов, услышав такой приговор себе, возрадовался и сказал во всеуслышание:

– Благодарите Господа!

Народ, видевший все происходившее, обратившись к проконсулу, начал взывать:

– И мы хотим умереть с ним!

И было великое смятение в народе.

Между тем Киприан был отведен на место казни. Сюда же последовали за святителем Божиим и христиане, проливавшие слезы при виде пастыря, ведомого на смерть.

Придя к назначенному месту, святитель Божий снял с себя верхнюю одежду, преклонил колена и начал молиться Богу. Помолившись достаточное время, священномученик Христов преподал всем мир и благословение и приказал своим друзьям дать палачу двадцать пять златниц, совершая и при смерти благодеяние; затем, завязал себе убрусом (полотенцем) глаза, а руки отдал связать стоявшим подле него пресвитеру и иподиакону. Между тем некоторые из христиан постилали пред

святителем платки и убрусы, дабы воспринять на них кровь священномученика Христова, как некое драгоценное сокровище. Наконец, святитель Божий преклонил главу свою и был усечен мечом.

Так окончил жизнь свою святитель Божий, пострадав во славу Христа, Бога нашего[5390].

Честное тело святителя Христова было перенесено ночью со свечами и приличным пением на частное кладбище некоего прокуратора Макровия Кандидиана, и здесь предано погребению. Впоследствии, при короле Карле Великом, мощи священномученика Киприана были перенесены во Францию, в город Арль, а при короле Карле Лысом – в город Компьень, в монастырь святого Корнелия.

Нечестивые же мучители не остались без наказания; в скором времени их постиг справедливый суд Божий.

Спустя несколько дней после мученической кончины святого Киприана, по суду Божию, изъят был из числа живых проконсул Галерий Максим. Император же Валерий, преследовавший с жестокостью христиан, потерпел жестокое поражение в войне с персами и погиб в темнице, будучи захвачен врагами.

Святой Киприан оставил после себя весьма много сочинений, в которых он раскрывал как вероучительные, так и нравоучительные истины. Большая часть их состоит из писем (всего Киприаном написано около 80 писем); кроме того, Киприан написал много отдельных трактатов или сочинений. Предметами сочинений его были: пастырь Церкви и девственники, страждущее и падшие, язычники и иудеи, еретики и расколоучители. Для пастырей Церкви Киприаном написана «Книга о ревности и зависти» – плод истинно-апостольского духа – с постановлениями о том, как надобно поступать для мира и пользы Церкви. Для девственников – «Книга о поведении девственниц». Любовь к страждущим побудила святого Киприана написать три замечательные сочинения: «О высоте терпения», «О милосердии» и «О смертности». «Книга о падших» содержит в себе назидательные рассуждения о покаянии. К числу защитительных сочинений святого Киприана,

в которых он отстаивал христианство против нападков язычников, принадлежат «Книга к Деметриану» и «О тщете идолов». «Три книги свидетельств против иудеев» заключают в себе род краткого начертания веры и деятельности христианской и обличение упорствовавших иудеев. В обличение ересей и расколов Киприаном написана «Книга о единстве Церкви» и «Книга к Донату о крещении». В сочинении «К Фортунату: об увещании к мученичеству» Киприан призывает всех вообще христиан к твердости духа при перенесении гонений. Святой Киприан оставил много и иных славных писаний. По замечанию блаженного Иеронима, писания Киприана были известнее самого солнца; из его творений отцы Ефесского и Халкидонского Вселенских соборов[5391] приводили свидетельства для защищения веры христианской от нападков еретиков и для обличения их неправомыслия.

Более обстоятельно и подробно в творениях святого Киприана выражено учение о Церкви. В кратких словах рассуждения святого Киприана по этому вопросу состояли в следующем:

Церковь есть Господом Иисусом Христом основанное и апостолами устроенное и утвержденное общество людей, представляющее как по своей внутренней, так и внешней стороне, единое целое, возглавленное Единою главою Господом нашим Иисусом Христом. Как внутреннее единство Церкви обусловливается единством веры и любви, так внешнее ее единство обусловливается иерархиею (и в ней преимущественно властью епископа) и таинствами церковными. Вне этой единой истинной и спасительной Церкви, по рассуждению святого Киприана, нет и не может быть спасения; только эта единая Церковь и есть Церковь истинно апостольская, и, следовательно, непогрешимая. «Мы следуем, – рассуждает святой Киприан, – тому, что приняли от апостолов, а они предали нам Церковь только одну. Одна только Церковь, получившая благодать жизни, и живет вовеки и животворит народ Божий»[5392]. В этой именно единой истинной Церкви, получившей благодать жизни, сосредоточены все Божественные блага, и в ней только одной возможно спасение. «Что Церковь

единственна, – рассуждает Святой Киприан, – это возвещает и Дух Святой в Песни Песней, говоря от Лица Иисуса Христа: единственная – она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отмеченная у родительницы своей (Гл. 6, ст. 8); и о ней же опять говорит: запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодезь, колодезь живых вод (4, 12 и 15). А если невеста Христова, которая есть Церковь, есть «вертоград заключенный», то заключенного нельзя открывать чужим и сторонним. Если она «источник запечатлен», то ни пить из него, ни запечатлеваться им не может тот, кто, находясь вне, не имеет доступа к источнику. Если Церковь есть единственный кладезь воды живой, то находящийся вне Церкви не может освящаться и оживляться тою водою, употребление и питие которой даруется находящимся внутри Церкви. Господь громко зовет, чтобы всякий жаждущий шел и пил от источника воды живой, истекшего от Него. Куда же должен идти жаждущий? К еретикам ли, у коих вовсе нет ни источника, ни реки животворящей воды, или же к Церкви, которая одна и по слову Господа основана на одном, приявшем и ключи ее? Она одна хранит и обладает всею властью своего Жениха и Господа, Истинная, спасительная и святая вода Церкви не может ни испортиться, ни осквернiться, так как и сама Церковь нерастленна, чиста и целомудренна»[5393].

В Церкви Христовой заключена вся полнота жизни и спасения. Как во время потопа спасение было возможно только в ковчеге Ноя, или, при разрушении Иерихона, только в доме Раави (Нав 2), так равно и Церковь есть единственное место спасения людей, «Дом Божий один, – рассуждает святой Киприан, – и никто не может где-либо спастись, как только в Церкви. Пусть и не воображают, что можно наследовать жизнь и спасение, не повинуясь епископам и священникам»[5394].

Находящиеся вне Церкви, отделяющиеся от ее единства и общения с нею, не имеют истинной жизни. «Явно, – замечает святой Киприан, – что между мертвецами считаются те, кои не суть в Церкви Христовой, и что не может оживотворить другого тот, кто сам не живет»[5395].

Но одна вера, без любви, не может быть вполне крепким и прочным связующим звеном всех членов Церкви. «Мало того, – рассуждает святой Киприан, – чтобы получить что-нибудь; больше значит – уметь сохранить полученное. Самая вера и спасительное возрождение животворны не потому, что мы их получили, а главным образом, потому, что мы их сохранили»[5396]. Только искренняя живая и деятельная вера, соединенная с любовью, дает человеку право вступить в живой союз как со Христом, так и со всем христианским братством: где нет той или другой, там нет и жизни со Христом, там нет, следовательно, и спасения.

Любовь составляет, – по рассуждению святого Киприана, основу всех добродетелей. «Любовь, – рассуждает святой Киприан, – есть союз братства, основание мира, крепость и утверждение единства;... она предшествует благотворению и мученичеству, она вечно пребудет вместе с нами у Бога в Царстве Небесном»[5397].

Много и других душеспасительных истин раскрывает святой Киприан в своих сочинениях, во славу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь.

Память святого Геннадия, патриарха Константинопольского

Память 31 августа

Святой Геннадий воспринял престол Константинопольского патриаршества после святого Анатолия[5398] в царствование императора Льва Великого[5399]. О богоугодной жизни его свидетельствуется в книге, называемой «Лимонарь»; в сей книге преподобные отцы Софроний и Иоанн повествуют так.

«Пришли мы, – говорят они, – в киновию[5400], называвшуюся Салама, отстоявшую от Александрии на девять поприщ, и нашли там двух старцев, бывших прежде пресвитерами церкви Константинопольской. Сии пресвитеры поведали нам о блаженном Геннадии, патриархе Константинопольском, что он был весьма кроток, соблюдал чистоту телесную и отличался воздержанием. Говорили о нем и то, что многие причиняли ему великие неприятности из-за одного клирика, весьма много согрешавшего, по имени Харисима. Сей клирик служил при храме святого мученика Елевферия, и о нем говорили, что он не только проводит жизнь в лености, нерадении и нечистоте греховной, но ходит на разбой и занимается волшебством. Призвав сего клирика, патриарх начал увещевать его, отечески исправляя его духом кротости, но видя, что он оставался неисправимым, повелел слегка наказать его. Когда же тот продолжал быть неисправимым и наказание не действовало на него, патриарх послал одного из слуг своих в храм мученика, при коем находился Харисим, умолять мученика, чтобы он сам исправил бы или отсек от Церкви преданного грехам клирика своего храма. Посланный, придя в храм, стал пред алтарем и, простерши руку ко гробу мученика, сказал:

– Святой мученик Елевферий! Патриарх Геннадий возвещает тебе через меня, грешного, что клирик Харисим, служащий в твоем храме, совершает многие беззакония и творит соблазны; поэтому ты или исправь его, или отсеки его от Церкви.

После этого, на другое утро, Харисим был найден мертвым.

Отсюда можно видеть сколь угоден был Богу и святым Его блаженный Геннадий, ибо слово его, обращенное к святому мученику через посланного, было в скором же времени услышано и исполнено на деле.

При сем святом Геннадии был построен в Константинополе храм в честь святого Иоанна, Предтечи Господня, некоторым сенатором, по имени Студием, пришедшим из древнего Рима; был устроен также и монастырь, названный Студийским (по имени сенатора Студия); в сем монастыре был учрежден чин неусыпающих.

При патриархе Геннадии экономом церковным был преподобный Маркиан. Сей Маркиан, сняв с себя последнюю одежду, отдал ее нищему; и видели сего преподобного Маркиана имеющим царскую порфиру под фелонью, как о том повествуется в житии его[5401]. При сем же патриархе подвизался и святой столпник Даниил, коего он рукоположил во пресвитера.

Во дни святого патриарха Геннадия в Константинополе совершилось такое чудо.

Один иконописец осмелился написать образ Христа Спасителя по подобию языческого бога Зевса[5402]; и тотчас иконописца постигло наказание Божие, ибо рука его, осмелившаяся изобразить в таком виде Господа, иссохла. Он же, ощутив на себе столь скорое мщение Божие, поспешил к святейшему патриарху Геннадию и принес ему покаяние, исповедуя пред всеми с плачем грех свой. Святейший патриарх помолился о нем ко Господу и исцелил руку его, так что она стала здоровою, как и прежде.

Святой патриарх Геннадий имел обыкновение не поставлять в пресвитеры (желающего) до тех пор, пока он не выучит наизусть всю Псалтирь; ибо сей великий архиерей Божий ревностно заботился о строгом соблюдении чина церковного; он сознавал, что сей чин только тогда мог быть исполнен тщательно, когда все священники и клирики будут научены книжному разумению и возмогут понимать разумно Писание Божественное. Ибо пресвитер, необученный книгам, не мог бы учить иных; не мог исправлять и наставлять на путь спасения, не зная сам спасительного пути. На таковом сбываются слова

Христовы: может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут ли в яму? (Лк 6:39).

Святой Геннадий созвал в Константинополе Поместный собор, отчасти для искоренения ереси Евтихиевой, отчасти для благоустроения церковного; на сем соборе была запрещена симония (мздоимство), распространившаяся среди архиереев.

Святой Геннадий охранял вверенное ему словесное стадо тринадцать лет; он преставился ко Господу в царствование того же Льва Великого[5403].

Незадолго до дня кончины своей, когда святой Геннадий молился ночью в храме, ему явилось некое страшилище демонское; святой Геннадий отогнал сие страшилище знамением Честного Креста; диавол, убоявшись знамения креста, бежал, причем сказал: «Я ухожу отсюда совершенно и не буду причинять здесь никому зла до тех пор, пока ты жив; но после смерти твоей приду опять и буду всяческими способами смущать Церковь, увлекая в погибель многих».

Святой Геннадий, проливая непрестанные слезы до дня смерти своей, молился ко Господу, дабы Он сохранил Церковь Свою так, чтобы она была неодолена вратами адовыми. И подобно тому, как при жизни своей он был усердным ходатаем ко Господу о святой Церкви, так и по преставлении своем воссылает о Церкви свои непрестанные моления, предстоя вместе с прочими святыми иерархами Главе Церкви, Христу, Владыке нашему, Коему вместе со Отцом и Святым Духом воссылается слава вечно.

Положение честного пояса Пресвятой Богородицы

Память 31 августа

Честный пояс Пречистой Матери Божией, по принесении в Константинополь, был положен в золотом ковчеге за царскою печатью, в храме, построенном благочестивым царем Феодосием Младшим; сей храм был создан во имя Пресвятой Богородицы на месте, называвшемся Халкопратией, что значит «Медный торг».

Спустя много лет после этого, в царствование Льва Мудрого, случилось, что супруга его Зоя была мучима духом нечистым, по сей причине царь и его родственники были весьма опечалены; и начали все воссылать ко Господу усердные моления о страдавшей царице.

После этого царице Зое было видение Божественное, знаменовавшее, что она получит исцеление, если на нее будет возложен пояс Пресвятой Богородицы.

О сем видении царица рассказала своему мужу, царю Льву. Тотчас царь упросил патриарха открыть пояс Пресвятой Богородицы: была снята печать и открыт ковчег; и оказался честный пояс Пресвятой Богоматери целостным, нисколько не поврежденным от времени; все облобызали его с благоговением. И как только патриарх распростер его над царицей, тотчас она освободилась от мучения демонского и получила совершенное исцеление от недуга своего.

Тогда все с радостью прославили Христа Бога и Пречистую Матерь Его и, воспев благодарственные хвалебные пения, опять положили честный пояс в тот же золотой ковчег, запечатали его царскою печатью и установили празднование в честь Преблагословенной Девы Богородицы, в воспоминание чуда, бывшего от Ее честного пояса, по благодати, милосердию и человеколюбию родившегося от Нее Христа, Бога нашего.

Тропарь, глас 8:

Богородице Приснодево, человеков покрове, ризу и пояс пречистаго Твоего телесе, державное граду Твоему обложение

даровала еси, безсеменным рождеством Твоим нетленна пребывающи, о Тебе бо и естество обновляется и время. Темже молим Тя, мир граду Твоему даровати, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Богоприятное Твое чрево, Богородице, объемший пояс Твой честный, держава граду Твоему необорима, и сокровище есть благих неоскудно, едина рождшая Приснодево.

Другой кондак, глас 4:

Честнаго пояса Твоего положение празднует днесь Твой, препетая, храм, и прилежно взывает Ти: радуйся, Дево, христиан похвало.

Слово в первый день индикта, или нового года

Память 1 сентября

1 сентября

Царь веков, Господь Бог наш, «положил времена или лета в своей власти» (Деян. 1:7)[5404], Сам установил в эти времена различные праздники для Своего прославления и для отдохновения людей от мирских дел их. Еще в Ветхом Завете Он повелел каждый год особенно праздновать наступление седьмого месяца, чтобы люди, освободившись от житейской суеты, служили в этот день Единому Богу. Ибо так написано в книгах Моисеевых: «Сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: в седьмой месяц, в первый день месяца, да будет у вас покой: никакого дела не сотворите в день этот во всех жилищах ваших, и приносите жертву Господу» (Лев. 23:24–31).[5405] Как некогда Сам Творец, в шесть дней создавший мир Словом Своим, благословил и освятил седьмой день, почив от дел творения (Быт. 2:2–3; Исх. 20:11; Евр. 4:4); и как впоследствии дал и человеку заповедь: «Шесть дней работай, в день седьмой – суббота Господу Богу твоему не делай никакого дела ты» (Исх. 20:9–10)[5406], так Он же благословил и освятил седьмой месяц и повелел людям в это время отдыхать от дел мирских. Об этом Господь вторично заповедал Моисею, «говоря, месяца седьмого, когда вы собираете произведения земли, празднуйте праздник Господень» (Лев. 23:39)[5407].

По какой же причине установлено это празднование?

В этом именно месяце, когда начали сбывать воды потопа, Ноев ковчег остановился на горах Араратских[5408].

В этом месяце святой пророк Моисей сошел с горы, с лицом, осиянным славою Божественной, и принес новые скрижали, на которых был начертан закон, данный Самим Господом[5409] (Исх. 34:29).

В этом месяце начато было сооружение Скинии Господней среди стана израильтян (Исх. 35:1–35)[5410].

В этом же месяце первосвященник, единственный раз в течение всего года, входил в Святое Святых «Не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа»[5411].

В этом месяце народ Божий, смиряя постом души свои и принося Господу жертву всесожжения, принимал очищение от грехов своих, содеянных за год[5412].

В этом месяце совершилось торжественное освящение великолепного храма Господня, созданного царем Соломоном, и внесен был в этот храм Ковчег Завета (3Цар. 8:1–66).

В этом месяце все колена народа израильского отовсюду стекались в Иерусалим на праздник, исполняя заповедь Господню: «Это для вас суббота покоя, и смиряйте души ваши» (Лев. 23:32).[5413]

С этого месяца начинали счет годам, особый для каждых пятидесяти лет. В то время как народ израильский вступал в обетованную землю, Господь повелел, чтобы люди особенно праздновали каждый пятидесятый год; и не только сами участвовали в этом праздновании, но и слуги и скот; даже самую землю, где поселились израильтяне, заповедано было оставлять в покое, не распахивать, не засевать, не собирать ни колосьев, ни виноградных, ни садовых плодов: все это предоставлялось в пищу бедным людям, а также зверям и птицам. Об этом так написано в книгах Моисеевых: «Вострубите трубою по всей земле вашей и освятите пятидесятый год, и объявите свободу на земле всем жителям ее; не сейте и не жните, что само вырастет на ней, и не сжинайте ягод с необрезанных лоз ее, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые, так же поступай с виноградником твоим и маслиною твоей» (Лев. 25:9–11; Исх. 23:11). В этот пятидесятый год прощались должникам их долги, отпускались рабы на свободу, и каждый человек особенно следил за собой, как бы не прогневать Господа каким-либо грехом, как бы не опечалить своего ближнего. То был год всепрощения и очищения от грехов. Этот пятидесятилетний круг, по повелению же Господню, разделялся на семь годовых седмин, (т.е. семь раз по семи лет) и каждый седьмой год назывался субботою или покоем. Об этом Господь через

Моисея дал такое повеление: «шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезывай виноградник свой, и собирай произведения их; в седьмой год да будет суббота покоя земли, суббота Господня; поля твоего не засевай, и виноградника твоего не обрезывай. Если скажете: «что же нам есть в седьмой год, когда мы не будем сеять, ни собирать произведений наших», Я пошлю благословение Мое на вас в шестой год, и он принесет произведений на три года» (Лев. 25:3–4, 20–21). Все эти годы, в которые Господь установил праздничный покой и для людей и для земли, начинались, также по повелению Господню, с сентября месяца. «И вострубите», – сказал Господь, – «год покоя в седьмой месяц» (Лев. 25:9), т.е. в сентябре[5414], так как сентябрь от марта, первого месяца от сотворения мира, есть седьмой месяц.

Но год начинался с первого сентября не только по ветхозаветным законам, но и по языческому индиктиону. Об этом индиктионе повествуют следующее.

Когда Август[5415], кесарь римский, одержал победу над Антонием и Клеопатрой[5416], обладавшими Египетской страной, и стал единым властителем для всей вселенной, то, для более удобного собирания податей со всех стран он установил индиктион на пятнадцать лет[5417]. Этот индиктион Август разделил на три срока, по пять лет в каждом, с тем чтобы в продолжение всего индиктиона три раза, в каждый пятый год, были собираемы подати. Такой закон был издан, главным образом, для отдаленных окраин государства, с которых трудно было собирать подати каждый год, так как собранные подати и через пять лет едва успевали достигать столицы – Рима. Каждое пятилетие называлось люструм, т.е. светлое, потому что, воздавая кесарю кесарево (Лк. 20:25), люди в это время предавались веселью и жгли свечи. Народ не тяготился данью, потому что подати были небольшие и легкие, и платились добровольно. Продолжался же индиктион пятнадцать лет по следующей причине. В первое пятилетие платили дань железом и медью, которые употреблялись на изготовление мечей, копий, шлемов, щитов, панцирей и всякого военного оружия; во второе пятилетие собиралась подать серебром на жалованье войскам;

в третье же пятилетие приносили в Рим дань золотом на украшение идолов. Окончив пятнадцатилетний круг индиктиона, начинали его снова, и первый год индиктиона называли новым годом. Такой обычай установлен был с первого сентября, потому что именно в этот день была одержана победа над Антонием и провозглашено единодержавие Августа. Приняла и святая Церковь обычай праздновать первого сентября начало индиктиона. Это было установлено по той причине, что в то время, когда праздновалось новолетие в Иудее и по всей вселенной, Господь наш Иисус Христос пришел в Назарет[5418], где был воспитан. Это было в субботу, а в этот день иудеи имели обыкновение собираться в синагоге и проводить время в чтении книг пророческих. Господь «по обыкновению Своему», также вошел в синагогу[5419] и встал среди учителей. Ему подали книгу пророка Исайи[5420]; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: дух Господа на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам – открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное (Ис. 61:1–2)[5421]. И, закрыв книгу и отдав служителю, Он начал говорить, что прочитанное пророчество исполнилось на Нем, что Он есть истинный Мессия[5422] , посланный от Бога Отца для спасения людей и обновления их жизни. «И все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходившим из уст Его» (Лк. 4:16–22).

Праздник новолетия был установлен святыми отцами на I Вселенском соборе, в Никее[5423]. Это было в то самое время, когда царь Константин Великий, победив Максенция[5424], просветил вселенную светом благочестия, искоренил идольские празднества, освободил веру Христову от тяжких гонений и установил свои индиктионы. Тогда святые отцы установили праздновать новолетие, как начало христианской свободы, в воспоминание посещения Христом в этот день иудейской синагоги и проповеди Его о приятном лете Господнем. С того времени и мы празднуем первый день сентября месяца. Но это уже праздник не Ветхого Завета, а новой благодати[5425]. Ибо в этот день Сам Законодатель, снисшедший с небес и носящий в

себе Духа Отца, явил Себя миру и начертал закон Божий не перстом, но Своим Божественным языком и пресладкими устами, и не на каменных скрижалях, а «на плотяных скрижалях» (2Кор. 3:3)[5426]. Созидая Свою Церковь, которую только прообразовала ветхозаветная скиния[5427], Он принес Богу Отцу за наши грехи жертву не без крови, Самого именно Себя. Сам Великий Первосвященник, прошедший небеса (Евр. 4:14), очистив нас от грехов Своей кровью, пролитой за нас, сделал нас святыми храмами, по словам апостола: «храм Божий свят, а этот храм – вы» (1Кор. 3:17)[5428].

Принося за все это благодарение Господу, мы празднуем лето Господне приятно: мы приняли от Него много неизреченных благ, поспешим же и сами быть Ему приятными. Мы ведь празднуем индиктион, не римскими царями установленный, а узаконенный Небесным Царем славы – Христом. Христов же индиктион – это Его святые заповеди, которые мы должны соблюдать и исполнять. Царь наш Христос не требует от нас ни меди, ни железа, ни серебра, ни золота, как объяснил Давид, сказавший некогда: «Ты Господь мой; блага мои Тебе не нужны» (Пс. 15:2)[5429]. Но вместо железа и меди Господь требует от нас добродетели твердой и крепкой, православной веры в Бога. Ибо вера наша основана на крови истерзанных железным и медным оружием святых мучеников, из которых о каждом можно сказать, что«в железо вошла душа Его» (Пс. 104:18). Небесный Царь и Бог наш повелел нам, чтобы мы веровали в Него правым сердцем и благочестиво: «потому что сердцем веруют к праведности» (Рим. 10:10)[5430]. Будем же и мы побеждать врага этой верой, как оружием железным и медным щитом. Последуем нашим святым праотцам, которые «верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (Евр. 11:33–34)[5431].

Вместо серебра Царь наш Христос требует от нас второй добродетели, несомненной надежды на Бога. Эта добродетель, больше чем серебро, обеспечивает человеку благополучную жизнь. Если тот, кто разбогател многим серебром, уверен, что

получит все мирские блага, и, уповая на богатство, весело проводит дни свои; то тем более богатый несомненной надеждой на Бога и на Него одного возложивши все свое упование получит все, чего желает, и будет жить в радости, пренебрегая всеми бедствиями и скорбями, происходящими от мира, плоти и диавола, и с наслаждением претерпевая все это ради воздаяния в будущей жизни. Часто серебро обманывает своего господина и, случайно исчезая, оставляет его в нищете; и тот, кто надеялся до конца жизни видеть во всем изобилие, вдруг лишается насущного хлеба. – Надеющийся же на Господа, «как гора Сион не подвигнется вовек» (Пс. 124:1)[5432] «не постыжает, потому что любовь Божия излилась» (Рим. 5:5). Этого именно невещественного серебра и желает от нас Господь и повелевает, чтобы мы не на скоропреходящее богатство возлагали свои надежды, «но на Бога живого» (1Тим. 6:17),«слова Господни – слова чистые, серебро переплавленное» (Пс. 11:7)[5433]. Он неложно обещал нам несказанные вечные блага в Своем Царствии, чтобы мы премногую к нам Его благость, которой уверовали сердцем, исповедовали и устами, «а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10:10)[5434]. Будем же, как добрые воины Христовы[5435], надеждой мздовоздаяния поощрять себя к большим подвигам. Ведь надежда на награду возбуждает воина к борьбе, как говорит святой Иоанн Дамаскин о страстотерпцах: мученики Твои, Господи, утвердившись в вере и укрепивши себя надеждой, победили мучительство врагов и получили венцы[5436].

Вместо золота Христос Царь наш требует от нас самой драгоценной добродетели, нелицемерной любви к Богу и ближним. По своему высокому значению любовь всегда представляется Учителями Церкви под образом золота; ибо как золото драгоценнее серебра, меди и железа, так и любовь выше надежды и веры. «Ныне", сказано в Писании, «пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1Кор. 13:13)[5437]. Такого именно золота и желает от нас Господь и заповедует, чтобы мы молили Его нелицемерно, не только веруя сердцем и исповедуя устами, но на деле проявляя сию любовь. Мы должны быть готовыми подсадить за Него свои души и

принять смерть ради Его Божественной любви к нам. Притом мы должны любить и ближних своих, как учит возлюбленный Христов ученик Иоанн Богослов. «Дети Мои", – говорил он, – «станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1Ин. 3:18)[5438]. Такая любовь принимается для украшения Самим прекраснейшим, более чем сыны человеческие, Христом Богом нашим, как говорит Сама Божия Премудрость: украсилась и стала прекрасною пред Господом и людьми; это – единомыслие между братьями и любовь между ближними (Сир. 25:1–2)[5439].

Вот какой христианский индиктион празднует ныне, вместо древнего языческого, Православная Церковь, «совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется по образу Создавшего его» (Кол. 3:9–10). Будем же праздновать новолетие так, как советует нам апостол: в обновлении жизни ходим, чтобы, нам служить в «обновлении духа, а не по ветхой букве» (Рим. 7:6)[5440]. Будем праздновать индиктион, повинуясь повелениям Господа Бога нашего, данным через Моисея, в книгах которого ныне читается: «Если вы будете поступать по уставам Моим, и заповеди Мои будете хранить и исполнять их: то Я дам вам дожди в свое время, и земля даст произрастения свои, и пошлю мир на землю вашу и будете прогонять врагов ваших, и призрю на вас, и благословлю вас, и не возгнушается душа Моя вами, и буду ходить среди вас, и буду вашим Богом, а вы будете Моим народом» (Лев. 26:3–4, 6–7, 11, 12)[5441].

Тропарь индикта, глас 2:

Всея твари Содетелю, времена и лета во своей власти положивый, благослови венец лета благости Твоея Господи, сохраняя в мире императора, и град Твой, молитвами Богородицы, и спаси ны.

Кондак, глас 2:

В вышних живый Христе Царю, всех видимых и невидимых Творче и зиждителю, иже дни и нощи, времена и лета сотворивый, благослови ныне венец лета, соблюди и сохрани в мире православнаго императора, и град и люди Твоя, многомилостиве.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Симеона Столпника

Память 1 сентября

В стране Каппадокийской[5442], в селении Сисан, жили христиане Сусотион и Марфа. Бог благословил их супружество рождением сына, которого они нарекли Симеоном и, по обычаю христианскому, омыли банею крещения[5443]. Не в книжном научении, а в простоте и незлобии воспитывался этот отрок; но премудрость Божия часто вселяется и в простых людей и их избирает своим орудием, дабы посрамить мудрование века этого (1Кор. 15:21). Будущий пастырь словесных овец[5444] Симеон, когда ему исполнилось тринадцать лет от роду, стал пасти стада овец своего отца. Подобно Иакову, Моисею и Давиду, которые также пасли овец и удостоились Божественных откровений, был призван Богом и Симеон. Однажды, во время зимы, овцы несколько дней не выгонялись на пастбище, потому что выпало очень много снега[5445]. Будучи свободен от дела, блаженный отрок в воскресный день пошел с отцом и матерью в церковь. Внимательно слушал Симеон, что в церкви пели и читали, и услыхал Святое Евангелие, в котором назывались блаженными нищие, плачущие, кроткие и чистые сердцем[5446]. Он спросил стоявшего рядом с ним, честного старца, что означают эти слова. Наставленный Духом Божиим, старец стал объяснять Симеону и долго поучал его, указывая ему путь к нищете духовной, чистоте, любви Божией и к добродетельной жизни. Добрые семена поучений старца пали на добрую почву: ибо тотчас же в душе Симеона зародилось усердное стремление к Богу и возросло твердое желание идти тесным путем, ведущим к Нему (Лк. 13:24; Мф. 7:14). Он положил в уме своем – немедленно бросить все и стремиться только к тому, чего восхотел. Поклонившись честному старцу и благодарствуя за полезное научение, Симеон сказал ему:

– Ты для меня стал теперь отцом и матерью, учителем на благие дела и вождем к моему спасению.

Тотчас после этого Симеон вышел из церкви и, не заходя домой, уединился в месте, удобном для молитвы. Здесь он распростерся на земле крестообразно[5447] и с плачем молил Господа указать ему путь ко спасению. Долго лежал он так и молился:, наконец, уснул и во сне узрел такое видение. Снилось ему, что копает он ров для какого-то здания. И вот слышит он голос, говорящий: «копай глубже!» Стал он копать глубже; потом, думая, что уже довольно[5448], остановился, но опять услышал голос, повелевающий копать еще глубже. Снова стал он копать, и когда опять приостановился, в третий раз тот же голос побуждал его к тому же труду. Наконец он услыхал:

– Перестань. Теперь, если хочешь строить здание, созидай, но трудись усердно, ибо без труда ни в чем не успеешь.

Это чудное видение сбылось над самим Симеоном. В своем глубоком смирении он положил такое основание к совершенствованию себя и других, что его добродетели и подвиги, казалось, были выше человеческого естества[5449].

После этого видения Симеон встал и пошел в один из монастырей, находившихся в родной его стране. Игуменом[5450] этого монастыря был блаженный Тимофей. Симеон пал на землю пред монастырскими воротами и лежал семь дней, терпя голод и жажду. На восьмой день вышел из монастыря игумен и стал расспрашивать Симеона, откуда он, куда идет, как его зовут, не сделал ли он какого-либо зла и не убежал ли он от своих господ. Симеон же, упав в ноги игумену, с плачем говорил ему:

– Нет, отче, я не из таких; не сделал никому зла, а желаю послужить Богу со всем усердием. Смилуйся надо мною, грешным: повели мне войти в монастырь и быть всем слугой.

Провидев в нем Божие призвание, игумен взял его за руку и ввел в монастырь, говоря братии:

– Научите его житию иноческому и монастырским правилам и уставам.

Поселившись в монастыре, Симеон беспрекословно всем повиновался и служил. В короткое время он выучил наизусть всю Псалтирь. Будучи еще только восемнадцати лет от рождения, он был уже пострижен в иночество и вскоре

строгостью своего жития превзошел всех иноков того монастыря. Так одни из братии вкушали пищу только раз в день, вечером, иные – на третий день, он же не вкушал пищи целую неделю.

Родители Симеона искали его два года и не могли найти, так как Бог скрывал его. Много плакали они о своем сыне и так сильно скорбели, что отец его от печали умер. Симеон же, обретши себе отца в Боге, Ему предал всего себя от юности.

Пребывая в лавре[5451], блаженный Симеон пошел однажды к колодезю, чтобы почерпнуть воды. Взяв веревку от черпала[5452], очень жесткую, сплетенную из пальмовых ветвей[5453], он обвил ею себя по голому телу, начиная от бедер до шеи, так крепко, что веревка врезалась в тело. Прошло десять дней, и тело его загноилось от ран, а в ранах этих кипело множество червей. Братия стали жаловаться игумену:

– Откуда привел ты к нам человека этого? Невозможно его терпеть: смрад от него исходит. Никто не может стоять рядом с ним. Когда он ходит, черви падают с него: постель его также полна червями.

Удивился игумен, услыхав об этом; но, убедившись, что все ему сказанное справедливо, спросил Симеона:

– Скажи мне, чадо, почему от тебя исходит такой смрад?

Но Симеон, потупив свои взоры, стоял пред игуменом молча. Игумен разгневался и повелел силой стащить с Симеона верхнюю одежду. Тогда увидели, что бывшая на нем власяница[5454] вся в крови, а в тело врезалась глубоко до самых костей веревка. И игумен и все с ним бывшие пришли в ужас. С великим трудом едва могли снять с Симеона эту веревку, так как вместе с нею отрывалось и изгнившее тело. Симеон же, терпеливо перенося эти страдания, говорил:

– Отпустите меня, как пса смердящего: я заслужил эти страдания за грехи мои.

– Тебе только еще восемнадцать лет, – сказал ему игумен, – какие же твои грехи?

– Отче! – отвечал Симеон, – пророком сказано: Я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя (Пс. 50:7).

Услышав такой ответ, игумен изумился рассудительности Симеона и удивлялся, что такой простой юноша мог так глубоко проникнуться страхом Божиим. Он стал, однако, убеждать его, чтобы он не делал себе таких мучений.

– Нет никакой пользы, – говорил он, – начинать то, что выше сил: довольно для ученика, если он будет таким, каков его учитель (ср. Мф. 10:24).

Много времени прошло, пока зажили раны Симеона. Но когда Симеон выздоровел, игумен и братия снова заметили, что он, подобно прежнему, изнуряет свое тело. Тогда, боясь, как бы другие более немощные не стали подражать ему и не сделались сами виновниками своей смерти, игумен велел Симеону уйти из монастыря. Оставив монастырь, Симеон долго странствовал по пустыне и по горам, пока, наконец, не обрел безводный колодезь, в котором обитали гады. Спустившись в этот колодезь, Симеон стал там молиться Богу.

Спустя некоторое время после этого игумен увидел ночью видение, будто множество народа с оружием и свечами в руках окружили монастырь и восклицали:

– Где Симеон, раб Божий? Покажите нам того, кто так благоприятен Богу и Ангелам. Если же не покажешь нам его, то сожжем вас и весь ваш монастырь. Симеон выше вас всех и много чудес через него Бог сотворит на земле.

Воспрянув ото сна, игумен возвестил о своем страшном видении братии и поведал им, какой ужас претерпел он из-за Симеона. Повсюду разослал он искать Симеона и даже сам отправился на поиски. Взяв с собою некоторых из братии, игумен ходил по пустыне и по пещерам, разыскивая подвижника. Вскоре он встретил пастухов, пасущих стада овец, и, опросив их, узнал, что Симеон находится в пустом колодце. Поспешив к этому колодцу, игумен стал звать Симеона:

– Здесь ли ты, раб Божий?

– Оставьте меня, святые отцы, – отвечал Симеон, – только на малое время, пока не предам я дух свой: изнемогла душа моя, ибо прогневал я Господа.

Но иноки насильно извлекли его из колодца и привели в монастырь. Прожив здесь немного времени, блаженный Симеон

тайно ушел из монастыря и стал опять скитаться в горах и пустыне. Водимый Духом Божиим, он пришел на гору, находившуюся близ селения Таланиссы, и, найдя здесь высеченную в скале небольшую келью[5455], затворился в ней. В этой Келии пробыл он три года. Здесь он привел себе на память, как Моисей и Илия постились сорок дней (Исх. 24:18; 3Цар. 19:8), и пожелал испытать и себя таким же постом. В это время пришел в Таланиссу епископ той страны, по имени Васс, обходивший церкви по городам и селениям. Услыхав о блаженном Симеоне, епископ пришел и к нему. Симеон стал умолять его, чтобы тот запер двери его Келии на сорок дней, не давая ему никакой пищи. Но епископ не соглашался.

– Не подобает, – говорил он, – человеку убивать себя безмерным постом: ибо это скорее грех, чем добродетель.

– Тогда поставь мне, отче, – ответил ему преподобный, – только хлеб и воду, чтобы, если окажется необходимым, я мог немного подкрепить свое тело пищей.

Васс так и поступил: поставив в келье хлеб и воду, он загородил двери камнями и отправился в путь свой. Как только прошло сорок дней, он пришел опять к преподобному и, раскидав камни, отворил двери и вошел в келью. Здесь он увидел, что преподобный, как мертвый, лежит на земле, а хлеб и вода нетронутыми стоят там же, где были поставлены: великий постник даже и не прикоснулся к ним.

Взяв губку, Васс омыл и прохладил уста преподобного, и как только тот немного пришел в себя, причастил его Божественных Тайн. После этого Симеон подкрепил себя, приняв легкую пищу. О таком великом воздержании Симеона епископ поведал на пользу многим братиям. Преподобный же с этого времени стал так же поститься каждый год в св. Четыредесятницу, ничего не пил и не вкушал и проводил время в непрестанной молитве, двадцать дней стоя на ногах, а двадцать сидя от великого утомления.

Пробыв три года в своей тесной каменной келии, Симеон взошел на самую вершину горы. И чтобы не сходить отсюда, он взял железную цепь, длиной в двадцать локтей[5456], и одним концом ее оковал себе ноги, а другой конец приковал к горе. В

таком положении преподобный все время обращал свои взоры на небо, умом своим возносясь к Тому, Кто превыше небес.

Услышал о подвижнике и сам архипастырь Антиохийской церкви, блаженный Мелетий, и пришел посетить его. Увидев же, что Симеон прикован к горе, сказал:

– Человек может и без оков владеть собой; можно и не железом, а только разумом и волей привязать себя к одному месту.

Преподобный, услыхав это, поспешил воспользоваться преподанным наставлением и, желая быть добровольным узником Христовым, снял с себя оковы и одной волей связал себя, «помышление низлагая и всякое превозношение, восстающее против познания Божиего и пленяем всякое помышление в послушание Христу» (2Кор. 10:5).[5457]

Слава о святом подвижнике распространилась повсюду. И стали приходить к нему все – не только жившие окрест, но и из дальних стран, такие, которым для этого приходилось совершать продолжительный путь. Одни из них приводили к нему своих больных, другие просили исцеления больным, лежащим дома; иные сами были одержимы бедами и скорбями, иные терпели мучения от бесов. И никто из приходящих к преподобному не возвращался без утешения, но каждый получал просимое: кто – исцеление, кто – утешение, иной – полезное наставление, другой – иную какую-либо помощь. Все возвращались в дома свои с радостью, славя Бога. Преподобный же, если кто получал по его молитвам исцеление, всегда говорил:

– Прославляй Господа, даровавшего тебе исцеление, и отнюдь не дерзай говорить, что тебя исцелил Симеон – чтобы не случилось с тобой большее бедствие.

Как реки, стекались к Симеону различные народы и племена: приходили к нему из Аравии и Персии, из Армении и Иберии[5458], из Италии, Испании и Британии. Так прославил Бог прославлявшего Его. Когда же собралось к Симеону такое множество народа и все старались прикоснуться к нему, принимая от него благословение, блаженный стал тяготиться таким почитанием и беспокойством. И изобрел он небывалый

способ избавиться от суеты людской: для того, чтобы приходящие не могли касаться его, умыслил он построить столп и стоять на нем. Поставив такой столп, он устроил на нем тесное жилье в два локтя, и стал здесь проводить жизнь свою в посте и молитвах. И был он первый столпник. Столп имел в высоту шесть локтей, и святой Симеон простоял на нем несколько лет. После высота столпа доведена была до двадцати локтей, а затем – и до тридцати шести. Так преподобный, столпами различной высоты, как лестницами, восходил к небесной стране, претерпевая страдания, летом мочимый дождем и палимый зноем, а зимой терпя стужу; пищей его было моченое сочиво[5459], а питьем – вода. Вокруг столпа его вскоре были устроены две каменные ограды[5460].

О такой жизни Симеона услыхали святые отцы, жившие в пустынях, и удивлялись его необычайным подвигам: ибо никто еще не изобретал себе такого жития, чтобы стоять на столпе. Желая же испытать его, послали сказать ему:

– Отчего не идешь ты путем отцов наших, но изобрел другой – новый? Сойди со столпа и последуй житию древних пустынников.

При этом научили посланных, чтобы они, если Симеон не послушается, силой заставили его сойти со столпа; если же послушает и пожелает сойти, то оставить его так стоять, как начал: ибо тогда, сказали они, ясно будет, что новый образ жития его – от Бога. Когда посланные пришли к Симеону и возвестили решение собора святых отцов-пустынников, то он тотчас ступил ногою на лестницу, желая сойти вниз.

Видя это, посланные закричали:

– Нет, не сходи, святой отче, но пребывай на столпе: теперь мы знаем, что начатое тобой дело – от Бога. Да будет же Он тебе помощником до конца.

Пришел к Симеону и Домн[5461], патриарх Антиохийский, преемник святого Мелетия и, видев его житие, дивился и долго беседовал с ним о том, что полезно для души. Затем патриарх совершил богослужение, и оба они причастились Божественных Таин.

После этого патриарх возвратился в Антиохию; преподобный же предался еще большим подвигам, вооружаясь на невидимого супостата. Тогда диавол, ненавистник всякого добра, принял вид светлого Ангела и показался святому вблизи столпа на огненной колеснице с огненными конями, как бы сходящим с неба и говорил:

– Слушай, Симеон! Бог неба и земли послал меня к тебе, как видишь, с колесницей и конями, чтобы взял я тебя, подобно Илие, на небо (4Цар. 2:11); ибо ты достоин такой чести за святость жития твоего, и пришел уже тебе час вкусить плоды трудов своих и принять венец похвалы от руки Господней. Поспеши же, раб Господень, узреть Творца своего и поклониться Тому, Кто создал тебя по образу Своему; желают и тебя увидеть Ангелы и Архангелы с пророками, апостолами и мучениками.

Святой не распознал вражеского прельщения и сказал:

– Господи! Меня ли, грешника, хочешь взять на небо?

И поднял Симеон правую ногу, чтобы ступить на огненную колесницу, но вместе с тем осенил себя крестным знамением. Тогда диавол с колесницей исчез, как пыль, сметенная ветром. А Симеон познал бесовское прельщение, раскаялся и ногу свою, которой хотел ступить на бесовскую колесницу, казнил тем, что стоял на одной той ноге целый год.

Диавол, не терпя такого подвига, поразил ногу преподобного лютой язвой, и загнило на ноге тело, появилось множество червей, и по столпу на землю сочился из раны гной с червями. Один юноша по имени Антоний[5462], собирал червей, падающих на землю, и, по повелению святого страдальца, опять носил их к нему на столп. Святой же, перенося болезнь с великим терпением, как второй Иов, прикладывал червей к ране, говоря: «ешьте, что вам Бог послал».

В то время князь сарацинский[5463] Василик, много наслышавшись о святом Симеоне, пришел к нему и, побеседовав с ним, получил великую пользу и уверовал во Христа. Увидев же червя, упавшего на землю из раны святого, князь взял его в руку и отошел. Преподобный воротил его и сказал:

– Зачем взял ты в честные руки твои червя смрадного, упавшего с моего сгнившего тела?

Василик же, разогнув руку, нашел в ней драгоценную жемчужину и сказал:

– Это не червь, а жемчуг.

– По вере твоей было тебе это, – сказал преподобный.

И сарацин, приняв от него благословение, отошел восвояси.

Прошло много лет, и мать преподобного, Марфа, узнав о сыне, пришла повидаться с ним и, остановившись у входа в ограду, сильно плакала. Но Симеон не пожелал видеться с ней и послал к ней сказать:

– Не тревожь теперь меня, мать моя, – если заслужим, на том свете увидимся.

Она же еще сильнее возжелала видеть его; и снова послал к ней блаженный, умоляя ее немного подождать в молчании.

Она легла перед дверью ограды и здесь предала дух свой Господу. Св. Симеон узнал тотчас же о ее кончине и велел принести тело ее к столпу. Увидев мать, он со слезами стал молиться о ней. Во время его молитвы в теле святой Марфы заметны были движения, а на лице появилась улыбка. Все видевшие это удивлялись, славя Бога. Ее похоронили у столпа, и святой поминал свою мать на молитве всякий день дважды. Вскоре затем опять переменили святому столп и устроили ему новый в сорок локтей. На этом столпе преподобный стоял до самой своей блаженной кончины.

Поблизости от места, на котором проводил дивное житие свое преподобный, не было воды – ее приносили издалека, от чего сильно страдали приходящие к преподобному и их животные. Преподобный, видя эти страдания от недостатка воды, помолился прилежно Богу, чтобы Он послал воду, как некогда жаждущему Израилю в пустыне (Чис. 20:2–10). И вот около десятого часа дня внезапно потряслась земля и расселась по восточную сторону ограды, где открылась как бы пещера, в которой сверх всякого ожидания оказалось много воды. Святой повелел еще раскопать то место на семь локтей кругом, и вода потекла оттуда в изобилии.

Одна женщина, почувствовав ночью жажду, проглотила вместе с водою маленькую змейку. Змейка эта стала расти в чреве женщины и сделалась большою. Женщина с виду стала зеленая, как трава, и многие врачи лечили ее, но не могли исцелить. Привели ее к святому Симеону. Блаженный сказал: «напоите ее здешнею водою». И когда женщина стала пить, из нее вышла большая змея; приползши же к столпу, змея распалась тотчас на части.

Некоторые люди, издалека шедшие к преподобному, спасаясь от зноя, остановились под деревом, чтобы немного отдохнуть. Сидя там в тени, увидели они шедшую мимо беременную оленицу и закричали ей:

– Молитвами святого Симеона заклинаем тебя, постой немного!

И совершилось дивное чудо: оленица остановилась. Так даже звери именем святого становились кроткими и послушными! Схватив оленицу, путники убили ее, сняли с нее кожу и приготовили себе кушанье из ее мяса. Но только лишь стали есть, внезапно пораженные гневом Божиим, потеряли голос человеческий и начали кричать, как олени. Бегом прибежали они к святому Симеону, неся с собой кожу оленицы, как обличение греха своего. Пробыли они у столпа два года и едва могли исцелиться и заговорить по-человечески; а кожу оленицы повесили на столпе во свидетельство о случившемся.

На той самой горе, где подвизался святой Симеон, невдалеке от столпа поселился страшный змей, из-за которого даже трава не росла на месте том. Однажды в правый глаз змея вонзился сук, величиною около локтя, и причинял змею сильную боль. Тогда змей приполз к столпу преподобного и, лежа пред дверьми ограды, весь перегибался, как бы выказывая смирение и прося милости у святого Симеона. И когда святой воззрел на него, тотчас сук выпал из глаза, и пробыл змей там три дня, лежа пред дверьми, как овца. Все безбоязненно приходили и уходили без всякого вреда от него. Когда же глаз совершенно исцелился, змей ушел в свое логовище. И все смотрели и удивлялись чуду тому предивному.

В стране той жил пард[5464], зверь большой и весьма страшный, пожирающий и людей и скот. Никто не осмеливался проходить мимо того места, где поселился зверь – и много бед творил он по окрестностям. О нем возвестили преподобному. Он повелел взять земли от ограды своей и воды оттуда же и, обошедши вокруг того места, где был зверь, издалека посыпать и покропить. И сделали так, как повелел святой. Спустя немного времени, видя, что зверь нигде не появляется, пошли поискать и нашли его мертвым, лежащим на той самой земле, которая была взята от ограды преподобного. И все прославили Бога.

Вскоре и другой зверь, лютее первого, явился в той стране, зверь словесный. Это был разбойник из Антиохии[5465], именем Ионафан. Много народу он убивал на дорогах и в домах, воровски и неожиданно нападая на селения и пригороды. Никто не мог его изловить, хотя и многие подстерегали его на дороге; он был весьма силен и храбр, так что никому не под силу было устоять против него. Когда же заволновалась Антиохия и посланы были воины взять его, разбойник, не имея возможности скрыться от многочисленной погони, прибежал в ограду преподобного Симеона. Ухватившись за столп, как блудница за Христовы ноги (Лк. 7:37–38), он горько плакал.

И воззвал к нему с высоты столпа святой:

– Кто ты, откуда и зачем пришел сюда?

Тот отвечал:

– Я – Ионафан разбойник, сотворивший много всякого зла, и пришел сюда каяться во грехах моих.

Когда он говорил это, прибежали воины из Антиохии и стали кричать преподобному:

– Дай нам, отче, врага нашего, разбойника, ибо уже и звери приготовлены в городе, чтобы растерзать его![5466]

Но блаженный Симеон сказал им:

– Детки мои! Не я его сюда привел, а Бог, желающий его покаяния, направил его ко мне; если можете войти внутрь, берите его, я же не могу его к вам вывести, ибо боюсь Того, Кто послал его ко мне.

Услышав это и не смея не только войти в ограду, но даже хоть слово вымолвить против святого, воины со страхом

возвратились и рассказали обо всем в Антиохии.

Разбойник же пробыл семь дней при столпе и плакал плачем великим, припадая с молитвою к Богу и исповедуя грехи свои. Все бывшие там, видя его покаяние и плач, сами умилились. По прошествии же семи дней разбойник воззвал к святому:

– Отче! Не повелишь ли мне отойти?

– Не опять ли на злые твои дела возвращаешься? – сказал ему святой отец.

– Нет, отче, – отвечал тот, – время мое приспело.

И так беседуя с ним, предал дух свой Богу. Когда же ученики святого Симеона хотели тело разбойника предать погребению при ограде, пришли из Антиохии воинские начальники и начали кричать:

– Дай нам, отче, врага нашего, из-за которого весь город пришел в смятение.

Но преподобный отвечал:

– Тот, Кто его ко мне привел, со множеством воинов небесных пришел и взял его, очищенного покаянием, к Себе; итак, не докучайте мне.

Увидев преставившегося разбойника, начальники пришли в ужас и восхвалили Бога, не хотящего смерти грешника. Возвратившись в город, они возвестили о том, что слышали от преподобного и что видели.

Стоя на столпе, как свеча на свещнике, преподобный отец наш Симеон явился светом для мира, просвещая народы, пребывавшие во тьме идолослужения, и наставляя их к свету познания истинного Бога. Слава дивной благодати Божией, действовавшей в нем! Стоя на одном месте, подвижник привел к вере столь многих, как если бы проходил всю вселенную, уча и проповедуя. Ибо, как солнце, испускал он лучи добродетельного жития своего и сладкоглаголивого учения и просвещал окрестные страны. При его столпе можно было видеть персов и армян, принимавших святое крещение; измаильтяне же[5467] приходили толпами – по двести, по триста, а иногда и по тысяче человек; с криком отвергались они от заблуждений отцов своих и принося к столпу идолов, которых

они с древних лет почитали и которым поклонялись, сокрушали их при столпе и попирали ногами; и приняв закон истинной веры от медоточивого языка преподобного и сподобившись причащения Божественных Таин, возвращались с радостью великой, просвещенные светом святого Евангелия.

Один сарацинский военачальник, которого сродник был расслаблен, молил святого подать этому больному исцеление. Святой повелел принести его к столпу и спросил:

– Отрицаешься ли злочестия отцов твоих?

Он сказал:

– Отрицаюсь.

И опять спросил святой:

– Веруешь ли во Отца и Сына и Святого Духа?

Расслабленный исповедал, что верует без всяких сомнений.

Тогда святой сказал: «Восстань», – и тотчас юноша встал здоровый, как будто не имел никакой болезни. А чтобы яснее показать его выздоровление, блаженный повелел юноше тому взять на плечи к себе самого военачальника, тучного телом, и нести в его лагерь, что тот и сделал, вскинув его на плечи, как сноп. Видя сие, все воздали хвалу Богу, творящему дивные чудеса через святого Своего.

Имел преподобный и дар пророчества, ибо предсказал за два года засуху и голод, и моровое поветрие, а также сказал, что через тридцать дней налетит саранча, и все это сбылось. Однажды в видении видел он два жезла, спускающиеся с неба, причем один из них упал на восток, другой же – на запад. Об этом видении рассказал преподобный находившимся при нем и пророчествовал, что персы и скифы[5468] восстанут на греческую и римскую область. И многими слезами и непрестанной молитвой преподобный умилостивлял Бога, чтобы отвратил Он Свой гнев праведный и не попустил казни той на христиан. И умолил Бога о сем: ибо все персидское войско, уже готовое на брань, по Божию изволению замедлило выступить в поход, и так как у персов начались междоусобные распри, то они отказались от своего намерения.

Однажды преподобному сделалось известно, что император Феодосий Младший[5469] возвратил иудеям

молитвенный дом, который был отдан христианам. Тотчас послал он письмо к царю и, не стесняясь лицом царским, грозил ему гневом Божиим. Прочитав письмо, царь убоялся, – опять повелел христианам принять молитвенный дом, градоначальника, советовавшего возвратить церковь иудеям, низложил с градоначальства и послал от себя моление к преподобному, прося, чтобы он простил и сотворил о нём молитву к Богу. Супругу того же царя, царицу Евдокию, по смерти мужа своего впадшую в евтихианскую ересь[5470], преподобный увещал своими письмами и в течение четырех месяцев снова обратил ее к благочестию. По обращении своем, проживши еще четыре года в покаянии, она сподобилась блаженной кончины в Иерусалиме и была погребена в церкви св. первомученика Стефана, ею же созданной. Принявший после Феодосия Младшего царство Маркиан[5471] часто посещал тайно преподобного и получал от него многую пользу.

Царица персидская, наслышавшись о чудесах и святости преподобного Симеона, послала к нему просить благословения и получила от него благословенный елей, который почитала за великий дар и хранила с честью.

Царица измаильтян, будучи неплодною, послала к преподобному, прося помолиться за нее и надеясь, что по его святым молитвам она станет матерью. Так и случилось: ибо вскоре разрешилось бесплодие ее, и она родила сына. Взявши младенца, царица отправилась в путь к преподобному. Но услышав, что женщинам нельзя видеть преподобного, ибо он даже и мать свою не допустил прийти к нему, послала сына на руках рабов своих, приказав сказать:

– Вот, отче, плод святых твоих молитв, благослови же этого младенца.

Что сказать о непостижимых подвигах преподобного? Выразить их невозможно, ибо они превосходят силы человеческие.

– Я, – говорит блаженный Феодорит, – прежде всего удивляюсь его терпению: ночью и днем стоит он так, что всем его видно. Случилось раз, что дверцы и немалая часть верхней стены развалились от ветхости, и доколе стена и дверцы не

были сделаны вновь, святой был зрим всеми немалое время. Тогда увидели новое и удивительное зрелище: иногда он стоял подолгу неподвижный, иногда же приносил молитвы Богу, творя частые поклоны. Некто из стоявших при столпе рассказывал, что он хотел сосчитать поклоны, которые полагал подвижник не переставая, и, насчитав тысячу двести сорок четыре, выбился из сил и, будучи не в состоянии смотреть на высоту столпную, перестал считать. Святой, однако, не изнемог от поклонов, но принимая однажды в неделю пищу, и то весьма малую и легкую, сделался легким и способным к частым поклонам. От долгого же стояния открылась у него и на другой ноге язва не заживавшая, и много крови истекло из нее. Но и это страдание не могло отвлечь его от богомыслия.

Все доблестно претерпел добровольный мученик, но принужден был показать свою язву. Один священник из Аравии, человек добрый и богодухновенный, пришел к нему и стал говорить:

– Спрашиваю тебя во имя Самой Истины, привлекшей к Себе род человеческий, скажи мне: человек ты или существо бестелесное?

– Зачем ты об этом спрашиваешь меня? – сказал ему преподобный.

– Слышал я о тебе, – отвечал священник, – что ты не ешь, не пьешь, не спишь: но это несвойственно человеку, и не может жить человек без пищи, питья и сна.

И повелел преподобный священнику взойти к себе на столп и допустил видеть и осязать язву, покрытую гноем и червями. Священник, увидев язву и услыхав о преподобном, что он вкушает пищу только однажды в неделю, удивился терпению и подвигу святого.

При таких подвигах, творя столько чудес и проводя столь добродетельное житие, преподобный был кроток и смиренен, как будто был ниже и непотребнее всех людей. Для всех лицо его было одинаково светло и слово любовно, – как для вельможи, так и для раба, как для богатого, так и для убогого и для самого последнего изверга: ибо не было у него лицеприятия. И все не могли насытиться – и созерцанием

святолепного лица его, и сладкоглаголивой беседой его, ибо уста его были исполнены благодати Святого Духа. Имея дар премудрости, всякий день наполнял он сердца слушавших рекой учения, и многие, наставляемые его учением, оставляли все земное и, как птицы, возносились горе, – одни уходя в монастыри, другие – в пустыни, а иные – оставаясь жить при нем.

Повседневный устав жития преподобного был таков. Всю ночь и день до девятого часа стоял он на молитве, после же девятого часа говорил поучение собравшимся у столпа; затем выслушивал нужды и прошения всякого пришедшего к нему и исцелял болящих. Потом укрощал свары и споры людские и восстановлял мир; наконец, по заходе солнца, опять обращался к молитве. Неся такие труды, не переставал он заботиться о мире церковном, разоряя языческое безбожие, опровергая иудейские хулы, искореняя еретические учения; царей же и князей и всякие власти своими мудрыми и полезными письмами направлял к страху Божиему, к милосердию и любви и возбуждал к охранению церкви Божией и много поучал всех душеполезному. Так проводя дивное житие, которое казалось невыносимым для естества человеческого, приблизился он уже к кончине своей, имея от роду более ста лет. На столпе стоял он, как пишут люди, вполне достойные веры, восемьдесят лет. Он вполне усовершенствовался в добродетелях – это был земной Ангел и небесный человек.

О блаженной кончине преподобного так повествует ученик его Антоний.

«В один день, – говорит он, – именно в пятницу, после девятого часа, когда мы ожидали от него обычного поучения и благословения, не призрел он на нас со столпа; также и в субботу, и в день воскресный не преподал нам по обычаю свое отеческое слово. И устрашился я, и взошел на столп, и вижу, – стоит преподобный с главою, поникшею долу, как на молитве, а руки – сложены на груди. Думая, что он творит молитву, стоял я молча, а затем, ставши пред ним, сказал:

– Отче! Благослови нас, ибо народ, вот уже три дня и три ночи окружает столп, ожидая от тебя благословения. Он же не

ответил мне. И опять говорил я ему:

– Зачем, отче, не отвечаешь сыну твоему, сущему в печали? Ужели чем-нибудь оскорбил я тебя? Простри же мне руку твою, чтобы мог я облобызать ее.

Но ответа не было. Простоявши пред ним с полчаса, усомнился я и подумал: не отошел ли он уже к Господу? Приклонил я ухо к нему, и не слышно было дыхания, только сильное благоухание, как бы от различных благовонных ароматов, исходило от тела его.

Тогда, уразумев, что почил он о Господе, – я восскорбел и плакал горько. И приступив к нему, я положил и спрятал мощи его, и целовал очи его, браду, уста и руки, говоря:

– На кого оставляешь меня, отче? Где услышу сладкие поучения твои? Где насыщусь Ангельской беседой твоей? Или какой дам ответ о тебе народу, ожидающему твоего благословения? Что скажу больным, которые придут сюда, прося исцеления? И кто, увидев столп твой не занятым, не имеющим на себе тебя светильником, не всплачется? И когда многие издалека придут сюда, ища тебя, и не найдут, – не возрыдают ли они? Горе мне! Ныне тебя вижу, а завтра – пойду ли направо, или налево, – не обрящу тебя!

Плача так над ним, в горести душевной я задремал, и вот явился преподобный, как солнце, говоря:

– Не оставлю я столпа, ни места, ни горы этой благословенной. Сойди и подай благословение народу, ибо я уже почил. Так восхотел Господь; и не рассказывай им, чтобы не было молвы, но пошли скорее весть обо мне в Антиохию. Тебе же подобает послужить на этом месте, и воздаст тебе Господь по труду твоему.

И пробудился я от сна, и в трепете сказал: «не забывай меня, отче, во святом твоем покое», – и пал на ноги его, и лобызал святые стопы его, и, взяв его руку, положил на очи свои, говоря: «благослови меня, отче», – и опять горько плакал. Затем восстав, отер я слезы, чтобы не узнал кто-нибудь о случившемся, сошел и тайно послал верного брата в Антиохию к патриарху Мартирию[5472] с вестью о преставлении преподобного. И скоро прибыл патриарх с тремя епископами, а

также и градоначальник со своими войсками, и множество народа не только из Антиохии, но и из всех окрестных городов и селений, и из монастырей иноки со свечами и кадилами, и многое множество сарацин вскоре стеклись, как реки, ибо весть о смерти преподобного прошла повсюду, как ветром несомая. И взошел патриарх с епископами на столп, и, взявши честные мощи, снесли вниз и положили при столпе. И плакал весь народ; даже птицы во множестве, на виду у всех, с криком летали вокруг столпа, как бы плача о кончине такого светильника миру. Всенародный плач слышен был на семь стадий[5473] и окрестные горы, поля и деревья, казалось, будто сетовали и плакали вместе с людьми, ибо всюду воздух был мрачен и носились темные облака. Я же видел явившегося при святых мощах Ангела, и было лицо его, как молния, а одежды – как снег, и с ним – семь старцев беседующих; слышал и голос их, но что говорилось – не уразумел, ибо страх и ужас объял меня».

В тот день, когда преставился преподобный Симеон, ученик его и подражатель святого его жития, преподобный Даниил, – незадолго до того времени, когда он при устье Черного моря, близ Царьграда намеревался также взойти на столп, – видел с той стороны, где был столп преподобного Симеона, множество воинств небесных, восходящих от земли на небо и посреди них возносящуюся радостную душу святого Симеона. И не только преподобный Даниил, но и блаженный Авксентий, из пустыни вызванный на Халкидонский собор[5474], видел то же, находясь тогда в Вифании[5475].

Когда же возложены были честные мощи святого Симеона на приготовленные носилки, патриарх простер руку, желая взять на благословенную память немного волос от брады святого, и тотчас высохла рука его. И только после усердной молитвы всех о нем Богу и угоднику Божиему рука патриарха сделалась здоровой. Взяв честные мощи святого Симеона, с пением псалмов понесли их в Антиохию, и вышел весь город навстречу. Был же там человек немой и глухой около сорока лет. Как только он увидал святое тело преподобного, тотчас же разрешились узы слуха и языка его, и он, пав пред святыми

мощами, воскликнул: «На благо пришел ты, раб Божий, ибо вот пришествие твое исцелило меня».

Жители Антиохии, приняв тело святого, дражайшее золота и серебра, понесли его в великую патриаршую церковь[5476], и много чудес и исцелений было при гробе его. Через несколько лет была создана церковь во имя преподобного Симеона Столпника и туда перенесли святые мощи его.

Преставился преподобный в царствование Льва Великого[5477], в 4-й год этого царствования. Это был 460-й год по Р. Х. Царь Лев послал к антиохийцам, прося, чтобы они отдали мощи преподобного для перенесения в Царьград; но они, не желая лишиться такого заступника, сказали посланникам царевым:

– Так как град наш стен каменных не имеет, ибо они пали, частью разоренные царским гневом, частью же сокрушенные великим землетрясением[5478], то для того-то и внесли мы святое тело Симеоново, чтобы было оно нам стеной и защитой[5479].

На месте же том, где был столп преподобного Симеона, создана была во имя его прекрасная крестообразная церковь и устроен большой монастырь[5480]. И исполнил преподобный обещание свое, которое изрек Антонию ученику в видении, именно – что он не оставит своего места: ибо чудеса и исцеления больных там не оскудевали. А в день памяти его всякий год являлась великая звезда над столпом и озаряла всю страну. О явлении звезды той свидетельствуют многие писатели исторические, особенно же Евагрий Схоластик[5481], видевший ее своими очами. Тот же Евагрий пишет, что это святое место было недоступно для женщин, и всячески оберегали, чтобы не дерзала нога женская коснуться порога, войти за который даже матери преподобного не было дозволено. Рассказывают, что одна женщина оделась по-мужски, чтобы не узнанною войти в церковь святого Симеона, и когда коснулась порога церковного, тотчас упала навзничь мертвая. Если же туда и приходили женщины, как пишет Никифор[5482], то они все-таки не осмеливались приближаться к ограде, а стояли поодаль и творили молитвы свои, взирая на столп.

И все приходившие с верою не лишались благодати преподобного, но получали помощь и различные исцеления и возвращались с радостью, благодаря Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же честь и слава и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово из Луга[5483]

о Мине диаконе, который ушел в мир, сложив с себя иноческий образ, и снова через святого Симеона облекся в него и спасся

Поведал нам Георгий Раифский[5484] об одном брате, бывшем там диаконом, по имени Мина:

«Он вышел из монастыря, и – что с ним приключилось, не знаю, – но только он оставил чин монашеский и стал простецом (мирянином). По прошествии же многих дней шел он во град Божий Антиохию и, когда миновал Селевкию[5485], увидал издалека монастырь преподобного Симеона Столпника и сказал про себя: «пойду, посмотрю великого Симеона, ибо никогда я его не видал». Когда он подходил к столпу и приблизился настолько, что увидал его святой, Симеон узнал от Бога, что Мина был монахом и проходил диаконскую службу, и, позвав служащего ему, сказал:

– Принеси мне ножницы сюда.

Служащий принес. Симеон сказал ему:

– Благословен Господь, постриги этого, – и указал на Мину своим перстом, а около столпа стояли многие.

Мина, изумленный словами святого и страхом великим объятый, нисколько не прекословил, уразумев, что Бог открыл старцу о нем. По пострижении же его сказал ему великий Симеон: «сотвори молитву, диаконе», и когда он сотворил молитву, сказал ему святой: «иди в Раифу, откуда ты вышел».

Когда же тот стал говорить: «не могу я стерпеть срама от отцов», – сказал ему Симеон:

– Имей мне веру, чадо, – в том, что было сейчас, нет тебе никакого срама, и отцы с миром примут тебя, и радость будет у них и веселье от твоего возвращения. И знай, что Бог покажет на тебе знамение, по которому узнаешь, что простил Он тебе грех твой, ибо неизреченна Его благодать.

Когда пришел он в Раифу, отцы приняли его с распростертыми объятиями и оставили его в чине диаконском. В один же день воскресный, когда нес он животворящую кровь Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, – внезапно вытек у него глаз. И из этого знамения уразумели отцы, что простил ему Господь грех, по слову святого Симеона[5486].

Чудо, совершенное святым Симеоном над пресвитером

Некий пресвитер сидел как-то в притворе церковном и читал Святое Евангелие. И вот злой дух пришел к нему в образе облака темного и мрачного и, как клобук, обвил его голову; и погас для него свет, и разум у него отнялся, и расслабли все кости его и не мог он говорить. Вошедшие нашли его лежащим замертво; и пробыл он в той болезни девять лет, и не мог повернуться на другой бок, если кто-нибудь не помогал ему. Домашние его, слышав о святом Симеоне, пошли к святому, неся болящего на постели, и, не дошедши трех поприщ до монастыря, остановились там на отдых. И святому Симеону, стоявшему на молитве, открыто было о пресвитере. В полночь призвал святой одного из учеников своих и сказал ему:

– Возьми отсюда воды и ступай скорей; ты найдешь одного пресвитера, носимого на постели, покропи его водою этой и скажи ему: «Говорит тебе грешный Симеон: во имя Господа нашего Иисуса Христа встань и оставь постель твою и приходи ко мне на своих ногах».

Ученик пошел и сделал по слову святого. И встал пресвитер совсем здоровый и, пришедши, повергся пред святым.

Святой сказал ему:

– Встань, не бойся! Хотя и причинял тебе печаль диавол девять лет, но человеколюбие Божие не оставило тебя до конца погибнуть. За то, что ты без страха Божия и даже оскорбительно для святыни вел себя во святом алтаре и ранее открытия истины слушал клеветников, осуждающих тайно ближних своих, и без вины оскорблял тех, на кого клеветали, отлучая их от причастия Св. Тайн, и, творя это, немало огорчал Человеколюбца Бога, а диавола очень радовал, – за то над тобою и получил силу диавол. Но человеколюбие и милости

Божии умножились над тобой. Тех, кого ты опечалил отлучением, найдешь ты сильно больными: они молятся за тебя, для того чтобы ты, выздоровев, простил их; и как сотворил Бог милость тебе, так и ты сотвори милость им, и, взявши земли отсюда, посыпь на них.

И пошел пресвитер с радостью, благодаря Бога, и сделал, как повелел ему святой. И тотчас исцелились и те, славя Бога[5487].

Тропарь, глас 1:

Терпения столп был еси, ревновавый праотцем преподобне, Иову во страстех, Иосифу во искушениих, и безплотных жительству, сый в телеси, Симеоне отче наш: моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Вышних ищяй, вышним совокупляйся, и колесницу огненную столп соделавый: тем собеседник Ангелом был еси преподобне, с ними Христу Богу моляся непрестанно о всех нас.

Память праведного Иисуса Навина

Память 1 сентября

Иисус Навин был после Моисея вождем народа еврейского. Он со всем народом перешел по суху реку Иордан, подобно тому, как Моисей Чермное море (Нав. 3:14–17; Исх. 14:1–31). Он видел лицом к лицу воеводу небесных сил Архистратига Михаила (Нав. 5:13–16), и звуком труб разрушил стены города Иерихона (Нав. 6:1–26)[5488]. Во время одного сражения с неприятелем он остановил солнце до тех пор, пока совершенно не разбил врагов своих (Нав. 10:12–14)[5489]. Введя народ в землю обетованную, Иисус Навин разделил ее между евреями по жребиям и мирно скончался 110 лет от роду[5490].

Воспоминание собора Пресвятой Богородицы, что в Миасинской обители

Память 1 сентября

В то время, как ересь иконоборцев[5491], при содействии царя Льва Исавра[5492], который был сам первым иконоборцем, весьма усилилась на востоке, чудотворная икона Пресвятой Девы Богородицы, находившаяся в Миасинской обители, была брошена в Азурово озеро. Где именно находилась Миасинская обитель, об этом сообщается в житии святого Акакия, епископа Мелитинского. В этом житии мы читаем следующее. «В расстоянии 18 поприщ[5493] от армянского города Мелитины[5494] было одно местечко греческое по имени Миасины. Это была весьма красивая, ровная и широкая долина между двумя холмами, тянущимися по обеим сторонам на далекое пространство. Среди этой долины протекала по направлению к востоку быстрая и чистая река Азур, наполнявшая всю долину вокруг себя озерами. Здесь, на особенно красивом месте, стояло идольское капище и сад из деревьев с прекрасными плодами. В этом саду приносились скверные идольские жертвы. Святой епископ Акакий очистил это место от идольских скверн и соорудил здесь церковь во имя Пречистой Девы Богородицы. Освятив новопостроенную церковь, святой Акакий сделал то место, где прежде обитали бесы, жилищем святых Ангелов. Там, где прежде приносились кровавые жертвы в честь диавола, стала приноситься чистая Бескровная Жертва истинному Богу и совершались чудеса от иконы Пречистой Богоматери». Ясно таким образом что обитель, по месту названная Миасинской, была устроена при упомянутой церкви Пресвятой Богородицы. Прошло много лет с тех пор как образ Божией Матери был брошен иконоборцами в озеро. В царствование благоверного царя Михаила и матери его Феодоры[5495] икона поднялась на верх озера и была обретена верующими в 1-й день месяца сентября, нисколько не поврежденная от столь долгого пребывания в воде. Ради такого чудесного события в той обители совершалось ежегодное

празднование в честь и прославление Пренепорочной Владычицы нашей Пречистой Девы Богородицы[5496].

Тропарь, глас 1:

Радуйся, Обрадованная Богородице Дево, пристанище и предстательство рода человеческаго, из Тебе бо воплотися Избавитель мира: едина бо еси Мати и Дева, Присноблагословенная и Препрославленная. Моли Христа Бога, мир даровати всей вселенней.

Память святых 40 дев постниц и Аммуна, учителя их

Память 1 сентября

Эти святые девы[5497] происходили из Адрианополя Македонского[5498] и, просвещенные диаконом Аммуном, уверовали во Христа. Вавд, правитель того города, потребовал их к себе на суд и предал их многим мучениям, чтобы принудить их поклониться идолам. Они помолились Богу, и вдруг идольский жрец невидимой силой поднят был на воздух и, пробыв долгое время, упал на землю и умер. После этого мучитель велел повесить святого Аммуна и строгать его по ребрам; затем на голову его надели раскаленный шлем, но святой мученик был чудесно избавлен от него. Тогда послали святого Аммуна со святыми девами в Ираклию[5499], к другому мучителю. По его приказанию десять из них были брошены в огонь, восемь были, вместе со своим учителем, усечены мечом; некоторые скончались, пораженные мечом в уста и в сердце; шесть из них были заколоты ножом; а прочие шесть отошли к Господу, после того как им вложили в уста раскаленное железо.

Память святых мучеников Каллисты и родных ее братьев Евода и Ермогена

Память 1 сентября

Эти святые мученики[5500], получив духовное возрождение в таинстве св. крещения, обвинены были перед языческим правителем в том, что они христиане. Видя, что они непоколебимы в исповедании Христа, правитель этот осудил их на усечение мечом, и они, совершив свой мученический подвиг, отошли к Господу.

Житие и страдание святого мученика Маманта

Память 2 сентября

Святой мученик Христов Мамант родился в Пафлагонии[5501]. Родители его – Феодот и Руффина – были люди знатные: оба они происходили из рода патрициев[5502], были в чести, богаты и сияли благочестием. Они не могли долго скрывать в себе своей веры во Христа и горячей любви к Нему, открыто пред всеми исповедали свое благочестие и многих обратили ко Христу. Поэтому на них донесли Александру, наместнику города Гангры[5503]. Наместнику же сему дано было от царя повеление – всевозможными мерами распространять и утверждать почитание языческих богов, христиан же и всех, кто не повинуется сему царскому повелению, мучить и убивать.

Призвав Феодота к себе на суд, Александр стал принуждать его принести жертву идолам. Но Феодот даже и слышать не хотел того, что говорил ему наместник. Александр, хотя и готов был тотчас же предать на мучение ослушника, однако, удержался от сего, вследствие знатного происхождения Феодота; ибо не имел он права бесчестить и мучить потомков патрициев, без особого на то царского дозволения. Поэтому Александр отослал Феодота в Кесарию Каппадокийскую[5504], к правителю Фавсту. Сей же правитель насколько был усерден в своем безбожном нечестии, настолько был жесток в отношении к христианам. Увидев Феодота, Фавст тотчас же заключил его в темницу. Последовала за мужем своим и жена Феодота, блаженная Руффина, хотя и была в это время беременна: она вместе с ним пошла в темницу и здесь претерпевала страдания за Христа. Феодот знал немощь тела своего и видел лютую жестокость мучителя, но желал лучше умереть, нежели погрешить в чем-либо против благочестия. Боясь же, что не хватит у него сил перенести предстоящие тяжкие мучения, он обратился с усердною молитвою к Господу.

– Господи, Боже сил, – молился Феодот, – Отче возлюбленного Сына Твоего! Благословляю и прославляю Тебя

за то, что сподобил меня быть ввержeнным в темницу сию за имя Твое. Но молю Тебя, Господи: Ты ведаешь немощь мою, приими же дух мой в этой темнице, да не похвалится о мне враг мой.

Бог, Который «создал сердца всех… и вникает во все дела» (Пс.32:15), услышал верного раба Своего и вскоре послал ему блаженную кончину; изведя душу его из темницы тела, Он вселил ее в светлые обители небесные. Жена же Феодота, блаженная Руффина, претерпевая в темнице нужду и страдания и объятая великою скорбию по своем муже, преждевременно родила сына. Взирая на новорожденного и на бездыханное тело своего мужа, она с сокрушением и слезами молилась Богу:

– Боже, создавый человека и из ребра его сотворивый жену, повели, да и я пойду тем же путем, коим пошел муж мой, и, разрешив меня от сего кратковременного жития, приими в вечные Твои обители! Рожденного же младенца Ты Сам воспитай, как ведаешь! Будь для него отцом и матерью и хранителем жизни его!

Взывая так в своей печали к Богу, сия честная и святая жена была Им услышана и разрешена от уз тела, и отошла на вечную свободу, предав душу свою в руки Господа. Младенец же остался живым посреди мертвых своих родителей.

Тогда «храняй младенцы Господь» (Пс.114:5) благоизволил открыть о случившемся одной знатной и благочестивой женщине, по имени Аммии, жившей в Кесарии. В сонном видении Он через Своего Ангела повелел ей испросить у правителя тела святых, преставившихся в темнице и с честию их похоронить; младенца же взять к себе и воспитать его вместо сына. Проснувшись, Аммия поспешила исполнить, что повелел ей Господь, и стала просить у правителя позволения взять из темницы тела умерших узников. Бог преклонил на милость жестокое сердце правителя и тот не воспрепятствовал желанию почтенной женщины. И вот Аммия, войдя в темницу, обрела тела обоих узников, лежащих рядом, а посреди них – красивого и радостного младенца. Взявши тела святых, она с честию похоронила их в своем саду, а младенца взяла к себе. Она была бездетная вдова и целомудренно проводила жизнь

свою. Полюбив младенца, как своего сына, она воспитывала его по-христиански.

Младенец возрастал, но до пяти лет ничего не говорил. Первое же слово, какое он сказал Аммии, ставшей для него как бы второй матерью, было «мамма» (греч. сосцы или мать), и от этого слова был назван Мамантом. Аммия отдала его учиться грамоте, и он вскоре настолько превзошел своих сверстников, что все дивились его разуму.

Тогда в Риме царствовал нечестивый Аврелиан[5505]. Он принуждал всех поклоняться идолам, и не только взрослых мужей и жен, но и малых отроков, причем на детей обращал даже особенное свое внимание, надеясь, что они, как малолетние и неразумные, легко могут быть прельщены и направлены на всякое злое дело. К тому же нечестивый царь думал, что дети, с юных лет привыкнув вкушать жертвенное мясо, под старость сделаются более усердными идолопоклонниками. Поэтому различными ласками он приводил их к своему нечестию. Многие из отроков и даже юношей действительно поддавались прельщению и повиновались воле царской. Но те, кто были товарищами Маманта по школе, следуя его наставлениям, не исполняли царских повелений. Ибо Мамант, в юных летах имея «мудрость, которая есть седина для людей, и беспорочную жизнь – возраст старости» (Прем.4:9), доказывал товарищам своим ничтожество языческих богов, бездушных и бессильных, и поучал их познавать Единого истинного Бога – Коего почитал сам – и приносить Ему духовную жертву – дух сокрушенный и смиренное сердце (Пс.50:19).

В то время был прислан от царя в Кесарию на место Фавста другой правитель, по имени Демократ. Он был великим ревнителем своей нечестивой и безбожной веры и как бы дышал гонением и убийством на христиан. Ему донесли о Маманте, что тот не только сам не кланяется богам, но и других отроков, с ним учащихся, развращает и научает христианской вере. Маманту в то время шел пятнадцатый год от рождения. Он был уже снова сиротой, так как вторая мать его – Аммия, оставив приемному сыну своему – св. Маманту, как

единственному наследнику, большое имущество, отошла к небесному богатству, уготованному любящим Бога.

Демокрит, услыхав о Маманте, послал за ним и, когда его привели, прежде всего спросил, христианин ли он, и правда ли, что он не только сам не поклоняется богам, но и развращает своих товарищей, научая их не повиноваться царскому повелению?

Юный Мамант, как совершенный и зрелый муж, безбоязненно отвечал:

– Я тот самый, кто за ничто считает вашу мудрость. Вы совратились с правого пути и блуждаете в такой тьме, что даже смотреть не можете на свет истины; оставив истинного и живого Бога, вы приступили к бесам и кланяетесь бездушным и глухим идолам. Я же от Христа моего никогда не отступлю и стараюсь всех, кого только могу, обращать к Нему.

Изумленный таким дерзновенным ответом Маманта, Демокрит разгневался и приказал немедленно вести его в храм скверного их бога Сераписа[5506] и там силою заставить принести жертву идолу. Мамант же, нисколько не боясь гнева правителя, спокойно возразил ему:

– Не должно тебе оскорблять меня: я – сын родителей, происходивших из знатного сенаторского рода.

Тогда Демокрит спросил предстоящих о происхождении Маманта и, узнав, что он родом от древних римских сановников, и что Аммия, знатная и богатая женщина, воспитала его и сделала наследником своего богатого имущества, не решился предавать его мукам, ибо и в самом деле не имел на то права. Поэтому, возложив на него железные оковы, отослал его к царю Аврелиану, бывшему тогда в городе Эгах[5507] и в письме объяснил ему всё, что касается Маманта. Царь, получив письмо Демокрита и прочитав его, тотчас приказал привести к себе юного Маманта. Когда мученик предстал пред ним, царь всячески стал склонять его к своему нечестию, то угрозами, то ласками, обещая дары и почести, и говорил:

– Прекрасный юноша, если ты приступишь к великому Серапису и принесешь ему жертву, то будешь жить с нами во дворце, по-царски будешь воспитан, и все тебя будут почитать и

восхвалять, и воистину счастлив будешь; если же не послушаешь меня, то жестоко погибнешь.

Но юный Мамант мужественно отвечал ему:

– О царь! Да не будет того, чтобы я поклонился бездушным идолам, коих вы почитаете как богов. Сколь безумны вы, кланяясь дереву и бесчувственному камню, а не Богу Живому! Перестань обольщать меня льстивыми словами, ибо когда ты думаешь, что оказываешь мне благодеяния, на самом деле мучаешь, а когда мучаешь, то оказываешь тем благодеяние. Знай же, что все обещанные тобою мне благодеяния, дары и почести сделались бы для меня тяжкими муками, если бы я возлюбил их вместо Христа, а тяжкие муки, которым ты обещаешь предать меня ради имени Христа, будут для меня великим благодеянием, ибо смерть за Христа моего для меня дороже всяких почестей и стяжаний.

Так бесстрашно говорил пред царем св. Мамант, в юношеском теле имея разум и сердце возрастного мужа: ибо сила Божия и малого отрока может явить непреодолимым Голиафом[5508], «из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Пс.8:3) и малолетнее дитя умудрит настолько, что оно будет понимать лучше старцев. Всё сие и исполнилось на юном Маманте: не убедили его слова царя беззаконного, не прельстили дары, не устрашили мучения, кои он принял с большею радостью, чем великие почести.

Разгневанный мучитель тотчас же приказал бить его без пощады. Но св. Мамант переносил мучения с таким терпением, как будто бы не чувствовал никакой боли.

Царь говорил ему:

– Обещай только, что принесешь жертву богам, – и тотчас будешь освобожден от мучения.

Мученик же отвечал:

– Ни сердцем, ни устами не отрекусь я от Бога и Царя моего – Иисуса Христа, хотя бы и в десять тысяч раз больше нанесли мне ран; раны эти соединяют меня с возлюбленным Господом моим, и я желаю, чтобы не уставали руки моих мучителей, ибо чем больше они бьют меня, тем больше доставляют мне благ у подвигоположника Христа.

Аврелиан, видя, что Мамант нимало не страшится страданий, приказал опалить тело его свечами. Но огонь, как бы устыдясь тела мученика, не прикоснулся к нему, а обратился на лица мучителей. И возгорел царь гневом и воспламенел яростью сильнее, чем мученик Христов огнем вещественным: ибо насколько тот не обращал внимания на огонь, настолько сердце мучителя воспламенялось. И приказал царь побить св. Маманта камнями. Но сие страдание для мученика, объятого любовью ко Христу, было так приятно, как будто бы кто осыпал его благовонными цветами. Тогда царь, видя, что ничем не может добиться успеха, осудил мученика на смерть и повелел бросить его в море. Привязав на шею его тяжелый свинец, слуги царские повели его к морю. Но и здесь не оставил Господь раба Своего, «ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя» (Пс.90:11). На пути к морю явился Ангел Господень, блестящий как молния. Увидев его, слуги оставили св. Маманта и со страхом бежали назад. Ангел же, взяв мученика, отвязал свинец и, приведя на высокую гору в пустыне, близ Кесарии, повелел ему жить там.

Житие в пустыне св. Мамант начал постом. На горе той он постился сорок дней и сорок ночей и явился как бы второй Моисей (Исх.24:18), коему в руки дан был новый закон: ибо сошел к нему с неба голос и жезл. Приняв сей жезл, Мамант, по повелению свыше, ударил им в землю, и тотчас из глубины земли явилось Евангелие. После этого построил он небольшую церковь и молился в ней, читая Святое Евангелие. По повелению Божию, к св. Маманту собирались из той пустыни звери, как овцы к пастырю, и как будто существа разумные слушали его и повиновались ему. Пищею ему служило молоко диких зверей, из коего он изготовлял сыр, – и не только для себя, но и для бедных: ибо, наготовив много сыру, он носил его в город Кесарию и раздавал бедным.

Вскоре по всей Кесарии распространился слух о Маманте. Тогда Александр, – не тот, о коем было упомянуто выше, но другой, – поставленный в то время наместником в Каппадокии, человек жестокий и очень злой, узнав всё о Маманте, счел его за чародея и послал воинов на конях в пустыню разыскать его и

привести к себе. Сойдя с горы, св. Мамант сам встретил всадников и спросил, кого они ищут. Те, думая, что это пастух, пасущий на горе своих овец, отвечали:

– Мы ищем Маманта, который живет где-то в этой пустыне; не знаешь ли ты его, где он?

– Зачем вы ищете его? – спросил их Мамант.

Воины отвечали:

– На него донесли наместнику, что он чародей, и вот наместник послал нас взять его для мучения.

Тогда Мамант сказал им:

– Я расскажу вам, друзья мои, о нем, но прежде войдите в хижину мою и, отдохнув немного от труда, подкрепитесь пищею.

Воины пошли с ним в его жилище, и он предложил им сыру. Когда они стали есть, пришли лани и дикие козы, кои привыкли, чтобы их доил святой подвижник. Мамант надоил молока и предложил воинам пить, а сам стал на молитву. И стало собираться еще больше зверей. Увидав их, воины испугались и, бросив пищу, пришли к Маманту. Он успокоил их, а затем объявил, что он есть тот самый Мамант, коего они ищут. Тогда они сказали ему:

– Если сам ты желаешь идти к наместнику, то иди с нами; если же не хочешь, то отпусти нас одних, ибо мы не смеем вести тебя. Но просим тебя, чтобы звери не трогали нас.

Успокоив воинов, Мамант велел идти им вперед.

– Идите, – сказал он, – сначала вы, а я пойду вслед за вами один.

Удалившись оттуда, воины ожидали пришествия Маманта у городских ворот, ибо вполне верили словам такого дивного мужа и даже подумать не могли о нем что-нибудь дурное. Мамант же, взяв с собою льва, пошел вслед за воинами. Когда он вошел в городские ворота, лев остался за городом; воины же, взявши Маманта, представили его к наместнику Александру.

Наместник, увидев святого, тотчас начал допрашивать его:

– Ты ли тот самый чародей, о котором я слышал? – сказал он.

Святой же отвечал:

– Я раб Иисуса Христа, посылающего спасение всем верующим в Него и исполняющим волю Его, волхвов же и чародеев предающего вечному огню. Скажи мне: зачем ты призвал меня к себе?

– Затем, – отвечал наместник, – что не ведаю, какими волхвованиями и чарами ты настолько укротил диких и лютых зверей, что живешь посреди них и, как я слышал, повелеваешь ими, как будто существами разумными.

Св. Мамант и на это сказал:

– Кто служит Богу Единому, Живому и Истинному, тот никак не согласится жить с идолопоклонниками и злодеями. Поэтому и я пожелал лучше жить со зверями в пустыне, нежели с вами в селениях грешников. Ибо звери укрощаются и повинуются мне вовсе не волхвованием, как ты думаешь, – я даже и не знаю, в чем состоит волхвование, – но хотя они и неразумные существа, однако, умеют бояться Бога и почитают рабов Его. Вы же гораздо неразумнее зверей, ибо не почитаете истинного Бога и бесчестите рабов Его, без милосердия их муча и убивая.

Наместник пришел в ярость, услышав такие слова, и тотчас приказал повесить св. мученика, бить и строгать железными когтями тело его. Но мученик, хотя и сильно был уязвляем, переносил сие с таким мужеством, как будто бы не чувствовал никакого страдания: он ни вскрикнул, ни застонал, и только с умилением возводя очи свои на небо, оттуда ожидал помощи, каковую действительно и получил: ибо внезапно был к нему с неба голос, глаголющий:

– Крепись и мужайся, Мамант!

Голос этот слышали многие из предстоящих здесь верующих и еще более утвердились в своей вере. Святой же Мамант, совершенно укрепленный тем голосом, нисколько не думал о муках. Долго мучили святого, строгая его тело; наконец, бросили его в темницу на время, пока приготовят печь, в коей задумал сжечь его наместник. В темнице сидело до сорока других узников. Когда они изнемогли от голода и жажды, св. Мамант помолился – и вот, через оконце влетел в темницу голубь, держа во рту пищу, светлую, как бисер, и слаще меду; положив ее пред св. Мамантом, голубь вылетел вон. Пища та

для всех узников умножилась, как некогда умножились в пустыне малые хлебы для множества народа (Мф.14:19–20). Вкусив этой чудесной пищи, узники подкрепились. И снова, по молитве святого Маманта, в полночь открылись двери темницы, и все узники вышли; остался только один св. Мамант. Когда же сильно разгорелась печь, мученик был выведен из темницы и ввержен в эту огненную печь. Но Бог, некогда оросивший пещь Вавилонскую для трех отроков (Дан.3:49–50), и для Маманта оросил огонь и посреди горящего пламени соделал рабу Своему прохладу. Мученик, воспевая и славя в той печи Бога, пробыл в ней три дня, пока печь совершенно не остыла и уголья не обратились в пепел. Через три дня наместник, увидев, что Мамант еще жив, изумился и сказал:

– Ужели так велика сила чародея сего, что даже огонь не может его касаться?

Многие же из народа, увидав, что огонь нимало не коснулся святого и не сделал ему вреда, познали истинного Бога и, приписывая Ему Единому чудо сие, прославляли силу Его.

Безумный же наместник не восхотел, однако, познать всемогущего Бога, но, изведя мученика из печи и видя, что огонь не повредил ему, приписал это чародейству и многие хулы говорил на истину. Наконец он осудил мученика на съедение зверям. Привели святого в цирк[5509] и выпустили на него голодную медведицу; но она, приблизившись, поклонилась святому и лежала у ног его, обнимая стопы его. Потом выпустили леопарда, но и тот с кротостью обнял шею его, целовал лицо и облизывал пот с чела его. В это время прибежал лев – тот самый, который пришел со святым из пустыни, и, вскочив в цирк, проговорил к святому человеческим голосом (ибо Бог, в явление всемогущей Своей силы, открыл уста зверю, как некогда ослице Валаамовой) следующие слова:

– Ты – пастырь мой, который пас меня на горе!

И, проговорив сие, тотчас бросился на народ, которого там было бесчисленное множество, и эллинов и иудеев, и взрослых и детей. По воле Божией, двери цирка заперлись сами собой, и растерзал там зверь множество народа, так что едва спасся сам наместник: весьма немногие из бывших в цирке избежали

ярости льва, который хватал и терзал всех с лютостью. Но святой укротил льва и отослал его в пустыню. Наместник же, снова схватив святого, продержал его некоторое время в темнице и, выведя вторично в цирк, выпустил на него самого свирепого льва. Но и сей лев, мгновенно став кротким, лежал у ног святого. Видя сие, народ от гнева скрежетал зубами на святого и кричал наместнику:

– Уведи льва, а мы этого чародея побьем камнями!

И стали бросать камни в мученика. Один же из языческих жрецов, по повелению мучителя, сильно ударил святого трезубцем в чрево и рассек его, так что из чрева выпали все внутренности. Подобрав их и держа собственными руками, св. Мамант пошел вон из города. Кровь его, истекающую как воду, одна из верующих женщин собирала в сосуд. Пройдя около 200 саженей, св. Мамант обрел в каменной скале пещеру и уснул в ней. Здесь он услышал голос с неба, призывающий его в горние селения, и с радостью предал дух свой в руки Господа, за Коего усердно пострадал[5510].

Так св. Мамант приял венец мученический. Святые мощи его были погребены верующими на месте кончины, и там совершались многие исцеления и чудеса, как это ясно видно из слов св. Василия Великого, который в своей проповеди к народу, на память св. мученика Маманта, говорит:

– Поминайте святого мученика – те, кто видел его в видении, кто из живущих на сем месте имеет его помощником, кому из призывающих имя его он помог самым делом, кого из заблудших в жизни наставил, кого от недугов исцелил, чьих детей, уже умерших, снова возвратил к жизни, чью жизнь продолжил, – все, собравшись воедино, принесите хвалу мученику.

Когда Юлиан Отступник[5511], еще будучи в молодых летах и желая оставить по себе памятник благочестия (хотя уже и в то время был волком в овечьей шкуре), начал строить в честь св. мученика Маманта над его гробницею великолепную церковь (делал же это не по благочестию, а из тщеславия и лицемерия), тогда воистину можно было видеть преславное чудо. Ибо что днем созидалось, то в ночь разрушалось: поставленные столбы

обращались в груду; одни из камней не могли как следует держаться в стене, другие делались твердыми, так что нельзя было тесать их; иные – в прах рассыпались; цемент же и кирпичи каждое утро находили как бы рассыпанными от ветра и развеянными со своего места. И это было обличением зловерия Юлиана и знамением его будущего гонения на церковь Божию. Таковое чудо совершалось при гробе святого: ибо не желал святой, чтобы в честь его была построена церковь для тех, коим в скором времени предстояло гонение за истинную веру.

Молитвами, Господи, мученика Твоего Маманта сотвори с нами знамение во благо и избави нас от гонящих нас, да славим Тя со Отцом и Святым Духом вовеки, аминь.

Кондак, глас 3:

Жезлом святе, от Бога тебе данным, люди твоя упаси на пажитех живоносных: звери же невидимыя и неукротимыя сокруши под ноги тя поющих: яко вси, иже в бедах, предстателя тя тепла Маманте, имут.

Житие святого Иоанна Постника, патриарха Константинопольского

Память 2 сентября

Святитель Иоанн родился в Константинополе[5512]; подвизался он при царях: Юстине[5513], Тиверии[5514] и Мавриикии[5515]. Первоначально он был золотых дел мастером; по своей добродетельной жизни был муж благочестивый, нищелюбивый, страннолюбивый и богобоязненный.

Поселив у себя в доме палестинского монаха, именем Евсевия, Иоанн жил вместе с ним. Однажды, когда они шли вместе, инок сей находился по правую сторону Иоанна. Вдруг слышит он, что кто-то незнакомый ему говорит: «не следует тебе, отче, идти по правую сторону великого». Это было предзнаменованием Божиим об Иоанне, что ему будет вверено великое архиерейское служение. Услышав сие, монах рассказал о том блаженному Евтихию патриарху Константинопольскому[5516], который стал увещевать Иоанна принять пострижение, так как считал его достойным быть в церковном причте.

И вот, в церкви святого Лаврентия, во время стояния на молитве, св. Иоанну последовало следующее откровение: в алтаре он увидел множество святых, и все они надевали на себя белые и блестящие одежды и пели прекрасные песнопения. Потом из алтаря вышел какой-то человек с сосудом, из которого щедро подавал милостыню многим собравшимся нищим, однако, сосуд не пустел. Когда один из нищих воскликнул от тесноты: «Господи помилуй, доколе не опустеет сосуд сей!» – сосуд тотчас же сделался пуст. Сие откровение заставило преподобного задуматься и он дивился видению, которое предзнаменовало, как его будущий сан, так и его великую щедрость к нищим.

По прошествии некоторого времени, умер Константинопольский патриарх Евтихий и, Божиим изволением, Иоанн, как достойный, был избран и назначен для рукоположения, но не соглашался, пока не увидел следующего

грозного видения: с одной стороны было видно море, поднимающееся до небес, и страшная огненная печь; с другой же стороны – множество Ангелов, говорящих ему: «ты не принимаешь престола? – Пусть будет другой, но ты от всех нас будешь наказан». После того как Ангелы с угрозой сказали сие Иоанну, он, хотя и против желания, повиновался и был поставлен патриархом Константинопольским. В сем сане проводил он постническую и добродетельную жизнь до самой смерти своей, как о том свидетельствуют чудеса его. Великое волнение морское он утишил молитвою и крестным знамением. Одного слепца, именем Иоанна, из Газы[5517], соделал зрячим, положив на глаза его часть Тела Христова с словами: «Исцеливший слепого от рождения, Тот да исцелит тебя», – и слепой тотчас прозрел.

Однажды, по Божию попущению, был большой мор в Константинополе. Преподобный молился, чтобы Бог отвратил праведный гнев Свой. Одному из верных своих слуг он приказал взять два сосуда, – один полный мелких камней, а другой пустой, стать на весь день к месту, где приносили умерших, и считать их, перелагая камни из полного сосуда в пустой. Сосчитав, слуга нашел в первый день пронесенных мертвецов триста двадцать три и возвестил о том святому. Святой же Иоанн предсказал, что мор прекратится; это и стало сбываться с каждым днем, потому что на второй день стоящий и считающий слуга нашел пронесенных мертвецов менее, в третий день – еще менее, в воскресенье же, по предсказанию святого и по молитвам его, мор окончательно прекратился.

Воздержание святого Иоанна было таково, что шесть дней он не вкушал никакой пищи, в седьмой же – вкушал немного огородных плодов: или дыни, или винограда, или смоквы. Так питался он во всё времяя своего святительства. Спал он весьма мало, да и то сидя; при этом он привязывал небольшую веревку к свече, и ставил кадку с водою, чтобы, когда свеча догорит и веревка упадет в кадку, происходил шум и таким образом пробуждал бы его. В молитвах святой пребывал постоянно, и в подвигах многих боролся со страстями. Многократно он обращал вспять нашествие иноплеменников и избавлял от

погибели город своими молитвами и постом; паству свою соблюл от врагов видимых и невидимых; был весьма милостив, отец сиротам, нищим кормилец, обидимым защитник, ревнитель по Боге, искоренитель всякой злобы. Однажды в пятницу святому было возвещено, что на другой день будет конское состязание: была же тогда суббота Пятидесятницы. И отвечал святой: «конское состязание в святую Пятидесятницу да не будет», и, пав на колена, молился Богу, чтобы, ради страха и для разрушения такого дела, явилось какое-нибудь знамение. И вот, – когда все собрались на место, где обычно происходили состязания, и когда состязания начались, – внезапно сделалась сильная буря, гром и молния, пошел дождь и большой град, так что все от страха разбежались с зрелища.

Преподобный имел власть изгонять и нечистых духов. Так, одна жена, имевшая бесноватого мужа, повела его к одному пустыннику, но он сказал ей: «Иди к святейшему Иоанну, патриарху Константинопольскому, – тот исцелит твоего мужа». Исполнив сие, жена получила просимое, и вместе с мужем, исцеленным молитвами преподобного, пошла с радостью домой. И вообще многие больные получали исцеления от святого. У многих женщин по его молитвам, разрешалось неплодие.

Так мудро упасши словесное стадо, преподобный в маститой старости достиг блаженной кончины и перешел от земли в небесные селения[5518]. Когда тело святого лежало уже мертвым, к нему пришел для прощания известный начальник области Нил и, преклонившись, поцеловал его. Святой же, будучи мертвым, на виду и к удивлению всех, прошептал начальнику области Нилу несколько слов на ухо, которых тот никому не сказал. Похоронили св. Иоанна внутри алтаря св. Апостолов, как достойного такой чести, прославляя и благословляя дивного во святых Бога – Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

В тот же день память 3618 мучеников, в Никомидии пострадавших

Память 2 сентября

В царствование римских императоров Диоклетиана и Максимиана[5519] пострадало за Христа в Никомидии[5520] 3618 мучеников, пришедших из Александрии. По убиении святого Петра, архиепископа Александрийского, убийцы его уверовали в Господа со всеми своими домашними и со многими другими, желавшими умереть за Христа. Взяв с собою жен и детей и всех ближних, они добровольно пошли в Никомидию на мучение за Христа и явились к царю, восклицая: «Мы – христиане!» Услыхав это, Диоклетиан пришел в смущение и сначала посредством ласкательств увещевал их отречься Распятого, но когда они не повиновались, повелел воинам усечь их пред собою мечами и тела их бросить в горные пропасти. Спустя много лет, честные мощи их были обретены по причине последовавших чудес святых мучеников.

Житие и страдание святого священномученика Анфима, епископа Никомидийского, и с ним многих

Память 3 сентября

Святой Анфим родился в городе Никомидии[5521]. Еще в юных летах он проявлял в себе навыки уже совершенного мужа и отличался незлобием. Возрастая телом, возрастал он и духом. Достигнув совершеннолетия, он изо всех стал выделяться добродетельною жизнью; и в те годы человеческой жизни, когда страсти обыкновенно произрастают в человеке, как бы плевелы в пшенице, Анфим был уже образцом бесстрастия. Плоть его была умерщвлена в своих греховных вожделениях, дух его исполнен был смирения. Всякого рода зависть, гневливость и леность он совсем искоренил в своей душе, не давая и телу пресыщаться объедением и пьянством. Своим примером он, напротив, показывал: воздержание во всём, любовь и мир со всеми, благоразумие и усердное попечение о славе Божией. За такую благочестивую и добродетельную жизнь, он был в непродолжительном времени удостоен священнического сана. В этом сане Анфим всем сердцем прилежал богомысленной молитве и душеполезным трудам, словом и делом наставляя всех спасительному пути добродетели. Когда скончался архипастырь Никомидийской церкви святой Кирилл, на его место был возведен Анфим. Избрание его во епископа, как мужа того достойного, было засвидетельствовано свыше: во время его посвящения небесный свет облистал церковь и был слышен свыше некий Божественный глас. Приняв на себя управление Никомидийскою церковью, святой Анфим, как искусный кормчий во время бури, соблюл ее, как бы невредимый от потопления корабль. Ибо если многие христиане и бывали потопляемы в море за Христа, но за то они не погрязли в злочестии: ни потопила их в себе буря идолопоклонения, ни пожрала их глубина преисподнего ада, но наставлением и управлением святого архипастыря своего Анфима они достигли тихого и не

бурного пристанища небесного. Этот добрый пастырь Христов привел к Богу в венцах мученических почти всё свое словесное стадо. Когда идолопоклонники открыли великое гонение по всему Востоку на христиан, а в особенности в Никомидии, – где тогда жили злочестивые цари Диоклетиан и Максимиан[5522], – святой Анфим наставлял и укреплял всех верующих к мученическому подвигу.

– Ныне, – говорил он, – подобает нам показать себя истинными христианами, ныне – время подвига, ныне тот, кто действительно воин Иисуса Христа, да выступит мужественно для борьбы. Здесь нам предстоит пострадать лишь немного за много пострадавшего ради нас Христа; исповедуем Его здесь пред людьми, дабы там Он исповедал нас пред Отцом Своим Небесным. Здесь пред людьми Его прославим, дабы там Он прославил нас пред Ангелами Своими. Итак, прославим Бога в телах наших, предав себя на мучения; умрем временною смертью, чтобы быть живыми вечно, не убоимся мучителей убивающих. Ибо если они и убьют нас, то будут виновниками нашего будущего блаженства: усеченную главу десница Подвигоположника нашего увенчает венцом нетленным; раздробленные члены просветятся, как солнце, в царствии Его; нанесенные раны умножат нам вечное воздаяние; кровавые мучения введут нас в чертог Жениха Небесного. Будем же готовы пролить даже кровь свою, будем зрелищем поношения и уничижения пред взорами Ангелов и человеков.

Укрепляемые таковыми и подобными словами святого, весьма многие верующие мужественно предавали сами себя на тяжкие муки за Сладчайшего Иисуса, Господа Своего. Один христианин из особенно пламенеющих верою, ревнуя по Боге, решился на такой смелый поступок. Когда был прочитан в Никомидии написанный на хартии царский указ об умерщвлении христиан и потом прибит на видном месте к стене, – он, выступив пред всеми, исповедал Христа и, сорвав со стены этот указ, разорвал его, громко обличая языческое злочестие, – и таким образом явился первым мучеником в Никомидии.

После этого, весьма многие из вельмож и из придворных начальствующих лиц начали явно исповедовать Христа,

провозглашая себя христианами: таковыми были Дорофей, Мардоний, Мигдоний, Петр, Индис, Горгоний[5523] с прочею многочисленною дружиною; все они добровольно предавали себя на мучения за Христа, и многие из них были погублены мучителями посредством различных казней.

В то же самое время, к тягостнейшей скорби христиан, присоединилось еще следующее обстоятельство. Неизвестно отчего зажглись царские палаты, и большая часть их сгорела. Злочестивые язычники оклеветали христиан, говоря, будто они по ненависти подожгли царский дворец. Тогда ярость царя достигла до крайней степени и, став лютее дикого зверя, он истреблял христиан в великом множестве, осуждая их то на усечение мечом, то на сожжение огнем. Несмотря на всё это, верующие, видя мученическую смерть единоверных своих братий и зная, что и им предлежит такая же, разжегшись Божественною любовью, предавали себя мучителям на сожжение огнем, как будто в какое-либо приятное и прохладное место. А остальные многочисленные христиане были связаны мучителями, посажены на лодки и потоплены в морской глубине. По неукротимой своей ярости царь повелел потоплять не только живых, но выкапывать из земли и бросать в море ранее того погребенные тела святых мучеников, чтобы не почитали их оставшиеся в живых христиане. Столь жестоко было гонение, во время коего святой Анфим был разыскиваем, «как агнец на заклание» (Ис.53:7). Прежде, чем растерзать пастыря, волки устремились на его стадо; но Божий Промысл и Покров хранили его в одном селении, называемом Семана, для того, чтобы он прежде привел к Богу своих словесных овец, а потом и сам отошел к Нему, запечатлев излиянием своей крови веру церкви Никомидийской. Тогда же в церкви, в день Рождества Христова, сожжено было до двадцати тысяч святых мучеников, а остальные из паствы святого Анфима были заключены в темницы. Святой же своими частыми письменными посланиями, которые тайно отправлял к христианам, учил их и утверждал в вере; так что хотя и не был с ними телом, по воле Божией, быв удален от них на время, но духом своим соприсутствовал с ними в темницах, своими посланиями

доставляя им пищу духовную. Овцы явно, а пастырь их тайно боролись с волками, и святой скрывался, не мучений боясь, но для того, чтобы учением и молитвою утвердить слабейших в вере, укрепить немощнейших, боязливых сделать мужественными, доколе всех представить Христу, а потом уже и самого себя предать на те же мучения.

Один из верующих, укрепленный святым Анфимом, по имени Зинон, воин по должности, изобличил пред всеми царя Максимиана в злочестии следующим образом. В Никомидии, близ цирка, находился храм языческой богини Цереры[5524]. Однажды Максимиан со своими воинами и всем народом приносил идолу этой богини обильную жертву. Зинон же, во время этого нечестивого праздника, став на возвышенном месте, громко воскликнул:

– Обольщаешься ты, царь, поклоняясь бездушному камню и немому дереву, ибо это обман бесов, приводящий к погибели их поклонников. Познай, Максимиан, истину, и свои телесные очи, вместе с духовными, обрати к небу: воззри, и из рассмотрения сего пресветлого творения уразумей о его Создателе, каков Он – Творец. Познай сие из наблюдения над тварями; научись чтить Сего Бога, Который благоволит не к крови закалаемых и сжигаемых в удушливом дыме бессловесных животных, но к чистым душам и чистому сердцу разумного создания.

Услышав это, Максимиан повелел схватить Зинона и за таковые дерзновенные слова к царю бить камнями в лицо и уста. Мучители выбили ему зубы, растерзали лицо его, стерли его язык, исповедующий Христа, и, наконец, едва живого извели из города, и отсекли, по повелению царскому, святую его главу.

В это время святой Анфим из своего местожительства, где он скрывался, послал диакона со своими письмами к находившемуся в темнице Дорофею и к другим, заключенным с ним за Христа, увещевая их к терпению, дабы они с радостью готовы были умереть за Жизнодавца – Господа. Нечестивые схватили сего диакона и представили его с письмами святого Анфима царю Максимиану. Царь прочел эти письма, и нашел написанное в них неприятным для себя: в письмах заключалось сердечное приветствие святого мученикам, усердное

сострадание о них, отеческое наставление к ним, пастырское учение, святительское благословение на подвиг мученический и укрепление к ниспровержению идолов. Сильно разгневавшись на всё сие, царь повелел вывести всех мучеников из темницы и представить к нему на суд. Бросив на них надменный и зверский взор, он долго укорял их. Потом велел прочитать послания святого Анфима, в укор и обличение их.

– Вы веруете обманчивым басням этого злого человека, – говорил он, – и слушаете его развращенное учение, а не царское повеление!

Верующие, слыша читаемое послание, глубоко радовались и, проливая слезы от радости, приветствовали стоявшего в отдалении диакона Анфимова светлым взором, радостным лицом и преклоненною головою; слова же святого Анфима, которые были читаны для укорения их, они слагали в сердце своем.

Тогда царь сказал диакону:

– Скажи нам, откуда ты пришел? Кто дал тебе эти, развращающие народ, послания? И где скрывается тот, кто послал тебя?

Диакон, раскрыв уста, исполненные благодати, начал говорить следующее:

– Тот, кто посылает сии послания, есть пастырь. Но так как он находится далеко от своего стада, то письмами наставляет его и возбуждает к благочестию; особенно же, когда он услышит про нашествие многих волков на стадо словесное, тогда громко извещает овец, что они должны делать. Возвещает же он им от Пастыреначальника следующие слова: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28). Я принес это послание сему Христову стаду, чтобы сообщить им его содержание; но где ныне находится пославший его, – о том не скажу, ибо было бы великим безумием, если бы я стал предателем пастыря моего, от которого всем приносится великая польза, который и без моего извещения о нем, скоро будет явлен, ибо «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14).

Разгневанный этими мужественными словами, мучитель осудил святого диакона, имя которому было Феофан, на смерть. Прежде всего у него отрезали язык, столь благодатно вещавший, а потом убили его, побивая камнями и пронзая стрелами. После этого царь приказал, посредством разнообразных мучительных казней, умертвить и представленных на суд мучеников: святому Дорофею усекнуть голову, Мардония сжечь на костре, Мигдония живым бросить в яму и засыпать землею, Горгония, Индиса и Петра утопить в море, повесив на шею их жерновный камень, и всех прочих погубить посредством многих других казней. Таким образом, все они различными путями смерти преставились ко Господу. Тела мучеников, которые были брошены в море, рыбаки потом изловили сетями, и одна девица, по имени Домна, погребла их. Узнав об этом, язычники усекли ее мечом, в то время когда она молилась над мощами святых мучеников. В то же время и Евфимий, который своею проповедью обратил многих к исповеданию Христа и мученическому подвигу, там же в Никомидии, после различных мучений, принял кончину мученическую, будучи усечен мечом. После всего этого, приспело время пострадать за исповедание Иисуса Христа и святому Анфиму.

Когда он скрывался в вышеупомянутом селении Семане и тайно сеял слово Божие и умножал веру во Христа, Максимиан проведал о нем и немедленно послал двадцать воинов, чтобы схватить его. Достигнув этого селения, они встретили здесь святого Анфима и его же самого спрашивали:

– Где находится Анфим, учитель христианский?

Встретив воинов, Анфим повел их в свою хижину и сказал:

– Я сообщу вам об Анфиме и предам его в ваши руки, но только отдохните немного от пути.

Затем он предложил им вкусить пищи и устроил им посильную трапезу, радушно угощая их. После этого святой открылся пред ними, что он – Анфим.

– Я, – сказал он, – тот, которого вы ищете; возьмите же меня и ведите к пославшему вас.

Услыхав это, воины изумились и стыдились поднять взоры на почтенные седины Анфима, потому что видели его сердечный прием и приветливое угощение. И вот они стали рассуждать между собою о том, что они должны повести сего невинного и доброго человека не для благополучия его в сей жизни, а к мучителю, на крайнюю скорбь и имеющую последовать после лютых мучений очевидную смерть. Им стало жаль Анфима, и стыдно пред ним, и сказали они святому:

– Не возьмем мы тебя с собою, но советуем тебе скрыться; а мы скажем пред Максимианом, что везде, в окрестностях Никомидии, мы искали Анфима и нигде его не нашли.

Но Анфим ревностно сохранял заповеди Господни и поэтому убеждал их говорить правду, так как не желал, чтобы ради его говорили ложь, и притом стремился пострадать и умереть за Христа; поэтому он пошел вместе с ними. По пути он проповедовал им слово Божие, уча их вере в Господа нашего Иисуса Христа. Не без следа падало это сеянное Анфимом семя слова Божия, но попало на добрую землю: оно вкоренилось в сердца воинов, процвело там и возросло к усовершению их в вере. Когда они достигли реки, Анфим сотворил о них молитву и крестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Потом они опять отправились в путь, ведя душеполезную беседу, пока не достигли Никомидии. Когда Анфим вошел в город, о нем было возвещено Максимиану, – и тот повелел связанным представить его к себе.

И вот святой представ пред мучителем со связанными позади руками: ибо, во свидетельство истины, так именно должно было ему явиться пред судилищем нечестивых язычников связанным, как бы злодею; но он был свободен душою и обратил ее к небу, откуда ждал помощи. Мучитель приказал принести все орудия, употреблявшиеся при мучениях, чтобы, прежде всего, устрашить Анфима одним видом их, рассчитывая, что святой, убоявшись их, согласится исполнить волю царскую. Потом начали спрашивать его:

– Ты ли тот Анфим, который, заблуждаясь относительно одного простого человека, по имени Христа, приводишь в то же заблуждение и простой народ, обманывая его и возбуждая

противиться нашему царскому повелению, а наших богов бесчисленными ругательствами хуля и укоряя?

Анфим же, посмеявшись над принесенными орудиями мучений и над словами царскими, сказал:

– Знай, царь, что я совсем бы не отвечал на этот твой вопрос, если бы не советовал мне того Божественный Апостол, наставляющий нас быть готовыми «всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ» (1Пет.3:15), ибо обещал Бог дать «уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся» нам (Лк.21:15). И я первый насмеялся над вашими идолами, которых вы называете богами; теперь же я смеюсь над твоим великим безумием, что ты надеялся отторгнуть меня от Создателя моего, Который и тебя, неблагодарное создание, почтил Своим образом. За что ты меня привел связанным на свой суд и положил пред моими глазами орудия мучений? Не хочешь ли ты ими устрашить меня, чтобы я, убоявшись, повиновался твоему безбожному повелению? Но этим ты не в состоянии устрашить того, кто сам желает умереть за Господа своего. Предлагай это вниманию тех, которые малодушны и трусливы, для которых сия временная жизнь представляется великим утешением, а потеря временной жизни – великою скорбью: устрашай их, а не меня. Для меня же сие бренное тело и сия временная жизнь суть как бы тяжкие узы и темница, не позволяющие моей душе перейти к вожделенному Богу; твои же угрозы, казни мучения для меня тем приятнее всякого земного наслаждения, что за ними последует смерть, которая, освободив меня от телесных уз, переселит туда, куда устремлено всё мое желание.

После того как святой произнес сии слова, мучитель повелел бить его камнями по шее. Анфим же, с благодарностью принимая эти побои, как начало страданий за Христа и основание венцов мученических, желал еще больших страданий, желая наследовать высшее воздаяние и, то насмехаясь и поругаясь над мучителем, то приводя его в сильнейший гнев, чтобы повелел мучить его тягчайшими страданиями, повторял грозное пророческое слово: «Боги,

которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер.10:11).

Сии слова пронзили сердце мучителя яростью, и он повелел раскаленными острыми железными кольями насквозь просверлить ноги священномученика. Но и сие мучение было для святого радостью, ибо он, радуясь, прославлял Бога, сподобившего его терпеть за имя Господа Иисуса Христа таковые страдания. Потом Максимиан повелел положить по земле острые черепки, возложить на них страдальца нагим и в таком состоянии бить еще сильнее палками, чтобы сердце его пронзала сугубая боль: сверху от биения палками, снизу от острых черепков. Но святой и тогда не отчаялся в своей победе над мучителем, воспевая: «Благодарю Тя, Господи, Царю веков, «ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня; Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня» (Пс.17:40–41).

Тогда мучитель изобрел иную муку: раскалив медные сапоги, надели их на ноги Анфима. Но Божественная благодать свыше осенила страдальца, укрепляя его в страданиях, и он слышал голос, обещавший ему вскоре венец небесный, и сей голос исполнил сердце его блаженством. От сего Божественного утешения святой начал явно пред всеми не обращать внимания на мучения, и лицо его озарилось небесною радостью, как будто он не претерпевал никакого страдания. При виде этого, мучитель изумлялся и говорил про святого Анфима, что он – волхв и посредством какого-то волшебства превозмогает огненную силу жжения. Стали спрашивать его: почему он, находясь в таких мучениях, радуется?

– Потому я так радуюсь, – отвечал святой, – что настоящие страдания служат мне твердым упованием обещанных благ, в скором же времени я препобежду твою надменную гордыню и докажу, что твои боги много беспомощнее сил человеческих, и ты будешь каяться о злобе своей вовеки, но без пользы, – и не прежде отойдешь из сей жизни, чем будешь осужден на вечную погибель.

Еще более раздраженный сими словами, мучитель приказал привязать святого к колесу и привести ось колеса

вместе с ним во вращательное движение, причем тело его жечь огнем. Но когда слуги начали исполнять царское повеление, привязали Анфима к колесу и стали разводить под ним огонь, то они сами внезапно упали как бы мертвыми. Колесо остановилось, и огонь устремился на них и опалил их, и они после поведали мучителю следующее:

– Когда мы начали вращать колесо и поджигать привязанного к нему, около нас появились три светоносных мужа и сказали: «Не бойся, раб Божий Анфим!» Когда же они обратили взор свой на нас, напал страх на нас, и огонь под колесом обратился на наши лица и попалил нас.

Услыхав это, мучитель был поражен, но всё сие приписал волхвованию. После того святого Анфима сняли с колеса, и царь угрожал ему усечением меча, если он не принесет жертвы идолам. Мученик же, услыхав о том, что ему предстоит усечение мечом, возрадовался и усердно молил Бога, да даст ему скорее отойти к своему стаду, восшедшему к небу путем мученичества прежде него, дабы и он мог сказать: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Ис.8:18).

Но злочестивый царь предварительно повелел ввергнуть святого в темницу и связать железными цепями. Когда Анфима вели в темницу, то он славил и благословлял Бога за всё. – И вот внезапно озарил его с неба свет, цепи его расторглись, а слуги, ведущие его, пали на землю от страха. Но Анфим, подняв их, велел исполнить то, что им было приказано. Дошедши до темницы, святой вошел в нее и остался в ней среди заключенных там злодеев и разбойников; но он радовался, как будто был введен на пир, или брачное торжество. Предложив узникам духовную пищу слова Божия и представив им питие благочестия, он приобрел их Христу и присоединил к Его святой церкви, научив вере и добрым делам; там же в темнице он возродил их водою святого крещения. И стала та темница светлою церковью, исполненной даров Духа Святого, где верующие днем и ночью приносили Богу жертву хваления.

Узнав об этом, Максимиан повелел привести к нему святого Анфима и старался ласкательствами склонить его к поклонению

языческим богам, обещая сделать его первым из жрецов идольских. Но Анфим с обычным своим дерзновением отвечал царю:

– Я и прежде твоих слов – высший посреди Божиих иереев священник[5525]; священник же я Пастыреначальника Христа, Который в плоть мою облекся, и ко мне, ради меня, снисшел с небес. Он послужил пред Богом Отцом искупительною жертвою за людей, умер на кресте, был погребен и через три дня воскрес, и вознесся со славою на небеса, возводя туда всех верующих в Него. Его я священник и потому себя самого приношу Ему в жертву живую. А ваши жречество, и жертвы, и мнимые боги суть тьма и пойдут во тьму вечную.

Услыхав это, мучитель осудил Анфима на смерть. И пошел святой к смерти, исполненный небесной радости.

– Ныне, – говорил он, – время моего веселия, ныне исполнение моего желания, ныне отверзается мне дверь вечной жизни, да, изшедши от тела, вниду ко Господу, и насыщуся, внегда явится предо мною слава Его.

Достигнув места казни, где он через временную смерть имел перейти в нескончаемую жизнь, святитель испросил себе время для молитвы и, помолившись, склонил святую свою главу под секиру, которою и был он, согласно повелению царя, усечен, и так приял конец мученичества своего за Христа, сентября 3-го дня. Когда наступил вечер, некоторые из верующих тайно пришли на место казни, взяли с собою многострадальное тело святого Анфима и с честью погребли его, прославляя Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, Которому – слава вовеки, аминь[5526].

Кондак, глас 4:

Во священницех благочестно пожив, и мучения путь скончав, идольская угасил еси служения, поборник быв твоему стаду Богомудре. Темже тя и почитаем ныне, тайно вопиюще: от бед избави нас твоими молитвами, приснопамятне Анфиме.

В тот же день страдание святой мученицы Василисы

Память 3 сентября

В царствование нечестивого римского императора Диоклетиана едва ли в каком другом городе было пролито столько мученической крови, как в Никомидии: в нем такое множество верующих было убиваемо за Христа, что только за один месяц приявших мученическую кончину насчитывалось до семнадцати тысяч, кроме двадцати тысяч, сожженных в церкви в день Рождества Христова. И такое неповинное убиение верующих в это жестокое гонение продолжалось не один месяц, а долгое время. Кто же в состоянии исчислить всех погибших за сие время христиан, кроме только единого Бога, исчисляющего и множество звезд! В Никомидии же пострадала и св. мученица Василиса. Слава всесильному Богу, проявляющему свою великую силу не только в людях взрослых, но и малых детях! Святой мученице было всего девять лет, когда ее привели на суд к игемону, или правителю Никомидии, Александру, пред которым эта мученица отроковица, непорочная невеста Небесного Жениха, так смело исповедала Христа, что все были удивлены благоразумию и свободному разговору ее с мучителем, с которым она вела спор о вере Христовой, как вполне совершенный муж. Правитель надеялся склонить ее к почитанию своих богов ласками и обещаниями, но святая оставалась непреклонною; тогда правитель повелел бить ее по лицу: святая отроковица возблагодарила за сие Бога. Правитель приказал тогда снять с нее одежды и бить ее розгами: она воздала за сие еще большее благодарение Господу. Это привело правителя в ярость, и он повелел бить ее еще сильнее; когда же всё тело ее покрылось как бы сплошною язвою, она воскликнула: «Боже, благодарю Тебя за всё сие». Тогда правитель приказал, провертев ей голени, повесить ее вниз головою и на разведенный под нею огонь бросать смолу, серу, масло и олово, в уверенности, что она скоро испустит дух от тяжких страданий и смрадного дыма; но святая и при этих

мучениях, как в райской прохладе, не переставала воспевать хвалу Господу. Видя, что святая относится с пренебрежением к изобретаемым им мучениям, правитель приказал бросить ее в разожженную печь. Оградивши себя знамением Честного Креста, св. Василиса вошла в пламень и долго оставалась в нем без всякого вреда. Все присутствующие были объяты ужасом и с недоумением смотрели на столь чудесное видение. Тогда, выведши ее из печи, выпустили на нее двух львов, чтобы растерзали ее; но святая, помолившись, осталась невредимою: молитва отроковицы, подобно тому, как некогда молитва Даниила пророка, заградила уста львов (Дан., 6:1–100.). Ужас объял тогда самого правителя Александра, который, пробыв долгое время как бы в исступлении, наконец, воскликнул: «Это судьбы Божии!» Засим, припав к ногам св. мученицы, он воззвал: «Помилуй меня, слуга небесного царя и Бога, и прости за все мучения; помолись Богу твоему, чтобы не погубил меня Господь за тебя, ибо отныне и я верую в Него». Тогда св. мученица, громогласно прославив милосердного Господа, просветившего слепоту правителя и открывшего ему познание истины, повелела епископу Антонину разъяснить Александру истинную веру и, научивши ей, крестить его. Все бывшие там христиане искренне радовались обращению правителя Александра, который, по крещении, принес покаяние в своем прежнем нечестии и причиненных им христианам мучениях и молил святую Василису, чтобы испросила ему прощение у Господа. По ходатайству и молитвам святой мученицы, правитель Александр, вполне уверовав, в скором времени преставился, исполненный истинного покаяния, и погребен был христианами с честью; святая же, после погребения его, удалилась из города на расстояние трех поприщ (около 4 км). Здесь, почувствовав жажду и найдя камень, святая стала на него и обратилась с молитвою к Господу, и тотчас из камня потекла вода. Утолив жажду, она отошла немного от этого места и, став с молитвою на колени, предала дух свой Богу. Узнав об этом, епископ Антонин пришел туда и похоронил святую близ того камня, из которого, по молитве ее, появилась

вода. По молитвам святой мученицы, излей, Господи, и на нас Свою великую и богатую милость, аминь.

В тот же день память святого священномученика Аристиона

Память 3 сентября

Сей св. Аристион был епископом Александрии приморской, находившейся между городами Иссом и Антиохиею, в Сирии. Он ревностно проповедовал о Христе и Его спасительных страданиях, смерти и воскресении, а также поучал народ о том, что все на земле тленно и скоропреходяще, а вечны и нетленны только будущие небесные блага. За таковое учение он был приведен на суд к правителю города Александрии и, после того как исповедал Христа истинным Богом, осужден был на сожжение, и в сем мученическом подвиге окончил свою блаженную жизнь.

Страдание святого священномученика Вавилы, и с ним трех отроков

Память 4 сентября

Злочестивый царь Нумериан[5527] во время своего пребывания в городе Антиохии устроил большое празднество в честь идолов. В числе жертв, принесенных идолам, была пролита и невинная кровь маленького отрока, сына царского, коего Нумериан взял себе в залог твердого и ненарушимого мира с одним чужеземным царем. С этим царем некогда он вел войну, и так как они не могли одолеть друг друга, то заключили между собою мир, утвердили его взаимными клятвами и стали друзьями. В удостоверение же непреложного мира и дружбы чужеземный царь отдал Нумериану, на его попечение, маленького своего сына с тем, чтобы он заменил ему отца и воспитал его как свое родное дитя. С лестью приняв сего царского отрока, Нумериан вскоре проявил бесчеловечную жестокость: он нарушил мир с царем, пренебрег своею клятвою, презрел дружбу и собственною рукою заколол царского сына в капище мерзостных богов своих.

В то время архипастырем Антиохийской церкви был святой и богобоязненный епископ Вавила. Избранный по указанию Божественного Промысла на престол архиерейский, святой Вавила «был образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1Тим.4:12). В то время как совершали идольский праздник и бесчеловечное убийство, епископ, собрав всех христиан, находившихся в Антиохии, в святой храм, приносил там бескровную жертву Богу истинному, молясь о своем словесном стаде, чтобы не расхитили его душепагубные волки; при этом он поучал своих словесных овец быть твердыми в вере и не отпадать от церкви во время бедствий. Возвращаясь с мерзкого и человекоубийственного жертвоприношения, нечестивый царь направился к христианскому храму, желая видеть совершение Божественных Таин и своим входом во храм грозя осквернить святыню Господню. Услыхав, что нечестивый царь со всем своим

синклитом идет в церковь, ревнитель славы Божией, великий святитель Вавила, оставив Божественный алтарь и выйдя царю навстречу, остановился в церковных дверях. При приближении царя к храму, святитель громким голосом воскликнул:

– Не должно тебе, царю идолопоклоннику, входить в святыню Бога Живого и осквернять ее своим присутствием.

Обличая и укоряя царя за его идолопоклонническое нечестие, святой Вавила дерзновенно препятствовал царю и не допускал его войти в церковь. И когда царь подошел еще ближе к церковным дверям, святой Вавила, приложив свою правую руку к груди царя, оттолкнул его от храма Божия, так что царь возвратился назад с великим стыдом. Так как с ним были слуги и войско, то он хотел силою войти в церковь, но Божественная сила, действовавшая через святого Вавилу, не попустила нечестивцу коснуться даже порога церковного: слова Вавилы были страшны для безбожника, как слова Ангела. К тому же, ввиду большого стечения народа и многочисленности верующих, царь опасался, как бы не произошли распри и возмущение. Поэтому он, молча подавив досаду, разгневанный возвратился в свои палаты. Но на другой день он повелел предать церковь огню, и, потребовав святителя к себе, стал упрекать его за дерзкий поступок.

– О несчастнейший из всех смертных! – говорил царь. – На кого ты надеялся, когда осмелился сопротивляться моей державной власти и воспретить мне вход в церковь? Разве ты не знаешь, какое великое зло досаждать царю и какие казни угрожают тому, кто дерзнет обесчестить личность царя?

Святой Вавила на это безбоязненно отвечал:

– Я не смотрю на царя земного и не стыжусь его лица, но взираю на Царя Небесного и на Него уповаю. Я страшусь Того, Кто поставил меня пастырем Своих овец и повелевает мне стеречь их от нападений волка и не допускать, чтобы зверь входил в стадо. Не царю я досадил, так как знаю, что такая дерзость равносильна сумасшествию, но удержал того, кто хотел своим входом оскорбить святыню Божию и осквернить ее. Поэтому по справедливости тебе следовало бы воздать мне благодарность за то, что я удержал тебя от такого злого

намерения: исполнив его, ты совершенно погубил бы себя, так как бесконечно оскорбил бы своего Создателя, отпасть от Коего злее всякой смерти.

– Приличнее было бы тебе, – говорил Нумериан, – раскаяться во вчерашней твоей дерзости против нас и просить прощения, а ты и теперь еще нам досаждаешь.

– Не должно нам, христианам, – отвечал Вавила, – никого из людей ни укорять, никому ни досаждать. Не досаждаем мы и тебе: ибо не должно бесчестить создание Божие, сотворенное по образу Божию и по подобию. Однако, если кто восстает на Бога и наносит оскорбление Его святыне, тот не только не достоин почтения, но вполне справедливо его возненавидеть, как врага Господня, по слову Давида: «мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне» (Пс.138:21–22).

– Оставь свое многоглаголание, – сказал ему царь, – и послушай нас: если ты хочешь избавиться от казни за свое преступление и получить прощение, то принеси жертву нашим богам и поклонись им.

– За порученное мне стадо, – отвечал святитель, – я готов перенести всякое страдание и даже умереть.

И немного помолчав, сказал:

– Я не могу отречься от Бога моего и служить ложным богам, о беззакониях коих стыдно и подумать.

– Снова говорю тебе, – сказал царь, – оставь свое многоглаголание и принеси жертву богам. Если же не исполнишь сего, то моя власть так же зло погубит тебя, как зол ты сам.

Вавила отвечал:

– У меня было желание избавить тебя от мрака, тебя окружающего, чтобы ты мог избежать нескончаемых мучений, а ты и себе приготовляешь еще большие муки, и других к ним призываешь. Истинно говорю тебе: не можешь ты избежать рук Бога Живого.

Тогда мучитель притворился кротким и стал спокойно спрашивать святого Вавилу:

– Можешь ли ты, – сказал он, – объяснить нам, что такое Бог?

Вавила отвечал:

– Существа Божия постигнуть невозможно, хотя бы ты употребил для этого всё старание; ибо Бог есть вечно сущий Царь и Творец всего, неизреченный, непостижимый, не подлежащий испытанию умом человеческим, начало и сила всего. Он сотворил Ангелов и Архангелов и все другие бесплотные существа; после них – Он создал человека и даровал ему бесчисленные блага, поставил его царем на земле, по подобию того, как Он Сам царствует на небесах, и поместил его в раю. Для того же, чтобы человек понял свое высокое назначение и имел признак того, насколько он выше животных, Бог привел их к нему и повелел дать имена им. Бог создал человеку помощницу и удостоил его наслаждаться беседою с Собою. Неблагодарный человек презрел своего Создателя и с пренебрежением отнесся к Его заповедям, а врага своего, не сделавшего ему никогда никакого добра и только польстившего ему, послушал. Поверив льстивым его речам, он праведным судом Божиим был изгнан из рая. Но незлобивый и благий Бог, хотя и отогнал человека от Себя, однако, непрестанно ему благодетельствует, явно показывая, что, несмотря на наши бесчисленные прегрешения, не хочет Он нашей погибели, но всячески устрояет наше спасение.

Слушая такие речи, Нумериан не мог их понять. Да и как могла уразуметь их его душа, не знавшая благодати, не наставленная в учении веры? Однако, из стыда пред стоящими вокруг, что не заметили они его непонимание, он сделал вид, будто всё, что говорил Вавила, он вполне уразумел, и похвалил его, как человека рассуждающего вполне хорошо. Затем снова спросил его:

– А что такое человек?

– Человек, – отвечал Вавила, – существо земное и смертное, но выше всех смертных животных; кроткое, любезное своим ближним, хотя мы и сделались лютыми друг к другу больше, чем звери.

Удивляясь речам Вавилы, но вместе с тем и сам продолжая притворяться мудрым, Нумериан клялся своими богами, что Вавила говорит истину и засвидетельствует свою мудрость, если только принесет жертву богам.

– Одного только и недостает Вавиле, – говорил царь, – чтобы он воздал честь богам нашим. Невозможно, чтобы такой премудрый человек мог бесчестить богов и осмелился говорить против них.

И ласково посмотрев на Вавилу, сказал ему:

– О премудрый старец! Принеси жертву богам и тотчас же я буду считать тебя как бы отцом своим. Клянусь богами, что не лгу и награжу тебя многими имениями в моем царстве.

И разными ласками, обещанием больших почестей и богатства, нечестивый царь старался прельстить сего праведного мужа. Но истинный исповедник Христов остался непоколебим в своей вере. На льстивые слова мучителя он отвечал:

– Начало и основание всякого блага есть благочестие: без него все обещаемые мне тобою блага суть только нищета, крайнее огорчение и лишение и того, что я имею.

Убедившись, что святого Вавилу невозможно склонить к злочестию, Нумериан снова пришел в ярость и приказал своему военачальнику Викторину надеть тяжелые цепи на шею и на ноги святителя и водить его по городу, чтобы опозорить его пред всеми. Беззаконник питал надежду, что почтенный сей муж, пользующийся славой и уважением от всех, устыдится такого бесчестия и согласится исполнить нечестивое желание царя. Когда же надели на святого цепи, царь стал насмехаться над ним:

– Бог мне свидетель, – говорил он, – что тебе, Вавила, хорошо ходить в этих цепях: они вполне приличны твоей старости.

– О царь, – отвечал святитель, – ты на смех говоришь эти слова, я же тебе скажу истину: цепи сии для меня так же почетны, как для тебя твой царский венец, и страдания за Христа так же для меня приятны, как приятна тебе твоя царская

власть; смерть же за бессмертного царя так же для меня желательна, как для тебя твоя жизнь.

При святом Вавиле были три отрока, родные братья. Они были юны по летам, но зрелы умом, и духовно воспитавший их Вавила считал их как бы своими детьми. Следуя за своим учителем, они не оставили его и тогда, когда он был закован в цепи. Взглянув на них, царь сказал святому:

– Я думаю, Вавила, что дети сии, называя тебя учителем, только увеличивают твою гордость, и из-за них ты остаешься непреклонным в своем противлении нашей воле.

– Если ты, – отвечал ему святитель, – пожелаешь спросить этих детей, то увидишь, что они разумнее тебя самого, и узнаешь, что это – семена моего учения.

– Чьи же эти дети? – спросил царь.

– Это мои духовные дети, – отвечал Вавила, – я возродил их благовествованием, вскормил поучением, возрастил наставлениями, и вот в малом теле пред тобою великие мужи и совершенные христиане. Испытай и увидишь.

Царь велел отвести Вавилу на площадь и заключить его в темницу; отроков же призвал к себе и, прежде всего, спросил их, есть ли у них мать.

– И мать, и отец, и учитель для нас – Вавила, – отвечали дети. – Мы возлюбили его больше, чем мать: та только родила нас, а он научает нас разуму и благочестию и заботясь о наших душах, возводит нас к высоким добродетелям.

Но царь приказал тотчас отыскать и привести к нему мать этих отроков. Когда же привели ее, царь спросил, как ее зовут, и действительно ли она мать этих детей.

Она отвечала:

– Имя мое – Христодула; дети сии действительно мои. Я принесла их, как начатки моих болезней, в дар Богу и надеюсь, что премудрый Вавила, попечению коего я поручила моих детей, перенесет их в небесную сокровищницу.

Нумериан разгневался и повелел бить благочестивую мать по щекам, говоря ей:

– Не говори так дерзко с царем.

Дети же, видя как бьют их мать, говорили:

– Царь обезумел: бьет мать за то, что она говорит истину.

После этого царь стал спрашивать детей, как их зовут и сколько им лет.

Они сказали, что первый из них двенадцати лет от роду и называется Урваном, второму – Прилидиану – девять лет, а третьему, по имени Епполонию, семь лет.

Мучитель прельщал их ласковыми речами и дарами, убеждая поклониться идолам. Но они единогласно отвечали:

– Мы христиане и не подобает нам кланяться идолам. Нас научили ведать Единого Бога, Того, Кто сотворил небо и землю. Ему мы и поклоняемся, а не бесам.

После многих ласкательств увидев, что дети непреклонны, мучитель повелел бить их, нанося им раны по числу лет каждого из них. Итак, первому отроку нанесли двенадцать жестоких ран, другому – девять, а третьему – семь. Дети мужественно терпели страдания и сожалели только о том, что не имеют больше лет, чтобы больше получить ран за Христа.

– Если вы решили даже убить нас, – говорили они, – мы не поклонимся ложным богам: Единому Богу, Господу Иисусу Христу, мы служим.

Отпустив их мать и удалив самих детей в другое место, царь опять вызвал к себе Вавилу.

– Вот, – сказал он – дети твои уже поклонились нашим богам, подобает и тебе немедля самому поклониться.

– От отца лжи, диавола, научились и вы лгать, – отвечал царю Вавила, – знаю я, что невозможно ни прельщением, ни муками отторгнуть детей от Христа: ибо я хорошо научил их почитать Единого Истинного Бога и веровать в Него.

Тогда царь велел повесить и Вавилу и детей на дереве и жечь их огнем.

Вавила, возведя очи к небу, помолился Богу, чтобы послал Он малым сим детям крепость Свою и даровал им непреодолимое терпение в предстоящих муках. А их самих увещевал мужественно переносить страдания, обещая им великую награду от Христа. Доблестно переносили страдания незлобивые дети вместе со своим учителем, и помощь Божия укрепляла их в терпении.

Приказав снять страдальцев с дерева и заключить Вавилу в цепях в одном доме, неподалеку от места мучений, мучитель решил еще раз прельстить детей лаской. Он называл их своими детьми, благонравными и прекрасными отроками, дарил им золото и серебро. Но они в один голос говорили ему:

– Лукавый льстец! Для чего ты раскидываешь перед нами многосплетенную сеть твоих прельщений? Неужели ты думаешь уловить нас так же, как птиц? Будь уверен, что не будешь иметь никакого успеха, хотя бы ты приложил всё свое старание; ибо нас охраняет и покрывает сила Христа, – и Его силою твоя сеть вскоре будет уничтожена, а мы получим избавление.

Затем отроки воскликнули:

– О матерь наша, благочестие, не отвергнемся мы от тебя! О возлюбленный наш учитель, Вавила, будем верны твоему учению! Ибо не только один сей царь, но если бы здесь находились многие и лютейшие цари и мучители, и те не могли бы нас отторгнуть от Бога нашего.

Святой Вавила, заключенный неподалеку, услыхав сии речи своих учеников, возрадовался радостью несказанною и возблагодарил Бога, из уст детей совершающего Себе хвалу.

Вскоре царь повелел привести к себе и Вавилу и сказал ему:

– Не твои ли это, Вавила, родные дети? Я думаю, что они родились от тебя, ибо своим злонравием они весьма на тебя похожи.

– Воистину, – отвечал святой, – сии отроки – мои дети, но не по плоти, а по духу: ибо я до сего времени не искушен плотским похотением и супружеской жизни не испытал.

– Непокорный Вавила! – сказал царь – для чего ты до сего времени пребываешь в своем жестокосердии, мучаешь себя и нас? Принеси скорее жертву богам, чтобы и нам более не утруждать себя, и тебе с детьми твоими избавиться от мучений и удостоиться почестей и даров от нас. Какая для тебя польза добровольно предавать себя и малых этих детей на мучение и смерть? Не подобает ли тебе, как мудрому наставнику, заботиться о детях так же, как о собственной своей жизни,

чтобы они не погибали безвременно, и быстро завянув, не скончались в самом расцвете юности?

Но Богомудрый Вавила возразил:

– Не подобает ли тебе, царь, иметь попечение о своем царстве, вооружаться против врагов и с ними воевать, а не нас неповинных мучить? Ты же, бросив все земные заботы, устремился на нас и, забыв о врагах, пленяющих страну, воюешь с нами и нас преследуешь. И всё сие ты делаешь не для какой-либо пользы твоему царству, а только для того, чтобы угодить твоей звероподобной ярости и свирепому нраву.

Приведенный сими словами в бешенство, царь осудил и Вавилу и детей на смерть. Воины повели святых к месту усечения, а Вавила в это время воспевал слова Давида:

– «Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя» (Пс.114:6).

Достигнув места, где святым назначено было положить свои головы за Христа, Вавила, поставив пред собою отроков, подвел под меч сначала их. Он боялся, как бы кто-нибудь из них, оставшись после него, не убоялся смерти и не отступил от Господа. Поэтому он вперед посылал на небо отроков и утешал их, поучая не страшиться усечения мечом, потому что они получат от Христа жизнь вечную. Когда же отроки прияли смерть от меча, Вавила с радостью воскликнул:

– «Вот я и дети мои, которых дал мне Господь» (Ис.8:18).

После этого он и сам подклонил шею свою под меч. При сем он завещал тем, кто будет погребать его тело, положить вместе с ним в гроб и цепи и оковы:

– Пусть будут они, – сказал он, – украшением тела моего.

Усеченный во главу, отошел святой Вавила в вышние селения, и предстал с детьми своими пред Отцом Небесным. Честное тело его было погребено вместе с веригами, как то сам он заповедал, умирая; с ним были погребены и святые три младенца.

По прошествии многих лет после этого, царь Констанций[5528], сын Константина Великого, сделал соправителем своего царства Галлия, брата Юлиана, сына своего дяди[5529] (ибо своих детей он не имел). Галлий, по

прибытии своем в Антиохию, перенес мощи святого Вавилы и пострадавших с ним трех отроков в предместье Антиохии, называемое Дафна. О месте том повествуют, что оно получило свое наименование от некоей девицы Дафны, которая там скрывалась от Аполлона[5530], как о том говорится в греческих языческих сказках. Это место весьма красиво, обсажено кипарисными деревьями и окружено рощами других высоких деревьев, занимало обширное пространство, отличалось плодородием и имело быстротечный источник воды. Посреди Дафны возвышался идольский храм, в коем находился художественно изваянный идол бога Аполлона. Идол сей давал ответы вопрошавшим его, ибо в нем скрывался бес[5531]. Сюда сходились язычники, приносили идолу жертвы и совершали разные нечестивые игры и беззакония. Вышеупомянутый Галлий, бывший благочестивым христианином и старавшийся отвращать язычников от их беззаконий, хотел разорить находившийся в Дафне идольский храм, но побоялся как бы из-за этого не поднялся среди греков мятеж, потому что там было еще много язычников, готовых даже умереть за скверных своих богов. Поэтому Галлий соорудил там небольшую церковь и, как уже сказано, перенес в нее мощи святого Вавилы и трех отроков, положив их в большом каменном ковчеге. Он надеялся, что нечестивцы, собираясь на то место, мало-помалу станут обращаться ко Христу, видя чудотворения, истекающие от мощей святых. После убиения Галлия и смерти Констанция воцарился Юлиан Отступник[5532]. Во время похода своего на Персов, он посетил Антиохию и зашел в храм Аполлона. Совершив пред его идолом жертвоприношение, Юлиан вопросил его относительно того, победит ли он персов. Но идол не отвечал ему, потому что с того времени, как в Дафну были перенесены мощи святого Вавилы, бес исчез и идол замолк, не отвечая ни на один вопрос. Узнав о том от жрецов Аполлоновых, Юлиан повелел «галилеянам»[5533] взять оттуда каменный ковчег с мощами святых. Антиохийские христиане собрались все от малого до великого и с псалмами и песнопениями перенесли мощи святого Вавилы и трех отроков в город. Окружив со всех сторон ковчег, христиане воспевали:

«да постыдятся все служащие истуканам, хвалящиеся идолами» (Пс.96:7). Лишь только мощи святых были перенесены из Дафны в город, на храм Аполлонов с неба ниспал огонь и истребил его вместе с идолом. Так посрамлены были нечестивые; верующие же возрадовались и восхвалили Бога. Слава Господу вовеки. Аминь.

Житие святого пророка Моисея Боговидца

Память 4 сентября

По смерти Иосифа, – потомство Иакова, отца его, в продолжение нескольких сот лет[5534] настолько размножилось в земле египетской, что вся она переполнилась израильтянами, и во время войны они одни могли выставить до шестисот тысяч человек войска. Тогда царь египетский стал опасаться, как бы народ израильский не соединился с неприятелями Египта и, желая свободы, не вооружился бы против него. Он приставил к израильтянам особых надзирателей, коим было вменено в обязанность изнурять их тяжкими работами. С особенною жестокостью мучили они израильтян, принуждая обрабатывать землю, делать кирпичи и строить города, как ради тщеславия, так, в особенности, для того, чтобы скорее истребить еврейский народ. Но чем более они озлоблялись против израильтян и изнуряли их, тем более те размножались: ибо они не могли сократить числа людей, коих размножить и возвеличить угодно было Самому Богу. И хотя царь дал тайное повеление повивальным бабкам, чтобы они, при самом рождении, умерщвляли еврейских младенцев мужского пола; но те, боясь Бога, щадили их. Тогда царь издал по всей египетской земле бесчеловечное повеление, по которому всякий, заметивший еврейского младенца мужского пола, должен был бросать его в реку (Исх., гл. 1).

В то время жил там некий муж, по имени Амрам из колена Левиина, имевший жену из того же колена, по имени Иохаведу; у них до сего времени родились сын Аарон и дочь Мариам[5535]. В то самое лютое время, когда новорожденные младенцы еврейские были истребляемы, у них родился второй сын; дитя было так прекрасно, что мать, зная зверский закон об умерщвлении всех новорожденных еврейских младенцев, скорбела о младенце и решилась скрыть его у себя, что и делала в продолжение трех месяцев. Но потом, так как она не могла больше скрывать младенца, то взяла корзинку, осмолила ее, положила в ней дитя и поставила в тростнике у берега реки.

Сестра младенца стала в отдалении наблюдать, что с ним будет (Исх.2:2). И вышла дочь фараонова[5536] на реку[5537] купаться, а прислужницы ее ходили по берегу реки. Она увидела корзинку среди тростника, и послала рабыню свою взять ее. Открыв корзинку и видя в ней плачущего младенца, она сжалилась над ним и сказала: «Это из еврейских детей». Царевна захотела усыновить младенца и найти ему кормилицу из евреек. По сказаниям Иосифа Флавия[5538], приводили к найденному младенцу много кормилиц еврейских, но тот не принимал от них молока. Тогда Мариам, сестра Моисеева, осмелилась подойти к дочери фараоновой и сказала ей:

– Не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из евреек, чтобы она вскормила тебе младенца?

Дочь фараонова отвечала ей: «Сходи», – и та привела к ней свою мать. И сказала ей дочь фараона:

– Возьми младенца и вскорми его: я дам тебе за это плату.

Иохаведа взяла младенца, и тот прильнул к ней, чувствуя в ней свою мать. Она кормила его в своем доме; когда же младенец вырос, она привела его к дочери фараоновой, которая усыновила его и нарекла имя ему: Моисей, «потому что, – говорила она, – я из воды взяла его» (имя это по-египетски означает воду) (Исх.2:7–10).

В некоторых древних сказаниях[5539] повествуется, будто однажды дочь фараонова принесла Моисея к своему отцу, и тот, играя с ним, возложил на его голову венец царский, на котором было небольшое изваяние идола; Моисей же, сорвав венец с головы, бросил его на землю и попрал его своими ногами. Языческий жрец, который получил предсказание от волхвов[5540], что когда родится у израильтян вождь, то Египет претерпит много казней, советовал фараону убить младенца, чтобы он, возросши, не причинил какого-либо бедствия их стране. Но, по благоизволению и устроению Божию, другие восстали против сего, говоря, что младенец сделал это не умышленно, по неведению. Для испытания его младенческого неведения принесли горячих угольев, и он брал их и влагал в свои уста, отчего опалил свой язык и, вследствие этого, сделался косноязычным.

Когда Моисей пришел в возраст, дочь царская приставила к нему избраннейших мудрецов египетских для обучения его всей премудрости египетской, и он был силен в словах и делах, превзошедши в непродолжительное время своих учителей и сделавшись любимцем царя и всех ближайших его сановников (Деян.7:21–22). Когда же он узнал о своем происхождении, что он – израильтянин, и познал Единого Бога, сущего на небесах Создателя вселенной, в Коего веровал его народ, то стал гнушаться египетского языческого нечестия (Евр.11:24–26).

Некоторые историки пишут[5541], что когда ефиопляне воевали против Египта, то Моисей, достигший уже зрелого возраста, был избран египтянами в военачальники и, благодаря своему мужеству, поразил неприятелей. Однако, царь египетский, вместо благодарности, еще более возненавидел его, потому что некоторые из египетских жрецов в своем волхвовании пророчествовали, что Моисей в будущем наведет бедствия на Египет, и советовали царю убить его. Под влиянием их внушений, царь действительно замыслил убить Моисея, но не приступал к этому тотчас же, не желая оскорбить свою дочь, и надеясь найти за ним какую-либо вину или дождаться более удобного времени.

Случилось, что Моисей пошел к своим соотечественникам, сынам Израилевым, и осматривая тяжкие работы их, увидел, что египтянин бьет одного еврея. Заметив, что около того места нет никого постороннего, он убил египтянина и скрыл тело его в песке. На другой день он опять вышел и увидев двух ссорящихся евреев, сказал тому, кто начал ссору:

– Зачем ты бьешь ближнего своего?

А тот сказал:

– Кто поставил тебя начальником и судьею над нами? Не думаешь ли убить и меня, как убил вчера египтянина?

Моисей, услыхав это, испугался и сказал себе:

– Вероятно, все узнали об этом деле.

Фараон же, услышав об этом, хотел убить Моисея; но Моисей бежал от фараона и остановился в земле Мадиамской (Исх.2:11–15).

Утомившись от дальнего пути, Моисей сел у колодезя. И вот пришли к колодезю семь дочерей священника Мадиамского Иофора[5542], которые пасли стада отца своего. Они стали наполнять корыта водою, чтобы напоить овец. Но пришли пастухи других стад и отогнали их. Тогда Моисей встал и защитил девиц, начерпал им воды и напоил овец их.

Девицы, возвратившись домой, рассказали отцу своему, что какой-то египтянин защитил их от пастухов и даже начерпал им воды и напоил овец их. Иофор поспешил пригласить к себе Моисея, принял его в дом и потом отдал в замужество ему дочь Сепфору, от которой Моисей имел двух сыновей. Первого он назвал Рисамом, «потому что, – говорил он, – я стал пришельцем в чужой земле», а второго – Элиезером, сказав: «Бог отца моего был мне помощником и избавил меня от руки фараона» (Исх.2:16–22).

Спустя долгое время, умер царь египетский. И восстенали сыны Израилевы от работы, и вопль их о тяжком иге восшел к Богу. И услышал Бог стенание их, и вспомнил Бог завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковом. И призрел Бог на сынов человеческих, и восхотел освободить их (Исх.2:23–25).

Моисей пас овец у Иофора, тестя своего. Однажды он провел стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией Хориву[5543]. И вот явился ему Ангел Господень в огненном пламени из среды тернового куста[5544], и увидел Моисей, что терновый куст горит огнем, но не сгорает.

Моисей сказал:

– Пойду, посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает?

Господь же воззвал к нему из среды куста:

– Моисей, Моисей!

Он отвечал:

– Вот я, Господи!

И сказал ему Бог:

– Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место на котором ты стоишь, есть земля святая.

И прибавил при сем:

– Я – Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова.

Моисей закрыл лицо свое, потому что боялся воззреть на Бога.

– Я, – говорил Господь Моисею, – увидел страдание народа Моего в Египте, вопль от приставников его, и знаю скорби его. И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей и ввести его в землю плодоносную и пространную, в землю хананеев, хеттеев, аморреев, гергесеев, ферезеев, евеев и иевусеев, в землю текущую млеком и медом[5545]. И вот, уже дошел до меня вопль сынов Израилевых, и Я вижу угнетение, каким угнетают их египтяне. Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону, и ты выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых.

Моисей сказал Богу:

– Кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?

– Я буду с тобою, – отвечал ему Бог, – и вот тебе знамение, что Я послал тебя: когда ты выведешь народ Мой из Египта, вы совершите служение Богу на сей горе.

Моисей сказал Богу:

– Вот я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им?

– Я есмь Сущий[5546], – отвечал Бог Моисею, – так скажи сынам Израилевым: Господь Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака, и Бог Иакова[5547] послал меня к вам. Вот имя Мое на веки и памятование о Мне из рода в род. Пойди, собери старейшин Израилевых, и скажи им: Господь Бог отцов ваших явился мне и сказал: Я посетил вас… И выведу вас от угнетения египетского, и они послушают тебя, и вы пойдете к царю египетскому, и скажете ему: Иегова, Бог еврейский, призвал нас. Итак, отпусти нас в пустыню, на три дня пути, чтобы принести жертву Господу Богу нашему. – Но Я знаю, что царь египетский не позволит вам идти. Тогда Я поражу Египет чудесами: и фараон принужден будет отпустить вас.

– А если они не поверят мне, – возразил Моисей, – и не послушают голоса моего и скажут: Господь не являлся тебе?

Господь сказал: «Что это у тебя в руке?

Он отвечал: «Посох».

Господь сказал: «Брось его на землю».

Моисей бросил, и посох превратился в змея. Моисей побежал от него, но Бог повелел ему взять змея за хвост, и змей стал снова жезлом в его руках.

Господь сказал:

– Вот тебе знамение для того, чтобы поверили тебе, что явился тебе Господь, Бог отцов их. А если не поверят и сему, то сделай еще вот что: положи себе руку за пазуху.

Моисей положил руку за пазуху, потом вынул, и увидал, что она побелела от проказы[5548], как снег. Господь велел положить ему опять руку за пазуху, и она снова стала здоровою.

– Если не поверят и сему чуду, – сказал Господь, – то возьми воды из реки и вылей на сушу, и вода сделается на суше кровью.

Моисей опять стал просить, чтобы Бог не посылал его, ибо он не речист и косноязычен.

Господь сказал:

– А кто дал уста человеку? Кто делает немым или глухим, или зрячим, или слепым? Не Я ли, Господь Бог? Итак пойди, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить.

Моисей продолжал отказываться и просил послать вместо него кого-либо более способного. Тогда Господь разгневался на Моисея и сказал:

– Разве нет у тебя Аарона брата? Я знаю, что он может говорить вместо тебя. И вот он выйдет навстречу к тебе, и свидание с тобою обрадует его. Ты будешь ему говорить и влагать слова Мои в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его и буду учить вас, что вам делать. И будет говорить он вместо тебя к народу и будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога. И жезл сей (который был обращен в змея) возьми в руку твою: им ты будешь творить знамения[5549].

После этого Моисей возвратился к Иофору и сказал ему: «Я пойду в Египет к братьям своим, посмотрю, живы ли еще они».

– Иди с миром, – отвечал Иофор.

И пошел Моисей в Египет без страха, ибо тот царь, который хотел его убить, и все искавшие его погибели уже умерли. Навстречу Моисею, по повелению Божию, вышел Аарон, который с радостью облобызал его. Моисей передал Аарону все слова Господни. Пришедши в Египет, они собрали всех старейшин Израилевых и поведали им все слова, которые говорил Господь Моисею, а Моисей сотворил пред глазами их знамения и чудеса. Израильтяне поверили им и возрадовались, что Бог посетил сынов Израилевых и призрел на их страдание.

После этого Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали ему:

– Так говорит Господь Бог Израилев: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне праздник в пустыне.

Но фараон сказал:

– Кто такой Бог Израилев, чтобы я послушался голоса Его? Не знаю Господа, и израильтян я не отпущу. И вы, Моисей и Аарон, к чему отвлекаете народ от работ? Ступайте каждый на свою работу.

И немедленно дал повеление приставникам над евреями еще более угнетать их тяжкою работою и не давать им впредь соломы для делания кирпичей, которую с той поры они должны собирать сами, но при этом урочного числа кирпичей у них не убавляли.

– Евреи, – говорил царь, – праздны; потому и кричат: мы пойдем, принесем жертву Богу нашему.

После этого евреев стали угнетать еще более. Отыскивая сами себе материал, они не успевали приготовить положенного для них на каждый день числа кирпичей; за это били еврейских надзирателей и не принимали от них никаких объяснений, и те возопили против Моисея и Аарона, говоря: «Суди вас Господь за то, что вы сделали нас ненавистными пред фараоном и рабами его и дали в руки им оружие, чтобы убить нас».

Моисей обратился к Господу и сказал:

– Господи! Для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей, для чего послал меня? Ибо с того времени, как я пришел к фараону и стал говорить именем Твоим, он начал хуже поступать с народом.

Господь отвечал Моисею:

– Теперь увидишь ты, что Я сделаю с фараоном: по действию руки крепкой, он отпустит сынов Израилевых, даже выгонит их из земли своей. Скажи им: Я, Господь, выведу вас из-под ига египтян, и спасу вас, соделаю вас Своим народом и буду вам Богом, и введу вас в ту землю, которую Я клялся дать Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее в наследие.

Моисей пересказал слова сии сынам Израилевым, но они, по своему малодушию и тяжести работ, не поверили Моисею. Тогда Господь повелел Моисею идти к фараону и сказать, чтобы он отпустил сынов Израилевых из земли своей. Моисей отвечал, что если уже сыны Израилевы не слушают его, то как же послушает его фараон, когда и речь у него, Моисея, невнятна.

На сие Господь отвечал ему:

– Я поставил тебя как бы божеством фараону, а Аарон, брат твой, будет у тебя пророком. Ты будешь говорить ему всё, что Я повелю тебе, а брат твой будет говорить фараону, чтобы он отпустил израильтян. Но Я допущу, чтобы фараон выказал свое упорство во всей силе, и не слушал вас. За это Я простру руку Мою на Египет и произведу над ним грозный суд посредством чудесных казней; тогда узнают все египтяне, что Я – Бог! И выведу сынов Израилевых из среды их. А если фараон потребует от вас доказательства, то ты вели Аарону бросить жезл, – и жезл сделается змеем.

Ободренные Самим Богом, Моисей с Аароном снова предстали пред фараоном и его слугами и сделали, как повелел им Господь. Аарон поверг пред фараоном жезл свой, и жезл сделался змеем. Фараон призвал мудрецов египетских и чародеев, и те сделали то же своими чарами; но жезл Ааронов поглотил их жезлы. И ожесточилось сердце фараона, и он не послушал их, как и предрекал Господь, и не восхотел отпустить евреев. Тогда по повелению Божию, Моисей и Аарон начали наводить казни на землю египетскую[5550].

На другой день Аарон по повелению Моисееву взяв жезл свой, ударил им по воде речной в присутствии фараона и рабов его, и вся вода в реке превратилась в кровь; рыба в реке

вымерла, и воссмердела река, и египтяне не могли пить воды из реки. Второй казнью были жабы[5551]: Аарон простер руку на воды египетские, и извел из них жаб, которые проникли в дома, в спальни, на постели, в печи и квашни, и на царя, и на рабов, и на людей его, и нигде никому не давали покоя. И покрылась вся земля египетская жабами, а когда они по повелению Моисееву вымерли, египтяне собрали их в груды, и воссмердела вся земля от вымерших и сгнивших жаб. Третьею казнью были скнипы на людях и на скоте, на фараоне и доме его и на рабах его, и почва земли египетской вся стала наполненной скнипами[5552]. Четвертою казнью были песьи мухи[5553]. Пятою казнью была весьма тяжкая язва на скоте по всей земле египетской. Шестой казнью были гнойные воспалительные нарывы на людях и на скоте. Седьмою казнью был град и огонь между градом[5554], и град тот побил всё, что только было под открытым небом: и траву, и деревья, и скот, и людей. Восьмой казнью были саранча и гусеницы[5555], которые пожрали всю египетскую растительность. Девятой казнью была трехдневная тьма по всей земле египетской, настолько густая, что и при огне не было света, так что никто не мог видеть друг друга в продолжение трех дней, и никто в это время не вставал со своего одра. Десятой и последней казнью была смерть первенцев египетских.

И все казни сии из коих ни одна нисколько не вредила израильтянам, а только египтянам, были наводимы Богом через Моисея и Аарона за то, что фараон не хотел отпустить людей Божиих в пустыню для служения Богу; ибо, хотя он и несколько раз обещался отпустить их из страха пред казнью, но когда казнь ослабевала, то снова ожесточался и таким образом не отпускал их до десятой казни. Перед десятой же казнью сыны Израилевы, сообразно с тем, как заповедал им Моисей, выпросили у египтян серебряные и золотые сосуды и дорогие одежды, сколько могли унести с собою.

Потом Моисей установил сынам Израилевым, в память исхода их из Египта, праздник Пасхи, по повелению Господню. Господь сказал Моисею и Аарону:

– Этот месяц[5556] пусть будет у вас первым в году. Скажите всему обществу сынов Израилевых, чтобы в девятый день этого месяца каждое семейство отделило у себя из стада по одному агнцу. Агнец должен быть без порока, мужского пола, однолетний. И пусть хранят его у вас до четырнадцатого дня сего месяца. Тогда вечером пусть заколют агнца в каждом семействе. Потом пусть кровью его помажут оба косяка и перекладину в тех домах, в которых соберутся есть агнца. Есть же мясо его надобно не сваренным в воде, а испеченным на огне, с пресным хлебом и горькими травами. До утра не оставляйте ничего от него и костей не раздробляйте, а что останется, сожгите огнем. Ешьте с поспешностью, препоясавшись и обувшись, и с посохами в руках. Это – Пасха Господня[5557]. Я пройду в ночь сию по земле египетской, и поражу всякого первенца у египтян, от человека до скота, а когда у вас увижу кровь на домах, – пройду мимо вас и не дам губителю войти в дома ваши для поражения. И да будет день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во все роды ваши, как установление вечное[5558].

Согласно повелению Божию в каждом семействе Израиля был отделен и приготовлен к назначенному времени агнец. У всех сынов Израилевых двери были помазаны кровью и заперты; никто не выходил из них до утра. В полночь Ангел погубляющий прошел по Египту и поразил всех первенцев египетских, от первенца фараонова до первенца узника, заключенного в темнице, и всех первородных от скота. У евреев же всё было цело.

Ночью встал фараон, и все его рабы, и все египтяне, и раздался великий вопль по всей земле египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца. Тотчас же фараон призвал к себе Моисея и Аарона и сказал:

– Встаньте, выйдите из среды народа моего, вы и все сыны Израилевы, и пойдите совершите служение Господу Богу вашему, как говорили вы; возьмите мелкий и крупный скот. Идите, и благословите меня.

Египтяне стали понуждать израильтян, чтобы они скорее вышли из земли их, ибо, говорили они, мы иначе умрем все из-

за них.

И понес народ израильский тесто свое, прежде нежели оно вскисло; квашни их, завязанные в одеждах, были на плечах их, ибо они, понуждаемые египтянами, не могли успеть приготовить в путь брашна. Они вышли с серебром, золотом и драгоценностями; с ними вышло также много пришельцев, мелкого и крупного скота. Число всех пеших мужей, кроме домочадцев и других пришельцев, достигало 600 000 человек. Моисей взял с собой кости Иосифа, который умер в Египте и пред смертью, пророчественным духом провидя будущее, заклял сынов Израилевых, говоря: «Посетит вас Бог, и вы с собою вынесите кости мои отсюда» (Быт. 50:24–25).

Господь Бог шел пред израильтянами: светя им днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном, дабы идти им днем и ночью. Не отлучался столп днем и столп огненный ночью от лица всего народа (Исх.13:16–32).

Когда царю египетскому было возвещено, что народ израильский бежал, – обратилось сердце его и рабов его против народа сего, и они сказали: «Что мы сделали? Зачем отпустили израильтян, чтобы они не работали нам?» Фараон запряг колесницу свою, и народ свой взял с собою, шестьсот колесниц отборных и все прочие колесницы египетские, и начальников над всеми ними. Они погнались за израильтянами и настигли их, когда они стояли станом при море[5559], но не могли напасть на них: Ангел Божий, шедший пред станом сынов Израилевых, пошел позади их, вошел в средину между станом египетским и между станом сынов Израилевых, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не приблизились они друг к другу. Моисей простер руку свою на море, и Господь погнал море сильным восточным ветром, продолжавшимся всю ночь, и сделал море сушею, и воды расступились. Израильтяне пошли через море по суше; воды же были им стеною по правую и по левую сторону. Египтяне погнались за ними, и вошли в средину моря все кони фараона, колесницы его и всадники его. После того как израильтяне были проведены через море, Моисей по повелению Божию простер руку свою на море, и к утру вода возвратилась в свое место, а египтяне бежали навстречу воде.

И потопил Господь египтян среди моря: возвратившаяся вода покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море, так что не осталось ни одного из них. И избавил Господь в день тот израильтян из рук египтян, коих увидели они мертвыми на берегу моря, выбросившего их тела на сушу, так что не осталось ни одного из них. Тогда израильтяне увидели в происшедшем руку великую, которую явил Господь над египтянами, и убоялся народ Господа и поверил Ему и рабу Его Моисею (Исх., гл. 14). Моисей и сыны Израилевы, радуясь и торжествуя, воспели благодарственную песнь Господу:

– «Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море…»[5560] (Исх.15:1–18).

И Мариам сестра Моисея и Аарона, собравши жен израильских, водила с ними хоры, взяв в руку свою тимпан[5561]; все они ударяли в тимпаны и под ее руководством пели ту же песнь.

После этого Моисей повел израильтян от Чермного моря[5562], и они вступили в пустыню Сур[5563]; и шли они три дня по пустыне и не находили воды. Когда же пришли они в Мерру и нашли там источник, то не могли пить воды из него, ибо вода была горька. И возроптал народ на Моисея, говоря: «Что нам пить?» Моисей возопил к Господу, и Господь указал ему дерево; он бросил его в воду, – и вода сделалась сладкою[5564]. И руководил Моисей израильтянами во время их путешествий по различным пустыням в продолжение сорока лет, испрашивая им от Бога всё благопотребное. Когда они возроптали на Моисея и Аарона из-за пищи, вспоминая мясо, которое ели в Египте, – Моисей умолил Бога, и Господь одождил их манною и послал им перепелов досыта[5565]. Эту манну ели израильтяне сорок лет в аравийской пустыне, пока не вошли в пределы обетованной им ханаанской земли. Когда они возроптали из-за жажды, Моисей извел им воду из камня: он ударил жезлом в камень, и истек источник воды[5566]. Когда на израильтян сделали нападение амаликитяне, Моисей воздвиг на молитве руки свои к Богу, и израильтяне стали одолевать и побеждать врагов, войска которых и истребили мечом совершенно[5567]. И сколько

раз они ни прогневляли Бога в пустыне, – всякий раз Моисей умолял за них Господа, Который хотел истребить их, если бы Моисей, избранный Его, не стал пред Ним, чтобы отвратить ярость Его, да не погубит их!

Между тем Иофор, тесть Моисеев, услышав, что сделал Бог для Моисея и народа израильского при исходе их из Египта, взял Сепфору, жену Моисееву, и обоих сыновей его и отправился с ними к горе Хориву, у которой израильтяне расположились своими шатрами. Моисей вышел к нему навстречу и после взаимного приветствия рассказал ему о всем, что сделал Господь с фараоном и со всеми египтянами за Израиля, и о всех трудностях, кои встретили их на пути. Иофор радовался, слыша о благодеяниях, которые Бог явил Израилю, прославил Бога, избавившего свой народ из-под власти египтян, исповедал пред всеми, что Господь велик, паче всех богов, и принес Ему жертвы.

На другой день Моисей сел судить народ, народ стоял пред ним с утра до вечера.

Видя сие, Иофор заметил Моисею, что он напрасно утруждает так себя и народ, ибо ему одному слишком тяжело это дело.

– Послушай слов моих, – говорил Иофор, – будь для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела его; научай сынов Израилевых уставам Божиим и законам Его, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать; и выбери себе людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над народом тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками, и десятоначальниками, и письмоводителями; пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они вместе с тобой понесут бремя.

Моисей послушался тестя своего, после чего Иофор вскоре простился с ним и возвратился в землю свою (Исх. 18).

В самое новолуние третьего месяца по исходе израильтян из Египта пришли они в пустыню Синайскую и расположились станом против горы. Моисей взошел на Синай[5568], и Господь

воззвал к нему с горы, повелев возвестить израильтянам от Своего имени: «Вы видели, что Я сделал с египтянами, и как Я носил вас, как бы на орлиных крыльях, и принес вас к Себе. Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим избранным народом пред всеми другими, и будете у Меня царством священным и народом святым».

Народ изъявил готовность исполнить всё, что ни повелит Бог. Тогда Господь повелел Моисею освятить народ и двухдневным очищением приготовить его к третьему дню. На третий день, с утра послышались громы, стали сверкать молнии, и густая тьма обложила гору; раздавался трубный звук, который становился сильнее и сильнее. Весь народ трепетал. И повел его Моисей из стана в сретение Господу; все остановились у подошвы горы. Гора со всех сторон окружена была чертою, переступать которую было запрещено под страхом смерти. Народ видел, что гора Синай с самых оснований своих колеблется, и от нее восходит дым, как бы от печи; потому что на нее в густом облаке и в огне сошел Господь. Моисей же и Аарон по повелению Божию стали на горе в виду народа (Исх.19:3–25).

Тогда весь народ услышал голос Иеговы:

«Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть

дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; поэтому благословил Господь день субботний и освятил его. Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего» (Исх.20:2–17; Втор.5:5).

После этого старейшины Израилевы выступили пред Моисеем, и сказали:

– Вот, Бог показал нам славу Свою, мы слышали и голос Его из среды огня… Мы чувствуем, что невозможно никакому смертному существу слышать Бога присноживущего, как слышим мы, и остаться в живых. Лучше приступи ты, и слушай всё, что скажет тебе Бог наш, и пересказывай нам: мы будем слушать и исполнять.

– Не бойтесь, – сказал Моисей, – Бог испытывает вас, чтобы, наведя на вас страх Свой, удержать вас от преступления заповедей Своих.

Потом Моисей вступил в мрак, ознаменованный ближайшим присутствием Иеговы, и там принял от Него различные законы, относившиеся к церковному и гражданскому благоустройству народа Божия и, сошедши с горы, передал всё, сказанное Господом, народу и записал всё это в книгу. На другой день утром Моисей соорудил под горою жертвенник из земли и поставил около него двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых и принес Богу всесожжения и благодарственные жертвы из закланных тельцов и козлов, от лица всего народа, который обещал при сем исполнять всё, что повелел Господь (Втор.5:23–31; Исх.20:18–21, 24:1–11). Потом Господь сказал Моисею:

– Взойди ко Мне на гору и будь там, и дам тебе скрижали каменные[5569], и закон, и заповеди, которые Я написал для научения народа.

Моисей с помощником своим в деле служения, Иисусом, сыном Навина[5570], взошел на Синай, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила ее, и покрывало Синай облако в продолжение шести дней, а в седьмой Господь воззвал к Моисею, и тот взошел на самую вершину, где пребывал сорок дней и сорок ночей. В сие время он получил наставление, каким образом устроить скинию или походный храм, в котором народ должен приносить жертвы и возносить молитвы к Богу. По окончании сорока дней Господь дал ему две скрижали, на которых перстом Божиим начертаны были все те десять заповедей, которые Господь изрек вслух всего народа (Исх.24:12–18, 31; Втор.9:9–11).

Между тем народ, видя, что Моисей долго не сходит с горы, собрался к Аарону и потребовал, чтобы он сделал им бога, который бы шел пред ними, «потому что, – говорили они, – с Моисеем что-нибудь случилось». Они принесли ему золотые серьги своих жен и дочерей, и Аарон сделал им из золота изображение тельца. Народ говорил: «Вот бог, который вывел нас из земли египетской». И на другой день на жертвеннике пред тельцом принесли жертвы, стали пить, есть и играть[5571]. И разгневался на них Бог, и сказал Он Моисею, что сей жестоковыйный народ, которого извел Он из Египта, совратился с пути, преступил заповеди Божии и поклоняется ложному богу. Моисей стал молиться за народ, и Бог внял его ходатайству. Спустившись к подошве горы, Моисей и Иисус Навин увидали тельца и пляски. Моисей воспламенился гневом и, бросив скрижали, разбил их под горою в виду всего народа. Потом взял тельца, которого они сделали, разбил его и стер в пыль, которую высыпал в текущий с горы поток, и, в посрамление рукотворенному божеству, заставил израильтян пить ту воду. Аарон, в ответ на упреки Моисея, извинял себя необузданностью и упорством буйного народа, и Моисей увидел, что народу нечем оправдать себя. Он стал в воротах стана и воскликнул:

– Кто остался верным Господу, – иди ко мне!

И собрались к нему все сыны Левиины. Моисей повелел каждому из них пройти с мечом по стану и обратно, и убивать

всякого, кто встретится. И пали до трех тысяч человек из числа виновных (Исх.32:1–29; Втор.9:12–17, 21).

На другой день Моисей опять взошел на гору, повергся пред Богом и, постясь сорок дней и ночей, умолял за грех народа, говоря:

– Если Ты не простишь греха их, то изгладь и меня из Твоей книги, в которую вписаны у Тебя предназначенные для вечного блаженства.

Господь отвечал, что изгладит из книги Своей согрешивших пред Ним, и, повелевая Моисею вести народ в обетованную землю, дал знать, что не будет уже сопутствовать ему особенным благоволением. Народ, услышав сию угрозу, зарыдал, и все возложили на себя покаянные одежды. Моисей усугубил молитвы, и Бог возвратил израильтянам Свое благоволение.

После этого Моисей был удостоен на Синае видеть славу Господню.

– Лица Моего, – сказал ему Господь, – нельзя тебе видеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. Но Я проведу пред тобою всю славу Мою и возглашу имя: Иегова… Когда же будет проходит слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а Лицо Мое не будет видимо тебе.

При сем Моисей получил повеление написать слова завета в книгу и принял опять скрижали, на которых Бог снова начертал те же десять заповедей, которые были записаны на прежних.

Созерцание славы Божией оставило след на лице Моисея. Когда он сошел с горы, Аарон и все израильтяне боялись подойти к нему, видя, как сияет лицо его. Моисей подозвал их и сообщил им всё, что заповедал ему Бог. После этого он положил себе на лице покрывало, которое снимал только тогда, когда предстоял пред Богом (Исх.32:30–33, 33:1–6, 12–23, 34:1–8, 10–18, 22–24, 26–35; Втор.9:18–19, 10:1–4; 2Кор.3:13).

Моисей объявил сынам Израилевым волю Божию о скинии и приступил к ее сооружению, поручив его указанным Богом

художникам, по образцу, виденному им на Синае, во время сорокадневного на нем пребывания. Израильтяне же приносили щедрые пожертвования золотом, серебром, медью, шерстью, виссоном, кожами, деревьями, ароматами, драгоценными камнями и всем, кто чем мог. Когда скиния была готова и освящена со всеми принадлежностями елеем помазания, облако покрыло ее и наполнило всю скинию, так что сам Моисей не мог войти в нее. И поставил Моисей внутри скинии кивот завета, окованный золотом[5572], в который вложил золотую стамну с манной[5573], жезл Ааронов процветший[5574] и скрижали завета, а над кивотом поставил изображение двух золотых Херувимов[5575] и устроил всё необходимое для жертвоприношений и всесожжений. Потом Моисей установил для израильтян праздники и новомесячия[5576] и поставил им священников и левитов, избрав для служения Богу, по Его повелению, всё колено Левиино и отдав его в распоряжение Аарона и сыновей его[5577].

Много иных знамений и чудес сотворил раб Божий Моисей, много приложил попечений об израильтянах, много дал им законов и разумных распоряжений; обо всём этом сообщается в написанных им в священных книгах: в книге Исхода, Левит, Числ и Второзакония; в этих книгах подробно описывается его житие и труды, которые он подъял на себя во время управления сынами Израилевыми.

Когда израильтяне пришли к горе Аморейской в Кадис-Варни[5578], Моисей сказал им, что земля, которую Господь отдал им в наследие, теперь перед ними; но израильтяне пожелали послать прежде соглядатаев осмотреть землю, и по повелению Божию Моисей выбрал из начальников Израилевых по одному человеку от каждого колена, в том числе и Иисуса Навина, для обозрения земли Ханаанской. Возвратившись, посланные рассказали, что земля та обильна плодами, пажитями, скотом и пчелами, но некоторые из них испугались жителей той страны, отличавшихся необыкновенным ростом и силою, и советовали израильтянам возвратиться в Египет, чтобы не погибнуть от амореев; Иисуса же Навина и других, которые убеждали идти в ту прекрасную землю, израильтяне хотели побить камнями. Но

Бог, по молитве Моисея, простил израильтянам грех их, а виновные в возмущении были поражены внезапною смертью (Числ. 13:1–34, 14:1–45; Втор.1:19–46).

В дальнейшем пути сыны Израилевы показали опять малодушие свое, и стали жаловаться и роптать на Бога. Тогда Господь послал ядовитых змей, жала коих были смертоносны, и умерло от них много сынов Израилевых. Народ смирился и каялся в том, что согрешил против Бога и возроптал на Моисея. Тогда Моисей помолился, чтобы Господь отогнал от них змей, и Господь сказал ему: «Сделай змея и повесь его на шест: тогда, кто бы ни был уязвлен, пусть только взглянет на него – и останется жив». Моисей повесил на шесте медное изображение змея, после чего все уязвленные, кто с верою взирал на сие изображение, оставались невредимыми[5579].

Так руководил Моисей народом израильским по пути в землю ханаанскую, спасая его своими молитвами и чудесами от различных бедствий и наказаний Божиих.

Моисею самому было определено умереть вне земли Обетованной. Когда приблизилось время его кончины, Господь предвозвестил ему о скором его преставлении и сказал:

– Взойди на гору Аварим[5580], которая находится в земле моавитской, против Иерихона, и посмотри на землю ханаанскую, которую Я даю во владение сынам Израилевым, и умри на горе той, и приложись к народу твоему, как умер Аарон, брат твой, на горе Ор[5581], и приложился к народу своему, за то, что вы согрешили против Меня среди сынов Израилевых при водах Меривы в Кадисе, в пустыне Син, за то, что не явили святости Моей среди сынов Израилевых; пред собою ты увидишь землю, которую Я даю сынам Израилевым, но сам не войдешь туда (Втор.31:14–30, 32:1–52, 33:1–29).

Пред своею смертью Моисей благословил сынов Израилевых, каждое колено особо, пророчествуя о будущих судьбах их (Втор.3:23–28; Числ.27:12–23). После этого по повелению Божию он взошел на гору, и показал ему Господь всю землю Галаадскую до Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого Западного моря и полуденной страны и равнины

долины Иерихона, города пальм, до Сигора[5582]. И умер там Моисей, раб Господень, в земле моавитской, по слову Господню. Тело его погребли в долине земли моавитской против Веф-Фегора[5583], и никто никогда не узнал места погребения его. Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась. Израильтяне почтили кончину Моисея тридцатидневным плачем. И не было более у израильтян пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу, по всем знамениям и чудесам, совершенным им пред глазами всего Израиля (Втор.34:1–12).

Молитвами святого пророка Моисея да избавит Господь и нас от всякой скорби, и да вселит нас в вечные селения, изведя из Египта – многобедственного мира сего! Аминь.

Тропарь, глас 2:

На высоту добродетелей возшел еси пророче Моисее, и сего ради сподобился еси видети славу Божию: скрижали благодатныя закона прият, и начертаний благодать в себе нося, и пророков был еси честная похвала, и благочестия великое таинство.

Кондак, глас 2:

Лик пророческий, с Моисеем и Аароном, веселием днесь веселится, яко конец пророчествия их на нас исполнися: днесь сияет крест, имже нас спасл еси. Тех молитвами Христе Боже помилуй нас.

Память святых мучеников Феодора, Миана, Иулиана, и Киона

Память 4 сентября

Сии святые мученики жили в царствование Максимиана и были родом из селения Кандавлы[5584]. За исповедание Христа их схватили и предали разным мучениям. Сначала их тела так сильно строгали, что кости их обнажились. Затем их заперли в очень жарко натопленную баню, двери которой запечатали царским перстнем, чтобы святые мученики не могли из нее выйти. Но Ангел Божий воззвал их, и они вышли невредимыми, при запечатанных дверях. Воины взяли их и повели вон из города. По просьбе святых, им дано было время для молитвы. Они долго молились и благодарили Бога за то, что Он сподобил их претерпеть за Христа мучения. После этого их тела рассечены были на части, колена их были раздроблены, и, наконец, их самих бросили в огонь, где они с радостью предали души свои Господу.

Память святого Вавилы Никомидийского и с ним 84 детей

Память 4 сентября

В то время как император Максимиан жил в Никомидии для преследования христиан, многие из них скрывались от гонителей. И вот царю было донесено, что в одном сокровенном месте находится один старец, по имени Вавила, который учит детей почитать не языческих богов, но распятого Христа. Тотчас посланы были воины и привели св. Вавилу и учеников его к царю, который спросил его: «Почему ты, старец, не только сам прельщаешься, почитая распятого от иудеев человека и не поклоняясь нашим богам, но и научаешь тому же несмысленных детей?» Св. Вавила ответил царю: «Языческие боги суть бесы, а наш Бог сотворил небо и землю. Ты, царь, и все твои приближенные слепы, потому что вы не видите истины». Максимиан приказал четырем воинам бить святого по лицу, по ребрам и по коленам. Во время своих страданий, когда всё тело его обагрилось кровью, св. Вавила возопил ко Господу: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты соделал меня, старого и немощного, молодым и крепким, – крепче самого царя!» Максимиан велел бить его по плечам и по ногам камнями. Затем, по сокрушении всех его членов, надели ему на шею тяжелое бремя, забили ноги его в железные оковы и заключили его в темницу. После того привели к царю малолетних учеников святого, числом восемьдесят четыре, мальчиков и девочек. Царь начал ласково уговаривать их поклониться идолам. Они же ничего ему не отвечали, но часто взглядывали друг на друга. Видя, что они молчат, Максимиан отделил из них десять, которые были постарше, и сказал им: «Вот, вы умнее других; итак, послушайте меня и принесите жертву богам, и за то вы будете жить у меня во дворце и получите от меня много богатых даров». Тогда двое из них, Аммоний и Донат, ответили ему: «Мы – христиане и не приносим жертв немым и глухим бесам». Царь приказал их бить. Во время биения они непрестанно повторяли: «Мы христиане и не служим богам твоим». Царь начал затем

уговаривать прочих детей, но они твердо исповедовали свою веру и отказались приносить жертву идолам. Видя, что детей нельзя уговорить, царь приказал бросить их в тюрьму, а учителя их повесить и бить железными прутьями. Когда и эти все мучения не привели их к отречению от Христа, то над святыми детьми и их учителем произнесен был смертный приговор, коим они осуждены были на усечение мечом. Шествуя с учениками своими на казнь, св. Вавила пел: «Вот я и дети, которых дал мне Бог!» По достижении ими места казни, сначала казнен был св. Вавила, а потом и все дети, ученики его. Верующие пришли ночью и, взявши их мощи на корабль, привезли их в Византию и положили в трех ковчегах, восхваляя и благодаря Бога.

Память святой мученицы Ермионии

Память 4 сентября

Св. Апостол Филипп, крестивший вельможу Эфиопской царицы Кандакии (Деян.8:26–40), имел четырех дочерей, о коих св. Евангелист Лука замечает, что они были пророчицами и девами (Деян.21:9). Из них Ермиония и Евтихия отправились в Асию[5585], ища св. Иоанна Богослова, но не нашли его, ибо Господь «преложил"[5586] его, как некогда Еноха (Быт.5:24) и Илию (4Цар.2:11). И встретили они Петрония, ученика Ап. Павла, и сделались его ученицами, подражая и житию его. Святая Ермиония искусна была во врачебном художестве, и поэтому к ней стало приходить много христиан, и всех она врачевала силою Христовою. В то время император Траян[5587] шел войною на персов. Когда ему донесли, что Ермиония – христианка, он велел привести ее к себе и ласково начал беседовать с ней, желая прельстить ее и отвратить от Христа. Но она не склонилась на его увещания. Тогда царь велел долгое время бить ее по лицу. Святая удостоилась среди такого мучения утешительного видения: она узрела Господа, сидящего на престоле судейском, похожего лицом на Петрония, беседующего с нею и укрепляющего ее, и радостно терпела свои страдания. Убедившись в ее твердости, царь отпустил ее. Она устроила гостиницу, в которой принимала больных, врачуя их душевно и телесно, в продолжение всего царствования Траяна. Преемник его, Адриан, снова велел привести ее к себе на суд и за ее твердое исповедание Христа Спасителя приказал бить ее без пощады. Она же с молитвою на устах терпела это страдание. Когда слуги бившие святую изнемогли, царь велел другим слугам пронзить ступни ее ног длинными гвоздями. И сие мучение святая терпела, воссылая хвалу Богу. Затем бросили ее в котел с кипящею смолою, с оловом и серою. Находясь в этом котле, св. Ермиония возвела очи на небо, помолилась и тотчас огонь угас, олово разлилось, и святая осталась невредимой. Адриан приказал еще сильнее разжечь котел, чтобы погубить в нем св. мученицу. Но, к великому

удивлению всех, она стояла в котле точно среди росы. Удивился царь такому чуду и, встав с престола своего, коснулся рукою котла, желая удостовериться, не остыл ли он. И вот кожа руки его и ногти сильно опалились. «Велик Бог христианский!» – воскликнула святая. Мучитель приказал тогда раскалить сковороду и положить на нее обнаженную святую мученицу. Но Ангел Господень разбросал угли и опалил ими многих, стоявших вокруг сковороды. Святая же, стоя на ней, как на зеленеющей траве, воспевала и славила Господа. Устрашился царь, видя преславное сие чудо, и велел снять ее со сковороды. Тогда св. мученица сделала вид, что желает принести жертву богу Геркулесу[5588]. Царь с радостью повел ее в идольское капище. Она помолилась Богу истинному, и вдруг послышался сильный гром, и все идолы в капище упали и разбились. Сильно разгневался царь и велел вывести Ермионию за город и отсечь ей главу. Двое слуг, Феодул и Тимофей, взяли св. мученицу и вывели ее за город. Прежде чем казнить ее, они устремились было к ней, желая произвести над ней насилие, но внезапно высохли у них руки. Тогда они уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, припали к ногам св. мученицы и просили помолиться за них, чтобы Господь призвал их к Себе прежде нее, – что по ее молитве и совершилось. После этого святая помолилась и за себя и мирно скончалась на том месте. Некоторые благоговейные христиане взяли их мощи и положили в Ефесе, в честном месте, славя Бога[5589]

Житие святого пророка Захарии

Память 5 сентября

Святой пророк Захария, священник из потомства Ифамара, сына Ааронова, имел жену Елисавету, которая также была из рода Ааронова и доводилась сестрой Анне, матери Пресвятой Богородицы. Святое Евангелие свидетельствует о Захарии и Елисавете, что они были украшены всеми добродетелями, непорочно проходя свое жизненное поприще. Святой Апостол и Евангелист Лука говорит о них: «оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно» (Лк.1:6). Что житие их было действительно благочестиво, об этом свидетельствует также и святая их отрасль, честный и славный пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. В Писании сказано: «по плодам их узнаете их» (Мф.7:16): плод от доброго дерева действительно не может быть дурным, ибо, как говорит то же Писание: «если корень свят, то и ветви» (Рим.11:16). Поэтому и святая ветвь – Иоанн могла произойти только от святого корня.

Св. Захария, отец Предтечи, священствовал в Иерусалиме в царствование Ирода[5590]. Он был из дневной чреды Авиевой, то есть из рода Авии, очередь которого приходилась в восьмую седмицу.

О этих чредах повествуется следующее.

Царь Давид, видя, что род Аарона стал очень многочислен, так что не было никакой возможности всем вместе совершать служение в храме, разделил потомков Аарона на двадцать четыре чреды или лика, чтобы они, один за другим, справляя каждый свою седмицу, совершали службы в храме. Во всякой отдельной чреде царь избрал одного честнейшего мужа и сделал его начальником лика, так что каждая чреда имела своего главного священника, в чреде же было более пяти тысяч священников. Для того чтобы не было между главными священниками спора о том, кому из них со своим ликом служить первую седмицу, кому вторую, кому третью и т.д. до двадцать четвертой, они бросили жребий и по жребию сделали

распределение, и такой раз установленной очереди они держались до наступления новой благодати, так что потомки каждого священника соблюдали свою очередь по жребию, который выпал их предку. Восьмой жребий выпал священнику Авии (1Пар.24:10), в числе потомков коего был также и святой Захария; поэтому-то он и отправлял в течение восьмой седмицы службу в храме вместе со всей своей чредой, ибо он был главным над остальными священниками своего ряда.

Однажды Захарии, – когда он, соблюдая очередь свою, служил пред Богом, – по обычаю священников, нужно было войти в храм Господень для каждения; было же в то время на молитве множество народа. Войдя во святилище, Захария заметил Ангела Господня, стоящего по правую сторону кадильного алтаря. При виде Ангела Захарию объял страх; но посланник Божий успокоил его, сказав: «Не бойся, Захария». И утешил он праведного священника, возвестив, что молитва его благоприятна Богу; внимая ей, Господь дарует ему милость: Он благословил жену его Елисавету, разрешая несмотря на ее престарелый возраст узы ее неплодства, и она родит сына, тезоименитого благодати Иоанна[5591], который своим рождением принесет радость не только родителям, но и множеству людей: «Многие, – прибавил Ангел, – возрадуются рождению его». Возвестил Ангел Захарии также и о том, что сын его будет велик пред Господом не телом, но духом; он будет постником и будет вести такую воздержную жизнь, как никто другой; и действительно, таково же о нем было и свидетельство Самого Сына Божия: «ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет» (Лк.7:33). Ангел предсказал, что еще во чреве матери Иоанн исполнится Духа Святого и многих из сыновей израильских обратит к истинному Господу Богу, что он будет Христовым Предтечей в духе и силе пророка Илии[5592] и приготовит народ к принятию Господа Спасителя.

Услыша всё сие, Захария был удивлен и поражен, так что не решался верить сказанному; странным казалось ему сие потому, что Елисавета была неплодна, и оба они были уже преклонного возраста. И сказал он Ангелу:

– Как мне поверить сему: ведь я уже стар, состарилась также и жена моя, которая никогда не имела детей?

Тогда Ангел ответил ему:

– Я – Гавриил, предстоящий пред Богом; я послан сказать и благовестить тебе сие. И за то, что не поверил ты моим словам, ты будешь нем и не скажешь ни одного слова до тех пор, пока всё сие исполнится.

Так как Захария в беседе с Ангелом замедлил в алтаре, то народ, бывший в церкви, дивился сему. Выйдя к народу, Захария принужден был знаками показывать, что он стал нем; тогда присутствовавшие поняли, что ему в алтаре было видение.

Окончив свою очередь, Захария возвратился в дом свой, находившийся в горной стране, в Хевроне, городе Иудове. Этот город был одним из тех, которые даны были по жребию потомкам Иуды и предназначены для жительства священникам[5593].

Когда исполнилось возвещенное Ангелом, и бывшая дотоле неплодной Елисавета родила Иоанна, – имя сие Захария написал на поданной ему дощечке, – отверзлись уста Захарии, язык его разрешился, и он стал говорить, благословляя Бога. Исполнившись Святого Духа, он начал пророчествовать, говоря: «благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас; сотворит милость с отцами нашими и помянет святой завет Свой, клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, небоязненно, по избавлении от руки врагов наших, служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей. И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицем Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира» (Лк.1:68–79).

Но вот наступило время, когда родился Господь наш Иисус Христос в Вифлееме, и волхвы, пришедшие с востока по видению чудесной звезды, возвестили Ироду о новорожденном Царе. Тогда Ирод, послав в Вифлеем воинов, чтобы они избили всех детей, приказал умертвить и сына Захарии, о коем много слышал. Ироду известно было всё случившееся во время рождения Иоанна; так как все события, коими сопровождалось рождение Иоанново, вызывали страх и изумление среди окрестных жителей. Все иудеи говорили о этих чудесных событиях; молва дошла и до Ирода. Все слушавшие слагали в сердце своем происшедшее и говорили: «что будет младенец сей?» (Лк.1:66). Ирод, вспомнив теперь об Иоанне, подумал: «Не сей ли будет царем иудейским?» Задумав умертвить его, царь отдельно послал в дом Захарии убийц, но посланные не нашли святого Иоанна. Ибо, когда началось безбожное избиение детей в Вифлееме, стоны и вопль были услышаны в Хевроне, городе Иудове, где жили священники, так как он находился на недалеком расстоянии от Вифлеема; скоро узнали в Хевроне конечно и о причине такого вопля. Тогда святая Елисавета, взяв сына своего, отрока Иоанна, коему тогда было уже полтора года – бежала с ним в горы. А святой Захария в то время находился в Иерусалиме, отправляя обычную службу по порядку чреды своей. Скрываясь в горах, Елисавета со слезами молилась Богу, чтобы Он защитил ее и ее сына. Увидав с горы воинов, кои тщательно разыскивали беглецов и уже были недалеко, она в ужасе возопила к ближайшей каменной горе: «Гора Божия, приими мать с сыном!» Гора тотчас расступилась, заключила их в себе, и таким образом они укрылись от настигавших их убийц. Не найдя тех, кого искали, посланные ни с чем возвратились к царю. Тогда Ирод послал к Захарии в храм приказание, чтобы он отдал ему сына своего Иоанна.

– Я служу ныне Господу Богу Израилеву, – отвечал на сие святой Захария, – и не знаю, где теперь находится сын мой.

Разгневанный Ирод вторично послал к нему и приказал убить самого Захарию, если он не отдаст своего сына. Свирепые убийцы устремились как звери, стараясь немедленно

исполнить повеление царя, и с яростью закричали священнику Божию:

– Где скрыл ты своего сына? Отдай нам его, ибо так повелел царь; если же не дашь сына своего, то сам погибнешь лютою смертью.

На сие святой Захария отвечал:

– Тело мое вы убьете, а душу мою восприимет Господь.

Тогда убийцы бросились на Захарию и между церковью и алтарем убили его, как повелел им царь; пролившаяся же кровь святого сгустилась на мраморе и отвердела как камень во свидетельство и вечное осуждение Ироду; а Елисавета, хранимая Богом, со своим сыном пребывала в расступившейся горе. Божиим повелением устроилась для них там пещера, открылся источник воды, а над пещерою выросла финиковая пальма, на коей явились плоды в изобилии. Когда мать с сыном хотели есть, дерево склонялось, подавая в пищу плоды свои, а затем снова выпрямлялось.

Спустя сорок дней после убиения Захарии, святая Елисавета, мать Предтечи, преставилась в той пещере, а святой Иоанн был питаем Ангелом до совершенного возраста и храним в пустынях до дня явления своего к израильтянам.

Тропарь святому Захарии, глас 4:

Священства одеждею обложен премудре, по закону Божию всесожжения приятна священнолепно приносил еси Захарие, и был еси светильник и зритель тайных, знамения в тебе благодати нося явственно всемудре: и мечом убиен быв в храме Божии, Христов пророче с Предтечею моли, спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Пророк днесь и священник Вышняго, Захария предложи, Предтечев родитель, трапезу своея памяти, верныя питая, питие бо правды всем растворив: сего ради скончавается, яко Божественный таинник Божия благодати.

Кондак святей Елисавете, глас 4:

Яко луна полна, свет правды от мысленнаго солнца Мессии прияла еси, и во всех заповедех Господних с Захарием ходила еси боговозлюбленная Елисавето: достойными убо тя песньми

ублажающе, Всещедраго Света просвещающаго всех Господа величаем.

Память святых мучеников Урвана, Феодора и Медимна, и многих с ними

Память 5 сентября

В царствование злочестивого Валента[5594], ариане в Царьграде имели великую силу и распространили свою власть, так как царь, ослепленный той же ересью, помогал им. Подняв гонение на православных христиан, они изгнали епископа Евагрия, сильно притесняли верующих: одних они били, других ввергали в темницы, у третьих разграбляли имения, словом всячески угнетали их. Сильно скорбя об этом, верующие тайно собравшись решили послать к царю, который тогда находился в Никомидии, просьбу, чтобы он, если нельзя совсем избавить их от ариан, по крайней мере, велел бы ослабить притеснение их, чтобы люди не погибли до конца. Для этого дела они избрали до семидесяти достойных мужей духовного чина, крепких в вере, сильных в слове, отличающихся своим разумом, во главе с Урваном, Феодором и Медимном. Отправившись в путь, они достигли Никомидии и, став перед царем, усердно просили его, чтобы он помиловал их и защитил от рук арианских. Сильно разъярился на них царь, однако, не показал вида, что он гневается, но тайно отослал их к епарху[5595] Модесту, приказав ему, чтобы он схватил и предал их смерти. Епарх, схватив их, боялся, однако, явно пред всеми казнить их и, чтобы не было в народе толков, приказал посадить их всех на корабль и распустить слух, что схваченных отправляют на заточение; а между тем он научил корабельщиков, чтобы они, когда будут посреди моря, сошли в лодку и подожгли бы корабль с семьюдесятью мужами, что те и исполнили: приплыв в Астакийскую пучину, они зажгли корабль со святыми мучениками, спустившись сами заранее в лодку, которая была для того приготовлена, и вернулись к епарху, сообщая ему о кончине тех мужей. Как свеча загорелся корабль и быстро плыл по морю, так как его гнал ветер; охваченное пламенем плывшее судно достигло до места, известного под именем Дакидис; пристав здесь, корабль сгорел до конца, испуская от сгорающих

телес святых мучеников дым, подобный кадильному дыму, поднимающемуся к Богу. Так скончались святые, и сбылось на них слово Писания: (Пс.65:12). Сожженные на воде огнем, святые мужи сии вселились в небесном покоище[5596], где, предстоя пред престолом Владыки, молятся о нас; тех молитвами, Господи, подай и нам получить жизнь вечную. Аминь.

Память святого мученика Авдия

Память 5 сентября

Сей святой мученик жил и пострадал в Персии. За то, что он своим учением многих приводил к вере во Христа, начальник волхвов велел взять его и принудить поклониться солнцу и огню и отречься от Христа. За свое твердое исповедание истинного Бога он претерпел биение по чреслам терновыми палками, покрытыми острыми колючками. Четыре воина так долго его били, что его замертво унесли в свой дом, где он вскоре предал Богу свою святую и блаженную душу, славя и благодаря Его, и радуясь, что сподобился пострадать за имя Господа нашего Иисуса Христа[5597].

Память святых мучеников Фифаила и Фивеи

Память 5 сентября

Сии святые мученики с дерзновением пред всеми исповедовали Христа истинного Бога, Творца и Промыслителя всего, а идолов называли глухими истуканами. Многих обратили они к истинной вере. Язычники взяли их и много мучили. Наконец, св. Фифаил был повешен на дереве и распилен пилою, а сестру его Фивею умертвили ударом копья в шею. Они оба предали свои святые и блаженные души в руки Божии, с хвалебною молитвою на устах[5598].

Убиение святого князя Глеба

Память 5 сентября

Брат святого князя Глеба Святополк обманом вызвал его из Мурома, послав ему сказать: «Отец твой при смерти и зовет тебя». В то время Святополк уже умертвил брата Глебова, св. Бориса, и стал замышлять и убийство св. Глеба[5599]. Он имел нечестивое намерение убить всех своих братьев, чтобы взять всю власть в свои руки, но концом сего злодеяния была вечная мука, по слову пророка: «нечестивый уловлен делами рук своих» (Пс.9:17). В то время, как князь Глеб был уже на пути в Киев и находился близ Смоленска, на Смядыне[5600], настигли его окаянные убийцы, посланные Святополком, по злобе своей подобные свирепым зверям. Святой Глеб ждал от них приветствия, но они замышляли на его жизнь и неожиданно окружили его со всех сторон. Затем повар св. Глеба, родом торчин[5601], зарезал господина своего ножом, месяца сентября в пятый день[5602]. Его тело было брошено в пустом месте. Но Господь Бог не оставил Своего раба, но прославил его, как некогда и св. первомученика Стефана[5603]: иногда над местом, где лежало тело св. князя, виден был огненный столп, иногда же являлись горящие свечи, или слышалось Ангельское пение. Видевшие эти знамения возвестили о них в городе, жители которого взяли тело святого и перенесли в Вышгород[5604].

Празднование святому Апостолу Петру в Афире

Память 5 сентября

О сем храме св. Ап. Петра упоминается в житии св. Евтихия, патриарха Цареградского (6 апреля), где говорится, что, пред избранием сего Патриарха в 552 году, царю Юстиниану[5605] было видение, которое он с клятвою открыл другим: во сне он увидал себя в церкви св. Ап. Петра в Афире[5606], ему явился сам св. Апостол и, указав на св. Евтихия, сказал: «Сей да будет поставлен вам во епископа».

Память святых мучеников Иувентина и Максима

Память 5 сентября

Святые мученики Иувентин и Максим воины пострадали при римском императоре Юлиане Отступнике, при котором они состояли в должности щитоносцев. Однажды Юлиан, придя в Антиохию, окропил идоложертвенною водою все продаваемые на рынке снеди и пития, желая таким образом сделать христиан участниками нечестивых своих жертв. В то время сии два раба Христовы, присутствуя на одном пиршестве с другими воинами, со скорбью беседовали с ними о беззаконии царя и повторяли слова святых трех отроков, некогда сказанные в Вавилоне: «И предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле» (Дан.3:32).

Один из пировавших передал наутро сии слова царю.

Тогда царь призвал святых воинов и спросил:

– Что вы говорили вчера на пиру?

Они отвечали истину и, повторяя те же самые слова, обличали царя и укоряли в беззаконном отступничестве.

Царь, пришедший в ярость, сначала велел беспощадно бить их и бросить в темницу; потом в полночь послал в темницу палача, который и умертвил их среди темничного мрака.

Воспоминание чуда святого Архистратига Михаила в Хонех

Память 6 сентября

Во Фригийском городе Колоссах[5607], близ города Иераполя[5608], над источником чудотворной воды стоял храм святого архистратига Михаила. От воды сего источника больные получали много исцелений, – даже больше, чем в купальне Силоамской[5609]. В ту купальню только однажды в год сходил Ангел Господень и возмущал воду, здесь же всегда пребывала благодать чиноначальника Ангелов. Там бывал здоров только тот, кто первый входил в купальню по возмущении воды, а здесь – все приходившие с верою, первые и последние, становились здоровыми. Там были необходимы притворы для пребывания больных, подолгу ожидавших исцеления, так как иные едва только через 38 лет получали здравие, – здесь же, в один день, или в один час, больной становился здоровым. О происхождении сего источника повествуют так.

Когда вся вселенная была помрачена тьмою языческого многобожия и люди поклонялись твари, а не Творцу, – в то время в Иераполе язычники почитали громадную и страшную ехидну[5610], и вся страна, ослепленная бесовским прельщением, поклонялась ей. Нечестивые построили в честь этой ехидны храм, где и содержали ее и, принося ей многие и различные жертвы, кормили эту ядовитую и вредившую многим ехидну. Единый истинный Бог, желая просветить мир светом Своего познания и наставить заблудших людей на истинный путь, послал во все земли святых Своих учеников и Апостолов проповедовать Евангелие всем людям. Двое из Апостолов – святой Иоанн Богослов и св. Филипп, – придя один в Ефес[5611], а другой в Иераполь, трудились там в благовествовании Христовом. В это время в Ефесе находился чудный храм и идол известной языческой богини Артемиды[5612]. Вооружившись духовным мечом, – словом Божиим, на служителей и поклонников сей богини, св. Иоанн Богослов победил их: силою имени Христова он разрушил храм и превратил в прах идола, и

через сие привел весь город ко святой вере. После разрушения идола Артемиды, св. Иоанн Богослов пошел из Ефеса в Иераполь на помощь к сотруднику своему, св. Апостолу Филиппу; там же находились в то время св. Апостол Варфоломей и сестра Филиппа Мариамия. Вместе с ними св. Иоанн Богослов и послужил делу спасения людей. Сначала они вооружились против ехидны, коей безумные люди приносили жертвы, почитая сию тварь за Бога. Своими молитвами они убили эту ехидну, а поклоняющихся ей обратили к Единому Истинному Богу, сотворившему небо и землю. Ставши на некотором месте, называемом «Херотопа», они пророчествовали, что на нем воссияет благодать Божия, что сие место будет посещать Воевода небесных сил, св. архистратиг Михаил, и что здесь будут совершаться чудеса. Всё сие вскоре и сбылось. Когда св. Иоанн Богослов отправился на проповедь Евангелия в другие города, а св. Апостол Филипп пострадал от нечестивых, Варфоломей же и Мариамия также разошлись в другие страны, – тогда на том месте, по пророчеству святого Апостола, появилась чудотворная вода. Так исполнились слова Писания: «Пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля – в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет место для тростника и камыша. И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым»[5613] (Ис.35:6–8.). К сему источнику стали приходить не только верующие, но и неверующие, ибо совершавшиеся там чудеса, как громогласная труба, призывали сюда всех; и все пившие и умывавшиеся из сего источника исцелялись от своих недугов и многие, получив здравие, крестились во имя Св. Троицы.

В это время в Лаодикии[5614] жил один еллин, у которого единственная дочь была нема от рождения. Отец ее очень скорбел об этом и прилагал много старания к исцелению ее немоты, но, ничего не достигнув в этом, пришел в глубокое уныние. В одну ночь, уснув на своей постели, он узрел в видении Ангела Божия, сияющего как солнце. Сие видение было ему не потому, что он был того достоин, но чтобы через то он пришел к познанию истины и привел бы с собою и других к Богу.

Увидав Ангела, он испугался, но в то же время услыхал от него такие слова:

– Если хочешь, чтобы разрешился язык у твоей дочери, то приведи ее к моему источнику, находящемуся в «Херотопе», близ Иераполя, – напои ее водой из сего источника, и тогда увидишь славу Божию.

Проснувшись, человек сей удивлялся виденному и, поверив сказанным ему словам, тотчас же взял дочь и поспешил к чудотворной воде. Там он нашел множество людей, черпающих сию воду, крещающихся в ней и получающих исцеления от своих болезней. Он спросил их:

– Кого призываете вы, омываясь этой водой?

Те ответили ему:

– Мы призываем имя Отца и Сына и Св. Духа, призываем в помощь и святого архистратига Михаила.

Тогда человек тот, возведя очи свои к небу и воздев руки, сказал:

– Отче и Сыне и Святый Душе, – Боже христианский, – помилуй нас! Святый Михаиле, слуга Божий, помоги и исцели дочь мою!

При сем он почерпнул воды из источника и влил ее с верою в уста дочери; тотчас же связанный немотою язык ее разрешился на славословие Божие, и она ясно проговорила:

– Боже христианский, помилуй меня! Святый Михаиле, помоги мне!

Все бывшие там удивлялись силе Божией и, прославляя Св. Троицу, величали помощь святого архистратига Михаила. Еллин же тот, видя, что дочь его исцелилась, чрезвычайно обрадовался и немедля крестился вместе со своею дочерью и всеми домашними своими, пришедшими с ним. В знак своей благодарности он построил над чудотворным источником прекрасную церковь во имя святого архистратига Михаила, Воеводы небесных сил. С великим благолепием украсив сию церковь и не мало помолившись в ней, еллин тот возвратился к себе домой.

В 90-й год от построения сей церкви пришел туда из Иераполя десятилетний отрок, по имени Архипп; родители его

были ревностными христианами и воспитали сына в благочестии. Архипп стал жить при церкви св. архистратига Михаила, исполняя при ней пономарскую службу. Отрок сей начал руководствоваться в своей жизни таким правилом: с того времени, как он поселился при той церкви, служа Богу, он ничего не вкушал из мирских кушаний и питий: ни мяса, ни вина, даже хлеба он не ел, но питался одною пустынною зеленью, которую сам собирал и варил; пищу принимал он один раз в неделю и то без соли, питием же для него служило лишь незначительное количество воды. Через такое воздержание сей отрок умертвил свою плоть, и в таких добродетелях неизменно пребывал от юности до самой старости, всею душою приобщаясь Богу и уподобляясь житию бесплотных. Одежда его была очень бедна: он имел только два вретища[5615], из которых одно носил на теле, а другим покрывал свою постель, устланную острыми камнями. Он покрывал ее вретищем для того, чтобы входившие в его жилище не видали, что он спит на острых камнях; изголовьем же для него служил небольшой мешок, наполненный тернием. Такова была постель сего блаженного подвижника. Сон же и отдых его состоял в следующем: когда он чувствовал потребность во сне, то ложился на камнях и остром тернии, – так что это было скорее бодрствование, чем сон, и отдых его был более мучением, чем покоем. Ибо какой отдых для тела – лежать на твердых камнях, и что за сон, когда голова почивает на остром терновнике? Каждый год Архипп переменял свою одежду: тем вретищем, которое носил на теле, он покрывал свою постель, а которое было на постели, он надевал на себя; по прошествии года он опять переменял те вретища. Так, не имея покоя ни днем, ни ночью, он умерщвлял свое тело и соблюдал свою душу от сетей вражиих. Проходя столь тесный и прискорбный путь жизни, блаженный Архипп, взывая к Богу, молился:

– Не попусти мне, Господи, порадоваться на земле суетною радостью, да не увидят глаза мои никаких благ мира сего, и пусть не будет для меня никакой отрады в сей временной жизни. Исполни, Господи, очи мои слез духовных, дай сокрушение в сердце моем, и благоустрой пути мои, дабы мне

до конца дней моих умерщвлять плоть мою и поработить ее духу. Какую пользу принесет мне сия бренная плоть моя, созданная из земли? Она, как цветок, утром расцветает, вечером же засыхает! Но дай мне, Господи, усердно трудиться над тем, что полезно для души и для жизни вечной.

Так молясь и так поучаясь, блаженный Архипп стал уподобляться Ангелу Божию, проводящему небесное житие на земле. И не о своем только спасении заботился святой, но и о спасении других, ибо многих неверных обратил он ко Христу и крестил их. Нечестивые еллины, видя всё это, завидовали блаженному Архиппу и, не терпя преславных чудес, являемых от святого источника, возненавидели жившего там сего праведного мужа. Часто они нападали на св. Архиппа, терзали его за волосы и за бороду и, повалив на землю, топтали ногами и, после различных истязаний, выгоняли оттуда. Но, будучи тверд духом подобно адаманту[5616], блаженный Архипп всё сие мужественно претерпевал от идолопоклонников и не отступал от святого храма, служа Богу в святости и незлобии своего сердца и заботясь о спасении душ человеческих.

Однажды нечестивые еллины, собравшись во множестве, говорили между собой:

– Если мы не засыплем землею сей источник и не убьем того человека, одетого в рубище, то все боги наши будут совершенно унижены из-за исцеляющихся там.

Вслед затем они пошли, чтобы засыпать землею чудотворную воду и убить неповинного человека – блаженного Архиппа. Подойдя к святому месту с двух сторон, – одни из них устремились к церкви и к источнику, а другие поспешили к жилищу блаженного Архиппа, чтобы убить его. Но Господь, пекущийся о судьбе праведных и не дающий их в руки грешников, сохранил Своего раба от тех убийц: внезапно у них омертвели руки, так что они не могли ими и дотронуться до преподобного. От воды же явилось необыкновенное чудо: как только нечестивые приблизились к источнику, тотчас вышел из воды огненный пламень и, устремившись на беззаконных, отогнал их далеко от источника; таким образом беззаконники сии бежали со стыдом от источника и от преподобного Архиппа,

не причинив ему никакого зла. Однако, они не вразумились сим чудом: скрежеща зубами, они не переставали хвалиться, что погубят тот источник и церковь, и служителя церковного. На том месте была река, по имени Хрисос, протекавшая по левую сторону церкви. Беззаконники задумали пустить ее на святое место, чтобы святой источник, смешавшись с речной водой, потерял свою чудотворную силу. Но когда они начали приводить в исполнение злой умысел свой и направили течение реки к источнику, чтобы она затопила его, тогда река, по повелению Божию, дала своим струям иное течение и потекла по правую сторону церкви. И опять нечестивые со стыдом возвратились домой.

Были там еще две другие реки, протекавшие с востока и приближавшиеся к тому святому месту на расстоянии трех стадий; имя одной реки Ликокапер, а другой – Куфос. Обе эти реки, встретившись у подошвы большой горы, соединялись вместе и, направляясь в правую сторону, протекали в Ликийскую страну[5617]. Вселукавый диавол внушил нечестивым людям злой умысел: он научил их пустить воды обеих тех рек на чудотворное место, вследствие чего должен был разрушиться храм святого архистратига Михаила, а вода должна была залить св. источник и потопить св. Архиппа. Местность же сия была очень удобна для направления туда воды, ибо реки выходили с вершины горы, а церковь была в самом низу. Сговорившись, нечестивые пришли в великом множестве изо всех городов в селение Лаодикию и отправились к церкви. Близ церковного алтаря находился огромный камень; от сего камня они начали копать глубокий и широкий ров вплоть до той горы, под которой реки соединялись вместе. Затем они прокопали с великим трудом ров, по которому вода могла быть пущена на церковь, и запрудили те реки, чтобы накопилось больше воды; десять дней трудились нечестивые в этом суетном деле. Видя сие дело нечестивых, преподобный Архипп пал в церкви на землю и со слезами молился Богу, призывая в помощь скорого предстателя св. архистратига Михаила, чтобы он сохранил святое место от потопления и не дал порадоваться врагам, старающимся погубить святыню Господню.

– Не отойду от сего места, – говорил блаженный Архипп, – не уйду из церкви, но даже и умру здесь, если Господь попустит потопить сие святое место.

По прошествии десяти дней, когда вода сильно поднялась, нечестивые раскопали то место, по которому вода должна была устремиться по приготовленному для нее пути и пустили реки на святой храм в первом часу ночи; сами же отошли оттуда и стали на высоком месте с левой стороны, желая видеть потопление святого места. Тогда вода, устремившись вниз, зашумела, как гром. Преподобный Архипп, находясь в церкви на молитве, услыхал шум от воды и еще усерднее стал молиться Богу и св. архистратигу Михаилу, чтобы не было потоплено сие святое место и не возвеселились, но посрамились нечестивые враги; имя же Господне да прославится, и да возвеличится Ангельская сила и заступничество. И воспел он псалом Давидов:

– «Возвышают реки, Господи, возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои. Но паче шума вод многих, сильных волн морских, силен в вышних Господь. Откровения Твои несомненно верны. Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие дни» (Пс.92:3–5).

Когда воспевал сие блаженный Архипп, то услышал голос, повелевающий ему выйти из церкви. Выйдя из церкви, он увидел великого предстателя и хранителя рода христианского – святого архистратига Михаила, в образе прекрасного и пресветлого мужа, как некогда он явился пророку Даниилу (Дан. 10:1–21). Блаженный Архипп, не будучи в состоянии смотреть на него, от страха упал на землю.

Архангел же сказал ему:

– Не бойся, – встань, подойди ко мне сюда и увидишь силу Божию на этих водах.

Блаженный Архипп встал и, подойдя со страхом к воеводе сил небесных, остановился по повелению его на левой стороне; при сем он увидал огненный столп, поднимавшийся от земли до неба. Когда же вода подошла близко, Архистратиг поднял правую руку и, изобразив крестное знамение на поверхности воды, сказал:

– Остановитесь там!

И тотчас же воды обратились назад. Так исполнились слова пророческие: «Видели Тебя воды и убоялись» (Пс.76:17). Реки стали, как каменная стена, и поднялись в вышину, подобно высокой горе. Вслед за сим архистратиг, повернувшись к храму, ударил жезлом в огромный камень, находившийся около алтаря, и начертал на нем крестное знамение. Тотчас послышался великий гром, земля затряслась и камень разделился надвое, образовав в себе громадное ущелье. При сем Архангел Михаил произнес следующие слова:

– Да уничтожится здесь всякая сопротивная сила и да получат здесь избавление от всяких зол все приходящие сюда с верою!

Сказав сие, он велел Архиппу перейти на правую сторону. Когда преподобный перешел туда, то святой Михаил громогласно возгласил водам:

– Войдите в сие ущелье!

И тотчас воды с шумом потекли в каменную расселину и с тех пор постоянно текли сим путем сквозь камень. Враги, стоявшие на левой стороне и ожидавшие увидеть потопление святого храма, от страха окаменели. Сохранивши от потопления свой храм и преподобного Архиппа, святой архистратиг Михаил взошел на небо, и блаженный Архипп возблагодарил Бога за то преславное чудо, прославляя великого хранителя, архистратига Михаила, за его великое заступление. Тогда все противники устыдились, у верующих же была великая радость, и они, приходя к Ангельскому храму и чудесному источнику, вместе с преподобным Архиппом воздавали хвалу Богу. С того времени постановили праздновать тот день, в который совершилось чудо через явление Ангела. Преподобный Архипп прожил много лет на том месте, усердно работая Богу, и скончался в мире, будучи 70 лет от рождения своего. Верующие погребли его на том же самом месте, которое за вышеупомянутое чудо названо «Хони», т.е. погружение[5618], потому что там воды погрузились в камень.

Следует также упомянуть и о других чудесах святого архистратига Михаила, благодетеля христианскому роду.

Между Адриатическим морем и горою, называемою Гарган[5619], есть город Сипонт, отстоящий от горы за 12 тысяч стоп[5620]. В том городе был один богатый человек, стада которого паслись под горою Гарган. Однажды у него пропал один вол, отставший от стада. Долго отыскивал он со своими рабами этого вола и, наконец, нашел его на вершине горы у дверей одной пещеры. Разгневанный и усталый от поисков, человек тот взял лук и стрелу и пустил ее в своего вола с тем, чтобы убить его. Внезапно стрела, обернувшись назад, поразила стрелявшего. Бывшие с ним, видя то, убоялись и, не смея приблизиться к той пещере, возвратились в город и рассказали там о случившемся. Узнав об этом, епископ того города обратился с молитвой к Богу, прося Его открыть ему тайну сию. И вот явился ему в видении Архангел Михаил и возвестил, что он избрал то место себе, хранит его и желает часто посещать его и помогать людям, приходящим туда с молитвою. Епископ возвестил об этом видении людям и предписал всему городу трехдневный пост, после которого пошел вместе с клиром своим и со всем народом к той горе. Поднявшись на нее, они нашли в камне пещеру с тесным входом и не осмелились войти внутрь, но совершили моление перед дверью. С тех пор туда часто стали приходить люди и молиться там Богу и святому архистратигу Михаилу.

Однажды неаполитане[5621], будучи еще неверующими, собравши свои войска, неожиданно подошли к городу Сипонту с тем, чтобы взять его и разорить. Граждане были в великом страхе. Тогда епископ заповедал жителям того города трехдневный пост и молитвы об избавлении от окружающих их врагов. Перед наступлением дня, назначенного врагами для окончательного разорения города, воевода сил небесных, св. архистратиг Михаил, явился в видении епископу и сказал:

– Завтра в 4 часу дня вели своим гражданам вооружиться и выйти из города против врагов, а я приду на помощь вам.

Проснувшись, епископ сказал об этом видении всем людям и весьма обрадовал их предреченной Богом победой над язычниками. Когда же наступил 4-й час дня, послышался сильный гром и, поднявши глаза, все увидали облако, сходящее

на гору Гарган. В то же время появились, как некогда на Синае (Исх. 19:1–25), огонь, дым, молния и гром, так что вся гора заколебалась и покрылась облаками. Враги, увидав сие, устрашились и обратились в бегство; граждане же, уразумев, что на помощь им пришел благой хранитель и скорый заступник их св. Архангел Михаил со своими небесными воинами, открыли городские ворота и погнались за врагами, поражая их, как стебли; они преследовали их сзади, святой же архистратиг Михаил поражал их с высоты громом и молнией; умерших в тот день от грома и молнии было 600 человек. Граждане Сипонта преследовали врагов до Неаполя и, с помощью воеводы небесных сил победив их, с торжеством возвратились в свой город. С того времени неаполитане, познавши крепкую десницу Всесильного Бога, приняли святую веру. Сипонтийские же граждане, собравшись все с епископом и с клиром, пошли к горе, на которой было грозное явление, желая воздать там благодарение Богу и помощнику своему, святому архистратигу Михаилу и всем небесным силам. Когда они приблизились к дверям той пещеры, то нашли на мраморе след небольшой человеческой ноги, так же хорошо оттиснутый, как бы на болотистой земле. Тогда сказали они между собою:

– Вот, поистине святой архистратиг Михаил оставил здесь знак своего посещения, ибо он сам здесь был, избавляя нас от врагов наших.

Поклонившись, они целовали тот след и, совершивши молебное пение, радовались, что имеют такого хранителя и заступника себе, и воздавали благодарение Богу. На том месте они решили выстроить церковь во имя святого архистратига Михаила. Когда они приступили к постройке, то архистратиг Михаил опять явился епископу и сказал:

– Не следует вам заботиться о церковном здании: я без вашего труда приготовил там себе храм, только войдите в него. Ты же на другой день соверши в нем святую Литургию и причасти верующих Св. Божественных Таин.

После этого видения епископ повелел всем людям приготовиться к причащению Св. Таин и пошел вместе с ними, совершая молебные пения. Когда они пришли на то святое

место, где отобразились на мраморе святые стопы, то нашли в камне вытесанную небольшую церковь, в виде пещеры; стены у нее были не гладкие, вышина же ее была различна: в одном месте можно было достать головой, а другом невозможно было и рукой достать. – Из сего стало понятно людям, что Бог ищет в церкви не камней драгоценных, а чистого сердца. Престол в сей церкви был покрыт пурпуровым покрывалом; епископ совершил на сем престоле святую Литургию и причастил верующих Пречистых Таин. В алтаре же на северной стороне сверху стала истекать вода – чистая, вкусная, очень светлая и чудотворная, вкушая которую все болящие, по причащении Святых Таин, получали исцеление, и многие иные бесчисленные чудеса совершались в той церкви по молитвам св. архистратига Михаила. Епископ выстроил при церкви келлии и поместил там священников, диаконов, певцов и чтецов, чтобы в ней ежедневно была отправляема церковная служба во славу Богу и в честь св. архистратига Михаила.

Упомянем еще о чуде, бывшем на Афонской горе[5622]. Во времена благочестивых болгарских царей жил один богатый и знатный человек, по имени Дохиар. Некогда он, желая благоугодить Богу, пожелал быть иноком. Взяв много золота, пошел он на святую гору посетить тамошние монастыри и поискать себе удобного для поселения места. Обойдя многие монастыри и раздав много милостыни, он вышел из лавры блаженного Афанасия и направился от Солуни[5623] по берегу моря. Здесь он нашел очень красивое место с вкусной водой и богатой растительностью; жителей на этом месте еще никого не было. Место сие ему очень понравилось, и он задумал здесь поселиться и выстроить монастырь. Усердно взявшись за дело, он вскоре привел в исполнение свое желание. Сначала он выстроил прекрасную церковь во имя святителя Николая, а потом устроил монастырь и оградил его каменными стенами. Приведя всё сие в надлежащий порядок, сам он принял в том монастыре иноческий образ. Но при множестве построек, золота его оказалось недостаточно, так что он не мог украсить церковь с подобающим благолепием. Возложив надежду на помощь Божию, он говорил:

– Если Господь Бог захочет прославить сие место, то Сам Он промыслит об украшении церкви; да будет Его воля!

Против святой горы есть остров, называемый Луг, находящийся на расстоянии одного дня морского пути; там жили пастухи и пасли скот, ибо то место было очень удобно для пастбищ. На этом острове был поставлен в необитаемом месте высокий каменный столб; на столбе стоял каменный идол, на котором было написано по-гречески: «Всякий ударивший меня вверх найдет множество золота». Многие пытались узнавать: правда ли это, – и били по голове идола, но ничего не находили. Случилось же в то время одному юноше, близ означенного столба, пасти волов; юноша был очень разумен и грамотен. Прочитав надпись, сделанную на столбе, он ударил идола по голове, как то делали и другие, чтобы найти золото, -, однако, ничего не нашел. Потом он подумал, что, быть может, золото зарыто в земле и, при захождении солнца, заметил, где кончается на земле тень от этого столба и в том месте, где кончалась тень от головы идола, он начал копать землю, ища сокровища, но и здесь ничего не нашел. Когда же взошло солнце, он опять стал смотреть, где кончается тень от столба, и там стал копать. Когда он копал, то услыхал на том месте какой-то звук и, поняв, что на этом месте скрыто сокровище, стал еще усерднее копать и дорылся до жерновного камня, настолько большого, что ему невозможно было и поднять его. Протянув руку сквозь скважину камня, он нашел там много золота и в раздумье не знал, что ему с ним делать.

– Если я кому-нибудь расскажу о золоте, – думал он, – то как бы меня не убили из-за него.

Бог же, внимая молитвам вышеупомянутого старца, заботившегося об украшении святого храма, внушил юноше, чтобы он шел на святую гору в один из монастырей и рассказал бы игумену о найденном сокровище. Юноша так и сделал. Взяв несколько золотых монет в удостоверение своей находки, он пришел в селение, лежавшее близ моря и нанял там человека, который бы перевез его к святой горе. По усмотрению Божию, он остановился в пристани вышеупомянутого, вновь выстроенного монастыря, названного по имени его строителя

Дохиар. Перевозчик возвратился в свое селение, а юноша пошел в тот монастырь. Увидав там игумена, он рассказал ему подробно о найденном им сокровище. Игумен уразумел в этом дело Божие; он позвал трех иноков и, передав им слышанное от юноши, послал их вместе с ним, чтобы они принесли найденное золото в монастырь. Иноки поспешно отправились на лодке и приплыв к острову, дошли до того столба, около которого было зарыто золото. Когда они отвалили жерновный камень, то под ним нашли котел, полный золота, и весьма обрадовались. Но исконный враг рода человеческого, ненавистник всего доброго, диавол, вложил одному из этих иноков неприязненную мысль, и тот сказал другому иноку:

– Брат, какая нужда нам нести сие золото к игумену! Бог послал его нам: на это золото мы сами построим себе жилища и воздвигнем монастырь.

Когда же другой возразил ему: «Как мы скроем это золото?» – то он отвечал:

– Всё это в нашей воле: мы можем бросить сего юношу в море, и тогда против нас не будет никаких свидетелей.

Сговорившись так, они сказали о том третьему иноку; но тот, будучи богобоязненным, сказал:

– Нет, братия, не смейте этого делать: не губите отрока, а вместе и свои души из-за золота.

Но они, не слушая его увещания, стали принуждать его быть единомысленным с ними, и, наконец, сказали:

– Если ты не будешь с нами заодно, то мы и тебя погубим вместе с отроком.

Брат, видя их непреодолимое злое намерение, устрашился, чтобы они и его не погубили, и сказал:

– Если вы так решили, то делайте, как хотите; я же клянусь именем Божиим, что никому об этом не расскажу и не потребую от вас золота.

Итак, утвердив свое слово клятвою, он молчал. Они же, взяв золото и тот камень, которым золото было прикрыто, внесли его в лодку и, сев в нее вместе с отроком, поплыли к монастырю. Когда они были на глубоком месте, то напали на отрока и начали привязывать ему на шею камень. Отрок, поняв,

что они хотят с ним делать, начал с плачем и рыданием умолять их, чтобы они не губили его, но безуспешно: нечестивые те черноризцы, имея окаменелое сердце и златолюбивую душу, не убоялись Бога, не умилились слезами отрока и не послушали его смиренной мольбы; схватив отрока, они бросили его с камнем в глубину моря, и он тотчас же пошел ко дну. Была же ночь, когда происходило это злодеяние. Милосердый Бог, взиравший с высоты на горькое рыдание отрока и видевший неповинное его утопление, послал хранителя рода человеческого святого архистратига Михаила, чтобы он взял утопленного со дна моря и принес бы его живым в церковь. Так сие и совершилось. Внезапно отрок оказался близ св. трапезы с камнем, повешенным на его шее. Когда наступило время служения утрени, то екклисиарх[5624] вошел в церковь, чтобы зажечь свечи и начать звонить к утреннему богослужению. В сие время он услыхал в алтаре человеческий голос и стон; он очень испугался и пошел рассказать об этом игумену. Игумен назвал его трусливым и малодушным и велел ему опять идти в церковь. Придя туда вторично, он опять услыхал тот же голос и снова возвратился к игумену. Тогда игумен сам пошел с ним в церковь и, услыхав голос, вошел в алтарь; там он нашел отрока, лежавшего близ св. трапезы с привязанным к его шее камнем; с одежды же его текла морская вода. Игумен узнал отрока и спросил:

– Что случилось с тобою, сын мой, и как ты попал сюда?

Отрок как бы пробудился от сна и сказал:

– Те лукавые иноки, которых ты послал со мною за найденным золотом, привязав этот камень на мою шею, выбросили меня в море. Погрузившись на дно, я увидал двух мужей, сиявших как солнце, и услыхал их беседу между собою; один говорил другому: «Архангел Михаил! Принеси сего отрока в монастырь Дохиар!» Выслушав сие, я пришел в беспамятство, и не знаю, как очутился здесь.

Услыхав рассказ отрока, игумен удивился и прославил Бога, творящего дивные и преславные чудеса. Потом он сказал отроку:

– Останься, сын мой, на этом месте до утра, пока не будет обличена злоба.

Затем вышел оттуда и, затворив церковь, наказал екклисиарху, чтобы он никому не рассказывал о сем, утреню же игумен велел служить в притворе. При сем он прибавил екклисиарху:

– Если кто скажет: почему не в церкви, а в притворе поется утреня? – то отвечай, что так велел настоятель.

С наступлением утра, убийцы те подошли к монастырю, а золото они спрятали в другом месте. Увидав их, игумен вместе с прочими братиями, вышел к ним навстречу и спросил:

– Почему вчера вы пошли четверо, а теперь возвращаетесь трое? – где же четвертый?

Они на это с гневом отвечали:

– Отче, отрок обманул и тебя и нас, сказав, что нашел золото; ничего он не мог показать нам, ибо и сам ничего не знает и со стыда куда-то скрылся; мы долго искали его, но не могли найти и одни возвратились к тебе.

Игумен, сказав на это: «Да будет воля Божия», – пошел с ними в монастырь. Приведя их в церковь, где лежал юноша, с одежды которого еще текла вода, он показал им его и спросил:

– А сей кто такой?

Увидав юношу, они пришли в ужас, и стояли, как окаменелые: долго они не могли ничего ответить, но наконец, хотя и против воли, признались в своем злодеянии и рассказали, где они скрыли найденное золото. Тогда игумен послал более верных братий, и они принесли найденное золото в монастырь. Слух о чудесном сем событии прошел по всей святой горе: иноки изо всех монастырей сошлись, чтобы видеть сие преславное чудо. Составив собор, они переименовали ту церковь во имя святого архистратига Михаила, а во имя святителя Николая Чудотворца выстроили другую церковь. Тех двух лукавых убийц прокляли и выгнали из обители, третьего же инока, который не соглашался на потопление отрока и отказался от злодеяния, признали невиновным. Избавленный от потопления отрок облекся в иноческий образ и стал добрым подвижником и строгим иноком. После этого игумен на

принесенное ему золото благолепно украсил церковь и выстроил вновь весьма красивый притвор; камень же, с которым юноша был выброшен в море, был вложен в стену, чтобы было известно всем явленное чудо. Когда игумен преставился, то вместо него был поставлен игуменом избавившийся от потопления инок. Прожив богоугодно, и он перешел ко Господу, носимый руками св. архистратига Михаила, как прежде перенесен был им же из моря в церковь.

За всё сие прославим Отца, Сына и Святого Духа, и возвеличим вовеки св. архистратига Михаила.

Тропарь архистратигу, глас 4:

Небесных воинств архистратиже, молим тя присно мы недостойнии, да твоими молитвами оградиши нас кровом крил невещественныя твоея славы, сохраняя нас припадающих прилежно, и вопиющих: от бед избави нас, яко чиноначальник вышних сил.

Кондак, глас 2:

Архистратиже Божий, служителю Божественныя славы, Ангелов начальниче, и человеков наставниче, полезное нам проси, и велию милость, яко безплотных Архистратиг.

Страдание святого мученика Ромила

Память 6 сентября

Святой Ромил жил в царствование императора Траяна[5625] и был первым вельможею во всем царском доме.

Случилось, что Траян, находясь со множеством своего войска в восточных странах, для покорения себе иверов, савроматов, арабов и других народов[5626], вздумал пересчитать своих воинов, и нашел среди воинских полков одиннадцать тысяч человек, исповедовавших Христа и отвергавших поклонение идолам. Всех их Траян с позором отослал в Армению, надеясь, что это заставит их отречься от Христа и принести жертвы идолам, и они снова вернутся в свое воинское звание и получат прежнюю воинскую честь.

Тогда Ромил, как военачальник, пришел к царю и укорял его в безбожии и безрассудстве, в том, что он, вышедши на войну, сам уменьшает свое войско; себя же Ромил исповедовал христианином, готовым умереть за имя Иисуса Христа, Господа своего.

Траян сильно разгневался на святого, повелел его жестоко бить и осудил на смерть. Тогда же усечена была честная глава святого мученика[5627]. Посланные в заточение христиане также были умерщвлены разными способами: девять тысяч из них были распяты в пустыне около горы Арарат в Армении, остальные же умерли в других мучениях.

Страдание святого мученика Евдоксия

Память 6 сентября

Святой Евдоксий жил в царствование Диоклетиана, жестокого гонителя Церкви Божией. Сей император издал нечестивое повеление, запрещающее в его империи поклоняться Единому Истинному Богу и требующее воздавать честь, подобающую Богу, немым бездушным идолам. По обнародовании сего повеления, многие из верующих бежали в пустыни и горы, предпочитая лучше жить там со зверями, нежели в городах с беззаконными людьми. Точно так же множество из сановных и знатных людей оставили свои должности и жилища и скрывались в неизвестных местах. Одним из таких был и воинский начальник Евдоксий, верный раб Иисуса Христа; он, оставив свою должность, скрылся с женою и детьми от нечестивых, чтобы избежать царского гнева. Между тем его всюду искали воины, посланные правителем Мелитины, пред которым святой Евдоксий был оклеветан. В одном месте воины, встретив Евдоксия одетого в бедную одежду, спросили, не знает ли он, где находится начальник войска Евдоксий.

Святой, уразумев, что его ищут для предания на мучение, сказал им:

– Пойдемте ко мне в дом, вкусите моего хлеба и отдохните от дороги, – и тогда я покажу вам Евдоксия, ибо я знаю, где он скрывается со своими домашними.

Воины согласились и пошли к святому мученику.

Евдоксий, приняв их, хорошо угостил и потом объявил им, что он – тот самый, кого они ищут.

Воины, удивленные таким поступком святого, отвечали:

– Ради твоего благодеяния не возьмем тебя, а пославшему нас скажем, что долго искали, но не нашли тебя; ты же скройся, чтобы кто другой не узнал и не объявил о тебе.

Воины собирались уже уйти, но святой удержал их, говоря:

– Подождите меня, братия, и я пойду с вами; не подобает мне больше скрываться, ибо Сам Бог зовет меня на

мученический подвиг, чтобы и я был исповедником и свидетельствовал о Его святом имени. А если бы хотел Бог, чтобы я не был открыт, то не только вы не встретили бы меня на пути, но даже и не были бы посланы искать меня и мне бы не пришлось встретиться с вами; всё случившееся есть знамение Божия благоволения, чтобы я пострадал за Него даже до пролития крови.

Потом, призвав свою супругу, по имени Василису, детей, домашних и друзей, Евдоксий сказал им:

– Было время, когда я скрывался, теперь же время открыться и добровольно отдаться в руки мучителей за Иисуса Христа, Который Сам отдал Себя на страдания за нас; и вот я иду, и как восхотел Господь мой, так и устроит со мной и поможет мне, вас же я оставляю под Его защитою.

Затем, сделав разные распоряжения по дому, святой дал наставления детям своим и рабам, как им жить без него добродетельно, в страхе и любви Божией, а супруге своей завещал не плакать и не сетовать, когда она услышит о его смерти, но проводить тот день в большой радости и веселии, благодаря Бога, что Он сподобил Своего раба мученического венца.

Простившись с домашними и надев приличную своему сану одежду, оружие и воинский пояс, как подобало одеваться начальнику войска, святой оставил свой дом, жену и детей, рабов, друзей и всё свое имение, покидая всё ради любви к Господу своему.

Трогательна была эта разлука, когда жена мужа, дети отца, друзья любимого друга лишались! Горько все плакали, расставаясь с ним, ибо знали, что ему уже к ним не вернуться. Одно лишь служило утешением в их печали, – это то, что Евдоксий хочет страдать за Христа, быть победоносным мучеником и в мученическом венце предстать пред Христом, Господом своим.

Так распростившись со всеми своими, блаженный Евдоксий отправился в путь с воинами, Василиса же, супруга его, следовала за ним издалека, желая видеть его страдания. С ней

шли и два любимые друга Евдоксия Зинон и Макарий, коим также уготован был от Господа мученический венец.

Когда блаженный Евдоксий был приведен к правителю, сей последний, благосклонно приветствовав его, сказал:

– Мы призвали тебя, чтобы ты исполнил царское повеление и принес жертвы богам, которым подобает кланяться, более же всего отцу всех богов великому Зевсу и солнцеподобному Аполлону и возлюбленной богине Артемиде.

Святой Евдоксий отвечал:

– Я знаю, что надо приносить жертву Единому, в трех Лицах прославляемому, Богу, создавшему мир и дарующему жизнь и спасение. Ему я и принесу жертву хвалы, а не тем, коих ты называешь богами, тогда как они – деревья и камни и нисколько не отличаются от какой бы то ни было бездушной вещи.

Правитель снова сказал Евдоксию:

– Я повелеваю тебе воздать должную честь богам; ты же, как я вижу, не только богов презираешь, но самого царя считаешь ни во что. Слышал я, что ты какую-то новую веру вводишь и многих совращаешь в нее.

Говоря так, правитель посмотрел на множество стоящих около воинов и с гневом сказал:

– Всякий, кто не исполняет царского повеления, будет лишен воинской одежды, как недостойный носить ее; и пусть он знает, что от него будет отнята честь воинского звания.

Так говорил беззаконный правитель, желая пристыдить святого Евдоксия, ибо он надеялся, что еще не найдется никого противящегося царскому повелению, и Евдоксий один останется непокорным, а поэтому из стыда послушается царского повеления, чтобы не лишиться чести своего звания. Но вместо сего мучитель сам был посрамлен. Еще во время его речи святой Евдоксий снял с себя пояс, бывший знаком начальнической власти и бросил его в лицо правителю. Видя это, многие воины, в числе тысячи ста четырех, бывшие тайными христианами, возгоревшись ревностью о Боге, сделали то же самое, что и начальник Евдоксий: снявши воинские знаки, бросили их правителю, будучи готовы лишиться и самого тела, положив души свои за имя Иисуса Христа.

Мучитель, увидав такое множество исповедников Христовых, неожиданно открывшееся, пришел в смущение и, прекратив испытание их, тотчас послал к царю Диоклетиану известие о случившемся, прося распоряжения, как ему поступить. Царь вскоре прислал ему в ответ такой приказ: начальников подвергнуть жестоким пыткам, низших же оставить в покое.

Получив царское повеление, правитель сел на судилище, велел привести к себе Евдоксия, как главного военачальника, и стал опять говорить ему:

– Советую тебе, Евдоксий, оставить твое злое прекословие и безумное сопротивление и добровольно принести жертву богам; если же ты не согласишься, то должен будешь сделать сие против воли, принужденный к тому сильными муками.

При сем правитель начал пересчитывать заточения, страшные темницы, раны, строгание тела, опаление огнем и прочие жестокие мучения, наводившие ужас при одном только упоминании.

Мученик отвечал:

– Ты насмехаешься, правитель, говоря мне это. Я считаю твои муки детским пугалом, ибо я надеюсь на будущее воздаяние, которое получу от щедрого подвигоположника Христа. Боюсь я не того огня, о коем ты упомянул, но того, который никогда не угасает, и скрежета зубов и прочих лютых мук, которые уготованы ослушникам Бога истинного и отвергающим Его. Твои же мучения в сравнении с ними – детские игрушки, а огонь, коим ты мне угрожаешь, холоднее воды по сравнению с огнем геенским: – Меч твой, – продолжал святой, – будет мне ключом от дверей желанного края, где вместо сего видимого, скоро заходящего, солнца я увижу свет незаходимый и немерцающий и вместо временных благ наследую блага вечные. Да будет тебе известно, что я не поклонюсь вашим богам, так как великое безумие – почитать за богов деревья, камни, золото и серебро, обделанные рукою художника.

Слыша такой ответ святого, правитель сказал ему:

– В безумном ответе твоем виновата моя снисходительность, с которой я позволяю тебе так дерзко бесчестить богов, царя и меня; свое бесчестие я еще могу перенести, но бесчестия богов и царя больше невозможно терпеть.

После этого правитель велел растянуть святого за руки и за ноги и бить немилосердно твердым ремнем, потом повесить и строгать его тело острыми железными орудиями. После этих мучений святого бросили в темницу.

По прошествии нескольких дней снова привели его на допрос, причем мучитель нашел Евдоксия столь же непоколебимым в вере, как и раньше, подобно несокрушимому столбу и неприступному городу; поэтому он повелел бить мученика железными прутьями по шее и вывернуть из суставов все его члены, каковое мучение было тяжелее самой смерти.

После этого мучитель осудил Евдоксия на усечение мечом.

В то время, когда вели святого на место казни, святой мученик так молился:

– Боже, призревший на жертвы Авеля и Авраама, милостиво принявший долготерпение многих мучеников, призри милосердным Твоим оком и на мою жертву и не отвергни моей крови, которую я с теплотою душевною от любящего сердца приношу Тебе.

Молясь так, Евдоксий увидал свою супругу, которая с плачем следовала за ним, и спросил ее, сделано ли всё так, как он заповедал, и велел ей только по усекновении его взять его тело и погребсти на месте называемом Амимна; потом снова дал ей наставление – не плакать о его смерти, но почтить день тот светлою одеждою и украситься разными драгоценностями.

Увидав затем друга своего Зинона, плачущего о нем, Евдоксий и ему сказал:

– Возлюбленный Зинон, не плачь: Бог, Коему мы служим, не разлучит нас, но как бы в одной ладье мы переплывем вместе в жизнь вечную.

Эти слова так сильно подействовали на Зинона, что он начал громко восклицать:

– И я – христианин, и я исповедую Христа и хочу умереть за Него.

Тотчас он был схвачен нечестивыми слугами, и о нем было доложено правителю. Последний повелел и его вместе с Евдоксием усекнуть мечом. Когда их привели на место казни, то сначала был усечен мечом Зинон, в то время как Евдоксий молился о нем; так предпослав друга своего на небо, Евдоксий преклонил голову под меч и принял блаженную кончину.

Вместе с ними были усечены и другие мученики, с дерзновением исповедавшие Христа, и тела их брошены были без погребения. Василиса же, супруга Евдоксия, взяв безбоязненно тело его, с честью погребла на том месте, на каком он сам указал.

За такой поступок она была схвачена и приведена к правителю, пред которым ясно исповедовала Бога и ругала идолов и почитателей их, желая тем же путем мучения скорее последовать за мужем к Господу.

Однако мучитель сказал ей:

– Знаю, что ты желала бы пойти за твоим мужем, чтобы иметь похвалу от галилеян (т.е. христиан), но хотя ты и достойна смерти, я не умерщвлю тебя.

Василиса на это сказала мучителю:

– Господь мой Иисус Христос ведает это мое желание и примет его вместо самого дела; если я и не буду замучена тобою, всё же не лишусь блаженства с мужем моим у Господа Бога.

После таких слов правитель прогнал ее от себя.

Спустя семь дней явился ей во сне святой Евдоксий и сказал:

– Скажи нашему другу и домоправителю Макарию, чтобы он шел на судилище и последовал нашему примеру; мы его ждем.

Лишь только Василиса сказала об этом видении Макарию, он тотчас отправился к правителю и объявил себя христианином и учеником Евдоксия. Правитель, увидав его и услыхав от него столь смелое исповедание, повелел и ему отрубить голову мечом. (В 311 г.)

Так и Макарий отошел за Евдоксием и Зиноном к доброму подвигоположнику Христу, Господу нашему. Угодила Ему и Василиса, скончавшись в истинной вере, и предстала среди сонма святых пред престолом славы Божией, прославляя Отца и Сына и Святого Духа в веки. Аминь.

Память священномученика Кирилла, епископа Гортинского

Память 6 сентября

Сей блаженный Кирилл жил в царствование императора Максимиана, при игемоне (правителе) Агриппине. Украшенный всеми добродетелями, прожил он всего девяносто пять лет. Однажды отправился он, в сопровождении двух своих слуг, Феофана и Феоктириста, в один монастырь. По дороге туда он увидел, как язычники приносили в жертву идолам волов и овец; вздохнул он о таком безумии и обличил идолопоклонников. За это они схватили его и посадили в темницу. Когда святой Кирилл в полночь молился здесь Богу, то услышал такой небесный голос: «Кирилл, иди в Рим!» На следующее утро двери темницы оказались открытыми, а все идолы вокруг лежали разбитыми. Св. Кирилл дошел до монастыря и здесь увидел в видении преподобного Филоксена, который сказал ему: «Ты получишь два венца, – один святительский, а другой мученический». Затем святой пошел в Рим и здесь утвердил верующих своею проповедью. Когда началось гонение, он вознамерился идти в Иерусалим. По дороге туда, на острове Малеоне, явился ему муж в белых одеждах и повелел ему не миновать острова Крита, что он и исполнил. В городе Критском Гортине его поставили епископом; ему было тогда шестьдесят лет от роду. Когда снова началось гонение на христиан, святителя повели на суд к игемону (правителю), который стал уговаривать его отречься от Христа, и так как св. исповедник не захотел склониться на его увещания, то осужден был на усечение мечом. Тогда вложили в уста его конские удила и, посадивши на повозку (так как он не мог от старости ходить), повезли его. Когда довезли его до места, называемого Ракса, с неба послышался голос: «Доселе!» Повозка остановилась, и святому усечена была глава.

Житие преподобного Давида

Память 6 сентября

Святой и преподобный Давид был прежде разбойником и, живя в пустыне Ермопольской[5628], причинял много зла, многих убивал и был так злобен и жесток, как никто другой. Под своим начальством он имел человек более тридцати, разбойничавших вместе с ним. Однажды, сидя с ними на горе, раздумался он о своей жизни и вспомнив, сколько зол и бедствий причинил он людям, весьма убоялся Бога. Оставив всех бывших с ним разбойников, он пошел в монастырь.

Когда Давид постучался в ворота, вышел привратник и сказал ему:

– Чего ты хочешь?

Давид ответил:

– Хочу быть черноризцем.

Привратник пошел и поведал о нем игумену. Игумен вышел к нему, но видя, что он человек старый, сказал:

– Не можешь ты быть здесь, потому что братия много трудятся и живут великом воздержании; ты же иного нрава и заповедей монастырских не можешь исполнить.

Давид продолжал умолять принять его в монастырь.

– Всё, – что прикажете мне, сделаю, – говорил он, – только примите меня.

Игумен отказывался, говоря:

– Не можешь ты жить с нами.

Тогда Давид сказал игумену:

– Знай, отче, что я – Давид, начальник разбойников; пришел же к вам для того, чтобы оплакивать грехи мои. Если же ты не захочешь принять меня, то клятвенно обещаю вам, что пойду обратно, приведу с собой своих разбойников и всех вас перебью и разорю монастырь ваш.

Услышав это, игумен принял Давида в монастырь и постриг его в иноческий чин. И начал Давид подвизаться в воздержании и обучать себя смирению. В скором времени он превзошел

добродетелями прочих черноризцев в монастыре и служил всем на пользу своим житием и словом.

Однажды, когда Давид сидел в келье, ему явился Архангел Гавриил, говоря ему:

– Давид, Господь простил грехи твои, и будешь ты отныне творить чудеса.

Давид отвечал Ангелу:

– Не могу поверить, что так скоро простил мне Господь грехи мои, ибо они весьма тяжки и многочисленнее песка морского.

Архангел сказал ему:

– Я – Гавриил Архангел, который не пощадил и Захарию[5629], когда тот не поверил словам моим, но связал язык его в наказание, чтобы он уверовал сказанному мною. Тебя ли пощажу? Итак, отныне будешь нем!

Давид поклонился и сказал Ангелу:

– Когда я был разбойником, творил беззаконные дела и много проливал крови, тогда ты мне не связывал языка, не возносившего славы Богу. А теперь, когда я восхотел служить Господу и приносить Ему хвалу, ты связываешь язык мой, чтобы не произносить мне слов!

Тогда Ангел сказал:

– Говори, но только тогда, когда славишь Бога и молишься Ему во время правила, а всё остальное время да будешь безмолвен!

Так наказав его, Ангел отошел от него. Давид воздал благодарение Богу о прощении согрешений своих. После этого он благодатью Божиею сотворил много чудес: слепым возвращал зрение, восставлял хромых, исцелял бесноватых. Воспевал он песнопения Богу в церкви на молитве, но никаких других слов произнести не мог. Прожив таким образом много лет всем в назидание, он преставился ко Господу[5630], и ныне, предстоя Ему, немолчно молится о нас.

Молитвами его да получим и мы милость Господа. Аминь.

Память святых мучеников Кириака, Фавста и Авива.

Память 6 сентября

Сии святые мученики пострадали при императоре Декие[5631], в Александрии[5632], в то же гонение, во время которого замучены были св. Фабиан[5633], папа римский, и св. Александр Александрийский[5634]. Их привели к правителю города Валерию, и они за свое твердое исповедание имени Христова и за смелое обличение идольской лести и суеты были усечены мечом. С ними убиты были еще тринадцать мучеников. Некоторые Александрийские христиане взяли их мощи и благоговейно положили в своем городе, во славу истинного Бога нашего Христа.

Страдание святого мученика Созонта

Память 7 сентября

Максимиан[5635], правитель Киликии, распространяя по повелению царскому, нечестивое идольское многобожие, пришел в город Помпеополь и, празднуя тамошнему золотому идолу, принес много жертв. Там находился в это время один юноша, родом из Ликаонии[5636], по имени Созонт, по вере христианин, добрый нравом и исполненный благих дел, ибо в законе Господнем поучался он день и ночь. Он пас стада бессловесных овец, но в то же время наставлял и словесных овец Христовых на добрую пажить. Где бы ни был он с овцами, везде собирались к нему другие пастухи, юноши и мужи; а он учил их познанию Единого Бога, и многих привел к святому крещению, ибо была на нем благодать Духа Святого. Раз, пася овец при источнике, у которого стоял большой дуб, Созонт уснул сладким сном и увидел Божественное видение, призывавшее его к подвигу мученическому и возвещавшее, что место то принесет пользу многим, ибо освятится свыше сходящею благодатью, и многие найдут на нем спасение и прославят Святую Троицу. Встав от сна, этот добрый пастырь поручил овец другим и, оставив на том месте свой лук и три стрелы, для памяти себе, отправился в город Помпеополь. Там увидел он нечестие умножившимся, веру же святую попранною, и восскорбел он о том сердцем своим. Войдя в капище, где стоял золотой идол, он отломал у него руку и, раздробив ее, раздал нищим. Отнятие от идола золотой руки вызвало великое смятение в городе, и многие были допрашиваемы и мучимы. Но святой Созонт, не желая, чтобы кто-либо другой пострадал за него, сам пришел к правителю Максимиану и объявил, что он виновник того дела. «Я взял руку бога вашего, – сказал он, – раздробил ее и раздал золото нуждающимся». Когда стали его допрашивать, как осмелился он так поступить и нанести бесчестие богу их, отняв и сокрушив руку его, он отвечал:

Я сделал это для того, чтобы видеть бессилие вашего бога. Ибо, когда я отнимал у него руку, он не оказал мне

сопротивления, ничего не сказал, не обнаружил боли, не испустил стона. В самом деле, будучи немым и безумным, мог ли он сопротивляться? Если бы он был истинным Богом и живым, то противостал бы мне и не позволил бы мне причинить себе зла. Я же, зная, что это – идол, а не бог, раздробил руку его, и даже всего его хотел раздробить, чтобы не поклонялись вы изделию рук человеческих, которое, хотя имеет и очи, и уши, и уста, и руки, и ноги, однако, не видит, не слышит, не говорит, не осязает, не ходит, и ни в чем не может помочь себе, когда его бьют или раздробляют на части.

Правитель, услыхав это, повелел мучить Созонта без милости. Сначала его повесили на дерево и стали строгать по ребрам железными когтями, потом обули его в железные сапоги с острыми внутри их гвоздями и водили по городу; святой, ходя в них, славил Бога, Потом снова повесили его на дереве и сильно били железными палками, так что не только тело, но и кости его были раздроблены. В этих мучениях святой предал дух свой Богу[5637]. Увидав, что он уже умер, мучители, снявши тело его с дерева, развели, по повелению правителя, сильный огнь, чтобы сжечь тело, в опасении, чтобы оно не сделалось предметом почитания верующих. И когда это многострадальное тело ввергли в огонь, то внезапно заблистала молния, загремел гром и выпал обильный дождь с градом, так что огонь тотчас угас; бывшие же там люди от страха убежали, и тело святого осталось целым. По наступлении ночи, верующие хотели взять святые мощи его и не могли, так как была великая тьма, и они сильно скобели о том. Но вот в полночь свет с неба осиял мощи, и верующие, взяв их, погребли с честью. От гроба мученика истекало много чудес, и не только от гроба, но и от источника, протекавшего под дубом, где святой некогда во время сна имел видение, подавались благодатью Христовою и молитвами святого мученика различные исцеления болящим. Поэтому впоследствии там была создана церковь во имя его, для прославления в ней Истинного Бога, в Троице Единого. Слава Господу вовеки, аминь.

Кондак святого, глас 2:

Истиннаго и Богомудраго мученика, страдальца благочестия искуснаго, сошедшеся днесь, велегласно восхвалим Созонта таинника благодати, исцелений дателя богатейшаго: молит бо Христа Бога о всех нас.

Память святых Апостолов Евода и Онисифора

Память 7 сентября

Святой Евод, один из семидесяти Апостолов, был первым после святого Апостола Петра епископом в великой Антиохии и великим проповедником Слова Божия. О нем упоминает святой Игнатий Богоносец в своем послании к Антиохийцам в таких словах: «Поминайте блаженного отца вашего Евода, который был поставлен вам от Апостолов первым пастырем; будьте истинными его сыновьями, а не прелюбодеями, чтобы отец не стыдился вас». Сей святой Евод написал о Пресвятой Деве, что она пятнадцати лет от рождения родила Спаса мира Христа. «Трех лет, – пишет он, – она введена была в храм Господень, где и пребывала одиннадцать лет; когда же исполнилось ей четырнадцать лет, она была отдана священниками Иосифу, чтобы он охранял ее. У него она пробыла четыре месяца, когда получила от Ангела радостное благовестие и в конце пятнадцатилетнего возраста родила свет миру – Христа». Кроме сего святой Евод оставил много других полезных сочинений, но все они погибли в те многобедственные времена, когда Церковь Божия подвергалась гонениям, и поэтому до нашего времени не дошли. В настоящее время известна лишь книга под названием «Светило», о которой, впрочем, есть упоминание только у древнего историка Никифора[5638]. О самом святом Еводе встречается известие в римских мартирологах[5639], где говорится, что он пролил свою кровь за Христа и скончался мученическою смертью. Некоторые утверждают, что святой пострадал в Антиохии при императоре Веспасиане[5640]. В то время, говорят они, в одном городе было произведено неким иудеянином, по имени Антиохом, большое волнение; изменив своей вере, он стал приносить жертвы идолам, причем многие иудеи были убиты за не поклонение идолам. Тогда весьма многие иудеи приняли христианскую веру и епископом своим имели блаженного Евода, который, как начальник и пастырь их, был в скором времени умерщвлен[5641].

Святой Онисифор принадлежал также к лику семидесяти Апостолов. О нем Апостол Павел в послании к Тимофею говорит: «Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь» (2Тим.1:16–18). Сей Онисифор был епископом в Колофоне[5642] и пострадал за веру, приняв мученическую смерть. Об его мученичестве свидетельствуют мученические акты, в которых повествуется, что святой Онисифор после многих мучений был растерзан дикими лошадьми и вместе с Еводом водворился в сонме исповедников Божиих в небесных селениях.

Память святого мученика Евпсихия

Память 7 сентября

Святой Евпсихий родился и получил воспитание в Кесарии Каппадокийской. В царствование императора Адриана[5643] на него был сделан донос, что он не чтит языческих богов, а почитает Христа. Вследствие доноса Евпсихий был взят правителем Каппадокии и подвергнут пыткам: тело его строгали железными когтями до тех пор, пока не обнажились ребра. После мучений святого Евпсихия еле живого бросили в темницу. Здесь он обратился к Господу с усердной молитвой, и во время сей молитвы явился Ангел и прикосновением своим исцелил раны мученика.

Вскоре после этого святой Евпсихий был выпущен из темницы на свободу. Освобождение сие совершилось по произволению Божию для того, чтобы богатство, коим обладал Евпсихий, не доставалось людям нечестивым, но роздано было бы бедным. И действительно св. Евпсихий всё свое имение, собранное еще его прадедами, раздал нищим и убогим, причем некоторую часть отдал врагам своим, кои оклеветали его, и таким образом виновников своих страданий почтил дарами, как бы своих благодетелей.

Впоследствии, когда Кесарией правил князь Саприкий, святой Евпсихий снова был схвачен. Его повесили и долго строгали, после чего он принял мученическую кончину через усечение мечом. Рассказывают, что из язв его тела вместо крови истекли молоко и вода.

Житие святого отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородского

Память 7 сентября

Новый чудотворец российский, святой Иоанн родился в великом Новгороде. Родители его – Николай и Христина – были люди благочестивые. Поэтому как он, так и брат его – Гавриил, оба они были воспитаны в страхе Божием. С малого возраста святой Иоанн посвятил себя Богу и вел добродетельную жизнь; когда же он достиг совершеннолетия, то был рукоположен в пресвитера к церкви священномученика Власия. Новопоставленный иерей с еще большим усердием стал служить Господу, неукоснительно и строго соблюдая все заповеди Божии. Между тем родители святого Иоанна умерли. И прежде он любил безмолвную тихую жизнь, даже намеревался принять иноческое пострижение; теперь же, посоветовавшись с братом своим Гавриилом, святой Иоанн решил создать новый монастырь на средства, оставленные родителями. Сначала они построили деревянную церковь во имя Пречистой Богоматери в память преславного Ее Благовещения и основали монастырь; затем замыслили они воздвигнуть и каменную церковь. С нетерпением начали братья приводить в исполнение свое благое намерение: стали со тщанием строить каменную церковь и уже довели ее до половины, но вынуждены были остановиться: средства их истощились; сильно опечалились этим блаженный Иоанн и брат его Гавриил, велико было огорчение их. И вот, находясь в таком затруднительном положении, но в то же время питая твердую веру и великое усердие к Пречистой Богородице, они обратились с молитвою к сей скорой помощнице и утешительнице всех, находящихся в скорби:

– Владычице наша! – молились братья – Ты знаешь нашу веру и любовь к Сыну Твоему и Богу нашему; Ты видишь наше усердие, с коим мы обращаемся к Тебе, Госпоже нашей; молим Тебя, помоги нам достроить сей храм; всю надежду нашу мы возлагаем на Тебя, Богоматерь, не оставь нас рабов Твоих,

Владычице, и не посрами нас: мы начали строить сей храм, но кончить его сооружение без Твоей помощи мы не можем.

Так молились они Богородице и изливали пред Ней свое горе. Их усердная просьба была услышана. Царица Небесная явилась им в сонном видении и сказала:

– Для чего вы, возлюбленные Мною рабы Божии, впадаете в такую печаль и предаетесь такому сетованию о том, что создание храма замедлилось; не оставлю Я моления вашего, ибо вижу вашу веру и любовь: в скором времени у вас будут средства, коих не только будет довольно для сооружения храма, но даже останется излишек; только не оставляйте благого дела и не охладевайте в вере.

Видение сие, коего удостоились оба брата, придало им силы и бодрости; восстав от сна, они исполнились великой радости. После утрени братья рассказали друг другу о том, что видели, и надежда их окрепла еще более. По Божию смотрению, они в тот же день ранним утром вышли из монастыря, и вдруг видят пред воротами монастырскими красивого коня, на котором была надета узда, обложенная золотом; тем же металлом было оковано и седло; конь стоял тихо и неподвижно, всадника же, коему бы мог он принадлежать, не было. Братья сильно дивились красоте и богатому убранству коня; долго ожидали они, не придет ли откуда хозяин его. Однако никто не появлялся, а конь неподвижно стоял на том же самом месте. Тогда они подошли к нему ближе и увидели, что по обеим сторонам седла висят два туго набитые мешка. Уразумев, что сие ниспослано им свыше, они сняли с коня мешки, и тотчас конь стал невидим. Братья развязали мешки и нашли в одном до самого верха золото, другой же был наполнен серебром. Удивившись такому попечению о них Божию и Пресвятой Владычицы, они стали воссылать горячие благодарственные молитвы. Скоро, с Божиею помощью, окончили они церковь и благолепно ее украсили; затем купили они много сел для содержания монастыря, и, несмотря на то, у них осталось еще немало денег, которые они и отдали игумену и братии. В сем монастыре и сами они приняли иноческое пострижение, причем Иоанн был

наречен Илиею, а Гавриил – Григорием; богоугодно проходила жизнь их в посте и молитвах, исполненная различных иноческих трудов и подвигов.

Когда скончался святой архиепископ Новгородский Аркадий, блаженный Илия был вытребован из монастыря и, против воли, возведен на архиепископский престол. Считая себя недостойным такого сана, Илия отрекался от него, но руководимые Самим Богом князь с мирскими и духовными начальниками и все граждане Новгородские единогласно избрали Илию на архипастырство: ибо он был угоден Богу и людям. Усердными мольбами и просьбами все убеждали смиренного инока вступить на престол архиепископский, все требовали сего. Наконец, против своего желания, он повиновался воле граждан и рукоположен был в архиепископа Новгородского святейшим Иоанном, Киевским и всея России митрополитом. Он верно пас стадо Христовых овец, живя в святости и праведности[5644]. Во время его архиепископства князь Суздальский Роман вместе со многими другими князьями земли русской, в числе семидесяти двух, восстали против великого Новгорода, задумав разорить его, а своих единокровных и единоверных братий пленить и предать смерти. С большим войском они пришли к городу и, расположившись вокруг, в течение трех дней сильно теснили его. Граждане увидев большое число осаждавших, упали духом; силы их истощались, сильно скорбели и смущались они, ниоткуда не ожидали помощи, – только у Бога просили милости и надеялись на молитвы своего святого архиерея. Последний же, как истинно добрый пастырь, видя приблизившихся волков, готовых расхитить его стадо, стал на страже, неусыпающим оком взирая к Богу и святыми молитвами своими, как стенами, защищая город. Когда в третью ночь он, по своему обычаю, стоял на молитве перед иконою Господа Иисуса Христа и со слезами просил Владыку об избавлении города, то услышал голос, говорящий ему:

– Иди в церковь Господа Иисуса Христа, что на Ильинской улице, возьми образ Пречистой Богородицы и вынеси его на

городские стены против врагов; тотчас тогда увидишь спасение городу.

Услышав сии слова, Илия исполнился неизреченной радости и провел всю ту ночь без сна; утром же он созвал всех и рассказал о случившемся. Слыша то, люди прославляли Бога и Пречистую Его Богоматерь и, как бы получив некоторую помощь, воспрянули духом; архиепископ же послал своего протодиакона с клиром, приказав им принести к себе честную ту икону, а сам с Освященным собором начал совершать молебное пение в великой церкви во имя Софии – Божией Премудрости. Посланные, дойдя до церкви Спасовой, где находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, сперва, по обычаю, поклонились ей, потом хотели взять образ, но не смогли даже и с места сдвинуть его; сколько раз они ни пытались поднять икону, всё-таки это им не удавалось. Тогда они возвратились к архиепископу и поведали ему о том чудном явлении. Взяв всех с собою, архиепископ отправился в Спасову церковь; придя туда, он пал на колени пред иконою Владычицы и молился так:

– О премилостивая Госпоже, Дево Богородице, Ты – упование, надежда и заступница нашему городу, Ты – стена, покров и прибежище всех христиан, поэтому и мы грешные надеемся на Тебя; молись, Госпоже, Сыну Твоему и Богу нашему за город наш, не предай нас в руки врагов за грехи наши, но услыши плач и воздыхание людей Твоих, пощади нас, как некогда пощадил ниневитян Сын твой за их покаяние, яви и на нас свою милость, Владычице.

Окончив свою молитву, святитель начал молебен, – и когда клирики воспели кондак «Предстательство христиан непостыдное», внезапно честная икона Пречистой Богородицы двинулась сама собою. Весь народ, видя такое поразительное чудо, единогласно воскликнул: «Господи, помилуй!» А святейший архиепископ, взяв в руки честную икону и, благоговейно облобызав ее, отправился с народом, совершая молебное пение, поднял икону на городскую стену и поставил ее против врагов. В то время неприятели стали всё сильнее теснить город, выпуская на него тучу стрел. И вот, Пресвятая

Богородица отвратила лик свой от неприятелей и простерла взоры на город, что было явным знаком великого милосердия Владычицы, являемого людям, бедствующим в осаде. Архиепископ, взглянув на святую икону, увидел на очах Богоматери слезы; взяв свою фелонь, он стал собирать в нее каплющие с иконы слезы, возгласив:

– О преславное чудо – от дерева сухого истекают слезы! Сим Ты, Царице, даешь нам знамение, что со слезами молишься Сыну Твоему и Богу нашему об избавлении города.

И весь народ, видя Пресвятую Богородицу, проливающую слезы, возопил к Богу с рыданием и сердечным умилением. Внезапно на неприятелей напал страх, тьма покрыла их, гнев Божий привел их в смятение, и они начали убивать друг друга. Заметив смятение врагов, жители Новгорода отворили городские ворота и с оружием в руках своих устремились на противников; одних из них они посекли мечами, других живыми взяли в плен, и так, с помощью Пресвятой Богородицы, победили все полки вражеские. С этого времени святитель Божий Илия установил в великом Новгороде торжественный праздник предивного Знамения Пресвятой Богородицы и назвал день тот днем избавления и днем наказания, ибо, по молитвам Пресвятой Богородицы, Бог послал избавление гражданам и наказание тем, которые дерзновенно восстали на своих единоплеменных и единоверных братьев и произвели междоусобную брань. С того времени великий Новгород, управляемый своим добрым пастырем, пользовался полным миром и глубокой тишиной. Занимая в течение нескольких лет архиепископский престол, блаженный Илия, в ревностной заботе о большем прославлении святого имени Божия, построил прекрасные церкви; число всех воздвигнутых им храмов простиралось до семи.

Первая церковь, которую он создал еще до своего пострижения в иноки, была в честь Благовещения Пресвятой Богородицы; вторая, в память Богоявления Господня, была построена уже во время его святительства; третья – во имя святого пророка Илии, четвертая – преподобного Феодора, игумена Студийского; пятая – святых трех отроков: Анании,

Азарии, Мисаила и святого пророка Даниила; шестая – святого праведного Лазаря четверодневного; седьмая была посвящена святому чудотворцу Николаю.

Воздвигая церкви, Илия прославился и своей благочестивою жизнью: он был весьма милостив ко всем, отличался необычайной кротостью и нелицемерной любовью; был он как бы солнцем в Церкви Христовой, разливая свет добрыми своими делами, прогоняя мрак злодеяния и сокрушая главу князя тьмы – диавола, который всегда питает вражду и завидует спасению человеков; имел также святой Илия такую власть над нечистыми духами, что своим словом мог связывать их, о чем свидетельствует следующая дивная повесть.

Однажды святитель, по своему обыкновению, в полночь стоял в своей келье на молитве. Бес, желая устрашить святого, вошел в рукомойник, который висел в его келлии и, возмущая воду, стал производить шум. Святитель, поняв, что сие – дело диавола, подошел к сосуду и осенил его крестным знамением, и так запрещением своим связал беса в умывальнике, что тот томился там долгое время, не будучи в состоянии выйти оттуда; наконец, не вынося более муки, так как сила крестного знамения палила его, бес начал вопить человеческим голосом.

– О горе мне! Сила креста жжет меня, не могу более терпеть я такого страдания, отпусти меня скорее, святой угодник Божий.

Илия же спросил:

– Кто ты и как вошел сюда?

Диавол отвечал:

– Я лукавый бес и пришел смутить тебя, ибо я думал, что ты, как человек, устрашишься и перестанешь молиться; но ты заключил меня в этом сосуде, и теперь я сильно мучаюсь. Горе мне, что я прельстился и вошел сюда. Пусти меня, раб Божий; отныне никогда не буду я приходить сюда.

Так бес вопил долгое время.

Наконец святитель сказал:

– За твою бесстыдную дерзость повелеваю тебе сею ночью отнести меня в Иерусалим и поставить у храма, где находится Гроб Господень; из Иерусалима тотчас же ты должен обратно

перенести меня сюда в мою келью в ту же самую ночь, и тогда я отпущу тебя. Бес всячески обещался исполнить волю святого, лишь бы только блаженный выпустил его из сосуда. Святитель выпустил его со словами:

– Превратись в оседланного коня и стань перед келлиею моею.

Подобно тьме вышел бес из сосуда и обратился, по повелению святителя, в коня. Блаженный Илия, выйдя из келлии, сел на беса, и в ту же ночь очутился в святом городе Иерусалиме, близ храма святого Воскресения, где находился Гроб Господень. Здесь угодник Божий запретил бесу отходить от того места; и бес стоял, словно прикованный, не имея силы сдвинуться с места, до тех пор, пока Илия не совершил поклонения Гробу Господню и честному древу святого Креста. Подойдя к храму, святитель преклонил колена пред дверями и стал молиться; вдруг запертые двери отверзлись сами собою, а у Гроба Господня зажглись свечи и лампады. Архиепископ, вознося Богу благодарственные молитвы и проливая слезы, поклонился Гробу Господню и благоговейно облобызал его; также поклонился он и животворящему древу, всем святым иконам и местам. Исполнив свое желание, он вышел из храма и снова двери церковные затворились сами собой; бес же стоял на том месте, где ему было повелено, в виде оседланной лошади; сев на него, Иоанн опять в ту же ночь прибыл в великий Новгород и очутился в своей келье. Уходя от святителя, бес умолял его не говорить никому, как он служил ему, как был связан клятвой, как повиновался он, словно пленник.

– Если же ты расскажешь кому-либо, – прибавил нечистый дух, – как ты ездил на мне, то не перестану я строить против тебя козни и наведу на тебя сильное искушение.

Так грозил бес, а святитель осенил себя крестным знамением, и тотчас исчез от него бес, словно дым.

В одно время святой Иоанн вел духовную беседу с честными мужами: с игуменами, священниками и благочестивыми гражданами; он рассказывал жития святых, говорил много о душеполезных подвигах и, между прочим,

сообщил и то, что с ним было, – а именно: о своей поездке в Иерусалим; рассказывая же, он не называл самого себя, а как будто говорил о ком-либо другом.

– Я, – сказал он, – знаю такого человека, который в одну ночь из Новгорода достиг до Иерусалима; поклонившись Гробу Господню и животворящему древу Креста Господня, он снова в ту же самую ночь вернулся в великий Новгород; во время своего путешествия он ездил на бесе, которого связал своим запрещением, сделав его как бы пленником своим.

Слушатели сильно удивлялись сему рассказу святого, а диавол скрежетал зубами своими на архиепископа, говоря:

– Так как ты рассказал тайну, то наведу на тебя такое искушение, что будешь ты осужден всеми своими гражданами, как блудник.

И с того времени бес, Божиим попущением, начал действительно строить свои коварные козни святителю, стараясь лишить его доброго имени. Он показывал людям, которые во множестве приходили к Иоанну просить благословения, в келье святого разные видения: то женскую обувь, то ожерелья, то какие-либо женские одежды. Приходящие к архиепископу люди, видя сие, соблазнялись, и стали думать о святом, не держит ли он блудницу в своей келье; сильно смущались они тем и, толкуя между собою о виденном, говорили друг с другом:

– Человеку-блуднику недостойно занимать апостольский престол.

Когда однажды народ собрался и пошел к келлии святого, бес превратился в девицу, которая побежала перед народом, как бы удаляясь из келлии блаженного. Видевшие сие закричали и погнались было за девицей, чтобы схватить ее, но бес убежал за келью святого и стал невидим. Услышав народный крик и шум, святитель вышел из келлии и спросил собравшихся:

– Что такое случилось, дети мои? О чем вы шумите?

Они закричали на него, стали бранить и укорять его, как блудника, схватили его, стали насмехаться над ним и, не зная, как далее поступить с ним, они стали толковать между собой:

– Отвезем его на реку и посадим на плот, чтобы он выплыл из города по реке.

Посоветовавшись, они повели святого и целомудренного архиерея Божия к большому мосту на реке Волхове и посадили святителя на плот. Так сбылось слово лукавого диавола, который, хвалясь, говорил:

– Наведу на тебя такое искушение, что осужден будешь всеми, как блудник.

Теперь, видя такое поругание святого, сильно радовался лукавый враг рода человеческого, но, по Божиему промышлению, невинность праведного победила и посрамила коварного врага; ибо когда святого посадили на плот, последний поплыл не вниз по течению, но вверх, против течения, несмотря на то, что у большого моста течение воды было очень сильное, и никто не влек плот, но сам он плыл по воле Божией и направлялся к монастырю святого Георгия, который находился на расстоянии трех поприщ от города. Видя такое чудо, люди ужаснулись; позабыв о злобе, они разрывали свои одежды и с плачем говорили:

– Согрешили мы и неправедное дело сотворили, ибо мы, овцы, осудили невинно тебя, нашего пастыря.

Идя по берегу, они молили святителя, чтобы он простил их прегрешения и возвратился на свой престол.

– Прости нам, отец, – кричали они, – в неведении мы согрешили против тебя, не помяни злобы нашей и не оставляй чад своих.

Также и весь клир, забегая вперед и земно кланяясь блаженному, с рыданием умолял его возвратиться на свой престол. Архиепископ же, как первомученик Стефан, молился за обидевших его, говоря:

– Господи, не вмени им сего во грех!

Пристав к берегу за пол поприща[5645] от вышеупомянутого монастыря, он спустился с плота и вышел на берег. Народ же, припадая к нему с плачем, просил прощения, и было великое ликование, когда святитель даровал им прощение; еще сильнее радовались они тому, что Господь открыл неповинное и чистое его житие. Незлобивый пастырь, всем даровав прощение,

рассказал, как он побывал в Иерусалиме, как ездил на бесе, и как диавол старался устрашить его. Все, слыша сие, прославляли Бога.

Итак, святитель возвратился на престол свой с великою честью и славою и стал поучать людей:

– Чада, с осмотрительностью делайте всякое дело, чтобы диавол не прельстил вас, чтобы добродетель ваша не была омрачена злым делом и не прогневать бы вам Владыку Господа.

После всего описанного, святитель жил недолгое время. Узнав о приближении своей кончины, он отложил свой архиерейский омофор и принял схиму, причем дано было ему имя Иоанна, которое он носил до своего пострижения в иноки. В сем Ангельском образе он с миром преставился ко Господу[5646]. Тело его было погребено в храме Софии – Премудрости Божией[5647]. После него на престол архипастырский был возведен родной его брат Григорий, который также верно пас словесное стадо.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Тропарь, глас 8:

Днесь светло красуется славнейший великий Новград, имея мощы твоя в себе, святителю Иоанне, яко солнечныя лучы испущающия и подающыя исцеления притекающым с верою к раце мощей твоих. Молися Христу Богу избавити град сей невредимь от варварского пленения, и междоусобныя брани, и огненнаго запаления, святителю Богомудре и чудоносче, небесный человече и земный Ангеле: да сошедшеся любовию в память твою, светло празднуем в песнех и пениих радующеся, и Христа славяще, тебе таковую благодать даровавшаго исцелений, и великому Новуграду заступление и утверждение.

Кондак, глас 4:

Возвеселися явленно честная Церковь Христова, в память днесь принословущаго святителя Иоанна, от великаго Новаграда возсиявшаго, и всю страну удивившаго преславными чудодеянии, и всеми добродетельми украсившагося: и по преставлении бо честное тело его обретеся нетленно,

источающее велия чудеса. Темже зовем ему: о всеблаженне, моли Христа Бога непрестанно о всех нас.

Слово на Рождество Богородицы

Память 8 сентября

Господь, на небесах живущий, восхотев явиться на земле и пожить с человеками, прежде уготовал на ней место селения славы Своей – Пречистую Свою Матерь: ибо в обычае у царей, когда они хотят прийти в какой-либо город, предуготовлять себе в нем для пребывания палату. И как палаты земных царей созидаются искуснейшими мастерами из драгоценнейших предметов, на возвышеннейшем месте, прекраснее и обширнее всех иных жилищ человеческих, так имела создаться и палата славы Царя Небесного. В Ветхом Завете, когда Бог восхотел жить в Иерусалиме, Соломон[5648] создал Ему храм (3Цар. 5:1–18, 7:1–51; 2Пар. 2:1–18, 3:1–17, 4:1–22) через искуснейшего строителя Хирама[5649], который был исполнен художества, разума и знания на всякое дело. Создал же Соломон храм из драгоценнейших веществ, из превосходного камня (3Цар.5:17–18), из благовонных деревьев: кедра и кипариса (2Цар.6:9–10), привозимых с Ливана[5650], и из чистого золота, на возвышеннейшем месте, на горе Мориа[5651]. Храм был тем прекраснее, что на стенах его были еще изваяны изображения Херувимов, различных деревьев и плодов (3Цар.6:18–35, 7:18–22, 29–42). Пространством храм был столь велик, что в нем могло вместиться без тесноты всё множество людей израильских, и снизошла на него слава Господня во огне и облаке (3Цар.8:10–11). Однако храм сей был недостаточен для вмещения в себе Невместимого Бога. Соломон создал Ему храм, но Вышний не в рукотворенных храмах живет. «Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?» (Деян.7:49). И вот Бог благоизволил, чтобы в начале новозаветной благодати был создан нерукотворенный храм – Пречистая, Преблагословенная Дева Мария. Каким же строителем создан был храм тот? Воистину – премудрейшим, самою Премудростью Божиею, как говорит Писание: «Премудрость построила себе дом» (Притч.9:1), а всё сотворенное Премудростью Божиею прекрасно и совершенно. А

поелику Премудрость Божия создала одушевленную палату Слова, – поэтому создался совершенный храм для совершенного Бога, пресветлая палата для пресветлого Царя, пречистый и неосквернённый чертог для пречистого и нескверного Жениха, непорочное селение для непорочного Агнца. Сему – верный свидетель на небе, говорящий к Ней: «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!» (Песн.Песн.4:7). И святой Дамаскин пишет: «Вся – чертог Духа, вся – град Божий, море благодатей, вся – добра, вся – ближняя Богу» (Слово 1 на Рождество Пресвятой Богородицы).

Из каких же веществ создалась сия палата? Воистину – из драгоценнейших: ибо произошла, как от драгоценного камня, из царского рода, от Давида, который вложенным в пращу камнем, прообразовавшим камень – Христа, поразил Голиафа[5652] (1Цар.17:39–51); и, как из благовонных деревьев кедра и кипариса, Дева Богородица родилась из рода архиерейского, приносящего благовонные жертвы Богу. Отец ее святой праведный Иоаким был сыном Варлафира, ведущего свое происхождение от сына Давидова Нафана, а мать ее, святая праведная Анна, была дочерью священника Матфана из племени Ааронова; таким образом, Пречистая Дева по отцу была рода царского, а по матери – архиерейского. О из сколь драгоценнейших веществ, – разумею пречестнейшее происхождение, – создалась Царю славы одушевленная палата! И как в Соломоновом храме каменные и деревянные здания приобретали особенную ценность от чистого золота, которым были позолочены; так в рождестве Пресвятой Богородицы благородства царского и архиерейского происхождения еще более заслужило почтения от целомудрия святых Ее родителей, которое дороже, «нежели от золота: она дороже драгоценных камней; и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею» (Притч.3:15). Ибо Пресвятая Дева родилась от целомудренных родителей, что выше всякого благородства. Об этом святой Дамаскин, обращаясь к святым праведным Богоотцам говорит так:

«О блаженные супруги, Иоаким и Анна! Воистину по плоду чрева вашего вы явились непорочными, по слову Господню:

«По плодам их узнаете их» (Мф.7:16, 20). Вы устроили свою жизнь, как благоугодно Богу и как достойно сие Рожденной от вас. Ибо, живя целомудренно и праведно, вы произрастили сокровище девства, – разумею Деву: прежде рождества Деву, в рождестве Деву, по рождестве Деву, и всегда Деву, единую приснодевствующую и умом, и душою, и телом. Подобало же, чтобы девство, от целомудрия рожденное, было принесено плотию Самому Единородному Свету. О двоица чистейших словесных горлиц, Иоаким и Анна! Вы, соблюв целомудренно закон природы, Божественно сподобились сверхъестественных дарований, и родили миру Деву Божию Матерь. Вы, благочестиво и праведно пожив в человеческом естестве, произвели Дщерь высшую Ангелов и ныне владычествующую над Ангелами. О прекраснейшая и сладчайшая Дщерь! О крин, выросший посреди терния от благороднейшего царского корня! Тобою обогатилось царство священства»[5653]. Сими словами святой Дамаскин ясно показывает, от каковых родителей рождена Божия Матерь, из сколь драгоценнейших веществ устроена палата Царя Небесного.

На каком же месте была устроена сия одушевленная палата? Воистину – на высочайшем, ибо Церковь дает о ней следующее свидетельство: «истинно вышши всех еси Дево чистая»[5654]; но выше – не местом, а добродетелями и высотою Божиих дарований. Местом же, где родилась преблагословенная Дева, был небольшой город в земле Галилейской, называемый Назаретом, зависевший от большого города Капернаума[5655], и жители его были презираемы, почему и о Христе было сказано: «из Назарета может ли быть что доброе?» (Иоан.1:46). Но Господь, «Который, обитая на высоте, приклоняется, чтобы призирать на небо и на землю» (Пс.112:5–6), благоизволил, чтобы Его Пречистая Матерь была рождена не в Капернауме, в своей гордыне до неба вознесшемся, а в смиренном Назарете, «ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк.16:15), а презираемое и уничижаемое ими высоко и драгоценно у Него. Самое имя Назарета при сем изображает высоту добродетелей Пречистой Девы. Ибо как в Своем рождестве Господь через Вифлеем, что значит: «дом

хлеба»[5656], тайно прообразовал то, что Он есть хлеб, сшедший с неба[5657] для оживотворения и укрепления людей: так и в рождестве Пречистой Своей Матери Он через Назарет изображает возвышенные предметы; ибо наименование «Назарет» означает цветущее, огражденное, увенчанное и сокровенное место[5658]: и всё сие ясно предъизображает Пресвятую Деву. Она есть цвет, прозябший от неплодной и застарелой утробы сухого дерева, цвет неувядаемый, присноцветущий девством, цвет благоухающий, родящий благоухание Единого Царя, – цвет, приносящий плод – Христа Бога Господа, единственное яблоко благовонное. Она освящена благодатью нашедшего на Нее и осенившего Ее Святого Духа и есть святейшая всех святых, как родившая «всех святых святейшее Слово»[5659]. Она исключена из числа грешных земнородных, как чистая и непорочная, и не только Сама чужда греха, но и грешников отводит от беззаконий, как и взывает к ней Церковь: «радуйся, скверных изымающая дел»[5660]. Она увенчана славою и честью: увенчана славою, ибо произросла из царского корня; увенчана честью, потому что произошла из племени архиерейского. Увенчана славою, потому что произошла от целомудренных родителей; увенчана честью, потому что почтена благовещением и служением Архангела. Увенчана славою, как Матерь Божия; ибо что может быть славнее того, как родить Бога? Увенчана честью, как Приснодева; ибо что может быть почетнее, как пребыть и по рождестве девою? Увенчана славою, «славнейшая Серафим», как Серафимски возлюбившая Бога. Увенчана честью, «честнейшая Херувим»[5661], как превзошедшая Херувимов мудростью и познанием Божества: «слава и честь и мир всякому, делающему доброе» (Рим.2:10), говорит Апостол. Но найдется ли кто из земнородных более добродетельный, чем Пречистая Дева? Она сохранила все заповеди Господни, исполняла всю волю Господа, все наставления Его соблюла, все слова Его сокрыла в сердце Своем, оказала ближним все дела милосердия. Поэтому достойно Она увенчана, как творящая всеблагое. Она же есть и некое хранилище; ибо сохраняла сокровище своего девического целомудрия столь

тщательно, что даже Ангелу не хотела вверить оное, потому что, увидев Ангела, Она смутилась от слов его и размышляла, что бы значило сие приветствие (Лк.1:29). Всё сие Назарет прообразовал в Пречистой Деве своим наименованием. И кто не скажет, как высоко воздвиглась та палата Христова по добродетелям и дарованиям Божиим? Она высока, ибо дарована с неба, хотя родилась на земле от земнородных; – с неба, ибо, как говорят некоторые из богопросвещенных мужей, Архангел Гавриил, благовестивший Захарии о рождении Иоанновом, благовестил Иоакиму и Анне о зачатии Пресвятой Богородицы и принес с неба Ей преблагословенное имя, говоря неплодной матери: «Анна, Анна! родишь ты Дочь преблагословенную, и наречется имя Ей: Мария». Итак, Она, без сомнения, может быть названа градом святым, Иерусалимом новым, сходящим с неба от Бога (Откр.21:2), скиниею Божиею. Высока сия Божия скиния, ибо, родив Царя Христа, она возвысилась паче Серафимов. О высота, неудобовосходимая для человеческих помыслов!

А какова красота той мысленной Христовой палаты, – об этом послушай того же сладкоглаголивого Иоанна Дамаскина, вещающего о Ней следующее: «Она принесена Богу, Царю всех, одеянная благолепием добродетелей, как бы золотою ризою, украшенная благодатью Духа Святого, и слава Ее внутри Нее: ибо как для всякой жены слава ее – муж, приходящий отвне, так слава Богородицы внутри Ее, т.е. плод чрева Ее»[5662]. И еще Дамаскин говорит, обращаясь к Ней: «О, Дево Богоблагодатная, святая Церковь Божия, которую духовно создал оный сотворивший мир Соломон (Премудрый Творец мира) и вселился в Нее! Не золотом, не бездушными камнями украшена Она, но, вместо золота, сияет Духом, вместо дорогих камней имеет многоценный бисер – Христа[5663]. Таково украшение той палаты, гораздо прекраснее бывшего в храме Соломоновом, в котором были изображены подобия Херувимов, деревьев и цветов. Но и в сей одушевленной Церкви, в Пречистой Деве, ясно виден образ Херувимский; ибо своим Херувимским житием Она не только сравнялась с Херувимами, но и превзошла их. Если Церковь обыкла иных святых называть Херувимами,

воспевая: «что вас наречем святии; Херувимы, яко на вас почил есть Христос»[5664], то тем паче Дева Богородица есть Херувим, ибо в Ней Христос почил телом Своим, и на пречистых руках Ее Бог воссел, как на престоле: Дева стала престолом Херувимским. Она имеет в Себе подобия и деревьев благоплодовитых, духовно соделавшись маслиною плодовитою в дому Божием и цветущим фиником (Пс.55:10), почему ныне и именуется садом живоносным, когда Церковь воспевает: «от неплоднаго корене сад живоносен израсти нам, Матерь Свою, иже чудес Бог»[5665]. Всё сие говорится о красоте Ее духовной. Но Она не была лишена и красоты телесной, как о том свидетельствуют многие учители церковные, что во всей подсолнечной не было и не будет такой прекрасной девы, какова была Дева Богородица, узрев Которую, святой Дионисий Ареопагит[5666] хотел бы наречь Богом, если бы не знал Бога, от Нее рожденного. Ибо Божественная благодать, коей Она была исполнена внутри, просиявала и на Ее пресветлом лице. Таковую предуготовал себе палату на земле Царь Небесный, – палату прекрасную душою и телом, «приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр.21:2), – притом палату пространную: «чрево Ее пространнее небес содела»[5667], и вместился в Ней «невместимый Христос Бог».

Палаты царские обыкновенно строятся обширными, так чтобы они могли вместить не только царя, но и множество предстоящих слуг и приходящих к нему отовсюду людей. Обширное селение Слова, Пречистая Дева, пространно не только для Бога Слова, как Царя, но и для нас, притекающих рабов Божиих в Нее вселяющемуся: Бога вмещает во утробе, нас же в Своем благоутробии. Избранный сосуд Божий, святой Апостол Павел, движимый любовью, говорил к своим возлюбленным чадам: «сердце наше расширено. Вам не тесно в нас» (2Кор.6:11–12). Но у кого из святых может найтись столь пространное благоутробие, как Мариино и Богу благоутробие? Здесь вмещается и целомудренный, и грешному здесь не тесно. Кающийся имеет в Ней свое место, и для отчаявшихся и некающихся Она есть невозбранное пристанище, подобно тому, как Ноев ковчег служил пристанищем не только чистым, но и

нечистым животным. В благоутробии Ее без тесноты вмещаются все скорбящие, обидимые, алчущие, странствующие, обуреваемые, больные: ибо не может не быть милосердной та утроба, которая родила нам благого Бога. Палаты царей земных охраняет много вооруженной стражи, которая не всякого, желающего войти в них, впускает, но удерживает, внимательно расследуя, откуда и зачем идет. А одушевленная палата Христова, хотя и окружена Херувимами и Серафимами и бесчисленными ликами Ангелов и всех святых, но, тем не менее, в двери Ее благоутробного милосердия никто не препятствует войти, если бы кто сего пожелал: ни стражи не отталкивают, ни воины не отгоняют и не расследуют, зачем кто идет, но всякий входит в них беспрепятственно с молением и приемлет дар по благопотребному прошению.

Итак, будем прибегать к милосердию Рожденной от неплодной утробы с таковым приветствием:

Радуйся, всенепорочная палата Царя всех! Радуйся, селение Бога и Слова, Коему со Отцом и Святым Духом, и Тебе, Дочери Отца, Матери Сына, Невесте Святого Духа, да будет от нас смертных честь и слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенней: из Тебе бо возсия Солнце Правды Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде благословение, и упразднив смерть, дарова нам живот вечный.

Кондак, глас 4:

Иоаким и Анна поношения безчадства и Адам и Ева от тли смертныя свободистася, Пречистая во святем рождестве Твоем. То празднуют и людие Твои, вины прегрешений избавльшеся, внегда звати ти: неплоды раждает Богородицу, и питательницу жизни нашея.

Житие святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны

Память 9 сентября

Святой праведный Иоаким происходил из колена Иудина, из дома царя Давида. Родословие его таково: у сына Давида Нафана родился сын Левий, Левий родил Мелхию и Панфира, Панфир родил Варпафира, Варпафир же родил Иоакима, отца Божией Матери.

Святой Иоаким жил в городе Назарете Галилейском и имел жену по имени Анна из колена Левиина, из рода Ааронова, дочь священника Матфана, жившего пред царствованием Ирода, сына Антипатра. Сей священник Матфан имел женою Марию, из колена Иудина, из города Вифлеема и трех дочерей: Марию, Совию и Анну. Из них первою вышла замуж Мария в Вифлеем и родила Саломию; потом вышла замуж Совия, также в Вифлеем и родила Елисавету, мать Иоанна Предтечи; третья же, как мы уже сказали, мать Пресвятой Богородицы, отдана была замуж за Иоакима в страну Галилейскую, в город Назарет. Супруги сии, Иоаким и Анна, происходя из знатного рода, поучались в законе Господнем и были праведны пред Богом. Имея богатство вещественное, они не были лишены и богатства духовного. Украшенные всеми добродетелями, они беспорочно соблюдали все заповеди закона Божия. На каждый праздник благочестивые супруги отделяли от своего имущества две части, – одну отдавали на церковные потребности, а другую раздавали нищим.

Своею праведною жизнью Иоаким и Анна так угодили Богу, что Он сподобил их быть родителями Пресвятой Девы, предызбранной Матери Господа. Из этого одного уже видно, что их жизнь была свята, богоугодна и чиста, так как у них родилась Дщерь, Святейшая всех святых, угодившая Богу больше всех, и Херувимов Честнейшая. В то время на земле не было более угодных Богу людей, нежели Иоаким и Анна, по непорочной их жизни. Хотя в то время можно было найти и многих живущих праведно и угождающих Богу, но эти двое превзошли всех

своими добродетелями и явились пред Богом самыми достойными того, чтобы от них родилась Божия Матерь. Такая милость им не была бы дарована Богом, если бы они действительно не превосходили всех праведностью и святостью. Но как Сам Господь имел воплотиться от Пресвятой и Пречистой Матери, так подобало и Матери Божией произойти от святых и чистых родителей. Подобно тому как земные цари имеют свои порфиры, сделанные не из простой материи, а из златотканой, так и Небесный Царь восхотел иметь Пречистою Своею Матерью, в плоть Которой, как в царскую порфиру, Ему должно было облечься, рожденную не от обыкновенных невоздержных родителей, как бы из простой материи, но от целомудренных и святых, как бы из материи златотканной, прообразом чего служила ветхозаветная скиния, которую Бог велел Моисею сделать из багряной и червленой материи и из виссона (Исх.27:16). Скиния эта прообразовала Деву Марию, вселившийся в Которую Бог имел «с человеки пажити» как написано: «се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними» (Откр.21:3). Багряная и червленая материя и виссон, из которых была сделана скиния, прообразовали родителей Божией Матери, Которая произошла и родилась от целомудрия и воздержания, как бы от багряной и червленой одежды, и совершенства их в исполнении всех заповедей Господних, как бы от виссона.

Но сии святые супруги, по Божию изволению, долгое время были бездетны, – дабы в самом зачатии и рождении такой дочери была явлена и сила Божией благодати, и честь Рожденной, и достоинство родителей; ибо неплодной и состарившейся женщине родить иначе невозможно, как по силе благодати Божией: здесь действует уже не природа, но Бог, побеждающий законы природы и уничтожающий узы неплодия. Родиться от неплодных и престарелых родителей – большая честь и для самой рожденной, потому что она рождается не от невоздержных родителей, но от воздержных и престарелых, каковыми были Иоаким и Анна, которые пятьдесят лет жили в супружестве и не имели детей. Наконец через таковое рождение открывается достоинство и самих родителей, так как они после

долгого неплодства родили радость всему миру, чем уподобились святому патриарху Аврааму и благочестивой супруге его Сарре, родившим, по обетованию Божию, Исаака в старости (Быт.21:2). Однако, без сомнения, можно сказать, что рождество Богородицы выше рождения Авраамом и Саррою Исаака. Насколько сама рожденная Дева Мария выше и более достойна почести, нежели Исаак, настолько больше и выше достоинство Иоакима и Анны, нежели Авраама и Сарры. Этого достоинства они не сразу достигли, но только усердным постом и молитвами, в душевной горести и в сердечной скорби умолили об этом Бога: и скорбь их обратилась в радость, а бесчестие их явилось предвестником великой чести, и усердное прошение руководителем к получению благ, и молитва – лучшей ходатаицей.

Иоаким и Анна долгое время скорбели и плакали, что у них нет детей. Однажды Иоаким в большой праздник приносил в Иерусалимском храме дары Господу Богу; вместе с Иоакимом и все израильтяне приносили свои дары в жертву Богу. Бывший в то время первосвященник Иссахар не захотел принять даров Иоакима, потому что он был бездетным.

«Не должно, – говорил он, – принимать от тебя дары, потому что ты не имеешь детей, а следовательно и благословения Божия: наверное, у тебя есть какие-нибудь тайные грехи».

Также и один еврей из колена Рувимова, вместе с прочими приносивший свои дары, укорял Иоакима, говоря:

– Зачем ты хочешь прежде меня принести жертвы Богу? Разве ты не знаешь, что ты недостоин приносить дары вместе с нами, ибо ты не оставишь в Израиле потомства[5668]?

Укоры сии очень опечалили Иоакима, и он в сильной скорби ушел из храма Божия посрамленным и униженным, и праздник для него обратился в печаль, а праздничная радость сменилась скорбью. Глубоко скорбя, он не возвратился домой, но ушел в пустыню к пастухам, пасшим его стада, и там плакал о неплодстве своем и о поношении и укорах, сделанных ему. Вспомнив про Авраама, праотца своего, которому уже в преклонном возрасте Бог даровал сына, Иоаким стал усердно

молить Господа, чтобы Он и его сподобил такого же благоволения, услыхал бы его молитву, помиловал бы и отнял от него поношение со стороны людей, даровав в старости плод его супружеству, как некогда Аврааму.

– Да буду я, – молился он, – иметь возможность именоваться отцом ребенка, а не бездетным и отверженным от Бога терпеть укоры от людей!

К сей молитве Иоаким присоединил пост и сорок дней не вкушал хлеба.

– Не буду есть, – говорил он, – и в дом свой не возвращусь; пусть слезы мои будут мне пищею, а пустыня сия домом, до тех пор пока не услышит и не отнимет от меня поношение Господь Бог Израилев.

Точно так же и жена его, будучи дома и услыхав, что первосвященник не хотел принять их дары, укоряя в неплодстве, и что муж ее от великой скорби удалился в пустыню, плакала неутешными слезами.

– Теперь, – говорила она, – я несчастнее всех: Богом отвержена, у людей в поношении и мужем оставлена! О чем плакать теперь: о вдовстве ли своем, или о бесчадии, о сиротстве своем или о том, что не удостоилась называться матерью?!

Так горько плакала она все те дни.

Рабыня Анны, по имени Юдифь, старалась ее утешить, но не могла: ибо кто может утешить ту, печаль которой глубока, как море?

Однажды Анна печальная пошла в свой сад, села под лавровым деревом, вздохнула из глубины сердца и, возведя свои глаза, полные слез к небу, увидала на дереве птичье гнездо с маленькими птенцами. Зрелище сие причинило ей еще большую скорбь, и она с плачем начала взывать:

– Горе мне бездетной! Должно быть, я самая грешная среди всех дщерей Израилевых, что одна пред всеми женами так унижена. Все носят плод своего чрева на своих руках, – все утешаются своими детьми: я же одна чужда сей радости. Горе мне! Дары всех принимаются в храме Божием, и за чадородие им оказывают уважение: я же одна отвержена от храма Господа

моего. Горе мне! Кому я уподоблюсь? Ни птицам небесным, ни зверям земным: ибо и те приносят Тебе, Господи Боже, плод свой, я же одна неплодна. Даже с землею я не могу сравнить себя: ибо она прозябает и выращивает семена и, принося плоды, благословляет Тебя, Небесного Отца: я же одна бесплодна на земле. Увы мне, Господи, Господи! Я одна, грешная, лишена потомства. Ты, Который даровал некогда Сарре в глубокой старости сына Исаака (Быт.21:1–8), Ты, Который отверз утробу Анны, матери Твоего пророка Самуила (1Цар.1:20), призри ныне на меня и услыши молитвы мои. Господи Саваоф! Ты знаешь поношение бездетства: прекрати печаль сердца моего и отверзи мою утробу и меня, неплодную, соделав плодоносною, дабы рожденное мною мы принесли Тебе в дар, благословляя, воспевая и согласно прославляя Твое милосердие.

Когда Анна с плачем и рыданием так восклицала, явился ей Ангел Господень и сказал:

– Анна, Анна! Услышана твоя молитва, воздыхания твои прошли сквозь облака, слезы твои явились пред Богом, и ты зачнешь и родишь Дщерь преблагословенную; через Нее получат благословение все племена земные и будет даровано всему миру спасение; имя ей будет Мария.

Услышав Ангельские слова, Анна поклонилась Богу и сказала:

– Жив Господь Бог, если родится у меня дитя – я отдам его на служение Богу. Пусть он служит Ему и прославляет святое имя Божие день и ночь во всё время своей жизни.

После этого, исполнившись неизреченной радости, святая Анна быстро пошла в Иерусалим, чтобы там с молитвою воздать благодарение Богу за Его милостивое посещение.

В то же самое время Ангел явился и Иоакиму в пустыне и сказал:

– Иоаким, Иоаким! Услышал Бог молитву твою и благоволит даровать тебе благодать Свою: жена твоя Анна зачнет и родит тебе Дщерь, рождение Которой будет радостью для всего мира. И вот тебе знамение, что я благовествую тебе истину: иди в

Иерусалим к храму Божию и там, у золотых ворот, найдешь свою супругу Анну, которой я возвестил то же самое.

Иоаким, удивленный таким Ангельским благовестием, славословя Бога и благодаря Его сердцем и устами за великое милосердие, с радостью и веселием поспешно отправился в Иерусалимский храм. Там, как и возвестил ему Ангел, он нашел у золотых ворот Анну, молящуюся Богу, и рассказал ей об Ангельском благовестии. Также и она поведала ему о том, что видела и слышала Ангела, возвестившего о рождении у нее дочери. Тогда Иоаким и Анна прославили Бога, сотворившего им такую великую милость и, поклонившись Ему в святом храме, возвратились в свой дом.

И зачала святая Анна в девятый день декабря месяца, а восьмого сентября у ней родилась дочь, Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, начало и ходатаица нашего спасения, о рождестве Коей возрадовались и небо и земля. Иоаким по случаю Ее рождения принес Богу великие дары, жертвы и всесожжения, и получил благословение первосвященника, священников, левитов и всех людей за то, что сподобился благословения Божия. Потом он устроил в доме своем обильную трапезу, и все с веселием прославляли Бога.

Подрастающую Деву Марию родители Ее берегли, как зеницу ока, ведая, по особенному откровению Божию, что Она будет светом всему миру и обновлением естества человеческого. Поэтому они воспитывали Ее с такою тщательною осмотрительностью, какая подобала Той, Которая имела быть Матерью Спасителя нашего. Они любили Ее не только как дочь, столь долгое время ожидаемую, но и почитали, как Госпожу свою, помня Ангельские слова, сказанные о Ней, и провидя духом, что должно над Ней совершиться. Она же, исполненная Божественной благодати, таинственно обогащала той же благодатью и своих родителей. Подобно тому как солнце своими лучами освещает звезды небесные, уделяя им частицы своего света, так и богоизбранная Мария, как солнце, озаряла лучами данной ей благодати Иоакима и Анну, так что и они были исполнены Духа Божия, и твердо веровали в исполнение Ангельских слов.

Когда отроковице Марии исполнилось три года, родители ввели Ее со славою в храм Господень, сопровождая с возжженными светильниками, и посвятили Ее на служение Богу, как то обещали. По прошествии нескольких лет после введения Марии во храм, святой Иоаким умер, восьмидесяти лет от рождения. Святая Анна, оставшись вдовою, покинула Назарет и пришла в Иерусалим, где пребывала около своей Пресвятой Дочери, молясь беспрестанно в храме Божием. Прожив в Иерусалиме два года, она почила о Господе, имея 79 лет от рождения[5669].

О, сколь благословенны вы, святые родители, Иоаким и Анна, ради Преблагословенной вашей Дочери!

Сугубо благословенны вы ради Сына Ее, Господа нашего Иисуса Христа, через Которого получили благословение все народы и племена земные! Справедливо вас святая Церковь наименовала Богоотцами[5670], ибо мы знаем, что от Пресвятой вашей Дочери родился Бог. Ныне предстоя Ему близко на небе, молитесь, да уделится и нам хотя некая часть вашей радости нескончаемой. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Иже в законней благодати праведни бывше, Младенца Богоданнаго породиша нам, Иоаким и Анна: темже днесь светло торжествует, весело празднующи, Божественная Церковь честную вашу память, славящи Бога, воздвигшаго рог спасения нам в дому Давидове.

Кондак, глас 2:

Радуется ныне Анна, неплодства разрешившися соуз, и питает Пречистую, созывающи вся воспети, Даровавшаго от чрева ея человеком Едину Матерь и Неискусомужную.

Страдание святого мученика Севириана

Память 9 сентября

В царствование злочестивого царя Ликиния, в то время, как Агриколаем, правителем Севастии[5671], были взяты и посажены в темницу сорок святых мучеников, – в области той жил некий муж, по имени Севириан, знатного рода по происхождению.

Севириан был христианином. Часто посещая в темнице сорок мучеников, он укреплял их к страдальческому подвигу за имя Христово; и они так возгорелись любовью к своему Господу, что даже холодное Севастийское озеро не могло угасить в них сей Божественной любви; вставши по повелению беззаконного правителя в воды озера, они единодушно исповедовали пред своим мучителем имя Иисуса Христа и здесь скончались мученическою смертью[5672].

После страдания Севастийских мучеников, – когда на место Агриколая, тем же нечестивым царем Ликинием, назначен был Лисий, человек лютый и жестокий, как дикий зверь истреблявший верующих и проливавший христианскую кровь, – настало время и святому Севириану выступить на тот же подвиг и на ту же борьбу, к каким он и других возбуждал своим словом.

К правителю области явились клеветники и стали говорить ему:

– Честь великих богов наших умаляется в сем городе через Севириана: он не только сам не чтит и не поклоняется им, но и многим другим советует бесчестить и уничижать их. Веруя сам в Распятого, он и других учит той же вере, и уже немало людей отторглось вслед его, так что если ты не погубишь его, – то скоро весь город последует его вере: и разгневаются боги на наш город и оставят его своею милостью, да и царь, когда услышит об этом, не пощадит нас.

Выслушав сие, правитель Лисий послал своих слуг схватить Севириана и привести его к себе. Воин же Христов, не дожидаясь посланных, пока они придут и возьмут его, предварив их приход, пошел сам и, представ пред Лисием, мужественно и дерзновенно говорил ему:

– Или недостаточно тебе, правитель, одной только твоей погибели, что ты хочешь и наши души погубить и, как некое приобретение, предать их во власть бесов? Но знай, что ты попал здесь на людей мужественных, а не на малодушных и боязливых, ибо мне, как говорит мой Божественный учитель Павел, «жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Фил.1:21).

Правитель Лисий, выслушав эти слова, немного помолчал; а потом, взглянув на стоявших пред ним слуг и указав рукою на Севириана, сказал им с яростью:

– Возьмите и бейте его суровыми жилами, – пусть он научится, с каким смирением нужно говорить с правителем.

Когда святого стали мучить, он радовался, что сподобился пострадать за Христа, и воспевал псаломские слова, которые были ему как бы отрадою в его страданиях: «На хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои»[5673] (Пс.128:3).

Мучитель, видя, что слуги его уже утомились, а на лице мученика – та же просветленность и мужество, велел перестать его бить, а затем, обратившись к нему, сказал:

– Вот, теперь ты по ранам своим можешь познать, что Христос твой не приносит тебе ни радости, ни благополучия в жизни.

Мученик отвечал:

– Если бы твои душевные очи не были помрачены тьмою безбожия, тогда бы я мог открыть тебе, сколь много благ мои страдания исходатайствуют мне у Христа. Но теперь, при твоем нечестии, чего я могу достигнуть, как бы зажигая свечу пред слепым и воспевая песнь пред глухим? О судия! Если бы ты не был так слеп и глух, ты бы познал благодать Христову и ту силу, которая укрепляет меня.

Сии и многие другие слова святого мученика привели правителя еще в больший гнев. Повесив мученика на дереве, он велел строгать тело его железными когтями. Святой же Севириан, среди своих лютых страданий, так молился Богу:

– Иисусе Христе, Ты, некогда повешенный на кресте, низложивший гордыню вражию и даже доныне прославляемый за все Свои дивные дела, прииди и помоги мне и сокруши силу

всезлобного мучителя, растерзанные члены мои исцели и дай мне доблестно совершить подвиг мученический!

И переменялись слуги, мучившие святого; наконец, долго промучив его, повели по приказанию правителя в темницу. Идя к темнице, святой мученик показал себя красноречивым оратором и, как бы не чувствуя своих страданий, хвалился подъятыми за Христа ранами. Когда шел он среди города, то, указывая на свои язвы, со светлым лицом, сладостными устами так говорил, обращаясь ко множеству смотревшего на него народа:

– О люди, посмотрите на меня и уразумейте, в каком блаженстве я сегодня нахожусь! Вы, я думаю, считаете меня теперь самым несчастным и беднейшим человеком, так как я лишился не только временной своей чести и богатства, но даже и самого здоровья. А между тем я ныне счастливее всех вас. Ибо раны мои, приятые за имя Христа, дороже для меня всякой земной радости; кровь, пролитая мною, и обагрение ею драгоценнее царской багряницы; самое же страдание за моего Господа несравненно приятнее для меня всех ваших земных утех, которые вы так любите. А высокий сан мой и богатство – что они были, как не суета и прах и прелесть мира сего, которые я оттрясаю как грязь от ног своих, восходя в высшее мученическое достоинство и приемля богатство неоскудеваемое? Для меня именоваться мучеником – славнее всякого царского сана, лишение же богатства ради Христа драгоценнее сокровищ всех земных царей. Да и самое здоровье, крепость и красота, которыми я прежде обладал, что есть иное, как не болезнь, слабость и безобразие? Если бы члены моего тела не были ныне уязвляемы за Христа, и не обагрялись кровью, то они не были бы моими членами, но были бы только узами и темницею для моей души; а теперь, когда они терзаются за Христа, они поистине суть мои уды. Ныне, когда плоть моя умерщвляется, она здорова и крепка; со мною красота моя, даже и теперь, – когда я не имею человеческого вида и представляю как бы единую язву, ибо и Христос был уязвляем с главы до ног. «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за

Тело Его» (Кол.1:24). Вы же, взирая на мои раны, помышляйте о воздаянии за них: ни умом постигнуть, ни словом высказать нельзя тех благ, кои Царь бессмертный и ныне дает страждущим за Него, и на небе уготовляет им для вечного блаженства. Уже одно то, чтобы страдать за Христа, есть наслаждение, а умереть за Него еще вожделеннее. О други! Если здесь есть кто из наших, если кто из верных рабов Христовых находится среди сего народа неверного, то, взирая на меня, как я страдаю, укрепляйте свое сердце, мужайтесь и будьте неустрашимы. Да не отторгнет вас от пресладкого имени Иисуса Христа ни единая мука: да не устрашит вас ни сечение мечей, ни разжжение печей, ни ярость зверей! Да не прельстит вас ни ласкание мучителя, ни обещание им даров и санов. Всё это поперите ногами, как сор, чтобы воцариться со Христом.

В то время, как Севириан говорил так, за ним следовало много народа. Слушая его, народ проводил святого мученика до самой темницы. Ввергенный в нее, воин Христов ликовал, как светлом чертоге, и лобызал то место, где заключены были сорок святых мучеников, к которым он прежде часто приходил беседовать. В темнице он пробыл пять дней, а потом снова был приведен на суд.

Лисий на суде, подобно волку в овечьей шкуре, стал как бы соболезновать святому и так начал ему лукаво говорить:

– Видят все боги, Севириан, как я сожалею тебя, и весьма удивляюсь, как ты, человек такой видный, благообразный и почтенный, самовольно лишаешься сего радостного мира. Я похвалил бы твою крепость и мужество, но только если бы ты направил их против врагов; бороться же с железом и огнем, со зверями и камнями и так губить себя есть поистине дело безумное. И вот, сила твоя уже сокрушена и тело растерзано.

Говоря так, беззаконный мучитель хотел лукавством прельстить истинного раба Христова, но тот мужественно отвечал:

– Не щади тела моего, покрытого ранами, но увеличь еще более мои страдания. Не только бей меня и строгай мое тело, но и метай на меня камни, жги огнем и делай всё, что только хочешь и можешь. Ты никогда не отвратишь меня от моего

Господа. Скорее ты утомишься, терзая меня, нежели я страдая за имя Христово.

Тогда мучитель, оставив лукавство, предался обычной своей ярости и повелел бить святого Севириана в уста камнями, приговаривая при этом:

– Не носи имени Христа на языке твоем и не докучай ушам правителей воспоминанием сего имени.

Святой мученик устами, – уже разбитыми от ударов, – отвечал мучителю:

– Несчастный, если ты устроил в душе твоей жилище для бесов, то, конечно, и слух твой уже не может сносить имени Христа!

Лисий повелел снова повесить мученика на дереве и строгать его железными когтями. Севириан, жестоко мучимый, произнес:

– Одну только язву я считаю жестокою – ту, которая отлучает от Христа: все же сии раны скорее для меня наслаждение, чем страдание, так как, отрешая меня от всего земного, они соединяют меня со Христом.[5674]

И сказал ему снова правитель:

– Севириан, принеси жертву богам, и ты освободишься от муки.

На это воин Христов ничего не отвечал ему; он только тихо сказал:

– «Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим.8:18).

Лисий, считая оскорблением для себя то, что мученик ничего не ответил на его слова, изобрел для него новое мучение: снявши святого с дерева, повели его к городской стене и, привязав тяжелые камни – один на шею, а другой на ноги, а тело опоясав веревкою, свесили его высоко со стены.

Так вися, святой предал свою праведную душу в руки Подвигоположника – Христа Господа своего[5675]; некоторые из христиан, снявши ночью со стены его честное тело, понесли к месту прежнего жительства мученика. Когда они, неся его благоговейно с пением псалмов, приближались к тому селению, где был дом Севириана, все почти жители вышли к сретению

святых мощей: старые и юные – все одинаково спешили, перегоняя друг друга и этим самым стараясь как бы предвосхитить благословение от многострадального угодника Божия. Только жена одного из рабов Севириана осталась дома, плача над телом своего мужа: он только что умер и лежал еще дома не погребенным. И рыдала она над ним, говоря ему как живому:

– Вот, господин наш приближается к дому, и все вышли встречать его, один только ты не вышел, да я из-за тебя. Итак, встань навстречу господину своему.

Только что она проговорила это, мертвый тотчас встал как бы от сна, пошел навстречу к несущим святые мощи и, припавши к ним, с радостью лобызал тело господина своего. Люди же все, видя, что умерший, с принесением святого тела в их селение, воскрес, пораженные сим чудом, прославили Господа и стали еще с большим усердием лобызать честные мощи.

Относительно погребения тела святого мученика у жителей того селения возникло несогласие: одни хотели похоронить его на одном месте, другие на ином. На мощах Севириана лежал венок, сплетенный из красивых цветов; вдруг, неизвестно откуда появился орел и схватил этот венок; отлетев немного, орел снова опустился на землю. Все, видевшие это, пошли по полету орла и когда подошли к нему, он медленно полетел далее с венком; народ тоже пошел за ним. И таким образом орел довел благочестивых жителей до ближайшей пустыни, и здесь, сев на одну высокую, красивую гору и положив на ней венок, скрылся с глаз. Народ, найдя венок мученика на горе, решил, что Господь благоволил на ней упокоить святое тело Севириана, и, взявши мощи, с подобающею честью погребли на той горе; и совершались при гробе мученика Христова многие исцеления[5676].

Вышеупомянутый же раб, воскресший при перенесении святых мощей Севириана, прожил еще пятнадцать лет, постоянно находясь при гробнице своего господина.

За всё сие да будет слава Богу, в Троице Единому: Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Память блаженного Никиты, тайного угодника Божия, которого видел диакон Созонт

Память 9 сентября

Тайный угодник Божий, блаженный Никита, называемый хартуларий[5677], был рожден и воспитан благородными родителями в Царьграде; живя в мире и тайно служа Богу, он настолько угодил Ему, что и церковные двери сами отверзались, когда он в полночь приходил на молитву, и светильник, зажженный не человеческими руками, освещал его, и был он в состоянии показать диакону Созонту умершего священника как живого, о чем существует такое сказание.

Один благочестивый священник и благоговейный диакон возымели в Боге любовь друг к другу, но спустя некоторое время оба под влиянием бесовского навета изменили любовь на вражду. Имя диакону было Созонт, а имя священника осталось неизвестно. Много времени находились они во вражде, и в этих чувствах священнику пришлось умереть. Тогда диакон начал смущаться мыслию и терзаться совестью, что он не прекратил вражды со священником и не уничтожил гневливости прощением. Поэтому он отправился искать мудрого духовного отца, которому можно было бы открыть свою совесть, и ходил он по пустынным местам, отыскивая врача для болезни своего сердца; наконец, найдя одного великого в добродетелях святого старца, признался ему в своем грехе гнева и вражды, какую имел со священником, и просил прощения.

Старец сказал ему: «Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф.7:7; Лк.11:10–11). Хорошо делаешь, брат, заботясь о скором разрешении сего великого греха; да поможет тебе Господь, так как не мое это дело помирить тебя, чадо, с умершим. Однако, возвращайся в Царьград, откуда и пришел; придя ночью к великой церкви Святой Софии[5678], стань у великих прекрасных дверей, и кого ты прежде увидишь подходящим к дверям, тому поклонись,

сообщи о нас и дай это запечатанное письмо; от него и будет тебе исправление в твоем грехе.

Диакон, исполняя повеление своего духовного отца, пошел в город, достиг ночью церковных дверей святой Софии и стал в ожидании прихода неизвестного лица. И вот, увидел он некоего приближающегося к дверям мужа, – то и был блаженный Никита, о котором идет повествование. Диакон поклонился ему, поцеловал его, подал письмо старца и высказал ему свою печаль. Муж тот, слушая признание диакона, обсудив и прочитав полученное письмо старца, облился слезами и сказал:

– Как я могу решиться на дело, превышающее мои силы? Однако, надеясь на молитвы пославшего тебя, и насколько поможет Бог мне, приступлю к тому, что мне повелено. Сказав сие, он стал пред дверями и, подняв руки к небу, начал шепотом молиться. Потом, преклонив колена и приложив голову к земле, стал тихо творить молитву и, по прошествии некоего времени вставши, сказал:

– Господи, отверзи нам врата Твоей милости!

Тотчас преддверие храма само собой открылось, и блаженный Никита, взявши диакона, вошел на паперть и, подошедши к самым церковным дверям, сказал ему: «Стой здесь неподвижно», сам же сделал поклон на пороге церкви; двери открылись, и он вошел внутрь. Когда молясь стал он посреди церкви, зажженный светильник с потолка церкви спустился над головой того мужа и осветил всю церковь; потом он пошел к жертвеннику, и там двери сами открылись; преклонив голову и молча помолившись, он вышел к диакону, и снова все двери сами собой закрылись. Видя сие, диакон ужаснулся и не смел приблизиться к тому мужу, ибо великий страх объял его; кроме того, и лицо его казалось диакону как бы лицом Ангела, прославленным молитвой. И подумалось диакону: не Ангел ли это? Но не скрылось сие от мужа того, и он сказал диакону:

– Зачем ты смущаешься мыслями о мне? Веруй, что и я – человек из крови и плоти, родившийся в честном доме и воспитанный в этом городе. Благодать Божия, если восхощет, действенна и в немощах. Пойдем же в путь, нам предстоящий!

После этого он направился к торговому месту, а диакон последовал за ним. Когда они достигли здесь церкви Пресвятой Богородицы, двери церковные по молитве опять открылись; пробывши в церкви помолившись, угодник Божий вышел, и двери сами затворились. Диакон, смотря на это, только с ужасом говорил про себя: «Господи, помилуй!» Так пошли они ко Влахернской церкви. Впоследствии уже диакон сообразил, что замеченное им шествие по церквам совершалось столь быстро, как будто бы было подобно летанию птиц. Когда они подошли к дверям Влахернской церкви[5679], и муж тот со слезами совершил молитву, тотчас, как и в других церквах, двери сами открылись; поставив диакона в дверях и приказав внимательно смотреть внутрь, сам он вошел в церковь, преклонил колена и начал усердно молиться. Диакон же, стоя в дверях, увидел внутри церкви свет, освещающий всё вокруг, и некоего световидного диакона, вышедшего из алтаря и кадящего по всей церкви. Спустя немного времени он увидел лик священников, одетых в белые одежды и вышедших из алтаря на средину церкви; он увидел и другой лик священников, одетых в красные ризы; все вместе собрались они посредине церкви и пели прекрасные и какие-то особенные церковные песни, из коих диакон не мог запомнить ни одной, кроме «аллилуиа».

Муж же тот, встав после своей молитвы, сказал диакону:

– Брат, войди внутрь церкви без страха и посмотри на левый лик стоящих священников: не узнаешь ли ты того священника, с которым имел вражду?

Диакон, с трепетом вошедши и приблизившись к Божиему человеку, посмотрел на левый лик и не нашел искомого священника. Ангеловидный муж повелел диакону рассмотреть также и правый лик священников. Диакон, посмотрев, увидел того священника, с которым имел вражду, и указал на него Божиему человеку. Он же сказал диакону:

– Иди, скажи священнику, которого узнал: Никита хартуларий стоит снаружи храма и зовет тебя, чтобы ты пришел к нему!

Диакон пошел по приказанию, взял священника за правую руку и привел к Божиему человеку, который в то время уже вышел из церкви. Кротко он посмотрел на священника и тихим голосом сказал:

– Отче пресвитер, побеседуй с братом твоим прекратите вражду, какую имеете между собою.

Тотчас священник и диакон стали друг против друга на колени и после продолжительных приветствий прекратили вражду. Священник после прощения вошел в церковь и стал на свое место, а Никита, человек Божий, на пороге церковном сделал поклон, и тотчас двери церковные затворились. Затем, вместе с диаконом пошел он в обратный путь. Прошедши некоторую часть пути, блаженный Никита сказал диакону:

– Брат Созонт, спаси душу свою для себя и для моей пользы; отцу же, пославшему тебя, скажи, что чистота его святых молитв и упование на Бога могут и мертвых воздвигнуть!

Сказав сие, блаженный исчез из глаз диакона. Сей же, поклонившись на том месте, где стояли ноги сего дивного мужа, пошел к старцу – духовному отцу своему – со страхом и радостью, славя и благодаря Бога за то, что Он сподобил его дивным и чудесным образом примириться с умершим священником, по молитвам тайного раба Божия Никиты хартулария, столь угодившего Богу среди народа и мирских смятений.

Воспоминание святого Третьего Вселенского собора в Ефесе

Память 9 сентября

В Двадцать первый год царствования императора Феодосия Младшего, сына Аркадиева, созван был в Ефесе святой третий Вселенский собор[5680] по следующему поводу. Несторий, который недостойно занимал место патриарха Константинопольского[5681], стал проповедовать лжеучение, сродное с учениями прежнего еретика Павла Самосатского, а также и Диодора Тарсийского[5682]. Он не убоялся утверждать, что Единородный Сын Божий Христос, Который нас ради и нашего ради спасения воплотился и вочеловечился, Который предвечно рождается от Бога Отца без матери, а на земле родился, как человек, без отца, – имеет не одно Лицо или одну Ипостась, но два разных лица: одно – Божеское, а другое человеческое. И о Пречистой Матери Господа нашего Иисуса Христа он нечестиво учил, что Ее не следует называть Богородицею, но Христородицею, не желая признавать, что Она поистине родила плотию Бога Слово. Св. Кирилл, архиепископ Александрийский[5683], много писал ему, увещевая его отстать от такого заблуждения, но видя, что он не только не внимает его увещаниям, а еще сильнее укрепляется в своей ереси, – написал Целестину, папе римскому[5684], и другим патриархам, прося их убедить Нестория оставить свое лжеучение. Когда и они не могли отвратить нечестивого Нестория от его лжеучения, тогда православные архиереи обратились с просьбою к императору Феодосию, чтобы он созвал Вселенский собор. Феодосий повелел созвать такой Собор в Ефесе. На сем соборе присутствовало двести святых отцов, из коих знаменитейшими были: св. Кирилл Александрийский, св. Ювеналий, Мемнон Ефесский и многие другие (св. Целестин, папа римский, не мог по болезни приехать на Собор). Прибыл в Ефес и Несторий. Хотя отцы Ефесского собора и посылали троекратно к нему приглашение явиться на собор, но он всякий раз упорно отказывался. Тогда святые отцы решили начать соборные

заседания без него. Осудив Нестория и его нечестивое учение, они торжественно подтвердили православное учение о том, что подобает исповедовать в Господе нашем Иисусе Христе единое Лицо и два естества, и Пречистую Его Матерь восхвалять, как единую Приснодеву и истинную Богородицу. Для того, чтобы еще больше обличить злочестие Нестория, святые отцы сего собора одобрили и предали св. Церкви в руководство сочинение св. Кирилла Александрийского, называемое «Двенадцать анафематизмов против Нестория».

Память преподобного Иосифа Волоколамского

Память 9 сентября

Святой Иосиф был родом из окрестностей города Волока Ламского[5685]. Прадед его был литовского происхождения, а родителей его звали Иоанном и Мариною[5686]. Семи лет отдан он был в учение[5687] и весьма скоро изучил Божественное Писание. Любил он часто ходить в храм Божий и, удаляясь от сверстников, всю мысль свою устремлял на угождение Богу. Презрев мирскую суету, удалился он в Боровск[5688], в монастырь преподобного Пафнутия, который постриг его в иноческий чин[5689]. Всегда пребывал он в посте и молитве и был искусным подвижником, повинуясь во всем своему духовному наставнику. По прошествии некоторого времени, взял он к себе в ту же обитель своего родного отца, принявшего также иночество, и служил ему и покоил его до самой его смерти. Восемнадцать лет пробыл он в повиновении у святого Пафнутия. По смерти своего учителя и наставника он был сделан игуменом его обители, которою и управлял около двух лет. Затем удалился он с некоторыми из братии в лес, окружающий город Волок Ламский, и построил там монастырь, в котором воздвиг каменную церковь в честь Успения Божией Матери[5690]. Много собрал он братии и устроил самое строгое общежитие. Сам он одевался как нищий, так что никто не мог отличить в нем настоятеля. Ревностно подвизался он против ереси «жидовствующих»[5691] и написал в обличение ее книгу. Кроме того, написал он и устав для своей обители. Во время голода его монастырь доставил пропитание многим бедным. Преподобный преставился 9 сентября, в лето от сотворения мира 7094-е[5692], в княжение великого князя Василия Иоанновича, прожив всего семьдесят пять лет, Святое тело его положили близ алтаря соборного храма его обители[5693].

Память преподобного Феофана, постника и исповедника

Память 9 сентября

Родители Феофана были язычники, он же обратился ко Христу еще в детстве. Будучи еще младенцем, он увидал ребенка, умиравшего от холода; сжалился над ним, снял с себя одежду и надел на него. Когда, после того, пришел он домой, родители спросили его: «Чадо, где твоя одежда?»

Он отвечал:

– Я одел ею Христа.

Отец спросил его:

– Кто это Христос? Мы почитаем Меркурия и Аполлона.

После этого отрок ушел от своих родителей. Ангел Господень взял его и возвел на гору Диавис, где поручил его одному постнику, который семьдесят пять лет проводил монашескую жизнь. Старец принял отрока и стал учить его иноческой жизни и священным книгам. Их обоих питал Ангел. Через пять лет после того старец преставился. По его кончине, отрок жил в пещере, проводя постническую жизнь пятьдесят восемь лет. Затем, получив повеление от Ангела Божия, он вышел из пещеры и, сев на льва, проехал шестьдесят поприщ, проповедуя веру Христову. Цари Кар, Карин и Нумериан[5694] велели схватить его и бить: преподобному нанесено было сто ударов по шее, после чего он претерпел еще многие мучения. Когда мучители увидали, как много он творит чудес, и какое великое число людей приходит к нему и получает святое крещение, они устыдились своего бессилия и мирно отпустили его. Он возвратился в свою пещеру и, прожив в ней еще семнадцать лет в строгом посте, преставился ко Господу[5695].

Житие и страдание святых мучениц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры

Память 10 сентября

Три девы – Минодора, Митродора и Нимфодора – принесли себя в дар Пресвятой Троице. Иные приносят дары Богу от своего имения, – подобно тому как некогда три восточных царя принесли Ему золото, ладан и смирну[5696] (см. Мф.2:11); девы же святые принесли Богу дары от внутренних своих сокровищ. Они принесли Ему вместо золота свои души, искупленные не тленным золотом, а честною кровию непорочного Агнца[5697] (см. 1Пет.1:19); вместо ладана принесли чистую совесть, говоря вместе с Апостолом: «Ибо мы Христово благоухание»[5698] (2Кор.2:15); вместо смирны принесли в дар Господу самое тело, отдавши его еще в непорочном девстве на раны за Христа. Святые девы твердо были убеждены в том, что Господь требует не временного богатства нашего, но нас самих, как некогда сказал Давид: «Ты – Господь мой; блага мои Тебе не нужны» (Пс.15:2). Поэтому они и принесли в жертву Богу самих себя, как это ясно видно из святой их жизни и мужественных страданий.

Святые девы родились в Вифинии[5699]. Сестры по плоти, они остались сестрами и по духу: ибо единодушно предпочли лучше служить Богу, нежели быть рабынями мира и всей его суеты. Желая же вместе с душою и тело сохранить не оскверненным и в совершенной чистоте соединиться с чистым Женихом своим, Христом Господом, святые девы последовали Его призыву: «И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас» (2Кор.6:17). Всего более возлюбив девическую чистоту и зная, как трудно сохранить эту чистоту среди народа, склонного к любодеянию и непрестанному греху, святые девы оставили людское общество и, отстранив себя от всего мира, поселились в уединенном месте. Подобно тому как воды речные, впадающие в море, лишь только сольются с морскими водами, тотчас теряют свою сладость и становятся солеными, – и

чистота душевная, пребывая среди мира, не может не заразиться его сластолюбием. Так дочь Иакова, Дина, сохраняла свою девическую чистоту, пока не отдала себя в языческий город Сихем; но как только познакомилась с жившими в том городе дочерьми и вступила с ними в общение, тотчас погубила свое девство[5700]. Мир сей со своими тремя дочерьми – похотью плоти, похотью очей и гордостью житейскою[5701] (см. 1Иоан.2:16) – тот же Сихем и ни о чем другом не заботится, как только причинять вред тем, кто питает к нему любовь, как смола чернит прикасающихся к ней, так и мир делает почитателей своих сквернымы и нечистыми. Блажен поэтому тот, кто избегает мира, чтобы не запятнать себя его нечистотою; блаженны и сии три девы, бежавшие от мира и от злых его дочерей. Не очернили святых дев мирские скверны, и они остались чистыми, как белые голубки, летая на крыльях добродетели и Боговидения по горам и пустыням и желая найти приют, как в гнезде, в любви Божественной. Так у пустынников, живущих вне суетного мира, бывает одно только непрестанное стремление к Богу.

Для своего местопребывания святые девы избрали один высокий и пустынный холм, находившийся в двух поприщах[5702] от теплых источников в Пифиях[5703]. Поселившись здесь, они обрели тихое пристанище и надежный покой и проводили свою жизнь в посте и непрестанных молитвах. Святые девы скрыли свою девическую чистоту от взоров людских в пустыне и вознесли чистоту сию на высокий холм, чтобы ее видели Ангелы; они взошли на самую вершину горы, чтобы, отряхнувши прах земной, удобнее приблизиться к небу. О том, как добродетельна была их жизнь, можно судить по самому месту их пребывания. Ибо что означает пустыня, как не отвержение всего и уединение? О чем свидетельствует высокий холм, как не о Богомыслии? Что знаменуют теплые воды, при коих поселились святые девы, как не сердечную их теплоту к Богу? Как израильтяне, избавившись от рабства египетского, должны были пройти пустыню[5704]; так святые девы, вышедши из мира, возлюбили пустынную жизнь. Как Моисей, взойдя на гору, узрел Бога (см.Исх.34:4, 6); так и они, обитая на высоком холме и

возводя очи свои к Господу, ясно созерцали Его своим умственным взором. Как в пустыне из камня, от удара в него жезлом, истекали воды (Числ.20:2–11); так от смиряющих ударов в грудь лились из очей святых дев потоки слез. И эти горячие слезы такую имели силу, какой не было у источников теплых вод: воды могли омыть только телесную нечистоту, а слезы очищали душевные пороки и делали душу белее снега. Но что было и очищать слезами у тех, которые, очистив себя от всякой скверны, и телесной и душевной (1Кор. 7:1), жили на земле, как Ангелы? Если в чьем-либо сердце и могут зародиться слезы от воспоминания о множестве грехов, то в этих чистых девах плач происходил только от любви к Богу. Ибо где любовь к Богу горит пламенным огнем, там не могут не быть потоки слез. Такова сила этого огня, что когда он возгорится, как в печи, в чьем-либо сердце, то насколько будет разрастаться пламя, настолько увеличится и роса: ибо сколь велика любовь, столь велико и умиление. Слезы рождаются от любви: потому и о Христе, когда Он прослезился над Лазарем умершим, говорили: «смотри, как он любил его» (Ин. 11:36). Святые девы плакали, совершая свои молитвы и размышляя о Боге: ибо они любили своего Господа и желали насытиться Его лицезрением; со слезами они ожидали того времени, когда увидят возлюбленного Жениха Небесного. Каждая из них повторяла слова Давида: «Когда прийду и явлюсь пред лице Божие; были слезы Мои Мне хлебом день и ночь» (Пс. 41:3–4)[5705]. И день и ночь мы плачем о том, говорили святые девы, что так долго не настает то время, когда мы явимся пред лицом Сладчайшего Жениха нашего Иисуса Христа, насытиться видением Которого мы также сильно желаем, как олень жаждет источников воды (Пс. 41:1).

Но «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5:14)[5706]; так и святые девы, хотя своею особенною жизнью совершенно отстранили себя от мира, были явлены людям Самим Богом. Чудесные исцеления больных, совершавшиеся по молитвам святых дев, как громогласные трубы, пронесли о них весть по всей стране. Тогда царствовал злочестивый Максимиан, а страной Вифинийской управлял князь Фронтон.

Услышав о святых девах, князь повелел схватить их и привести к нему. Христовы агницы, которым и звери пустынные не причинили никакого вреда, были взяты людьми зверообразными и зверонравными и приведены к мучителю. Как три Ангела, стали три девицы на суде нечестивцев. Им должно было бы предстоять Самому в Троице славимому Богу, а не грешным людям, не достойным даже взирать на лица святых дев, сиявшие Ангельской красотой и благодатью Святого Духа. Сам мучитель удивлялся, как такая красота, какой он никогда не видел и в царских дворцах, могла сохраниться в пустыне. Ибо, хотя тело святых дев было совершенно изнурено от поста и многих подвигов, но лица их не только не утратили своей девственной красоты, но еще более просияли ею. Где сердце было полно духовной радостью и весельем, там не могла увянуть красота лица: веселое сердце, говорится в Св. Писании, делает лице веселое (Притч. 15:13). Есть и в воздержании нечто такое, что, вместо изнурения, придает лицам человеческим красоту; так некогда Даниил и с ним три отрока, хотя жили в посте и в воздержании, но красотой своей выделялись из всех отроков царских (Дан. 1:5–16). То же было и со святыми девами, и красота этих цветов пустыни, дочерей Божиих, превосходившая всякую красоту дочерей мирских, была непостижима для ума человеческого.

Князь прежде всего спросил святых дев, как их зовут и откуда они родом.

Они отвечали, что по имени Христа они называются христианками, а при святом крещении даны им имена – Минодора, Митродора и Нимфодора, что они родные сестры и родились в этой же стране Вифинийской.

Князь продолжал речь свою и, надеясь ласками привести святых дев к своему злочестию, сказал им:

– Прекрасные девы! Великие боги наши возлюбили вас и почтили такою красотою; они готовы еще почтить вас и большим богатством, только вы воздайте им честь и вместе с нами поклонитесь им и принесите им жертву; я же воздам вам хвалу перед царем. И когда увидит вас царь, возлюбит вас и почтит многими дарами, выдаст вас замуж за великих сановников, и

вы, больше чем другие жены, будете наслаждаться честью, славой и богатством.

Тогда старшая сестра, Минодора, сказала:

– Бог сотворил нас по Своему образу и подобию; Ему мы поклоняемся, а о иных богах мы не хотим и слышать; дары же ваши и почести так же нужны нам, как нужен кому-либо сор, ногами попираемый. Ты обещаешь нам от твоего царя благородных мужей, но кто же может быть лучше Господа нашего Иисуса Христа, Которому мы с верой уневестили себя? С Ним мы вступили в чистое супружество, к Нему прилепились душой, с Ним соединились в любви; Он – наша честь, слава, Богатство, и никто, не только ты и твой царь, весь мир этот не в силах разлучить нас.

Митродора, вторая сестра, сказала:

– «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16:26). Что такое для нас мир этот против возлюбленного Жениха и Господа нашего? То же, что грязь против золота, тьма против солнца, желчь против меда. Ужели же мы ради суетного мира изменим Господу в любви и погубим свои души? Никогда!

– Много вы говорите, – сказал мучитель, – потому что не видели мучений, не приняли ран; иначе вы будете говорить, когда узнаете их.

– Ужели ты думаешь, – смело отвечала младшая сестра, Нимфодора, – устрашить нас мучениями и жестокими ранами? Собери сюда со всей вселенной орудия мучений, мечи, колья, когти железные, призови со всего света всех мучителей, соедини вместе всевозможные мучения и предай им наше слабое тело; увидишь ты, что скорее сокрушатся все те орудия, у всех мучителей устанут руки и все виды мучений твоих истощатся, нежели мы отвергнемся от Христа нашего: горькие муки за Него для нас будут сладким раем, а смерть временная – вечной жизнью.

Но князь продолжал их убеждать.

– Советую я вам, – говорил он, – как отец: послушайте меня, дети, и принесите жертву нашим богам. Вы – родные сестры: не захотите же вы видеть друг друга в стыде, бесчестии

и муках, не захотите видеть вашу красоту увядающей. Не правду ли говорю я? Разве не на пользу вам мои слова? Поистине даю я вам отеческий совет, потому что не желаю видеть вас обнаженными, битыми, терзаемыми и раздробляемыми на части. Исполните же мою волю, чтобы не только у меня, но и у царя могли вы приобрести благоволение и, получив все блага, прожить всю жизнь в благополучии. Если же вы не послушаете меня теперь, то тотчас же будете преданы горьким мучениям и тяжким болезням, и красота ваша погибнет.

– Судья! – сказала Минодора, – нам неприятны твои ласкательства, и угрозы твои нам не страшны: мы знаем, что наслаждаться вместе с вами богатством, славою и всеми временными удовольствиями – это то же, что приготовлять себе вечную горесть в аду, терпеть же за Христа временные мучения – значит заслужить вечную радость на небесах. То благополучие, какое ты нам обещаешь, непостоянно; мучения, какими ты грозишь нам, временные; мучения же, уготованные нашим Владыкой тем, кто ненавидит Его, вечны, и множество милости, хранимой Им для любящих Его, бесконечно. Мы не желаем ваших скоропреходящих благ и временных мучений ваших не боимся; страшимся же мук адских и стремимся к благам небесным, потому что они вечны. Но самое главное – так как мы любим Христа, Жениха нашего, то единодушно желаем за Него умереть, и умереть вместе, чтобы видно было, что мы сестры еще более по духу, нежели по телу. Как одна утроба произвела нас в мир, так пусть и одна смерть изведет нас из мира этого, пусть один чертог Спасов примет нас и там пребудем вовеки.

После этих слов она возвела очи свои на небо и сказала:

– Иисусе Христе, Боже наш! Мы не отвергаемся от Тебя перед людьми, не отвергнись и Ты от нас пред Отцом Твоим Небесным.

И снова, обратясь к мучителю, стала говорить:

– Мучай же нас, судья! Уязвляй ранами то тело, которое кажется тебе прекрасным; для тела нашего не может быть лучшего украшения – ни золота, ни жемчуга, ни многоценных

одежд, чем раны за Христа нашего, каковые мы давно желаем принять.

– Ты – старшая по возрасту и по разуму, – сказал ей князь, – и должна бы других учить повиноваться велениям царским и нашим; а ты и сама не слушаешь и их развращаешь. Умоляю тебя: послушай же меня, исполни, что я тебе повелеваю, поклонись богам, чтобы и сестры твои, следуя твоему примеру, сделали то же.

– Напрасно ты трудишься, князь, – отвечала святая, – напрасно стараешься отлучить нас от Христа и склонить нас к поклонению идолам, которых вы называете богами. Ни я, ни сестры мои, не сделаем сего: ибо у нас одна душа, одна мысль, одно сердце, любящее Христа. Поэтому советую тебе не тратить более слов, а испытать нас самым делом: бей нас, секи, жги, раздробляй на части; тогда увидишь, послушаем ли мы твоего безбожного повеления. Христовы – мы, и умереть за Христа готовы.

Выслушав такую речь, князь Фронтон пришел в ярость и весь свой гнев излил на Минодору. Удалив двух младших сестер, он приказал раздеть Минодору донага и бить ее. Четыре палача стали бить святую, а глашатай в это время восклицал: «воздай честь богам и хвалу царю и не оскорбляй наших законов».

Два часа били святую Минодору. Наконец, мучитель сказал ей:

– Принеси же богам жертву.

– Ничего другого я и не делаю, – отвечала мученица, – как только приношу жертву. Разве ты не видишь, что я всю себя принесла в жертву Богу моему?

Тогда мучитель приказал слугам бить святую Минодору еще сильнее. И били ее по всему телу немилосердно, сокрушая суставы, ломая кости и раздробляя тело. Но святая дева, объятая пламенной любовью и стремлением к бессмертному своему Жениху, доблестно терпела муки, как бы не чувствуя боли.

Наконец, она воскликнула из глубины сердца:

– Господи Иисусе Христе, веселье мое и любовь моего сердца, к Тебе прибегаю; надежда моя, молю Тебя: прими с миром душу мою.

С этою молитвой святая испустила дух и отошла к своему возлюбленному Жениху, вместо многоценных украшений вся покрытая ранами.

Спустя четыре дня мучитель призвал на суд Митродору и Нимфодору и приказал принести и положить у ног их мертвое тело старшей их сестры. Честное тело святой Минодоры лежало нагое, без всякого покрова; оно с ног до головы было покрыто ранами, все суставы были сокрушены. Такое зрелище у всех вызвало глубокое сострадание. Мучитель как бы хотел сказать юным девам: «видите, что стало с вашей сестрой, то же будет и с вами»; он надеялся, что, при виде тела своей сестры, с такой жестокостью замученной, девы устрашатся и исполнят его волю. Все предстоящие, смотря на истерзанное мертвое тело, не могли заглушить в себе естественной жалости и не скрывали слез своих: один только мучитель был тверд, как камень, и только еще более ожесточался. Хотя сама природа и любовь к своей сестре побуждали и святых дев, Митродору и Нимфодору, к слезам, но еще большая любовь ко Христу удерживала их от плача. У них была твердая надежда, что их сестра уже наслаждается весельем в чертоге своего Жениха и ждет, что и они, украшенные такими же ранами, поспешат предстать перед лицом всевожделенного Господа. Поэтому, взирая на лежащее пред ними святое тело, они говорили:

– Благословенна ты, сестра и матерь наша: ты удостоилась мученического венца и вошла в чертог Жениха твоего. Помолись же преблагому Господу, Коего ты ныне видишь, чтобы Он теперь же повелел и нам прийти к Нему твоим путем, удостоил нас поклониться Ему, Великому Богу, насладиться любовью Его и вечным с Ним весельем. А вы, мучители, для чего медлите и не убиваете нас? Зачем лишаете участи нашей возлюбленной сестры? Почему тотчас не подносите нам смертную чашу, коей мы жаждем, как сладчайшего питья? Вот, кости наши готовы на раздробление, ребра готовы на жжение, тело наше – на растерзание, глава – на отсечение, сердце – на

мужественное терпение. Начинайте же свое дело, не ждите от нас более ничего: мы не преклоним колен пред ложными богами. Вы видите, как мы усердно желаем смерти. Чего же вы еще хотите? Умереть вместе с сестрой нашей за Христа Господа, Жениха нашего прелюбезного – вот наше единственное желание.

Судья видел, как они бесстрашны, и верил, что их желание смерти за Христа непреклонно, однако, все еще старался ласками привести их к единомыслию с ним и с лукавством продолжал уговаривать их.

Но сестры отвечали:

– Когда же ты перестанешь, окаянный мучитель, противиться нашему твердому решению? Ты знаешь, что мы от одного корня ветви, что мы родные сестры: будь же уверен, что мы и мысль одну имеем. Ты мог уразуметь это от той же замученной тобою сестры нашей. Если она, не имея пред глазами своими ни одного примера мужества в страдании, проявила такое непобедимое терпение; то что же должны сделать мы, при виде нашей сестры, подавшей нам собою пример? Разве ты не видишь, как она, хотя и лежит с сомкнутыми устами, своими открытыми ранами поучает нас и увещевает к страдальческому подвигу? Нет, мы не разлучимся с нею, не разорвем родственного нашего союза, но умрем за Христа так же, как и она умерла. Отрекаемся от богатств, вами обещанных; отрекаемся от славы и от всего, что из земли и в землю снова возвратится; отрекаемся от смертных женихов, так как имеем Нетленного: Его только Одного мы любим, и Ему, вместо приданого, приносим нашу смерть, чтобы сподобиться бессмертия в вечном, чистом и святом Его чертоге.

Потеряв тогда всякую надежду, мучитель пришел в страшную ярость и, удалив младшую сестру, велел повесить Митродору и опалять ее тело свечами. Так мучили Митродору в продолжение двух часов. Претерпевая мучение, святая возводила свои очи к Единому возлюбленному Жениху своему, за Которого она страдала, прося у Него помощи. Ее сняли с дерева опаленную, как уголь, но мучитель велел сильно бить ее железными жезлами, сокрушая все ее члены. В таких мучениях

святая Митродора, призывая Господа, предала в Его руки чистую свою душу.

Когда она скончалась, привели и третью агницу Христову, Нимфодору, чтобы она увидела мертвые тела своих двух сестер и, устрашившись их жестокой смерти, отреклась от Христа.

Князь стал с лукавством говорить ей:

– Прекрасная дева! Твоей красоте я изумляюсь больше, чем красоте других, и сожалею о твоей молодости. Клянусь богами, что я полюбил тебя, как родную дочь. Поклонись только богам, и тотчас же заслужишь у царя великое благоволение: он наградит тебя имением и осыплет почестями. Если же не сделаешь этого, так же погибнешь, как и твои сестры, которых тела перед тобой.

Слова эти, как ветер, пронеслись мимо ушей святой девы: она не только не внимала им, но с пренебрежением отзывалась об идолах и идолопоклонниках и, как Давид, говорила: «Идолы – серебро и золото, дело рук человеческих: подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них» (Пс. 113:12, 16)[5707].

Беззаконник, видя, что словами он не добьется успеха, велел повесить ее нагую и строгать ее тело железными когтями. Она же в таких муках не проявила ни малейшего нетерпения, не испустила ни крика, ни стона, и только, возведя свои очи на небо, безмолвно двигала своими устами, что было знаком ее усердной молитвы. И когда глашатай восклицал: «принеси жертву богам, и будешь освобождена от мучений», святая говорила:

– Я принесла себя в жертву Богу моему; страдание за Него мне сладость, а смерть – приобретение.

Наконец, мучитель велел бить ее железными жезлами до смерти, и святая Нимфодора была убита за исповедание Иисуса Христа.

Так троица дев прославила своей страдальческой кончиной Пресвятую Троицу.

Мучитель, однако, не удовольствовался страданиями девиц, но и на мертвых даже излил свою неукротимую ярость. Он повелел развести большой костер и ввергнуть в него тела

святых мучениц. Как только это было исполнено, вдруг с великим громом ниспал с неба огонь и мгновенно попалил князя Фронтона и всех его слуг, мучивших святых дев. На разведенный же костер пролился великий дождь и угасил огонь. Взяв тела святых, неповрежденные пламенем, верующие с честью предали их погребению, положив их близ теплых вод в одном гробе. Так тех, кого родила одна утроба, принял один гроб, чтобы неразлучные при жизни были бы вместе и по смерти. Сестры на земле, они остались сестрами и на небе, сестры – во гробе, сестры – и в чертоге Жениха своего. Над их телами соорудили во имя их храм[5708], и исцеления от их мощей истекали, как реки, в славу Пресвятой Троицы и в память святых трех дев, по молитвам которых и мы да сподобимся узреть Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога. Слава Ему вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

За Троицу терпеливно страдальчествовавшия, многокозненнаго врага победисте, братски облекшееся Духом: темже водвористеся с пятьми девами[5709] в небеснем страстотерпцы чертозе, и со Ангелы Всецарю в веселии непрестанно предстоите.

Житие святой царицы Пульхерии

Память 10 сентября

Греческий император Аркадий[5710], умирая, оставил после себя восьмилетнего сына Феодосия и трех дочерей – Пульхерию, Аркадию и Марину. Пульхерия, бывшая по годам старше брата, отличалась разумом и скромностью. То был великий дар Божественного Промысла греческому царству – в помощь юному Феодосию и в защиту православия от нападений еретиков[5711]. Мудрая не по годам, она принята была братом в соцарствование и получила титул Августы[5712]. Ей было 16 лет, когда, достигши власти, она начала управлять греческой империей не с разумением жены, а с мудростью мужа, вызывая удивление всего тогдашнего мира: так дано было ей от Бога за чистоту ее жизни. Ибо по любви своей к Богу, а также заботясь о мире и спокойствии своих подданных, она отказалась от замужества, чтобы не было каких-либо раздоров между ее мужем и братом, и, обручив себя Богу, до смерти пребывала в девстве: а в знак поручения своего девства Богу устроила в соборной[5713] церкви св. престол из золота и драгоценных камней, дивной работы и многоценный. Сестер своих она также убеждала хранить девство, и они дали Богу обет хранить девическую чистоту до самой кончины своей и жили вместе с ней в посте и молитвах, повинуясь ей не только как старшей сестре, но и как матери и царице.

Пульхерия была вместо матери и брату своему, императору Феодосию, и всячески заботилась о нем, научая его страху Божиему. Хорошо зная греческий и латинский языки, она сама была его учительницей и учила его не только книгам, но и благонравию; она давала ему наставления в том, каков он должен быть в беседе, как должен вообще держать себя, как наказывать и миловать виновных, словом – учила его всему тому, что необходимо для доброго правителя. И доброе семя пало не на худую землю, ибо он во всем слушался ее; и полученное им доброе воспитание привело к тому, что, достигши зрелого возраста, он более других царей был добр,

кроток, терпелив, незлобив, мудр, рассудителен и милосерд; но, кроме воспитания, и молитвы святой Пульхерии помогали ему в жизни. Она устроила благолепный храм во имя Пречистой Богородицы во Влахернах[5714] и многие другие церкви и монастыри, и раздавала обильную милостыню нищим. Ее заботами греческое царство пребывало, кроме внутренних еретических волнений, в мире и тишине.

Когда Феодосию пошел двадцатый год и настало время ему вступить в супружество, блаженная Пульхерия озабочена была приисканием ему достойной жены. В это время из Афин[5715] прибыла в Царьград одна девица, по имени Афинаида, языческой веры, прекрасная собой, скромная и разумная, дочь славного философа[5716] Афинского Леонтия, наученная отцом астрономии, геометрии и всякой еллинской[5717] мудрости и превосходившая разумом многих мудрецов. В Царьград явилась она по следующему поводу. Отец, умирая, разделил все свое достояние между двумя сыновьями своими Валерием и Аэцием, а ей не оставил ничего, кроме нескольких золотых монет; когда же родственники и соседи спрашивали его, что он оставляет своей дочери, Леонтий отвечал: «Довольно с нее ее красоты и мудрости».

По смерти отца два брата разделили между собою все отцовское имущество, а сестре не дали ничего: с жалобой на братьев она и явилась в Константинополь. Увидев ее, святая Пульхерия обратила внимание на ее красоту, благонравие и ум и решила женить на ней брата. Но сначала она привела ее к вере Христовой и приблизила ее к себе, как родную дочь, и только тогда уже как достойную брака с царем выдала за Феодосия. В св. крещении ей было дано имя Евдокии. От брака ее с Феодосием родилась дочь Евдокия, бывшая впоследствии замужем за Римским императором Валентинианом III[5718].

В царствование императоров Феодосия и Валентиниана[5719] стараниями блаженной Пульхерии был собран III Вселенский собор в Ефесе против нечестивого Нестория[5720]. Пульхерия имела великую ревность по благочестию и своими увещаниями обратила брата, который начал было увлекаться ересью и отдаляться от истинного учения, и утвердила его в

православии, за что и почтена была многими похвалами от святых отцов. Но прошло несколько лет, и враг рода человеческого, не желая более терпеть ударов, наносимых ереси святой Пульхерией, вооружился против нее и замыслил удалить ее от царского престола и от власти, что и удалось ему на некоторое время, так как Бог попускает иногда, чтобы святые угодники подвергались искушениям. Искушение святой Пульхерии началось следующим образом. У императора Феодосия был один евнух[5721] по имени Хрисафий, любимец и советник императора, человек лукавый, злобный и сребролюбивый. Он враждебно относился к патриарху Флавиану[5722], преемнику святого Прокла. Флавиан был вполне достоин патриаршества за свое благочестие и безукоризненную жизнь, а Хрисафий был еретик[5723] и потому не сочувствовал поставлению Флавиана в патриархи. Желая возвести на Флавиана какое-нибудь обвинение, Хрисафий потребовал от него, чтобы он поднес императору какой-либо дар «на благословение», как новопоставленный святитель. Флавиан, приказав изготовить несколько хлебов из чистой муки, отправил их во дворец; но Хрисафий не принял их, говоря, что «на благословение» патриарх должен прислать не хлебы, а золото. Патриарх через посланных ответил: «Хрисафий хорошо знает, что церковное золото и серебро – Божие, и никому не может быть отдано, кроме разве нищих».

Этим он еще более вооружил против себя Хрисафия, который стал изыскивать способ погубить патриарха, но, видя, что блаженная Пульхерия по благочестию своему сильно держит сторону патриарха, которому поэтому трудно было причинить какое-либо зло, он стал строить новые козни и против нее: он начал сеять раздор между ней и царицею Евдокией, всякими способами стараясь нарушить их взаимную любовь.

Между тем произошло следующее событие. У императора Феодосия был обычай подписывать бумаги, не читая, что в них написано. Пульхерия, по своей всегдашней заботе о нем, пожелала исправить его и от этого недостатка: заготовивши грамоту от лица императора, в которой говорилось, что император, по просьбе Пульхерии, отдает ей в рабство свою

жену и объявляет, что с этого времени он уже не имеет над Евдокиею никакой власти, – поднесла эту грамоту Феодосию для подписи. Тот, по своему обычаю не прочитав грамоты и не зная, что в ней написано, приложил к ней свою руку. Пульхерия, взявши грамоту, пригласила к себе во дворец императрицу Евдокию и приятной беседой и почтительным обхождением задерживала ее у себя долгое время, а когда император прислал за супругою, не пустила ее; вторичному посланному Пульхерия с улыбкой отвечала:

– Пусть император знает, что он уже не имеет власти над своей супругой, ибо он отдал мне ее в рабство и подтвердил это своим императорским указом.

После того она сама отправилась к брату и сказала ему:

– Смотри, как дурно поступаешь ты, когда подписываешь бумаги, не читая их, – и показала ему тот указ.

Такой своей находчивостью она заставила императора быть с того времени осмотрительнее – рассматривать и читать бумаги, которые ему приходилось подписывать.

Узнав об этом, лукавый Хрисафий явился к императрице Евдокии и сказал ей:

– Смотри, что делает с тобой Пульхерия, как она унижает тебя: хочет иметь тебя своей рабой; долго ли ты будешь терпеть от нее? Разве ты не такая же царица, как и она? Разве ты не ближе всех к царю, будучи с ним единым телом?

Такими и подобными им речами он вызвал в Евдокии гнев на Пульхерию, и она стала настраивать мужа, чтобы тот, отняв у сестры власть, царствовал один. Научаемый женой и Хрисафием, царь, хотя и готов был сделать по их желанию, но стыдился подвергнуть бесчестию свою сестру и учительницу, старшую его годами. Поэтому Евдокия и Хрисафий стали просить патриарха, чтобы он убедил Пульхерию, когда она явится в храм, принять на себя звание диакониссы, ввиду ее чистой и святой жизни. В то время был обычай: девиц и вдов, известных чистотой жизни, понуждать, хотя бы и против их желания, к служению в диакониссах; именно через это враги святой Пульхерии надеялись удалить ее от власти[5724]. Патриарх тайно известил ее об их происках. Но Пульхерия, поняв умысел

брата и видя вражду к себе со стороны Евдокии и Хрисафия, сама оставила царскую власть, ушла со служившими ей девицами из дворца в уединенную местность и там в молчании проводила благочестивую жизнь.

Между тем еретик Хрисафий, выждав удобное время для осуществления своих злобных замыслов, восстановил царя против патриарха. И вот, для церкви Божией наступило время смут, ибо в отсутствие Пульхерии, защитницы благочестия, еретики стали действовать без всякой боязни, пока Бог не открыл духовные очи царя, так что он, наконец, сознал свое заблуждение, убедился в несправедливости гнева своей супруги на святую Пульхерию и понял злобу Хрисафия.

Однажды императору Феодосию принесли яблоко, чрезвычайно красивое и необыкновенно большое. Подивившись его красоте и величине, он отослал его своей супруге, а та, подержав его у себя, не съела сама, а послала сенатору Павлину, любимцу царя, бывшему в то время больным. Павлин, ничего не зная, послал яблоко царю. Получив яблоко, царь узнал его, отправился к царице и спросил ее:

– Где яблоко, которое я прислал тебе? Она, не зная, что то яблоко опять попало в руки мужа, отвечала:

– Я его съела.

Тогда царь, показав ей яблоко, спросил:

– А это что?

Он страшно разгневался на жену и всячески поносил ее, думая, что она прелюбодействует с Павлином. Последнего император отправил в ссылку в Каппадокию, а жене запретил показываться на глаза. Но вместе с тем он пришел в сильный гнев и на Хрисафия, так как узнал, что он был причиной многих зол. Сначала царь отнял у Хрисафия имение, а потом осудил в ссылку. Сам Бог наказал Хрисафия за безвинное оскорбление святой Пульхерии. Плывя в ссылку на корабле, Хрисафий утонул в море, а неповинный ни в чем Павлин, находясь в ссылке, был по повелению императора усечен мечом. Впоследствии сама Евдокия, умирая, с клятвой засвидетельствовала невинность Павлина и свою собственную. Однако Бог попустил приключиться с ними такому несчастию –

Павлину во спасение души, а царице в наказание. Царица, услышав о смерти Павлина, чрезвычайно опечалилась тем, что из-за нее неповинно погиб столь благоразумный и целомудренный человек, и стала просить у мужа позволения поклониться св. местам. Получив позволение, она отправилась в Иерусалим и там раздала богатую милостыню, соорудила многие храмы и устроила монастыри. В Иерусалиме она оставалась долгое время, пока усиленными просьбами не смягчила гнев супруга и не примирилась со святой Пульхерией, которой, в знак мира и ненарушимой любви, она послала образ Пречистой Богородицы, писанный, по преданию, святым евангелистом Лукой.

После того как императрица Евдокия отправилась в Иерусалим, Феодосий обратился к святой Пульхерии с просьбой возвратиться опять на царство; но она не пожелала этого, предпочитая уединенное служение Единому Богу владычествованию над многими странами. Тогда царь вторично умолял ее возвратиться во дворец и разделить с ним управление царством, и не прекращал своих просьб до тех пор, пока не достиг просимого: святая Пульхерия с великими почестями возвратилась в свой царский дворец. И опять прекратилась буря, вызванная ересью, и утихли смуты: в церкви настала тишина, и греческая империя наслаждалась миром. По прошествии довольно продолжительного времени возвратилась из Иерусалима и императрица Евдокия, принеся с собой руку святого первомученика Стефана. Когда Евдокия по пути внесла ее в Халкидон[5725], святой Стефан ночью явился Пульхерии и сказал:

– Вот, ты получила желаемое, ибо я уже пришел в Халкидон.

Встав наутро, Пульхерия вместе с Феодосием отправилась в сретение руке святого первомученика; здесь же они с любовью приняли и императрицу Евдокию.

На 42-м году от роду император Феодосий заболел и, чувствуя приближение смерти, поведал святой Пульхерии об откровении, бывшем ему в Ефесе в церкви святого Иоанна Богослова. Когда он стоял там на молитве, ему было открыто,

что после его смерти преемником его будет воин Маркиан. Поэтому Феодосий просил Пульхерию содействовать Маркиану в достижении престола.

Маркиан был родом из Фракии[5726], сын воина и сам храбрый воин, человек зрелых лет, разумный и доброго нрава. Предызбранный свыше на царство от юности, он чудесно храним был от смерти. Однажды, идя в Филиппополь[5727], он нашел на пути труп человека, недавно убитого, и остановился над ним, растроганный жалостью к убитому. Желая сотворить дело милосердия – предать мертвого погребению, – он начал копать для этого яму; и вот, проходившие тем же путем увидели Маркиана, погребающего мертвеца; думая, что он совершил убийство, они схватили его и, приведя в город, предали суду. Так как не было никого, кто бы засвидетельствовал о его невиновности, а собственным его оправданиям не дали веры, то он, как убийца, был осужден на смерть. Когда уже готовы были приступить к его казни, в это самое время Божественным откровением указан был действительный убийца. Последний восприял по делам своим, а Маркиан был с честью отпущен. Затем он служил в греческом войске под начальством Аспара. Во время войны с вандалами[5728], когда последние одолели греков и многих взяли в плен, вместе с другими был взят также Маркиан и приведен к вождю вандалов Гизериху. Однажды Гизерих, желая посмотреть на пленников, взошел в полдень в сильный жар на возвышенное место и увидел издалека Маркиана, спящего на земле, а над ним орел, спустившись, устроил как бы палатку, простерши крылья и прикрывая его от солнечных лучей. Видя то, Гизерих уразумел будущее своего пленника и, призвав его к себе и расспросив его об имени и происхождении, сказал:

– Если хочешь быть жив, цел и свободен, поклянись мне, что, когда ты взойдешь на царский престол, никогда не будешь воевать с вандалами, но будешь жить с нами в мире.

Маркиан поклялся в том, чего желал Гизерих, и был с честью отпущен на родину.

Возвратившись из плена, Маркиан опять занял видное место в греческом войске. Однажды, во время похода греков

против персов, Маркиан на пути разболелся и остался в одном Ликийском городе – Сидине; здесь его приняли в свой дом добрые люди – два брата Татиан и Иулиан, которые, весьма полюбив его, тщательно заботились о его здоровье. Вскоре же по выздоровлении его оба брата отправились вместе с ним охотиться на птиц. Когда наступил полдень и солнечный жар усилился, они легли отдохнуть и заснули. Прежде всех проснулся Татиан и так же, как некогда Гизерих, увидел большого орла, парящего над сонным Маркианом, осеняющего его простертыми крыльями и заслоняющего от солнечного жара. Увидев это, Татиан разбудил младшего брата своего Иулиана, и оба они дивились чудесному явлению. Когда затем встал и Маркиан, орел улетел, а братья предсказывали Маркиану, что он будет царем, и спрашивали, какую окажет он им благодарность и милость, когда воцарится. Он сказал им:

– Если предсказание ваше сбудется, то вы будете мне вместо отца.

После того Маркиан начал приобретать все большую и большую славу, ибо Сам Бог прославлял мужа, которого избрал по сердцу своему. Между тем скончался благочестивый император Феодосий Младший, а супруга его Евдокия опять удалилась в Иерусалим и там, прожив благочестиво несколько лет, тоже скончалась и погребена была в созданной ею церкви святого первомученика Стефана. По смерти Феодосия, святая Пульхерия, согласившись с придворными и военачальниками, избрала на царство Маркиана, как мужа достойного и угодного Богу. Воцарившись, Маркиан вызвал ко двору двух вышеупомянутых братьев Татиана и Иулиана и, почтив их высокими званиями, поставил правителями – одного Фракии, другого – Ликии[5729]. Также исполнил он свою клятву Гизериху, сохранив с ним мир ненарушимый до конца царствования. По воцарении Маркиана святая Пульхерия пожелала было снова возвратиться в свое уединение, но новоизбранный царь и весь синклит просили ее не оставлять их, а помочь управлять царством, так как она премудра и опытна в делах правления; но это было возможно для нее не иначе, как сделавшись супругой императора. Она указывала им на обещанное ею Богу девство,

которое она должна хранить до смерти. Но и Маркиан объявил, что он также дал Богу обет хранить чистоту. Тогда ради нужд святой Церкви, смущаемой размножившимися еретиками, святая Пульхерия согласилась вступить в супружество с Маркианом, с тем, однако, чтобы ей до конца жизни остаться девственною, ибо этого требовали и данное Богу обещание, и природное целомудрие обоих супругов, и далеко уже немолодые лета их: ей был тогда 51 год, да и император был уже немолод. Таким образом Пульхерия называлась женой его, а на самом деле была не женой, а сестрой, соцарствующей ему и правящей с великой пользой для всей Церкви Божией и для всего царства; точно так же и Маркиан назывался ее мужем, а на самом деле был ей не мужем, а братом, соцарствующим ей, как царской дочери, унаследовавшей престол своего отца. Итак, в то время можно было видеть на греческом престоле как бы царствующую девственную чистоту, ибо царствовали и царь, чистый душою и телом, и царица – дева, хранящая себя непорочною.

О, девственное супружество, мало где виденное или слышанное! Да дивится этому мир, полный нечистых похотей! Да стыдятся люди, служащие плотским страстям и наслаждениям, слыша о таком супружестве этой благочестивой царской четы, которое уподобилось Ангельской чистоте!

Заботами святой царицы, кроме вышеупомянутого собора в Ефесе, созван был собор святых отцов в Халкидоне против нечестивого Диоскора и архимандрита Евтихия[5730]. Она всеми силами отстаивала Православие, так что некоторые писатели ей именно приписывают защиту веры на обоих этих соборах.

Такая ревность Пульхерии по благочестии и ее великая мудрость происходили оттого, что Дух Святой обитал в ее душе и чистом сердце, как в Своем святом храме, и наполнял ее Своими великими дарами.

Прожив 54 года и раздав все свое имение церквам, монастырям и нищим, святая Пульхерия преставилась к Господу, Которому послужила всем своим сердцем[5731].

Ее молитвами, Господи, не лиши и нас Царствия Твоего небесного. Аминь.

Память святых Трех жен, обретенных в пустынной горе[5732]

Память 10 сентября

Епископ Монемвасийский[5733] Павел поведал следующее сказание.

Когда я был мирянином, то был послан на Восток для собирания царской дани. По пути я увидал пустынный монастырь и пожелал войти в него. Навстречу мне вышел из монастыря игумен с братиею, и мы после взаимных приветствий присели на монастырском дворе, где был разбит фруктовый сад. И вот, мы видим, что к деревьям прилетают птицы, отламывают ветки с плодами и быстро улетают.

Я спросил игумена:

– Отчего птицы не едят здесь же, на месте, плодов, а уносят их вместе с ветками?

Игумен отвечал:

– Вот уже одиннадцатый год, как эти птицы делают так.

Тогда я, как бы по откровению от Бога, высказал, что где-нибудь в близлежащих горах находятся подвижники или подвижницы Божии, и им-то, по повелению Господа, птицы носят эти плоды. В то время, как я говорил это прилетел ворон и отломил ветку с плодом. Тогда я предложил игумену пойти за птицею, и мы последовали за вороном, который летел пред нами с плодом: но вот ворон взлетел на холм и опустился, положив ветку на землю. Когда мы стали подниматься на холм, то ворон вновь взял ветку и полетел в глубокое, как пропасть, ущелье, откуда вслед затем и вылетел, но уже без ветки. Тогда и мы подошли к тому ущелью и бросили туда камень. Вдруг до нас донесся оттуда голос:

– Если вы – христиане, не убивайте нас.

Мы спросили:

– Кто вы такие?

Они отвечали:

– Если вы желаете видеть нас, то бросьте нам три одежды, ибо мы – женщины и наги, и тогда идите возле горы и найдете

там узкую тропу, которая и приведет к нам.

Тогда три монаха из сопровождавшей нас братии сняли с себя одежду и завернув в нее камни, бросили ту одежду к ним вниз; сами же мы, спустившись с холма, нашли, как нам было сказано, тесный проход, по которому едва можно было пройти, и этим путем достигли ущелья, где находились три святые женщины. При встрече с нами, женщины поклонились до земли; мы же, сотворив молитву, сели; села также и одна из женщин, а другие две остались стоять. Тогда игумен обратился к сидевшей женщине с вопросом:

– Откуда ты и как пришла в такое место?

Вопрошаемая отвечала:

– Я из Константинополя, где была замужем за царедворцем; но муж мой умер в молодых летах, а я осталась вдовою двадцати с небольшим лет, оплакивая как свое вдовство, так и бездетность. По прошествии нескольких дней, один вельможа, услыхав о мне, прислал своих рабов, желая силою взять меня к себе, и посланные требовали, чтобы я немедленно шла к их господину. Тогда я, вознеся молитву к Господу моему Иисусу Христу, дабы Он избавил меня от того человека, желавшего насилием растлить мою душу и тело, сказала рабам: «неужели вы сомневаетесь, что я с радостью пошла бы к вашему столь важному господину? Но в настоящее время я одержима женской болезнью и нечиста от постоянного кровотечения. Подождите немного, пока я оправлюсь от болезни и очищусь, и тогда я с радостью отправлюсь к вашему господину». Выслушав меня, посланные ушли, говоря: «хорошо, наш господин подождет тебя до 40 дней». По уходе их я отпустила на волю рабов и рабынь, оделив их золотом, и оставила при себе лишь двух, которых вы видите здесь, раздав все свое имущество нищим. Затем я пригласила к себе родственника своего, человека богобоязненного, и под страшной клятвой взяла с него слово, чтобы он распродал мои поместья и дома и вырученные суммы раздал нищим. Вслед затем ночью я взяла с собою этих двух служанок, ныне же сестер моих, и села с ними в корабль, на котором по указанию Божиему и прибыла на это место, и вот идет уже одиннадцатый

год, как мы не видали ни одного человеческого лица, кроме вас сегодня. Одежды же наши, по прошествии года, обветшав, спали с нас.

Игумен спросил ее:

– Откуда вы достаете себе пропитание?

Святая жена ответила:

– Благой и человеколюбивый Бог наш, питавший Свой народ в пустыне в течение сорока лет, посылает и нам, недостойным рабыням Своим, пищу. Ежедневно, по Его Божественному промыслу, птицы приносят нам пищу в несравненно большем количестве, чем нам потребно. Тот же преблагой Господь покрывает нас нагих и согревает нас Своею благодатью, так как мы не боимся ни стужи – зимой, ни зноя – летом, но живем, как в раю, постоянно прославляя Святую Троицу.

Подивившись слышанному, игумен сказал:

– Если позволишь, госпожа, я пошлю одного из братии в монастырь за пищею – и подкрепимся с вами.

Но святая жена отвечала:

– Лучше прикажи, чтобы пришел священник и, совершив здесь святую Литургию, сподобил нас причащения пречистых Таин Христовых, ибо с тех пор, как вышли мы из города, мы лишены причащения.

Игумен точась же отправил монаха в монастырь за священником и пищей. Пришедший священник совершил литургию, и затем причастилась Пречистых Таин прежде сама госпожа, а потом и рабыни ее. После того, вкусив с нами пищи, заканчивает свой рассказ епископ Павел, святая жена обратилась к игумену с просьбой пробыть у них три дня, на что игумен отвечал согласием. Тогда блаженная жена, вставши, сотворила усердную молитву и предала дух свой Богу. Мы же со слезами пропели надгробные песнопения и затем похоронили ее. На другой день вторая женщина, помолившись, мирно также преставилась, а на третий день и – третья женщина. Похоронив их, мы возвратились в монастырь, славя Христа Бога нашего, творящего во святых Своих преславные

знамения и чудеса. Ему подобает честь и поклонение вовеки. Аминь.

Память святого мученика Варипсава

Память 10 сентября

Сей святой получил от одного пустынника кровь, истекшую из пречистого ребра Господа нашего Иисуса Христа, и совершал ею много исцелений. Язычники ночью убили св. Варипсава[5734], а великое сокровище, кровь Христова, было сохранено его учениками.

Память святых Апостолов Апеллия, Луки и Климента

Память 10 сентября

Святой Апостол Апеллий был епископом в Смирне[5735]; о нем упоминает Апостол Павел в послании к Римлянам (Рим. 16:10). Святой Лука (Лукий) – о коем свидетельствует Ап. Павел также в послании к Римлянам (15:21), был епископом в Лаодикии Сирской[5736]. Святой Климент, о котором Ап. Павел упоминает в послании к Филиппийцам (Фил. 4:3), был епископом в Сардике[5737].

Житие и подвиги преподобной матери нашей Феодоры, подвизавшейся в мужском образе

Память 11 сентября

«Очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца, и взирают на все пути человеческие, и проникают в места сокровенные. Ему известно было все прежде, нежели сотворено было» (Сир. 23:27–29).

Не знала сей истины Феодора, знатная женщина, жившая в Александрии[5738]. Она поверила врагу – диаволу, тайно внушавшему и убеждавшему, будто грех, сотворенный во тьме, – грех, коего не видит солнце, не будет узнан Богом. Но когда она по собственному опыту уразумела, что перед Богом ничто не может утаиться, О сколь великое покаяние проявила тогда она!

Честно живя в супружестве со своим мужем, Феодора впала в такое искушение. Один богатый человек, молодой и легкомысленный, побуждаемый диаволом, возымел на нее вожделение и всячески старался склонить ее к прелюбодеянию: посылал ей ценные подарки, обещал еще более дорогие, прельщал и словами. Но не будучи в состоянии сам что-либо сделать, он нанял одну искусительницу – волшебницу, чтобы она прельщала целомудренную Феодору, склоняя ее к замышленному им злому делу. И вот эта искусительница, имея пособником сатану, улучила удобное время и стала говорить Феодоре и о том юноше.

Феодора же сказала:

– О если бы мне избавиться от сего человека, который уже давно беспокоит меня! Если я послушаюсь его, то само солнце, светящее на нас, будет пред Богом свидетелем греха моего!

– В таком случае, – посоветовала соблазнительница, – когда зайдет солнце и настанет темная ночь, ты в сокровенном месте исполни желание юноши, и никто не узнает дела вашего и не будет свидетеля пред Богом, ибо ночь глубока и тьма всё покроет.

Феодора сказала:

– О хорошо было бы, если бы Бог не узнал греха, творимого ночью!

– Так и будет, – отвечала искусительница, – ибо Бог видит только те грехи, которые освещает солнце, а то, что делается во тьме, как Он может видеть?

Феодора, как женщина молодая, простодушная и неопытная, поддалась таким прельщениям искусительницы; много помогло и бесовское искушение, ибо сила его велика, природа же наша склонна к страстям и сила наша немощна. Итак, Феодора послушалась лукавого совета и совершила во тьме ночной беззаконие. Но с появлением утренней зари, в сердце ее немедленно воссиял свет милосердия Божия: ибо, сознавши грех свой, она стала сокрушаться, бить себя по лицу, рвать волосы, стала стыдиться самой себя, сама себе стала противна. Так милосердие Божие, не хотящее смерти грешника, ради прежнего ее целомудрия, подвигло ее к скорому покаянию и исправлению; ибо Бог попускает иногда человека на некоторое падение, дабы человек восставши проявил еще больший подвиг и исправление, и еще большее усердие к Богу, прощающему грехи.

Сожалея и плача о содеянном грехе, Феодора старалась хоть немного успокоить себя, думая:

– Не ведает Бог греха моего; впрочем, если и не ведает, то и тогда стыд мне и горе.

Стараясь успокоить скорбь свою, Феодора пошла в один женский монастырь к игумении, с которой была знакома. Видя ее скорбное лицо, игумения спросила:

– Что за печаль у тебя, дочь моя? Не обидел ли тебя муж?

Феодора отвечала:

– Нет, госпожа; но я сама не знаю, отчего у меня скорбит сердце.

Игумения, желая ее утешить, по внушению Духа Божия начала с нею душеполезную беседу и стала читать Божественные книги. Когда же она читала одно слово (поучение), то дошла до такого изречения евангельского: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не

узнали бы. Поэтому, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях» (Лк.12:2–3; Мф.10:26).

Слыша сии евангельские слова, Феодора ударила себя в грудь, воскликнув:

– Горе мне, окаянной! Погибла я ныне, обманулась, думая, что Бог не узнает греха моего.

И начала бить себя, плача и рыдая.

Тогда игумения поняла, что с Феодорой случилось грехопадение, и стала расспрашивать ее, что именно случилось с нею?

Феодора же, от слез едва говоря, рассказала игумении всё подробно, и упав к ногам ее, воскликнула:

– Помилуй, госпожа, меня погибшую и научи, что мне делать? Можно ли мне спастись или я уже на веки погибла? Надеяться ли мне на милосердие Божие, или же отчаяться?

Игумения начала ей говорить:

– Нехорошо сделала ты, дочь моя, послушав врага; неправильно ты мыслила, думая утаиться перед Богом, – Который испытует сердца и утробы, Который издалека ведает помышления человеческие, и несоделанное видит оком Своим: ни ночь, никакое сокровенное и темное место не может укрыть грешника от Его всевидящего ока. Нехорошо сделала ты, дочь моя: и Бога прогневала, и верности мужу не сохранила, и тело свое осквернила, и душе своей повредила. Зачем ты не сказала мне об этом прежде, когда была прельщаема, дабы я помогла тебе и научила бы тебя, как остеречься сетей вражиих? Но так как сие с тобой уже случилось, то по крайней мере теперь исправься и припади к милосердию Божию, молясь с сокрушением, да простит Он тебе грех твой. Не отчаивайся, дочь моя: хотя ты и великий грех соделала, однако, милосердие Божие – еще больше, и нет греха, побеждающего человеколюбие Божие; только ты ободрись, и спасешься.

Говоря ей сии и подобные слова, игумения вразумила, научила ее и наставила на путь покаяния, вместе же и успокоила ее, поведая о милосердии Божием и о неизреченной Его благости, с коей готов Он принимать кающихся и прощать

согрешающих. Напомнила ей и об евангельской жене грешнице, которая омыла слезами ноги Христовы и отерла их власами главы своей, и получила от Бога прощение грехов своих.

Феодора, выслушав все слова доброй наставницы и сложивши оные в сердце своем, сказала:

– Верую Богу моему, госпожа, и отселе не буду делать такого греха, да и о содеянном уже, насколько буду в состоянии, позабочусь.

Получив нескорое утешение своему сердцу, возвратилась она в дом свой. Но так как совесть обличала ее, то она стыдилась смотреть прямо в лицо мужу своему и помышляла о том, как бы ей умилостивить Бога: она хотела, было, поступить в женский монастырь, но знала, что муж не позволит ей. И вот, чтобы скрыться от мужа своего и от всех знакомых, она придумала следующее.

Когда муж ее по какому-то делу отлучился из дому, она поздно вечером, остригши свои волосы, оделась в мужскую одежду и, предавши себя в волю Божию, тайно оставила дом и пошла быстро, как птица, вылетевшая из сети. Дойдя до некоторого пустынного монастыря, называемого «Октодекат»[5739], отстоявшего от города в восемнадцати верстах, она постучала в ворота и, увидев привратника, сказала:

– Окажи любовь, отче: поди, скажи игумену, чтобы он принял в монастырь меня, грешного человека, ибо я хочу каяться в злых делах своих, и поэтому пришел сюда, да омою ваши святые ноги и буду день и ночь служить вам во всем, что мне прикажете.

Привратник пошел и доложил игумену. Игумен же сказал:

– Испытать надо, – Бог ли наставил его прийти к нам? Итак, не давай ему ответа до утра и не пускай в монастырь; если он не уйдет, но останется терпеливо при дверях монастырских, ожидая помилования, тогда мы узнаем, что истинно и с усердием пришел он служить Богу.

Привратник так и сделал, и не обращал на Феодору внимания, презирая, как раба непотребного. Она же сидела около врат и плакала. Наступила ночь, и стали ходить мимо

звери (ибо пустыня та была полна зверей); но Феодора благодатью Божией осталась невредимою, вооружившись, как бы щитом, крестным знамением и молитвою.

По утру привратник, посмотрев в оконце, увидал, что Феодора сидит около врат, и сказал:

– Чего ты ждешь здесь? Не примем тебя, ибо ты нам не годишься.

Она же отвечала:

– Если бы мне пришлось умереть здесь при вратах, не уйду, доколе вы не смилуетесь надо мною и не примете меня в монастырь.

Тогда привратник, видя ее терпение и смирение, отворил врата и ввел ее к игумену. Игумен спросил ее: откуда она, как ее зовут, и зачем пришла? Она же отвечала:

– Из Александрии, отче, имя мое – Феодор, исполнен я грехов и беззакония; но, пришед в себя и познав свои прегрешения, захотел принести покаяние: и вот пришел к вашей святыне, да приимете меня в чин свой и спасете погибающего грешника. Итак, прими меня, отче, как Господь принял разбойника, мытаря и блудного сына.

Тогда игумен стал указывать ей на монастырские труды и подвиги и сказал:

– Не будешь ты в силах, чадо, переносить сие, ибо вижу, что ты юн и воспитан в мирских удовольствиях; монастырь же наш не имеет никакой утехи, чин наш требует трудного жития и пребывание с нами – великого воздержания и поста. Братия наши в послушании несут великие труды, не оставляя и церковного правила, как то: полунощницы и утрени, часов и вечерни и многих келейных молитв и поклонов, а также частых всенощных стояний на молитве. Ты же привык к покою плоти и нельзя тебе с нами нести тяготу иноческого подвига. Хотя и вижу я, что ты с усердием пришел, однако, боюсь, чтобы ты не переменил намерения своего, ибо многие часто начинают доброе дело с усердием, но скоро, не выдержав, оставляют доброе начинание и становятся самыми ленивыми. Итак, советую тебе возвратиться в мир, и Бог да устроит спасение твое, как Ему будет угодно.

Тогда Феодора, припадши к ногам игумена, со слезами сказала:

– Не отринь меня, отче, от святой вашей обители, не лиши меня ангелоподобного сожительства с вами, не гони меня в мир, из которого я бегу, как иудеи из Египта, и никогда больше не возвращусь. Не смущайся моею юностью, ибо святыми вашими молитвами я привыкну ко всякому воздержанию и, при помощи Божией, буду нести все труды и всё, что прикажете мне, буду делать с усердием и старанием, – только примите меня, желающего каяться во грехах своих.

Уступив таким ее мольбам, игумен принял ее и повелел проходить все монастырские послушания. Итак, стала жить между мужами жена во образе и под именем мужа и никто не знал тайны сей, кроме одного Бога. И кто может поведать о многотрудном житии ее? Видели братья труд ее в послушании, терпение в воздержании, смирение в повиновении, – сокровенные же и тайные подвиги ее, всенощные молитвы ее, сердечные воздыхания, слезы, коленопреклонения, воздеяния рук видел только Сам Бог: и днем и ночью прибегала она к милосердию Его, как некогда блудница, омывшая слезами ноги Господни. И было покаяние ее более, нежели содеянный грех: ибо она смирением умертвила все свои страсти и похоти, уничижила себя пред всеми, свою волю победила самоотвержением, и стала как бы Ангелом во плоти. Тело ее, некогда осквернённое, теперь же очищенное подвигами покаяния и обильными слезами, стало святым храмом Божиим, обиталищем Св. Духа.

По прошествии восьми лет, случился в монастыре недостаток в масле, и Феодора была послана с верблюдами в город Александрию купить масла. Между тем муж ее, не зная, куда удалилась жена его, и что случилось с нею, долго искал ее. Не находя ее, он день и ночь сетовал, и прилежно молился Богу, чтобы Он открыл ему, где находится его жена. И вот однажды ночью увидал он Ангела, который возвестил ему:

– Не печалься о жене своей, ибо она работает Богу посреди слуг Его. Если же хочешь увидать ее, ступай поутру и стань при

церкви св. Петра, – там ты ее увидишь: ибо кто пройдет мимо церкви и будет приветствовать тебя, тот и есть твоя жена.

Обрадовался муж Феодоры такому Ангельскому видению, известившему его о жене и о том, как он ее увидит. Рано утром он поспешил к церкви св. Петра и, став там, начал глядеть направо и налево, ожидая увидать то, чего желал. В это время прошла с верблюдами блаженная Феодора, одетая в мужское монашеское одеяние; муж не узнал ее, да и нельзя было узнать ее: с одной стороны – вследствие мужской одежды, с другой – вследствие перемены в лице; некогда она была прекрасна лицом, но от поста и подвигов иноческих увяла красота ее. Феодора же, издали узнавши его, незаметно прослезилась, и сказала в себе:

– О горе мне, грешнице! За грех против своего мужа лишилась я милости Божией!

Проходя же мимо него, она поклонилась ему и сказала:

– Добрый день, господин!

И он также поклонился ей, сказав:

– Будь здрав, отче!

И так они разошлись. Простояв едва не весь день, муж Феодоры возвратился домой, скорбя, что не получил того, чего желал, и видение Ангельское считая за обман. Дома он снова стал молиться со слезами:

– Господи! Ты видишь скорбь мою, услыши молитву мою и открой мне, жива ли жена моя, или нет? На добром ли пути она находится или на злом?

И вот в другую ночь он снова видит в видении Ангела говорящего:

– О чем ты плачешь? Разве не видел ты жены своей вчера, как я сказал тебе?

Он сказал:

– Не видал, господин мой.

Ангел же сказал:

– Разве я не говорил тебе, что тот, кто, проходя мимо, поклонится тебе и будет приветствовать тебя, – тот и есть жена твоя?

Тогда муж, поняв, что видел жену свою, но не узнал ее, благодарил Бога, что жена его жива и служит Богу; надеялся он и сам спастись молитвами ее. И блаженная Феодора благодарила Бога, что она видела мужа и что муж не узнал ее. Возвратившись же в монастырь, она прилежала спасению своему, постясь сначала один день, потом по два, далее – по три и по четыре дня; иногда же целую неделю пребывала она без пищи, прилежно молясь о прощении своего греха.

Близ того монастыря было озеро, где жил зверь – крокодил[5740], который часто выходил из озера и пожирал проходящих мимо людей и скот. Епарх[5741] Григорий, назначенный царем Зиноном[5742] править городом Александрией, на проходящей мимо озера дороге поставил стражу, чтобы никто не проходил тою дорогой. Желая узнать благодать Божию, обитающую в Феодоре, игумен призвал ее и сказал:

– Брат Феодор, нам нужна вода; возьми водонос, пойди, почерпни воды из озера и принеси мне.

Феодора, как добрый послушник, взявши водонос, пошла. Стража, встретившая ее, сказала:

– Не ходи сюда, отче, за водой, ибо тебя зверь растерзает.

Она же возразила:

– Отец мой игумен послал меня, и я должен исполнить то, что приказано.

Когда она пришла на берег озера, вышел крокодил, и понес ее на своей спине на средину озера. Когда же она почерпнула воды, зверь снова принес ее на берег. Она закляла зверя, дабы с того времени он никому не делал вреда, – и тотчас зверь оказался мертвым. Стража, увидав такое чудо, возвестила игумену и епарху, и все прославляли Бога. Братия же удивлялись, что зверь не сделал никакого вреда блаженной и похваляли силу послушания.

Но некоторые из братии, подстрекаемые диаволом (ибо никто не свободен от вражеских искушений), не поверили случившемуся и начали ненавидеть Феодору, говоря:

– Вот мы столько лет прожили в монастыре и чудес не творим, а он только вчера пришел и уже чудодействует; не хочет

ли быть больше нас? Не волшебством ли каким он умертвил зверя?

В нескольких верстах от сей обители стоял, в глубокой пустыне, другой монастырь. Ненавистники, написав тайно от своего игумена на имя того монастыря грамоту и, придя поздно вечером к келлии блаженной Феодоры, сказали ей:

– Брат Феодор, игумен приказывает тебе отнести эту грамоту скорее в тот монастырь.

Феодора вставши, взяла грамоту и ночью пошла в монастырь. А ненавистники сделали это для того, чтобы она на дороге была растерзана зверями, ибо там было бесчисленное множество зверей[5743], и потому никому нельзя было ночью пройти тем путем. Ненавистники так рассуждали между собою:

– Посмотрим, возвратится ли цел сей святоша, коему повинуются звери?

Когда Феодора шла тем путем, встретился с ней громадный зверь и, поклонившись ей, повернул назад и пошел впереди нее, провожая до монастырских врат. Толкнул зверь во врата; отворил их привратник, и святая Феодора пошла с грамотою к игумену. Но так как привратник не затворил врат, то зверь вошел в монастырь и, схватив привратника, начал терзать его.

Привратник возопил:

– Горе, горе, помогите мне!

Все пробудились от того крика. Узнав о случившемся, святая воротилась из келлии игумена и подошла к терзаемому зверем брату. Схватив зверя за горло, она освободила привратника и сказала зверю:

– Как ты дерзнул напасть на образ Божий и хотел умертвить его? Умри же сам.

И тотчас пал зверь к ногам Феодоры и издох. Брата же, истерзанного зверем, она помазала елеем, с призыванием имени Христова, осенила раны его крестным знамением и соделала здравым и невредимым. Видя совершившееся чудо, все поклонились блаженной и прославляли Бога, покорившего диких зверей рабу своему Феодору. Будучи же отпущена из того монастыря, Феодора очень рано возвратилась в свой

монастырь и, пришедши, никому не поведала, где она была и что сделала.

На другой день пришли иноки в тот монастырь с каким-то приношением и рассказав случившееся игумену и всей братии, кланялись игумену, благодаря, что ученик его Феодор избавил привратника от зубов зверя и исцелил его от ран, и самого зверя умертвил. Слыша это, игумен и все иноки очень удивлялись. Отпустив пришедшую братию, игумен собрал всех иноков и спрашивал их:

– Кто посылал брата Феодора в тот монастырь?

Все отказались, говоря:

– Не знаем.

Спросил игумен и Феодору, говоря:

– Кто тебя, брат, посылал ночью в монастырь тот?

Не желая открыть своих ненавистников, посылавших ее, Феодора сказала игумену:

– Прости меня, отче! Вздремнул я в келье и не помню, кто подошел, приказывая мне твоим именем поскорее нести грамоту к тому игумену, и я пошел, исполняя послушание.

Тогда ненавистники, познав благодать Божию в блаженной Феодоре, стали раскаиваться в злобе своей и, припав к ней, просили прощения. Она же, будучи незлобива, нисколько за то на них не гневалась, даже никому не рассказала про них, а напротив – себя уничижала, как грешную и недостойную любви братии.

Однажды, когда Феодора исполняла свое послушание, явился ей бес, говоря с гневом:

– Ты, скверная прелюбодейка, бросившая своего мужа, на меня ли вооружаться пришла сюда? Всю свою силу употреблю я, чтобы заставить тебя отречься не только от иночества, но и от веры в Распятого, и бежать от места сего! И не думай, что меня нет здесь, ибо я не оставлю тебя в покое, пока не запутаю в сети ноги твои и не ввергну тебя в яму, коей ты не ожидаешь.

Феодора же, осенив себя крестным знамением, сказала:

– Бог да сокрушит силу твою, диавол!

И бес стал невидим.

Спустя некоторое время блаженная Феодора снова была послана с верблюдами в город Александрию купить для нужд монастыря пшеницы.

Отпуская ее в путь, игумен сказал:

– Если, чадо, ты запоздаешь в дороге, то сверни к монастырю Енатскому, и там переночуй с верблюдами (ибо был на пути там близ города монастырь, называемый «Енат»[5744]).

Отправившись, Феодора действительно запоздала в дороге и, согласно повелению игумена, зашла в Енатский монастырь и, поклонившись игумену сей обители, просила благословения дать отдохнуть верблюдам, пока не наступит день. Игумен дал ей место в гостинице, где был загон для верблюдов. В это время находилась в гостинице немолодых уже лет девица, дочь того игумена, пришедшая поклониться отцу своему и навестить его. Видя молодого инока (т.е. блаженную Феодору), девица, по наущению диавольскому, почувствовала к нему вожделение, пришла ночью к Феодоре, спавшей около верблюдов, и не зная, что это женщина, начала с бесстыдством к ней приставать и склонять ко греху. Но Феодора сказала:

– Отойди от меня, сестра, ибо я не привык к такому делу; к тому же, я имею в себе злого духа и боюсь, как бы он не убил тебя.

Удалившись со стыдом, девица нашла другого гостя, с коим сотворила беззаконие и зачала во чреве. Между тем Феодора, когда наступил день, отправилась в город и, исполнив послушание, возвратилась в свой монастырь и продолжала подвиги для своего спасения. Через шесть месяцев открылось, что девица беременна и домашние стали бить ее и допрашивать: кто ее сделал такою? Она же, по наущению диавола, обвинила блаженную Феодору, говоря:

– Октодекатский монах Феодор, идя в город с верблюдами, ночевал в гостинице, ночью пришел ко мне, и я зачала от него.

Услышав это, отец ее, игумен Енатский, послал своих иноков в монастырь Октодекат с жалобою игумену, что его инок обесчестил девицу.

Игумен, призвав Феодору, спросил ее:

– Слышишь, что говорят люди эти про тебя, рассказывая, будто ты обесчестил девицу и она теперь беременна?

Феодора отвечала:

– Прости меня, отче, но Бог свидетель, что я в сем неповинен.

Игумен, зная чистую, ангелоподобную жизнь брата Феодора, не поверил тому, что рассказывали о нем иноки. Когда же та девица родила сына, енатские иноки пришли в монастырь Октодекатский и бросили дитя среди монастыря, укоряя живущих там братий и говоря:

– Воспитывайте вашего младенца!

Тогда игумен, увидав младенца, поверил, что действительно было так, как рассказывали и очень разгневался на неповинную и чистую душою и телом Феодору. Собрав братию и призвав Феодору, он спросил ее:

– Скажи нам, окаянный, что это сделал ты? Навел ты бесчестие на монастырь наш и поругание на наш иноческий чин! Не убоялся ты Бога. Мы считали тебя как бы Ангелом, а ты оказался сообщником бесов. Итак, сознайся в своем беззаконии.

Блаженная же Феодора, дивясь случившейся напасти, со смирением сказала:

– Простите меня, отцы святые, грешен я!

Посоветовавшись между собою, иноки изгнали ее из монастыря с бесчестием и побоями, отдав ей младенца. Так велико было дивное терпение блаженной! Одним своим словом она могла бы доказать свою невинность, но не желая открыть тайны, что она – женщина, приняла она на себя чужой грех, как возмездие за свое прежнее преступление. Взявши младенца, она села у монастырских врат, рыдая, как Адам, изгнанный из рая. Против монастыря устроила она для младенца маленькую хижинку и, выпрашивая у пастухов молока, в продолжение целых семи лет питала им младенца; сама же она терпела и голод, и жажду, и наготу, и холод, и зной, употребляя для питья морскую воду и питаясь дикими травами.

Не перенося такого терпения, диавол задумал прельстить Феодору иным образом: он принял вид ее мужа и войдя в

хижину, где она сидела с младенцем, сказал:

– Здесь ли ты, госпожа моя? Столько лет я тружусь, со слезами отыскивая тебя, а ты и не думаешь о мне, госпожа моя? Не знаешь ли, что ради тебя я оставил отца и матерь, а ты бросила меня? Кто склонил тебя прийти на место сие? Где цвет лица твоего? Зачем ты так изнурила себя? Итак, приди, возлюбленная моя, пойдем в дом наш. Ибо если ты хочешь, то можешь соблюдать целомудрие и дома: я не буду препятствовать тебе. Вспомни любовь мою, госпожа, и иди со мною в дом наш.

Блаженная не узнала, что это бес, но подумала, что это действительно ее муж, и сказала ему:

– Нельзя мне возвратиться к тебе в мир, из которого я бежала греха моего ради; боюсь, да не впаду в большие грехи.

Когда же она подняла руку свою с крестным знамением на молитву, тотчас бес стал невидим. Тогда блаженная познала, что это был диавол и сказала:

– Едва не прельстил ты меня, диавол.

Она раскаивалась, что вступила в беседу с диаволом, и с того времени стала тщательнее беречь себя от бесовских козней. Но диавол не переставал вооружаться против Феодоры. Вот собрал он множество бесов, кои, приняв вид разных зверей, напали на нее, крича человеческим голосом:

– Растерзаем прелюбодейку сию!

Феодора же, перекрестившись, сказала: «Обступили меня, окружили меня, но именем Господним я низложил их» (Пс.117:11), и бесы тотчас исчезли. Потом диавол, желая прельстить ее сребролюбием, показал ей множество золота и людей, собирающих его, – но и это всё от крестного знамения исчезло.

Затем диавол принял вид князя; и множество всадников, впереди его, прошли мимо хижины Феодоры и кричали:

– Князь едет, князь едет!

Потом они сказали Феодоре:

– Поклонись князю.

Она же ответила:

– Я кланяюсь Единому Богу.

Тогда они, вытащив ее из хижины, насильно повели к начальнику тьмы (Бог попустил им прикоснуться к святой, дабы она была искушена, «как золото в горниле» (Пс.3:6)) и принуждали поклониться ему. Но она не восхотела, говоря:

– Я Господу Богу моему поклоняюсь и Ему Единому служу.

Тогда бесы стали бить ее без пощады и, оставив едва живою, ушли. Пастухи же, придя к Феодоре, нашли ее лежащею как мертвую и, думая, что она умерла, принесли ее в хижину и там положили. Возвестили о том и в монастыре, говоря:

– Инок ваш Феодор умер; возьмите тело его и похороните.

Игумен с братией пришел в хижину Феодоры и, заметив, что душа ее еще в ней, сказал:

– Оставьте его, ибо он будет жив.

И возвратились они в монастырь. Феодора же, придя в полночь в себя, стала плакать и бить себя в грудь, восклицая:

– Горе мне грешной, горе мне беспомощной! О как казнит меня Бог за грехи мои.

И, подняв руки к небу, гласом великим возопила:

– Боже милосердый, избавь меня от руки диавола и прости мне прегрешения мои!

Ночевавшие близ того места пастухи, услыхав, что блаженная Феодора, которую они считали мертвою, молится, удивились тому, что она еще жива, и прославили Бога.

После этого игумен приказал взять от нее младенца в монастырь, чему Феодора очень обрадовалась, ибо освободилась от труда и заботы о воспитании младенца. Сама же она продолжала скитаться по пустыне. Тело ее почернело от холода и зноя, очи ее потускнели от горьких слез, и жила она со зверями, которые, как овцы, повиновались ей и были кротки.

Еще раз покусился на нее диавол. Увидав ее сильно алчущею, он явился ей во образе воина, принесшего хорошую пищу, и сказал:

– Князь, который тебя бил, теперь раскаивается в этом и прислал тебе сию пищу, прося простить его и принять ее от него.

Феодора же, познав прелесть бесовскую, осенила себя крестным знамением и сказала:

– Бог да уничтожит и разрушит коварство твое, враг! Бог – мой помощник, и не прельстишь ты меня.

С того времени перестал диавол искушать ее.

По прошествии семи лет такого многотрудного жития Феодоры, сжалились иноки и пришли к игумену, говоря:

– Помилуй, отче, брата Феодора, ибо он уже совершил покаяние за грех свой; прости его и прими в монастырь.

Игумен же отвечал:

– Брат Феодор, Бог простил тебе грех, который ты сотворил. Живи с нами в монастыре и подвизайся; никуда не выходи больше из монастыря, чтобы опять диавол не ввергнул тебя в искушение; воспитывай и сына твоего, дабы он был ревнителем твоих подвигов.

И дал ей игумен келью, освободив от всяких монастырских трудов, чтобы она спокойно молилась Богу и отдохнула бы после столь великих трудов. И жила Феодора в той келлии два года с мнимым сыном своим Феодором, уча его грамоте и страху Божию, а также – смирению, послушанию и другим иноческим добродетелям.

В одно лето была большая засуха, так что высохли в монастыре колодцы, иссякли и озера. Тогда сказал игумен некоторым братьям:

– Никто другой не умолит Бога, чтобы Он дал нам воды, как только отец Феодор, ибо великой благодати Божией исполнен он.

Призвав к себе блаженную, игумен сказал:

– Отец Феодор, возьми сосуд и почерпни нам воды из колодца.

Колодезь же был сух и не имел ни одной капли воды.

– Благослови, отче! – сказала Феодора, и пошла к колодцу.

Опустив в колодезь сосуд, она наполнила его чистой водой и принесла игумену с братией: видя сие, все дивились. Тотчас пошли они к колодцу, в коем давно уже высохла вода и, заглянув, увидели, что он полон воды, и прославили Бога. Было же воды той довольно для всякой монастырской нужды, до тех пор пока не пошел дождь и не наполнил водою все высохшие водоемы.

Блаженная Феодора, будучи смиренна духом, говорила братии:

– Не ради меня совершилось сие, но ради пославшего меня отца нашего игумена, который имеет твердую, непоколебимую веру в Бога, – а я лишь исполнил то, что приказано мне, надеясь на молитвы отца нашего.

И продолжала жить Феодора в келье своей, молясь Богу и воспитывая мнимого своего сына.

В один вечер, взяв с собою на виду у всех отрока, Феодора заперлась с ним в келье и начала поучать его. Игумен же, по внушению Божию, послал некоторых из братий незаметно послушать у келлии, о чем беседует она с отроком своим. Феодора, прижав отрока к груди своей и обнявши, целовала его, говоря:

– Сын мой возлюбленный! Время мое настало, конец мой пришел и я отхожу от тебя; ты же не плачь о мне и не говори себе: «Я – сирота», – ибо имеешь ты отцом Бога, покрывающего тебя благодатью Своею, Коему и я (если обрящу дерзновение пред Ним) буду молиться о тебе. Выслушай последние слова мои и запечатлей их в сердце своем: возлюби Бога больше всякой твари и больше самого себя, прилепись к Нему всем сердцем, не переставай славословить Его и молиться Ему устами и сердцем, языком и умом. Правила общего никогда не оставляй, но с прочею братией ходи в церковь: к часам – первому, третьему, шестому и девятому, к вечерне, полунощнице и утрене. Все молитвы твои да будут соединены с сокрушением сердечным, со слезами и воздыханием. Плачь пред Богом каждый день, да сподобишься вечного утешения. Слушайся игумена и братию, откажись от воли своей, храни незлобие отныне и до конца жизни своей; заградi молчанием уста свои; старайся, чтобы не осудить кого-нибудь и не посмеяться чужому греху, видя же согрешающего, помолись о нем Единому безгрешному Богу, да исправит его, а тебя да избавит от грехопадений и искушений вражиих. Ничего не говори ни праздного, ни скверного, ни хульного: да не изыдет из уст твоих такое слово, за которое пришлось бы тебе дать ответ в день суда; будь кроток и смирен сердцем, всех почитай за

отцов и благодетелей своих, а себя считай ниже всех. Если услышишь, что кто-нибудь из братии болен, не поленись посетить его и с усердием послужи ему, и всякое возложенное на тебя послушание исполняй без ропота. Нищету и нестяжание люби так, как бы многоценное сокровище. Вспоминай жизнь мою, как я с тобою скиталась: что приобрела я в хижине моей пред оградою монастырскою? Яства ли или одежды? утварь ли или какое сокровище? Ничего иного, как только Бога. Ибо что для человека важнее Бога и Божественной любви Его? Он есть сокровище наше, Он – богатство, Он – пища и питие, Он – одежда и покров, Он – здравие наше и крепость, Он – веселие и радость, Он – надежда и упование наше; Его потщись стяжать, сын мой. Если ты стяжешь Его, – довольно с тебя, и возвеселишься о Нем более, нежели в том случае, когда бы приобрел весь мир. Старайся сохранить чистоту свою: как ныне ты чист телом и душою, так пребывай и до конца жизни своей. Блюди себя, чадо мое, чтобы не оскорбить Духа Божия и не удалить его от себя сластолюбием и плотоугодием. Умертви уды свои, не давай покоя и послабления телу своему: как осла непокорного, смиряй его голодом, жаждою, работою и ранами, пока не представишь Христу душу свою, как чистую невесту. Соблюдай себя тщательно от бесовских козней, трезвись и бодрствуй: ибо диавол не дремлет, ища поглотить всякого, служащего Богу. От сего-то врага да защитит тебя помощь Божия! Также, чадо мое, твори и обо мне поминовение, да обрящу милость у праведного Судии, который будет судить не только явные грехи, но и тайные, и к Которому я ныне отхожу.

Отрок же, будучи разумным, сказал:

– Неужели, отче мой, ты уходишь от меня, оставляя меня сиротою? Что я буду делать без тебя? Увы мне, бедному! Горе мне, сироте, что лишаюсь я тебя, добрый отец мой!

Феодора же, утешая его, сказала:

– Ведь я говорил тебе, чтобы ты не называл себя сиротою, потому что ты имеешь Бога хранителем твоим, пекущимся о тебе: Он будет для тебя отцом и матерью, учителем и наставником, покровителем и руководителем ко спасению.

После этого Феодора встала и со слезами начала молиться, говоря:

– Боже, ведый грехи мои и покаяние! Ты знаешь печаль сердца моего, – знаешь, как я непрестанно сокрушалась о том, что прогневала Тебя, Господи! Ты знаешь труды мои, коими я смиряла грешное тело мое, – за то, что дерзнула сделать беззаконие и огорчить благость Твою, Ты знаешь печаль души моей, знаешь, что душа моя, с того времени, как я сознала грех свой, во всё время не переставала сетовать и горько скорбеть о том, что прогневала Тебя. Итак, услыши ныне стенание мое, вонми молитве моей, виждь, как воск, тающее сердце мое, испытай его, воззри на слезы мои и помилуй окаянную душу мою! Остави беззакония мои, прости грехи мои, не помяни злых дел моих: «По милости Твоей вспомни меня Ты, ради благости Твоей, Господи!» (Пс.24:7). Приими покаяние мое. приими молитву и рыдание мое, приими же и душу мою!

Так она долго молилась, и не всё можно было расслышать из того, что она говорила, – слышны были только плач ее и биение в перси. Плакал вместе с нею и отрок, рыдая о сиротстве своем. Она снова утешала его и опять молилась. Наконец, она с радостью сказала:

– Благодарю Тебя, премилосердного Творца моего, что Ты услышал и помиловал меня и избавил душу мою от смерти и очи мои от слез.

Произнеся и другие благодарственные слова и возвеселившись духом, Феодора умолкла. Можно было подумать, что она предала душу свою святую в руки Господа своего, ибо уже более не слышно было ее слов, только слышно было, как плакал отрок. В тот час стали благовестить к утрене. Иноки слышавшие всё, что говорила Феодора, пошли к игумену и всё рассказали ему. Игумен же, выслушав рассказ их, начал со слезами говорить:

– Я, чада мои, в ночь сию видел видение, будто два светоносных мужа, явившись, повели меня на высоту небесную, откуда дошел до меня голос, говорящий: «Прииди и посмотри, какие блага уготовал Я невесте моей Феодоре». И увидел я светоносный рай, красоту и великолепие коего нельзя описать.

Явившиеся мужи, введя меня внутрь рая, показали мне чертоги и в нем приготовленный золотой одр, и Ангел, стоя при нем, охранял его. Спросил я ведущих меня: «Для кого приготовлены чертог сей и одр?» И они сказали мне: «Погоди немного, и узришь славу Божию». Вскоре я увидел чины Ангельские, мучеников и преподобных, идущих с приятным пением, сладости коего нельзя и поведать; посреди их я увидел прекрасную жену, в великой славе; приведя в чертог, ее посадили на одре, воспевая пресладкие песни; я же с благоговением поклонился честной жене той. И сказал мне Ангел: «Знаешь ли, кто это?» Я отвечал: «Не знаю, господин мой». Он же сказал мне: «Это инок твой, Феодор; по природе своей он был женщиной, мужем же он был только по виду. Пожив немного в супружестве, Феодора ради Бога оставила мир и трудилась в вашем монастыре и, будучи оклеветана за родившую младенца девицу, не открыла, что она – женщина; как будто бы настоящий отец она приняла младенца и вырастила его. Будучи же изгнана из вашего монастыря, она много пострадала, питаясь травою и водой морскою, терпя холод, зной и нищету и перенося многие напасти от бесов. За всё сие так возвеличил ее милосердый Бог: ибо Он возлюбил ее, как невесту Свою и сделал ее наследницею Царствия Своего со всеми святыми». Услышав сие, я начал плакать, что не знал тайны сей и, поверив лжи, оскорбил святую, изгнав ее с бесчестием из монастыря; во время плача я проснулся. Итак, чада мои, в настоящее время сердце мое исполнено радости и печали. Радуюсь, что сподобился видеть преславное видение, коего око человеческое не видело, и слышать пресладкие звуки святых песней, коих ухо не слышало; скорблю же и плачу, что не знали мы рабы Божией и возлюбленной невесты Его, живущей между нами, и, не ведая, долгое время оскорбляли ее.

После этого игумен, собрав братию, пошел к келлии блаженной Феодоры и, толкнув в дверь, сказал:

– Отче Феодор, благослови!

Но ответа не было, ибо Феодора преставилась уже ко Господу. Отрок же, плача над нею, уснул, и едва могли разбудить его. Войдя в келью, братия увидели блаженную

Феодору, лежащую на земле; руки ее были сложены на груди и очи закрыты, лицо же ее сияло красотою, как лицо Ангельское. Когда стали готовить к погребению честное ее тело, открыл игумен перси ее, иссохшие от продолжительного поста; и все узнали, что то была женщина. Игумен повелел братии, чтобы они никому не открывали тайны сей, пока не будут приглашены те, кои оклеветали преподобную в бесчестии девицы, и послал братию к Енатскому игумену, говоря:

– Молим любовь твою, отче: приди к нам со своею братиею, ибо сегодня у нас великий праздник и мы хотим, чтобы и ты праздновал с нами.

И пришел игумен енатский, вместе со своими иноками; и привели его к святому телу блаженной Феодоры, говоря:

– Отче, муж дочери твоей умер.

Показав ему тело преподобной, спросили:

– Не это ли Феодор?

И сказал енатский игумен:

– Действительно, это он.

Спросили и пришедших с ним монахов, говоря:

– Знаете ли вы его?

Те сказали:

– И хорошо знаем: это лживый брат Феодор, осквернивший девицу; да воздаст ему Бог по делам его!

Тогда Октодекатский игумен открыл перси ее и, показав женские сосцы ее, сказал:

– Мужское ли сие тело? Да, отцы ошиблись мы: мы думали, что это мужчина, а на самом деле то была женщина; изменивши внешний вид и приняв мужское имя, она как Ангел жила среди нас грешников, не знавших тайны сей, и многие напасти претерпела от нас. Ныне же кончина ее показала, чем она была и что есть, ибо она праведна и преподобна и Христу Богу нашему угодна, так как я видел ее веселящеюся в небесном чертоге во славе и свете великом с ликами Ангельскими и со всеми святыми.

Тогда все предстоявшие ужаснулись и удивились сей великой тайне; оклеветавшие же ее в грехе, в коем она была

неповинна, весьма устыдились, и все много плакали, восклицая:

– Горе нам, что мы столь долго оскорбляли рабу Божию!

И, припадая к святым мощам ее, со слезами говорили:

– Прости нам, раба Божия, что мы в неведении согрешили против тебя!

После этого явился Ангел Божий Октодекатскому игумену, говоря:

– Возьми коня и отправляйся к городу и, кого встретишь первого, того возьми и приведи сюда.

Игумен тотчас отправился, и, увидав на дороге идущего навстречу ему человека, спросил его:

– Куда ты идешь?

Тот отвечал:

– Я слышал, что в каком-то монастыре умерла жена моя, и иду, чтобы увидеть ее.

Игумен, взяв с собою человека сего и посадив его на коня, возвратился в монастырь и привел его к святому телу преподобной. Увидав Феодору, муж ее начал горько и безутешно рыдать пред мощами ее. – Бесчисленный сонм иноков, живущих окрест Октодекатского монастыря, услышав о всем случившемся, собрался со свечами и кадилами и обрядивши святое тело преподобной Феодоры, с честью похоронили его в монастыре, в коем она добре подвизалась. И светло праздновали в течение многих дней, прославляя Христа Бога и величая возлюбленную невесту Его – преподобную Феодору. Муж же ее, после ее погребения, испросил себе келью, в коей жила жена его, или, лучше сказать, невеста Христова, и, постригшись в иноки, подвизался в ней в посте, молитве и слезах, поминая подвиги преподобной Феодоры, и, спустя немного времени, отошел ко Господу. А отрок Феодор, коего преподобная имела вместо сына, унаследовал нрав, подвиги, и всё добродетельное житие мнимого отца своего, или – лучше сказать – матери своей, преподобной Феодоры. Он достиг такого совершенства, что по смерти игумена всеми иноками был избран на его место, был добрым отцом, наставляющим чад своих на путь спасения, и сам тем же путем

пошел в след преподобной Феодоры и водворился с нею в обителях небесных.

Молитвами святых Твоих, Господи, не лиши и нас Небесного Царствия Твоего. Аминь.

Кондак, глас 2:

Тело твое постами изнуривши, бденными молитвами Творца умолила еси о гресе твоем, яко да приимеши совершенное прощение: и прияла еси оставление, путь покаяния показавши.

Память преподобного Евфросина

Память 11 сентября

Преподобный Евфросин[5745] происходил от незнатных родителей, но своими добродетелями превзошел и всех благородных по происхождению. Многие при знатности своего рода не имеют никаких добродетелей, и поэтому впадают в глубину ада. Напротив нередко люди простого происхождения, при своем благодетельном смирении, возносятся в рай Божий. Так и сей преподобный Евфросин был узрен в видении находящимся в раю, который он и наследовал своим святым житием.

В монастыре Евфросин служил братии в поварне, и служил не как людям, но как бы Богу, – в великом смирении и повиновении. Трудясь день и ночь на послушании, он никогда не оставлял молитвы и поста. Терпение его было изумительно: ибо он претерпевал большие неприятности, поношения, поругания и частые досаждения. Возжигая в поварне огонь вещественный, он распалялся духовным огнем любви к Богу, и к Нему пламенело сердце его. Приготовляя пищу братии, он своим добродетельным житием уготовлял себе трапезу в Царствии Божием, дабы насытиться там небесным блаженством с теми, о которых сказано: «блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием» (Лк.14:15). Он служил Господу втайне, дабы воздано ему было явно, как это действительно и исполнилось.

Вот каким образом показал Господь то, чего заслужил раб Его Евфросин.

Некий иерей, живший в одном монастыре с Евфросином, всегда молил Бога показать ему в чувственном виде те будущие блага, которые уготованы любящим его. И вот в одну ночь он имел такое видение: ему представилось, что он стоит в раю, со страхом и радостью созерцая его неизреченную красоту; там он увидал повара своего монастыря Евфросина.

Приблизившись к нему, иерей спросил:

– Брат Евфросин, – что это? Неужели это рай?

Евфросин отвечал:

– Да, отче, это рай.

Иерей опять вопросил его:

– А ты как здесь?

Евфросин отвечал:

– По великой милости Божией я поселился здесь жить, ибо сия есть обитель избранных Божиих.

Иерей спросил:

– Имеешь ли ты какую-нибудь власть над этими красотами?

Евфросин отвечал:

– Сколько могу, столько и даю из того, что видишь.

Иерей сказал:

– Не можешь ли и мне дать что-нибудь из этих благ?

Евфросин отвечал:

– По благодати Бога моего, возьми, что хочешь.

Тогда иерей, указав рукою на яблоки, попросил их. Евфросин, сорвав три яблока, положил их иерею в платок, говоря:

– Возьми то, чего просил, и насладись.

В это время начали ударять в церковное било к утрене. Иерей, проснувшись и придя в себя, счел виденное за сон, но, протянув руку к платку, нашел в нем те яблоки, которые получил в видении от Евфросина, и ощутил неизреченное благоухание от них и поэтому находился в изумлении. Встав с постели и положив на нее яблоки, он пошел в церковь и увидел там Евфросина стоящим на утренней службе. Подойдя к нему, иерей клятвенно упрашивал его открыть ему, где он был в нынешнюю ночь.

Евфросин отвечал:

– Прости меня, отче, в нынешнюю ночь я был там, где ты меня видел.

Иерей сказал:

– Потому-то я и заклял тебя объявить дела Божии, чтобы ты не утаил правды.

Тогда смиренномудрый Евфросин сказал:

– Ты, отче, просил у Господа показать тебе в чувственном виде воздаяния избранникам Его, и Господь благоизволил

твоему преподобию показать сие через меня, худого и недостойного, и вот ты увидел меня в раю Бога моего.

Иерей спросил:

– А что ты дал мне, отче, в раю, когда я просил у тебя?

Евфросин отвечал:

– Я дал тебе три яблока – те самые, которые ты положил в келье своей на одре, но прости меня, отче, ибо я червь есмь, а не человек.

По окончании утрени, иерей собрал братию и, показав ей три райских яблока, подробно рассказал то, что видел. Тогда все ощутили от тех яблок неизреченное благоухание и радость духовную и в умилении дивились тому, о чем поведал иерей. Они пошли в поварню к Евфросину, дабы поклониться рабу Божию, но уже не нашли его, ибо он вышел из церкви и скрылся, избегая славы человеческой, и никак не могли его найти. А куда именно: он скрылся, – об этом нет нужды много допытываться: ибо если для него был открыт рай, то куда же он мог скрыться? Яблоки те братия разделили между собою и раздавали многим на благословение, в особенности же – для исцеления: ибо больные, вкушавшие от них, исцелялись от своих болезней. И много пользы все получили от такого дара святого Евфросина и, сохраняя описанное дивное видение не только на хартиях, но и в сердцах своих, стремились к великим подвигам и благоугождали Богу.

Молитвами преподобного Евфросина да сподобит Господь и нас райских обителей! Аминь.

Память святой мученицы Ии

Память 11 сентября

Святая мученица Ия была родом из города Визада[5746]; вместе с 9000 христиан взята была она в плен персидским царем Сапором[5747]. За исповедание Христа она представлена была на суд к начальнику волхвов, который стал принуждать ее отречься от Христа. Но она не склонилась на его увещания и пребыла твердою в истинной вере. За сие заключили ее в темницу и целый год морили голодом. Затем ее вывели из заключения и сильно начали бить суковатыми палками, после чего опять отвели в темницу, где она пробыла пятнадцать лет. По прошествии сего времени, ее опять вывели и так крепко связали веревками ее колена, бедра и руки, что кости ее надломились. Потом начали бить ее ремнями из суровой кожи по чреслам и по чреву и, наконец, отсекли ей главу[5748].

Память святых мучеников Диодора и Дидима

Память 11 сентября

Сии святые мученики были из Лаодикии Сирской. Исповедуя Христову веру, они учили о Христе язычников и многих из них обращали и крестили. За это привели их к правителю Лаодикийскому на суд, и здесь они смело исповедовали Христа. Их предали страшным мучениям, но они не отреклись от Христа, бесстрашно обличали идольскую лесть и укоряли правителя за то, что он, оставив истинного Бога, поклоняется ложным богам. С молитвой на устах предали они среди мучений души свои Господу.

Житие и страдание святого священномученика Автонома

Память 12 сентября

Святой Автоном был епископом в Италии в царствование Диоклетиана. Когда настало жестокое гонение на христиан, Автоном вспомнил слова Господа, сказанные в святом Евангелии: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф.10:23), и, оставив Италию, переселился в Вифинию, где по Божию произволению остановился в одном селении, называемом Сореос[5749]. Здесь святой Автоном принят был некоторым страннолюбцем Корнилием. У него он прожил довольно долгое время и, проповедуя Христа, обратил многих эллинов к христианской вере. И немало приобрел он здесь душ Богу, ибо множество народу собиралось в дом Корнилия слушать учение святого Автонома. Он же подобно Апостолам проповедовал Слово Божие со дерзновением, ибо в нем действовал тот же Дух Святой, Который некогда в огненных языках сошел на святых Апостолов. Посредством проповеди Автонома Дух Святой возжигал сердца человеческие к любви Божией и благочестию, так что слушающие его учение умилялись и охотно воспринимали проповедь его, прося у него святого крещения. И в той местности он так много людей привел ко святой вере, что дом Корнилия уже не мог вмещать всего собрания верующих, тогда святой Автоном выстроил христианам церковь во имя воеводы небесных сил, святого архистратига Михаила, вручая под его защиту всех новопросвещенных им; сам же, посвятив Корнилия в диакона и поручив ему словесное стадо Христово, пошел в Ликаонию и Исаврию[5750], желая и там быть проповедником благочестия.

Потрудившись в этих странах в деле проповедания Слова Божия довольно долгое время, святой Автоном снова возвратился к Корнилию: ему хотелось посетить приобретенное им стадо Христово. Он поставил Корнилия пресвитером и вместе с ним стал служить спасению рода человеческого.

Когда нечестивый царь Диоклетиан прибыл в Никомидию, с целью погубить всех находящихся там последователей Христовых, тогда идолопоклонники стали отыскивать и святого Автонома, как самого известного из христиан. Но святитель, желая еще более народа привести от тьмы бесовской к свету познания истинного Бога, не предал себя в руки мучителей. Храня себя для блага церкви, святой Автоном отплыл в Клавдиополь, находившийся на берегу моря Евксинского[5751], где и сеял семена Слова Божия, кои падая на добрую почву сердец человеческих, вскоре по благодати Божией принесли многие духовные плоды. Устроив здесь как должно всё относящееся ко благочестию и наставив верующих на путь спасения, святой Автоном опять возвратился в Сореос.

Увидав, что число верующих здесь еще более умножилось, святой поставил Корнилия епископом, а сам отправился в Асийскую страну[5752], где стал искоренять терние безбожия и распространять святую веру в Единого Бога. И здесь, по благодати Божией, он многих избавил от заблуждения и вечной погибели, разрушая проповедью идольские жертвенники и созидая в сердцах человеческих духовные храмы – Духу Святому.

Вскоре святой Автоном снова посетил Корнилия и порученную ему паству. Увидев, что все поучаются здесь закону Божию и преуспевают в добродетелях, Автоном был утешен сим и благодарил Бога, что труды его были не напрасны и что его духовные чада, – коих он породил благовествованием, – умножились.

Близ города Сореос находилось одно селение, по имени Лимна; жители сего города были еще омрачены тьмою идолослужения. И вот, отправившись к ним, святой Автоном стал проповедовать им Христа и, обратив здесь многих в христианство, научил их тайнам святой веры, просветил крещением, и через то присоединил их к избранному стаду Христову.

Однажды местные жители, оставшиеся в неверии, совершали праздник одному из своих скверных идолов и, принося жертву бесам, ликовали в своем идольском храме;

тогда христиане, которых в то время было уже много, собравшись, пришли к празднующим язычникам, ниспровергли их жертвенники и разбили всех идолов, храм же их разрушили до основания. Сим они показали неверным, что боги их ничтожны, ибо они не могут сопротивляться, когда их сокрушают, и не вопиют, если их разбивают.

Язычники, разгневавшись на христиан за такое тяжкое посрамление, решили отомстить им за сокрушение своих идолов и стали ждать удобного для этого времени.

Узнав однажды тот день, когда служитель Господень Автоном должен был в выстроенной им церкви архистратига Михаила в городе Сореос приносить бескровную жертву Богу, они из Лимны вместе с язычниками других окрестных сел собрались в бесчисленном количестве и тайно приготовились внезапно напасть на храм Божий и убить пастыря христиан, святого Автонома, что им и удалось исполнить.

Во время совершения Божественной литургии язычники во множестве напали на церковь: одни из них имели в руках оружие, другие палки или камни; они разогнали из церкви всех бывших там христиан и бесчеловечно убили святого Автонома: они замучили его в алтаре, так что последний весь обагрился святою его кровью. Так, принося бескровную жертву, святитель сам был принесен как кровавая жертва в пренебесный жертвенник[5753].

Убив святого Автонома, язычники набросали на него множество камней, коими они его убили. Совершив торжество в честь того, что отомстили христианам за поругание своих богов все они разошлись. И лежал святитель убитым, – и было тогда великое смущение в церкви и неутешный плач верующих по причине убиения их отца и доброго пастыря. Некая же диаконисса, по имени Мария, взяв святое тело священномученика, с благоговением предала его погребению.

По прошествии многих лет по погребении святого Автонома, в то время, когда Константин Великий вступил на престол, некий вельможа, по имени Севириан, послан был царем в Александрию. Боясь морского волнения, он поехал не морем, но сушею по берегу моря. По смотрению Божию пришлось им

идти мимо того места, где лежало тело священномученика Автонома; и вдруг лошади сразу остановились и никак не могли ехать далее. Как их ни били бичами, ни одна не могла двинуться с места; их облегчили от тяжестей, которые они везли, но и тогда они не могли продолжать путь: как будто какая невидимая рука их удерживала; и был Севириан в большом недоумении.

Вместе с Севирианом ехал некий благочестивый муж, который был наделен даром прозревать тайны Божии. Он сказал Севириану:

– Следует тебе на сем месте воздвигнуть церковь тому мученику, тело коего здесь погребено; и если ты дашь обет сделать сие, то увидишь, что лошади твои быстро пойдут далее.

Севириан с радостью обещал сделать это, и лошади его действительно тотчас же тронулись и быстро побежали. Севириан же, до возвращения своего из Александрии, построил на том месте небольшой молитвенный храм в честь святого мученика; а возвратившись воздвиг над гробом его прекрасную церковь.

По прошествии многих лет, один священник, не зная, что в сей церкви под землею лежат святые мощи святого Автонома, разобрал ее вследствие ветхости, а новую построил на другом месте, близ моря[5754]. То же место, где под спудом лежали мощи святого, было шестьдесят лет пусто, – до самой смерти византийского царя Зинона[5755], – и никто не знал о том многоценном сокровище, которое было сокрыто в недрах земли. В то время один из царских телохранителей, по имени Иоанн, исполняя некое царское повеление, – находился в вышеупомянутых местностях – в г. Сореосе и Лимне; он однажды пошел на охоту и случилось, что на том самом месте, где некогда стояла церковь над мощами святого, он увидел зайца и, натянув лук и пустив стрелу, убил его; убив много и других зверей, он возвратился домой. Но вот ночью, когда он уже спал на одре своем, явился ему во сне священномученик Автоном и повелел ему создать церковь на том самом месте, где накануне он убил зайца. Иоанн проснувшись решил

приложить всё свое старание, чтобы исполнить повеленное ему и в скором времени создал дивную церковь во имя священномученика Автонома; мощи же его обрел в земле целыми и совершенно нетленными, и от них стало совершаться много чудес, и многие больные получили здесь исцеление.

О самом обретении мощей святого Автонома блаженный Симеон Метафраст[5756] говорит так:

– Видя достославного подвижника, препобеждающего свойства человеческой природы, я встал на славословие Божие; и вот, приникая некогда очами в гроб святого мученика Автонома, я узрел, что его святые мощи остаются непобежденными силою смерти. Смерть, похваляющаяся в три дня разрушить весь состав живого существа, не могла, в продолжение столь многих лет, уничтожить ни одного волоса у сего славного мужа. Глава его и волосы были невредимы, лицо цело, кожа крепка, – не истлел ни один волос на ресницах его: лишь очи его сомкнулись. И когда я глядел на него, мне казалось, что смерть заставила его лишь хранить молчание, а всё его тело и все его составы сохраняет целыми: ни с головы его ничто не отпало, ни от прочих частей тела ничто не отделилось. Так прославляет Господь тех, кои прославляют Его в святых телесах своих. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение ныне, всегда, и во веки веков. Аминь.

Память священномученика Корнута, епископа Никомидийского

Память 12 сентября

Святой священномученик Корнут жил в окрестностях Никомидии, в селении Саталы (Сарсала, Сурсана). Он был ревностным исповедником имени Христова. Во время гонения на христиан послан был в ту страну Иконийский[5757] правитель Перенний. Когда многие христиане разбежались от его преследований в потаенные места, св. Корнут, уже достигший маститой старости, предстал пред ним сам. На вопрос правителя о том, кто он, престарелый святитель смело ответил; «я христианин» и начал открыто исповедовать, что Христос есть истинный Бог, Творец всего, и обличать идольскую лесть. Ему обвязали ноги тонкими бечевками и повлекли по городским улицам, причем из прорезанных бечевками ног ручьями текла кровь. Среди своих мучений священномученик благодарил Бога. Потом, после новых мук, он был усечен мечом[5758].

Память святого мученика Иулиана

Память 12 сентября

В царствование Диоклетиана и Максимиана назначен был правителем Галатийской области[5759] Антонин. Ему донесли, что в одной пещере в горе скрывается Иулиан с другими 40 христианами, и что они совершают там христианское богослужение. Когда, по повелению правителя, его взяли и начали уговаривать выдать прочих христиан, бывших с ним, он не согласился. Перед тем, как предстать на суд, св. Иулиан воскликнул громким голосом, обращаясь в сторону своих спостников, оставшихся в пещере:

– Вот, меня уже взяли на суд, и я иду на мученический подвиг за Христа, не выдав вас! Но вы поревнуйте о том, чтобы последовать за мною в моем подвиге!

Когда св. Иулиан предстал пред правителем Антонином, последний сказал ему:

– Приступи к богам и принеси им жертву.

Св. мученик с дерзновением отвечал ему:

– Неугоден мне совет твой; нет для нас, христиан, лучшего жребия, как умереть за ту св. веру, в коей мы воспитаны.

Тогда правитель велел раскалить железный одр и, обнажив мученика, положить его на нем. Св. страдалец, приведенный к тому месту, осенил себя крестным знамением и взошел на раскаленный одр. Тогда явился Ангел Господень, остудил пламя и сохранил св. мученика невредимым.

– Кто ты? – спросил Антонин мученика, – и каким образом ты так легко погасил огонь?

– Я – Божий слуга; имя мое – Иулиан, – ответил св. страдалец. Игемон опять спросил его:

– Кто твои родители?

Мученик отвечал:

– Мать моя – старица, а отец отошел ко Господу.

Антонин приказал привести его мать и, гневно взглянув на нее, сказал ей:

– Уговори своего злого сына принести фимиам богине; если же ты не сделаешь того, я предам твое тело на поругание.

Доблестная мать св. мученика ответила на это игемону:

– Если против воли моей осквернят мне тело, то это не только не сочтется мне в вину, но будет для меня залогом вечной славы и блаженного воздаяния.

Игемон, посрамленный сими словами старицы, велел отпустить ее, а св. Иулиана осудил на усечение мечом. Достигши вместе с воинами места казни, св. мученик попросил у них времени для молитвы.

– Благодарю тебя, Господи, – молился он, – что Ты укрепил меня и помог мне остаться твердым даже до пролития крови. Подай, Господи, тем, которые будут брать землю с места погребения моего, прощение грехов и избавление от страстей. И пусть не найдет на их поля никакое тлетворное насекомое: ни саранча, ни гусеницы, ни что другое, а равно да избавлены будут они от налета хищных птиц! И прими мой дух с миром!

И послышался с неба голос:

– Подвигоположник твой – Христос отверз тебе врата Царствия Своего. Вниди в них, ибо ты законно подвизался за имя Его!

Сей голос слышали и те сорок христиан, которые были скрыты в пещере. Они пошли на место страдания св. мученика, но нашли его уже скончавшимся. Пред всеми воинами громко исповедали они Христа, истинного Бога. Тогда воины, связав их, привели к игемону, и тот велел им отсечь головы[5760].

Слово на обновление иерусалимского храма Воскресения Христова[5761]

Память 13 сентября

В настоящий день мы празднуем Обновление преславного и превеликого храма в Иерусалиме, – не того, который воздвиг царь Соломон на горе Мориа, но того, который пречудно устроил благочестивый царь Константин с достохвальною матерью своею Еленою на горе Голгофе, очистив и обновив святое место, осквернённое языческим нечестием.

После вольных страданий и смерти Господа нашего Иисуса Христа, Его воскресения и вознесения на небо, то святое место, где совершилось наше спасение, было поругаемо и оскверняемо врагами Христовыми. Особенно же осквернил все святые места бесовскими идолами и жертвами нечестивый царь римский Адриан. Воздвигнув на месте Иерусалима, разоренного Титом[5762], город, он повелел засыпать Гроб Господень землею и множеством камней, а на той горе, где Господь был распят, построил храм языческой богине распутства Венере и поставил ее идола, а над Гробом Господним поставил идола бога Дия (Юпитера). Итак, где Агнец Божий принес Себя в жертву Богу Отцу за грехи наши, там приносились нечистые жертвы бесам и совершались всяческие непотребства. Равно и в Вифлееме, где Пречистый родился из утробы Пречистой Девы, нечестивый царь поставил идола Адониса[5763], так что и сие святое место осквернялось срамными делами, а там, где был храм Соломона, выстроил идольское капище. Самый город он назвал в честь свою Елиею, – ибо носил имя: Елий-Адриан, – и повелел, чтобы никто не смел называть его Иерусалимом. Сделал же он всё сие из желания истребить с земли самую память об имени Иисуса Христа. Он переименовал город, в котором Иисусом Христом совершено было множество чудес, и устроил бесовские жилища на местах Его рождения, распятия и погребения, именно с той целью, чтобы последующий род человеческий совершенно забыл Христа и более никогда не воспоминал тех мест, на которых жил и учил Господь. Однако

же сам Адриан погиб, а святое место Царь славы вновь прославил.

Господь, просветив светом святой веры царя Константина и матерь его Елену, вложил им в сердца желание обновить Святый Град Иерусалим, – на том месте, где разоренная храмина тела Христова создана была в три дня (см. Иоан.2:19, 21; Мф.26:16, 27:40; Мк.14:58, 15:29), создать прекрасный храм Божий и все святые места очистить от скверн бесовских и освятить. Для этого благочестивый царь послал матерь свою со множеством золота в Иерусалим и написал святейшему патриарху Макарию[5764], чтобы тот приложил всё свое старание об устроении церкви. Святая Елена, по прибытии в Иерусалим, разорила в нем все капища, уничтожила идолов и весь город очистила от языческих скверн и освятила. Отыскала она честный крест Господень и гроб, разметавши землю и каменья, которыми он был засыпан, и соорудила в той местности церковь столь большую, что одним зданием ее ограждены были и место распятия, и место погребения Христова, ибо они находились недалеко одно от другого, как замечает евангелист Иоанн: «На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко» (Иоан.19:41–42). И так одною церковью окружила она и Голгофу, и Гроб Господень. Церковь эта названа «Мартирион», т.е. свидетельство, – свидетельство именно воскресения Христова, так как на том месте Христос умер и воскрес[5765]. Святая Елена построила и другие церкви: в Вифлееме, на горе Елеонской[5766], в Гефсимании[5767] и на многих святых местах, и разнообразно и богато украсила их. Однако же церковь над Гробом Господним была прекраснее и больше всех. Но окончания постройки ее сама царица Елена не увидала: возвратившись к сыну, она почила о Господе, когда церковь еще не была готова[5768], ибо невозможно было в скором времени отстроить такое большое и дивное здание, и оно едва было закончено в десять лет.

Когда же церковь была устроена вполне, благочестивый царь повелел собраться епископам со всех стран в Иерусалим на освящение храма. И прибыло сюда великое множество

архиереев: из Вифинии, Фракии, Киликии, Каппадокии, Сирии, Месопотамии, Финикии, Аравии, Палестины, Египта и других стран Африки и один епископ из Персии; собралось также бесчисленное множество народа со всей вселенной, так что не все могли поместиться в пределах Иерусалима. Храм Воскресения освящен был 13 сентября 335 года, в 30 год царствования Константина, когда обновлен был и весь Иерусалим. Собравшиеся на это торжество святые отцы, по примеру ветхозаветного постановления, определили навсегда праздновать день Обновления храма. Ибо как в Ветхом Завете Иуда Маккавей, очистивши величайшее святилище – Святое Святых от осквернения сирийским идолослужением, узаконил на все времена праздновать его обновление (1Макк.4:36–59), о чем и в Евангелии упоминается: «Настал же тогда в Иерусалиме праздник обновления» (Иоан.10:22); так и в Новом Завете равноапостольный царь Константин, построив как бы второе Святое Святых, установил со святыми отцами, чтобы по всей вселенной празднуемо было Обновление великой церкви Иерусалимской, которая есть матерь всех церквей.

Итак, ныне будем праздновать ее Обновление, благодаря Христа Бога, Своими страданиями и воскресением обновившего всю тварь и очистившего святую Церковь Свою от скверн идольских. Будем обновляться и мы сами, как храмы Живого Бога, отлагая ветхого человека и облекаясь в нового; очистим себя от застаревших в нас зол и станем совершать добрые дела, начавши ходить в новой, благочестивой жизни. Тогда, – подобно тому, как люди празднуют Обновление храма рукотворенного, – Ангелы будут праздновать обновление нашего храма духовного; ибо о каждом грешнике, обновляющемся покаянием, бывает на небесах радость у Ангелов и с ними радуется о нем и Сам не хотящий смерти грешных Творец Ангелов – Христос Господь наш, Коему слава вовеки, аминь.

Тропарь, глас 4:

Якоже вышния тверди благолепие, и нижнюю споказал еси красоту святаго селения славы Твоея Господи, утверди сие во

век века, и приими наша в нем непрестанно приносимая тебе моления Богородицею, всех животе и воскресение.

Кондак, глас 4:

Небо многосветлое церковь показася, вся просвещающая верныя, в нейже стояще зовем: сей дом утверди, Господи.

Житие священномученика Корнилия Сотника

Память 13 сентября

Вскоре после страданий Господа нашего Иисуса Христа и по воскресении и вознесении Его на небеса, в Кесарии Палестинской поселился сотник, по имени Корнилий, родом из Италии Фракийской[5769]. Он хотя и пребывал во тьме неверия, однако, уже совершал дела света и, оставаясь еллином, был подобен христианину. Христа не знал он, но делами милосердия бессознательно почитал Его. Живя посреди развращенного мира, он был добродетелен, как свидетельствует о нем святой Лука в Деяниях: «В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским»[5770] (Деян.10:1). Бог не презрел таковых его добродетелей и благоволил просветить его светом веры и привести к познанию истины, дабы добрые дела его не покрывались мраком неверия.

Однажды молясь Богу в своем доме, сей богобоязненный муж, увидел Ангела Божия, который возвестил ему, что его молитвы и милостыни приняты Богом. Ангел повелел ему послать в Иоппию[5771] за Симоном, называемым Петром, и исполнить то, что тот ему скажет. Он тотчас послал с мольбою звать Петра. В то время, как посланные Корнилия шли в Иоппию, Петр взошел на верх дома в шестом часу дня[5772] помолиться. Он чувствовал в это время голод, и вот пред ним явилось видение, внушавшее ему, чтобы он не гнушался идти к необрезанному иноплеменнику, – ибо евреи не входили в общение с язычниками и гнушались ими. Видение, явившееся Петру, было такое. С неба три раза спускался сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла, и голос повелевал Петру, чтобы он заколол и ел находившихся в сосуде животных, зверей, гадов и птиц. Когда Петр отказывался и говорил, что он никогда не ел ничего нечистого, голос снова сказал ему с неба:

– То, что Бог очистил, не признавай нечистым.

Это видение было знамением обращения Корнилия и других язычников. Голод Петра знаменовал собою голод, описанный пророком Амосом – «не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних»[5773] (Амос8:11). Такой голод был в доме Корнилия и у всех язычников: как Петр желал хлеба, необходимого для тела, так те – хлеба для души. Сосуд, привязанный за четыре конца, знаменовал Церковь Христа, утверждаемую в вере четырьмя евангелистами. Находившиеся в сосуде различные нечистые животные, звери, гады и птицы обозначали собою язычников, которые по своим низким земным стремлениям были подобны четвероногим животным, взирая своим умственным оком только в землю, не зная помышлений о небесном и не умея искать выше земного; по своей лютости они были звери, а по вредному для душ нечестию – ядовитые гады; по гордому высокомерию же они походили на высоко парящих птиц. Их было повелено заклать и есть – то есть острым мечом слова Божии умертвить древние языческие животные похоти и зверские нравы и соделать из очищенных крещением душ и тел их «жертву живую, святую, благоугодную Богу» (Рим.12:1). Троекратное схождение сосуда обозначало троекратное погружение крещения. А когда голос с неба возвещал, что они очищены Богом, то сие означало, что Христос пролил Свою кровь, омывающую греховные скверны, не только за израильтян, но и за язычников.

Когда Петр размышлял об этом видении и пребывал в недоумении, посланные Корнилия подошли к его дому и спросили о нем. Дух Божий повелел ему идти с ними не колеблясь, дабы первого язычника присоединить к Церкви Христовой: за ним должны были идти ко Христу и другие язычники. Когда Петр вошел в дом, Корнилий, окруженный всеми своими родственниками и друзьями, принял его с почетом и, припавши к ногам Петра, поклонился ему. Тогда Петр поднял его и сказал:

– Вы знаете, что иудеянину непристойно входить к иноплеменникам и иметь с ними общение, однако, Бог открыл мне, что не следует называть скверным или нечистым ни одного

человека. Итак, я пришел к вам без всякого колебания и спрашиваю теперь, зачем вы призвали меня к себе?

Корнилий со всеми подробностями рассказал ему, как он увидел Ангела и что услышал от него, и просил Петра научить его, как достигнуть спасения. Петр же, отверзши уста свои, стал проповедовать ему об Иисусе Христе, что Он был Бог во плоти, жил на земле с людьми, учил и направлял их на путь, ведущий в Царство Небесное и сотворил много знамений и чудес, врачуя всякую болезнь и воскрешая мертвых словом. Далее Петр поведал о том, как Христос добровольно пострадал и умер, а потом воскрес для того, чтобы освободить человека от страданий и воскресить от смерти, даровав ему жизнь вечную, – что Он будет судить живых и мертвых, что о Нем свидетельствуют все пророки, и что всякий верующий во имя Его получит прощение грехов. Когда Петр говорил сие, Святой Дух, вселяя его слова в сердца слушавших, привел их к вере, и Корнилий крестился со всем своим домом. Он первый из язычников уверовал в Господа Нашего Иисуса Христа и, по принятии крещения, оставил всё и пошел за Петром, который поставил его епископом. Проходя с Петром и другими проповедниками различные страны, он ревностно трудился, проповедуя о Христе. Когда Петр вместе с Тимофеем и Корнилием находился в городе Ефесе, им стало известно, что идолопоклонство особенно сильно в городе Скепсии[5774], и они рассуждали, кому из них идти туда на проповедь. Они бросили жребий, который пал на Корнилия и тот, призвав на помощь Бога, поспешно пошел в сей город. Там жил князь, по имени Димитрий, философ, изучивший еллинскую премудрость, который чрезвычайно ненавидел христианскую веру, почитал же богов языческих и больше всего Аполлона и Дия. Узнав о прибытии в город Корнилия, князь тотчас призвал его к себе и спросил, – откуда и зачем он пришел сюда.

Корнилий отвечал:

– Я раб Бога Живого, пришел же сюда как посланный для того, чтобы вызвать тебя из глубочайшего мрака неведения, извести к свету истины и бросить чистый луч познания в твою душу.

Тот же, не уразумевши ничего из слов Корнилия, разгневался и с яростью сказал:

– Я спрашиваю тебя об одном, а ты мне говоришь о другом. Клянусь богами, если ты не ответишь на каждый мой вопрос, то я не пощажу твоей старости и не постыжусь седин твоих. Итак, скажи мне: кому ты служишь и зачем ты пришел сюда?

Корнилий же сказал:

– Если хочешь узнать о моей службе, то узнай, что я – сотник; когда я услышал о тебе, что ты и жена твоя и все жители твоей области впали в великое заблуждение, то пришел избавить вас от демонского прельщения, наставить на истинный путь и примирить с Единым Живым Богом, Который сотворил небо и землю и всё, что в них находится.

На сие Димитрий сказал:

– Я вижу, что ты удручен старостью, и щажу тебя в виду твоих преклонных лет; перестань говорить ложь; приступи к богам нашим и поклонись им. Если же не захочешь сего исполнить, то знай, что я предам тебя тяжким мучениям и ни один бог, кроме моих богов, не избавит тебя из рук моих.

– Бог мой, – ответил Корнилий, – может не только сохранить меня целым и невредимым от всех зол и избавить от рук человеческих, но и уничтожить твоих богов и сокрушить в прах их истуканы, а тебя тщетно на них надеющегося привести к познанию Его! Я же бесам и бездушным их изображениям никогда не поклонюсь. Ибо написано: «боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут» (Иер.10:11). И еще: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф.4:10). Пришел же я сюда для того, чтобы обратить вас к покаянию и [чтобы] «они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю» (2Тим.2:26).

Князь тогда сказал:

– Я клялся богами моими, что не пощажу тебя, но предам тяжким мучениям, если ты не принесешь жертву богам.

– Каким богам велишь ты принести жертву? – спросил Корнилий.

И сказал князь:

– Принеси жертву Аполлону и Дию.

Корнилий сказал тогда:

– Покажи мне тех богов твоих.

Князь обрадовался, думая, что он хочет поклониться, и повел его ко храму Дия.

За ними шел народ, желая видеть, как Корнилий будет поклоняться идолам. Дойдя до храма, все вошли туда – князь с Корнилием и прочие, между коими была и жена князя, по имени Еванфия, и сын его, названный по имени отца своего Димитрианом. Войдя в идольский храм, Корнилий обратился лицом к востоку[5775] и, преклонив колена свои на землю, молился так:

– Боже, потрясающий землю и превращающий горы в бездны морские! Ты рукою Даниила сокрушил Ваала, умертвил змия и, заградивши уста львов, сохранил невредимым раба Твоего (Дан. 14). И ныне ниспровергни этих идолов и дай познать людям Твою сильную мышцу!

Помолившись так, святой вышел из храма. Вместе с ним вышел князь Димитрий и весь собравшийся здесь народ. Еванфия же с Димитрианом оставалась внутри храма. И вот, внезапно сделалось землетрясение, храм с идолами упал и боги, на которых язычники надеялись, разбились в прах, жене же князя с сыном ее выход был загражден упавшими стенами. Весь народ был в ужасе, видя падение храма, князь же не знал, что жена и сын его были завалены стенами.

Радуясь силе Бога Живого, Корнилий сказал князю:

– Где теперь, князь, твои великие боги?

Тот же, исполнившись ярости, сказал:

– Скажи нам, волшебник, какими чарами ты устроил падение храма и богов наших?

И стал он советоваться со своими приближенными, какими муками погубить Корнилия.

День уже склонялся к вечеру, и солнце стало заходить, почему времени для мучения Корнилия не оставалось. Князь повелел связать ему руки и ноги, и в таком положении повесить его в темнице, чтобы он вися всю ночь страдал до утра; утром же князь хотел жестоко его мучить и умертвить. Когда святой был отведен в темницу и там по повелению мучителя повешен

со связанными руками и ногами, к князю прибежал один из его рабов, по имени Талефон и сказал:

– Господин! Моя госпожа и единственный сын твой погибли в храме, обрушившемся от землетрясения.

Князь Димитрий, услыхав сие, разорвал на себе одежды[5776] и горько зарыдал. Плакали с ним и старейшины города, иные же его утешали. Но кто мог утешить в таком горе, какое он почувствовал в своем сердце при получении вести о внезапной кончине жены и сына?

Тогда князь сказал своим приближенным:

– Подите, разметайте камни павшего храма, отыщите кости возлюбленной супруги моей и моего милого сына, и принесите их ко мне.

Сказав сие, он снова горько зарыдал. В это время поспешно пришел к нему начальник жрецов Варват и сказал:

– Я слышал голоса жены твоей и сына, которые из средины упавших стен восклицали: «Велик Бог христианский: Он сохранил нас живыми от ужасной смерти через раба Своего Корнилия. Просите же сего святого мужа, чтобы он вывел нас отсюда и чтобы мы здесь не погибли. Ибо мы видим дивные чудеса его Бога и слышим голоса Ангелов, которые поют: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк.2:14).

Услышав се от Варвата, князь быстро побежал со всеми своими приближенными к рабу Божию в темницу и нашел его там свободно ходящим: Ангел Господень разрешил его от уз. И припал князь к ногам Корнилия, говоря:

– Велик, Корнилий, твой Бог, Который хранит мою супругу и моего сына в упавшем храме. Итак, молю тебя, раб Бога Вышнего, приди и выведи их оттуда: я со всеми моими приближенными верую во Христа Распятого, Коего ты проповедуешь.

Святой Корнилий пошел с ними к упавшему идольскому храму и, возведя на небо очи свои, сказал:

– Господи Боже сил, Который «призирает на землю, и она трясется» (Пс.103:32), от лица Твоего тают горы и высыхают бездны! Услыши, Господи, моления заключенных, изведи из

развалин Еванфию и не отврати лица от сына ее, но внемли им ради имени Твоего.

Когда он молился так, внезапно открылось место, где между павшими стенами была заключена Еванфия с сыном, и оба вышли оттуда невредимы, восхваляя Бога. Все же бывшие там и видевшие сие преславное чудо восклицали:

– Велик Бог христианский!

Димитрий крестился с женою, сыном и со всем домом своим; крестились с ним и двести семьдесят семь других граждан. Святой же Корнилий прожил в том городе довольно долго, искореняя терние неверия из сердец человеческих и рассеивая семена благочестия. В скором времени он обратил ко Христу весь город и одного уважаемого мужа, по имени Евномия, поставил там пресвитером. Дожив до глубокой старости и приблизившись к смерти, о коей узнал заранее, он усердно молился, приготовляя себя в путь к Господу. Собрав к себе всех, кого он обратил из язычества в христианство, он научил их пребывать в вере и любви и упражняться во всяких добродетелях, преуспевая в исполнении заповедей Господних. Много поучив их, он услышал голос с неба:

– Корнилий! Иди ко Мне, ибо приготовлен тебе «венец правды» (2Тим.4:8).

Услышав сие, Корнилий тотчас стал молиться и, преклонивши колена, сказал:

– Господи Боже наш! Ты сподобил меня соблюсти веру, совершить подвиг и победить сопротивных. Благодарю Тебя за всё! Но прошу Тебя, Господи, призри с Твоей святой высоты на рабов Твоих и будь к ним милостив; утверди их в вере, укрепи в подвигах, пошли им помощь в исполнении святых Твоих заповедей, чтобы они непрестанно прославляли пресвятое имя Твое ныне и во веки веков.

И когда все сказали: «Аминь, – он предал с радостью дух свой в руки Господа, призывавшего его на небеса.

Князь же Димитрий с супругой своею Еванфией, сыном Димитрианом[5777], пресвитером Евномием и всеми верующими долго плакали над отцом и учителем своим; зажегши свечи и воспевши надгробные песни, они погребли тело его с честью

близ упавшего храма Диева. И каждый день верующие, приходя на его могилу, кадили ладаном и молились, и от гроба его болящим подавалось много исцелений.

Прошло много лет – и все современники описанных событий отошли ко Господу. Последующим поколениям осталось неизвестным то место, где были погребены мощи святого Корнилия, ибо вокруг его гробницы выросло терние и густой кустарник, и никто не знал о хранившемся там драгоценном сокровище. Однажды случилось быть на том месте епископу города Троады[5778], Силуану; святой Корнилий явился ему ночью во сне и сказал:

– Долгое время я живу здесь, и никто не навестил меня.

Епископ же, пробудившись от сна, удивлялся виденному и недоумевал, кто являлся ему. На следующую ночь святой снова явился ему и сказал:

– Я – сотник Корнилий, мощи же мои лежат в терновнике, растущем около того места, где некогда стоял храм Дия. Ты построй мне церковь близ места, принадлежавшего Димитрию; то место зовется Пандохиум[5779] и на нем погребены многие тела верных и святых братий.

Наутро епископ рассказал о видении своему клиру и отправился со всеми к тому терновнику, который в видении ему показал святой. Помолившись, они начали копать землю и скоро нашли ковчег, заключавший в себе мощи святого Корнилия целые и нетленные, от которых исходило необычайное благоухание, и все были очень обрадованы обретением такого великого сокровища. Епископ же оставался в затруднении относительно церкви, которую повелел ему построить святой, ибо у него не было столько денег, сколько требовалось для построения церкви. Однако и в этом деле святой Корнилий не замедлил помочь епископу. На следующую ночь он явился одному благочестивому и очень богатому человеку, по имени Евгению, и повелел ему дать епископу Силуану столько денег, сколько будет нужно для построения церкви. Евгений же сообщил о своем видении епископу и дал ему всё нужное, после чего святой храм был построен и украшен со всяким благолепием. Когда наступило время

перенесения честных мощей из терновника в новосозданную церковь, собралось множество верующих с епископом Силуаном и Евгением, имея в руках своих возженные свечи. Едва епископ с клиром начал петь «Трисвятое», как ковчег внезапно поднялся сам собою и несен был невидимыми руками к церкви; из народа же никто не смел прикоснуться к нему. Видя, что ковчег движется сам собою, все удивлялись и ужасались, и едиными устами вопияли:

– Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, являющий нам силы и чудеса Свои через раба Своего Корнилия!

Случилось там быть в то время и многим неверующим, которые, видев се чудо, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. Когда же все дошли до церкви и вошли в нее, то стали по обе стороны, желая видеть, как пойдет ковчег с мощами и где станет. Он же двигаясь прямо стал близ алтаря, по правую сторону. Епископ хотел поставить его внутри алтаря, но никто не мог подвинуть ковчег с того места, на коем он стал сам. И совершались многие чудеса в то время и впоследствии от святых и чудотворных мощей угодника Божия. По смерти епископа Силуана, его место занял Филосторгий, который убедил одного иконописца, по имени Енкратия, расписать всю церковь священными изображениями и более всего позаботиться о написании иконы самого святого Корнилия. Иконописец же, начав писать икону святого Корнилия, никак не мог изобразить лица его и несколько раз смывал всё, что писал на иконе, чувствуя, что ему не удается написать лик святого вполне благолепно. Енкратий вышел из себя, – произнесши хульные слова против святого, оставил его икону и, намереваясь написать что-нибудь другое на церковной стене, поднялся на лестницу, но поскользнувшись упал вниз и так расшибся, что лежал как мертвый. Бывшие в церкви взяли его, снесли в дом и положили на одре едва живого и неспособного вымолвить даже одно слово. Вокруг его рта видны были черви, из коих одни вползали, другие выползали из его уст. Это было наказанием ему за то, что он осмелился произнести своими устами хульные слова против святого. Однако как Сам Господь, так и святые рабы Его гневаются не до конца и не вечно

негодуют. Ибо наутро тот, кто вывел живыми жену и сына Димитрия из разрушившихся стен, явился и Енкратию и, взяв его за руку поднял его с одра как бы от сна, и стал невидим. Енкратий же, почувствовав себя здоровым, поспешил в церковь святого и, припавши к честному ковчегу, в котором почивали целебные мощи Корнилия, с плачем просил прощения за свой проступок и благодарил святого за то, что тот помиловал его и исцелил от болезни, когда он уже был близок к смерти. Двойную пользу получил тот иконописец от явления святого: он исцелился от болезни и узнал, каков был лик святого. После этого он изобразил на иконе святого Корнилия так, как видел его в явлении, и прославлял Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Гордиана, Макровия, Илии, Зотика, Лукиана и Валериана

Память 13 сентября

Сии мученики пострадали при Ликиние. Гордиан был из Каппадокии, Макровий из Пафлагонии; оба они были юношами и за свою твердую веру во Христа пострадали раньше в г. Томах. Повелением князя Максима они, после многих мучений, были усечены мечом. Св. Валериан горько плакал на гробе мучеников и, рыдая, скончался[5780].

Память преподобного Петра в Атрое

Память 13 сентября

Сей преподобный от самой утробы матерней был освящен Богом. Всю свою жизнь он провел в посте и непрестанной молитве; совершил много чудес; между прочим, прошел через реку Галис как бы посуху. Он так удручил свое тело железными веригами, что казался скорее тенью, чем человеком. Угодив Богу, он, спустя довольное время, в мире скончался[5781].

Память святых мучеников Селевка, Стратоника, Кронида, Леонтия и Серапиона

Память 13 сентября

Святой Селевк был из Галатии, Стратоник из Никомидии Вифинийской; Кронид же, Леонтий и Серапион из Египта. После многих мучений мучители связали свв. Кроniду, Леонтию и Серапиону руки и ноги и бросили их в море. Морские волны выбросили их святые мощи на сушу. Ангелы повелели христианам предать их погребению. Святой Селевк пострадал в Галатии. Его много мучили различными муками, и наконец, предали на съедение зверям. Святой же Стратоник пострадал так: Вифинийский правитель велел привязать его после многих мучений к двум пригнутым ветвям дерева; затем отпустил эти ветви, и св. мученик был разорван на две части и так предал Богу дух свой[5782].

Сказание о воздвижении честного и Животворящего Креста Господня

Память 14 сентября

Когда в Риме царствовал Максенций, то он причинял народу много зла, преследуя и мучая не только христиан, но убивая и язычников, разграблял их имущества и жил порочно, оскорбляя благородные семьи. Он был тягостен и гнусен всему Риму, по причине своих жестокостей и развращенной жизни. Поэтому римляне тайно послали царю Константину, находившемуся тогда с матерью своею в Британии, прошение, умоляя его прийти и избавить их от сего мучителя. Константин сначала написал к Максенцию, дружески увещевая его прекратить свои мучительства. Но Максенций не только не послушал его и не исправился, но стал еще хуже, и поднял оружие против самого Константина, не желая, чтобы он был соравным ему царем. Тогда как Константина избрало на царский престол всё войско, Максенций взошел на престол самовластно. Народ не любил его, и только некоторые вельможи, коим он обещал большие дары и многие почести, изъявили желание на его избрание; Константин же был провозглашен царем по всеобщему согласию.

Услыхав, что Максенций не исправляется, но усиливается в своей злобе, Константин собрал войско и пошел на него войною. Видя, что сила войска его невелика, принимая при сем в соображение и злые козни Максенция, он начал сомневаться в своем успехе. Он знал, что Максенций много проливал человеческой крови для совершения волхвований и заклал в жертву бесам много отроков, девиц и жен, зачавших во чреве своем, чтобы умилостивить тем ложных богов своих, на которых надеялся. Зная, что Максенцию помогает и сила бесовская, Константин начал молиться Единому владычествующему над небом и землею Богу, Коего почитает весь род христианский, и умолял даровать ему знамение победы над мучителем. И когда он таким образом усердно молился, в полдень явилось ему на небе изображение Креста Господня, в виде звезды сиявшее

сильнее солнечного света; на нем была надпись: сим побеждай. Это чудесное явление видели все воины, среди коих был и полководец Артемий (который после был замучен за Христа при Юлиане)[5783], и пришли в удивление. Большинство же из них устрашились: у язычников изображение креста было знаком злополучия и смерти, так как на кресте умирали присужденные к смертной казни разбойники и злодеи; поэтому воины боялись, что война их будет несчастна. Сам царь Константин находился в великом смущении. Но ему ночью явился во сне Сам Христос Господь, и снова показал явившееся днем знамение Честного Креста, сказав ему:

– Сделай подобие знамения сего, и повели носить пред полками, – и тогда победишь не только Максенция, но и всех врагов твоих.

Царь поведал приближенным видение свое и, призвав искусных мастеров золотых дел, повелел им сделать честный крест Господень, по подобию явившегося знамения, из золота, бисера и драгоценных камней. При этом и всем воинам своим он повелел изображать знамение креста на всём оружии, на шлемах и щитах.

Злочестивый Максенций, прослышав о походе Константина в Италию на Рим, смело выступил с римскими войсками против великого Константина. Константин приказал носить пред полками своих воинов честной крест. Когда они сошлись с Максенцием и вступили в битву, то Максенций силою Честного Креста был побежден, и множество воинов его было умерщвлено, сам же он обратился в бегство. Гонимый царем Константином, он переправлялся через реку Тибр мостом, который сам построил; но в это время мост силою Божией разрушился, и жалкий мучитель потонул в реке со своими войсками подобно древнему фараону, и наполнилась река всадниками, конями и оружием[5784]. Константин Великий победоносно вошел в Рим, и весь народ радостно встретил его с великими почестями. Царь же воссылал величайшую благодарность Богу, даровавшему ему победу над мучителем силою Честного и Животворящего Креста, а в память той преславной победы поставил среди Рима на высоком каменном

столбе крест, на котором написал: «Сим спасительным знамением град сей освобожден от ига мучителя».

В другой раз Константин пошел войною на византийцев, небольшой город которых – Византию основал, назвав своим именем, некий грек Визас во времена Манассии, царя иудейского[5785]. Дважды побежденный ими, Константин находился в великой печали. По наступлении вечера, возведши очи свои на небо, он увидел сложенное письмо, на котором было написано: «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс.49:15). Устрашенный, он снова возвел очи на небо, и увидел как прежде крест на небе, изображенный звездами, и вокруг его надписание: «В сем знамении победишь». После этого, когда в битве был предносим крест, Константин сражался со скифами[5786] на реке Дунае, опять явилось на небе сие спасительное оружие, и снова, как и прежде, Константин одержал победу.

Уразумев из сего силу Распятого на кресте Христа и уверовав, что Он есть Единый истинный Бог, Константин крестился во имя Его вместе с достохвальною матерью своею Еленою, которую, по ее великому благочестию, послал в Иерусалим с большим богатством для обретения Честного Креста Господня. Царица Елена, отправившись в Иерусалим, обошла святые места, очистила их от идольского осквернения и изнесла на свет многие мощи святых. Патриархом в Иерусалиме был тогда Макарий, который встретил царицу с подобающими почестями. Блаженная царица Елена, желая найти скрытый иудеями животворящий крест Господень, призвала всех иудеев и просила их, чтобы они показали ей место, где скрыт честный Крест Господень. Когда же они стали отрекаться, что не знают, царица Елена угрожала им мучениями и смертью. Тогда они показали ей некоего старца, по имени Иуда, говоря, что он может показать царице то, чего она ищет, потому что он – сын уважаемого пророка.

Несмотря на продолжительные истязания, Иуда отказывался поведать о месте, где скрыт крест Господень. Тогда царица Елена приказала ввергнуть его в глубокий ров. Пробыв в нем некоторое время, Иуда, наконец, обещал сказать о том, что

знает о зарытом в землю Кресте Христовом. Тогда вывели его из рва и, по его указанию, пришли на место, где был большой холм из земли и камней, на котором царь римский Адриан уже построил храм в честь языческой богини Венеры[5787] и поставил в нем идола. Иуда показал, что здесь именно скрыт Крест Христов.

Царица Елена повелела разрушить идольский храм, землю же и камни рассыпать и раскопать. По совершении патриархом Макарием на месте том молитвы, разлилось в воздухе благоухание, и тотчас, по направлению к востоку, были обретены Гроб Христов и Лобное место, и близ его нашли зарытыми три креста, а потом и гвозди, коими был пригвожден ко Кресту Господь. Когда же не могли определить, какой из найденных крестов – Крест Христов, случилось, что в то время вынесли некоего мертвеца для погребения. Тогда патриарх Макарий приказал носильщикам остановиться, и кресты были возлагаемы по очереди на мертвеца. Когда был возложен на него Крест Христов, мертвец тотчас воскрес и, силою Божественного Креста Господня, встал живым[5788]. Царица, с радостью приняв честный Крест, поклонилась ему и облобызала его, – также и все бывшие с нею начальники и вельможи воинские и гражданские. Некоторые в то время, по причине тесноты, не имели возможности увидеть и облобызать святой Крест, и просили, чтобы по крайней мере издали показали бы его им. Тогда Макарий, патриарх Иерусалимский, став на возвышеннейшем месте, воздвигая Крест, показывал его народу.

А народ восклицал:

– Господи, помилуй!

Отсюда и получил свое начало праздник Воздвижения Честного Креста Господня[5789].

Царица сохранила у себя часть честного древа Креста Господня, также и гвозди, а Крест, вложив в серебряный ковчег, отдала патриарху Макарию на сохранение для будущих поколений. Иуда, со множеством евреев, уверовал во Христа и крестился и был во святом крещении наречен Кириаком; впоследствии он был патриархом Иерусалимским и скончался,

пострадав за Христа при Юлиане Отступнике[5790]. А святая царица Елена повелела сооружать в Иерусалиме по святым местам церкви и прежде всего повелела построить церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, где были обретены гроб Христов и честный Крест. Потом она приказала соорудить храм в Гефсимании, где находился гроб Пречистой Богородицы во имя честного Ее успения. После того благочестивая царица создала еще восемнадцать церквей и, украсив их различными драгоценностями и одарив всем потребным, возвратилась в Византию, взяв с собою часть животворящего древа Креста Господня и гвозди, которыми было пригвождено некогда тело Христово.

Блаженный царь Константин положил Животворящее Древо в золотом ковчеге, а из гвоздей Господних один был брошен святой Еленою в Адриатическое море[5791], когда она возвращалась в Царьград, для утешения поднявшейся сильной бури и морского волнения, другой – царь вковал в шлем свой, третий приковал к удилам в уздечке своего коня, во исполнения пророченного пророком Захариею: «В то время даже на конских уборах будет [начертано]: «Святыня Господу» (Зах.14:20), а четвертый гвоздь царица Елена отдала на сохранение ближайшим царским советникам.

По возвращении святой Елены из Иерусалима в Византию, христолюбивый царь Константин соорудил три больших креста по числу явленных ему в войнах: одного в Риме, когда потопил Максенция, другого в Византии, когда взял ее, третьего – когда победил на реке Дунае скифов. Соответственно сим трем победам, он соорудил из драгоценных веществ три честных креста, и написал на них золотыми письменами следующие слова: IS XS NIKA, т.е. Иисус Христос победил. Свидетельствуя пред всеми свою ревность по благочестии и показывая, что он победил врагов силою креста, царь поставил один крест на возвышенном месте на восточной торговой площади, другой крест на верху пурпурной колонны римской[5792] на главной городской площади, третий на прекрасном мраморном помосте на хлебном рынке, где совершалось ради святого Креста Христова много чудес и знамений. Многие свидетельствуют, что

Ангел Господень сходил с небес на то место ночью в светозарном сиянии и, обходя, кадил честной крест, воспевая сладкогласно трисвятую песнь, после чего снова восходил на небо. Это бывало трижды в год: в сентябре месяце в ночь на Воздвижение Честного Креста Христова, второй раз 7 мая в ночь на воспоминание явления Креста Господня на небесах, и третий раз в великий пост святой Четыредесятницы в крестопоклонную неделю. И многие из благоговейных людей, живущих праведно и свято, видели сие схождение Ангела и слышали его пение, и потом об этом поведали и другим.

Следует теперь вспомнить и о том, как честное и Животворящее Древо Креста Господня некогда было похищено персами и потом снова возвращено в Иерусалим к радости верующих[5793].

В царствование византийского царя Фоки, Хозрой, царь персидский, покорив Египет, Африку и Палестину, взял Иерусалим, причем убил много христиан[5794]. Похитив при сем и различные сокровища церковные и утварь, он в числе других взял и сие многоценное сокровище – древо Животворящего Креста Господня и унес его в Персию. По прошествии некоторого времени, по смерти царя Фоки, на престол его вступил Ираклий[5795], который, хотя и пытался победить Хозроя, однако, сам много раз был побежден им и потому просил мира, но не получал его от надменного врага. Тогда, находясь в великой печали, император стал искать помощи от Бога: он повелел всем верующим совершать молитвы, бдения, посты, дабы Господь избавил их от врага, который в своей гордости похвалялся истребить всех христиан и хулил имя Господне, и чтобы враги не могли сказать: «Рука (т.е. сила) наша крепка и боги наши сильны», – но чтобы познали язычники, что един есть истинный Бог, крепости и силе Коего никто не может противостоять. И сам царь молился со слезами и усердно постился. Потом, собрав всех воинов и вооружившись силою Креста, в надежде на помощь Божию, Ираклий пошел на персов войною и в сражении с Хозроем победил его и обратил в бегство, после чего в продолжение семи лет опустошал персидское царство, завоевывая города и селения и одерживая

победы над многочисленными полками Хозроя. Наконец Хозрой, не имея более возможности сопротивляться греческим войскам, бежал из своей земли и, при переправе через реку Тигр[5796], сделал младшего своего сына Медарса своим соправителем. Возбужденный этим, старший сын его Сироес замыслил убить вместе и отца и брата, что вскоре и исполнил. После этого Сироес, оставшись наследником и владетелем Персидского царства, отправил посольство к греческому царю Ираклию, с прошениями и многочисленными дарами, изъявляя пред ним покорность и прося его прекратить свою опустошительную войну. Тогда царь Ираклий, заключив с царем персидским мир, взял с собою и Животворящее Древо Креста Господня, похищенное Хозроем из Иерусалима и находившееся в пленении у персов в продолжение четырнадцати лет. И возвратился царь греческий со многими приобретениями, радуясь и прославляя Бога за Его великую помощь.

Достигнув Иерусалима, царь возложил Честное Древо на рамена свои, для того чтобы отнести на прежнее его место, и нес его, будучи облечен в царскую порфиру, украшенную золотом и драгоценными камнями, с царским венцом на голове. Тогда совершилось великое чудо: царь внезапно остановился во вратах, коими входили на Лобное место, и к удивлению всех не мог ступить с честным древом Креста Христова ни шагу. Захария же, патриарх Константинопольский, вместе со всеми жителями Иерусалима, вышел навстречу царю с ветвями и финиками до самой Елеонской горы, и шел вместе с царем. И вот он видит светоносного Ангела Божия, стоящего в тех вратах и возбраняющего вход.

И сказал ему Ангел:

– Не таковым образом нес сюда древо крестное Творец наш, каким вы несете его.

Видя и слыша то, патриарх вострепетал и обратившись к царю сказал:

– Знай, царь, что невозможно одетому в богатые одежды и украшенному царскими украшениями нести древо сие святое, которое нес обнищавший ради нас Христос в состоянии уничижения; если хочешь внести его, подражай Его нищете.

Тогда благочестивый царь Ираклий снял с себя пурпуровую порфиру и облекся в простую и бедную одежду, и понес Честное Древо святого Креста уже без всякого препятствия, идя босыми ногами, – внес его в церковь на то самое место, откуда оно взято было Хозроем, царем персидским, и снова поставил там Крестное Древо[5797].

И была великая радость и веселие у верующих по причине возвращения Креста Господня, и они ликовали (подобно тому, как некогда израильтяне радовались возвращению от филистимлян Ковчега завета) (1Цар. 7), воздавая хвалу Распятому на кресте Христу, Царю славы, и поклоняясь подножию Его святого Креста. Да будет и от нас Ему честь, слава и поклонение, ныне и во веки веков, аминь.

Тропарь, глас 1:

Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы благоверному императору нашему Николаю Александровичу, на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя крестом Твоим жительство.

Кондак, глас 4:

Вознесыйся на крест волею, тезоименитому твоему новому жительству[5798], щедроты Твоя даруй Христе Боже: возвесели силою Твоею благоверного императора нашего Николая Александровича, победы дая ему на сопостаты, пособие имущу твое оружие мира, непобедимую победу.

Память святого мученика Папия

Память 14 сентября

Святой Папий пострадал в царствование Максимиана, при игемоне Магне, в стране Ликаонской. Его много и различно мучили: сокрушили ему челюсти и ланиты, повесили его и строгали когтями; затем обули его в железные сапоги с гвоздями и заставили идти в них пешком. В таких мучениях он предал дух свой Господу[5799].

Страдание святого мученика Никиты

Память 15 сентября

Когда честный и животворящий крест Господень, сие знамение победы, был вознесен высоко над миром, то соименный победе, святой Никита, пришел под его сень. Накануне сего дня мы праздновали Воздвижение святого Креста, сию непобедимую для мира победу, а ныне ублажаем святого Никиту, имя коего означает победителя[5800]. Сей добрый воин Иисуса Христа стал под крестом, как бы под знаменем, чтобы вести брань против врагов святого Креста, в честь Распятого на нем. Один воинствует за царя земного, другой за свою жизнь и суетную славу, – иной за временные богатства, а святой Никита воинствовал за Единого Господа своего Иисуса Христа, Который есть Царь всякого создания и наша слава и никогда не иссякающее богатство. А где и каким образом сей воин подвизался за Христа, – об этом повествуют следующее.

Когда в царствование святого равноапостольного царя Константина Великого святая вера начала распространяться по всей вселенной, тогда и готской стране[5801], по ту сторону реки Истра[5802] (Дуная) воссияло, как свет во тьме, святое благочестие. В той стране был рожден, крещен и получил воспитание святой Никита. Готский епископ Феофил[5803], принимавший участие на первом Никейском соборе, исповедавший догматы православной веры и подписавший определения собора – просветил Никиту светом веры и крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Спустя немного времени, древний завистник – диавол, не вынося того, что святая вера Христова распространяется и число христиан всё более и более увеличивается, воздвиг в сей варварской земле, омраченной идолослужением, борьбу и сильное гонение против исповедующих имя Христа и верующих в Господа. Дух злобы внушил князю той страны, по имени Фанариху, убивать христиан и истребить с земли своей даже память о них. В то время произошло у готов разделение и междоусобная брань. Они разделились на две части: одна часть

имела вождем своим некоего Фритигерна, а другою руководил жестокий мучитель Афанарих. Когда сии единоплеменники сошлись друг с другом на бой и произошло великое кровопролитие, Афанарих, имевший больше силы и храбрости, одолел и победил своего противника и обратил его войско в бегство. Побежденный Фритигерн бежал в Грецию, где искал помощи у христоненавистного царя Валента[5804]; император приказал всему войску, бывшему во Фракии, идти на помощь Фритигерну. После этого Фритигерн, со всеми оставшимися своими воинами и с собранным во Фракии греческим войском, выступил против своего соперника. Переходя через реку Истр (Дунай), он приказал сделать изображение святого Креста и носить сие изображение пред своими полками. Так он напал на Афанариха. Произошло ужасное сражение, но христиане с помощью креста одолели Афанариха и победили всё его войско: одних убили, других взяли в плен, так что сам он с небольшой дружиной едва успел убежать. С того времени христианская православная вера всё более и более стала распространяться среди гóтов, ибо многие, увидев непреодолимую силу креста, проявившуюся в битве, уверовали в Распятого на кресте Господа.

Когда умер епископ Феофил, на его кафедру вступил Урфил[5805], муж благоразумный и благочестивый. Он изобрел для готов письмена и перевел с греческого языка на готский много книг, так что святая вера христианская распространялась среди готов с каждым днем всё более и более. Утверждению там веры во Христа способствовал своим рвением и святой Никита, один из благороднейших и славнейших лиц той земли. Своим благочестием и боговдохновенными словами он многих привел ко Христу.

Спустя некоторое время нечестивый Афанарих снова возвратился к себе на родину. Достигнув власти и силы, он, научаемый бесом, воздвиг в своей области страшное гонение на христиан, старался отмстить за свое унижение, так как он был побежден и посрамлен христианами в битве.

Тогда святой Никита, распаляемый ревностью к Богу, вышел на борьбу с обоими врагами, невидимым и видимым: борьбу

против невидимого врага он вел, обращая неверных в истинную веру и предуготовляя верующих к мученическому подвигу; борьбу же с видимым врагом он вел, обличая мучителя Афанариха и укоряя его за его безбожие и бесчеловечность, за то что он предавал множество верующих различным мукам; таким образом святой Никита победил обоих: и диавола попрал, и суровость мучителя преодолел. Различные муки, коими у доброго страдальца Христова хотели вынудить отречение от Христа, были бессильны, и сам мучитель был в недоумении, почему он, при всем своем могуществе, не мог преклонить к своему злочестию одного раба Христова, твердого в своем исповедании подобно крепкому и непоколебимому столпу.

Что же задумал тогда беззаконный? Он задумал уничтожить огнем того, кого не мог убить многими ранами, истязанием плоти и раздроблением членов. Но чего же достиг нечестивый? Он более сам себя сжег своею яростью, чем мученика – пламенем: святой Никита, хотя и находился в огне, однако, тело его не сгорело от огня, душа же его возродилась для новой вечной бессмертной жизни. Между тем мучитель и без огня сгорел от своего безбожия: он омертвел своею душою и тело свое предуготовил в ад. Так святой Никита воинствовал за Христа под знамением креста и показал себя победителем; не только по имени, но и на самом деле он был таковым.

Тело святого, неповрежденное огнем, оставалось без погребения и лежало, будучи брошено с бесчестием. В то время проживал там один благочестивый христианин, по имени Мариан. Сей муж был родом из Киликийской страны, из города Мопсуестии[5806]. По некоторому делу своему он пришел в готскую землю, и здесь остановился на довольно продолжительное время. Мариан познакомился со святым Никитою и приобрел его дружбу и любовь; в особенности же он возлюбил его тогда, когда увидел, что святой подвижник стоял за святую веру Христову даже до готовности пролить за нее кровь свою. И вот, когда тело святого лежало не погребенным, Мариан задумал, как бы ему взять тело возлюбленного своего друга и мученика Христова и отнести в свою родную страну. Но он боялся привести в исполнение свое намерение, из страха

пред князем, приказавшим, чтобы никто не смел погребать тела мученика. Тогда Мариан задумал тайно ночью взять его.

При наступлении ночи, Мариан готов был выйти на задуманное дело; но ночь была темной и дождливой, так что ему трудно было идти. Мариан был сильно опечален этим, ибо он не видел, куда идти и где найти отыскиваемое тело мученика. Когда он сильно скорбел о сем, Бог всяких утешений, некогда указавший волхвам звездою путь в Вифлеем (Мф.2:2), утешил и Мариана в скорби и указал ему благоприятный путь к обретению тела святого: Он послал некую небесную силу в виде звезды, которая, воссияв пред Марианом, повела его, куда было нужно. Сия звезда предшествовала пред Марианом и разгоняла ночной мрак; он же с радостью следовал за нею. Достигнув того места, где находилось тело святого, звезда остановилась над ним. Тогда Мариан, обвив тело мученика чистой плащаницей, понес его в дом, где проживал.

Так Мариан получил искомое сокровище. Скрыв его на время у себя в жилище с большим тщанием, он вскоре после этого возвратился в отечество и принес с собою тело святого мученика[5807]. Пришедши в город Мопсуестию, Мариан с честью похоронил его в своем доме.

Бог ниспослал благословение дому Мариана ради страстотерпца Своего, святого Никиты, как некогда Он благословил многими богатствами дом Пентефрия ради Иосифа (Быт.39:5) и дом Аведдаров ради Кивота Завета (2Цар.6:11). Дом Мариана стал изобиловать большим богатством: и вещественным, и духовным, ибо от гроба святого подавалось много даров всем нуждающимся и ниспосылалось болящим много исцелений. Весь город и окрестные жители собирались ко гробу святого, так что дом Мариана не мог вместить всех собиравшихся сюда верующих; поэтому все решили построить церковь во имя святого Никиты и положить там мощи мученика. Принявшись со рвением за сие дело, верующие в скором времени воздвигли храм. По окончании строения, когда храм был украшен с подобающим благолепием, гроб святого мученика открыли и, взяв ковчег, понесли его в новосозданную церковь и здесь погребли в земле. Только одному Мариану

удалось взять, на благословение своему дому от мощей святого, один перст, который он и хранил у себя с благоговением; более никто не мог взять ни одной частицы от мощей святого Никиты.

Однажды блаженный Авксентий, епископ Мопсуестийский, создав церковь в честь святых мучеников Тараха, Прова и Андроника, где почивали мощи этих трех святых; в своем послании он просил граждан Аназарвы дать некоторую часть мощей святых мучеников для вновь выстроенного храма. Тогда граждане Аназарвы просили Авксентия, чтобы он взамен дал им некоторую часть мощей святого Никиты на благословение их городу. Желая исполнить их просьбу, епископ приказал открыть гроб святого мученика Никиты. И вот, без всякой видимой причины, мраморный камень, бывший на гробе святого, распался на две половины. Один из присутствовавших здесь дерзновенно коснулся своей рукой святых мощей, но тотчас же рука его высохла, а на него самого напал ужас. В то же время раздался с неба сильный удар грома и блеснула яркая молния; все пришли в страх. Тогда епископ понял, что Бог не благословляет раздроблять мощи святого, и раскаялся в своем намерении. Взяв за иссохшую руку человека, дерзко прикоснувшегося к мощам святого, он снова дотронулся ею до мощей и стал молиться:

– О святой мученик Христов Никита! Тебе более подобает исцелять, чем вредить, ибо ты благ и подражаешь Всеблагому Господу, и если ты скоро наказал сего человека, то не еще ли скорее помилуешь его.

Лишь только епископ произнес сии слова, тотчас исцелела высохшая рука того человека, и все удивлялись чудесам святого мученика Никиты и прославляли Бога. Не осмеливаясь уже более касаться мощей угодника Божия, епископ[5808], совершив над ними благоговейное пение, снова с честью закрыл его гробницу, славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Память святого Филофея, пресвитера и чудотворца

Память 15 сентября

Преподобный Филофей был родом из селения, называвшегося Муравьевым (Мравино)[5809]. Достигши совершенного возраста, он вступил в брак и имел детей. Затем он удостоился получить священный сан. С того времени святой непрестанно постился и молился. За свою святую жизнь он удостоился дара чудотворения и совершил именем Христовым много чудес: так, он преложил воду в вино, одним словом сдвинул с места скалу и соделал многие другие чудеса. В то же время он творил дела любви христианской: питал голодных и помогал нуждающимся. Когда прошел год после его кончины[5810], и верующие хотели перенести его мощи на другое место, тогда святой, как бы живой, протянул руки и, взяв за плечи двух иереев, которые несли его тело, встал и сделал три шага. Его снова положили на том же месте, где его святые мощи стали источать обильное миро.

Память святого мученика Порфирия

Память 15 сентября

Однажды праздновался день рождения императора Юлиана Отступника. Порфирий, как лицедей, должен был в театре насмеяться и надругаться над христианами. В ту минуту, как он с сею целью погрузился в воду и воскликнул: «Крещается Порфирий во имя Отца и Сына и Святого Духа», – он внезапно уверовал в истинного Бога и, выйдя из воды, начал открыто исповедовать Христа. За сие он был предан на страдания и усечен мечом[5811].

Память святых мучеников Максима, Асклиады и Феодота

Память 15 сентября

Святые мученики Максим и Асклиада жили в царствование нечестивого Максимиана в Мизии, в городе Маркианополе. Они были известны своим благочестием и многих научили истинной вере и приводили к святому крещению. Узнав о сем, Тирис, фракийский правитель, прибывший в то время в Маркианополь, повелел взять их на суд. После продолжительной беседы с Максимом о вере, мучитель приказал четырем человекам бить его по всему телу; потом, после исповедания веры во Христа Асклиадою, и ее велел бить подошвами. Тогда выступил благочестивый Феодот и обличил бесчеловечие мучителя; за сие он был повешен на дереве и строган по телу. Через 13 дней, Тирис, прибыв в Адрианополь, подверг всех троих мучеников, приведенных в тот же город, новым ранам, сожигая их раскаленными медными пластинками, так что тела их растоплялись; но голос с неба утешил и ободрил их. После нескольких дней темничного заключения, их предали в цирке зверям при многочисленном стечении народа. Но медведица, выпущенная на Максима и Феодота, ласкалась к ним, а бык, к которому привязали Асклиаду, остановился как бы связанный и не двинулся с места. Раздраженный правитель отправился со святыми мучениками в Филиппополь и, не достигши еще сего города, в селе Салтис, после новых убеждений отречься от Христа, повелел отсечь им головы. Немного спустя после этого мучитель, сидя на судилище, поражен был молниею[5812].

Страдание святой всехвальной великомученицы Евфимии

Память 16 сентября

В царствование нечестивого Диоклетиана[5813], Халкидоном[5814] управлял поставленный им проконсул Приск[5815]. Намереваясь устроить праздник в честь языческого бога Арея[5816], коему в Халкидоне был посвящен храм и в нем поставлено его изображение, Приск послал от себя указ во все окрестные города и селения, повелевая именем царским, чтобы все собрались в Халкидон на праздник и чтобы каждый, сообразно с своим состоянием, приносил жертвы Арею. В указе своем Приск угрожал великими муками тем, кто не послушает его повеления и не явится на праздник, для которого он назначил девятый день со дня издания указа. И вот, когда наступил назначенный для бесовского праздника день, собралось в Халкидон великое множество народа вместе с животными, приведенными для принесения в жертву, и все начали праздничное ликование, принося в жертву овец и волов и поклоняясь бездушному истукану или, лучше сказать, бесу, в нем обитавшему. Тогда христиане тех мест, гнушаясь сим богомерзким праздником и боясь грозного гнева проконсула, стали скрываться и, собираясь в тайных местах, совершали служение истинному Богу, Господу нашему Иисусу Христу. Мучитель между тем повелел сделать строгий розыск, не противится ли кто его повелению, нет ли людей, не поклоняющихся идолу Арея. И найдено было, что противятся мучителю христиане, ибо они не слушали повеления проконсула и не воздавали бесу той чести, каковая подобает только одному истинному Богу. Мучитель же, разгневанный тем, что христиане не слушают его, повелел отыскивать их и предавать на мучения.

В то время в одном тайном месте скрывалось сорок девять христиан, совершая молитвы; между ними была прекрасная девица по имени Евфимия, благородного происхождения, дочь Филофрона сенатора и супруги его Феодоросии, людей

благочестивых. Мучителю донесено было о тех скрывающихся христианах, и он повелел всех их взять и представить к нему на суд. тотчас свирепые его слуги с оружием в руках устремились, как звери на добычу, на собранное Христово словесное стадо. Дом, где верующие тайно служили Богу, окружили они со всех сторон, чтобы никто не мог убежать; выломав двери, они стали без милосердия вытаскивать христиан вон по одиночке и, взяв всех, с бесчестием и насмешками повели к проконсулу. Влекомые, как овцы на заклание, святые смиренные рабы Христовы стали пред гордым мучителем, будучи готовы страдать за своего Господа даже до пролития крови.

Увидев их, гордый властитель сказал:

– Вы ли противитесь велению царскому и нашему, уничижая жертвоприношение, совершаемое в честь великого бога Арея?

Христиане ответили:

– Повелению царскому или твоему, проконсул, – если оно не будет противно Небесному Богу, – без сомнения нужно повиноваться; если же оно противно Богу, то не только должно не повиноваться, но даже и сопротивляться. Если бы повелевали нам то, в чем мы обязаны повиноваться властям, то мы воздали бы кесарево кесарю (Мф.22:20). Но так как ваше повеление богопротивно и богомерзко, ибо вы повелеваете почитать тварь вместо Творца, и заставляете поклониться и принести жертву бесу, а не Богу Вышнему, то сего повеления вашего мы никогда не исполним, ибо мы – истинные поклонники живущего на небесах истинного Бога.

Тогда мучитель, отверзши лживые уста свои и изострив как бритву свой льстивый язык, обратился к ним с хитросплетенною речью, стараясь обещанием даров и почестей отклонить с прямого пути к погибельному идолослужению тех, коих Господь «стяжал честною Своею кровию»[5817]. В то же время проконсул угрожал им страшными мучениями, если они не захотят исполнить того, что он им советует и повелевает.

Святые же отвечали:

– Дары и почести твои, проконсул, кои ты нам обещаешь, мы давно уже отвергли от себя, возненавидели и признали «тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса»[5818]

(Филип.3:8), ибо имеем блага небесные, которые больше и лучше земных благ. Земные блага – временны и непостоянны, небесные же – вечны и неизменны (2Кор.4:18); страшных мучений, коими ты нам угрожаешь, мы не только не боимся, но даже весьма желаем их претерпеть, дабы проявилась в нас сила и крепость Бога нашего, которой вы могли бы подивиться и, познав немощь ваших скверных богов, устыдиться. Но для чего еще продолжать наше препирательство на словах? Начинай то, что ты замыслил сделать, и убедишься, что в нас будет гораздо больше твердости в терпении, чем у тебя усердия к мучительству.

Тогда мучитель начал их истязать различными пытками, и святые целых девятнадцать дней подвергались различным мучениям, всякий день получая новые раны и вынося голод и жажду. С ними была святая дева Евфимия, юная и прекрасная; ободряя ее, они говорили:

– Подвизайся, дева, ради Жениха Небесного, подвизайся угодить Ему страданием, подвизайся встретить Его с мудрыми девами, чтобы Он возлюбил тебя, как невесту Свою, и ввел тебя в Свой чертог[5819].

Затем в двадцатый день они были представлены на суд, где проконсул спросил их:

– Может быть, наученные страданиями, вы захотите теперь оказать повиновение нашему указу?

Тогда святые мученики, вместе со святою Евфимиею, сказали в ответ:

– Не надейся, проконсул, совратить нас с прямого пути: скорее ты сможешь перевернуть горы на земле и подвинуть звезды на небе, чем отторгнуть наши сердца от истинного Бога.

Раздраженный сими словами, мучитель повелел долго бить их по лицу; потом, видя, что сие не имеет успеха, решил послать их к царю, а пока повелел заключить их в темницу. Когда их повели туда, проконсул увидел святую Евфимию, девицу юную и прекрасную, сиявшую в лике святых мучеников как луна между звездами, и подобно волку похитил сию овцу из стада Христова. Она же, возведя очи и руки к небу, воскликнула:

– Не оставь меня, вселюбезнейший мой Жених, Иисус Христос, ибо я на Тебя надеюсь; не выдай зверям душу, любящую Тебя и исповедующую Твое святое имя; не дай врагу моему порадоваться надо мною; укрепи меня, немощную рабу Твою, да не одолеет меня беззаконие.

Желая обратить ее к своему безбожию, мучитель изобретал всякие средства, чтобы прельстить ее, ласковыми словами, подарками и различными обещаниями уловляя ее девическое сердце.

Но она с твердостью говорила:

– Не думай, мучитель, что ты легко можешь хитрыми уговорами склонить мою слабость к твоему нечестию и беззаконию; ибо хотя и женщина я по природе, немощна по плоти и молода летами, но сердце мое всё-таки тверже, чем твое, и сила моей веры гораздо крепче вашей храбрости; кроме того, по милости Христа моего, я имею разум больший, чем все ваши языческие витии, с которыми вы считаете себя мудрыми, будучи на самом деле безумнее всех невежд, так как не хотите познать истинного Бога, почитая беса за бога. Итак, ты не прельстишь меня хитрыми словами, как прельстил некогда змей праматерь нашу, не сделаешь мне сладким сей горький мир с его наслаждениями, которые я почитаю за горечь ради сладчайшего Иисуса моего, и не победишь «силы, совершающейся в немощи»[5820] (2Кор.12:9), как бы ни были сильны твои нападения. Ибо я надеюсь на Христа моего, что Он не оставит меня и не отнимет от меня Свою крепкую руку помощи, доколе гордая глава беса не будет попрана ногами жены.

Тогда мучитель, посрамленный таким ответом святой Евфимии, весьма разгневался и, переменив на ярость свою мерзкую любовь, которую доселе ей оказывал, велел приготовить колесо для пытки, со множеством острых ножей. Когда служители привязывали к сему колесу святую деву, она оградила себя крестным знамением. И начали вертеть колесо, причем тело мученицы стало отрезываться кусками, а суставы раздроблялись.

Она же усердно молилась Богу.

– Господи Иисусе Христе, – взывала святая дева, – просвещение души моей, источник жизни, подающий спасение надеющимся на Тебя! Приди ныне на помощь мне, дабы все узнали, что Ты – единый Бог и твердое упование для тех, кто на Тебя надеется, – «не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему»[5821] (Пс.90:9–10).

Когда она помолилась, колесо внезапно стало и служители упали обессиленные, ибо Ангел Божий, явившись, сломал коловорот и, сняв с колеса святую девицу, исцелил ее раны и возвратил здравие. Она же, сойдя с колеса целой и здоровою, радостно воспела, благодаря Бога и прославляя всемогущую Его силу.

Увидев то, мучитель и все бывшие там, пришли в недоумение и много дивились сему чуду. Впрочем, где злоба ослепила душевные очи, там не могло принести никакой пользы столь великое чудо; они не были в состоянии познать крепкую руку истинного Бога: «огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули» (Ис.6:10), и чудесное знамение сие сочли делом волшебства.

После этого мучитель повелел в особой печи развести большой огонь и бросить туда святую. В то время, как разжигали печь и в ней уже разгоралось сильное пламя, святая мученица снова предалась молитве, которая некогда как броня защитила трех отроков в печи огненной; огню вещественному святая дева противопоставила огонь усердной любви к Богу и, возведя очи на небо, говорила:

– Боже, живущий на высоте и призирающий на смиренного (Ис.33:5; Пс.137:6)! Ты в Вавилоне трех отроков, ради закона Твоего преданных огню, сохранил через Ангела Твоего святого целыми и невредженными от огня и послал им росу с неба: будь же помощником и мне, рабе Твоей, так как я подвизаюсь, Христе мой, ради Твоей славы!

Так сказала она и, оградив себя как оружием крестным знамением, стояла, спокойно ожидая, чтобы ее бросили в огонь.

Тогда два воина, Виктор и Сосфен, которые должны были бросить мученицу в печь, увидели дивное явление, показавшееся в огне; перед ними явились Ангелы Божии,

которые разметывали в печи огонь и воспрещали касаться невесты Христовой. Увидев сие чудо, они сказали мучителю:

– Не посмеем мы, проконсул, прикоснуться к сей святой деве нашими скверными руками и бросить ее в огонь, если даже ты велишь отсечь нам головы, ибо мы зрим удивительное чудо, которого твои глаза не видят. И лучше терпеть нам твою ярость, чем гнев тех светоносных мужей, которые грозят нам из пламени огненного.

Услышав сие, мучитель разгневался на них; подумав, что они – христиане и потому именно не хотят бросить девицу в печь, он велел заключить их в узы, а свое приказание относительно Евфимии поручил исполнить двум другим воинам, из коих один назывался Кесарь, а другой – Варий. Сии последние, схватив деву, бросили ее в печь, но тотчас из печи вырвалось сильное пламя и, устремившись на воинов, бросивших в печь девицу, сожгло их на том же месте в пепел, а прочих служителей заставило бежать. Святая же, ликуя посреди печи, как бы в светлом чертоге и прохладной росе, пела песнь трех отроков: «Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, и хвальный и превозносимый вовеки» (Дан.3:52). И совершилось дивное чудо: огонь не прикоснулся к ней, даже не тронул одежд ее, ибо Сам Жених ее нетленный, Христос Господь, тайно сошел в печь к святой невесте Своей и оросил ее небесною прохладой. Когда печь погасла, святая вышла цела и здорова, чем всех привела в изумление. Не зная, что предпринять, мучитель велел бросить ее в темницу, говоря себе: «Ночью придумаю, что сделать с этою волшебницей». Потом, призвав к себе Виктора и Сосфена, обрушился на них со всею яростью и обещал погубить их, если они не поклонятся идолам.

Они же отвечали:

– До этих пор мы заблуждались, не ведая истины; ныне мы познали Единого Бога, создавшего небо и землю: Ему мы веруем и поклоняемся, твоих же богов, которым и мы прежде поклонялись, не ведая, что нас обольщают бесы, отныне уже почитать не будем. Делай с нами, что хочешь: в твоих руках – тела наши, а души – под защитою Божией.

И осудил их мучитель на растерзание зверям. Когда же святые шли на то место, где должны были их растерзать звери, то молились усердно Богу, чтобы Он умилосердился над ними и, простив им грехи, совершенные в то время, когда они пребывали в заблуждении и неверии, ввел их души туда, где пребывают верующие в Него. И тотчас раздался с неба Божественный голос, призывавший их к упокоению; услышав его, они с радостью предали свои души в руки Божии. Звери же не коснулись их тел, которые и были потом тайно погребены верующими.

Когда прошла ночь и наступило утро, мучитель сел на судейское место, и святую Евфимию вывели из темницы; идя на суд, она с весельем воспевала:

– «Боже! Новую песнь воспою Тебе» (Пс.143:9). Я буду прославлять Тебя, Господь, сила моя! Воспою Тебя среди народов и прославлю имя Твое, ибо Ты един – истинный Бог и нет другого Бога, кроме Тебя.

Так воспевая, пришла она на суд. Здесь ее долго допрашивали, истязали и принуждали к принесению жертвы. Когда она всё-таки отказалась повиноваться, то мучитель, убедившись в ее непреклонности, велел повесить и строгать ее тело острыми ножами. Однако и после этого мучения она силою Божиею оказалась невредимою. Затем, выкопав глубокий ров и наполнив его водою, поместили в нем бесчисленное множество змей, ехидн, морских ядовитых гадов и всяких гадов, земных и живущих в воде; когда ров был наполнен ими, мучитель повелел бросить туда святую Евфимию.

Она же, осеняя себя крестным знамением, говорила:

– Свет мой, Иисус Христос! Ты в утробе водного зверя сохранил невредимым Иону, Ты избавил Даниила от уст львов; сохрани и меня крепкою Твоею рукою, да прославится во мне святое имя Твое.

С сими словами она бросилась в ров, змеи же гады, приблизившись к ней, не сделали ей никакого вреда, но, казалось, заботились о ней, ибо носили ее на себе, не давая потонуть во глубине рва, наполненного водою: святая дева из него вышла, по милости Божией, без всякого вреда для себя.

Мучитель уже приходил в совершенное недоумение, не зная, что еще делать с нею. Желая всё-таки ее погубить и думая, что волшебство, которым, по его мнению, владела святая, преодолевает только явные опасности, а не тайные замыслы, повелел он выкопать другой ров и наполнить его острыми копьями, мечами и ножами, воткнувши всё это оружие на дне рва остриями кверху, а снаружи прикрыв его немного сучьями и землею. Потом он повелел мученице перейти через тот ров, рассчитывая, что она, ничего не зная, упадет на воткнутое острое оружие и умрет от ран. Но святая перешла легко, как птица, перелетающая через сети; некоторые же язычники, не зная о том рве, упали в него и погибли. Увидя сие, мучитель был поражен стыдом, и исполнились здесь слова Писания: «рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (Пс.7:16).

Святая же хвалила Бога, воспевая:

– «Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его?» (Пс.105:2), ибо мучимую рабу Твою ты сохранил невредимою от ран, спас от огня, защитил от зверей, воды и колеса и вывел изо рва. И ныне, Господи, избави душу мою от руки того, кто искони был врагом всех послушных Тебе; «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай» (Пс.24:7), но каплями крови Твоей, пролитой за меня, очисти скверну плоти и духа моего, ибо Ты очищение, освящение и просвещение рабов Твоих (Евр.1:3; Лк.2:32).

Проконсул попытался еще раз прельстить ее ласковыми словами.

– Не бесчести, – сказал он, – рода твоего, не губи цвета юности твоей и не обрекай себя на смерть. Почти великого Арея, и ты будешь всеми нами почитаема, хвалима и награждена великою славою и богатством.

Он говорил и многое другое, чтобы прельстить ее, но она смеялась над ним и называла безумным.

Тогда он снова начал ее мучить и, жестоко избив палками, велел перепилить ее острою пилою; но пила не могла нанести никакого вреда ее святому телу. Потом он повелел жарить ее на раскаленной сковороде, но сковорода охладела, ибо Ангелы

пребывали с невестою Христовою, сохраняя ее во всех мучениях. Наконец, проконсул осудил Евфимию на съедение зверям.

Когда святую вели в цирк, где ее должны были растерзать звери, она молилась, чтобы Господь послал конец ее мучению, принял душу ее в Свои руки и повелел ей из многострадального тела перейти в желанную страну.

– Господи сил! – говорила она. – Ты явил на мне Твою непобедимую силу и неодоленную десницу, Ты показал немощь бесов и безумие мучителя, а меня поставил выше всех мучений. Как попустил Ты убиение и пролитие крови бывших до меня мучеников, так ныне приими и мою жертву, принесенную Тебе от души сокрушенной и смиренного духа, и упокой душу мою в селениях святых и в лике мучеников, «яко благословен еси вовеки».

Когда св. Евфимия окончила свою молитву, на нее были выпущены звери – львы и медведи, но они, приблизившись к ней, лизали ей ноги. Одна только медведица нанесла ей небольшую рану, из которой потекла кровь; в это время послышался голос с неба, призывавший ее в горние обители, и тотчас она предала дух свой Господу, ради Коего со всею преданностью пострадала. И потряслась земля и город заколебался, стены разрушались, храмы падали и всеми овладел великий ужас. Когда же все в страхе убежали из цирка, святое тело мученицы осталось простертым на земле.

Родители Евфимии взяли свою святую дочь и с почестями погребли ее близ города на расстоянии одного поприща[5822]. Они благодарили Бога, радуясь, что сподобились быть родителями такой дочери, которая через пролитие крови своей сделалась невестою небесного Жениха, Христа и Царя всех, Коему честь и слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Во страдальчестве твоем добре подвизалася еси, и по смерти нас освящаеши чудес точеньми, всехвальная: темже твое успение святое поем, верою притекающе в Божественный

храм твой, да избавимся недугов душевных, и чудес благодать почерпем.

Память святой мученицы Севастианы

Память 16 сентября

Святая Севастиана жила в царствование Домициана[5823] и была ученицей Ап. Павла. Игемон Георгий велел схватить ее в городе Маркианополе[5824]. Ее били и бросили в раскаленную печь, но она осталась там невредимою. Потом ее повели в Ираклию[5825], где она повешена была на дереве, после чего ее бросили на съедение зверям. Но она снова осталась невредима. Наконец, ей отсекли голову мечом; при этом вместо крови из нее истекло молоко[5826].

Память святой мученицы Мелитины

Память 16 сентября

Святая Мелитина происходила из города Маркианополя Фракийского; жила в царствование Антонина[5827], при игемоне Антиохе. Она совершила много чудес: так, молитвою своею она низвергла идолов, сокрушила изображения Аполлона и Геркулеса и многих привела к истинной вере. Затем она обратила ко Христу жену игемона. За это ей отсекли голову. Честное тело ее сначала лежало не погребенным. Один македонянин, именем Акакий, проходя через то место в свое отечество, испросил позволение взять ее святые мощи, положил их в ковчежец и хотел везти их в свое отечество. Среди плавания по морю он заболел и скончался. Когда корабль достиг мыса острова Лемноса[5828], там положено было тело св. мученицы. Близ ее гробницы погребено было тело и Акакия.

Память святой мученицы Людмилы

Память 16 сентября

Блаженная Людмила была родом из Сербии, дочь сербского князя. Ее отдали в замужество чешскому князю Боривою. В то время чешский народ еще не был крещен; сам князь Боривой и его молодая супруга были язычниками. После своего брака они уверовали во Христа и крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа; построили церкви и поставили при них священников. У них были три сына и одна дочь. Тридцати шести лет от роду Боривой умер. Блаженная Людмила переносила свою печаль с полною преданностью воле Божией и всё свое имущество раздавала нищим. Сын ее Вратислав вступил на престол после отца своего, и правил своим народом тридцать три года, после чего также скончался. Власть взял в свои руки Вячеслав, внук Людмилы. Тогда мать Вячеслава возненавидела свекровь свою Людмилу и всячески старалась погубить ее. Узнав о сем, Людмила удалилась в город Течин. Сноха ее подговорила двух бояр и послала их в Течин, чтобы убить блаженную Людмилу. Эти два злодея, пришедши туда, собрали вокруг себя многих других подобных себе злых людей. Когда настал вечер, они окружили двор и самый дворец, где находилась блаженная Людмила, разломали двери и вошли внутрь дворца. Схватив св. княгиню, они набросили веревку на ее шею и удавили ее. Таковым образом блаженная Людмила, угодив Богу, пострадала мученически; это случилось в субботу, в первом часу ночи; ей было тогда от роду шестьдесят один год. Бог прославил многими чудесами место ее погребения (она погребена была не в церкви, а под городскою стеною): каждую ночь над тем местом являлись горящие свечи; один слепец прозрел, когда прикоснулся земли с могилы св. Людмилы. Услышав о таковых чудесных знамениях, внук ее Вячеслав совершил перенесение ее мощей в город Прагу и положил их в церкви св. Георгия, где и ныне они источают много знамений и чудес. Окаянная же мать Вячеслава погибла злою смертью[5829].

Память святителя Киприана, митрополита Киевского

Память 16 сентября

Святой Киприан, митрополит Киевский и всея России чудотворец, был родом из Сербии, из города Тернова, и отличался святою жизнью[5830], великим любомудрием и начитанностью в священных книгах[5831]. Он всех назидал своим богодухновенным учением и своими душеспасительными наставлениями. Ревностно подвизался он в деле непрестанного учительства[5832]; наставлял своих пасомых, чтобы они пребывали в страхе Божием и всячески воздерживались от смехотворства и празднословия, особенно же прилежали молитве и истинному покаянию. Любил он тихую, безмолвную жизнь и потому часто удалялся в свое митрополичье село Голенищево[5833]. Это особенно безмятежное место было расположено между двумя реками, Сетунью и Раменисью, и окружено обильным лесом. Здесь он построил храм во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Живя в сем месте, святитель Киприан поставлял епископов и священников и усердно занимался перепискою и переводом многих священных книг с греческого языка на славянский[5834]. Написал он и житие великого чудотворца, святителя Петра, митрополита всея России[5835]. Упражнялся святой Киприан много и в молитве, и в чтении Божественных писаний[5836]. Всегда имел он в мыслях память смертную, Страшный Суд Христов, мучение грешников и блаженство праведников. Преуспевая в таких богоугодных подвигах, митрополит Киприан достиг глубокой старости и занемог в том же своем селе Голенищеве. За четыре дня до своей кончины он написал прощальную грамоту, в коей прощал и благословлял всех верующих, и сам просил у них прощения, показав в сем истинное христианское любомудрие и смирение. Сделал он так потому, что знал, какую силу имеет смирение: оно разрешает грехи и всё направляет к добру. Пред своею кончиною

святитель заповедал окружавшим его епископам и приближенным, чтобы они прочитали эту грамоту над его гробом, при его погребении[5837]. И в таковом смирении, с благодарною молитвою на устах почил он о Господе в лето 6914-е от сотворения мира, месяца сентября в 16 день[5838].

Память преподобного Дорофея пустынника

Память 16 сентября

Преподобный Дорофей происходил из Фиваиды и имел пребывание в пустыне близ Александрии, на месте, называвшемся «Кельями отшельническими»[5839]. Палладий, епископ Еленопольский[5840], бывший в юности своей самовидцем его постнических трудов, повествует о нем следующее.

Шестьдесят лет пребывал старец в одной пещере, проводя весьма суровое житие; он каждый день во время полуденного зноя, бродя около моря, собирал камни и созидал из них келлии, отдавая их тем, кто не мог сооружать их. Я же, говорит Палладий, однажды сказал ему:

– Для чего ты, отче, в такой старости мучишь свое тело в лютом зное?

А он отвечал мне:

– Для того, чтобы не оно меня мучило, но я бы замучил его.

Ел он каждый день в меру, лишь сухой хлеб и немного пустынной зелени, один раз в день, также в меру вкушал и воды. Бог свидетель, что никто не видел его ни ложившимся на рогоже, ни спящим; в продолжение ночи он сидя плел корзины из финиковых ветвей и, продавая их, на то покупал себе пищу. И подумал я, не при мне ли только живет он столь сурово, и, желая узнать о всей его жизни, вопрошал многих учеников его, всегда ли так строго его житие. И поведали мне, что он из детства ведет такую жизнь, и по своему обычаю никогда не спал, разве лишь, делая что-нибудь или вкушая пищу, смежал иногда очи, так что много раз и хлеб выпадал из его уст во время еды. Когда же мы однажды принуждали его хотя немного поспать на рогоже, он, как бы пожалев нас, сказал нам:

– Если вы когда-нибудь уговорите уснуть Ангела, то уговорите и меня.

В некоторый же день он послал меня – повествует Палладий – около девятого часа к своему колодезю, чтобы я

принес к его трапезе небольшой сосуд воды. И вот прилучилось, что когда я приступил к колодезю и нагнулся, то увидел в нем аспида[5841], – и из страха совсем не почерпнул воды, но, побежав, возвратился к нему, возвестив о виденном и говоря:

– Погибли мы, отче, ибо я видел аспида в колодезе.

Преподобный же, немного улыбнувшись и покачав головою, сказал мне:

– Если бы диавол захотел во все колодези и во все источники водные ввергнуть ехидн, аспидов и других ядовитых гадов, то ты никогда бы не пил воды и умер бы от жажды.

Сказав сие, он встал и сам пошел к колодезю и, почерпнув воды, знаменовал ее крестным знамением, и вкусил от нее, говоря:

– Где крест, там совсем не вредит бесовская сила[5842].

Страдание святых мучениц Веры, Надежды и Любви, и матери их Софии

Память 17 сентября

В царствование императора Адриана жила в Риме вдова, родом итальянка, по имени София, что в переводе значит премудрость. Она была христианка, и сообразно своему имени, жизнь свою вела благоразумно – по той премудрости, которую восхваляет Апостол Иаков, говоря: «мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов»[5843] (Иак.3:17). Сия премудрая София, живя в честном супружестве, родила трех дочерей, коим нарекла имена, соответствующие трем христианским добродетелям: первую дочь назвала она Верою, вторую – Надеждою, а третью – Любовью. Да и что иное могло произойти от премудрости христианской, как не Богу угодные добродетели? Вскоре после рождения третьей дочери София лишилась супруга. Оставшись вдовой, она продолжала жить благочестиво, угождая Богу молитвою, постом и милостынею; дочерей же своих она воспитывала так, как может сделать это премудрая мать: она старалась их приучить проявлять и в жизни те христианские добродетели, имена коих они носили.

По мере того как дети росли, возрастали в них и добродетели. Они хорошо уже знали пророческие и апостольские книги, привыкли внимать поучениям наставников, прилежно занимались чтением, были усердны в молитве и в домашних трудах. Повинуясь святой и Богомудрой матери своей, они преуспевали во всем и восходили от силы в силу. А так как они были чрезвычайно красивы и благоразумны, то на них вскоре все начали обращать внимание.

Слух об их премудрости и красоте распространился по всему Риму. Услыхал о них и начальник области Антиох и пожелал их видеть. Как только он увидел их, тотчас же убедился, что они – христианки; ибо они не желали скрывать своей веры во Христа, не сомневались в надежде на Него и не ослабевали в своей любви к Нему, но открыто пред всеми

прославляли Христа Господа, гнушаясь богомерзкими идолами языческими.

О всём этом Антиох известил царя Адриана, и тот не замедлил сейчас же послать слуг своих с тем, чтобы они привели девиц к нему. Исполняя царское повеление, слуги отправились в дом Софии и когда пришли к ней, то увидали, что она занимается поучением дочерей своих. Слуги объявили ей, что царь зовет к себе ее вместе с дочерьми. Уразумев, с какою целью зовет их царь, они все обратились к Богу с такою молитвою:

– Всесильный Боже, сотвори с нами по Твоей святой воле; не оставь нас, но пошли нам Твою святую помощь, чтобы сердце наше не устрашилось гордого мучителя, чтобы не убоялись мы страшных его мучений, и не пришли в ужас от смерти; пусть ничто не отторгнет нас от Тебя, Бога нашего.

Сотворив молитву и поклонившись Господу Богу, все четверо – мать и дочери, взяв друг друга за руки подобно сплетенному венку, пошли к царю и, часто взирая на небо, с сердечным воздыханием и тайною молитвою вручали себя помощи Того, Кто повелел не бояться «убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28). Когда подошли они к царскому дворцу, то осенили себя крестным знамением, говоря:

– Помоги нам, Боже, Спаситель наш, прославления ради Твоего святого Имени.

Их ввели во дворец, и они предстали пред царем, который горделиво восседал на своем троне. Увидев царя, они воздали ему подобающую честь, но стояли пред ним без всякой боязни, без всякого изменения в лице, с мужеством в сердце и смотрели на всех веселым взором, как будто бы они призваны были на пир; с такою радостью явились они к царю на истязание за Господа своего.

Видя их благородные, светлые и бесстрашные лица, царь стал спрашивать, какого они рода, как их зовут и какова их вера. Будучи премудрою, мать отвечала так благоразумно, что все присутствующие, слушая ее ответы, дивились такому ее разуму. Упомянув кратко о своем происхождении и имени, София начала говорить о Христе, Коего происхождение

разъяснить никто не может[5844], но Имени Коего должен поклоняться всякий род[5845]. Она открыто исповедала свою веру в Иисуса Христа, Сына Божия и, назвавши себя Его рабою, прославляла Его Имя.

– Я христианка, – говорила она, – вот то драгоценное имя, коим я могу похвалиться.

При этом она сказала, что и дочерей своих обручила она Христу, дабы нетленную свою чистоту они сохранили для нетленного Жениха – Сына Божия.

Тогда царь, увидав пред собою столь мудрую женщину, но не желая вступать с ней в продолжительную беседу и судить ее, отложил это дело до другого времени. Он послал Софию вместе с дочерьми к одной знатной женщине, по имени Палладии, поручив ей наблюдать за ними, а через три дня представить их к нему на суд.

Живя в доме Палладии и имея в своем распоряжении немало времени для научения своих дочерей, София утверждала их в вере день и ночь, поучая вдохновенными от Бога словами.

– Дочери мои возлюбленные, – говорила она, – ныне время вашего подвига, ныне настал день уневещения вашего бессмертному Жениху, теперь-то вы сообразно именам вашим должны показать веру твердую, надежду несомненную, любовь нелицемерную и вечную. Настал час торжества вашего, когда мученическим венцом вы будете венчаться с прелюбезным Женихом своим и с великой радостью войдете в пресветлый Его чертог. Дочери мои, ради сей чести Христовой не жалейте юной вашей плоти; не жалейте красоты вашей и молодости, ради Краснейшего добротою более сыновей человеческих, и ради жизни вечной не скорбите о том, что лишитесь сей жизни временной. Ибо ваш небесный Возлюбленный, Иисус Христос, есть вечное здравие, несказанная красота и жизнь нескончаемая. И когда тела ваши ради Него будут замучены до смерти, Он облечет их в нетление и раны ваши сделает светлыми, как звезды на небе. Когда красота ваша будет через муки за Него отнята от вас, Он украсит вас небесною красотою, коей глаз человеческий никогда не видел. Когда же лишитесь вы

временной жизни, положив души за Господа своего, то Он наградит вас жизнью бесконечною, в коей прославит вас вовеки пред Отцом Своим небесным и пред Его святыми Ангелами, и все небесные силы нарекут вас невестами и исповедницами Христовыми. Вас восхвалят все преподобные, о вас возвеселятся мудрые девы и примут вас в свое общение. Дочери мои дорогие! Не давайте соблазнить себя прелестями вражьими: ибо, как я думаю, царь будет расточать вам ласки и сулить большие дары, предлагая вам славу, богатство и честь, всю красоту и сладость сего тленного и суетного мира; но вы не возжелайте ничего подобного, ибо всё сие, как дым исчезает, как пыль ветром разметается и как цвет и трава засыхает и обращается в землю. Не устрашайтесь, когда увидите лютые мучения, ибо, пострадав немного, вы победите врага и восторжествуете на веки. Верую в Бога моего Иисуса Христа, верую, что Он не оставит вас страждущих во имя Его, ибо Он Сам сказал: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис.49:15), неотступно Он пребудет с вами во всех ваших муках, взирая на ваши подвиги, укрепляя немощи ваши и уготовляя вам в награду венец нетленный. О дочери мои прекрасные! Вспомните мои болезни при рождении вашем, вспомните труды мои, в коих я вскормила вас, вспомните слова мои, какими я учила вас страху Божию, и утешьте мать вашу в ее старости вашим добрым и мужественным исповеданием веры во Христа. Для меня будет торжество и радость, и честь, и слава среди всех верующих, если удостоюсь я именоваться матерью мучениц, если я увижу ваше доблестное за Христа терпение, твердое исповедание Его Святого Имени и смерть за Него. Тогда душа моя возвеселится, и дух мой возрадуется, и старость моя подкрепится. Тогда и вы будете воистину моими дочерьми, если, послушав наставления своей матери, будете стоять за Господа своего до крови и умрете за Него с усердием.

Выслушав с умилением такое наставление своей матери, девицы испытывали сладость в сердце и радовались духом, ожидая времени мучения как брачного часа. Ибо будучи святыми ветвями от святого корня, они желали всею душою

того, к чему наставляла их премудрая их мать София. Они принимали к сердцу все ее слова и приготовляли себя к подвигу мученичества, как будто собирались в светлый чертог, ограждая себя верою, укрепляясь надеждою, и возжигая в себе огонь любви ко Господу. Ободряя и утверждая друг друга, они обещали матери своей все ее душеполезные советы осуществить с помощью Христа на самом деле.

Когда настал третий день, они приведены были к беззаконному царю на суд. Думая, что они легко могут послушаться его соблазнительных слов, царь начал так говорить к ним:

– Дети! Видя вашу красоту и щадя вашу молодость, я советую вам, как отец: поклонитесь богам, властителям вселенной; и если вы послушаете меня и исполните то, что вам приказано, то я назову вас своими детьми. Я призову начальников и правителей и всех моих советников и при них объявлю вас своими дочерьми, и вы от всех будете пользоваться похвалою и почетом. А если вы не послушаете и не исполните моего повеления, то причините себе великое зло, и старость матери своей огорчите, и сами погибнете в то время, когда бы могли более всего веселиться, живя беспечно и весело. Ибо предам я вас лютой смерти и, раздробив члены тела вашего, брошу их на съедение псам и будете вы попираемы всеми. Итак, для вашего же собственного блага послушайте меня: ибо я люблю вас и не только не хочу губить красоты вашей и лишить вас сей жизни, но желал бы стать для вас отцом.

Но девы святые единогласно и единодушно отвечали ему:

– Отец наш – Бог, на небесах живущий. Он промышляет о нас и нашей жизни и милует наши души; мы хотим быть Им любимыми и желаем называться Его истинными детьми. Поклоняясь Ему и храня Его повеления и заповеди, на твоих богов плюем, а твоей угрозы не боимся, ибо мы того только и желаем, чтобы страдать и переносить горькие мучения ради сладчайшего Иисуса Христа, Бога нашего.

Услыхав от них такой ответ, царь спросил мать Софию, как зовут ее дочерей и сколько им лет.

Святая София отвечала:

– Имя первой моей дочери Вера, и ей двенадцать лет; вторая – Надежда – имеет десять лет, а третья – Любовь, коей всего девять лет.

Царь был весьма удивлен, что при таком юном возрасте они обладают мужеством и разумом и могут так отвечать ему. Он начал снова принуждать каждую из них к нечестию своему и сначала обратился к старшей сестре Вере, говоря:

– Принеси жертву великой богине Артемиде.

Но Вера отказалась. Тогда царь велел раздеть ее до нага и бить ее. Мучители, нанося ей удары без всякого милосердия, говорили:

– Пожри (принеси жертву) великой богине Артемиде.

Но она молча терпела страдания, как будто били не по ее телу, а по чужому. Не достигнув никакого успеха, мучитель повелел отрезать ее девические сосцы. Но из ран вместо крови потекло молоко. Все смотревшие на мучение Веры дивились сему чуду и терпению мученицы. И, покачивая головами, втайне укоряли царя за его безумие и жестокость, говоря:

– Чем эта красивая девица согрешила, и за что так страдает? О горе безумию царя и его зверской жестокости, бесчеловечно губящей не только старцев, но даже и малых детей.

После этого была принесена железная решетка и поставлена на сильном огне. Когда она раскалилась, как горячий уголь и от нее летели искры, то положили на нее святую девицу Веру. Два часа лежала она на сей решетке и, взывая ко Господу своему, нимало не опалилась, что всех привело в изумление. Затем она была посажена в котел, стоящий на огне и наполненный кипящей смолою и маслом, но и в нем осталась невредимою, и сидя в нем, как бы в прохладной воде, воспевала Бога. Мучитель, не зная, что еще сделать с нею, чем бы он мог ее отвратить от веры Христовой, приговорил ее к усечению мечом.

Услыхав сей приговор, святая Вера исполнилась радости и сказала матери своей:

– Помолись за меня, мать моя, чтобы мне окончить шествие мое, дойти до желанного конца, увидеть возлюбленного Господа и Спасителя моего и насладиться лицезрением Его Божества.

А сестрам сказала:

– Помните, любезные мои сестры, Кому мы дали обет, Кому уневестились; вы знаете, что мы запечатлены святым крестом Господа нашего и вечно должны служить Ему; поэтому претерпим до конца. Одна и та же мать родила нас, одна воспитала и научила нас, поэтому и мы должны принять одинаковую кончину; как единоутробные сестры, мы должны иметь одну волю. Пусть буду я для вас примером, дабы и вы шли обе за мною к призывающему нас Жениху нашему.

После этого она поцеловала свою мать, потом, обнявши сестер, также целовала их и пошла под меч. Мать же нисколько не скорбела о дочери своей, ибо любовь к Богу победила в ней сердечную печаль и материнскую жалость к детям. Она о том только сокрушалась и заботилась, как бы какая-либо из ее дочерей не устрашилась мук и не отступила бы от Господа своего.

И сказала она Вере:

– Я тебя родила, дочь моя, и из-за тебя претерпела болезни. Но ты воздаешь мне за сие благом, умирая за имя Христово и проливая за Него ту самую кровь, которую приняла в моей утробе. Иди к Нему, возлюбленная моя, и обагренная своею кровию, как бы облеченная в багряницу, предстань прекрасною пред очами Жениха твоего, помяни пред ним убогую мать твою и помолись Ему о своих сестрах, чтобы и тех укрепил Он в том же терпении, какое проявляешь ты.

После этого св. Вера усечена была в честную главу и отошла к Главе своей Христу Богу. Мать же, обняв многострадальное тело ее и целуя его, радовалась и славила Христа Бога, принявшего дочь ее Веру в небесный Свой чертог.

Тогда нечестивый царь поставил пред собой другую сестру Надежду и сказал ей:

– Любезное дитя! Прими мой совет: я говорю это, любя тебя так же, как отец, – поклонись великой Артемиде, чтобы не погибнуть и тебе, как погибла твоя старшая сестра. Ты видела

ее страшные муки, видела ее тяжкую смерть, неужели и ты захочешь так же страдать. Поверь мне, дитя мое, что я жалею твою молодость; если бы ты послушала моего приказания, я объявил бы тебя своею дочерью.

Святая Надежда отвечала:

– Царь! Разве я не сестра той, которую ты умертвил? Разве я не от одной с нею матери родилась? Не тем же ли молоком я вскормлена и не то же ли получила я крещение, как и святая сестра моя? Я росла вместе с нею и от одних и тех же книг и от одного наставления матери научилась познавать Бога и Господа нашего Иисуса Христа, веровать в Него и Ему одному поклоняться. Не думай, царь, чтобы я поступала и думала иначе, и желала не того же, чего и сестра моя Вера; нет, я хочу идти по ее следам. Не медли и не старайся разубеждать меня многими словами, но лучше приступи к самому делу и ты увидишь мое единомыслие с сестрою.

Услыхав такой ответ, царь предал ее на мучение.

Раздев ее до нага, как и Веру, слуги царские долго били ее без всякой жалости, – до тех пор пока не устали. Но она молчала, как бы совсем не чувствуя никакой боли, и только смотрела на мать свою блаженную Софию, которая стояла тут, мужественно взирая на страдания своей дочери и моля Бога о том, чтобы Он даровал ей крепкое терпение.

По повелению беззаконного царя св. Надежда брошена была в огонь и, оставшись невредимою подобно трем отрокам, прославляла Бога. После этого она была повешена и ее строгали железными когтями: тело ее падало кусками и кровь лилась потоком, но от ран исходило чудное благоухание, а на лице ее, светлом и сияющем благодатью Св. Духа, была улыбка. Св. Надежда стыдила еще мучителя в том, что он не в силах победить терпение такой малолетней отроковицы.

– Христос моя помощь, – говорила она, – и я не только не боюсь муки, но желаю ее как сладости райской: так приятны для меня страдания за Христа. Тебя же, мучитель, ожидает мука в геенне огненной вместе с бесами, коих ты почитаешь за богов.

Такая речь еще больше раздражила мучителя, и он приказал наполнить котел смолою и маслом, – поджечь его и

бросить в него святую. Но когда хотели бросить святую в кипящий котел, он немедленно как воск растопился, а смола и масло разлились и опалили всех окружающих. Так чудодейственная сила Божия не оставляла св. Надежду.

Гордый мучитель, видя всё сие, не хотел познать истинного Бога, ибо сердце его было омрачено прелестью бесовскою и пагубным заблуждением. Но, осмеянный малою отроковицею, он испытывал великий стыд. Не желая долее переносить такой позор, он осудил, наконец, святую на усечение мечом. Отроковица, услыхав о приближении своей кончины, с радостью подошла к матери и сказала:

– Мать моя! Да будет с тобою мир, будь здрава и поминай дочь свою.

Мать же, обняв, целовала ее, говоря:

– Дочь моя Надежда! Благословенна ты от Господа Бога Вышнего за то, что на Него надеешься и ради Него не жалеешь пролить свою кровь; иди к сестре твоей Вере и вместе с нею предстань к твоему Возлюбленному.

Надежда целовалась также с сестрою своею Любовью, смотревшею на ее мучения, и сказала ей:

– Не оставайся здесь и ты, сестра, предстанем вместе пред Святою Троицею.

Сказав сие, она подошла к бездыханному телу сестры своей Веры и, с любовию обняв его, по свойственной природе человеческой жалости, хотела плакать, но по любви ко Христу переменила слезы на радость. После этого, преклонив свою главу, св. Надежда была усечена мечом.

Взяв тело ее, мать прославляла Бога, радуясь мужеству дочерей своих, и побуждала к таковому же терпению своими сладкими словами и мудрыми увещаниями и младшую свою дочь.

Мучитель же призвал третью отроковицу Любовь и старался ласками склонить ее, как и первых двух сестер к тому, чтобы она отступила от Распятого и поклонилась Артемиде. Но напрасны были старания обольстителя. Ибо кому же так твердо пострадать за Своего возлюбленного Господа, как не Любви, так как и в Писании сказано: «крепка, как смерть, любовь…

Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее» (Песн.8:6–7).

Не угасили в сей отроковице огня любви к Богу многие воды мирских соблазнов, не потопили ее реки бед и страданий; ее великая любовь особенно ясно видна была из того, что она готова была положить душу свою за своего Возлюбленного, Господа Иисуса Христа, а ведь нет большей любви, как положить душу свою за друзей (Иоан.15:13).

Мучитель, видя, что ничего нельзя сделать ласками, решил предать на страдания и Любовь, думая разными мучениями отвлечь ее от любви ко Христу, но она отвечала, по Апостолу:

– «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим.8:35).

Мучитель приказал, растянув ее по колесу, бить палкой. А растянута она была так, что члены тела ее отделялись от составов своих и она, будучи ударяема палкою, покрылась как багряницею кровию, которою напоялась и земля, как бы от дождя.

Потом была разожжена печь. Указывая на нее, мучитель говорил святой:

– Девица! Скажи хоть только, что велика – богиня Артемида, и я отпущу тебя, а если не скажешь сего, то сейчас же сгоришь в этой разожженной печи.

Но святая отвечала:

– Велик Бог мой Иисус Христос, Артемида же и ты с нею погибнете!

Мучитель, разгневанный такими словами, повелел предстоящим тотчас же ввергнуть ее в печь.

Но святая, не дожидаясь того, чтобы кто бросил ее в печь, сама поспешила войти в нее и, будучи невредимой, ходила по средине ее, как бы в прохладном месте, поя и благословляя Бога, и радовалась.

В то же время из печи вылетело пламя на неверных, окружающих печь, и некоторых пожгло в пепел, а иных опалило и, достигнув до царя, обожгло и его, так что он далеко бежал.

В печи той были видны и другие сияющие светом лица, которые ликовали вместе с мученицей. И превозносилось имя Христово, а нечестивые были посрамлены.

Когда погасла печь, мученица, прекрасная невеста Христова, вышла из нее здравою и веселою, как из чертога.

Тогда мучители, по повелению царя, провертели члены ее железными буравами, но Бог подкреплял святую Своею помощью и в этих муках, так что и от них она не умерла.

Кто бы мог претерпеть таковые мучения и не умер бы мгновенно?!

Однако возлюбленный Жених, Иисус Христос, подкреплял святую, чтобы как можно более посрамить нечестивых, а ей воздать большую награду, и чтобы крепкая сила Божия прославилась в немощном сосуде человеческом.

Разболевшийся от ожога мучитель повелел, наконец, усекнуть святую мечом.

Она же, услыхав о сем, радовалась и говорила:

– Господи Иисусе Христе, возлюбивший рабу Твою Любовь, – пою и благословляю многопетое имя Твое за то, что вчиняешь меня вместе с сестрами, сподобив и меня претерпеть за имя Твое то же, что и они претерпели.

Мать ее св. София, не переставая, молилась Богу о младшей дочери своей, чтобы Он даровал ей терпение до конца и говорила ей:

– Третья моя ветвь, чадо мое возлюбленное, подвизайся до конца. Ты идешь добрым путем и для тебя сплетен уже венец и отверзся уготованный чертог, Жених уже ожидает тебя, взирая с высоты на твой подвиг, чтобы, когда ты преклонишь под меч свою голову, взять твою чистую и непорочную душу в свои объятия и упокоить тебя с сестрами твоими. Помяните и меня, мать вашу, в царстве Жениха своего, чтобы он оказал милость и мне и не лишил меня участвовать и пребывать с вами в славе Его святой.

И тотчас св. Любовь была усечена мечом.

Мать, приняв ее тело, положила его в дорогой гроб вместе с телами святых Веры и Надежды и, украсив тела их как должно, поставила гроб на погребальную колесницу, отвезла их

из города на некоторое расстояние и с честью похоронила дочерей на высоком холме, плача от радости. Находясь на могиле их три дня, она усердно молилась Богу и сама почила о Господе. Верующие погребли ее там же вместе с дочерьми. Таким образом и она не лишилась с ними участия в Царстве Небесном и мученического венчания, потому что если не телом, то сердцем своим и она страдала за Христа.

Так премудрая София и жизнь свою окончила премудро, принеся в Дар Святой Троице трех добродетельных дочерей своих Веру, Надежду и Любовь.

О, святая и праведная София! Какая женщина спаслась через чадородие[5846] так, как ты, родившая таких детей, кои уневестились Спасителю и, пострадав за Него, ныне с Ним царствуют и прославляются? Поистине ты мать, достойная удивления и доброй памяти; так как, смотря на страшные, тяжкие муки и смерть возлюбленных своих чад, ты не только не скорбела, как свойственно матери, но, утешаемая благодатью Божиею, больше радовалась, сама научила и умоляла дочерей не жалеть временной жизни и без пощады пролить кровь свою за Христа Господа.

Наслаждаясь ныне зрением пресветлого Его лика вместе со святыми твоими дочерьми, пошли и нам премудрость, чтобы мы, сохранив добродетели веры, надежды и любви, сподобились предстать Пресвятой, Несозданной и Животворящей Троице и славить Ее во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 1:

Софии честныя священнейшия ветви, Вера, и Надежда, и Любовь показавшеся, мудрость обуиша еллинскую[5847] благодатию: и пострадавше, и победоносицы явившеся, венцем нетленным от всех Владыки увязошася.

Память святой мученицы Агафоклии

Память 17 сентября

Святая Агафоклия была рабою некоего христианина Николая. Жена его Павлина, которая держалась ереси Ария[5848], в продолжение восьми лет много мучила Агафоклию, принуждая ее оставить православную веру и принять еретическое учение: иногда била ее по шее камнями, иногда заставляла ходить босыми ногами по острым камням, однажды сокрушила ей ребра железным молотком и, наконец, отрезала язык. Святая мученица не склонялась на увещания своей госпожи и поэтому была заключена в темницу и томима голодом. Но, по Божию устроению, птицы приносили ей небольшие древесные плоды. Наконец, госпожа умертвила ее железным ломом[5849].

Память святой мученицы Феодотии

Память 17 сентября

В то время как в Риме царствовал Александр Север[5850], послан был в Каппадокию игемон Симвликий. Ему донесли о некоей христианке Феодотии, которая происходила из Понтийской страны[5851] и была весьма богата. Долго увещевал ее игемон отречься от веры Христовой, но без успеха. Тогда ее повесили и начали строгать ее тело. Она претерпевала это мучение, славя Бога и как будто не чувствуя своих страданий. После этого наложили на нее оковы и отвели в темницу. По прошествии восьми дней, темница сама собою отверзлась. Увидев сие, сторожа испугались и побежали рассказать об этом Симвликию; но он не поверил им и повелел привести святую к себе. Когда он увидал, что она совершенно невредима от ран, хотя и с некоторыми следами бывших страданий, – спросил ее:

– Кто ты?

Святая отвечала ему:

– Твой ум помрачился; а если бы ты был трезв, то конечно узнал бы, что я – Феодотия.

Тогда Симвликий приказал бросить святую в разожженную печь. Внезапно из сей печи вышел огонь и попалил семьдесят человек; остальные же, бывшие около печи, закрыли ее отверстие и бежали. Игемон послал двух жрецов идольских с некоторыми другими, чтобы развеять пепел от тела св. мученицы. Когда открыли печь, из нее вышло пламя и пожгло жрецов, а остальные посланные увидали, что святая сидит среди печи между двумя юношами в белых одеждах и поет; сие видение так устрашило их, что они упали как мертвые. Святая вышла из печи, радуясь и воспевая Бога. Ее снова посадили в темницу, потому что Симвликий намеревался идти в Византию и хотел вести за собою святую мученицу в оковах. По возвращении оттуда, находясь в Анкире, игемон опять потребовал к себе святую на суд и сказал ей:

– Если ты не послушаешь меня и не принесешь жертвы богам, я прикажу положить тебя на раскаленное железо.

Она ответила ему:

– Если Ливисий[5852] Дорофей взойдет со мною на сковороду и если огонь не коснется его, то я принесу жертву богам.

Симвликий согласился на это, и Дорофей взошел на раскаленный железный лист, но тотчас же сгорел, а святая мученица осталась невредимою. Игемон недоумевал, что ему делать, а затем приказал связать св. мученицу и вести в Никею[5853]. Здесь ввел он ее в идольское капище, дабы принудить принести идолам жертву. Она помолилась, и внезапно все идолы пали на землю и разбились. Все видевшие это пришли в ужас. Сильно разгневанный таким поруганием идолов, игемон повелел четырем воинам растянуть святую и перепилить ее пилою. Но пила притупилась, и слуги изнемогли, святая же опять осталась невредимою и славила Бога. Симвликий тогда повелел отсечь ей главу мечом, и через такую казнь св. Феодотия удостоилась венца мученического[5854].

Преподобный отец наш Евмений, епископ Гортинский

Память 18 сентября

Святой Евмений еще с юных лет благоугодил Богу своею добродетельною жизнью. Он шествовал тесным путем, ведущим в Царство Небесное, внимая словам Господа: «подвизайтесь войти сквозь тесные врата» (Лк.13:24). Кто хочет войти в эти врата, тот должен сложить с себя два тяжких бремени: заботу об имуществе и попечение о теле. Евмений отказался от своего имущества и раздал его нищим, памятуя, как трудно богатому войти в Царствие Божие. Ибо кто, обремененный пристрастием к богатству, может войти в тесные врата небесные? Добрый совет подал Господь юноше, спросившему его о том, что ему сделать, чтобы наследовать жизнь вечную: «Если хочешь быть совершенным, – сказал ему Господь, – пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф.19:21). Служащий маммоне[5855] не может служить Богу, и обремененный тяжестью богатств не пройдет сквозь узкие двери небесные, подобно тому, как не может пройти верблюд сквозь игольные уши. Как тот, кто хочет пройти через тесное место, должен бывает снять с себя не только ношу, но и одежду; так желающий быть на небесах раздает нищим не только излишки своего имущества, как неудобопереносимое бремя, но и самое необходимое, даже одежду, прикрывающую тело, подражая этим Господу. Таков именно был и святой Евмений: он всё считал за сор, от всего отказался, всё оставил, чтобы идти за Христом, Его только обрести и приобрести. Отказавшись от имущества, сняв его с себя как бы одежду, он приодел им нищих, нагих и нуждающихся. Обнажившись от всех земных пристрастий, он вступил на тесный путь нищеты, проходя узкие врата, приводящие к богатству небесному. Отказался преподобный и от другого бремени – забот о теле; своими подвигами, трудами, воздержанием, постом, бдением он умертвил плотские похоти и утончил свое тело, удаляясь от всякого плотоугодия и

сластолюбия; ибо «подвижники, – как говорит Апостол, – воздерживаются от всего» (1Кор.9:25). Он воздерживался от всего, что утучняет тело, тяготит мысль и рождает страсти. Он не давал сна очам своим, пока не очистил душу и тело от страстей и сделался обителью Святого Духа. Так, сложив с себя тяжелые бремена имущества и всяких плотских страстей, он соделал себя способным к прохождению узкого пути и тесных врат, ведущих в жизнь вечную.

Так как добродетельная жизнь святого Евмения сияла, как бы светильник, и была для всех весьма полезна, то он был избран и возведен на престол Гортинской церкви[5856], и, как свеча, стоящая на подсвечнике, просветил свою паству, осиявая, как солнце, церковь Христову своими делами и поучениями: ибо свету мира подобает делами предварять слово, подобно тому как сияние предваряет для взора самый светильник. И так святой Евмений, пребывая на епископском престоле своем, учил духовных чад своих прежде всего делом, чистою и богоугодною жизнью своею являясь образцом для своего стада, а затем поучал их и словом. Сначала сам соделавшись как бы светом, потом просветил и других; сам дни и ночи поучался в законе Господнем, а потом и других тому же наставил; сам, стяжав чистую совесть, очистил совесть и других. Он был весьма милостив, согласно значению своего имени[5857], и жизнь его была полна делами милосердия. Он был отцом для сирот, богатством нищих, подателем для просящих, утешителем скорбящих, врачом страждущих и предивным чудотворцем. Однажды святой молитвою умертвил устремившегося на него большого змея; но еще большее чудо сотворил он, поправ адского змия – диавола, победив его молитвою и отогнав от врученного ему Христова стада. И не только в Гортине, но и в Риме[5858] святой Евмений вооружился против бесов. Прибыв в Рим, он своими знамениями и чудесами привел многих в изумление: он изгонял из людей бесов, исцелял больных и умиротворял враждующих и гневающихся. После того, он был и в Фиваиде[5859], где во время бездождия низвел своею молитвою с неба дождь, – и в той стране впоследствии мирно скончался, перешедши из временной

жизни в жизнь вечную и нескончаемую[5860]. Его святое тело было перенесено в Гортин, на место его служения, и с честью погребено там.

Кондак, глас 2:

Светом Божественным просветився всеблаженне, просвещаешь и ны, любовию поющыя твое честное и славное и святое отче преставление, иерарше Евмение, моля непрестанно о всех нас.

Память святой мученицы Ариадны

Память 18 сентября

Святая мученица Ариадна пострадала за Христа в царствование нечестивого императора Адриана[5861]. Она была рабою некоего Тертила, правителя города Примнисы в Фригии[5862].

Когда сей Тертил, по случаю рождения своего сына, совершал торжество в идольском храме, принося там жертвы, поклоняясь бесам и ликуя со всеми домашними, друзьями и соседями своими, святая Ариадна осталась дома и не хотела войти в идольское капище, чтобы праздновать вместе с господином своим. Тогда господин ее, разгневавшись на нее, стал бить без всякой жалости и, наконец, повесив, приказал строгать ее железом. После этого он заключил Ариадну и долго морил ее голодом, принуждая отказаться от Христа и поклониться бездушным идолам; но потом он выпустил ее из темницы, и она ушла из города. Тогда Тертил раскаялся, что отпустил ее, и погнался за ней со своими слугами. Ариадна, оглянувшись и видя погоню, побежала; подойдя к одной скале, она стала молить Бога, чтобы Он избавил ее из рук врагов. И тотчас, по Божественному повелению, скала расселась, святая вошла внутрь камня, и половины рассевшейся скалы снова соединились. Сие чудо соделал явившийся там Ангел Господень. Тогда гнавшиеся за ней смутились от страха: они стали сражаться между собою и, копьями изранив друг друга, погибли. Так Господь избавил рабу Свою от руки нечестивых, как птицу от сетей ловцов. Молитвами ее да избавит Он и нас от врагов наших и вместе со святою Ариадной сподобит нас торжествовать в радости небесной в веки. Аминь.

Страдание святых мучеников Трофима, Савватия и Доримедонта

Память 19 сентября

В царствование императора римского Проба[5863] и во время управления Антиохией Аттика, называвшегося также Илиодором, антиохийцы совершали однажды праздник в честь Аполлона Дафнийского и, по обычаю, весь день проводили в жертвоприношениях идолам, в пьянстве и ликованиях и всякого рода непотребных делах. В то время пришли в Антиохию из другой страны два неизвестных человека: Трофим и Савватий, – люди благочестивые, почитатели истинного Бога. Видя ослепление и гибель столь многих душ, они только воздохнули и, обратясь к Богу, молились со слезами, говоря:

– Боже, создавший мир весь из ничего одним словом Своим и человека сотворивший по образу Своему! Призри с небеси и исторгни людей этих из рук сопротивного.

Когда они говорили сие, идолопоклонники заметили, что они не поклоняются языческим богам и, схватив их, повели к властелину и судье своему Аттику-Илиодору. Он велел их разлучить друг от друга и сначала привести к нему святого Трофима, которого и начал допрашивать о имени, жизни и вере.

Святой отвечал:

– Имя мое – Трофим, родился я от свободных и благородных родителей, но, подпав под власть греха, сначала жил нечестиво, пока через святое крещение не получил истинной свободы и благородства.

Тогда судья спросил:

– Какой ты веры?

Трофим отвечал:

– Я уже сказал тебе, но слушай, – я скажу еще яснее: я – христианин, раб Христа и желаю быть жертвою Христу.

Судья спросил:

– Читал ли ты императорские указы о христианах?

– Прочел, – ответил святой, – но что они нам? Между благочестием и бесовским обольщением такая же разница, как

между днем и ночью.

Эти слова привели мучителя в гнев; он велел обнажить святого Трофима и, растянув за руки и за ноги, бить без всякого милосердия. Мученика били так долго, что земля обагрилась кровью. Потом судья велел перестать бить его и сказал:

– Принеси богам жертву, Трофим, иначе я пошлю тебя во Фригию[5864], к мучителю Дионисию.

Сей Дионисий был повсюду известен своею лютостью и бесчеловечием.

Святой Трофим отвечал:

– Для меня не важно, тобою ли я буду убит, или кем другим, ты ли замучишь меня, или Дионисий: смерть, всё равно, будет только одна, потому что у вас обоих одно намерение: убивать тех, кои служат истинному Богу.

Судья еще более разгневался и велел повесить святого на дерево и терзать его тело. Тогда его тотчас же обступили палачи с острыми орудиями, коими они терзали мученика, строгая его тело до костей и даже до самых внутренностей. Он же, претерпевая всё, тихо и кротко говорил:

– Господи, помоги рабу Твоему!

Тогда судья спросил:

– Где же твой Христос?

Мученик отвечал:

– Христос мой – со всеми, призывающими Его – Он и от меня не отлучается, и явное знамение Христова со мною присутствия в том и заключается, что я легко переношу мучения, кои невозможно было бы перенести человеческому естеству, если бы страдальцам не помогал Сам Бог.

После этих мучений святого Трофима ввергнули в темницу.

Тогда привели на суд блаженного Савватия, и судья сказал ему:

– Я не спрашиваю тебя, христианин ли ты, но ты сначала скажи: какого ты звания?

Самое слово «христианин» для язычников было так противно, что мучитель не хотел даже слышать его; как больной глазами не может смотреть на свет, приятный для всех здоровых, так он с помраченными душевными очами не мог

взирать ими на свет имени Христова, почему и сказал: «Я не спрашиваю, христианин ли ты».

Святой Савватий отвечал:

– Мое звание, достоинство и отечество, слава и богатство есть Христос Сын Божий, вечно Сущий: Его промыслом утверждена и управляется вселенная.

Судья, приняв смелый ответ мученика за оскорбление себе, пришел в ярость и, ударив его по щеке, сказал:

– Отвечай то, о чем тебя спрашивают, и прежде, чем я не погубил тебя посредством мучений, приступи к богам и принеси им жертвы.

Но святой поносил богов, смеялся безумию нечестивых и обличал их безбожие.

Тогда, по повелению мучителя, Савватия повесили и строгали железными когтями, до тех пор пока не обнажились его кости. Так как от костей отпали уже целые куски тела и были растерзаны все внутренности, то мучителям нечего было уже терзать. Поэтому мученика отвязали от дерева, и святой Савватий тотчас же предал свою душу в руки Господа своего.

Когда святой Савватий преставился ко Господу, в руках мучителей остался один блаженный Трофим. Аттик, отчаявшись в его обращении в идолопоклонство, решил послать его во Фригию к мучителю Дионисию. Он написал Дионисию письмо, сообщая ему о Трофиме и о том, что сколько он ни претерпел мук, но при всем том оказался сильнее мучителей своих, что он почитает одного Христа, смеется над богами и ни во что не ставит их. Затем он велел вывести святого из темницы, обуть его в железные сапоги, внутри коих было набито множество гвоздей остриями вверх, и в тех сапогах вести его во Фригию. Воины, взявши святого, повели его и заставили идти рядом с собою: они ехали на конях, а святой шел пешком, в железных с гвоздями сапогах, с пронзенными ногами, – перегоняя при сем пеших и конных и обагряя весь путь своею кровью. Это был поистине скорбный путь, ведущий в блаженную жизнь: сколько он сделал шагов, столько новых ран принял в свои ноги, и сколько было новых ран, столько он претерпел болезней и мук.

Но Сам Господь сопутствовал ему: Он укреплял на сем пути Своего раба и за каждый шаг приготовлял ему воздаяние.

После трехдневного пути, воины со святым мучеником достигли Фригийского города, называвшегося Синад[5865], и там отдали Дионисию послание Илиодора. Прочитав послание, Дионисий велел тотчас же привести к себе святого Трофима и спросил:

– Ты ли Трофим?

Мученик отвечал:

– Я – Трофим и раб истинного Бога, верующие в Коего никогда не постыдятся.

Дионисий сказал:

– Ты остаешься непокорным и еще призываешь суетного и тщетного Христа, бывшего виновником смерти многих; но если ты прежде не хотел от Него отказаться, то теперь оставь надежду, которую имел на Него: принеси жертву богам, чтобы тебе избавиться от лютых мучений и смерти и прожить свою жизнь в мире.

Мужественный Трофим отвечал:

– Если бы я даже и хотел избавиться от смерти, то сие невозможно: ибо если ты не убьешь меня, то самое естество мое во всяком случае смертно. Смертью же должно приобретать жизнь вечную, которая безмерно лучше и продолжительнее здешней, исполненной зол и кратковременной жизни, а благ будущей жизни не может видеть наше бренное око, ухо не может слышать, и на ум человеку они не придут. Я охвачен великим желанием сей жизни и радуюсь, слыша от тебя о смерти, коею ты мне угрожаешь.

Тогда Дионисий, весь дыша яростью, повелел бить святого Трофима толстыми жилами; когда же били его, то мучитель говорил:

– Ты только обещай принести богам жертву, и тотчас же избавишься от мучения.

Он же, не обращая внимания на рану и слова мучителя, молчал.

Слуги, по повелению мучителя, взяли уксус, смешали его с горчицею и вливали в ноздри Трофиму. После этого, повесив

его на дереве, резали ему бока, нанося глубокие продолговатые раны, и из ребер его исходили потоки крови.

Святой молча переносил сии муки, говоря себе самому: «Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь» (Пс.33:20).

Дионисий, услыхав это, сказал:

– Напрасна надежда твоя, Трофим, и тщетны твои помышления: ибо кто придет к тебе с неба и избавит тебя от настоящих страданий? Поэтому советую тебе принести богам жертву, и тогда ты поможешь себе.

Святой, смеясь безумию мучителя, отвечал:

– Никогда не отвергнусь я Бога моего, истинного и живого.

Тогда Дионисий с яростью сказал слугам:

– Мучьте его еще.

И они стали его мучить с еще большею жестокостью.

Святой же молился и говорил так: «Боже мой! Избавь меня из руки нечестивого, из руки беззаконника и притеснителя, ибо Ты – надежда моя, Господи Боже» (Пс.70:4–5).

Мучитель повелел лить на раны святого мученика уксус с солью, чтобы тем увеличить его страдания.

Тогда блаженный сказал мучителю:

– Ты теперь только укрепляешь тело мое, чтобы оно не истлело от наносимых тобою ран.

Потом стали жечь его ребра горящими свечами, но и этим не могли победить непобедимого Христова воина; после этого святого Трофима посадили в темницу.

В Синаде был сенатор и первый советник, по имени Доримедонт; он был благочестивый христианин, но скрывал это, боясь мучителя. Он часто тайно приходил к святому Трофиму в темницу, омывал кровь и отирал струпы его чистыми полотенцами, перевязывал его раны и вообще всячески заботился о нем. Но недолго пришлось ему скрываться от мучителя. Вскоре наступил богопротивный праздник, называемый «Диоскурия», т.е. День Кастора и Поллукса[5866]: празднество это совершалось всенародно в городе Синаде. Дионисий, вместе со всеми своими приближенными и советниками, поклонялся идолам и, увидев, что с ними нет

Доримедонта, послал к нему сказать, чтобы он явился на празднество.

Блаженный Доримедонт отвечал посланным:

– Я – Христианин, и потому мне не следует ходить на бесовские праздники.

Дионисий, услыхав о сем, велел силою привести его к себе и, расспросив его, убедился, что он – действительно христианин; однако, не желая судить его в тот же день, велел взять его под стражу.

Потом он посылал к нему своих друзей уговорить, чтобы он раскаялся и обратился к их богам. Но Доримедонт, грозно взглянув на них, сказал: «Удалитесь от меня все, делающие беззаконие» (Псал.6:9).

Затем он замолчал и был, «как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа» (Пс.37:15).

На другой день мучитель пошел в суд и повелел привести Доримедонта.

– Обольщенный человек! – сказал он святому мученику, – что с тобой вчера произошло, что ты отступил от богов и отказался исполнить царские повеления? Разве тебе не угодно стало, чтобы тебя все почитали и чтобы ты занимал между нами не последнее место?

Святой на это отвечал:

– Любящий истинного Бога ни во что не ставит мирскую честь и славу. Какая польза гордиться пред другими, одеваться в драгоценные одежды и поклоняться идолам? Всё сие – временно и суетно, всё сие отлучает от Бога и ввергает человека в геенну огненную.

Мучитель долго и ласками и угрозами старался отвратить святого Доримедонта от Христа, но, ничего не достигши в том, велел обнажить его, повесить и жечь его ребра раскаленными железными кольями, причем говорил:

– Посмотрю, придет ли Христос помочь тебе?

Святой же в этих мучениях призывал имя Господа Бога своего, смеялся над языческими богами и своими словами уязвлял сердце мучителя более, нежели он – копьями тело святого.

Тогда Дионисий обратил гнев свой на слуг, мучивших святого, и укорял их, что они не могут заставить умолкнуть одного человека, хулящего их богов. Слуги, пришедшие в ярость, рвали святому лицо железными когтями и выбили ему зубы, однако, и этим не могли заставить молчать богоглаголивые уста, исповедовавшие Христа и поносившие бездушных идолов. Потом развели под святым мучеником огонь и поставили его на горящие уголья; но он ходил по ним, как бы по прекрасным цветам, радовался при этих страданиях и был готов претерпевать за Христа большие и лютейшие муки. После того мучитель повелел отвести его в темницу, а святого Трофима вывести на мучение. Его повесили, начали рвать его тело железными когтями, подновляя прежние раны, а затем выкололи ему глаза раскаленными прутьями. Но святой при таких страданиях благодарил Христа, после чего был опять отведен в темницу.

Дионисий стал советоваться со своими приближенными, какой смерти предать Трофима и Доримедонта, так как они пренебрегали всякими муками, – и решил отдать мучеников на съедение зверям. Для этого мучитель повелел приготовить голодных зверей и устроить публичное зрелище. Когда настал день, в который святых хотели отдать на съедение зверям, на зрелище сие явился Дионисий со всеми своими советниками и слугами, и собралось множество народа. Святые мученики Трофим и Доримедонт были выведены из темницы нагие, покрытые ранами, так что всё тело их было как бы одною сплошною язвою. Когда святых поставили на место, предназначенное для травли зверей, на них выпущена была медведица, которая с яростью устремилась на них, но, приблизившись к ним, тотчас же сделалась кроткой. Святой Доримедонт, желая скорее «разрешиться телом и со Христом быть» (Фил.1:23). взял медведицу за ухо и раздражал ее, чтобы она скорее растерзала его; но медведица, как бы стыдясь, наклоняла и отворачивала от него голову свою. Тогда мучитель разъярился более зверя и, видя, что святые остаются невредимыми от медведицы, выпустил на них парда, но и он как пес лизал их ноги. Затем выпустили льва, -, однако, же и

этот зверь, подобно первым, стал кротким, как агнец. Мучитель разгневался на заведующего зверями и грозил ему смертью, если он не сумеет раздражить зверей так, чтобы они пожрали этих двух христиан; но когда тот стал раздражать льва, то лев устремился на него и растерзал его. Все присутствовавшие, видя такое чудо, устрашились и познали силу истинного Бога и Спаса нашего. Один только беззаконный мучитель не хотел познать ее, но еще больше покрывался тьмою своего безумия, хуля Христа и называя волшебниками рабов Его. Потом он велел отсечь главы святых мечом. Так окончили страдания святые Трофим и Доримедонт, скончавшиеся от меча после многих и лютых мучений, и, присоединясь к святому Савватию в бессмертной жизни, ликуют ныне с Ангелами, прославляя Святую Троицу, – Отца, Сына, и Святого Духа, Единого Бога, всеми прославляемого во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

В Троице хвалимый Бог, троицу мученик прослави, Трофима и Савватия и Доримедонта: в Того бо веровавше, врага низложиша. Тех молитвами Христе Боже наш, помилуй нас.

Кондак, глас 8:

Яко страдальцев основание и благочестия утверждение, церковь чтит и славит твое светоносное страдание, приснопеваемый блаженне страдальче, доблемудре славне Трофиме: со страдавшими с тобою, очищение поющым тя испроси, яко непобедим.

Страдание святого мученика Зосимы пустынника

Память 19 сентября

Однажды Дометиан, правитель Киликии, отправился вместе со своими слугами на охоту и изъездил многие пустыни, холмы и горы, гоняясь за зверями и ловя их. И вот на одном месте он увидал множество зверей, посреди коих ходил старец и беседовал с ними, как с людьми. Охотники бросились на них и, когда звери убежали, взяли старца и привели к князю, думая, что он волшебник и совершает чарования в пустыне.

Его спросили, кто он такой и как его зовут.

Святой ответил:

– Я – христианин; имя мое – Зосима.

Тогда его связали и привели в город на суд. Здесь князь стал спрашивать его о волшебстве и чародействе: каким образом он так заколдовал зверей, что живет посреди них невредимым и беседует с ними, как с людьми?

Зосима отвечал:

– Я не для волшебства живу в пустыне; но, будучи сам христианин, я не могу жить в городе с неверующими, – поэтому и пошел в пустыню, желая лучше быть со зверями, нежели с людьми злыми – врагами Господа моего Иисуса Христа. Имея образцом такой жизни житие других христиан – святых отцов, удалившихся от мира и живущих в пустыне, и я старался подражать им, насколько мог. Бог же, знающий служащих Ему и промышляющий о них, и меня благоустроив по Своей благости, покорил мне на утешение мое диких зверей – и вот, я живу с ними, радуясь о Господе и возложив на Него всё мое упование.

Князь на это сказал ему:

– Так ты злой старец, почитаешь Назарянина? Хорошо. Итак, я пойду в Назарет и там буду тебя жестоко мучить, чтобы ты или отказался бы от Назарянина, или в лютых страданиях лишился бы жизни; а кстати, пусть и Назаряне, увидав твои мучения, устрашатся.

И он сначала послал в Назарет св. Зосиму в оковах, а потом и сам отправился туда. Выбрав время для суда, Дометиан велел привести Зосиму и спросил его:

– Расскажи о своем волшебстве, как ты очаровал зверей?

Зосима в ответ на сие исповедал, что он – христианин.

Тогда князь велел повесить святого вниз головой, навязать ему на шею большой камень и строгать железными когтями.

После этого он опять спросил:

– Расскажешь ли ты теперь о своем волшебстве?

Зосима на это сказал:

– Христос, Бог мой – вот Кто послал зверей на утешение мне в пустыне.

Князь сказал ему:

– Если звери слушают твоего Бога, то повели прийти сюда одному зверю: тогда мы все примем твою веру.

Зосима, воздев свои честные руки к небу, стал молиться.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! – говорил он, – послушай меня, раба Твоего, пошли сюда льва, чтобы он служил мне.

И внезапно в город вбежал страшный лев, – и все, увидав его, разбежались. Лев же, подойдя к Зосиме, стал поддерживать камень, который был привязан к его шее.

Тогда князь стал просить святого:

– Зосима! Укроти зверя и мы отвяжем тебя.

Зосима повелел зверю быть кротким, и князь приказал развязать святого и хотел послать его к царю. Но Зосима предал Богу дух свой[5867]. Христиане погребли с честью тело святого, прославляя Отца, Сына и Святого Духа, славимого вовеки. Аминь.

Память святого благоверного князя Феодора, смоленского и ярославского чудотворца, и чад его Давида и Константина

Память 19 сентября

Святой и блаженный князь Феодор, по прозванию Черный, был сыном Смоленского князя Ростислава Мстиславовича и происходил в девятой степени от св. равноапостольного князя Владимира[5868]. Феодор имел двух братьев, Глеба и Михаила, которые, по смерти отца, обидели его, дав ему в удел один только город Можайск[5869]. Несмотря на то, он не гневался на них и терпеливо владел сим уделом. За таковое его незлобие Бог впоследствии вверил ему в управление славный город Ярославль. Это произошло следующим образом: в Ярославле жила княгиня Ксения, супруга князя Василия Ростовского, у коей была единственная дочь. Благоверный князь Феодор женился на сей дочери князя Ростовского, от которой впоследствии имел сына Михаила и дочь, и получил во владение город Ярославль[5870]. А по смерти брата своего Михаила наследовал он и Смоленское княжение[5871].

Благочестиво и богоугодно жил князь Феодор в Ярославле, ибо с юных лет возлюбил Христа и Его Пречистую Матерь. Особенно почитал он священников и иноков и благотворил нищим. Как доблестный воин Христов, он во всем угождал своему Владыке и удалялся от всякой неправды.

В те времена, когда над русскою землею тяготело татарское иго, был обычай, чтобы русские князья ездили в Орду к хану, для утверждения в княжеском достоинстве. Когда однажды некоторые князья поехали в Орду, вместе с ними отправился туда и ярославский блаженный князь Феодор со многими дарами для хана и для его супруги[5872]. В Орде он был принят весьма благосклонно и служил при дворе хана в качестве любимца, весьма уважаемого. Мужественная красота и ум его так пленили жену хана, что она пожелала выдать за него свою

дочь. Но он сказал ей, что у него есть жена в Ярославле, и не склонился на ее увещания.

Испросив себе от хана утверждение на княжение в Ярославле и получив такое утверждение, блаженный Феодор уехал из Орды домой. Когда прибыл он к Ярославлю, то услыхал, что супруга его скончалась. Он хотел войти в город, где в то время жили сын его Михаил и теща; но бояре и теща не пустили его и начали вести о нем нелепые речи: «У нас не в обычае, – говорили они, – принимать к себе в князья приходящего из чужой земли; довольно для нас иметь своим князем наследника Феодорова, Михаила». Св. Феодор снова отправился в Одру и просил хана, чтобы он дал ему опять Ярославское княжество. Хан послал ярославцам строгое повеление принять своего князя, но те не повиновались такому повелению и упорно отказывались принять к себе Феодора. В то время как св. князь пребывал в Орде в гостях у хана, жена хана опять начала предлагать своему мужу выдать их дочь за Феодора. Но хан долго не соглашался, говоря, что не подобает давать дочь ханскую в супружество даннику, притом еще иноверному. Тогда ханша открыла мужу свое желание, чтобы дочь их приняла христианскую веру и крестилась, а затем вышла замуж за Феодора. Хан согласился[5873]. Дочь ханская крестилась и затем вступила в брак с ярославским князем. Ее назвали в св. крещении Анною. После этого брака хан еще более полюбил св. Феодора. Часто сажал он его с собой за стол свой, возлагал ежедневно ханский венец на его голову, одевал его в свою порфиру, устроил ему прекрасный дворец и окружил его славою и богатством[5874]. Но среди всего этого великолепия сердце блаженного князя не возгордилось, и слава мира сего не отвлекла его от любви Христовой, и он всё более и более преуспевал в исполнении заповедей Господних. Пока он еще жил в Орде, у него родился сын, который назван был во св. крещении Давидом. Затем родился у него второй сын, нареченный во св. крещении Константином.

Вскоре после того прибыли к нему вестники из России с известием, что сын его Михаил умер в Ярославле. Тогда князь Феодор стал просить хана отпустить его в Русскую землю

вместе с княгиней и с детьми их. Хан отпустил его с великою честью, возложил на него венец и почтил его великим княжением Ярославским. Св. князь прибыл в Ярославль с большим почетом; с ним прибыло и много татарских вельмож от двора хана, коих он, по некотором времени, с честью отпустил в Орду.

Св. князь Феодор княжил в своем городе Ярославле благочестиво и богоугодно до глубокой старости[5875]. Заболев и чувствуя, что эта болезнь – предсмертная, он позвал к себе княгиню – супругу и детей своих и завещал им пребывать в любви и мире[5876]. Затем он велел отнести себя в монастырь и там с великою радостью принял от игумена иноческий образ и в течение всего того дня радовался и благодарил Бога за то, что Он сподобил его сего дара, коего давно желала душа его. Пред самой своей кончиной он пожелал принять схиму, после чего, преподав всем прощение и сам испросив у всех прощение, он осенил себя крестным знамением и предал душу свою в руки Божии[5877]. Его благолепно погребли в храме Преображения Господня. Его святые мощи и доныне источают многие чудеса во славу Христа Иисуса, Господа нашего, Емуже слава ныне и присно, и во веки веков.

Тропарь, глас 4:

От юности вашея Христове любви прилепившеся святии, усердно закон и оправдания того сохранисте: отонудуже и чудесными дарованьми обогатившеся, исцеления источаете, Феодоре, Давиде и Константине. О верою вас почитающих молите Христа Бога, спастися душам нашим.

Тропарь на пренесение мощей святых, глас 8:

Яко звезды многосветлыя от юности возсиявше, осветили есте сердца верных пренесением честных мощей ваших, во плоти яко Ангели на земли показастеся, пощением насаждени бысте яко древа при водах воздержания, напоени струями слез ваших, и скверну омысте: сего ради явистеся приятелища Божия Духа, Феодоре и Давиде и Константине. Молите Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Явистеся, светильницы всесветлии, во плоти яко Ангели: и яко жизни древеса райская, пощением, бдением и верою возращаеми, процвели есте молитвами вашими небесныя благодати приемше: врачеве крепцы явльшеся, исцеляете недугующих души, с верою прибегающих к раце мощей ваших, чудотворцы славнии, Феодоре, Давиде и Константине. Молите Христа Бога, грехов оставление даровати, верою и любовию чтущым память вашу.

Житие и страдание святого великомученика Евстафия Плакиды, его супруги и чад

Память 20 сентября

В царствование императора Траяна[5878] жил в Риме воевода, по имени Плакида[5879]. Он происходил из знатного рода и обладал большим богатством. Его храбрость на войне была настолько известна, что одно имя Плакиды приводило врагов в трепет. Еще в то время, когда император Тит воевал в иудейской земле[5880], Плакида был выдающимся римским полководцем и отличался во всех сражениях неустрашимым мужеством.

По вере своей Плакида был идолопоклонником, но в своей жизни творил много добрых, христианских дел: он кормил голодных, одевал нагих, помогал бедствующим и освобождал многих от уз и темницы. Искренно радовался он, если ему приходилось оказать кому-либо помощь в беде и скорби, и даже радовался больше, чем своим славным победам над врагами. Как некогда Корнилий, о коем повествуется в книге Деяний Апостольских (Деян. 10:1–48), Плакида достиг полного совершенства во всяких добрых делах, но не имел еще святой веры в Господа нашего Иисуса Христа, – той веры, без коей мертвы все добрые дела (Иак.2:17). У Плакиды была жена, такая же добродетельная, как и он сам, и двое сыновей. Ко всем Плакида был весьма добр и милостив; не доставало ему только познания о Едином истинном Боге, Коего он, еще не ведая, почитал уже своими добрыми делами. Но милосердный Человеколюбец Господь всем желает спасения и призирает на тех, кто творит доброе: «Во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян.10:35). Не презрел Он и сего добродетельного мужа, не попустил ему погибнуть во тьме идольского заблуждения и Сам благоволил открыть ему путь ко спасению.

Однажды Плакида, по обыкновению своему, выехал с воинами и слугами на охоту. Встретив стадо оленей, он

расставил всадников и начал погоню за оленями. Вскоре он заметил, что один, самый большой из них, отделился от стада. Оставив своих воинов, Плакида с небольшою дружиной погнался за оленем в пустыню. Спутники Плакиды скоро выбились из сил и остались далеко позади его. Плакида же, имея более сильного и быстрого коня, один продолжал погоню до тех пор, пока олень не взбежал на высокую скалу. Плакида остановился у подножия скалы, и, смотря на оленя, стал размышлять о том, как бы изловить его. В сие время Всеблагой Бог, многообразными средствами приводящий людей ко спасению и Ему одному известными судьбами наставляющий их на путь истины, уловил самого ловца, явившись Плакиде, как некогда Апостолу Павлу (Деян.9:3–6). Продолжая смотреть на оленя, Плакида увидел между его рогами сияющий крест, и на кресте подобие плоти распятого за нас Господа Иисуса Христа. Изумленный сим чудным видением, воевода вдруг услышал голос, глаголющий:

– Зачем ты гонишь Меня, Плакида?

И вместе с сим Божественным гласом, мгновенно напал на Плакиду страх: упав с коня, Плакида лежал на земле как мертвый. Едва опомнившись от страха, он вопросил:

– Кто Ты, Господи, говорящий со мною?

И сказал ему Господь:

– Я – Иисус Христос, – Бог, воплотившийся ради спасения людей и претерпевший вольные страдания и крестную смерть, Коего ты, не ведая, почитаешь. Твои добрые дела и обильные милостыни дошли до Меня, и Я возжелал спасти тебя. И вот Я явился здесь, чтобы уловить тебя в познание Меня и присоединить к верным рабам Моим. Ибо не хочу Я, чтобы человек, творящий праведные дела, погиб в сетях вражиих.

Поднявшись с земли и уже не видя никого пред собою, Плакида сказал:

– Теперь верую я, Господи, что Ты – Бог неба и земли, Творец всех тварей. Отныне я поклоняюсь Единому Тебе, и иного, кроме Тебя, Бога не знаю. Молю Тебя, Господи, научи меня, что мне делать?

И снова услышал он голос:

– Иди к священнику христианскому, приими от него крещение, и он наставит тебя ко спасению.

Исполненный радости и умиления, Плакида в слезах пал на землю и поклонился Господу, удостоившему его Своего явления. Он сокрушался о том, что доселе не знал правды и не ведал Бога истинного, и в то же время радовался духом тому, что сподобился такой благодати, открывшей ему познание истины и наставившей на правый путь. Сев снова на коня, он вернулся к своим спутникам, но, сохраняя в тайне свою великую радость, никому не поведал о том, что с ним случилось. Когда же он возвратился с охоты домой, то отозвал свою жену и наедине рассказал ей всё, что видел и слышал. Жена в свою очередь поведала ему:

– В прошлую ночь я слышала, что кто-то говорил мне такие слова: ты, твой муж и твои сыновья завтра придете ко Мне и познаете Меня, Иисуса Христа, истинного Бога, посылающего спасение любящим Меня. – Не будем же отлагать, исполним тотчас же, что нам повелено.

Настала ночь. Плакида послал искать, где живет христианский священник. Узнав, где его дом, Плакида взял с собою жену, детей и некоторых верных слуг своих, и отправился к священнику, по имени Иоанну. Придя к нему, они подробно рассказали священнику о явлении Господа и просили крестить их. Выслушав их, священник прославил Бога, избирающего и из язычников угодных Ему, и, научив их святой вере, открыл им все заповеди Божии. Потом он сотворил молитву и крестил их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И наречены были им при святом крещении имена: Плакиде – Евстафий, супруге его – Феопистия, а сыновьям их – Агапий и Феопист. После крещения священник причастил их Божественных Таин и отпустил с миром, сказав им:

– Бог, просветивший вас светом познания Своего, и призвавший вас в наследие жизни вечной, да будет всегда с вами! Когда же вы удостоитесь в той жизни лицезрения Божия, помяните и меня, отца вашего духовного.

Так возродившись в святом крещении, они возвратились в дом свой, исполненные неизреченной радости. Благодать

Божественная озарила их души тихим светом и наполнила сердца таким блаженством, что им казалось, будто они находятся на небе, а не на земле.

На следующий день Евстафий, сев на коня и взяв с собою некоторых слуг, отправился как будто на охоту на то самое место, где явился ему Господь, чтобы воздать Ему благодарение за Его неисповедимые дары. Приехав к тому месту, он разослал слуг искать добычи. Сам же, сойдя с коня, пал лицом на землю и со слезами молился и благодарил Господа за Его неизреченную милость, что благоволил Он просветить его светом веры. В своей молитве он вручал себя Господу своему, предавая себя во всём в Его благую и совершенную волю и моля Его, чтобы Он по своей благости всё устроил для него на пользу, как Сам ведает и благоизволит. И имел он здесь откровение о грядущих на него напастях и скорбях.

– Евстафий, – сказал ему Господь, – подобает тебе на деле проявить твою веру, твердую надежду и усердную любовь ко Мне. Всё сие познается не среди временного богатства и суетного благополучия, но в нищете и в напастях. Тебе, как Иову, предстоит претерпеть многие скорби и испытать многие бедствия, чтобы, будучи искушенным как золото в горниле, явиться достойным Меня и принять венец из рук Моих.

– Да будет воля Твоя, Господи, – отвечал Евстафий, – всё готов я принять из рук Твоих с благодарением. Я знаю, что Ты благ и милостив и как Отец, милуя, наказываешь; неужели же я не приму из милосердных рук Твоих отеческого наказания? Поистине готов я, как раб, с терпением нести всё, что на меня возложат, только бы Твоя всесильная помощь была со мною.

И снова услышал он голос:

– Теперь ли ты желаешь претерпеть скорби или же в последние дни жизни своей?

– Господи, – сказал Евстафий, – если невозможно совершенно миновать искушения, то дай ныне же претерпеть сии бедствия; только пошли мне Свою помощь, чтобы не одолело зло и не отторгло меня от любви Твоей.

Господь сказал ему:

– Мужайся, Евстафий, ибо благодать Моя будет с тобою и охранит тебя. Тебе предстоит глубокое уничижение, но Я вознесу тебя, – и не только на небе прославлю тебя пред Ангелами Моими, но и среди людей восстановлю твою честь: после многих скорбей Я снова пошлю тебе утешение и возвращу твой прежний сан. Ты должен, однако, радоваться не о временной почести, но о том, что твое имя вписано в книге жизни вечной.

Так беседовал святой Евстафий с невидимым Господом и, исполняясь Божественной благодати, принимал от Него откровения. Радуясь духом и пламенея любовью к Богу, он возвратился в дом свой. Всё, что было открыто ему Богом, Евстафий поведал своей честной супруге. Он не скрыл от нее, что им предстоят многие напасти и скорби, и убеждал мужественно претерпеть их ради Господа, Который обратит сии скорби в вечное веселие и радость.

Внимая своему мужу, сия благоразумная женщина сказала:

– Да будет над нами воля Господня; мы же со всем усердием станем молиться Ему только о том, чтобы Он послал нам терпение.

И стали они жить благочестиво и честно, подвизаясь в посте и молитвах, раздавая убогим милостыню еще обильнее, чем прежде, и усерднее прежнего совершенствуясь во всех добродетелях.

Спустя немного времени, попущением Божиим, постигли дом Евстафия болезни и смерть. Разболелись все его домочадцы и в короткое время умерли не только почти все его слуги, но и весь домашний скот. И так как те, кто остался в живых, лежали больные, то некому было уже охранять сокровище Евстафия, и воры по ночам расхищали его имение. Вскоре славный и богатый воевода стал почти нищим. Евстафий, однако, нимало не опечалился этим и не впал в безутешную скорбь: среди всех этих испытаний он ни в чем не погрешил пред Богом, и, благодаря Его, говорил, как Иов:

– «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов.1:21).

И утешал Евстафий супругу свою, чтобы она не скорбела о происходящем с ними, а та в свою очередь сама утешала мужа; и так оба они переносили скорби с благодарностью к Богу, во всём поручив себя Его воле и укрепляясь надеждою на Его милость. Видя, что он лишился имущества, Евстафий решил скрыться от всех своих знакомых где-нибудь в далекой стороне, и там, не открывая своего знатного происхождения и высокого звания, жить среди простого народа в смирении и нищете. Он надеялся, что, проводя такую жизнь, он без всякого препятствия и вдали от житейской молвы будет служить обнищавшему и смирившемуся ради спасения нашего Христу Господу. Евстафий посоветовался о том со своей супругою, после чего они решили ночью уйти из дома. И вот, тайно от своих домашних, – коих осталось довольно немного, и то больных, – они взяли своих детей, переменили драгоценные одежды на рубища и покинули свой дом. Происходя из знатного рода, будучи великим сановником, любимый царем, всеми уважаемый, Евстафий легко мог снова возвратить себе и славу, и честь, и богатство, коих он лишился, но, считая их за ничто, он всё оставил ради Бога и Его одного хотел иметь своим покровителем. Скрываясь, чтобы не быть узнанным, странствовал Евстафий по неведомым местам, останавливаясь среди самых простых и невежественных людей. Так, оставив свои богатые чертоги, скитался сей подражатель Христа, не имея нигде приюта. Вскоре узнали и царь и все вельможи, что любимый их воевода Плакида скрылся неизвестно куда. Все недоумевали и не знали, что подумать: погубил ли кто Плакиду, или он сам случайно как-нибудь погиб. Сильно печалились о нем и разыскивали его, но не могли постигнуть тайны Божией, совершавшейся в жизни Евстафия, «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим.11:34).

В то время как Евстафий с семьею своей пребывал в одном неизвестном месте, жена его сказала ему:

– Долго ли, господин мой, будем мы жить здесь? Уйдем лучше отсюда в далекие страны, чтобы кто-нибудь не узнал нас, и дабы не сделаться нам предметом насмешек у наших знакомых.

И вот, вместе с детьми пошли они по дороге, ведущей в Египет[5881]. Пройдя несколько дней, они пришли к морю и, увидя в пристани корабль, готовый отплыть в Египет, сели на этот корабль и отплыли. Хозяин корабля был чужестранец[5882] и человек очень свирепый. Прельстившись красотой жены Евстафия, он воспламенился страстью к ней и возымел в сердце своем лукавое намерение отнять ее у сего убогого человека и взять себе. Доплыв до берега, где Евстафию нужно было сходить с корабля, хозяин вместо платы за перевоз по морю взял себе жену Евстафия. Тот стал сопротивляться, но ничего не мог сделать, ибо свирепый и бесчеловечный чужестранец, обнажив меч, грозил убить Евстафия и бросить его в море. Некому было заступиться за Евстафия. С плачем пал он к ногам злого человека, умоляя не разлучать его с любимой подругой. Но все его просьбы не имели успеха, и он услышал решительный ответ:

– Если хочешь остаться в живых, замолчи и уйди отсюда, или же тотчас умри здесь от меча, и пусть море сие будет для тебя могилой.

Рыдая, взял Евстафий своих детей и сошел с корабля; хозяин же корабля, отчалив от берега, поднял паруса и пустился в плавание. Как тяжела была для этого богоугодного человека разлука с его целомудренной и верной супругой! Очами, полными слез, и с надрывавшимся от скорби сердцем провожали они друг друга. Рыдал Евстафий, оставшись на берегу, рыдала на корабле жена его, насильно отнятая от мужа и увозимая в неизвестную страну. Можно ли выразить их скорбь, плач и рыдание? Долго стоял Евстафий на берегу и следил за кораблем до тех пор, пока мог его видеть. Потом он отправился в путь ведя с собою своих малолетних детей; и плакал муж о жене, а дети плакали о матери своей. Одно только и было утешение для праведной души Евстафия, что испытания сии он принимает от руки Господа, без воли Коего ничто не может с ним случиться. Ободряла Евстафия и та мысль, что он для того и призван к вере Христовой, дабы с терпением проходить путь к отечеству небесному.

Но скорби Евстафия еще не кончились; напротив, ему пришлось вскоре испытать новые печали, большие прежних. Не успел он забыть своей первой скорби, как приблизилось новое горе. Он только что перенес горестную разлуку со своей супругою, а уже недалеко от него была потеря и детей. Продолжая свой путь, Евстафий пришел к многоводной и очень быстрой реке. Ни перевоза, ни моста через эту реку не было, и приходилось ее переходить. Перенести сразу обоих сыновей на другой берег оказалось невозможным. Тогда Евстафий взял одного из них и перенес на своих плечах на противоположную сторону. Посадив его здесь, он отправился назад, чтобы также перенести и второго сына. Но в то время, как он дошел уже до средины реки, вдруг раздался крик. Евстафий обернулся назад и с ужасом увидел, как сына его схватил лев и убежал с ним в пустыню. С горьким и жалостным воплем смотрел Евстафий вслед удалявшемуся зверю, пока тот со своей добычей не скрылся из глаз. Евстафий поспешил возвратиться к другому своему сыну. Но не успел он дойти до берега, как вдруг выбежал волк и утащил отрока в лес. Охваченный со всех сторон тяжкими скорбями, стоял Евстафий среди реки и как бы утопал в море своих слез. Может ли кто поведать, как велики были его сердечная скорбь и рыдания? Он лишился супруги, целомудренной, единоверной и благочестивой; лишился детей, на коих он смотрел, как на единственное утешение среди постигших его испытаний. Поистине было чудом, что человек сей не изнемог под тяжестью столь великих скорбей и остался в живых. Несомненно, что только всемогущая десница Всевышнего укрепляла Евстафия в перенесении этих скорбей: ибо только Тот, Кто попустил ему впасть в такие искушения, мог послать ему и такое терпение.

Выйдя на берег, Евстафий долго и горько плакал, и затем с сердечною скорбью стал продолжать свой путь. Для него был лишь один Утешитель – Бог, в Коего он твердо веровал и ради Коего он всё это переносил. Нимало не роптал Евстафий на Бога, не стал говорить: «Неужели для того Ты, Господи, призвал меня к познанию Тебя, чтобы я лишился супруги и детей? В том ли польза веры в Тебя, чтобы я стал несчастнейшим из всех

людей? Так ли Ты любишь верующих в Тебя, чтобы они погибли в разлуке друг с другом?» Ничего подобного даже не подумал сей праведный и терпеливый муж. Напротив, он в глубоком смирении приносил благодарение Господу за то, что Ему благоугодно видеть рабов Своих не в благополучии мирском и суетных утехах, а в скорбях и бедствиях, дабы утешить их в будущей жизни вечной радостью и веселием.

Но Всесильный Бог всё обращает во благо, и если попускает праведнику впасть в бедствия, то не затем, чтобы карать его, а чтобы испытать его веру и мужество, благоволя не к слезам, а к твердому терпению, и внимая его благодарению. Подобно тому, как некогда Господь сохранил Иону невредимым во чреве китовом (Иона, гл. 2), так Он сохранил целыми и невредимыми детей Евстафия, похищенных зверями. Когда лев уносил отрока в пустыню, увидали его пастухи и с криком стали преследовать его. Бросив отрока, лев искал спасения в бегстве. Также и волка, похитившего другого отрока, увидели землепашцы и с криком погнались за ним. Бросил и волк отрока. И пастухи и землепашцы были из одного селения. Они взяли детей и воспитали их.

Но Евстафий ничего этого не знал. Продолжая путь, он то благодарил Бога в терпении, то, побеждаемый природой человеческой, плакал, восклицая:

– Увы мне! Некогда я был богат, а теперь нищ и лишен всего. Увы мне! Некогда я был в славе, ныне же – в бесчестии. Увы мне! Некогда я был домовит и имел большие имения, ныне же я – странник. Был я когда-то как древо многолиственное и благоплодовитое, а ныне я как ветвь иссохшая. Был я окружен дома друзьями, на улицах – слугами, в битвах – воинами, а ныне остался один в пустыне. Но не остави меня, Господи! Не презри меня, Ты, Всевидче! Не забудь меня, Ты – Всеблагой! Господи, не остави меня до конца! Вспомнил я, Господи, слова Твои, сказанные на месте Твоего явления мне: «Ты имеешь восприять скорби, подобно Иову». Но вот со мною исполнилось уже большее, чем с Иовом: ибо он, хотя и лишился своего имущества и славы, но лежал на своем гноище, я же – в чужой стране и не знаю, куда мне идти; он имел друзей, утешавших

его, – мое же утешение, возлюбленных моих детей, дикие звери, похитив в пустыне, пожрали; он хотя и лишился своих детей, но мог от супруги своей иметь некоторое утешение и некоторую услугу, – моя же добрая жена впала в руки беззаконного чужестранца, и я как трость в пустыне колеблюсь бурею моих горьких печалей. Не прогневайся на меня, Господи, что я от горести сердца говорю так; ибо я говорю, как человек. Но на Тебе, Промыслителе моем и Устроителе пути моего, утверждаюсь, на Тебя надеюсь, и Твоею любовью как прохладною росою и дуновением ветра огнь печали моей прохлаждаю и желанием Тебя, как бы некоей сладостью, горечь бед моих услаждаю.

Говоря так с воздыханием и слезами, Евстафий дошел до некоего селения, называемого Вадисис. Поселившись в нем, он стал работать, нанимаясь у тамошних жителей, чтобы снискивать пропитание трудами рук своих. Работал он и трудился над таким делом, к которому не привык и которого дотоле не знал. Впоследствии Евстафий упросил жителей того селения, чтобы они поручили ему охранять их хлеб, за что они платили ему небольшую плату. Так он прожил в селении том пятнадцать лет в большой нищете и смирении и во многих трудах, так что в поте лица вкушал хлеб свой. Добродетели же и подвиги его кто может изобразить? Всякий может оценить их, если представит себе, что среди такой нищеты и странничества он ни в чем столько не упражнялся, как в молитвах, посте, в слезах, в бдениях и воздыханиях сердечных вознося к Богу очи и сердце и ожидая милости от Его неизреченного милосердия. Дети же Евстафия воспитывались недалеко оттуда, в другом селении, но он не знал о них, да и они сами не знали друг о друге, хотя и жили в одном селении. А жена его, как некогда Сарра[5883], сохраняема была Богом от распутства того чужестранца, который в тот самый час, когда отнял ее у праведного мужа, поражен был болезнью и, приехав в свою страну, умер, оставив свою пленницу чистою, не прикоснувшись к ней. Так хранил Бог Свою верную рабу, что, находясь среди сети, не была она уловлена, но как птица избавилась от сети ловящих: сеть сокрушилась, и она избавлена была помощью

Вышнего. По смерти же того чужестранца добродетельная женщина стала свободною и жила в мире, без напастей, добывая себе пищу трудами рук своих.

В то время иноплеменники вели войну против Рима и много наносили вреда, овладев некоторыми городами и областями[5884]. Поэтому царь Траян был в великой печали и, вспомнив своего храброго воеводу Плакиду, говорил:

– Если был бы с нами наш Плакида, то враги наши не могли бы насмеяться над нами; ибо он был страшен врагам, и неприятели боялись имени его, потому что он был храбр и счастлив в битвах.

И удивлялся царь со всеми вельможами своими тому странному обстоятельству, что Плакида неизвестно куда скрылся с женою и с детьми. Задумав послать разыскивать его по всему своему царству, Траян сказал окружавшим его:

– Если кто найдет мне моего Плакиду, того я удостою великой чести и наделю многими дарами.

И вот два добрых воина, Антиох и Акакий, бывшие некогда верными друзьями Плакиды и жившие при его доме, сказали:

– Самодержавный царь, повели нам поискать сего человека, который весьма нужен всему римскому царству. Если бы нам пришлось искать его и в отдаленнейших краях, то и тогда мы приложим всё свое усердие.

Царь обрадовался такой готовности их и тотчас послал их искать Плакиду. Они отправились и объехали немало областей, ища своего любимого воеводу по городам и селениям и спрашивая всякого встречного, не видел ли кто где такого человека. Наконец, приблизились они к тому селению, где жил Евстафий. Евстафий в это время стерег хлеб в поле. Увидев идущих к себе воинов, он стал присматриваться к ним и, издалека узнав их, обрадовался и плакал от радости. Глубоко воздыхая к Богу в тайне сердца своего, Евстафий встал на дороге, по которой те воины должны были пройти; они же, приблизившись к Евстафию и поздоровавшись с ним, спрашивали его, какое это селение, и кто владеет им. Затем начали спрашивать, нет ли здесь какого-нибудь странника,

такого-то возраста и такой-то наружности, имя которому Плакида.

Евстафий спросил их:

– Для чего ищете вы его?

Они отвечали ему:

– Он – друг наш, и мы долгое время не видали его и не знаем, где находится он вместе с женою и с детьми своими. Если бы кто-нибудь сообщил нам о нем, мы дали бы тому человеку много золота.

Евстафий сказал им:

– Я не знаю его и не слыхал никогда о Плакиде. Впрочем, господа мои, прошу вас, войдите в селение и отдохните в моей хижине, потому что я вижу, что вы и кони ваши утомились от дороги. Итак, отдохните у меня, а затем вам можно будет узнать об искомом вами человеке от кого-нибудь из знающих его.

Воины, послушав Евстафия, пошли с ним в селение; но не узнали его; он же хорошо узнал их, так что чуть не заплакал, но удержался. В том селении жил один добрый человек, в доме которого Евстафий имел пристанище. Он ввел воинов к сему человеку, прося его, чтобы тот оказал им гостеприимство и накормил их.

– Я же, – прибавил он, – отплачу тебе своею работою за всё, что ты потратишь на угощение, потому что эти люди – мои знакомые.

Человек, вследствие доброты своей, а также и внимая просьбе Евстафия, усердно угощал своих гостей. А Евстафий служил им, принося и ставя пред ними кушанья. При сем приходила ему на мысль его прежняя жизнь, когда те, коим он сейчас прислуживает, сами ему так служили, – и он, побеждаемый естественною слабостью природы человеческой, едва удерживался от слез, но скрывал себя пред воинами, чтобы не быть узнанным; несколько раз выходил из хижины и, немного поплакав и отерши слезы, тотчас опять входил, служа им как раб и простой поселянин. Воины же, часто взирая на лицо его, начали мало-помалу узнавать его и стали тихо говорить друг другу: «Похож сей человек на Плакиду… неужели это и на самом деле он?..» И прибавили: «Помним мы, что у

Плакиды была на шее глубокая рана, которую он получил на войне. Если у сего мужа есть такая рана, то он воистину сам Плакида». Увидев на шее его ту рану, воины тотчас вскочили из-за стола, припали к ногам его, стали обнимать его и много плакали от радости, говоря ему:

– Ты – Плакида, которого мы ищем! Ты – любимец царя, о котором он так долго печалится! Ты – римский воевода, о котором скорбят все воины!

Тогда Евстафий понял, что настало время, о котором предрекал ему Господь и в которое он должен был снова получить первый свой сан и прежнюю свою славу и честь, и сказал воинам:

– Я, братие, тот, кого вы ищете! Я – Плакида, вместе с коим вы долгое время воевали против врагов. Я – тот человек, который был некогда славой Рима, страшен иноплеменникам, вам дорог, ныне же – нищ, убог и никому не известен!

Велика была их взаимная радость, и радостны были их слезы. Они одели Евстафия в дорогие одежды, как своего воеводу, вручили ему послание царя и усердно просили его, чтобы он немедленно шел к царю, говоря:

– Враги наши начали одолевать нас, и нет никого столь храброго, как ты, кто бы мог победить и рассеять их!

Хозяин же того дома и все его домашние, слыша это, дивились и недоумевали. И по всему селению пронеслась весть, что в нем нашелся великий человек. Все жители селения стали стекаться, как к великому чуду, и с удивлением смотрели на Евстафия, одетого как воевода и принимающего почести от воинов. Антиох и Акакий рассказали народу о подвигах Плакиды, о его храбрости, славе и благородстве. Народ, услышав, что Евстафий такой храбрый римский воевода, удивлялся, говоря: «О, какой великий муж жил среди нас, служа нам как наемник!» И кланялись ему до земли, говоря:

– Почему ты не открыл нам, господин, своего знатного происхождения и сана?

Бывший хозяин Плакиды, у которого он жил в доме, припадал к ногам его, прося его, чтобы он не прогневался на него за непочтение с его стороны. И все жители того селения

стыдились при мысли, что они имели великого человека наемником, как раба. Воины посадили Евстафия на коня и поехали с ним, возвращаясь в Рим, а все поселяне провожали его далеко с великими почестями. Во время пути Евстафий беседовал с воинами, и они спрашивали его о жене и детях его. Он рассказал им всё по порядку, что с ним случилось, и они плакали, слушая про таковые его злоключения. В свою очередь и они поведали ему, как опечален был из-за него царь, и не только он, но и весь его двор, и воины. Ведя между собою такую беседу, они через несколько дней достигли Рима, и воины возвестили царю, что они нашли Плакиду, – и как это произошло. Царь с честью встретил Плакиду, окруженный всеми своими вельможами, и с радостью обнял его и спрашивал о всем, что с ним случилось, Евстафий рассказал царю всё бывшее с ним, с его женою и детьми, и все, слушая его, умилились. После этого царь возвратил Евстафию его прежний чин и наделил его богатством большим, чем каким он владел сначала. Весь Рим радовался возвращению Евстафия. Царь просил его, чтобы он отправился на войну против иноплеменников и своею храбростью защитил Рим от их нашествия, а также отомстил бы им за отнятие ими некоторых городов. Собрав всех воинов, Евстафий увидел, что их недостаточно для такой войны; поэтому он предложил царю отправить указы во все области своего государства и собрать из городов и селений способных для воинской службы юношей, а затем прислать их в Рим; и это было исполнено. Царь отправил указы, и в Рим было собрано множество людей молодых и крепких, способных к войне. Среди них приведены были в Рим и два сына Евстафиевы, Агапий и Феопист, которые к тому времени уже возмужали и были лицом красивы, телом статны и силою крепки. Когда они были приведены в Рим, и воевода увидал их, то очень полюбил их, ибо сама отеческая природа привлекала его к детям, и он чувствовал к ним сильную любовь. Хотя он и не знал, что они – его дети, однако, любил их, как детей своих, и они всегда находились при нем и сидели с ним за одним столом, ибо они были любезны его сердцу. Вслед за тем Евстафий отправился на войну с иноплеменниками и победил

их силою Христовою. Он не только отнял у них взятые ими города и области, но и завоевал всю неприятельскую землю, и совершенно победил их войско. Укрепляемый силою Господа своего, он выказал еще большую храбрость, чем прежде, и одержал такую блистательную победу, какой еще никогда прежде не одерживал.

Когда война окончилась, и Евстафий уже с миром возвращался в свое отечество, случилось ему быть в одном селении, расположенном на живописном месте, при реке. Так как это место было удобно для стоянки, то Евстафий остановился со своими воинами на три дня: ибо Богу было так угодно, чтобы верный Его раб свиделся с женою и детьми и чтобы рассеянные вновь собрались во едино. Жена его жила в том самом селении, имея сад, от которого с большим трудом снискивала себе пропитание. По смотрению Божию, Агапий и Феопист, ничего не зная о матери своей, поставили себе палатку около ее сада; воспитанные в одном и том же селении, они имели одну общую палатку и любили друг друга, как единоутробные братья. Не знали они, что они – родные братья, однако, не ведая своего близкого родства, хранили между собою братскую любовь. Оба они ложились отдыхать около сада своей родительницы, недалеко от того места, где был стан воеводы. Однажды мать их около полудня работала в своем саду и услыхала разговор Агапия и Феописта, которые в это время отдыхали в своей палатке. Беседа их была такая: они спрашивали друг друга, какого каждый из них происхождения, и старший сказал:

– Я помню немного, что отец мой был воеводою в Риме, и не знаю, почему он удалился с матерью моею из этого города, взяв с собою меня и моего младшего брата (а нас было у него двое). Помню я еще, что мы дошли до моря и сели на корабль. Затем, во время морского плавания, когда мы пристали к берегу, отец наш вышел из корабля, а с ним и мы с братом, мать же наша, не знаю по какой причине, осталась на корабле. Помню я и то, что отец горько о ней плакал, плакали и мы с ним, и он с плачем продолжал путь. Когда же мы подошли к реке, отец посадил меня на берегу, а младшего брата моего,

взяв на плечо, понес на противоположный берег. Когда затем он, перенеся его, шел за мною, прибежал лев, схватил меня и унес в пустыню; но пастухи отняли меня у него, и я воспитан был в том селении, которое ты знаешь.

Тогда младший брат, быстро встав, бросился на шею его с радостными слезами, говоря:

– Воистину ты – брат мой, ибо и я помню всё то, о чем ты рассказываешь, и я сам видел, когда похитил тебя лев, а меня в то время унес волк, но земледельцы отняли меня у него.

Узнав свое родство, братья очень обрадовались и стали обнимать и целовать друг друга, проливая радостные слезы. А мать их, слыша такой разговор, удивлялась и возводила очи к небу с воздыханием и слезами, ибо она убедилась, что они – действительно ее дети, и сердце ее ощущало сладость и отраду после всех горьких печалей. Однако, как женщина разумная, она не смела явиться к ним и открыть себя без более достоверного известия, ибо она была нищая и одета была в худые одежды, а они были видные и славные воины. И решила она пойти к воеводе, чтобы попросить его дозволения возвратиться в Рим вместе с его войском: она надеялась, что там ей легче будет открыться сыновьям своим, а также узнать о своем муже, жив ли он, или нет. Она пошла к воеводе, стала пред ним, поклонилась ему и сказала:

– Прошу тебя, господин, прикажи, чтобы я следовала за полком твоим в Рим; ибо я – римлянка и была взята в плен иноплеменниками в эту землю – вот уже шестнадцатый год; а теперь, будучи свободна, я скитаюсь по чужой стране и терплю крайнюю нищету.

Евстафий, по доброте своего сердца, тотчас преклонился к ее просьбе и дозволил ей безбоязненно возвращаться в свое отечество. Тогда жена та, смотря на воеводу, вполне убедилась, что он – муж ее, и в удивлении стояла, точно в забытьи. Но Евстафий не узнал жены своей. Она же, получив неожиданно одну радость после другой, подобно тому, как прежде одну печаль вслед за другой, внутренне с воздыханием молилась Богу и боялась открыться мужу своему и сказать, что она – жена его; ибо он в великой славе и был теперь окружен множеством

приближенных; она же была как самая последняя нищая. И удалилась она из его палатки, молясь Владыке и Богу своему, чтобы Он Сам устроил то, дабы муж и дети узнали ее. Затем выбрала она более удобное время, снова вошла к Евстафию и стала перед ним. А он, посмотрев на нее, спросил:

– Чего ты еще просишь у меня, старица?

Она поклонилась ему до земли и сказала:

– Умоляю тебя, господин мой, не прогневайся на меня, рабу свою, за то, что я хочу спросить тебя об одном деле. Ты же будь терпелив и выслушай меня.

Он сказал ей:

– Хорошо, говори.

Тогда она начала свою речь так:

– Не ты ли – Плакида, нареченный во св. крещении Евстафием? Не ты ли – видел Христа на кресте среди оленьих рогов? Не ты ли – ради Господа Бога вышел из Рима с женою и с двумя детьми, Агапием и Феопистом? Не у тебя ли чужестранец отнял жену на корабле? Свидетель мне на небе верный – Сам Христос Господь, ради Которого я претерпела многие напасти, в том, что я – жена твоя, и что благодатью Христовою я сохранена была от оскорбления, ибо сей чужестранец в тот самый час, как отнял меня у тебя, погиб, наказанный гневом Божиим, а я осталась чистою, и теперь бедствую и скитаюсь.

Услышав всё сие, Евстафий как будто пробудился от сна и тотчас узнал жену свою, встал и обнял ее, и оба они много плакали от великой радости. И сказал Евстафий:

– Восхвалим и возблагодарим Христа Спасителя нашего, Который не оставил нас милостью Своею, но как обещал после скорбей утешить нас, так и сотворил!

И они со многими радостными слезами благодарили Бога. После этого, когда Евстафий перестал плакать, жена спросила его:

– Где же дети наши?

Он же, глубоко вздохнув, ответил:

– Звери съели их.

Тогда жена его сказала ему:

– Не скорби, господин мой! Бог помог нам нечаянно найти друг друга, так поможет Он нам найти и детей наших.

Он заметил ей:

– Разве я не сказал тебе, что их съели звери?

Она же стала рассказывать ему всё, что накануне слышала в своем саду во время работы, – все те речи, которые вели между собою два воина в палатке и из которых она узнала, что они – сыновья их.

Евстафий тотчас же позвал к себе тех воинов и спросил их:

– Какого вы происхождения? Где родились? Где воспитывались?

Тогда старший из них ответил ему так:

– Господин наш, мы остались малолетними после своих родителей и потому мало помним свое детство. Однако мы помним то, что отец наш был римским воеводою, подобным тебе, но не знаем мы, что случилось с нашим отцом, и почему он вышел ночью из Рима с матерью нашею и с нами двоими; не знаем мы и того, почему именно, когда мы на корабле переплыли море, осталась на том корабле мать наша. А отец наш, плача о ней, подошел с нами к одной реке. В то время, как он, перенося нас по одиночке через реку, находился среди реки, похитили нас звери: меня – лев, а брата моего – волк. Но мы оба спасены были от зверей: ибо меня спасли и воспитывали пастухи, а брата моего – земледельцы.

Услыхав это, Евстафий и жена его узнали детей своих и, бросившись им на шею, долго плакали. И была великая радость в лагере Евстафия, как некогда в Египте, когда Иосифа узнали братья его (Быт.45:1–15). По всем полкам прошел слух о нахождении жены и детей воеводы их, и все воины радостно собрались вместе, и было большое ликование во всем войске. Не так радовались они победам, как сему радостному событию. Так утешил Бог верных рабов Своих, ибо Он «Господь умерщвляет и оживляет… Господь делает нищим и обогащает» (1Цар.2:6–7), низводит в скорби и возводит к радости и веселью. И Евстафий мог тогда говорить с Давидом: «Придите, послушайте, все боящиеся Бога, и я возвещу [вам], что сотворил Он для души моей. Помяну сотворити милость со

мною. Десница Господня высока, десница Господня творит силу!» (Пс.65:16, 10:16, 117:16).

В то время, как Евстафий возвращался с войны, радуясь вдвойне: и победе, и нахождению жены и детей, – еще до прибытия его в Рим, – умер царь Траян; ему наследовал Адриан, который был очень жесток, ненавидел людей добрых и преследовал благочестивых. После того как Евстафий с великим торжеством вошел в Рим, по обычаю римских полководцев и вел с собою много пленников, окруженный богатою военною добычею, – то царь и все римляне приняли его с почетом[5885], и храбрость его прославилась еще больше, чем прежде, и все почитали его больше прежнего. Но Бог, Который не хочет, чтобы рабы Его были почитаемы и славимы в сем превратном и непостоянном мире суетным и временным почитанием, ибо Он уготовал им на небе вечную и непреходящую честь и славу, – указывал Евстафию путь мученический, ибо вскоре снова послал ему бесчестие и скорбь, которые он радостно претерпел за Христа. Злочестивый Адриан захотел совершить жертвоприношение бесам, в благодарность за победу над врагами. Когда он входил со своими вельможами в идольский храм, Евстафий не вошел за ними, но остался снаружи. Царь спросил его:

– Почему не хочешь ты войти с нами в храм и поклониться богам? Тебе ведь прежде других следовало бы воздать им благодарение за то, что они не только сохранили тебя целым и невредимым на войне и даровали тебе победу, но и помогли найти тебе жену твою и детей твоих.

Евстафий отвечал:

– Я – христианин и знаю Единого Бога моего Иисуса Христа, и Его чту и благодарю, и поклоняюсь Ему. Ибо Он всё даровал мне: и здоровье, и победу, и супругу, и чад. А глухим, немым, бессильным идолам я не поклонюсь.

И Евстафий ушел в дом свой. Царь разгневался и стал размышлять, как бы наказать Евстафия за бесчестие богов своих. Сначала он снял с него сан воеводский и вызвал его на суд, как простого человека, с женою и детьми его, и увещевал их принести жертву идолам; но, не будучи в состоянии

уговорить их к этому, осудил на съедение зверям. И вот святой Евстафий, сей славный и храбрый воин, пошел в цирк, осужденный на казнь вместе со своею женою и сыновьями. Но не стыдился он сего бесчестия, не боялся смерти за Христа, Которому он ревностно служил, исповедуя пред всеми святое имя Его. Он укреплял и свою святую супругу, и детей своих, чтобы они не устрашались смерти за Жизнодавца всех Господа; и они шли на смерть, как на пир, укрепляя друг друга надеждою на будущее воздаяние. На них выпущены были звери, но не коснулись их, ибо, как только какой-нибудь из зверей подходил к ним, тотчас же возвращался назад, преклонив пред ними свою голову. Звери смягчили свою ярость, а царь еще больше разъярился и повелел увести их в темницу. А на другой день велел раскалить медного вола и бросить в него святого Евстафия с женою и детьми его[5886]. Но сей раскаленный вол был для святых мучеников, как халдейская печь, прохлажденная росою, для святых отроков (Дан.3:21). Находясь в этом воле, святые мученики, помолившись, предали Богу души свои и перешли в Царствие Небесное. Спустя три дня подошел Адриан к волу тому, желая увидать прах сожженных мучеников; открыв дверцы, мучители нашли тела их целыми и невредимыми, и ни один волос на главах их не сгорел, а лица их похожи были на лица спящих и блистали чудною красотою. Весь народ, находящийся там, воскликнул:

– Велик Бог христианский!

Царь со стыдом возвратился в свой дворец, и весь народ укорял его за злобу, – что он напрасно предал смерти такого необходимого для Рима воеводу. Христиане же, взявши честные тела святых мучеников, предали их погребению[5887], славя Бога, дивного во святых Своих, Отца и Сына и Святого Духа, Емуже от всех нас да будет честь, слава и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Страсти Христовы яве подражав, и Сего испив усердно чашу, общник, Евстафие, и славы снаследник был еси, от Самого всех Бога приемля с высоты Божественное оставление.

Страдание святых мучеников Михаила, князя Черниговского и боярина его Феодора, от нечестивого Батыя пострадавших

Память 20 сентября

Когда ты видишь смуты и войны или иные бедствия, не думай, чтобы всё сие было простым, обычным явлением сего временного мира, или произошло от какого-нибудь случая; но знай, что бедствия попускаются волею всемогущего Бога за наши грехи, дабы согрешающие приходили в чувство и исправлялись. Вначале Господь вразумляет нас грешных малыми наказаниями; если же мы не исправляемся, тогда Он посылает на нас большие наказания, как некогда и на израильтян. Ибо что попустил Господь на тех, кои не захотели исправиться от вервий бича Христова? (Иоан.2:15) – «Поразишь их, – сказал Он, – жезлом железным» (Пс.2:9). Наказания малые, которые Господь попускает в начале, суть следующие: мятеж, голод, внезапная смерть, междоусобные войны и тому подобное. Если же такими наказаниями грешники не вразумляются, тогда Господь посылает на них жестокое и тяжкое нашествие иноплеменников, чтобы хотя в сем великом бедствии люди могли прийти в чувство и обратиться от путей своих лукавых, – по слову пророка: «Когда Он убивал их, они искали Его» (Пс.77:34). Так было и с нами, со всей нашей землею Российской. Когда мы своим злым нравом прогневали благость всемилостивого Бога и сильно оскорбили Его милосердие, прийти же в раскаяние, уклониться от зла и творить благое не хотели, – тогда разгневался на нас Господь праведным гневом Своим и восхотел наказать нас за наши беззакония лютейшею казнью. И вот Он попустил тогда прийти на нас безбожным и жестоким варварам, называемым татарами, с нечестивейшим и беззаконнейшим их царем Батыем[5888]. В бесчисленном множестве напав на русскую землю[5889], они победили русских благоверных князей и сокрушили их войско;

все города они разорили и землю русскую опустошили мечом и огнем, ибо никто не мог сопротивляться тем безбожным полчищам, коим за наши грехи предал нас Бог, глаголавший некогда через пророка: «Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас» (Ис.1:19–20). Христиане, спасшиеся от меча и пленения, скрывались в горах и непроходимых пустынях; и вся земля русская представляла тогда скорбное зрелище: места, населенные прежде людьми, – города и села, – стали пусты, а где прежде жили дикие звери, там водворялись люди, укрываясь от варваров.

В то время жил благочестивый и приснопамятный Михаил, сын Всеволода Чермного[5890], князь Черниговский. С юных лет отличался он добродетельною жизнью; возлюбив Христа, он служил Ему от всего сердца, – и все видели душевное незлобие князя: его кротость, смирение, обходительность со всеми и милосердие к бедным. Угождая всегда Богу молитвою и постом и всякими добрыми делами украшая свою душу, князь Михаил соделал ее прекрасным жилищем Бога, Творца своего.

У сего благочестивого князя был любимый боярин, подобно ему добродетельный, по имени Феодор; вместе с ним князь Михаил и пострадал от нечестивого Батыя, положив душу свою за Христа.

Когда благоверный и христолюбивый Михаил владел княжеством Киевским, нечестивый Батый прислал своих татар осмотреть город Киев. Посланные изумились, увидев величие и красоту города Киева, и, возвратившись к Батыю, рассказали ему об этом знаменитом городе. Тогда Батый снова отправил послов к Михаилу с тем, чтобы они лестью уговорили князя добровольно покориться ему. Благоверный князь Михаил понял, что татары коварством хотят взять город и опустошить его: князь слыхал уже раньше, что те жестокие варвары без милосердия убивают даже добровольно покоряющихся им, и потому повелел умертвить послов Батыя. Вслед за тем Михаил узнал о приближении громадного войска татарского, которое как саранча, в великом множестве (ибо воинов было 600 тысяч человек), нашло на землю русскую и овладело укрепленными

городами ее. Сознавая, что Киеву невозможно уцелеть от приближающихся врагов, князь Михаил вместе с боярином Феодором бежал в Венгрию[5891] искать помощи своей родине. Не получив сей помощи, Михаил некоторое время странствовал по чужой стороне; «укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев»[5892] (Ис. 26:20).

По отъезде князя Михаила из Киева, другие русские князья владели Киевским княжеством, однако, и они не могли защитить Киева от нечестивого Батыя. Придя со всем своим войском, Батый овладел Киевом, Черниговом и другими укрепленными городами и княжествами; все они сильно разорены были огнем и мечом. – Это было в 6748 году от сотворения мира, а от Рождества Христова в 1240 году. – Тогда знаменитый и славный город Киев был совершенно разорен руками христоненавистных врагов, именитые граждане погибли от меча нечестивых – одни были убиты, а другие отведены в плен. Благолепные Божии храмы были осквернены и сожжены, так что исполнились слова Давида: «Боже! Язычники пришли в наследие Твое, осквернили святый храм Твой, Иерусалим превратили в развалины; трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих – зверям земным; пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их» (Пс.78:1–3).

Князь Михаил, находившийся в то время в странствовании, слыша обо всём происходившем в русской земле, неутешно оплакивал единоверную свою братию и опустение своей земли. Вскоре Михаилу стало известным, что городским жителям, в небольшом числе уцелевшим от меча и плена, нечестивый царь повелел безбоязненно жить на своих местах, но с тем, чтобы они платили ему дань. И многие русские князья, бежавшие в далекие и чужие страны, услыхав о сем, стали возвращаться в родную землю. Поклонившись нечестивому царю, они занимали свои княжества и, платя дань Батыю, водворялись в своих разоренных городах. Возвратился из странствования и благочестивый князь Михаил с боярином своим Феодором и со всеми своими людьми, соглашаясь лучше платить дань нечестивому царю и жить хотя бы в опустевшем своем отечестве, нежели быть странником в чужой земле. Сначала он

пришел в Киев и здесь горько плакал, видя святые места опустевшими и небеси подобную Печерскую церковь[5893] разоренною до основания. Затем Михаил отправился в Чернигов. И едва успел князь Михаил отдохнуть здесь от пути, как татары, услыхав о возвращении его, пришли от Батыя и начали звать его (как и других русских князей) к своему царю, говоря:

– Нельзя вам жить на земле Батыя, не поклонившись ему. Итак, идите – поклонитесь ему и будьте данниками его, – и тогда оставайтесь в жилищах своих.

У того нечестивого царя был следующий обычай; если кто-нибудь из русских князей приходил поклониться ему, то волхвы и жрецы татарские принуждали их проходить сквозь огонь[5894], а если кто-нибудь из князей приносил с собою какие-либо дары царю, то волхвы брали по небольшой части от всех этих даров и бросали в огонь, как жертву. Проведя через огонь, они принуждали поклоняться солнцу, кусту и идолам, – и уже после этого допускали к царю. Многие из русских князей, из страха перед царем и чтобы удержать за собой свое княжество, исполняли всё сие: проходили сквозь огонь поклонялись идолам, – и за то получали от царя, чего они просили.

Слыша, что многие из русских князей, прельстившись славою мира сего, поклонились идолам, благочестивый князь Михаил сильно скорбел о том и, возревновав о Господе Боге, решился идти к царю неправедному и коварнейшему из всех людей и неустрашимо исповедать перед ним Христа и пролить кровь свою за Господа. Замыслив сие и воспламенясь душою, Михаил призвал своего верного советника, боярина Феодора, и поведал ему о своем намерении. Тот, будучи благочестивым и твердым в вере, одобрил решение своего господина и обещал не покидать его до самой кончины, и вместе с ним положить свою душу за Христа. После такого совещания, они твердо решились, отнюдь не изменяя своего намерения, идти и умереть за исповедание Иисуса Христа. Тотчас же они пошли к своему духовному отцу, по имени Иоанну, чтобы сообщить ему о сем. Придя к нему, князь сказал:

– Хочу, отче, идти к царю, как и все русские князья.

Духовник, со скорбью услышав такие слова и глубоко вздохнув, сказал:

– Многие князья туда ходили и души свои погубили, исполнив волю Батыя и поклонившись огню и солнцу и прочим идолам; и ты, Михаил, если хочешь, иди с миром, но только умоляю тебя, – не подражай им и не делай того, что они сделали для сохранения земной власти: не ходи сквозь огонь нечестивых и мерзким богам их не поклоняйся, ибо Един Бог наш, Иисус Христос; не вкушай также ничего из скверных идоложертвенных яств, чтобы тебе не погубить души своей.

Князь с боярином отвечали:

– Мы хотим пролить кровь нашу за Христа и положить за Него души свои, да будем Ему благоприятной жертвой.

Услышав сие, Иоанн возрадовался душою и радостным взором взглянув на них, сказал:

– Если так сделаете, блаженны будете, и в сем последнем роде будете именоваться новоявленными мучениками.

Потом, преподав им наставления из Евангелия и из прочих богодухновенных книг, он причастил князя и боярина Божественных Таин Тела и Крови Христовых, благословил их и сказал:

– Господь Бог да укрепит вас и да пошлет вам дар Святого Духа, чтобы вам быть твердыми в вере, смелыми в исповедании имени Христова и мужественными в страдании, и да причтет вас Царь Небесный к лику первых святых мучеников.

После этого Михаил и Феодор отправились домой; сделавши там все нужные приготовления для своего путешествия и простившись со своими домашними, они поспешно отправились в путь с молитвою к Богу, пламенея сердечною к Нему любовью и желая венца мученического, «как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс.41:2).

Когда они достигли того места, где находился безбожный царь Батый, то об их прибытии тотчас же было ему доложено. Призвав волхвов и жрецов своих, Батый повелел им провести Черниговского князя по обычаю сквозь огонь и заставить его

поклониться идолам, и затем уже представить его к себе. Пришедши к князю, волхвы сказали ему:

– Тебя зовет великий царь.

И взяв его, повели. За ним последовал, как за своим господином, и боярин его Феодор. Вскоре они дошли до того места, где с двух сторон разложен был огонь, а по середине был путь, коим многие уже проходили; сим путем волхвы хотели вести и князя Михаила. Тогда князь сказал:

– Не подобает христианам проходить сквозь тот огонь, который нечестивые почитают за Бога, я же – христианин; поэтому не пойду сквозь огонь и не поклонюсь твари, ибо я поклоняюсь Творцу, – Отцу и Сыну и Святому Духу, – Единому Богу в Троице, Создателю неба и земли.

Услыхав такие слова князя, волхвы и жрецы пришли в ярость; оставив Михаила, они пошли донести о его речах царю. В это время к князю Михаилу подошли некоторые русские князья, вместе с ним пришедшие на поклонение Батыю, – между ними был и князь Ростовский Борис[5895]. Они, жалея Михаила и глубоко скорбя о нем, а вместе с тем боясь, чтобы не навлечь гнев царский и на себя, советовали Михаилу исполнить волю Батыя.

– Ты можешь, – говорили они, – притворно исполнить приказание и поклониться огню и солнцу, чтобы только избавиться от царского гнева и от лютой смерти. Когда же с миром возвратишься к себе домой, тогда ты будешь поступать уже по своему желанию: тебя не будет Господь наказывать за сие и не прогневается на тебя, потому что ведает Он, что ты сделал так по принуждению. Если же тебе поставит духовник в грех твой поступок, то мы все возьмем на себя вину твою, – только послушай нас и, пройдя сквозь огонь, поклонись татарским богам; сим ты и себя и нас освободишь от царского гнева и злой смерти, а для земли своей испросишь много полезного.

Всё сие говорили они Михаилу с горькими слезами. Благочестивый боярин Феодор, слушая их слова, сильно опечалился, опасаясь, чтобы князь не последовал совету

окружающих его и не отпал от веры. Подойдя к князю, он стал напоминать ему обещание его и слова духовника:

– Вспомни, благочестивый князь, – говорил он, – как ты давал обет положить душу свою за Христа; припомни слова Евангельские, коими поучал нас духовный отец: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк.8:35–36) – «Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф.10:32–33).

С наслаждением слушал князь Михаил сии слова своего боярина и, пламенея ревностью по Боге, с радостью ожидал мучения, готовый умереть за Христа-Жизнодавца. Князь же Борис, о коем выше было упомянуто, продолжал сильно упрашивать Михаила исполнить царскую волю.

– Не желаю быть христианином только по имени, – отвечал им Михаил, – а поступать как язычники.

И, сняв с себя меч свой, бросил его к ним и сказал:

– Возьмите славу мира сего: она не нужна мне.

Вслед затем пришел от Батыя один знатный царедворец, по имени Ельдега, и передал князю Михаилу от своего царя следующие слова:

– Великий царь так говорит тебе: выбирай то или другое. Если исполнишь мое повеление – пройдешь сквозь огонь и богам моим поклонишься, то не только останешься жив, но и получишь от меня великие милости и будешь полным господином в своем княжестве. Если же не послушаешь меня и не поклонишься богам моим, то умрешь злою смертью.

Выслушав от Ельдеги царские слова, князь Михаил нисколько не устрашился, но смело отвечал:

– Скажи царю – так говорит тебе князь Михаил, раб Христов: если тебе, царь, вручены от Бога царство и слава мира сего и Десница Вышнего покорила нас тебе за наши грехи, то мы должны кланяться тебе как царю и воздавать честь, подобающую твоему царскому достоинству, но чтобы отречься

Христа и поклониться твоим богам, – сего не будет: ибо не боги они, а творение. Наши же пророческие Писания так говорят: «Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер.10:11). Что может быть безумнее, как оставить Создателя и поклоняться созданию?

Ельдега же сказал ему:

– Ты, Михаил, ошибаешься называя солнце созданием: ибо, – скажи мне, – кто вошел на ту неизмеримую небесную высоту и сотворил такое великое светило, которое освещает всю вселенную?

– Если желаешь выслушать меня, – отвечал ему святой, – то я скажу тебе, Кто сотворил солнце и всё видимое и невидимое. – Бог безначальный и невидимый, и Его Единородный Сын, Господь наш Иисус Христос, также несозданный и не имеющий ни начала, ни конца, равно и Дух Святой, – Бог в трех Лицах, но Единый по Существу, – Он сотворил небо и землю и солнце, коему вы кланяетесь, и луну и звезды, а также море и сушу; Он же сотворил и первого человека Адама и отдал ему на служение всё сотворенное. Господь же дал людям закон, чтобы они не поклонялись ничему сотворенному, – ни на земле, ни на небе, но чтобы поклонялись Единому Богу, всё сотворившему; Ему я и поклоняюсь. А если царь обещает мне княжество и славу мира сего, то я не ищу сего, так как и сам царь не вечен, также не вечна и власть, какую он дает мне, и в коей я не нуждаюсь. Я надеюсь, что Бог мой, в Коего я верую, даст мне царство вечное, не имеющее конца.

Тогда Ельдега сказал:

– Если ты, Михаил, будешь упорствовать и не исполнишь царской воли, то будешь тотчас умерщвлен.

Святой отвечал:

– Я не боюсь той смерти, через которую могу удостоиться вечного пребывания с Богом. – И для чего нам много говорить? Я – христианин, исповедую Творца неба и земли, твердо в Него верую и с радостью умру за Него.

Тогда Ельдега, видя, что ни ласками, ни угрозами не может склонить Михаила исполнить царскую волю, пошел к Батыю,

чтобы передать ему всё, слышанное от Михаила.

Выслушав Ельдегу, Батый пришел в ярость и велел своим приближенным немедленно же умертвить князя Михаила. И бросились слуги мучителя, как псы на охоту или как волки, бегущие за овцой. Святой мученик Христов пребывал в это время вместе с Феодором не страшась смерти, они воспевали псалмы и усердно молились Богу. Увидев приближавшихся убийц, они начали петь: «Мученицы Твои, Господи, многие муки претерпеша и любовию Твоею души соединиша святии». Достигнув того места, где стоял князь Михаил, убийцы как звери схватили его за руки и за ноги и, распростерши на земле, долго и беспощадно били по всему телу, так что и земля обагрилась его кровью. Михаил же переносил всё это мужественно, твердя только одно: «Я – христианин!»

Тут же находился один из царских слуг бывший прежде христианином, а потом сделавшийся отступником и принявший татарскую нечестивую веру. Этот отступник, видя, как святой мужественно переносит мучения, озлобился на него, и, так как был врагом христиан, вынув нож, схватил Михаила за главу, отрубил ее и бросил, – между тем как уста святого исповедника продолжали повторять: «Я – христианин».

О, дивное чудо! Отнятая уже от тела глава всё еще исповедовала Христа.

После этого нечестивые мучители приступили к благочестивому Феодору и говорили ему:

– Исполни царское повеление и поклонись богам нашим: за то ты не только останешься в живых, но и получишь великую честь от царя и наследуешь княжество твоего господина.

Но святой Феодор отвечал:

– Княжества господина моего я не ищу, – не нужно мне и чести от царя вашего, – я желаю только того, чтобы идти ко Христу тем же путем, коим пошел господин мой, – святой мученик князь Михаил, потому что я так же, как и он, верую во Единого Христа, Творца неба и земли, так же хочу пострадать за Него, и не страшусь мучений и самой смерти.

Видя непреклонность Феодора, убийцы схватили его и начали мучить так же жестоко, как и святого Михаила. Наконец,

они отсекли честную его главу, сказав при сем:

– Кто не пожелал поклониться пресветлому солнцу, тот недостоин и смотреть на солнце.

Так, честно пострадав, святые мученики Михаил и Феодор предали души свои в руки Господу, – в 6753 году от сотворения мира, от Рождества же Христова в 1245 году, сентября в 20 день. Святые тела их брошены были на съедение псам, но в продолжение многих дней оставались целыми и никем не тронутыми. – Так благодать Христова сохраняла их невредимыми. – Кроме сего над телами мучеников появлялся огненный столп, сиявший ярким блеском, и каждую ночь виднелись горящие свечи. Видя всё сие, христиане, находившиеся в то время в Орде, взяли тайно тела мучеников и с честью погребли их[5896].

По убиении святых мучеников, нечестивый Батый снова пошел войною со всеми своими полчищами сначала на Польшу, потом на Венгрию, но венгерским королем Владиславом был убит, получив таким образом злой конец своему злому житию. – Так мучитель Батый получил в удел ад, святые же мученики наследовали Царство Небесное и вечно прославляют Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Жизнь вашу мученически совершивше, исповедания венцы украсившеся, к небесным востекосте, Михаиле премудре с доблим Феодором: молите Христа Бога сохранити отечество ваше, императора же и люди, по велицей Его милости.

Кондак, глас 8:

Царство земное в ничтоже вменив, славу яко преходящую оставил еси: самозван[5897] пришед к подвигом, Троицу проповедал еси пред нечестивым мучителем, страстотерпче Михаиле, с доблим Феодором. Царю сил предстояще, молите без вреда сохранити отечество ваше, императора же и люди, да вас непрестанно почитаем.

Святой Апостол Кодрат

Память 21 сентября

Святой Апостол Кодрат, один из числа семидесяти, проповедовал слово Божие в Афинах и в Магнезии[5898], где и был епископом; своею проповедью многих он привел к свету Богоразумия. По слову Сираха, он был «как утренняя звезда среди облаков» (Сир. 50:6): под темными облаками разумеем языческое безбожие, чуждое света благочестия; люди, одержимые им, сидели во тьме и тени смертной. Святой же Апостол Кодрат, проповедуя слово Божие, воссиял перед ними словно великий свет; он разогнал тьму, их окружавшую, уничтожил идольские жертвы, разрушил идолов и своею молитвою разорил бесовские храмы; как некогда звезда была путеводительницею восточным царям, так и он показал путь ко Христу, и как утренняя звезда ведет за собой солнце, так и он возвещал миру о великом Светиле и разогнал мрак, окружавший человеческие души. Но тьма – постоянный враг света; поэтому и безбожные еллины, видя, что Кодрат разрушает их идолов, изгоняет бесов, искореняет злочестие, воздвигли на святого Апостола гонение и бросились на него с камнями, как некогда иудеи на Стефана (Деян.7:59); хотя святого Кодрата и закидали камнями, но хранимый Христовой благодатью он остался жив. Тогда его заключили в темницу и долго томили голодом; нечестивые идолопоклонники лишили естественной пищи того, кто насыщал их души не брашном тленным, но пищей, приводящей в жизнь вечную. Они томили святого голодом, но сами погибали от того голода, о коем св. Писание говорит: «Не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (Амос.8:11). Не могли они погубить голодом мужа, всегда подкрепляемого свыше, но сами обрекли себя на вечную смерть. После долгих мучений святой Кодрат умер, но душа его живет в Царствии Небесном и наслаждается райским блаженством. Он окончил подвиг своего страдания при царе Адриане, и начал жить вечно пред Царем славы Иисусом Христом: с Ним он страдал, с Ним и прославляется в царстве

Его. Святое тело его, положенное в Магнезии, источало многие исцеления недужным. Аминь.

Кондак, глас 8:

Яко священноначальника честна, и страдальца твердейша, вселенная приносит тебе Господи, Кодрата Апостола, и песньми почитает честную его память, просящи всегда прегрешений оставления тем дароватися, поющым Его благоутробие.

Память святых священномучеников Ипатия и Андрея

Память 21 сентября

Сии святые родились в Лидийской стране[5899]. В детстве они оба учились наукам вместе в одной обители и, украшая себя всеми добродетелями, всё более и более укреплялись в вере. Достигнув зрелого возраста, Ипатий принял иночество; он стремился к тому, чтобы постоянно пребывать в безмолвии и работать пред Богом. Андрей же посвятил себя служению людям: он занял место клирика, сделался ревностным проповедником слова Божия и ревностно поучал христиан в церкви. Оба они отличались великим воздержанием, смиренномудрием и нелицемерною любовью ко всем. Архиепископ Ефесский, узнав о добродетельной жизни этих благочестивых мужей, призвал их к себе; не малую пользу он почерпнул, беседуя с ними, поэтому очень полюбил их и сделал Ипатия, против его желания, епископом Азийской церкви, сказав:

– Не подобает такому светильнику быть в пустыне, под спудом; он должен находиться на престоле святительском, чтобы просвещать церковь учением Христовым.

Андрея же он рукоположил во священники. Так воссияли сии два святых, просвещая людей премудрым учением и чистотою своей жизни. Между тем греческий царь Лев Исаврянин[5900] воздвиг гонение на святые иконы; он предписал по всей империи выбрасывать их из храмов Божиих и издал строжайшее повеление, чтобы никто не смел поклоняться им. Тогда святые Ипатий и Андрей вооружились против иконоборцев: они убеждали свою паству не слушать безбожного царского повеления. Царь, услыхав о сем, велел привести их к себе, и долго убеждал их отказаться от почитания святых икон; он даже приказал своим мудрецам вступить в спор с доблестными воинами Христовыми, но ничем не мог гонитель правой веры поколебать этих твердых церковных столпов. Потом, заключив их в темницу, он долгое время держал их там,

надеясь, что сим заставит их отказаться от своего убеждения. Обманувшись, он повелел бить их без пощады, сорвать у них с головы кожу с волосами, и намазав их бороды смолою, зажечь, а потом предать пламени на головах их драгоценные святые иконы. Всё сие они мужественно претерпели, и силою Божией остались живы. Затем Лев повелел влачить их по городу, и святых влачили на посмеяние всем. Наконец они были закланы, как агнцы, и предали свои души в руки Божии, пострадав за святые иконы. Их честные тела были брошены на съедение псам, но верующие тайно взяли их и погребли с честью подобающею сим мученикам.

Память святых мучеников Евсевия и Приска

Память 21 сентября

Святой Евсевий жил в Финикии[5901] и сначала был тайным последователем Христа. В то время язычники воздвигли на христиан страшное гонение, они предавали верующих различным мучениям всюду, где только могли найти их; тогда многие из верующих, убегая из рук нечестивых, скрывались по тайным местам. Святой Евсевий, размышляя о словах Христа: «всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф.10:32), исполнился Божественной ревностью, пошел к правителю города и, став перед ним, сказал:

– Что ты безумствуешь, богоборец, преследуя стадо Христово?

Князь же, взглянув на него, спросил:

– Кто ты такой?

Он же отвечал:

– Я раб Христа, против Которого ты восстаешь.

Сильно разгневанный такими словами князь сказал:

– Как осмелился ты, дерзновенный прийти сюда и бесчестить меня, князя?

На сие Евсевий ответил:

– Ревность моя о Господе моем Иисусе Христе побудила меня обличить слепоту вашу: ибо вы обезумели, поклоняетесь бесу, а не Богу.

Тогда князь приказал обнажить его, повесить и строгать его тело; святого строгали острым железом до тех пор, пока у него не обнажились кости; потом стали поливать его уксусом с солью и растирать ему раны. Всё сие исповедник Христов претерпел мужественно, – как бы не его тело переносило такие мучения, – и радовался при этих мучениях тому, что страдает за веру Христову. Когда он перенес сии муки, князь сказал ему:

– Принеси жертву богам и будешь жив; если же не сделаешь сего, мы погубим тебя.

Он же отвечал:

– Вы можете погубить мое тело, но Христос примет мою душу; за Него я хочу претерпеть всё, ибо «претерпевший же до конца спасется» (Мф.24:13).

Видя его непреклонность, нечестивцы отсекли ему главу мечом. Так он вошел на небеса и принял венец славы от руки Господа.

Святой Приск исповедовал имя Христово во Фригии и многих язычников привел ко Христу. Потом нечестивые, взяв его, повесили и стали железными когтями глубоко строгать его по ребрам, так что всё тело святого Приска было изборождено, как вспаханная земля. Некоторые из стоявших там нечестивых, видя столь лютые мучения и льющуюся кровь мученика, пришли в сильную ярость: обнажив свои мечи, они устремились на святого и отсекли ему голову.

Так пострадал за свидетельство об Иисусе Христе сей добрый исповедник, а ныне Христос исповедует его пред Отцом Своим небесным.

Слава Богу во веки веков. Аминь.

Память святых епископов Исакия и Мелетия

Память 21 сентября

Преподобные и благочестивые отцы наши, Исакий и Мелетий, были епископами Церкви Христовой. Оба они исполняли одно и то же святительское служение и отличались богобоязненностью и добродетелями христианскими. Непрестанным их делом было учить народ Божественным, духовным словесам и ходить по заповедям Божиим. Оба они отличались благотворительностью, раздавали имения свои нищим и милосердствовали о них, вместе с хлебом вещественным питая их и хлебом духовным – поучениями и душеполезными наставлениями. Своей жизнью они заслужили дар чудотворений и умерли в миру в старости, в разные годы, но в один день[5902].

Житие святителя Димитрия, митрополита Ростовского, чудотворца

Память 21 сентября

Святитель Димитрий, в миру Даниил, родился в декабре 1651 года, в местечке Макарове[5903], находящемся в сорока верстах от города Киева. Отец его, Савва Григорьевич Туптало, из простых казаков дослужился до звания сотника и остаток дней своих посвятил на служение Церкви, приняв на себя обязанности ктитора Кирилловской обители[5904]. И он и супруга его Мария Михайловна были благочестивые люди и проводили добрую христианскую жизнь. Но отец был постоянно отвлекаем от дома военными занятиями, и отрок воспитывался преимущественно под руководством матери. С нежной любовью и похвалой отозвался о ней сам святитель по поводу ее кончины: «В самый Великий Пяток спасительные страсти, мать моя преставилась в девятом часе дня, точно в тот час, когда Спаситель наш на кресте страждущий за спасение наше, дух Свой Богу Отцу в руки предал. Имела лет от рождения своего более семидесяти... да помянет ю Господь во царствии Своем небесном! Скончалась с хорошим расположением, памяти и речью. О дабы и мене таковой блаженной кончины Господь удостоил ее молитвами! И подлинно, христианская была ее кончина: ибо со всеми обрядами христианскими и с обыкновенными таинствами, бесстрашна, не постыдная, мирная. Еще же да сподобит ю Господь доброго ответа на страшном Своем суде, яко же и не сомневаюсь о Божием милосердии, и о ее спасении, ведая постоянную добродетельную и набожную ее жизнь. А и то за добрый знак ее спасения имею, что того же дни и того же часа, когда Христос Господь разбойнику, во время вольные страсти, рай отверзл, тогда и ее душе от тела разлучиться повелел»[5905]. Под влиянием такой добродетельной матери отрок Даниил возрастал в страхе Божием и благочестии, восходя от силы в силу и укрепляясь в добродетелях.

Начальное образование Даниил получил дома. Родители обучили его читать, и когда исполнилось Даниилу 11 лет от роду, отправили его в Киевское Братское училище[5906]. Благодаря отличным способностям и пламенному усердию в занятиях, Даниил скоро стал преуспевать в науках и превзошел всех своих сверстников. В классах риторики он обратил на себя особенное внимание искусством стихотворства и витийства. Под руководством знаменитого проповедника и полемического богослова Галятовского[5907] Даниил в совершенстве изучил те приемы и обороты речи, которые невольно поражали потом слушателей его поучений, и приобрел ту энергию и непобедимую силу убеждения, которые проявились впоследствии в борьбе с раскольниками. Но, успевая в науках, Даниил в то же время отличался и замечательным благонравием и рано обнаружил склонность к жизни созерцательной и подвижнической. Он не принимал никакого участия в детских играх и избегал всяких утех и увеселений. Свободное от школьных занятий время он проводил в чтении Священного Писания, творений и житий святых мужей и в молитве. С особенным рвением посещал он храм Божий, где благоговейно возносил свои усердные молитвы Господу. Чем чаще и прилежнее читал он Божественное Писание и жития святых отцов, тем более усиливалось в его душе желание подражать святым угодникам.

Пятнадцати лет от роду Даниил должен был оставить училище. В то бедственное для Киева время город этот непрестанно переходил то под польскую, то под русскую державу. Это отзывалось и на состоянии училища, которое в 1665 г., когда Киевом овладели поляки, потерпело совершенное разрушение и долгое время оставалось в запустении.

Поэтому Даниил не мог окончить курса и должен был прекратить свои научные занятия, пробыв в школе всего три года.

С отроческих лет питая склонность к жизни иноческой, Даниил, вскоре по выходе из училища, оставил мир этот со всеми его благами. Испросив благословение своих родителей, он, на восемнадцатом году своей жизни, поселился в

Кирилловском монастыре. Игумен монастыря Мелетий Дзик давно уже знал Даниила, так как раньше был ректором Киевского училища. 9 июля 1668 года он совершил пострижение Даниила в иночество и нарек его Димитрием. Новопостриженный инок всецело поручил себя воле и Промыслу Божиему. Строго и неуклонно стал он соблюдать все монастырские правила и ревностно в смирении и послушании проходил иноческие подвиги. Всеми силами старался подражать в добродетелях преподобным Антонию и Феодосию и прочим печорским подвижникам. Отнюдь не заботился он о приобретении имений и богатства, но всей душой стремился лишь угодить Богу, верно и нелицемерно служить Ему Одному и через то стяжать себе богатство нетленное.

Не прошло и года после пострижения Димитрия, как, по просьбе настоятеля, он был посвящен в сан иеродиакона. Это посвящение совершено было в день Благовещения Пресвятой Богородицы в 1669 году, нареченным на Киевскую митрополию, Иосифом Тукальским[5908], жившим тогда в городе Каневе. В сане иеродиакона Димитрий оставался в Кирилловской обители довольно долгое время. Во всем повиновался он настоятелю, смиренно и усердно служил братии, беспрекословно исполнял всякое послушание, в церковь приходил первым и уходил из нее последним; в храме стоял со страхом, благоговейно внимая словам Священного Писания; в келье он часто молился, писал и сочинял, что ему поручал игумен, и усердно продолжал свои научные занятия.

Так подвизался Димитрий до 1675 года. В это время в Густынском монастыре находился Черниговский архиепископ Лазарь Баранович[5909]. Здесь ему был представлен святой Димитрий для посвящения в иеромонаха, которое и было совершено 23 мая в день Сошествия Святого Духа. Святому Димитрию в это время было только 24 года, но он уже был искусен в деле проповедования слова Божия. Познакомившись с ним поближе и узнав его высокие духовные качества, архиепископ пригласил святого Димитрия быть проповедником[5910] при Черниговской соборной церкви. Более двух лет святой Димитрий проповедовал в соборной и других

церквях Черниговской епархии. Поучая народ закону Христову, он приносил большую духовную пользу всем своим слушателям и доставлял им великое наслаждение: живая и увлекательная речь его была растворена солью премудрости, так что все стремились его слушать.

Слава о святом Димитрии, как великом проповеднике, быстро разнеслась по Малороссии и Литве, и обитель за обителью стали приглашать его к себе, чтобы воспользоваться его красноречивым назиданием. Ближайшим поводом к таковым приглашениям послужило следующее событие. В июне 1677 года, движимый благочестивым усердием, Димитрий отправился из Чернигова в Новодворский монастырь[5911] для поклонения чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, писанной святым Петром, митрополитом Московским, и должен был остаться в Литве. В то время, когда прибыл святой Димитрий, в монастыре готовились к торжественному перенесению этой иконы из старой церкви в новую. Для этого прибыли Белорусский епископ Феодосий и настоятель Виленского Свято-Духова монастыря Климент. По окончании праздника Климент взял с собой Димитрия в свой монастырь. Более двух месяцев Димитрий пробыл в Вильно и произнес здесь две проповеди. Вскоре, однако, по просьбе епископа Феодосия святой Димитрий отправился в Слуцк и, поселившись в Братском Преображенском монастыре[5912], четырнадцать месяцев неустанно трудился в проповедовании слова Божиего. Димитрия сильно полюбил и благодетельствовал ему ктитор монастыря Иоанн Скочкевич, на средства которого и был построен Преображенский монастырь. Святой Димитрий также глубоко уважал и любил своего благодетеля, прожил в Слуцке до самой его кончины и почтил его память, сказав на погребение его проповедь.

Между тем святого Димитрия неоднократно уже приглашали возвратиться в Малороссию. Его призывали и гетман Самойлович[5913] и прежний его настоятель Мелетий, управлявший теперь Киевским Михайловским монастырем. В феврале 1679 года святой Димитрий прибыл в Батурин[5914] и был принят гетманом[5915] весьма ласково и милостиво.

Поселившись в Николаевском Крупицком монастыре[5916], находящемся недалеко от Батурина, Димитрий продолжал ревностно подвизаться в посте, молитве, непрестанном чтении душеполезных книг; с особенным же усердием проповедовал он слово Божие. Слава о его добродетельном житии распространилась по всем обителям. Многие из них приглашали святого Димитрия к себе для управления. Так братия Кирилловского монастыря обратились к нему с убедительной просьбой принять над ними начальствование. Но святой Димитрий, вероятно, по смирению своему, а также удерживаемый и гетманом, отклонил эту просьбу и отправил в Кириллов монастырь благодарственное письмо. Вскоре после этого, в 1681 г., скончался игумен Максаковского Преображенского монастыря[5917]. Братия обратились также к святому Димитрию, прося его быть у них игуменом. По своему уединенному местоположению Максаковская обитель как нельзя более соответствовала строгой иноческой жизни Димитрия. Поэтому, с согласия гетмана, он принял предложения максаковских иноков и отправился с гетманским письмом в Чернигов к архиепископу Лазарю Барановичу за указом.

Архиепископ принял Димитрия весьма милостиво. Как бы провидя будущее, Лазарь, как только распечатал гетманское письмо, сказал Димитрию: «Не читая письма, говорю: да благословит вас Господь Бог не только игуменством, но по имени Димитрия желаю вам митры: Димитрий да получит митру».

В тот же день, после посвящения в игумена[5918], Лазарь так приветствовал Димитрия: «Сегодня память пророка Моисея Боговидца; этого дня сподобил вас Господь Бог игуменства в монастыре, где храм Преображения Господня, яко Моисея на Фаворе. И иже сказа пути своя Моисеови, да скажет и вам на этом Фаворе пути Своя к вечному Фавору».

«Эти слова, – свидетельствует сам святой Димитрий, – я грешный принял за хорошее предзнаменование и пророчество и заметил для себя. Дай Боже, чтобы пророчество его архипасторства сбылось».

Прощаясь на другой день с Димитрием, Лазарь подарил ему хороший посох.

«И так хорошо отпустил меня, – говорит святой Димитрий, – как отец родного сына. Подай ему, Господи, вся благая по сердцу его».

Вступив в управление обителью, святой Димитрий нисколько не изменил прежней своей строгоиноческой жизни. Подвизаясь по-прежнему в бдениях, молитве и добрых делах, он всем подавал пример христианского смирения. Всегда помня слова Господа: «а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20:26), он так жил сам, так жить учил и других, служа для всех образцом веры и благочестия. Несомненно, что такие игумены – слава и украшение для управляемых ими обителей. Вот почему святой Димитрий ни в одной обители долго не оставался, и был, как увидим, перемещаем из одного монастыря в другой.

Недолго максаковские иноки назидались словом и святою жизнью Димитрия. 1 марта 1682 года он был назначен игуменом в Николаевский Батуринский монастырь. Но от этого монастыря сам он вскоре отказался. Он жаждал тихого и безмолвного жития, чтобы беспрепятственно предаться богомыслию, молитве и другим богоугодным занятиям. Поэтому на другой же год своего игуменства в Батурине, в день своего Ангела, 26 октября 1683 года, он сложил с себя управление обителью, оставшись в ней простым иноком. Вскоре, однако, Промыслом Божиим святой Димитрий призван был к великому делу составления Миней-Четьих, которыми он принес величайшую пользу всему народу русскому.

В 1684 году архимандритом Киево-Печерской лавры был назначен Варлаам Ясинский. От своих предшественников – Петра Могилы и Иннокентия Гизеля[5919] он вместе со званием архимандрита наследовал мысль о великом труде составления житий святых. Этот труд был тем более необходим, что вследствие татарских набегов, литовских и польских разорений, Церковь лишилась многих драгоценных духовных книг и жизнеописаний святых. Отыскивая человека, способного для этого важного и великого труда, Варлаам остановил свое

внимание на святом Димитрии, который уже прославился своею ревностью к душеспасительным трудам. Выбор его был одобрен единодушным согласием прочих отцов и братии лавры. Тогда Варлаам обратился к Димитрию с просьбой переселиться в Киевскую лавру и принять на себя труд исправления и составления житий святых.

Устрашенный тяжестью возлагаемого на него труда, смиренный подвижник старался отклонить его от себя. Но, страшась греха непослушания и хорошо сознавая сам нужды Церкви, он предпочел покориться настоятельным требованиям Варлаама. Возлагая надежду на помощь Божию и на молитвы Пречистой Богоматери и всех святых, Димитрий в июне 1684 года приступил к новому своему подвигу и с великим тщанием начал проходить возложенное на него послушание. Душа его, наполненная образами святых, жизнеописанием которых он занимался, сподоблялась духовных видений во сне, которые укрепляли его на пути к высшему совершенству духовному и ободряли его в великих трудах.

«Августа десятого 1685 г., – повествует сам святой Димитрий, – в понедельник, услышал я благовест к заутрене, но, по обыкновенной своей лености, разоспавшись, не поспел к началу и проспал даже до чтения Псалтири. В это время видел следующее видение: казалось, будто поручена была мне в смотрение некоторая пещера, в которой почивали святые мощи. Осматривая со свечой гробы святых, увидел там же, якобы почивающую, святую великомученицу Варвару. Приступив к ее гробу, узрел ее лежащую боком, и гроб ее являющий некоторую гнилость. Желая оную очистить, вынул мощи ее из раки, и положил на другом месте. Очистив раку, приступил к мощам ее, и взял оные руками для вложения в раку; но вдруг узрел в живых Варвару святую.

– Святая дева Варвара, благодетельнице моя! Умоли Бога о грехах моих, – воскликнул я.

Святая ответствовала, будто бы имея сомнение некоторое:

– Не ведаю, умолю ли, ибо молишься по-римски.

Думаю, что это мне сказано для того, что я весьма ленив к молитве, и уподоблялся в этом случае римлянам, у которых

весьма краткое молитвословие, так как у меня краткая и редкая молитва. Слова эти услышав от святой, начал я тужить, и акибы отчаяваться. Но святая, спустя мало времени, воззрела на меня с веселым и осклабленным лицом, и изрекла: «не бойся», – и иные некоторые утешительные произнесла слова, которых я и не вспомню. Потом, вложив в раку, я облобызал ее руки и ноги; казалось, тело живое и весьма белое, – но рака убогая и обветшалая. Сожалея о том, что нечистыми и сквернымы руками и устами дерзаю касаться святых мощей, и что не вижу хорошей раки, размышлял, как бы украсить этот гроб, и начал искать новой и богатейшей раки, в которую бы переложить святые мощи: но в то самое мгновение проснулся. Жалея о пробуждении моем, почувствовало сердце мое радость».

Заключая этот рассказ, святой Димитрий смиренно замечает: «Бог ведает, что этот сон знаменует, и каково оного событие воспоследует! О когда бы молитвами святой Варвары, покровительницы моей[5920], дал мне Бог исправление злого и окаянного жития моего!»

Другое сновидение, случившееся через три или четыре месяца после первого, было следующее: «В 1685 г. в Филиппов пост, – пишет святой Димитрий, – в одну ночь окончив письмом страдания святого мученика Ореста, которого память 10 ноября почитается, за час или меньше до заутрени, лег отдохнуть не раздеваясь, и в сонном видении узрел святого мученика Ореста, лицом веселым ко мне вещающего этими словами:

– Я больше претерпел за Христа мук, нежели ты написал.

Это изрек, открыл мне перси свои и показал в левом боку великую рану, сквозь во внутренность проходящую, сказав:

– Это мне железом прожжено.

Потом, открыв правую по локоть руку, показал рану на самом против локтя месте, и сказал:

– Это мне перерезано.

При этом видны были перерезанные жилы. Также и левую руку открывши, на таком же месте такую же указал рану, сказал:

– И то мне перерезано.

Потом, наклонясь, открыл ногу и показал на сгибе колена рану, также и другую ногу до колена открывши, такую же рану на

том же месте показал и сказал:

– А это мне косою рассечено.

И став прямо, взирая мне в лицо, промолвил:

– Видишь ли? Больше я за Христа претерпел, нежели ты написал.

Я, против этого ничего не смея сказать, молчал и мыслил в себе: кто этот есть Орест, не из числа ли пяточисленных (13 декабря)? На эту мою мысль святой мученик ответствовал:

– Не тот я Орест, иже от пяточисленных, но тот, его же ты ныне житие писал.

Видел я другого некоего важного человека, за ним стоявшего, и казался мне также некий мученик был, но тот ничего не сказал. В то самое время учиненный к заутрени благовест пробудил меня, и я жалел, что это весьма приятное видение скоро окончилось.

– А что это видение, – прибавляет святой Димитрий, записав его спустя более трех лет[5921], – я недостойный и грешный истинно видел, как написал, а не иначе, это под клятвою моею священническою исповедую: ибо все оное как тогда совершенно памятовал, так и теперь помню».

Прошло с лишком два года с того времени, как святой Димитрий сложил с себя игуменство и в уединенной келии совершал свой великий труд. Случилось ему быть вместе с архимандритом Варлаамом в Батурине. С радостью встретили его гетман и новый митрополит Гедеон[5922] и стали убеждать снова принять на себя управление Николаевскою обителью. Долго Димитрий отказывался от этого, но, наконец, должен был уступить усердным просьбам и 9 февраля 1686 года переселился в Батурин. Но, оставив Киевскую лавру, святой Димитрий не оставил своего дела. С тем же усердием, как и в лавре, он продолжал составлять жития святых, и здесь окончил первую четверть Миней-Четьих, заключающую в себе три месяца – сентябрь, октябрь и ноябрь.

Труд свой Святой Димитрий представил архимандриту Варлааму. Прочитав и рассмотрев рукопись вместе с соборными старцами и другими благоразумными мужами, Варлаам решил приступить к печатанию житий святых. Святой Димитрий прибыл

из Батурина в лавру, и под его личным наблюдением в 1689 г. была напечатана первая книга Миней-Четьих.

Вскоре после этого святому Димитрию представился случай быть в Москве. Князь Голицын отправил в Москву гетмана Мазепу[5923] с донесением об окончании похода в Крым[5924]. Вместе с гетманом были отправлены для объяснения с патриархом по некоторым церковным вопросам святой Димитрий и Иннокентий, игумен Кириллова монастыря. Это было 21 июля 1689 г. По прибытии в Москву они были представлены царю Иоанну Алексеевичу и царевне Софии. В тот же день святой Димитрий представлялся патриарху Иоакиму[5925]. Спустя месяц после своего приезда, святой Димитрий вместе с гетманом были в Троице-Сергиевой лавре. Здесь тогда жил царь Петр Алексеевич, скрывавшийся от покушений царевны Софии. Он милостиво принял Димитрия. В лавре же Димитрий имел случай видеть патриарха. «Мы посещали его часто, – говорит сам святой, – он благословил мне, грешному, продолжать писанием жития святых и дал на благословение мне образ Пресвятой Богородицы в окладе».

Возвратившись в свой монастырь, святой Димитрий с большой ревностью стал трудиться над составлением житий святых. Чтобы удобнее заниматься своим богоугодным делом, он оставил свои настоятельские покои и устроил себе в уединенном месте близ церкви святого Николая Крупицкого особенную келью, которую в своих записках называет «скитом».

В то время, как святой Димитрий трудился над второй книгой Миней-Четьих, новый московский патриарх Адриан[5926] прислал ему похвальную грамоту. Грамоту эту привез Варлаам, возведенный и посвященный в Москве (31 августа 1690 г.) в сан митрополита Киевского.

«Сам Бог, – писал патриарх, – воздаст ти, брате, всяцем благословением благостынным, написуя тя в книге живота вечного, за твои богоугодные труды в писании, исправлении же и типом издании книги душеполезные житий святых на три месяца первые, септемврий, октоврий и ноемврий: Той же и впредь да благословит, укрепит и поспешит потруждатися тебе

даже на всецелый год и прочие таковыя же житий святых книги исправити совершенно и типом изобразити».

Вместе с тем патриарх просил и нового митрополита и будущего архимандрита лавры о содействии во всем святому Димитрию, «искусному, благоразумному и благоусердному делателю».

Ободренный вниманием патриарха, святой Димитрий с чувством смиренной благодарности так отвечал Московскому иерарху: «Да похвален и прославлен будет Бог во святых и от святых славимый, яко даровал есть ныне Церкви Своей святой таковаго пастыря добра и искусна, ваше архипасторство, иже вначале своего пастырства, первее всех печешися и промышляеши о умножении Божия и святых Его славы, желающи житиям оным в мир типом изданным быти, на пользу всему христианскому православному российскому роду. Слава сия всем преподобным есть. Ныне уже и аз недостойный усерднее, Господу поспешествующему, на предлежащая простру бренную и грешную мою руку, имый святительство ваше в том деле пособствующее ми, укрепляющее же и наставляющее благословение, еже по премногу возбуждает мя, да сон лености оттряс, повелеваемое ми творю тщательно. Аще и не искусен есмь, не имый толике ведения и возможности, дабы все добре привести к совершенству зачатое дело: обаче, о укрепляющем мя Иисусе наложенный святого послушания ярем носити должен есмь, скудоумия моего недостаточное исполняющу Тому, от егоже исполнения мы все прияхом, и еще приемлем, – точию да и впредь пособствует ми со благословением Богоприятная Архипасторства вашего молитва, на нюже зело надеюся».

Теперь святой Димитрий решился посвятить себя исключительно Четьим-Минеям. «Февраля 14-го (1692 г.), – повествует он сам, – в первую неделю поста, перед обедней, оставил я и сдал игуменство мое в Батуринском монастыре для спокойнейшего моего пребывания и писания житий святых». Живя в уединенной своей кельи, он составил вторую книгу, заключающую в себе следующие три месяца – декабрь, январь

и февраль, и 9 мая 1693 года сам привез ее в Киево-Печерскую типографию.

Но как ни стремился трудолюбивый инок к тихой и уединенной жизни, люди, ценившие его высокие душевные качества, не давали ему покоя. Так, пока святой Димитрий наблюдал за печатанием своего труда, новый архиепископ Черниговский, святой Феодосий Углицкий, убедил его принять на себя управление Петропавловской обителью, в 27 верстах от города Глухова[5927]. Во время пребывания его в этом монастыре, в январе 1695 г., окончено было печатание второй четверти Четьих-Миней. И за эту книгу патриарх Адриан удостоил Димитрия таких же похвал, как и за первую, прислав ему другую одобрительную грамоту. Это побудило Димитрия усердно продолжать свой труд, и он начал готовить третью книгу, заключающую в себе месяцы – март, апрель и май.

В начале 1697 года святой Димитрий был назначен настоятелем Киевского Кириллова монастыря, а через пять месяцев после этого, 20 июня, его посвятили в архимандрита Черниговского Елецкого Успенского монастыря[5928]. Так исполнилось, наконец, благожелание Лазаря Барановича: Димитрий получил митру. Но, возведенный в сан архимандрита, святой Димитрий, памятуя слова Писания: «кому дано много, много и потребуется» (Лк 12:48), предался своим трудам и подвигам еще с большим рвением и усердием. Не оставляя занятий житиями святых, он не забывал и монастырского благоустроения и всюду помогал советом и рассуждением, словом и делом.

Прошло еще два года, и святой Димитрий был переведен в Спасский Новгород-Северский монастырь[5929]. Это был последний монастырь, которым он управлял. Здесь он окончил третью четверть Миней-Четьих, которая и была напечатана в январе 1700 года. После этого архимандрит лавры Иоасаф Кроковский,[5930] с братиею в знак особенного уважения к составителю житий святых, прислал ему в дар икону Пресвятой Богородицы, пожалованную царем Алексеем Михайловичем Киевскому митрополиту Петру Могиле, во время венчания своего на царство.

В том же 1700 году император Петр Великий в заботах об отдаленных областях своих обширных владений поручил Киевскому митрополиту Варлааму «поискать из архимандритов или игуменов, или других иноков, доброго и ученого и благонепорочного жития, которому бы в Тобольске быть митрополитом, и мог бы Божией милостью проповедовать в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного Живаго Бога». Варлааму никто в этом отношении не был столько известен, как архимандрит Новгород-Северский, – и святой Димитрий в начале 1701 года был вызван в Москву. Здесь он сказал императору приветственную речь, в которой изобразил достоинство царя земного, представляющего на земле образ Христа – Царя Небесного. Вскоре – 23 марта – святой Димитрий был рукоположен в митрополита Сибирского и Тобольского. Высокой честью украсили смиренного Димитрия, но она была ему не по сердцу. Сибирь страна суровая и холодная, а здоровье святого Димитрия было слабое, расстроенное непрестанными занятиями. Сибирь страна далекая, а у святого Димитрия было близкое сердцу занятие, которое начал он в Киеве и мог продолжать только там, или близ тех мест, где сосредоточивалось тогда просвещение, а не в глухой и далекой Сибири. Все это так беспокоило его, что он слег в постель. Сам государь посетил больного и, узнав причину его болезни, успокоил его и дозволил остаться на время в Москве, в ожидании ближайшей епархии. Вакансия на такую епархию вскоре открылась: скончался Ростовский митрополит Иоасаф, и святой Димитрий 4 января 1702 года был назначен его преемником.

В Ростов святой Димитрий прибыл 1 марта, во вторую неделю Великого поста. Вступив в город, он прежде всего посетил Спасо-Яковлевскую обитель. Войдя в собор Зачатия Божией Матери, где почивают мощи святителя Иакова Ростовского, новый архипастырь совершил обычное моление и в то же самое время, узнав по особенному откровению свыше, что в Ростове суждено ему окончить свою многотрудную и

многополезную жизнь, назначил для себя могилу в правом углу собора и сказал окружающим: «Се покой мой: здесь вселюся во век века»[5931]. Совершив после этого в Успенском кафедральном соборе Божественную литургию, святитель произнес новой своей пастве красноречивое и трогательное слово, где изложил взаимные обязанности пастыря и паствы.

«Да не смущается, – говорил святитель, – сердце ваше о моем к вам пришествии: дверьми бо внидох, а не прелазяй инуде; не исках, но поискав есмь, и не ведах вас, ниже вы мене ведаете, судьбы же Господни бездна многа; тыя мя послаша к вам, аз же приидох, не да послужите ми, но да послужу вам, по словеси Господню: хотяй быти в вас первый, да будет всем слуга».

Вступив в управление Ростовскою митрополией, святитель Димитрий нашел в ней великие нестроения. С ревностью Илии он предался неусыпным заботам о благоустроении церковном и спасении душ человеческих. Как истинный пастырь, следуя словам Евангелия: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5:16), святитель сам во всем являлся образцом благочестия. В то же время он старался искоренять в людях всякого звания злые нравы, зависть, неправду и другие пороки. Особенно огорчало святителя духовенство своим невежеством и пренебрежением к проповедованию Слова Божиего.

«Оле окаянному времени нашему, – говорил святой Димитрий в одном из своих поучений, – яко отнюдь пренебреженно то сеяние, – весьма оставися Слово Божие и не вем, кого первее окаевати требе, сеятелей или землю, иереев ли или сердца человеческие, или обое то купно? Вкупе непотребни быша, несть творящий благостыню, несть до единого. Сеятель не сеет, а земля не приемлет; иереи небрегут, а людие заблуждают; иереи не учат, а людие невежествуют; иереи Слова Божия не проповедуют, а людие не слушают, ниже слушати хотят».

У многих из духовных лиц святитель не находил и доброго нравственного воспитания. Напротив, с горестью приходилось ему замечать, что отцы семейств были невнимательны к

исполнению главных христианских обязанностей своими домашними.

«А еже удивительнее, – продолжает святой Димитрий, – яко иерейстии жены и дети мнози никогда же причащаются, еже уведахом отсюду: иерейстии сыны приходят ставитися на места отцев своих, которых егда спрашиваем, давно ли причащалися, многие поистине сказуют, яко не помнят когда причащалися. О окаяннии иереи, нерадящии о своем доме! Како могут радети о святой Церкви, домашних своих ко святому причащению не приводящии? Како могут приводити прихожан не пекущийся о спасении душ, иже в дому?»

Священники плохо знали свои обязанности. Встречались между ними такие, которые на пирах с обличением и укором рассказывали грехи своих духовных детей, открытые на исповеди. Другие ленились ходить к больным для исповеди и приобщения Святых Таин, особенно же к бедным.

Еще более святитель исполнился благочестивой ревностью, еще сильнее стал он скорбеть, когда узнал, что некоторые священники, забыв страх Божий, не воздают должного почитания Пречистым и Животворящим Таинам Христовым. В одном из своих посланий святитель повествует о таком событии.

– Случилось нам в январе 1702 г. ехать в город Ярославль. На пути вошел я в одну сельскую церковь. Совершив обычное моление, я хотел воздать достойную честь и поклонение Пречистым Христовым Тайнам и спросил тамошнего священника:

– Где Животворящие Христовы Тайны?

Священник, как будто не понимая моих слов, стоял в недоумении и молчал. Тогда я снова спросил его:

– Где Тело Христово?

Священник не понял и этого вопроса. Один же из опытных иереев, меня сопровождавший, спросил его:

– Где запас?

Тогда священник вынул из-за угла «сосуд зело гнусный» и показал хранимую в нем с таким небрежением великую святыню, на которую и Ангелы взирают со страхом.

«И возболезновах о том сердцем по-премногу, – говорит святитель, – ово яко в таковом непочитании хранится тело Христово, ово же яко ни нарицания честного, Пречистым Тайнам подобающаго, ведят. Удивися о этом небо, и земли ужаснитеся концы!»

Святитель стал заботиться о немедленном искоренении таких вопиющих недостатков. Желая, чтобы иереи оставили свое нерадение и проходили бы со всяким тщанием и страхом Божиим свое служение, святой Димитрий написал два окружных послания для пастырей. Эти послания во многих списках были разосланы священникам с тем, чтобы они списывали для себя, чаще прочитывали их и согласно с ними исправляли свои обязанности.

В первом послании святитель отечески увещевал пастырей оставить свое злонравие, запрещал им рассказывать о согрешениях своих духовных чад и тщеславиться своим званием и положением духовного отца. Именем Господа он умолял их не презирать нищих и убогих, но одинаково и непрестанно заботиться о душах всех пасомых.

Во втором послании святой Димитрий своей архипастырской властью повелевал, чтобы священники, под страхом грозного Суда Божия, не только сами воздавали должное поклонение Святым и Животворящим Тайнам, но и других тому поучали; увещевал хранить Их в подобающих Святыне местах и сосудах и не называть их «запасом», убеждал иереев достойно приготовляться к своему священному служению и умолял, чтобы они как можно чаще поучали народ и сами тщательно исполняли свои обязанности.

Стремясь совершенно искоренить недостатки в среде духовенства, святой Димитрий сознавал, что наиболее действительным средством для этого служит доброе учение и воспитание. Поэтому он открыл при своем архиерейском доме училище[5932]. Собрав в этом училище более двухсот человек, детей священнослужительских, он разделил их на три класса и для каждого класса поставил отдельного учителя. Училище было предметом особенного попечения святителя. Он часто посещал классы, сам выслушивал учеников и испытывал их

познания. В случае отсутствия учителя он сам принимал на себя его должность. В свободное от обычных своих занятий время святитель собирал способных учеников и толковал им некоторые книги из Ветхого Завета; в летнее время, проживая в архиерейском селе Демьянах, он объяснял ученикам Новый Завет. Не меньше заботился святитель и о нравственном воспитании учеников. В воскресные и праздничные дни они должны были приходить в соборную церковь к всенощному бдению и литургии. По окончании первой кафизмы, во время чтения какого-либо слова или жития, ученики должны были подходить к святителю под благословение, давая таким образом знать о своем присутствии. Архипастырь повелевал ученикам строго соблюдать не только Четыредесятницу, но и другие посты; сам исповедовал их и приобщал Святых Таин. Кончившим учение святитель давал места при церквах, смотря по достоинству. Дьячков и пономарей, для внушения им уважения к своей должности, посвящал в стихарь, чего прежде в Ростове не было.

Как, однако, ни был обременен святитель многочисленными заботами и делами, он и в новом своем служении не оставлял своего труда над житиями святых. Прошло почти три года, как прибыл святой Димитрий в Ростов, и в летопись ростовских архиереев, находящуюся при соборе Ростовском, внесена была следующая запись об окончании этого великого труда святителем Димитрием: «В лето от воплощения Бога Слова 1705-е, месяца февруариа, в 9-й день, на память святого мученика Никифора, сказуемого победоносца, в отдание праздника Сретения Господня, изрекшу святому Симеону Богоприимцу свое моление: «ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко», в день страданий Господних пятничный, в оньже на кресте рече Христос: «совершишася», – пред субботою поминовения усопших и пред неделею Страшного Суда, помощию Божией и Пречистыя Богоматере, и всех святых молитвами, месяц август написася. Аминь».

В сентябре того же года эта последняя книга, заключающая в себе месяцы июнь, июль и август, была отпечатана в Киево-Печерской лавре. Так закончено было великое дело

составления Миней-Четьих, потребовавшее от святителя более чем двадцатилетних напряженных трудов.

Но святому Димитрию предлежал в Ростовской пастве другой важный подвиг. Там было в то время множество раскольников, главные учители которых, укрываясь в Брынских лесах[5933], через потаенных своих проповедников всюду рассевали свое зловредное учение. Неправыми толкованиями и тайными увещаниями завлекали они в свои гибельные сети овец Христовых. Многие, поверив их льстивому учению, колебались в истинной вере.

«Оле окаянных, последних времен наших! – восклицает святитель, – яко ныне святая Церковь зело утеснена, умалена, ово от внешних гонителей, ово от внутренних раскольников, иже, по апостолу «они вышли от нас, но не были наши» (1Ин. 2:19). И уже толь от раскола умалися самая истинная соборная Церковь Апостольская, яко едва где истинного сына Церкве найти: едва бо не во всяком граде иная некая особая изобретается вера, и уже о вере и простые мужики и бабы, весьма пути истинного не знающие, догматизуют и учат, якоже о сложении триех перстов глаголюще, не правый и новый крест быти и в своем упорстве окаяннии стоят, презревше и отвергше истинных учителей церковных».

Крайне прискорбны были такие явления для просвещенного защитника веры Христовой. Святитель решил по нескольку раз объезжать свою епархию и проживал подолгу в Ярославле для того, чтобы словом своим обличать закоснелое невежество отступников Церкви Православной. В один из приездов в Ярославль, святой Димитрий, совершив в воскресный день литургию в соборе, возвращался к своему дому. В это время к нему подошли двое неизвестных ему людей и обратились к нему с вопросом:

– Владыка святой, как ты повелишь? Велят нам бороды брить[5934], а мы готовы головы наши положить за бороды.

Святитель удивился такому неожиданному вопросу и в свою очередь спросил:

– Как вы думаете, отрастет ли голова, если у вас снимут ее?

– Нет, – отвечали те.

– А борода – отрастет? – спросил святитель.

– Борода отрастет, – отвечали они.

– Так пусть же вам отрежут бороду, дождетесь другой.

Когда святитель и провожавшие его именитые граждане вошли в его келью, то они долго беседовали о бородобритии. Святой Димитрий узнал, что в его пастве есть немало людей, которые сомневаются в своем спасении из-за того, что им по указу царя обрили бороды. Они думали, что вместе с бородой они лишились образа и подобия Божиего. Долго увещевал святитель оставить эти сомнения, доказывая, что не в бороде и не в лице образ Божий и подобие, а в душе человека. Святитель написал после этого сочинение: «Об образе Божием и подобии в человеке» и разослал его по своей епархии. По повелению государя сочинение это было напечатано три раза.

Вскоре святой Димитрий написал обширное сочинение «Розыск о Брынской вере»[5935], раскрывшее сам дух раскола.

Святитель ясно и убедительно доказал в этом сочинении, что вера раскольников – неправая, учение их – душе вредное, дела их – не богоугодные.

Неустанно подвизаясь на пользу Церкви и государства, святой Димитрий предпринимал и другие труды. Так, он намеревался составить «Летопись, сказующую деяния от начала миробытия до Рождества Христова». Книгу эту святитель хотел составить как для собственного келейного чтения, так и по другим особенным обстоятельствам. Он хорошо знал, что не только в Малой, но и в Великой России редко у кого есть славянская Библия. Ее могли приобрести только люди богатые, бедняки же были совершенно лишены той духовной пользы, какую доставляет чтение этой богодухновенной книги. Многие лица даже в среде духовенства не знали порядка библейского повествования. Поэтому святитель и желал составить краткую библейскую историю, чтобы каждый мог приобрести ее за недорогую цену и познакомиться с содержанием Библии[5936]. Немедленно приступил святой Димитрий к делу и начал выбирать сведения из Священного Писания и различных хронографов[5937].

«Пишу, – говорил святитель, – с Божией помощью нравоучения, местами же и толкование Священного Писания, сколько могу я по своим слабым силам, а библейские истории я привожу только вкратце вместо вступления, и от них, как из источников, произвожу струи нравоучения»[5938].

Как ни сильно желал святитель окончить «Летопись», однако, не мог исполнить своего намерения. В этом большим препятствием было для него совершенно расстроенное его здоровье. Он успел описать события только за 4600 лет. А между тем вслед за этим трудом святитель думал приступить с Божией помощью к составлению краткого толкования на Псалтирь[5939].

Святитель Димитрий был знаменитым проповедником своего времени и часто обращался к своей пастве с красноречивым словом назидания. Никакие труды и обязанности никогда не отвлекали его от проповедования Слова Божия. Проповедуемые им истины христианства, изливаясь прямо из души проповедника, являлись всегда живыми и действенными и увлекали слушателей простотою беседы отца с детьми, учителя с учениками. Если бы возможно было отыскать и собрать воедино все поучения этого российского Златоуста, их должно бы оказаться великое множество. Но, к сожалению, весьма многие поучения святого Димитрия утрачены [5940].

Мудро управлял своею паствой святитель Димитрий и никогда не прибегал к суровым мерам. Отличаясь кротостью, он ко всем – и знатным и простым – относился с одинаковою любовью и без всякого лицеприятия. Все верные сыны Церкви любили его и почитали, как отца. Сам государь и вся царская семья глубоко уважали Ростовского митрополита за его истинно добродетельную жизнь. Христианские добродетели святого Димитрия одинаково сияли и в иноческой келии, и на святительской кафедре. Особенно же ярко светили в жизни его молитва, пост, смирение, нестяжательность и любовь к бедным и сиротам.

Несмотря на множество дел по управлению епархией, святой Димитрий ежедневно приходил в церковь для молитвы;

во все воскресные и праздничные дни совершал литургию и произносил проповедь; всегда сам принимал участие в крестных ходах, как бы продолжительны и далеки они ни были. Если же он чувствовал себя нездоровым, а это случалось нередко, то посылал в семинарию, чтобы ученики в воспоминание пяти язв Христовых[5941] прочитали ему пять раз молитву Господню («Отче наш»). Посещая семинарию, он увещевал учеников постоянно призывать на помощь Наставника мудрости и Подателя разумения, Всемогущего Господа. Слуг своих и всех живших с ним святитель поучал осенять себя крестным знамением и тихо прочитывать молитву «Богородице Дева, радуйся», всякий раз, когда бьют часы. Обращался он со своими слугами очень человечно. Когда кто-нибудь из них бывал именинник, того он благословлял образом или жаловал деньгами. Учил их усердно поститься, избегать объедения и пьянства. Сам святой Димитрий подавал пример к тому в своей собственной жизни. Принимая пищу только для того, чтобы поддерживать свои телесные силы, святитель на первой неделе Великого поста вкушал только один раз, – один только раз вкушал он и на Страстной неделе, в Великий четверток.

Памятуя непрестанно слова Спасителя: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14), святой Димитрий во всю свою жизнь отличался великим смирением.

«Несмь таков, – говорил о себе святой, – якова же любовь твоя непщует мя быти. Несмь благонравен, но злонравен, обычаев худых исполнен, и в разуме далече отстою от разумных; буй есмь и невежа; а светение мое есть едина тьма и прах... Молю же братскую твою любовь помолитися о мне Господу, Свету моему, да просветит мою тьму, и изыдет честное от недостойного»[5942].

Достигнув высшего сана святительского, святой Димитрий сохранял то же смирение, к высшим был почтителен, к равным благосклонен, к подчиненным милостив, к несчастным сострадателен.

Само собой уже разумеется, что при таких высоких нравственных качествах святитель должен был отличаться и

полным бескорыстием. Действительно, в его сердце не было места скупости, любостяжанию и сребролюбию. Все подаяния и доходы он во всю свою жизнь употреблял или на церковные нужды, или на благотворение неимущим. О сиротах, вдовах, нищих и бедных святитель заботился как отец о своих детях. Все, что получал, он раздавал им, призывая к себе в крестовую палату слепых, глухих, хромых и убогих, предлагая им трапезу, давая одежды и оказывая другие милости. О своем бескорыстии и нестяжательности святитель сам засвидетельствовал в духовном завещании, составленном им за два с половиной года до кончины.

«Судих, – говорит он, – сею духовною грамотою моею вестно сотворити всякому, иже восхощет по кончине моей взыскивати имения моего келейного, во еже бы не трудитися ему вотще, ни истязовати служивших мне Бога ради, да весть мое сокровище и богатство, еже от юности моея не собирах (сие не тщеславяся реку, но да искателям моего по мне имения вестно сотворю). Отнележе бо приях святой иноческий образ и постригохся в Киевском Кирилловском монастыре в осмьнадесятое лето возраста моего, и обещах Богови нищету извольную имети: от того времени даже до приближены моего ко гробу, не стяжевах имения и мшелоимства[5943], кроме книг святых[5944], не собирах злата и сребра, не изволях имети излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужд, но нестяжание и нищету иноческую духом и самым делом по возможному соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на Промысл Божий, иже никогдаже мя оставя. Входящая же в руце мои от благодетелей моих подаяния и яже на начальствах келейный приход, тыи истощевах на мои и на монастырския нужды, идеже бех во игуменех и архимандритех, такожде и во архиерействе сый: не собирах келейных, яже не многи бяху, приходов, но ово на мои потребы та иждивах, ово же на нужды нуждных, идеже Бог повеле. Никтоже убо да трудится по смерти моей, испытуя или взыскуя какого-либо келейного моего собрания: ибо ниже на погребение что оставляю, ни на поминовение, да нищета иноческая наипаче на кончине явится Богу. Верую бо, яко приятнее Ему будет, аще и едина цата[5945] по

мне не останет, неже егда бы многое собрате было раздаваемо».

Завещание это, в котором святитель снова повторил свое желание быть погребенным в Спасо-Яковлевском монастыре, он объявил своему другу, митрополиту Стефану Яворскому[5946]. Тогда же они положили между собою завет: если преосвященный Стефан скончается прежде, то на погребении его быть митрополиту Димитрию; если же Димитрий прежде отойдет ко Господу, то погребать его должен Стефан.

Святитель Димитрий скончался пятидесяти восьми лет от роду, на 28 октября 1709 года, через день после своего тезоименитства. За несколько дней до кончины, донесли ему о скором прибытии в Ростов царицы Параскевы Феодоровны[5947] для поклонения чудотворной иконе Богородицы Толгской, которую положено было на этот раз, по причине осенней непогоды, затруднившей путешествие царицы в Ярославль[5948], перенести отсюда в Ростов. Святитель, услышав это, призвал своего казначея иеромонаха Филарета и пророчески объявил ему о близости своей кончины: «Се грядут в Ростов две царицы: Царица Небесная и царица земная; токмо я уже видеть их не сподоблюся, а надлежит к принятию оных готовым быть тебе, казначею».

За три дня до преставления святого Димитрия, болезнь, давно уже таившаяся в его груди, обнаружилась с особенной силой в кашле. Несмотря на это, святитель старался казаться бодрым. В день своего тезоименитства, 26 октября, он сам совершил литургию в соборе, но поучения своего говорить уже не мог, и одного из своих певчих заставил прочитать его по тетрадке. За обеденным столом он сидел с гостями, хотя с крайнею нуждою. На другой день пришел навестить святителя Варлаама, архимандрит Данилова монастыря в Переславле. Во время их беседы к святителю прислала проживавшая тогда в Ростове инокиня Варсонофия, бывшая кормилица царевича Алексея Петровича, постриженная в монашество самим святым Димитрием. Она с глубоким благоговением относилась к архипастырю Ростовскому и часто просила от него душеполезных наставлений. Так и на этот раз Варсонофия

усердно молила святителя посетить ее в тот же день. Святой Димитрий отправился к ней вместе с архимандритом Варлаамом. На обратном пути он уже едва мог дойти до своей кельи, опираясь на служителей.

Тотчас он приказал позвать к себе певчих для пения им самим сочиненных духовных песней, как то: «Иисусе мой прелюбезный», «Надежду мою в Бозе полагаю», «Ты мой Бог Иисусе, Ты моя радость». Пение это услаждало его душу словами, вылившимися из нее самой, и он слушал певчих, греясь подле печи.

По окончании пения, отпустив певчих, святитель удержал одного из них, Савву Яковлева, любимого им, усердного переписчика его сочинений. Святой Димитрий начал рассказывать ему о своей жизни, как он проводил ее в юности и в совершеннолетнем возрасте, как молился Богу и Пречистой Его Матери и всем угодникам, и сказал: «И вы, дети, молитесь так же».

Потом благословил певчего и, провожая его из кельи, поклонился ему едва не до земли и благодарил его за усердие в переписке.

Видя, что архипастырь так смиренно и необычно провожает его и так ему низко кланяется, певчий содрогнулся и с благоговением сказал:

– Мне ли, владыка святой, последнейшему рабу твоему, ты так кланяешься?

На это святитель с той же кротостью отвечал:

– Благодарю тебя, чадо!

Певчий горько заплакал и удалился. После этого святой Димитрий приказал служителям разойтись по своим местам, а сам заключился в особенную комнату, как бы желая отдохнуть, и наедине предался усердной молитве к Богу. Утром служители вошли в эту комнату и нашли святителя скончавшимся на коленях, в положении молящегося. Так молитва, услаждавшая жизнь святителя, сопровождала его и к смерти.

Честное тело почившего святителя было облечено в архиерейские одежды, им самим приготовленные[5949], и в тот же день перенесено в домовую церковь. Во гробе под голову и под

все тело были постланы, по завещанию святого Димитрия, его черновые бумаги. Немедленно весть о преставлении святителя разнеслась по всему Ростову. К гробу его стеклось множество народа, искренно плакавшего о неоценимой потере своего возлюбленного пастыря и учителя. В тот же день прибыла в Ростов царица Параскева Феодоровна с дочерьми своими, царевнами Екатериною, Параскевою и Анной (будущей царицею) Иоанновнами. Не застав в живых святителя, какой сам то предсказывал, она много плакала, что не удостоилась принять от него благословение, и повелела отслужить соборно панихиду.

30 октября, по повелению царицы, тело святителя перенесено было в собор с подобающей честью. Царица вторично отслушала панихиду, в последний раз простилась с угодником Божиим и отправилась в Москву.

Вскоре прибыл для погребения святителя митрополит Стефан. Войдя прямо в собор, он поклонился телу почившего друга и много плакал над ним. После этого он приказал казначею Филарету приготовить все нужное к погребению в Яковлевском монастыре. Тогда настоятели монастырей Ростовских, соборные священники и многие из граждан приступили к Стефану с прошением о погребении Димитрия в соборе, где обыкновенно погребались прежние архиереи. Но Стефан не согласился, говоря: «Преосвященный Димитрий, вступив на Ростовскую кафедру, прежде всего посетил Яковлевский монастырь и сам избрал себе здесь место для погребения. Как же могу я нарушить его волю?»

В назначенный для погребения день, 25 ноября, митрополит Стефан, верный завету дружбы, совершил литургию и погребение, при котором произнес слово, часто восклицая: «свят Димитрий, свят!» Вслед за этим, в сопровождении плачущего народа, тело святого Димитрия перенесено в Яковлевский монастырь, и здесь в Зачатьевском соборе предано земле. Преосвященный Стефан написал надгробные стихи, в которых, между прочим, говорил:

Вси вы, Ростова града людие рыдайте,
Пастыря умершаго слезно поминайте,

Димитрия Владыку и преосвященна,

Митрополита тиха и смиренна.

Около сорока трех лет тело святого Димитрия почивало под спудом. В сентябре 1752 года, когда разбирали ветхий пол Зачатьевского собора, нашли деревянный сгнивший сруб, сверх которого вместо крыши положены были вдоль толстые бревна, провалившиеся потом внутрь сруба. Разобрали сгнивший сруб, вынули насыпавшуюся землю и увидели гроб святителя. Он был поврежден: крыша разломана обвалившимися бревнами и сквозь скважины виднелись не поврежденные тлением покров, митра и вся святительская одежда. Когда были освидетельствованы святые мощи, то оказалось, что руки святителя, крестообразно сложенные на груди, совершенно нетленны; только у правой руки четыре перста переломились от обвалившейся вовнутрь гроба доски, и левая рука отделилась от локтя; все прочие части тела целы.

Услышав об обретении святых мощей, народ толпами спешил к новоявленному угоднику Божиему, и при гробе его открылся обильный источник исцелений[5950], которые подаются верующим и до этих пор во славу дивного во святых Своих Триединого Бога, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Православия ревнителю, и раскола искоренителю, российский целебниче, и новый к Богу молитвенниче, списаньми твоими буих уцеломудрил еси, цевнице духовная, Димитрие блаженне, моли Христа Бога, спастися императору нашему Николаю Александровичу, и всему наследию, и державе его.

Кондак, глас 8:

Звезду российскую от Киева возсиявшую, и через Новград Северский в Ростов достигшую, всю же страну сию ученьми и чудесы озарившую, ублажим златословеснаго учителя Димитрия: той бо всем вся написа, яже к наставлению, да всех приобрящет, якоже Павел, Христу, и спасет правоверием души наша.

Страдание святого священномученика Фоки, епископа Синопского

Память 22 сентября

В городе Синопе[5951] жил некий муж, по имени Памфил, с женою своею Мариею; они были родителями блаженного Фоки. С юного возраста святой сподобился получить такую благодать Святого Духа, что изгонял из людей бесов и исцелял недуги. Когда Фока возмужал, то за свою добродетельную жизнь был избран епископом в родном городе и ревностно стал пасти своих словесных овец; поучая их словом, он назидал их своим примером; проводя и прежде добродетельную жизнь, он, приняв сан епископа, еще более стал подвизаться, так что все, видя его добрые дела, прославляли Отца Небесного. Многих людей он удержал от заблуждений, многих язычников отклонил от идолопоклонства и привел к почитанию Единого Бога. Господь благоизволил сподобить мученического венца Своего верного раба и возвестил об этом ему в видении, следующим образом: с высоты прилетел голубь, державший в клюве венок из цветов; сей венок он возложил на голову блаженного и проговорил человеческим голосом:

– Чаша твоя уже наполнилась, тебе подобает ее выпить.

Из сего видения святой Фока уразумел, что ему предстоит пострадать за Христа. Мы же узнаем из сего то, что он был великим угодником пред Богом, ибо, еще будучи в теле, он сподобился быть увенчанным с неба. Так преблагой Бог возносит своих угодников, удостаивает их славы и чести и возлагает на главы их венцы. Святой Фока по своей душевной и телесной чистоте был истинным женихом небесным: небо восхотело сочетаться с ним и возложить на него венец; но сей венец был предзнаменованием венца лучшего, – в чертоге Спасителя, коим он должен венчаться вечно и в нем явиться на брак небесный. После этого славного знамения Фока, в царствование Траяна, был предан на мучение правителем Африканом; сей властитель долго принуждал его принести жертву идолам, но святой предпочел самого себя принести в

жертву Богу. Он не исполнил приказания князя – не хотел воздать произведению рук человеческих чести, подобающей Единому Богу, сидящему на Херувимах; тогда князь приказал привязать святого к дереву и мучить его. Всё тело его было покрыто ранами; подобно тому, как нападают на труп голодные хищные птицы и, пожирая, рвут его на части: так мучители терзали чистое тело страдальца Христова. Но всё сие святой Фока претерпел мужественно; с высоты он слышал голос, укрепляющий его; призывая Иисуса Христа, он переносил муки, презирая все страдания. Он не щадил своей плоти ради Того, Кто не пощадил Себя и пострадал за нас на кресте; сие страдание было для святого Фоки как бы райской прохладой: так мужественно переносил он муки, исповедуя имя пострадавшего за нас Господа. Ничего не было невыносимого для верного раба, страдавшего за своего Владыку. Если бы даже со всего мира собрались на него мучители, если были бы изобретены все муки, то и тогда он готов был бы всё претерпеть за возлюбленного своего Господа, взывая вместе с пророком Давидом: «Готово сердце мое, Боже» (Пс.107:2). Мучители положили его на сильно раскаленный лист железа, но железо тотчас остыло, ибо сердце святителя горело любовью к Богу, и сей духовный огонь победил силу огня чувственного. И во всех мучениях, сколько их ни могли придумать для него, святой Фока оказался победителем: ибо вокруг него являлись воинство Ангельское и неизреченный свет Божественный. В темницах просвещал его свет небесный, в узах он веселился надеждою небесной свободы, в скорбях утешался Ангелами, в ранах был укрепляем Иисусом Христом. После многих и различных мучений его бросили в разожженную баню, где он, молясь, предал дух свой в руки Божии[5952] и сподобился получить венец победителя в Церкви торжествующих. Его святое тело было с почестями погребено верующими и при его гробе совершались многие чудеса[5953].

Кондак, глас 6:

Яко архиерей принося отче жертвы, на конец себе принесл еси жертву живую, свидетельствовав законно о Христе Бозе, от

Ангел укрепляемь, на смерть изволяя сый с вопиющими тебе: прииди Фоко с нами, и никтоже на ны.

Житие и страдание святого мученика Фоки, именуемого вертоградарем[5954]

Память 22 сентября

В том же городе Синопе, но в другое время, жил иной Фока; он устроил себе сад близ моря и, посадив в нем различную зелень, продавал ее, доставая таким образом пропитание и самому себе, и нищим. Часть зелени из своего сада он клал при дороге, чтобы ее могли брать все прохожие; ибо он отличался великой любовью к ближним и страннолюбием, и более благоустроял вертоград в душе своей, чем – вещественный: процветая благочестием и питая в своем сердце чистые мысли, он приносил плоды добродетелей, так что его святая душа могла называться вертоградом Святого Духа, как говорится в Писании: «запертый сад – сестра моя, невеста» (Песн.4:12); и еще: «плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал.5:23).

Блаженный Фока был так огражден добродетелями, что древний тать – диавол, похитивший блаженство в райском вертограде у праматери нашей, не мог похитить добродетели у святого Фоки. Святой ревностно стремился к своему спасению, со страхом внимая словам Апостола: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Пет.5:8). Так подвизался святой, и слух о благочестивой его жизни прошел между людьми. Добродетель, как горящая свеча, не может утаиться, но и в темноте ночной сияет издалека; так и святой Фока как бы среди тьмы сиял своим благочестием среди людей неверующих и развращенных, приводя многих к познанию света. Слух о святом дошел и до нечестивого князя сей страны. Князю рассказали, что Фока не только сам верует в Распятого, но и других обращает к Нему вслед за собою. Тогда князь послал своих слуг, чтобы они убили раба Христова; те немедленно отправились, и стали искать Фоку, чтобы предать его смерти.

Их встретил сам Фока и спросил:

– Кого вы ищете?

Они отвечали:

– Мы отыскиваем Фоку.

Тогда Фока сказал:

– Ступайте ко мне, господа мои, я вам расскажу о нем.

С сими словами он привел их к себе в дом и угостил их, ибо так подобает поступать с врагами своими, согласно словам Писания: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою» (Притч.25:22).

Когда же слуги вкусили вина, Фока спросил их:

– Для чего вы ищете сего человека?

Тогда они рассказали ему тайну:

– Мы ищем его, чтобы предать на мучение, ибо князь послал нас убить его за то, что он не поклоняется богам нашим, а почитает Распятого.

Фока стал просить их:

– Прошу вас, господа мои, подождите до утра в моем доме, угощайтесь и пейте, а завтра я предам его вам: ибо никто не знает его лучше меня; он живет недалеко отсюда; теперь он куда-то ушел, но скоро придет; тогда я вам отдам его в ваши руки.

Посланные согласились и стали пировать в доме святого Фоки. Он же в сие время устроил в своем саду гроб, приготовил всё необходимое для погребения, раздал нищим свое имение и всю ночь пребывал в молитве, приготовляясь к смерти. Когда наступило утро, посланные князем слуги встали и спросили его:

– Здесь ли Фока, коего ты хотел предать в наши руки?

Святой же с радостью отвечал им:

– Здесь, господа мои, – делайте с ним, что хотите.

Тогда слуги спросили:

– Где же он?

Блаженный отвечал:

– Я – Фока, которого вы ищете, я раб Иисуса Христа… Я – отрекаюсь от ваших мерзких богов, умертвите меня.

Услыхав сие, посланные удивились; они почувствовали стыд и не хотели обагрить рук своих кровью сего человека, ибо он так радушно принял их и угостил; они хотели уйти и сказали ему:

– Мы скажем князю, что всюду искали Фоку, но нигде не нашли.

Но он стал просить их, схватил их за ноги и умолял, чтобы они исполнили то, что им повелено, говоря:

– Ничем вы меня так не вознаградите за мое гостеприимство, как тем, о чем я прошу вас; ибо через сие вы избавите меня от уз плоти, и я могу соединиться с желанным Христом.

Так святой Фока стремился освободиться от уз тела и жить со Христом. Так сильно желал он пролить свою кровь за Христа; столь великую он имел любовь к Богу, что говорил:

– «Милость Твоя лучше, нежели жизнь» (Пс.62:4).

Итак, он умолил слуг и принял венец мученический; будучи усечен в главу мечом, он перешел от земли к небу[5955]. Его святые мощи были погребены в приготовленном им самим гробе. Впоследствии, когда еще более просияло в тех странах благочестие, над гробницей мученика была выстроена церковь во имя его. И многие верующие почерпали благодать от святых мощей Христова страдальца, одни получали исцеление от болезней, другие – утешение в печалях, иные же получили помощь в бедах молитвами святого мученика Фоки. Не только в городе Синопе, но и по всей вселенной, на земле и на море, всем с верою призывающим его имя и вручающим себя его молитвам, святой являлся великим благодетелем в нуждах и скорым помощником. У мореплавателей было обыкновение призывать на помощь святого Фоку; ибо много раз он являлся им: то ночью, когда поднималось волнение, он будил спящего рулевого; то видели, что он сам поднимал паруса; иногда его замечали на носу корабля; иногда он являлся ходящим по морю. Имя святого Фоки прославляли на многих кораблях, плававших по Черному и Адриатическому морям и по океану; вместо обычных своих песен моряки стали воспевать похвальные песнопения в честь святого Фоки, так что всякий час его имя было на устах мореплавателей. Не только в бедствиях, но и среди удовольствий они вспоминали святого Фоку. У них был такой обычай: когда они сидели за трапезой или за каким-либо угощением, то отделяли часть пищи или пития в

честь святого Фоки. Кто-нибудь из присутствовавших за трапезой покупал сию часть, и вырученные от продажи деньги собирались в особую кружку. Так каждый день уделяли часть своей трапезы святому, и один после другого покупал сию часть: сегодня один, завтра другой, потом третий, – начиная с первого и до последнего, все по очереди покупали ту часть и собирали за нее деньги. Когда же они выходили на берег, то деньги, собранные от продажи этих частей, раздавали убогим, недужным, сиротам и странникам.

Сей обычай хранился много лет до того времени, пока враги святого Креста, попущением Божиим за наши грехи, не взяли все сии страны[5956]; они весьма сильно стали утеснять святую веру и уменьшили число христиан. Однако же и теперь святой Фока, общий заступник всех, не перестает помогать плавающим в море мира сего; он приводит нас к небесному пристанищу, усердно молясь за нас Господу. Да избавимся же мы молитвами сего мученика Христова от всякого потопления, волнения и бури, ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

Житие святого пророка Ионы

Память 22 сентября

Святой пророк Иона был сын Амафиин и происходил из города Гафхефера[5957]. Матерью его была, по преданию, та самая вдова Сарептская[5958], которая во время голода давала пищу пророку Илии и сама кормилась через него, ибо мука в кадке ее не истощалась и масло в кувшине не убывало до того дня, пока Господь послал дождь на землю. Между тем Иона, тогда еще малый отрок, разболелся и умер; тогда вдовица сказала Илии:

– Что я сделала тебе, человек Божий? Ты пришел ко мне вспомянуть грехи мои и наказать меня смертью сына.

Он же сказал ей:

– Дай мне сына твоего.

Взяв у нее отрока, Илия отнес в горницу, в которой жил, и положил его на свою постель; потом воззвал он ко Господу и сказал:

– Господи Боже мой! Неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?

И, дунув трижды на отрока, он стал молиться:

– Господи Боже мой! Да возвратится душа отрока сего в тело.

Господь услышал молитву святого пророка Своего и сотворил по его молению: душа отрока возвратилась в тело, и он воскрес.

Достигнув совершеннолетнего возраста, Иона проводил добродетельную жизнь и неуклонно исполнял все заповеди Господни. Он настолько благоугодил Богу, что, по преданию, сподобился вскоре пророческого дара и предрек, среди других предсказаний, о страданиях Господних, о запустении Иерусалима и о кончине мира.

– Когда, – говорил он, – услышите камень, вопиющий тонким и жалобным голосом, когда от древа будет возноситься вещание к Богу, тогда приблизится спасение и все народы пойдут в Иерусалим на поклонение Господу; Иерусалим же,

наполненный зверями, будет в мерзости запустения: тогда наступит кончина всему живущему.

Получив от Бога свыше дар пророчества, Иона выступил на общественное пророческое служение вслед за пророком Елисеем, являясь продолжателем его дела, как сам Елисей был продолжателем дела Илии, – одного духа с ним. Древнее иудейское предание называет святого пророка Иону учеником Елисея[5959], принадлежавшим к той школе сынов пророческих, во главе которой стоял сначала пророк Илия и потом Елисей; Иона был одним из сынов пророческих, посланных Елисеем для помазания Иуя на царство Израильское[5960]. По смерти Елисея, Иона заступил его место. Чтобы вдохнуть мужество царю Израильскому Иеровоаму в предстоявшей ему войне с сильным сирийским царством, пророк Иона, получив о том повеление от Бога, предсказал ему великие успехи в сей войне, и Иеровоам, по его глаголу, восстановил пределы Израильского царства от Емафа до Мертвого моря, возвратив таким образом древние области своего царства, отторгнутые сирийцами[5961].

В царствование того же Иеровоама, Иона был призван к новому служению. Он получил от Бога повеление идти для проповеди покаяния к нечестивым и враждебным по отношению к израильтянам иноплеменникам.

– Встань, – повелел ему Господь, иди в Ниневию – город великий[5962] и проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня.

Но пророк не исполнил повеления Божия. Он думал, что Бог, как благой и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый, умилосердится над ниневитянами, если они покаются в своих грехах. Поэтому он боялся, что пророчество его о погибели Ниневии не сбудется, и его сочтут за обманщика, и самое имя Бога Израилева подвергнется нареканию и укоризнам. Не хотел он в душе своей и пощады сему нечестивому городу, жители коего были столь враждебны и опасны для израильтян. В то же время чувствуя и всю тяжесть непослушания Богу, Иона, в страхе и скорби, бежал от Лица Божия. Но никто не может укрыться от Бога, ибо «Господня –

земля и что наполняет ее» (Пс.23:2): кто может бежать от Того, «Иже везде сый и вся исполняяй»?

Во время бегства Иона прибыл в Иоппию и нашел здесь корабль, отправлявшийся в отдаленный Фарсис[5963]; отдав плату за провоз, он вошел на корабль и отправился в далекий путь. Но Господь, желая вразумить раба Своего, воздвиг сильный ветер, и на море поднялась великая буря. Сильные волны бросали корабль из стороны в сторону, так что он готов уже был разбиться. Ужас объял корабельщиков, и они стали взывать каждый к своему богу, кто какого чтил и считал своим хранителем. В то же время, желая облегчить корабль от излишней тяжести и тем уменьшить угрожавшую опасность, они начали выбрасывать кладь в море. Один Иона оставался праздным; он спустился во внутренность корабля, лег там и крепко заснул.

Между тем пришел к Ионе кормчий и, найдя его спящим среди такой опасности, разбудил его и с ужасом говорил ему:

– Что ты спишь? Встань, воззови к Богу твоему: может быть, Бог вспомнит о нас, и мы не погибнем.

Но буря не утихала и опасность от нее не уменьшалась. Тогда корабельщики сказали друг другу:

– Пойдем, бросим жребий, чтобы узнать, за кого постигло нас сие бедствие.

Они бросили жребий, и пал жребий на Иону. Тогда спросили его:

– Скажи нам, за что постигло нас сие бедствие? Какое твое занятие, откуда идешь ты, где твоя страна и из какого ты народа?

Иона сказал:

– Я – евреянин, чту Господа Бога небес, сотворившего море и сушу.

Затем он поведал им о своем преслушании воли Божией и о том, как, согрешив пред Богом, он убоялся и ныне бегает от лица Божия. Услышав сие, корабельщики сильно устрашились и ужаснулись его преступлению Божественной воли, восклицая:

– Зачем ты это сделал?

Несмотря на выпавший на Иону жребий, обрекший его на смерть и на грозящую им гибель, они не захотели исполнить над ним приговора, как по своему человеколюбию, так и по страху пред всемогущим Богом Израилевым, воздвигшим на них бурю за преслушание Ионы. Видя в последнем посланника сего Бога, они стали спрашивать его:

– Что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас?

Буря же не прекращалась, и волнение становилось всё сильнее. Тогда Иона сказал им:

– Возьмите меня и бросьте в море, и оно утихнет для вас, ибо я знаю, что за меня постигла вас сия великая буря.

Но корабельщики всё еще колебались, видя в Ионе необыкновенного человека и страшась оскорбить в его лице Всемогущего Бога Израилева. Они, напротив, начали усиленно грести чтобы пристать к земле, между тем как море всё продолжало бушевать против них. Тогда они решились, наконец, исполнить над Ионою приговор. Но прежде, чем сделать это, они воззвали ко Господу:

– Молим Тебя, Господи, да не погибнем за душу человека сего, и да не вменишь нам кровь невинную; ибо Ты, Господи, соделал, что угодно Тебе.

И взяли Иону и бросили его в море, и тотчас прекратилось морское волнение. Тогда все бывшие на корабле еще сильнее убедились, что буря была послана Богом в наказание за преступление Ионы, и устрашились они всемогущества Его, и, исполненные благоговения к Нему, принесли благодарственные жертвы, и дали обеты чтить Его.

Между тем пророка Иону, по повелению Божию, проглотил кит, и пробыл Иона во чреве сего кита три дня и три ночи[5964]. Поверженный в море и поглощенный китом, Иона не мог не чувствовать смертельной скорби; но он не потерял присутствия духа, особенно, когда увидал себя невредимым: в нем явилась надежда, что Господь даст ему снова увидать свет Божий и спасет его из глубины морской. Исполненный сею надеждою, он стал молиться Господу Богу, каясь пред Господом во грехе своем. Изливая свои скорбные и покаянные и вместе с тем благодарные к Богу чувства, Иона так взывал из чрева китова:

– Ко Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня; все воды Твои и волны Твои проходили надо мною. И я сказал: отринут я от очей Твоих, и потоки окружили меня; все воды Твои и волны Твои проходили надо мною. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами на век заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердного Благодетеля своего. А я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение[5965].

Молитва Ионы была услышана: милосердный Господь наказал раба Своего за преслушание Божественной воли, но не желая его смерти, повелел, чтобы кит изверг Иону на сушу. Увидав дневной свет, небо, землю и море, Иона горячо возблагодарил Бога, избавившего его от смерти.

После этого вторично было слово Господне ко Ионе.

– Встань, иди в великий город Ниневию, и проповедуй в ней то, что Я уже повелел тебе.

Тогда Иона встал и пошел в Ниневию. Ниневия же была городом великим, на три дня пути в окружности. И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедовал:

– Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена.

Кратки и грозны были слова пророка Ионы, по-видимому решительно предсказывавшего скорую гибель Ниневии. Но жители города уразумели, что Бог, определяя их погибель, не без причины отлагает на некоторое время исполнение сего определения, что сорок дней даются им, без всякого сомнения, для покаяния, – и поверили слову, возвещенному им от Бога через пророка Иону. Они объявили пост и оделись во вретище, все – от большего из них до малого. Проповедь Ионы дошла и до самого царя могущественной Ниневии; – он встал с престола своего, снял свое царское облачение, оделся во вретище и сел

на пепле[5966]. Потом он повелел провозгласить по всей Ниневии от имени его, царя, и вельмож, чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили, и чтобы покрыты были вретищем люди и скот, и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих.

– Кто знает, – говорили ниневитяне, – может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем.

Надежда не обманула раскаявшихся ниневитян: Бог, видя их сокрушение и подвиг покаяния, отменил Свое определение, помиловал их, и не навел на них бедствия, о котором предвозвещал устами пророка Своего.

Но если Богу приятно было видеть покаяние ниневитян и помиловать их, то Иона, еще оставшийся с прежними мыслями о непреложности пророчества и, по немощи человеческой, не постигавший беспредельного милосердия Божия, сильно огорчился скорым объявлением помилования покаявшимся грешникам. По прошествии сорокадневной проповеди, он вышел из города и, поднявшись на гору, с восточной стороны города, сделал себе там кущу и сел под нею в тени, чтобы посмотреть, что будет с городом. Но увидев, что с городом ничего не случилось, он в сильной печали, в молитве своей воззвал к Богу:

– О Господи! Не сие ли говорил я, когда еще был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис; ибо знал я, что Ты – Бог благой и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый. И ныне, Господи, возьми душу мою от меня; ибо лучше мне умереть, нежели жить.

И произрастил Господь Бог ночью вьющееся растение[5967] над головой Ионы, чтобы избавить его от солнечного зноя и вместе с тем от огорчения, ибо пророк находил в этом успокоение и своему огорченному духу. Иона мог видеть в этом указание воли Божией на то, чтобы он оставался на сем месте и ждал, что последует с городом; это могло еще питать в нем надежду, что Бог каким-нибудь чудесным образом оправдает Свой приговор о Ниневии. Вместе с тем, в явно чудесном

появлении тенистого растения Иона уразумел особое о нем попечение Божие. Сердце его возрадовалось, и печаль, происходившая от мысли, что Бог оставил его, – превратилась в радование, и Иона пребывал под произросшим растением весь тот день, укрываясь от солнечного зноя.

Но радость Ионы о тенистом растении была непродолжительна. На следующий день, при появлении зари, червь, по повелению Божию, подточил растение, и оно засохло.

Когда же взошло солнце, навел Бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти.

– Лучше мне умереть, – говорил он, – нежели жить.

И сказал Бог Ионе:

– Неужели ты так сильно опечален тем, что растение засохло?

Иона отвечал:

– Очень огорчился, даже до смерти.

Тогда, отечески вразумляя пророка, Бог сказал:

– Ты сожалеешь о растении, над которым не трудился, и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором было более ста тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой[5968], и множество скота?

После этого, когда по прошествии сорока дней, погибель Ниневии не совершилась, а напротив воссияло солнце, ниневитяне усмотрели в этом знак милости Божией и прощения, вышли из города к пророку Ионе и дали ему дары для храма Иерусалимского, в благодарность за спасение. Сопровождаемый благодарностью ниневитян, которых он вовремя вразумил возвещением гнева Божия, Иона удалился с миром из Ниневии в свою отечественную землю. Пожив здесь богоугодно довольно времени, святой пророк Иона мирно скончался и был погребен в отечественном своем городе[5969]; ныне же, предстоя на небесах Христу Богу, насыщается зрением лица Его и славит Его с пророками и Апостолами и со всеми святыми вовеки[5970]. Аминь.

Память преподобного Ионы пресвитера

Память 22 сентября

Преподобный Иона пресвитер жил в Палестине и был отцом преподобных Феодора и Феофана «Начертанных», много пострадавших за почитание святых икон от императоров иконоборцев[5971]. Иона отличался богобоязненностью и добродетельною жизнью и особенно усердствовал в страннолюбии и других подвигах христианского милосердия. С любовью заботился он о воспитании своих сыновей; еще дома сам он обучил их книжной премудрости, более наставляя в правилах благочестия. В зрелом возрасте, приближаясь к старости, Иона, по изволению Божию, лишился своей супруги и остаток дней своих решил посвятить на всецелое и совершенное служение Богу. Он удалился в прославленную подвигами преподобных иноков, уединенную лавру святого Саввы Освященного, где ранее подвизались и его святые сыновья. Здесь он принял иноческий постриг и, подражая святой, подвижнической жизни иноков той обители, стяжал еще большую богобоязненность и со страхом соделывал свое спасение.

Иона непрестанно пребывал в строгом посте и усердных богомысленных молитвах. Молясь о себе, он не забывал и мира, который оставил, и, болея о нем душою и пламенея любовью к ближним, усердно молился Богу о христианском благоустроении, о мире святой Церкви и благочестии царей, ибо цари византийские уклонились тогда в иконоборческую церковь и возмущали мир Церкви Божией[5972]. В таком добродетельном житии Иона достиг преклонной старости и за свою богоугодную жизнь стяжал себе от Бога благодатный дар врачевания. Мирно достигнув конца дней своих, он радостно предал святую свою и блаженную душу Господу[5973], к Коему всегда пламенел чистою и горячею любовью.

Житие святого Петра, прежде бывшего мытарем[5974]

Память 22 сентября

В Африке жил один жестокосердный и немилостивый мытарь, по имени Петр; никогда он не пожалел неимущих, не имел в уме своем помышления о смерти, не ходил в Божии церкви, сердце его всегда было глухо к просящим милостыню. Но благой и человеколюбивый Бог не хочет смерти грешников, а заботится о спасении всех и неисповедимым своим Промыслом спасает каждого. Он и сему Петру явил Свою милость и спас его следующим образом.

Однажды нищие и убогие, сидевшие на улице, стали хвалить лиц, относившихся к ним с милосердием, молились за них Богу, а немилостивых укоряли; беседуя так, они заговорили и о Петре, рассказывали о том, как он жестоко поступает с ними, стали спрашивать один другого, получил ли кто когда-нибудь какую-либо милостыню из дома Петра; когда же не нашлось такого человека, один из убогих встал и сказал:

– Что вы дадите мне, если я сейчас пойду и испрошу у него милостыню?

Уговорившись, они собрали залог, а тот нищий, отправившись, стал у ворот Петра. Вскоре Петр вышел из дома. Он вел осла, навьюченного хлебами для княжеского обеда. Нищий поклонился ему и стал громко просить милостыни. Петр схватил хлеб, бросил его в лицо нищему и ушел. Подхватив хлеб, нищий пришел к своим собратьям и сказал:

– Из рук самого Петра я получил сей хлеб.

При сем он стал прославлять Господа, и благодарил Его за то, что Петр так милостив. Спустя два дня, мытарь расхворался так сильно, что даже был близок к смерти, и вот ему представилось в видении, будто он стоит на суде и на весы кладут его дела. На одной стороне у весов стояли смрадные и злые духи, по другую же сторону весов находились светлые и благообразные мужи. Злые духи принесли все злые дела, какие совершил Петр мытарь в течение всей своей жизни с самых

юных лет, и положили их на весы; светлые же мужи не находили ни одного доброго дела Петра, которое можно было бы положить на другую сторону весов; поэтому они были печальны и с недоумением говорили друг другу:

– Нечего нам положить на весы.

Тогда один из них сказал:

– Действительно, нам нечего положить, разве только один хлеб, который он подал ради Христа два дня тому назад и то лишь поневоле.

Они положили тот хлеб на другую сторону весов, и он перетянул весы на свою сторону. Тогда светлые мужи сказали мытарю:

– Ступай, убогий Петр, и прибавь еще к сему хлебу, чтобы не взяли тебя бесы и не повели бы на вечную муку.

Придя в себя, Петр стал размышлять об этом и понял, что виденное им было не привидение, но истина; при сем он вспомнил все свои грехи, даже те, о коих он уже забыл, – ясно представились ему все его согрешения – их-то именно злые демоны, собрав, клали на весы. Тогда Петр, удивляясь, подумал:

– Если один хлеб, брошенный мною в лицо убогого так помог мне, что бесы не могли меня взять, то насколько более щедрая милостыня, творимая с верою и усердием, помогает тем, кто не скупясь раздает свое богатство убогим.

И с тех пор он сделался в высшей степени милостив, так что даже не пощадил и самого себя. Однажды он шел в свою мытницу[5975]. На пути встретился ему один владелец корабля: он был наг, ибо вследствие гибели своего корабля он обеднел совершенно. И вот, человек сей, припав к ногам Петра, просил его дать ему одежду, чтобы он мог прикрыть наготу свою. Петр снял с себя прекрасную и дорогую верхнюю одежду и дал ему; но тот, стыдясь ходить в такой одежде, отдал ее для продажи одному купцу. Петр, возвращаясь из своей мытницы, случайно увидел, что одежда та вывешена на торжище для продажи; сие так сильно опечалило его, что придя домой он не хотел даже вкусить пищи, но затворился, стал плакать и рыдать, говоря:

– Бог не принял моей милостыни; я не достоин того, чтобы убогий имел память обо мне.

Плача и скорбя таким образом, он немного уснул, и вот ему представился некий благообразный муж, сиявший светлее солнца; на голове у него был крест, одет он был в ту самую одежду, которую Петр отдал разорившемуся владельцу корабля; сей муж сказал Петру:

– О чем ты, брат Петр, скорбишь и плачешь?

Мытарь же отвечал:

– Как мне не плакать, Господин мой, если я даю убогим из того, что Ты дал мне, а они данное им снова продают на торжищах.

Тогда Явившийся сказал ему:

– Узнаешь ли сию одежду, которую я ношу?

Петр же отвечал:

– Да, Владыко, узнаю; она – моя; ею я одел нагого.

Явившийся сказал:

– Перестань же скорбеть, ибо одежду, данную тобою нищему, принял Я и ношу ее, как ты видишь; хвалю тебя за доброе твое дело, ибо ты одел Меня, погибающего от холода.

Проснувшись, мытарь удивился и возревновал о жизни неимущих, говоря:

– Если убогие то же, что Христос, то, клянусь Господом, я не умру, пока не сделаюсь одним из них.

Тотчас он раздал нищим всё свое имение и освободил рабов, оставив лишь одного из них; сему же рабу он сказал:

– Я хочу сообщить тебе тайну; храни ее и повинуйся мне; если же не сохранишь тайны и не будешь мне повиноваться, то знай, что я продам тебя язычникам.

На сие раб отвечал ему:

– Всё, что повелишь ты мне, господин, я должен сделать.

Тогда Петр сказал ему:

– Пойдем во святой град, поклонимся животворящему Гробу Господню, и там ты продай меня кому-либо из христиан, а вырученные от продажи деньги дай убогим; тогда и сам будешь свободным человеком.

Удивился раб такому странному намерению своего господина; он не хотел повиноваться ему и сказал:

– Идти с тобою в святой град я должен, так как я твой раб; но продать тебя, господина моего, я не могу, и сего никогда не сделаю.

Тогда Петр сказал ему:

– Если ты не продашь меня, то я продам тебя язычникам, как уже говорил тебе.

И они отправились в Иерусалим. Поклонившись святым местам, Петр снова сказал рабу:

– Продай меня, если же ты не продашь меня, то я продам тебя варварам в тяжкое рабство.

Видя такое непреклонное намерение своего господина, раб должен был повиноваться ему даже против своей воли. Встретив одного известного ему богобоязненного мужа, серебряника ремеслом, по имени Зоила, раб сказал ему:

– Послушай меня, Зоил, – купи у меня хорошего раба.

Серебряник же отвечал:

– Брат, поверь мне: я обнищал, так что нечем заплатить за него.

Тогда раб предложил ему:

– Займи у кого-нибудь и купи его, ибо он очень хорош, да и Бог благословит тебя за него.

Поверив его словам, Зоил взял у одного своего друга тридцать золотых и на сии деньги купил Петра у его раба, не зная, что Петр – сам господин раба того. Последний, взяв деньги за своего господина, удалился в Константинополь, и никому не сказав, что он сделал, деньги те раздал убогим. С сего времени Петр стал служить у Зоила; ему пришлось делать то, к чему он ранее не привык: то он работал на поварне, то возил навоз из дома Зоила, то копал землю в винограднике; сими и другими тяжелыми работами он в своем безмерном смирении изнурял свою плоть. Зоил же видел, что Петр низводит благословение на его дом, как некогда дом Пентефрия получил благословение из-за Иосифа; видел он, что богатство его умножилось; поэтому и возлюбил Петра, и в то же время,

видя его необыкновенное смирение, чувствовал уважение к нему. Однажды он сказал ему:

– Петр, я хочу освободить тебя, будь моим братом.

Петр же не хотел свободы, но предпочитал служить в образе раба; часто можно было видеть, как другие рабы ругали его, иногда даже били и всячески оскорбляли его, он же терпеливо переносил всё сие, не произнося ни слова. Однажды Петр увидел во сне лучезарного Мужа, некогда явившегося ему в Африке в его одежде; сей, имея теперь в руке тридцать золотых, сказал ему:

– Не скорби, брат Петр, ибо Я Сам получил деньги за тебя; потерпи до времени, пока тебя не узнают.

Спустя некоторое время из Африки пришли поклониться святым местам некоторые сребропродавцы; Зоил, господин Петра, пригласил их к себе в дом на обед. Во время обеда гости стали узнавать Петра и говорили один другому:

– Как сей человек похож на Петра мытаря.

Услышав их разговор, Петр стал скрывать от них свое лицо, чтобы они окончательно не признали его. Однако они узнали его и начали говорить хозяину того дома:

– Мы хотим сказать тебе, Зоил, нечто важное: знаешь ли ты, что в дому у тебя служит великий муж – Петр? В Африке он был весьма видным человеком, освободил всех своих рабов; князь сильно опечален и жалеет, что Петр оставил нас; поэтому мы возьмем его с собою.

Находясь за дверями, Петр слышал все слова; поставив на землю блюдо, которое он нес, он поспешил к воротам, чтобы убежать; привратник был нем и глух с самого рождения своего, так что лишь по известным знакам отворял и запирал ворота.

Святой Петр, торопясь выйти, сказал немому:

– Тебе говорю именем Господа нашего Иисуса Христа: открой мне немедленно двери.

Тогда отверзлись уста немому, и он сказал:

– Хорошо, господин, сейчас открою.

С сими словами он сейчас же отворил ворота, и Петр поспешно ушел. Тогда бывший немой пришел к своему господину и в присутствии всех стал говорить; все бывшие в

доме удивились, когда услышали, что он говорит; тотчас все стали искать Петра, но не нашли его. Немой же сказал:

– Смотрите, не убежал ли он, знайте, что это – великий служитель Божий; когда он подошел к воротам, то сказал мне: «Во имя Господа Иисуса Христа, тебе говорю, открой ворота». И я тотчас же заметил исходящий из уст его пламень, который коснулся меня, и я стал говорить.

Все немедленно отправились по следам Петра, но не настигли его; всюду старательно искали его, но не нашли. Тогда все в доме Зоила возрыдали и говорили: «Как это мы не знали, что он такой великий служитель Божий?» И прославляли Бога, имеющего многих сокровенных рабов Своих. Петр же, убегая от человеческой славы, скрывался по тайным местам до самого своего преставления[5976].

Слава Господу вовеки. Аминь.

Слово на зачатие честного и славного пророка, предтечи и крестителя Господня Иоанна

Память 23 сентября

В то время как приближалось зачатие нашего Спасителя, совершилось славным и чудесным образом зачатие святого Иоанна Предтечи. Многие матери зачинают детей, но мало таких, коих зачатие прославлялось бы и праздновалось Святою Церковью. Известны только три матери, во чреве которых совершившиеся зачатия стали предметом удивления для всего мира. Это – праведная Анна, святая Елисавета и Пречистая Дева Мария. Анна праведная зачала Богородицу, Елисавета – Предтечу, а Дева Мария – Христа Спаса нашего. Все сии зачатия были возвещены Ангелом и совершились по благодати Божией, но притом не иначе, как через беседу между благовестником и зачинающими, ибо Сам Бог требовал и соизволения зачинающих. Поэтому благовестник, святой Архангел Гавриил, войдя в алтарь к священнику Захарии, служившему тогда пред Богом сказал:

– Не бойся, Захария: молитва твоя услышана, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и дашь ты имя ему – Иоанн. И многие возрадуются о рождении его.

Захария отвечал:

– То, что возвещаешь ты мне, вестник радостный, и неожиданно и странно, ибо родить детей в старости неестественно; я же стар, и жена моя в летах преклонных: как мы можем зачать и родить сына?

Ангел же ответствовал:

– С первых же твоих слов, Захария, я вижу, что ты маловерен; ты не веришь, что слова мои сбудутся. Правда, то, о чем я возвещаю, не свойственно твоей природе, но на сие есть воля Божия, для которой нет ничего невозможного: «Бог может из камней этих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф.3:9). Разве неизвестно тебе, что Бог мог сотворить Адама из земли, создать Еву из кости Адамовой и престарелой Сарре даровать

сына Исаака? Поэтому и твоей жене Всемогущий Бог дарует в старости рождение сына; ибо услышана молитва твоя.

– Я, – сказал Захария, – ныне приношу Богу свои молитвы о пришествии вожделенного Мессии, Коего Он обещал устами святых Своих пророков; молюсь, чтобы Бог скорее послал Его на землю спасти семя Авраамово от рабства иноплеменников; молюсь Ему еще и о том, чтобы Он простил согрешения мои и грехи всего народа; а о том, чтобы иметь сына, я ныне не молюсь, ибо уже и сам достиг преклонного возраста, и жена моя состарилась.

Ангел же сказал ему:

– Я – Гавриил, предстоящий пред Богом; по откровению Божию я знаю, что ныне ты молишься не о даровании сына, а о том, о чем ты сказал мне, однако, прежде, когда и ты, и супруга твоя не были еще стары, ты усердно молил Господа, чтобы Он послал вам сына. Всемилостивый Господь, от Него не может укрыться даже и малейшее движение сердца человеческого, внимает молящимся Ему и исполняет желания боящихся Его. Услышав твои прежние молитвы, Он дарует тебе сына равноименного благодати[5977]; ибо Господь ведает по Своему благоволению, когда исполнить прошения святых Своих: и вот у тебя родится сын, который велик будет пред Господом.

На сие Захария отвечал:

– Вижу я теперь, благовестник, что ты – Ангел Божий, ибо и беседа твоя свидетельствует о сем, и твой вид ясно показывает сие, и сила слов твоих подтверждает то. Сначала же, когда ты внезапно предстал предо мною и стал вещать, я ужаснулся, подобно тому как некогда убоялся Даниил пророк, увидев Ангела: «смотрел, – говорил он, – на это великое видение, но во мне не осталось крепости» (Дан.10:8); также и мать Самсона говорила: «Человек Божий приходил ко мне, которого вид, как вид Ангела Божия, весьма почтенный [страшный]» (Суд.13:6). Поэтому я и убоялся и не дерзаю возражать против твоих Ангельских слов, однако, спрошу, почему имеющий родиться у меня сын будет велик? Разве он будет выше и святее пророка Иеремии, к которому было слово Господне: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты

вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя» (Иер.1:5).

Ангел же сказал:

– Велик будет пред Господом сын твой, и своим духовным величием не только будет равен пророку Иеремии, но и превзойдет его; если тот получил освящение до рождения своего, то сей еще более исполнится Духа Святого еще во чреве матери своей; Иеремия предназначался только к пророчеству о Мессии, а сей удостоится и руку возложить на Него и крестить Его. И не только Иеремию, но и прочих великих святых он превзойдет величеством благодати Божией, ибо и в наших Ангельских чиноначалиях, которые всегда видят лицо Господа Саваофа, Бог не всем равно открывает тайны Своей благой воли, но через вышних чинов являет их низшим. Много звезд является перед восходом солнца, но одна лишь денница предшествует самому солнцу. Многие пророки проповедовали о пришествии Мессии, но отрок, рожденный тобою, не только будет проповедовать словом, но и перстом своим укажет людям Агнца Божия, вземлющего грехи мира. Вот почему сын твой будет велик и больше среди всех рожденных женами. Насколько исполнение радостной вести приятнее, чем самая весть, настолько будет иметь более чести сравнительно с другими пророками тот пророк, который от тебя родится. До него пророчествовали все пророки и самый закон, сей же будет завершением всех пророков, концом Ветхого Завета, предтечей новой благодати.

Захария на сие сказал:

– Хороша и радостна весть твоя, Ангел Господень! Если и всякий премудрый сын веселит отца, то насколько более возвеселил бы меня, старца, сын мудрейший, нежели все пророки! Но как мне радоваться, когда я сомневаюсь в словах твоих? Не бывает радости и веселия в вещах сомнительных, но только в достоверных. И так умоляю тебя, Ангел Божий, скажи мне, как могу я увериться в том, что ты мне возвещаешь?

Тогда Гавриил отвечал:

– Ты еще продолжаешь сомневаться и не веришь моим словам, Захария; неужели буду говорить ложно я, посланник

Бога, [ведь] «верен Господь во всех словах Своих и свят во всех делах Своих» (Пс.144:13), так что «у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лк.1:37). Ты – иерей и учитель Израилев, ужели не знаешь, что наступило время, которое я высчитал седминами, когда был послан в Вавилон к пророку Даниилу? Разве вы не читали его пророчества? Рассмотри и познай, что уже приблизился Спасающий Израиля и пред лицом Его будет предшествовать Ангел во плоти – сын твой, который уготовит путь Мессии, шествуя пред Ним в духе и силе Илии. Но за то, что не поверил словам моим, ты будешь нем и не скажешь ни слова до того дня, когда сие исполнится.

И тотчас немота сковала уста Захарии, а узы неплодия Елисаветы разрешились. Ангел же отошел к престолу Вседержителя. Слава Господу вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Первее нераждающая неплоды возвеселися, се бо зачала еси солнца светильника яве, просвещати имуща всю вселенную слепотою недугующую. Ликуй Захарие, вопия со дерзновением: пророк Вышняго есть хотяй родитися.

Кондак, глас 1:

Веселится светло Захария великий, со всеславною Елисаветою сопружницею, достойно зачинающе Иоанна Предтечу: егоже Архангел благовести радуяся, и человецы достодолжно почтим, яко таинника благодати.

Память святых мучеников Андрея, Иоанна, Петра и Антонина

Память 23 сентября

Сии святые мученики пострадали в то время, как Африкою владел жестокий князь Ибрагим. При взятии и разрушении сицилийского города Сиракуз[5978], Ибрагим вывел оттуда в Африку Иоанна и двух его детей, Петра и Антонина. Этих двух малолетних отроков он велел обучать агарянскому языку и наукам. Когда они стали подрастать, князь Ибрагим так полюбил их за мудрость и за добродетельную жизнь, что назвал Антонина своим сродником, а Петру дал звание сакелларий[5979]. Они втайне исповедовали христианскую веру, но не могли скрыть сего от князя. Узнав, что они веруют во Христа, он сильно разгневался, велел заковать их в железные колоды и бить их суковатыми палками. Долго мучители наносили удары святому Антонину; затем посадили его на осла и, привязав крепкими ремнями, возили его по городу, подвергая его ударам и осыпая всякого рода поруганиями. Святой Антонин всё сие терпел, благодаря Бога. Святого же Петра обнажили и долго били палками по костям и по чреву. После этого мучеников заключили в темницу. По прошествии некоторого времени, князь приказал вывести их оттуда и наложить на них тяжелые деревянные доски, так что руки их отделились от тела, а бедра и колена совершенно сокрушились; тела святых мучеников были обагрены их собственною кровью, и все кости их распались. Потом привели их отца Иоанна; князь схватил его левою рукою за шею, а правою вонзил нож в гортань его; так святой мученик испустил дух над телами детей своих. Тогда Ибрагим приказал развести большой костер и на нем сжечь тела святых страдальцев. А со святым Андреем, бывшим уже в преклонных летах, жестокий мучитель поступил так. Сначала он довольно долгое время протомил его голодом, жаждою, лишал его одежды, а затем, сев на коня и взяв копье, налетел на святого мученика и поразил его копьем в грудь. Святой Андрей громко стал воссылать хвалу Богу. Жестокий князь во второй

раз налетел на святого и пронзил его между плеч. Истекая кровью, блаженный упал на землю, после чего ему усекли мечом главу.

Память святой мученицы Ираиды

Память 23 сентября

Святая дева Ираида жила в Александрии. Однажды выйдя к источнику, чтобы почерпнуть воды, она увидела корабль, приставший к берегу; на сем корабле находилось множество девиц, мужей, иереев, диаконов и иноков; все они были заключены в оковы, ибо их за исповедание имени Иисуса Христа везли на мучение. Внезапно Ираида возгорелась великой любовью ко Господу; отбросив водонос, она добровольно присоединилась к узникам Христовым и была вместе с ними заключена в оковы. По прибытии корабля в египетский город Антинополь, святая Ираида прежде всех других претерпела жестокие истязания и была усечена мечом[5980], а после нее и все прочие своею кровью запечатлели свое исповедание веры в Иисуса Христа.

Житие преподобной Поликсении

Память 23 сентября

Святая Поликсения родом была из Испании. Она жила в первом веке по Рождестве Христовом, во времена святых Апостолов, и была ученицею их. От рождения и в юности Поликсения была язычницею. Вместе со старшею сестрою своею, Ксантиппою[5981], бывшею супругою Прова, правителя той страны, дева Поликсения услышала о Божественном учении Христа Спасителя от святого Апостола Павла, когда он проповедовал в Испании. Ксантиппа и Пров тогда же приняли христианство, а Поликсения осталась еще язычницею.

После этого Поликсению постигли несчастия. Она была необыкновенно красива; прельстясь ее красотою, один бесчестный человек насильственно похитил Поликсению и увез ее в Грецию. Но милосердный и всесильный Заступник беззащитных и невинных, Господь сохранил юную девицу невредимою и не попустил исполниться преступным замыслам нечестивого похитителя. Злой умысел нечестивца Господь обратил даже на пользу Поликсении. Плывя в Грецию, на одном из кораблей Поликсения слышала проповедь еще другого великого ученика Христова, святого Апостола Петра. Благорасположенная к высокому Божественному учению Христа Спасителя, с живым доверием обратилась она, по прибытии в Грецию, к покровительству и защите христиан. Проповедовавший там в то время святой Апостол Христов Филипп поручил одному благочестивому семейству скрыть Поликсению от ее преступного похитителя. С большими затруднениями и препятствиями удалось сим добродетельным христианам скрыть Поликсению в греческий город Патры, или Патрас, Ахайской области, где большинство жителей в то время было уже обращено в христианство проповедью святого Апостола Андрея, первозванного ученика Христа Спасителя.

В Патрах Поликсения, уже подготовленная благовестием святых Апостолов Христовых Павла, Петра и Филиппа, и на самой себе испытавшая теперь деятельную

благотворительность христиан, – с живою верою в Божественность учения Христа Спасителя приняла христианство и крещена была самим святым Апостолом Андреем Первозванным. Тут же Поликсения была свидетельницею славных чудес, совершенных святым Апостолом Андреем. Она видела, как кротко переносил сей тогда уже престарелый старец тяжкие истязания и мучения, как он претерпел крестную смерть за свое нежелание отречься от Господа Иисуса Христа и смелое заступничество за христиан.

– Уверуй сам во Христа, – говорил гневному язычнику правителю города и области святой Апостол, когда тот с угрозою смерти требовал, чтобы святой Андрей отрекся от Христа, поклонился языческим богам и совершил в честь их жертвоприношение. «Я более скорблю о твоей гибели, нежели о страданиях предстоящих мне, – продолжал святой Апостол, – мои страдания продолжатся день, два, а твои мучения будут длиться вечно».

Но, не обращая внимания на кроткое увещание святого Андрея, злобный правитель присудил его сначала к жестоким истязаниям, а потом обрек его на крестную смерть, и чтобы продлить мучения возможно долее, велел не пригвоздить, но привязать его ко кресту.

Когда Апостола Божия вели на место распятия, народ, среди которого была и юная Поликсения, толпился во множестве вокруг него, громогласно восклицая:

– Чем согрешил сей праведник, сей друг Божий, что его ведут на самую позорную у нас казнь, на которую осуждаются лишь злейшие преступники?

Но святой Андрей успокаивал и уговаривал народ и шел с радостью на место мучения за исповедание Христа.

Не покидали святого Андрея преданные его ученики, в числе коих была также Поликсения, и тогда, когда его распяли и повесили на кресте. Множество народа толпилось близ невинно распятого святого Андрея, негодуя на решение правителя и восклицая с возрастающим недовольством:

– Напрасно страдает сей святой муж!

Апостол же старался успокоить волнующихся и продолжал учить слову Божию:

– Люди, здесь стоящие, – говорил он, – жены и дети, старцы и молодые, рабы и свободные! Послушайте слова моего и не думайте более о суете временной жизни, но смотрите на меня, висящего на кресте ради Христа и уже готового оставить сие тело. Не должно страшиться смерти тем, кои подвергаются ей за истину в сем мире: они достигают блаженного успокоения. Очистите себя, не забывайте моего учения; от всего сердца уверуйте в Отца и Сына и Святого Духа. Храните заповеди Господа нашего Иисуса Христа и тем явите себя достойными вечного блаженства, которое уготовал Господь любящим Его!

Дни и ночи проходили таким образом. Святой старец, несмотря на тяжкие мучения, не переставал поучать народ. И сия кроткая, но полная жизни и истинной любви проповедь со креста особенно сильно подействовала на юную Поликсению. За несколько суток она пережила целую жизнь, и христианство непоколебимо утвердилось в ней.

Между тем продолжительное страдание святого Андрея до того усилило ропот и негодование народа, что толпа с криком окружила жилище правителя Егеата, требуя освобождения святого Андрея, уже третий день висевшего на кресте без пищи.

– Напрасно страдает сей кроткий, святой и мирный человек, – говорил народ. – Вот уже более двух суток, как он висит на кресте и не перестает учить нас добру и правде; его должно снять!

Егеат, устрашась волнения, согласился на желание народа и сам пошел на место казни, чтобы при себе велеть снять святого Андрея со креста. Первозванный Апостол, увидя его, сказал:

– Для чего пришел ты, Егеат? Если для того, чтобы исповедать веру в Господа Иисуса Христа, то несомненно получишь прощение, если же ты явился для того, чтобы отвязать меня от сего древа, то напрасно ты теперь старался бы о сем, – я уже наслаждаюсь зрением Царя Небесного, уже поклоняюсь Ему, уже стою пред Ним! Но пока еще есть время, позаботься о душе своей и не готовь себе вечных мук.

По повелению правителя, воины хотели было отвязать святого Андрея от креста, но Апостол, подняв очи к небу, воскликнул:

– Не допусти, Господи, чтобы меня сняли со креста, даруй мне пострадать за Тебя таким же образом, каким благоизволил пострадать Ты. Не дай поколебаться тем, кои познали и возлюбили Тебя через мое благовестие; сохрани их и утверди во святой Твоей вере, чтобы и они прославляли Тебя, истинного Бога; приими и меня с миром!

И действительно, тщетно исполнители казни старались приблизиться к распятому, чтобы отвязать его от креста, – невидимая сила останавливала их. Блестящий свет, более яркий, чем солнечный, совершенно окружил святого Андрея и в продолжение почти получаса скрывал его от предстоящих. Когда же сей свет исчез, оказалось, что святой Апостол Андрей уже предал дух свой Богу, и только лицо его сияло небесным светом.

Как Воскресение Иисуса Христа сильно подвигло святых Апостолов на проповедь Его Божественного учения, так и кончина святого Апостола Андрея плодотворно подействовала на святую Поликсению. Принявшая христианство от такого столпа Христовой церкви, каким был святой Апостол Андрей, упражнявшаяся и укреплявшаяся в Божественном вероучении Спасителя под его же руководством, – святая Поликсения сама восхотела проповедовать Божественное учение Христа Спасителя. И когда она узнала, что посетивший город Патры вскоре после смерти Апостола Андрея святой Онисим отправляется на проповедь в Испанию, – святая Поликсения с радостью сопутствовала ему на свою родину для благовестнических трудов. Она хотела обратить ко Христу своих соплеменников, еще непросвещенных светом Евангелия.

Возвратясь в Испанию со святым Онисимом и с подругою своею Ревеккою, вместе с нею крещенною, святая Поликсения ревностно предалась деятельному распространению христианства среди своих единоплеменников. Сестра ее Ксантиппа также присоединилась к ее благовестническим

трудам. Сохранилось сказание, что особенно часто они проповедовали в многолюдном городе Толедо.

Итак, всю остальную жизнь свою, почти сорок лет, святая Поликсения посвятила сему великому подвигу, подавая уверовавшим во Христа пример благочестивой жизни. Плодом сего благочестивого апостольского служения ее было то, что весьма многие язычники в Испании были обращены и утверждены ею в христианстве.

Около 109 года по Рождестве Христовом святая Поликсения мирно скончалась, до конца земной жизни сохранив девство.

Житие и страдание святой первомученицы, равноапостольной Феклы

Память 24 сентября

Святые Апостолы Павел и Варнава, благовествуя миру Евангелие, пришли в Иконию[5982] и поселились у Онисифора, о коем упоминает св. Павел в Послании к Тимофею, говоря: «Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих» (2Тим. 1:16). Проживая в доме Онисифора, они часто посещали синагогу, небоязненно проповедовали Слово Божие, приводили людей ко спасительному пути и обращали к вере в Иисуса Христа. Тогда многие, внимая их учению и видя знамения и чудеса, творимые ими, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. Об этом повествуется в книге Деяний Апостольских: «В Иконии они (т.е. Павел и Варнава) вошли вместе в Иудейскую синагогу и говорили так, что уверовало великое множество Иудеев и Эллинов. А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников. Впрочем они пробыли [здесь] довольно времени, смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей, творил руками их знамения и чудеса» (Деян.14:1–3).

В то время в Иконии жила восемнадцатилетняя девица, прекрасная собою, по имени Фекла, дочь Феоклии, из рода знатного и славного. Она обручена была некоему Фамиру, одному из самых знатных юношей в городе, отличавшемуся своим богатством и красотою. Видя чудеса, совершаемые Апостолами, Фекла вместе с другими слушала у окна беседы их в доме Онисифора, усердно внимая всему, что они проповедовали. На добрую почву пало семя Слова Божия, действием Святого Духа оно глубоко укоренилось в сердце Феклы и произросло: она уверовала в Сына Божия, возлюбила Его и прилепилась к Нему всею душою. Павел же, по внушению свыше, стал беседовать о девстве и целомудрии; он сказал между прочим, что отроковица, хранящая ради любви ко Христу

свое девство, подобна Ангелам, она – невеста Христу, а Христос есть ее Жених, вводящий ее в чертог Свой небесный. Много говорил об этом святой Павел и побудил Феклу к сохранению девства, так что святая дева тогда же твердо решилась оставить жениха, презреть и все сладости мира сего и служить Христу в чистоте до самой кончины своей. Итак, мудрая дева стала невестой Жениха небесного и с пламенною любовью последовала Ему; стремясь к нетленному Жениху своему, она таяла как воск, так что на ней сбылось реченное Давидом: «Сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей» (Пс.21:15). Фекла была так восхищена беседой Павловой, что три дня и три ночи совсем забыла о пище и питии и о покое телесном. Как некогда Мария, «которая села у ног Иисуса» (Лк.10:39), помышляла об одном лишь Боге, так и Фекла питалась только словом Его, ибо в Священном Писании сказано: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф.4:4). Когда же Феоклия узнала, что ее дочь уверовала во Христа и прилежно слушает слово Божие, то пришла и с гневом силою отвлекла ее от сего душеполезного занятия, а святых проповедников – Апостолов укорила и, ругаясь им, отторгнула дочь свою, агницу уже Христову, от стада Христова. Потом, призвавши жениха ее Фамира, сказала ему:

– Или тебе нужды нет до невесты своей, что она находится в каком-то исступлении? Смотри: она прельстилась сими пришельцами – обманщиками, которые своими высокопарными речами увлекают безумных людей; вот уже три дня, как она не отходит от них, забыв о доме своем.

Тогда Фамир начал ласково и нежно говорить с Феклой; но она ни о чем не хотела говорить с ним; даже и смотреть на него она не желала, ибо в своем сердце носила иного Жениха, «краснейшаго добротою паче сынов человеческих». Взирая на Него духовными своими очами, она беседовала с Ним в уме своем, сей же тленный и временный жених внушал ей только отвращение. Фамир, видя, что Фекла его отвергает и не любит, стал очень скорбеть, а Феоклия в гневе стала бить дочь свою, таскала ее за волосы и топтала ногами; потом заперла ее одну

и морила голодом. Впрочем, сама же она, побеждаемая естественною материнскою любовью, плакала о своей дочери; обнявши, она стала целовать ее, со слезами умоляла, чтобы Фекла не отвергала своего жениха, красивого, богатого, благородного, всеми почитаемого, посадила ее за столом рядом с Фамиром. Фекла же, отвернувшись от него, сидела молча, смотрела вниз, ничего не вкушала, только постоянно вспоминала в глубине сердца о своем Женихе небесном. Когда же Фамир, лаская ее, хотел насильно обнять и поцеловать ее, она плюнула ему в глаза и вырвалась из его рук, как птица из сети. Тогда мать опять пришла в ярость, и снова стала бить ее, а Фамир, сильно опечаленный, пошел к князю с жалобой на Апостола Павла.

– В нашем городе, – говорил Фамир, – появился один пришлец; своим волшебством он прельщает народ и, отклоняя его от почитания богов, обращает ко Христу Иисусу, распятому на Кресте иудеями. Он прельстил и девицу Феклу, мою невесту; сначала она сильно любила меня, а ныне не только не хочет смотреть на меня, но даже гнушается мною как прокаженным и бегает от меня как от какого-нибудь зверя; так загасил тот волшебник в ней любовь ко мне; и не могу я понять, что он сделал с ней.

Князь призвал Павла и спросил его: откуда он и что такое сделал у них в городе? Тогда Павел отверз апостольские уста свои и по обыкновению стал поучать его слову Божию, проповедуя об Иисусе Христе. Однако князь не стал сейчас же разбирать дело, а отложил суд над Павлом до другого времени; он повелел связать Павла, посадить в темницу и держать его там до тех пор, пока явится возможность допросить его подробнее. Фекла же, услышав, что Павла из-за нее посадили в темницу, встала ночью, тайно удалилась из дому и пришла к темнице. Отыскавши сторожа, охранявшего двери темницы, она сняла с себя ожерелье и другие золотые вещи и отдала их сторожу, прося его, чтобы он отворил ей двери и пропустил к Павлу.

О сем упоминает святой Златоуст, говоря:

– Послушай о святой Фекле; та, чтобы видеть Павла дала свое золото темничному сторожу; ты же не хочешь дать ни одной цаты[5983], чтобы узреть Христа[5984].

Темничный сторож исполнил ее просьбу – он обрадовался драгоценному ожерелью и золотым вещам – и ввел ее к святому Павлу. Фекла с радостными слезами пала пред ним и облобызала оковы узника Христова. Сначала Павел, увидев ее, пришел в ужас, но потом, когда узнал всё, что она потерпела от матери и от жениха за свое целомудрие, он возрадовался великой радостью о мужестве юной девицы и облобызал ее в голову, благословляя ее и восхваляя ее веру и девическое целомудрие, называл ее невестою Христовою и первою своею дщерью, которую он возродил благовествованием. И Фекла сидела в темнице с Павлом как дочь с отцом своим, слушая его отеческое учение и слагая в сердце своем слова его, как многоценное сокровище; он же много поучал ее вере в Господа Иисуса Христа, наставлял в любви к Богу, убеждал хранить целомудренное девство и совершенно утвердил ее в учении Христовом, как о том пишет св. Григорий Нисский[5985], говоря:

– Такое некогда миро (т.е. учение), с белым крином[5986] целомудрия, Павел излил в уши святой девицы; сими каплями, исходящими от сердечного крина, Фекла умертвила внешнего человека – все помышления суетные, и угасила вожделения.

Также и св. Епифаний[5987] пишет:

– Фекла, имевшая жениха красивого, первого в городе, весьма богатого, очень чтимого и знатного, обрела Павла, который отвратил ее от обручения с сим женихом; так святая дева отказалась от всех земных благ, чтобы удостоиться небесных.

Между тем в доме Феоклии стали искать Феклу, но не находили ее. Тогда поднялся крик, плач и вопли; мать рыдала о своей дочери, Фамир – о невесте, рабы – о госпоже своей; слуги разбежались в разные стороны, разыскивали, спрашивали и на улицах, и в домах – но нигде не находили ее. Лишь спустя довольно долгое время узнали, что она находится в темнице; за ней тотчас же бросились; прибежав туда, посланные увидели, что она сидит около Павла и, как бы прикована, с величайшим

вниманием слушает его наставления; тогда ее схватили и вывели из темницы, а о всем случившемся донесли князю. Тот, воссев на судейское место, велел привести к себе Павла. Лишь только народ увидал, что его привели, закричал князю:

– Князь, человек сей волхв, казни его!

Особенно Фамир настаивал, чтобы Павла казнили; в своей жалобе он указывал на то, что Павел отвратил от него невесту. Когда призвали Феклу, князь спросил ее:

– Почему ты гнушаешься своим женихом, столь прекрасным и благородным? Отчего ты не выходишь за него?

Она же смотрела на Павла и нечего не отвечала. Тогда Феоклия, забывши естественную любовь к дочери, изменила своему материнскому чувству, и как свирепая львица или разъяренная медведица стала неистово кричать князю:

– Сожги сию злую рабу, достойна она такой смерти, это не дочь моя, ибо не слушает меня, матери своей; сожги ее в пример другим, – пусть все городские девицы, видя сие, убоятся, пусть не осмеливаются они ослушаться матерей своих и противиться им, как сия всезлобная и непокорная. Нет, это не чадо мое, не порождение утробы моей, но проклятый отродок и сухая ветвь – сожги ее!

Так настойчиво требовала мать, чтобы сожжена была дочь ее, а Фамир – чтобы был казнен Павел. Князь долго допрашивал святого Апостола, но не нашел в нем никакой вины, кроме проповеди Христовой, и потому не осудил его на смерть, но повелел бить его и изгнать вон из города, дабы он не мог и других девиц склонять к хранению девства. Вместе с Павлом были подвергнуты изгнанию Варнава и Онисифор с его сыновьями. Впрочем, Павел и сам стремился уйти из города, не потому только, что его преследовали князь, Фамир и Феоклия, но также и потому, что народ нападал на него и хотел его убить за проповедание слова Божия и за свидетельство об Иисусе Христе. Об этом упоминает св. Лука в Деяниях Апостольских, говоря: «А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников. Между тем народ в городе разделился: и одни были на стороне Иудеев, а другие на стороне Апостолов. Когда же язычники и Иудеи со своими

начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями, они, узнав [о сем], удалились в Ликаонские города Листру и Дервию»[5988] (Деян14:2,4–6) оттуда в Антиохию. Сначала они пробыли несколько дней недалеко от города Иконии, в одной пещере на пути в Дафну[5989], желая узнать, что будет с Феклою; там они пребывали в посте и усердно молились о ней, чтобы Господь укрепил ее и проявил милость Свою на ней, как сие действительно и исполнилось.

Долго князь старался заставить Феклу с прежней любовью обходиться с своим женихом, но старания его не увенчались успехом; тогда он по прошению Феоклии осудил святую деву на сожжение. Для этого принесли множество сухих дров, сена и хвороста и сложили большой костер; потом слуги взяли святую, чтобы возвести ее туда; она же не позволила вести себя, но сама поспешно шла к приготовленному костру и, сотворивши крестное знамение, взошла и встала на верху костра, готовая сгореть: не страшен был ей огонь вещественный, ибо сама она горела невещественным огнем любви Божественной. Находясь на костре, она смотрела вперед и узрела в образе Павла Господа, стоящего и повелевающего ей быть твердою. Поэтому святой Киприан так выражается в молитве: «Предстани нам якоже во узах Павлу, и во огне Фекле»[5990].

Между тем подложили огонь и подожгли костер со всех сторон; но к удивлению всех пламя, высоко поднявшись, окружило Феклу; еще более были все поражены, когда внезапно пролил большой дождь с градом, погасивший огонь; князь и весь народ в страхе бежали в дома свои от проливного дождя и от сильного града. Фекла же сошла невредимою: огонь нимало не коснулся чистой девы. После этого она не пошла в дом своей матери и не стала медлить в Иконии, а отправилась из города искать своего отца духовного – Павла. На дороге она встретила одного ученика Павла из дома Онисифора, шедшего в город, чтобы купить хлеба; святая дева узнала его и спросила:

– Где находится Павел, Апостол Иисуса Христа?

Тогда он повел Феклу в пещеру, где находился Павел вместе с другими и, постясь, усердно молился о ней Богу. Увидев Феклу живой и здоровой, все возрадовались радостью

великою и, возведя очи и простерши руки свои к небу, возблагодарили Бога, сохранившего рабу Свою невредимою; затем предложили ей хлеба и сами также подкрепились пищею. Отсюда Павел с Варнавою прошли через Листру и Дервию, благовествуя Евангелие и исцеляя недужных; за ними последовала и Фекла до Антиохии. Когда они входили в сей город, случайно встретил их некто Александр, старейшина того города. Он был молод, проводил жизнь в сладострастии и предавался нечестивым делам, как обычно жили язычники. Увидев святую деву Феклу и поразившись ее красотою, он воспылал к ней нечистым вожделением. Думая, что Фекла – жена Павла, Александр сначала стал предлагать Павлу много золота, и склонял его, чтобы он не препятствовал его злым намерениям; потом когда узнал, что Фекла не жена Павла, а незамужняя девица, то еще большею страстью возгорелся к ней и пожелал взять ее себе в жены. Он начал уговаривать святую Феклу, чтобы она полюбила его, но та бегала от него как от льва рыкающего и ищущего поглотить душевную ее доброту. Александр же всячески старался уловить ее. Так однажды, встретив Феклу на дороге среди большой толпы, он не мог сдержать любодейственного огня, пылавшего в его сердце: забыв всякий стыд, он насильно схватил ее и бросился ей на шею; святая же дева со слезами стала умолять Александра оставить ее.

– Не принуждай меня, странницу, не принуждай меня, рабу Божию, я отказалась от жениха; могу ли согласиться на твое желание?

Говоря так, Фекла вырвалась из его рук, разорвала на нем одежду при всех и нанесла ему тем большое посрамление. Александр сильно разгневался и, узнав, что она к тому же христианка, привел ее на суд к князю. На вопрос: почему она гнушается брака, – Фекла отвечала:

– Жених мой – Христос Сын Божий, с Ним я сочеталась духовным браком.

Князь стал принуждать ее, чтобы она отреклась от Христа и вышла замуж. Когда же она решительно отказалась, то князь осудил ее на съедение зверям – за две вины: за благочестие и

за целомудрие – за то, что во Христа верует и за то, что отказалась от брака, будучи молода и красива. Сия казнь была отложена до утра, а пока для охранения в ту ночь взяла ее к себе в дом одна женщина, по имени Трифена. Трифена происходила из царского рода, пользовалась большим почетом; впоследствии и она уверовала во Христа; о ней-то упоминает св. Павел в послании к Римлянам: «Приветствуйте, – говорит он, – Трифену и Трифосу»[5991] (Рим.16:12).

Трифена, взявши к себе Феклу, провела всю ночь с ней в духовной беседе. Наутро собралось множество народа посмотреть на сие зрелище: пришел и князь, и все начальники городские; святая Фекла была выведена как агнец на заклание и стала на месте, где должны были пожрать ее звери. Когда выпустили на нее зверей, все они стали ходить вокруг нее, но ни один не коснулся ее, ибо Бог заградил уста зверям, как некогда во рве Даниилов. Все зрители изумлялись дивному сему явлению: кровожадные звери оставили свою лютость и стали кротки, как овцы; и одни в народе прославляли Бога, исповедуемого Феклою, другие же хулили и говорили:

– Она имеет чары в своей одежде, и оттого не прикасаются к ней звери.

Также и сам князь с городскими начальниками говорил, что она волшебница и заколдовала зверей, чтобы они не могли причинить ей вреда. Поэтому они решили предать на следующий день Феклу зверям, более многочисленным и самым голодным, а пока отослали ее опять к Трифене; та очень обрадовалась, увидев, что святая дева вернулась с места казни невредимой. В то время, как Фекла до утра пребывала в доме Трифены, князь не велел давать есть зверям, дабы они, будучи голодными, скорее бросились на свою жертву. И вот, на следующее утро святая опять была отведена на место казни; вслед за ней шла и Трифена, плача о том, что такую святую деву без всякой вины предают на смерть. Феклу поставили на видном месте, и бесстыдный князь велел обнажить святую:

– В одежде ее, – говорил он, – имеются чары, вот почему и не трогают ее звери; обнажите сию волшебницу и посмотрим, будет ли она цела.

Тогда святую деву обнажили и поставили так, что народ мог ее видеть; только один стыд был ее покровом, и она повторяла слова пророка Давида: «стыд покрывает лице мое…» (Пс.43:16). На нее были выпущены голодные разъяренные звери, львы и медведи; вышедши из своих затворов и увидевши девицу, стоящую без одежды, они преклонили головы свои до земли, опустили глаза вниз и, как бы стыдясь девической наготы, отступили от нее. Дивное зрелище! Звери чувствовали стыд: они отвращали свои глаза от девической наготы, а люди бесстыдно смотрели на нее, – итак бессловесные животные являлись обличителями и судьями людям на сем зрелище: будучи кровожадными по природе, звери приняли на себя нрав целомудренного человека, люди же, будучи разумными, уподобились диким зверям. Но чего они тем достигли? Обнажив на глазах всех целомудренную деву, они хотели обесчестить ее, но только увеличили тем ее честь. Хорошо говорит св. Златоуст, воспоминая об обнажении двух жен – Пентефриевой жены в спальне и Феклы в присутствии всего народа: «Какую получила пользу сладострастная жена Египетская, что обнажилась в спальне? Какой получила вред первомученица Фекла, что ее обнажили на глазах множества народа? Фекла, будучи обнажена, не согрешила так, как согрешила египтянка, и не исполнилась бесчестия, но была возвеличена как святая; нагота сей в присутствии многих увенчана – а нагота той и в затворенной спальне посрамлена[5992].

Когда святая Фекла стояла обнаженной на том месте, одна из львиц, подойдя, легла перед нею и лизала ноги ее, как бы воздавая честь ее девственному целомудрию. Об этом упоминает святой Амвросий[5993], говоря: «Можно было видеть зверя, который распростерся на земле и лизал ноги святой; тем он безмолвно свидетельствовал, что не может причинить вреда девственному телу; поклонился зверь той, которую дали ему на растерзание, и, забыв естественные свои свойства, воспринял нрав, который люди утратили».

Между тем народ, видя, что звери не осмеливаются коснуться святой девы, стал восклицать громким голосом:

– Велик Бог, исповедуемый Феклой.

Мучитель же, не познав силы Божией, захотел иным способом погубить Феклу: он приказал вырыть глубокую яму, наполнить ее различными гадами, змеями и ехиднами и бросить туда святую. Но Тот, Кто некогда заградил пасть львов, и теперь притупил жала змей, укротил их ярости и уничтожил их яд: святая вышла из ямы невредимою, так что все изумлялись такому чуду. Долго злой мучитель не знал, что бы еще предпринять; наконец, он велел привести двух сильных быков, привязать Феклу между ними за ноги и разожженными палками колоть быков, дабы они, разбежавшись в разные стороны, растерзали ее. Но и после этого святая осталась цела, ибо когда ее крепкими веревками привязали к быкам и начали колоть быков раскаленным железом, то веревки как паутина разорвались, быки убежали, а святая осталась на том же месте, не испытав никакого вреда. Тогда уже и сам князь, удивляясь случившемуся, признал в девице силу Божию и, позвав Феклу, спросил ее:

– Кто ты? И какую силу ты имеешь: ничто не может вредить тебе?

Она же отвечала:

– Я раба Бога Живого!

И больше ничего не говорила. Князь, убоявшись Бога, хранящего Феклу от всякого вреда, повелел с честью облечь ее в одежду и отпустил ее, постановив такой приговор: «Феклу, рабу Божию, отпускаю на свободу».

Святая пошла в дом Трифены, и велика была радость во всем доме Трифены об освобождении Феклы. Пребывая здесь некоторое время, Фекла проповедовала слово Божие и многих научила вере во Христа. Она сильно желала видеть Павла, своего отца и учителя, и, отыскавши его, хотела последовать за ним, но он не позволил ей, сказав:

– Никто не идет на борьбу с невестою.

Тогда она, приняв благословение от Апостола, пошла в Селевкию[5994], и поселилась в пустыне на одной горе близ Селевкии; подвизаясь там в посте, молитве и богомыслии, она творила много чудес и исцеляла всякие болезни. Жители

окрестных мест, узнав о сем, приходили к ней и приносили своих больных, коих святая Фекла научала вере в Господа нашего Иисуса Христа и исцеляла. Однажды мимо того места, где жила святая, из Селевкии ехал верхом языческий жрец. Увидев Феклу, собиравшую в то время травы на пищу себе, он прельстился ее красотою и возгорелся нечистым желанием: ударив коня, он устремился к ней, чтобы исполнить свое злое намерение. Святая же, укрепляемая силою Божиею, схватила его, повергла вниз и так сильно ударила его о землю, что он три дня лежал нем и недвижим. Проходившие мимо, видя, что жрец лежит как мертвый, недоумевали, что с ним сделалось. На третий день стало известно об этом и в городе; тогда множество народа пришло оттуда посмотреть на случившееся с ним и взять его домой. Жрец, как только пришел в себя, тотчас, встал на ноги и сказал:

– Я видел некую богиню и от нее потерпел сие.

Лишь с большим трудом, сильно страдая от боли, мог он дойти до своего дома. Призвав живописца, он велел ему изобразить на доске восемнадцатилетнюю девицу. Когда тот начал писать, то, по устроению Божию, ему удалось очень хорошо изобразить подобие святой Феклы: изображение было чрезвычайно живо; окончив свою работу, тот человек принес икону к жрецу; последний, видя столь верное изображение, сказал:

– Такую именно я видел девицу!

Приняв икону, он облобызал ее и тотчас совершенно выздоровел, а сие изображение святой Феклы и после хранил честно в своем доме; потом он по проповеди святой девы уверовал во Христа со всем своим семейством. Равноапостольная Фекла долгое время жила в той местности, многих наставила на путь спасения, многим помогала в несчастиях и много недугов уврачевала. Врачи и волшебники в Селевкии видели, что всякий заболевший каким-либо недугом идет не к ним, а прямо к Фекле, так что хитрым уловкам их пришел конец. Лишившись своих выгод, они обеднели; поэтому они очень опечалились и стали негодовать на добрую целительницу Феклу, которая безмездно исцеляла всех

приходивших к ней. Движимые завистью и гневом, они замыслили научить неких порочных юношей, чтобы они насильно ее обесчестили; ненавистники так говорили между собою:

– Чиста девица Фекла, и поэтому угодна великой богине Артемиде; богиня слушает прошения ее и подает ей силу к врачеванию недужных. А если она будет осквернена, то отступится от нее Артемида; отнимется у нее целебная сила, и тогда опять врачебное искусство наше возвысится.

Раздумывая так, они постарались отыскать бесстыдных юношей для такого гнусного дела и, напоивши вином, упросили их идти и обесчестить Феклу. При сем дали им много денег и обещали дать еще более, если они исполнят их просьбу. Безумные и неверующие они не знали, что Фекла не Артемидиною силою, но благодатью Христовою исцеляет всякий недуг и всякую болезнь!

Развратные юноши, упившись вином, послушались врачей и чародеев; они поспешно направились к Фекле, разжигаемые похотью и полные скверных мыслей и злого намерения.

Увидя их, Фекла спросила:

– Чада! Что вам нужно?

Они стали говорить ей в ответ срамные слова. Услышав сие и уразумевши их злое намерение, святая Фекла убежала от них; та, которая никогда не страшилась диких зверей, обратилась в бегство от бесстыдных людей. Они погнались за Феклою и преследовали ее, как волки овцу; когда они уже настигали ее, она помолилась Богу, чтобы Он избавил ее от рук беззаконников. Тотчас бывшая на том месте каменная гора Божиим повелением расступилась, приняла святую в свои недра и защитила девство ее. Сия гора сделалась гробом честного тела ее: там она предала душу свою в руки Божии. Всех лет жизни ее было девяносто. Ныне она в нескончаемой жизни прославляет Жизнодавца Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Словесем Павломым научившися, богоневестная Фекло, и верою утвердившися от Петра, богозванная первомученица явилася еси и первострадальница в женах. Возшла еси на пламень, яко на место благоцветущее, звери и юнцы устрашишася тебе, вооружися бо крестом: тем моли всехвальная Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Девства добротою просияла еси, и мученичества венцем украсилася еси, апостольству вверяешися дево, яко преславная: и огня убо пламень в росу преложила еси; юнца же ярость молитвою твоею укротила еси, яко первострадальная.

Память преподобного Коприя

Память 24 сентября

Святой Коприй родился на гноище[5995] близ стен обители преподобного Феодосия Великого, начальника общежития. Мать его бежала от преследования агарян со многими другими, чтобы искать себе защиты у стен обители преподобного. Когда агаряне удалились, монахи вышли из монастыря и нашли на гноище новорожденного младенца. По приказанию своего игумена, великого Феодосия, они взяли младенца и нарекли ему имя Коприй. Ребенок питался козьим молоком. Для этого иноки нарочно выбрали из стада особую козу. Всякий раз, как младенец просил пищи, коза сия сама отделялась от стада овец, среди коих она паслась, сходила с горы и, накормив младенца, опять возвращалась в стадо. Так делала она до тех пор, пока младенец не стал принимать твердой пищи. Когда юный Коприй достиг совершеннолетия, его особенно полюбил преподобный Феодосий Великий. За свою благочестивую жизнь он вскоре соделался жилищем Святого Духа; даже дикие звери слушались его. Так однажды он увидел в монастырском саду медведя, пожиравшего огородные овощи; святой взял зверя и вывел вон из сада, запретив ему более входить туда. В другой раз он поднимался на гору вместе с ослом, чтобы привезти в обитель дров. В то время, как он начал собирать дрова, медведь укусил осла в бедро. Тогда святой Коприй возложил на медведя дрова и сказал ему:

– Ты теперь должен работать до тех пор, пока осел выздоровеет.

Медведь послушался его и носил дрова и воду, пока осел выздоровел; тогда только преподобный простил зверя.

Некоторое время святой Коприй служил в монастырской поварне; однажды кушанье в котле стало кипеть и выходить через край. Не найдя вблизи ложки, преподобный начал снимать пену обнаженною рукою, затем рукою же помешал кушанье в котле и тем прекратил кипение, а сам остался совершенно невредим. Преподобный достиг 90-летнего

возраста и сиял среди иноков как солнце. Он удостоился получить священный сан и был украшен всякими добродетелями; часто, удаляясь в уединенное место, он усердно молился Богу. Преподобный Феодосий Великий, уже в то время скончавшийся, являлся иногда ему и, став рядом, пел молитвы вместе с ним. Явившись ему в последний раз, он сказал ему:

– Вот, Коприй, настала пора оставить тебе временную жизнь; приди к нам в уготованное для тебя место упокоения.

Вскоре после этого видения дивный угодник, поболев малое время и простившись с подвижниками, преставился ко Господу[5996].

Житие преподобного отца нашего Никандра Псковского

Память 24 сентября

Во дни великого князя Московского Василия Иоанновича[5997] в Псковской области среди дикой, болотистой местности, в селе Виделебье жил один благочестивый человек по имени Филипп. Как сам он, так и супруга его Анастасия вели богоугодную жизнь, часто бывали в храме Божием, слушая слово Господне и поучаясь заповедям Христовым. Старший сын их Арсений, постоянно видя пред собой благочестивый пример своих родителей, оставил мирскую суету и принял монашеское пострижение. Но еще более прославился своими подвигами и чудесами его брат Никон, впоследствии преподобный отец наш Никандр.

Никон родился в 1507 году, и с самого раннего возраста благодать Божия почивала на нем; еще в молодых годах он просил родителей своих отдать его в научение Божественному Писанию. Часто посещая церковь во имя великого угодника Божия Николая, архиепископа Мирликийского, слыша о чудесах сего славного подвижника, отрок Никон с юных лет возгорелся желанием последовать Христу; сильно также нравилась ему тихая иноческая жизнь его брата Арсения, посвященная труду и молитве; пример недавно преставившихся и просиявших своими подвигами и чудесами преподобных псковских Саввы и Евфросина укреплял юношу в его намерении; Никон хотел поклониться нетленным мощам этих угодников Божиих и побывать в тех местах около Пскова, где они подвизались. Святой отрок часто и горячо молился Создателю, чтобы Он избавил его от пагубной мирской суеты и сделал достойным Своего вечного царствия; не любил Никон ни игр, свойственных его юному возрасту, ни красивых одежд, не принимал участия в праздных беседах, носил всегда простую одежду, любил нищету духовную и чистоту сердечную, постоянно вел он брань с врагом рода человеческого, предуготовляя себя таким образом к будущим, еще большим духовным подвигам. Между тем

волею Божию отец его скончался. Семнадцатилетний юноша, горя сильным желанием послужить Господу, со слезами и смирением убедил мать свою частью раздать имение неимущим, частью пожертвовать в церкви Божии и оставить сей суетный мир. Придя в один женский монастырь, Анастасия приняла там пострижение и вскоре отошла в вечную жизнь, где добродетельным и благочестивым от века предопределено получить венец неувядаемый. Тогда Никон отправился в город Псков, посетил все церкви и монастыри, там бывшие, обошел также окрестные обители и, наконец, достиг тех мест, кои были ознаменованы подвигами святых Евфросина и Саввы; весьма радовался благочестивый юноша тому, что Господь привел его поклониться мощам этих угодников Своих, – чего он уже давно желал, и еще более укрепился духом на предстоящий ему подвиг. Лишь о том сильно скорбел Никон, что не вполне хорошо был научен Божественному Писанию; поэтому юный подвижник горячо молил Господа и Учителя всех, чтобы Он просветил мысленные его очи. И вот, наставляемый Духом Святым, он опять отправился в Псков; здесь встретил Никона один благочестивый муж по имени Филипп и принял его в свой дом для работы. Видя великое желание Никона разуметь Священное Писание, Филипп отдал его в учение к некоему диакону, славившемуся своими знаниями и мудростью. Часто и усердно молился святой, говоря:

– Настави меня, Господи, правдою Твоею и вразуми меня научаться словам Твоим.

И Человеколюбец Бог услыхал горячее моление смиренного раба Своего: Он открыл Никону ведение Божественного Писания, излил на него благодать Свою, даровал ему дух разума, так что все дивились тому, как скоро и как хорошо Никон изучил Писание. Как огонь очищает золото, так и несчастия очищают и еще более возвышают человека. Древний завистник рода человеческого диавол, не терпя благочестивой жизни преподобного, воздвиг на него некоторых злых людей, но святой Никон, по заповеди Христовой, переносил все нападки с молитвой и благодарением и своим смирением победил восставших на него.

Однажды, молясь в церкви, преподобный услышал евангельские слова: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф.11:28–30). Сии слова поразили Никона, и он решил скорее привести в исполнение свое заветное желание. Давно слышал он об одном каком-то пустынном, удаленном от сел и деревень месте, между Псковом и Порховом[5998], среди диких лесов и непроходимых болот; но не знал Никон человека, который бы мог точно указать ему то место; желая постоянно исполнить на деле слова, сказанные Духом Святым через праведного пророка и царя Давида: «Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури» (Пс. 54:8–9) смиренный подвижник усердно молил Господа, говоря:

– Господи и Владыко живота моего, Иисусе Христе, Сыне Божий, услыши молитву мою, удостой меня видеть пустыню, пошли мне мужа, который бы наставил меня на путь спасения и указал бы мне то уединенное место.

Молитва святого была услышана, и, по внушению Духа Святого, из Пскова он отправился в свое родное село Виделебье. Здесь Никон узнал, что одному человеку, по имени Феодору, известно то место. Придя к Феодору, преподобный стал просить его:

– С юного возраста слышал я о пустынном месте, но не было человека, кто бы указал мне его. Тебе известно место сие; ради великого Имени Божия, укажи мне его; за сие и сам ты получишь награду от Господа и моей грешной душе будешь наставником.

Видя такое сильное желание Никона, благочестивый муж Феодор тайно от других отвел его в пустыню. Построив небольшую хижину, оба они поселились здесь и стали подвизаться в трудах и молитвах. Спустя некоторое время преподобный возвратился в Псков, чтобы, по обычаю своему, выслушать Божественную литургию в церкви святого и славного Богоявления; в сем храме был глас к Никону из алтаря:

– Никон, Никон, раб Мой, иди в пустыню, указанную тебе благочестивым мужем Феодором, и там обретешь себе покой; процветет через тебя пустыня та, и многие спасутся там; приходящие туда получат благодать и будут прославлять имя Мое.

Преподобный тотчас же в духовной радости вышел из храма и отправился в место, указанное ему Самим Господом. На пути Никону встретился блаженный Николай Псковский[5999]; он предрек, что в пустыне ожидают подвижника разные искушения от бесов и нападки со стороны злых людей; но ничто не могло удержать Никона; с ликованием, подобно воину, идущему на бой, преподобный возвратился в свою пустыню и подвизался здесь 15 лет в трудах, молитве, пощении, чтении Божественного Писания, постоянном бдении, много терпел от бесов и злых людей.

Между тем слух о его подвигах стал распространяться, и окрестные жители стали стекаться к нему. Смиренному подвижнику было сие тяжело: не от людей, но от Бога ожидал он себе награды, слава земная была ему в тягость. Итак, со слезами и с великой скорбью, не желая покидать сего места, но в то же время убегая от людского прославления, святой отправился снова в Псков. Здесь его принял к себе в дом тот Филипп, у коего преподобный жил во время своего учения; узнав, что Никон твердо решился посвятить себя Богу, он отвел блаженного в монастырь святого Иоанна Богослова, где почивали мощи основателя сей обители преподобного Саввы Крыпецкого. Узрев образ сего подвижника Божия и припав к раке его мощей Никон так стал молиться:

– Преподобный угодник Божий, Савва, помолись Владыке Христу, да сподобит Он меня, грешного и недостойного раба Своего, идти тем путем, по коему шествовал ты, да поможет Он мне на сем поприще и да будет Он моим заступником.

После этого Никон со смирением и слезами стал умолять игумена сей обители, чтобы он принял его в число братии. Игумен же удерживал его, говоря:

– Монастырь наш беден, да и сам ты здоровьем не крепок, не возлагай же на себя такого тяжелого бремени, Ты можешь

жить с нами, но не торопись принимать пострижения иноческого.

Но Никон молил только об одном – исполнить его просьбу. Тогда игумен, видя такое рвение святого, такое неудержимое желание принять иночество, должен был, наконец, уступить великим просьбам святого: он приказал одному из священноиноков постричь Никона, причем ему наречено было имя Никандр.

Тогда преподобный с новой силой устремился на подвиги, всё более и более преуспевал он в добродетелях, сторицей принося плод Господу. Горя любовью ко Христу, он совсем отказался от своей воли, всего себя предал Богу и стал благоприятным храмом Всесвятого Духа; постоянно укреплял он себя такими благочестивыми размышлениями: пшеничному полю подобно иноческое житие, оно требует частого дождя слезного и великого трудолюбия. Если хочешь принести обильный плод, а не терние, то трезвись умом и трудись. Старайся быть доброй землей, а не каменистой почвой, чтобы всеянное свыше в сердце твое могло принести плоды, чтобы не иссыхало оно от зноя уныния и небрежения. Питая такими спасительными размышлениями свою душу и доставляя ей духовное услаждение молитвами, преподобный Никандр старался изнурить свою плоть; памятуя всегда слова Давида: «призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои» (Пс.24:18), преподобный никогда не оставлял работы телесной. Братия и игумен удивлялись житию и подвигам святого и прославляли Бога, посылающего таких подвижников. Оба вышеупомянутые мужа Филипп и Феодор последовали примеру святого и приняли пострижение в той же обители; первый наречен был Филаретом, а второй Феодосием; спустя некоторое время оба они с миром отошли в жизнь вечную.

Между тем преподобный Никандр, заметив, что его подвижническая жизнь вызывает в братии удивление, стал тяготиться жизнью среди иноков: тяжела была ему слава человеческая. Убегая от похвал братии и тоскуя о прежней своей отшельнической жизни, он отправился в свою пустыню, и прожил там еще целых 15 лет; часто питался он одним только

былием, именуемым «уж»[6000], непрестанно молился и трудился, и всячески заботился о спасении души своей. Самая жизнь его нередко подвергалась опасности. Так однажды злые люди, по внушению диавола, напали на убогую хижину святого, похитили скудные пожитки отшельника, отняли у него и последнее его утешение – святые иконы и книги, а самого его сильно ранили в ребра копьем и оставили еле живым. С Божией помощью, святой поднялся и стал так молиться:

– Господи Боже мой Иисусе Христе, сила и крепость уповающих на Тебя! Незаслуженно Ты, Безгрешный, принял вольное страдание от Иудеев; я же, недостойный раб Твой, потерпел всё сие вполне справедливо за бесчисленные грехи мои. Благодарю Тебя за всё и со слезами и умиленным сердцем молюсь Тебе о людях сих: прости им, не ведают они, что творят, не они виновны, но враг, сеятель всякого зла, побудил их на такое дело; не попусти, Господи, погибнуть им из-за меня грешного: в неведении они сделали сие.

Скорый на помощь Господь даровал чудесным образом смиренному рабу Своему исцеление, но и разбойники были наказаны. На расстоянии полутора верст от кельи святого находилось озеро Демьяново, куда впадает река Демьянка; Божием попущением, на берегах сего озера разбойники сбились с пути; три дня они блуждали, тщетно стараясь найти дорогу и сильно страдая от голода. Двое из них раскаялись в своем прегрешении и стали говорить своим товарищам:

– Потому мы и не можем отыскать дороги, что несправедливо поступили: похитили вещи святого и нанесли ему тяжелые раны.

Двое же остальных впали в совершенное отчаяние и стали говорить:

– И себя-то самого он не мог защитить.

Но Всевидящий Бог услышал сии слова и наказал поносивших святого мужа; переходя реку Демьянку, они сорвались с помоста и утонули. Видя то, оставшиеся двое были устрашены и стали молиться Господу, чтобы Он простил их согрешение. Молитва их была услышана, и они скоро отыскали дорогу к хижине Никандра. Возвратив преподобному всё взятое,

они с горьким плачем и рыданием, бросившись ниц пред святым, просили его простить их и помолиться о них Господу. С отеческою любовью принял раскаявшихся преподобный Никандр, простил, накормил и молил их оставить свой злой промысел, указывал, что враг человеческий внушает им идти по сему гибельному пути, и с миром отпустил их. Благополучно вернувшись к себе, они всем рассказывали о бывшем с ними, при сем прославляли милосердного Бога и Его угодника преподобного Никандра. С того времени слава о святом еще более возросла; многие стали приходить к преподобному, принося ему пищу и прося у него благословения.

Много лет провел Никандр в пустыне, много трудов перенес он там, но по-прежнему тяжела и невыносима была ему земная слава, страшившая его более всего. Не столько боялся он разбойников, сколько хвалы людской. Поэтому преподобный снова оставил пустыню и отправился в Крыпецкий монастырь, где принял монашество. Прибыв в обитель, святой продолжал свою подвижническую жизнь; питался он только сухим хлебом, утолял жажду простою водою, не вкушал ни вина, ни рыбы, лишь только в субботу и воскресение позволял себе немного вареной пищи, но и той часто не было; смиренный подвижник превосходил всех в обители своей добродетельной и строгой жизнью, он всегда готов был всем оказывать услуги и помощь, носил издалека воду и дрова, ночи проводил в постоянном бдении, часто в ночное время выходил в лес и, обнажив свое тело, давал жалить его комарам и оводам, так что оно покрывалось струями крови; при сем сам он неподвижно сидел, прядя волну и воспевая псалмы Давида. При наступлении же утра преподобный возвращался в монастырь, первым спешил в церковь, где выстаивал всю службу, не сходя со своего места, и последним выходил из храма. Братия, дивясь его подвигам, поставила его в пономари. На святого было возложено трудное и тяжелое послушание печь просфоры, но преподобный Никандр с радостью стал исполнять сию работу, говоря:

– Если Господь наш Иисус Христос назвал Своим Телом хлеб, приготовленный для тайной вечери, то мне следует радоваться, что Бог сподобил меня приготовлять такие хлебы,

на коих совершается великая и страшная тайна: дивным и непостижимым образом они прелагаются в святое Тело Христово.

И подвижник Божий продолжал неустанно трудиться; братия, видя его возрастающее рвение и полюбив его за смирение, кротость, просила игумена сделать Никандра келарем[6001]. Игумен исполнил просьбу иноков и поставил преподобного на келарство; святой муж при сем возвышении не изменил своей прежней жизни, но исполнял новую обязанность со смиренномудрием и усердием, как бы дело, порученное ему самим Господом; не превозносился он данной ему властью, но всегда помнил слова Писания: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф.20:26). Но не долго святой Никандр был келарем: он боялся причинить кому-нибудь обиду в новой своей должности; к тому же он стремился к прежней отшельнической жизни, поэтому и решился снова покинуть обитель. Выйдя из монастыря, он поселился на одном острове, находящемся в четырех верстах от обители; здесь святой опять предался обычным своим трудам и в них провел три с половиною года. Слава о подвижнической жизни отшельника стала привлекать к нему многих людей, чем опять стал тяготиться Никандр. Между тем враг и завистник людей диавол, отец лжи и неправды, внушил игумену Крыпецкого монастыря мысль, что Никандр уменьшает доходы монастыря. Поэтому он просил преподобного переселиться в какое-либо другое место. С величайшим смирением исполнил святой желание игумена, несправедливо обвинившего его: он снова отправился в пустыню, указанную ему прежде Духом Святым.

Во время своего путешествия преподобный Никандр прибыл в одно село – Локоты; день уже клонился к вечеру, и святой зашел переночевать к одному поселянину, а у последнего в то время происходил пир. Сие как раз случилось в понедельник сырной недели, когда святой по своему обычаю соблюдал пост. Крестьянин стал предлагать Никандру пищу, но блаженный отказался принять ее. Враг же спасения человеческого задумал поругаться святому: незадолго до пришествия святого в селение, он внушил некоторым злым

людям мысль разграбить дом одного из крестьян того селения; так они и сделали: напали на его дом, разграбили и сожгли его. Поэтому и крестьянин, принявший святого, обидевшись отказом преподобного, стал говорить:

– Вероятно, и ты один из тех людей, что сожгли дом моего соседа; и мне – полагаю я – задумал ты что-нибудь подобное, так как не хочешь прикоснуться к моей пище.

О сем он рассказал своим соседям; те, собравшись, стали немилосердно бить дрекольем святого по всему телу и по голове. Христос же Спаситель наш не попустил долго мучиться святому и погибнуть от навета бесовского, но скоро по молитвам Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии избавил его от муки: стенания святого Никандра и крики бивших его были услышаны проходящими мимо людьми; придя, они стали говорить:

– Сей старец не причинил вам никакого зла; что делаете, безумцы, неповинного человека хотите предать смерти?

Те люди устыдились и стали молить святого, чтобы он простил их; также предложили ему пищу, какую ему было угодно; но святой отказался вкусить и стал так молиться за мучивших его:

– Господи Иисусе Христе Сыне Божий, не вмени им сего во грех: не ведают они, что творят.

Лишь утром на следующий день Никандр вкусил немного хлеба и со смирением, простив от всего сердца поселян, причинивших ему в неведении побои, отправился в путь. Однажды во время своего дальнейшего путешествия святой, утомившись, прилег и стал забываться в дремоте; вдруг видит он, что на него готовы броситься два огромных и сильных волка. Встав, святой осенил себя крестным знамением и, ударив своим посохом по земле, сказал:

– «Удалитесь от меня все, делающие беззаконие» (Пс.6:9).

И звери тотчас же исчезли. Прибыв в свою пустыню, святой снова предался подвигам, целых 15 лет прожил он там, много напастей испытал от бесов и злых людей, но одолел и победил коварство их непрестанными молитвами и слезными рыданиями

о грехах своих, как светлым бисером украшая подвигами душу свою, и всегда назидал себя душеполезными размышлениями.

Велики благодеяния Творца всех Бога нашего. Он не только прославил своего угодника на небесах после его преставления, но еще и при жизни ниспослал ему дар прозорливости, как сие видно из следующего. Некий человек, по имени Петр, по прозванию Есюков, живший в двенадцати верстах от хижины святого, сильно скорбел, что нет у него детей. И вот однажды подбежал лось к самому двору Петра. Сие произошло не случайно, но Божиим изволением, ибо в Евангелии сказано: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф.5:14). Так и преподобного Никандра милосердный Господь указал посредством лося. Сев на коня, Петр вместе со своими людьми погнался за зверем; спутники его мало-помалу стали отставать от него, так что, наконец, он остался один; долго Петр преследовал зверя, старавшегося укрыться в лесу; заехав в глухую, непроходимую дебрь, Петр потерял из вида лося; в сие самое время он заметил небольшую хижину; думая, что здесь кто-нибудь живет, Петр постучался в дверь со словами:

– Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Но ответа не было; лишь только после третьего раза (таков был обычай у святого) дверь отворилась, и Никандр встретил Петра, ранее никогда не видевшего преподобного, со словами:

– Сын мой, Петр, ступай к дубу, где устроено помещение для приходящих, я сейчас приду туда.

Придя в указанное место, Петр вскоре увидел, что к нему приближается благообразный старец, он поклонился ему и просил у него благословения.

– Благословение Господне да будет над тобою и над супругою твоею, – отвечал старец.

Петр же подумал:

– Поистине благодать Божия обитает в сем человеке, поистине исполнен Духа Святого, ибо, ни разу не видя меня, он знает и мое имя, и то, что я женат.

Поклонившись земно старцу, Петр спросил, как зовут его и сколько времени живет он в пустыне.

– Грешный Никандр – мое имя, а о летах моего пребывания здесь – ты не спрашивай: об этом знает один только Бог, – смиренно ответствовал старец.

Тогда Петр, упав пред святым на колена, стал горько жаловаться на свое несчастье:

– Вот уже я стар, а нет сына у меня.

На се преподобный Никандр отвечал:

– Встань, чадо, и возвратись в дом свой: по молитвам Пресвятой Богородицы родится у вас сын.

И действительно, предсказание святого исполнилось, С тех пор Петр стал часто приходить к преподобному и насыщался его душеполезными наставлениями.

Однажды угодник Божий сказал ему:

– По отшествии моем в жизнь вечную, сие пустынное место будет вознесено и прославлено; над гробом, где будет положено грешное тело мое, воздвигнута будет церковь в честь славного Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

В другой раз к Никандру пришел некий муж, по имени Симеон, желая получить от святого благословение и наставление. Преподобный же, прозрев, что Симеону скоро предстоит кончина, сказал:

– Чадо Симеон, время жизни твоей сокращается, – и, подав ему ножницы, продолжал:

– Ступай в монастырь, какой укажет тебе Господь и восприми иноческий образ, ибо приближается конец жизни твоей.

Услышав то, Симеон отправился в один из монастырей, принял там пострижение и вскоре, причастившись Христовых Таин, с миром отошел в жизнь вечную.

Между тем люди, услышав о подвижнической жизни преподобного Никандра, стали всё чаще и чаще приходить к нему; когда они тихо подходили к его келлии, то слышали, как молится святой, как часто кладет он земные поклоны. Лишь только святой замечал их приход, он делал вид, что спит. Когда приходящий стучался к нему в двери со словами: «Благослови,

отче», – Никандр молчал; не отвечал он и на второй раз; лишь только после третьего раза, как будто встав от сна, святой ответствовал:

– Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо.

В таких подвигах проводил святой все дни и ночи; никогда не ложился блаженный спать, но если его одолевал сон, то он сидя забывался дремотой, и то лишь на короткое время, а потом опять начинал молиться; свое пренебрежение к плоти Никандр простер до того, что умывал водой только руки и лицо; питался он, по большей части, растениями; когда же благочестивые люди приносили ему хлеб, то преподобный принимал приношение с благодарением; затем давал хлебу высохнуть и в таком виде вкушал его на заходе солнца; жажду он утолял водой; хотя он и вел столь суровую жизнь, однако, никогда нельзя было видеть лицо его хмурым, но всегда оно светилось радостью и спокойствием; в течение всей великой Четыредесятницы святой вкушал только раз в неделю, а в Великий Пяток он шел в Демьянский монастырь; приобщившись там страшных и животворящих Таин Христовых, он снова уходил к себе в пустыню, считая себя недостойным быть в числе братии сей обители. Одному лишь Богу ведомы труды и подвиги, какие святой Никандр перенес в пустыне. Часто злые духи являлись смущать преподобного и даже наносили ему раны, как то было и со святым Антонием Египетским[6002]. Подкрепляя подвижника Своего, Господь послал ему в видении преподобного Александра Свирского; сей угодник Божий ободрил Никандра на брань с невидимыми врагами. В Евангелии сказано, что род сей ничем не изгоняется, как только молитвою и постом, – сим оружием и преподобный Никандр одержал победу над князем тьмы. Но долго пришлось ему бороться с духами злобы: всякий раз как Никандр хотел отдохнуть от своих трудов, вокруг его келлии поднимался такой шум, что казалось, будто проезжает множество колесниц, или же слышалась игра на тимпанах и свирелях[6003]. Тогда преподобный начинал читать псалмы Давидовы, и шум прекращался; так злые духи долгое время днем и ночью не позволяли отдохнуть святому до тех пор, пока Божией

благодатью он не одолел их вконец. Однажды большой медведь пришел к келлии святого и стал чесаться о нее с такою силой, что келлия стала дрожать и была готова рухнуть. Перекрестив оконце своей кельи и осенив себя самого крестным знамением, святой взглянул, – и видит большого зверя, стоящего у келлии. Тогда преподобный, еще раз ознаменовав себя крестом, вышел из келлии и перекрестил зверя. Будто пораженный какой-то невидимой силой, медведь упал перед святым, стал кротко лизать его честные ноги, а потом удалился в лес. И снова в другой раз ему явился в сенях келлии преподобный Александр Свирский; укрепляя его на подвиги, он сказал:

– Не бойся, брат мой Никандр: с сего времени избавит тебя Господь от всех сетей вражиих.

С того времени святой приобрел такую власть над бесами, что они даже не осмеливались приступить близко к его келлии.

Один человек, по имени Назарий, живший недалеко от кельи преподобного, впал в тяжкий недуг: всё тело его покрыли черви, особенно же большая язва у него открылась на груди, так что можно было видеть внутренности; при сем больной не мог пошевельнуться без страшной боли; столь тяжким недугом Назарий страдал год и шесть месяцев. Домашние его, видя, что Назарий впал в такую неисцелимую болезнь, плакали, не зная чем облегчить мучения болящего. Назарий же, слышав о чудесах и подвижнической жизни святого Никандра, повелел своим домашним отнести себя к преподобному; они исполнили просьбу Назария и, принеся, положили болящего пред келлией отшельника. Когда Никандр вышел из своего жилища, Назарий, собрав все свои силы, стал обнимать и орошать слезами ноги святого, начал просить блаженного, чтобы он помолился о нем Господу. Преподобный же отвечал:

– Назарий, не прикасайся к ногам моим; напрасно ты целуешь их, напрасно ты просишь у меня исцеления, потому что исцеление твое невозможно для человека, но возможно для Бога; Его и должно с верою просить об исцелении. Слыша сие, больной удивился тому, что преподобный знал его имя, хотя

прежде никогда не видал его; поэтому еще усерднее стал просить его.

– Если же ты, отче, – прибавил Назарий, – оставишь меня, то я не уйду с сего места и умру перед твоей келлией.

Тогда преподобный, видя горячую веру Назария, приказал отнести его в помещение для приходящих путников, и сказал ему, чтобы он там постарался заснуть. Но больной отвечал:

– Отче святой, во время всей болезни моей я ни разу не мог сомкнуть глаз моих, как же ты теперь советуешь мне заснуть.

На сие Никандр сказал:

– Еще до прихода твоего я истопил то помещение, ибо мне известно было, что ты прибудешь ко мне; теперь же, пока я отправлюсь помолиться, старайся заснуть, а потом покажешь мне твои раны.

Назарий хотел было сейчас же открыть свою язву, но не мог, ибо рубашка пристала к его телу так крепко, что ее нельзя было оторвать. Увидев то, святой перекрестил рану и отпустил Назария в указанное место, где тот вскоре и заснул крепким сном. А сам преподобный, заключившись у себя в келье, всю ночь усердно молил Господа, да подаст Он, Единый Целитель всех страждущих, здравие болящему и вместе с тем просветит душевные его очи и укрепит в вере. Скорый на помощь всем, с верою призывающим святое имя Его, Господь услышал молитву раба своего: наутро Назарий, проснувшись, почувствовал себя совершенно здоровым; тотчас встал он на ноги: струп вместе с рубашкой отстал как кора; тогда он горячо начал благодарить Бога, даровавшего ему исцеление, и прославлять Его угодника святого Никандра; преподобный же, не желая себе славы от людей, запретил ему рассказывать о бывшем, – «чтобы не было с тобой еще хуже», – добавил он.

В другой раз один крестьянин Симеон Васильев, человек князя Кострова, пришел к Никандру и горько жаловался преподобному, что у него украли лошадь; святой, услышав об этом, глубоко вздохнул; Симеон же продолжал жаловаться и сказал, что с того времени уже прошло пять дней. Тогда Никандр с великим смирением и кротостью стал говорить:

– Не о том, сын мой, должно жалеть, что у тебя украли лошадь; нет, не об украденном должно скорбеть, а об украдшем, ибо человек сделал сие по внушению диавола.

Симеон же с удивлением заметил ему:

– Так ты, отче, скорбишь о человеке, сделавшем похищение?

Тогда Никандр ответил:

– Чадо Симеон, отправляйся в дом свой, украденное у тебя возвратится.

Сии слова святого сбылись: в ту же ночь лошадь сама прибежала домой. Симеон вторично пришел к преподобному, благодарил его и рассказывал о том, что случилось.

– А человек, похитивший мою лошадь, – добавил он, – потонул в реке.

Услышав о сем, Никандр опечалился и стал так поучать Симеона:

– Сын мой, должно скорбеть о христианах, коих постигла смерть прежде, чем они успели покаяться в грехах своих; и об этом человеке нужно молиться, ибо Господь сказал: «если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк.13:3).

Долго говорил преподобный и своими назиданиями, исполненными любви, просветил душевные очи Симеона; последний еще усерднее стал славословить Господа, пославшего такого угодника Своего на землю.

Между тем преподобный Никандр, видя, что приближается конец земной его жизни, начал готовиться к тому, чтобы украшенным всеми добродетелями войти в Царство Небесное. Денно и нощно молился он и просил, чтобы Всемилосердный Господь отпустил ему его прегрешения; не довольствуясь обычной строгостью своей жизни, он решился уподобиться Ангелам и возложить на себя великую схиму. Для этого преподобный отправился в Демьянский монастырь и здесь принял от руки игумена великое пострижение; сие было за восемь лет до его кончины, после чего святой опять поселился в своем уединении.

В то время к преподобному стал часто приходить один диакон из города Порхова, по имени Петр. Много беседовал с

ним святой о Божественном Писании, о вере Христовой, о добродетелях христианских. Однажды Никандр поведал Петру о некоем чуде, бывшем с ним.

– Часто и сильно страдал я прежде ногами, теперь же, по милости Божией, я освободился от болезни.

Взглянув на ноги святого, Петр увидел, что все голени его были обнажены от своего телесного покрова, – и сильно был поражен тем. В другой раз Никандр сказал Петру:

– Скоро Господь призовет к Себе мою грешную душу; когда ты узнаешь о моей кончине, то приди и погреби мое бренное тело.

– Скоро ли произойдет то, о чем ты мне говоришь, – спросил Петр, – и как дашь ты мне знать о случившемся?

– Не знаю, как извещу тебя, ибо в то время будет брань: тогда придут сюда польские и литовские войска и будут держать Псков и Порхов в осаде; ты же, когда услышишь о моем отшествии к Богу, небоязненно погреби тело мое на том месте, где найдешь его; и над моим гробом будет воздвигнута церковь в честь великого и славного Благовещения.

Так Никандр мирно готовился оставить сей временный мир. По прошествии 47 лет и 2 месяцев с тех пор, как преподобный в последний раз поселился в своем уединении, он впал в телесный недуг; вскоре святой почувствовал приближение смерти и со слезами стал просить Господа даровать ему отпущение всех прегрешений, призывал в молитвах всех святых и вручал пустынное свое местопребывание попечению Пресвятой Владычицы Богородицы. Затем преподобный Никандр возлег на одр свой, крестообразно сложил руки свои и со словами: «Благословен Бог, так изволивый, слава Тебе», – предал Господу дух свой.

Так с миром опочил в Господе сей досточудный отец наш преподобный Никандр 24 сентября 1582 года.

Божиим попущением польский король Стефан Баторий[6004] навел свои полки на землю Русскую; враги осадили города Псков и Порхов, по всей той области во множестве находились польские и литовские люди, так что нельзя было горожанам выходить за городские стены. В пустыню, где жил преподобный,

пришел в то время, чтобы получить благословение от святого, некий крестьянин села Боровичей, по имени Иоанн, по прозвищу Долгий. Постучав раз, другой, третий – в двери келлии Никандра, Иоанн все-таки не получал ответного возгласа подвижника; тогда, войдя в келью, он увидел, что святой Никандр отошел к Господу, а вся хижина была наполнена необычайным благоуханием. Тогда Иоанн, благоговейно взяв честное тело святого, с сердечным умилением покрыл его землею; затем незамеченный, по молитвам святого, польскими войсками, он пришел в город Порхов и рассказал всем жителям о кончине преподобного. При сем известии граждане Порхова стали рыдать и скорбеть, что лишились такого славного заступника и молитвенника пред Богом; сильно желали они отправиться на погребение святого, но боялись врагов. Тогда диакон Петр, видя колебание своих сограждан, обратился к ним с такою речью:

– Мужи братия, послушайте, что скажу вам о новопреставленном отце Никандре, ибо сам я собственными глазами видел многотрудную и подвижническую жизнь сего старца; человеческими устами поведать языком невозможно о всех добродетелях сего отца. Сам преподобный предрек мне о своем преставлении к Богу; он предсказал, что его кончина последует во время нашествия литовских людей; вы же не страшитесь и не бойтесь, но смело идите и предайте погребению честное тело сего подвижника, ибо сам преподобный сказал мне, что Господь Бог не предаст вас в руки врагов, и зло не коснется вас.

Своею речью Петр убедил сограждан безбоязненно идти в пустыню, где так ревностно подвизался угодник Божий в течение своей земной жизни. Никем не задерживаемые, все граждане, миряне и священнослужители, мужи и жены, старцы и юные, пришли в пустыню на то место, где было прикрыто землей тело преподобного, и с честью погребли его.

Преподобный Никандр прожил 75 лет и 8месяцев. Во все дни своей жизни он верно и нелицемерно служил Господу, оставив нам пример доброй и богоугодной жизни; последуем и мы его стопам и будем постоянно подражать сему угоднику в

терпении и смирении, да ниспошлет и подаст он помощь и покровительство всем, с верою взывающим: «Преподобне отче Никандре, моли Бога о нас».

В 1585 году некий инок Исаия, желая последовать примеру преподобного Никандра, пришел в то место, где жил и подвизался сей угодник Божий. Долгое время Исаия страдал болезнию ног и наконец, по молитвам преподобного, получил исцеление от своего недуга. Сей Исаия на месте подвигов преподобного Никандра устроил монастырь[6005] и собрал в нем большую братию. По настоятельному прошению братии Исаия принял игуменство и был возведен в священный сан епископом Новгородским Александром. Епископ стал тщательно заботиться о новом монастыре, снабдил его денежными средствами и повелел выстроить над гробом преподобного Никандра церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Тропарь, глас 4:

Глас Божественный, иже во Евангелии, услышав преподобне отче Никандре: приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы, и прием крест, последовал еси Христу: мир оставль, в пустыню вселился еси, пощением же и бдением небесный дар восприим, души недужных, приходящих к тебе с верою, исцеляеши. Темже и со Ангелы срадуется, преподобне, дух твой.

Кондак, глас 1:

Яко лучу тя солнечную Христос показа, преподобне: сияеши бо в земли российстей чудес благодатию, и отгоняеши тьму страстей же и скорбей, от приходящих к тебе с верою. Темже почитаем твою память, Никандре отче наш, и вопием ти: радуйся пустынножителей красото, и стране нашей похвала и утверждение.

Житие преподобной матери нашей Евфросинии

Память 25 сентября

В городе Александрии жил некогда муж, по имени Пафнутий. Он был богат, славен, пользовался почестью, боялся Бога, хранил заповеди Господни и вел богоугодную жизнь. Супруга его также была женщина добрая, благочестивая и богобоязненная. Одно лишь их тяготило: у них не было детей; сильно скорбели они о сем, ибо некому было оставить им свое имение, кто бы и по смерти их мог хорошо управлять им. Печалясь о бесчадии своем, они непрестанно молили Господа, чтобы Он даровал им детище, подавали щедрую милостыню убогим, раздавали много в церкви и монастыри, кроме того, пребывали в посте и молитвах, обходили храмы Божии и просили Бога об исполнении их желания. Однажды Пафнутий отправился в некий монастырь, игумен которого, как он слышал, отличался своей святой жизнью; и в сей монастырь он также пожертвовал большой вклад. Беседуя с игуменом, Пафнутий получил от него утешение. Уразумев, что сей инок угоден Богу, он поведал игумену о своей печали, именно о том, что нет у него детей. С земным поклоном он просил у игумена, чтобы тот вместе со своей братией помолился о нем Богу, дабы Господь даровал ему детище. Преблагой Бог, милостиво приемлющий молитвы всех усердно молящихся Ему и призывающих Его, внял молитвам игумена и благословил Пафнутия. После этого разрешилось неплодие жены его, и Бог даровал им дочь, весьма прекрасную собою. Родители, исполненные величайшей радости, воссылали Богу от всего сердца благодарение. При крещении младенцу нарекли имя Евфросиния[6006]. С того времени Пафнутий стал часто посещать тот монастырь, раздавал всем инокам милостыню, и к игумену тому питал великую любовь за его полезную беседу, а также и за то, что, по молитвам его, он получил желаемое от Бога. Спустя 12 лет после рождения Евфросинии, мать ее преставилась в вечную жизнь; Пафнутий же, как и прежде, продолжал поучать дочь

свою Божественному Писанию. Навыкнув в нем, отроковица предалась усердному чтению священных книг. Между тем слух о ее благоразумии и красоте распространился по всей Александрии. Поэтому многие из благородных и знатных граждан желали иметь ее супругой своих сыновей, и наперерыв спешили заявить о своем желании ее отцу. Пафнутий же говорил:

– Да будет так, как угодно Господу!

Среди искателей руки Евфросинии был один муж, отличавшийся перед всеми своим благородством, саном, богатством и славой. Он упросил Пафнутия, чтобы тот выдал дочь свою за его сына, на что Пафнутий и согласился. Сговорившись, они назначили время бракосочетания.

Еще до брака Пафнутий пошел с дочерью в монастырь, где жил вышеупомянутый игумен, коего он почитал как отца, и сказал ему:

– Я привел к тебе, святой отец, дочь мою, ту самую, которую Бог даровал мне по твоим молитвам; прошу тебя, помолись за нее, ибо я хочу отдать ее в замужество.

Игумен благословил Евфросинию и затем начал беседовать с Пафнутием о спасении души, а дочь его поучал целомудрию, смирению, страху Божию и любви к Творцу, а также увещевал ее творить милостыню. Все сии слова глубоко западали в сердце мудрой и благоразумной девицы, имевшей тогда восемнадцать лет от роду. Три дня прожил Пафнутий с дочерью своею в монастырской гостинице. В течение сего времени Евфросиния ежедневно внимала церковному чтению и пению; удивлялась она, взирая на подвиги иноков, и говорила сама в себе:

– Блаженны сии люди, ибо они и здесь на земле живут как Ангелы, и в будущей жизни будут обитать вместе с Ангелами.

И сильно возревновала она о том, чтобы подражать их святой жизни. По прошествии трех дней, Пафнутий сказал игумену:

– Мы хотим идти в город; отпусти нас с миром, честный отче.

Евфросиния же, припав к ногам игумена, сказала:

– Прошу тебя, отче, помолись о мне, чтобы Господь спас мою душу.

Игумен благословил ее и так молился о ней Господу:

– Боже, ведающий судьбу каждого человека еще до рождения его, сподоби рабу Твою сию равной награды и воздаяния со всеми от века благоугодившими Тебе.

После этого, поклонившись игумену, Пафнутий с дочерью ушли в город. Сей праведный муж так глубоко почитал иноческий чин, что когда он встречал где-либо на пути или в городе инока, то приглашал его к себе в дом, гостеприимно угощал его и просил, чтобы тот молился Богу о нем и о дочери его.

Вскоре в обители той наступил день поминовения основателя ее, и игумен послал одного из братии пригласить к сему дню благодетеля обители Пафнутия. Случилось так, что посланный инок не застал Пафнутия дома; Евфросиния, узнав о приходе к ним в дом черноризца, позвала его к себе и начала расспрашивать о том, сколько в их обители братии. Он отвечал ей:

– Триста пятьдесят два человека.

Тогда она спросила его:

– Если кто-нибудь придет в вашу обитель и захочет жить с вами, примет ли его ваш игумен?

На сие инок отвечал:

– Конечно, с радостью примет, памятуя слова Господни: «приходящего ко Мне не изгоню вон» (Иоан.6:37).

Девица еще предложила ему вопрос:

– Все ли вы вместе поете и одинаково ли поститесь?

– Да, мы поем все вместе, – отвечал инок, – а постится каждый из нас столько, сколько хочет и может.

Расспросивши у черноризца всё о монастырской жизни, девица сказала ему:

– Хотелось бы и мне начать такую жизнь, но я боюсь ослушаться отца своего, ибо он желает выдать меня замуж, увлекаясь богатством суетного сего мира.

Черноризец сказал ей:

– Не желай временного и скоропреходящего союза со смертным, но посвяти себя Христу: Он вместо всех скоропреходящих и суетных благ дарует тебе Царство Небесное и пребывание с Ангелами. Выйди тайно из дома и иди в монастырь, оставив одежды мирские, облекись в иноческое одеяние, чтобы тебя не могли узнать.

Обрадовалась святая Евфросиния, услышав сии слова инока, и спросила его:

– Кто же пострижет меня?

Он же отвечал ей:

– Отец твой пойдет в нашу обитель и останется там три или четыре дня, а ты в то время призови к себе какого-нибудь инока: он с радостью исполнит твое желание и пострижет тебя.

В то время, когда они беседовали так друг с другом, пришел Пафнутий и, увидев черноризца, спросил его:

– Что побудило тебя прийти к нам, отче?

Инок ответил:

– Наступает память основателя нашего монастыря, и игумен просит тебя прийти к нам и принять участие в нашем празднике; за сие получишь благословение от Бога.

С радостью согласился Пафнутий идти вместе с иноком в обитель и взял с собою много даров для монастырской церкви и братии. В его отсутствие дочь его, святая Евфросиния, позвала к себе одного из верных слуг своих и сказала ему:

– Иди в монастырь преподобного Феодосия, войди там в церковь и призови ко мне первого инока, которого встретишь.

Слуга тот, по особому Божию смотрению, встретился с одним иноком, несшим из обители свое рукоделие для продажи; он попросил инока идти вместе с ним в дом его господина, и тот согласился. Евфросиния, увидев почтенного инока, пошла навстречу и поклонилась ему, прося его помолиться за нее. Инок помолился, благословил ее, и они сели. Святая дева начала говорить ему так:

– Господин, отец мой – христианин и верный слуга Божий, матери моей нет уже в живых. Родитель мой, имеющий большое богатство, желает выдать меня замуж, чтобы не пропали все его сокровища, я же не хотела бы осквернять себя мирскою суетою,

но боюсь ослушаться отца моего и потому не знаю, что мне делать. Всю предыдущую ночь я провела без сна, умоляя Бога, чтобы Он ниспослал мне милость Свою. А при наступлении утра захотелось мне позвать к себе одного из отцов подвижников, дабы услышать от него слово назидания и указания, как мне следует поступать. Умоляю тебя, отче, научи меня пути Господню, ибо я знаю, что ты мне послан от Бога.

Тогда старец начал поучать ее так:

– Господь говорит во святом Евангелии: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк.14:26). Не знаю я, что тебе сказать больше сего. Если ты можешь вынести борьбу с плотью, то оставь всё и беги от мира сего, как Израиль от работ фараона. А наследников богатства отца твоего весьма много: церкви, монастыри, больницы, странноприимные дома, сироты, вдовы, странники, заключенные в темницы и взятые в плен. Отец твой может раздать имение, кому захочет, сама же ты позаботься о душе своей.

На сие девица сказала ему:

– Я надеюсь на Бога и на твои молитвы, отче, ибо думаю, при помощи свыше, посвятить себя Богу.

– Не медли с сим намерением, дочь моя, – ответил ей старец, – ибо кто отлагает совершение богоугодного подвига, тот, обыкновенно, потом раскаивается в таком замедлении; время и теперь покаяться.

Святая Евфросиния сказала старцу:

– Для того я и попросила тебя, отче, прийти ко мне; я хотела, чтобы ты исполнил желание сердца моего, и, помолившись о мне, благословил и постриг меня.

Тогда старец встал, помолился и постриг, по Божиему соизволению, Евфросинию в иночество, возложив на нее схиму. При сем он сказал ей:

– Бог, даровавший спасение всем святым Своим, да хранит тебя от всякого зла.

После того он отправился в свою обитель, радуясь и славя Бога. Между тем Евфросиния стала размышлять в сердце

своем:

– Если я пойду в девический монастырь, то отец мой найдет меня там, принудит выйти из обители и вступить в брак; поэтому мне лучше отправиться в монастырь мужской, где никто меня не узнает.

Решившись исполнить свое намерение, она поздно вечером оделась в мужскую одежду и тайно от всех вышла из дома, взяв с собою только пятьдесят золотых монет, и скрылась на ту ночь в некоем месте. По утру же отец ее пришел в город и, по особому устроению Божию, тотчас пошел в церковь. А Евфросиния удалилась в тот монастырь, где знали ее отца. Подойдя к воротам обители, она постучалась и сказала привратнику:

– Пойди доложи игумену, что пришел из царского дворца евнух[6007], и стоит у ворот, желая побеседовать с ним.

Когда игумен вышел, Евфросиния пала на землю и поклонилась ему. Он поднял ее и помолился по обычаю, после чего они оба сели. Затем он начал спрашивать ее:

– Почему, чадо, ты пришел к нам?

Евфросиния отвечала ему:

– Отче, я служил евнухом в царском дворце и очень полюбил житие иноческое, но не нашел в городе того, чего искала душа моя. Узнав о подвижнической жизни иноков твоего монастыря, я пришел в сию святую обитель, желая подвизаться с вами.

На сие игумен отвечал:

– Хорошо ты сделал, чадо, что пришел к нам. Если тебе хочется пожить в нашей обители, то оставайся здесь.

Затем он спросил, – как ее зовут. Евфросиния отвечала, что имя ее – Измарагд.

– Чадо Измарагд, – сказал ей настоятель, – ты молод и потому не можешь один жить в келье; тебе нужно иметь духовного наставника. чтобы он руководил тобою в иноческой жизни, научил бы тебя монастырскому уставу и всем обычаям.

На сие отроковица ответила:

– Устрой меня, отче, так, как тебе угодно.

В то же время она вынула пятьдесят золотых монет, дала игумену и сказала:

– Возьми сие, отче, впоследствии и всё остальное мое имущество, оставшееся в городе, я пожертвую в монастырь.

Игумен призвал одного из иноков, по имени Агапит, мужа святой жизни, и поручил ему Измарагда со следующими словами:

– Пусть сей юноша отныне будет твоим духовным сыном и учеником; наставляй же его в добродетелях, чтобы он превзошел и учителя.

После усердной молитвы с коленопреклонением, старец Агапит взял Измарагда к себе в келью и наставлял его в иноческой жизни. – У нового инока было очень красивое лицо; когда он приходил в церковь к Богослужению, диавол смущал многих из братии нечистыми помыслами, уязвляя их сердца красотою нового инока; поэтому братия сетовала на игумена, говоря:

– Для чего ты ввел в обитель такого красивого брата на соблазн немощнейшим инокам?

Услышав сие, игумен призвал к себе Измарагда и сказал ему:

– Взирая на красоту твою, немощнейшие из братии соблазняются; поэтому лучше тебе одному пребывать в келье, подвизаясь в безмолвии и молитве, и не приходить в церковь. Твой духовный наставник будет и пищу приносить в твою келью, так чтобы тебе не нужно было никуда выходить из нее.

Евфросиния отвечала:

– Как ты повелеваешь, отче, так я и сделаю.

Игумен приказал Агапиту приготовить уединенную келью для Измарагда; Агапит исполнил волю настоятеля и ввел в ту келью Измарагда, который и стал проводить там время в молитве, посте и бдении, день и ночь служа Богу в чистоте своего сердца. Блаженный Агапит дивился его подвигам и трудам и повествовал о них всей братии в ее назидание; братия же поучались сими подвигами и прославляли Бога, даровавшего такую силу юному подвижнику.

Между тем Пафнутий, отец Евфросинии, по возвращении домой, поспешно вошел в комнату своей дочери и, не найдя ее там, начал сильно тужить и скорбеть; с гневом он спрашивал своих рабов и рабынь, что случилось с Евфросинией, куда она ушла. Слуги отвечали ему:

– Вчера вечером мы еще видели ее, но сегодня она уже нам не показывалась, почему мы и думали, не пригласил ли ее к себе отец ее жениха.

Пафнутий послал рабов в дом жениха своей дочери, но и там ее не нашли. И жених и отец его, услыхав об исчезновении Евфросинии, очень опечалились и, придя к Пафнутию, нашли его в глубокой скорби, лежащим на земле и рыдающим.

– Не прельстил ли кто-нибудь ее, не бежал ли с нею? – заметили они ему.

Немедленно разослали по всей Александрии всадников искать Евфросинию; искали ее и по домам соседей, и по дорогам, и на берегу моря, и на кораблях; обошли они много женских монастырей, поля, пустыни, горы и пещеры, – везде искали дочь опечаленного отца. Нигде не найдя ее, посланные вернулись со скорбью. И плакали все о ней, как об умершей. Жених рыдал о невесте своей, свекор скорбел о невестке своей, а отец проливал горькие слезы о дочери своей, как некогда Иаков об Иосифе, и говорил такие скорбные речи:

– Увы мне, чадо мое сладкое! Увы мне, свет очей моих! Увы мне, утеха души моей! Кто украл сокровище мое? Кто иссушил ветвь мою? Кто угасил светильник мой? Кто отнял у меня надежду мою? Кто обесчестил дочь мою? Какой волк растерзал агницу мою? Какое место скрыло от меня ее светлое лицо? Она послужила бы восстановлением рода моего, была бы жезлом старости моей, утешением в печалях моих. Пусть не скроет в себе земля тела моего, пока я не узнаю, что случилось с дочерью моею Евфросиниею!

Все собравшиеся у Пафнутия друзья и соседи также сетовали и громко рыдали вместе с ним о неожиданной гибели его дочери. Не находя нигде облегчения в своей печали, Пафнутий пришел в монастырь, где дочь его подвизалась в затворе, и, упав к ногам игумена, сказал:

– Отче, не переставай молить Бога о том, чтобы Он услышал мои молитвы, ибо я не знаю, что приключилось с дочерью моею, – похитил ли ее кто-нибудь, или же она погибла каким-нибудь иным образом.

Услышав сии слова, честный старец весьма смутился и, собрав к себе всю братию, сказал:

– Братие, покажите любовь, помолитесь Господу, чтобы Он благоволил открыть нам о судьбе дочери друга и благодетеля нашего Пафнутия.

В продолжение целой седмицы иноки постились и молились, но никакого откровения им не последовало, как то бывало при других их прошениях; ибо днем и ночью Евфросиния молилась Богу, чтобы Он не открывал о ней никому в сей земной жизни, и ее молитвы были сильнее молитв всей братии.

Не получая никакого откровения о Евфросинии, игумен начал утешать Пафнутия такими словами:

– Чадо, «не пренебрегай наказания Господня… Ибо Господь, кого любит, того наказывает» (Евр.12:5, 6). Если без воли Господней ни одна птица не падет на землю, тем более ничего не могло произойти и с твоею дочерью. Я думаю, что она избрала благую часть; и поэтому нам не было о ней откровения от Бога. Если бы она впала в грех (да не будет сего!), то Бог не презрел бы столь великий молитвенный труд всей братии нашей обители, и открыл бы нам о ней; я же имею надежду, что еще в сей земной жизни Господь откроет тебе о ней.

Пафнутий несколько утешился такими словами и вернулся в свой дом, благодаря Бога. Каждый день он прилежно молился Господу и подавал обильную милостыню бедным. По прошествии нескольких дней он опять посетил монастырь и просил у братии молитв. Однажды, встретившись с игуменом, он поклонился ему и сказал:

– Помолись за меня, отче, потому что моя скорбь о дочери всё не проходит; душа моя нимало не утешилась, рана сердца моего всё увеличивается, и с каждым днем скорбь моя всё усиливается.

Игумен, видя его великую печаль, всячески утешал его; в одной из своих бесед с ним он вспомнил об Измарагде и сказал:

– Есть у нас инок, проводящий очень строгую жизнь; он пришел к нам из дворца императора Феодосия[6008], и все мы удивляемся его святой жизни. Не хочешь ли побеседовать с ним? Быть может, ты получишь из сей беседы хотя некоторую отраду, ибо он исполнен Святого Духа.

– Да, хочу, – отвечал Пафнутий.

Тогда игумен, не зная, что Измарагд – дочь Пафнутия, призвал Агапита и сказал ему:

– Отведи Пафнутия к Измарагду, чтобы он с ним побеседовал.

Агапит и Пафнутий вошли в келью Измарагда; когда Евфросиния увидела отца своего, то узнала его и залилась слезами; а Пафнутий подумал, что она плачет от молитвенного умиления, узнать же ее он не мог, ибо от сильного воздержания и всенощных молитв цвет лица ее увял, да и сама Евфросиния намеренно покрыла клобуком лицо свое, чтобы ее не могли узнать. Помолившись, оба они сели, и Измарагд начал свою беседу с Пафнутием, говорил ему о Царствии Небесном, о вечной славе, коей человек может достигнуть через смирение, чистоту, святость, милостыню и любовь; говорил он ему и об оставлении мира и о том, что не следует любить детей больше Бога, Творца всего; указывал на слова Апостола, что «от скорби происходит терпение, от терпения опытность» (Рим.5:3–4). Видя великую скорбь своего отца, Измарагд соболезновал ему и утешал его, говоря:

– Поверь мне: Бог не оставит тебя. Ибо если бы дочь твоя находилась на пагубном пути, то Господь открыл бы тебе о ней, по молитвам святых отцов, которые о том столь усердно молились; нет, я твердо уверен, что дочь твоя послушалась благого Учителя, говорящего в Евангелии: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Мф.10:37; Лк.14:33). Бог может и в сей еще жизни показать тебе ее. Поэтому перестань скорбеть. Для чего ты убиваешься печалью? Напротив, за всё благодари Бога и не теряй надежды, ибо и я,

когда учитель мой Агапит возвестил мне о твоем пришествии в обитель и о скорби твоей, прилежно молился Богу, чтобы Он дал тебе терпение и мужество, всё устроил бы на пользу тебе и дочери твоей и утешил бы тебя. Уповаю на то, что Бог всякого утешения не оставит тебя до конца пребывать в скорби: если и не скоро, то все-таки Он откроет тебе о судьбе твоей дочери, о которой ты так печалишься.

Затем Евфросиния, опасаясь, как бы отец не узнал ее, так как она вела с ним слишком продолжительную беседу, сказала Пафнутию:

– Господин мой, иди теперь домой с миром.

Внимая сим речам, Пафнутий и плакал, и радовался, ибо сердце его пламенело естественною любовью к Измарагду и много пользы получил он от бесед с ним; затем он пошел к игумену и сказал ему:

– Один Бог знает, отче, какую пользу получил я от сего инока, и по благодати Божией, его слова наполнили мое сердце такой радостью, как будто бы я нашел любимое чадо.

После этого Пафнутий, попросив всех иноков молиться за себя, возвратился домой. – А Измарагд прожил в той обители тридцать восемь лет, проводя богоугодную жизнь; по прошествии сего времени он впал в тяжкую болезнь, после которой и предал Господу свою душу. Еще до преставления его, Пафнутий опять пришел в монастырь на поклонение и для посещения братии. После обычной беседы с игуменом, он сказал ему:

– Отче, если возможно, позволь мне повидаться с братом Измарагдом, ибо я очень люблю его.

Игумен, призвав Агапита, поручил ему отвести Пафнутия к Измарагду. Когда Пафнутий вошел в келью его и увидел Измарагда лежащим на постели в сильной болезни, то припал к его ложу и стал говорить с горькими слезами:

– Увы мне! Где сладкие слова твои, где обещания твои о том, что я увижу погибшую дочь мою? Вот, я не только не вижу ее, но лишаюсь и тебя, моего утешителя. Увы мне! Кто теперь утешит старость мою? К кому я пойду, и кто будет отрадою в печали моей? Я плачу и душевно скорблю о разлуке с тобою;

вот уже тридцать восемь лет, как я не вижу дочери своей и не получаю ниоткуда вестей о ней, да и дорогой мой Измарагд покидает меня, – Измарагд, о котором я так сильно радовался, как будто бы я нашел свою погибшую дочь. И чего мне теперь ожидать? Где найти себе утешение? Остается мне одно: сойти в гроб со своею печалью!

Видя, как неутешно рыдал Пафнутий Измарагд сказал ему:

– Зачем ты смущаешься и убиваешься от сильной печали? Разве не крепка рука Господня? Или разве есть что-либо невозможное для Бога? Итак, перестань печалиться. Вспомни, что Господь некогда явил Иакову живым Иосифа, о котором он рыдал, как о мертвом; тот же Бог утешит и тебя. Теперь же прошу тебя об одном: останься здесь три дня и не покидай меня.

Пафнутий остался в обители и при сем размышлял в себе так:

– Не откроет ли Господь чего Измарагду о дочери моей?

Наконец, настал третий день, и Евфросиния, получившая откровение о времени своего отшествия к Господу, призвала к себе отца своего Пафнутия и сказала ему:

– Всемогущий Бог устроил мою судьбу по Своей воле и исполнил мое желание; ныне я достигла конца своих подвигов, прошедши иноческий путь не своею силою, но помощью Того, Кто сохранил меня среди сетей вражеских; я не хочу, чтобы ты дольше скорбел о дочери своей. Я – Евфросиния, дочь твоя, ты же – отец мой. Я – та, которую ты ищешь. Я ради любви к Богу оставила тебя, отца моего, всё наследство и временного жениха и пришла сюда, утаив, что я – женщина. Теперь прошу тебя: не допускай, чтобы кто-нибудь другой кроме тебя омыл тело мое; еще умоляю тебя, исполни мое обещание, данное мною настоятелю сей обители: когда я просила его принять меня сюда, то сказала, что у меня большое имущество, которое я намерена пожертвовать в сию обитель; поэтому исполни мое обещание, внеси оставшееся имущество в сей монастырь и помолись о мне.

После этих слов Евфросиния предала дух свой Господу. Услышав всё сие и увидев, что дочь его умерла, Пафнутий от

страха и великой скорби впал в расслабление и лежал на земле как мертвый. Когда пришел Агапит и увидел, что Измарагд преставился, а Пафнутий чуть жив, то облил водою лицо Пафнутия, поднял его с земли и спросил его:

– Что с тобою, Пафнутий?

Он же отвечал ему на сие:

– Оставь меня умереть здесь, ибо я увидел дивное чудо.

Затем Пафнутий встал с земли и припал к лицу усопшей, плача горько и говоря:

– Увы мне, милое чадо мое, почему ты не открылась мне раньше сего часа; О как бы желал я умереть с тобою! Горе мне, что ты утаилась от меня, дорогая дочь моя! Как хорошо избежала ты сетей вражеских, укрылась от суеты мира сего и вошла в жизнь вечную!

Внимая словам Пафнутия, Агапит понял сию дивную тайну; он ужаснулся и пошел тотчас же возвестить о том игумену; последний немедленно поспешил прийти туда, припал к святому телу Евфросинии и с рыданиями начал говорить:

– Евфросиния, невеста Христова и святая дева, не забудь сподвижников своих и обители сей, но молись о нас Господу Иисусу Христу, чтобы Он сподобил и нас, после добрых подвигов, достигнуть спасения и водвориться со святыми Его.

Затем игумен велел собраться всей братии, чтобы с подобающею честью предать погребению ее святое тело. Когда все иноки собрались и узрели сие дивное чудо, то прославили Бога, явившего Свою крепкую силу в немощной плоти. Некто из братии был слеп на один глаз. Он пришел к мощам преподобной и со слезами стал лобызать ее честное тело – и тотчас отверзлось око его, и он прозрел. Видя сие исцеление, вся братия величала милость Божию, прославляла Его святую угодницу Евфросинию и назидалась ее святою жизнью. После этого погребли ее на месте упокоения святых отцов – подвижников и с духовным веселием совершили по ней поминовение. А отец ее Пафнутий возвратился в свой дом, раздал имение свое по церквам и монастырям, нищим и странникам, а оставшуюся значительную часть его принес в тот монастырь на нужды его, и сам постригся в нем. Он испросил

для себя келью дочери своей и прожил в ней богоугодно десять лет; по прошествии сего времени он преставился на той же самой рогоже, на которой скончалась и его дочь преподобная Евфросиния. Его с честью погребли около дочери, и было установлено ежегодно совершать их память во славу Пресвятой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, дивного во святых Своих Бога. Слава Ему вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Вышнюю жизнь вожделевши получити, дольнюю сладость тщательно оставила еси[6009], и самую себе смесила еси посреде мужей, краснейшая: Христа бо ради жениха твоего о обручнице привременнем небрегла еси.

Житие и чудеса преподобного и богоносного отца нашего Сергия, Радонежского чудотворца[6010]

Память 25 сентября

Преподобный и богоносный отец наш Сергий родился в Ростовской области от благочестивых родителей Кирилла и Марии[6011]. Еще от чрева матери Бог избрал его на служение Себе. Незадолго до его рождения мать его в воскресный день, по своему обычаю, пришла к литургии в церковь. Пред началом чтения святого Евангелия младенец во чреве ее так громко вскрикнул, что голос его слышали все стоявшие в храме; во время Херувимской песни младенец вскрикнул во второй раз; а когда священник произнес «Святая Святым», – в третий раз послышался из утробы матери голос младенца. Из сего уразумели все, что произойдет на свет великий светильник миру и служитель Пресвятой Троицы. Подобно тому как пред Божией Матерью радостно взыграл во чреве св. Иоанн Предтеча (Лк.1:41), так и сей младенец взыграл пред Господом во святом Его храме. При сем чуде мать преподобного была объята страхом и ужасом; сильно также были удивлены все слышавшие голос. Когда наступил день рождения, Бог даровал Марии сына, коему нарекли имя Варфоломей. С первых же дней своей жизни младенец показал себя строгим постником. Родители и окружающие младенца стали замечать, что он не питался молоком матери по средам и пятницам; не прикасался он к сосцам матери и в другие дни, когда ей случалось употреблять в пищу мясо; заметив сие, мать вовсе отказалась от мясной пищи.

Достигнув семилетнего возраста, Варфоломей был отдан родителями в ученье грамоте; вместе с ним учились и два его брата, старший Стефан и младший Петр. Они учились хорошо и делали большие успехи, а Варфоломей далеко отставал от них: трудно давалось ему ученье, и хотя учитель занимался с ним весьма усердно, тем не менее он мало успевал.

Сие было по смотрению Божию, дабы дитя получило разум книжный не от людей, но от Бога. Сильно печалился о том Варфоломей, горячо и со слезами молился, чтобы Бог даровал ему разумение грамоты. И Господь внял молитве, исходившей из глубины сердца благочестивого отрока.

Однажды отец послал Варфоломея за лошадьми; привыкший беспрекословно повиноваться воле своих родителей, отрок тотчас же отправился; такое поручение тем более приходилось ему по душе, что он всегда любил уединение и безмолвие. Его путь проходил лесом; здесь он встретил некоторого инока, или скорее посланного Богом Ангела в иноческом образе; он стоял среди леса и творил молитву. Варфоломей приблизился к старцу и, поклонившись ему, стал ожидать, пока тот не окончит своей молитвы. По окончании ее, старец благословил отрока, облобызал его и спросил, что ему нужно.

Варфоломей отвечал:

– Я отдан, отче, в книжное обучение, но мало разумею, что говорит мне мой учитель; очень скорблю я об этом и не знаю, что мне делать.

Сказав сие, отрок попросил старца, чтобы он помолился о нем Господу. Инок исполнил просьбу Варфоломея. Окончив молитву, он благословил отрока и сказал:

– Отныне Бог даст тебе, дитя мое, уразуметь то, что нужно, так что ты и других можешь поучать.

При сем старец достал сосудец и дал Варфоломею как бы некоторую частицу от просфоры; он велел ему вкусить, говоря:

– Возьми, чадо, и съешь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и для разумения Святого Писания. Не смотри на то, что сия частица так мала: велика будет радость твоя, если вкусишь от нее.

После этого старец хотел было продолжать свой путь, но обрадованный отрок стал усердно просить инока посетить дом его родителей.

– Не минуй дома нашего, – умолял Варфоломей, – не лиши и родителей моих твоего святого благословения.

Уважавшие иноков родители Варфоломея с честью встретили желанного гостя. Они стали предлагать ему пищу, но он отвечал, что следует прежде вкусить пищи духовной – и когда все начали молиться, старец велел читать Варфоломею псалмы.

– Я не умею, отче, – отвечал отрок.

Но инок пророчески произнес:

– Отныне Господь дарует тебе знание грамоты.

И действительно, отрок тотчас же начал стройно читать псалмы. Родители его сильно дивились такой перемене, совершившейся с их сыном.

При прощании старец сказал родителям святого:

– Велик будет сын ваш пред Богом и людьми, он станет некогда избранной обителью Святого Духа и служителем Пресвятой Троицы.

Подобно тому как земля, обильно напоенная дождем, бывает плодоносна, так и святой отрок с того времени без всякого затруднения читал книги и понимал всё написанное в них; легко давалась ему грамота, ибо «отверз ему ум к уразумению Писаний» (Лк.24:45). Отрок возрастал летами, а с тем вместе возрастал разумом и добродетелью. Рано почувствовал он любовь к молитве, с самых юных лет познал сладость в беседе с Богом; поэтому так ревностно стал посещать храм Божий, что не пропускал ни одной службы. Не любил он детских игр и старательно избегал их; не по сердцу ему приходились веселье и смех сверстников, ибо он знал, что «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор.15:33). Твердо он помнил, что «начало мудрости – страх Господень» (Пс.110:10), и поэтому всегда старался научиться сей мудрости. С особенным тщанием и ревностью он предавался чтению Божественных и священных книг. Зная, что воздержанием лучше всего побеждаются страсти, юный отрок наложил на себя строгий пост: по средам и пятницам он ничего не вкушал, а в прочие дни питался только хлебом и водою. Так возненавидел он свою плоть, чтобы спасти свою душу. Если ему встречался кто-либо из неимущих, то Варфоломей радостно делился с ним своей одеждой и всячески старался послужить ему. Не будучи

еще в монастыре, он вел иноческую жизнь, так что все изумлялись, видя такое воздержание и благочестие юноши. Сначала мать, беспокоясь за здоровье своего сына, уговаривала его, чтобы он оставил столь суровый образ жизни. Но благоразумный отрок смиренно ответствовал своей матери:

– Не отклоняй меня от воздержания, ибо оно так сладостно и полезно для моей души.

Удивившись мудрому ответу, мать не желала более препятствовать доброму намерению сына. Так, смиряя воздержанием свою плоть, Варфоломей не выходил из воли родителей.

Между тем Кирилл и Мария переселились из вышеупомянутого города Ростова в местность, называвшуюся «Радонеж»[6012]; сие произошло не потому, чтобы то место было известно, или чем-нибудь знаменито, но так благоизволил Бог: на сем именно месте Ему угодно было прославить Своего усердного служителя.

Варфоломей, коему было тогда около 15 лет от роду, также последовал за своими родителями в Радонеж. Братья его к тому времени уже женились. Когда юноше исполнилось 20 лет, он стал просить своих родителей, чтобы они благословили его постричься в иноки: уже давно стремился он посвятить себя Господу. Хотя родители его и ставили выше всего иноческую жизнь, однако, просили сына подождать некоторое время.

– Чадо, – говорили они ему, – ты знаешь, что мы стары; уже недалек конец жизни нашей, и нет кроме тебя никого, кто бы послужил нам на старости; потерпи еще немного времени, предай нас погребению, и тогда уже никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание.

Варфоломей, как покорный и любящий сын, повиновался воле своих родителей и усердно старался успокоить их старость, чтобы заслужить их молитвы и благословения. Незадолго до кончины Кирилл и Мария приняли иночество в Покровском-Хотьковом монастыре, отстоявшем верстах в трех от Радонежа[6013]. Сюда также пришел овдовевший около того времени старший брат Варфоломея – Стефан и вступил в число иноков. Немного спустя родители святого юноши, один вскоре

после другого, с миром преставились ко Господу и были погребены в сем монастыре. Братья после смерти родителей провели здесь сорок дней, вознося усердные молитвы Господу о упокоении новопреставленных рабов Божиих. Всё свое имущество Кирилл и Мария оставили Варфоломею. Видя преставление своих родителей, преподобный так размышлял сам с собою: «Я смертен, и тоже умру, как и родители мои». Раздумывая таким образом о кратковременности сей жизни, благоразумный отрок раздал всё имущество родителей, ничего не оставив для себя; даже для пропитания он ничего не удержал себе, ибо уповал на Бога, «дающего хлеб алчущим» (Пс.145:7).

Стремясь к отшельничеству, Варфоломей вместе с братом своим Стефаном отправился отыскивать место, удобное для пустынной жизни. Долго братья ходили по окрестным лесам, пока не пришли туда, где ныне возвышается монастырь Пресвятой Троицы, столь прославленный именем преподобного Сергия. Место сие в то время было покрыто густым, дремучим лесом, которого не касалась рука человека; ни одна дорога не пролегала через сей лес, ни одно жилище не стояло в нем, лишь только звери да птицы обитали здесь. С горячей молитвою обратились к Богу братья, призывая Божие благословение на место будущего обитания, и предавали Его святой воле свою судьбу. Устроив хижину, они стали ревностно подвизаться и молиться Богу. Воздвигли они также небольшую церковь и с общего согласия решили освятить ее во имя Пресвятой Троицы; для этого они пошли в Москву и просили митрополита Феогноста[6014], чтобы он дал свое благословение на освящение церкви. Святитель ласково их встретил и послал с ними священнослужителей освятить церковь. Так скромно было положено основание Свято-Троицкого монастыря.

С усердием и неусыпным рвением предался теперь Варфоломей духовным подвигам: великой радостью был объят юный подвижник, когда увидел, что исполнилось заветное его желание.

Старший же брат его Стефан, тяготясь жизнью в таком пустынном месте, оставил Варфоломея, переселился в Москву

в Богоявленский монастырь и здесь сблизился с Алексием, бывшим потом митрополитом Московским.

Оставшись в совершенном одиночестве, Варфоломей еще более стал приготовляться к иноческой жизни; лишь только тогда, как укрепился он в трудах и подвигах и приучил себя к строгому исполнению правил монашеских, он решил принять иноческое пострижение.

В то время к нему пришел один игумен, по имени Митрофан; он и постриг в иноческий чин блаженного Варфоломея на двадцать третьем году его жизни. Обряд пострижения был совершен в день памяти святых мучеников Сергия и Вакха, и Варфоломею было дано имя Сергий. После пострижения Митрофан совершил Божественную литургию в церкви Пресвятой Троицы и сподобил нового инока причащения Святых Христовых Таин; в сие самое время церковь исполнилась необычайного благоухания, которое распространялось даже за стенами храма. Семь дней новопостриженный инок неисходно пребывал в церкви. Каждый день Митрофан совершал литургию и приобщал его Святых Тела и Крови Господних. За всё сие время пищею Сергия была просфора, даваемая ему ежедневно Митрофаном. Всё время Сергий проводил в молитве и богомыслии, постоянно взывал к Богу из глубины своего чистого сердца, славословил великое имя Господне, воспевал псалмы Давидовы и песни духовные: он весь был объят радостью, и душа его горела Божественным огнем и благочестивой ревностью. Пробыв несколько дней с Сергием, Митрофан сказал ему:

– Чадо, я оставляю сие место и предаю тебя в руки Божии; Господь да будет твоим заступником и хранителем.

И провидя будущее, он предрек:

– На месте сем Бог воздвигнет большую и славную обитель, где будет прославляться великое и страшное имя Его и просияет добродетель.

Сотворив молитву и преподав несколько наставлений об иноческой жизни, Митрофан удалился. Святой Сергий, оставшись на том месте один, ревностно подвизался, умерщвлял свою плоть постом, бдением и многоразличными

трудами; а во время лютой зимы, когда от мороза трескалась земля, переносил он стужу в одной одежде. Особенно много скорбей и искушений испытал он от бесов в начале своего одиночества в пустыне. С ожесточением ополчились на инока невидимые враги; не терпя его подвигов, они хотели устрашить святого для того, чтобы он покинул то место. Они обращались то в зверей, то в змей. Сергий же отгонял их молитвою: призывая имя Господне, он разрушал как тонкую паутину бесовские наваждения. Однажды ночью бесы, как бы целым воинством, грозно приблизились к нему и со страшной яростью кричали:

– Уйди с сего места, уйди, иначе ты погибнешь лютою смертью!

Когда бесы произносили сии слова, из уст их вырывался пламень. Преподобный же, вооружившись молитвою, отогнал силу вражию и, славословя Бога, пребывал там без всякого опасения.

Однажды, когда отшельник читал ночью правило, вдруг из леса поднялся шум; бесы во множестве опять окружили келью и с угрозами кричали преподобному Сергию:

– Уйди же отсюда, зачем ты пришел в сию лесную глушь? Чего ты ищешь? Не надейся более жить здесь, сам видишь – место сие пусто и непроходимо! Разве ты не боишься умереть с голоду или погибнуть от рук разбойников?

Такими словами устрашали бесы преподобного, но тщетны были все усилия их: святой помолился Господу, и тотчас же исчезло бесовское полчище.

После этих видений не так страшен был для подвижника вид диких зверей; мимо его одинокой келлии пробегали стаи голодных волков, готовых растерзать инока, заходили сюда и медведи. Но сила молитвы и здесь спасала пустынника. Однажды преподобный Сергий заметил перед своей келлией медведя; видя, что медведь очень голоден, он сжалился над зверем, вынес ему кусок хлеба и положил его на пень. С тех пор медведь стал часто приходить к келье, ожидал обычного подаяния и с кротостью смотрел на святого; преподобный Сергий делился с ним пищей, часто даже отдавал ему

последний кусок. И дикий зверь сделался настолько кроток, что повиновался даже зову святого.

Так Господь не оставлял Своего угодника в пустыне: с ним Он был во всех скорбях и искушениях, помогал ему, ободрял и подкреплял усердного и верного раба Своего.

Между тем о преподобном стала повсюду распространяться слава. Одни говорили о его строгом воздержании, трудолюбии и прочих подвигах, другие удивлялись его простоте и незлобию, иные рассказывали о его власти над злыми духами, – и все поражались его смирениею и душевной чистоте. Поэтому многие из окрестных городов и селений начали стекаться к преподобному. Кто обращался к нему за советом, кто желал насладиться его душеспасительной беседой. Всякий находил у него добрый совет, всякий возвращался от него утешенным и успокоенным, у всякого на душе становилось светлее: так действовали кроткие и благодатные слова, коими Сергий встречал всех приходивших к нему за советом или за благочестивым наставлением. Преподобный с любовью принимал всех; некоторые просили даже у него позволения жить вместе с ним, но святой отговаривал их, указывая на трудности иноческого жития.

– Места сии, – говорил преподобный, – пустынны и дики, много лишений предстоит нам здесь.

Проникнутые глубоким чувством уважения к святому, пришельцы сии просили лишь об одном, чтобы Сергий позволил им поселиться здесь. Видя твердость их намерения и крепкую решимость посвятить себя Богу, преподобный должен был уступить их просьбам. Вскоре под руководством преподобного собралось двенадцать человек, и долго не изменялось сие число: если кого-либо из братий постигала кончина, то на его место приходил другой, так что многие усматривали в сем числе совпадение: число учеников преподобного было такое же, каково было число учеников Господа нашего Иисуса Христа; иные же сравнивали его с числом двенадцати колен Израилевых. Пришедшие построили 12 келлий. Сергий вместе с братией обнес келлии деревянным тыном. Так возник монастырь, существующий по благодати Божией доныне.

Тихо и мирно проходила подвижническая жизнь пустынников; ежедневно они собирались в свою небольшую церковь и здесь возносили Господу усердные молитвы; семь раз в день принимала церковь под свой кров иноков: они совершали здесь полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый час, вечерню и повечерие, а для совершения Божественной литургии приглашали к себе из ближайших сел священника.

Спустя год после того как пришла к Сергию братия, поселился в новооснованной обители и вышеупомянутый священноинок Митрофан, совершивший обряд пострижения над преподобным Сергием; с радостью он был встречен братией, и был единодушно всеми избран игуменом. Иноки радовались, что теперь стало возможно совершать литургию гораздо чаще, чем прежде. Но Митрофан вскоре предал Господу свою душу. Тогда братия стали просить преподобного, чтобы он принял на себя сан священства и был бы у них игуменом. Сергий отказался от сего: он хотел подражать Господу и быть всем слугою; сам он построил несколько келлий, выкопал колодезь, носил воду и ставил ее у келлии каждого брата, рубил дрова, пек хлебы, шил одежду, готовил пищу и исполнял смиренно другие работы. Свободное от трудов время Сергий посвящал молитве и посту, питался одним только хлебом и водой и то в небольшом количестве, каждую ночь он проводил в молитве и бдении, лишь на краткое время забывался сном. К величайшему удивлению всех, столь суровая жизнь не только не ослабляла здоровья подвижника, но даже как будто укрепляла его тело и придавала ему силы для новых еще больших подвигов. Своим воздержанием, смирением и благочестивой жизнью преподобный Сергий подавал пример всей братии. С удивлением взирали отшельники на сего «Ангела во плоти» и всеми силами старались подражать ему; так же, как и он, пребывали они в посте, молитве и постоянных трудах: то шили одежды, то переписывали книги, то возделывали небольшие свои огороды и исполняли другие подобные работы. Совершенное равенство было в монастыре, но выше всех стоял преподобный: он был первым подвижником в сей обители или,

лучше сказать, первым и последним, ибо многие в его время и после подвизались здесь, но никто не может сравниться с ним: он сиял как луна среди звезд. Слава о его подвижнической жизни всё росла, укреплялась и распространялась: брат его Стефан привел к нему своего двенадцатилетнего сына Иоанна; отрок, услышав о святой жизни Сергия, возгорел желанием последовать ему; он принял пострижение и был наречен Феодором; в сей обители Феодор прожил около 22 лет и занимался иконописанием.

Прошло более десяти лет с тех пор, как пришли к Сергию первые сподвижники, и с каждым днем всё сильнее чувствовалась нужда в игумене и иерее. Приглашать к себе священников было не всегда возможно, да и нужен был руководитель, облеченный властью игуменскою. Не было другого лица, более достойного занять такое место, кроме основателя сей обители, но преподобный Сергий страшился игуменства: не начальником, а последним иноком желал он быть в монастыре, основанном его трудами. Наконец отшельники, собравшись вместе, пришли к преподобному и сказали:

– Отче, не можем мы жить без игумена, желаем, чтобы ты был нашим наставником и руководителем, мы хотим приходить к тебе с покаянием и, открывая пред тобою все наши помышления, всякий день получать от тебя разрешение наших грехов. Совершай у нас святую Литургию, дабы мы из честных рук твоих приобщались Божественных Таин.

Сильно и долго отказывался Сергий:

– Братия мои, – говорил он, – у меня и помысла никогда не было об игуменстве, одного желает душа моя – окончить дни свои простым иноком. Не принуждайте же вы меня. Лучше предоставим всё сие Богу; пусть Он Сам откроет нам Свою волю, и тогда увидим, что нам делать.

Но иноки продолжали неотступно просить преподобного, чтобы он исполнил их желание, и говорили:

– Если ты не хочешь заботиться о душах наших и быть нашим пастырем, то все мы принуждены будем оставить сие

место и нарушить обет, данный нами; тогда нам придется блуждать подобно овцам без пастыря.

Еще долго убеждали, просили и даже настаивали иноки. Наконец, тронутый и побежденный их мольбами, святой отправился с двумя старцами в Переяславль Залесский[6015] к Афанасию, епископу Волынскому, ибо последний, по случаю отъезда святого Алексия митрополита в Царьград, управлял тогда делами митрополии. Святитель ласково принял подвижника, о коем уже давно дошли до него слухи. Облобызав его, он долго беседовал с ним о спасении души. По окончании беседы преподобный Сергий смиренно поклонился Афанасию и стал просить у него игумена в свою обитель. На сию просьбу святитель ответствовал:

– Отныне будь отцом и игуменом для братии, тобою же собранной в новой обители Живоначальной Троицы!

Так он посвятил преподобного Сергия сначала в иеродиакона, затем рукоположил в иеромонаха; с величайшим благоговением, весь исполненный страха и умиления, совершал Сергий первую литургию, после коей и был поставлен во игумена. Афанасий долго беседовал с новопоставленным игуменом и сказал ему:

– Чадо, теперь ты воспринял великий сан священничества, знай же, что тебе подобает по заповеди великого Апостола: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» (Рим.15:1); помни слово его: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал.6:2).

После этого святитель Афанасий, облобызав и благословив преподобного, отпустил его с миром в обитель Пресвятой Троицы. С ликованием встретили своего первого игумена пустынножители, они вышли навстречу своему наставнику и отцу и с сыновней любовью поклонились ему. Радовался и игумен, видя своих духовных чад. Придя в церковь, он обратился к Господу с усердной молитвою и просил, чтобы Бог благословил его, послал ему всесильную помощь в новом, трудном служении. Помолившись, преподобный обратился к братии с словом поучения, побуждал иноков не ослабевать в подвигах, просил у них содействия себе и в первый раз

преподал им свое игуменское благословение. Просто и немногословно было его наставление, но своей ясностью и убедительностью оно навсегда укоренилось в сердцах людей. Впрочем, преподобный не столько действовал словом, сколько самой своею жизнью показывал всем добрый пример. Став игуменом, он не только не изменил своей прежней строгости, но еще с большею ревностью стал исполнять все правила монашеские; постоянно носил он в сердце своем слова Спасителя: «кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Мк.10:44). Ежедневно совершал он Божественную литургию, всегда сам приготовлял просфоры; молол для них собственноручно пшеницу и исполнял всякие другие работы. Особенно любимым трудом преподобного было печение просфор, до сего дела никого другого он не допускал, хотя многие из братии и желали бы взять на себя сей труд. Первым он приходил в церковь, где стоял прямо, никогда не позволял себе ни прислониться к стене, ни сесть; последним уходил из храма Божия; неусыпно и с любовью поучал он братию, убеждал ее следовать стопам великих подвижников Божиих, жития коих он часто рассказывал своим духовным чадам. Так ревностно пас он свое словесное стадо, наставляя его на путь спасения и молитвою прогоняя от него мысленных волков.

По прошествии некоторого времени, бесы, не терпя добродетельной жизни святого, снова стали восставать на него. Обратившись в змей, они вползли в его келью в таком большом количестве, что покрыли весь пол. Тогда блаженный обратился с молитвой к Господу и со слезами просил избавить его от диавольского наваждения, и тотчас бесы исчезли как дым. С сего времени Бог даровал своему угоднику такую власть над нечистыми духами, что они даже приблизиться к преподобному не осмеливались.

Долгое время братии в монастыре было 12 человек. Но вот приходит из Смоленска архимандрит по имени Симеон. Отказавшись от видного положения, с чувством глубокого смирения Симеон просил преподобного принять его как простого инока. Сильно был тронут такой просьбой Сергий и с любовью принял прибывшего. Архимандрит Симеон принес с

собою много имущества и передал его преподобному для того, чтобы святой мог построить более обширный храм. На пожертвование Симеона преподобный, с Божиею помощью, скоро построил новую церковь, расширил монастырь и вместе со своею братией славословил Бога день и ночь.

С того времени многие стали собираться к преподобному Сергию, чтобы под руководством сего славного подвижника спасать свои души; с любовью принимал святой игумен всех приходящих, но, зная на опыте трудность монашеской жизни, не скоро постригал их. Обыкновенно он приказывал облечь приходившего в длинную одежду из черного сукна и повелевал ему исполнять вместе с прочими иноками какое-либо послушание. Так поступал он для того, чтобы вновь прибывший мог узнать весь устав монастырский; лишь после долгого испытания преподобный Сергий постригал прибывшего в мантию и давал клобук.

Принимая иноков после столь тщательного испытания, святой и потом заботился о их жизни. Так преподобный строго запрещал инокам после повечерия выходить из своих келлий или вступать в беседу друг с другом; каждый из них должен был в сие время пребывать в своей келье, занимаясь рукоделием или молясь. Поздно вечером, особенно в темные и долгие ночи, неутомимый и ревностный игумен, после келейной молитвы, совершал обход келлий и через оконце смотрел, чем кто занят. Если он заставал инока или творящим молитву, или занимающимся рукоделием, или читающим душеспасительные книги, то с радостью воссылал о нем Богу молитвы, и просил, чтобы Господь подкрепил его. Если же он слышал недозволенную беседу или заставал кого-либо за суетным занятием, то, постучав в дверь или окно, отходил далее. На следующий же день он призывал к себе такого инока и вступал с ним в беседу. Послушный инок сознавался, просил прощения, и Сергий с отеческою любовию прощал его, на непокоряющегося же он налагал епитимию. Так преподобный Сергий заботился о вверенном ему стаде, так умел он соединять кротость со строгостью. Истинным пастырем был он для иноков своей обители.

Богатая примерами истинно христианской жизни обитель преподобного Сергия в первое время своего существования была бедна самыми необходимыми предметами; часто подвижники испытывали крайний недостаток в самом нужном. Удаленная от жилищ, отрезанная от всего света глухим, дремучим лесом, изобиловавшим всякими дикими зверями, обитель сия не могла рассчитывать на помощь людскую. Часто у братии не было вина для совершения Божественной Литургии, и они были принуждаемы с глубоким чувством сожаления лишать себя и сего духовного утешения; часто не хватало пшеницы для просфор или фимиама для каждения, воска для свеч, елея для лампад, – тогда иноки зажигали лучины и при таком освещении совершали службы в церкви. В бедно и скудно освещенном храме они сами горели и пламенели любовью к Богу яснее самых ярких свеч. Проста и несложна была внешняя жизнь иноков, также просто было и всё, что их окружало и чем они пользовались, но величественна была простота сия: сосуды, кои употреблялись для таинства Причащения, были сделаны из дерева, облачение было из простой крашенины, богослужебные книги писались на бересте. Иногда иноки сей обители, где тогда еще не было общежития, терпели в пище недостаток; даже сам игумен нередко испытывал нужду. Так однажды у преподобного не оставалось ни одного куска хлеба, да и во всем монастыре была скудость в пище; выходить же из обители для того, чтобы просить пропитания у мирян, преподобный строго запрещал инокам: он требовал, чтобы они возлагали надежду на Бога, питающего всякое дыхание, и у Него с верою просили бы всего благопотребного, а что он повелевал братии, то и сам выполнял без всякого опущения. Поэтому три дня терпел святой. Но на рассвете четвертого дня он, томимый голодом, взяв топор, пришел к одному старцу, живущему в сем монастыре, по имени Даниил, и сказал ему:

– Я слышал, старче, что ты хочешь пристроить сени к своей келье; желаю, чтобы руки мои не оставались праздными, поэтому и пришел к тебе, позволь мне построить сени.

На сие Даниил отвечал:

– Да, я уже давно желаю сделать сени, даже заготовил всё необходимое; жду только плотника из деревни; поручить же такое дело тебе я не решаюсь, ибо тебя нужно и вознаградить хорошо.

Но Сергий сказал, что ему нужно только несколько кусков старого, заплесневевшего хлеба. Тогда старец вынес решето с кусками хлеба, но преподобный сказал:

– Не сделав работы, я не беру платы.

Затем он с рвением принялся за работу; целый день занимался сим делом и, с Божией помощью, кончил его. Лишь вечером на заходе солнца он принял хлеб; помолившись, святой стал вкушать его, причем некоторые иноки заметили, что из уст преподобного вылетает пыль от хлеба, покрытого плесенью. Видя сие, пустынножители дивились его смирению и терпению.

Как-то в другой раз случилось оскудение в пище; два дня переносили сие лишение иноки; наконец, один из них, сильно страдая от голода, стал роптать на святого, говоря:

– Доколе ты будешь запрещать нам выходить из монастыря и просить того, что для нас необходимо? Еще одну ночь мы перетерпим, а утром уйдем отсюда, чтобы нам не умереть с голода.

Святой утешал братию, напоминал им подвиги святых отцов, указывал, как ради Христа они терпели голод, жажду, испытывали много лишений; привел он им слова Христовы: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф.6:26).

– Если же Он питает птиц, – говорил святой, – то неужели не может подать пищу нам? Вот теперь время терпения, мы же ропщем. Если мы перенесем кратковременное испытание с благодарностью, то сие самое искушение послужит нам на большую пользу; ведь и золото не бывает без огня чисто.

При сем он пророчески произнес:

– Теперь у нас на короткое время случилось оскудение, но утром будет изобилие.

И предсказание святого сбылось: на следующий день утром от одного неизвестного человека было прислано в монастырь

множество свежеиспеченных хлебов, рыбы и других недавно приготовленных яств. Доставившие всё сие говорили:

– Вот это христолюбец прислал авве[6016] Сергию и братии, живущей с ним.

Тогда иноки стали просить посланных вкусить с ними пищи, но те отказались, сказав, что им приказано немедленно вернуться обратно, – и поспешно удалились из обители. Пустынники, увидя обилие привезенных яств, поняли, что Господь посетил их Своею милостью, и, возблагодарив горячо Бога, устроили трапезу: при сем иноки сильно были поражены необычайной мягкостью и необыкновенным вкусом хлеба. Надолго было достаточно для братии этих яств. Преподобный игумен, воспользовавшись сим случаем для наставления иноков, сказал, поучая их:

– Братия, смотрите и удивляйтесь, какое воздаяние посылает Бог за терпение: «Восстань, Господи, Боже [мой], вознеси руку Твою, не забудь угнетенных» [не забудет убогих своих до конца] (Пс.9:33). Он никогда не оставит сего святого места и живущих на нем Своих рабов, служащих Ему день и ночь.

Часто и в других случаях сказывалась отеческая заботливость преподобного о своей братии и его величайшее смирение, как сие видно из следующего.

Прибыв в пустыню, преподобный Сергий поселился на безводном месте. Не без намерения остановился здесь святой: нося издалека воду, он тем самым хотел сделать свой труд еще большим, ибо стремился всё сильнее изнурить свою плоть. Когда же, по Божию благоизволению, умножилась братия и образовался монастырь, то в воде стал замечаться большой недостаток, ее приходилось носить издалека и с большими затруднениями. Поэтому некоторые стали роптать на святого, говоря:

– Зачем ты, не разбирая, поселился на сем месте? Зачем, когда здесь нет поблизости воды, ты устроил обитель?

Преподобный на сии упреки смиренно отвечал:

– Братия, я желал один безмолвствовать на сем месте, Богу же было угодно, чтобы здесь возникла обитель. Он может

даровать нам и воду, только не изнемогайте духом и молитесь с верою: ведь, если Он в пустыне извел воду из камня непокорному народу еврейскому, то тем более не оставит вас, усердно служащих Ему.

После этого он однажды взял с собой одного из братии, и тайно сошел с ним в чащу, находившуюся под монастырем, где никогда не было проточной воды. Найдя во рве немного дождевой воды, святой преклонил колена и стал так молиться:

– Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю и всё видимое и невидимое, создавший человека и не хотящий смерти грешника, молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои, услыши нас в час сей и яви славу Твою; как в пустыне через Моисея чудодействовала крепкая десница Твоя, источив из камня воду, так и здесь яви силу Твою, – Творец неба и земли, даруй нам воду на месте сем, и да разумеют все, что Ты внемлешь молящимся Тебе и воссылающим славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и во веки веков. Аминь.

Тогда внезапно забил обильный источник. Сильно поражена была братия; ропот недовольных сменился чувством благоговения пред святым игуменом; иноки даже стали называть сей источник «Сергиевым». Но смиренному подвижнику было тяжело прославление людское; поэтому он сказал:

– Не я, братия, дал вам сию воду, но сам Господь послал ее нам недостойным. Поэтому не называйте его моим именем.

Внимая сим словам своего наставника, братия перестала называть тот источник «Сергиевым».

С того времени иноки уже не испытывали более недостатка в воде, но брали воду из сего источника для всех монастырских потребностей; и часто почерпающие сию воду с верою получали от нее исцеление.

Уже немало лет прошло с тех пор, как преподобный Сергий положил основание обители. Святая жизнь сего великого подвижника не могла остаться незаметной, и вот многие люди стали селиться в тех местах, сплошь покрытых дремучим лесом; многие стали обращаться к преподобному, прося его

молитв и благословения; многие из поселян стали часто приходить в монастырь и доставлять необходимое для пропитания. Молва о святом всё более возрастала и увеличивалась. Много различных чудес совершил преподобный еще при жизни. Господь даровал Своему угоднику необыкновенную чудодейственную силу: так однажды преподобный воскресил мертвого. Сие произошло следующим образом: в окрестностях обители жил один муж питавший к Сергию великую веру; единственный сын его был одержим неизлечимою болезнью; твердо надеясь, что святой исцелит его сына, сей поселянин отправился к преподобному. Но в то время, как он пришел в келью святого и стал просить его помочь болящему, отрок, изнуренный сильною болезнью, умер. Потеряв всякую надежду, отец сего отрока стал горько плакать:

– Увы мне, – говорил он святому, – я пришел к тебе, человек Божий, с твердой уверенностью, что ты поможешь мне; лучше было бы, если бы сын мой умер дома, тогда не оскудел бы я верою, которую доселе имел к тебе.

Так скорбя и рыдая, он вышел, чтобы принести всё нужное для погребения своего сына.

Увидев рыдания сего человека, преподобный сжалился над ним и, сотворив молитву, воскресил отрока. Вскоре возвратился поселянин с гробом для своего сына.

Святой же сказал ему:

– Напрасно ты неосмотрительно предаешься печали: отрок не умер, но жив.

Так как сей человек видел, как умер его сын, то не хотел верить словам святого; но подойдя, он с удивлением заметил, что отрок действительно жив; тогда обрадованный отец стал благодарить преподобного за воскрешение своего сына.

– Ты обманываешься, – сказал Сергий, – и не знаешь сам, что говоришь. Когда ты нес отрока сюда, от сильной стужи он изнемог, – ты же подумал, что он умер; теперь в теплой келлии он согрелся – а тебе кажется, что он воскрес.

Но поселянин продолжал утверждать, что сын его воскрес по молитвам святого. Тогда Сергий запретил ему говорить о сем, прибавив:

– Если ты станешь рассказывать о том, то и вовсе лишишься своего сына.

В радости великой вернулся сей муж домой, прославляя Бога и Его угодника Сергия. О чуде сем узнал один из учеников преподобного, который и поведал о нем.

Много и других чудес совершал преподобный. Так один из окрестных жителей впал в тяжкую болезнь; некоторое время он не мог ни спать, ни принимать пищи. Братья его, слыша о чудесах преподобного Сергия, принесли болящего к подвижнику и просили его исцелить страждущего, святой помолился, окропил больного святою водою, после чего тот заснул, а проснувшись, он встал совершенно здоровым и бодрым, как будто никогда не хворал; прославляя и благодаря великого подвижника, сей поселянин возвратился к себе домой.

К преподобному стали приходить люди не только из окрестных селений, но даже из отдаленных местностей. Так однажды к Сергию привезли с берегов Волги знатного человека, одержимого нечистым духом. Сильно страдал он: то кусался, то бился, то убегал от всех; десять человек едва могли удержать его. Родные его, услышав о Сергие, решили привести сего бесноватого к преподобному. Больших трудов, немалого усилия потребовалось для того. Когда болящего привезли в окрестности монастыря, он с необычайной силой разорвал железные оковы и стал кричать так громко, что его голос был слышен даже в обители. Узнав о том, Сергий совершил молебное пение о болящем; в сие время страждущий стал несколько успокаиваться; его даже ввели в самый монастырь. По окончании молитвенного пения, преподобный подошел с крестом к бесноватому и стал осенять его; в сие самое мгновение тот человек бросился с великим воплем в воду, скопившуюся неподалеку после дождя. Когда же преподобный осенил его святым крестом, он почувствовал себя совершенно здоровым и рассудок возвратился к нему. На вопрос, почему он бросился в воду, исцелевший отвечал:

– Когда меня привели к преподобному, и он стал осенять меня честным крестом, я увидел великий пламень, исходящий

от креста, и, думая, что тот огонь сожжет меня, устремился в воду.

После этого несколько дней он пробыл в монастыре, прославляя милосердие Божие и благодаря святого угодника за свое исцеление.

Часто и других бесноватых приводили к святому, и все они получали избавление.

Милосердный Господь даровал такую силу Своему усердному и верному рабу, что бесы выходили из людей, одержимых ими, еще прежде, чем болящих подводили к святому. Много и других чудес происходило по молитвам подвижника. «Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются» (Мф.11:5), словом все, с верою приходящие к святому, какими бы ни страдали недугами, получали телесное здоровье и нравственное назидание, так что обретали сугубую пользу.

Слух о таких чудесах преподобного Сергия распространялся всё далее и далее, молва о его высокоподвижнической жизни росла всё шире и шире; число посещавших обитель возрастало всё более и более. Все прославляли преподобного Сергия, все благоговейно почитали его; многие приходили сюда из различных городов и мест, желая видеть святого подвижника; многие стремились получить от него наставление и насладиться его душеполезной беседой; многие иноки, оставив свои монастыри, приходили под кров основанной преподобным обители, желая подвизаться под его руководством и жить вместе с ним; простые и знатные жаждали получить от него благословение, князья и бояре приходили к сему блаженному отцу. Все его уважали и считали как бы за одного из древних святых отцов или за пророка.

Уважаемый и прославляемый всеми, преподобный Сергий оставался всё тем же смиренным иноком: людская слава не прельщала его; всё также продолжал он трудиться и служить всем примером. Всем, что только было у него, он делился с бедными; не любил он мягких и красивых одежд, но постоянно носил одеяние из грубой ткани, собственноручно им самим сшитое. Однажды в монастыре не было хорошего сукна,

оставался всего один кусок, и тот был так плох и гнил, что монахи отказывались брать его. Тогда Сергий взял его себе, сшил из него одежду и носил ее до тех пор, пока она не развалилась.

Вообще же святой всегда носил ветхую и простую одежду, так что многие не узнавали его и считали за простого инока. Один крестьянин из дальнего селения, слыша много о святом Сергие, пожелал видеть его. Поэтому он пришел в обитель преподобного и стал спрашивать, где находится святой. Случилось, что преподобный тогда в огороде копал землю. Братия сказали об этом прибывшему поселянину; тотчас же он пошел в огород и там увидел святого, копающего землю, в худой, разодранной одежде, испещренной заплатами. Он подумал, что указавшие ему на сего старца посмеялись над ним, ибо он ожидал видеть святого в большой славе и чести.

Поэтому, возвратившись в монастырь, он вторично стал спрашивать:

– Где святой Сергий? Покажите мне его, так как я пришел издалека посмотреть на него и поклониться ему.

Иноки же отвечали:

– Старец виденный тобою и есть преподобный отец наш.

После этого, когда святой вышел из огорода, крестьянин отвернулся от него и не хотел смотреть на блаженного; негодуя, он так размышлял:

– Сколько труда понапрасну понес я! Пришел взглянуть на великого угодника и надеялся увидеть его в большой почести и славе – и вот теперь вижу какого-то простого, бедного старца.

Провидя его мысли, святой горячо возблагодарил Господа в душе своей; ибо всегда насколько тщеславный превозносится о похвале и почести своей, настолько же смиренномудрый радуется о бесчестии и уничижении. Позвав того поселянина к себе, преподобный поставил перед ним трапезу и стал радушно угощать его; между прочим святой сказал ему:

– Не скорби, друг, ты вскоре увидишь того, кого хотел видеть.

Лишь только блаженный произнес сии слова, пришел вестник, уведомляя о прибытии в монастырь князя. Сергий

встал и вышел навстречу знатному гостю, приехавшему в монастырь в сопровождении множества слуг. Увидев игумена, князь еще издали поклонился преподобному до земли, испрашивая смиренно у него благословения. Святой же, благословив князя, с подобающею честью ввел его в обитель, где старец и князь сели рядом и стали беседовать, а прочие все предстояли. Поселянин, оттесненный далеко слугами князя, не мог, несмотря на все свои старания, издали узнать того старца, коим он ранее гнушался. Тогда он тихо спросил у одного из предстоящих:

– Господин, что это за старец сидит с князем?

Тот же отвечал ему:

– Разве ты пришлец здесь, что не знаешь сего старца? Это – преподобный Сергий.

Тогда поселянин стал порицать и укорять себя:

– Истинно я ослеп, – говорил он, – когда не поверил показывавшим мне святого отца.

Когда же князь вышел из обители, поселянин быстро подошел к преподобному и, стыдясь прямо глядеть на него, поклонился старцу в ноги, прося прощения за то, что согрешил по неразумию. Святой же ободрил его, говоря:

– Чадо, не скорби, ибо ты один верно думал о мне, говоря, что я простой человек, все же прочие ошибаются, полагая, что я велик!

Из сего ясно видно, сколь великим смирением отличался преподобный Сергий: земледельца, который пренебрег им, он возлюбил сильнее, чем князя, оказавшего ему почесть. Сими кроткими словами святой утешил простого поселянина; прожив некоторое время в миру, сей человек скоро опять пришел в обитель и принял здесь пострижение: так сильно тронуло его смирение великого подвижника.

Однажды поздно вечером блаженный, по своему обычаю совершал правило и усердно молился Богу о своих учениках, вдруг он услышал голос, звавший его:

– Сергий!

Преподобный сильно изумился такому необычайному в ночное время явлению; отворив окно, он хотел посмотреть, кто

зовет его. И вот, видит он большое сияние с неба, которое настолько разгоняло ночной мрак, что стало светлее дня. Голос послышался во второй раз:

– Сергий! Ты молишься о своих чадах, и моление твое услышано: посмотри – видишь число иноков, собирающихся под твое руководство во имя Пресвятой Троицы.

Оглянувшись, святой увидел многое множество прекрасных птиц, сидевших в монастыре и вокруг него и певших несказанно сладко. И опять был слышен голос:

– Так умножится число твоих учеников, подобно сим птицам; и после тебя оно не оскудеет и не умалится, и все пожелавшие следовать твоим стопам чудесно и многоразлично будут украшены за их добродетели.

Святой был изумлен таким дивным видением; желая, чтобы и другой кто-либо порадовался вместе с ним, он громким голосом позвал Симеона, жившего ближе прочих. Удивившись необычайному призыву игумена, Симеон поспешно пришел к нему, но видеть всего видения уже не сподобился, а узрел только некоторую часть сего небесного света. Преподобный подробно рассказал Симеону всё, что он видел и слышал, и оба они провели без сна всю ночь, радуясь и прославляя Бога.

Вскоре после этого к преподобному пришли послы от святейшего патриарха Константинопольского Филофея[6017] и передали святому вместе с благословением дары от патриарха: крест, параманд[6018] и схиму.

– Не к другому ли кому вы посланы, – сказал им смиренный игумен, – кто я грешный, чтобы мне получать дары от святейшего патриарха?

На сие посланцы отвечали:

– Нет, отче, мы не ошиблись, не к другому кому мы отправились, а к тебе, Сергию.

Они принесли от патриарха следующее послание:

«Милостию Божиею архиепископ Константина града, вселенский патриарх господин Филофей сыну и сослужебнику нашего смирения о Святом Духе Сергию благодать и мир и наше благословение! Мы слышали о твоей добродетельной жизни по заповедям Божиим, восхвалили Бога и прославили

имя Его. Но вам еще не достает одного и притом самого главного: нет у вас общежития. Ты знаешь, что и сам Богоотец пророк Давид, всё обнимавший своим разумом, изрек: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс.132:1). Поэтому и мы преподаем вам добрый совет – устроить общежитие, и да будет с вами милость Божия и наше благословение».

Получив сие патриаршее послание, преподобный отправился к блаженному митрополиту Алексию и, показав ему сию грамоту, спросил его:

– Владыко святый, как ты повелишь?

На вопрос старца митрополит отвечал:

– Сам Бог прославляет верно служащих Ему! Он сподобил и тебя такой милости, что слух о твоем имени и о твоей жизни достиг до отдаленных стран, и как советует великий вселенский патриарх, так и мы советуем и одобряем то же самое.

С того времени преподобный Сергий установил в своей обители общежитие и строго приказал соблюдать общежительные уставы: ничего не приобретать для себя, не называть ничего своим, но по заповедям святых отцов всё иметь общим.

Между тем преподобный тяготился людской славой. Установив общежитие, он желал поселиться в уединении и среди тишины и безмолвия трудиться пред Богом. Поэтому вышел он тайно из своей обители, – и направился в пустыню. Отойдя около шестидесяти верст, он нашел одно место, сильно понравившееся ему близ реки, называемой Киржач[6019]. Братия же, увидевши себя покинутой своим отцом, пребывала в большой скорби и смущении; оставшись как овцы без пастыря, иноки стали повсюду его отыскивать. По прошествии некоторого времени они узнали, где поселился их пастырь и, придя, со слезами умоляли святого, чтобы он возвратился в обитель. Но преподобный, любя безмолвие и уединение, предпочел остаться на новом месте. Поэтому многие из его учеников, оставив лавру, поселились вместе с ним в той пустыне, воздвигли монастырь и построили церковь во имя Пресвятой Богородицы. Но иноки великой лавры, не желая жить без своего

отца и в то же время будучи не в состоянии упросить его возвратиться к ним, отправились к преосвященному митрополиту Алексию, и просили его, чтобы он убедил преподобного возвратиться в обитель Пресвятой Троицы. Тогда блаженный Алексий послал к преподобному двух архимандритов с просьбой, чтобы он внял молению братии и, возвратившись, успокоил ее. Он увещевал Сергия сделать сие для того, чтобы иноки основанной им обители не разошлись, не имея пастыря, и святое место не запустело. Беспрекословно исполнил преподобный Сергий сие прошение блаженного святителя: он возвратился в лавру на место первого своего пребывания, чем братия была очень утешена и обрадована.

Святой Стефан, епископ Пермский[6020], питавший великую любовь к преподобному, однажды ехал из своей епархии в город Москву; дорога, по коей проезжал святитель, отстояла от Сергиева монастыря верстах в восьми; так как Стефан очень спешил в город, то проехал мимо обители, предполагая посетить ее на обратном пути. Но когда он был против монастыря, то встал со своей колесницы, прочитал: «Достойно есть» и, сотворивши обычную молитву, поклонился преподобному Сергию со словами:

– Мир тебе, духовный брат.

Случилось, что тогда блаженный Сергий вместе с братией сидел за трапезою. Уразумев духом поклонение епископа он тотчас же поднялся; немного постояв, он сотворил молитву и в свою очередь также поклонился епископу, отъехавшему от обители уже на далекое расстояние, и сказал:

– Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и благословение Господне да будет с тобою.

Братия была удивлена таким необычайным поступком святого; некоторые же поняли, что преподобный удостоился видения. По окончании трапезы иноки стали расспрашивать его о происшедшем, и он сказал им:

– В тот час против нашего монастыря остановился епископ Стефан на пути в Москву, поклонился Пресвятой Троице и благословил нас грешных.

Впоследствии некоторые из учеников преподобного узнали, что сие действительно было так, – и подивились прозорливости, дарованной от Бога их отцу Сергию[6021].

Многие благочестивые мужи просияли славою в обители преподобного; многие из них за великие добродетели были поставлены на игуменство в другие монастыри, а иные возведены на святительские кафедры. Все они преуспевали в добродетелях, наставляемые и руководимые своим великим учителем Сергием.

Среди учеников преподобного был один, по имени Исаакий; он желал посвятить себя подвигу безмолвия и поэтому часто просил у святого благословения на столь великий подвиг. Однажды премудрый пастырь в ответ на его прошение сказал:

– Если ты, чадо, желаешь безмолвствовать, то на следующий день я дам тебе на сие благословение.

На другой день по окончании Божественной литургии, преподобный Сергий осенил его честным крестом и сказал:

– Господь да исполнит твое желание.

В сие самое мгновение Исаакий видит, что необыкновенный пламень исходит от руки преподобного и окружает его, Исаакия; с сего времени он пребывал в молчании, лишь только однажды чудесное явление разрешило ему уста.

Преподобный Сергий еще при жизни, будучи во плоти, сподобился иметь общение с бесплотными. Сие произошло таким образом. Однажды святой игумен совершал Божественную литургию вместе с братом своим Стефаном и племянником Феодором. В церкви тогда среди прочих находился также Исаакий молчальник. Со страхом и благоговением, как и всегда, совершал святой великое таинство. Вдруг Исаакий видит в алтаре четвертого мужа, в чудно блистающих ризах и сияющего необычайным светом; при малом входе с Евангелием небесный сослужитель следовал за преподобным, лицо его сияло как снег, так что невозможно было взирать на него. Чудное явление поразило Исаакия, он отверз уста свои и спросил рядом стоящего с ним отца Макария:

– Что за дивное явление, отче? Кто сей необыкновенный муж?

Макарий же, не менее украшенный добродетелями, также был сподоблен сего видения; изумленный и пораженный сим, он отвечал:

– Не знаю, брате; я и сам ужасаюсь, взирая на такое дивное явление; не пришел ли разве какой священнослужитель с князем Владимиром?

Князь Владимир Андреевич[6022] в то время был в церкви вместе со своими боярами; старцы спросили у одного из них, не приходил ли с князем иерей; спрошенный ответил, что с князем не было священника. Тогда иноки поняли, что с преподобным Сергием сослужит Ангел Божий. По окончании литургии названные ученики святого приступили к нему и спросили его о сем. Сначала игумен не хотел открывать им тайны:

– Какое необычайное явление видели вы, чада? Служили литургию Стефан, Феодор и я грешный; более никого не было.

Ученики же продолжали просить его; тогда преподобный сказал им:

– Чада, если Сам Господь Бог открыл вам, то могу ли я утаить сие? Тот, кого вы видели, был Ангел Господень; не только ныне, но и всегда, когда мне недостойному приходится совершать литургию, он, Божиим изволением, служит вместе со мною. Вы же строго храните сие втайне, пока я жив.

Среди учеников преподобного был один по имени Андроник, происходивший из того же города Ростова, откуда был родом и сам преподобный. Еще в юных летах он пришел к блаженному отцу Сергию в монастырь и был принят им в число иноков. Здесь он подвизался много лет, украсил себя многими добродетелями и подъял много трудов; поэтому и святой сильно любил своего ревностного ученика и усердно молился о нем Господу. В то время митрополитом Московским был еще святой Алексий; тесная дружба и узы братской любви соединяли сего святителя с блаженным Сергием; они часто вели душеполезные беседы, нередко святой митрополит спрашивал совета у преподобного игумена. Однажды, посетив монастырь, Алексий сказал Сергию:

– Возлюбленный, хочу просить у тебя одного благодеяния и думаю, что ты по любви ко мне не откажешь в моей просьбе.

Старец же отвечал архиерею:

– Владыко святый, мы все в твоей власти, ничто тебе не возбранено в сей обители.

Тогда митрополит сказал:

– Я хочу, с Божией помощью, построить монастырь. Ибо, когда мы плыли из Константинополя, поднялась сильная буря, так что корабль должен был потонуть, и нам грозила гибель. Все начали молиться Богу; также и я стал просить Его, чтобы Он избавил нас от предстоящей смерти. При сем я дал обет построить храм во имя того святого, память коего празднуется в тот день, когда Господь дарует нам высадиться на берег. С того часа буря прекратилась, наступила тишина, и мы достигли берега 16 августа[6023]; теперь хочу исполнить свой обет – построить церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа, в честь Нерукотворенного Его образа; при ней хочу устроить и монастырь, и в нем ввести общежитие. Поэтому прошу тебя, дай мне возлюбленного ученика твоего Андроника.

Святой с готовностью исполнил просьбу митрополита. Пожертвовав на монастырские нужды, Алексий отправился в Москву и здесь на берегах Яузы основал монастырь[6024], где старейшинство поручил вышеназванному Андронику. Спустя некоторое время сам преподобный Сергий прибыл в новую обитель; благословив ученика своего, он сказал:

– Господи, призри с небеси на место сие и посети его Своею милостию.

Тот же святитель Алексий, благодаря Господа за исцеление по его смиренным молитвам татарской царицы Тайдулы, основал другой монастырь в Москве – в память Чуда Архистратига Михаила; и для сей Чудовской обители митрополит испросил у Сергия нескольких старцев.

Имя преподобного связано с основанием еще одного монастыря в Москве, именно Симоновского[6025]. Вышеупомянутый Феодор, племянник Сергия, долгое время пребывал в обители великого подвижника, процветая добродетелями, изнуряя плоть свою воздержанием. Никогда ничего он не скрывал от своего наставника игумена, но исповедовал ему всякий помысл. Когда он уже был

священноиноком, он пожелал основать где-либо монастырь; об этом он и рассказал преподобному Сергию. Спустя некоторое время святой Сергий, видя в сем изволение Божие, благословил Феодора и отпустил его, а также некоторых из братии. Нашедши одно место близ реки Москвы, Симоново, Феодор помыслил основать здесь обитель. Когда преподобный услышал о том, то пришел, благословил Феодора и похвалил его намерение. Феодор построил церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы, в честь Ее славного Рождества; устроив здесь монастырь, Феодор и в нем ввел общежитие. Слава о добродетельной жизни Феодора стала широко распространяться, число иноков его обители всё возрастало. Сам преподобный Сергий неоднократно посещал сию обитель и принимал, по преданию, участие в трудах братии. Спустя некоторое время преподобный Феодор был возведен в сан архиепископа Ростовского и своими добродетелями светло сиял там подобно яркому светильнику до самой своей кончины, бывшей 28 ноября 1394 года.

Не только в Москве, но и во многих других местах возникали обители, сии светочи истинной веры, основанные учениками преподобного Сергия или же устроенные самим великим подвижником. Так великий князь Димитрий Иоаннович, желая воздвигнуть монастырь в Коломне на месте, называемом Голутвино, усердно просил святого Сергия благословить то место и воздвигнуть церковь. Тронутый такою верою великого князя и движимый любовью к нему, преподобный отправился в Коломну пешим – он всегда имел такой обычай – благословил то место и воздвиг там церковь во имя святого Богоявления. По просьбе великого князя он дал для новой обители одного из своих учеников священноинока Григория, мужа благоговейного и благочестивого; вскоре и сия обитель, где также было установлено общежитие, Божией благодатью, процвела во славу Единого, в Троице славимого Бога[6026].

По просьбе другого князя, Владимира Андреевича, преподобный благословил место в Серпухове для монастыря в честь Зачатия Пресвятой Богородицы. В сей монастырь, называемый Высоцким, святой послал строителем одного из

своих самых любимых учеников Афанасия, сильного в Божественном Писании, отличавшегося необыкновенным послушанием и другими добродетелями и много трудившегося над переписыванием книг[6027]. Так преподобный Сергий, благословляя многие обители и посылая туда своих учеников, трудился на пользу церкви и во славу святого и великого имени Господа нашего Иисуса Христа. равноангельная жизнь преподобного, необычайное его смирение, труды на пользу церкви внушили святому митрополиту Алексию желание – иметь блаженного Сергия своим преемником и заместителем.

Сей достойный пастырь стада Христова, замечая, что уже приближается кончина его, призвал к себе преподобного Сергия и, взяв свой украшенный золотом и драгоценными каменьями архиерейский крест, подал его преподобному. Но великий подвижник, смиренно поклонившись, сказал:

– Прости мне, владыко святой, от юности не был я златоносцем, а в старости тем более желаю пребывать в нищете.

Святой же Алексий сказал ему:

– Возлюбленный, я знаю, что таковым было всегда твое житие; теперь же покажи послушание и приими подаваемое тебе от нас благословение.

При сем он сам возложил на святого крест, а потом начал говорить:

– Ведаешь ли, преподобный, зачем я тебя призвал, и что желаю предложить тебе. Вот, я держал Богом врученную мне Российскую митрополию, сколько Господу было то угодно; но теперь уже близок мой конец, не знаю только дня моей кончины. Я желаю при жизни моей найти мужа, который бы после меня мог пасти Христово стадо, и никого кроме тебя не нахожу. Мне хорошо известно, что и князь, и бояре, и духовенство, – словом все до последнего человека – любят тебя, все станут просить тебя, чтобы ты вступил на архипастырский престол, так как ты один вполне достоин сего. Итак, восприими теперь сан епископский, чтобы после моей кончины быть моим заместителем.

Услышав сии речи, преподобный, почитавший себя недостойным такого сана, сильно смутился духом.

– Прости меня, владыко, – ответил он святителю, – ты хочешь наложить на меня бремя выше моих сил. Сие невозможно: я – грешный и самый последний из всех людей, как же дерзну я воспринять столь высокий сан?

Долго убеждал преподобного блаженный святитель Алексий. Но возлюбивший смирение Сергий остался непреклонным.

– Владыко святой, – сказал он, – если ты не желаешь изгнать меня из этих пределов, то не говори более об этом и не позволяй никому другому досаждать мне такими речами: никто во мне не найдет на сие согласия.

Видя, что святой остается непреклонным, архипастырь перестал говорить ему о сем: он боялся, как бы преподобный не ушел в более отдаленные места и пустыни, и Москва не лишилась бы такового светильника. Утешив его духовной беседою, святитель с миром отпустил его в обитель.

По прошествии некоторого времени святой митрополит Алексий скончался; тогда все усиленно просили Сергия воспринять Российскую митрополию. Но преподобный пребывал непреклонным как адамант. Между тем на архипастырский престол вступил архимандрит Михаил; он дерзнул облечься в святительскую одежду и возложить на себя белый клобук прежде своего посвящения. Полагая, что Сергий воспрепятствует его дерзновенному намерению и сам пожелает занять митрополию, он начал строить козни против преподобного и его обители. Блаженный, узнав о сем, сказал своим ученикам:

– Возносящийся над сею обителью и над нашей худостью Михаил не получит желаемого и даже не увидит Царяграда, ибо он побежден гордостью.

Пророчество святого сбылось: когда Михаил плыл на корабле в Царьград для посвящения[6028], он заболел и скончался, а на престол был возведен Киприан[6029].

Более полутораста лет Русская земля испытывала тяжелое бедствие: более полутораста лет прошло с тех пор, как ею

завладели татары. Тягостно и унизительно было иго этих грозных завоевателей; частые набеги на целые области, разорение населения, избиение жителей, разрушение церквей Божиих, большая дань – всё сие невыносимым гнетом ложилось на Русскую землю; князья часто должны были ездить на поклон в Орду и там подвергались разным унижениям. Нередко и среди князей происходили разногласия и ссоры, что мешало им объединиться и свергнуть иго иноплеменников.

В сие время Божиим попущением за грехи людские один из ханов татарских, нечестивый Мамай, поднялся на Русь со всеми своими несметными полчищами. Гордый хан хотел даже уничтожить веру Православную; в своем высокомерии он говорил вельможам:

– Возьму Русскую землю, разорю христианские церкви и перебью всех князей русских.

Напрасно благочестивый князь Димитрий Иоаннович пытался дарами и покорностью укротить ярость татар; хан был неумолим; уже полчища врагов подобно грозовой туче придвигались к пределам земли русской. Великий князь также стал готовиться к походу, но прежде чем выступить в путь, он отправился в монастырь животворящей Троицы, чтобы поклониться Господу и испросить благословения на предстоящий поход у святого игумена сей обители; помолившись усердно пред иконой Пресвятой Троицы, Димитрий сказал преподобному Сергию:

– Ты знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня и всех православных: – безбожный хан Мамай двинул все свои полчища, и вот они идут на мою отчину, чтобы разорить святые церкви и истребить народ русский. Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от сей великой беды.

Услышав сие, преподобный начал ободрять князя и сказал ему:

– Подобает тебе заботиться о стаде, порученном Богом, и выступить против безбожных.

После этого святой старец пригласил князя выслушать Божественную литургию; по окончании ее, Сергий стал просить Димитрия Иоанновича, чтобы он вкусил пищи в его обители;

хотя великий князь и спешил отправиться к своему войску, однако, он повиновался святому игумену. Тогда старец сказал ему:

– Обед сей, великий князь, будет тебе на пользу. Господь Бог тебе помощник; еще не приспело время тебе самому носить венцы победы, но многим – без числа многим сподвижниками твоим готовы венцы страдальцев.

После трапезы преподобный, окропив святой водою великого князя и бывших с ним, сказал ему:

– Врага ожидает конечная гибель, а тебя милость, помощь и слава от Бога. Уповай же на Господа и на Пречистую Богородицу.

Затем, осенив князя честным крестом, преподобный пророчески изрек:

– Иди, господин, небоязненно: Господь поможет тебе против безбожных: победишь врагов своих.

Последние слова он сказал одному только князю; обрадовался тогда защитник Русской земли, и пророчество святого заставило его прослезиться от умиления. В то самое время в обители Сергиевой подвизались два инока Александр Пересвет и Андрей Ослябя: в миру они были воинами, опытными в ратных делах. Этих иноков-воинов и просил великий князь у преподобного Сергия; старец тотчас же исполнил просьбу Димитрия Иоанновича: он приказал возложить на этих иноков схиму с изображением Креста Христова:

– Вот, чада, оружие непобедимое: да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!

Тогда великий князь в умилении воскликнул:

– Если Господь мне поможет, и я одержу победу над безбожными, то поставлю монастырь во имя Пречистой Богоматери.

После этого преподобный еще раз благословил князя и окружавших его; по преданию, он дал ему икону Господа Вседержителя и проводил его до самых врат обители. Так святой игумен старался ободрить князя в сие тяжелое время,

когда нечестивые враги грозили смести с лица земли имя русское и уничтожить веру Православную.

Между тем Русские князья соединились, и собравшееся войско выступило в поход; 7 сентября ополчение достигло Дона, переправилось через него и расположилось на знаменитом поле Куликовом[6030], готовое встретить грозного врага. Утром 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, войско стало готовиться к бою. Перед самой битвой от преподобного Сергия приходит инок Нектарий с двумя другими братиями. Святой игумен хотел укрепить мужество князя: он передает ему благословение Пресвятой Троицы, присылает с иноками Богородичную просфору и грамоту, в коей утешает его надеждою на помощь Божию и предрекает, что Господь дарует ему победу. Весть о посланниках Сергиевых быстро разнеслась по полкам и вдохновила воинов мужеством; надеясь на молитвы преподобного Сергия, они небоязненно шли на битву, готовые умереть за православную веру и за свою родную землю.

Несметное полчище татарское надвигалось, как туча; уже из среды его выступил богатырь Челубей, громадного роста, отличавшийся необычайной силой. Надменно, подобно древнему Голиафу, он вызывал кого-либо из русских на единоборство. Страшен был грозный вид сего богатыря. Но против него выступил смиренный инок Пересвет. Простившись мысленно со своим отцом духовным, со своим собратом Ослябою, с великим князем, сей доблестный воин Христов с копьем в руках быстро устремился на своего противника; со страшною силою они сшиблись, и оба пали мертвыми. Тогда началась ужасная битва; такой сечи еще не бывало на Руси: бились на ножах, душили друг друга руками; тесня один другого, умирали под копытами лошадей; от пыли и множества стрел не было видно солнца, кровь лилась потоками на пространстве целых десяти верст. Много доблестных воинов русских пало в тот день, но вдвое более было побито татар – битва окончилась совершенным поражением неприятелей: безбожные и высокомерные враги бежали, оставив за собою поле битвы,

усеянное трупами павших; сам Мамай едва успел убежать с малою дружиною.

Во все время, пока происходила ужасная битва, преподобный Сергий, собрав братию, стоял с нею на молитве и усердно просил Господа, чтобы Он даровал победу православному воинству. Имея дар прозорливости, святой ясно видел как бы перед своими глазами всё то, что было удалено от него на большое расстояние; провидя всё сие, он поведал братии о победе русских, называл павших по именам, сам приносил о них моление. Так Господь всё открыл Своему угоднику.

С величайшей радостью возвратился в Москву великий князь, получивший за столь славную победу над татарами прозвище Донского, и немедленно отправился к преподобному Сергию. Прибыв в обитель, он от всего сердца воздал благодарение Господу, «Сильному во бранех», благодарил святого игумена и братию за молитвы, рассказал преподобному подробно о битве, повелел служить заупокойные литургии и панихиды за всех воинов, убиенных на Куликовом поле[6031] и сделал щедрый вклад в монастырь. Памятуя об обещании, данном перед битвой – построить монастырь, великий князь при помощи преподобного Сергия, выбравшего место и освятившего храм новой обители, построил монастырь в честь Успения Пресвятой Богоматери на реке Дубенке[6032], где также было учреждено общежитие.

Вскоре после этого, наваждением диавола, татары под предводительством нового хана Тохтамыша коварным образом напали на Русскую землю[6033]; Тохтамыш внезапно захватил Москву, разорил и несколько других городов. Преподобный Сергий удалился в Тверь; страшные враги уже были недалеко от обители, но могущественная десница Божия сохранила монастырь от дерзновенной руки грозных завоевателей: Тохтамыш быстро ушел, когда узнал, что приближается великий князь со своим воинством.

Страшные сами по себе татары были еще страшнее и опаснее для русской земли в то время, когда между князьями происходили различные споры и ссоры за великокняжеский

престол и за другие владения. Некоторые из князей вступали даже в союз с врагами русской земли – татарами и литовцами; такими усобицами часто пользовались наши враги, так что русской земле грозила неминуемая гибель; а между тем для спасения ее и отражения грозных неприятелей необходимо было всем тесно сплотиться и крепко оборонять свою родину от иноверных, забыв о всяких взаимных распрях. Для этого было нужно, чтобы власть верховная была в руках у одного великого князя, так чтобы другие князья подчинялись ему и выполняли его волю. Преподобный Сергий и стремился содействовать сему, как до Куликовской битвы, так и после нее, и тем принес великую пользу родной земле. Несколько раз он приходил то к одному, то к другому князю и при Божией помощи своим вдохновенным словом часто прекращал ссоры. Так в 1365 году он посетил Нижний Новгород и склонил князя Бориса Константиновича, захватившего сей город у брата своего Димитрия, повиноваться великому князю Димитрию Иоанновичу, требовавшему возвращения Нижнего Новгорода князю Димитрию.

Преподобный Сергий примирил с великим князем Московским и Рязанского князя – Олега. Последний не раз нарушал договоры, вступая в сношения с врагами земли русской. Димитрий Иоаннович, следуя заповеди Христовой, несколько раз предлагал Олегу мир, но тот отвергал все предложения великого князя. Тогда он обратился к преподобному Сергию с просьбой склонить Олега к примирению. В 1385 году смиренный игумен, по своему обыкновению пешком, отправился в Рязань и долго беседовал с Олегом. Рязанский князь умилился душою: он устыдился святого мужа и заключил с великим князем вечный мир.

Особенную же любовь и уважение питал к преподобному сам Димитрий Иоаннович: часто он обращался за советами к святому игумену, часто приезжал к нему за благословением. Он пригласил Сергия быть восприемником своих детей; даже духовная сего князя скреплена подписью преподобного; в сей духовной навсегда установлен был порядок владения

престолом великокняжеским: власть великокняжескую должен был наследовать старший сын.

Вышеупомянутый князь Владимир Андреевич питал к блаженному сыновнюю любовь и великую веру: часто приходил к нему, часто присылал ему в дар что-либо из житейских потребностей. Однажды он, по своему обычаю, отправил слугу с различными яствами в обитель преподобного. На дороге слуга, по наваждению диавола, соблазнился и съел немного из посланных яств. Придя в монастырь, он сказал святому, что сии яства присланы князем. Прозорливый же старец не желал принять их, говоря:

– Зачем, чадо, ты послушался врага, зачем прельстился ты, вкусив от яств, коих тебе без благословения не надлежало касаться?

Обличенный слуга пал в ноги святому старцу и со слезами стал просить у него прощения, раскаиваясь в своем согрешении. Только тогда преподобный принял посланное; он простил слугу, запретив ему делать еще что-либо подобное, и отпустил его с миром, а благоверному князю велел передать благодарность и благословение от обители Пресвятой Троицы.

Многие обращались к преподобному, прося у него помощи и заступления, и Сергий всегда помогал находящимся в бедах и защищал угнетенных и убогих. Около обители жил один скупой и жестокосердный человек; он обидел своего соседа – сироту: отнял у него свинью, не заплатив за нее денег, и велел ее заколоть. Обиженный стал жаловаться преподобному и просил у него помощи; тогда преподобный призвал к себе того человека и сказал ему:

– Чадо, веришь ли ты, что есть Бог? Он Судия праведным и грешным, Отец сирым и вдовицам; Он готов на отмщение, – но страшно впасть в Его руки. Как же мы не страшимся отнимать чужое, обижать ближнего и творить всякое зло? Ужели мы еще не довольны тем, что Он дает нам по Своей благодати, когда прельщаемся чужим добром? Как можем мы презирать Его долготерпение? Разве мы не видим, что творящие неправду становятся неимущими, домы их пустеют и память о них

исчезает навсегда; и в будущем веке их ждет мучение бесконечное.

И долго еще поучал святой сего человека и велел ему отдать сироте должную цену, прибавив:

– Никогда не притесняй сирот.

Тот человек раскаялся, обещал исправиться и отдать деньги своему соседу; но спустя некоторое время он изменил свое намерение и не отдал сироте денег. И вот, войдя в клеть, где было мясо зарезанной свиньи, вдруг видит он, что все оно изъедено червями, хотя был тогда мороз. Объятый страхом, он тотчас же заплатил сироте что следовало, а мясо выбросил собакам.

Однажды прибыл в Москву из Царяграда некий епископ; он много слышал о святом угоднике Божием, но не верил сему.

– Может ли, – думал он, – появиться в этих странах такой великий светильник?

Рассуждая так, он задумал отправиться в обитель и самому посмотреть на старца. Когда он приближался к монастырю, им овладел страх; а лишь только он вошел в обитель и взглянул на святого, тотчас же ослеп. Тогда преподобный взял его за руку и ввел в свою келью. Епископ со слезами начал умолять Сергия, поведал ему о своем неверии, просил о прозрении, каялся в своем согрешении. Смиренный игумен прикоснулся к его глазам, и епископ тотчас же прозрел. Тогда преподобный кротко и мягко стал беседовать с ним и говорил, что не следует возноситься; епископ же, прежде сомневавшийся, стал теперь всех уверять, что святой воистину человек Божий, и что Господь сподобил его узреть земного Ангела и небесного человека. С подобающей честью проводил епископа преподобный из своего монастыря, и он возвратился к себе, прославляя Бога и Его угодника Сергия.

Однажды ночью блаженный Сергий стоял пред иконою Пречистой Богородицы, совершая свое обычное правило, и, взирая на святой лик Ее, так молился:

– Пречистая Матерь Господа нашего Иисуса Христа, заступница и крепкая помощница человеческому роду, будь за нас недостойных Ходатаицей, молися всегда Твоему Сыну и

Богу нашему, да призрит на святое сие место. Тебя, Матерь сладчайшего Христа, призываем на помощь рабы Твои, Ибо ты для всех пристанище и надежда.

Так преподобный молился и воспевал благодарственный канон Пречистой. Окончив молитву, он присел на короткое время для отдохновения. Вдруг он изрек своему ученику Михею:

– Чадо, бодрствуй и трезвись! В сей час к нам будет неожиданное и чудесное посещение.

Лишь только он произнес сии слова, внезапно послышался голос, говорящий:

– Се, грядет Пречистая.

Услыхав сие, святой поспешно вышел из келлии в сени; здесь осиял его великий свет ярче солнечного сияния, и он сподобился узреть Пречистую, сопровождаемую двумя Апостолами Петром и Иоанном: необычайный блеск окружал Богоматерь. Не вынося столь чудного сияния, святой пал ниц. Пречистая же прикоснулась к святому Своими руками и сказала:

– Не ужасайся, избранник Мой! Я пришла посетить тебя, ибо услышаны твои молитвы об учениках. Не скорби больше об обители сей: отныне она будет иметь изобилие во всем не только при твоей жизни, но и по отшествии твоем к Богу. Я же никогда не оставлю места сего.

Изрекши сие, Пречистая Богоматерь стала невидима. Святой был поражен великим страхом и трепетом. Придя в себя через некоторое время, он увидел, что ученик его лежит как мертвый. Святой поднял его; тогда Михей стал кланяться в ноги старцу, говоря:

– Отче, Господа ради, расскажи мне, что это за чудное явление; едва душа моя не разлучилась с телом, столь дивно было сие видение.

Святой же был объят великой радостью; даже лицо его сияло от несказанного ликования; он не мог промолвить ничего другого, как только:

– Чадо, помедли немного, ибо и во мне от чудного видения трепещет душа!

И некоторое время преподобный стоял молча; после этого он сказал своему ученику:

– Позови ко мне Исаака и Симона!

Когда они пришли, то святой рассказал им всё по порядку, как он видел Пречистую Богородицу с Апостолами и что Она изрекла ему. Услышав сие, они исполнились великой радости, и все вместе совершили молебен Богородице; святой же провел без сна всю ту ночь, размышляя о милостивом посещении Пречистой Владычицы.

Однажды преподобный совершал Божественную литургию. Вышеупомянутый ученик его Симон, муж испытанной добродетели, тогда был екклисиархом. Вдруг он видит, что по святому престолу носится огонь, озаряя алтарь и окружая служащего Сергия, так что святой был объят пламенем с головы до ног. А когда преподобный приступил к принятию Христовых Таин, огонь поднялся и, свившись, как бы некая дивная пелена, погрузился в святую чашу, из коей и причастился сей достойный служитель Христов святой Сергий.

Видя сие, Симон пришел в ужас и стоял в безмолвии. Причастившись, Сергий отошел от святого престола и, поняв, что Симон сподобился видения, призвал его и спросил:

– Чадо, чего так устрашилась душа твоя?

– Отче, я узрел чудное видение: я видел благодать Духа Святого, действующую с тобою.

Тогда преподобный запретил ему рассказывать об этом кому-либо, сказав:

– Не говори об этом никому, пока Господь не призовет меня к Себе.

И оба они стали горячо благодарить Творца, явившего им такую милость.

Прожив много лет в большом воздержании среди неусыпных трудов, совершив много славных чудес, преподобный достиг глубокой старости. Ему исполнилось уже семьдесят восемь лет. За шесть месяцев до кончины, провидев свое отшествие к Богу, он призвал к себе братию и поручил руководить ею своему ученику Никону: сей хотя и был молод летами, но был умудрен опытностью духовной. Во всё время

своей жизни сей ученик подражал своему учителю и наставнику преподобному Сергию. Сего-то Никона святой и назначил игуменом, а сам предался совершенному безмолвию и стал готовиться к отшествию из сей временной жизни. В сентябре месяце он впал в тяжелый недуг и, почувствовав свою кончину, призвал к себе братию. Когда она собралась, преподобный в последний раз обратился к ней с поучением и наставлением; он увещевал иноков пребывать в вере и единомыслии, умолял их сохранять чистоту душевную и телесную, завещал питать ко всем нелицемерную любовь, советовал им удаляться от злых похотей и страстей, наблюдать умеренность в пище и питье, убеждал не забывать страннолюбия и быть смиренными, бежать от земной славы. Наконец он сказал им:

– Я отхожу к Богу, меня призывающему, и поручаю вас Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери; да будет Она вам прибежищем и стеною от стрел лукавого.

В самые последние минуты преподобный пожелал сподобиться святых Таин Христовых. Уже он не мог сам подняться со своего ложа: ученики благоговейно поддерживали под руки своего учителя, когда он в последний раз вкушал Тела и Крови Христовых; затем воздев свои руки, он с молитвой предал Господу чистую свою душу[6034]. Лишь только святой преставился, несказанное благоухание разлилось по его келлии. Лицо праведника сияло небесным блаженством, – казалось, он опочил глубоким сном.

Лишившись своего учителя и наставника, братия проливали горькие слезы и сильно скорбели они как овцы, потерявшие своего пастыря; с надгробными песнями и псалмопениями они погребли честное тело святого и положили его в обители, где он столь ревностно подвизался в течение своей жизни.

Прошло уже более тридцати лет после преставления преподобного Сергия. Господь восхотел еще более прославить своего угодника. В сие время близ монастыря жил один благочестивый человек; имея великую веру к святому, он часто приходил ко гробу Сергия и усердно молился угоднику Божию. Однажды ночью после горячей молитвы он впал в легкий сон; вдруг ему явился святой Сергий и сказал:

– Возвести игумену сей обители: зачем оставляют меня так долго под покровом земли во гробе, где вода окружает мое тело?

Пробудившись, тот муж исполнился страха и вместе с тем почувствовал в сердце своем необычайную радость; немедленно рассказал он об этом видении ученику преподобного Сергия – Никону, бывшему тогда игуменом. Никон поведал об этом братии – и велико было ликование всех иноков. Слух о таком видении распространился далеко, и поэтому много людей стеклось в обитель; прибыл и почитавший преподобного как отца князь Юрий Дмитриевич[6035], много заботившийся о святой обители. Лишь только собравшиеся открыли гроб преподобного, тотчас же великое благоухание распространилось кругом. Тогда увидели дивное чудо: не только честное тело преподобного Сергия сохранилось целым и невредимым, но тление не коснулось даже и одеяния его; по обе стороны гроба стояла вода, но она не касалась ни мощей преподобного, ни его одежды. Видя сие, все возрадовались и восхвалили Бога, прославившего столь дивно Своего угодника. С ликованием были положены святые мощи преподобного в новую раку. Сие обретение мощей преподобного Сергия последовало 5 июля 1428 года, в память чего и было установлено празднование.

Милосердый Господь дивно прославил великого угодника Своего: многочисленные и многоразличные чудеса подаются всем с верою призывающим его святое имя и припадающим к раке многоцелебных и чудотворных мощей его. Смиренный подвижник бегал славы мирской, но могущественная десница Божия высоко возвеличила его, и чем более он смирял себя, тем более Бог прославил его. Еще находясь на земле, преподобный Сергий сотворил много чудес и сподобился дивных видений; но проникнутый духом смирения и кротости он запрещал своим ученикам рассказывать о сем; по кончине же восприял такую силу от Господа, что различные чудеса, совершаемые по его молитвам, подобны многоводной реке, не умаляющей струй своих. Истинно и неложно слово Писания «Страшен Ты, Боже, во святилище Твоем» [дивен Бог во святых

Своих] (Пс.67:36). Дивны чудотворения, подаваемые всем через сего угодника; слепые получают прозрение, хромые – исцеление, немые – дар слова, бесноватые – освобождение от лукавых духов, болящие – здравие, находящиеся в бедах – помощь и заступление, теснимые врагами – защиту, скорбящие – облегчение и успокоение, словом – всем обращающимся к преподобному подается помощь. Светло светит солнце и согревает своими лучами землю, но еще светлее сияет сей чудотворец, просвещая своими чудесами и молитвами души человеческие. И солнце заходит, но слава сего чудотворца никогда не исчезнет, – она будет сиять вечно, ибо в Св. Писании говорится: «А праведники живут вовеки» (Прем. Сол.5:15).

Невозможно умолчать о чудесах сего угодника, но не легко и описать их; так велико число их, так различны они; упомянем лишь о самых важных чудотворениях, коими Бог благоволил прославить Своего великого подвижника[6036].

Оставив братию видимым образом, преподобный Сергий не оставлял с нею общения невидимого; сей великий чудотворец заботился о своей обители и после кончины, неоднократно являясь кому-либо из братии. Так однажды инок сего монастыря, по имени Игнатий, удостоился такого видения: святой Сергий стоял за всенощным бдением на своем месте и с прочими братиями участвовал в церковном пении. Удивленный Игнатий тотчас же поведал об этом братии, и все с великой радостью возблагодарили Господа, даровавшего им такого великого молитвенника и споспешника.

Осенью 1408 года, когда игуменом был вышеназванный ученик преподобного Никон, к пределам Московским стали приближаться татары под предводительством свирепого Эдигея. Преподобный Никон долго молил Господа, чтобы Он сохранил место сие и защитил его от нашествия грозных врагов; при сем он призывал имя великого основателя сей обители – преподобного Сергия. Раз ночью он после молитвы присел, чтобы отдохнуть – и забылся дремотой. Вдруг видит он святителей Петра и Алексия и с ними преподобного Сергия, который изрек:

– Господу было угодно, чтобы иноплеменники коснулись и сего места; ты же, чадо, не скорби и не смущайся: обитель не запустеет, а процветет еще более.

Затем, преподав благословение, святые стали невидимы. Придя в себя, преподобный Никон поспешил к дверям, но они были заперты; отворив их, он увидел святых, идущих от его келии к церкви. Тогда понял он, что сие было не сон, а истинное видение. Предсказание преподобного Сергия скоро исполнилось: татары разорили обитель и сожгли ее. Но предупрежденный таким чудесным образом Никон с братией временно удалились из монастыря, а когда татары отступили от московских пределов, Никон, с Божией помощью и по молитвам преподобного Сергия снова отстроил обитель и воздвиг каменный храм в честь Пресвятой Троицы, где и до сего дня почивают мощи преподобного Сергия[6037]. При сем многие достойные мужи видели, как святитель Алексий с преподобным Сергием приходили на освящение новых зданий обители.

В игуменство того же преподобного Никона один инок рубил лес на построение келлий; он сильно поранил себе топором лицо. От великой боли он не мог продолжать своей работы и возвратился к себе в келью; уже наступал вечер; игумена же тогда не случилось в монастыре. Вдруг сей инок слышит, что кто-то постучался в дверь келлии и назвал себя игуменом; изнемогая от боли и потери крови, он не мог встать, чтобы отворить дверь; тогда она сама отворилась, всю келью озарил вдруг дивный свет, и среди сего сияния инок увидел двух мужей, один из коих был в архиерейском одеянии. Страждущий стал мысленно просить у пришедших благословения. Светоносный старец показывал святителю основания келлии, последний же благословлял их. Тогда болящий, к величайшему своему изумлению, заметил, что кровь из раны его перестала течь, и почувствовал себя совершенно здоровым. Из сего он уразумел, что удостоился видеть святителя Алексия и преподобного Сергия. Так сии святые мужи, соединенные тесными узами братской любви при жизни, и по смерти часто вместе являлись многим.

Один из жителей Москвы, по имени Симеон, родившийся по предсказанию святого, заболел столь сильно, что не мог ни двинуться, ни уснуть, ни принять пищи, но лежал как мертвый на своем одре. Страдая таким образом, он однажды ночью стал призывать к себе на помощь святого Сергия:

– Помоги мне, преподобный Сергий, избавь меня от сей болезни; еще при жизни твоей ты был так милостив к моим родителям и предрек им мое рождение; не забудь меня, страждущего в столь тяжкой болезни.

Вдруг пред ним предстали два старца; один из них был Никон; болящий тотчас узнал его, потому что лично знал сего святого еще во время его жизни; тогда он понял, что второй из явившихся был сам преподобный Сергий. дивный старец ознаменовал болящего крестом, а после этого велел Никону взять икону, стоявшую у одра – она была некогда подарена Симеону самим Никоном. Затем больному показалось, что вся кожа его отстала от тела; после этого святые стали невидимы. В ту же минуту Симеон почувствовал, что он совершенно выздоровел: он поднялся на своем одре, и уже никто более его не поддерживал; тогда понял он, что не кожа сошла у него, а болезнь оставила его. Велика была его радость; встав, он начал горячо благодарить святого Сергия и преподобного Никона за свое неожиданное и столь дивное исцеление.

Однажды в обитель преподобного собралось по обыкновению множество народа, ибо наступал великий праздник в честь Пресвятой Троицы. Среди пришедших был один бедный слепец, с семилетнего возраста потерявший зрение; он стоял вне церкви, где в то время благоговейно шло торжественное богослужение; проводник же его отошел на некоторое время от него; слушая пение церковное, слепец скорбел, что не может войти и поклониться мощам преподобного, подающего, как он часто слышал, столь много исцелений. Оставленный проводником, он стал горько рыдать; вдруг явился ему скорый помощник всех находящихся в бедах – святой Сергий; взяв его за руку, преподобный ввел сего человека в церковь, подвел его к раке, – слепец поклонился ей, и тотчас исчезла его слепота. Множество людей были

свидетелями такого славного чуда; все возблагодарили Бога и прославили Его угодника; а человек, получивший исцеление, в благодарность навсегда остался в обители преподобного и помогал за свое исцеление братии в их работах.

В 1551 году царь Иоанн Васильевич Грозный[6038] для защиты от татар основал город Свияжск[6039]; в сем городе был построен монастырь в честь Пресвятой Троицы, где находился образ преподобного Сергия; много чудес подавалось от сей иконы не только верующим, но и среди неверующих язычников. Однажды в Свияжск явились с покорностью старейшины горных черемисов[6040]; они рассказывали следующее: «Лет за пять до основания сего города, когда место сие было пусто, мы часто слышали здесь русский церковный звон; мы посылали сюда быстрых молодых людей посмотреть, что такое здесь происходит; они слышали голоса прекрасно поющих, как бы в церкви, но никого не видали, один только инок ходил с крестом, благословлял на все стороны и как бы размерял место, где теперь город, и всё то место наполнялось благоуханием. Когда пускали в него стрелы, они не ранили его, а взлетали вверх и ломались, падая на землю. Мы сказали о том нашим князьям, а они царице и вельможам».

Но особенно много чудес было совершено преподобным Сергием в тягостное время осады Троицкого монастыря поляками. Своими явлениями святой хотел ободрить мужество защитников сей славной обители и укрепить всех православных людей. Враги под начальством Лисовского и Сапеги начали осаждать монастырь 23 сентября 1608 года; число их было громадно, оно простиралось до 30 тысяч, защитников же было немного более двух тысяч; поэтому все собравшиеся в обитель сильно упали духом; среди всеобщего плача и рыдания было совершено всенощное бдение под 25 сентября – когда совершается память святого Сергия. Но преподобный поспешил ободрить находившихся в печали и скорби: в ту же самую ночь одному иноку Пимену было видение. Сей инок молился Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице; вдруг в келье его стало светло как днем; думая, что враги подожгли обитель, Пимен вышел из своей кельи, и ему представилось дивное

явление: он видел над главою храма Живоначальной Троицы огненный столп, возносившийся до небес; в изумлении Пимен призвал других иноков и некоторых из мирян – и все удивлялись сему необычайному видению: спустя некоторое время столп начал опускаться и, свившись огненным облаком, вошел в храм Троицы через окно над входом.

Между тем осаждавшие осыпали монастырь ядрами; но всесильная десница Божия защищала обитель Пресвятой Троицы: ядра падали на пустые места или в пруды и мало причиняли вреда осажденным. Множество народа собралось под защиту монастырских стен, так что внутри обители была теснота необыкновенная; многие не имели крова, несмотря на позднее время года. Между тем враги стали вести подкоп под монастырь и изнуряли силы осажденных частыми набегами. Чтобы ободрить находившихся в обители, преподобный в один воскресный день явился пономарю Иринарху и предрек нападение врагов. Потом тот же старец видел, как святой Сергий ходил по ограде и кропил ее святой водою. В следующую после этого ночь враги действительно произвели сильное нападение на монастырь, но предупрежденные таким чудесным образом защитники отбили врагов и нанесли им немалое поражение.

Зная о подкопе, осажденные, однако, не знали его направления: каждую минуту грозила им лютая гибель, всякий ежечасно видел смерть пред своими очами; в сие горестное время все с усердием стекались в храм Живоначальной Троицы, все с сердечным умилением взывали к Богу о помощи, все каялись в грехах своих; не было человека, кто бы не обращался с верою к мощам великих заступников Сергия и Никона; все, сподобившись честных Тела и Крови Господних, готовились к смерти. В сии тяжкие дни преподобный Сергий явился архимандриту Иоасафу[6041]; однажды Иоасаф после усердной молитвы перед иконой Пресвятой Троицы впал в легкую дремоту; вдруг он видит, что святой с воздетыми руками слезно молится Пресвятой Троице; окончив свою молитву, он обратился к архимандриту и сказал ему:

– Восстань, брат, теперь подобает молиться, «бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф.26:41); всесильный и всемилостивый Господь помиловал вас, чтобы вы и в прочее время подвизались в молитве и покаянии.

Архимандрит поведал об этом явлении братии и много тем утешил людей, объятых страхом и обуреваемых печалью.

Вскоре после этого тот же архимандрит Иоасаф сподобился еще другого видения: однажды он совершал у себя в келье правило; вдруг к нему входит преподобный Сергий и говорит:

– Восстань и не скорби, но в радости вознеси молитвы, ибо о всех вас молится Богу Пречистая Богородица, Приснодева Мария с ликами Ангелов и со всеми святыми.

Преподобный Сергий являлся не только бывшим в святой обители, но также и казакам, осаждавшим лавру. Один казак из неприятельского стана пришел в монастырь и рассказал о явлениях преподобного: многие военачальники видели, как по монастырским стенам ходили два светозарных старца, наподобие чудотворцев Сергия и Никона; один из них кадил монастырь, а другой кропил его святой водою. Затем они обратились к казацким полкам, укоряя их за то, что они вместе с иноверцами хотят разорить дом Пресвятой Троицы. Некоторые из поляков стали стрелять в старцев, но стрелы и пули отскакивали в самих стрелявших и многих из них ранили. В ту же ночь преподобный явился во сне многим полякам и предрек им гибель[6042]. Некоторые из казаков, устрашенные сим явлением, оставили лагерь врагов и ушли домой, дав обещание никогда более не поднимать оружия на православных. По милости Божией осажденным удалось узнать направление подкопа. Они уничтожили его, причем несколько защитников пожертвовали своей жизнью, исполняя заповедь Христову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан.15:13). Между тем наступившая зима заставила врагов прекратить свои частые нападения, но осажденные стали сильно терпеть от ужасного врага внутреннего: от тесноты и дурной пищи в монастыре развилась ужасная болезнь – цинга[6043]. Небольшие силы защитников уменьшались с каждым днем; иеромонахи не успевали напутствовать умирающих;

могущих носить оружие осталось около 200 человек. С унынием ожидали осажденные возобновления военных действий. Но Бог дивным образом хранил обитель, основанную Его великим угодником. С незначительными силами защитники долго отражали приступы неприятелей; но чем более проходило времени, тем более осажденные падали духом; слабые и нерешительные даже советовали покориться врагам добровольно; они говорили, что уже нельзя послать кого-либо в Москву с просьбой о помощи – так враги стеснили монастырь. Среди сего роптания и уныния преподобный Сергий хотел поддержать мужество и ободрить слабых духом. Он снова явился пономарю Иринарху и сказал:

– Скажи братии и всем ратным людям: зачем скорбеть о том, что невозможно послать весть в Москву? Сегодня в третьем часу ночи я послал от себя в Москву в дом Пречистой Богородицы и ко всем Московским чудотворцам трех моих учеников: Михея, Варфоломея и Наума, чтобы они совершили там молебствие. Враги видели посланных; спросите, почему они не схватили их?

Иринарх поведал об этом явлении; все стали расспрашивать стражу и врагов, не видел ли кто посланных из монастыря? Тогда открылось, что неприятели действительно видели трех старцев; они стали их преследовать и надеялись быстро настигнуть их, так как кони под старцами были очень плохи. Но преследовавшие обманулись в своем ожидании: кони под старцами неслись как будто крылатые; враги не могли никак нагнать их.

В сие время в обители был один больной старец; услыхав о сем, он стал размышлять, на каких именно конях были посланные Сергием старцы и действительно ли всё сие было? Тогда внезапно явился ему преподобный; сказав, что он послал старцев на тех слепых лошадях, кои вследствие недостатка корма были выпущены за монастырскую ограду, он исцелил сего старца от болезни и вместе с тем от неверия.

В сей самый день в Москве увидели старца, за коим следовало двенадцать возов, наполненных печеным хлебом. Москва тогда также была осаждена врагами. Старец

направлялся к Богоявленскому монастырю, где тогда было лаврское подворье. Видевшие старца дивились и недоумевали, как можно было пройти незамеченным среди полков неприятельских.

– Кто вы и как прошли сквозь такое множество войска? – спрашивали жители Москвы старца.

Он же отвечал им:

– Все мы из дома Пресвятой и Живоначальной Троицы.

Когда его спросили, что происходит в обители преподобного Сергия, старец отвечал:

– Не предаст Господь имени Своего в поношение неверующим; только сами вы, братия, не смущайтесь и не предавайтесь отчаянию.

Между тем по Москве стал распространяться слух о прибывших из обители преподобного Сергия; сам царь Василий[6044] спрашивал, почему к нему не привели их; к Богоявленскому монастырю стало стекаться много народа, но там никто не видел прибывших. Когда же в сем монастыре оказалось вдруг большое изобилие хлеба, тогда поняли, что то было видение.

Бедствия осады переносила и Москва; враги прекратили к ней всякий доступ, так что хлеб сильно вздорожал. Царь Василий и патриарх Гермоген[6045] убедили келаря Троицкого монастыря Аврамия Палицына[6046] продать по низкой цене часть хлеба из запасов в Богоявленском монастыре. Аврамий исполнил сие приказание; но спустя некоторое время цена хлеба опять сделалась весьма высокой. Царь и патриарх снова просили отпустить хлеб из лаврского подворья. Аврамий же опасался, что хлебные запасы истощатся очень скоро, но, уповая на милость Божию и призывая имя великого угодника Его преподобного Сергия, он исполнил просьбу царя. В житнице Богоявленского монастыря служил в то время некто Спиридон; нагребая хлеб, он заметил, что из щели, бывшей в стене, сыплется рожь; он стал ее отгребать – она потекла еще сильнее. Видя такое чудо, он рассказал об этом другим служителям и самому келарю; достойно удивления, что во всё время осады хлебные запасы в монастыре не умалялись, так

что сим хлебом питались как все живущие здесь, так и многие приходящие. Наконец, разбитые несколько раз враги в страхе отступили от стен Троицкой обители 12 января 1610 года[6047].

Тяжелое время переживала тогда вся русская земля: враги рассеялись по ней; одни из городов были осаждены, другие же не знали, что им делать, за кем идти и кого слушать; много крови пролили враги, русская земля погибала. В сие тягостное время большую пользу отечеству принесла Троицкая Лавра. Архимандрит ее Дионисий[6048] и келарь Аврамий Палицын, собрав вокруг себя скорых и доброумных писцов, составляли увещательные грамоты и посылали их по городам. В этих грамотах архимандрит и келарь призывали всех русских людей соединиться вместе и крепко стать против врагов земли русской и веры православной. Одна из таких грамот пришла в Нижний Новгород. В сие время там жил один благочестивый человек Козьма Минин; он любил часто уединяться в особой храмине и здесь наедине возносить Богу свои усердные молитвы. Однажды в сей храмине ему явился в сонном видении преподобный Сергий; великий чудотворец повелел Козьме собирать казну для ратных людей и идти с ними для очищения государства Московского от врагов. Пробудившись, Козьма в страхе стал размышлять об этом видении, но полагая, что собирание войска – не его дело, он не знал, на что решиться. Спустя немного времени преподобный вторично явился ему – но и после этого Козьма пребывал в нерешительности. Тогда святой Сергий в третий раз явился ему и сказал:

– Не говорил ли я тебе, чтобы ты собирал ратных людей; милосердному Господу угодно было помиловать православных христиан, избавить их от волнения и даровать им мир и тишину. Поэтому я и сказал тебе, чтобы ты шел на освобождение земли Русской от врагов. Не бойся того, что старшие мало станут внимать тебе: младшие охотно пойдут за тобою – сие благое дело будет иметь добрый конец.

Последнее видение повергло Козьму в трепет, он даже захворал, и вот, полагая, что болезнь послана ему в наказание за сомнение, он стал горячо умолять преподобного Сергия о прощении и после этого ревностно принялся за дело. Он начал

убеждать своих сограждан, чтобы они собрали воинство и выступили бы против врагов; особенно молодые помогали ему. Вскоре Козьма был избран в земские старосты, причем граждане положили во всём слушать его, тогда сей благочестивый муж пожертвовал всё свое имущество на ратных людей, и примеру его последовали все нижегородцы. Так он собрал воинство, пошел с ним на безбожных врагов и много содействовал освобождению родной земли от поляков и Литвы. Еще несколько лет, по Божию попущению, терзали они Русскую землю, проливали кровь православных; но Всемогущий Господь, не хотящий смерти грешника, призрел Своим милосердным оком на Русское государство, спас и сохранил его по молитве славного Своего угодника преподобного Сергия.

Много и других чудес совершал сей угодник Божий, и до сего времени гроб его является неоскудеваемым источником чудотворений; все с верою приходящие получают различные и богатые милости: припадем и мы к раке многоцелебных мощей святого Сергия и в сердечном умилении воззовем: «Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас».

Тропарь, глас 4:

Иже добродетелей подвижник, яко истинный воин Христа Бога, на страсти вельми подвизался еси в жизни временней, в пениих, бдениих же и пощениих образ быв твоим учеником: темже и вселися в тя Пресвятый Дух, Егоже действием светло украшен еси. Но яко имея дерзновение ко Святей Троице, поминай стадо, еже собрал еси мудре: и не забуди, якоже обещался еси, посещая чад твоих, Сергие преподобне отче наш.

Кондак, глас 8:

Христовою любовию уязвився, преподобне, и тому невозвратным желанием последовав, всякое наслаждение плотское возненавидел еси, и яко солнце отечеству твоему возсиял еси, тем и Христос даром чудес обогати тя. Поминай нас чтущих пресветлую память твою, да зовем ти: радуйся Сергие Богомудре.

Житие преподобной Евфросинии Суздальской

Память 25 сентября

Преподобная Евфросиния была дочерью исповедника Христовой веры, князя Михаила Черниговского. Долгое время супруга сего князя была бездетною; с теплою верою князь Михаил и княгиня, обращались к Пресвятой Богородице и к преподобным отцам Антонию и Феодосию, и со слезами молились благословить их плодом чрева. В одну ночь явилась им Пресвятая Богородица и сказала:

– Дерзайте, молитесь; ваше прошение исполнится, и в знак сего вы получите благоухание.

Сие видение привело их в ужас. Пробудившись от сна, они нашли у изголовья своего узел с ароматами, вложили их вдруг в кадильницу, и весь дом наполнился чудным благоуханием. И вельможи и домочадцы князя дивились сему неизреченному благоуханию. Князь Михаил и супруга его еще усерднее стали молиться Богу. После этого им снова явилась Пречистая Богородица и дала им в руки голубку, причем дом наполнился благоуханием. И в третий раз явилась им Пресвятая Богородица с преподобными Антонием и Феодосием и сказала:

– Молитвы ваши услышаны: у вас родится дочь, которую вы назовете Феодулиею; она будет служительницею Влахернской церкви.

Наконец настало время рождения сей дочери[6049] и родители нарекли ее, по слову Богоматери, Феодулиею. Если кормилица ее питалась мясом, то святая, еще находясь в пеленках, но весь тот день не вкушала молока от сосцов кормилицы. Видя сие, мать размышляла, что будет с ее дочерью. И вот, однажды ей было такое видение: сама она на крыльях взлетает к небу и отдает Богу свою отроковицу. Пробудившись от сна, она возблагодарила Пресвятую Богородицу за все ее чудные знамения. Новорожденную отроковицу просветили святым крещением в Печерском монастыре, в храме Пречистой Богородицы. Когда она стала

подрастать, благоверный князь Михаил сам поучал ее Божественному Писанию. В остальном же наставником юной княжны был боярин Феодор, отличавшийся своей мудростью и сведениями в науках. Благочестивая отроковица превосходила всех своих сверстниц успехами в учении и красотою лица своего. Многие, слыша о ее премудрости и красоте, усиленно искали руки ее, но получали отказ. В то время жил в Суздале весьма благочестивый князь Мина. Он просил родителей святой отроковицы отдать Феодулию в замужество ему. Они согласились, но сама отроковица сильно была тем опечалена и усердно молила Пресвятую Богородицу сохранить ее в девстве. Пресвятая Владычица явилась ей, повелевая послушаться своих родителей, и сказала:

– Скверна не коснется тела твоего.

Святая дева повиновалась воле своих родителей и отправилась в Суздаль; в то время, как она еще была на пути туда, жених ее умер. Прибывши в тот город, она постриглась в тамошней обители в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне и при пострижении получила имя Евфросинии. Великое послушание оказывала она инокиням сего монастыря; сильно изнуряла она плоть свою, неустанно заботилась о душе своей и ярко сияла всеми добродетелями. За свою святую жизнь Евфросиния получила от Бога дар пророчества; часто она поучала всех Евангельским словом и исцеляла многих больных. Во время нашествия нечестивого Батыя святая сохранила обитель от разорения своими молитвами. Преставилась она в вечную жизнь 25 сентября, – в тот самый день, в который приняла пострижение[6050].

Память преподобномученика Пафнутия

Память 25 сентября

Святой преподобномученик Пафнутий жил при императоре Диоклетиане и был родом Египтянин. Правитель Египта Арриан, преследовавший христиан, прибыв в город Гентирию (Тентиру), приказал 200 воинам найти и привести к нему подвижника Пафнутия. Но предуведомленный Ангелом он явился сам и, после исповедания Христа, заключен в темницу. Затем снова был представлен правителю, причем оковы с рук и ног его спали сами собою. Тогда его подвергли столь тяжелым мучениям, что внутренности его выпали, но Ангел исцелил его. Два воина, Дионисий и Каллимах, мучившие святого, увидев сие, уверовали и тут же были обезглавлены. Пафнутий, заключенный в темницу, обратил 40 чиновников, брошенных туда правителем. Все они за исповедание Христа были преданы огню. После этого святой, чудесно освобожденный из-под стражи и принятый с радостью в доме одного богатого человека по имени Нестория, возбудил к подвигу мученичества его самого, жену и дочь его Стефану, которые обезглавлены были Аррианом; потом св. Пафнутий обратил 16 учеников отроков, детей знатных родителей; сии были пронзены дротиками, и один из них испустил дух на костре; 80 рыболовов, возбужденные к мученичеству, были лишены жизни секирою. Сам Пафнутий обратил еще 400 воинов с начальником их Евсевием, которые были сожжены в ямах. После этого святого бросили в реку с камнем, но он приплыл на сем камне к берегу; наконец, отправленный к самому Диоклетиану, святой Пафнутий был пригвожден им к пальмовому дереву и предал дух свой Богу.

Житие святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова

Память 26 сентября

Святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов был сын Зеведея и Саломии, дочери Иосифа Обручника[6051]. Он призван был на проповедь Евангелия от рыбарских сетей. Когда Господь наш, Иисус Христос, ходя при море Галилейском, избирал Себе из рыбарей апостолов и уже призвал двух братьев, Петра и Андрея, то увидал тогда и других братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, починивающих сети свои в лодке с отцом их Зеведеем, и призвал их[6052]. Тотчас, оставив лодку и отца своего, они пошли за Иисусом Христом.

При самом призвании своем, Иоанн назван был от Господа «Сыном громовым», потому что богословие его, как гром, должно было слышаться во всем мире и наполнить всю землю[6053]. И ходил Иоанн за благим Учителем своим, поучаясь исходящей от уст Его премудрости; и был он весьма любим Господом своим Христом за совершенное незлобие свое и девственную чистоту. Господь почтил его как изряднейшего и из числа двенадцати апостолов: он был одним из тех трех ближайших учеников Христовых, которым много раз Господь открывал Свои Божественные тайны. Так, когда Он восхотел воскресить дочь Иаирову, то не позволил идти за Собой никому, кроме Петра, Иакова и Иоанна. Когда на Фаворе восхотел показать славу Своего Божества, взял Петра, Иакова, а также и Иоанна. Когда молился в вертограде, и там был не без Иоанна, ибо сказал ученикам: «посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там; и взяв с собой Петра и обоих сыновей Зеведеевых» (Мф. 26:36–37), т.е. Иакова и Иоанна. Всюду Иоанн, как возлюбленный ученик, неотлучен был от Христа. А как любил его Христос, это видно из того, что Иоанн возлежал на персях Его. Ибо, когда на Тайной Вечери Господь предсказал о Своем предателе, и ученики начали переглядываться между собой в недоумении, о ком Он говорит, тогда Иоанн возлежал на персях любимого Учителя; как сам он повествует об этом в своем

Евангелии: «один из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса; Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит; он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! Кто это?» (Ин. 13:23–25). Так любим был Иоанн Господом, что один только он мог беспрепятственно возлежать на персях Господних и дерзновенно спросить Его об этой тайне. Но и Иоанн проявил к любившему его Учителю взаимную любовь свою, большую иных апостолов: ибо во время вольных страданий Христа все они, оставивши Пастыря своего, бежали, а он один неотлучно смотрел на все мучения Христовы, сердечно Ему сострадая, плача и рыдая с Пречистою Девою Марией, Матерью Господа, и даже не отошел с Ней от пострадавшего за нас Сына Божия до самого креста и смерти Спасителя. За это и был он усыновлен от Господа при кресте Пречистой Деве Марии: вися на кресте Господь, «увидев матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! Се, сын твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин. 19:26–27). И относился он к Ней, как к матери своей, со всяким уважением и служил Ей до честного и славного успения Ее. В день же Ее успения, когда честное и святое тело Божией Матери несли на погребение, святой Иоанн шел перед одром Ее с блистающим, как свет, царским скипетром, который принес Пречистой Деве Архангел Гавриил, возвещая Ей о принесении Ее от земли на небо.

После успения Пресвятой Богородицы святой Иоанн отправился вместе с учеником своим Прохором в Малую Азию, где выпал ему жребий проповедовать Слово Божие[6054]. Идя туда, святой Иоанн скорбел, так как предвидел напасти на море, о которых он и предсказал ученику своему Прохору. Случилось, что, когда они сели в Иоппии на корабль и начали плавание, в одиннадцатый час дня настала великая буря, а ночью корабль разбился, и все бывшие на нем плавали в волнах морских, держась, кто за что ухватился. В шестой же час дня море выбросило всех их с Прохором на берег в пяти поприщах от Селевкии[6055]: один только Иоанн остался в море. Много и долго плакал Прохор и пошел в Азию один. На четырнадцатый день

пути пришел он к одному селению, при море лежащему, и остановился здесь для отдыха. И вот в то время, как однажды он глядел на море и тосковал об Иоанне, вспенившаяся волна морская с великим шумом хлынула на берег и выбросила Иоанна живым. Прохор подошел посмотреть, кого выбросило море, и, встретив Иоанна, поднял его с земли, и, обнявшись, они плакали и за все благодарили Бога. Так святой Иоанн четырнадцать дней и ночей пробыл в море, и благодатью Божией остался живым. Вошедши в селение, попросили они воды и хлеба и, подкрепившись, отправились в Ефес[6056].

Когда же они вошли вместе в город, их встретила жена по имени Романа (Ромека), прославившаяся даже до Рима злобою дел своих, которая держала в том городе общие бани. И вот она, нанявши Иоанна и Прохора, приставила их работать в бане и мучила. Хитростью своей она привлекла их обоих в услужение себе: Иоанна приставила поддерживать огонь, а Прохора наливать воду, того и другого на всю их жизнь, и немало оставались они в великой беде. Был же в бане той демон, который ежегодно умерщвлял одного из моющихся в ней – юношу или отроковицу. Когда строилась эта баня и полагалось основание, то, по бесовскому наваждению, вкопали тут живыми юношу и отроковицу; с тех пор и стало совершаться такое убийство. Случилось же в то время войти в баню некоему отроку по имени Домн, сыну городского старшины Диоскорида. Когда Домн мылся в бане, напал на него бес и удавил его, и был о нем великий плач. Стало это известно по всему городу Ефесу; узнав об этом, и сам Диоскорид был так опечален, что от скорби умер и он. Романа же много молилась Артемиде о том, чтобы она воскресила Домна, и, молясь, терзала тело свое, но ничто не помогало. В то время как Иоанн спрашивал Прохора о случившемся, Романа, увидев их беседующими, схватила Иоанна и начала наносить ему побои, укоряя и возлагая вину смерти Домна на Иоанна. Наконец, она сказала «Если ты не воскресишь Домна, я убью тебя».

Помолившись, Иоанн воскресил отрока. Романа пришла в ужас. Она называла Иоанна Богом или Сыном Божиим, но Иоанн проповедовал силу Христову и учил веровать во Христа.

Затем воскресил он и Диоскорида, и уверовали во Христа Диоскорид и Домн, и все они крестились. И напал на всех людей страх, и дивились они случившемуся. Одни говорили про Иоанна и Прохора, что они волхвы, другие же справедливо возражали, что волхвы мертвых не воскрешают. Иоанн изгнал беса из бани, и пребывали они с Прохором в доме Диоскоридовом, утверждая новопросвещенных в вере и уча их добродетельной жизни.

В одно время случился в Ефесе праздник Артемиде, и весь народ в белых одеждах праздновал, торжествуя и ликуя при храме Артемидином; против же храма стоял идол той богини. И вот Иоанн, войдя на высокое место, стал близ идола и громогласно обличал слепоту язычников, что они не знают, кому поклоняются, и вместо Бога почитают беса. Народ же исполнился за это ярости и бросал в Иоанна камнями, но ни один из камней не попал в него: камни наоборот побивали самих же бросающих их. Иоанн, воздев руки к небу, начал молиться – и тотчас настала на земле жара и зной великий, и попадало из множества людей до 200 человек, и все они умерли, а прочие едва пришли в себя от страха и умоляли Иоанна о милости, ибо ужас и трепет напали на них. Когда же Иоанн помолился Богу, все умершие воскресли, и припали все к Иоанну и, уверовав во Христа, крестились. Там же, на некотором месте, называемом Тихи, Иоанн исцелил расслабленного, лежавшего 12 лет. Исцеленный прославил Бога.

После того как Иоанном совершены были и многие другие знамения, и слух о чудесах его распространился повсюду, бес, пребывающий в капище Артемидином, боясь, что и он будет низложен Иоанном, принял на себя образ воина, и сел на видном месте и горько плакал. Проходящие мимо спрашивали его, откуда он и отчего так сильно плачет.

Он же говорил: «Я из Кесарии Палестинской, начальник над темницами, велено мне было стеречь двух волхвов, из Иерусалима пришедших, Иоанна и Прохора, коих, по причине множества их злодеяний, осудили на смерть. Утром они должны были погибнуть лютой смертью, но волхвованием своим ночью

убежали из темничного заключения, а я из-за них впал в беду, так как князь хочет погубить меня вместо них. Я умолил князя, чтобы он пустил меня преследовать их, и вот я слышу, что те волхвы находятся здесь, но не имею никого, кто бы помог мне поймать их».

Говоря это, бес показал и грамоту, о том свидетельствующую, показал и большой сверток золота, обещая дать его тем, кто погубит этих волхвов.

Слышав это, некоторые воины сжалились над ним, возбудили народ против Иоанна и Прохора и, подойдя к дому Диоскоридову, сказали: «или выдай нам волхвов, или дом твой зажжем». Диоскорид скорее соглашался на то, чтобы дом его сгорел, чем выдать им апостола с учеником его Прохором. Но Иоанн провидя духом, что мятеж народный приведет к добру, отдал себя и Прохора сборищу народному. Ведомые народом, дошли они до храма Артемиды. Иоанн помолился Богу – и внезапно храм идольский пал, не повредив ни одного человека. И сказал апостол сидящему там бесу:

– Тебе говорю, нечестивый бес, скажи, сколько лет ты живешь здесь, и ты ли возбудил против нас народ этот?

Бес же отвечал:

– 109 лет я пребываю здесь, и я возбудил народ этот на вас.

Иоанн же сказал ему:

Во имя Иисуса Назарянина повелеваю тебе оставить место это. И тотчас бес вышел.

Ужас объял всех людей, и они уверовали во Христа. Были сотворены от Иоанна и еще большие знамения, и многое множество народа обратилось к Господу.

В то время Домициан, император римский, воздвиг на христиан большое гонение, и Иоанн был оклеветан перед ним. Епарх Асийский, схватив святого, отослал связанным в Рим к кесарю, где за исповедание Христово Иоанн прежде всего претерпел удары, а затем должен был выпить чашу, наполненную смертоносным ядом. Когда же по слову Христову: «если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк. 16:18), он не получил от нее вреда, тогда был ввергнут в котел с

кипящим маслом, но и оттуда вышел невредимым. И вопиял народ: «Велик Бог христианский!» Кесарь же, не дерзая более мучить Иоанна, счел его бессмертным и осудил на изгнание на остров Патмос, как и сказал Господь во сне Иоанну: «Много подобает тебе пострадать, и будешь изгнан на некоторый остров, который весьма в тебе нуждается».

Взявши Иоанна с Прохором, воины отвели их на корабль и отплыли. В один из дней их плавания сели вельможи царские обедать и, имея множество яств и питий, развеселились. Один из них, юноша, играя, упал с корабля в море и утонул. Тогда их веселье и радость обратились в плач и сетование, ибо не могли они помочь упавшему в глубину морскую. Особенно же сильно рыдал отец того отрока, находившийся здесь же на корабле: он хотел броситься в море, но был удержан другими. Зная силу Иоанна творить чудеса, все они начали усердно просить его о помощи. Он же спросил каждого из них, какого кто чтит бога; и один сказал: Аполлона, другой – Зевса, третий – Геркулеса, иные – Эскулапа, другие – Артемиду Ефесскую[6057].

И сказал им Иоанн:

– Столько богов имеете вы, и не могут они спасти одного утонувшего человека!

И оставил он их в печали до утра. Наутро же сжалился Иоанн над гибелью юноши и усердно помолился Богу со слезами. Тотчас сделалось на море волнение, и одна волна, поднявшись до корабля, выбросила юношу живым к ногам Иоанновым. Видя это, все удивились и возрадовались о спасенном от потопления юноше. Иоанна же они начали весьма почитать и сняли с него железные оковы.

Однажды ночью, в пять часов, случилась на море великая буря, и все начали кричать, отчаявшись в жизни своей, так как уже и корабль стал разрушаться. Тогда возопили все к Иоанну, прося, чтобы он помог им и умолил своего Бога о спасении их от погибели. Повелев им молчать, святой начал молиться, – и буря тотчас прекратилась и настала великая тишина.

Один воин был одержим желудочной болезнью и уже умирал; его апостол сделал здоровым.

Оскудела вода на корабле, и многие, изнемогши от жажды, были близки к смерти. Иоанн сказал Прохору:

– Наполни сосуды водою морской.

И когда сосуды были наполнены, он сказал:

– Во имя Иисуса Христа почерпайте и пейте!

Почерпнувши, нашли воду сладкой и, напившись, отдохнули. Видя такие чудеса, спутники Иоанна приняли крещение и хотели отпустить Иоанна на свободу. Но он сам уговорил их отвести его на указанное ему место. Прибывши на остров Патмос, они отдали игемону послание. Мирон же, тесть игемонов, взял Иоанна и Прохора в свой дом. У Мирона был старший сын, по имени Аполлонид, имевший в себе прорицающего беса, который предсказывал будущее; и все считали Аполлонида за пророка. В то время, как Иоанн входил в дом Миронов, Аполлонид тотчас пропал без вести; он убежал в другой город, боясь, чтобы прорицающий бес не был изгнан из него Иоанном. Когда в дому Мироновом поднялся вопль об Аполлониде, пришло от него уведомление, извещающее, что его изгнал из дому своим чародейством Иоанн, и что он не может возвратиться до тех пор, пока Иоанн не будет погублен.

Прочитав письмо, Мирон пошел к зятю своему игемону возвестить о случившемся; игемон же, схватив Иоанна, хотел отдать его на съедение зверям. Но Иоанн умолял игемона, чтобы он потерпел немного и позволил ему послать ученика своего к Аполлониду, обещаясь возвратить его в дом. Игемон не препятствовал послать ученика, но самого Иоанна, связав двумя веригами, посадил в темницу. И пошел Прохор к Аполлониду с Иоанновым посланием, в котором написано было так: «Я, Иоанн, апостол Иисуса Христа, Сына Божия, прорицающему духу, живущему в Аполлониде, повелеваю именем Отца, и Сына, и Св. Духа: выйди из создания Божиего и никогда не входи в него, но будь один вне этого острова в местах безводных, а не среди людей».

Когда Прохор пришел к Аполлониду с таким посланием, бес тотчас вышел из него. Аполлониду вернулся разум, и, как бы воспрянув от сна, пошел он с Прохором обратно в свой город. Но не тотчас вошел он в дом, а сперва устремился в темницу к

Иоанну и, припадая к ногам его, воздал ему благодарение за то, что он освободил его от нечистого духа. Узнавши о возвращении Аполлонида, родители, братья и сестры его, все собрались и радовались, а Иоанн был освобожден от уз. Аполлонид поведал о себе следующее: «Уже много лет прошло с тех пор, как я спал на одре своем глубоким сном. Некоторый человек, став по левую сторону одра, потряс меня и разбудил, – и я увидал, что он чернее обожженного и гнилого пня; глаза у него горели, как свечи, и вострепетал я от страха. Он же сказал мне: «открой уста свои»; я открыл, и вошел он в уста мои и наполнил мое чрево; с этого часа сделалось мне известным доброе и злое, а также и все, случающееся в доме. Когда же апостол Христов вошел в наш дом, тогда сказал мне сидящий во мне: «беги отсюда, Аполлонид, чтобы тебе не умереть в страданиях, ибо человек этот-чародей и хочет тебя умертвить». И я тотчас бежал в другой город. Когда же я хотел возвратиться, он не позволял мне, говоря: «если Иоанн не умрет, ты не можешь жить в своем доме». А когда Прохор пришел в тот город, в котором был я, и я увидал его, – нечистый дух тотчас вышел из меня тем же способом, которым он сперва вошел в мое чрево, и почувствовал я облегчение от великой тягости, ум мой пришел в здоровое состояние, и стало мне хорошо».

Услышавши это, все припали к ногам Иоанна. Он же, отверзши уста, поучал их вере в Господа нашего Иисуса Христа. И уверовал Мирон с женой и детьми своими, все они крестились, и была в доме Мироновом радость великая. А после и жена игемонова, Хризиппида, дочь Миронова, приняла со своим сыном и всеми рабами своими святое крещение; за ней крестился и муж ее, Лаврентий, игемон того острова, сложив при этом с себя власть свою, чтобы свободнее служить Богу. И оставался Иоанн с Прохором в дому Мироновом три года, проповедуя слово Божие. Здесь сотворил он силою Иисуса Христа много знамений и чудес: исцелил больных и бесов прогнал, храм Аполлонов со всеми его идолами разрушил одним словом своим, и многих, обратив к вере во Христа, крестил.

Был в стране той один волхв по имени Кинопс, живший в пустыне и много лет знавшийся с нечистыми духами. По причине производимых им привидений все жители острова считали его за бога. Жрецы же Аполлоновы, вознегодовавшие на Иоанна за разорение капища Аполлона и за то, что он всех людей сделал последователями Иисуса Христа, пришли к Кинопсу и жаловались ему на апостола Христова, умоляя отмстить за бесчестие их богов. Кинопс, однако, не захотел идти в город сам, так как много лет жил в том месте безвыходно. Но граждане еще чаще стали ходить к нему с той же просьбой. Тогда он обещал послать в дом Миронов духа лукавого, взять душу Иоаннову и предать ее вечному суду. Утром он послал к Иоанну одного из князей над злыми духами, повелевая принести к себе душу его. Придя в дом Миронов, бес стал на том месте, где был Иоанн. Иоанн же, увидев беса, сказал ему:

– Именем Христовым повелеваю тебе не сходить с этого места до тех пор, пока ты не скажешь мне, для какой цели ты пришел сюда ко мне.

Будучи связан словом Иоанновым, бес стал неподвижно и сказал Иоанну:

– Жрецы Аполлона пришли к Кинопсу и умоляли его, чтобы он шел в город и навел на тебя смерть, но он не захотел, говоря: «Много лет я живу на этом месте, не выходя; стану ли утруждать себя теперь из-за человека худого и ничтожного? Идите путем своим, утром же я пошлю своего духа, и возьмет он душу его и принесет ко мне, а я предам ее вечному суду».

И сказал Иоанн бесу:

– Посылал ли он тебя когда-либо взять душу человеческую и принести ему?

Бес отвечал:

– Вся сила сатанинская в нем, и он имеет соглашение с нашими князьями, а мы с ним – и Кинопс слушает нас, и мы его.

Тогда Иоанн сказал:

– Я, апостол Иисуса Христа, повелеваю тебе, злой дух, не входить в жилища человеческие и не возвращаться к Кинопсу, но уйти с этого острова и мучиться.

И тотчас бес удалился с острова. Кинопс же, видя, что дух не возвратился, послал другого; но и тот также пострадал. И еще двоих из князей темных послал он: одному велел войти к Иоанну, а другому стоять снаружи, чтобы принести ему ответ. Вошедший к Иоанну бес пострадал так же, как и приходивший ранее; другой же бес, стоявший снаружи, видев беду своего друга, убежал к Кинопсу и рассказал о случившемся. И исполнился Кинопс ярости и, взяв все множество бесовское, пришел в город. Весь город обрадовался, видя Кинопса, и все, приходя, кланялись ему. Найдя Иоанна учащим народ, Кинопс исполнился сильной ярости и сказал народу:

– Мужи слепые, заблуждавшиеся от истинного пути, послушайте меня! Если Иоанн праведен, и все сказанное им истинно, пусть он побеседует со мной и сотворит такие же чудеса, какие творю я, и вы увидите, кто из нас больше, Иоанн или я. Если он окажется сильнее меня, то буду веровать словам и делам его и я.

И сказал Кинопс одному юноше:

– Юноша! Жив ли отец твой?

Он же отвечал:

– Умер.

И сказал Кинопс:

– Какою смертью?

Тот же отвечал:

– Он был пловцом и, когда корабль разбился, утонул в море.

И сказал Кинопс Иоанну:

– Теперь покажи, Иоанн, силу твою, чтобы мы поверили словам твоим: представь сыну отца его живым.

Иоанн отвечал:

– Не послал меня Христос мертвых извлекать из моря, но людей обольщенных поучать.

И сказал Кинопс всему народу:

– Хотя теперь поверьте мне, что Иоанн – льстец и обманывает вас; возьмите его и держите, пока я не приведу отроку отца его живым.

Они взяли Иоанна, а Кинопс распростер руки и ударил ими по воде. Когда послышался на море плеск, все испугались, а Кинопс стал невидим. И все закричали:

– Велик ты, Кинопс!

И внезапно вышел Кинопс из моря, держа, как сказал, отца отрока. Все удивились. И сказал Кинопс:

– Это ли отец твой?

– Да, господин, – отвечал отрок.

Тогда народ припал к ногам Кинопса и хотел убить Иоанна. Но Кинопс запретил им, говоря:

– Когда увидите больше этого, тогда пусть будет мучен он.

Затем, призвав другого человека, он сказал:

– Имел ли ты сына?

И ответил тот:

– Да, господин, имел, но некто по зависти убил его.

И тотчас воззвал Кинопс голосом, призывая по именам убийцу и убиенного, – и оба они предстали. И сказал Кинопс Иоанну:

– Удивляешься ли ты, Иоанн?

Святой Иоанн ответил:

– Нет, я этому не удивляюсь.

Кинопс сказал:

– Больше увидишь, и тогда будешь дивиться, и не умрешь, пока я не устрашу тебя знамениями.

И ответил Иоанн Кинопсу:

– Знамения твои скоро разрушатся.

Услышав такие слова, народ бросился на Иоанна и бил его до тех пор, пока не счел его мертвым. И сказал Кинопс народу:

– Оставьте его без погребения, пусть птицы растерзают его.

И они отошли от того места, радуясь с Кинопсом. Вскоре, однако, услыхали, что Иоанн учит на месте, где побивали камнями преступников. Кинопс призвал беса, при помощи которого чародействовал, и, придя на то место, сказал Иоанну:

– Я замышляю сделать тебе еще большее посрамление и стыд, для чего и оставил тебя в живых; приди на морской песчаный берег – там ты увидишь славу мою и устыдишься.

Сопровождали же его три беса, которых народ считал за людей, воскрешенных Кинопсом из мертвых. Сильно всплеснув руками своими, погрузился Кинопс в море и стал для всех невидим.

– Велик ты, Кинопс, – возопил народ, – и нет иного, больше тебя!

Иоанн же повелел бесам, которые стояли в образе человеческом, не отходить от него. И помолился он Господу, чтобы не был Кинопс живым и стало так; ибо море внезапно возмутилось и закипело волнами, и Кинопс уже не вышел из моря, но остался в глубине морской, как древний окаянный фараон. А бесам тем, которых народ считал за людей, воскресших из мертвых, Иоанн сказал:

– Во имя Иисуса Христа распятого и в третий день воскресшего, уйдите с этого острова. И они тотчас исчезли.

Народ же сидел на песке, дожидаясь Кинопса три дня и три ночи; от голода, жажды и жара солнечного многие из них изнемогли и лежали безгласными, а трое из их детей умерло. Смилостившись над народом, Иоанн помолился о спасении его, и много побеседовав с ним о вере, воскресил их детей, исцелил больных, – и все они единодушно обратились к Господу, крестились и разошлись по домам своим, славя Христа. А Иоанн вернулся в дом Миронов и, часто приходя к народу, поучал его вере в Иисуса Христа. Однажды он нашел лежащим при дороге больного человека, сильно страдавшего горячкой, и исцелил его крестным знамением. Один иудей, по имени Филон, который препирался с апостолом от Писания, увидев это, попросил Иоанна в свой дом. Была же у него жена в проказе; та припала к апостолу и тотчас исцелилась от проказы и уверовала во Христа. Тогда уверовал и сам Филон, и воспринял со всем домом своим святое крещение. Вышел затем святой Иоанн на торжище, и собрался к нему народ послушать от уст его спасительного учения. Пришли и жрецы идольские, из которых один, искушая святого, сказал:

– Учитель! Имею я сына, хромого на обе ноги, умоляю тебя исцели его; если ты исцелишь его, то и я уверую в того Бога, Которого ты проповедуешь.

Святой же сказал ему:

– Зачем ты так искушаешь Бога, Который явно покажет лукавство твоего сердца?

Сказав это, Иоанн послал к сыну его с такими словами:

– Во имя Христа Бога моего, встань и приди ко мне.

И тот, тотчас встав, пришел к святому здоровым; а отец в тот же час за это искушение охромел на обе ноги и от сильной боли с криком упал на землю, умоляя святого:

– Помилуй меня, святитель Божий, и исцели меня именем Христа, Бога твоего, ибо я верую, что нет иного Бога, кроме Его.

Тронутый мольбами, святой исцелил жреца и, научив вере, крестил его во имя Иисуса Христа.

Утром пришел Иоанн на место, где лежал человек, страдавший водянкой и не встававший с постели 17 лет. Апостол исцелил его словом и просветил святым крещением. В тот же день прислал за Иоанном человек, ставший игемоном после зятя Миронова, Лаврентия, усердно умоляя святого прийти в его дом; ибо жене игемоновой, бывшей непраздной, настал час родить, и она весьма страдала, будучи не в силах разрешиться от бремени. Апостол скоро пришел и едва только ступил на порог дома, как жена тотчас родила, и болезнь облегчилась. Увидев это, игемон уверовал во Христа со всем домом своим.

Прожив там три года, Иоанн отошел в другой город, жители которого помрачены были тьмою идолопоклонства. Когда он вошел туда, то увидал народ, празднующий бесам, и несколько связанных юношей. И спросил Иоанн одного из стоящих там:

– Для чего связаны юноши сии?

Человек тот ответил:

– Мы почитаем великого бога – волка, которому совершаем ныне праздник; ему-то эти юноши и будут заколоты в жертву.

Иоанн попросил показать ему их бога, на что человек тот сказал:

– Если хочешь видеть его, подожди до четвертого часа дня; тогда ты увидишь жрецов идущих с народом на то место, где является бог; пойди с ними, и ты увидишь нашего бога.

Иоанн же сказал:

– Вижу, что ты человек добрый, я же пришел; умоляю тебя, сведи меня сейчас же на то место сам: ибо весьма я желаю видеть вашего бога; и если ты покажешь мне его, я дам тебе драгоценный бисер.

Тот повел Иоанна и, показав ему болото, наполненное водой, сказал:

– Отсюда бог наш выходит и является народу.

И ждал Иоанн выхода того бога; и вот около четвертого часа дня явился бес, выйдя из воды в виде огромного волка. Остановив его именем Христовым, святой Иоанн спросил:

– Сколько лет ты живешь здесь?

– 70 лет, – отвечал диавол.

Апостол же Христов сказал:

– Именем Отца и Сына и Св. Духа повелеваю тебе: уйди с этого острова и никогда не приходи сюда.

И диавол тотчас исчез. А человек тот, видя случившееся, ужаснулся и припал к ногам апостола. Иоанн научил его вере святой и сказал ему:

– Вот, ты имеешь от меня тот бисер, который я обещал дать тебе.

Тем временем дошли до того места со связанными отроками жрецы, имея в руках своих ножи, а с ними и много народу. Долго ждали они выхода волка, чтобы заколоть на съедение ему отроков.

Наконец, подошел к ним Иоанн и стал просить, чтобы освободили они неповинных отроков:

– Нет уже, – сказал он, – бога вашего – волка; это был бес, и сила Христова победила его и прогнала.

Услышав, что волк погиб, они испугались, и, не найдя его, несмотря на долгие поиски, освободили отроков и отпустили здоровыми. Святой Иоанн начал проповедовать им о Христе и обличать их прельщение, и многие из них, уверовавши, крестились.

Была в том городе баня. Однажды мылся в ней сын жреца Зевсова, и умерщвлен был диаволом, обитавшим в бане. Услыхав об этом, отец его с великим плачем пришел к Иоанну, прося воскресить сына и обещая уверовать во Христа. Святой

пошел с ним и именем Христовым воскресил умершего. И спросил он юношу, какая была причина его смерти:

Тот отвечал:

– Когда я мылся в бане, кто-то черный вышел из воды, хватил меня и удавил.

Уразумев, что в той бане живет бес, святой заклял его и спросил:

– Кто ты и зачем ты живешь здесь?

Бес ответил:

– Я тот, которого ты выгнал из бани в Ефесе, и живу здесь уже шестой год, вредя людям.

Святой Иоанн изгнал его и из этого места. Увидев это, жрец уверовал во Христа и крестился с сыном и со всем домом своим.

После этого вышел Иоанн на торговую площадь, где собрался к нему почти весь город, чтобы слышать слово Божие. И вот одна женщина пала к ногам его, с плачем умоляя, чтобы он исцелил бесноватого сына ее, для исцеления которого она отдала врачам почти все имущество. Апостол велел привести его к себе и, как только посланные сказали бесноватому: «тебя зовет Иоанн», бес тотчас вышел из него. Придя к апостолу, исцеленный исповедал веру во Христа и крестился вместе с матерью своей.

В том же городе был особенно чтимый храм идола Бахуса, называемого у идолопоклонников «отцом свободы». Собираясь здесь в праздник его с пищей и питием, мужчины и женщины веселились и, упившись, творили в честь мерзкого бога своего великое беззаконие. Придя сюда во время праздника, Иоанн обличал их за скверное их празднование; жрецы же, которых было здесь множество, схвативши его, били и бросили связанным, а сами опять возвратились к своему мерзкому делу. Святой Иоанн помолился Богу, да не потерпит Он такого беззакония; и тотчас идольское капище разрушилось до основания и побило всех жрецов; прочие же люди, испугавшись, освободили апостола от уз и умоляли его, чтобы и их не погубил он.

В том же городе был знаменитый волхв по имени Нукиан; узнав о падении капища и гибели жрецов, он весьма вознегодовал и, придя к святому Иоанну, сказал:

– Нехорошо ты сделал, что разрушил храм Бахуса и погубил его жрецов; умоляю тебя снова воскресить их, как воскресил ты сына жреца в бане, и тогда я стану веровать в Бога твоего.

Святой Иоанн отвечал:

– Причиной их гибели было их беззаконие; поэтому недостойны они жить здесь, но пусть мучатся в геенне.

– Если ты не можешь воскресить их, – сказал Нукиан, – то я именем богов моих воскрешу жрецов и восстановлю капище, ты же смерти не избежишь.

Сказавши это, они разошлись. Иоанн пошел учить народ, а Нукиан отправился на место павшего капища и, обойдя его с волхвованием, сделал то, что явилось 12 бесов в образе побитых жрецов, которым он повелел идти за ним и убить Иоанна.

Бесы же сказали:

– Невозможно нам не только убить его, но даже явиться на том месте, где он; если ты хочешь, чтобы Иоанн умер, иди и приведи сюда народ, чтобы, увидев нас, он взъярился на Иоанна и погубил его.

Нукиан, отойдя, встретил множество народа, слушающего учение святого Иоанна, и закричал им Нукиан сильным голосом:

– О несмысленные! Зачем вы позволяете прельщать себя этому страннику, который, погубив ваше капище со жрецами, погубит и вас, если вы будете слушать его? Идите за мною и вы увидите жрецов ваших, которых я воскресил; еще же и разрушенное капище я восставлю на глазах ваших, чего Иоанн сделать не может.

И все как безумные пошли за ним, оставив Иоанна. Но апостол, идя с Прохором другой дорогой, раньше их пришел на то место, где были бесы в образе воскресших жрецов. Увидев Иоанна, бесы тотчас исчезли. И вот пришел с народом Нукиан; не найдя бесов, он впал в великую скорбь и снова начал ходить кругом разрушенного капища, волхвуя и призывая их, но успеха

не было. Когда же настал вечер, народ в негодовании хотел убить Нукиана за то, что он обманул их. Некоторые сказали:

– Схватим его и поведем к Иоанну и, что тот повелит нам, то и сделаем.

Услыхав это, святой Иоанн тем же путем предупредил их и встал на прежнем месте. Народ, приведя к святому Нукиана, сказал:

– Этот обманщик и враг твой задумал погубить тебя; но мы сделаем с ним то, что укажешь ты.

Святой же сказал:

– Пустите его! Пусть он покается.

Наутро Иоанн опять учил народ вере во Христа, и многие из них, уверовавши, просили Иоанна крестить их. Когда же Иоанн привел их к реке, Нукиан чародейством своим воду превратил в кровь. Апостол молитвой ослепил Нукиана и, сделав воду снова чистой, крестил в ней всех уверовавших. Побежденный этим, Нукиан пришел в чувство и, искренно каясь, просил апостола быть к нему милостивым. Святой, увидев его покаяние и довольно поучив, крестил его – и тот тотчас прозрел и ввел Иоанна в свой дом. Когда Иоанн вошел в него, внезапно пали все идолы, которые были в доме Нукиана, и разбились в прах. Видев это чудо, устрашились домашние его, и, уверовавши, крестились.

Была в том городе одна богатая и красивая вдова, по имени Проклиания. Имея сына Сосипатра, красивого лицом, она, по бесовскому наваждению, воспламенилась к нему любовью и всячески старалась привлечь его к своему беззаконию. Но сын возненавидел мать за такую безумную страсть. Убежав от нее, он пришел на место, где тогда учил святой Иоанн, и с наслаждением слушал поучения апостольские. Иоанн, которому было открыто Духом Святым все случившееся с Сосипатром, встретив его наедине, поучал почитать мать, но не слушаться ее в беззаконном деле, и никому о том не говорить, сокрыв грех своей матери. Сосипатр не хотел возвращаться в дом к матери своей; но Проклиания, встретив его, схватила за одежду и с криком влекла в дом. На этот крик явился игемон, недавно прибывший в тот город, и

спросил, по какой причине женщина так тащит юношу. Мать же, скрывши свое беззаконное намерение, наклеветала на сына, будто бы он хотел сделать над нею насилие, и рвала волосы свои с плачем и криком. Услышав это, игемон поверил лжи и присудил неповинного Сосипатра зашить со смертоносными гадами в кожаный мех и бросить в море. Узнав об этом, Иоанн явился к игемону, обличая его за несправедливый суд, за то, что не расследовав, как должно, обвинение, он осудил на смерть неповинного юношу. А Проклиания клеветала и на Иоанна, что этот обманщик научил ее сына на такое зло. Услышав это, игемон повелел утопить и святого апостола, зашив в один мех с Сосипатром и с различными гадами. И помолился святой – и вдруг земля потряслась, а у игемона отсохла та рука, которой он подписал приговор относительно святого; у Проклиании же отсохли обе руки и глаза перекосились. Видев это, судья ужаснулся, и все бывшие там пали ниц от страха. И умолял судья Иоанна, чтобы он помиловал его и исцелил иссохшую руку; святой же, поучив его довольно суду справедливому и вере во Христа, исцелил его и крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа. Так и неповинный Сосипатр избавлен был от напасти и смерти, и судия познал Бога истинного. А Проклиания убежала от отрока в свой дом, неся на себе Божие наказание. Апостол, взяв Сосипатра, пошел в ее дом. И не хотел Сосипатр идти к матери, но Иоанн учил его незлобию, уверяя, что теперь он не услышит уже от матери своей ничего беззаконного, ибо она уцеломудрилась. Так действительно и было. Ибо, когда Иоанн с Сосипатром вошел в ее дом, Проклиания тотчас упала к ногам апостола, с плачем сознаваясь и каясь в грехах своих. Исцелив ее от болезни и научив вере и целомудрию, апостол крестил ее со всем домом ее. Итак, ставши целомудренною, Проклиания проводила дни свои в великом покаянии.

В это время убит был царь Домициан. После него занял римский престол Нерва, человек весьма добрый; он освободил всех, бывших в заточении. Освобожденный с другими из заточения, Иоанн задумал возвратиться в Ефес: ибо едва не всех живущих на Патмосе он уже обратил ко Христу. Христиане же, узнавши о таком его намерении, умоляли не оставлять их

до конца. А так как апостол не захотел остаться с ними, но желал возвратиться в Ефес, они просили его оставить на память о своем учении хотя Евангелие, которое он там написал. Ибо, заповедав однажды всем пост, он взял с собой ученика своего Прохора, отойдя от города на далекое расстояние, взошел на высокую гору, где пробыл на молитве три дня. После третьего же дня загремел великий гром, засверкала молния, и гора поколебалась; Прохор от страха упал на землю. Обратившись к нему, Иоанн поднял его, посадил по правую руку себя и сказал:

– Пиши то, что услышишь из уст моих.

И, возведя очи к небу, снова молился, а после молитвы стал говорить:

– «В начале было Слово» и прочее.

Ученик же внимательно записал все то, что слышал из уст его; так и было написано Святое Евангелие, которое апостол, сойдя с горы, велел Прохору снова переписать. И согласился он оставить переписанное в Патмосе для христиан, согласно их просьбе, а писанное первоначально удержал у себя. На том же острове написал святой Иоанн и Апокалипсис[6058].

Прежде же удаления своего с того острова, обошел он окрестные города и селения, утверждая братство в вере; и случилось ему быть в одном селении, в котором жил жрец Зевса по имени Евхарис, имевший слепого сына. Жрец тот давно желал видеть Иоанна. Услышав же, что Иоанн прибыл в их селение, он пришел к святому, умоляя его прийти в дом его и исцелить сына. Иоанн же, видя, что он приобретет здесь Христу души человеческие, пошел в дом жреца и сказал слепому его сыну: «Во имя Господа моего Иисуса Христа, прозри», – и слепой тотчас прозрел.

Увидев это, Евхарис уверовал во Христа и крестился с сыном своим. И во всех городах того острова святой Иоанн благоустроил церкви святые и поставил им епископов и пресвитеров; довольно научив жителей, он всех приветствовал и стал возвращаться в Ефес. И провожали его верующие с плачем и рыданием великим, не желая лишиться такого солнца, своим учением просветившего их страну; но святой, сев на

корабль и преподав всем мир, отплыл в свой путь. Когда же он достиг Ефеса, верующие встретили его с радостью неизреченной, вопия и глаголя: «Благословен грядый во имя Господне!»

И принят он был с честью. Пребывая здесь, он не переставал трудиться, всегда уча народ и наставляя его на путь спасения.

Нельзя умолчать о том, что рассказывает о святом Иоанне Климент Александрийский[6059]. Когда в Азии апостол обходил города, то в одном из них увидел юношу, расположенного душой к доброму делу; святой апостол научил и крестил его. Намереваясь же уйти оттуда на проповедь Евангелия, он при всех поручил этого юношу епископу того города с тем, чтобы пастырь научил его всякому доброму делу. Епископ же, взяв юношу, научил его Писанию, но не настолько заботился о нем, как должно было, и не давал ему такого воспитания, какое подобает юношам, а напротив предоставил его своей воле. Вскоре отрок начал вести дурную жизнь, стал упиваться вином и красть. Наконец, он свел дружбу с разбойниками, которые, соблазнивши его, увели в пустыни и горы, поставили его начальником своим и учиняли разбой по дорогам. Вернувшись через некоторое время, Иоанн пришел в тот город и, услыхав про того отрока, что он развратился и стал разбойником, сказал епископу:

– Возврати мне то сокровище, которое я передал тебе на сохранение, как в верные руки; возврати мне того юношу, которого я вручил тебе при всех для того, чтобы ты научил его страху Божиему.

А епископ с плачем ответил:

– Погиб тот юноша, душой – умер, а телом – разбойничает по дорогам.

Иоанн же сказал епископу:

– Так ли подобало тебе хранить душу брата твоего? Дай мне коня и проводника, чтобы пойти и поискать мне, кого ты погубил.

Когда Иоанн пришел к разбойникам, то просил их отвести его к начальнику своему, что они и исполнили. Юноша же,

увидев святого Иоанна, устыдился и, встав, побежал в пустыню. Забыв свою старость, Иоанн погнался за ним, вопя:

– Сын мой! Обратись к отцу своему и не отчаивайся в падении своем; грехи твои я приму на себя; остановись же и подожди меня, так как Господь послал меня к тебе.

Юноша, остановившись, припал к ногам святого с трепетом и стыдом великим, не смея взглянуть ему в лицо. Иоанн же с отеческою любовью обнимая лобызал его и привел в город, радуясь, что обрел погибшую овцу. И много учил он его, наставляя покаянию, в котором, усердно подвизаясь, юноша угодил Богу, получил прощение грехов и с миром преставился.

Был в то время один христианин, впавший в такую нищету, что не имел, чем бы заплатить долги своим заимодавцам; от жестокой скорби задумал он сам себя убить, и просил одного волхва – иудеянина дать ему смертоносного яду. А этот враг христиан и друг бесов исполнил просьбу и дал ему смертоносного питья. Христианин же, взяв смертельную отраву, пошел в свой дом, но дорогой задумался и испугался, не зная, что ему сделать. Наконец, осенив чашу крестным знамением, выпил ее и не почувствовал от нее ни малейшего вреда, так как крестное знамение отняло у чаши весь яд. И много дивился он в себе, что остался здоровым и не чувствовал никакого вреда. Но, снова не вынеся преследований заимодавцев, он пошел к иудеянину, чтобы тот дал ему сильнейшего яду. Удивившись, что человек тот все еще жив, волхв дал ему сильнейшей отравы. Получив яд, человек пошел в свой дом. И долго раздумывая перед тем как выпить, он подобно прежнему сотворил крестное знамение и на этой чаше и выпил, но опять ничуть не пострадал. Снова отправился он к иудеянину и явился к нему здоровым. И насмехался он над волхвом, что тот неискусен в своем чародействе. Иудеянин же, испугавшись, спросил его, что он делал, когда пил? Он же сказал: «Ничего иного, как только осенял чашу крестным знамением». И узнал иудеянин, что прогоняла смерть сила святого Креста; и, желая узнать истину, дал того яда псу – и пес тотчас же перед ним издох. Увидев это, иудеянин отправился с тем христианином к апостолу и поведал ему о случившемся с ними. Святой Иоанн

научил иудеянина вере во Христа и крестил его, бедному же тому христианину велел принести охапку сена, которую крестным знамением и молитвой претворил в золото, чтобы он мог отдать долги свои, остатком же содержать свой дом. Затем апостол снова вернулся в Ефес, где, пребывая в доме Домна, обратил ко Христу многое множество людей и сотворил неисчислимые чудеса[6060].

Когда апостолу исполнилось более ста лет, вышел он из дома Домна с семью своими учениками и, дойдя до некоторого места, велел им там сесть. Время было уже к утру, и он, отойдя на такое расстояние, на какое можно бросить камень, начал молиться. Потом, когда ученики его, согласно его воле, выкопали ему крестообразную могилу, он заповедал Прохору идти в Иерусалим и оставаться там до кончины своей. Преподав еще наставление ученикам своим и поцеловав их, апостол сказал: «Возьмите землю, мать мою, и покройте меня ей». И поцеловали его ученики и покрыли его до колен, а когда он снова поцеловал их, то покрыли его даже до шеи, положили на лицо его покрывало, и поцеловав еще, с великим плачем покрыли его совсем. Услышав об этом, братия пришли из города и раскопали могилу, но ничего не нашли там и весьма много плакали; затем, помолившись, они возвратились в город. И каждый год, в восьмой день месяца мая, появлялось из гроба его благовонное миро и по молитвам святого апостола подавало исцеления болящим[6061] в честь Бога, в Троице славимого во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Апостоле Христу Богу возлюбленне, ускори избавити люди безответны, приемлет тя припадающа, иже падша на перси приемый: Егоже моли, Богослове, и належащую мглу языков разгнати, прося нам мира и велия милости.

Кондак, глас 2:

Величия твоя, девственниче, кто повесть; точиши бо чудеса, и изливаеши исцеления, и молишися о душах наших, яко богослов и друг Христов.

Житие и страдание святого мученика Каллистрата

Память 27 сентября

Видя, что избранное стадо Христово умножается день ото дня, завистливый враг – диавол восстал против него с великой яростью, намереваясь расхитить и погубить всех словесных овец[6062]. Орудиями для этого избрал он Диоклетиана и Максимиана, нечестивых царей римских, которые по жестокости своей уподобились бесчеловечным зверям. Он навел их как хищных волков на стадо Христово и через них люто и без милосердия растерзал его: ибо он вложил им в сердце столь сильную ярость против христиан, что сии цари, отложивши все прочие заботы о своем царстве, употребили силы свои только на то, чтобы погубить всех христиан до конца. Это злое свое намерение и дело они вменяли себе в большую и высшую заслугу, чем все другие великие царские дела, славные победы и торжество над врагами своими. По сей причине они послали во все концы земли игемонов и мучителей, равных и даже превосходивших их своею злобою, чтобы повсюду принуждать христиан к жертвоприношениям идолам, не послушных же – мучить, убивать и губить разными смертными казнями. Когда сие повеление стало исполняться, многие из верных и преданных Христу от всего сердца, украсившись венцом мученическим, перешли из Церкви воинствующей в Церковь торжествующую[6063], воспевая победную песнь над врагами. Между многими другими таковым явился и доблестный воин Христов, Каллистрат; не только сам, но и вместе с многочисленною своею дружиною, прошел он славным путем мученичества и, поправши врага, предстал Победителю мира Христу, нося на себе полученные за Него раны и приемля почесть за свой подвиг.

Отечеством сего страдальца Христова был Карфаген[6064]; отсюда он был взят на воинское служение и причислен к полку воеводы Персентина; в этом полку только один Каллистрат сиял, как звезда в темную ночь, своим благочестием, ибо все

его товарищи по оружию были помрачены тьмою идолопоклонства. Он один только был просвещен светом святой веры, которой научился у отца своего, бывшего христианином; отец же его был научен вере его дедом, по имени Неокором, который во время вольного страдания Господа нашего Иисуса Христа был в Иерусалиме при Понтие Пилате, в числе воинов. Увидев все бывшие при смерти и воскресении Господа чудеса, он уверовал в Него и, приняв крещение от Апостолов, возвратился домой; сюда принес он драгоценный бисер – веру во Христа, которым обогатил сына своего, отца Каллистрата и всех домашних своих, передавая им о Христе Иисусе всё, что видел своими очами и что слышал от Апостолов. Получив в наследство от деда и отца духовное богатство веры, коего нельзя похитить, святой Каллистрат обогащал им кого мог, тайно научая познанию истины и обращая к Богу души человеческие. По сей причине он находился в подозрении у товарищей своих, и те внимательно наблюдали за ним чтобы убедиться, христианин он или нет.

Когда он с воеводой своим находился в Риме[6065], его христианское благочестие было узнано таким образом. Блаженный имел обычай каждую ночь вставать на молитву и долго молиться тайно. Однажды, когда он, встав по обычаю, молился, сие заметили, проснувшись, некоторые спавшие около него воины: услышавши, что он часто призывает имя Иисуса Христа, они убедились в том, что он – настоящий христианин. Выбрав удобное время, они сообщили воеводе Персентину о том, что слышали. Воевода же, тотчас призвав Каллистрата, спросил его:

– Правда ли, Каллистрат, то, что говорят о тебе твои товарищи?

Святой ответил:

– Не знаю, что им о мне можно было сказать, ибо я за собою не ведаю никакого дурного поступка.

Когда Персентин повелел воинам говорить, не скрываясь, то воины сказали воеводе:

– Владыка, повели ему только принести жертву богам, и ты тотчас узнаешь его мысли и веру.

Воевода повелел Каллистрату принести жертву богам и поклониться им; святой же Каллистрат ответил:

– Я не научился приносить жертвы многим богам, а только Единому истинному и живому Богу, все вызвавшему из небытия к бытию и создавшему из земли человека; богов же, почитаемых вами, которых сотворили руки человеческие, я называю не богами, а бесами, как узнал я это из Святого Писания, говорящего: «все боги народов – идолы» (Пс.95:5) и: «их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих» (Пс.113:12). Из Писания же я научился знать живущего на небесах Бога, приносить жертву хваления и воздавать обеты Вышнему. Итак, в том ли обвиняют меня сии люди, что я почитаю Единого истинного Бога, а не многих ложных богов? Им бы следовало донести на меня лишь в том случае, когда бы узнали они, что я дурно исправляю свои воинские обязанности, что я труслив и бегал от лица врагов; вот о таких поступках они могли бы говорить пред тобою против меня, и такие донесения тебе воевода, было бы прилично слушать. Зная, что я ни в чем подобном не виновен, зачем ты слушаешь клеветников и приводишь меня на суд из-за того только, что учение веры, коему я следую, не согласно с вашим?

В ответ на эти слова воевода сказал с гневом:

– Теперь не время ораторского многоглаголания, а время тяжких мук и лютых казней, которые ты вскоре и примешь, если не покоришься мне и не принесешь жертвы богам, которым и сам царь поклоняется. Разве ты не знаешь, как я жесток, ибо имею силу еще раньше мучений устрашить всякого одним взглядом и голосом?

Святой же Каллистрат отвечал:

– Ярость твоя и скрежет зубов твоих если и наводят страх, то только временный; а есть страх и скрежет зубов – вечный, впасть в который я боюсь больше всего; и одно воспоминание о нем ужасает меня.

Не будучи в состоянии сдержать свою ярость, воевода повелел бросить святого на землю и бить; тот же во всё время долгого истязания не выказал никакого нетерпения, но обращался к Богу, говоря: «Я клялся хранить праведные суды

Твои, и исполню» (Пс.118:106–107). И еще: ослабел я, о Господи, «оживи меня по слову Твоему» (Пс.118:25) и не допусти поругания этого нечестивого человека надо мною; укрепи меня, Господи, понести сии мучения, подавая силы моему смиренному и немощному телу и возбуждая во мне дух мужества.

Видя кровь, струившуюся потоком из ран мученика, воевода повелел освободить его от мук и сказал ему:

– Это только начало наказаний за твое непослушание, Каллистрат; поэтому даю тебе добрый совет – исполнить мое повеление, чтобы избавиться от больших мук. Если же ты не покоришься, то клянусь богами, руки мучителей раздробят твое тело на части, и псы будут лизать кровь твою, а мясо твое съедят львы: так погибнешь ты страшною смертью.

Но мужественный Каллистрат отвечал:

– Надеюсь на Бога крепкого, Бога живого, что Он избавит меня от уст льва и отнимет «от псов одинокую мою [душу]» (Пс.21:21), которая одна только среди всех этих воинов знает истинного Бога, от Коего я ожидаю, что Он не только мою одну душу, но и многие другие души возьмет к Себе, удостоив их познать пресвятое Его имя[6066]!

Еще более разгневанный сими словами, воевода повелел обнажить Каллистрата и влачить его по острым черепкам, разбросанным по земле, причиняя сим еще сильнейшую боль его израненному телу. Когда же святой претерпел и эти муки, то мучитель повелел лить ему в уста через воронку воду, как бы в кожаный мех. Во время этого мучения воевода сказал святому:

– Каллистрат, если ты не принесешь жертвы богам, то я тотчас ввергну тебя в море: ибо опасаюсь, как бы ты не прельстил и других воинов, если я вскоре не предам тебя смерти.

– О беззаконник великий, – отвечал мученик, – ты заботишься, чтобы не умалилось стадо, находящееся под властью отца твоего, диавола, а я уповаю на Бога, что приобрету сие стадо Христу моему, утвержу его в истинной вере и созижду ему посреди сего града церковь[6067].

Распалившись яростью, воевода сказал:

– Нечестивый и окаянный человек, смерть уже над головою твоею, а ты думаешь созидать церковь и многих обращать к твоему Богу!

Сказав сие, воевода тотчас повелел принести кожаный мех, заключить в него мученика и бросить в глубину морскую, а сам стал на берегу, желая видеть гибель святого. Но мех, в коем находился святой Каллистрат, молящийся как Иона во чреве китовом, по воле Божией прибит был водным течением к острому морскому камню и разорвался, святого же Каллистрата приняли на хребты два дельфина[6068] и тихо вынесли его на берег. Мученик с веселием воспевал: «приидох во глубины морския» (Пс.68:3), но не потопила меня водная буря и не утомился и от молитвенных призываний, Тебя, Господи; Ты скоро услышал молитву мою и чудесно избавил меня от неразрешимых уз и глубины морской, когда уже не было на сие никакой надежды: «снял с меня вретище и препоясал меня веселием» (Пс.29:12). Когда святой воспевал сие радостным голосом, множество воинов дивилось и некоторые из них припали к ногам святого, прося, чтобы он избавил их от обольщения бесовского и привел ко Христу, Богу своему. Таковых было сорок девять, и говорили они:

– Мы познали, что Бог твой велик и истинен, ибо Он избавил тебя чудесно из глубины моря.

Блаженный же мученик сказал:

– Господь мой Иисус Христос не отгонит приходящих к Нему, ибо говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28).

Произнеся сии слова, он простер к небу руки свои и, возведя очи, молился:

– Господи, в вышних живущий и на смиренные призирающий! Призри на сие малое Твое стадо, сохрани его от всякого зла и соблюди невредженным от зверя видимого – мучителя Персентина, и от невидимого – диавола, ибо ты Един славимый вовеки.

Увидев происходившее, воевода удивился и сказал:

– Клянусь пресветлым солнцем[6069] – этот человек владеет великою волшебною силою, ибо из моря он вышел невредимым

и, согласно своему обещанию, обольстил волшебством моих воинов.

В то же время он сказал святому:

– Я скоро разрушу твое волшебство, Каллистрат, и ты узнаешь, кто такой Персентин, великих богов служитель, и кто Распятый, Коего ты чтишь и на Коего ты напрасно уповаешь.

Затем он сел на судейское место и повелел всех уверовавших во Христа воинов сильно бить, сокрушая суставы их. Подвергаясь истязанию, эти воины говорили как бы едиными устами:

– Господи Иисусе Христе, будь помощником рабам Твоим и дай нам силы терпеть до конца, ибо ради Тебя мы пошли на такое страдание. Сохрани нашего учителя и пастыря Каллистрата, чтобы от него мы еще более научились исповедовать Тебя, Единого Бога, ибо ныне мы пред Тобою, Господи, как погибшие овцы.

Когда же ярость Персентина несколько утихла, он повелел прекратить истязания и увести мучеников в темницу, доколе не придумает, что делать с ними; ибо его немало опечалило то, что полк его убавился на пятьдесят воинов.

Когда они были брошены со святым Каллистратом в темницу, то стали учиться у него познанию Бога со всею обстоятельностью; ибо святой, отверзши уста свои, разъяснил им всё, начиная от сотворения мира и преступления, совершенного первыми людьми в раю, до Христова воплощения, вольного страдания и воскресения. Он возвестил им о суде, и о душе, и о будущей жизни, о воздаянии праведным и о наказании грешников во аде, и, разъяснив им все святые тайны веры, он укрепил их к мученическому подвигу.

На другой день воевода, окруженный множеством воинов, сел на судейском месте, велел привести из темницы святого Каллистрата с дружиною и обратился к нему с такими словами:

– Скажи мне, Каллистрат! Принесете ли вы жертву богам, чтобы освободиться от тяжких мук, или пребудете в прежнем своем упорстве?

Святой же Каллистрат сказал:

– За себя я отвечаю, что не отступлю от Господа моего до смерти; сии же пусть сами скажут о себе; спрашивай их и услышишь, что они тебе скажут.

Тогда воевода сказал им:

– Вы, обольщенные, что скажете?

Те отвечали:

– Мы – христиане, исповедуем Единого Бога, создавшего небо и землю, и веруем в Него, в Единородного Его Сына, Господа Иисуса Христа, и во Святого Духа, как научил нас добрый наш учитель, Каллистрат.

Когда святые единогласно сказали сие, воевода повелел жестоко бить их, одного за другим. Потом он велел, связавши им руки и ноги, бросить их в пруд, находившийся недалеко оттуда.

Прежде, чем повеление сие было исполнено, святой Каллистрат молился Богу, говоря:

– Господи, в вышних живущий и на смиренных призирающий, обрати милостивые очи Твои на сие Твое малое стадо и благоволи омыть его в этих водах, как в купели возрождения и усыновления[6070] нашествием Святого Твоего Духа, дабы они, омывши все скверны ветхого человека[6071], стали причастниками наследия (Кол.1:12) тех, кои издревле Тебе угодили.

Когда же мученики были связаны и брошены в воду, то их узы тотчас распались, и они стояли в воде с лицом светлым, радуясь своему крещению. И виден был в то время прекрасный венец, спускавшийся на них с неба, и слышен был голос, говоривший:

– Будь мужествен, Каллистрат, со стадом своим, и иди почить с ними в вечных обителях.

И тотчас за этими словами произошло сильное землетрясение, от которого упал и рассыпался в прах стоявший недалеко оттуда истукан некоего скверного языческого бога. Видя сие, сто тридцать пять других воинов, слышавшие и бывший к Каллистрату с неба голос, уверовали в Господа нашего. Боясь молвы и смущения в полку, воевода ничего не сказал им, первых же сорок девять воинов вместе с

Каллистратом повелел он опять бросить в темницу. Там святой Каллистрат сказал своей дружине:

– Вот, братия, по благодати Христовой вы сподобились святого крещения, за которое подобает вам достойно возблагодарить Бога; итак, восстанем и помолимся Ему!

Когда все встали и подняли руки и очи к небу, Каллистрат молился такими словами:

– Господи Боже, «Который хочет, чтобы все люди спаслись» (1Тим.2:4), исторгший сие стадо из уст льва и призвавший в вечное спасение! Сподоби нас скончаться во святой вере в Тебя, Бога нашего, и дай нам непорочными и чистыми явиться пред святым лицом Твоим и поклониться Тебе, благословенному вовеки.

Молились прилежно со святым Каллистратом и все святые мученики. Когда наступила ночь, в темницу вошли, по повелению мучителя, воины с обнаженными мечами, и всех рассекли на части[6072]. Так доблестно подвизался с дружиною своею святой Каллистрат, стоя даже до крови (ср. Евр.12:4) за Господа своего. Святые их мощи были собраны и с почетом погребены теми ста тридцатью пятью воинами, которые уверовали во Христа; теми же воинами после создана была и церковь над святыми их мощами. Так сбылось слово, которое сказал святой Каллистрат Персентину: «Посреди сего града созижду церковь», хотя она создалась не при жизни его, а после мученической его смерти; и прославлялось в ней имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же и от нас да будет слава во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Многообразныя раны претерпевше, и венцы от Бога яве приимше, о нас молитеся блаженнии Христу, память всепразднственную вашу совершающих, величайший Каллистрате со страдавшими с тобою, еже умирити паству и люди: Той[6073] бо есть верных утверждение.

Житие преподобного отца нашего Савватия Соловецкого, чудотворца

Память 27 сентября

Не сохранилось известий, из какого города или села происходил преподобный Савватий, кто были его родители и скольких лет от рождения он принял иноческий образ. Известно только, что в дни Всероссийского митрополита Фотия[6074] достохвальный старец Савватий подвизался в Белозерском монастыре преподобного Кирилла, находящемся в Новгородской области[6075]. Благочестивый подвижник умерщвлял свое тело молитвой, неослабным бдением, алчбой и жаждой и всякого рода другими неисчислимыми трудами строгого иноческого жития, без лени проходя все монастырские службы, в постоянном послушании игумену и монастырской братии. За неуклонное исполнение монашеских обетов преподобный Савватий был любим и почитаем всеми, являясь образцом добродетельной и трудолюбивой жизни для прочих иноков монастыря, так что имя его постоянно прославлялось братией и игуменом. Но твердо памятуя, что не от людей, а от Бога следует искать похвалы в здешней земной жизни, преподобный тяготился воздаваемою ему славой и потому непрестанно помышлял об удалении из Кириллова монастыря, в котором подвизался он много лет, и об отыскании нового места для своих монашеских подвигов, где можно было бы проживать в безвестности и уединении от людей.

Услышав о том, что в Новгородской же области есть озеро Нево[6076], а на нем остров, называемый Валаам[6077], где находится монастырь во имя Преображения Господня, иноки которого пребывают в строгих подвигах, принося беспрестанные молитвы Богу и питаясь трудами рук своих, – преподобный Савватий стал просить игумена и братию Кириллова Белозерского монастыря о том, чтобы его с благословением отпустили в монастырь Валаамский на жительство. С благословением отпущенный ими, преподобный пришел на остров Валаам, где и был радостно принят братиею монастыря.

Здесь подвижник провел также немалое время. Подражая многотрудным подвигам тамошних иноков и постоянно умножая свои труды, преподобный Савватий и здесь, как в монастыре Кирилловом, превзошел всех в подвижничестве, так что его добродетельная жизнь стала всем известною и на Валааме, ибо он до крайних пределов истощал свою плоть и уже при жизни явился жилищем Святого Духа.

В новом месте своего пребывания, в монастыре Валаамском, также как и в монастыре Кирилловом, преподобный Савватий был почитаем и хвалим; поэтому преподобный стал опять жестоко скорбеть, тяготясь почитанием и похвалами братии, и вновь помышлял об отыскании безмолвного и уединенного места для своих подвигов. Ранее же преподобный слышал о ненаселенном Соловецком острове[6078], лежащем среди холодных вод Белого моря, на расстоянии двухдневного плавания от материка. Слушая рассказы о безлюдном острове, преподобный радовался духом и объят был горячим желанием поселиться на нем для подвигов безмолвия. Он стал усердно просить настоятеля Валаамского монастыря отпустить его. Настоятель же с братиею, любя преподобного и почитая в нем Божия посланника, не желали лишиться столь достохвального сожителя, являвшегося для всех образцом добродетели[6079], и умоляли преподобного старца не оставлять их. Снисходя на просьбы валаамских иноков, преподобный прожил в их монастыре еще малое время, а потом, помолившись Богу и положившись на святую Его помощь, тайно ночью ушел из монастыря, никем не замеченный.

Наставляемый и хранимый Богом, он направился к Соловецкому острову. Придя к морю, преподобный встретил жителей, населявших морской берег против Соловецкого острова, и стал их расспрашивать об острове. Они сообщили преподобному, что Соловецкий остров далеко отстоит от берега, путь к нему затруднителен и опасен, моряки же едва достигают до острова через двое суток плавания и то лишь при тихой погоде. Расспросив подробно об острове, преподобный Савватий пришел к мысли, что это – удобнейшее место для подвигов безмолвия и иноческого уединения. Он узнал, что в

окружности остров имеет более ста верст; вблизи его производятся ловы рыбы и морских зверей; на нем есть годная для питья пресная вода, рыбные озера, горы, верхи которых покрыты строевым лесом, долины, заросшие более мелким лесом; много разных ягод; узнал преподобный, что Соловецкий остров вполне удобен для человеческого жития; не заселен же он потому, что крайне неудобно сообщение его с берегом. Многие, неоднократно желавшие там поселиться, не могли этого сделать из-за страха пред морскими невзгодами. Иногда лишь, в хорошую погоду, к острову подъезжают на лодках с берега рыболовы, но, по окончании ловли, немедленно возвращаются на материк. Выслушав все это от прибрежных жителей, преподобный Савватий возгорелся пламенным желанием поселиться на Соловецком острове. Узнав о таком намерении блаженного, поморяне отклоняли его от этой мысли, говоря:

– О старче! Чем ты станешь питаться или во что одеваться на острове, будучи в столь преклонном возрасте и ничего не имея? И как ты будешь один жить в холодной стране, в дальнем расстоянии от людей, когда ты уже не в силах ничего сам для себя сделать?

Преподобный им отвечал:

– Я, чада, имею такого Владыку, Который природу старика делает юной, равно как и младенца взращает до лет преклонной старости. Он обогащает бедных, дает потребное нищим, одевает нагих, и малою пищею досыта насыщает алчущих, подобно тому, как некогда в пустыне насытил Он пять тысяч человек пятью хлебами (Ин. 6:5–13).

Услышав от старца речи от священных книг, одни из поморян удивлялись его разуму, а другие, по своему неразумению, насмехались. Между тем преподобный, «возложил на Господа заботы свои» (Пс. 54:23), удалился на реку Выг[6080], где встретил инока Германа[6081], жившего там при часовне. Преподобный Савватий некоторое время прожил у Германа. От него он узнал о Соловецком острове то же самое, что и от поморян. Посоветовавшись между собой и положившись на Бога, оба подвижника решились идти и вместе поселиться на Соловецком острове. Устроив лодку и захватив с

собой немного пищи и одежды, а также и орудия для необходимых работ, они усердно помолились Богу и, возложивши на Него все свое упование, сели в лодку и при тихой погоде начали плавание.

С Божией помощью они на третий день достигли острова и, радуясь и веселясь душой, возблагодарили Бога, указавшего им это пустынное место[6082]. На том месте берега, к которому пристала лодка подвижников, они поставили крест. Удалившись на некоторое расстояние[6083] вглубь острова, преподобные иноки увидели на берегу озера весьма красивую горную местность, где и решили остановиться для постоянного жительства. Здесь они, построив келью, начали жить для Господа, и пребывали в трудах, добывая себе постническую пищу в поте лица, копая землю мотыгами[6084]. Преподобные руками работали, а устами славословили Господа, приближаясь к Нему духом, путем непрестанной молитвы и пения псалмов Давидовых.

По прошествии некоторого времени поморяне, жившие в ближайшем расстоянии к острову, стали завидовать поселившимся на острове преподобным старцам, задумали их изгнать отсюда и говорили между собой: «Мы ближайшие соседи острова, как бы владельцы его, будучи природными жителями земли Карельской, и поэтому нам, а после нас детям нашим из рода в род надлежит иметь участие во владении островом».

Спустя некоторое время один рыбак, по совету своих друзей, пришел с женой и со всем своим семейством на тот остров и поселился недалеко от келий богоугодных старцев. Живя здесь, он начал со своими домашними ловить в озерах рыбу. Блаженные же отцы, заботясь о своем спасении, пребывали в безмолвии, и не знали о поселившемся семействе рыбака.

В один из воскресных дней ранним утром после совершения обычного правила преподобный Савватий, взяв кадильницу, вышел покадить святой крест, который он водрузил близ своей кельи. В это время он услышал удары и вопли, как бы от наносимых кому-то побоев. Преподобный ужаснулся того вопля и, предположив, что это лишь мечтание, оградил себя

крестным знамением, возвратился и о слышанных ударах и воплях рассказал жившему с ним блаженному Герману. Выйдя из кельи и услышав то же самое, преподобный Герман пошел на крик, увидел плачущую женщину и спросил ее, что с ней и отчего она плачет. Со слезами женщина рассказала о случившемся с ней.

Когда я шла на озеро к моему мужу, – говорила она, – меня встретили два светозарных юноши и, схвативши, сильно били меня прутьями, говоря: «уйдите от этого места, вы недостойны здесь жить, потому что Бог назначил его для пребывания иноков; скорее же уйдите отсюда, чтобы не погибнуть вам злой смертью». После того светозарные юноши стали невидимы.

Блаженный Герман, возвратившись к преподобному старцу Савватию, рассказал последнему слышанное от жены рыбака, и оба они прославили Бога, а рыбак, захватив с собой жену и пожитки, без замедления отплыл в селение, где жили прежде. И с тех пор никто уже из мирян не дерзал селиться на Соловецком острове и только рыбаки время от времени приезжали на остров для рыбного промысла.

По прошествии нескольких лет блаженный Герман удалился на реку Онегу[6085], а преподобный Савватий с глубокой верой в Бога один остался на острове. Один только Всеведущий, свыше на Своего угодника призиравший Господь и святые Его Ангелы, посещавшие Савватия, раба Божиего, во плоти подражавшего бесплотным, знали, каково было его пребывание на острове, каков пост, каковы духовные подвиги! Нам же можно судить о трудах и лишениях подвижнической жизни преподобного по самому свойству того места, на котором он поселился. У преподобного старца, одиноко пребывавшего на отдаленном, никем не посещаемом морском острове, не могло быть другого дела, кроме упражнений в постоянных подвигах богомыслия. И действительно, углубляясь умом в постоянную молитвенную беседу с Богом и к Нему обращая полные слез очи, преподобный воздыхал день и ночь, желая отрешиться от тела и соединиться с Господом.

Почувствовав в глубокой старости, после богоугодных трудов, приближение смерти, преподобный Савватий стал

помышлять о том, как бы ему сподобиться причащения Божественных Таин, которых лишен был после отшествия из Валаамского монастыря. Помолившись о том Богу, он сел в небольшой челнок и после того как по его молитве море утихло, переплыл в течение двух суток на другой берег моря. Выйдя на берег, он пошел по суше, желая дойти до находившейся на реке Выге часовни. Случилось, что в то время на Выге замедлил прибывший сюда, с целью посещения проживавших там христиан, некий игумен Нафанаил.

Идя ранее намеченным путем, преподобный, по Божественному помышлению, встретил игумена Нафанаила, шедшего с Божественными Тайнами в одну отдаленную деревню причастить больного. После обычного иноческого приветствия, встретившиеся путники разговорились между собой и, узнавши кто они такие, были рады друг другу. Преподобный Савватий радовался, что нашел то, чего искал, а игумен Нафанаил был рад тому, что сподобился видеть честные седины и святоподобное лицо преподобного Савватия, о добродетельной жизни которого он много слышал. И сказал блаженный Савватий Нафанаилу:

– Отче, умоляю твою святость: данною тебе от Бога властью разрешать отпусти мне грехи, которые я стану тебе исповедовать, и удостой меня причащения Святых Тайн Пречистого Тела и Крови Христа, Владыки моего. Уже много лет я пламенею желанием напитать мою душу этой Божественной пищей. Итак, святой отец, напитай меня ныне, ибо Христос Бог мой показал мне твое боголюбие для того, чтобы ты очистил меня от грехов, которые я от юности до этого дня соделал словом, делом и помышлением.

– Бог да простит тебя, брат, – отвечал игумен Нафанаил и, помолчав, поднял руки к небу и со слезами произнес: «О, если бы мне, для очищения моего нерадения, иметь твои грехи, преподобный!»

Святой Савватий сказал Нафанаилу:

– Умоляю твою святыню, немедленно сподобить меня Божественного причащения, так как приближается конец жизни моей.

Игумен отвечал:

– Господин мой, отец Савватий, ступай теперь к часовне и там подожди меня: я иду к больному и скоро возвращусь к твоему преподобию; рано утром я приду к тебе.

На это святой Савватий сказал:

– Отче, не откладывай до утра: ведь мы не знаем того, будем ли дышать воздухом до завтра, а тем более, как мы можем знать о том, что случится потом.

Святой Савватий говорил это, предвозвещая свою скорую кончину.

Видя в Савватии угодника Божиего, игумен Нафанаил не осмеливался более противоречить ему, но, исполняя его желание, по совершении исповеди, причастил его Божественных Христовых Таин и, преподав братское лобзание, сказал:

– Раб Божий, умоляю тебя: подожди меня на Выге при часовне.

Святой согласился ожидать там игумена. Последний пошел к больному, а преподобный Савватий – к названному месту, где, воздавши благодарение Богу за получение причащения и за все Его к нему благодеяния, вошел в бывшую при часовне келью и, затворившись в ней, приуготовлял свою блаженную душу, дабы предать ее в руки Божии.

В то время один купец из Великого Новгорода по имени Иоанн, плывя по реке Выге со своими товарами, пристал к стоявшей на берегу часовне. Вышедши из своего судна на берег, он поклонился в часовне святым иконам и, войдя в келью к преподобному Савватию, получил от него благословение. Преподав благословение, святой Савватий поучал купца от Божественного Писания, наставляя его на добрые дела. Купец был очень богат, имел рабов и желал вознаградить святого всем необходимым из своих товаров. Святой же, не желая ничего брать от купца, говорил:

– Если ты желаешь творить милостыню, то у тебя есть нуждающиеся, а я не нуждаюсь ни в чем.

После этого преподобный поучал Иоанна о нищелюбии, милосердии к домочадцам и о прочих добродетелях. Купец был

опечален тем, что старец ничего не взял у него. Желая утешить его, преподобный сказал:

– Чадо Иоанн! Ночуй здесь до утра – и ты узришь благодать Божию и благополучно уйдешь своей дорогой.

Но Иоанн желал отплыть оттуда. И вот внезапно нашла гроза с громом и молнией и началось волнение на реке и на море. Увидавши внезапную перемену погоды и сильное волнение воды, Иоанн ужаснулся и остался ночевать там. С наступлением утра он пришел в келью, желая перед отходом в путь свой – так как волнение уже утихло – получить от преподобного Савватия благословение. Постучавшись с молитвой в двери кельи преподобного, он не получил ответа. После того как он постучался второй и третий раз, дверь открылась, и, войдя внутрь кельи, Иоанн увидал святого сидящим в мантии и кукуле и стоящую около него кадильницу. И сказал купец преподобному:

– Прости меня, раб Божий, за то, что я, питая любовь и веру к твоей святости, осмелился войти к тебе. Молю твое преподобие, напутствуй меня на дорогу твоим благословением, чтобы мне, охраняемому твоими святыми молитвами, благополучно путешествовать.

Когда Иоанн говорил это, – в ответ не было ни гласа, ни послушания, потому что святая душа преподобного отошла уже к Господу, и в то время по всей келии распространялось сильное благоухание. Увидев, что преподобный ничего ему не отвечает, и подумав, что он спит, Иоанн подошел к нему и коснулся его рукой; но, убедившись, что он скончался о Господе, – ужаснулся и вместе с тем умилился и испустил теплые слезы из очей.

В то время возвращался от больного игумен Нафанаил. Он вошел в келью и, увидев, что святой преставился, горько плакал и лобызал его честное тело. Игумен и купец рассказывали друг другу о преподобном, первый – как он сподобился вчера преподать угоднику Божиему Божественные Тайны, а второй – как удостоился насладиться полезной для души беседой с преподобным. После надгробных песнопений

они похоронили святое тело преподобного, отдавши землю земле.

Скончался преподобный Савватий в двадцать седьмой день сентября месяца[6086]. В этот день и память его почитается во славу Бога, в Троице славимого, Отца и Сына и Святого Духа, Ему же честь и поклонение вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Удалився мира, и водворився в пустыню, добрым подвигом подвизался еси, злостраданием и вниманием и молитвами: отонудуже и по смерти источаеши исцеления, Савватие отче наш. Моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Житейския молвы отбег, вселился еси в морский остров мудре, и крест твой взем, Христу последовал еси, в молитвах и во бдениих и в пощениих, злостраданьми плоть твою изнуряя. Тем был еси преподобных удобрение: сего ради любовию память твою празднуем преподобне Савватие, моли Христа Бога непрестанно о всех нас

Память святых Апостолов Марка, Аристарха и Зины

Память 27 сентября

Святой Апостол Марк, называвшийся Иоанном[6087], о котором упоминает святой Лука в книге Деяний святых Апостолов (Деян.15:37), был поставлен Апостолами епископом в Вавилоне и ревностно подвизался в проповеди Евангелия. Он достиг такого дерзновения к Богу, что и самая тень его исцеляла больных.

Святой Аристарх, о котором упоминает Апостол Павел в своих посланиях (Кол.4:10; Филим.1:24), был епископом Апамеи Сирийской[6088].

Святой Зина был законником[6089] (до своего апостольства), а впоследствии епископом в Диосполе[6090].

Память святой мученицы Епихарии

Память 27 сентября

Христова мученица Епихария жила в Риме в царствование Диоклетиана[6091]. Епарх Кесарий приказал взять ее и привести к себе на суд. За твердое исповедание имени Христова ее повесили и строгали, после чего 40 воинов били ее оловянными молотками; но, по ее молитвам, Ангел поразил их. После всех мучений, ей отсекли голову мечом. Из камня, на котором стояла святая мученица, истекло много воды.

Память преподобного Игнатия

Память 27 сентября

Сей преподобный жил в царствование императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия[6092], в Каппадокии. С младенчества родители посвятили его Богу, как некогда Самуила[6093]. Достигши зрелого возраста, он принял иноческий сан и вскоре посвящен был в пресвитера, а потом и в игумена. Он много сделал для своей обители[6094]: расширил ее, украсил и обогатил, построил в ней две церкви во имя святого пророка Илии, и еще в одном городе создал церковь во имя святых Апостолов. Кроме того, он построил вокруг обители своей крепкую и благолепную ограду. Отправившись однажды в Константинополь, где он принес в дар одной обители святой крест и Святое Евангелие, преподобный на обратном пути оттуда занемог желудочною болезнью и скончался в Аммории[6095]. Его погребли при одном из храмов сего города. Когда миновала зима, отцы его обители захотели перенести тело его. Открывши раку, они обрели его тело целым и нетленным, источающим чудное благоухание. Они благоговейно перенесли его и положили в паперти церковной, славя Бога, дивного во святых Своих.

Житие преподобного отца нашего Харитона Исповедника

Память 28 сентября

Преподобный Харитон жил в городе Иконии, Ликаонской епархии[6096]. Он был благочестивый христианин, отличался добродетелями и в царствование нечестивого царя Аврелиана явил себя исповедником имени Христова[6097]. Ибо, когда по всем странам разошлось безбожное повеление царя принуждать христиан к принесению жертвы идолам, неповинующихся же убивать, то, во исполнение сего предписания, в Иконии взят был под стражу игемоном той страны Харитон, как наиболее отличавшийся среди христиан благочестием и сиявший добродетелями. Он был связан и приведен на суд нечестивых, где игемон спросил его:

– Почему ты не поклоняешься великоименитым богам, пред коими царь и все народы склоняют свои головы?

Харитон отвечал:

– Все боги язычников – демоны, кои некогда восхотели сравняться с Вышним Богом, и за свою гордость свержены были с неба в глубину преисподней; ныне же стремятся они к тому, чтобы быть почитаемыми от безумных и обольщенных людей, как боги. Впрочем, и они, и те, кто им кланяется, скоро погибнут и, как дым, быстро исчезнут: поэтому я им не поклоняюсь; верую же в истинного Бога, Ему служу и поклоняюсь, ибо Он есть Создатель всего, Спаситель мира, пребывающий вовеки.

– Уже этим первым грубым ответом, – сказал игемон, – ты сделал себя достойным смерти, потому что дерзнул похулить бессмертных богов, а нас, им поклоняющихся, осмелился называть безумными и обольщенными; за сие только следовало бы усечь мечом твою злоречивую голову. Но так как наши боги долготерпеливы и не спешат отмщать за причиненное им бесчестие, то я сделаю тебе снисхождение и не тотчас погублю тебя; быть может, придя в себя, ты рассудишь здраво и принесешь с нами жертву тем, которых ты теперь хулишь, и испросишь у них прощение за совершенный тобою грех; они же,

как незлобивые, готовы принять тебя и простить тебе их бесчестие.

Харитон отвечал:

– Если ваши идолы – боги, то ты дурно поступаешь, игемон, прощая мне оскорбления, какими я их бесчещу; ибо всякий должен стоять за честь своего бога и высказывать в отношении к нему свою ревность. Если же они – не боги, то напрасно ты повелеваешь им поклоняться. Знай, что никакая мука не отторгнет меня от Живого Бога и не склонит к почитанию скверных идолов; ибо я – ученик блаженной первомученицы Феклы[6098], воссиявшей в нашей Иконии светлою зарею мученичества. Она же была наставлена к сему подвигу великим учителем – св. Павлом, с коим ныне и я говорю: «Кто меня разлучит от любви Божией – скорбь ли, или теснота, или гонение, или беда, или меч, или другое что-то трудное?»[6099]. Игемон же сказал:

– Если бы боги наши не были богами, как ты говоришь, то не послали бы нам благополучной жизни, богатства, славы и здоровья.

Харитон отвечал:

– Ошибаешься, игемон, полагая, что всё сие ты получил от ложных твоих богов, которые и сами – нищи и ничего не имеют, кроме своей погибели; ибо бесы даже и над свиньями не имеют власти без Божия попущения (Мф.8:31–32); идолы же могут ли кому дать что-нибудь, сами ничего не имея? Они не простру рук своих, не пойдут ногами, не скажут языком, не увидят глазами, не услышат ушами, так как в них нет души. Если ты хочешь узнать истину, испытай на деле и ты увидишь их ничтожество: приложи зажженную свечу к устам идола и опали его – больно ли ему станет? Возьми секиру и рассеки ему ноги – закричит ли он? Принеси молот и сокруши ребра его – застонет ли он? Поистине ты ничего не услышишь, ибо он не имеет ни жизни, ни дыхания.

Услышав сие, игемон разгневался и, как пьяный, закричал от ярости, не давая святому продолжать свою речь. Тотчас он повелел взять святого, обнажить и, растянув крестообразно, бить его нещадно жилами; святой же доблестно терпел,

решившись лучше умереть за Христа Господа, чем жить в беззаконии, отрекшись от своего Создателя.

В то время как святого били, мучитель вопрошал его:

– Принесешь ли, Харитон, жертву бессмертным богам, или хочешь принять еще большие раны?

– Если бы мне, – отвечал мученик, – можно было тысячу раз умереть за Спасителя моего, то я согласился бы на сие скорее, чем на то, чтобы жить и кланяться бесам.

Святого же так били по всему телу, что видны были и внутренности его; ибо мясо отпадало от костей, кровь лилась рекою, и всё тело стало сплошною язвою. Заметив, наконец, что он едва жив, перестали бить его и, думая, что он скоро умрет, взяли на плечи, и отнесли его в темницу. Он не только совершенно не мог сам идти, но не в силах был и произнести хоть одно слово, а только слабо дышал: так он сильно был изранен. Положив его в темнице, мучители ушли.

Видя терпение Своего страдальца, Бог подкрепил его Своею помощью, скоро исцелил от ран, и того, кого нечестивые надеялись видеть мертвым, сотворил живым и здоровым, так что он мог сказать с Давидом: «Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни» (Пс.117:17). Тогда он снова был приведен на суд, причем, показав еще более дерзновения, чем в первый раз, возбудил еще большую ярость в мучителе. Игемон повелел опалять тело святого свечами, так что всё тело его испеклось, как мясо, приготовленное в пищу. Он же, терпя такие муки за Христа, Господа своего, радовался и снова был брошен в ту же темницу.

В то время император Аврелиан умер, будучи наказан гневом Божиим за пролитие христианской крови. Находясь в дороге между Византией и Ираклией, он был сначала устрашен с небес великим громом, который предуказал скорую его смерть, а потом во время того же путешествия он был убит своими домашними и таким жалким образом окончил свою земную жизнь. По смерти его гонение на христиан прекратилось, и из изгнания, оков и темницы были освобождаемы узники Христовы; ибо император Тацит, который по смерти Аврелиана принял царский скипетр, вразумившись казнию пред ним

царствовавшего кесаря, послал по всем подвластным странам повеление, чтобы все христиане были свободны. Он боялся, что пострадает так же, как Аврелиан, если будет жесток к христианам. И наступила тогда великая радость для верующих: узники были выпускаемы, изгнанные возвращались из ссылки, из пустынь и пещер выходили епископы, священники и миряне, кои скрывались из страха пред мучителями и, приветствуя друг друга, радовались спокойствию Церкви. Тогда и преподобный Харитон исповедник был выпущен из темницы. Но он не радовался тому, что ему не пришлось пострадать до конца, ибо он желал лучше завершить свой мученический венец страданием, чем остаться в живых; ему приятнее было бы умереть за Христа, чем быть отпущенным на свободу. Впрочем, Промысл Божественный продолжил жизнь его на пользу многим, дабы он предстал Богу в небесных обителях не один только, но с ликом добровольных мучеников, как пастырь с овцами и отец с детьми.

С того времени святой Харитон, украшенный ранами Христов воин, отрекся от мира и от всего, что в мире; взяв крест свой, пошел он путем трудным и стал живым мертвецом – умершим для мира, но живым для Бога. Ибо, нося на себе язвы Господа Иисуса (Гал.6:17), он всецело Ему предался и распялся с Ним; а чтобы всегда иметь пред очами своими Его Божественные страдания, он пошел в Иерусалим, где Господь наш испустил на кресте дух Свой. Когда он шел туда и был уже вблизи Иерусалима, то попался в руки разбойникам, кои, не найдя у него ничего ценного, схватили его, и увели в свою пещеру, чтобы там предать его лютой смерти. Впрочем, они не убили его, так как поспешно отправились искать путников, чтобы ограбить их; святого же Харитона оставили лежащего связанным в пещере. Он же, как и ранее, когда находился в узах и муках благодарил Бога, готовый принять всякую смерть, какая приключится ему по попущению Божию. В это время он с дерзновением говорил бесу:

– Знаю, диавол, что ты, сам боясь сойтись со мною, навел на меня разбойников и, желая положить препятствие моему намерению, поставил мне сеть на сем пути. Но знай, проклятый,

что не ты надо мною, а я над тобою буду торжествовать, с помощью Бога моего; ибо если разбойники и убьют меня, то я уповаю на милость Божию, что получу в наследие святой покой Божий, а ты наследуешь геенну[6100]. Я воскресну в жизнь вечную, ты же умер вечною смертью и конца не будет твоему мучению. Впрочем, Владыка мой может и здесь еще освободить меня живым от рук разбойников и избавить от смерти, как избавил Исаака от заклания (Быт. 22:1–24), отроков из печи (Дан. 2:1–49), Даниила от львов (Дан. 14:1–42), святую Феклу от огня и зверей.

Когда святой говорил сии слова, в пещеру вполз змей и, найдя здесь сосуд с вином, стал пить из него; опившись, змей изблевал вино опять в сосуд вместе со своим ядом, и потом уполз. Воротились домой разбойники и, будучи томимы жаждою, все один за другим напились из того сосуда, и тотчас отравились тем ядом: ибо все упали на землю, и в страшных муках умерли. Так приняли они достойную казнь за грехи свои и ужасным образом закончили свою жизнь.

Избавившись от смерти, святой Харитон освободился с помощью Божиею от уз и нашел в той пещере великое множество золота, которое разбойники собрали в течение многих лет разбоями своими. Богатство это, недобрыми средствами приобретенное разбойниками, святой Харитон истратил на пользу, на остальное построил на том месте обитель, по имени Фаре[6101], и, обратив разбойничью пещеру в церковь, собрал здесь братию. Слава о нем прошла по всей той стране, и многие приходили к нему ради его добродетельной жизни; приняв от него пострижение[6102], проводили они тихую жизнь в той обители, получая пользу от учителя и наставника своего, преподобного Харитона, на святое житие коего они взирали, как на яркий светильник, и назидались им. Ибо он был совершен в добродетелях и иноческих подвигах, любя пост и воздержание, как сладкую пищу, почитая труд – покоем и соблюдая нищету, как богатство; был он при сем милостив и странноприимен, милосерд, братолюбив, кроток, молчалив и всем доступен. Имел он в устах и слово, солью премудрости приправленное[6103], коим наставлял всегда братию на путь

спасения. В монастыре своем он установил вкушать пищу однажды в день – и то вечером, и не особо приготовленные кушанья или пития, но только хлеб и воду, и при том в меру, чтобы, отягчив чрево излишеством в пище и в питии, братия не были ленивы к восстанию от сна в полночь и к молитве. Установил он также, чтобы братия после молитвы занимались рукоделием, остерегаясь и один час провести в праздности, дабы диавол, обретши инока праздным, не уловил его легко греховною сетью, так как леность и праздность – начало грехопадений. Святой повелел еще братии находиться в своих келлиях и безмолвствовать, не переходя с места на место и не собираясь на праздные беседы, ибо много соблазна происходит от пустых разговоров, как свидетельствует Писание: «худые сообщества развращают добрые нравы»[6104] (1Кор.15:33). Учил также преподобный хранить чистоту совести, как зеницу ока, любить нищету более золота и серебра и послушание иметь у себя как помощника, способствующего спасению; смирение же, любовь, терпение, незлобие и все другие иноческие добродетели он учил приобретать как многоценное сокровище и обогащаться ими.

Так научив братию и приведя обитель в подобающий порядок, преподобный повелел всем собраться и, избрав из братии того, кто известен был более всех своею добродетелью, поставил его вместо себя для них пастырем, сам же решил уйти в глубочайшую пустыню, любя безмолвие и устраняясь от людей; ибо он имел благодать исцелять недуги, прогонять бесов, почему отовсюду стекались к нему люди, принося с собою своих недужных. Приходили также и важные вельможи для получения от него благословения, так что он не мог иметь полного иноческого безмолвия. Утрудившись от сего беспокойства, он решил удалиться в уединение, избегая славы мирской. Братия же усиленно просили его, чтобы он не оставлял их, и, когда эти просьбы остались без успеха, они плакали о нем, как сироты по отце. Впрочем, угодная Богу молитва доброго отца не оставляла чад его, ибо его молитвами все преуспевали в исполнении заповедей Господних и, как крины[6105], насажденные в пустыне, процветали святостью. Итак,

простившись с братией, благословив ее и вручив Богу, преподобный ушел в дальние пустыни и непроходимые дебри[6106].

Пройдя путь одного дня[6107], преподобный нашел другую пещеру невдалеке от Иерихонских пределов[6108], и, вселившись в ней, жил для Бога, день и ночь славословя Его, как бы Ангел[6109]. Пищею ему служила зелень, росшая около того места, а более всего он питался Словом Божиим, беспрестанными молитвами и теплыми, исходившими от сердечной любви к Богу слезами, говоря словами псалма: «Слезы мои были для меня хлебом день и ночь» (Пс.41:4).

Когда он пробыл там некоторое время, Бог открыл его людям как некое сокровище, сокрытое в поле[6110]. Так как многие скорбели о его отшествии и сетовали о лишении доброго отца, то некоторые из братий, согласившись между собою, пошли искать в пустыне своего пастыря: Сам Бог восхотел, чтобы искусный наставник и добрый правитель многих направлял и вел в Царство Небесное не только себя, но и других. С этого времени узнано было место уединения его, и к нему стали приходить черноризцы и миряне, желая жить с ним, видеть ангелоподобное лицо его и насыщаться его полезною беседою. В скором времени собралось немалое стадо словесных овец и устроен был другой монастырь по такому же чину и уставу, как и первый. Так, слава Божия возрастала и распространялась более в местах пустынных и непроходимых, нежели посреди многолюдных городов, в коих живут беззаконие и пререкание. Но недолго отец пробыл вместе со своими чадами; ибо, устроив весь порядок монастырский, как подобало, он снова ушел в самую глубокую пустыню, отстоящую от Фекуитской страны[6111] на четырнадцать или более стадий и там, уподобляясь Илии и Предтече, «далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне» (Пс.54:8). Он переходил с места на место, по дебрям, стремнинам, холмам, расселинам и пропастям земным, всего себя предав Богу. Кто расскажет о его трудах в пустыне? Один только Бог, ведающий сокровенное, знал его подвиги, видел его труды и за сие уготовлял ему небесное воздаяние.

После того как преподобный уже долгое время скитался в пустыне, Бог восхотел, чтобы сей светильник, сиявший добродетелями, снова вышел из-под спуда пустынного[6112] и светил образом жизни своей всем, хотящим шествовать узким путем, ведущим в жизнь вечную. Его снова нашли некоторые из проходивших по пустыне подвижников и, упавши ему в ноги, молили, чтобы он повелел им остаться с ним и подражать благочестивым подвигам его. Когда и другие узнали о сем, то к преподобному стали собираться многие, избегая суетного мира. Он же, собрав уже третье стадо овец Христовых и, научив их иночеству, устроил третью обитель, которая после стала именоваться на сирском языке Сукийскою, по-гречески же именовалась Старою Лаврою. Потом он взошел на вершину находящейся там горы и поселился на возвышении, имевшем в себе небольшую пещеру, куда можно было взойти только по очень высокой лестнице. Там он стал как на столпе[6113], удаляясь от земли и приближаясь к небесным селениям. Оттуда, как добрый пастырь, стоящий на страже, он молился за свои монастыри и помышлял о спасении собранных там братий; находясь как бы на корме корабля, направлял он отсюда плавание столь великого числа душ, ибо из всех, устроенных им монастырей, притекали к нему нуждающиеся в духовной пище. И прожил он на том месте до глубокой старости в посте и молитвах и таких подвигах, о которых и рассказать нет возможности; ибо, день ото дня увеличивая свои труды, он казался и во плоти бесплотным. Место то было безводно, отец же не хотел, чтобы кто из братий трудился для него, принося ему издалека воду, а сам он не мог приносить ее себе – и по причине неудобного входа на высокий холм, и по немощи своего состарившегося и ослабленного трудами тела. Поэтому он сотворил усердную к Богу молитву, чтобы Он извел из камня воду, как для Израиля в пустыне; это совершилось, ибо Господь исполняет желания боящихся Его и слышит их молитву – и внезапно из сухого и не разбиваемого камня силою Божиею потек источник воды. Так много силы имела у Бога молитва добродетельного отца.

Прожив в совершенном благочестии и достигнув, как зрелый грозд, крайнего предела возраста, преподобный приблизился к блаженной своей кончине. Узнав о ней от Бога, он призвал из трех своих монастырей игуменов и братию, кои его молитвами и предстательством пред Богом умножились в той пустыне, как звезды небесные, и поведал им о скорой своей кончине.

– Я – сказал он – ухожу от вас, как повелевает мне Господь; ибо наступило время, которого я давно уже с нетерпением ожидал, чтобы, отрешившись от союза с плотью, мне идти и явиться пред лице Бога моего. Вы же, чада, заботьтесь о своем спасении, чтобы каждый из вас, избегнув вражеских сетей, сподобился по кончине своей войти ко Господу и получить милость от Него.

Услышав сие, все заплакали и говорили:

– Оставляешь ты нас, чад своих, отец и учитель наш! Оставляешь нас, пастырь и наставник! Угасаешь, светильник наш и вождь на пути нашем!

Он же утешал их, говоря:

– Господь наш Иисус Христос обещал пребывать с нами неразлучно до скончания века, и Он не оставит вас; а если я буду удостоен Им, то стану молить Его Благого, чтобы Он не разлучал вас друг от друга, как овец от козлов на Страшном Суде Своем, но чтобы всех вас поставил одесную Себя[6114] и собрал вас в одну ограду в Царствии Своем.

Братия спросили его:

– Какое распоряжение, отец, сделаешь ты о теле своем? Где погребем тебя?

Он сказал:

– Отдайте землю земле, где хотите: «Господня – земля и что наполняет ее»[6115] (Пс.23:1).

Они же говорили:

– Нет, отец; ты устроил три обители и собрал три стада; каждое из них хотело бы иметь у себя твои мощи[6116]; поэтому, чтобы не было между нами распри, завещай ныне же, где нам положить твои мощи.

Исполняя желание их, он соизволил на то, чтобы его похоронили в первом его монастыре, где он был взят

разбойниками и чудесно, благодатиею Божиею, от них избавлен. Иноки всех трех обителей, взявши его, привели в ту обитель. Здесь он, дав много наставлений братии о совершенном иноческом житии и преподав им мир, возлег на одре и предал в руки Господа святую свою душу, не испытав никакой телесной болезни[6117].

Так скончался преподобный отец наш Харитон, Христов мученик, исповедник и добрый подвижник. Возрыдали о нем все пустынные отцы и вся пустыня наполнялась плачем по таком великом отце и учителе, озарявшем мир как солнце. Проплакавши о нем довольно времени, иноки погребли с почетом его святые мощи, славя Отца и Сына и Святого Духа вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Насладився Богомудре воздержания, и плоти твоея вожделения обуздав, явился еси верою возращаемь: и яко жизни древо, посреде рая процвел еси, Харитоне всеблаженне священнейший.

Память святого пророка Варуха

Память 28 сентября

Святой пророк Иеремия был свидетелем плена Вавилонского, когда ему было 70 лет, а святой Варух, ученик его, не оставлял своего учителя. Когда Иеремия оплакивал разрушение Иерусалима, тогда Варух, удалившись в вертеп, также горько плакал. По некотором времени он вышел из вертепа, и со скорбью присутствовал при побиении камнями своего учителя Иеремии. Святой Варух особенно ясно пророчествовал о воплощении Сына Божия; сие пророчество его начинается такими словами: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним» (Вар.3:36–38). Предрек он и судьбу Иерусалима. После кончины святого Иеремии, которого он предал погребению, он вскоре и сам преставился[6118].

Память святых мучеников Александра, Алфея, Зосимы, Марка, Никона, Неона и Илиодора

Память 28 сентября

Все сии святые мученики пострадали при императоре Диоклетиане[6119], в Антиохии Писидийской, при игемоне Магне. Когда они взошли на одну гору, то увидали святого Марка, который пас стадо овец; а зверь, которого преследовали воины, лежал у ног его и лизал их. Услыхав о том, Магн приказал тридцати воинам привести его к себе; но все эти воины обратились ко Христу, наученные святым Марком. Игемон некоторых из них велел связать, а прочих послал в Никею, где им отсекли головы. После этого были найдены три брата христианина: Алфей, Александр и Зосима. Святой Марк вместе с ними был распят на кресте, а потом усечен мечом. Голову его Магн послал в капище богини своей Артемиды; лишь только внесли главу святого мученика в капище, все идолы, бывшие там, пали и сокрушились. Увидав сие чудо, Никон, Неон и Илиодор также уверовали во Христа и были здесь же казнены.

Житие святого Вячеслава, князя Чешского

Память 28 сентября

Святой Вячеслав происходил из княжеского рода, правившего в Чехии[6120], и приходился внуком святой мученице Людмиле; его родители – Вратислав[6121], князь Чешский и жена его Драгомира имели кроме него еще двух сыновей: Болеслава и Спытигнева и несколько дочерей; среди всех он выдавался своими дарованиями и добротой. Когда святой Вячеслав стал подрастать, отец его, по обычаю того времени, просил епископа и иереев со всем причтом церковным призвать на него благословение Божие. Епископ, отслужив литургию в церкви Пресвятой Богородицы и поставив затем отрока на ступени храма, благословил его такими словами:

– Господи Боже, Иисусе Христе, благослови сие отроча, якоже благословил еси праведных Твоих – Авраама, Исаака и Иакова и венчай его, якоже венчал еси правоверных царей, равноапостольных Константина и Елену.

С этого-то особенно времени Божией благодатию отрок стал расти и преуспевать. Бабка его, святая Людмила, поручила одному священнику, своему духовнику, учить его славянской грамоте, которою святой очень скоро овладел вполне. Видя его успехи, отец отправил его в город Будеч учиться латинскому языку и другим наукам; во всем этом он преуспевал к удивлению учителей.

Но волею Божиею случилось, что князь Вратислав скоро умер[6122] и святой Вячеслав, юный еще возрастом, вступил на родительский престол. Здесь, в сане правителя, выказал он в особенности свои дарования: вместе со своею матерью он старался об улучшении управления страны, заботился о своем семействе: выдал замуж сестер своих в соседние княжества, наблюдал за воспитанием младших братьев, не упуская случая и самому расширить свои познания, так что скоро он изучил вполне не только славянскую и латинскую, но и греческую грамоту, превосходя в этом отношении всякого священника или даже епископа. Бог благословлял его деятельность, одаряя его

премудростью. Он же усердно старался угодить Богу, заботился об убогих, кормил их, принимал странных по слову Евангельскому: «ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня» (Мф.25:35), почитал духовенство, строил и украшал церкви, ко всем относился с любовью, как к богатым, так и к бедным, и во всю недолговременную жизнь свою помышлял только о благом.

Но диавол, исконный враг рода человеческого, и теперь всячески старался посеять смуты: некоторые зломысленные вельможи захотели воспользоваться молодостью святого, так как по смерти отца своего он остался всего восемнадцати лет. И вот, сначала они стали восстанавливать князя Вячеслава против его матери, говоря, что она убила его бабку, святую Людмилу, и злоумышляет против него. Вячеслав сперва поверил этим словам и отправил свою мать в город Будеч, но скоро вспомнил слова Апостола Павла: «Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием» (Ефес. 6:2); вернул мать обратно в свой дом и с горькими слезами каялся, говоря:

– Господи Боже мой, не вмени мне сего во грех, – и повторял слова Псалмопевца: «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай» (Пс.24:7).

С этих пор он всячески почитал свою мать, так что она радовалась его благочестию и доброте: он питал увечных, заботился о вдовах и сиротах, выкупал пленных, всем делал добро, и всюду прославлялось имя доброго и праведного князя Вячеслава.

Злонамеренные вельможи, увидав, что их замыслы не удались вследствие разума и благонравия святого, стали возмущать против него брата его – Болеслава, который, как младший, должен был подчиняться Вячеславу. Они внушили Болеславу, будто князь Вячеслав со своими советниками и с матерью умышляют извести его, и советовали ему для спасения своей жизни убить святого князя и самому занять княжеский престол. Эти злобные советы соблазнителей смутили ум Болеслава и он стал помышлять о смерти своего брата, подобно тому, как почти сто лет спустя[6123] Святополк Окаянный,

желая быть единовластным в Русской земле, задумал избить братьев.

Желая исполнить свое преступное намерение, Болеслав пригласил брата к себе на освящение церкви, которое должно было произойти в воскресный день, с коим совпало тогда и празднование памяти святых Космы и Дамиана. Святой Вячеслав, приехав и отслушав святую Литургию, хотел возвратиться обратно в Прагу[6124], но Болеслав стал удерживать его, упрашивая не обидеть его отказом от угощения, которое он приготовил. Святой согласился остаться, хотя, когда он вышел на двор Болеславов, слуги предупреждали его о замыслах брата. Святой не поверил этому, возлагая всю свою надежду на Бога. Весь тот день они в радости провели вместе; а между тем ночью злодеи собрались во дворе одного из заговорщиков, по имени Гневысы, и вместе с Болеславом обдумывали, как бы им убить св. Вячеслава, и решили напасть на него, как только он встанет и пойдет к утрене, так как знали, что по благочестию своему святой не пропустит службы. И их предположения сбылись: лишь только раздался благовест к утрене, Вячеслав тотчас встал со словами:

– Слава Тебе, Господи Боже мой, яко дал еси свет и мне дожити до сего утра.

Затем он оделся и, умывшись, пошел в церковь; в воротах дома его догнал Болеслав. Святой, обернувшись, сказал:

– Здравствуй, брат; вчера хорошо…

Но не успел он докончить своей речи, как Болеслав, по наущению диавола, выхватил свой меч из ножен и ударил им брата по голове, со словами:

– Сегодня хочу тебя еще лучше угостить.

Вячеслав воскликнул:

– Брат, что ты задумал?

И схватив его и повалив на землю, спросил:

– Брат мой, какое зло я сделал тебе?

Но тут подбежал один из заговорщиков и поразил святого в руку. Тогда он, оставив Болеслава, побежал к церкви. Заговорщики бросились за ним и двое из них – Честа и Тира – зарубили его в самых дверях церковных, а третий – Гневыса –

пронзил его еще мечом в ребра. Блаженный испустил дух со словами:

– Господи, в руки Твои предаю дух мой.

По убиении князя злодеи стали избивать его дружину, грабить и изгонять всех тех, кого святой Вячеслав приютил в своем доме; заговорщик Тира стал советовать Болеславу напасть и на мать, чтобы сразу избавиться и от брата и от матери, но тот ответил, что это еще успеется, так как ей некуда скрыться.

Тело же святого Вячеслава заговорщики изрубили и бросили без погребения, только какой-то священник прикрыл его покрывалом. В то время мать святого, услышав о его убиении, бросилась искать его и, увидев изрубленные его останки, залилась горькими слезами. Она собрала все части его тела и, не смея отнести их к себе, тут же, на дворе священника этой церкви, омыла, одела, и тогда его отнесли в церковь и положили там. Отдавши этот последний долг своему мученически погибшему сыну, мать святого Вячеслава, спасаясь от смерти, укрылась в стране хорватов[6125], так что, когда Болеслав вздумал и к ней послать убийц, то они ее уже не могли найти.

Останки блаженного князя некоторое время еще находились в церкви, ожидая погребения, пока, наконец, позволили позвать священника, чтобы совершить отпевание святого мученика и похоронить его. А кровь его, пролитую в дверях церковных, как ни старались, никак не могли отмыть. По истечении же трех дней она сама исчезла чудесным образом[6126].

Вскоре братоубийца Болеслав сознал свой тяжкий грех и горько плакал, раскаиваясь и говоря:

– Я согрешил, и грех мой и беззакония мои я знаю, Боже помоги мне грешному.

Он послал священников и своих приближенных перенести мощи святого Вячеслава в стольный град Прагу и их с честью положили по правую сторону алтаря в церкви святого Вита, которую создал сам святой.

Житие преподобного отца нашего Кириака

Память 29 сентября

Преподобный Кириак происходил из Коринфа[6127] и был сыном пресвитера соборной церкви Иоанна; мать его звали Евдоксией. Родился он в последние годы царствования Феодосия Младшего[6128]. Родственник преподобного, Петр, епископ Коринфский, сделал его еще в отроческие годы чтецом соборной церкви. Упражняясь в чтении Божественных книг с утра до вечера и с вечера до утра, изучал Кириак Священное Писание, удивляясь тому, как Бог с самого начала мира всё премудро устроял для спасения человеческого, как во всяком поколении Он сподоблял великой чести угодивших Ему и даровал им великую славу. Ибо Он Авеля прославил за жертву (Быт.4:4), Еноха же почтил перенесением в рай за то, что тот весьма угодил Ему[6129]. Он сохранил от потопа за праведность Ноя, сию искру человеческого рода[6130] (Быт. 7:1–24, 8:1–22), явил Авраама ради веры его отцом многих народов[6131] (Быт.12:4–5), показал, что Ему приятно доброе священствование Мелхиседека[6132] (Быт.14:18–20; Евр. 7:1–28), возвеличил Иосифа ради его целомудрия (Быт.41:39–57), дал всему человечеству в лице Иова пример терпения (Иов; Иак.5:10–11), сделал Моисея законодателем, допустил Иисуса Навина остановить течение солнца и луны (Иис.Нав.10:12–14), явил в Давиде пророка, царя и праотца Христа Спасителя и превратил для отроков пламень Вавилонской печи в росу (Дан.3:50). Более же всего дивился Кириак, помышляя о бессеменном зачатии и неизъяснимом рождении Христа, – как Дева стала Матерью, соблюдши невредженным Свое девство и как Бог Слово, не изменяясь, соделался человеком, пленил крестом ад и, поправ обольстителя-змия, снова ввел Адама в рай. Размышляя об этом и читая жития святых, Кириак возгорелся духом, и в сердце его проник страх Божий; стал он стремиться к подражанию угодникам Божиим и помышлял о том, как бы ему уйти во святой град Иерусалим и там, отрекшись от мира, служить одному Богу. Занятый такими

размышлениями, однажды в воскресный день услышал он в церкви слова положенного на тот день Евангелия: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф.16:24). Кириак, уразумев, что сии слова относятся к нему, тотчас вышел из церкви и, не сказав никому о своем намерении, пошел на берег, где была пристань; найдя здесь корабль, отправлявшийся в Палестину, с упованием на Бога вошел он на сей корабль и отплыл на нем. Кириаку было восемнадцать лет от роду, когда он, как новый Иаков, вышел из дома отца своего (Быт.28:7–10), оставив все ради Бога. Вскоре он прибыл в святой град Иерусалим, где епископом был Анастасий; то было в восьмой год его епископства и в девятый год царствования императора Льва[6133].

Посетив святые места, Кириак пришел к некоему человеку Божию, по имени Евсторгию, устроившему монастырь близ святого Сиона[6134], и, будучи им принят, провел там зиму. Взирая на подвиги иноков, Кириак и сам начал подвизаться в иноческой жизни и, как бы по лестнице – с одной ступени на другую, восходил на саму вершину добродетельной жизни. Проживая в обители Евсторгия, он слышал от многих о святом Евфимии, устроившем лавру[6135] в пустыне, и о совершенной его жизни; поэтому он умолил блаженного Евсторгия отпустить его в Евфимиеву лавру, ибо он любил пустыню и хотел жить в ней. Преподав надлежащее наставление Кириаку, Евсторгий отпустил его с молитвою и благословением к преподобному Евфимию. Евфимий с любовью принял его, провидя в нем имеющие открыться дарования Божии; вскоре он своими руками постриг Кириака в иноки и послал на Иордан к святому Герасиму, который заменил собою великого Феоктиста, отшедшего ко Господу. Видя, что Кириак еще слишком молод, святой Герасим повелел ему жить у себя в общежитии монастырском и трудиться в различных послушаниях[6136].

Кириак показал себя готовым на всякие труды и пребывал на поварне, рубя дрова, нося воду и приготовляя кушанья; вообще всякое послушание исполнял он с благодарностью, не давая себе покоя, и тем самым утруждал свое тело. Ибо днем он работал со всем усердием для монастыря, а ночь стоял на

молитве, лишь иногда на некоторое время забываясь сном; постился же он так строго, что только через два дня вкушал хлеб и воду. Когда же, по обычаю, соблюдавшемуся в праздники, ему случалось вкусить немного вина, то он сначала разбавлял его водою, а равно и в елей вливал сок укропа.

Видя такое воздержание в столь молодые годы, преподобный Герасим дивился сему и полюбил Кириака. У Герасима был обычай уходить на святую Четыредесятницу в глубокую пустыню, называемую Рува, куда иногда удалялся и преподобный Евфимий. Любя блаженного Кириака, Герасим брал его с собою в пустыню, чтобы и ему дать возможность упражняться в особом воздержании. Там Кириак каждую неделю причащался из рук Герасима Святых Христовых Таин; так пребывали они в пустынном безмолвии до недели Ваий и потом возвращались в обитель с великою пользою для души своей. Спустя некоторое время преставился преподобный Евфимий, о чем святой Герасим узнал, находясь в своей келье, ибо видел Ангелов Божиих, с радостью возносивших на небо душу преподобного. Тотчас он взял с собою Кириака и пошел в лавру Евфимия, где нашел преподобного скончавшимся о Господе; предав погребению его честное тело, Герасим возвратился с возлюбленным учеником своим в свою келью.

В девятый год по прибытии Кириака в Палестину великий угодник Божий Герасим перешел от земных обителей в вечные. Тогда Кириак, будучи двадцати семи лет от роду, снова возвратился в лавру преподобного Евфимия, где некогда принял из святых рук его ангельский образ[6137]. Игуменом лавры в то время был Илия; испросив у него уединенную келью, Кириак стал жить в ней в безмолвии. В лавре обрел он себе друга, инока, по имени Фому, великого постника и совершенного в иноческом житии, и стал питать к нему великую любовь о Святом Духе: каждый из них получал пользу друг от друга, ибо они были оба исполнены благодати Божией. Но не долго они утешались своим дружеским совместным пребыванием, ибо воля Божия разлучила их. Так блаженный Фома был послан диаконом Фидом в Александрию купить некоторые предметы, потребные для монастыря. При сем ему вручено было

епископом Мартирием[6138] послание к Тимофею, архиепископу Александрийскому[6139]. Архиепископ Тимофей удержал пришедшего Фому у себя, прозрев пребывающую в нем благодать и, рукоположив его, поставил епископом в Эфиопскую страну[6140]. Пришедши туда, блаженный Фома просветил светом христианства все местности сей страны и, сотворив много знамений и чудес, был добрым пастырем порученного ему стада.

Лишившись друга своего, инока Фомы, святой Кириак наложил на себя обет глубокого молчания и жил, затворившись в келье, как бы погребенный во гробе, беседуя только с одним Богом, И остался он в той обители, где был хиротонисан во диакона, десять лет. В то время оба монастыря, Евфимиев и Феоктистов, имели одинаковое общежитие и одно управление, держась устава великого Евфимия. Но враг произвел в этих монастырях возмущение и поселил между ними разделение и раздор. Опечаленный сим разделением между монастырями, святой Кириак удалился в монастырь Сукийский, который основал и устроил преподобный Харитон, он стал проходить иноческие послушания. Пробыв четыре года в различных службах, в пекарне и в больнице, и заслужив одобрение всех отцов, он был допущен совершать диаконское служение; по истечении же трех лет после этого, на сороковом году от рождения, Кириак был поставлен пресвитером, а потом сделан канонархом[6141] и нес сие послушание восемнадцать лет; всего же в Сукийском монастыре прожил он более тридцати лет. Сам он свидетельствовал, что в то время, как он был канонархом, солнце не видело его вкушающим пищу или на кого-нибудь гневающимся. Говорил он также, что всякий вечер, став в келье на молитву, он совершал чтение и пение Псалтири до удара в било[6142] на полунощное пение.

Пожелав вести жизнь еще более строгую, Кириак на семидесятом году от рождения удалился в пустыню. Он взял с собою одного ученика и, путешествуя по пустыне много времени, дошел до той ее части, которая называлась Натуф, где и поселился. Не имея ничего для пропитания, ибо

растительность той пустыни была чрезвычайно горька, он помолился Богу и, веруя в Его милосердие, сказал ученику:

– Иди, чадо, набери горького зелия и свари его: благословен всемогущий Бог, – Он и тем зелием нас пропитает!

Ученик исполнил то, что велел ему святой; Бог же, питающий всех возложивших на Него упование, изменил горечь того зелия в сладость, и оно служило им пищею в продолжение четырех лет. В конце четвертого года о Кириаке услышал от пастухов, пасших в пустыне овец, старейшина комитов[6143] из Фекуи. Возложив на осла мешок с хлебами, он пришел к Кириаку, прося его благословения и молитв. Помолившись, Кириак беседовал с ним о душеполезных предметах, и затем с благословением отпустил его; с тех пор они стали питаться хлебами, привезенными старейшиною. Но однажды ученик Кириака сварил, без повеления блаженного старца, зелие и, когда вкусил его, то почувствовал такую горечь, что не мог произнести ни одного слова. Поняв причину его немотствования, старец помолился над ним, причастил его Пречистых Таин и тем исцелил его недуг. При сем он сказал ему в наставление:

– Не всегда Бог будет творить чудеса, но только во время наших бедствий и по крайней нужде нашей; когда мы не имели хлебов, Бог усладил для нас зелие, чтобы мы могли его есть; ныне же мы имеем хлебы, и есть ли необходимость в том чуде, чтобы горькое зелие превращалось в сладкое?

Но вот хлебы кончились, и опять оказался недостаток в пище; тогда старец снова сказал ученику:

– Благословен Бог, чадо, – набери и свари зелие.

Ученик исполнил повеление, но когда наступил час принятия пищи, то не хотел вкусить ее, боясь опять причинить себе тем страдание; старец же, осенив кушанье знамением креста, вкусил сначала сам, а потом, взирая на старца, осмелился вкусить и ученик, и оба они не потерпели никакого вреда, ибо нашли кушанье сладким, как и прежде, и с того времени стали питаться тем зелием.

На пятый год пребывания Кириака в пустыне о блаженном услышал некий муж родом из Фекуи, и, приведя к нему сына

своего, коего в каждое новолуние мучил лютый бес, молил святого, чтобы он сжалился над его сыном и изгнал из него того злого мучителя. Сотворив молитву, Кириак помазал больного елеем, изображая на нем крестное знамение, и сим изгнал беса. И возвратился тот человек с выздоровевшим сыном в свой дом и всем рассказывал об этом чуде.

Слух о святом прошел по всей стране той, и стало к нему стекаться много людей – один прося благословения, другой ради исцеления, а иной желая побеседовать с ним и получить пользу для души своей. Избегая славы человеческой, святой Кириак ушел во внутреннюю пустыню, называемую Рува, и пробыл в ней пять лет, питаясь корнями растения, называемого мелагрия, и свежими побегами тростника[6144]. Но и там нашли его некоторые, приносили к нему своих больных и страждущих от нечистых духов; святой же исцелял всех крестным знамением и молитвою.

Не находя и здесь себе покоя, святой ушел из Рувы и поселился в местности пустынной и сокровенной, где не было ни одного отшельника: сие место именовалось Сусаким и отстояло от Сукийского монастыря на девяносто поприщ[6145]. Здесь некогда стекались две глубокие реки, которые потом высохли, и осталось от них только глубокое и широкое русло. По словам некоторых, то были реки Ифамские, о которых Давид в псалмах говорил, обращаясь к Богу: «Ты иссушил сильные реки»[6146] (Пс.73:15). И пробыл там Кириак семь лет, проходя равноангельное житие.

По Божественному попущению, в тех странах наступил голод и мор. Убоявшись угрожающей напасти, отцы лавры Сукийской явились к святому Кириаку, умоляя его прийти в их монастырь; ибо они веровали, что если святой Кириак будет с ними, то от них отвратится гнев Божий. Так потом и случилось. Прибыв по просьбе братии в лавру, преподобный Кириак стал жить подле монастыря в отшельнической пещере, где прежде обитал преподобный Харитон.

В то время усиливалась ересь Оригенова[6147], в искоренении которой святой Кириак много потрудился, поборая безбожное еретическое учение, обращая обольщенных

молитвою и словом на истинный путь, правоверных же укрепляя в вере. Об этом писатель сего жития, Кирилл, говорит так:

– В то время, выйдя из лавры Евфимия великого, пришел я в лавру святого Саввы к преподобному епископу Иоанну Молчальнику. Им я был послан с письмом к авве Кириаку, чтобы известить его о раздоре, произведенном еретиками во святом городе, и умолять его обратиться с неотступными молитвами к Богу о низвержении гордости вождей еретических, Нона и Леонтия, повторяющих Оригеновы хулы на Христа. Пришедши в Сукийскую обитель, я пошел в пещеру преподобного Харитона и, поклонившись блаженному Кириаку, отдал ему письмо, причем сказал и сам то, что было повелено мне чудным Иоанном молчальником. Святой же отвечал мне:

– Пусть не скорбит пославший тебя отец, ибо вскоре, по милости Божией, мы увидим падение ереси.

И предсказал он скорую смерть Нона и Леонтия, проповедников Оригенова учения. Продолжая свою поучительную беседу, Кириак выяснил мне безумие и обман оригенитов и сказал, как ему Божественным откровением показан был вред сей ереси и погибель прельщенных ею. Узнав из нашего разговора, что я – инок из лавры великого Евфимия, блаженный сказал:

– Итак, брат, ты из одного монастыря со мною.

И начал он многое говорить мне о Евфимии на пользу души моей и, напитав душу мою полезными рассказами сладкою своею беседою, отпустил меня с миром. Вскоре сбылось пророчество блаженного Кириака, ибо ересеначальники внезапно умерли, еретическое общество распалось и кончилось гонение на православных. Тогда Кириак, освободившись от заботы, ушел из пещеры преподобного Харитона опять в Сусаким, на девяносто девятом году своей жизни, и провел там в безмолвии восемь лет.

Снова восхотев видеть святолепное лицо преподобного и насладиться сладкою беседою его, я отправился в обитель Сукийскую и, найдя там ученика его Иоанна, пошел с ним в Сусаким к блаженному Кириаку. Когда мы приблизились к тому

месту, нас встретил огромный и страшный лев. Увидя, что зверь привел меня в ужас, ученик святого Иоанн сказал мне:

– Не бойся, брат Кирилл: сей лев – служитель отца нашего и не делает никакого вреда приходящим к нему братиям.

Действительно, лев, видя, что мы идем к старцу, отошел с дороги. Увидав меня, авва Кириак сказал:

– Вот и брат из моего монастыря, Кирилл, пришел ко мне.

Сотворивши молитву, мы сели и стали беседовать. И сказал ему ученик его Иоанн:

– Отче! Брат Кирилл, увидев льва, очень испугался.

Старец же сказал мне:

– Не бойся, чадо Кирилл, того льва, ибо он живет со мною и стережет эти скудные овощи от диких коз.

Затем святой много рассказал мне о великом Евфимии и о других пустынных отцах, проводивших добродетельную жизнь, а потом велел подать мне есть. Когда мы ели, пришел лев и стал пред нами; старец же, встав, дал ему кусок хлеба, говоря:

– Иди, стереги овощи.

А мне сказал:

– Видишь ли, чадо, сего льва? Он не только стережет овощи, но и отгоняет отсюда разбойников и варваров: злые люди много раз нападали на сие убогое место, но лев прогонял их.

Услыхав сие, я дивился и прославил Бога, покорившего диких зверей как овец Своему угоднику. Пробыл я у него один день, но многому научился; наутро же, сотворив молитву, он преподал мне благословение и отпустил с миром, повелев ученику своему проводить меня. Выйдя от святого, мы встретили на дороге льва, который лежал и пожирал дикого козла; не смея идти мимо него, мы остановились, он же, увидев, что мы стоим, оставил добычу свою и, сойдя с дороги, дал нам пройти.

Место, где жил преподобный, было сухо и безводно, и не было там колодца; блаженный же, выдолбив в камне углубление, собирал в него зимою воду, и сей воды было довольно ему самому и для поливки овощей в течение всего лета. Но в один год, в июле месяце, вода, собранная в камне,

высохла от великого зноя. Скорбя о безводии, святой возвел очи на небо и помолился такими словами:

– Боже, напоивший в пустыне жаждавшего Израиля (Исх.17:1–6; Числ. 20:2–12)! Подай и мне в сей пустыне немного воды, нужной на потребу убогого моего тела.

И тотчас над Сусакимом явилось небольшое облако, вокруг жилища святого пошел дождь и наполнил ему все углубления, находившиеся между камнями. Так скоро Бог услышал раба Своего.

«Почитаю полезным, – говорит тот же писатель сего жития, Кирилл, – сказать здесь и о том, что поведал мне ученик блаженного Кириака отец Иоанн. Когда мы ходили с ним по пустыне, он показал мне одно место, говоря:

– Вот жилище блаженной Марии.

Я молил его поведать мне о ней, и он начал рассказывать:

– Некоторое время тому назад, – сказал он, – когда я шел вместе с другом моим, братом Парамоном, к отцу Кириаку, то мы издали увидели стоявшего человека и подумали, что то был какой-нибудь пустынник; мы поспешно пошли к нему, желая поклониться ему, но когда мы приблизились к тому месту, он тотчас скрылся от нас. Полагая, что это – злой дух, мы впали в немалый страх и потому стали на молитву. По совершении молитвы, оглядевшись по сторонам, мы нашли в земле пещеру и поняли, что это был не злой дух, а какой-то раб Божий, который от нас крылся. Подошедши к самой пещере, мы молили и заклинали его показаться нам и не лишить нас своих молитв и полезной беседы. И услышали мы из пещеры такой ответ:

– Какой пользы вы от меня хотите? Я – грешная и простая женщина.

И вопросила нас она:

– Куда вы идете?

Мы же отвечали:

– Идем к отцу Кириаку, отшельнику; но скажи нам, Бога ради: как тебя зовут, как живешь ты, откуда ты и зачем пришла сюда?

Она же отвечала:

– Идите, куда намеревались, а когда будете возвращаться, я всё расскажу вам.

Мы же заверяли ее, говоря:

– Не уйдем, доколе не услышим, как тебя зовут, и какова твоя жизнь.

Видя, что мы не хотим уйти, она начала говорить о себе, не показываясь нам из пещеры:

– Зовут меня Мария, была я псальтрией[6148] при церкви Христова Воскресения, и диавол многих соблазнял мною; во мне родился страх, чтобы не стать мне повинною в чьих-либо скверных помыслах и падении, и, чтобы не увеличить мне через то своих грехов, я усердно молилась Богу о том, чтобы Он избавил меня от такого соблазна. Итак, однажды, умилившись сердцем и проникшись страхом Божиим, я пошла в Силоам, почерпнула там в сосуд воды, взяла также с собою корзинку с моченными бобами, и, поручивши себя Божественному заступлению, ушла ночью из святого города в пустыню. Бог же благоволил привести меня сюда, и вот уже восемнадцать лет я живу здесь, и, по милости Божией, до этих пор не оскудела у меня ни вода в сосуде, ни бобы в корзине не уменьшились. Теперь, прошу вас, идите к отцу Кириаку и окончите свое дело; когда же будете возвращаться, то посетите меня убогую.

Услышав сие, мы пошли к отцу Кириаку и рассказали ему все, что слышали от блаженной Марии. Кириак удивился и сказал:

– Слава Тебе, Боже наш! Сколько Ты имеешь сокровенных святых, не только мужей, но и жен, служащих Тебе втайне! Идите, чада мои, к угоднице Божией и то, что скажет она вам, сохраните в памяти.

Возвращаясь от преподобного Кириака, мы пришли к пещере блаженной Марии и позвали ее, говоря:

– Раба Божия Мария! Вот мы пришли по твоему повелению.

Но ответа не было. Войдя во вход пещерный, мы сотворили молитву, но Мария нам не отвечала; когда же вошли мы во внутренность пещеры, то нашли Марию скончавшеюся о Господе, от святого же тела ее исходило великое благоухание. Мы не имели с собою ничего, во что бы могли одеть ее и в чем

похоронить, поэтому отправились в обитель и принесли оттуда все, что было нужно. Одевши блаженную, мы погребли ее в пещере и загородили вход камнем.

Так рассказывал мне отец Иоанн, я же, удивляясь таковому житию той рабы Божией, решил в уме своем предать сие письмени в назидание слушающим и во славу Человеколюбца Бога, подающего терпение любящим Его».

К концу восьмого года пребывания своего в Сусакиме, преподобный Кириак достиг глубокой старости, ибо имел уже сто семь лет от роду. Отцы Сукийской обители, сойдясь вместе, советовались между собою:

– Нельзя допустить, чтобы таковой отец, – говорили они, – преставился вдали от нашей обители; иначе мы не будем знать о честном преставлении и лишимся его последнего благословения.

Отправившись к святому, они долго умоляли его, чтобы он перешел из Сусакима в пещеру преподобного Харитона, находившуюся близ монастыря, в которой жил он прежде, когда боролся с оригенитами. Согласившись, наконец, на их просьбы, Кириак поселился в Харитоновой пещере, за два года до своего отшествия к Богу.

– Я же убогий, – говорит писатель, – часто приходил туда, утешал его и получал большую пользу для души моей от святых его бесед и великих подвигов. Несмотря на свои преклонные годы, святой Кириак отличался крепостью тела, был трудолюбив и очень деятелен. Никогда не оставаясь праздным, он или молился или работал. Был он человеком доступным для всех, прозорливым, учительным и правоверующим и исполнен был Духа Святого и благодати Божией. Когда же Господь наш благоизволил после многих трудов святого переселить его в небесный покой, преподобный впал в телесную болезнь, но пробыл в ней немного времени. Призвав к себе игумена той обители и братию, он сказал поучение о спасении души и, облобызав всех, благословил. Потом, воззрев на небо и простерши руки, он помолился о всех братиях и предал честную и святую душу свою в руки Господа, в двадцать девятый день сентября месяца[6149]. Прожил он всего сто девять лет.

Братия же много плакавши о нем, погребли святое тело его с подобающими псалмами и пением, славя Бога и поминая многолетние труды Его угодника.

Да будет же и от нас грешных Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Кондак, глас 8:

Яко поборника крепкого и заступника, чтущи тя священная лавра всегда, празднует летне памяти:[6150] но яко имея дерзновение ко Господу, от врагов находящих соблюди ны, да зовем: радуйся отче преблаженне.

Память святых мучеников Дады, Гаведдая и Каздои

Память 29 сентября

Во дни Сапора, царя персидского, отца святого мученика Гаведдая, жил при царском дворе один христианин, именем Дада, первый из царских вельмож, очень любимый и уважаемый царем. Царь послал его править одною из областей Персидского царства, не зная, что он – христианин. Вскоре донесли царю, что Дада исповедует Христа. Тогда послан был от царя вельможа Андромелих, чтобы расследовать, правда ли это. Убедившись, что это правда, Андромелих написал о том Сапору. Царь, после этого, предоставил этому вельможе полную власть над христианами своего царства, а сам вместе с сыном своим Гаведдаем начал допрашивать Даду и из беседы с ним еще яснее убедился, что он всею душою верует в Господа Иисуса Христа и желает умереть за Него. Тогда зажгли большой костер и хотели бросить в него святого Даду. А костер был так велик, что все видевшие его ужасались. Когда святой Дада подошел к ярко горевшему пламени, он осенил себя крестным знамением. Вдруг все увидали, что огонь погас и вместо огня потекла вода, и удивились такому великому чуду. А царский сын Гаведдай спросил святого мученика:

– Кто научил тебя таким чарам?

Святой Дада отвечал ему:

– Если и ты захочешь последовать учению, которому я следую, то и ты удостоишься совершать такие же чудеса.

– Неужели, – спросил его Гаведдай, – если я уверую в Христа твоего, я буду совершать такие же чудесные знамения? Святой Дада сказал ему на это:

– Не только будешь их совершать, но и воцаришься со Христом.

Тогда Гаведдай приказал развести большой костер, призвал имя Христово, и огонь погас. Увидев такое чудо, царевич припал к ногам святого Дады и исповедал свою веру во Христа. Вельможа царский Андромелих донес о всём этом царю Сапору.

Узнав, что сын его Гаведдай верует во Христа, царь приказал четырем слугам бить царевича суковатыми палками. Когда эти четверо изнемогли от долгого биения, царь приказал стать на место их другим. Во время биения, святой Гаведдай призывал Бога на помощь. Ему явился Ангел и укрепил его, говоря ему:

– Дерзай, я с тобою.

После того святого мученика бросили в темницу, где он пробыл пять дней. Вскоре Сапор поручил власть судить всех христиан своего царства некоему Гаргалу, который велел бить святого Гаведдая ремнями из воловьей кожи. Претерпевая такое мучение, святой мученик поносил отцовскую веру. Тогда Гаргал приказал содрать с тела его, от ног до головы, два ремня кожи, говоря:

– Посмотрю, придет ли Христос твой, чтобы исцелить тебя. Святой же мученик вдруг сделался совершенно здоров. Гаргал заключил его в темницу; но, силою Божией, и узы его разрешились. Обезумел судия от гнева и пошел доложить о всем этом царю, который сказал ему:

– Убей нечестивого, ибо он больше не сын мой, но зломыслящий человек, потому что уверовал во Христа.

Гаргал раскалил железный прут и пронзил им голову святого мученика насквозь через уши. Но в то время как мученик молился, явился Ангел, вынул прут и исцелил святого страдальца. Увидев это, Гаргал начал терзать тело его острыми железными спицами, приговаривая:

– Увидим, придет ли твой Христос и исцелит ли тебя.

Но святой Гаведдай опять помолился и получил исцеление. Будучи свидетелями всего этого, темничные сторожа пришли в страх и воскликнули:

– Велик Бог христианский.

Но судия еще больше разъярился и велел вонзить в плечи мученика железные спицы и повесить его, оставив его в сем положении от третьего до девятого часа. Святой висел и молился. Затем его сняли и опять отвели в темницу. Мать и сестра желали навестить его в темнице, но боялись царя. А сам Сапор, узнав, что мученик жив, подверг его новому мучению: он велел содрать кожу с головы его, покрыть лицо его и снова

заключить в темницу. Святой претерпевал всё сие славя Бога. Узнав, что мученик всё еще жив, царь приказал вырвать у него ногти на руках и ногах и выбить все его зубы. Заключив опять его в темницу, он запретил давать ему пить и пускать к нему кого-либо.

Сестра мученика украдкою прошла в темницу и дала ему пить воды, а темничному сторожу под страхом казни запретила говорить о том. Среди всех страданий святой мученик радовался и врачевал от недугов и болезней всех к нему приходивших, и все дивились сему.

В то время сидел в темнице иной Гаргал, волхв, наказанный за многие свои преступления; увидев терпение святого Гаведдая, а также чудеса, которые он совершал, этот волхв припал к его ногам и сказал:

– Молю тебя, раб Божий: помяни меня пред Христом твоим.

Святой ответил ему:

– Веруй в Него, и Он избавит тебя от всех зол твоих.

Гаргал воскликнул:

– Верую в Тебя, Господи Иисусе Христе!

Затем он присоединился к Гаведдаю. На другой день мучитель велел обоих их привести к себе на суд и, раздев Гаргала, бить его палками. Во время биения, мученик взирал на небо и молился так:

– Господи Иисусе Христе, имени Твоего ради я страдаю: укрепи меня!

И сказав сие, он предал дух свой Господу. А святого Гаведдая положили на вертящееся колесо и содрали кожу с его ног. Затем начали жечь ему ручные мышцы раскаленными железными молотками и опять ввергнули его в темницу.

Узники, находившиеся в ней, помазывались кровью, истекавшею из ран его, и получали исцеление от ран своих; и все болящие получали исцеление и славили Бога. Когда князь Гаргал услышал об этом, то не поверил. Но велик был его ужас, когда святой мученик, выведенный по прошествии 15 дней из темницы, оказался цел и совершенно здоров. Тогда он велел бросить его в раскаленный котел, наполненный смолой и серой, но и после этого мученик остался невредимым.

Посоветовавшись со своими приближенными, мучитель приказал распять святого мученика на кресте, и затем в него долго стреляли из лука в присутствии многочисленной толпы. Тогда последовало новое преславное чудо: не только сам святой оставался невредим, но и самые стрелы, пускаемые в его тело, отскакивали и ранили стрелявших. Всё сие поражало народ ужасом. Донесли об этом царю. Он послал дочь свою Каздою, чтобы утешить святого Гаведдая. Каздоя же, пришедши к Гаведдаю и увидавши всё, бывшее с ним, сама наученная им уверовала во Христа. Сапор сильно разгневался и приказал растянуть дочь свою на земле и бить ее палками, после чего и ее бросили в темницу. Каздоя, лежа в темнице и страдая от ран, говорила святому Гаведдаю:

– Помолись за меня, чтобы я могла вынести сии мучения.

Святой мученик ответил ей:

– Твоя вера во Христа поможет тебе, не скорби: я уповаю на Господа, что, по Его воле, мучение не коснется тебя, и ты не будешь более мучена другою мукою.

Царь Сапор велел вывести святого мученика и связать ему руки и ноги, а затем бросить его среди конского ристалища, чтобы в течение ночи святой был растоптан конями. Но благодатью Божией святой мученик был сохранен невредимым от них и благословлял Бога за то. Увидев на другой день, что святой развязан и совершенно здоров, все дивились сему чуду. Тогда стали опалять его зажженными головнями, он же все молился и немолчно славил с радостью Господа. А Дадий и Авдий, которые были христианами и стояли там, боясь царского гнева, тайно записывали страдания святого мученика. Святой сказал им:

– Если возможно, принесите мне воды и масла, чтобы я мог креститься; если же это невозможно, то молитесь, чтобы Господь отпустил мне грехи мои.

И вот малое облако излило на главу мученика воду и масло. И из облака послышался голос:

– Раб Божий, ты уже принял святое крещение!

И лицо мученика просветилось как солнце, и в воздухе разнеслось благоухание. Услышав сей голос, святой Гаведдай

благодарил и славил Бога. Тогда Гаргал приказал пронзить тело его острыми копьями. несколько часов терпел святой мученик это мучение и, наконец, с молитвою на устах предал дух свой в руки Господни. Гаргал велел рассечь тело его на три части и разбросать их в разные стороны. Дадий и Авдий, бывшие священниками, и Армазат диакон взяли его святые мощи с великой честью, принесли к себе в дом и, помазав их ароматами, с благоговением погребли, славя Бога. А святого и славного Даду, царского сродника, которого и раньше много мучили, рассекли, наконец, на части, и так он скончался о Господе. Некоторые же боголюбцы взяли тело его и, с честью опрятавши его, положили его в нарочитом месте. Когда вышеназванные мужи (Дадий, Авдий и Армазат) в ту ночь вместе совершали песнопение, в полночный час святой Гаведдай стал среди них и сказал им:

– Возмогайте о Господе, братие.

Они сильно возрадовались от такого видения. Святой же снова сказал им:

– Да подаст вам Господь награду за то, что вы сделали!

И, преклонив главу свою к Дадию, он сказал ему:

– Возьми с головы моей рог с маслом и, взяв часть тела Христа моего, войди в царский дворец и помажь маслом сестру мою Каздою, а затем преподай ей святое тело Христово.

Дадий сделал по слову святого мученика, крестил ее и причастил Святых Таин, говоря:

– Усни, сестра, до пришествия Господня!

И вот, Ангел Господень взял душу ее, и она переселилась на небо. Когда ее матерь пришла к ней, она нашла ее уже умершею. Тогда она вошла к царю и сказала ему:

– Вот, какой ты бесчеловечный и жестокий, – даже родных детей своих не пощадил! Радуйся, что сын твой, после многих мучений, убит, убита также и дочь твоя! Горе твоему жестокосердию! Но дети твои, так безвременно умершие, уже не боятся твоего гнева.

Слыша такие слова своей супруги, жестокий и бесчеловечный царь нимало не поскорбел, хотя она и говорила ему всё сие со слезами, но оставался таким же непреклонным и

жестоким. При виде такого его бесчеловечия, царица взяла драгоценные ароматы, окадила святое тело своей дочери фимиамом и, одевши его царскою багряницею, положила рядом с телом сына своего Гаведдая, тихо плача и жалобно восклицая:

– Любимые дети мои! Помяните меня, матерь вашу в день вашей радости, когда вы будете радоваться со Христом, – чтобы и я, окаянная, обрела себе разрешение грехов в славе Христа Бога! [6151]

Память преподобного Феофана

Память 29 сентября

В городе Газе[6152] жил богатый человек, по имени Феофан, очень милостивый, который принимал и покоил странников и совершал другие добрые дела. По прошествии некоторого времени, все его имущество было роздано нищим и убогим, и сам он совершенно обнищал. Но не поскорбел он о том, и только воздыхал о грехах своих. После этого, попущением Божиим, впал он в лютый недуг, так что и руки, и ноги его отекли водою и начали разлагаться, отчего истекло много гноя. Но он все сие смиренно терпел, благодаря Бога и восхваляя Его. Когда же настало ему время умереть, началась такая сильная буря, что нельзя было вынести тела его из дома на погребение.

Жена его с горькими слезами восклицала:

– Увы мне, господин мой, что мне делать? Как мне вынеси тело твое на погребение?

Он же ответил ей:

– Не плачь жена: до этих пор продолжалось испытание, но вот наступает помилование от милосердого Бога. Ибо в час моей кончины прекратится, по воле Божией, буря.

Так и случилось: в тот самый час, как предал он душу свою в руки Божии, наступила полная тишина на земле и в воздухе. Пришли соседи его, начали омывать тело его и увидели, что на нем не было ни одной раны или язвы, благоговейно погребли они его. По прошествии четырех дней, он явился одному человеку во сне и велел ему отвалить надгробный камень на его могиле. Когда это было сделано, то великое благоухание распространилось от его тела и, вместо гноя, истекло миро, исцелившее всех больных, приходивших и приносимых к мощам святого Феофана.

Житие и страдание святого священномученика Григория, епископа великой Армении, и с ним тридцати семи дев

Память 30 сентября

Святой Григорий, просветитель Великой Армении[6153], происходил от знатных и благородных, но пребывавших во тьме неверия, родителей. Отец его, по имени Анак, из племени парфян[6154], был родственником персидского царя Артабана и брата его, армянского царя Курсара. В Армению Анак переселился при следующих обстоятельствах. Когда Персидское царство подпало под власть парфян и персидским царем сделался парфянин Артабан, персы тяготились тем, что они находятся под иноземным владычеством. В это время у персов одним из знатнейших вельмож был Артасир, который, согласившись предварительно со своими друзьями и единомышленниками, возбудил восстание против царя Артабана, убил его, а сам воцарился на престоле персидских царей. Когда армянский царь Курсар услыхал об убиении своего брата Артабана, то глубоко скорбел о нем и, собрав всё армянское войско, пошел войною на персов, мстя за пролитие братней крови. В течение десяти лет Персия подвергалась нападению армян и испытывала от них великий вред. Находясь в большой печали и недоумении, Артасир советовался со своими вельможами о том, как отразить нападение врагов и поклялся сделать соправителем себе того, кто убьет Курсара. На бывшем у царя совещании присутствовал и отец Григория – Анак, который дал обещание победить Курсара без войны и посредством некоего хитрого замысла убить его. На это Артасир сказал ему:

– Если ты приведешь в исполнение свое обещание, то я возложу на твою голову царский венец и ты будешь правителем вместе со мною, царство же Парфянское останется за тобой и твоим родом.

Так условившись и подтвердивши между собою условия, они разошлись. Для исполнения задуманного дела Анак на помощь себе пригласил брата. Они отправились из Персии со всем имуществом, с женами и детьми, и под предлогом, будто они изгнанники, избежавшие Артасирова гнева, пришли в Армению к царю Армянскому, как к своему родственнику. Тот их радушно принял и, дав им разрешение поселиться на его земле, сделал их ближними своими советниками. Он доверил все свои планы и даже себя самого Анаку, которого и назначил первосоветником в своем царском совете. Анак же льстиво закрался в царское сердце, замышляя в собственном своем сердце, как бы убить царя, и изыскивал удобный к тому случай.

Как-то раз, когда царю случилось быть на горе Араратской, Анак и его брат выразили желание, чтобы царь поговорил с ними наедине.

– Мы имеем, – говорили братья, – высказать тебе тайно некий благопотребный и полезный совет.

И вот они вошли к царю, когда он был один, нанесли ему мечом смертельный удар, затем, вышедши, сели на заранее приготовленных лошадей и умчались, желая направиться в Персию. По прошествии непродолжительного времени в царские покои вошли постельники и нашли там на полу царя чуть живым и плавающим в крови. Постельники были поражены великим страхом и о всем происшедшем и виденном ими сообщили всем воеводам и вельможам. Те поспешили по следам убийц, настигли их при одной реке, убили и утопили в воде. Израненный же царь Курсар, умирая, приказал умертвить все семейство Анака и его брата, с их женами и детьми, что и было приведено в исполнение.

В то время, как истреблялся род Анака, один из родственников его успел похитить двух, находившихся еще в пеленках сыновей Анаковых – святого Григория и брата его, и, скрыв у себя, воспитывал их. Между тем в Армении случился большой мятеж; услыхав об этом, Персидский царь Артасир пришел со своим войском в Армению, покорил Армянское царство и подчинил его своей власти. После же царя Армянского Курсара остался малолетний ребенок, по имени

Тиридат, которого Артасир пощадил и отослал в Римскую страну, где он, придя в возраст и сделавшись весьма сильным, стал воином. А спасшиеся от убиения малолетние сыновья Анака были взяты один в Персию, а другой, названный Григорием, – о котором и предлежит речь, – был отправлен в Римскую империю. Придя в возраст, проживал он в Кесарии Каппадокийской, научился здесь вере в Господа нашего Иисуса Христа, и пребывал добрым и верным рабом Господним. Он вступил там в супружество и родил двух сыновей, Орфана и Аростана, которых со дня рождения посвятил на служение Господу. По достижении зрелого возраста Орфан удостоился пресвитерского сана, а Аростан стал пустынножителем.

Вскоре после рождения двух названных сыновей умерла жена Григория, и с сего времени блаженный Григорий стал еще усерднее служить Богу, ходя непорочно во всех заповедях и наставлениях Господних. В то время Тиридат, находясь на службе в Римском войске, получил некоторую почетную должность, так как происходил из царского рода. Услыхав о Тиридате, святой Григорий пришел к нему, как бы совершенно не зная того, что отец его Анак убил Курсара – отца Тиридата. Храня тайну об убийстве Курсара, он стал верным слугой Тиридата, искупая и возмещая своей верной службой сыну Курсара грех своего отца. Видя усердную службу Григория, Тиридат возлюбил его; но потом, когда узнал о том, что Григорий – христианин, разгневался на него и поносил его. Григорий же, пренебрегая несправедливым гневом своего господина, продолжал сохранять непорочную веру во Христа Бога.

В те дни случилось нашествие готов[6155] на принадлежавшие римлянам страны, и тогдашнему римскому царю было необходимо отправиться на войну против готов. Когда римское и готское войска сошлись близко и стали одно против другого, готский князь стал вызывать римского царя на единоборство. Последний, побоявшись выходить сам на вызов готского князя, стал искать вместо себя такого воина, который смог бы вступить в борьбу с готским князем; такого воина царь нашел в лице храброго Тиридата, которого он облек в царское

вооружение, и, выдав за царя, выставил против готского князя. Вступив с последним в единоборство, Тиридат без меча поборол его, захватил живым и привел к римскому царю. Этим самым одержана была победа и над всем готским войском. За сей подвиг римский царь возвел Тиридата на престол отца его, сделал его царем Армении и заключил для него мир между армянами и персами. С ним вместе, как верный его слуга, удалился в Армению и блаженный Григорий.

Когда царь Тиридат приносил жертвы идолам, и больше других богине Артемиде, к которой имел наибольшее усердие, он часто и усердно просил Григория, чтобы последний вместе с ним принес жертву идолам. Григорий отказывался и исповедовал, что ни на небе, ни на земле нет Бога кроме Христа. Услыхав эти слова, Тиридат приказал тяжко мучить Григория. Прежде всего ему вложили между зубами кусок дерева, насильственно широко раскрывая уста, так чтобы они не моли сомкнуться для произнесения слова. Затем, привязавши к его шее большой кусок каменной соли (в Армении такие камни выкапываются из земли), повесили его вниз головой. Святой терпеливо висел в таком положении в течение семи дней; на восьмой день повешенного стали беспощадно бить сверху палками, а затем в течение других семи дней морили его, висящего вниз головою, дымом от навоза, зажженного под ним. Он же, вися, прославлял имя Иисуса Христа и, после того как из уст его было вынуто дерево, поучал стоявший и смотревший на его мучения народ веровать в Единого истинного Бога. Видя, что святой пребывал непоколебимо в вере и мужественно переносил страдания, ему стиснули досками ноги, стянули их крепко веревками и в пятки и подошвы набили железных гвоздей, приказывая при этом ходить. Так он ходил, воспевая псалом: «По слову уст Твоих, я охранял себя от путей притеснителя» (Пс.16:4). И еще: «С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои»[6156] (Пс.125:6). Мучитель же приказывал особыми орудиями сгибать голову святого, потом, насыпав в ноздри соли с серою и налив уксуса, завязать голову в мешок, наполненный сажею и пеплом. В таком положении святой пробыл шесть дней.

Потом его вновь повесили вниз головой, и насильно вливали ему в уста множество воды, насмехаясь при этом над святым: ибо в тех, которые были исполнены всякой бесстыдной нечистоты, не было никакого стыда. После таких мучений царь опять стал соблазнять страдальца лукавыми словами к идолопоклонству; когда же святой не склонился на обещания, мучители снова повесили его и строгали его ребра железными когтями. Так изъязвив все тело святого, волочили его обнаженным по земле, покрытой острыми железными гвоздями. Мученик претерпел все сии страдания и, наконец, был брошен в темницу, но там, силою Христовой, остался невредим.

На другой день святой Григорий был выведен из темницы и с веселым лицом предстал пред царем, не имея ни одной раны на теле. Видя все это, царь удивился, но еще питая надежду, что Григорий исполнит его волю, стал мирно разговаривать с ним, чтобы тем обратить его к злочестию своему. Когда же святой Григорий не повиновался льстивым речам, царь приказал обуть его в железные сапоги и, забивши в колодки, стеречь его до трех дней. По истечении же трех дней, он позвал святого к себе и сказал ему:

– Ты напрасно уповаешь на твоего Бога, потому что не имеешь от Него никакой помощи.

Григорий отвечал:

– Безумный царь, ты сам готовишь себе мучения, я же, уповая на моего Бога, не изнемогу. Я не буду щадить ради Него и моей плоти, потому что поскольку истлевает человек внешний, постольку же обновляется внутренний человек.

После этого мучитель приказал растопить в котле олово и облить им святого по всему телу, но тот, претерпевая всё сие, непрестанно исповедовал Христа.

В то время, как Тиридат измышлял, как бы победить непреклонное сердце Григория, кто-то из толпы сказал ему:

– Не умерщвляй, царь, сего человека – это сын Анака, который убил твоего отца и предал Армянское царство в плен персам.

Услыхав сии слова, царь воспылал большею ненавистью за кровь отца своего и приказал связать Григория по рукам и ногам

и бросить его в городе Артаксате в глубокий ров. Сей ров был страшен всякому даже при одной мысли о нем. Выкопанный для осужденных на казнь лютою смертью, он был наполнен болотною тиною, змиями, скорпионами и различного рода ядовитыми гадами. брошенный в этот ров, святой Григорий пробыл там четырнадцать лет, оставаясь невредим от гадов. По Божественному промышлению о нем одна вдова бросала ему каждый день ломоть хлеба, которым он и поддерживал свою жизнь. Думая, что Григорий давно уже погиб, Тиридат перестал даже вспоминать о нем. После этого царь воевал с персами, покорил их страны до самой Сирии и возвратился домой с блестящей победой и славой.

В те времена император Римский Диоклетиан разослал по своему государству гонцов искать себе в жены саму красивую изо всех девицу. Такая и была найдена в лице христианки Рипсимии, которая, обручивши свое девство Христу, проживала в посте и молитвах в девичьем монастыре, под наблюдением игумении Гаиании. Послы приказали написать изображение Рипсимии, которое и отослали царю. Изображение Рипсимии чрезвычайно понравилось по своей красоте царю; воспламененный ею, он послал ей предложение сделаться его женою. Получив предложение, Рипсимия воззвала в сердце своем ко Христу:

– Жених мой, Христос! Я не отступлю от Тебя и не положу хулы на мое святое девство.

Она посоветовалась с сестрами монастыря и со своей игуменьей Гаианией, и вот собравшись, она и все сестры убежали тайно из монастыря. После несказанных лишений во время пути, претерпевая голод и бесчисленные трудности, они пришли в Армению и поселились близ города Арарата[6157]. Здесь стали они жить в виноградниках, причем наиболее сильные из них ходили на работу в город, где и добывали себе и прочим сестрам средства для необходимого пропитания. Всех дев, согласившихся так страдать и претерпевать в странствиях лишения и скорби из-за сохранения чистоты девства, было тридцать семь.

Получив уведомление, что Рипсимия с прочими сестрами монастыря убежала в Армению, Диоклетиан послал к армянскому царю Тиридату, с которым состоял в большой дружбе, такое извещение:

– Некоторые из христиан обольстили Рипсимию, которую я желал сделать своею женой, и вот она предпочитает скитаться со стыдом по чужим странам, нежели быть мне женою. Найди же ее и отошли к нам, или, если пожелаешь, возьми ее в жены себе.

Тогда Тиридат отдал приказ повсюду искать Рипсимию и, узнав, где она находится, велел, чтобы предупредить ее бегство, поставить вокруг ее местопребывания стражу. Получив известие от лиц, видевших Рипсимию, что последняя – удивительной красоты, он разгорелся пламенным желанием овладеть ею и послал к ней все приличествующие царскому сану украшения, чтобы, наряженная в них, она была приведена к нему. По совету игумении Гаиании, под руководством которой она воспитывалась от юности, Рипсимия отвергла все присланные Тиридатом украшения и не пожелала идти к нему. Сама же игумения Гаиания говорила посланным от царя:

– Все сии девицы уже обручены Небесному Царю и невозможно, чтобы какая-нибудь из них вступила в брак земной.

После этих слов внезапно ударил оглушительный гром и был слышан небесный голос, говоривший девам:

– Дерзайте и не бойтесь, потому что Я с вами.

Посланные воины так устрашились ударов сего грома, что пали ниц на землю, а некоторые, попадав с лошадей, умерли, истоптанные ногами их. Посланные ни с чем возвратились к царю в страшном ужасе и пересказали ему всё бывшее.

Исполнившись яростного гнева, царь послал тогда одного из князей с большим воинским отрядом, чтобы изрубить мечами всех дев, а Рипсимию привести насильственно. Когда воины с обнаженными мечами напали на дев, Рипсимия сказала князю:

– Не губите этих дев, меня же ведите к вашему царю.

И взяли ее воины и повели, не причинив никакого зла прочим девственницам, которые по удалении воинов скрылись.

Во время пути Рипсимия призывала на помощь своего Жениха-Христа и вопияла к нему: «Избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою»[6158] (Пс.21:21). Когда Рипсимия была введена в царскую опочивальню, она возвела горе свои телесные и душевные очи, и усердно со слезами молилась Богу, чтобы Он всесильною Своею рукою сохранил неврежденным ее девство. При этом она вспоминала чудесную и милостивую Его помощь, которую Он древле являл находившимся в бедствиях людям: как Он спас Израильтян от руки фараоновой и от потопления (Исх. 14:1–31, 15:1–27), сохранил невредимым Иону во чреве китовом (Ион. 1:1–16), трех отроков соблюл в печи от огня (Дан. 3:1–100) и избавил от прелюбодейных старцев блаженную Сусанну (Дан. 13:1–64), – и молила она Бога, чтобы и самой ей быть спасенной таким же образом от Тиридатова насилия.

В это время вошел к Рипсимии царь и, увидев необыкновенную ее красоту, сильно воспламенился ею. Движимый лукавым духом и телесною похотью, он подступил к ней, и, обнимая ее, пытался сделать над нею насилие; она же, укрепляемая силою Христовою, твердо сопротивлялась ему. Царь долго боролся с нею, но не мог причинить ей никакого вреда. Ибо сия святая дева, с помощью Бога, оказалась более сильною, чем славный и сильный воин Тиридат. И вот тот, который некогда победил без меча готского князя и поразил персов, теперь был не в силах одолеть Христову деву, потому что ей, как некогда первомученице Фекле, телесная сила подавалась свыше.

Ничего не достигнув, царь вышел из опочивальни и повелел послать за Гаианией, зная, что она была наставницею Рипсимии. Ее скоро нашли и привели к царю, который стал просить Гаианию убедить Рипсимию исполнить его волю. Гаиания же, придя к ней, стала говорить ей на латинском языке, чтобы ее слов не могли понять находившиеся там армяне. Она говорила Рипсимии совсем не то, что было угодно царю, но то, что было полезно для ее девической чистоты. Она прилежно учила Рипсимию и наставляла, чтобы та до конца соблюдала обрученное Христу свое девство, чтобы помнила о любви

Жениха своего и о уготованном ее девству венце; чтобы боялась Страшного Суда и геенны, которая пожрет не хранящего своего обета.

– Лучше для тебя, Христова дева, – говорила Гаиания, – здесь умереть временно, нежели там вечно. Разве ты не знаешь того, что говорит в Евангелии прекраснейший твой Жених – Иисус Христос: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28). Никогда не соглашайся сотворить греха, даже если нечестивый царь решится убить тебя. Это будет пред чистым и нетленным твоим Обручником самой лучшей похвалой твоему девству.

Некоторые из присутствовавших там, знавшие латинский язык, поняли, что говорила Гаиания Рипсимии и рассказали о том другим царским слугам. Услыхавши сие, последние стали бить Гаианию камнем по устам так, что выбили ей зубы, настаивая, чтобы она говорила то, что повелевает царь. Когда же Гаиания не прекращала поучать Рипсимию страху Господню, ее увели оттуда. Много потрудившись в борьбе с Рипсимией и увидев, что от нее ничего нельзя добиться, царь начал, как бесноватый, трястись и кататься по земле. Между тем Рипсимия, с наступлением ночи, убежала никем не замеченная за город. Встретивши подвизавшихся вместе с нею сестер, она рассказала им о своей победе над врагом и о том, что она осталась не осквернённою. Услышав сие, все восхвалили и возблагодарили Бога, не предавшего на позор Своей невесты; и всю ту ночь воспевали они, молясь своему Жениху Христу.

Наутро нечестивые схватили Рипсимию и предали ее мучительной смерти. Прежде всего ей вырезали язык, потом, обнаживши ее, привязали за руки и за ноги к четырем столбам и опаляли ее свечами. После этого острым камнем распороли ее чрево, так что выпали все внутренности. Наконец, выкололи ей глаза и рассекли всё тело на части. Так, путем горькой смерти отошла святая дева к своему сладкому Жениху – Христу[6159].

После этого схватили и остальных девиц, сестер и спостниц святой Рипсимии, числом тридцать три, и умертвили их мечами, а тела их бросили на съедение зверям. Игумения же Гаиания с двумя другими, находившимися при ней девами, была

умерщвлена самою жестокою смертью. Прежде всего, просверливши им ноги, повесили их вниз головою и с живых содрали кожу; потом, прорезавши им сзади шеи, вытащили и вырезали языки их; затем, рассекли острым камнем чрево их, вытащили оттуда внутренности и отрубили мученицам головы. Так они отошли к своему Обручнику – Христу.

Тиридат же, будучи как безумный, лишь на шестой день после смерти этих дев пришел в себя и отправился на охоту. По чудесному и дивному Божественному смотрению, во время этого пути его поразила столь жестокая казнь, что в состоянии беснования потерял он не только ум, но даже самое подобие человеческое, сделавшись по своему виду как бы диким вепрем, как некогда Навуходоносор, царь Вавилонский (Дан.4:30). И не только сам царь, но и все военачальники, солдаты и вообще те, которые одобряли мучения святых дев, стали бесноватыми и бегали по полям и дубравам, растерзывая на себе одежды и пожирая свое собственное тело. Так Божественный гнев не замедлил наказать их за неповинную кровь, и ни от кого им не было помощи: ибо кто может устоять пред гневом Божиим?

Но милосердный Бог, Который «не до конца гневается, и не вовек негодует» (Пс.102:9), часто карает людей для собственной их пользы, чтобы исправить человеческое сердце к лучшему. И Господь по милосердию Своему помиловал их следующим образом: сестре царской, Кусародукте явился во сне в великой славе некий страшный муж и сказал ей:

– Тиридат не исцелеет, если Григорий не будет выведен изо рва.

Проснувшись, Кусародукта рассказала своим приближенным видение, и всем этот сон представился странным, ибо кто мог ожидать, чтобы Григорий, брошенный в болото, полное всяких гадов, остался живым после четырнадцати тяжких лет, проведенных там! Однако же подошли ко рву и громко воззвали, говоря:

– Григорий, жив ли ты?

И Григорий ответил:

– Благодатию Бога моего – я жив.

И он, бледный и обросший волосами и ногтями, исхудавший и почерневший от болотной тины и крайних лишений, – был выведен изо рва. Святого омыли, одели в новые одежды, и, подкрепивши пищей, повели к царю, имевшему вид вепря. Все вышли к святому Григорию с великим почтением, кланялись, припадали к его ногам и молили его, чтобы он упросил своего Бога об исцелении царя, военачальников и всего его войска. Блаженный Григорий прежде всего расспросил их о телах убиенных святых дев, так как они лежали не погребенными в течение десяти дней.

Затем он собрал разбросанные тела святых дев и, оплакивая бесчеловечную лютость нечестивых мучителей, достойным образом похоронил их. После этого он начал поучать мучителей, чтобы они отвратились от идолов и уверовали во Единого Бога и Сына Его Иисуса Христа, надеясь на Его милость и благодать. Святой Григорий возвестил им, что Господь Бог сохранил его живым во рве, где часто посещал его Ангел Божий, чтобы он имел возможность привести их от тьмы идолопоклонства к свету благочестия; так святой наставлял их вере во Христа, возлагая на них покаяние.

Увидев их смирение, святой повелел им устроить большую церковь, что они и исполнили в непродолжительное время. В эту церковь Григорий внес с большим почетом тела блаженных мучениц, поставил в ней святой крест и повелел народу собираться там и молиться. Затем, он привел царя Тиридата к телам святых дев, которых тот погубил, что он просил их молитв пред Господом Иисусом Христом. И лишь только царь исполнил сие, как ему был возвращен человеческий образ, а от бесновавшихся воевод и воинов были отогнаны лукавые духи. Вскоре вся Армения обратилась ко Христу, народ разрушал идольские капища и, вместо них, сооружал церкви Богу. Царь же пред всеми открыто исповедовал свои грехи и свою жестокость, возвещая казнь Божию и благодать, на нем явленные. После этого он сделался руководителем и начинателем всякого доброго дела. Он отослал святого Григория в Кесарию Каппадокийскую к архиепископу Леонтию для того, чтобы тот рукоположил его во епископа. Возвращаясь из Кесарии после

рукоположения, св. Григорий захватил с собою оттуда многих пресвитеров, которых почел наиболее достойными. Он крестил царя, воевод, все войско и весь остальной народ, начиная с царедворцев и кончая самым последним поселянином. Таким образом, святой Григорий привел к исповеданию истинного Бога бесчисленное множество народа, созидая храмы Божии и принося в оных бескровную жертву.

Переходя из города в город, он рукополагал священников, устроял школы и ставил в них учителей, – словом делал все, что относилось к пользе и потребностям церковным и было необходимо для служения Богу; царь же раздавал церквам богатые имения. Святой Григорий обратил ко Христу не только армян, но и жителей других стран, как-то: персов, ассирийцев и мидян. Он устроил множество монастырей, в которых с успехом процветало дело евангельской проповеди.

Так все благоустроив, святой Григорий удалился в пустыню, где, угождая Богу, и окончил свою земную жизнь.[6160] Царь же Тиридат жил в таких подвигах добродетели и воздержания, что равен был в этом с иноками. Вместо святого Григория в Армению был взят сын его, Аростан, муж, отличавшийся высокою добродетелью; с юности проводил он иноческую жизнь и в Каппадокии был рукоположен во священника для устроения в Армении церквей Божиих. Царь посылал его на Вселенский собор, в Никее, собранный для обличения арианской ереси, где он присутствовал в числе трехсот восемнадцати святых отцов.

Так уверовала Армения во Христа и служила Богу, в течение долгого времени, процветая всеми добродетелями и смиренно о Христе Иисусе, Господе нашем, восхваляя Бога, Которому слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Благославного и священноначальника вси, яко страдальца истины, днесь вернии в песнех и песнопениих восхвалим, бодраго пастыря и учителя Григория, всемирного светильника и поборника: Христу бо молится, еже спастися нам.

Житие преподобного отца нашего Григория, игумена обители на Пельшме реке, Вологодского чудотворца

Память 30 сентября

Преподобный Григорий происходил из города Галича[6161] от благородных и благочестивых Галичских дворян Лопотовых, и тщательно был воспитан в научении книжном. Познав суету настоящего мира, он отверг ее и покинул родительский дом. Ища удобного места для богомыслия, он пришел в Желтоводский монастырь к преподобному игумену Макарию[6162], принял от него пострижение и в его монастыре поучался подвигам иноческой жизни, преуспевая особенно в постничестве. За его строгую добродетельную жизнь блаженный Макарий сподобил его принять на себя сан священства. Затем преподобный Григорий был назначен игуменом Богородицерождественского, что близ Галичского озера, монастыря и таким образом умножились его труды и заботы. Слух о добродетельной жизни преподобного скоро проник в палаты княжеские. Князь Галицкий Юрий[6163] умолил преподобного крестить у него двух сыновей, а великий Московский князь Василий Дмитриевич[6164] желал сделать преподобного архимандритом в городе Ростове. Избегая человеческой славы, преподобный оставил игуменство в Богородицерождественском монастыре и удалился в места никому не известные и непроходимые. Услыхав о преподобном Дионисии Глушицком[6165], он пришел в монастырь последнего и десять лет прожил у него в послушании. Затем преподобный Григорий удалился в пустыню на восток от Глушицкого монастыря, где и стал жить в непрестанных трудах и богоугождении. Когда стала собираться к нему сюда братия, он устроил церковь во имя «честного Собора Пресвятой Богородицы», обнес монастырь оградой и пребывал в стенах монастыря в непрерывных трудах и неослабных всенощных молитвословиях. Он особенно отличался способностью примирять враждующих и гневающихся. Когда князь Василий

Васильевич[6166] был изгнан из Москвы и великокняжеский престол насильственно занял князь Юрий, преподобный Григорий пришел в Москву и смелыми и мудрыми речами увещевал князя Юрия не владеть чужим наследственным столом и возвратиться в свое отчество – Галич. Там по ходатайству преподобного, между князьями Юрием и Василием был восстановлен мир, и они оба заняли принадлежавшие каждому княжеские столы. В то время в Вологду с большим войском пришел князь Димитрий[6167], и причинил много бедствий горожанам. Святой Григорий, ревнуя о благополучии христианских жителей города, явился к князю Димитрию и обличал его во всех тех напастях, которые он причинял христианам. Не терпя обличений преподобного, князь приказал сбросить его с моста в реку. Сию обиду преподобный перенес с радостью, благодаря Бога.

После многих лет богоугодной жизни, предчувствуя приближение своей смерти, преподобный призвал к себе братию монастыря, дал ей наставление и поставил ей вместо себя игумена. После этого преподобный изнемог. Когда приблизилась его кончина он дал братии последнее завещание, говоря:

– Когда душа моя разлучится с телом, не удостаивайте меня никаких почестей, а просто, взявши за ноги мое тело, стащите его в болото.

Говоря сие, он лег на свой одр, осенил себя крестным знамением, и предал свою святую душу[6168] в руки Христа Бога, Которого он возлюбил от юности и Которому со всем усердием, правдою и святостью жизни благоугождал в жизни.

Ныне же преподобный Григорий в сонме святых и преподобных, предстоя престолу Божию, молит Его благость о нас грешных, верующих во Отца, Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога прославляемого и поклонением почитаемого ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Любовию Христовою, Богомудре, просветився, добродетельми облистал еси, и всякое наслаждение плотское возненавидев, и в пустыню вселився, в нейже вельми

подвизался еси в жизни сей временней, в пениих и во бдениих и в пощениих: сего ради и Христос даром чудес обогати тя. Но поминай нас чтущих пресветлую память твою, преподобне отче Григорие, и моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Христовою любовию уязвився преподобне, и Тому невозвратным желанием последовал еси. Всякое наслаждение плотское возненавидев, и в пустыню вселився, в ней вельми подвизался еси: тем и Христос даром чудес обогати тя. Поминай нас чтущих пресветлую память твою, да зовем ти: радуйся преподобне Григорие, отче наш.

Память святого Михаила, митрополита Киевского и всея России чудотворца

Память 30 сентября

Святой Михаил был первым митрополитом Киевским и Всероссийским и управлял нашей Церковью во дни святого равноапостольного князя Владимира.

Завоевав греческий город Корсунь[6169], князь Владимир принял там святое крещение и вступил в брак с царевной Анной, родной сестрой византийских императоров[6170]. Но имея твердое решение просветить светом Христовой веры всю великую державу свою, равноапостольный князь вслед затем из Корсуни же послал в Царьград посольство к императорам и патриарху с просьбой прислать пастырей церкви для крещения русской земли, омраченной тьмой идолослужения, и для управления Русской Церковью. Патриарх Константинопольский святой Николай Хрисоверг[6171] вместе с собором епископов избрал и поставил митрополитом на Русь Михаила, премудрого разумом, учительного и святого житием. Не сохранилось известий об обстоятельствах жизни святого Михаила до поставления его митрополитом; даже о происхождении святителя летописи повествуют разное: одни называют его сирийцем, другие болгарином. Получив от патриарха напутственное наставление, святой Михаил отправился к князю Владимиру в сопровождении духовенства, предназначенного помогать ему в управлении, – шести епископов и многочисленных пресвитеров и клириков. С великою радостью и торжеством князь встретил святителя, и вскоре после того вместе с ним и с супругой, царевной, поспешил к стольному Киеву. Шествие новокрещенного князя и новопоставленного митрополита к матери градов русских было как бы священным походом для искоренения языческого многобожия и идолослужения в отчине Владимира. Они везли с собой святые мощи, кресты, иконы и священные церковные сосуды. Их сопровождало крестоносное воинство – пастыри церкви, пришедшие из Греции и взятые из завоеванной Корсуни.

Все краткое время управления святого Михаила Русской церковью протекло в апостольских трудах: в проповеди Евангелия язычникам, в крещении их и утверждении в вере новопросвещенных. По словам церковного песнопения[6172], святой Михаил «нищетой неверия одержимой земле Российской принес от Царствующего града Евангелие Христово и это даровал ей».

Первым делом святителя на месте его архипастырского служения было крещение семейства князя, – его сыновей; за ним последовало крещение дружинников князя, бояр.

Наша Церковь ублажает святителя Михаила, как крестителя стольного Киева, и воспевает: «Красуется град Киев до днесь ризою крящения одеян от Тебе, святителю». С великим трудом, но и с великим успехом совершено было это важное дело. Святой митрополит, епископы и многочисленные пресвитеры наставляли темный народ вере Христовой, приготовляя его к восприятию святого крещения, разрушая его языческие суеверия, «сечивом евангельского учения, посекая идольское изваяние». В это время князь Владимир содействовал успехам их проповеди своей властью: он повелел слугам своим сокрушить идолов и надругаться над ними, а народу от мала до велика – мужам и женам, знатным и простым, рабам и свободным, идти в назначенный день на реку креститься. И собрались жители Киева на берег Днепра для крещения, которое совершил святой Михаил с многочисленным духовенством в присутствии князя, его семейства и бояр.

Крещением Киева положено было прочное начало к просвещению Руси светом евангельской истины: вера Христова, которую исповедовали князь и бояре, стала верою и русской столицы. Но теперь надлежало сделать ее верою всей земли русской от конца до конца, всей земли, которую обнимала власть Владимира и для церковного управления которой поставлен был святой Михаил. Самому святителю надлежало собрать стадо словесных овец, чтобы быть их пастырем и учителем. И потому ревностный архипастырь, при содействии равноапостольного князя, стремится насаждать по градам русской земли веру Христову. Церковь чтит святого Михаила,

как свидетеля истины и проповедника Евангелия Христова, истребившего «терние многобожия и всеявшего семя добро плодовитое в земле Российской». Главнейшими городами Руси после Киева в то время были: Новгород Великий, столица северных владений князя Владимира, и Ростов Великий, главный город Залесской земли[6173]. В эти два города святой Михаил совершил путешествия для обращения язычников в Христову веру. В 990 году, в сопровождении епископов, княжеского воеводы Добрыни и Анастаса Корсунянина[6174], святитель посетил Новгород; здесь сокрушил идолов, многих крестил, построил несколько церквей и поставил к ним пресвитеров. На следующий год такое же путешествие с проповедью Евангелия святой Михаил предпринял в Ростов. Успех его проповеди на этот раз был значительнее: он крестил без числа людей, воздвиг много церквей, поставил к ним пресвитеров и диаконов, установил чин церковного богослужения и управления.

В 992 году святой митрополит Михаил скончался. Святой Владимир неутешно скорбел и плакал, так как в почившем святителе лишился не только доброго и ревностного пастыря, но и мудрого советника своего в делах государственного управления.

Еще вслед за крещением Киева святой Михаил благословил князя Владимира создать Десятинный храм в честь Пресвятой Богородицы. Святитель не дожил до окончания его постройки, но этот храм принял его останки, послужив местом его погребения[6175].

Обретенные нетленными в XII веке, мощи святого Михаила тогда же перенесены были в Киево-Печерскую лавру, в Антониеву пещеру, а отсюда в 1730 году перенесены в Великую Успенскую церковь лавры, где нетленно почивают и до этих пор[6176]

Слово на Покров Пресвятой Богородицы

Память 1 октября

В последние тяжкие времена, когда, с умножением грехов наших, увеличились наши бедствия – во исполнение слов святого Апостола Павла: «в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями» (2Кор.11:26); когда во исполнение слов Самого Господа восстает народ на народ, и царство на царство, и наступают глады, моры и землетрясения по местам (Мф.24:7), когда теснят нас нашествия иноплеменников, междоусобные войны и смертоносные раны, – Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, Матерь Господня, подает нам в защиту Свой покров, чтобы освободить нас от всяких бедствий, чтобы защитить нас от глада, мора и землетрясения, спасти от войн и ран и сохранить нас невредимыми под Своим покровом. Знамение сего явилось в царственном городе Константинополе, в правление благочестивого царя Льва Мудрого[6177], в преславной церкви Пресвятой Богородицы, что во Влахернах[6178]. Там во время совершения всенощного бдения, в день воскресный, первого числа октября месяца[6179], в четвертом часу ночи, в присутствии многочисленного народа, святой Андрей, Христа ради юродивый, возвел очи свои вверх и увидел Царицу Небесную, Покровительницу всего мира, Пресвятую Деву Богородицу, стоящую на воздухе и молящуюся, сияющую солнечным светом и покрывающую людей Своим честным омофором. Видя то, святой Андрей сказал ученику своему, блаженному Епифанию[6180]:

– Видишь ли, брат, Царицу и Госпожу всех, молящуюся о всем мире?

Епифаний ответил:

– Вижу, святой отче, и ужасаюсь[6181].

Как некогда святой Иоанн Богослов видел на небе великое знамение, жену облеченную в солнце, так и святой Андрей, во

Влахернской церкви, подобной небу, увидел Невесту Неневестную, одетую в солнечную порфиру. Знамение, виденное Иоанном Богословом прообразовало Премилосердную Покровительницу нашу, так как таковое же знамение явилось в то время, когда была открыта тайновидцу угрожавшая всей твари гибель: «и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град. И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце» (Откр.11:19, 12:1). Почему же сие знамение, прообразовавшее Пречистую Деву, не являлось раньше молний, громов, голосов, землетрясения и града, когда еще все стихии были спокойны, но во время самого страшного смятения на небе и на земле? Для того, чтобы показать, что Преблагая Защитница наша поспешает к нам на помощь в самое тяжкое время, при наступлении для нас гибели, и защищает нас от блеска обольстительной, недолго сияющей, мирской суеты, от голосов житейской гордости и тщеславия, от громов внезапного нападения врагов, от бури страстей и от града свыше угрожающей нам казни за грехи. Ибо, когда все эти бедствия теснят нас, тотчас, подобно великому знамению, является скорая роду христианскому Помощница, охраняя и покрывая нас невидимым предстательством. Таковое «знамя, [дал Господь боящимся его], чтобы они подняли его ради истины» (Пс.59:6); ибо в сем мире мы поставлены как бы целью для стреляния. Стрелы летят на нас со всех сторон: одни от оружия врагов видимых, поспешно напрягающих лук свой и похваляющихся пред нами в своей гордости; другие из лука врагов невидимых, чтобы мы со скорбью сознались, что не можем выносить бесовских стрел; иные – от нашей плоти, противоборствующей духу; иные – от лука праведного гнева Божия и грозы наказания, как об этом святой Давид говорит: «если [кто] не обращается. Он изощряет Свой меч, напрягает лук Свой и направляет его, приготовляет для него сосуды смерти, стрелы Свои делает палящими»[6182] (Пс.7:13–14). Дабы мы не были смертельно уязвлены всеми этими стрелами и могли избежать опасности, дано нам знамение, – покров Пречистой Преблагословенной Девы. Покрываемые как щитом Ее покровом, мы остаемся невредимыми от стрел. Ибо наша

Защитница имеет тысячу щитов для нашей охраны, как об этом говорит ей Дух Святой: «шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных»[6183] (Песн.4:4).

Некогда Давид создал свой, прекрасный и высочайший, столп между Сионом, стоящим на высокой горе и расположенным ниже Иерусалимом, называвшимся дщерью Сиона[6184]. И был тот столп между ними, как бы шея между телом и головою, ибо он своею высотою превосходил Иерусалим и достигал до Сиона. На том столпе были повешены щиты и все оружия, необходимые для войны и защиты Иерусалима. Дух Святой уподобляет Пречистую Деву сему столпу Давидову: ибо Она, будучи дщерью Давидовой, является посредницей между Христом, Главою Церкви, и верующими, кои составляют тело Церкви; Она превосходит Церковь, потому что поистине выше всех ее членов, но Она досягает и до Христа, как давшая Ему плоть. Она является посредницей и ныне, когда стала на воздухе между небом и землею, между Богом и людьми, между Подвигоположником – Христом и воинствующею церковью, подобно Давидову столпу между Сионом и Иерусалимом, увешанному крепкими щитами. Щиты сии означают всесильные Ее молитвы за нас к Богу, слышанные достойными во время видения Ее честного Покрова. Она молилась с умилением, как Матерь к Своему Сыну и Творцу, произнося во время молитвы следующие, исполненные Божественного милосердия и любви, слова:

– Царю Небесный! Приими всякого человека, прославляющего Тебя и призывающего Пресвятое Имя Твое на всяком месте, – и где есть память о имени Моем, то место освяти; прославь прославляющих Тебя и с любовью почитающих Меня, Твою Матерь, принимая от них всякую молитву и благочестивые обеты и избавляя их от всяких зол и бедствий.

Таковые Ее молитвы не суть ли щиты, защищающие воинствующую церковь? Воистину они – несокрушимые щиты, при помощи коих мы можем угасить все огненные стрелы[6185].

Святой Амвросий о столпе Давидовом говорит[6186], что он был создан с двоякою целью: для защиты города и для украшения его. «Давид, – говорит Амвросий, – создал столп, для защиты и украшения города: защитою он был, потому что со столпа можно издали видеть врага и прогнать его от города, – украшением – потому что он превосходил своею высотою все высокие здания Иерусалима». Не напрасно, поэтому, уподоблена столпу наша Покровительница, Которая для нас есть твердый столп пред лицом врагов: поистине Она защищает нас и украшает. Защищает, когда далеко прогоняет от нас видимых и невидимых врагов, когда освобождает пленных от уз, когда избавляет мучимых нечистыми духами, когда утешает скорбящих, является заступницею обижаемых и тихою пристанью для гонимых бурею, когда питает алчущих и посещает больных. Она украшает нас, покрывая пред Богом постыдную наготу нашей жизни Своими высочайшими заслугами, как драгоценнейшими одеждами, и премногою благодатию, как неистощимым сокровищем, восполняя нашу скудость, делает нас благоугодными пред очами Господними. Она украшает, когда покрывает нас, не имеющих брачного одеяния, Своею ризою, и делает как бы невидимою для Всевидящего Ока постыдную наготу нашу душевную, которая искони была прообразуема землею невидимою и неустроенною, покрытою водами (Быт.1:1–2). Земля неустроенная и пустынная была прообразом грешной души, утратившей свою духовную красоту, лишенной добрых дел и чуждой благодати Божией. Воды же, покрывавшие неустроенную землю, прообразовали милосердие Богородицы, неисчерпаемое как море, и, подобно многоводным рекам, на всех изливающееся и всех покрывающее. Когда Дух Божий носился над водами, то носился и над землею, скрытой под водами и не украшенной, как бы не видя ее неблагообразия. Сие таинственно прообразовало, что и душа, покрываемая премилостивым покровом Девы Богородицы, если и не будет украшена добродетелями, не лишится благодати Святого Духа, ибо покров Пресвятой Богородицы покроет ее неблагообразие, как вода покрывала неустроенную землю, а равно украсит ее

благолепием своей благодати и привлечет к ней Святого Духа. Пречистая Дева украшает нас, когда грешных делает праведными, а нечистых чистыми, как об этом говорит блаженный Анастасий Синаит: «Чародеев Она делает апостолами и мытарей Евангелистами, а блудных – достойными большего почета, нежели дев. Так, Марию Египетскую, бывшую некогда блудницею, Она сделала ныне почетнейшею многих дев; та, которая прежде была омраченной и нечистой, ныне сияет, как солнце, в царстве Христовом – по заступничеству Пречистой Девы Марии, пребывающей покровом и украшением для всех прибегающих к Ней. Украшает Она и весь духовный Иерусалим, или Христову Церковь, которая так воспевает в нынешний день: «О, чудное украшение всем верным еси, пророческое сбытие, Апостолом слава и мучеником удобрение, девству похвало и всему миру предивный покров»[6187].

На столпе Давидовом вместе со щитами были стрелы защитников страны: и Пречистая Дева, сей одушевленный столп, также имеет при Себе стрелы сильных, т.е. молитвы святых, молящихся с Нею. Ибо не Одна Она явилась во храме стоящею на воздухе, но с Ангельскими воинствами и со множеством святых, благоговейно окружавших Ее в белых одеждах. Молитвы за нас всех этих святых суть как бы стрелы сильных, могущие прогнать все полчища врага нашего – диавола. Пречистая Госпожа Богородица знает, что наша жизнь на земле есть война: воюет против нас враг со всеми своими силами; он воздвигнул против нас свои полчища и окружил нас своими легионами по слову Псалмопевца: «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои; раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий» (Пс.21:17, 21:14). Потому-то Небесная Царица, восхотевши помочь нам, воздвигла на врага нашего все силы небесные, призвала пророков и Апостолов, собрала мучеников и девственников, соединила преподобных и праведных, и явилась с ними оказать нам помощь, окружить нас сильным воинством и подать нам победу на врагов: «Тоя бо воздвижутся победы, Тою ниспадают врази»[6188]. Она пришла с Ангельскими воинствами, ибо Она была предувиденной Иаковом

лествицей[6189] (Быт.28:12–15). которую окружает множество Ангелов. Вспоминая здесь лествицу Иакова, кто-нибудь мог бы удивиться: почему Ангелы не оставались на ней неподвижно, но непрерывно восходили и нисходили. Уразумевши же, что та лестница была прообразом Девы Марии, по слову церковной песни: «радуйся мосте, к небесем преводяй, и лествице высокая, юже Иаков виде»[6190], – он поймет, почему Ангелы не оставались на лестнице неподвижными. Ибо «в молитвах неусыпающая Богородица»[6191] повелевает Ангелам вместе с Нею непрестанно помогать людям: восходя к Богу, возносить молитвы людей, а нисходя – приносить им от Бога помощь и благодеяния. Та же Лествица и ныне низвела с Собою множество Ангелов с небес, принося нам свыше покровительство и защиту. Она пришла с Ангелами, чтобы заповедать им – сохранить нас на всех путях наших; Она привела с собою сонмы всех святых, чтобы, совершивши за нас совместное моление, совместно принести и наши грешные молитвы к Сыну Своему и Богу нашему. Между всеми святыми, явившимися во храме с Пречистою Девою, были два избраннейшие: святой Иоанн Предтеча, коего «из рожденных женами не восставал больший» (Мф.11:11), и святой Иоанн Богослов, «которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его [был]» (Иоан.21:20). Их обоих, как имеющих великое дерзновение пред Богом, наша Молитвенница воздвигла с Собою, чтобы вместе с ними скорее преклонить Бога на милость: «много может усиленная молитва праведного» (Иак.5:16). И стала Пречистая Дева между двумя девственниками, как бы кивотом между двумя Херувимами[6192], как престол Господа Саваофа между Серафимами, как Моисей с простертыми дланями между Аароном и Ором; тогда пал адский Амалик со всем темным царством и с силою своею[6193] (Исх.17:11–14).

Итак, мы празднуем покров Пресвятой Богородицы Девы, воспоминая Ее преславное явление во Влахернском храме, виденное святым Андреем и Епифанием. Мы празднуем, вознося благодарение Покровительнице нашей за столь великое милосердие Ее, явленное роду христианскому, и прилежно

молим Ее, дабы Она и ныне и всегда милостиво покровительствовала нам, ищущим Ее покрова. Молим потому, что без Ее покрова, нам, постоянно прогневляющим Бога, невозможно было бы жить. Многократно согрешая, мы подпадаем и многим наказаниям по слову Псалмопевца: «Много скорбей нечестивому» (Пс.31:10). Мы погибли бы уже за свои беззакония, если бы за нас не предстательствовала премилостивая Владычица: «Аще бо не бы предстояла молящи» сия Предстательница: «кто бы нас избавил от толиких бед, кто же бы сохранил доныне свободны»[6194]. Пророк Исаия советует иудеям: «укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев» (Ис.26:20). Но где можно укрыться от гнева Господня? Во время страданий мы нигде не нашли покрова для защиты, кроме единой Владычицы мира, Которая говорит о Себе устами Духа Святого, что Она, «подобно облаку, покрыла землю»[6195] (Сир. 24:3). Подлинно, мы укрываемся под покровом Той, Которая, как облако, покрыла землю. Но почему же, о пречестнейшая Дева Богородице, Ты уподобляешь Себя столь недостойной вещи, облаку? Разве у Тебя нет для уподобления солнца, луны и звезд, тем более, что о Тебе сказал Премудрый с удивлением: «Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце»[6196] (Песн.6:10)! Какую же красоту имеет облако, что Ты не гнушаешься уподобляться ему? Тайна эта ясна: когда облако сгущается над землею и покрывает ее, тогда все звери невредимы от ловцов, ибо никто не может поймать их. Потому-то и Пречистая Дева называет Себя облаком: Она скрывает нас от ловцов. Мы же, грешные, согласно рассуждению Златоуста, по своему бесчеловечию – скоты и звери: мы угождаем чреву как медведи, – утолщаем плоть как лошаки, злопамятны как верблюды, занимаемся хищением как волки, гневаемся как змии, жалим как скорпионы, коварны как лисица, носим в себе яд злобы как ехидна. Таких зверей, как мы, преследуют различные ловцы: постигает нас праведный гнев Божий, наказывая за дурные начинания, – по слову: «Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя!» (Пс.93:1). Постигают нас и беззакония наши, так что каждый из нас может сказать: «постигли меня беззакония мои, так что

видеть не могу» (Пс.39:13). Преследует нас и невидимый враг: «Он стал для меня как бы медведь в засаде, [как бы] лев в скрытном месте» (Плач.Иер.3:10). Угрожает нам и видимый враг. Он говорит: «погонюсь, настигну, разделю добычу; насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя» (Исх.15:9). Но мы имеем дерзновение, мы имеем мысленное облако, покрывающее нас, – Пречистую Деву Марию. На Нее мы уповаем к Ней прибегаем; под Ее покровом, и влас главы нашей не погибнет, лишь только мы с умилением воззовем: покрой нас покровом Твоим, Покровительница наша, Пречистая Дева: «в день зол наших покрой нас!» (ср. Пс.26:5). Но все дни нашей жизни бедственны, как некогда сказал патриарх Иаков: «малы и несчастны дни жизни моей» (Быт.47:9). Особенно бедственны те наши дни, в кои мы видим зло, и сами творим много зла, «собирая себе гнев в день гнева»[6197] (Рим.2:5). Все сии бедственные наши дни требуют Твоего милостивого покрова, о Пресвятая Дево! Покрывай же нас во все дни жизни нашей, и особенно в день лютый, когда душа будет разлучаться с телом. Предстани нам с помощью Твоею и сокрой нас от воздушных духов злобы поднебесной, а в день Страшного Суда сокрой нас в тайниках Твоего Покрова! Аминь.

Тропарь, глас 4:

Днесь благовернии людие светло празднуем, осеняеми Твоим, Богомати, пришествием, и к Твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголем: покрый нас честным Твоим покровом, и избави нас от всякого зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего, спасти души наша.

Кондак, глас 3:

Дева днесь предстоит в церкви, и с лики святых невидимо за ны молится Богу: Ангели со архиереи поклоняются, Апостоли же со пророки ликовствуют: нас бо ради молит Богородица превечнаго Бога.

Страдание святого Апостола Анании

Память 1 октября

Святой Апостол Анания, один из семидесяти, был епископом в городе Дамаске[6198]. Он известен тем, что совершил крещение над Апостолом Павлом. Однажды ему явился в видении Господь и сказал ему:

– Встань и пойди на улицу, так называемую прямую, и спроси в Иудином доме тарсянина[6199], по имени Савла; он теперь молится.

Анания отказывался от сего, зная, сколько зла причинил Савл Иерусалимским христианам, и что он пришел в Дамаск с намерением заключить в узы всех, исповедующих имя Господа Иисуса Христа. Господь же увещевал Ананию, говоря:

– Иди, ибо Савл избран Мною, чтобы возвещать Имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми, и Я покажу ему, сколько он должен пострадать за Имя Мое.

Следуя Божественному повелению, Анания пошел к Савлу и, возложив на него руки, сказал:

– Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа!

Савл тотчас прозрел, и Анания крестил его. Спустя некоторое время, когда иудеи согласились между собою умертвить Павла за то, что он из гонителя стал проповедником Имени Христова, Анания, вместе с прочими учениками Христовыми, спустил его по городской стене[6200] (Деян.9:10–25) в корзине. Сам же Анания, входя в иудейские сонмища[6201], смело проповедовал имя Господне. И не только иудеям, но даже и язычникам благовествовал он веру Христову. Из Дамаска он пошел в Елевферополь[6202] и там, указывая народу путь ко спасению и исцеляя больных, обратил многих к вере во Христа.

В те дни в Елевферополе был правителем Лукиан, поклонявшийся твари, а не Творцу. Диавол возбудил его против христиан и внушил ему разослать по всей своей области такой указ:

– Если кто-нибудь окажется почитающим Христа и поклоняющимся Распятому, того повелеваем предать смертным мучениям; кто же, отрекшись от Христа, принесет жертву бессмертным богам, тот будет удостоен нами даров и почестей.

Когда было издано такое злое и коварное повеление, святой Анания просвещал в той области людей проповедью Евангелия и врачевал в людях всякие болезни; с ним пребывал Господь, творя через него многие чудеса. Идолопоклонники схватили Ананию и привели к правителю Лукиану, который различными средствами стал принуждать его к принесению жертвы идолам. Но Анания не послушал его и отвечал:

– Не поклонюсь лживым богам, я поклоняюсь Единому истинному Господу Богу моему, Иисусу Христу: я видел Его очами своими и с Ним из уст в уста беседовал – не только тогда, когда Он жил на земле, как человек, но по вознесении Его на небеса. Ибо, когда я находился в Дамаске, Он Сам явился мне и послал меня исцелить Савла, которого дивною Своею премудростью и силою обратил к познанию истины. Он нас всех избавил от власти диавола и привел к Отцу Своему. Итак, я поклоняюсь Ему, а не бесам, желающим погубить весь род человеческий.

Тогда правитель стал угрожать Анании муками, если он не исполнит приказанного ему; но тот, как непоколебимый столп, был тверд в исповедании Христа. Воздев к небу руки свои, он сказал:

– Господи Иисусе Христе, Сын благословенного Отца! Внемли молитве моей и удостой меня участи блаженных Апостолов в будущей жизни. Как спас Ты Савла Своим светом, так спаси и меня от руки сего нечестивца, сопротивляющегося истине: да не исполнится на мне его воля, да не уловит он меня сетями коварства своего; не лиши меня и Царства Небесного, уготованного всем любящим путь истины Твоей, указанный Тобою, и сохраняющим заповеди Твои!

Не вынося более речей Анании, правитель повелел положить его на землю и бить. В то время, как служители нещадно били святого, глашатай кричал:

– Послушай правителя, не противься его повелению, принеси жертву богам, которым поклоняется весь мир.

Когда же святого перестали бить, правитель сказал ему:

– По крайней мере теперь пожалей себя и, послушавшись меня, отрекись от Распятого, чтобы не подвергнуться от меня еще более тяжким мучениям.

На сие святой Анания отвечал:

– Что я сказал тебе сначала, то не перестаю повторять и теперь: не отрекусь от Бога моего и не преклонюсь пред бездушным камнем и деревом, коих вы почитаете за богов.

Видя, что святой непреклонен, правитель велел терзать его тело железными когтями и жечь свечами его раны. Но святой, претерпевая мучения, возводил на небо очи свои и усердно молился. После сей пытки мучитель сказал:

– Доколе ты будешь упорствовать? Ужели не пожалеешь себя и не поклонишься великим богам? Ужели тебе приятнее претерпевать бесполезно сии страдания за какого-то Христа, распятого иудеями, чем быть невредимым и здоровым? Клянусь, что не выпущу тебя живым из своих рук, если еще будешь так упорствовать!

Святой отвечал:

– Делай, что хочешь, враг Божий и друг диавола, – ведь ты уже много раз слышал от меня, что я не поклонюсь богам твоим, но буду поклоняться только Единому Богу, – Отцу, Сыну и Святому Духу, Творцу неба и земли и всего, что в них находится. В Него я уверовал, и Он дал мне силу целый день твердо стоять пред тобою и мужественно претерпеть сии муки. Зачем тебе еще более причинять себе хлопот? Ведь ты слышал, что я не хочу повиноваться твоей воле; делай же скорее то, что ты замыслил!

Возгоревшись яростью, мучитель повелел народу взять святого Ананию, вывести его из города и побить камнями. Беззаконные слуги мучителя, взявши его, повели на место казни и побили камнями, как нового Стефана[6203]. Он же громко воскликнул:

– Господи Иисусе Христе! Предаю в руки Твои дух мой.

Так он скончался, после всех мучений, и перешел в небесные обители. Народ увидев, что он уже умер, оставил его не погребенным и разошелся. В то время случайно проходили там некоторые христиане из Дамаска; они взяли святое тело Апостола Христова, с честью перенесли его в Дамаск и похоронили в отечественном его городе[6204].

Память преподобного Романа Сладкопевца

Память 1 октября

Святой Роман был родом из Сирии, воспитание получил в городе Эмесе[6205] и с юных лет начал угождать Богу, ведя жизнь девственную и целомудренную. Сначала он был пономарем[6206] в одной из церквей города Берита[6207], а потом, в царствование императора Анастасия[6208], удалился в Константинополь и служил при Кировой[6209] церкви в честь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Здесь он проводил жизнь в посте и молитвах, утруждая тело свое многочисленными подвигами и всенощным бодрствованием. С вечера он уходил во Влахерны и там всю ночь стоял на молитве, а потом возвращался обратно. Затем он был поставлен пономарем к храму святой Софии[6210]. Святой Роман не знал грамоты, но был благоискусен в добрых делах, коими превосходил премудрых книжников; разумом своим он стремился к Богу, гораздо больше тех, кто ищет премудрости века сего. Ибо он был одним из тех, о коих сказал апостол: «немощное избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1Кор. 1:27)[6211]. За добродетельную жизнь полюбил его патриарх Евфимий[6212] и, видя, как он трудится в храме и с каким усердием проходит свое послушание, давал ему равную часть с клириками[6213]. Клирики же роптали на патриарха, говоря:

– Невежду ты поставил наравне с нами!

Они возненавидели Романа и стали строить ему козни. Однажды, в навечерие праздника Рождества Христова, когда в церковь пришел царь, Роман же ставил светильники в церкви, клирики, схватив его, потащили на амвон[6214], говоря: «Ты получаешь равную с нами часть – пой же, как и мы, на амвоне хвалебную песнь Богу».

Так поступили они по зависти, желая посрамить его, ибо знали, что он не разумеет Писания и не может сего исполнить. Претерпев такое унижение от клириков при царе и при всем народе, бывшем в церкви, Роман почувствовал стыд и плакал. По окончании службы, когда все вышли из церкви, он пал ниц

перед иконою Пресвятой Богородицы, горько плача и молясь. Проведши долгое время в плаче и молитве, святой Роман встал и пошел в дом свой и, не вкусив от печали пищи, забылся сном. И вот во сне явилась ему Пресвятая Владычица наша Богородица, утешение всех скорбящих, держа в руке небольшой книжный свиток[6215] и сказала Роману тихим голосом:

– Открой уста!

Когда Роман открыл уста свои, Владычица вложила в них свиток и повелела съесть его.

Роман проглотил хартию и тотчас проснулся, но никого не увидел перед собою; ибо Явившаяся стала невидима. Сердце его исполнилось неизреченной сладости и радости духовной, и стал он размышлять о том, что увидел. В уме же своем он вдруг ощутил разумение книжное, ибо Дева Богородица, как некогда Сын Ее – Своим апостолам, отверзла ему ум к разумению писаний (Лук. 24:27). Он исполнился великой премудрости и стал со слезами благодарить Наставницу свою за то, что в одно мгновение Она даровала ему такие познания, каких он не мог бы достигнуть в течение многих лет.

Наступил час всенощного бдения, и святой Роман, радуясь благодати, дарованной ему Богоблагодатною Девою, пошел в церковь.

Когда нужно было воспеть песнопение в честь праздника, святой Роман взошел на амвон и воспел сладким гласом свой кондак, который сложил он в уме своем:

– «Дева днесь, Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит. Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо Превечный Бог»[6216].

Все, видевшие и слышавшие сие, удивлялись и услаждались пением Романа, вникая в смысл песнопения. Когда же он окончил свою песнь, патриарх спросил, откуда у него такая премудрость. Роман не скрыл чуда Богородицы, но исповедал Ее благодать и прославлял вразумившую его Небесную Наставницу. Клирики, оскорбившие его, устыдились и, покаявшись, пали к ногам Романа, прося у него прощения. Патриарх же тотчас поставил святого Романа диаконом, и из уст

его премудрость потекла как река, а тем, кто сначала упрекал его за простоту и невежество, пришлось потом самим же у него учиться. Он составил множество кондаков[6217] на праздники Господские и Богородичные и на память многих святых, так что его кондаков насчитывалось более тысячи[6218]. И был он всеми весьма любим и почитаем. Проведя жизнь свою Богоугодно и праведно, он переселился в вечные обители и ныне с Ангельскими ликами вечно воспевает Богу трисвятую песнь[6219]. Аминь.

Кондак, глас 8:

Божественными добродетельми Духа измлада украсився Романе премудре, Церкви Христове пречестное украшение был еси, пением прекрасным украсив ю блаженнее. Тем молим тя: подаждь желающым Божественнаго дарования твоего, яко да вопием ти: радуйся отче преблаженне, красото церковная.

Житие преподобного Саввы Вишерского

Память 1 октября

Преподобный Савва был родом из Тверского княжества, из города Кашина[6220] и происходил из благородной, всеми уважаемой фамилии[6221]; там он вырос и получил воспитание. Еще в самых юных летах он отличался добродетельною жизнию; нося мирскую одежду, он подражал иноческим подвигам, молился и постился как совершенный инок, и усердно ходил в храм Божий. Движимый любовью к Богу, Савва решился принять иноческий образ и стал проводить суровую монашескую жизнь в некоторых из Тверских монастырей, безропотно исполняя различные монастырские послушания: на поварне, в хлебопекарне и в других службах. При сем он отличался необыкновенным смирением. Братия Саввинской Тверской пустыни[6222], где он вскоре поселился, настолько полюбили Савву и стали уважать его за подвижническую жизнь, что имели его посреди себя как бы Ангела Божия и избрали его себе во игумена. Бояре и все жители той страны стали почитать его как святого, и молва о его смирении, воздержании и других великих добродетелях далеко разнеслась кругом. Но преподобного тяготила слава человеческая, и он, избегая ее, удалился с родины и долгое время жил в совершенной безвестности, в чужой стране. Ревнуя о высших подвигах иноческих, Савва отправился на далекий Афон, прославленный святою жизнию своих подвижников, и там совершенствовался в духовной жизни[6223].

По возвращении с Афона преподобный пришел в Великий Новгород, но не открыл никому, кто он, странствуя под видом бедного, неизвестного странника. Руководимый Богом, он пришел на реку Вишеру[6224], водрузил здесь крест[6225] и, устроив небольшой шалаш, стал проводить отшельническую жизнь. Он имел с собою образ Пречистой Богоматери, перед которым непрестанно молился. Случилось одному из новгородцев проходить мимо того места. В то время был пост святых апостолов Петра и Павла, и стояла знойная летняя погода.

Святой погрузился в глубокую молитву, как бы не чувствуя того, что лицо его все было покрыто комарами, так что его совсем не было видно. Изумленный новгородец поведал другим о том, что он видел, и отсюда все поняли, что это – истинный Божий человек. Заметив, что его узнали, преподобный Савва удалился отсюда и поселился в еще более уединенном месте близ реки Сосницы[6226]. Здесь он продолжал упражняться в посте и молитве, проводя жизнь, исполненную еще больших лишений.

Но «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5:14). Молва о святой жизни преподобного Саввы распространилась по окрестностям, и соседние жители стали приходить к нему и доставлять ему свои посильные приношения, необходимые для поддержания жизни. Мало-помалу слух о святом угоднике Божием распространился по всей Новгородской области и достиг даже до самого архиепископа Иоанна, бывшего тогда на Новгородской кафедре[6227]. Вследствие сего Иоанн послал разузнать о преподобном Савве, кто и каков он, и какова его жизнь. Посланному для этого доверенному лицу архиепископ велел расспросить Савву и упрекнуть его за то, что он не почтил его архиерейской власти и поселился в Новгородской земле без его благословения.

Архиерейский посланец, явившись к преподобному как бы с запрещением от архиепископа, сказал:

– Как смел ты поселиться в сей местности без позволения архиепископа?

Савва смиренно отвечал на это следующею притчею.

– Одна девица, – сказал он, – сидела у окна близ площади и бесстыдно смотрела на всех проходивших; другая же, сидя у другого окна, с благоговением хранила девственную чистоту своей души. Мимопроходящие о первой девице, обращая внимание на ее бесстыдство, говорили: «Не сохранит она чистоты своей при своей суетности и рассеянности»; о второй же говорили, что девица та, при таковой ее скромности, сохранит беспорочной свою душевную чистоту. Тем более нам подобает особенно внимать себе и охранять себя на том пути, по коему мы пошли: мы живем здесь в пустыне, не тебя,

архипастыря, избегая, а удаляясь от мира; молитв же твоих и благословения мы всегда желаем, чтобы они пребывали с нами.

Посланный, возвратившись, рассказал архиепископу все о блаженном Савве, о его жизни, постничестве и нищете. Услыхав о сем, архиепископ понял, что это – старец духовной жизни, и поэтому, побуждаемый сильным желанием самому видеть его, отправился к нему в пустыню.

Блаженный Савва, покрытый своим обычным рубищем, встретил его еще на пути. Увидев архиепископа, Савва с глубоким смирением пал перед ним и поклонился ему с подобающею святительскому сану почтительностью. Архиепископ благословил преподобного, не зная, что это – Савва, но считая его за обыкновенного странника. Он повелел ему сесть вместе с собой и ехать до жилища Саввы, и едва мог уговорить его, потому что смиренный подвижник не смел позволить себе сесть вместе со святителем. Во время пути беседа с преподобным показала архиепископу, что это – не простой человек, а муж опытный в духовной жизни, и владыка тем более полюбил Савву прежде, нежели узнал его. Уже только перед самым жилищем своим Савва, смиренно поклонившись архиепископу, поведал о себе, что он грешный Савва. Тогда святитель подивился его смирению и с любовию благословил его. Потом оба они вошли в келью Саввы и там долго беседовали.

В продолжение нескольких часов архипастырь наставлял преподобного пребывать непреткновенно в терпении и подвигах и разделил с ним пустынную трапезу. Возвратившись в Новгород, архиепископ восхвалял великое богоугодное житие преподобного старца и с того времени стал питать к блаженному Савве глубокое уважение, считая его великим, и после того всегда присылал ему все потребное для его пустынной жизни.

Между тем преподобный Савва задумал основать в своей пустыне обитель и начал строить своими руками келии для приходившей к нему иночествующей братии. Не стерпел сего лукавый враг рода человеческого и, побуждаемый завистью к нему, внушил разбойникам причинить преподобному зло.

Думая, что у него есть какое-нибудь имущество, они пришли к нему со злым намерением. Савва строил в это время келью. С ложным смирением разбойники стали просить у старца благословения. Но он прозрел их коварный замысел и то, что они – разбойники. И вот он обратился к ним со следующею просьбою:

– Детки! Окажите любовь, помогите мне поднять дерево на стену.

При этом старец велел им взяться за тонкий конец бревна, а сам взялся за толстый. Разбойники никак не могли все вместе поднять своего конца, а старец, с Божиею помощью, легко один поднял дерево на стену. Пораженные сим, разбойники переглянулись между собою со стыдом и страхом, поспешили уйти от преподобного, боясь, чтобы из-за него им самим не потерпеть какого-либо вреда[6228].

По прошествии некоторого времени, одни из иноков монастыря, находившегося на так называемой Лисичьей горе, стали не соглашаться, чтобы старец продолжал жить в той местности, ибо она находилась немного выше упомянутого монастыря. Тогда преподобный Савва, прослышав о поднятом за землю споре, послал в Новгород одного из учеников своих, по имени Ефрем[6229], к начальникам Славянского конца[6230], с просьбою отвести ему место на реке Вишере для пустынной обители. Те охотно дали ему на сие позволение. После того преподобный Савва окончательно поселился там и всячески, сколько был в силах, трудился над построением обители. Водрузив келии для братии, он вознамерился воздвигнуть и церковь в честь преславного Вознесения Господа нашего Иисуса Христа[6231]. При помощи Божией, церковь вскоре была сооружена и освящена. С этого времени к преподобному Савве стало стекаться много народа: одни ради пользы духовной и наставления, другие для иноческой жизни в его обители. Он же с радостию принимал всех.

В то же время преподобный продолжал более всех трудиться над благоустройством новой обители, всем подавая пример своим неутомимым трудолюбием. В обители преподобного, между прочим, работал тогда один мирянин,

весьма ленивый в исполнении монастырских послушаний. Он нередко вступал со старцем в пререкания по поводу того, что он предпринимает слишком много дел. Савва же, утешая его, говорил:

– Не скорби, чадо, потерпи лишь эти дни, назначенные для исполнения тобою монастырских работ, и тогда мы после вознаградим тебя гораздо более, чем обещались.

Мирянин, тронутый кроткими словами старца, понял, что то было с ним вражеское искушение, и после того стал работать и трудиться гораздо более других.

В то время в обитель пришел один инок для того чтобы увидеть блаженного Савву; ибо он от многих слышал о его великой подвижнической жизни. Старец сам встретил его. У него было обыкновение, когда кто приходил к нему из других монастырей, выходить к нему, встречая его еще далеко от своей обители, там, где водружен был крест; сотворив там краткую молитву, он затем шел с гостем в церковь, здесь снова совершал молитву и потом уже вел его в свою келью и вступал с ним в беседу.

Когда упомянутый инок был встречен таким образом преподобным Саввою, то старец, после долгой беседы с иноком, при наступлении позднего вечера, оставил пришедшего брата отдохнуть: сам же, взявшись за жернов, молол рожь. И вот вновь пришедший брат слышит, что старец недалеко от келии всю ночь до самой утрени мелет рожь, а устами своими читает псалмы. Инок был изумлен и начал говорить себе, что он гораздо более увидел, чем слышал прежде о старце от других. Рано утром, приняв от старца благословение, он отправился обратно в свой монастырь, повествуя всем о величайшем подвижническом житии святого и укоряя себя в лености и нерадении.

По устроении обители преподобный Савва поставил себе столп и, входя на него, всю седмицу до субботы проводил на нем в посте и молитве; в субботу же сходил со столпа к братии, причащался с ними Святых Тайн, слушал службу воскресного дня, разделял вместе с прочими трапезу и, после душеполезного поучения братии, снова входил на столп и таким

же образом снова подвизался на нем до следующей субботы[6232].

Во время этого великого столпнического подвига в обитель к преподобному Савве пришел из Твери повидаться с ним родной брат его по плоти, давно не видевший его. Но старец совсем не хотел видеть его и беседовать с ним. И когда брат долгое время оставался при столпе, умоляя старца хотя бы только повидаться с ним, то старец, наконец, сошел со столпа и благословил брата, но, ничего не сказав ему, тотчас же снова взошел на столп. Брат же преподобного, увидев его, с радостию возвратился в Тверь, прославляя Бога за дивные знамения Его благодати, коих очевидцем он удостоился быть.

Живя на столпе, по-видимому, удаленный от обители и забот о ней, преподобный Савва продолжал, однако, хранить ее своими молитвами. Однажды разбойники подошли к монастырю, чтобы разграбить его. Преподобный, стоя на столпе на молитве, еще издали увидал их и, поняв злое намерение, с коим они пришли, стал стучать жезлом по стене. Разбойники, услыхав стук, объятые страхом, убежали: ибо их отгоняла от обители молитва преподобного[6233]. С того времени разбойники перестали подходить к монастырю.

Между тем к преподобному Савве продолжали отовсюду стекаться и иноки, и миряне, ради пользы духовной, которую от него получали; ибо он, по апостолу, для всех был всем (1Кор. 9:22), всех наставляя, обо всех соболезнуя и заботясь как бы о своих собственных членах, к старцам относясь как к своим братиям и сверстникам, к более юным как к своим детям. И не было никого в обители преподобного Саввы ни оскорбляемого, ни оскорбляющего, ибо все были утешаемы и примиряемы святым Саввою.

Пребывая в этих подвигах и перенося столь суровые лишения и всякого рода скорби, преподобный Савва, на семидесятом году от рождения впал в телесный недуг. Готовясь разрешиться от тела и отдать последний долг природе, преподобный призвал к себе всю братию и обратился к ней с предсмертными душеполезными наставлениями, в особенности о том, чтобы они твердо и неизменно пребывали в православии

и в соблюдении иноческих обетов, более же всего преуспевали в смирении.

В заключение старец сказал им:

– В чем вы видели меня подвизающимся, – то и сами творите.

После этого, поручив монастырь и братию заботам и попечениям архиепископа Новгородского, а ближайшее заведование обителью и руководство иноками старейшим из братии, своим ближайшим ученикам Ефрему и Андрею[6234], наиболее показавшим свои труды и подвиги в том монастыре, преподобный Савва, все более укрепляясь духом, стал изнемогать телом. Причастившись Святых Христовых Тайн, он мирно предал душу свою Господу 1 октября 1460 г. Перед самою кончиною своею преподобный заповедал своим ученикам: «Когда душа моя разлучится с телом, не совершайте над ним никаких торжественных погребальных обрядов, но просто, без всяких приготовлений, отнесите тело до могилы и предайте земле».

Ученики преподобного, увидев своего отца и наставника умершим, много скорбели о разлучении с ним. Потом, почтив его память, как своего отца и наставника ко спасению, псалмопением и надгробными песнопениями, они погребли в земле его трудолюбное и многострадальное тело между церковью и столпом, на котором он подвизался в последнее время своей жизни.

По отшествии своего наставника к Богу, ученики преподобного Саввы стали еще более заботиться об устройстве монастыря, о том, чтобы ничего не забывалось из монастырских правил и заветов их отца духовного – преподобного Саввы. Особенно же они заботились о внутренней духовной жизни своей, подражая в ней тому, что они видели в своем наставнике и учителе, и стараясь тщательно исправлять свои недостатки. И они показали в сем отношении такие подвиги, что стали добрым образцом для многих.

По прошествии довольно продолжительного времени, когда, с помощию Божиею и по молитвам преподобного Саввы, обитель его с успехом процветала, в ней произошел большой

пожар, так что сгорел весь монастырь. При сем сгорели вместе с келиями и церковь, и столп, на котором подвизался преподобный во время своей жизни; но гроб преподобного Саввы, находившийся между церковию и столпом, и часовня над гробом, не потерпели от огня никакого вреда, так что пламень не мог даже прикоснуться к ним, хотя окружал их со всех сторон. Это было первое чудо по преставлении святого. С того времени при гробе преподобного Саввы стали совершаться многоразличные чудотворения, коими Господь явил в нем верующим истинного Своего угодника и благодатного чудотворца. Следующее чудо особенно уверило всех в этом. Некто Захария, готовившийся принять иноческий постриг в обители преподобного, много слышал от тамошних иноков о святом житии и посмертных чудесах преподобного. Благоговейно изумляясь слышанному, Захария в продолжение многих дней размышлял о том и молил Бога, чтобы и ему сподобиться самому быть свидетелем какого-либо из таковых чудес. И вот, когда он однажды стоял на молитве и, присев для отдыха, задремал и уснул, вдруг увидел перед собою какого-то незнакомого старца, который сказал ему: «Если хочешь видеть Савву, иди за мною, – и тогда увидишь его». Захария, как казалось ему, пошел за тем старцем, дошел до гроба святого Саввы, увидал там нескольких святителей и среди них преподобного Савву, стоявшего на возвышенном месте. Он поклонился преподобному, и тот сказал ему несколько слов в назидание и утвердил его в его вере.

Между тем болящие и все с верою притекающие ко гробу преподобного продолжали получать духовные утешения в своих скорбях и чудодейственные исцеления от своих тяжких недугов. Слух о этих чудотворениях распространился по всей Новгородской области, особенно с того времени, когда настоятель Саввинской обители игумен Геласий, по молитвам к угоднику Божию, исцелел от приключившейся с ним отравы, причем при исцелении увидел во сне преподобного Савву, стоявшего на молитве в светлых ризах со взором, обращенным к храму. Проснувшись и почувствовав себя исцеленным, Геласий прославил Бога, творящего через святых Своих

угодников дивные чудеса, и поспешил отправиться к Новгородскому архиепископу, которому и поведал о бывшем ему видении и о своем чудесном исцелении. Тогда Новгородский святитель Иона прибыл в Саввин Вишерский монастырь[6235] и, поспешив ко гробу преподобного, совершил перед ним молебное пение. Потом он приказал написать икону преподобного Саввы[6236], составить в честь его службу и описать его житие[6237] во славу Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, дивно прославляющему святых Своих и по их преставлении.

Впоследствии мощи преподобного Саввы были перенесены во вновь построенную церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы[6238], и в православной русской церкви установлен в честь его праздник[6239]. И ныне у честного гроба его подаются неоскудные исцеления всем, с верою притекающим к предстательству преподобного, не престающего молиться перед престолом Всевышнего о всех, верою почитающих пречестную память его.

Тропарь, глас 4:

От юности твоея весь Богу поработился еси блаженнее, и того ради любве, отечество и род оставил еси, в пустыню вселився, и в ней жестокое житие показав: чудес дарования от Господа приял еси Савво преподобне, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Отечества преподобне удалився, и вселився в пустыню, и тамо на столп вшед, идеже жестокое житие показал еси: и многих житием удивив, отнюдуже дарование чудес от Христа приял еси. Поминай нас чествующих память твою, да зовем ти: радуйся Савво отче наш.

Память святого мученика Домнина

Память 1 октября

Святой Домнин был родом из Солуня. Когда царь Максимиан[6240] строил себе дворец в Солуни[6241], святой Домнин схвачен был как христианин и приведен к царю на суд. Царь с гневом сказал ему:

– Зачем во время пребывания моего в городе, ты открыто исповедуешь иного Бога? Принеси жертву богам, если хочешь быть жив.

Так как святой не повиновался, то царь приказал терзать тело его; а потом, видя в терпении святого порицание и укор себе, велел вывести его за город и отсечь ему ноги по колена. С отсеченными ногами святой мученик прожил в страданиях семь дней, не вкушая пищи, а потом, вознося благодарение Богу, Коего он так возлюбил, предал Ему свою блаженную душу.

Память преподобного Михаила Зовийского и пострадавших с ним

Память 1 октября

Преподобный Михаил вместе с другими иноками подвизался, в царствование Константина и Ирины[6242] в монастыре, называемом Зовия близ Севастии[6243]. Агарянский эмир Алим[6244] напал на ту страну и захватил их. Укрепляемые силою Христовою, преподобные отцы не склонились на увещания неверных отречься от Христа. Став посреди иноков, преподобный игумен Михаил возвысил голос, убеждая их умереть за Христа. Сначала они, преклонив главы, были усечены мечом, а затем и преподобный Михаил.

Житие и страдание святого священномученика Киприана и святой мученицы Иустины.

Память 2 октября

В царствование Декия[6245] жил в Антиохии[6246] некий философ[6247] и знаменитый волхвователь[6248], по имени Киприан, родом из Карфагена[6249]. Происходя от нечестивых родителей, он еще в детстве посвящен был ими на служение языческому богу Аполлону[6250]. Семи лет он был отдан чародеям для научения волхвованию и бесовской мудрости. По достижении десятилетнего возраста, он был послан родителями для приготовления к жреческому служению, на гору Олимп[6251], которую язычники называли жилищем богов; там было бесчисленное множество идолов, в коих обитали бесы. На этой горе Киприан научился всем диавольским хитростям: он постиг различные бесовские превращения, научился изменять свойства воздуха, наводить ветры, производить гром и дождь, возмущать морские волны, причинять вред садам, виноградникам и полям, насылать болезни и язвы на людей, и вообще научился пагубной мудрости и исполненной зла диавольской деятельности. Он видел там бесчисленные полчища бесов с князем тьмы во главе, которому одни предстояли, другие служили, иные восклицали, восхваляя своего князя, а иные были посылаемы в мир для совращения людей. Там видел он также в мнимых образах языческих богов и богинь, а равно различные призраки и привидения, вызыванию коих он учился в строгом сорокадневном посте; ел же он по захождении солнца, и то не хлеб и не какую-либо иную пищу, а дубовые желуди.

Когда ему минуло пятнадцать лет, он стал слушать уроки семи великих жрецов, от которых уведал многие бесовские тайны. Затем он пошел в город Аргос[6252], где, послуживши некоторое время богине Гере[6253], научился многим обольщениям у жреца ее. Пожил он и в Таврополе[6254], служа Артемиде, а оттуда пошел в Лакедемон[6255], где и научился

разными волхвованиями и наваждением вызывать мертвецов из могил и заставлял их говорить. Двадцати лет от роду Киприан пришел в Египет, и в городе Мемфисе[6256] обучался еще большим чародействам и волшебствам. На тридцатом году он пошел к халдеям[6257] и, научившись там звездочетству, закончил свое учение, после чего возвратился в Антиохию, будучи совершенным во всяком злодеянии. Так он стал волхвователем, чародеем и душегубцем, великим другом и верным рабом адского князя[6258], с коим беседовал лицом к лицу, удостоившись от него великой чести, как о том он сам открыто засвидетельствовал.

– Поверьте мне, – говорил он, – что я видел самого князя тьмы, ибо я умилостивил его жертвами; я приветствовал его и говорил с ним и с его старейшинами; он полюбил меня, хвалил мой разум и пред всеми сказал: «вот новый Замврий[6259], всегда готовый к послушанию и достойный общения с нами! И обещал он мне поставить меня князем, по исхождении моем из тела, а в течение земной жизни – во всем помогать мне; при сем он дал мне полк бесов в услужение. Когда же я уходил от него, он обратился ко мне со словами: «Мужайся, усердный Киприан, встань и сопровождай меня: пусть все старейшины бесовские удивляются тебе». Вследствие сего, и все его князья были внимательны ко мне, видя оказанную мне честь. Внешний вид его был подобен цветку; голова его была увенчана венцом, сделанным (не в действительности, а призрачно) из золота и блестящих камней, вследствие чего и все пространство то освещалось, – а одежда его была изумительна. Когда же он обращался в ту, или другую сторону, все место то содрогалось; множество злых духов различных степеней покорно стояли у престола его. Ему и я всего себя отдал тогда в услужение, повинуясь всякому его велению.

Так рассказывал о себе сам Киприан после своего обращения.

Отсюда ясно, каким человеком был Киприан: как друг бесов, совершал он все их дела, причиняя вред людям и обольщая их. Живя в Антиохии, он много людей совратил ко всяким беззакониям, многих погубил отравами и чародейством,

а юношей и девиц закалал в жертву бесам. Многих он научил своему гибельному волхвованию: одних – летать по воздуху, других – плавать в ладьях по облакам, а иных ходить по водам. Всеми язычниками он был почитаем и прославляем, как главнейший жрец и мудрейший слуга их мерзких богов. Многие обращались к нему в своих нуждах, и он помогал им бесовскою силою, которой был исполнен: одним содействовал он в любодеянии, другим во гневе, вражде, мщении, зависти. Уже весь он находился в глубинах ада и в пасти диавольской, был сыном геенны, участником бесовского наследия и их вечной гибели. Господь же, не хотящий смерти грешника, по Своей неизреченной благости и не побеждаемому людскими грехами милосердию, соизволил взыскать сего погибшего человека, извлечь из пропасти погрязшего в адской глубине и спасти его, чтобы показать всем людям Свое милосердие, ибо нет греха, могущего победить Его человеколюбие. Спас же Он Киприана от гибели следующим образом.

Жила в то время там же, в Антиохии, некая девица, по имени Иустина. Она происходила от языческих родителей: отцом ее был идольский жрец, по имени Едесий, а мать ее звали Клеодонией. Однажды, сидя у окна в своем доме, девица сия, тогда уже пришедшая в совершенный возраст, случайно услышала слова спасения из уст проходившего мимо диакона, по имени Праилия. Он говорил о вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа, – о том, что Он родился от Пречистой Девы и, сотворив многие чудеса, благоизволил пострадать ради нашего спасения, воскрес из мертвых со славою, вознесся на небеса, воссел одесную Отца и царствует вечно. Сия проповедь диакона пала на добрую почву, в сердце Иустины, и начала скоро приносить плоды, искореняя в ней терния неверия. Иустина захотела лучше и совершеннее научиться вере у диакона, но не осмелилась искать его, удерживаемая девическою скромностью. Однако, она тайно ходила в церковь Христову и, часто слушая слово Божие, при воздействии на ее сердце Святого Духа, уверовала во Христа. В скором времени она убедила в сем и свою мать, а затем привела к вере и своего престарелого отца. Видя разум своей дочери и слыша ее

мудрые слова, Едесий рассуждал сам с собою: «Идолы сделаны руками человеческими и не имеют ни души, ни дыхания, а потому – каким образом они могут быть богами». Размышляя о сем, однажды ночью он увидел во сне, по Божественному соизволению, чудесное видение: видел он великий сонм светоносных Ангелов, а среди них был Спаситель мира Христос, Который сказал ему:

– Приидите ко Мне, и Я дам вам Царствие Небесное.

Встав утром, Едесий пошел с женою и дочерью к христианскому епископу, по имени Онтату, прося его научить их Христовой вере и совершить над ними святое крещение. При сем он поведал слова дочери своей и виденное им самим Ангельское видение. Услышав сие, епископ возрадовался обращению их и, наставив их в вере Христовой, крестил Едесия, жену его Клеодонию и дочь Иустину, а затем, причастив их Святых Таин, отпустил с миром. Когда же Едесий укрепился в Христовой вере, то епископ, видя его благочестие, поставил его пресвитером. После этого, пожив добродетельно и в страхе Божием год и шесть месяцев, Едесий во святой вере окончил свою жизнь. Иустина же доблестно подвизалась в соблюдении заповедей Господних и, возлюбив Жениха своего Христа, служила Ему прилежными молитвами, девством и целомудрием, постом и воздержанием великим. Но враг, ненавистник человеческого рода, видя такую ее жизнь, позавидовал ее добродетелям и начал вредить ей, причиняя различные бедствия и скорби.

В то время жил в Антиохии некий юноша, по имени Аглаид, сын богатых и знатных родителей. Он жил роскошно, весь отдаваясь суете мира сего. Однажды он увидел Иустину, когда она шла в церковь, и поразился ее красотой. Диавол же внушил дурные намерения в его сердце. Распалившись вожделением, Аглаид всеми мерами стал стараться снискать расположение и любовь Иустины и, посредством обольщения, привести чистую агницу Христову к задуманной им скверне. Он наблюдал за всеми путями, по которым девица должна была идти, и, встречаясь с нею, говорил ей льстивые речи, восхваляя ее красоту и прославляя ее. Показывая свою любовь к ней, он

старался увлечь ее к любодеянию хитросплетенною сетью обольщений. Девица же отворачивалась и избегала его, гнушаясь им и не желая даже слушать его льстивых и лукавых речей. Не охладевая в своем вожделении к ее красоте, юноша послал к ней с просьбою, чтобы она согласилась стать его женою.

Она же отвечала ему:

– Жених мой – Христос; Ему я служу и ради Него храню мою чистоту. Он и душу и тело мое охраняет от всякой скверны.

Слыша такой ответ целомудренной девицы, Аглаид, подстрекаемый диаволом, еще более распалился страстью. Не будучи в состоянии обольстить ее, он замыслил похитить ее насильно. Собрав на помощь подобных себе безрассудных юношей, он подстерег девицу на пути, по которому она обычно ходила в церковь на молитву; там он встретил ее и, схватив, насильно потащил в дом свой. Она же начала сильно кричать, била его по лицу и плевала на него. Услышав ее вопли, соседи выбежали из домов и отняли непорочную агницу, святую Иустину, из рук нечестивого юноши, как из волчьей пасти. Бесчинники разбежались, а Аглаид возвратился со стыдом в дом свой. Не зная, что делать далее, он, с усилением в нем нечистой похоти, решился на новое злое дело: он пошел к великому волхву и чародею – Киприану, жрецу идольскому и, поведав ему свою скорбь, просил у него помощи, обещая дать ему много золота и серебра. Выслушав Аглаида, Киприан утешал его, обещая исполнить его желание.

– Я, – сказал он, – сделаю так, что сама девица будет искать твоей любви и почувствует к тебе страсть даже более сильную, чем ты к ней.

Так утешив юношу, Киприан отпустил его обнадеженным. Взяв затем книги по своему тайному искусству, он призвал одного из нечистых духов, в коем был уверен, что он скоро может распалить страстью к этому юноше сердце Иустины. Бес охотно обещал ему исполнить сие и горделиво говорил:

– Нетрудное это для меня дело, ибо я много раз потрясал города, разорял стены, разрушал дома, производил кровопролития и отцеубийства, поселял вражду и великий гнев

между братьями и супругами, и многих, давших обет девства, доводил до греха; инокам, поселявшимся в горах и привычным к строгому посту, даже никогда и не помышлявшим о плоти, я внушал блудное похотение и научал их служить плотским страстям; людей раскаявшихся и отвратившихся от греха я снова обратил к делам злым; многих целомудренных я ввергнул в любодеяние. Неужели же не сумею я девицу сию склонить к любви Аглаида? Да что я говорю? Я самым делом скоро покажу свою силу. Вот возьми это снадобье (он подал наполненный чем-то сосуд) и отдай тому юноше: пусть он окропит им дом Иустины, и увидишь, что сказанное мною сбудется.

Сказав это, бес исчез. Киприан призвал Аглаида и послал его окропить тайно из дьявольского сосуда дом Иустины. Когда это было сделано, блудный бес вошел туда с разожженными стрелами плотской похоти, чтобы уязвить сердце девицы любодеянием, а плоть ее разжечь нечистою похотью.

Иустина имела обычай каждую ночь возносить молитвы ко Господу. И вот, когда она, по обычаю, вставши в третьем часу ночи, молилась Богу, то ощутила внезапно в своем теле волнение, бурю телесной похоти и пламя геенского огня. В таком волнении и внутренней борьбе она оставалась довольно продолжительное время: ей пришел на память юноша Аглаид, и у нее родились дурные мысли. Девица удивлялась и сама себя стыдилась, ощущая, что кровь ее кипит как в котле; она теперь помышляла о том, чего всегда гнушалась как скверны. Но, по благоразумию своему, Иустина поняла, что эта борьба возникла в ней от диавола; тотчас она обратилась к оружию крестного знамения, прибегла к Богу с теплою молитвою и из глубины сердца взывала ко Христу, Жениху своему:

– Господи Боже мой, Иисусе Христе! – вот враги мои восстали на меня, приготовили сеть для уловления меня и истощили мою душу. Но я вспомнила в ночи имя Твое и возвеселилась, и теперь когда они теснят меня, я прибегаю к Тебе и надеюсь, что враг мой не восторжествует надо мною. Ибо Ты знаешь, Господи Боже мой, что я, Твоя раба, сохранила для Тебя чистоту тела моего и душу мою вручила Тебе. Сохрани же овцу Твою, добрый Пастырь, не предай на съедение зверю,

ищущему поглотить меня; даруй мне победу на злое вожделение моей плоти.

Долго и усердно помолившись, святая дева посрамила врага. Побежденный ее молитвою, он бежал от нее со стыдом, и снова настало спокойствие в теле и сердце Иустины; пламя вожделения погасло, борьба прекратилась, кипящая кровь успокоилась. Иустина прославила Бога и воспела победную песнь. Бес же возвратился к Киприану с печальною вестью, что он ничего не достиг.

Киприан спросил его, почему он не мог победить девицу.

Бес, хотя и неохотно, открыл правду:

– Я потому не мог одолеть ее, что видел на ней некое знамение, коего устрашился.

Тогда Киприан призвал более злобного беса и послал его соблазнить Иустину. Тот пошел и сделал гораздо больше первого, напав на девицу с большею яростью. Но она вооружилась теплою молитвою и возложила на себя еще сильнейший подвиг: она облеклась во власяницу и умерщвляла свою плоть воздержанием и постом, вкушая только хлеб с водою. Укротив таким образом страсти своей плоти, Иустина победила диавола и прогнала его с позором. Он же, подобно первому, ничего не успев, возвратился к Киприану. Тогда Киприан призвал одного из князей бесовских, поведал ему о слабости посланных бесов, которые не могли победить одной девицы, и просил у него помощи. Тот строго укорял прежних бесов за неискусность их в сем деле и за неуменье воспламенить страсть в сердце девицы. Обнадежив Киприана и обещав иными способами соблазнить девицу, князь бесовский принял вид женщины и вошел к Иустине. И начал он благочестиво беседовать с нею, как будто желая последовать примеру ее добродетельной жизни и целомудрия. Так беседуя, он спросил девицу, какая может быть награда за столь строгую жизнь и за соблюдение чистоты.

Иустина ответила, что награда для живущих целомудренно велика и неизреченна, и весьма удивительно, что люди нимало не заботятся о столь великом сокровище, как Ангельская

чистота. Тогда диавол, обнаруживая свое бесстыдство, начал хитрыми речами соблазнять ее:

– Каким же образом мог бы существовать мир? Как рождались бы люди? Ведь, если бы Ева сохранила чистоту, то как происходило бы умножение человеческого рода? Поистине доброе дело – супружество, которое установил Сам Бог; его и Священное Писание похваляет, говоря: «Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно» (Евр.13:4). Да и многие святые Божии разве не состояли в браке, который Господь дал людям в утешение, чтобы они радовались на детей своих и восхваляли Бога?

Слушая сии слова, Иустина узнала хитрого обольстителя – диавола и искуснее, нежели Ева, победила его. Не продолжая беседы, она тотчас прибегла к защите Креста Господня и положила честное его знамение на своем лице, а сердце свое обратила ко Христу, Жениху своему. И диавол тотчас исчез с еще большим позором, чем первые два беса.

В большом смущении возвратился к Киприану гордый князь бесовский. Киприан же, узнав, что и он ничего не успел, сказал диаволу:

– Ужели и ты, князь сильный и более других искусный в таком деле, не мог победить девицы? Кто же из вас может что-либо сделать с этим непобедимым девическим сердцем? Скажи мне, каким оружием она борется с вами, и как она делает немощною вашу крепкую силу.

Побежденный силою Божией, диавол неохотно сознался:

– Мы не можем смотреть на крестное знамение, но бежим от него, потому что оно как огонь опаляет нас и прогоняет далеко.

Киприан вознегодовал на диавола за то, что он посрамил его и, понося беса, сказал:

– Такова-то ваша сила, что и слабая дева побеждает вас!

Тогда диавол, желая утешить Киприана, предпринял еще одну попытку: он принял образ Иустины и пошел к Аглаиду в той надежде, что, приняв его за настоящую Иустину, юноша удовлетворит свое желание, и таким образом ни его бесовская слабость не обнаружится, ни Киприан не будет посрамлен. И

вот, когда бес вошел к Аглаиду в образе Иустины, тот в несказанной радости вскочил, подбежал к мнимой деве, обнял ее и стал лобызать, говоря:

– Хорошо, что пришла ты ко мне, прекрасная Иустина!

Но лишь только юноша произнес слово «Иустина», как бес тотчас исчез, не будучи в состоянии вынести даже имени Иустины. Юноша сильно испугался и, прибежав к Киприану, рассказал ему о случившемся. Тогда Киприан волхвованием своим придал ему образ птицы и, сделав его способным летать по воздуху, послал к дому Иустины, посоветовав ему влететь к ней в комнату через окно. Носимый бесом по воздуху Аглаид прилетел в образе птицы к дому Иустины и хотел сесть на крыше. В это время случилось Иустине посмотреть в окно своей комнаты. Увидев ее, бес оставил Аглаида и бежал. Вместе с тем исчез и призрачный облик Аглаида, в котором он казался птицею, и юноша едва не расшибся, летя вниз. Он ухватился руками за край крыши и, держась за нее, повис, и, если бы не был спущен оттуда на землю молитвою святой Иустины, то упал бы, нечестивый, и разбился. Так, ничего не достигши, возвратился юноша к Киприану и рассказал ему про свое горе. Видя себя посрамленным, Киприан сильно опечалился и сам задумал пойти к Иустине, надеясь на силу своего волшебства. Он превращался и в женщину и в птицу, но еще не успевал дойти до дверей дома Иустины, как уже призрачное подобие красивой женщины, и равно и птицы, исчезало, и он возвращался со скорбью.

После этого Киприан начал мстить за свой позор и наводил своим волхвованием разные бедствия на дом Иустины и на дома всех сродников ее, соседей и знакомых, как некогда диавол на праведного Иова (Иов.1:15–19, 2:7). Он убивал скот их, поражал рабов их язвами, и таким образом ввергал их в чрезмерную печаль. Он поразил болезнью и саму Иустину, так что она лежала в постели, а мать ее плакала о ней. Иустина же утешала мать свою словами пророка Давида: «Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни» (Пс.117:17).

Не только на Иустину и ее сродников, но и на весь город, по Божию попущению, навел Киприан бедствия, вследствие своей

неукротимой ярости и большого посрамления. Появились язвы на животных и различные болезни среди людей; и прошел, по бесовскому действию, слух, что великий жрец Киприан казнит город за сопротивление ему Иустины. Тогда почетнейшие граждане пришли к Иустине и с гневом побуждали ее, чтобы она не печалила более Киприана и выходила замуж за Аглаида, во избежание еще больших бедствий из-за нее для всего города. Она же всех успокаивала, говоря, что скоро все бедствия, причиняемые при помощи бесов Киприаном, прекратятся. Так и случилось. Когда святая Иустина помолилась усердно Богу, тотчас все бесовское наваждение прекратилось; все исцелились от язв и выздоровели от болезней. Когда совершилась такая перемена, люди прославляли Христа, а над Киприаном и его волшебною хитростью издевались, так что он от стыда не мог уже показаться среди людей и избегал встречаться даже со знакомыми. Убедившись, что силы крестного знамения и Христова Имени ничто не может победить, Киприан пришел в себя и сказал диаволу:

– О губитель и обольститель всех, источник всякой нечистоты и скверны! Ныне я узнал твою немощь. Ибо если ты боишься даже тени креста и трепещешь Имени Христова, то что ты будешь делать, когда Сам Христос придет на тебя? Если ты не можешь победить осеняющих себя крестом, то кого ты исторгнешь из рук Христовых? Ныне я уразумел, какое ты ничтожество; ты не в силах даже отомстить! Послушавшись тебя, я, несчастный, прельстился, и поверил твоей хитрости. Отступи от меня, проклятый, отступи, – ибо мне следует умолять христиан, чтобы они помиловали меня. Следует мне обратиться к благочестивым людям, чтобы они избавили меня от гибели и позаботились о моем спасении. Отойди, отойди от меня, беззаконник, враг истины, противник и ненавистник всякого добра.

Услышав сие, диавол бросился на Киприана, чтобы убить его, и, напав, начал бить и давить его. Не находя нигде защиты и не зная, как помочь себе и избавиться от лютых бесовских рук, Киприан, уже едва живой, вспомнил знамение святого

Креста, силою которого противилась Иустина всей бесовской силе, и воскликнул:

– Боже Иустины, помоги мне!

Затем, подняв руку, перекрестился, и диавол тотчас отскочил от него, как стрела, пущенная из лука. Собравшись с духом, Киприан стал смелее и, призывая имя Христово, осенял себя крестным знамением и упорно противился бесу, проклиная его и укоряя. Диавол же, стоя вдали от него и не смея приблизиться, из боязни крестного знамения и Христова Имени, всячески угрожал Киприану, говоря:

– Не избавит тебя Христос от рук моих!

Затем, после долгих и яростных нападений на Киприана бес зарычал, как лев, и удалился.

Тогда Киприан взял все свои чародейские книги и пошел к христианскому епископу Анфиму. Упав к ногам епископа, он умолял оказать ему милость и совершить над ним святое крещение. Зная, что Киприан – великий и для всех страшный волхвователь, епископ подумал, что он пришел к нему с какой-либо хитростью, и потому отказывал ему, говоря:

– Много зла творишь ты между язычниками; оставь же в покое христиан, чтобы тебе не погибнуть в скором времени.

Тогда Киприан со слезами исповедал все епископу и отдал ему свои книги на сожжение. Видя его смирение, епископ научил его и наставил святой вере, а затем повелел ему готовиться к крещению; книги же его сжег пред всеми верующими гражданами.

Удалившись от епископа с сокрушенным сердцем, Киприан плакал о грехах своих, посыпал пеплом голову и искренно каялся, взывая к истинному Богу об очищении своих беззаконий. Пришедши на другой день в церковь, он слушал слово Божие с радостным умилением, стоя среди верующих. Когда же диакон повелел оглашенным выйти вон, возглашая: «елицы оглашеннии изыдите»[6260], – некоторые уже выходили, Киприан не хотел выйти, говоря диакону:

– Я – раб Христов; не изгоняй меня отсюда.

Диакон же сказал ему:

– Так как над тобою еще не совершено святое крещение, то ты должен выйти из храма.

На сие Киприан ответил:

– Жив Христос, Бог мой, избавивший меня от диавола, сохранивший девицу Иустину чистою и помиловавший меня; не изгонишь меня из церкви, пока я стану совершенным христианином.

Диакон сказал об этом епископу, а епископ, видя усердие Киприана и преданность к Христовой вере, призвал его к себе и немедленно крестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Узнав о сем, святая Иустина возблагодарила Бога, раздала много милостыни нищим и сделала в церковь приношение. Киприана же на восьмой день епископ поставил в чтеца, на двадцатый в иподиакона, на тридцатый в диакона, а через год рукоположил во иереи. Киприан вполне изменил свою жизнь, с каждым днем увеличивал он свои подвиги и, постоянно оплакивая прежние злые деяния, совершенствовался и восходил от добродетели к добродетели. Скоро он был поставлен епископом и в этом сане проводил такую святую жизнь, что сравнялся со многими великими святыми; при сем, он ревностно заботился о вверенном ему Христовом стаде. Святую Иустину девицу он поставил диакониссою, а затем поручил ей девичий монастырь, сделав ее игуменией над другими девицами христианскими. Своим поведением и наставлением он обратил многих язычников и приобрел их для Церкви Христовой. Таким образом, идолослужение стало прекращаться в той стране, и слава Христова увеличивалась.

Видя строгую жизнь святого Киприана, заботы его о вере Христовой и о спасении душ человеческих, диавол скрежетал на него зубами и побудил язычников оклеветать его пред правителем восточной страны в том, что он богов посрамил, многих людей отвратил от них, а Христа, враждебного богам их, прославляет. И вот многие нечестивцы пришли к правителю Евтолмию, владевшему теми странами, и клеветали на Киприана и Иустину, обвиняя их в том, что они враждебны и богам, и царю, и всяким властям, – что они смущают народ, обольщают его и ведут вслед за собою, располагая к

поклонению распятому Христу. При сем они просили правителя, чтобы он за сие предал Киприана и Иустину смертной казни. Выслушав просьбу, Евтолмий велел схватить Киприана и Иустину и посадить их в темницу. Затем, отправляясь в Дамаск, он и их взял с собою, для суда над ними. Когда же привели ему на суд узников христовых, Киприана и Иустину, то он спросил Киприана:

– Зачем ты изменил своей прежней славной деятельности, когда ты был знаменитым слугою богов и многих людей приводил к ним?

Святой Киприан рассказал правителю, как узнал немощь и обольщение бесов и уразумел силу Христову, которой бесы боятся и трепещут, исчезая от знамения Честного Креста, а равно изъяснил причину своего обращения ко Христу, за Которого обнаруживал готовность умереть. Мучитель не воспринял слов Киприана в свое сердце, но, не будучи в состоянии отвечать на них, велел повесить святого и строгать его тело, а святую Иустину бить по устам и очам. Во все время долгих мучений, они непрестанно исповедовали Христа и с благодарением претерпевали все. Затем мучитель заключил их в темницу и пробовал ласковым увещанием вернуть их к идолопоклонству. Когда же он оказался не в силах убедить их, то повелел бросить их в котел; но кипящий котел не причинял им никакого вреда, и они, как бы в прохладном месте, прославляли Бога. Видя сие, один идольский жрец, по имени Афанасий, сказал:

– Во имя бога Асклипия[6261], я тоже брошусь в сей огонь и посрамлю тех волшебников.

Но едва только огонь коснулся его, он тотчас умер. Видя сие, мучитель испугался и, не желая более судить их, послал мучеников к правителю Клавдию в Никомидию[6262], описав все, случившееся с ними. Сей правитель осудил их на усечение мечом. Когда они были приведены на место казни, то Киприан попросил себе некоторое время для молитвы, ради того, чтобы прежде была казнена Иустина: он опасался, чтобы Иустина не испугалась, при виде его смерти. Она же радостно склонила свою голову под меч и преставилась к Жениху своему, Христу.

Видя неповинную смерть этих мучеников, некто Феоктист, присутствовавший там, очень сожалел о них и, воспылав сердцем к Богу, припал к святому Киприану и, лобызая его, объявил себя христианином. Вместе с Киприаном и он тотчас был осужден на усечение. Так они предали свои души в руки Божии; тела же их лежали шесть дней не погребенными. Некоторые из бывших там странников тайно взяли их и отвезли в Рим, где и отдали одной добродетельной и святой женщине, по имени Руфине, родственнице Клавдия кесаря[6263]. Она похоронила с честью тела святых Христовых мучеников: Киприана, Иустины и Феоктиста. При гробах же их происходили многие исцеления притекавшим к ним с верою. Молитвами их да исцелит Господь и наши болезни телесные и душевные!

Кондак, глас 1:

От художества волшебного обратився Богомудре к познанию Божественному, показался еси миру врачь мудрейший, исцеления даруя чествующым тя, Киприане со Иустиною: с нею же молися человеколюбцу Владыце, спасти души наша.

Житие святого Андрея, Христа ради юродивого

Память 2 октября

В царствование греческого императора Льва Великого-Мудрого[6264], сына императора Василия Македонянина[6265], жил в Константинополе некий муж, по имени Феогност. Он купил множество рабов, в числе коих находился один отрок, славянин родом, по имени Андрей[6266]. Сей отрок был прекрасен собою и отличался добрым нравом. Феогност полюбил его больше других рабов, назначил его своим доверенейшим слугою и отдал его для обучения священным книгам. Изучив Священное Писание, Андрей часто ходил по церквам, молился Богу и читал священные книги. Однажды ночью, когда он стоял на молитве, злокозненный диавол, видя сие, позавидовал сему доброму делу и стал сильно ударять в двери той комнаты, где находился юноша. Андрей пришел в ужас, перестал молиться, поспешно лег на постель и оделся козлиною шкурою. Увидав сие, сатана обрадовался и сказал другому диаволу:

– Видишь ли ты сего юношу: недавно еще он вкушал бобы, а теперь вот он уже вооружается на нас!

Проговорив сие, сатана исчез. Блаженный же от страха крепко уснул и во сне имел следующее видение. Ему казалось, будто он был на большой площади, по одну сторону которой стояло множество эфиопов, а по другую множество святых мужей в белых одеждах. Между обеими сторонами происходило как бы состязание и борьба. Эфиопы, имея на своей стороне одного черного исполина, с гордостью предлагали облеченным в белые одежды, чтобы те представили из своей среды такого борца, который был бы в силах бороться с их черным эфиопом, тысяченачальником их бесчисленного легиона. Черновидные эфиопы хвастались своей силой, но белоризцы ничего им не отвечали. Блаженный Андрей стоял там же и смотрел, желая узнать, кто решится вступить в борьбу с сим страшным противником. И вот он увидал спустившегося с высоты прекрасного юношу, который держал в руках три венца: один из

них был украшен чистым золотом и драгоценными камнями, другой крупным, блестящим жемчугом, а третий – наибольший из венков – сплетен был из неувядаемых белых и красных цветов и ветвей Божия рая. Сии венцы были столь чудной красоты, что ее и ум человеческий не может постигнуть, и нельзя описать ее на языке человеческом. Увидав сие, Андрей помыслил, как бы ему получить хотя бы один из тех трех венцов. Подойдя к явившемуся юноше, он сказал:

– Ради Христа, скажи мне, продаешь ли ты сии венцы? Хотя сам я и не могу купить их, но подожди меня немного, я пойду и скажу моему господину, – он заплатит тебе за сии венцы, сколько ты пожелаешь.

Юноша же, просияв лицом, сказал ему:

– Поверь мне, возлюбленный, что если бы ты принес мне золото всего мира, я не продал бы ни тебе, никому другому, ни одного цветка из этих венцов, потому что сии венцы составлены из небесных Христовых сокровищ, а не из украшений суетного мира. Ими увенчиваются те, кто поборает тех черных эфиопов. Если ты хочешь получить – и даже не один, а все три венца, – то вступи в единоборство с тем черным эфиопом и, когда победишь его, возьмешь от меня все венки, которые ты видишь.

Услышав сие, Андрей исполнился решимости и сказал юноше:

– Поверь мне, что я сделаю сказанное тобою, только научи меня хитростям его.

Юноша сказал:

– А разве ты не знаешь, в чем заключается его ловкость? Не эфиопы ли страшны и грозны по виду? – а между тем они слабы силами. Не бойся же его громадного роста и страшного взгляда: он слаб и гнил как подгнившая трава!

Укрепляя сими речами Андрея, прекрасный юноша стал учить его, как бороться с эфиопом.

Он говорил:

– Когда эфиоп тебя схватит и начнет бороться с тобою, ты не бойся, но схватись с ним крестообразно, и – узришь помощь Божию.

После этого блаженный выступил вперед и сильным голосом крикнул эфиопу:

– Выходи на борьбу!

Устрашая и грозя, эфиоп подошел, схватил Андрея и в продолжение весьма долгого времени переворачивал Андрея то в ту, то в другую сторону. Эфиопы стали рукоплескать, а одетые в белые ризы как будто побледнели, потому что они боялись, как бы сей эфиоп не ударил Андрея о землю. Андрей был уже одолеваем эфиопом, но, оправившись, крестообразно устремился на него. Бес рухнул, как громадное подрубленное дерево, и при падении ударился лбом о камень и закричал: «Горе, горе!» Одетые же в светлые одежды пришли в великую радость. Они подняли Андрея на своих руках кверху, стали лобызать его и торжествовали его победу над эфиопом.

Тогда черные воины с большим посрамлением обратились в бегство, а прекрасный юноша отдал Андрею венцы и, облобызав его, сказал:

– Ступай с миром! С сего времени ты будешь нашим другом и братом. Иди же на подвиг добродетели будь нагим и юродивым ради Меня[6267], и ты явишься в день Моего царствия причастником многих благ.

Выслушав сие от того прекрасного юноши, блаженный Андрей пробудился от сна и удивлялся необычайному сновидению. С того времени он сделался Христа ради юродивым.

На другой день, восстав от сна, он помолился, взял нож, и пошел к колодцу; тут снял он с себя одежду, и, представляясь лишенным разума, изрезал ее на части. Ранним утром пришел за водой к колодцу повар и, увидев Андрея как бы пришедшего в исступление, пошел и рассказал об этом их господину. Скорбя об Андрее, господин их пошел к нему и нашел его как бы несмыслящим и говорящим неразумно. Подумав, что Андрей одержим бесом, он наложил на него железные вериги и приказал вести к церкви святой Анастасии. Андрей в течение дня представлялся лишенным разума, а ночью молился Богу и святой Анастасии. В глубине же своего сердца он размышлял о

том, приятно ли Богу предпринятое им дело, или нет, и хотел получить об этом извещение.

Когда он так размышлял, в видении ему представилось, что пять женщин и один светлоообразный старец ходят, врачуя и посещая больных; пришли они также к Андрею, и старец сказал старейшей женщине:

– Госпожа Анастасия! Почему же ты не уврачуешь его?

– Учитель! – отвечала женщина. – Его врачевал Тот, Кто сказал ему: «Сделайся ради меня юродивым, и в день Моего царствия будешь причастником многих благ». Ему не нужно врачевания.

Сказав сие, они пошли в церковь, откуда уже не возвращались, хотя Андрей смотрел вслед им до тех пор, пока стали ударять к утрени. Тогда блаженный уразумев, что его подвиг угоден Богу, возрадовался духом и еще усерднее стал подвизаться – ночью в молитве, а днем в подвигах юродства.

Однажды блаженный Андрей ночью возносил по своему обычаю в глубине своего сердца молитвы Богу и святой Анастасии мученице. И вот пришел к нему, в явно видимом образе, диавол со множеством бесов, держа секиру; остальные же бесы несли ножи, деревья, колья и копья, как бы намереваясь убить блаженного. Явился и прежний эфиоп, в том виде, как он боролся с Андреем, и еще издали зарычал на него. Ринувшись на святого, он хотел рассечь его топором, который держал в руках. За ним кинулись и все остальные демоны. Святой же, воздев со слезами руки, возопил ко Господу:

– Не предай зверям душу, воздающую Тебе славу и честь!

Потом снова возопил:

– Святой Апостоле Иоанне Богослове, помоги мне!

И вот прогремел гром, явилось множество людей и предстал благообразный старец, имевший лицо светлее солнца, и с ним великое множество слуг. Грозно и строго сказал он находящимся с ним:

– Затворите ворота, чтобы ни один из этих не убежал!

Тотчас ворота затворили, и все эфиопы были схвачены. И услышал Андрей, как один бес тайно говорил своему товарищу:

– Проклят тот час, в который мы соблазнились: ибо немилостив Иоанн и хочет жестоко мучить нас!

Святой же Иоанн повелел пришедшим с ним людям, одетым в белые одежды, снять с шеи Андрея железные вериги. Затем стал за воротами и сказал:

– Приводите эфиопов ко мне одного за другим.

Привели первого беса и распростерли его на земле. Взяв веригу, Апостол согнул ее втрое и дал бесу сто ударов. Бес же как человек кричал:

– Помилуй меня!

После этого распростерли другого демона, и он также был подвергнут ударам; затем третьего – и тот получил столько же ударов. Удары же, коим Господь подверг бесов, были не призрачными, а действительными наказаниями, кои причиняют страдание бесовскому роду. Когда таким образом все эфиопы были наказаны, Иоанн сказал им:

– Ступайте и покажите своему отцу, сатане, нанесенные вам раны – будет ли сие ему приятно!

После того как одетые в белые одежды ушли, и демоны исчезли, тот благолепный старец подошел к рабу Божию Андрею и, возложив на его шею вериги, сказал ему:

– Ты видишь, как поспешил я к тебе на помощь: ибо я очень о тебе забочусь, потому что Бог поручил мне попечение о тебе. Итак, терпи: скоро ты будешь отпущен и будешь ходить по своей воле, как тебе будет угодно.

– Господин мой, – сказал Андрей, – кто ты?

Старец ответил:

– Я тот, кто возлежал на персях Господних (Иоан.13:22, 21:20).

Сказав сие, он просиял как молния и скрылся от глаз юноши. Блаженный же Андрей прославил Бога за то, что Он послал ему на помощь возлюбленного ученика Своего.

После явления святого Иоанна Богослова, разговора с ним и мучений, причиненных бесам, блаженный Андрей, будучи по-прежнему скован, лег, желая уснуть, – и в то же время пришел в восторженное состояние. Он увидал себя в царских палатах. На

престоле в великой славе сидел Царь, Который подозвал Андрея к себе и спросил:

– Желаешь ли всей душой трудиться для Меня?

Андрей отвечал:

– Желаю, Господи!

Царь дал ему вкусить нечто весьма горькое и при сем сказал ему:

– Таков скорбный путь работающих Мне в сем мире.

После этого Он дал вкусить Андрею нечто белее снега и слаще манны. Вкусив, Андрей возвеселился и позабыл горечь первой снеди. И сказал ему царь:

– Такова у Меня пища для служащих Мне и мужественно до конца претерпевающих. И ты мужественно соверши свой подвиг, как начал: ибо, перенесши в сей жизни немного страданий, ты будешь вечно пребывать в жизни нескончаемой.

Пробудившись от сна, Андрей пришел к мысли, что виденная им первая пища – горька прообразует терпение в здешнем мире, а последняя – сладкая – жизнь вечную.

После этого господин Андрея в продолжение четырех месяцев держал его при себе, а затем отпустил на свободу. Притворяясь лишенным разума, Андрей стал бегать по улицам. Он ходил по городу «терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых [тот, которого] весь мир не был достоин» (Евр.11:37–38). Одни надругались над ним, как над безумным, другие прогоняли его от себя, гнушаясь им, как псом смердящим, иные же считали его за одержимого бесом, а малолетние отроки глумились и били блаженного. Он же все претерпевал и молился об оскорблявших его.

Если кто из милостивых нищелюбцев подавал Андрею милостыню, он принимал ее, но отдавал другим нищим. Впрочем, он раздавал так, чтобы никто не знал, что он подает милостыню; сердясь на нищих и как бы желая их побить, он как юродивый бросал им в лицо деньгами, которые держал в руках, а нищие их подбирали. Иногда по трое суток не вкушал хлеба, иногда же голодал и целую неделю, а если не находилось никого, кто бы подал ему ломоть хлеба, то он проводил без пищи и вторую неделю. Одеждою Андрею служило никуда не

годное рубище, едва прикрывавшее телесную его наготу. Уподобляясь во всем святому Симеону, Христа ради юродивому, он днем бегал по улицам, а ночью пребывал на молитве. Живя в столь обширном городе, среди многочисленного населения, он не имел «где главы приклонити». Нищие прогоняли его от своих шалашей, а богачи не пускали на дворы жилищ своих. Когда же ему необходимо было уснуть и несколько успокоить свое измученное тело, он искал мусора, где лежат собаки, и располагался между ними. Но и псы не подпускали к себе раба Божия. Одни, кусая, отгоняли его от себя, другие же убегали от него сами. Никогда не засыпал он под кровлею, но всегда на холоде и зное, валяясь как Лазарь в гноище и грязи, попираемый людьми и животными. Так страдал добровольный мученик и так смеялся над всем миром юродивый: «потому что немудрое Божие премудрее человеков»[6268] (1Кор.1:25). И вселилась в него благодать Святого Духа, и он получил дар прозорливости, ибо он стал прозревать помыслы людей.

Однажды, в Константинополе, у некоего знатного мужа умерла дочь, которая прожила жизнь свою в девственной чистоте. Умирая, она завещала похоронить ее за городом, на кладбище для бедных, находившемся в саду ее отца. Когда она скончалась, ее понесли на то место, где и похоронили ее по христианскому обычаю. В то время был в Константинополе гробокопатель, который, разрывая могилы, снимал с мертвецов одежды. Стоя на дороге, он наблюдал, где будет похоронена девица. Заметив место ее усыпальницы, он решился, с наступлением ночи, разрыть могилу и снять одеяние с мертвой.

Случилось, что и святой Андрей, творя обычные подвиги юродства Христа ради, пошел на то место. Как только заметил он того гробокопателя, он провидел духом злое его намерение. Желая отклонить вора от задуманного дела и предугадывая, какое воспоследует ему наказание, святой Андрей взглянул на него с суровым видом и, как бы в сильном гневе, сказал:

– Так говорит Дух, судящий похищающих одежды лежащих во гробах: не будешь ты более видеть солнца, не будешь видеть дня, ни лица человеческого; затворятся для тебя врата дома

твоего и никогда более не откроются. Померкнет для тебя день и уже никогда не просветлеет.

Услышав сие, гробокопатель не понял того, о чем говорил святой, и отошел, не обращая на слова его никакого внимания. Святой же, вторично посмотрев на него, сказал:

– Ты уходишь? – Не укради! Если же ты сделаешь сие, то – свидетельствую именем Иисуса – не увидишь никогда солнца.

Поняв, что святой говорит ему, гробокопатель удивился, каким образом он знает его намерение, и, возвратившись к святому, сказал:

– Ты точно одержим беснованием и по демонскому наущению говоришь о таинственном и неизвестном! Я же нарочно пойду туда, чтобы видеть, сбудутся ли твои слова!

После этого святой удалился, продолжая юродствовать. С наступлением вечера, выбрав удобное время, вор отвалил камень от гроба, вошел в гроб и прежде всего взял верхнюю одежду покойной и все украшения, ибо они были многоценны. Взяв это, он намеревался удалиться, но какой-то внутренний голос подсказал ему: «Сними и рубашку: ведь она хороша». Сняв рубашку с девицы, гробокопатель хотел выйти из могилы. Мертвая же девица, по повелению Божию, подняла свою правую руку и ударила гробокопателя по лицу, и он тотчас ослеп. Ужаснулся тогда несчастный и затрепетал, так что от страха стали сокрушаться челюсти его, зубы, колени и все кости.

Умершая же девица отверзла уста свои и сказала:

– Несчастный и отверженный человек! Ты не побоялся Бога, не подумал того, что и ты человек! Тебе бы следовало постыдиться девической наготы; с тебя довольно уже взятого тобою, – хотя бы рубашку ты оставил моему обнаженному телу. Но ты меня не помиловал и жестоко поступил со мною, задумав сделать меня посмешищем пред всеми святыми девами в день Второго Пришествия Господня. Но теперь я поступлю с тобою так, что ты никогда не будешь больше воровать, дабы тебе было известно, что жив Бог Иисус Христос, и что по смерти есть суд, воздаяние и наказание.

Проговорив сии слова, девица встала, взяла свою рубашку, облеклась в нее, и, возложивши на себя все одежды и украшения, легла и сказала: «Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности» (Пс.4:9).

С сими словами она снова почила в мире. А тот отверженный едва имел силы выйти из гроба и найти ограду сада. Хватаясь руками то за одну, то за другую стену ограды, он вышел на ближайшую дорогу и побрел к городским воротам. Расспрашивавшим по причине его слепоты он рассказывал совсем не то, что было в действительности. Но впоследствии рассказал все, что случилось с ним, одному своему другу. С тех пор он стал просить себе милостыню и таким образом снискивал себе пропитание. И часто он говорил себе:

– Будь проклята, гортань моя, ибо из-за тебя постигла меня слепота!

Вспоминал он также и святого Андрея и удивлялся, как все исполнилось, согласно провиденному и предреченному святым.

Однажды, ходя по городу, святой Андрей увидал, что навстречу ему несут покойника. Умерший был очень богатый человек и за его гробом шло великое множество народа со свечами и кадильницами. Церковнослужители пели обычные погребальные песнопения, а родные и близкие покойника плакали и рыдали. Видя своими прозорливыми очами, что делалось с тем мертвецом, святой остановился и стал смотреть. И вот, впав на долгое время в совершенное бесчувствие, он увидел духовными очами множество эфиопов, шедших за гробом и громко кричавших:

– Горе ему, горе ему!

Одни из них держали в руках мешки, из которых рассыпали пепел на людей, окружавших мертвеца. Другие же бесы плясали и бесстыдно смеялись как бесстыдные блудницы, третьи лаяли как собаки, а иные еще хрюкали как свиньи. Мертвец был для них предметом радости и веселья. Некоторые из бесов, окружая мертвеца, кропили его смрадною водою, иные летали по воздуху около одра, на котором лежал мертвец. От трупа же умершего грешника исходил удушливый смрад.

Идя следом за мертвым, бесы рукоплескали и производили ужасный топот ногами, ругаясь над поющими и говоря:

– Пусть Бог не даст никому из вас видеть свет, жалкие христиане, ибо вы воспеваете над псом: «Со святыми упокой душу его», и при этом вы называете его, причастного всяческому злу, рабом Божиим.

Взглянув вторично, Андрей увидел, что один из бесовских князей, с пламенным взором, шел ко гробу того отверженного со смолой и серой, чтобы сжечь его тело. Когда же совершился обряд погребения, святой Андрей увидал Ангела, шедшего во образе прекрасного юноши и плакавшего горькими слезами. Проходя мимо, Ангел приблизился к святому Андрею. Последний, подумав, что сей юноша – один из близких умершего и потому так плачет, подошел к нему и сказал:

– Прошу тебя именем Бога небеси и земли: скажи, что за причина твоего плача. Ибо никогда и никого не видал я столь горько плачущим об умершем, как ты.

Ангел отвечал:

– Вот почему я проливаю слезы: я был приставлен для охранения к покойному, коего ты видел, когда его несли в могилу. Но его взял к себе диавол. – Это и есть причина моего плача и печали.

На сие святой сказал ему:

– Я теперь понял, кто ты; молю тебя, святой Ангел, расскажи мне, что за грехи были у покойного, из-за коих захватил его в свои руки диавол?

– Андрей, избранник Божий! – отвечал Ангел. – Так как ты желаешь узнать о сем, то я расскажу тебе, ничего не скрывая. Я вижу красоту святой души твоей, светящуюся наподобие чистого золота; увидев тебя, я несколько утешился в моей скорби. Сей человек был в великом почете у царя. Но он был страшный грешник и вел преступную жизнь. Он был и блудником, и прелюбодеем, зараженным содомским грехом, льстецом, немилосердным, сребролюбцем, лжецом и человеконенавистником, злопамятным, мздоимцем и клятвопреступником. Свою бедную челядь он морил голодом, побоями и наготою, оставляя ее в зимнее время без обуви и

одежды. Многих рабов он даже убил и закопал их под полом конюшен. Одержимый ненавистною Богу похотью, он осквернил до трехсот душ мерзкими и отвратительными грехами блудодеяния. Но и для него пришло время жатвы и застала его смерть не покаявшимся и имеющим несказанные грехи. Душу его взяли бесы, а отвратительное тело его – ты и сам видел – злые духи провожали с поруганием. Вот почему, святая душа, тужу я; одержимый глубокою скорбью, я плачу, потому что охраняемый мною ныне стал посмешищем демонов.

На сии слова Ангела Божия святой сказал:

– Умоляю тебя друг, – прекрати сей плач: умерший поступал дурно, поэтому скончался без покаяния; пусть же он насыщается плодами дел своих. Ты же, пламеннообразный, исполненный всяческих добродетелей, слуга Вседержителя Господа Саваофа, отныне вовеки будешь под благодатью Бога Твоего.

После этих слов, Ангел невидимо удалился от Андрея. А проходящие думали, что святой разговаривает сам с собою, говорили друг другу:

– Посмотрите на сего юродивого, как он потешается и бессмысленно разговаривает со стеной.

При этом они толкали его и отгоняли, говоря:

– Что тебе нужно, юродивый? – недостойный беседовать с людьми, ты разговариваешь со стеной?!

Святой молча отошел и, уединившись в тайном месте, горько плакал о погибели несчастного, которого он видел несомым к могиле.

Однажды святой Андрей ходил в толпе людей на базаре около колонны, которую поставил царь Константин[6269]. Некая женщина по имени Варвара, будучи просвещена Святым Духом, с ужасом увидала в толпе блаженного Андрея блистающим наподобие пламенного столпа. При этом некоторые неразумные толкали его, а другие били: многие же, глядя на него, говорили:

– Сей человек – безумен: погубил свой рассудок. Да не случится сие и с недругами нашими!

Бесы же, ходя за святым Андреем в образе черных эфиопов, говорили:

– О если бы Бог не посылал на землю другого, подобного сему; ибо никто не иссушал сердец наших так, как сей человек, который, не желая работать для своего господина, притворился юродивым и насмехается над всем миром.

И видела та женщина, что эфиопы отмечали бьющих святого и говорили между собою:

– Нам приятно, что они безрассудно его бьют, ибо за истязание невинного угодника Божия они будут осуждены в смертный час свой, и нет для них спасения.

Услыхав сие, блаженный, по внушению Духа Божия, устремился на них как пламень, уничтожил дивною силою знамения бесов и, гневаясь на них, сказал:

– Вы не должны отмечать бьющих меня, ибо я молюсь Владыке моему, да не вменит им во грех нанесение мне побоев. Они делают сие по неведению и, ради неведения своего, получат прощение.

Когда святой говорил сие, внезапно отверзлось, подобно вратам, небо и оттуда опустилось над святым множество прекраснейших ласточек, а посередине их – большой белоснежный голубь, державший в своем клюве золотой масличный лист. И сказал голубь святому человеческим языком:

– Возьми лист сей, его прислал тебе из рая Господь Вседержитель, в знамение Своего к тебе благоволения, ибо ты милуешь и прощаешь наносящих тебе побои и молишься за них, чтобы сие не вменилось им во грех.

С этими словами голубь опустился на голову святого. Видя всё сие, благочестивая женщина удивлялась и, придя в себя после видения, говорила:

– Сколько светильников имеет Бог на земле, и никто их не знает!

Много раз намеревалась она рассказать о своем видении другим, но сила Божия удерживала ее. Впоследствии святой Андрей встретил ее в одном месте и сказал ей:

– Сохраняй мою тайну, Варвара, и того, что ты видела, не рассказывай никому, пока я не дойду «в место селения дивна, даже до дому Божия» (слав. Пс.41:5).

– Честный светильник и святой Божий, – отвечала Варвара, – если бы я и захотела кому рассказать свое видение – то не могу, ибо невидимая Божия сила меня удерживает.

Ходя по городу, святой Андрей встретил однажды некоего вельможу и, провидя его жизнь, плюнул на него, говоря:

– Лукавый блудник, хулитель Церкви, ты притворяешься, что идешь в храм: ты говоришь: «К заутрени иду», а сам идешь к сатане для скверных дел. О беззаконник, встающий в полночь и прогневляющий Бога! Уже наступило время восприять тебе по делам твоим! Или ты думаешь, что скроешься от страшного, всевидящего и всеиспытующего ока Божия?

Услыхав сие, вельможа ударил коня и уехал, дабы не быть посрамленным еще более. По прошествии нескольких дней, он тяжко заболел и стал сохнуть. Приближенные переносили его из одной церкви в другую и от одного врача к другому; но сие не приносило ему никакой пользы. Вскоре сей отверженный человек отошел на вечное мучение. В одну ночь святой увидал около дома того вельможи пришедшего с запада Ангела Господня. Ангел имел вид огненного пламени и держал большую пламенную палицу. Когда Ангел подошел к больному, то услыхал голос свыше:

– Бей сего хулителя, отвратительного содомлянина, и, нанося ему удары, говори: «Желаешь ли ты еще творить грехи и осквернять различных людей? Будешь ли ты ходить для диавольского беззакония, притворяясь, что идешь к заутрени?»

Ангел стал исполнять повеленное ему. При сем голос Ангела и удары его были слышны, сам же Ангел не был виден. В таких мучениях человек тот испустил дух.

Придя однажды на рынок, святой Андрей встретил одного инока, которого все восхваляли за добродетельную жизнь. Правда, он подвизался, как подобает инокам, но без меры был склонен к сребролюбию. Многие из жителей города, исповедывая ему свои грехи, давали ему много золота, для раздачи нищим. Он же, будучи одержим ненасытною страстью сребролюбия, никому не давал, а все клал в сумку, и радовался, видя увеличение денег. Проходя одною с тем жалким иноком дорогою, блаженный Андрей увидел

прозорливыми очами, что сего сребролюбца обвивает страшный змей. Близко подойдя к иноку, святой стал рассматривать того змея. Инок же, принимая Андрея за одного из нищих, просящих милостыню, сказал ему:

– Бог тебя помилует, брат; у меня нет ничего подать тебе.

Отойдя от него на небольшое расстояние, блаженный заметил, что вокруг него в воздухе над змием написано темными письменами:

– Корень всякому беззаконию – змий сребролюбия.

Оглянувшись же назад, святой заметил двух спорящих между собою юношей – один из них был черен и имел темные очи, это был бес, другой же, – Божий Ангел, был белый как свет небесный. Черный говорил:

– Инок – мой, так как он исполняет мою волю. Он немилосерден и сребролюбив – он не имеет части с Богом и работает на меня, как идолослужитель.

– Нет, он мой, – возражал Ангел, – ибо постится и молится и притом он кроток и смиренен.

Так они препирались, и не было между ними согласия. И был с неба голос к светоносному Ангелу:

– Нет тебе части в том чернеце, оставь его, потому что он не Богу, а мамоне работает.

После этого отступил от него Ангел Господень и дух тьмы получил над ним старейшинство. Увидав сие, блаженный Андрей удивлялся, что враждебный демон одолел в споре светлого Ангела. Встретив однажды на улице инока того, святой взял его за правую руку и сказал:

– Раб Божий, без раздражения выслушай меня, раба твоего, и милостиво прими убогие слова мои, ибо из-за тебя постигла меня большая скорбь, и я более не могу переносить, чтобы ты, будучи сперва другом Божиим, стал теперь слугою и другом диавола. Ты имел крылья как Серафим: зачем же ты предался сатане, чтобы тот порезал их до основания. Лик у тебя был блестящий, как молния: почему же ты потемнел? Увы мне! Ты имел зрение как бы многих очей, а ныне змей тебя совсем ослепил. Ты был солнцем, но зашел в темную и бедственную ночь. Зачем ты, брат, погубил свою душу, зачем ты подружился

с бесом сребролюбия, попустил ему пребывать с тобою? Зачем собираешь золото? Разве ты будешь похоронен с ним? Ведь после твоей смерти оно другим достанется! Неужели хочешь ты, чтобы тебя погубила скупость? В то время как другие умирают от голода, холода и жажды, ты веселишься, взирая на обилие золота. Таковы ли пути к покаянию? Таков ли устав для иноков, повелевающий пренебрегать суетною жизнию? Так ли ты отрешился от мира и того, что в мире? Так ли ты распялся миру и всей его суете? Разве ты не слыхал Господа, говорящего: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд» (Мф.10:9–10)? Почему же ты забыл сии заповеди? Вот ныне или завтра окончится жизнь наша, «кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк.12:20)? Разве ты не знаешь, что охраняющий тебя Ангел с плачем удалился далеко от тебя, а диавол стоит подле тебя, и вокруг шеи твоей обвился змей сребролюбия, ты же его не замечаешь. Правду тебе говорю я, – что проходя мимо, я слышал отрицающегося от тебя Господа. Умоляю тебя: раздай имение нищим, сиротам, вдовам, убогим и странникам, не имеющим места, где преклонить голову. Постарайся же, дабы тебе вновь быть другом Божиим. Если же ты не послушаешь меня – погибнешь лютою смертью. Именем Иисуса Христа свидетельствую, что ты тотчас увидишь диавола.

После этого он прибавил:

– Видишь ли ты его?

И открылись у инока духовные очи, и увидел он диавола черного как эфиопа, зверообразного, со страшною пастью; но он стоял вдали и, при виде Андрея, не осмеливался приблизиться. Тогда инок сказал святому:

– Раб Божий, я вижу его, и ужасный страх объял меня; скажи мне: что нужно для спасения души моей?

Андрей снова сказал ему:

– Поверь мне: если ты не послушаешь меня, я нашлю его на тебя, чтобы он тебя замучил и чтобы о твоем посрамлении услышали не только одни сии граждане, но и все четыре страны вселенной; берегись же и исполни то, что я тебе говорю.

Услыхав сие, инок убоялся и обещал исполнить все, что приказывал святой. И тотчас Андрей увидел, что с востока пришел могучий дух в образе молнии и коснулся того змия, уничтожая силу последнего; змий же, не будучи в силах вынести сие, превратился в ворона и исчез. Также погиб и черный эфиоп, и снова над тем иноком принял власть Ангел Божий. Расставаясь с иноком, блаженный заповедал ему:

– Смотри, ничего не рассказывай обо мне, а я стану вспоминать тебя в моих молитвах день и ночь, дабы Господь Иисус Христос направил тебя на добрый путь.

После того инок пошел и раздал нищим все свое золото, и еще более был впоследствии прославлен Богом и людьми; многие приносили к нему золото, чтобы он раздавал его бедным. Но он приказывал жертвователям раздавать его своими руками, говоря:

– Какая для меня польза заботиться о чужом соре?

В то время, когда он жил так, как подобает иноку, с радостным лицом в видении явился ему святой Андрей, показал ему на поле светлое дерево, имеющее цвет сладкого плода, и сказал:

– Возблагодари Бога, отче, за то, что Он исторг тебя из пасти змия и соделал твою душу подобной цветоносному дереву. Постарайся же сей цвет обратить в плод сладкий. Сие прекрасное дерево, которое ты видишь, есть изображение твоей души.

Придя в себя, инок еще более окреп в духовном делании и всегда приносил благодарение Богу и угоднику Его Андрею, наставившему его на путь спасения.

Святой Андрей так благоугодил Богу и столь возлюбил его Господь, что однажды он был, подобно Апостолу Павлу, восхищен до третьего неба (2Кор.12:2) и слышал там неизреченные глаголы и созерцал незримые для смертного красоты рая. Об этом поведал он сам перед своей кончиною верному своему другу Никифору.

Раз как-то случилась суровая зима, и в Константинополе в продолжение целых двух недель стоял сильный мороз; все жилища были занесены снегом; от бури ломались деревья и

птицы падали мертвыми на землю, не находя себе пищи. Тогда все бедняки и нищие были в сильной скорби и утеснении; стеная, плача и дрожа от стужи, они умирали вследствие лишений, голода и холода. Тогда и блаженный Андрей, не имея ни пристанища, ни одежды, испытывал немалую скорбь вследствие стужи. Когда он, желая хотя на некоторое время укрыться под кровлею, приходил к другим нищим, они гнали его от себя палками как собаку, крича на него:

– Пошел прочь отсюда, пес!

Не имея убежища от прилучившегося бедствия и отчаиваясь за самую свою жизнь, он сказал себе:

– Благословен Господь Бог! Если я и умру от сей стужи, то пусть умру по любви моей к Нему, – но Бог силен подать мне и терпение перенести стужу сию.

Зайдя в один закоулок, святой увидал лежащую там собаку и, желая согреться от нее, лег с нею. Но, увидавши его, собака встала и ушла. И сказал Андрей сам себе:

– О сколь ты грешен, окаянный. Не только люди, но и псы пренебрегают тобою!

Когда он таким образом лежал, дрожа от лютого холода и ветра, тело же его измерзло и посинело, он подумал, что пришло время последнего его издыхания, и стал молиться, чтобы Господь принял с миром его душу. И вот внезапно он ощутил в себе внутреннюю теплоту, и, открыв глаза свои, увидал некоего прекрасного юношу, лицо которого светилось как солнце. Он держал в своей руке ветвь, покрытую различными цветами. Взглянув на Андрея, юноша сказал:

– Андрей, где ты?

Андрей отвечал:

– Ныне я нахожусь «во мраке, в бездне» (Пс.87:7).

Тогда явившийся юноша слегка прикоснулся к лицу Андрея цветущею ветвью, которую держал в руке, и сказал:

– Получи оживление твоему телу.

Святой Андрей вдохнул в себя благоухание тех цветов, оно проникло в сердце его, согрело и оживотворило все тело его. Вслед за сим он услыхал голос, говорящий:

– Ведите его, чтобы он на время успокоился здесь, а потом он снова возвратится.

С этими словами на него нашел сладкий сон, и он увидал неизреченны Божии откровения, о коих он подробно сообщил сам вышеупомянутому Никифору, в таких словах:

– Что со мною было, я не знаю. По Божественному изволению, я пребывал в течение двух недель в сладостном видении, подобно человеку, который, сладко проспав всю ночь, просыпается утром. Я видел себя в прекрасном и дивном рае и, удивляясь сему в душе, размышлял: «Что это значит? Я знаю, что живу в Константинополе, а как сюда попал – не знаю». И не понимал я, «в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает» (2Кор.12:2). Но я видел себя облеченным в светлое, как бы из молний сотканное, одеяние, на голове моей лежал венок, сплетенный из многих цветов; я был опоясан царским поясом и сильно радовался при виде той красоты; умом и сердцем удивлялся я несказанной прелести рая Божия и услаждался, ходя по нему. Там находилось множество садов, наполненных высокими деревьями, которые, колыхаясь своими вершинами, веселили мои очи, и от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из тех деревьев непрестанно цвели, другие были украшены златовидной листвой, иные же имели плод несказанной красоты; этих деревьев нельзя уподобить по красоте ни одному земному дереву, ибо их насадила не человеческая рука, а Божия. В тех садах были бесчисленные птицы с золотыми, белоснежными и разноцветными крыльями. Они сидели на ветвях райских деревьев и так прекрасно пели, что от сладкозвучного их пения я не помнил себя: так услаждалось мое сердце, и я думал, что их пение слышно даже на самой высоте небесной. Те прекрасные сады стояли по рядам, наподобие того, как стоит один полк против другого. Когда я с сердечною радостью ходил между ними, то увидел большую, протекающую по средине рая реку, которая орошала прекрасные те сады. По обоим берегам реки рос виноград, распростирая лозы, украшенные листьями и златовидными гроздьями. Там со всех четырех сторон веяли тихие и благоухающие ветры, от дуновения коих сады колыхались,

производя своими листьями чудный шелест. После этого на меня напал какой-то ужас, и мне показалось, что я стою на верху небесной тверди, предо мною же ходит какой-то юноша, с светлым, как солнце, лицом, одетый в багряницу. Я подумал что это – тот, который ударил меня цветущею ветвию по лицу. Когда я ходил по его стопам, то увидел Крест большой и прекрасный, по виду подобный радуге, а кругом его стояли огневидные, как пламень, певцы и воспевали сладостное песнопение, славословя Господа, некогда распятого на Кресте. Шедший предо мною юноша, подойдя ко Кресту, облобызал его, и дал знак и мне, чтобы и я облобызал Крест. Припав ко святому Кресту со страхом и великою радостью, я усердно лобызал его. Лобызая его, я исполнился несказанной духовной сладости и обонял благоухание сильнее райского. Пройдя мимо Креста, я посмотрел вниз и увидал под собою как бы морскую бездну. Мне показалось, что я хожу по воздуху; испугавшись, я закричал моему путеводителю:

– Господин, я боюсь, как бы мне не упасть в глубину.

Он же, обратившись ко мне, сказал:

– Не бойся, ибо нам необходимо подняться еще выше.

И он подал мне руку. Когда я ухватился за нее, мы уже находились выше второй тверди. Там я увидал дивных мужей. Их упокоение и непередаваемую на языке человеческом радость их праздника. После этого мы вошли в какой-то дивный пламень, который не опалял нас, но только осиявал. Я стал ужасаться и снова мой путеводитель, обернувшись, подал мне руку, и сказал:

– Нам следует подняться еще выше.

И вот после этих слов мы поднялись выше третьего неба, где я видел и слышал множество сил небесных, воспевающих и славословящих Бога. Мы подошли к какой-то, блистающей, как молния, завесе, пред которой стояли великие и странные юноши, видом подобные как бы огненному пламени; лица их сияли ярче солнца, а в руках у них было огненное оружие. Предстоя со страхом, увидел я бесчисленное множество небесного воинства. И сказал мне водивший меня юноша:

– Когда отверзется завеса, ты увидишь Владыку Христа. Поклонись же престолу славы Его.

Услыхав сие, я радовался и трепетал, ибо меня объял ужас и неизреченная радость, Я стоял и смотрел, ожидая, когда отверзется завеса. И вот какая-то пламенная рука отверзла завесу, и я, подобно пророку Исайи, узрел Господа моего, «сидящего на престоле высоком… Вокруг Него стояли Серафимы» (Ис.6:1–2). Он был облечен в багряную одежду; Лице Его было пресветло, а очи Его с любовию взирали на меня. Увидев сие, я пал перед Ним ниц, поклоняясь пресветлому и страшному престолу славы Его. Какая радость объяла меня при созерцании лица Его, того нельзя словами и выразить, даже и теперь, при воспоминании о том видении, я преисполняюсь неизреченною радостью. В трепете лежал я пред моим Владыкою, изумляясь такому Его милосердию, что Он попустил мне, нечестивцу и грешнику, предстать пред Собою и созерцать Божественную Его красоту. Размышляя о своем недостоинстве и созерцая величие моего Владыки, я умилялся и повторял про себя слова пророка Исайи: «горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис.6:5). И услыхал я премилосердного Творца моего, изрекшего мне пресладкими и пречистыми Своими устами три Божественных слова, кои так усладили сердце мое и разожгли его любовию, что я от теплоты духовной весь истаявал, как воск, и исполнилось на мне слово Давидово: «сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей» (Пс.21:15). После этого все небесное воинство воспело предивную и неизреченную песнь, а затем, – не понимаю и сам, как – снова очутился я ходящим по раю. И размышлял я о том, что не видал Пречистой Госпожи Богородицы. И вот я увидал мужа, светлого как облако, носящего Крест и говорящего:

– Пресветлейшую небесных сил Царицу хотел ты увидать здесь? Но Ее нет здесь. Она удалилась в многобедственный мир – помогать людям и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое место, но теперь нет времени, ибо тебе надлежит

опять возвратиться туда, откуда ты пришел: так повелевает тебе Владыка.

Когда он говорил сие, мне казалось, будто я сладко уснул; затем, проснувшись, очутился я на том самом месте, где находился ранее, лежащим в углу. И удивлялся я тому, где я был во время видения, и тому, что сподобился видеть. Мое сердце исполнилось неизреченной радости, и я возблагодарил моего Владыку, изволившего явить мне такую благодать.

Сие видение святой Андрей поведал пред своею кончиною своему другу Никифору, и взял с него клятву не рассказывать о том никому, пока он не отрешится от уз тела. Никифор же усердно умолял святого, чтобы он сообщил ему хотя бы одно из тех трех слов, которые изрек ему Господь; но святой не пожелал сего открыть. Так святой Андрей, восхищенный, подобно Апостолу Павлу, увидал то, чего не видело бренное око, слышал то, чего не слыхало смертное ухо, и насладился в откровении такими небесными красотами, которых и не представляло себе человеческое сердце (1Кор.2:9). А так как, при откровении небесных тайн, он не видал Пречистой Госпожи Богородицы, то Ее он сподобился увидеть на земле в видении во Влахернской церкви, когда Она, пришедши помогать людям, явилась на воздухе, с пророками, Апостолами и чинами Ангельскими, молясь о людях и покрывая их честным Своим омофором. Увидев Ее, блаженный сказал ученику своему Епифанию:

– Видишь ли ты молящуюся Царицу и Госпожу всех?

Епифаний отвечал:

– Вижу, отче святой, и ужасаюсь.

Проводя дивное житие, святой Андрей много чудодействовал и претерпел много поруганий и побоев, как о том сообщается в отдельной книге его жития, написанной Никифором[6270]. Он предрекал будущее и обратил к покаянию многих грешников. Затем он переселился в вечные обители[6271], до коих раньше был временно восхищен; ныне же, водворившись в них на веки, ликует с Ангелами и в блаженстве предстоит Богу, Единому в Трех Лицах: Отцу и Сыну и Святому Духу, Ему же слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Глас Апостола Твоего Павла услышав глаголющ: мы юроди Христа ради, раб Твой Андрей юрод бысть на земли, Тебе ради, Христе Боже. Темже ныне память его почитающе, Тебе молимся: Господи, спаси души наша.

Кондак, глас 4:

Во юродство претворився волею, мира сего красоты отнюд возненавидел еси, плотская мудрования увядил еси, постом и жаждею, и зноем, и студению мраза, от дождя и снега, и от прочия воздушныя тяготы никогдаже уклонився, очистил еси себе, яко злато в горниле, Андрее блаженне.

Житие и страдание святого священномученика Дионисия Ареопагита

Память 3 октября

Священномученик Дионисий Ареопагит[6272] происходил от благородных родителей – язычников, и получил воспитание в знаменитом городе Афинах[6273]. В молодости он был отдан для обучения еллинской премудрости[6274], в которой оказал такие успехи, что, будучи двадцати пяти лет от роду, превзошел в философских познаниях всех своих сверстников. Желая еще более усовершенствоваться в философских науках, он удалился в египетский город Илиополь[6275], где издавна проживали знаменитые учители. У них, вместе с другом своим Аполофаном, Дионисий обучался астрономии[6276]. В тот самый день, когда был распят на кресте, ради нашего спасения, Христос Господь и, когда в полдень солнце померкло и в продолжение трех часов была тьма, Дионисий в изумлении воскликнул:

– Или Бог, Создатель всего мира страждет, или сей видимый мир кончается!

Он сказал сие о Христовом страдании по наитию Духа Божия, а не по учению премудрости века сего. Вернувшись из Египта в Афины, Дионисий вступил в брак и, будучи первым среди сограждан по благородству, разуму и честности, сделался членом Ареопага. Когда святой Апостол Павел, придя в Афины, проповедовал там в Ареопаге пред старейшинами Распятого и Воскресшего Христа[6277], тогда Дионисий, внимательно выслушивая слова святого Апостола, запечатлевал их в своем сердце. Другие старейшины города недоверчиво отнеслись к проповеди Апостола и сказали ему, что они в другое время выслушают от него проповедь о Христе. Но Дионисий, будучи разумнее других, стал наедине рассуждать с Павлом[6278]. – Апостол Павел спросил его:

– Кого вы почитаете за Бога?

Дионисий показал ему в городе Кроноса, Афродиту, Зевса, Гефеста, Гермеса, Диониса, Артемиду и многих других[6279].

Рассматривая вместе с Дионисием этих богов, Апостол Павел увидел одно капище, на котором была надпись: «Неведомому Богу». – Он спросил Дионисия:

– Кто сей «Неведомый Бог»?

– Тот, – отвечал Дионисий, – Который еще не явился среди богов, но Который придет в свое время. Это Тот Бог, Который будет царствовать над небом и землею, и царству Его не будет конца.

Услышав сие, Апостол начал плодотворно сеять на благую почву семя слова Божия; на основании тех же самых слов Дионисия Апостол сообщил ему, что Сей Бог уже пришел, что Он родился от Пресвятой Приснодевы Марии и, пригвожденный ко Кресту, пострадал для спасения людей. Будучи не в силах видеть Его страдание, солнце изменилось в мрак, и в течение трех часов не испускало света своего для вселенной. Сей-то Бог воскрес из мертвых и вознесся на небо. – «Итак, Дионисий, – заключил свои слова святой Апостол Павел, – веруй в Него, познай Его и послужи праведно истинному Богу, Иисусу Христу».

Дионисий вспомнил о бывшей по всей земле темноте, о которой упомянул и святой Павел, и тотчас уверовал, что в то время в человеческом теле страдал Бог. После этого он открыл сердце свое к познанию Неведомого дотоле Бога, Господа Иисуса Христа. Просвещенный светом Божественной благодати, Дионисий начал упрашивать Апостола помолиться о нем Богу, дабы Он был к нему милосерд и сопричислил бы его к рабам Своим.

Когда Апостол Павел уходил из города Афин, один слепец, о котором все знали, что он не видит с самого своего рождения, умолял Апостола даровать ему прозрение. Святой Апостол, осенив крестным знамением глаза слепого, сказал:

– Господь мой Иисус Христос, Который «плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому» (Иоан.9:6), и даровал ему зрение, Тот да просветит и тебя Своею славою!

И тотчас после этого слепой прозрел. Апостол Павел повелел ему идти к Дионисию и сказать:

– Меня послал к тебе Павел, раб Иисуса Христа, дабы ты, согласно своему обещанию, пришел к нему и, крестившись, получил оставление грехов.

Слепец отправился и сказал то, что повелел Апостол Павел; вместе с тем, он проповедовал о Божием благодеянии, оказанном ему через Апостола. Увидав известного ему слепца прозревшим, Дионисий еще более утвердился в своей вере во Христа. Вместе с своею женою Дамарою[6280], с сыновьями и со всем своим домом, он немедленно пришел к Апостолу Павлу и крестился от него. После этого Дионисий оставил дом, жену и детей, присоединился к Апостолу Павлу и в течение трех лет следовал за ним по тем местам, где пребывал Апостол. Чему Дионисий научился от Апостола Павла, о том свидетельствуют его сочинения: «О Божественных Таинствах»[6281]. Впоследствии Дионисий был поставлен Апостолом Павлом во епископа, и из Солуни отправлен был в Афины, дабы там послужить спасению людей. Сей Дионисий слышал проповедь не одного только Апостола Павла, но и всех Апостолов. Он находился в их сонме в то время, когда они все были собраны к погребению Пречистой Владычицы Богородицы. Он сам о себе пишет в своих книгах, что он был в Иерусалиме у Гроба Господня, где видел и слышал Иакова брата Божия[6282] и первоверховного Петра. Там же Дионисий видел и Иоанна Богослова с учениками Апостола Павла: святыми Тимофеем и Иерофеем и с иными многочисленными братьями, когда он проповедовал там о Таинствах веры.

После своего обращения ко Христу святой Дионисий прожил в Афинах довольно продолжительное время и значительно распространил основанную там святым Апостолом Павлом Церковь Божию. Затем Дионисий, подобно святым Апостолам, пожелал и в других странах проповедовать Евангелие и пострадать за имя Христово, как и учитель его – блаженный Павел, пострадавший за Христа от Нерона[6283] в Риме. Поставив афинянам вместо себя епископа, Дионисий удалился в Рим, где его с радостью принял святой Климент, епископ римский[6284]. Прожив с ним недолгое время, святой Дионисий был послан Климентом – вместе с епископом

Лукианом, священником Рустиком, диаконом Елевферием и прочей братией – в Галлию[6285] для проповеди здесь слова Божия язычникам. Придя с ними в Галлию, святой Дионисий стал проповедовать слово Божие обитателям той страны, и в городе Париже[6286] многих обратил от идолослужения к вере в Господа. Там он построил церковь[6287] на собранные новообращенными христианами средства. В сей церкви Дионисий совершал бескровные жертвы, моля Бога, чтобы Он даровал ему силу привлечь к Церкви многих словесных овец. Когда таким образом распространялось здесь слово Божие, началось вторичное после Нерона гонение, воздвигнутое Домицианом[6288]. Сей император послал в Галлию военачальника Сисиния, дабы предать мучениям тамошних христиан. Придя в город Париж, Сисиний приказал прежде всего схватить для мучения Дионисия, прославившегося чудесами и мудростью Божией; вместе с ним были взяты Рустик и Елевферий, прочие же из братии удалились на проповедь в другие страны. Святой Дионисий в сие время был уже очень стар и утомлен трудами Евангельской проповеди. Когда он, крепко связанный, вместе с Рустиком и Елевферием, приведен был к полководцу Сисинию, последний, взглянув на него, с гневом произнес:

– Ты ли тот злочестивый старец Дионисий, который, хуля наших[6289] богов, ниспровергает всё служение им и противится царским повелениям?

Святой отвечал:

– Хотя я, как ты и сам видишь, уже состарился телом, но вера моя цветет юностью и исповедание мое всегда рождает новых чад для Христа.

На вопрос Сисиния: «Кого он почитает за Бога», – святой Дионисий возвестил ему слово истины и исповедал великое Имя Пресвятой Троицы – Отца и Сына и Святого Духа.

Но воевода, уподобившись глухому аспиду[6290] и не желая слушать спасительной проповеди, спрашивал всех троих, – Дионисия, Рустика и Елевферия, желают ли они повиноваться царю и принести языческим богам жертвы. Они же, как бы едиными устами, отвечали:

– Мы – христиане, почитаем Единого Бога, Который на небе, и Ему мы поклоняемся; приказанию же царскому повиноваться не будем.

Тогда Сисиний приказал обнажить Дионисия и без милосердия бить веревками. Святой всё сие терпел, благодаря Бога за то, что Он сподобил его носить раны Его на теле своем. Так же точно мучили Рустика и Елевферия, но и они, укрепляемые примером Дионисия и наипаче Самим Богом, в терпении прославляли Христа. Сисиний, сознавая, что скорее ослабнут руки палачей, чем изнеможет терпение святых, в тот же день велел бросить мучеников в темницу. На утро слуги вывели святого Дионисия из темницы и, по приказанию мучителя, положили его на раскаленном железе. Между тем святой воспевал псалом: «Слово Твое весьма чисто [разжжено], и раб Твой возлюбил его»[6291] (Пс.118:140). После этого, снявши святого с железа, бросили его на съедение зверям. Но святой оставался невредимым и от зверей, потому что Бог заграждал уста их. Затем святого бросили в сильный огонь, но и там он остался невредимым, ибо огонь не касался святого и не причинил ему никакого вреда; после этого он снова был брошен в темницу к Рустику и Елевферию. В темницу к Дионисию приходили многие из верующих и святой совершал там для них Божественную литургию и причащал их св. Таин Тела и Крови Христовых. Когда он совершал Божественную литургию, верующие видели над блаженным Дионисием несказанный свет: с воинством Ангелов являлся Царь Славы и, поскольку возможно было сие для телесных очей верующих, они взирали на Него. По прошествии некоторого времени, Дионисий, Рустик и Елевферий были выведены из темницы и представлены к военачальнику, который снова увещевал их принести жертвы идолам. Святые не повиновались, но исповедали Христа Бога Истинного. Тогда мучитель в гневе приказал беспощадно бить святых, а потом осудил их на усечение мечом.

Когда святых вели из города к горе, прозывавшейся Ареевой[6292], то Дионисий молился, взывая:

– Боже, Боже мой, создавший меня и научивший вечной Твоей премудрости, открывший мне Твои таинства, и всюду, где

бы я ни находился, сопребывавший со мною. Благодарю Тебя за всё, что Ты устроил через меня для славы пресвятого Твоего имени и за то, что Ты посетил мою удрученную трудами и стремящуюся созерцать Тебя старость, призывая меня к Себе с друзьями моими. Итак, молюсь Тебе: приими меня и друзей моих, будь милостив для тех, которых Ты стяжал Своею Кровию и сопричислил нас к числу Своих слуг за наше служение Тебе, ибо Твоя есть сила и держава со Отцем и Святым Духом во веки веков.

Затем, произнесши слово «аминь», святой преклонил святую главу свою за пресвятое имя Иисуса Христа, и был усечен тупою секирою. Вместе с ним сложили за Христа свои главы и святые Елевферий и Рустик.

По смерти Своего угодника Дионисия, Бог показал преславное чудо. Тело святого, будучи обезглавлено, по действию силы Божией, встало на ноги и, взявши в руки свою главу, прошло с нею два поприща[6293] до того места, где христианами устроена была церковь. Отдавши затем свою главу одной благочестивой женщине, по имени Катулле, оно пало на землю. Многие неверующие, видя сие чудо, уверовали во Христа. Приняв главу святого, Катулла пожелала взять и тело, но язычники не дозволили ей сего. Тогда Катулла, пригласив в свой дом сторожей, радушно угостила их и оделила подарками, приказав в то же время христианам взять святое тело Дионисия. Христиане, взяв тело Дионисия, похоронили его на том самом месте, где была отдана Катулле голова.

Святой Дионисий пострадал на девяностом году своей жизни, в девяносто шестом году по Рождестве Христовом. При гробнице его творились многие чудеса во славу Христа и Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[6294].

Тропарь, глас 4:

Благости научився, и трезвяся во всех, благою совестию священнолепно оболкся, почерпал еси от сосуда избранного[6295] неизреченная, и веру соблюд, равное течение совершил еси: священномучениче Дионисие, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Небесная врата прошед духом, яко ученик до третияго небесе достигшаго Апостола[6296], Дионисие, неизреченных обогатился еси всяким разумом, и озарил еси во тьме неведения седящыя. Темже зовем: радуйся отче всемирный.

Повесть святого Дионисия о святом Карпе

Память 3 октября

Святой Дионисий Ареопагит в своем послании[6297] к монаху Демофилу, написанном с целью наставления в кротости и незлобии, воспоминает такое событие.

– Пришлось мне, – говорит он, – при посещении острова Крита[6298] остановиться в доме блаженного Карпа, ученика святого Апостола Павла[6299]. Муж сей был велик по своим добродетелям и отличался такою возвышенною чистотою ума, что обладал большою способностью к Боговидениям: он даже никогда не приступал к совершению Пречистых и Животворящих Таин, прежде чем не сподобится явления ему с неба Божественного видения. Сего святого мужа, – как он сам поведал святому Дионисию, – опечалил один из неверующих. Причина печали была та, что неверующий совратил от церкви к своему злочестию одного из верующих. Сим обстоятельством блаженный Карп был сильно огорчен. Ему надлежало бы, конечно, сохранять терпение и отпадшего от веры непрестанно увещевать полезными словами, а неверного покорять своим благодушием; надлежало бы усердно молить Господа, дабы Он и совратившегося к нечестию, опять обратил ко святой Своей Церкви и пребывающего во мраке неверия просветил светом веры. Но, никогда ни в чем не обнаруживавший прежде нетерпения, Карп на сей раз был весьма сильно огорчен в душе своей. Поздно вечером, когда приближалась уже полночь, он встал на молитву. – Он всегда имел обыкновение в полночный час вставать и молиться. – Стоя на молитве, он не мог преодолеть в себе чувства сильной скорби, какую причинили ему упомянутые два человека. Ему стало представляться, что сии беззаконные люди, развращающие правые пути Господни, несправедливо остаются жить на земле; и стал он молить Бога, да ниспадет с неба огонь на них, и пожжет их обоих. Когда он молился о сем, вдруг горница, в которой он стоял, потряслась и расступилась сверху надвое, так что казалось ему, что он стоит на дворе, и светлый огненный пламень ниспал к нему с неба.

Подняв взоры вверх, он увидел отверстое небо и в нем сидящего Иисуса Христа, окруженного бесчисленным множеством Ангелов в человеческом образе. Потом, опустив взоры вниз, он увидел рассевшуюся землю, и в ней глубокую темную пропасть; на краю же пропасти стояли те два человека, которым Карп, в гневе, испрашивал погибели от Бога. Они стояли с мольбою во взоре и с великим страхом и трепетом, ибо были близки к падению в пропасть; а в пропасти той пресмыкался змей, скрежеща зубами. Были здесь и другие какие-то люди, которые тех двух грешников били, толкали и влекли к страшному змию. Карп, видя, что опечалившие его готовы уже упасть в пропасть и быть съеденными змием, исполнился великой радости, и не столько Карп смотрел в отверстое небо и на сидящего в нем Иисуса Христа, сколько на близкую погибель этих двух грешников. Но так как они не упали в пропасть, то Карп снова стал досадовать и скорбеть, и опять стал молить Бога, чтобы они упали и погибли. Когда же он возвел очи на небо, как и прежде, то увидел, что Иисус Христос, встав с Небесного Престола, приблизился к сим людям, стоявшим на краю пропасти, и подал им руку помощи; Ангелы же поддержали тех людей и, укрепляя их, отвлекли от пропасти. Карпу же Христос сказал:

– Для чего желаешь ты погибели братиям? – Подражай Мне и не желай смерти грешника, ибо Я готов за спасение людей снова пострадать, только бы люди обратились от своих лукавых путей и возненавидели свои грехи.

Приводя сию повесть в своем послании к упомянутому монаху Демофилу, святой Дионисий поучает ею, чтобы мы не были жестоки к согрешающим, и желали бы для них не наказания, а покаяния и обращения их, – чтобы мы усердно молились о таковых Богу, не желающему смерти грешников, дабы Он Сам Своею благодатию обратил и помиловал их, ибо Он любит праведных, но и грешных милует. Слава Господу вовеки. Аминь.

Память преподобного Иоанна Хозевита, епископа Кесарийского

Память 3 октября

Преподобный отец наш Иоанн Хозевит[6300] был родом из города Фив, что в Египте. В монашество он был пострижен своим дедом и, по совету сего старца, ходил ко святым местам в Иерусалим. По возвращении оттуда он провел со старцем несколько дней, а затем удалился от него в одно тесное ущелье, где нашел небольшую пещеру и жил там, питаясь одними кореньями и травами. Когда же Бог восхотел прославить Своего угодника, то явил сие следующим образом. В тех местах жил великий постник, по имени Анания. Однажды к нему приведен был сын одного человека, мучимый нечистым духом. Анания не принял его, но с великим смирением сказал, чтобы пошли внутрь страны и поискали бы там Иоанна Египтянина, который может исцелить отрока. Когда посланные нашли Иоанна, они объявили ему, зачем пришли. Сначала Иоанн отказывался, но, после долгой мольбы, согласился изгнать нечистого духа и помолился Богу. Обратившись затем к бесу, он сказал:

– Именем Иисуса Христа, – не я, но Анания повелевает тебе, нечистый дух, выйти из отрока сего.

По слову святого нечистый дух вышел из отрока, и сей последний стал здоров и всем объявил о совершенном над ним славном чуде. Затем святой Иоанн должен был, против воли, принять епископство в Кесарии, но, будучи не в силах принимать почести и желая проводить иноческую жизнь, оставил Кесарию и вновь удалился в пустыню, где и пробыл до конца своей жизни.

Бог прославил святого подвижника Своего славными чудесами. У одного человека малолетний сын был мучим духом нечистым. Отец посадил его в корзину и, покрыв сверху травою, принес к Иоанну и поставил ее у пещеры святого. Когда ребенок заплакал, святой встал и тотчас узнал, что в ребенке гнездится дух нечистый; прогнав беса, Иоанн исцелил дитя. Но изгнанный

бес не успокоился и стал мстить подвижнику, приняв на себя человеческий образ. Встретив святого в прибрежном ущелье, бес припал к ногам его, как бы ища благословения. Раб Божий, нечаянно увидев его лицо, удивился, а бес, схватив святого за ноги, низвергнул его вниз к берегу; святой упал стремглав, но, по благодати Божией, остался невредим, так что человекоубийца не достиг ничего. Затем злой дух отдал раба Божия во власть одного разбойника, который бил святого, срывал с него одежду и сжег даже его хижину. Святой терпеливо переносил всё сие и только говорил про себя:

– О Всевышний Господи! Благодарю Тебя, если сие угодно Тебе.

Тогда, по воле Всевышнего, разбойник был схвачен и умер позорною смертью, и раб Божий нашел себе на некоторое время покой. Но лукавый не прекратил, однако, борьбы с блаженным. Когда святой отправился однажды посетить братию, одна женщина встретила его на пути и пала к его ногам, умоляя войти к ней в дом и освятить его своею молитвою и благословением. Святого тронули ее мольбы, и он вошел. Тогда скверная обольстительница заперла двери и, вся обнажившись, делала всякие мерзости, чтобы только осквернить нескверного. Но твердый муж непоколебимо устоял против бесовского ухищрения и, оттолкнув ее, вышел невредимым.

Блаженный Иоанн, услышав о некоем постнике Маркиане, молва о котором распространялась повсюду, пожелал его видеть; между тем еще ранее св. Иоанн, чтобы избежать всякого соблазна, решился не покидать своей кельи ни в каком случае, и с этою целию сам связал себя и почитал сии узы свои неразрешимыми. И вот, Ангел Господень восхитил Маркиана из его келлии и внезапно поставил его пред блаженным Иоанном. Они приветствовали друг друга и насладились духовною беседою. Затем Маркиан опять был взят Ангелом и стал невидим.

Святой Иоанн изгонял из многих людей бесов, исцелял от лютых болезней, изводил молитвою водные источники, сводил с неба дождь и много других чудес совершил силою Божиею, и в глубокой старости с миром предал Богу святую душу свою.

Память блаженного Исихия Хоривита

Память 3 октября

Святой Исихий сначала совершенно пренебрегал спасением души. Но вот он заболел, и во время болезни раскаялся. Тогда он упросил всех окружающих оставить его и пробыл в затворе двенадцать лет, в полном безмолвии[6301], питаясь только хлебом и водою, и все время проводя в молитве и слезах.

Когда настало время его кончины, то братия обители вошли, сломав двери, и как ни заговаривали с Исихием, слышали от него одно:

– Простите! Кто хранит в душе память о смерти, тот не станет грешить. Братия дивились происшедшей с ним, по благодати Божией, перемене и, по смерти его, с честью погребли тело его. По прошествии некоторого времени, они стали искать св. его мощей, и не нашли. Через сие Господь показал всем силу истинного покаяния для желающих исправиться, хотя бы и после долгой небрежности о спасении[6302].

Житие святых Гурия, архиепископа Казанского, и Варсонофия, епископа Тверского.

Память 4 октября

Преподобный Гурий, в мире Григорий, родился в городе Радонеже[6303] от бедных и малоизвестных бояр Руготиных. В юношеском возрасте Григорий отдан был на служение в дом князя Ивана Пенькова. Григорий был нрава кроткого и уступчивого; он любил часто ходить в храм Божий на молитву, молился и дома; внимательно охранял свое целомудрие, держал строгий пост; любил также подавать нищим милостыню и отличался прочими христианскими добродетелями. Своим благонравием и честностию Григорий приобрел любовь своего господина, и он поручил ему все управление своим домом. Но сие возбудило зависть в сослуживцах Григория, и они оклеветали его перед князем в прелюбодеянии с его женою.

Князь, поверив клеветникам, приказал убить Григория. Но сын князя, более осторожный и благоразумный, нежели отец его, упросил отца пощадить Григория и своим приговором не позорить своей семьи; узнав же, что все сие клевета, он избавил Григория от смерти. Однако князь, побеждаемый злобою, посадил невинного Григория в глубокий ров. Два года провел в нем блаженный, томимый голодом, так как пища подавалась ему непригодная для человека: на три дня ему бросали по одному снопу овса и немного воды. Тяжело было положение невинного страдальца, но он укреплял себя примером древних мучеников и ободрял тою мыслию, что темница избавила его от соблазнов и тревог мирских, что уединение доставило ему полную свободу готовиться к вечности.

Уже второй год заключения в темнице был на исходе, как один из прежних друзей Григория упросил темничного сторожа дозволить подойти к окну темницы и поговорить с Григорием; сторож согласился. Друг подошел ночью к Григорию и предложил доставлять ему приличную пищу. Но Григорий

отказался от принятия всякой иной пищи, кроме той, какая ему доставляется, сказав, что «его питает многая и преизобильная благодать Божия». Засим Григорий просил своего друга, чтобы он вместо пищи приносил ему бумаги, чернил и перьев для писания азбук, по которым обучают детей грамоте. Эти азбуки Григорий поручал своему другу продавать, а деньги просил раздавать нищим.

Через два года милосердый Господь, видя доброе терпение раба Своего, невинно страдающего, благоизволил освободить его от уз, как бы от ада, и невидимою рукою силы Своей отверз ему темничный затвор. Неожиданно Григорий увидал в дверях темницы свет; он пришел в ужас, думая, что это бесовское наваждение, – так как два года те двери не были отворяемы, – и, встав, стал он молиться. И снова свет появился в дверях, даже сильнее первого. Тогда Григорий, подойдя, коснулся до двери рукою, и дверь тотчас отворилась. Уразумев, что Сам Бог посылает ему освобождение из сей темницы, Григорий возблагодарил Господа и, взяв икону Пресвятой Богородицы, которую он имел с собою в темнице, вышел никем не видимый, хотя был уже день. И ушел он из дома того и из города, и пришел в Успенский Иосифовский[6304] монастырь. Здесь Григорий принял пострижение в монахи с именем Гурия и стал добрым иноком и постником; за свою примерную иноческую жизнь он был избран впоследствии игуменом Иосифовой обители. Пробыв настоятелем сей обители около девяти лет, он по болезни оставил монастырь и два года жил на покое, проводя время в посте и Богомыслии. Затем Гурий послан был на игуменство в Селижаров монастырь[6305], но здесь пробыл не более года.

Когда же Бог покорил царю Иоанну Васильевичу город Казань[6306], тогда, по совету митрополита Макария[6307], собором святителей Российской митрополии Гурий поставлен был по жребию первым архиепископом города Казани[6308]. Царь отправил его в Казань с великою честию, дал ему множество икон, драгоценную церковную утварь и много книг, а кроме сего, многими драгоценными вещами одарил он и самого Гурия. Святители и разные монастыри с своей стороны принесли в дар

на нужды новопросвещаемого края также множество драгоценных вещей[6309]. В неделю святых отец после Пасхи, 26 мая 1555 г., при звоне всех колоколов кремлевских, митрополит Макарий с епископом Крутицким Нифонтом и всеми архимандритами Московскими и игуменами, а также и святитель Гурий со своими архимандритами и освященным клиром, в присутствии царя и всего синклита, торжественно отслужили в Успенском соборе напутственный молебен. По окончании молебна, святитель Гурий с крестным ходом подошел к Москве-реке, здесь сел в приготовленные ладьи и с молитвами отправился в путь при звоне колоколов. На пути, в каждом городе, святитель Гурий встречаем был духовенством с крестным ходом и совершал торжественные молебствия, так что все путешествие святого Гурия, до самой Казани, было почти непрерывным молением.

Через два месяца прибыл святой Гурий в город Казань и занял святительский престол. В сане святителя он проводил такую же богоугодную жизнь: питал нищих, неимущим подавал все нужное, заступался за бедных, вдов и сирот и избавлял их от различных бед. Труды к трудам прилагая, святой Гурий проводил ночь в молитве, днем же учил неверных Богопознанию и вере в Пресвятую Троицу, и учением своим многих привел ко Христу[6310]. Великие труды святителя при слабости его телесных сил, надломленных в молодости тяжелым темничным заключением, вконец расстроили здоровье святого Гурия, и он впал в болезнь. Телесная болезнь ничуть не умалила его душевного благочестия: не имея возможности сам совершать богослужение, он все-таки присутствовал при священнодействиях, совершаемых другими, для чего приказывал носить себя к Божественной литургии в храм Благовещения Богоматери, построенный им; здесь он сидел или даже лежал, слушая богослужение. Однако и во время болезни святой Гурий не оставлял своих обычных и удобоисполнимых для него дел[6311], не переставая в то же время смирять свою плоть постом и воздержанием. Так подвизался святитель три года. Чувствуя приближение своего отшествия к Богу, святой Гурий призвал к себе архимандрита Варсонофия, к коему питал

«любовь велию духовную» и пожелал принять от него великий ангельский образ, т.е. схиму[6312]. Блаженная кончина святителя последовала 4 декабря 1564 г. Честное тело его было погребено в обители Спасо-Преображенской[6313], за алтарем, у большой церкви.

Преподобный Варсонофий, в мире Иоанн, был родом из Серпухова[6314]. Он был сыном священника Василия, и в раннем возрасте обучен был грамоте и Божественному Писанию. Еще не достигши совершеннолетия, Иоанн попал в плен к крымским татарам[6315]. Покоряясь воле Господа, он усердно исполнял возлагаемые на него работы и труды. В плену он находил утешение в частой и пламенной молитве к Богу, наизусть воспевая те псалмы, которые он помнил. Неверные, видя благонравие Иоанна, усердие в трудах, смирение и беспрекословное повиновение им в работе, облегчили тяжесть трудов его и позволили жить ему свободнее. В плену Иоанн выучился татарскому языку, так что мог свободно не только говорить, но и писать на этом языке. Через три года отец выкупил Иоанна у татар. Тогда он пришел в царствующий град Москву и постригся в монастыре, называемом Андроников[6316], причем был назван Варсонофием. Здесь Варсонофий стал проводить жизнь свою в строгих подвигах благочестия и добродетели; за свою строгую подвижническую жизнь Варсонофий поставлен был митрополитом Макарием в игумена Песношского[6317] монастыря. Потом он был архимандритом в городе Казани[6318]; там он основал монастырь в честь преславного Преображения Господня и поставил в нем церкви и келии. В сане архимандрита Варсонофий проводил такую же богоугодную жизнь: умерщвлял тело свое великим воздержанием и бдением, а на теле своем носил вериги, хотя сего никто не знал. Так был он во всем образцом добродетели для братии. В Казани Варсонофий ревностно помогал святителю Гурию в деле распространения христианства между магометанами и язычниками. Знание языка и знакомство с бытом татарским принесли ему в этом случае большую пользу: многих неверующих обратил он Богу и крестил их. К святителю

же Гурию Варсонофий питал искреннюю любовь и во всем ему повиновался.

Из Казани святой Варсонофий был вызван на святительскую кафедру в Тверь[6319]. Здесь, будучи добрым пастырем словесного стада Христовых овец, он особенно предался подвижничеству и всегда пребывал в посте, молитвах, слезах и всенощных бдениях. Многих больных он исцелил, ибо был сведущ и во врачебной науке; но платы за сие он отнюдь ни от кого не брал, а лечил даром; особенно же прославился он врачеванием душевных страстей, которые он исцелял благодатию Духа Святого. Не оставлял он и ручного труда, и обычным занятием его было шитье клобуков, которые он раздавал братии своей, прося их молиться о нем Богу.

Когда же святой достиг глубокой старости, то оставил свою паству и снова переселился в основанный им монастырь, что в городе Казани. Здесь он принял на себя великую схиму. Несмотря на свои старческие годы и великую слабость, он не изменил правилам подвижнической жизни, и когда от дряхлости не мог сам совершать Богослужение, то просил своих учеников привозить его в церковь. Когда же он окончательно изнемог и почувствовал свое отшествие из сего мира, то причастился святых Христовых Таин и почил о Господе 11 апреля 1576 г., и погребен был там же в монастыре, близ святителя Гурия.

Спустя 32 года после кончины святого Гурия и через 20 лет со времени преставления святого Варсонофия, по повелению царя Феодора Иоанновича, начали строить на месте деревянной каменную церковь в честь Преображения Господня. Когда начали копать рвы и выкопали гробницы святых Гурия и Варсонофия, – 1596 г., 4 октября, – то возвестили об этом митрополиту Гермогену[6320], бывшему тогда архипастырем Казани. Митрополит, совершив литургию и панихиду, пришел в монастырь со всем Освященным собором. Открывши гроб святого Гурия, они нашли его наполненным благовонным миром; тление коснулось лишь немного верхней части губ, даже ризы святителя были целы и казались крепче новых. Подобным образом открыли гроб святого Варсонофия и также обрели мощи его целыми и нетленными, как и мощи святителя Гурия;

тление коснулось лишь только ног преподобного, но не разрушило костей, совершенно крепких. Честные мощи святителей переложили из тех гробов в новые ковчеги и, при пении надгробных песнопений, поставили поверх земли, чтобы все приходящие могли видеть и с верою лобызать их. Возвещено было об этом письмом царю Феодору Иоанновичу и патриарху Иову[6321]. Благочестивый царь и святейший патриарх, весь царский синклит и множество народа, узнав о сем, прославили Бога, прославляющего святых Своих. Благочестивый царь повелел хранить святые и многоцелебные мощи святителей в особом приделе, с южной стороны алтаря большой церкви, которая, ради этой святыни, вскоре была благолепно украшена. В этом приделе, когда он был устроен, мощи святителей и покоились в упомянутых новых ковчегах[6322], источая верующим исцеления во славу Бога, в Троице славимого, ныне и вовеки. Аминь.

Тропарь святых Гурия и Варсонофия, глас 3:

Первии учителие прежде темному, ныне же светлому и новопросвещенному граду Казани, первии возвестителие пути спасительнаго, истиннии хранителие апостольских преданий, столпи непоколебимии, благочестия учителие, и православия наставницы, Гурие и Варсонофие, Владыку всех молите, мир вселенней даровати, и душам нашим велию милость.

Кондак Варсонофия, глас 6:

Воздержанием тело Духу поработив, душу же равноангельну сотворил еси: сего ради святительства саном почется, чисте Чистейшему предстоиши. Моли Христа Бога, святителю, спасти императора нашего вседержавнаго, благочестия содержителя, и люди твоя, святее, да вси вопием ти: радуйся отче преподобне Варсонофие, граду нашему Казани похвала и утверждение.

Кондак Гурия, глас 4:

Чувственныя страсти победив, чистотою яко солнце возсиял еси, чисто житие до конца сохранив, и от неверия в веру многих ко Христу привел еси, и того ради от Бога нетлением почтен был еси, и чудесы удивляемь. Молим тя святителю Гурие, молитвами твоими от бед избави нас, да

зовем ти: радуйся отче предивный, граду Казани похвала и утверждение.

Память святого священномученика Иерофея, епископа Афинского

Память 4 октября

Святой Иерофей был одним из членов или советников Ареопага. Святым апостолом Павлом он был обращен в христианство и им же поставлен в епископа города Афин. Присутствуя вместе с апостолами при погребении Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, святой Иерофей воспевал Божественные песнопения, когда провожал ко гробу Пречистое тело Божией Матери, так что все слышавшие и видевшие то, признали его за праведного и святого мужа. Благочестно пожив, как подобает святому, и угодив Богу своим житием и благим управлением паствою, святой Иерофей скончался мученически в I веке по Р. Х.

Кондак, глас 8:

Священноначальника Афинскаго восхваляем тя, яко тайноучившеся тобою странным и неизреченным: явился бо сие богоприятный песнословец. Но моли всеблаженне Иерофее, от всяких нам грехопадений избавитися, да зовем: радуйся отче Богомудре.

Житие преподобного отца Аммона

Память 4 октября

Преподобный отец наш Аммон был родом египтянин. Хотя еще в раннем возрасте он лишился своих родителей, но воспитывался в страхе Божием и с юных лет приобрел любовь к чтению Божественных книг. Когда Аммон достиг совершеннолетия, дядя стал понуждать его к женитьбе. Предпочитая девство супружеству, но вместе с тем желая исполнить волю дяди, Аммон стал размышлять, как бы ему совместить девственную жизнь с брачной. И вот в день брака, когда ввели его вместе с невестою в брачную опочивальню и все ушли, он, затворив двери, сказал девице:

– Послушай меня, сестра, и согласись на то, что я скажу тебе: супружество, в которое мы вступили, нисколько не лучше девства; поэтому мы хорошо сделаем, если будем почивать отдельно друг от друга, чтобы, сохранив наше девство, угодить сим Богу.

Сказав сие, он достал хранившуюся у него на груди под одеждой книгу, и стал читать девице, не ведавшей Писания, как бы от лица Христа и Апостолов, спасительные слова Божественного учения. К прочтенному он присоединял, по данной ему от Бога благодати, и свои наставления, и советовал ей проводить чистую, Ангельскую жизнь. Она же, умилившись, сказала:

– Господин мой! Я соглашаюсь на все, что ты говоришь, и так как ты предпочитаешь жизнь девственную, то и я желаю того же и согласна делать все, что ты мне повелишь.

Тогда Аммон сказал:

– Хочу, чтобы мы жили порознь: ты в одном доме, а я в другом.

Но девица, не желая такого разделения, сказала:

– Нет, господин мой, мы будем жить в одном доме, но почивать отдельно.

Так они начали проводить девственную жизнь. Их супружество было как бы садом, который цвел лилиями

девства, ограждался целомудрием и прохлаждался росою Духа Святого. В таком супружестве прожили они много лет, проводя время в великих подвигах, – посте, воздержании, в бдении и молитвах, и телесных трудах. Девица трудилась и занималась домашним хозяйством, Аммон же изнурял ежедневно плоть свою, трудясь целый день в своем саду. Приходя домой вечером, он немного вкушал со своею супругою, или лучше сказать – сестрою, хлеба; в полночь же они оба вставали на молитву, а рано утром Аммон опять выходил на дело свое и трудился до вечера. Так сия двоица, в молодых своих годах, живя среди как бы огня, не сгорела: ибо они преодолели всякие плотские вожделения в себе. Такую совместную жизнь они проводили восемнадцать лет и достигли совершенной чистоты и святости. И вот однажды девица сказала Аммону:

– Господин мой! Я хочу тебе нечто сказать, и если ты меня послушаешь, то я пойму из сего, что ты любишь меня действительно о Боге.

Он же ответил:

– Говори, сестра, и если будет полезно, я послушаю тебя.

Тогда девица сказала:

– Приличнее нам, господин мой, жить отдельно, так как ты человек святой, праведный и целомудренный, и я, сколько могу, последую твоей жизни; пусть же будет и другим от нас польза; станем жить отдельно: нехорошо, чтобы столь великая твоя добродетель, из-за совместной жизни со мною, сокрыта была от могущих пользоваться ею и подражать твоему целомудрию.

Слыша сие, Аммон прославил Бога, склонившего сердце девицы к отдельной жизни, которой он издавна желал. И сказал он девице:

– Сестра моя! Если угодно тебе сие, то оставим совместное пребывание: оставайся ты в сем доме, а я пойду на другое место.

Помолившись Богу, они расстались друг с другом: Аммон пошел в гору Нитрийскую[6323] и стал иноком, а мнимая жена его, оставшись в доме своем, в скором времени собрала множество девиц и уневестила их Христу, а сама стала игуменьею над ними.

Поселившись в горе Нитрийской, Аммон стал проводить отшельническую жизнь, трудясь и подвизаясь для Бога, Коему он день и ночь служил со всею теплотою духа своего. В пустыне он провел двадцать два года и достиг совершенства в иноческой жизни. Бог же прославил угодника Своего, дав ему дар исцеления, и святой исцелял различные болезни приходивших к нему людей.

Однажды к нему приведен был отрок, укушенный бешеною собакою. В припадках беснования он кусал свое собственное тело. Родители отрока, припадая к ногам святого Аммона, просили его исцелить их сына. Но святой сказал им:

– Что вы утруждаете меня, прося у меня того, что превосходит мои силы. В ваших руках – и болезнь, и исцеление отрока, так как, укравши у вдовы (святой назвал ее по имени) вола, вы тайно убили его и съели; поэтому возвратите ей живого вола, и сын ваш исцелеет.

Родители беснующегося отрока, услыхав сие, ужаснулись, что святой знает их тайны и, сознавшись в своем преступлении, клятвенно обещались возвратить украденное. Тогда святой, помолившись, исцелил отрока и отпустил их с миром. Они же, с радостью вернувшись в дом, тотчас же дали вдовице другого вола, вместо убитого ими.

В другое время пришли к преподобному два человека за благословением. Святой попросил их привезти ему воды на нужды приходящих к нему, ибо один из пришедших имел верблюда, а другой осла. Взяв большой сосуд, они отправились с горы за водой. Когда они наполнили сосуд водою, то один из них, у которого был верблюд, сказал:

– Сосуд велик, а гора высока, а потому не хочу я такою тяжестью уморить своего верблюда.

И, оставив своего товарища, он пошел своею дорогою, не возвращаясь к святому. Оставшийся же взял воду на осла своего и с большим трудом едва ввез ее на гору к преподобному, Увидев его, святой сказал:

– Чадо! Да благословит тебя Бог за труд твой. Знай, же, что товарищ твой, который отказался привезти воды на нужды

наши, в настоящее время находится в несчастии, ибо лишился своего верблюда.

Тогда отправился человек этот вслед за своим товарищем и нашел его плачущим, так как верблюд его съеден был волками.

О сем преподобном Аммоне воспоминает святой Афанасий Александрийский в житии преподобного Антония, где он пишет о нем следующее.

Однажды преподобный Аммон шел с учеником Антония Феодором. Когда им пришлось переправляться через одну большую реку, называемую Ликос[6324], для чего нужно было им раздеться, то Аммон стал просить Феодора немного отойти от него, чтобы не видеть им телесной наготы друг друга. Когда они разошлись, Аммон стал размышлять, как бы ему переправиться через реку, не снимая одежды, ибо он был настолько целомудрен и скромен, что стыдился даже своей собственной наготы, и во всю свою жизнь не обнажал своего тела. Когда он размышлял о сем, Ангел Господень восхитил его и, перенеся через реку, во мгновение ока поставил на другом берегу. Феодор же с большим трудом едва переплыл через реку. Увидев Аммона стоящим на другом берегу, он удивился, что тот скоро переправился через такую быструю реку; заметив же, что одежда на Аммоне совершенно суха, он поразился и, упав к ногам святого, просил сказать ему, как он переправился через речную быстрину. Вынужденный просьбою товарища, Аммон открыл ему, что он был перенесен Ангелом. При сем он запретил товарищу говорить об этом другим, пока он, Аммон, не покинет сего мира. Придя к святому Антонию, преподобный услыхал от него такие слова:

– Бог открыл мне день твоей смерти. Поэтому я пригласил тебя, чтобы усладиться беседою, пока ты не отошел еще к Богу: помолимся же друг за друга.

Проведя время в продолжительной беседе друг с другом, они получили утешение от Святого Духа, и Аммон, приняв благословение, ушел от святого Антония.

И вот спустя немного дней, Антонии Великий, сидя на холме, возвел очи свои к небу и увидел душу Аммона, с

радостию возносимую Ангелами на небо. Узрев сие, Антоний был весьма обрадован; тогда ученики спросили его:

– Отче, что за причина твоей радости?

Он отвечал:

– Сегодня преставился авва Аммон, и я вижу его святую душу, возносимую Ангелами на небо.

Ученики запомнили тот день, в который св. Антоний сказал им о преставлении Аммона. Через несколько дней пришли братия из Нитрии[6325] и сообщили, что святой Аммон преставился ко Господу[6326]. Сосчитавши дни, ученики Антония убедились, что Амон преставился в тот самый день, когда Антоний видел душу его, восходящую к небу с Ангелами, и прославили Бога.

Житие преподобного отца нашего Павла Препростого

Память 4 октября

Сей Павел был земледельцем в одном селении. Человек он был неученый, душою же был весьма прост и незлобив. Он вступил в брак с женщиною, красивой лицом, но дурной по своей душе и поведению; долгое время она тайно от мужа вела прелюбодейную жизнь. Однажды, возвратившись с работы домой, Павел застал жену свою с другим. Тогда, немного усмехнувшись, сказал он прелюбодею:

– Хорошо, хорошо! Я совсем не обращаю на это внимания. Призываю во свидетельство Иисуса Христа, что я не желаю более жить с нею. Вот ты обладаешь ею, поэтому и детей корми, а я уйду и стану монахом.

И тотчас же, оставив все, Павел ушел из дома; никому он при сем ничего не сказал, и порочную свою жену нисколько не укорил, но молча пошел в пустыню. Там он пришел к преподобному Антонию Великому[6327], и постучал в двери его келии. Антоний спросил его:

– Чего ты хочешь?

Павел отвечал:

– Хочу быть иноком.

Антоний увидев, что он уже стар, сказал ему:

– Тебе, старец, уже около 60 лет, – не можешь ты быть иноком; возвратись опять в село и исполняй свою работу, благодаря Бога; а пустыннический труд нести и искушений терпеть ты не сможешь.

Но Павел отвечал:

– Отец! Я готов исполнять все то, что ты повелишь.

Антоний же, не внимая ему, говорил:

– Я сказал тебе, что ты стар и уже не можешь быть монахом. Отойди отсюда. А если хочешь быть монахом, то иди в монастырь, где живет много братии, могущей переносить твои немощи; а я живу здесь один и по пяти дней ничего не вкушаю; поэтому не можешь ты жить со мною.

Сказав сие, Антоний затворил двери и три дня не выходил из своей кельи. Но старец все это время оставался около келии, никуда не уходя. На четвертый день Антоний отворил дверь и опять увидел Павла и, чтобы заставить удалиться его, сказал:

– Уйди отсюда, старец. Зачем ты досаждаешь мне? Я сказал тебе, что ты не можешь остаться здесь.

– Умру тут, а не уйду, – ответил старец.

Антоний, видя, что у старца нет ни хлеба, ни воды, и что он уже четвертый день остается без пищи, подумал про себя: «старец сей, не привыкший так долго поститься, может умереть от голода, и на моей душе будет за него грех». Поэтому он согласился оставить его у себя и сказал:

– Ты можешь спастись, если будешь послушен и сделаешь то, что я повелю тебе.

Павел ответил:

– Отче, я готов исполнять все то, что ты скажешь мне.

Антоний же, испытывая его, сказал:

– Стой и молись на сем месте до тех пор, пока я не приду и не принесу тебе того, над чем ты должен трудиться.

Оставив Павла, Антоний вошел в пещеру.

Целую неделю он не выходил к нему, но тайно через окно наблюдал за ним и видел его все то время неподвижно стоящим день и ночь на одном месте.

Тогда, выйдя из кельи, Антоний принес старцу финиковые ветви и, омочив их в воде, сказал ему:

– Плети, старец, веревку так же, как я плету.

И плел Павел веревку до девятого часа и с большим трудом сплел пятнадцать лактей[6328]. Антоний же, посмотрев работу, сказал:

– Нехорошо ты сплел, расплети и плети снова.

А был уже седьмой день, как он не давал ему ничего есть. Все же сие делал Антоний для того, чтобы удалить Павла от себя, ибо он думал, что тот уйдет от него, не выдержав испытания. Но Павел продолжал с большим трудом расплетать веревку и снова сплетать ее; и как он ни был голоден, однако, нисколько не огорчился и не возроптал. Тогда Антоний сжалился над ним, – и вот, когда уже солнце заходило, он сказал Павлу:

– Старец, не хочешь ли немного вкусить хлеба?

– Как ты хочешь, отче, – отвечал Павел.

Антоний пришел в умиление от этих слов Павла, который, и страдая от голода, не спешил, однако, к утолению его хлебом, но отдавался на волю Антония.

Они вкусили немного хлеба с водою и, вставши из-за стола, возблагодарили Господа.

Испытывал святой Антоний Павла и в молитвах, по целым ночам не ложась спать и поя псалмы со многими поклонами, но и в сем Павел оказался терпеливым и бодрым.

Раз, когда они вкушали пищу, Антоний велел Павлу вкусить более того, чем сколько вкушал сам, ибо он жалел его, как еще непривыкшего к строгому посту.

Но тот ответил:

– Если ты, отче, будешь есть еще, то и я буду.

– Мне довольно, – сказал Антоний, – потому что я монах.

А Павел ответил:

– И мне довольно, потому что и я хочу быть монахом.

И всегда Павел исполнял все, что ни повелевал ему Антоний.

Однажды Антоний велел сшить ему одежду; когда Павел сшил ее, Антоний сказал:

– Плохо ты сшил, – распори ее и сшей снова.

И вновь сшитую он велел распороть и опять шить.

Все сие делал Антоний для того, чтобы испытать терпение и послушание Павла. А тот нисколько не роптал на сие, но с усердием и старательностию исполнял все повеления Антония.

Наконец, Антоний убедился в способности Павла к пустынножительству и сказал ему:

– Вот ты уже и соделался иноком во имя Господа Иисуса.

И велел Антоний жить ему в одиночестве, сделав келью для него на расстоянии четырех метаний камнем[6329] от своей. И пребывал блаженный Павел близ святого Антония в той отдельной келии, трудясь день и ночь в подвигах иноческих; за сие получил он от Бога власть над духами нечистыми, чтобы изгонять их и исцелять недуги.

Раз к святому Антонию приведен был юноша, имевший в себе духа нечистого, весьма злого и сильного, одного из князей тьмы, который хулил Бога.

Но Антоний сказал:

– Не мое это дело, ибо не получил я от Бога власти над сильнейшими бесами, но Павел препростый имеет сей дар. И пошел он с юношею к Павлу и сказал ему:

– Авва Павел! Изгони из сего юноши нечистого духа, дабы юноша мог вернуться в дом свой здоровым, хваля Бога.

Но Павел сказал:

– А ты, отче, почему же не изгнал его?

Антоний отвечал:

– Имею я одно неотложное дело и потому привел его к тебе.

И, оставив бесноватого юношу и Павла, Антоний ушел. А Павел, помолившись Богу, сказал бесу:

– Диавол! Авва Антоний велит тебе выйти из человека сего.

Диавол же с бранью ответил:

– Не выйду, всезлобный и лживый старик. Тогда Павел, взяв ту кожу, в которой ходил, начал бить его, говоря:

– Выходи, – так повелел тебе святой Антоний.

Но диавол не желал выходить. Тогда Павел сказал:

– Или ты выйди, или я помолюсь Христу и будет тебе худо.

Но бес, хуля Христа, говорил:

– Не выйду.

Тогда Павел разгневался на беса, и в полдень, когда в Египте солнце жжет как огненная пещь, взошел на камень и встал на нем, как неподвижный столп, взывая ко Христу:

– Господи Иисусе Христе, распятый при Понтие Пилате! Ты ведаешь, что не сойду я с сего камня, хотя бы пришлось мне и умереть на нем, и не вкушу ни хлеба, ни воды до тех пор, пока Ты не услышишь меня и не изгонишь беса из сего юноши.

Когда еще говорил он сие, бес начал кричать:

– Выхожу, выхожу и не знаю, где буду находиться. И выйдя из юноши, бес обратился в большого змея, длиною в 70 локтей, и поселился в Чермном море[6330]. Так святой Павел победил диавола простотою и смирением своим; ибо слабейших бесов

изгоняют люди силою веры, а начальствующих князей бесовских побеждают люди силою смирения, как сей святой Павел.

Блаженный Павел имел и дар прозрения. Раз, войдя в один монастырь, встал он у церкви, наблюдая, кто с какою мыслию входит в нее. Была вечерня и все входили в церковь с радостным лицом и просветленною душою, и с каждым из них входил с радостию и Ангел хранитель. Один же брат шел в церковь с лицом мрачным, душою озлобленною, будучи окружен бесами, из которых каждый влек его к себе; Ангел же хранитель его следовал в отдалении, – в унынии и с плачем. Видя сие, святой опечалился и весьма скорбел о погибшем брате; от великой печали не вошел святой Павел и в церковь, но с плачем сидел вне ее. Когда церковная служба окончилась, то все братия выходили такими же, какими и входили, и свет Божественный озарял их. Увидал Павел и того, который прежде был мрачным; и вот лицо его светилось как бы лицо Ангела, и благодать Духа Святого осеняла его, и Ангел хранитель радостно поддерживал за руку его; бес же издали рыдал и не дерзал хотя немного приблизиться к нему.

Увидав столь быструю перемену, происшедшую с братом, блаженный обрадовался и, остановив его, поведал окружающим о том, что видел и затем спросил брата о причине его внезапного изменения.

Тот, видя себя обличенным Божиим откровением, в присутствии всего народа, рассказал о себе все:

– Я, – сказал он, – весьма грешен: много лет прожил я до нынешнего дня в беззаконии. Войдя сегодня в церковь, услышал я, что читают книгу пророка Исайи, или лучше, – Самого Бога, через пророка говорящего: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; научитесь делать добро: и если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю» (Ис. 1:16–18)[6331]. Услышав сие, я умилился душою, отверзлись во мне духовные очи и, познав свое злодейство и нечестие, я с сокрушением сказал в душе своей Богу: «Ты, Господи, пришел в мир для спасения грешников, как то через пророка Своего Ты мне ныне поведал; исполни сие со мною грешным на деле. Ибо

я даю обет отныне, при помощи Твоей, не только никому не делать никакого зла, но и оставить всякое беззаконие и послужить Тебе, Владыко, чистою совестию; только Ты Сам приими меня кающегося и не отвергни меня, припадающего к Тебе. С такими обещаниями, – продолжал он, – вышел я из церкви, решив в сердце своем не грешить более перед Богом.

Услышав сие, все громким голосом прославили Бога, принимающего всякого, обращающегося к Нему с покаянием.

Так прозорлив был святой Павел, ибо за простоту свою и незлобие свое он преисполнен был благодати Божией. Да и кто же приятен Богу более незлобивого? «Непорочность и правота, – говорит Господь устами Псалмопевца, – да охраняют меня» (Пс. 24:21).

Преподобный прожил в святой простоте своей много лет и, сотворив много чудес, отошел ко Господу[6332]. Тот, кто был на земле простым и неученым, теперь стал премудрейшим на небеси, более всех мудрецов мира сего, и с мудрыми Херувимами созерцает он Христа, Божию Силу и Божию Премудрость. Ибо истинная мудрость в том и состоит, чтобы бояться Бога и в чистоте души и незлобии сердца служить Ему и благоугождать.

Молитвами, Господи, угодника Твоего, Павла препростого, умудри и нас в исполнении заповедей Твоих. Дай нам иметь началом премудрости – страх Твой, дабы мы, из благоговения к Тебе, уклонившись от греха, могли творить перед Тобою добро и получить милость Твою вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Гаия, Фавста, Евсевия и Херимона

Память 4 октября

Сии святые были ученики святого Дионисия Александрийского. Святые Гаий и Фавст были гонимы и приняли мученическую кончину вместе со своим учителем. Евсевий же и Херимон, после изгнания святого Дионисия, при помощи Божией, посещали заключенных в темницах, погребали тела мучеников и прожили до царствования императора Декия. За исповедание веры Христовой они потерпели жестокие мучения, но остались непоколебимыми. Множество язычников научили они вере Христовой и крестили их во имя Отца и Сына и Святого Духа – одних тайно, других же явно. Затем они были схвачены, усечены мечом и предали Господу свои блаженные души[6333].

Память святого мученика Давикта и дочери его Каллисфении

Память 4 октября

Сей Давикт[6334] был градоправителем ефесским[6335], в царствование императора Максимиана; за сопротивление отдать в замужество дочь свою за нечестивого язычника-императора, Давикт лишен был чести и богатства, сослан в Мелитину[6336] и там усечен мечом. Каллисфения же сперва укрывалась в Никомидии, потом удалилась во Фракию[6337] и там поселилась у одной женщины, и молитвою своею исцелила больные глаза ее дочери. По смерти Максимиана, Каллисфения возвратилась в отечество и отправилась к супруге царя Ликиния Констанции, которая была сестрою святого Константина Равноапостольного и исповедовала христианскую веру. Там она все рассказала царице о себе. Царица любезно приняла ее и помогла ей возвратить имение отца, отнятое Максимианом. Получив сие имущество, Каллисфения все раздала его бедным. Тело отца своего она перенесла из места заточения в Асию и построила церковь в память его. Сама же, Богоугодно проведши остальное время жития своего, с миром почила о Господе.

Память преподобномученика Петра, пресвитера Капетолийского

Память 4 октября

Святой Петр родился и вырос в городе Капетолии[6338]; он был женат и имел троих детей, отличался мудростию и многих обратил на путь истинный. Впоследствии он принял иночество и, против воли, был поставлен епископом Бострийским[6339] во пресвитера. Как учитель христианский, он был схвачен агарянами и отведен в Дамаск на мучение. Там ему отрезали язык, но чудесным образом он стал после этого говорить еще яснее. Затем ему отрезали правую руку и ногу, выкололи глаза, пригвоздили ко кресту и, наконец, отсекли главу, а тело сожгли[6340].

Страдание святой мученицы Харитины,

Память 5 октября

В царствование Диоклетиана, в Понте проживал один благородный и богатый человек, по имени Клавдий; по характеру своему он был добр и милостив к нищим. Однажды Клавдий увидал маленькую девочку, по имени Харитина, которая в детстве своем лишилась родителей. Клавдий сжалился над нею, взял ее к себе, воспитал и полюбил как свою родную дочь. И действительно, Харитина была вполне достойна любви. Когда она выросла, то сделалась не только красивою лицом, но и отличалась прекрасными нравственными качествами: кротостью, смирением, послушанием, молчаливостью, целомудрием и разумом. Веруя в Христа, она воспламенилась к Нему горячею любовию и, уневестившись Ему, хранила девство и поселилась поэтому в отдельном уединенном жилище. Клавдий, ее воспитатель и господин, не только не воспротивился такому доброму ее намерению, но очень радовался целомудренной и святой ее жизни. Он построил для нее особый дом, где она и жила в уединении, день и ночь поучаясь в законе Господнем. Ее стали посещать верующие, и она наставляла их ко спасению, поучая их душеполезными поучениями. Неверующих же она приводила к истинной вере, проповедуя им Христа. Таким образом Харитина была для всех учительницею веры и Богоугодной жизни.

В то время нечестивый царь римский Диоклетиан[6341] воздвиг на христиан сильное гонение. По его повелению, христиан повсюду разыскивали и подвергали мучениям. В особенности же гонители преследовали тех, о коих распространялась молва, как об особенно добродетельных и разумных людях. Как таковая, была оклеветана пред градоначальником Домицианом и святая Харитина; ее обвиняли в том, что она сама христианка и многих других обратила и обращает к вере во Христа. Услыхав о сем, градоначальник написал к Клавдию письмо, повелевая прислать к нему Харитину. Клавдий, прочитав послание градоначальника, сильно

опечалился, оделся во вретище и оплакивал ее, хорошо понимая, что невозможно сопротивляться градоначальнику. Тем не менее, когда были присланы за нею воины, он, будучи не в силах расстаться с Харитиной, сопротивлялся им насколько мог, плача и удерживая ее своими руками, и не отдавая ее похитителям. Воины влекли ее к себе, а Клавдий препятствовал им, не выпуская ее из своих рук. Влекомая в разные стороны, святая Харитина сказала своему господину:

– Пусти меня, господин мой, и не скорби, но радуйся, ибо я буду приятною Богу жертвою за свои и за твои грехи.

Воины, сильно разгневавшись, силою вырвали Харитину из рук Клавдия, похищая ее как волки овцу из стада, и повели к градоначальнику. Провожая ее, Клавдий с плачем говорил:

– Помяни меня пред Небесным Царем, когда предстанешь пред Ним среди сонма святых мучениц!

Святая Харитина была приведена к градоначальнику и стала пред ним, призывая всем своим сердцем Бога на помощь себе.

Градоначальник спросил ее:

– Верно ли то, что я слышал о тебе, девица, что – ты сама христианка и многих других прельщаешь, обращая в ту же нечестивую веру?

Святая Харитина с дерзновением отвечала ему:

– Что я христианка – это правда, а что я совращаю других людей, это ложь; не совращаю я других, но обращаю от нечестия и заблуждения и наставляю на истинный путь, приводя их ко Христу, вера в Коего не нечестива, как ты несправедливо думаешь, но свята и праведна. Ваша же вера полна всякой нечистоты, потому что вы веруете в скверных и лукавых бесов и волю их творите.

Услыхав такой ответ святой Харитины, градоначальник сильно разгневался и велел жестоко бить ее. Потом, наложив на ее шею железный обруч, отослал ее на суд к правителю области. Сей судья неправедный, показав Харитине все орудия пытки, сказал ей:

– Пожалей себя, чтобы не погибнуть тебе в жестоких муках. Послушай моего совета и принеси жертву бессмертным богам, и

тогда получишь троякую для себя пользу: умилостивишь богов, приобретешь милость царя и сохранишь свою цветущую красоту нетронутой жестокими мучениями.

В ответ на сие мученица возвела глаза свои к небу, прося себе оттуда защиты. Сотворив затем крестное знамение, она сказала судье:

– Лукав ты, судья, и несправедлив! Но не уловишь меня ни своею хитростью, ни страхом мучений, не привлечешь к своему нечестию и не изменишь пламенного моего желания пострадать за Христа. Подумай лучше о том, что для твоей души будет полезнее, и сам не поклоняйся бездушным идолам, дабы тебе не погибнуть вместе с демонами, коих ты почитаешь как богов.

Услыхав такие слова, судья начал поносить святую мученицу и велел остричь волосы на ее голове. Святая, безгласная как овца пред стригущим ее, молчала, беседуя в душе с возлюбленным Женихом своим Христом и умоляя Его помочь ей совершить подвиг мученичества. Когда же она была острижена, тотчас, на виду у всех, на ее голове выросли другие волосы, длиннее и лучше прежних. Увидев это, судья пришел в сильную ярость и велел посыпать голову мученицы горящими угольями, коими сильно опалило ее. Потом, для большего мучения святой, опаленное тело ее облили уксусом, смешанным с желчью. Но святая терпеливо переносила все, молясь Господу и говоря:

– Господи, Иисусе Христе, крепкий помощник надеющимся на Тебя, сохранивший невредимо трех святых Твоих отроков среди горящего пламени, поспеши и ко мне на помощь и укрепи меня в мучениях, переносимых ради Тебя, чтобы враги мои не сказали: где Бог ее?

Помолясь, она почувствовала облегчение в муках и возблагодарила Бога. Мучитель же изобретал для нее все большие и большие мучения: разжегши железные прутья, он велел проколоть ее сосцы и горящими свечами опалять ее ребра. А святая Харитина, как бы не чувствуя вещественного огня, разжигалась духовным пламенем Божественной любви и не переставала сердцем и устами исповедовать Иисуса Христа. Видя такую твердость святой, мучитель повелел потопить ее в

море. Слуги, взявши ее, повели к морю. Святая же, идя, взывала к Богу:

– Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что ради Твоего святого Имени, после огненного мучения пройду сквозь морскую воду; благоволи мне явиться чистой в день воскресения; но и теперь, как всегда, покажи на мне Твои чудеса, дабы еще более прославлено было превеликое Имя Твое.

Тем временем слуги привели Харитину к морю и, привязавши ей на шею большой камень, бросили ее в глубину морскую. Но камень тотчас отвязался от ее шеи и исчез в море, а святая, невидимо укрепляемая силою Божиею, стала на волнах и пошла по ним как по твердому камню. Выйдя на берег, она вернулась к судье и сказала ему:

– Узри силу Христа моего, и уверуй в Него!

Судья, увидав, что Харитина не утонула, но жива, так сильно испугался, что почти потерял сознание и молчал. Едва придя в себя, он сказал, что она – волшебница и волхвованием спаслась от потопления в море, и повелел взять ее и привязать нагую к колесу, под которым были положены разные острые железные орудия, ножи и мечи, и множество горящих углей. Судья приказал слугам поворачивать колесо с привязанною к нему святою, чтобы острые орудия, положенные под колесом, раздирали ее тело, а горящие уголья опаляли его и тем причиняли бы святой еще более мучения. Но слуги не могли исполнить приказания мучителя, так как, по повелению Божию, колесо не поворачивалось и руки их ослабели, а горящие уголья погасли. Святая осталась невредима, ибо Ангел Господень защищал и охранял Христову невесту. Видя сие, судья снова пришел в ярость и приказал вырвать ей ногти на руках и на ногах и выбить зубы, – святая же и сии мучения претерпела мужественно. Тогда беззаконный судья решил растлить ее девство, и для этого велел созвать множество распутных людей, чтобы отдать им святую на осквернение. Святая Харитина, услыхав такое безбожное повеление неправедного судьи, сказала:

– Со мною мой Христос: Он разрушит весь ваш лукавый замысел и возьмет меня неосквернённою к Себе.

Сказав сие, мученица подняла руки и устремила взор свой к небу, усердно молясь Богу, чтобы Он избавил ее от рук нечестивцев. Когда созванные распутники хотели уже осквернить ее, она внезапно предала свою чистую и непорочную душу в руки Господа своего[6342], и девственное тело ее лежало мертвым среди мерзких и исполненных нечистого желания распутников. Увидев, что святая мертва, судья приказал вложить ее тело в мех и, насыпав в мех песок, бросить его с телом святой в море. Так была потоплена в море мертвою та, которая при жизни ходила невредимо по водам! Спустя три дня, волны морские выбросили на берег тело святой, не потерпевшее в воде никакого вреда. Клавдий, который воспитал святую Харитину как свою родную дочь, взял честное и многострадальное тело ее и с плачем и радостью предал его подобающему погребению, прославляя родившегося от Пречистой Девы Христа Спасителя, Ему же честь и слава во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Крепким разумом Харитино, душу утвердши верою, борителя врага яве посрамила еси, у Христа предста всеблаженная, червленицу от кровей твоих носящи, и присно со Ангелы радующися: моли за ны страстотерпице.

Житие преподобного Дамиана Печерского

Память 5 октября

Когда мы, одержимые болезнями душевными и телесными, будем, по слову Писания, призывать на помощь пресвитеров, дабы совершили они над нами помазание елеем, то призовем с ними мысленно и угодившего Богу пресвитера и целителя, блаженного Дамиана, добрым подвигом подвизавшегося в святом Печерском монастыре во время игуменства преподобного Феодосия.

Сей достойный удивления инок весьма ревностно подражал Ангельскому житию и всем добродетелям преподобного отца и наставника своего Феодосия. По свидетельству многих, он был смиренен сердцем, послушлив, покорен всем; особенно же обитавшие с ним в одной келлии были очевидцами его кротости, ночного бодрствования, прилежного чтения священных книг и частого вставания на молитву. Те же очевидцы рассказывают и о многих других подвигах сего мужа, который был таким постником и отличался таким воздержанием, что, кроме хлеба и воды, ничего другого не употреблял в пищу до самой своей смерти. За свою благочестивую жизнь он удостоился получить от Господа дар чудотворения, особенно же благодать исцеления болящих, подобно святому бессребренику и чудотворцу Дамиану, имя которого носил. Приносил ли кто к преподобному больного ребенка или приводил к нему взрослого человека, страдавшего каким-либо недугом, Феодосий повелевал блаженному Дамиану творить молитву над болящим. Со смирением и безропотною покорностью, считая себя недостойным дара исцеления, творил тогда Дамиан над болящими молитвы и помазывал их святым елеем, и, Божией благодатию, все получали исцеление и уходили здоровыми.

Так блаженный Дамиан много лет богоугодно подвизался в иноческих трудах и, совершив много дел для душевного своего спасения, соделался достойным вечной жизни. Достигнув конца сей временной жизни, он впал в болезнь и, видя приближающуюся кончину, стал со слезами молиться Богу:

– Господи мой, Иисусе Христе! Сподоби меня быть соучастником славы святых твоих, и с ними удостоиться Твоего наставника моего преподобного Феодосия, но причти меня вместе с ним в Твоем свете, который Ты уготовал праведникам.

Когда он так молился, внезапно предстал у ложа его Ангел, в образе преподобного Феодосия; склонившись к Дамиану и с любовью целуя его, он говорил ему:

– Чадо! Господь, Коему ты молишься, послал ныне меня возвестить тебе, что прошение твое будет исполнено: ты будешь причтен к святым Его и с ними вселишься в Царствии Небесного Владыки. Когда же Господь повелит тебе преставиться от сего мира и идти к Нему, тогда мы будем неразлучны и в том свете.

Сказав сие, Ангел стал невидим. Блаженный Дамиан понял, что ему было явление от Бога, ибо он не видел, чтобы говоривший ему входил или выходил дверями, но на том же самом месте, где явился, там и стал невидим. Тотчас призвал он послушника и послал его к преподобному Феодосию, прося его прийти к себе. Когда святой немедленно пришел, блаженный Дамиан с радостным лицом спросил его:

– Так ли будет, отче святой, как ты обещал мне сегодня в видении?

Преподобный Феодосий, не зная ничего, отвечал:

– Не знаю, сын мой, что такое я обещал тебе.

Тогда блаженный Дамиан рассказал ему, как он сам молился, и как явился ему некто в образе преподобного Феодосия, давший такое обещание.

Услышав это, богодухновенный Феодосий восхвалил Бога и со слезами сказал преподобному:

– Поистине, чадо, будет так, как тебе обещано, ибо тебе в образе моем явился Ангел Божий; я же, сам будучи грешным, как могу обещать такую славу, которая уготована праведникам?

Блаженный Дамиан, услышав сии слова, исполнился радости и надежды. Между тем к нему в келью собрались иноки; всех он облобызал и в добром исповедании с миром предал душу свою в руки Господа, когда Ангелы пришли за ней, и просиял лицом, являя радостное разлучение души с

телом[6343]. Тогда преподобный Феодосий повелел ударить в било, чтобы собралась вся братия; с пением и великою честью погребли они в пещере честное тело Христова угодника, в честь славимого в Троице Бога.

Молитвами блаженного сего целителя Дамиана да сподобит Господь и нас быть в бесконечные веки участниками Царства Своего, где нет болезни. Аминь.

Житие преподобного Иеремии Печерского

Память 5 октября

И наша русская земля была славна пророком Иеремией, не древним, но новым; о нем и будем мы здесь повествовать. Блаженный отец наш Иеремия Печерский достиг глубокой, преклонной старости; он помнил даже крещение земли русской, бывшее во дни благоверного великого князя Владимира[6344]; тогда и блаженный Иеремия был просвещен святым крещением. Спустя много лет после этого он пришел в святой монастырь Печерский к преподобным отцам нашим Антонию и Феодосию, принял великий ангельский образ – схиму, и в нем Богоугодно подвизался, подражая житиям святых отцов. За великую свою добродетель он получил от Бога дар предузнавать будущее и провидеть человеческие помышления; в ком видел преподобный лукавое помышление, того обличал наедине и убеждал беречься от диавольского внушения, в особенности, если какой-либо брат задумывал выйти из монастыря; тогда Иеремия, провидевший сие, приходил к брату, обличал его намерение, утешал, увещевая терпеть, стойко и непрестанно вести брань с ненавистником добра и врагом нашим и не поддаваться колебанию; и так сильно он укреплял брата своим наставлением, что тот навсегда оставлял свое намерение. А если кому блаженный прорекал что-либо, доброе или худое, то всегда сбывалось слово старца.

Прожив так много лет и многим оказав пользу своим прозрением, святой Иеремия скончался в глубокой старости[6345] и, оставив покров своей души – тело в пещере, отошел к древним пророкам, для созерцания откровенным лицом таин Самого Ветхого деньми, Бога Отца, Емуже слава со Единородным Его Сыном и Единосущным Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного Матфея Печерского

Память 5 октября

Не именем только был подобен блаженный отец наш Матфей Печерский первому из Апостолов Евангелисту, но, как тому дано было видеть Эфиопскую землю и обличать неверие жителей ее, так и сей блаженный, иночествуя в Печерском монастыре во дни святых первоначальников[6346] сей обители, за великие свои подвиги удостоился получить от Бога такое дарование, что ясно мог зреть лица подземных эфиопов – бесов, обличать их и открывать на пользу спасающимся тайные козни их.

Блаженный старец Матфей стоял однажды в церкви на своем месте; подняв взор свой, он взглянул на братию, которая стояла на обоих клиросах и пела; и видел он беса в образе воина, который обходил братию; на воскрилиях одежды его были липкие цветы. Вынимая цветок, он бросал его на кого-либо из поющих; тот брат, к коему приставал цветок, постояв немного времени, позволял уму своему поддаться слабости, и, измыслив себе какую-либо причину, выходил из церкви, отправлялся в келью и предавался сну, уже не возвращаясь в храм на пение. Если же цветок, брошенный диаволом, не приставал к одежде инока, то такой инок бодро выстаивал всю утреню до конца и тогда лишь шел в свою келью. Старец рассказал братии о видении своем, и тогда все стали остерегаться выходить из церкви.

Блаженный старец имел обыкновение по окончании утрени, когда братия расходилась по своим кельям, – последним выходить из церкви. Однажды, выйдя так из церкви, он сел под церковным билом, желая немного отдохнуть, ибо келья его была далеко от церкви. И вот видит он как бы большую толпу, направляющуюся от монастырских ворот; подняв свой взор, он увидал беса, с гордостью восседавшего на свинье, а около него множество бесов, сопровождавших его. Старец спросил их:

– Куда идете вы?

– За Михаилом Тоболковичем, – отвечал бес, сидевший на свинье.

Ознаменовав себя крестным знамением, старец отправился в свою келью. Когда же стало светать, святой, уразумев смысл бывшего ему видения, сказал своему ученику:

– Иди и спроси, в келье ли Михаил?

Тот отправился, и ему сказали, что Михаил сегодня после утрени вышел за ограду монастырскую. Тогда старец рассказал о видении игумену и старшей братии. Игумен, призвав брата, стал расспрашивать его и, вразумив его назиданием, отпустил в келью.

Прозорливый отец Матфей и других братий поучал с любовью и советовал им сидеть в келлиях, воспоминая постоянно о Боге и молясь о прощении грехов.

При преподобном Матфее преставился блаженный игумен Феодосий; после него игуменом был Стефан, а по Стефане Никон. При сем игумене случилось блаженному Матфею увидеть такое видение: однажды, стоя за утреней, он поднял глаза свои, желая увидать игумена, блаженного Никона, но увидел, что на игуменском месте стоит осел; тогда Матфей понял, что Никон не пришел к утрене. Старец рассказал о видении своем; тогда игумен понял, что видение сие было ему в назидание, и горько каялся. С тех пор, оставляя не только леность, но и всякое монастырское неотложное дело, он старался поставить себе за обычай прежде всех приходить в церковь. Таким образом, видение сие заставило его еще более стремиться к блаженству. Также и много других видений было сему блаженному старцу, и он рассказывал их на пользу братии. Достигнув глубокой старости, он почил о Господе в добром исповедании[6347]; честные мощи его лежат нетленно в пещере[6348] со святыми отцами, а сам он молится за нас, предстоя пред престолом Владыки, да избавимся вражеских наветов и получим вечную жизнь во Христе Иисусе, Господе нашем, Емуже слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святой мученицы Мамелхфы

Память 5 октября

Святая мученица Мамелхфа, родом из Персии, была сначала жрицею одной языческой богини[6349]. Однажды она увидела во сне Ангела, поведавшего ей тайны веры Христовой. Проснувшись в страхе, она рассказала свой сон сестре, которая была христианкой. Сестра привела ее к епископу. Епископ, услыхав о сне Мамелхфы, убедил ее принять христианство и совершил над нею крещение, причем ее сестра была восприемницею от святой купели. Разгневанные обращением Мамелхфы в веру Христову, язычники побили ее камнями, когда она еще была облечена в одежду крещения[6350]. Тело ее было брошено в ров, а оттуда взято двумя некими христианами и предано честному погребению. Впоследствии епископ того города, где приняла мученическую смерть святая Мамелхфа, исходатайствовал у персидского царя позволение разрушить храм языческой богини и на месте его создать церковь во имя святой Мамелхфы[6351]. В сей церкви и положено было тело святой мученицы. При перенесении мощей святой мученицы Мамелхфы совершилось от них множество чудотворений и исцелений, и многие из язычников обратились ко Христу.

Празднование святителям московским Петру, Алексию, Ионе и Филиппу

Память 5 октября

Как три великих столпа православия: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст сохранили непотрясенным здание древней Восточной Церкви во время обрушившихся на нее гонений со стороны еретиков, так и три великих святителя Церкви Московской: Петр, Алексий и Иона сохранили невредженным Православие на святой земле Русской в тяжкие годины ее внутренних нестроений и бед от многочисленных внешних врагов. И как Вселенская Церковь, помимо празднований, положенных каждому из трех Вселенских святителей в отдельности, установила особый праздник, посвященный всем трем святителям вместе, твердо памятуя, что одна была у них всех вера, одна – ревность по ней, одна – любовь к ближним, заставлявшая их одинаково подвергать ради этих ближних жизнь свою опасностям, так и на Руси святой еще со времени царя Феодора Иоанновича и патриарха Иова (с 1596 года) соединили в одном всеобщем праздновании 5 октября три священных имени Московских первосвятителей.

Но Русская земля среди Московских первосвятителей имела и еще одного охранителя православия, карателя злых нравов и страдальца за веру и правду, имя коего по неизвестным причинам оставалось долгое время неприсоединенным к празднованию 5 октября. Это был св. митрополит Филипп.

Впервые на сие обратил внимание высокопреосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский. В 1875 году Святеший Синод, по его ходатайству, определил вместе с священною памятью Московских митрополитов: Петра, Алексия и Ионы совершать 5 октября воспоминание о святом Московском митрополите Филиппе. В этом же году был утвержден Святейшим Синодом и чин празднования всем четырем святителям вместе, составленный митрополитом Иннокентием. Совершается празднование сие в Москве и до

настоящего времени. Накануне праздника, то есть 4 октября, в Большом Успенском соборе отправляется малая вечерня с торжественным молебным пением святителям, как это обыкновенно принято совершать во всех Московских церквах и монастырях на храмовые праздники. Затем в свое время по всем церквам столицы совершается с вечера всенощное бдение с красным звоном. Во время благовеста к вечерне, из Чудова монастыря с крестным ходом переносится местная икона святителя Алексия в Успенский собор, где и остается до вечерни следующего дня.

Тропарь, глас 4:

Первопрестольницы российстии, хранителие апостольских преданий, столпи непоколебимии, православия наставницы, Петре, и Алексие, Ионо и Филиппе, Владыку всех молите, мир вселенней даровати, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 3:

Во святителех благочестно пожисте, и люди к богоразумию настависте, и добре Богу угодисте: сего ради от Него нетлением и чудесы прославистеся, яко ученицы Божия благодати.

Житие святого Дионисия, епископа Александрийского

Память 5 октября

Святой Дионисий происходил из Александрии[6352] от богатых и знатных родителей – язычников[6353]. В юности своей он получил хорошее языческое образование и был привержен к язычеству. По окончании своего образования, Дионисий сначала проходил обязанности ритора[6354] и обучал юношей красноречию, в духе изученной им языческой науки. Но его ясный и светлый ум не мог не видеть грубых заблуждений и суеверий языческой веры, в которой он родился и вырос, и недостатков языческой философии, в началах коей был воспитан. Его пытливый дух, алчущий и жаждущий правды, не мог найти удовлетворения в языческих знаниях и верованиях; его сердце чувствовало тщету и лживость язычества и, еще не познав истинного Бога, уже стремилось к Нему. И вот Дионисий, желая познать истину, знакомится с различными человеческими учениями и верованиями и сравнивает их между собою. Сей верный путь беспристрастного исследования учений человеческих привел Дионисия, при его пламенном стремлении обрести истинную веру, к познанию Единого истинного Бога и к сознательному принятию веры Христовой. Святой Дионисий впоследствии сам о себе говорил, что он «обратился ко Христу путем свободного исследования, беспристрастно испытывая учения человеческие».

В то время в Александрии, славившейся языческими школами и учеными, наряду с многосторонним развитием учености тогдашнего языческого мира, достигло значительной степени процветания и христианское просвещение. Знаменитые начальники возникшего там христианского, так называемого «огласительного»[6355], училища, силою своих дарований, соединяли в наставлениях своих ученость богословскую и философскую и были хорошо знакомы с языческою ученостью и ее представителями. Под влиянием этих христианских учителей, лучшие из язычников приходили нередко к познанию

истинной веры Христовой и оставляли свое языческое нечестие. Дионисий, уже познакомившийся со многими христианскими сочинениями, вступил в близкое общение с Александрийскими христианскими учителями, во главе коих были Иеракл[6356] и особенно знаменитый Ориген[6357]. К Оригену, как к замечательному ученому, немало стекалось и язычников для слушания философии и математики, и Ориген пользовался этим и с успехом трудился для славы имени Христова, употребляя труды свои и сведения для того, чтобы обратить этих слушателей к общению со Христом.

Дионисий скоро стал ревностным учеником Оригена и со всем жаром пытливого духа стал изучать истины христианского учения, превосходство коего пред языческим он сразу же оценил. С большим усердием и любовью читал он послания апостольские, особенно послания святого апостола Павла, кои произвели на него глубокое впечатление и решительный переворот во всех его верованиях и воззрениях, следствием чего было вполне сознательное обращение его к христианству. Убедившись окончательно в истине христианства, он не замедлил принять, под влиянием отчасти Оригена, святое крещение[6358], и вступил в Огласительное училище, сделавшись истинным украшением его. С того времени святой Дионисий стал еще ревностнее вникать в глубокие истины христианского учения, охраняя чистоту его от привходивших в него еретических лжеучителей и неправомыслия. К учителю своему Оригену он был особенно близок, питая к нему благоговейную благодарность и сердечное расположение, и союза с ним не прекращал и тогда, когда Ориген впоследствии принужден был оставить Александрию и даже когда находился в темничном заключении[6359]. Замечательные успехи святого Дионисия в познании истин христианства и его благочестивая жизнь обратили на него внимание учителя Александрийской школы Иеракла. По прошествии непродолжительного времени, святой Дионисий возведен был в сан пресвитера. По удалении Оригена из Александрии, Иеракл заместил его в Александрийском огласительном училище в качестве начальника. Когда же Иеракл возведен был в сан епископа Александрийского,

Дионисий стал начальником в огласительном училище; по смерти же Иеракла, он был его преемником по Александрийской кафедре[6360].

С того времени, как Дионисий вступил на Александрийскую кафедру, вся жизнь его стала непрерывным рядом самоотверженных подвигов против разнообразных врагов Церкви, внешних и в особенности внутренних. В то время Церковь Христова много страдала от внешних гонений языческой власти и еще более раздираема была различными раздорами, еретическими лжеучениями и расколами, грозившими нарушить церковное единение и внутренний мир Церкви. В такое тяжелое время святой Дионисий Самим Богом предназначен был к тому, чтобы служить для верующих твердою опорою. Благодаря ему, действительно, мир в Церкви при всех опасностях и смятениях остался непоколебленным. А святая строго-благочестивая жизнь архипастыря, его самоотверженная любовь к пастве, кротость, искренность и смирение внушали к нему всеобщее уважение, даже среди его врагов и еретиков. Вся жизнь его была посвящена ревностному и неустанному служению Церкви Божией. С особенно горячею ревностью он заботился об обращении неверующих, с сердечною, отеческою кротостью относился он к заблуждающимся и имел попечение о примирении разделенных. В скорбях он обнаруживал возвышенное мужество, в вере – непоколебимое постоянство, во всей своей жизни поразительное, глубокое смирение, – в то время как весь христианский мир удивлялся его учености и добродетелям.

Унаследовав от Оригена любовь ко всякого рода знанию, святой Дионисий находил возможным согласовать его с христианским вероучением и по-прежнему внимательно читал и исследовал сочинения лучших язычников и различных еретиков, волновавших в его время своими лжеучениями Церковь Божию. Охраняя чистоту христианского церковного учения от еретических лжеучений и разномыслий, святой Дионисий отвергал их, однако, не прежде как по личному убеждению дознавал их несостоятельность, и тогда уже с силою и мужеством вооружался против нечестивых еретиков.

При всем уме своем и учености кроткий и смиренный, святой Дионисий и на кафедре пастырской отличался духом кротости и умеренности. В то тяжелое для христиан время, в жестокое гонение нечестивого царя Римского Декия[6361] некоторые епископы, – не из страха гонений и мучений, но для того, чтобы не оставить без руководства, назидания и утешения вверенных попечению их словесных овец стада Христова, – удалялись из своих городов в места более безопасные, и оттуда управляли своими паствами[6362]. Так поступил в сие тяжкое время по Божественному внушению и святой Дионисий, не из страха смерти за имя Христово, а по необходимости и для блага церкви Александрийской, чтобы не оставить паствы без пастыря. Префект Сабин послал шпиона на поиски за святым Дионисием. Святой в продолжение четырех дней оставался дома, но шпион, будучи уверен, что он бежал, искал его на полях, дорогах и реках, и ему в голову не пришло войти в дом архипастыря. После этого, повинуясь внутреннему внушению, святой Дионисий бежал с некоторыми собратиями, но был схвачен и отправлен в Тапосирис для мучений. Однако Бог хранил верного Своего угодника. Совершенно неожиданно он был чудесно избавлен из рук воинов толпою христианских поселян. Это случилось следующим образом.

Один христианин, по имени Тимофей, не был захвачен вместе с святым Дионисием и другими верующими. Найдя дом под стражею, он бежал в крайнем смущении и сообщил о взятии архипастыря под стражу поселянину, который направлялся на одно праздничное торжество. Весть об этом расстроила все торжество, и все гости бросились к месту пленения святителя с такою стремительностью, что стражи бежали. Дионисий и его друзья полураздетыми положены были на голые кровати и, приняв поселян за разбойников, умоляли не предавать их смерти. Но святитель был схвачен за руки и ноги некоторыми неизвестными друзьями и, несмотря на свое сопротивление, унесен отсюда и посажен на неоседланного осла. Затем, против своей воли, он был увезен в одно безопасное место. Кто были эти друзья, спасшие святителя, так и осталось совершенно неизвестным: очевидно, Господь чудесным образом хранил св.

Дионисия для блага Церкви, в то время гонимой, унижаемой и обуреваемой внутренними волнениями и смутами.

Пребывая в скрытом месте, святой Дионисий продолжал управлять Александрийскою паствою, посылая к ней письма через доверенных пресвитеров. В то мучительное время Церковь переносила страшные страдания и скорби от свирепых язычников. Не вынося пыток и мучений, многие из верующих отрекались от Христа. После они с глубоким раскаянием и сердечною скорбью опять обращались к епископу, смиренно умоляя снова принять их в лоно Церкви Христовой. Кроткий и смиренный Дионисий снисходительно принимал их в число чад Церкви христианской, налагая на них те или иные запрещения и епитимии, и тем спасал их от совершенного отчаяния[6363].

К довершению зол, угрожавших Церкви Христовой, в сие тяжкое время появился раскол новациан, еще больше раздиравший ее внутренними смутами. Новациан и его последователи открыто и решительно выступили против принятия отпавших в лоно Церкви и тем усугубили ее бедствия и многих стали приводить в отчаяние[6364]. Тогда святой Дионисий, с любовью принимавший падших, особенно по ходатайству исповедников Христовых, восстал против новациан и убеждал Новациана оставить сей пагубный для Церкви Божией раскол.

– Ты должен был бы претерпеть все возможное, но только не рассекать Церкви Божией, – писал ревностный архипастырь сему лжеучителю. – Не менее славно умереть для того, чтобы только не раздирать Церкви, как и для того, чтобы не принести жертвы идолам. По моему суждению, первое даже выше, потому что в последнем случае умирают для спасения своей души, а там для блага всей Церкви.

И снисходительный пастырь употребил все свои силы, чтобы впоследствии на соборе восстановить вожделенный мир в Церкви, нарушенный сим пагубным расколом, чего и достиг своими самоотверженными трудами в духе кротости и умеренности христианской[6365].

По смерти нечестивого Декия, в кратковременное царствование императора Галла[6366], гонение на христиан

прекратилось, и в Церкви Христовой водворился мир. Сей покой Церкви был тем вожделеннее, что он позволил святому Дионисию обратиться с пастырскою заботливостью к успокоению волнения, произведенного Арсинойским епископом Непотом, который проповедовал ересь, названную хилиазмом[6367]. Святой отец не только написал в духе любви сочинение против Непота[6368], но в том же духе вел соборные совещания с защитниками сей ереси и достиг того, что все они обратились к единению Церковному[6369]. Живое участие принимал святой Дионисий и в споре, поднятом тогда в Церкви о крещении еретиков[6370], всего более заботясь о том, чтобы успокоить волнения, произведенные в Церкви этим спором, чего своими увещаниями и успел достигнуть. В то же время он ревностно боролся с возникшей в Александрийской Церкви злочестивой и опасной ересью Савеллия. Стараясь противодействовать его пагубному еретическому лжеучению, произведшему немалый соблазн в Церкви Христовой и увлекшему в свои сети даже некоторых епископов, святой Дионисий собирал соборы, писал окружные послания против Савеллия, стараясь рассеять своеволие гордого ума, не признававшего в Боге троичность Лиц: Бога Отца, Сына Божия и Святого Духа[6371].

Но заботы святого Дионисия о внутреннем мире и благе Церкви внезапно были остановлены гонением нового Римского императора Валериана[6372]. В самом начале сего жестокого гонения, великий пастырь Александрийский был схвачен, несмотря на свою тяжкую болезнь, и вместе с пресвитером Максимом[6373] и диаконом Фавстом, Евсевием и Херимоном, представлен к префекту Емилиану[6374]. Гонение тогда обрушилось всею тяжестью особенно на епископов и пресвитеров, как представителей Церкви. Поэтому мучители всячески побуждали Дионисия отречься от Христа и принести жертву идолам, ибо за ним последовали бы и другие. Но Дионисий безбоязненно отвечал на сие:

– Мы должны повиноваться более Богу, нежели человеку.

Тогда Емилиан, запретив святому всякое общение с христианами, тем более всякое обращение к ним с словом

назидания и проповедования Евангельского учения, сослал его в захолустную деревню Цефро, лежавшую среди дикой пустыни Ливийской[6375]. Но и там, вопреки запрещению, святой продолжал поучать слову Божию и, как доблестный мученик Христов, отказывался исполнять повеление мучителей. Язычники били его за это неоднократно камнями. Несмотря на все сие, Дионисий имел утешение и в пустыне обратить к святой вере Христовой многих язычников. Успех проповеди Дионисия еще более раздражил Емилиана, и он отослал святого епископа в местечко Коллуфо, находившееся в еще более отдаленной и дикой части пустыни Ливийской[6376]. Но и отсюда он имел утешение сноситься с друзьями Христовыми и со своею паствою, и не только со своею, но и с другими церквами. Святой Дионисий и ранее всегда так поступал, ясно сознавая, что он, как предстоятель одной из главных церквей, своим голосом влияющей и на другие церкви и христианские общины, должен заботиться не только о своей пастве, но и о всей Церкви Христовой, особенно для того, чтобы противостоять каждой попытке нарушить всеобщий мир в Церкви.

Три года пробыл святой Дионисий в сем жестоком и лютом заточении, – и какие скорби и злострадания он там претерпел – одному Богу известно. По воцарении Галлиена[6377], он был возвращен из заточения, к великому утешению своей паствы и всей Церкви Христовой.

Однако и в Александрии сего доблестного страдальца Христова ожидали не покой и благоденствие, но кровавое смятение и злострадания. После скорбей междоусобной войны последовал лютый голод, а за голодом моровая язва, свирепствовавшая с ужасною жестокостью. С истинною отеческою любовью заботился Дионисий о несчастных, кто бы они ни были – язычники или верующие. Описывая бедствия, претерпенные жителями Александрийской области во время сей губительной язвы, святитель писал между прочим следующее: «Многие из братьев наших, по сильной любви, оставив заботу о своей жизни, но заботясь друг о друге, смело посещают больных, служат им постоянно, врачуют о Христе; добровольно они умерли вместе с ними, принимая на себя страдания их, как

бы привлекая к себе болезнь и охотно стирая с них язвы. Многие из тех, кои так пеклись о больных и возвратили им здоровье, сами умерли… И сей род смерти по благочестию и твердости веры никак не ниже мученичества. Они брали руками своими и на свои колена тела святых, закрывали им глаза и уста, нянчили их на плечах своих, укладывали, сплетаясь с ними, обмывали их и одевали в одеяния»[6378].

Так трогательно описывает святой Дионисий подвиги любви христианской в сие тяжелое для Александрии время, особенно со стороны церковного клира; но он сам был для верующих лучшим образцом такого самоотвержения, превышавшего подвиг мученический: ибо «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан.15:13). И святой Дионисий, полагая все силы свои на утешение и помощь недугующим, не жалел для них самой жизни своей, памятуя слова Спасителя: «так как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф.25:40).

К сим скорбям и своим собственным тяжким телесным недугам присоединилась для святого Дионисия новая скорбь: сего непоколебимого столпа православия и ратоборца против неверия и ересей заподозрили в неправомыслии, и он принужден был, не столько для своей защиты, сколько для умиротворения Церкви писать послание, в коем изложил свое православное учение о Трех Лицах Святой Троицы[6379]. Истина восторжествовала, и высокое уважение всей Церкви к нему и ко всем его строго-православным воззрениям, охранявшим чистоту веры в это смутное для Церкви время, осталось непоколебленным.

Наконец, телесные силы исповедника Христова от престарелых лет, скорбей и чрезмерных трудов совсем уже ослабели, хотя дух его был силен. Когда Церковь стало волновать еретическое учение Павла Самосатского[6380], в Антиохии был собран собор святых отцов и учителей Церкви[6381], на который одним из первых был приглашен и святой Дионисий, ибо от него все ждали решительного голоса и умиротворения Церкви. Но великий пастырь Александрийской церкви, удрученный старостью, чувствовал себя совершенно

неспособным вынести тяжесть столь далекого пути и принужден был от приглашения отказаться; однако, вместо непосредственного изустного своего слова, он послал отцам собора пространное письмо, в коем изложил свой православный взгляд на учение Павла Самосатского[6382]. Через несколько дней после этого он мирно предал дух свой Богу (265 г.) в то время как предстоятели христианских церквей собрались в Антиохии для обличения Павла Самосатского. Церковь много скорбела о сей тяжкой потере, ибо лишилась в лице святого Дионисия великого учителя и отца Церкви и непоколебимого столпа православия[6383].

Молитвами святителя да спасет Господь Бог Церковь Свою от всякого лжеименного знания и разделения и да сохранит церковное единение и мир, в духе кротости и любви христианской.

Житие и страдание святого Апостола Фомы

Память 6 октября

Святой Апостол Фома, называемый близнец[6384], родился в Галилейском городе Панеаде[6385]. Когда Господь наш Иисус Христос, во время Своего пребывания на земле с людьми, проходил по городам и селениям, уча народ и исцеляя всякие болезни, Фома, услышав его проповедь и увидев его чудеса, прилепился к Нему всею душою. Насыщаясь сладкими словами Иисуса Христа и созерцанием его пресвятого Лица, Фома ходил за Ним и был удостоен Господом причисления к лику двенадцати Апостолов, с коими и следовал за Христом до самых его спасительных страданий. По воскресении же Господа святой Фома своим недоверием к словам других Апостолов об этом еще более усилил веру Церкви Христовой, ибо в то время как прочие ученики Христовы говорили: «Мы видели Господа», он не хотел им поверить, доколе сам не увидит Христа и не прикоснется к его язвам. Спустя восемь дней по воскресении, когда все ученики собрались вместе и Фома был с ними, Господь явился им и сказал Фоме: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим».

Увидев Христа и прикоснувшись к живоносным его ребрам, Фома воскликнул: «Господь мой и Бог мой» (Иоан.20:24–29).

Это событие с Фомою самым наглядным образом убеждает всех в истинности воскресения Господня, потому что Христос явился ученикам не как призрак и не в ином каком-либо теле, но в том же самом, в коем пострадал ради нашего спасения.

После вознесения Иисуса Христа на небо и сошествия Святого Духа Апостолы бросили между собою жребий, куда каждому из них идти для проповедания Слова Божия. Фоме выпал жребий идти в Индию, чтобы просветить помраченные язычеством страны и научить истинной вере различные обитавшие там народы – парфян и мидян, персов и гиркан,

бактрийцев и брахманов и всех самых дальних обитателей Индии[6386].

Фома очень скорбел о том, что он посылается к таким диким народам; но ему явился в видении Господь, укрепляя его и повелевая быть мужественным и не страшиться, и обещал Сам пребывать с ним. Он скоро указал ему и возможность проникнуть в сии страны.

Царь индийский Гундафор, желая выстроить себе дворец как можно искуснее, послал купца своего Авана в Палестину, чтобы он поискал там такого искусного строителя, который был бы опытен в постройках и мог бы построить такие же палаты, какие были у Римских императоров. С сим самым Аваном Господь и повелел Фоме идти в индийские страны. Когда Аван искал искусных архитекторов в Панеаде, Фома встретился с ним и выдал себя за человека опытного в строительном искусстве. Аван, наняв его, вошел с ним в корабль, и они отправились в путь, пользуясь благоприятным ветром.

Когда они пристали к одному городу, то услышали здесь звук труб и иных музыкальных инструментов. Царь того города отдавал замуж свою дочь, и послал глашатаев оповещать по всему городу, чтобы на бракосочетание собирались и богатые и бедные, рабы и пришельцы, а если кто прийти не захочет, тот будет подлежать царскому суду. Услыхав сие, Аван с Фомою, боясь, как пришельцы, разгневать царя, если не послушают его, пошли, на брачное торжество во двор царский. Когда все уселись и стали веселиться, Апостол сел на самом последнем месте и ничего не ел, не принимал участия и в веселье, но погрузился в размышления. Все смотрели на него как на странника и иноплеменника. Те же, кто возлежали рядом с ним[6387], говорили ему:

– Зачем ты пришел сюда, когда ничего не ешь и не пьешь?

Апостол сказал в ответ:

– Я пришел сюда не для того, чтобы есть и пить, но чтобы исполнить волю царя, ибо глашатаи громко оповещали, что если кто не явится на брак, то будет подлежать царскому суду.

В то время среди пировавших находилась одна женщина еврейка, которая прекрасно играла на свирели, припевая

каждому из возлежавших какое-нибудь приветствие. Увидев Фому, который не веселился, но лишь часто поднимал взоры на небо, она поняла, что он – иудеянин, и, играя перед ним, пела ему на еврейском языке такой припев: «Един есть Бог – иудейский, сотворивший небо и землю».

Апостол же, слушая этот припев с удовольствием, просил ее несколько раз повторять те слова.

Виночерпий, видя, что Апостол не веселится, ударил его по лицу, говоря:

– Ты позван на брак – не будь же печален, а веселись, присоединившись к пьющим.

Тогда Апостол сказал ударившему его:

– Да воздаст тебе Господь за сие еще в сей жизни, и я пусть увижу руку, ударившую меня, влачимою псом напоказ многим!

Некоторое время спустя ударивший Апостола виночерпий вышел к колодцу, намереваясь принести гостям воды для разбавления вина. Там внезапно напал на него лев, повалил и умертвил его и, высосав из него кровь, удалился. Тогда прибежали собаки, растерзали тело его на части, а один черный пес, схвативши его правую руку, приволок ее на пир и бросил пред всеми. Все присутствовавшие там, увидевши сие, пришли в ужас и спрашивали, чья эта рука. Женщина же, игравшая на свирели, воскликнула:

– Что-то необычайное таинственное совершается ныне у нас: с нами находится в числе возлежащих или Бог, или посланник Божий. Ибо я видела, как виночерпий ударил одного человека и слышала, что сей человек сказал по-еврейски: «Пусть я увижу правую руку твою влачимою псом напоказ многим», что, как вы все видите, и сбылось.

После этих слов на всех напал страх.

По окончании пира, царь, услыхав о происшедшем, призвал к себе святого Апостола Фому и сказал:

– Войди во дворец и благослови отданную замуж дочь мою.

Апостол, войдя в опочивальню, стал поучать новобрачных целомудрию и хранению чистого девства и, помолившись за них, благословил их и удалился. Во сне новобрачные увидали Иисуса, Который явился им в образе Апостола Фомы и с

любовью обнимал их. Муж, подумав, что пред ним – Фома, сказал ему:

– Ты вышел от нас раньше всех – каким образом ты снова очутился здесь?

Господь ответствовал:

– Я – не Фома, а брат его, и все, отрекшиеся от мира и последовавшие за Мною так же, как и он, не только будут Моими братьями в будущей жизни, но и наследуют Мое царство. Итак, не забудьте, дети Мои, того, что советовал вам Мой брат, и если, согласно его совету, вы сохраните непорочным свое девство, то удостоитесь нетленных венцов в Моем небесном чертоге[6388].

Сказав сие, Господь стал невидим; они же, пробудившись от сна, рассказали друг другу то, что видели во сне, и, вставши, всю ночь усердно молились Богу; слова же, сказанные им, хранили в своем сердце, как драгоценные жемчужины.

Утром царь вошел в опочивальню, где находились новобрачные, и нашел их сидящими отдельно друг от друга. В недоумении, он спросил их о причине такого удаления друг от друга. Они же сказали ему в ответ:

– Мы молимся Богу, чтобы Он дал нам силу до самой кончины нашей соблюдать в супружестве совершенное целомудрие, в каковом пребываем теперь, чтобы быть за то увенчанными в небесном чертоге нетленными венцами, как обещал явившийся нам Господь.

Тогда царь понял, что к сохранению девства убедил их странник, бывший накануне во дворце, чрезвычайно разгневался и тотчас послал своих слуг, чтобы они схватили Апостола, но они не нашли его, потому что он вместе с Аваном уже отплыл в Индию.

Прибывши к индийскому царю Гундафору, они предстали пред ним, и Аван сказал:

– Вот, государь, я привез к тебе из Палестины искусного строителя, чтобы он мог устроить палаты, какие угодно твоему величеству.

Царь обрадовался, показал Фоме то место, где он хотел строить палаты, и, определив размеры их, дал ему большое

количество золота для постройки, а сам отправился в другую страну.

Фома, получив золото, стал раздавать его нуждающимся – нищим и убогим, сам же, подвизаясь в проповедании Евангелия, обратил многих к вере во Христа и крестил их.

В то время тот юноша, который, по совету Фомы, обещался хранить девство вместе с женою своею, услыхав, что Апостол в Индии проповедует Христа, вместе с нею прибыл к Апостолу. Наставленные святым Апостолом Христовой вере, они приняли от него святое крещение. Девица получила при сем имя Пелагии и впоследствии пролила кровь свою за Христа, юноша же наименован был Дионисием и впоследствии удостоен сана епископа.

Возвратившись с Апостольским благословением в свое отечество, они распространяли славу Имени Божия, обращая неверных ко Христу и созидая в городах церкви.

По прошествии двух лет, царь послал к Апостолу узнать: скоро ли окончится постройка палат? Апостол ответил посланным, что остается только положить крышу. Царь обрадовался, ибо полагал, что Фома действительно строит ему на земле дворец, и послал ему еще много золота, повелевая поскорее соорудить для палат великолепную крышу.

Фома, получив еще золото, возвел очи и руки к небу, говоря:

– Благодарю Тебя, Господи Человеколюбче, что Ты различными способами устрояешь спасение людей!

И снова он раздал присланное царем золото тем, кто просил у него помощи, а сам продолжал усердно проповедовать Слово Божие.

По прошествии некоторого времени, царь узнал, что Фома даже еще и не начинал приводить в исполнение его повеление, что все золото роздано убогим, а строитель и не думает о постройке, но, проходя по городам и селениям, проповедует какого-то нового Бога и совершает дивные чудеса. Царь пришел в сильный гнев и послал слуг своих схватить Апостола. Когда святого Фому привели к царю, тот спросил его:

– Выстроил ли ты палаты?

Фома отвечал:

– Построил, и притом великолепные и прекрасные.

Тогда царь сказал:

– Пойдем же и посмотрим твой дворец.

Апостол отвечал:

– В жизни своей ты не можешь увидать дворца сего, но когда отойдешь из сей жизни, тогда увидишь и, с радостью поселившись в нем, будешь жить там вечно.

Царь, думая, что он смеется над ним, весьма оскорбился и повелел бросить его в темницу вместе с привезшим его купцом Аваном, где они должны были томиться в ожидании мучительной смертной казни: царь намеревался содрать с них живых кожу и сжечь их на костре.

Когда они сидели в темнице, Аван стал упрекать Апостола:

– Ты, – говорил он, – обманул и меня, и царя, назвавшись искуснейшим строителем. И вот теперь ты истратил без пользы и царское золото, и жизнь мою погубил. Из-за тебя я страдаю и должен умереть лютою смертью: царь жесток и умертвит нас обоих.

Апостол же, утешая его, говорил:

– Не бойся, для нас не настало еще время умирать; мы будем живы и свободны, и царь почтит нас за те палаты, которые я устроил ему в Царстве Небесном.

В ту же самую ночь царский брат заболел и послал сказать царю:

– Из-за твоей скорби и я также стал тосковать и от сей тоски впал в болезнь, от которой теперь умираю.

Немедленно вслед за сим брат царя действительно умер. Царь, забыв прежнее свое огорчение, впал в новую скорбь и неутешно рыдал о смерти своего брата. Ангел же Божий, взяв душу умершего, вознес ее в небесные обители и, обходя тамошние селения, показывал ей многочисленные великолепные и блестящие палаты, между коими одна была так прекрасна и блестяща, что ее красоты и описать невозможно. И спросил Ангел душу:

– В какой из всех палат тебе более угодно жить?

Она же, взирая на ту прекраснейшую палату, сказала:

– Если бы мне было позволено пребывать хотя бы в углу той палаты, то мне ничего бы больше не было нужно.

Ангел сказал ей:

– Ты не можешь жить в сей палате, ибо она принадлежит твоему брату, на золото которого построил ее известный тебе пришлец Фома.

И сказала душа:

– Прошу тебя, господин, отпусти меня к брату, и я куплю у него сию палату, ибо он еще не знает красоты ее – и потом, купив ее, я снова возвращусь сюда.

Тогда Ангел возвратил душу в тело, и умерший тотчас ожил и, как бы пробудившись от сна, спрашивал окружавших его о брате и молил, чтобы царь поскорее пришел к нему. Царь, услышав, что брат его ожил, весьма обрадовался и поспешил к нему, и, увидав его живым, сделался еще радостнее. Воскресший же начал говорить ему:

– Я уверен, царь, что ты любишь меня, как своего брата; знаю, что ты безутешно плакал обо мне и, если бы можно было освободить меня от смерти, то отдал бы за то даже до полцарства своего.

Царь отвечал:

– Да, это совершенная правда.

– Если ты так любишь меня, – сказал на это брат царя, – то прошу у тебя одного дара – не откажи мне в нем.

Царь отвечал:

– Все, чем я владею в государстве моем – все даю тебе, любимому моему брату, – и клятвою подтвердил свое обещание.

Тогда воскресший брат сказал:

– Дай мне палату твою, которую ты имеешь на небесах, и возьми за нее все мое богатство.

Царь, услышав такие слова, пришел в смущение и молчал, как бы потеряв способность говорить. Потом он сказал:

– Откуда у меня на небесах может быть палата?

– Воистину, – отвечал брат царя, – на небесах есть такая палата, о которой ты не знаешь и какой ты никогда не видал во всей поднебесной. Ее построил тебе Фома, которого ты

держишь в темнице; я видел ее и дивился ее несказанной красоте и просил поместить меня хотя в одном углу ее, но это мне не было дозволено; ибо водивший меня Ангел сказал: нельзя тебе жить в ней, потому что это палата брата твоего, которую построил известный тебе Фома. Я просил Ангела, чтобы он отпустил меня к тебе, чтобы купить у тебя ту палату. Итак, если ты любишь меня, отдай ее мне и возьми вместо нее все мое имение.

Тогда царь возрадовался о возвращении брата к жизни и о палате, построенной ему на небесах. И сказал он воскресшему брату:

– Возлюбленный брат! Я клялся не отказать тебе ни в чем, что на земле мне подвластно, а той палаты, которая находится на небе, я тебе не обещал. Но если хочешь, то мы имеем зодчего, который может построить такую же палату и тебе.

Сказав сие, царь тотчас послал в темницу слуг, чтобы вывести оттуда святого Фому вместе с приведшим его купцом Аваном. Когда они явились к царю, сей последний поспешил навстречу к Апостолу и пал ему в ноги, прося у него прощения за свой грех против него, содеянный им по неведению. Апостол же, возблагодарив Бога, начал учить обоих братьев вере в Господа нашего Иисуса Христа, и они, умиляясь душою, принимали с любовию слова его. Вскоре затем он крестил их и научил их жить по-христиански, а братья многочисленными милостынями своими создали себе вечные обители на небесах. Пробыв с ними некоторое время и утвердив их в святой вере, Апостол пошел в другие окрестные города и селения, подвизаясь в деле спасения душ человеческих.

В то время, когда Фома просвещал проповедью Евангелия индийские страны, наступило время честного преставления Божией Матери[6389] и все Апостолы из разных стран восхищены были на облаках небесных и перенесены в Гефсиманию[6390], к одру Преблагословенной Девы. Тогда и святой Апостол Фома был восхищен из Индии, но не поспел прибыть к самому дню погребения Богопрославленного тела Пречистой Богородицы. Это устроено было Божиим изволением для того, чтобы удостоверить верующих, что Матерь Божия с телом была взята

на небо. Ибо как относительно воскресения Христова мы более утвердились в вере через неверие Фомы, так относительно взятия на небеса с плотью Пречистой Девы Марии Богородицы узнали вследствие замедления Фомы. Апостол прибыл только на третий день после погребения и скорбел о том, что не мог быть в Гефсимании в самый день погребения, чтобы проводить с прочими Апостолами тело Матери Господа своего на место погребения. Тогда, по общему соглашению святых Апостолов, для святого Фомы открыли гробницу Пресвятой Богородицы, чтобы он, увидев пречестное тело, поклонился ему и утешился в своей печали. Но когда открыли гробницу, то не нашли тела, а только одну лежавшую там плащаницу. И отсюда все твердо уверились в том, что Матерь Божия, подобно Сыну Своему, воскресла в третий день и с телом была взята на небеса.

После этого Фома снова появился в Индийских странах и проповедовал там Христа, обращая многих к вере знамениями и чудесами. Прибыв в Мелиапор[6391], он просветил там многих проповедью Евангелия и утвердил их в святой вере следующим чудом. На одном месте лежало необычайных размеров дерево, которое не только люди, но даже и слоны не могли сдвинуть с места, Фома же привязал к сему дереву свой пояс и на том поясе оттащил дерево на десять стадий[6392] и отдал на построение храма Господня. Увидев сие, верующие еще более укрепились в вере, и из неверовавших многие уверовали. Апостол сотворил там и другое чудо, еще большее первого. Один языческий жрец убил своего сына и обвинял в этом святого Фому, говоря:

– Фома убил моего сына.

В народе поднялось волнение, и собравшаяся толпа схватила святого Фому как убийцу, и требовала, чтобы суд обрек его на мучение. Когда же не находилось никого, кто мог бы засвидетельствовать, что Фома непричастен к тому убийству, то Апостол Христов стал умолять судью и народ:

– Отпустите меня, и я, во имя Бога моего, спрошу убитого, чтобы он сам сказал, кто убил его.

Все пошли с ним к телу убитого жреческого сына. Возведя очи к небу, Фома помолился Богу и потом сказал мертвецу:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе, юноша: скажи нам, кто убил тебя?

И тотчас мертвец сказал:

– Мой отец убил меня.

Тогда все воскликнули:

– Велик Бог, Коего проповедует Фома.

Апостол был освобожден, и жрец таким образом сам попал в яму, которую выкопал для Апостола. После этого чуда великое множество народа обратилось к Богу и приняло крещение от Апостола.

Затем Апостол пошел еще дальше, в Каламидскую страну, где правил царь Муздий. Проповедуя здесь Христа, святой обратил к вере одну женщину, по имени Синдикию, племянницу Мигдонии, жены царского любимца Каризия. Синдикия убеждала Мигдонию, чтобы она познала истину и уверовала во Единого Бога, Создателя всей вселенной, Коего проповедует Фома. Тогда Мигдония сказала Синдикии:

– Я хотела бы сама увидать того человека, который проповедует истинного Бога, и услышать от него его учение.

Синдикия отвечала:

– Если хочешь увидать Апостола Божия, оденься в плохую одежду, как будто ты простая и бедная женщина, чтобы тебе не быть узнанной, и тогда пойдем со мною.

Мигдония так и сделала и пошла с Синдикией. Они нашли Апостола, проповедующего Христа, посреди большой толпы простых и бедных людей. Вмешавшись в толпу, они стали слушать учение Фомы, который много говорил о Христе Господе и учил вере в Него, причем говорил также о смерти, о суде и геенне и о Царстве Небесном. Слушая все сие, Мигдония умилилась сердцем и уверовала во Христа; возвратившись домой, она все время размышляла об апостольских словах и, беседуя с племянницей своей Синдикией о Христе, утверждалась в любви к Нему. С того времени она стала гнушаться неверующими, как врагами Божиими, и избегать всякого общения с ними в беседах и на пирах, а вместе с тем отдаляться вообще от мирских удовольствий. Она решила также прекратить супружеское сожительство с мужем своим.

Это глубоко опечалило его, и когда он не мог заставить Мигдонию изменить свое решение, то стал просить царя Муздия, чтобы тот послал жену свою, царицу Тертиану, уговорить Мигдонию не гнушаться супружеским сожитием (царица Тертиана и Мигдония, жена Каризия, были родные сестры). Царица пошла к Мигдонии и спросила ее, по какой причине она не повинуется мужу.

Мигдония отвечала:

– Потому, что он – язычник и враг Божий[6393], а я – раба Единого истинного Бога, Иисуса Христа, и не хочу быть осквернённой человеком неверующим и нечистым.

Тертиана пожелала узнать, кто это Иисус Христос, Которого Мигдония называет истинным Богом. Тогда Мигдония изложила пред нею проповедь Апостола Фомы и учила ее познанию истинной веры. Тертиана, желая определеннее знать о Христе и лучше научиться вере, пожелала видеть самого Апостола и слышать его проповедь. Посоветовавшись с Мигдонией, она тайно послала за Апостолом и, призвавши его, обе умоляли наставить их на путь истинный. Он же, проповедуя им Христа, просветил их светом веры, омыл купелью святого крещения и научил их хранению заповедей Божиих и всяким добродетелям. Тертиана и Мигдония, запечатлевши в сердце своем все, что им было сказано, согласились обе служить Господу в чистоте и не сообщаться с мужьями своими как с неверными. Апостол же силою Божиею продолжал творить многочисленные чудеса и исцелять всякие недуги, и многие, не только из простого народа, но даже из царских придворных, видя знамения, совершаемые Апостолом, и слушая его учение, обратились ко Христу. Один из сыновей самого царя, по имени Азан, уверовал и крестился у Апостола; ибо Сам Господь действовал через Апостолов, умножая церковь Свою и распространяя славу имени Своего.

Царица Тертиана, возвратившись от Мигдонии, пребывала в молитве и посте и продолжала отказываться от плотского сожительства с мужем своим. Царь, удивившись такой перемене в жене своей, сказал другу своему Каризию:

– Желая возвратить тебе твою жену, я потерял и свою собственную, и моя стала еще хуже относиться ко мне, чем твоя

к тебе.

После этого царь и Каризий произвели самое строгое расследование о причине такой перемены, которую они заметили в своих женах, и узнали, что некий иностранец, пришелец по имени Фома, научив их вере Христовой, убедил прекратить супружеское сожитие со своими мужьями. Узнали они также, что царский сын Азан и многие из служителей царского дома, а также начальствующие лица и бесчисленное множество простого народа, вследствие проповеди Фомы, уверовали во Христа. Все сие привело их в гнев, и они, схватив Фому, бросили его в темницу. После этого Апостол был представлен на суд царю. Царь спросил его:

– Кто ты – раб или свободный?

Фома сказал:

– Я раб Того, над Коим ты не имеешь власти.

Царь сказал:

– Вижу, что ты – лукавый раб, убежавший от господина своего и пришедший в эту землю развращать людей и смущать жен наших. Скажи же, кто господин твой?

– Господин мой, – отвечал Апостол, – Господь неба и земли, Бог и Творец всякой твари. Он послал меня проповедовать Его святое Имя и обращать людей от заблуждения.

Царь сказал:

– Прекрати, обманщик, свои коварные речи и послушайся моего повеления: как отвратил ты своею хитростью жен наших от нас, чтобы они не сообщались с нами, так снова обрати их к нам. Ибо если ты не сделаешь так, чтобы жены наши снова жили с нами в прежней любви и общении, то мы предадим тебя лютой смерти.

Апостол отвечал:

– Не подобает рабыням Христовым иметь супружеское общение с беззаконными мужьями и верующим быть осквернеными злочестивыми и неверующими.

Услыхав это, царь повелел принести раскаленные железные листы и поставить на них Апостола босыми ногами. Когда это было сделано, под досками вдруг появилась вода, которая и

остудила их. Потом святого Фому ввергли в жарко растопленную печь, но на другой день он вышел из нее живым и невредимым.

После этого Каризий обратился к царю с таким советом:

– Заставь его поклониться и принести жертву богу солнца[6394], чтобы он через то прогневал Бога своего, Который сохраняет его невредимым в мучениях.

Когда Апостол был приведен к идолу солнца, то идол тотчас растопился и растаял, как воск. Верующие ликовали при виде такого могущества Небесного Бога, и множество неверных обратилось к Господу. Идольские же жрецы возроптали на Фому за уничтожение их идола, и сам царь, чрезвычайно оскорбившись, думал о том, каким бы способом его погубить; он боялся, однако, народа и слуг своих и многих вельмож, уверовавших во Христа.

Взяв Фому, царь вышел со своими воинами из города и все подумали, что он желает увидеть от Апостола какое-нибудь чудо. Пройдя около версты, царь отдал Фому в руки пяти воинам, приказав им взойти с ним на гору и пронзить его там копьями, а сам пошел в город Аксиум. Азан же, сын царя, и один человек, по имени Сифор, поспешили вслед за Апостолом и, догнав его, плакали о нем. Тогда Фома, испросив у воинов позволение совершить молитву, помолился Господу и рукоположил Сифора священником, а Азана диаконом и заповедовал им, чтобы они заботились об умножении верующих и распространении Церкви Христовой. После этого воины пронзили его пятью копьями, отчего он и скончался. Сифор и Азан долго оплакивали его и с честью погребли его святое тело[6395]. По совершении погребения, они сидели около могилы Апостола и скорбели. И вот святой явился им, повелевая, чтобы они шли в город и утверждали братию в вере. Следуя сему повелению учителя своего, святого Апостола Фомы, вспомоществуемые его молитвами, они успешно управляли Церковью Христовою. Царь же Муздий и Каризий долго мучили своих жен, но были не в состоянии склонить их к исполнению своего желания. Поняв, что жены никогда до самой смерти не будут повиноваться им, они должны были оставить их жить

свободно, по своей воле. Освободившись от бремени супружеского ига, женщины проводили жизнь в строгом воздержании и молитвах, служа Господу день и ночь, и приносили добродетельною своею жизнью великую пользу Церкви.

Несколько лет спустя, один из сыновей царя Муздия впал в беснование и никто не мог исцелить его, ибо в нем находился весьма лютый бес. Царь был чрезвычайно огорчен болезнью сына своего и задумал открыть гробницу святого Апостола, с целью взять одну из костей его тела и привязать ее своему сыну на шею, чтобы он избавился от бесовского мучения, ибо слышал он, что святой Фома при жизни своей изгнал множество бесов из людей. Когда же царь хотел сделать это, ему явился в сновидении святой Фома и сказал:

– Живому ты не верил, от мертвого ли думаешь найти помощь? Но не оставайся в своем неверии, и Господь мой Иисус Христос будет к тебе милосерд.

Сие сновидение еще более усилило в царе желание открыть гробницу Апостола. Отправившись к месту погребения святого, Муздий открыл гроб, но мощей его там не нашел, ибо один христианин, тайно взяв святые мощи, унес их в Месопотамию и там положил в подобающем месте. Взяв земли с того места, царь привязал ее к шее сына своего, говоря:

– Господи Иисусе Христе! Молитвами Апостола Твоего Фомы исцели сына моего, и я уверую в Тебя.

И бес тотчас вышел из сына царского, и отрок выздоровел. Тогда царь Муздий уверовал во Христа и со всеми своими вельможами принял крещение от священника Сифора. Великая радость овладела сердцами верующих, ибо идолы были сокрушены и храмы их разорены, и на месте их сооружены церкви Христовы. Слово Божие распространялось и вера святая укреплялась. Царь, по принятии крещения, каялся в своих прежних грехах и у всех просил помощи и молитв. Пресвитер же Сифор говорил всем верующим:

– Молитесь за царя Муздия, чтобы он получил помилование от Господа нашего Иисуса Христа и отпущение грехов своих.

И вся церковь молилась за царя. На том же месте, где было погребено святое тело Апостола, совершались, по молитвам его, многие чудеса во славу Христа Бога нашего[6396]. Да будет ему со Отцем и Святым Духом от нас честь и поклонение вовеки! Аминь.

Тропарь, глас 2:

Ученик Христов быв Божественнаго собора апостольскаго сопричастник: неверствием во Христово воскресение известив, и Того пречистую страсть осязанием уверив Фомо всехвальне, и ныне нам проси мира и велия милости.

Кондак, глас 4:

Премудрости благодати исполнен, Христов Апостол и служитель истинный, в покаянии вопияше тебе: ты мой еси Бог же и Господь.

Страдание святых мучеников Сергия и Вакха,

Память 7 октября

Святые мученики Сергий и Вакх, – Римляне по происхождению, – были знатными сановниками[6397] и первыми из вельмож при дворе царя Максимиана. Царь очень любил и уважал их за благоразумные советы на собраниях, за их храбрость на войне и за их верность в службе. И редко кто мог обратиться к царю с просьбою иначе, как только через этих его вернейших советников: они были в такой милости у него, как никто иной. Однако Сергий и Вакх искали милости не столько у царя земного, сколько у Царя Небесного: потому что они веровали в Господа нашего Иисуса Христа, старались угодить Ему своею жизнью и усердно служили Ему. Но из-за страха пред царем, они до времени скрывали свою веру во Христа, ибо Максимиан относился к христианам с безмерною ненавистью и неукротимою яростью. Недолго свет веры Христовой, однако, сокрыт в них был под спудом, и скоро для всех открылся явно.

Некоторые, завидуя их высокому положению и царской к ним любви, и желая навлечь на них ненависть и гнев царя, донесли ему, что Сергий и Вакх – христиане и что они отказываются от поклонения идолам. Максимиан не хотел верить, чтобы люди, пользовавшиеся таким его расположением, не согласны были с ним в почитании богов, – и стыдился спросить их об этом или обличить, не зная еще того достоверно. Однако он решил испытать их следующим образом.

Однажды он назначил в честь своих богов празднество и отправился со всеми князьями и сановниками, с воинами и слугами, окруженный всем своим царским величием, – в храм главного бога Зевса[6398], чтобы принести ему там торжественную жертву. При этом он внимательно наблюдал, – войдут ли с ним в идольский храм его любимые вельможи, Сергий и Вакх. Но когда царь вошел в храм, рабы Христовы остались вне его и не вошли с царем в мерзкое капище; остановившись вдалеке, они молились истинному Богу, прося Его, – да просветит Он слепоту

омраченных очей нечестивого того народа и да прославит через них Пресвятое Имя Свое. Царь же, видя, что Сергий и Вакх не вошли с ним на торжество, послал слуг взять их и силою привести во храм.

Когда святые были введены на это богопротивное собрание, Максимиан приказал, чтобы они вместе с ним поклонились идолам, принесли жертву и вкусили бы от идоложертвенных приношений.

Но Сергий и Вакх не хотели исполнить сего царского приказания.

– Мы имеем, – говорили они, – Бога на небе, Бога не ложного и не бесчувственного, как бесчувственны ваши идолы, но Истинного и Живого, содержащего в Своей власти весь мир, и Ему поклоняемся.

И они начали обличать царя за его зловерие, что он честь, подобающую Единому Богу, воздает идолам – слепым, глухим и немым.

Тогда царь, разгневавшись, велел снять с них все отличия их высокого сана: и воинские пояса, и золотые гривны, и перстни, и все одежды и для поругания одеть их в женскую нижнюю одежду, и возложить на шеи их железные обручи. В этом виде святых стали водить по городу, – дабы таким образом столь славные и знатные вельможи римские всем народом были поруганы и осмеяны за почитание Единого истинного Бога и поношение ложных языческих богов, или, лучше сказать – самих бесов, коим не захотели принести жертвы сии рабы Божии, уже принесшие себя в жертву Христу.

По окончании богопротивных жертвоприношений, Максимиан возвратился в свои палаты и, сжалившись над Сергием и Вакхом, так как очень их любил, призвал их к себе и сказал:

– Любезные и верные мои друзья! Зачем вы задумали обесчестить наших богов, и опечалить царя своего, который столь милостив и благосклонен к вам? Зачем и на себя навлекли такое бесчестие? Хотя я вас и очень люблю, однако, не могу терпеть поругания над моими богами и должен буду предать вас мукам, даже вопреки своему желанию. Поэтому

прошу вас, друзья мои, оставьте вы этого Сына Тектонова[6399], Коего евреи как злодея повесили на кресте со злодеями, и не увлекайтесь христианскими баснями и волхвованиями; обратитесь снова к нашим великим богам, и я вам окажу еще большую честь и еще большую милость мою к вам, и будете вы пользоваться моею любовью и нераздельно со мною наслаждаться всеми благами моего царства.

Но Сергий и Вакх, не желая ради царской любви отпасть от любви Божией и ради временных благ лишиться вечных, не послушались царя. Исполненные благодати Духа Святого, они дерзновенно и убедительно стали доказывать царю все бессилие его ложных богов, смело исповедовали пред ним могущество и Божество Иисуса Христа и советовали царю самому познать сию небесную истину. Нечестивый царь, сердце коего было ожесточено, разум же ослеплен, не принял их доброго совета и, напротив, воспламенился еще большим гневом и яростью. По любви своей к ним, не желая сам предать их мукам, он отослал их к восточному игемону[6400] Антиоху. Этот человек был жестоким гонителем и мучителем христиан; игемонского сана он достиг через ходатайство Сергия и Вакха пред царем и после того был отправлен на Восток. К сему игемону теперь и были отправлены святые.

Царь думал, что они устрашатся его лютости, молва о которой разнеслась по всей империи, и в то же время постыдятся быть во власти того, кто прежде был почти рабом их и таким образом из-за страха и стыда отрекутся от Христа. Но если бы сего и не случилось, то царю, во всяком случае более было желательно, чтобы они были замучены в дальней местности, чем у него на глазах.

И вот святых в оковах повели из Рима. По прошествии целого дня пути, воины, сопровождавшие их, остановились на ночлег в гостинице. Здесь, в полночь, когда воины, которые их вели, крепко спали, Сергий и Вакх встали на молитву и начали просить у Бога силы – мужественно претерпеть все предстоявшие им страдания.

Когда они молились, им явился Ангел Господень, осиявая их небесным светом и укрепляя следующими словами:

– Дерзайте, рабы Христовы, и как добрые воины вооружитесь на диавола: вы его скоро победите.

После этих слов Ангел стал невидим.

Сергий и Вакх, исполнившись неизреченной радости, стали воссылать хвалу Господу, благоволившему посетить рабов Своих таким Ангельским явлением.

В продолжение всего своего далекого пути на Восток святые мученики проводили время в молитве и псалмопении, и таким образом вооружались еще более на невидимых духов злобы. Пройдя многие города и селения, они, наконец, дошли до восточного города Варвалиссо[6401], где в то время находился игемон Антиох, которому воины и отдали приведенных узников, – вместе с царскою грамотою такого содержания:

– Максимиан, вечный царь, Антиоху, игемону страны Восточной. – Радуйся! Боги наши не допускают ни одному человеку, а особенно поборникам и слугам царства нашего быть людьми злочестивыми и не участвующими в жертвоприношениях им; по сему мы осудили Сергия и Вакха и, как последователей злочестивой христианской веры, сочли их заслуживающими смертной казни. Но так как они недостойны принять наказание от самого царя, то мы прислали их к тебе. Если они, раскаявшись, послушают нас и принесут жертву богам, то окажи им снисходительность и освободи от назначенных мук; при сем обещай, что и мы будем к ним милостивы, и что каждый из них получит прежнее свое достоинство и заслужит от нас благосклонность большую прежней. Если же они не будут повиноваться и останутся в прежней злочестивой вере, то предай их заслуженным мукам и осуди на смерть через усекновение мечом. В надеже долгой жизни – будь здрав.

Прочтя царскую грамоту, Антиох приказал заключить Сергия и Вакха до утра под стражу. Утром же, войдя в преторию[6402], он сел на судейском месте и, поставив пред собою святых мучеников, стал так говорить им:

– Отцы и благодетели мои, исходатайствовавшие мне сей сан, виновники настоящей моей славы, – как изменилось ваше положение! Ныне я сижу пред вами как судья, вы же, связанные

узники, стоите предо мною, – вы, которым я прежде предстоял как слуга. Молю вас, не причиняйте себе такого зла, послушайте царя и принесите жертву богам, – и вы снова получите ваш прежний сан и снова будете почтены славою; если же вы сего не сделаете, то я, вопреки даже своей воле, должен буду муками принудить вас к исполнению сего царского повеления: ведь вы сами слышали, что мне приказывает царь в своем послании. Поэтому, господа мои, будьте милосерды сами к себе, а также и ко мне, ибо я вовсе не желал бы для вас, благодетелей моих, быть жестоким мучителем.

Святые отвечали ему:

– Напрасно ты хочешь речью своею прельстить нас: для ищущих небесной жизни – и честь, и бесчестие, и жизнь, и смерть – решительно безразличны: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Филип.1:21).

И многое другое говорили Сергий и Вакх, укоряя и обличая идолослужение и безбожие нечестивых. После этого Антиох, разгневавшись, повелел посадить святого Сергия в темницу, а Вакха, обнаживши и разложивши на земле, бить беспощадно. Святого били по всему телу столь долгое время, что даже слуги, бившие его, изнемогая от усталости, чередовались друг с другом. От этих побоев тело св. мученика как бы отпало от костей, и кровь из него лилась как вода. Среди таких мучений святой Вакх предал душу свою в руце Господу. Тело Христова страдальца Антиох повелел вынести из города и бросить его где-нибудь подальше на съедение зверям и птицам. Но Господь сохранил кости его: некоторые из христиан, скрывавшихся из-за страха к идолослужителям вне города, в пещерах и оврагах, ночью вышли из своих убежищ, взяли тело святого и с честью погребли его в одной из тех пещер, в коей прятались сами.

Сергий, сидя в темнице и услыхав о кончине друга своего, сильно опечалился и долго скорбел о разлуке с ним.

– Увы мне, брат мой Вакх, – повторял он неоднократно, – теперь нам с тобой нельзя уже воспеть: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс.132:1): оставил ты меня одного.

В то время, как святой Сергий так сетовал, в следующую же ночь явился ему во сне святой Вакх, с ликом Ангельским, в блиставшей небесным светом одежде. Он стал утешать его, возвещая ему об уготованном для них на небе воздаянии, и укрепил его к предстоявшему вскоре мученическому подвигу, за который он получит у Христа Господа великую милость и дерзновение. После этого явления, Сергий исполнился радости и в веселии сердца стал воспевать Господа.

Вскоре игемон, отправляясь в другой город, называемый Сура[6403], приказал вести за собою и Сергия. Там, сев на судейском месте, он стал так говорить святому:

– Нечестивый человек, по имени Вакх, не захотел принести жертвы богам и согласился лучше умереть насильственною смертью, нежели почтить их, – и вот он принял казнь, достойную по делам своим. Но ты, Сергий, зачем прельщаешься сим безбожным учением и подвергаешь себя столь великому злоключению? Благодетель мой, не предавай себя мучению! Я стыжусь твоих прежних ко мне благодеяний и твоего сана: ведь ты стоишь предо мною как осужденный, а я, сидя, произвожу над тобою суд: некогда человек незначительный, я ныне, благодаря твоему ходатайству перед царем, превознесен великим саном и теперь уже выше тебя; ты же, испросивший у царя так много и столь многим добра, теперь сам себе желаешь зла. Молю тебя, – послушай моего совета, – исполни царское повеление, принеси жертву богам, – и ты будешь возведен в прежний сан и удостоен прежней славы.

Святой Сергий отвечал ему:

– Временная честь и слава – суетны, за временным же бесчестием следует вечная слава, и для меня это земное бесчестие – ничто, а временной славы я не ищу, ибо надеюсь быть удостоенным от Спасителя моего истинной и вечной чести в небесной славе. Ты вспоминаешь мои прежние к тебе благодеяния, – что я у земного царя исходатайствовал тебе столь великий сан; теперь же говорю тебе, – послушай меня и, познав истину, отвергнись своих ложных богов и поклонись вместе со мною Небесному Богу и Царю веков, и я обещаю

исходатайствовать у Него для тебя еще более благ, нежели у Максимиана.

Тогда Антиох, убедившись, что не в силах отвратить его от Христа и заставить подчиниться царской воле, сказал:

– Ты заставляешь меня, Сергий, забыть все твои благодеяния и предать тебя лютым мукам.

Сергий отвечал:

– Делай, что хочешь: я имею помощником Христа, Который некогда сказал: не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; вот и ты теперь имеешь власть над моим телом, чтобы терзать его, но над душой моей не имеешь власти ни ты, ни отец твой – сатана.

После этого Антиох, разгневавшись, произнес:

– Я вижу, что мое долготерпение делает тебя только еще более дерзким, – и повелел обуть его в железные сапоги, с острыми и длинными гвоздями на подошве, кои пронзали ноги святого. В такой обуви Антиох велел гнать Сергия пред своею колесницею, сам же он поехал в город Тетрапиргий[6404], откуда должен был отправиться в город Розафу[6405].

Претерпевая такие страдания, святой на пути воспевал: «Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Пс.39:2–3).

Когда они пришли в город Тетрапиргий, который отстоял от Суры в двадцати верстах, мученика повели в темницу. На дороге к ней он воспевал: «Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту. Ты же, Господи, помилуй меня и восставь меня, и я воздам им» (Пс.40:10–11).

Ночью в темнице, когда мученик молился, явился ему Ангел Господень, и исцелил раны его. На другой день Антиох приказал вывести из темницы свят. Сергия, думая, что от боли он не может и ступить ногами. Увидев же еще издали, что он идет, как совершенно здоровый человек, нисколько даже не хромая, мучитель ужаснулся и сказал:

– Воистину сей человек – волхв, ибо как можно после таких мук ходить не хромая? А он как будто даже никогда и не страдал ногами.

После этого Антиох велел обуть мученика в те же сапоги и вести пред собою до Розафы, а до него от города Суры было расстояния 70 стадий. Здесь, взойдя на судилище, Антиох стал принуждать святого Сергия к поклонению идолам; но не мог отторгнуть его от исповедания Христа, и осудил мученика на смерть. Когда святого привели за город, на место казни, он испросил себе время для молитвы. Во время молитвы он услышал голос с неба, призывавший его в горние обители, и, с радостью преклонив под меч свою голову, скончался. Тело его на том же месте было погребено христианами.

Спустя немного времени христиане города Суры уговорились тайно взять из Розафы тело святого и перенести в свой город. Когда же они ночью подходили к гробнице, от гроба показался огненный столб, высотою своею достигавший до самого неба. Некоторые из воинов, живших в Розафе, видя в полночь огненный столп, освещавший весь их город, пошли вооруженными к тому месту и увидели Сурских граждан объятых ужасом при виде сего огненного явления. Вскоре явление чудесного столпа исчезло. После того Сурские граждане поняли, что святой Сергий не хочет оставлять того места, где пролил кровь свою и положил за Христа душу свою; в честь мученика они поставили только на том месте чудную, каменную гробницу. По распространении христианства, в городе Розафе был выстроен во имя святого мученика Сергия храм. Пятнадцать епископов окрестных городов, собравшись, торжественно перенесли в новосозданную церковь нетленные и благоухающие мощи святого мученика и постановили праздновать память его 7 октября, в день его кончины. На том и на другом месте, – и в церкви, при мощах мученика Сергия, и там, где он скончался и был погребен, – многие бесноватые и болящие получали исцеление от своих недугов[6406].

Достойно замечания, что каждый год, в день памяти святого, дикие звери, как бы соблюдая какой-либо закон, выходили из окрестных пустынь и собирались на том месте, где

сначала был погребен святой мученик. В это время их дикий нрав сменялся кротостию агнцев: они не нападали ни на людей, ни на скот, но, спокойно обходя св. место, снова возвращались в свои пустыни. Так прославил Бог угодника Своего, что не только людям, но и зверям как бы внушал праздновать память его.

Молитвами святого Сергия да укротит Господь и ярость врагов наших, как некогда укротил лютость этих диких зверей, – во славу Свою вовеки – Аминь.

Кондак, глас 2:

Разум на враги мужески вооруживше, всю тех лесть разрушисте, и победу свыше приемше мученицы всехвальнии, единомысленно вопиюще: добро и красно, еже быти с Богом.

Память святых мучеников Иулиана и Кесария

Память 7 октября

В царствование Римского императора Клавдия, убившего свою мать – тайную христианку, и с тех пор не щадившего христиан, в принадлежавший Римской империи город Тарракиний[6407] пришел некто диакон Кесарий. Увидев приносимые идолам жертвы, он плюнул на идолов и сокрушил их. За сие он был заключен в темницу, где пробыл три дня, томимый голодом. Затем ему связали назад руки, и воины повлекли его пред колесницею градоначальника к храму Аполлонову. Когда они приближались к храму, святой помолился, и тотчас храм разрушился до основания и подавил жрецов и всех бывших в нем.

Видя сие, ипатик[6408] Леонтий пал пред святым на колена и уверовал во Христа. Христианский пресвитер Иулиан всенародно крестил его и причастил Св. Таин, и тотчас, по молитве святого, Леонтий испустил дух. Правитель города Локсорий, увидев сие повелел зашить святых в мешки и бросить в море.

Тогда святые сказали ему:

– Мы будем брошены в море, но и ты будешь умерщвлен свирепым змеем и погибнешь лютою смертью.

Через два дня после этого, когда Локсорий ходил по прибрежному песку, громадный змей обвился кругом его и сокрушил ему все члены. Локсорий тут же испустил дух и, весь раздувшись, лежал, представляя собою страшное зрелище для всех проходивших.

Между тем тела святых силою Божию вынесены были волнами на берег. Христиане, с честью приняв их, погребли близ города. Но сын ипатика Леонтия отсек у них честные главы и бросил в реку. Тогда пресвитер города Капуи[6409] Кварт, наставленный Ангелом Божиим, взял мощи святых и положил их в особом месте во славу Божию[6410].

Память святого мученика Полихрония

Память 7 октября

Святой Полихроний, из области Гамфанидской[6411], был сын земледельца Вардания, который научил отрока истинам веры Христовой, а также чтению Божественных книг и тому, чтобы следовать написанному в них. Во время засухи, так как вода была далеко, по молитве отрока Полихрония, открылся источник в той местности: ибо своим воздержанием и благочестием он удостоился дара чудотворения. Когда же он пришел в возраст, то занялся возделыванием винограда и, отправившись в Константинополь, нанялся там и работал наравне с другими, вкушая пищу через два или три дня с небольшим количеством воды. Хозяин его удивлялся сему Божию работнику, пришел в умиление от его добродетелей, и, послав ему много денег, велел сказать:

– Ступай домой и молись о мне.

Полихроний взял золото и, пришедши домой, сотворил многие чудеса, а на взятое золото построил церковь. Впоследствии он присутствовал на 1-м Вселенском соборе в качестве чтеца, и затем сподобился и священнического сана. По смерти Константина Великого когда Ариева ересь усилилась, он однажды застигнут был еретиками у святого жертвенника: бросившись на него, они закололи его, и изрубили мечами[6412].

Житие преподобного отца нашего Сергия Нуромского, чудотворца Вологодского и Обнорского

Память 7 октября

Преподобный Сергий положил начало своей иноческой жизни на святой горе Афонской[6413]. Оттуда пришел он в Московскую державу великого Российского государства и поселился в пределах Радонежской области[6414]. И пришел он в обитель великого Российского светила Сергия Радонежского, чудотворца[6415]. Тогда еще был жив святой Сергий и сиял, как солнце во всей вселенной, просвещая мир благими делами и управляя о Боге своею братиею. И пробыл преподобный Сергий Нуромский у великого Российского светила Сергия под паствою долгое время, внимая ему и последуя святому житию его. Здесь он упражнялся во многих подвигах и совершил много добрых дел, так что сам преподобный Радонежский чудотворец удивлялся ему, видя такое его рвение к Богу, и любил беседовать с ним о духовных исправлениях. Преподобный же Сергий Нуромский, видя труды и подвиги сего великого светила, также старался подражать им и не уступал ему в добродетели. Все сие преподобный Сергий Нуромский принимал в сердце свое, как плодоносная земля принимает семена и впитывает дождевые воды, и принес Богу плод сторицею. И ради сего был он любим и уважаем всеми. Но не любил он мирской славы, видя в ней вред для души, и стал помышлять, как бы удалиться от людей, вспоминая слова пророка Давида: «Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури» (Пс.54:8–9). Так постоянно размышляя, пришел он к наставнику своему Сергию, поклонился ему до земли и, обливая слезами ланиты свои, исповедал ему свои помыслы и просил у него благословения удалиться в пустыню. Преподобный Сергий Радонежский прозрел разумными очами, что он есть сосуд, исполненный Святого Духа, и будет наставником инокам и добрым пастырем Христову стаду,

благословил его, преподал ему наставления, как пребывать в пустыне, и отпустил его с миром, сказав:

– Иди, чадо; Бог с тобою.

Приняв от преподобного благословение, блаженный Сергий Нуромский возрадовался и тайно от всех пошел в пустыню. Полетел он духом, как птица в гнездо свое, и искал он места, где Бог ему укажет, не имея с собою ничего, кроме души и тела. Устремившись к северным странам, пришел он в область, покрытую дебрями, лесами, мхами и болотами. Тут обрел он место, в Обнорской волости, на реке Нурме[6416], где впоследствии и построил монастырь. В той же местности пребывал и великий Павел, Обнорский чудотворец[6417], который тогда жил еще в уединении, во внутренней пустыне на той же реке Нурме: обители же и братства во Христе у него еще не было.

Придя на место то и осмотрев его, преподобный Сергий весьма возлюбил его и воздал благодарение Богу за то, что Он не презрел его моления, но привел его на сие место. И сказал он словами пророка Давида: «Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» (Пс.131:14), и еще: «Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому. И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей Твоих, Господи сил, Царь мой и Бог мой!»

«Блаженны живущие в доме Твоем: они непрестанно будут восхвалять Тебя. Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены [к Тебе]. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением… Господи сил! Блажен человек, уповающий на Тебя!» (Пс.83:2–7, 13).

И стал преподобный молиться Всемилосердому Богу: «Господи Вседержителю, Боже отец наших, спасший Израиля от рабства и трех отроков от пещи огненной (Исх. 13:1–22, Дан. 3:1–100), призри на место сие и благослови его; сподоби меня служить Тебе на месте сем во все дни жизни моей; ибо я пришел сюда вечно служить Тебе, чтобы и через меня

прославилось пресвятое имя Твое, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Помолившись, святой водрузил крест на месте том и поставил часовню и небольшую келейку. И пробыл тут блаженный много лет, упражняясь во многих подвигах. Угождая Богу, проводил он Ангельскую жизнь, умертвив плоть свою бодрствованием и всенощным бдением и побеждая врага молитвами, постом и добродетелью. Так он трудился в великом терпении, перенося страдания, которые ему причиняли в пустыне бесы и непросвещенные люди. Когда святой жил в таких подвигах, служа Господу, искони ненавидящий человеческий род, диавол позавидовал его добродетели и воздвиг на него козни, возбудил против блаженного непросвещенных, безумных и злотворящих людей, желая через них устрашить его и удалить от места сего. Но Бог, всегда готовый на помощь рабам Своим, не оставил блаженного.

Однажды на святого напали злые и неистовые разбойники. Схватив, они избили его без милосердия так, что он едва не испустил дух от многих ран. Оставив его еле живым, злые те разбойники ушли. Блаженный же, еле оправившись от ран, воздел руки к небу и сказал со слезами:

– Владыка и преблагий Царь, призри с небеси на раны, полученные мною за то, что я ради Тебя удалился в сию пустыню. Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня разделить страдание с избранными Твоими и носить на теле своем язвы ради имени Твоего святого. Сподоби меня участи святых Своих. Взгляни, как умножились враги мои и возненавидели меня неправедною ненавистью. Сохрани душу мою и избавь, да не постыжуся, ибо я уповал на Тебя.

По молитве, блаженный почувствовал облегчение от страданий и благодарил Господа за то, что сподоблен был за любовь ко Христу принять раны на теле своем. И сказал он себе:

– Не оставлю места сего, если даже и тьмы козней воздвигнет на меня враг. Я желаю умереть на месте сем, ибо, взыскуя Христа, пришел я сюда.

Так говорил святой, укрепляя себя словом Господним: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без [воли] Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц. Претерпевший же до конца спасется» (Мф.10:28–31, 22).

Слагая все сие в сердце своем, блаженный укрепился и вооружился как добрый воин Христов, ополчившись духом своим против воинства духов невидимых; и стремился он к большим подвигам и прилагал труд к труду, пост к посту, молитву к молитве, надеясь на мздовоздаяние Небесного Царя.

Но бес, начальник зла, снова, как лев, возревел на святого и многими напастями терзал душу его. Но все сии напасти от лукавых бесов и неправедных людей, святой терпел с радостью, будучи непоколебим душою, как крепкий адамант[6418]. Видя свое уничижение, злоковарный бес снова возбудил против святого лукавых и злых разбойников, желая через них причинить святому мучительную смерть на месте сем.

И вот однажды ночью снова напали на святого злые разбойники. В то время блаженный стоял в келье на молитве, воссылая Богу ночные свои моления. Злые же и свирепые разбойники, как дикие звери, устремились на него, желая извлечь его из келлии и, подобно волкам, растерзать его. Услышав приход их, святой возвел очи свои к Богу и молился со слезами:

– Не оставь меня, Господи Боже мой, не отступи от меня, но вонми, помоги мне и спаси душу мою.

Господь же всегда готов на помощь рабам Своим, как сказал пророк: «Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его, что Он душу их спасет от смерти и во время голода пропитает их» (Пс.32:18–19).

Когда святой в молитве призвал Бога на помощь, тотчас злые разбойники были объяты страхом и поколебались привести в исполнение свой злой умысел. Как копьем пронзил сердца их страх Божий и, убоявшись Суда Божия, они бежали из

того места, никогда туда не возвращались и не причиняли святому никакого вреда. И сбылись на них слова пророка Давида: «Нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы низложить бедного и нищего, чтобы пронзить [идущих] прямым путем: меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся, внезапно будут они уязвлены» (Пс.36:14–15, 63:8).

Все сие сотворила молитва святого. Ибо молитва святых привлекает на землю милость Бога, помощь Его – огнь палящий и страх, ибо Господь страшит всех противящихся Ему и палит огнем невидимым. Следует нам дивиться силе Божией и помощи, проявившейся на святом сем отце, ибо Господь спас раба Своего не оружием или воинством, но крепкою Своею десницею и мышцею; оружием упования на молитву даровал Он свыше невидимо победу. Сим оружием вооружившись, все святые сподобились силы Божией, побеждали царства, заграждали уста львам, угашали огонь, избегали острия меча, могли при немощи быть крепкими, обращали вспять полки вражие, о чем сказано Апостолом: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2Кор.6:10). С ними же следует дивиться и сему святому, который ни оружием, ни силою, но упованием и молитвою мог победить всех, восставших на него. Ибо те свирепые разбойники, когда входили в жилище святого, имели в руках своих смертоносное оружие, желая им победить святого, он же не имел ничего подобного, но лишь малое вервие – четки держал в руках, в сердце же своем и на устах имел слезное сокрушение и молитву. И тотчас он победил их и оружие их, и была молитва святого победою и одолением: «Много может усиленная молитва праведного. А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их» (Иак.5:16; Прем.3:1).

Преподобный Сергий, видя, что милость Божия пребывает на нем, еще с большим рвением предался посту и молитве, прилагая труд к труду, огнь к огню, желание к желанию, ревность к ревности. Поминая в сердце своем будущее блаженство праведных, он подвизался непрестанно и умерщвлял плоть свою всенощным бдением и постом, душу же имел всегда обращенною к горнему.

Бог, милосердый в Своих щедротах, внял молитвам, трудам и добродетелям блаженного. Не хотя, чтобы блаженный оставался долее в неизвестности и в неведении у людей, как бы сокрытый от очей их, но желая, чтобы он предстал, как град крепкий, стоящий на высоте, Господь явил блаженного всем и открыл его, как бы зажженный светильник, который доселе таился под спудом. И вот Господь делает святого известным всем, чтобы приходящие могли увидеть град и смотрящие – свет. И пронеслась слава о святом по всем областям Русским; многие стали приходить к нему за пользою для души своей, некоторые же приносили ему и потребное для тела. Из многих обителей приходили к святому иноки и оставались жить с ним, поучаясь его подвигам. Преподобный же Сергий с радостью принимал всех, как бы от Бога посланных, и заботился о всех, как отец чадолюбивый, по слову Апостола: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор.9:22). Божиею помощью число братии у святого возросло до 40 человек, церкви же и келлий у них не было. Тогда святой начал строить храм и келлии. И воздвиг он церковь во имя Всемилостивого Спаса, в память происхождения Честного Его и Животворящего Креста; поставил он и келлии и устроил обитель.

В то время на той же реке Нурме, во внутренней пустыне, проводил безмолвную и уединенную жизнь великий отец наш Павел. Он пришел сюда из той же славной Лавры великого Российского светила Сергия, откуда пришел и преподобный Сергий, Нуромский чудотворец. Еще находясь под паствою преподобного Сергия Радонежского, святой Павел внимательно поучался жительству его о Боге. По благословению же преподобного Сергия Радонежского, великий Павел удалился в сию пустыню, где впоследствии и основал обитель. Монастырь же блаженного Сергия Нуромского отстоял от жилища великого Павла на расстоянии около четырех верст. Часто преподобные Нуромские чудотворцы посещали друг друга и беседовали между собою о всех духовных исправлениях, утверждая друг друга в духовных подвигах. Кроме того, преподобный Павел принимал от святых рук блаженного Сергия причащение святых

Животворящих Таин, Тела и Крови Христа, Бога нашего, исповедуя блаженному все свои помышления, и был преподобный Сергий великому Павлу духовным отцом. Поэтому во всяком деле они поведывали друг другу свои помышления, будучи рабами и последователями Единого Владыки. Советуясь между собою о пустынном озлоблении и устрашении бесовском, они делились своими скорбями и укреплялись духом и словом Божиим, утверждаясь надеждою будущих благ[6419].

Однажды преподобный Павел вышел из кельи своей, желая походить по пустыне. Когда он возвратился назад, то увидел, что келья его разметана сверху до основания. Видя сие, великий отец наш Павел, как человек, устрашился. Скорбный и испуганный пришел он к преподобному Сергию и рассказал ему о случившемся. Преподобный же Сергий счел сие за бесовское мечтание и сказал:

– Иди, брат Павел. Ты найдешь свою келью не разрушенною.

И напомнил ему пророческое слово: «Бог нам прибежище и сила» (Пс.45:2).

Действительно, великий Павел возвратившись к себе, нашел свою келью целою и невредимою, как сказал преподобный Сергий.

Однажды пришел преподобный Сергий к святому Павлу ради духовной беседы, и нашел его стоящим возле кельи и кормящим птиц из рук своих. Множество птичек сидело на голове и плечах преподобного, пред ним же стояли звери – медведь, лисица и заяц. Так, даже бессловесные были привлекаемы любовью к пустынножителю.

После многих трудов и подвигов преподобный Сергий достиг старости глубокой. От старости и трудов впал он в тяжкую болезнь и долго находился в полном изнеможении. Узнав о недуге преподобного Сергия, великий Павел пришел посетить его, думая, что близко его прехождение от земной жизни в вечную. Лишаясь друга своего и собеседника, Павел обливался слезами и просил у него благословения и прощения. Слезы мешали им сначала говорить. Наконец, сдержав рыдания, святой Павел рассказал преподобному Сергию, что в

одном месте в своей пустыне, под горою, на реке Нурме, слышал он звон великий и видел свет неизреченный, сиявший сильнее солнечных лучей. Услыхав сие, преподобный Сергий счел это не простою вещью, но проразумел дело Божие.

– На том месте, – сказал преподобный, – созиждется обитель во славу Пресвятой Троицы, и многие спасутся на месте том.

Так пророчествовал блаженный. После этого Нуромские чудотворцы облобызали друг друга со слезами, и великий Павел удалился в свою внутреннюю пустыню. С тех пор начал он принимать братию и строить монастырь[6420]. На том же месте, где слышал звон и свет видел, святой Павел воздвиг церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, по пророчеству Сергия, Нуромского чудотворца.

Наконец, от великой болезни и старости блаженный Сергий совершенно изнемог. Видя себя приближающимся к кончине и проразумев отшествие свое к Богу, он призвал к себе всю о Христе братию. Когда они пришли и увидели отца своего приближающимся к концу, то залились слезами и, припадая к нему, говорили:

– Не оставляй нас, благий отче, но еще побудь с нами.

Преподобный же, возведя очи к небу, сказал им:

– Приблизился, братие, конец земной жизни моей, и я должен нести общий телесный долг. Таково изволение Господа. Предаю вас, чада, Богу и Пречистой Богоматери. Бог мира и Пречистая Его Матерь да будут с вами до скончания века и да хранят вас и утвердят в любви Своей. Вы же, чада, не скорбите о моем отшествии, но пребывайте в любви Божией и заповеди Его сохраняйте, поминая со страхом и трепетом слово Владыки Христа: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Иоан.14:21). Страхом Божиим ограждайте сердца ваши, чтобы он наставил вас всякому благому делу, ибо «начало премудрости страх Господень» (Притч. 1:7); украшайте друг друга смирением, отвращайтесь от лживых речей, говорите каждый брату своему истину, ненавидьте клевету, избегайте вражды. Но если кто из вас допустит гнев в сердце свое, вы с любовию уговорите его, ибо сказано: «Солнце да не зайдет, в

гневе вашем» (Еф.4:26). Покоряйтесь наставникам, ибо они бдят о душах ваших, так как должны дать ответ за вас Богу. Без лености совершайте церковную службу. Если будете жить так, то будете блаженны.

Слушая сие последнее поучение отца своего, реки слез испускали из очей своих братия. Когда же преподобный совсем изнемог и был близок к последнему издыханию, он приобщился Святых Таин Тела и Крови Христа Бога нашего. По приобщении же Святых Таин, он возвел руки свои к небу и вознес тайную молитву. Помолившись, святой Сергий сложил на персях руки крестообразно и предал Господу дух свой. Так перешел святой в вечную жизнь. И было лицо его, по преставлении к Богу, светло, так что можно было сказать, что не умер он, а покоится во сне, ибо непорочно было житие его. Видя отца своего, преподобного Сергия, преставившимся, ученики его заплакали и зарыдали, лишившись пастыря своего и учителя о Боге. Одни, припадая к одру его, с рыданием лобызали святое тело его, и как бы не желали отторгнуться от тела святого. Другие же, стоя вдали, с умилением глядели на тело преподобного, обливая слезами ланиты свои и рыдая. Взяв святые его мощи, плачущие братия понесли их на головах своих в церковь с надгробными песнопениями и возжжением свеч и схоронили они трудолюбное и святое тело своего пастыря близ созданного самим преподобным храма Происхождения Честного Животворящего Креста Господня[6421]. Преставился же преподобный Сергий в 1421 году, 7 октября, в день памяти честных мучеников Сергия и Вакха. Таковы были труды и терпение преподобного отца нашего Сергия на месте сем, таковы страдания и исправления. Почитая житие святого, возревнуем добродетели его и начертаем в сердце своем труды его и святое о Боге жительство. Если мы будем поступать так, то будем иметь в нем немолчного ходатая к Богу.

Невозможно граду, стоящему на верху горы, утаиться и горящему светильнику быть сокрытым от всех. Невозможно и добродетелям святых долгое время быть утаенными под землею, как под спудом и кануть в глубину забвения в течение многих лет, ибо Господь желает явно показать их всем.

Сего дара Божественного сподобился по смерти своей и святой отец наш Сергий.

Спустя много лет по преставлении святого, случилось, по устроению Божию, следующее:

В монастыре Нуромском пребывал некий святой муж, именем Никифор. В одну ночь, после молитвенного бдения, впал он в легкий сон и увидел святого Сергия, который пришел к нему и сказал:

– Скажи игумену и братии, чтобы очистили место моего погребения, ибо Господь не желает, чтобы оно было неведомо и небрегомо.

Брат же Никифор спросил:

– Кто ты, господин мой?

Святой ответил:

– Я – грешный Сергий, который был начальником сему святому месту.

Показал святой и место своего погребения.

Никифор же счел сие видение мечтанием и ничего не сказал игумену. Тогда святой во второй раз явился ему. Никифор и второй раз пренебрег видением. Святой явился ему в третий раз и сказал с упреком:

– Если ты не исполнишь сказанного мною, то будешь предан в наказание сатане.

Старец и сего не послушал, опять сочтя видение за мечту. Тогда он внезапно сделался расслабленным. Игумен и братия совершили молебствие об исцелении его. Немного оправившись от недуга, Никифор рассказал все случившееся с ним игумену и братии и каялся со слезами. Он поведал, как явился ему святой и велел сказать игумену и братии о месте своего погребения, как он ослушался, сочтя видение за мечту, как второй и третий раз явился ему святой, приказывая ему о том же, и как он за преслушание был наказан. И указал им Никифор место, где лежит честное тело святого. Игумен же и братия отвели Никифора к месту погребения преподобного Сергия – и тут Никифор внезапно исцелился от болезни своей, молитвами его, и окончил жизнь свою в монастыре преподобного Сергия, плача у гроба его.

Игумен и братия вскоре очистили место, где, по указанно Никифора, находился гроб святого. Был же сей гроб под папертью церкви. И поставили они над гробом преподобного раку, устроили гробницу и украсили ее святыми иконами и свечами. И с тех пор много было чудес и исцелений от гроба святого – бесноватые исцелялись, слепые получали зрение, хромым возвращалась способность ходить и одержимые всякими недугами получали облегчение. И были чудеса святого неисчетны; как неисчерпаемый источник всегда дает воду, так и от святого сего всегда проистекало исцеление болезней душевных и телесных. Всех чудес его никто поведать не в силах, здесь же поведаются некоторые из них.

Некий человек, по имени Иван, по прозванию Чухолыстов, имевший жительство в Ледамской области, впал в такую тяжкую болезнь, что уже долгое время находился в совершенном расслаблении. Когда он лежал в болезни своей на одре и сильно страдал, легкий сон внезапно овладел им. И видел он во сне, что к нему пришел светолепный старец и сказал:

– Иван, что ты столько лет лежишь и тяжело страдаешь на одре своем? Теперь настало для тебя время – иди в монастырь Всемилостивого Спаса, на Обнору, и помолись у гроба Сергия – он умолит за тебя Бога, и ты будешь здоров. Но для этого ты должен всегда пребывать в целомудрии.

Проснулся человек тот и, веруя видению, велел вести себя в монастырь Всемилостивого Спаса, ко гробу преподобного. Помолившись у гроба, выздоровел он от недуга своего, молитвами святого, и возвратился в дом свой, радуясь и славя Бога.

Житель Лежского Волочка, Исидор, лежал в болезни на одре своем – оцепенели у него челюсти, и был он нем и расслаблен много лет. Слыша о преподобном Сергии, что Бог дает через него исцеления человеческому роду, Исидор велел вести себя в обитель чудотворца Сергия ко Всемилостивому Спасу, на Обнору. Когда о нем была принесена молитва у гроба преподобного, и игумен начал читать Святое Евангелие, тотчас разверзлись уста больного и он стал говорить, как бы и не был никогда нем. Отпев молебен, больного окропили святою водою,

и тотчас все члены его получили крепость, и он выздоровел, как будто и не хворал сим недугом. И славил он Бога и благодарил преподобного чудотворца Сергия, который стяжал ему такую благодать от Бога.

Был один человек, именем Зиновий, родом Белозерец, и пришел у него в смятение ум, так что ужас овладевал при виде его. Его привезли в монастырь Всемилостивого Спаса и преподобного Сергия и начали служить о нем молебен. В это время затопили печь в трапезе. И вот, во время молебного пения сей бесноватый вырвался из рук приставленных к нему людей, прибежал в трапезу и бросился в горящую печь. Его едва извлекли оттуда и увели в особую комнату. Здесь больной увидел множество бесов. Вдруг видит он – подошел к нему святолепный старец, с образом Пречистой Богородицы на руках и назвал себя Сергием. Когда бесы увидели преподобного Сергия с образом Пречистой на руках, тотчас все они пришли в ужас и исчезли как дым. Одни из них скрылись в дикий лес, другие в подмостье той храмины, иные же, как казалось больному, исчезли в щели. И с того времени бесноватый выздоровел молитвами святого.

Жена некая, именем Матрона, из села Раменского, также пришла в смятение ума. Близкие ее привезли ее в монастырь Всемилостивого Спаса, ко гробу преподобного Сергия. По молебном правиле ее привязали у звонницы. Тогда пришли к ней ненавистники человеческого рода, бесы, приняв на себя образ собаки и кошки, назвали ее по имени и сказали:

– Иди прочь отсюда: ты свободна.

Когда она вышла из монастыря, тотчас бесы стали строить ей козни. Приняв человеческий образ, они встретились с нею и указали ей идти в дебри, где находилось болото. Но Всещедрый Господь, не хотя смерти грешнику, но желая привести его в разум истинный, видя создание Свое погибающим от злоотступников бесов, умилосердился и восхотел помиловать женщину сию, ибо об этом пророк сказал: «Не до конца гневается [Господь]» (Пс.102:9).

И вот Господь, желая еще более прославить преподобного Сергия, угодника Своего, устрояет Божественным мановением

Своим следующее. Когда женщина сия пошла в великую дебрь, куда повелели идти ей лукавые бесы, внезапно предстал ей святолепный старец, украшенный чудными сединами. Назвав себя Сергием, он назвал и ее по имени и сказал:

– Куда ты идешь, женщина? Возвратись назад, иди к гробу моему и не ходи, куда идешь; туда ведут тебя бесы.

Сказав сие, преподобный стал невидим. Женщина же тотчас пришла в чувство, поняла посещение святого и бесовское поругание и пришла ко гробу святого. Здесь она почувствовала себя вполне здоровой и возвратилась в дом свой, радуясь, славя Бога и благодаря преподобного чудотворца Сергия.

Некий священник жил в 40 верстах от обители святого Сергия. У сего священника была жена, именем Параскева, которая страдала расслаблением всех членов. Много времени хворала она недугом тем. И вот в одну из ночей, после сильных страданий, она забылась легким сном. И увидела она, что к ней пришел преподобный Сергий с жезлом в руках, и сказал ей:

– Что ты так люто страдаешь, женщина, – встань с одра своего, возьми жезл и иди ко Всемилостивому Спасу, на Нурму, в обитель Сергия. Если ты так сделаешь, то получишь милость.

Тотчас святой даровал ей здоровье, исцелил недуг и сказал:

– Вот ты здорова, иди в обитель мою и сотвори молитву к милосердому Богу.

Сказав сие, он стал невидим. Женщина, пробудившись от сна, почувствовала себя совершенно здоровою, как бы никогда и не хворала. Получив исцеление от недуга своего, она забыла о посещении и милости преподобного и была нерадива к его повелению, не пошла в обитель к его гробу и не исправила молебна. Но преподобный Сергий и тут не прогневался на нее, и, будучи милосердого Владыки рабом милосердым, помиловал ее, как Господь – жену грешную (Лк.7:37–47). Он явился ей во второй раз, и с упреком сказал ей:

– О женщина, зачем забыла ты слова мои и не исполнила повеления моего – не пошла помолиться ко Всемилостивому

Спасу? Иди же теперь и не бойся ничего. Но, если ты не пойдешь и не послушаешь меня, то перенесешь еще горчайшее.

Проснувшись, она вспомнила, что не исполнила слов преподобного и, объятая ужасом, тотчас же пошла в обитель святого и, припавши к его цельбоносному гробу, со слезами просила преподобного простить ее преслушание, дала обет у гроба его – ежегодно приходить в обитель и молиться и возвратилась в дом свой, славя Бога.

Женщина, именем Анастасия, из деревни Алексино, Обнорской области, не владела рукою своею, и была рука у нее как бы чужая: не могла она ни двинуть ею, ни повернуть ее. Близкие приводили Анастасию в монастырь Всемилостивого Спаса и преподобного Сергия. Тут о здравии ее совершали по обычаю молебен. Помолившись, отвели ее к колодцу, который был собственноручно вырыт преподобным, и умыли ее водою из того святого колодца. Тотчас исцелела рука у женщины и стала такою же крепкою, как другая. Благодаря Бога и славя преподобного Сергия, Анастасия возвратилась в дом свой[6422]

Житие преподобной матери нашей Пелагии

Память 8 октября

Великое благодарение должны мы всегда воздавать Господу нашему за то, что Он не желает смерти грешным, но долготерпеливо ожидает обращения их к праведной жизни. Дивное событие – пишет диакон Илиопольской[6423] церкви Иаков – произошло в наши дни; поэтому я о нем и передаю вам, братиям святым, чтобы, читая со вниманием, получили вы великую пользу.

Святейший архиепископ Антиохии[6424] созвал к себе по церковным нуждам из окрестных городов восемь епископов.

Между ними был и святой Божий человек, мой епископ Нонн, муж предивный, прежде бывший самым строгим иноком Тавеннского[6425] монастыря. За свою добродетельную жизнь он взят был из монастыря и поставлен в епископа[6426]. Нонн пришел из Илиополя, захватив и меня с собою. Когда епископы собрались в церковь святого мученика Иулиана, то пожелали слышать от Нонна поучение и сели все при дверях церковных. Нонн тотчас стал изустно поучать на пользу и на спасение слушавшим. Все благоговейно внимали святому учению его. В то время одна женщина – язычница, известная по всей Антиохии блудница, проходила мимо дверей церковных с великою гордостью, одетая в многоценные одежды, украшенная золотом, дорогими каменьями и жемчугом, окруженная множеством девиц и юношей в красивых одеждах, с золотыми ожерельями. Она была так прекрасна лицом, что созерцанием ее красоты не могли довольно насытиться светские юноши. Проходя мимо нас, она наполнила весь воздух ароматным благовонием. Увидев ее, идущую столь бесстыдно, с непокрытой головой и обнаженными плечами, епископы закрыли глаза и, тихо вздыхая, отвернулись, как от великого греха. А блаженный Нонн пристально и долго смотрел на нее, пока не скрылась она из глаз, и потом, обратившись к епископам, сказал: «Разве не понравилась вам красота той женщины?»

Они не отвечали. Нонн с плачем склонил голову свою и омочил слезами своими не только платок, бывший у него в руках, но и грудь. Воздыхая от глубины сердца, он снова спросил епископов: «Разве не усладились вы видом красоты ее?».

Они молчали. Нонн сказал: «Поистине многому я научился от нее; ибо женщину сию поставит Господь на страшном Своем суде и ею осудит нас. Как вы думаете, сколько времени она провела в своей опочивальне, моясь, одеваясь, разными способами украшая себя и осматриваясь в зеркало, всю свою мысль и попечение полагая в том, чтобы красивее всех явиться очам временных своих поклонников? А мы, имея Жениха Бессмертного на небесах, на Кого Ангелы взирать желают, не заботимся об украшении окаянной души нашей, осквернённой, обнаженной и исполненной срама, не стараемся омыть ее слезами покаяния и одеть красотою добродетелей, дабы явилась она благоугодной пред очами Божиими и не была посрамлена и отвержена во время брака Агнца»[6427].

Окончив такое нравоучение, блаженный Нонн взял меня, грешного своего диакона, и мы пошли в келью, которая была нам дана при той же церкви святого Иулиана. Войдя в опочивальню свою, епископ мой повергся лицом на землю и, плача, говорил: «Господи Иисусе Христе! Прости меня грешного и недостойного. Заботы сей женщины об украшении тела превзошли все попечения мои об окаянной душе моей. Та женщина, чтобы угодить тленным своим поклонникам, украшая себя, столько показала старания: а я не стараюсь быть угодным Тебе, Богу моему, но пребываю в лености и небрежности. Каким лицом воззрю на Тебя? Какими словами оправдаюсь пред Тобою? Горе мне грешному! Предстоя пред святым алтарем Твоим, не приношу я Тебе той душевной красоты, коей Ты от меня ищешь. Та женщина, в суете своей, обещалась угождать смертным людям, являясь им в столь благолепном виде, и делает то, что обещала: а я обещался угождать Тебе, Богу моему, и солгал по лености моей. Я наг, ибо не сохранил повелений Твоих; не на дела мои надеюсь, но на милосердие Твое, и от него уповаю получить спасение».

Так долго с рыданиями взывал святой Нонн. Молился он и о той женщине, говоря: «Господи не погуби создание рук Твоих: да не пребудет такая красота в разврате, во власти бесов, но обрати ее к Себе, да славится в ней Имя Твое святое: ибо для Тебя все возможно».

По прошествии того дня и ночи, после утрени (день был воскресный), святой Нонн сказал мне: «Брат Иаков, послушай, какой сон мне был в эту ночь. Казалось мне, что я стою в одном из углов святого алтаря. И вот, во время совершения службы, явилась какая-то черная голубка, покрытая нечистотою и наполнившая воздух зловонием; она летала кругом меня, и я не мог выносить зловония ее. Когда же диакон произнес: «Елицы оглашеннии изыдите», голубка отлетела, и я не видел ее, пока не кончилась литургия. По совершении же литургии, когда мы выходили из церкви, я вдруг увидел снова ту же нечистую голубку, которая опять летала кругом меня. Протянув руку, я взял ее и бросил в воду, стоящую в притворе церковном; в ней та голубица омылась от всей нечистоты своей, вылетела чистой и белой, как снег, и, поднимаясь в высоту, стала невидима».

Рассказав мне сей сон, блаженный Нонн, захватив меня с собою, пошел с прочими епископами в соборную церковь, где, принесши приветствие архиепископу, они совершили Божественную службу. По окончании святой службы, архиепископ Антиохийский предложил блаженному Нонну преподать поучение народу. Нонн отверз уста свои и учил людей силою премудрости Божией, в нем обитавшей. Слова его не отличались изысканной мудростью мира сего, но были просты, вразумительны для всех и действенны: ибо Дух Святый говорил его устами. Он говорил о Страшном Суде и о будущем воздаянии праведным и грешным. Все присутствовавшие так умилялись словами его, что орошали слезами землю.

По смотрению милосердого Бога, привелось сей блуднице, о коей мы повествуем и которая прежде никогда не бывала в церкви и не вспоминала о грехах своих, мимоходом зайти в то самое время в церковь. Услыхав поучение святого Нонна, она пришла в страх Божий; помышляя о грехах своих и слыша поучение святого Нонна о вечной за них муке, она стала

приходить в отчаяние, изливала потоки слез из очей своих и, в сокрушении сердечном, не могла остановить своего плача. Потом она сказала двум слугам своим: «Подождите здесь, и когда выйдет тот святой муж, который говорил поучение, идите за ним, узнайте, где он живет, и, возвратившись, скажите мне».

Слуги исполнили приказание и поведали госпоже своей, что святой живет при церкви святого мученика Иулиана. Тогда она немедленно написала своею рукою такое послание к блаженному Нону: «Святому ученику Христову грешница и ученица диавола. Слышала я о Боге твоем, что Он преклонил небеса и нисшел на землю не для праведных, а для спасения грешников. Он смирился до того, что с мытарями вкушал пищу[6428]. Тот, на Кого Херувимы взирать не смеют, с грешниками имел общение и с блудницами беседовал (Лк.7:37–50; Иоан.8:3–11 и др.).

Господин мой! Если ты, как я слышу от христиан, – истинный раб Христов, то не отвергнешь меня, желающую при твоей помощи прийти к Спасителю мира и увидеть пресвятое Лице Его».

Прочитав сие послание, святой Нонн написал в ответ ей так: «Какой бы ты ни была, но ведомы Богу – и ты сама, и намерение твое. Поэтому прошу тебя: не искушай меня недостойного: я – грешный служитель Божий. Если же ты действительно имеешь доброе желание уверовать в Бога моего и видеть меня, – то со мною здесь другие епископы; и так приходи и вместе с ними увидишь меня. Наедине же тебе видеться со мною не должно».

Получив и прочитав сие, грешница исполнилась великой радости, поспешила в церковь святого Иулиана и дала знать о своем приходе блаженному Нонну. Он же, собрав к себе семь других епископов, повелел ей войти. Явившись пред собором святых епископов, она с плачем поверглась на землю и припала к ногам святого Нонна, восклицая: «Умоляю тебя, господин мой, будь подражателем учителя твоего Господа Иисуса Христа, яви мне благодать твою и сделай меня христианкой: я – море грехов, господин мой, и бездна беззаконий; омой же меня крещением».

Все собравшиеся епископы и клирики, видя блудницу, пришедшую с таким покаянием и верою, проливали слезы. Блаженный едва мог заставить ее подняться от ног его.

– Правила церковные, – сказал он, – повелевают не крестить блудницу без поручителей, из опасения, чтобы она не вернулась снова к той же блудной жизни».

Услышав этот ответ, она снова поверглась к ногам святого, омывала их слезами и отирала волосами головы своей, как некогда евангельская грешница омывала ноги Христу (Лк.7:37–38).

– Ты дашь ответ Богу о душе моей, если не крестишь меня, – говорила она. – От рук твоих да взыщет тогда Бог душу мою, а за тобою запишет лукавые мои дела. Если отвергнешь меня не крещенной, то будешь виною продолжения моей блудной и нечистой жизни. Если не избавишь меня теперь от злых моих дел, то я отвернусь от Бога твоего и поклонюсь идолам. Если не сделаешь меня ныне невестой Христовой и не приведешь к Богу твоему, то не будешь иметь доли с Ним и святыми Его».

Все присутствовавшие, слыша сие и видя, как такая блудница столь сильно воспламенилась стремлением к Богу, прославили Человеколюбца Бога. Блаженный Нонн немедленно послал меня, смиренного Иакова, к архиепископу поведать ему о сем. Архиепископ, услышав о происшедшем, весьма обрадовался и сказал мне: «Пойди, скажи епископу твоему: отче честный, тебя ожидало дело сие, ибо хорошо знаю тебя, что ты – Божии уста, по слову Его: «если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста» (Иер.15:19).

И, призвав госпожу Роману, которая была первой диакониссой церковной[6429], послал ее со мною.

Когда мы пришли, то застали Пелагию еще лежавшей на земле, у ног блаженного Нонна, который едва мог заставить ее подняться, говоря: «Встань, дочь, чтобы огласиться перед крещением».

Она встала, и сказал ей епископ:

– Исповедуй сначала грехи твои.

Она отвечала с плачем:

– Если начну испытывать совесть мою, то не найду в себе ни одного доброго дела; знаю лишь, что грехи мои многочисленнее песка морского, и не достанет воды в море, чтобы омыть скверные дела мои. Но я надеюсь на Бога твоего, что Он облегчит бремя беззаконий моих и милостиво призрит на меня.

Епископ спросил ее:

– Как твое имя?

Она отвечала:

– Родители мои называли меня Пелагиею, граждане же Антиохийские переименовали меня Маргаритою[6430] ради тех красивых и многоценных уборов, коими украшали меня грехи мои.

Тогда епископ огласил ее, крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа, помазал миром и причастил Пречистого и Животворящего Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, во оставление грехов. Духовной матерью Пелагии была диаконисса Романа; приняв ее от купели крещения, она провела ее из церкви в покой оглашенных, так как и мы там находились. Блаженный Нонн сказал прочим епископам: «Будем трапезовать, братия, и возрадуемся с Ангелами Божиими о том, что нашли потерянную овцу: вкусим пищу с елеем и вином ради духовного утешения».

Когда все пришли и стали трапезовать вместе с новокрещенною, бес начал вопить во всеуслышание. Человеческим голосом рыдая, говорил он:

– Горе, горе, что терплю я от этого болтливого винопийцы! О злой старик! Не довольно ли было тебе тридцати тысяч сарацин, коих ты крестил, похитив их у меня? Не довольно ли тебе было Илиополя, который ты у меня отнял и привел к твоему Богу – а он был некогда моим, и все в нем живущие мне поклонялись![6431] А теперь и последнюю мою надежду ты отнял. Что же мне делать, старец упрямый, обманщик? Не могу выносить твоих уловок. Да будет проклят день, в который ты родился, злой старик! Потоки слез твоих пролились на мое жилище и сделали его пустым[6432].

Так, плача, вопил диавол пред дверями покоя, где мы были, и все там находившиеся слышали голос его. И снова, обратившись к новокрещенной бес сказал:

– Что ты делаешь со мною, госпожа Пелагия? Ты подражаешь Иуде. Он, почтенный апостольской славой и честью, предал Господа своего, а ты то же сделала со мною.

Тогда епископ повелел рабе Божией Пелагии оградить себя крестным знамением. Она сотворив знамение Креста Христова на лице своем, сказала диаволу:

– Да отгонит тебя Иисус Христос, избавляющий меня от тебя!

Когда она сказала сие, диавол тотчас исчез.

Через два дня, когда Пелагия спала с госпожою Романою, матерью ее духовной, явился к ней диавол, разбудил ее и начал говорить ей:

– Дорогая госпожа моя, Маргарита, какое зло я сделал тебе? Не обогатил ли я тебя золотом и серебром? Не украсил ли я тебя каменьями многоценными, уборами и одеждами? Молю тебя, поведай мне: какую причинил я тебе скорбь? Что велишь мне, все исполню немедленно, только не оставляй меня и не делай из меня посмешище.

Оградив себя крестным знамением, Пелагия отвечала:

– Господь мой Иисус Христос, избавивший меня от зубов твоих и соделавший меня невестой небесного Своего чертога, да отгонит тебя от меня.

И тотчас диавол исчез.

Разбудив немедленно святую Роману, Пелагия сказала ей:

– Помолись обо мне, мать моя: лукавый преследует меня.

Романа отвечала:

– Дочь моя, не устрашайся его, ибо он теперь боится и трепещет даже тени твоей.

На третий день по крещении своем, Пелагия призвала одного из слуг своих и сказала ему: «Ступай в дом мой, перепиши все, что есть в моих златохранительницах, и все уборы мои, и все принеси сюда».

Слуга пошел и сделал, как было приказано ему. Тогда блаженная Пелагия, призвав святого епископа Нонна, все

отдала в руки его, говоря: «Вот богатства, коими обогатил меня сатана; передаю его в святые руки твои: делай с ними, что хочешь, мне же должно искать сокровищ Господа моего Иисуса Христа».

Блаженный епископ Нонн, призвав эконома церковного, отдал ему, в присутствии всех, переданные ему Пелагией сокровища и сказал ему: «Заклинаю тебя именем Святой и Нераздельной Троицы не вносить ничего из сего золота ни в дом епископский, ни в церковь Божию, ни в свой дом, ни в дом кого-либо из клириков: но раздай все сие своими руками сиротам, убогим и немощным, дабы то, что собрано злом, было израсходовано на добро, и богатство греховное стало бы богатством правды. Если же нарушишь сию клятву, – анафема да будет дому твоему, и участь твоя с теми, которые восклицали: «возьми, возьми, распни его»[6433] (Лк23:21).

Раба Божия Пелагия ничего не оставила из своего имущества даже на пропитание себе, но питалась за счет Романы диаконисссы: ибо поклялась ничем не пользоваться от богатства греховного. Призвав всех своих слуг и служанок, она отпустила их на волю, дав каждому достаточно серебра и золота.

«Я освобождаю вас от временного рабства, – сказала она им, – вы же постарайтесь освободить себя от рабства суетному миру, исполненному грехов, дабы нам, жившим в мире сем совместно, сподобиться пребывать вместе и в блаженной жизни».

Сказав сие, Пелагия отпустила слуг своих.

В восьмой день, когда надлежало ей, по обычаю новокрещенных, снять белые одежды, полученные по крещении, (день был воскресный), Пелагия, встав весьма рано, сняла белые одежды, в которые была одета при крещении и облачилась во власяницу. Взяв ветхую одежду блаженного Нонна, она тайно от всех удалилась из Антиохии и с того времени никто не знал, где она находилась. Диаконисса Романа скорбела и плакала о ней. Но всеведущий Бог открыл блаженному Нонну, что Пелагия ушла в Иерусалим, и утешал Нонн Роману, говоря: «Не плачь, дочь моя, а радуйся: Пелагия,

подобно Марии, которая «избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк.10:42).

Немного дней спустя, мы были отпущены архиепископом и возвратились в Илиополь. Через три года явилось у меня желание идти в Иерусалим – поклониться святому воскресению Господа нашего Иисуса Христа[6434], и я просил епископа моего, блаженного Нонна, отпустить меня. Отпуская меня, он сказал: «Брат Иаков! Когда придешь в святые места, поищи там некоего инока, которого зовут Пелагием: он евнух[6435], весьма добродетелен и живет несколько годов в затворе. Найдя его, побеседуй с ним, и получишь от него великую пользу, ибо он – истинный раб Христов и инок, достигший совершенства».

Это говорил Нонн о рабе Божией Пелагии, которая около Иерусалима устроила себе келью на горе Елеонской[6436], где некогда молился Господь наш и, затворившись там, жила для Бога. Но сего Нонн не открыл мне.

Собравшись, я пошел к святым местам, поклонился святому воскресению Господа нашего Иисуса Христа и честному Кресту Его, а на другой день отыскал монаха, по имени Пелагий, как заповедал мне епископ мой; келью его нашел я в горе Елеонской. Келлия эта отовсюду была заграждена и дверей не имела; только малое оконце увидел я в стене, постучал в него и когда его открыли, я увидел рабу Божию. Она узнала меня, но не открыла мне себя. Я же не узнал ее. Да и как я мог узнать ту, великая красота коей так быстро увяла, как увядает цветок? Очи ее глубоко ввалились, от многого и безмерного воздержания обнаружились кости и суставы лица ее. Вся страна иерусалимская считала ее евнухом, ни один человек не знал, что это – женщина, да и я сам не ведал того: ибо епископ мой говорил мне о евнухе – иноке, и я получил благословение от нее, как от инока – мужа. Она сказала мне:

– Скажи мне, брат, ты не Иаков ли, диакон блаженного епископа Нонна?

Я дивился, что она и по имени меня назвала, и признала во мне диакона блаженного Нонна, и отвечал:

– Да, господин мой.

Она мне сказала:

– Скажи епископу твоему, чтобы помолился обо мне, ибо воистину он – муж святой и Апостол Христов.

– И тебя, брат мой, – прибавила она, – прошу помолиться обо мне.

Сказав сие, блаженная затворила оконце и начала петь третий час. Я сотворил молитву и отошел; созерцание же ангелоподобной подвижницы и сладостная беседа ее много послужила мне на пользу.

Возвратясь в Иерусалим, я обходил различные монастыри, посещал братию, беседовал со святыми мужами, принимал от них благословение и много получал пользы для души. По всем обителям пронеслась добрая слава о евнухе Пелагии, и пример жизни его всем был на пользу. Ради сего я пожелал снова пойти к нему и утешиться душеполезною его беседою. Придя к келлии его, я постучал в оконце с молитвою, дерзнул и по имени его назвать, говоря: «Отвори, отче Пелагий!»

Но он не отвечал мне ничего.

Я думал, что он молится, или почивает и, подождав немного, снова постучал, прося отворить, но ответа не было; снова ожидал я некоторое время, и снова постучал. Три дня провел я так, сидя у оконца, и стучал через некоторые промежутки времени, имея сильное желание видеть святое лицо Пелагия и получить благословение его: но не было ни гласа, ни послушания. Тогда я сказал сам себе: «Или ушел он из сей келлии, и в ней никого нет, или преставился».

Я дерзнул силою открыть оконце и увидел, что Пелагий лежит на земле мертвым. Ужаснулся я, и весьма горько мне стало, что не сподобился я получить последнего его благословения. Затворив оконце, я отправился в Иерусалим, и возвестил живущим там святым отцам, что авва Пелагий – евнух преставился; и тотчас прошла по всему Иерусалиму весть, что святой Пелагий, духоносный инок, скончался о Господе. На погребение честного тела его сошлись иноки из всех окрестных монастырей, все жители Иерусалима и бесчисленное множество людей из Иерихона и с той стороны Иордана. Разломав оконце келлии, сделали вход достаточный для одного человека; вошедши через сделанное таким образом

отверстие, благоговейные мужи вынесли честное тело. Пришел и патриарх Иерусалимский со множеством иных отцов. Когда по обряду начали умащать тело ароматами, то увидели, что почивший подвижник был по природе женщиной.

«Дивный во святых Боже, – воззвали тогда присутствовавшие со слезами, – слава Тебе: ибо имеешь Ты на земле сокровенных святых, не только мужей, но и жен».

Тайну Пелагии хотели было утаить от народа, но не могли: ибо Богу угодно было не сокрыть, но объявить и прославить рабу Свою. И собралось великое множество народа; стеклись и инокини из монастырей своих со свечами и кадилами, со псалмами и песнопениями церковными, и, взяв честное и святое тело Пелагии, с подобающею честью внесли в ту же келью, где подвизалась она, и там погребли[6437].

Таково было житие бывшей блудницы, таково обращение погибшей грешницы, таковы труды ее и подвиги, коими угодила она Богу. Да подаст Господь наш Иисус Христос с нею и нам получить милость в День Судный! Ему слава с Отцем и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Тело твое постами изнуривши, бденными молитвами Творца умолила еси о деяниих твоих, яко да приимеши совершенное оставление: еже и обрела еси мати яве, путь покаяния показавше.

Житие преподобной Таисии

Память 8 октября

В стране Египетской[6438] жила некогда женщина развращенная, бесстыдная и нечистая по своей жизни. Имея одну дочь, по имени Таисию, она научила ее тому же постыдному образу жизни, которому и сама навыкла, отвела ее в блудный дом и отдала на служение сатане, на пагубу многим душам человеческим путем прельщения их ее красотою; ибо Таисия была весьма прекрасна по своей наружности и прославилась повсюду красотою своего лица. Из-за плотского вожделения к Таисии, многие приносили ей много золота и серебра, блестящих и дорогих одежд. Прельщая поклонников своих, она доводила их до такого разорения, что многие, потеряв ради нее свое имущество, впали в нищету, а иные, заводя из-за нее между собою ссоры, били друг друга и покрывали пороги ее дома своею кровью.

Услышав о сем, преподобный Пафнутий[6439], одевшись в мирские одежды и взяв с собою золотую монету, вошел в дом, где жила Таисия. Увидев ее, он дал ей монету в виде платы, как бы желая остаться с нею. Таисия, взяв деньги, сказала ему:

– Войди в комнату.

Пафнутий вошел вместе с нею и увидел постланное высокое ложе; сев на нем, он сказал Таисии:

– Нет ли другой комнаты, тайной, затворимся в ней, чтобы о нас никто не знал?

Таисия отвечала:

– Есть; впрочем, если ты людей стыдишься, то и в этой укроешься от них, потому что двери затворены и никто сюда не войдет и не узнает о нас, а если боишься Бога, то нет места, которое могло бы утаить тебя пред Ним, и если бы даже под землею ты скрылся, то и там Бог видит.

Услыхав от нее такие слова, Пафнутий сказал ей:

– Разве и ты знаешь о Боге?

Таисия отвечала:

– Знаю и о Боге, и о блаженстве праведных, и о муке грешных.

Тогда ей старец сказал:

– Если ты знаешь о Боге, и о будущем блаженстве и о муках, то зачем оскверняешь людей и погубила уже столько душ? Осужденная в геенну огненную, ты понесешь мучения не за свои только грехи, но и за тех, кого ты осквернила.

При этих словах, Таисия с плачем поверглась к ногам старца, восклицая:

– Знаю я и то, что для согрешивших есть покаяние и для согрешений – прощение, и надеюсь твоими молитвами избавиться от грехов, и получить милость Господню. Но молю тебя, подожди меня немного, только три часа, и потом куда повелишь мне, пойду, и что скажешь мне, сделаю.

Старец указал ей место, где будет ждать ее, и ушел. Тогда Таисия, собрав все сокровища свои, приобретенные путем разврата, ценою до четырехсот литр золота, вынесла их на средину города и, разведя огонь, положила на него все это, и перед всем народом сожгла, восклицая: «Приидите все, грешившие со мною, и смотрите, как я сжигаю то, что вы мне дали».

Предав огню нечистым образом приобретенное богатство, она пошла на место, где ждал ее Пафнутий. Старец повел в девичий монастырь и, испросив небольшую келью, ввел в нее Таисию и затворил ее там; двери же келлии он крепко заделал и заколотил, оставив только маленькое оконце, чтобы через него можно было подавать ей немного хлеба и воды.

– Как велишь мне, отче, молиться Богу? – спросила Таисия святого Пафнутия

– Ты недостойна, – отвечал старец, – ни произнести имени Господня, ни рук твоих поднять к небу, ибо уста твои исполнены скверны и руки твои загрязнены нечистотою; говори лишь, часто обращаясь к востоку: «Создавший меня, помилуй меня!».

И пробыла Таисия в том затворе три года, молясь Богу, как научил ее Пафнутий, вкушая лишь немного хлеба и воды, и то только раз в день.

По прошествии трех лет, Пафнутий, побуждаемый милосердием к ней, отправился к великому Антонию[6440], желая узнать, простил ли ее Бог, или нет.

Придя к старцу, он поведал ему все о жизни Таисии. Антоний призвал учеников своих и повелел им затвориться каждому отдельно в келье своей и всю ночь молиться Богу, чтобы Он открыл кому-либо из них о Таисии, кающейся о грехах своих. Ученики исполнили повеление отца своего и умолили Бога: Он открыл о ней одному из них, по имени Павлу, которого называли Препростым. Стоя на молитве ночью, он увидел в видении небеса отверстые, и одр стоящий, постланный весьма богато и сияющий великою славою; три девицы, пресветлые лицом, стояли и охраняли его, и венец лежал на одре том. При виде сего, Павел спросил:

– Верно, не иному кому-либо уготованы сии одр и венец, как отцу моему Антонию.

Тогда раздался к нему голос:

– Не отцу Антонию сие уготовано, но Таисии, бывшей блуднице.

Пришедши в себя, Павел стал размышлять о виденном и, когда настало утро, пошел к блаженным отцам Антонию и Пафнутию и поведал им о своем видении. Они же, услыхав о том, прославили Бога, принимающего истинно кающихся. Тогда Пафнутий пошел в девичий монастырь, где жила Таисия в затворе и, разломав двери, хотел вывести ее. Но она стала просить его:

– Позволь мне, отче, остаться здесь до смерти моей и сокрушаться о грехах моих: так много их у меня.

Старец отвечал ей:

– Человеколюбец Бог уже принял твое покаяние и простил грехи твои, – и вывел ее из затвора.

Тогда блаженная Таисия сказала:

– Поверь мне, отче, что как только вошла я в затвор, я представила все грехи мои пред мысленными очами моими и, взирая на них, плакала непрестанно. Не удалились все злые дела мои от очей моих и доныне, но предстоят предо мною и ужасают меня, так как за них я буду осуждена.

Выйдя из затвора, блаженная Таисия через пятнадцать дней впала в недуг и, проболев три дня, благодатию Божиею, с миром почила. От одра болезни она была перенесена на тот одр, который видел на небе уготованным ей Павел Препростый, где восхваляется она с преподобными во славе и радуется вовеки. Так грешница и любодейца предварила нас в царствии Божием[6441].

Память святой Пелагии девы

Память 8 октября

Святая Пелагия, жившая в царствование Диоклетиана в Антиохии Сирийской, происходила из знатного рода[6442]. Правитель города, узнав, что она – христианка, послал воинов взять ее. Воины, исполняя повеление правителя, окружили дом, где жила Пелагия. Тогда она начала умолять воинов подождать, и когда они согласились, святая стала лицом к востоку на том месте, где обычно молилась, и, простерши руки и возведя очи к небу, усердно молила Бога, чтобы ей не быть отданной в руки воинов, но отойти к Нему жертвою непорочною и чистою. После этого она оделась в лучшие свои одежды, бросилась с верху дома и предала дух свой Богу[6443].

Житие святого Апостола Иакова Алфеева

Память 9 октября

Святой апостол Иаков был сыном Алфея и братом апостола и Евангелиста Матфея, прежде бывшего мытарем. Когда Господь наш Иисус Христос, пребывая на земле во плоти, избрал в достоинство апостольское простых и благочестивых людей, чтобы послать их на проповедь Евангелия во вселенную, тогда избрал Он и сего Иакова и, как достойного, причел его к апостольскому лику (Мф.10:3; Мк.3:18; Лк.6:15). И стал Иаков одним из числа двенадцати апостолов, самовидцем и слугою Христовым, проповедником Его таин и Его последователем[6444]. Приняв с другими апостолами Духа Святого, сошедшего на них в огненных языках[6445], он отправился к язычникам проповедовать Христа и наставлять заблудших на путь спасения. Разжегшись огнем ревности Божественной, он попалял терния безбожия, сокрушал идолов, храмы их разорял, врачевал различные недуги, отгонял от людей духов лукавых и многое множество людей привел ко Христу, через что приобрел себе и новое имя: семя Божественное. Ибо он насеял в сердцах человеческих Божие слово, насадил веру и возрастил благочестие: ради сего он и был наименован Божественным семенем.

Обходя многие страны, он сеял семя небесное, собирал жатву спасения человеческого и окончил земное течение свое Христовыми стопами: будучи подражателем Христовых страданий, он предал дух Богу пригвожденным на кресте[6446].

И было собрано сие Божественное семя, святой Иаков, с плодами, принесенными сторицею, в небесную житницу; там насыщаясь сам видением лица Божия, он и для нас ходатайствует своими молитвами о том же насыщении.

Кондак, глас 2:

Твердо мудрости догматы в души благочестивых вложившаго, похвалами да ублажим, яко боговещателя вси Иакова: престолу бо славы Владычню предстоя, и со всеми Ангелы радуется, моля непрестанно о всех нас.

Житие преподобных Андроника и Афанасии

Память 9 октября

В царствование Византийского императора Феодосия Великого[6447]

в Антиохии проживал один муж, золотых дел мастер, – по имени Андроник. Он взял себе в жены дочь золотаря же – Иоанна, имя коей было Афанасия, означающее – «бессмертие»[6448]. И действительно, святая Афанасия своею святою жизнью, как то показывает и ее кончина, – приобрела себе бессмертную славу. Сия супружеская чета – Андроник и Афанасия, проводя честную и богоугодную жизнь, украшали себя всякими добродетелями. Свое умножающееся состояние они делили на три части – одну часть тратили в пользу бедных, другую – на церковное благолепие, а третью – на домашние нужды. За свою кротость и добрые дела Андроник и Афанасия были любимы и почитаемы всеми гражданами. После того как от них родились сын Иоанн и дочь Мария, они прекратили плотское супружеское сожительство и проживали, как брат с сестрой, в чистоте. Особенные заботы и попечения были у них относительно убогих. Служа последним, они переносили на своих руках больных, обмывали их, кормили и одевали и на свои средства доставляли всевозможный покой нищим и странникам. При сем каждую неделю Андроник и Афанасия среду и пятницу проводили в посте и молитвах.

Между тем как они продолжали жить столь добродетельною жизнью, Бог благоволил призвать их к еще более совершенной жизни, – дабы, отложивши все земное, они последовали за Единым Господом своим Иисусом Христом, Который оставил нам образец, по коему мы должны следовать стопам Его.

В один день, после двадцатилетней супружеской жизни, Афанасия, возвратившись из церкви от утрени домой, застала детей своих в бреду и, обеспокоившись, села подле них на постели. Андроник, вернувшись из церкви несколько позже, стал

звать свою жену, предполагая, что она спит. Афанасия отвечала:

– Не сердись на меня, господин мой, потому что дети наши находятся в сильном жару.

Удостоверившись в сем, Андроник отошел от больных детей, говоря:

– Да будет воля Господня!

После этого он отправился в загородную церковь святого мученика Иулиана, где похоронены были родители его. Здесь он пробыл на молитве до шестого часа.

В то время, как Андроник находился в церкви, оба ребенка его – сын Иоанн, коему шел двенадцатый год, и дочь Мария – десяти лет от роду, умерли. Возвращаясь с молитвы, Андроник услышал плач и вопль в доме своем и, смутившись, побежал поспешнее. Он застал около своего дома великую толпу жителей своего города, обоих же детей своих увидал лежащих мертвыми. Удалившись в свою молельню, Андроник повергся ниц пред образом Спасителя нашего, произнося слова праведного Иова:

– «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов.1:21).

В слезах о умерших детях своих Афанасия настолько изнемогла, по причине сильной скорби, что желала себе даже смерти, так как она повторяла:

– О если бы и мне умереть с моими детьми!

В день погребения детей Андроника и Афанасии к ним собрались все граждане и пришел сам патриарх со всем клиром своим. Детей похоронили в церкви святого Иулиана, – где покоились и предки их. По совершении обряда погребения, Афанасия не хотела возвращаться домой, но с плачем сидела подле могилы своих детей.

В полночь в образе инока ей явился здесь святой мученик Иулиан и обратился к ней с следующими словами:

– Женщина! Зачем ты не оставляешь в покое почивающих здесь?

Афанасия отвечала:

– Господин, не сердись на меня, так как я нахожусь в страшной скорби: я имела двоих детей и вот сегодня обоих вместе похоронила!

Святой мученик Иулиан спросил Афанасию:

– Скольких же лет были твои дети?

Афанасия отвечала:

– Один двенадцати, а другая – десяти лет.

Тогда святой сказал ей:

– Зачем ты о них плачешь? Для тебя полезнее было бы, если бы ты о своих грехах плакала. Уверяю тебя, что подобно тому, как человеческая природа требует пищи, так точно и умершие дети питаются у Христа небесными благами. Они Ему молятся: – Судия праведный! Ты лишил нас земных благ, не лиши же небесных!

Выслушав сии слова, Афанасия пришла в умиление и, вместо скорби, возрадовалась, говоря:

– Если мои дети продолжают жить на небе, то зачем мне плакать?

Говоря так, Афанасия обернулась, желая подольше побеседовать с явившимся к ней, но более уже не видала его. Афанасия искала явившегося ей по всей церкви, но никого не нашла. Тогда она потревожила охранявшего церковные двери привратника и спросила его:

– Где тот инок, который разговаривал со мною?

Привратник отвечал:

– Разве ты не видишь того, что двери заперты и сюда никто не входил: что же ты говоришь, будто кто-то с тобою разговаривал?

Тогда Афанасия, убедившись, что то было лишь видение, убоялась и, возвратившись домой, пересказала мужу то, что видела и слышала и, вместе с тем, утешилась в своей скорби.

– Господин мой, – сказала Афанасия Андронику, – еще при жизни детей наших я намеревалась сообщить тебе об одном своем намерении, но смущалась; теперь же, вот, по смерти их, скажу тебе без смущения: отпусти меня в монастырь, дабы там оплакивать мне грехи мои. И тогда Господь, взявший от нас

наших детей, может соделать нас наиболее приуготованными к служению Ему.

Андроник отвечал:

– Пойди, испытай в течение одной недели свое намерение и, если не переменишь его, то мы посоветуемся об этом вместе.

Афанасия, выдержав испытание, не изменила своего намерения и по прошествии многих дней, наоборот, преисполнилась сильнейшим желанием иноческой жизни и снова стала упрашивать мужа отпустить ее в монастырь.

Тогда Андроник, призвав отца Афанасии, сказал ему:

– Вот, мы желаем пойти поклониться святым местам, поэтому вверяем тебе наш дом и все наше имущество и просим тебя: если на пути случится с нами какое-либо несчастье, то раздай наше имущество нуждающимся, а дом наш обрати в больницу для нищих и в приют для странников.

Таким образом Андроник, поручив тестю свой дом и свое имущество, освободил вместе с тем и всех своих рабов и рабынь.

В одну из ночей Андроник и Афанасия, собравшись, взяли на дорогу немного из своего имущества и вышли из дома, никем незамеченные. Предавшись воле Божией, они стали совершать подвиг странничества.

Встретив утро следующего дня за городом, блаженная Афанасия, оглянувшись назад, увидала вдали свой дом и, обративши взор к небу, сказала:

– Боже, сказавший Аврааму и Сарре: «пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (Быт.12:1)! Призри и на нас и путеводительствуй нами в страхе Твоем. Вот мы ради Тебя бросили открытым наш дом, не затвори же для нас дверей Твоего царства.

После этого оба они с плачем продолжали свой путь. Достигнув Иерусалима, Андроник и Афанасия поклонились святым местам и, приняв благословение от многих отцов, беседовали с последними. Затем пошли и в Александрию поклониться мощам святого мученика Мины. По дороге сюда

Андроник, оглянувшись, заметил какого-то мирянина, ссорившегося с монахом, и сказал мирянину:

– Зачем ты ссоришься с монахом?

Мирянин отвечал:

– Монах нанял у меня осла, чтобы ехать на нем в Скит, и я советовал ему отправиться теперь же, чтобы нам совершать путь ночью, когда нет сильного солнечного зноя, а утром часу в шестом быть уже в Ските. Между тем монах не желает принять моего совета.

Тогда Андроник спросил мирянина:

– Имеешь ли ты другого осла?

Тот отвечал:

– Имею.

Андроник сказал:

– Поди же приведи его, – и я найму его у тебя, так как и я желаю ехать в Скит[6449].

Супруге же своей Афанасии Андроник сказал:

– Подожди здесь до тех пор, пока я съезжу в Скит получить от тамошних отцов благословение.

– Возьми и меня с собою, – просила Афанасия.

– Женщинам, – отвечал Андроник, – не положено бывать в Ските.

Тогда Афанасия с плачем сказала мужу:

– Если ты меня оставишь, не отдавши в женский монастырь, то дашь в том ответ святому мученику Мине.

Андроник дал обещание не оставлять жены до тех пор, пока не исполнит ее желания.

После этого Андроник отправился в Скит, где в каждой лавре[6450] получал благословение от отцов Скитских.

Прослышав о преподобном Данииле[6451], Андроник, преодолев большие затруднения, прибыл к нему, поклонился ему, и, после молитвы, рассказал все о себе и супруге своей Афанасии. Преподобный Даниил сказал Андронику:

– Поди, приведи твою жену, и я дам вам в Фиваиду[6452] письмо, чтобы ты свободно довел ее туда и поместил в женский монастырь Тавеннисиотов[6453].

Возвратившись к Афанасии, Андроник ночью привел ее к святому старцу Даниилу. Старец Даниил стал беседовать с ними о путях спасения и оказал им большую пользу душевную. Вручив затем им письмо, старец благословил их и отпустил в монастырь Тавеннисиотский.

Пришедши в обитель, блаженный Андроник поместил святую свою супругу Афанасию в женский монастырь. Восприяв здесь образ Ангельский, Афанасия стала проводить и образ жизни равноангельской. Сам же он возвратился к преподобному начальнику лавры Даниилу, который постриг его в чин иноческий и, наставив в добродетельной жизни, назначил ему отдельную келью, дабы Андроник, проживая в ней один, подвизался в безмолвии.

И вот блаженный Андроник, досточестно подвизаясь, пребывал в подвигах безмолвия в течение двенадцати лет. После этого он упросил отца Даниила отпустить его в Иерусалим поклониться святым местам. Сотворив молитву, преподобный Даниил с благословением отпустил его.

Проходя области Египта, Андроник однажды присел для небольшого отдыха под можжевеловыми кустами. И вот, по Божественному устроению, он увидел свою жену блаженную Афанасию, шедшую в мужском одеянии. Они приветствовали друг друга. Афанасия узнала своего мужа Андроника, но он не узнал ее. Да и как возможно было узнать Афанасию, когда лицо ее от воздержания исхудало и она почернела как ефиоплянка? К тому же Афанасия изменила свой вид и была в мужском одеянии. Она спросила Андроника:

– Не ты ли ученик отца Даниила, по имени Андроник?

– Да, я, – отвечал Андроник.

Затем она снова спросила его:

– Авва Андроник! Куда ты идешь?

– Иду поклониться святым местам, – отвечал Андроник. – А ты, – спросил он в свою очередь Афанасию, – куда идешь и как тебя зовут?

Она ответила:

– И я иду ко святым местам, а зовут меня Афанасий (она так изменила свое имя и вместо Афанасии стала именоваться

Афанасием).

– Пойдем вместе, – сказал Андроник. Афанасия отвечала:

– Если желаешь идти вместе со мною, то «положи охрану устам твоим» (ср. Пс.140:3), так, чтобы нам идти в молчании.

Андроник сказал:

– Хорошо, пусть будет так, как ты желаешь.

Афанасия продолжала:

– Пойдем, и да сопутствуют нам молитвы святого твоего старца.

Когда Андроник и Афанасия достигли Иерусалима, то обошли здесь все святые места для поклонения. После этого они пошли в Александрию поклониться мощам святого мученика Мины. Здесь, после молитвы Афанасия, сказала Андронику:

– Отче, желаешь ли ты, чтобы мы стали пребывать оба в одной келлии?

Андроник ответил:

– Останемся, – но я прежде спрошу старца, – позволит ли он нам пребывать в одной келлии.

Афанасия продолжала:

– Пойди – спроси, а я буду дожидаться тебя в скиту, который именуется Октодекатским[6454], и, если старец позволит, то приди за мною и мы будем проживать в келье в безмолвии, подобно тому, как мы и странствовали в молчании, а если ты не в силах пребывать в молчании, то не возвращайся за мною, так как я не желаю жить без подвига безмолвия, даже и в том случае, если повелит то преподобный отец.

Андроник, придя к авве Даниилу, рассказал ему все о своем спутнике Афанасии.

Тогда Даниил сказал Андронику:

– Возвратись же, возлюби молчание и оставайся с Афанасием, потому что он – совершенный инок.

После этого Андроник, взяв с собою Афанасию, увел ее в свою келью, где она прожила в страхе Божием и безмолвии еще других двенадцать лет. Несмотря на сие, Андроник не узнал своей жены, потому что последняя усердно молилась Богу о том, чтобы не быть ей узнанной мужем своим. Авва Даниил

часто приходил к ним и поучал их. Один раз, когда после пребывания у них и беседы о многих душеполезных предметах Даниил возвращался в свою келью, – прежде чем он успел дойти до нее, его догнал блаженный Андроник, со словами:

– Отец Даниил, Афанасий отходит ко Господу!

Старец, возвратившись, застал Афанасию в сильном жару. При виде старца, Афанасия стала плакать, а старец говорил ей:

– Тебе следует радоваться, а не плакать: ведь ты идешь в сретение Господа.

Афанасия отвечала:

– Я плачу не о себе, но об Андронике. Но, отче, окажи любовь твою мне: после моей кончины ты найдешь у меня в изголовье письмо, прочитай его и потом отдай Андронику.

Затем, после молитвы, Афанасия причастилась Божественных Таин и отошла ко Господу. Братия пришли хоронить тело и увидели, что то была женщина. Авва Даниил, найдя в изголовье постели Афанасия письмо, прочитал его и передал Андронику. Тогда последний узнал, что Афанасия была жена его.

После этого все прославили Бога. Слух об этом распространился по всем лаврам, и авва Даниил, разослав иноков, призвал всех Египетских отцов и тех, кои подвизались во внутренней пустыне. Собрались обитатели всех Александрийских лавр и скитники, носящие белые одежды (у тех скитников был обычай – ходить в белых одеждах), и с честью похоронили святое тело блаженной Афанасии, прославляя Бога, даровавшего ей таковое терпение.

После погребения Афанасии, старец Даниил прожил с Андроником семь дней, и в сей последний день, помянув преставившуюся, Даниил пожелал взять Андроника в свою келью. Между тем Андроник упрашивал старца, говоря:

– Отче, оставь меня здесь, дабы мне быть похороненным с подругой моей Афанасией.

Оставив его, старец удалился; но еще не успел он достигнуть до келлии, как вновь нагнал его другой инок, говоря:

– Отец Андроник отходит ко Господу.

Старец немедленно снова послал за ушедшими отцами и сказал им:

– Вернитесь со мною к отцу Андронику.

Те, возвратившись, застали Андроника еще живым и получили от него благословение. Когда Андроник в мире скончался[6455], между скитянами Октодекатского монастыря и другого, где подвизалась преподобная Афанасия и иноки коего носили белые одежды, произошел большой раздор.

Последние говорили:

– Покойный – наш брат и мы хотим его взять в наш скит, дабы нам помогали его молитвы.

Точно так же и отцы скита Октодекатского говорили:

– Сей брат – наш и поэтому пусть он будет положен с блаженною сестрою его Афанасиею.

Тогда скитники другого монастыря сказали:

– Как укажет архимандрит Октодекатского скита, так мы и поступим.

Старец повелел похоронить Андроника с Афанасиею. Между тем – скитники белоризцы не желали послушаться его, потому что их было большинство, и они говорили:

– Старец выше страстей, и притом он не боится соперничества, а мы, будучи юнейшими, хотим иметь у себя нашего блаженного Андроника, чтобы он помогал нам своими молитвами: с нас довольно, что мы оставили вам Афанасию!

После этого скитники едва успокоились и похоронили преподобного Андроника вместе с блаженною Афанасией, восхваляя Бога, дивного во святых Своих. Слава Ему во веки веков. Аминь.

Житие святого праведного Авраама

Память 9 октября

После смешения Богом языков во время столпотворения Вавилонского[6456], люди, рассеявшись по земле и разделившись на многие народы, забыли истинного Бога и стали поклоняться идолам, ими же самими сделанным, животным, солнцу и луне и другим явлениям природы. Тогда, для обновления Ветхозаветной Церкви и для сохранения в ней истинного Богопознания, Господь избрал одного благочестивого мужа, по имени Авраама. Авраам первоначально назывался Аврамом и был младшим сыном Фарры[6457], который имел, кроме того, еще двух сыновей: Аррана и Нахора; первый из них умер в молодости, оставив после себя сына Лота, которого Аврам и взял себе на воспитание. Фарра жил со своими сыновьями в Уре Халдейском[6458]; но Господь благоволил отделить благочестивого Аврама, избранника Своего, из развращенной среды идолопоклонников. И вот Аврам получил от Бога повеление:

– Выйди из земли твоей, от родства твоего и из дому отца твоего, и иди в землю, которую Я укажу тебе. Я произведу от тебя великий народ, благословлю тебя и возвеличу имя твое, и ты будешь виновником и образцом благословения для многих. Я благословлю благословляющих тебя и злословящих тебя прокляну, и благословятся в тебе все племена земные[6459].

Аврам с верою и покорностью принял повеление Божие, и вышел из Ура Халдейского с женою своею Сарою, отцом своим Фаррою и племянником Лотом. Остановившись на время в Харране[6460], где отец его умер[6461], он продолжал потом путь свой один с семейством своим и Лотом. Прибыв в землю Ханаанскую, он прошел ее до Сихема, до дубравы Море[6462]. Здесь явился ему Господь и обещал эту землю отдать потомству его. В память сего Богоявления и в благодарность Богу за обетование, Аврам соорудил на том месте жертвенник. После этого Аврам прошел всю ту землю в длину, по

направлению к югу, создав между Вефилем и Гаем другой жертвенник Господу[6463].

Аврам вместе со своим семейством и Лотом поселился в долине Сихемской. Оба они сначала жили вместе и были богаты скотом, серебром и золотом; но потом, во избежание раздора между их домашними и слугами, Аврам отпустил от себя Лота, предоставив ему выбор земли. Лот избрал себе цветущую равнину, орошаемую водами Иордана[6464].

После того как Лот отделился от Аврама, Бог явился избраннику Своему и сказал:

– Возведи очи свои, и с сего места, на котором ты теперь находишься, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу: всю землю, которую ты видишь с горы, дам Я тебе и потомству твоему на веки[6465]. И дам тебе потомство, как песок земной. Встань, пройди по земле сей в долготу и ширину ее: ибо Я тебе дам ее и потомству твоему на веки.

Послушный повелению Божию, Аврам двинулся к югу и поселился у дубравы Мамре[6466], создав там жертвенник Господу.

Между тем на равнине Иорданской, которую выбрал для своего жилища Лот, было пять городов[6467], управляемых особыми царями, но уже 12 лет находившихся в порабощении у царя Еламского[6468]. На тринадцатый год они возмутились против царя, но были побеждены им, причем многие жители той страны, и в том числе Лот, были взяты в плен. Узнав об этом, Аврам вооружил рабов своих, разбил неприятелей, освободил Лота и всех пленных и отнял всю добычу, унесенную неприятелем, которую и возвратил царям по принадлежности. Когда Аврам возвращался с победою, навстречу ему вышли цари. Мельхиседек, царь Салимский, священник Бога Всевышняго[6469], вынес хлеб и вино и благословил Аврама, говоря:

– Благословен Аврам от Бога Всевышняго, Владыки неба и земли. И благословен Бог Всевышний, предавший врагов твоих в руки твои.

Аврам поднес Мельхиседеку десятую часть всей военной добычи; сам же, когда царь Содомский предлагал ему удержать

за собою имущество, возвращенное от неприятелей, отказался взять что-либо.

После этого Аврам сделался весьма известным в земле Ханаанской. Его успехи возбудили зависть и опасение в ее обитателях. Тогда Господь ночью в видении сказал Авраму:

– Не бойся, Аврам, Я – твой щит; тебе готовится величайшая награда.

Аврам сказал:

– Господи! Чем Тебе наградить меня? Детей у меня нет: Ты не дал мне их. За домом моим смотрит Елиезер из Дамаска: он и будет моим наследником.

– Не он, – сказал Господь, – а твой родной сын будет твоим наследником.

После этого Господь вывел Аврама на двор и сказал:

– Посмотри на небо и сочти звезды, если только можешь: столько и у тебя будет потомков[6470].

Аврам поверил обетованию, и сия вера вменилась ему в праведность[6471] и послужила основанием праведной и Богоугодной жизни.

В наступивший после этого день, Аврам, по повелению Божию, рассек пополам трехлетних телицу, козу и овна, и положил одну часть против другой; к ним присоединены были горлица и молодой голубь[6472]. Аврам стерег трупы от хищных птиц[6473]. При захождении солнца, на него нашел сон и объял его ужас и густой мрак. Тогда Господь приблизился к нему и сказал:

– Знай, что потомки твои в продолжение четырехсот лет будут пришельцами в земле чужой и будут в порабощении и в угнетении[6474]. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении, и после того они выйдут сюда с большим имуществом. А ты отойдешь к отцам своим в мире, и будешь погребен в старости доброй. Возвратятся же сюда потомки твои не прежде, как сменятся у них четыре поколения[6475], ибо мера беззаконий аморреев еще не наполнилась[6476].

Когда зашло солнце и наступила тьма, между рассеченными животными прошли дым, как бы из печи, и пламя огня[6477]. И в этот день таким образом Господь заключил завет Свой с Аврамом, сказав:

– Потомству твоему даю Я землю сию от реки Египетской до реки Евфрата[6478].

Прошло уже много лет с того времени, как Аврам переселился в землю Ханаанскую. После откровения, бывшего ему в Уре Халдейском, Бог еще три раза повторял ему обетование о многочисленном потомстве, которое должно было произойти от него; но Сара, жена его, не рождала, а между тем оба они были уже преклонных лет. Бездетство было для Аврама великим испытанием[6479].

Тогда Сара, думая, что препятствие к исполнению обетования Божия заключается в ней, предложила Авраму взять еще в супружество служанку свою, Египтянку Агарь, которая и родила ему сына Измаила[6480].

Когда Авраму исполнилось уже 99 лет, Господь явился ему и сказал:

– Я – Бог Всемогущий; ходи пред Лицем Моим, и будь непорочен: и Я поставлю завет Мой с тобою и дам тебе многочисленнейшее потомство.

Аврам в чувстве благоговения и преданности пал на лице свое. Бог сказал ему:

– Теперь ты не будешь называться Аврамом, но да будет тебе имя: Авраам[6481]; ибо Я сделаю тебя отцом множества народов. И народы и цари произойдут от тебя; и Я поставлю вечный завет Мой с тобою и потомками твоими[6482] в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя, и дам вам всю землю Ханаанскую в вечное наследство[6483]. Видимым же знаком завета между Мною и вами должно быть то, чтобы у вас весь мужеский пол был обрезан. Осьми дней от рождения надобно обрезывать всякого младенца мужеского пола, не только из ваших детей, но и из рабов, купленных за серебро у иноплеменников. Необрезанный, как нарушитель завета Моего, лишается общения со своим народом[6484]. Сару, жену твою, не называй Сарою, но да будет имя ей – Сарра[6485]. Я благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее.

Авраам возрадовался и засмеялся, но в то же время с недоумением спрашивал про себя:

– Неужели от столетнего будут дети? И неужели Сарра в девяносто лет родит?

Но Господь повторил Свое обетование и предрек самое имя их будущему сыну – Исаак.

Вскоре после этого, Господь опять явился Аврааму у дубравы Мамре – следующим образом. Однажды в полдень Авраам сидел у шатра своего. Подняв глаза свои, он увидел пред собою трех странников. Он тотчас же поспешил к ним навстречу и, поклонясь до земли, сказал первому из них:

– Государь мой! Если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего. Позвольте принести немного воды и омыть ноги ваши[6486]; потом отдохните под этим деревом[6487]. А я принесу хлеба, чтобы подкрепиться вам на дорогу.

Странники[6488] согласились на его просьбу. Тогда Авраам поспешил в шатер к Сарре и сказал ей, чтобы она замесила поскорее пшеничной муки и испекла пресные хлебы; потом побежал к стаду, выбрал нежного, хорошего теленка и велел своему рабу приготовить его. Когда приготовлены были и пресные хлебы и теленок, Авраам взял еще сыру и молока, и все это поставил пред гостями. Они стали есть, а Авраам в это время стоял под деревом, прислуживая им. Во время обеда странники спросили Авраама:

– Где Сарра, жена твоя?

– Она здесь, в шатре, – ответил Авраам.

Тогда один из них, – это был Сам Господь, – сказал: – На следующий год, когда Я опять в это же время буду у тебя, у жены твоей Сарры будет сын.

Сарра стояла у входа в шатер. Услыхав предсказание, она рассмеялась, подумавши про себя:

– Мне ли в старости иметь сие утешение? Да и господин мой стар.

Но Господь сказал Аврааму.

– Зачем рассмеялась Сарра? Разве есть что невозможное у Бога? В назначенный срок буду Я у тебя, и у Сарры будет сын.

Тогда Сарра пришла в страх. Она почувствовала, что находится пред высшею Божественною Силою, провидящею ее

внутренние чувствования, и в смятении стала уверять, что она не смеялась. Но Господь обличил ее и еще раз повторил, что она смеялась. Таким образом, Он показал Себя Сердцеведцем, а Сарру научил быть внимательнее к собственным помыслам и быть более покорною Божественным обетованиям.

После этого странники встали, и направились оттуда к Содому. Авраам же, по слову Апостола, «сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов, по сказанному: «так [многочисленно] будет семя твое». И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении; не поколебался в обетовании Божием неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное. Потому и вменилось ему в праведность» (Рим.4:18–22)[6489]. Веруя в благодатное обетование об имеющем произойти от него многочисленном потомстве, Авраам с живейшим чувством радости, благодарности и благоговения к своим Божественным посетителям, сопровождал их.

На пути Господь открыл Аврааму о Своем намерении погубить жителей Содома и Гоморры за их бесчисленные беззакония. Авраам стал умолять Бога пощадить нечестивые города, ради того, что в них найдется хотя пятьдесят праведников. Но такового числа их не нашлось в городах сих. После этого Господь обещал Аврааму, по молитве его, пощадить нечестивые города, если в них найдется хотя сорок, потом тридцать, двадцать и, наконец, хотя бы десять праведников. Но и такого числа праведных не нашлось в Содоме и Гоморре. Тогда участь нечестивых городов была решена. Однако же ходатайство Авраама не осталось напрасным и совершенно бесплодным; ибо племянник его Лот был спасен от общей погибели.

Вечером два Ангела, посетившие Авраама, пришли в образе странников в Содом, когда Лот сидел у ворот города. Увидев странников, Лот, поклонившись им до земли, сказал:

– Государи мои! Зайдите в дом раба вашего и ночуйте, и умойте ноги ваши, а поутру пойдете в путь свой.

Когда же странники стали отказываться, испытывая Лота, и отклонять его гостеприимство, – он стал сильно упрашивать их, и они вошли в дом. Лот приготовил пресные хлебы, и предложил им угощение, и они ели. Еще не легли они спать, как содомляне, с разных концов города, окружили дом Лота и стали требовать выдачи странников. Лот вышел успокоить их и уговорить, чтобы они не причиняли зла странникам, пользующимся его гостеприимством; но они оскорбляли его и грозили выломать двери. Тогда Ангелы, явившиеся под видом странников, поразили содомлян слепотою, а Лота ввели в дом и велели взять родственников своих и уходить из города, осужденного за беззакония на погибель; при сем Ангелы открылись Лоту, кто они, объявив прямо, что они посланы к нему Господом. Занималась уже заря, а Лот еще медлил. Тогда Ангелы, взяв за руки его, жену его и дочерей, вывели их вон. Один из Ангелов сказал Лоту:

– Спасай душу свою; не оглядывайся назад, и нигде не останавливайся на равнине сей; спасайся на гору[6490], чтобы тебе не погибнуть.

Но Лот сказал:

– Нет, Владыка! Вот раб Твой обрел благоволение пред очами Твоими, и велика милость Твоя, которую Ты сотворил со мною, спасши жизнь мою; но я не могу спасаться на гору, чтобы не застигло меня бедствие, и мне не умереть. Вот ближе город сей, – он же и мал; благоволи мне бежать в него, дабы сохранилась в нем жизнь моя.

Ангел отвечал:

– В угодность тебе я сделаю и это и не истреблю сего города; спасайся в него, но нимало не медли: потому что я не могу исполнить своего дела, пока ты не уйдешь туда.

Так велика милость Божия к праведным! Ради слабого волею, но чистого душою Лота, и ради родства его с избранником Божиим Авраамом, Господь не только дарует спасение городу, но и по милосердию Своему замедляет совершить правосудную кару Свою над нечестивыми городами, до тех пор, пока Лот успеет спастись.

Когда Лот достиг сего города, солнце уже зашло. Тогда Господь пролил с неба на Содом, Гоморру, Адаму и Севоим в виде дождя серу и огонь, и истребил эти города и всю эту равнину со всем их населением, – и вся страна та обратилась в соленое озеро[6491].

Жена Лотова не исполнила повеления Ангела: на пути из Содома она оглянулась назад; но тотчас же обратилась в соляной столб. Сам же Лот, страшась остаться в Сигоре, удалился в гору с двумя дочерями своими и стал жить там в пещере.

Между тем Бог посетил, наконец, Сарру Своею милостью. Когда Аврааму исполнилось сто лет, она родила ему сына, которому он, согласно предвещанию о том Самого Бога, нарек имя Исаак. На восьмой день Авраам обрезал его, как заповедал ему Бог. И девятидесятилетняя Сарра говорила:

– Смех радости[6492] сотворил мне Бог; кто ни услышит обо мне, обрадуется. Кто бы мог сказать Аврааму: «Сарра будет кормить детей грудью?» Ибо в старости его я родила сына.

Когда дитя выросло и было отнято от груди, Авраам устроил по сему случаю большой пир. Сарра, увидев, что Измаил, которого родила Аврааму Агарь Египтянка, насмехается над ее сыном Исааком, сказала Аврааму:

– Прогони эту рабыню и сына ее; ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком.

Аврааму было прискорбно слышать эти слова; он, как отец, любил и жалел Измаила. Но Бог сказал ему:

– Не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что ни скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее; ибо в Исааке наречется тебе семя. Впрочем, и от сына рабыни Я произведу народ, потому что и он – семя твое[6493].

Тогда Авраам с полною преданностью воле Божией отпустил Агарь с сыном ее Измаилом. Странствуя, они заблудились в пустыне и уже умирали от жажды, но Бог чудесно спас их и утешил скорбящую мать обетованием произвести от ее сына великий народ[6494].

В то время Авраам пользовался огромным влиянием и уважением посреди соседних царей и владетелей Ханаана.

Высшее покровительство и особенное благословение Божие на Аврааме так было ясно для всех, что Авимелех, царь Герарский, искал с ним союза. Но Авраам и после этого жил по-прежнему как странник, нигде не имея постоянного для себя жилища.

Вся жизнь Авраама протекала среди многоразличных испытаний, представляя собою образец терпения, твердой и непоколебимой веры и упования на Бога и совершеннейшей преданности Его воле. Но вера его должна была быть еще тверже, после всех милостей Господа к нему. И вот, после многих лет его жизни, Господь посылает ему последнее испытание, превосходящее силы обыкновенного человека. Испытывая веру Авраама, Бог воззвал к нему и сказал:

– Возьми сына твоего единственного, которого ты любишь, Исаака, пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, которую Я укажу тебе.

Несмотря на всю необычайность такого повеления и на свою великую родительскую любовь к Исааку, Авраам нимало не усомнился, что оно – от Бога, и что его должно исполнить без всякого прекословия. Преданность его Богу была столь велика, что он не пожалел принести в жертву Ему своего единственного возлюбленного сына. В то же самое время он верил, что Исаак, который теперь должен был умереть бездетным, согласно с прежде данными обетованиями будет родоначальником народа и предком обетованного Избавителя. Он думал, как говорит апостол, что Бог силен и из мертвых воскресить ему сына обетования (Евр.11:19). И вот, не открывая никому своего намерения, Авраам рано утром оседлал осла, взял с собою Исаака и двух слуг, наколол дров для всесожжения и отправился в нагорную страну иевусеев, на место, о котором сказал ему Господь[6495]. На третий день, по особенному знамению от Бога, Авраам еще издалека увидел гору, назначенную для жертвоприношения. Тогда он повелел слугам своим остаться здесь с ослом и, взяв дрова для всесожжения, дал их нести Исааку, а сам взял в руки огонь и нож, – и пошли оба вместе на гору.

И сказал Исаак Аврааму:

– Отец мой! Вот огонь и дрова, – где же агнец для всесожжения?

Авраам отвечал:

– Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И они пошли далее оба вместе.

Достигнув места, которое указал ему Бог, Авраам устроил там жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

Но в это время с неба раздался Божественный голос:

– Авраам! Авраам!

Авраам остановился, чтобы выслушать повеление Божие.

– Не поднимай руки своей на отрока, – продолжал Господь, – и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога, и не пожалел сына твоего единственного для Меня.

Тогда Авраам, в чувстве глубокой радости и благодарности к Богу, возвел очи свои от земли и увидел позади себя овна, запутавшегося в чаще рогами. Тогда он развязал Исаака и, взяв овна, принес его во всесожжение вместо Исаака, сына своего[6496].

После этого Господь снова воззвал к Аврааму с неба:

– Мною клянусь, что так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего единственного для Меня, то Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и песок на берегу моря, и овладеет семя твое городами врагов своих, и благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего.

Получив сие великое, благодатное обетование, Авраам и Исаак в страхе и радости спустились с горы и возвратились в Вирсаву[6497], где жил тогда Авраам.

Спустя лет двенадцать после этого, скончалась Сарра, жена Авраамова и была погребена в пещере Махпеле[6498] против Мамре, впоследствии – Хеврона земли Ханаанской.

Через три года, когда Исааку исполнилось сорок лет, а Аврааму было сто сорок лет, святой праведный праотец имел утешение женить сына своего на добродетельной Ревекке, внучке Нахора, брата Авраамова. Впоследствии Авраам и сам

вступил в новое супружество с Хеттурою, от которой имел еще шесть сыновей. Авраам прожил сто семьдесят пять лет, и потом с миром предал дух свой Господу Богу, Которому так верно служил и благоугодил в жизни своей, будучи сосудом и образцом веры в истинного Бога, сохранившим ее для потомства из рода в род. За высокие качества и достоинства Авраама Господь возлюбил его, почему и называет Себя его Богом по преимуществу (Быт. 17:7, 26:24, 28:13), а Св. Писание называет его другом Божиим (2Пар.20:7; Ис.41:8; Иак.2:23). Ветхозаветные потомки его и даже святые пред Богом, Моисей и Давид, призывали Авраама в ходатаи пред Богом. От сего родоначальника народа иудейского, в потомстве которого сохранялась истинная вера на земле, произошел Сам Христос по плоти, и все истинно верующие во Христа называются сынами Авраама (Рим.6:7–8; Гал.3:7, 26–29). И в будущей участи нашей за гробом – только с верным Авраамом можно надеяться получить наследие вечной жизни и спасения. Сам Господь в Своей притче о богатом и Лазаре указывает на Авраама, как на обитателя блаженного жилища в Царствии Небесном (Мф.8:11; Лк.16:22; Гал.3:9, 29), коего да сподобит Христос и всех нас молитвами святого праведного Авраама, праотца Своего по плоти. Аминь.

Память преподобного Петра

Память 9 октября

Святой Петр, в мире Леонтий, жил в царствование императора Феофила[6499], и происходил из Галатии[6500], от родителей Феофила и Евдокии. Он отличался прекрасною и величественною наружностью и большою телесною силою, за что и выбран был в царские комиты[6501] и удостоен от императора различных воинских почестей. Но недолго пробыл Леонтий на службе. Оставив все, он устремился к иноческому житию и принял пострижение, с именем Петра, в одном монастыре, называвшемся Дафнеон[6502]. Затем он отправился в Ольвию[6503], обошел различные святые места[6504], был в Лаодикии и Атталии[6505], мужественно перенося трудности путешествия и опасности со стороны магометан, и потом опять возвратился в Ольвию. Конец жизни он провел, уже в царствование Василия Македонянина[6506], в обители св. Фоки[6507], в коей после многих иноческих подвигов, с миром предал дух свой.

Память святой Поплии

Память 9 октября

Святая Поплия была в царствование Юлиана диакониссой Антиохийской церкви, славилась своею добродетельною жизнью. В молодости своей она недолгое время пребывала в браке и имела сына Иоанна, который впоследствии был благочестивым пресвитером. По смерти мужа она собрала у себя лик девственниц[6508], с которыми славословила Господа. Однажды она с этими девственницами пела утреню; между прочим, они громогласно воспели псалом: «Идолы язычников – серебро и золото, дело рук человеческих: есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них…» (Пс.134:15–18). Случайно в то время мимо проходил прибывший в Антиохию император, и, услышав сие пение, приказал замолчать. Но Поплия начала петь еще громче. Тогда разгневанный император велел привести к себе начальницу хора и приказал каждому из сопровождавших его воинов бить ее по лицу. Святая в это время бестрепетно обличала Юлиана в безбожии и говорила, что считает истину Божию выше всего. Наконец она была отпущена в свой дом, где по-прежнему продолжала воспевать Бога вместе со своими девственницами. Вскоре после этого она с миром предала дух свой Господу[6509].

Страдание святых мучеников Евлампия и Евлампии,

Память 10 октября

В царствование Максимиана было воздвигнуто сильное гонение на христиан; многие из верующих, боясь преследования мучителей, оставляли свои дома и скрывались в горах, вертепах и пустынях. В то время жил один юноша, благородного происхождения, родом из города Никомидии, по имени Евлампий, христианин – по вере и делам. Скрываясь с прочими христианами, он был послан ими в город – купить хлеба и тайно принести в пустыню. Пришедши в Никомидию, Евлампий увидал прибитый на городских воротах царский указ, написанный на пергаменте, повелевающий избивать христиан. Когда Евлампий прочитал указ, то посмеялся над таким безумным распоряжением царя, который вооружается не на врагов отечества, а на неповинных людей, и сам опустошает свою землю, убивая бесчисленное множество христианского народа. Тотчас же Евлампий был взят, связан и приведен на суд неправедный. Беззаконный судья, видя пред собою Евлампия, молодого и красивого, сначала лукавыми словами соблазнял его поклониться идолам, говоря:

– Твое лицо доказывает что ты не простого, но благородного и честного рода. Не губи, прекрасный юноша, напрасно свою красоту и свое благородство не меняй на бесчестие, но, напротив, постарайся приобрести славу и честь себе и всему твоему роду: если ты послушаешь приказания царя и поклонишься с нами богам, то от всех нас получишь почесть и славу, от царя – награду и какой-либо великий сан, и будешь проводить дни свои в благополучии. Послушай моего доброго совета и будь с нами единомыслен; вот все храмы открыты для тебя, в них стоят различные боги, жертвенники наполнены жертвами, и все веселятся о своих богах и им кланяются. Войди и ты, поклонись, – и тогда и себе приобретешь великие блага, и нам доставишь радость, и боги всегда будут к тебе милостивы.

Святой Евлампий, исполненный благодати Святого Духа, отвечал судье:

– Твое сердце исполнено коварством и лукавы слова в твоих устах, но напрасны и ложны все твои обещания. Не прельстишь меня ты ничем и не отвратишь от Христа. О если бы ты пожелал послушать моих истинных слов и искреннего совета и познал бы Истинного Бога, Которого я почитаю и Которому кланяюсь! Я обещал бы тебе от Него не временную и суетную, но вечную и истинную честь и славу, награды же и богатства такие, которых ни ты, ни царь твой, ни весь мир ныне не имеют; но так как ты глух как аспид[6510] и не послушаешь меня, говорящего тебе только полезное, то разделишь участь твоих богов в геенне огненной, а за приношение скверных жертв богам сам будешь жертвою неусыпающего червя. Я же не бесам, но «принесу в жертву Богу хвалу и воздам Всевышнему обеты мои» (Пс.49:14).

Судья, услышав это, начал угрожать святому муками. Но Евлампий безбоязненно показал себя готовым идти на всякие муки за Христа Господа своего. Тогда судья повелел раздеть его и, разложив на земле, бить жилами. Святого долго и беспощадно били, но он мужественно претерпевал мучения: ощущая сильную боль от получаемых ран, он показывал вид, как будто не чувствовал никакой боли, – такое величие духа явил он! Мучитель, видя его долгое терпение, еще более исполнился ярости и приказал повесить его на дереве и терзать тело его железными орудиями, коими мученик настолько сильно был изранен, что кости его были видны через глубокие раны. После долгого мучения он лежал на земле весь окровавленный и избитый; тело его представляло одну сплошную рану. Но этим не окончились его страдания: судья измыслил для него новую муку. Он повелел пальцы его рук и ног связать тонким ремнем и крепко стиснуть, от чего страдалец терпел страшную боль, потому что члены насильственно отделялись от своих суставов. Однако и после этого не насытилась ярость мучителя; к прежним страданиям мученика прибавил он еще новое страдание: повелел раскалить железный одр и положить на нем святого, чтобы тело его на том одре сгорело, как воск, от силы

пламени. Когда одр был сильно раскален, святой Евлампий, осенив себя крестным знамением, взошел на него и лег на нем как на мягкой постели. Тело святого мученика, опаляемое огнем, начало таять и разрушаться. Казалось бы, что в таких страшных мучениях должно было бы умереть. Но Всемогущий Бог поддерживал жизнь Своего раба и сверхъестественным образом сохранял душу его в теле, чтобы сим самым явились всем и сила Божия, совершаемая в немощи, и терпение мученика. Когда все уже полагали, что Евлампий непременно умрет на том раскаленном одре, святой почувствовал в себе новую силу и, встав с постели, начал ходить здоровым, как будто и не претерпел мучения. Твердо веруя сердцем в Господа Бога своего, Евлампий показал вид, как будто он отказывается от своего исповедания и соглашается с безбожием нечестивых язычников; поэтому он был со славою приведен в идольский храм, и все вместе с судьею радовались, думая, что Евлампий отвергся Христа и хочет поклониться богам их; множество народа, следуя за ним, шло ко храму. Святой же на пути в капище с усердием молился Господу Иисусу Христу, чтобы Он явил силу Свою, просветил ослепленных людей и прославил Свое Имя святое. Когда Евлампий пошел внутрь храма, то увидал идола Марса[6511], самого большого и красивого из всех идолов того храма; подойдя к нему, он сказал:

– Именем Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе, идол немой и бездушный, пасть на землю и обратиться в прах.

Как только святой произнес сие, тотчас идол с большим шумом упал и разбился на мелкие части. Увидев сие, народ стал кричать:

– Един Бог христианский – велик и силен.

И многие уверовали во Христа; судья же пришел в большую ярость и повелел взять Евлампия и вести снова на мучения.

Сестра Евлампия девица, по имени Евлампия, услыхав, что брат ее страдает за Христа, прибежала на место мучения и, став на средину, сказала брату:

– Не одна ли мать нас родила, не одними ли сосцами нас питала, и не Одному ли Богу научены мы веровать! Зачем же, страдая за Христа, лишаешь меня такой же участи, почему ты

не известил меня, чтобы я с самого начала вместе с тобой понесла все муки; я тоже хочу умереть за Господа моего, как и ты; пусть знают все мучители, что я – христианка и готова умереть за Христа.

Судье же она сказала:

– Слушай, судья, и знай, кто я. Я – Христова раба. Христос – моя жизнь и радость моей души, Его люблю и Ему хочу быть жертвой; приготовь огонь, приведи зверей, поставь колеса для мучений, отточи мечи, изобретай различные муки, и, как хочешь мучь меня за Христа моего, я все готова претерпеть, как и возлюбленный мой брат Евлампий!

Мучитель, слыша слова сии, удивился ее смелости и повелел бить ее по лицу. Долго били святую, пока совсем было обезображено лицо ее и потекла кровь из носа и рта. Святой же Евлампий словами укреплял свою сестру, говоря:

– Не бойся, сестра, «убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28).

Потом приготовлен был, по повелению мучителя, сильно кипящий котел, чтобы бросить в него обоих – Евлампия и Евлампию. Евлампий поспешил сам войти в котел. Евлампия же, как юная девица, начала колебаться, как бы боясь. Брат, видя, что она колеблется, стал звать ее к себе в кипящий котел, как бы в прохладное место, говоря:

– Не бойся, сестра, будь смелей и иди сюда; вот видишь: я невредим и никакой не получаю боли, и ты, как только коснешься горячего котла, тотчас почувствуешь Божию помощь и будешь невредимой.

Святая, услышав слова брата, поспешно вошла в котел, и тотчас ослабела огненная сила, котел остыл, и святые остались невредимыми, воспевая и славя Бога. Люди, видя такое чудо, изумились, и уверовало двести мужей, которые исповедали себя христианами и за то были усечены мечом от нечестивых идолопоклонников. Беззаконный судья приказал выколоть Евлампию глаза, а сестру его, повесив за волосы, бить. Она же среди мучений взывала:

– Благодарю Тебя, Боже и Создатель мой, что Ты удостоил меня, рабу Твою, пострадать за Твое святое Имя.

Затем мучитель приказал жарко разжечь печь, чтобы бросить в нее мучеников. Когда разожжена была печь, то святого Евлампия, уже слепого, повели за руку и, подведя, бросили в печь. Святая же Евлампия, не ожидая, чтобы кто ее вел и бросил, сама пошла с радостью и, как бы в прекрасный чертог, поспешно вошла в огненную печь. Однако и здесь святые остались невредимыми: жар обратился в холод. Святые мученики в печи воспевали песнь трех отроков и благословляли Бога. Мучитель, не зная, что более с ними делать, приговорил их к усечению мечом. Воины, взяв, повели их со связанными позади руками. Когда пришли на место казни, святой Евлампий положил сам под меч свою честную главу и был усечен; святая же Евлампия еще до казни предала свою душу в руки Божии, и воины, видя ее умершею, не отсекли ей главы[6512]. Так святой Евлампий с своею сестрой, святою Евлампией, окончив подвиг мучения, вместе отошли к Судии подвигов мученических Христу, чтобы принять от Него венец правды.

Молитвами их да удостоит и нас Своего царства Христос Господь, Емуже со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Доблия мученики, и братию по плоти, мудраго Евлампия и Евлампию почтим: тии бо пребеззаконных кознодейства посрамиша силою Распеншагося: сего ради явишася мучеников слава, купно и похвала.

Житие преподобного Феофила

Память 10 октября

Блаженный Феофил родился от благочестивых родителей близ Болгарского города Тивериополя[6513], и трех лет был просвещен святым крещением. Однажды родители его пошли вместе с ним на Селентийскую гору, – получить благословение у святого отца Стефана. Святой Стефан благословил их и дитя их, блаженного Феофила, довольно побеседовал с ними и, научив их, отпустил с миром. С того времени отрок Феофил благословением преподобного отца преуспевал в чтении и изучении Божественных книг и всегда был добронравным и кротким. Когда ему исполнилось тринадцать лет, Феофил опять пришел к преподобному отцу Стефану. Святой увидав его, сказал:

– Зачем ты, чадо, пришел ко мне?

Отрок отвечал:

– Ты позвал меня, отец честный, и я, оставив родителей, пришел к тебе.

Преподобный сказал:

– Когда же, чадо, я звал тебя, и что говорил тебе?

И сказал отрок:

– Когда я был в своем городе, ты, отец, явился ко мне и, взглянув на меня, сказал мне: Феофил! Ты удалился от Господа, говорящего: «возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф.16:24). Эти слова тронули мое сердце, и я пошел за тобой до самых ворот монастыря; когда дошли сюда, ты стал для меня невидим, а я нашел ворота запертыми, и ныне, святой отец, не отвращай лица своего от меня, желающего спастись.

Преподобный удивился словам Феофила, зная, что он не выходил никуда из своей кельи и, благодаря Бога за такое чудесное призвание незлобивого отрока, взял его к себе, чтобы научить страху Божию, иноческому житию, службе и подвигу поста. По прошествии трех лет, когда отрок хорошо научился всем иноческим подвигам от доброго наставника, преподобный Стефан призвал игумена из лавры и отдал ему послушного и

кроткого отрока для пострижения. Игумен, взяв его, привез в лавру, где и совершил над ним пострижение. Феофил, приняв пострижение, сделался опытным иноком, украшенным всякими добродетелями, живя среди братии как Ангел и будучи всем полезным.

Родители, не зная, где находится возлюбленный их сын, сильно скорбели о нем и постоянно искали его всюду, желая найти того, кто ради любви к Богу скрылся от всех знакомых и втайне служил Господу среди добрых подвижников. Через несколько лет родители узнали, наконец, где находится сын их, пришли в лавру и с плачем умоляли игумена показать им сына. Игумен долго не соглашался показать им Феофила, но тронутый усердными просьбами, скорбью и горькими слезами, сжалился над ними. Когда родители увидали своего сына в иноческой одежде, то вместо радости начали еще сильнее рыдать. Они пробыли в лавре несколько дней, присматриваясь к жизни святых отцов и внимая полезным им беседам. Тут же они задумали на свои средства создать монастырь, в котором бы подвизался Феофил. Поэтому они усердно стали просить игумена, чтобы он отпустил домой Феофила с братиею, обещая как можно скорее осуществить то, что они задумали. Игумен не соглашался с ними, говоря, что неприлично – молодому иноку жить среди родных и знакомых. Но Бог, устрояющий все на пользу людей, пожелал открыть о Феофиле Свою волю. Когда родители неотступно продолжали просить игумена, последний призвал братию и повелел им поститься и молиться всенощно до тех пор, пока Сам Бог не объявить им, можно ли Феофила отпустить по просьбе родителей или нет? После усиленной молитвы, на третий день был услышан в храме голос, повелевавший отпустить Феофила. Тогда поняли все, что Сам Бог требует сего, и, помолившись о нем, с благословением отпустили, дав ему в помощь некоторых из братий, чтобы преумножилась слава Божия. Родители, взяв его, с радостью пошли домой и вскоре создали монастырь, в который собрали много братии, снабдив их всем необходимым и давши полный покой рабам Божиим. Феофил, находясь в сей обители, сиял

добродетелями подобно свету, и все, видя его добрые дела и пользуясь ими, прославляли Отца Небесного.

Много лет уже подвизался Феофил, как враг рода человеческого воздвиг гонение на честные и святые иконы, а почитающих их подверг мучению от беззаконного царя Льва Исаврянина[6514]. Царь сей возненавидел благолепие дома Божия и отнял украшение храмов Господних: он ввергал святые иконы в болото, попирал их ногами, сжигал огнем и много верующих замучил за поклонение иконам. Святой Феофил сильно противодействовал сему и всех учил подобающим образом чтить иконы и поклоняться лицу, на них изображенному. Законопреступный царь, узнав о сем, послал воинов взять блаженного Феофила и, поставив пред собою, приказать ему отречься от почитания честных икон. Когда же блаженный Феофил отказался исполнить это, царь повелел воловьими жилами бить святого, а затем, связав сзади руки, водить по городу как злодея с насмешками и ругательствами. К Феофилу же присоединился один из воинов, по имени Лонгин, который обличал безумие мучителя и учил почитать святые иконы; за это мучитель, растянув его на земле, сжег на голове его много икон. Святой Феофил, прошедши весь Никейский город, снова явился на суд беззаконного царя, и смело говорил ему, защищая иконы и обличая его заблуждение. Царь не вытерпел обличений святого, и приказал распять святого нагим крестообразно на двух столбах и бить спереди и сзади сухими жилами. Увидев кровь, которая текла во время мучений из израненного тела святого, царь сделался подобным лютому зверю. И как дикие звери, увидевши кровь, делаются еще злее, так и мучитель, увидя кровь мученика, пришел еще в большую ярость: встав с престола, он сам долгое время бил святого. Потом велел раскалить железные сапоги, обуть его в них и гнать по дороге. Все эти мучения святой страдалец мужественно переносил. Один из царских сановников, видя это и удивляясь мужественному его терпению, взял его из рук мучителей, привел к себе и сказал:

– Один ли ты, Феофил, кланяющийся иконам – безумен, или все мы, не поклоняющиеся им? Неужели царь и весь

синклит[6515] его не имеют настолько благоразумия, чтобы рассудить, следует ли кланяться написанному Божию изображению или нет? Если бы нужно было кланяться иконам, то не повелел бы Бог в законе: «Не сотвори себе кумира, и всякого подобия» (Исх.20:4).

Святой отвечал:

– Вижу, что ты, князь, знаешь писание, так побеседуй со мной.

Святой Феофил начал ему говорить о почитании святых икон, объясняя из Божественного Писания, что еще в Ветхом Завете повелевалось чтить иконы и в медном змие, вознесенном Моисеем в пустыне, и в золотых Херувимах, поставленных над Ковчегом Завета. В Новом же Завете Сам Господь явил образ Свой на полотне Авгарю Едесскому. Много говорил Феофил и обличал сановника, так что последний сказал ему:

– Истинны слова твои, честный старец. Я постараюсь, насколько буду в состоянии, убедить в этом и царя. Ты же прими от меня отпущение и иди в свою келью.

Но святой огорчился, что не получил конца мучения, хотя имея раны, радовался, говоря словами Апостола: «радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за тело Его, которое есть церковь» (Кол.1:24).

После того он возвратился в свой монастырь, чему возрадовалась вся братия. Пред своей кончиной, о которой получил предсказание, Феофил составил беседы для своей паствы и с миром отошел ко Господу.

Страдание святого мученика Феотекна

Память 10 октября

Нечестивый царь Максимиан, пришедши однажды в Антиохию, устроил празднество в честь скверных своих богов и издал повеление, чтобы сначала воины приносили жертвы идолам, а потом и весь народ. В числе воинов находилось много христиан, которые, не пожелав повиноваться приказанию царя, сбрасывали с себя воинские пояса и шли на мучения за Христа. Среди них был известный во всей Антиохии муж, по имени Феотекн. К нему Максимиан обратился с такими словами:

– И ты, Феотекн, не веруешь в богов – Дия и Аполлона; я же хотел сделать тебя великим жрецом их.

На это Феотекн сказал:

– Я верую во Христа Бога, и Ему хочу принести себя в жертву.

Тогда Максимиан приказал снять с него воинскую одежду и надеть – женскую, и заставил прясть вместе с женщинами. Спустя три недели, Максимиан снова призвал его и сказал:

– Принеси жертву богам, а не то умрешь в страшных мучениях.

Феотекн не сказал на это ни слова. Тогда царь приказал привязать его к дереву, подложить под ступни раскаленное железо и железными прутьями надрезать все жилы его. Видя его и после этого непоколебимым, царь приказал приготовить котел с кипящей серой и смолой и бросить туда святого. Когда его бросили, тотчас силою Христовою огонь погас, котел остыл, и мученик остался невредим. Максимиан испугался и приказал вести святого мученика в темницу, где он был отдан в распоряжение сотника, по имени Зегната, чтобы тот мучил его, как пожелает.

В темнице в то время находилась за исповедание Христа одна девица, по имени Александра, к которой Зегнат и бросил Феотекна, сказав им обоим:

– Вот, я даю вам на размышление три дня. Если согласитесь исполнить приказание царя, то получите великую

честь, если же нет, то в страшных муках погублю вас.

По прошествии трех дней, Зегнат вывел их из темницы и спросил: намерены ли они повиноваться приказанию царя и поклониться идолам? Но они остались верными Христу. Тогда Зегнат приказал двум воинам надругаться над святою девою.

Феотекн, желая избавить Александру от бесчестия, пришел к ней раньше этих воинов и, сняв свою одежду, дал ей, говоря:

– Беги, беги, чтобы нечестивые не осквернили чистоты твоей.

Сам же оделся в ее одежду и сел в ожидании воинов. Воины, войдя в темницу, нашли вместо девицы Феотекна, сидящего в женской одежде, взяли его и привели к Зегнату. Зегнат сильно разгневался и приказал сначала вырезать у него язык, потом долго бить. Затем он повелел привязать на шею мученику каменный жернов и бросить в реку. Так мученик Христов окончил свою жизнь[6516]. Честные мощи мученика найдены были близ города Роса в Киликии; христиане, взяв их, с честью положили на родине его, восхваляя Единого в Троице Бога. Слава Ему вовеки. Аминь.

Память преподобного Вассиана

Память 10 октября

Преподобный Вассиан был родом из восточной Сирии. В царствование благочестивого царя Маркиана[6517] он прибыл в Константинополь. Два именитых мужа Север и Иоанн дали ему средства построить в Константинополе монастырь. Преподобный еще при жизни прославился своими добродетелями и чудотворениями. Многие, внимая ему, отреклись от мира и приняли иночество. Число учеников преподобного Вассиана достигло до 300 человек. Многих он избавил от власти диавола и привел к Богу, изгонял бесов, исцелял недуги и творил другие бесчисленные чудеса. Преподобный почил в глубокой старости[6518].

Житие святого Апостола Филиппа,

Память 11 октября

Святой Апостол Филипп был родом из Кесарии Палестинской[6519]. По вступлении в брак, он имел четырех дочерей, которые пророчествовали (Деян.2:19). Впоследствии он был избран святыми Апостолами во диакона и, по рукоположении одновременно со святым первомучеником архидиаконом Стефаном, стал со всем усердием служить верующим, имея попечение об убогих и вдовах[6520]. После того как во время бывшего на иерусалимскую церковь гонения, святой Стефан был убит, и все христиане, за исключением двенадцати Апостолов, рассеялись по областям иудейским и самарийским, в Самарию[6521] прибыл в то же время и святой Филипп. Здесь он проповедовал Христа, и все жители Самарии единодушно внимали его проповеди. Проповедь свою святой Филипп подтверждал многими чудесами, исцеляя всякие болезни и изгоняя лукавых духов, кои, выходя из людей, вопили громким голосом. И была тогда радость великая в том городе, потому что принимавшие проповедь Филиппа и уверовавшие в истинного Мессию исцелялись не только от телесных, но и от душевных недугов. Находился же там и некоторый весьма знаменитый и прославленный волхв, по имени Симон, который удивлял всю Самарию своими волшебствами, и все считали его за кого-то весьма великого. Видя великие знамения и чудеса, совершаемые руками Филиппа, и слыша благовествование святого Апостола о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа, Симон уверовал и крестился вместе с другими (Деян.8:5–13).

Однажды Апостолу Филиппу явился Ангел Господень, повелевая ему идти на юг, на дорогу, ведущую из Иерусалима в Газу[6522]. Идя по сей дороге, святой Филипп встретил Ефиоплянина, евнуха Кандакии, царицы Ефиопской[6523], возвращавшегося из Иерусалима, куда он ездил на поклонение, в Газу, которая находилась под его управлением. Сидя на колеснице, евнух читал пророческие книги. Апостол научил его

вере в Господа нашего Иисуса Христа и, продолжая с ним путь, тут же на пути крестил его[6524].

После крещения евнуха, Апостол Филипп был восхищен Ангелом и перенесен в Азот[6525] и, проходя, проповедовал слово Божие по всем городам, пока не пришел в Кесарию. Здесь он имел собственный дом, в котором и прожил некоторое время вместе со своими четырьмя дочерьми, девами – пророчицами. После этого он снова возвратился в Иерусалим. Будучи здесь поставлен святыми Апостолами во епископа, он послан был затем на проповедь в Малую Азию в город Траллию[6526]. Обратив там многих ко Христу и сотворив великие чудеса, Апостол Филипп отошел ко Господу в глубокой старости.

Кондак, глас 4:

Языков ловец пречудный, и учеников Христовых собеседник, Апостолов предызбранный Филипп, днесь миру исцелений подает богатство, покрывает от обстояний того хвалящыя. Тем согласно зовем ему: спасай вся молитвами твоими Апостоле.

Житие преподобного Феофана исповедника и творца канонов

Память 11 октября

Преподобный Феофан родился от благочестивых родителей, живших в Палестине. Они были люди богобоязненные и особенно усердствовали в страннолюбии. Феофан имел брата, наименованного впоследствии за понесенные им от иконоборцев страдания – Начертанным[6527]. Попечениями своих родителей, Феофан с братом своим Феодором обучились всякой книжной премудрости и были искусными философами[6528]. Постигнув суету и непостоянство настоящего мира, «ибо проходит образ мира сего» (1Кор.7:31), оставивши все, братья пришли в Лавру святого Саввы и посвятили там себя иноческой жизни, в коей и подвизались ревностно, преуспевая в молитвах и во всех добродетелях. За свою добродетельную жизнь Феофан был удостоен пресвитерского сана.

В то время началось безбожное гонение на святые иконы[6529], которое волновало всю церковь Божию, и многие христиане за почитание святых икон подверглись гонениям и мучениям. Тогда сии премудрые учители и защитники православия были посланы иерусалимским патриархом[6530], как бы агнцы к волку, к императору Льву Армянину[6531] для обличения его злочестия. Пришед в Константинополь и представ пред сим богопротивником, они дерзновенно обличали его в злочестии. Вследствие сего братья-философы много пострадали, и не от одного только императора Льва Армянина, но и от других бывших после него, императоров Михаила Балбы и Феофила[6532]. Они претерпели многоразличные мучения, раны и оковы, голод и жажду, ссылки и заклеймение лиц, заточения и другие бесчисленнейшие злополучия. В течение более двадцати лет, от 817-го до 842-го года, они были мучимы и гонимы иконоборцами. Среди этих бедствий, святой Феодор преставился[6533], а Феофан дожил до наступления мира в Церкви. Сын Византийского императора Феофила, Михаил[6534],

приняв вместе с матерью своею Феодорою скипетр Византийских императоров, восстановил почитание святых икон, внес их в церкви Божии и возвратил из заточения всех святых мужей, страдавших за иконопочитание, оказывая всем им большие почести. Тогда же был возвращен из заточения и святой Феофан и, после принятия рукоположения от патриарха Мефодия[6535], уничтожившего иконоборческую ересь, был назначен на митрополичью кафедру Никейской церкви[6536].

Святой Феофан составил торжественный канон о почитании святых икон и оставил после себя Церкви Христовой много и других полезных писаний[6537]. От здешней земной жизни он переселился ко Господу[6538] и, после многоболезненных подвигов своих, ныне блаженствует в небесных обителях.

Кондак, глас 2:

Возгремев Христово Божественное воплощение, бесплотныя враги до конца обличил еси, чудне Феофане. Сего ради вси верно и благочестно вопием ти: моли непрестанно о всех нас.

Память святых мучениц Зинаиды и Филониллы

Память 11 октября

Святые сестры Зинаида и Филонилла были родом из Тарса Киликийского и приходились родственницами Апостолу Павлу.

Оставив свою мать и отказавшись от своего имущества, они обучились врачебному искусству и совершали истинно-апостольское дело. Они пришли в город Деметриаду[6539], в окрестностях которого и поселились в одной пещере. Здесь Зинаида врачевала всевозможные недуги, а Филонилла, предавшись посту и бдениям, совершала великие чудеса.

Язычники, пришедши к ним ночью, побили обеих их камнями. Так они мирно почили о Господе и в блаженном сне переселились в небесные обители.

Воспоминание чуда, бывшего от иконы Господа Иисуса Христа

Память 11 октября

В городе Берите[6540] близ еврейской синагоги жил один христианин, имевший икону Господа нашего Иисуса Христа. По прошествии некоторого времени этот христианин купил себе другой дом, куда и переселился, перенеся из первого дома все, кроме иконы Господа, которая была оставлена им по особому смотрению Божию. После христианина занял тот дом, где была икона Господа, еврей и стал жить в нем, не замечая святой иконы.

Однажды он позвал на обед к себе своего друга, также еврея. Во время обеда гость, взглянув на стену дома, заметил висевшую там икону и сказал хозяину:

– Как ты, будучи евреем, держишь в своем доме сию икону?

Хозяин стал клясться, говоря, что до сего времени не замечал ее. Гость же, ушедши, оклеветал в синагоге своего друга.

– Сей человек, – говорил он, – несмотря на то, что он еврей, имеет у себя в доме икону Иисуса Назарянина.

Тогда все бывшие в синагоге, страшно возмутились этим обстоятельством, но ничего не могли предпринять в тот день, так как уже наступил вечер. Наутро же народ еврейский, священники и старцы, собравшись, отправились в тот дом, где находилась святая икона. С шумом вошедши в дом, они схватили икону и вынесли ее вон из дому. Здесь они стали вокруг иконы и решили надругаться над ней так, как отцы их надругались над Изображенным на ней. Они начали плевать на икону и ударять по изображению Лица Иисуса Христа и затем сказали:

– Мы слышали, что наши отцы пригвоздили Его на дереве: сделаем то же и мы над сей иконой.

Взявши гвозди, они прибили икону к дереву в тех местах, где были изображены руки и ноги. Затем, надевши на трость губку со оцтом[6541], они приложили к устам Господа и, наконец,

принесли копье и велели одному из них ударить в ребро Господа. И как только тот пронзил икону копием, тотчас же потекла из нее кровь и вода[6542]. При виде столь великого чуда всех присутствовавших объял великий страх. Собравши кровь и воду в сосуды, они решили привести слепых, хромых, бесноватых и помазать их сею кровью.

– Если приведенные получат исцеления, – говорили они, – мы все уверуем в Распятого.

Тогда был принесен один хромой от рождения, – и, после того как был помазан кровью, истекшею от святой иконы, тотчас выздоровел. Затем были приведены слепые и множество беснующихся, которые освободились от своего недуга после того как были помазаны сею кровью.

Узнавши об этом, жители города поспешили посмотреть на такое предивное чудо. Они захватили с собою всех больных, расслабленных, прокаженных, которые и получили исцеление. Тогда весь народ еврейский, проживающий в том городе, уверовал в Господа нашего Иисуса Христа. Евреи, падши пред образом Господа, с сокрушением говорили:

– Слава Тебе, Христе, Сыне Божий, творящему таковые чудеса! Слава Тебе, Христе, Коего отцы наши распяли, но в Которого мы ныне веруем; приими нас, припадающих к Тебе, Владыко!

После этого все евреи того города, мужи, жены и дети, пришедши к епископу, умоляли его, чтобы он просветил их святым крещением. Они показали ему ту икону, из которой истекла кровь и вода, и рассказали о всех тех поруганиях, которые они доставили святой иконе. Епископ, увидав искреннее покаяние, принял их с радостью и, научив их святой вере, крестил их с женами и детьми, а синагогу их обратил в церковь Господа нашего Иисуса Христа. И великая радость была у всех жителей города не только от того, что получили исцеление множество больных, но и потому, что неверные евреи крестились и признали святую веру, вследствие происшедшего от иконы Господа чуда.

Поэтому каждый должен с верою и любовью совершать поклонение пред святыми иконами, и в особенности пред

иконою – в честь и славу Ипостаси Божественной, соделавшейся Богочеловеком, Господом нашим Иисусом Христом, Емуже с Богом Отцом и Святым Духом должно воздавать поклонение во веки веков. Аминь.

Воспоминание Седьмого Вселенского собора

Память 11 октября

Одиннадцатого октября св. Православная Церковь творит воспоминание о святых отцах седьмого Вселенского собора. Поводом к созванию его благочестивою царицею Ириною и Константинопольским патриархом Тарасием была, так называемая, ересь иконоборцев.

Начало ереси сей восходит ко временам императора Льва Исаврянина, издавшего указ, предписывавший выносить святые иконы из церквей и домов и сожигать их на площадях, а равно и уничтожать изображения Спасителя, Божией Матери и святых угодников, поставленных в городах на открытых местах или находящихся на стенах храмов. Когда народ стал препятствовать исполнению сего указа, тогда к гонимым им святыням Лев присоединил и их ревностных почитателей. Тотчас же было издано повеление, убивать всех, составлявших толпу. И много – в особенности женщин – пало в тот день от мечей иконоборцев за свою любовь и ревность к святым иконам. Затем император приказал закрыть высшую богословскую школу Константинополя и тем лишить православных того победоносного оружия в борьбе с иконоборцами, какое они умели извлекать из основательного богословского образования. Некоторые из Византийских историков говорят даже, будто он в тех же целях сжег и богатую, имевшуюся при ней, библиотеку. Но гонитель отовсюду встречал резкое противоречие своим распоряжениям. Из Сирии, из Дамаска, против них писал святой Иоанн Дамаскин. Из Рима, по смерти Григория II-го[6543] продолжал писать преемник его, папа Григорий III-й. А из других мест отвечали на них даже открытыми восстаниями.

Сын и преемник Льва Константин Копроним[6544], не отступая от направления, принятого его отцом в отношении к вопросу о почитании св. икон, решился воздействовать главным образом

на духовенство, потому что деятельными противниками иконоборцев были повсюду преимущественно епископы и иноки.

Для сей цели он постарался созвать собор[6545], на котором было осуждено иконопочитание. Ближайшим следствием лжевселенского собора было то, что иконы были выброшены из церквей и большей частью сожжены, живописные и мозаичные священные изображения на стенах храмов затерты известью. Не избег такой участи даже великолепный Влахернский храм Богоматери на стенах которого лучшими художниками была изображена вся земная жизнь Богочеловека, все Его чудеса, все события Евангельской истории, оканчивая сошествием Св. Духа на Апостолов. От гонения на иконы Копроним перешел к гонению на святые мощи; их велено было выбрасывать. Так поступлено было, например, со св. мощами великомученицы Евфимии 16 сентября из храма и ввержены в море, а великолепный Халкидонский храм, посвященный ее имени, обращен в казармы. Считая иноков главными поборниками иконопочитания, Копроним решился закрыть все монастыри. Многие монастыри Константинополя, начиная с знаменитого Далматского, были обращены в казармы или разрушены. Много иноков было замучено. При сем обыкновенно разбивали головы иноков на тех самых иконах, в защиту коих они выступали.

В царствование преемника Копронима, Льва IV-го[6546], иконопочитатели могли вздохнуть несколько свободнее. Но полное торжество иконопочитания совершилось лишь при императрице Ирине[6547], занявшей за малолетством сына своего Константина престол своего супруга Льва IV-го после его смерти. Заняв престол, она прежде всего возвратила из ссылки всех иноков, сосланных за иконопочитание, а большинство епископских кафедр предоставила ревностным иконопочитателям. Затем возвратила св. мощам все почести, которые были отняты от них иконоборцами. Но императрица сознавала, что всего этого еще мало для полного восстановления иконопочитания. Необходимо было созвать Вселенский собор, который бы, осудив недавний собор, созванный Копронимом, восстановил истину иконопочитания.

На этом особенно настаивал при своем избрании на патриарший престол Тарасий[6548].

– Если императрице действительно угодно, – заявил он, – чтобы Тарасий принял бремя патриаршего правления, то он согласен, но не иначе, как только под условием созвания Вселенского собора.

Выслушав это объяснение Тарасия, императрица вывела его к сенаторам и духовенству, собравшимся в Матаврском дворце для избрания патриарха. В сильной и выразительной речи Тарасий пред лицом этого собрания заявил, что если желают, чтобы он принял патриаршество, то пусть созовут Вселенский собор для утверждения иконопочитания. Большинство собравшихся признало требование Тарасия справедливым, и Тарасий был посвящен в патриархи в праздник Рождества Христова в 784-м году. Вскоре от лица императрицы Ирины и сына ее Константина, за малолетством коего она управляла государством, было отправлено послание к Римскому папе Адриану с приглашением на собор. К этому посланию присоединил и от себя лично приглашение патриарх Тарасий. Папа отказался от чести присутствовать лично на соборе. Он прислал от себя двух легатов: Петра, протопресвитера церкви святого Апостола Петра в Риме, и Петра, игумена обители св. Саввы в Риме же. Прибыли в Константинополь и представители от патриархов Александрийского и Антиохийского. Это были старшие синкеллы[6549] их: пресвитеры Иоанн и Фома. Помимо полномочий от своих патриархов они привезли еще послание и от иерусалимского патриарха, в котором последний выражал свое согласие на утверждение иконопочитания. Созваны были в столицу и епископы Константинопольского патриархата. В начале предполагалось собор открыть летом 786-го года в Константинопольском храме св. Апостолов. Все уже было приготовлено к открытию соборных заседаний, как вдруг накануне самого открытия их в Константинополе вспыхнул бунт среди войска, который и помешал состояться собору. Собор открылся лишь осенью следующего года (24 сентября) и уже не в Константинополе, а в близкой к нему Никее, где происходил и

первый Вселенский собор, в храме св. Софии. Число членов собора в точности не установлено. Во всяком случае их было более трехсот, потому что под соборными актами имеется подпись 307 епископов. Собор начался речью патриарха Тарасия, после которой была прочитана императорская грамота к собору. По прочтении ее было приступлено к разбору виновности епископов, замешанных в иконоборстве.

После этого императорский секретарь Леонтий напомнил собору о необходимости выслушать послание о св. иконах папы Адриана к императору и патриарху. Эти послания открывают пред нами завесу самой глубокой апостольской древности и выясняют, как смотрела на иконы в то время св. Церковь[6550]. По прочтении обоих этих посланий представители папы пожелали знать: согласны ли с ними патриарх и все члены собора?

Тарасий отвечал, что он приемлет все, что написано папою.

– Этому надобно следовать, – сказал он, – противоречить ему значит поступать неразумно. И сами мы, на основании Писаний, умозаключений и доказательств исследовав истину и познав ее на основании учения отцов, твердо и непреложно исповедали и будем исповедовать, согласно древнему преданию св. отец, живописные иконы, поклоняясь им с горячею любовью, так как они во имя Господа Бога и непорочной Владычицы нашей Святой Богородицы, св. Апостолов и всех святых, но поклонение и веру будем относить к Единому Истинному Богу.

– Весь святой собор также учит, – раздался ответ на его слова со стороны всех членов собора.

Затем было прочитано окружное послание патриарха Тарасия, написанное им к епископам и пресвитерам Антиохии, Александрии и Иерусалима при вступлении на патриарший престол и ответная на него грамота восточных патриархов. По прочтении этих посланий, отцы собора единогласно заявили: «Мы совершенно согласны с ними, с любовью принимаем и почитаем священные и досточтимые иконы и поклоняемся им».

В начале следующего заседания по совету патриарха Тарасия решено было сделать пересмотр всех мест из Священного Писания, из свято-отеческих творений и из

описаний житий святых, могущих служить основанием к утверждению догмата иконопочитания. Среди последних встроилось великое множество повествований о чудесах, исшедших от св. икон и мощей. Вот некоторые из них:

В описании мученичества св. Анастасия Персиянина Персянин † 628 г. Память его совершается 22 января что при перенесении его мощей в Кесарию Палестинскую, когда народ отовсюду устремлялся в сретение им, одна женщина, по имени Арета, впала в сомнение и сказала:

– Я не поклонюсь мощам, принесенным из Персии. Через несколько дней св. мученик явился Арете во сне и спросил:

– Ты страдаешь болезнью в бедрах?

Не успела Арета ответить ему, что здорова, как вдруг почувствовала, что ее действительно постигла болезнь. Долго томилась она в своей болезни, затем, почувствовав временное облегчение от нее, стала размышлять, по какой причине постигла ее такая болезнь. В таком размышлении она провела четыре дня. На рассвете пятого дня ей опять является св. мученик и говорит:

– Иди в Тетрапил[6551]. Помолись св. Анастасию и будешь здорова.

Принесенная к указанному месту, она, когда увидела икону св. мученика, громко возгласила:

– Это поистине тот, кого я видела во сне. Повергшись на помост, она долго плакала слезами раскаяния и встала совершенно здоровою.

По прочтении на соборе повествования об этом чуде, представители папы заявили, что сия икона св. Анастасия с честною главою его находится в одном из монастырей Рима и в настоящее время, а епископ Тавроменийский Иоанн добавил к их заявлению, что он знает одну женщину из Сицилии, которая, будучи в Риме, получила от иконы св. мученика исцеление.

Затем было сообщено Петром, епископом Никомидийским, о чуде, происшедшем от иконы Господа в Берите и приведено из Евагрия[6552] повествование об Едесском чуде от нерукотворного образа Спасителя. Чудо состояло в следующем:

«Однажды Едессу осадил Хозрой, царь Персии. Со сделанных по его приказанию огромнейших насыпей воины стреляли через городские стены в жителей города. Осажденные жители решились сделать подкоп под насыпи и затем сжечь их. Но огонь, который они разводили в подкопах, за неимением притока туда свежего воздуха, всякий раз угасал. Тогда едессяне взяли нерукотворный образ и принесли его на выкопанные рвы.

Окропив образ водою, они стекавшими по нему каплями брызнули на слабо горевший огонь в сложенных дровах, и тотчас же все дрова были объяты необычайным пламенем. Обратив их в уголь, пламя перешло к верхним деревам и быстро уничтожило все сооружения Хозроя»[6553].

При чтении сего повествования, чтец великой Константинопольской церкви сказал:

– Я сам – недостойный раб, когда ходил в Сирию с царскими апокрисиариями[6554], был в Едессе и видел сей нерукотворный образ; верные почитают его и поклоняются ему.

Много и других, подобных приведенным, извлечений из святоотеческих творений было прочитано на следовавших за первым заседаниях собора. Когда отцы собора, как выразился патриарх Тарасий, «насытились святоотеческими свидетельствами», на средину заседаний была вынесена одна досточтимая икона, и пред нею все присутствовавшие на соборе отцы, лобызая ее, произнесли двадцать два кратких изречения, повторяя каждое из них по три раза. Все главные иконоборческие положения в них были осуждены и преданы проклятию.

Следующие заседания были посвящены разбору определений лжевселенского Копронимова собора. Разбор этот был произведен с величайшею тщательностью. Велся он все время при посредстве двух лиц, как бы двух сторон: один читал то, что было определено лжесобором, другой читал опровержение на то, что было ложного в определениях. Места Св. Писания, ложно истолкованные Копронимовым собором, теперь подверглись новому толкованию. Например: из Ветхозаветного Писания в защиту своих мнений иконоборцы

указывали на запрещение Десятословия: «не сотвори себе кумира» (Исх.20:4). Отцы собора отвечали на сие:

– Изречения, сказанные Израильскому народу, который служил тельцу и не чужд был египетских заблуждений, нельзя переносить на Божественное собрание христиан. Бог, намереваясь ввести иудеев в землю обетования, потому дал им заповедь: не сотвори себе кумира, что там обитали идолопоклонники, поклонявшиеся и демонам, и солнцу, и луне, и звездам, и другим тварям, даже птицам, и четвероногим, и гадам и не поклонявшиеся только Богу Живому и Истинному. Когда же, по повелению Господню, Моисей создал Скинию свидения, тогда он, показывая, что все служит Богу, приготовил из золота человекообразных Херувимов, представлявших собою образ Херувимов разумных.

Также ложно истолкованы были лжевселенским собором некоторые места и из святоотеческих творений. В свою защиту иконоборцы приводили, например, такое место из творений св. Афанасия Александрийского:

– Как же не жалеть о почитающих творения по той причине, что зрячие кланяются не видящим и одаренные слухом не слышащим? – Тварь никогда не спасет твари.

Но собор разъяснил, что св. Афанасий в данном месте имел в виду язычников и против них направлял свою речь; христиане никогда не служили твари вместо Единого всех Бога, как обвиняли их иконоборцы. Оказалось также, что иконоборцы часто приводили свято-отеческие слова отрывочно, – без связи их с предшествующею им и последующею за ними речью, – отчего в этих словах мог получаться желательный для них смысл.

Наконец, некоторые из приведенных иконоборческим собором выражений оказались совершенно подложными.

Как скоро оказалось, что основания, какие приводил лжевселенский собор в оправдание своих вероопределений, ложны и недостаточны, для всех само собою стало понятным, что и самые вероопределения его, утвержденные на таких основаниях, ложны, и поэтому отцы собора скоро перешли к окончательной выработке собственного соборного

вероопределения. В этом окончательном вероопределении отцы собора нашли нужным сначала упомянуть о поводе к созванию собора и о предпринятых им трудах, затем – привести дословно весь Символ Веры и опровержение всех тех ересей, которые уже были опровергнуты шестью предшествующими Вселенскими Соборами и, наконец, на вечные времена утвердить догмат иконопочитания:

– Мы определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались для поклонения точно так же, как и изображение честного и Животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок, или мозаичных плиточек, или из какого-либо другого вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находиться во св. церквах Божиих, на священных сосудах и одеждах, на стенах и дощечках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа и Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа или Непорочной нашей Владычицы Св. Богородицы, или честных Ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще, при помощи икон, они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих первообразных[6555], приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует одному только Божественному естеству. Взирающие на сии иконы возбуждаются приносить иконам фимиам и ставить свечи в честь их, как делалось это в древности, потому что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси[6556] изображенного на ней. Осмеливающиеся же думать или учить иначе, если это будут епископы или клирики, должны быть низлагаемы, если же будут иноки или миряне, должны быть отлучаемы.

Собор закончился прославлением Господа со стороны всех епископов, начальников, воинских чинов и других граждан Константинополя, в несметном количестве заполнивших залы дворца. Списки соборных деяний были посланы папе, восточным патриархам, императрице с императором и всем церквам Константинопольского патриархата.

Так торжественно закончился, восстановивший истину иконопочитания и поныне ежегодно воспоминаемый 11 октября всею Православно-Восточною Церковью, Седьмой Вселенский собор[6557].

Кондак, глас 2:

Иже из Отца возсияв Сын неизреченно, из Жены родися сугуб естеством, Егоже видяще, не отметаемся зрака изображения: но сие благочестно начертающе, почитаем верно, и сего ради истинную веру Церковь держащи, лобызает икону вочеловечения Христова.

Страдание святых мучеников Тараха, Прова и Андроника,

Память 12 октября

В царствование Диоклетиана и Максимиана, когда в Тарсе Киликийском начальствовал проконсул Нумерий Максим, в городе Помпеополе[6558] были захвачены три христианина – Тарах, Пров и Андроник и приведены в Тарс к проконсулу Максиму на суд[6559]. Посмотрев на них, проконсул, увидев, что Тарах – человек почтенный и старый, сказал ему:

– Как зовут тебя? Ибо тебя, как старейшего возрастом следует допросить прежде других.

– Я – христианин, – отвечал Тарах.

Проконсул сказал:

– Не говори мне о нечестивой вере своей, а скажи свое имя.

– Я – христианин, – опять сказал Тарах.

Тогда Максим приказал слугам:

– Бейте его по устам и говорите: не отвечай так судье.

Тарах же, когда его били, говорил:

– Какое мне имя? Я скажу: я – христианин; это имя мне дороже имени, данного родителями моими; если же хотите и то имя мое узнать, то я своими родителями наименован Тарахом, а когда был воином, звали меня Виктором[6560].

Проконсул спросил его:

– Из какого ты рода, Тарах?

– Я происхожу, – отвечал Тарах, – из Римского воинского рода в Сирийском городе Клавдиополе[6561] и, сделавшись христианином, оставил военное звание.

Проконсул сказал:

– Ты был недостоин служить воином, однако, скажи, как ты вышел из военного звания.

– Я просил начальника Публиона, – сказал Тарах, – и он отпустил меня.

Проконсул сказал:

– Пощади же старость свою и послушайся повеления царей наших, чтобы я уважал тебя; подойди и принеси жертву богам

нашим, ибо и сами цари, обладающие вселенною, поклоняются им.

Тарах отвечал:

– Они впали в заблуждение, прельщенные сатаною.

После такого ответа Тараха проконсул приказал слугам:

– Разбейте ему челюсти, ибо он говорит на царей, что они прельстились и впали в заблуждение.

Тарах, когда его били, говорил:

– Я как утверждал, так и продолжаю утверждать, что они впали в заблуждение как люди.

Проконсул сказал:

– Оставь безрассудство свое, и принеси жертву богам нашим.

– Я Единому Богу моему служу, – отвечал Тарах, – и в жертву Ему приношу не кровь, но чистое сердце.

Проконсул сказал:

– Щадя старость твою и оказывая снисхождение, советую тебе оставить безумную веру христианскую и принести жертву богам.

– Не сделаю такого беззакония, – отвечал Тарах, – потому что люблю закон Бога моего, и не отступлю от него.

Проконсул сказал:

– Есть другой закон, который нужно исполнять, о злая голова.

Тарах отвечал:

– Пагубен закон ваш, повелевающий вам, нечестивым, почитать камни и деревья, дела рук человеческих, и поклоняться им.

Проконсул приказал предстоящим ударить Тараха в шею. Мученик, терпеливо перенося удары, говорил:

– Не отступлю от сего исповедания, которое спасает меня.

– Я заставлю тебя, – сказал Проконсул, – отвратиться от этого безумия и сделаю благоразумным.

– Делай, что хочешь, – отвечал мученик, – ты имеешь власть над моим телом.

Проконсул Максим сказал:

– Снимите с него одежды и бейте его прутьями.

Тарах же, когда его били, говорил:

– Ныне ты сделал меня поистине мудрым и благоразумным, ибо в этих мучениях я еще более уповаю на Бога и на Христа Его.

– Нечестивейший и преступный, – сказал проконсул, – ты сначала говорил, что Единому служишь Богу, а вот теперь двух исповедуешь, – Бога и Христа Его; как же ты теперь двум служишь, а наших многих богов отвергаешь?

– Я исповедую, – отвечал Тарах, – Единого Истинного Бога.

Проконсул сказал:

– Не назвал ли ты Бога и Христа Его?

Тарах отвечал:

– Христос есть Сын Божий (Един по Божеству со Отцом и Духом Святым), надежда всех христиан, и мы спасемся, страдая за Него.

Максим проконсул сказал:

– Оставь многословие и принеси жертву нашим богам.

– Я не пустословлю, – сказал Тарах, – но говорю истину, уже шестьдесят пять лет живу, веруя так, и теперь от истины не отступлю.

Стоявший там один сотник, именем Димитрий, сказал:

– Пощади себя, старик, и поклонись богам, послушайся моего совета.

– Отойди от меня, – отвечал Тарах, – со своим советом, слуга сатаны.

После этого проконсул Максим, приказав связать страдальца Христова железными цепями и бросить в темницу, сказал слугам:

– Приведите ко мне другого.

На это сотник Димитрий сказал:

– Вот, господин, он предстоит пред тобою.

Проконсул Нумерий Максим, увидев другого христианина, предстоящего пред ним, сказал ему:

– Поведай мне прежде всего имя свое. Предстоящий отвечал:

– Первейшее и почетнейшее мое имя – христианин, а другое имя, данное людьми, – Пров.

Проконсул спросил:

– Из какого ты рода, Пров?

– Отец мой, – отвечал Пров, – был из Фракии, а рожден я в Пергии Памфилийской[6562], и я христианин.

Проконсул Максим сказал:

– Никакой пользы тебе нет от сего имени; послушайся меня, принеси жертву богам, и ты получишь почесть от царей и станешь нашим другом.

Пров отвечал:

– Я ни от царей чести не хочу, ни дружества твоего не желаю, ибо у меня было немалое богатство, которое я оставил, чтобы служить Богу Живому.

Проконсул сказал:

– Разденьте его и, разложив, бейте суровыми жилами. Когда святого били, Димитрий сотник сказал ему:

– Пожалей себя; разве ты не видишь, что кровь твоя течет по земле.

– Тело мое, – отвечал Пров, – в ваших руках и вы мучайте его, а мне мучения служат елеем.

Проконсул Максим сказал:

– Оставишь ли ты безумие свое или окаменеешь в своем упорстве?

– Я не суетен, – сказал Пров, – но гораздо мужественнее вас, ибо для мужества имею основание в Господе.

Тогда проконсул сказал слугам:

– Поверните и по чреву бейте его.

При этом жестоком мучении Пров воскликнул:

– Помоги мне, рабу Твоему, Господи! Проконсул сказал слугам:

– Когда бьете его, спрашивайте: где помощник твой? И когда слуги спрашивали его, Пров говорил:

– Помогает мне Господь и поможет, и я настолько презираю мучительства твои, что не склонюсь пред твоею волею.

Максим проконсул сказал:

– Посмотри на тело свое, злосчастный, ведь кровью твоею покрылась земля.

– Знай, – отвечал Пров, – что когда тело мое страдает за Христа, тогда душа моя исцеляется и оживляется.

Приказав перестать бить святого, судья сказал: – Свяжите ему цепью руки и ноги и бросьте его в темницу, и никого не допускайте к нему, чтобы никто о нем не заботился.

После этого, по приказанию проконсула, представлен был на суд третий христианин. Опрошенный об имени, он отвечал:

– Я – христианин.

Проконсул сказал:

– Те, которые были раньше тебя, никакой пользы не получили от сего имени, и тебе следует отвечать иначе.

Он сказал:

– Обычное мое имя – Андроник. Проконсул Максим сказал:

– Из какого ты рода, Андроник?

– Я из почтенного рода, – отвечал Андроник, – сын одного из первейших граждан Ефесских.

Проконсул Максим сказал:

– Пощади себя и послушайся меня как отца; ибо прежде тебя бывшие здесь и говорившие неразумное, ничего не приобрели себе, а ты принеси жертву богам, которые суть владыки и отцы наши.

– Справедливо ты назвал их отцами, – сказал Андроник, – ибо отец у вас – сатана, а вы – сыны диавола, совершающее дела его.

Проконсул Максим сказал:

– Ты – юноша, и бесчестишь меня! Разве не знаешь, что уже приготовлены тебе великие мучения?

– Ты считаешь меня, тиран, – отвечал Андроник, – настолько безумным, что будто я окажусь недостойным прежних страдальцев: я готов на всякие муки.

Мучитель сказал:

– Обнажите его и, привязав, повесьте.

Сотник Димитрий сказал Андронику то же, что и первым двум:

– Злосчастный, послушай, что тебе приказывают, прежде чем плоть твоя не отпадет от костей твоих.

– Лучше пусть погибнет тело мое, – отвечал Андроник, – лишь бы вы не сделали душе моей того, что хотите.

Проконсул Максим сказал:

– Уступи нам и принеси жертву богам, прежде чем не погибнешь.

– От юности своей, – отвечал Андроник, – я никогда не служил идолам, и теперь не принесу им жертвы.

Проконсул Максим сказал:

– Терзайте тело его.

Стоявший там сотник другого отряда, Анксий, сказал Андронику:

– Послушайся проконсула; я отец тебе по летам и добрый совет даю тебе.

– Стар ты, – отвечал Андроник, – а разума не имеешь, – Даешь мне такой совет, чтобы я поклонился камню и принес жертву бесам.

Во время истязаний святого мученика, проконсул говорил:

– Злосчастный, разве ты не чувствуешь страдания при таких мучениях? Почему же ты не пощадишь самого себя и не отступишь от той пустой веры, которая не может спасти тебя?

– То, – отвечал Андроник, – что ты называешь безумной верою, для имеющих надежду в Господе есть исповедание самое дорогое, твое же временное мудрствование готовит вечную смерть.

Проконсул спросил:

– Кто тебя научил такому безумию?

– Слово Божие, – сказал Андроник, – которое живит и которым мы оживляемся, имея на небесах Господа, надежду воскресения нашего.

Проконсул Максим сказал:

– Оставь безрассудство свое прежде, нежели подвергну тебя жестоким мучениям, которые приготовлены для тебя.

– Тело мое, – отвечал Андроник, – лежит пред тобою; власть твоя: делай, что хочешь.

Проконсул сказал:

– Как можно сильнее бейте его по устам.

– Пусть Господь видит, – отвечал Андроник, – и да судит тебя, что ты мучишь меня, как человекоубийцу.

Проконсул сказал:

– Ты царских повелений не слушаешь и ни во что ставишь суд мой.

– Я терплю сии страдания за то, – ответствовал Андроник – что уповаю на Бога и надеюсь на Его милосердие и правду.

Судия возразил:

– Так разве согрешили цари? Ты достоин смерти.

– Согрешили они действительно, – отвечал Андроник, – ибо если захочешь рассудить здравым умом, то узнаешь, что приносить жертвы богам – великий грех и беззаконие.

Тогда мучитель сказал бьющим:

– Оборотив оружие, колите ему бока.

Андроник же повторял:

– Вот, я перед тобою: предавай же тело мое каким тебе угодно мучениям.

Во время этого мучения Андроник промолвил:

– Закалилась ранами плоть моя.

– Медленными страданиями, – сказал мучитель, – истреблю тебя.

– Я не боюсь твоей угрозы, – отвечал Андроник, – разум мой выше замыслов злобы твоей; потому и пренебрегаю мучениями.

Тогда мучитель сказал слугам:

– Наденьте на него оковы и, заковав ему ноги, держите его под стражею.

По прошествии некоторого времени, проконсул Нумерий Максим опять сел на судилище, и христиане поставлены были на допрос[6563]. И сначала Тараха, как старейшего летами, судья принуждал к языческому жертвоприношению, обещая ему почести. Когда же Тарах не только не повиновался, но и сурово отвечал судье, тогда тот приказал сокрушить уста его камнями и выбить ему зубы; затем сказал слугам:

– Принесите огонь и, протянув руки Тараха, положите на них.

Тарах же сказал:

– Не боюсь я временного огня твоего, а боюсь как бы, уступив тебе, нечестивцу, я не впал в огонь неугасаемый.

И когда положен был огонь на руки его, проконсул сказал:

– Вот сожигаются огнем руки твои; почему же ты не оставишь безрассудства своего и не принесешь жертвы богам?

– Ты хочешь, – отвечал Тарах, – привести меня своею жестокостью к такому безрассудству, чтобы я подчинился твоей воле; но знай, что я, с помощью Бога моего, с твердостью готов претерпеть все мучения, какие ты мне готовишь.

После этого проконсул велел повесить его вниз головою и развести под ним огонь, а затем вливать в ноздри его крепкий уксус, смешанный с солью и горчицей. Мучил он различным образом и Прова, также и Андроника, – биением, жжением, строганием острыми железными орудиями и посыпанием ран солью; но, не достигнув никакого успеха, велел до утра стеречь их в оковах.

Утром проконсул сказал сотнику Димитрию:

– Зови ко мне нечестивых христиан.

Сотник сказал:

– Вот они предстоят пред тобою, господин.

– Неужели еще не истерзали тебя, – сказал проконсул Тараху, – мучения, раны и оковы? Послушайся меня, Тарах, и оставь свою веру, которая бесполезна для тебя; принеси жертву богам, через коих все произошло.

– Как могли, – отвечал Тарах, – устроить мир те, коим уготован огонь и вечные муки, – и не только им, но и всем, исполняющим их волю.

Проконсул продолжал:

– Перестанешь ли ты злословить, нечестивец? Разве не знаешь, что за бесстыдные слова твои тотчас сниму с тебя голову, и таким образом скорее получишь конец мучениям?

Тарах же отвечал:

– Вначале было у меня такое желание, чтобы скорою смертью сокращены были мои страдания; а теперь продли мне мучения, чтобы возрастал о Господе подвиг веры моей.

– С тобою, – сказал проконсул, – и друзья твои должны страдать и умереть, по закону.

Тарах отвечал:

– Безумно ты говоришь, обещая нам смерть, ибо умирают только те, которые делают зло, а мы, неведующие зла, но страдающие за Господа нашего, ожидаем получить от Него воздаяние.

– Преступный и негодный, – сказал проконсул, – какого воздаяния вы ожидаете, живя худо и беззаконно?

– Не следует тебе, язычнику, знать, – отвечал Тарах, – какое Господь уготовал нам на небесах воздаяние, ради которого мы терпим яростный гнев твой.

– Имеешь ли ты право, – сказал Максим, – так смело говорить со мною, как будто ты – друг мне?

Тарах отвечал:

– Я – не друг тебе, но говорить имею право и никто не может запретить мне сие, когда Бог укрепляет меня.

– Право твое, – сказал Максим, – которое ты имеешь, я уничтожу, нечестивец!

Тарах отвечал:

– Никто права сего отнять у меня не может, ни ты, ни цари твои, ни отец ваш – сатана.

Проконсул Максим сказал:

– Свяжите его, потому что он безумный.

– Если бы я был безумный, – отвечал Тарах, – склонился бы к нечестию твоему.

Когда святой был связан, проконсул сказал:

– Принеси жертву богам, прежде чем не подвергну тебя мучениям по делам твоим.

– Делай, что хочешь, – отвечал Тарах, – хотя не следует тебе подвергать меня обычным мучениям, потому что я был воином; однако, чтобы ты не подумал, будто я боюсь мучений и хочу покориться воле твоей, обрати на меня все ухищрения твоей злобы.

Проконсул сказал:

– Воины всегда приносят жертвы богам за здравие царей своих и удостаиваются заслуженной ими чести, а ты самый дурной из всех, потому что бежал из военного звания, и не

хочешь принести жертвы; за то тебе готовятся жесточайшие мучения.

Тарах сказал:

– Зачем ты сердишься? Говорю тебе, – делай, что хочешь, нечестивец!

– Не думай, – сказал Максим, – что я одним разом погублю тебя, я не перестану мучить и истощать тебя, а останки тела твоего отдам зверям на растерзание.

– Не обещай на словах, – сказал Тарах, – но на деле поскорее исполни то, что хочешь делать.

Максим сказал:

– Ты думаешь, что по смерти твоей какие-нибудь женщины с благовониями похоронят тело твое; но я постараюсь о том, чтобы в конец уничтожить твои останки.

– И теперь, – отвечал Тарах, – и по смерти над телом моим делай, что хочешь.

– Сначала принеси жертву, – сказал Максим.

– Безумный, – сказал Тарах, – я говорил много раз, что не принесу.

Тогда мучитель Максим сказал слугам:

– Избейте ему лицо и уста.

Когда слуги били Тараха, он говорил:

– Лицо мое ты обезобразил, но за то душу мою оживил.

– Несчастный, – сказал мучитель, – оставь безумные мысли свои и принеси жертву богам, чтобы избавиться от этих мучений.

Тарах отвечал:

– Ты считаешь меня безумным потому, что я, надеясь на Господа, уверен в том, что буду жить на небесах; но ты, угождая плоти, живешь временно, а душу свою погубишь на веки.

Тогда проконсул сказал слугам:

– Раскалите железо и приложите к его челюстям. Терпя такое мучение, Тарах сказал:

– Если что и большее сделаешь, не принудишь раба Божия принести жертву богам.

Затем судья велел принести бритву, отрезать мученику уши и содрать с головы кожу, а на голову положить горящие уголья.

Тарах же говорил:

– Если и со всего тела моего прикажешь содрать кожу, не отступлю от Бога моего, Который укрепляет меня в перенесении орудий злобы твоей.

Когда все это происходило, проконсул сказал:

– Соберите железные орудия и, раскалив их еще более, подложите ему под мышцы!

Тарах же, терпя сие, говорил:

– Да видит сие Господь с небеси, и да судит тебя!

Проконсул спросил:

– Какого Господа призываешь ты, преступный?

– Того, Коего ты не знаешь, – отвечал Тарах, – Того, Кто воздаст каждому по делам.

Тогда проконсул велел взять Тараха под стражу, а на допрос привести другого. Когда привели к проконсулу Прова, то сотник Димитрий сказал:

– Вот, господин, пред тобою предстоит Пров.

– Советую тебе, Пров, – сказал проконсул, – не подвергать себя прежним мучениям, ибо те, кои прежде тебя упорствовали, раскаялись в том; а ты теперь принеси жертву, и будешь почтен и от нас, и от богов.

Пров отвечал:

– У нас единомыслие, и мы единым сердцем работаем Богу; не надейся услышать от нас что-либо другое, ибо ты уже слышал и видел, что не можешь отвратить нас от Бога. Вот, я теперь предстою пред тобою и не боюсь твоих угроз; чего еще ждешь более?

– Вы согласились, – сказал проконсул, – в злобе своей отвергнуть богов.

Затем, приказывая связать и повесить его вниз головою, он продолжал:

– Пощади свое тело, пока еще не мучен; ибо видишь, какие мучения приготовлены тебе.

– Делай, – отвечал Пров, – что хочешь; все то зло, какое ты приготовил для меня, будет в утешение душе моей.

Проконсул сказал слугам:

– Раскалите прутья и опалите ему бока, чтобы не безумствовал.

Пров же говорил:

– Насколько ты считаешь меня безумным, настолько я премудр в законе Господнем.

Опять сказал проконсул слугам:

– Раскаленные прутья воткните в спину его.

Пров же, претерпевая сие, говорил:

– Пусть видит с неба Господь мое смирение и терпение! После этого мучитель, повелев принести жертвенного мяса и вина, сказал:

– Влейте вино и вложите мясо в уста его.

Когда слуги делали сие, Пров сказал:

– Да видит Господь с высоты престола Своего сие мучительство и сотворит приговор над судом твоим!

– Много пострадал ты, злосчастный, – сказал судья, – а вот все же принял идоложертвенную пищу.

– Ничего важного, – отвечал Пров, – ты не сделал, причинив мне насилие; Господь знает мою волю.

– Ты, – сказал судья Максим, – и ел и пил жертвенное.

– Господь знает, – ответил на сие Пров, – и видит насилие, которое я терплю.

Проконсул Максим сказал:

– Раскаленными прутьями колите голени его.

Пров же повторял:

– Ни огонь, ни мучения, ни отец твой – сатана не могут отторгнуть раба Божия от исповедания Его.

– Раскалите, – сказал проконсул, – острые гвозди и вбейте их в руки его.

– Благодарю Тебя, Господи, – сказал Пров, – за то, что и рукам моим дал Ты страдать за Имя Твое.

Проконсул сказал:

– От многих мучений ты лишился ума.

– Большая власть твоя, – отвечал Пров, – не только сделала тебя безумным, но и ослепила, ибо ты сам не знаешь что делаешь.

Проконсул сказал:

– Изувеченный, ты смеешь мне говорить такие слова? Так как я оставил целыми глаза его, то – выколите ему их.

Когда сие было исполнено, Пров сказал:

– Хотя ты и отнял мои телесные очи, но никогда не сможешь отнять живых очей веры.

Проконсул сказал:

– После таких мучений, надеешься ли быть живым? Или думаешь, что мы оставим тебя умереть спокойно?

– Для того я и подвизаюсь, – отвечал Пров, – чтобы совершать доброе и целое исповедание и быть умерщвленным тобою без милосердия.

Тогда проконсул сказал слугам:

– Возьмите его отсюда и, связав, стерегите под стражею, чтобы кто-нибудь из знакомых его не пришел к нему и не почтил его за безбожное непокорство.

После этого он сказал:

– Представьте мне Андроника.

– Вот он, – отвечал сотник, – предстоит пред тобою, господин.

И сказал проконсул Андронику:

– Принеси жертву богам, и получишь освобождение от оков.

– Не будет того никогда, мучитель, – отвечал Андроник, – чтобы я сделал что-либо противное закону Бога моего.

Проконсул сказал:

– Ты беснуешься, Андроник.

– Если бы я бесновался, – ответил Андроник, – то послушался бы тебя; но, исповедуя Господа моего, не беснуюсь, – а ты сам бесноват и слеп, так как творишь бесовские дела.

Тогда проконсул сказал слугам:

– Наделайте пучков из рогожи, пропитайте их маслом и сожгите на чреве его.

И тотчас слуги, обнажив Андроника и разложив его на земле, зажгли на чреве его множество мочала, пропитанного маслом. Он же говорил:

– Если и всего сожжешь, не победишь меня, нечестивец, ибо стоит предо мною укрепляющий меня Господь, Коему я

служу.

Проконсул сказал:

– Раскалите прутья и вложите между перстами его.

Андроник же говорил:

– Безумный враг Божий, ты весь исполнен бесовских замыслов; ты видишь тело мое, истощаемое от твоего мучительства, и думаешь, что я боюсь тебя; я имею при себе Христа Сына Божия и пренебрегаю тобою.

– Беззаконник, – сказал проконсул, – ты не знаешь, Кого зовешь, – Человека, Который был казнен Понтием Пилатом и о мучении Которого существуют письменные акты.

– Умолкни, нечестивец, – отвечал Андроник, – ибо не следует тебе говорить о Нем худо.

Проконсул сказал:

– Какая тебе польза надеяться на Того Человека, Которого ты называешь Христом?

– Поистине большая польза, – отвечал Андроник, – и великая награда, почему все сие и переношу с терпением.

Тогда проконсул сказал слугам:

– Откройте ему рот и вложите туда жертвенного мяса и влейте вина.

Когда так сделали, Андроник сказал:

– Господи, Господи! Посмотри на насилие, которое я терплю.

Проконсул сказал:

– Доколе ты будешь страдать, подвергаясь мучениям? Ведь вот уже вкусил ты от жертвы богам нашим.

Андроник сказал:

– Да погибнут поклоняющиеся идолам, ты и цари твои!

– Ты поносишь, злая голова, царей, – сказал проконсул, – которые надолго умиротворили мир.

– Я проклял губителей и кровопийц, – отвечал Андроник, – нарушающих мир, которых Господь крепкою рукою Своею низложит и истребит.

Тогда проконсул сказал слугам:

– Вложите железо в рот его, и зубы ему выбейте, богохульный язык его вырежьте, чтобы не хулил царей, и

сожгите язык его. И сделали слуги все, что приказано было мучителем. После этого Андроник отведен был под стражу.

Этим оканчивается сказание о страдании св. мучеников, заимствованное из судебных записей, сделанных писцами в то самое время, когда святые были пытаемы и мучимы; о прочих же страданиях и смерти святых, три благочестивые мужа: Макарий, Феликс и Берий, смотревшие на кончину святых мучеников, написали в своем послании к верующим следующее[6564]:

«Нумерий Максим, проконсул Киликийский, призвав Терентиана, жреца Киликийского, велел наутро приготовить в тысяче шагах от города амфитеатр[6565], на котором предположено было отдать мучеников на съедение зверям. Когда амфитеатр был наполнен народом, пришедшим посмотреть мучения, прибыл и Максим смотреть на зрелище, а мы[6566] в скрытом месте стояли и смотрели с большою боязнью. И вот сначала отданы были на съедение зверям другие осужденные, коих было множество; затем Максим велел воинам ввести христианских мучеников – Тараха, Прова и Андроника.

Воины заставили людей донести мучеников на плечах, ибо от многих ран они не могли ходить. Мы же, когда увидели их несомыми на зрелище, отвернувшись, заплакали. И брошены были святые среди арены. Тогда напал страх на всех и стали роптать на Максима за такой его суд; и многие с того зрелища разошлись, понося Максима и зверскую его лютость. Увидев это, Максим велел предстоящим воинам заметить ушедших, чтобы ему после расследовать виновность их.

И вот приказал он выпустить зверей на мучеников, и когда те не прикоснулись к ним, велел бить устроителей зрелища, требуя от них, чтобы они выпустили зверей самых лютых. Выпущен был медведь, который в тот день умертвил трех человек; и когда он подошел к Андронику, сел и начал лизать раны его. Андроник же стал раздражать его, чтобы он его съел, но тот был кроток. Разгневанный проконсул приказал копьеносцам убить медведя. Тогда Терентиан, боясь проконсула, поспешил выпустить на мучеников львицу, которая прислана была из Антиохии. Выпущенная на арену, львица

бегая вокруг, страшно напугала собравшихся зрителей, но, подойдя к мученикам, преклонилась и легла пред Тарахом. Он, достав ее рукою своею, тащил ее, чтобы, таким образом раздраженная, она съела его; львица же оставалась при Тарахе кроткою как овца.

Видя сие чудо, народ поднял большой крик. Пристыженный и раздраженный этим чудом, проконсул велел своим слугам раздразнить львицу, но она, сильно рыкая, пошла к дверям и начала грызть их зубами. Весь народ, в страхе, кричал:

– Отворите львице, ибо уже и двери сломались.

Тогда Максим, разгневавшись, призвал Терентиана и велел убить святых мучеников. Тарах, Пров и Андроник были заколоты мечами и рассечены на части, и так скончались[6567]. Уходя со зрелища, Максим оставил десять воинов стеречь тела мученические, приказав положить их с трупами нечестивых, чтобы они не были узнаны и унесены христианами. Мы же, видя сие, молили Господа подать нам благоприятное время, когда бы можно было тайно взять их. После этого, подойдя ближе, мы увидели сторожей ужинающих и огонь, разведенный для ночной стражи; тогда, преклонив колена, молили Господа и Христа Его, чтобы Он исполнил наше желание, – послал с неба помощь и дал нам тела святых. Внезапно сделалось землетрясение, с громом, молнией и дождевой бурей. Мы опять помолились и, приблизившись к телам, нашли огонь угасшим, и не было ни одного из воинов, ибо они убежали от дождя и бури. Тогда мы подняли к небу руки, с молением, чтобы Господь особым знаком открыл нам мощи святых мучеников, так чтобы можно было узнать их среди множества прочих трупов. Ночь же была очень темная. Вдруг три свечи, точно звезды, явились над мощами святых. Взяв тайно мощи святых мучеников, мы ушли, в предшествии тех свечей небесных. Следуя за ними, зашли мы на другую сторону горы, – и свечи небесные стали невидимы. Найдя там выкопанную в скале пещеру, мы положили в ней тела святых, и вход крепко заделали, чтобы они не были найдены кем-либо из неверных[6568]. После этого, пошли мы в город узнать, что делается, и услыхали, что стражи убиты

Максимом. Мы же возблагодарили Господа нашего Иисуса Христа, живущего во веки веков.

Я – Макарий, Феликс и Берий – хотим провести здесь остальное время жизни нашей, чтобы здесь вместе с св. мучениками погребены были тела наши. Души же наши да сподобятся на небе насыщаться вечною жизнью со святыми страдальцами. А тех, кого мы к вам отправляем с сим посланием, приимите с почтением, ибо они суть рабы Господа нашего Иисуса Христа. Умоляем вас поминать нас в молитвах. Да будет с вами благодать Божия. Аминь».

Тропарь, глас 5:

Святых мученик исправлением небесныя силы преудивишася, яко в теле смертнем безтелеснаго врага силою креста, подвизавшеся добре, победиша невидимо: и молятся Господу, помиловатися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Троицы нам славу явиша, доблии Христовы оружницы и мученицы, с Тарахом Пров же и Андроник: обличиша бо все мучителей безбожие, верою доблественне страдальчествовавше.

Космы Маиюмского, творца канонов

Память 12 октября

Родители святого Иоанна Дамаскина[6569], проживая в городе Дамаске, приняли к себе в дом некоего христианского сироту, по имени Космy, происходившего родом из Иерусалима и осиротевшего в самом юном возрасте, будучи весьма благочестивыми и нищелюбивыми, родители святого Иоанна Дамаскина взяли его к себе вместо сына и воспитали вместе и наравне со своим сыном Иоанном. Купив у агарян[6570] в качестве раба одного инока, именовавшегося также Космою, они отдали в обучение ему обоих отроков Иоанна и Космy. Косма, обучившись у сего образованного инока всей премудрости христианского ведения и достигнув совершенного разума и возраста, оставил суетный мир, и, удалившись в одну обитель[6571], возложил там на себя бремя иноческого пострига и добре подвизался в нем; как звезда на тверди небесной, – так и он просиял в Церкви Христовой своим житием и богопросвещенностью. Когда настало в Церкви иконоборство, преподобный Косма побудил святого Иоанна Дамаскина выступить в защиту святых икон и написать для православных исследование о поклонении иконам, разделяя с Иоанном Дамаскиным труд по составлению сочинений против иконоборцев. Он же благоукрасил церковное богослужение прекрасными, вдохновенными тропарями и канонами. Он почтил песнопениями Лазарево воскрешение, вольные страдания Христовы и некоторые Господни праздники[6572]. Впоследствии святой Косма Иерусалимским патриархом был поставлен во епископа Маиюмского[6573], в сане коего много и Богоугодно потрудился, управив свою паству на спасительной пажити Христовой, и потом мирно почил о Господе, достигнув глубокой старости[6574].

Кондак, глас 8:

Украшен добродетельми Космо богодухновенне, Церкве Христовы украшение был еси: песьньми бо украсил еси сию

блаженне. Но молися ко Господу, избавитися нам от всяких козней ратника, тебе зовущым: радуйся, отче требогате.

Житие святого Мартина Милостивого, епископа Турского

Память 12 октября

Святой Мартин происходил из Паннонии, из города Сабарии[6575]; родители его были язычники. Отец его прежде служил в качестве простого солдата, но своей усердной службой поднялся до звания военного трибуна[6576] и занял высокое положение. Детские годы Мартина протекли в Тицине[6577], куда, в то время как он был еще ребенком, отец его, по обстоятельствам службы, должен был переселиться. Еще в самом раннем возрасте, святой своею кротостью, милосердием и чистотою душевною благоугодил Богу, являя в себе признаки призвания свыше. В то время христианская вера повсюду быстро и открыто распространялась в пределах Римской империи, и Мартин, познакомившись с верующими, услыхал от них истины веры Христовой и стал всею душою стремиться к ней, постигая истину своим чистым, неиспорченным сердцем. Воспламененный любовью к добродетелям и святой жизни христиан, отрок, на десятом году жизни, против желания своих родителей, сделался оглашенным. Он не обучался наукам, довольствуясь лишь одним учением Христовым. Будучи двенадцати лет, он возымел благочестивое желание сделаться отшельником, подражая уединенной подвижнической жизни святого Антония. Но Бог судил иначе, дабы тем очевиднее явлено было его благочестие еще до просвещения в купели крещения. Отец Мартина был крайне недоволен дружественными отношениями своего сына с христианами и его благочестивыми наклонностями, тем более что, охваченный честолюбивыми стремлениями, он желал сделать из этого сильного и деятельного мальчика видного воина, который бы прославил его имя на полях битвы. И вот, когда Мартин достиг пятнадцатилетнего возраста, согласно с императорским указом, по которому сыновья ветеранов[6578] должны были поступать в войско, отец схватил его, заключил в цепи и силою принудил принять военную присягу. Как сын трибуна и как видный и

крепкий юноша, Мартин сделался конным офицером и приобрел большую доверенность со стороны начальников.

Новое видное положение Мартина не изменило его смиренного и благочестивого образа жизни. Его средства давали ему возможность иметь при себе двух и более служителей из солдат; но он довольствовался только одним, к которому относился не как к рабу, а как к другу и брату, и более сам служил ему, нежели принимал от него услуги. Сослуживцам своим он оказывал великую любовь и возбуждал в них к себе не только искреннее расположение, но и почтительное удивление своею строго-благонравною жизнью среди постоянных примеров соблазна. Даже будучи солдатом, Мартин всецело отдавался делам милосердия христианского. Оставляя у себя из своего жалованья лишь столько, сколько требовалось для пропитания, и во всем себе отказывая, он на остальные средства помогал несчастным, одевал нагих, кормил бедных и творил другие дела милости.

Службу свою Мартин нес в Галлии[6579]. Вместе с войском ему пришлось стоять на зимних квартирах в Амьене[6580]. Зима была чрезвычайно сурова, и Мартин, всегда отличавшийся милосердием, тем более щедро уделял в это время из своего имения для прокормления и содержания бедных. Однажды, проходя через ворота города, он встретил полуобнаженного нищего, почти совсем закоченевшего от жестокой стужи. Мимо проходившие не обращали на него никакого внимания и оставляли без всякой помощи, вероятно потому, что и сами нуждались и не имели ничего лишнего. У Мартина также ничего не было; он не мог дать нищему никакой милостыни, ибо пред тем раздал все свои деньги. Но сердце его сжималось скорбью и состраданием при виде сего несчастного бедняка. Тогда Мартин, не раздумывая долго и желая лишь оказать несчастному скорейшую помощь, быстро снял с себя воинский пояс, скинул с себя плащ и, разделив его на две половины, одну отдал страдающему от холода бедняку, а сам закутался в остальную половину. Сей поступок видели некоторые из прохожих и стали смеяться над ним, при виде его странного одеяния. Но сердце милосердного воина исполнилось радости;

он не пришел в смущение от насмешек, памятуя слова Божественного Спасителя: «был наг, и вы одели Меня… так как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф.25:36).

И Господь укрепил сию веру Мартина и утешил его за его великое милосердие небесным видением. Ночью, во время сна, Мартин увидел Господа Иисуса Христа, Который, явившись ему одетым частью плаща того, велел ему взглянуть, не та ли самая эта половина, которую он отдал нищему у ворот, Мартин стоял в благоговейном безмолвии; Христос же обратился от него к сонму предстоящих Ангелов и громко сказал:

– Сим плащом одел Меня Мартин, хотя он еще только оглашенный.

Обрадованный столь дивным, утешительным видением, юноша проснулся. Это было спустя три года после поступления его в военную службу. После этого, Мартин не колебался далее, и немедленно принял святое крещение, имея восемнадцать лет от роду. После крещения он стал еще ревностнее стремиться оставить военную службу, которая была совершенно чужда его благочестивым наклонностям и не согласовалась с его заветным желанием уединенной, подвижнической жизни. Однако ему пришлось отказаться от немедленного исполнения своего желания. Его трибуну, бывшему христианином, крайне не хотелось расставаться с ним. Когда Мартин сообщил ему о своем намерении оставить воинскую службу и стать иноком, трибун обещал, что если он подождет до окончания своей службы, то и он также вместе с ним выйдет из службы и оставит мир. Мартин принужден был уступить желанию трибуна и еще в течение двух лет оставался в войске, принимая участие в трудных походах царя Констанция против диких алеманнов[6581].

Во время этих походов, предпринятых для отражения непрестанных набегов многочисленных варваров на пограничные области Римской империи, начальство над частью войск, где служил и Мартин, было поручено царем двоюродному брату его Юлиану, назначенному кесарем[6582]. Отряд войск был недостаточно велик, и Юлиан, в поощрение своим войскам, решил раздать им подарки из добычи,

захваченной у алеманнов. Чтобы сильнее воодушевить воинов в виду предстоявшей битвы, Юлиан повелел выкликать каждого воина по имени и сам лично раздавал им подарки. Когда вызван был Мартин, он выступил вперед и смело сказал своему военачальнику:

– Кесарь! Доселе я служил у тебя в коннице, но теперь позволь мне вступить на служение Богу. Пусть же твоим подарком воспользуется другой, кто будет продолжать твою службу! А я – воин Христов и поэтому не должен более сражаться за тебя.

– Ты – трус, Мартин, – с упреком отвечал разгневанный Юлиан. – Завтра состоится битва. И вот, страх битвы, а не страх Божий заставляет тебя уклоняться от службы.

Но Мартин смело продолжал:

– Если ты принимаешь мое отречение за трусость, а не за верность, то поставь меня завтра одного, без всякого оружия, в самом опасном месте битвы. Тогда ты увидишь, что без всякого оружия, с одним только именем Христа и знамением Его святого Креста, я безбоязненно буду наступать на ряды неприятеля.

– Пусть будет так, – сказал Юлиан, и приказал отдать Мартина до следующего дня под стражу.

Но на другой день алеманны, при виде прекрасно устроенного войска Юлиана, отправили к нему для мирных переговоров послов с предложением полной покорности. Мир был заключен. После этого, Мартин был освобожден от своей военной присяги и поспешил немедленно оставить войско. Он отправился к знаменитому святостью жизни и христианскою православною образованностью Иларию, епископу города Пуатье[6583], чтобы отдать себя под духовное руководство сего святого мужа. Иларий принял юношу с сердечною любовью и, после непродолжительного испытания его характера, хотел посвятить его во диакона; но Мартин, по глубокому смирению своему, отказался от этого сана, и его можно было уговорить только принять более скромную, хотя и более тяжелую, должность заклинателя[6584]. Пробыв недолго в своей новой должности, Мартин стал беспокоиться при мысли, что родители его еще язычники, и, вследствие видения во сне, он, немного

времени спустя, отправился на родину для обращения их ко Христу. Ему приходилось переправляться через Альпы[6585], часто заблуждаться в бездорожных горных пустынях и подвергаться опасностям от разбойников. Однажды он попал им в руки. Один из разбойников поднял свой меч, чтобы отсечь Мартину голову, но его товарищ, сжалившись над юношей, остановил нападавшего. Мартин был связан и отдан под стражу разбойника, спасшего ему жизнь:

– Кто ты такой? – спросил разбойник.

– Я – христианин, – кротко отвечал юноша.

После этого между ними началась продолжительная беседа, во время коей Мартин произвел такое впечатление на разбойника, что тот устыдился своей злодейской, позорной жизни. Он тотчас же освободил Мартина и со слезами стал просить его молитвы за себя. После этого бывший разбойник стал вести благочестивую жизнь и впоследствии подвизался в иноческом образе в Галльском монастыре святого Мартина.

Вступив, наконец, в пределы Италии и продолжая далее путь свой, среди многих испытаний и трудностей, Мартин встретил крайне отвратительного и страшного по виду человека, который набросился на него со множеством любопытствующих вопросов, причем особенно старался добиться ответа на вопрос, куда он идет.

– Я намереваюсь идти, – отвечал Мартин, – куда призывает меня Господь.

– Хорошо, – с гневом сказал его совопросник, – но помни, что куда бы ты ни пошел и что бы ни предпринимал, я всегда буду твоим противником.

Эта встреча и беседа произвела на Мартина глубокое впечатление, однако, он не устрашился, но лишь кротко и с твердым упованием на всеблагий Промысл Божий заметил:

– Господь со мною; я не боюсь того, что может человек сделать мне.

При этих словах собеседник мгновенно исчез. Тогда Мартину ясно стало, что то был исконный враг человеческий – диавол, принявший на себя образ человеческий.

Достигнув родного дома, Мартин застал родителей живыми. Отец его отнесся к нему весьма недружелюбно и остался непреклонным к его проповеди. Но мать его склонилась на его убеждения и была просвещена светом Евангелия, равно как и многие другие жители его родного города. Но успех Евангельской проповеди святого в Сабарии был непродолжителен. В то время, вследствие покровительства нечестивого царя Констанция арианам, ересь их распространилась по всей Паннонии, Мартин вооружился против сего злочестивого учения и за то подвергся преследованиям и, после телесных истязаний, изгнан был из города. Он отправился в Италию и, остановившись в Медиолане[6586], построил там себе отшельническую келью, но и отсюда, после всевозможных гонений и оскорблений, был изгнан арианским епископом Авксентием. Тогда святой решил сделаться отшельником на уединенном скалистом острове Галлинарии, откуда потом переселился на Капрарию[6587], которая была совершенно безлюдной, так как была вся переполнена ядовитыми змеями. Там он жил в подвигах Богомыслия и молитвы с одним лишь сотоварищем, питаясь одними пустынными растениями. Промысл Божий чудесным образом охранял святого подвижника, и он не терпел от змей никакого вреда.

Услыхав, что его учитель, Иларий, изгнанный было арианами из Пуатье, получил позволение возвратиться, Мартин отправился к нему в Пуатье, и они, после пятилетней разлуки, с радостью обняли друг друга. Иларий снова убеждал его принять пресвитерский или, по меньшей мере, дьяконский сан, но Мартин упорно отказывался, желая до конца дней своих оставаться простым иноком. Иларий дозволил ему основать иноческую обитель и отвел для этого место недалеко от Пуатье, в деревне Локоциаг, или Лигуже[6588]. Около благочестивого юноши быстро собрались друзья и ученики, чтобы научиться от него совершенной иноческой жизни. Мартин всех с любовью принимал и служил для всех лучшим образцом подвижнической, Богоугодной жизни. Не получив почти никакого образования, он, тем не менее, силою благодати Христовой в

нем обитавшей, умудряемый Богомыслием и подвигами добродетельной, иноческой жизни, вразумлял и наставлял на путь истинной христианской жизни и людей многознающих и глубоко просвещенных лиц, из коих некоторые, под его влияниям, отреклись от суетного мира, посвятив себя всецело служению Богу и пустынным подвигам. Обитель святого Мартина в короткое время процвела и прославилась, явившись первым монастырем в Галлии и сделавшись знаменитым рассадником в сей стране иночества.

В то время один из оглашенных, поступивший в монастырь святого Мартина для получения душеполезных наставлений в святой вере и благочестивой жизни, но еще не успевший принять крещение, внезапно заболел лихорадкою и умер. Преподобного в это время в обители не было. Возвратившись, он нашел одно бездыханное тело оглашенного среди плачущих братий. Преподобный выслал всех из келлии и, простершись в молитве, через два часа, по благодати Христовой воззвал умершего к жизни. Возвращенный к жизни немедленно принял святое крещение и после того жил Богоугодно еще долгое время. Впоследствии он рассказывал, что когда душа его разлучилась от тела, то он был поставлен пред некоторым грозным Судией, который произнес над ним обвинительный приговор; но два Ангела сказали Судье, что он – тот, за которого молится Мартин, после чего Судия повелел возвратить его к Мартину.

С того времени о Мартине разнеслась слава, как о святом и дивном апостольском муже, облеченном силою свыше.

Привлекая к себе многочисленных учеников[6589] из лиц различного звания и состояния и влияя на них примером своей добродетельной и строго подвижнической жизни, святой Мартин имел на них большое влияние и своим учением. Он сам ясно видел истину Христову и твердо был убежден в ней, и с той же ясностью, живостью, простотою и убедительностью умел сообщать и разъяснять ее верующим и неверующим. Он любил поучать притчами, которые производили сильное впечатление на слушателей.

Видя великие подвиги святого Мартина и не терпя его святой, Богоугодной жизни, исконный враг рода человеческого – диавол воздвиг на него злокозненную брань, являясь ему и всячески искушая его. Но хотя святой постоянно видел вокруг себя демонов и самого князя бесовского, однако, никогда не обнаруживал ни малейшего страха пред ними. Он даже открыто вызывал диавола на борьбу.

– Если ты имеешь какую-либо долю во мне, – говорил он, – то покажи это на деле.

Тогда сатана попытался обмануть и прельстить святого принятием вида Ангела светлого, ибо, как говорит Апостол, иногда и «сам сатана принимает вид Ангела света» (2Кор.11:14). И вот в один день, он предстал Мартину во время молитвы, предшествуемый и окруженный пурпуровым светом, облаченный в царскую одежду, украшенный короною из жемчуга и золота, в сандалиях, покрытых золотом, с веселым и радостным лицом. При виде сего необыкновенного, дивного явления, Мартин пришел сначала в сильное смущение, и оба они долго хранили молчание. Наконец диавол сказал:

– Узнаешь ли, Мартин, кого ты ныне видишь? Я – Христос. Прежде, нежели снова явиться для своего Второго Пришествия, я восхотел открыться тебе.

Святой помедлил и не дал никакого ответа.

– Почему же сомневаешься веровать в видение? – сказал лукавый. – Я – Христос.

Тогда Мартин, по внушению Духа Святого, познал, что это – диавол, и сказал:

– Господь мой Иисус Христос не обещал, что Он явится в пурпуре и блистательной короне. Я не хочу верить, что вижу возвращение Христа, пока Он не придет в том же самом виде, в каком Он пострадал и прежде всего – не покажет видимо тех ран, которые Он претерпел на кресте.

Тогда диавол исчез, как дым, и наполнил келью таким страшным смрадом, что не оставалось никакого сомнения, что то был диавол.

Но, вместе с сими обольстительными видениями, святому были и утешительные и благодатные явления Ангелов и святых

Божиих из загробного мира; так, ему неоднократно являлись святые апостолы Петр и Павел и утешали его Боговдохновенною беседою. Благодать Божия явно почивала на святом Мартине, являя свое сопребывание с ним видимо, воочию всех его учеников, особенно при умилительном совершении им Божественной службы и в то время, когда он благословлял народ. Так, однажды они видели, что когда он поднимал свою правую руку для благословения, от нее исходил какой-то необыкновенный блеск. В другое время они видели, как вокруг его чела явилось сияние.

«Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф.5:15). Так о святом Мартине всем становилось ясным, что Бог предъизбрал его не для безмолвных лишь подвигов в уединении и тишине монастырской келлии, но для того, чтобы поставить его высоко на свещнице Церкви, дабы он своими благодатными дарованиями, добрыми делами и святою жизнью осиявал верующих, как пастырь многочисленного стада Христова. Великая и все более возраставшая слава его делала несомненным, что народ какой-нибудь церкви рано или поздно обратится к нему с призывом в сан епископа. И вот, когда епископская кафедра в городе Туре[6590] сделалась свободною, народ пожелал иметь своим святителем святого Мартина. Но в то же время все знали глубокое смирение Мартина, которое раньше побуждало его настойчиво отказываться от принятия пресвитерского или даже диаконского сана. Тогда решили прибегнуть к хитрости и силе. Один гражданин, по имени Руриций, пришел к святому в его монастырь и, припавши к его ногам, просил прийти и помолиться за его больную жену. Святой пошел; но тут его окружил многочисленный народ и силою привел в город и хором провозгласил его епископом.

Возведенный на святительскую кафедру, святой Мартин нисколько не переменился, по-прежнему был для всех образцом глубокого смирения, довольствовался простою одеждою и самою скудною пищею и большую часть времени посвящал иноческим подвигам, удаляясь от мира и стремясь к

безмолвию. Недалеко от города он избрал себе дикое, уединенное место для своих иноческих подвигов; место это было закрыто скалами и с одной стороны рекой Луарой, и доступ к нему возможен был только по одной тропинке. Здесь святой Мартин построил деревянную келью. Возле него стали селиться также и другие подвижники благочестия, искавшие пустынной жизни. Одни строили себе такие же хижины, другие выдалбливали себе пещеры в горной скале. И таким образом собралось около святого Мартина до 80 братий и образовалась новая иноческая обитель. Она называлась монастырем Мартина, а также большим монастырем и впоследствии Мармутье[6591]. Иноки сей обители приняли устав Мартина и подвизались в подвигах поста и молитвы, под его опытным руководством, пользуясь его душеполезными и в то же время общедоступными, простыми наставлениями и примером его собственной высоко подвижнической жизни. Братия ничего не имели собственного; все у них было общее. Не позволялось ничего ни покупать, ни продавать, и из рукоделий предоставлялось лишь молодым инокам переписывание рукописей Божественных и душеполезных книг; старшие же исключительно упражнялись в молитве. Из келлий редко когда выходили, кроме как для общего служения; вина никто не вкушал, кроме разве больных; пища их, которую они вкушали только раз в день, состояла лишь из хлеба, овощей и маслин; одежда их состояла из грубого верблюжьего волоса, хотя многие из иноков, были знатного происхождения. Братия жили в безусловном послушании и по большей части в безмолвии. Из сей обители вышло немало епископов, много потрудившихся в деле распространения христианского просвещения среди язычников.

Сам святой Мартин ревностно трудился над обращением язычников и ниспроверг идолопоклонство в большей части Галлии. В сем апостольском служении он являлся мужественным, бестрепетным и самоотверженным проповедником истины Христовой. Для этого Мартин нередко оставлял свой излюбленный монастырь и ходил по окрестным странам, уничтожая языческие капища и вырубая священные

деревья идолопоклонников, строил церкви и наставлял язычников вере Христовой. Евангельская проповедь святого Мартина имела тем больший успех, что сопровождалась нередко знамениями и чудесами, которые совершал святой силою Христовою воочию всех неверных. Первым местом обращения язычников был Амбуаз[6592]. Основав здесь своею проповедью церковь, он вверил ее управлению и попечению некоторых из учеников своих. Но язычество там было еще сильно, и христианам угрожала большая опасность со стороны неверных; ибо там еще оставался языческий храм с большим идолом, который был чтим народом. Ученики святого Мартина не решались разрушить сие убежище идолопоклонства, несмотря на повеление святого. Мартин сам снова пришел в Амбуаз, но убедился, что действительно храм тот разрушить трудно. Тогда он, избрав себе уединенное место, всю ночь провел в пламенной молитве к Богу. И Господь услышал сию молитву угодника Своего: поутру поднялся страшный ураган, который разрушил языческий храм до основания и сокрушил находившегося в нем идола.

Проходя со словом благовестия страною Эдуанскою[6593], святой Мартин достиг города Августодона[6594] и остановился здесь, чтобы помолиться при гробе святого мученика Симфориана и помочь епископу Симплицию в истреблении язычества. Близ часовни, в коей почивали мощи святого Симфориана[6595] возвышался языческий храм в честь Сарона[6596], где жили наиболее уважаемые среди язычников жрецы – так называемые друиды Саронские[6597]. Безбоязненно вошел святой Мартин в сей храм языческий и ниспроверг статую и жертвенник Сарона. Тогда на него напала толпа озлобленных этим вооруженных язычников. Один, более смелый, занес было уже над ним меч, но невидимая сила повергла его у ног святителя, и, пораженный страхом, дерзкий язычник смиренно со слезами стал просить святого о прощении и помиловании. При виде сего чуда, и все другие бывшие там язычники уверовали во Христа, и языческое капище обращено было в святилище истинного Бога.

Не менее поразительное чудо произошло по молитве святого в селении Лепрозе[6598]. Движимый апостольскою ревностью, он также хотел и здесь разрушить весьма чтимый язычниками храм; но жители прогнали его. Тогда он удалился в ближайшее к селению безопасное место, где пробыл в посте и молитве трое суток, моля Бога об уничтожении языческого капища. В ответ на его горячую молитву, ему явились два светлых Ангела, как бы в вооружении, которые объявили, что они посланы Богом на помощь ему против язычников.

Услыхав сие, Мартин поспешил немедленно возвратиться в селение и, силою благодати Христовой, чудесно обратил в прах жертвенники и идолов в виду народа, связанного невидимо Божественною силою. Увидев такое чудо и дивное разорение храма, жители того селения познали тщету идолов и обратились ко Христу.

Однажды святой Мартин с некоторыми из своих учеников, по пути к городу Карноту[6599], проходил около одного многолюдного селения. Навстречу им вышла огромная толпа, вся состоявшая из язычников, ибо никто в той местности не знал Христа и не слышал истин веры Христовой. Так велика была слава сего святого мужа, что привлекла к нему множество даже языческого народа, который на далекое пространство покрыл поля. Мартин увидел, что надобно действовать и пользоваться сим случаем для обращения неверных ко Христу. И вот, по внушению Святого Духа, он громко начал свою пламенную проповедь, возвещая Божие слово язычникам и часто вздыхая из глубины души, что такое множество народа не знает Господа Спасителя.

В это время одна женщина, у которой недавно пред тем умер сын, принесла его бездушное тело и, положивши его у ног святителя, простирая к нему руки, говорила:

– Мы знаем, что ты – друг Божий. Возврати же мне моего сына, ибо он у меня один.

Толпа народная присоединилась к несчастной матери и совосклицала ее просьбам.

Святой Мартин взял тело умершего в свои руки, преклонил колена вместе со всем народом и, сотворив молитву, встал и

возвратил отрока матери уже живым. При виде сего, все бывшие там начали единодушно исповедовать Христа Богом и, повергаясь к ногам святого, усердно просили, чтобы он сделал их христианами. Святитель, немедля, тут же, на поле, возложив на них руки, огласил их словом истины. Слух об этом чуде быстро прошел по всей стране[6600]. С таким же успехом святой Мартин распространял свет Евангелия и в других областях Галлии.

Однажды некий мирянин, по имени Еванфий, пораженный жестоким недугом и уже близкий к смерти, пригласил к себе Мартина. Святой немедленно отправился к нему; но еще не прошел он половины пути, как больной, почувствовав силу идущего и внезапно получив исцеление, сам вышел навстречу к святому Мартину и сопровождавшим его ученикам. На другой день Мартин собрался в обратный путь, но остался, вследствие усиленной мольбы исцеленного. Между тем змей смертельно ужалил одного отрока из семейства Еванфия. Последний принес умирающего отрока на своих плечах к ногам святого мужа, веруя в его великую чудотворную силу и убежденный в том, что для него нет ничего невозможного. Змеиный яд разлился уже по всем членам отрока, жилы его поднялись, внутренности вздулись, как мех. Мартин, простерши руку, провел ею по всем членам отрока, и вдавил палец около самой раны, причиненной смертельным жалом змея. И тогда все бывшие с изумлением увидели, что яд со всего тела стал стекать к пальцу Мартина и выходить вместе с кровью из отверстия раны. После этого отрок встал совершенно здоровым, и все свидетели чуда прославили Бога, дивного во святых Своих.

Не менее поразительное чудо совершил святой Мартин в городе Карноте над немою девицей. К Мартину была приведена двенадцатилетняя девица, немая от рождения. Отец ее умолял, чтобы святой развязал своею молитвою язык ее. Святой предоставил это бывшим с ним епископам Валентину и Виктрицию, утверждая, что сие – не по его силам, и что для них, как более совершенных в добродетелях, все возможно. Но те, соединив свои просьбы с мольбами несчастного отца, убеждали

Мартина сотворить ожидаемое от него. Тогда Мартин приказал предстоящему народу удалиться и, в присутствии только епископов и отца отроковицы, простерся ниц с усердною молитвою, потом благословил немного елея и влил его в уста отроковицы, держа и язык ее своими перстами. И дивное чудо оправдало веру святого. Когда святитель спросил у девицы имя ее отца, она тотчас же внятно отвечала ему, – и отец, обнимая колена святителя, с радостью и слезами восклицал и засвидетельствовал пред всеми собравшимися, что это было первое слово его дочери.

Однажды Мартин, входя в Париж, сопровождаемый множеством народа, встретил в самом жалком виде прокаженного, которым все гнушались. Но святой, милосердствуя над ним, облобызал его и благословил, – и вот страдавший вдруг очистился от проказы и на другой день пришел в церковь, воздав благодарение за свое исцеление.

Павлин, благочестивый государственный сановник, впоследствии прославившийся святою своею жизнью, начал жестоко страдать глазною болезнью, и уже темный мрак покрыл его зрачок; но святой Мартин коснулся глаза его тряпицею, и боль тотчас же уничтожилась.

Подвиги милосердия и любви христианской к несчастным и убогим были неисчислимы в святом Мартине, за что он и стяжал себе наименование «Милостивого». Однажды в зимние месяцы, по дороге в церковь, он встретил полунагого нищего, который стал просить у него себе одежды. Святой, призвав архидиакона, приказал ему одеть мерзнущего; потом вошедши в секретарий[6601], сидел там по обыкновению один; а так как диакон не давал одежды нищему, то сей, ворвавшись к блаженному мужу, стал жаловаться на клирика и на холод. Тогда святой, тайно скинул с себя из-под верхней одежды тунику[6602], приказал бедному одеться в нее и уйти. Спустя немного вошел диакон и возвестил святому епископу, что время – совершать торжественную службу, ибо народ ожидает в церкви. На сие святой отвечал, разумея себя:

– Сперва надобно одеть бедного: не могу я идти в церковь, если бедный не получит одежды.

Диакон, ничего не понимая, потому что не примечал, что святой внутри наг, стал извиняться тем, что не находит бедного.

Но Мартин настойчиво повторил:

– Пусть одежду, которая приготовлена, принесут ко мне: бедный не будет не одет.

Принуждаемый необходимостью, клирик, рассердившись, схватил из соседних лавок за пять монет короткую, грубую одежду и положил ее с гневом у ног Мартина, говоря:

– Вот одежда, а бедного нет.

Святой же спокойно приказал ему постоять немного за дверями и, тайно одевшись в ту одежду, вышел в храм для совершения литургии. И Господь не замедлил вознаградить Мартина за сие тайное дело благотворения христианского. В этот день, когда он благословлял жертвенник, во время Богослужения показался блистающий от головы его огненный шар, так что пламя, восходя вверх, производило длинный луч. Это преславное явление в этот день при великом множестве народа видели лишь немногие избранные, как, то: один благочестивый ученик святого Мартина, по имени Галл, одна из дев, один из пресвитеров и трое из иноков.

Кротость, какою отличался Мартин, заставляла даже язычников любить его. У него едва ли были вообще какие-либо враги, но если и были таковые, то они ненавидели его за добродетели, коими не обладали сами и которым не могли подражать. Между тем Мартин никого не осуждал, никому не воздавал злом за зло. При всех оскорблениях он был столь терпелив, что безнаказанно иногда был оскорбляем от низших членов своего духовенства: он никогда не низлагал их за причиняемый ему скорби и, насколько это зависело от него, не лишал их своей любви. Никто не видел его никогда гневным, или расстроенным, или смеющимся. Он всегда был одним и тем же, нося на своем лице нечто вроде небесной радости. Никогда на его устах не было ничего другого, кроме имени Христа. Никогда в его сердце не было чего-либо иного, кроме благочестия, мира и сожаления. Часто он плакал о грехах даже тех из своих поносителей, которые при нем, или в его

отсутствие, нападали на него с змеиными устами и ядовитыми языками.

Каковы были терпение и кротость святого Мартина в отношении к своим оскорбителям, – ясно показывает следующий пример. Среди духовенства в монастыре был один молодой человек по имени Брикций, который происходил из самого низкого звания, но которого Мартин приютил, воспитал и впоследствии возвел в сан диакона. Возбуждаемый злыми духами, Брикций стал страшно поносить своего незлобивого учителя в глаза и за глаза. Святой муж старался образумить его кроткими наставлениями; но это не действовало на безумца, и он продолжал изрыгать еще большие хулы и потом убежал. Встретив на дороге больного, спрашивавшего у него, где ему найти святого Мартина, Брикций назвал святителя старым обманщиком и другими позорными кличками. Когда, вскоре после того, по исцелении сего больного, Мартин встретил Брикция, то лишь кротко спросил его:

– Почему ты меня назвал обманщиком?

– Я никогда не называл тебя так, – отвечал диакон.

– Разве ухо мое не было у твоих уст, хотя ты и говорил за спиной у меня? – заметил святитель. – Ты также, когда я умру, сделаешься епископом, и тебе придется много пострадать.

После того с Брикцием сделались припадки бешенства, и, однажды, когда Мартин сидел на скамье пред своей келлией, Брикций набросился на него с яростными ругательствами, причем на соседних скалах ему виднелись два демона, поощрявшие его к безумству.

– Я святее тебя, – говорил диакон, – я воспитался в монастыре, а ты некогда был солдатом.

Братия требовали, чтобы Брикций был подвергнут примерному наказанию и лишен священного сана; но Мартин спокойно перенес его ругательство. Когда вскоре после того Брикций, тронутый кротостью святого, опомнился и бросился к его ногам, мучимый угрызениями совести, Мартин только заметил:

– Брикций повредил только себе, а не мне. Господь Иисус Христос терпел около Себя даже Иуду: не должен ли я после

этого терпеть юношу этого около себя?

Предсказание Мартина исполнилось. Брикций впоследствии настолько переменился, что по смерти святого был сделан его преемником, после чего должен был вытерпеть много скорбей и поношений и потом в мире скончался[6603].

Насколько было неотразимо и сильно влияние святого Мартина на самых надменных и жестокосердых людей, даже на сильных мира сего, показывают следующие примеры. Еще в начале святительства его, Тур был приведен в ужас посещением жестокого областеначальника Авициана, ярость которого не уступала ярости диких зверей. За его свитою следовали длинные ряды узников, казнью коих жестокий правитель хотел навести ужас на город. Человеколюбивый Мартин, не убоявшись ярости правителя, решился заступиться, как за его узников, так и за свой епископский город, и в полночь отправился к дверям дворца Авициана. В эту ночь беспокойный сон областеначальника был внезапно прерван, как ему показалось, сильным толчком, причем какой-то неизвестный голос сказал ему:

– Ты спишь здесь, между тем как раб Божий лежит за дверями у твоего порога.

Авициан приказал своим слугам посмотреть за дверями, но они, сделав небрежный осмотр, уверили его, что это – простое воображение, и он, успокоившись, снова заснул, но вскоре же вторично разбужен был громким голосом: «У дверей стоит Мартин». Тогда служители нашли, что это – действительно так. Областеначальник велел привести к себе святителя и спросил его:

– Зачем ты поступил так?

– Я знаю твое намерение, – дерзновенно отвечал святой Мартин, – прежде чем ты высказал его. Иди и не допускай, чтобы гнев неба погубил тебя.

Устрашенный вдохновенным, пророческим голосом святителя и обличаемый своею совестью, Авициан поспешил исполнить его повеление: он отпустил узников на волю и оставил город. Укоры святого Мартина и впоследствии оказывали доброе влияние на характер сего жестокого

областеначальника. Однажды, когда Авициан снова посетил город Тур, святой вошел к нему в комнату и, молча, упорно смотрел на него.

– Зачем ты так упорно смотришь на меня, святой человек? – спросил Авициан.

– Я смотрю не на тебя, – отвечал Мартин, – а на омерзительного демона, который сидит у тебя на шее.

И слово святителя снова оказало доброе действие и остановило жестокого областеначальника от исполнения злых его намерений.

Император Валентиниан I[6604], слыша со всех сторон о славе святого Мартина, выражал желание войти с ним в дружественные отношения; но супруга его Иустина, которая была ревностной арианкой, не допускала его к этому. Поэтому, когда однажды Мартин, по важным делам, прибыл в Трир[6605], где тогда находился двор императора, тот, предубежденный против него супругою, не велел допускать его к себе. После напрасных усилий представиться государю, святитель предался молитве и посту. На седьмой день ему явился Ангел и повелел идти во дворец к императору. Получив сие Божественное внушение, Мартин поспешил ко дворцу и, нашедши двери отворенными, явился пред императором без всякого доклада. Валентиниан пришел в сильный гнев, но внезапно почувствовал, что кресло под ним как бы все объято внизу огнем. Вынужденный встать, он вдруг переменился и принял святого с горячим объятием, долго беседовал с ним, удержал его у себя, как дорогого гостя, еще на несколько дней, обещал ему исполнить все, чего только он ни попросит, и, при прощании, предложил ему богатые дары, от коих святитель, однако, отказался, чем возбудил к себе еще большее уважение.

В 383 году римские войска провозгласили императором Максима, а сын и преемник Валентиниана I – Грациан[6606], вследствие измены солдат, потерпел поражение и был убит; брат же его Валентиниан II принужден был бежать и лишен престола, оставив за собою лишь часть своих владений. Тогда святой Мартин отправился в Трир к императору Максиму ходатайствовать за тех, которые были на стороне Грациана, и

коим угрожала смерть. Максиму было в высшей степени важно обеспечить себе преданность духовенства и, прежде всего, если возможно, столь любимого и знаменитого епископа, каким был святой Мартин. Поэтому он весьма благосклонно отнесся к его прибытию и пригласил святого во дворец к царскому обеду. Но Мартин отказался и с необычайною смелостью отвечал:

– Я не могу сидеть за столом человека, который лишил одного императора жизни, а другого – его престола.

Вместе с тем Мартин предостерегал императора, что хотя бы сначала он и был успешен в своих делах, однако, царствование его будет непродолжительным, и его ждет скорая гибель[6607]. Максим сдержал свой гнев и убедительно представлял святителю, что он не сам своею волею возложил на себя венец, но возложили его воины для защиты царства от врагов. Наконец, уступая убеждениям императора, святой Мартин согласился прийти на царский обед, на который собраны были высшие чины и знатнейшие лица, причем Мартин был посажен на самом почетном месте, а сопутствовавшему ему его священнику отведено место между братом и дядей императора. Во время пиршества императору была подана чаша с вином, и он приказал подать ее прежде Мартину, чтобы принять ее обратно из святительских рук. Но Мартин, отведав из нее, передал обратно не царю, а одному из присутствовавших, как будто сей последний, был лицом высшего сана, чем царь. Это удивило царя и всех бывших. Однако Максим не только не разгневался, но с этих пор стал оказывать святому Мартину еще большее уважение. Император часто призывал и почтительно принимал Мартина во дворце своем, беседуя с ним, как о современных делах, так и о будущей жизни, вечной славе святых и других душеполезных предметах. Благочестивая же царица с умилением и слезами внимала святым беседам и наставлениям Мартина и, наконец, с согласия своего мужа, устроила у себя трапезу для одного святого Мартина, которую собственноручно приготовила, сама прислуживала, сидя у его ног, подавала яства и питье; потом в конце обеда собрала все крохи и остатки и сделала из них обед для себя самой. Но святой Мартин отнесся ко всему этому с

величайшим смирением, и сердцем и мыслью пребывал в монастырской келлии, среди простых иноков, коих он собрал вокруг себя.

К концу своей жизни Мартин, услыхав, что между духовенством в округе Канда[6608] возникла ожесточенная распря, поспешил туда, чтобы восстановить примирение между ссорившимися клириками. Созвав своих иноков, он предсказал им о приближении своей кончины, и отправился в путь, напутствуемый их слезами и воплями. Восстановив мир в Канде, святой подвергся там жестокой горячке и, чувствуя наступление своей кончины, приказал своим ученикам положить себя на пол в саване и пепле, потому что так, по его же словам, должны умирать христиане. При этом он, как казалось ему, видел близ себя диавола.

– Зачем ты стоишь здесь, ужасный зверь? – произнес святой. – Ты не имеешь части во мне: лоно Авраамово примет меня.

Это были его последние слова, и окружавшие его братия были поражены блеском и красотою лица его, когда он лежал уже мертвым[6609]. Две тысячи иноков и хор девственниц сопровождали тело его в Тур, где он, при великом стечении народа, и был предан торжественному погребению. По блаженной кончине Своего великого угодника и чудотворца, Бог сподобил его нетления тела, и при гробе его совершались великие и многочисленные чудеса[6610], во славу Бога, дивного во святых Своих вовеки. Аминь.

Память святой мученицы Домники

Память 12 октября

Святая Домника подвизалась при императоре Диоклетиане. Приведенная за исповедание Христа на суд к Лизию, игемону Аназарва Киликийского, она сначала была бита воловьими жилами, ноги же ее были обожжены раскаленным железом; затем ее столь жестоко били палками, что сокрушили ей суставы. Брошенная, наконец, в темницу, она там, вознося благодарение за мученические раны, предала дух свой Господу (286 г.).

Празднование в память перенесения Мальтийских святынь

Память 12 октября

В Русской церкви 12 октября совершается празднование перенесения с острова Мальты в Гатчину трех великих святынь: части древа Животворящего Креста Господня, чудотворного образа Филермской Божией Матери, написанного святым Евангелистом Лукою, и десной руки святого Иоанна Крестителя. Передадим вкратце историю происхождения каждой в отдельности из этих святынь и установления в честь их праздника.

I.

В 326-м году произошло чудесное обретение на Голгофе Креста Господня св. царицею Еленою. Вскоре же после этого по царскому повелению был заложен здесь новый храм Воскресения Христова, которому суждено было сделаться на долгие годы хранителем сей великой святыни всего христианского мира. Хранит эту святыню сей храм и до настоящего времени. Но ее нельзя представлять во всей целости, каковою она была при обретении ее святою царицею Еленою. Предание сообщает нам о многих частях Креста Господня, еще в глубокой древности отделенных от него и разнесенных по всем концам мира для освящения его[6611]. Хранил эти частицы Восток, хранил и христианский Запад.

Точно так же и святая Русь в тысячелетний период своей христианской жизни не раз получала с Востока части Животворящего Креста Господня, которые и хранятся до настоящего времени и в кафедральных соборах, и древних монастырях, и приходских церквах, и царских дворцах и даже частных домах. Одну же из этих частиц она получила с Запада, от рыцарей Мальтийского ордена. Судьбы этого ордена всегда были тесно связаны с судьбами, выпавшими на долю православного Востока и даже с судьбами того Честного Древа, которое было его всегдашним незыблемым оплотом и

побеждающим орудием против всех бедствий и козней со стороны иноплеменного мусульманского и языческого мира.

В то время как одни из западных христиан с посохом странника предпринимали благочестивые путешествия на Восток для поклонения святыням его, среди которых всегда первое место, бесспорно, принадлежало Животворящему Древу Креста, другие же, облекшись в бранные доспехи, устремлялись туда, чтобы проливать кровь свою, защищая как поклонников, так и сами святыни, которые влекли их к себе[6612], – третьи поставили себе в обязанность, соединяясь в общества, давать приют на чужбине первым и врачевать раны вторым. Одним из самых древних таких обществ является орден Иоаннитов[6613], называвшийся так потому, что церковь имевшегося при нем госпиталя была посвящена святому Иоанну Крестителю. Будучи сначала учреждением, преследовавшим только цели благотворительности, орден впоследствии, когда настоятельство в нем было отдано деятельному французу Раймунду де-Пюи[6614], получил новый устав, по которому целью его деятельности была уже и вооруженная защита паломников на пути их в Иерусалим. Такое расширение его деятельности в Европе было принято с большим сочувствием: благочестивые рыцари разных государств спешили вступить в новый орден. Семисотлетняя борьба с неверными в защиту христианства покрыла иоаннитов вечной славой. Впоследствии иоанниты должны были оставить Палестину, но необычайное мужество и самоотверженность они показали еще во времена своего пребывания в Иерусалиме (1118 – 1187 гг.) в битвах с войсками египетских и багдадских халифов[6615]. В награду за свои подвиги они получили тогда частицу Животворящего Креста Господня, которую хранили благоговейно и в Птолемаиде, и на островах: Кипре, Родосе и, наконец, Мальте[6616], откуда она и была перенесена ими в Россию при императоре Павле.

II.

В одно время с частицею Животворящего Древа Креста Господня с острова Мальты была перенесена на Русь иоаннитами и другая также благоговейно ими чтимая и долгое

время хранимая святыня: Филермская икона Божией Матери – Одигитрия[6617].

Идущее от глубокой древности предание гласит, что написана она была святым Евангелистом Лукою и освящена благословением Самой Приснодевы, на благословение Которой имел обыкновение приносить труды своих рук Евангелист-живописец. Около 46 года она принесена была на родину святого Луки, в Антиохию, где и сохранялась до времени царствования Константина Великого, когда вместе с другими вещественными памятниками земной жизни Иисуса Христа и апостолов была перенесена в восстановленный Константином Иерусалим. Около 480 года императрица Евдокия переслала ее, как благословение, в Константинополь к святой Пульхерии, сестре императора Феодосия Младшего. Здесь святой Пульхерией был построен новый храм Влахернский, где была помещена сия святая икона Божией Матери, которая на многие столетия сделалась хранительницею Константинополя.

Еще со времени святой Пульхерии во Влахернской церкви, по воле строительницы, было положено совершать пред образом Богоматери по вторникам молебствие, а с 626 года, со времени чудесного Ее прославления, к молебствию было присоединено еще чтение акафиста[6618]. И неумолкаемые похвалы в честь Богоматери раздавались в сей церкви, пока не настали тяжкие времена иконоборства, когда ее, по словам одного современника, лишили, «аки царицу от порфиры».

По восстановлении иконопочитания, икона Богоматери снова заняла подобающее место в построенной в честь Ее церкви, которая еще раз прославилась чудесным явлением в ней Покрова Пресвятой Богородицы и новым заступлением Ее от давних врагов Константинополя – сарацинов[6619]. Но оскудела вера жителей Константинополя, и они лишились своей Заступницы. К врагам мусульманам присоединились новые враги: западные христиане – крестоносцы. Во время четвертого крестового похода икона Одигитрии вместе со многими другими святынями Константинополя была взята крестоносцами из Влахернской церкви и отправлена на Запад. Перенесенная снова в Палестину, она досталась иоаннитам. Когда, по

окончании крестовых походов, последние должны были оставить Птолемаиду, где они до того времени жили, и переселиться на остров Родос, то туда же была перенесена ими и святая икона. И она была неотъемлемою их собственностью во время всех их дальнейших переселений, пока они не принесли ее в дар императору Павлу.

III.

Десная рука святого Иоанна Крестителя является третьей святыней, в честь которых на Руси установлено празднование 12 октября. Евангелист Матфей, излагая обстоятельства мученической кончины святого Иоанна Крестителя, замечает, что ученики его, пришедши, взяли тело (кроме главы) и погребли его[6620]. На месте погребения Предтечи в Самарийском городе Севастии[6621] уже в III-м веке была выстроена церковь, посвященная его имени. Чествование же его памяти и поклонение его честным мощам совершалось еще во времена апостольские.

По преданию, идущему от глубокой древности, святой евангелист Лука, проповедуя Христа в Севастии, поклонился останкам мощей Его Крестителя и просил жителей Севастии дозволить ему перенести их в Антиохию, где бы они могли быть спасены от поругания и истребления неверными. Но севастийцы позволили ему взять только десницу Крестителя, которая с благоговением и была перенесена им в Антиохию. От времен пребывания этой святыни в Антиохии сохранилось предание об одном замечательном чуде, от нее исшедшем.

В Антиохийских пределах было какое-то чудовище, которому, по суеверию тамошних язычников, ежегодно приносилась в жертву по жребию одна из непорочных девиц города. Однажды роковой жребий пал на молодую антиохиянку, дочь христианина. Удрученный горем отец ее, не желая отдать христианской крови на поругание суеверного язычества, обратился к помощи свыше. После пламенной молитвы в храме святому Предтече, он, целуя нетленные его мощи, там хранившиеся, отнял зубами от них часть перста и скрыл ее у себя. Когда настало время страшной жертвы и приблизившееся чудовище уже открывало свою пасть, чтобы схватить невинную

девицу, пришедший к тому времени ее отец бросил ему в пасть имевшуюся у него часть перста от десницы Крестителя, и чудовище тотчас же пало бездыханным. Велико было удивление присутствовавших при этом зрелище язычников. Узнав истинную причину такой внезапной гибели чудовища, многие из них оставили свои прежние суеверия и обратились ко Христу. На месте суеверных казней ими был построен храм в честь Крестителя. Предание об этом чудесном происшествии поясняет нынешний вид десницы Крестителя, у которой недостает части меньшего перста. И велика была вера антиохийцев в драгоценную святыню, сохранившуюся в их городе. Знал об этой святыне Юлиан Отступник, знал и о любви к ней антиохийцев, потому что сам в юности жил в Антиохии. Обрекая в жертву огню все напоминавшее о христианстве, он не мог оставить без внимания этой святыни, когда, идя войною на Персов (в 362 г.), прибыл в Антиохию. Случилось к тому же, что как раз в это время сгорел любимый им храм Аполлона в Дафне[6622]. Подозревая в поджоге его христиан, разгневанный царь приказал, в отмщение им, публично сжечь главную святыню Антиохии – десницу святого Иоанна Крестителя. Но верующие антиохийцы, как оказалось, еще до прибытия к ним Юлиана, скрыли свою святыню в одной городской башне, и все розыски ее исполнителями царской воли остались напрасными. По смерти Юлиана, святыня эта вновь была положена ими в главном храме города, где и находилась еще около шестисот лет, до времени завоевания Сирии мусульманами. В 639-м году пала Антиохия, а вместе с нею попала мусульманскому пленению и десница Крестителя. Много раз Византийские императоры пытались взять ее из Антиохии, но все старания их не достигали желанной цели. Наконец, Господь судил христианской святыне быть перенесенною из порабощенного нечестивым народом города в столицу христианского царства. В 959-м году благочестивый диакон антиохийской церкви Иов, – старавшийся не раз склонить сосудохранителя церкви святого Петра, где вместе с священными сосудами и другими драгоценными предметами хранились в особом помещении десница Крестителя, отдать ему сию святыню, но всегда

напрасно, – решился, наконец, воспользоваться слабостью сосудохранителя: во время крепкого его сна от излишнего употребления вина, Иов взял ключи от церкви и ночью похитил святыню. С своею драгоценною ношею он отправился прямо в Константинополь. Достигнув Халкидона[6623], он послал в Константинополь известие об унесенном им из Антиохии сокровище. Вскоре же за ним прибыл в Халкидон царский корабль с патриархом и царскими сановниками. Спустя немного времени, царь и весь народ с великим торжеством, умилением и восторгом встречали на Босфоре с таким трудом добытую святыню «как будто самого Крестителя, с небес пришедшего». Она отнесена была в дворцовую церковь. Замечательно, что десница Крестителя, некогда прикоснувшаяся главы Владыки Господа, внесена была в эту церковь, как раз в навечерие Богоявления и притом пред самым освящением воды. Такое совпадение событий усугубило торжество перенесения и благоговейную радость царя и народа. Не соединяя праздника перенесения десницы Крестителя с праздником Богоявления, Греческая Церковь постановила праздновать воспоминание этого события в день собора святого Иоанна Крестителя 7 января. Как и в Антиохии, в Константинополе было так же установлено воздвизание десницы Крестителя Господня пред народом, но обряд этот совершался не в Воздвижение Креста Господня (как в Антиохии), а в день Рождества Крестителя – 24 июня. Когда Константинополь пал[6624] под натиском турок, вступивший в него султан Магомет II приказал десницу Крестителя наряду с другими христианскими святынями положить в его царскую сокровищницу и запечатать его печатью. Но на защиту поруганного города и его поруганных святынь восстал упомянутый выше орден иоаниитов, имевший в это время местом своего пребывания остров Родос. Иоанниты не только мужественно отразили все нападения турок на остров Родос, но и стали угрожать их собственным владениям. Тогда преемник Магомета II-го, Баязет II-ой, желая приобрести их расположение к себе, послал[6625] в дар магистру их ордена, Петру Обюсону, десницу Крестителя. Неценное сокровище для мусульманской сокровищницы было драгоценным сокровищем

для христианских рыцарей, орден которых с самого основания был отдан под небесное покровительство святого Иоанна Крестителя. Везде, куда только не переселялись иоанниты, выстраивались церкви в честь Крестителя, а с этих пор вместе с каждым переселением переносилась в новые церкви и его десница. Такая церковь была построена Обюсоном на острове Родосе, такая же церковь впоследствии была выстроена Магистром ордена Ла-Валетом и на острове Мальте.

IV.

Когда остров Мальта взят был Наполеоном, и корона магистра ордена перешла[6626] к Русскому императору Павлу Петровичу, еще в детстве восхищавшемуся славною историей Мальтийских рыцарей, благодарные ему за покровительство иоанниты решились передать в его владение все три великих сокровища, ни с одним из которых никогда еще они не расставались со времени получения каждого из них.

Десница Иоанна Крестителя была первою из святынь, перевезенных ими в Россию. В 1798 году она временно была помещена в орденскую капеллу, находившуюся в Петербурге. В следующем же 1799 году 12 октября были перевезены в Гатчину[6627] вместе с нею и остальные две святыни: частицы Креста Господня и икона Филермской Божией Матери.

С большим торжеством встречал царский Двор подносимые ему в дар святыни. В 10 часов утра в этот день из Гатчинского дворца по направлению к Ингебургу, где должна была произойти встреча святынь, выехал целый поезд с Императором во главе, с членами царского семейства и с многочисленной свитой. Встреча произошла у так называемых Спасских ворот, откуда и началось шествие торжественной процессии обратно к дворцу. Впереди крестным ходом шло духовенство. За ним в придворной золотой карете везли в золотом ковчеге на пунцовой бархатной подушке десницу святого Иоанна Крестителя. Далее таким же образом везли икону Божией Матери и частицу Животворящего Креста Господня. Сам Император в полном облачении великого магистра Мальтийского ордена шел за первою каретою. Когда процессия приблизилась ко дворцу, Император сам взял десницу

Крестителя и, при пении положенного ему тропаря, внес ее в придворную, заново украшенную церковь, где и положил на приготовленном месте. Здесь же положены были икона Богоматери и частица Животворящего древа. Все подробности этого торжественного события впоследствии были внесены в службу, составленную по поручению Святейшего Синода на день 12 октября. В ней «Давиду кроткому и благочестивому уподобляется богоизбранный царь, радостно переносящий в дом свой, якоже древле в Сион, новый кивот древняго пречестнейший. Тамо бо стамна манну носящая: зде же образ во чреве носившия Христа. Тамо скрижаль Ветхаго Завета: зде же рука, предначертающая Новый Завет, возвещающая миру спасение и велию милость. Тамо жезл: зде же Крест Христов вселенныя хранитель»[6628].

Искренняя радость Павла принесла в дар святыням богатые, золотые, украшенные бриллиантами и другими драгоценными камнями, ковчеги, а для иконы Богоматери такую же драгоценную новую ризу.

День 12 октября Святейшим Синодом был внесен в число праздничных дней Русского месяцеслова.

Гатчина, однако, не долго была местом пребывания Мальтийских святынь. Царственная семья, отъезжая осенью в Петербург, взяла их с собою, так что в следующем 1800 году праздник их перенесения был совершен уже в Церкви Зимнего дворца. В течение более пятидесяти лет и самое празднование, установленное в честь их перенесения на Русь, совершалось здесь, вместо 12 октября, 7 января. Император Николай Павлович вновь обратил внимание на забытую Гатчину. В память своего отца, основателя Гатчины, он выстроил в ней соборный храм во имя апостола Павла. На освящение этого храма[6629], Мальтийские святыни были вновь привезены из Зимнего дворца в Гатчину. Осенью того же года посетил его Государь. Собравшиеся прихожане, благодаря царя-храмоздателя, присоединили к своей благодарности просьбу о том, чтобы новоустроенный храм явился постоянным местопребыванием, некогда в первый раз принесенных в Гатчину, Мальтийских святынь.

Отвечая на эту просьбу, Государь сказал им, что достояние Царствующего Дома он не может отдать в собственность частной церкви, а согласен только на временное ежегодное приношение их туда из Петербурга. Так было восстановлено торжество праздника 12 октября, совершаемое в настоящее время и в придворной церкви, и в Павловском соборе. Святыни привозятся из Петербурга еще накануне праздника. Чествование их в этот день происходит в придворной церкви на всенощном бдении. На другой день, после ранней обедни в придворной церкви, они переносятся в собор, где и пребывают в течение десяти дней до дня празднования Казанской иконе Божией Матери, когда после крестного хода по городу отвозятся обратно в Петербург.

12-е октября не только главный и всеобщий праздник гатчинцев, но и день поклонения Мальтийским святыням многих богомольцев, прибывающих в Гатчину из столицы, окрестных сел и городов и даже из других губерний России. Вся Россия воздает в этот день славу Богу, «яко прославивый ее доселе множеством святынь, не оставляет прославляти и ныне: се бо многоценное сокровище, в различных странах доселе скрываемое, благоизволи даровати ей»[6630].

Страдание святых мучеников Карпа, Папилы, Агафодора и Агафоники,

Память 13 октября

Весьма полезно бывает вспоминать о тех, кои страдали за Христа, ибо самое воспоминание об их мучениях может возбудить в нашей душе любовь к Богу и дать нашему стремлению к добродетели как бы некоторые крылья, – дабы мы, ради будущего воздаяния, мысленно претерпели те самые страдания, которые мученики понесли плотью. К сонму страстотерпцев, подъявших в сей жизни мученические подвиги, принадлежат Карп и Папила – великие столпы и основание Церкви[6631].

Оба они родились в славном городе Пергаме[6632] от благочестивых родителей и своею добродетельною жизнью обнаружили добродетель родивших их: ибо святая ветвь растет от святого корня, добрый плод указывает на доброе дерево и чистый поток доставляет славу источнику. Оба они довольствовались в пище и питии только самым необходимым отвергая все, что служит к разнообразию и излишеству; да и необходимого они употребляли столь мало, что отличались от Ангелов только плотью, так что по своему великому воздержанию казались почти бесплотными. Когда они достигли через такую жизнь совершенства в добродетели, то были найдены достойными того, чтобы им было вручено церковное управление: Карп был поставлен епископом и проповедовал слово Божие жителям Фиатиры[6633], Папила же, которого Карп почтил степенью диакона, обнаруживал ревность, согласно своему званию, в подобных же трудах.

Слава о святых Карпе и Папиле распространилась по всем окрестным странам, – как и вообще добродетель обыкновенно не может укрыться, но всегда делается явной. Поэтому к сим святым мужам стало стекаться великое множество народа, который, слушая с усердием их учение, обращался в христианство. Ненавистник всякого добра, диавол (ср. Иоан.8:44), видя сие, не мог оставаться спокойным; найдя

усердных служителей своей злобы, он внушил им сделать на святых донос нечестивому царю Декию[6634]. И вот на Карпа и Папилу было донесено, что они не только не поклоняются богам, напротив – проклинают их и следуют христианскому учению. Декий, услышав о сем, сильно разгневался и послал в Азию советника своего Валерия, – ревностного язычника и жестокого человека; при этом царь сообщил ему все, что знал о святых и дал полную власть над ними. Валерий, получив приказ, поспешно отправился в путь и, прибыв на место, где жили святые, захотел принести жертвы богам своим. От него тотчас же вышло повеление во все пределы Фиатирской страны, чтобы все жители ее немедленно собрались на место жертвоприношения для поклонения богам. Так, нечестивый не только сам был ревностным почитателем языческих богов, но и других хотел склонить к тому же. Когда все собрались на место жертвоприношения, то между ними не оказалось двух христиан, Карпа и Папилы, ибо они на ином месте приносили Истинному Богу истинную жертву, то есть, молитву. Не найдя их среди собравшихся, мучитель повелел искать их; когда затем они были найдены и приведены к нему, то он с гордостью спросил их:

– Почему вы не явились вместе с другими для принесения жертвы богам? – и потом прибавил: – Поспешите пред моими глазами исправить ваш проступок, чтобы ненависть оклеветавших вас обратилась на их собственную голову, а ваша слава через то умножилась более прежнего.

Святые же, не боясь страха и не ища человеческой славы, мужественно отвечали на сие:

– Не должно нам, о судия, прогневлять нашего Бога и быть неблагодарными за Его к нам благодеяния! Ибо самые скоты были бы обличителями нашей неблагодарности, – ведь и они знают своего хозяина; мы же оказались бы не знающими нашего Создателя, если бы почтили ложных богов, оставив Истинного Господа нашего.

Когда они так говорили, Бог подтвердил слова их следующим знамением: внезапно произошло сильное землетрясение, и все идолы были низвергнуты и рассыпались в

прах. Но злоба Валерия была сильна и непреклонна: вместо того, чтобы подивиться неизреченной силе Божией и посмеяться крайнему ничтожеству ложных богов, он оказался лишь еще более безумным и несмысленным. Пристыженный благородством и кротостью тех мужей, он удержался от причинения им тогда же самых тяжких мук и повелел возложить на шеи их железные цепи и водить их нагими по городу. Так доблестные подвижники, достойные высокой чести, были водимы по улицам с бесчестием, достойные неисчислимых похвал были осмеиваемы и подвергались поруганиям. Судия же, думая, что, наказанные таким бесчестием, они изменят теперь твердости своего исповедания, замыслил привлечь их на свою сторону льстивыми речами и начал говорить:

– Если бы я не считал вас благоразумными, то никогда не стал бы подавать вам доброго совета, а склонил бы вас к нашей вере мучениями, против вашей воли. Но так как ваше благоразумие и благонравие указывают на ваше, свойственное великим людям, уменье здраво судить о деле, то я вознамерился быть для вас добрым советником. Не безызвестно, я думаю, вам, что слава и честь воздаются бессмертным богам с древних времен, и это остается так до сего времени не только у нас, знающих греческий и римский языки[6635], но и у варваров; ибо через такое усердие к богам города управляются добрыми законами, одерживаются победы над врагами и укрепляется мир. Почему же цари и князья Римские достигли такой славы, что ниспровергли города и народы и подчинили своей власти всех врагов? – не потому ли, что почитали богов и поклонялись им? – Почтите же их и вы. И если, через слова невежественных людей, вы прельстились неразумной и только недавно появившейся христианской верой, то образумьтесь ныне и возвратитесь к тому, что лучше. Тогда и боги помилуют вас, и вы насладитесь многими благами, имеющимися у нас; от царя же ожидают вас великие милости. Но если вы останетесь при прежнем упорстве, то и блага эти утратите и нас заставите поступить с вами с крайнею жестокостью.

Когда святые услышали сие, то возвели очи свои к небу, сотворили крестное знамение и отвечали Валерию:

– Ты надеешься тотчас же обратить нас к своему злочестию, как каких-либо невежд, но знай, что не малодушные и не малоумные пред тобой. Мы не считаем вашу веру почтенною за то только, что она вера древняя, ибо не все то непременно честно, что древнее: ведь и злоба древняя, однако, еще не достойна за свою древность почтения. Не о том следует рассуждать, древняя ли ваша вера, но о том, должно ли ее принимать. Мы решили уклониться от нее и насколько возможно исторгнуть ее из своей среды, как такую, которая уготовляет страшный геенский огонь любящим ее. Если хочешь познать истину, размысли, и ты найдешь, что ваши боги суть не что иное, как только дело рук человеческих: они немы и глухи и не могут принести никакой пользы не только другим, но даже и самим себе. Истинный Бог неизобразим по Своему существу, непостижим для нашего разума, неизмерим по времени, ибо не имеет начала Своего бытия; Он вызвал к бытию все видимое и постижимое для нашего разума; Он создал человека, ввел его в рай и дал ему заповедь, чтобы человек навыкнул быть послушным Создателю. По зависти диавола, человек впал в преслушание и сделался повинным смерти. Но диавол не удовольствовался таким падением человека и поспешил отклонить от Бога и потомство его, дабы люди умирали не только телесно, но и духовно: так, люди, оставив Бога и отвратив свои очи от света правды, впали во тьму идолослужения. Поэтому милосердый и многомилостивый Создатель, чтобы избавить человека от власти диавола, сошел на землю, продолжая пребывать в то же время в лоне Отчем, и был подобным нам, кроме греха; будучи пригвожден ко Кресту, Он умер, для избавления нас от греховного падения. Победив смертью Своею врага нашего диавола, Он восшел на небеса и нас призывает туда же, сделав удобным для нас восхождение к Нему.

– Ты, о судия, можешь ли сказать что-либо подобное о твоих богах? И не стыдно ли тебе называть их богами?

– Богатствами же вашими и почестями у царя, – чем вы так дорожите, – мы пренебрегаем, ибо ожидаем себе награды от Бога, за Коего мы твердо решились пострадать и умереть.

Слушая сии слова, Валерий сильно разгневался. Он сбросил с себя лицемерную кротость и, не скрывая более своей жестокости, прежде всего, отдал имение святых на разграбление клеветникам, самих же их, привязав к коням, повелел гнать в Сардис[6636]. И гнали коней, с привязанными к ним святыми, весьма быстро и без отдыха, чтобы в один день достигнуть из Фиатиры в Сардис[6637]. Тяжел был путь тот для доблестных страдальцев, ибо, не поспевая бежать наравне с конями, они были влекомы насильно и, ударяясь о землю, терпели много страданий. Следовал за ними и раб святых мучеников, блаженный Агафодор, сострадая и соболезнуя своим господам. Достигнув Сардиса, они не стали отдыхать после тяжелого пути, но провели большую часть той ночи в молитвах и Божественном пении. Когда же они немного уснули, Ангелы Божии утешали их в видении и укрепляли к терпению в мучениях. Пробудившись от сна, они поведали друг другу виденное и весьма радовались, благодаря Бога за утешение в печали и за обещание помощи в мучениях, и пламенно желали пострадать за Христа.

Валерий прибыл в Сардис в надежде, что страдальцев, после мучений, которые они претерпели в пути, будет легче склонить к безбожию: беззаконный не знал, что святые еще более укрепились на подвиг благодатью Божиею, явленною им в видении. Когда же Валерий увидел, что лица их светлее прежнего, что духом они крепки и сердцем безбоязненны, потерял надежду победить их посредством мучений и снова обратился к лукавству, желая прельстить и уловить крепкую во Христе веру святых мягкими словами и разного рода ласкательством. И казалось, что лисица борется со львами, ибо обольщения его не приводили ни к чему и не могли одолеть тех, кого укрепляла помощь Всевышнего. Когда же Валерий увидел, что не достигнет ничего, задумал поступить с ними иначе: Карпа и Папилу, мужей твердых и избранных, отдал под стражу; славного же Агафодора, слугу мучеников, который и сам был

совершенным мучеником и, по любви к ним, оказался другом их и соучастником их мучений, – сего Агафодора, растянув на земле, приказал беспощадно бить воловьими жилами. И состязались между собою судия и мученик: судия хотел победить мученика множеством причиняемых ран, мученик же с такою радостью принимал раны, что, казалось, опасался, как бы не утомились бьющие и не прекратили рано мучений. Во время столь жестоких и продолжительных побоев, из мученика, как бы из некоторого источника, истекали потоки крови, отпадала плоть, обнаруживались внутренности, отпадали от суставов члены, и поистине, великое страдание должен был претерпевать доблестный муж. Но он переносил мучения с такою твердостью, что, казалось, вовсе не чувствовал боли; в молчании претерпевал он тяжкие раны, и мысль, что он страдает за Христа, была для него достаточным утешением среди жестоких страданий. Когда устал Валерий, устали и бьющие, – у Агафодора же мучения только увеличивали радость. Христос, взирая с небес на его подвиг и уготовляя награду, при виде доблестного терпения раба Своего, призвал его к Себе, чтобы он нашел покой после стольких трудов. Он тотчас предал дух в руки Господа своего, оставив свое мертвое тело мучителям. По повелению Валерия, оно было оставлено без погребения, – в пищу зверям и птицам; но, с наступлением ночи, некоторые из верующих, взяв тело святого мученика, предали его тайно погребению.

После этого Валерий, призвав святых мучеников, Карпа и Папилу, сказал им:

– Безумный ваш слуга принял достойную за дела свои смерть, потому что не захотел принести жертвы бессмертным богам. Почему же вы, будучи мудрыми, не изберете себе того, что для вас полезно, но хотите быть подобными человеку, поистине несчастному, который безумно предпочел жизни и радости мучительную смерть?

Слыша сие, святые обличили Валерия и назвали его безумцем; воздав хвалу святому Агафодору за мужество, с каким он встретил смерть, они сказали, что желают и себе такой же смерти за Христа.

Тогда мучитель, воспылав яростью, снова повелел привязать Карпа и Папилу к коням и быстро гнать впереди его из Сардес в Пергам. И снова святые были гонимы и влачимы на пути, претерпевали великие мучения и страдания, и каждый из них говорил вместе с Давидом: по слову уст Твоих, я охранял себя от путей притеснителя (Пс.16:4.). Ночью к их страданиям от ран присоединялись тесные оковы и суровое заключение в темнице. Святые же, после тяжкого пути, оставались в бодрствовании, вознося к Богу молитвы в течение всей ночи. И Господь снова благоволил посетить их: явился им Ангел Господень, исцелил от ран и исполнил их сердца Божественной радостью, укрепляя их на больший подвиг. Когда наступило утро, мучитель думал, что святые совсем не могут ступить после вчерашнего пути, и велел привести их к нему, чтобы посмотреть на их страдания. И увидев, что они здоровы и крепки, что ноги их невредимы и лица светлы и веселы, приписал сие силе их волшебства, и поэтому еще более увеличил их страдания. Обложив тела святых тяжкими железными оковами, он погнал их в еще более далекий путь. Во время пути он на одном месте принес жертву идолам и сел на судилище. Призвав Карпа, он начал дружески говорить ему, как бы действительно сожалея его:

– Вот, боги, из сострадания к твоей старости, помогли тебе пройти без труда такой путь. Зачем же ты оказываешься неблагодарным к своим благодетелям, подвергая поруганию их честь? Послушай моего доброго совета, и пойдем к богам вместе со мною, ибо я почитаю старость твою, сожалею о тебе и плачу о бедствии твоем – не как о чужом, но поистине как о своем. Но что делать? Ты знаешь, что сильно оскорбил меня, и я не могу уже более терпеть: и когда ты ныне не послушаешь моего доброго совета, то я не потерплю твоей непокорности, если не ради своего бесчестия, то ради богов.

Святой Карп отвечал на сие:

– Совета твоего, который от света ведет во тьму и от жизни к смерти, никто не может назвать добрым, но назовет обольщением и сетью. Если ты почитаешь старость мою, то почему же не веришь мне, когда я отечески подаю тебе совет?

Ибо я более сожалею о твоей погибели, чем ты о моих страданиях, и весьма печалюсь о твоем бедствии, – что ты возложил надежду на суету[6638] и почитаешь таких богов, которые не избавят тебя от вечных мучений: ведь они бездушны, созданы человеческой рукой и не могут на самом деле называться богами, будучи суетными и ни на что негодными идолами.

Валерий не мог далее сносить бесчестия своих богов и повелел палачам взять святого Карпа и, привязав его, жестоко бить терновыми розгами. Когда били святого, все тело его было изранено, и части плоти, отпадая под ударами, летели на землю. Но этого было еще мало мучителю, – он призвал других палачей. Одни из них опаляли ребра Карпа свечами, другие посыпали раны его солью, так что земля орошалась кровью святого; жилы разрывались и причиняли ему весьма тяжкое страдание; мученик же, чем более увеличивалось его мучение, тем сильнее укреплялся в любви к Богу и терпении. Стоя связанный, он улыбнулся среди мучений, и князь спросил его:

– Почему ты, Карп, засмеялся?

Он же сказал:

– Я видел предназначенную мне благодать Христа моего, и потому возрадовался. Ибо святой видел в сие время небеса отверстыми, Господа сидящим на престоле, и Херувимов и Серафимов вокруг Него.

Так утешил Господь Своего раба среди мучений, и превозмогла благодать Божия все страдания, так что святой забыл о своих болезненных ранах и о тяжких мучениях, которые доблестно претерпевал. Он был мучен до тех пор, пока не устали мучители и, заключенный после мучений в темницу, благодарил Бога, сподобившего его пострадать за Него.

Потом, вызвав на суд святого Папилу, Валерий начал спрашивать, – как бы впервые видел его:

– Какого ты рода и отечества и каков род твоих занятий?

– Ты уже знаешь о мне, – отвечал святой, – что я родился от благородных родителей в городе Пергаме, владею искусством врачевания, – не того, что зависит от трав, растущих на земле, но того, которое подается свыше от Бога; сие

врачевание не только пользует тело, но исцеляет и душевные болезни.

Тогда судья сказал:

– Искусного врачевания не может быть, помимо изучения того, что написано Галином[6639] и Гиппократом[6640], которым искусство врачевания дано от богов.

Папила отвечал:

– Галин, Гиппократ и ученики их только тогда могут вылечить больного, если мой Христос, по неизреченному милосердию, соблаговолит подать ему Свое врачевство. Иначе оказывается напрасным их искусство и бесполезной их опытность во врачебном деле; а те, кого ты называешь богами, как могут позаботиться о чьем-либо здоровье, если сами себе не могут ни в чем помочь! И если хочешь узнать истину, испытай на деле: вот ты видишь, что сидящий возле тебя слеп на один глаз: пусть же твои боги подадут ему прозрение, и я после того ничего не скажу.

– Может ли кто быть таков, чтобы исцелить его? – сказал на это Валерий.

– Не только сие, – отвечал святой, – но и всякие другие неизлечимые болезни исцелит тот, кто призовет Христа, Целителя всех болезней.

– Так пусть же мы увидим ныне то, что ты говоришь, – сказал Валерий, и если ты в силах, исцели его пред нами, чтобы он прозрел.

– Я не хочу тотчас же делать сего, – отвечал Папила, – чтобы ты не стал приписывать чуда своим бесам; но пусть сначала ваши врачи призовут которого-либо из своих богов, потом и я покажу могущество моего Христа.

Тогда Валерий созвал своих жрецов и повелел им призвать богов, чтобы они исцелили его слепого советника. Они взывали к суетным богам своим, призывая каждый из них своего бога: тот Аполлона, другой Асклипия, один – Зевса, другой – Гермеса. И было достойное смеха дело: весь день молились тем, которые не могут оказать никакой помощи, взывали к глухим, приносили жертвы бездушным и, будучи сами

ослеплены душой, оказались не в силах просветить одного телесного ока.

Что же делает Христов раб? – Он возвел к небесам очи телесные и душевные, и призвал милосердого Господа; потом прикоснулся своею рукою к слепому оку, сотворил над ним крестное знамение, и больной тотчас прозрел. При сем он не только прозрел телесным оком, но просветился и душевными очами: ибо Божественный свет коснулся его сердца, и он, как бы пробудившись от сна, познал немощность суетных богов и уразумел силу Единого Бога, Иисуса Христа, Света истинного, просвещающего всякого человека грядущего в мир (Иоан.1:9) и уверовал в Него. Не только тот человек, но множество и других людей пришли, через сие чудо, к познанию правды; ибо кого сие преславное чудо не привело к удивлению и вере? – и всякий, видя и слыша сие, говорил: «Поистине велика сила Христа, и Он есть истинный Бог!» Но хотя и все славили истинного Бога, однако, беззаконный Валерий не захотел познать Его и воспылал еще большим гневом на святого Папилу; вместо благодарности за такое благодеяние, он велел привязать его к дереву и бить нещадно.

Во время этих побоев, святой Папила скорбел не о том, что его бьют, но о том, что не принимает еще более тяжких мучений. Напротив того, Валерий, видя, что мужество мученика побеждает мучения, приходил все в большее и большее раздражение и страдание присоединял к страданиям: он опалял бока Папилы огнем и велел бросать в него камнями. Но мученик и огонь переносил терпеливо, а камни падали на иное место, как бы почитая тело мученика, страждущее за Христа; не причиняя святому никакого вреда, камни поражали более бросающих. Когда же Валерий утомился и не знал, какое еще причинить святым мучение, то решил несколько помедлить, думая, что, если отпустить на время святых, то раны их разболятся и, увеличивая страдания, сделают их более слабыми для предстоящего испытания. Но мученики, имевшие своим врачом Христа, ради Которого добровольно принимали раны, были исцелены не только от страдания, но и от ран и язв, так что не видно было и следа их ран, что весьма раздражало

безумного мучителя: чем более облегчались их страдания, тем более мучилось сердце Валерия и пылало яростью как огонь.

По прошествии немногого времени, мучитель снова сел на судилище, дыша жестокостью и взирая яростным оком. Святые же мученики предстали пред ним со светлым взором и веселым лицом, как бы позванные на пир. Беззаконный хотел устрашить их самою своею яростью; но от безбоязненного сердца и из дерзновенных уст их он услышал такие слова:

– Зачем, О мучитель, ты утруждаешь себя и своих слуг, часто приводя нас и отводя, мучая и не объявляя над нами последнего приговора? Надеешься ли ты отвратить нас от Христа и от истины? – но скорее увидишь нас мертвыми, чем мы подчинимся твоему безбожному повелению.

После этого, по повелению мучителя, были рассыпаны по земле черепки и железные гвозди; на них положили ниц обнаженных мучеников, и начали их влачить, нанося при сем жестокие удары. Но и среди этих мучений Господь не оставил Своих рабов. Он поспешил к ним с Своею помощью, «вдыхаяй в лице их, и отъемляй от оскорбления их» (Наум. 2:1): – внезапно эти черепки и железные гвозди исчезли бесследно, святые же остались невредимыми. Сие возбудило в судье еще больший гнев, и он повелел резать бока их бритвами; но святые, славя Бога, доблестно терпели все сие.

После этого он собрал лютых зверей и устроил зрелище: были приведены мученики, и на них была выпущена медведица. Все думали, что она тотчас умертвит и растерзает тела их, но та не обнаружила никакой кровожадности и, как бы почитая святых, легла у ног их и обнимала их. После того был выпущен лев, который не только оказался кротким, как и медведица, но Божия сила обнаружилась в нем еще более чудесным образом, – ибо, рыкая, он провещал человеческим голосом, порицая гонителей и такое их упорство в жестокости. Они же заткнули уши, считая все сие за колдовство, а святых мучеников судья повелел бросить в ров, наполненный известью. Но напрасно трудился безумный, противясь Богу, Который всюду хранил Своих рабов невредимыми, ибо пробыв в этой извести три дня, они вышли здоровыми и невредимыми.

Чем более Валерий убеждался, что не может преодолеть святых, тем более пылал на них гневом; обув их в железные сапоги, наполненные острыми гвоздями, он заставил бегать в них; но и этим он не мог победить непобедимых воинов Христовых. Разжегши затем сильно печь, он бросил в нее святых, – вместе с ними вошла в пламя и блаженная Агафоника, сестра святого Папилы, пожелав быть участницей в тех же подвигах и умереть за Христа. Но огненная печь не только не опалила их, но, силою Христовою, обратилась в прохладное место, ибо сошел великий дождь, погасил огонь и остудил печь. Когда святые вышли из печи невредимыми, то снова были заключены в темницу, в которой пели Богу, как в церкви. Мучитель, не зная, что еще сделать, стыдясь, что его победили, произнес окончательный приговор над мучениками, – приказав головы их усечь мечом. Святые, когда их вели вместе с Агафоникой на место казни, радовались, и, возводя очи свои и руки к небу, молились не только о себе, но и за убивающих их, и таким образом окончили подвиг свой, будучи усечены мечом. Святые тела их были бесчестно выброшены и не были охраняемы; верующие, взяв их тайно, предали честному погребению, славя Господа нашего Иисуса Христа, Емуже со Отцем и Святым Духом честь и поклонение вовеки. Аминь[6641].

Кондак, глас 2:

Яко сокровище многоценное Владыка, и источник источающ токи исцелений, сущым на земли подаде мощи ваша, недуги убо отемлющыя страстей различныя, благодать же дающыя душам непрестанно. Темже согласно любовию ваше мученицы Божественнии, совершаем торжество.

Память святого мученика Флорентия

Память 13 октября

Святой мученик Флорентий родом был из города Солуня. Будучи христианином и ревнителем истинного благочестия[6642], он порицал и обличал веру в ложных языческих богов и проклинал служение им. В то же время, наставляя всех истинной вере Христовой, он утверждал в ней христиан и убеждал их исполнять заповеди Божии. За сие, Флорентий взят был на суд к начальнику страны той, но на допросе открыто исповедал веру в Господа Бога нашего Иисуса Христа, а языческих богов называл деревом, камнями, золотом, серебром, медью и железом, бездушными и бесчувственными идолами. Этим он привел в ярость правителя той страны и был осужден им на мучения. Его подвергли жестокому биению, строгали острыми орудиями его тело, после чего он был брошен на возжженный под ним большой огненный костер, в котором он с радостью, молясь и благодаря Бога, скончался[6643].

Память преподобного Никиты Исповедника[6644]

Память 13 октября

Святой Никита родился в Пафлагонии[6645] от благочестивых родителей. Он был дальним родственником императрицы Феодоры, жены императора Феофила иконоборца. После обучения, 17 лет от роду, Никита пришел в Константинополь. В то время императорский престол занимала супруга умершего императора Льва IV Ирина, за малолетством своего сына Константина[6646]. Принятый на царскую службу, Никита в скором времени возвысился, возведен был в патрицианское достоинство и сделан смотрителем над всем царским дворцом, а потом поставлен начальником войск в Сицилии[6647]. Достигнув высокого положения, Никита сознал всю тщету и суетность мирских званий и благ и возымел благочестивое желание принять иноческий постриг. Но император Никифор и сын его Ставракий[6648], ценя заслуги Никиты государству, не хотели отставить его от занимаемой им должности и отпустить его в монастырь. Когда же после них вступил на царство Михаил Рангав[6649], Никита выпросил у него дозволение оставить свою службу и постричься в монашество[6650]. Однако ему не позволено было, при этом, удалиться из столицы, но император велел дать ему помещение в Золотых воротах, в так называемой Хрисоникии[6651], где он должен был находиться постоянно. В сей обители, святой Никита оставался безвыходно до царствования императора-иконоборца Льва Армянина[6652]. Когда же святой Никита увидел поругания, каким подвергались святые иконы от сего беззаконного царя, то оставил Константинополь и вступил в число низшей братии одного подгородного монастыря и там проводил время в посте и трудах. Между тем иконоборцы, проведав, что у него есть икона Спасителя, которую он приобрел из Рима, донесли о том императору. К Никите посланы были чиновники, которые с угрозами вынуждали его выдать сию икону. Но так как святой Никита решительно отказался выдать ее, то посланные

разыскали одного инока, который указал, где находится та святая икона. Тогда они вошли в церковь и, взяв святую икону, всячески надругались над ней. Кощунство сие привело святого Никиту в великую скорбь. Не довольствуясь тем, царские посланцы, уходя из обители, запретили ему выходить оттуда под каким бы то ни было предлогом. Впоследствии, когда на царский престол вступил другой иконоборческий государь – Феофил[6653], к преподобному послан был один царедворец, по имени Феодосий, который, при всех собравшихся, под угрозой изгнания требовал от него признания иконоборческого патриарха Антония[6654] и отвержения иконопочитания. Но святой на это сказал:

– Не перестану никогда поклоняться иконе Христа и Бога моего, а Антония назову не патриархом, но прелюбодеем и преступником… Ты же делай, что хочешь.

За сей мужественный подвиг веры, святой Никита был тотчас же изгнан из обители. Воздав благодарение Богу и взяв с собою троих из братии, он отправился в другую обитель, где провел великий пост и время до Пятидесятницы, а затем оставил и сию обитель. После многих скитаний и невзгод, он поселился, наконец, в одном приморском монастыре, где и окончил свою жизнь на 76-м году от рождения[6655]. Как при жизни, так и по смерти он совершил много чудес.

Память святого мученика Вениамина диакона

Память 13 октября

Святой диакон Вениамин жил в царствование Персидского царя Издигерда[6656]. Обратив в христианство многих Персов – язычников, он был оклеветан, схвачен, подвергнут жестоким биениям и посажен в темницу, в которой провел два года. Один грек, посланный к Персидскому двору, узнав о постигшей Вениамина участи, просил царя отпустить его. Царь согласился исполнить эту просьбу, если Вениамин даст обещание не обращать персов в христианство. Проситель от лица Вениамина дал это обещание. Но Вениамин, услыхав о том, сказал:

– Невозможно мне преложить тот свет, который я воспринял в купели крещения. О сколь великих мук достоин тот, кто скрыл данный ему талант, или тот, кто умышленно скрывает евангельское учение!

Не перенося этих слов, царь приказал заострить двадцать спиц и вонзить их святому Вениамину под ногти рук и ног. После этого, видя, что святой вменяет себе сии страдания как бы в некую радость, царь подверг его еще большим и нестерпимым мучениям, и, наконец, велел пронзить его толстым суковатым колом, после чего, сей доблестный подвижник предал дух Богу[6657].

Страдание святых мучеников Назария, Гервасия, Протасия и Кельсия,

Память 14 октября

Святой Назарий родился в Риме; отец его был еврей, а матерь, по имени Перпетуя, – христианкою: святое крещение она приняла от самого апостола Петра. Придя в отроческий возраст, Назарий долго размышлял, какой держаться ему веры – отцовой или матерней. Наконец он решил быть подражателем своей святой матери, молитва коей много способствовала его просвещению, – и был крещен епископом Лином[6658].

Когда святой Назарий достиг совершенного возраста, то оказался совершенным и в добродетелях: усердно служа Господу, он заботился не о своем только спасении, но и о спасении других, ибо многих неверующих обратил ко Христу. Но скоро Назарий ушел из Рима; он взял от своих родителей приходившуюся ему часть имения, и стал там благодетельствовать неимущим; придя же в Медиолан, он раздал там все, что имел, творя милостыню убогим и служа своим имением узникам, страдавшим за Христа.

Тогда, в царствование нечестивого Нерона[6659], было великое гонение на христиан, и многие исповедники Христовы были содержимы в оковах и мучимы; святой Назарий, служа им, утверждал их в вере и укреплял на мученический подвиг. В это время правителем Анулином были взяты и заключены в темницу некие святые мученики Гервасий и Протасий. Святой Назарий часто приходил к ним и утешал их своею благочестивою беседою: он весьма полюбил их, ибо видел, что они исполнены Божественной любви и пламенно желают положить души за Господа, положившего за нас душу Свою на кресте. Назарий питал к ним такую любовь, что не хотел разлучаться с ними, и предпочел вместе с ними пострадать и умереть. Правителю той области скоро сделалось известным о Назарии, что он, посещая заключенных в темнице узников, приносит им все необходимое и утверждает их в христианской вере. Поэтому он повелел взять Назария и привести к нему; на

суде он прежде всего спросил его, кто он и откуда. Узнав, что Назарий по происхождению – римлянин, по вере же – христианин, Анулин убеждал его не отвергаться отеческих богов, которых римляне из древности почитают жертвами и поклонением. Святой же не только не хотел слушать его советов, но и говорил ему совершенно противное, порицая его ложных богов и исповедуя Единого Истинного Бога, Иисуса Христа. Тогда правитель повелел бить его в уста. Но святой не переставал мужественно говорить и обличать нечестие его. После того правитель еще более разгневался и повелел бить мученика палками, потом с бесчестием изгнал его из города. Блаженный Назарий, будучи изгнан, радовался, что сподобился принять раны за Христа и, как изгнанный правды ради, вспоминал слова Христовы: «блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф.5:11). Он скорбел только о том, что разлучился с своими возлюбленными друзьями, Гервасием и Протасием, вместе с которыми желал и умереть. Это его желание Господь исполнил впоследствии, а в то время ему должно было еще в иной стране послужить спасению людей и отвратить многих от заблуждения. В следующую же ночь явилась ему в видении блаженная матерь его, повелевая ему идти в Галлию и там трудиться в благовествовании Христовом. Встав, он пошел, по указанию своей матери, в ту страну и, проповедуя Христа, просвещал там светом веры людей, сидящих во тьме и сени смертной[6660]. Когда святой Назарий был в городе, называемом Мелия[6661], он взял здесь от некоторой благородной и верующей женщины трехлетнего отрока, по имени Кельсия, крестил его и воспитал в благочестии. Отрок возрастал летами и разумом, исполняясь Божией благодати; когда же он пришел в возраст, то последовал за своим учителем, святым Назарием, учась от него высшей премудрости и слагая в своем сердце его Боговдохновенные слова и отеческое поучение. Отрок был настолько мудрым о Христе, что сравнялся со своим учителем, и равно с ним служил спасению людей; проповедуя Христа, он вместе с Назарием терпел гонения и мучения, впоследствии же сподобился и одинакового с ним мученического венца.

Диновий, правитель той страны, узнав, что Назарий распространяет христианство по многим городам, тотчас же взял его вместе с Кельсием и обоих заключил, после побоев, в темницу, намереваясь предать их по утру всевозможным мучениям. При наступлении утра, жена правителя, увидев, как Кельсия, красивого отрока, вели на казнь, сжалилась над ним и, припадши к своему мужу, умоляла его, чтобы он помиловал отрока и отпустил его, вместе с учителем его Назарием; своею неотступною мольбой она до тех пор не оставляла правителя, пока не упросила его отпустить обоих на свободу. Отпуская их, правитель сказал:

– Ходатайство жены моей освобождает вас от всякого мучения.

Но святые мученики скорбели о том, что не достигли желаемого мученического венца и не окончили земного поприща, чтобы разрешиться от тела и жить со Христом[6662]. По дороге оттуда, они пришли в город Тимир[6663] и, по обыкновению распространяя там Евангельское учение, приобрели Христу много душ.

Но диавол, не вынося того, возбудил гнев идолопоклонников; восстав на святого Назария и Кельсия, нечестивые взяли их и отослали к своему лютому царю Нерону. Святые, став пред царем, исповедали Творца Христа Бога, за что Назария повергли на землю и попирали ногами, Кельсия же били розгами. Принуждаемые к принесению жертвы богам, они ниспровергли словом своим идолов их на землю, и были за то отданы на съедение зверям; но звери не причинили им вреда. Потом они были ввержены в море, но пошли по водам, как по ровному полю. Увидев это, слуги царя уверовали во Христа; приняв крещение от святого Назария, они оставили царский двор и, удалившись от мирского мятежа, стали служить Христу.

Святой же Назарий пошел со своим учеником, святым Кельсием, снова в Медиолан и нашел святых мучеников Гервасия и Протасия еще живыми, но томившимися в темнице.

Когда он стал проповедовать Евангелие в Медиолане, то опять был взят правителем Анулином. Анулин спросил его, где он был до того времени. Узнав, что он был в руках самого

Нерона, правитель подивился, каким образом он освободился из рук его живым и здоровым, ибо знал, что Нерон – царь жестокий и бесчеловечный, что он беспощадно убивает не только виновных, но и невинных. Правитель принуждал Назария, чтобы он приступил и поклонился богам их; но тот не только не захотел сделать сего, но и стал хулить их. Тогда Анулин повелел бить его в уста, и святой, приняв с учеником своим Кельсием много побоев, был ввергнут в темницу – к святым Гервасию и Протасию. Назарий очень радовался, что сподобился увидеть своих возлюбленных друзей и терпеть заключение за Христа вместе с ними в одной темнице.

В то время правитель Анулин известил письмом царя Нерона о Назарии. Царь, услышав, что Назарий жив, весьма разгневался на тех слуг, которым было приказано потопить его в морской глубине. Он долго искал их, чтобы погубить, – думая, что они отпустили Назария, – но не нашел; ибо они уже бежали от мира и добровольно посвятили себя на святое служение Христу. Царь написал правителю Анулину, чтобы он тотчас же умертвил Назария. Анулин, получив царское письмо, вывел из темницы святого Назария с учеником его, святым Кельсием, и усек мечом их честные главы.

Один из верующих, живший в городском предместье, взяв тайно святые мощи их, внес их в свой дом. В то время у него лежала на одре расслабленная дочь, которая, когда внесли в дом мощи святых мучеников, тотчас же встала с одра здоровой, как бы никогда и не болела. Хозяин дома, вместе со своими домашними, весьма возрадовался сему, и предал тела мучеников честному погребению в своем саду.

Вскоре по усекновении святых мучеников Назария и Кельсия, пришел в город военачальник Астазий, шедший на войну против Моравов[6664]. Жрецы идольские научили его, дабы он умертвил оставшихся в темнице святых мучеников Гервасия и Протасия, и Гервасий был избит оловянными прутьями, и скоро скончался; Протасий же окончил мученический подвиг через усекновение главы мечом. Христианин Филипп, взяв вместе со своим сыном тела их, предал их погребению в своем доме.

Мощи всех четырех мучеников, Назария и Кельсия, Гервасия и Протасия, оставались скрытыми в земле, под спудом[6665], и никто не знал об этом до самого времени святого Амвросия, епископа Медиоланского. Мощи Гервасия и Протасия он обрел, по откровению Божию, в царствование Феодосия Великого, мощи же Назария и Кельсия – в царствование Аркадия и Гонория[6666].

Об обретении мощей Назария и Кельсия пресвитер Павлин вспоминает в житии святого Амвросия так:

– Мощи святого мученика Назария, найденные вне города в саду, Амвросий принес тотчас же в храм святых апостолов. Мы видели во гробе, в котором лежали мощи мученика, кровь как бы только сейчас истекшую; голова с волосами и бородой так сохранилась, что как бы только теперь была положена во гроб, а лицо было так светло, что, казалось, только что омыто. И какое же в этом чудо – если Сам Господь ранее обещал в Евангелии, что «и волос с головы вашей не пропадет» (Лк.21:18)[6667]? Мы в это время почувствовали благоухание, превосходившее все ароматы. Подняв мощи мученика и возложив их на колесницу, мы с святым Амвросием, тотчас же начали искать мощи мученика Кельсия. От владельцев того сада мы узнали, что ему завещано было предками никогда не оставлять этого места по той причине, что в нем скрыты великие сокровища. И подлинно там находились такие сокровища, которых «ни моль, ни ржа не истребляют, ни воры не подкапывают и не крадут»[6668] (Мф.6:19).

Так говорит пресвитер Павлин о мощах Назария и Кельсия. О мощах же Гервасия и Протасия имеется такая запись святого Амвросия.

«Амвросий, раб Христов, братьям, находящимся во всей Италии, – желаю вечного спасения в Господе.

Божественное Писание называет должником того, кто, получив что-либо туне[6669] от Господа, не дает этого другим; ибо он как бы крадет нечто у церкви, когда утаивает то, что может быть полезным для других. Поэтому Давид сказал: «Правды Твоей не скрывал в сердце моем, возвещал верность Твою и спасение Твое, не утаивал милости Твоей и истины Твоей пред

собранием великим». И как бы желая воздаяния за это дело, присовокупил: «Не удерживай, Господи, щедрот Твоих от меня» (Пс.39:11–12). Он как бы так сказал: как я дал возможность другим найти милость, так и Ты не удали Своей милости от меня.

Но зачем нам делать это предисловие? Возвещу вам, благочестиво мудрствующим о Господе и верующим, и призову вас к радости по поводу обретения святых мощей.

В минувшую святую Четыредесятницу, когда, по милости Божией, я был в числе постящихся и молящихся, стоял я раз ночью на молитве.

И вот я впал в такое состояние, что хотя и не спал, но и не чувствовал ничего. И видел я двух юношей в белых одеждах, поднявших вверх свои руки и молящихся; одержимый дремотой, я не мог говорить с ними. Когда я пришел в себя, они стали невидимы.

И молил я милосердого Господа, чтобы, если это – бесовское обольщение, Он удалил его от меня; если же здесь сокрыта какая-либо истина, то – чтобы яснее показал ее мне.

Для получения просимого у Господа, я усилил пост и во вторую ночь, во время пения петухов, видел то же, что и в первый раз: тех же юношей молящихся со мною.

В третью ночь, когда моя плоть, ослабев от поста, не могла уже предаться сну, юноши снова явились ко мне; в это время я не спал и лишь только всему этому изумлялся. С ними был и третий благолепный муж, похожий на святого апостола Павла, – как он изображается на иконе; он один только говорил со мной, а те молчали.

Говорил же он так:

– Это – те, которые, послушав моих слов, презрели мир и богатство и последовали за Господом нашим Иисусом Христом, не ища ничего земного или плотского; пробыв здесь в Медиолане десять лет в служении Богу, они сподобились быть мучениками Христовыми; тела их ты найдешь лежащими во гробе в земле на том месте, где стоишь и молишься; изнеси их из земли и устрой храм во имя их.

Я спросил об именах их, и он мне отвечал:

– Ты найдешь возле глав их книжку, в которой написано об их рождении и кончине.

Созвав братию и епископов и передав им о виденном, я начал прежде всего сам копать, епископы же помогали мне. И мы нашли, как поведал святой Павел, гроб, в котором увидели тела святых, как бы только теперь погребенные и издающие прекрасное благоухание.

При главах их мы нашли книжку, в которой все по порядку написано так: – Я, раб Христов Филипп, взял тела этих святых в свой дом и предал их погребению. Матерью их была Валерия, отцом – Виталий; они родили этих сыновей близнецами и назвали одного Протасием, а другого Гервасием. Виталий был воином и жил в Медиолане, служа тайно со своею супругою Богу. Когда он был с судьею Павлином в городе Равенне[6670], там узнали, что он – христианин. Преданный мучениям, он не отвергся Христа; его ввергли в глубокий ров, били сверху камнями, и, заживо погребенный, он скончался.

Супруга его, узнав о смерти своего мужа, пошла за телом его, чтобы предать его погребению в своем доме, в утешение вдовства своего.

Но Равенские граждане, которые были христианами, воспрепятствовали ей взять тело ее мужа: они радовались такому сокровищу и оставили тело святого, чтобы он был для них заступником.

Не получив желаемого, Валерия возвращалась в Медиолан и на пути в одном селении, попала на богомерзкий праздник нечестивых людей, приносивших жертвы своему скверному богу Сильвану[6671]. Идолопоклонники, угощая, по своему обыкновению, странников идоложертвенным мясом, пригласили и шедшую своим путем Валерию вкусить от этого мяса. Но она возгнушалась такою скверною, и, не желая вкушать от бесовской жертвы, исповедала себя христианкою. Нечестивые, придя в ярость, били ее беспощадно палками, так что она была доведена своими спутниками едва живою в Медиолан.

Придя в свой дом и дав наставление в истинной вере сыновьям своим Гервасию и Протасию, она предала на третий день свою душу в руки Божии. Когда Гервасий и Протасий

остались сиротами после своих родителей, сподобившихся мученических венцов, то продали дом и имущество свое, раздали все убогим и освободили рабов; сами же, заключившись в одной хижине, усердно предавались в течение десяти лет молитве, посту и чтению Божественных книг. На одиннадцатый год, заключенные правителем Анулином в темницу, они пострадали за Христа. Когда военачальник Астазий шел из Медиолана на войну против Моравов, то идольские жрецы, зайдя вперед, встретили его на пути и сказали:

– Если хочешь возвратиться к царю с победой, то заставь Гервасия и Протасия принести жертву богам, ибо боги разгневались на то, что эти два человека презирают их, и уже не хотят давать нам ответов на наши вопросы.

Услыхав об этом, Астазий вывел святых из темницы, поставил пред собой и сказал:

– Приказываю вам, чтобы вы не оскорбляли наших богов, но принесли им с честью жертвы, да благополучен будет наш путь.

Гервасий сказал:

– Победы над врагами ты должен просить у Самого Всемогущего Бога, а не у тех идолов, которые не видят, не слышат, не говорят и не имеют дыхания.

Тогда Астазий повелел бить Гервасия оловянными прутьями до тех пор, пока он не умрет, и святой Гервасий от этих побоев скончался.

Приказав вынести его тело, Астазий сказал Протасию:

– Несчастный! Пощади свою жизнь, не будь безумным, подобно своему брату.

Протасий отвечал:

– Не знаю, кто из нас несчастен: я ли, который не боюсь тебя, или ты, который боишься меня.

Астазий сказал:

– Как! Я боюсь тебя, несчастный?

Святой сказал:

– Ты боишься, чтобы я не оскорбил тебя, не принеся жертвы идолам; если бы не боялся, то и не принуждал бы меня

к жертве. Я же тебя не боюсь и презираю твои угрозы; идолов твоих я считаю за ничто, и поклоняюсь только Единому Богу, царствующему на небе.

Тогда Астазий повелел бить его палками, и долго били здесь святого мученика; когда же он был поднят с земли, Астазий сказал: – Несчастный! Зачем ты так горд и непокорен? Неужели хочешь погибнуть так же, как и твой брат?

Протасий отвечал:

– Я не гневаюсь на тебя, Астазий, ибо вижу слепоту твоих очей: твое неверие не позволяет тебе видеть того, что – Божие. Господь мой не поносил Своих распинателей, но молился за них, сказав, что они и сами не знают – что творят. И ты не знаешь – что делаешь, поэтому я и жалею тебя. Однако, делай что начал, чтобы я мог ныне узреть, вместе со своим возлюбленным братом, своего Спасителя.

Тогда Астазий повелел усечь его мечом. Когда это произошло, я, раб Христов Филипп, вместе со своим сыном, взял тайно ночью тела их в свой дом, о чем знал только Бог, и предал их погребению в этом мраморном гробе. Верую, что, по их молитвам, и я получу милость от Господа нашего Иисуса Христа, Который со Отцем и Святым Духом живет и царствует вовеки.

Когда эти святые мощи были вынесены из земли, больные стали получать исцеление, бесы были изгоняемы из людей, слепые прозревали. Тот же святой Амвросий упоминает, что в их городе был один всем известный слепец, по имени Севир; лишь только он прикоснулся к краю одежд, бывших на мощах святых, то тотчас же прозрел[6672].

Молитвами святых Твоих, Господи, просвети наши душевные очи, дабы мы могли ходить во свете Лица Твоего и о имени Твоем возрадовались вовеки[6673]. Аминь.

Кондак, глас 2:

Светильницы светлии явльшеся, Божественнии мученицы, тварь светом чудес озаряете, недугов разрешающе глубокую нощь всегда и Христу единому Богу молящеся непрестанно о всех нас.

Житие преподобной Параскевы

Память 14 октября

Святая Параскева[6674] родилась в Сербии, вблизи города Каллиократия, в селении Епиват[6675]. Родители ее были благочестивые люди: они неуклонно исполняли все заповеди Божии и славились всюду своими благотворениями и милостынями. Кроме дочери Параскевы был у них сын. Его отдали они в училище, а дочь воспитывалась в доме своих благочестивых родителей. Брат Параскевы, когда достаточно научен был Священному Писанию, с согласия родителей, принял пострижение под именем Евфимия. Евфимий впоследствии был епископом в Мадите[6676], где прославился добродетельною жизнью и при жизни и по смерти сотворил множество преславных чудес.

По смерти своих родителей Параскева стала проводить жизнь, полную скорбей и лишений. Подражая усердно жизни святых, она умерщвляла постом и бдением свое тело и порабощала его духу. Воспламеняясь Божественным желанием жить для Господа, Параскева не пожелала долго жить в многомятежном мире сем, но, покинув все мирское, скрылась от мира и, достигнув пустыни Иорданской[6677], стала проводить здесь равноангельскую жизнь. Подражая Боговидцу пророку Илии и Иоанну Крестителю, она питалась только пустынными злаками, употребляя их притом лишь в малом количестве, и то по закате солнца. Постепенно истаевая, то от жара, то от холода, она обращала свои взоры только к Единому Богу, могущему спасти смиренных сердцем «от вихря, от бури» (Пс.54:9). Кто в состоянии поведать о том, сколько слез пролила преподобная? Кто расскажет о частых и неумолкаемых стенаниях ее? Кто подробно передаст об ее коленопреклонениях непрестанных и различных подвигах телесных? Один Всевидящий Бог взирал на подвиги преподобной. У нее не было там забот о мирской суете: она заботилась только лишь об очищении души, об ответе на будущем суде и встрече с Небесным Женихом. «Тебе, Женише

мой, ищу» – говорила преподобная Параскева и постоянно держала в уме изречение из книги Песни песней: «Скажи мне, ты, которого любит душа моя» (Песн.1:6).Она о том больше всего заботилась, как бы украсить свой светильник и вместе с мудрыми девами выйти навстречу Небесному Жениху, услышать сладкий Его глас и насладиться лицезрением красоты Его. «Когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс.41:3) – непрестанно говорила святая.

Когда таким образом преподобная Параскева пребывала в пустыне, лукавый враг позавидовал ее добродетелям и пытался мечтаниями и призраками устрашить ее. Многократно превращаясь в различных зверей, он устремлялся на святую, дабы создать для нее препятствие на пути подвигов. Но добрая Христова невеста Параскева повторяла:«Всевышнего избрал ты прибежищем твоим» (Пс.90:9) и при Его помощи, – знамением святого Креста Его, – отгоняла врагов и разрывала, как бы паутину, все козни диавола, и совершенно низложила его. Святая, при своей женской природе, имела поистине мужской разум и победила диавола, как Давид – Голиафа. Украсив свою душу такими подвигами и добродетелями, Параскева сделалась возлюбленной невестой Христовой, так что на ней исполнилось пророческое слово: «И возжелает Царь красоты твоей» (Пс.44:12). Итак, Сей Царь вселился в нее со Отцом и Святым Духом и пребывал в ней, как и в святой Своей Церкви, ибо святая Параскева, сохранив свою душу от греха и осквернения, соделалась церковью Живого Бога.

Однажды ночью Параскева, после долговременного уже пребывания в пустыне, по обыкновению своему, с умилением простирая руки к небу, стояла на молитве. Внезапно, в образе пресветлого юноши, она увидела Ангела Божия, который, подойдя к ней, сказал:

– Оставь пустыню и возвратись в свое отечество, ибо там подобает тебе оставить тело на земле, а душою прейти ко Господу.

Преподобная, проникнув в смысл видения, уразумела, что в нем сказывается Божие повеление; она радовалась тому, что близко время разрешения ее от тела, но ей жаль было

расставаться с пустынным уединением, – ибо ничто так не очищает души и не приближает ее к Первообразу, как пустыня и безмолвие. Однако, повинуясь воле небесной, преподобная оставила пустыню и отправилась в отечество.

Прибыв в царствующий град Константинополь, она вошла там в прекрасный храм Премудрости Божией, равно также побывала и во Влахернской церкви и, поклонившись пред чудотворной иконой Богоматери, пошла на свою родину в Епиват, где прожила некоторое время, не изменяя своего обычного пустынного подвига, – поста и молитв. Когда же наступило время ее отшествия к Богу, Параскева помолилась усердно о самой себе и обо всем мире и во время молитвы предала Богу свою блаженную душу. Тело ее было погребено верующими, по христианскому обычаю, но не на общем кладбище, – как тело странницы, никому не сказавшей о себе, откуда она[6678].

Бог, восхотевший прославить Свою угодницу, по прошествии многих лет, открыл мощи ее при следующих обстоятельствах.

Близ того места, где была погребена преподобная, в подвигах безмолвия на столпе подвизался некий столпник. Случилось что туда же было выброшено волнами тело какого-то корабельщика, заболевшего во время плавания тяжкой болезнью и скончавшегося. От трупа сего начал исходить удушливый смрад, так что по той дороге невозможно было и проходить; смрада сего не мог стерпеть даже и столпник, подвизавшийся около того места, и он принужден был сойти со столпа. Поэтому он приказал выкопать глубокую яму и закопать в ней смердящий труп. Когда рабочие копали яму, то, по Божественному смотрению, они обрели лежащее в земле нетленное тело и сильно удивились сему. Но так как рабочие были люди неопытные и несведущие, то на случившееся не обратили никакого внимания, как на малозначительное и ничтожное дело. Они рассуждали так между собою:

– Если бы сие тело было святое, то Бог открыл бы его посредством каких-либо чудес.

С сими мыслями они вновь засыпали нетленное тело землею, бросив туда же и смрадный труп, а затем ушли домой. С наступлением ночи, один из них, некто Георгий, человек благочестивый, молился Богу в своем доме. Заснув под утро, он увидал во сне некую царицу, сидящею на пресветлом престоле, а кругом нее стоит великое множество светлых воинов. Объятый страхом и, будучи не в силах взирать на сие царское величие и славу, Георгий упал на землю. Тогда один из светлых воинов, взяв Георгия за руку, поднял его и сказал:

– Георгий! Зачем вы так презрели тело преподобной Параскевы и вместе с ним похоронили смердящий труп? Немедленно возьмите тело преподобной и положите его в достойном месте, ибо восхотел Бог прославить на земле рабу Свою.

Также и та светлая царица сказала ему:

– Поспеши вынуть мои мощи и положить их в достойном месте, потому что я не могу больше терпеть смрада от того трупа. Ибо я человек, и родина моя Епиват, где ныне и вы живете.

Той же ночью было такое же видение и одной благочестивой женщине, по имени Евфимии. По утру они оба рассказали всем о том, что увидели. Услышав сие, благочестивый народ отправился с возжженными свечами к мощам преподобной Параскевы и, с благоговением вынув их из земли, радовался как бы о некоем многоценном сокровище. Святые мощи с торжеством положены были в церкви святых и всехвальных апостолов Петра и Павла, в селении Епиват, где, по молитвам святой Параскевы, от ее мощей подавались многие исцеления болящим: слепые прозревали, хромые начинали ходить и все недужные и бесноватые получали здравие.

В 1238 году, во время владычества крестоносцев (католиков) в Царьграде, благочестивейший Иоанн Асень[6679], король Болгарский и Сербский, получил известие о месте, где почивают святые мощи преподобной Параскевы. Тогда он поручил блаженному Марку, – бывшему тогда митрополитом Переяслава Болгарского, – со многими епископами и священниками, перенести те честные мощи в престольный

город Болгарской земли – Тернов[6680]. Там св. мощи были с почетом положены в придворной церкви, где, нетленно почивая, источали различные исцеления всем, с верою к ним притекающим.

По прошествии значительного времени, по Божию попущению, мусульмане постепенно завоевали всю Греческую империю, а вместе с ней покорили и царства Болгарское и Сербское. Сие завоевание происходило в XIV веке, во времена турецкого султана Баязета[6681]. Когда султан Баязет взял Болгарский город Тернов, то все церковные драгоценности и царские украшения были разграблены. Тогда святые мощи Параскевы, одетые в одно рубище, были перенесены в Валахию[6682]. По завоевании Турками и Валахии, в 1396 году, святые мощи, по ходатайству Сербской царицы Милицы пред султаном, перенесены в Сербию в Белград[6683].

В 1521 году султан Сулейман II-й[6684], взяв Белград, похитил оттуда также честные мощи преподобной Параскевы; привезя затем в Константинополь, он поставил их здесь в своих палатах. Но многоценное сие сокровище не затерялось и здесь, ибо многочисленные чудеса от мощей преподобной способствовали к прославлению ее не только у христиан, но даже и среди мусульман. Последние, смутившись сим обстоятельством и убоявшись, как бы вера в чудодейственную силу мощей святой Параскевы не распространилась еще шире, – а больше всего по усердию и заботливости христиан, – передали сии святые мощи Константинопольским христианам, а те с честью положили их в патриаршей церкви.

В 1641 году благочестивый Василий-Лупул[6685], воевода и господарь Молдавский, получив известие о том, что в Константинопольской патриаршей церкви находятся мощи святой Параскевы, усердно желал, чтобы они были перенесены оттуда с честью в его славный господарский округ. Его желанию споспешествовал прославляемый во святых Своих Господь, желавший и в Молдавии прославить преподобную Параскеву. Тогда Константинопольский патриарх Парфений[6686], с согласия всего своего освященного собора и соизволения иных честнейших патриархов, отправил честные мощи преподобной

Параскевы благочестивому государю, воеводе Василию, в первопрестольный город его, Яссы[6687]. Здесь, в храме трех святителей, с великими почестями, при большом веселии и радости жителей всей Молдавии, святые мощи и были положены в 1641-м году по Рождестве Христовом, октября 14-го дня[6688].

Тропарь, глас 4:

Пустынное и безмолвное житие возлюбивши, и во след Христа Жениха твоего усердно потекши, и Того благое иго во юности твоей вземши, крестным знамением к мысленным врагом мужески вооружившися, постническими подвиги, постом и молитвами и слезными каплями, углие страстей угасила еси, достославная Параскево: и ныне в небеснем чертозе с мудрыми девами предстоящи Христу, моли о нас, почитающих честную память твою.

Кондак, глас 6:

Святую вси заступницу сущым в бедах, благочестно воспоим Параскеву всечестную: та бо житие оставльши тленное, и нетлеемое прият вовеки. Сего ради славу обрете, чудес благодать, Божиим велением.

Житие преподобного Николы Святоши

Память 14 октября

«Проходит образ мира сего... Владычество переходит от народа к народу... Господь низвергает престолы властителей и посаждает кротких на место их» (1Кор.7:31; Сир. 10:8, 17). Благоверный князь Никола[6689] с самой ранней юности своей уразумел эту непрочность скоропреходящего владычества на земле. Он ясно видел, что только на небе существует царство непреходящее, вечно пребывающее, исполненное тех неизреченных вечных благ, кои уготовал Господь для любящих Его. Поэтому он – подобно тому, как некогда индийский царевич Иоасаф, – оставил славу и богатство, почесть и власть своего временного, земного княжения ради вечного, Небесного Царствия и, пришед в Печерский монастырь, облекся во святой иноческий чин[6690]. В иночестве блаженный Никола так просиял святостью своей жизни, что все, видя добрые его дела, усердно прославляли за него Господа. И, прежде всего, преуспевал он в послушании. Сначала святой Никола работал на братию в поварне; здесь он своими руками рубил дрова и смиренно носил их с берега на своих плечах, неленостно исполняя и все остальное, что было необходимо для приготовления пищи. Он уже много потрудился, когда узнали о его подвигах братья его Изяслав и Владимир; они стали удерживать его от такой работы. Но сей истинный послушник выпросил у них со слезами, чтобы они позволили ему еще один год в поварне поработать для братии. И вот он здесь с полным старанием и усердием прослужил братии в течение целых трех лет. После этого он как человек испытанный и ко всему способный, был приставлен стеречь монастырские ворота, и в этом послушании, никуда кроме церкви не отходя, он также пробыл три года. Оттуда он был приставлен прислуживать при братской трапезе; и это послушание он проходил с усердием и таким старанием, что пользовался расположением всей братии.

Пройдя таким образом благочинно все эти степени послушания, он по разрешению игумена и всей братии принял

на себя подвиг безмолвия, дабы в тишине заботиться о своем спасении. Исполняя сие послушание, он своими руками устроил при келлии сад, и в продолжение всех лет иноческой жизни его никогда не видали без дела; он всегда имел в руках своих какую-нибудь работу, а на устах непрерывно сию молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя!» Он никогда ничего не вкушал, кроме общей монастырской пищи на трапезе, и то в небольшом количестве. Если ему, против его желания, как князю, приходилось получать что-либо от близких ему, тогда он все это немедленно раздавал на нужды странников, нищих и на строение церковное, так что на средства его в церковь приобретено было много книг.

Сей блаженный князь, еще во время владения своим княжеством, имел при себе очень искусного врача по имени – Петра, сирийца родом, который пришел с ним и в монастырь. Врач этот, видя добровольную нищету своего господина, оставил его и проживал в Киеве, врачуя там многих. Впрочем, он неоднократно приходил к блаженному и, видя его в великих лишениях и безмерном посте, служащим в кухне и стражем у ворот монастырских, так увещевал оставить сей образ жизни:

– Князь, тебе следует позаботиться о своем здоровье, дабы тебе непомерным трудом и воздержанием не ослабить совсем своей плоти, ибо, если ты изнеможешь, для тебя станет неудобоносимым иго, которое ты Христа ради пожелал взять на себя. Ведь Бог не ищет поста или подвига выше сил, но только чистого и смиренного сердца. Ты работаешь на иноков, как купленный раб; ведь к такой нужде ты не привык, да это и недостойно тебя, так как ты князь. Для твоих благородных братьев Владимира и Изяслава твоя нищета есть скорбь и великое уничижение, так как от столь великой славы и почести ты дошел до таких лишений, что умерщвляешь свое тело и из-за недостаточной пищи впадаешь в недуги. Ты прежде питался вкусными плодами, а теперь подверг себя тяжким лишениям, вкушая сырую зелень и сухой хлеб. Но берегись, как бы тебе совершенно не заболеть, и тогда ты, не имея более сил, лишишься жизни, и я не в состоянии буду помочь тебе; итак, ты готовишь своим братьям плач неутешный. Вот и бояре, некогда

служившие тебе и благодаря тебе прежде знатные, – и те, потеряв свои надежды, сожалеют о тебе и пребывают в большом унынии. Но они устроили себе большие дома и теперь живут в них, а ты не имеешь, где главы преклонить, и сидишь то при мусорных кучах, то в поварне, то при вратах. Кто из Русских князей поступал так? Уже не блаженный ли отец твой Давид, или приснопамятный твой дед Святослав? Да и из бояр никто не пожелал бы такой бесславной жизни, кроме одного Варлаама, бывшего здесь игуменом.

Итак, если ты не послушаешь моего совета, – то преждевременно умрешь.

Подобные слова врач Петр, научаемый братьями святого Николы, часто говорил ему, когда сидел с ним то в поварне, то при воротах.

Блаженный всегда на это отвечал ему:

– Брат Петр! Часто думая о спасении души своей, я решил, что не должно щадить плоти, дабы она не вступала в борьбу с духом и не возбуждала в душе моей брани. Утомляемая же подвигом воздержания, она смиряется, но не изнемогает; а если бы и изнемогла, то ведь апостол сказал: «сила моя в немощи совершается» (2Кор.12:9). И еще: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим.8:12). Бог желает смиренного и чистого сердца, но его не может быть без поста и подвига, потому что пост – матерь целомудрия и чистоты. И еще сказано: «Он смирил сердце их работами» (Пс.106:12). Я благодарю Бога за то, что Он освободил меня от мирских забот и соделал меня рабом для Своих рабов, – этих блаженных черноризцев; ведь я, будучи князем, под видом работы для них, работаю для Царя царей. Братья же мои пусть заботятся о себе самих: «каждый понесет свое бремя» (Гал.6:5). Довольно с них моего наследия, которое я для того оставил вместе с земным княжением, чтобы получить наследие в Царствии Небесном: «для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Филип.3:8). К чему же ты угрожаешь мне смертью, укоряешь в моей нищете и в воздержании от излишних яств? Ведь и ты, когда лечишь телесную болезнь, не повелеваешь ли больному

быть воздержным, а некоторых яств и совсем избегать? А мне таким же способом нужно врачевать недуги душевные. Если я и умру телесно, то ведь мне «смерть" Христа ради «приобретение» (Филип.1:21). Если же я сижу при мусорных кучах, – то почему ты меня считаешь хуже бояр? Ведь мне надлежит царствовать с Иовом, о котором сказано, что он был знаменитее всех сынов востока (Иов.1:3).

Если сего не делал раньше меня ни один из Русских князей, то я, последуя Царю Небесному, положу начало; может быть, с сего времени кто-нибудь и станет подражать мне, последуя моему примеру. Наконец, вместе с научающими тебя советую заботиться более о себе самом!

Многократно происходило также и следующее. Когда сей блаженный князь, утомившись в подвиге послушания, впадал в болезнь, тогда врач Петр, узнав об этом, немедленно приготовлял ему лекарства, нужные при той или другой болезни. Но князь всегда до прибытия врача с лекарством, Божиею помощью, делался здоровым и никогда не дозволял лечить себя.

Однажды пришлось и самому врачу тому заболеть. Блаженный послал к нему сказать:

– Если ты не станешь пить лекарства, то скоро выздоровеешь, а если меня не послушаешь, то долго будешь страдать.

Но врач не послушался и выпил свое лекарство и, желая излечиться от болезни, едва не лишился жизни, хотя потом и был исцелен по молитве святого. Когда тот же врач вскоре снова заболел, блаженный велел передать ему то же самое:

– Если не будешь лечиться, – выздоровеешь на третий день.

Будучи наказан за первое ослушание, на этот раз врач послушался блаженного и, по слову его, на третий день выздоровел. Блаженный Никола в то же время оканчивал свое послушание монастырского привратника; позвав выздоровевшего врача, он сказал ему:

– Петр! Тебе подобает постричься в иноческий образ и, вместо меня, потрудиться в сем монастыре для Господа и Его

Пречистой Матери, потому что я по истечении трех месяцев отойду от сего мира.

Врач Петр, услышав сие, пал ему в ноги и возопил, обливаясь слезами:

– Увы мне, господин мой, благодетель мой, драгоценная жизнь моя! Кто примет меня, когда я приду сюда? Кто накормит сирых и убогих, кто заступится за обижаемых, кто окажет милость многим, требующим помощи? Не говорил ли я тебе, князь, что ты скоро доставишь неутешный плач своим братьям? Не говорил ли тебе: князь, побереги свою жизнь, ибо ты для многих можешь быть полезен, и в жизни твоей – жизнь многих людей. Не ты ли меня исцелил силою Божиею и своею молитвою? Куда же ты, добрый пастырь, уходишь? Если ты сам, исцелитель мой, захворал, то расскажи мне, твоему рабу, о своей болезни, и если я не вылечу тебя, то пускай за твою жизнь и за твою душу будет моя жизнь и моя душа. Не отходи от меня в молчании, господин мой, но скажи мне, откуда пришла тебе такая весть? Если от людей, то я отдам за тебя мою жизнь, а если Господь возвещает тебе сие, то моли Его, чтобы мне умереть вместо тебя. Если ты меня оставишь, то где мне сесть и плакать о своей потере, у сей ли мусорной кучи, где ты так часто сиживал, – но и сюда меня не пустят. И буду ли я иметь возможность получить что-нибудь в наследство из твоего имения, когда ты сам наг? Разве вот сии заплатанные рубища, которые на тебе? Но и в тех ты, отходя от мира, будешь положен. Даруй, по крайней мере, мне – подобно тому, как древле Илия Елисею милость – твою молитву, дабы мне разделить ею глубину сердечную и воды моей жизни[6691] и пройти до места дальнего крова, в дом Божий, куда желаешь ты теперь отойти. И зверь ведь по заходе солнца понимает, что ему надобно пойти и лечь в свое логовище, но я не знаю, куда пойду по отшествии твоем. И птица «И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих» (Пс.83:4), ты же шесть лет проживаешь в монастыре и не нашел себе места: где же ты меня оставишь? Подняв плачущего врача, блаженный сказал ему: – Петр! Не сетуй: «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей» (Пс.117:9). Господь знает, как

сохранить Свою тварь, которую Сам создал. Он позаботится накормить алчущих, заступится за бедных и спасет находящихся в напастях, и для тебя будет прибежищем. Братья же мои по плоти пусть не обо мне, но о себе и о своих делах, в плачевной юдоли мира сего, плачут, дабы получить утешение и блаженство в будущем. Я не нуждаюсь, ради временной жизни, во врачевании, потому что я уже давно умер для всего временного: «Мертвые не оживут» (Ис.26:14) (говоря по естеству), как говорит Исаия.

Сказав сие, блаженный Никола Святоша вместе с врачом отправился к пещере и приготовил себе там место для могилы. При этом он сказал врачу:

– Кто из нас больше любит сие место?

Петр с плачем отвечал:

– Я знаю, что если ты пожелаешь, то умолишь Господа, чтобы еще пожить тебе, а меня положи здесь.

Блаженный сказал ему:

– Пусть будет так, как ты желаешь, если так угодно Господу. Итак, помолимся Ему оба, но только в иноческом чине.

Тогда, по совету блаженного, врач постригся в иноческий чин и пробыл в течение трех месяцев на молитве, беспрестанно, день и ночь, проливая слезы.

Однажды блаженный Никола сказал ему:

– Брат Петр, желаешь ли, чтобы я взял тебя с собою? Он, как и прежде, с плачем на это ответил ему:

– Я желаю, чтобы ты позволил мне умереть за тебя, а ты оставайся здесь и молись за меня.

Блаженный сказал ему:

– Брат, дерзай и будь готов, потому что, по желанию твоему, в третий день отойдешь из сей жизни.

Когда наступило предуказанное время, Петр, причастившись святых и животворящих Христовых Таин, возлег на одр и предал дух свой в руце Господу. По смерти врача, блаженный князь Никола Святоша подвизался еще тридцать лет, не выходя из монастыря и, достигнув, согласно прозвищу, совершенства в святой жизни, преставился в вечную жизнь к Святейшему всех святых Царю смирения – Иисусу[6692]. В день

кончины сего святого князя едва ли не весь город Киев собрался, воздавая ему последнее целование и испрашивая с обильными слезами молитв его.

Особенно плакали братья блаженного, Изяслав и Владимир. Изяслав обратился к игумену монастыря с просьбою, чтобы он отдал ему на благословение и утешение крест умершего, подушку и скамью, на которой он совершал коленопреклонение. Игумен, отдавая их ему, сказал:

– По вере твоей, да получишь от этих вещей помощь в том, чего ты желаешь.

Изяслав, приняв сии предметы с великим благоговением прислал в монастырь много золота, чтобы недаром получить эти вещи брата.

Сей самый Изяслав однажды жестоко расхворался и даже не надеялся встать с одра. В это время при нем находились жена, дети и все бояре. Так прошло некоторое время; потом больной, несколько оправившись, поднялся и попросил выпить воды из Печерского колодца. Но скоро он опять лишился языка и после этого не мог уже ничего проговорить. Послали в Печерский монастырь и взяли там в сосуде воды, которою пред тем обмыли гроб преподобного Феодосия. Игумен передал и власяницу преподобного Николы Святоши, чтобы в нее одели тело его. И еще не вернулся посланный с водой и власяницей, как князь Изяслав проговорил:

– Скорее идите навстречу преподобным отцам Феодосию и Николе за город.

Когда с власяницею и водою вошел посланный, князь снова воскликнул:

– Никола, Никола Святоша!

Ему дали выпить той воды, одели во власяницу и он скоро стал здоров, и все прославляли Бога и Его угодников.

С тех пор Изяслав всегда надевал на себя сию власяницу, когда заболевал, и немедленно становился здоровым. Кроме того, он всегда имел на себе эту власяницу, когда шел на войну, и таким образом оставался невредимым. Один раз согрешив, он не решился надеть ее на себя и в тот раз был убит на войне, однако, он еще заранее приказал похоронить себя в ней.

Так и мы, надеясь на молитвы сего преподобного князя, о спасении которого мы имеем очевидное известие, да сподобимся силою его молитв получить исцеление от всяких болезней и язв, как временных, так и вечных, – по благодати Царя смирения, а вместе и Царя славы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Емуже слава с Богом Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Память святого священномученика Сильвана

Память 14 октября

Святой священномученик Сильван происходил родом из Газы, где он был пресвитером. За свою ревность к распространению веры Христовой, был сослан на работы в рудниках Фена[6693]; впоследствии он был обезглавлен вместе с 40 христианскими воинами[6694].

Житие преподобного отца нашего Евфимия Нового

Память 15 октября

Преподобный Евфимий, в мире Никита, родился в 824 году в селении Опсо, близ города Анкиры, что в Галатии[6695]. Родители Никиты, Епифаний и Анна, были людьми богатыми и вместе с тем очень благочестивыми, так что служили живым примером не только для сограждан, но и для всех жителей окрестных стран. Они были сострадательны, кротки, страннолюбивы и милостивы к бедным и вообще отличались всеми христианскими добродетелями. Происходя от таких благочестивых родителей, Никита от самого рождения исполнился благодати Святого Духа и поэтому еще в самых юных летах был кроток, честен, послушен и покорен родителям; он удалялся также от обычных игр и любил часто посещать церковное богослужение. Когда Никите шел только еще седьмой год от рождения, отец его умер. На попечении матери, кроме Никиты, остались еще две дочери – Мария и Епифания. В скором времени Никита, с самого детства обнаруживавший разум не по летам, стал ревностным помощником матери во всех заботах ее по дому и о семействе. Подчиняясь постановлениям о военной службе, мать Никиты должна была вписать его в воинские списки. Однако Никита, служа и воином, был для матери опорою во всех отношениях: сыном, помощником и защитником во всех ее семейных и домашних заботах. Престарелая мать Никиты, желая облегчить обязанности, лежавшие на ней по дому, поспешила выбрать ему достойную невесту. По смотрению Божию, скоро нашла она разумную и скромную девицу, по имени Евфросинию, происходившую от богатых и славных родителей; с нею-то и сочетался браком Никита. Через некоторое время Бог благословил брачный союз их рождением дочери, названной во святом крещении Анастасиею. После этого Никита, считая родившееся дитя достаточным утешением и для матери своей и для жены, решился оставить семью и посвятить себя всецело

служению Богу на иноческом пути. Оправданием покинуть семью для него являлось и то, что замужняя сестра его, Мария, жила в собственном их отеческом доме и таким образом должна была остаться помощницей матери.

14-е сентября – праздник Воздвижения, – было последним днем, проведенным Никитою в кругу родной семьи. На другой день, – в день памяти тезоименного ему святого мученика Никиты, – он оставил свою семью навсегда, сказав, будто идет посмотреть пасшегося в долине своего коня. И долго осиротевшая семья не знала действительной причины оставления Никитою отеческого дома.

Между тем Никита, обойдя многие места и посетив многих подвижников, достиг, наконец, неприступных высот Олимпа[6696], где в то время был славен своими подвигами преподобный Иоанникий Великий.

Однажды к сему великому подвижнику собралась большая толпа, жаждущая слышать от него слово назидания. Среди сей толпы, затерявшись в ней, стоял и юный Никита. Прозрел Богоносный отец Иоанникий горячее желание Никиты иноческой жизни, его будущую славу и преуспеяние в добродетели и пожелал явить пред всеми скрывавшуюся в нем до того времени добродетель.

– Кто это такой, что в образе мирском так смело обходится с другими? – притворно спросил Иоанникий собравшихся к нему иноков.

– Не знаем, – ответили ему они.

– Этот юноша – дурной человек: он – человекоубийца, – воскликнул с притворным гневом Иоанникий, – возьмите его и свяжите.

С удивлением смотрели иноки на юношу и наперерыв спрашивали: подлинно ли он убийца? А юноша, еще прежде иночества стяжавший послушание и смирение, во всеуслышание объявлял себя действительным убийцею, достойным тяжкого наказания и готов был с охотою принять возлагаемые на него узы.

– Оставьте, – остановил иноков старец, – я обвинил его пред вами, как убийцу, только для испытания. Если и в юности,

и в мире, еще не испытав нашего жития, он ради послушания признал себя виновным в таком преступлении, то каковых добродетелей он ни совершит, когда сделается иноком!

Выслушав сие, смиренный Никита ушел от святого Иоанникия. Он понял, что если он останется вблизи Иоанникия, среди его иноков, то не избежит той славы, которую он так ненавидел еще в детстве своем и, спасаясь от которой, бежал из родного своего селения. Другой старец Иоанн, живший далеко от Иоанникия, с радостью принял пришедшего к нему Никиту и, преподав ему уроки о подвигах иноческого жития, вскоре же облек его в ангельский образ, назвав его при пострижении Евфимием.

Пробыв у Иоанна довольно продолжительное время и научившись от него скитскому безмолвию и подвижничеству, Евфимий по приказанию своего учителя, ушел в киновию[6697] Писсадинон, чтобы в ней научиться от старцев подвигам киновийного иночества. Игумен той обители, Николай, с великим благоразумием управлявший своей киновией, приняв нового ученика, назначил ему сперва самые низкие послушания. Евфимий не возроптал на сие, хотя сии послушания и были сопряжены с великими трудами: он счел их за истинное врачевство для своего юного тела. Помыслы об оставленных им: супруге, родственниках и богатстве, – уже не раз волновали его душу, но, неся сии послушания, Евфимий мог утешать себя словами Спасителя: «всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.19:29, 10:37). Когда же Евфимию случалось принимать оскорбления и поругания, – что неразлучно было с прохождением низких послушаний, – то он безропотно и с радостью сносил их. Через такое послушание, смирение и труд, Евфимий достиг, наконец, того, что в нем умолкли все злые страсти.

Укрепившись в добродетелях киновийной жизни, Евфимий решил отправиться в пустыню, чтобы там в безмолвии достигнуть еще большей близости к Богу. Оставался еще

непройденным путь строгого безмолвия. Далеко в сие время разносилась слава об Афонских подвижниках, и к ним то решил теперь отправиться Евфимий. Свое намерение он открыл одному из великих подвижников Олимпа, старцу Феодору. Благословил святой старец ревностного инока на новый путь и, зная, что старца Иоанна, от которого Евфимий воспринял свое первое пострижение, уже нет в живых, облек его в великий ангельский образ[6698]. Спустя восемь дней после этого Евфимий был уже готов в путь, чтобы оставить Олимп после пятнадцатилетнего пребывания на нем. Нашелся ему и спутник – инок Феостирикт, так же, как и он, жаждавший высших подвигов иночества.

Путь с Олимпа на Афон проходил мимо Никомидии. Прибыв в Никомидию, Евфимий был утешен радостным известием что живы все присные его, некогда оставленные им в отчем доме. Желая облегчить их скорбь о разлуке с ним, он послал им святой крест и наказал посланному передать им, что уже нет более у них родственника Никиты, а есть инок Евфимий, который советует и им последовать его примеру. Плакали сначала родственницы, получив от него такое известие, но так как велика была любовь их к нему, то они впоследствии, укрепленные помощью свыше, решились и сами последовать примеру Евфимия. Кроме дочери преподобного, которая в сие время вышла замуж, все они сделались инокинями.

Прибыв на Афон, Евфимий ревностно стал исполнять устав тамошней монастырской жизни. Так как Феостирикт, не перенося тяготы и злострадания строгой безмолвной жизни, возвратился на Олимп, то святой Евфимий на подвижническом своем поприще соединился с некиим, еще до него подвизавшимся на Афоне, иноком Иосифом. Но вскоре младший оказался учителем старшего.

– Брат! Так как мы, будучи в чести, по словам Давида[6699], преступлением заповедей уподобились несмысленным скотам и лишились своего благородства, то сочтем самих себя за скотов и в течение сорока дней будем питаться одною травою, поникши к земле как животные. Может быть, очистившись через сие, мы опять получим свою по образу Божию и по подобию красоту.

Вот, что услышал от Евфимия Иосиф.

Иосиф согласился с этим предложением, и оба они провели сорок дней, терпя жажду, холод, голод и жар. Едва была пройдена сия новая ступень лествицы христианских добродетелей, как святой Евфимий снова предложил своему сподвижнику следующее:

– Оставим теперь, добрый Иосиф, злострадание жития беспокровного, – заключимся в какой-нибудь пещере и будем оставаться в ней неведомыми от всех других, находящихся здесь иноков; положим самим себе в закон, – как бы он нисшел к нам от Бога, – чтобы ни тот ни другой из нас не выходил из пещеры, прежде окончания трех лет. Если же кто из нас в течение этих трех лет умрет, то будет воистину блажен, как человек до конца жизни сохранивший размышление о смерти, и гробом для него да будет сия самая пещера. А когда, по изволению Божию, оба мы пребудем живы, – умрут, по крайней мере, насколько сие возможно, наши страсти и плотские пожелания, и мы изменимся к лучшему.

Иосиф принял и сие предложение. Подвижники нашли для себя пещеру, заключились в ней, и едва-едва поддерживали свое существование скудною растительною пищею, состоявшею из росших близ пещеры желудей и каштанов. Вся жизнь их была исполнена величайших подвигов, каковы были: всенощные стояния, непрерывный пост, постоянные коленопреклонения, спанье на голой земле, провождение времени в пещере без возжжения огня. Строго сохраняя между собою молчание, они если и нарушали его иногда, то разве только беседами о молитве и других душеполезных предметах. Через год у подвижников не было даже и ветхого рубища, которое могло бы защитить их от множества разного рода насекомых, причинявших нестерпимое беспокойство их телу. Это были, в полном смысле слова, мученики без гонений. Однако сподвижнику Евфимия через год оказалось не по силам нести далее добровольно принятый им на себя крест страданий. Ослабев силами, он оставил Евфимия. Это был уже второй инок, которому оказалось не по силам соревновать подвигам Евфимия. Но сам Евфимий после этого лишь усилил свои

подвиги. Много искушений ему пришлось перенести здесь со стороны злого духа. По действию его, сначала на Евфимия напали тоска и скорбь по удалившемся брате, потом – боязнь уединения, наконец, его часто стали возмущать горделивые помыслы о высоте пройденного им иноческого пути. Но все сии, а также многие другие искушения были побеждены Евфимием.

Окончив по обету трехгодичный срок своего пребывания в пещере, Евфимий оставил ее. А за пещерою уже давно его ожидали многие подвижники, слышавшие о нем от Иосифа и желавшие подражать ему. Преподав им наставления, Евфимий отправился опять на Олимп, куда звал его прийти облекший его в великую схиму старец Феодор, чтобы вместе с ним отправиться на Афон. Просьба старца была исполнена, и на Афоне около одра Феодора, – так как он от долгого подвижничества был слаб и бессилен, – Евфимию суждено было выполнить новый подвиг, – подвиг служения, по заповеди Спасителя, больным и немощным. Он сам выстроил для Феодора новую келью и с великим усердием служил ему в ней. Сие продолжалось до тех пор, пока больной старец, нестерпимо страдая от жестоких болезней, не отбыл в Солунь, чтобы обратиться там к врачебной помощи. Там он и обрел себе вечное упокоение.

Любовь к почившему подвигла Евфимия идти в Солунь для поклонения его гробу. Почти весь Солунский народ, давно уже слышавший о добродетелях Евфимия и узнавший теперь об его прибытии, вышел к нему навстречу, чтобы приветствовать его и получить от него благословение. Но недолго пробыл Евфимий в Солуни. Жизнь в городе отвлекла его от безмолвия. Он вышел из Солуни и, подобно Симеону Столпнику, взошел на столп, находившийся недалеко от города. С этого столпа Евфимий учил всех приходивших к нему. Пробыл он на столпе довольно продолжительное время, наставляя к жизни добродетельной и врачуя от неизлечимых болезней. Но потом он снова пожелал по-прежнему только безмолвствовать на Афоне, так как стечение к нему множества благочестивого народа сильно тяготило смиренного столпника. Расставаясь с Солунью, Евфимий принял, по совету Солунского архиепископа Феодора,

рукоположение во диакона, чтобы иметь возможность самому, – посредством «Запасных Даров», – приобщаться в пустыне Пречистых Христовых Таин[6700].

Но на Афоне Евфимий пробыл недолго, ибо не нашел здесь желаемого безмолвия. Новые подвижники густо заселили прежнюю пустыню. Узнав о появлении среди них «освященного» подвижника и почитая его, как первенствующего среди них, они стали часто посещать его. Тогда Евфимий избрал для себя новое убежище – необитаемый остров, называемый «Новых», куда он удалился вместе с двумя другими единомысленными ему иноками Симеоном и Иоанном Коловым. По Божию попущению напали на этот остров сарацины. Приплыв на двух кораблях, они пленили иноков и хотели увести их с собою. Пользуясь попутным ветром, варвары с радостью подняли паруса своих кораблей и пустились в дальнейший путь. Но непродолжительна была их радость. Корабль, на котором находились пленники вдруг стал среди моря и никак не мог сдвинуться с места, тогда как другой плыл вполне свободно. Один из варваров понял истинную причину остановки корабля и сказал своим товарищам:

– Неужели мы столь неразумны, что не в силах понять, что это случилось с нами за причиненное насилие рабам Божиим? Если не хотим погрузиться в море, давайте – скорее освободим их!

Товарищи его тотчас согласились: все они пали к ногам святых пленников и просили у них прощения, которое тотчас же и получили. После этого неподвижный дотоле корабль снялся с места сам собою, и вскоре уже был у только что опустошенного острова. Три жителя его вновь получили свободу. И просили они у варваров возвратить им хотя и ничтожные их вещи, но для них, как пустынножителей, крайне необходимые. Жестокие варвары, пред этим только что наказанные перстом Божиим, не вняли их просьбе. И опять им суждено было за сие испытать на себе всю силу карающей десницы Божией. Когда они были уже среди моря, внезапно подул противный ветер и вновь пригнал их корабли к только что покинутому острову. Теперь они уже не могли более отказывать преподобным в их просьбах. Лишь один

из варваров, раздосадованный возвращением назад отнятого, схватил Иоанна Колова и беспощадно бил его, пока не был остановлен товарищами. Присутствовавший при сем святой Евфимий только кротко заметил:

– Арабы! Если бы вы освободили нас без обиды, то мирно бы достигли отечества, а теперь, нанеся обиду брату, вы причинили тем оскорбление Богу и скоро узнаете, как велико сие зло.

Недолго пришлось ждать варварам исполнения сего пророчения. В море их ждало новое несчастье: на них напали римские военные корабли и отвели в плен именно тот самый корабль, на котором находился обидчик преподобных, другой же корабль, сверх всякого ожидания, спасся. Так прославлены были и среди нечестивых варваров три великие мужа, всю жизнь свою прославлявшие Бога.

Помнили сии мужи заповедь Господа, запрещающую искушать Бога и повелевающую избегать опасных мест (Мф.10:23), и поэтому, подвергшись раз опасности на своем новом местожительстве, решились оставить его. Но и Афон, куда они опять переселились, теперь уже не представлял из себя безопасного места. Знали варвары о его теперешнем населении и поэтому делали частые на него нападения. Уже многие из афонских иноков были пленены ими. По этой причине три новых переселенца на Афон решились разойтись все по другим, более безопасным, местам. Преподобный Иоанн поселился в так называемой Сидирокавсии, преподобный Симеон удалился в Элладу[6701], а преподобный Евфимий перешел во Врастаму. Здесь суждено ему было опять встретиться с своим прежним сподвижником – преподобным Иосифом. Кроме того, много собралось и иных братьев о Господе, пожелавших поселиться около Евфимия. Евфимий построил им келлии, а сам поселился один во рву. Преподобный Евфимий иногда оставлял свой ров и посещал братию, а иногда, ревнуя о безмолвии, восходил на высоты Афона и там, беседуя в молитвах с Богом, до того очистил свой ум и сердце, что сподобился Божественных видений и откровений. И слышал он там однажды голос, говоривший ему:

– Евфимий! Иди в Солунь: там в горах, к востоку от города, ты найдешь вершину, называемую Перистера, с источником воды, и увидишь там храм святого апостола Андрея Первозванного, – прежнее благолепие которого превращено теперь в овчарню, – очисти сие место и устрой на нем монастырь: здесь найдут для себя спасение многие. Я помогу тебе во всем. Тебе не следует оставаться долее в пустыне в борьбе с демонами, ибо они удалились от тебя, давно побежденные твоею добродетелью.

Исполняя Божественное повеление, преподобный оставил вершины Афона, и, взяв с собой двух иноков – Игнатия и Ефрема, отправился с ними с Афона в Солунь. На сей раз Солунь встретила его «как сошедшего с небес Ангела». Разузнав о месте, называемом Перистера, Евфимий взял проводников и отправился с ними на указанную ему гору, где и нашел действительно овчарню. Открытые ему свыше признаки указывали, что именно здесь нужно искать развалины прежнего храма, но никто из местных жителей ничего не знал об этом храме. Местные христиане давно имели здесь овчарню, совсем и не помышляя о том, что оскорбляют ее местную святыню. Горько плакал преподобный, видя такое попрание святыни. Начатые им раскопки вскоре же обнаружили все основание храма. Тогда местное население, пораженное таким необычайным даром прозорливости пришедшего к ним старца, с охотою взяло на себя расходы по восстановлению забытого храма. Этим оно хотело как бы загладить грех своего прежнего равнодушия к нему. Так воздвигнут был храм святого апостола Андрея, с приделами: с правой стороны – в честь святого Иоанна Предтечи, а с левой – во имя Евфимия Великого. Но, прежде чем были окончены работы по постройке храма, много трудов и горя пришлось вынести самому преподобному. По злоумышлению демонов, то опрокинулись леса, окружавшие здание, то обрушилась только что выведенная левая сторона его. При таких несчастьях нелегко было преподобному убеждать строителей продолжать начатую постройку. Проводя ночи в молитвах, днем он не отлучался от рабочих, подавая им пример своими собственными работами. Наконец, в 863 году, храм был

окончен. При нем, по желанию местного населения, вскоре возник и монастырь, прославившийся впоследствии множеством бывших в нем иноков. Знал преподобный, что многих влечет сюда далеко распространившийся слух о происшедшем здесь чуде, и поэтому сильно опасался за то, как бы новопостриженные иноки, привлеченные сюда лишь этим слухом и не испытавшие еще сил своих, не оказались неспособными к прохождению многотрудного иноческого жития. Вследствие сего он преподал много поучений этим новоначальным инокам, говорил им об опасностях от диавола, указывал средства для избежания этих опасностей, прославлял святость труда, осуждал пороки и призывал к добродетелям.

– Братия! – поучал иноков преп. Евфимий, – враг наш диавол, по Писанию, как лев, рыкая ходит, чтобы поглотить кого-либо нерадящего о своем спасении: поэтому будем трезвиться и бодрствовать (ср.1Пет.5:8). Если мы отреклись от мира, то отсечем пожелания плоти; если мы распяли плоть свою и облеклись в смерть Господню, то да не увлекаемся удовольствиями плотскими и да ходим духом; если для Царствия Небесного облеклись мы в ангельский образ, то и жить должны, как Ангелы; если мы действительно любим Господа, то должны хранить Его заповеди. Будем работать своими руками, ибо от праздности и лености мы изнемогаем и ослабеваем для добрых дел, – и тогда бесплодие и оскудение бывает необходимым нашим уделом: «Расстроивающий дом свой получит в удел ветер» (Притч. 11:29), говорит Премудрый; а апостол Павел говорит: «кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес.3:10). Храните смирение, любовь, послушание к предстоятелю, имейте к нему веру и ничего не скрывайте от него: исповедуйте ему ваши помыслы, и таким образом очищайте ваше сердце и ум, ибо сие есть путь спасения.

Слушая Евфимия, иноки его обители говорили, что Сам Дух Святой вдохнул в него Божественную благодать, как вдохнул ее в святых апостолов. В числе этих новоначальных иноков был и Василий, впоследствии архиепископ Солунский, благодаря трудам которого сохранилась до нашего времени память о подвигах преподобного Евфимия. Он рассказывает о той

Божественной ревности, которою горели поощряемые святым пастырем иноки новой обители. Так, например, когда в обитель их случайно попала одна еретическая книга, то они тотчас же сожгли ее.

За свою благочестивую жизнь Евфимий сподобился дара прозрения будущего и дара чудотворений. Так, вышеупомянутый Василий рассказывает о себе, что ему самим преподобным Евфимием было предречено его епископское звание. На третий день после его пострижения преподобный приходит к нему в церковь, где он должен был пробыть как новопостриженный семь дней, и говорит:

– Василий! хотя я и недостоин светосияния или дара прозорливости, но так как ты и прочие для пользы души притекли под руководство моего недостоинства, то Всеблагий Бог благоволил даровать и мне некую каплю благодати, чтобы, провидев имеющее случиться с вами, я мог говорить вам полезное ко спасению. Итак, знай, что ты, по любви к наукам, скоро удалишься из монастыря и будешь епископом: но и тогда поминай меня, как отца твоего, и обитель нашу, и братию.

Из жития преподобного, составленного архиепископом Василием, ясно видно, как он любил и благоговел пред памятью того, чьи подвиги и чудеса, виденные им, он описывал. Вот некоторые из виденных и передаваемых им чудес, совершенных преподобным Евфимием. Однажды, когда Василий вместе с другим братом Иоанном, именуемым безмолвником, был в пустынном месте, и им угрожала смерть от голода и утомления, к ним внезапно явился преподобный и принесенною им пищею настолько подкрепил их силы, что они могли продолжать свой путь далее. В другой раз тот же Василий вместе с преподобным были далеко от обители, и преподобный вдруг объявил ему, что сейчас из обители удаляются два брата, Иоанн и Антоний, вследствие ссоры, происшедшей между ними и остальною братиею. В Солуни Евфимий, когда подвизался на столпе, изгнал из одного человека злого беса. Много и других чудес совершил святой Евфимий, одни из которых видел сам описатель его жития, Василий, о других же он слышал от посторонних лиц.

Много иноков приняло пострижение от преподобного. Многих и мирских людей он увлек своими подвигами и чудесами на путь иночества. Много новых монастырей возникло его старанием и заботами на Олимпе, Афоне и в Солуни.

Наконец, через сорок два года после оставления отеческого дома, Евфимию привелось, к своему утешению, постричь в иночество и своих родственников, к чему он звал их еще будучи в Никомидии, когда впервые шел на Афон с Олимпа. Он был как бы второй Иосиф, – столь же чистый в своем житии, столь же прославленный после перенесенных им трудов и бедствий, и лишь через сорок два года узнанный своими присными, сознавшими, наконец, суету мира сего и решившимися принять иноческий образ. Родственников своих он взял в свою обитель, а для родственниц построил новый женский монастырь на купленном им для того месте. Начальницею над сим монастырем была поставлена сестра преподобного, названная во святой схиме Евфимиею. Поручив обе сии обители попечению Солунского митрополита Мефодия и преподав им наставления, преподобный опять взошел для безмолвия на прежний свой столп вблизи Солуни. Обрести же вечный покой от жития временного Господь привел преподобного вблизи тех самых высот Афона, где едва ли не более всего было совершено им подвигов.

Предузнав день своего успения, святой Евфимий 7 мая, в память перенесения мощей святого Евфимия Великого, призвал к себе на трапезу братию ближайших к нему Афонских монастырей и, отпраздновав с ними этот день, простился с ними; на другой день, никому ничего не говоря, он взял для служения себе только одного инока Георгия и удалился с ним с Афона в одно уединенное место, на так называемый «Священный остров». На этом острове он подвизался около 4 месяцев в одной, найденной им, пещере и, наконец, почти безболезненно почил – 15 октября, 889 года. Господь судил ему безболезненно оставить бренное свое отечество за все те муки, кои пришлось испытать его юному сердцу, когда он покидал отчий дом, где жил, всех любя, и сам всеми любимый.

Спустя два года иноки Перистеры пожелали перенести к себе тело почившего угодника Божия, дабы иметь в нем своего заступника за обитель даже и по смерти. С этою целью они послали на Священный остров иеромонаха Власия и инока Павла. Посланные ими, прибыв туда, нашли тело святого Евфимия лежащим в той самой пещере, где он почил. Тление совершенно не коснулось его тела, хотя оно и лежало там очень долго. 13 января следующего года святые мощи преподобного перенесены были в город Солунь или Фессалонику, где почивают и ныне[6702].

Молитвами преподобного и Богоносного отца нашего Евфимия, да избавимся и мы все от недугов душевных и телесных, и да сподобимся Царствия Небесного о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

Волнений множества невлажно преходя, безплотныя враги струями слез твоих крепко погрузил еси, Богомудре Евфимие преподобне, и чудес дар прием, исцеляеши страсти всякия: моли непрестанно о всех нас.

Житие и страдание преподобномученика Лукиана, пресвитера антиохийского

Память 15 октября

Святой Лукиан происходил от благочестивых родителей из города Самосат[6703], в Сирии. На двенадцатом году своего возраста Лукиан осиротел и все, оставшееся ему после родителей, имущество раздал бедным; сам же отправился в город Эдессу к исповеднику Макарию и, под руководством его, с ревностью принялся за изучение Священного Писания. При этом Лукиан проводил строго подвижническую жизнь. Он никогда не пил вина, а только воду, пища же его состояла из сухого хлеба с водой, но и ту он принимал один раз в день, а иногда и целую неделю ничего не вкушал[6704]. За свою строго благочестивую жизнь, а также и за ревностное распространение слова Божия между иудеями и язычниками, Лукиан был посвящен в сан пресвитера Антиохийского. Здесь Лукиан устроил училище, собрал множество учеников и стал наставником премудрости книжной и духовной: он научал разумению Божественного Писания и наставлял вместе с тем к добродетельной жизни[6705]. В это время Лукиан присоединил к своим занятиям исправления текста Священного Писания, сильно попорченного еретиками с злою целью. Ради этого полезного труда Лукиан предварительно изучил еврейский язык[6706].

Когда же слава о добродетелях Лукиана распространилась повсюду, то о нем узнал злочестивый царь Максимиан Галерий. Желая искоренить и уничтожить в восточных странах святую веру, Максимиан мучил и убивал множество христиан, в особенности же премудрых и знаменитых учителей христианских. Беззаконник думал, что если он низвергнет сии столпы церковные, тогда скорее разрушится и сама Христова Церковь. В то время он уже убил святого Анфима Никомидийского и святого Петра Александрийского[6707]. Услышав же о святом Лукиане, он повелел отыскать его и привести на мучение. Тогда один священник, живший в

Антиохии, по имени Панкратий – последователь ереси Савеллия, – сказал посланным от царя, где пребывает Лукиан. Панкратий уже давно завидовал доброй славе Лукиана и, как Иуда, предал на смерть невинного. После этого святой Лукиан был взят нечестивыми и отведен на мучение в Никомидию[6708].

В то время лютый мучитель так разъярился на христиан, что убивал, как второй Ирод, и малых христианских детей. Желая осквернить детей идоложертвенными снедями, он повелел насильно класть эти яства в рот им; они же, вразумленные Святым Духом, не хотели брать их, и за то были убиваемы.

Случилось тут же быть двум благородным отрокам – родным братьям; они, будучи научены родителями, а более Богом, сильно гнушались идолопоклонством. Мучитель, призвав юношей к себе, стал прельщать их ласковыми словами и соблазнять сладкими снедями идольских жертв, желая через сие сделать их участниками бесовских скверн. Юноши же, отталкивая снеди, говорили:

– Родители завещали нам не вкушать этих снедей, ибо если кто вкусит их, тот прогневает Христа.

За сие мучитель повелел бить их без пощады розгами; юноши же, подобно зрелым мужам, с великим терпением переносили истязания. Тогда один из приближенных к царю сказал:

– Большой стыд, если малые дети, недавно вышедшие из пелен, победят своим терпением римского царя. Дай, великий царь, мне этих детей, и я их научу почитать богов.

Царь отдал ему этих детей. Он тотчас же обрил головы им и, намазав крепкою горчицей, запер их в горячую баню; от этого головы детей разгорелись подобно пламени, как будто пораженные молнией; оба брата в этом мучении и скончались. Сначала упал мертвым младший, а старший, увидав своего умершего брата, воскликнул:

– Победил ты, брат мой, победил; Бог тебе помощник! После этого, целуя тело умершего брата, и он предал дух свой. – Сие было в Никомидии, куда вели на мучение святого Лукиана.

В Каппадокии, которая находилась на пути в Никомидию, Лукиан увидал воинов, из страха мучений отвергшихся Христа. Лукиан стал наставлять их к терпеливому перенесению мучений и сказал:

– О какой стыд вам и срам! Вы, как воины, всегда жертвуете на войне здоровьем своим за царя земного и временного, и полагаете души свои за него, а между тем не хотите мужественно восстать за Небесного Вечного Царя-Христа, и не только щадите себя, но и отвергаетесь Его! Рассудите: какая вам польза слушаться царя земного? И размыслите в то же время от чего отказываетесь вы, преслушав повеление Царя Небесного? Ради суетной чести и славы вы предаете себя в такую погибель; ради же Господа своего, пролиявшего за нас кровь Свою и уготовившего рабам Своим неизреченные блага, вы не хотите терпеть временных мук, чтобы на веки воцариться с Ним. Постыдитесь малых детей и немощных женщин, оказавшихся мужественнее вас: ибо они доблестно став за своего Господа, оказались как бы крепкими мужами, а вы, убоявшись мук, сделались – как женщины и малые дети. Что будет с вами, когда Христос призовет вас на суд Свой?

Услышав сие, воины опять обратились ко Христу с покаянием и пошли на мучение, исповедуя сердцем и устами святое имя Господа Иисуса Христа. И было тогда замучено за Христа около сорока воинов. Так, святой Лукиан своим сладкоглаголивым и исполненным Божественной благодати языком опять обратил ко Христу отпавших от Него и укрепил их к мученическому подвигу.

Когда же Лукиана привели в Никомидию, то он нашел там многих известных ему христиан и учеников своих, которые, боясь гонения, были в великом страхе. Некоторые из них скрывались, а другие хотели отречься от христианства, боясь лютых мучений и смерти. Святой Лукиан силою своего слова возбудил их мужество и сделал их твердыми в вере, дабы не бояться им убивающих тело, а не душу (Мф.10:28).

Рассказывают, что одну девицу, по имени Пелагию, ученицу Лукиана, отыскивали на мучение за веру во Христа; боясь, чтобы не погубили ее девства, девица бросилась с высокого

окна и, упавши, разбилась и умерла; верующие почтили ее, как мученицу[6709].

Так как Максимиан слышал, что у Лукиана такое приятное лицо и он так увлекательно беседует, что всякий, смотрящий на него и слушающий его, непременно делается христианином, то царь боялся, чтобы и ему не сделаться христианином, если он будет сам лично беседовать с Лукианом. Поэтому, когда Лукиана привели к царю, то он стал беседовать с ним в некотором отдалении, через завесу[6710]. Сначала он обещал Лукиану многие дары и почести; когда же святой засмеялся на его льстивые и лукавые слова, тогда Максимиан начал угрожать ему новыми мучениями. Лукиан нисколько не устрашился его угроз; его посадили в темницу, в которой он претерпел многие и различные страдания. Там его связали веревками, били острыми камнями и долго томили голодом и жаждою. Между многими мучениями было одно и такое: отторгли из суставов все члены его тела и положили спиной на острых черепках, на которых он и лежал 14 дней. Когда же наступил праздник Богоявления Господня, то святой пожелал, чтобы ему и всем находившимся с ним христианам дозволено было причаститься святых Христовых Таин. Он помолился Богу, дабы получить желаемое, и Бог устроил так, что, по недосмотру стражи, некоторые из верующих собрались к Лукиану в темницу и принесли хлеб и вино. Тогда святой Лукиан сказал ученикам своим и всем христианам, находившимся в темнице:

– Встаньте вокруг меня и будьте церковью, ибо я верую, что церковь живая лучше и благоприятнее для Бога, чем построенная из дерева или камня.

Когда затем все обступили Лукиана, он сказал:

– Совершим литургию и причастимся Божественных Таин. Тогда ученики спросили его:

– Где же мы, отче, положим хлеб для совершения святых Таин? – У нас нет здесь стола.

Он же, возлежа связанный, лицом кверху, сказал:

– Положите у меня на груди, и будет живой престол Живому Богу.

Так, в темнице, на груди святого, совершилась Божественная литургия, со всеми надлежащими молитвами – по чину, как подобает, – и все сподобились причаститься святых Божественных Таин.

Утром царь послал слуг узнать: жив ли еще Лукиан? Когда же слуги входили в темничные двери, святой Лукиан, увидав их, три раза воскликнул:

– Я – христианин!

И с этими словами он предал дух свой в руки Христа, Бога своего[6711].

Слуги, придя к Максимиану, рассказали, что Лукиан уже умер. Тогда царь повелел бросить тело мученика в море; слуги так и сделали: привязав камень к многострадальному телу святого Лукиана, они бросили его в морскую пучину, и оно оставалось в море тридцать дней.

После этого мученик явился одному из своих учеников, по имени Гликерию, повелевая ему идти на морской берег и, взяв тело его, предать погребению. Гликерий пошел с другими христианами на берег искать тело святого; и вот они увидали в море дельфинов, несших на себе нетленное тело мученика; подплыв к берегу, они положили его на сухом месте. Тогда верующие с радостью взяли тело святого мученика и похоронили с честью.

Много лет спустя, святая равноапостольная царица Елена, мать Константина Великого, построила над гробом святого мученика Лукиана церковь[6712] во славу Богу, в Троице Единому, Ему же и ныне от нас да будет слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 2:

В пощении первее просиявшаго, и во страдании второе светяща, вси, яко светило пресветлейшее, Лукиана песньми славно почтим, молящаго непрестанно о всех нас.

Память святых мучеников Сарвила и Вевеи

Память 15 октября

Святой Сарвил, живший в царствование императора Траяна[6713], был сначала идольским жрецом в Едесе[6714], а затем, наученный одним благочестивым христианским епископом, крестился вместе с сестрою своею Вевеею. Обвиненный пред князем Едесским в исповедании христианской веры, он предстал на суд и был бит палками. Так как святой с великою силою изобличал князя и доказывал суетность языческих богов, то разъяренный князь до семи раз приказывал поднимать его на дыбу, и каждый раз при этом его били воловьими жилами, строгали железными гребнями и палили свечами. Но святой обратился к Богу и молился, и Господь Сил облегчал его болезни. Мучитель, видя доблестное терпение святого, приказал забивать ему гвозди в голову, чем привел всех в ужас. Тогда Вевея, сестра святого, исповедала, что и она – христианка, и была подвергнута истязаниям и заключена в темницу. С святого Сарвила была содрана кожа, и, однако, он еще дышал. Тогда им обоим были отсечены головы[6715]. Верующие, взяв тела их, предали земле.

Память святого Савина епископа Катанского

Память 15 октября

Блаженный Савин за свои великие добродетели и благоразумие, был избран на епископское служение в Катане[6716]; но потом оставил мирскую суету ради добродетели безмолвия и столь ревностно подвизался на пути к совершенству, предавшись бдению и посту, что еще при жизни сподобился дара чудотворения и прорицания. Многих он убедил оставить мир и служить только Христу. Скончался он в мире[6717], предав дух Господу, а честное тело родной ему земле.

Житие святого Иоанна, епископа Суздальского[6718]

Память 15 октября

Для этого преподобного отца нашего, преславного и твердого наставника, епископа Иоанна, горний Иерусалим был как бы родиной и отечеством, ибо, по житию своему, святой мог быть назван земным Ангелом и небесным человеком.

О месте рождения святого – город то был или весь – о родителях его, обучении грамоте и о времени принятия им иночества, – сведений не сохранилось. Известно лишь, что святой Иоанн пребывал в некоей обители, где, в исполнении порученных ему служб, отличался послушанием к игумену и братии, изнуряя тело свое великим воздержанием, побеждая страсти и наветы бесовские. И был он любим и славим иноками обители и игуменом, так как являл собою образ всех добродетелей, согласно словам апостола Павла: «плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание: на таковых несть закона» (Гал.5:22–23), и по Псалмопевцу: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его. Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно будет на земле семя его» (Пс. 118:1–2, 111:1–2).

Игумен монастыря того, муж опытный в иноческом жительстве, руководил блаженного Иоанна и учил его уставу иноческому, наставляя его иметь страх Божий пред очами своими, не пренебрегать убогими, не возноситься видением, но всегда пребывать в смиренномудрии, не унывать в скорбях; но мужественно переносить их и не жаловаться на случающиеся напасти. Ибо, по внушению Святого Духа, игумен предвидел, что блаженному Иоанну предстоит принять епископский престол и благоверно пасти Христову паству.

Принимая духовные поучения игумена, блаженный исполнял их еще с большим тщанием, подобно плодородной земле, сторицею возрастающей посеянные семена. Постился

же он так, что принимал пищу лишь через два дня на третий, а иногда не ел и всю неделю и кроме воды ничего не пил. Усердно изучал он святые книги, читал их без всяких сомнений и с умилением толковал себе сказанное в них, обливая слезами власяной стихарь свой. И такие слезы даровал ему Господь, что без них он не мог ни хлеба вкусить, ни проговорить слова, всегда имея мысль о смирении, по слову апостола: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак.4:6; ср. 1Пет.5:5).

В то время великим князем Суздальским был Борис Константинович[6719]. По смотрению Божию, блаженный Иоанн, за великую добродетель, смирение и благоуспешное прохождение иноческого жития, был поставлен патриархом Цареградским во епископа городов Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца. Вручив блаженному Иоанну паству, патриарх отпустил его с миром в город Суздаль.

Когда епископ приблизился к городу, навстречу ему вышел благоверный великий князь Борис Константинович, в сопровождении сановников. Встретить епископа вышел также священный собор, иноки, весь клир с крестами и множество народа, мужи и жены, старцы, юноши и дети. Когда епископ был близ городских ворот, весь народ окружил его; преклоняясь пред ним, верующие принимали от святого благословение и целовали ноги его, воспевая с радостными слезами молебные песнопения. Святой же Иоанн повелел народу часто взывать: «Господи помилуй» и, воздев руки к небу, стал молиться:

– Владыко Господи, Иисусе Христе, Боже наш, Царь царствующих и Господь господствующих, Создатель всей твари видимой и невидимой, Безначального Отца соприсносущный и собезначальный Сын! Нищий и убогий, дерзаю я призывать чудное, страшное и святое имя Твое. Тебя, неизреченного Света, призываю я, облеченный немощною плотью, которую восприял Ты, нашего ради спасения. Не отвергни убогой молитвы моей, спаси город сей, в коем благодать Твоя назначила пребывать моему смирению. Спаси всякий город и всякую страну от губительного голода, землетрясения, потопа,

огня и меча, от нашествия иноплеменников и междоусобной брани, ибо милостив Ты, и Тебе славу воссылаем во веки веков.

Окончив молитву, святитель сказал:

– Мир всем.

Народ ответил: «аминь».

Затем все отправились в город, славя Бога. Окончив молебные песнопения, епископ Иоанн вошел в церковь Пресвятой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного славного Ее Рождества[6720]. Часть народа вошли с епископом в церковь, на Божественную литургию, другие же, не вместившиеся в церкви, стояли вокруг нее, принося благодарение Богу за то, что Он даровал им столь чудного и святого епископа. Когда Божественная литургия была совершена, благоверный князь Борис Константинович и бывшие с ним, удостоились чудного видения. Они увидели, что на святителя сошла Божественная благодать, в виде света великого, и осенила его. Приняв от рук епископа просфору, благоверный князь Борис Константинович и граждане воссылали славу Христу Богу, целовали блаженного Иоанна и удалились каждый в дом свой.

На другое утро, в воскресение, блаженный Иоанн, совершив богослужение, был посажен на святительское седалище. Он преподал мир верному стаду и исполнил сердца всех духовным веселием. Епископ принимал всех собравшихся с утешительными словами; и было слово его, по апостолу «приправлено солью» (Кол.4:6), и напояло оно сердца, как река медоточивая. Собрав в одно из воскресений всех граждан, епископ обратился к ним с следующим духовным поучением:

– Страшно мне, братие, ибо сан святительский превышает мои силы; ужасаюсь я, думая о кончине моей и размышляя о величии порученного мне дела, ибо я вижу себя недостойным сана святительского. Но Господь поставил меня пастырем словесного Своего стада и привел меня на сие служение известными Ему лишь судьбами, которые – «бездна великая» (Пс.35:7). Поэтому было бы для меня преступлением молчать, и я должен считать себя не наемником, но пастырем. Молю вас, братие, крепко стоять и держаться правой веры, отвращаться

всякой нечистоты, блуда, лжи, воровства, зависти, клеветы и идолослужения, устраняться от всякой ереси и всякого зла, часто посещать святые Божии церкви и соблюдать справедливость. Ибо апостол сказал: «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1Кор.3:11). Положено же сие основание через святых апостолов и святых Богоносных отец; оно есть православная вера, проповеданная, утвержденная и изъясненная святыми вселенскими соборами. На сем основании веры следует полагать нам, по апостолу, золото, серебро и драгоценные камни[6721] – просто сказать: создать на основании сем дела благие. Ибо жизнь вне правой веры к Богу – жизнь непросвещенная, и вера без благих дел не может довести нас к Богу. Следует соблюдать и то и другое, чтобы быть вполне Божиим человеком и чтобы жизнь наша не страдала недостатками, ибо апостол сказал, что спасает лишь «вера, действующая любовью» (Гал.5:6).

Вскоре по вступлении на кафедру, Иоанн, по повелению благоверного великого князя Бориса, отправился обозреть город и обойти внутри и окрест его со священным собором и клириками, с крестами и иконами, воспевая молебные песнопения Господу. И приступил к нему благоверный великий князь Борис Константинович, с прочими вельможами, князьями и боярами, прося у него благословения. Епископ благословил их. Тогда великий князь дал ему пятьсот златников и сказал:

– Тебе, владыко, как новопоставленному и вновь пришедшему, много предстоит ныне раздать церковным обнищавшим чадам. Прими на сие приношение наше.

Иоанн же не согласился принять его. Тогда снова великий князь сказал ему:

– Прими, о пречестный отче, сие малое приношение своего сына.

Видя его ревность, преподобный принял дар и вручил золото слугам для раздачи, благоверному же князю сказал словами псалмопевца:

– «Да даст тебе по сердцу твоему и все намерения твои да исполнит. Да воспомянет все жертвоприношения твои и

всесожжение твое да соделает тучным» (Пс.19:5, 4).

Обойдя город, епископ со священным собором, клириками, с князьями, вельможами и народом вошел во святую церковь Пречистой Богородицы и отслужил здесь Божественную литургию и молебен. По окончании богослужения, князь обедал в трапезе епископа и всему народу велел предложить хлебы. Насытившись, все разошлись, каждый в дом свой.

Епископ Иоанн ревностно предался духовным делам, уча и наказуя, утверждая и утешая; щедро помогал он бедным, и на деле являл всем образ и устав благочестивого жития. Найдя, что доходы по епископии слишком обильны, Иоанн велел часть их уделить на больницу, которую он благоустроил, поручив ее надзору двух благоговейных иереев, чтобы они заботились о снабжении ее всем необходимым. Епископ часто посещал больных и доставлял им все необходимое, заботясь об их исцелении. Поучая их духовными словами, он укреплял их, ибо, слушая его душеполезные речи, они забывали свои страдания. Пребывая во епископии, полагал он, по евангельскому слову, душу свою за овец паствы своей (Иоан.10:11) и с любовью заботился о спасении всех. Невозможно достойным образом поведать о трудах, кои исполнил сей верный раб Божий. Воссылал он моления к Богу; на молитве же стоял он – непоколебимый как бы вылитый из меди образ. Был он молчалив и кроток, никогда не гневался, питал неизмеримую любовь – одинаково к знатным и простым людям, отвращался от тщеславия и лукавства. Кроме этих добродетелей, обладал он даром учительства и слова, так что многие приходили к нему за наставлением не только из Суздаля, но и от других окрестных городов[6722]. Не витиевато говорил святитель, но назидательно, обращая всех к покаянию. Богатых учил он не величаться богатством и не уповать на мимотекущее богатство; вдовиц – прилежать посту и воздержанию и избегать украшения в одежде.

Получив от святого духовные дары и пользу для души своей, наставленные им уходили в домы свои, благодаря Бога за такового пастыря. Многие же из них отрекались от мира и принимали иноческий образ.

Однажды блаженный Иоанн по своему обычному правилу стоял на молитве пред образом Матери Господа Иисуса Христа и, часто взирая на икону, так молился:

– О Пресвятая Госпоже Богородице, заступница крепкая и помощница роду человеческому, будь нам ходатаицею пред Сыном Своим, чтобы Он призрел с высоты на город сей и обитель сию.

Отпев благодарственный канон Пресвятой Богородице и совершив правило, блаженный Иоанн сел, чтобы отдохнуть. Но в это время пришел к нему благочестивый князь Борис Константинович. Приняв от святого благословение и помолившись, стал он беседовать с ним наедине о пользе душевной. Полный благочестивых мыслей, князь исповедал ему такое свое благое намерение:

– Благослови меня, отче святой, и помолись прилежно Господу Богу, чтобы Он, ради святых молитв твоих, сподобил меня получить желаемое. В державе нашей, в городе Суздале, нет общежительной иноческой обители. Если бы Господь помог мне, твоим молением, создать каменную церковь во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, честного Его Преображения, и при ней воздвигнуть обитель. Таково мое сердечное желание. Благослови меня, отче, и умоли об этом Бога. Я же, молитвами твоими, отправлюсь в Нижний Новгород, в обитель Печерскую великого преподобного отца Дионисия[6723]. Там я попрошу его дать мне одного из учеников его, кто был бы искусен в создании храма Божия и в устроении монастыря. Святой Иоанн сказал:

– О князь великий, доброго дела желаешь ты – Господь Бог да будет помощником тебе и правителем твоего душеполезного начинания и да охранит путь твой.

Сотворив молитву за князя, епископ благословил его, дал ему духовное о Христе целование и отпустил его с миром. Благочестивый же князь Борис возрадовался радостью великою и отправился в Нижний Новгород, в честную обитель Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, к преподобному отцу Дионисию, которого он и ранее посещал, ради его молитвы и благословения. Любя сию обитель Печерскую, князь снабжал

ее всем необходимым. Братии в то время было в ней 780 человек.

Прибыв в монастырь, князь Борис уединился в келью с преподобным Дионисием, долго с ним беседовал о пользе душевной и рассказал ему о святом епископе Иоанне и о житии его, как он призревает убогих, посещает больных и помогает вдовицам, и как он благословил его построить общий монастырь на собрание иноческого жительства. Поклонившись преподобному Дионисию до земли, князь сказал:

– Благослови меня, отче, и дай мне из обители одного из учеников твоих, который был бы искусен в построении монастыря, чтобы не возвратиться мне в Суздаль без исполнения желания моего.

Преподобный же Дионисий возблагодарил за все Бога, воздал Ему хвалу за неизреченное Его милосердие и сказал:

– О князь, ты устрояешь благое дело. Господь наш, Иисус Христос, да поможет твоему душеполезному начинанию и да наставит тебя в твоем стремлении к благочестию, ибо «всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак.1:17).

Сотворив молитву, преподобный Дионисий благословил князя и, обещав все, чего тот просил, отпустил его с миром. Благочестивый князь Борис Константинович исполнился радости и веселия, ибо Господь сподобил его получить желаемое, и отправился в обратный путь, в город Суздаль. В то же время велел он возить камень и известь на создание обители.

Преподобный же Дионисий, по просьбе князя, избрал из братии своего монастыря благопослушливого ученика, именем Евфимия.

– О чадо, – сказал преподобный Евфимию, – не унывай в скорбях, Господь тебе помощник и руководитель во всяком благом деле; иди в богоспасаемый город Суздаль. Там, в преславном храме Пресвятой Богородицы, ты увидишь священного епископа Иоанна.

Тогда блаженный Евфимий был еще молод летами, но духовною мудростью превосходил старцев, украшенных многолетними сединами. Было ему всего 36 лет. Приняв от

преподобного Дионисия молитву, как копие острое против видимых и невидимых врагов, Евфимий пошел на запад от обители.

И дал ему Господь силы совершить свой путь легко и без замедления и скоро он достиг города Суздаля. Увидев чудный и прекрасный храм во имя Божией Матери, Евфимий вошел в него и поклонился пред святыми иконами Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и всех святых. Совершив метание пред епископом Иоанном, он просил его о благословении и молитве. Иоанн благословил Евфимия, дал ему о Христе целование и ввел его в епископские палаты.

Здесь он много беседовал с Евфимием о пользе душевной; по беседе же они вознесли Господу всенощную молитву, чтобы Он послал им в помощь Ангела, наставника верного. Когда занялась заря, святой Иоанн, совершив обычные утренние песнопения и преподав мир, облобызал Евфимия и отпустил его.

На другой день, в воскресенье, по окончании утрени и Божественной литургии, епископ Иоанн снова позвал Евфимия для духовной беседы.

Узнав о прибытии великого князя Бориса Константиновича в Суздаль, Евфимий пошел к нему. Князь был весьма рад его посещению, принял его с великой честью и сказал ему, что желал его прихода, «как лань желает к потокам воды» (Пс.41:2).

После долгой беседы пошли они к преосвященному епископу Иоанну и вкусили хлеба на трапезе его. Князь Борис Константинович поведал блаженному Иоанну все по ряду о преподобном Дионисии Печерском, о житии его, великих трудах и подвигах.

Иоанн сказал на сие:

– О князь, без колебания и сомнений исполняй то, что начал, по слову апостола: «кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией» (1Тим.3:5). Благому началу должно ожидать от Бога и благопотребного конца. Ты ведь уже принял благословение и молитву от честного и святолепного старца, преподобного Дионисия, и ныне он послал к тебе благопослушливого своего

ученика, трудоположника и постника, сего Евфимия, который, по благодати Божией, может дело твое начать и совершить и быть в этих подвигах о Христе образцом для других людей.

Тогда князь встал с места своего и поклонился епископу до земли, прося его пойти с ним и Евфимием на место будущего монастыря, где им укажет Господь: И пошли они на изыскание места сего, со всем священным собором и клиром, с крестами и иконами, воспевая молебные песни. С ними пошли сановники, князья и бояре, и множество народа, мужи, жены и дети. На пути полагали пред Иоанном расслабленных, прося у него исцеления. Святой возносил о исцелении их тайную молитву к Богу, возлагал на них крест и руки свои и окроплял их святою водою – и с того часа прекращалась болезнь их, и целовали они ноги святого, благодаря Бога. Весь народ был объят великой радостью, все изумлялись и говорили, что святитель подобен святому Григорию епископу Акрагантийской церкви[6724].

Так шли, окруженные народом, великий князь, святой Иоанн и блаженный Евфимий, воспевая молебные песнопения. Наставляемые Богом, вышли они за город, обозрели окрест града на все четыре стороны, и пошли на северную сторону, вверх по реке, называемой Каменка, на которой был построен их город. Здесь, близ города, на берегу реки на высокой горе нашли они место, прекрасное видом и удобное для построения монастыря, и избрали его для сей цели. Святой Иоанн благословил и освятил со всем собором место сие и вознес ко Господу молитву:

– Господи Боже наш, Ты пролил кровь Свою во обновление святой Твоей Церкви; смиренно молимся Тебе ныне, положи благодать Святого Духа в основание храму, который будет создан Тебе на сем месте. Да будет он жилищем славы Твоей, да будет прославлено с ним величие Твое псалмами и песнопениями, и да получат молящиеся в нем от Тебя блага, коими исполнены небеса и земля. Спаси их, охрани от бед в будущем и сподоби славы Твоей.

По молитве святой Иоанн водрузил крест честный на поставление престола. благочестивый же великий князь взял

своими руками лопату и стал копать ров для основания церкви. Сие было в 1352 году.

Помощью Божиею, была воздвигнута прекрасная каменная церковь, во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, честного и Боголепного Его Преображения. И всячески ее украсил благоверный великий князь, Святой же Иоанн поставил архимандритом блаженного Евфимия и повелел ему священнодействовать в митре, с палицею и с рипидами. Князь Борис Константинович даровал блаженному Евфимию все, что требуется для строения монастырского. Так начал устраиваться общежительный монастырь. В скором времени число братии в нем достигло до 300 человек.

В день честного праздника Преображения Господа нашего Иисуса Христа блаженный архимандрит Евфимий с прочими постниками и искусными иноками пришел из монастыря в епископский дом, к святителю Иоанну. И просили они святого, чтобы он отслужил у них в обители Божественную литургию. Получив согласие, архимандрит Евфимий тотчас возвратился в монастырь и вышел со всеми братиями навстречу епископу. Облобызав блаженного Евфимия, великий Иоанн вошел в церковь с ним и с прочими иноками, отраслями винограда Христова и овцами духовными, воспевая молебные песнопения. Во время литургии в церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа пришел благоверный великий князь Борис Константинович и увидел здесь чудное видение. Ему казалось, что с епископом служил облеченный в светлые ризы муж, сияющий образ коего был страшен и несказанен. По окончании литургии, улучив время, князь приступил к святому Иоанну и, поклонившись ему до земли, просил епископа объяснить виденное им. Епископ, не желая открывать тайны сей, сказал князю:

– О князь, что ты видишь чудесного в том, что я служил Божественную литургию с добрым пастырем двора сего духовного словесных овец. С нами были здесь лишь священноиноки, которых твое величество знает; другого же священника с нами не было.

Но князь продолжал умолять святого Иоанна, чтобы тот объяснил ему видение. Тогда святой сказал ему:

– Если Бог открыл тебе видение, я ли могу сие утаить? – То был Ангел Господень, который не только ныне, но и всегда, посещением Божиим, сослужил мне недостойному. Но не рассказывай никому о виденном тобою, пока я жив.

Так говорил святой, ибо не любил он, смиренный, чтобы дела его добрые и мзда, принимаемая им от Бога, были ведомы другим людям. И когда его вопрошали, какая добродетель высшая, он отвечал: «творимая тайно».

Блаженный Евфимий с братиею умолил благоверного князя и святого епископа Иоанна, чтобы они удостоили трапезу своим участием. Когда трапеза была приготовлена, все они воздали Господу благодарение и, насытившись, стали вести духовную беседу. Тогда, по желанию великого князя и по прошению архимандрита Евфимия и бывших с ним иноков, блаженный Иоанн произнес слово учительное: – Отцы и братия, не подобало бы мне, недостойному и немощному, поучать вас о душевной пользе. Всем ведомо, что всякому желающему спастись следует прежде всего соблюдать веру и вести жизнь сообразно с нею. Ибо жизнь воздержная, но без правой веры, не принесет пользы; также и вера без благих дел не может приблизить нас к Господу. Но для совершенства следует, чтобы было и то и другое. Вера же должна быть «действующая любовью» (Гал.5:6). Любовь – начало всех добродетелей, все они произошли от нее. Следует нам удаляться от злых дел и держаться добрых, помышляя о том лишь, что достойно небес. Следует нам, согласно Христову Евангелию, жить в смирении, послушании, в чистоте, воздержании от телесных наслаждений, в любви, милосердии, человеколюбии и в страхе Божием по слову: «трепещет от страха Твоего плоть моя, и судов Твоих я боюсь» (Пс.118:120). Не следует нам пропускать времени для своего исправления; мы не знаем, что принесет нам завтрашний день, ибо, задумав многое, часто на другой день мы ничего из задуманного не достигаем. Итак, если мы будем удаляться от зла и возревнуем указанным добродетелям, то спасемся и,

шествуя узким и прискорбным путем, достигнем Царствия Небесного.

По окончании беседы сей, святой Иоанн удалился к себе в дом епископский. Видя чистое житие его, диавол, искони приносящий вред роду человеческому, воздвиг брань на праведного. Диакон преподобного, именем Елевферий, с некоторыми церковниками уговорил некую любодеицу, обещав ей много серебра, и стали они искать удобного случая, чтобы оклеветать епископа перед князем. Они возбудили народ и, придя в епископский дом, изгнали святителя Иоанна с бесчестием и поруганием из города. Он же, памятуя незлобие своего владыки Иисуса Христа, ничего не сказал против их ожесточенного нападения, но, выходя из города, обратился лицом на восток и, воздвигнув руки свои к небу, молился Богу о ненавидящих его, говоря:

– Господи! Не вмени им сего в грех.

И тотчас, когда молитва еще была на устах его, гнев Господень поразил церковников, объял их страх и трепет, тьма покрыла их; они совершенно ослепли и нуждались в вежде. Видя сие, народ пал к ногам святого и с воплем и слезами просил прощенья. Святой простил их и благословил. Каясь в грехе своем, Елевферий со слезами припал к ногам Иоанна, говоря:

– Помилуй меня, раб Божий, и прости мне, смиренному, беззаконный и преступный замысел мой против тебя. Жив Господь Бог мой, не отступлю я от святых ног твоих, пока ты не обещаешь прощения в беззаконном моем замысле. Не поминай сделанного мною зла, отче преподобный.

И долгое время повторял сие преподобному Елевферий. Блаженный же Иоанн отвечал:

– О человек, не мы должны обещать прощение, как думаешь ты, но только Один Милосердый Бог может прощать. Исцеляет язвы душ наших Тот, Кто претерпел ради нас страдания. Он дарует нам прощение в прегрешениях наших и очистит нас, ибо Он взял на себя грехи мира.

Подняв Елевферия с земли, Иоанн сказал ему:

– Господь, чадо, простит тебя.

Святой помолился пред всем народом за согрешившего Елевферия, и за церковников, совращенных им, и осенил их крестным знамением. Они тотчас прозрели. Ужаснулись все люди и прославили Бога, творящего дивные чудеса святыми Своими.

На месте чуда, совершенного святым Иоанном, суздальские граждане задумали создать церковь во имя чуда святого архистратига Божия Михаила в Хонех, ибо чудо было совершено епископом в день празднования чуда архистратига Михаила. По благословению святителя Иоанна вскоре была создана сия церковь и граждане отделили для церкви часть своих земель и назвали их, по имени святителя, селом Ивановским[6725].

Однажды к святому Иоанну пришел благоверный князь Андрей, брат великого князя Бориса Константиновича. После обычного благословения и молитвы, князь сказал епископу:

– О святой угодник Божий, хочу я просить тебя об одном благодеянии.

Добрый же тот пастырь отвечал:

– Ничто тебе не возбраняется.

– Желаю я, чтобы ты дал мне благословение на создание монастыря инокиням, – ибо чудо случилось со мною. Плыли мы однажды по Волге от Нижнего Новгорода, и вот на реке поднялся такой сильный ветер, что от множества великих волн ладьи начали сокрушаться, и всем угрожала смерть. Тогда плаватели стали молить Бога; с ними и я молился, чтобы Господь избавил нас от угрожающего несчастья. И дал я обет Богу построить церковь во имя Пресвятой Богородицы, в честь и славу Ее Покрова, и устроить монастырь, на жилище и покой инокиням. Тотчас прекратилось на реке волнение и настала тишина. Ныне время исполнить обет мой.

Епископ ответил на это:

– Не препятствую в твоем желании.

Благоверный князь сказал:

– Пошлем за преподобным отцом, архимандритом Евфимием, и попросим у него места, на берегу реки, где удобно было бы построить монастырь.

Посоветовавшись, они послали за архимандритом. Тот пришел, поклонился им и спросил:

– Зачем вы звали меня, господа мои? Для чего надобно было мне прийти к вам?

Они сказали:

– Дай нам место, длиною и шириною в 7 саженей; ибо, с Божиею помощью, хотим мы построить монастырь на той реке, где витаешь ты, пастырь добрый и делатель Христова винограда.

Князь поведал ему о случившемся с ним на Волге и обет свой, – как он обещал устроить монастырь на жительство инокиням. Блаженный же Евфимий сказал:

– О князь! Господня земля и концы ее. Если Богу сие угодно – да будет благословенно место, которое ты требуешь для создания монастыря.

Князь поклонился блаженному Евфимию и дал ему в монастырь обильную милостыню. Затем, он избрал место на реке Каменке, против монастыря преподобного Евфимия. Здесь, с Божиею помощью, была построена деревянная церковь, во имя Пречистой Богородицы, в память славного Ее Покрова и устроена обитель[6726]. Сие было в 1364 году. Старейшинство в обители епископ Иоанн вручил племяннице блаженного Евфимия, которую он перевел сюда из лавры святого великомученика Александра, находившейся в том же городе Суздале, на горе[6727]. Спустя некоторое время, обитель посетил епископ Иоанн, похвалил и благословил ее и, поучив о пользе душевной, удалился в дом свой.

Так заботился святитель Иоанн о своем духовном стаде, приводя его на пажить духовную. И просиял сей святитель как звезда не только в Суздале, но и в дальних странах. Правя Богоугодно своею о Христе паствою, достиг он святолепной старости.

Оставив престол епископский[6728], удалился он в Боголюбскую обитель Пресвятой Богородицы[6729], где постригся в схиму и жил в непрестанном безмолвии.

Когда приблизилось время его блаженной кончины, святой Иоанн заболел, но ненадолго. В час разлучения с телом он

причастился святых и пречистых Таин Тела и Крови Иисуса Христа, Господа нашего, и почил о Господе в 1373 году, октября месяца в 15-й день. Святые мощи его с песнопениями были перенесены в город Суздаль.

Когда в Суздале узнали о преставлении святого Иоанна, епископ Дионисий и прочие духовного и мирского звания люди вышли из города со свечами и кадилами навстречу мощам святого. Встретив их благоговейно, с честью положили их в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, на правой стороне, где они почивают под спудом нетленными и доныне, помогая и исцеляя приходящих с верою, во славу Христа Бога нашего, Ему же слава вовеки.

В 1743 году, 27 октября, в день памяти святого мученика Нестора, при гробе святого Иоанна совершилось чудо.

После обычного благовеста к утрени, за три часа до рассвета, перед самым концом полунощницы, когда церковный сторож вышел из соборной церкви Рождества Богородицы, чтобы дать знак к звону, в церковь вошел человек босой и в одном распахнутом кафтане. Тотчас он устремился за правый столп, к ракам святых чудотворцев Иоанна и Феодора, епископов Суздальских, и воскликнул:

– Святителю, отче Иоанне, угодниче Христов, помилуй меня. Затем он, рыдая, пал ниц.

Слыша необычный вопль пришельца, бывшие в храме священнослужители подошли к нему, подняли с земли и стали спрашивать, кто он, и какая причина вопля его. Он же со слезами поведал следующее:

– Зовут меня Иваном Васильевым Жинкиным, я из посада сего города; с марта месяца одержим я тяжелою болезнью – правая рука и левая нога отнялись у меня и язык перестал двигаться; ничего я не мог ясно сказать в то время; произнося глухие и неясные звуки, я давал знаки левою рукою. Вечером сего дня, лежа на одре моем, я начал плакать, поминая свои грехи, коими я прогневал Господа Бога. И стал я в уме моем призывать на помощь Матерь Божию, святая икона Коей была близ одра моего, и вместе с нею угодников Божиих, святителей и чудотворцев Иоанна и Феодора, епископов Суздальских, и

преподобного чудотворца Сергия, игумена Радонежского. Все домашние мои в то время спали, ибо была уже глубокая ночь. Во время плача моего увидел я, что в комнате, где я лежал, воссиял свет. И вот явился муж, облеченный в светлую одежду. Став близ одра моего, он воздвиг руки свои к небу и молился:

– Милосердый Господи, помилуй создание Твое.

Слыша сие, я перестал ощущать в себе болезнь, и дерзнул вопросить явившегося:

– Кто ты, святой Божий.

Он же ответил:

– Я Иоанн, епископ Суздальский; иди в соборную церковь, где лежат мои мощи, и там получишь полное исцеление болезни твоей.

Я хотел припасть к честным и святым его ногам, но он тотчас стал невидим, исчез и свет, сиявший в жилище. Встав с одра, на коем лежал восемь месяцев, я почувствовал себя здоровым и тотчас пошел в соборную церковь, воздавая Божию угоднику благодарение.

Выслушав слова исцеленного, изумленные священнослужители послали церковного сторожа в дом его, бывший близ Васильевского монастыря, известить о происшедшем его домашних. Домашние исцеленного были весьма изумлены, не найдя его дома. Вскоре в соборную церковь пришли мать и жена его, принесли ему обычную одежду и возвестили находившимся там, что сей Иван действительно был одержим тяжкою болезнью, и что они не знают, как он исцелился. Падши ниц у святых мощей угодника Божия, они воздали с теплыми слезами великое благодарение святителю чудотворцу Иоанну и, отслужив молебен, удалились в дом свой.

Исцеленный же не пошел с ними, но пробыл три дня у соборной церкви, слушая со слезами пение церковное. Спустя три дня он очистил себя таинством покаяния пред отцом своим духовным, священником Васильевского монастыря, и, причастившись в монастыре Тела и Крови Христовых, удалился в дом свой, радуясь, славя и благодаря Бога и величая заступление и помощь великого святителя и чудотворца Иоанна, епископа Суздальского. Писание об этом чуде

засвидетельствовал Иван подписью исцелевшей правой руки своей, с ним засвидетельствовали чудо и присутствовавшие тогда в храме священнослужители.

Тропарь Иоанну, еп. Суздальскому:

Управляя Церковь Божию Соборную и Апостольскую, соблюдая заповеди Божия, вельми добре упас стадо словесных овец; зломысленным церковником молитвою своею прозрети повеле, и научи, якоже прежде святый Леонтий, поспешник спасению Русския земли, учитель Ростовский, прежде связа и паки благослови; тако святый епископ Суждальский, напастем, притекающим к тебе, избавниче, чудотворче Иоанне, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Тропарь Иоанну и Феодору, епп. Суздальским:

Яко апостолом единонравных учителей Суждальския страны, и целителей душ и телес премудрых, и служителей Богу благоприятных, к ракам честных мощей ваших притекающе, ублажаем вас, святителие Богоблаженнии, Феодоре и Иоанне, в песнех же и пениих, радующеся, славим Христа, даровавшаго вам благодать исцелений и граду нашему Суждалю великое в вас утверждение.

Житие и страдание святого мученика Лонгина сотника

Память 16 октября

Когда Господь наш Иисус Христос, по неизреченной Своей милости, благоволил спасти нас от погибели Своим вольным страданием, крестом, смертью и воскресением, тогда один сотник, по имени Лонгин, родом из Каппадокии, находясь под властью Пилата, был приставлен со своими воинами служить при страдании и распятии Иисуса Христа. Увидав чудеса, бывшие при кресте Христовом: землетрясение, затмение солнца, открывшиеся гробы и восставших из них мертвецов и распадение камней, сотник Лонгин исповедал, что Христос есть Сын Божий. Об этом событии Божественный евангелист Матфей так говорит: «Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий» (Мф.27:54. Ср. Мк.15 и Лк.23:47). Так свидетельствует об уверовавшем во Христа сотнике Лонгине Божественное Евангелие. Предание же церковное к засвидетельствованному в Евангелии прибавляет, что Лонгин был тот воин, который пронзил ребра распятому Господу Иисусу Христу и от истекшей крови и воды получил исцеление больных глаз своих. Тот же Лонгин был и в числе стражей, приставленных Пилатом к Животворящему телу Иисуса Христа, лежавшему во гробе. Когда же Господь преславно воскрес от гроба и Своим чудным восстанием навел на стражу ужас[6730], тогда Лонгин и два воина окончательно уверовали во Христа, и сделались проповедниками Воскресения Христова, – ибо они возвестили Пилату и архиереям обо всем происшедшем. Архиереи и старейшины, устроив совещание, дали воинам довольно денег, чтобы они утаили о воскресении Христовом и сказали, что ученики Христа, пришедши ночью, украли Его, когда они спали (Мф.28:11–13). Однако Лонгин денег не взял и утаить чуда не захотел, но еще усерднее стал свидетельствовать о нем, и свидетельство его было истинно. Поэтому Пилат и все иудейское сонмище

возненавидели Лонгина и весь гнев свой, который они прежде имели на Христа, обратили теперь на Лонгина. Лонгин открыто проповедовал о Христе, что Он есть Истинный Бог, и что он, Лонгин, был самовидцем животворящей смерти Его и воскресения. За сие свидетельство Лонгин подвергся ненависти и гонению со стороны врагов Иисуса Христа, которые стали изыскивать причину, чтобы погубить его, но, не находя за ним вины, не решались, потому что Лонгин был старейший из воинов, человек честный и известный самому кесарю. Когда же Лонгин узнал об их злом намерении, то восхотел лучше быть отверженным от них и остаться со Христом, чем жить в селениях Иудейских. Он оставил свой воинский сан, одежду и пояс и, взяв двоих друзей своих, которые имели такую же ревность по Христе, уклонился от народного общения и посвятил себя на служение Единому Богу. Приняв крещение от святых апостолов, Лонгин в скором времени оставил Иерусалим и пошел со своими друзьями в Каппадокию; там он стал проповедником и апостолом Христовым, и многих обратил от заблуждения к Богу. Затем, оставив город, Лонгин стал жить в селении своего отца, проводя безмолвную жизнь – в посте и молитвах.

Вскоре сделалось известным всему собранию иудейскому в Иерусалиме, что Лонгин распространяет свое учение по всей Каппадокии и проповедует о воскресении Христовом. Тогда архиереи и старейшины иудейские, исполненные зависти и гнева, пошли к Пилату со многими дарами и стали просить его отправить послание кесарю в Рим с извещением о том, что Лонгин отвергнул от себя воинский сан, отказался от подчинения римской власти и возмущает в Каппадокии народ, проповедуя им о другом царе. Пилат, приняв дары, согласился на просьбу иудеев и отправил к кесарю Тиверию[6731] послание, заключающее в себе сильную клевету на Лонгина. Вместе с этим письмом Пилата, евреи послали от себя много золота кесарю и тем самым купили смерть святому Лонгину: ибо вскоре от кесаря Тиверия пришло повеление предать Лонгина смерти, как противника кесарю. Пилат тотчас же послал воинов в Каппадокию, чтобы отсечь голову Лонгина и принести ее в

Иерусалим для удостоверения еврейского сонмища в смерти Лонгина. По просьбе иудеев Пилат повелел также убить и тех двух воинов, которые вместе с Лонгином оставили воинский сан и там же в Каппадокии с ним вместе проповедовали Христа.

Когда посланные дошли до страны Каппадокийской, то стали усердно расспрашивать о Лонгине, где он живет; узнав, что он пребывает в селении своего отца, они поспешили туда, стараясь показать, что отыскивают Лонгина не на убиение, а как бы для оказания ему некоторой почести. Они боялись, чтобы Лонгин не избежал их рук и чтобы им не возвратиться к пославшим их ни с чем; поэтому-то они и хотели тайно схватить его.

Между тем святой Лонгин, по откровению Божию, узнал о готовившемся ему венце мученическом. Он вышел сам навстречу посланным от Пилата и любезно приветствовал их. Те же, не зная его, спрашивали:

– Где Лонгин, который некогда был сотником?

– Зачем вам его нужно? – спросил их со своей стороны Лонгин.

– Мы слышали, – отвечали воины, – что он человек добрый, и хотим посетить его; мы воины, а он был сотником воинов, – поэтому мы и хотим видеть его.

Тогда Лонгин сказал:

– Прошу вас, господа мои, зайдите ко мне в дом и отдохните немного с дороги, а я извещу Лонгина о вас, ибо я знаю, где он живет, и тогда он сам придет к вам, так как живет недалеко отсюда.

Воины зашли к Лонгину, и, он предложил им обильное угощение. Когда же настал вечер и воины сильно развеселились от вина, то они рассказали Лонгину, зачем они посланы. Но предварительно просили его и взяли с него клятву, что он никому не передаст этой тайны; воины боялись, чтобы кто-нибудь не рассказал Лонгину и чтобы он не убежал от них; при этом они сказали ему:

– Мы посланы отсечь головы Лонгину и двоим друзьям его, ибо такое пришло повеление к Пилату от кесаря.

Лонгин, услыхав, что и друзей его ищут умертвить, послал за ними скорее, приглашая их к себе; сам же не хотел сказать воинам, – пока не придут его друзья, – что он и есть сам Лонгин. Когда воины уснули, Лонгин стал на молитву, и всю ту ночь усердно молился Богу, приготовляясь к смерти. С наступлением утра, воины, торопясь отправиться в путь, просили Лонгина указать им того, кого они ищут. Тогда Лонгин сказал им:

– Подождите немного, господа мои, – я послал за ним, и он немедленно придет к вам: поверьте мне, что тот, которого вы ищете, сам предаст себя в руки ваши, – только немного подождите.

Затем Лонгин узнал, что друзья его идут: тотчас он вышел к ним навстречу и, поцеловав, обнял их и сказал:

– Радуйтесь, рабы Христовы, мои же соратники, радуйтесь вместе со мною, ибо приблизилось веселие наше, – наступило время разрешения нашего от плотских уз; вот теперь мы вместе предстанем Господу нашему Иисусу Христу. Мы видели Его страдающим, распятым, погребенным и воскресшим со славою; теперь же увидим сидящим одесную Бога, и насытимся лицезрением славы Его.

Сказав сие своим друзьям, Лонгин рассказал им, что от Пилата и синедриона иудейского пришли воины, чтобы умертвить их за свидетельство о воскресении Христовом. Услыхав сие, они возрадовались, что сподобятся быть причастниками венца мученического и скоро предстанут Господу своему, Коего они возлюбили от всей души. Приведя, затем, своих друзей к воинам, Лонгин сказал:

– Вот вам Лонгин и два друга его! Я – Лонгин, которого вы ищете; сии же – два мои друга, со мной вместе видевшие воскресение Христово и уверовавшие; делайте с нами, что вам повелено пославшими вас.

Услышав сие, воины изумились и сначала не поверили, что перед ними сам Лонгин; затем, удостоверившись в истине сего, они устыдились и не желали умерщвлять своего благодетеля. Но Лонгин понуждал исполнить повеленное, сказав при сем:

– Вы ничем не можете лучше отблагодарить меня за мою любовь к вам, как послать меня к Господу моему, Коего я давно

желаю видеть.

Облекшись затем в белые погребальные ризы и указав рукою на близлежащий холм, Лонгин повелел домашним своим похоронить там тело его и двух друзей своих. После этого, помолившись и отдав всем последнее целование, Лонгин и два друга его[6732] преклонили под меч главы свои. Воины, усекнув их, взяли с собой главу святого Лонгина и ушли; тела же святых были погребены с честью на том месте, которое указал сам святой Лонгин.

Придя в Иерусалим, воины принесли туда честную главу святого Лонгина и отдали ее Пилату для удостоверения его и всего сонмища иудейского в убиении Лонгина. Пилат и иудеи, увидав главу святого, повелели бросить ее за городом, и она долго лежала там вместе с сором, пока не была засыпана пылью.

Господь же «хранит все кости» (Пс.33:21) угодников Своих, сохранил в целости и главу святого Лонгина, находившуюся в сору.

И когда Господь захотел прославить Своего раба на земле пред людьми, которого уже прославил на небе пред Ангелами, то открыл главу святого таким образом. Одна женщина, христианка, вдова из Каппадокии, ослепла обоими глазами и долго искала помощи от врачей, но не получала. После этого она вздумала пойти в Иерусалим – поклониться святым местам и искать там помощи Божией ослепшим своим глазам. Взяв своего единственного сына, она отправилась с ним в путь. Но дойдя до святых мест, сын ее заболел и через несколько дней умер; вдова та была горько опечалена смертью сына: она плакала о двойной потере, ибо лишилась и очей и сына, который был как бы светом для ее очей и проводником для нее. И вот, когда вдова та горько и неутешно плакала, ей явился в видении святой Лонгин и утешил ее, обещав ей, что она увидит своего сына в небесной славе и получит свет очам своим. Он рассказал ей все о себе: как он был при страдании, распятии, погребении и воскресении Христовом, как, затем, проповедовал в Каппадокии Христа и пострадал за Него со своими друзьями.

При этом он повелел ей идти за город и найти там его главу, лежащую в сору и засыпанную пылью.

– Тебе предназначено, – сказал при сем святой Лонгин, – обрести ее для твоего исцеления.

Утешившись от печали, вдова встала и попросила проводить ее за город; когда же туда вели, она сказала провожавшим ее:

– Где увидите большую кучу наметенного сора, там меня и поставьте.

Они так и сделали. Найдя большое количество наметенного сора, они привели ее туда, и она начала своими руками разгребать сор и раскапывать пыль: хотя она и ничего не видала глазами, но имела великую веру словам, сказанным ей в видении святым Лонгином. И тотчас же, по усмотрению Божию, она получила то, чего искала и внезапно увидела свет солнечный; ибо глаза ее открылись и она увидела главу святого, лежащую в пыли. Вдова та обрадовалась не столько тому, что увидала свет солнечный, сколько тому, что нашла главу святого, благодаря которой получила прозрение. И прославляла она Бога и величала раба Его – святого Лонгина.

Взяв и облобызав главу святого, женщина с радостью понесла ее в свой дом; омыла ее, помазала благовонными мазями, и так возрадовалась о нахождении сего духовного сокровища, что забыла печаль свою об умершем сыне. В следующую ночь святой Лонгин опять явился ей в великом свете, ввел сына ее к ней, в блестящей брачной одежде, и любезно и отечески обняв его, сказал вдове:

– Смотри, жена, на своего сына, о котором ты печалишься и плачешь: вот, какая честь и слава ему, – смотри на него и утешайся. Бог причислил его к небесным чинам, которые находятся во Царствии Его. Я же теперь взял его от Спасителя, и он никогда не будет удален от меня. Вот, возьми мою главу и тело своего сына, и похорони их в одном ковчеге, и не плачь о своем единственном сыне, и да не смущается сердце твое, ибо великая слава, радость и нескончаемое веселие дано ему от Бога[6733].

Когда женщина услыхала сие, то поспешно встала и положила главу мученика в один ковчег с телом своего умершего сына и затем возвратилась к себе домой, прославляя и восхваляя Бога. Достигнув своего отечества, она похоронила на честном месте тело своего сына и главу мученика, помыслив так при сем:

– Теперь я знаю, что «любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу» (Рим.8:28): я искала исцеления очам телесным, а нашла вместе с тем и исцеление очам душевным. Я была одержима скорбью о смерти моего сына, теперь же имею его на небе, предстоящим Богу во славе, с пророками и мучениками; с ними он всегда радуется и с Лонгином в Царствии Христовом носит крест – знамение победы, посреди Ангелов, и как ученик Лонгина радостно воспевает: «воистинну Божий Сын сей бе» и есть и будет. Царство Его – Царство всех веков и владычество Его во всяком роде и роде. Слава Ему вовеки. Аминь[6734].

Кондак, глас 4:

Весело возрадовася церковь, в память днесь приснопамятнаго страдальца Лонгина, взывающи: ты моя держава, Христе, и утверждение.

Страдание святого преподобномученика Андрея Критского

Память 17 октября

Прошло много времени с тех пор, как прекратились многочисленные жестокие гонения на Христову Церковь, воздвигнутые злочестивыми царями и князьями. После этого Церковь Божия, как бы насажденная на плодоносной земле, и напоенная честною кровью рабов Божиих, распространилась по всем концам земли. В доме Господнем водворился мир и единение веры, процветало благочестие, в людях утверждались добрые нравы, заповеди Господни были соблюдаемы и верующие преуспевали во всех добродетелях. Тогда диавол, завидуя сему, стал отвращать верующих от Христа. Однако он стал действовать не явно, как прежде, но скрытно, – со свойственным ему лукавством. С этою целью он среди самих христиан возбудил иконоборство. По наущению диавола между христианами появились люди, которые, под видом ревности о Боге, стали отвергать почитание святых икон. Диавол внушил сие людям для того, чтобы они, отринув икону Христа, отринули от себя и Самого Христа, – потому что все, что бывает изображаемо на иконе, относится к тому, чей лик изображен на ней. И вот ненавистник человеческого спасения, диавол, возбудил к сему царя Константина, – не равноапостольного, просветившего мир верою Христовою, а другого, с тем же именем, прозванного Копронимом, то есть гноеименным[6735], так как он сперва осквернил гноем купель своего крещения, а потом и Церковь Христову – своею безбожною ересью. Безумный царь стал говорить, что христианам не подобает поклоняться и почитать иконы, ибо сие есть языческое идолопоклонство. Он не понимал того, что если предмет сам по себе вреден для души, то и изображение его также вредно для души и не должно быть допускаемо. Если же предмет в существе своем заключает добро и полезен для души, то и изображение того предмета есть дело доброе и душеполезное. Языческие боги суть зло, и душепагубны, и поэтому почитание их воспрещено. Точно так же

и изображения их суть дело злое, душепагубное, и чтить их воспретил Закон Божий. Свят Господь Бог наш Иисус Христос, священны и рабы Его, и весьма много служат нам на пользу душевную, как и Давид сказал: «Мне же зело честни быша друзи твои, Боже» (Пс.138:17). Потому и изображения Господа и честных друзей Его, – которым говорил Господь: «Вы друзья Мои» (Иоан.15:14) – священны, душеполезны и мы должны почитать их, зная, что честь, воздаваемая иконам, переходит на лице того, кто изображен на них. Беззаконный царь Копроним, не поняв сего, послал по всем странам своего государства повеление, чтобы все иконы были выброшены из домов Господних и чтобы никто не дерзал хранить их в своем доме. При этом он угрожал ужасными мучениями и смертью всем, не желавшим повиноваться его повелению; и была тогда в Церкви Божией великая скорбь, печаль и сетование[6736]. Многие из верующих, боясь страшной угрозы царя, убегали и скрывались: города опустели, люди разбежались по пустыням, а из оставшихся – некоторые повиновались повелению царя и перестали поклоняться иконам, а другие, твердо держась предания святых отцов, безбоязненно сопротивлялись иконоборцам и были преданы за то различным мукам. Все места заключения, темницы и глубокие рвы наполнены были тогда не разбойниками, не ворами или какими-либо злодеями, но епископами, священниками, иноками и другими благочестивыми людьми.

В то время на острове Крите был один благочестивый и богобоязненный человек, по имени Андрей; он отвергся от мира и славы его и презирал все мирские радости: взяв крест свой, он шел тесным путем, ведущим к небу, и многих приводил с собою к такой же богоугодной жизни. Услыхав, что в Царьграде беззаконный Копроним, ради нового еретического, хульного, иконоборческого учения, многих святых держит в узах, Андрей воспламенился ревностью веры и любви ко Христу и пошел в Царьград. Здесь он без всякого страха, но с великим дерзновением открыто поучал народ не прельщаться словами царя и еретическим учением; более же твердых в вере Андрей

укреплял и возбуждал к истинному исповеданию и терпению в муках.

Когда же Андрей увидал, что иконоборцы, по повелению царя, за почитание святых икон – одних жестоко бьют жилами, других опаляют огнем, некоторым выкалывают глаза, или отрезают языки, а иным отсекают руки и ноги – тогда он не мог сего стерпеть. Тотчас Андрей пошел к церкви святого мученика Маманта, где в то время находился царь со множеством своих сановников. Протеснившись сквозь собравшийся там народ, он смело стал перед царем и громким голосом воскликнул:

– Почему ты, царь, называешься христианином и слугою Христовым, а иконы Христовы попираешь и причиняешь так много зла рабам Его?

Андрей хотел было продолжать свою речь далее, но царь повелел схватить его. Тотчас же слуги устремились на Андрея, и одни схватили его за голову, другие за руки, а некоторые за плечи и одежду; повалив Андрея на землю, они начали его бить, влачить по земле и топтать ногами. Желая наружно показать свое милосердие, царь велел перестать бить Андрея и, выйдя из церкви, призвал его к себе и начал сам говорить с ним:

– Откуда, – сказал он, – у тебя явилась такая смелость, что ты пришел сюда и в лицо злословишь меня? От безумия ли, или с каким-либо умыслом? Или для того, чтобы быть известным мне?

Андрей отвечал:

– Не от безумия я сие делаю, и без всякого умысла и не потому, чтобы искал суетной славы от тебя, ибо я все, что ты имеешь в мире, презираю как сон и почитаю за дым. Но я услыхал о твоем злом учении, по которому ты бесчестишь святые иконы и гонишь святую Церковь Божию. Поэтому «ревность по доме Твоем снедает меня» (Пс.68:10.), и я пришел сюда издалека, чтобы или убедить тебя, или самому умереть за Христа моего. Если Он – Господь мой, – умер за меня, то я, как образ Его, не должен ли умереть за Его образ?

Царь сказал на сие Андрею:

– Какое беснование и безумие воздавать славу нетленного Бога – дереву, краскам, камню, и не внимать тому, что Бог повелел Моисею не делать никакого подобия? Откуда у вас растет это безумие, что вы столь очевидной истине сопротивляетесь и отдаете себя на погибель? Поверь мне, что не ради истины, не ради Христа, но за твою бесстыдную дерзость и сопротивление я буду тебя мучить.

Андрей не мог перенести такой хулы и сказал:

– Нечестивец! Разве не за Христа страдает тот, кто страдает за Его иконы? Разве бесчестие, которое ты наносишь иконе, не переходит на Того, Кто изображен на ней? Почему же вы тех, кои бесчестят и опрокидывают ваши изображения и статуи, жестоко казните смертью? Вы, как прах, ныне существуете, а завтра исчезнете, однако, желаете через свои изображения быть в почтении; насколько же больший грех посягать на Образ Христов, ибо бесчестие, сделанное иконе Христа, есть бесчестие Самому Христу, лик Коего на иконе изображен.

Затем святой Андрей хотел было объяснить, какие Бог заповедал через Моисея иметь изображения вместо богов, но царь не позволил ему продолжать, и сказал:

– Если цари гневаются за свои только изображения, то они гораздо более гневаются, когда их злословят в лицо.

И тотчас же велел обнажить святого и бить его без милосердия. Но святой мужественно претерпел все истязания; тогда царь начал склонять Андрея ласкательством повиноваться своему злочестивому повелению. Святой же Андрей, возведя очи к небу, сказал:

– Сохрани Бог, чтобы я отвергся моего Христа в Его святой иконе; тебе, царь, лучше бы заниматься воинскими делами и управлять народом, чем гнать Христа и преследовать рабов Его.

Тогда царь повелел снова жестоко бить Андрея, так что даже земля обагрилась кровью его. Некоторые же из окружающих, для угождения царю, начали бросать в Андрея камнями и разбили ими Андрею уста и сокрушили ребра. Наконец, после многих мучений святой был заключен в темницу, где пробыв некоторое время, утверждал в благочестии

приходивших к нему верующих. После этого царь велел опять вывести Андрея из темницы и снова мучить, возобновляя его прежние раны; во время этих мучений тело святого распадалось и раздроблялось. Наконец, связав святому ноги, влекли его по земле через город на место, где бывают казнимы злодеи, и там мучитель повелел умертвить святого Андрея. Когда же его влекли туда через торговую площадь, один из еретиков – торговец рыбой, – узнав, по какой причине страждет святой и, будучи научен бесом, схватил нож и рассек мученику ногу: этим он прекратил многострадальный путь Андрея, ибо мученик тотчас же умер от причиненной ему раны[6737].

Тело святого Андрея было ввергнуто в пропасть с трупами злодеев и лежало там более 12 недель. По повелению Божию, туда стали приходить от различных стран одержимые нечистыми духами: они вынули из пропасти и от трупов тело святого Андрея и положили его на священном месте, и тотчас же, как достойную мзду за сие, получили исцеление. Молитвами святого, при гробе его, многие болящие получали исцеления, ибо святой Андрей имеет дерзновение у Бога и молится за всех нас, предстоя вместе со святыми престолу Господню вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Постнически предподвизався на горе[6738], умная врагов ополчения всеоружием Креста погубил еси, всеблаженне. Паки же ко страдальчеству мужески облеклся еси, убив Копронима мечом веры; и обоих ради венчался еси от Бога, преподобномучениче Андрее приснопамятне.

Кондак, глас 8:

Мужества тезоименитому[6739] благодарение, паки благочестия тайноглагольнику похвальная воззовем от любве тебе, богоблаженне, но паки имея дерзновение ко Господу, от всяких лютых ны спаси, да поем: радуйся отче приснопамятне.

Память святого пророка Осии

Память 17 октября

Святой пророк Осия, сын Бееpиин, происходил из колена Иссахарова[6740]. В то время многие из людей Израилевых отступили от истинного Бога и, забыв Его благодеяния и чудеса, поклонялись идолам. Но Осия, будучи человеком Богобоязненным, служил Единому истинному Богу, сотворившему небо и землю и изведшему евреев из Египта, рукою крепкою. Осия наставлял людей, отпавших от истины, и своими мудрыми увещаниями снова обращал их к отеческому благочестию.

По вдохновению от Святого Духа Осия много пророчествовал об Израильском народе. Обличая беззаконных жителей Израильского царства, он предсказывал ему великие бедствия от врагов, переселение их в плен Ассирийский и затем обращение их к Богу[6741]. Он предсказал о распространении истинного Богопознания по всей земле (Ос. 2:20. Ср. Иер.31:34), прекращении Ааронова священства и ветхозаветных жертв (Ос.3:5.), а также о возвращении из Египта младенца Иисуса[6742] и о Его тридневном воскресении[6743], и о победе над смертью[6744]. Все эти пророчества записаны Осиею в его книге, состоящей из 14 глав. Как изреченные через Святого Духа все пророчества сии находятся в числе других богодухновенных книг Священного Писания.

Пророк Осия прожил много лет[6745] и скончался в глубокой старости, за 820 лет до Рождества Христова, и погребен мирно в своей земле.

Страдание святых бессребреников Космы и Дамиана

Память 17 октября

Известны три двоицы святых бессребреников-врачей с именами Космы и Дамиана. Одни из них родились от отца язычника и матери Феодотии, благочестивой христианки; они мирно скончались[6746] и были положены на месте называемом Фереман[6747]. Другие жили в Риме, и скончались от руки завистливого своего учителя, который обманом завел их на гору, как бы для собирания врачебных трав, и там побил их камнями[6748]. Третьи же, память которых ныне совершается, были уроженцами Аравийской страны. Уверовав во Христа, они стали безвозмездно врачевать бесчисленное множество больных, и не какой-либо травой или какими-либо другими мироварными врачеваниями, как искусные врачи, но – силою Христовою, ибо проходя по городам и селениям, они проповедовали Христа и именем Его подавали всем болящим исцеления.

Когда они прославились всюду своим учением и чудесами, то были взяты игемоном; сие происходило в царствование злочестивых царей Диоклетиана и Максимиана, гонителей и мучителей христианских. Будучи, приведены в город Киликию, сии святые врачи Косма и Дамиан предстали пред игемоном Лисием. Он стал спрашивать их об их именах, отечестве и вере; после этого, он стал принуждать их принести жертву идолам. Но так как святые не хотели исполнить сего, и смело проповедовали Христа, то игемон сначала повелел бить их немилосердно и бесчеловечно, а затем связанных бросил в глубину морскую; но святые, силою Божиею, спаслись от потопления, ибо Ангел Господень разрешил узы их и вывел здоровыми на сушу. Игемон, увидав сие, повелел привести их к себе и спросил:

– Скажите, каким волшебством вы спаслись из моря? Ибо и я хочу последовать вашему учению.

Они отвечали:

– Мы, христиане, никаких волшебств не знаем и не нуждаемся в них: мы имеем силу Христову, которая избавляет нас от всякой беды и спасает всякого человека, призывающего Пресвятое Имя Христово.

После этого святые были отведены в темницу. На другой день их вывели оттуда, и мучитель повелел ввергнуть их в огонь, но они и в огне остались невредимы, ибо огонь потерял свою естественную силу, не прикоснулся к ним и не повредил им. Игемон, сильно удивившись сему, велел повесить святых врачей и немилосердно мучить их. Затем слуги, по повелению мучителя, стали бросать в святых камнями, чтобы убить их, но камни отскакивали от их тел, как от стены и попадали в бросающих их и убивали их самих.

После этого начали пускать в святых стрелы, но и стрелы, так же как и камни, не повредили тел их и ранили самих же стрелявших. Наконец, игемон, видя, что страдальцы непобедимы, осудил их на усечение мечом. И усечены были за Христа святые бессребреники Косма и Дамиан с другими тремя братьями – Леонтием, Анфимом и Евтропием[6749]; все они погребены были вместе. Они не только при жизни, но и после смерти получили дар совершать многие чудеса, являясь болящим и подавая им исцеления. Молитвами их да получим и мы от Христа болезням нашим душевным и телесным исцеление. Аминь.

Память святого праведного Лазаря Четвородневного

Память 17 октября

Святой праведный Лазарь, брат Марфы и Марии, жил с сестрами своими недалеко от Иерусалима, в селении Вифания. Лазарь и его сестры удостаивались от Господа Иисуса Христа особенного благоволения (Иоан. 11:3.). Во время Своей земной жизни, Господь часто посещал их дом в Вифании, Лазаря называл Своим другом (Иоан. 11:11.), а незадолго до Своих страданий воскресил Лазаря из мертвых, после того как он находился уже четыре дня во гробе[6750]. После этого события о Лазаре в Св. Писании упоминается еще один только раз, и именно, когда за 6 дней до Пасхи Господь пришел опять в Вифанию, то там был и воскрешенный Лазарь (Иоан.12:1–2). В то время, когда Господь находился в Вифании, многие из иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса Христа, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых. Многие из них убеждались в истине чуда, совершенного Господом, обращались к вере в Него и делались Его последователями. Видя сие, первосвященники тогда же положили убить и Лазаря (Иоан.12:9–11.). Более о Лазаре из Евангелия нам ничего неизвестно.

Предание говорит, что Лазарь, по воскресении своем, оставался в живых еще 30 лет, был епископом на острове Кипре[6751], где подобно апостолам много потрудился в распространении христианства, и там же мирно скончался. В IX веке по рождестве Христовом св. мощи праведного Лазаря были обретены в городе Китии[6752], где они лежали в земле, в мраморном ковчеге, на коем было написано: «Лазарь четвородневный, друг Христов». Честное сокровище сие было вынуто из земли и положено в серебряную раку, а при императоре Византийском Льве Мудром перенесено в Константинополь, и положено в храме во имя праведного Лазаря, построенном еще императором Василием Македонянином.

Тропарь Лазарю Четвородневному, еп. Китийскому:

Яко велико сокровище и богатство некрадомо к нам прииде из Кипра, Лазаре, Промыслом всех Бога, повелением царя благочестива, подая чтущим тя исцеления даром, избавляя от бед и от всякаго вреда, верою взывающих ти: спаси всех молитвами своими, Лазаре отче наш.

Житие святого Апостола и Евангелиста Луки

Память 18 октября

Святой евангелист Лука родился в Сирийском городе Антиохии. Родители его не принадлежали к еврейскому племени: об этом свидетельствует отчасти самое имя Лука, сокращенное из латинского слова «Лукан»[6753], а в особенности одно место из послания апостола Павла к Колоссянам, где святой Павел ясно отделяет Луку от «сущих от обрезания», т.е., иудеев (Кол. 4:10–15). В своих писаниях Лука, однако, обнаруживает обстоятельное знакомство с законом Моисеевым и иудейскими обычаями; поэтому можно думать, что Лука, еще до обращения своего ко Христу, уже принял иудейскую веру[6754]. Кроме того, на родине своей, славившейся цветущим состоянием наук и искусств, Лука обогатил свой ум разными научными сведениями. Из послания апостола Павла к Колоссянам мы видим, что Лука изучил врачебное искусство[6755]; предание же удостоверяет нас в том, что он был и живописцем. Несомненно, также, что он получил вообще хорошее образование, потому что греческий язык его писаний гораздо чище и правильнее, чем язык прочих новозаветных писателей.

Когда слух о чудесах и учении Господа Иисуса Христа распространился из Галилеи по всей Сирии и всем окрестным местам, тогда и Лука прибыл из Антиохии в Галилею, где Господь Иисус Христос начал сеять семена Своего спасительного учения (Мф.4:24–26; Лк.4:37). Семена сии нашли для себя в сердце Луки добрую почву и принесли здесь стократный плод. Вскоре святой Лука был удостоен принятия в лик 70 апостолов Христовых и, получив от Господа напутственные наставления и власть творить чудеса, стал ходить «пред лицем» Господа Иисуса Христа, проповедуя о наступлении Царствия Божия и уготовляя путь Христу Спасителю[6756].

В последние дни земной жизни Спасителя, когда с поражением Пастыря рассеялись и овцы Его стада, святой Лука находился в Иерусалиме, сетуя и плача о своем Господе, приявшем вольное страдание. Вероятно, во время распятия Его, в числе прочих, знавших Иисуса, стоял и Лука «вдали" и со скорбью взирал на Распятого (Лк.23:49). Но вскоре скорбь его обратилась в радость, ибо Воскресший Господь, в самый день Своего воскресения, утешил Луку, удостоив его Своего явления и беседы, о чем с особенною подробностью и живостью сообщает сам Лука в своем Евангелии[6757]. Скорбя о смерти своего Учителя и недоумевая относительно Его воскресения, о котором ему сообщили жены-мироносицы, шел Лука с другим учеником Господа, Клеопою, из Иерусалима в Еммаус[6758], и по дороге в сие селение удостоился стать спутником Того, Кто есть «путь, истина и жизнь»[6759]. Оба ученика шли и разговаривали друг с другом, когда к ним приблизился Сам Иисус и пошел с ними. Господь явился им, по сказанию евангелиста Марка, «в ином образе» (Мк.16:12), а не в том виде, в каком они знали Его прежде. Кроме того, по особому устроению Божию, «глаза их были удержаны» (Лк.24:16), так что они не могли узнать явившегося Господа. Они подумали, что с ними идет один из богомольцев ходивших на праздник Пасхи в Иерусалим.

– О чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? – спросил их Господь.

На сие Клеопа сказал:

– Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?

– О чем? – спросил снова Иисус.

– Что было с Иисусом Назарянином – сказали они в ответ, – Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть, и распяли Его. А мы надеялись было, – продолжали свою речь ученики, – что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его, и, пришедши, сказывали, что они видели и явление Ангелов,

которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу, и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Господь сказал им:

– О несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу, и войти в славу Свою?

И, начав от Моисея, Христос Господь из всех пророков изъяснил им сказанное о Нем во всем Писании.

Так беседуя с Господом, ученики незаметно приблизились к Еммаусу, и так как им приятна была беседа, а их Спутник намеревался, по-видимому, идти далее, то они стали просить Его остаться с ними.

– Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру, – говорили они Ему.

И Он вошел в селение и остановился с ними в одном доме. Когда же Он возлег[6760] с ними во время вечери, то, взяв со стола хлеб, благословил, преломил и подал им. Как только Господь совершил сие, ученики тотчас же Его узнали. По всему вероятию, сие действие Господь и прежде совершал пред учениками, а кроме того они могли признать Его по тем язвам от гвоздей, которые заметили они на Его руках. Но в сие время Господь стал невидим для них, и они сказали друг другу:

– Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге, и когда изъяснял нам Писание? (Лк.24:17–32)

Желая поделиться своею радостью с другими учениками Господа, Лука и Клеопа тотчас же встали из-за вечери и отправились в Иерусалим. Там нашли они собранных в одном доме апостолов и других учеников и, конечно, сейчас же возвестили им, что Христос воскрес, и что они видели Его и беседовали с Ним. Апостолы же со своей стороны утешили их, сказав, что Господь воскрес воистину и явился Симону. Затем Лука и Клеопа подробно рассказали Апостолам обо всем, происшедшем с ними на пути и о том, как они узнали Христа Господа в преломлении хлеба. Во время этого разговора, внезапно среди Апостолов, явился Сам Воскресший Господь, преподал им мир и успокоил их смущенные сердца. Для уверения же тех, которые думали, что видят пред собою только

призрак своего умершего Учителя, Господь показал язвы от гвоздей на руках и ногах Своих и вкусил пищи. Евангелист Лука здесь снова удостоился слышать от Господа разъяснение всего, что сказано о Нем в Священном Писании Ветхого Завета, и получил дар разумения Писания (Лк.24:18–49).

После вознесения Господня, святой Лука пребывал некоторое время, вместе с другими Апостолами, в Иерусалиме, но потом, по свидетельству предания, отправился на свою родину, в Антиохию, где уже было много христиан. По дороге туда он проходил с проповедью город Севастию[6761], где находились нетленные мощи святого Иоанна Предтечи. Уходя из Севастии, святой Лука хотел было взять их с собою на родину, но тамошние христиане, усердно почитая Крестителя Господня, не позволили Луке взять святые мощи его. Тогда святой Лука взял от них десную руку, под которою некогда преклонил главу Свою Христос, приемля крещение от Иоанна. С этим бесценным сокровищем святой Лука прибыл на свою родину, к великой радости антиохийских христиан. Отсюда удалился он только тогда, когда стал спутником и сотрудником святого апостола Павла, который, по сказанию некоторых древних писателей, приходился ему даже родственником. Сие произошло, впрочем, уже во время второго апостольского путешествия святого Павла[6762]. В это время святой Лука вместе с апостолом Павлом отправился на проповедь в Грецию и был оставлен им для утверждения и устроения Церкви в Македонском городе Филиппах; святой Лука с этого времени, в течение нескольких лет, трудился в деле распространения христианства в Македонии[6763].

Когда же апостол Павел, в конце третьего своего апостольского путешествия, снова посетил Филиппы, Лука, по его поручению и по избранию всех верующих, ходил в Коринф для сбора милостыни в пользу бедных христиан Палестины[6764]. Собрав милостыню, святой Лука с апостолом Павлом отправился в Палестину, посещая по пути церкви, находившиеся на островах Архипелага, по берегам Малой Азии, в Финикии и Иудее. Когда апостол Павел был заключен под стражу в Палестинском городе Кесарии, святой Лука оставался

при нем. Не покинул он апостола Павла и тогда, когда тот отправлен был в Рим, на суд Кесаря. Он вместе с апостолом Павлом переносил все трудности путешествия по морю, подвергался опасности потерять даже жизнь[6765].

Прибыв в Рим, святой Лука также находился при апостоле Павле и вместе с Марком, Аристархом и некоторыми другими спутниками апостола, проповедовал Христа в этой столице древнего мира[6766]. В Риме же святой Лука написал свое Евангелие и книгу Деяний святых Апостолов[6767]. В Евангелии он изобразил земную жизнь Господа нашего Иисуса Христа не только на основании того, что сам видел и слышал, но и принимая во внимание все то, что предали «бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова»[6768]. Святой апостол Павел руководил им в сем деле и потом одобрил написанное святым Лукою Евангелие. Точно так же и книга Деяний Апостольских написана была, как говорит церковное предание, по повелению апостола Павла[6769].

После двухлетнего заключения в узах римских, апостол Павел получил свободу и, оставив Рим, посетил некоторые из основанных им прежде церквей. Святой Лука и в сие время точно так же сопутствовал ему. В непродолжительном времени император Нерон воздвиг в Риме лютое гонение против христиан. Апостол Павел в это время в другой раз прибыл в Рим, дабы своим словом и примером ободрить и поддержать гонимую Церковь и, если угодно будет Богу, разделить с верующими венец мученический. Он был взят язычниками и заключен в узы. Святой Лука и теперь не изменил своему учителю, и один только из всех сотрудников апостола находился при нем в это время, столь тяжкое, что апостол сравнивал себя с жертвою, обреченною на заклание.

– Я уже становлюсь жертвою, – писал апостол Павел своему ученику Тимофею, – и время моего отшествия настало: старайся прийти ко мне скорее. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент – в Галатию, Тит – в Далматию. Один Лука со мною[6770].

Очень вероятно, что Лука был свидетелем и мученической кончины апостола Павла в Риме. По кончине апостола Павла,

святой Лука, как говорит церковное предание, благовествовал Христа в Италии, Далмации, Галлии, а в особенности в Македонии, – в которой он и прежде трудился несколько лет, а также и в соседней с Македонией Ахаии[6771].

Уже в глубокой старости апостол Лука предпринял путешествие в отдаленный Египет и перенес здесь много трудов и огорчений ради славы святого имени Иисусова. Он пришел в Египет, пройдя предварительно всю Ливию[6772], и в Египте, – в Фиваиде, – многих обратил ко Христу. В городе Александрии он рукоположил во епископа некоего Авилия, на место Анниана, рукоположенного евангелистом Марком и проходившего свое служение 22 года. Возвратившись в Грецию, он снова устроил здесь, – преимущественно в области Беотии[6773], – церкви, рукополагал священников и диаконов, исцелял болящих телесно и душевно. Подобно своему другу и руководителю – апостолу Павлу, – святой Лука «подвигом добрым подвизался, течение свое совершил и веру сохранил». Скончался он 84-х лет от роду, в Ахаии, мученическою смертью, именно, будучи повешен, за отсутствием креста, на оливковом дереве[6774]. Честное тело его было погребено в Фивах, – главном городе Беотии, – где его святые мощи, подававшие множество исцелений, находились до второй половины четвертого века, а потом были перенесены в столицу Восточной империи – Константинополь.

О местонахождении мощей святого апостола Луки стало известно в четвертом веке по тем исцелениям, какие здесь совершались. Особенно много исцелений совершалось здесь над страдавшими глазною болезнью[6775]. Сын равноапостольного Константина Великого, император Констанций, узнав от одного ахайского епископа, что тело святого Луки почивает в Фивах послал правителя Египта Артемия перенести мощи святого Луки в столицу, и тот со великим торжеством совершил сие перенесение[6776].

Во время перенесения святых мощей Луки с берега моря в храм совершилось такое чудо. Некто Анатолий, евнух (из царских постельничих), был болен неизлечимою болезнью. Он много истратил денег на врачей, но исцеления получить не мог,

и теперь, с верою в чудодейственную силу честных мощей апостола Луки, стал молить святого об исцелении. При сем он подошел к честной раке святого и, сколько у него было сил, помогал нести ее. И что же? Болезнь оставила его, как только он прошел так несколько шагов. После этого он с радостью нес честную раку до храма святых апостолов, где мощи святого Луки были положены под престолом, вместе с мощами святых апостолов Андрея и Тимофея. Здесь святые мощи были источником чудес и с особенною любовью были чествуемы православными христианами.

Древние церковные писатели сообщают, что святой Лука, удовлетворяя благочестивому желанию первенствующих христиан, первый написал красками образ Пресвятой Богородицы, держащей на руках Своих Предвечного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, а потом написал и иные две иконы Пресвятой Богородицы и принес их на благоусмотрение Богоматери. Она же, рассмотрев сии иконы, сказала:

– Благодать Родившегося от Меня и Моя милость с сими иконами да будут[6777].

Святой Лука написал также на досках и изображения святых первоверховных апостолов Петра и Павла и сим положил начало доброму и досточестному делу – писанию святых икон во славу Божию, Богоматери и всех Святых, на украшение святых церквей и на спасение верующих, благочестно почитающих сии святые иконы. Аминь.

Тропарь, глас 5:

Апостольских деяний сказателя и Евангелия Христова светла списателя, Луку препетаго, славна суща Христове Церкви, песньми священными святаго апостола похвалим, яко врача суща, человеческия немощи, естества недуги и язи душ исцеляюща и молящася непрестанно за души наша.

Кондак, глас 2:

Истиннаго благочестия проповедника, и таин неизреченных ритора, звезду церковную, Луку Божественнаго восхвалим: Слово бо его избра, с Павлом мудрым языков учителя, Един ведый сердечная.

Житие преподобного Иулиана

Память 18 октября

Преподобный Иулиан родился от незнатных и небогатых родителей. В юности своей он не получил внешнего образования, но приобрел истинное познание Христовой веры не на словах только, но на деле.

Достигнув совершеннолетнего возраста, Иулиан удалился из мира, и поселился в одной пещере, находившейся в Парфянской пустыне[6778]. Здесь он старался по возможности обуздать все свои житейские похотения и возвыситься над всем скоропреходящим и тленным, для чего он только однажды в неделю принимал хлеб с солью и водой. Утешением же и духовным питанием для него служили псалмы святого пророка и царя Давида и непрерывное размышление и молитвенная беседа с Богом.

Как светильник, поставленный на вершине горы, не может быть скрыт, так и праведная жизнь святого не могла укрыться от людей. Молва о святом подвижнике скоро достигла до слуха людского, и вскоре к Иулиану собралось много лиц, желающих проводить свою жизнь под руководством и по примеру жизни святого. Испросив позволение у святого отца, они поселились около его пещеры в палатках, сделанных ими, и стали подвизаться под руководством мудрого наставника.

Недолго прожил вместе с пришедшими святой Иулиан. Желая проводить жизнь в полном уединении и молитве, он оставил братию и удалился за 50 верст вглубь пустыни, где и стал проводить вполне уединенную жизнь, и только изредка, ради научения, приходил к оставленной им братии.

Однажды, когда святой, преподав наставление братии, намеревался отправиться в пустыню, его усердно стал просить взять с собою юноша, по имени Астерий, воспитанный в неге, но имевший такое усердие к благочестию, которое превышало еще его силы. Иулиан сначала отговаривал этого юношу от трудного путешествия в пустыню, где при этом даже не было воды, но, убежденный его желанием, склонился на его просьбу и взял его

с собою. С радостью последовал за старцем Астерий; по прошествии же трех дней он ослаб и стал изнемогать. Наконец, обессиленный он стал умолять святого старца, чтобы Иулиан сжалился над ним, и облегчил его положение. Святой позволил ему идти назад, но Астерий был настолько обессилен, что не мог уже идти; притом он и не знал, как возвратиться к пещере. Тогда человек Божий, тронутый страданием своего спутника, снисходя к слабости его, преклонив колена, так усердно молился Богу о спасении юноши, что даже оросил землю слезами. Молитва святого была услышана; капли слез его, упавшие на землю, извели из нее водяной источник.

Говоря о высоком достоинстве молитвы Иулиана, нельзя не упомянуть и о кротости его, свидетельством которой был такой случай. Однажды Астерий, вышеупомянутый ученик св. Иулиана, сделавшийся уже сам подвижником и руководителем других и нередко посещавший своего любимого учителя, в знак усердия к нему, принес на плечах своих в дар ему большой мешок смокв; он нес на себе эту тяжесть в продолжение семи дней пути. Смущенный и огорченный тем, что ради него другой человек так утрудил себя, Иулиан не захотел воспользоваться его трудом и отказался принять приношение. Когда же Астерий стал уверять старца, что не сложит тяжести со своих плеч, пока тот ни согласится принять приношение, тогда преподобный, хотя и тяготился принять пищу, добытую трудом другого, но, увидев искреннее желание услужить ему, принял эту услугу.

– Исполню требование твое, – сказал тогда святой, – только сложи поскорее с себя эту тяжесть.

Во время войны императора Юлиана Отступника с Персами, многие верующие, зная преподобного как верного раба Божия, просили у него молитв о низложении сего врага христиан. Преподобный десять дней молился об освобождении от злого мучителя и, наконец, услышал голос:

– Нечистое и мерзкое животное погибло.

Окончив молитву, преподобный с радостью возвратился к братии. На вопрос их о причине его радости, Иулиан отвечал:

– Братие, настоящее время есть время благодушия и радования: нечестивца не стало; восставший против Господа

получил достойное поражение от преследовавшей его руки. Поэтому-то я и радуюсь, видя, что гонимые им церкви торжествуют, и отступник не получил никакой помощи от демонов, которых чтил[6779].

Немало трудов положил святой Иулиан для борьбы с распространившеюся в то время арианскою ересью. С этою целью он, любитель безмолвной пустыни, расстался с нею, чтобы не умолчать об истине.

Ариане, для распространения своего лжеучения, распустили в Антиохии молву, что преподобный Иулиан держится догматов, проповедуемых ими. Тогда Акакий и Астерий, ученики святого, побуждаемые благочестивыми мужами Флавианом и Диодором, отправились к Иулиану, чтобы он пришел на помощь к православным, погибающим от обольщения. Пришедши к святому, они рассказали ему, что претерпевают христиане от ариан[6780]. Услышав это, старец тотчас отправился в Антиохию. Дошедши к ночи до одного селения, он остановился на отдых в доме одной благочестивой женщины, имевшей семилетнего сына. В то время, когда святой вечерял, сын ее, вышедши незаметно из-за трапезы, упал в колодезь. Благочестивая женщина, узнав об этом, не высказывала никакого смущения и, приказав закрыть колодезь, продолжала служить святому. Так велика была ее вера, что в присутствии молитвенника, известного уже даром чудотворений, не могло произойти несчастья в ее доме. И Господь совершил по вере ее.

Когда, перед вкушением пищи, святой спросил об отроке, хозяйка дома отвечала:

– Какая-то болезнь напала на него и он лежит. Святой стал требовать, чтобы отрок вышел к нему и получил благословение. Тогда хозяйка принуждена была рассказать о случившемся несчастье. Святой тотчас же вышел и, сняв покрышку с колодца, увидел отрока, носимого водою, совершенно здоровым и, подав ему руку, вытащил его из колодца. Когда отрока стали расспрашивать о том, что с ним было, он сказал:

– Ничего дурного я не испытал, так как святой старец носил меня по воде, не допуская утонуть.

Отсюда преподобный отправился в Антиохию и поселился в той пещере, в которой некогда скрывался святой апостол Павел. Большая толпа собралась около пещеры, чтобы получить утешение и благословение от святого, но он, одержимый лютой «огневицею» (горячкой), лежал в забытьи. Наконец, он опомнился, помолился сам о себе, – и тотчас болезнь оставила его. Тогда, вышедши к ожидающим, он смиренно сказал:

– Если вам полезно мое благословение, Бог да подаст вам.

Здесь святой подвижник производил не только телесные, но и духовные врачевания словом своим, и вскоре клеветники были обличены и посрамлены, а приверженцы истины – успокоены и обрадованы.

Однажды встретился ему на пути больной, лежавший при дороге, который, прикоснувшись края его одежды, тотчас встал и пошел за ним, как хромой за Петром и Иоанном (Деян.3:1–11.). Преподобный возвратил болящему не только телесное здоровье, но и утвердил его в православной вере.

Затем он возвратился в свою пустыню и, пребыв там до глубокой старости, мирно отошел ко Господу[6781].

Память святого пророка Иоиля

Память 19 октября

Пророк Иоиль – один из двенадцати малых пророков – был сын Вафуила[6782]. По древнему преданию, записанному у святого Ефрема Сирина, также Епифания и Дорофея, пророк Иоиль происходил из Заиорданской области[6783], и жил в городе Вефороне или Вефаре[6784].

Поводом к произнесению пророческих речей для Иоиля послужило великое бедствие, постигшее царство Иудейское[6785]. Продолжительная засуха и налетавшая в громадном количестве саранча совершенно разорили Иудейскую страну. При таком бедствии, даже сильные верою упали духом, не говоря уже о малодушных. И вот, пророк Иоиль призывает народ обратиться к Иегове[6786] с молитвою о помощи, ибо «близок день Господень» (Иоил.2:1). День этот будет днем страшных бедствий. Образом и предвестником его служат постигшие Иудею несчастья (саранча и засуха). Пред наступлением того дня поколеблются небо и земля, померкнут все светила небесные, и тогда явится Иегова со Своим великим воинством. Но еще и теперь, – вразумлял Иоиль, – есть средство избавиться от столь великих бедствий: как настоящих (саранча и засуха), так и грозящих в будущем (день Господень). Нужно обратиться к Иегове всем сердцем, и Господь избавит тогда Свой народ от великих бедствий. Пусть же будет назначен, – говорит пророк, – всеобщий пост и все, без исключения, соберутся в храм. Пусть тогда священники воззовут к Господу от лица всего народа: «пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы; для чего будут говорить между народами: где Бог их?» (Иоил. 2:17)

Народ еврейский внял голосу пророка и обратился к Иегове с молитвою о помощи, и Господь пощадил народ Свой. Устами пророка Своего Иоиля Господь обещает народу, за его обращение, благоденствие и обилие земных благ. Господь пошлет благовременный дождь и на пастбищах произрастет

трава, деревья принесут обильные плоды, гумна наполнятся хлебом, а точила – виноградным соком. Тогда сыны Израилевы узнают, что Иегова не оставит Своего народа и не допустит людей Своих до посрамления (Иоил. 2:19–27).

Милость Господня к обратившемуся к Нему народу еврейскому не ограничится, по предсказанию Иоиля, дарованием только земных благ: народу Божию дается и духовное обетование. Пророк провидит отдаленные, благодатные времена Мессии. Настанет время, когда излится Дух Святой на всякую плоть без различия пола, возраста и состояния. «Излию", – говорит Господь устами пророка, – от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего»[6787] (Иоил.2:28–29).

Пророк Иоиль предсказал и о наступлении всеобщего суда («день Господень»), которому будут предшествовать страшные явления на небе и на земле, и в который спасется только тот, кто призовет имя Господне[6788]. Когда настанет день Господень, Иегова произведет в долине Иосафатовой суд над язычниками и страшное наказание постигнет их (Иоил.3:19). Однако – страшный для язычников – день Господень не будет таковым для Израиля. Для него он будет днем спасения, ибо Иегова будет его защитою и обороною. Тогда настанет блаженство для Израиля, а все враги Израиля погибнут: «Иуда будет жить вечно и Иерусалим – в роды родов. Я смою кровь их, которую не смыл еще, и Господь будет обитать на Сионе» (Иоил.3:20–21). Так утешительно оканчивается речь пророка Иоиля. Израиль при всех своих бедствиях, постигавших его отечество, должен был находить отраду и утешение в таком обетовании. Он мог надеяться, что Иегова, многомилостивый и долготерпеливый, не забудет Своего народа и избавит его, в каком бы бедствии он ни находился.

Тропарь Иоилю:

Предведый Божие пришествие во плоти и наитие Духа Святаго и грядущий Суд предсказавый, пророче Иоиле: спасай молитвами твоими чтущия тя от всех скорбей.

Страдание святого мученика Уара и с ним семи учителей христианских и память блаженной Клеопатры и сына ее Иоанна

Память 19 октября

В царствование нечестивого Римского царя Максимиана в главном городе Египта, Александрии, жил один воин по имени Уар, тайно служивший Царю Небесному: он, страшась беззаконных идолопоклонников, скрывал до времени свою веру в истинного Бога, но обнаружил ее потом для всей вселенной, когда за Христа он «сделался позорищем для Ангелов и человеков» (1Кор.4:9)[6789].

В то время Максимиан воздвиг гонение на христиан и послал во все подвластные ему страны указ о том, чтобы умерщвлять всех христиан, которые откажутся принести жертву богам. Дошло сие повеление и до стран Египетских, и здесь кровь христианская стала проливаться нещадно, ибо все, поклоняющиеся Творцу, а не твари, были подвергаемы разнообразным мучениям.

Уар в то время обходил по ночам темницы, в которых верующие были содержимы за исповедание ими Христа, и, покупая себе золотом у стражей вход к ним, лобызал узы святых мучеников, омывал кровь их, обвязывал их раны, приносил им пищу и умолял их, чтобы они исходатайствовали ему милость у Господа.

Однажды были взяты, скрывавшиеся в пустынях, семеро учителей христианских[6790], и приведены к наместнику Египта. Наместник, допросив их и узнав, что они тверды в вере, немало мучил их и потом, связав, бросил их в темницу. Узнав о сем, Уар, по своему обыкновению, поспешил ночью к той темнице, в которую были ввержены святые, и, дав сторожам золота, вошел к святым. Развязав узы на руках их и освободив ноги их из колоды[6791], он предложил им пищу и умолил их, чтобы те вкусили ее, ибо они уже целых восемь дней ничего не ели. В то же время, припадая к ногам их, он лобызал их и восхвалял страдания их, говоря:

– Блаженны вы, добрые и верные рабы Господа, имеющие войти в радость Господа своего, потому что вы стояли за Него даже до крови (Евр.12:4)[6792]. Блаженны вы, добрые подвижники, коим плетутся на небе рукою Вышнего венцы, потому что «терпением проходите предлежащее нам поприще» (Евр.12:1), и наутро, как я твердо знаю, вы закончите свои страдания. Блаженны вы, страстотерпцы Христовы, коим открыто Небесное Царство, ибо вы страдаете со Христом, пострадавшим за нас; «с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим.8:17). Прошу вас, святые угодники Божии, – помолитесь за меня Владыке Христу, чтобы Он оказал мне милость; ибо и я хотел бы пострадать за Него, но не имею для этого такой твердости: я боюсь тех мучений, которые, как вижу, испытываете вы.

Святые же отвечали:

– Никто, возлюбленный, не может достигнуть совершенства, имея в сердце страх, никто не пожинает, если не посеет, никто не увенчавается, если не пострадает. Вспомни слово Евангелия: «кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф.10:33); если ты боишься временной муки, то не избежишь вечной; если страшишься исповедать Христа на земле, то не будешь насыщаться видением лица Его на небе. Иди же, брат, и шествуй с нами путем мученичества ко Владыке, взирающему на наши подвиги; пострадай вместе с нами, ибо другую такую дружину ты найдешь не скоро.

Слыша такие речи, Уар воспылал любовью к Богу и почувствовал в себе силу претерпевать всякие страдания за имя Христово. Всю ночь ту он провел в темнице со святыми мучениками, внимая с наслаждением их наставлениям.

Когда наступило утро, слуги наместника пришли в темницу, чтобы взять святых мучеников на суд; здесь они нашли Уара, который сидел вместе с узниками и с умилением слушал речи их. С удивлением они сказали ему:

– Что делаешь ты здесь, Уар? В себе ли ты, что позволяешь себя обольщать баснями этих лукавых людей? Разве ты не боишься, что, если кто скажет об этом наместнику и вельможам,

ты потеряешь не только военный чин, но даже лишишься и жизни?

Уар отвечал:

– Кто же из вас донесет на меня наместнику? Ведь вы мне друзья. А если и донесете на меня, то я готов умереть за Христа вместе с христианами.

Тогда слуги замолчали и взяли шестерых мучеников; седьмой же, изнемогший от ран, остался в темнице и, скончавшись, отошел ко Христу, уступая свое место Уару, чтобы он, заняв его место, закончил его страдания.

Когда связанные святые приведены были к наместнику, сидевшему с торжеством на судейском месте, то их стали принуждать к принесению жертвы идолам и, так как они не повиновались, то были обнажены и биты без милосердия по тем местам, которые были уже изранены прежде. Наложение новых ран на старые усиливало их страдания, но они терпели, говоря только:

– Мы – христиане.

После этого наместник, взглянув на них, сказал:

– Не семеро ли их было? А теперь их только шесть; где же седьмой?

Только что наместник сказал это, как святой Уар, пришедший туда, исполнился Божественной ревности, стал посредине и сказал:

– Седьмой – я; ибо один уже скончал течение – предстал Христу, меня же оставил после себя наследником своих страданий. Поэтому, что он был тебе должен, то я готов отдать за него; я хочу вместо него пострадать с сими добрыми страдальцами за Христа, ибо я – христианин.

Наместник же, услышав сии слова, спросил у стоявших пред ним:

– Кто это такой? Те сказали:

– Воин Уар, начальник Хианинской спиры[6793].

Наместник удивился и сказал Уару:

– Какой демон научил тебя идти на верную погибель? Ведь ты утратишь воинскую честь, лишишься принадлежащих тебе преимуществ и подвергнешь жизнь свою великим бедствиям.

Блаженный Уар отвечал:

– Хлеб, сшедший с неба, и Божественную чашу драгоценнейшей Крови Господа моего я предпочитаю твоим почестям и доходам; для меня нет ничего любезнее Христа моего. Без Него мне не дороги: ни честь ваша, ни мой сан, ни большие доходы, даже сама жизнь. Ибо честь свою я вижу в том, чтобы страдать за Христа: приобретение свое – в том, чтобы всего лишиться ради Христа; жизнь нахожу в том, чтобы умереть за Христа.

Наместник же, бросив яростный взгляд на шестерых мучеников, сказал:

– Это ваше дело, нечестивые обманщики. Это вы прельстили сего царского воина, вы свели его с ума своим волшебством. Поэтому – клянусь моими великими богами! – я погублю прежде вас, чем его, и отплачу вам за то бесчестие, какое вы нанесли богам нашим; вы недостойны оставаться в живых, потому что хулите бессмертных богов и других каким-то обольщением заставляете делать это злое дело.

Святые отвечали:

– Мы не прельщали Уара, но избавили его от прельщения; мы не сводили его с ума, а, напротив, вразумили его. Бог же ниспослал ему крепость и мужество для совершения подвига, чтобы вместе с нами победить вашу и богов ваших ничтожную силу; подожди немного и ты увидишь мужество его в служении Христу, ибо мы причислили его к Ангельскому воинству. Ты хвалишься тем, что можешь погубить нас? А мы того именно и желаем, чтобы положить свои головы за Господа всех людей.

Наместник сказал тогда:

– Тотчас же раздроблю на части тела ваши, если не поклонитесь богам египетским!

Святые отвечали:

– Мы отрекаемся от богов, которые не сотворили неба и земли (Иер.10:11).

Блаженный же Уар, желая еще более прогневать наместника, сказал ему:

– «Невежда говорит глупое», – говорит Исаия пророк (Ис.32:6)[6794]. Вот, тела их лежат простертыми пред тобою –

делай же с ними, что хочешь!

Наместник, разгневавшись, повелел Уара обнажить и повесить на дереве, чтобы начать его мучение, святым же сказал:

– Посмотрим, кто кого победит – вы нас, принимая мучения, или мы вас, причиняя их вам. Клянусь, что если вы победите нас своим терпением, то я отрекусь от богов моих и стану веровать в вашего Христа.

Святые отвечали:

– Испытай твою силу на одном из нас: если победишь одного, то и относительно прочих можешь иметь такую же надежду.

Уар же, которого начали уже мучить, сказал святым мученикам:

– Святые страстотерпцы! Благословите меня, раба вашего, чтобы я сподобился вашей участи. Помолитесь за меня Владыке Христу, чтобы Он подал мне терпение, ибо Он ведает нашу природу, что дух наш бодр, плоть же немощна (Мф.26:41).

Святые, возведя очи свои на небо, усердно молились за него, а Уара в то время слуги начали бить по всему телу палками. Когда Уар терпел эти побои, наместник сказал:

– Скажи теперь, Уар, какая тебе польза от твоего Христа?

Уар мужественно отвечал:

– Несравненно большая, чем тебе от твоих бесов. Святые же в это время ободряли Уара, взывая к нему: – Мужайся, Уар, и будь тверд, ибо Христос стоит пред тобою, невидимо тебя укрепляя. Уар отвечал:

– Воистину я ощутил помощь моего Владыки, ибо считаю муки за ничто.

Мучители тогда стали строгать его тело железными ножами и скребками, а потом, прибив его гвоздями к дереву вниз головою, сдирали со спины его кожу, а по чреву его до тех пор били суковатою палкою, пока оно не расторглось и все внутренности не выпали на землю. Святые мученики, увидев, как выпали у него внутренности, заплакали, и мучитель, при виде плачущих мучеников, воскликнул громко:

– Вот вы побеждены, вот вы изнемогли; вы плачете, боясь мучений. Чего же еще надобно вам, для того чтобы узнать, что Христос не может избавить вас из рук наших? Вам остается теперь только поклониться богам нашим.

Святые же отвечали:

– Зверь, а не человек! Мы не побеждены, а, напротив, сами побеждаем при помощи укрепляющего нас Иисуса; если же мы заплакали, то не потому, что боимся мучений, но от естественной любви к нашему брату, которого ты бесчеловечно мучаешь; в душе же мы радуемся, видя, что доброму страстотерпцу уже уготован венец.

Наместник повелел тогда вести их в темницу, и когда Уар, висевший на дереве и терпевший мучения, увидел, что святых в цепях влекут в темницу, то возопил:

– Учители мои! Помолитесь за меня в последний раз Христу, ибо я уже разлучаюсь от тела; вас же благодарю за то, что вы привели меня к вечной жизни.

Пребыв в мучениях около пяти часов, святой Уар предал честную и святую душу свою в руки Господа[6795]. Мучители же, считая его еще живым, били и мучили его охладевшее тело, а потом, заметив, что он уже умер, сняли его с древа и, по повелению мучителя, вытащив его вон из города, бросили его на съедение псам, на то место, куда бросали трупы животных.

Одна благочестивая вдова, по имени Клеопатра, родом из Палестины, – муж которой был военачальником в Египте, и которая имела сына, еще малого отрока, по имени Иоанна, – со скорбью смотрела издалека на страдания Уара. Когда тело святого было брошено вне города, она ночью взяла с собою несколько рабов своих и тайно унесла многострадальное тело святого Уара; принесши его в дом свой, она выкопала могилу для него в своей спальне, пред постелью своею, и там положила его.

На следующее утро наместник вывел из темницы прочих страдальцев и, долго мучив их, усек мечом и бросил за городом непогребенными; тела их, также ночью, некоторые тайные исповедники Христовой веры предали погребению. Клеопатра же все время возжигала над гробом святого Уара свечи и

совершала каждение, почитая его своим великим заступником и ходатаем пред Богом.

Когда прошло несколько лет и гонение утихло, Клеопатра пожелала воротиться в свое отечество и долго размышляла о том, как бы ей унести с собою мощи святого Уара. Наконец, приготовив ценный подарок, она обратилась к наместнику через одного ходатая с такою просьбою:

– Муж мой был военачальником и умер здесь на царской службе; окончательному погребению он еще не предан, ибо в чужой стране нельзя его похоронить так, как прилично хоронить важного военачальника; я же, оставшись вдовою в чужой стороне, хочу возвратиться в свое отечество к своим родным. Поэтому позволь мне, господин мой, взять с собою останки любимого мужа моего и предать их с почетом погребению в моем отечестве, в гробнице моих предков, ибо я не хочу и по смерти с ними разлучаться.

Так поступила эта женщина в виду того, что христиане, узнав, что она выносит из их города мощи святого мученика, могли бы воспрепятствовать ей в том и отнять у нее сие драгоценное сокровище. Наместник же, приняв подарок, разрешил ей увезти тело ее мужа, и она, взяв вместо него мощи святого Уара, принесла их, как некую драгоценность из Египта в Палестину и в своем селении, называемом Эдра, которое находилось около Фавора, положила с своими предками. Всякий день она ходила на гробницу святого, совершала там каждение и ставила свечи, а, по ее примеру, и другие христиане, жившие там, начали с нею приходить к гробнице святого и приносить туда своих недужных, которые, по молитвам святого Уара, получали при гробе его исцеления. И распространилась слава о святом Уаре по всем окрестным местам, и все с верою притекали к гробнице его.

Клеопатра, видя, что христиане собираются для молитвы ко гробу святого, решила построить храм во имя его и начала приводить свое решение в исполнение. К этому времени сын ее, Иоанн, достиг 17 летнего возраста, и Клеопатра старалась достать ему место в царском войске[6796]; при помощи некоторых ходатаев, она испросила у царя почетную должность в войске

для своего сына; он был зачислен в военную службу и получил знаки своего достоинства в то самое время, когда начато было строение церкви во имя святого Уара. Клеопатра сказала тогда:

– Сын мой до тех пор не будет служить в царском войске, доколе не окончится построение дома Божия; ибо я хочу, чтобы он вместе со мною понес одр святого мученика, а потом уже исполнил царское повеление.

Когда закончилось построение храма, Клеопатра призвала епископов, священников и иноков и, взяв из гроба честные мощи святого мученика, положила их на драгоценном одре, вверху же мощей – пояс и одежду воинскую, в которую должен был облечься ее сын, чтобы они освятились от прикосновения к мощам святого; в то же время она усердно молила святого, чтобы он был помощником ее сыну, которого благословили все собравшиеся святители и священники. Собралось тут и бесчисленное множество христиан, и одр с мощами понесли в церковь, – несла мощи и Клеопатра с сыном. По освящении храма, мощи святого положили под престолом, на котором стали совершать Божественную литургию[6797]. Клеопатра же, припав к мощам святого Уара, молилась такими словами:

– Молюсь тебе, страстотерпче Христов, испроси для меня у Бога то, что будет угодно Ему и полезно мне, а также и единственному сыну моему; я не имею просить более того, что хочет Сам Господь; Он Сам знает, что нам полезно, и пусть совершается над нами Его благая и совершенная воля!

По окончании святой службы, Клеопатра устроила богатое угощение для всех собравшихся, и сама вместе с сыном служила своим гостям. В это время сын ее, служа гостям, внезапно заболел и пошел лечь на одр свой. Когда все гости встали из-за обеда, Клеопатра стала звать своего сына, чтобы он вкусил от остатков трапезы, но Иоанн не мог сказать ни слова, сжигаемый огнем горячки. Увидев, что сын ее заболел, мать сказала:

– Клянусь Господом, что я не вложу куска хлеба в уста свои, доколе не увижу, чем кончится болезнь моего сына!

Она села около него, охлаждая, чем возможно, сожигавший его жар болезни и скорбя о своем единственном сыне. В

полночь отрок умер, оставив свою мать в безутешном горе. С плачем устремилась она тогда в храм святого Уара и, припадши к его гробнице, вопияла:

– Так-то отплатил ты мне, угодник Божий, за то, что я столько потрудилась для тебя? Такую-то помощь ты оказал мне тогда как я для тебя презрела своего мужа и возлагала на тебя всю свою надежду? Ты допустил умереть моему единственному сыну, погубил мою надежду, отнял у меня свет очей моих. Кто теперь пропитает меня в старости? Кто закроет мне очи по смерти? Кто погребет мое тело? Лучше бы мне умереть самой, чем видеть мертвым моего сына, как цветок, увядший прежде времени. Отдай же мне моего сына, как некогда Елисей Соманитянке (4Цар.4), или же и меня тотчас возьми отсюда, ибо мне от горькой моей печали жизнь стала в тягость.

Пребывая с плачем у гроба святого, она на краткое время от крайней усталости и великой скорби погрузилась в сон. В сновидении пред нею явился святой Уар, держа за руку ее сына; оба они были светлы как солнце и одежды их были белее чем снег; на них были золотые пояса и венцы на головах, красоты несказанной. Увидев их, блаженная Клеопатра бросилась к ногам их, но святой Уар поднял ее, говоря:

– О женщина, что ты жалуешься на меня? Ужели я забыл твои услуги, какие ты оказала мне в Египте и во время путешествия? Или ты думаешь, что я не чувствовал ничего, когда ты взяла мое тело из груды трупов скота и положила меня в своей комнате? Разве я не внимаю всегда твоим молитвам и не молюсь за тебя Богу? И прежде всего я умолил Бога о сродниках твоих, с которыми ты положила меня в гробнице, чтобы им были отпущены грехи их. Потом я взял на служение Небесному Царю твоего сына. Не ты ли сама просила меня здесь, чтобы я испросил для тебя у Бога то, что Ему угодно и полезно тебе и твоему сыну? Итак, я просил Всеблагого Бога, и Он соблаговолил по неизреченной Своей благости на то, чтобы твой сын был принят в небесное Его воинство; и вот сын твой, как ты видишь, теперь стал одним из предстоящих престолу Божию. Если же хочешь, возьми его обратно и пошли его на

службу к царю земному и временному; вижу, что ты не хочешь, чтобы он служил Царю Небесному и Вечному.

Отрок же, сидевший на руках Уара, обнял его и сказал:

– Нет, господин мой! Не слушай матери моей – не отдавай меня в мир, полный неправды и всякого беззакония, откуда я спасся благодаря твоему заступничеству; не лишай меня, отче, общения с тобою и со святыми.

Потом, обращаясь к матери своей, он сказал:

– Что ты так плачешь, мать моя? Я причислен к воинству Царя – Христа и мне дано право предстоять Ему на небе вместе с Ангелами, а ты теперь просишь о том, чтобы взять меня из царства в уничижение.

Блаженная Клеопатра, видя, что сын ее облечен в чин Ангельский, сказала:

– Возьмите же и меня с собою, чтобы и мне быть с вами.

Но святой Уар отвечал:

– И здесь, на земле, оставаясь, ты все-таки – с нами; иди же с миром, а потом, когда повелит Господь, придем взять тебя.

После этих слов, оба стали невидимы. Она же, придя в себя, почувствовала в своем сердце несказанную радость и веселие и поведала о своем видении священникам; вместе с ними она с честью погребла при гробе святого Уара и своего сына, уже не плача, а веселясь о Господе. После этого она раздала свое имение нуждающимся, сама же, отрекшись от мира, жила при церкви святого Уара, служа Богу день и ночь в посте и молитвах. Всякую неделю по воскресным дням ей являлся, во время молитвы, святой Уар с ее сыном в блестящем сиянии. Проведя семь лет в таковых подвигах, блаженная Клеопатра преставилась, благоугодив Богу. Тело ее было положено в церкви святого Уара, близ тела сына ее, Иоанна, душа же ее святая вместе с святым Уаром и Иоанном в веселии предстоит на небесах Богу, Ему же слава во веки веков, аминь.

Тропарь Уару и с ним семи учителям христианским:

Воинством святых страстотерпец страждущих законно, зря онех, показал еси мужески крепость свою. И устремився на страсть волею, и умрети вожделе за Христа, Иже приял еси

почесть победы твоего страдания, Уаре, моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Христу последуя мучениче Уаре, того испив чашу, и мучения венцем увязеся, и со Ангелы ликовствуеши: моли непрестанно за души наша.

Память преподобного отца нашего Иоанна Рыльского

Память 19 октября

Преподобный отец наш Иоанн Рыльский, великий постник, был родом из болгарского селения Скрина, что близ славного города Средца[6798]. Он жил в царствование христолюбивого Петра, царя болгарского и при греческом императоре Константине Порфирородном[6799]. По кончине своих благочестивых родителей, Иоанн раздал все оставшееся ему имение нищим, – ибо от юности возлюбил Бога более всего, – а сам принял иночество и ушел из своего родного селения, ничего не имея на себе, кроме одной кожаной одежды. Взойдя на одну высокую и пустынную гору, он стал проводить там подвижническую жизнь, питаясь одними дикими растениями. Через некоторое время, по диавольскому наущению, на Иоанна напали ночью разбойники и, избивши, изгнали его оттуда. Тогда Иоанн ушел с той горы в Рыльскую пустыню[6800], где продолжал строгую подвижническую жизнь; там он поселился в большом дупле дерева, проводя время в посте и слезах, и совершая непрестанные молитвы перед Богом. В пустыни он прожил шестьдесят лет; питался он там только растениями, никогда не видел человеческого лица и был окружен одними дикими зверями. За такое терпение Иоанна, Бог повелел на том месте вырасти гороху и этим горохом блаженный питался многие годы.

Однажды пастухи открыли убежище Иоанна и рассказали о нем повсюду[6801]. Многие стали приходить к Иоанну и приносить к нему недужных, которые, по его молитвам, получали исцеления. Слава о преподобном прошла по всей той земле и многие, ревнуя о подвижнической жизни святого Иоанна, захотели жить около него. В соседней пещере они воздвигли церковь и устроили монастырь, в коем начальником и пастырем был преподобный Иоанн. Будучи добрым пастырем своему стаду, Иоанн привел многих неверных ко Господу и творил Его именем великие и славные чудеса[6802].

Достигнув глубокой старости, Иоанн в мире окончил жизнь свою[6803], удостоившись вечного блаженства на небе, и был погребен своими учениками.

Спустя немалое время, Иоанн явился ученикам, повелевая перенести его мощи в город Средец. Открыв гроб, они увидали тело Иоанна целым и нетленным, источающим благоухание, и прославили об этом Бога. С честью перенесли они его в город Средец и положили в храме святого евангелиста Луки. Впоследствии на том месте создана была прекрасная церковь во имя преподобного Иоанна, и в ней были положены честные мощи его, от коих истекали дивные и преславные исцеления.

Спустя много лет Венгерский король с многочисленным войском двинулся на греческую землю и захватил ее в свою власть. Достигнув города Средца, он взял ковчег с мощами преподобного. – ибо он много слышал о чудесах святого, – и повелел нести его с честью в свою страну и положить в городе Остригоме[6804]. Архиепископ же Остригомский, слыша, что велик пред Богом преподобный Иоанн Рыльский и славен своими чудотворениями во всех странах, не хотел верить тому.

– Древние книги не упоминают о таком чудотворце, – говорил он, – и не хотел пойти на поклонение святому. Тогда внезапно онемел язык его. Поняв, что причина немоты его состояла в том, что он похулил преподобного, архиепископ поспешил к ковчегу святого и, припадши к нему, облобызал честные мощи его, прося прощения в своей вине. Угодник Божий, святой Иоанн, скоро услышал молитву архиепископа: немедленно разрешил язык его и снова дал ему способность ясно говорить. Получив исцеление, архиепископ с плачем исповедал всем свое прегрешение пред святым и славил Бога и величал угодника Его, святого Иоанна.

Много и других преславных чудес сотворил святой в венгерской земле. Приведенный сими чудесами св. Иоанна в изумление, король венгерский украсил ковчег святого серебром и золотом и, облобызав мощи его, опять отослал с великою честью назад в город Средец. Таким образом, через некоторое время, Богу угодно было возобновить самостоятельность Болгарского государства, истощенного насилием греков, и это

возрождение Болгарского царства совершилось при христолюбивом царе Иоанне Асене. Сей царь, в самом же начале своего царствования, возобновил и укрепил разрушенные болгарские города и ходил войною на окрестные страны, присоединяя новые города к своему царству. Дойдя до города Средца и, завоевав его, он увидал там мощи преподобного Иоанна Рыльского и, услышав о чудесах, совершающихся при мощах, поклонился его святому ковчегу. Облобызав пречестные мощи его, он повелел патриарху Василию и клиру его взять всеславную раку святого и с великою честью нести ее в столицу Болгарии Тернов, причем в шествии, по царскому приказу, участвовали 300 отборных воинов.

Патриарх Василий возложил пречестную раку на колесницу, и все с радостью отправились в путь, славя Бога и охраняемые молитвами святого; между другими, шли и монахи основанного преподобным монастыря, с игуменом своим Иоанникием. Сам же благочестивый царь Иоанн-Асень опередил шествие, и, поспешно прибыв в столицу, велел устроить там церковь и место для раки святого.

Когда же царь узнал, что приблизилось шествие с мощами преподобного, он сам вышел встречать его на «окоп»[6805] вместе со своими вельможами, властями и множеством народа, и все радовались и веселились[6806]. При виде св. мощей, все поклонились им. На окопе рака преподобного пробыла семь дней, пока не отстроилась церковь. А когда она была отстроена, тогда св. мощи были перенесены туда и положили в ней с великою честью, а сама церковь освящена. Там и доселе лежат чудотворные мощи преподобного, источая постоянный источник исцелений: приходящие с верою – слепые прозревают, немые начинают говорить, больные получают здравие, бесноватые исцеляются.

Тропарь Иоанну Рыльскому, глас 1:

Покаяния основание, прописание умиления, образ утешения, духовнаго совершения равноангельное житие твое бысть, преподобне. В молитвах убо и в пощениих и в слезах пребывавый, отче Иоанне, моли Христа Бога о душах наших.

Тропарь на возвращение мощей из Терново в Рыльский монастырь:

Твоих мощей возвращением обитель твоя обогатися, церковь же твоя, приемши я, просветися и, красящися, верных созывает с веселием светоносный твой светло праздновати день, грядите, глаголющи, и приимите благодатей дарования.

Кондак, глас 8:

Ангельскому житию поревновав преподобне, вся земная оставив, ко Христу притекл еси: и Того заповедьми ограждаяся, явился еси столп непоколебимь от вражиих нападений.

В тот же день страдание святого священномученика Садока епископа Персидского, и с ним 128 мучеников. Память их совершается еще 20 февраля

Святого мученика Артемия

Память 20 октября

О святом мученике Артемии древние сказания сообщают, что он был родом из знатного Римского семейства, имел звание сенатора и при императоре Констанции заведовал всем царским имуществом.

Артемий начал свою службу при Константине Великом, в войсках этого благочестивого императора. Когда ему пришлось, вместе с Константином, увидеть на небе чудесное знамение святого Креста, то он утвердился в вере христианской и стал верным слугою императора Константина и его дома[6807]. По смерти Константина, он все время пребывал при сыне его, Констанции[6808], как его лучший друг, и царь давал ему самые почетные поручения. Так, когда Констанций узнал от одного епископа, что тела апостолов Христовых Андрея и Луки погребены в Ахаии[6809], то поручил Артемию перенести сии драгоценные сокровища в Константинополь. Артемий, исполняя царское повеление, с великими почестями перенес мощи святых апостолов в царствующий град, и за сие получил от царя повышение, которого он был вполне достоин: именно царь сделал его дуксом и августалием[6810] Египта, и Артемий жил там, благоугождая Богу. Распространяя честь и славу имени Иисуса Христа, он низвергнул и сокрушил много идолов в Египте.

Когда царь Констанций, сын Константина Великого, скончался, то власть над всею Римскою империей принял нечестивый отступник Юлиан[6811], который прежде тайно, а теперь явно отвергся от Господа нашего Иисуса Христа и открыто стал поклоняться идолам. Он разослал по всем странам своего царства, восточным и западным, указ о том, чтобы те храмы, которые в царствование Константина Великого были отняты христианами у язычников, теперь были снова отданы язычникам; вместе с тем он повелел в этих храмах снова поставить кумиры и совершать жертвоприношения богам.

Так, сей нечестивый царь восстановил повсюду многобожие, которое пало при святом царе Константине, христиан же подверг сильным притеснениям, мучая и умерщвляя их, разграбляя их имущество и изрыгая хуления на святое имя Иисуса Христа.

Чтобы унизить христианство, нечестивый Юлиан, взяв из раки кости святого пророка Елисея и мощи святого Иоанна Крестителя – кроме честной его главы и правой руки, которые лежали в Севастии – и смешав их с костями животных и нечестивых людей, сжег их, а пепел рассеял по воздуху; христиане собрали тот пепел и оставшиеся от сожжения кости и сохранили их в почетном месте.

Затем он узнал, что в городе Панеаде[6812] находится изваяние Христа Спасителя, устроенное кровоточивою женщиною, исцелившеюся через прикосновение к краю риз Христовых (Мф.9:20). Сие изваяние царь ниспровергнул и повелел влачить его по площади, доколе оно все не разбилось; только голову сего изваяния один христианин похитил и сохранил. На месте же, где стояло это изваяние, царь повелел поставить свою статую, которая, однако, была разбита ударом молнии.

Собрав большое войско, нечестивец Юлиан решил идти против персов, и во время этого похода, прибыв в Антиохию, воздвиг здесь, по своему обычаю, гонение на Церковь Христову, умерщвляя верующих.

В то время к нему приведены были два Антиохийских пресвитера, Евгений и Макарий, – люди ученые. С ними Юлиан долго спорил о богах, приводя для доказательства нечестивых своих мыслей различные слова языческих греческих писателей, но не смог принудить к молчанию богоглаголивые уста мудрых старцев; напротив, он сам был ими поражен, посрамлен и обличен в нечестии. Не вынося своего посрамления, Юлиан повелел бить святых нещадно, предварительно обнажив их, и Евгению было дано пятьсот ударов, а Макарию – без числа.

Когда святые сии подвергнуты были тяжким мучениям, в то время на месте казни случилось быть великому Артемию. Услышав, что воцарился Юлиан, и что он идет в поход против

Персов, – в виду чего и ему был послан указ о прибытии со всеми своими войсками в Антиохию, – Артемий пришел сюда со своими войсками, воздал Юлиану почтение, подобающее царю, предложив ему при сем подарки, и стоял около царя в то время, когда подвергаемы были мучению святые исповедники, Евгений и Макарий. Слыша, как нечестивый Юлиан хулит своими скверными устами Господа Иисуса Христа, Артемий исполнился ревности и, подойдя к царю, сказал:

– Зачем ты, государь, так бесчеловечно мучишь неповинных и посвященных Богу мужей и принуждаешь их отступить от православной веры? Знай, что и ты – человек немощный; если Бог и поставил тебя царем, то все-таки ты можешь подвергнуться искушению от диавола; я думаю, что первый виновник зла – лукавый диавол. Как некогда он испросил у Бога позволение искусить Иова и получил оное, так и тебя он воздвиг против нас и навел на нас, чтобы твоими руками истребить Христову пшеницу и всеять свои плевелы. Но тщетны его старания и ничтожна его сила; ибо с тех пор, как пришел Господь и водружен был крест, на коем вознесен был Христос, пала бесовская гордыня и сокрушена сила бесовская. Итак, не обольщайся, царь, и не преследуй, в угодность демонам, Богом хранимый народ христианский. Знай, что крепость и сила Христова непобедимы и непреодолимы.

Услышав сие, Юлиан возгорелся гневом и закричал громким голосом:

– Кто и откуда сей нечестивец, который так дерзновенно обращается к нам и смеет в лицо оскорблять нас?

Предстоявшие царю отвечали:

– Царь! Это дукс и августалий Александрийский.

– Как? – сказал царь, – это мерзкий Артемий, который участвовал в умерщвлении брата моего Галла[6813]?

– Да, державный царь, это – он, – отвечали предстоявшие.

Царь же сказал:

– Я должен благодарить бессмертных богов, а более всего Дафнийского Аполлона[6814] за то, что они предали мне в руки сего врага, который сам пришел сюда. Итак, пусть сей негодный будет лишен своего сана; пусть с него снимут пояс[6815] и ныне же

подвергнут его наказанию, а завтра, если угодно будет богам, я произнесу над ним приговор за убийство моего брата. Я отомщу на нем неповинную кровь и погублю его не одною казнью, но множеством казней, ибо он пролил кровь не простого человека, а царскую.

Когда царь сказал сие, оруженосцы его тотчас взяли Артемия и, сняв с него военачальнический пояс и другие знаки достоинства, поставили его обнаженным. И отдан был святой в руки палачей, которые, связав ему руки и ноги, растянули его на четыре стороны[6816], и так долго били его по спине и чреву воловьими жилами, что от усталости сменилось четыре пары палачей. Но святой проявил подлинно сверхчеловеческое терпение, и казался всем как бы совершенно бесчувственным: он не испустил ни одного звука, не застонал, не сделал ни одного движения и не выказал никакого знака страдания, как обыкновенно показывают люди, терпящие мучения. Земля напоялась его кровью, а он оставался непоколебим, так что удивлялись ему все, даже сам нечестивый Юлиан. Потом царь повелел перестать бить его, и святой уведен был в темницу со святыми мучениками Евгением и Макарием. Страстотерпцы в сие время пели: «Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро. Ты ввел нас в сеть, положил оковы на чресла наши, посадил человека на главу нашу. Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» (Пс.65:10–12)[6817].

Окончив пение, Артемий сказал сам себе:

– Артемий, вот язвы Христовы начертаны на твоем теле, – осталось тебе самую душу твою отдать за Христа с оставшеюся в тебе кровью; и вспоминал он пророческое слово: «Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим» (Ис.50:6)[6818]. Но разве потерпел я, недостойный, – говорил он, – более, чем мой Владыка? Он по всему телу был покрыт ранами: от ног до главы не было в Нем здорового места, глава Его была пронзена тернием, руки и ноги были пригвождены ко кресту за грехи мои, тогда как Сам Он греха не знал и не сказал даже ни одного неправедного слова. О как велики, по сравнению с моими, страдания моего Владыки и как далек я, жалкий человек, от Его терпения и незлобия! Радуюсь и веселюсь, потому что

украшаюсь страданиями моего Владыки: сие облегчает мои мучения. Благодарю Тебя, Владыко, за то, что увенчал меня Твоими страданиями! Молю Тебя, доведи меня до конца по пути исповедничества; не дай мне оказаться недостойным сего предначатого мне подвига; ибо я возложил свое упование на Твои щедроты, преблагий Господи Человеколюбче!

Так помолившись сам в себе, святой достиг темницы и в течение целой ночи пребывал там вместе со святыми Евгением и Макарием, славословя Бога.

Когда наступило утро, Юлиан Отступник снова повелел мученикам явиться на судилище, и здесь, не подвергая допросу, разлучил их: Артемия оставил при себе, Евгения же и Макария послал в заточение в Оасим Аравийский[6819]. Страна та – крайне нездоровая: там дуют гибельные ветры и никто из приходящих туда не может выжить более года, ибо непременно впадает в лютую болезнь, кончающуюся смертью. Итак, святые Евгений и Макарий, будучи посланы туда, через несколько времени достигли блаженной кончины[6820], а святой Артемий претерпел множество страданий. Но сначала Юлиан, как волк, надевший на себя овечью шкуру, кротко, как бы соболезнуя Артемию и жалея его, начал говорить так:

– Безрассудною своею дерзостью ты принудил меня, Артемий, обесчестить твою старость и повредить твое здоровье, о чем я и сожалею. Теперь прошу тебя, подойди и принеси жертву богам, прежде же всего Дафнийскому богу, Аполлону, особенно чтимому мною. Если ты сие исполнишь, то я отпущу тебе преступление против брата моего и награжу тебя еще более славным и почетным саном: я сделаю тебя верховным жрецом[6821] великих богов и начальником над жрецами всей вселенной; я назову тебя своим отцом, и ты будешь вторым за мною лицом в моем царстве. Ты, Артемий, знаешь и сам, что брат мой, Галл, безвинно, из одной зависти, был умерщвлен Констанцием. На престол более прав имел наш род, чем род Константина, ибо отец мой, Констанций, родился у деда моего, Констанция, от дочери Максимиана, Константин же родился от Елены, женщины простого звания[6822]. К тому же дед мой тогда еще не был кесарем, когда у него родился сын от Елены, а отец

мой родился у него тогда, когда он уже вступил на престол. Но Константин дерзко похитил царскую власть. Сын его, Констанций, умертвил моего отца и братьев его, убил недавно и брата моего, Галла. Хотел он убить и меня, но меня спасли из его рук боги. В надежде на них, я отрекся от христианства и уклонился к Еллинской религии; я хорошо знаю, что вера еллинская и римская есть вера древнейшая, христианская же явилась недавно, и Константин принял ее, отвергши древние и добрые римские правила жизни, только по своему невежеству и неразумию. И боги возненавидели его, как нечестивого, и недостойного доверия их. Боги возненавидели и отвергли его от себя, а его нечестивое потомство истребили от среды живущих[6823]. Не правду ли я говорю, Артемий? Ты человек старый и разумный – рассуди же, правду ли я говорю? Итак, признай истину и будь нашим, ибо я хочу, что бы ты мне был другом и помощником по управлению царством.

Услышав сие и немного помедлив, святой Артемий начал так говорить:

– Прежде всего, относительно твоего брата скажу тебе, царь, что я неповинен в его смерти, – да и вообще я ни делом, ни словом никогда не сделал ему вреда; сколько ни расследуй, ты ничем не докажешь, что я был повинен в его смерти. Я знал, что он был настоящий христианин, благочестивый и послушный закону Христову. Да ведают небо и земля и весь лик святых Ангелов и Господь мой Иисус Христос, Коему я служу, что я неповинен в убийстве твоего брата и ни в чем не содействовал его убийцам. Меня и не было с царем Констанцием в то время, когда было рассуждение о твоем брате: все время до сего года я оставался в Египте. А на твое предложение, чтобы я отрекся от Христа, моего Спасителя, – отвечу тебе словами трех отроков, которые были при Навуходоносоре (Дан.3:18): да будет тебе, царь, известно, что богам твоим я не служу и золотому истукану тебе любезного Аполлона не поклонюсь никогда. Ты унизил блаженного Константина и его род, назвав его врагом богов и человеком безумным. Но он был обращен ко Христу от богов ваших, через особое призвание свыше. Об этом ты послушай меня, как свидетеля этого события. Когда мы шли на

войну против лютого мучителя и кровожадного Максенция[6824], около полудня явился на небе крест, сиявший ярче солнца, и на том кресте звездами были изображены латинские слова, обещавшие Константину победу. Все мы видели тот крест, явившийся на небе, и прочитали написанное на нем. И ныне в войске есть еще много старых воинов, которые хорошо помнят то, что ясно видели своими глазами. Разузнай, если хочешь, и ты увидишь, что я говорю правду. Но зачем я говорю об этом? Христа еще задолго до Его пришествия предвозвестили пророки, как это и ты сам хорошо знаешь. Много есть свидетельств о том, что Он действительно приходил на землю, и даже самые ваши боги нередко прорицали о пришествии Христа, – говорили о том же Сивиллины книги и Вергилий[6825].

И говорил далее святой о том, как нередко живущие в идолах бесы, будучи принуждаемы силою Божией, против своей воли, исповедовали Христа истинным Богом. Юлиан же, не вынося правдивых речей Артемия, повелел обнажить мученика и раскаленными шилами проколоть бока его, а в спину вонзить острые трезубцы. Артемий же, как и прежде, как бы не чувствуя никакой боли, не закричал, и не испустил никакого стона, являясь дивно терпеливым в страдании. После этих истязаний Юлиан снова отослал его в темницу, повелев морить святого голодом и жаждой, сам же ушел на место, называемое Дафне, чтобы принести жертвы богу своему Аполлону и вопрошал его об исходе своей войны против персов[6826]. Там пробыл он довольно долго, всякий день принося в жертву скверному Аполлону большое количество животных, но все-таки не получил желаемого ответа. Ибо бес, находившийся в идоле Аполлона и дававший ответы людям, умолк с того времени, когда на то место перенесены были мощи святого Вавилы (епископа и мученика Антиохийского) с останками трех младенцев, пострадавших с Вавилой[6827]. Итак, Аполлон ничего не ответил Юлиану. Когда царь узнал, после долгого расследования, что Аполлон онемел потому, что невдалеке от него были положены мощи Вавилы, то тотчас повелел христианам взять оттуда мощи; но лишь только святые мощи

были взяты со своего места, как на храм Аполлонов ниспал огонь с неба и сжег его вместе с находившимся в нем идолом.

Артемий же, находясь в темнице, был посещен Самим Господом и Его святыми Ангелами. Когда Артемий молился, ему явился Христос и сказал:

– Мужайся Артемий! Я с тобою и избавлю тебя от всякой боли, какую причинили тебе мучители, и уже готовлю тебе венец славы. Ибо как ты исповедал Меня пред людьми на земле, так и Я исповедаю тебя пред Отцом Моим Небесным. Итак, будь мужествен и радуйся: ты будешь со Мною в Моем Царстве.

Услышав сие от Господа, мученик тотчас стал славословить Его; ни одной раны или язвы не осталось на его святом теле, душа его исполнилась Божественного утешения и он пел и благословлял Бога. А между тем с тех пор как он был брошен в темницу, он ничего не вкушал и ничего не пил, и так продолжалось до самой его смерти. Питаем же был Артемий свыше, – благодатью Святого Духа.

Возвратившись со стыдом от своих жертвоприношений, Юлиан возложил вину в сожжении храма Аполлонова на христиан, – говоря, что его зажгли ночью именно они, – и, отняв у христиан святые церкви, превратил их в идольские храмы и стал делать большие притеснения христианам. Приказав затем привести к себе Артемия из темницы, он сказал ему:

– Ты, конечно, слышал, что случилось в Дафне, – как нечестивые христиане зажгли храм великого бога Аполлона и уничтожили прекрасное его изображение. Но пусть не радуются сему беззаконные, пусть не смеются над нами, ибо я отплачу за сие в семьдесят раз в семеро, как у вас говорится[6828].

Святой же Артемий отвечал:

– Слышал я, что, по попущению разгневанного Бога, сошедший огонь с неба истребил твоего бога и сжег его храм. Но если твой Аполлон был богом, то как он не избавил себя от огня?

Царь же сказал:

– И ты, несчастный, смеешься и радуешься сожжению Аполлона?

– Я смеюсь над вашим безумием, – отвечал Артемий, – что вы служите такому богу, который не мог сам себя спасти от огня. Как же он может вас избавить от огня вечного? Утешаюсь же я падением его и радуюсь всему тому, что чудодейственно совершает мой Христос. А если ты похваляешься отплатить в семьдесят раз в семеро неповинным и никакого тебе зла не сделавшим христианам, то ты получишь за сие тогда, когда будешь ввержен в неугасимый огонь и вечные мучения, которые наступят для тебя скоро. Ибо погибель твоя – уже близка, и скоро память твоя погибнет с шумом[6829].

Мучитель, разгневавшись, повелел каменотесам рассечь один большой камень и потом столкнуть его сверху на Артемия, который был связан и положен на каменную же плиту под этим камнем. Когда это было исполнено, все тело мученика покрыл упавший на него камень и так придавил его, что сломал ему все кости; внутренности его выпали, составы тела переломились и глазные яблоки вышли из своих мест. И какое великое чудо! Будучи сплющен между камнями, святой остался живым и призывал Бога, своего Помощника, и говорил словами Давида:

– «Возвел меня на скалу, для меня недосягаемую, ибо Ты прибежище мое, Ты крепкая защита от врага» (Пс.60:3–4)[6830].«Поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Пс.39:3)[6831]. Прими же теперь, Единородный, дух мой, ибо Ты знаешь мое тяжкое положение, и не оставь меня в руках вражеских.

Так, будучи придавлен камнем, святой провел целые сутки. Потом Юлиан повелел снять камень, считая святого уже умершим, но святой, к общему удивлению, оказался жив и, встав, ходил. И было всем страшно смотреть на него: пред ними был обнаженный человек, вдавленный как доска, с раздробленными костями, с выпавшими внутренностями; лицо его было раздавлено, глаза вышли из орбит, но жизнь все еще держалась в нем, ноги могли двигаться и язык еще был способен ясно говорить. Сам мучитель, увидав такое чудо, ужаснулся и сказал своим приближенным:

– Человек это или привидение? Не отвел ли глаза нам этот волшебник? Ибо пред нами зрелище страшное и выходящее за

пределы природы. Кто ожидал, что он еще жив? А теперь, когда у него выпали внутренности и все суставы его разбиты и расслабли, он все-таки двигается, ходит и говорит. Но, видно, наши боги сохранили его живым для вразумления других, чтобы тот, кто не хотел признать их власть, оставался ужасным страшилищем для тех, кто на него смотрит.

И сказал Юлиан мученику:

– Вот ты, несчастный, уже лишился очей и все члены твоего тела окончательно испорчены, – как можешь ты еще питать надежду на Того, на Кого ты доселе надеялся напрасно? Но проси милости у милосердных богов, чтобы они помиловали тебя и чтобы не предали тебя адским мучениям.

Мученик же Христов, услышав о мучениях, усмехнулся и сказал царю:

– Твои ли боги предадут меня мучениям? Они и сами не могут избежать уготованных им мучений, а с ними и ты, будучи брошен в вечный огонь, будешь вечно мучиться, ибо отрекся от Сына Божия и попрал ногами Его святую кровь, пролитую за нас, и поругался над благодатью Святого Духа, повинуясь губительным бесам. Я же за незначительную боль, причиненную мне тобою, надеюсь у своего Господа, за Которого страдаю, иметь вечный покой в Его небесном чертоге.

Юлиан, услышав сие, изрек мученику такой приговор:

– Артемия, хулившего богов, поправшего римские и наши законы, признавшего себя не римлянином, а христианином и нарекшего себя, вместо дукса и августалия, галилеянином – предаем на смерть и повелеваем скверную его голову отсечь мечом.

После такого приговора святой был уведен на место казни и шествовал туда с несказанною радостью, желая «разрешиться и со Христом быть»[6832]. Придя же на место, где должна была совершиться над ним казнь, он испросил себе время для молитвы и, обратившись к востоку, трижды преклонил колена и долго молился. После этого он услышал с неба голос, который говорил:

– Войди со святыми принять уготованную тебе награду.

И тотчас блаженный преклонил голову свою и был усечен одним воином, в двадцатый день октября месяца; день же, в который он совершил мученический подвиг, была пятница. Честное и святое тело его одна женщина, по имени Ариста, диаконисса Антиохийской церкви, выпросила у мучителя и, помазавши его драгоценными ароматами, вложила в ковчег и послала в Константинополь, где оно и было с почестями предано погребению. От мощей его совершались многие дивные чудеса и болящим подавались различные исцеления, которые и ныне подает святой Артемий всем, с верою к нему притекающим.

После же кончины Артемия вскоре сбылось то пророчество, которое он высказал Юлиану прямо в глаза относительно его смерти: «тебе предстоит скорая погибель, и недолго уже до того времени, когда память о тебе погибнет с шумом». Ибо Юлиан, умертвив святого Артемия, тронулся со своими войсками из Антиохии и пошел на Персов. Когда дошел он до города Ктезифона[6833], ему встретился один перс, человек старый, уважаемый и очень рассудительный. Он обещал Юлиану предать Персидское царство и вызвался быть проводником в Персию беззаконному царю и всему его войску. Но это не послужило на пользу злому кровопийце, ибо тот перс обманул его и, показывая вид, что ведет его прямою настоящею дорогою, ввел злодея в Карманитскую пустыню[6834], в места непроходимые, где постоянно встречались пропасти, где не было вовсе воды и никакой пищи, так что все воины истомились от голода и жажды, а кони и верблюды все пали. После этого проводник признался, что он с намерением завел римлян в такие пустые и страшные места, чтобы ослабить их силу. «Я для того сие сделал – сказал он, – чтобы не видеть отечество свое плененным врагами, и лучше здесь мне одному, чем всему моему отечеству, погибнуть от ваших рук». И тотчас после этого признания перс тот был рассечен воинами на части. Блуждая по пустыне, греки и римляне, против своей воли, столкнулись с персидским войском и, во время происшедшего здесь сражения, многие юлиановы воины пали. Возмездие Божественное постигло тут и самого Юлиана, ибо он был

пронзен в бок невидимою рукою свыше и невидимым оружием, которое прошло вниз живота его. Он тяжко застонал и, схватив рукою горсть крови, бросил ее в воздух, и воскликнул:

– Ты победил, Христос! Насыться, Галилеянин!

И тут извергнул он, умирая в муках, свою злодейскую и скверную душу и погиб с шумом, по пророчеству святого Артемия[6835]. Войско же римское, по смерти Юлиана, поставило царем Иовиана, который был христианином, и который, заключив с персами мир, возвратился назад. Итак, Юлиан мучится в аду с Иудою[6836], Артемий же веселится на небе со святыми[6837], предстоя Богу Единому в Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу, Емуже слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Благочестиваго и венценоснаго мученика, на враги победы вземшаго одоление сошедшеся достойно песньми восхвалим Артемия, превеликаго в мученицех, чудес же дателя пребогатаго: молится бо Господу о всех нас.

Память праведного Артемия, Веркольского чудотворца [6838]

Память 20 октября

Святой праведный Артемий, Веркольский чудотворец, родился в 1532 году в селе Верколе, в Двинском краю, по реке Пинеге, версты на две вверх по течению от Кевролы[6839]. Родители его, – отец Косма, по прозвищу Малый, и мать Аполлинария – были крестьяне того села. Они воспитали сына своего в страхе Божием и благочестии христианском. С пяти лет уже он начал чуждаться свойственных детям привычек, не любил детских игр, был тих, кроток, богобоязлив, послушен к родителям, прилежно помогал своему отцу в его крестьянских работах, сколько мог по своему возрасту.

Однажды, будучи 12 лет, он работал с отцом своим в поле, боронил землю. Неожиданно надвинулась грозная туча, стало темно как ночью, поднялась буря с ливнем, над головой испуганного Артемия разразился страшный удар грома – и блаженный отрок пал мертвый [6840].

Так милосердный и премудрый Господь Бог благоволил восприять в Свои небесные обители душу праведного раба Своего.

Односельчане Артемия не поняли, по своему неразумию, сего посещения Божия и сочли, по суеверию, неожиданную кончину блаженного отрока праведным судом Божиим, наказующим Артемия за какие-либо тайные грехи его. Тело блаженного Артемия, как умершего от внезапной смерти, осталось не отпетым и не погребенным; его положили на пустом месте в сосновом лесу, поверх земли, прикрыли хворостом и берестою и огородили деревянной изгородью. Так пролежало оно 32 года, всеми забытое.

Однажды летом Агафоник, дьячок церкви св. Николая чудотворца в селе Верколе, ходил по тому лесу, собирая грибы, увидел свет над местом, где покоился блаженный отрок, подошел и обрел его нетленное тело. Он тотчас поведал о том веркольским крестьянам. Но те, по неразумию своему, взяли

просто тело Артемия, безо всяких почестей привезли его к своей приходской церкви и положили на паперти, прикрыв гроб берестою, покрывавшей в лесу праведного отрока [6841].

Но Господь благоволил прославить угодника Своего в стране Кеврольской: от мощей его начали источаться неоскудные исцеления болящим. В том году, попущением Божиим, в Двинском краю распространилась злокачественная лихорадка. Многие умирали от этой тяжкой болезни, особенно женщины и дети. Заболел недугом этим и сын Веркольского селянина Каллиника. В сильной скорби Каллиник молился об исцелении сына, потом пошел в церковь, приложился ко гробу праведного Артемия и, взяв бересты, покрывавшей нетленные мощи его, с верою привесил ее к кресту на груди умиравшего сына. Больной выздоровел. Обрадованный Каллиник рассказал о том всем своим односельчанам, которые с радостью собрались в церкви святителя Николая и начали петь молебны и творить память по праведном отроке Артемии. И умилосердился Господь над рабами Своими: лихорадка в той стране скоро прекратилась.

С того времени чудеса святого Артемия стали умножаться. У некоего человека, по имени Павла, от тяжкого недуга, так скривило шею, что голова повернулась лицом назад и глаза закрылись. В такой беде Павел обратился с горячею молитвою к Богу и праведному Артемию, – и голова больного выпрямилась, глаза открылись. Исцеленный поспешил рассказать всем в своем селе о случившемся. После того при церкви св. Николая веркольцы устроили особый придел, куда перенесли из паперти мощи Артемия, положив их в новый гроб. Это было в 1584 году.

Когда принесли в придел мощи блаженного отрока, пришла туда женщина с расслабленным младенцем, попросила отслужить молебен, приложила своего отрока ко гробу Артемия, – и больная рука отрока исцелела. Около того же времени один крестьянин Андрей и крестьянка Ирина, страдавшие глазами, получили здравие и ясное зрение от прикосновения к священной раке новоявленного чудотворца. Одна женщина, по имени Мария, страдавшая сорок лет болезнью желудка, столь тяжкою, что она от чрезмерных страданий часто обмирала часа

на два, или на три, услыхав о чудесах, истекавших от мощей Артемия, обратилась к нему с молитвой и получила скорое исцеление.

Видя умножающиеся от мощей исцеления, два священника, Иоанн и Фома, велели написать на досках старой гробницы несколько икон праведного Артемия. От досок тех остались стружки. Иерей Иоанн тщательно собрал эти стружки и положил на хранение при церкви. Благочестивые чтители праведного Артемия, с верою бравшие те стружки, получали исцеление от своих недугов.

Один человек с Пинеги, по имени Панкратий, бывший проездом в Верколе, в 1601 г. привез в Великий Устюг одну из таковых икон Артемия, и от того образа многие получили тогда исцеление.

В 1619-м году Новгородский митрополит Макарий свидетельствовал мощи праведника и благословил перенести их в самый храм в день памяти святителя и чудотворца Николая, 6 декабря[6842]. Некоторое время спустя, пришел в Верколу Иларион Артемиев, житель города Холмогор, и поведал, что он долго был болен глазами, ничего не видел и жестоко страдал, так что пытался в отчаянии удавиться, и только подоспевшие соседи помешали этому. Прослышав о чудесах, истекающих от мощей праведного Артемия, он обратился к нему с усердною молитвою о своем исцелении.

«В тот же час, – рассказывал исцеленный, – я прозрел, и увидел в видении святого Артемия в белых ризах с небольшим посошком в левой руке и со крестом – в правой. Он осенил меня крестом и сказал:

– Человече! Что ты страдаешь? Восстань: Христос, через меня, раба Своего, исцеляет тебя. Иди в Верколу, приложись ко гробу моему и поведай об этом священнику и всем крестьянам.

При этих словах, праведный отрок, взяв меня за руку, как бы понуждал к этому и потом стал невидим. Я же, пробудившись, почувствовал себя совершенно здоровым, как будто никогда и не болел. И вот я пришел сюда поклониться святым мощам его».

Особенно замечательно было чудо с одним крестьянином из села Кивокурья, Устюжского уезда, Патрикием Игнатьевым. Он с детства тяжко страдал от грыжи. Услыхав о чудесах праведного Артемия, он с верою помолился ему, положил обет приложиться к его гробу и выздоровел, но потом забыл о данном им обете. Спустя несколько лет, он снова почувствовал приступы грыжи, которая стала его мучить еще сильнее прежнего. Патрикий обратился опять с молитвою к праведному Артемию и вспомнил о своем неисполненном обете. Молитва болящего была услышана, но Патрикий опять забыл о данном им обете. Тогда напала на него тоска и непроницаемая тьма покрыла его глаза. Несчастный опять вспомнил о своем неисполненном обете, горько раскаялся и обещал неотложно исполнить долг свой. Праведный Артемий снова избавил Патрикия от недуга, и исцеленный с радостью поспешил в Верколу ко гробу Артемия, заказал отслужить молебен ему, со слезами облобызал многоцелебный гроб его и исповедал пред всеми о происшедшем чуде и своем греховном забвении.

В 1636 году в марте месяце ехал в Кевролу и на Мезень назначенный туда воеводою Афанасий Пашков. По дороге он остановился в Верколе, но у раки мощей праведного Артемия не был и благодарственного молебна ему не служил. В Кевроле сын его, отрок Иеремия, тяжко заболел лихорадкою и готовился уже к смерти. Тогда отец вспомнил, что не отслужил молебна праведному Артемию, и дал обет отправиться на богомолье в Верколу. И вот внезапно лежавший в тяжелом забытьи сын Пашкова сам поднялся с постели и, держась за оконце, стал спрашивать своего отца, каким путем ехать им к праведному Артемию. Дивясь тому, отец привез сына в Верколу. Здесь отслужили по обету молебен, взяли бересты с гроба Чудотворца, чтобы больной носил ее на груди вместе с крестом, и отрок выздоровел. Благодарный отец создал в Верколе, на месте обретения мощей Артемия, храм в честь соименного праведному отроку мученика Артемия.

Спустя некоторое время, храм в Верколе сгорел, – обгорели и мощи праведного Артемия. Местный священник Лаврентий и прихожане Веркольского села для ограждения мощей Артемия

от таких несчастных случаев, устроили над ними особую часовню, положили их в новую раку и покрыли новым покровом.

После того от гроба чудотворца стали истекать новые чудотворения. Так, некоего Симеона Казаринова праведный Артемий спас от потопления. После Ильина дня он плыл на судне вместе со своими товарищами по Северному Ледовитому океану из Мангазеи[6843] в Архангельск. Вдруг наступила жестокая буря, и судну стало угрожать скорое крушение. Плывшие пришли в ужас и отчаяние. Не видя себе ниоткуда никакой надежды на спасение, они стали готовиться к смерти и, в ожидании ее, прощаться друг с другом. Потом они опомнились и стали со слезами молиться Господу Богу и праведному Артемию о своем спасении, обещаясь отслужить благодарственный молебен угоднику Божию. И, по молитве их, море утихло, и утопавшие избегли неминуемой погибели.

Слава исцелений от мощей праведного Артемия распространилась далеко. Новгородский митрополит Киприан послал снова освидетельствовать его нетленные мощи, своей подписью подтвердил доставленную ему роспись исцелений и прислал в церковь села Верколы вновь составленную службу чудотворцу.

В 1648 году в Кевролу была прислана грамота царя Алексия Михайловича, на имя тамошнего воеводы Аничкова: повелено было положить мощи праведного Артемия в новую раку и дозволено построить монастырь на том месте, где были обретены его мощи, которые, согласно царской грамоте, и были на следующий год перенесены туда и положены в построенной еще воеводой Пашковым церкви святого мученика Артемия. При сем от святых мощей истекали многоразличные исцеления всем, с верою притекавшим к ним. Собравшийся во множестве народ вознес теплые моления Христу Богу и Его святому угоднику праведному Артемию, Веркольскому чудотворцу, прославляя благодать Божию, в нем явленную на утешение всем православным христианам. Впоследствии мощи праведного Артемия, по случаю пожаров, трижды выносили из храма обители, пока, наконец, не был построен в 1793-м году в

монастыре каменный храм, освященный в честь праведного Артемия, в котором мощи его и были положены [6844].

Тропарь, глас 2:

Вышняго повелением тученосным облаком небо помрачившим, и молниям блистающим, грому же возшумевшу с прещением, испустил еси душу твою в руце Господеви, премудре Артемие, и ныне предстоиши Престолу Владыки всех, о иже верою и любовию приходящим к тебе, подая исцеление всем неотложно, и моляся Христу Богу, спастися душам нашим.

Величание:

Величаем тя, страстотерпче Христов, Артемие, и чтим святую память твою, ты бо молиши за нас Христа Бога нашего.

Кондак, глас 8:

Возсия днесь пресветлая память премудраго Артемия: богоданная благодать яко реки изливает, от святоцелебныя раки мощей его, дивная исцеления, имиже от многоразличных недуг избавляемся, с верою приемлюще я, и взывающе: радуйся, Артемие Богомудре.

Житие преподобного отца нашего Илариона Великого,

Память 21 октября

Преподобный Иларион родился в 291 году в селении Фавафе в Палестине близ города Газы. Родители его были еллины[6845]. Как является роза среди шипов, так рождением от них преподобного явилось миру благоухание Христово. Посланный в Александрию для обучения наукам, он не только вскоре овладел всей той ученостью, к которой стремились еллины, но хорошо ознакомился и с духовной премудростью. Уверовав в Господа нашего Иисуса Христа, он принял святое крещение[6846] и во время частых посещений храма внимал словам Божественной службы. Навыкая добрым нравам и сердцем своим горя любовью к Богу, он стал помышлять о том, как бы угодить Ему. Услыхав о святом Антонии Великом, слава добродетельной жизни которого в то время распространялась всюду, Иларион поспешил отправиться к святому, исполненный усердного желания видеть его. Дойдя до места его пребывания в пустыне, Иларион узрел его святолепное лицо и услышал его сладостные речи, указывавшие ему путь к совершенству. Он пробыл некоторое время при святом Антонии, присматриваясь к его равноангельской жизни, усердным и частым молитвам, рукоделию и беспрестанному труду, посту и воздержанию, любви к ближним, нестяжательности и иным подвигам иноческого жития[6847].

К преподобному Антонию стекалось множество людей: одни, чтобы исцелиться от своих недугов, другие – чтобы получить от него благословение, третьи – чтобы послушать его боговдохновенные и душеполезные беседы. Не находя таким образом здесь полного уединения и безмолвия, Иларион не пожелал оставаться здесь, но решил отыскать такое место, где бы он мог пребывать наедине с Богом и вне всякого шума и суеты. Приняв благословение от преподобного Антония, он возвратился в свое отечество, и, не найдя родителей в живых, разделил свое имущество на две части: одну он дал

родственникам, другую нищим, себе же не оставил ничего, «все почитаю за сор» (Флп.3:8), отрекаясь от всего мира и самого себя, чтобы получить возможность стать учеником Христовым и подражателем Его нищеты.

Освободив таким образом себя от суетных забот, Иларион пошел в пустыню, находившуюся на расстоянии семи верст от Маиюмы Газской, и поселился там между морем и озером. В той пустыне жили разбойники, и некоторые знакомые советовали ему уйти оттуда, чтобы не попасть в руки разбойников и не быть убитым. Но преподобный не боялся телесной смерти, желая избавиться лишь от смерти духовной.

– Надо избегать разбойников, убивающих душу, а убивающих тело я не боюсь, – говорил он: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс.26:1).

И преподобный начал жить там в беспрестанной молитве и посте. В пищу он принимал не более пятнадцати смокв[6848] в день – и то по захождении солнца, а одежда его состояла – из власяницы[6849] и короткой кожаной мантии, данной ему преподобным Антонием.

Ненавистник всякого добра – диавол, видя, как побеждает его юный инок, воздвиг на него брань[6850]. Желая победить духовного воина плотскою похотью, он начал распалять его молодое тело и смущать ум нечистыми помыслами. Ощутив нечистого змия, стремившегося уязвить его жалом греха, Иларион посрамил его еще большим умерщвлением тела и победил врага, вооружившись прилежной молитвой к Богу. Он приложил пост к посту и труд к трудам, не вкушая пищи по три, а иногда и по четыре дня, изнуряя тело работой, то копая землю, то плетя корзины, и повторяя про себя слова апостола: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес.3:10). Нечистые же помыслы он изгонял из сердца, ударяя себя в грудь, подобно мытарю, и воздыхая из глубины сердца. Плоть свою Иларион называл ослом и так беседовал с ним:

– Я укрощу тебя, осле: буду кормить не ячменем, а мякиной, уморю голодом и жаждой, обременю тяжелой ношей, чтобы ты больше помышлял о пище нежели о нечистоте.

Слова сии, обращенные к своему телу, он приводил в исполнение и до такой степени изможда́л свое тело, что от него остались только кости, покрытые кожей.

Диавол же, увидев, что той бранью он не достиг ничего и не только не победил святого, но и сам потерпел поражение, задумал устрашить его призраками и привидениями. Однажды ночью, стоя на молитве, святой Иларион услышал плач детей, рыдание жен, рыкание львов и голоса других диких зверей и животных, шум и смятение, как бы от великой битвы. Бес нарочно привел полк своих друзей, завопивших на разные голоса, чтобы Иларион устрашился одного их рева и бежал, покинув пустыню. Но, поняв, что все сие – только ужасы, наводимые бесами, святой осенил себя крестным знамением, вооружился щитом веры и, пав на колена, вознес к Богу прилежную молитву, чтобы Он подал ему помощь свыше. Таким образом, припадая к земле на молитве[6851], Иларион обессиливал нападавшего на него врага. Но лишь только он немного приподнялся, желая увидеть глазами то, что слышал ушами (а ночь была лунная, очень светлая), как на него с великим шумом устремилась громадная колесница с ужасными и свирепыми конями.

– Господи, Иисусе Христе, помоги мне! – воскликнул святой, – и тотчас же земля расступилась и поглотила всю бесовскую силу. Иларион же воспел, как бы торжествуя победу над фараоном[6852]:

– «Коня и всадника ввергнул в море. Ты простер десницу Твою: поглотила их земля… Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо» (Пс.19:8–9).

Но побежденный враг не переставал, однако, восставать и ополчаться на святого, искушая его разными другими способами: когда Иларион почивал, то рядом с ним как будто ложились бесстыдно глумившиеся нагие женщины; когда он был голоден или жаждал, бесы показывали ему различные сладкие кушанья и напитки; когда он молился, то иногда являлся волк и выл, стоя перед ним, иногда же прыгала лисица, или воины

сражались, и один из них, пораженный на смерть, падал к ногам святого и молил, чтобы тот похоронил его.

Однажды, стоя на молитве, Иларион забылся, и ум его, побежденный естественной немощью, помыслил о чем-то постороннем. Бес тотчас же вскочил ему на плечи, подобно воину, и, ударяя его ногами по ребрам, а бичом по плечам и по шее, сказал:

– Беги, беги, что ты спишь! – и, смеясь, спросил: – Не хочешь ли ячменя?[6853]

Святой же не обращал внимания на все сии диавольские козни и отгонял их от себя, вооружаясь крестным знамением.

Он устроил себе маленькую келейку, наподобие гроба, так что она едва вмещала его в себе, и жил в ней, подвизаясь в борьбе с невидимыми духами. Однажды ночью разбойники задумали напасть на него, в надежде найти что-нибудь у него, и всю ночь безуспешно проискали его. Найдя его на следующее утро и увидев, что у него ничего нет, они спросили святого:

– Что бы ты сделал, если бы на тебя напали разбойники?

– Нагой не боится разбоя, – возразил он им.

– Но ведь они могли бы тебя убить, – снова сказали те.

– Я не боюсь разбойников, потому что всегда готов к смерти, – ответил Иларион.

Изумленные таким мужеством и верой, разбойники признались ему, что всю ночь его искали, но не могли найти. Затем они ушли, дав обет исправить свою жизнь.

Когда преподобный Иларион прожил много лет в той пустыне, слух о святости его жизни прошел по всей Палестине, и к нему начали стекаться люди, искавшие помощи в его святых молитвах[6854]. Первою пришла некая женщина из Елевферополя[6855], проведшая в супружестве пятнадцать лет и оставшаяся бездетной. Терпя от мужа за неплодие постоянные укоры и оскорбления, она дерзнула прибегнуть к святому и припасть к его ногам. Иларион, увидав ее, отвернулся. Тогда она начала со слезами молить его:

– Зачем ты отвращаешься от меня, раб Божий, когда я нахожусь в печали? Зачем бежишь от меня, когда я умоляю тебя с рыданиями? Воззри не на женщину, а на боль ее сердца

и на ее слезы! Умилосердись надо мною, угодник Христов! Вспомни, что Спаситель почтил наш пол, облекшись от него человеческой плотью, что и сам ты рожден женщиной. Поэтому не отвергни без помощи меня, притекшую к тебе и ожидающую от твоих молитв разрешения своему неплодию, за которое мой муж постоянно укоряет и оскорбляет меня.

Сии слова преклонили святого Илариона на милость: он возвел очи свои к небу и помолился о ней. Затем он велел ей возвратиться домой, и сказал:

– Ступай с непостыдной надеждой, и Господь исполнит твое прошение.

Женщина вернулась к себе с радостью и с верой к словам святого. Бог же услышал молитву Своего раба, и в скором времени женщина, согласно пророчеству Илариона, зачала и родила сына. На следующий год она пришла к нему с младенцем на руках и сказала:

– Вот плоды твоих святых молитв, угодник Божий; благослови сына, которого ты испросил мне у Бога.

Святой благословил младенца и мать и отпустил их с миром. Женщина ушла, хваля Господа и прославляя по всей той стране Его угодника.

После того явилась к нему другая женщина, по имени Аристенета, христианка, супруга некоего вельможи Елпидия. Три сына ее, заразившись тлетворным поветрием, в один день впали в тяжкую болезнь, от которой никакие врачи не могли излечить их, и они были близки к смерти. Услыхав о святом Иларионе пустыннике, эта женщина пришла к нему со своими рабынями и евнухами и с плачем припала к его ногам.

– Заклинаю тебя Господом нашим Иисусом Христом и честным крестом Его, – говорила она, – приди в Газу и исцели от болезни трех умирающих сыновей моих, чтобы и в языческом городе прославилось имя Господне и посрамился ложный бог Газский Марнас[6856], почитаемый неверными.

Святой отказывался, говоря, что он никогда не выходит из пустыни и не приближается не только к городу, но даже и к селам. Но женщина до тех пор докучала ему слезными мольбами, пока он не обещался прийти к ней по захождении

солнца. Поздним вечером святой пришел в Газу. Едва прикоснулся он к больным отрокам, призывая над ними имя Иисуса Христа, как у них выступил обильный пот, как бы некий поток из источника. Они тотчас же встали здоровыми и, приняв пищу, начали благодарить Бога и лобзать святые руки своего врача. Слух прошел по всей Газе, и с того времени больные разными недугами стали приходить в пустыню к преподобному Илариону и, по его молитвам, получали исцеления, – вследствие чего множество язычников обращалось к вере в Господа нашего Иисуса Христа. Многие пожелали соревновать его добродетельному житию и, покинув мир, стали селиться около него в пустыне. В скором времени число учеников преподобного Илариона умножилось и святой стал первым наставником иноков в Газе и Палестине, подобно тому как преподобный Антоний в Египте.

Однажды к преподобному привели женщину, потерявшую зрение с десятилетнего возраста и без всякой пользы растратившую на врачей все свое состояние. Святой исцелил ее плюновением, уподобившись в сем Господу (Иоан.9:6): он плюнул на лицо ее, – и она тотчас прозрела, и все прославили Бога.

Раб и возница некоего Газского вельможи, уязвленный бесом во время управления колесницей, весь оцепенел, так что не мог двинуть ни одним суставом и только язык его остался свободным. Раба этого принесли в пустыню к преподобному Илариону. Увидев его, святой сказал:

– Тебе нельзя исцелиться от недуга, пока не уверуешь в могущего исцелить тебя Христа Господа.

– Верую в Него, только пусть Он исцелит меня, – с усердием ответил больной.

Сотворив молитву, святой исцелил его силою Христовой и, научив святой вере, повелел креститься. Таким образом этот раб вернулся домой свободным от порабощения бесу и здравым телом и душой.

Другой юноша из окрестностей Иерусалима, по имени Марсит, обладал большой силой, так что мог поднять и нести пятнадцать мер пшеницы, и ему не нужно было иметь осла для

перевозки тяжестей. При такой силе в него вошел бес и начал мучить, гоняя по пустыням и полям. Поймав его, окрестные жители связывали ему руки и ноги железными оковами и цепями и держали под крепким запором, зорко за ним наблюдая. Но он убегал, легко сокрушая оковы и запоры у дверей, по причине удвоенной силы, бесовской и своей собственной, и избивал всех встречавшихся ему на пути людей: у одних он отгрызал нос, уши и губы, другим ломал руки и ноги, третьим выкалывал глаза, четвертых, наконец, убивал, перегрызая горло. Много других зверств совершал он в тех местах, и никто не мог его укротить. Собравшись в большом числе, народ, наконец, изловил его, связал по всему телу железными цепями и приволок к преподобному, как дикого вола. Увидав бесноватого, Иларион велел развязать его, и тот стал кроток, как ягненок. Усердно помолившись о нем, святой сказал находившемуся в нем бесу:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повелеваю тебе, нечистый дух, выйди из сего человека и удались в безводные места.

Бес вышел, потрясши и повергши на землю больного, и он немедленно исцелел по благодати Господней и по молитвам святого, и стал усердно прославлять преподобного Илариона. Преподобный же запрещал ему и всем прочим присутствовавшим, говоря:

– Не нашей силой совершилось сие, но по человеколюбию и благодати Спасителя, понесшего наши страдания по неизреченной милости Своей к нам, рабам Своим. Его мы беспрестанно должны славить, благодарить и величать.

Когда он говорил это, к нему привели другого мужа, по имени Ориона, одного из богатых и знатных граждан города Айлы[6857]. В нем был легион бесов, и его привели связанного железными цепями. Приблизившись к святому, он вырвался из рук приведших его людей и, подошедши сзади, схватил преподобного и поднял его на воздух выше своего роста. Все закричали от страха, как бы он не ударил его о землю и не сокрушил его кости, высохшие от долгого поста. Святой же улыбнулся и сказал:

– Дайте моему противнику побороться со мной. Простерши назад свою руку, он взял бесноватого за волосы, поставил его перед своими ногами, связал ему руки и, наступив на ноги, сказал:

– Мучайся, легион бесовский, мучайся!

Бесы же, находившиеся в том человеке, завопили разными голосами, производя шум, как бы от многочисленной толпы. Тогда святой начал молиться:

– Господи, Иисусе Христе! Освободи несчастного от легиона бесов, ибо как ты одного из них можешь победить, так легко – и многих.

Бесы с громким воплем тотчас вышли из того человека, и он выздоровел, избавился от своих мучений и принес благодарение Богу и Его угоднику, святому Илариону, за свое исцеление. Через некоторое время он снова вернулся со своей женой и друзьями к святому Илариону с богатыми дарами, в благодарность за исцеление. Но святой не принял их и сказал:

– Разве ты не слышал, как пострадал Гиезий[6858], приняв плату от человека, исцелившегося от проказы. Благодать Господня не продается. Поди, раздай это нищим твоего города, нам же, живущим в пустыне, имущество не служит на пользу.

Таким образом он отослал его с дарами обратно.

После этого к святому принесли расслабленного каменотеса из города Маиюмы, по имени Занана, который тотчас же выздоровел по молитвам преподобного.

Затем была приведена из пределов Газы бесноватая девица. Бес вошел в нее по следующей причине. Ее полюбил один юноша и пожелал находиться с нею в плотском сожительстве; но она сопротивлялась ему и не соглашалась на его нечистые пожелания. Увидев, что он не добьется успеха ни льстивыми словами, ни дорогими подарками, юноша пошел в Египетский город Мемфис[6859] к волхвам Асклипия[6860] и рассказал им о болезни, уязвившей его сердце любовью к сей девице. Получив от них какие-то волшебные слова, написанные на медной дощечке, он возвратился домой и закопал дощечку под порогом дома, в котором жила та девица: так научили его сделать волхвы. И тотчас же бес вошел в девицу и в такой

степени распалил ее блудной похотью, что она начала бесстыдно кричать, призывая юношу по имени для удовлетворения страсти, сбрасывать с себя одежды, обнажаться, и всячески метаться, сгорая огнем любодеяния. Видя сие, родители ее поняли, что болезнь причинена ей диаволом, и повели в монастырь к преподобному (в то время преподобный собрал уже множество братий и устроил большой монастырь). Когда ее вели к нему, бес внутри ее вопил и рыдал.

– Мне было лучше, – говорил он, – когда я в Мемфисе прельщал людей сонными видениями, нежели теперь, когда я послан сюда.

Когда же ее привели к святому, бес завопил:

– Я неволей вошел в сию девицу, и насильно послан в нее моим властелином. Теперь же я жестоко мучаюсь и не могу выйти, так как привязан к медной дощечке и закопан под порогом. Я не выйду, пока не разрешит привязавший меня юноша!

Святой слегка улыбнулся и сказал:

– Так вот как велика твоя сила, диавол, что тебя связали ниткой и насильно удерживают медной доской? Почему же ты не вошел в связавшего тебя юношу?

– В нем уже находится друг мой, любострастный бес, – ответил тот.

Помолившись, святой изгнал его из девицы и дал ей наставление, чтобы она остерегалась вражьих сетей и избегала беседы с бесстыдными юношами.

Некий князь, одержимый нечистым духом, пришел к святому и получил исцеление. В благодарность он принес своему безмездному врачу, святому Илариону, десять фунтов золота и умолял его принять дар. Тогда святой показал ему свой ячменный хлеб.

– Питающиеся таким хлебом считают золото за болотную тину, – сказал он и, не приняв золото, отпустил князя здоровым.

Преподобный Антоний, услыхав об Иларионе и о чудесах его, радовался духом и часто писал к нему. Приходившим же к нему для исцеления из Сирии он говорил:

– Зачем вы так утруждаете себя, совершая долгое путешествие ко мне, когда имеете у себя вблизи моего сына, о Христе, Илариона, получившего от Бога дар исцелять всякие болезни.

По всей Палестине начали возникать монастыри с благословения святого Илариона, и все иноки приходили к нему, чтобы услышать его поучительное слово. И он всех наставлял на путь спасения.

Однажды братия упросили его пойти посетить умножившиеся его молитвами и благословением монастыри, утвердить их и дать им устав иноческой жизни. Когда он собрался в путь, к нему стеклось множество братий, около трех тысяч, кои следовали за ним, наслаждаясь его сладчайшими поучениями. Обходя монастыри и посещая братию, святой совершил множество чудотворений. У одного брата, отличавшегося странноприимством, был свой виноградник, от которого он всякий год имел около ста мер винограда. Он с любовью принял святого Илариона и умолял братию зайти к нему в виноградник и нарезать себе гроздьев, сколько кто захочет, так как виноград уже созрел. Каждый нарезал себе сколько хотел; братий же было, как сказано выше, около трех тысяч. Видя такую любовь брата того, преподобный благословил его виноградник, и в том году брат собрал из своего виноградника более трехсот мер винограда. Так благословение преподобного увеличило плодородие виноградника за страннолюбие брата. Другой же брат, скупой и жестокий, увидав проходившего мимо святого с его духовным стадом, приставил к своему винограднику сторожа, чтобы кто-нибудь не сорвал себе хотя бы одной кисти; сторож бросал в братию камнями, говоря, чтобы никто не приближался к винограднику, так как он чужой. Сей брат лишился благословения святого и собрал очень мало винограда, да и тот был кислый.

Однажды преподобный отправился в пустыню Кадис[6861] посетить одного ученика. На пути Илариону случилось проходить через языческий город Елусу[6862]. Здесь он застал бесовский праздник, на который собралось из окрестных сел

множество языческого народа, ликовавшего и приносившего в храме нечестивые жертвы своей богине Афродите[6863]. Услыхав о приближении святого Илариона, они вышли к нему навстречу с женами и детьми, так как до них уже давно дошел слух, что он – великий чудотворец. Увидав его, они наклонили головы и закричали на сирийском языке: «Варах! Варах!» – что значит: благослови, благослови! Затем они привели к нему множество больных и бесноватых, и преподобный силою Христовой исцелил их. Научив язычников познанию Единого истинного Бога, он всех их привел к вере Христовой и не прежде покинул город, как они разорили идольский храм, сокрушили идолов, построили святую церковь и крестились во имя Господне. Утвердив их в вере и преподав благословение, святой отправился в дальнейший путь.

Преподобный Иларион получил от Бога такую благодать, что посредством обоняния и осязания вещей узнавал, кто какою одержим страстью. Раз один скупой и сребролюбивый брат прислал святому плодов из своего сада. Когда наступил вечер, и святой сел за трапезу, ученики предложили ему плодов, присланных скупым братом. Увидав их, Иларион отвернулся.

– Уберите их отсюда, – сказал он, – я не могу выносить смрада, исходящего из этих плодов.

Ученик его, блаженный Исихий, стал настаивать на том, чтобы он вкусил и благословил любовь брата.

– Не гнушайся отче, – говорил он, – приношением брата, так как он с верою принес тебе первые плоды своего виноградника.

– Разве ты не чувствуешь, – ответил святой, – что от этих плодов исходит смрад скупости?

– Как же могут плоды, кроме своего естественного запаха, издавать еще смрад какой-нибудь страсти? – спросил Исихий.

– Если ты не веришь мне, то дай эти плоды волам, и смотри, будут ли они есть?

Исихий отнес и положил плоды в ясли перед волами, но волы, понюхав, начали неистово мычать и, будучи не в состоянии выносить смрада, исходившего от тех плодов, оторвались от яслей и убежали.

В это время святому было уже 63 года. Братии около него собралось очень много, так что нужно было расширить монастырь. Многочисленные заботы мешали безмолвию преподобного. Кроме того, к нему приходило множество людей, искавших – кто исцеления, кто – благословения. Приходили и епископы и священники с прочими служителями Церкви, приходили князья и вельможи из многих городов и областей, чтобы услышать от Илариона слово Божие и получить его благословение. Святой очень огорчался, что приходившие не давали ему безмолвствовать и плакал, вспоминая молчание первых дней, когда он был один в пустыне. Видя его постоянно скорбящим и плачущим, братия спрашивали его:

– Отчего ты так скорбишь и плачешь, отче?

Он же отвечал:

– Оттого я так скорблю и плачу, что снова возвратился в мир и получил на земле свою награду, потому что все палестинские и окрестные города прославляют меня, вы тоже чтите, как владыку, и зовете господином всех живущих в монастыре.

Услыхав от преподобного такие слова, братия догадались, что он хочет тайно уйти от них, и стали тщательно смотреть, чтобы он не оставил их. Старец скорбел таким образом в течение двух лет.

Однажды пришла к нему Аристенета, жена епарха[6864] Елпидия, у коей некогда святой исцелил трех умиравших сыновей ее. Она просила у него благословения и молитв на дорогу, так как намеревалась пойти в Египет – поклониться преподобному Антонию. Услыхав об Антонии, святой вздохнул и сказал:

– О если бы и мне можно было пойти туда и увидеть во плоти святого и любимого отца моего Антония. Но братия насильно удерживают меня здесь, и я не могу пойти к нему.

Помолчав немного, он горько заплакал.

– Вот уже второй месяц, – промолвил он, – как весь мир скорбит о потере великого светильника, ибо преподобный Антоний уже покинул свое тело.

Услыхав это, женщина и все присутствовавшие поняли, что ему дано было от Бога откровение о преставлении преподобного Антония. Аристенета вернулась домой, а через несколько дней пришла весть о кончине Антония.

Не вынося молвы и людского почета, притом зная, по откровению от Бога, что Он соизволяет на его отшествие оттуда, святой Иларион призвал некоторых из своих учеников и велел им идти с ним. Приведя осла, они посадили на него преподобного отца, так как от старости он уже не мог идти пешком, и, поддерживая его, пошли вместе с ним. Когда остальные братия, а также жители окрестных сел и городов узнали, что преподобный покинул их, они собрались в числе десяти тысяч человек и, погнавшись за ним, настигли его. С плачем припали они к святому и молили не оставлять их.

– После Бога мы тебя имели в Палестине отцом, укрепляющим нас и помогающим нам. Не оставляй же нас одних, как овец без пастыря.

– Зачем вы, чада мои, сокрушаете мое сердце? – увещевал их святой. – Да будет вам известно, что я ушел не без Господней на то воли: я молился Господу, и Он повелел мне уйти отсюда, чтобы не видеть скорби, имеющей постигнуть Божию Церковь, не смотреть на разорение святых храмов, на попрание алтарей и на пролитие крови моих чад. Не удерживайте же меня, чада мои.

Услыхав, что ему было открыто об угрожающем им бедствии, они еще усиленнее стали молить его – тем более не покидать их, но помочь им в скорби своими молитвами. Огорчившись, святой ударил в землю жезлом и сказал: – Не буду ни есть, ни пить, пока вы меня не отпустите; если же хотите увидеть меня мертвым, то удерживайте.

В течение семи дней удерживали они преподобного своими мольбами и, наконец, убедившись в непреложности его намерения, с миром отпустили. Все множество народа с плачем далеко провожали его. Подойдя к городу Вефилии[6865], святой преклонил колена, помолился со всеми и, поручив их Господу, отпустил домой. Выбрав 40 человек братии, о которых ему было известно, что они в состоянии вынести труд путешествия,

постясь и вкушая немного пищи только по захождении солнца, он взял их с собою. После пятидневного пути, святой прибыл в Пилусию[6866]. Посетив братию, жившую в ближней пустыне в местности, известной под названием Лихнос, он ушел оттуда и через три дня пришел в город Фаваст. Здесь он виделся с епископом Драконтием исповедником, находившимся в заточении, и оба утешились боговдохновенной беседой[6867]. После нового пути, длившегося несколько дней, старец с великим трудом дошел до Вавилона, чтобы посетить епископа Филона[6868] исповедника. Этих двух мужей изгнал в те места царь Констанций, помогая злочестивым арианам. Повидавшись с блаженным Филоном и побеседовав с ним, преподобный продолжал свой путь и пришел в город Афродитополь, а затем, после трехдневного пути по страшной и суровой пустыне, достиг высокой горы, где было пребывание преподобного Антония.

Здесь преподобный Иларион нашел двух учеников своих, Исаака и Пелусиана, которые очень обрадовались, увидав святого. Местность та была очень красива, и святой с большим усердием обошел ее. Исаак же и Пелусиан показывали Илариону все места, освященные трудами преподобного Антония.

– На этом месте пел святой отец наш Антоний, – рассказывали они, – а на этом предавался безмолвию; здесь молился, а там сидел и плел корзины; здесь имел он обыкновение отдыхать от трудов, а там спать; этот виноград и эти деревья он сам насадил, а это гумно устроил своими руками; этот пруд для поливки сада он выкопал сам, с большим трудом и обливаясь потом; вот лопатка, которою святой долгое время пользовался для копания земли.

Сие и многое другое показывали они святому Илариону. Он же, придя на место, где Антоний имел обыкновение отдыхать, со страхом и радостью облобызал его ложе и возлег на нем. Наверху горы были две каменные келлии, куда святой Антоний уходил для безмолвия, скрываясь от докучливости приходивших к нему посетителей. Приведя туда по ступеням Илариона, ученики показали ему виноградные лозы и разные

плодовые деревья, изобиловавшие плодами, и сообщили, что их насадил святой Антоний только три года тому назад.

Отдохнув здесь со своей братией, преподобный Иларион снова возвратился в Афродитополь и отпустил братий, велев им вернуться в Палестину в свой монастырь, при себе же оставил только двоих. С ними он отправился в находившуюся недалеко от того города пустыню, в которой и поселился, пребывая в безмолвии, посте, молитве и в подвигах, столь великих, – как будто только сейчас начал свое иноческое о Христе житие.

По смерти преподобного Антония, в течение трех лет в сей местности было бездождие, и по всей стране свирепствовал голод, потому что почва выгорела от зноя, как от огня. Народ говорил, что не только люди скорбят о смерти преподобного, но и земля, небо же не дает дождя. Люди и домашние животные умирали от голода и жажды. Услыхав, что в тех местах живет святой Иларион, ученик Антония, множество народа с женами и детьми собралось и отправилось к нему в пустыню. Придя, они начали усердно молить его:

– Бог послал нам тебя вместо Антония: умилосердись и помолись Господу, чтобы Он по великой Своей милости послал дождь нашей иссохшей от бездождия земле.

Видя несчастье этих людей, погибающих от голода и жажды, святой Иларион возвел очи и руки к небу и начал со слезами молиться. Тотчас же пошел великий дождь и досыта напоил всю землю[6869]. С того времени народ стал ходить к преподобному, принося своих больных. Видя, что и здесь ему докучают и не дают безмолвствовать, святой захотел удалиться в пустыню Оасим[6870] и, собравшись, отправился в путь со своими двумя учениками. Миновав Александрию, он пришел в Брухию, где нашел знакомых братьев, которые с радостью приняли его. Побыв у них немного, он вознамерился уйти, но братия не хотели его пустить и умоляли остаться с ними. Тогда он решил уйти от них тайно ночью, но когда ученики готовили для него осла, братия проведали об этом и, придя, легли у двери.

– Лучше нам умереть, лежа у ног твоих, – говорили они – нежели так скоро лишиться тебя!

– Встаньте же, чада мои, – молил их преподобный – полезнее и для вас самих и для меня, чтобы вы меня скорее отпустили, потому что мне было откровение Божие, повелевающее уйти отсюда. Потому то я и стараюсь поскорей удалиться от вас, чтобы из-за меня вас не постигла печаль. Воистину вы потом поймете, что не напрасно я спешу и уклоняюсь от пребывания с вами.

Услыхав эти слова, братия поднялись, а святой сотворил молитву, обнял их и ушел. Благодать Божия охраняла его на пути через непроходимую пустыню.

На другой день по уходе его из Брухии, сюда пришли из Газы тамошние язычники с палачами и спрашивали, где Иларион. Узнав, что он ушел, они сказали друг другу:

– Посмотрите на сего волшебника: он узнал, что ожидает его от нас, и убежал.

Нечестивые обитатели Газы с самого начала завидовали святому, что народ стекался к нему и переставал поклоняться их богу Марнасу. В особенности из-за сего были озлоблены на преподобного жрецы Марнасовы; они всячески старались погубить его, но не могли, так как все окрестные города и села очень почитали святого. Когда же умер царь Констанций и на престол вступил злочестивый служитель бесов, Юлиан Отступник, беззаконники сочли сие время удобным для исполнения своего давно задуманного злого замысла. Язычники города Газы приступили к нечестивому царю, оклеветали перед ним преподобного Илариона и учеников его и выпросили письменный указ, повелевавший разорить его монастыри близ Газы, изгнать из пределов той области его учеников, предварительно избив их, а самого Илариона, также как и помощника его Исихия, убить. Нечестивые так и поступили: разорили монастыри и разогнали стадо Христово. Исихий же, наиболее любимый Иларионом за его усердное послушание, коим он превосходил остальных учеников, скрывался по пустыням, бегая от рук неверных.

Тем временем преподобный Иларион, хранимый Богом, жил в Оасимской пустыне. Когда он пробыл там уже около года, к нему пришел ученик его Адриан с известием, что царь Юлиан убит, – и звал его в Палестину на прежнее место, так как в Церкви снова водворился мир. Любя безмолвие, святой не захотел вернуться в Палестину, но, видя, что и в Оасимской пустыне не может укрыться от людей, отправился пустыней в Ливийские края с одним учеником своим Зиноном; Адриан же с другим учеником возвратился в Палестину.

Придя в приморский город Паретон[6871], Иларион сел на корабль и отплыл в Сицилию, чтобы избежать человеческой славы. У хозяина корабля был сын, мучимый нечистым духом, который завопил в нем:

– Раб Божий Иларион! Почему ты и на море не даешь нам покоя? Потерпи, пока мы пристанем к берегу, чтобы мне отсюда не пришлось низвергнуться в пропасть.

Святой отвечал:

– Если Бог велит тебе оставаться в Своем создании, оставайся, если же Он изгонит тебя, то что нам до того: я человек грешный.

Услыхав сие, отец больного отрока вместе со всеми бывшими на корабле, припал ко святому, моля его помиловать сына и изгнать из него беса. Но святой не соглашался, называя себя грешным.

– Если вы мне обещаетесь, – сказал он, наконец, – не говорить никому обо мне в той стране, куда мы плывем, то я помолюсь моему Владыке, чтобы Он изгнал лукавого духа.

Те клятвенно обещались. Тогда, сотворив молитву, преподобный изгнал из отрока беса, и все прославили Бога.

Когда корабль пристал к Сицилийской горе Пихону[6872], святой отдал корабельщику за провоз Евангелие, переписанное им собственноручно во дни юности: ему нечего было дать другого, потому что он был настолько же нищ имуществом, как и духом. Но хозяин корабля не принял от него платы, хотя святой очень настаивал на том, чтобы он взял.

– Не будет того, чтобы я взял что-нибудь у вас, так как вы сами нищи и ничего не имеете, – отвечал хозяин корабля.

Святой же радовался духом, видя себя совершенно нищим и не имеющим ничего суетного. Отойдя от берега, приблизительно на двадцать поприщ, он поселился здесь со своим учеником. Ученик собирал ежедневно вязанку дров, относил ее в ближнее село и на вырученные деньги покупал себе ломоть хлеба, которым они оба и питались, благодаря Бога.

Но «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14). Один бесноватый в церкви святого Петра в Риме воскликнул:

– Недавно прибыл в Сицилию раб Христов Иларион; никто его не знает, и он думает, что может утаиться: но я пойду туда и укажу его.

Так и случилось. Этого человека привели в Сицилию; в Пихоне он нашел святого Илариона, пал перед его келлией и получил, по молитвам преподобного, исцеление. С того времени узнали о нем жители той страны. Множество людей стало приходить к нему, ища исцеления от своих болезней, и никогда не возвращались обратно, не получив искомого. Вышеупомянутый же человек, пришедший из Рима и исцелившийся от беснования, предлагал святому богатые дары в благодарность за исцеление; но святой не принял их, говоря:

– Написано: «даром получили, даром давайте»[6873] (Мф.10:8).

Пока преподобный пребывал в Сицилии, его возлюбленный ученик, блаженный Исихий, в продолжение трех лет искал по всему миру своего любимого отца духовного, преподобного Илариона: тщательно обошел он много стран, гор и пустынь, но нигде не нашел его. Будучи затем в Пелопонесе[6874], в приморском городе Метоне, он услышал от одного еврейского купца, что в Сицилии появился какой-то христианский пророк, совершающий много чудес.

– А как зовут его, и каков он видом? – спросил Исихий.

– Я не видал его и не знаю по имени, – ответил еврей, – я только слышал о нем.

Поняв, что этот пророк – тот самый, кого он ищет, Исихий сел на корабль и отплыл в Сицилию. С трудом удалось ему

разузнать кое-что о святом от спутников, единогласно утверждавших, что он сотворил много чудес и ни от кого из них не взял за это даже ломтя хлеба. Найдя святого в Пихоне, Исихий упал к его ногам, целуя их и омывая слезами. Старец с трудом мог поднять с земли плакавшего от радости ученика и утешил его душеспасительной беседой.

Увидав спустя некоторое время множество приходивших к нему и прославлявших его людей, старец сказал своим ученикам, Зинону и Исихию:

– Невозможно нам оставаться здесь, чада; пойдемте в другую страну, где бы никто не знал о нас.

Собравшись, он тайно удалился с ними в далматский город Епидавр[6875], куда направил его Бог для облагодетельствования им многих. Не успел он пробыть несколько дней в одном безмолвном месте близ Епидавра, как жителям страны стало уже известно о пришествии к ним угодника Божия, бывшего раньше в Сицилии. Бог явил людям Своего раба и прославил его. Услыхав о нем друг от друга, жители собрались и пришли к нему; поклонившись, они начали молить его помочь им в их великой беде: в тех местах обитал страшный змей, столь огромный, что он пожирал больших волов и поглощал людей. Таким образом, он погубил бесчисленное количество людей и домашнего скота. Услыхав о нем, святой велел сложить множество дров и разжечь большое пламя, а сам, преклонив колена, помолился Богу, чтобы Он помиловал Своих людей и во славу Своего святого Имени избавил их от пагубного змея. Затем он начал призывать змея. И вот змей явился, как бы влекомый какою силой на заклание. Все смотрели и ужасались. Святой же велел ему войти в пламя, и тотчас, повинуясь его словам, змей вошел в огонь и сгорел. Тогда люди прославили Бога и принесли благодарение святому Илариону.

С того дня многие начали прибегать к нему за помощью. Старец же скорбел и размышлял, где ему найти такое место, в котором бы он мог укрыться от людей и пребывать в безмолвии. В то время случилось великое землетрясение, от которого море сильно взволновалось и выступало из своих берегов. Волны поднимались так высоко, что покрывали большие горы, и

корабли, заносимые водой, оставались на высоких местах. Жители расположенного у моря Епидавра, видя эти бедствия, подумали, что начинается второй потоп, и в ужасе, ожидая погибели всей земли и своей неминуемой смерти, громко рыдали. Вспомнив о святом Иларионе, все поспешили к нему, большие и малые, жены и дети, и с плачем умоляли его помолиться о них Богу, чтобы Он отвратил от них Свой праведный гнев. Святой встал и пошел с ними к городу. Пришедши, он стал между городом и морем; море же поднялось высоко на воздух над Епидавром, так что казалось, что оно касается облаков, и уже готово было потопить город. Святой начертал на песке три креста и, подняв руки к небу, стал прилежно умолять Человеколюбца Бога, чтобы Он помиловал Свое создание. Когда он так молился, Бог явил Свое человеколюбие: повелением Господним, море понемногу утихло и вошло в свои берега, землетрясение прекратилось и ветры улеглись. О сей великой силе Господней и молитвенном предстательстве преподобного Илариона в городе Епидавре, отцы из рода в род рассказывали потом своим детям.

Между тем святой Иларион, избегая людской славы, ночью вышел оттуда и, найдя корабль, отправлявшийся в Кипр, сел на него со своими учениками. Во время плавания на них напали разбойники, и все бывшие на корабле очень испугались; Иларион же утешал их.

– Разве разбойников больше, чем сколько было воинства у фараона? – говорил он, – но Бог и его потопил в море.

Когда морские разбойники приблизились к кораблю на такое расстояние, на какое можно забросить камень, святой с корабля, грозя на них рукою, сказал:

– Довольно с вас, что доплыли до сего места.

Разбойничьи корабли тотчас остановились, будучи не в состоянии плыть дальше и приблизиться к кораблю, на котором был святой. Разбойники потратили много труда, напрасно гребя, и со стыдом возвратились, отброшенные Божией силой от корабля.

Приплыв к острову Кипру[6876] святой Иларион поселился в пустынном месте в двух верстах от города Пафы[6877]. Но и здесь

ему не удалось укрыться: сами бесы, обитавшие в людях, возвестили народу о его приходе. По Божию повелению, собрались бесноватые со всей страны, числом до 200, мужчины и женщины, пришли к святому и, по его молитвам, все освободились от беснования. Пробыв здесь два года, преподобный решил удалиться отсюда, ища пустынного места, где бы ему можно было в безмолвии окончить свою жизнь. Отойдя верст на двенадцать от моря, он нашел уединенное, дикое место среди высоких гор. Вокруг него росло много плодовых деревьев (плода которых он, однако, ни разу не вкусил), годная для питья вода стекала с горы; тут же был цветущий сад и заброшенный идольский храм, в котором жило множество бесов. Это место понравилось святому по своей чрезвычайной пустынности, и он прожил там пять лет. Бесы днем и ночью громко вопили, желая устрашить святого и прогнать его оттуда; он же боролся с ними посредством непрестанной молитвы и отдыхал в безмолвии, так как по причине трудного доступа к нему и множества населявших то место бесов, никто не осмеливался приходить к нему.

Выйдя однажды из своей хижины, старец увидал лежавшего перед нею расслабленного и спросил Исихия:

– Кто этот человек и кто принес его?

– Это – владелец того места, где мы живем, – ответил Исихий.

Святой прослезился, простер над ним руку и сказал:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, встань и ходи!

И расслабленный тотчас же встал совершенно здоровый и начал ходить, хваля Бога. После этого чуда все окрестные жители начали приходить ко святому, не страшась более ни враждебных духов, ни трудного и опасного пути.

Вспомнив о Палестинских братьях, преподобный послал блаженного Исихия навестить их и приветствовать от своего имени. Сам же он стал помышлять об уходе, видя себя и здесь почитаемым и утруждаемым приходившими людьми, но дожидался возвращения Исихия. В это время умер ученик его блаженный Зинон, да и для него самого пришла пора окончить

свое многотрудное земное странствование (ему было уже 80 лет).

Предузнав о своем отшествии к Богу, преподобный собственной рукою написал свое завещание братии, причем оставил Исихию Святое Евангелие, писанное собственноручно, власяницу и куколь[6878]. После этого он стал изнемогать телом.

Когда слух о болезни святого Илариона достиг до жителей Пафы, то все благочестивые мужи тотчас пришли навестить его, а с ними и некая богоугодная женщина, по имени Констанция, больную дочь которой преподобный исцелил, помазав елеем.

Видя, что Господь призывает его к Себе, святой стал просить своих посетителей, чтобы по смерти его они, нимало не медля, погребли его тело в том саду, где он жил. Уже умирая, Иларион говорил, созерцая очищенным умом разлучение души от тела:

– Выйди, душа моя, что ты боишься! Выйди, что ты смущаешься! Восемьдесят лет служила ты Христу, – и боишься смерти?

С сими словами он предал дух свой Богу[6879]. Плача по нем, как по отце и учителе, присутствовавшие погребли его на том месте, где он заповедал.

Вернувшись из Палестины и не найдя своего наставника, блаженный Исихий много дней рыдал над его гробом. Он намеревался перенести тело в Палестину к братии, но не мог, так как все окрестные жители стерегли тело, чтобы кто-нибудь не унес из их страны такое сокровище.

Тогда Исихий притворился, что хочет поселиться на этом месте и сказал:

– Пусть я умру и буду погребен здесь вместе с моим отцом.

Поверив ему, люди оставили его жить на месте, где был погребен святой Иларион. Исихий же, по прошествии 10 месяцев, открыл гроб преподобного и увидел святое тело его, как бы только что умершее, светлое лицом и благоухающее. Он взял его и тайно ушел в Палестину. Палестинские иноки и миряне услышали о принесении Исихием мощей святого Илариона и собрались изо всех монастырей и городов со

свечами и кадилами и, проводив их с честью, положили в Маиюме, в его первом монастыре.

Не следует умолчать и о том, что сделала вышеупомянутая Констанция. Будучи добродетельной и имея великое усердие к преподобному Илариону, она, по смерти его, стала часто ходить к его гробу, молиться по целым ночам и беседовать с ним как с живым, прося молитв за себя. Когда она узнала, что тело святого украдено, то от горести упала и умерла, и своей смертью показала, какую она имела веру и любовь ко святому.

Жители Кипра и Палестины спорили между собой, хвалясь святым Иларионом. Жители Палестины говорили:

– У нас тело святого Илариона.

– А у нас его дух, – отвечали Кипряне.

В обоих местах, и в Кипре, где он был погребен, и в Палестине, куда был перенесен, совершалось много чудес святыми его молитвами, и подавались бесчисленные исцеления во славу Бога, Единого в Троице, Емуже да будет и от нас честь и благодарение и поклонение вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси и, иже из глубины воздыханьми, во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенней, сияя чудесы, Иларионе, отче наш: моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Яко светильника незаходимаго умнаго тя солнца, сошедшеся днесь восхваляем в песнех: возсиял бо сущым во тьме неведения, вся возводя к Божественной высоте, Иларионе. Темже вопием: радуйся отче, всех постников основание.

Память святого Илариона Меглинского

Память 21 октября

Болгарский царь Калоиоанн[6880], брат царя Асеня, овладел греческими землями – Фракиею, Македониею, Неадою и Элладою и взял город Меглину[6881]. Здесь он нашел раку преподобного Илариона[6882], епископа Меглинского и, побуждаемый благочестивою ревностью, пожелал перенести мощи святого в свою столицу Тернов[6883] и взял их с собою. Когда патриарх Болгарский узнал о приближении святого, то вышел навстречу св. мощам со свечами и благоуханными каждениями вместе с епископами и со всем клиром своим, с вельможами и всем народом. Мощи святого были внесены и положены в богохранимом городе Тернове 21 октября.

Когда воцарился Иоанн Асень II, далеко расширивший пределы своего царства, была выстроена, по царскому желанию, в Тернове, церковь во имя 40 мучеников, в которой и положены были мощи св. Илариона.

Тропарь, глас 3:

Чудо явився извещения, делы возсиял еси добродетелей Божиих, монашествующих лики упасл еси, архиерейская седалища изчистил еси, еретическаго же нападания не усумневся, церкви Христовы воздвигл еси, преподобие Иларионе, умер, яко спя, тело же твое цело и нетленно соблюдено бысть, и подает цельбы болящим от различных недуг, и демоны прогоняет, сего ради молим тя: моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Яко светоносная явися, архиерее, память твоя, тьму разруши уныния, и свет облиста даров небесных, вся созывающи ина радость: от Бога бо Иларионе, благодать обрел еси, и монахом был еси степень.

Память святых мучеников Дасия, Гаия и Зотика

Память 21 октября

Святые Дасий, Гаий и Зотик, находясь в Никомидии, вошли однажды в идольское капище и разрушили жертвенники. За то они были подвержены всевозможным истязаниям и мучениям. Они были подвешены на дереве, причем их строгали конскою скребницею и терли тела их волосяными полотнищами. Видя, что они презирают всякие муки и при этом обличают суетность идолов и громогласно проповедуют Христа Бога, единосущного со Отцом и Святым Духом, мучители повесили им на шею камни и бросили в море, где святые и нашли свое упокоение[6884].

Память святого равноапостольного Аверкия, епископа Иерапольского,

Память 22 октября

В царствование Марка Аврелия[6885], сына Антонина, в городе Иераполе[6886], населенном по преимуществу язычниками, был епископом святой Аверкий. Однажды там справлялся торжественный праздник в честь идолов, и все неверующие, собравшись в свой храм, ликовали и поклонялись своим бездушным богам – идолам, принося им жертвы. Святой Аверкий, при виде такого зрелища, прослезился, скорбя о том, что люди, ослепленные безумием, оставив Бога, поклоняются бесам, и, забыв Создателя, чтут творение рук человеческих. Затворившись у себя дома, епископ молился, говоря:

– Боже веков и Господи милости, Ты создал всю вселенную и управляешь ею, Ты послал Единородного Сына Своего на землю, чтобы Он воплотился ради человека, – милостивым оком взгляни ныне с небес на весь мир; не оставь и города сего, где Ты поставил меня пастырем словесных овец Твоих; посмотри на помраченных людей: честь, Тебе подобающую они воздают не Тебе, а скверным бесам, идолам, которых сами же себе сотворили; избави, Господи, этих заблуждающихся людей от погибели, из тьмы приведи их к истинному Твоему свету, сопричти их к избранному Твоему стаду!

После сей усердной молитвы святой уснул, так как уже наступила ночь, и вот, в сонном видении ему предстал юноша необычайной красоты; он, давая Аверкию жезл в руки, говорил:

– Иди, Аверкий, во имя Мое и этим жезлом сокруши начальников заблуждения!

Пробудившись от сна, Аверкий понял, что в видении ему явился Сам Господь и почувствовал он в сердце своем несказанную радость. Исполнившись рвением, он тотчас встал и, взяв попавшийся ему кол, той же ночью в девятый час[6887] отправился он к храму Аполлона, где накануне происходил праздник языческий и было принесено множество жертв. В этом храме находилось много драгоценных, прекрасно убранных,

идолов. Подойдя к храму, Аверкий нашел двери его запертыми; он ударил в них, и они тотчас распахнулись перед ним. Войдя в храм, святой епископ сначала стал поражать главного идола Аполлона, а затем и других. Всех их он сокрушил и разбил на мелкие части. Глухие же и немые идолы, будучи бездушными и не обладая силою, не могли защищаться, когда святой сокрушал их. Только слышался стук от их падения.

Жрецы идольские, жившие недалеко от храма, проснулись и, слыша в храме великий стук, не понимали, что это могло значить. Прибежав ко храму, они увидели, что идолы богов их лежали на земле в прахе, а святой Аверкий попирал обломки идолов своими ногами и сокрушал их жезлом. При виде сего на жрецов напал страх, святой же, обратившись к ним, сказал с гневом:

– Ступайте к начальникам города и ко всему народу, скажите, что боги ваши, упившись на вчерашнем празднике, который вы устроили для них, перебранились между собою и, упав на землю, разбились.

Сказав это, святой отправился в свой дом, как сильный муж, победивший врагов; а такими воистину были идолы, приведшие к погибели много душ человеческих.

Жрецы идольские отправились к городским начальникам и рассказали им обо всем, что сделал Аверкий. С наступлением дня, весть о случившемся быстро распространилась по всему городу, и вот все, от мала до велика, простой народ и начальствующие лица, собрались к храму. Увидев идолов своих разбитыми на мелкие части и разбросанными по земле, все сначала изумились. Потом, исполнившись ярости, все стали кричать:

– Смерть Аверкию!

Другие добавляли к этому:

– Послать его к царю, там потерпит он муки, равные его преступлению!

– Нет, лучше сейчас же пойдем и сожжем его со всем его домом, – предлагали третьи.

Начальники остановили народ:

– Не смейте зажигать дома Аверкия; мы опасаемся, как бы не пострадал от пожара весь город, если вы подожжете дом Аверкия; лучше схватим его и сами предадим суду, или же отошлем на суд к верховному правителю.

Когда народ находился в таком волнении и уже хотел напасть на дом Аверкия, соседи епископа, услышав о сем, отправились к нему в дом; они застали его учащим собравшихся к нему верующих и рассказали ему все, что слышали в народе, который хочет идти к его дому и схватить его, как злодея.

Услышав сие, верующие устрашились и молили своего пастыря выйти из дома и скрыться где-нибудь на время, пока не прекратится волнение народное. Святой же без страха сказал им в ответ:

– Господь повелел Своим апостолам, чтобы они с дерзновением безбоязненно проповедовали всем народам слово спасения: так мне ли бояться людей, восставших против меня и ищущих моей души за мою ревность о Боге моем? Если я и могу скрыться от рук человеческих, то как могу я избежать руки Божией? Какое место может укрыть меня от Него? Поистине говорю вам, братия, не пристало нам бояться и скрываться, когда нам помогает Сам Господь, хранитель жизни нашей; пострадать за Него есть благо, и смерть за Него слаще всякой благополучной жизни.

Сказав сие, святой вышел из своего дома и отправился в самую средину города, а верующие следовали за ним. Придя на то место, где, обыкновенно, собирался народ, и воссев на возвышении, Аверкий стал поучать бывших там людей, чтобы они познали истинного Бога, поняли прелесть бесовскую и ложность богов своих, и отказались от идолослужения; он умолял, чтобы они верно служили Единому Богу, в вышних живущему, Создателю всего мира. Тогда некоторые из язычников отправились к начальникам городским и к народу, собравшемуся при храме Аполлона и негодующему на ниспровержение идолов, и возвестили, что Аверкий среди города поучает людей вере Христовой. Услышав о сем, все еще более разгневались на Аверкия, который не только сокрушил

идолов их, но даже дерзнул явно пред всеми проповедовать свою христианскую веру. Вышедши из храма, они со страшным гневом пошли туда, где находился святой, чтобы тотчас убить его. Среди народа находились три отрока, которые с давнего времени были одержимы бесами. Когда народ стал приближаться к святому, юноши действием бесов вдруг пришли в исступление и, испуская страшный вопль, привели всех в ужас.

Разодрав на себе одежду, они стали терзать зубами свое собственное тело и грызть свои руки. Упав на землю, они катались, извергая пену и беспрестанно кричали ужасным голосом:

– Аверкий, заклинаем тебя единым истинным Богом, Коего ты проповедуешь, не мучь нас прежде времени.

При виде такого ужасного явления, народ пришел в трепет, глядя на лютое мучение тех юношей и слыша их страшный вопль. Позабыв зачем пришли, они с недоумением ожидали, что будет дальше и что сотворит с юношами Аверкий, которого бесы просят оставить их в покое. Святой же стал молиться:

– Отче возлюбленного Сына Своего Иисуса, Ты отпускаешь нам грехи, хотя бы их было у нас бесчисленное множество, Ты подаешь нам все, чего мы ни попросим у Тебя на пользу, – Тебя ныне прошу и молю я, – огради юношей этих от бесовского нападения, чтобы они потом шли путем Твоих заповедей, последуя святой воле Твоей. Увидя чудесное знамение, которое Ты совершишь над ними, многие уверуют в Тебя, Единого всесильного Бога, – и познают, что нет другого, кроме Тебя.

Помолившись так, святой обратился к юношам, коих мучили бесы, и, ударяя их слегка по голове жезлом, который держал в своих руках, сказал:

– Именем Христа моего повелеваю вам, бесы, – выйдите из юношей, не причиняя им ни малейшего вреда.

Возопив ужасным голосом, бесы вышли из юношей, лежащих на земле подобно мертвецам.

Взяв каждого из них за руку, святой Аверкий поднял с земли. Они тотчас сделались совершенно здоровыми и, припав к святому, лобызали честные его ноги.

Когда народ увидел сие, то забыл о своей ярости и возопил:

– Един истинный Бог, Коего проповедует Аверкий! Затем стали спрашивать и самого святого:

– Скажи нам, человек Божий, примет ли нас твой Бог, если мы обратимся к Нему, простит ли Он бесчисленные грехи наши? Научи нас, как нам веровать в Него!

Отверзши уста свои, святой Аверкий начал учить людей Богопознанию и продолжал наставление даже до девятого часа дня; приказал он также принести к себе всех недужных и исцелил их, призывая имя Иисуса Христа и возлагая на них свои руки. Услышав его учение и увидя чудеса, все люди уверовали в Господа Иисуса Христа и просили Аверкия, чтобы он сподобил их святого крещения. Так как уже был вечер, то святой отложил крещение их до утра, повелев всем готовиться к принятию святого таинства. Когда утром на другой день собрался народ, он повел всех к церкви и снова поучал их; затем, сотворив обычные молитвы, крестил в тот день 500 мужей. И в течение немногих дней не только Иераполь, но и другие окрестные города и деревни, он привел в Христову веру и крещением соединил с Богом. И пронеслась о нем слава повсюду. Много больных из различных и отдаленных стран приходили к нему и получали они сугубое исцеление – тела и души.

Одна знатная женщина, по имени Фриелла, мать Евксениана Поплиона, проконсула восточного, будучи слепой и слыша о том, что Аверкий исцеляет много различных болезней, велела вести себя к святому мужу. Она застала Аверкия учащим народ и, припав к ногам его, просила святого, чтобы он отверз ее потерявшие зрение очи. Заботясь прежде всего о просвещении душевных очей Фриеллы, святой спросил ее, верует ли она во Христа, Который отверз очи слепорожденному? Когда Фриелла дала обет уверовать и проливала обильные слезы на ноги Аверкия, святой, помолясь Богу, прикоснулся к ее очам и сказал:

– Свете истинный, Иисусе Христе, прииди и отверзи очи рабы Твоей!

Тотчас Фриелле возвратилось зрение, и она восприняла крещение от святого.

Крестившись, она вручила святому половину своего имения, чтобы он раздал нищим и, получив наставление от него, возвратилась к себе. Сын ее, проконсул Евксениан Поплион, видя мать прозревшею и узнав, что ей отверз очи своими молитвами святой Аверкий, захотел видеть его и воздать ему благодарность за исцеление своей матери. Святой же научил Евксениана вере и обратил его ко Христу.

После этого три других женщины, также пораженные слепотою, приступили к святому и, поклонившись ему, сказали:

– И мы веруем в Иисуса Христа, Коего ты проповедуешь; поэтому мы молим тебя, отверзи и нам очи, подобно тому, как отверз ты их Фриелле.

Святой же отвечал на это:

– Если вы действительно веруете в истинного Бога, как утверждаете, то увидите свет Его.

Сказав сие, святой возвел очи свои к небу и стал молиться. Во время молитвы святого с небес снисшел луч неизреченного света, превосходивший сияние солнца, и озарил то место, где стоял на молитве святой Аверкий. Все, бывшие там, не могли перенести сей неизреченный свет, пали на землю и только три слепые женщины стояли неподвижно. Когда луч коснулся очей слепых женщин, они прозрели и блистание небесного света прекратилось.

Святой спросил прозревших:

– Что увидели вы прежде всего, когда вернулось вам зрение?

Тогда первая сказала:

– Я видела Ветхого деньми[6888], Который прикоснулся к очам моим.

Другая сказала:

– Видела я прекраснейшего Юношу, Который дотронулся до моих очей.

– А я видела, – воскликнула третья, – что очей моих коснулся пресветлый Отрок.

Услышав сие, святой и все, бывшие с ним, прославили Бога, Единого в Троице, творящего дивные и преславные чудеса.

Затем Аверкий, узнав, что и в соседних городах и селениях находится много страдающих различными недугами, отправился туда с своими учениками и, подражая Господу своему, обходил города и селения, уча людей о царствии Божием и исцеляя больных. Придя в одну местность, расположенную при реке, называемую Селище, он преклонил колена и так стал молиться:

– Господи щедрый, услыши меня, раба Твоего, ниспошли благодать сему месту, да истечет здесь источник теплых вод, чтобы обмывающиеся в нем получали исцеление от всякого недуга и язвы.

Когда он окончил свою молитву, вдруг, при ясном небе, загремел гром; все находящееся там ужаснулись, когда после громового удара забил источник теплых вод на том самом месте, где возносил молитву коленопреклоненный Аверкий. Тогда святой повелел людям, бывшим с ним, копать глубокие рвы, где могли бы собираться теплые воды, в коих он всем больным приказал омыться, – и всякий, погружавшийся в те воды получал исцеление по молитвам святого.

Однажды диавол, желая искусить Аверкия, принял на себя вид женщины и приступил к святому, прося у него благословения. Взглянув на лицо беса, святой хотел отвернуться от него, но в это время задел правою ногою за камень и повредил ее так, что на голени образовалась язва. Перенося сильную боль, святой стоял, не издавая ни одного стона и лишь держался рукою за то место, где была язва. Диавол рассмеялся и, приняв свой обычный вид, сказал святому:

– Не считай меня одним из тех ничтожных и незначительных бесов, которых ты изгонял, я – старейшина их; и вот ты принял от меня язву: исцеляя других от болезни, ты сам ныне болен.

Сказав сие, диавол вошел в одного юношу, который стоял около святого, и начал мучить его. Святой же Аверкий,

помолившись Богу, запретил бесу и изгнал его из юноши. Выйдя из юноши, бес возопил:

– Много зла творишь ты мне, Аверкий, и не даешь мне здесь мирно жить; постараюсь отомстить тебе и заставлю тебя под старость идти в Рим.

Возвратившись в дом свой, святой семь дней не вкушал пищи и пития, но пребывал в посте и всенощных молитвах, Аверкий молил Бога, чтобы Он не попустил врагу заставить его идти, куда только захочет бес. В седьмую ночь Господь явился святому в видении и сказал:

– Моим промышлением, Аверкий, ты будешь в Риме, чтобы и там познали имя Мое. Итак, не бойся, ибо благодать Моя с тобою будет.

Это видение укрепило Аверкия, и он рассказал братии, что слышал от явившегося ему Господа. Вскоре после этого бес, который хвалился заставить Аверкия прийти в Рим, начал хитро приводить в исполнение свое намерение.

В то время властитель Римский Марк Аврелий сделал своим соправителем Луция Вера и обручил с ним дочь свою Лукиллу. Но еще не успело состояться брачное торжество, как бес вошел в девицу и стал ее мучить. Опечаленные болезнью девицы, отец ее и жених собрали со всей своей земли опытных врачей, волхвов и жрецов, всячески стараясь излечить Лукиллу. Старания их не только не увенчались успехом, но девице с каждым днем становилось все хуже и хуже. А бес начал кричать в ней:

– Никто не может изгнать меня отсюда, кроме Аверкия, епископа Иерапольского.

Лишь только услыхал об этом отец девицы, император Марк Аврелий тотчас послал в Евксениану Поплиону, восточному своему проконсулу[6889], послание следующего содержания:

– Нашему владычеству стало известно, что в подвластной тебе области находится некто Аверкий, епископ Иерапольский; муж столь сильный в христианской вере, что может и бесов изгонять и исцелять разные болезни. Так как он нужен нам, то мы посылаем двух сановников наших, Валерия и Вассиана,

чтобы они с подобающей честью привели его к нам; тебе же мы повелеваем склонить его прийти к нам, за что немалая награда будет тебе от нас.

Получив такое послание от царя, проконсул отправился к Аверкию и стал уговаривать его идти в Рим с царскими посланниками. Аверкий, вспомнив, что бес хвалился заставить его предпринять на старости трудное путешествие в Рим, подумал про себя:

– Хотя ты, противник людей, и постарался привести в исполнение то, что ты в гордости своей обещался сделать мне, однако, ты не возвеселишься; я твердо уповаю на Бога и надеюсь, что не напрасно придется трудиться мне в старости, но там уничтожу я твою гордость силою Христа моего, Который в видении обещал мне Свою благодать.

Приготовив все, что было нужно для путешествия, святой отправился в путь, призывая на помощь Всесильного Бога. А приготовление его к путешествию состояло в следующем: Он взял немного хлеба и в один кожаный мех влил вино, масло, уксус и воду, и сделал так, чтобы эти жидкости не смешались между собою. Когда во время дороги ему нужно было вино, то текло из меха одно только вино; когда ему требовался уксус, лился один уксус, нужна ли ему вода, текла она одна; так каждая жидкость вытекала в отдельности, несмотря на то, что все они были вместе в одном и том же мехе. Однажды ученик святого без благословения его хотел нацедить себе чашу вина, и вот потекли сразу все жидкости: и вино, и масло, и уксус, и вода, так что невозможно было вкусить ему этой смеси; в ужасе он исповедал свой грех святому, просил у него прощения, и тогда, по благословению блаженного, каждая жидкость стала истекать снова отдельно.

Когда святой Аверкий прибыл в Рим, император вместе с женою своею Фаустиной принял его с честью и отвел к дочери своей, которую мучил бес. Последний, увидев, что пришел святой Аверкий, засмеялся и сказал:

– Разве не говорил я тебе, Аверкий, что отомщу тебе за мое поругание и на старости заставлю тебя прийти в Рим?

– Да, это действительно так, – сказал святой, – но не на радость тебе будет сие, проклятый диавол.

И велел святой вывести девицу из палаты наружу. Когда ее вели, бес препятствовал, не желая идти, но девицу все-таки повели силою; тогда диавол стал бросать ее на землю и бить, святой же Аверкий, устремив взор свой к небу, усердно молился Господу об исцелении страждущей отроковицы. Тогда бес начал кричать:

– Заклинаю тебя Христом твоим, не посылай меня ни в бездну, ни в какое другое место, но дай мне возвратиться туда, где был я до сего времени.

Святой отвечал ему:

– К отцу твоему, сатане, пойдешь ты, дух злобы, но так как ты потревожил меня, старца, и заставил прийти сюда, то и ты не избегнешь труда и не вернешься отсюда пустым; вот лежит камень – (перед дворцом был камень таких громадных размеров, что множество народа лишь с большим трудом могло бы сдвинуть его на небольшое расстояние; на этот-то камень и указал святой), повелеваю тебе именем Господа моего Иисуса Христа, отнеси сей камень на мою родину, в Иераполь, и положи его около южных врат.

И вот диавол, как раб и пленник, связанный клятвою вышел из царской дочери, взял тот камень и с тяжким стоном понес его по воздуху через ипподром[6890]. Все, бывшие там, люди с удивлением видели камень, двигавшийся по воздуху и слышали великий стон диавола, но самого его видеть они не могли. Отнеся камень в Иераполь, диавол положил его на том месте, где ему приказал святой Аверкий; жители же Иераполя, видя громадный камень, внезапно упавший с воздуха, были весьма поражены, и поняли сию тайну лишь тогда, когда к ним возвратился святой Аверкий.

Освободившись от злого мучителя, царская дочь, однако, не могла подняться с земли и лежала, не издавая ни одного звука, у ног Аверкия. Видя сие, мать ее, царица Фавстина, подумала, что дочь ее скончалась, и начала плакать, но святой простер свою руку и воздвиг девицу живою, здоровою и в полном разуме. Тогда родители девицы предались великой

радости и ликовал дом царский по поводу исцеления царевны. Родители ее послали радостное известие и к зятю своему Луцию Веру, который был в то время в походе против парфян[6891], сообщая ему о выздоровлении невесты. Святому же они предложили богатые подарки и обещали дать ему все, чего бы он ни попросил. Но Аверкий не взял ни золота, ни серебра, ни какого-либо имения, говоря:

– Не нужно богатство тому, для кого хлеб и вода то же, что царский обед и пир великий.

Просил он только двух вещей: во-первых, чтобы в Иераполе бедным раздавалось ежегодно из податей, взимаемых для царя, по три тысячи мер пшеницы, а во-вторых, чтобы царь приказал построить на средства своей казны бани при источнике теплых вод, который святой извел молитвою из недр земли на исцеление больным. Царь с радостью обещался исполнить сии просьбы святого и дал ему для этого письменное свидетельство.

Когда святой оставался после этого в Риме еще некоторое время, утверждая в вере церковь Христову, ему в видении явился Христос и сказал:

– Подобает тебе, Аверкий, быть в Сирии и там проповедовать имя Мое, утвердить Мои церкви и исцелить множество болящих.

После этого видения Аверкий просил царя, чтобы он отпустил его; тот же не соглашался на его просьбу, боясь, как бы бес в отсутствие святого снова не вошел в его дочь. Святой увещал его оставить свой страх, уверяя, что бес не может возвратиться; только тогда, и то с неохотой, отпустил царь святого.

Сев на корабль, Аверкий отплыл в Сирийскую область; сперва посетил он Антиохию, затем отправился в Апамею[6892] и в другие окружные города, восстановляя мир в церквах, потрясенных ересью маркионитов[6893]. Переправившись через Евфрат, святой посетил церкви в Низибии[6894] и во всей Месопотамии, оттуда он отправился в Киликию[6895] и Писидию[6896], посетил также Синад[6897], митрополию Фригийскую. Во всех тех областях и городах он принес Церкви великую

пользу, многих неверных обратил в веру Христову, посрамил и заставил удалиться еретиков, верных утвердил в вере, заблудших наставил на путь истины, изгнал из многих людей нечистых духов, исцелил весьма многих, страдавших различными болезнями. Все стали называть его равноапостольным, ибо никто, кроме апостолов, не обошел так много стран и городов. Так святитель распространил славу Христа Бога и много послужил людям на их спасение и просвещение. После этого он возвратился в Иераполь.

Жители Иераполя, услышав, что святитель их возвращается к ним и находится уже недалеко от города, все, от мала до велика, с женами и детьми, устремились навстречу ему, и с величайшею радостью, припадая к нему, как дети к отцу, принимали у него благословение, получить которое уже давно желали.

Войдя в город, Аверкий отправился в церковь и, воссев на свой престол, преподал всем мир и стал поучать народ.

И все радовались возвращению святого мужа, особенно же были утешены убогие и бедные, так как Аверкий принес с собою царский указ, повелевающий выдавать им каждый год по три тысячи мер пшеницы из царских податей. И выдавалась сия пшеница до времени Юлиана Отступника, который отменил указ и отобрал назад грамоту. По заботам святого, царским повелением, выстроены были также и бани при источнике теплых вод.

Остальные годы жизни своей святой Аверкий провел в преподобии и правде, разумно управляя своею паствою. О своей кончине он был извещен заранее: в видении ему явился Господь и сказал:

– Аверкий, уже приблизилось время почить тебе от трудов твоих.

После этого Аверкий собрал всю свою паству и, возвестив, что скоро окончится жизнь его, стал по обычаю поучать всех, умоляя слушателей своих, чтобы они всегда были непоколебимы в вере, не отчаивались в надежде и нелицемерно любили друг друга. Затем, приготовив себе гроб и подав всем в последний раз свое пастырское благословение, он

предал Господу святую свою душу. Так окончил свое земное поприще святой равноапостольный Аверкий на 73 году жизни[6898]. Оплакав его, жители Иераполя благоговейно погребли его честное тело и возложили с большим трудом на могилу святого тот камень, который некогда повелением святого принесен был из Рима. И по молитвам святого много подавалось исцелений, как от его гроба, так и от источника теплых вод, изведенного его молитвами, коими и нам Господь да подаст Свою милость вовеки. Аминь.

Кондак, глас 8:

Яко священника превеликаго, и апостолов совсельника, церковь почитает тя вся верных, Аверкие: юже твоими молитвами соблюдай блаженне, непобедиму и необуреваему от всякия ереси, и нескверну, яко приснопамятный.

Память святых мучеников Александра епископа, Ираклия воина и четырех жен: Анны, Елисаветы, Феодотии и Гликерии

Память 22 октября

Святой Александр многих обратил и крестил в веру Христову. Он был взят игемоном и, понуждаемый принести жертву идолам, претерпел много мучений, но не повиновался. Видя его терпение, воин Ираклий уверовал во Христа и, после жестоких мучений, был усечен мечом. Святой же Александр, благодатью Божиею, был внезапно исцелен от ран. После того он обратил ко Христу четырех женщин: Анну, Елисавету, Феодотию и Гликерию, которые также предстали пред игемоном и за обличение суетности идолов были усечены мечом. После всех скончался от усечения же мечом и святой Александр и предал свою святую и блаженную душу Господу[6899].

Память преподобных Феодора и Павла Ростовских[6900], основателей Борисоглебского монастыря

Память 22 октября

В княжение великого князя Димитрия Донского, при князе Ростовском Константине Васильевиче[6901], из Новгородской области пришел в пределы древнего города Ростова Великого инок Феодор, неизвестно где родившийся и где принявший пострижение.

По дороге, ведущей из Каргополя и с Бела-озера в Ростов и Москву, он остановился в темном лесу при реке Устье, верстах в осмнадцати от Ростова. Поставив себе в лесу шалаш из древесных ветвей, он остался здесь на жительство. У проезжей дороги на дереве он повесил сделанный из древесной коры кузов, и прохожие и проезжие, догадываясь, что тут живет пустынник, стали класть в него то хлеб, то овощи и другую милостыню. Пустынник, невидимый никем, тайно вынимал милостыню и делил ее с нищею братиею; проведавши о сем, из многих селений стали приходить к пустыннику за милостыней, и он делился всем, что находил в повешенном кузове.

Через некоторое время пришел к нему брат по иночеству, именем Павел, и, с радостью принятый Феодором, поселился с ним вместе в пустыне.

В первое время княжения великого князя Димитрия Иоанновича, при митрополите всея Руси Алексии, при том же Ростовском князе Константине и при Ростовском епископе Игнатии[6902], преподобный Сергий Радонежский приходил в Ростов на поклонение Пресвятой Богородице в соборной церкви и Ростовским чудотворцам[6903]. Узнавши об этом, пустынники Феодор и Павел отправились в Ростов, просили у князя и епископа разрешения воздвигнуть в своей пустыне церковь и устроить монастырь, а преподобного Сергия умоляли, чтобы он присмотрел место, где поставить им церковь, и благословил его.

Преподобный Сергий исполнил их просьбу и отправился с ними в их пустыню. Долго ходили они по пустыне. Феодор и

Павел указывали то на одно место, то на другое; преподобный Сергий все осмотрел тщательно, наконец, остановился на том месте, где теперь находится монастырь, и благословил поставить здесь церковь во имя великих страстотерпцев Бориса и Глеба и сказал пустынникам:

– Призрит Господь Бог и Пречистая Богородица на место сие, и великие страстотерпцы Христовы в помощь вам будут. И сие место весьма обстроится и в будущие времена превозносимо будет на ряду с большими лаврами.

Преподав пустынникам мир и благословение, преподобный Сергий отправился в обратный путь.

Преподобные отшельники принялись вырубать лес и очищать то место, которое благословил преподобный Сергий для построения храма. Однажды, во время отдохновения от трудов, в тонком сне, явились Феодору и Павлу два светлые воина, вооруженные и украшенные царскими багряницами, и сказали:

– Трудитесь на сем месте: Бог и Пречистая Богородица не оставят места сего, и мы неотступно будем на сем месте на помощь вам и тем, кто после вас будет устраивать место сие.

Преподобные припали к ногам их и сказали:

– Кто вы, господа наши?

Но воины вдруг стали невидимы, только слышен был голос, назвавший одного Романом, а другого Давидом[6904].

Пришедши в себя от великого страха и ужаса, оба пустынника стали ободрять друг друга и в одних и тех же словах рассказывать, что они видели и слышали во сне.

После того они с новым рвением стали трудиться и подвизаться над устроением места.

И начали собираться к ним братия и мирские люди – плотники на помощь делу.

В скором времени братия умножилась и все стали умолять Феодора, чтобы он был их игуменом. Так и совершилось.

С Божиею помощью, обитель продолжала строиться, и многие христолюбцы, оставляя все мирские блага, искали здесь иноческого жития. Преподобный Феодор принимал их с радостью и причислял к братии.

Многие вельможи из Ростовской области стали завещать чтобы их погребли в Борисоглебской обители, и дарствовать ей на поминовение души вотчины свои, села, деревни и пожни.

Благодаря этому, усилились средства монастыря, и преподобный Феодор еще более стал трудиться над его устройством и собиранием братии. Он воздвиг для общей соборной молитвы теплую церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Много лет, милостью Божиею, заступлением Пресвятой Богородицы и помощью Христовых страстотерпцев Бориса и Глеба, подвизался преподобный Феодор в устроении обители: он воздвиг церкви, поставил кельи, все устроив по монастырскому чину, приобрел монастырю нивы и пашни, устроил на службу обители много людей и приобрел довольно скота.

Не взирая на свою старость, он продолжал трудиться, и заботиться о благе монастыря: не давая себе покоя, он задумал отправиться на поиски удобного для рыбной ловли места на нужды монастыря.

Вручив обитель Господу Богу и Пречистой Богородице, имея заступников, великих Христовых страстотерпцев Бориса и Глеба, и поручив управление обителью и братиею своему спостнику и брату о Христе Павлу, отправился Феодор в Вологодские места, взяв двух иноков из своих учеников.

Там нашел он место, называемое Святая Лука. Обошедши это место и убедившись, что оно удобно для монастырского строения, он хотел занять себе займище и поставил одну небольшую церковь.

Узнали об этом окрестные жители, еще непросвещенные тогда инородцы Чудского племени, и изгнали оттуда преподобного труженика.

Изгнанный подвижник пошел далее, молясь за творящих ему зло и утешая своих учеников: «Не скорбите, братие: «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах» (Пс.45:2): Господь сказал Своим ученикам: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф.10:23)".

Прошедши многие пустынные места, как искусный охотник, желающий найти, что ему нужно, преподобный Феодор отправился в Белозерские края и, обошедши по пустыням вокруг всего Белого озера, нашел прекрасное место, удобное для монастырского строения, по ту сторону Белого озера: новопашенные места, починки при устье реки Ковжи[6905].

Белое озеро принадлежало тогда удельному князю Андрею Димитриевичу, сыну Димитрия Иоанновича Донского. Присмотрев такое удобное место, преподобный Феодор, возложив надежду на Всесильного Бога и имея помощницею Пречистую Богородицу отправился в царствующий город Москву, бил челом и молил удельного князя Андрея Димитриевича Можайского и Белоозерского, чтобы пожаловал, дал ему облюбованное место для построения церкви во имя Николая чудотворца и монастыря. И, по милости Божией, просьба его исполнилась: князь Андрей Димитриевич дал преподобному грамоту на починки и на пожни и на рыбные ловли.

Получив жалованные грамоты, преподобный Феодор возвратился в свой Борисоглебский монастырь.

Здесь он возложил обязанности игуменства на своего спостника Павла. Вручив покровительству Пресвятой Богородицы и заступничеству страстотерпцев Бориса и Глеба монастырь и игумена с братиею, преподобный Феодор отправился снова на Белоозеро, чтобы созидать здесь новый монастырь.

Пришедши на избранное прежде место, преподобный неутомимо трудился сначала над постройкой храма во имя святителя Николая Чудотворца, а потом возводил и монастырские постройки.

Узнав о трудах преподобного, окрестные православные жители стали стекаться к старцу за благословением, а иные и для того, чтобы принять иноческое пострижение. Старец Феодор принимал всех с радостью.

Преподобный прожил здесь немало лет, воздвиг храм, устроил монастырь, собрал братию, поставил ей игумена и, находясь уже в глубокой старости, прозрев приближение своей

кончины, отправился в свой первый монастырь – Борисоглебский.

Здесь старец Феодор с великою радостью был встречен игуменом Павлом и братиею, и все духовно и телесно веселились и благодарили Бога и Пресвятую Богородицу за успех трудов старца.

Преподобный Феодор распорядился, чтобы Никольский монастырь был присоединен к Борисоглебскому, и чтобы возлюбленный брат его, Борисоглебский игумен Павел, руководил игуменом, братиею и строением новосозданного монастыря[6906].

После всех этих подвигов и распоряжений, через недолгое время, преподобный основатель Борисоглебского монастыря почил с миром 22 октября 1409 года. Преподобный игумен Павел с братиею оплакали усопшего и с честью погребли тело его.

После кончины Феодора, оставшийся в живых сотрудник его Павел еще более стал трудиться и пещись об обоих монастырях и, дожив также до глубокой старости, в добром исповедании отошел к Господу.

Пророческие слова преподобного Сергия, благословившего основание Борисоглебского монастыря и предрекшего его расширение, сбылись в точности. После смерти основателей, преподобных Феодора и Павла, преемники их, Борисоглебские игумены, продолжали усердно заботиться о благе монастыря, который постепенно стал приобретать широкую известность. При третьем преемнике преподобного Павла, игумене Ионе, и четвертом – Питириме, особенное усердие к обители показал благоверный и христолюбивый великий князь Василий Васильевич Темный[6907] и благочестивая мать его, княгиня София; издано было ими в пользу монастыря несколько жалованных грамот[6908], и великий князь Василий Васильевич стал монастырь этот звать своим монастырем. Сей игумен Питирим крестил у великого князя Василия Васильевича сына его Ивана[6909].

Особенно прославился своими подвигами и трудами на благо монастыря десятый преемник Павла, игумен Феофил,

управлявший монастырем, как игумен и строитель, тридцать лет.

По повелению великого князя Василия Ивановича[6910] и по благословению Ростовского архиепископа Иоанна[6911], вместо деревянных храмов и прочих монастырских строений, он стал возводить каменные. 1522 года июня в 18 день заложена была каменная церковь святых Бориса и Глеба и освящена 22 сентября 1524 года тем же архиепископом Иоанном, который в том же году июня 8-ого благословил закладку теплой церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Эта церковь освящена была архиепископом Ростовским и Ярославским Кириллом[6912] в 1527 году октября в 7-й день.

При этих дорогих и трудных постройках ревностный строитель Феофил испытывал немало затруднений, но, при помощи Божией и заступничестве Пресвятой Богородицы и покровителей обители святых страстотерпцев Бориса и Глеба, все эти препятствия он благополучно преодолевал. Древний повествователь об основании и дальнейшей судьбе Борисоглебского монастыря рассказывает следующее чудо.

Возводя каменные постройки, игумен Феофил стал ощущать крайний недостаток в извести: ее приходилось привозить издалека и трудным путем, именно приходилось отправлять за известью суда по Устью, Которости и Волге в Плесо (около г. Костромы), откуда подъем вверх по этим рекам очень труден и не близок. Находясь в такой нужде, Феофил бьет челом великому князю Василию Ивановичу о разрешении свободно, без пошлин, искать игумену месторождения извести на ближайших землях, как монастырских, так и княжеских и боярских. Великий князь выдал жалованную грамоту на свободное добывание извести повсеместно в уездах Ростовском и Переяславском. Игумен Феофил всюду посылает разведчиков, но успеха не достигает. Опечаленный, он возносит усердные молитвы Господу Богу и заступнице Пресвятой Богородице и святым помощникам Борису и Глебу.

И вот однажды, когда Феофил стоял в своей келье и обычном вечернем правиле и несколько забылся и задремал,

предстали ему два светлые Христовы воина, страстотерпцы Борис и Глеб, и сказали:

– Не скорби об извести: Пречистая даст тебе известь в домовой нашей вотчине, близ монастыря, и постройка каменных зданий в обители Пречистой Богородицы и нашей не прекратится ни при тебе, ни после тебя, и мы в помощь к монастырскому строению будем.

И с этими словами они стали невидимы.

Через три дня приносит игумену крестьянин из монастырской деревни Кочарки, зобенку камней[6913] и рассказывает, что он нашел их на поле поверх земли. Игумен отсылает камни в печь в хлебню. Когда камни обожгли и принесли показать игумену, то оказалась известь, белая как снег.

Игумен послал разведчиков, и на указанном месте нашлось достаточное количество извести, как для тогдашних построек, так и для последующих, согласно предсказанию[6914].

Кроме этих храмов, при Феофиле и его ближайших преемниках были воздвигнуты кругом монастыря прочные каменные высокие стены со многими башнями и с двумя воротами со сторон Ростова и Углича, над которыми устроены каменные же церкви во имя преподобного Сергия и Сретения Господня. Все сии величественные и красивые строения существуют и в настоящее время.

В соборном храме во имя благоверных князей Бориса и Глеба, в северо-западном углу, почивают под спудом мощи основателей монастыря, преподобных Феодора и Павла.

По примеру своего отца, великого князя Василия Иоанновича, показывал великое усердие к сему монастырю и сын его, царь Иоанн Васильевич, сам посещал его и делал богатые вклады селами, деревнями, деньгами и дорогими вещами на поминовение[6915].

В конце шестнадцатого и начале семнадцатого столетия прославился и прославил сей монастырь своими подвигами преподобный Иринарх, особенно в годину смуты, когда этому монастырю, как и другим окружным, грозила опасность разорения от Польско-Литовских хищных отрядов. Мощи сего

угодника почивают под спудом в юго-западном приделе соборного храма[6916].

Житие и страдание святого Апостола Иакова, брата Господня по плоти

Память 23 октября

Святой Иаков был сыном праведного Иосифа, которому была обручена Пречистая Дева[6917]. От юности своей возлюбил он строгое житие: никогда не вкушал он различных брашен, не употреблял масла, но один только хлеб служил ему пищею; также никогда он не пил ни вина, ни другого какого-либо хмельного напитка, но утолял жажду водой; не посещал он и бани, – словом, отвергал все, что доставляло телу удовольствие; на теле своем он постоянно носил грубую власяницу; все ночи посвящал он молитве, забываясь сном лишь на короткое время; от частых земных поклонов кожа на коленах у него загрубела наподобие верблюжьей. Чистоту девства своего Иаков соблюдал до конца своей жизни[6918].

О том, почему он называется братом Божиим, дошло до нас такое предание. Когда отец его Иосиф разделял землю между своими детьми от первой жены, он захотел дать также некоторую часть и Господу Иисусу Христу, родившемуся от Пречистой Девы, обрученной Иосифу; все сыновья Иосифа воспротивились сему желанию их отца; один лишь Иаков принял Иисуса Христа (тогда еще малого отрока) в совместное владение своею частью, почему и стал называться братом Господним. Название сие было дано Иакову также и по следующему случаю. Когда Господь наш Иисус Христос воплотился, и Пречистая Дева Богородица бежала с Ним в Египет, тогда и Иаков бежал вместе с ними, сопутствуя Пречистой Богородице и святому Иосифу, отцу своему.

Когда Иисус Христос достиг совершеннолетнего возраста и учил народ о царствии Божием, являя себя истинным Мессиею, святой Иаков уверовал в Него и, внимая Его Божественному учению, еще сильнее воспламенился любовью к Богу и стал вести жизнь еще более строгую и благочестивую. И Господь особенно возлюбил святого Иакова. Так, после добровольного Своего страдания и воскресения из мертвых Христос явился

особо от других апостолов Иакову, брату Своему по плоти, как об этом упоминает апостол Павел, говоря:

– Потом же явися Иакову, таже апостолам всем (1Кор.15:7)[6919].

Видя праведное и Богоугодное житие Иакова, все нарекли Иакова праведным, – и он причтен был к числу семидесяти апостолов. Ему была вверена новопросвещенная церковь Иерусалимская[6920]. Руководимый Святым Духом, Иаков первый составил и написал чин Божественной литургии, – который затем сократили, ради немощи человеческой, сначала – Василий Великий, а затем – Иоанн Златоуст[6921]. Пася в Иерусалиме стадо Христово, святой многих Иудеев и эллинов своим учением обратил к Богу и наставил на правый путь. От него осталось также соборное послание к двенадцати коленам Израилевым, – источник воистину богодухновенного и душеполезного учения, коим украшается вся Церковь Христова, поучаясь вере и добрым делам[6922]. Все не только верующие[6923], но даже и неверные относились к святому Иакову с великим уважением и почтением за его добродетельную жизнь: первосвященники, кои сами только раз в год входили во Святая Святых[6924] для совершения службы, не препятствовали праведнику входить туда и молиться. Видя чистоту его непорочной жизни, они даже и имя ему изменили, а именно: стали именовать его Обли или Офли[6925], что значит: «ограда, утверждение людям», или же называли его праведнейшим из всех. Часто не только днем, но даже и ночью Иаков входил во Святая Святых и здесь, падая ниц, со слезами приносил Господу молитвы за весь мир. Весь народ любил Иакова, ради его святости; многие из старейшин иудейских уверовали в учение, которое он проповедовал, и все наслаждались, слушая его; много народа собиралось к нему: одни – желая услышать его поучение, другие – коснуться края его одежды. В это время архиереем Иудейским сделался Анания[6926]. Видя, что весь народ внимательно слушает учение Иакова, и многие обращаются ко Христу, Анания с книжниками и фарисеями, из зависти к святому, гневались на него и, затаив в сердце своем злобу, стали помышлять, как бы убить его. И сговорились они

просить святого, чтобы он своим поучением отвратил людей от Христа; при этом они решили, если он не согласится сделать это, убить его.

Между тем приближался праздник Пасхи, и множество народа стекалось отовсюду в Иерусалим, чтобы там встретить сей праздник.

Фест, проконсул, избавивший апостола Павла от рук евреев[6927] и пославший его в Рим, тогда уже умер, а преемника ему еще не присылали из Рима. Воспользовавшись сим, книжники и фарисеи обратились в храме с такой просьбой к Иакову:

– Умоляем тебя, праведный человек, чтобы ты в день праздника Пасхи, на который собралось отовсюду множество народа, произнес ему поучение; убеди их, что они заблуждаются, считая Иисуса Сыном Божиим, и уговори их отказаться от ложного своего мнения. Мы все почитаем тебя, внимаем тебе, – как и весь народ; все мы твердо убеждены в том, что ты говоришь одну только истину и не взираешь на лица; так уговори же народ, чтобы он не прельщался Распятым Иисусом; молим тебя – стань на высокой кровле храма, чтобы всем можно было видеть и слышать тебя, ибо на праздник собралось – ты сам видишь – много людей, как из евреев, так и из других народов.

После этих слов они возвели его на крышу храма и громко закричали:

– О праведник! Тебе все мы должны верить. Народ сей заблуждается, последуя Распятому Иисусу; поэтому скажи нам по истине, что думаешь сам ты о Христе?

На сие святой ответил громким голосом:

– Что спрашиваете вы меня о Сыне Человеческом, Который добровольно потерпел страдание, был распят, погребен и на третий день воскрес из мертвых? Он ныне сидит на небесах одесную Вышняго и снова приидет на облаках небесных судить живых и мертвых.

Слыша такое свидетельство Иакова о Иисусе Христе, народ весьма возрадовался, и все в один голос воскликнули:

– Слава Богу! Осанна Сыну Давидову!

Фарисеи же и книжники сказали:

– Неосмотрительно поступили мы, позволив Иакову говорить о Иисусе, ибо народ пришел еще в большее смущение.

И вот, в злобе и ярости, они свергли с кровли храма Иакова на страх всем, чтобы не верил народ словам святого.

– И праведник прельстился, – кричали они.

Упав с крыши храма, Иаков сильно разбился; еле живой, праведник стал на колени и, подняв свои руки к небу, так молился:

– Господи! Отпусти им грех сей, ибо они не ведают, что творят.

Фарисеи же стали бросать камни в святого, которые причиняли ему раны. Один человек из рода Рихавова воскликнул:

– Остановитесь, что вы делаете? Праведник молится за вас, а вы побиваете его камнями.

В это время один человек с белильным вальком в руках бросился на святого и с такой силой ударил его по голове, что весь мозг вытек на землю, и в сем мучении Иаков предал дух свой Господу.

Святое тело его погребено было там же около храма, причем верующие горько оплакивали праведника. В течение 30 лет святой был епископом Иерусалимской церкви и на 66 году жизни пострадал за Христа, Коему со Отцем и Святым Духом – честь и слава во веки веков[6928]. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Яко Господень ученик восприял еси, праведне, Евангелие, яко мученик имаши еже неописанное, дерзновение яко брат Божий, еже молитися яко иерарх: моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Отчее единородное Бог Слово, пришедшее к нам в последняя дни, Иакове Божественне: перваго тя показа иерусалимлян пастыря и учителя, и вернаго строителя таинств духовных. Темже тя вси чтим, Апостоле.

Память святого Иакова Боровицкого

Память 23 октября

Нам совершенно неизвестны ни место рождения сего блаженного и праведного Иакова, ни имена его родителей[6929], – все сие скрыто от нас Божиим изволением, чтобы мы знали, что Божии святые ищут не земного, но небесного отечества, не земным своим родом хвалятся, но возвышаются своим сопребыванием с небесными ликами, – не телесным, но духовным своим Отцом, Вездесущим Богом, величаются. Мы знаем, что сей досточудный чудотворец, хотя и имел плотское рождение, но жизнь вел духовную, пламенея сердцем своим к Богу и усердно работая Господу; хотя и он был в вещественном теле, однако, своим невещественным умом беседовал и вместе жил со святыми Ангелами; телом он обитал на земле, но умом своим, просвещенным Боговедением, он предстоял Богу, живущему на небесах; во всем постоянно он являл себя верным рабом Божиим, показывая пример терпения, смиренно перенося нужды, труды, непрестанно подвизаясь в бдении и посте. Когда окончилось странствование блаженного в сей временной, исполненной скорбей, жизни, его праведная душа, украшенная, как невеста, добродетелями, введена была Ангелами Божиими в чертог Спасов, а честное тело его по христианскому обряду было положено в раку.

В области великого Новгорода протекает река Мста[6930], на которой находилось тогда селение Боровичи[6931]. Когда настало время прославиться святому, рака, в которой почивали мощи сего угодника, плывя, повелением Божиим, на льдине против течения вышеназванной реки – это было во вторник светлой недели – пристала около бурного и шумного порога Боровицкого[6932] к берегу недалеко от селения Боровичей. Жители этого селения, усомнившись, не приняли святых мощей великого угодника Божия, и крючьями, прикрепленными к веревкам, оттащили на середину реки. Но чудотворные мощи не оставили людей, оставивших их: снова они возвращаются к ним и снова пристают к тому самому месту, откуда их оттолкнули; но

и тогда живущие там люди не могли заметить дивного чуда, что рака с мощами плыла против течения: они вторично ее отгоняют, и снова лишают себя Богоданного сокровища, отведя мощи обратно; не по злобе они то делали, но по невежеству, так как были грубы и не просвещены учением, поэтому и поступок этот был им прощен. Святые мощи в третий раз приплыли к берегу в том же самом месте. Тогда сам блаженный чудотворец явился во сне честным и благоговейным мужам и сказал:

– Зачем вы, верные служители Христовы, не принимаете меня? Ведь я такой же христианин, как и вы; подобно вам, и я благочестно веровал во Христа во время моей земной жизни. Если вы это делаете лишь потому, что не знаете моего имени, то я открою его вам: я – Иаков, получивший имя сие в честь Иакова, брата Господня.

Мужи сии, пробудившись от сна, почувствовали в сердце своем необычайную радость от слов святого и рассказали всем о видении. И вот все жители того селения поспешно отправились на то место, откуда они дерзновенно оттолкнули святые мощи праведного Иакова и старались увидеть их; найдя их, они возвеселились, благоговейно вынесли их из воды, с честью положили на берегу в той же самой раке, а кругом обнесли деревянным срубом.

Преблагой Бог, прославляя Своего угодника, даровал святым мощам его силу творить дивные чудеса и исцелять различные недуги; видя сие, люди воздавали великое благодарение Всемилостивому Богу, Который ниспослал им такого безмездного врача; прославляли и преподобного чудотворца, исцеляющего всякую болезнь. Желая положить мощи его на более лучшем месте, они отправились к архиепископу великого Новгорода, преосвященному Феодосию, и с умилением рассказали ему о всех чудесах, бывших от раки преподобного; Феодосий в послании к первопрестольному архиерею всей России, митрополиту Макарию, описал все чудеса, о которых он слышал; получив от него в скором времени доброе наставление, Феодосий со тщанием стал расспрашивать о чудесах святого у лиц, которые получили исцеления от своих недугов. Убедившись, что все, сообщенное

ему, было действительно истинно и неложно, архиепископ Феодосий послал Константина, игумена монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы, вместе с священниками и диаконами в Боровицкое селение. Отсюда честные и чудотворные мощи святого праведного Иакова были с честью перенесены в новую церковь Сошествия Святого и Животворящего Духа; здесь они и были положены у южных врат церковных в 23 день месяца октября 1545 года. В сей день и положено было праздновать ежегодно память сего блаженного чудотворца, во славу во Святых прославляемому Христу Богу вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Божественною благодатию просветився, и по смерти даруеши исцеление притекающим к тебе, премудре Иакове: темже и мы ныне чтим честных мощей пренесение, веселяще вкупе души и телеса. Тем вси вопием: слава Давшему ти крепость! Слава Венчавшему тя! Слава Действующему тобою всем исцеления!

Кондак, глас 8:

Верою и любовию твое честное пренесение празднующих, блаженне, сохрани и соблюди от всякия злобы, и соблазна змиина: имаши бо дерзновение ко владыце всех Христу Богу. егоже моли спасти императора православнаго, и люди молящыя тя, да вси вопием ти: радуйся отче Иакове, всея российския земли удобрение.

Память святого Игнатия, патриарха Константинопольского

Память 23 октября

Святой Игнатий был сын императора Михаила Рангава[6933] и императрицы Прокопии, брат Феофила[6934] и внук императора Никифора. Пятнадцатилетним отроком он был заключен в монастырь[6935] и впоследствии сделался игуменом монастыря Архангела, называвшегося сначала восточным, а потом – Сатира. Затем он был поставлен патриархом Константинопольским[6936] и оставался на патриаршем престоле 11лет 5 месяцев, пока не был изгнан императором Михаилом[6937]. Вместо него был поставлен Фотий[6938], протоспафарий и протосинкрит[6939] Константинопольской церкви, ранее бывший простым монахом. После изгнания Фотия императором Василием[6940], Игнатий вновь патриаршествовал, – на этот раз 10 лет, и опять был изгнан императором Никифором[6941], убитым впоследствии болгарами. Его место занял святой Стефан[6942], сын императора Василия, а святой Игнатий удалился в монастырь Сатира, где с миром скончался восьмидесяти девяти лет от роду.

Страдание святого мученика Арефы

Память 24 октября

Когда в греческой земле царствовал Юстин[6943], а в Ефиопии[6944] – Елезвой, цари правоверные и благочестивые, тогда в земле Омиритской[6945] вступил на престол беззаконный царь, по имени Дунаан, иудей по рождению и по вере, хулитель Христова имени и великий гонитель христиан. Все советники его, слуги и воины были или евреи, или язычники, поклонявшиеся солнцу, луне и идолам. Он старался изгнать всех христиан из своей области и искоренить в стране Омиритской самую память о великом Христовом имени. Ревностно преследуя Церковь Божию, он мучил и убивал верных, не покорявшихся его велениям и не хотевших жить по иудейскому закону.

Услышав о том, что Дунаан воздвиг в своей стране гонение на христиан, царь Ефиопии Елезвой сильно огорчился и, собрав свои войска, пошел на него войною[6946]; после многих битв Елезвой победил его и, сделав его своим данником, возвратился в свою землю. Спустя немного времени, Дунаан опять восстал против Елезвоя, нарушил договор с ним и, собрав свои войска, уничтожил все отряды Елезвоя, оставленные им для охраны городов, после чего еще сильнее вооружился против христиан. Он повсеместно повелел, чтобы христиане – или принимали иудейскую веру, или были избиваемы без милосердия. В царстве его уже не оставалось никого, кто дерзнул бы исповедовать Христа, и только в одном обширном и многолюдном городе Награне[6947] было прославляемо имя Христово. Святая вера воссияла в нем еще с того времени, когда Констанций, сын Константина Великого, посылал послов своих к Савеям, называемым ныне Омиритами[6948] и ведущим свой род от Хеттуры, рабыни Авраамовой. Прибыв туда, Богомудрые и благочестивые послы расположили царя этой страны к Констанцию, научили жителей ее вере в Иисуса Христа и построили церкви. С этого времени в Награне процветало благочестие, возрастало христианское

учение, увеличилось число иночествующих, устроялись монастыри, во всех сословиях сохранялось целомудрие, а верные преуспевали и совершенствовались в добродетелях. Они не дозволяли жить среди себя ни одному иноверцу: ни Еллину[6949], ни Иудею, ни еретику[6950], а сами они, как дети единой матери, Соборной Апостольской Церкви, пребывали во всяком благочестии и чистоте.

Завидуя столь великому благочестию этого города, диавол вооружил против него иудействующего Дунаана. Услыхав, что жители города Награна не повинуются его повелению и не хотят жить по иудейскому закону, Дунаан пошел на них со всеми своими войсками, замыслив истребить христиан в своей области и этим истреблением досадить Елезвою, царю Ефиопскому. Подступив к городу, он обложил его множеством войска, окружил его окопами и похвалялся, что скоро возьмет его, а жителей его истребит беспощадно. Он говорил гражданам:

– Если хотите получить у меня милость и остаться в живых, то свергните проклятые знамения (так он, окаянный, называл святые кресты), которые вы вознесли на верхи высоких храмов, а равно откажитесь от Распятого[6951], изображенного на этих знамениях.

В то же время царские оруженосцы ходили вокруг города и восклицали:

– Окажите повиновение царю: тогда останетесь в живых и получите от него дары, а если нет – погибнете от огня и меча.

Сам Дунаан так злословил богохульным языком Христа и христиан:

– Сколько я погубил христиан! Сколько священников их и иноков убил я мечом! Сколько огнем сжег! И ни одного из них не избавил Христос от рук моих. Да и Сам Он не мог спастись от руки распинавших Его[6952]. И вот, я пришел к вам, жители Награна, или отлучить вас от Христа, или окончательно истребить.

Граждане отвечали ему:

– Царь! Ты слишком дерзко говоришь о всесильном Боге. Ты уподобился Рапсаку, военачальнику Сеннахирима, который с

гордостью говорил Езекии: «Да не превознесет тебя Господь Бог твой, на Которого ты надеешься!» Но не осталась такая хула без наказания. Ты знаешь, сколько тысяч войска погибло в один час за такую хулу[6953]? Смотри же как бы не случилось сего и с тобою, хулителем Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, всесильного и всемогущего, страшного и отнимающего мужество у князей! Господь и тебя может сокрушить и обратить в ничтожество твою высокомерную и богохульную гордыню. Ты хвастаешься, что или отвратишь нас от Христа, или окончательно истребишь. Истинно, что ты скорее можешь истребить нас, чем отвратить от Христа, Спасителя нашего, за Которого мы все готовы умереть.

Не вынося таких речей, царь распалялся еще большим гневом и всеми своими силами теснил город, намереваясь, в случае если не возьмет города приступом, изнурить его голодом через продолжительную осаду. В окрестностях города, по деревням и пустыням, нашел он немало христиан и, захватив их, погубил разными способами, а иных продал в рабство. Попытки его взять приступом город были безуспешны: граждане мужественно защищались со стен и побеждали нечестивых. Царь немало потрудился со своими войсками, но не мог ни взять города, ни изнурить его голодом, так как граждане запаслись продовольствием на много лет. Отчаявшись в своих надеждах, беззаконный царь замыслил тонкую, подобно острой бритве, хитрость, и отправил в город послов с такими, подкрепленными клятвою, речами:

– Я не хочу ни обижать вас, ни отвращать вас от вашей веры; ищу я только обычной дани, которую вы должны платить мне, как своему царю. Отворите же мне ворота города, чтобы мне войти в него и осмотреть. Я возьму у вас обычную дань, и клянусь Богом и законом, что не сделаю вам ни великого, ни малого зла, но оставлю вас жить мирно – при вашей вере.

Граждане ответили ему:

– Мы, христиане, научились из Священного Писания повиноваться царю и покоряться властям (Рим.13:1–2). Если ты сделаешь так, как обещаешь нам с клятвою – не отвращать нас от Господа нашего Иисуса Христа, мы отворим тебе ворота

города. Войди в него, как царь, и возьми у нас обычную дань. Если же ты причинишь нам какое-либо зло, то Бог, слышащий твои клятвы, накажет тебя вскоре. А мы не отступим от Христа Спасителя нашего, если не только лишимся имущества, но даже самой жизни.

Царь снова настойчиво поклялся, что не причинит им ни малейшего вреда. Они же, поверив ему, отворили город и поклонились нечестивому, поднося ему дары. Царь вошел со всем своим войском в город, как волк в овечьей одежде в стадо, захватил стены и ворота городские и занял их своими отрядами. Видя красоту города и множество людей в нем, он обращался с ними ласково, ибо до времени таил яд, скрытый в сердце своем. Отдохнув немного в городе, он снова стал во главе своих отрядов и, желая начать безбожное дело, которое замыслил, повелел явиться к нему почтенным мужам и городским воеводам. По его повелению, вышли к нему все, находившиеся в городе, почтенные старцы и начальники, мужи уважаемые и богатые. Среди них находился блаженный Арефа старший возрастом и разумом, званием и почетом. Имея девяносто пять лет от роду, он был князем и воеводою, которому поручено было все городское благоустройство. Благодаря его мудрым советам и разумному управлению, граждане долго храбро противились своим врагам. Явившись с Арефою во главе к беззаконному царю, граждане воздали ему должное поклонение и благодарили его за его намерения, так как он клялся что не причинит им никакого вреда. Они еще не знали его хитрости. Он же не мог долго скрывать в себе яд и тотчас обнаружил злобу, которую коварно таил в себе: клятву, данную им гражданам, он назвал детскою потехой и повелел всех граждан, вместе со святым Арефою, оковать цепями и заключить под стражу. После этого он послал в дома их и разграбил имущество их. Еще он спрашивал, где Павел, епископ их?[6954] Узнав же, что два года тому назад епископ преставился, – повелел откопать его гроб и, извлекши тело умершего, сжег огнем и рассеял пепел по воздуху. Затем, зажегши громадный костер, он собрал множество священников,

клириков[6955], иноков, инокинь и дев, посвященных Богу, числом четыреста двадцать семь, и, бросив их в огонь, сжег их, говоря:

– Они – виновники гибели других, так как советовали почитать Распятого, как Бога.

Кроме того, он повелел глашатаям ходить по городу и возвещать, чтобы все отверглись Христа и жили по иудейскому закону подобно царю.

Призвав после этого первых граждан города, содержавшихся в темнице, он стал говорить им и особенно Арефе:

– Какое безумие ваше – веровать в Распятого, как в Бога! Разве может страдать Бог, не имеющий тела? Или – может ли умереть бессмертный? Ведь есть же между вами такие, которые по примеру Нестория[6956], почитают Христа не как Бога, а как пророка? Я вас не побуждаю к тому, чтобы вы кланялись солнцу, или луне, или какой-либо твари; я принуждаю вас приносить жертвы не языческим богам, а только Богу, Создателю всякой твари.

На эти слова святой Арефа, от лица всех, отвечал:

– Мы знаем, что Божество не может страдать, а пострадало за нас человечество, воспринятое Иисусом Христом от Пречистой Девы, как об этом свидетельствуют пророки о которых и ты знаешь; Божество же Свое Христос Господь проявил чудесами неизреченными. Но какая надобность в долгих словопрениях? Мы исповедуем, что Он – Бог и Сын Божий, и от имени всех граждан города говорим, что нет той муки, какую мы не были бы готовы понести ради Иисуса Христа, Бога нашего. До Нестория, осужденного святыми отцами нам нет дела: мы не разделяем во Христе лиц[6957], но веруем, что человечество Его соединено с Божеством в одно Божественное Лицо. Тебя же, говорящего хульные речи на Господа нашего, за эту хулу и за преступление клятвы скоро постигнет наказание Божие.

Мучитель выслушал эти слова снисходительно, (ибо он стыдился мудрости Арефы и благородства прочих граждан), и стал ласковыми речами располагать к себе сердца их, обещая им дары и почести; этим путем желал он склонить их

благочестие и ревность по Христе к своему беззаконию. Но они, возводя очи свои к небу, взывали, как бы едиными устами:

– Мы не отвергаемся Тебя, Едине Слове Божий, Иисусе Христе, – не соблазняемся о пресвятом рождении Твоем от Пречистой Девы и не насмехаемся над честным крестом Твоим.

Видя непоколебимость святых мужей в вере, царь отложил на некоторое время мучение их и устремился против народа, избивая многих беспощадно. Он повелел привести жен и детей тех святых мучеников, которые были содержимы вместе с Арефою в оковах. С этими честными женами пришло многое множество иных жен, вдовиц, дев и инокинь. Всех их царь сначала прельщал ласками, а затем угрожал им муками, убеждая отречься от Христа. Они же не только не соглашались на это, но отвечали досадительными для царя речами. Особенно иночествующие девы обличали царя, укоряя его в безбожии. Не вынося упорства, царь повелел воинам всех их казнить мечом. Они пошли на смерть, как на торжество. При этом возникло между ними пререкание: иночествующие девы, желая умереть первыми, говорили прочим женам:

– Вы знаете, что в Церкви Христовой мы поставлены выше других. Вспомните, что мы всюду занимали первое место: мы первые входили в храм Господень, первые приступали к Пречистым Тайнам, на первом месте мы стояли и восседали во храме. Поэтому, подобает нам и здесь первым принять честь мученичества; мы первые желаем умереть и пойти ранее вас и мужей ваших к Жениху нашему, Иисусу Христу.

Прочие жены опережали одна другую, склоняя под меч свои головы. Точно так же и малые дети теснились среди своих матерей, торопясь умереть, и каждый ребенок громко кричал:

– Мне отсеките голову, меня казните!

Усердие их умереть за Христа – было так велико, что привело в изумление нечестивого иудея Дунаана и всех его вельмож. И говорил беззаконный царь:

– О как мог Галилеянин[6958] настолько обольстить людей, что они ни во что ставят смерть, и ради Него губят свои души и тела!

В том же городе Награне жила одна вдова, именем Синклитикия, благородная и добродетельная, красивая лицом, но еще более прекрасная душою, – богатая имениями, но еще более богатая добродетелями. Оставшись в молодых летах после своего мужа вдовою, она со своими двумя дочерьми проводила время дома в посте и молитве. Не пожелала она снова выйти замуж, но, уневестившись Христу, служила Ему день и ночь. Будучи молода годами, была она стара разумом – даже разумнее старцев – в следовании заповедям Господним. Услышав о ней, нечестивый иудей Дунаан повелел привести Синклитикию и дочерей ее к себе с почетом. Когда она пришла, царь посмотрел на нее ласково и вкрадчивым голосом стал говорить ей:

– Мы слышали о тебе, досточтимая жена, что ты благородна, целомудренна и разумна. Твое лицо и весь облик твой свидетельствуют, что справедливо все, сказанное о тебе. Не старайся же подражать тем безумным женщинам, которых я погубил за безумие их; не называй Богом Того, Кто был распят на кресте, ибо Он был чревоугодник, друг мытарей и грешников (Мф.11:19), противник отеческих законов. Поступи же так, как прилично твоему благородному происхождению, отвергнись Назарянина[6959] и будь единомысленною с нами. И будешь ты вместе с царицей в царских палатах, почитаемая всеми и проживешь в довольстве, свободная от всех, связанных с вдовством, бедствий. До нас дошла добрая слава о тебе и самое дело подтверждает это. Действительно, ты имеешь великие богатства, много всякого имущества, рабов и рабынь, почитаема всеми, молода и красива, но при всем благополучии, не пожелала вторично выйти замуж. Еще говорят о тебе, что ты добродетельна и благоразумна. Поступи и теперь, как следует: будь благоразумна до конца, послушайся моего здравого совета и не вздумай такую красоту и молодость свою, а равно невинность детей твоих, отдать в руки мучителей, которые доставят более стыда и бесчестия, нежели мучений. Перестань славить Распятого и, подчинившись законам нашим, избери полезное для себя и для детей своих.

Блаженная и досточтимая женщина ответила царю такими словами:

– Следовало бы тебе, царь, почитать Того, Кто дал тебе власть, и эту порфиру, и эту диадему[6960], – даже более того: дал тебе самое бытие и жизнь. Это – Сын Божий и Бог. Ты же обнаружил неблагодарность за столь великое благодеяние Его, и дерзким языком злословил Благодетеля своего. Разве ты не боишься, что гром с высоты поразит тебя? Ты хочешь удостоить меня великих почестей, но я считаю ваши почести бесчестием для себя, и не хочу, чтобы меня хвалил тот язык, который хулит Бога моего. Не буду я и безумна настолько, чтобы жить с врагами Божиими в домах грешников.

Услышав сие, царь исполнился гнева и, обратившись к своим вельможам, сказал:

– Вы видите, как бесстыдно эта скверная женщина злословит нас!

Затем он велел снять покрывало с головы Синклитикии и дочерей ее и с непокрытою головою и распущенными волосами водить ее по городу, подвергая издевательству и насмешкам. Когда ее водили с бесчестием по городским улицам, она увидела, что многие женщины плачут по поводу причиняемого ей издевательства и позора. Обратившись к ним, она сказала:

– Я знаю, подруги мои, как вы скорбите обо мне, что позорят меня и моих дочерей! Но не скорбите, когда я радуюсь, и не плачьте, когда я веселюсь. Этот день радостнее для меня, чем день брачный, ибо я страдаю ради Жениха[6961] моего, для Которого я беспорочно сохранила свое вдовство. Для Него я сохранила и непорочное девство моих возлюбленных дочерей. Я радуюсь ныне, что Господь мой видит поругание мое, слышит мое исповедание и знает мое усердие; я не пожелала ни почестей, ни богатств, и даже не хочу сей временной жизни. Единственное мое желание обрести Христа, явиться к Нему в сонме святых мучениц и привести к Нему плод чрева моего – этих моих дочерей. Поэтому прошу вас, сестры мои, не плачьте обо мне, но лучше радуйтесь со мною, что я иду соединиться с нетленным моим Женихом Небесным.

После этого ее опять привели к царю. Царь сказал ей:

– Откажись от исповедания Христа, и останешься жива.

Святая отвечала:

– Если я отвергнусь Христа ради сей временной жизни, то кто избавит меня от вечной смерти и огня неугасающего?

Затем, подняв очи к небу, она сказала:

– Да не будет со мною, о бессмертный Царь, чтобы я отверглась Тебя, Единородного Сына Божия, и послушалась хулителя и клятвопреступника, который хитростью взял город и преследует Твою святую Церковь.

Царь исполнился сильной ярости и вскричал:

– О скверная женщина! Сейчас же раздроблю твое тело, растерзаю чрево твое, брошу тебя на съедение псам и увижу: избавит ли тебя от моих рук Назарянин, на Которого ты надеешься?

Не вынося этих слов мучителя, старшая дочь Синклитикии которой был двенадцатый год, плюнула ему в лицо. Тотчас стоявшие здесь слуги отсекли ей голову, а вместе с нею умертвили мечом и младшую ее сестру.

Так пали мертвыми обе дочери пред очами достохвальной матери своей. Тогда царь повелел собрать кровь их и поднести к устам матери, чтобы она пила. Отведавши крови, она сказала:

– Прославляю Тебя, Господи Боже мой, за то, что сподобил меня вкусить чистой жертвы бедных дочерей моих. Тебе, Господи Христе, я приношу сию мою жертву. Тебе я представляю этих мучениц, чистых дев, изшедших из утробы моей. Соединивши и меня с ними, введи в Свой чертог, и, как говорит св. Давид: яви «матерью, радующеюся о детях» (Пс.112:9).

Затем мучитель повелел отсечь ей голову мечом. Так переселилась мать со своими дочерьми в обители вечного блаженства. Мучитель же с клятвою утверждал:

– Я не видел в своей жизни столь красивой женщины и таких прекрасных девиц, как эти, не пощадившие ни красоты, ни жизни своей.

На другой день, воссев на возвышенном месте, царь призвал Арефу с его сподвижниками, числом триста сорок

мужей. Когда они предстали, царь, обратившись к Арефе, как старейшему, сказал:

– Ты, мерзкий человек, восстал против нашей власти, возбудил весь город против нас и повелел сопротивляться нам. Ты заставил граждан повиноваться твоим словам, как закону, а наши законы и повеления ты отвергаешь. Ты научил народ чтить Распятого, как Бога, и считать помощником Того, Кто Сам Себе не помог, когда был распинаем. Почему ты не последовал отцу твоему, который, управляя Награном, повиновался царям, бывшим раньше нас? Поистине, достоин ты и все последователи твои – мучений, подобно мужам и женам, уже преданным нами смерти, которым Сын Марии и древодела[6962] не мог оказать никакой помощи.

Старец в это время стоял в раздумье, сильно страдая от горделивых речей богомерзкого царя. Затем он вздохнул от глубины сердца и сказал:

– Не ты, царь, виноват во всем том, что произошло, а виноваты наши граждане, которые не послушались совета моего. Я советовал им не отворять городских ворот тебе, – человеку хитрому и лукавому, но мужественно бороться с тобою. Они же не вняли моим словам. Я хотел выйти с небольшим отрядом против всех твоих войск, как некогда Гедеон против мадианитян[6963], ибо я надеялся на Христа моего, ныне хулимого тобою. Он помог бы мне одолеть, победить и уничижить тебя, безбожного клятвопреступника, забывшего установленный нами договор, по которому ты клятвенно обещал сохранить город и граждан.

Один из сидящих вместе с царем сказал святому:

– Так ли научает вас закон Моисеев? Он заповедует: «начальника в народе твоем не поноси» (Исх.22:28). Да притом, и ваше Писание учит чтить царя, не только доброго и кроткого, но и строптивого (1Пет.2:17–18).

Святой отвечал ему:

– Разве ты не слышал о сказанном Ахаву пророком Илиею. Когда Ахав обратился к Илии с словами: «не ты ли развращаешь Израиля? – Илия сказал ему тогда: «не я развращаю Израиля, а скорее – ты и дом отца твоего»[6964].

Смотри: он не только одного Ахава, но и весь дом его укорил и обличил, однако, закона не нарушил. Да и всякий, благоговейно чтущий Бога, не нарушает закона, когда обличает нечестивого царя за его нечестие, – царя, который не побоялся хулить Бога и злословить Создателя. Однако я вижу, что вы пренебрегаете долготерпением Божиим и стремитесь к тому, чтобы и мы поступили подобно вам. О царь неправедный, безбожный и бесчеловечный! Так ли ты поступил с нами, как обещал? Такая ли правда прилична царю? Таковы ли были цари, правившие раньше тебя? Поистине – не таковы, но добрые и кроткие, милосердные и правдивые, хранившие сказанное ими слово и оказывавшие милость своему народу. А ты, клятвопреступник, не можешь насытиться человеческою кровью! Знай же, что всеведущий Бог скоро низложит тебя с царского престола и даст его человеку верующему и доброму, а равно утвердит и возвысит христианский род и созиждет церковь, которую ты сжег огнем и сравнял с землею. Что касается меня, то я считаю себя блаженным, так как в глубокой старости, имея девяносто пять лет и видев сыновей сынов моих и дочерей моих, принимаю мученическую кончину и родной город привожу с собою в жертву Богу.

Обратившись затем к народу и к своим товарищам по мучению, он начал говорить так:

– Граждане, друзья и близкие мне! Мы обманулись, поверив клятве и лукавым речам сего безбожного царя, ныне же мы видим его неправду и слышим его богохульные слова. Хорошо бы сделали мы, если бы сопротивлялись ему на войне и крепко стояли до конца! Нам помог бы Бог победить его. Но так как случилось иначе, и нам предстоит теперь: или, повиновавшись врагу, бедственно жить в сей временной жизни, или же, не оказывая повиновения, принять блаженную кончину, – то постараемся наследовать через страдание бессмертную славу. Что может быть славнее мученичества и что почетнее страданий за Христа! Давно уже я имел мысль и желание претерпеть муки за Христа. Ныне, получив желаемое и найдя искомое, я радуюсь и готов сейчас же умереть. А вы, братие, не страшитесь и не будьте малодушны; не обнаруживайте привязанности к

временной жизни, чтобы ради нее не лишиться жизни вечной. Также и мучитель наш будет похваляться, если, устрашив угрозами, отторгнет кого-либо из нас от святой веры; будет он превозноситься в своей гордости, как будто он победил всех, и еще более увеличит свои хуления на Сына Божия. Если же найдется кто-либо среди нас, кто боится смерти и помышляет отречься от Христа – Вечной Жизни, тот пусть немедленно выйдет из нашей среды, пусть отделится от единодушного и единомысленного сонма нашего и не носит напрасно имени христианина. Всякий, кто отречется Тебя, Христе, Слове Божий, ради временной жизни, пусть лишится ее! Если же кто-либо из моих сродников или ближних, одолеваемый желанием временных благ, оставит Тебя, Создатель, и пойдет во след скверного царя, то не дай ему, о Царю Христе, наслаждаться тем, что представляется ему благом и утешением, но пусть постигнут его всякие бедствия и невзгоды!

Когда святой сказал сие, все без исключения христиане, проливая теплые слезы, заговорили:

– Будь спокоен, наш вождь и учитель! Никто тебя не оставит, никто не выделится из нашего сонма. Все мы готовы раньше тебя умереть за Христа и принять блаженную кончину.

Святой ответил на это:

– Я пойду впереди вас; я умру первый и буду вашим предводителем. Как в городе вы мне дали предводительство, так дайте мне и здесь первому явиться ко Христу.

Затем святой присовокупил:

– Если кто из сыновей моих останется живым в святой вере, тот пусть будет наследником моих имений. Из них три селения я отдаю святой Церкви, которая скоро будет восстановлена. Ибо сей беззаконный мучитель скоро погибнет, а Церковь Христова в этом граде утвердится и процветет, как цвет багряный, омытый кровью стольких рабов Христовых.

Сказав сие, святой благословил народ, и, воздев руки и возведя очи к небу, воскликнул:

– Слава Тебе, Господи, за все случившееся! Обратившись к царю, он сказал:

– Благодарю тебя, царь, за то, что ты имел терпение и не прерывал моих речей, но дал мне время побеседовать с друзьями моими. Теперь уже не медли больше, но делай, что хочешь, ибо ты видишь нашу решимость; ты узнал наш образ мыслей и видишь, что не может быть того, чтобы мы отверглись Христа и последовали твоему безбожию.

Видя их непреклонность, царь всех их осудил на смерть, святых отвели к одному потоку, называвшемуся Одиасом, чтобы там казнить их усечением. Когда пришли к указанному месту святые предались усердной молитве. Они молились: – Господи, Господи! Надежда нашего спасения! Ты осенил главы наши в день борьбы. Теперь изведи нас в жизнь вечную, потому что мы ничего не возлюбили более Тебя: ни отечества, ни сродников ни богатств, но все сие оставили ради Тебя. Даже самую жизнь нашу мы презрели и уподобились овцам ведомым на заклание. Молим Тебя смиренно: отомсти за кровь рабов Твоих, простри руку на гордыню нечестивого царя, приими под Свою защиту детей умерших за Тебя людей, утверди город, похваляющийся Твоею честною кровию, крестом и страданием. Ты видишь, что с ним сделали враги Твои: они разорили благолепие его, осквернили Твою святыню, сожгли Твой святой храм. Воздвигни же его опять и дай скипетр[6965] царям христианским!

Во время сей молитвы святых воины начали казнить их. Первому отсекли голову святому и великому Арефе, как предводителю христиан, а затем и всем прочим святым мученикам. Таким образом триста сорок мужей приняли блаженную кончину.

Тут же находилась одна верующая женщина, гражданка сего города. При ней был сын, малое дитя, не более пяти лет от роду. Видя усечение мечом святых мучеников, она подбежала к ним и, взяв немного крови их, помазала ею себя и своего сына. Затем, исполнившись ревности, она проклинала царя и громко возглашала:

– Будет этому иудею тоже, что и фараону[6966].

Воины схватили ее и, приведя к царю, пересказали слова ее. Не давши ей ничего сказать и ни о чем не спрашивая, царь велел немедленно сжечь ее на костре.

Когда разведен был большой огонь и мучители стали вязать сию блаженную женщину, чтобы бросить ее на костер, малолетний сын ее стал плакать. Увидев же сидящего царя, мальчик подбежал к нему, обнял его ноги и, с очами полными слез, умолял, как умел, о спасении матери.

Царь взял к себе на колени этого красивого и речистого мальчика и спросил:

– Кого ты больше любишь: меня, или мать?

Мальчик отвечал:

– Я люблю мать, почему и подошел к тебе. Умоляю тебя, прикажи развязать ее: пусть она и меня возьмет с собою на мучение, о котором часто меня поучала.

Царь спросил его:

– Что это за мучение, о котором ты говоришь? Мальчик, исполненный благодати Божией, действовавшей в нем, отвечал:

– Мучение состоит в том, чтобы умереть за Христа с целью опять жить с Ним.

Царь спросил:

– А кто сей Христос?

Мальчик ответил:

– Иди со мною в церковь, и я покажу тебе Его. Затем, опять посмотревши на мать, ребенок с плачем сказал:

– Отпусти меня; я пойду к матери.

– Зачем же ты пришел ко мне, оставив мать? – возразил царь. – Не ходи к ней, а оставайся с нами. Я дам тебе яблок, орехов и всяких красивых плодов.

Так царь беседовал с ним, как с простым ребенком, предполагая в нем детский разум. Но ребенок превосходил свой возраст разумом и ответил ему серьезно:

– Я не останусь с вами, а хочу идти к матери. Я думал, что ты – христианин и пришел умолять тебя о матери своей. А ты – иудей; поэтому я не хочу у тебя оставаться, да и не возьму ничего из твоих рук. Я хочу только, чтобы ты отпустил меня к матери.

Царь удивился такому разуму малого ребенка. Ребенок же, увидев, что мать его брошена в огонь, сильно укусил царя. Почувствовав боль, царь оттолкнул его от себя, а затем

повелел одному из стоявших тут вельмож взять его и воспитать по иудейскому закону, в ненависти к христианству. Вельможа взял ребенка и, удивляясь его разуму, повел его в свой шатер. На пути он встретился с своим другом, остановился и начал рассказывать об этом ребенке. Они стояли недалеко от костра, на который была брошена святая мать младенца. Когда они беседовали, мальчик вырвался из рук ведущего его, быстро побежал и вскочил в огонь; там, обняв свою мать, он сгорел вместе с нею. Так мать с сыном стали благоухающею жертвою всесожжения пред Богом.

Слава Богу, так умудрившему малого младенца, что над ним исполнились слова пророческие: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» [6967].

Когда все это происходило, князья и воеводы беззаконного царя сожалели о столь значительном пролитии крови христиан. Они обратились к царю и просили, чтобы он прекратил кровопролитие и не губил города, из которого ежегодно доставлялось много дани. Беззаконник поступил согласно их просьбе и перестал проливать кровь неповинную. Однако, он избрал много тысяч младенцев и девиц как из этого города, так и из всей Награнской области, и одних взял в рабство себе, а других раздал по своему усмотрению, вельможам и воинам. Весь город, который ранее свободно поклонялся Пресвятой Троице, подчинил он тяжкому рабству, после чего отправился в свою столицу.

Когда сей богоненавистный иудей возвращался домой, на небе явился огонь и всю ночь освещал воздух. Вследствие явления сего огня, Дунаан и все войска его были в большом страхе. И стал огонь падать на землю в виде дождя и причинил много вреда. Это было знамением гнева Божия и началом отмщения за пролитую кровь. Однако новый фараон не захотел исправиться и не смирился пред крепкою рукою Божиею. Он воспылал такою бешеною яростью против христиан, что задумал истребить их не только в своей стране, но и в других областях и царствах. Именно, он послал послов к царю персидскому[6968], убеждая его сделать подобное же и избить

всех христиан в своей области, если он желает, «чтобы к нему было милостиво солнце и отец солнца, Бог еврейский». Персы почитали солнце, как бога. Поэтому и Дунаан, желая вооружить персидского царя против христиан, называл еврейского Бога «отцом солнца». Писал он и к сарацинскому[6969] царю Аламундару, обещая ему много золота, если он истребит подвластных ему христиан.

Услышав обо всем этом, благочестивый греческий царь Иустин сильно опечалился и, скорбя сердцем по поводу гонения на христиан, послал письмо к Александрийскому архиепископу Астерию, прося его побудить ефиопского царя Елезвоя к войне против нечестивого иудея для отмщения за кровь христиан. Кроме того, и сам он написал к царю Елезвою обо всем, что сделал Дунаан с христианами в Омиритской стране, особенно в городе Награне, а равно и о том, что он посылал послов к царю персидскому и к князю сарацинскому, просьбами и подкупом вооружая их против христиан. При этом Иустин просил Елезвоя, как имеющего смежные пределы с Дунааном, пойти войною против сего богохульника, жаждущего христианской крови. Архиепископ Астерий возбуждал Елезвоя к войне, а сам усердно молился Богу о помощи христианам и о рассеянии врагов их. Он послал также и ко всем инокам, находившимся в Нитрии и в скитах[6970], прося их молиться. Ефиопский царь Елезвой узнал обо всем, происшедшем в Омиритской стране, не только от царя Иустина и архиепископа Астерия, – он сам знал и раньше, так как его войска, оставленные стеречь смежные города, были перебиты. Пламенея ревностью по Боге и болея сердцем за христиан, он хотел немедленно пойти войною на Дунаана, но не мог, так как была зима; и ждал он лета, готовя все необходимое для войны. Когда прошла зима, он собрал из собственных войск и из воинов других народов, пришедших к нему на помощь, войско в сто двадцать тысяч человек. Зимою же он вооружил семьдесят индийских кораблей, а равно взял шестьдесят кораблей у купцов персидских и ефиопских, прибывших для торговли, многие же ветхие корабли исправил. С наступлением весны, Елезвой пошел со своими отрядами на войну. Из нижней Ефиопии[6971] он послал часть

войска сушей в омиритские, области, а сам с прочими войсками сел на корабли и отправился морем. Он хотел вступить в Омиритскую страну с суши и с моря, чтобы отовсюду окружить иудейского царя. Но Бог, все устрояющий премудро и творящий не по человеческой воле, а по Своим неисповедимым судьбам, – зная, что может служить на пользу, разрушил намерения блаженного царя Елезвоя. Войска его, посланные к омиритам сушею, заблудились в пустынях и горах, в непроходимых и безводных местностях, и не могли ни дойти до Омиритской области, ни вернуться назад. Блуждая много дней, они изнемогли от жажды и падали мертвыми. Только немногие остались в живых и, возвращаясь в свое отечество, приносили неутешительные вести. Равным образом, и царю, плывшему по морю на кораблях, не было удачи. Пристав к одному городу, по имени Дакелу[6972], царь вышел с корабля и пошел к церкви, стоявшей на берегу моря. Тут он снял с себя венец и порфиру, царскую одежду и знаки своего достоинства и, оставив их у дверей церкви, вошел в нее в одежде нищего и долго молился с умилением пред алтарем.

Вспомнив в молитве чудеса, которые Бог сотворил в Египте и в пустыне неблагодарным евреям, царь говорил:

– Неблагодарны были иудеи к Тебе, Благодетелю своему, – не только те, которых ты извел из Египта, но и дети их, и все племя, даже доныне. Ты знаешь, Господи, какое зло они причинили Твоему городу Награну, в котором они захватили хитростью людей твоих. Они сотворили беззаконный совет против святых твоих и стремятся истребить с лица земли оставшихся еще христиан. Если все это совершается за грехи наши, то молим Твою благость; не предай нас в руки их, но Сам казни нас, как Тебе угодно, ибо Тебе свойственно как величие, так и милость! Врагам же нашим не предавай нас, чтобы они не сказали:

– Где их Христос, на Которого они надеются, и где их Крест, которым они похваляются?

Так помолившись со слезами, царь вышел из церкви и оставил город. Тут он услышал, что некий святой инок, по имени Зинон, недалеко от города безвыходно пребывает в уединенной

келлии сорок пять лет, и за свою добродетельную жизнь получил от Бога дар пророчества и знание будущего. К сему иноку царь пошел в виде простого воина; он взял с собою сосуд с ладаном[6973], а под ним скрыл золото, в надежде, что старец, по неведению, вместе с фимиамом примет и золото. Вошедши к старцу, царь поклонился ему и, передавая принесенный дар, просил помолиться о нем, причем спросил: поможет ли им Бог в войне против иудея Дунаана, на которого они идут, чтобы отомстить за кровь христиан?

Будучи прозорливым, старец узнал в нем царя, а равно и то, что под благовониями скрыто золото. Дара он не принял и сказал:

– Разве ты не слышал, что говорит Господь: «Мне отмщение, Я воздам»[6974]? На погибель свою предпринял ты войну. У тебя будет отнято царство, и многие вместе с тобою лишатся жизни.

Услышав сие, царь сильно испугался и с плачем и сетованием ушел от святого. Находясь в великом горе и печали, он размышлял в течение всей ночи, недоумевая, что ему делать. Наконец он решил бежать. Однако, когда наступило утро, он опять пришел к иноку. Тот сказал ему:

– Нет на земле такого города, где бы ты мог избежать смерти. Но если ты хочешь остаться живым и победить нечестивого царя, то обещай, потом перейти в иноческое житие.

Елезвой обещал с клятвою, говоря:

– Если мне Бог даст победу над Дунааном, я тотчас оставлю царство и стану иноком.

Слыша сии слова царя и видя его слезы, старец помолился о нем Богу и благословил его, как некогда Саул – Давида против Голиафа (1Цар.17:37), и сказал:

– Да будет Бог с тобою! Иди, вспомоществуемый жертвами мучеников, молитвами архиепископа Астерия и святых отцов-пустынников, молящихся о тебе, а равно слезами блаженного царя Иустина. Ты победишь Дунаана и отомстишь за кровь неповинных.

Царь утешился в своей печали, принял благословение и пошел к своим войскам, радуясь и прославляя Бога.

В это время омиритский царь Дунаан, услышав, что Елезвой, царь Ефиопский, идет против него морем и сушею, также собрал множество войск и, сильно вооруженный, стал на границах своей земли, ожидая нашествия Елезвоя. Когда же он услышал, что войска Елезвоя, шедшие сушею, погибли в пустынях, то обрадовался и уже не опасался с суши, а только остерегался со стороны моря. Но и тут опасности не было. Между Ефиопией и страною Омиритскою есть морская мель и узкое место, шириною менее двух стадий[6975]. На ней было рассеяно множество больших и острых камней, едва прикрытых водою. Потому место сие было весьма затруднительно для прохождения кораблей. К сему Дунаан еще присоединил большое препятствие. Он протянул толстую и огромную железную цепь и загородил ею морскую мель, чтобы не только частые камни, но и железная цепь преградили путь Елезвою и не допустили кораблей его по ту сторону.

Но Бог, «разум Его неизмерим» (Пс.146:5), погубил премудрость хитрого иудея. Своею чудесною силою Он устроил на этом непроходимом месте удобный путь для христиан.

Когда Елезвой отплыл от города Дакела с доброю надеждою, поднялся попутный ветер. Поставив паруса, они плыли очень быстро и через несколько дней достигли пределов Омиритской страны. Когда же подошли к узкой морской мели и еще ничего не знали, царь повелел прежде всего переплыть десяти кораблям, а после них назначил к переправе и еще двадцать кораблей, на которых находился сам, наблюдая с высоты за переправою. Остальное же множество кораблей оставалось далеко позади, в ожидании, пока переплывут передние. Но, лишь только отправились первые десять кораблей, тотчас Господь Бог, Которому принадлежат пути морские, приспел на помощь Своим верным, и, где должна была совершиться гибель кораблей, там сверх ожидания Господь устроил спасение. Неожиданно поднялась на море великая буря, и волны вздымались высоко, как горы. Подхватывая корабли, они переносили их через то опасное место. Только один корабль остановился на железной преграде и казался стоящим на камне, – но силою Божией вода

поднялась высоко и перенесла его. Так исполнилось сказанное пророком Давидом: «Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине» (Пс.106:23–24)[6976].

Такое чудо сотворила крепкая рука Божия. Она не только передние корабли перенесла волнами через неудобное, прегражденное камнями и железною цепью, место, но и самую железную преграду расторгла бурею и морским волнением, и устроила для прочих кораблей удобный проход.

Перенесши через опасное место десять первых кораблей, волны поставили их у берега, на расстоянии двухсот стадий от того места, где стоял царь Дунаан со всеми омиритскими войсками. Другие же двадцать кораблей, на которых находился и царь Елезвой, хотя и переплыли морскую теснину, однако, отгоняемые ветром, не настигли передних, но были разбросаны волнами по морю. Узнав о приставших к берегу кораблях, Дунаан тотчас послал на конях тридцать тысяч вооруженных воинов, чтобы они препятствовали христианам сойти с кораблей на сушу. Разбросанные же по морю корабли подплыли к десяти передним кораблям лишь по прекращении бури; но они остановились, и люди не могли выйти на землю, потому что их сильно побивали с берега воины Дунаана. Остальные многочисленные корабли только на третий день переплыли опасное место и остановились неподалеку от берега. Но с передними кораблями соединиться они не могли и, далеко отстоя друг от друга, ничего не знали одни о других.

Думая, что царь ефиопский находится там, где стояло множество разбросанных кораблей, Дунаан пошел туда со своими войсками и расположился вблизи берега, препятствуя неприятелю высаживаться из кораблей на сушу. Так стояли они долгое время, и обе стороны начали терпеть великую нужду. Ефиоплянам, находившимся на кораблях, недоставало хлеба и воды, а Омиритов, стоявших на берегу, одолевал солнечный зной. Тогда Дунаан послал одного князя из своих сродников с двадцатью тысячами конных воинов на помощь тем тридцати тысячам воинов, которые стерегли передние корабли, не позволяя христианам выходить на землю. С тем князем пошел

и один царский евнух, носивший пять золотых копий[6977]. Много дней сражались они с христианами, которые по частям высаживались на сушу и располагались на берегу лагерем. Однажды, посланный Дунааном князь, взяв с собою евнуха, носившего золотые копья, и несколько слуг, вышел из своего стана на охоту и заночевал там. В ту же ночь некоторые из воинов Елезвоя, бывшие на берегу, страдая от голода, условились бежать. Похитив лошадей, они сели на них и скрылись из лагеря. По случаю, а скорее – по Божию устроению, они натолкнулись на омиритского князя и на царского евнуха, сидевших в засаде на зверей, и вступили в борьбу с ними. Одолев их, они захватили князя, родственника царя, и евнуха с копьями, а прочих изрубили мечами и затем возвратились к своим кораблям, ведя живых пленников к своему царю и неся золотые копья. Царь сильно обрадовался и возблагодарил Бога, начавшего предавать в его руки врагов святого Креста, а золотые копья обещал отдать храму Божию на благоукрашение алтаря. Ранним утром, приготовив воинов к сражению, царь посадил их на небольшие суда. Вышедши на сушу, они призвали на помощь Господа и начали жестокую битву с Омиритами. Последние, лишившись своего предводителя, стали приходить в смятение и, показавши тыл, обратились в бегство. Христиане преследовали и посекали их, как стебли. Бог помогал им, и ни один из противников не убежал, но все пали от христианского меча, так что не осталось, кто бы мог уведомить иудействующего царя о гибели его войск. По поводу дарованной им победы, христиане вознесли благодарственные молитвы Богу.

Но еще не пришло время для полного торжества христиан. Большая часть войска Елезвоя, находившаяся на задних кораблях, испытывала великое стеснение по двум причинам: у них оскудевали запасы пищи и питья; кроме того, они не знали, где находится их царь с передними кораблями. Елезвой же, имея у себя в плену родственника царя и евнуха, пошел к стольному городу Омиритской страны, называвшемуся Фаром, где был дворец царя Дунаана. Не найдя у города стражи, Елезвой взял его без труда. Затем, он вошел в царские палаты

и сел на престоле Дунаана; все богатства его захватил, а царицу с ее двором взял в плен. Некоторые же, бежавшие из города, пришли к царю своему Дунаану, продолжавшему войну против кораблей Елезвоя, и рассказали ему все, как Елезвой победил войска и захватил стольный город и царицу.

Услыхав это, Дунаан сильно испугался. Под влиянием страха мужество оставило его, и он не знал, что ему делать. Господь отнял у него разум и начал отмщение за неповинную кровь христиан. Беззаконный Дунаан стал бояться не только Елезвоя, но и собственных вельмож и сродников. Не доверяя им и опасаясь, чтобы они не изменили ему и не передались Елезвою, он сковал их всех и самого себя золотыми цепями и засел в своем лагере, ожидая последней казни. Так обезумел окаянный царь, потому что на него напал страх, как некогда на властителей Едомских, Моавитских и Ханаанских, о которых говорится в Священном Писании: «тогда смутились князья Едомовы, трепет объял вождей Моавитских, уныли все жители Ханаана» [6978].

В это время христиане, оставшиеся на многочисленных кораблях, стоявших позади, ничего не знали и, находясь в большом смущении и скорби, вдали от своего царя, обратились к усердной молитве. Совершив на кораблях Божественную литургию и причастившись Божественных Таин, они возопили единогласно к Богу, прося помощи. И тотчас послышался с неба голос, призывавший:

– Гавриил, Гавриил, Гавриил!

Услышав сей голос, верующие укрепились духом, и, вооружившись для битвы, пустились на малых судах к берегу. И вот среди них явился некий воин, имевший в руках железный жезл, наверху которого был крест; другой же конец жезла был остр, как копье. С сим оружием воин прежде всех устремился на берег, тотчас сразился с вооруженным ратником, сидевшим на коне, и пронзил его вместе с конем. Когда конь и всадник пали, тотчас все враги устрашились и побежали от берега. Христиане же, взявши берег, пошли стройными рядами против нечестивых. Произошло великое побоище. Господь смутил иудеев и язычников, и они не могли противиться христианам. И пало

тогда все войско богомерзкого царя Дунаана, как трава, скошенная косой.

Когда затем христиане достигли царской палатки, то нашли там царя, скованного золотыми цепями, с князьями и сродниками, сидевшего в состоянии безумия. И удивлялись все они этому странному явлению. Ничего не предпринимая по отношению к ним, христианские воины стерегли пленных их до тех пор, пока не узнали, что царь их, блаженный Елезвой, взял неприятельскую столицу. Тогда они послали ему известие о дарованной Богом победе над мерзким иудеем. Оставив в городе часть войска для охраны, царь Елезвой сам поспешил к своим христианам. Нашедши Дунаана с его свитою сидящими в золотых цепях, Елезвой своею рукою казнил его и всех бывших с ним. Велико было торжество христиан и неизреченна радость по слову: «Возрадуется праведник, когда увидит отмщение» (Пс.57:11).

Возвратившись в город, Елезвой казнил всех неверных, бывших в царских палатах с царицею, и совершенно истребил всех врагов Христовых. Затем он послал известие к царю Иустину и к архиепископу Александрийскому, сообщая, что Господь возвеличил над ними свою милость, положил под ноги их врагов их и отомстил за кровь христианскую. Все возблагодарили Бога. Архиепископ тотчас прислал к Омиритам епископов и священников, чтобы научить вере и крестить оставшихся людей. Елезвой же начал созидать по городам церкви и распространять славу имени Иисуса Христа. Пришедши в мученический город Награн, он восстановил церковь, которую сжег нечестивый Дунаан, – гробы святых мучеников благолепно украсил, а всех христиан ободрил и объявил свободными. Оставшегося в живых сына святого Арефы он поставил воеводою в городе, а всю Омиритскую землю в непродолжительное время очистил от безбожного нечестия и просветил святою верою. Затем он поставил царем благочестивого и добродетельного человека, по имени Авраамия, установил христианские законы церковные и гражданские и, упрочивши благоустройство, возвратился со своими войсками в свою страну, прославляя Бога. Возвратился

он с великими богатствами, так как войска его захватили много добычи.

Прибыв в свою страну, Елезвой воздал за все благодарение Богу и послал свой царский венец в Иерусалим, а сам, спустя несколько дней, предав воле Божией Ефиопское царство и себя самого, оставил все. Ночью он вышел тайно из царских палат и из города, в скромной одежде, не как царь, а как какой-либо нищий, и заключился близ находившегося там монастыря, в келье, из которой не выходил до самой кончины своей, трудясь для Бога день и ночь. Пищею его была одна лепешка на три дня, иногда же вкушал он смоквы и финики. В келье своей он не имел ничего другого, кроме войлока, деревянного ведра и корзинки. Вина и масла он никогда не вкушал. Так он отрекся от всего мира и славы его, все помышление свое обратил к Богу и Ему Единому служил, проживши пятнадцать лет в иночестве. Он удостоился блаженной кончины и преставился с миром. За все сие Богу нашему слава всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Веселия ходатай нам наста светоносный днесь страстотерпец праздник, егоже совершающе, славим в вышних Сущаго Господа.

Житие преподобного Арефы Печерского

Память 24 октября

Поистине достойно и праведно – всегда благодарить Бога не только за ниспосылаемые блага, но и за злоключения; ибо последние не для одних лишь праведников умножают благодать, как это было с Иовом, но и великого грешника преобразуют в совершенного святого. Примером сего является преподобный Арефа, о коем самовидец преподобного, блаженный епископ Симон, так свидетельствует.

Был в Печерском монастыре некий инок, по имени Арефа, родом из города Полоцка[6979]. В своей келье он хранил тайно большие богатства, но настолько был одержим скупостью, что никогда не подавал в милостыню нищему ни одной монеты, и даже на собственные нужды ничего не тратил. Однажды ночью пришли воры и украли все его богатства. Тогда он от большой скорби и печали едва не лишился жизни. Во время поисков украденного он стал нападать на неповинных и многих притеснял несправедливо. Вся братия молила его – прекратить такие розыски и утешала словами:

– Брат, «возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя» (Пс.54:23).

Но он не послушал их и резкими словами досаждал всем.

Спустя несколько дней впал он в тяжкую болезнь; но и тогда не прекратил, ропот и хулу. Человеколюбивый Господь «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим.2:4), явил на нем чудную милость Свою. Раз, лежа в постели, как мертвый, Арефа после многих дней молчания неожиданно для всех начал громко восклицать:

– Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, я согрешил Все – Твое, – и я не жалею о потерянном.

Затем, тотчас вставши с одра болезни, он объяснил братии причину своих восклицаний и рассказал о таком явлении

– Я видел, – говорил он, – что пришли ко мне Ангелы, а равно и сонмище бесовское, и начали состязаться по поводу украденного у меня богатства. Бесы говорили: «Он не

прославил Бога за это, но хулил: поэтому – он наш и нам должен быть предан». Ангелы же сказали мне: «О, несчастный человек, если бы ты благодарил Бога за похищенное у тебя имущество, сие вменилось бы тебе в милостыню, как Иову, – ибо, кто творит милостыню, тот великую заслугу имеет пред Богом, так как творит по своему доброму произволению. Если же кто переносит насильственное похищение с благодарением, заменяющим благое произволение, тот имеет искушение от диавола. Ибо диавол причиняет человеку лишение, желая возбудить в нем хулу. Но человек благодарный все предаст на волю Божию, и потеря в таком случае – равносильна милостыни. Когда Ангелы сказали мне сие, я возопил: «Господи, прости! Господи, я согрешил! Все – Твое, – и я не жалею о похищенном». Тогда бесы неожиданно исчезли. Ангелы же возрадовались и, вменивши мне пропавшее серебро в милостыню, отошли.

Услышав это, братия прославили Бога, наставляющего грешников на путь покаяния и возвестившего им о великой силе благодарения. Блаженный же Арефа, вразумленный Богом, с этого времени совершенно изменился к лучшему, как умом, так и нравом, так что все дивились и говорили о нем словами Апостола: «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим.5:20).

Кого прежде никто не мог отвратить от хулы, тот потом сам не переставал хвалить, во все дни прославляя и благодаря Бога словами Иова «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов.1:21). Также и в прочих прегрешениях своих он усердно каялся, обнаруживая ревность в нелицемерной нищете, в послушании – не пред очами только людскими, в чистоте внешней и внутренней. Он подвизался в постоянной молитве, в строгом посте и во многих других добродетелях, телесных и душевных, к которым побудила его добродетель благодарения. Богатея добродетелями и преданностью Богу более, нежели прежде золотом и серебром, он после многих трудов преставился в вечный покой[6980]. Он положен с почетом в пещере, и чудотворным нетлением своих мощей свидетельствует о своем блаженстве, равном

блаженству милостивых, которые, по слову Господа, помилованы (Мф.5:7). По его святым молитвам да будем помилованы и мы, живущие с благодарением, и да удостоимся вместе с ним в Царстве Небесном благодарить Бога во Святой Троице, в бесконечные веки. Аминь.

Страдание святых мучеников Маркиана и Мартирия

Память 25 октября

Когда нечестивая ересь Ария, распространяясь, произвела великие раздоры в Христовой Церкви, тогда начались на верующих христиан жестокие гонения как со стороны ариан, так и со стороны идолопоклонников. В это время были преследуемы, мучимы, изгоняемы и убиваемы все, кто признавал Христа Творцом, а не тварью, – вочеловечившимся Богом, а не простым человеком. Особенно ариане усилились с того времени, когда и сам царь Констанций, сын Константина Великого, впал в ту же ересь и приблизил ко двору своему двух великих сановников, Евсевия и Филиппа – ариан, которые ревностно преследовали православных и причиняли зло Христовой Церкви. Так, они были виновниками изгнания и смерти святого отца нашего Павла Исповедника, они научили своих единомысленников удавить его, что те и исполнили. Вместо него они возвели на патриарший престол Македония[6981]. И многих других исповедников и учителей благочестия они также погубили различными способами. Среди этих ревнителей Христовой веры были двое, Маркиан и Мартирий, которые своим учением и писаниями украшали Церковь Божию и, «яко два церковная сосца, учения млеко источа, духовная чада напаяху»[6982]. Ранее они состояли при упомянутом святом исповеднике Павле: Маркиан чтецом, а Мартирий иподиаконом. Были же они нотариями[6983], писавшими учения патриарха и излагавшими деяния, коими утверждалось благочестие. Вместе с тем, они и сами были великими проповедниками слова Божия и поборниками Церкви, которую они, подобно двум щитам, защищали от еретических стрел. Господь дал им, как верным ученикам Своим, уста и премудрость, которой не могли ни противоречить, ни противустать все, противившиеся им (Ср. Лк.21:15), – ариане. По изгнании и смерти святого Павла, ересеначальники обратили свой яд на учеников его, Маркиана и Мартирия. Прежде всего, скрыв свою злобу в лукавстве, как

искру огня в пепле, они пытались хитрою лестью обратить их от православия к своему нечестию. Они предлагали угодникам Божиим много золота, обещали исходатайствовать им у царя великие милости, возвести их на архиерейские кафедры и сделать их обладателями больших имений, если только они согласятся со вводимою ими ересью. Но угодники Божии презрели все сие: золота не приняли, обещанные им почести отвергли и над лукавством нечестивых посмеялись, предпочитая принять, ради благочестия, поношение, бесчестие, муки и даже смерть, нежели, живя в ереси, пользоваться богатством, славою и почетом. Тогда еретики, видя, что ничем не могут склонить святых исповедников к своему зловерию, осудили их на смерть, которой святые желали, ради Христа, больше самой жизни. Когда они были схвачены и приведены на место казни, то попросили себе немного времени для молитвы. Возведя очи к небу, и воздевши руки, они молились:

– Господи Боже, создавши невидимо сердца наши, устрояющий все дела наши, приими с миром души рабов Твоих, ибо мы умерщвляемся за Тебя и вменились, как овцы заколения (Пс.32:15; 43:23). Мы радуемся, что такою смертью исходим из сей жизни ради Твоего имени. Сподоби нас быть причастниками вечной жизни у Тебя, Источника жизни.

Так помолившись, они преклонили под меч свои святые главы и были казнены злочестивыми арианами за исповедание Божества Иисуса Христа. Некоторые из верующих взяли их честные мощи и погребли у ворот Меландийских, в том же городе Константинополе. Впоследствии святой отец наш Иоанн Златоуст построил в память их церковь, в которой подавались болящим различные исцеления, по молитвам святых мучеников, во славу Бога, прославляемого в Троице вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Подвигшеся добре от младенства, Маркиане с мудрым Мартирием, отступника Ария низложисте, невредну сохранше православную веру, Павлу последующе мудрому учителю. Темже с ним обретосте живот, яко Троицы поборницы изряднейшии.

Память святого мученика Анастасия

Память 25 октября

Святой Анастасий[6984] добровольно явился к мучителям и смело исповедал Христа Истинным Богом и Творцом всего. За такую твердость в истинной вере он был усечен мечом, и тело его было брошено в море. Одна благочестивая женщина после больших усилий постаралась достать святые мощи из моря и, умастив их благовониями и облекши погребальными одеждами, положила их в своей домашней церкви[6985]. Многие исцеления были совершены при гробе святого.

Страдание и чудеса святого славного великомученика Димитрия

Память 26 октября

Святой великомученик Димитрий, сын благородных и благочестивых родителей, происходил из города Солуни, где отец его был воеводою. В то время нечестивые цари воздвигли на христиан жестокое гонение; поэтому отец Димитрия, тайно веровавший в Господа нашего Иисуса Христа и исполнявший Его заповеди, не осмеливался явно исповедовать пресвятое Его имя, боясь страшных угроз язычников. Внутри палат своих в сокровенной горнице он имел две святые иконы, украшенные золотом и каменьями; на одной из них было изображение Господа нашего Иисуса Христа, а на другой – Пресвятой Богоматери; пред сими иконами он возжигал свечи, воскурял фимиам. В сей уединенной храмине он вместе с супругой своей часто возносил молитвы Истинному Богу, в вышних живущему, Единородному Сыну Его и Пренепорочной Владычице. Сии благочестивые супруги щедро оделяли нищих милостыней и никогда не отказывали людям нуждающимся. Одно лишь сильно печалило их: не было у них детей. Они усердно просили Господа, чтобы Он даровал им наследника, и спустя некоторое время желание их исполнилось.

Всевышний внял их молитвам и даровал им сына, святого Димитрия. Велико было ликование родителей, сильно они благодарили Господа. Вся Солунь разделяла радость своего воеводы, который устроил трапезу для всего города, особенно же для убогих.

Когда отрок возрос и мог уже постигать истину, родители ввели его в храмину, где были святые иконы и, указывая на них, сказали:

– Вот изображение Единого Истинного Бога, сотворившего небо и землю, а это – образ Пресвятой Богородицы.

Они научили его святым заповедям Христовым, объяснили ему все, через что человек может познать Господа нашего

Иисуса Христа и представили ему, насколько суетна и пагубна вера в скверных богов языческих.

С сего времени Димитрий, вразумляемый как словами своих родителей, так в особенности наставляемый свыше Духом Святым, познал истину: уже Божия благодать почивала на нем; всей душой уверовал он в Господа и, поклоняясь святым иконам, с благоговением лобызал их.

Тогда родители Димитрия, призвав священника и некоторых известных им христиан, в потаенном своем храме крестили отрока во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Восприняв святое крещение, Димитрий поучался истинной вере, возрастал как годами, так и разумом, поднимался выше и выше по лествице добродетелей – и благодать Божия более просвещала и вразумляла его.

Когда Димитрий достиг совершеннолетнего возраста, родители его переселились из сей временной жизни, преподав своему сыну пример Богоугодной жизни и оставив его наследником всего имения.

Между тем царь Максимиан, узнав о смерти воеводы Солунского, призвал к себе сына его, святого Димитрия. Заметив, что он разумен и храбр в боях, царь назначил его правителем всей Солунской области; поручая ему такую должность, сказал:

– Сохраняй родной твой город и очисти его от нечестивых христиан, предавай смерти каждого, кто только призовет имя Распятого.

Приняв царское назначение, Димитрий возвратился домой и с честью был встречен жителями города. Уже давно он желал утвердить в родном городе свет истинной веры и скорбел, когда видел, что жители Солуни поклонялись бездушным идолам. Теперь, по прибытии в город, тотчас же пред всеми он начал исповедовать и прославлять Господа нашего Иисуса Христа; он всех поучал заповедям Христовым, обращал язычников к святой вере и искоренял скверное многобожие; словом, он был для солунян вторым апостолом Павлом. Слух об этом скоро дошел и до самого Максимиана. Царь, узнав, что поставленный им правитель Димитрий – христианин и многих уже обратил в

свою веру, сильно разгневался. Как раз в то самое время, возвращаясь с Сарматской[6986] войны, царь остановился в Солуни. Еще до прибытия Максимиана в город, Димитрий поручил своему верному слуге по имени Лупп все имущество, доставшееся ему после родителей, золото, серебро, драгоценные каменья и одежды, и велел все сие раздать бедным и нуждающимся.

– Раздели сие богатство земное между ними, – прибавил святой, – будем искать себе богатства небесного.

А сам стал молиться и поститься, готовясь таким образом к венцу мученическому. Царь немедленно начал узнавать, правда ли то, что слышал он о Димитрии? Бестрепетно выступив пред царем, Димитрий исповедал себя христианином и стал порицать языческое многобожие. Злой мучитель тотчас же приказал заключить исповедника истинной веры в темницу. Войдя туда, святой молился словами пророка Давида: «Поспеши, Боже, избавить меня, [поспеши], Господи, на помощь мне» (Пс.69:2). «Ибо Ты – надежда моя, Господи Боже, упование мое от юности моей. На Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей; Тебе хвала моя не престанет. Радуются уста мои, когда я пою Тебе, и душа моя, которую Ты избавил; и язык мой всякий день будет возвещать правду Твою» (Пс.70:5, 6, 23, 24).

Как в светлом чертоге сидел Димитрий в темнице, хваля и прославляя Бога. Диавол, желая устрашить его, обратился в скорпиона и хотел уязвить святого в ногу. Ознаменовав себя крестным знамением, святой безбоязненно наступил на скорпиона, произнося слова Давида: «на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона» (Пс.90:13).

Проводя таким образом время в темнице, святой удостоился посещения Ангела Божия; в ярком свете предстал пред ним небесный посланник с прекрасным райским венцом и сказал:

– Мир тебе, страдалец Христов, мужайся и крепись! Святой же отвечал:

– Радуюсь о Господе и веселюсь о Боге Спасе моем! Сие явление Ангела утешило и ободрило святого страдальца; еще

сильнее желал он запечатлеть своею кровью исповедание истинной веры Христовой.

Между тем царь устроил игры и стал забавляться зрелищами. Был у него один выдающийся боец, родом Вандал[6987], по имени Лий. Приказав для него построить высокие подмостки, Максимиан с большим удовольствием смотрел на то, как Лий борется со своими противниками и, низвергая их с высоты на копья, предает их мучительной смерти. Среди зрителей находился один юноша – христианин – по имени Нестор; узы духовной дружбы соединяли его со святым Димитрием, который был его наставником в вере. Видя, что Лий многих убивает и особенно сильно губит христиан, – последних насильно заставляли вступать в бой с Лием, – сей юноша, воспрянув духом, пожелал сразиться с царским борцом. Но прежде, нежели вступить в бой, он отправился в темницу к святому Димитрию. Здесь Нестор рассказал ему все, что делает Лий, сообщил, что желает вступить в борьбу с сим немилосердным губителем христиан и просил у святого благословения и молитвы. Ознаменовав его крестным знамением, Димитрий предрек ему:

– Ты одержишь победу над Лием и претерпишь муки за Христа!

Подойдя к месту зрелища, Нестор во всеуслышание воскликнул:

– Боже Димитриев, помоги мне в борьбе с моим противником!

Затем, вступив в бой с Лием, он одолел царского борца и сбросил его вниз с помоста на острые копья. Гибель Лия сильно опечалила царя; он тотчас же приказал предать смертной казни блаженного Нестора. Но сие не могло утешить Максимиана, весь день и всю ночь жалел он о смерти Лия. Узнав, что Нестор вступил в единоборство с Лием по совету и благословению Димитрия, царь повелел и святого великомученика пронзить копьями.

– Лий, – думал беззаконный мучитель, – был низринут рукою Нестора на острия копий; какую смерть претерпел он, такую же должно претерпеть и святому Димитрию, пусть он

погибнет той же смертью, какой погубил и нашего любимого борца Лия.

Но безумный мучитель прельщался, полагая, что смерть праведника и грешника одинакова; он заблуждался в сем, ибо смерть грешников люта, а кончина святых честна пред очами Господа.

Лишь только забрезжилось утро 26 октября, в темницу к Димитрию вошли воины; они застали святого мужа стоящим на молитве, и тут же устремились на него и пронзили копьями. Так предал сей исповедник Христов в руки Создателя честную и святую свою душу[6988].

Ночью христиане тайно взяли тело святого, бесчестно поверженное в прахе, и благоговейно погребли его.

На месте блаженной кончины святого великомученика находился верный раб его, вышеупомянутый Лупп; он благоговейно взял ризу своего господина, орошенную его честною кровью, в которой омочил и перстень. Сею ризою и перстнем он сотворил много чудес, исцеляя всякие болезни и изгоняя лукавых духов.

Слух о таких чудесах разнесся по всей Солуни, так что все больные стали стекаться к Луппу. Узнав о сем, Максимиан приказал взять блаженного Луппа и отрубить ему голову. И так добрый раб последовал за господином своим, святым Димитрием, в обители небесные.

Когда уже прошло много времени и гонение на христиан прекратилось, над гробом святого Димитрия воздвигли небольшой храм; здесь совершалось много чудес, и много болящих получали исцеления от своих недугов. Один иллирийский знатный вельможа по имени Леонтий[6989] впал в тяжкий, неизлечимый недуг. Слыша о чудесах святого страстотерпца, он с верою обратился к святому великомученику Димитрию. Когда его внесли в храм и положили на том месте, где были погребены мощи святого великомученика, он тотчас получил исцеление и встал совершенно здоровым, благодаря Бога и прославляя Его угодника святого Димитрия.

По чувству благодарности к святому Леонтий захотел выстроить в честь сего славного великомученика великую и

прекрасную церковь. Прежний небольшой храм был разобран и вот, когда стали копать ров для фундамента, были обретены мощи святого великомученика Димитрия, совершенно целые и без всякого тления; из них истекало благовонное миро, так что весь город наполнился благоуханием.

На сие духовное торжество собралось много народа. С великим благоговением святые мощи были взяты из земли, причем бесчисленное множество больных получали исцеление через помазание истекавшим миром[6990]. Леонтий радовался не столько о своем исцелении, сколько об открытии святых мощей. Скоро окончил он начатое дело и построил на том месте прекрасный храм во имя святого Димитрия. Здесь в ковчеге, окованном золотом и серебром и украшенном драгоценными камнями, и были положены честные мощи великомученика. Но заботы Леонтия простирались еще далее: он купил села и виноградники и отдал их на содержание служащих при сей церкви. Когда пришло ему время возвратиться на родину, он задумал взять с собою некоторую часть мощей святого, чтобы в своем городе построить церковь во имя Димитрия. Но святой, явившись, запретил ему отделять какую бы ни было часть мощей. Тогда Леонтий взял только обагренную кровью святого плащаницу и, вложив ее в золотой ковчег, отправился к себе в Иллирию. Во время путешествия от той плащаницы по молитвам святого произошло много чудес. Раз Леонтию во время своего возвращения надлежало переправляться через одну реку, которая сильно разлилась и грозно бушевала[6991]; страх и ужас охватили его, но вдруг пред ним предстал святой Димитрий и сказал:

– Возьми ковчег с плащаницей в руки и перестань бояться.

Леонтий поступил по совету святого: и сам он и бывшие с ним все благополучно переправились. Когда он возвратился к себе на родину, то прежде всего построил прекрасный храм во имя святого великомученика Димитрия. Призывая с верою имя этого великого подвижника Христова, Леонтий по молитвам святого сотворил чудеса. Правитель Иллирии был сильно болен, так что гной и струпья покрывали все его тело от головы до ног. Но Леонтий избавил болящего от его тяжкого недуга,

обратившись с молитвой к святому Димитрию; также дивно исцелил он одного кровоточивого, уврачевал другого беснующегося; много и других чудес там произошло по молитвам святого. Но особенно много было чудес в Солуни, где почивали мощи сего великомученика.

Однажды в храме, посвященном святому великомученику, произошел пожар. Особенно сильно повреждена была серебряная сень над мощами угодника Божия: от огня она расплавилась. Бывший в то время архиепископ Евсевий весьма заботился о том, чтобы вновь сделать сень. Но у него было слишком мало серебра. В сем храме находился серебряный трон, оставшийся совершенно неповрежденным во время пожара. Сей трон и задумал архиепископ перелить на сень ко гробу святого, но пока еще не сообщал никому о своем намерении. В то же самое время при сем храме был один благочестивый пресвитер, по имени Димитрий. Святой великомученик явился ему и сказал:

– Иди и скажи епископу города: не дерзай переливать трона, который находится в моем храме.

Димитрий тотчас же отправился к Евсевию и сказал ему, чтобы он отказался от своего намерения. Архиепископ сначала сильно был поражен словами пресвитера, но потом, полагая, что Димитрий мог как-нибудь узнать его намерение, перестал дивиться сему и даже сделал выговор пресвитеру. Спустя несколько дней архиепископ уже приказал явиться к себе мастерам. В это самое время к Евсевию вторично пришел пресвитер Димитрий и сказал:

– Святой великомученик снова явился мне грешному в сонном видении и приказал сказать тебе: ради любви ко мне не переливай трона.

Архиепископ также сурово отпустил пресвитера, но, однако, пока не велел переливать трона. Через некоторое время он опять хотел было отдать трон, но святой Димитрий, явившись тому же пресвитеру сказал:

– Не унывайте, я сам забочусь о моем храме и городе, предоставьте мне самому попечение о том.

Тогда архиепископ уже не мог воздержаться от слез и сказал всем окружающим:

– Подождем немного, братие, ибо нам обещал свою помощь сам угодник Христов.

Не успел архиепископ кончить своей речи, как пришел один солунский гражданин, по имени Мина, и принес с собою 75 фунтов серебра.

– Часто святой Димитрий, – говорил Мина, – избавлял меня от опасностей и даже спасал от смерти. Я уже давно хотел сделать пожертвование в храм моего милостивого покровителя и дивного заступника. Ныне с самого утра какой-то голос побуждал меня:

– Ступай и сделай то, что намеревался давно сделать. Отдавая серебро, Мина пожелал чтобы сие серебро было истрачено на сень ко гробу великомученика. После этого явились и другие граждане солунские и также принесли серебро. Из пожертвований была сделана прекрасная сень к гробнице святого великомученика Димитрия.

В царствование императора Маврикия[6992] авары[6993] потребовали большой дани от жителей Византии, но Маврикий отказался исполнить их требование. Тогда они собрали громадное войско, в состав которого входили главным образом славяне, и решили взять Солунь, отличавшуюся своей обширной торговлей и великими богатствами. Хотя император Маврикий и прислал в сей город войско, но свирепствовавшая незадолго перед тем язва сильно уменьшила число Солунских жителей, да и число неприятельского войска было громадно: оно простиралось до 100000. Еще дней за 10 до прибытия врагов, святой Димитрий явился архиепископу Евсевию и сказал, что городу грозит страшная опасность. Но солуняне думали, что неприятельское войско приблизится к городу еще нескоро. Вдруг, вопреки ожиданию, неприятель показался недалеко от городских стен. Он даже мог бы беспрепятственно войти ночью в город, но могущественная десница Всевышнего, по молитвам святого Димитрия, остановила дивным образом страшных врагов недалеко от города. Враги приняли один из укрепленных монастырей, находившихся вне города, за самую

Солунь и простояли под ним целую ночь; наутро они заметили свою ошибку и устремились на сам город. Неприятельские отряды прямо пошли на приступ, но тут на городской стене на глазах у всех появился святой Димитрий в виде вооруженного воина, и первого из неприятелей, который поднялся на стену, он поразил копьем и сбросил со стены. Последний, падая, увлек за собою других наступавших – ужас тогда вдруг овладел врагами, – они немедленно отступили. Но осада не окончилась, она только еще начиналась. При виде множества врагов, отчаяние овладело даже самыми храбрыми. Все сначала думали, что гибель города неизбежна. Но потом, видя бегство врагов и покровительство дивного заступника, жители ободрились и стали уповать, что защитник Солуни, святой Димитрий, не оставит своего родного города и не допустит, чтобы он достался врагам. А между тем неприятели начали осаждать город, придвинули орудия и стали потрясать основания городских стен; тучи стрел и камней, пущенных из метательных орудий, застилали свет дневной – вся надежда оставалась на помощь свыше, и толпы народа наполняли храм во имя святого Димитрия. В то время в городе был один богобоязненный и весьма добродетельный человек, по имени Иллюстрий. Придя ночью в церковь святого великомученика Димитрия, он в церковном притворе горячо молился Богу и Его славному угоднику об избавлении города от врагов, и вдруг сподобился узреть дивное видение: пред ним предстали два неких светлых юноши, кои были похожи на царских телохранителей – то были Ангелы Божии. Двери храма сами распахнулись пред ними, и они вошли внутрь церкви. Иллюстрий последовал за ними, желая посмотреть, что будет потом. Войдя, они громогласно сказали:

– Где находится господин, живущий здесь?

Тогда явился другой юноша, по виду похожий на слугу, и спросил их:

– Для чего он нужен вам?

– Господь послал нас к нему, – отвечали они, – чтобы сказать ему нечто.

Указав на гроб святого, слуга-юноша сказал:

– Вот он!

– Возвести ему о нас, – сказали они.

Тогда юноша поднял завесу, и оттуда навстречу пришедшим вышел святой Димитрий; видом он был такой, как его изображают на иконах; от него исходил яркий свет, подобный солнечному. От страха и ослепительного блеска Иллюстрий не мог смотреть на святого. Пришедшие юноши приветствовали Димитрия.

– Благодать да будет с вами, – ответствовал святой, – что побудило вас посетить меня?

Они же отвечали ему:

– Владыка послал нас, повелевая тебе оставить город и пойти к Нему, ибо Он хочет предать его в руки врагов.

Услышав сие, святой преклонил голову и молчал, проливая горькие слезы. А юноша-слуга сказал пришедшим:

– Если бы я знал, что пришествие ваше не принесет радости моему господину, не сказал бы ему о вас.

Тогда и святой начал говорить:

– Так ли изволил Господь мой? Такова ли воля Владыки всяческих, чтобы город, искупленный честною кровью, предать в руки врагов, которые не знают Его, не веруют в Него и не чтут Его святого имени?

На сие пришедшие отвечали:

– Если бы не изволил так Владыка наш, не послал бы Он нас к тебе!

Тогда Димитрий сказал:

– Ступайте, братие, скажите Владыке моему, что раб Его Димитрий говорит так:

– Знаю я щедроты Твои, человеколюбивый Владыко Господи; даже беззакония всего мира не могут превзойти милосердия Твоего; ради грешных Ты пролил Свою святую кровь, Ты положил за нас душу Свою; прояви же ныне милость Свою на сем городе и не повелевай мне оставлять его. Ты Сам поставил меня стражем сего города; позволь мне подражать Тебе, моему Владыке: дай мне положить душу свою за жителей сего города, и если им суждено погибнуть, то погибну и я вместе с ними; не погуби же, Господи, города, где все взывают к

Твоему святому имени; если люди сии и согрешили, они все-таки не отступили от Тебя: ведь Ты Бог кающихся.

Пришедшие юноши спросили Димитрия:

– Так ли отвечать нам пославшему нас Владыке?

– Да, отвечайте так, – сказал он, – ибо я знаю, что Господь «не до конца гневается, и не вовек негодует» (Пс.102:9).

Сказав сие, святой вошел в гробницу, и священный ковчег затворился; а беседовавшие с ним Ангелы стали невидимы. Вот что сподобился узреть Иллюстрий в чудесном и страшном видении. Наконец, придя в себя, он упал на землю, благодарил святого за попечение о городе, возносил ему хвалу за то, что он молил Владыку не предавать жителей Солуни в руки врагов. Утром Иллюстрий рассказал обо всем виденном гражданам и ободрял их мужественно бороться с неприятелями. Услыхав рассказ Иллюстрия, все со слезами просили Господа, чтобы Он ниспослал им милость, и призывали на помощь святого Димитрия. Заступлением святого, город остался цел: в скором времени враги отступили от стен с великим стыдом, не имея сил взять город, хранимый славным угодником Божиим. На седьмой день осады враги без всякой видимой причины обратились в беспорядочное бегство, побросав свои палатки и метательные орудия. На следующий день некоторые из врагов вернулись и рассказали следующее:

– С самого первого дня осады мы видели у вас такое множество защитников, что они далеко превосходили наше войско. Мы думали, что воинство ваше скрывается у вас за стенами. Вчера оно вдруг устремилось на нас, и мы побежали.

Тогда изумленные граждане спросили: «Кто предводительствовал войском?»

– Мы видели, – отвечали возвратившиеся враги, – огненного сияющего мужа на белом коне в белоснежной одежде.

Граждане Солунские, слыша сие, поняли, кто обратил врагов в бегство. Так святой Димитрий защитил свой город.

Вскоре после того как неприятели отступили от Солуни, другое бедствие обрушилось на сей город. Враги, в великом множестве, опустошали во время осады все хлебные запасы, так что в самом городе произошел великий голод: люди в

большом числе стали умирать от недостатка пищи. Видя, что его родной город гибнет от голода, святой несколько раз являлся на кораблях, плававших в море, обходил пристани и многие острова, повелевая повсюду кораблям с пшеницею плыть в Солунь, и таким образом избавил от голода свой город[6994].

Когда благочестивый царь Юстиниан[6995] выстроил прекрасный и великолепный храм в Царьграде во имя Премудрости Божией, он послал в Солунь честных мужей, чтобы они принесли оттуда некоторую часть мощей святого на украшение и освящение вновь воздвигнутого храма. Придя в Солунь, посланные приблизились к честному ковчегу, где почивали мощи великомученика, чтобы исполнить царское повеление; вдруг из ковчега вырвался столб пламени, осыпав всех целым снопом искр, и из огня послышался голос:

– Стойте и не осмеливайтесь.

Объятые страхом, присутствовавшие упали на землю; затем посланные, взяв только несколько земли с того места возвратились к царю и рассказали ему обо всем случившемся с ними. Все слушавшие их рассказ были поражены удивлением. Одну половину взятой земли посланные передали царю, а другую положили в церковную сосудохранительницу.

На обязанности некоторого юноши Онисифора лежало зажигать свечи и оправлять лампады в церкви святого Димитрия. Наущаемый диаволом, сей юноша стал красть свечи и тайно продавал их, а деньги, вырученные от такой продажи, присваивал себе. Святой Димитрий не потерпел такого злодеяния, совершаемого в храме, ему посвященном: он явился во сне Онисифору и с величайшим снисхождением стал обличать его:

– Брат Онисифор, мне неприятно, что ты крадешь свечи; через сие ты причиняешь убыток тем, кто приносит их; не менее ты вредишь самому себе; вспомни, что людей, поступающих подобно тебе, ждет осуждение; оставь сие злое дело и покайся.

Онисифор, проснувшись, почувствовал стыд и страх; но спустя некоторое время он забыл повеление святого и опять стал красть свечи, как делал то раньше, – наказание скоро

постигло его. Однажды некий благочестивый человек, встав рано утром, пришел в церковь святого Димитрия и принес несколько больших свечей. Он зажег их, поставил у гроба великомученика и, помолившись, ушел из храма. Подойдя к свечам, Онисифор протянул руку свою, чтобы взять их, как вдруг раздался голос из гроба святого:

– Опять ты делаешь то же!

Пораженный сим голосом, как громом, Онисифор тотчас рухнул на землю и лежал, как мертвец, до тех пор, пока не вошел один из клириков. Пришедший поднял юношу, объятого ужасом. Как только Онисифор пришел в себя, он рассказал все: и свою греховную страсть, и первое явление ему во сне святого, и вторичное обличение Димитрия. Тогда все, слыша такой рассказ, пришли в великий ужас.

Много пленных было освобождено святым великомучеником Димитрием от ига неверных. – Так один епископ был взят варварами и заключен в оковы, но святой явился ему, освободил его от оков и, хранимый святым, епископ благополучно прибыл в Солунь. В другой раз варвары, нахлынувши в пределы сего города, забрали многих жителей. Между пленниками находились две прекрасные девицы; они хорошо умели вышивать на пяльцах и изображать на ткани разные цветы, деревья, птиц, зверей и человеческие лица. Варвары отвели их в свою землю и отдали в дар своему князю. Узнав об их искусстве, князь сказал им:

– Мне известно, что в вашей земле есть великий бог Димитрий, который творит дивные чудеса; вышейте на полотне его изображение, и я поклонюсь ему.

Девицы отвечали:

– Нет, князь, Димитрий не Бог, а только великий слуга Божий и помощник христианский. Твоего требования мы не исполним, ибо знаем, что ты хочешь не поклониться ему, а надругаться над его изображением.

– В моей власти, – отвечал им князь, – ваша жизнь и смерть; выбирайте, чего вы хотите: или сделайте то, чего я требую от вас, тогда будете живы; а если не исполните моего приказания, вас немедленно казнят.

Боясь погибнуть, пленницы стали вышивать изображение святого Димитрия. Пред самым днем, когда празднуется память святого, девицы окончили свою работу и ночью на 26 октября, сидя за пяльцами, они, склонившись на вышитый ими образ, начали плакать:

– Не прогневайся на нас, мученик Христов, – говорили они, – мы знаем, что беззаконный князь хочет посмеяться над твоим изображением; призываем тебя в свидетели, что мы не хотели вышивать твоего образа, нас заставили сделать сие под угрозой злой смерти.

Плача таким образом над изображением святого, они заснули.

Во время их сна святой Димитрий, чудесным образом, как некогда Ангел Аввакума, перенес тех девиц вместе с их работою в ту же самую ночь в Солунь на свой праздник и поставил их в церкви у своих мощей во время всенощного бдения. Видя такое чудо, все удивились, а девицы, пробудившись, возгласили:

– Слава Богу. Где находимся мы?

От удивления они не могли прийти в себя и думали, что все сие происходит во сне.

Наконец, они убедились окончательно, что действительно находятся в Солуни, видят пред собою гробницу святого, предстоят в его храме, где находится множество молящегося народа. Тогда во всеуслышание они стали благодарить своего заступника, святого Димитрия, и рассказали все, случившееся с ними. Жители Солуни, обрадованные таким дивным чудом, с великим ликованием праздновали тогда день памяти святого Димитрия, а вышитый образ поставили над алтарем, и много чудес совершалось от него во славу Бога, Единого в Троице. Слава, честь и поклонение от всей твари да будет Ему вовеки, аминь.

Тропарь, глас 3:

Велика обрете в бедах тя поборника вселенная, страстотерпче, языки побеждающа. Якоже убо Лиеву низложил еси гордыню, и на подвиг дерзновенна сотворив Нестора, тако,

святе Димитрие, Христу Богу молися даровати нам велию милость.

Кондак, глас 3:

Кровей твоих струями Димитрие, церковь Бог обагри, давый тебе крепость непобедимую, и соблюдая град твой невредимь: того бо еси утверждение.

В тот же день память преподобного Афанасия, в Мидикийском монастыре в Вифинии подвизавшегося; скончался около 814 года. О нем повествуется в житии преподобного Никиты Мидикийского (3 апреля)

Страдание святого мученика Нестора

Память 27 октября

Нечестивый царь Максимиан, прозванный Геркулом, друг Диоклетиана, придя в город Солунь, вверг в темницу святого Димитрия за исповедание Христа, а сам предался зрелищам и присутствовал на играх.

При этом он хвастался одним своим борцом, по имени Лием, происходившим из Вандальского племени, говоря, что его никто не может одолеть.

Сей Лий был вторым Голиафом[6996]: ростом он превосходил всех людей, видом и характером был подобен зверю, а голос его походил на рев рыкающего льва. От самого взгляда его и голоса трепетали все, смотревшие на него; крепость его тела была удивительна, а сила непобедима, ибо духи нечистые обитали в нем, и вследствие сего никто не мог устоять пред ним. Уже он убил бесчисленное множество людей храбрых и сильных и был весьма любим царем за такую силу. Так как сам царь никак не мог насытиться человеческою кровью, то он и любил того, кто всю свою телесную силу обратил на пролитие человеческой крови.

Для этого нечестивого Лия царь устроил среди города высокий и обширный помост на столбах, где Лий мог бы производить состязания в силе, на виду у всех. Под тем помостом было натыкано множество копий и других оружий, острием вверх – для того, чтобы Лий сбрасывал побежденных им на эти острые оружия, пронзенные коими падая умирали. И действительно, Лий, вступая в борьбу с людьми, сбрасывал их под помост на копья и предавал смерти. Царь же, со всем множеством своих воинов, смотрел на сие с удовольствием и любовался своим борцом. Смотрел на сие зрелище и солунский народ, среди коего было много верующих. Видя проливаемую этим бесчеловечным зверем человеческую кровь, они тяжко вздыхали: ибо Лий убил уже много христиан, которых нечестивые насильственно влекли на помост и принуждали бороться с Лием.

В том городе жил юноша, по имени Нестор, крепкий телом, красивый лицом, с едва пробивающеюся бородою. Он был близок к великомученику Димитрию, у коего и научился святой вере. Видя неповинно убиваемых христиан, он воспылал ревностью и вознамерился вступить в борьбу с силачом Лием. Придя к святому Димитрию, находившемуся в темнице, он рассказал ему, как много христиан убил Лий в тот день.

– Помолись обо мне, угодник Божий, – говорил он, – чтобы по твоим святым молитвам Бог помог мне. Я пойду и поборюсь с тем супостатом, одолею его и сниму поношение с христиан.

Святой Димитрий сотворил на челе и персях его крестное знамение, благословил его и предсказал:

– Лия ты победишь и будешь мучим за Христа. Приняв благословение, святой Нестор тотчас пошел к месту состязания, снял на виду у всех верхние одежды и громко возгласил:

– Я хочу бороться с Лием!

Видя такую смелость юноши, царь изумился и, сожалея о его красоте и молодости, сказал ему:

– Разве ты не видел, сколько победил Лий более храбрых и сильных, чем ты? А ты, невысокий ростом и юный годами, осмеливаешься идти против того, равного которому нет под солнцем.

Нестор ответил на это:

– Если я мал и немощен, то велика и непобедима сила Христа моего, на Коего я надеюсь и во имя Коего я хочу побороться с этим исполином.

Услышав Христово имя и поняв, что Нестор – христианин, царь разгневался и велел ему немедленно идти на помост, думая, что с Нестором случится то же, что и с прочими. Святой Нестор осторожно поднялся на место борьбы; Лий же, шутя и смеясь, стал наступать на святого. Видя приближение Лия, Нестор оградил себя крестным знамением и громким голосом воскликнул:

– Боже Димитрия, помоги мне!

Затем он схватился с супостатом и начал бороться. Бог, укрепивший некогда Давида в борьбе с Голиафом, укрепил и раба Своего Нестора против нечестивого Лия – на посрамление

нечестивому царю, а верным своим на радость. И действительно, малый ростом Нестор оказался в своей храбрости сильнее великого Лия. Схватив его, как птицу, он сбросил великана с высокого помоста на острые копья. Упав на них, как крепкий дуб, Лий с позором изверг свою окаянную душу, и таким образом погибла память его с шумом, исчезла его гордая сила и прекратилось суетное хвастовство Максимиана своим борцом. Весь народ солунский – в особенности христиане, видя сию неожиданную и славную победу, воскликнули громким голосом:

– Велик Бог Димитрия!

Царь, встав со стыдом, пошел в свои палаты, скорбя и горюя о своем любимце Лие. Он сильно разгневался на святого Нестора и повелел схватить его. Узнав же, что и Димитрий повинен в смерти Лия, так как он укрепил Нестора на подвиг, предсказав ему победу, царь повелел казнить обоих. Святой Димитрий был исколот копьями, а святой Нестор усечен мечом. Ныне оба они приемлют от Подвигоположника Христа венцы победы в Царствии Небесном, коего и мы да сподобимся молитвами святых страстотерпцев.

Кондак, глас 2:

Страдальчествовав добре, безсмертную славу наследовал еси ныне, яко воин изрядный Владыки был еси, молитвами Димитрия мученика: с ним убо, Несторе мудре, моля не престай о всех нас.

Житие преподобного Нестора летописца

Память 27 октября

Всякое событие, если бы не было закреплено писанием, забылось бы и утратилось для знания. Так, если бы Моисей, наученный Богом, не оставил нам в своих книгах известий о самом начале и первом строении мира, а также о родоначальнике нашем Адаме, то все сие продолжительность времени покрыла бы, как тьмою, и привела бы в забвение. Но Бог, сохраняющий в людях память о своих чудесах, в какое захочет время, воздвигает описателей, дабы последующие поколения, прочитав начертанное ими, могли сим воспользоваться. Подобным образом Господь явил и в нашей, Русской земле, в святом Киево-Печерском монастыре, приснопамятного писателя, преподобного отца нашего Нестора, который просветил очи наши, изложив полезное для нас, и тем вызвал у нас благодарение Богу[6997]. Он написал нам о начале и первом устроении нашего русского мира, не только внешнего, но и особенно внутреннего, духовного, – то есть об основании и благоустройстве на Руси иноческого жития, насажденного, как в раю, в святом Печерском монастыре, а равно о духовном родоначальнике нашем, преподобном Антонии, и о других последовавших ему и порожденных его духом Печерских святых. Одним из них был достохвальный сей писатель, который совершеннейшие жития их записал не только тростию на хартии, но и подобными же подвижническими деяниями на непорочной душе своей. Этим трудом он и самого себя вписал в книги живота вечного, так что и сам он достоин слышать о себе: «радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк.10:20).

В то время, когда преподобный Антоний посвятил себя безмолвию в пещере, а блаженный Феодосий строил монастырь, пришел к ним, желая принять святой иноческий образ, сей блаженный отец наш Нестор, имевший тогда только семнадцать лет от рождения. Еще не будучи иноком, он обнаружил навык во всех иноческих добродетелях, как-то: в

заботливости о чистоте телесной и душевной, в добровольной нищете, глубоком смирении, беспрекословном послушании, строгом постничестве, непрестанной молитве, неусыпном бодрствовании и в других равноангельских подвигах, в коих он был усердным подражателем жизни первых святых Печерских – Антония и Феодосия. От сей святой двоицы он принимал в своей цветущей красотою юности всякую заповедь с такою же любовью, как младенец – молоко от сосцов и как жаждущий олень – воду из двух источников, текущих среди гор, в пещерах. И действительно, своими писаниями он обнаруживает, какую великую любовь питал он к сим преподобным основателям монастыря – любовь, являемую «не словом или языком, но делом и истиною» (1Иоан.3:18). Видя сияющие добрые дела этих двух великих светил российского неба, он усердно прославлял Бога «в теле своем и в душе своей» (ср. 1Кор.6:20). После честной пред Господом смерти преподобных отцов, Антония и Феодосия, блаженный отец наш Нестор и сам умер для мира не только мирскими делами, – что он сделал еще раньше, не пребывая в искусе, – но и мирским образом, приняв святой ангельский образ инока от преподобного Стефана, игумена Печерского. Потом им же был он возведен и в сан диакона. Тогда, видя на себе двоякий Ангельский сан, иноческий и диаконский, он со дня на день увеличивал свои добродетели, умерщвляя все плотские страсти и соблюдая всякую истину, чтобы совершенно освободиться от власти плоти и стать вполне духовным, а равно истинным рабом и поклонником Бога. Ибо он хорошо знал, что сказал Сам Господь: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоан.4:24). И подлинно: чем побеждал духа лукавого, чуждого всякой истины, Нестор достаточно ясно показывает в своем писании: он обнаруживает везде величайшее смирение и постоянно унижает себя, называя себя «недостойным, грубым, невеждою и исполненным множества грехов».

Когда же по внушению Божию, братия решили на совете – выкопать честные мощи преподобного Феодосия и перенести их из пещеры в святую, Богом созданную, Печерскую церковь, первый принял на себя сие послушание блаженный Нестор.

Копая землю с великою верою и молитвою, он трудился всю ночь и ископал для святого Печерского монастыря многоценный бисер, – мощи преподобного Феодосия. Он вынес их из пещеры и был очевидцем великих, совершавшихся при сем, чудес, о чем сам свидетельствовал.

И прожил он много лет, трудясь над составлением летописания. Памятуя о летах вечности, он благоугождал Творцу лет, к Коему перешел в вечность после своей временной жизни. Он положен в пещере, где и доныне почивает его нетленное честное тело, источая чудотворения и тем свидетельствуя, что преподобный сей составитель житий святых и летописи приобрел для себя нетленное жилище на небе и удостоился нетленного венца в царстве Божием. По молитвам преподобного сего писателя, да сподобимся и мы быть вписанными в книгах живота Агнца Божия, лета Коего не оскудеют. Ему с Богом Отцом и Животворящим Духом подобает от нас всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Память святых мучениц Капетолины и Еротииды

Память 27 октября

Сии святые жили при императоре Диоклетиане и правителе Каппадокии[6998] Зеликинтии. Св. Капетолина, происходившая из богатого и знатного рода[6999] все имущество свое раздала нищим, а рабов отпустила на свободу. Как христианка, она была схвачена и заключена в темницу, а затем, не согласившись принести жертву идолам, усечена мечом. Служанка ее Еротиида была подвержена истязанию палками за то, что бросила, заступаясь за госпожу, в правителя камнем. Оставшись после истязания невредимою, она также была усечена мечом.

Страдание святой великомученицы Параскевы

Память 28 октября

В то время, как нечестивый царь Диоклетиан воздвиг гонение на христиан, в городе Иконии проживала одна благородная и красивая девица, по имени Параскева. Родители ее – христиане, воспитав и научив дочь свою хранению святой веры и заповедей Господних, отошли ко Господу. Они оставили свою блаженную дочь наследницею большого имущества.

Достигнув совершеннолетнего возраста, девица Параскева стала подражать вере и делам своих родителей. Она начала тратить свое имущество не на украшение своей юной красоты и молодости и не на роскошную жизнь, но на одеяние нагих, пропитание голодающих, угощение странников. Параскева не обращала никакого внимания на своих женихов, домогавшихся сожительства с нею: она скоро соделалась невестою Единого бессмертного Жениха, Единородного Сына Божия, для Которого и жила в святости и праведности. Пресвятое Имя Его она исповедовала пред людьми непрестанно, всякий день, приводя их тем к познанию истины.

Некоторые из людей уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, а другие, неверующие, злословили святую. Параскева же смело проповедовала пред ними слово Божие и изобличала суету бездушных идолов. Не желая слушать от нее таковых обличений, неверующие граждане схватили ее и предали побоям, а потом ввергли в темницу.

В то время в Иконию пришел некий военачальник, присланный в эту страну императором Диоклетианом с целью истребить там всех христиан. Граждане, приступив к нему, сказали:

– Светлейший военачальник, в сем городе есть девица, которая верует в Распятого Христа и проповедует Его; она занимается волшебством и немало уже людей отвратила своим чародейством от принесения жертв нашим богам. Она не перестает произносить хуления на изображения наших богов и

на самодержца. Услышав царское приказание о том, что должны быть казнены все не поклоняющиеся богам, мы схватили сию девицу и держим ее в темнице.

Выслушав сие, военачальник приказал представить святую девицу к себе на суд; когда святая мученица шла на судилище, ее осенил Святой Дух, и лицо ее сделалось светлым, так что все взирающие на нее удивлялись и говорили:

– Посмотри! Она нисколько не удручена печалью, лицо ее даже как будто сияет.

Когда она стала пред судьями, военачальник посмотрел на нее и, удивившись красоте и благородству ее лица, сказал предстоявшим:

– Вы напрасно оклеветали сию прекраснейшую девицу: ведь невозможно погубить такую солнцеобразную красоту.

И он сказал ей:

– Девица, скажи нам твое имя!

Святая Параскева отвечала:

– Я христианка, раба Христова.

Военачальник сказал:

– Созерцание красоты твоего лица склоняет меня к кротости, а исходящие из твоих уст слова возмущают до глубины души: я не желаю слышать таких речей!

Святая отвечала:

– Всякий правитель, производящий справедливый суд, слыша правду, радуется, а ты, выслушав сказанную мною истину, прогневался.

Мучитель на это сказал:

– Я потому гневаюсь, что не получил от тебя ответа; ведь я спросил тебя о твоем имени, а ты мне его не сказала.

Святая отвечала:

– Прежде всего мне надлежало сказать мое имя по вечной жизни, а потом уже объявить имя по жизни временной. Итак, я сказала свое имя по жизни вечной, что я христианка, Христова раба, а по временной жизни я родителями наречена Параскевою, так как родилась в день Параскевы (Параскева по-гречески значит – пятница).

– Родители мои, – продолжала святая, – шестой день, который есть день вольных и животворящих страстей Господа нашего Иисуса Христа, всегда почитали постом, молитвами и милостынями. Так они делали в честь Христа, веруя, что из-за любви к роду человеческому в этот день Он излил Свою кровь и положил за нас на кресте Свою жизнь. Бог и даровал им плод честного их супружества – меня, недостойную Свою рабу, в тот именно день, который они добродетельно почитали, воспоминая страсти своего Владыки. Им заблагорассудилось дать мне то имя, которым называется этот день, и вот от дня Параскевы и я именуюсь Параскевою, – я – общница страстям Христовым.

Военачальник сказал:

– Перестань говорить сии безумные слова и принеси жертву нашим богам; тогда я возьму тебя в жены, и ты сделаешься обладательницею большого богатства, и многие тебя будут величать на земле.

На сие святая Параскева ответила:

– Я имею Жениха на небе, Иисуса Христа, и в ином муже не нуждаюсь.

Тогда военачальник сказал:

– Я помилую твою красоту и пощажу юность твою.

– Не щади временной красоты: – сказала святая, – ныне она цветет, а наутро увянет; помилуй лучше себя, ибо тебя ожидает вечное мучение.

После этого военачальник разгневался и приказал разодрать на ней одежды и бить ее суровыми жилами. В то время, как били святую, она не испустила ни одного звука, но, молча устами, сердцем взывала ко Христу, испрашивая у Него помощи в мучениях. Военачальник же, все еще щадя красоту ее (ведь он поражался и соблазнялся ее красотою), приказал перестать бить ее и стал кротко говорить ей:

– Девица! Пощади свою юность, не губи своей прекраснейшей молодости! Принеси жертву богам и ты будешь жива и удостоишься еще большего от нас почета.

Она ничего не отвечала ему на это. Тогда военачальник, разгневавшись, сказал:

– Мне ли ты, злое христианское отродье, не отвечаешь? Святая в ответ на это плюнула ему в лицо. После того мучитель, страшно рассвирепев, приказал повесить ее на дереве и нещадно драть ее ребра железными когтями и растирать власяницей ее раны; ее плоть таким образом была изодрана до костей. Правитель, думая, что мученица скоро умрет, так как она едва уже дышала, снял ее с дерева и ввергнул в темницу. Когда она лежала здесь еле живая и уже безгласная от жестоких ран, в полночь явился ей Ангел; плечи и грудь его были перепоясаны крестообразно золотым поясом, а в руках своих он держал орудия Христовых страданий: крест, терновый венец, копие, трость и губу. Ангел сказал ей:

– Девица, общница Христовым страстям, восстань! Я прислан посетить тебя; в утешение же твое в страданиях, я принес орудия страстей Господа нашего. Взгляни на честные орудия: крест и терновый венец нетленного Жениха; посмотри на копие, прободшее животворящие ребра, на трость, написавшую прощение грехов всего мира, и на губу, которая стерла Адамов грех. Итак, восстань! Христос Господь исцеляет тебя!

И вот мученица восстала как бы от сна, а явившийся Ангел приступив отер губою все раны святой мученицы, и все тело ее стало крепким и здоровым, а красота ее лица стала еще более поразительною. Она с благоговением облобызала орудия Христовых страстей и прославила Бога. Небожитель после этого стал невидим.

С наступлением утра пришли темничные стражи и нашли Параскеву здоровою и стоявшею на молитве; на ее теле не было ни одной раны. Испугавшись, они возвестили о том военачальнику. Последний приказал привести ее к себе и, увидев ее здоровою, удивился: он не ожидал, чтобы она осталась живой от ужасных ран. Снова удивляясь необыкновенной ее красоте, он сказал ей:

– Параскева, ты видишь, как наши боги пощадили твою красоту и сохранили тебя, даровав тебе жизнь.

Святая на это сказала:

– О военачальник, покажи мне даровавших мне жизнь! Военачальник послал ее в храм своих богов, чтобы она посмотрела на их идолов. С ней пошли также идольские жрецы и множество народа; они все думали, что Параскева желает поклониться их богам. Когда они вошли в храм, в котором было множество идолов, Параскева мысленно помолилась Единому Истинному, пребывающему в вышних Богу, и, схватив за ногу идола Аполлона, сказала:

– Я тебе, бездушному, и всем вместе с тобою находящимся тленным идолам говорю: так приказывает вам Господь мой Иисус Христос – падите все вы на землю и превратитесь в прах.

И вот, по слову святой, пали и рассыпались все идолы. Тогда все выбежали из идольского храма и стали взывать:

– Велик Бог христианский!

Нечестивые жрецы, увидев разрушение и гибель своих идолов, пришли к военачальнику и, плача, сказали ему:

– Военачальник! Мы говорили тебе, – умертви сию волшебницу, так как она обольщает наш город, а ты не послушал нас, и вот она ныне своим волхованием сокрушила всех наших богов.

Исполнившись ярости, военачальник с гневом стал так допрашивать святую Параскеву:

– Какими волхвованиями ты сделала сие?

Святая отвечала:

– С именем Господа нашего Иисуса Христа на устах я вошла в храм богов ваших и так помолилась моему Господу: явись мне, Спаситель мой, – Ты, Который даровал мне жизнь. И вот Сам Господь мой и Бог мой явился мне, а твои боги, лишь только увидели Его, от страха затрепетали и, упавши на землю, разбились, показывая тем, что если они не могут помочь себе, то как помогут другим!

Тогда военачальник приказал вновь повесить Параскеву на дереве и палить ее ребра свечами. Повешенная и палимая огнем, святая воздохнула к Богу и сказала:

– Господь и Бог мой, Создатель и Промыслитель всей твари! Ты прохладил горящую печь трем отрокам, Ты избавил от

огня первомученицу Феклу, спаси же и меня, недостойную, от рук этих мучителей.

И внезапно явился Ангел, прикоснулся к свечам и запылал весьма сильный огонь, истребивши множество беззаконников. А народ взывал:

– Велик Бог христианский!

И уверовало во Христа тогда множество народа; военачальник же, заметив волнение в народе, боялся, как бы на него не восстал народ, и поспешно приказал усекнуть святую мечом. В то время как отсечена была ее голова, некоторые слышали голос на небе, произносящий:

– Радуйтесь праведники, так как венчается мученица Параскева!

Христиане с благоговением похоронили тело святой в ее доме. – Так, окончив подвиг мучения, прекраснейшая девица отошла к своему Жениху, неся вместо елея кровь: она ныне вселилась с мудрыми девами в чертоге Христовом.

На другой день утром беззаконный военачальник выехал на охоту, но конь его внезапно рассвирепел и сбросил его в овраг: упавши, военачальник разбился и так злосчастно испустил свою окаянную душу.

Святая же и чистая душа великомученицы Параскевы отошла к Господу, и от честных ее мощей подавались многие исцеления болящим, во славу Господа нашего Иисуса Христа, Емуже со Отцем и Духом Святым да будет честь и поклонение вовеки, аминь.

Тропарь, глас 4:

Премудрая и всехвальная Христова мученица Параскева, мужескую крепость приемши, женскую же немощь отвергши, диавола победи и мучителя посрами, вопиющи и глаголющи: приидите, тело мое мечом ссецыте и огнем сожгите, аз бо, радующися, иду ко Христу, Жениху моему. Тоя молитвами, Христе Боже, спаси души наша.

Кондак, глас 3:

Всесвятое и непорочное мучение принесши, яко вено пречестное безсмертному Жениху Христу, Ангельское ликостояние возвеселила еси, и победила еси демонския козни:

сего ради тя честно верою чтим, мученице Параскево многострадальная.

Память святого священномученика Кириака, патриарха Иерусалимского

Память 28 октября

Святой Кириак, уверовавший во Христа и крестившийся после обретения честного и Животворящего Креста, был епископом Иерусалимским. Он прожил до царствования Юлиана Отступника. Последний, во время похода на персов, прибыл в Иерусалим и здесь потребовал св. Кириака на суд, и принуждал его принести жертву идолам; но святой решительно отказался сделать это. Тогда император приказал отрубить ему правую руку:

– Много посланий написал ты этой рукою, – сказал он, – и многих отклонил от почитания богов.

Потом он велел лить святому в рот расплавленное олово и положить его на раскаленное медное ложе. Мать святого, Анна, пришедшая на место мучений, была схвачена, повешена за волосы и строгана железом. После ее мученической кончины скончался и святой Кириак, брошенный в кипящий котел и пронзенный копьем[7000].

Память святых мучеников Терентия и Неониллы

Память 28 октября

Блаженный Терентий, благочестивый христианин, сочетался законным браком с единоверною Неониллою, и от сего брака родились у них семь детей: Сарвил, Фот, Феодул, Иеракс, Нит, Вил и Евникия, коих они воспитали в благочестии. Когда дети вместе с родителями были схвачены нечестивыми, и представлены на беззаконное судилище, то ясно исповедовали Христа и хулили идолов. За то они были повешены и мучимы строганием, причем раны их поливали крепким уксусом и прижигали огнем. Святые же с усердием молились и утешали друг друга. Бог не презрел их моления и послал святых Своих Ангелов, которые освободили их от оков и подали исцеление их язвам. Видя святых внезапно освобожденными от оков и исцелившимися от ран, нечестивые ужасались. После этого святые были брошены на съедение зверям, но не испытали никакого зла, ибо звери, по Божию повелению, были кротки как овцы. Тогда они были брошены в котел с кипящею смолою, но тотчас огонь угас и котел охладился, а смола стала похожа на холодную воду. Видя, что муки вовсе не наносят вреда святым, злочестивые мучители мечом отсекли им головы[7001].

Кондак, глас 4:

Мученическая честная память прииде днесь, веселящи всяческая, Терентия премудраго, и подружия его. Тепле убо стецемся, да приимем исцеление: сии бо благодать приимше от Духа Святаго, исцеляти недуги и болезни душ наших.

Память святой великомученицы Анастасии Римляныни

Память 29 октября

Во дни царя Декия и соправителя его Валериана при военачальнике Прове, недалеко от города Рима, в уединенном и малоизвестном месте, находился один небольшой женский монастырь. В нем подвизалось несколько добродетельных постниц, в числе коих находилась, престарелая летами и совершенная в добродетелях, игумения София. В монастыре том проживала блаженная дева Анастасия, родом из Рима, оставшаяся трех лет по смерти своих родителей. София воспитала ее в своем монастыре и научила всем добродетелям, так что в посте, подвигах и во всяких трудах она превосходила всех прочих. Достигнув двадцатилетнего возраста, Анастасия стала чрезвычайно красивой, так что некоторые из знатных римских граждан, прослышав о ее красоте, страстно желали взять ее в жены. Но святая дева, вменив все в ничто, соделалась Христовою невестою и, для Него соблюдая свое девство, день и ночь проводила в молитвах. Диавол не один раз покушался отвести Христову невесту от ее равноангельской жизни и склонить ее к жизни в миру, желая смутить ее нечестивыми мыслями, соблазнами лукавых уст и различными иными своими ухищрениями. Но он нисколько не успевал в своей брани против той, в немощном естестве которой вселилась сила Христова, попирающая проклятую главу змия девическими ногами. Не имея возможности этим способом одержать победу над непобедимой Христовой невестой, диавол явно восстал на нее, воздвигнув лютых мучителей. В то время было сильное гонение на христиан, и диавол научил некоторых из неверующих, враждующих против христиан, чтобы они оклеветали Анастасию пред военачальником Провом. Придя к нечестивому сему человеку, язычники стали говорить ему, что в одном уединенном месте между бедными и живущими без мужей женщинами проживает некая девица Анастасия, подобной коей по красоте нет во всем Риме.

– Эта девица – говорили они – не только не хочет иметь мужа, но над образом жизни нашей надругается, насмехается над богами нашими и верует в Распятого.

Услышав о красоте Анастасии, военачальник немедленно послал своих слуг привести ее. Пришедши, слуги долго не могли отворить ворот монастыря, так что принуждены были взять топоры и выломать двери. Постницы, увидав сие, сильно убоялись, и, отворив другие двери с противоположной стороны, убежали из монастыря. Игумения же София не выпустила Анастасии, говоря:

– Дитя мое, Анастасия! Не страшись, потому что наступило время подвига, за который Жених твой Иисус Христос хочет увенчать тебя. Я не желаю, чтобы ты убегала из монастыря, не желаю лишить мученического венца тебя, мою жемчужину, которую я, взявши трех лет, воспитала и до настоящего времени охраняла, как зеницу ока.

Когда воины ворвались в монастырь, к ним вышла София со словами:

– Кого вы ищете и чего требуете?

Они ответили:

– Старица! Выдай нам девицу Анастасию, которую ты держишь при себе, так как военачальник Пров требует ее.

– Да, я с радостью отдам вам ее, – отвечала София, – только умоляю вас, господа, подождите часа два, пока я ее наряжу, чтобы она сделалась угодною глазам господина вашего.

Слуги, предполагая, что София желает украсить ее обычными мирскими одеждами и украшениями, согласились подождать. Мать же духовная, София, желая украсить свою дочь душевными красотами, дабы она соделалась угодною Жениху Небесному, взяла и ввела ее в церковь. Поставив ее пред алтарем, София с плачем стала говорить ей:

– Дитя мое, Анастасия, теперь предстоит самим делом показать тебе усердную любовь к Господу. В настоящее время тебе надлежит стоять за своего возлюбленного Жениха – Христа до крови и доказать, что ты истинная Его невеста. Возлюбленная моя дочь! Я умоляю тебя: не допусти обольстить тебя языку, изощренному наподобие бритвы, не обольщайся

славою и подарками суетного мира и не страшись временных мук, которые исходатайствуют тебе вечную жизнь. Вот открыт пред тобою чертог Жениха; вот уготованный тебе одр покоя вечного; вот и сплетенный для тебя венец; вот уже тебя призывает на брак Жених: иди же к Нему с веселием, иди обагренная кровью, как бы одетая в брачную одежду. Умоляю тебя, дитя мое, внимай словам моим и припомни мои труды и хлопоты о тебе, как я воспитала тебя, взявши тебя с детства и все старания прилагала к тому, чтобы представить тебя чистой невестой Царю славы. Об этом я заботилась, об этом молилась, этому обучала тебя день и ночь, именно, чтобы ты навсегда соединилась с Господом всем сердцем и душою. Итак, дочь моя, не посрами меня – твою мать – ныне пред Господом и не сведи преждевременно во гроб моей старости. Если я услышу что-либо о тебе такое, что противно Христовой любви, то я внезапно умру. А если услышу, что ты за любовь ко Христу стоишь крепко и за Него не щадишь своей жизни, тогда я буду матерью веселящеюся о своей дочери[7002]; «мой рог Ты возносишь, как рог единорога, и я умащен свежим елеем» (Пс.91:11). Итак, дочь моя, не пощади твоей телесной красоты и не полюби временной жизни. Когда же тебя будут обольщать коварными словами, ты «не дай уклониться сердцу к словам лукавым» (Пс.140:4); когда же станут устрашать мучениями – ты говори: «страха вашего не убоюся, ниже возмятуся, яко со мною Бог мой» (ср. Ис.8:12); когда станут немилосердно бить тебя, ты «не бойся убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28). Станут ли терзать и строгать твою плоть, ты, в твоих страданиях, радуйся, потому что в своей плоти восполняешь лишение скорбей Христовых (Кол.1:24). Станут ли рассекать тебя на части, ты вспомни, что и волосы на голове твоей сочтены от Господа (Мф.10:30), Который сохранит все твои кости и ни одна из них не погибнет (Пс.33:21). Захотят ли отсечь тебе голову, ты смотри на главу всей Церкви – Христа, Который есть слава твоя и возносит голову твою (Пс.3:4). Не бойся, дитя мое, жестокого страдания. Жених твой невидимо предстанет пред тобою, облегчит твои болезни и избавит тебя от тяжких мучений. И когда ты застонешь, Он даст тебе отраду;

когда изнеможешь, Он укрепит тебя; когда падешь от ран, Он поднимет; когда наполнишься горестей по причине лютых язв, Он усладит твое сердце, прохладит твою душу и не отступит от тебя до тех пор, пока, исторгши тебя из рук мучителей, не введет тебя в небесный Свой чертог и, созвав все силы Ангельские и лики всех святых, дарует тебе блаженство и увенчает тебя, как Свою невесту, нетленным венцом и ты станешь соцарствовать с Ним в вечной славе.

Анастасия отвечала:

– Готово сердце мое пострадать за Христа, готова душа моя умереть за сладчайшего для меня Иисуса, так как все желания мои и воздыхания направлялись к тому, чтобы иметь возможность во свидетельство любви моей к дорогому для меня Господу положить за него мою душу. Теперь же, так как наступило время исполнения моего желания, то я с радостью предстану перед моим мучителем и стану исповедовать всесвятое имя Бога моего. Ты, мать и госпожа моя, не бойся за меня, не сомневайся о моей юности: я верую Господу моему Иисусу Христу и Он укрепит меня, Свою рабу. Возлюбленная моя мать, моли и ты Его, чтобы Он не оставил меня и не отступил от меня до тех пор, пока я не окончу за имя Его подвиг мучения и не посрамлю восстающего на нас врага.

Беседа их продолжалась долее двух часов, так что посланные военачальником слуги, не дождавшись их, сами отправились за ними в церковь. Здесь они застали святых жен, которые занимались не телесным украшением, но умиленно беседовали и взаимно утешали и утверждали себя в Господе. Разгневавшись, они схватили Анастасию, как волки овцу, наложили железные цепи на ее шею и потащили в город, где и привели ее к военачальнику. Она же, стоя перед ним, свои духовные очи обратила к своему Жениху, Христу. Все видевшие Анастасию удивлялись ее красоте, смиренному взору и кроткому лицу ее. Военачальник обратился к ней со словами:

– Какого ты рода, какой веры и как тебя зовут?

Потупив взор, святая тихим голосом отвечала:

– Я дочь одного из граждан города Рима, воспитана я в христианском благочестии, а имя мое – Анастасия.

Военачальник сказал:

– Сие имя у римлян необычное, и я не знаю, что значит Анастасия?

– Анастасия – отвечала святая, – значит «возстание», так как Бог восстановил меня говорить против тебя до тех пор, пока я не одолею отца твоего – сатану.

Военачальник продолжал:

– Девица, отвечай мне кротко, чтобы не возбудить во мне гнева: ведь я щажу твою молодость и не хочу погубить твоей красоты; послушай же меня как отца, желающего разумно тебе посоветовать. Зачем ты прельстилась вредным учением христианским и понапрасну губишь свои годы, лишаясь хорошей жизни и наслаждений, которые боги дали людям для веселья? Что за утешение избегать общества людей и проводить жизнь в уединении? Что за прибыль самовольно отдавать себя на мучение и смерть за Распятого? Не лучше ли поклониться нашим бессмертным богам, взять честного, благородного мужа, веселиться среди наслаждений, радоваться детьми, жить посреди добрых людей в славе и почете, владеть многим имением, золотом и серебром и не губить в крайней бедности и нищете своей жизни, дарованной богами для благополучного существования. Итак, я советую тебе, подойди и поклонись богам и немедленно будешь иметь мужа высокородного, почетного, славного и богатого, близкого к царскому престолу и имеющего большую силу. Вместе с ним и ты будешь пользоваться большим почетом и во все дни твоей жизни будешь наслаждаться всеми благами.

Святая Анастасия, подняв опущенные вниз свои глаза и взглянув на военачальника, на сии слова отвечала:

– Мой муж, мое богатство, жизнь и мое веселие – есть Господь мой Иисус Христос, от Которого ты не отвратишь меня твоими соблазнительными словами, не обольстишь меня, как Еву змий, не усладишь для меня горькой вашей погибели и страхом мучений не отлучишь меня от моего Господа, за Которого, если бы было возможно, я готова претерпеть мучение сто раз.

Военачальник приказал предстоявшим бить ее в лицо, приговаривая: так ли ты должна отвечать светлейшему властелину? Затем, желая посрамить ее, он приказал разодрать на ней одежду и нагою выставить ее пред всеми и спросил ее:

– Приятно ли тебе, девица, обнаженной стоять перед глазами всех?

– Безумный, бесстыдный и исполненный всяческой нечистоты, – отвечала святая. – Это не мой стыд, но твой, так как Господь мой знает, что солнце никогда не видело моей наготы, а ты меня выставил нагою на глаза столь многих людей; знай, что ты посрамил себя больше, нежели меня. Ведь меня, ради сего стыда, Жених мой покроет одеждою славы, а тебя на веки покроет стыд лица твоего и всякий разумный человек теперь скажет: если бы военачальник не был бесстыжим и исполненным нечистой похоти, он не обнажал бы для зрелища всех девического тела.

И, обратившись к обнажившим ее, она произнесла:

– Если вы обнажили мое тело, если приготовили для меня и орудия различных мучений, то зачем же вы медлите? Бейте, рубите, терзайте, покрывайте ранами обнаженное тело, покрывайте кровью открытый стыд; вот, вы видите меня приготовленную к мукам и не надейтесь что-либо другое услыхать от меня, как только то, что я желаю умереть за моего Христа.

Тогда, по повелению военачальника, она была растянута и привязана к четырем столбам вниз лицом; под нее подложили огонь с серой и смолой и мучили ее снизу огнем и зловонным дымом, а по спине, без милости, били палками. Святая же Анастасия, страдая от ударов, задыхаясь в дыму и опаляемая огнем, терпела и, вместо стона, произносила до конца Давидов псалом: «Помилуй мя, Боже…» Она была до тех пор бита, пока не изнемогли палачи. После этого, отвязав ее от столбов и сняв с костра, привязали ее к колесам и, вращая колесо, переломали все ее кости и изорвали жилы. Она же молилась ко Господу:

– Прибежище мое и Защитник мой, не отступай от меня, так как душа моя изнемогает в болезни и кости мои сокрушены.

После этой молитвы колесо вдруг остановилось, и святая мученица, отвязанная невидимою силою, оказалась совершенно невредимою и здоровою. Все бывшие здесь были страшно изумлены при виде такового чуда. Военачальник же не только не образумился, так как злоба ослепила его, но с большею свирепостью снова стал мучить святую иными муками: он приказал, повесивши, строгать ребра и терзать тело ее. Она же претерпевала все сие мужественно и к одному только Богу возводила свои очи, говоря:

– Жених мой, взгляни на мою болезнь, которую я переношу ради Тебя и благоволи ко мне, непотребной Твоей рабе, чтобы сделалось для Тебя приятным пролитие моей крови, и чтобы я не была отвержена от лика святых мучениц.

После этого она была снята с дерева, и военачальник спросил ее:

– Анастасия! хорошо ли тебе ныне?

– Весьма хорошо, – отвечала святая, – потому что, какое мучение за Того, Кого я люблю больше всей жизни моей, не стало бы для меня хорошим и приятным?

Военачальник продолжал:

– Если тебе мучения за Распятого доставляют удовольствие, то я увеличу их. Он приказал бритвой отрезать сосцы ее. Истекая кровью, святая стала сильно изнемогать и попросила напиться воды. Один из стоящих там близко, по имени Кирилл, принес и подал ей воду. Она же, выпивши немного, сказала подавшему:

– Да не лишишься ты воздаяния от Господа, потому что Он сказал: «кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мк.9:41).

Военачальник сказал ей:

– Довольно ли для тебя мучений, или желаешь еще подвергнуться мучениям?

– Делай, что хочешь, – отвечала святая, – мой Бог силен и укрепит мою изнемогающую силу на большие мучения, и низложит твою гордыню.

Мучитель приказал вырвать у нее с пальцев ногти, потом отсечь ее руки и ноги, а также выбить все ее зубы.

Святая стала снова изнемогать и попросила воды, а из уст ее изливалась река крови. Кирилл снова немного напоил ее. Мучитель, заметив Кирилла, напоившего водою мученицу и подумав, что он христианин (что и было в действительности), приказал немедленно убить его мечом. Будучи усечен, блаженный Кирилл отошел ко Господу получить свою награду за чашу холодной воды, которую он, во имя Христа, напоил Христову мученицу. Освежившись водою, святая немного отдохнула и молилась, говоря:

– Боже, Спасителю мой, не оставь меня!

Когда же военачальник приказал отрезать ей язык, святая говорила:

– Беззаконный кровопийца! Если ты отрежешь мне и язык, то сердце мое не перестанет взывать к Господу. Господь же послушает молящихся ему и в молчании.

Слуга, взяв клещи, вложил их в уста святой, сильно вытянул ими язык ее и отрезал. Народ стал возмущаться, укоряя и ругая военачальника за таковое лютое и бесчеловечное мучение. Военачальник же, разгневавшись на народ, приказал вывести святую за город и отсечь мечом честную ее голову. Таким образом, святая и достохвальная великомученица Христова Анастасия совершила подвиг мучения. Святое тело ее было брошено без погребения на съедение птицам и зверям, но, по Божественному покровительству, оно сохранилось неприкосновенным. С наступлением ночи, блаженной старице Софии явился Ангел и повелел ей взять лежавшее за городом на поле тело святой Анастасии. София, взяв чистое полотно, вышла из монастыря и не знала, куда идти. Усердно помолившись Богу, она пошла и, руководимая Самим Богом, дошла до места, где находилось святое тело духовной ее дочери, которое она стала лобызать и омывать, как бы водою, обильными слезами, с такими словами:

– Дочь моя возлюбленная, которую я воспитала в трудах и безмолвии, в посте и молитвах, сохраняла в девстве и целомудрии, поучала страху Божию и Его святой любви,

сладчайшая дочь моя, о которой я всегда соболезновала, до тех пор, пока до конца не пребыла ты верной Христу! Благодарю тебя, что ты послушала меня, убогой своей матери, и исполнила мое желание. Не понапрасну я трудилась для тебя, потому что ты предстала пред своим Женихом в брачном одеянии твоего непорочного девства, изукрасившись твоею кровью. Итак, умоляю тебя теперь не как дочь, но как мать и госпожу мою, будь твоими к Богу молитвами утверждением в моей старости и, блаженствуя с Господом, поминай меня. Когда же Он повелит мне отойти от моего бренного тела, умоли благость Его, чтобы Он был милостив к моим грехам.

Плача так, она помышляла о том, что станет делать: она была одна, и притом весьма слаба: едва-едва ходила она с палкою и не имела возможности ни взять и понести то святое тело, ни там на месте похоронить его, и потому скорбела, недоумевая, что будет делать. И вот, по Божию усмотрению, какие-то два неизвестных ей мужа, почтенные на взгляд, добрые по словам, по вере христиане, застав старицу плачущею над телом, помогли ей и, собрав отсеченные части тела, руки и ноги (так как они туда же были выброшены из города) и святую главу, все сие приложили к телу, каждый член к своему месту, и, обвив полотном, понесли в некое почетное место, где, при пении надгробных песнопений, прославляя Отца и Сына и Святого Духа, похоронили сие многоценное сокровище.

Кондак, глас 3:

Девства водами очищена преподобная, мученичества кровьми Анастасие венчавшися, подаеши сущым в нуждах, недугов исцеление и спасение, приступающым от сердца: крепость бо тебе подает Христос, источаяй благодать приснотекущую.

Житие Аврамия Затворника и блаженной Марии

Память 29 октября

Блаженный Аврамий был сыном благочестивых родителей; уже с ранней юности он любил посещать святые храмы, слушать там с умилением слово Божие и поучаться в нем.

Горячо любя своего сына, родители понуждали его вступить в брак. Он сначала отказывался, но потом, после многих и усиленных просьб, вопреки своему желанию, повиновался родителям.

На седьмой день после брака, когда Аврамий сидел однажды в опочивальне со своею женою, в его сердце внезапно воссияла, подобно свету, благодать Божия и, никому ничего не сказав, он тайно удалился из дому. По Божественному внушению, он вышел из города[7003] и, на расстоянии двух тысяч шагов от него, нашел необитаемую хижину; в ней он и поселился с радостным сердцем, прославляя Бога. Родители с родственниками, скорбя о его исчезновении, повсюду стали искать блаженного. По прошествии семидесяти дней, они нашли его в келье молящимся Богу, и весьма удивились. Блаженный же сказал им:

– Не удивляйтесь, но прославьте Человеколюбца Бога, избавившего меня от суетного мира и молите за меня Господа, дабы Он даровал мне до конца донести благое иго, коего Он сподобил меня, и оставьте меня жить здесь ради любви к Богу в безмолвии, дабы мне исполнить святую волю Его.

Родители блаженного, увидев его непреклонное решение, произнесли: «аминь».

Святой Аврамий стал умолять их, чтобы они не беспокоили его своими посещениями, и, затворив двери, оставил только небольшое оконце, через которое и принимал пищу. После этого, мысль блаженного еще более просветилась благодатью, и он преуспевал в добродетельной жизни, в великом воздержании, в смирении, любви и целомудрии. Слава о нем прошла повсюду, и все слышавшие приходили повидать и

послушать его, потому что ему даровано было слово премудрости, разума и утешения. – По истечении десяти лет, после удаления блаженного из родительского дома, родители его умерли и оставили ему большое богатство. Аврамий, не желая оставить своей молитвы и безмолвия, упросил одного близкого друга, чтобы тот раздал нищим все доставшееся ему имущество; поступив так, он оставался беспечальным; ибо главное попечение блаженного заключалось в том, чтобы ум его не прилеплялся к земным предметам, и поэтому он ничего не имел на земле, кроме одной верхней одежды, власяницы, кувшина, из которого он ел и пил, и рогожи, на которой спал. Во все годы своего иночества он не изменил своего правила, а в иночестве, с великою любовью и усердием к Богу, он пробыл пятьдесят лет.

Среди окружавших город селений находилась одна весьма большая деревня[7004], в которой все, от малого до великого, были язычники, и никого не находилось, кто бы мог обратить их к Богу. Многие пресвитеры и диаконы, будучи посылаемы туда епископом той страны, не отвратили их от идольского обольщения, потому что они не могли переносить всех, постигавших их, трудностей и оскорблений. Многие и монахи неоднократно пытались обратить язычников, но, ничего не успевая, оставляли их. Один раз епископ, беседуя с клириками своими, вспомнил блаженного Аврамия и сказал:

– Я в своей жизни не видал такого человека, как Аврамий, – сего мужа, достигшего совершенства во всяком благом и Богоугодном деле.

Клирики отвечали ему:

– Да, Владыко, он Божий раб и инок совершеннейший.

Епископ на сие сказал им:

– Я желаю сделать его священником для сей деревни: он своим терпением и любовью в состоянии будет расположить к себе сердца их и обратить к Богу.

И немедленно вместе с клиром он отправился к блаженному. Когда они пришли и поздоровались, епископ стал говорить Аврамию о той деревне и стал упрашивать его, чтобы

он отправился туда. Услышав сие, Аврамий сильно опечалился и сказал епископу:

– Отче святой! Прости меня: предоставь мне лишь плакать о грехах моих; я слаб и непригоден для этого дела.

– Силою благодати Божией, – сказал на это епископ, – ты возможешь совершить сие: не ленись же на доброе послушание.

Тогда блаженный сказал:

– Умоляю твою святыню, оставь мое ничтожество, чтобы оплакивать мне мои беззакония.

Епископ на это ответил ему:

– Вот ты оставил мир и все, что в мире, возненавидел, сораспялся Христу и исполнил все Его повеления, но послушания не имеешь.

Услышав сие, Аврамий прослезился горько и сказал:

– Кто такое я? Пес смрадный, и что моя жизнь, если ты так помыслил обо мне?

– Находясь здесь, – отвечал епископ, – ты спасешь одного лишь себя, а там, при помощи Божией благодати, спасешь и обратишь ко Господу многих.

Тогда блаженный, плача, сказал:

– Да будет воля Божия! Пойду ради послушания.

Епископ, выведя его из келлии, ввел в город и, рукоположив его, с великою радостью отправил вместе с клиром в то селение.

На пути блаженный так молился Богу:

– Благий Человеколюбче! Ты видишь мою немощь. Пошли на помощь мне благодать Твою, дабы прославилось Пресвятое имя Твое.

Придя в селение и увидев людей, одержимых бесовскими обольщениями, служащих идолам, Аврамий горько заплакал. Устремив очи свои к небу, он сказал:

– Боже, Едине Безгрешне! Не презри дел рук Твоих.

После этого он послал в город к тому близкому своему другу, которому поручил раздать нищим оставшееся после родителей имущество, чтобы он прислал ему часть его денег для устроения церкви. Друг не замедлил прислать ему, сколько

нужно было для его потребы. Тогда блаженный начал созидать храм Божий и в короткое время выстроил благолепную церковь и изукрасил ее, как прекраснейшую невесту. В то время, как устроялась церковь, блаженный приходил и молился Богу посреди идолов, ни с кем не говоря ни слова. По устроении церкви, он принес там с горячими слезами такую молитву Господу:

– Господи! Собери рассеянных людей этих и введи их в сию церковь, просвети их умственные очи, дабы они познали Тебя, Единого Благого и Человеколюбивого Бога.

Окончив молитву, он вышел из церкви, и, сокрушив языческий жертвенник, ниспроверг всех идолов. Увидев случившееся, язычники устремились на святого, подобно диким зверям, и с побоями выгнали его вон из селения. Ночью он возвратился, проник опять в селение, и, войдя в церковь, стал с воплем и плачем молиться Богу, дабы Он спас погибающих людей. С наступлением утра, язычники застали его молящимся в церкви и пришли в страх. (Они приходили всякий день в церковь – не для молитвы, а для того, чтобы видеть благолепие и красоту здания). Блаженный же стал умолять их, чтобы они познали Бога, но они били его, как бы неодушевленный камень, кольями, и, поваливши на землю, накинули на шею петлю и поволокли из селения. Думая, что он уже умер, они положили на него камень и, оставив его, ушли. Он же, будучи едва живым, в полночь пришел в сознание и, вставши, стал горько плакать и так молиться Господу:

– Владыко! Зачем Ты презрел слезы мои и смирение мое? Зачем отвратил лице Твое от меня и презрел дело рук моих? Призри теперь, Владыко, на раба Твоего, услыши мою молитву, укрепи меня и освободи рабов Твоих от уз диавольских и даруй им познать Тебя, Единого Истинного Бога, ибо нет другого Господа, кроме Тебя.

Затем Аврамий пришел в селение и, войдя в церковь, стоял, воспевая и творя молитву. Вторично, с наступлением утра, пришли язычники и, увидев его живым, сначала изумились, но потом снова стали мучить блаженного: повалив его на землю, они накинули ему веревку на шею и волочили его

по селению. Так страдал блаженный до трех лет, претерпевая все муки, как твердый камень веры, будучи и побиваем, и гоним. За все эти мучения он не гневался на них, не роптал, не был малодушен и, терпя, не унывал, но еще сильнее возгорался любовью к Богу и сожалением к заблуждающимся; он умолял и поучал – старцев, как отцов, юных – как братий, детей же, как собственных чад, подвергаясь сам обидам и поруганиям.

Однажды все живущие в том селении, от малого до великого, собрались все вместе и, удивленные жизнью Аврамия, стали так говорить между собою:

– Видите ли великое терпение сего мужа? Видите ли неизглаголанную его любовь к нам? Он, будучи сильно озлобляем нами, не отошел отсюда и никому не сказал обидного слова и даже не отвернулся от нас, но претерпевает все сие с большою радостью. Поистине он послан к нам для жизни нашей от Бога, о Котором он всегда говорит; он говорит, что наступит Небесное Царство, рай, вечная жизнь, и слова его истинны; потому что если бы не было так, как он говорит, он не претерпевал бы столь много зла от нас. Им обнаружено бессилие и наших богов, так как они не могли его наказать, когда он сокрушал их. Поистине он – раб Бога Живого, и все им сказанное суть истина. И так приступите, чтобы уверовать в проповедуемого им Бога.

Таким образом, все, устремившись, единодушно пришли в церковь, взывая:

– Слава Богу Небесному, пославшему Своего раба, который спас нас от диавольского обольщения!

Увидев пришедших язычников, блаженный возрадовался великою радостью, и лицо его было подобно утреннему свету. Отверзши уста свои, он сказал им:

– Отцы мои, братия и чада! Приидите и воздадим славу Богу, просветившему ваши сердечные очи, дабы познать Его и очиститься от нечистоты идольской. Итак, от всей души веруйте в Живого Бога, так как Он – Творец неба и земли и всего, что в них, – безначальный, несказанный, непостижимый, светоподатель, человеколюбец, грозный и правосудный

Господь. Веруйте же и в Единородного Его Сына, Который есть Его премудрость, сила и воля, и в Пресвятого Его Духа, все оживляющего, – и, уверовавши, получите жизнь небесную.

Все на это ответили:

– Отец наш и наставник нашей жизни! Мы веруем так, как ты говоришь и учишь нас, и готовы делать то, что ты нам повелишь.

После этого блаженный, собрав всех, крестил их от мала до велика, около тысячи душ, во имя Отца и Сына и Святого Духа, – и каждый день читал им Божественное Писание, поучая их и сообщая им то, что касается Царствия Небесного, рая, геенны огненной, правды, веры и любви. Они становились как бы плодородною землею, приемлющею хорошие семена и приносящею плод – иногда сто, иногда шестьдесят, иногда тридцать (Мф.13:23). Таким образом они с великим усердием, прилежанием и с наслаждением слушали его учение и повиновались его словам. Имея пред своими глазами блаженного как бы Ангела Божия и привязавшись к нему союзом любви, они внимали его святому учению.

Блаженный после того как они уверовали, прожил среди них один год, день и ночь обучая их слову Божию. А потом, уверившись в их любви к Богу и твердой вере, он пожелал оставить их, так как видел, что они его горячо полюбили и весьма почитали, и боялся, как бы его помысел не привязался к каким-либо земным пристрастиям и как бы не поколебаться ему среди своих иноческих подвигов. Итак, встав однажды ночью, он так помолился Богу:

– Едине Безгрешный, Едине Святой, во святых почиваяй, Едине Человеколюбче и милосердый Владыко, просветивший очи этих людей и освободивший их от идольского обольщения, даровавший им разуметь Тебя, соблюди и сохрани их, Владыко, до конца и защити сие доброе Твое стадо, которое Ты приобрел по многому Твоему человеколюбию, огради их оплотом Твоей благодати, постоянно просвещай их сердца, дабы они, благоугодив Тебе, сподобились Небесного Твоего Царствия: Защити и меня, слабого и недостойного, и не поставь мне сего

во грех, потому что Ты, Всеведущий, знаешь, что я Тебя люблю и к Тебе стремлюсь.

По окончании молитвы, святой осенил себя крестным знамением и тайно ушел оттуда в иное место и скрылся от них. С наступлением утра, новопросвещенные, по обыкновению, пришли в церковь и, ища святого, не нашли его, и, удивляясь, ходили, как потерянные овцы, и, со слезами призывая своего пастыря по имени, искали его. После того как они, повсюду разыскивая, не нашли его, они сильно опечалились и немедленно пошли к епископу и рассказали ему о случившемся. Последний, услышав это, опечалился и с поспешностью разослал многих слуг на поиски блаженного, особенно в виду слез и просьб его стада, – и его искали посланные, как драгоценный камень, но не находили. Епископ, придя с клиром в селение и увидав всех утвержденных в вере и любви Христовой, избрал из среды их достойных, поставил их пресвитерами и диаконами и, благословив их, удалился.

Услышав все сие, блаженный возрадовался от всего своего сердца, прославил Бога и сказал:

– Что я Тебе воздам, о благий мой Владыко, за все, что Ты воздал мне? Поклоняюсь и прославляю Твое промышление!

Помолившись так, он удалился в свою келью, в которой находился и раньше. Он устроил себе другую небольшую келью отдельно от первой и, радуясь по Бозе Спасе своем, затворился внутри ее. Диавол же, взирая на все сии подвиги Аврамия, еще более возгорелся ненавистью и всячески старался низложить доброго воина Христова. Пытаясь внушить ему помысел гордости, он пришел к нему однажды с хвалебными словами. Раз, когда блаженный стоял в полночь на молитве, внезапно в келье его воссиял свет и послышались как бы от Бога сии слова:

– Аврамий! Блажен ты, блажен, так как никто среди людей не исполнил Моей воли так, как ты.

Но блаженный тотчас же уразумел неприязненное обольщение и, возвысив свой голос, сказал:

– Исполненный лести и погибели! Да будет твоя злоба вместе с тобою в погибель! Я – человек грешный, но имею

упование на благодать и помощь Бога моего и не боюсь тебя, равно как не устрашают меня и твои появления. Для меня непобедимая стена – имя Спасителя моего Иисуса Христа, Которого я возлюбил, и именем Которого запрещаю тебе, пес нечистый, это делать.

И внезапно диавол исчез, как дым.

В другой раз, по прошествии немногих дней, когда блаженный молился ночью, сатана пришел, держа в руках топор, и, рассекая им все, стал разорять и его келью. И когда уже готовилось разрушение келлии, бес закричал другим бесам громким голосом:

– Друзья мои, поспешите, поспешите поскорее, чтобы нам войти и удавить его.

Блаженный же сказал:

– «Все народы окружили меня, но именем Господним я низложил их» (Пс.117:10).

И сатана немедленно исчез, и келлия осталась невредима. И еще после нескольких дней, молясь в полночь, он увидал, что подстилка, на которой он стоит, горит жарким пламенем. Наступив на пламень, он сказал:

– «На аспида и василиска наступлю и поперу льва и змия» (Пс.90:13) и всю силу вражию, ради имени Господа моего, Иисуса Христа, помогающего мне.

Сатана убежал и закричал громким голосом:

– Я одолею тебя, злообразный, потому что я изобрел против тебя новую хитрость.

Однажды, когда блаженный вкушал пищу, диавол опять вошел в его келью в образе юноши и, приблизившись, хотел опрокинуть на землю сосуд, из которого он ел. Заметив сие, блаженный продолжал держать сосуд и вкушать, нисколько не боясь, а диавол стоял пред ним. Затем диавол поставил светильник и на нем свечу и громким голосом стал петь:

– «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс.118:1), – и он до конца пропел тот псалом.

Святой не отвечал ему, пока не окончил своей трапезы. После этого он перекрестился и сказал, обращаясь к диаволу:

– Пес нечистый, треокаянный, бессильный и трусливый! Если ты знаешь, что непорочные есть блаженны, то зачем ты беспокоишь их? Ибо все надеющиеся на Бога и любящие Его от всего сердца суть блаженны и треблаженны.

Диавол отвечал:

– Я досаждаю им, чтобы победить их: я буду соблазнять их и отвращать их от всякого доброго дела.

Блаженный же сказал ему:

– Проклятый! Пусть не будет для тебя никакого успеха, чтобы ты не мог никого из боящихся Бога одолеть или соблазнить. Ты одерживаешь победу над подобными тебе, отступившими от Бога по своей воле, тех ты прельщаешь и побеждаешь, так как в них нет Бога, а от любящих Бога ты исчезаешь, подобно тому, как дым от ветра: одна молитва их тебя прогоняет, как ветер прогоняет прах. Жив Господь мой, благословенный вовеки, слава и похвала моя, и я не боюсь тебя, если даже будешь стоять здесь целый год или даже больше, и ничего не сделаю, нечестивый пес, по твоей воле. Я пренебрегаю тобою, как пренебрегают какою-нибудь околелой собакой.

Когда блаженный произнес сие, диавол немедленно исчез. По прошествии пяти дней, когда блаженный оканчивал пение на полунощнице, враг вновь пришел к нему, в сопровождении кажущейся большой толпы; накинув канат на его келью и повлекши ее, они закричали друг ко другу:

– Сбросим ее в ров.

Блаженный, увидев их, сказал:

– «Окружили меня, как пчелы [сот], и угасли, как огонь в терне: именем Господним я низложил их» (Пс.117:12).

Сатана же на это возопил:

– Я не знаю, наконец, что мне сделать. Вот ты уже всячески победил меня и, пренебрегая мною, низложил мою силу, но я не оставлю тебя до тех пор, пока не одолею и не смирю тебя.

Блаженный ответил ему:

– Будь проклят ты, нечестивый, и все дела твои! Владыке же нашему, Единому Святому Богу, соделывающему то, что ты попираем и поруган нами, любящими Его, – слава и

поклонение. Окаянный и бесстыдный! Узнай ныне, что мы не боимся ни тебя, ни твоих козней.

Довольно продолжительное время таким образом диавол вел борьбу со святым, желая устрашить его различными призраками, но не мог победить сего твердого угодника, и еще более был побеждаем святым. Блаженный же преуспевал в подвигах и любви к Богу, так как от всей души полюбил Бога и проводил такой образ жизни, что сподобился Божией благодати, и потому диавол не мог победить его. Во все годы его иночества, без слез не прошло ни одного дня, и он не отверзал уст своих для смеха, елей не касался его рта и он ни разу не умыл лица своего, но жил так, как будто умирал каждый день.

Сей блаженный имел родного брата, у коего была единственная дочь. Когда умер ее отец, отроковица осталась осиротевшей. Знакомые ее, взявши сию сироту, привели ее к дяде, когда ей было семь лет. Блаженный приказал ей находиться во внешней келлии, а сам проживал затворенным во внутренней. Между обеими кельями были небольшие дверцы, через которые он обучал племянницу Псалтири и прочим книгам. Отроковица, подобно ему, подвизалась в посте и молитвах и во всех иноческих добродетелях. Блаженный много раз со слезами молил Бога о ней, дабы она возлюбила Господа и не привязывала сердца своего к суете мирской. Отец ее оставил ей достаточное состояние, которое в тот же самый час, когда она приведена была к нему, святой приказал раздать нищим. – Девица же так умоляла дядю своего:

– Отче, молись за меня Богу, чтобы я избавилась от всех многоразличных дьявольских сетей.

В иноческой жизни она во всем уподоблялась своему дяде, и старец, видя ее добрые подвиги, слезы и смиренномудрие, безмолвие, кротость и любовь к Богу – радовался сему. В течение двадцати лет она иночествовала с ним, как чистая агница, как нескверная голубица. Но в конце двадцатого года, диавол, дабы уловить ее и таким путем оскорбить блаженного Аврамия и отвратить от Бога ум его, расставил сети на пути ее спасения. В то время проживал один инок, который имя только имел иноческое, а не подвиги. Он приходил к святому, под

предлогом получать от него наставления. Видя блаженную Марию через двери, он воспламенился к ней нечистою страстью, и сердце его распалилось, как пламень, от безумной страсти к ней. Так он был разжигаем любострастием около целого года, пока, наконец, при помощи сатаны, однажды не отворил дверей ее келлии и, войдя к ней, прельстил и осквернил ее. По совершении греха, девица ужаснулась, и, разорвав свои одежды, стала бить себя по лицу и от печали намеревалась даже лишить себя жизни. Она рассуждала сама с собою так:

– Согрешила я и умерла душою и погубила жизнь свою; иноческий подвиг, и воздержание мое, и слезы мои не послужили ни к чему, так как я прогневала Бога, сама себя погубила и ввергла в горькую печаль преподобного дядю моего. Я поругана диаволом, зачем же дольше мне и жить, окаянной? Горе мне! Что я сделала? Горе мне! До чего я дошла? Я и не заметила, как омрачился мой рассудок, и как я погибла! Какой то темный мрак покрыл мое сердце, и я не знаю, что я буду делать и куда скроюсь? Куда пойду, в какой ров кинусь! Где учение преподобного дяди моего и где наставление друга его Ефрема[7005]? Они говорили мне:

– Внимай себе и соблюдай неосквернённой свою душу для бессмертного Жениха, ибо Он – свят и поборает по правде. Отныне я уже не дерзну воззреть на небо, ибо для Бога и людей я умерла. Оставаться здесь я тоже не могу, ибо каким образом я, исполненная нечистоты грешница, опять начну разговаривать с тем святым отцом? Если же осмелюсь, то исшедший из тех дверей огонь, сожжет меня. Лучше удалюсь в другую страну, где не будет никого, кто бы знал меня, потому что раз я умерла, то после этого для меня уже не осталось надежды на спасение.

Немедленно собравшись, она удалилась в другой город и, изменив свой внешний вид, остановилась в гостинице. – Когда с ней происходило это, блаженному Аврамию было видение. Он видел страшного и ужасно огромного змея, омерзительного по виду, дышащего яростью, который подполз к его келье, и нашедши голубку, проглотил ее и опять возвратился на свое

место. Пробудившись от сна, блаженный сильно опечалился и горько плакал, так сам себе говоря:

– Неужели сатана воздвигнет гонение на святую Церковь и многих отклонит от веры и неужели настанет в Церкви раздор?

Помолившись Господу, он сказал:

– Человеколюбче и Всеведче Господи, Ты один разумеешь сие видение.

По прошествии двух дней, ему во второй раз представился в видении тот же змей; преподобный видел, как он вышел из своего логовища, прополз в его келью и, подложив свою голову под ноги его, лопнул; когда голубица та была найдена во чреве змея, блаженный протянул свою руку и взял ее живой и неповрежденной. Вновь проснувшись, блаженный несколько раз позвал из своей кельи через дверцы, соиночествующую с ним девицу говоря:

– Почему ты второй уже день ленишься и не воздаешь славословие Господу?

Но ответа не последовало. Отворив дверцы кельи, он не нашед своей племянницы и, уразумев, что видение, которое ему было, касается ее, заплакал и сказал:

– Горе мне: так как волк похитил мою агницу и дитя мое пленено. И со слезами на глазах воскликнул:

– Спаситель всего мира! Возврати в ограду Твоего стада Свою агницу Марию, дабы старость моя не снизошла с печалью во ад. Господи! Не презри моления моего, но пошли благодать Твою, дабы она исхитила ее из уст змея.

Прошло два дня после ухода блаженной, в продолжение которых Аврамий видел означенное видение. Мария же прожила без своего дяди в течение двух лет, а он день и ночь молился о ней Богу. По прошествии двух лет[7006], кто-то рассказал ему, где она находится и как она живет. Святой упросил одного своего знакомого отправиться в то место, чтобы узнать о ней подробнее. Посланный отправился и, узнав о Марии, возвратился и рассказал все блаженному. Услышав рассказанное, блаженный переоделся воином, надел на свою голову большую и очень высокую шапку, дабы она прикрывала лицо его, взял с собою одну золотую монету и, севши на коня, –

поехал. Он пришел в ту гостиницу, где проживала Мария, и усмехнувшись, сказал гостиннику:

– Друг, я слышал, что у тебя живет красивая девица покажи мне ее, чтобы мне в сладость на нее насмотреться.

Гостинник, видя его старческие седины, посмеялся над ними в сердце своем, потому что понял, что он расспрашивает о ней с целью блуда, и ответил:

– Действительно, у меня проживает такая девушка, и она очень красива.

Блаженная действительно была весьма красива. После этого старец с веселым взором сказал ему:

– Пригласи ее ко мне, чтобы сегодня мне повеселиться.

И когда Марию пригласили, она пришла к старцу. Лишь только святой увидал ее в блудническом украшении, ему захотелось зарыдать. Но, чтобы не быть узнанным ею, и чтобы, узнав его, она не убежала от него, он, хотя с трудом, удержался от слез. Когда они сидели и пили, сей дивный муж стал сам заигрывать с нею, а она, вставши, обняла его и стала целовать его шею. В то время, как она целовала его, ощутила исходящее от чистого и многими подвигами умерщвленного тела его благоухание. Тогда, припомнив первые дни своего воздержания, она вздохнула, прослезилась и сказала:

– О горе мне!

Гостинник же спросил ее:

– Мария, ты уже проживаешь здесь с нами второй год, и я от тебя никогда не слыхал такого слова и вздоха. Что такое сейчас с тобою случилось?

Она отвечала:

– Если бы я умерла раньше, то я была бы счастлива.

Блаженный Аврамий, чтобы Мария его не узнала, грубым голосом сказал ей:

– Ты только теперь, когда ко мне пришла, вспомнила про свои грехи.

Вынув монету, он передал ее гостиннику и сказал:

– Друг, устрой нам хорошую пирушку, чтобы мы повеселились с этой девицей. Я издалека пришел ради нее.

О, сколько в нем было премудрости, сколько духовного разума!

Человек, который в течение пятидесяти лет своего иночества до сытости не вкушал хлеба, и не пил вдоволь воды, ныне, дабы спасти погибшую душу, ест мясо и пьет вино. На небесах чины святых Ангелов удивлялись такому подвигу блаженного отца, его великодушию и разумному замыслу. Он ел мясо и пил вино, чтобы спасти от греховной скверны погибшую душу.

О, премудрость премудрых! О разум разумных!

По окончании пирушки, девица сказала ему:

– Господин, встанем и пойдем на постель, чтобы нам уснуть там.

Он отвечал:

– Пойдем.

Когда они вошли в опочивальню, Аврамий увидал большую кровать, высоко постланную, сел на нее и сказал Марии:

– Затвори двери, подойди и разуй меня.

Она, затворив двери, подошла к нему, и он сказал ей:

– Девица Мария, приблизься сюда ко мне.

Когда она приблизилась, он схватил ее, крепко сжал, чтобы она не убегла, и опять целовал ее. Затем, сняв со своей головы воинскую шапку, он расплакался и сказал ей:

– Дитя мое, Мария, разве ты меня не узнаешь? Не я ли воспитал тебя? Что с тобою случилось, дитя мое? Кто тебя загубил? Где Ангельский твой образ, который имела ты, дитя мое? Где твое воздержание и слезный плач твой? Где твое постоянное бдение и молитвенное возлежание на земле? Ты как будто спустилась с небесной высоты в ров, дитя мое! Когда ты согрешила, зачем ты мне не рассказала, чтобы я принял на себя подвиг покаяния с возлюбленным моим Ефремом? Зачем ты сие соделала, и зачем меня оскорбила и ввергла меня в столь ужасную печаль? Кто без греха, кроме Бога одного?

Слушая сие, Мария была в его руках как бы бездушным камнем, боясь и стыдясь вместе с тем. А блаженный продолжал:

– Ты не отвечаешь, дитя мое, Мария? Мне ли, жизнь моя, ты не отвечаешь? Не ради ли тебя я пришел сюда? Я за тебя буду отвечать Богу в день суда. Я на себя возьму покаяние за твои грехи.

Так он до полночи умолял и наставлял ее, плача. Она же, немного успокоившись, со слезами сказала ему:

– Мне совестно, и я не могу смотреть на тебя, – и как могу я молиться Богу, когда осквернена нечистыми делами?

Он на это сказал ей:

– Дитя, твой грех да будет на мне, пусть Бог взыщет твой грех от моих рук, только ты меня послушай, поди, и затворись снова в своей келье. За тебя молит Бога и Ефрем. Дитя мое, пощади старость мою, умоляю тебя, жизнь моя, пойдем со мною.

– Если ты уверен, – отвечала она, – что я имею возможность покаяться, и что Бог примет мою молитву, то я пойду и припаду к твоему преподобию и облобызаю ступни святых твоих ног, за то, что ты так милосердовал о мне, и пришел сюда с целью отвести меня от нечистой сей жизни.

И, положив свою голову на его ноги, она всю ночь плакала и говорила:

– Что воздам тебе за все сие?

С наступлением утра, он сказал ей:

– Дитя, встань, и удались.

– Я имею здесь немного золота и одежд, – сказала Мария, – как ты распорядишься всем этим?

– Оставь все здесь, – сказал блаженный, – потому что это нечестное имущество.

И, немедленно вставши, они удалились. Посадив Марию на коня, Аврамий повел его, а сам шел перед ней. Он шел радуясь; как пастырь, когда найдет заблудшую овцу и с радостью возьмет ее на плечо свое (Лк.15:4–5), так и блаженный шел с радостью на сердце. Когда пришел он на свое место, там вновь затворил Марию во внутренней келлии, где прежде сам подвизался, а сам остался в келье внешней. Мария, во власяном вретище, с кротостью призывая Бога на помощь, каялась с великим усердием. Покаяние ее и молитва

были таковы, что наше покаяние и наша молитва в сравнении с ними, являются как бы тенью и не значат ничего. И милосердый Бог, нехотящий никому погибнуть, но – всем прийти в покаяние, помиловал Свою истинно покаявшуюся рабу и простил ей ее грехи. В знак же прощения ее, Он даровал ей благодать исцелять болезни приходящих. Блаженный Аврамий прожил еще десять лет; видя великое раскаяние Марии, ее слезы, посты, труды и прилежные молитвы к Богу, он утешался и славил Бога. После этого он скончался о Господе. Он умер семидесяти лет от роду[7007]. Едва ли не весь город собрался в час его преставления, и к честному телу его каждый приближался с усердием, а болящие получали исцеление. Христова же агница Мария, после преставления дяди своего, прожила в большом воздержании, день и ночь умоляя Бога, еще пять лет; живущие там, проходя мимо ночью, много раз слышали плач и безмерное рыдание и, останавливаясь, удивлялись и прославляли Бога. Таким образом, истинно покаявшись и благоугодивши Богу, блаженная Мария с миром преставилась, и ныне, после умиленного плача, радостно веселится со святыми о Господе, Ему же слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Во плоти яко Ангел на земли явился еси, и пощением был еси яко древо насажденное, водою воздержания добре возвратився, и теченьми твоих слез скверну омыв. Сего ради явился еси приятелище Божественное, Аврамие, Духа.

Житие преподобного отца нашего Аврамия Ростовского

Память 29 октября

Преподобный отец Аврамий был сын благочестивых родителей[7008]. С молодых лет он оставил родительский дом и мирскую суету, принял иночество и посвятил себя Богу[7009].

Покорив плоть духу, он изнурял себя подвигами, очищал душу свою слезами и сподобился благодати чудотворения.

В его время в Ростове[7010] не все еще приняли святое крещение и многие оставались язычниками: Чудский конец города поклонялся каменному идолу Велесу[7011]. Обитавший в идоле нечистый дух наводил страх на всех, и христиане боялись проходить вблизи идола. Преподобный Аврамий пылал ревностью искоренить в Ростове остатки язычества. Он молил Господа Бога о даровании ему силы и благодати Святого Духа сокрушить идола, но молитва его долго не была услышана.

Однажды преподобный Аврамий, в скорби и недоумении, сидел вблизи идола. И вот он видит идущего к нему благолепного старца. Аврамий встает и спешит к нему навстречу. После взаимного приветствия и благословения преподобный спрашивает:

– Откуда идешь, отче, из какой ты страны?

– Я из Царьграда, отче, родом; в земле вашей пришелец и странник. – Скажи мне, отче, почему ты сидишь в печали близ этого идола Велеса?

– Я молю Господа Бога о том, чтобы мне дана была сила сокрушить идола, – отвечал Аврамий, – но Господь презрел мои молитвы, и вот я сижу в печали.

– Если хочешь, отче, получить желаемое, – сказал Аврамию старец, – то иди в Царьград, разыщи дом Иоанна Богослова, войди в него, помолись образу святого Иоанна Богослова, – и не выйдешь тщетно, но получишь желаемое.

Преподобный Аврамий опечалился по причине далекого пути, но старец сказал: «Господь Бог сократит твой путь!»

Блаженный Аврамий, исполнившись Святого Духа, взял благословение у старца и отправился в путь, забыв о его дальности.

Когда преподобный Аврамий, вышедши за город, перешел реку Ишну[7012], ему встретился неизвестный человек, видом своим внушавший страх; почти совсем без волос на голове, он был с большою круглою бородой, на лице его выражалось благоговение; он был прекрасен. В руке у него была трость.

Блаженный Аврамий поклонился ему.

Неизвестный сказал:

– Куда идешь, старец?

– Иду отыскивать дом Иоанна Богослова, – отвечал Аврамий.

Неизвестный сказал:

– Подойди, старец, возьми сию трость мою и возвратись назад, приступи к идолу Велесу, ударь его тростью во имя Иоанна Богослова, – и окаянный обратится в прах.

И с этими словами неизвестный стал невидим.

Блаженный Аврамий понял, что это был Иоанн Богослов

Объятый страхом и радостью, Аврамий воротился назад, беспрепятственно подошел к идолу, ударил его тростью во имя Иоанна Богослова, – и идол тотчас превратился в прах.

На том месте, где встретил Аврамий святого старца, он поставил церковь во имя Иоанна Богослова, а там где стоял идол Велеса, преподобный, с благословения епископа, соорудил небольшую церковь во имя Богоявления Господня, поставил при ней кельи, собрал иноков и учредил общежитие[7013].

Много зла потерпел преподобный Аврамий от неверовавших во Христа язычников. Однажды они хотели даже разорить и сжечь построенную им святыню, но Бог не попустил этого ради молитв и терпения преподобного.

Однако своим учением и терпением преподобный Аврамий в непродолжительное время всех неверующих привел ко Христу: крестились все от мала до велика и начали ходить на славословие Божие и на всенощное бдение, даже женщины и дети. Преподобный Аврамий укреплял сердца их в вере

почитанием книжным и поучением духовным. Многие из детей оставляли дома родителей, тайно приходили к преподобному и принимали монашество. Так умножалась братия, которую преподобный поучал слову Божию.

Тогда преподобный Аврамий построил большую церковь, украсил ее, как невесту Христову, чудными иконами и святыми книгами и завел благолепное пение.

Князья Ростовские, относясь с великим уважением к отцу Аврамию, предоставили особые преимущества основанному им монастырю: давали много имения на монастырское строение и деревни на содержание иноков.

Видя возрастание и процветание монастыря, Ростовский епископ, посоветовавшись с князьями, возвел Аврамиев монастырь на степень архимандритии, а преподобного Аврамия поставил в архимандриты.

С того времени Аврамий стал еще усерднее подвизаться и прилагал труды к трудам, предаваясь посту и молитве; он был образцом для всех, отличаясь смирением и показывал нелицемерную любовь ко всякому приходящему, равно к великому и малому.

Исконный ненавистник добра, диавол, не оставил преподобного в покое, вооружился на него и творил ему огорчения и днем и ночью. Но огражденный Христовою благодатью и крестным знамением, Аврамий не страшился.

Однажды, когда преподобный Аврамий в своей келье перед литургией, прочитав обычные молитвы ко святому причащению, хотел умыть руки перед отходом в церковь, диавол вошел в умывальницу, желая причинить преподобному неприятность. Уразумев присутствие нечистого духа в сосуде, преподобный взял честный крест, положил поверх сосуда, оградил сосуд крестным знамением и так оставил, долгое время не касаясь его, Бес, палимый крестною силою, мучился и не мог выйти из сосуда.

У Ростовских князей тогда был обычай ездить за город на охоту и на обратном пути заходить в монастырь, чтобы помолиться в церкви и получить благословение от преподобного Аврамия. Так случилось и теперь. По обыкновению князья

зашли в келью преподобного, но его там не случилось, ибо у него был обычай ежедневно трудиться на братию: то он колол дрова для монастырской пекарни, то мыл власяницы на братию, то носил воду в поварню. Услышав о приходе князей, он поспешил в келью, чтобы благословить их.

Между тем князья, находясь в келье в ожидании преподобного, заметили сосуд, покрытый честным крестом, и недоумевали, чтобы это могло значить. Один из князей дерзнул снять с сосуда крест, чтобы благословиться им, – и бес тотчас вышел из сосуда, как дым черный и злосмрадный, так что устрашил всех присутствовавших.

Когда преподобный приближался к келье, нечистый дух встретил его при входе и стал поносить Аврамия и грозить ему:

– Как ты принудил меня силою невидимого Бога мучиться и сожигаться силою крестною, так и я сотворю тебе пакость, в скором времени одолею тебя: возведу на тебя клевету, предам тебя мукам и позору: ты будешь посажен на пегой ослице без седла и обут в женские красные башмаки. И многое другое потерпишь ты, как и я потерпел от тебя.

Преподобный оградился крестным знамением, и бес тотчас же исчез.

Когда Аврамий вошел в келью, князья стали спрашивать о происшедшем, о злосмрадном дыме, вышедшем из накрытого крестом сосуда, но преподобный ничего не сказал об этом, а только благословил князей с душеполезным наставлением и отпустил с миром.

Спустя некоторое время, желая отомстить преподобному, бес принял образ некоего воина, явился к великому князю во Владимир и стал возводить на Аврамия тяжкие обвинения.

– Государь, я хочу поведать тебе великую тайну, – говорил бес, – есть в твоей державе, в городе Ростове, некий монах Аврамий, волхв, который, однако, с виду кажется смиренным и святым и прельщает людей. Он нашел в земле великое хранилище, медный сосуд, наполненный золотом, который по праву должен принадлежать твоей державе. Золотых сосудов, найденных в этом хранилище, золотых поясов и цепей невозможно оценить и невозможно исчислить серебра и иных

драгоценностей. На эти сокровища он построил великую церковь, а тебе не поведал.

Великий князь воспылал гневом на преподобного и послал за ним одного лютого воина, приказав взять Аврамия, не говоря ему ни слова, и привести в таком виде, в каком найдет его.

Все это произошло по внушению злого духа.

Когда посланный князем воин явился, преподобный, после соборной молитвы, стоял на молитве келейной в одной власянице и без обуви. Воин без всякой милости, не дав преподобному ни слова вымолвить, ни одеться, ни обуться, взял его с собою на коня и погнал к городу Владимиру.

На другой стороне Ростовского озера попался им человек, пахавший на пегой ослице и державший в руке красные женские башмаки. Воин посадил преподобного на ослицу, обул его в женские башмаки и быстро доставил его в таком позорном виде к великому князю.

Великий князь приказал поставить пред собою и воина-обвинителя.

Мнимый воин повторил те же слова против преподобного относительно хранилища драгоценностей, что и прежде.

Преподобный, услышав это, воздел руки к небу и запретил духу лукавому, говоря:

– Запрещаю тебе именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи мне, кто ты, такими словами оклеветавший меня?

Бес затрепетал и сказал:

– Я бес, искони ненавидящий добро в человеческом роде, особенно же в иноках, боящихся Бога. Видишь, старец, что я прежде сказал тебе, то и сделал – за то, что ты меня мучил в убогом твоем сосуде.

Сказавши это, бес мгновенно исчез.

Великий князь, видя дьявольскую прелесть и поругание стоявшего пред ним преподобного, объят был великим страхом, равно и все окружавшие князя. И начал князь молить преподобного о прощении и говорил со слезами:

– Отче, я виновник твоего невольного прихода, я жестоко оскорбил тебя. Прости мне, отче, все то, чем я тебя прогневал.

Враг, отче, помрачил мое сердце и возбудил во мне ярость против тебя и поверг меня во грех.

Старец сказал:

– Господь простит тебя, государь, ибо это дело древнего врага диавола, а потому, государь, не дивись сему: искони враждуя против людей, он особенно привык причинять препятствия боящимся Бога.

Князь, видя смирение преподобного и тихие и кроткие слова его, как будто старец не испытал никакого зла, еще более принялся ублажать его и воздал ему великую честь.

На устроение монастыря князь пожаловал много домов, сел и рабов, сделал Аврамиев монастырь своим монастырем и поставил его выше всех прочих монастырей Ростовских и все это утвердил жалованными грамотами.

После всего этого князь отпустил преподобного с великою честью.

Преподобный Аврамий жил в своем монастыре в великом смирении, прилагая труды к трудам, и с миром отошел ко Господу, Коего измлада возлюбил[7014].

Тропарь, глас 1:

Просветився Божественною благодатию, неверныя люди наставил еси к свету Богоразумия: и по смерти сияя светлостию жития твоего, источаеши исцеления притекающим с верою к тебе, Авраамие отче наш, Христа Бога моли даровати нам велию милость.

Кондак, глас 2:

Иго Христово прием Аврамие, и Того крест на рамо взем, последовал еси Ему, насажден быв в дому Господни, и процвел еси яко финикс, и яко кедр иже в Ливане, умножил еси чада твоя, муж желаний духовных: от возлюбленнаго же Апостола Иоанна Богослова благодать восприим, жезлом сокрушил еси идола, и разсыпал еси его яко прах, и чудотворец убо велий явился еси преподобне, темже Христа Бога моли непрестанно о всех нас.

Страдание святого священномученика Зиновия епископа Эгейского, и сестры его Зиновии

Память 30 октября

Сии святые мученики – Зиновий и его родная сестра Зиновия, родились в городе Эгах, в стране Киликийской[7015] от благочестивых родителей. Здесь же они были воспитаны в страхе Божием и благочестии. Еще во время их детства родители их предали Господу свои души, оставив детям большое имение. Несмотря на свою юность, Зиновий и Зиновия были умудрены разумом и тверды в добродетели; убедившись в суете мира сего, они решили оставить все и последовать Христу. Зиновия передала брату свою часть имения, доставшегося ей от родителей, чтобы он раздал ее нищим, а сама жила в добровольной нищете, безмолвствуя и соблюдая девство свое в непорочности для Небесного Жениха. Зиновий, взяв обе части имения, и свою и своей сестры, стал раздавать его нищим и вскоре истратил все, так что сам стал словно один из нищих. Но Бог, заботящийся о сиротах и не оставляющий уповающих на Него, обогатил святых брата и сестру небесными своими благами за розданное нищим богатство: Его могущественная десница защищала Зиновию во все время ее жизни от всех бед и отгоняла от нее бесовские наваждения; Зиновий же получил от Господа дар исцелять недуги прикосновением своих рук. Так, те руки, которые щедро раздавали милостыню нищим, Бог ущедрил силою чудотворения. Каким бы человек ни был одержим недугом, какой бы болезнью он ни страдал, он получал исцеление, лишь только касался его своею рукою святой Зиновий. Великую милостыню подавал сей угодник Божий в течение всей своей жизни, то раздавая убогим имение, то ниспосылая, по Божией благодати, исцеления болящим; множество нечистых духов он отгонял от людей, утешал находившихся в печали, помогал бывшим в бедах. Сияя добродетелями и прославленный чудотворениями, он был избран на епископство в родном

городе. Сей добрый пастырь ревностно пас Церковь Божию, постоянно помогал и благодетельствовал людям и исцелял недужных. Однажды ко святому пришла из Антиохии некая женщина, у которой на груди была неисцелимая язва. Много средств истратила сия женщина на свое лечение, стараясь найти у врачей исцеление от своей болезни, но они не оказали ей никакой помощи, наоборот ее лютый недуг все более и более усиливался, так что ей уже грозила смерть. Увидев ее, святой Зиновий сжалился над нею: он прикоснулся своей рукою к ее язве и ознаменовал пораженное место крестным знамением. Тотчас язва пропала, и женщина, ставшая после того совершенно здоровой, с великою радостью возвратилась к себе в Антиохию.

Другая женщина, не веровавшая во Христа, супруга одного начальника Индиса, страдала той же самой болезнью; но врачевством святого Зиновия и она избавилась от своего недуга. Пораженная совершившимся чудом, она сама со своим мужем и детьми обратилась ко Христу. Все они были просвещены святым крещением. Так сия жена получила здравие телесное и пользу для своей души.

Между тем нечестивый царь Диоклетиан воздвиг на христиан страшное гонение. Тогда и в Киликийскую страну прибыл князь Лисий, чтобы предавать мукам всех исповедавших имя Христово. Прежде всех пострадали в Эгах трое христианских юношей: Клавдий, Астерий и Неон. – Схватив их, Лисий подверг различным мучениям и, наконец, пригвоздил за городом на крест. Услыхав о святом Зиновии, он послал своих воинов, чтобы они схватили его. Когда подвижника привели к Лисию, князь сказал ему:

– Не хочу я входить с тобою в долгую беседу, ибо знаю, что вы, христиане, любите многословие: я буду говорить с тобой кратко: предлагаю тебе жизнь или смерть, жизнь – если поклонишься нашим богам, смерть – если не поклонишься. Выбирай сам, что хочешь: или принеси жертву, – тогда останешься в живых, да еще и честь получишь от нас, или можешь оставаться при своем заблуждении, но только потерпишь тогда страшные муки и погибнешь ужасной смертью.

Святой Зиновий, нисколько не устрашенный словами князя, с твердостью отвечал:

– Сия временная жизнь без Христа не есть жизнь, но смерть; нет, я лучше предпочитаю претерпеть временные мучения за моего Создателя, а потом с Ним вечно жить, нежели отказаться от Него ради сей временной жизни и потом вечно мучиться в аду.

Услышав сии слова, нечестивый князь приказал обнажить святого, повесить его на кресте и немилосердно бить.

– Посмотрим, – говорил он, – придет ли Христос спасти его!

Блаженная Зиновия, узнав, что брат ее, святой Зиновий страдает за Христа, быстро отправилась на то место, где мучили святого. Увидев, что брат ее, окровавленный и покрытый ранами, висит на кресте, она воспылала духом и, став пред мучителем, сказала ему:

– Я – христианка, как и брат мой: я исповедую того же Единого Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому повели и меня также мучить, как мучишь ты моего любимого брата. Я хочу выпить ту же чашу страданий и венчаться тем же венцом.

Мучитель удивился такому мужеству и решимости святой Зиновии и сказал:

– Не старайся, женщина, погубить себя, не напрашивайся ты на такое позорное мучение, где ты будешь терпеть стыд и переносить страдания. Ведь ты будешь испытывать великий стыд, когда тебя заставят обнажиться; тяжкие страдания тебе придется испытать, когда тебя подвергнут мучениям. Поэтому я даю тебе такой совет: принеси жертву богам, тогда и избавишься от всех зол.

На сие святая отвечала:

– Гораздо более может устыдить меня нагота душевная, чем телесная; несравненно тяжелее муки вечные, чем временные; пренебрегаю я тем, что меня обнажат, ибо я облеклась во Христа; не боюсь я рук мучителей, ибо я сораспялась Христу. Делай, мучитель, что хочешь; ничем ты не можешь заставить меня отречься от Господа моего Христа.

Тогда Лисий велел обнажить ее и бить, как били брата ее, святого Зиновия. Не довольствуясь сим, мучитель приказал

приготовить раскаленный железный одр, положить на нем обоих святых и развести под ними огонь:

– Пусть, – говорил он, – явится сюда Христос и поможет вам.

Святые же отвечали:

– Христос наш с нами, ты не можешь видеть Его; Он орошает нас с неба росою своей благодати, так что мы не ощущаем этих мук.

Потом святые были брошены в кипящий котел, но и там не испытали никакого вреда: они стояли, как бы в прохладной воде, воспевая псалом Давидов: «но Ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас». Видя сие, мучитель приказал вывести их за город и там усечь им главы. С неизреченной радостью святые шли на смерть; достигнув места казни, они стали молиться так:

– Благодарим Тебя, Господи Боже наш за то, что дал Ты нам подвигом добрым подвизаться, течение скончать, веру соблюсти. Учини нас причастниками Твоей славы, сопричти нас к лику святых, благоугодивших Тебе. Благословен Ты вовеки.

Когда святые окончили свою молитву, с неба раздался глас, обещавший им венцы и призывавший их в вечный покой. Между тем приблизились воины и усекли им главы. После таких мучений они оставили землю и переселились на небеса[7016]. Святые телеса их целый день лежали на земле без погребения; когда же наступила ночь, пресвитер Гермоген тайно взял их и положил в одном гробе. Так сии святые славят теперь непрестанно Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, величаемого всей тварью, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 8:

Истинные свидетели, и благочестия проповедники, вдвоем достойно почив в благоугодных песнях, Зиновий в купе с мудрою Зиновию, купно жившим и шедшим, и мученический приимше венец нетленный.

Память святой мученицы Евтропии

Память 30 октября

Святая Евтропия была обвинена пред игемоном Апеллианом в том, что она посещает и укрепляет в вере христиан, заключенных в темницах. За то она была повешена и тело ее жгли свечами, но она переносила мучение так, как будто то был не пламень, а вода. И всем окружавшим ее, в том числе и мучившим ее воинам, ясно виден был муж, устрашавший всех, который остужал огонь и низводил росу на святую мученицу. Среди таких истязаний она предала дух свой Господу[7017].

Память святых Апостолов Тертия, Марка, Иуста и Артемы

Память 30 октября

Святый Тертий писал послание апостола Павла к Римлянам, в котором так говорит о себе: «привествую вас в Господе и я Тертий, писавший сие послание» (Рим.16:22). Он был вторым, после Сосипатра[7018], епископом в Иконии, где претерпел мученическую смерть.

Святый Марк, племянник Апостола Варнавы, был епископом в Аполлониаде[7019], о котором святый апостол Павел вспоминает в послании к Колоссянам: «приветствуем вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы, (о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его)» (Кол.4:10).

Святый Иуст был епископом в Елевферополе; святой Артема – в Листрахе[7020]. О последнем воспоминает св.апостол Павел в послании к Титу: «Когда пришлю к тебе Артему, или Тихика, поспеши прийти ко мне» (Тит.3:12).

Память святого Маркиана, епископа Сиракузского

Память 30 октября

Святой епископ Маркиан, ученик святого апостола Петра, прибыв из Антиохии в Сиракузы, город на острове Сицилии[7021], одною молитвою разрушал идольские капища и многих людей привел ко Христу и соделал сынами света, совершая многие чудеса. Убит он был за Христа Иудеями[7022].

Память святого мученика Епимаха

Память 31 октября

Святой мученик Епимах, сын благочестивых христиан, происходил из Египта; с самой ранней юности он возлюбил Бога от всей души и возымел доброе намерение послужить Ему Единому. Подражая святому Иоанну Крестителю, он отправился в пустыню и долгое время пребывал на Пелусийской горе[7023].

Он не имел какого-либо руководителя из святых отцов, но наставником ему в сем суровом, пустынном житии, был Сам Дух Святой; любовь к Богу поддерживала и укрепляла его в сем трудном подвиге. Ибо только одна любовь к Богу всего более может научить человека добродетели; она побудила святых апостолов оставить все и идти вслед за Господом, Который не имел земных богатств; она же воодушевила преподобных отцов, которые «скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11:38); движимые сей любовию мученики и мученицы мужественно страдали за Христа, взывая: «Тебя, Жених мой, люблю и Тебя ища, стражду». Сия любовь научила и святого Епимаха переносить пустынные подвиги и труды, претерпевать всякие напасти от невидимых врагов, жить свято в Боге, быть готовым на смерть за Него. Прожив в своем пустынном уединении уже много лет, святой Епимах узнал, что христиане в Александрии претерпевают сильные притеснения, причем одни из последователей Христа, боясь лютых мук, скрываются в горах и пустынях, другие же отпадают от веры. Распаляемый ревностью к Богу, святой отшельник оставил свою пустыню и отправился в Александрию, желая своей кровью запечатлеть исповедание Христово, пострадать за Господа и укрепить таким образом слабых. Придя в Александрию, он увидел, каким жестоким мучениям подвергают нечестивые идолопоклонники верующих; с сердечной горестью он заметил, что злочестие бесовское сильно возросло, и многие из христиан колебались; язычники даже осквернили храм Господень. При виде сего святой смело вошел в идольское капище. Там по случаю языческого праздника тогда было много народа,

Блаженный Епимах, в присутствии всех, смело поверг на землю идолов и сокрушил их. Язычники тотчас же схватили его и отвели к игемону Апеллиану. Увидев, что игемон сидит на судилище и обрекает христиан на мучения, святой мужественно устремился на него, чтобы поразить безбожника, и Апеллиан не избег бы руки святого Епимаха, если бы, стоявшие вокруг, не удержали святого: такую ревность о Господе Боге проявил подвижник. Игемон удивился такой дерзости человека, бедно одетого в рубище. Он повелел отвести его в темницу и держать там, пока не решит, какому мучению предать его.

В темнице тогда находилось множество верных, заключенных за исповедание великого имени Христова; всех их укреплял Епимах на мученический подвиг; его увещание ободрило и одушевило верующих, так что ни один из них не устрашился, не отпал от веры, но все с радостью пролили кровь свою за истинного Бога и все они после различных жестоких мук предали Господу свои души. Наконец и святого Епимаха предали лютым мукам за то, что он не только верует во Христа, нарушает их праздник, но даже поднял руку на самого игемона, намереваясь убить его. Сначала святого повесили и стали строгать железными когтями, затем стали метать в него камнями, раздробляя кости его, а он в муках возглашал:

– Если Господь мой Иисус Христос ради меня был распят, прободен копием и напоен оцтом, то не должен ли и я быть причастником Его страданий. Я хочу, чтобы вы подвергли меня еще большим мучениям, чем сии: заушайте меня, плюйте на меня, возложите мне на голову терновый венец дайте мне трость в руки, напойте желчию все тело мое, покройте язвами, распните меня на кресте и пронзите меня копьем. Что претерпел Господь мой, то и я хочу претерпеть.

Много народа стояло кругом и смотрело на мучения святого Епимаха. В толпе находилась тогда одна женщина, которая могла только видеть одним глазом, ибо на другом у ней было бельмо. Видя страдания святого, она плакала. В сие время капля крови святого мученика брызнула и попала ей на больной глаз. Тотчас око ее исцелело, так что она могла им видеть, как другим. При таком чудном исцелении женщина вскричала:

– Велик Бог, Коего исповедует сей страдалец.

Затем мучители усекли главу Христова мученика, Так святой Епимах предал душу Господу, за Которого пострадал столь мужественно[7024].

Память святых апостолов Стахия, Амплия, Урвана, Наркисса, Апеллия и Аристовула

Память 31 октября

Святой Стахий был поставлен епископом в Византии святым апостолом Андреем, вместе с ним святой Стахий воздвиг в Аргирополе[7025] церковь; собрав здесь много верных, он поучал их заповедям Христовым. Так трудился он целых шестнадцать лет и после таких подвигов предал Господу свою душу. Тот же апостол Андрей рукоположил в сан епископа Амплия и Урвана – Амплия в Диосполе[7026], Урвана в Македонии.

Они ревностно проповедовали учение Христово и сокрушили много идольских капищ; этим они вооружили против себя эллинов и иудеев.

Сии враги веры Христовой предали мучениям святых мучеников, которые удостоились получить неувядаемые венцы.

Наркисс, Апеллий и Аристовул также проповедовали Христово Евангелие: Наркисс в Афинах, Апеллий в Ираклии, Аристовул – в Британии; сии святые мужи после многих трудов и подвигов предали свои души Господу.

Кондак, глас 8:

Яко священная сокровища Всесвятаго Духа, и Солнца Славы сияния, по долгу воспоим мудрыя апостолы: Апеллия, Урвана же и Аристовула, Амплия, Наркисса и Стахия: яже благодать собра Бога нашего.

Житие преподобных Спиридона и Никодима

Память 31 октября

Всякая душа, озаренная свыше благодатию, бывает проста (Прит. 11:26), в ней нет ни лукавства, ни лести, она – сосуд и жилище Самого Бога. Поэтому и апостол говорит: «Немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1Кор. 1:27)

К числу таких избранных принадлежал и преподобный отец наш Спиридон. Сей блаженный происходил из некоторого селения, он не был научен книжному искусству, не был силен в слове, но был велик своим разумом духовным и богоугодными делами. Имея в своем сердце страх Господень, начало всякой премудрости, он пришел в Печерский монастырь и стал вести здесь суровую иноческую жизнь. Не зная грамоты, он начал учиться книжному искусству, хотя уже не был юн летами. Все Боговдохновенные псалмы Давидовы он твердо изучил и знал на память. Святой подвижник с неослабевающей ревностью подвизался и заботился о спасении души своей; у него был благочестивый обычай: всякий день он воспевал Псалтирь Давидову и не переставал до тех пор, пока не кончал ее всю в тот же самый день. Бывший тогда игуменом Пимен постник, видя, что святой Спиридон отличается смирением и трудолюбием, постоянно пребывает в посте и молитве и во всем непорочен, возложил на него богоприятное для него послушание: печь хлеб, приносимый к Божественной литургии для тайного тела Христова, т.е. просфоры. Блаженный Спиридон, поселившись в пекарне, не оставил и прежних своих духовных подвигов, стал исполнять возложенное на него послушание со всяким благоговением и страхом Божиим. Зная, что труд рук его предназначался для чистой и непорочной жертвы, приносимой иереем; он исполнял его, воссылая своими устами хваление Богу: рубил ли дрова, месил ли тесто, он всегда устами своими воспевал псалмы Давидовы, чтобы ежедневно, по своему обыкновению, окончить всю Псалтирь.

Однажды, исполняя свою обычную работу, сей блаженный подвижник затопил печь для печения просфор. Вдруг огонь вырвался из устья печи и охватил крышу того здания, где был святой. Блаженный Спиридон, взяв свою мантию, закрыл ею устье печи, и перетянув рукава своей власяницы, поспешил с ней к колодцу; наполнив ее водою, он быстро вернулся, созвал братию и просил, чтобы иноки помогли ему погасить пожар. Собравшись, братия увидела дивное явление: мантия, которой блаженный закрыл устье печи, была нетронута огнем и вода из власяницы не вытекала. Иноки быстро погасили принесенной водой горящее здание и радостно прославляли Бога. У сего блаженного Спиридона был один соучастник в трудах, некий брат по имени Никодим; он во всем был единомыслен со святым Спиридоном. Подобно сему блаженному, святой Никодим также ревностно молился и делил с ним труды телесные.

Сии подвижники свято и благоугодно работали в течение тридцати лет, чисто и непорочно исполняя свое послушание – печение просфор. Поэтому, преставившись в добром исповедании[7027] они насыщаются славой Божией, которую зрят не в виде приносимого хлеба, но лицом к лицу; их святыми молитвами да насытимся достойно и мы хлеба жизненного – благодати и славы Иисуса Христа, Ему же с Богом Отцом и со Святым Духом подобает честь, слава и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие и чудеса святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана

Память 1 ноября

Святые Косма и Дамиан, братья по плоти, были родом из Азии[7028] Отец их был язычник, мать же, по имени Феодотия – христианка. Пребывая по смерти своего мужа во вдовстве и проводя время в усерднейшем служении Христу, она всю свою жизнь посвятила на то, чтобы благоугодить Богу. И была она, как та вдовица, которую восхваляет Апостол: «Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь» (1Тим.5:5). Живя богоугодно сама, она научила тому же и возлюбленных детей своих, Космы и Дамиана, ибо воспитала их в добром наставлении вере христианской и в изучении Божественных Писаний и наставила их на всякую добродетель. Придя в совершенный возраст и утвердившись в непорочной жизни по закону Господню, Косма и Дамиан были как бы два светильника на земле, сияющие добрыми делами. Они получили от Бога дар исцелений и подавали здравие душам и телам, врачуя всякие болезни, исцеляя всякий недуг и всякую язву среди людей и изгоняя злых духов. Они подавали помощь не только людям, но и скоту, и ни от кого ничего не брали за сие: ибо они делали все сие не ради прибытка, не для обогащения золотом и серебром, но ради Бога, желая через любовь к ближним выразить свою любовь к Нему. И не своей славы искали они этим врачевством среди людей, но славы Божией, и исцеляли недуги для прославления имени Господа, даровавшего им такую силу врачевания. Они избавляли от болезней не столько травами, сколько именем Господним, без платы и награды, даром, во исполнении Христовой заповеди: «даром получили, даром давайте» (Мф.10:8)[7029]. Поэтому они и получили от верующих наименование безмездных врачей и бессребреников. Пройдя так добродетельно поприще своей жизни, они мирно и благочестно скончались. Они прославились многими чудесами не только в течение своей жизни, но и по

смерти, и суть теплые предстатели и добрые целители наших болезней, душевных и телесных.

О нестяжательности их и безмездном врачевании есть такое сказание.

Некоторая женщина, по имени Палладия, в течение многих лет лежала на одре болезни и не получала никакой помощи от различных врачей. Услыхав о святых Космe и Дамиане, что они исцеляют всякие болезни, она послала к ним с просьбою, чтобы они посетили ее пред смертию. Святые, вняв сей просьбе, пошли в дом ее, и тотчас эта женщина, по вере своей, получила исцеление через пришествие к ней святых врачей и встала здоровою, славя Бога за дарование Своим рабам таковой благодати исцелений. Из благодарности к своим врачам за сие благодеяние, она хотела сделать им подарок. Но они не брали ничего, никогда и ни от кого, ибо не продавали благодати, которую имели от Бога. Женщина вознамерилась умолить, по крайней мере, одного из них, чтобы принял от нее самый малый дар; взяв три яйца, она пришла тайно к святому Дамиану и заклинала его Богом, чтобы он взял от нее эти три яйца во имя Святой Троицы. Дамиан, слыша имя Триединого Бога, взял от женщины этот малый дар, ради той великой клятвы, которою она закляла его. Святый Космa, узнав потом об этом, очень опечалился и пред своею кончиною сделал завещание, чтобы не погребали Дамиана возле него, ибо он нарушил заповедь Господню и принял от женщины награду за исцеление.

Святый Космa почил о Господе, а с течением времени пришел час кончины и Дамиана, и он преставился от временной жизни к вечной.

Люди были в затруднении – где погребать Дамиана, ибо знали о завещании святого Космы и не смели положить возле него брата его.

В то время как они недоумевали, внезапно пришел верблюд, который был прежде бесноватым и получил исцеление от святых. Он проговорил человеческим голосом, чтобы не сомневались положить Дамиана близ Космы, так как он взял от женщины три яйца не ради награды, но ради имени Божия.

Таким образом, честные мощи их были положены вместе, в так называемом Феремане[7030].

Однажды, во времена жатвы, один из жителей тех мест вышел жать на ниву свою. Изнемогши от солнечного зноя и намереваясь отдохнуть, он пошел под дуб, лег и крепко уснул. Во время сна ему через открытый рот вползла змея. Пробудившись, земледелец сразу не почувствовал никакой боли, так что снова принялся за работу на своей ниве. С наступлением же вечера, когда земледелец пришел домой и после ужина лег на постель, то почувствовал страшную боль от того, что змея начала терзать его внутренности. Больной, не вынося страданий, стал кричать, чем пробудил от сна всех домашних. Последние, подойдя к больному и видя его страшные мучения, ничем, однако, не могли помочь; они даже не могли понять, что это была за болезнь. Тогда больной, не получив никакой помощи от окружавших, прибег к скорым помощникам Косме и Дамиану и воскликнул: «святые врачи, Косма и Дамиан, помогите мне»! Святые тотчас поспешили со своею помощью: больной крепко заснул, и во время сна изо рта выползла змея. Видавшие сие чудо ужаснулись и прославили святых угодников. Когда змея выползла, муж тот тотчас пробудился и, с помощью святых бессребреников, выздоровел совершенно.

Был в том месте другой муж, по имени Малх. Он жил близ храма святых врачей, Космы и Дамиана, в Феремане. Намереваясь отправиться в далекий путь, он повел свою жену к храму и сказал ей:

– Вот я ухожу в далекий путь, тебя же вручаю под защиту Космы и Дамиану: оставайся дома, пока не пришлю тебе условленный знак о себе, который ты признаешь за мой. И если Бог восхощет, то пришлю тебе этот знак и возьму тебя к себе.

Поручив таким образом жену свою святым, Малх отправился в путь. По прошествии нескольких дней, Диавол принял образ некоторого знакомого человека и, придя к жене Малха, показал ей тот знак, на который указывал ей муж, говоря: «пришлю тебе знак и возьму тебя к себе».

Показывая ей сей знак, Диавол велел идти за ним к мужу.

– Меня, – сказал он, – прислал твой муж за тобою, чтобы привести тебя к нему.

Женщина сказала:

– Знак этот я знаю, но идти не хочу, ибо я поручена святым бессребреникам Косме и Дамиану; и если хочешь, чтобы я пошла с тобой к мужу, то пойдем со мною ко храму святых, возьмись за край алтаря и поклянись мне, что не причинишь мне на пути никакого зла.

Диавол дал такое обещание и, подойдя с нею к храму, взялся за край алтаря и клялся, говоря:

– Клянусь силами Космы и Дамиана, – не причиню дорогою тебе зла, но приведу тебя к мужу твоему.

Женщина, услышав клятву, поверила лживому бесу, бывшему в образе знакомого человека, и пошла за ним в путь. Обольститель же, взяв ее, завел в место пустое и непроходимое и хотел оскорбить ее там и убить. Она, видя себя в крайнем бедствии, возвела очи к небу и возопила из глубины сердца к Богу, говоря:

– Боже, по молитвам святых твоих, Космы и Дамиана, помоги мне и поспеши избавить меня из рук сего убийцы!

И тотчас явились скорые помощники, святые бессребреники, Косма и Дамиан. Диавол, увидев их, оставил женщину и бежал; поднявшись на высокий берег, он низринулся в пропасть и исчез, а святые, взяв женщину, привели в дом ее.

Женщина, кланяясь им, говорила:

– Благодарю вас, господа мои, что избавили меня от горькой погибели. Умоляю вас, – скажите мне, кто вы, чтобы мне знать, кому воздавать благодарность до конца жизни моей.

Они сказали:

– Мы – рабы Христовы, Косма и Дамиан, которым поручил тебя твой муж пред отправлением в путь, потому мы и поспешили к тебе на помощь и избавили тебя, по благодати Божией, от Диавола.

Слыша это, женщина упала на землю от страха и радости, святые же стали невидимы. И восклицала женщина, восхваляя и благодаря Бога и святых рабов Его, Космы и Дамиана. Придя в храм, она припадала со слезами к иконе святых и рассказала

всем о том, что было, – как Господь явил к ней милость по молитвам Своих угодников. Молилась же она такими словами:

– Боже отцов наших, Авраама, Исаака, Иакова и семени их праведного! Ты угасил огненную печь для трех отроков, Ты помог рабе Твоей Фекле на позорище, благодарю Тебя, что избавил и меня грешную от диавольской сети через угодивших Тебе Косму и Дамиана. Поклоняюсь Тебе, творящему дивные и преславные чудеса, и славлю Тебя, Отца, Сына и Святого Духа, вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Кесария и Дасия

Память 1 ноября

Святые Кесарий и Дасий были захвачены в городе Дамаске[7031] и преданные различным мукам, не отреклись от христианской веры, за что и были усечены мечом и получили мученические венцы[7032].

Страдание святого мученика Ерминингельда, царевича Готского

Память 1 ноября

Ерминингельд, сын царя Готского[7033], Леовигильда[7034], был обращен из Арианской ереси[7035] к православной вере Испанским епископом Леандром. Леовигильд, будучи сам арианином, был огорчен тем, что сын его оставил арианское зловерие, и старался отвратить его от православия и снова возвратить к своей ереси. Он убеждал его ласковыми словами, как отец, умоляя и увещевая оставить кафолическую веру и мыслить заодно с ним, как и прежде. Когда же увидел его непреклонность, то начал устрашать его угрозами мучений и ран. Но сын оставался непоколебим в вере, как столп, не придавая никакого значения ни ласкам, ни угрозам отца. Леовигильд, воспылав на него сильною яростию, прежде всего лишил своего сына царского престола и соправления, наследства и всего имущества; потом, не видя перемены в его мыслях, оковал ему шею, руки и ноги железными оковами и ввергнул в тесную и мрачную темницу. Но блаженный Ерминингельд, хотя и был юн летами, но – стар разумом: пренебрегая земным царствованием, он искал всею душою небесного, и, лежа связанным в темнице, молился всесильному Богу, чтобы Он укрепил его в этом страдании. При наступлении великого праздника св. Пасхи, царь Леовигильд, призвав одного арианского епископа, послал его ночью к своему сыну в темницу, чтобы Ерминингельд принял из рук сего епископа их арианское причастие: и если он причастится сего, обещал снова возвратить прежнюю родительскую любовь и честь. Но святой страстотерпец, с негодованием отвращаясь арианского епископа и доблестно обличив его зловерие, прогнал его от себя, не приняв еретического причащения. Пречистых и животворящих Тайн Тела и Крови Христовых он был причащен некоторым православным пресвитером, тайно присланным к нему св. епископом Леандром; арианский же епископ возвратился к отцу посрамленным и пересказал ему все,

слышанное от сына. Тогда царь, исполнившись невыразимой ярости и заскрежетав зубами, тотчас послал из среды своих бояр нарочитых мужей, дав им приказание убить сына своего Ерминингельда в темнице; те пошли и отрубили секирою честную его главу. И слышны были сладостнейшие голоса святых Ангелов, поющих над святым телом его, и были видны ночью горящие свечи. Верующие, видя сие, радовались и благодарили Бога, прославляющего такими чудесами Своего правоверного раба после страдальческой кончины его; зловерные же стыдились и ужасались. Детоубийца – отец, раскаявшись в безвинно совершенном убийстве, заболел от скорби; он хотел отказаться от арианства и принять Православие, но боялся ариан и таким образом не сподобился быть сопречисленным к правоверным. Когда же приблизилась его кончина, то он почтительно призвал к себе, бывшего в то время епископом, Леандра, – которого ранее не любил и преследовал, – и умолял его, чтобы тот младшего его сына Рехадера, которого сделал наследником своего царства, так же наставил своим Боговдохновенным учением в православии, как и Ерминингельда. Леовигильд умер, а Рехадер, воцарившись, тотчас принял православную веру, по наставлению св. епископа Леандра, и привел к благоверию всю землю Готскую[7036], которая ранее была заражена арианской ересью. Тело св. Ерминингельда, своего старшего брата, он почтил подобающей честью, как мученика Христова, на котором сбылось евангельское слово: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан.12:24). Ибо страстотерпец Христов, подобно пшеничному зерну, один из Готов умер за Христа, но плодом его смерти стала православная жизнь всего народа той земли: все начали православно веровать во Христа Бога, Единосущнаго и Равночестного Отцу и Святому Духу, Ему же слава вовеки, аминь.

Память святых мучениц Кириены и Иулиании

Память 1 ноября

Святыя жены Кириена и Иулиания пострадали в царствование императора Максимиана[7037]. Кириена происходила из города Тарса, Киликийской области, Иулиания же – из города Россона[7038]. За исповедание христианской веры они были схвачены правителем Маркианом, который принуждал их отречься от Христа. За твердость в истинной вере Маркиан приказал нечестивым воинам остричь Кириене голову, обрезать веки и, обнаживши, водить вокруг города Тарса[7039]. Затем ее вместе со святою Иулианией, отведши в город Россон, предали сожжению.

Память святых священномучеников Иоанна и Иакова

Память 1 ноября

Святые Иоанн и Иаков были, – первый епископом, а второй пресвитером, при Сапоре Персидском[7040]. Они многих привели ко благочестию, за что были схвачены царем и преданы различным скорбям и мукам. После мучения они были усечены мечом.

Страдание святых мучеников Акиндина, Пигасия и Анемподиста

Память 2 ноября

Когда персидский царь Сапор[7041], омраченный идолослужением[7042] и исполненный всякого беззакония, воздвиг в своей стране великое гонение на христиан, то в это время между его придворными было три тайных христианина: Акиндин, Пигасий и Анемподист. Служа скрытно Христу, они приводили многих своим тайным учением к тому же благочестию. Некоторые оклеветали этих трех святых пред царем, что они не только сами веруют в Распятого, но и других заражают, как ядом, такою же верою.

Царь сказал с гневом клеветникам:

– Почему вы, давно зная о таких людях, не донесли мне и не представили их ко мне?

Они сказали:

– Державный царь! Если прикажешь, мы сейчас же представим их к тебе.

Царь тотчас дал такое приказание, и они пошли, чтобы взять их. Когда они подошли к дому, в котором пребывали святые, то нашли двери запертыми; ибо верные рабы Господни стояли на молитве и не хотели отпереть людям, упражняясь в беседе с Богом. Те выломали двери, схватили святых и, связав, повели пред лицо царя.

Царь, увидев святых, начал кротко спрашивать их:

– Откуда вы, дети мои?

Святые отвечали:

– Об отечестве ли нашем спрашиваешь нас, царь? – отечество наше и жизнь наша есть Пресвятая, Единосущная и Нераздельная Троица, Отец, Сын и Святой Дух, Единый Бог.

Царь сказал:

– Вы весьма дерзки и смеете исповедовать предо мною иного Бога, потому что еще не испытали, что такое раны и разного рода мучения.

Святые отвечали:

– Мы смелы надеждою на Бога нашего и готовы принять за Него всякие раны и мучение; если не веришь словам нашим, испытай самым делом: наноси раны, причини, какие хочешь, мучения, – и увидишь, отвергнемся ли мы от нашего Бога.

Когда святые говорили еще более, прославляя Единого Бога и обличая царя за его многобожие, то царь разгневался и повелел каждого из них, распростерши по земле, четырем человекам бить суковатыми палками. Святые же благословляли, среди побоев, Бога, единогласно говоря:

– Призри, Господи, не умолчи и не отступи от нас, чтобы все уразумели могущество десницы Твоей, и Сам, Господи, помоги нам.

Между тем как святые среди мучений пели так, палачи выбились из сил, и царь приставил других, чтобы те продолжали бить их. И били мучеников долгое время, так что они могли бы и умереть от столь продолжительных побоев, если бы Сам Бог не поддерживал жизни их. Царь, видя такую твёрдость их терпения, что они не кричат и не теряют сил, удивлялся; какой-то ужас напал на него, и он упал с царского престола. Святые же воззвали к нему, говоря:

– Господь наш, Который дал тебе жизнь, снова укрепляет тебя, чтобы ты увидел через нас силу Его.

Окружающие думали, что царь убился до смерти и, подбежав, подняли его. Он поднялся еле живой и едва пришел в себя. После того Сапор пришел в еще большую ярость, подумав, что мученики причинили ему это каким-либо колдовством; ибо нечестивые, сами будучи всецело под действием бесов, всегда имели обыкновение приписывать волхвованию и колдовству совершаемые святыми дивные чудеса Божии. Беззаконный царь повелел повесить святых мучеников и развести под ними пылающий огонь, чтобы они погибли, испустив свои души среди мучений от оков и огня.

Святые, вися в продолжение долгого времени, воспевали:

– Светильник душ наших и Творец наш, преданный за нас, оплёванный, подвергшийся поношению, как злодей повешенный на дереве, всё в Своей деснице содержащий Владыка! Приди ныне и призри на наше страдание и яви нам спасение Твое;

воззри на болезни наши и помилуй нас, сделай явным для всех, что мы имеем Тебя – Единого Бога на небе.

И тотчас явился им Господь в человеческом образе, с лицом светлым, как солнце: с явлением Его распались оковы, погас огонь и святые сделались здоровыми. Увидев Господа, они исполнились неизреченной радости, Господь же снова сделался невидимым. А святые стали пред царем как будто бы не претерпели ни одного мучения. Царь, увидав их здоровыми, изумлялся и говорил им:

– Что такое было с вами?

Они отвечали:

– Видишь сам что: Христос Бог наш спас нас от твоих мучений; познай силу Его и устыдись.

Беззаконник начал хулить Христа. Святые же воскликнули:

– Да онемеют уста льстивые, хулящие истинного Бога!

И тотчас царь онемел и сделался безгласным.

Святые говорили:

– Что с тобою произошло, царь, что ты не говоришь с нами? Неужели мы так и отойдем от твоего судилища, не получив окончательного приговора?

Царь начал делать окружающим знаки глазами и руками, чтобы они взяли святых и заключили в темницу; но никто из окружающих не понял, что он приказывает своими знаками, Тогда царь, сорвав с себя багряницу[7043], ударил ею о землю и, как безумный, начал пред всеми топтать ее ногами. Народ, видя то, дивился и сожалел о своем царе, что он впал в такое безумие.

Святые же сказали народу:

– О слепые умом! Видя вы не видите, слыша не слышите, ибо ожесточились сердца ваши! …

Когда святые говорили сие, явился с неба полк пресветлых Ангелов, коих видели многие из народа; не будучи в состоянии смотреть на них, они упали от страха и уверовали во Христа, Святые же начали петь: «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах, поэтому не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей. Восстань на помощь нам и избавь нас ради милости Твоей» (Пс. 45:2–3, 43:27).

Царь, не будучи в силах предпринять что-либо, по причине немоты, в ярости начал бить себя по лицу. Акиндин, видя его в таком смятении, прослезился и сказал:

– Во имя Иисуса Христа, Господа нашего, говори.

И тотчас у него разрешился язык, и он начал говорить, но не благословлял Бога, напротив, имея ожесточенное сердце, еще более хулил: хотя он и видел на себе крепкую руку Божию, однако, не хотел познать истины. Считая все сие за колдовство святых мучеников, он воспылал еще большим гневом на них и, вместо благодарности, тотчас по разрешении своей немоты, изрек такое слово:

– Акиндина, Пигасия и Анемподиста погублю лютою смертью, вам же, присутствующим, отомщу за то, что не послушались меня, когда я приказывал вам знаками, – взяв этих нечестивых христиан, мучить за меня; ибо они связали мой язык своим колдовством.

И повелел царь разжечь железное ложе и положить на нем мучеников. Когда их жгли на этом ложе в течение многих часов, они усердно молились Богу и воспели приличествующей тому времени псалом Давида:

– «Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро[7044]. Ты ввел нас в сеть, положил оковы на чресла наши[7045], посадил человека на главу нашу[7046]. Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» (Пс.65:12). Дай нам силу понести удручающие нас мучения с твёрдою душою и мужественным сердцем, дай познать имя Твое святое стоящим вокруг, пред которыми Ты сделал явными силу Твою и чудеса Твои.

Когда святые говорили сие, послышался голос с неба, который изрек:

– Так как вы засвидетельствовали веру вашу делами, то прошения ваши будут исполнены.

Многие из стоящих вокруг, сподобившись слышать сей Божественный голос, воскликнули:

– Един есть истинный Бог, Коего чтут сии страдальцы, один Он силен, один непобедим, и нет, кроме Него, иного Бога. Блаженны вы, страстотерпцы, соделавшиеся свидетелями

пришествия Его на землю и из любви к Нему предавшие души свои на смерть, после которой удостаиваетесь жизни вечной! Молите Его благость и за нас, чтобы Он простер нам свыше руку Своей помощи и извлёк нас из глубины погибели.

Святые мученики, возведя свои очи на небо, молились о них, говоря:

– Боже, в вышних живущий! Призри на рабов Твоих, истинно призывающих имя Твое, и ниспошли орошение новому Твоему достоянию, – тем людям, которые ныне уверовали в Тебя; пусть роса, исходящая от Тебя и омывающая греховные немощи, будет им врачевством и исцелением[7047], и пусть познают все, что Ты – Единый Бог, и пусть все повинуется Твоей власти.

Когда святые так говорили и оканчивали молитву, внезапно вдруг засверкала молния, послышались раскаты страшного грома, и пошел сильный дождь; неверующие, полные страха и ужаса, бежали; с мучениками остались только одни те, которые веровали во Христа.

Святые сказали им:

– Не бойтесь, ибо сие было ради вас, чтобы через этот дождь над вами было совершено таинство крещения.

Когда все единогласно воссылали славу Богу, то было видно множество нисходящих с неба Ангелов, которые одевали белыми одеждами новокрещенных людей, показывая через то, что души их очищены святою верою и водою, сшедшею на них свыше. От этого дождя погас огонь, остыло раскалённое ложе, и святые встали живыми и здоровыми; только тела их были чёрны, подобно деревьям, обгоревшим в огне.

Царь, призвав снова святых, сказал им:

– Хотя вы и угасили огонь своим волхвованием, однако, не избежите моих рук, пока не заставлю вас поклониться богам, или не предам вас лютой смерти.

Они отвечали как бы одними устами:

– Предай нас какой хочешь, смерти, но мы не отторгнемся от живущего на небесах Единого Бога, уготовавшего нам вечную жизнь.

Царь, засмеявшись, сказал:

– Дети мои и друзья! Если вы почитаете Единого Бога, то и я ведь принуждаю вас почитать не многих богов, а только одного, однако, – того, которого почитаю и которому поклоняюсь я. Ибо и я имею одного бога, которого люблю и почитаю более других, это – великий Зевс, старший между всеми богами[7048]; воздайте, вместе со мною, поклонение ему одному; относительно же прочих богов – как хотите, достаточно воздать почтение одному.

Блаженный Анемподист сказал царю:

– Каким образом воздать честь Единому Богу велишь ты?

Царь, услышав это, обрадовался, ибо подумал, что хотят поклониться его скверному Зевсу, и сказал им:

– Пойдёмте, дети мои, со мною в храм великого Зевса, и что я буду делать, то и вы делайте, и поклонимся вместе моему богу.

Святые сказали:

– Ты, царь, молись по своему уставу, а мы будем молиться – как научились издавна.

Царь, не поняв сказанного ими, радовался, ибо он думал, что они уже склонились к его идолопоклонству и говорил им:

– Почему вы ранее не захотели обнаружить единомыслие с нами? – тогда вы не потерпели бы таких мучений. Теперь же простите меня, что причинил вам скорбь; обещаюсь загладить пред вами это моею усердною любовью.

Он велел приготовить свою царскую колесницу и, поднявшись на нее, звал к себе святых мучеников, чтобы они садились вместе с ним.

Святые отвечали:

– Нет, царь, мы не поедем на колеснице, но пойдем сами.

Так они дошли до этого мерзкого храма. Взяв их за руки, царь вошел с ними в храм и начал кричать:

– Велик бог Зевс, и велика сила его! Приидите, возлюбленные мои, и помолитесь прежде меня великому богу Зевсу.

Святые отвечали:

– Как ты велишь, так и сделаем.

Сотворив крестное знамение на челах своих, они упали на колена и, подняв к небу свои руки, начали молиться Богу, Единому в Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу; и тотчас потряслось то место, и храм начал разрушаться. Царь, убоявшись, выбежал вон со всеми, кто был с ним, и пал храм вместе с идолами, и всё находящееся в храме разбилось в прах. Святые же остались при падении того храма невредимыми; они радовались при виде силы Христовой и смеялись над беспомощностью языческих богов.

Царь воспылал сильною яростью на святых и сказал им:

– Таково-то ваше обращение к Зевсу и поклонение ему? Такова-то ваша молитва, что вы своим волхвованием разрушили храм и сокрушили богов?

Святые отвечали:

– Как мы научились издавна, так и молились Единому Богу, Создателю всего мира, волхвование же не знаем; и не от какого-либо волхвования, но от всесильного имени Божия, призванного нами в молитве, разрушился скверный храм с нечистыми вашими богами.

Царь повелел приготовить три котла и наполнить их оловом, серою и смолою, разрубить старые лодки на дрова[7049] и развести ими большой огонь под котлами. Когда это было сделано, и сильно раскалённые котлы кипели и клокотали, святых связали цепями и свесили их сверху в котлы, сначала до пояса, потом – до груди и, наконец, – до шеи. Они же взирали, среди этих мучений, на небо, и каждый из них пел свою песнь из псалмов Давидовых. Блаженный Пигасий взывал: «Ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет» (Пс. 35:10).

Блаженный Анемподист говорил: «Моя нога стоит на прямом пути; в собраниях благословлю Господа» (Пс. 25:12).

Блаженный Акиндин начал восклицать:

– «Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня» (Пс.17:5), но поелику «Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» (Пс.65:12). Сам, Господи, изведи нас в покой.

Святые, молясь таким образом в котлах, не потерпели никакого вреда от кипящих олова, серы и смолы, и цепи, сами развязавшись, упали с них. Святые вышли здоровыми на виду у всех, из которых многие, удивляясь сему поразительному чуду, познали истину и, прославив Христа, уверовали в Него. Также и один из мучителей, по имени Афоний, видя это чудо, уверовал во Христа и воскликнул:

– Велик Бог христианский!

Царю же он сказал:

– Безбожный и человеконенавистный царь! Доколе ты не оставишь этих неповинных людей? – вот мы, мучая их, устали более, чем они, претерпевая мучение, а ты остаешься как бы железным и каменным, и не трогается сердце твое.

Царь тотчас повелел отрубить ему голову.

Афоний, услышав ответ царя, присуждавший его к усечению мечом, возвел очи на небо и сказал:

– Слава Тебе, Господи Иисусе Христе Боже, в Которого веруют христиане! Вот и я верую в Тебя, поклоняюсь Тебе и умираю за Тебя: спаси меня недостойного по великой Твоей милости.

Палач, приступив к нему, надел на шею его верёвку, чтобы вести его за город для исполнения казни. Он же, обратившись к святым мученикам, сказал:

– Господа мои и отцы, забудьте зло, которое я причинил вам, мучая вас, по повелению нечестивого царя. Молите о мне Бога, чтобы простил Он мне многие мои грехи, приобщил меня к сонму верующих в Него и дал мне увидеться с вами в Царствии Его.

Святые мученики сказали ему:

– Радуйся, брат, потому что прежде нас идешь ко Христу, и будь уверен, что найдешь у Него милость, и Он воздаст тебе по вере твоей.

Афония, после того как он поцеловал святых, отвели за город; призывая пресвятое имя Иисуса Христа, он склонил под меч свою выю и отошел, радуясь, ко Господу. Христиане, взяв его тело и обвив чистым полотном, предали его честному погребению, как мученика Христова.

После этого Акиндина, Пигасия и Анемподиста царь повелел зашить в кожаные меха и бросить в море. Когда это было сделано, явились святый Афоний и с ним три Ангела, ходящие по морю; вынув из моря святых мучеников, они освободили их от мехов и поставили на суше живыми и здоровыми, как бы никогда нисколько не страдавшими. Услышав о том, что святые мученики живы, царь разгневался на воинов, которым поручил ввергнуть святых в морскую пучину. Предположив, что они не послушались его и отпустили их на свободу, он, прежде всего, отсек руки этим воинам, которых числом было четверо, а потом приказал потопить их в море. Перед смертью, они призывали Господа нашего Иисуса Христа, исповедуя Его святое имя, веруя и молясь Ему, и таким образом были потоплены в водах морских. Святые мученики, Акиндин, Пигасий и Анемподист, снова были взяты, заключены в темницу и забиты в колодки. В смущении царь пошел в свою спальню, возлег на ложе, призвал своих вельмож и начал с гневом говорить им, что они оставили его одного трудиться на суде, совершаемом над христианами, и не помогают ему ни в чем, ни словом ни делом. Они отвечали, говоря, что нехорошее это дело – упражняться в таких судах и предавать казни неповинных христиан. Царь же при сем заметил им еще следующее:

– О чем вы думали, когда стояли вчера и третьего дня, закрыв уста свои руками?

Один из вельмож, по имени Елпидифор, засмеявшись, сказал:

– Мы смеялись в своей душе над твоим безумием, и глупы мы были до этих пор, что слушались тебя.

Царь приказал одному из присутствовавших здесь слуг ударить Елпидифора по лицу. Все вельможи, видя это, пришли в негодование и сказали царю:

– Знай, царь, что мы не на твоей стороне.

Царь, видя, что все вельможи заодно с Елпидифором, убоялся и, не желая раздражать их еще более, сказал:

– Простите мне, потому что от великой печали пришел в гнев.

Вельможи, оставив царя, ушли, тем более что уже наступала ночь. Царь же еще более мучился сердцем от ярости, думая о том, как бы и святых погубить и вельможам отомстить. Поутру он повелел бросить святых мучеников в яму, наполненную ядовитыми гадами; но и там они остались невредимыми, утешены были явлением Ангелов и выведены оттуда целыми. Потом их повесили и скоблили тела их даже до костей, но мученики снова оказались без ран. Наконец, царь, не зная, что сделать еще, осудил их на усечение мечом. Когда святые шли за город для совершения над ними казни, за ними следовало много веровавшего народа, который с плачем говорил им:

– Рабы истинного Бога, зачем оставляете нас без поучения?

Святые отвечали:

– Милосердный Бог устроит потребное для вас, как знает и хочет: только веруйте в Него несомнительно, и Он дарует вам – что будет служить вам на пользу.

Некоторые из царских слуг пошли к царю и донесли, что весь народ пристал к этим трем христианам и может воспрепятствовать их усечению.

Царь сказал:

– Выведите за город триста вооруженных воинов, чтобы они перебили и народ, который будет следовать за этими обольстителями.

Слуги донесли ему, что среди этого народа есть и некоторые из вельмож, что и Елпидифор там же, и спрашивали, можно ли и их перебить с прочими. Царь приказал позвать к нему Елпидифора. Елпидифор, взяв с собой трех других сановников, пришел к царю. Царь, поникнув головою, долго сидел в молчании; потом, подняв голову, сказал:

– Елпидифор! Зачем, оставив отеческих богов, вы захотели перейти к ложным христианским[7050]? Знай же, что я не пощажу никого, кто верует в Распятого.

Елпидифор отвечал:

– Делай что хочешь, мы готовы тотчас умереть за распятого Христа, потому что Он один есть истинный и праведный Бог, и нет другого, кроме Него. Все же твои боги суть бесы, от которых

мы отрекаемся и отвергаемся, а тобою, – служителем бесовским, – и скверными идольскими жертвами мы пренебрегаем.

Тогда царь осудил их на смерть и произнёс над ними такой приговор: «Елпидифора и всех его единомышленников, которые оставили пресветлых богов и предпочли смерть этой жизни, – повелеваю усечь мечом, чтобы они получили то, чего сами пожелали; и кто хочет взять и укрыть их тела, тот может сделать это безбоязненно».

Воины, тотчас взяв их, повели за город к святым мученикам и ко всему народу, уверовавшему во Христа. Когда там было прочитано пред всеми повеление царя, то все воскликнули:

– Слава Тебе, Боже, что указал нам благой путь, дабы мы, освободившись из сего мрачного и коварного мира, пришли к Тебе, Богу нашему, поклонились престолу Твоему и узрели Тебя, Свет Неприступный.

Они начали целовать друг друга. Воины же, окружив, избивали их, и пало тогда от меча около семи тысяч уверовавших во Христа, вместе с святым Елпидифором.

Акиндин, Пигасий и Анемподист не были усечены, но, по повелению царя, снова были заключены в темницу.

Поутру царь повелел приготовить огненную печь, чтобы сжечь в ней святых мучеников. Когда святые были выведены из темницы, царь сказал им:

– Видите ли эту печь? – вот она приготовлена для вас.

Блаженный Акиндин сказал:

– Для тебя еще большая печь приготовлена в геенне огненной, в которой ты будешь вечно гореть вместе с соименными тебе бесами.

Царь гневно сказал:

– Разве я бес?

Святый отвечал:

– И дела твои и имя твое показывают в тебе беса, ибо ты делаешь свойственное бесам, и имя твое означает: «царь бесов»; и хорошо назвала тебя твоя мать Сапором, потому что ты единомышленник бесов.

Царь сказал окружающим:

– Попросите мать мою прийти сюда ко мне.

Когда пришла его мать, он встал со своего престола; воздав ей честь, он посадил ее возле себя и сказал:

– Скажи мне, мать моя, какое у меня имя?

Мать отвечала:

– Ты носишь имя твоего деда: дед твой назывался Сапором, и тебе имя Сапор.

Царь, показав перстом на святых, сказал:

– А эти беззаконники говорят, что у меня бесовское имя.

Мать его на это засмеялась, – ибо она уже веровала во Христа, но скрывалась пред своим злым сыном. Царь, увидев, что мать его засмеялась, вскипел яростью и, устремившись на нее, начал бить ее по лицу. Она же припала к ногам святых мучеников и с плачем говорила:

– Спасите мою старость, рабы Христовы, ибо я вижу, что родила не по имени только, но и на самом деле беса и окаянного сатану.

Царь, увидев, что и мать его уверовала во Христа, осудил и ее бросить в огненную печь, вместе со святыми мучениками. Кроме того, уверовали еще и некоторые из присутствовавших воинов, числом двадцать восемь, и все были брошены в печь, вместе с Акиндином, Пигасием и Анемподистом и с блаженною матерью царя; молясь в огне, они предали Богу свои святые души. Люди достойные видели сонм святых Ангелов, поющих вокруг печи и принимающих души святых, и несказанное благоухание исходило от мученических тел. Когда печь погасла, царь ушел в палату, и все разошлись, тогда некоторые из верующих пришли к печи и нашли тела святых целыми и неповрежденными огнем; они взяли их и предали честному погребению, славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, Емуже слава вовеки, аминь.

Тропарь, глас 2:

Страстотерпцы Господни, блаженна земля напившаяся кровьми вашими, и свята селения, приимшая телеса ваша: в тризнищи бо врага победисте, и Христа со дерзновением проповедасте. Того, яко Блага, молите спастися, молимся, душам нашим.

Кондак, глас 2:

Благочестивыя и богоносныя мученики, яко на земли оставльшия вся, приял еси в наслаждение благих Твоих и упокоение, Акиндина, Пигасия, Анемподиста, с ними же Аффония и Елпидифора же, Едине сый преблагий.

Память преподобного Маркиана

Память 2 ноября

Преподобный отец наш Маркиан был родом из Кира. Оставивши свою родину и имущество, он удалился в глухую пустыню. Здесь он построил себе такую малую келью, что она могла вмещать только одного человека и, облекшись в грубую власяную одежду, затворился в ней. Пищею ему служили три онгии[7051] хлеба и немного воды, но и то по захождении солнца. По прошествии некоторого времени, Маркиан принял двух пришельцев, которые построили палатку. Он же, постоянно, как и прежде, оставался в заключении, никогда не зажигая свечи, имея свет Божественный, который светил ему ночью, и при помощи которого он занимался чтением книжным, имея при себе «мал Псалтирец». Однажды большой змий, снаружи наклонившись над их хижиной, так устрашил постников, что они сильно испугались. Святый же, сотворив перстом крестное знамение, дунул и как высохшая трость от огня, так и змий тотчас был истреблён.

В другое время Флавиан, патриарх Антиохийский[7052] и епископ Кирский и некоторые из других епископов, знатные и красноречивые, пришли к нему и убеждали его, приводя некоторые места из Божественных Писаний, чтобы он, ради пользы многих, оставил свое уединение; он же и слышать об этом не хотел. Дивный сей муж многих от разных ересей возвратил в истинную православную веру.

Сестра преподобного со своим сыном однажды, взявши разные снеди, отправилась к нему. Он не пожелал видеть свою сестру, ничего не принял из принесенного ею, и только допустил к себе своего племянника. На просьбы же своей сестры, чтобы взять принесенное, святый Маркиан спросил:

– Предлагали ли вы это в каком-либо другом монастыре из тех, которые встречались вам, когда вы шли сюда?

– Нет, мы ни в одном из них не предлагали, – отвечала сестра.

– Уходите, – отвечал святый, – с тем, с чем пришли, так как вы это сделали ради естественного родства.

Сей великий и дивный святой был любим и ближними и дальними. Узнавши о том, что многие препираются между собой из-за того, кому, по преставлении, владеть его телом, – для чего они устрояли раки и созидали церкви, – святой заставил своего ученика Евсевия дать ему клятву в том, что он похоронит его тело тайно вдали от кельи. Завещав сие, он отошел ко Господу[7053].

Страдание святых мучеников Акепсима епископа, Иосифа пресвитера и Аифала диакона

Память 3 ноября

В персидской стране, в городе называемом Наессон[7054], жил благочестивый епископ, по имени Акепсим. Упражняясь, от дней своей юности, во всяких добродетелях, он сохранил непорочность жизни до самой старости. Будучи уже восьмидесяти лет от роду, он сохранил еще, среди трудов, силы совершать усиленные подвиги поста и молитвы, и ревностно заботился о врученной ему пастве. Но еще больший подвиг он обнаружил при своей кончине, когда мужественно постоял даже до крови за своего Господа, за Которого ревностно положил и свою душу после долгих и тяжких мучений. Еще за несколько лет до своего мученического подвига, он получил такое пророчество о своем страдании:

Когда однажды он возлежал в своем дому, отрок его, исполнившись пророческого духа, поцеловал его в голову и сказал:

– Блаженна сия глава, потому что она приимет мучение за Христа.

Он возрадовался этому пророчеству и сказал:

– Да будет мне, чадо, по слову твоему.

Вместе с Акепсимом сидел, бывший у него в то время, один возлюбленной друг его, епископ соседнего города. Услышав сказанные отроком слова, он улыбнулся и сказал отроку:

– Скажи мне, чадо, – не знаешь ли чего и о нас?

Боговдохновенной отрок отвечал:

– Ты не увидишь более своего города, но преставишься на пути к нему, в селении Етрадан[7055].

Пророчество этого отрока исполнилось на обоих епископах. Один умер на пути, в упомянутом селении, глава же епископа Акепсима, действительно, сподобилась мученического венца. Это произошло следующим образом.

Нечестивый персидский царь Сапор воздвиг великое гонение в своей земле на христиан. В самый день спасительных страданий Христовых он послал во все подвластные ему страны повеление, чтобы были перебиты во всей Персии все исповедующие Христа. И бесчисленное множество христиан было в то время без пощады перебито нечестивыми по городам и селениям.

Больше всех пылали яростью на христиан жрецы и волхвы[7056]; они старательно разыскивали укрывающихся и, вытаскивая их из домов и потаенных мест, предавали лютой смерти. Иные из верующих сами предавали себя в руки их и доблестно проливали свою кровь. Многие из придворных лиц были умерщвлены за Христа. Евнух[7057] Азадис, которого царь весьма любил, был вместе с ними предан смерти, как истинный раб Иисуса Христа и исповедник Его Пресвятого имени.

Царь, узнав о смерти своего возлюбленного евнуха Азадиса, весьма сожалел о нем и прекратил поголовное истребление христиан, отдав лишь повеление разыскивать вождей и учителей христианской веры для предания их на смерть.

Когда это повеление царя было оглашено повсюду, начальники волхвов и жрецов старательно обходили всю Персию, ища христианских епископов и священников и предавая их разными способами смерти.

В это время был взят и святой епископ Акепсим. Когда взявшие выводили его из дому, некто из домашних, подойдя к святому, сказал ему на ухо:

– Сделай какое-либо завещание о своем доме.

Он же, показывая рукою на дом, сказал:

– Этот дом уже не мой, ибо я без промедления пойду к горнему дому[7058].

По прибытии в город Арбелу[7059], когда его привели к князю волхвов, которому имя было Адрах, князь спросил святого Акепсима:

– Кто ты?

Акепсим громко исповедал себя христианином.

Князь сказал ему:

– Правду ли говорят о тебе, – что ты не слушаешь царского повеления и проповедуешь Единого Бога?

Святой безбоязненно отвечал:

– Всё, слышанное тобою о нас, верно: я проповедую Единого Бога и убеждаю приходящих ко мне, чтобы познали Его и вместе со мною веровали в Него.

Князь сказал:

– Мы слышали о тебе, что ты мудрее других, теперь же видим, что ты ничем не лучше несмысленных детей, – ибо что мудрого в том, чтобы противиться повелению царя и не поклоняться светлому солнцу и огню, которым поклоняется сам царь?

Святой отвечал:

– И ваш царь и вы с ним совершенно обезумели, потому что, оставив Создателя, поклоняетесь созданию.

Князь сказал с гневом:

– Ты называешь безумными нас, почитающих такую стихию и поклоняющихся оживляющему и просвещающему всё солнцу? – Лживый старик! Поистине ты сам безумен, и если не подчинишься царскому повелению, то твоя старость не избавит тебя от тяжких мучений, и твой распятый Бог[7060] не освободит тебя из наших рук.

Святой сказал:

– Да заградятся, нечестивец, твои мерзкие уста, хулящие моего Бога! Ты хочешь устрашить меня своими угрозами, чтобы я отступил от отеческих преданий, которым научился в юности и в которых дожил до этой седины. Если ты и превозносишься в своей гордости предо мной, – что ни старость, ни Бог мой не избавят меня из рук ваших, – однако, и я не переменю лучшего на худшее: ибо какая для меня польза освободиться из ваших рук на эти немногие дни? Ибо скоро, и помимо вас, взыщется с меня общий долг смертного естества[7061]. Не воздам поклонение солнцу, ни почтение огню, чтобы никто не мог посмеяться над моей старостью, чтобы никто не подумал, что жизнь для меня дороже моего Бога; не продам за кратковременную жизнь столь великих небесных благ.

Волхв тотчас приказал, распростерши святого нагим на земле, крепко бить его суковатыми палками; и его били по всему телу так, что земля обагрилась кровью его.

Мучитель, поставив его снова пред собою, после продолжительных побоев, сказал:

– Акепсим! Где твой Бог? – Пусть Он придет теперь и избавит тебя из моих рук.

Святой отвечал:

– О пребеззаконный! Бог мой вездесущ. Он наполняет небо и землю и имеет силу избавить меня из твоих рук. Но я умоляю Его благость не о том, чтобы Он избавил меня от причиняемых тобою мучений, но о том, чтобы ниспослал мне терпение среди мучений, дабы, претерпев до конца, я мог бы наследовать венец жизни. Какой же муки и смерти достоин ты, восстающий на Бога Живого, ты, – земля и пепел? – Поистине ты достоин того, чтобы сгореть в огне, которому поклоняешься теперь как богу, – чтобы бог твой вечно жёг тебя.

Князь волхвов, слыша это, пылал гневом и повелел обложить святого тяжелыми железными оковами и заключить в темницу.

Поутру на другой день был взят пресвитер Иосиф[7062], семидесяти лет от роду, также и диакон Аифал[7063], оба – мужи праведные и святые, ревность которых о Боге была подобно обоюдоострому мечу, посекающему безбожие. Они были приведены к нечестивому волхву, и он, гордо посмотрев на них, сказал:

– О погибшие люди! Зачем, обходя простых людей, вы обольщаете их вашим неправедным учением?

Пресвитер отвечал:

– Мы не обольщаем людей, но обращаем их от обольщения к истинному Богу, Который есть Господь и Создатель солнца и огня и всех видимых и невидимых тварей; а праведно наше учение потому, что оно учит об Едином Праведном Боге.

Волхв сказал:

– Какое учение более справедливо: то ли, которого держатся царь и все его воеводы, или то, которому следуют люди худые, отверженные, нищие и ничтожные – как ты?

Пресвитер отвечал:

– Точно, мы худые и отверженные люди в сем мире, ибо Господь наш оказывает благоволение пребывающим не в гибельных для души богатствах и гордости житейской, но в нищете и смирении нашем; по этой причине многие из нас добровольно делаются нищими и смиренными, раздав свое имение в руки убогих, за что мы надеемся получить награду сторицею от нашего Господа. И если бы мы упражнялись в собирании богатств, то, трудясь своими руками, обогатились бы более, чем ты, не делающий ничего, а только поглощающий плоды чужих трудов и с притеснением отнимающий имение других людей, убогих; для нас же достаточно нашего труда, чтобы и самим питаться, в меру надобности, и питать более слабых братьев.

Мы знаем, что для богатых труден путь в Небесное Царство, и что стремящиеся к обогащению впадают в искушение.

– Оставь свои длинные лживые речи и поклонись огню и солнцу, – сказал волхв, прерывая его беседу.

Пресвитер отвечал:

– Не надейся, что когда-нибудь увидишь меня исполняющим вашу беззаконную волю, ибо я не оставлю Создавшего огонь и солнце, и не поклонюсь созданию.

Волхв, слыша это, повелел, обнажив святого пресвитера Иосифа, растянуть и бить прутьями розового дерева, ветви которого колючи подобно терновнику, до тех пор, пока не была содрана вся кожа его, и плоть не стала отпадать от костей.

Волхв тотчас приказал, распростерши святого нагим на земле, крепко бить его суковатыми палками; и его били по всему телу так, что земля обагрилась кровью его.

Святой, будучи весь окровавлен, воскликнул:

– Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты благоволил омыться мне от грехов в крови моей.

После долгих побоев святой был скован двумя железными оковами и отправлен в темницу к святому Акепсиму, где они имели один в другом отраду среди своих страданий, взаимно утешая друг друга надеждою на милость Божию.

Когда пресвитер был отведен в темницу, диакон Аифал остался пред князем волхвов, стоя связанным.

Волхв, посмотрев на него, сказал:

– А ты что скажешь? Исполнишь ли царское повеление? Поклонишься ли великому солнцу? Вкусишь ли жертвенной крови, чтобы избавиться от предстоящих тебе бедствий? Или останешься упорным и непокорным, как и прочие?

Святой диакон отвечал:

– Пить кровь – дело твоих скверных седин; за Бога ты считаешь то, что создано Богом. Я не буду в такой степени слеп душевными очами, как ты, и не почту тварь более, чем Творца.

Тогда мучитель повелел связать руки его под коленами и вложить сквозь связанные руки большой кол, а шести палачам, по три с каждой стороны, наступить на концы дерева и таким образом давить святого и при сем бить его без пощады колючими прутьями. Воины, прыгая на дерево, избили суставы мученика, стегали его розгами, истерзали тело его.

Святой, доблестно терпя, сказал волхву:

– Ты веселишься, мучитель, видя растерзанное человеческое тело, как веселится пёс или ворон, видя труп и желая насытиться им. Однако знай, нечестивец, что я считаю эти мучения за ничто.

Волхв, еще более воспылав яростью, повелел сильнее бить святого, пока не сломились кости его и плоть не начала отпадать от костей. Потом, перестав бить, понесли его в темницу, ибо он совсем не мог ступать ногами по причине жестоких ран, и, принеся, бросили его, как какое-либо бремя, к первым двум страдальцам.

По прошествии пяти дней, святые были приведёны из темницы на место, называемое Рай, где был храм бога огня, которого почитали нечестивые Персы.

Князь волхвов, восседая там на судилище, сказал святым:

– Скажите мне без замедления, будете ли еще оставаться в своем безумии или, изменившись к лучшему, будете с нами заодно?

Святые отвечали:

– Да будет тебе известно, судья, что в том убеждении, которое имели от начала, мы остаёмся поныне и пребудем в нем до конца. Ни угрозами, ни мучениями, ни подарками, ни иным каким-либо образом ты не изменишь нашего доброго исповедания. Единого Бога, Господа всего, мы знаем и исповедуем, в Него Единого веруем и Ему Единому поклоняемся.

Волхв, услышав это, тотчас изобрёл новое мучение. Он повелел обвязать мучеников верёвками под руки, также и бедра и голени их и, вложив в веревки палки, вертеть, и таким образом этими верёвками стягивать их. Когда делали это, святые терпели жестокие мучения и страдания, ибо у них ломались кости, так что треск ломаемых костей был слышен даже стоящим вдали.

Мучители говорили им:

– Не сопротивляйтесь царской воле.

Они отвечали:

– Всякий, кто исполняет волю вашего беззаконного царя, противится Богу.

Так мучили святых от третьего часа до шестого[7064]. Потом мучитель повелел снова отвести их в темницу, но святые не могли идти сами, поэтому их несли как ноши, и бросили туда же, где они были ранее. Мучитель отдал распоряжение сторожам, чтобы они не позволяли никому приходить к ним, и чтобы того, кто пожелал бы дать им пищу, или питьё, или одежду, тотчас взять и убить. И Христовы страдальцы пребывали в этой темнице три года в великой нужде, изнемогая от голода и жажды и претерпевая чрезвычайные страдания от загноившихся ран, так что и сами сторожа, при виде такого бедственного положения их, умилялись и много раз плакали. Но, имея строгое запрещение от князя, они боялись делать им какое-либо послабление; только тайно кто-нибудь из них, или из других бывших там же узников, подавал им иногда кусок хлеба или немного воды, – так терпели они из любви ко Христу.

По прошествии трех лет, когда прибыл туда Сапор, царь Персидский, то пришел с ним главный князь над всеми Персидскими волхвами, по имени Ардасабор. Узнав о святых

мучениках Акепсиме, Иосифе и Аифале, находящихся в темнице, он повелел привести их к нему.

Когда святые вышли из темницы, то были подобны трости, колеблемой ветром, – так они ослабели. Изнурённые голодом и жаждою, они высохли, подобно сену, падали от ветра и не могли сами идти. Когда их привели к князю Ардасабору, они представляли из себя удивительное зрелище, ибо вид их был как вид мертвецов, лежащих во гробе: глаза глубоко ввалились, кости были покрыты только кожею.

Князь, увидев их, сказал:

– Христиане ли вы? Они отвечали:

– Так, мы – христиане, веруем в Единого Живого Бога и поклоняемся Ему.

Князь сказал:

– Видите, какое бедствие принесла вам ваша вера, какие несчастия и скорби? Ибо вы утратили от многих мучений и долгого заключения образ живого человека и сделались похожими на мертвецов, лежащих в гробе. Советую вам поклониться пресветлому солнцу. Если же не послушаетесь меня, то умрёте лютою смертью.

Святые единогласно отказались от такого нечестия и исповедали Истинного Бога, создавшего не только солнце, но и всякую тварь, и обнаружили полную готовность умереть за Создателя всего.

После долгого спора, когда князь оказался не в силах подчинить их своей воле, то повелел сначала бить святого Акепсима по спине и по животу грубым ремнем; и били его тридцать воинов, глашатай же восклицал:

– Подчинись царскому повелению, и будешь жив.

Святой, пока был в силах, отвечал:

– Я стараюсь исполнять волю Господа моего всеми силами, полученными от Него.

Потом, ослабев, замолчал. После этого отсекли его святую главу; и исполнилось пророчество того боговдохновенного отрока, который прежде, целуя его в голову, сказал;

– Блаженна сия глава, ибо она приимет мучение за Христа.

Тело святого мученика вытащили на улицу и бросили на съедение псам, а стражи, стоя вдали, наблюдали, чтобы христиане не украли его. По прошествии трех дней, когда стражи отошли куда-то, христиане взяли это многоценное сокровище и предали его честному погребению.

После умерщвления святого Акепсима, стали бить, по приказанию мучителя, святого пресвитера Иосифа, и глашатай восклицал:

– Будешь жив, если подчинишься царской воле.

Святой же восклицал:

– Бог – Един, и нет иного, кроме Него, Которым мы живем, движемся и существуем[7065], в Него мы веруем, Его почитаем, – царским же повелением пренебрегаем.

После продолжительных побоев, он изнемог и сделался как бы мёртвым. Мучители думая, что он умер, вытащили его вон и бросили на торговой площади; потом, узнав, что он еще дышит, взяли его и заключили в темницу.

После того как удалили святого Иосифа, князь начал говорить святому Аифалу:

– Вот пред твоими глазами жизнь и смерть, честь и бесчестие; не избирай себе худшего, оставив лучшее, – не иди тем путем, которым пошли безумные и получили достойную, по своим делам, казнь. Ты же послушайся моего совета, чтобы сподобиться великих почестей и получить подарки из царских рук; если же не послушаешься меня, то сам будешь виноват в своей погибели.

Святой диакон отвечал:

– Великий был бы для меня, пред лицом неба и земли, стыд, если бы я не пошел тем же путем, каким пошли предо мною отцы мои. Если они, будучи стары годами и немощны плотью, так мужественно пострадали, то мне ли, более молодому годами и более сильному телом, бояться этих временных мучений? – Не боюсь смерти за Христа, умершего за меня, не хочу терять вечной жизни за временную жизнь, не продам своего благочестия за ваши подарки и почести.

Тогда князь сказал с яростью окружающим:

– Возьмите и бейте его сильнее, чем первых.

Святой сказал:

– Пёс смердящий и нечистый! Эти мучения устрашают только малодушных, а не крепких мужей, души которых пылают желанием соединиться со Христом.

И начали сильно бить святого Аифала. Князь с удивлением говорил своим:

– Почему это христиане пренебрегают сею жизнью, а смерти желают, как благополучия житейского?

Окружающие сказали ему:

– Они имеют преданное от отцов их учение, которое говорит, что есть иной мир, лучший чем этот; веруя этому учению, они пренебрегают этим миром, в надежде на лучший, потому и избирают себе добровольно смерть.

Между тем как князь в продолжение многих часов упражнялся в такой беседе со своими приближёнными, святой принимал в это время бесчисленные раны.

Потом князь, притворяясь милосердным, приказал перестать бить, и сказал святому:

– Покорись царской воле и будешь здоров, ибо у нас есть врачи, которые могут исцелить все твои раны.

Святой отвечал:

– Если бы ты мог одним словом исцелить меня от ран, то и тогда я не подчинился бы вашему беззаконию.

Князь сказал:

– Я сказал это, испытывая тебя; ибо, если бы ты и подчинился, тебе уже невозможно было бы исцелиться от таких и столь многих ран, которые исцелить может только одна смерть. Будь же примером[7066] для всех христиан, – чтобы не смели противиться царю и бесчестить его князей.

Святой отвечал:

– Беззаконный судья! хотя ты и говоришь всегда ложь, теперь же, сам того не желая, сказал правду, – что я буду для всех христиан примером мужества и великодушия; ибо многие из верующих, взирая на меня, как на живой пример, и видя мое твердое страдание за Христа, исполнятся ревности о Господе Боге своем и пойдут на такие же мучения за Него.

Князь, удивляясь такому его мужеству и терпению, взглянул на стоящего поблизости своего любимого друга, по имени Адесха, которой был из города Арбелы, и сказал ему:

– Возьми этих обоих христиан, Иосифа и Аифала, в свой город и сделай так, чтобы они были побиты камнями своими же христианами.

Он потому не захотел казнить их сам через посечение мечом, чтобы христианские учители приняли кончину от христианских же рук.

Адесх положил их на животных[7067], как снопы или бездушное дерево, ибо они не могли ни ходить, ни сидеть, так как все члены их были расслаблены от бесчисленных мучений, – почему и привязал их к животным и пошел с ними в свой город. На пути, когда нужно было остановиться для отдыха или ночлега, их клали на землю, снимая с животных, как бы мёртвые тела, ибо они не могли шевельнуть ни руками, ни ногами, потому что, обессиленные побоями, находились в омертвении; и если кто, по состраданию, хотел дать им пищи или немного воды, то своими руками влагал им в уста; и снова, подняв их с земли, клали на животных и, привязав как мёртвых, везли. По прибытии же в город Арбелу, их заключили в смрадную темницу и не позволяли никому из христиан приходить к ним и в чем-либо позаботиться о них. Раны их очень загноились, из язв их текли гной и кровь, и не было никого, кто обвязал бы их раны, или перевернул бы на другой бок или напоил бы чашею холодной воды. Так святые страдали за Бога.

Была в том городе одна верующая и святая женщина, по имени Снандулия, которая тайно питала страдающих в темнице за Христа. Узнав об Иосифе и Аифале, что они в темнице, она пришла туда ночью со своими рабами; дав сторожам много золота, она вошла в темницу и нашла их еле живыми: они не могли уже ничего говорить и едва лишь дышали. Снандулия упросила сторожей, чтобы позволили ей взять святых на короткое время в свой дом, обещаясь до рассвета снова привести их в темницу, – и сторожа позволили ей. Взяв мучеников, она перенесла их в свой дом, который находился

недалеко от темницы; положив на ложе, она омывала их язвы, обтирала их кровь чистыми полотенцами, мазала ею по телу своему, помазывала их драгоценным миром, обвязывала струпья их, целовала их разбитые руки и ноги и горько плакала над ними. Когда страдание их несколько облегчились, Иосиф пришел в себя и, взглянув, увидел эту благочестивую женщину, горько рыдающую над ним; он начал понемногу говорить ей:

– Такое твое благодеяние, о святая жена, благоугодно Богу и нам, страждущим за Него; но неприлично так горько рыдать о нас, и рыдание это чуждо нашей христианской надежде и вере.

Женщина отвечала:

– Я радуюсь тому, что Христос дал вам столько мужества, что вы твёрдо претерпеваете лютые мучения; еще более я возрадовалась бы, если бы увидела вас претерпевшими мучение до конца; плакать же свойственно человеческой природе.

Святой Иосиф сказал ей:

– Однако не следует тебе плакать о нас, ибо ты знаешь, что все, претерпеваемые за Христа, скорби ведут за собою вечное веселие.

Когда стало рассветать, святые тотчас были отнесены в темницу. По прошествии шести месяцев, – когда святые несколько уже исцелились от ран, могли встать на ноги и понемногу ходить, только лишь у Аифала руки висели неподвижно, – Адесх, получивший их для казни от Ардасабора, был отрешен от своей власти, а вместо него пришел другой судья, более жестокий, чем первый, по имени Зеров. Когда он пришел в город и стал приносить жертвы в храме бога их – огня, жрецы известили его о святых мучениках, Иосифе и Аифале, говоря:

– Есть в темнице два христианских учителя, которые ранее были мучены Ардасабором, а потом приведены сюда, чтобы сами христиане побили их камнями. Так как они не могли ходить от ран, то поэтому мы не выводили их на казнь, но ждали, пока они выздоровеют, чтобы можно было заставить их склониться к единомыслию с нами.

Услышав это, судья тотчас повелел привести их к нему и долго спорил с ними, ласками и угрозами принуждал их поклониться огню и вкусить их жертв. Когда же он нисколько не успел в этом, то сначала повелел повесить святого Иосифа обнаженным вниз головой и бить воловьими жилами. И когда сильно били его, то немного поджившие раны снова открылись, и кровь текла, как бы из источников, потоками. Некоторые из присутствовавших там волхвов приблизились к святому и потихоньку сказали:

– Человек! Если стыдишься народа войти пред всеми в храм нашего бога и принести вместе с нами жертву, то обещай сделать это тайно, и будешь свободен от мучения.

Святой же громогласно воскликнул: *Пс.6:9* – «Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего».

Три часа били его, потом мучитель повелел, сняв его, нести в темницу, ибо он опять не мог идти по причине открывшихся ран.

Когда сняли и отнесли в темницу святого Иосифа, на место его был повешен святой Аифал и также без пощады был бит в течение долгого времени. Он же беспрестанно восклицал:

– Я – христианин.

Когда сняли и святого Аифала, то на место его повесили одного человека манихейского злочестия[7068], которой также, исповедав пред всеми свою злочестивую веру, порицал Персов за их нечестие. Повесив его, начали бить. Первоначально он терпел причиняемые ему раны; когда же его стали бить с большею жестокостью, он начал кричать громким голосом, проклиная своего учителя, отказываясь от веры его и обещая поклониться Персидским богам. Присутствовавший там святой Аифал, услышав это, исполнился радости и смеялся над ним, говоря:

– Ты только отведал мучение, и уже отрёкся от своего Манихея. Благословен Христос Бог наш, укрепляющий нас во всех жесточайших мучениях и подающий нам силу быть непобедимыми и непоколебимыми в нашей благочестивой вере!

Услышав это, судья разгневался на святого и повелел снова бить его колючими розовыми прутьями. И били его до тех пор, пока не подумали, что он уже умер, и, вытащив его вон, бросили как мёртвого. Некто из волхвов, видя лежащее нагое тело, сжалился, повинуясь природному чувству, и покрыл его простынею. Некоторые из товарищей его, увидя это, сказали судье о том, что он сделал, и, схватив, били его беспощадно. Так безжалостные заплатили ему за добро; заметив же, что святой Аифал еще дышит, они взяли его за ноги и оттащили в темницу.

По прошествии некоторого времени, святые мученики снова были вынесены к судье из темницы, и он сказал им:

– Пожалейте сами себя, люди, вкусите жертвенной крови и освободитесь от мучений.

Они же единогласно отвечали:

– Пить кровь прилично не людям, а только плотоядным псам. Но так как ты хотя и человек по природе, но пёс по нраву, лающий на создавшего тебя Бога, то сам пей кровь и насыться ею.

Судья, разгневавшись, снова повелел бить их. Присутствующие, сожалея их, стали говорить:

– Вместо крови вкусите хотя вареного жертвенного мяса, чтобы освободиться от мучений.

Святые отвечали:

– Мы ничем не осквернim нашей непорочной веры.

После этого судья со своими советниками утвердил такой приговор над святыми мучениками, чтобы христиане побили их камнями.

Святой же Иосиф сказал:

– Я хочу сказать судье некоторую тайну.

Судья тотчас подошел к нему, думая, что он хочет принести жертву идолам. Святой же, плюнув судье в лицо, сказал:

– Не стыдно ли тебе, бесчеловечный судья, столь жестоко бороться против человеческой природы и обращать свою ярость против умирающих?

И возвратился судья со стыдом на свое место. Тотчас же было послано по христианским домам множество слуг, и они

насильно привели христиан из домов на судилище, чтобы те побили камнями святого Иосифа. Оттащив его на просторное место, немного в сторону от судилища, они выкопали яму до бедер и поставили в нее святого, потому что иначе он не мог стоять. Связав ему руки назад и поставив вокруг христиан, слуги вкладывали в руки христиан камни и принуждали последних бросать каменья в святого, что те и делали, хотя и против своей воли. Привели и блаженную Снандулию и заставляли ее бросить камнем в святого.

Она же воскликнула:

– От века не слышано, чтобы кто-либо принуждал женщину поднять руку на святых мужей, как делаете вы, воюя не против врагов, но против нас, и наполняя кровью и убийством отечество, находящееся в мире.

Нечестивцы прикрепили к длинной палке железной рог и дали Снандулии в руки, чтобы она издали пронзила им святого. Она же сказала:

– Для меня было бы лучше, если бы вонзили это в мое сердце, чем коснуться святого и неповинного тела.

Вокруг святого было набросано множество камней, так что только голова его была видна. Некто из нечестивых, подняв большой камень, замахнулся им над головою святого и ударил его этим камнем в голову и раздробил ее. Так добрый страдалец предал свой дух в руки Господу. Была поставлена стража охранять мученическое тело, как какое-либо сокровище, чтобы оно не было украдено верующими. По прошествии трех дней, произошло великое землетрясение. Огонь, упав с неба, сжёг сторожей и разметал камни, как прах. Когда же землетрясение, гром и молнии прекратились, пришли люди на место, где тело святого было забросано камнями, и увидели, что камни раскиданы, тела же святого не нашли, ибо Господь, ведомыми только Ему судьбами, перенёс его в неведомые места.

Святой диакон Аифал был отвезён в селение, называемое Патриас[7069], и там также христиане побили его, по принуждению, камнями; святое же тело его, жившие поблизости иноки, придя ночью, тайно взяли и предали честному

погребению. На том месте, где был убит святой Аифал, выросло дерево «мерсина»[7070], от которого по молитвам святого мученика исцелялись всякие болезни. И стояло то дерево в течение пяти лет, исцеляя недуги всех приходящих. При виде этого, нечестивые по зависти срубили его под корень. Многие из достойных видели на том месте блистание небесного света и Ангелов, воспевающих и славящих Бога, прославляющего Своих святых, молитвами которых да сподобимся и мы воспевать, вместе с Ангелами, славу в вышних Богу вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Божественным мудре, непорочно тайноводил еси, жертва приятна был еси благоблаженне: Христову бо пил еси чашу славно, святе Акепсимо, со страдальцы твоими, моляся непрестанно о всех нас.

Освящение храма святого великомученика Георгия в Лидде

Память 3 ноября

Третьего ноября Русская церковь воспоминает обновление храма святого великомученика Георгия в Лидде.

Святой великомученик Георгий пострадал в жестокое гонение на церковь Римского императора Диоклетиана. Во время своих страданий, будучи заключен в темницу, святый Георгий просил темничного стража допустить к нему в темницу его слугу, и когда слуга был допущен к нему, то он упросил его перенести тело его по смерти в Палестину. Слуга в точности исполнил просьбу своего господина. Взяв из темницы обезглавленное тело великомученика, он с честью похоронил его в городе Рамле[7071].

В царствование благочестивого императора Константина чтители святого великомученика выстроили во имя его прекрасный храм в Лидде. В этот храм ко времени его освящения были перенесены из Рамлы нетленные мощи святого великомученика. Событие это произошло 3 ноября. Неизвестно, было ли уже и тогда установлено каждогодное празднование этого дня, – во всяком случае в месяцеслове Сирской церкви от 1030-го года 3-е ноября отмечается, как праздничный день.

Впоследствии великолепный храм великомученика, составлявший одно из главных украшений города Лидды, пришел в большое запустение. Неповрежденными в нем остались только алтарь и самый гроб великомученика, где христиане продолжали отправлять свое богослужение. Внимание к этому храму со стороны православной Руси пробудилось во второй половине XIX века. Жертвы благотворителей и обильные средства, отпущенные Русским правительством, дали возможность Лидде вновь увидеть этот храм благоустроенным и преукрашенным. Освящение обновленного храма состоялось в 1872-м году 3 ноября, в годовщину того дня, в который он был освящён впервые. Воспоминание об этом знаменательном событии Русская

церковь совершает в этот день и до настоящего времени; в честь сего торжества на Руси построено много монастырей и церквей.

Кондак, глас 2:

К возбранному и скорому заступлению твоему прибегше вернии, молим избавитися страстотерпче Христов, от соблазн вражиих, воспевающым тя, и всяких бед и озлоблений, да зовем: радуйся мучениче Георгие.

Память преподобного Акепсима

Память 3 ноября

Святой Акепсим жил в царствование Феодосия Великого[7072]. Затворившись в малой келлии, он прожил в ней 60 лет, перенося сильный жар и холод, никого не видя, ни с кем не беседуя и только молясь Богу. Келлия его была выкопана в земле и была очень неудобна для обитания; пищею же ему служила чечевица, смешанная с водою, да и то однажды в неделю. Необходимую для питья воду он черпал из ближайшего источника ночью, чтобы не быть кем-либо видимым. После усиленных просьб он принял сан епископа и, сотворив многочисленные чудеса, в мире предал дух Господу.

Память святых мучеников Аттика, Агапии, Евдоксия, Катерия, Истукария, Пактовия и Никтополиона

Память 3 ноября

Святые мученики Аттик и Евдоксий, в царствование Декия[7073] состояли воинами в городе Севастии[7074] вместе с Катерием и Истукарием. Святые, за распространение веры во Христа, были схвачены полководцем Маркеллом, который предал их многочисленным мучениям. После того они были ввержены в темницу, где были биты по плечам и по чреву воловьими жилами и затем им были сокрушены зубы. Во время мучения полководец, обратившись к святому Катерию, спросил:

– Ты научил народ не слушаться царских повелений?

– Я не учил народ, – ответил он, – противиться царю, но научил веровать бессмертному Царю-Христу.

После этого были приведены святые: Истукарий, Пактовий и Никтополион, которые исповедовали Христа Бога, за что были осуждены и биты кольями, а также претерпели и другие многочисленные мучения и, наконец, вместе с другими были осуждены на сожжение и так о Господе скончались.

Житие преподобного отца нашего Иоанникия Великого

Память 4 ноября

Преподобный Иоанникий родился в Вифинской[7075] области, в селении, носившем название Марикати[7076]. Отца его звали Миритрикием, а мать – Анастасиею. Когда Иоанникий стал подрастать, родители поручили ему пасти домашний их скот. Наукам он хотя и не обучался, однако превосходил разумом многих учёных, потому что изучил заповеди Господни. Следуя внушениям вразумлявшего его Духа Святого, он был весьма добродетелен, кроток, смиренен, терпелив и послушлив, а к молитве имел такое усердие, что часто, оставивши свое стадо, по целым дням стоял в каком-либо уединённом месте и усердно молился Богу. Когда же он удалялся на молитву, то осенял свое стадо крестным знамением, и стадо его никуда не расходилось, его не расхищали ни звери, ни воры, и блаженный отрок, возвращаясь к вечеру из своего уединения, пригонял стадо домой.

Так проводил жизнь святой до тех пор, пока не вступил в юношеский возраст. В то время в Греции царствовал нечестивый Лев, сын Константина Копронима, зараженный иконоборческою ересью[7077]. Этот царь стал собирать со всей империи в свое войско молодых людей, отличавшихся красотою и храбростью. Посланные им для производства этого набора пришли и в Вифинскую область. Посетивши то селение, где жил Иоанникий, они увидели, что сей юноша был красив, имел высокий рост, крепкое тело и был способен к военной службе; поэтому они взяли его с собою и зачислили его в экскувиторы[7078]. С того времени Иоанникий начал военную службу и был страшен своим мужеством врагам, а по кротости и смирению своему – любезен своим сотоварищам; всего же приятнее был он Богу, так как тщательно соблюдал Его святые заповеди. Но диавол, из зависти к такой добродетельной жизни Иоанникия, увлек его в иконоборческую ересь. Эта ересь в то время производила большое смущение в церкви Божией: из

храмов Господних выбрасывались святые иконы, а те, кто поклонялся им, подвергались преследованиям. И так обольщен был Иоанникий тою ересью, что даже и слышать не хотел ничего о святых иконах. Но Бог, хотящий всем спасения, спас и его от такого обольщения следующим образом.

По устроению Божию, Иоанникий был послан со своим отрядом на восток и, на возвратном пути оттуда, проходил через гору Олимп[7079], на которой в то время жил один инок, отличавшийся особою прозорливостью. Сей инок, узнавши от Духа Божия, что мимо него идет с отрядом Иоанникий, вышел из своей пустынной келлии и сказал ему:

– Чадо Иоанникий! Если ты называешься христианином, то почему презираешь икону Христа? Все твои подвиги в добродетельной жизни напрасны, если ты не имеешь правильной веры.

Услышав сие, Иоанникий удивился, что его назвал по имени тот; кто его не знал, и что о его делах знает человек, никогда его не видавший. Понявши, однако, что говоривший с ним исполнен Духа Божия и что он узнал все его дела в силу своей прозорливости, Иоанникий упал пред ним на землю, кланяясь ему и прося у него прощения. Он говорил, что согрешил по неведению, и обещался воздавать подобающую честь и поклонение иконе Христа и изображениям всех святых. С этого времени блаженный Иоанникий начал усердно почитать святые иконы и глубоко раскаивался в том, что, по невежеству своему, презирал их. Желая загладить свой грех, он стал изнурять себя постом и различными способами умерщвлять свою плоть. Пребывая в сенях царского дворца, он ложился на голую землю, молился по целым ночам, вкушая очень немного пищи; однако, когда ему приходилось бывать на общей трапезе с воинами, он старался скрыть от них свое постничество.

Когда он провел целых шесть лет в таковых подвигах, на Греков ополчились с большими силами Болгары и стали опустошать Фракию[7080]. Царь Греческий вышел против них со всем своим войском, в котором находился в то время и блаженный Иоанникий. Когда оба войска, сойдясь, начали сражение и Болгары стали одолевать Греков, то Иоанникий

показал чрезвычайную храбрость, поражая иноплеменников, как новый Давид; он, пред лицом самого царя, спас свой отряд от вражеских мечей, мужественно отражая нападение врагов и посекая их, как тростник. Он избавил также одного знатного греческого вельможу, вступившего в бой с Болгарами, которого те уже захватили было в плен: бросившись на них, Иоанникий одних зарубил мечом своим, других разогнал и таким образом освободил плененного вельможу. Царь, обратив внимание на его храбрость, спросил о его отечестве, происхождении и имени и повелел всё это записать в памятную книгу[7081], чтобы, по окончании сражения, можно было почтить такого храброго воина высоким саном и другими подарками. Между тем Иоанникий, увидевши одного болгарина, страшного видом, подобно Голиафу, – который загородил путь грекам и убивал их, – устремился на него и тотчас обезглавил его. Таково было мужество блаженного Иоанникия в борьбе против врагов видимых; оно предуказывало собою его будущую борьбу с врагами невидимыми и победу его над ними.

Возвращаясь после войны мимо горы Олимпийской, Иоанникий вспомнил о том иноке, который, выйдя к нему из пустыни, обличил его в иконоборческой ереси. Вспомнив об этом, он решил в уме своем оставить всё и, поселившись на той горе, жить в безмолвии, как инок, пребывая в общении с одним только Богом. Свое решение он вскоре исполнил. Ибо когда он пришел в царскую столицу и за оказанное им в боях мужество должен был получить здесь почётное звание и подарки от царя, то всё сие он презрел, почитая за уметы[7082]. Удалившись от своих товарищей по оружию, он пошел к инокам на двадцать пятом году своей военной службы, чтобы начать новую брань – против «духов злобы поднебесных»[7083]. Прибыв в монастырь Авгарский и будучи хорошо принят жившими там иноками, Иоанникий открыл игумену Григорию свое намерение идти в пустыню и жить там в одиночестве и безмолвии. Игумен сначала одобрил его решение, но потом сказал:

– Хотя и доброе ты замыслил, возлюбленный, но я не советую тебе избирать прямо пустынный образ жизни и удаляться от людей, прежде чем ты не привыкнешь к иноческим

уставам и обычаям. Итак, поживи сначала с добродетельными и опытными иноками, узнай от них, в какие часы и как должно совершать молитву, научись смиренномудрию, послушанию и кротости, а затем уже ты можешь идти в пустыню. Опасайся, чадо, чтобы, начавши вести такую жизнь без научения, не быть тебе самому уязвленным и побежденным от врага, вместо того чтобы уязвить и победить его.

Иоанникий, вняв сему полезному совету, на время оставил свое намерение и стал жить с благочестивыми мужами, чтобы приучить себя к их добродетельному житию. Он присматривался к иноческим уставам и жизни в трех монастырях и сначала учился в монастыре Авгарском, а потом пошел в другой монастырь, называвшийся Утотелас и, будучи человеком некнижным, начал там учиться грамоте. Увидев же, что монастырь тот часто посещается мирянами и что из-за них нарушается иноческое безмолвие, он ушел отсюда и пришел в третью обитель, Антидиеву, где и прожил два года. Он изучил там тридцать псалмов Давидовых и получил много пользы для иноческой жизни от тамошних иноков.

По истечении двух лет, Иоанникий снова возгорелся желанием жить в пустынном безмолвии и вознамерился взойти на близ лежавшую гору и, поселившись там в уединении, начать пустынное житие. Но перед этим он семь дней пробыл в посте, и усердно молился Богу, чтобы Он был ему руководителем на пути, который он избирал. В седьмой день сей новый Моисей услышал свыше голос, повелевавший ему идти на ту гору. Иоанникий вышел из Антидиева монастыря, и поспешил к недалеко отстоящей оттуда горе. Взошедши на нее, он стал искать там место для обитания. И вот он увидел двух иноков пустынножителей, на которых были одежды из волоса и которые питались растущими в пустыне травами. Подойдя к ним, блаженный поклонился им; они же, вставши, сотворили молитву и потом стали беседовать с ним. Иоанникий рассказал им о себе всё и открыл свои намерения, а иноки со своей стороны не оставили его без вразумления. Они предсказывали ему, что через пятьдесят лет его подвижничества при самом конце его жизни, ему будет причинено искушение завистливыми людьми,

«но – говорили святые – горькие последствия этого искушения падут на их же головы, ты же не потерпишь никакого зла», что и сбылось, как видно будет из последующего – предсказывая сие Иоанникию, оные блаженные пустынники дали ему власяную одежду, которая на туземном языке зовется «левитонар». Сия одежда была для Иоанникия как бы непроницаемым щитом против всех вражеских стрел, как об этом он поведал впоследствии сам. По окончании душеполезной беседы, пустынники разошлись и удалились в отдаленную пустыню, а Иоанникий пошел на гору, которая называлась Трихаликс и пребывал там, не имея келлии, прямо под покровом неба. Узнав о нем, вышеупомянутый игумен Авгарского монастыря Григорий построил ему на той горе небольшую хижину, в которой блаженный мог бы укрываться от бури, дождя и снега, и Иоанникий, затворившись, пребывал в той хижине. Потом к нему начали ходить монастырская братия, желая насладиться его душеполезною беседою. Это было ему неприятно, потому что сим нарушалось его безмолвие и поэтому, оставивши ту гору, он пошел искать другого места для безмолвной жизни. Проходя мимо селения, находившегося в Геллеспонте[7084], он увидел вблизи него другую высокую гору, с непроходимыми дебрями и скалами, поселился в ней и, выкопав себе тесную и глубокую в земле пещеру, начал жить в ней, никуда из неё не выходя. Пищу получал он от одного пастуха, который пас на той горе коз. Он приносил, один раз в месяц, понемногу хлеба и воды святому, получая за сие от него высший дар – благословение и молитву. Святой подвизался там три года, день и ночь молясь и прославляя Бога. Воспевая псалмы Давидовы, он к каждому стиху присоединял такие слова:

– Упование мое – Отец, прибежище мое – Христос, покровитель мой – Дух Святой.

Так утешался святой, повторяя сии слова; по его примеру многие и теперь имеют обычай часто произносить их[7085].

Через три года своего пребывания в тесной пещере, святой однажды отправился к одной, недалеко от него находившейся, церкви. Случайно в ту же церковь пришли несколько воинов, которые некогда служили вместе с Иоанникием и были дружны с

ним. Один из них, увидев Иоанникия, узнал его и, обняв его, плакал от радости и вспоминал ему об их прежнем житии и о храбрости, какую они обнаруживали в боях, а также и о тех почестях, каких Иоанникий удостоился получить от царя. Воин удивлялся, почему Иоанникий, всё сие оставив, нашёл лучшим жить в нищете. Когда же сей воин обратился к другим, желая рассказать им об Иоанникии, в это время Иоанникий ушел от них и, желая дальше скрыться от всех, удалился в горы Контурийские[7086], где было много зверей и змей. Там поселился святой, избегая славы человеческой; он жил со зверями и змеями и говорил с Давидом: «Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури» (Пс.54:8–9).

Спустя довольно времени Иоанникий решил пойти в Ефес к церкви святого Иоанна Богослова для того, чтобы помолиться там. На дороге в Ефес, проходя мимо одного молитвенного дома[7087], он встретил, при закате солнца, чету супругов, шедших к тому дому помолиться о своих почивших родителях. Увидевши его, супруги испугались, ибо он был страшен: высокий ростом, одетый в рубище, босой и весь обросший волосами. Святой же, видя, что они трепещут от страха, кротко сказал им:

– Не бойтесь, дети, но скажите мне, куда ведёт эта дорога?

Они сказали, что та дорога идет к реке, которая в то время была в полном разливе, так что ту реку нельзя было переплыть без ладьи. Иоанникий же пошел к реке и, подойдя к ней, немного отдохнул, а в полночь встал и перешел на другой берег по воде, как по суше, не замочив ног. Когда же он пришел в Ефес и подошел к храму святого Иоанна Богослова, перед ним сами собой отверзлись церковные двери. Войдя внутрь, он, сколько подобало, помолился, кланяясь и лобызая святую икону возлюбленного ученика Христова. Когда же он вышел из церкви, двери тотчас же затворились сами собою, и он снова пошел в путь, возвращаясь к своему жилищу в Контурийских горах. Случилось ему в это время проходить мимо некоего женского монастыря, где была одна монахиня, имевшая при себе юную дочь, которая, будучи объята плотскою страстью,

хотела оставить иноческую жизнь и мать свою и, возвратившись в мир, выйти замуж. Мать со слезами умоляла ее, чтобы она претерпела плотскую брань ради любви ко Христу, чтобы не оставляла иночества и не отдавала бы себя на поругание и погибель бесу. Но она не смогла убедить той, которая горела пламенем страстей и уже решилась бежать из монастыря. Узнав все это, блаженный Иоанникий почувствовал жалость к той девице и, призвав ее, сказал:

– Положи, чадо, руку твою на мою шею.

Когда девица это сделала, святой со слезами помолился Богу, чтобы девица избавилась от своей страсти и от диавольского искушения и чтобы вся тяжесть ее страданий и плотских страстей перешла на него. Так и случилось. Та девица освободилась от всех нечистых мыслей и плотских похотей и осталась в своем монастыре, проводя жизнь в бесстрастии и угождении Богу; Иоанникий же ушел своим путем, в Контурию. На дороге он ощутил в себе пламень плотской похоти, и напали на него, как страшная буря, скверные помыслы; нечистые страсти волновались в нем, кровь кипела, как в котле, и все мучения, которые претерпевала та девица, достались в удел блаженному Иоанникию. Он же мужественно претерпевал их, утруждая свою плоть великими подвигами. Встретив однажды в большой расселине горы гнездившегося там огромного змия, Иоанникий вознамерился отдать себя ему на съедение, решившись лучше умереть, чем дать простор нечистым мыслям и осквернить свое чистое тело. Он бросился к змию, думая, что тот пожрет его, но змий не хотел к нему прикоснуться. Когда Иоанникий стал дразнить его, желая быть пожранным, змий неожиданно оказался мертвым. С того часа у Иоанникия перестали появляться скверные помыслы, страсть угасла, похоть утихла и спокойствие возвратилось в тело его. Вместе с тем ему дана была власть наступать на видимых и невидимых змиев и сокрушать им головы. Однажды святой стоял и воспевал псалмы Давидовы, как вдруг куча камней, находившаяся вблизи святого, начала колебаться. Взглянувши туда, святой увидел выходившего из средины камней страшного змия с огненными глазами. Он дотронулся до змия своим

жезлом, и тот тотчас издох. Другой раз, в зимнюю пору, святой вошел в одну глубокую пещеру и нашел гнездившегося в ней змия, глаза которого горели, как огни. Не догадываясь, что пред ним был змий, и думая, что это в самом деле огонь, святой собрал дров и стал класть на змия, желая согреться у костра в такую стужу. Змий встряхнувшись, сбросил с себя дрова и тогда святой увидел, что тут был змий. Однако он не испугался, но поместился на правой стороне пещеры и оставался здесь вместе со змием до тех пор, пока не окончилась зима.

Когда оканчивался уже двенадцатый год пребывания Иоанникия в пустыне, голос свыше повелел ему идти в монастырь, называемый Эристе, и облечься там в иноческий сан. Он тотчас же пошел в названный монастырь и, придя туда во время жатвы, объявил о себе игумену того монастыря Стефану. Сей последний, сотворивши утром обычные молитвы, облёк во иноческий образ преподобного Иоанникия, который, впрочем, был уже совершенным иноком, превосходя многих своими подвигами. Будучи же облечён в иноческие одежды, преподобный еще более стал подвизаться, восходя от одних трудов к другим. Он поселился в местности, называемой Критама, и сковал себя железными веригами[7088], в шесть локтей долготы[7089], и пробыл в затворе и в узах три года как добровольный узник и мученик Христов.

Спустя три года Иоанникий пожелал пойти в Хелидон, чтобы увидеть там великого между постниками Георгия. Сняв с себя узы, он отправился в путь и когда пришел к реке, называемой Горам, то встретил змия, который возмущал в реке воду и останавливал её течение: молитвою и крестным знамением он умертвил того змия. Пришедши же к великому Георгию, он пробыл с ним три года, выучил у него всю Псалтирь и снова потом удалился в Антиохийскую обитель с учеником своим Пахомием.

Весьма поучительны некоторые события из жизни преподобного Иоанникия. В бытность свою в обители Авгарской, Иоанникий пошел однажды с другими иноками посмотреть созидавшуюся на недалеко находящейся оттуда горе новую обитель. Когда он приближался к этой горе, из пустыни

показался необычайно большой козёл. Шедшие с Иоанникием иноки стали помышлять о том, как бы им поймать этого козла, из кожи которого можно было получить хороший мех. Преподобный, уразумев помышление их, повелел одному иноку, по имени Савве, пойти и привести к нему того козла. Савва же сказал:

– А если козёл убежит, как мне догнать его?

Святой сказал ему:

– Ты сделай только то, что тебе приказано, а козёл уже сам подойдет к тебе и последует за тобою.

Потом, обратившись к другим инокам, он спросил их:

– Удобна ли козлиная кожа для приготовление из неё меха?

Они же сказали:

– Очень удобна; об этом мы и раньше, чем ты сказал, думали.

Когда козёл был приведен, преподобный стал гладить его своею рукою, а братию учил в это время щадить жизнь животных и умерять свои вожделения; а вслед за этим он снова отпустил козла на пастбище в пустыню.

Имел преподобный и дар прозорливости; он предсказал скорую смерть царя Никифора, и предсказание его исполнилось, ибо он умер, будучи ранен в сражении с Болгарами. Предсказал также он скорую смерть начавшего царствовать после Никифора сына его, Ставрикия[7090]. Когда он жил на горе Прусентийской, стоявшей рядом с высокой горой Олимпом, там был один инок, по имени Гурий, человек лицемерный, искавший славы от людей, и на самом деле всеми прославляемый как великий подвижник. Сей инок, видя, что ему далеко еще до истинно-добродетельного подвижника, святого Иоанникия, уязвлен был завистью. Желая погубить Иоанникия, он пришел к нему, как Иуда, со льстивыми словами, и вложил яд в питье его; преподобный, как человек незлобивый, думая, что Гурий питает к нему искреннюю дружескую любовь и, ничего не подозревая, выпил смертоносный яд; тотчас же вслед за этим он почувствовал страшные мучения и даже стал опасаться за свою жизнь. Бог, однако, не дал угоднику Своему скончаться безвременно такою смертью, но послал ему на помощь Своего

святого мученика Евстафия[7091], которой, явившись ему в видении, исцелил его от болезни и возвратил ему здравие. В благодарность за то преподобный построил там храм во имя святого великомученика Евстафия и устроил при нем монастырь.

Однажды ночью Иоанникий, стоя на молитве, увидел такое видение: с восточной стороны горы открылся источник, источавший обильную воду, а около того источника стояло множество овец, пивших истекавшую из источника воду. Святой удивлялся этому видению, ибо знал, что никакого источника и овец в той пустыне никогда не было. Наутро он пошел к тому месту, но не нашел ничего – ни овец, ни источника; но место то оказалось очень хорошим и удобным для жительства. Преподобный узнал от старцев, что на том месте некогда стояла церковь Пресвятой Богородицы и поэтому он изъяснил себе свое видение так: источник, в изобилии источающий воду, есть благодать Пресвятой Богородицы, которая должна изливаться на том месте, овцы же – люди, получающие благодать от Пресвятой Богородицы. И стал преподобный прилагать все усилия к тому, чтобы восстановить на том месте церковь во имя Пресвятой Богородицы, что ему и удалось в скором времени. Он создал прекрасную церковь, устроил там монастырь и собрал там множество братии с помощью и при содействии Преблагословенной Богородицы.

При постройке церкви, преподобный Иоанникий трудился сам, нося камни и помогая строившим. Однажды, когда он протянул руку, чтобы взять с земли камень, из-под камня выползла ехидна и, ужалив его в руку, повисла на ней. Он же, как новый Павел, стряхнул ее, не потерпев никакого вреда. «Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда» (Деян. 28:5).

Творя свою молитву, преподобный Иоанникий возвышался горé не только духом, но и плотью и приподнимался довольно высоко над землёю. Однажды ученик и подражатель его святого жития, блаженный Евстратий, в то время, когда преподобный шёл один помолиться в церковь, тайно последовал за ним и, укрывшись в одном углу церкви, внимательно присматривался к

тому, как он совершал молитву. Он увидел, что преподобный воздвиг горé свои руки и, высоко поднявшись над землею, стоял в воздухе и молился, и это привело в ужас Евстратия. По совершении молитвы, преподобный опять стал на землю и, заметив Евстратия, оскорбился и сказал: «Писано: «ибо Ты Бог, не любящий беззакония; у Тебя не водворится злой» (Пс. 5:5), т. е. лукавый человек не подойдет к хранимому Богом, – ты же осмелился подсмотреть грешную мою молитву».

Преподобный запретил Евстратию кому-нибудь рассказывать об этом.

Много чудес творил дивный Иоанникий. Одним только словом он изгонял из людей бесов, исцелял всякие болезни крестным знамением и молитвою, и многих избавил от укушения змей. Поэтому к нему стекалось множество народа – один просил исцеления от болезни, другой – избавления от нечистых духов, иной – только благословения и молитвы. Этим нарушалось безмолвие, которому посвятил себя Иоанникий и, тяготясь этим, он снова ушел на Трихаликову гору и пребывал на ней, не имея никакого убежища. Евстратий же, инок Авгарского монастыря, питая горячую любовь к блаженному отцу и желая видеться с ним, ревностно разыскивал его и нашел его на горе Трихаликовой. После обычной молитвы, Евстратий спросил блаженного Иоанникия о Льве Армянине[7092], который в то время царствовал в Греции – долго ли он будет смущать Церковь Божию иконоборческою ересью. Святой тотчас же сказал, что Лев скоро умрёт. Это так и случилось, ибо Михаил, прозванный Валвос или Травлос, убил Льва Армянина и вступил после него на престол[7093].

В старости Иоанникий привык ходить с жезлом. Однажды, когда он шел в горах узким проходом, жезл случайно выпал из его рук и пропал, потому что свалился с горы в пропасть, так что нельзя было и найти его. Святой, скорбя о потере жезла, преклонил колена, совершая обычную молитву Господу, а жезл в это время, невидимою силою принесенный по воздуху, очутился в руке святого.

Проходя другой раз по пустыне, блаженный нашел одну пустую пещеру, в которой обитали бесы. Пещера эта

полюбилась преподобному, и он остался жить в ней. Бесы же, не вынося его присутствия, восстали против него явно и причиняли ему различные беспокойства, надеясь испугать его и прогнать оттуда. Они кричали на него, скрежетали зубами, насмехались над ним, пугали его, бегали взад и вперед, нападали на него и, казалось, колебали всю пещеру. Но святой, по слову Павла, стоял, как бы в день брани, одетый в броню правды и со щитом веры и нисколько не страшился вражеских нападений. «Для этого приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Ефес. 6:13–16); Бесы же кричали:

«И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» (Мф. 8:29). и, не в силах будучи победить непобедимого, бежали от него, побежденные им сами.

В то время дочь одного боярина, истинно верующая, лежала без сил на одре и очень страдала. Когда ее понесли к святому, он тотчас вышел к ней навстречу и, умилосердившись над ней ради её благочестия, так как она почитала святые иконы, хотя и жила среди множества иконоборцев, исцелил ее молитвою и крестным знамением от болезни. Случилось быть там зятю святого, женившемуся на сестре его; он был помрачен иконоборческою ересью, и святой долгое время убеждал его познать правый путь истинной веры и воздавать подобающую честь святым иконам. Когда же он не мог оказать на него никакого действия своими наставлениями (ибо тот, как фараон, пребывал в упорстве), тогда блаженный, позабыв о своем близком плотском родстве с ним, помолился Богу о том, чтобы у того иконоборца ослепли и плотские его очи, если он не имеет очей душевных. Так и случилось: зять его ослеп и понёс наказание, соответственное своему нечестию.

У сего великого отца был обычай сходить с горы навстречу всякому, кто, по слухам, собирался посетить его. Так поступал

он, чтобы не затруднять посетителей, ибо вход на гору был труден и неудобен. Однажды шли к нему два епископа, Халкидонский и Никейский[7094], а с ними Петр и Феодор Студиты[7095], с Иосифом и Климентом. Блаженный, сойдя с горы, встретил их и с любовью приветствовал. После обычной молитвы, когда они вступили в душеполезную беседу, блаженный сказал одному из пришедших, именно Иосифу:

– Не смущайся, брат Иосиф, но тебе нужно приготовляться ко исходу.

Этих слов преподобного не поняли тогда. Когда же прошло после этого восемнадцать дней и Иосиф переселился в иную жизнь, тогда вспомнили слова блаженного Иоанникия и поняли, что он своими прозорливыми очами провидел смерть Иосифа и о ней именно предсказал ему, повелевая приготовляться к исходу.

В пятый год правления Михаила, в конце четырнадцатого года со дня смерти царя Никифора, когда многие славные бояре и воины были заключены болгарами, победившими греков, в узы и темницы, преподобный вспомнил о тех пленниках и почувствовал к ним в своем сердце особенное сострадание, ибо услыхал, что они находятся в крайне бедственном состоянии, сидят в смрадной и мрачной темнице, будучи скованы цепями, и что они даже лучше бы согласились принять смерть, чем оставаться живыми в таких страданиях. Из сострадания к ним, Иоанникий оставил пустынное и безмолвное житие свое и пошел в Болгарскую землю, чтобы разрешить узы связанных и освободить пленных. Придя в город, в котором греки были заключены в узах, он незаметно подошел к темнице, так что воины, сторожившие двери темницы, не могли видеть его. Он сотворил крестное знамение на дверях, и темница тотчас отворилась. Войдя в нее, преподобный крестным знамением разрешил всех от уз и повелел идти за собою. Все узники вышли из темницы, а присутствовавшие там стражи и не заметили этого. Святой же, освободив греков от уз и темницы, подобно тому как Христос освободил из ада души праведных, в течение всей ночи, как новый Моисей, вёл их при сиянии чудесного света и довёл их до пределов греческой империи. На

пути он учил их не быть, подобно отцам своим, родом строптивым и огорчающим Бога[7096], но уповать на Него и не забывать благодеяний и чудес Его. Когда же он стал прощаться с ними, все они припали к его ногам, умоляя его сказать имя свое, и говорили:

– Скажи нам, человек Божий, кто ты?

Имени своего преподобный не скрыл, но при этом повелел воздавать благодарение одному Богу; затем он снова вернулся в свое тихое уединение.

Однажды преподобный сел на корабль и отплыл к обители святого Феофана, находившейся в Сигриане[7097], чтобы там помолиться. Когда на возвратном пути оттуда он пристал к острову Фасу[7098], то жители того острова, как иноки, так и миряне, услышав о пришествии к ним Иоанникия, пришли к нему и умоляли блаженного, чтобы он изгнал с их острова змей, которые в то время до чрезвычайности расплодились на том острове. Святой, внявши их просьбам, вознёс свои усердные молитвы к Богу, и тотчас все змеи того острова, собравшись вместе, бросились в глубину моря и с тех пор на том острове змей никогда не появлялось. Преподобный же удалился оттуда в другое уединенное место. С ним был в это время игумен монастыря, находившегося на острове Фасе, Даниил. Брату Даниила, иноку Евфимию, святой предсказал скорую кончину, сказавши:

– Готовься, брат Евфимий, ибо вскоре ты совершишь шествие в «горняя»[7099].

После этого преподобный вошел в одну небольшую пещеру, намереваясь в ней отдохнуть, и нашел пребывавшего там демона, которой был лютее, чем прежние. Несмотря на это Иоанникий с Даниилом остались в этой пещере на жительство. Демон же, будучи недоволен их пребыванием, являлся им чёрным, страшным и с яростью нападал на них, желая выгнать их из пещеры, но они, уповая на Господа, без боязни оставались там. Наконец, этот древний человекоубийца[7100], бросившись на них, связал Даниилу ноги, а Иоанникию причинил такую боль в боку, что тот в течение семи дней не мог произнести ни слова, сам же бежал из пещеры, так как не мог

пребывать в одном месте с угодниками Божиими. После этого преподобный Иоанникий снова возвратился на Трихаликову гору и предсказал скорую смерть одному монаху, по имени Исакию, которой нерадел о своем спасении; кроме того, Иоанникий изгнал молитвою и знамением св. креста из виноградников червей, приносивших большие опустошения.

Однажды пришла к нему для молитвы одна старица, игумения Клувийской обители[7101], с своею дочерью. Он же, взявши жезл, который был в руке матери, вложил его в руку дочери ее[7102]. Мать, смутившись, сказала:

– Отче, жезл нужен мне, чтобы поддерживать мое слабое тело, по причине моей глубокой старости.

Он же, не говоря ни слова в ответ, своим поступком предсказал будущее; ибо, немного времени спустя, та старица умерла, а дочь её избрана была вместо неё начальницей. После этого блаженный пошел оттуда с учеником своим Евстратием к другой горе, очень дикой и непроходимой, которая носит название Вороновой. Проживши здесь некоторое время, он вошел на горы обители Антидийской и, выстроивши там небольшую келью, жил в общении с Богом. Он сотворил здесь много чудес, исцелял больных, исправил речь козноязычного, сделал яростного и гневливого кротким, обратил еретиков от заблуждения к православию, предвозвестил многим кончину их, ибо был исполнен благодатью жившего в нем Святого Духа.

Сей преподобный достиг такой высоты духовной жизни, что его не все даже удостаивались видеть, и многие, желавшие видеть его, приходя к нему в келью, всё-таки не видели его. Когда же они уходили, смиренный отец говорил ученику своему:

– Брат Евстратий! это по твоим молитвам я остался невидим для приходивших.

Однажды, когда на той горе созидаем был храм святого Иоанна Крестителя, вид коего был начертан преподобным Иоанникием, издалека пришли некоторые братья – иноки, желая видеть светлое лицо угодника Божия. Прибыв к созидавшемуся храму, они присели там, дожидаясь прихода преподобного отца, которого они желали увидеть. Туда пришел и преподобный Иоанникий, чтобы посмотреть, по данному ли чертежу строится

храм; он стоял пред очами, пришедших ради его, братий, смотря на здание, но они не могли его видеть. Пробывши среди них довольно долгое время, он возвратился в свою келью, не показавшись пришедшим и с нетерпением дожидавшимся его прихода. Один же из иноков, живших близ него, по имени Иоанн, узнав о происшедшем, сказал ему:

– Отче! Не следовало бы братию, предпринявшую ради тебя такое продолжительное путешествие, отпустить в скорби, не давши им увидеть лица твоего; сие прискорбно и смущает мое сердце.

Святой же, похвалив труд и усердие тех братьев, начал молиться за них, а после молитвы, обратившись к Иоанну, сказал:

– Брат! Мы не имеем своей воли, но Бог делает с нами то, что Ему угодно. Если бы Богу было угодно, чтобы пришедшие братие увидели меня, то они узрели бы меня даже и в том случае, когда бы я скрылся от них, между тем как я, и не скрываясь, долгое время стоял пред их очами, и если они не увидели меня, то, значит, так было угодно Богу.

Другой раз, когда некоторые братия пришли к преподобному и сидели пред его келлией, разговаривая между собою, неожиданно показалась большая и страшная медведица, шедшая на них с близлежащего поля. Увидев ее, они чрезвычайно испугались.

Святой же сказал им:

– Господь дал нам Своим рабам, власть попирать льва и змия, которые страшнее всех зверей, а вы боитесь медведицы?

Он повелел бросить ей кусок хлеба, который она взяла и ушла в пустыню.

Преподобный Иоанникий был настолько духовен и имел такие ясные духовные очи, что мог видеть и небесных духов и души праведных. Так однажды, стоя на молитве, он увидел душу одного архимандрита Петра, которую Ангелы несли со славою на небеса, окруженную сиянием необыкновенного света, и рассказал о том ученикам своим для их назидания.

В то время, когда над Греками царствовал Феофил иконоборец[7103], были отправлены этим царем два знатных мужа

к преподобному Иоанникию, чтобы спросить его, следует ли почитать образ Христов? Когда посланные пришли к святому, он отверз свои богодухновенные уста и, когда начал говорить в силе подаваемой ему свыше мудрости, мужи те устыдились, будучи не в силах что-либо возразить ему. Через него говорил Сам Бог, Которой в Евангелии говорит ученикам Своим:

«Не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святый»[7104] (Мк.13:11). Ясно показывая, что святым иконам следует воздавать подобающую честь, он обратил их на истинный путь и они, отрекшись от иконоборческой ереси, поклонились образу Христову.

Однажды игумен Авгарского монастыря, Евстратий, вопросил преподобного Иоанникия:

– Отче, доколе будут попираемы святые иконы, доколе они не будут возвращены Церкви и будут усиливаться гонители их, а стадо Христово – расхищать дикие звери?

Преподобный Иоанникий отвечал:

– Подожди немного, брат, и ты увидишь действие силы Божией, ибо управление Церковью возьмёт в свои руки некто Мефодий. Он, при воздействии Божественного Духа, устроит ее, истребит ереси, утвердит православными вероопределениями Церковь, восстановит спокойствие и единомыслие, а противников его смирит десница Вышнего.

Это пророчество Иоанникия вскоре исполнилось, ибо некоторое время спустя царь Феофил, иконоборец, умер, а на престол вступил сын его, Михаил[7105], за малолетством которого управление империей взяла в свои руки мать его, Феодора; Мефодий же был поставлен патриархом. Сей последний внёс в церкви святые иконы, утвердил Православие, утишил все споры и волнение и прекратил смятение. Когда же через некоторое время диавол снова воздвиг людей, смущавших и раздиравших Христову Церковь, то преподобный Иоанникий выступил на помощь блаженному Мефодию, поборавшему еретиков силою Слова Божия. То сам лично, то своими посланиями Иоанникий защищал Православие и снова возвращал к Церкви тех, которые отпадали от неё; епископа же Мефодия, много раз

совсем изнемогавшего в борьбе с еретиками, преподобный подкреплял и утверждал своими посланиями. Однажды, когда, во время чтения послания Иоанникия на соборе, еретики стали всячески насмехаться над блаженным и хулить его, преподобный, узнав о том Духом Божиим, внезапно явился на собор и начал так говорить о Боге и о Божественном, что все удивлялись его премудрости и разуму. И слова его богоглаголивых уст не остались без действия; ибо, как некогда на Иерусалимском собрании во время речи Апостола Петра, так и здесь, слушавшие преподобного Иоанникия умилялись сердцем, с любовью принимали слова его и обращались к правой вере. Так заботился преподобный о мире Церкви и спасении душ человеческих, и вскоре, его заботами и молитвами, ересь была подавлена и мир возвращен был Церкви; диавол же, смущавший Церковь, бежал со стыдом, ибо боялся Иоанникия и от молитв его исчезал, как воск от огня.

Однажды в обители преподобного совершалось освящение молитвенного храма, который был построен преподобным. Когда вся братия собралась, а святого еще не было, внезапно явился целый полк бесов, сходивших с холма, как бы настоящие люди. Все чрезвычайно испугались, не зная, что делать, а святой, хотя его и не было с ними, духом видел происходившее и, тотчас обратившись к молитве и воздев руки горе, стал возносить свои прошения к Богу, которые, как стрелы, поразили полк бесовский и обратили их в бегство. Братия же, видя как бесы убегали, как бы гонимые ударами и израненные, перестали бояться и с радостью совершали свой праздник.

В то время Измаильтяне[7106] воевали с Греками и, поразивши греческие войска, многих взяли в плен и держали в узах. Один из знатных Греков, которого родственник, юноша, был также взят в плен, умолял преподобного Иоанникия спасти от плена этого его родственника, как он избавил некогда Греков, находившихся в плену у Болгар. Преподобный же, будучи милосерд, пошел в землю Измаильтян и, дойдя до темницы, вывел на свободу не только того юношу, но и остальных Греков, находившихся с ним в узах, тогда как стража ничего не видала, ибо пред преподобным двери отворялись сами собою и оковы

снимались сами. Когда же они были на пути в греческую землю, на них во множестве напали лютые псы[7107], которых святой поразил слепотою, так что пленники прошли среди них без вреда для себя.

На той горе, где постился преподобный, невдалеке жил один инок, по имени Епифаний, известный своим подвижничеством. Диавол возбудил в нем чувство зависти к Иоанникию, и он стал враждовать против блаженного, завидуя той славе, какою прославлял Иоанникия Бог, сказавший: «Ибо не оставит [Господь] жезла нечестивых над жребием праведных, дабы праведные не простерли рук своих к беззаконию» (Пс. 124:3). Т. е. Бог не попустит грешникам одолеть праведников.

Из зависти, Епифаний замыслил погубить неповинного и чистого сердцем Иоанникия, для чего поджог хворост, бывший в изобилии на той горе, где спасался преподобный, чтобы Иоанникий в том пожаре сгорел вместе со своею келлией. Но Бог, спасший от огня отроков в Вавилоне (Дан. 3:1–100), сохранил невредимым и угодника Своего, блаженного Иоанникия. Блаженный же, видя злобу врага своего, не разгневался на него, и даже не огорчился, но, желая добром победить зло и незлобием разрушить вражду, пришел со смирением к Епифанию, спросил его о причине гнева и умолял о прощении. Когда же тот, в ярости, ударил палкою с острым железным наконечником святого в живот, чтобы проколоть его, то Господь, «Ибо не оставит [Господь] жезла нечестивых над жребием праведных, дабы праведные не простерли рук своих к беззаконию» (Пс.124:3), сохранил святого невредимым от удара. Это и было тем искушением блаженному, о котором предсказали ему два прежде упомянутые пустынника, давшие ему левитонар и сказавшие при том:

– К концу твоей жизни тебе будет причинено искушение от завистливых людей, но горькие последствия этого искушение падут на главу врага, ты же не потерпишь никакого зла.

Достигши глубокой старости, преподобный отец наш Иоанникий, уже изнемогая телом от многих трудов и подвигов, пришел в Антидиеву обитель и, построив там небольшую келью, затворился в ней; если же и случалось ему когда выходить из

келлии, то, проходя обыкновенною дорогою, он оставался невидимым для тех, кого не желал встретить.

В пятый год царствования Михаила, причтенный впоследствии к лику святых, патриарх Мефодий, провидя приближение отшествия Иоанникия к Господу, пришел к нему со своим клиром, испрашивая у него последнего благословения и молитвы. Преподобный же Иоанникий, довольно долго побеседовав с святым Мефодием и давши пришедшим с ним наставление о православной вере, предсказал Мефодию, что и тот, по его кончине, вскоре перейдет от временной жизни к вечной. Потом, сотворивши молитву и поцеловавши друг друга последним целованием, они расстались, и патриарх воротился домой, а преподобный отец остался в своей келье, молитвою приготовляясь к кончине. На третий день по уходе патриарха преподобный и богоносный отец наш Иоанникий отошел ко Господу, в четвертый день ноября, проживши от рождения девяносто четыре года. На восьмом же месяце, по преставлении его, почил о Господе и святейший патриарх Мефодий, в четырнадцатый день июня. И так сбылось пророчество преподобного Иоанникия, которое он изрек патриарху, что и тот вскоре вслед за ним перейдет из временной жизни в вечную. Когда же преподобный отец наш Иоанникий умирал, иноки, жившие в то время на горе Олимпе, видели огненный столп, восходивший от земли к небу, пред которым шли Ангелы, отверзая пред ним райские двери и возводя к горнему блаженству. Из этого иноки и узнали, что преподобный Иоанникий, скончав подвиг жизни своей, переходит к небесному покою. Преподобный сотворил многие чудеса не только во время своей жизни, но и по своем преставлении, ибо многие больные, прикасаясь к его святым мощам, получали здравие, другие избавились от бесов, расслабленные вставали с одра и всякий, каким бы ни был одержим недугом, если только касался его ковчега, тотчас выздоравливал. Так Бог чудесами прославлял Своего угодника и при жизни и по смерти. Его молитвами да явит и нам Господь милость Свою и да исцелит нас от болезней наших, душевных и телесных, для прославления Своего святого имени. Аминь.

Кондак, глас 8:

Звезда явился еси всесветлая, в мире просвещаяй, и сущыя во мраце страстей облиставаяй: врачь же крепчайший явился еси. Но яко приял еси благодать исцелений, просящым тя подаждь исцеление, да зовем: радуйся, отче Иоанникие.

Страдание святых мучеников Никандра епископа и Ермея пресвитера

Память 4 ноября

Святые Никандр и Ермей просвещены были светом учения Христова и поставлены на священнослужение святым Апостолом Титом. Многих эллинов[7108] они обратили от языческого заблуждения и привели ко Христу. За это они были схвачены и приведены на допрос к комиту[7109] Ливанию. Когда Ливаний, после долгих стараний отвратить их от Христа, ничего не мог достигнуть, он повелел привязать их к резвым коням и, гоняя последних, влачить рабов Христовых. Влачимые таким образом долгое время, они обагрили землю своею кровью. Тела их, ударяясь по земле о камни и пни, покрывались ранами и, по закону естества человеческого, им надлежало бы умереть, если бы Сам Господь не укреплял их во время мучений. Потом едва живых их ввергли в темницу и морили голодом и жаждою; но Господь питал их хлебом небесным[7110] и исцелял их раны. По некотором времени, они опять были приведены на допрос и, когда отказались повиноваться мучителю, были повешены на дереве, строгаемы железом и палимы свечами. Затем они были брошены в разожженную печь, но остались невредимы, ибо Ангел Господень, сошедши к ним, остудил печь и сохранил их невредимыми от огня. Наконец, мучитель приказал вбить им железные гвозди в голову, сердце и чрево, и после того для них выкопали яму и еще дышащих бросили туда и засыпали землею. Скончавшись такою жестокою и тяжкою смертью, святые Никандр и Ермей достигли вечной радостной жизни с Господом, Которому слава вовеки. Аминь.

Преставление блаженного Симона Юрьевецкого

Память 4 ноября

Сей блаженный отец наш родился в Плесской волости[7111] в селе Оделеве от благочестивых родителей Иродиона и Марии. С юных лет он принял на себя подвиг юродства и тайно ушел из родительского дома в густые и непроходимые леса. Однажды поселяне из веси Ялнатской в уезде города Юрьевца Поволжского, занимаясь рубкой деревьев и собиранием мёда, нашли в дебрях сего блаженного Симона. Они стали спрашивать его, кто он и откуда родом. Но святой ничего не сказал им, кроме своего имени. Видя, что на святом Симоне была очень ветхая одежда, поселяне сжалились над ним и привели его в свое селение к священнику, по имени Иосифу. В доме сего священника святой Симон стал заниматься работой, особенно он любил исполнять тяжелые работы и через то умерщвлял плоть свою: он часто молол муку на ручных жерновах, рубил дрова для всех жителей селения и ни от кого не брал никакой платы. Также часто и ревностно посещал он храм Божий, где возносил Господу свои молитвы и прославлял Его святое имя. Не раз святой подвергался насмешкам и поношениям, но все сие переносил кротко, не питая злобы на своих досадителей. Постоянно зимой и летом он ходил в одной рубашке, никогда не носил обуви; ложем ему служила земля, кровом небо. Прожив немало лет в Ялнатском селении, Симон переселился в город Юрьевец и здесь также продолжал подвизаться подвигом юродства Христа ради. Часто добрые люди давали ему одежду или сапоги, но он оставлял всё сие, а облекался в худое вретище. У святого был обычай приходить часто на постоялый двор. В зимнюю пору он часто проводил здесь ночи. Тогда он молился, бодрствовал; часто хозяева и ночевавшие там выгоняли его на стужу. Нередко он ходил по берегу реки Волги, и часто в зимнее время можно было видеть след его обнаженных ног. От суровой жизни кожа его совсем почернела и прилипла к костям. Часто он при многих обличал и

поносил сам себя; так смирял он свою плоть и дух. За свою благочестивую жизнь он еще при жизни сподобился получить дар прозрения, так что мог видеть то, что было скрыто от других.

Однажды, юродствуя, он вошел в дом воеводы Третьяка Трегуба. Воевода разгневался на блаженного и велел его силой вывести из дома. Выходя из дома, святой сказал, что на следующий день случится несчастье. Так и вышло. На другой день жена воеводы упала, выходя из сеней, и сильно расшиблась. С сего времени воевода стал уважать блаженного Симона.

Через некоторое время блаженный Симон снова пришел к тому же воеводе и предсказал, что в городе произойдёт сильный пожар. Вскоре так и случилось. Уже более семидесяти дворов было охвачено пламенем. Тогда воевода приказал привести к себе блаженного Симона. Его нашли стоящим на коленях перед одной из городских церквей. Он со слезами молился пред образом Пресвятой Богородицы. Блаженного привели к воеводе. Воевода вместе с другими гражданами стал молить святого, чтобы он избавил их от страшного бедствия. Симон, протянув руку, указал на пламя и, юродствуя, ударил воеводу по щеке – и пожар тотчас же прекратился.

Святой еще при жизни воспринял такую благодать от Господа, что по молитвам его совершались различные чудеса и подавались исцеление недугующим. Один юрьевецкий житель Иосиф Зубарев переплывал реку Волгу. Внезапно поднялся сильный ветер, волны стали заливать маленькую лодку. Испуганный Иосиф вдруг увидел на берегу блаженного Симона; он стал мысленно просить святого, чтобы блаженный своей молитвой спас его от неизбежной гибели. Тогда же Иосиф обещал дать святому новую одежду и обувь. Буря тотчас же прекратилась, и Иосиф благополучно переехал реку. Но потом, как то часто случается, он забыл о своем обещании. Спустя уже много дней он встретился с блаженным.

– Иосиф, – сказал ему святой, – ты не исполнил своего обещание. Помнишь ли, что обещал ты, когда тонул на Волге?

Тогда Иосиф вспомнил о своем обещании и почувствовал стыд. Упав к ногам святого, он просил прощения.

– Ступай – сказал блаженный – и отдай нищим то, что ты мне обещал, и никогда не забывай их, ибо милостыня избавляет нас от напастей и бед.

Священник соборного храма юрьевецкого во имя святого и славного великомученика Георгия, по имени Алимпий, однажды, вкушая рыбу, проглотил кость. Она остановилась у него в гортани. Долго он страдал, ему всё становилось хуже, и он уже стал отчаиваться в своем выздоровлении. Однажды он встретился с блаженным Симоном и стал просить у него помощи. Святой коснулся несколькими перстами горла сего иерея, и он тотчас же вместе с кровью выплюнул и кость и совершенно выздоровел.

Однажды в осеннюю пору на Волге поднялось сильное волнение. Один из юрьевецких жителей Петр, живший недалеко от берега реки, вдруг заметил, что кто-то идёт по волнам. Он ужаснулся. Но, думая, что ошибся, он подошел к самому краю берега и стал пристально всматриваться. Вдруг он ясно увидел, что это блаженный Симон идет по воде с посохом в руке. От изумления Петр не мог тронуться с места. Подойдя к нему, блаженный сказал ему:

– Никому не говори того, что ты видел, доколе я жив.

По кончине святого, Петр рассказал всем о столь великом чуде. Все удивлялись и прославляли Господа, посылающего в мир Своих славных угодников.

Предчувствуя свое скорое отшествие из временной жизни, святой пришел в дом нового воеводы Феодора Петелина. Чем-то разгневанный воевода, не зная блаженного, приказал его бить. Симон сильно заболел. Оставленный на дворе у воеводы, святой призвал к себе одного иерея. Исповедавшись, святой с великим благоговением сподобился причаститься Божественных Таин Христовых и предал Господу свою святую душу. Феодор, узнав о смерти блаженного, стал горько плакать и раскаиваться в своем согрешении. Между тем весь город собрался на погребение святого. С псалмопениями и песнями духовными погребли тело святого угодника в Богоявленском юрьевецком

монастыре. Сие произошло 4 Ноября 1584 года. При погребении святого воевода Феодор Петелин раздавал много милостыни. Когда он возвратился домой, то увидел, что денег у него нисколько не стало меньше. Он понял, что сие произошло по дивному промыслу Божию и возблагодарил Господа и славного отца нашего Симона. В 1619 году над могилой блаженного построили храм в честь Пресвятой Богородицы Одигитрии с приделами во имя пророка Илии и святого Макария Желтоводского. Место над могилой блаженного Симона было отмечено деревянной гробницей для того, чтобы кто-либо по незнанию не ступил на то место. В сие время к гробнице пришла одна женщина по имени Саломия и просила священника совершить над гробом святого панихиду.

– Более 18 месяцев лежала я в тяжкой болезни. Однажды ко мне явился некий муж, в одной рубашке, с обнаженными ногами, с длинными и черными волосами, среднего роста. Представши предо мною сказал: «Иди в Богоявленский монастырь и попроси отслужить панихиду над гробом Симона юродивого». Я почувствовала себя совершенно здоровой и пришла помолиться над гробом сего праведника.

Все бывшие тут были весьма удивлены ее рассказом, ибо никогда не видели блаженного Симона. Некоторые пожилые люди сказали, что ей явился сам Симон: вид его был именно таков, как она его описала.

Много и других чудес совершилось у гроба блаженного. В 1635 году патриарх Иосиф повелел построить раку и написать икону святого угодника Божия, непрестающего и поныне молить Господа о спасении душ наших. Аминь.

Житие и страдание святых преподобномучеников Галактиона и Епистимы

Память 5 ноября

В Финикии[7112], в городе Эмесе, жил некто Клитофон, человек благородный, знаменитый и богатый. Жена его, по имени Левкиппия, дочь епарха[7113] Мемнона, была бесплодна и сильно скорбела об этом, так как за бесплодие ей часто приходилось выслушивать упрёки от мужа, а иногда переносить брань и даже побои. Оба они были язычники, держались эллинского[7114] лжеверия и особенно чтили богиню Артемиду[7115].

В то время городом управлял некто Секунд сириец, который чрезвычайно немилосердно и жестоко относился к верующим во Христа. Он придумал множество различных орудий для мучения и выставил их посреди города на страх христианам. Вследствие сего, многие из верующих, из боязни тяжких мучений, скрывались, а другие, смело исповедуя Христа, сами отдавались в руки мучителей и умирали за имя Господа своего. Там был, между прочим, один инок, именем Онуфрий, который, чтобы не узнали, что он – христианин, скрыл свое иночество под нищенским рубищем, и, переходя с места на место и от дома к дому, просил, как убогий, куска хлеба, а между тем где можно было, учил истинной вере и обращал к Богу души человеческие. Таким образом пришел он и к дому Клитофона, и, стоя у ворот, начал просить хлеба. Левкиппия, видя человека, одетого в рубище и просящего хлеба, приказала одной из рабынь затворить перед ним двери: в тот день она была рассержена, так как муж нанёс ей побои из-за её бесплодия. Инок же продолжал, как это в обычае у нищих, стоять у ворот, прося милостыни. Вскоре Левкиппия смилостивилась, велела пустить старца во двор и снабдила его всем нужным. Старец, принимая милостыню, услыхал тяжкий сердечный вздох Левкиппии и спросил ее:

– Что за печаль у тебя, госпожа моя, что ты вздыхаешь так тяжко?

Она отвечала ему:

– Нет у меня, старец, детей, так как я бесплодна, и за это притесняет и гонит меня муж мой; много раздала я золота врачам и чародеям, чтобы они помогли мне и разрешили мое бесплодие, и нет мне от них никакой помощи, а только впадаю я всё в большее уныние.

Старец спросил:

– Какому Богу служишь ты?

– Я служу великой богине Артемиде, – отвечала она.

– Потому-то ты и бесплодна, что не имеешь упования на Бога, могущего дать плод чреву твоему, – отвечал старец.

– Но на какого же бога мне нужно надеяться, который мог бы дать мне такую благодать, чтобы я могла называться матерью? – спросила Левкиппия.

– Уповай на истинного Бога Иисуса Христа, – отвечал старец,– и веруй в Него и в Безначального Отца Его и в Святого Единосущного и Животворящего Духа.

Левкиппия спросила:

– Не о том ли Боге ты говоришь мне, Которому служат галилеяне?[7116]

– Именно о Нем, – отвечал старец, – ибо Он сотворил небо, основал землю, создал человека и всякое живое существо.

– Я боюсь, – заметила на это Левкиппия, – как бы не узнал о такой моей вере начальник области Секунд и не предал меня смерти, как сделал он со многими другими: всех верующих в Того Бога, о Котором ты говоришь, он убивает без милосердия.

– Если ты боишься начальника области, – сказал старец, – то можешь тайно служить Святой Троице: вот и я, боясь угроз мучителя, тайно служу Богу моему и, по благодати Его, надеюсь получить спасение, ибо я, как видишь, – христианин, инок и пресвитер, – изменил свой вид, чтобы не быть узнанным; по внешности для всех я – один из нищих, а на самом деле – раб Христов. Так и ты, служа Христу тайно, не лишишься через то спасения.

– Если я приму веру эту, отче, – спросила Левкиппия, – а муж мой останется в язычестве, то не будет ли тщетна вера моя ради неверного мужа?

– Приими только знамение Христово, т. е. святое крещение, и веруй, не сомневаясь, в истинного Бога, и если останешься твёрдою в истинной вере, то и сама спасешься и мужа своего спасешь, ибо наши Писания говорят: «Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (1Кор.7:14).

Когда Онуфрий утвердил Левкиппию своими словами, она сказала:

– Отче! Можешь ли ты совершить надо мною святое крещение?

Он же отвечал:

– Есть ли только вода, а то уже и время приспело для того.

Приказав служанкам никому не говорить о том, что было, Левкиппия велела налить кадку воды, и тогда блаженный Онуфрий крестил ее во имя Отца и Сына и Святого Духа и научил ее тайнам учения христианского и всем заповедям. Когда он уходил, новокрещённая просила его не забывать её, посещать по возможности часто и учить благочестию и молитве.

Когда инок ушел, Левкиппия приняла вид больной, для того, чтобы муж не прикасался к ней до восьми дней. Таким образом, она сохранила в чистоте благодать Святого Духа, полученную в крещении. По прошествии восьми дней, она увидела в видении Господа нашего Иисуса Христа, распятого на кресте; и виделось ей, что она припала к ногам Его и слышала из пречистых уст Его утешительное обещание разрешить её неплодие и даровать ей такого сына, который будет подражателем крестным страданиям Спасителя и причастником Царствия Его. Вследствие сего видения, Левкиппия исполнилась великой духовной радости и возымела пламенную любовь к Богу. С того времени память о страданиях Господа никогда не покидала её, она всегда взирала умом на распятого Христа и как бы видела Его стоящим пред собою.

Вскоре после того она стала непраздною. Муж её чрезвычайно обрадовался этому и сказал ей:

– Теперь я знаю, что ты угодна богам: они даровали плод утробе твоей; и так пойдём и принесем им жертву.

Тогда Левкиппия вздохнула и сказала:

– Не те боги, к которым зовёшь ты меня, дали мне этот дар, но иной Бог, Который ко мне ранее зачатия явился во сне и Которого я видела пригвождённым ко кресту. И если хочешь, господин мой, Ему именно принесём мы благодарственную жертву.

– Тот Бог, Которого видела ты, – заметил её муж, – есть Бог галилеян, о Котором я слышал от многих, что Он действительно распят был на кресте и творит дивные чудеса.

– Так почему же, – сказала она, – мы не веруем в Него, когда Он всемогущ и милостив к нам с тобою настолько, что исполнил наше сердечное желание, – разрешил мое бесплодие?

– Разве ты не слыхала, – отвечал муж, – что начальник области без всякого милосердия мучает и убивает верующих в Распятого?

– Но если нельзя веровать в Него открыто, – сказала Левкиппия, – мы будем веровать тайно и сообразно с сею верою направлять ко благу жизнь свою.

– Нет человека, – сказал Клитофон, – который бы научил нас новой вере и дал бы нам наставление, как должны мы служить тому благому Богу, Которого ты видела во сне и Который даровал Тебе способность зачатия.

Левкиппия, видя, что муж склоняется на её сторону, рассказала ему о всём, случившемся с нею, и открыла, что она уже христианка и научена тайнам веры Христовой одним иноком. Клитофон с радостью выслушал это и пожелал креститься. Как только блаженный Онуфрий пришел в их дом посетить новокрещеную, она показала его мужу, и Клитофон был крещен святым старцем. И жили супруги во всяком благочестии и чистоте, тайно служа Господу Истинному.

Когда у них родился младенец мужеского пола, они призвали своего духовного отца и учителя Онуфрия, который и крестил младенца, причем ему наречено было имя – Галактион. При сем святый старец изрёк о нем следующее пророчество: «Сей младенец жизнь небесную возлюбит более земной».

Когда Галактион возрос, родители позаботились об его обучении и, при помощи Божией, он быстро преуспевал во всех науках, какие изучал, а когда ему исполнилось 24 года – и уже по смерти его матери – отец пожелал, чтобы он вступил в брак и, приискав девицу, прекрасную лицом, по имени Епистиму, обручил с нею своего сына. Так как брак был отложен на некоторое время, то Галактион, чтобы видеться с невестой, часто приходил к ней в гости; но он никогда не приветствовал ее, – как то было в обычае, – целованием, так как она не была крещена. Епистима была очень опечалена этим. Отец, видя её печаль и узнав о причине её, сказал Галактиону:

– Почему, юноша, ты не приветствуешь обычным целованием мою дочь, а свою обрученницу? Если ты её не любишь, то зачем и обручался с нею?

Галактион, ничего ему не ответив, пошел к девице и сказал ей наедине:

– Епистима! Знаешь ли, почему я не приветствую тебя целованием?

Она отвечала:

– Не знаю, господин мой, и весьма скорблю об этом.

Галактион сказал:

– Так как ты не христианка и осквернена нечистою языческою верою, то я не хочу прикасаться к твоей нечистоте, чтобы не оскорбить Духа Божия; но если хочешь приобрести мою любовь, отрекись от идолов, уверуй в Бога, в Которого верую я и приими святое крещение: тогда я дам тебе целование, буду любить тебя, как самого себя, назову тебя своею супругою и мы до конца проживем в любви и неразлучно.

Епистима отвечала:

– Я сделаю всё, что ты велишь, господин мой: я верую в твоего Бога и желаю креститься.

Он сказал:

– Хорошо, мудрая девица, теперь я воистину начинаю любить тебя. Но так как нет никого, кто бы мог крестить тебя, ибо благочестие христианское подверглось лютому гонению, а пресвитеры и клирики – одни перебиты, другие бежали в пустыню, то необходимо мне самому крестить тебя. И так,

захвати с собою белые одежды и выйди на реку Кифос – как бы купаться, а между тем и я выйду из своего дома в поле под видом прогулки и, отыскав тебя на реке, окрещу.

Епистима вышла к реке, вышел и Галактион и крестил в Кифосе свою обрученницу во имя Отца и Сына и Святого Духа и научил ее молитве. Затем они разошлись, и никто не знал об их тайне. Около того же времени Галактион обратил в истинную веру одного из рабов своего тестя и крестил его, как и свою обрученницу. Этот раб, по имени Евтолмий, впоследствии сделался иноком и написал настоящее житие.

Епистима, после крещения, оставалась в родительском доме, упражняясь в богомыслии и молитвах, которые она совершала тайно, ибо она скрывала от отца принятие ею христианской веры.

Когда, на восьмой день после крещения, к ней пришел Галактион, она сказала ему:

– Дивную вещь хочу я поведать тебе, господин мой. С тех пор как я приняла святое крещение, часто вижу я прекрасные чертоги и в них – три лика[7117] поющих: один лик – черноризцев; другой – прекрасных дев и третий – каких-то крылатых и огненных благовидных людей; и от сего чудного видения и от сладкозвучного пения ликов сердце мое ощущает чрезвычайную радость.

Галактион, размыслив о виденном Епистимою, сказал ей следующее:

– Черноризцы суть те, которые оставили свои богатства, жен и друзей и последовали за Христом, в нищете, чистоте и терпении проходя тесный и скорбный жизненный путь. Прекрасные девы – это оставившие своих женихов и родителей и всякую мирскую прелесть – пышные одежды, имение и прочую суету и последовавшие за Христом. А крылатые мужи суть Ангелы Божии, вместе с коими те девы радуются и ликуют на небесах и славят Бога хвалебными песнями.

– О если бы и нам Бог дал ликовать вместе с ними, – сказала Епистима.

– Если сохраним девство наше, – сказал Галактион, – и, подобно им, отречемся от мира, то и нас всеблагой Бог удостоит

такой же награды.

– Если ты согласен, – отвечала Епистима, – я готова хранить девство свое, но я не желаю разлучиться с тобою, так как если разлучимся, то как будем мы в состоянии делить друг с другом нашу радость.

– Дай мне сейчас же слово, – сказал Галактион, – что ты сохранишь девство свое и вместе со мною примешь иноческий образ, и я не разлучусь с тобою ни в сем веке, ни в будущем.

Епистима дала требуемое им обещание, говоря:

– Как непреложно верую я в Господа нашего Иисуса Христа, так и обещаюсь тебе исполнить желание твое, и последую за тобою, куда бы ты ни пошел.

Галактион сказал:

– Возблагодарим Бога нашего за то, что Он милостив к нам и услышал молитвы наши! Да утвердит и сохранит Он ненарушимым договор наш до конца!.. Вот я ухожу в дом свой и приготовлюсь в путь; сделай и ты тоже: раздай всё, что имеешь нищим, как раздам и я, и на третий день выйдем вместе из домов наших и пойдем, куда поведет нас Бог. Ты же захвати с собою и раба Евтолмия, – он человек благочестивый и будет вместе с нами иночествовать.

После этого совещания, святые Галактион и Епистима разошлись и, раздав тайно всё, что у них было, нищим и приготовившись к пути, вышли, как сговорились, из домов своих ночью и пошли вместе, а с ними и раб Евтолмий.

Через десять дней они пришли к горе, называемой Пуплион[7118], в которой был монастырь, где спасались десять иноков. В некотором отдалении от него находился небольшой женский монастырь, в котором жили четыре престарелых постницы; старшею над ними была одна диаконисса, чистой и святой жизни. Галактион и Епистима с Евтолмием, вошедши в мужской монастырь и поклонившись игумену, поведали ему о своем намерении иночествовать в этом месте. Игумен, прозревая в них призвание Божие, принял их и постриг в монашество: Епистиму он отослал в женский монастырь к четырем святым постницам, а Галактиона с Евтолмием оставил в своем монастыре и велел им проходить все обычные для

монастырей послушания. И преподобный Галактион находился в полном повиновении игумену и братии и ревностно служил Богу. И кто может описать его подвиги и труды? Его никогда не видали праздным, но всегда он или делал что-нибудь потребное для монастыря, или молился; пост его был необыкновенный: иногда он не вкушал пищи целую седмицу; он так хранил свое целомудрие и чистоту, что всячески избегал даже видеть женское лицо, и действительно не видел долгое время; много раз некоторые из братии приглашали его пойти вместе с ними посмотреть вышеупомянутую святую диакониссу, которая иночествовала девяносто лет и приносила великую пользу всем слушавшим её поучение о спасении души, так как отличалась мудростью, назидательным словом и добродетельною жизнью, – а кстати и проведать сестру Епистиму. Но Галактион не соглашался, говоря:

– Довольно с меня, святые отцы, пользоваться и вашим поучением, а сестру свою я не хочу видеть до тех пор, пока не придет время, когда Сам Господь повелит мне видеться с нею. И святая Епистима, сестра его о Христе, жила в своем монастыре при святой диакониссе, подобно Ангелу Божию, проводя время, подобно Галактиону, в подвигах и трудах и ни в чем не отставая по жизни от своего брата. Оба они были, как два светильника, горящие любовью к Богу, а подвизавшиеся вместе с ними иноки поучались примером их добродетельной жизни и прославляли Отца Небесного.

Между тем гонение на христиан не прекращалось: все они были принуждаемы принести жертву идолам и отказывавшиеся сделать это подвергались мучениям. Некоторые из язычников, знавшие об иноках, спасавшихся в горе, донесли о них начальнику области Урсу. Последний тотчас послал своих воинов с приказанием схватить всех иноков и привести к нему на суд. Еще до прибытия этих воинов, святая Епистима видела в одну ночь следующий сон: ей снилось, что она стоит в царском дворце вместе со своим женихом и духовным братом Галактионом и какой-то сияющий Царь венчает их прекрасными венцами. Проснувшись, она удивлялась виденному и, с наступлением дня, послала игумену письмо с просьбою прийти

к ней выслушать нечто важное (так как обычно инокини не ходили в мужской монастырь, а, вместо того, игумен, бывший в обоих монастырях отцом духовным, сам приходил к постницам и удовлетворял их духовные нужды: выслушивал их исповедь, совершал у них Божественную литургию, причащал их Святых Таин, а затем возвращался в свой монастырь). Игумен, получив письмо Епистимы, отправился в монастырь святых постниц, где святая Епистима рассказала ему свое видение во сне, бывшее в мимошедшую ночь. Игумен сказал:

– Дворец есть Царство Небесное, Царь – Иисус Христос. Господь и Бог наш, а венцы означают воздаяния, которые ты, чадо мое, и духовный брат твой, Галактион, имеете получить в скором времени, за свои страдания и подвиги; но сначала вам предлежит много пострадать и умереть мученическою смертью. Умоляю тебя, чадо мое, не бойся жестоких мучений и не падай духом среди истязаний: знай, что за страдание тебя ожидают вечные и неизреченные блага, которые ты получишь вместе с братом твоим из рук Подвигоположника[7119].

Епистима, прослезившись, отвечала:

– Буди воля Господня: Он да устроит всё относительно нас, как Ему угодно, по Своей благости!

Лишь только игумен возвратился в свою келью, как на мужской монастырь напали посланные Урсом воины; все иноки разбежались и скрылись в пустынях и горах, остался в монастыре только один преподобный Галактион, которого воины и схватили, застав его в келье читающим слово Божие. Точно так же бежали из своих келлий и скрылись и святые постницы вместе с Епистимой. Только одного святого Галактиона, как овцу на заклание[7120], повлекли к Урсу на суд и мучение. Но преподобная Епистима, скрывавшаяся с другими девственницами в пещере, узнав, что её жених и брат схвачен язычниками и отведен на мучение, с плачем упала к ногам святой диакониссы, говоря:

– Умоляю тебя, госпожа моя, отпусти меня, чтобы я могла пойти вслед за господином моим Галактионом: ибо я слышала, что его взяли воины и повели к начальнику области на мучение

и не могу быть вдали от него; сердце мое болит по нем и хочу вместе с ним умереть за Христа Господа нашего.

Диаконисса отвечала:

– Нет, дитя мое Епистима, не ходи за ним и не предавайся в руки язычников, чтобы не попасть тебе во вражьи сети: ты молода, и я боюсь за тебя, как бы из страха мучений ты не отреклась от Христа и не погубила через то своего девственнического подвига; тогда ни к чему не послужат и все твои иноческие подвиги, и ты лишишься надежды на спасение.

– Я не могу жить без Галактиона, – сказала на это Епистима, – через него я узнала Христа, моего истинного и человеколюбивого Бога, его руками я омыта в воде крещения от языческой нечистоты, он направил меня на путь спасения и привёл в сей иноческий образ и в вашу святую обитель, его молитвы помогали мне во всех моих нуждах, он мой обрученник, и брат, и учитель, и отец по Боге, и хранитель моего девства, и я не могу разлучиться с ним ни в этом веке, ни в будущем, но пойду и умру вместе с ним. Если он положит душу свою за Истинного Бога, положу свою и я; пусть кровь его прольется вместе с моею за Создателя всех, – вместе с ним пойду я и предстану пред престолом Царя славы, Которого я видела во сне и Который нас вместе и увенчал… Пусти меня, госпожа, пусти и молись за меня!

Диаконисса, видя её слезы и пламенную любовь к Богу и своему обрученнику, сказала:

– Будь благословенна Господом, дочь моя, и да будет благословен весь путь твой! Да совершишь ты свой страдальческий подвиг, подобно блаженной Фекле. И так иди в этот блаженный путь, и рука Господня укрепляющая да будет с тобою!

После этого блаженная Епистима, облобызавши святую диакониссу, свою духовную мать и всех сестёр, поспешно отправилась вслед за своим любимым братом.

Догнавши воинов и увидев святого Галактиона, которого вели связанным, она воскликнула:

– Возлюбленный мой господин и брат! Учитель мой, наставивший меня ко спасению, через которого я познала

Христа, Истинного Бога, подожди меня, не оставляй одинокою убогую сестру и рабу твою! Возьми меня с собою на мучение, меня, которую ты извел из идольского заблуждения и всей мирской суеты, веди меня, введенную тобою в подвиг иноческий, к венцу мученическому! Вспомни, как ты обещался мне не оставлять меня ни в этом веке, ни в будущем!

Сопровождавшее Галактиона воины бросились к Епистиме и схватили ее. Галактион, увидев Епистиму, до такой степени обрадовался её твёрдому решению пострадать за Христа, что от радости прослезился. Он от всего сердца возблагодарил Бога, давшего сестре его такую твердость и такую пламенную любовь к Богу и тайно молился за нее, чтобы Господь до конца подкрепил ее в подвиге страдания и чтобы она не устрашилась жестоких мук.

Воины, связав ее вместе с Галактионом, с которым она давно уже была связана союзом духовной любви, повели их к начальнику области. На пути Галактион поучал Епистиму, говоря:

– Смотри, сестра, не прельщайся какими бы то ни было соблазнами лукавого мира сего, не бойся и мучений: недолго здесь потерпим мы, но получим за это вечные венцы от Господа нашего в чертоге небесном.

Святая Епистима отвечала ему:

– Я пойду следом за тобою, господин мой и буду поступать так же, как и ты, и я верю, что Господь наш не оставит нас, но и тебя укрепит, и мне слабой поможет понести за Него равные с тобою муки, равно пострадать и умереть, да «в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим» (Пс. 16:15).

Беседуя таким образом, они достигли до двора Урса. Навстречу воинам вышел слуга и сказал, что начальник велел сторожить христиан до утра. Поэтому воины всю ночь держали святых связанными.

Наутро Урс явился на суд и, когда ввели к нему Галактиона и Епистиму, взглянув на них, сказал:

– Кто вы, чёрные?

Святый Галактион отвечал:

– Мы – христиане и черноризцы.

Урс спросил:

– А кто такой – Христос?

– Христос есть истинный Бог, сотворивший небо и землю и всё, что на них, – отвечал святый.

– Если ваш Христос сотворил всё, – продолжал Урс, – то что же такое – наши боги и что они сотворили?

– Ваши боги, – отвечал Галактион, – камень и дерево, они – тленные вещи, и ничего не создали, но их самих создает рука человеческая, а вы поклоняетесь делу рук человеческих и почитаете за богов тех, которых вы сами сделали из различных веществ.

Разгневанный Урс приказал присутствовавшим при допросе раздеть Галактиона и жестоко бить его жилами за хулу на богов.

Когда Галактиона били, святая Епистима плакала и упрекала начальника.

– Немилосердный мучитель! – говорила она. – Не стыдно ли тебе мучить ни в чем неповинного раба Божия и покрывать ранами и без того иссушенное постом тело его?

Урс же сказал:

– Разденьте и ее, и бейте сильнее.

Когда бесстыдные слуги срывали с нее иноческие одежды и обнажили ее до власяницы, святая сказала мучителю:

– Будь проклят, бесстыдный мучитель! С детства моего никто не видал наготы моей, и ты приказываешь обнажить меня при всех. Пусть же ослепнут ваши греховные очи, чтобы не видели вы моей девической наготы!

Лишь только сказала это святая, как князь и все окружавшие его ослепли, и каждый руками отыскивал стены и проводника, и не было никого, кто бы видел свет. Все пришли в ужас и воскликнули:

– Спаси нас, раба Христова, от сей тьмы, и мы уверуем в твоего Бога!

Тогда святая помолилась Богу, и все опять стали видеть, при чем пятьдесят три человека из присутствовавших действительно уверовали во Христа. Но Урс, хотя и прозрел телесными очами, – духовными ослеп еще более, ибо,

наущаемый диаволом, он приписал это чудо не Господу Иисусу Христу, а своим ложным богам: «Мы похулили, – думал он, – в уме наших великих богов и, разгневавшись за это, они наказали нас, чтобы мы были осторожнее и не осмеливались думать о них что-либо дурное… Так не пощадим же этих явных хулителей и отмстим бесчестящим богов наших».

И Урс велел вбить мученикам под ногти на руках и на ногах заостренные спицы. Святые мужественно терпели эту муку и восклицали:

– Христу, Единому Истинному Богу, служим, а ложных богов отвергаем!

После этого Урс приказал отрубить им руки. Они воскликнули:

– «Благословен Господь наш, научающий руки наши битве и персты наши брани, милость наша и ограждение наше, прибежище наше и Избавитель наш» (Пс. 143:1–2), избавляющий нас из рук врагов наших!

Тогда Урс велел отрубить им и ноги, после чего они воскликнули:

– «Восстань на помощь нам и избавь нас ради милости Твоей» (Пс.43:27). Ты знаешь, Владыка, что, горя любовью к Тебе, мы последовали за Тобою и шествовали путем страданий; теперь же изведи нас в вечный покой и да станут ноги наши в небесных обителях Твоих, где предстоят пред Тобою все благоугодившие Тебе!

И они опять возвысили голос, говоря:

– Да будут прокляты языческие боги и все служащие им!

Тогда Урс сказал:

– Нечестивцы сии всё еще не перестают хулить наших богов! Вырежьте им языки, чтобы более они не произносили хулы!

Тогда святым отрезали языки. Но хотя умолкли уста исповедников Христовых, сердца их не переставали взывать к Богу. Наконец, мучитель велел отсечь им головы. Их вынесли за ограду двора, усекли мечом и бросили тела их непогребенными. Но Евтолмий, раб тестя Галактиона и сподвижник обоих святых, следовал за ними издалека, когда они были схвачены и ведены

на суд, переменив свое иноческое одеяние на мирское, чтобы не быть узнанным. Он видел их страдание и кончину и, взяв тайно их святые мощи, оплакал их и с честью предал погребению. Он же описал и житие и доблестное страдание их на пользу читающим и слушающим и во славу Богу, в Троице Святой славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу, вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Мученик Христовых полком причтостеся, добре храбрствовавшим, светло подвизавшеся, Галактионе славне с честною супружницею, и сострадавшею тебе Епистимою, Единому Богу непрестанно молитеся о всех нас.

Житие святого Ионы, архиепископа Новгородского

Память 5 ноября

Святой Иона, в мире Иоанн, родился в конце XIV столетия. Когда ему было три года, его мать по воле Божией, предала Господу свою душу, а через четыре года после этого семилетний отрок остался полным сиротою. Но Господь не оставил его без Своего попечения. Он вложил мысль одной добродетельной вдовице Наталии Медоварцевой взять к себе бедного сироту на воспитание. С материнским попечением она заботилась об отроке Иоанне, который от рождения был слаб здоровьем и требовал хорошего и бдительного ухода. Наталия Медоварцева кормила, одевала отрока. Не оставила она его и без пищи духовной: она отдала его на обучение одному дьяку, у которого училось много других детей. Слабый от рождения, робкий вследствие бедности, святой отрок с самого поступления в училище сильно отличался от своих товарищей. Он не принимал участия в шумных детских играх, любил тишину и уединение, со всем усердием и старанием стал учиться и своими быстрыми успехами и добротою нрава всё сильнее снискивал себе любовь у своей приёмной матери.

Однажды товарищи святого Иоанна, после вечерни, стали играть на улице. Благочестивый отрок был тут же. Он не принимал участия в игре своих сверстников, а только наблюдал за ними. В сие время на улице показался какой-то неизвестный до этих пор в Новгороде человек, которой походил на юродивого. Это был святой Михаил Клопский. Пришедший из далёкой области, никому еще до этих пор неизвестный в Новгороде, никого из жителей не знавший, он в первый раз был в Новгороде, еще до поступления своего в Клопский монастырь. Завидев человека, идущего в странном одеянии, дети толпой кинулись к нему, стали рассматривать его. Наиболее резвые стали смеяться над святым мужем, а иные даже бросали ему под ноги камни и сор. Святой Иоанн стоял вдали на улице, день клонился к вечеру. Уже сумерки спустились на землю и всё

окружающее стало скрываться во мраке. Но светло и ясно провидел святой Михаил будущее блаженного отрока. Не обращая внимания на шум и шалости детей, он направляется к Иоанну, берёт его за волосы и, приподняв его выше себя, говорит:

– Иван, прилежно изучай книги: быть тебе архиепископом в Великом Новгороде!

После этого он обнял ребенка, поцеловал его и удалился. Так святой Михаил, не зная прежде имени ребёнка, предрёк то, что действительно исполнилось через 50 лет, спустя 4 года после блаженной кончины самого святого Михаила.

Между тем отрок Иоанн достигнув совершеннолетнего возраста, решился посвятить себя служению Господу. Еще с самого детства он строго соблюдал все заповеди Христовы и любил уединение. Теперь он вознамерился принять на себя иноческое пострижение. В 50 верстах от Новгорода среди больших лесов, вдали от человеческого жилища, находилась Отняя пустынь. Сюда то и поступил святой Иоанн. Архимандрит сей обители Харитон с любовью принял прибывшего и постриг его в иноки, дав ему имя Ионы. Строгую и суровую жизнь, исполненную великих иноческих подвигов стал вести святой Иона. Его подвиги изумляли братию, так что иноки после смерти Харитона избрали единодушно святого Иону игуменом своей обители. На новой должности блаженный показал себя мудрым правителем, настоящим пастырем, кротким руководителем и опытным наставником. Слава о его трудах и подвигах быстро распространялась; вскоре о нем стало известно и в Великом Новгороде. Многие жители Новгорода и других мест стали приходить к святому, назидались его мудрыми наставлениями, просили его молитв и благословения. Многие стали делать пожертвования в обитель, так что под мудрым управлением святого Ионы скудная и бедная доселе средствами Отняя обитель стала процветать, число иноков её умножалось, и все они подражали по мере сил своих святому Ионе.

В 1458 году скончался святитель Новгородский Евфимий. Оплакиваемый всем народом, сей пастырь, пользовавшийся любовью и уважением, был с честью похоронен[7121].

Новгородские граждане единодушно желали видеть на архипастырском престоле святого Иону. Тягостно было ему оставлять тихую Отнюю пустынь, но он не решался противиться желанию народному. В 1458 году он прибыл в Новгород, а в 1459 году был возведен в сан архиепископа Новгородского всероссийским митрополитом святым Ионою. Новый архиепископ был украшен всеми добродетелями, так что Новгородцы увидели в нем вполне достойного преемника почившего святителя Евфимия. Святой муж отличался своею любовью к пастве, особенно же он защищал бедных и сирых, памятствуя о своем сиротстве. На нем вполне исполнились слова Иова: «Благословение погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость. Я облекался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия и увясло. Я был глазами слепому и ногами хромому» (Иов. 29:13–15).

Не было человека, кто бы мог дурно отозваться о святителе; все любили и желали его видеть, все, кто слышал его, получали наслаждение. Занимая такой высокий престол, он был со всеми кроток и прост. Всем он старался оказать какое-либо добро, дать мудрый совет. Не только одни Новгородцы уважали своего владыку, но даже и Московские князья любили святого Иону, почитали его и нередко посылали ему послания и получали от него совет. Ибо часто святитель пророчески предсказывал будущее и слово его всегда в точности исполнялось. А в то время Московские князья Василий Темный и сын его Иоанн III[7122] особенно недоверчиво относились к Новгородцам, которые не могли забыть о прежней своей независимости от Москвы и поэтому не раз навлекали на себя гнев царский. Святитель Иона, пользовавшийся таким уважением у великих князей московских, защищал своих сограждан и смягчал царский гнев. Сами Новгородцы просили у него ходатайства пред князьями московскими; часто также он своим властным словом прекращал их постоянные неурядицы и взаимные раздоры.

Святителю приходилось нередко вступать в дела гражданские. Вскоре после его вступления на престол начались нестроения и в Церкви. Из Рима прибыл в Литву ученик

лжемитрополита Исидора и вступил в управление западнорусской церковью. В Москве был созван собор, где было постановлено – не признавать его митрополитом. Сам Новгородский пастырь не был в Москве на сем соборе. Но митрополит Московский прислал ему соборное определение и увещевал его крепко стоять за Православие, укреплять в истинной вере свою паству, а заблудших убеждать и обращать к истине.

Часто святителю приходилось усовещевать своих сограждан. В 1460 году в Новгород прибыл великий князь Московский Василий с двумя своими сыновьями, Юрием и Андреем. На сей раз он прибыл в Новгород с миром, ибо желал поклониться Новгородским чудотворцам и собрать подать с жителей. Несколько лет тому назад он же приходил под Новгород с сильным войском и наказал Новгородцев за их приязнь к его врагам. Некоторые жители, помня сие, составили дерзкий замысел умертвить князя. Когда святитель узнал о таком безумном намерении, он немедленно явился в собрание заговорщиков.

– Безумцы, – сказал им святитель, – что вы замыслили? Если вы и убьёте великого князя, то чего вы добьетесь? Только одно несчастие и бедствие навлечёте на Новгород. Его старший сын Иоанн, сведав о вашем злодействе, немедленно явится с сильным войском и опустошит страну.

Сие увещание сильно подействовало на заговорщиков; они сами ясно поняли свое положение.

Новгородцы с честью приняли великого князя. Святитель также оказывал ему свое уважение. Великий князь часто беседовал с блаженным архипастырем и исполнял все его советы. Он полюбил его, как своего отца и слушал его во всем. Особенно он уважал святителя за его добродетельную жизнь. Во время пребывания в Новгороде великого князя произошло дивное исцеление княжеского постельничего у раки мощей святого Варлаама Хутынского. Этот молодой человек из рода бояр Рязанских внезапно сильно занемог. Силы его быстро истощались. Наконец он, казалось, совсем умер. Когда его поднесли к раке мощей святого Варлаама, он вдруг ожил и стал

совершенно здоровым. Сие удивительное чудо произошло на глазах самого великого князя, его бояр и других лиц. Прибывшие в Новгород признали, что сей город пользуется особенным покровительством свыше. Святитель Иона тут же повелел записать сие чудо на память потомкам и возложил сие дело на прибывшего со Святой горы Пахомия Логофета. Спустя некоторое время, князь отправился обратно в Москву. Прощаясь со святым пастырем, великий князь приглашал его на совещание в Москву.

Вскоре святителю пришлось отправиться туда. Князь разгневался снова на жителей Новгорода. Некоторые вельможи старались усилить нерасположение князя к Новгородцам. Святой Иона, желая утолить гнев его, не смотря на свои годы, отправился в Москву, пренебрегая всеми трудностями далёкого пути. Приближаясь к сему городу, он вспомнил великого защитника Русской земли – преподобного Сергия Радонежского, и дал обет по возвращении построить храм во имя этого славного подвижника и дивного угодника Божия. За 5 верст от Москвы святителя встретили бояре и несколько игуменов. Когда же святитель прибыл в город, митрополит Московский принял его с любовью. На княжеском дворе уже давно ждали святого архиепископа. Здесь его встретили бояре. На лестнице в великокняжий терем его взяли под руки дети Василия Васильевича. Сам князь был весьма рад видеть пред собою мудрого владыку. Он принял дань и подарки, которые святитель привёз с собою из своего города. Во всё время пребывания святителя в Москве, великий князь оказывал ему полное уважение. Он часто призывал его к себе, беседовал с ним о разных делах гражданских и церковных. Однажды он призвал к себе святителя Новгородского и митрополита Московского и высказал свое недовольство на Новгородцев. Он жаловался на них святому Ионе за то, что они готовы стать на сторону врагов Русской земли – литовцев, оказывая мало уважения ему – великому князю, и даже сказал, что намеревается идти с войском на мятежных Новгородцев, чтобы раз навсегда положить предел их смутам и своевольствам. Святитель Иона, как истинный пастырь, стал горячо заступаться за своих

духовных чад; говорил князю, что ему многое передают неправильно, стараясь возбудить его гнев. Он просил Василия не обращать внимание на речи завистливых клеветников, не увлекаться гневом, но помиловать Новгородцев.

– Великий государь, не позволяй гневу овладевать твоим сердцем, не внимай клеветникам и завистникам, не карай многих невинных из-за горсти виновных, но отечески вразуми жителей нашего города и окажи им свою любовь и милость. Если же ты, не внимая мольбам нашим, строго станешь взыскивать с жителей Новгорода, то опасайся, чтобы и между твоими чадами не возникло разделение. Нет, князь, не подвигнись по клевете на твою отчину, но милостиво воззри на твой народ. Не возлагай на него новых даней и повинностей. Знай, что уже дни твои приближаются к концу. Сын твой Иоанн воссядет на престоле великокняжеском после тебя. Вместе со своей паствой я буду возносить о нем молитвы Господу, да избавит его всесильная десница Божия от насилия безбожных татар, да возвысит его над всеми врагами и укрепит его державу, если он будет соблюдать заповеди Господни и с кротостью будет управлять своей землей.

Слова сии сильно обрадовали великого князя, заветной мечтой которого было освобождение от ига татарского. Зная, что предсказания святого архиепископа в точности сбываются, Василий обещал святителю Ионе отложить всякий гнев на Новгородцев и даровать им мир. Он дал в сем слово архиепископу пред митрополитом. По окончании сей беседы, Новгородский архипастырь прослезился. Недоумевая о сем, великий князь и митрополит спросили святителя о причине его слёз.

– Кто может, – ответствовал им святой, – унизить и смирить такой сильный и многолюдной город, как наш? Только сами граждане своими усобицами. Лишь о том молю Господа, чтобы не было сего во дни мои.

Так святой Иона ясно предвидел будущее падение Новгорода. Зная сие, он испросил у Василия и его сына Иоанна право суда для любимой Отней обители. Князья охотно

исполнили просьбу святителя. Они дали ему грамоту с великокняжеской своей печатью.

Великий князь так твердо верил словам Новгородского владыки, что тогда же написал духовную. Назначив в ней уделы своим сыновьям и супруге, великий князь определил в ней собирать дань для татар только до тех пор, пока они еще имеют власть над Русской землёй. «Но наступит время, – говорил здесь Василий, – когда власть их рухнет, и Господь избавит Русских князей от их ига – тогда князья уже не должны более вносить великому князю дани для уплаты Ордынскому хану».

После этого святитель Новгородский отправился к своей пастве. Князь и бояре с честью провожали уважаемого архипастыря. С не меньшей любовью встретили граждане Новгородские своего владыку, который так горячо ходатайствовал за них перед великим князем. Прибыв в свою епархию, святитель немедленно исполнил данное им обещание – построил первый в Новгороде храм в честь преподобного отца нашего Сергия Радонежского. Он со всяким благолепием украсил новый храм, снабдил его богослужебными книгами и иконами и часто посещал его. Святой Иона много заботился о духовном просвещении своей паствы; сам отличаясь большой начитанностью и глубоким знанием Божественного Писания, он желал, чтобы и духовные его чада могли поучаться и иметь для назидательного чтения описание знаменитых подвижников Новгородской области. Для этого, по согласию с митрополитом всероссийским святым Ионою, Новгородский архипастырь поручил прибывшему со Святой горы ученому иноку Пахомию Логофету пересмотреть и написать некоторые жития святых. Кроме того до нас дошло несколько богослужебных книг, писанных по благословению архиепископа Ионы.

Вскоре после возвращения из Москвы, митрополит всероссийский Иона прислал послание блаженному святителю Новгородскому. Чувствуя приближение своей кончины, митрополит Иона еще раз желал увидаться с Новгородским владыкой и насладиться его духовной беседой. Вместе с тем митрополит просил святого Иону, чтобы он принял лично участие в избрании достойного ему преемника и предал его

самого погребению. Прочитав сие послание, святой Иона прослезился и воскликнул:

– Великой благодати лишается ныне Москва, а вместе с нею и вся Русская земля.

Однако, удрученный годами и болезнью ног, сам святой Иона не мог отправиться в Москву. Он послал святителю Московскому грамоту, в коей, утешая его, писал:

– Не скорби, что нам нельзя повидаться теперь, ибо мы свидимся уже в той жизни, по отшествии из бренного тела. Радостно будет тогда наше свидание, ибо мы восприимем тогда мзду от Самого Начальника пастырей.

Избрание преемника святой Иона предоставлял Господу и освященному собору:

– Кого Дух Святой изберёт и благословит, того и я буду готов принять!

Святой митрополит Московский Иона преставился 31 марта 1461 года. Зная святость его жизни, святитель Новгородский поручил вышеназванному Пахомию Логофету составить канон. Вскоре после этого святитель Московский был причислен к лику святых.

В 1462 году, по смерти Василия, на престол великокняжеский вступил сын его Иоанн III. Святой Иона отправился по делам в Москву к новому князю. Он напомнил ему о том, что предрёк еще его отцу, прибавив:

– Не презрит Господь молитвы стольких угнетенных, он рассеет орду, но пусть государь пребывает в благочестии и твёрдо хранит заповеди Божии.

В то же время святитель просил великого князя подтвердить прежнюю грамоту для Отней пустыни, чтобы сия обитель имела право суда. Иоанн, глубоко уважавший святителя, охотно исполнил его просьбу. Он подтвердил грамоту, данную его отцом и приложил к ней печать со своим собственным изображением.

В то время произошло печальное разделение Русской церкви. Григорий, посвященный в епископы в Риме, объявил себя митрополитом Русским и, принятый благосклонно королём Польским, стал управлять церковными делами в юго-западной

России, подвластной тогда Польскому королю. Об этом деле многие православные и сам великий князь писали святителю, прося его содействия и поддержки. Святой Иона, сам твердый в православии, всячески противодействовал такому разделению и много поучал свою паству, убеждая ее не оставлять старой веры православной и оставаться верной престолу Московского митрополита; как истинный пастырь, он смело и безбоязненно разрушал все происки врагов православия и охранял свое словесное стадо.

Немало трудов понёс святой Иона. Своим мудрым словом, своей любовью, он не раз погашал раздор между Новгородцами и Псковичами. Жители Пскова, тяготясь зависимостью от Новгородского владыки, стали просить, чтобы великий князь назначил им в Псков особого епископа. Они даже захватили часть земель и угодий, которые принадлежали архиепископу Новгородскому. Но великий князь не исполнил их просьбы, повелев им во всём повиноваться блаженному святителю Новгородскому и возвратить несправедливо ими захваченное. Псковичи так и сделали. Много содействовал сему своим примером и сам святой Иона. Он даже не потребовал от Псковичей никакого вознаграждения за убытки, причинённые ими архиерейской кафедре. Видя его любовь и бескорыстие, большая часть Псковичей стала еще больше уважать его и оказывать ему должную честь.

Святой Иона много заботился о построении и украшении храмов Божиих. Кроме построения храма в честь преподобного Сергия Радонежского, святитель заботился о своей любимой Отней обители, где начались его иноческие труды и подвиги. Он построил здесь каменный храм во имя Трех Святителей и великолепно его украсил. Для этого он вызвал самых лучших иконописцев и щедро расточал свое имение, чтобы обильно снабдить новой храм священными предметами и книгами. К сей церкви он пристроил еще другую в честь Крестителя Господня Иоанна Предтечи, имя которого он носил еще в миру. В сем храме он собственными руками ископал себе гроб и завещал предать здесь погребению свое тело. В Отней обители святой архипастырь построил еще храм во имя святителя Николая. В

самом Новгороде он возобновил и украсил Дмитриевскую церковь на Торговой стороне, по преданию, первоначально построенную в память победы Димитрия Донского над Мамаем.

За благочестивую жизнь мудрого святителя уважали не только великие князья Московские, но даже Тверские, Смоленские, Полоцкие и Литовские. Новгородская область, управляемая святым Ионою, пользовалась во все время святительства сего блаженного миром и особым покровительством свыше. Граждане, внимая его поучениям, имели любовь друг к другу; даже самая земля отличалась тогда особенным плодородием. Все сие было по молитвам святого. Только однажды Новгородская и Псковская земля подверглась страшному бедствию. С конца 1466 года открылось моровое поветрие, которое известно под именем Симоновского мора. У больных опухали железы и на третий или четвертый день они умирали. В следующем 1467 г. болезнь вспыхнула с новой силой. Во всей Новгородской земле умерло 220652 человека. Великая скорбь и смятение охватили жителей. Но еще более болел душой за своих духовных чад сам архипастырь. Он утешал их и непрестанно молился Господу о прекращении сего страшного бедствия. И молитва его была услышана. В Неревском конце при Зверинском монастыре была устроена большая скудельница для погребения умерших. Однажды во время молитвы святитель услышал глас:

– Ступай с крестами в сопровождении всего освященного собора в Неревский конец в Зверин монастырь в храм Покрова Пресвятой Богородицы на скудельню. Ступай туда, где явился образ святого праведного Симеона Богоприимца. Поставь там в честь его храм, и мор прекратится.

Святитель возвестил об этом гражданам и утром, 1 октября в день памяти Покрова Пресвятой Богородицы, Новгородцы были свидетелями нового дивного чуда. В сей день святитель со всем своим клиром и гражданами направился в указанное место и, преклонив колена пред иконою Симеона Богоприимца, со слезами молился Господу об утолении гнева небесного. В сие время народ стал сносить брёвна и в один день была построена церковь. Святой Иона в тот же день освятил ее и

совершил в ней Божественную литургию. С того дня моровое поветрие прекратилось. В следующем 1468 г. святитель Иона на месте сей деревянной церкви воздвиг каменный храм в честь праведного Симеона, который сохраняется и до сего дня, свидетельствуя о неизреченной милости Божией.

В то время начал основываться Соловецкий монастырь. Святитель Иона оказывал великую помощь и содействие новой обители. Вместе с мирскими властями Новгорода он дал святому Зосиме грамоту, по которой отдавал во владение новой обители весь Соловецкий остров со всеми угодьями.

Много добра оказывал всем Новгородский святитель, немало трудов ему пришлось перенести. Чувствуя приближение своей кончины, он написал духовную, где завещал похоронить тело его в Отней обители. Причастившись святых таин, он мирно отошел ко Господу 5 ноября 1470 года. С подобающею честью Новгородская паства предала погребению тело своего любимого пастыря, наставника и заступника. Честное тело его было Положено в Отней обители в могиле, приготовленной им самим при церкви святого Иоанна Предтечи. До сорока дней братия не закрывали землей могилу. Господу было угодно прославить нетлением останки Своего славного угодника. Братия Отней обители и другие лица сильно дивились, когда видели, что тело святителя не издавало ни малейшего запаха тления. Уже прошло сорок дней со дня кончины праведника, но никто не ощущал запаха гниения. Тогда братия, твердо веруя, что Господу будет угодно открыть мощи Своего угодника, не покрыла гробницы землею, а только сделала из дерева поверх могилы возвышение. Сие чудо было тем более удивительно, что место, где стояла церковь, было низко и земля там была влажна и сыра.

Действительно надежды верующих не были напрасны. Прошло уже около ста лет, когда Господь благоизволил чудесно прославить Своего верного служителя и подвижника. Это было самое тяжёлое время для жителей Новгорода. При царе Иоанне Васильевиче Грозном и при архиепископе Новгородском Леониде 13 сентября утром в Отней обители вдруг загорелась хлебопекарня. Сильный ветер много способствовал пожару.

Пламя, охватив все монастырские храмы с неудержимой силой распространялось всё далее и далее. Огонь даже охватил Предтеченскую церковь, где была гробница с мощами святого Ионы. Видя такую опасность, двое простых людей, чтивших память святого архиепископа, бросились в Предтеченскую церковь, разобрали деревянное покрытие над гробницей и вынесли ее на монастырскую площадь. Тяжелый дубовый гроб показался им необыкновенно лёгким. Между тем огонь охватил всё здание, бывшие около монастырской площадки, так что грозил самым мощам. Но удивительное зрелище представилось тогда всем: огонь почти совсем окружил гробницу, но нимало ее не повредил. Некоторые пытались было унести гробницу, но не могли ее поднять. Тогда все поняли, что сам Господь невидимой Своей силой хранит мощи святого от огненного запаления.

Милосердый Господь благоволил и по смерти святителя прославлять его: от гроба его истекает река чудотворений. Всякий, кто припадал к раке мощей его или с верою призывал в молитвах его святое имя, получал исцеление каким бы ни был одержим недугом. Упомянем здесь о важнейших чудотворениях святого Ионы.

Инок Отней обители Сильвестр с послушником Климом был однажды послан в Москву для подтверждения прежних царских грамот, кои он вёз с собою. От Вышнего Волочка посланные отправились далее на лодке. Вместе с ними ехал один богатый купец. Кормчий, побуждаемой диаволом, решил воспользоваться деньгами, которые имел при себе купец. В бурном месте реки он направил лодку на камень. Лодка опрокинулась и все бывшие в ней упали в воду. Кормчий за свой злой умысел был наказан праведным судом Божиим: он потонул, все же прочие стали один за другим выплывать к берегу. Спасся и послушник Клим. Наконец все собрались на берегу, не видно было только одного инока Сильвестра. Он не умел плавать. Все уже были уверены, что он погиб, как вдруг увидели свою лодку, прибитую волнами к берегу и в ней старца Сильвестра. Сие чудо поразило всех. Радовались иноки о своем спасении; одно печалило их: царские грамоты вместе с другими вещами пропали при крушении. Немало горевали они о том и

взывали к святителю Ионе, прося его помочь им, и молитвы их были услышаны: при вечернем сумраке они заметили на поверхности реки какой-то плывший к берегу предмет. Осенив себя крестным знамением, Клим бросился в волны, и, подплыв, к великой своей радости, увидел кожаную сумку в которой они везли царские грамоты. Вода чудным образом не испортила грамот; даже подписи царские были в полной сохранности. Возблагодарив Господа и Его угодника святого Иону, они отправились в дальнейший путь и, прибыв в Москву, скоро с успехом исполнили возложенное на них дело.

Однажды, в Смутное время, по реке Волхову плыли казаки, которые опустошали деревни и грабили жителей, не щадя никого. Они приблизились к монастырскому селению и уже намеревались напасть на него. Атаман спросил: кому принадлежит это селение. Один крестьянин, по имени Георгий, ответствовал:

– Это селение принадлежит Отней обители, святому отцу и великому чудотворцу Ионе, архиепископу Новгородскому.

Услышав имя святителя, атаман строго наказал своим товарищам, никого и ничего не трогать в сем селении. Когда его спросили, почему он запрещает им это, он сказал:

– Однажды на меня прогневался государь и велел казнить меня смертью, а я, окаянный, вспомнив о великом и милостивом чудотворце Ионе, со всеусердием, как только мог, вознёс к нему свою недостойную молитву, чтобы он заступил меня от царского гнева. В сие самое время и было получено от царя повеление об отмене моей казни. С той поры я постоянно благодарю своего скорого заступника святого Иону.

Много и других чудес произошло от мощей святого Ионы. Будем и мы всегда призывать в молитвах сего славного святителя, славя Триединого Бога. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Исправление веры, и образ кротости, и якоже сад посреде рая преподобными делы твоими мир просвещаеши. И сего ради к честней раце твоей любовию прикасаемся, и верно вопием: предстани в помощь воспевающым память твою светоносную, отче Ионо, и моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Свыше приял еси Божественную благодать, ходатайствовати Богу и человеком, яко архиерей возношение вознося, и мир людем твоим сноси, и обилие плодов, Ионо блаженне: ты бо еси великаго Новаграда похвала, и сущих о нем радость.

Память святых Апостолов Патрова, Ерма, Лина, Гаия и Филолога

Память 5 ноября

Святой Апостол Патров был епископом в Неаполе и Путеоле[7123], где многих крестил и привел ко Христу. Святой Апостол Ерм был епископом в Филиппополе[7124]. О святом Патрове и Ерме Апостол Павел упоминает в Послании к Римлянам (Рим.16:14).

Святой Апостол Лин, о котором упоминает Апостол Павел во втором послании к Тимофею (2Тим.4:21), был епископом в Риме, после святого Апостола Петра.

Святой Апостол Гаий, о котором воспоминает Апостол Павел в послании к Римлянам, (Рим.16:23), говоря: «приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви», был епископом в Ефесе[7125], после святого Тимофея.

Святой Апостол Филолог, о котором упоминает Апостол Павел в том же послании, (Рим.16:15) говоря: «приветствуйте Филолога», был поставлен святым Апостолом Андреем Первозванным епископом в Синоны[7126].

Святые Апостолы, проходя свое епископское служение в указанных городах, претерпевали многие напасти и скорби ради благовестия и, многих научивши и приведши ко Христу, с миром отошли ко Господу.

Память святого Григория, епископа Александрийского

Память 5 ноября

Святой отец наш Григорий с юного возраста возлюбил Христа и украсил себя всякими добродетелями. По смерти папы Александрийского он был поставлен от собравшихся по этому случаю епископов и народа во архиепископа Александрийского. Он был примерным учителем православия: кроткий, смиренный, милостивый, сиротам отец, вдовицам заступник, заблуждающим наставник, болящим врач, скорбящим утешение. Но соблазнитель диавол внушил, царствовавшему в то время, Льву иконоборцу[7127] отправить Григория связанным в Константинополь. Когда святый Григорий узнал об этом, он явился к царю и обличил его пред всем синклитом[7128], назвавши еретиком и нечестивцем. Царь, не вытерпевши обличения, приказал бить его воловьими жилами и морить голодом в темнице. Святый терпел всё это с благодарением, говоря: «За Христа Бога Моего и за святую икону я готов даже быть рассеченным на части». Узнавши об этом, мучитель и нечестивый царь повелел отправить его в заточение. Блаженный, проживши в заточении три года, предал дух свой в руки Господа.

Житие святого Павла исповедника, архиепископа Цареградского

Память 6 ноября

В царствование императора Констанция[7129], сына Константина Великого, христиане подверглись гонению со стороны еретиков – ариан, сторону которых держал сам император, тоже увлеченный арианской ересью. В Церкви происходили тогда великие смуты и нестроения, так как мало уже оставалось составлявших опору её великих поборников православия: святой Афанасий, архиепископ Александрийский, этот величайший защитник православия, был удален со своего престола, а святой Александр, патриарх Цареградский, к этому времени уже скончался.

Когда святой Александр умирал, окружавшие его смертный одр спрашивали его:

– Кому оставляешь нас, духовных чад твоих, отче? Кого оставляешь нам пастырем вместо себя? Кто столь же доблестно управлял бы Церковью Христовою?

Он указал им двух достойных мужей, именно пресвитера Павла, родом из Солуня[7130], и диакона Македония, но, при этом, прибавил, что если желают иметь пастыря учительного и имеющего добродетельную жизнь, то избирали бы себе Павла; если же хотят иметь пастырем человека представительного, отличающегося внешним благообразием, то пусть избирают Македония. После этого приснопамятный патриарх скончался. На бывшем после его кончины соборе, при совещании о том, кого из двоих возвести на патриарший престол, Павла или Македония, произошел спор между православными и арианами, которых на соборе было очень много. Православные желали Павла, ариане склонялись более на сторону Македония, однако, православные одержали верх и на патриаршество избран был в храме святой Ирины – святой Павел и, вошедши на патриарший престол, начал с честью пасти врученное ему стадо.

Во время избрания и хиротонии святого Павла императора Констанция не было в Царьграде: он находился в Антиохии[7131]. Вследствие сего он не был расположен к новому патриарху. Возвратившись из Антиохии в Царьград, император выказал явное неудовольствие против патриарха за то, что он взошел на патриарший престол помимо воли царской. Настроенный арианами, император созвал собор, который совершенно неправильно низложил с престола святого Павла, ни в чем неповинного, чистого сердцем, весьма полезного для Церкви Христовой, ибо своею мудростью и жизнью он был истинным светом миру[7132] и сиял в Церкви, как утренняя звезда среди облаков. На место низложенного Павла император возвел епископа Никомидийского Евсевия и опять удалился в Антиохию. Евсевий, зараженный ересью арианства, начал смущать Церковь своим еретическим учением и всеми силами старался изъять из символа веры слова: рожденный, несотворенный, единосущный, так как он не признавал, что Сын Божий есть Бог и во всем равен Богу Отцу. Между тем низложенный Павел отправился в Рим, где нашел святого Афанасия и многих других епископов, изгнанных Евсевием, и жил вместе с ними. Но Евсевий, не желая, чтобы Афанасий и Павел могли успокоиться от преследований в Риме, отправил, полное клеветами на них, послание к Юлию, папе Римскому[7133]. Папа не дал посланию никакой веры и советовал Афанасию и Павлу и другим епископам возвратиться к своему служению, и, желая оказать им помощь, написал восточным епископам, чтобы они приняли возвращающихся с любовью и не препятствовали им занять свои прежние места.

Таким образом, свергнутые с кафедр, епископы возвратились каждый к своей церкви и разослали к тем, которые их свергли, принесенные с собою из Рима послания папы Юлия.

Но враги православия, получив послание, опять всячески старались прикрыть правду ложью и задумали созвать собор в Антиохии, а папе Юлию пытались отвечать особым посланием. Впрочем, сам Евсевий умер, не дождавшись собора. Тогда православные жители Царьграда с радостью приняли Павла и

водворили его на архиепископском престоле, ариане же собрались в другом храме и избрали себе епископом перешедшего на их сторону Македония. Отсюда произошло великое смятение в Константинополе, и многие, при столкновениях двух сторон, пострадали и были убиты. Слух об этом достиг до императора Констанция, находившегося в Антиохии, и он отправил в Константинополь полководца Гермогена с войском, приказав ему изгнать Павла из Константинопольской церкви. Прибыв, Гермоген стал принуждать народ изгнать неповинного ни в чем святого Павла и тем вызвал в городе сильнейший мятеж, так как народ решительно отказался исполнить желание императора. Гермоген хотел употребить в дело военную силу, но толпа яростно бросилась на его дом и сожгла его, а сам Гермоген был вытащен вон и убит.

Император Констанций, узнав об умерщвлении Гермогена, поспешно прибыл из Антиохии в Константинополь, низверг и изгнал Павла и сильно гневался на жителей за принятие, помимо его воли, Павла и за мятеж и убийство Гермогена. За всё это император лишил город половины милостей, дарованных ему Константином Великим, а именно: убавил вдвое количество хлеба, ежедневно выдававшегося бедным жителям из императорских житниц. Утвердив затем Македония патриархом Константинопольским, Констанций возвратился в Антиохию. Святой Павел опять удалился на запад и, явившись к папе Юлию, рассказал ему, равно как и императору Римскому Константу[7134] обо всем случившемся. Констант, брат Констанция, и папа написали послание к Констанцию, убеждая его принять Павла, как право верующего, и вручили это послание самому Павлу, которой вторично отправился из Рима в Константинополь, где православные опять встретили и приняли его с великою радостью; послание же Константа и папы Юлия он отправил через одного знатного вельможу в Антиохию к императору Констанцию. Но Констанций понял эти послания как порицание себе и не принял Павла. Напротив, император еще более разгневался на него за вторичное возвращение, без согласия императора, на епископство и вскоре послал в

Константинополь начальнику области Филиппу приказание опять низложить и изгнать Павла и возвести Македония. Филипп, боясь народного мятежа и того, что его постигнет участь Гермогена, задумал тайно низвести Павла с епископского престола. С этою целью он, не объявляя никому об императорском приказе, прибыл однажды в находившийся на морском берегу особый двор, где собирались подати, называвшийся «Зевксипп». Здесь Филипп сказал, что он явился для получения податей, а между тем послал Павлу почётное приглашение явиться для тайного совещания будто бы об одном общественном деле. Павел, по своей доверчивости, отправился без всяких колебаний. Филипп, опасаясь многочисленной толпы народа, явившейся вместе со святым, на виду у всех не сделал с ним ничего, но, взяв его за руку и беседуя с ним, провёл его во внутренний двор. Там он приказал отворить задние ворота, обращенные к морю и, выведши в них святого, объявил ему волю императора, посадил его на заранее приготовленный корабль и таким образом святой, со всеми мерами предосторожности, отправлен был в изгнание. Жить ему было указано на его родине, в городе Солуни, с позволением бывать и во всех окрестных городах, но с запрещением посещать восточные провинции.

После изгнания святого Павла, начальник области торжественно отправился вместе с Македонием на колеснице, в сопровождении многочисленного войска в храм. Узнав об этом, жители Константинополя пришли в великое волнение, и как православные, так и ариане поспешно бросились к храму, стараясь обогнать друг друга и занять скорее там место. Филипп, прибыв к храму, вследствие необычайного стечения народа, не мог войти внутрь. Тогда он свел Македония с колесницы, а воины силою отгоняли народ, но от тесноты передние ряды толпы не имели возможности податься назад; воины же пришли в ярость и стали действовать оружием, пролагая к церкви путь начальнику области и Македонию, причем погибло 3.150 человек – частью от оружия воинов, частью от чрезмерной тесноты, и всё это из-за Македония, который и воссел на патриаршем престоле, согласно желанию

царя и благодаря военной силе, но вопреки церковным уставам. В память наступившего якобы мира церковного, император Констанций построил церковь во имя святой Софии (Премудрости Божией, второй Ипостаси Св. Троицы, Сына Божия) и обнёс ее одною общею оградою с созданною Константином Великим церковью Ирины, – (не мученицы, а мира Христова)[7135].

Проживши в Солуни некоторое время, святой Павел отправился оттуда в Коринф[7136], а оттуда в Рим. Там он опять нашел святого Афанасия, рассказал ему о всех своих злоключениях, и оба они вместе доложили о своей судьбе императору Константу. Император сильно разгневался на брата и написал ему, чтобы он прислал с востока трех епископов, которые должны были дать отчет относительно низвержения Афанасия и Павла и вместе с тем привезти письменное изложение исповедания веры. Получив это послание, Констанций, еще находившийся в Антиохии, испугался братнина гнева и отправил к нему четырех епископов: Наркисса Киликийского, Феодора Фракийского, Мариса Халкидонского и Марка Сирского[7137]. Епископы эти, явившись в Рим, к императору, не отважились вступить в собеседование и состязание с Афанасием и Павлом, скрыли свою действительную еретическую веру, какую они изложили в Антиохии и, составив другое изложение, вручили его императору. Изложение это было таково:

«Веруем в Бога Отца Вседержителя Творца и Создателя всего, от Которого всё получило бытие на небесах и на земле, и во Единородного Его Сына Господа нашего Иисуса Христа, прежде всех веков от Отца рожденного, Бога от Бога, Света от Света, через Которого всё произошло на небе и на земле видимое и невидимое, истинное Слово и Премудрость, и Силу, и Жизнь и Свет истинный, в последние дни ради нас вочеловечившегося и родившегося от Святой Девы, распятого и умершего, и погребенного, и воскресшего из мертвых в третий день, и восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца и грядущего при конце века судить живых и мертвых и воздать каждому по делам, и Царство Его не прекратится и пребывает в

бесконечные веки. Веруем во Святаго Духа, Которой есть Утешитель и Которого обещал Апостолам Господь и послал им по вознесении Своем на небеса, Которым освящаются истинно и благочестиво верующие в Него души. Говорящих же, что Сын – иного существа, а не от Бога Отца и что было время, когда Его не было, – таких не принимает святая соборная Апостольская Церковь».

Вручивши это изложение веры императору и многим другим лицам, епископы отбыли из Рима. По прошествии трех лет, восточные епископы опять собрались на собор, составили иное изложение веры и отправили его к епископам Италии. Но последние, по причине многословия и растянутости нового изложения, не приняли его, вполне удовлетворяясь тем исповеданием веры, которое изложили святые отцы Никейского собора. Отсюда между восточными и западными церквами возникли несогласия и значительные недоразумения, вследствие чего оба императора созвали епископов на собор в Сардику для рассмотрения исповедания веры и окончательного решения дела Афанасия и Павла. На собор съехалось в Сардику[7138] более трёхсот западных епископов и только семьдесят шесть – восточных. Зараженные арианством и в то же время боявшиеся вступить в состязание с такими поборниками православия, как Афанасий и Павел, и потому желавшие удалить их с собора, восточные епископы отказались вступить в соборное собеседование с западными, пока они не изгонят Афанасия и Павла из своей среды. Тогда епископ Средецкий[7139] Протоген, преподобный Кудровий и другие сказали восточным:

– Мы и собрались сюда именно: для рассуждения – не только о единосущии Сына Отцу, но и о деле Афанасия и Павла.

Услышав это, восточные епископы отделились от западных, оставили Сардику, и, на возвратном пути, достигнув города Филиппополя, в Македонии[7140], составили там свой отдельный нечестивый собор, на котором постановили, чтобы Сын не был исповедуем Единосущным Отцу и открыто предали учение об

единосущии анафеме. Это еретическое постановление они особыми посланиями объявили по своим епархиям.

Когда весть об этом дошла до отцов Сардикийского собора, то они прежде всего осудили впавших в ересь через неправое учение о Сыне Божием, а затем извергли из сана обвинителей Афанасия и Павла; затем они признали полную правильность символа веры, составленного в Никее, и предали анафеме вообще всех не исповедующих, что Сын Единосущен Отцу. Император Констант со своей стороны написал брату Констанцию, убеждая его возвратить Афанасию и Павлу их епископские престолы, и немедленно же отправил Павла в Царьград, давши ему в спутники двух епископов и отправив с ним к Констанцию письмо, в котором между прочим писал:

– Афанасий еще находится у меня, а Павла я посылаю к тебе, для того чтобы держава твоя повелела ему вновь принять престол; о том же прошу и для Афанасия, ибо я узнал, что оба они изгнаны были за свое благочестие и были оклеветаны... Констант к этому прибавил и нечто более резкое, а именно, что, в случае несогласия брата, он, Констант, сам лично пойдет против него с военною силою и, хотя бы против желания Константа, возвратит Афанасию и Павлу их церкви.

Прибыв к императору Констанцию, святой Павел вручил ему письмо Константа. Испуганный угрозою брата, Констанций изгнал Македония и возвёл Павла на патриарший престол; точно так же он вызвал к себе письмом Афанасия и отправил его в Александрию на патриаршество. Велика была радость православных за их пастырей и довольно долгое время они жили в глубоком мире, утешаясь учением великих богодухновенных вселенских учителей. Афанасий в Александрии и Павел в Царьграде были светильниками благочестия для всего мира, далеко разгонявшими тьму арианства. Но вот военачальник Констанция Магненций и его соумышленники убили императора в то время, когда он находился на охоте. Как только не стало защитника православия, благочестивого царя Римского Константа, ариане тотчас подняли голову и воздвигли гонение на православных. Прежде всего, они восстали против вселенских поборников

православия: Афанасий сам удалился с престола, спасаясь от ариан, искавших его смерти, а блаженный Павел был сослан в заточение в г. Кукузы, в Армении[7141], и там заключен в отдельной хижине. Здесь, когда он однажды служил Божественную литургию, ариане напали на него и удавили его омофором.

Таким образом, Македоний опять сделался патриархом Константинопольским и много еще зла причинил Церкви Божией, преследуя и истребляя православных. Имея себе сильную опору в лице епарха Филиппа, он низверг многих православных епископов и заменил их арианами и, подвергая различным мучениям, погубил множество лиц, не желавших иметь с ним церковное общение, причем не щадил и женщин. По его приказанию, одним – отрывали от грудей сосцы, другим, разжавши рот железом, насильно вливали арианское причастие, третьим отрезали носы и уши, иных клеймили огнём, – словом, кровь православных лилась беспощадно. В это именно время ариане усекли мечом двух клириков, Маркиана и Мартирия, бывших нотариями блаженного Павла и поборниками православия. Мучительства Македония простерлись даже на Пафлагонию[7142]. Узнавши, что там находится множество православных, он послал туда три вооруженных отряда солдат, для того, чтобы они мечом принудили православных к единению с арианами. Жители города Мантины[7143], услыхав о приближении войска, захватили с собою – кто топор, кто – косу, а кто – и просто колья, собрались вместе и вышли против приближающихся; произошла междоусобная схватка, в которой пало множество людей с обеих сторон. В этом кровопролитии виновен был опять таки не кто иной, как Македоний.

Наконец, Македоний без всякого приказания со стороны императора, отважился вырыть из земли и перенести в другое место мощи святого Константина Великого. Тогда вся Церковь, можно сказать, облилась кровью вследствие происшедших отсюда междоусобиц между православными и арианами. Император сильно был недоволен за это на Македония и епарха Филиппа, и оба они, по настоянию Констанция, были лишены – первый патриаршего престола, а второй –

епаршества. Несмотря на это, ереси Ария и Македония продолжали существовать и раздирали Церковь еще сорок лет, – до царствования императора Феодосия[7144], который созвал, наконец, в Константинополе собор, окончательно осудивший эти ереси[7145]. Вслед за сим благочестивый император с великими почестями перенес из Кукуза в Константинополь мощи святого исповедника Христова Павла, воздавая славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

Тропарь, глас 3:

Божественныя веры исповеданием, другаго Павла тя церковь ревнителя во священницех показа, свозопиет ти и Авель ко Господу, и Захариина кровь праведная: отче преподобне, Христа Бога моли, дароватися нам велией милости.

Кондак, глас 2:

Облиставый на земли, яко звезда небосветлая, кафолическую просвещаеши церковь ныне, о нейже и страдальчествовал еси, душу твою Павле предложив: и якоже Захариина и Авелева, ясно вопиет твоя кровь ко Господу.

Житие преподобного отца нашего Варлаама, Новгородского чудотворца

Память 6 ноября

Преподобный отец наш Варлаам родился в Новгороде от благочестивых и благоверных родителей. Он был воспитан в страхе Божием и был обучен грамоте. Святой отрок часто и охотно читал Божественные книги и особенно Боговдохновенные псалмы царя и пророка Давида. С раннего возраста он избегал детских игр, отказывался от всяких мирских удовольствий и был избранным сосудом Святого Духа. Часто он размышлял так: «Воистину, жизнь наша кратка и непостоянна. В ней всё изменяется, всё вертится колесом. Она подобна сонному видению».

Святой отрёкся от мира и от всего, что в мире, и удалился в пустынное место. За ним последовали Прокопий Малышевич, постригшийся потом под именем Порфирия, его брат Феодор, и другие жители Новгорода, желавшие подвизаться в тишине и безмолвии. Святый Варлаам принял иноческое пострижение от некоторого священноинока. Он устроил себе небольшую клеть, где непрестанно день и ночь возносил молитвы Господу. Святой ревностно подвизался в посте и трудах, сам рубил дрова, пилил лес, пахал землю, исполняя слова Священного Писания: «Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес.3:10).

Каждую ночь он бодрствовал и молитвой отгонял бесов. Нечистые духи то сами пытались смутить святого мужа, то побуждали кого-либо из людей досаждать блаженному. Святый терпеливо переносил все напасти, хранимый и подкрепляемый десницей Божией. Слава о его подвигах стала распространяться повсюду. Многие начали стекаться к нему: князья, бояре, богатые и бедные. Преподобный Варлаам неустанно поучал всех приходивших к нему:

– Чада, блюдитесь от всякой неправды, не завидуйте, не клевещите. Воздерживайтесь от гнева, не отдавайте денег в

рост. Берегитесь судить неправо. Не клянитесь лживо, **давши клятву**, исполняйте ее. Не предавайтесь телесным страстям.

Будьте всегда кротки и ко всем относитесь с любовью. Сия добродетель – начало и корень всякого добра.

Так каждый день поучал блаженный всех приходивших к нему, сам же усугублял свои молитвы и все сильнее умерщвлял свою плоть. Через некоторое время он построил небольшую церковь во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа. С сего времени возник монастырь. Число братии всё возрастало. Сам святой, как и прежде, вёл строгую жизнь. Пищей ему было сочиво или земные плоды, и то в самом небольшом количестве. Такую же строгую жизнь вели и прочие иноки.

В келью святого пришел однажды князь и просил благословить его. Святой, приветствуя его, поздравил с рождением сына. Князь удивился сему. И действительно, в отсутствие князя, у него родился сын, восприемником которому в святом крещении был сам святой Варлаам.

Один человек, имевший великую веру в святого мужа, отправился к преподобному с единственным своим больным сыном. Он хотел, чтобы святой помолился об исцелении его сына. Но дорогой больной умер. Святой Варлаам помолился и отрок восстал совершенно здоровым.

Однажды наступал великий праздник Воскресения Господа Иисуса Христа. Святой послал рыбарей наловить к празднику рыбы. Лов был необыкновенно удачен. Рыбаки поймали больших размеров осетра, но, наущаемые диаволом, скрыли его, а в монастырь привезли только остальную рыбу. Святой Варлаам, с посохом в руках, стал рассматривать привезённую рыбу и сказал:

– Дети, малые рыбы вы привезли. Где же большая?

Рыбаки, удивлённые такой прозорливостью святого, упали пред ним на колени, каялись в своем прегрешении и возвратили утаённую было ими рыбу.

По Божиему изволению, прибыл к преподобному Варлааму из Константинополя его сверстник Антоний. Блаженный был

весьма обрадован возвращением своего друга. Он передал Антонию управление монастырем, сказав:

– Возлюбленный брат мой! Божие благоволение почивает над сею обителью. Ныне я передаю в твои руки сей монастырь. Блюди его и заботься о нем. Я уже отхожу к Царю Небесному. Но не смущайся сим: телом я покидаю вас, духом же всегда буду с вами.

И преподав наставление своей братии, заповедав ей соблюдать православную веру и постоянно пребывать в смирении, святой Варлаам предал свою душу Господу. Владыка Новгородский с подобающим благолепием, со свечами и духовными песнопениями, предал погребению его честное тело. Блаженная кончина преподобного Варлаама последовала 6 ноября 1192 года. Ныне же он вместе с ликами праведных прославляет Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Иже на земли леганием, пощением же и бдением тело твое изнуряя преподобне, вся плотская мудрования умертвил еси, и исцелений струя независтная явился еси, верою притекающым к раце мощей твоих, Варлааме отче наш. Моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Якоже другий Илия сведе, и царя удиви: ты же люди твоя возвеселил еси, и торжествовати устроил еси. Великий бо Новград вельми тобою хвалится, имея мощи твоя в себе: его сохраняй от враг непоколебима, да зовем ти: радуйся преподобне Варлааме, отче наш.

Житие святого Германа, архиепископа Казанского

Память 6 ноября

Среди боярских родов в Московском государстве в XV и XVI в. особенным благочестием и ревностью по службе отличался род Полевых, потомков Смоленских князей. Несколько лиц из сего рода восприняли иночество и отличались своей благочестивой жизнью и христианскими добродетелями. В самом начале XVII века в городе Старице[7146] у Феодора Афанасьевича Полева родился сын, нареченной во святом крещении Григорием, в честь святого Григория Декаполита. Это и был будущий великий светильник и ревностной пастырь стада Христова – святой Герман. Благочестие родителей, их строгая жизнь по заповедям Христовым, сильно влияли на юного отрока. Еще с молодости он привык соблюдать строго пост и часто предавался молитве. Родители святого старались насадить в сердце своего сына страх Божий. С юных лет благодать Божия почивала на отроке. Среди своих сверстников он отличался скромностью, кротостью и даровитостью. Не любил он детских игр и шумливой резвости, но предпочитал услаждать свою душу полезными размышлениями и беседами. Благочестивые родители Григория обучили сына чтению Божественного Писания, что было, тогда главным образованием. Святой отрок с великою ревностью стал заниматься чтением Боговдохновенных книг. Особенно часто он читал псалмы Давидовы, которые укрепляли и воодушевляли благочестивого юношу. С юных лет он неуклонно присутствовал в храме во время Богослужений. Часто удалялся он в уединение и здесь среди тишины горячо молился и размышлял о назначении человека и о промысле Божием. Святой отрок много думал о тщете человеческой жизни. Она мимолетна, как сон, думал он, человек умирает, и память о нем изглаживается. Столь же скоропреходящи и все блага сей жизни: они тленны, быстро приходят и быстро исчезают. Едино есть на потребу: угодить Богу, служить Ему всей душой и любить Его всем

сердцем. Благочестивый отрок стал вести жизнь еще более строгую, чем прежде; особенно он соблюдал пост, так что от великого воздержания едва оставался живым. Но, умерщвляя так свою плоть, он просвещал и украшал свою душу. Видя такое воздержание своего сына, родители просили его, опасаясь за его здоровье, умерить свои подвиги. Но он еще более и более усугублял свои труды. Душа его уже давно стремилась к уединению. Он решил всецело посвятить себя на служение Богу и вступить в число иноков. Испросив благословения у своих родителей, он вступил в Волоколамский монастырь, славившийся строгостью своей жизни. В той же обители уже были пострижены двоюродные братья отца Григориева. В сие время там подвизались будущий первосвятитель Казанский Гурий и блаженный Максим Грек[7147], отличавшийся своим просвещением и невинно заточенный, по происках врагов, в сем монастыре. Около 25 лет от роду Григорий вступил в сию обитель, куда потом поступил и его отец под именем Филофея. Вскоре Григорий был пострижен в иночество, причем ему наречено было имя Герман. Восприняв иночество, он стал с еще большей ревностью подвизаться в делах благочестия. Особенно трудился он над изучением Священного Писания, часто беседовал с просвещенным Максимом и извлекал пользу из этих бесед. По-прежнему он строго соблюдал пост, по-прежнему неуклонно посещал храм Божий. Подавая всем пример своею подвижническою жизнью, он отличался необыкновенным смирением и охотно служил братии, исполняя все послушания, возлагаемые на него. Особенно он любил заниматься переписыванием богослужебных книг. Рукой Германа, последнего в иноках, как он сам называл себя, переписаны Богородичники, Евангелие, сохранившиеся до нашего времени.

Подвижническая жизнь Германа доставила ему уважение среди иноков Волоколамской обители. Они дивились трудам подвижника, назидались его смирением и благодарили Господа. Вскоре молва о благочестивой жизни Германа достигла и до родины святого – города Стариц. Иноки Старицкого Успенского монастыря, слыша о подвигах Германа, настоятельно просили

его принять начальство в их обители. Смиренный Герман долго отказывался, но, наконец, уступил великим просьбам братии, отправился к Тверскому архиепископу Акакию, которой с любовью принял святого, возвел его в сан архимандрита и благословил на новое служение. Братия Старицкого монастыря с любовью встретила своего нового настоятеля, которого уже давно желала видеть в своей обители. Вступив в управление монастырем, святой Герман с пастырской ревностью стал заботиться о его благоустройстве: он воздвигал постройки, благолепно украшал храмы. Но еще более заботился он о благолепии внутреннем: он всем подавал пример благочестивой жизни, служил для иноков образцом смирения и кротости, всех назидал, увещевал строго соблюдать иноческие обязанности, ввёл в своей обители устав Волоколамского монастыря – словом был истинным пастырем, добрым отцом и примером, достойным подражания. Иноки старались следовать стопам своего святого архимандрита и преуспевали в подвигах под руководством столь опытного в духовной жизни пастыря. Но вскоре им пришлось расстаться со своим архимандритом. Стремясь постоянно к уединению, святой Герман через 2 года оставил Старицкий монастырь, чтобы снова в уединенной келлии Волоколамского монастыря подвизаться в молитве и посте. Он передал начальство в Старицком монастыре постриженному им иноку Иову, впоследствии знаменитому подвижнику и страдальцу за Русскую землю – патриарху Московскому. Прибыв в Волоколамский монастырь, святой Герман стал подвизаться, как простой инок. Но не долго ему было суждено проводить жизнь в уединении и тишине. В Москве тогда появился новый еретик Матфей Башкин, отрицавший веру во святую Троицу, не признававший Св. Таинств. В 1553 г. на него был созван собор в Москве. На соборные заседания был вызван и святой Герман вместе со своим родителем. Собор осудил ересь Башкина и постановил послать его для вразумления в Волоколамский монастырь к святому Герману. Так была известна всем подвижническая и святая жизнь сего ревнителя Христовой веры.

Но святого ожидало другое, более трудное поприще. Около того времени царем и великим князем Иоанном Васильевичем Грозным была покорена Казань, главный оплот и твердыня татарского Казанского царства. Царь Московский озаботился распространить свет истинной веры Христовой в покоренной стране между магометанами и язычниками – инородцами. В Казани была учреждена архиепископская кафедра, на которую впервые был возведен святитель Гурий, бывший прежде игуменом в Волоколамском монастыре. Святителю Гурию было поручено устроить обитель в городе Свияжске[7148]. Настоятелем для сей обители, по указанию Гурия, был назначен святой Герман, прибывший вместе с Гурием в 1555 г. в город Свияжск. Получив богатые пособие от царя и святителей, Герман ревностно начал строить обитель. Много трудов и усилий пришлось ему положить при строении обители. Недостаток необходимых материалов, дороговизна работ, враждебное отношение инородцев – всё это затрудняло и замедляло строение монастыря. Но при помощи Божией через 1,5 года работы были закончены. Святой Герман построил Никольскую церковь, существующую доныне, и при ней высокую колокольню, потом воздвиг великолепный, сохраняющийся до сего времени, храм в честь честного и славного Успения Божией Матери. Герман благолепно украсил сии храмы иконами и другими священными предметами.

Особенно ревностно заботился Герман о распространении истинной веры Христовой между магометанами и язычниками. Строгая и подвижническая жизнь святого пастыря многих привлекала к нему. Одни приходили за советом, другие за благословением. Блаженный всех принимал с любовью, не делая различия между православными и неверующими, всем равно помогая, ко всем одинаково попечительно относясь. Такое обхождение святого мужа сильно действовало на язычников, так что те стали принимать истинную веру Христову. Святой Герман щедро помогал всем, кто обращался к нему с просьбой о помощи. Но щедрый и милостивый к другим, святой был строг и требователен к себе. Еще до этих пор сохраняется тесная и узкая келлия святого, длиной в 1,5 сажени, шириной

около сажени. Помогая всем, он сам старался обходиться без посторонней помощи, сам себе чинил одежду. До этих пор сохраняются наперсток, иглы и нитки, которыми пользовался святой Герман. Заботясь о спасении своей души, сей добрый пастырь не менее заботился и об иноках Свияжской обители. Подобно настоятелю, все иноки обязаны были проводить самую строгую жизнь. Из среды их святой Герман избирал достойных проповедовать слово Божие среди неверующих, сам подавая им всем пример. Трудами святого было собрано большое количество рукописных книг, богослужебных и других, необходимых для великого дела проповеди. Свияжский Богородицкий монастырь был средоточием, откуда стал разливаться свет Христовой веры. Благодаря неусыпным попечениям святителя, сия обитель исполнила свое высокое назначение и долго еще оставалась просветительным центром на северо-востоке России. Узы братской любви связывали святого Германа с блаженным Гурием. Сей архипастырь ценил заслуги и труды такого ревностного сподвижника, каким был Герман. Они часто переписывались о различных предметах, касающихся церковного просвещения. Со своей стороны святитель Гурий оказывал ревностному проповеднику Христовой веры доверие во всем. Он поручил суду и управлению самого Германа не только Свияжский монастырь, но и все церкви Свияжской области. Все его труды были известны и царю. Так более восьми лет подвизался святой Герман.

6 декабря 1563 г. после многих трудов и подвигов мирно предал Господу свою чистую душу первосвятитель Казанский Гурий. Царь Иоанн Васильевич Грозный и митрополит Московский Афанасий вызвали в Москву святого Германа, желая возвести его на архипастырский престол в Казани. Они уже прежде слышали много о ревности сего святого мужа и видели в нем единственного достойного преемника святителю Гурию. Святой Герман, вызванный соборной грамотою в Москву, сначала отказывался, но потом должен был уступить требованиям царя и освященного собора. 12 марта 1564 г. он был рукоположен в архиепископа Казанского и Свияжскаго.

Правя своей паствою, он неуклонно шествовал по следам своего великого учителя и наставника святителя Гурия. Особенно ревностно он заботился о распространении Христовой веры. Для этого он ввел общежитие в Зилантовском монастыре[7149], чтобы увеличить число иноков в сей обители и расширить школу для детей инородцев. Один из его современников, знаменитый в русской истории князь Курбский так отзывается о святителе Германе: «Герман был человек знатного рода, не столько высок телом, сколько разумом, муж честного и святого жительства, исследователь Священных Писаний и ревнитель по Боге в делах духовных; не был он причастен никакому обычаю лукавому и лицемерию, но был человек простой, истинный, непоколебимый, великий помощник объятым бедами и напастями и весьма милостивый к убогим».

При содействии святителя в Казани был построен тогда Ивановский Казанский монастырь, существующий до сего времени. Это – видимый знак ревностного старания святителя о благолепии храмов Божиих. В таких трудах святитель управлял Казанской паствою около двух лет. В 1566 г. митрополит Московский Афанасий по расстроенному здоровью отказался от управления Церковью. Строгая подвижническая жизнь святого Германа хорошо была известна Грозному, и он пожелал, чтобы Герман занял архипастырский престол. По распоряжению царя, святитель Казанский был вызван в Москву. В то время в характере Иоанна произошла печальная перемена: подозрительность, которою он отличался и прежде, стала увеличиваться. Он окружил себя толпою недостойных опричников, которые злоупотребляли доверием царя и чинили несправедливости и притеснения. Вызванный по воле царя в Москву, Герман сначала отказывался от возлагаемого на него бремени. Царь не терпел возражений, и Герман должен был поселиться в покоях митрополичьих, еще до посвящения в сан митрополита. Недолго, однако, ему пришлось пробыть здесь. Он видел, какие несправедливости причиняют людям злые приспешники царя, со скорбью замечал, как сильно изменился характер Грозного – и не мог стерпеть: верный своему пастырскому долгу, он попытался вразумить царя, говорил ему

о необходимости чистосердечно раскаяться, о будущих муках и о вечном блаженстве. Грозной царь не мог вынести обличений блаженного святителя. Он с сумрачным видом вышел от Германа. Опричники, узнав о сем, стали уговаривать царя. Они хорошо знали святителя, понимали, что сей пастырь – грозный для них обличитель, который будет немолчно и смело говорить правду царю.

– Великий государь, – говорили коварные опричники, – не пристало тебе внимать бессмысленным речам твоего раба. Неужели ты хочешь быть в неволе, более тяжкой, чем в какой ты столько лет был у Сильвестра и Адашева.

Более всех против святителя говорили царский любимец Алексей Басманов с своим сыном. Все опричники неотступно просили царя, чтобы он не возводил Германа на Московскую кафедру. Грозный послушался своих любимцев. Он повелел передать Герману:

– Ты еще не возведен на митрополию, а уже отнимаешь у меня свободу.

Около двух лет святитель пробыл в Москве под опалой. Его не отпускали в Казань, хотя он и считался архиепископом Казанским. В сие время его держали под надзором приставов, в заключении. Но нелицемерный обличитель неправды и в неволе был страшен опричникам. 6 ноября 1567 года последовала кончина святого Германа. Как думают, опричники были убийцами сего святого мужа. Бывший в Москве при святителе архимандрит Свияжского монастыря Иродион предал погребению тело святого Германа при церкви св. Николая, именуемого Мокрым[7150].

Но Господу было угодно прославить Своего угодника чудесами и различными знамениями. При перестройке Николаевской церкви были обретены мощи сего святителя. В 1592 году жители Свияжска, услышав о чудесах от мощей святого Германа, обратились к царю Феодору Иоанновичу и к всероссийскому патриарху Иову с просьбой о том, чтобы им было позволено перенести мощи святителя из Москвы в Свияжский монастырь, основанный самим святителем. Просьба сия была исполнена: 25 сентября 1592 года мощи святителя

были торжественно встречены жителями Свияжска. Много чудесных исцелений и знамений произошло при сем. Лишь только мощи святого Германа были внесены в Успенский храм Свияжской обители, великое благоухание распространилось по всему монастырю. При сем прозрели два слепца, и совершилось много других чудес. Спустя более ста лет, в 1696 году мощи святого были вновь свидетельствованы, и с сего времени началось всеобщее празднование памяти святителя по всей России. В 1704 году мощи святителя были перенесены из алтаря Успенского храма в самую церковь. Это перенесение произошло 23 июля 1704 года при митрополите Тихоне. Память об этом событии торжественно совершается и до сего дня.

Таково было житие святого Германа, таковы его труды, его твердость в Христовой вере. Последуем и мы сему подвижнику, поревнуем его добродетельной жизни, будем постоянно иметь пред своими душевными очами сего великого святителя Церкви Российской и призывать его святое имя, дабы он молил за вас Господа, Ему же слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Яко великим пастырем единонравна, и учителем вселенныя единомысленна, церкве Божия служителя усердна, и строителя таин Христовых благоговейна, стекшеся благоверии людие, свяжския обители Богомудраго основателя, и казанския новопросвещенныя паствы святителя Германа песньми и пении восхвалим, глаголюще: не престай присещати молитвами твоими на обитель и на всю паству твою, и обитель во святыни, паству же в вере и благочестии блюсти невредимо.

Кондак, глас 4:

Бодрствуя в молитвах, послушания добрый рачитель быв, в терпении стяжал еси душу твою, делы смиренномудрия и кротости изрядствуя, престол святительства благоверием и благочестием украсил еси, отче священноначальниче Германе: моли Христа Бога о обители и о всем стаде твоем, яко паствы твоея утверждение, и сущым по тебе святителем светлое украшение.

Память преподобного Луки

Память 6 ноября

Блаженный отец наш Лука происходил из Сицилийского города Тавромении[7151]. Еще в юношеском возрасте он с усердием посещал церкви Божии и был не только слушателем, но и исполнителем Божественных Писаний. И когда родители задумали найти для него жену, он ночью ушел из родительского дома в непроходимую пустыню, где и жил вместе со зверями. Проведя 14 дней в посте, он удостоился Божественного и Ангельского посещения. Наконец, он прибыл в одну обитель, где и принял иночество и предался суровой постнической жизни: через три или четыре дня он вкушал немного хлеба и воды, и почти не предавался сну. Так он прожил полтора года. Потом он вместе с одним иноком удалился оттуда на гору Этну, где и подвизался, питаясь только зелиями, растущими на этой горе; мало отдыхал, мало спал, пребывая всё время в одной одежде и босым. У него было уставом и обычным правилом не выходить из своей кельи до тех пор, пока не окончить чтение всей Псалтири. Обыкновенно он оканчивал правило к третьему часу. От третьего часа и до шестого преподобный трудился. И уже после шестого часа он вкушал немного пищи, не оставляя при сем своих трудов. Поступая так, он удостоился великой благодати и уразумел всякую мудрость, так что некоторые, недоумевая, говорили: откуда он знает книги? По бывшему ему откровению, он отправился в одно место, где собрал 12 иноков, и приложил большое старание о благоустроении их. Ради сего он отправился даже в Византию, где осматривал устройство монашеских общежитий и беседовал об этом с тамошними отцами. Оттуда он отправился в Коринф, где, прожив в одной обители не более семи месяцев, с миром отошел ко Господу.

Страдание святого мученика Иерона и дружины его

Память 7 ноября

Отечеством св. Иерона была вторая (великая) Каппадокия[7152], родился он в городе Тиане[7153] от благочестивой и богобоязненной матери, по имени Стратоники, в царствование императоров Диоклетиана и Максимиана, которые оба были усердными поклонниками идолов и гонителями христиан.

Когда до слуха императоров дошло, что жители областей Армении и Каппадокии, вопреки императорским указам, отказываются поклониться идолам, то они, после многих совещаний, избрали двух лукавых, преданных язычеству, жестоких мужей, Агриколая и Лизия, и отправили первого в Армению, а второго в Каппадокию, приказав им, во-первых, казнить всех тамошних христиан, не соглашающихся поклониться идолам, и, во-вторых, записать в войско всех мужей и юношей, сильных телом и способных к военной службе.

Прибывши в Каппадокию, Лизий стал всячески разыскивать годных для набора людей. Между прочим, ему донесли и об Иероне, как о человеке здоровом и сильном и отличающемся особенным мужеством. Лизий тотчас же послал воинов взять его и привести. Посланные не застали Иерона дома: он был на работе в поле. Воины отправились туда и хотели схватить его; но Иерон, узнав, что его берут для воинской службы, отказался идти с ними, считая для христианина вредным иметь общение и служить вместе с идолопоклонниками. Воины хотели взять его силою, но разгневанный Иерон схватил попавшееся под руку дерево и начал их бить; он оказался настолько сильнее воинов, что они обратились в бегство, а он гнал их, как лев гонит козлят. Рассеянные им воины вновь собрались, однако, в одно место. Им стало стыдно друг друга, что не только не могли одолеть одного человека, но и были им прогнаны. Они боялись возвратиться к тому, кто их послал, с пустыми руками и говорили между собою, что если они воротятся без Иерона, то не только будут всеми осмеяны за то, что один человек победил

их всех, но и будут жестоко наказаны за трусость. Поэтому они позвали себе на помощь своих товарищей и во второй раз в еще большем числе устремились на Иерона. Услыхав об этом, он набрал себе дружину из восемнадцати мужей – христиан, скрылся вместе с ними в находившуюся вблизи пещеру и оттуда отражал нападение осадивших его язычников. Последние известили между тем своего начальника, что Иерон с другими христианами заперся в пещере, и они не могут взять его. Начальник отправил к ним на подмогу еще более воинов и всё-таки они ничего не могли сделать, так как, боясь Иерона, никто не осмеливался даже приблизиться ко входу в пещеру. Тогда начальник послал к ним одного из друзей Иерона, по имени Кириака. Кириак, пришедши на место, посоветовал воинам удалиться от пещеры, так как Иерона, – говорил он, – можно взять только кротостью и добрым советом, а никак не силою. Когда воины удалились, Кириак вошел к Иерону и убеждал его не сопротивляться власти и идти записаться в воинскую службу. Мирною беседою своею он успокоил Иерона, вывел его из пещеры и отвел в его дом к матери – старой и слепой вдове. Она начала громко оплакивать сына, называла его опорой своей старости и светом своих слепых очей и жаловалась, что лишается единственного утешения в своем печальном вдовстве. Между тем воины, окружавшие Иерона, принуждали его идти с ними. Простившись с плачущей матерью, соседями и знакомыми, которые собрались там, Иерон захватил с собою одного своего родственника, по имени Виктора, и пошел в город Мелитину[7154] вместе с воинами, сопровождаемый двумя своими близкими родственниками Матронианом и Антонием и некоторыми другими единоверцами. Путники не поспели в Мелитину до захода солнца[7155] и ночевали на месте, где застала их ночь. Ночью блаженному Иерону явился некто одетый в белые одежды и возвестил ему кротким и полным любви голосом:

– Спасение, Иерон, благовествую я тебе! Правым путём идешь ты, так как идешь подвизаться за Царя Небесного и не за скоро гибнущую славу земную будешь ратовать… Скоро ты

отойдешь к Царю Небесному и приимешь от Него честь и славу за свои подвиги.

Этими словами явившийся наполнил сердце Иерона несказанною радостью.

Когда он исчез, Иерон пробудился и с радостью возвестил бывшим с ним друзьям и сродникам:

– Я узнал тайну благоволения Божия ко мне и теперь уже с веселием иду в предстоящий мне путь. Одно только истинное сокровище, одно истинное наследие, одни только истинные богатства, это – те, которые сокрыты на небесах; все же земные блага не приносят получающим их никакой пользы: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16:26)[7156]. Для меня нет ничего дороже и лучше души… Достаточно времени своей жизни потратил я на служение суете, теперь иду к Богу. Одно только смущает меня – печаль моей матери, престарелой и немощной вдовы, лишенной света очей и не имеющей себе помощника и заступника. Но я иду умереть за Христа и Ему, Отцу сирот и вдовиц, поручаю я свою мать».

Сказав сие, Иерон пролил несколько слёз о своей матери и отправился в путь. В Мелитине святый Иерон вместе с другими тридцатью тремя христианами был заключен в темницу. Здесь он говорил своим товарищам по заключению:

– Послушайте, друзья и братья, моего совета, который будет вам полезен не в сей жизни, а в будущей. Все боящиеся Бога ищут не земных временных, а будущих вечных благ. Вы слышали, что на утро нас хотят заставить принести жертвы ложным языческим богам: не будем повиноваться, не поклонимся идолам и не принесем им жертву; принесем лучше жертву хвалы истинному Богу нашему и вознесём к Нему наши молитвы, услышав которые, Он подаст нам силу стойко и мужественно перенести мучение и удостоит нас блаженной кончины.

Слушатели Иерона единодушно отвечали:

– Сладостны нам, как мёд, слова твои! Ты советуешь нам то, что действительно полезно и спасительно для нас, и все мы

желаем лучше умереть за Христа, чем, поклонившись идолам, жить в суете.

Темничные стражи известили о таком решении узников самого Лизия. Наутро он велел привести святых мучеников из темницы к себе на суд, поставил их пред собою и с гневом спросил:

– Какой бес привел вас к безумному решению восстать против власти и не послушаться царского повеления поклониться великим богам?

– Мы, конечно, были бы безумцами и игрушкою бесам, – отвечали святые, если бы честь, подобающую одному только Богу, воздавали деревянным и каменным произведениям рук человеческих. Но теперь мы поступаем мудро, ибо поклоняемся Творцу всего, создавшему небо и землю словом Своим и изведшему их из небытия в бытие духом уст Своих[7157].

В это время один из присутствовавших на суде указал Лизию на Иерона и сказал:

– Вот, кто сопротивлялся твоим посланцам, и всё, о чем ты слышал, сделал именно он.

Лизий, посмотрев на Иерона, спросил, откуда он родом, и, когда Иерон назвал свое отечество и место рождения, опять спросил его:

– Это ты противился царскому приказанию, надеясь на телесную свою силу, и избил посланных за тобою воинов?

– Да, я, – смело отвечал мужественный Иерон, – «мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя?» (Пс.138:21). Потому-то и нанес я им побои и гнал, как трусливых зайцев.

Слыша эти слова, Лизий разгневался и, не отдавая должного храбрости и силе Иерона, порицал его за непокорность и сказал:

– Безумие твое довело тебя до такой дерзости, что ты ослушался царского повеления, не покорился и моему приказу и избил посланных нами. За это повелеваю отсечь по самый локоть твою дерзкую руку, повиновавшуюся безумной голове.

И тотчас святому Иерону отсекли руку, а прочих святых, по повелению того же мучителя, немилосердно били долгое время.

Затем все они опять были брошены в темницу и возблагодарили Бога, сподобившего их понести такие муки за Его святое имя. Но один из них, вышеупомянутый Виктор, родственник святого Иерона, обессилев от полученных им побоев и убоявшись еще больших в будущем, тайно призвал к себе того чиновника, который вёл запись схваченных и преданных мучениям христиан, и униженно умолял вычеркнуть имя его, Виктора, из записи имен узников, страждущих за Христа, причем обещал ему подарить за это одно поместье. Подкупленный обещанным ему подарком, чиновник исполнил просьбу Виктора, – уничтожил его имя в записи и ночью выпустил его из темницы. Но Виктор, вышедши из темницы, вскоре умер и таким образом лишился и поместья, и жизни, и мученического венца.

Когда настало утро, святой Иерон узнал о случившемся и, полный бесконечной печали, громко рыдал о своем сроднике, восклицая:

– Увы, Виктор! Что ты сделал? О как тяжело откупился ты! Зачем ты сам отдал себя в руки врага? Зачем позор бегства предпочел венцу славы? Зачем отдал жизнь вечную за временную? Зачем временное облегчение поставил выше радости нескончаемой? О как смутили тебя недолговременные страдания от незначительных ран, которые – ничто пред муками вечными, ожидающими тебя по суду Божиему!

Оплакавши отпадшего от лика мученического, святый Иерон подозвал к себе двух своих сродников Антония и Матрониана, последовавших за ним, и сказал им:

– Выслушайте мою последнюю волю и, возвратившись отсюда, приведите ее в исполнение. Мое имущество, находящееся в Писидии[7158], я отдаю сестре своей Феотимии, с тем чтобы она, получая с него нужное для пропитания, совершала поминовение по мне в день моей смерти. Всё же прочее мое имущество я оставляю своей матери, по причине её вдовства и сиротства; отдайте ей также и мою отсеченную руку и скажите ей, чтобы она письмом попросила начальника города Анкиры[7159], вельможного Рустика, дать ей дом в Вадисане[7160], где пусть и будет положена рука моя.

Оставив такое завещание своим сродникам, блаженный Иерон спокойно ожидал своей мученической кончины. И вот, на пятый день Лизий опять сел на судейское место и, призвавши святых, стал принуждать их поклониться идолам. Долго старался он и ласками и угрозами отклонить их от Христа, но не имел никакого успеха и тогда приказал сначала бить их без пощады палками, а затем осудил на усечение мечом. После многих мучений святые мученики были осуждены на смерть. Предводимые блаженным Иероном, они, на пути к месту казни, радостно воспевали слова псалма:

«Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс.118:1). Пришедши на место казни, они преклонили колена и молились Господу:

– Господи Иисусе Христе, приими души наши!

Затем их святые главы были усечены мечом. Антоний и Матрониан обратились к Лизию с просьбою позволить им взять тело их сродника Иерона и, когда Лизий не соглашался, умоляли его отдать им, по крайней мере, отсеченную главу Иерона. Он отвечал им, что отдаст главу только за равное с нею по весу количество золота. Сильно скорбели Антоний и Матрониан, что не было у них столько золота, сколько требовал за главу Лизий, хотя, без сомнения, честная глава мученика и стоила несравненно дороже. Тогда Бог вложил в сердце одному богатому и знаменитому мужу, именем Хризафию, дать выкуп за главу святого мученика Иерона: он отдал Лизию столько золота, сколько весила глава, и, взяв ее, с честью хранил у себя. Корыстолюбивый Лизий стал тогда отыскивать и отсеченную руку святого, рассчитывая и за нее получить золото; но Антоний и Матрониан, узнав об этом, ночью бежали на родину, унося с собою святую руку, а тела его и прочих святых мучеников, обезглавленных вместе с ним, другие христиане, взявши тайно, погребли в скрытом месте. Упомянутые братья, принесши руку святого Иерона к его матери Стратонике, вручили ей святые останки. Мать, взяв усеченную ради Христа руку своего возлюбленного сына, омыла ее слезами, лобызала материнским лобзанием и прикладывала к своим очам. Радуясь

за сына и в то же время отдаваясь естественной скорби, она говорила со слезами:

– Любезный сын мой, которого я родила живым и здоровым! Теперь у меня только малая часть твоего мертвого тела, но тем большую скорбь она возбуждает во мне. Увы, сын мой! Родила я тебя в болезни, воспитала в трудах, надеялась иметь в тебе опору в старости, поддержку в болезни, утешение в скорбях, и, вместо того, лишилась я тебя, свет слепых очей моих. Но что я плачу, когда мне должно веселиться и радоваться тому, что я – мать мученика, что я отдала плод чрева своего Богу, что ты, возлюбленный сын, умер не так, как обычно умирают люди? Ведь мученическая смерть, какою скончался ты, ведёт ко многим и великим благам! Но, отошедши от меня, не покидай меня совсем, сын мой, и в молитвах твоих ходатайствуй за меня пред Господом, за Которого ты пролил свою кровь, дабы Он и меня скорее освободил от этой многотрудной и обильной всякими бедами жизни.

После этого плача, Стратоника положила руку святого на том месте, которое он сам благоволил указать, и привела в исполнение всё им завещанное. А Хризафий, давший золотой выкуп за главу святого Иерона, через некоторое время построил церковь на месте, где были усечены святые мученики, и с честью положил в ней главу мученика, прославляя Святую Троицу.

Кондак, глас 8:

Лик мученический ясен, полк светоносен, сошед к нам разумно, церковь днесь просветил есть чудными зарями. Темже празднующе честную память их, просим от Тебе Спасе наш: тех молитвами от бед избави нас, да поем Ти: аллилуия.

Память святых мучеников Меласиппа, Касинии и Антонина

Память 7 ноября

Святые мученики Меласипп, супруга его Касиния и сын Антонин пострадали при Юлиане богоотступнике[7161] в городе Анкире[7162]. Антонин был ввержен в темницу, Меласипп же и Касиния были повешены, после чего тела их мучители стали строгать и опалять огнем. При этом у святой Касинии отрезали сосцы, а у святого Меласиппа отсекли ноги до колен. Во время таковых мучений был приведен из темницы сын их Антонин. При виде мучений своих родителей, он стал ублажать их и, взявши отсеченные части их тел, лобызал их. В таковых жестоких мучениях Меласипп и Касиния предали праведные души свои Господу. Тогда Антонин плюнул в лицо Юлиану. Жестокий мучитель повелел повесить Антонина и строгать тело его; голени его перебили и привесили тяжелый камень к его ногам, затем, сняв его с дерева, положили на железную, разожженную решётку. После всех этих мучений мученику остригли голову, привязали на шею камень и стали водить по городу. Не довольствуясь этим, его отослали к военачальнику Агриппину, который приказал ввергнуть его в разожженную печь и затем бросить на съедение зверям; но как в первом, так и во втором мучении святой остался невредимым. Сорок юношей, смотревшие на таковые мучения, уверовали во Христа, за что и были обезглавлены. Святого Антонина разложили на железном разожженном ложе и били железными палками. Но когда и здесь святый остался невредимым, мучитель приказал отсечь ему голову.

Память святых мучеников Авкта, Тавриона и Фессалоникии

Память 7 ноября

Святая мученица Фессалоникия была дочерью одного идольского жреца. Получив наставление в христианской вере, она крестилась и сделалась истинною христианкою, так что, несмотря на принуждение своего отца – отречься от Христа и поклониться идолам, не послушала его, за что нечестивый отец обнажив, бил ее кольями так сильно, что сокрушил её рёбра. Затем он выгнал ее из дома и лишил своего наследства, так что она принуждена была жить вне города на скудные средства, данные матерью. Узнав о таком поступке жреца, два мужа, Авкт и Таврион, стали укорять его. Он же пошел к начальнику той страны и донёс ему, что они вступаются за святую Фессалоникию. Начальник предал их за исповедание Христа мучениям: их били каменьями, ввергали в огонь и, наконец, связанных вместе, бросили в озеро, но святые мужи остались невредимыми. Тогда они были усечены мечом. Фессалоникия за Христово исповедание также была предана мучениям, от которых и скончалась. Тело её было с честью положено в Амфиполе[7163] вместе с святыми мучениками Авктом и Таврионом.

Память преподобного Лазаря

Память 7 ноября

Преподобный Лазарь родился в Малой Азии, в городе Магнезии[7164]. Пред рождением его Бог особым чудом предвозвестил явление миру сего светильника: родительский дом его облистал столь великий свет, что бывшие в нем женщины разбежались и осталась только одна мать, носившая во чреве благодатное дитя. По рождении он стал прямо и обратился в молитвенном положении к востоку со сложенными на груди руками. С детства он отличался незлобием, кротостью, состраданием и любовью к бедным. В молодых годах, обладая образованием, но чуждаясь всяких мирских удовольствий и следуя благочестивому настроению своей души, он отправился на поклонение Иерусалимской святыне, где и поступил в обитель святого Саввы. Здесь он провел 10 лет, послушанием и всеми добродетелями превзошел всех братий и был возведен в сан священства Иерусалимским патриархом. Во святую Четыредесятницу он вышел из монастыря на одну гору, ничего не взяв с собою, и питался пустынными растениями[7165]. Здесь он услышал голос, повелевавший ему возвратиться в отечество, на пути в которое он встретил препятствие в привидениях вражеских, но превозмог их. На родине он встретился с матерью, но не остался с нею. Стремясь к пустынной жизни, Лазарь поселился на необитаемой горе Галисий, недалеко от Ефеса. Здесь, во время молитвы, он поражен был однажды следующим видением: он увидал огненный столб, восходящий на небо и окруженный множеством Ангелов, воспевавших: «Да воскреснет Бог и расточатся враги Его»! Он принял это за указание свыше и построил на этом месте храм во имя Воскресения Христова, при содействии Византийского императора Константина Мономаха[7166]. Святый Лазарь при храме устроил столп, на котором стал подвизаться в подвигах поста и молитвы, перенося зной и холод и другие тяготы столпнической жизни. Бог даровал ему дар чудес и пророчества, так что к нему стали собираться благочестивые

люди, жаждавшие его руководства. Ему предсказана была Богом кончина, но братия молила его, чтобы он испросил себе у Бога, для их пользы, продолжение жизни, и Бог обещал ему продолжить ее еще на 15 лет. По прошествии 15 лет, как и пред рождением его, небесный свет облистал его столп. Когда он скончался и братия плакали над ним, что он не оставил им завещание, он встал и, как живой, дал им завещание, потом лёг и, по просьбе братии, встал вторично, чтобы сделать подпись на данном завещании, Он скончался 72 лет[7167], был погребен в столпе и прославлен по смерти многими чудесными исцелениями, истекшими от святых мощей его.

Собор святого Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных

Память 8 ноября

Благочестно праздновать собор святых Ангелов святая Церковь приняла по преданию богодухновенных отцов, после того как отвергла древнее нечестивое почитание Ангелов, установленное еретиками и идолопоклонниками. Еще в Ветхом Завете, когда люди отступив от Бога, Создателя своего, стали поклоняться созданию Божию и делам рук своих, делая идолов по подобию видимой твари, принося жертвы солнцу, луне и звездам, в которых, по их мнению, находилась живая душа. Выражение взято из Исх. 20 – «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли», – в то время люди поклонялись и приносили жертвы и Ангелам, о чем так сказано в книге Царств: 4Цар. 23 «И отставил жрецов, которых поставили цари Иудейские, чтобы совершать курения на высотах в городах Иудейских и окрестностях Иерусалима, – и которые кадили Ваалу, солнцу, и луне, и созвездиям, и всему воинству небесному». Лук. 2 – «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее», т. е. Ангелам, ибо они суть воинство небесное, по сказанному в Евангелии: Такое неправильное почитание Ангелов было сильно распространено во времена святых Апостолов. Святый Апостол Павел о таком неправильном почитании так говорит:

Кол. 2:18–19 – «Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом и не держась главы», т. е. Христа. Ибо были в то время некоторые еретики, казавшиеся по виду смиренными и с гордостью помышляющие своим воздержанием и чистым житием подражать Ангелам. Они учили творить поклонение Ангелам такое же, как и Самому Богу. Потом появились другие еретики, проповедовавшие, что Ангелы суть творцы видимой твари и, как

бесплотные, выше и достойнее почитания, нежели Христос, Сын Божий; Архангела же Михаила называли богом евреев[7168]. Наконец, иные, предававшиеся волхвованию и обольщавшие людей, под именем Ангелов, призывали бесов и служили им, называя их Ангелами. В особенности же такие ереси умножились в Колоссах[7169], принадлежавших к Лаодикийской митрополии, где многими тайно совершалось такое нечестивое, подобное идолопоклонству, почитание Ангелов[7170]. Когда же таковое неправильное почитание Ангелов было осуждено и отвергнуто, то было установлено благочестивое и правильное почитание и празднование им, как служителям Божиим и хранителям рода человеческаго[7171]. И в той же Колосской стране, где прежде тайно и нечестиво совершалось почитание Ангелов, началось открыто совершаться православное празднование Собора Ангелов и стали устроять благолепные храмы во имя святого архистратига Михаила – начальника Ангелов. Так, в Хонах, над чудотворным источником, был построен благолепный и пречудный храм, в котором было явление святому Архиппу самого святого Архистратига Михаила. Празднование Собора святых Ангелов установлено совершать в месяце ноябре – девятом от марта, первого месяца от сотворения мира – для обозначения числа чинов Ангельских, каковых чинов считает девять святой Дионисий Ареопагит, ученик святого Апостола Павла, бывшего восхищенным до третьего неба, там видевшего различие чинов святых Ангелов и, объяснившего сие Дионисию, как своему ученику. 2Кор. 12– «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба».

Девять чинов Ангельских разделяются на три иерархии, – в каждой по три чина – высшую, среднюю и низшую.

Первую – высшую и к Пресвятой Троице ближайшую иерархию составляют: *Серафимы, Херувимы* и *престолы.*

Ближе всех к Творцу и Создателю своему предстоят боголюбивые шестокрылатые *Серафимы,* как видел пророк Исаия, говорящий: Ис. 6– «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице

свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал». Они огнеобразны, как непосредственно предстоящие Тому, о Котором пишется: Евр.12 – «потому что Бог наш есть огнь поядающий».

Предстоя таковой славе, Серафимы огнеобразны, по сказанному:

Дан. 7 – «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь». Исх. 24 – «Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий».

Пс. 103 – «Ты творишь Ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий». Они пламенеют любовью к Богу и других возбуждают к таковой же любви, как показывает и самое имя их, ибо «Серафим» с еврейского языка значит: пламенеющий.

После Серафимов пред всеведущим Богом, живущим во свете неприступном, предстоят в несказанной светлости многоочитые *Херувимы,* более иных низших чинов сияющие всегда светом богопознания, ведением таинств Божиих и глубины Его премудрости, сами просвещаемые и других просвещающие. Имя их – «Херувим» – по переводу с еврейского языка значит: многое разумение или излияние премудрости, так как через Херувимов другим ниспосылается премудрость и подаётся просвещение умных очес для боговидения и богопознания.

Затем – пред Сидящим на престоле высоком и превознесённом предстоят богоносные (как называет их святой Дионисий Ареопагит) *престолы,* ибо на них, как на разумных престолах (как пишет святой Максим Исповедник) разумно почивает Бог. Богоносными же они называются не по существу, но по благодати и по своему служению, тогда как плоть Иисуса Христа (как пишет святой Василий Великий), называется богоносною по существу, так как она соединена нераздельно с Самим Богом Словом. Престолы же называются богоносными не по существу, но по благодати, данной для их служения, – как

таинственно и непостижимо носящие в себе Бога. Почивая на них непостижимым образом, Бог совершает Свой праведный суд, по сказанному Давидом: Пс. 9:5 – «ибо Ты производил мой суд и мою тяжбу; Ты воссел на престоле, Судия праведный».

Поэтому через них преимущественно проявляется правосудие Божие: они служат Его правосудию, прославляют оное и изливают силу правосудия на престолы[7172] земных судей, помогая царям и владыкам производить праведный суд.

В средней иерархии также заключается три чина святых Ангелов: *господства, силы* и *власти.*

Господства – называются так потому, что они господствуют над прочими, которые следуют за сими чинами Ангелов, будучи сами свободными. Оставив же, как говорит святой Дионисий Ареопагит, рабский страх, они добровольно и с радостью служат непрестанно Богу. Также ниспосылают они силу к благоразумному владению и мудрому управлению поставленным от Бога на земле властям, дабы те хорошо управляли порученными им областями. Затем – они учат владеть чувствами, смирять в себе непотребные вожделения и страсти, порабощать плоть духу, господствовать над своею волею и быть выше всякого искушения.

Силы, исполненные Божественной крепости, исполняют немедленно волю Всевышнего и Всемогущего своего Господа, крепкого и сильного. Они творят и превеликие чудеса и ниспосылают ту же благодать чудотворения угодникам Божиим, достойным таковой благодати, чтобы те могли творить чудеса, – исцелять всякие болезни и предвозвещать будущее. Святые Силы помогают и людям труждающимся и обремененным в несении возложенного на них какого-нибудь послушания, – чем объясняют свое имя – «силы» – и носят немощи немощных. Они также укрепляют каждого человека в терпении, – чтобы он не изнемогал в скорби, но с крепким духом и мужественно переносил все напасти, со смирением, благодаря за всё Бога, всё устрояющего к пользе нашей.

Власти – называются так потому, что имеют власть над диаволом, чтобы укрощать власть бесовскую, отражать наводимые ими на людей искушения и не допускать бесов

причинять кому-либо вред в такой степени, в какой бы они желали. Власти утверждают добрых подвижников в духовных подвигах и трудах, оберегая их, чтобы они не лишились духовного царствия; борющимся *же* со страстями и похотями помогают отгонять злые помыслы, наветы вражии и побеждать диавола.

В низшей иерархии также три чина: *начала, Архангелы* и *Ангелы.*

Начала – называются так потому, что имеют начальствование над низшими Ангелами, направляя оных к исполнению Божественных повелений. Им поручено также управление вселенной и охранение всех царств и княжеств, земель и всех народов, племен и языков, ибо каждое царство, племя и народ, из небесного чина, называемого началами, имеют особого для себя хранителя и управителя всей своей страны[7173]. Затем – служение этого Ангельского чина (по объяснению святого Григория Двоеслова) состоит в том, чтобы наставлять людей воздавать каждому начальствующему честь, подобающую его званию. Наконец, Ангелы этого чина возводят достойных людей на различные почетные должности и наставляют их, чтобы они принимали власть не ради своего прибытка и пользы, не ради любочестия и суетной славы, но ради чести Божией, ради распространения и умножения святой Его славы и ради пользы ближних, – служа общим нуждам всех своих подчиненных.

Архангелами называются великие благовестники, благовествующие о великом и преславном. Служение их (как говорит великий Дионисий Ареопагит) состоит в том, чтобы открывать пророчества, познание и разумение воли Божией, что получают они от высших чинов и возвещают низшим чинам – Ангелам, – а через них – людям. Святой же Григорий Двоеслов говорит, что Архангелы укрепляют в людях святую веру, просвещая ум их светом познания святого Евангелия и открывая таинства благочестивой веры.

Ангелы – в небесной иерархии ниже всех чинов и всех ближе к людям. Они возвещают меньшие тайны и намерения Божии и наставляют людей добродетельно и праведно жить для

Бога. Они приставлены для хранения каждого из нас – верующих: людей добродетельных поддерживают от падения, падших – поднимают, и никогда не оставляют нас, хотя бы мы и согрешили, ибо всегда готовы помогать нам, если только мы сами пожелаем.

Но и все высшие небесные чины называются общим именем – Ангелов. Хотя они по своему положению и по данной от Бога благодати и имеют разные наименования (как-то: Серафимы, Херувимы, престолы и прочие чины), однако, все вообще называются Ангелами, ибо слово Ангел есть название не существа, но служения, по писанному:

«Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение»? (Евр. 1:14)

Служение же их различно и неодинаково, и каждый чин имеет собственное свое служение, ибо премудрый Создатель не всем в одинаковой мере открывает тайны Своего намерения, но от одних к другим, через высших просвещает низших, открывая им Свою волю и повелевая оную исполнять, как это ясно видно из книги пророка Захарии. Там говорится о том, как один Ангел после беседы с пророком, встретил другого, который повелел ему опять идти к пророку и открыть будущую судьбу Иерусалима: «И вот Ангел, говоривший со мною, выходит, а другой Ангел идет навстречу ему, и сказал он этому: «иди скорее, скажи этому юноше: (т.е. пророку Захарии) «Иерусалим заселит окрестности по причине множества людей и скота в нем». И Я буду для него, – говорит Господь, – огненною стеною вокруг него и прославлюсь посреди него» (Зах. 2:3–5). Рассуждая об этом, святый Григорий говорит:

– Когда один Ангел говорит другому: «иди, скажи», – нет сомнения, что одни Ангелы посылают других, низшие – посылаются, высшие – посылают»[7174].

Точно так же и в пророчестве Даниила находим, что один Ангел повелевает другому Ангелу истолковать видение пророку (Дан.8:16). Отсюда ясно, что Ангелы высших чинов открывают Божественную волю и намерение Творца своего Ангелам чинов низших, просвещают их и посылают к людям.

Православная воинствующая церковь, нуждаясь в помощи Ангелов, празднует собор всех девяти чинов Ангельских нарочитым молением, как и следует, в восьмой день сего месяца ноября, т. е. Девятого месяца, ибо все эти девять чинов Ангельских соберутся в день Страшного Суда Господня, каковой день Божественными учителями церкви называется днем восьмым, ибо, говорят они, по окончании семи тысяч лет, наступит как бы день восьмой.

Дан. 8 – «И услышал я от средины Улая голос человеческий, который воззвал и сказал: «Гавриил! Объясни ему это видение!»

Мф. 25 – «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей». Мф. 24 – «и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их», т. е. от востока, запада, севера и юга.

О, если бы они тогда собрали к лику избранников Божиих и нас, Собор их с честью празднующих!

Над всеми вышепоименованными девятью небесными чинами Ангелов чиноначальником и вождём поставлен Богом святой Архистратиг Михаил, как верный служитель Божий[7175]. Он во время пагубного впадения в гордость сатаны, его отступления от Бога и ниспадение в бездну, собрав все чины и воинства Ангельские, велегласно воскликнул:

– Вонмем, станем добре пред Творцом нашим и не будем думать о том, что противно Богу! Вонмем, что потерпели те, которые были созданы вместе с нами и доселе вместе с нами были причастниками Божественного света! Вонмем, как они ради гордости внезапно от света впали во тьму и с высоты низверглись в бездну! Вонмем, как спала с неба восходящая заутра Денница[7176] и сокрушилась на земле![7177]

Говоря так ко всему собору Ангелов он, стоя впереди, начал с Серафимами и Херувимами и со всеми небесными чинами славить Пресвятую, Единосущную и Нераздельную Троицу, Единого Бога, согласно воспевая торжественную песнь:

«И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (Ис.6:3). Таковое

соединение святых Ангелов получило имя Собора Ангельского, ибо они совокупно и единогласно славят Отца, и Сына, и Святого Духа, – Святую Троицу, Ему же и от нас земных да будет слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Небесных воинств архистратизи, молим вас присно мы недостойнии: да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественныя вашея славы, сохраняюще ны припадающыя прилежно, и вопиющыя: от бед избавите ны, яко чиноначальницы вышних сил.

Кондак, глас 2:

Архистратизи Божии, служителие Божественныя славы, Ангелов начальницы и человеков наставницы, полезное нам просите, и велию милость, яко безплотных архистратизи.

Житие и подвиги преподобной матери нашей Матроны

Память 9 ноября

Святая Матрона родилась в Перге Памфилийской[7178], от благочестивых родителей. Придя в возраст, она была выдана замуж за почтенного и знатного человека, по имени Домитиана, и стала матерью единственной дочери, которую назвала Феодотиею.

Однажды муж Матроны пошел вместе с нею в Византию. Здесь Матрона, обходя Божии храмы и молясь в них усердно Богу, познакомилась с одною девицею, по имени Евгениею, которая в посте и подвигах соблюдала свое девство, день и ночь упражняясь в молитвах.

Подражая житию Евгении, Матрона не отходила от церкви, с утра до вечера пребывала в ней на молитве, а вечером возвращалась домой; ранним же утром она снова уходила в церковь на молитву, и воздержанием и постом умерщвляла тело свое, цветущее молодостью. В то время она имела от роду двадцать пять лет и прилежно молила Бога, чтобы Он, как Сам ведает, сделал бы ее свободною от супружества, дабы она могла беспрепятственно работать Господу. Муж её Домитиан, видя, что жена его ежедневно рано поутру уходит из дома и едва только к вечеру возвращается, стал подозревать, что она уходит не на молитву, а на какое-нибудь дурное дело. Поэтому он стал гневаться на нее и не пускал ее из дома. Матрона со слезами просила его, чтобы он не препятствовал ей ходить в церковь, однако, она просимого не получала и поэтому очень скорбела, ибо имела изволение «лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс. 83:11). Однажды Матрона упросила мужа отпустить ее в церковь на молитву. Придя поспешно в храм св. Апостолов, она излила пред Богом сердце свое, с умилением молясь Ему, чтобы Он освободил ее от того тяжелого ига, которое было ей великим препятствием к Богомыслию, и, изведши ее от суетного и многомятежного мира, привел к безмолвному житию, где она беспрепятственно могла

бы благоугождать Ему Единому. В такой прилежной молитве она пребыла весь день.

Когда наступил поздний вечер, церковный придверник велел всем уходить, чтобы запереть двери церкви. Тогда из церкви вышла и блаженная Матрона, однако, она не пожелала возвратиться домой, но осталась на паперти. Здесь она встретила одну девицу, по имени Сусанну, которая с юных лет, посвятив себя Христу, в посте и молитвах проводила жизнь свою подле церкви. Познакомившись с Сусанной, Матрона посетила её келью и беседовала с нею всю ночь, рассказав всё о себе и своей жизни. Сусанна утешала ее и убеждала возложить надежду на Господа, по Своей воле устрояющего спасение людей:

«Господом утверждаются стопы такого человека, и Он благоволит к пути его» (Пс.36:23), – сказала она.

От этой беседы с Сусанною Матрона воспламенела еще большею любовью к Богу и задумала убежать от мужа, чтобы, скрывшись от него, втайне работать Богу.

Когда наступило утро, Матрона пошла к упомянутой выше Евгении и открыла ей свое намерение.

Евгения сказала ей:

– Нужно тебе, сестра, прежде всего устроить дочь твою Феодотию, которая еще очень мала; подумай, как она может быть без матери?

Матрона отвечала:

– Дочь мою Феодотию я поручаю Богу и матери Сусанне; сама же пойду в пустыню, где наставит меня Бог.

Тайно взяв из дому дочь, она отдала ее блаженной Сусанне, умоляя ее, чтобы та приняла Феодотию, как свое чадо, и воспитала бы в страхе Господнем. Сусанна, видя, как Матрона горячо пламенеет любовью к Богу и преисполнена непреложным стремлением к безмолвному житию, приняла от неё дитя вместо дочери, а Матрона взывала к Богу, да наставит Он ее на путь правый и словами псалма говорила ему:

– «Укажи мне, [Господи,] путь, по которому мне идти» (Пс.142:8).

Вздремнув немного от усталости, Матрона увидала во сне такое видение: ей представилось, что она бежит от какого-то преследующего ее человека; когда тот стал догонять ее, она вбежала к каким-то инокам, которые скрыли ее от преследователя. Это видение Матрона объяснила себе так, что ей нужно принять мужской образ и пойти на время в мужской монастырь, ибо там она может укрыться от своего мужа и от всех знакомых. Матрона остригла свои волосы и, одевшись в одежду евнухов, пошла с блаженною Евгениею в церковь св. Апостолов, где, помолившись, открыла св. Евангелие, желая узнать, угодно ли Богу намерение её, и узрела там следующие слова: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24).

Нашедши в этих словах благую надежду, что Бог будет ей помощником, Матрона поцеловала Евгению и, разлучившись с нею, пошла в монастырь преподобного Вассиана, где была принята как евнух. Спрошенная о своем имени, назвалась Вавилою. Принятая в число братии, она добродетельно иночествовала, со смирением исполняя послушание, постом и бдением изнуряя плоть свою и пребывая всегда в молитве. Матрона старательно охраняла себя, чтобы не узнали, что она – женщина, и поэтому хранила глубокое молчание и от всех устранялась. Вся же братия удивлялась великой её добродетельной жизни, похваляла подвиги её и считала ее совершенным иноком.

Так святая Матрона пребывала в монастыре довольно долгое время посреди иноков, сияя, как бы луна посреди звёзд своими добродетелями. Случилось ей однажды с другими иноками работать в саду. Один инок, по имени Варнава, возделывая вместе с нею землю, из любопытства взглянул на её лице и, увидав, что у неё проколоты оба уха, спросил:

– Зачем проколоты у тебя уши?

Блаженная сказала ему:

– Нужно тебе, брат, землю возделывать, а не на чужие лица смотреть, ибо это противно иночеству. Но так как ты увидал проколотые мои уши, то узнай и причину того: когда я был малым отроком, меня очень любил мой воспитатель и украшал

меня золотыми вещами; он проколол уши мои для драгоценных серёг.

Так блаженная Матрона отвечала Варнаве и исполнилась в сердце своем страха; долго она думала, опасаясь, чтобы не открылась тайна её, и так молилась Господу:

– Твоим повелением, Господи, я пришла в эту иноческую обитель; Ты призвал меня, и я не намереваюсь возвратиться обратно. Итак, покрой благодатью Твоею немощь мою и к доброму концу приведи предпринятое мною житие, да не буду я посрамлена в моем уповании на Тебя!

Человеколюбивый же Бог, по неизреченным и неисповедимым судьбам Своим, благоволил открыть о ней настоятелям двух монастырей, что она женщина, дабы явилось в ней еще большее усердие к иноческому житию.

Однажды преподобному Вассиану во время сна явился благообразный и светлый муж и трижды повторил:

– Иночествующий в твоем монастыре евнух Вавила – есть женщина!

Такое же видение видел и блаженный Акакий, игумен монастыря Авраамиева. Когда наступило утро, Вассиан призвал одного из иноков, по имени Иоанна, который был по нем первый, и поведал ему то, что видел. Во время их беседы, к преподобному Вассиану пришел посланный от игумена Акакия с известием, что в ту ночь было ему открыто в видении об евнухе Вавиле, что это – женщина. Преподобный, удивившись и желая еще более удостовериться в этой тайне (ибо он опасался, как бы это не оказалось каким-нибудь обманом вражеским, и не сразу поверил бывшему во сне видению), раскрыл Евангелие и взор его упал на следующие слова: «Чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё» (Лк.13:20–21).

После этого, поверив видению, Вассиан призвал к себе блаженную Матрону и, взглянув на нее сердитым взором, грозно сказал ей:

– Зачем пришла ты к нам, женщина? Как дерзнула ты столько времени пребывать среди иноков? Не бесчестие ли

хочешь ты нанести монастырю нашему, или пришла для нашего искушения?

Блаженная Матрона, пораженная неожиданным обличением и сильно испугавшись грозного взора и голоса настоятеля, припала к святым ногам его, прося прощения, и смиренно отвечала:

– Не искушая кого-нибудь, но сама спасаясь от вражеского искушение и избегая сетей лукавого, пришла я, отче святый, к овцам стада твоего.

Настоятель снова сказал ей:

– Как осмеливалась ты, будучи женщиною, с непокрытою головою приступать к Божественным Тайнам и давать в уста лобзание братии?

Матрона отвечала:

– Приступая к Божественным Тайнам (1Кор.11:5), я не совсем открывала голову, а лишь немного; давая же лобзание братии, я представляла себе, что прикасаюсь к устам не человеков, но бесстрастных Ангелов.

Преподобный, удивившись таковому мудрому ответу, снова спросил ее:

– Почему же ты пришла не в женский, а в мужской монастырь?

Блаженная, оставив боязнь, подробно начала рассказывать ему всё о себе:

– Была я выдана замуж, стала матерью единственной дочери, любила всегда посещать церкви Божии и там день и ночь пребывать в молитве. Муж же мой запрещал мне таковой подвиг, неприятностями и побоями старался отвлекать меня от усердного стремления ко храму и молитве и всячески препятствовал моему стремлению к Богу. Поэтому я задумала бежать от него, чтобы мне можно было свободнее работать Богу. Бывшее видение привело меня к вам. Я видела себя во сне убегающею от преследующего меня мужа и скрытою какими-то иноками. Обдумавши видение и понявши, что не иначе могу укрыться от своего супруга, как во образе инока, я переменила женское одеяние и, надев мужское, переименовала себя Вавилою и, выдавая за евнуха, пришла в сей монастырь.

Преподобный Вассиан, со вниманием слушая слова блаженной Матроны, очень удивлялся её разуму и усердию к Богу и сказал ей:

– Дерзай, дочь, вера твоя спасет тебя.

Преподав Матроне довольно душеполезных наставлений, Вассиан отослал ее тайно к блаженной Сусанне, сам же дал обещание иметь о ней попечение, только бы она неизменно служила Христу.

В то время умерла дочь Матроны – Феодотия, которую она поручила Сусанне, ибо благий Господь, желая освободить рабу Свою Матрону от заботы, чтобы она, избавившись от попечения о дочери, свободнее могла служить Ему, взял к Себе Феодотию и вселил во обители небесные. Поэтому Матрона, вместо скорби, исполнилась радости, видя дочь свою, еще не познавшую прелестей лукавого мира, отшедшею ко Господу и непорочно представшею к Нему. Сама же она укрывалась у Сусанны или, лучше сказать, Бог укрывал ее через Сусанну.

Между тем Домитиан, муж Матроны, всюду искал ее, обходя многие города и селения и разные монастыри, разыскивая и всюду расспрашивая о ней всех, но не находил ее. Затем он услыхал, что в монастыре преподобного Вассиана была какая то женщина в мужском образе, жившая как евнух (ибо слух об этом распространился сначала между всею братиею, а потом и между живущими в мире). Догадавшись, что это его жена, Домитиан пришел к монастырю и, сильно стуча во врата, стал кричать с гневом:

– Обиду нанесли вы мне, иноки, – обиду великую: вы прельстили жену мою и держите у себя; так ли подобает делать инокам? В этом ли состоит житие ваше? Отдайте мне жену мою! Зачем вы беззаконно разлучаете тех, кого Бог сочетал для доброго жития? Отдайте мне ту, которая принадлежит мне, как подруга жизни моей.

Иноки же, отвечая Домитиану, говорили:

– Твоей жены у нас нет, ибо в монастырь наш никогда не входят женщины. Был у нас один евнух, монах Вавила, который некоторое время подвизался с нами, но затем, желая посетить святые места в Иерусалиме, давно уже от нас ушёл, о чем всем

известно. А где он теперь находится, мы не знаем, о том знает только Сам Всеведущий Бог, пред Которым нет ничего тайного.

Услышав это, Домитиан, в волнении от ревности, и вместе с тем в скорби от любви к супруге, отошел опечаленный. А блаженный Вассиан рассуждал сам с собою:

– Сам Бог избрал сию женщину на служение Себе и под Свое благое иго взял ее от строптивого и развращенного мужа, вверив ее моему недостоинству, дабы я заботился о душе ее; между тем я пред многими обнаружил её тайну и сделал известным всё, что касается её. Если теперь ее найдет муж её, отвратит от предпринятого ею добродетельного пути и повредит её спасению, то я буду виновен в её погибели.

Призвав некоторых из старцев, составлявших монастырский совет, Вассиан сказал им:

– Нам, братия, должно иметь попечение об ушедшей из нашего монастыря сестре, ибо хотя она и женщина, однако, вписана в братство наше. Итак, что нам сделать, чтобы богоугодно начатое житие её пришло к доброму концу, дабы враг, всегда ищущий падения нашего, не победил её мужества, не отвратил бы от иноческих подвигов и не обратил бы ее к любви мирской, употребив для этого пригодное к тому орудие, её мужа?

Так говорил Вассиан братии. Один же из них, по имени Маркелл, по сану – диакон, сказал преподобному:

– В городе Эмесе, где я родился, есть женский монастырь, в котором и сестра моя постриглась: итак, отче, если угодно, пошли ее туда и таким образом прекратится забота о ней.

Услышав это, Вассиан и прочие старцы согласились с советом Маркелла и повелели поискать плывущий в ту страну корабль. Вскоре, по устроению Божию, был найден корабль из Эмеса, который, сделав закупки в Византии, снова возвращался в свою страну. Тогда, посадив на тот корабль блаженную Матрону, отослали ее в Эмесский монастырь к иночествовавшим там девам, которыми она и была принята с честью. Живя там добродетельно в обычных своих подвигах, она превосходила всех смирением, молчанием, постом и бдением и всеми иноческими подвигами и всех удивляла

житием своим, так что была примером жестокого и трудного пути, ведущего в Царство Божие. Спустя немного времени, скончалась игумения монастыря того, и святая Матрона была избрана всеми, как достойная, на место умершей. Будучи игуменьею, она, как свеча, поставленная на свещнике, светила ясным светом добродетелей и ревностно заботилась о спасении порученных ей сестёр.

В то время некий человек, пахавший поле свое, заметил, что на одном месте из земли выходит огонь. Видел он это не один раз, но многократно, ибо в течение многих дней постоянно являлся выходящий из земли пламень. Человек тот пошел в город и возвестил об этом Эмесскому епископу. Епископ, уразумев в сем особенное знамение, пошел на то место со своим клиром и, сотворив молитву, повелел раскопать землю. Когда это было сделано, в земле был найден сосуд, заключавший в себе не золото и не серебро, но драгоценную, больше всех земных сокровищ, – главу святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня[7179]. Прошла об этом повсюду слава и собрались к тому месту все жители не только из города Эмеса, но и изо всех окрестных городов и селений. Пришла и преподобная Матрона из своего монастыря со всеми сестрами поклониться обретенной главе святого Иоанна Крестителя. Эта святая глава источала благовонное миро, коим священники помазывали собравшихся, изображая на челах их крестное знамение. Взяла того мира в маленький сосудец и преподобная Матрона на благословение своему монастырю. Но толпы народа, стремившиеся к святому миру, стеснили ее так, что ей нельзя было пройти; другие же, увидав у неё св. миро, просили ее помазать их тем миром, так как, по случаю тесноты, они не могли подойти к священникам, что, будучи принуждаема, она и делала. Был там один слепец, который от рождения своего не видел света. Он попросил Матрону, чтобы она и его помазала святым миром; она помазала ему очи, и он тотчас прозрел. Такое чудо всеми приписывалось не только целебному миру святого Иоанна, но и преподобной Матроне, ибо много там было священников, раздававших людям то святое миро, но ничьи руки не могли возвратить зрение слепорожденному. И

прославлялось в народе добродетельное житие преподобной Матроны. Спустя довольно времени, услышал о Матроне муж ее, Домитиан и поспешил к городу Эмесу. Узнав же, что ему нельзя войти в тот женский монастырь, где жила преподобная Матрона, и видеть разыскиваемую им супругу (ибо в монастыре том был такой закон, чтобы туда никогда не входить мужчинам), он задумал достигнуть желаемого посредством хитрости. Домитиан уговорил некоторых мирских женщин, чтобы они, придя к Матроне, сказали ей:

– Некоторый человек, слыша о твоей святости и совершенном добродетельном житии, издалека пришел поклониться тебе и удостоиться твоего благословения и святых твоих молитв. Итак, окажи любовь Бога ради и не презри человека того, который ради тебя перенес столь трудный путь, но выйди к нему, утешь его душеполезными словами и с благословением отпусти его.

Пришедши к Матроне, женщины сказали, как были научены. Блаженная Матрона, прозревая обман, спросила женщин, каков лицом человек, пославший их к ней. Они описали ей вид его. Святая поняла, что это – ее муж, и сказала женщинам:

– Скажите человеку тому, чтобы он подождал до семи дней, а в седьмой день я покажусь ему, и он, согласно желанию своему, увидит меня.

Отослав женщин, блаженная Матрона начала молиться, дабы Господь сокрыл ее от мужа. Когда наступила ночь, она взяла власяницу, небольшой кусок хлеба и тайно ото всех вышла из монастыря и пошла к Иерусалиму. Между тем Домитиан ждал семь дней, в надежде увидать ту, которую желал, и взять ее силою, как законом сопряженную с ним. На седьмой день он снова послал тех же женщин к преподобной с просьбой, чтобы она, согласно обещанию, показалась ему. Женщины, пришедши в монастырь, нашли всех инокинь скорбящими и плачущими о своей игумении, ибо они не знали, куда она ушла. Возвратившись, они возвестили о том Домитиану. А он, еще более разжигаемый ревностью и скорбью, обходил повсюду, разыскивая ее. Он отправился и в Иерусалим и, остановившись в одной гостинице, спросил у живущих там

женщин, не случалось ли им когда-нибудь видеть такой-то женщины (причем описал её вид). Они же отвечали ему на то:

– Помним, что именно такая инокиня поздно приходила к одной из тамошних церквей, но где она теперь находится, – не знаем.

Домитиан тщательно отыскивал ее там, ходя по дорогам и спрашивая по гостиницам. Однажды они встретились, и Матрона узнала мужа своего, но он не узнал её, ибо когда Домитиан проходил мимо неё, она покрыла лице свое и нагнулась, как будто бы что-нибудь собирая, и, благодаря такой хитрости, не была узнана мужем. Она удивилась настойчивости, с которой разыскивает ее муж, и боясь, как бы он опять не увидал ее где-нибудь и не узнал, удалилась на гору Синайскую, но и там была разыскиваема и преследуема мужем. Тогда она пошла в Берит[7180] и, нашедши одно пустое идольское капище, вошла в него и стала в нем жить. Бесы, не вынося её пребывания там, различным образом ее устрашали, желая изгнать святую оттуда: иногда они вопили на нее, не показываясь ей, иногда же явным образом нападали на нее; когда же Матрона воспевала псалмы, бесы с ругательствами мешали ей. Но все таковые бесовские мечтания и привидения святая отгоняла крестным знамением и прилежною к Богу молитвою. Во время пребывания в том идольском капище, пищею для преподобной были растущие в окрестностях злаки, а питьем – вода из источника, чудесным образом истекшего ради нее. Однажды она, почувствовав жажду, искала кругом воды и не находила, ибо земля была суха и опалена солнечным зноем. Найдя какой-то маленький и острый камешек, она выкопала им в земле маленькую ямку, – с горсть человека, и, оставив ее, отошла на молитву. На другой день поутру она пришла к тому месту и нашла быстротекущий источник воды; кругом источника выросли вкусные злаки. Это послужило трапезой невесте Христовой, – трапезой, сладчайшей всех трапез царских. Она вкушала те вкусные злаки и пила воду, благодаря Бога, Который «дает пищу всякой плоти, ибо вовек милость Его… открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению» (Пс. 135:25, 144:16).

Однажды бес принял вид красивой женщины и пришел к преподобной Матроне, с лестью говоря:

– Зачем ты, госпожа моя, избрала себе такой странный образ жизни? Место здесь пустынное, и нет ничего для удовлетворения телесных потребностей. К тому же ты еще молода и лицом красива, боюсь, чтобы кто-нибудь, увидав тебя, не прельстился твоею красотою и не причинил бы тебе насилие, и тогда не будет никого, кто бы помог тебе и освободил бы тебя от рук его. Итак, оставь, госпожа моя, такую жизнь, и иди со мною в город, ибо можешь и в городе жить в безмолвии. Я же найду для твоего жительства дом, какой будет нужен, и ты будешь иметь всё необходимое и никто не посмеет тебе сделать неприятность, ибо соседи помогут тебе и избавят тебя от оскорблений.

Слыша такие льстивые слова, святая Матрона поняла, что это стрелы вражии и тотчас «возьмет непобедимый щит – святость» (Прем. 5:19), и не только сама защитилась от стрел лукавого, но и самого стреляющего уязвила молитвою, как бы мечом, и прогнала. После того бес преобразился в престарелую женщину, из очей которой исходил огонь. Устремившись с гневом на Матрону, женщина эта ухватилась за ноги её, изрыгая бесстыдные слова и угрозы. Святая же не обращала на нее внимание, но стояла, молясь Богу; и тотчас бес исчез.

После таковых бесовских нападений, Господь посредством некоторого Божественного откровения утешил блаженную Матрону и исполнил сердце её неизреченной духовной радости и небесного утешения; ибо Он ведает, как утешать в скорбях служащих Ему, помогать им в напастях и обращать в радость печаль их, как говорит Давид: Пс. 93– «При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою».

И восхотел Господь через сию Свою угодницу оказать пользу многим и наставить многих на путь спасения, почему и открыл ее жителям Берита. Она была обретена тремя христианами, которые вечером, проходя мимо того капища, увидали ее молящеюся. Они рассказали об этом другим, и многие начали приходить к ней, желая ее видеть. Прияв от Бога благодатный дар учительства, проповедовала она им Слово

Божие и богодухновенною беседою приносила им большую пользу и наставляла на путь спасения. Пришли к ней и некоторые жены и девицы и, удивившись равноангельскому житию её, пожелали последовать её примеру и проводить с нею иноческую жизнь. Сначала пришла к преподобной одна женщина, по имени Софрония, которая, будучи язычницей, любила, однако, воздержание и чистоту и жила, как инокиня, – девственницею, имея при себе и других женщин, последовавших её образу жизни и учению. Услышав о блаженной Матроне и о строгом житии её, она пожелала видеть ее и пришла к ней со своими подругами. Святая же Матрона, отверзши богоглаголивые уста свои, начала говорить ей об Едином Истинном Боге и о Единородном Сыне Его, – как Он воплотился от Безмужней и Пречистой Девы, пострадал ради нашего спасения, воскрес, взошел плотью на небо, и приидет судить живых и мертвых. Открыв Софронии многие таинства христианской веры, Матрона обратила и ее и бывших с нею ко Христу. Приняв вскоре от Беритского епископа крещение, они стали проводить иноческую жизнь вместе с преподобною Матроною в том же самом идольском капище, и из вертепа разбойнического оно сделалось обителью невест Христовых.

После этого одна девица, по имени Евхея, которая была идольской жрицей и соблюдала девство, пришла к преподобной Матроне и, припадши к ногам её, просила, чтобы она научила ее вере во Христа Иисуса и позволила жить с собою. Святая, довольно поучив девицу Божественными словами, воспламенила сердце её любовью ко Христу и к отречению от мира. В то время наступил там некоторый богомерзкий языческий праздник, и язычники, бывшие в Берите, собрались к своим идолам, чтобы совершить праздник. Не найдя жрицы идолов, которая бы по обычаю языческому вознесла жертвы их, они удивлялись, куда она ушла. Когда же сделалось известным, что она ушла к Матроне, некоторые из них, в особенности родственники той девицы, пошли туда и, найдя Евхею сидящею с Матроною и с умилением слушающею Божественные слова, сказали ей:

– Зачем ты, девица, презрела великих богов и оставила жертвоприношение им? Вот, из-за тебя восстал на нас народ, не желая терпеть бесчестие, наносимого богам своим. Итак, иди с нами совершить ныне праздник!

Девица же не хотела не только слышать слов их, но даже и смотреть на них; но как Мария сидела при ногах Иисусовых, так и она сидела пред своею учительницею – преподобной Матроной, которая кротко и с любовью говорила пришедшим:

– Оставьте пребывать с нами сию рабу истинного Бога, которая прежде была рабою суетных богов ваших, ибо она не может уже иметь общение с вами, так как желает обручиться со Христом.

Пришедшие родственники долго и ласками и угрозами старались отвлечь от Матроны девицу, хотели даже взять ее силою, но невидимая сила Божия возбраняла им. Не получив успеха, они сказали:

– Если ты не послушаешь нас и не пойдешь сейчас к нам для совершения праздника богам, то завтра утром мы придем, предадим огню это капище и сожжем всех находящихся в нем, и тебя с ними.

Так пригрозивши, они ушли. Святая же Матрона с бывшими с нею сестрами собрала много дров и хворосту и, обложив кругом капища, послала в след ушедших язычников, с такими словами:

– Вот, уже готов огонь и дрова. Исполните же свое обещание – сожгите нас, дабы нам быть благоуханною жертвою Христу Богу нашему.

Язычники, удивившись мужеству, с которым они были готовы за своего Бога умереть, не знали, что отвечать им, и уже более не приходили к ним.

Между тем преподобная Матрона обратилась к епископу с просьбою прислать к ней пресвитера. Когда пресвитер пришел, она вверила ту девицу его попечению, чтобы он сподобил ее святого крещения и опять привел бы ее к ней, – и пресвитер исполнил немедленно её волю. Приняв крещение, девица та добродетельно подвизалась в посте и молитвах с остальными сестрами, которых было при святой Матроне восемь. Все они

были подобны мудрым девам, украшающим светильники свои и приготовляющимся в сретение Жениху своему[7181].

Между тем как преподобная Матрона проводила такой образ жизни, день и ночь работая с сестрами Богу и множество людей обращая к Нему, пришло ей желание снова увидать своего духовного отца – преподобного Вассиана. Она хотела пойти в Константинополь, но мысль, что муж её Домитиан живет в Константинополе, удерживала Матрону от такого намерения, и она боялась туда идти, чтобы не быть им узнанною. Вместе с тем она размышляла в себе:

– Не могу я более оставаться здесь, ибо многие приходят ко мне и прославляют меня, как добродетельную, и я боюсь тщеславия. К тому же я боюсь, как бы не услыхал обо мне муж мой, ибо вся страна узнала обо мне и кто-нибудь может сказать ему; а когда он сюда придет и найдет меня, то погубит весь иноческий подвиг мой. Итак, уйду отсюда или в Александрию или в Антиохию.

Остановившись на этом решении, святая начала прилежно молить Бога, чтобы Он открыл ей, куда ей направиться, где бы она могла жить с большею пользою. Пребывая в молитве об этом, она однажды увидала во сне трех мужей, спорящих из-за нее между собою, так как каждый хотел взять ее в сожительство с собою. Она же отклонялась, говоря:

– Я уже давно бегаю от супружества, а если бы теперь снова пожелала его, то и тогда не быть тому. Однако, кто вы?

Первый отвечал:

– Я – Александр.

Другой сказал:

– Я – Антиох.

Третий сказал:

– Я – Константин.

Сказав это, они бросили между собою жребий, кто ее возьмет, и пал жребий самому молодому, который назвал себя Константином. Последний хотел взять ее. Матрона от страха проснулась и размышляла о виденном. Истолковала же она свой сон так: «Три мужа, – Александр, Антиох и Константин, – суть три города, о которых я думала, – именно: Александрия,

Антиохия и Константинополь; жребий же мой, павший на Константина, означает благоизволение Божие, чтобы я шла в Константинополь и увидала отца моего – блаженного Вассиана. Господь, Который руководит мною, силен укрыть меня там, чтобы я не была узнана мужем моим, «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс. 22:4).

И собравшись, она хотела уходить. Сестры же, узнав об её намерении, что она хочет уйти от них, – не отпускали от себя, восклицая со слезами:

– Зачем ты, мать наша, оставляешь нас, – чад своих, еще недостаточно утвержденных в законе Господнем? Зачем оставляешь молодые в вере отрасли, еще недостаточно водою учения напоенные? Куда ты уходишь, мать наша? На кого оставляешь нас? Или почему не берешь нас с собою?

Преподобная успокоив их, поведала им волю Божию, открытую ей в видении, – именно, чтобы она шла в Константинополь. И тотчас она послала к епископу, прося его прислать к ней двух диаконисс, опытных в добродетелях и совершенных по жизни, дабы она вручила им то новособранное малое стадо Христово. Епископ исполнил желание её – прислал ей диаконисс, каких она желала. Поручив им, как некоторое драгоценное сокровище, своих духовных дщерей и преподав им мир, преподобная Матрона ушла от них, взяв с собою только одну сестру – блаженную Софронию. Достигнув моря, она нашла корабль, плывший в Константинополь, и села на него. При попутном ветре они достигли Константинополя, и поспешила Матрона с Софрониею к находившейся вблизи моря церкви святой Ирины. Войдя в церковь, она встретила преждеупомянутого диакона Маркелла, который советовал блаженному Вассиану послать ее в женский монастырь, находящийся в городе Эмесе. Святая Матрона открыла себя тому диакону и подробно рассказала о себе всё, – как она была преследуема мужем в Эмесе, в Иерусалиме и на Синае, как жила в Берите, в идольском капище, и собрала сестёр, как через нее Господь обратил к себе множество людей и почему она предприняла такой путь из Берита в Константинополь,

чтобы видеть своего духовного отца – преподобного Вассиана. Маркелл же возвестил преподобному о прибытии Матроны и рассказал ему всё, что от неё слышал. Преподобный тотчас приказал Маркеллу найти близ своего монастыря спокойный дом и ввести туда Матрону. Когда это было сделано, преподобный Вассиан увидался с нею, благословил ее и, узнав о трудах её, радовался таковым её подвигам и усердной любви к Богу. С того времени преподобная Матрона стала жить в Константинополе без тревоги, так как муж её уже умер. Преподобный же Вассиан доставлял ей всё нужное и привел к ней сестер её, оставшихся в Берите: по её просьбе он послал письмо к Беритскому епископу, прося его отпустить инокинь, собранных Матроною, в Константинополь к ней, как к их духовной матери. Вскоре все они прибыли туда и стали подвизаться вместе с преподобною Матроною, служа Богу в праведности и благочестии. Матрона была для всех примером богоугодной жизни: взирая на нее, не только принявшие иночество, но и множество мирян получали пользу. Слава об её добродетелях распространялась повсюду и прославляем был ради нее Отец Небесный.

Дошел слух о Матроне и до царицы Верины, супруги царствовавшего в то время царя Льва Великого[7182]. Она, услышав о совершенном добродетельном житии преподобной Матроны, пожелала видеть ее и сама пришла к ней. Матрона с честью приняла царицу и устроила ей угощение, какое лишь могло быть у великой и ничего не имеющей постницы. Удивилась царица таковому её житию, а в особенности тому, что преподобная ничего у неё не просила, хотя та и имела намерение дать ей многие дары. Получив от жития и беседы с блаженною Матроною духовную для себя пользу, царица возвратилась в свои палаты.

Приходили к преподобной и многие недужные и получали здравие: ибо сильна была молитва ее исцелять недуги – не только телесные, но и душевные.

Одна знатная женщина, по имени Евфимия, супруга епарха Анфима, впавшая в тяжкий и неисцелимый недуг – после того как не могла получить помощи от врачей – пришла к

преподобной Матроне. Взявши руку ее, Евфимия прикладывала к частям болящего своего тела, и от прикосновения руки ее получила совершенное здравие. Видя, что дом, в котором жительствовала преподобная с сестрами, – тесен и к тому же был не ее собственный, Евфимия желала устроить для исцелительницы своей – преподобной Матроны – монастырь просторный и удобный для обитания, – что вскоре и исполнила.

Переселившись из тесного дома в новосозданный монастырь, преподобная собрала еще большее стадо словесных овец – девиц и жен, уневестила их Христу и прилежно заботилась о спасении их.

Вскоре после того, преподобная Матрона предузнала скорое свое к Богу отшествие, ибо оно было открыто ей в видении. Ей представилось, будто она ходит по прекраснейшему месту, на котором были насаждены благоплодныя деревья, а посреди протекали источники чистых вод; далее расстилалось цветущее поле; множество прекрасных птиц пели там различными приятными голосами; деревья слегка колыхались от тихо веющего ветра; тут же журчали источники, – вообще нельзя было изобразить красоты места того, ибо то был рай Божий. Стояли там честные и благолепные жены, которые показывали блаженной Матроне пресветлую палату, созданную Божией, а не человеческою рукою, и говорили ей:

– Вот дом твой, Матрона, для тебя от Бога уготованный. Приди и живи в нем!

Из сего видения преподобная познала, что уже приблизилась кончина её, и стала готовиться к отшествию, ещё усерднее молясь Господу, ради Которого всё вменила в ничто. Затем она призвала к себе всех сестёр своих и довольно поучала их тому, что нужно для спасения. Преподав им мир, она почила о Господе и от земной обители переселилась в уготованную для неё небесную, которую ранее видела в видении. Так преподобная Матрона скончалась в преклонной и доброй старости[7183]. В мирской жизни она прожила двадцать пять лет, а в иноческой – семьдесят пять; всех же лет её было сто. А ныне обитает она в вечной жизни, предстоя престолу

Животворящей и Нераздельной Троицы – Отца, и Сына, и Святого Духа, – Единого Бога, Ему же слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

За любовь Господню, преподобная Матроно, покоя желание возненавидела еси, пощением дух твой просветивши: крепко бо звери победила еси, но твоими молитвами и противных шатания разори.

Житие преподобной Феоктисты

Память 9 ноября

На море Эгейском есть остров Парос[7184]. На этом острове был благолепный с виду храм во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Весь тот остров, в том числе и храм, неизвестно почему, запустел и сделался обиталищем уже не людей, но зверей.

Однажды охотники, жившие на приморской горе, называемой Эввея, сговорились поехать на корабле на тот пустой остров для ловли зверей, ибо на острове было множество оленей и коз. Доплыв до острова, охотники с оружием своим сошли с корабля и пошли по острову, отыскивая добычу. Между ними был один охотник богобоязливый и пекущийся о своем спасении. Отделившись от своих спутников, он один ходил по пустынному острову, выслеживая зверей и, найдя упомянутый запустелый храм, вошел туда и стал молиться, как умел, ибо был человек простой и неграмотный. Кладя поклоны и молясь, он увидал в земле маленькую ямку и в ней воду, а в воде были намочены зерна растения, называемого илиотропион[7185] (этого растения на том острове росло много), и подумал он про себя: «Здесь есть какой-то раб Божий, питающийся этими семенами». Однако охотник немедленно вышел из храма, спеша догнать своих спутников. Товарищи его пробыли на острове несколько дней, наловили оленей и коз, сколько хотели, и уже с большою добычею возвращались из пустыни на корабль. Тогда вышеупомянутый охотник опять отделился от спутников и вошел в храм помолиться Пречистой Богородице; к тому же он надеялся увидать того, кто намочил в воде подсолнечные зерна. Когда он, стоя посреди храма, молился, то увидал по правую сторону святого престола густые сети паутины, а за ними какое-то существо, как бы ветром колеблемое. Желая узнать, что это колеблется за сетями паутины, он подошел и хотел снять паутину, но тотчас услышал голос:

– Стой, человек, не подходи ближе, мне стыдно, так как я – нагая женщина.

Услышав это, охотник испугался и хотел бежать, но от великого страха не мог: ноги его тряслись, волосы на голове его поднялись и сделались острыми, как терние, – и стоял он в ужасе. Придя несколько в себя, он дерзнул спросить:

– Кто ты, и как живешь в этой пустыне?

И снова услышал голос, раздававшийся из-за сетей паутины:

– Прошу тебя, – брось мне одежду, и когда я прикрою наготу свою, тогда, сколько Господь повелит мне, поведаю тебе о себе.

Сняв с себя верхнюю одежду, охотник положил ее на земле, а сам вышел из храма. Подождав немного, пока жена та оденет его одежду, он снова вошел и увидал ее стоящею на том же месте, на котором была и прежде. Вид её был очень страшен, так как она имела только подобие человеческое – не было в ней видно живого человека, но вся она была как бы мертвец: кости покрыты только кожею, волосы белые, лице чёрное, очи – глубоко впавшие, – и вообще весь вид её был как вид лежащего во гробе мертвеца; она едва только дышала и могла лишь тихо говорить. Взглянув на нее, охотник еще больше испугался и, упав на землю, стал просить у жены сей молитвы и благословение. Тогда, обратившись на восток, она подняла руки свои и стала молиться; не мог охотник слышать слов молитвы её, слышал только тихий голос, возносящийся к Богу. Затем, обратившись к нему, святая сказала:

– Бог да помилует тебя, человек, – скажи мне, чего ради пришел ты в пустыню эту? Какая нужда у тебя на этом пустынном острове, на котором не живет никто? Но так как, думаю, Господь привел тебя сюда ради моего смирения и ты желаешь узнать обо мне, то я всё тебе открою.

И начала рассказывать так:

– Отечество мое – Лезвие, родилась я в городе Мефимне[7186], имя мое – Феоктиста, по житию я инокиня, ибо когда я еще в детстве лишилась родителей, то отдана была родственниками в женский монастырь и облечена в иноческий чин. Однажды в праздник Воскресения Христова, когда мне

было восемнадцать лет, я пошла с благословением в отстоящее недалеко селение, чтобы посетить сестру свою, которая жила там со своим мужем, и у неё заночевала. В полночь на страну ту напали арабы, предводителем которых был свирепый Низар. Они пленили всё селение, взяли в плен вместе с другими и меня, и когда наступило утро, посадили нас на свои корабли и отплыли. Проплывши целый день, они пристали на ночь к этому острову, и, высаживая пленников, разглядывали их, определяя цену, какою кто хочет выкупиться. Вместе с другими была выведена и я, и, увидав находившийся вблизи луг, повернулась к нему и обратилась в бегство. Пленившие меня гнались за мной и преследовали меня, как охотники зверя, но пустыня скрыла меня от них, или лучше сказать, Бог в пустыне покрывал меня Своею благодатью и защищал от рук ловящих, так что они не могли найти и догнать меня. Я убежала во внутреннюю пустыню этого острова и не переставала бежать от страха до тех пор, пока колючими деревьями и терниями, а также острыми камнями не изранила сильно ног своих. Не будучи в состоянии бежать дальше, я, как мёртвая, пала на землю и покрылась земля кровью моею, истекавшею из израненных ног. Всю ночь ту я провела в тяжких страданиях, но благодарила Бога, что Он спас меня от руки врагов моих и сохранил неосквернённою. И пришло мне желание – лучше умереть скорее в этой пустыне в чистоте девической, нежели жить среди скверных людей и погубить посвященное Христу девство. По утру я увидела, что нечестивые разбойники отплыли от острова, и исполнилась радости, освободившись от их рабства, и от великой радости забыла болезнь свою. И вот с того времени доныне я тридцать шесть лет живу на этом острове. Питаюсь же я семенами растущего здесь в изобилии илиотропиона, а более питаюсь Словом Божиим: ибо все псалмы, песнопения и чтение, которым научилась в своем монастыре, помню доныне, и оными утешаюсь и питаю душу свою. Одежда моя в скором времени обветшала и осталась я нагою, имея покровом только благодать Божию, которая покрывает меня от всех зол.

Поведав это, преподобная дева подняла к небу руки свои и воздала благодарение Богу за неизреченную милость Его,

явленную на ней. Затем, снова обратившись к охотнику, сказала:

– Вот я всё сказала тебе про себя; одного прошу от тебя, что ты и исполни для меня, Господа ради: когда на будущее лето придешь ты охотиться на этот остров (я знаю, что ты непременно придешь, так как на это есть воля Божия), то возьми в чистый сосуд часть Пречистых и Животворящих Христовых Таин и принеси мне сюда, ибо с того времени, как стала жить в этой пустыне, я не сподоблялась причаститься такого дара. Теперь же иди с миром к спутникам своим и о мне не рассказывай.

Охотник обещал исполнить приказание и, поклонившись дивной рабе Христовой, ушел, радуясь и благодаря Бога, что Он явил ему таковое Свое сокровище, сподобил видеть и беседовать и удостоиться молитв и благословения той, которой не был достоин весь мир. Придя к берегу, охотник нашел спутников своих, ожидающих его и сокрушающихся об его замедлении, ибо они думали, что он заблудился в пустыне. Он же не открыл им тайны, которую повелено было ему хранить, – и отплыли они к себе домой. Между тем охотник тот ждал следующего лета, как какого-нибудь наслаждения, желая снова увидать чистую невесту Христову, в пустыне, как бы в чертоге, пребывающую. Когда настало ожидаемое время, он опять сговорился с товарищами своими плыть на остров Парос для ловли зверей. Пред отъездом на корабль, он взял у пресвитера в маленький чистый ковчежец частицу Пречистых и Животворящих Христовых Таин, как повелела ему блаженная Феоктиста, и, с честью сохраняя ту частицу при себе, отплыл. Доплыв до этого острова, он с Божественными Тайнами пошел к тому запустелому храму Пресвятой Богородицы, в котором в предыдущем году беседовал с блаженною, но, войдя в тот храм, не нашел святой Феоктисты. И подумал он, что преподобная или ушла в дальнюю пустыню, или же сделала себя невидимою, так как с охотником тем пришли и некоторые другие из его товарищей. В скорби вышел охотник из храма и пошел за своими товарищами. Вскоре он тайно ушел от них и, возвратившись, один пришел ко храму, – и тотчас явилась

преподобная Феоктиста на том же самом месте, где и прежде стояла, одетая в ту одежду, которую охотник дал ей в прошлом году. Увидав блаженную, охотник пал на землю и поклонился ей. Она же быстро подошла к нему и со слезами сказала:

– Не делай сего, человек, – ибо ты держишь Божественные дары; не безчести Таин Христовых и не опечаливай мою худость, ибо я недостойная женщина.

И взявши охотника за одежду, подняла его с земли. Он же, вынув ковчежец с Божественными Тайнами, подал ей[7187]. Преподобная сначала пала на землю пред Божественными Тайнами и омочила землю слезами. Затем встав, приняла Святые Дары в свои руки, причастилась и с умилением сказала:

– Ныне отпущаеши рабу Свою, Владыко, ибо видели очи мои спасение мое, и я в руки прияла оставление грехов. Ныне отойду, куда повелит благость Твоя.

Сказав это, она горе подняла руки свои и долго стояла, молясь и прославляя Бога. Затем с благословением отпустила охотника к его спутникам.

Пробыв несколько дней в пустыне, охотники наловили много коз и оленей и возвратились на корабль. А тот охотник снова отлучился от них и один пошел ко храму, желая сподобиться от преподобной молитв и благословения на путь. Он подошел к тому месту, где прежде с нею беседовал, и увидал преподобную, лежащую на земле мёртвою; руки её были сложены на персях, святая же душа её отошла в руки Божии[7188]. Припав к честным мощам её, охотник лобызал святые ноги её и омывал их слезами. И недоумевал он, что делать, ибо был очень прост и жизнь свою проводил больше по пустыням, между зверями, нежели в городах между людьми. Не догадался он даже пойти к другим охотникам и рассказать о происшедшем им и вместе с ними с честью похоронить сие святое тело. Выкопав немного земли, сколько можно было поскорее выкопать, он один положил в нее тело преподобной. При сем он дерзнул отделить от того святого тела руку себе на благословение, желая ту руку с честью хранить в доме своем. Но хотя он и с верою сделал это, по любви и усердию к преподобной, однако, не угодно было дело это Богу, как это

видно из последующего рассказа. Отделив руку, он завернул ее в чистый платок и, положив к себе за пазуху, пошел к своим товарищам, бывшим уже на корабле, но ничего им не сказал. Уже было поздно, когда они отплыли от берега и распустив паруса, поплыли, при попутном ветре. И думали все охотники, что корабль их идет быстро, – как летит птица, – так что надеялись рано поутру прибыть к горе Еввейской. Но когда рассвело, они снова оказались на том же месте – при береге острова Пароса, и корабль их стоял недвижим, как будто бы удержанный якорем или же возвращенный назад какою-нибудь рыбою реморою[7189] . На всех напал страх, и все спрашивали друг друга, не согрешил ли кто и чей грех удерживает их, так что корабль не может даже двинуться с места. Тогда охотник, взявший руку преподобной, познав грех свой, вышел из корабля и тайно от товарищей своих пошел ко храму. Приблизившись к мощам преподобной, он приложил святую руку её к суставу, на свое место и, немного помолившись, возвратился к товарищам. Когда он вошел на корабль, последний тотчас двинулся с своего места и поплыл без всякого препятствия, и все обрадовались. Когда же корабль быстро плыл и был уже близко к Еввее, охотник тот начал рассказывать товарищам своим всё, что с ним случилось: о том, как прошлым летом он обрёл преподобную Феоктисту, а нынешним летом принес ей Божественные Дары и как по смерти святой взял руку её и по этой причине они всю ночь были удерживаемы. Те, выслушав обо всем случившемся, пришли в умиление, но на охотника стали сильно роптать и гневаться, что он не сказал им об этом тогда, когда они были еще на острове том, «дабы», говорили они, «и мы могли сподобиться благословения угодницы Божией». Повернувши назад корабль, они с большою поспешностью опять поплыли в Парос и, достигнув острова, все вместе пошли ко храму. Со страхом войдя в него, они подошли к тому месту, где положено было честное тело преподобной; место они нашли, а тела не нашли, – видели только отпечаток лежащего на земле тела, так как ясно изобразились следы, где лежала голова и где – ноги. Все они очень удивились и недоумевали, куда скрылась преподобная. Некоторые из них

говорили, что она воскресла: другие же говорили, что не воскресла она прежде всеобщего воскресения, но руками Ангелов перенесена куда-нибудь на другое место и погребена, как некогда св. мученица Екатерина. Впрочем, они разошлись по всему острову искать, не найдут ли ее или живою, – воскресшею или же мертвою, перенесенною на другое место. Будучи простецами и неведущими, они хотели постигнуть тайны Божии, которые никому неведомы. Тщательно везде поискав ее и не найдя, они воротились в храм и со умилением лобзали место, на котором лежало тело преподобной. Помолившись, они возвратились назад домой и поведали людям всё о преподобной Феоктисте и все удивлялись и прославляли Бога, дивного во святых Своих, Ему же слава вовеки. Аминь.

Житие преподобного Иоанна Колова

Память 9 ноября

Девятого ноября православная Церковь ублажает преподобного Иоанна Колова[7190]. Такое название преподобный Иоанн получил за свой малый рост[7191]. Еще в юных летах он оставил мир и ушел с братом своим Даниилом в Скитскую Египетскую пустыню[7192]. Сначала он и брат его Даниил жили среди подвигов в полном уединении, но потом он сознал, что при его пылком и страстном характере строгое подвижничество может быть осуществлено лишь при строгом руководстве других более опытных подвижников – старцев. К такому сознанию необходимости для себя строгого и опытного руководителя он был приведен следующим событием вскоре же после его прихода с братом в пустыню. Однажды он совершенно неожиданно сказал своему брату сподвижнику:

– Не хочу я более ни о чем заботиться, я хочу жить в пустыне без печали, как Ангел.

Сказав это, он снял с себя свои одежды и вышел из кельи. Ночью случился большой мороз: обнаженный Иоанн долго боролся со стужею, наконец, будучи не в силах более переносить ее, решился возвратиться обратно в свою келью.

– Кто здесь, – раздался из неё голос Даниила, когда замерзающий Иоанн постучался в дверь.

– Я, брат твой, я не могу более переносить мороза и возвратился сюда, чтобы послужить тебе, – отвечал ему Иоанн.

– Уйди, демон, – возразил Даниил, – и не соблазняй меня; – Ангел о теле своем не заботится и пищи не требует.

Тут понял преподобный Иоанн, что слишком понадеялся на свои еще неокрепшие в борьбе со страданиями и искушениями силы, понял свою ошибку и горько зарыдал о ней. Тогда Даниил отворил пред ним двери кельи и сказал:

– Брат мой, так как ты имеешь плоть, то и должен страдать ради одежды и плоти.

После такого вразумления он вскоре оставил Даниила и отправился к некоему старцу Пимену. Он желал воспитать в

себе твёрдую волю, готовую на всякие подвиги, никогда не оставляющую раз избранный путь, между тем преподобный Пимен и был известен именно твердостью и непреклонностью своей воли. Отречение преподобного Пимена от мира было так беспредельно, что он отказался от свидания даже со своею матерью, пришедшею в скит навестить его. К такому-то старцу с твёрдым характером и направился еще неустановившийся окончательно в неуклонном следовании избираемым подвигам, нетерпеливый, страстный и пылкий Иоанн. Придя к нему, Иоанн дал обещание повиноваться ему во всем, чего бы только тот от него ни потребовал. Преподобный Пимен, желая испытать его терпение, заставил его поливать совершенно сухое дерево, и он три года трудился над поливкою этого дерева, хотя оно уже настолько было сухо, что труд его для всех должен был казаться совершенно напрасным. Но на самом деле труд и терпение преподобного Иоанна не остались напрасными: спустя три года иссохшее дерево покрылось пышною зеленью и дало обильные плоды. От всех бывших свидетелями чуда дерево то было названо «древом послушания»[7193]. Придя к преподобному Пимену с пылкою душою, преподобный Иоанн приобрел у него кротость и смирение агнца. Раз сказал ему один брат:

– У тебя злое сердце.

– Это правда, – с кротостью отвечал ему Иоанн, – и даже более злое, чем ты думаешь.

Так умел он кротко переносить обиды.

Живя сначала под чужим руководством, преподобный Иоанн впоследствии и сам приобрел способность мудро руководить другими. Господь судил ему быть руководителем и наставником преподобного Арсения Великого, впоследствии так же, как и он, прославившегося великими подвигами[7194]. Этот Арсений, патриций по происхождению, прибыл в пустыню прямо от императорского двора, где он был наставником детей императора Феодосия Великаго: Гонория и Аркадия. Оставив двор, где его окружали великие почести, он, будучи сравнительно еще молодым (ему было тогда около сорока лет), но уже духовно опытным подвижником, решил для продолжения своего духовного развития и дальнейшего совершенствования

отдать свою волю в безусловное распоряжение преподобного Иоанна. Некоторым из братий на первых порах казалось странным, что муж столь высокообразованный и столь знатного происхождения пришел для своего дальнейшего просвещения к простым и неученым старцам. Один из братий не мог скрыть своего любопытства и спросил его однажды:

– Как это ты, изучивши греческие и римские науки, просишь наставления у простого и непросвещенного старца?

– Правда, что я владею научным образованием, – отвечал Арсений, – но я не знаю даже азбуки того, что знает этот простой и неучёный человек, потому что (пояснил он) смирение есть начало всех добродетелей, как азбука – начало книжного бытия.

Так ценил он смирение, процветавшее в обители некогда пылкого и горделивого Иоанна. Лишь после нескольких лет совместной подвижнической жизни, когда Арсений услышал таинственный голос, призывавший его бежать от людей и пребывать в молчании, потому что «молчание есть корень безгрешности», преподобный Иоанн благословил его оставить сожительство и предаться полному уединению и безмолвию в пустыне. Но сильная любовь к своему смиренному наставнику и всем его ученикам заставляли его не раз оставлять свое пустынное уединение и вновь возвращаться на некоторое время в обитель.

Ревнуя о своем спасении, преподобный Иоанн с равным же усердием заботился и о спасении других. В городе Александрии в его время жила некая девица Таисия. Воспитанная благочестивыми родителями, она по смерти их всё доставшееся ей состояние употребила на дела благотворительности. Скитские старцы, среди которых жил преподобный Иоанн, приходя в город, не раз встречали для себя приют в её доме. И вдруг до старцев дошли слухи, что Таисия давно, уже прожила свое состояние и теперь, будучи не в силах бороться с бедностью, обратила свою красоту и молодость в источник средств для своего содержания. Сильно скорбели старцы, узнав о таком падении добродетельной Таисии и решили, наконец, сделать попытку к отвлечению сироты от её погибельного

заблуждения. Это трудное дело они решили возложить на преподобного Иоанна.

– Бог дал тебе мудрость, – обратились они к нему, – между тем до нас дошли слухи, что столько благотворившая нам сестра Таисия живет очень дурно. Потрудись, авва, побывай у ней и поговори с нею, не придет ли она после твоих речей в себя.

Помолился преподобный Иоанн и вскоре же отправился в путь. Он знал, что медлить в таком деле нельзя. С каждым часом Таисия могла опускаться в глубину все большего и большего падения. Вот, он и пред домом Таисии, но теперь уже вход в него для старцев закрыт. Как раньше в него входили все, желавшие что-либо вынести из него на нужды свои, так теперь, наоборот, входили в него только те, которые несли с собою деньги и сокровища. Старец кротко обратился к прислужнице с просьбою доложить госпоже о его приходе. Но при перемене в настроенности госпожи произошла перемена и в её прислужницах. Грубая служанка, зная, что у смиренного старца ничего не может быть общего с её госпожою, отвечала сильною бранью на его просьбу. С кротостью принял её брань преподобный старец и вновь повторил свою просьбу только с таким добавлением:

– Скажи еще госпоже твоей, что я могу достать ей драгоценные вещи.

Тогда прислужница решилась доложить о нем госпоже.

– Пусть войдет, – сказала Таисия, – иноки ходят по берегам моря, и им иногда действительно попадаются драгоценные раковины и каменья.

Вошел преподобный Иоанн к Таисии, сел около неё, вздохнул тяжело и заплакал.

– О чем ты плачешь? – удивилась Таисия.

– Что отвратило тебя от Иисуса Христа, Жениха Бессмертного? Зачем ты забыла о Его чертоге и грязнишь себя нечистыми делами? – спросил ее преподобный.

И вдруг вспомнился несчастной женщине давно забытый ею Христос, любить Которого в детстве учили ее покойные ее родители. Слова старца Божия, как огонь, сожгли все плевелы,

заглушившие добрые семена, давно посеянные в её сердце. Искреннее раскаяние быстро охватило и потрясло все её существо.

– Отец! Отец! Скажи мне: есть ли прощение для подобных мне? – воскликнула она в страшном исступлении.

– Есть, – отвечал старец, – Спаситель всегда ждет и прощает тех, кто истинно раскаивается. Покайся и возрадуются о тебе все Ангелы на небесах!

– Веди же, веди меня прочь от этого места, веди куда хочешь, только укажи мне место удобное для покаяния, – просила старца Таисия.

Она ушла с ним из своего осквернённого грехами многих дней дома, не сделав решительно никаких распоряжений относительно своего незаконно нажитого состояния. Она вся горела пламенным желанием никогда не вступать более на избранный было ею скользкий и беспечный путь жизни. Дивился преподобный Иоанн чудному действию Божией благодати, и, прославляя Всемогущего и Милосердого Господа, вёл свою путницу все далее и далее в пустынные места, в даль от греховного города, где она едва не погубила себя. Настала ночь. Утомленной путнице преподобный сделал из песка изголовье и сказал: «Отдохни теперь». Перекрестив ее, он отошел от неё и после обычных вечерних молитв предался и сам ночному отдыху. И видит во сне старец то место, где он оставил Таисию: окружено оно необычайным сиянием, восходящим до самых небес; и вот небесный Ангел среди этого сияния возносит её истерзанную душу к самому Господу. Как только пробудился старец от сна, тотчас же поспешил к тому месту, где оставил Таисию, и, достигнув его, действительно нашел ее уже мертвою.

– Один час искреннего покаяния грешницы удовлетворил Милосердого Судию и возвратил заблуждшееся дитя к её Любвеобильному Отцу, – изрёк преподобный, и, пробыв до рассвета в молитвах, утром похоронил тело блаженной Таисии. Возвратившись в обитель, он великую радость доставил всем инокам своим рассказом о чудном раскаянии и прославлении известной им всем Таисии.

Преподобный Иоанн Колов известен еще как и писатель. Помимо многих изречений его, записанных другими иноками, от него осталось подробное и прекрасное описание жития преподобного Паисия, составленное им, как он сам выражается «для общей пользы». Этого Паисия, совратившегося с доброго пути, преподобный Иоанн успел так убедить, что тот, внезапно и безвозвратно отступившись от всего своего состояния, провел остальную свою жизнь в покаянии в дикой пустыне. Передав в житии о многих чудесах, совершенных преподобным Паисием, преподобный Иоанн счёл нужным сделать от себя такое замечание:

– Да не усомнятся, слыша о нем славное и сверхестественное, и да не подумают, что я что-либо прибавил от себя для большей чести любезного мне отца. Он выше всякой человеческой чести и не требует от низших хваления, ибо похваляем в высших от святых Ангелов. Я рассказываю для пользы слушающих и желающих подражать его добродетелям; я передаю только то, что видел своими глазами и слышал своими ушами.

Это краткое замечание хорошо выясняет личность преподобного Иоанна, как писателя.

Время блаженной кончины преподобного Иоанна в точности не установлено. Приблизительно относят то к 422-му году, то к 430-му. Что касается места, где она совершилась, то им была пустыня близ Кольцума, или нынешнего Суэца. Святые мощи его находятся в церкви св. мученика Мины в Египте. Имя его, как древнего подвижника благочестия, известно и за пределами Православной Церкви.

Память святых мучеников Онисифора и Порфирия

Память 9 ноября

Святые мученики Онисифор и Порфирий жили в царствование Римского императора Диоклетиана. Во время жестокого гонения, воздвигнутого этим нечестивым царем на христиан, и они сподобились претерпеть за Христа тяжкие мучения. Их подвергнули бесчеловечному биению по всему телу и многоразличным, страшным истязаниям. После того мучители положили страстотерпцев Христовых на длинные сковороды и, разведши огонь, жгли их. Наконец, их привязали к свирепым, диким коням. Влачимые ими по каменистой и неровной почве, святые мученики были совершенно растерзаны и в таких мучениях предали души свои Богу. Верующие ночью тайно собрали останки их и с честью погребли в селении Пангианском, где от них стали истекать многоразличные чудеса и исцеления, во славу дивного во святых Своих Бога в Троице славимого[7195].

Кондак, глас 2:

Мученик двоица пострадавше крепко, вражию гордыню на землю низложиста, озаришеся благодатию несозданныя Троицы, славнии Онисифоре и Порфирие, молитеся непрестанно о всех нас.

Память преподобных Евстолии и Сосипатры

Память 9 ноября

Святая Евстолия, дочь благочестивых родителей, проживала в Риме при царе Маврикии[7196]. От самого юного возраста она соблюдала чистоту, пребывала в посте и бодрствовании. Пришедши в возраст, она так возлюбила благочестие, что оставила Рим и удалилась в Константинополь, где и посвятила себя подвигам иноческой жизни в одном из монастырей.

Однажды Сосипатра, дочь императора Маврикия, отправилась в Влахернскую церковь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии[7197]. Здесь она встретила Евстолию, слава о добродетельной жизни которой уже распространилась в городе. Тогда Сосипатра стала просить блаженную Евстолию, чтобы она сделалась для неё духовною матерью и хранительницею её тела. Евстолия согласилась и тогда Сосипатра приняла иноческий чин, упражняясь в трудах и подвигах. Она выпросила у своего отца удобное место и там, построивши церковный дом, поселилась вместе со святой Евстолией. С течением времени некоторые благочестивые девицы стали просить их, чтобы они позволили проходить вместе с ними многотрудное иноческое житие, приняли их в свой дом. Святые жены не отказали им в их желании. После многих лет подвигов блаженная Евстолия, наставив многих на путь спасения, отошла ко Господу, оставивши преемницею себе блаженную царевну Сосипатру. Блаженная Сосипатра управляла монастырем по примеру своей духовной матери и, достигнувши совершенства в добродетельной жизни, с миром отошла ко Господу, Которого возлюбила и ради Которого восприяла такую многотрудную жизнь[7198].

Память святого мученика Антония

Память 9 ноября

Святой Антоний происходил из Сирии и был по ремеслу каменщик. Сожалея о язычниках, приносящих в своих храмах жертвоприношения, святой умолял их отступить от такового нечестия. Когда они не послушали его, он ушел в одно пустынное место. Здесь он встретил некоего отшельника, по имени Тимофея, и с ним прожил два года. Укрепленный его молитвами, он снова отправился к заблуждающемуся народу, в свой город, чтобы направить его на путь истины. Пришел он в свой город тогда, когда жители справляли праздник своим бесам. Он вошел в храм их и сокрушил идолов, за что и подвергся различным мучением и принужден был выйти из города. Тогда он отправился в Апамею Сирийскую[7199] и там упросил епископа, чтобы тот позволил построить церковь во имя Святой Троицы. Когда он начал постройку храма, узнали об этом жители его города и ночью пришедши разрубили его мечами на части. Так он предал дух свой Богу.

Память святого мученика Александра Солунского

Память 9 ноября

Святой Александр претерпел суровые мучения при царе Максимиане[7200]. Исповедавши себя христианином, он был схвачен и принуждаем принести жертву идолам. Он же не только не покорился, но исполнившись большею ревностью по Богу, ниспровергнул жертвенник с жертвою. Разгневанный Максимиан приказал отсечь ему голову. Палач взяв меч, вдруг остановился.

– Что же ты стоишь, – сказал ему царь, – и не исполняешь приказаний.

– Я, – отвечал тот, – вижу видение и недоумеваю, что оно может означать.

Тогда святой выпросил себе час для молитвы. Совершив усердную молитву, он был обезглавлен. Увидав, что его душе предшествует Ангел, царь позволил христианам погребсти тело святого в городе Солуни.

Страдание святого мученика Ореста

Память 10 ноября

Когда в Риме царствовал нечестивый император Диоклетиан, к нему однажды пришел один из его сановников, по имени Максимин, и сказал:

– Великий государь, избранник богов и верховный вождь, молю тебя, повели мне пройти Киликийские и Каппадокийские страны и предать различным мучениям ненавистных христиан, противников наших богов и твоей власти. Я сожгу их в огне, потоплю в воде, раздроблю их тела на колёсах и сломаю их кости, убью мечом, отдам на съедение зверям, и, погубляя их всякими способами, истреблю и самую память на земле о тех, кои не поклоняются великим богам и не повинуются твоему владычеству.

Такая речь Максимина очень понравилась царю, и он отвечал ему:

– Даю тебе власть уничтожить всё нечестивое христианство не только в Киликии и Каппадокии, но и во всем моем царстве, да умножится и возвеличится слава отечественных богов, наших владык и покровителей всей земли.

Приняв такую власть от царя, Максимин с великою гордостью и озлоблением, подобно тому, как хищный волк на овец, или как лев, рыкающий на слабейших зверей, отправился губить неповинных христиан. Достигнув Каппадокийской страны, он вошел в один город, называемый Тианы[7201], и когда стал там спрашивать о христианах, то услыхал от граждан, что в этом городе есть врач, христианин, по имени Орест, который каждодневно с большим усердием учит народ почитать Сына Божия Иисуса Христа и говорить, что нет другого бога, кроме Единого истинного Бога, сущего на небесах. Князь Максимин, услыхав это, повелел тотчас взять Ореста и привести к нему на суд.

Когда Орест был приведен на нечестивый суд, князь гордо посмотрел на него и грозно спросил:

– Кто ты такой? Скажи нам твое имя!

Святый отвечал:

– Я раб Господа моего Иисуса Христа, Единого Бога всех, имя мое христианин, ибо Кого я раб, Того именем и похваляюсь.

Князь сказал ему:

– Так как ты дерзнул называть богом Христа, а себя исповедал христианином, то ты достоин казни; но оставь свое безумие и принеси жертву богам, чтобы тебе не претерпеть мучений.

Святый Орест отвечал на это:

– «Так говорите им: боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер. 10:11), а я еще от отрочества своего научился приносить жертву хвалы Богу живому, Коего почитаю чистым сердцем, твоим же бесстыдным и суетным бесам, которых ты называешь богами, не поклонюсь.

Князь снова спросил Ореста:

– Отчего ты не скажешь нам твоего имени, которое тебе дано при рождении?

– Я сказал тебе, – отвечал святый, – что я христианин, и это имя для меня гораздо славнее имени, данного мне родителями, и выше всех знаменитых имен в мире. Если же ты желаешь знать то имя, какое я имею от рождения, я скажу тебе: от плотского рождения я получил имя Орест, от духовного же рождения называюсь христианином; а так как духовное рождение выше плотского, то я и считаю для себя большею честью называться христианином, нежели Орестом.

Тогда князь, надеясь хитростью соблазнить раба Христова, стал ему говорить так:

– Жалею я, Орест, твою молодость, и желаю пощадить тебя; слышал я, что ты и во врачебном деле искусен, и потому не буду тебя губить, но советую исполнить царское распоряжение. Сделав так, ты будешь мне вместо сына, будешь почитаем и прославляем всеми; о тебе узнает царь и от него ты получишь великую милость.

Но святый отвечал:

– Не прельстишь меня, князь, хитрыми твоими словами, ибо я не ищу временной почести и не избегаю поношения за Господа моего, но готов претерпеть за Него всевозможные

мучения, потому что желаю обрести Его благоволение и наречься Его сыном в Царстве Небесном, ибо «которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Иоан. 1:12).

На сие князь сказал Оресту:

– Безумный и дерзкий человек, ты прельщаешься, считая Единым Богом Христа, Коего, как злодея, распяли Иудеи.

Орест отвечал ему:

– Если бы ты узнал великую силу Распятого, то отверг бы суетное почитание идолов и поклонился бы Тому, Кто действительно есть Бог, рожденный от истинного невидимого Бога, соединивший Своею волею Божеское естество с человеческим и избавивший нас от пагубного диавольского прельщения.

Выслушав ответ Ореста, князь сказал ему:

– Своими лукавыми словами ты раздражаешь мой слух; неужели ты и меня хочешь обратить в твою нечестивую веру? Знай, что своих богов я не оставлю и вашему Христу не поклонюсь, а тебе скажу: оставь твоего Христа, поклонись нашим богам и принеси им жертвы, и если это сделаешь, получишь власть, равную моей.

Но сие не прельстило святого, и он ответил князю:

– Я поклоняюсь вечному Богу, всегда мне оказывающему благодеяние, – Господу Иисусу Христу, и Ему служу, бесам же вашим не принесу жертвы и никогда не буду участником в вашем пагубном нечестии.

После этого князь привел святого Ореста в идольский храм, украшенный золотом и серебром и наполненный драгоценными идолами, и там сказал ему:

– Поклонись, Орест, сим честным богам.

Но святой отвечал на это:

– Ты сильно ошибаешься, князь, не зная истины: твои боги сделаны на соблазн людям из золота, серебра, меди и из железа; они не видят, не слышат, так как сделаны руками людей, и не могут ни себе помочь, ни кому-нибудь другому сделать добро, – ради чего же я буду им поклоняться?

Тогда князь снова сказал святому:

– Ответь мне в последний раз, Орест, поклонишься ли ты богам, или нет – иначе ожидают тебя мучения.

Святой отвечал:

– Ты думаешь, князь, что я страшусь твоих угроз? Нет, не надейся устрашить меня мучениями, но сделай, что желаешь; ведь ты не знаешь, что со мною Господь Иисус Христос, мой помощник.

После этого князь повелел обнажить святого Ореста и сильно бить его тут же в идольском храме. А святой, когда начали его мучить, поднял руки к небу и говорил:

– Призри с небес, Боже мой, и помоги мне, рабу Твоему.

Святого били без снисхождения различными орудиями: палками, верёвками и воловьими жилами – и столько времени били его, что сорок воинов переменились, орудия сломались и разорвались, а на теле святого не осталось целого места, свободного от ран, и обнажились его внутренности. Но святой Орест всё мужественно переносил, так что все удивлялись такому его терпению.

В то время как святого били, князь говорил ему:

– Принеси жертву богам и я отпущу тебя.

Но страдалец ничего не отвечал на это. Потом князь приказал опалять ребра святого раскалённым железом, возливать на раны его уксус, смешанный с желчью, и посыпать их солью. А святой мученик, возведя свои очи к небу, молился: «покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня» (Пс.85:17). И, так помолившись, дунул на идолов, стоявших в храме, и они тотчас все упали и рассыпались в прах. Тогда святой громким голосом сказал князю:

– Где же сила твоих богов, отчего же они не помогли себе?

Все бежали вон из храма, объятые сильным ужасом, вышел и святой мученик, и как только вышел, весь храм потрясся и развалился.

Князь приказал отвести святого Ореста во внутреннюю темницу и повелел темничному сторожу не давать святому ни хлеба, ни воды, но мучить его голодом и жаждою. А святой

Орест, войдя в темницу, поднял свои руки к небу и стал молиться:

– Господи Иисусе Христе, научивший меня благочестию еще от юности моей, и отогнавший от меня всякое нечестивое пожелание, заблуждение и прельщение, создавший небо, землю и море для людей, приведший в Свой покой святых Твоих Авраама, Исаака и Иакова! Молю Тебя, не оставь и меня, ибо я всего себя отдал Тебе, сопричисли и меня к лику пострадавших за Твое Имя и наследовавших Твое Царство.

Так молился святой и пробыл в темнице без пищи и питья семь дней. На восьмой день князь велел вывести святого из темницы и привести к нему на суд, где сказал ему:

– Дерзкий и нечестивый человек, враг наших богов, ты всё еще ожесточен и не желаешь покориться! Знай же, что если ты не поклонишься богам, то я предам тебя ужасным мучениям и без снисхождения лишу тебя жизни, а твое нечестивое тело повелю утопить в воде.

Святый Орест на это ответил:

– Я готов претерпеть всякие мучения, ибо я в сердце своем всегда ношу образ Господа моего Иисуса Христа.

Тогда мучитель исполнившись ярости, повелел принести двенадцать железных гвоздей, длиною в пядень[7202], и вбить их в пятки святому Оресту. Когда это было сделано, князь повелел привязать святого Ореста к дикому коню и влачить до тех пор пока святой не умрет. Конь, сильно гонимый, влачил святого по дорогам и по полям, по терновнику и по острым каменьям, и в этих мучениях святый страстотерпец Орест предал дух свой Господу Богу[7203], будучи увлечен конём за двадцать четыре поприща[7204] от города. Тело его мучитель повелел бросить в реку, называемую Фива. Но вдруг явился некий, светлый как солнце, человек и, собрав мощи святого, предал их погребению на горе, близ города Тианы. Богу нашему слава, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Написатель сего жития[7205], приготовив уже его к печатанию во святой великой Киево-Печерской лавре, в 1685 году от Рождества Христова, и окончив описание страданий сего святого мученика Ореста в одну ночь святого поста пред

Рождеством Христовым, незадолго до заутрени, в сонном видении, получил откровение о еще больших страданиях святого мученика. Во сне явился ему сам святой мученик Орест и, смотря на него весёлым взором, сказал:

– Я больше пострадал за Христа, нежели ты написал. Сказав так, мученик открыл свою грудь и показал в левом боку великую рану, проникающую до самых внутренностей, и сказал:

– Сие мне железом прожжено.

Потом, открыв правую руку до локтя, показал рану около самого локтя, говоря:

– Сие мне перерезано.

В сей ране были видны перерезанные жилы. Также, открыв левую руку, святый показал на ней такую же рану, как и на правой руке, и сказал:

– И здесь мне перерезано.

После этого, наклонившись, мученик обнажил до колена ногу и показав на сгибе колена рану, а также обнажив и другую ногу до колена и показав такую же рану на том же месте, сказал:

– А сие мне косою рассечено.

Затем, став прямо и смотря в лицо написателю жития сего, мученик сказал:

– Видишь, что я больше пострадал за Христа, нежели ты написал.

Когда написатель думал, какой же сей Орест, не тот ли, который пострадал в числе пяти мучеников[7206], то святой мученик ответил на его мысль:

– Я не тот Орест, который пострадал в числе пяти мучеников, но тот, житие коего ты написал сегодня.

Во время этих слов святого Ореста послышался благовест к утрене, и видение окончилось.

Страдание священномученика Милия

Память 10 ноября

Святой епископ Милий происходил из Персидской страны[7207].

Приняв святое крещение, он еще в юных летах занялся изучением Священного Писания. Достигши совершенных лет, он задумал служить в военном звании при бывшем тогда Персидском царе. Но ему было видение от Бога, в котором с угрозами запрещено было поступать в военное звание. После этого он, получив христианское образование[7208], пребывал в непрестанных молитвах о себе и о своем народе, и, спустя некоторое время, оставил свой город и предался иноческой жизни в Сузах, в стране Еламской[7209]. Затем он был рукоположен в сан епископа Геннадием, мучеником и исповедником. Святой Милий много потрудился, обличая и словами и делами обитавших там закоренелых язычников, за что подвергся со стороны их грубым оскорблениям; наконец, раздраженная толпа избила его и полумёртвого бросила за городом. Это вынудило его оставить Сузы. Удаляясь, святой предрёк скорую гибель Сузам.

Не прошло и трех месяцев, как предсказание это исполнилось. На этот город сильно разгневался царь[7210], вследствие злоупотреблений и заговора градоправителя и других знатных Еламитян, и выслал войско, которое разрушило вконец самый город, а жителей избило мечами. Святой же отправился в Иерусалим, а оттуда к Аммону, ученику великого Антония, в пустыню Нитрийскую. Пробывши там два года, он возвратился в Персию. По дороге он зашел к одному иноку, проживавшему в пещере. Войдя в вертеп, он увидал огромного змия и сказал:

– Оружие Господне да погубит тебя, змий!

И, сотворив крестное знамение, святой дунул на змия, и змий тотчас умер. Отсюда он отправился в свой город, где построил церковь, для того, чтобы выпросить прощение

непокорившемуся и уже претерпевшему строгое наказание народу.

По прошествии многих лет, он отправился в Ктезифонт[7211], где в это время происходил собор против одного епископа, по имени Папы[7212]. На этом соборе Милий обличил епископа сего в его неправильных притязаниях. И после того как епископ Папа стал укорять и унижать святого, похваляясь своими трудами, святой предрек ему имевший вскоре постигнуть его суд Божий. И действительно, на следующий же год осужденный Папа умер.

Из Ктезифона Милий отправился в другой город. Князь этого города был сильно болен уже два года. Узнав о пришествии святого, он послал просить его, чтобы он посетил страждущего и помолился о нем. Когда посланный передал это святому, последний сказал ему:

– Иди и скажи пославшему тебя больному: так велит епископ: во имя Иисуса Христа, Коего я, недостойный, проповедую, препояшь, не взирая на болезнь твою, чресла свои и приди ко мне, чтобы я увидал тебя.

Как только посланный воротился и передал князю повеление святого, болезнь князя прошла, и он выздоровел, как будто никогда и не болел. Пришедши ко святому, он припал к честным стопам его и, обнимая их, целовал. При этом он воссылал благодарение Богу, прославившему так святого мужа. Это преславное чудо обратило многих ко Христовой вере. Святой Милий в стране той изгонял из людей бесов; расслабленную жену, в течение 10 лет не сходившую с одра, исцелил, взявши за руку; одного мужа, ведшего неправильный суд и даже давшего ложную клятву и ни во что поставившего слова святого, он, для назидания многим, наказал проказою, как Елисей Гиезия (4Цар. 5:1–27). Ввиду этого, многие приходили к нему и исповедовали христианскую веру. Много чудесных знамений сотворил святой Милий и в других местах.

Наконец, он воротился на родину и там обратил многих ко Христу. Услыхав о сем, правитель области Гормизда Гуфриз повелел заключить в темницу Милия и двух его учеников. Когда затем святые исповедники, по его приказанию, были приведены к нему на суд, жестокий правитель стал допрашивать их об их

вере, угрожая смертью, если они не докажут истинности своей веры. Но Милий на сие безбоязненно отвечал:

– Вера моя истинная, и я не стану из-за лживых речей твоих защищать ее. Мое учение чисто, и для твоего нечистого слуха я не буду раскрывать его, но скажу тебе истину. Горе тебе, безбожный злодей, и всем, подобно тебе, оскорбляющим Бога! По правде Своей Он в будущем веке осудит вас на геенну и её страшный мрак, и вы будете вечно мучиться плачем и скрежетом зубов, ибо вы не хотите познать Подателя благ, коими похваляетесь и утешаетесь.

Видя твёрдую веру исповедников Христовых и раздраженный обличением святого Милия, Гормизда в гневе вскочил и пронзил мечом грудь святого. Также и брат правителя Нерсес, объятый таким же бешенством, ударил святого ножом в сердце. Страстотерпец же Христов, еще дыша, сказал царю и его брату:

– Так как вы совещались убить меня, совершенно неповинного, то завтра, в тот же час, в которой пронзили меня, вы прольёте кровь друг друга, и ваша мать останется бездетною.

Сказав это, он предал дух свой. Двух учеников святого нечестивые правители повелели побить камнями[7213]. Тела святых мучеников, при пении церковном, были преданы верующими честному погребению.

На другой день нечестивый правитель отправился вместе со своим братом на охоту, не обратив никакого внимание на слова святого. Увидавши оленя, они оба устремились за ним и погнались в след оленя. Когда, измучив оленя, они стали стрелять в него, то по ошибке, попали друг в друга и так скончались.

Память святых Апостолов Олимпа, Родиона, Сосипатра, Ераста и Кварта

Память 10 ноября

Святые принадлежали к лику семидесяти Апостолов Христовых. Из них Олимп или Олимпан, о котором вспоминает Апостол Павел в послании к Римлянам (Рим.16:15), последовал за Апостолом Петром в Рим, и там, по повелению Римского императора Нерона, был усечен мечом в тот же день, в который распят святый Апостол Петр.

Точно так же и Апостол Родион или Иродион, бывший сродником святому первоверховному Апостолу Павлу (Рим.16:11) и проповедовавший слово Божие в Патрах[7214], где был и епископом, спутешествовал Апостолу Петру в Рим и в день распятия его был обезглавлен[7215].

Святый Апостол Сосипатр был родом из Ахаии[7216] и также приходился сродником Апостолу Павлу, о чем упоминает сам Апостол Павел в послании к Римлянам (Рим.16:21). Вместе с святым Апостолом Иасоном он был учеником Апостола Павла и предпринимал Апостольские путешествия. Потом был епископом Иконийской[7217] церкви и в маститой старости скончался в мире[7218].

Подобным образом в мире отошел ко Господу и святый Апостол Ераст, о коем также упоминает святый Апостол Павел в послании к Римлянам (Рим.16:23). Святый Апостол Ераст был сначала диаконом и казнохранителем Иерусалимской церкви, а потом епископом в Панеаде[7219].

Святый Апостол Куарт или Кварт, упоминаемый святым Апостолом Павлом (Рим.16:23), много пострадал за свое благочестие, обратил многих греков к вере во Христа и мирно скончался в сане епископа города Верита[7220].

Ныне все сии святые Апостолы предстоят пред престолом Божиим в вечном веселии, приемля от Бога воздаяние за многочисленные свои подвиги и труды[7221].

Кондак, глас 2:

Божественным светом ум озаривше, витийская плетения мудре разористе: и языки вся уловивше, Апостоли славнии, Владыце приведосте, Троицу Божественную славити научающе.

Страдание святого великомученика Мины

Память 11 ноября

Святой мученик Мина был родом египтянин; он исповедовал христианскую веру, и служил в войске, находящемся в Котуанской области[7222], под начальством тысяченачальника Фирмилиана. В то время в Риме царствовали вместе два нечестивых царя Диоклетиан и Максимиан[7223]. Эти цари издали по всем странам указ, повелевающий предавать мучениям и умерщвлять всех христиан, не поклоняющихся идолам. Согласно этому указу, верующие во Христа повсюду были принуждаемы к идольским жертвоприношениям. Тогда блаженный Мина, не желая видеть такого бедствия и почитание бездушных идолов, оставил свое воинское звание и ушел на горы, в пустынные места, желая лучше жить со зверями, нежели с людьми, не знающими Бога. Святой Мина долгое время скитался в горах и в пустынях, поучаясь в Законе Божием, постом и молитвою очищая свою душу и служа день и ночь Единому Истинному Богу. Так прошло довольно много времени.

Однажды в главном городе Котуанской области был устроен нечестивый праздник, на который собралось множество язычников. Они совершали в честь своих нечестивых богов различные игры, зрелища, конские ристалища и состязание в борьбе, на каковые зрелища с особо устроенных высоких мест смотрели жители всего города. Блаженный Мина, провидя Святым Духом об этом празднике, разжегся ревностью о Боге и оставив горы и пустыни пришел в город. Вошедши на средину того места, где происходили зрелища, мученик встал на возвышении так, чтобы его можно было видеть всем, и громким голосом воскликнул: «Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне» (Рим.10:20).

Когда святой Мина так воскликнул, все присутствующие на зрелище устремили свои взоры на него и замолчали, удивляясь его смелости. Присутствовавший тут же на зрелище князь того города, по имени Пирр, повелел взять святого и спросил его:

– Кто ты?

Святой Мина вслух всего народа громко воскликнул:

– Я раб Иисуса Христа, Владыки неба и земли.

Князь снова спросил святого:

– Ты чужестранец, или здешний житель; откуда у тебя такая смелость, что ты осмелился среди зрелища так закричать?

Когда князь говорил это, а святой еще не успел ответить на его слова, некоторые из находившихся около князя воинов признали Мину и вскричали:

– Это Мина воин, который состоял под начальством Фирмилиана тысячника.

Тогда князь сказал святому Мине:

– Точно ли ты был воином, как они говорят о тебе?

Святой отвечал:

– Да, правда, я был воином и находился в сем городе, но видя нечестие людей, прельщенных бесами, и поклоняющихся идолам, а не Истинному Богу, я оставил свое воинское звание и ушел из города, чтобы не быть участником в беззаконии и погибели этих людей. До нынешнего дня я скитался в пустынях, избегая соприкосновения с нечестивыми людьми, врагами Бога моего; ныне же, услыхав, что вы устроили нечестивый праздник, я проникся ревностью о Боге моем и пришел сюда, чтобы обличить вашу слепоту и проповедать вам Единого Истинного Бога, создавшего Своим Словом небо и землю и промышляющего о всей вселенной.

Услышав такие слова, князь повелел отвести святого в темницу и стеречь его до утра, а сам весь тот день участвовал в празднике и зрелищах.

На другой день утром князь сел на судилище и, приказав привести святого Мину из темницы, всякими способами старался склонить его к идолопоклонству: и обещая дары, и угрожая муками. Когда же он не мог склонить святого к нечестию своими словами, стал принуждать его к тому делом, приказав четырем воинам обнажить и растянуть святого и без пощады бить его воловьими жилами, так что из ран мученика текла кровь ручьём. Присутствовавший при этом один человек, по имени Пигасий, сказал святому Мине:

– Пожалей себя, человек, и исполни княжеское повеление, прежде чем тело твое не будет совершенно уничтожено. Советую тебе: поклонись богам только на время, чтобы избавиться от этих мучений, а потом опять служи твоему Богу, который не прогневается на тебя за сие отступление, если ты один раз только принесешь жертву идолам и на короткое время обратишься к ним, ради нужды, чтобы избавиться от этих тяжких мучений.

Но святой с гневом отвечал на это:

– Отойди от меня, делатель беззакония, я уже принес жертву хвалы и снова принесу только Богу моему, Который оказывает мне Свою помощь и так укрепляет меня в терпении, что сии мучения для меня кажутся весьма лёгкими и отрадными, а не тяжкими.

Мучитель, изумлённый таковым терпением мученика, повелел подвергнуть святого Мину еще большим мукам. Святой был повешен на дереве и тело его строгали железными когтями, а мучитель, насмехаясь над святым, говорил ему:

– Чувствуешь ли ты какую-нибудь боль, Мина, или сии мучения для тебя очень приятны, и ты хочешь, чтобы мы еще увеличили их?

Но святой мученик, хотя и сильно страдал, однако, с твёрдостью ответил князю:

– Не победишь меня, мучитель, кратковременными сими мучениями, ибо мне помогают, невидимые для тебя, воины Царя Небесного.

Князь повелел слугам еще сильнее мучить святого и говорить ему:

– Не исповедуй здесь другого царя, кроме Римских императоров.

Мученик же отвечал на это:

– Если бы вы знали истинного Царя, вы бы не хулили Проповедуемого мною, ибо Он истинный Царь небу и земли, и кроме Его нет другого. А вы хулите Его, не зная, и сравниваете с Ним своих тленных царей, созданных из праха, которым Он дал царское достоинство и царскую власть, так как Он есть Господь всего сотворенного.

Тогда князь сказал святому:

– Кто это такой, дающий власть царям и владычествующий над всеми?

Мученик отвечал князю:

– Иисус Христос, Сын Божий, вечно живущий, Коему повинуется всё и на небе и на земле; Сей возводит царей на престолы и царствует, дает власть и владычествует.

Мучитель же сказал святому Мине:

– Разве ты не знаешь, что Римские императоры сильно гневаются на всех исповедующих имя Христово и повелевают убивать таковых?

Мученик отвечал:

«Господь царствует: да трепещут народы! Он восседает на Херувимах: да трясется земля» (Пс. 98:1). Если ваши цари гневаются на Христа и на христиан, исповедующих Его имя, то что мне до сего? Я не обращаю внимание на их гнев, ибо я раб моего Христа, и имею только одно желание быть исповедником Его всесвятого имени до самой смерти и да наслаждусь Его сладкой любви, от коей меня никто не может отторгнуть: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим. 8:35).

После этого мучитель повелел сильно растирать раны святого платком, сделанным из волос. И когда сие делали, то святой мученик говорил:

– Ныне я совлекаю кожаную одежду и облекаюсь в ризу спасения.

Кроме сего мучитель повелел опалять святого зажженными свечами, но, и когда жгли все тело святого, он молчал.

Тогда князь спросил его:

– Чувствуешь ли ты, Мина, сей огонь?

Святой отвечал: «Бог наш есть огнь поядающий» (Евр. 12:29).

Тот, за Кого я стражду, помогает мне, и поэтому я не чувствую огня, коим меня опаляете, и не страшусь ваших многоразличных мучений, ибо помню евангельские слова моего Господа: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих

убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28).

Тогда князь сказал мученику:

– Откуда у тебя такое красноречие? Ты всё время был воином, каким же образом ты умеешь говорить, как человек, прочитавший много книг?

Святой отвечал на это князю:

– Господь наш Иисус Христос сказал нам: «И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Мф. 10:18–19).

Князь спросил святого:

– А ваш Христос знал, что вы будете за Него терпеть такие мучения?

Мученик отвечал:

– Поелику Он Истинный, то имеет и ведение будущего. Ведал и ведает всё, что есть; и всё имеющее быть Ему известно, и Он знает наперед все наши мысли.

Князь, не зная, что отвечать на сие святому, сказал ему:

– Оставь, Мина, свое празднословие и избери себе одно из двух: или будь нашим, и мы перестанем тебя мучить, или будь Христовым, и мы тебя умертвим.

На это святой громким голосом отвечал:

– Я Христов был, и есмь, и буду Христов.

Князь сказал:

– Если ты пожелаешь, я отпущу тебя на два или на три дня, чтобы ты хорошенько поразмыслил, и сказал нам последнее слово.

Но святой отвечал:

– Не два и не три дня, но много лет я исповедую веру Христову, но у меня никогда и в мыслях даже не было отречься от Бога моего, поэтому и теперь мне не подобает размышлять о сем. Не надейся, князь, слышать от меня что-нибудь другое, но вот мое последнее слово: от Бога моего я не отрекусь, вашим бесам не принесу жертвы и не преклоню колен моих перед бездушными идолами.

Такой твёрдый ответ мученика сильно разгневал князя, и он повелел разбросать по земле крючки, трезубцы и различные железные гвозди, и влачить по ним связанного святого мученика. Но сей, как будто влачимый по мягким цветам, еще сильнее порицал многобожие язычников и смеялся над безумием людей, прельщенных бесами. А князь повелел влачимого святого еще бить оловянными прутьями. И так святого Мину мучили долгое время.

В это время один из бывших при сем воинов, по имени Илиодор, сказал мучителю:

– Князь, разве твоя светлость не знает, что христиане безумны и не боятся мучений, перенося их так, как будто они подобны бездушным камням или деревьям, а смерть считают сладким питьем. Не утруждай более себя, но повели скорее умертвить сего ожесточенного христианина.

И князь тотчас изрек такой приговор над святым: «Злого Мину воина, впадшего в христианское нечестие, и не пожелавшего послушать царского повеления и принести жертву богам, мы повелеваем усекнуть мечом, а тело его пусть будет предано сожжению перед всем народом».

Воины взяли святого мученика Мину и отвели его за город, где и отсекли ему главу, и разжегши большой костер, бросили в него многострадальное тело святого мученика.

Некоторые же из верующих, когда погас огонь, пришли на сие место и собрали оставшиеся от сожжения части мощей святого, и обернувши их чистою пеленою, помазали ароматами[7224]. Спустя же немного времени они принесли сии святые останки в свой отечественный город Александрию[7225], где и погребли их в честном месте. Впоследствии на сем месте была построена церковь во имя святого мученика и по молитвам ко святому в ней совершалось множество чудес.

Сказание Тимофея, архиепископа Александрийского, о чудесах святого великомученика Мины

По смерти нечестивых и богоненавистных Римских императоров Диоклетиана и Максимиана, на царский престол вступил благочестивый Константин Великий, в царствование коего сильно умножилась вера в Господа нашего Иисуса Христа.

В это время некие христолюбивые люди города Александрии, найдя место, где были положены честные останки святого славного Христова мученика Мины, построили на сем месте во имя его церковь.

Случилось, что в Александрию прибыл один благочестивый купец из земли Исаврийской[7226], чтобы закупить товары. Услыхав про множество чудес и исцелений, совершающихся в церкви святого Мины, он сказал сам себе:

– Пойду и я поклонюсь честным мощам святого мученика и дам дары в церковь его, дабы помиловал меня Бог по молитве Своего страдальца.

Подумав так, он пошел в церковь, взяв с собою мешок, наполненный золотом. Придя к поморскому озеру и найдя перевоз, он приплыл на место, называвшееся Лозонета. Вышедши здесь на берег, купец искал, где бы переночевать, ибо уже настал вечер. Поэтому войдя в один дом, он сказал хозяину:

– Друг, сделай милость, пусти меня в твой дом переночевать, ибо солнце зашло и я боюсь один идти дальше, так как не имею никого, кто бы меня мог сопровождать.

– Войди брат, – отвечал ему хозяин дома, – и переночуй здесь, пока не настанет день.

Гость принял приглашение и, войдя в дом, лёг спать. Хозяин же, увидав у путника мешок с золотом, соблазнился и, по наущению злого духа, замыслил убить своего гостя, чтобы взять себе его золото. Встав в полночь, он задушил купца, разрезал его тело на части, положил их в корзину и спрятал во внутренней комнате. После убийства он пришел в большое волнение и озираясь по сторонам, искал скрытого места, чтобы зарыть убитого.

Когда он размышлял об этом, ему явился святой мученик Мина верхом на коне, как бы какой воин едущий от царя. Въехав в ворота дома убийцы, мученик спросил его об убитом госте. Убийца, отговариваясь незнанием, сказал святому:

– Не знаю, что ты говоришь, господин, у меня не было никого.

Но святой, сойдя с коня, направился во внутреннюю комнату и взяв корзину вынес ее наружу и сказал убийце:

– Что это?

Убийца сильно испугался и без чувств упал к ногам святого. Святой же, составив рассеченные члены, и помолившись воскресил мёртвого и сказал ему:

– Воздай хвалу Богу.

Тот встал, как бы пробудившись от сна, и уразумев, что пострадал от домохозяина, прославил Бога и с благодарностью поклонился явившемуся воину. А святой, взяв от убийцы золото, отдал его воскрешенному человеку, говоря:

– Ступай своим путем с миром.

Обратившись затем к убийце, святой взял его и сильно бил. Убийца раскаялся и просил прощение. Тогда мученик даровал ему прощение в убийстве и, помолившись о нем, сел на коня и стал невидим.

В Александрии жил один человек, по имени Евтропий. Сей Евтропий дал обещание пожертвовать в церковь святого Мины серебряное блюдо. Поэтому, призвав златаря, он велел ему сделать два блюда, и на одном написать: блюдо святого великомученика Мины, а на другом написать: блюдо Евтропия, Александрийского гражданина. Златарь стал делать, как велел ему Евтропий, и когда были окончены оба блюда, то блюдо для святого Мины вышло гораздо красивее и блестящее, чем другое. Написав на блюдах имена святого Мины и Евтропия, златарь отдал их Евтропию.

Однажды Евтропий, плывя по морю на корабле, употреблял за обедом оба новые блюда, и увидев, что блюдо предназначенное в дар святому Мине, гораздо красивее его блюда, не пожелал его отдать в дар святому, но приказал слуге подавать себе на нем кушанья, а блюдо со своим именем задумал отослать в дар в церковь святого Мины. По окончании трапезы, слуга взял блюдо с именем мученика, и придя на край корабля, стал мыть его в море. Вдруг напал на него ужас и он увидел, что из моря вышел человек, который взял из его рук блюдо и стал невидим. Раб, сильно пораженный страхом,

бросился вслед за блюдом в море. Увидев это, господин его также испугался и горько заплакав, стал говорить:

– Горе мне окаянному, что я пожелал взять себе блюдо святого Мины: так я погубил и блюдо и раба своего. Но ты, Господи Боже мой, не прогневайся на меня до конца и яви Твою милость слуге моему. Вот, я даю обещание: если я найду тело своего слуги, то велю сделать такое же блюдо, и принесу его в дар святому Твоему угоднику Мине, или же отдам в церковь святого деньги, каких стоит блюдо.

Когда корабль пристал к берегу, Евтропий сошел с корабля и стал смотреть по краю моря, думая найти выкинутое морем тело своего слуги и предать его погребению. В то время как он пристально смотрел, увидал своего раба выходящим из моря с блюдом в руках. Испуганный и обрадованный, он громким голосом вскричал:

– Слава Богу! Воистину велик ты, святой мученик Мина!

Услыхав его крик, все бывшие на корабле, сошли на берег, и видя раба, державшего блюдо, исполнились удивления и прославили Бога. Когда стали спрашивать раба, каким образом он, упав в море, остался жив и как вышел из воды невредимым, то он сказал в ответ:

– Как только я бросился в море, благолепный муж с другими двумя взяли меня и ходили вместе со мною вчера и сегодня и привели сюда.

Евтропий, взяв раба и блюдо, пошел в церковь святого Мины, и поклонившись и оставив в дар блюдо, обещанное святому, удалился, благодаря Бога и прославляя Его святого угодника Мину.

Одна женщина, по имени София, шла на поклонение в храм святого Мины. На дороге с ней встретился воин и увидев, что она идет одна, решился обесчестить ее. Она сильно сопротивлялась, призывая на помощь святого мученика Мину. И святой не лишил ее своей помощи, но наказал желающего над ней надругаться, а ее сохранил невредимою. Когда воин, привязав к своей правой ноге коня, хотел сделать над женщиной насилие, конь пришел в ярость и не только воспрепятствовал намерению своего господина, но и потащил

его по земле, и не остановился и не успокоился до тех пор, пока не притащил его к церкви святого Мины. Часто ржа и свирепея, он привлек много людей на сие зрелище, ибо был праздник и в церкви находилось очень много народа. Воин, увидав такое собрание народа и видя, что конь всё еще находится в ярости и что ему не от кого ждать помощи, испугался, как бы не претерпеть еще чего-нибудь более ужасного от своего коня. Поэтому он, оставив стыд, исповедал пред всем народом свое нечестивое намерение, и конь тотчас успокоился и сделался кротким, а воин, войдя в церковь и припав к мощам святого, молился, прося прощение за свой грех.

Около церкви святого мученика вместе со многими другими находились хромой и немая, ожидая получить исцеление. В полночь, когда все спали, святой Мина явился хромому и сказал ему:

– Подойди молча к немой женщине и возьми ее за ногу.

Хромой ответил на это мученику:

– Божий угодник, разве я блудник, что ты повелеваешь мне сделать сие?

Но святой три раза повторил ему свои слова и прибавил:

– Если не сделаешь сего, не получишь исцеление.

Хромой, исполняя повеление святого, приполз и схватил за ногу немую. Она, пробудившись, начала кричать, негодуя на хромого. Сей, испугавшись, встал на обе ноги и быстро побежал. Таким образом, оба они почувствовали свое исцеление – немая заговорила, а хромой быстро побежал, как олень; и оба исцеленные воздали благодарение Богу и святому мученику Мине.

Один еврей имел друга христианина. Однажды, уезжая в отдаленную страну, он отдал своему другу на сохранение ящичек с тысячью золотых. Когда он замедлил в той стране, то христианин задумал не отдавать золота еврею по его возвращении, но взять его себе, что и исполнил. Еврей, вернувшись, пришел к христианину и просил возвратить его золото, которое он отдал ему на сохранение. Но тот отказался, говоря:

– Не знаю, что ты спрашиваешь у меня? Ты мне ничего не давал и я ничего не брал от тебя.

Услыхав такой ответ своего друга, еврей опечалился и, считая свое золото пропавшим, стал говорить христианину:

– Брат, никто не знает сего, кроме одного Бога, и если ты отказываешься возвратить мне данное тебе на хранение золото, утверждая, что не брал его у меня, то подтверди это клятвою. Пойдем в церковь святого Мины и там ты поклянись мне, что не брал у меня ящика с тысячью золотых.

Христианин согласился, и они оба вместе пошли в церковь святого, где христианин поклялся еврею пред Богом, что не брал у него золота на сохранение. По совершении клятвы, они вышли вместе из церкви, и лишь только сели на своих коней, как конь христианина стал приходить в бешенство, так что его почти невозможно было сдержать; он, разорвав свою узду, поднялся на задние ноги и сбросил своего господина на землю. Во время падения христианина с коня, с руки его спал перстень, а из кармана выпал ключ. Христианин, поднявшись, взял коня, усмирил его и севши на него, поехал вместе с евреем. Проехав немного времени, христианин сказал еврею:

– Друг, вот удобное место, слезем с коней, чтобы поесть хлеба.

Сойдя с коней, они пустили их пастись, а сами стали есть. Спустя немного времени христианин, взглянув, увидел своего раба стоящего пред ними и держащего в одной руке ящик еврея, а в другой, упавший с его руки, перстень. Увидев сие, христианин пришел в ужас и спросил раба:

– Что это значит?

Раб ответил ему:

– Некий грозный воин на коне приехал к моей госпоже, и дав ей ключ с перстнем, сказал: пошли, как можно скорее ящик еврея, дабы с твоим мужем не случилось большой беды. И мне было отдано сие отнести к тебе, как ты и приказал.

Видя это, еврей удивился сему чуду и обрадовавшись вернулся вместе со своим другом к храму святого мученика Мины. Поклонившись в храме до земли, еврей просил святого крещения, уверовав ради сего чуда, свидетелем коего он был, а

христианин молился святому Мине дать ему прощение, поелику он нарушил Божественную заповедь. Оба они получили по своему прошению – один святое крещение, другой прощение своего греха, и пошли каждый к себе, радуясь и прославляя Бога и величая Его святого угодника Мину.

Кондак, глас 4:

Воинства исхити привременнаго, и нетленнаго показа тя небеснаго общника страстотерпче Мино, Христос Бог наш, иже мучеников нетленный венец.

Страдание святых мучеников Виктора и Стефаниды

Память 11 ноября

В царствование Римского императора Антонина[7227], под начальством воеводы Севастиана служил один воин, родом из Италии, называвшийся Виктором. Сей Виктор веровал в Господа нашего Иисуса Христа и открыто пред всеми исповедовал Его всесвятое имя. Когда в то время было воздвигнуто гонение на христиан, то воевода призвал к себе блаженного Виктора и сказал ему:

– К нам пришел царский указ, повелевающий принуждать вас, христиан, к жертвоприношению нашим богам, а не повинующихся предавать тяжким мучением. Поэтому и ты, Виктор, принеси жертву богам, дабы не подвергнуться мучениям и не погубить своей души.

Но святой Виктор отвечал воеводе:

– Я не послушаю безбожного повеления смертного царя и не исполню его воли, ибо я раб бессмертного Царя, Бога и Спасителя моего Иисуса Христа, Царство Коего бесконечно, и исполняющие волю Коего будут жить вечною жизнью, а вашего смертного царя и царство временно, и исполняющие его нечестивую волю погибнут вовеки.

На это воевода сказал Виктору:

– Ты воин нашего царя, исполни его повеление и принеси жертву.

– Нет, – ответил Виктор, – я теперь уже воин не вашего земного царя, но Небесного; если же я и был временно воином под властью вашего царя, то я всё-таки не переставал служить моему Царю, и теперь не оставлю Его и вашим идолам не принесу жертвы. Делай со мной, что пожелаешь: мое тело в твоих руках, и ты имеешь над ним власть, над душою же моею имеет власть только один Бог мой.

Тогда воевода стал уговаривать Виктора:

– Ты сам, – говорил он, – устраиваешь себе бедствие, не исполняя царского повеления; советую тебе принести жертву

богам, дабы избавиться от мучений, кои ожидают тебя.

– Я того и желаю, – отвечал с твёрдостью святой Виктор, – чтобы претерпеть мучение за моего Господа и сильно радуюсь, что сподоблюсь страдать за имя Его.

Тогда воевода тотчас приказал сломать ему пальцы и вывернуть их из суставов. Потом мучитель повелел сильно разжечь печь и бросить в нее святого Виктора, в каковой печи мученик пробыл три дня и остался живым и невредимым подобно тому, как и три отрока в печи Вавилонской (Дан.3:50). А мучитель, не ожидая, что святой Виктор останется живым, повелел на третий день отворить печь, взять из неё прах мученика и высыпать его в реку. Но когда отворили печь, святой вышел оттуда невредимым, прославляя Бога за то, что огонь не коснулся его и не повредил ему.

Видя свою неудачу, воевода призвал одного чародея и приказал ему умертвить святого Виктора отравой. Чародей сварил мясо с смертоносным ядом и дал есть святому.

Святой сказал:

– Хотя мне и не подобает брать от вас нечистое мясо и есть, однако, я съем его, дабы вы уразумели, что ваш смертоносный яд ничего не может сделать против силы Жизнодавца Господа моего.

Затем помолившись, мученик съел отравленное мясо и нисколько не пострадал. Чародей, видя, что святой остался невредимым от съеденной отравы, приготовил другое мясо с сильнейшим ядом и сказал святому:

– Если ты съешь это мясо и останешься жив, то я оставлю всё свое волшебство и чародейство и уверую в твоего Бога.

Святой Виктор и это мясо, отравленное сильнейшим ядом съел, но остался невредимым. Тогда чародей громким голосом воскликнул:

– Ты победил силу моего волшебства, Виктор, и мою душу, уже давно погибшую, избавил от ада, ибо я уверовал в проповедуемого тобою Господа Иисуса Христа.

После этого чародей пошел в свой дом, и собрав все свои волшебные книги и все волшебные талисманы, сжёг их и сделался истинным христианином.

Воевода видя, что ничто не может повредить святому, пришел в сильную ярость и приказал вытягивать из тела мученика жилы; после чего повелел бросить мученика в кипящее масло.

А святой в это время говорил:

– Мне также приятно сие кипящее масло, как жаждущему холодная вода.

Такая твёрдость святого Виктора привела мучителя в еще большую ярость, и он повелел повесить святого на дереве и опалять его тело свечами; а чтобы еще больше увеличить тяжесть мучений, смешали прах с уксусом и вливали эту смесь в уста мученика.

Но он говорил:

– Уксус сей и смертоносный яд ваш для меня всё равно, что мёд и медовые соты.

Тогда мучитель, приходя всё в большую и большую ярость, повелел выколоть Христову мученику глаза. После этого, повесив святого вниз головой, воины ушли и оставили его висеть в таком положении в течение трех дней. В четвертой же день, думая, что мученик уже умер, воины пришли посмотреть на него, и найдя его живым, удивились. От сего они пришли в ужас, и ослепли, и каждый из них начал искать себе проводника.

Святой, милосердовав о них, усердно помолился Богу и сказал им:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа прозрите!

И они тотчас прозрели и придя к воеводе рассказали ему бывшее. Но воевода еще сильнее разгневался и повелел воинам содрать кожу со святого Виктора. Когда это нечестивое повеление приводили в исполнение, то одна женщина, по имени Стефанида, пришедшая посмотреть на мучения святого, христианка по вере, супруга одного из воинов, увидала два прекрасных венца, спускающихся с неба. Один из этих венцов спускался на главу святого мученика Виктора, а другой на её главу.

Увидя сие, Стефанида начала громким голосом прославлять мученика:

– Блажен ты, Виктор, и блаженны твои страдания за Христа, благоприятна Богу твоя жертва, как жертва Авеля (Быт.4:4), ибо ты праведным сердцем принес Ему самого себя! Бог так же принял тебя, как некогда праведного Еноха, коего Он взял с земли в рай, дабы он не вкусил и временной смерти (Быт.5:24); ты праведен, как Ной, исполненный благих дел и самый святой из народа своего (Быт.6:9). Ты уверовал, как Авраам, принес себя в жертву Богу, как Исаак, претерпел труды, как Иаков. Премудр ты, как Иосиф, коему было дано провидеть будущее; искушение претерпел ты, как Иов, который после многих страданий победил диавола и показал пример терпения (Кн. Иова, Иак.5:10–11)! Ты подобен Исайи, который был по приказанию царя Манассии перепилен пилою; тебя не коснулся огонь, как в Навуходоносоровой печи трех отроков (Дан. 3:1–100); ты возложил свою надежду на Бога, как Давид, сын Иессея. Вот я вижу два венца, ниспосланные с неба, один больший и прекраснейший, другой меньший; – больший приносится тебе двенадцатью Ангелами, и меньший мне; ибо и я, хотя и немощной сосуд, готова принять подвиг мученичества и мужественно пострадать за имя Господа нашего и положить за Него свою душу.

Услыхав сии слова Стефаниды, воевода повелел воинам взять ее и привести к себе. Гордо посмотрев на нее, он спросил:

– Ты кто?

– Я христианка, – ответила святая.

Потом воевода спросил ее об имени, и о летах, и узнав, что имя её Стефанида, что ей пятнадцать лет и восемь месяцев от роду, и что она замужем год и четыре месяца, начал с кротостью говорить ей:

– Зачем ты так скоро хочешь покинуть сей прекрасный мир, хорошую жизнь и замужество, и желаешь погубить свою молодую жизнь, добровольно отдавая себя на смерть за Распятого.

Святая на это отвечала мучителю:

– Я оставляю временный и суетный сей мир и все земные плотские желания и моего смертного мужа, дабы пойти вместе с

мудрыми девами навстречу нетленному и бессмертному Жениху, Христу Спасителю моему.

Воевода сказал ей:

– Не говори таких бессмысленных и бесполезных слов о твоем Боге, обратись к нашим богам и принеси им жертву.

Но святая Стефанида с твёрдостью отвечала:

– Ты и твои боги исполнены лжи, я же говорю истину, ибо мой Господь истинный и в Нем нет неправды. Не принесу жертвы ложным богам, но хочу быть приятною жертвою Истинному, живущему на небе, Богу, дабы не лишиться уготованного мне венца в Его Царстве.

Тогда мучитель повелел наклонить к земле вершины двух находящихся там финиковых пальм и привязать к ним святую, чтобы разорвать ее. Одну её ногу привязали к вершине одной наклоненной финиковой пальмы, а другую к другой, и отпустили их; пальмы, поднявшись в высоту, разорвали мученицу надвое. Святая же душа мученицы, как бы птица вылетевшая из разорванной сети, нашла себе гнездо на небе в уготованном ей венце.

После этого и святого Виктора воевода повелел усекнуть мечом. Услыхав об этом повелении, святой Виктор возблагодарил Бога. Перед тем, как хотели ему отсечь главу, он предсказал о смерти своих мучителей, говоря:

– Через двенадцать дней вы умрете, а воевода ваш через двадцать четыре дня будет взят в плен неприятелями.

Предсказав сие, святой помолился и преклонил свою главу на усечение. И отсечена была мечом честная глава святого мученика.

По усечении главы святого Виктора, из тела его вытекло молоко с кровью, и многие из неверующих, видя таковое чудо, уверовали во Христа. Наипаче же уверовали многие, когда увидели исполнение пророчества мученика, ибо как он предсказал, так и сбылось: мучившие погибли внезапно, а воевода был взят в плен неприятелями.

Святой Виктор и святая мученица Стефанида пострадали одиннадцатого ноября в городе Дамаске. А ныне они водворились в том граде, каковой не имеет нужды ни в солнце,

ни в луне, чтобы светить ему, ибо слава Божия просвещает его, и Агнец Божий светильник его.

Страдание святого мученика Викентия

Память 11 ноября

Отечеством святого Викентия была Испания. Сей святой еще от дней своей юности посвятил себя на служение Богу и, прилежно изучая Божественное Писание, поучался в Законе Божием день и ночь. Он имел премудрого и исполненного добрых дел учителя, блаженного Валерия, епископа в городе Августополе[7228]. Сей епископ, видя, что ученик его Викентий благоразумен и благонравен, посвятил его в диаконы и сделал проповедником слова Божия. Ибо хотя сам он и весьма хорошо знал Священное Писание, но, будучи косноязычен, не мог ясно говорить, а поэтому и поручил своему диакону, блаженному Викентию, как человеку достойному, премудрому и ясно говорящему, поучать народ в церкви, проповедуя слово Божие. Святой Викентий приняв от своего епископа сие повеление и благословение, не только в церкви, но и на всяком месте, где было для того удобно, усердно поучал и наставлял народ, указывая путь спасения для души.

В то время от нечестивого императора Диоклетиана, в Испанию был прислан один судья, по имени Датиан, родом грек, жестокий по характеру и яростный гонитель и мучитель христиан. Послан Датиан был для того, чтобы без пощады предавать смерти всех исповедывающих имя Христово. Этот судья, прибыв в один испанский город Валенсию[7229], пролил там много христианской крови, похищая, как волк, овец Христовых. Услыхав здесь об епископе Валерии и о диаконе его Викентии, живущих в Августополе, Датиан послал за ними своих воинов, повелев заковать их и в оковах привести к нему на суд. Воины, исполняя повеление Датиана, взяли обоих святых, заковали их в тяжелые железные оковы, и повели в Валенсию, причиняя им по дороге большое стеснение, истомляя их голодом, жаждою и быстрым ходом, ибо сами воины быстро ехали на конях, а святые, не будучи в состоянии поспеть за воинами, едущими на конях, падали, и их влекли долгое время, как брёвна, привязанными к коням.

Когда они были приведены в город Валенсию, то мучитель повелел тотчас ввергнуть их в мрачную и смрадную темницу, в каковой держали их долгое время без пищи и питья. Но Бог укреплял их Своею благодатью, дабы они не изнемогли и не потеряли сил для совершения мученического подвига. Между тем мучитель, боясь, чтобы узники не умерли, и ему не на ком было бы проявить свою ярость, приказал привести их к себе. Увидав, что они нисколько не пострадали ни от голода, ни от жажды, ни от тяжелых оков, а, напротив, окрепли телом и просветились лицом, мучитель сказал темничному стражу:

– Зачем ты давал им пищу и питие? Они сильно потолстели.

Страж с клятвою уверял его, что ничего не давал заключённым.

Тогда мучитель со строгостью стал говорить с епископом, думая, что если он устрашит своею строгостью епископа, то тем более сделает кротким и боязливым диакона. Но сего не случилось, ибо Господь низлагающий сильных с престолов, и возносящий смиренных, благоволил, дабы гордость сего надменного мучителя была посрамлена юнейшим и низшим по сану. Датиан прежде всего спросил епископа:

– Почему ты противишься царскому повелению и не поклоняешься нашим богам, а прославляешь какого-то Христа?

Епископ давал ответы Датиану тихим голосом и с кротостью, как бы показывая некую боязнь. Тогда диакон Викентий, исполнившись Святого Духа, возгорелся ревностью о Боге и сказал своему епископу:

– Зачем ты, отче, говоришь так тихо, как бы боясь, и отчего на лаяние этого пса не отвечаешь с дерзновением. Исповедуй громким голосом силу Христову и свободно обличай и побеждай безумие сего лукавого человека, который хочет идти против Бога, своего Творца, даровавшего ему такую власть, и хочет подобающее Богу почитание воздавать бесам. Ныне надлежит совершенно победить того диавола, коего многие люди, как немощного и трусливого, изгнали именем Христовым, и сокрушить главу сего змия.

Датиан, услыхав сии слова, и видя, что святой диакон Викентий ни во что считает всю его силу, власть и угрозы, сказал предстоящим:

– Уведите отсюда епископа, я побеседую с сим юным диаконом.

Обратясь затем к палачам, мучитель сказал им:

– Приготовьте все орудия мучений, дабы ответить самым делом тому, кто унижает нас своими словами.

Потом повелел, привязав святого к дереву, строгать и терзать его тело железными когтями. Когда воины приводили в исполнение приказание Датиана, то земля оросилась кровью, текущею потоком из истерзанного тела, а через глубокие язвы мученика стали видны кости. Мучитель же, насмехаясь над святым, говорил ему:

– Что ты теперь скажешь, Викентий, видишь, какими ранами уязвлено и растерзано твое тело?

Но святой отвечал ему:

– Чего я желал, то и получил, ибо сие то самое, чего я всей душою желал; поверь мне, судья, что для меня не было выше желания, как пострадать за моего Господа; и никто не оказал мне сей милости, кроме тебя. Хотя ты и по злобе сие делаешь, тем не менее оказываешь мне благодеяние, предав меня мучению, ибо сколько ты умножаешь мои мучения, столько мой Господь приготовляет мне и воздаяний на небе. Я посредством этих тяжких мучений, как по ступеням, восхожу к моему Богу, живущему на высоте: надеждою на Него я как бы уже прикасаюсь к небу, а царское повеление отвергаю и смеюсь над твоим безумием. Не прекращай моих мучений, но предай меня еще большим мукам: молю тебя, будь более и более для меня жестоким и повели твоим слугам не переставать меня мучить, пока не умрет мое тело; я же, как раб Христа, Господа моего, готов всё претерпеть за имя Его.

Мучитель, выслушав сии слова святого, пришел в ярость и закричал на слуг, чтобы они не жалели рук для мучения и еще сильнее мучили Христова страдальца. Когда же он увидал, что слуги изнемогают, то, встав, начал их бить.

А святой смеялся над его гневом и говорил ему:

– Что ты делаешь, судья? За что ты бьешь своих слуг? Они меня мучают, а ты отомщаешь им за сие.

Датиан, уязвленный сими словами мученика и его непобедимым терпением, пришел в еще большую ярость: заскрежетал зубами, сильно побледнел и затрясся от гнева. Затем, несколько успокоившись, он с кротостью стал говорить слугам:

– Что это значит, мои верные слуги, что сей злодей не чувствует тяжести ваших рук и не страшится мучений, но еще и смеется над вами, как никто никогда не смеялся? Мало ли было разбойников, злодеев, отцеубийц и волшебников, которых вы замучили вашими сильными руками, и не было ни одного такого, как сей, который теперь в ваших руках и смеётся надо мною и над вами. Неужели вы снесёте такое посрамление? Соберите все свои силы и еще сильнее мучайте его.

Но святой Викентий еще более смеялся над их слабостью и говорил:

– Не прошу я тебя, мучитель, чтобы ты перестал меня мучить, но изобрети еще большие муки, ибо сила Христова, помогающая мне, гораздо более, нежели твоя сила, предающая меня мукам, и я не ослабею, исповедуя и прославляя Иисуса Христа, Единого Истинного Бога. О если бы и ты познал Сего Бога, видя Его великую силу, являющуюся во мне слабом, и каковой ты со всеми своими слугами не можешь победить; но ты, видя не видишь, и слыша не разумеешь и не перестаешь совершать бесовскую волю на погибель своей душе!

Судья, не могший ничего достигнуть муками (ибо сквозь суставы и кости мученика проникало острое железо и доходило до его внутренностей, но он оставался невредимым), задумал лестью склонить святого к своему нечестию, и стал ему говорить кротко:

– Пощади твою юность, Викентий, и не желай, чтобы цветок твоей жизни прежде времени завял, не прекращай долгих лет своей жизни, но пощади самого себя и принеси нам раскаяние, дабы не погибнуть тебе совершенно. Ибо я жалею тебя и желал бы видеть тебя не в бесчестии и муках, но в почёте и в славе,

так как я испросил бы для тебя великую почесть, если бы ты послушал меня.

Святой Викентий на эти льстивые слова Датиана ответил:

– Для меня гораздо хуже твое лукавое милосердие, нежели твоя ярость, ибо я не столько боюсь мук, сколько устрашаюсь твоих льстивых слов. Прекрати это пагубное для моей души лукавство, и обрати на меня всю силу своего мучительства, предай меня мучением без милости и познай силу Христа, вселяющуюся в любящих Его.

Сии слова мученика снова привели мучителя в сильный гнев и он повелел пригвоздить мученика ко кресту и разными способами мучить всё его тело. Когда слуги, исполняя повеление мучителя, распятого святого били и разожженным железом опаляли его раны, то Христов мученик вдруг упал с креста на землю. Слуги, думая, что святой уже умер, взяли его, желая унести оттуда. Но святой, укрепляемый благодатью Христовою, освободился из их рук, и снова повис на кресте. При этом он укорял слуг в нерадении, говоря, что они без усердия исполняют повеление своего господина. Тогда слуги пришли в сильную ярость и начали всячески мучить святого со всей своей силой, пока сами совершенно не изнемогли. После этих мук, по повелению мучителя, святого Викентия заключили в темницу, в коей всего израненного, с раздробленными членами и растерзанными жилами, положили на острых черепках. Когда наступила ночь и стража крепко спала, внезапно в темнице воссиял свет и к святому сошел с неба лик Ангелов, утешая его в страданиях. Святой мученик Викентий, получив через сие Ангельское посещение исцеление своих ран и исполнившись неизреченной радости, прославлял Бога. Стерегущие его воины проснулись, услышав, что он с веселием воспевает, и увидя в темнице несказанный свет, сильно испугались и побежали известить об этом Датиана. А он находился в большом затруднении, измышляя всю ночь, что бы еще сделать с непобедимым мучеником, и, наконец, придумал такую хитрость. Он повелел приготовить прекрасное ложе и постлавши на нем мягкую постель, положить на нее святого. При этом мучитель повелел приставить к святому соблазнителей, научив их, чтобы

они утирали кровь его, перевязывали раны и оказывали ему всякие услуги, как бы сожалея его и печалясь о нем, и чтобы лобызая ноги его, они молили его помиловать себя, и не предавать себя еще большим мучениям, а исполнить царское повеление. Когда приводили в исполнение это приказание Датиана, то святой говорил:

– Для меня лучшим было ложе в муках на черепках, нежели сие, и сим вы лукавые соблазнители не прельстите меня.

Мучитель, видя, что хитростью своею он не может ничего достигнуть, снова обратился к мучениям. Он повелел разжечь железные доски и прикладывать их к бокам святого. Потом, по его приказанию, положили мученика на железную решетку и, разведя большой огонь под решёткой, как бы съедобное мясо жгли мученика.

Мученик же с твердостью переносил все сии муки, исповедуя имя Иисуса Христа, и окончил подвиг своего мученичества, предав свой дух в руки Господа своего[7230].

Мучитель, видя, что святой умер, повелел вынести тело его в поле и бросить без погребения, на съедение птицам и зверям, а в отдалении повелел поставить стражу, дабы тело мученика не взяли христиане. Но Бог «хранит все кости» (Пс.33:21) праведников, приставил необычайного стража к телу мученика, повелев охранять оное ворону. Стража, поставленная Датианом в отдалении, видела, что когда на тело святого нападало множество хищных птиц, то ворон всех отгонял и не позволял ни одной птице сесть на тело мученика. И хотя сам ворон, по природе своей, любит клевать мёртвые тела, но удерживаемый силою Божиею, он и сам не прикоснулся к телу святого и другим птицам препятствовал прикоснуться. И еще чудеснее, – когда пришел волк и хотел унести тело святого, ворон с силою напав на него, и бия его крыльями, отогнал и его. Когда стража возвестила об этом Датиану, он весьма удивился, однако, не хотел видеть в этом силы Божией и повелел бросить тело мученика в море. Воины, взявши честное тело Викентия, сели на корабль и отплыв далеко в море, бросили его в глубину морскую, а сами поплыли обратно к берегу. Когда они подплыли к берегу, то увидали тело мученика лежащим на берегу.

Пораженные ужасом они убежали. А христиане, взявши святые останки мученика, с честью погребли их, прославляя Отца и Сына и Святого Духа.

Житие преподобного отца нашего Феодора Студита

Память 11 ноября

В Константинополе проживал некогда богатый и благородный человек по имени Фотин[7231], женатый на одной благородной женщине, по имени Феоктиста. Оба они были благочестивы и боялись Бога. От них и родился блаженный Феодор. Родители, просветив его святым крещением, воспитывали его в добрых правилах и отдали в книжное обучение. С воцарением нечестивого царя Константина Копронима[7232], стала распространяться иконоборческая ересь и было воздвигнуто сильное гонение на православных. Вследствие сего, Фотин, отказавшись от занимаемой им важной государственной должности и посоветовавшись со своею супругою, раздал все имение и, отрекшись от мира, посвятил себя, вместе с Феоктистою, иноческой жизни, в которой они ревностно подвизались до самой кончины. Блаженный же Феодор, обучившись Еллинской премудрости, сделался выдающимся оратором и превосходным философом и препирался со злочестивыми еретиками о православной вере. Он настолько был сведущ в Божественном Писании и догматах, что еретики никогда не могли противостоять ему.

По смерти злочестивого царя Константина Копронима, на престол вступил сын его Лев[7233], также иконоборец, но он царствовал недолго и вскоре умер. После него на престол вступила супруга его Ирина вместе со своим сыном Константином[7234]. Нося имя, означающее «мир»[7235], она и на самом деле водворила в Церкви мир и прекратила иконоборческую смуту. Она собрала множество преподобных отцов и вместе с святейшим патриархом Тарасием созвала в Никее 7 седьмой Вселенский собор, на котором, отвергнув нечестивое учение еретиков, снова установила, как то было прежде, почитание Божественных икон и поклонение им[7236]. Собравшихся на собор отцов было более трехсот; в числе их присутствовал и преподобный Платон, который первоначально

подвизался на горе Олимпе[7237]. Он был блаженному Феодору дядей – по матери; в нем жил Дух Божий и, как человек, начитанный в Божественных Писаниях и искусный вития, он был полезен для всех.

По окончании собора, Платон захватил с собою блаженного Феодора и с ним двух его братьев, Иосифа и Евфимия, изъявивших желание принять иночество[7238]. Удалившись с ними, он пришел в одно уединенное место, называвшееся Сакудион[7239].

Местность эта была весьма прекрасна и благоприятна для ищущих безмолвия. Находясь на горе, закругленная и ровная, она была окружена различными высокими деревьями, имела вкусную проточную воду и единственный доступ по небольшой тропинке. Платону и его спутникам место это весьма понравилось, и они поселились там и вскоре построили церковь во имя святого Иоанна Богослова. Когда число братии стало умножаться, Платон устроил монастырь[7240]; блаженный же Феодор, будучи им же пострижен в чин инока, более других умерщвлял плоть свою подвигами и постом. Поучаясь смирению, он выбрал для себя самые тягчайшие и низкие труды и послушания. И многим казалось удивительным, что сын богатых и благородных родителей, воспитанный в неге и покое, подвергает себя столь суровым подвигам: рубит дрова, носит воду, копает землю в винограднике, перетаскивает камни и усердно исполняет и иные подобные послушания, например, часто занимается переноской навоза в виноградник для удобрения земли. В то же время святой помогал в работах слабейшим братиям, больных телом, и был для всех слугою. Имел он еще попечение и о том, дабы все свои помышления и поступки исповедовать своему отцу духовному – святому Платону. С любовью приходя к нему, Феодор исповедовался и усердно принимал от него наставление. Он постоянно отделял для себя от каждого дня часть времени для богомыслия, дабы, предстоя Единому Богу, вдали от всего мирского и суетного совершать Ему некое таинственное служение. Но добродетель его не могла утаиться; ибо сами слёзы, которые изобильно истекали из его глаз, бывали несомненным доказательством

многих его добродетелей. Воздержание святого было дивно и разумно. Он не уклонялся от пищи и в то же время не отягощал своего желудка, но искусно сокрушал главу тщеславного змия: ибо не постился более установленного для всех братий времени; но когда все находились на трапезе, тогда и он сидел и ел вместе с другими. Но, при этом, он вкушал весьма мало: сколько требовалось лишь для того, чтобы удовлетворить самой необходимой телесной потребности, и в то же время старался скрыть от других свое воздержание, дабы не узнали, что он почти совсем не принимает пищи, и не показывался людям постящимся. Сему его обычаю многие соревновали и, насколько возможно, старались подражать. Из числа таких были следующие: Иосиф, брат его по плоти, который впоследствии за свою добродетельную жизнь был поставлен пастырем Солунской церкви[7241], Евфимий, другой его брат, затем Афанасий, Навкратий, Тимофей и многие другие из постников, кои, последуя образу мыслей и поведению Феодора, преуспевали в добродетелях. Преуспевая в непрестанных подвигах молитвы и богомыслия, блаженный Феодор имел великое усердие к чтению душеспасительных книг; прилежно прочитывал он Ветхий и Новый Заветы и творения святых отцов. В особенности он любил читать творение святого Василия Великого, которые были как бы пищею для души его, и от которых он получал великое духовное наслаждение. Законоположенные святым Василием Правила и Уставы иноческой жизни[7242] он тщательно хранил, не преступал и одной черты в них; тех же, которые не соблюдали этих правил включительно до малейшего постановления, он считал не иноками, но мирянами.

Видя блаженного Феодора сияющим столь добродетельною жизнью, преподобный Платон чрезвычайно радовался за него. Решив почтить святого Феодора священным саном, он отправился с ним в Византию к святейшему патриарху Тарасию, который и рукоположил Феодора в сан пресвитера, не столько по его доброй воле, сколько по понуждению; ибо блаженный, считая себя недостойным, не желал принимать на себя такого сана и говорил, что он выше сил его. Но, будучи не в силах

противоречить воле своего отца духовного Платона и патриаршей, а более всего Божественному изволению, он повиновался и принял священство. Вернувшись затем в монастырь, преподобный устремился к еще большим подвигам и трудам, которых невозможно и описать.

По прошествии нескольких лет, преподобный Платон, ставши немощным, вследствие многолетней и утружденной старости, решился сложить с себя начальствование над монастырем и пожелал, дабы после него власть принял блаженный Феодор. Он часто говаривал об этом последнему, умоляя и наставляя его, дабы он облегчил бремя отца своего и согласился быть начальником в монастыре. Феодор всячески отказывался от власти, лучше соглашаясь сам жить под начальством других, нежели начальствовать над другими, полагая, что легче и для спасения полезнее получать наставление от других, нежели самому наставлять кого-либо. Преподобный Платон, видя, что Феодор не оказывает повиновения в сем его желании, придумал следующую хитрость: он слёг в постель, как бы больной, – да он и в действительности был слаб, – и, созвав всю братию, сообщил о себе, что он чувствует приближение своей кончины, а затем спросил: кого они желают после него иметь своим настоятелем, кого они считают наиболее способным для этого? Преподобный знал, что они не иного кого пожелают иметь своим настоятелем, как только Феодора, ибо все любили его и почитали за великие его добродетели. Так и случилось: все единодушно отвечали:

– Отче! После тебя над нами игуменом да будет Феодор!

Платон немедленно передал всю власть Феодору, и блаженный Феодор не мог противиться желанию всей братии и, вопреки своей воле, принял власть[7243]. Вместе с тем он подъял на себя и еще большие подвиги, являясь образцом для всех, уча словом и делом и исправляя нарушения иноками уставов; ибо некоторые тогда не стали соблюдать иноческих правил, особенно обетов нестяжательности и нищеты. Соболезнуя относительно таковых, блаженный Феодор поспешил поскорее исправить их к лучшему и оказал пользу и остальным окрестным инокам. Если же некоторые и роптали на него, то он

не обращал на то внимания, ибо не на то он взирал, что о нем говорят ропщущие, но заботился о том, дабы деятельность его сделалась угодной Богу. Впоследствии и ропотники, приходя в страх Божий, исполняли волю преподобного и открывали ему свои помыслы. Внимательно рассматривая их, он подавал каждому соответствующее врачевство, ленивейших возбуждая к подвигу, усерднейшим же несколько ослабляя их подвиг, дабы они не изнемогли под бременем подъятых трудов. Но благовременно теперь описать и страдание святого, которые он перенес по ревности о Боге и законе Божием, дабы нам узреть мужественное терпение Феодора в скорбях.

В то время, царь Константин, сын благочестивой царицы Ирины, пришедши в возраст, устранил от царского престола свою мать и сам стал управлять царством[7244]. Будучи молод и развращен, он предался излишеству в страстях и любодейству. Вследствие сего, он задумал прогнать свою супругу Марию и силою заставил ее постричься в иночество; вместо нее, он взял себе другую жену, по имени Феодотию, которая приходилась родственницей его отцу[7245]. Святейший же патриарх Тарасий не одобрял сего прелюбодеяния царя и не хотел благословить их брак. Но один пресвитер, по имени Иосиф, который был экономом великой церкви[7246], нарушив Божественные законы и ослушавшись патриарха, согласился совершить над ними таинство брака. За сию преступную дерзость, – как о том покажет последующая речь, – он вскоре после того восприял достодолжное возмездие. Патриарх всячески старался расторгнуть сей прелюбодейный царский брак, но не мог, потому что царь грозился вновь воздвигнуть иконоборческую ересь, если ему запретят этот брак. Поэтому патриарх предоставил царю оставаться в его брачном союзе, дабы не постигло Христову Церковь сильнейшее зло. Сие беззаконие, начавшееся с царского чертога, распространилось повсюду, не только в ближайших городах, но и в далёких пределах. Так же стали поступать князья и вельможи, живущие при Босфоре и среди готов[7247], и правители прочих областей, прогоняя от себя своих жен и по принуждению постригая их в иночество, а вместо них избирая себе других и прелюбодействуя с ними. Услышав о

сем, блаженный Феодор скорбел душою и тяжко воздыхал о таковых, явно соделываемых грехах, опасаясь, дабы сие прелюбодейство не стало обычаем, беззаконие не стало бы впоследствии на место закона и закон Божий не был бы разрушен. Воспламенившись ревностью о законе Божественном, Феодор отправил ко всем инокам послание, сообщая о царском беззаконии и увещевая считать царя отлученным от Церкви Христовой, как разорителя закона Божия и соблазнителя многих. Слух о сей ревности и смелости Феодора распространился повсюду, так что о том узнал и сам царь и разгневался на преподобного. Но, считая Феодора за мужа праведного, у всех стяжавшего большую славу и почёт, он открыто не обнаруживал своего гнева и первоначально хотел склонить его на свою сторону ласкою. И вот он приказал своей прелюбодейной супруге, дабы она отправила от себя к святому множество золота, испрашивая молитв за себя и за свой род. Но святой не принял золота и прогнал посланных, как потворствующих беззаконию царя. Тогда царь изобрёл другое средство: он предпринял, как бы по некоторой необходимости, а в действительности же для того, чтобы побеседовать с Феодором и склонить его на свою сторону, путешествие в ту местность, где жил преподобный; царь предполагал, что Феодор с братиею встретит его и воздаст подобающую честь ему. Когда царь проходил мимо монастыря того, ни преподобный, ни один из братии его монастыря не вышел к нему навстречу, но, запершись, они пребывали в молчании; когда же царские слуги стали стучаться в ворота, никто не дал ответа. Тогда царь еще более разгневался и, вернувшись в свои палаты, послал немедленно в монастырь преподобного некоего сановника с воинами, приказывая подвергнуть святого и прочих единомышленных с ним иноков различным мучениям, с побоями выгнать из монастыря и отослать в заточение. Посланный, отправившись, внезапно напал на монастырь и, схвативши всех там находившихся, начиная с преподобного Феодора, немилосердно мучил, так что от ран их отделялись куски тела и обагрялась кровью земля. После этих мучений он отослал преподобного в Солунь[7248] на заточение и с ним

одиннадцать начальствующих в монастыре отцов, которые, сострадая преподобному, доблестно претерпевали с ним узы и скорби, радуясь тому, что они подвергнуты мучениям и изгнаны правды ради.

Херсонесские[7249] и Босфорские пресвитеры и иноки, услыхав о твёрдости Феодора и находящихся с ним иноков и об их страданиях, весьма об этом сожалели и, подражая им, стали также говорить о беззаконии царя и противлении его церкви, почему многие из них потерпели изгнание.

Находясь сам в заточении, блаженный Феодор писал к другим изгнанным за то же и находящимся в заточении, укрепляя их и увещевая не ослабевать в подвигах, не изнемогать в скорбях, но еще более мужаться и страдать за истину. Он писал также и к папе Римскому[7250], уведомляя его о том, сколько и из-за чего перенес он страданий от беззаконствующего царя. Папа, со своей стороны, отвечал ему, восхваляя терпение его и ублажая его ревность о Боге и непоколебимое мужество. Бог же не умедлил отомстить царю за невинное оскорбление Своих рабов: Он лишил его и жизни, и царства, и злой царь погиб злою смертью. Мать и бояре, восставши на него, выкололи ему глаза[7251], и он вскоре от болезни умер. После его смерти, когда Ирина вновь вступила на Византийский престол, всех возвратили из заточения, и блаженный Феодор был призван в Царьград из Солуня и, как Христов исповедник, был весьма почтен патриархом и царицею. Тогда вышеупомянутый пресвитер Иосиф, дерзнувший благословить беззаконный брак царя, был осужден, согласно правилам святых отец, лишен пресвитерского сана и отлучен от Церкви. Святой же Феодор возвратился в свой монастырь, и все радовались его возвращению и спешили взглянуть на него, утешаясь, что такой ревнитель закона Божия, претерпевший за правду мучение и изгнание, снова возвращен к своей пастве. Преподобный собрав всех своих расточенных духовных овец, по-прежнему пас их, проводя богоугодную жизнь и светя всем, как свеча на подсвечнике, своими великими добродетелями.

По прошествии нескольких лет, случилось нашествие на греков агарян, которые стали опустошать и захватывать в свои

руки области Греции[7252]. Страшась их, многие тогда бежали в укрепленные города. В это время и преподобный Феодор, не предавая себя и своих иноков на добровольные страдания, но последуя сказанному: «Пойди, народ мой, войди в покои твои и запри за собой двери твои, укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев» (Ис. 26:20); покинул Сакудион и пришел с братиею в Константинополь. Его приход приятен был для царицы и патриарха: они обрадовались ему и упрашивали его принять управление Студийским монастырем и устроить в нем наилучший порядок жизни.

Здесь уместно вспомнить и о происхождении сего монастыря. Некогда из Рима пришел в Константинополь один благородный и влиятельный человек, который был почтен саном патриция и проконсула[7253]. Он создал большую и прекрасную церковь, во имя святого Иоанна Предтечи, и устроил при ней монастырь.

Призвав из обители «Неусыпающих»[7254] иноков, он упросил их жить в его монастыре и соблюдать весь свой устав. Имя тому человеку было Студий; от его имени и монастырь получил свое наименование и стал называться Студийским. В нем иноки жили до царствования императора Копронима, соблюдая устав «Неусыпающих». Но злочестивый Копроним, возмутив иконоборством Церковь Божию, изгнал из Византии всех иноков, и Студийский монастырь опустел. После погибели сего злочестивого царя и по прекращении гонения, иноки снова стали жить при Студийской церкви, но – в небольшом количестве. В то время, когда преподобный пришел в Царьград со своею братиею, в монастыре оставалось только двенадцать иноков. По просьбе царицы Ирины и святейшего патриарха Тарасия, преподобный Феодор принял в свое управление Студийский монастырь и стал в нем жить[7255]. Убедившись, что сие место удобно для пребывания иноков, он возобновил и расширил монастырь и собрал множество братий. К нему приходили иноки и других монастырей, желая жить у него и иметь его для себя наставником и учителем. Преподобный всех принимал по-отечески и нелицемерно всех любил. У него все были равны, всех он любил одинаково и одинаковое имел обо

всех попечение. Он знал, что образ иноческой жизни один и тот же, где бы кто в него ни облекся, как одна и та же благодать крещения, где бы кто её ни сподобился. Но сообразно с добродетелями иноков им бывают и различные воздаяния. Ученики же сего преподобного отца весьма преуспевали в добродетелях; и так как слава о святой их жизни распространялась повсюду, то многие приходили к ним в монастырь, желая соревновать их подвигам, и число иноков быстро умножалось, так что достигло до тысячи человек братий. Ввиду такого множества своих учеников и невозможности одному досмотреть за всеми и распознать поступки, слова и помышления каждого, преподобный, как второй Моисей, назначил начальников из тех иноков, которых он считал за разумнейших, опытнейших и наиболее подвизающихся в добродетелях; каждому из них он дал соответствующее наименование: одному – эконома, другому – экклисиарха[7256], третьему – надзирателя за благочинием церковным и т. д. Святой составил также и правила касательно того, как каждый из них должен исполнять порученное ему послушание, начиная с первых и кончая последними.

За проступки же он установил епитимии: для одних известное число поклонов, для других – усиленный пост и за каждый проступок – соответствующее наказание. Если бы кто не достоял Божественный службы, или разбил бы посудину, или по небрежности бросил что либо, или нерадиво что сделал, или чем-либо оскорбил брата, или, по необузданности языка, сказал какие-либо лишние слова, или громко засмеялся или не кротко и не смиренно ходил, или разговаривал за трапезой, не слушая душеполезного чтения, или возроптал по поводу пищи, или бесстыдно и дерзко бросал туда и сюда взоры, или иное что подобное сделал, – для всех таковых братий преподобный Феодор и назначал епитимии, соответственно их проступкам. При этом преподобный установил в своей обители общежитие, дабы никто не называл ничего своим, но всё было общим: общая пища, общая одежда, и каждая вещь общая. Преподобный заботился также и о том, чтобы иноки его не часто выходили из монастыря в город для монастырских

потребностей, ибо он знал, какие опасности угрожают иноку в городе вследствие общения с мирянами и мирских бесед. По сей причине он пожелал устроить внутри монастыря занятие всякими ремеслами. Братия Студийского монастыря стала обучаться различным ремеслам: одни плотничному ремеслу и строительству, другие – кузнечеству, третьи – портняжеству, четвертые – каменотесному ремеслу – словом всякой потребный для монастыря работе. Но, простирая руки на дело, они всегда в устах имели молитву Иисусову и псалмы Давида. Слава о таком порядке Студийского монастыря, законоположениях и уставах его распространилась повсюду и многие другие монастыри не только по окрестным городам, но и по далеким странам, приняли Студийский устав[7257], и соблюдали его, а иные соблюдают и доныне. Преподобный написал также немало весьма душеполезных книг и составил похвальные слова на Господские и Богородичные праздники, почтил прекраснейшими песнопениями святого Иоанна Крестителя, составил многие каноны и трипеснцы, как бы наполненная водами премудрости река, напоил и усладил Церковь Божию струями своих учений и песнопений[7258]. Между тем Византийский престол незаконно занял Никифор мучитель, насильственно низвергнув с престола благочестивую царицу Ирину[7259]. В то же время скончался святейший патриарх Тарасий; после него на престол патриарший и был возведен человек добродетельный, достойный такового сана, которой был одноименен новому царю[7260]. Тогда снова начался раздор в Церкви, ибо царь своею властию приобщил Церкви вышеупомянутого отлученного Иосифа и повелел, дабы ему было возвращено право священнодействования. Насколько то было возможно, патриарх сопротивлялся царю; но когда увидал его жестоко разгневавшимся, убоялся, дабы вся Церковь не претерпела от него жестокого гонения подобно тому, как претерпела она много зол от прежних царей, и принял Иосифа в общение, хотя и против своего желания. Царь же сделал это назло преподобному Феодору, раздражая его; ибо он знал, что преподобный не будет переносить сего, что и случилось. Феодор обличил царя, как причинившего насилие Церкви, своею

мирскою властию вводящего в Церковь того, кого святейший патриарх Тарасий со всем своим причтом отлучил. Царь весьма разгневался на преподобного Феодора и отправил его в заточение на один из находящихся перед городом островов[7261]. Так же поступил он и с братом его Иосифом, достоблаженным старцем Платоном и многими иными Студийскими иноками.

Между тем до царя дошла весть о том, что на Фракию[7262] напали варвары и опустошают ее[7263]. Царь немедленно приготовился к войне. Но он желал одолеть не столько врагов, сколько преподобного Феодора, и, идя с войском против Скифов, отправил к Феодору посланцев, стараясь посредством то ласкательств, то угроз привести его к единомыслию с собою. Феодор отвечал на это:

– Царю и тебе нужно каяться в содеянном прегрешении и исправлять то, что ты разорил, и затем уже идти на войну. Но так как ты сего не сделал, то Всевидящее Око ныне через меня, недостойного, так тебе предвещает: знай, что ты не вернешься с пути, в которой ты направляешься.

Царь не придал никакого значения словам святого; но еще более прогневался на него и грозился, что, по возвращении с похода, причинит святому еще много зла. Но Никифору не пришлось возвратиться, ибо, согласно предсказанию святого, он был убит варварами. После него вступил на царство сын его Ставрикий, но и тот вскоре умер от раны, полученной на войне, в которой участвовал вместе со своим отцом. По смерти его был избран на царство Михаил[7264], которой тогда был в чине киропалата[7265], человек поистине достойный царской власти – добрый и православный. Приняв власть, он снова возвратил из заточения преподобного Феодора и бывших с ним его единомышленников, почтил их подобающею честью и прекратил церковный раздор. Иосиф же снова, как негодный член, был отлучен от Церкви.

Вскоре после этого святой и достохвальный Платон отошел ко Господу[7266]. Патриарх, услыхав о его преставлении, со всем клиром своим пришел в Студийский монастырь и, облобызав святые его мощи, предал их честному погребению. Преподобный же Феодор после преставления своего духовного

отца Платона только два года прожил со своею братиею в покое. По истечении сего времени, снова на него и на всю Христову Церковь обрушилась лютая буря от нечестивого Льва Армянина, который первоначально служил воеводою у благочестивого царя Михаила. Будучи послан на Восток против варваров, он собрал там большое войско и, возгордев, восстал на своего благодетеля – царя Михаила. Лев Армянин всех находившихся в подчинении у него сановников и воинов привлек на свою сторону – одних обещаниями, других подарками, третьих иными ласкательствами – и провозгласил с их помощью себя царем. Узнав о сем, благоверный царь Михаил немедленно переменил царскую багряницу на иноческую власяницу, избегая междоусобной войны, и, уступив царство своему врагу, сам воспринял иноческое житие.

Приняв царскую власть, Лев Армянин сначала казался благоверным и скромным, пока не укрепился на царском престоле и не собрал около себя сообщников своего нечестия.

Вслед за сим он начал произносить хулы над святыми иконами и укорять почитающих их, называя их неразумными. Его нечестие обличал патриарх и вёл с ним, на основании Священного Писания, спор о святых иконах; но он не имел никакого успеха, а только возбудил безумного царя к еще большей ярости. Лев Армянин, призвав всех известных священников, иноков, патриарха, а, вместе с ними и блаженного Феодора, явно обнаружил пред ними свою злобу, хуля и укоряя почитающих честные иконы, а иконоборцев восхваляя.

«Не древний ли закон, написанный перстом Божиим, – говорил он, – заповедал не служить делу рук человеческих: не сотвори, сказано, кумира и никакого изображения. Итак, не подобает поклоняться иконам, которые делает рука человеческая. Как можно на иконе написать Неописанного, на небольших досках помещать Невместимого и называть именем Божиим изображенного красками»?

Святые отцы всячески оспаривали пустые речи императора-иконоборца, отвергая его хульные слова и говоря:

– Если Закон, данный через Моисея, мы всецело станем удерживать, то напрасна будет христианская вера наша,

напрасна и апостольская проповедь, напрасными останутся и все Божественные предания святых отцов и будет отвергнуто (что и вымолвить страшно) самое воплощение Владыки, через которое мы познали Его человеческий образ и приняли иконопочитание, в иконах почитая Того, Чье на них изображение.

Когда святые так говорили, преподобный Феодор, прекрасно знавший всё Писание Ветхого и Нового Завета, дерзновенно спросил царя:

– С чего, царь, ты задумал обесчестить образ Христов, вносить в святую Церковь такое еретическое мудрование и раздирать ее одежду, сотканную из высшей благодати и апостольского и отеческого учения? Ты мудрствуешь на основании Ветхого Завета, – но ему ведь положила конец новая благодать, пришедшая через Иисуса Христа. Если нужно хранить Ветхий Завет, которого ты держишься, то нужно и обрезываться, и исполнять субботы и всё прочее, написанное в нем. Разве ты, царь, не мог сего уразуметь, что Закон дан был на время и для одного только народа, вышедшего из Египта? Но, с появлением благодати, тень прекратилась. Да и самый тот Закон не везде соблюдает то, что повелевает. Так, он повелел не творить подобия и не служить делу рук человеческих, а изображения Херувимов над кивотом поставил. Разве те Херувимы не были делом рук человеческих? Но, тем не менее, они всеми почитались. Но когда явилась новая благодать, Сам Господь, изобразивши на убрусе лице Свое, передал его Авгарю, который, прикоснувшись к нему, получил исцеление от долговременной своей болезни[7267]. После этого святой Лука, Апостол Господень и Евангелист, своими руками изобразил лик Матери Божией и оставил сие изображение для последующих поколений. Потом много дивных чудес сотворил появившийся в Финикии нерукотворенный образ Спасителя. И являемые иными святыми иконами чудотворения не светлее ли солнца показывают, что им приличествует воздавать должное почитание?

Но царь, не внимая речам преподобного, сказал:

– Я не желаю изображать красками невидимое и непостижимое Божество.

Феодор отвечал:

– Царь, ведь и мы не описываем Божество, но исповедуем и веруем, что оно неописуемо. Иконописанием же мы изображаем восприятую от нас плоть Сына Божия; ей мы и поклоняемся и почитаем.

Когда преподобный отец говорил сие и многое другое на основании Божественного Писания и отеческих преданий и изобличал царское заблуждение, царь, исполнившись ярости, с гневом сказал преподобному:

– Я знаю, что ты всегда говоришь необдуманно, и что ты – человек сварливый, гордец и сопротивник для всех. Вот и теперь ты пришел злословить и хулить меня, беседуя со мною не как с царем, но как с одним из простолюдинов; за сие ты заслуживаешь многих мучений. Но до времени я буду щадить тебя, пока не обнаружится очевиднее, что наше мудрование справедливо. И если ты не покоришься после того, то получишь за свое безумие и сопротивление достойное наказание.

С сего времени преподобные отцы ничего не пожелали говорить царю, рассуждая сами с собою:

– Что мы будем говорить столь развращенной и не желающей исцелиться душе?

Блаженный же Феодор, восприявши духовный меч, так отвечал царю:

– Царь, пойми и уразумей, что не твое дело – рассматривать и исследовать церковные постановления: твоей власти свойственно обсуждать мирские дела и ими управлять, а дела церковные подведомственны святителям и учителям церковным; тебе же приказано только следовать им и повиноваться. Так и Апостол сказал: «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1Кор.12:28), а не царей. И в других местах Священное Писание повелевает церковными делами управлять церковным учителям, а не царям.

Царь спросил преподобного:

– Итак, не изгоняешь ли ты меня из Церкви?

Преподобный отвечал:

– Не я, но предания Божественных Апостолов и святых отцов изгоняют. «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал.1:8).

Если ты желаешь вместе с нами, поклоняющимися иконе Христовой, оставаться внутри Христовой Церкви, то следуй патриарху и существующему при нем честному собору!

При этих словах царь пришел в еще большую ярость и с бесчестием прогнал всех от себя. Вышедши от царя, изгнанные преподобные отцы вместе с патриархом обступили блаженного Феодора, восхваляя его устами и вместе душами за то, что он с большим благоразумием и мужеством сопротивлялся мучителю и сильно посрамил его, смело изобличив его нечестие.

Когда они расходились по домам, от градоначальника вышло приказание, «Чтобы никто ни беседовал, ни совопросничал о вере, но чтобы все исполняли то, что повелел царь. Посланные с сим распоряжением дошли и до блаженного Феодора. Он же, услыхав этот указ, отвечал им:

– Сами рассудите: справедливо ли слушать вас больше Бога? Лучше пусть отрезан будет язык мой, чем я буду молчать и не защищать истинную веру.

И преподобный поучал всех непоколебимо содержать святую веру, одних призывая к себе, к другим сам приходя, к третьим посылая письма, и так подкреплял изнемогающих духом. Часто он приходил к патриарху, являясь для него добрым советником, и утешал его, так как видел его скорбящим и болезнующим душою.

– Отче, не скорби! – говорил он ему, – веруй, что Господь не оставит нас; Он не попустит испытания выше нашей силы и не даст злу возобладать нами. Если враг и воздвиг гонение на Церковь, то в непродолжительном времени скорбь обратится на его же голову. Ты знаешь слово Господне: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф.18:7).

Сколько ересей со времен святых Апостолов и до настоящих дней воздвигали развращенные умом люди на Церковь, сколь много страданий потерпели от них бывшие раньше нас святые отцы! Но Церковь оставалась непреоборимою; пострадавшие светло прославлены и увенчаны, а еретики восприяли по делам своим».

Слушая это, патриарх и все отцы собора ободрились, и готовы были претерпеть все скорби за правоверие и не повиноваться зловерию.

По прошествии немногого времени, святейший патриарх Никифор был низвержен злочестивым царем с патриаршего престола и изгнан из Константинополя[7268]; осуждены были также на заточение и все православные архиереи. Тогда представилось страшное зрелище ужасного кощунства, которое учиняли нечестивые иконоборцы. Одни святые иконы они выбрасывали на землю, другие сжигали, третьи намазывали калом и учиняли многие другие бесчинства. Видя таковое злодеяние, преподобный Феодор глубоко скорбел и, удивляясь Божию долготерпению, говорил со слезами:

– Как земля носит такое беззаконие?!

Но, не желая оставаться богопочитателем в тайне и в молчании оплакивать таковую напасть, он приказал – (при наступлении Вербного Воскресения) своей братии взять в руки святые иконы и ходить кругом монастыря, высоко неся иконы над собою и велегласно воспевая:

«Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий»[7269], и другие победные песни в честь Христа. Узнав о сем, царь снова послал к святому, запрещая ему такие действия и угрожая, что в противном случае ему предлежат заточения, раны и смерть. Святый же не только не переставал утверждать верующих в иконопочитании, но еще более укреплялся в своем мужестве, открыто наставляя всех держаться православной веры и воздавать должную честь святым иконам. Тогда царь, убедившись, что невозможно ни ласкательством, ни угрозами остановить мужества и ревности преподобного Феодора, осудил его на заточение. Преподобный же, позвав к себе всех своих учеников и преподав им душеполезные поучения, сказал:

– Братие! Пусть каждый из вас ныне спасает свою душу по своему усмотрению, так как ныне – время лютое.

Затем, скорбя и плача, он покинул рыдающую по нем братию и, севши на корабль, был увезен в Аполлонию и заключен в темнице, в крепости, называемой Метопа[7270]. Но и там он поучал всех благоверию: с одними устно беседуя, к другим посылая письма. Письма его дошли до самого царя. Последний снова послал некоего Никиту, сына Алексеева, с приказанием отвести святого в более отдаленное место, именуемое Вонита[7271] и, заключивши его там в темнице, зорко наблюдать, чтобы он там никогда ни с кем не разговаривал и ничего не писал относительно иконопочитания. Никита, пришедши к преподобному, сообщил ему о царской воле. Преподобный отвечал:

– Я с радостью принимаю сей переход с места на место, так как у меня нет настоящего места жительства в сей жизни, но куда я буду приведен, там и есть мое место, ибо повсюду – земля Божия. А молчать и не учить о православной вере я не могу, и вас в том не послушаю и угроз ваших не устрашусь.

И так святой, будучи приведен на упомянутое место и заключен в темнице, и здесь ревностно исповедовал Православие. Царь, узнавши, что Феодор ни в чем не покоряется его воле, распалился сильным гневом и отправил того же самого Никиту с повелением, подвергнуть преподобного жестоким мучениям. Никита, пришедши, возвестил преподобному о царском повелении; преподобный же, вслед за сообщением последнего, стал совлекать с себя одежды со словами: «Я издавна желаю пострадать за святые иконы», и предал свою плоть на мучение. Никита, будучи человеком сострадательным, увидав обнаженную плоть его, истощенную постом и непрерывными подвигами, умилился душою и не осмелился коснуться до него, ибо боялся Бога, и ушел, не причинив никакого зла святому. Последний же продолжал повсюду распространять свое православное учение, ибо и стражи благоговели пред ним и не могли воспрепятствовать ему в том, что им с угрозою было приказано возбранять Феодору поучать кого бы то ни было в православии. – Он писал также и к

своим ученикам, рассеянным по различным странам; о них он особенно заботился, наставляя их, дабы они безбоязненно соблюдали истинное исповедание веры, если и бесчисленное множество раз жестоко пострадают. Он напомнил им, что нынешние временные страдания ничего не значат в сравнении с тою славою, которая откроется в нас в будущей жизни, которую получат все истинные мученики Христовы.[7272] Он писал также и к святейшим патриархам: к патриарху древнего Рима[7273], к Иерусалимскому[7274] и Александрийскому[7275], уведомляя их подробно о том, как были поруганы в Византии святые иконы и как православные содержатся в заточении и темницах, и истина принесена в жертву лжи. И он просил у них помощи для православной веры. Многие приходили к находящемуся в темнице преподобному послушать сладостного его учения и возвращались со многою для себя пользою.

Однажды случилось, что святого посетил некий клирик Асийской церкви[7276], проходивший мимо. Сей последний, услыхав его учение о православной вере, немедленно отвергнул иконоборческую ересь и поклонился святым иконам. Вернувшись домой, – он не пожелал иметь общения со своим епископом – еретиком. Он увещевал и другого клирика, своего друга, обратил его к православию и отвратил от общения с еретиками. Епископ, узнав, что Феодор является виновником означенной перемены его клириков, сообщил об этом в письме царю, жалуясь на Феодора. Царь же снова повелел Асийскому полководцу подвергнуть Феодора жесточайшим побоям. Воевода отправил одного из своих подчиненных, с приказанием дать Феодору пятьдесят ударов. Когда же сей последний, пришедши к Феодору, сообщил блаженному о причине своего прихода, то Феодор снял пояс и одежду, добровольно подставляя свои плечи для ударов и говоря:

– Для меня вожделенно было бы с сими ранами совлечься и самого тела, дабы скорее отойти обнаженною душою к Господу.

Он же, устыдившись святого, поклонился ему, прося прощения, и ушел.

Потом пришел иной посол от царя, по имени Анастасий, весьма жестокий и немилостивый. Избив святого своими руками и нанесши ему до ста ударов, он заключил его в темницу. Также он поступил и с его учеником, по имени Николай, который всегда следовал за своим наставником и был участником его страданий; избивши Николая, Анастасий запер и его вместе с Феодором, причем отдал приказание стражам, дабы они строго содержали их в суровых лишениях, – и удалился. Нельзя и передать словами того, какую скорбь претерпел преподобный в сем темном затворе. Его плоть, истощенная от поста и иноческих подвигов, стала гнить и издавать смрад. К тому же и самая темница была наполнена нечистотою и пылью.

В течение зимы преподобный замерзал в ней от стужи, так как не имел даже необходимого одеяния, но лишь одно худое рубище. Летом же он истаявал от зноя, так как ветер ниоткуда не проникал в темницу и не освежал ее. При этом, в темнице было безмерное множество нечистых насекомых и гадов. Да и стража, получив приказание с угрозою, стала относиться к нему жестоко и немилосердно. Она обижала и укоряла его, называя безумцем и врагом царя. В оконце бросали Феодору и его ученику лишь по небольшому ломтю хлеба и подавали немного воды, и то не всегда, но через день или через два, иногда же по прошествии многих дней, – и так морили их голодом и жаждою. И сказал преподобный Феодор ученику своему:

– Чадо! Я замечаю, что сии люди не только многими побоями и сею тяжкою темницею, но и голодом и жаждою желают уморить нас. Но возложим надежду на Бога, Который не одним хлебом, но и лучшею некоторою пищею умеет питать, мановением Которого держится всё живущее. Для меня же отселе да послужит пищею для тела и души причащение Владычного Тела.

(Преподобный везде имел при себе частицу Животворящего Тела, напоенную кровию Христа Господа, которую он запасал при совершении Божественного таинства, – когда то было возможно для него). «Только сим, говорил он, пускай буду я причащаться, не вкушая ничего другого. А подаваемый для обоих нас хлеб – пускай будет для тебя одного, также и вода.

Ты и сам видишь, что нам подают хлеба очень мало, едва достаточно тебе одному для подкрепления тела; лучше ты останься жив и возвести братии о моей кончине, если такова будет воля Божия, чтобы я скончался в сей, полной лишений, тесноте».

По прошествии некоторого времени, Тот, Который «открывает руку и насыщает все живущее по благоволению» (Пс.144:16), не оставил без помощи Своего угодника, умиравшего от ужасного голода, но промыслил о нем таким образом. Некий царский вельможа, проходя мимо того затвора, разузнал всё относительно святого, какое он терпит притеснение и голод. Бог склонил сердце вельможи к милости, и он приказал сторожам, дабы они давали Феодору и ученику его достаточно пищи и чтобы вообще вперед не причиняли им зла и притеснений, но позволяли им жить несколько отраднее. Таким образом, несколько освободившись по благоволению Божию, от многих, указанных выше, скорбей, они окрепли телом. Но и после того, святой отец продолжал бороться со многими напастями, так как у него был больной желудок, и он был подвержен сильному недугу. Так святые угодники Христовы прожили в темнице более трех лет, принимая от сторожей плохой хлеб, да и то с укором и ругательствами. Всё же сие они претерпевали ради православия, с радостью.

Не успели еще оправиться они от скорбей и болезней, как им суждено было подвергнуться новым скорбям, еще более тяжелым. Неизвестно откуда, в руки царя попала некая грамота блаженного Феодора, в которой изложено было обличение нечестия царя и наставление верующих в благочестии и православии. Прочитав эту грамоту, царь воспылал сильнейшею яростию и отправил к Феодору некоего безжалостного воеводу, – показать ему ту грамоту и спросить принадлежит ли она ему, и бить его даже до последнего издыхания. Воевода, пришедши, показал грамоту блаженному, а последний действительно удостоверил, что сия грамота – его, а не кого-либо другого. Тогда воевода немедленно приказал бить прежде всего ученика его Николая, распростерши его нагим по земле, так как он от лица Феодора писал сие письмо. Потом, раздевши и

преподобного Феодора, беспощадно бил его, изранил всё его тело и едва не сокрушил и самых костей. Оставив его еле живым, воевода снова пришел к ученику его Николаю, то убеждая его ласкательствами, то угрожая, дабы он отказался поклониться святым иконам. И так как тот оставался верным православию, снова стал бить его больше прежнего и оставил его на ночь в холоде нагим, дабы он вдвойне подвергался мучениям, ибо тогда был февраль месяц. Преподобный же Феодор от жестоких побоев впал в болезнь, с трудом переносимую, и лежал, как мертвец, едва имея возможность дышать, не принимая ни пищи, ни пития. Николай, заметив своего наставника столь обессилевшим, забыл о себе, хотя и сам от ран переносил ужаснейшие страдания, и заботился о выздоровлении Феодора. Выпросивши ячменный напиток, он смачивал им пересохший язык преподобного и, подавая немного пития, оживлял его. Заметив, что преподобный понемногу приобретает жизненную силу, он начал лечить и остальное загнивающее его тело. Многие части тела его, посинелые, согнившие и висевшие совершенно негодными, он отрезал небольшим ножом и выбрасывал, дабы успешнее залечивалась оставшаяся плоть. Когда же преподобный стал понемногу выздоравливать, он также врачевал своего ученика.

Между тем как святые в течение девяноста дней так страдали и еще не оправились вполне от ран, от царя явился другой суровый и бесчеловечный посланник, которому повелено было отвести Феодора и ученика его Николая в Смирну[7277]. Сей посол был сребролюбив и, подумав, что Феодор с приходящих к нему для поучения брал золото, приказал, вследствие сего, обыскать в темнице все скважины, разломать стены и вынести землю, в надежде найти золото. Но, не нашедши ничего, он с особенною жестокостью стал приводить в исполнение повеление царя. С ругательством и толчками изведя преподобного и ученика его из темницы, он передал их воинам, и они таким образом поведены были в Смирну. Блаженный же, хотя телесная сила его и ослабевала, но, укрепляемый Богом, шел с безжалостными воинами; в течение целого дня они без отдыха его вели, а на ночь привязывали за ноги к дереву. Таким

образом, он с трудом едва дошел до Смирны, где был отдан мужу злобному и поборнику нечестия. Последний запер Феодора в некоей низкой и темной хижине. С ним заперли и ученика его Николая, и таким образом блаженные рабы Христовы страдали вместе. Вскоре от царя снова пришел вышеупомянутый безжалостный Анастасий, и, вновь нанеся преподобному сто ударов, удалился; преподобный же всё сие претерпевал с благодарением.

В то время в Смирнской области воеводою был царский племянник и единомышленник, который впал в жестокий неисцельный недуг и находился при последнем издыхании. Один из его слуг, державшийся православного учения, пришел к болящему и сказал ему, что преподобный Феодор имеет от Бога благодать исцелять всякие болезни. Тот немедленно отправил к преподобному своих слуг с просьбою, помолиться о нем Богу и освободить его от приблизившейся уже смерти. Преподобный отвечал посланным:

– Скажите пославшему вас, – Феодор говорит так: – Памятуй, что ты будешь отвечать пред Богом в день твоей смерти за свою нечестивую жизнь и за то зло, которое ты причинил правоверным. Ко многим иным твоим беззакониям ты присоединил еще и то, что подвергнул моих иноков неисчислимым бедствиям и в мучениях убил великого в добродетелях Фаддея. И вот он ныне радуется со святыми; тебя же кто спасет от вечных мучений? По крайней мере при кончине – покайся в своих злодеяниях.

Посланные, возвратившись, передали все слова Феодора болящему воеводе. Последний весьма испугался, размышляя о содеянных им злодеяниях, и снова отправил к преподобному послов, испрашивая прощения и давая обещание принять православную веру, если он восставит его своими молитвами от одра болезни. Преподобный отправил к воеводе икону Пречистой Божией Матери, приказывая ему в течение всей его жизни сохранять ее при себе с благоговением. Воевода, приняв ту святую икону, получил облегчение в болезнях и стал выздоравливать. Но вскоре, под влиянием Смирнского епископа, бывшего еретиком, он обратился к прежнему своему

зловерию. Получив от последнего елей, как бы благословение себе, он помазался им, в надежде на полное выздоровление. Но, после этого, к нему снова возвратился прежний недуг. Узнав о сем, преподобный предсказал лютую смерть грешнику, что и сбылось, – ибо он вскоре погиб мучительною смертью. Преподобный же Феодор, страдая в затворе, претерпевал заключение в Смирне в течение полутора лет. После этого злочестивый царь Лев Армянин был насильственно лишен жизни, будучи убит своими воинами, а после него царский престол получил Михаил, по прозванию Травлий, он же и Валвос[7278]. Сей император хотя и был нечестив, тем не менее не подвергал гонению православных, но предоставил каждому веровать так, как кто желает. Поэтому при нем все отцы и исповедники православия были освобождены от заключения, выпущены из темницы и возвращены из изгнания. Тогда и преподобный Феодор получил облегчение в своих страданиях. И пришли к нему некоторые из прежних его учеников, между которыми находился с юных еще лет преуспевший в добродетелях Дорофей, затем Виссарион, Иаков, Дометиан, Тимофей и многие другие, отличившиеся благочестивою жизнью и горячею, неизменною любовью к отцу своему духовному Феодору. От царя в Смирну пришло приказание, дабы и Феодор, как и остальные, был отпущен в свою обитель.

Когда блаженный возвращался из заточения, православные повсюду встречали его с радостью, предупреждая друг друга и стараясь принять его в свой дом, дабы сподобиться его молитв и благословения и насладиться сладостными его поучениями. Вся Церковь радовалась возвращению Феодора, и все ублажали его, как человека столь много пострадавшего за святые иконы и своим учением утвердившего всех в православии. На возвратном пути преподобный прибыл в Халкидон[7279], чтобы повидаться с блаженным иноком Феоктистом, который некогда почтен был саном магистрианским[7280], и, утешившись с ним духовною беседою, отправился посетить своего сострадальца, святейшего патриарха Никифора, сосланного в заточение злочестивым царем Львом Армянином. Насладившись духовною беседою с

ним, преподобный удалился в Крискентиевы места[7281] и многих обрадовал своим присутствием, преподав им душеспасительное наставление. Вторично возвратившись оттуда к патриарху, он с ним и с прочими епископами отправился к царю и увещевал его принять Православие. Но тот, будучи неразумным и ненаученным Слову Божию, не внимал речам святых отцов и только сказал им следующее:

– Я вам не возбраняю делать, что вы желаете; только не позволю ставить икон в царствующем граде, но в ином месте пускай ставят их для себя, кто где хочет; я же не желаю поклоняться иконам.

Когда он сие в безумии изрек, преподобные отцы удалились из Византии. Преподобный Феодор со своими учениками поселился в местах Крискентиевых. Спустя немного времени, во время войны, возбужденной некиим Фомою, пожелавшим присвоить себе царскую власть, у святого явилась необходимость вновь с братиею явиться в Константинополь[7282]. По окончании войны, святой, не желая жить среди народа, зараженного иконоборческою ересью, снова удалился оттуда. Выйдя из Константинополя, он не пошел в Крискентиевы места, но поселился в Акритовом Херсонесе[7283], где находилась церковь во имя святого Трифона, и здесь вместе со своими учениками проводил в благочестивых подвигах богоугодную иноческую жизнь. Немного проживши в таком житии со своими возлюбленными друзьями, преподобный приблизился к блаженной кончине своей, имея шестьдесят семь лет от роду. Пред кончиною, в ноябре месяце, он подвергся жестокому недугу и ужасно страдал желудком. Известие о том, что блаженный Феодор болен и приближается к смерти, – распространилось повсюду. Тогда к нему стало стекаться множество благочестивых христиан, приходивших и из царствующего града, и из различных окрестных селений, дабы или послушать преподобного за беседой и насладиться последними его словами, или хотя бы взглянуть на него – отходящего к Богу. Считали за великую пользу даже только то, чтобы к нему приблизиться: ибо сей дивный муж был сладостен словом, премудр разумом и украшен всеми добродетелями.

Когда блаженный лежал в постели и весьма изнемогал от предсмертной болезни, он, тем не менее, насколько было возможно, вёл с учениками душеполезные беседы. Но из речей его можно было расслышать лишь немногое, потому что язык пересыхал у него от болезненного жара. Поэтому один из скорописцев, сидя вблизи и слушая, записывал его слова, дабы все, кто пожелал бы узнать их, могли бы прочесть, для своей пользы душевной, наставления блаженного. Во время беседы преподобному стало легче, так что он даже встал на ноги и начал ходить. В воскресный день, придя в церковь, он совершил Божественную литургию, сказал братии поучение и вкусил вместе с нею от трапезы. Равно также и утром шестого ноября, – в день памяти святого отца нашего Павла Исповедника, – он совершил в церкви Божественную литургию, сказал братии поучение и был в тот же день на вечерне; затем, войдя в келью, он лёг на постель и снова сильно заболел. Он болел в продолжение четырех дней, а на пятый – наступил конец его болезни, – а безболезненной жизни – начало. Когда преподобный приближался к преставлению, к нему собралось множество братии, и они плакали о нем, как о своем отце и учителе. Взглянув на них, он немного прослезился и сказал:

– Отцы и братия! Вот приспел конец моей жизни. Мы все должны испить сию общую чашу: одни раньше, а другие позже, а всё же мы не минем того часа. И вот я ухожу путем, коим отошли наши отцы, туда – где жизнь вечная, а наипаче, где Господь и Бог, Которого возлюбила душа моя. Его я от всего сердца возжелал, Его я назвался рабом, хотя и не исполнил своего Ему служения. Вы же, братия моя и любимые чада, оставайтесь верны словам моим, которые я предал вам, содержа правую веру и благочестивую жизнь. Вы знаете, что я не переставал возвещать вам Слово Божие и наедине и в собрании всех. Ныне же я усердно умоляю вас: имейте его в вашем уме и сохраняйте, потому что у меня есть забота о вас, как у желающего дать о вас отчет. Поэтому и вы заботьтесь, дабы непорочными отойти отсюда. Я же, если обрящу дерзновение пред Господом, обещаюсь молиться за вас, дабы ваш монастырь пребывал всегда в наилучшем состоянии и

дабы каждый из вас, с помощию Божиею, имел большее преуспеяние в добродетелях.

Сказав сие и простившись со всеми, он приказал ученикам взять в руки свечи и начинать отходную. Ученики, ставши кругом постели, воспевали: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс.118:1) И когда, воспевая, произнесли сии слова: «Вовек не забуду повелений Твоих, ибо ими Ты оживляешь меня» (Пс.118:93), преподобный Феодор вместе с сими словами предал Богу свою святую душу. Приняв ее, Ангелы Божии понесли к Престолу Владычнему, как сие явно обнаружилось из неложного свидетельства преподобного Илариона Далматского (†845 г.).

Преподобный Иларион в тот самый день, когда преставился Феодор, то есть одиннадцатого числа ноября, в день памяти святого мученика Мины, ходил по винограднику и занимался работой с пением псалмов Давидовых. Вдруг он услыхал некоторые пречудные голоса и обонял неизъяснимое благоухание. Он удивился и остановился, разыскивал, откуда сие раздается. Взглянув на воздух, он увидал бесчисленное множество чинов Ангельских, в белых ризах, сияющих светлыми лицами и идущих с неба с песнопениями навстречу некоему достопочтенному лицу. Увидав сие, блаженный Иларион в сильном ужасе упал на землю и услышал кого-то, говорящего к нему:

– Вот душа Феодора, игумена Студийского монастыря, много пострадавшего за святые иконы и до конца остававшегося твердым в скорбях; ныне же душа усопшего, торжествуя, восходит горе, сретаемая небесными силами.

Сие видение блаженный Иларион сообщил и прочим добродетельным отцам. Они записали день и час бывшего видения и, спустя некоторое время, узнали, что в то именно время преставился достохвальный Феодор Студийский и перешел от земли на небо.

Преподобный отец наш Феодор и при своей жизни и по смерти совершил много чудес; о некоторых из них передадим здесь, ради пользы душевной.

Некий странноприимец Леон приютил в своем доме для отдыха преподобного Феодора в то время, когда последний возвращался из заточения. Впоследствии сей Леон нашел для своего сына невесту. И вот, когда уже готовилось бракосочетание, невеста внезапно впала в тяжкий недуг и лежала, охваченная сильным жаром, так что все отчаивались за ее жизнь.

Леон же послал к преподобному, сообщая о случившемся и умоляя, дабы он помог им своими молитвами. Благословивши елей, преподобный отправил его к Леону, повелевая помазать сим елеем больную. Когда сие было сделано, невеста немедленно встала здоровою, как бы никогда ранее и не болела. Тот же самый Леон, отправляясь некогда по нужде один в отдаленное селение, встретил на дороге рыся, который, заметивши Леона, кинулся на него, в намерении его растерзать. Громко призвал Леон имя преподобного отца Феодора, и вот – зверь, услыхав имя святого, остановился и наклонился к земле, свернул с дороги и пустился бежать. Леон же, нетронутый зверем, продолжал путь свой.

Некая женщина, страдающая нечистым духом, приведена была к преподобному. Мучивший ее дух был настолько свиреп в ней, что она сама, не чувствуя боли, грызла и ела свою плоть. Видя таковое ее страдание, преподобный сжалился над ней, сотворил своею рукою крестное знамение на ее голове и прочел над нею запретительную молитву; и немедленно нечистый дух вышел из нее и, изгнанный молитвою преподобного, быстро исчез.

Другая женщина из знатного рода рассказала, после преставления преподобного Феодора, блаженному игумену Софронию[7284] следующее. «Случился, – рассказывала она, – некогда пожар в моем доме. Огонь, охватив его со всех сторон, сжигал с шумом всё, что было в нем, и мы не могли ни водою, ни иным каким-либо способом подавить силу пламени и недоумевали, что сделать. Тогда я вспомнила о находившемся у меня письме преподобного Феодора, которое немного раньше пред сим он писал ко мне. У меня явилась мысль бросить его в огонь, не устыдится ли он сколько-нибудь писания,

начертанного святою рукою Феодора, и не укротит ли оно хотя немного пламень. Поступив так, как помыслила, я бросила сию грамоту в пламень и сказала: «святой Феодор, помоги мне, рабе твоей, в беде находящейся»! И в тот же час мы заметили, что свирепая сила огня ослабела, угасла и уничтожилась в дыму». Столь большую силу имело в себе призывание имени сего угодника Божия!

Вышеупомянутый Софроний повествует и о другом подобном же событии. «Шли мы, – говорил он, – с блаженным Николаем, учеником и сострадальцем великого Феодора, в Пафлагонию[7285] . Во время пути, с наступлением вечера, мы опочили на некоем поле, на котором лежало много скошенного сена. Там же находились и какие-то воины, которые, идя тем путем, за поздним временем, остановились на том же поле и, разведши костер, готовили себе ужин. После этого, ночью костер тот как-то незаметно разгорелся и, незаметно приблизившись, превратился в сильный пожар, уничтоживший всё сено. Воины, поспешно проснувшись, все набросились на нас, думая, что это мы подожгли, и уже хотели наложить на нас руки и мучить нас; мы же, недоумевая, как поступить, призвали на помощь великого Феодора с словами: «Преподобне отче! Помоги нам и твоими молитвами избави нас от напасти, несправедливо наносимой нам». Когда мы сие говорили, внезапно пошел обильный дождь и совершенно погасил всё пожарище. Воины, увидав то чудо, стали кроткими и, припадая к нам, просили прощения.

На острове Сардинии[7286] был некий благочестивый муж, который, имея при себе списанные творения преподобного Феодора, прилежно прочитывал их; он любил также и составленные тем святым отцом песнопения, воспеваемые великим постом, которые называются триодями или трипеснцами. К сему мужу зашли, проходившие мимо по дороге, некие нечестивые иноки и проживали у него во время поста. Увидев составленные преподобным Феодором песнопения и поучения, последние стали хулить их, говоря, что они составлены несогласно с разумом и полны безумия. Благочестивый же тот муж, приютивший их, от их бесед

развратился и уже более не прочитывал полезных поучений преподобного и не имел за утренним пением составленных преподобным трипеснцев, какие имел обыкновение петь ранее. Когда он так развратился, однажды ночью ему явился преподобный Феодор – небольшого роста, каким он был при жизни, с благородным лицом и лишенною волос головою. Вслед за ним шли и другие иноки, держа в руках жезлы, которыми он приказал бить сего, соблазненного нечестивыми иноками, мужа. В то время, как его били, преподобный говорил:

– Зачем ты по неверию отвергнул мои творения, который ты прежде любил и почитал? Почему ты не рассудил того, что если бы Церковь Божия не видала от них пользы, то и не приняла бы их? Ведь они составлены не по ухищренному лжесловесию, не по витийству речи, но во всем содержат здравые и смиренные слова, могущие привести в сокрушение сердце и умилить душу. Они сладостны и полезны для тех, кто поистине желает спастись.

Наказав так согрешившего, преподобный Феодор удалился. Когда наступил день, муж тот лежал в постели больным от полученных им ударов, со множеством синяков на теле, которые он, рассказывая о постигшем его наказании, всем показывал. Поспешно он изгнал затем из своего дома тех, соблазнивших его, иноков, как виновников его прегрешений и такого наказания. С того времени он приобрел сильнейшую, чем ранее, веру в преподобного Феодора и с любовью прочитывал творения и песнопения, им составленные, умоляя его простить ему прежнее согрешение.

Многие исцеления даровались и от гроба преподобного. Однажды к его гробу пришел некий бесноватый. Ночью, в видении, ему явился преподобный и, даровав исцеление, сделал его здоровым. Человек тот, проснувшись, ощутил себя освобожденным от вражеского мучительства и прославил Бога и Его угодника, преподобного Феодора.

Некоторый человек съел отравленную пищу, заразил отравою все свои внутренности и уже приближался к смерти. Когда же он влил себе в рот елей из лампады, находившейся

при гробе преподобного, то немедленно извергнул тот смертоносный яд, получил здоровье и остался невредимым.

Третий сильно страдал желудком; но когда он только взглянул на икону преподобного Феодора и призвал его имя, то немедленно исцелел. Еще один муж, одержимый каким-то страхом, находился в состоянии безумия, боясь и ужасаясь всех. Будучи приведен ко гробу преподобного и помазан маслом, он внезапно избавился от сего страдания и, получив здравый рассудок, воздал благодарение Богу и Его угоднику.

Много и иных чудес по молитвам преподобного Феодора совершилось при его гробе во славу Единого в Троице Бога, Ему же да будет от нас честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Православия наставниче, благочестия учителю и чистоты, вселенныя светильниче, монашествующих богодухновенное удобрение, Феодоре премудре, ученьми твоими вся просветил еси: цевнице духовная, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Постническое и равноангельное житие твое страдальческими уяснил еси подвиги, и Ангелом совсельник богоблаженне явился еси Феодоре: с ними Христу Богу моляся не престай о всех нас.

Житие святого Стефана Дечанского, краля Сербского[7287]

Память 11 ноября

Стефан Урош III Дечанский был Сербский краль (король), из числа благочестивых кралей и царей древнего православного Сербского государства. Он был сыном св. краля Стефана Уроша II Милутина[7288], внуком Стефана Уроша I[7289] и правнуком св. Стефана, первовенчанного краля Сербского[7290], брата святого Саввы, первого архиепископа Сербского и сына Великого Сербского Жупана св. Стефана (в иночестве Симеона) Неманя[7291], основателя древнего Сербского государства. Матерью его была первая жена Милутина, Елисавета, дочь Венгерского короля Стефана V. Принадлежа к благочестивой Сербской королевской семье, Стефан с детства был воспитан в христианском благочестии.

С ранних лет Стефану пришлось видеть и пережить много тяжких бедствий. В Сербии в те времена бывали частые смуты и междоусобия среди королевского рода, восстания и крамолы вельмож, постоянные войны с соседями – Болгарами, Греками и Татарами.

Враги православного восточного христианства, татары, разгромивши и покоривши православную Русь, разоряли и прочие славянские православные государства, угрожали Болгарии и Сербии.

Особенно сильная опасность грозила славянским государствам Балканского полуострова со стороны Крымского хана Ногая. Татарские войска, высылаемые Ногаем, опустошали Болгарию и Македонию, вторгались и в Сербию. Болгары на время подпали даже зависимости от Татар, та же участь угрожала и Сербии. Но Сербский король Милутин принял решительные меры. Не будучи в состоянии силой сопротивляться могущественному татарскому хану, он вступил с ним в переговоры, отвратил нашествие татар, но вынужден был отправить молодого сына в татарский лагерь в качестве заложника вместе с несколькими знатными сербскими боярами.

Но Бог помогал благочестивому Стефану в его несчастьях. Возникшия вскоре среди татар междоусобия кончились убийством Ногая. Воспользовавшись сими смутами среди татар, Стефан возвратился на родину.

Ради совместной борьбы с Татарами болгарский царь Смилец вступил в союз с сербским кралем Милутином; союз этот сопровождался браком сына Милутинова, Стефана Уроша, с дочерью Болгарского царя Смильца.

После своего брака Стефан Урош получил для самостоятельного управления одну из важных областей, именно Зету, или Диоклею, теперешнюю южную Черногорию. Здесь некоторое время и правил Стефан.

Но как нередко прежде, так и теперь возникают в Сербии смуты, сопровождаясь обычными бедствиями и несчастиями.

Мачеха Стефана, вторая супруга Милутина, Симонида, дочь Византийского царя Андроника Старшего[7292] и жены его Ирины, возымела желание, чтобы наследником Сербского престола сделался не Стефан Урош, ее пасынок, а родной ее сын, Константин. Подстрекаемая своею матерью Ириной, она стала внушать королю Милутину подозрение к его сыну Стефану и клеветать, будто Стефан хочет отнять престол у отца.

В то же время нашлось среди сербских бояр немало таких, которые предупредили Стефана о грозившей ему опасности, но избавиться от нее советовали посредством восстания против отца и отнятия у него королевской власти.

Между тем отца его Милутина злые люди успели убедить, что сын замышляет против него восстание и хочет свергнуть с престола. Тогда Милутин отправляется в область своего сына и посылает схватить его. Посланные заковали Стефана в цепи, посадили в темницу в Скопле[7293] и ослепили.

Произошло это в сербской области, именуемой Овче-поле. Там находился храм во имя святителя и чудотворца Николая. Ослепленный Стефан испытывал страшные муки и подкреплял себя только молитвою. Среди таких тяжких страданий полумертвый мученик в тонком сне видит пред собою величественного святого мужа в святительской одежде с

сияющим лицом; муж сей держит на правой длани выколотые очи Стефана и говорить:

– Не скорби, Стефане! Вот на длани моей твои очи, – и с этими словами показывает их.

Думая, что это привидение, Стефан сказал ему:

– Кто ты, господин мой, являющий такое попечение обо мне?

Явившийся отвечал:

– Я Николай, епископ Мирликийский.

Пробудившись от сна, страдалец почувствовал некоторое облегчение от болезни и возблагодарил Бога.

Гонение на Стефана сим не кончилось.

Желая вполне обеспечить себя от мнимых замыслов сына, король Милутин изгоняет Стефана из отечества, отсылает его в Царьград к тестю своему царю Андронику Старшему под надзор вместе с двумя малолетними внуками, сыновьями Стефана – Душаном и Душицею.

Но и в изгнании Бог не оставил терпеливого Стефана. Правда, Стефан здесь лишен был свободы. Ему дан был сначала особый двор и полное содержание от царя, но воспрещен свободный выход. Потом Стефан с детьми перемещен был на жительство в Цареградский монастырь Пантократора (Господа Вседержителя) под надзор игумена, без разрешения которого ему не позволялось никого принимать к себе и ни с кем не беседовать. Но доблестный Стефан покорно переносил все тягости заточения; он часто повторял: «Терпи, Стефан, «терпением вашим спасайте души ваши» (Лук. 21:19), сказал Господь».

Он часто предавался молитве с коленопреклонением и в ней находил утешение. Когда монастырская братия собиралась на правило, он первый являлся на молитву и стоял неподвижно до окончания службы, так что настоятель и братия дивились его бодрости и усердию. За это все любили Стефана и оказывали ему внимание. Часто ходили к нему и для духовной беседы. Все это не осталось неизвестным и самому царю. Слыша о похвальной жизни заточника, он часто призывал его к себе, беседовал о душевной пользе и разделял с ним трапезу.

В одну из таких бесед о вещах душеспасительных и делах государственных зашла речь о возмущавшем тогда многих православных в греческом царстве пришлом с запада еретике Варлааме, неправо учившем об осиявшем Господа Иисуса Христа свете во время преславного Преображения на Фаворе. Стефан высказал такую мысль: «Неправедно и неприлично царю, пастырю такого великого стада Христова, держать в своем стаде врагов Его; их должно изгонять, как волков, растлевающих души».

Созванный царем и патриархом Афанасием собор осудил ересь Варлаама, и еретик изгнан был из пределов Греческого царства.

Своей добродетельной жизнью и своим разумом и советами Стефан снискал всеобщую любовь не только монастырской братии и царя, но и всех знатных людей в Царьграде, патриарха и вельмож.

Из того, что выдавалось от царя, Стефан тратил на свое содержание незначительную долю, остальное же отдавал игумену для раздачи бедным.

Один из соотечественников Стефана, старинный его знакомый и почитатель, желая облегчить положение невинного заточника, послал ему с верным слугою значительную сумму золота на различные нужды. Посланный вручил деньги Стефану и передал сочувственные речи друга. Стефан возблагодарил благотворителя, помолился за него Господу Богу, но, призвав игумена, вручил ему всё присланное золото для раздачи нуждающимся. Игумен убеждал Стефана оставить себе хоть малую часть на обыкновенные нужды, но тот отвечал, что Сам Бог судил ему жить на чужбине и питаться от чужих, это так и должно быть; присланные деньги должно отдать истинно нуждающимся – бедным.

Обласкав и удержав у себя на некоторое время посланного, он отпустил его к своему другу на родину, благодаря его и вознося за него молитвы Господу Богу.

За такую добродетель никогда не оставляла Стефана милость Божия. В пятый год пребывания в заточении Господь Бог явил на нем великое чудо.

Однажды, в день празднования памяти великого святителя и чудотворца Николая, Стефан по обычаю находился на торжественном всенощном богослужении. Во время чтения жития и чудес святителя, он по обычаю присел на скамье у своего места и от продолжительного труда и бдения вздремал. И вот он видит пред собою того Божественного мужа, который и прежде ему являлся.

– Помнишь ли ты, – сказал явившийся Стефану, – что я говорил тебе, когда прежде являлся?

Стефан пал на землю и сказал:

– Я узнаю, что ты – великий святитель Николай, но сказанного тобою не помню.

Святый Николай сказал:

– Я говорил тебе – не скорбеть, ибо в моей руке твои зеницы, и я показал их тебе.

Стефан стал припоминать прежнее явление святителя и, падши к ногам его, стал просить о помиловании. Святитель сказал:

– Что я тогда говорил тебе, то ныне явился исполнить.

И, как бы подавая зрение, поднял Стефана, осенил лицо его крестным знамением, коснулся очей и произнес:

– Господь наш Иисус Христос, даровавший очи слепому от рождения, дарует и твоим очам первоначальное зрение!

И с этими словами святитель стал невидим.

Объятый трепетом, Стефан, пришедши в себя, стал, по неизреченному милосердию Божию, видеть, как и прежде.

Взявши свой жезл, он вышел из церкви, как и всегда уходил, и, пришедши в келью, наедине предался горячей молитве и благодарению за свое исцеление. После долгой молитвы, закрыв по-прежнему глаза полотенцем, он снова вернулся в церковь и стоял по обычаю, утаивши от всех совершившееся над ним чудо, и никто не узнал, что ему возвращено было зрение, до того самого дня, когда Богу угодно было, по возвращении в отечество, поставить его законным Сербским кралем.

Спустя несколько дней после чудесного прозрения Стефана младший сын его, малолетний Душица, впал в тяжкую болезнь

и скончался. Стефан перенес это лишение без ропота, повторяя слова: «Господь дал, Господь и взял», так что все окружающие удивились мужеству Стефана.

Еще два года продолжалось томление Стефана в заточении на чужбине. Как ни терпеливо переносил Стефан свою ссылку, как крест, возложенный на него Промыслом Божиим, но ему всё же хотелось возвратиться в отечество.

И вот он пишет слезное послание на Афонскую гору в сербскую Хиландарскую лавру, где в то время находился сербский епископ, впоследствии архиепископ Даниил, к которому прежде Стефан всегда питал любовь и дружбу. В своем послании он яркими красками изображает свое бедствие и просит Даниила вместе со своими афонскими великими старцами попечаловаться пред отцом его, королем Милутином, и исходатайствовать ему милость и возвращение в отечество.

На Афоне собрался общий собор старцев для обсуждения дела. Порешили написать послание к сербскому архиепископу Никодиму и отправить его с выборными почтенными старцами в Сербию, чтобы ходатайствовать о возвращении сына и внука.

Красноречивое послание и речи архиепископа Никодима и посланных старцев тронули сердце отца.

В то же время прибыл в Сербию из Царьграда игумен обители Пантократора, в которой содержался Стефан с сыном. Этого игумена, как человека красноречивого и искусного, византийский император Андроник Палеолог послал к своему зятю, сербскому королю Милутину, просить военной помощи против врагов греческого царства.

Переговоривши о государственных делах, король Милутин пригласил царского посла, игумена обители Пантократора, для беседы наедине и стал расспрашивать о своем сыне Стефане.

Игумен подробно повествовал отцу о добродетелях, подвигах и терпении его сына и воскликнул, что с ними не могут сравняться все царские сокровища. Эти рассказы тронули Милутина. К тому же незадолго перед тем умерла теща его, мать Симониды, императрица Ирина, главная виновница подозрений и вражды отца к сыну. Вследствие всего этого, Милутин решился возвратить сына.

Он отправляет посольство к императору Андронику и просит отправить сына своего Стефана со внуком Душаном обратно на родину, в Сербию. Император Андроник, полюбивший Стефана и питавший к нему глубокое уважение, прощается с сербским изгнанником и отпускает его в дорогу, снабдив всем необходимым и щедро наградив подарками. Андроник знал о прозрении страдальца, но никому не открывал этого, чтобы не навлечь на Стефана новых подозрений и гонений.

Так после восьми лет заточения на чужбине, Стефан вернулся в отечество вместе с подраставшим сыном своим Душаном. Встреча была трогательная. Отец примирился с сыном. Он дал ему для прожития в управление небольшую Будимльскую область в Диоклее (Зете), а внука Душана оставил у себя для воспитания, а может быть и для того, чтобы иметь его, как залог верности сына.

Спустя три года последовала смерть сербского короля Милутина (29 окт. 1320 г.). Сторонники мачехи Стефана, Симониды, произвели было смуту в пользу сына ее Константина, но большинство сербских вельмож стали на сторону законного наследника престола, старшего Милутинова сына Стефана, который прибыл из Диоклеи в тогдашнюю столицу Сербии, город Призрен[7294], и в январе 1321 года был венчан королевским венцом сербским архиепископом Никодимом в сослужении всего собора сербского духовенства. Вместе с отцом, по византийскому обычаю, венчался на «кралевство» и сын его, «Стефан, младый краля», называвшийся Душаном. Стефан стал править под именем Уроша III. Теперь повязка с глаз была снята и для всех очевидно стало чудесное возвращение зрения Стефану заступничеством великого чудотворца Николая.

Правление Стефана Уроша III не было покойным и мирным. Внутренния смуты не улеглись.

Брат Стефана, сын гречанки Симониды Константин, собрал войско и двинулся на Стефана, требуя уступить ему королевский престол. Стефан со своей стороны собрал войско и двинулся против Константина. Прежде чем дело дошло до

сражения, Стефан отправил к брату письмо, в котором убеждал не воевать против своего отечества при помощи иноплеменных войск, а мирно править той областью, которую он даст брату: «можно обоим в довольстве жить в такой обширной земле». Но Константин не внял этим мирным предложениям, вступил в сражение и был убит, а люди его перешли на сторону Стефана.

Поднял восстание против Стефана Уроша III еще двоюродный брат его, Владислав, сын Сремского краля Драгутина, брата Милутинова, но и это восстание окончилось в пользу Стефана. Владислав должен был покориться ему.

После смерти первой своей супруги, болгарской царевны, Стефан Урош еще дважды вступал в брак: с Бланкою, дочерью Филиппа Тарентского, герцога Ахайского[7295], и, по смерти этой второй жены, с Мариею, дочерью Солунского наместника Иоанна Палеолога.

В мирное время Стефан заботился о благосостоянии своих поданных и о делах Церкви. Он подтверждал прежние грамоты, укреплял за церквами земельные владения и другие доходы. Он заботился также о соблюдении чистоты веры и уничтожении ересей в пределах своего государства. Один современник на Евангелии сделал такую запись о Стефане Уроше III:

«Господь избрал и прославил его для отчизны как звезду светлую и ярко сияющую; он утвердил родину свою, овладел многими городами и областями, рассеял врагов своих. Он послал на безбожных и нечестивых бабунов сына своего. Тот с Божией помощью одержал победу над ними, пролив много крови, взял в плен весьма многих и возвратился к отцу своему». – Бабунами назывались богомилы, опасные еретики, поселившиеся в горной местности Бабуне, около города Прилепа в Македонии, и оттуда делавшие набеги на православных.

При Стефане Уроше III Сербия немало лет наслаждалась полным миром; не было внутренних смут, не было и войн с соседями. Благочестивый король Стефан занимался делами благотворительности и построением и украшением храмов Божиих, как в своем отечестве, так и за его пределами.

Но вот в конце его царствования возгорелась жестокая война с соседним единоверным и единоплеменным Болгарским царством. При сербском короле Милутине Болгария, раздираемая внутренними смутами и разоряемая набегами татар, значительно ослабела и не могла равняться могуществом с Сербией. Когда Болгарским царем сделался Бдинский деспот Михаил[7296], он соединил в своих руках власть над всеми разъединенными болгарскими областями, желая возвратить некоторые захваченные Сербиею города и даже замыслил унизить Сербию, достигнув значительного могущества.

Болгарский царь Михаил нанес Стефану Урошу III горькую обиду. Женатый на родной сестре Стефана, дочери Милутина Анне (иначе Неде), он без причины удалил от себя свою жену, заключил ее в монастырь вместе с молодым сыном Стефаном, а сам женился на сестре претендента на византийский престол Андроника Младшего, вдове болгарского царя Святослава, Феодоре. Вражда между государями двух соседних и родственных племен еще более усилилась от того, что сербский король держал сторону законного византийского царя Андроника Старшего, полюбившего сербского короля Стефана еще в то время, когда он находился в заточении в Царьграде, и уважавшего его; болгарский же царь Михаил сблизился с соперником Андроника Старшего, внуком его Андроником Младшим, которому и удалось отнять царский престол у деда. Андроник Младший и Михаил Болгарский заключили оборонительный и наступательный союз против Сербии. Эти два союзника решили напасть на Сербию единовременно в 1330 году.

Стефан Урош знал об этих враждебных приготовлениях и постепенно готовился к защите отечества, запасая оружие и войско. К тому времени вполне возмужал уже сын его Стефан Душан и помогал отцу в военных приготовлениях.

Болгарский царь Михаил выступил в поход летом 1330 г. У него находилось до пятнадцати тысяч собственно болгарского войска, но почти столько же войск вспомогательных и наемных – валахов[7297] (от воеводы Иванка Бессарабы), Черных татар,

Ясов (живших в теперешней Молдавии)[7298]. Сербы смотрели на это нашествие, как на нашествие безбожных и поганых язык.

В то же время, согласно условию, выступил против Сербов и Византийский император Андроник Младший. У него войска было немного. Он не решился начать военных действий и расположился на сербской границе в Македонии, чтобы выждать, чем кончится болгарское столкновение с Сербами.

Быстрое наступление двух сильных царей на Сербию, конечно, не могло не встревожить сербского короля. Хотя он уже подготовился, но ему хотелось избежать кровопролития. Он решил отправить к болгарскому царю послание, убеждая его не допускать кровопролития. В этом послании он писал: «Зачем идешь губить болгарские и сербские роды? Что Богом даровано тебе, то ты имеешь в своих руках, и будь доволен этим, а чужого не желай, не желай того, что Богом даровано другим. Если ты уже так воинственен, то вооружайся на иноверных, а не на Христовых людей, которых по Его благодати я состою пастырем и которые ничем тебя не обидели. Помысли, сколько прольется крови, сколько обесчадится матерей, сколько трупов с обеих сторон будет брошено на съедение птицам и зверям и сколько взыщет за них Бог от погубившего их? Оставь нас в мире. Сам владея тем, что тебе принадлежит, возвратись ко своим. Ибо желающие восхищать чуждое лишаются и того, чем, по-видимому, владели вполне надежно. Так судит Всевидящее Око».

Но это красноречивое мирное послание Стефана не подействовало на Михаила; напротив он сказал: «Если завтра сербский король не явится ко мне с покорной головой, то я прикажу привести его с бесчестием связанного и предам мучительной смерти».

Стефану ничего не оставалось, как, положась на помощь Божию, вступить в битву с врагом.

Сербские войска собирались близ сербско-болгарской границы в долине Добричи, при слиянии рек Топлицы и Моравы, где и прежде много раз происходили жестокие международные битвы. Сюда ожидался приход болгарского царя из Бдина. Между тем пришло известие, что Михаил со своими войсками

двинулся через Софию[7299] в Македонию, рассчитывая, может быть, соединиться со своим союзником, византийским императором Андроником. Тогда и Стефан поспешил двинуть свои войска на юг. На пути его лежали построенные отцом его монастыри св. Георгия в Нагоричине (близ Куманова) и св. Иоакима в Сарандапоре. Здесь король Стефан горячо молился, особенно св. Победоносцу Георгию, оказывавшему помощь его предкам, благочестивым сербским государям.

Сербы достигли болгарского лагеря на реке Струме, на сербской границе, у местечка Земельна; они остановились на речке Каменче, у самого города Вельбужда (теперь называемого Кюстендил).

Около трех дней лагери делали обсылки между собою, не приступая к сражению. Сербский король Стефан поджидал некоторых запоздавших властелей, а из войска болгарского царя многие разбрелись по окрестностям для собирания провианта.

Настала, наконец, суббота 28 июля. В сербском лагере началось движение; все готовились к бою. Болгарский царь, в виду медлительности сербов, никак не ожидал нападения в этот день и не собрал своих войск, рассыпавшихся на большом пространстве.

Сербские войска готовил к бою отважный сын короля, молодой Стефан Душан. Сербское отборное войско, в блестящем вооружении, во главе с отдельным наемным отрядом рыцарей, под командой Стефана Душана, двинулось на болгар. Произошла горячая битва, в которой Душан показывал пример личной храбрости. Вскоре болгарское войско, не ожидавшее такого дружного натиска, было смято и обратилось в бегство.

Обратился в бегство и сам болгарский царь Михаил. Под ним споткнулся конь, и царь свалился с него и тяжело расшибся. Тут его окружили сербы и сам Стефан Душан отсек ему голову.

Тело несчастного болгарского царя отвезли к сербскому королю, который с грустью пожалел о том, что его противник не послушал его мирных предложений и предостережений.

После этого жестокого кровопролития, все болгарское войско сдалось сербскому королю.

На другой день после битвы, в воскресенье, рано утром, сербскому королю торжественно представлена была взятая у болгар добыча: оружие, дорогие царские одежды и утварь, великолепные кони; приведены были в оковах болгарские бояре. Они не верили, что царь их погиб; они думали, что он избежал гибели. Но вид царского трупа должен был уверить в безвозвратной гибели их царя, и им оставалось только плакать. Уступая просьбам бояр, король приказал с почетом похоронить убитого болгарского царя в сербском Нагоричанском монастыре св. Георгия.

Вознося благодарение Господу Богу за дарованную победу, король Стефан тогда же известил о ней свою супругу Марию и сербского архиепископа Даниила со всем сербским собором следующим посланием: «Да будет ведомо, что, помощью Божиею и заступлением святого господина нашего, преподобного отца Симеона и святителя Саввы и молитвами вашими, заступлением и укреплением и силою Святого Духа вооружаемый и защищаемый, я, сербский краль, с превозлюбленным сыном нашим Стефаном, и с нашими воинами, чадами моего отечества, злокозненного врага нашего, болгарского царя, пришедшего со многими иноплеменными языками, и хвалившегося на наше отечество, победил в сражении, происшедшем в местечке, называемом Землен, в нашем королевстве, и самого царя умертвил и великое богатство и славу их отъял помощью Божиею. Радуясь о сем, воздайте должную хвалу Богу. Мы же отправляемся в дальнейший путь в болгарскую землю».

Это радостное известие с восторгом принято было по всей Сербии, и во всех храмах совершались торжественные молебствия по случаю такой великой милости Божией.

Король же Стефан, вместе с сыном своим, торжественно пошел водворять порядок в Болгарии. Его сопровождали пленные болгарские бояре. Вскоре вышли навстречу и бояре, остававшиеся в Болгарии и управлявшие городами и провинциями; во главе их находился Белаур, брат убитого царя

Михаила. От имени всей Болгарии они отдавались под власть сербского государя и готовы были на слияние Болгарии и Сербии в одно государство.

Но Стефан этого не захотел. Он желал восстановить на болгарском престоле обиженную и поруганную сестру свою Анну с сыном ее Стефаном. Тотчас же после победы над Михаилом он послал ей в монастырское заключение известие об этом и убеждал не унывать, но надеяться на лучшее будущее. Теперь же он через особое посольство приглашал ее вместе с сыном явиться в болгарский столичный город Тернов и послал необходимую военную помощь.

Болгарским боярам король Стефан объявил, что он сам лично отказывается от болгарского престола, а поставляет болгарским царем сына своей сестры Стефана (Шишмана II), которого они и должны слушать, сами же могут пребывать в полной безопасности и оставаться при прежних должностях.

Так великодушно поступив с побежденными, сербский король со своим войском возвратился в отечество.

Немного времени спустя по возвращении из Болгарии Стефан Дечанский, вместе с сыном Душаном совершил поход в Македонию. Кралю хотелось наказать и другого врага, византийского императора, за союз с Михаилом Болгарским. Поход этот продолжался неделю. Встречи и битвы с императором не произошло; Сербы возвратили себе города и крепости, на время занятые бежавшим теперь Андроником, а также присоединили несколько добровольно передавшихся им городов на реке Вардаре[7300], каковы Велес, Просек, Штип. Оставив в этих городах сербских воевод, оба полководца вернулись домой, отец в свой двор Неродимлю[7301], а сын в Скадар[7302].

Так счастливо для Сербов кончился тяжелый 1330 год.

После побед над внешними врагами, покрывших славою сербское оружие, король Стефан всецело предался делам благотворительности, построению и украшению храмов Божиих и другим богоугодным делам, которые всегда составляли отраду его жизни.

Всю жизнь святой Стефан был чтителем православной святыни, и не только в своем отечестве, но и за его пределами. Как прежде, так особенно теперь, он рассылал щедрые и богатые дары в Иерусалим и во всю Святую Землю, на Синай, в Египет и Александрию, а также в Царьград, особенно в тамошнюю обитель Пантократора, в которой он подвизался, находясь в заточении; благотворил он также обителям Фессалии[7303] и особенно святой горы Афонской, где находилась славная Хиландарская лавра, основанная и строившаяся сербскими кралями и потом царями. Кроме посылки щедрых даров, король Стефан многим из этих обителей жаловал доходные имения и укреплял своими грамотами.

Все прежние сербские государи, предки Стефана, строили себе задушбины, то есть храмы с монастырями, в которых завещали и погребать себя, и поминать за упокой. Так и св. Стефан Урош III после болгарской победы, доставившей ему сокровища, в благодарность Господу Богу и на помин своей души, решил воздвигнуть храм во славу Господа Иисуса Христа.

Для совета и содействия он обратился к своему сербскому архиепископу Даниилу, которого уважал и любил. Вместе с ним и с доверенными боярами он стал в своих владениях искать места, которое было бы достойно и пригодно для величественного храма. Много обошли они мест; наконец, Стефан остановился в горной стране, на речке Быстрице, впадающей в Белый Дрин, на северо-западе от Призрена и в трех часах пути от г. Печи, бывшей потом местожительством сербских патриархов, в местечке, именуемом Дечаны. Место это необыкновенно красиво. Это – покрытая разнородными деревьями небольшая долина, богатая ключами и орошаемая рекой Быстрицей с прекрасной здоровой водой. Со всех сторон, особенно с запада, его окружают высокие горы. Здесь-то Стефан и решил воздвигнуть славный храм. Архиепископ Даниил благословил и освятил место, и сейчас же было приступлено к постройке.

Стефан Урош вызвал художников и мастеров из своих владений по Адриатическому морю. Множество рабочих стали

доставлять материалы – разных пород камень, разноцветный дорогой мрамор и прочее. Прежде всего была отмерена для монастыря площадь и обнесена крепостными высокими стенами с башнями; с южной стороны находились врата, над которыми поднималась самая высокая башня. Внутри к стенам были пристроены кельи для иноков, подобно птичьим гнездам. Устроена была общая трапеза, отличавшаяся как величиною, так особенно художественностью отделки. Особо устроены были кухня и пекарня. Отдельное великолепное здание построено было для игумена. Но главное внимание и главная заботы обращены были на постройку посреди монастырской площади внутри стен великолепного храма Вознесения Господня. Весь огромный храм построен был из разноцветного тесаного мрамора, украшен резьбой, колоннами и арками необыкновенного искусства и красоты. Это замечательное здание сохранилось и до настоящего времени. Вот как описывает его один русский путешественник[7304], лет пятьдесят тому назад посетивший эту сербскую святыню:

«Церковь большая и высокая, построена крестообразно, с одним круглым, высоким куполом. Уже внешние стены поражают своим великолепием: они, снизу до верху, состоят из мраморных плит, правильно расположенных горизонтальными полосами: нижний ряд из белого мрамора, второй из розового, третий опять из белого, четвертый из серого; потом опять начинается та же система. Притом надобно заметить, что всякий раз нижний ряд шире, второй уже, третий и четвертый еще уже. Крыша церкви свинцовая; купол также покрыт свинцом, таким массивным, «что крыша купола со времени постройки церкви в 1335 году ни разу, говорят, не требовала починки. Свинец на куполе от действия времени получил какой-то странный отлив, похожий на цвет меди. На куполе стоит невредимо большой крест, как говорят, из массивного серебра. На восточной стороне церкви видна выдающаяся окружность большого алтаря и по сторонам ее по две малых окружности, принадлежащая двум пределам, во имя св. Николая и св. Димитрия, проскомидии большого алтаря и ризница. Эти пять соединенных окружностей представляют необыкновенно красивое сочетание линий».

Великолепию и красоте внешнего вида соответствовали и внутренние украшения главного храма и приделов из резного камня, золота и других дорогих материалов. Храм был богато снабжен церковною утварью, золотыми и серебряными сосудами, церковными одеждами из драгоценных тканей, украшенных бисером и драгоценными камнями.

Закончив постройку великолепного и богатого храма, Стефан назначил настоятелем его известного своею благочестивою жизнью игумена Арсения и освятил торжественно созданный храм собором сербского духовенства во главе с архиепископом Даниилом. Для обеспечения на будущее время Стефан Урош своими грамотами укрепил за монастырем множество сел, угодий и других доходных имений в разных местах своих обширных владений.

Кроме придела во имя покровителя своего и заступника святителя Николая в южной стороне главного храма, Стефан построил в честь его еще особую церковь вне монастыря, вблизи, для всегдашнего служения в честь сего святого.

Св. Стефан Урош всегда отличался нищелюбием и состраданием к несчастным, а теперь он особенно предался этого рода попечениям. Верстах в трех от Дечанской обители он создал еще особый монастырь для призрения больных, увечных и престарелых со всего своего царства. Обширные палаты этого богоугодного заведения были снабжены кроватями и всем необходимым для больных и увечных. Собрана была многочисленная братия для ухода за несчастными страдальцами. Сам Стефан постоянно посещал этот монастырь. Для него было отрадою помогать несчастным. Иногда он прямо являлся в больницу, как король, и словом и беседою утешал несчастных, иногда же приходил переодетым воином и раздавал богатую милостыню. И это учреждение богато обеспечено было королевскими вкладами и пожертвованиями. Со всех концов Сербии стекались сюда больные и увечные, и одни, по выздоровлении, уступали место иным больным, другие же оставались здесь до конца своей страдальческой жизни.

Незадолго до смерти явился Стефану всегдашний его заступник и помощник, святой Николай Чудотворец, и сказал:

– Приготовься, Стефан, к исходу: ты вскоре должен предстать перед Господом!

Последние дни жизни Стефана Уроша III омрачены были великим несчастием – враждой к отцу сына его, «младого краля» Стефана Душана, кончившейся мученической смертью многострадального Стефана Уроша.

Стефан Душан, отличившийся подвигами храбрости в войне с Болгарами, правил Зетскою областью. Своекорыстные бояре, служившее при нем, стали побуждать его отнять престол у отца и сделаться королем над всею Сербиею. Они пугали Стефана, что его постигнет такая же участь, как и его отца, ослепленного в детстве дедом его Милутином. Честолюбивый Стефан поверил наговорам, и в его области поднялось возмущение против отца.

Урош не желал вражды; он принял меры для прекращения восстания, после долгих переговоров повидался с сыном, который обещал не предпринимать ничего против отца. Стефан Урош опять оставил сына в покое, возлагая надежду на Бога. Но не того желали бояре. Они стали говорить Душану, что отец к нему питает затаенную вражду и погубит его. Доверяя этому, Стефан хотел было бежать из отечества в чужие страны, но бояре этого не допустили и снова побуждали Стефана покончить с отцом. Душан склонился на эти убеждения – и в Сербии совершилось великое злодеяние.

После примирительного свидания с сыном Стефан Урош мирно жил в своих владениях, то в одном замке, то в другом, предаваясь делам благотворительности и не принимая никаких особых мер для своей безопасности. В то время, когда Стефан Урош находился в уединенном горном замке Петриче близ Неродимля, внезапно приехали туда Зетские бояре со Стефаном Душаном во главе, окружили замок и захватили Стефана Уроша со всей семьей. Самого Стефана Уроша Душан приказал отвезти в отдаленный и уединенный недоступный замок Звечан[7305], а жену и детей в другое место.

Но этим дело не кончилось. Решено было совсем покончить со старым сербским кралем. По распоряжению Стефана Душана, отправились в Звечан некоторые из его приближенных,

и Стефан Урош мученически скончался, будучи удавлен в замке[7306].

Тело мученика привезено было в новопостроенную обитель Дечанскую и торжественно погребено в богатой гробнице в построенной самим Стефаном церкви Вознесения Господня.

Говорили, что Стефан Урош скончался естественною смертью, но, конечно, все скоро узнали правду и смотрели на покойного короля, как на мученика.

Через семь лет было чудесное явление экклисиарху Дечанской обители: в сонном видении некий неведомый муж повелевал извлечь из земли тело покойного короля Стефана. Экклисиарх пересказал видение игумену. Осторожный игумен успокаивал экклисиарха уверением, что это простой сон. Но явление повторилось. Наконец, в третий раз грозный муж явился уже не одному экклисиарху, но и игумену и требовал того же.

Тогда игумен сообщил обо всем этом архиепископу. Собрался духовный собор в Дечанах. После молебствия открыли гроб Стефана, и по всему храму и вокруг его разнеслось благоухание; все узрели нетленные мощи святого мученика. Тогда же совершилось несколько чудес: прозрел слепец, припавший к мощам мученика; получали исцеление и другие болящие.

И впоследствии произошло много исцелений и других чудес. Святой Стефан всегда являлся на помощь с верою притекавшим к его заступлению и всегда охранял свою обитель от врагов, покушавшихся на ее достояние. Со времени открытия мощей святого мученика Дечанская обитель стала драгоценною святынею для православного сербского народа.

Память блаженного Максима, Христа ради юродивого, московского чудотворца

Память 11 ноября

Милосердый Господь открыл несколько путей для спасения и достижения вечного блаженства. Но самым трудным и тяжким из них является подвиг добровольного юродства. Блаженный Максим избрал себе сей путь и неуклонно шествовал им до самой своей кончины. Время не сохранило до нас подробного жития сего Московского чудотворца. Отказавшись от всех удобств жизни, он почти обнаженный ходил по улицам города Москвы, перенося и холод и жар. Своими изречениями он многих удерживал от зла или ободрял в трудах. «Хоть люта зима, да сладок рай», – часто говаривал он. «За терпение Бог даст спасенье». «Бог велик, неправду сыщет. Ни Он тебя, ни ты Его не обманешь». «Всяк крестится, да не всяк молится».

Блаженный Максим подвизался в первой половине XV века. То было тяжелое время для Русской земли: иго татар, голод, засухи и моровая язва угнетали народ. Своим терпением святой учил людей терпению. Проводя сам нестяжательную жизнь, он желал, чтобы и другие не забывали из-за временных богатств о своей душе, удерживал московских торговцев от несправедливых сделок: «Божница домашня, а совесть продажна. По бороде Авраам, а по делам Хам».

После таких подвигов блаженный Максим преставился 11 ноября 1433 года и был погребен у церкви святых Бориса и Глеба на Варварской улице. Господу было угодно прославить чудесами Своего угодника. Так, у гроба святого в 1506 г. произошло исцеление одного человека, у которого была сведена нога. В 1547 году 13 августа были обретены нетленные мощи блаженного Максима и тогда же было установлено празднование святому. Самые мощи оставались под спудом. Благоговейные чтители памяти святого построили придел над мощами святого Максима Московского в честь преподобного Максима Исповедника. В 1698 году, по усердию московских жителей Максима Верховитина и Максима Шаровникова, старые

церкви были разобраны. При сем отвалившийся от стены камень открыл великое сокровище – целебные мощи святого блаженного Максима. Они были с честью перенесены в один из Московских соборов, где находились во все время строения нового храма. Сей храм, существующий и доныне, был освящен во имя святого блаженного Максима с приделом в честь Максима Исповедника.

Около сорока лет хранились мощи блаженного в сем храме. В 1737 году произошел сильный пожар, известный под именем Троицкого. Пламя охватило и церковь во имя блаженного Максима Московского. Храм весь выгорел, сгорела и рака с мощами святого Максима. Уцелевшие части святых мощей были благоговейно собраны и переданы в сей храм в 1768 году. Здесь и до сего дня почивают мощи святого Максима, подавая исцеления во славу Божию. Аминь.

Житие Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского

Память 12 ноября

Иоанн родился на острове Кипре и был сыном князя Епифания[7307]. С юности он был воспитан в благочестии и страхе Божием, который был для него началом премудрости. Пришедши в возраст, он, по воле родителей своих, вступил в супружество и имел детей. Но вскоре Иоанн лишился детей, а потом и жены, ибо так благоизволил Бог, дабы Иоанн освободившись от служения плоти, предался жизни духовной. Освободившись от уз брачной жизни, он возблагодарил Бога и с сего времени, уже без всяких препятствий, усердно стал служить Господу, упражняясь в частой молитве и во всех богоугодных делах. Особенно же он был милосерд и милостив ко всем, терпящим бедствия от нищеты. За сии добродетели Бог прославил его среди людей, и не только среди равных себе, но и самим царем он был почитаем и прославляем. Спустя некоторое время, патриарший престол[7308] Александрийской церкви остался без пастыря; тогда император Ираклий[7309], по Божественному усмотрению, почтил Иоанна саном патриарха. Святой хотя и не желал сего, но принужден был принять посвящение, и стал архипастырем Александрийской церкви.

Вступив на патриарший престол, Иоанн прежде всего, как пастырь словесных овец, позаботился очистить свою паству от ереси, возмущавшей стадо Христово. Эта ересь получила свое начало от некоего Петра, по прозванию Фуллона, иначе Кнафея, Антиохийского лжепатриарха; он осмелился прилагать такие хульные слова к трисвятой песни: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, распныйся за ны, помилуй нас», – как будто бы в Господе нашем пострадало Божество[7310].

Искоренив сие еретическое учение, святой Иоанн всецело посвятил себя ревностному исполнению заповедей Божиих и делам благотворения. Ни один нуждающийся не уходил от него опечаленным, и с пустыми руками; всем просящим Иоанн раздавал милостыню, всех утешал в скорбях, не словом только,

но и делом; он насыщал алчущих, одевал нагих, выкупал пленников и имел попечение о странниках и больных. Щедрость его была подобна реке, непрестанно и изобильно текущей и напаяющей всех жаждущих.

В начале своего пастырства Иоанн призвал церковных экономов[7311] и дал им такое поручение:

– Обойдите весь город и перепишите всех господ моих.

Экономы спросили его:

– Кто же это твои господа?

Патриарх ответил:

– Это те, которых вы называете нищими и убогими; они мои господа, ибо они воистину могут способствовать мне в достижении спасения и ввести меня в вечные обители.

Экономы пошли и переписали всех убогих, найденных на улицах, в больницах и на гноищах. Всех их было найдено семь тысяч пятьсот человек, и всем им святой Иоанн повелел выдавать все нужное для ежедневного пропитания.

В то время Персы сделали нападение на Сирию и Палестину, сожгли святой город Иерусалим, взяли Честное Древо святого Креста и отвели в плен много христиан[7312]. Блаженный Иоанн отправил корабли с золотом и пшеницею для выкупа пленников и для оказания помощи находящимся в бедах; таким образом по своему милосердию, он многих вывел из заключения и избавил от бедствий плена. А так как не всякий мог невозбранно приходить к нему, ибо слуги его не о каждом приходящем сообщали патриарху, то, вследствие сего, он выбрал два дня в неделю: среду и пяток, и в эти дни сидел с некоторыми благочестивыми людьми при церковных дверях, принимая всякого желающего, выслушивая его просьбы, обсуждая случавшиеся распри, защищая обижаемых и водворяя между верующими мир. При этом святой патриарх говорил окружавшим его:

– Если для меня никогда не возбранен вход ко Господу Богу моему, и в молитве я беседую с Ним и прошу у Него, чего хочу, то почему же мне не дозволить моему ближнему невозбранного доступа ко мне, дабы он сообщил мне о своей обиде и нужде и

просил у меня, чего хочет? Должно бояться Сказавшего: «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф.7:2).

Иногда случалось, что к блаженному Иоанну никто не приходил с просьбою в то время, когда он сидел при церковных дверях, ожидая желающих прибегнуть к нему; тогда он вставал огорченным и со слезами возвращался домой. При этом некоторые спрашивали его иногда:

– Отчего ты скорбишь и сетуешь?

Святой отвечал им:

– Ныне смиренный Иоанн ничего не нашел и ничего не принес Богу за грехи свои.

Друг его, блаженный Софроний говорил ему:

– Тебе поистине следует веселиться ныне, отче, так как словесные овцы твои живут мирно, без распри и споров, как Ангелы Божии.

Однажды церковные экономы сообщили святому Иоанну, что в толпе убогих стоят хорошо одетые девицы, испрашивающие милостыню, и при этом спросили его – нужно ли тем девицам, как и прочим нищим, подавать милостыню? Патриарх ответил:

– Если вы действительно рабы Христовы и верные слуги смиренного Иоанна, то подавайте так, как Христос повелел, не взирая на лица, не расспрашивая о жизни тех, которым вы даете. Знайте, что мы не свое отдаем, но Христово; итак будем давать, как повелел Он. Если же вы думаете, что церковного имения не хватит для столь великой милостыни, то я не желаю быть участником вашего маловерия. Я верую Богу, что если бы со всей вселенной сошлись в Александрию убогие, желая получить от нас милостыню, то и тогда не оскудеет наше церковное имущество.

И для того, чтобы они не были маловерны, святитель рассказал следующее:

– Когда, на шестнадцатом году моей жизни, я находился еще на острове Кипре, то однажды, ночью, я увидал, во время сна, весьма прекрасную девицу; она была блестяще одета и имела на голове масличный венок. Став близ моей постели,

девица коснулась меня и разбудила. Проснувшись, я увидал, что она стоит предо мною уже не во сне, но наяву, и спросил ее:

– Кто ты такая, и как ты осмелилась войти ко мне?

Она же, смотря на меня светлым взором и улыбаясь кроткими устами, сказала:

– Я – старшая дочь Великого Царя и первая среди дочерей Его.

Услыхав сие, я поклонился ей. Она же продолжала:

– Если ты сделаешь меня своею подругою, то я исходатайствую тебе от Царя великую благодать и приведу тебя пред Лицо Его, ибо никто не имеет у Него такой силы и дерзновения, как я. Я низвела Его с неба на землю и побудила облечься в плоть человеческую для спасения людей.

Сказав сие, она стала невидима. Удивляясь сему пречудному видению, я сказал себе:

– Поистине в образе девицы явилось ко мне Милосердие. Об этом свидетельствует масличный венок на ее голове, который является знамением милосердия; то же показывают и слова, произнесенные тою девицею: я, сказала она, низвела с неба на землю Бога, и Он воплотился. Создатель, видя человека погибающим, пожелал избавить его от погибели, ничем другим не побуждаемый, как только милосердием, ибо восхотел помиловать Свое создание. Поэтому, кто желает обрести милость у Бога, тот должен иметь милосердие к ближним и подавать милостыню.

Так, размысливши сам с собою, я поспешно встал и пошел, с рассветом дня, в церковь. На пути я встретил нагого нищего, дрожавшего от холода. Я снял с себя верхнюю одежду и отдал ее тому нищему, говоря сам себе: «Теперь я узнаю, правда ли то, что я видел, или это было обольщение», – и пошел далее. Прежде чем я дошел до церкви, мне встретился, одетый в белые одежды, человек и передал мне в руки узел, в котором было завязано сто серебряных монет. При этом он сказал: «друг! Возьми это и употребляй по своему желанию».

Я принял с радостью, но сейчас же раскаялся в том, что я принял, рассуждая, что находящееся в узле для меня не нужно; поэтому я обернулся назад, желая возвратить обратно то, что

получил; но более, несмотря на тщательные поиски, уже не видал вручившего мне узел. Тогда я понял, что виденное мною была правда, а не обольщение. И с того времени, если я что подавал убогому, хотел испытать, воздаст ли мне Бог за то, как Он говорил, сторицею. И, многократно испытав это, я убедился, что это действительно так. Наконец, я сказал себе: «Перестань, душа моя, искушать Господа Бога твоего»!

Однажды, когда святой Иоанн шел в больницу навестить больных (что он делал в течение недели дважды или трижды), его встретил какой-то странник, который просил милостыню. Иоанн приказал слуге дать встретившемуся страннику шесть серебряных монет. Взяв монеты, странник удалился. Но потом, желая испытать щедрость святого, он переменил на себе одежду и, отправившись по другому пути, снова встретил блаженного Иоанна и умолял его:

– Помоги мне, господин, бедному пленнику.

Иоанн вторично приказал дать ему шесть серебряных монет. Слуга же тихо заметил патриарху:

– Владыка, ведь это – тот самый нищий, который раньше получил шесть серебряных монет.

Но патриарх, притворившись, как будто не слышит этого замечания, снова повторил повеление подать просящему шесть монет. Странник, вторично получив милостыню, снова переоделся и иною дорогою встретил патриарха и в третий раз просил у него милостыни. Слуга опять сказал патриарху:

– Владыка! Тот, который в первый и второй раз взял у тебя по шести серебряных монет, теперь просит в третий раз.

Тогда блаженный отвечал слуге:

– Подай ему двенадцать монет, не Христос ли это искушает меня?

Один купец, потеряв всё свое богатство в море, пришедши в крайнюю нищету, просил святого помочь ему. Святый дал ему пять литр[7313] золота. Получив золото, купец накупил на него множество товаров и, сев на корабль, отправился по морю в другие города. Но, потерпев кораблекрушение, он снова потерял всё и только сам еле живым спасся от потопления.

Тогда он снова пришел к святому Иоанну, и рассказал ему о случившемся. Иоанн заметил ему:

– Ты имел еще иное золото, собранное неправдою, и его ты смешал с церковным золотом, данным тебе мною. Вот почему погибло и то и другое.

Сказав это, он дал ему еще золота, вдвое более прежнего, около десяти литр. Но и в третий раз купца постигло тоже злоключение. Весь товар его погиб в море, и он уже не осмеливался показаться на лицо патриарху, но рыдал, сидя в своем доме, посыпав пеплом свою голову и намереваясь лишить себя жизни. Узнав о сем, святой призвал купца и сказал ему:

– Зачем ты приходишь в отчаяние от печали? Уповай на Бога, и Он не оставит тебя! Но я думаю, что это несчастие случилось с тобою от того, что ты владел неправильно приобретенным кораблем.

Сказав это, Иоанн приказал дать купцу церковный корабль, наполненный пшеницею, и затем отпустил его. Получив данный ему корабль с пшеницею, купец поплыл по морю. И вот внезапно поднялся сильный ветер и понес корабль в неизвестную страну. Купец, узрев в видении своего благодетеля, святого Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, стоявшего на корме и управлявшего кораблем, оставался в надежде, что по молитвам святого плавание придет к доброму концу.

Другими словами: если хотите, чтобы люди относились к вам справедливо, то и вы поступайте также.

Через двадцать дней и столько же ночей, они пристали к берегу Британии. В сей стране был тогда сильный голод. Народ, узнав, что к городу их поплыл корабль с пшеницею, весьма обрадовался и стал поспешно раскупать пшеницу. И так купец сей прибыльно продал там пшеницу, получив за одну половину проданного – золотом, а за другую оловом[7314]. На возвратном пути он прибыл в Декаполь[7315]. Желая здесь продать олово, он увидел, что оно превратилось всё в золото. Обогатившись таким образом, купец с радостью возвратился в Александрию и

рассказал всем об этом удивительном чуде, которое произошло по молитве и милостыни святого Иоанна.

Как-то раз, когда святой шел в церковь, к нему подошел почтенный и благородный муж, у которого воры украли всё имущество, так что он остался нищим. Пожалев, что столь почтенный и известный человек внезапно дошел до крайней нищеты, патриарх незаметно обратился к слуге и повелел ему сказать церковным экономам, чтобы они дали тому человеку пятнадцать литр золота. Экономы же, видя, что в церковном казнохранилище золота немного, ослушались патриаршего распоряжения и дали только пять литр, а десять удержали при себе. Когда святой патриарх возвращался из церкви домой, к нему подошла некая весьма богатая и почтенная женщина и дала ему в руки хартию, в которой она написала, что жертвует в церковь пятьсот литр золота. Приняв хартию и прочитав ее, патриарх, по благодати Святого Духа, уразумел, что та женщина не всё передала, что определила дать в уме своем. Господь Бог сие устроил для того, чтобы обличить экономов, которые не всё отдали тому бедному человеку, которому патриарх приказал дать пятнадцать литр. Вернувшись домой, Иоанн позвал экономов и спросил, – сколько они дали человеку, обокраденному ворами. Те солгали, говоря:

– Как ты, владыка, приказал, пятнадцать литр.

Обличив их ложь, скупость и преслушание, святой сказал им:

– Да истребует от вас Бог тысячу литр золота, потому что та благочестивая женщина намеревалась дать нам полторы тысячи. Но так как вы, не послушавшись меня, удержали десять, то поэтому Бог устроил так, что женщина удержала тысячу. Если же вы мне не верите, скоро сами о том точно узнаете.

Призвав себе сию женщину, он, в присутствии экономов, спросил ее:

– Скажи нам, госпожа, сколько раньше ты предполагала, по любви твоей к Богу, пожертвовать золота в церковь?

Она же, заметив, что от святого не утаилось ее намерение, сказала:

– Действительно, владыко, за несколько дней ранее я решила передать в твои святые руки полторы тысячи литр золота, на что и составила письменное удостоверение. Но сегодня, развернув его, я нашла, – не знаю каким образом: слово – тысяча вытертым; осталось только пятьсот, и я помышляла в себе, что Бог не благоволит более, как только пятьсот литр передать твоей святыне. Так я и поступила.

Выслушав сие, экономы весьма убоялись и устыдились и, упав к ногам святого, просили прощения.

Однажды в Александрию, по причине нашествия иноплеменников[7316], собралось множество народа, следствием чего был сильный голод. Святый Иоанн, милосердствуя о голодающих, истратил всё церковное имущество и даже остался должен тысячу литр золота. Тогда один второбрачный клирик, не имевший возможности вследствие второбрачия своего удостоиться получения священного сана, написал патриарху следующее:

– Я имею множество пшеницы, которую всю через твои руки желаю отдать Христу; при сем еще обещаю сто пятьдесят литр золота, – только сделай меня диаконом.

Святый, призвав его, стал укорять за желание приобрести на деньги священный сан.

– Раскайся в своем грехе и убойся наказания Гиезия[7317]; Бог силен и без твоей пшеницы прокормить нас во время голода.

В то время, как он говорил это, явился вестник с сообщением, что из Сицилии[7318] прибыли два корабля с большим количеством пшеницы; услыхав о том, патриарх упал на колени и возблагодарил Бога, не оставляющего уповающих на Него.

Здесь уместно припомнить еще о кротости, смирении и незлобии святого Иоанна. Двое клириков за одно прегрешение были наказаны временным отлучением от церкви. Один из них покаялся, но другой, напротив, еще более утвердился в своей злобе и, в гневе на патриарха, делал весьма много худого. Услыхав об этом, патриарх пожелал призвать его к себе и кротко убедить его отстать от своей злобы; но забыл сие сделать, по Божественному о том устроению, дабы, для

всеобщей пользы, обнаружились смирение и кротость Иоанновы. В один из воскресных дней, совершая в церкви Божественную литургию, Иоанн вспомнил про того гневавшегося на него клирика и вместе с тем припомнил и слова Христа: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5:23–24). Вышедши из алтаря, он подозвал того клирика и припал к ногам его, прося у него прощения. Клирик, увидав такое смирение своего патриарха, убоялся, и сам упал ему в ноги, с плачем испрашивая прощения. Таким образом, Иоанн примирился со своим клириком, возвратился к алтарю и, дерзновенно совершив жертву, с чистою совестью мог произнести слова молитвы Господней: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6:12).

Клирик же тот, исправившись, стал проводить богоугодную жизнь, а затем сподобился и священнического сана.

Не менее поразителен другой пример кротости, обнаруженной святым Иоанном. Один содержатель гостиницы в Александрии обесчестил ругательными и укорительными словами племянника блаженного, по имени Георгия. Придя к своему дяде, Георгий горько жаловался на обесчестившего его человека.

Видя своего племянника весьма смущенным и желая успокоить его, Иоанн сказал:

– Он, худородный, осмелился обесчестить моего племянника! Свидетельствуюсь Богом, что отомщу сему оскорбителю и поступлю с ним так, что от того придет в изумление вся Александрия!

Немного успокоившись от этих слов патриарха, Георгий перестал рыдать. Тогда, кроткий и смиренный сердцем Иоанн стал говорить ему:

– Возлюбленный сын! Если ты хочешь быть моим родственником, то будь готов претерпевать не только оскорбления, но подъять и раны, и для Бога всё прощать ближнему. Желаешь ли ты быть благородным? – Тогда ищи

благородства не по крови, но от добродетели. Истинное благородство украшается не столько славою предков, сколько добрыми делами и богоугодною жизнью!

Таким образом, умиротворив своего племянника, святой позвал надсмотрщика над гостиницами и приказал ему, чтобы он с того человека, который обесчестил Георгия, не брал церковной подати, которую тот должен был давать ежегодно, но предоставил ему жить свободно.

И действительно, Иоанн, согласно своему обещанию, поступил с оскорбителем так, что удивилась вся Александрия: вместо наказания и мести, он оказал ему благодеяние.

Желая непрестанно содержать в своем уме память смертную, блаженный Иоанн, приказал устроить для себя гроб, только не отделывать его. При этом он приказал экономам, чтобы они во все торжественные праздники приходили к нему и в присутствии всех громко говорили:

– Владыка! Твой гроб еще не доделан; прикажи его доделать, ибо смерть приходит, как тать, и ты не знаешь, в какой час она появится.

Так святой Иоанн имел постоянную память о смерти и всегда был готов к ней.

Однажды к святому пришел некий богатый вельможа, и ему удалось увидать постель святого, которая была покрыта худым одеялом. Отправившись домой, вельможа послал патриарху одеяло, стоимостью в тридцать шесть золотых, и просил его покрываться тем одеялом. Патриарх, не желая оскорбить вельможу, взял, по усиленной его просьбе, одеяло и оделся им на одну только ночь. При этом он говорил сам себе:

– Горе тебе, окаянный Иоанн, так как ты одеваешься многоценным одеялом, а Христова братия – нищие застывают от мороза. Сколько человек ночуют без всякого покрова на ветру и стуже и имеют только небольшую рогожку или изодранное рубище! Сколько нагих валяются по навозным кучам и дрожат от стужи, страдая вдвойне: от голода и холода, оставаясь без сна в течение целой ночи, хотят есть и умирают от стужи!

Увы мне! Сколько убогих, подобно Лазарю, желающих насытиться от крупиц, падающих с моей трапезы! Горе мне! Сколько в сем городе странников и пришельцев, не имеющих где преклонить голову, которые, проводя ночи на улицах и претерпевая всякие бедствия, благодарят за всё Владыку Христа! Ты же, Иоанн, желая получить вечный покой, здесь пребываешь в роскоши и покое и имеешь всё, что ни пожелаешь: живешь в прекрасных палатах, носишь мягкую одежду, пьёшь вино, ешь отборную рыбу. И при всём этом ты оделся еще и многоценным одеялом. Чего же ты можешь ожидать в будущем веке? Нет, окаянный Иоанн, проводя такую жизнь ты не получишь вечного Царствия, но услышишь то же, что и Евангельский богач: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк.12:20). Бог – свидетель, что смиренный Иоанн не оденется сим одеялом в другую ночь, но на деньги, полученные от продажи одеяла, будут одеты нищие и убогие!

С наступлением дня, святой поспешно отправил одеяло на рынок для продажи, дабы за цену стоимости его купить одеяние убогим. Но когда продавали одеяло, случайно проходил мимо тот вельможа, который подарил одеяло блаженному Иоанну. Увидав, что оно продаётся, вельможа купил его и снова отослал к Иоанну, упрашивая его, чтобы он сам им покрывался. Взяв одеяло, святой снова отослал продавать его. Вельможа, увидав, что одеяло продается опять, вторично купил его и отослал к Иоанну с просьбою, дабы он сам одевался им. Иоанн же и в третий раз послал продать одеяло, но вельможа и в третий раз, купив, отослал к Иоанну. После этого Иоанн велел сказать сему вельможе:

– Увидим, кто из нас утомится первый: я ли – продавать, или ты покупать и вновь отдавать мне?

Таким способом святой Иоанн приобрел от того вельможи много золота, которое и раздал убогим.

Блаженный умел привлечь к подаянию милостыни и скупых, и сребролюбцев. Зная про некоего епископа, по имени Троила, что он весьма скуп и сребролюбив, Иоанн пригласил его с

собою в больницу навестить болящих и убогих. Заметив, что Троил имеет при себе золото, он сказал ему:

– Отче Троиле! Вот тебе случай, чтобы утешить сию убогую братию, подав им милостыню.

Троил, стыдясь показаться скупым, вопреки своему желанию начал всем раздавать милостыню, начиная с первого до последнего, и истратил тридцать литр золота. Но потом он стал сожалеть, что раздал столько золота убогим. Придя домой, Троил так много печалился о розданном золоте, что слёг в постель. Между тем святой Иоанн послал за ним, приглашая его на обед. Троил отказался идти на обед, говоря, что болен. Догадываясь о причине его болезни, что он, разболелся, сокрушаясь об истраченных деньгах, Иоанн захватил с собою тридцать литр золота и отправился навестить болящего. Придя к нему, он сказал:

– Вот я принес тебе золото, которое взял у тебя в больнице взаймы, – возьми его, а мне дай записку в том, что ты передаешь мне ту награду от Господа, которая предназначалась для тебя за розданное золото.

Увидав золото, Троил сильно обрадовался и, получив его, тотчас выздоровел и тут же написал следующее:

– Боже милосердый! Даруй награду господину моему Иоанну, патриарху Александрийскому, за тридцать литр золота, которые я раздал нищим, ибо он возвратил мне мое золото.

Получив сию записку Троила, Иоанн позвал его к себе на обед. Угощая его, святой внутренне молился Богу, дабы он избавил Троила от такого сребролюбия. И вот ночью Троил в видении узрел весьма прекрасный дом, неописуемой красоты, над дверьми коего была золотая надпись: «Обитель и вечный покой епископа Троила».

Троил весьма обрадовался столь прекрасному, уготованному для него, дому. Но внезапно явился какой-то величественный и грозный муж, как бы царский кувикуларий[7319], и сказал слугам:

– Господь всего мира повелел изгладить сию надпись.

И немедленно слуги изгладили. Явившись вторично, тот же муж сказал слугам:

– Напишите так: это обитель и вечный покой Иоанна, патриарха Александрийского, который купил их для себя за тридцать литр золота.

Пробудившись от сна, Троил исполнился ужаса, сильно скорбел, что лишился приготовленного ему дома на небе и укорял себя за любовь к золоту. Встав, он поспешно пошел к блаженному Иоанну и рассказал ему о том, что видел. Блаженный Иоанн с обычною своею кротостью преподал ему наставление и отпустил с миром. С того времени Троил исправился и сделался весьма нищелюбивым и милостивым ко всем.

Господь, испытывавший некогда терпение праведного Иова, посетил и блаженного Иоанна тягостным испытанием. Однажды корабли, принадлежавшие Александрийской церкви и нагруженные до верху товарами, были в Адриатическом море[7320]. Вдруг поднялась буря и такое сильное волнение, что корабли едва не потонули. Опасность была так велика, что пришлось весь груз бросить в море. Так случилось по Божественному попущению, «дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа» (1Пет.1:7) [7321]. Кораблей было тринадцать, цена же всех находившихся на них товаров достигала до трех тысяч трехсот литр золота. Лишившись такого имущества, которым он мог бы в течение многого времени питать и одевать нищих, святой Иоанн переносил сие с благодарностью, часто повторяя слова Иова: «и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1:21).

Когда же к нему явились многие из начальствующих горожан, желая утешить его в печали, он отвечал им:

– Я виноват в гибели церковного имущества, ибо если бы я не превозносился умом, что подаю большую милостыню, тогда не погибло бы в море такое ценное имущество. Я возгордился, отдавая не свое, но Божие. И вот Бог, желая смирить меня, попустил такое обнищание, ибо нищета смиряет человека.

Теперь же я и сам сознаю, что из-за гордости лишился награды у Бога и причинил большую потерю неимущим, ибо те, пища которых погибла, будут претерпевать голод. Но не ради меня, а ради их самих Господь не оставит неимущих и подаст им всё потребное.

Таким образом, пришедшие утешать Иоанна, сами получили от него утешение и наставление. Господь же вскоре послал Иоанну вдвое более прежнего.

Иоанн подавал нищим большую милостыню и особенно помогал терпящим какую-либо обиду. Однажды, когда он шел в церковь святых мучеников Кира и Иоанна, к нему подошла бедная вдова и, рассказав о великой обиде, причиненной ей зятем, просила защиты у святого патриарха. Сопровождавшие Иоанна сказали ему:

– Владыка, выслушай просьбу сей вдовицы уже тогда, когда возвратишься домой!

Святый отвечал:

– Как же ныне Бог услышит мою молитву, если я не выслушаю ее немедля?

И он не тронулся с места, пока не выслушал вдовицу и не защитил ее от обиды.

Один юноша, по смерти своих родителей, остался без всяких средств к существованию. Иоанн, узнав об этом, спросил находившихся при нем, каким образом этот юноша впал в нищету (ибо он слышал, что его родители были весьма богаты). Боголюбивые мужи рассказали ему, что родители сего отрока были весьма милостивы и всё свое имущество раздали убогим, а своему сыну оставили только десять литр золота. Но пред своею смертью отец юноши (мать его умерла раньше), позвав его, предложил ему на выбор золото и образ Пречистой Богородицы и сказал:

– Любезный сын! Из всего нашего имущества осталось только десять литр золота; всё остальное мы передали в руки Христу. Отвечай же мне: чего желаешь ты: золото ли, или образ Владычицы нашей Богородицы, твоей помощницы и питательницы?

Отрок, презрев золото, взял икону Пречистой Богородицы, а золото просил раздать бедным. И вот нищим было отдано и последнее имущество. Когда отец умер, отрок остался бедняком, и теперь испытывает всевозможные лишения. Несмотря на это, он каждый день и ночь молится в церкви Пресвятой Богородицы.

Выслушав этот рассказ, преподобный Иоанн подивился добродетели и разуму сего отрока, душевно полюбил его и с того времени, как истинный отец сирот, имел попечение о нем и размышлял, какое бы оказать ему благодеяние. Однажды он тайно призвал своего эконома и сказал ему:

– Я желаю тебе сообщить одну тайну, но смотри никому не говори о ней.

Эконом обещал сохранить тайну, которую святой ему скажет. Тогда патриарх сказал:

– Поди, возьми старую хартию и напиши на ней предсмертное завещание от имени некоего Феонемпта так, чтобы из сего завещания выходило, будто я и сей бедный отрок близкие между собою родственники. Затем приди к тому юноше и скажи ему: брат, знаешь ли, что ты близкий родственник патриарху? Поэтому тебе унизительно оставаться в бедности. При сем покажи ему написанное и прибавь: «Чадо, если ты стыдишься объявить патриарху, что ты – его родственник, то я скажу ему о тебе».

Выслушав распоряжение Иоанна, эконом поступил так, как приказал ему патриарх. Он написал на ветхой хартии завещание, из которого явствовало родство бедного юноши с патриархом. Призвав затем юношу к себе, он показал ему завещание и сказал, что нашел его между старыми бумагами его отца. Прочитав завещание, отрок сначала обрадовался, но потом устыдился, что он весьма беден и одет в худое рубище, и просил эконома, дабы он сказал о нем патриарху. Эконом, пришедши к святому, сообщил ему просьбу отрока, и святой сказал:

– Скажи отроку, патриарх так говорит: я припоминаю, что мой дядя имел сына, но я не знал последнего в лицо. Ты

хорошо сделаешь, если приведешь его ко мне. Принеси также и завещание с собою.

Эконом привел отрока и показал рукопись преподобному. Патриарх с любовью обнял юношу и сказал:

– Хорошо, что ты пришел, ибо ты сын дяди моего.

Святой снабдил юношу большим имуществом, купил ему дом и всё потребное для жизни, женил его на благородной девице и постарался сделать его богатым, славным и честным, дабы исполнились слова псалма: «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба» (Пс.36:25). Святой Иоанн весьма часто навещал больных, которым сам прислуживал и напутствовал умирающих, своими молитвами, помогая им при их кончине. Кроме сего, он часто совершал Божественную литургию за умерших и говорил, что совершаемая за умерших Божественная литургия приносит великую пользу усопшим. В подтверждение сего, святитель указывал на событие, случившееся немного ранее сего времени на острове Кипре.

– Один пленник из Кипра, – говорил он, – находился в Персии в тяжком заключении. Родителям его, жившим на Кипре, было сообщено, будто он уже умер, так что они оплакивали его, как умершего. Трижды в год они стали справлять память о нем, делая приношения в церковь за его душу, для совершения Божественной службы. По прошествии четырех лет, сын их убежал из плена и возвратился домой. Родители, увидав его, удивились, подумав, что он воскрес из мертвых. Возрадовавшись его освобождению, они рассказали ему, что три раза в год совершали о нем поминовение. Сын спросил, в какие дни они совершали поминовение. Они отвечали, что – в день Богоявления, Пасхи и Пятидесятницы. Он же, услыхав сие, припомнил и сказал:

– В те дни приходил ко мне в темницу со светильником некий величественный муж, оковы ниспадали с моих ног, и я был свободен. В остальные же дни я, как узник, снова пребывал в оковах.

Блаженный Иоанн весьма опасался осуждать людей за грехи, в особенности иноков. Один раз ему случилось

несправедливо осудить инока, и после того он не принимал никаких доносов на них и не осуждал их. Происшествие заключалось в следующем. Один юный инок в течение нескольких дней ходил по Александрии с весьма молодой и красивой девицей. Видя сие, некоторые соблазнились, подумав, что он ведет с нею беззаконную жизнь, и сообщили о том святому патриарху. Последний приказал немедленно схватить обоих, подвергнуть телесному наказанию и запереть отдельно друг от друга в темнице. С наступлением ночи, инок явился патриарху во сне, показал ему свои сильно израненные от побоев плечи и спросил его:

– Того ли ты хотел, владыка? Так ли ты научился у Апостола пасти стадо Христово не по принуждению, но добровольно (1Пет. 5:2). Поверь мне: ты обманут, как человек!

С сими словами он удалился от него. Патриарх же, пробудившись от сна, размышлял относительно виденного, чтобы оно значило, и, сознав свое прегрешение, сетуя и скорбя, сидел на постели. С наступлением утра, он дал приказание привести того инока, желая взглянуть, похож ли он на явившегося ему в сновидении. Инок пришел с большим трудом, ибо от множества ран едва мог двигаться. Патриарх, увидав его, помертвел, будучи не в силах вымолвить ни слова, и только рукой дал ему знак сесть подле себя. Потом, придя в себя, он попросил инока, дабы он снял свою одежду и показал ему плечи, чтобы удостовериться, так ли он изранен, как видел во сне. Когда, после настоятельных просьб, инок стал снимать свою одежду, то все увидели, что он – евнух. Патриарх, видя его израненное тело, весьма сожалел о случившемся и, послав за оклеветавшими инока, отлучил их на три года от Церкви, у инока же просил прощения:

– Прости мне, брат, – говорил он ему, – так как я сделал это по неведению. Согрешил я пред Богом и пред тобою. Однако тебе не следовало так неосторожно проводить время с девицею на соблазн мирским людям, ибо ты носишь иноческий образ.

Инок смиренно отвечал:

– Владыка, поверь мне, что я не солгу тебе, а скажу правду. Раньше, когда я был в Газе[7322] и шел поклониться гробнице

святых мучеников Кира и Иоанна, вечером меня встретила эта девица и, припав к моим ногам, со слезами умоляла меня, чтобы я не запрещал ей идти со мною. Но я, оттолкнув ее, обратился в бегство. Она же, идя следом за мною, говорила:

– Заклинаю тебя Богом Авраамовым, пришедшим спасти грешников и хотящим судить живых и мертвых, – не оставляй меня!

Услыхав сие, я сказал ей:

– Девица, зачем ты так меня заклинаешь?

– Я – еврейка, – отвечала она мне с рыданием, – и желаю оставить отеческую злую веру и сделаться христианкой. Умоляю тебя, отче! Не отвергай меня, но спаси душу, желающую уверовать во Христа.

Услыхав сие, я убоялся Суда Божия и, захватив девицу с собою, преподал ей наставление в святой вере. Пришедши затем к гробнице святых мучеников, я крестил ее в церкви и, в простоте сердца, ходил с нею, думая поместить ее в женском монастыре.

Выслушав рассказ инока, патриарх вздохнул и сказал:

– Сколько имеет у себя Бог сокровенных рабов, мы, окаянные, того и не знаем.

Потом он рассказал всем окружавшим свое сновидение и, взяв сто золотых монет, хотел отдать их тому иноку; но инок не пожелал взять ни одной, говоря:

– Если инок верует, что о нем промышляет Бог, то он не нуждается в золоте, если же любит золото, то не верует, что существует Бог.

Сказав это, он поклонился патриарху и ушел. С тех пор блаженный Иоанн стал еще сильнее уважать иноков; он устроил для успокоения странствующих иноков монастырь и воздерживался от осуждения.

Добрый пастырь наставлял и овец своих духовных, дабы не осуждали никого, если бы даже и знали за кем-либо грех, но лучше взирали бы на свои грехи, а не на чужие. Случилось как-то, что из Александрии некий юноша с инокинею убежал в Константинополь. Все стали осуждать его и говорили:

– Он загубил две души: и свою и инокини, и притом послужил для всех соблазном. Между тем в Евангелии сказано: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Матф.18:7).

Тогда святой Иоанн сказал им:

– Чада, перестаньте осуждать, так как и вы виноваты в двух грехах: во-первых, осуждая согрешившего, вы нарушаете заповедь Божию: «Поэтому не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1Кор.4:5). А с другой стороны, клевещете на брата, не зная, согрешает ли он до настоящего времени, или уже покаялся.

В назидание он рассказал им следующую повесть.

– Некий инок проходил по улицам города Тира[7323]. Его заметила блудница, по имени Порфирия, которая была всем известна в том городе, и стала кричать в след инока:

– Отче! Спаси меня, как и Христос спас блудницу!

Инок же, ни во что вменив суд человеческий, сказал ей:

– Следуй за мной!

И взяв ее за руку, вывел из города на глазах у всех. После этого по всему городу пронеслась молва, что инок взял себе в жены блудницу, Порфирию. Когда инок вёл последнюю в женский монастырь, Порфирия нашла на дороге брошенного ребёнка и взяла его себе, дабы воспитать его вместо сына. Спустя некоторое время, некоторым гражданам Тирским довелось быть в той стране, где проживал старец и Порфирия. Заметив, что она имеет ребёнка, они сказали ей с насмешкою:

– Хорошего ты, Порфирия, родила ребенка.

Вернувшись, они рассказали всем, что Порфирия от монаха родила ребенка: «Мы его видели своими глазами, – говорили они, и он весьма походит на монаха». Когда же старец провидел свою кончину и отшествие ко Господу, он сказал Пелагии (так переименовал он Порфирию по принятии ею иночества):

– Пойдем в Тир, куда мне необходимо ныне идти. Мне угодно, чтобы и ты сопровождала меня.

Покорная воле старца, Пелагия отправилась с ним. Они пошли в город, взяв с собою и ребёнка, которому было уже семь лет. Когда они вошли в город, старец расхворался, и многие горожане пришли навестить его. Тогда старец сказал пришедшим навестить его:

– Принесите мне кадильницу.

Ему принесли. Он, взяв кадильницу, высыпал себе на грудь горящие угли из нее и держал их до тех пор, пока они не остыли. Угли не опалили ни тела, ни одежды его. При сем старец сказал людям:

– Благословен Бог, некогда сохранивший купину неопалимою от огня! Он свидетель, что, подобно тому, как сии горячие угли не опалили моего тела и огонь не прикоснулся к одежде моей, так и я с самого дня рождения своего не познал плотского греха.

Сказав сие, старец предал душу свою Господу. Все, видевшие это, дивились и прославили Бога, имеющего у Себя втайне подвизающихся рабов Своих. Рассказав сию повесть людям, святой Иоанн поучал их такими словами:

– Итак, братия мои и чада, не будьте поспешны в осуждении. Мы часто замечаем грех человека согрешающего, покаяния же его, втайне им соделываемого, не видим.

Так сей добрый пастырь поучал своих словесных овец и с кротостью управлял Христовою Церковью.

Случилось, что персы сделали нападение на их страну. Иоанн, памятуя слова Спасителя: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как приидет Сын Человеческий» (Мф.10:23), решился удалиться на время в Константинополь. Когда он отплыл от Александрии, то заболел и лежал в постели. И вот в видении он видит некоего светозарного мужа, держащего золотой скипетр и говорящего:

– Царь царей зовет тебя к Себе.

Из сего видения святой узнал, что приблизился конец его жизни. Приплыв на свою родину в Кипр, он не мог пуститься в дальнейший путь и, достигнув родного города Амафунта, с миром преставился ко Господу. Умирая, святой Иоанн говорил:

– Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты сподобил меня принести Тебе Твое, и что из благ мира сего ничего для меня не осталось, кроме лишь третьей части сребренника; но и относительно сей части я завещеваю, чтобы она была отдана нищим. Когда я был назначен Александрийским патриархом, я нашел в моей епархии около восьми тысяч литр золота; от приношений же боголюбцев я собрал более десяти тысяч литр, которые все отдал я Христу. Ему же предаю ныне и душу мою[7324].

Блаженный был погребен в своем родном городе Амафунте, в церкви св. Тихона чудотворца вместе с двумя, почивающими там, епископами. При этом произошло следующее событие. Когда хотели с ними положить святого Иоанна, то те тела, раздвинувшись, как живые, отделились друг от друга и в средине между собою дали место Иоаннову телу. Это чудо все присутствовавшие видели воочию и, пораженные с изумлением прославляли Бога.

Нельзя также умолчать и о следующем чуде, которое случилось после погребения святого Иоанна. Одна женщина, впав в тяжкий грех и стыдясь исповедать его своему отцу духовному, с верою пришла к блаженному Иоанну, когда он был еще жив, но уже болел и близок был к смерти. Поклонившись ему в ноги, она с воплем и обильными слезами говорила:

– О преблаженный! Я – страшная грешница, и грех мой так ужасен, что я никому не смею открыть его. Но я знаю, что ты если захочешь, можешь простить меня. Ибо Господь вам сказал: «что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф.16:19; Иоан.20:23).

Блаженный отвечал:

– Если ты пришла с верою, то исповедай предо мною свой грех.

На это женщина сказала:

– Владыка, я не могу исповедать греха своего, потому что великий стыд удерживает меня.

Преподобный сказал ей:

– Если ты стыдишься исповедать устами, то поди напиши на хартии и принеси ко мне.

Она же сказала:

– Я и сего не могу исполнить.

Тогда святой сказал:

– Напиши, запечатай и отдай мне.

Написав свой грех, женщина заклинала святого не разрывать печати и не читать ее писания. Получив его, Иоанн на пятый день после того преставился. О письме же том он никому не рассказал. Женщины той тогда в городе не было. Утром, после его похорон, женщина эта пришла в город и, узнав, что патриарх умер и похоронен, горько скорбела, ибо она думала, что другие, после его смерти, взяв ее писание, прочитали о грехе ее. Пришедши ко гробу святого, она взывала, к нему, как бы к живому:

– Человек Божий, – восклицала она, – я не осмелилась тебе самому исповедать греха моего, и вот, в настоящее время, он стал всем известен. О лучше бы не отдавала я тебе той хартии с грехами моими. Горе мне, окаянной! Я стыдилась тебя, но теперь постиг меня еще больший стыд, и я стала посмешищем для всех. Но я не отступлю от твоей гробницы, пока ты не возвестишь мне, куда ты девал мое писание. Ведь ты не умер, но продолжаешь жить и ныне.

В таком состоянии она пробыла у гробницы Иоанна три дня. На третью ночь, святой Иоанн воочию вышел из своего гроба, с двумя лежащими с ним епископами, и сказал плачущей:

– Женщина, доколе ты не оставишь нас в покое и не перестанешь слезами омочать наши одежды?

Сказав это, он передал ей запечатанное письмо со словами:

– Возьми свое письмо и, разорвавши, взгляни.

После этого мертвые снова легли в свои гроба. Женщина же, приняв хартию, увидела свою печать целой и, разорвав, нашла написанное ею вытертым, а вместо сего было написано:

– Ради раба Моего Иоанна, изглажен грех твой.

Женщина, получив чудесно отпущение своих грехов, сильно возрадовалась и возвратилась в свой дом, славя и хваля Бога и

величая угодника Его, святого Иоанна Милостивого, молитвами которого да явит и нам Господь Свою милость, да загладит все грехи наши и да впишет нас в книгу живота во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

В терпении твоем стяжал еси мзду твою, отче преподобне, в молитвах непрестанно терпевый, нищыя возлюбивый, и сия удовливый: но молися Христу Богу, Иоанне милостиве блаженне, спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Богатство твое расточил еси убогим, и небесное богатство ныне восприял еси, Иоанне всемудре: сего ради вси тя почитаем, совершающе память твою, милостыни о тезоимените!

Память преподобного Нила Постника

Память 12 ноября

Преподобный Нил был родом из Константинополя, где он получил прекрасное воспитание, изучил всю книжную премудрость и был прекраснейшим оратором[7325]. Достигнув совершеннолетнего возраста, он женился на одной добродетельной женщине, от которой имел двух детей – сына и дочь. Вследствие своего знатного происхождения и личных достоинств, Нил был назначен префектом столицы[7326]. Он проводил богоугодную и добродетельную жизнь; но пороки, господствовавшие при царском дворе, заставили его опасаться за свое спасение и покинуть свет. Познав всю суету сего мира, который весь во зле лежит (1Ин. 5:19), проникшись убеждением, что в нем нет ничего постоянного, ничего вечного и справедливого, но всё извращено, исполнено неправды, Нил стал стремиться к узкому, но спасительному пути, ведущему к жизни вечной, исполненной истинного и неизменного веселия и бесконечного блаженства. Он убедил супругу свою, дабы она дала свое согласие на его удаление из мира. Раздав всё свое имущество нищим, они отпустили на свободу рабов и рабынь; затем разделили между собою попечение о своих детях. Супруга Нила взяла себе дочь, а он – сына, Феодула, с которым и удалился из Константинополя, оставив мир и все мирские пристрастия[7327]. Супруга Нила с дочерью удалилась в Египет и там, в одном из женских монастырей восприяла иноческий образ, и стала ревностно служить Господу в подвигах благочестия. А блаженный Нил с сыном своим Феодулом удалился на Синайскую гору[7328] и, поселившись в пустыне, подражал жизни преподобных пустынных отцов, проводя время в посте, подвигах, прилежа молитве и бдению, умерщвляя плоть многоразличными иноческими трудами.

Здесь преподобный поселился в пещере, выкопанной собственными руками, где и подвизался в продолжение сорока лет. Молва о нем скоро распространилась повсюду, и многие

лица всякого звания и состояния стали обращаться к нему за наставлениями и молитвою.

Когда преподобный услышал о ссылке св. Иоанна Златоуста в заточение[7329], то смело и безбоязненно возвысил из глубокого безмолвия свой голос и немедленно обличил императора Аркадия, написав ему послание со строгим обличением неправд его против великого святителя.

Когда он таким образом проводил отшельническую жизнь в подвигах иночества, для испытания его любви к Господу ему было послано еще особенное искушение. На пустыню ту сделали набег варвары[7330], кои, подобно диким зверям, внезапно напав, многих святых отцов убили, а иных взяли в плен. Вместе с другими они отвели в плен и Нилова сына Феодула. Нил горько рыдал о сыне, в особенности же, когда услыхал, что он обречен был варварами на принесение в жертву языческим богам. Но Бог сохранил Феодула целым и невредимым, потому что его выкупил у варваров епископ города Емеса[7331], назначивший его впоследствии церковным клириком. Узнав о сем, Нил сам отправился в город Емес и с честью был там принят епископом, который, против его желания, – рукоположил его в сан пресвитера и упрашивал его жить при нем. Когда же блаженный Нил не пожелал оставаться там, но решился снова удалиться в Синай, епископ возвратил ему его сына и с миром отпустил их. Блаженный Нил, вторично придя вместе с сыном к месту своего первоначального пребывания в Синае, прожив здесь много лет, с миром преставился ко Господу[7332]. От преподобного Нила осталось много душеполезных постнических слов, исполненных премудрости, и писем к различным лицам о разных предметах веры и благочестия христианского[7333].

Память святого пророка Ахии

Память 12 ноября

Святой пророк Ахия происходил из города Силома[7334] и жил в царствование Соломона и Иеровоама[7335]. При Соломоне он предсказал Иеровоаму разделение царства Соломонова и отпадение от него десяти колен, образовавших царство Израильское. Встретив Иеровоама одного на поле, Ахия разодрал бывшую на себе одежду на двенадцать частей и велел взять из них Иеровоаму десять частей в знак того, что Господь Бог Израилев отдает в его руки десять колен, исторгнув царство из руки Соломона, и отдаст ему Израиля, если он будет ходить путями Божиими. Впоследствии, по случаю болезни Авии, сына Иеровоамова, Ахия предсказал жене Иеровоама истребление всего дома Иеровоама за его нечестие, и рассеяние Израильтян за Евфратом. Пророчество Ахии исполнилось, начиная с немедленной смерти Авии.

Житие блаженного Иоанна Власатого, Ростовского чудотворца

Память 12 ноября

Блаженный Иоанн жил в городе Ростове во дни царя Ивана Васильевича Грозного. Откуда он был родом, неизвестно. В Ростове он жил в образе юродивого Христа-ради, не имел постоянного пристанища и только иногда заходил для отдыха к одной благочестивой вдове и к своему духовному отцу, всехсвятскому священнику Петру. Во дни его находился в Ростове и беседовал с ним, как и с знаменитым Борисоглебским подвижником святым Иринархом, блаженный юродивый Иоанн, по прозванию Большой Колпак, ушедший потом в Москву и погребенный здесь у Покрова на рву.

Блаженный Иоанн Ростовский всегда носил с собою и читал пергаментную книгу – Псалтирь на латинском языке. Неизвестно, когда и где он изучил сей язык.

Кончина блаженного Иоанна последовала 3 сентября 1580 года. Тело его, заботами упомянутой благочестивой вдовы и духовного отца его священника Петра, погребено было подле церкви святого Власия за алтарем. Погребение сопровождалось знамениями: поднялась сильная буря, засверкали молнии и загремел гром.

По преставлении блаженного, многие стали приходить ко гробу его, пели в церкви молебны Господу Богу, Пресвятой Богородице и Предтече Иоанну, просили святить воду и пили ее, смешивая с песком от гробницы блаженного Иоанна, иные мазали ею свое болящее тело и по своей вере получали исцеление от различных болезней.

Слыша о чудесах при гробе блаженного Иоанна, Ростовский митрополит Кирилл[7336], удрученный старостью и пораженный тяжкою болезнью, не владея рукою и ногою, повелел нести себя во Власьевскую церковь к образу святого Иоанна и ко гробу блаженного Иоанна Власатого. Во время молебна, при чтении святого Евангелия, больной святитель сразу почувствовал исцеление от болезни, стал владеть рукою, так что получил

возможность вновь священнодействовать и править Ростовскою митрополиею, и прожил еще год и пять месяцев[7337].

При гробе блаженного Иоанна совершалось много чудесных исцелений с верою притекавших больных. Чудеса сии записывались и о них сообщалось царю Михаилу Феодоровичу.

Одним благочестивым купцом, видевшим над собою и над домом своим милость Божию и многие исцеления, над гробом блаженного поставлена была церковь.

В настоящее время мощи блаженного Иоанна почивают под спудом за левым клиросом в каменной церкви Толгской иконы Божией Матери с приделом во имя святого Иоанна Предтечи и священномученика Власия, построенной в 18 столетии.

При гробнице издавна находится большой кипарисный крест блаженного и пергаментная Псалтирь, писанная красивым готическим письмом. В одной из записей в рукописи значится, что святитель Димитрий Ростовский, обозревая по вступлении на Ростовскую митрополию в 1702 году Ростовские храмы, остановил свое внимание на сей Псалтири, заметил ее ветхость, повелел вновь переплести и хранить по-прежнему на гробе блаженного. Другая запись на латинском языке гласит: «с величайшим почтением держал я эту книгу в своей руке и целовал. Нил, архиепископ Ярославский. Мая 14 дня, 1856 года»[7338].

Житие святого отца нашего Иоанна Златоустого, патриарха Константинопольского

Память 13 ноября

Святой Иоанн Златоуст, светильник миру, учитель вселенной, столп и утверждение церкви, проповедник покаяния, происходил из Антиохии Сирийской и родился около 347 г. Родители его, Секунд и Анфуса, принадлежали к лучшему антиохийскому обществу и исповедовали христианскую веру. Секунд был воинским начальником и занимал почетную должность; но он не мог иметь влияния на воспитание сына, так как умер в то время, когда Иоанн был еще малолетним ребенком. Поэтому все заботы о воспитании Иоанна легли на матерь его, благочестивую Анфусу. Лишившись мужа в весьма юном возрасте (ей было тогда около двадцати лет), она не пожелала выйти замуж вторично, но всецело посвятила себя воспитанию сына. От нее-то малолетний Иоанн и получил первые уроки в христианских истинах и благочестии.

Утвердив сына в христианской вере, Анфуса отдала его софисту Ливанию и философу Андрагафию для изучения красноречия и философии[7339]. Потом, когда Иоанну исполнилось восемнадцать лет, он, еще не просвещенный святым крещением, которое, по обычаям того времени, принималось в зрелом возрасте, был отправлен в Афины[7340], для усовершенствования в красноречии и философии. Обучаясь здесь, Иоанн вскоре превзошел премудростью своих сверстников и многих философов, так как он изучил все греческие книги и науки, и сделался мудрым философом и красноречивым оратором.

В Афинах он имел в лице философа Анфимия весьма злобного противника себе. Последний, завидуя доброй славе Иоанна, злословил его, возбуждая против него ненависть в других. Но святой, при помощи Божией, посрамил своего противника и вместе с этим обратил многих ко Христу. Случилось это таким образом. Когда Анфимий в споре с

Иоанном стал произносить хульные слова на Господа нашего Иисуса Христа, то на него внезапно напал нечистый дух и стал его мучить. Анфимий упал на землю, корчась и извиваясь всем телом и широко раскрывая рот, из которого текла пена. Видя это, все окружающие ужаснулись, и многие от страха убежали. Оставшиеся стали умолять Иоанна простить и исцелить бесноватого. Иоанн отвечал:

– Если он не покается и не уверует во Христа Бога, Которого хулил, то не исцелится.

Анфимий немедленно воскликнул:

– Исповедаю, что ни на небе, ни на земле, нет другого Бога, кроме Того, Которого исповедует Иоанн.

Когда он произносил сие, нечистый дух вышел из него, и Анфимий встал здоровым. Весь народ, видевший это чудо, взывал:

– Велик Бог христианский! Он один творит чудеса!

Святый Иоанн, запретив Анфимию хулить Сына Божия и научив его истинной вере, отослал его к епископу города Афин, и Анфимий принял от него со всем своим семейством святое крещение. Вместе с Анфимием уверовали и крестились также многие из почётных граждан. Узнав, что через посредство Иоанна совершилось сие обращение ко Христу эллинов, епископ решил поставить Иоанна в священный сан и удержать его в Афинах, чтобы после смерти самого епископа (так как он весьма уже состарился) Иоанн принял архиерейскую кафедру. Блаженный Иоанн, уразумев это, тайно удалился из Афин и пришел в свое отечество Антиохию.

Презирая пустую славу сего суетного мира и все мирские почести, он решил восприять смиренную иноческую жизнь и трудиться для Бога, облекшись в ангельский образ. К этому побуждал святого Иоанна и друг его Василий[7341], уроженец той же Антиохии. Проводя детские годы вместе, они учились у одних и тех же учителей и питали сильную любовь друг к другу, так как сродны были по душе и отличались одинаковым характером. Сей Василий, первоначально сам облекшись в иноческий чин, советовал избрать иноческую жизнь и своему сверстнику – святому Иоанну.

Послушавшись доброго совета его, Иоанн пожелал немедленно удалиться в монастырь и сделаться иноком, но был удержан матерью. Последняя, узнав о намерении Иоанна, стала говорить ему со слезами:

«Чадо! Недолго меня радовала совместная жизнь с твоим отцом, со смертью которого, по Божественному изволению, наступило твое сиротство, а мое вдовство. Но никакое бедствие не могло принудить меня ко второму браку и к тому, чтобы ввести иного мужа в дом отца твоего. При Божией помощи, я терпеливо переносила несчастие вдовства, получая большую отраду и утешение от непрестанного созерцания твоего лица, похожего на лицо отца. При этом я не растратила имения отца твоего, но сохранила его целым для потребностей твоей жизни. Итак, умоляю тебя, чадо, не повергни меня во вторичное вдовство и снова не возбуждай твоим удалением утихшей во мне скорби об отце твоем, но дождись смерти моей, которой я день ото дня ожидаю. Когда ты похоронишь меня при костях отца твоего, тогда поступай, как пожелаешь. А теперь останься со мною и подожди немного, пока я еще жива».

Под влиянием таких просьб матери Иоанн решился до времени не уходить из дому; но, и оставшись дома, он переменил светлые одежды на убогие и стал вести отшельническую жизнь, проводя время в молитве и изучении слова Божия. В это время Иоанн сблизился с высоким по своей жизни епископом Антиохийским Мелетием, который убедил Иоанна поскорее принять крещение и, крестивши его, поставил церковным чтецом. В этой должности Иоанн пробыл три года. В сие время мать Иоанна скончалась. Похоронив ее, Иоанн немедленно раздал нуждающимся всё имущество, даровал свободу рабам и рабыням, а сам поселился в монастыре[7342] и стал иноком, в больших трудах и подвигах работая для Господа день и ночь. Здесь он написал книги: «О священстве», «О душевном сокрушении», содержащие в себе много полезного, и «Послание к падшему монаху Феодору»[7343].

Святой Иоанн имел от Бога дар учительства и благодать Святого Духа, что было открыто одному иноку, по имени Исихию, подвизавшемуся в том монастыре. Будучи стар годами

и совершен в добродетелях, Исихий имел дар прозорливости. В одну ночь, когда он не спал и молился, он был восхищен умом и созерцал следующее видение. Два благолепных мужа, одетые в белые одежды и сияющие как солнце, сошедшие с неба, вошли к блаженному Иоанну, когда он стоял на молитве. Один из них держал исписанный свиток, а другой ключи. Увидав их, Иоанн смутился и поспешил поклониться им до земли. Между тем мужи, взяв Иоанна за руку, подняли его со словами:

– Уповай и не бойся!

Иоанн спросил их:

– Кто вы, господа мои?

Они немедленно ответили ему:

– Не бойся, муж желаний, новый Даниил, в которого, ради чистоты сердца, благоволил вселиться Дух Святой! Мы посланы к тебе Великим Учителем, Спасителем нашим Иисусом Христом.

Вслед за сими словами один из явившихся мужей протянул свою руку и подал Иоанну свиток, говоря:

– Возьми сей свиток из руки моей! Я Иоанн, возлежавший во время Тайной вечери на персях Господа и от Него почерпнувший Божественные откровения.[7344] Господь дарует и тебе знание всей глубины премудрости, дабы ты напитал людей негибнущим брашном учения Христова и своими устами заградил уста еретиков и иудеев, произносящих хулы на Бога.

Другой же, протянув к Иоанну свою руку, подал ему ключи со словами:

– Возьми сии ключи, ибо я Петр, которому вверены ключи Царствия. Господь и тебе передает ключи святых церквей, дабы кого ты свяжешь, тот был связан, а кого разрешишь – разрешен.

Блаженный Иоанн снова преклонил свои колена и поклонился явившимся Апостолам со словами:

– Кто я, грешный и самый последний из всех людей, чтобы мне осмелиться взять на себя и нести столь великое и страшное служение?

Но явившиеся святые Апостолы снова взяли его за правую руку и поставили на ноги, говоря:

– Встань на твои ноги, мужайся, крепись и делай то, на что призывает тебя Господь наш Иисус Христос, для освящения и

утверждения людей Его, ради спасения которых Он пролил Свою кровь. Поучай слову Божию; с дерзновением вспомни Господа, рекшего: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк.12:32) [7345]. Так и ты не бойся, ибо Христос Бог наш благоволит через тебя освятить многие души и привести их к познанию Его. За правду ты испытаешь многие бедствия и скорби, но перенеси их, как крепкий адамант[7346], ибо таким путем наследуешь Царствие Божие.

Сказав сие, явившиеся мужи осенили Иоанна крестным знамением и, дав ему лобзание во имя Господа, удалились. Преподобный Исихий сказал о виденном им другим опытным в подвигах братиям, и они дивились и прославляли Бога, имеющего втайне подвизающихся рабов Своих. При этом Исихий запретил им рассказывать кому-либо о видении, чтобы не узнал о том Иоанн и не ушел от них, чтобы они не лишились таким образом сожительства со столь великим угодником Божиим.

Блаженный же Иоанн неленостно заботился о своем спасении, трудясь словом и делом; сам успешно подвизаясь, он располагал к подвигу других и побуждал ленивых, чтобы они стремились к небесному, умерщвляя свою плоть и порабощая ее духу. Богоугодно трудясь в монастыре, блаженный сотворил в сие время много чудес.

Один житель Антиохии, богатый и славного рода, сильно страдал головною болью, так что у него выпал правый глаз и висел на щеке. Раздав много имущества искусным врачам, он не получил от них облегчения. Тогда он, услыхав о святом Иоанне, пришел к нему в монастырь; приступив к святому, он обнял ноги его, лобызая их и прося у святого исцеления.

Святой Иоанн сказал ему:

– Такие болезни постигают людей за их грехи и маловерие. Итак, если ты веруешь всею душою, что Христос силен исцелить тебя, и отстанешь от своих грехов, то увидишь славу Божию.

Больной отвечал:

– Верую, отче, и сделаю всё, что ты повелишь мне.

Сказав сие, он ухватился за одежду блаженного Иоанна и возложил ее на свою голову и на больной глаз. Болезнь немедленно прекратилась, глаз принял надлежащее положение, и человек тот стал здоровым, как бы никогда и не болел; славя Бога, он возвратился домой.

Также и другой человек, по имени Архелай, старейшина города Антиохии, страдавший проказою на лице, пришел к святому Иоанну с просьбою об исцелении. Наставив его в истинах веры, Иоанн повелел ему омыть чело водою, которую пьёт братия в монастыре. Сделав это, больной очистился от проказы и, оставив мир, стал иноком.

Еще некто по имени Евклий, с детства слепой на правый глаз, пришел в тот монастырь, где находился блаженный Иоанн, и принял иноческий образ. Иоанн сказал ему:

– Бог да исцелит тебя, брат, и да просветит твои душевные и телесные очи.

Лишь только святой произнес сии слова, как внезапно прозрел слепой глаз Евклия и больной получил способность видеть ясно. Узрев сие чудо, братия удивлялись и говорили:

– Поистине Иоанн – раб Божий и в нем обитает Дух Святой.

Одна женщина, по имени Христина, будучи кровоточива, умоляла своего мужа отвести ее к святому Иоанну. Посадив жену на осла, муж отправился к монастырю и оставил ее пред монастырскими воротами, а сам вошел к святому и стал умолять его исцелить его жену от ее немощи. Святый Иоанн сказал тому человеку:

– Скажи своей жене, чтобы она изменила свой злой нрав и перестала быть жестокою в обращении с рабами, памятуя, что и она сотворена из одного брения с ними[7347]. И пусть она позаботится о своей душе, раздавая милостыню нищим и не оставляя молитв. Также воздерживайтесь и сохраняйте себя чистыми в постные и святые дни, и Бог дарует жене твоей исцеление.

Удалившись, муж рассказал жене своей всё, что он слышал от святого. Последняя дала обет со всем усердием до последнего издыхания хранить всё повеленное. Муж

возвратился к святому и сказал ему об обете жены. Святой же на это отвечал:

– Ступай с миром! Господь уже исцелил ее. Возвратясь к жене своей, муж нашел ее исцеленною, и они с радостию возвратились домой, прославляя Бога.

Случилось, что в то время недалеко от монастыря, где подвизался Иоанн, появился свирепый лев, который, рыская по дорогам, пожирал людей и скот. Много раз жители окрестных селений, собравшись, подстерегали зверя с оружием и стрелами, надеясь убить его, но всякий раз безуспешно. Выходя из дубравы, зверь нападал на людей с яростью и многих из них убивал насмерть, других ранил так, что они едва могли убежать, а некоторых живыми уносил в свое логовище и там пожирал. Придя к Иоанну, окрестные поселяне возвестили ему об этом и упрашивали его, чтобы он помог им своими молитвами. Иоанн дал просящим деревянный крест, повелевая водрузить его на том месте, откуда выходит зверь. Те так и сделали, и по прошествии нескольких дней заметили, что зверь не появляется. Тогда поселяне отправились ко кресту и увидали там труп льва. Избавленные от такого бедствия силою Креста, по молитвам святого Иоанна, они возрадовались и прославили угодника Божия.

Иоанн пробыл в том монастыре четыре года. Затем, желая большего уединения, он тайно удалился оттуда в пустыню, нашел там пещеру и пробыл в ней в течение двух лет, живя в одиночестве.

По прошествии двух лет, истомленный многотрудными подвигами и страдая от холода, Иоанн заболел, так что не мог уже заботиться о себе. Поэтому он вынужден был покинуть пустыню и возвратиться в Антиохию. Сие случилось по Божию смотрению и промышлению о Церкви, дабы таковой светильник не был сокрыт в пустыне, как бы под спудом, но светил всем. Господь попустил Иоанну впасть в недуг, выводя его таким путем от пребывания со зверями к сожительству с людьми, дабы он был полезен не только для себя, но и для других.

Когда блаженный Иоанн прибыл в Антиохию, святейший патриарх Мелетий принял его с радостью, дал ему помещение,

повелел проживать с собою и в скором времени рукоположил его в сан диакона. В сем служении он прожил в течение шести лет, своею добродетельною жизнью и душеполезными писаниями украшая Церковь Божию. За время диаконства святым Иоанном написаны следующие сочинения: «Книга о девстве», «К молодой вдове» и о защите веры: «Слово о блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам»[7348].

В это время необходимо было святому Мелетию отправиться в Константинополь для поставления в патриархи святого Григория Назианзина. Вскоре после прибытия туда святой Мелетий скончался о Господе. Услыхав о смерти своего патриарха, Иоанн снова оставил Антиохию и удалился в монастырь, в котором пребывал первоначально. Иноки обрадовались его возвращению, устроили духовное торжество, принимая от него обычное учение. Угождая Богу в безмолвии, Иоанн пробыл там три года.

Престол церкви Антиохийской занял Флавиан[7349]. Когда он однажды ночью стоял на молитве, ему явился Ангел Господень и сказал:

– Завтра иди в монастырь, в котором пребывает угодник Божий Иоанн, приведи его оттуда в город и поставь во пресвитера, ибо он – избранный сосуд Божий, и Бог желает обратить через него многих к истинной вере.

В то же самое время Ангел явился и святому Иоанну, когда он, по обычаю своему, совершал в келье ночные молитвы, и повелел ему идти с Флавианом в город и принять от него посвящение. С наступлением дня патриарх пришел в монастырь; к нему навстречу вышли все иноки вместе с блаженным Иоанном; поклонившись, они получили от патриарха благословение, а затем с подобающим почётом ввели его в церковь. Совершив святую Литургию и причастив всех Божественных Таин, патриарх преподал мир братии и, взяв с собою Иоанна, удалился в город. Иноки неутешно рыдали, разлучаясь со святым угодником Божиим.

На другой день, утром, совершено было посвящение Иоанна в пресвитера; когда патриарх возложил свою руку на главу его, внезапно появился белый, сияющий голубь, который

летал над головою святого Иоанна. Патриарх Флавиан и все находившиеся в храме ужаснулись и долго дивились. Слух об этом чуде прошел по всей Антиохии, Сирии[7350] и окрестным городам, и все слышавшие говорили:

– Что такое будет Иоанн? Ибо вот, с самого начала явилась над ним слава Господня!

В сане пресвитера Иоанн еще с большею ревностью заботился о спасении душ человеческих. Раз или два в неделю, а иногда даже каждый день он поучал народ в церкви, с амвона произнося проповеди. Случилось, что, сказав поучение в одной церкви, он шёл, усталый, в соборный храм, где служил епископ, а тот во исполнение общего желания поручил ему снова говорить поучение. Во время своего пресвитерства святой Иоанн произнес множество проповедей, из которых некоторые дошли до нас. При этом он с высоты церковного амвона с усердием занимался изъяснением Священного Писания. Он составил весьма душеполезные толкования на многие книги Ветхого Завета, на Евангелия от Матфея и Иоанна, на книгу Деяний Апостольских; особенно же любил он послания Апостола языков Павла и многие из них в своих беседах изъяснил народу.

Свои проповеди святой Иоанн Златоуст часто говорил изустно, чему весьма удивлялись все жители Антиохии, восхваляя блаженного, так как до сего времени никто не проповедовал Слово Божие без книги или без тетради: первым таким проповедником был среди них Иоанн. Его поучения были исполнены такой силы, что все слушавшие не могли вдоволь насладиться ими. Вот почему многие скорописцы записывали на хартиях[7351] проповеди Иоанна и, переписывая, передавали их другим. Его поучения читались за трапезами и на площадях, и слушатели поучались изустно словам его, как Псалтири. Иоанн был таким сладкоглаголивым оратором и любезным для всех учителем, что в городе не было ни одного, кто не желал бы слушать его бесед, и, когда узнавали, что Иоанн желает беседовать, все с радостью стекались в церковь. Городские правители и судьи оставляли свои занятия, купцы – свою торговлю, ремесленники – свои дела и поспешно шли слушать

учение Иоанна, заботясь о том, чтобы не пропустить ни одного слова, исходящего из уст его. Все считали за великую потерю, когда не удавалось им слышать сладких речей Иоанна. Вот почему ему присвоили различные похвальные наименования. Одни звали его «Божии и Христовы уста», другие – «сладкоглаголивым», а третьи – «медоточивым».

Случалось, что блаженный, в особенности в начале своего пресвитерства, говорил проповеди, которые по своему содержанию были не всегда понятны для малообразованных слушателей. Однажды некая женщина, слушая и не понимая сказанного, возвысила голос среди народа и сказала Иоанну:

– Духовный учитель, а лучше назову – Иоанн Златоуст, колодезь святого твоего учения глубок, а вервия ума нашего коротки и не могут достичь глубины его.

Тогда многие из народа сказали:

– Сам Бог устами женщины дал сие наименование Иоанну; пусть же он с сего времени называется *Златоустый.*

Действительно, с того времени и доселе Церковь сохранила это наименование за Иоанном.

Рассудив, что неудобно говорить народу хитросплетенные поучения, святой Иоанн с тех пор старался украшать свою беседу не изощренным красноречием, но простыми и нравоучительными словами, дабы и простейший слушатель уразумел и получил пользу. Поучая жителей Антиохии вере и жизни христианской, святой Иоанн Златоуст являлся, вместе с тем, утешителем своих сограждан во время общественных бедствий.

В Антиохии вследствие наложения подати, тяжкой для бедных жителей города, произошло народное возмущение. Разъяренная чернь сбросила стоявшие в городе статуи императора и членов его семьи и разбила их в куски. Но вскоре ужас и отчаяние заступили место неистовой ярости. Антиохийцы стали ждать проявления царского гнева на возмутившихся. Снисходя к просьбам народа, благочестивый святитель антиохийский Флавиан отправился к императору ходатайствовать за провинившийся город; святого же Иоанна он оставил в городе утешать и врачевать страждущие души.

Наступил Великий пост, который был для антиохийцев поистине временем покаяния и скорби. Ежедневно светильник Божий Иоанн входил на церковный амвон и обращался к народу с сильным словом утешения и назидания. Он то поддерживал в народе твердость и мужество, то оживлял его надежды на милость императора, то возбуждал в нем упование на будущую жизнь. Вместе с этим, он обличал пороки своих сограждан: скупость богатых, любостяжание, распутство, лицемерие, жестокость и суеверие, говорил, что сими пороками антиохийцы навлекли на город такое несчастие, и убеждал их исправиться. Никогда, быть может, Великий пост не соблюдался с такою строгостью, не проводился с таким покаянным чувством, охватившим всех жителей. Народ шел толпами в церковь и с жадностью слушал речи Златоустого, находя в них облегчение своей скорби. Между тем святой Флавиан явился к императору с защитительной речью и христианский император простил оскорбителей высочайшей власти. Весть о помиловании была привезена Флавианом к самому дню Пасхи. В первый же день праздника святой Иоанн объявил народу благую весть и в заключение сказал:

– Радуйтесь радостью духовною, благодарите Бога не только за прекращение бедствий, но и за то, что Он послал их.

Говоря так, святой Иоанн имел в виду значение прекратившихся бедствий для возбуждения в антиохийцах покаянного чувства и пробуждения духовной жизни.

Угодник Божий был сильным мужем не только в слове, но и в деле. Силою Христовою он творил чудеса, исцеляя недужных. Вот некоторые из чудотворений святого.

Некая женщина, по имени Евклия, имела единственного сына, который заболел горячкою и уже был при смерти. Придя к святому, Евклия умоляла его, дабы он исцелил больного. Иоанн, взяв воды, трижды сотворил над нею знамение святого Креста, во имя святой Троицы, и покропил больного. Горячка немедленно прекратилась и, встав здоровым, больной поклонился святому.

Начальником крепости в Антиохии был один последователь Маркионитской ереси[7352], причинявший много зла

благочестивым. Жена его подверглась лютому недугу, который не могло искоренить никакое врачевство. Когда жесточайшая болезнь усиливалась день ото дня, начальник крепости призвал в свой дом еретиков, упрашивая их помочь жене его. Еретики беспрестанно по три дня и более молились за больную с большим усердием, но не имели успеха. Тогда жена сказала мужу:

– Я слышала про некоего пресвитера, по имени Иоанна, проживающего у епископа Флавиана, что он ученик Христов, и если он чего попросит у Бога, то Бог подаст ему. Умоляю тебя, отведи меня к нему, дабы он помолился о моем выздоровлении, ибо я слышала, что он творит много чудес. Маркиониты же мне нисколько не помогают, и из сего ясно видно нечестие их. Ведь если бы у них была правая вера, то Бог услышал бы их молитву.

Муж послушался жены и отправился вместе с нею к Православной Церкви. Но, будучи еретиком, не осмелился внести ее внутрь, а положил пред церковными дверями и послал к епископу Флавиану и к пресвитеру Иоанну, прося их помолиться Господу Иисусу Христу о здравии жестоко болящей его жены. Епископ, выйдя к ним вместе с Иоанном, сказал:

– Если вы отречетесь от своей ереси и присоединитесь к святой Соборной Апостольской Церкви, то получите от Христа Бога исцеление.

Когда они сие сделали, Иоанн повелел принести воды и попросил Флавиана сотворить на воде крестное знамение. Флавиан исполнил просьбу святого. Иоанн приказал облить сею водою болящую, и та немедленно встала здоровою, прославляя Бога. После этого дивного чуда начальник крепости вместе со своею женой присоединился к святой Церкви. По поводу этого присоединения была великая радость среди православных; еретики же весьма смутились и гневались на Иоанна, повсюду распространяя хулы и клеветы на него и утверждая, будто он волхв и чародей. Но Бог вскоре заградил уста их, наведя на них жестокую казнь. Случилось это таким образом.

Во время происшедшего в Антиохии великого землетрясения обрушился храм, в котором еретики имели свои собрания; под развалинами храма погибло их великое множество. Из православных же во время этого землетрясения никто не погиб. Видя это, не только оставшиеся в живых еретики, но и язычники познали силу Христову и, наставляемые святым Иоанном, обращались к истинному Богу.

По смерти Константинопольского патриарха Нектария[7353], преемника Григория Назианзина, долго не могли найти такого человека, который был бы достоин патриаршего престола. Тогда сообщили императору Аркадию об Иоанне (ибо слава о нем распространилась повсюду). Царь тотчас же послал к Флавиану грамоту с повелением отпустить святого в Константинополь. Народ Антиохийский, узнав об этом и пламенея любовью к Иоанну, собрался к церкви. Не желая лишиться своего учителя, народ сопротивлялся послам царским, не внимал увещаниям своего патриарха и не допускал увезти Иоанна; да и сам угодник Божий не желал ехать в Константинополь, по своему смирению решивши, что он не достоин патриаршего сана. Узнав о сем, царь изумился и еще сильнее захотел видеть Иоанна на патриаршем престоле. Он приказал областеначальнику Востока Астерию тайно увезти Иоанна из Антиохии, что и было исполнено.

Когда Иоанн приближался к Константинополю, то ему навстречу вышел весь город, со множеством посланных царем вельмож. Царь, вместе с Освященным собором иерархов и народом, встретил святого Иоанна с честью, и все радовались возведению на патриарший престол сего светильника Церкви.

Не радовался только Александрийский патриарх Феофил[7354] со своими единомышленниками. Он завидовал славе Иоанна и, ненавидя его, помышлял возвести на патриарший престол своего подвластного пресвитера Исидора. Но это не помешало созванию собора, по постановлению которого святой Иоанн был избран на патриаршество.

Блаженный возведен был на патриарший престол 26 февраля 398 года. Царь, а за ним все князья и вельможи пришли к Иоанну, желая получить от новопоставленного

патриарха благословение. Сотворив молитву о царе и народе и благословив всех, Иоанн отверз свои богоглаголивые уста и предложил душеполезное поучение, в котором наставлял царя неотступно пребывать в православии, отвращаться еретиков, часто ходить в церковь, быть справедливым и милостивым. Он говорил:

– Да знает твое благочестие, что я не побоюсь, когда явится потребность, говорить наставления и обличения для пользы души твоей, подобно тому, как пророк Нафан не боялся обличать согрешения царя Давида[7355].

Иоанн наставлял также всех духовных и мирских правителей и их подчиненных честно исполнять свой долг. Его учительным словом услаждались все слушающие. Когда Иоанн беседовал со своею паствою, в народе оказался один бесноватый, который в припадке бросился на землю и завопил ужасным голосом, так что все бывшие в церкви пришли в ужас. Блаженный Иоанн повелел привести его к себе, сотворил над ним крестное знамение и, изгнав нечистого духа, возвратил бесноватому здравие. Увидав сие, царь и весь народ возрадовались и прославили Бога, даровавшего им столь великого светильника – врача душевного и телесного.

Приняв церковное управление, святейший патриарх Иоанн стал ревностно пасти словесное стадо Христово, искореняя в людях всякого звания (а в особенности среди клириков) худые обычаи, истребляя нечистоту, зависть, неправду и всякое небогоугодное дело. Вместе с этим он насаждал чистоту нравов, любовь, справедливость, милосердие, вкоренял в сердца добродетели и своими златоглаголивыми устами наставлял всех в благочестии. Нравственные пороки глубоко оскорбляли святого Иоанна, но искреннее раскаяние заставляло его всё прощать.

Однажды, пред самою Пасхою, Иоанн был опечален недостойным поведением народа, который он так любил и о душевном благе которого так заботился. В среду на Страстной неделе поднялась грозная буря. Испуганный народ устремился в храмы, прибегая к Божию милосердию; начались общественные молитвы и крестные ходы. Бедствие миновало, и

уже в Страстную пятницу и субботу народ, забыв о посещении Божием, предался веселым зрелищам в цирке и в театре. Возмущенный до глубины души, святой пастырь в первый день Пасхи обратился к неблагодарной пастве с знаменитым словом «Против зрелищ». «Можно ли снести? Можно ли стерпеть? Вам самим жалуюсь на вас», – так начал блаженный святитель это слово. Ясно и вразумительно изобразил он гибельные действия театра на нравственность и грозил виновным отлучением. Убежденное слово святого проповедника произвело сильное впечатление на народ, любивший его, и вызвало искреннее раскаяние.

Не только в Константинополе, но и во всех окрестных городах и селениях святой угодник Божий имел большое попечение о спасении душ человеческих. Он посылал из числа своих клириков опытных, богобоязненных мужей утверждать Православие проповедью слова Божия, истреблять нечестие и ересь и направлять заблудших на путь спасения. Он до основания разорил идольские храмы, стоявшие в течение многих веков в Финикии[7356]. Мудро обратил он к православной вере Кельтский народ[7357], зараженный арианством, повелев избранным для того пресвитерам и диаконам обучиться кельтскому языку и отправив их к кельтам проповедовать благочестие на их природном наречии. Таким же образом Иоанн просветил скифов[7358], живших по Дунаю. Он изгнал из стран восточных маркионитскую ересь и озарил светом истинного учения весь мир.

В особенности Иоанн имел попечение о немощных и убогих, питая алчущих, одевая нагих, промышляя о сиротах и вдовах. Для спокойствия больных и странников, не имущих где приклонить голову, он устроил множество больниц, снабжал больных всем необходимым, приставил слуг и врачей и поручил двоим богобоязненным иереям заботиться о них. В то же время сам он прилежно заботился о церковном управлении, с любовью утверждая добрых и наказывая и обличая злых.

Во время патриаршества святого Иоанна Златоустого в Константинополе оставалось еще много последователей арианской ереси, которые невозбранно исповедовали свою веру

и совершали свои богослужения. Блаженный помышлял о том, каким бы способом очистить город от сей ереси, и, улучивши удобный случай, сказал царю:

– Царь благочестивый! Если бы кто вложил в твою корону, наряду с находящимися в ней драгоценными камнями, простой камень, тёмный и нечистый, то не обесчестил ли бы он всей короны?

Царь ответил:

– Да, так.

Иоанн продолжал:

– Так обесчещен и сей город, который, будучи православным, имеет еще в числе своих жителей неверных ариан. И подобно тому, как прогневался бы ты, царь, за бесчестие твоей короны, так Всемогущий Бог гневается за сей город, осквернённый арианскою ересью. Итак, тебе следует или привести еретиков к единству веры, или же изгнать их из города.

Выслушав слова Иоанна, царь приказал немедленно привести к себе всех вождей арианских и повелел им в присутствии патриарха высказать свое исповедание веры. Они же стали говорить слова, исполненные нечестия и хулы на Господа нашего Иисуса Христа. Тогда царь приказал изгнать их из города.

По прошествии некоторого времени ариане, имея помощников и ходатаев из числа служащих в царском дворце, людей сановитых, снова стали в воскресные дни входить в город, подходя к своему соборному дому с еретическими песнопениями, которыми они хулили Пресвятую Троицу. Узнав о сем, святейший патриарх Иоанн, боясь, чтобы кто-нибудь из простого народа не стал участвовать в тех общественных арианских молениях, повелел своему клиру ходить по городу в священных облачениях с песнопениями во славу Пресвятой Троицы, составленными против арианских хульных песней. Для этих ходов были устроены серебряные кресты на древках, которые торжественно носились по городу вместе со святыми иконами в преднесении зажженных свечей. Так возникли впервые крестные ходы. Торжественные крестные ходы

православных отвлекали народ от арианских общественных молений, устраиваемых ими на площадях. Разгневанные этим, ариане во время одного из таких ходов напали на православных и устроили побоище. В этом побоище несколько человек с той и другой стороны пало мертвыми, а царскому евнуху Врисону, находившемуся среди православных, пробили камнем голову. Узнав об этом, царь весьма разгневался на ариан и запретил им совершать свои общественные моления и входить в город. Таким образом, еретическое злохуление окончательно было изгнано из царствующего града.

В Константинополе жил некий воевода, варвар родом, по имени Гайна, храбрый в войнах и пользовавшийся благоволением царя, но в то же время разделявший еретические мысли Ария. Он усердно просил царя дать арианам в городе какую-нибудь церковь. Царь не знал, что отвечать ему, ибо не желал оскорбить его отказом, так как боялся, чтобы Гайна, человек злонравный и свирепый, не возбудил какого-либо возмущения в греческом царстве. Поэтому царь сообщил о просьбе Гайны святому патриарху Иоанну.

Иоанн сказал царю:

– Позови меня к себе в то время, когда Гайна будет просить себе храм, и я буду отвечать за тебя.

И вот, на другой день, когда патриарх был призван в царские палаты и сидел с царем, Гайна стал просить у царя храм в Константинополе для арианского общества. Он просил это как должное воздаяние за понесенные им во время войн труды и проявленную храбрость.

Великий Иоанн заметил ему:

– Если ты, Гайна, хочешь молиться в церкви, то войди, в какую захочешь, и молись, ведь для тебя открыты все церкви в городе.

Гайна сказал на это:

– Но я другого исповедания; вот почему я желаю вместе с моими единомышленниками иметь отдельный Божественный храм в городе и умоляю царя исполнить мою просьбу. Я понес много трудов, воюя за греческое царство, проливал свою кровь и полагал за царя душу.

Иоанн отвечал:

– За свои труды ты получил воздаяние: большой почет у царя, славу, сан и подарки. Тебе следует поразмыслить, чем ты был прежде и что ты теперь. Как раньше ты был нищим и бесславным, и как ныне ты обогатился и прославился; в каком чине находился ты, проживая на той стороне Дуная, и в каком теперь. Тогда ты был одним из простых и бедных поселян, одевался в убогие одежды и имел для пропитания один хлеб с водою, а ныне ты уважаемый и прославляемый воевода, облечен многоценными одеждами, имеешь много золота и серебра, бесчисленные имения – и всем этим ты владеешь благодаря царю. Вот какую награду восприял ты за свои труды!

Будь благодарен и продолжай верно служить греческому царству, а наград Божественных за служение мирское – не проси.

Пристыженный сими речами, Гайна замолчал и больше уже не просил о храме. Царь удивлялся премудрости Иоанна, который немногими словами мог заградить уста дерзкого и исполненного необузданной свирепости варвара.

По прошествии года Гайна отложился от царя и, собрав многочисленное войско, пошел войною на Константинополь. Царь, не желая проливать кровь, упросил святого Иоанна выйти к нему и усмирить его кроткими речами. Иоанн, хотя и помнил, что он прогневал Гайну, запретив ему иметь в городе сходбище арианское, тем не менее, будучи готов за овец положить свою душу, пошел к гордому варвару. Бог помог рабу Своему, и Иоанн своими речами усмирил зверообразного человека, из волка обратил его в овцу и, примирив его с царем, возвратился.

После этого зимою святой Иоанн, несмотря на нездоровье, отправился в Малую Азию для устроения церковных дел. Там многие епископы продавали священство, беря деньги за хиротонию[7359]; таким был, например, Антоний, митрополит Ефесский[7360]. Святой Иоанн низложил в Малой Азии многих виновных в симонии[7361] епископов и лишил должностей как тех, кто поставлял за деньги, так и тех, кого поставляли. Вместо них он назначил более достойных. Установивши порядок в Малой Азии, св. Иоанн возвратился в Константинополь.

Живя среди мира в столь высоком сане, блаженный тем не менее никогда не оставлял своих первых иноческих подвигов, но свободное от церковных дел время проводил или на молитве, или за чтением Божественных книг, затворившись в своей уединенной келлии. Соблюдая всегда строгий пост и воздержание во всем, он вкушал только ячменный хлеб и воду; спал весьма мало, да и то не на одре, но стоя. На пиры и угощения он никуда не ходил. Весь свой ум он посвятил уразумению Божественного Писания, продолжая заниматься составлением изъяснений на послания святого Апостола Павла, икону которого имел в своей келье: в это время изъяснял он народу послание Апостола языков к Колоссянам, а несколько позднее – к Филиппийцам, Солунянам и Евреям.

Во время писания толкований на эти послания у святого Иоанна явилось такое недоумение:

– Кто знает, угодно ли сие Богу? Уразумел ли я силу сего Святого Писания или нет?

И он стал молиться Богу, дабы Он возвестил ему о том. Бог услышал молитву Своего раба и подал ему следующее знамение. Однажды ночью, затворившись в келье, святой Иоанн при зажженной свече писал толкование; в это время, прислуживавший ему Прокл, по просьбе некоего человека, умолявшего о помощи, хотел войти к патриарху; но предварительно Прокл посмотрел в дверную скважину, чтобы узнать, что делает патриарх. Он увидел его сидящим и пишущим, а какой-то старый почтенный человек, стоя сзади него, наклонился к уху патриарха и тихо ему говорил. Сей человек во всем был подобен изображению святого Павла на иконе, висевшей пред Иоанном на стене его келлии. Прокл стал ждать, пока не удалится этот человек. Но когда наступило время звона к утрене, человек этот стал невидим. То же наблюдал Прокл и в течение двух следующих ночей. Наконец он осмелился спросить самого патриарха:

– Владыка, кто ночью беседует с тобою?

Иоанн отвечал:

– У меня не было никого.

Тогда Прокл подробно рассказал ему, как он в скважину видел старого почтенного человека, который шептал патриарху на ухо, когда тот писал; при этом Прокл описал вид и лицо того, кто являлся. Слушая речи Прокла, Иоанн недоумевал. Между тем Прокл, взглянув на изображение Апостола Павла на иконе, сказал:

– Тот, кого я видел, был похож на изображенного на сей иконе.

Тут Иоанн понял, что Прокл видел самого святого Апостола Павла, и удостоверился, что труд его угоден Господу. Он пал на землю и долго молился, благодаря Бога. С того времени он восприял большее усердие и ревность к писанию Божественных книг, которые он оставил после себя Церкви, как многоценное сокровище[7362].

Иоанн – великий учитель всего мира – без всякого колебания обличал несправедливости, защищал обиженных, а царя и царицу убеждал никого не обижать, но поступать по справедливости. Вельможам и людям высокого сана, расхищающим чужое имущество и огорчающим бедных, он угрожал судом Божиим. За это против него стали враждовать многие мирские властители. Осуждаемые своею совестью, но не желая отрешиться от своих пороков, они гневались на Иоанна. Сердце их окаменело, им тяжело было слушать слова святого, – и вот они затаили в себе злобу на него. Ненавистники старались всячески очернить святого, рассказывая, что патриарх в своих проповедях в церкви не поучает, но оскорбляет и обвиняет царя и царицу и все власти. К тому же его называли еще немилосердным по следующей причине.

В царском дворце находился некий евнух, по имени Евтропий, начальник царских постельников. Он сумел вкрасться в доверие к царю и сделался его любимцем. Преследуя своих врагов, он уговорил царя издать закон, которым бы уничтожался один древний обычай, состоявший в следующем. Люди, чем-нибудь нарушившие гражданский закон и присужденные к смерти, укрывались в церкви, как некогда у Израильтян в города убежища[7363], и в церквах спасались от смертной казни. Уничтожение этого обычая было весьма прискорбно для святого

Иоанна Златоустого, и он, считая сие дело насилием над Церковью, обличал Евтропия, обвиняя его в жестокости и попрании церковных установлений. Спустя немного времени сам Евтропий впал в яму, которую он выкопал для других, и закололся тем самым мечом, который наточил для других. По случаю какого-то важного проступка царь весьма разгневался на него, и Евтропий был приговорен к смертной казни. Тогда Евтропий убежал в церковь и скрылся в алтаре под престолом. Блаженный же Иоанн восседал на амвоне, откуда он обыкновенно поучал народ, направил, как весьма строгий ревнитель, обличительное слово на Евтропия; он говорил, что было бы справедливо, если бы новоустановленный несправедливый закон испытал на себе тот самый человек, который изобрел и установил его. Враги Иоанна, подхватив сие слово, стали порицать святого, укоряя его в немилосердии. Таким образом, мало-помалу они раздражали сердца многих людей и возбуждали в них гнев на Иоанна[7364].

Среди недовольных святым угодником Божиим находилось немало и клириков, живших порочно, так как он изобличал их лукавые дела и отлучал иных от Церкви; особенно же они были раздражены поступком некоего диакона Серапиона. Последний, благоверно служа при патриархе и живя благочестиво, однажды в присутствии всех клириков сказал святому:

– Владыка, ты не исправишь сих, если не разгонишь всех их одним жезлом.

На эти слова его многие разгневались и стали дурно говорить в народе о святом патриархе, возводя хулы на того, который был достоин всяких похвал. Недовольство и вражда против святого Иоанна проявлялись и в высшем духовенстве. К числу недовольных святым Иоанном епископов принадлежал некто Севириан, митрополит Гевальский[7365]. Сначала он пользовался любовью Иоанна, который, отправляясь в Малую Азию для устройства тамошних церковных дел, поручил ему управление своею паствою. Управляя во время отсутствия угодника Божия Константинопольскою церковью, Севириан постарался возбудить против него неудовольствие и происками вошел в милость при царском дворе, надеясь таким образом

занять место Златоустого. Вместе с этим он превысил свою власть и допустил в управлении некоторые беспорядки. Возвратившись, св. Иоанн сразу понял всю низость и коварство Севириана и за сделанные им беспорядки хотел удалить его из столицы. Но за Севириана вступилась императрица Евдоксия и, по просьбе ее, Иоанн искренно примирился с ним и простил его. Севириан же остался в душе таким же, каким был прежде и втайне продолжал питать злобу против Златоустого. Святой знал про окружавшую его злобу, но не обращал на нее внимания, ибо чем больше его хулили, тем сильнее процветала слава его; он стал известным даже в отдаленных странах, и многие приходили издалека, желая видеть святого и слушать его учение.

При такой славе Златоустого злоба всех врагов его была бы для него не опасна, если бы в числе враждовавших на святого не находилась сама царица Евдоксия. Это был самый опасный и самый упорный враг святого угодника Божия, ненавидевший его всею душою своею. Все речи Иоанна о сребролюбцах и расхищающих чужое, которые он обращал ко всем вообще, царица относила к себе и думала, что Иоанн ее одну обличает и оскорбляет; ибо она была весьма сребролюбива и одержима ненасытной жадностью к золоту, которое она насильственно отнимала у многих. Гневаясь на блаженного угодника Божия, царица начала помышлять о том, каким бы образом низложить его с патриаршества.

В то время в Константинополе находился один знатный муж, по имени Феодорик, владевший большим богатством. Завидуя ему и желая присвоить себе его имущество, царица искала обвинений против него, но не находила, потому что Феодорик был человек достойный и честный. Не имея возможности причинить ему насилия, царица изобрела хитрость. Она призвала Феодорика к себе и сказала ему:

– Ты знаешь, сколь большую убыль постоянно терпит царское имущество, как много раздается золота охраняющему царство войску и как бесчисленны те, которые ежедневно кормятся от царских сокровищ. Вот почему в настоящее время казна наша несколько истощилась. Итак, дай взаймы в царские

сокровищницы часть твоего имущества, этим ты приобретешь у нас расположение; со временем же получишь то, что отдашь ныне.

Феодорик понял, что царица хочет воспользоваться его имуществом не для пополнения царской казны, а для удовлетворения своего ненасытного сребролюбия. Поэтому он отправился к блаженному Иоанну, сообщил ему об этом намерении царицы и слезно умолял святого оказать ему свою помощь и содействие. Иоанн немедленно послал царице письмо, увещевая ее добрыми и кроткими словами не причинять обиды Феодорику. Царица, хотя и гневалась на патриарха, но в тот раз поступила согласно его желанию; она устыдилась премудрых его речей и дала обещание не причинять Феодорику никакого зла. После этого Феодорик, внимая златоглаголивым устам святого, поучавшим о милостыне и советовавшим не на земле скрывать сокровище, где его может отнять рука завистливых, но на небе, где никто не будет ни завидовать, ни отнимать, решил отдать свое богатство Царю Небесному. Оставив себе небольшую часть имущества для прокормления семьи, всё прочее большое состояние свое он пожертвовал в церковную странноприимницу для пропитания странников, бедных и больных. Услыхав о сем, царица весьма разгневалась и послала сказать блаженному Иоанну:

– Святый патриарх! Я, по твоему совету, ничего не взяла у патриция Феодорика для потребностей нашего царства, а ты похитил его имущество для собственного обогащения! Не приличнее ли было бы это имущество взять нам, а не тебе, так как Феодорик обогатился на царской службе. Почему ты не стал подражать нам? Как мы ничего не взяли у Феодорика, так и тебе не следовало брать его имений.

На сии слова Иоанн написал царице следующее:

– Я думаю, для тебя не тайна, что если бы я желал богатства, то ничто не воспрепятствовало бы мне иметь его. Ибо я имел благородных, сановитых и богатых родителей. Но я добровольно отказался от богатства. Ты утверждаешь, что имущество Феодорика я взял для своего обогащения. Но знай, что Феодорик мне ничего не дал; да если бы и давал, то я не

взял бы у него. Свое богатство он отдал Христу, раздавая милостыню нищим и убогим. И он хорошо поступил, ибо от Христа сторицею восприимет в грядущем веке. Я желал бы, чтобы и ты, подражая Феодорику, скрывала твои имения на небеси, дабы, когда ты обнищаешь, была принята в вечные обители. Если же ты замышляешь отнять у Христа то, что отдал ему Феодорик, то что нам до того? Ибо, как увидишь сама, ты оскорбишь не нас, а Самого Христа.

Прочитав сие письмо Иоанна, царица еще сильнее разгневалась и стала искать случая отмстить святому.

В то время в Константинополь прибыла из Александрии одна вдова, по имени Каллитропа, по следующему делу. Когда в Александрии областеначальником был Павликий, имевший сан Августа[7366], некоторые завистливые люди донесли ему, будто Каллитропа имеет много золота. Павликий же был весьма златолюбив. Ложно обвинив Каллитропу, он повелел взять вдову и вынуждал ее заплатить ему пятьсот золотых монет. Не имея таких денег, вдова отдала под заклад соседям всё, что у нее было, и, с трудом набравши пятьсот золотых монет, вручила их областеначальнику. Скоро Павликий за свои несправедливые дела был лишен сана и отправлен в Константинополь на допрос; туда же отправилась за ним и бедная вдова. Пришедши к царю, она пала пред ним со слезами и воплем, жалуясь на Павликия, что он насильственно взял у нее пятьсот монет золота. Царь приказал Константинопольскому градоначальнику произвести по этому делу расследование. Но градоначальник, держа сторону Павликия, оправдал его, а вдову отпустил ни с чем. Еще более оскорбленная этим, вдова прибегла к царице и, рассказав ей свою беду, просила у нее милости и помощи. Златолюбивая царица была рада такому случаю, ибо надеялась через это дело приобрести для себя много золота. И вот, она немедленно призвала Павликия, с гневом изобличила его в грабеже чужого имущества и в оскорблении бедной вдовы и приказала держать его под стражей до тех пор, пока он не заплатит сто литр золота. Видя, что не избежать ему рук царицы, Павликий послал к себе домой принести столько золота, сколько требует царица, и передал ей сто литр золота.

Из всех этих денег царица передала вдове только тридцать шесть золотых монет и отпустила ее, а всё остальное взяла себе. Вдова ушла от царицы с плачем, оскорбленная таким несправедливым решением. Тут она услыхала о защитнике обидимых – святом Иоанне. Явившись к нему, она подробно поведала о том, что причинили ей Павликий и царица.

Успокоив плачущую вдовицу, святой Иоанн послал за Павликием и, пригласив его в церковь, сказал ему:

– Нам известно о несправедливостях, какие ты, не боясь Бога, делал, оскорбляя бедных и насилием отнимая чужие имения, как поступил ты и с этой бедной вдовицей. Мы призвали тебя за тем, чтобы ты отдал пятьсот златниц той, которую ты несправедливо обидел. Итак, отдай ей, дабы она могла возвратить взятое ею у заимодавцев и не погибла бы вместе со своими детьми в крайней нищете. Тогда и ты освободишься от своего греха и умилостивишь Бога, Которого ты прогневал и Который отмстит тебе за оскорбление сирот, если не раскаешься.

Павликий отвечал:

– Владыка, сия вдова причинила мне несравненно большую обиду, чем я ей, ибо, жалуясь на меня царице, она отняла у меня сто литр золота. Чего же еще большего она хочет от меня? Пусть она идет к царице и берет свое у нее.

Святой сказал ему на это:

– Если царица и взяла у тебя столько золота, то вдова еще не получила своего, и потому она не виновата в обиде, причиненной тебе царицею. Царица взяла у тебя сто литр золота не столько за обиду вдовы, сколько за другие твои грабительства, которые ты совершал, состоя при власти. Не клевещи на царицу. Я заверяю тебя, что ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь вдовице всего, что ты взял у нее, до последней златницы. А те тридцать шесть золотых монет, которые дала ей царица, пусть останутся у нее на издержки в дороге.

Когда царица узнала, что Иоанн задержал Павликия в церкви, она послала к Иоанну с повелением отпустить Павликия, так как она взяла у него достаточно золота.

Но Иоанн отвечал посланным:

– Павликий не будет выпущен отсюда до тех пор, пока не отдаст бедной женщине взятого.

Царица вторично послала к святому с требованием отпустить Павликия, но святой отвечал:

– Если царица желает, чтобы я отпустил его, то пусть отошлет сей вдовице пятьсот золотых монет. Это для нее не представит большого затруднения, потому что она взяла у Павликия гораздо более – сто литр золота.

Услыхав сие, царица исполнилась ярости и немедленно отправила двух сотников с двумястами воинами, чтобы они вывели Павликия из церкви насильно. Но когда воины приблизились к церковным дверям, им внезапно явился стоявший в дверях Ангел Господень, который держал в руке обнаженный меч и загораживал им вход. Увидав грозного Ангела, воины убоялись и бежали. С трепетом они возвратились к царице и сообщили ей о явлении Ангела. Она же, услыхав о сем, ужаснулась и более не осмеливалась посылать к Иоанну за Павликием. Видя, что царица не помогла ему, Павликий послал в свой дом за золотом, отдал вдове пятьсот золотых монет и был выпущен из церкви. Получив свое, вдовица с радостью вернулась в свой город.

Царица между тем не переставала гневаться на блаженного Иоанна; злоба на угодника Божия день ото дня увеличивалась в ее сердце. Однажды она послала к святому Иоанну своих слуг, повелев им передать ему следующие слова:

– Перестань противиться нам и не касайся наших царских дел, ибо и мы не касаемся церковных дел, но предоставляем тебе самому устраивать их. Перестань выставлять меня притчею для всех, говоря обо мне и обличая меня. До этих пор я считала тебя за отца и воздавала тебе подобающий почет, но если отныне ты не исправишься и не станешь лучше относиться ко мне, я не потерплю тебя более.

Выслушав сии речи царицы, блаженный Иоанн весьма опечалился и, тяжко вздохнув, сказал посланным:

– Царица желает, чтобы я походил на мёртвого: не замечал совершаемых несправедливостей, не слушал голоса обижаемых, плачущих и воздыхающих, не говорил обличений

против согрешающих; но так как я епископ и мне вручено попечение о душах, то я должен на всё смотреть недремлющим оком, выслушивать просьбы всех, всех учить, наставлять и обличать. Ведь я знаю, что если я не буду обличать беззакония и наказывать беззаконнующих, то подвергнусь наказанию, и потому боюсь, как бы ко мне не были приложены слова пророка Осии: «Как разбойники подстерегают человека, так сборище священников убивают на пути в Сихем и совершают мерзости»[7367] (Ос.6:9). Ибо Божественный Апостол повелевает пред всеми изобличать согрешающего, дабы и другие имели страх. И тот же Апостол учит, говоря: «Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели» (1Тим.5:20); «проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2Тим. 4:2). Я обличаю беззаконие, а не беззаконнующих; никому не говорил я в лицо о его беззаконии, никого не запятнал бесчестием и никогда не упоминал в проповедях имени царицы для обличения ее. Но я всех вообще поучал воздерживаться от зла и не обижать ближних. Если же кого из слушающих мои поучения осуждает совесть за содеянные им дурные дела, то ему подобает гневаться не на меня, но на себя самого, и пусть он уклонится от зла и сотворит благое. Если царица не сознает за собою зла, ни того, что она кого-нибудь обидела, то почему она гневается на меня, поучающего народ уклоняться от всякой неправды? Ей следовало бы лучше радоваться, что она не сделала неправды и что я неленостно проповедую спасение людям, над которыми она царствует. Если же она виновна в тех грехах, которые я стараюсь учительными словами искоренить в сердцах человеческих, то пусть знает, что не я ее обличаю или причиняю ей бесчестие, но изобличают ее творимые ею дела, которые приносят душе ее великое бесчестие и стыд. Итак, пусть царица гневается, как хочет, а я не перестану говорить правду. Ведь для меня лучше прогневать людей, чем Бога: «Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (Гал.1:10).

Сказав сие посланным, святой отпустил их. Они же, возвратившись к царице, передали ей всё, что слышали. Тогда

царица еще сильнее разгневалась на блаженного Иоанна.

Не одна царица враждовала против святого, но и многие другие, жившие нечестиво. У него были враги не только в Константинополе, но и в более отдаленных странах. В числе последних были следующие: Александрийский патриарх Феофил, который с самого начала невзлюбил Иоанна и не желал его посвящения на патриаршество, Акакий, епископ Беррийский[7368], Севириан Гевальский и Антиох Птолемаидский[7369], а в Константинополе два пресвитера и пять диаконов, многие из царских чиновников и три известные и богатые вдовы, нечестиво живущие: Марса, Кастриция и Евграфия. Все сии ненавистники Иоанна, совещаясь между собою, изыскивали против него обвинения, чтобы оклеветать его пред народом. Прежде всего, они послали в Антиохию разузнать, не совершил ли Иоанн какого-либо дурного поступка, хотя бы в детстве. Но «исчезоша испытающии испытания» (Пс.63:7), и не обрели они ничего, что бы можно было поставить в вину святому угоднику Божию. После этого они послали в Александрию к Феофилу, хитрому лжецу и наветнику, но и тот ничего не мог найти в обличение святого Иоанна, который сиял добродетелями, как солнце. Однако Феофил, научаемый сатаною, ревностно старался о том, как бы низложить Иоанна с престола, чего он и достиг, имея помощницею царицу и прочих дурных людей. Изгнание Иоанна произошло при таких обстоятельствах.

В Александрии находился пресвитер, по имени Исидор, бывший ксенодором (то есть кормильцем странников), человек святой жизни и премудрый. Он был уже стар, имея от роду восемьдесят лет; в пресвитеры он был поставлен святым Афанасием Великим, патриархом Александрийским. Против этого-то Исидора Феофил имел вражду из-за Александрийского пресвитера Петра, так как Феофил намеревался того Петра без вины лишить сана и отлучить от Церкви, а Исидор защищал Петра и доказывал, что взводимое на последнего обвинение несправедливо. Поэтому Феофил стал гневаться и на Исидора и, отлучив от Церкви Петра, стал искать улик против Исидора, чтобы и его отлучить от Церкви.

В то время некая вдова, по имени Феодотия, пожертвовала Исидору тысячу золотых монет, чтобы он на эти деньги одевал находящихся в Александрии нищих, сирот и убогих вдовиц. При этом вдова просила Исидора не говорить о том патриарху Феофилу, чтобы последний не отобрал золота и не затратил его на предпринятые им каменные постройки. Получив золото, Исидор поступил так, как просила его Феодотия, и ничего не сказал Феофилу. Тем не менее Феофил узнал от кого-то, что Исидор получил от Феодотии тысячу золотых монет и истратил их на потребности бедных без его, Феофилова, ведома. Златолюбивый Феофил сильно прогневался за это на Исидора и возвел на него несправедливое обвинение в противоестественном грехе. В подкрепление своего обвинения Феофил подыскал лжесвидетелей. Но невинный Исидор был оправдан. Впрочем, по необузданной злобе своей Феофил всё-таки лишил его пресвитерского сана и с побоями и бесчестием изгнал из клира. Пострадав невинно, Исидор покинул Александрию и удалился пустыножительствовать в Нитрийскую гору[7370], в которой он жил ранее, будучи еще молодым. Заключившись здесь в одной хижине, он молился Богу, терпеливо перенося свое бесчестие.

В то время в Египетских монастырях жили четыре брата, люди добродетельные и боявшиеся Бога, которые всю свою жизнь проводили в посте и иноческих подвигах. Имена их были следующие: Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий, а прозывались они Долгими, так как все они отличались большим ростом. Эти братья за свою добродетельную жизнь были почитаемы не только жителями Александрии, но и самим Феофилом. Одного из них, именно Диоскора, он против его желания назначил епископом Гермопольским[7371], а двух братьев его, Аммония и Евфимия, упросил поселиться с ним в патриархии и принудил их принять священнический сан. Пребывая в патриархии при Феофиле, они увидели, что последний живет не по заповедям Божиим, более любит золото, чем Бога, и творит большие несправедливости. Поэтому они не пожелали оставаться с патриархом, но, покинув его, снова возвратились к отшельнической жизни. Уразумев причину их

удаления, Феофил весьма на них обиделся, переменил любовь, которую питал к ним, на злобу, и стал помышлять о том, как бы отомстить им. Сначала он распустил слух, будто Долгие вместе с низверженным Исидором придерживаются Оригеновой ереси и соблазнили сею ересью многих черноризцев[7372]. Затем он послал к ближайшим епископам повеление немедленно удалить старейших черноризцев из Нитрийской пустыни, не указывая оснований для такого распоряжения. Когда епископы поступили согласно с приказанием патриарха, изгнав с гор и из пустынь[7373] всех благочестивых и богоугодных подвижников, то изгнанные, собравшись вместе и придя в Александрию к патриарху, умоляли его сообщить им, за что они осуждены и изгнаны из мест своего жительства. Патриарх в безумном гневе бросился на них, как бы бесноватый, и, закинув омофор[7374] на шею Аммония, стал бить его, восклицая:

– Еретик, прокляни Оригена!

Причинив побои Аммонию, а также и другим, Феофил не только не позволил им в своем присутствии что-либо говорить, но всех с бесчестием прогнал от себя. Они же, так и не дождавшись ответа на свой вопрос Феофилу, возвратились в свои хижины, мало обращая внимания на ярость и беснование своего патриарха.

Созвав ближайших епископов, Феофил предал анафеме четырех невинных иноков: Аммония, Евсевия и Евфимия, братьев Диоскора, а также вышеупомянутого блаженного Исидора, не расследовав исповедания их веры. Но злоба его сим не укротилась. Он сам написал против них много ложных обвинений: в ереси, волхвованиях и многих иных тяжких грехах. Затем, подкупив клеветников и лжесвидетелей, передал им сии ложные обвинения, приказывая, чтобы клеветники подошли к нему, когда он в праздник будет поучать народ в церкви, подали ему написанные против вышеупомянутых черноризцев обвинения и выставили лжесвидетелей. Когда всё произошло таким образом, патриарх повелел ложные обвинения прочесть в соборе. Потом, он показал эти обвинения градоначальнику, взял у него около пятисот воинов и отправился с ними на Нитрийскую гору с намерением изгнать из Египетской области

Исидора, братьев Диоскора и всех их учеников как еретиков и волхвов. При помощи войска Феофил сначала сверг с епископского престола Диоскора, а затем, напоив солдат вином, напал ночью на Нитрийскую гору и прежде всех искал Исидора и братьев Диоскора: Аммония, Евсевия и Евфимия. Не найдя их (ибо они укрылись в одном глубоком рве), он приказал воинам напасть на всех черноризцев, сжечь их жилища и разграбить всё их скудное имущество, одежду и пищу. Пьяные солдаты, устремившись по всем местам и пещерам, умертвили, задушив в дыме и огне, до десяти тысяч святых постников (в десятый день июля месяца, когда в святой Церкви и совершается память их). Остальные иноки разбежались, скрываясь где кто мог. После этого Феофил удалился в Александрию.

Оставшиеся после этого погрома иноки собрались вместе и, после долгого плача о своих убитых отцах и братьях, разошлись, кто куда хотел. Диоскор же со своими братьями, блаженный Исидор и многие другие черноризцы, просиявшие в посте и добродетелях и почтенные от Бога даром чудотворения, в глубокой печали удалились в Палестину. При этом для них не то было горько, что они обижены и изгнаны, но то, что они без вины отлучены Феофилом от Церкви и причислены к еретикам. Но и в Палестине Феофил не оставил их в покое. Он немедленно послал к палестинским епископам со словами:

– Не следует вам без моего согласия принимать отлученных и убежавших от меня.

Тогда изгнанные, не зная куда обратиться, отправились в Константинополь к святому Иоанну Златоустому, как к надежному пристанищу, и, припав к ногам его, со слезами умоляли оказать им милость и помощь. Видя пятьдесят уважаемых мужей в таком несчастии, Иоанн пожалел о них и прослезился. Затем, узнав, почему они претерпели такую напасть от Феофила, утешил их ласковыми словами и успокоил, предоставив им помещение при церкви святой Анастасии. Содержание им давал не только святой Иоанн, но и святая Олимпиада, диаконисса, которая доставляла им всё необходимое из своих средств. Сия диаконисса всё свое богатство обратила на то, чтобы нищие и странники имели покой

и всё потребное для жизни. Она поистине была святая; святы были и те черноризцы; память некоторых из них Церковь почтила впоследствии празднованием. Среди них особенно выдавался некто, именем Иеракс, в течение многих лет одиноко проживший в пустыне, которого бесы так искушали:

– Старец! Ты проживешь еще пятьдесят лет! Как ты столь долгое время будешь жить в пустыне?

Он же, уразумев их обольщение, сказал:

– Вы мне печаль причиняете, предсказывая мне столь кратковременную жизнь; а я ведь приготовился претерпевать лишения в сей пустыне в течение двухсот лет.

Услышав сие, бесы убежали посрамленными. Вот такого-то отца, которого не могли поколебать бесы, изгнал Феофил Александрийский! Еще в числе святых черноризцев был Исаак пресвитер, сведущий в Божественном Писании, ученик святого Макария, непорочный от материнской утробы, ибо он был принесен в пустыню пятилетним и там вырос. Да и все те изгнанные Феофилом черноризцы были святы и преподобны. Блаженный Иоанн высоко почитал их и не возбранял им посещать церковь, хотя не допускал до святого причастия, пока сам он подробно не уяснит причины их отлучения от Церкви и не примирит их с Феофилом. Он удерживал их, чтобы они ничего не говорили о своей обиде царю и не жаловались на Феофила, обещая примирить его с ними. Иоанн действительно писал Феофилу о том, чтобы он дозволил тем черноризцам мирно проживать в своих келлиях в Египте и снова принял их в лоно Христовой Церкви.

Между тем слухи о том, что Иоанн принял изгнанных иноков в общение с собою, дошли до Феофила. Вместе с тем, некоторые клеветники говорили ему, будто бы Константинопольский епископ допустил их до причастия (что было неверно). За это Феофил сильно прогневался на Иоанна и послал к нему дерзкое послание, обвиняя в нарушении церковных постановлений[7375]. Однако Иоанн после этого вторично послал Феофилу миролюбивое писание, упрашивая его прекратить гнев и не запрещать инокам пребывания там, откуда они изгнаны. Но Феофил грубее прежнего ответил

Иоанну и стал гневаться на него больше, чем на этих черноризцев. Только тогда черноризцы написали царю жалобу, где описали все свои бедствия, которые невинно претерпели от Феофила. Свою жалобу они подали царю в то время, когда тот находился в церкви.

Сожалея о несчастии столь честных и добродетельных иноков, царь тотчас же послал к Александрийскому областеначальнику предписание отправить Феофила, хотя бы и насильно, на суд в Константинополь, чтобы он пред патриархом Иоанном и собором епископов дал ответ о причинах своей злобы и понес осуждение за дела свои. Царь писал также к папе Римскому Иннокентию[7376], прося его отправить от себя епископов в Константинополь на собор для суда над Феофилом. Папа немедленно повелел своим епископам быть готовыми в дорогу и стал ожидать от императора Аркадия уведомления о том, собрались ли Восточные епископы. Но царь вторично не писал, и потому Западные епископы не явились в Константинополь. Между тем Феофил подкупил Александрийского областеначальника, и последний позволил ему пробыть в Александрии до тех пор, пока он не соберет из Индии всякие благовонные ароматы и сладкие яства, которые он мог бы отправить на корабле в Константинополь. В то же время Феофил склонил на свою сторону святого Епифания, епископа Кипрского,[7377] и оклеветал пред ним святого Иоанна, утверждая, будто он еретик, так как принял к себе последователей Оригена и с ними причащается. Будучи человеком незлобивым, Епифаний не распознал Феофилова коварства, поверил лжи и, ревнуя о благочестии, проклял Оригеновы книги на Поместном соборе в Кипре, а затем написал Иоанну послание, в котором увещевал его поступить также. Но Иоанн, не спеша с сим делом, продолжал изучать Божественное Писание и все свои заботы направлял к тому, чтобы поучать народ в церкви и приводить к покаянию грешников.

Между тем Феофил, готовясь к путешествию в Константинополь, упросил святого Епифания отправиться туда же:

– Мы устроим, – говорил он, – собор против оригенитов.

Убежденный им, Епифаний поспешно отправился в Константинополь, куда прибыл ранее Феофила. Но прежде его прибытия в Константинополе произошло следующее событие.

Жил там один вельможа, по имени Феогност, человек добрый и богобоязненный. Он был оклеветан пред царем в том, будто бы он хулил и злословил царя, а царицу называл «златоненасытною» и говорил, что она несправедливо захватывает чужие имения. Царь разгневался на Феогноста и повелел отправить его в Солунь в заточение, а всё его богатство и имение отнять, кроме одного виноградника, находившегося за городом, который царь позволил оставить жене и детям Феогноста на пропитание. На пути в Солунь Феогност впал в недуг и от печали умер. Жена его в глубокой скорби о своем муже пришла к святому Иоанну и со слезами рассказала ему свое горе. Святой стал утешать ее мудрыми речами и советовал возложить печаль на Бога. При этом он позволил ей ежедневно брать для себя и для своих детей пищу из церковной странноприимницы, а сам выбирал между тем удобный случай, когда бы мог попросить царя, чтобы он возвратил вдове и детям ее отнятое у них без причины имущество. Но царица по злобе не только воспрепятствовала этому, но и причинила величайшие бедствия блаженному Иоанну.

Однажды, во время собирания винограда, Евдоксия проходила мимо виноградника Феогностова, который был не в дальнем расстоянии от царских виноградников. Привлеченная его прекрасным видом, она вошла в него, срезала гроздь своими руками и съела. Между тем было такое царское постановление: если царь или царица войдут в чужой виноградник и съедят гроздь, то после этого хозяин того виноградника более не имеет на него права и виноградник этот причисляется к царским, а владелец его или вознаграждается деньгами, или получает от царя иной виноградник. Согласно этому постановлению, Евдоксия приказала Феогностов виноградник приписать к виноградникам царским. Так она поступила, руководясь следующими соображениями: с одной

стороны, она желала причинить бесчестие вдове и детям ее, так как негодовала на нее за то, что она приходила к Иоанну и рассказала ему о своем горе, а с другой стороны, царица изыскивала обвинение против Иоанна, чтобы изгнать его из церкви. Она, конечно, знала, что если Иоанн услышит о сем, то не будет молчать, но станет на защиту обиженной вдовы, а из этого возникнет раздор и исполнится ее замысел. Это и сбылось.

Действительно, обиженная вдова прибегла к блаженному Иоанну и с рыданием сообщила ему, что царица отняла у нее виноградник – последнюю надежду на пропитание детей. Иоанн немедленно отправил с архидиаконом Евтихием письмо к царице, склоняя ее к милосердию, напоминая о добродетельной жизни ее родителей, о добродетелях прежних царей, приводя ей на мысль страх Божий, устрашая ее душу напоминанием о Страшном Суде Божием и умоляя ее возвратить виноградник бедной вдове. Царица, не повинуясь наставлению Иоанна и не слушая его молений, написала ему суровый ответ, в котором она ссылалась на древние царские законы, и, как будто обиженная им, гордо заявляла, что более не будет сносить такой обиды.

– Ты, – писала Иоанну царица, – не ведая царских постановлений, осудил меня в своих речах, как совершающую беззаконие, и обидел меня, но я не потерплю более твоих оскорбительных речей, не потерплю и тебя, не перестающего наносить мне оскорбления.

Прочитав сие письмо, святой Иоанн сам отправился во дворец к царице, где снова кроткими словами стал увещевать ее, сильнее прежнего умоляя и настаивая, чтобы она отдала виноградник вдовице.

Царица отвечала:

– Я уже писала тебе о том, что установлено прежними царями относительно виноградников. Пусть вдова выберет вместо своего другой виноградник или получит за свой деньги.

На это святой сказал:

– Она не требует иного виноградника и не ищет вознаграждения за отнятый у нее, но просит возвращения

отнятого. Итак, отдай ей ее виноградник!

Царица отвечала:

– Не сопротивляйся древним царским законам, ибо не к добру послужит тебе такое сопротивление.

– Не оправдывай свои действия древними уставами и законами, которые постановили цари языческие! – сказал на это святой угодник Божий. – Тебе, благочестивой царице, ничто не препятствует уничтожить закон несправедливый и установить справедливый. Отдай же виноградник обиженной, дабы я не назвал тебя второй Иезавелью[7378] и ты не подверглась бы проклятию подобно этой нечестивой царице Израильской.

Когда он произнес сие, царица воспылала сильным гневом и огласила воплем царские палаты, обнаруживая сокровенный яд своего сердца:

– Я сама отомщу тебе за себя и поэтому не только не возвращу женщине ее виноградника, но и другого не дам, не дам и денег за присвоенный мною, а тебя за обиду накажу достойным образом.

И она приказала силою удалить святого Иоанна из царской палаты. Изгнанный царицею с таким бесчестием, святой Иоанн повелел своему архидиакону Евтихию, под угрозою наказания, исполнить следующее:

– Скажи церковным привратникам, чтобы они, когда царица подойдет к церкви, затворили пред нею двери и не позволяли ей и всем, кто придет с нею, войти в церковь; пусть привратники скажут ей, что так повелел сделать Иоанн.

Когда наступил праздник Воздвижения Честного Креста и весь народ собрался в церковь, пришел туда и царь со своими вельможами, пришла и царица со всею своею свитою. Когда привратники увидели царицу, то затворили пред нею церковные двери, не позволяя ей, согласно повелению патриарха, войти внутрь. Тогда царские слуги закричали:

– Отворите госпоже царице!

Но привратники отвечали:

– Патриарх приказал не пускать ее!

Исполнившись стыда и злобы, царица сказала:

– Смотрите все, какой позор причиняет мне этот строптивый человек! Все невозбранно входят в церковь, и только мне одной он воспрещает это! Разве я не могу отомстить ему и низложить его с престола?

Когда она так взывала, один из пришедших вместе с нею обнажил меч и замахнулся им, желая ударить в дверь; и вот внезапно рука его отсохла и стала недвижимой, как омертвелая. Увидев сие, царица и вся ее свита пришли в ужас и возвратились обратно; а тот, у которого отсохла рука, вошел в церковь и стал посреди толпы, вопия громким голосом:

– Владыка святой! Помилуй меня и исцели иссохшую мою руку, поднявшуюся на святой храм; я согрешил – прости меня!

Уразумев причину иссушения его руки, святой приказал ему омыть ее в алтарной умывальнице, и рука тотчас исцелела. Видя такое чудо, весь народ воздал хвалу Богу. Все сие не сокрылось и от царя, но, зная злой нрав царицы, он не придавал происшедшему никакого значения и, уважая святого Иоанна, с любовью слушал его поучения. Но царица всеми силами добивалась изгнания Иоанна, чего она вскоре и достигла.

В это время в Константинополь прибыл святой Епифаний, епископ Кипрский, имея при себе сочинения, написанные против Оригена. Сошедши с корабля, он вошел в церковь святого Иоанна Предтечи, отстоящую от города на расстоянии семи стадий[7379], отслужил здесь литургию и совершил посвящение во диакона, вопреки канонам[7380], запрещающим епископу без разрешения епархиального архиерея посвящать кого бы то ни было в чужой пастве[7381]. После этого он прибыл в город и поселился в одном частном доме. Всё это стало известно святому Иоанну, однако он не разгневался на Епифания за то, что тот посвятил в его епархии диакона, ибо считал его за святого и незлобивого мужа. Мало того, он отправил к Епифанию послов с просьбою прийти к нему и поселиться вместе с ним в патриаршем доме, как поступали все епископы. Но Епифаний не соглашался на это и даже не желал видеться с Иоанном, а его посланным отвечал:

– Если Иоанн не изгонит из города Диоскора и его черноризцев и если не подпишется под отвержением Оригеновых сочинений, то я не буду иметь с ним общения.

Иоанн через послов отвечал Епифанию:

– Прежде соборного рассуждения не следует делать ничего произвольно.

Враги же Иоанна, придя к Епифанию, упросили его, чтобы он в церкви Святых Апостолов, в присутствии всего народа, проклял сочинения Оригена, отлучил от церковного общения всех иноков, изгнанных из Египта вместе с Диоскором, как последователей Оригена, и изобличил Иоанна в том, что он принимает оригенитов и разделяет их мнения. Ревнуя о благочестии, Епифаний на другой день утром отправился в церковь Святых Апостолов, чтобы проклясть сочинения Оригена. Узнав об этом намерении Епифания, святой Иоанн отправил к нему послов со словами:

– Епифаний! Ты многое творишь вопреки канонам. Прежде всего, ты совершил литургию и хиротонию в моей пастве без моего согласия; затем отказался с нами поселиться, а теперь ты хочешь войти в церковь моей епархии и без соборного суда произнести отлучение. Остерегайся, как бы тебе не возбудить смуту в народе и самому не впасть в беду.

Выслушав сие, Епифаний стал колебаться и, удалившись из церкви, решил ожидать прибытия Феофила. Господь же, не попуская, чтобы между Его угодниками была какая бы то ни было вражда, открыл Епифанию, что Иоанн чист, как солнце, и подвергается обвинениям по человеческой зависти. Епифаний действительно от многих людей слышал о великих добродетелях Иоанна, о непорочной его вере, о совершеннейшей жизни и изумлялся тому, что многие восстают против Иоанна и сплетают против него различные обвинения. Поэтому Кипрский святитель стал терпеливо ждать, чем кончится начавшееся дело.

Услыхав, что Епифаний сторонится Иоанна и не имеет с ним общения, царица Евдоксия предположила, что между ними существует вражда. Пригласив к себе Епифания, она сказала ему:

– Отче Епифаний! Ты знаешь, что все греко-римское царство находится в наших державных руках. Вот, я передам тебе всю власть церковную, если ты меня послушаешь, исцелишь мою скорбь и устроишь то, что я замыслила.

Епифаний ответил:

– Говори, чадо, и мы по силе нашей постараемся устроить то, что послужит ко спасению души твоей.

Тогда царица, предполагая, что ей удастся обольщением склонить Епифания к своему замыслу, начала говорить ему об Иоанне следующее:

– Сей Иоанн сделался недостойным стоять во главе церковного управления, так как он восстает против меня и царя и не воздает подобающего нам почёта. Притом многие утверждают, что он еретик. По сей причине было бы желательно созвать собор и лишить Иоанна сана, а вместо него поставить другого, который мог бы хорошо управлять Церковью.

Говоря так, царица от сильного гнева на угодника Божия вся трепетала. Потом она начала говорить снова:

– Впрочем, нет нужды утруждать многих отцов, созывая их сюда на собор. Лучше, святой отче, ты сам удали его из Церкви и поставь вместо него другого, которого Бог тебе укажет, а я устрою со своей стороны так, чтобы все послушали тебя.

– Чадо, – отвечал Епифаний, – выслушай без гнева отца твоего. Если Иоанн – еретик, как вы утверждаете, и если не раскается в своей ереси, то он недостоин патриаршего сана и мы поступим с ним так, как ты приказываешь. Если же ты желаешь его изгнать за то, что он будто бы похулил тебя, то на сие Епифаний не даст своего соизволения, потому что царям следует быть не злопамятными, но добрыми, кроткими и прощающими хулы против них. Ведь и вы имеете над собою Царя на небесах и ищете от Него прощения ваших согрешений. Так же поступайте и с другими: «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лук. 6:36), – сказал Спаситель.

– Отче, – отвечала царица Епифанию, – если ты не изгонишь Иоанна, то я открою идольские храмы и устрою то, что многие, отступив от Бога, станут поклоняться идолам, и будет последнее горше первого.

Сие она говорила с озлоблением и проливала слёзы. Удивившись безумному гневу царицы, Епифаний сказал:

– Я чист от такого осуждения праведника.

Сказав сие, он удалился из дворца.

По всему городу пронесся слух о том, что царица возбудила великого Епифания против Иоанна и что Епифаний, посещая царские палаты, совещается с царицей относительно низвержения патриарха. Слух сей дошел и до Иоанна, и он, будучи человеком пылким, произнес в церкви пред всем народом поучение, в котором припомнил из Священного Писания примеры жестокости различных женщин. Многие из народа, выслушав слова Иоанна о женах, подумали, что он приточно говорит о царице. Враги Иоанна записали сии слова его на хартии и передали их царице. Последняя, прочитав, решила, что сие он говорил о ней одной, и со слезами жаловалась царю на то, что Иоанн хулит ее в церкви. С рыданием она говорила царю:

– Знай, что моя обида есть в то же время и твоя, и когда Иоанн меня хулит, то он вместе с тем бесчестит и тебя.

И, говоря так, царица умоляла царя, чтобы он повелел созвать собор и осудить Иоанна на изгнание. Вместе с сим она написала к Феофилу Александрийскому, чтобы он прибыл в Константинополь.

– Я, – писала она, – умолю за тебя царя и загражу уста всем противникам твоим; только немедленно прибудь к нам и собери многих епископов, чтобы изгнать врага моего Иоанна.

Обнадеженный письмом царицы, Феофил тотчас же по получении его отправился в Константинополь с кораблями, нагруженными индийскими ароматами, овощами, многоценными египетскими шелковыми и златотканными тканями. Он надеялся посредством таких сокровищ склонить многих к содействию ему в злом умысле против Иоанна.

В то время блаженный Иоанн написал к святому Епифанию так:

– Брат Епифаний! Я слышал, что ты советовал изгнать меня; так знай же, что ты не увидишь более своего престола.

Епифаний письменно отвечал ему:

– Страстотерпец Иоанн! Мужайся в своих страданиях и знай, что ты не достигнешь того места, куда тебя изгонят.

Пророчество обоих исполнилось. Епифаний, пробыв еще немного в Константинополе, увидел, что на святого Иоанна восстают несправедливо. Не желая быть сообщником разбойнического суда над праведником, он тайно сел вместе со своею свитою на корабль и отправился домой. Дорогою Епифаний, по пророчеству Иоанна, преставился ко Господу, не достигнув своего города. Точно так же и Иоанн во время своего вторичного изгнания, не дойдя до места, в которое он был сослан, согласно пророчеству Епифания, почил о Господе. Но об этом скажем впоследствии; теперь же мы возвратимся к прерванному изложению событий.

Надеясь на помощь царицы и не боясь ничего, Александрийский патриарх Феофил немедленно прибыл в Константинополь, имея в своей свите многих епископов, которых он искусно склонил к единомыслию с собою. Царь не желал принимать Феофила до тех пор, пока от папы Иннокентия не прибудут римские епископы. Он не знал, что римляне ждали от него второго письма с приглашением приехать на собор. Между тем царица, призвав к себе тайно от царя Феофила и всех приехавших с ним епископов, сообщила им свое намерение относительно Иоанна и просила их, чтобы они постарались низложить святого с престола. Те обещали свое содействие, за что царица одарила их подарками. После этого она призвала к себе всех иноков, пресвитеров и епископов, пришедших из Египта, которые жаловались на Феофила. Их было шесть епископов и двадцать пресвитеров и диаконов, отступивших от Феофила и искавших суда на него. Собрав их всех, царица стала просить их не представлять на суд обвинений против Феофила и простить ему свою обиду. Одни послушали царицу и, возложивши на Господа печаль свою, умолкли, другие, среди которых были Исидор и Иракс (Диоскор незадолго до сего преставился), удалились в свои пустыни, а некоторые совершенно отказались принять сделанное им царицею предложение. Согласившихся молчать царица обогатила подарками, а тех, которые сопротивлялись,

отправила в Солунь в заточение. Таким образом Феофил, освободившись от всех своих противников, мог с успехом начать дело против Иоанна.

В то время святой Иоанн, проповедуя по своему обычаю в церкви слово Божие, некую часть Священного Писания из третьей книги Царств излагал так:

«Соберите ко мне… пророков Вааловых, и четыреста пророков постыдных, питающихся от стола Иезавели, дабы я сказал им, как сказал Илия: «долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте»[7382].

Выслушав сие, враги Иоанна сообщили об этом Феофилу и находившимся с ним епископам. Последние, записав те речи, перетолковывая их в дурную сторону и прибавляя свои, говорили, что Иоанн явно пред всеми называет царицу Иезавелью, а их – лживыми пророками. Записанное передали они царю и царице. Тогда царица, рыдая, снова стала просить у царя суда над Иоанном. Жалея царицу, царь весь свой гнев, который имел на Феофила, обратил на Иоанна и приказал Феофилу созвать против него собор. Феофил со всеми своими единомышленниками был рад гневу царя на Иоанна. Найдя двух диаконов, которых Иоанн отлучил от Церкви, – ибо один из них совершил убийство, а другой прелюбодеяние, – Феофил обещал посвятить их в епископы с тем условием, чтобы они лжесвидетельствовали на Иоанна. Они же, враждуя на святого и желая епископства, немедленно обещали исполнить Феофилову волю. Феофил написал много ложных обвинений на Иоанна и передал тем диаконам, чтобы они подали их от себя собору.

Место для собора назначено было в Халкидонском пригороде, где находился царский дворец и большая церковь святых Апостолов Петра и Павла[7383]. Епископы, собравшись там, заседали вместе с Феофилом. Блаженный же Иоанн с находившимися при нем епископами, которых было числом сорок человек, заседал в своем патриаршем доме. С горестью увидел святой, что злоба его врагов увенчалась успехом, и простодушно удивлялся, как это случилось и как Феофил, сам

вызванный для суда над ним, так быстро склонил на свою сторону царя и всех сановников и из подсудимого обратился в судию. И сказал святой Иоанн епископам:

– Братия! Молите Бога о мне и, если любите Христа, то не оставляйте церквей ваших. Для меня уже приблизилось время бедствий, и, после многих скорбей, я скоро отойду ко Господу. Вижу, что сатана, не вынося моего учения, созвал против меня нечестивый собор. Но вы не скорбите о мне и поминайте меня в своих молитвах.

Выслушав сие, все ужаснулись и зарыдали. Святой повелел им умолкнуть и утешал их. В то время как он беседовал со своим собором, пришли посланные от Феофилова собора, призывая Иоанна на суд, чтобы он дал ответ против возводимых на него обвинений. Находившиеся с Иоанном епископы через тех послов сказали Феофилу:

– Не вызывай святителя, как Каин Авеля на поле, но явись к нам, чтобы оправдаться пред нами. Мы имеем письменные свидетельства о беззакониях, которые ты сделал. Итак, приди сюда, так как нас, собранных благодатью Божиею не для разорения Церкви, но для мира, гораздо больше, чем на вашем соборе.

Святой Иоанн со своей стороны сказал послам:

– Не могу идти к явным врагам моим.

И не пошел.

Призываемый на беззаконный суд во второй и в третий раз, святой угодник сказал посланным:

– К кому я пойду? К врагам моим или к судьям? Я готов стать пред судом всего мира, но при условии, чтобы вместе со мною судились и соперники мои, судьями же были иные. А теперь судьями моими являются мои враги, которые хотят не судиться со мною, но судить меня. На такой суд я не пойду. Но пусть соберутся из всех церквей епископы, тогда и я предстану пред судом.

Сказав это, он послал вместо себя трех епископов с двумя пресвитерами, чтобы они говорили за него. Собор Феофила, увидав Иоанновых послов и не давая сказать им ни одного слова, подверг их поруганиям, а на одного из них возложил те

железные вериги, которые были приготовлены для Иоанна. Затем участники этого собора стали читать ложные обвинения, составленные в обличение невинного и чистого сердцем Иоанна, и, выставив лжесвидетелей, совершили над ним суд.

Святой Иоанн в то время находился в патриаршей церкви со своими епископами и обратился к ним с такими словами:

– Велики волны, свирепо волнение, но мы не боимся потопления, ибо стоим на скале. Пусть пенится и ярится море, но оно не может сокрушить скалы. Пусть вздымаются волны, но Иисусова корабля они не смогут потопить. Скажите мне: чего нам бояться? Смерти ли? Но «для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Фил.1:21).

Изгнания ли бояться, скажите мне? Но «Господня – земля и что наполняет ее» (Пс.23:1). Лишения ли имений трепетать? Но мы ничего не принесли в сей мир; очевидно, что ничего не можем и вынести. Словом, что есть в сем мире страшного, сего я не страшусь и всем, что имею, пренебрегаю. Я не боюсь бедности, не желаю богатства, не трепещу смерти, но молю, чтобы вы преуспевали в добре.

Между тем Феофил с собором своих епископов осудил святого Иоанна как достойного низвержения из сана и лишил его кафедры, не видя лица его, не слыша его голоса. Таким образом, в течение одного дня они довели до конца злое дело, которое издавна подготовляли, после чего отправили царю следующее письмо:

– Так как Иоанн обвинен во многих преступлениях, в которых он и сам признал себя виновным, потому что не пожелал явиться на суд, то по сей причине он низвержен; и более ничего не требуется, кроме того только, чтобы ты приказал изгнать его с престола.

Царь Аркадий не стал читать написанных против Иоанна обвинений и не пожелал выслушать ответа святого угодника. Он без колебания поверил речам неправедного собора и велел немедленно изгнать Иоанна из церкви; для этого, как на войну, он отправил к нему одного вельможу с войском.

Услышав о сем, народ воспламенился гневом, и бесчисленное множество людей, собравшись, не отступало от

церкви в течение трех дней, не позволяя изгнать Иоанна. При этом все громко роптали на царя с царицею и на Феофила за то, что они несправедливо осудили угодника Божия. Тогда Иоанн, боясь, как бы против него не было измышлено другое обвинение, будто он не повинуется царю, скрылся от народа, а при наступлении вечера, оставив церковь, тайно вышел и отдался в руки воинов, посланных схватить его. Воины повели его к морскому заливу и отплыли с ним в Пренет, находившийся против Никомидии.

Народ, узнав об этом, поднял большое волнение, во время которого много жителей было убито и еще более ранено. Среди недовольных были и такие, которые намеревались побить Феофила камнями. Узнав о сем, Феофил тайно бежал из города и тотчас отплыл в Александрию. Также разбежались и прочие его единомышленники. Повсюду слышны были крики народа, который и в церквах, и на площадях громко роптал на несправедливый суд, низвергнувший столь великого светильника мира. Обступив дворец, народ с ужасным воплем и рыданием умолял возвратить Иоанна на патриарший престол. В это время, в одну ночь, случилось сильное землетрясение, и все находились в большом страхе; в особенности ужас охватил царицу, потому что ее дворец сотрясался сильнее других зданий и часть его даже распалась. Видя это, весь народ стал вопить громким голосом:

– Если не будет возвращен Иоанн, то распадется весь город!

Царь убоялся Божиего наказания и народного мятежа и поспешно отправил евнуха царицы Вриссона за Иоанном. Теперь уже и царица упрашивала царя, чтобы он повелел возвратить Иоанна, потому что сильно испугалась землетрясения и народного мятежа. И вот, потянулись один за другим посланные упросить святого, чтобы он вернулся в город, так что Фракийское море[7384] было переполнено лодками с послами. Уступая настоятельным просьбам, святой Иоанн согласился возвратиться в Константинополь. Узнав о сем, все граждане с зажженными свечами выехали навстречу ему, и море покрылось кораблями, встречающими святого. Иоанн,

пришедши к городу, не хотел входить в него, пока на большом соборе не будет произведено расследование, почему он изгнан. Но народ настоятельно требовал, чтобы пастырь его не оставался вне своего престола, и с раздражением роптал на царя. Уступая настояниям народа, Иоанн принужден был войти в город; с почетом, при пении псалмов и священных песнопений, введен был он в церковь. После молитвы к Богу святой угодник Божий воссел на своем престоле и, преподав людям мир, сказал поучение. Слушая его красноречивое и поучительное слово, все радовались его возвращению, и полчище врагов Иоанна рассыпалось, и все противники его разбежались и умолкли.

Возвращенный на свой престол, святой Иоанн управлял Христовою Церковью в глубокой тишине, питая словесных овец своих сладким учением; имея такого пастыря и учителя, вся церковь некоторое время красовалась и утешалась. Но не прошло и двух месяцев, как снова поднялась утихшая было буря против блаженного. Это произошло таким образом.

Недалеко от церкви святой Софии[7385], по повелению Евдоксии, была поставлена высокая колонна, увенчанная изображением царицы. По поводу торжества открытия колонны происходили вокруг нее всевозможные игры и ликования, которые продолжались несколько дней. Клики и возгласы ликующих доносились в храм святой Софии и перемешивались с пением Божественных песней. Святой Иоанн увидел в этом явное кощунство и оскорбление святыни и потому старался через начальника города прекратить бесчинные ликования, происходившие вокруг колонны. Но градоначальник не оказал ему никакого содействия. Тогда, ревнуя об оскорблении святыни, Иоанн произнес в церкви резкое обличительное слово, которое начиналось словами:

– Опять Иродиада[7386] беснуется, опять мятется, опять скачет и пляшет, опять главы Иоанновой ищет!

Доносчики и враги Иоанна поспешили со злорадством донести об этом царице, истолковав слова его в том смысле, будто в них она сравнивалась с Иродиадой. Евдоксия пришла в сильную ярость: с плачем умоляла она царя, чтобы он снова

повелел созвать собор на Иоанна. И вот, снова ко всем епископам были разосланы царские грамоты с приглашением собраться в Константинополь и произвести суд над Иоанном. Собрались все те, кто и раньше был на беззаконном суде против святого угодника Божия. Не было только Феофила, ибо он, помня, как в прошлый раз едва избежал ярости народа, сам уже боялся ехать в Константинополь, но вместо себя послал туда трех епископов. Вместе с ними он также отправил и те определения, которые ариане составили против Афанасия Великого[7387], дабы на основании этих определений осудить Иоанна за то, что он, будучи низвержен, снова вступил самовольно на престол. На основании тех неправедных еретических канонов блаженный и был осужден[7388], потому что других обвинений против него не находили. Только и указывали на то, что Златоуст, будучи низвержен, дерзнул занять святительский престол до нового собора. Святый Иоанн на это заметил:

– Я не был на суде, не препирался с моими соперниками и даже не видел написанных против меня обвинений, не принимал и определений суда, но меня цари изгнали, и они же опять меня возвратили. Сие же постановление, на основании которого вы производите суд надо мною, составлено не православными, но арианами с тою целью, чтобы низложить Афанасия Великого.

Но на этот ответ святого нечестивое собрание не обратило внимания и низвергло угодника Божия. Низложение святого Иоанна совершилось при следующих обстоятельствах.

Когда наступил великий праздник святой Пасхи, царь по научению епископов послал сказать Иоанну:

– Удались из Церкви, так как ты осужден на двух соборах, и мне нельзя войти в нее, доколе ты в ней находишься.

В ответ на это святой Иоанн через посланных отвечал царю:

– Я получил Церковь от Христа Спасителя моего и не могу оставить ее добровольно, если только не буду изгнан силою. Город – твой, и тебя все послушают. Поэтому, если ты желаешь разлучить меня с Церковью Христовой, то пошли своих слуг,

чтобы они извлекли меня из Церкви. Тогда я не буду иметь ответа пред Богом, так как я не по своей воле отойду от Церкви, но буду изгнан царскою властью.

Выслушав сие, царь сначала колебался, как поступить ему, но потом, по научению противников Иоанна, отправил к нему сановника Марина, который заведовал имениями царицы, чтобы тот силою извлек из храма славного учителя Церкви, святого Иоанна. Впрочем, святителю было разрешено до времени оставаться в патриаршем доме, и он, не выходя из своей кельи, пробыл здесь в течение двух месяцев, пока не состоялось царское определение о ссылке его в заточение.

В это время много скорбей и бедствий суждено было испытать святому угоднику Божию. Злоба врагов его простиралась до того, что они неоднократно покушались даже на жизнь его: они подкупили одного человека убить святого Иоанна. Чтобы скрыть свой злой умысел, подкупленный притворился бесноватым и со спрятанным мечом стал бродить вокруг патриаршего дома, ожидая удобного времени для убийства святого. Но верный Иоанну народ, заподозрив мнимо-бесноватого в злом умысле, схватил его и нашел у него меч. Злоумышленника повели к градоначальнику на допрос, но Иоанн, узнав о случившемся, послал бывших с ним епископов и постарался изъять его из рук властей. В другой раз один раб пресвитера Елпидия был замечен народом, когда он в волнении, торопливой походкой пробирался к патриаршему дому. Кто-то из охранявших Иоанна схватил его и спросил, куда он так торопится, а тот, ничего не отвечая, ударил вопрошавшего мечом. При виде этого, другой вскрикнул. Елпидий и его ударил мечом, а потом и третьего, подвернувшегося под руку. Поднялись крики и вопли, раб же бросился бежать, размахивая окровавленным мечом и отбиваясь от гнавшегося за ним народа. На пути он встретил одного человека, только что вышедшего из общественной бани. Тот хотел схватить его, но не успел сделать этого как упал замертво, пораженный мечом. Когда наконец этот разъяренный разбойник был схвачен, то сознался, что он подкуплен за пятьдесят златниц убить Иоанна. С того времени народ стал

еще тщательнее оберегать дом любимого архипастыря, устроив смену и ни на минуту не оставляя его без охраны, ибо он видел, что враги Иоанна ищут случая убить святого.

С наступлением Пятидесятницы пришло царское повеление, чтобы Иоанн отправился в изгнание. Один сановник подал при этом совет Иоанну удалиться тайно от народа, дабы народ не возмутился и не восстал против воинов, которые должны вести его в изгнание.

– В противном случае, – говорил он, – ты будешь виновник кровопролития, ибо тебя приказано взять насильственно; народ же будет сопротивляться и возбудит смуту.

Выслушав сие, Иоанн призвал некоторых своих любимых епископов и клириков, а также блаженную диакониссу Олимпиаду, и простился с ними. При расставании все горько плакали. Плакал и сам святой Иоанн. Расставшись со своими приближенными, Иоанн незаметно вышел малыми дверями по направлению к морю, так что народ ничего не знал об его уходе. У моря ждали святого воины, которые, взявши его, тотчас же посадили в малую ладью; на ней святой был перевезен в Вифинию и оттуда был увезен в дальнейший путь.

После изгнания святого Иоанна, в соборной церкви Константинополя случился пожар, который был явным выражением гнева Божия. При сильном ветре пламень выбился из церкви и, высоко вздымаясь в воздухе наподобие моста, склонился над палатой, в которой устроялись собрания против Иоанна и совершенно сжег ее. И можно было видеть чудесное явление: огонь, как одушевленный, извиваясь кругом наподобие змия, пожирал отдаленные дома, а те, которые находились подле церкви, остались целы. Из этого все увидели, что не случайно, но по Божественному гневу произошел такой пожар и что причиной этого гнева было изгнание святого Иоанна Златоустого.

В течение трех часов, от шестого часа дня до девятого, было обращено в пепел много прекрасных древних зданий, всевозможные украшения, находившиеся в городе, и неисчислимые богатства. При всем том в народе не погиб от огня ни один человек. Видя сие, все говорили, что Бог

наказывает огнем город за несправедливое изгнание угодника Божия. Враги же Иоанна утверждали противное, говоря:

– Иоанновы единомышленники подожгли церковь.

Вследствие сего многие были схвачены и подвергнуты градоначальником, эллином по вере[7389], всевозможным пыткам и мукам, причем некоторые умерли. Но, несмотря на это, не могли найти виновника пожара и еще больше уверились, что пожар случился вследствие гнева Божия.

Когда святого везли в заточение, по дороге он претерпел от воинов множество мучений. Воинам было приказано царицей всячески оскорблять и притеснять святого во время пути, чтобы скорее изнурить его и довести до смерти. Поэтому они сажали его на неоседланного осла и быстро гнали животное, в один день переходя путь, который следовало бы переходить в два или три дня. Во время пути Иоанну не давали покоя и отдыха, ночевали в простых и грязных гостиницах, иногда в домах жидовских, и совершали в его присутствии многочисленные скверны. Ему нигде не позволяли войти в церковь; и когда святой просил об этом, его подвергали всяким ругательствам и оскорблениям; кроме того, святого томили голодом и отнимали у него положенные ему на дорогу деньги для пропитания.

С таковым озлоблением был веден в заточение святой Иоанн Златоуст! Когда же святому доводилось проходить мимо городов, в которых были епископами его враги и друзья Феофила, то последние причиняли ему всевозможные обиды; при этом некоторые не дозволяли ему войти в город, а иные даже поощряли воинов поступать с ним как можно хуже. Изредка святые отцы-пустынножители, услыхав о том, что св. Иоанн отправляется в заточение, выходили ему на встречу и с плачем провожали его. Об этом сам Иоанн Златоуст в своем послании из Кукуз[7390] к епископу Кириаку вспоминает в таких словах: «Много горя испытали мы в дороге, но не сокрушаемся ни о чем. Когда мы проходили по Каппадокии и Таврокиликии[7391], то целые сонмы отцов, святых мужей, и многочисленные толпы монахов и девственниц выходили нам навстречу и проливали обильные слёзы. Смотря на наше шествие в ссылку, они рыдали и говорили друг другу: лучше

было бы солнцу скрыть лучи свои, чем умолкнуть устам Иоанна. Это привело меня в большое смущение и печаль, так как я видел, что все обо мне плакали. О всем же другом, что случилось со мною, я не заботился».

Так писал о себе сам святой Иоанн.

Когда он был привезен в Малую Армению, в город Кукуз, его любезно принял в свой дом тамошний епископ Аделфий, которому пред прибытием Иоанна было от Бога видение с повелением принять святого. Пребывая в Кукузе, святой Иоанн своим учением обратил ко Христу многих неверующих. Слава о святом Иоанне Златоустом далеко распространилась по окрестностям, и к нему стекалось отовсюду немало людей, желавших видеть его и послушать его учительных словес. Приходили к святому также многие из его антиохийских почитателей и знакомых. Молва обо всем этом дошла до Константинополя, и враги Иоанна взволновались. Он казался им опасным даже и в заточении своем, а потому они решились удалить его еще далее. И вот в Кукуз пришло от царицы повеление отправить Иоанна в пустынное место, называемое Пифиунт[7392], находившееся на берегу Понтийского моря, в соседстве с грубыми варварами. Вследствие нового распоряжения царицы воины повели Иоанна на другое место ссылки и во время пути учиняли над ним такие же издевательства, какие учиняли и раньше, стараясь скорее довести его до смерти: они везли его по дождю и зною без одежды, запрещали входить в города и деревни и по-прежнему быстро гнали осла, на котором везен был святитель. Столь жестокий путь проходил во время своего изгнания святой Иоанн! Во время этого пути он и скончался.

Незадолго до кончины блаженного, когда он по обычаю своему стоял ночью на молитве, к нему пришли святые Апостолы Петр и Иоанн, которые являлись к нему и раньше, когда он подвизался в Антиохийском монастыре. Святые Апостолы сказали ему:

– Радуйся, добрый пастырь словесных овец Христовых, крепкий страстотерпец. Мы посланы к тебе общим Владыкою нашим Иисусом Христом, дабы помочь тебе и утешить тебя в

скорбях и трудах, которые ты понес за чистоту своей души. Ибо ты, подражая Иоанну Крестителю, обличил беззаконнующих царей. Мужайся и крепись; тебе уготовано многое воздаяние в Царствии Небесном. Мы благовествуем тебе великую радость: по прошествии немногих дней ты отойдешь к Господу Богу твоему и будешь вечно блаженствовать с нами в Царствии Небесном. Итак, уповай, ибо ты победил врагов, посрамил ненавидящих тебя и одолел супостата диавола. Евдоксия будет кишеть червями, станет призывать тебя на помощь, но помощи не найдет и умрёт в страшном недуге. Она будет жестоко страдать и ни на минуту не получит облегчения, так как восприимет сию казнь от Бога.

После этого они подали ему нечто съедобное и сказали:

– Возьми и съешь, дабы после этого уже не требовать другой пищи в сей жизни. Сие будет довольно для тебя до того времени, когда предашь свою душу в руки Божии.

Святый Иоанн, взяв поданное ему, съел в их присутствии и возрадовался. После того явившиеся Апостолы удалились от него.

С Иоанном были два пресвитера и один диакон, которые шли с ним в изгнание из Константинополя и не отступали от него, будучи связаны с ним узами любви. Они своими глазами видели, как к Иоанну приходили Апостолы, слышали все речи их и благословляли Бога, сподобившего их спострадать с угодником Божиим.

В несколько дней пути изгнанники достигли Коман[7393]; близ этого города находилась церковь святого великомученика Василиска, епископа Команского, который при нечестивом царе Максимиане[7394] пострадал за Христа в Никомидии вместе с Антиохийским пресвитером Лукианом[7395]. При сей церкви они переночевали. На другой день был праздник Воздвижения Честного Креста, и в ночь пред праздником блаженному Иоанну явился святой мученик Василиск.

– Брат Иоанн, мужайся! Ибо завтра мы будем вместе.

Тот же святой мученик явился и пресвитеру своей церкви, говоря:

– Приготовь место для брата Иоанна, ибо он идет к нам.

С наступлением дня Иоанн упрашивал воинов пробыть в Команах у церкви святого Василиска до пятого часа, но они не послушались его и стали продолжать путь, стараясь ехать как можно скорее. Они держали путь по воде и плыли очень скоро, наподобие пернатой птицы. Так в течение нескольких часов отплыли от города тридцать стадий.

Однако, по Божественному промышлению, они снова пристали к берегу около церкви святого Василиска, чему весьма удивились. Иоанн опять стал умолять их, чтобы они немного обождали на том месте, пока он помолится в церкви. Признавая действие силы Божией в том, что они против желания пристали к тому месту, откуда отплыли, воины решились исполнить желание Иоанна. Тогда святой вошел в церковь, спросил светлые церковные ризы и переодел на себе всю свою одежду, начиная с обуви; затем свои одежды он раздал находившимся с ним на корабле, а в церковных одеждах совершил литургию и причастился Пречистых и Животворящих Таин Тела и Крови Христовой; потом, благословив всех присутствовавших и отдав им последнее целование, возлег со словами:

– Слава Богу за все.

И вслед за тем предал дух свой в руки Божии. Это было в самый день Воздвижения Честного Креста Господня. Таким образом, святой угодник Божий в течение всей своей жизни несший крест свой, распинаясь для мира и сораспинаясь Христу, скончался в день, посвященный памяти Честного Креста[7396]. Он был положен в той же церкви, где и умер, неподалеку от гроба святого мученика Василиска. Так сбылось предсказание святого Епифания Кипрского, который говорил святому Иоанну:

– И ты не дойдешь до того места, на которое тебя изгонят.

Действительно, святой Иоанн был веден в Пифиунт, а преставился в Команах, не дойдя до Пифиунта. Так-то угас церковный светильник, так умолкли златые уста, так совершил подвиг и скончал течение добрый подвижник и страдалец, проживший шесть лет на патриаршем престоле и проведший три года в изгнании, переводимый с места на место[7397].

Когда умер св. Иоанн, следовавшие за ним до самой его смерти два пресвитера и диакон, оплакав смерть отца своего, отправились в Рим к папе Иннокентию и подробно сообщили ему обо всем, что претерпел святой Иоанн по злобе врагов его. Они рассказали и о кончине его, и о том, как раньше его преставления к нему приходили святые Апостолы Петр и Иоанн Богослов, что они говорили ему и как явился ему святой мученик Василиск. Выслушавши все, Иннокентий весьма удивился и стал скорбеть о великом угоднике, пострадавшем за правду. Об обстоятельствах изгнания и смерти святого Златоуста папа сообщил западному императору Гонорию[7398], брату Аркадия, и они оба горько сожалели об этом и немедленно написали послания царю Аркадию. Папа от себя написал:

– Кровь брата моего Иоанна вопиет к Богу против тебя, царь, подобно тому, как древле вопияла кровь Авеля праведного против братоубийцы Каина; и эта кровь будет отомщена, так как ты в мирное время воздвиг гонение на Церковь Божию. Ибо ты прогнал истинного пастыря Христова, а с ним вместе ты изгнал и Христа Бога, а паству Его предал в руки наемников, а не истинных пастырей Христовых.

Сие и многое другое писал Иннокентий к Аркадию, отлучая его и Евдоксию от Божественных Таин, а вместе с ними и всех сообщников их, которые участвовали в низвержении святого Иоанна. Феофила же отлучал не только от сана, но и от Церкви и призывал его на соборный суд, чтобы он получил заслуженное наказание.

Гонорий, со своей стороны, написал брату Аркадию:

– Я не знаю, каким искушением ты прельстился, брат, доверившись жене своей и по ее настояниям устроив то, чего не сделал бы ни один благочестивый царь христианский. Находящиеся здесь епископы и преподобные отцы вопиют против вас с царицей за то, что вы низвергли с престола без суда и вопреки канонам великого Божия архиерея Иоанна и, истомив его жестокими муками, предали насильственной смерти.

В конце этого письма Гонорий призывал Аркадия принести покаяние пред Богом и отмстить тем, которые были виновниками изгнания Иоанна. Получив послание от брата и от папы, император Аркадий впал в сильную скорбь и страшную боязнь. Разыскав в городе тех, кто восставал против Иоанна, он предал их различным казням: одних подверг усечению мечом, иных с бесчестием лишил сана. Некоторых епископов, судивших святого Иоанна и находившихся тогда в Константинополе, царь повелел схватить и с позором заключить в народной темнице. В числе таких находился и Иехирион, сын Феофилова брата. К самому же Феофилу он писал весьма строгое письмо, повелевая ему быть готовым к суду в Солуни, чтобы восприять достойное наказание за свою злобу. Не избежала гнева Аркадия и сама жена его, царица Евдоксия: Аркадий удалил ее от себя, заключил в отдельный дворец и всем, кроме рабыни, запретил к ней приходить. Вместе с этим он отправил в ссылку сродников царицы, которые вместе с нею злоумышляли на святого, и у одних из них отобрал имения, а других заключил в темницы и подверг истязаниям и мукам. Затем он написал к папе Иннокентию обо всем, что он сделал, смиренно и с раскаянием испрашивая у него прощения. Он писал также и к брату Гонорию, прося его умолить папу снять с него отлучение. Вскоре Аркадий получил просимое. Прочитав смиренную его просьбу, папа принял его покаяние и писал к блаженному Проклу, который был тогда епископом Кизическим[7399], дабы он снял с царя отлучение и сподобил его святых таинств, а блаженного Иоанна сопричислил к лику святых.

Когда все сие так происходило, Всевидящий Господь Сам отмстил врагам Своего угодника Иоанна; Он подверг их жестоким наказаниям еще на земле, так что все они умерли лютою смертью. При этом все епископы, клирики, светские сановники и вообще все те люди, которые несправедливо восставали на святого Иоанна, покрылись болезненными нарывами, сгноившими всю плоть их и доведшими их до смерти; у одних иссохли руки и ноги; у иных загнило всё тело и во множестве появились черви, так что в течение долгого времени от них исходил нестерпимый смрад. Один из числа

неправедных судей, осудивших блаженного на изгнание, упал с лошади и внезапно умер, переломив правую руку, которою он подписывал несправедливые обвинения против неповинного Иоанна. Другой сделался немым и сухоруким и так скончался. У третьего увеличился язык, изрыгавший хулы на святого Иоанна, и до того распух, что он не мог говорить; тогда он исповедал грех свой, написав его на хартии. И можно было видеть проявления страшного гнева Божия, обрушившегося различными казнями над виновниками Иоаннова изгнания.

Александрийский патриарх Феофил вследствие кончины римского папы Иннокентия избежал человеческого суда и наказания, но не избежал Суда Божия. Он сошел с ума и от этого недуга умер. У халкидонского епископа Кирина сгнили ноги; их неоднократно пилили врачи, дабы он весь не сгнил, но всё же плоть его не переставала гнить, и он умер после того как ноги его были отпилены до колен. Грозный суд Божий также постиг и злосчастную царицу Евдоксию. Будучи уязвлена печалью и стыдом, она заболела сильным кровотечением, и ее плоть кишела червями, как предрекли Апостолы блаженному Иоанну. От нее неслось такое зловоние, что мимоходящие не могли стерпеть смрада ее плоти. Многие опытнейшие врачи лечили ее и окуривали благовонными ароматами, но безуспешно. Тогда она спросила врачей:

– Почему вы не можете уврачевать меня от моего недуга?

Они же не осмеливались объяснить ей этого.

– Если вы, – говорила им царица, – не знаете причины, почему я не могу выздороветь, то я вам скажу: я получила сей недуг вследствие Божественного гнева, постигшего меня за зло, причиненное патриарху Иоанну.

Феогностовым детям она возвратила виноградник, отнятый у них, и многим другим возвратила всё, что отняла несправедливо. Однако она не получила исцеления, и в том недуге скончалась. После ее смерти, для изобличения ее беззакония, гроб, в котором она была положена, в течение тридцати двух лет постоянно сотрясался, и так продолжалось до времени перенесения честных мощей святого Иоанна Златоустого из Коман в Константинополь.

Так наказал Господь врагов святого Иоанна; самого же праведника Он прославил следующим образом. Епископ Аделфий, любезно приняв Иоанна в свой дом в Кукузе, услышав о преставлении святого, впал в великую печаль и стал прилежно со слезами умолять Бога, дабы Он показал ему, в каком ликостоянии святых обретается Иоанн. Однажды, молясь о сем, он пришел в исступление и увидел светлого и радостного юношу. Взяв Аделфия за руку, юноша отвел его на светлое место и показал ему лик святых церковных учителей. Оглянувшись туда и сюда, Аделфий хотел увидеть Иоанна и нигде не видел его. Показав Аделфию каждого учителя и патриарха Константинопольского, юноша поспешно вывел его оттуда. Идя за ним, Аделфий был опечален, потому что не увидел блаженного Иоанна в сонме святых отцов. Но когда он выходил из того светлого места, некто, стоявший в дверях, удержал его за руку и сказал:

– Зачем ты уходишь отсюда с такою скорбью? Если кто и войдет сюда печальный, то отсюда возвращается веселым, а ты поступаешь наоборот: вошел сюда ты веселым, а выходишь печальным.

Аделфий отвечал:

– Потому я скорблю, что не видел среди церковных учителей возлюбленного для меня Иоанна?

– Ты разумеешь, – спросил тот, – Иоанна, проповедника покаяния?

– Да, – ответил Аделфий.

Тогда стоявший в дверях рая сказал ему:

– Человек, находящийся в теле, не может видеть его, ибо он предстоит престолу Божию, который окружают Херувимы и Серафимы.

Получив такое известие о святом Иоанне, Аделфий возрадовался и прославил Бога, открывшего ему сию тайну. Таким образом святой Иоанн, после многих волнений, бурь, бед и скорбей, которые он претерпел за правду, пристал к тихому небесному пристанищу, где, сорадуясь с Ангелами, славит Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому и от

нас да будет слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Уст твоих, якоже светлость огня, воссиявши благодать, вселенную просвети: не сребролюбия мирови сокровища сниска, высоту нам смиренномудрия показа. Но твоими словесы наказуя, отче Иоанне Златоусте, моли Слова Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 6:

От небес приял еси Божественную благодать, и твоими устнами вся учиши поклонятися в Троице единому Богу, Иоанне Златоусте, всеблаженне преподобне, достойно хвалим тя: еси бо наставник, яко Божественная являя.

Память святых мучеников Антонина, Никифора, Германа и Манефы

Память 13 ноября

Святые Антонин, Никифор и Герман пострадали при императоре Максимиане Галерии[7400]. Антонин был старцем, Никифор юношей, а Герман средних лет. Они были схвачены правителем Палестинской области, Фирмилианом, который принуждал их принести жертву идолам. Святые отказывались исполнить это и исповедовали Христа; за это они были отведены в главный город Палестины – Кесарию и там обезглавлены.

Одна девица, по имени Манефа, из Скифской страны, была также схвачена вместе со святыми мучениками. Ее для поругания нагою водили по городу и затем предали различным мучениям, из которых она с помощью Божиею вышла невредимою. Манефа сотворила бесчисленные чудеса, многих отвратила от идольского нечестия, научила истинной вере и привела ко Христу. За это она была осуждена на сожжение огнем. Когда печь была разожжена, она сама вошла в нее, где и предала душу свою в руки Господа, Ему же да будет честь и слава вовеки. Аминь.

Житие святого Апостола Филиппа

Память 14 ноября

При озере Галилейском, близ Хоразина и Капернаума, находился город, называемый Вифсаида[7401]. В этом городе родились три апостола Христова из лика 12: Петр, Андрей и Филипп. Петр и Андрей были рыбарями и этим промыслом занимались до самого призвания их Христом; Филипп же с юношеских лет отдан был родителями книжному обучению. Усердно читая и изучая Священное Писание и пророчества о вожделенном Мессии, он воспылал горячею любовью к Нему и сильным желанием видеть Господа лицом к лицу, хотя еще и не знал, что уже пришел на землю Тот, видеть Которого столь многие желали, ожидая пришествия Его.

Но вот Христос пришел в пределы Галилейские и нашел там Филиппа, пылавшего такой любовью к Мессии. «Иди за мною», – сказал Иисус Филиппу (Ин. 1:43).

Филипп, услышав призыв Господа, всем сердцем уверовал, что Он есть истинный Мессия, обетованный Богом через пророков, и последовал за Ним. Внимая пресвятой жизни Господа, Филипп старался подражать Ему и поучался от Него Божественной премудрости, силою которой впоследствии победил он безумие языческое. Радуясь обретению такого Сокровища, Которым весь мир имел быть искуплен, Филипп не хотел один только обогащаться от Него, но желал, чтобы и другие были участниками того же дара. Встретив своего друга Нафанаила, он с радостью возвестил ему: «Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки – Иисуса, сына Иосифа, из Назарета».

Нафанаил, услыхав это и не веря, чтобы из небольшого города и из простого рода мог произойти Мессия, Царь Израильский, сказал: «Из Назарета может ли что быть доброе?»

Тогда Филипп, не говоря ничего, посоветовал ему только взглянуть на Него.

«Пойди, – сказал он, – и посмотри».

Он чувствовал, что как только Нафанаил увидит Иисуса и услышит спасительные слова Его, тотчас же поверит, что Он есть Мессия. Так это действительно и произошло. Когда Филипп шел с ним к Иисусу, то Господь, испытующий сердца и утробы и читающий сокровенные мысли и сердца людей, увидев Нафанаила, идущего к Нему, узнал его и сказал о нем: «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства».

Услыхав эти слова, Нафанаил был сильно удивлен и сказал Ему: «Почему Ты знаешь меня?»

Господь ответил ему: «Прежде, нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницей, Я видел тебя».

Нафанаил же, когда был под смоковницей, размышлял о Божественном Мессии, в надежде на которого заключалась вся радость и веселье верных рабов Божиих; и даровал ему Бог в то время сокрушение сердечное и теплые слезы, которые он присоединял к своей усердной молитве, чтобы Господь исполнил обещанное от века отцам и послал на землю Спасителя миру. Всевидящее око Божие видело в то время Нафанаила, который пребывал в духе умиления; потому и сказал ему Господь, что, когда Нафанаил находился под смоковницей, Он видел его.

Нафанаил от этих слов пришел в еще большее изумление. Он вспомнил, о чем размышлял, находясь под смоковницей, и с каким умилением молил Бога о ниспослании Мессии; он знал, что там не было с ним ни одного человека, который бы его видел, и что мыслей его никто не мог прозреть, кроме Бога. Потому Нафанаил тотчас же уверовал, что Иисус есть Мессия, Которого Бог обещал послать для спасения рода человеческого, и признал в Иисусе Христе, провидевшем тайны его сердца, Божеское естество, а потому и воскликнул: «Учитель! Ты – Сын Божий, Ты – Царь Израилев» (Ин. 1:45–49)!

Сколько благодарных чувств питал впоследствии Нафанаил к Филиппу за то, что тот возвестил ему о пришедшем на землю Спасителе и привлек его к обетованному Мессии! И святой Филипп ликовал в сердце своем, что люди обрели Божественное Сокровище, сокрытое в глубине человеческого естества, и еще большею любовью горел он к своему Господу.

Тем не менее, святой Филипп видел в Божественном Учителе своем только высокие совершенства человеческие, но не познавал еще в Нем Божества Его. И вот Христос захотел исправить его. Однажды Господь, идя по другую сторону моря Тивериадского[7402] с пятью тысячами народа и желая напитать чудесным образом такое множество своих слушателей, сказал Филиппу: «Где нам купить хлебов, чтобы их накормить?» (Ин. 6:5–6).

Это сказал Он, испытывая его, ибо знал, что негде достать хлеба; знал Он вперед и то, что ответит ему Филипп. Для того и спросил Он Филиппа об этом, чтобы тот более познал себя самого и, устыдившись своего маловерия, исправился. И действительно, Филипп не вспомнил о всемогуществе Божием и не сказал: «Ты, Господи, все можешь, не подобает Тебе кого-либо о том спрашивать: только пожелай и все тотчас насытятся: «Даешь им – принимают, отверзаешь руку Твою – насыщаются благом» (Пс. 103:28).

Не сказал этого Филипп, но, помышляя о Господе своем, как о человеке, а не как о Боге, сказал: «Им на двести динариев[7403] не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу» (Ин. 6:7).

Потом вместе с другими учениками добавил: «Отпусти народ, чтобы они пошли в окрестные селения и купили себе пищи» (Мк. 6:36).

Когда же Господь преломил пять хлебов и две рыбы для пяти тысяч народа (Лк. 9:16), Филипп увидел, что от руки Господней, как из неистощимой житницы, все получали довольно пищи, пока весь народ не насытился. Тогда апостол сильно устыдился своего маловерия и, утвердившись в вере, прославил вместе с другими в Иисусе Христе силу Божию.

Впоследствии Филипп был причтен Господом к лику двенадцати избранных апостолов, получил благодать от Него и удостоен был близкого с Ним общения. Однажды в праздник собрались в Иерусалим некоторые из эллинов и не могли приблизиться к Иисусу, будучи неверующими язычниками; поэтому, приступив к Филиппу, умоляли его, говоря: «Господин, нам хочется видеть Иисуса!»

Он же, прежде всего, сказал о том Андрею и вместе с ним уже осмелился известить Иисуса о желании эллинов, радуясь тому, что и язычники ищут увидать и услыхать Господа его и Учителя. Тогда услышал он от Иисуса дивное учение и пророчество о язычниках, которые имели уверовать в Него не тогда, но после Его смерти.«Если, – сказал Он, – зерно пшеничное, упав на землю, не умрет, то останется одно; если же умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Этим Христос как бы так говорил: «Пока Я живу на земле, то имею только часть дома Израильского, верующего в Меня; если же умру, то не один только дом Израилев, но и многие язычники уверуют в Меня».

В другой раз, после Тайной Вечери, Филипп дерзнул спросить Господа о великом таинстве Божества, когда молил Его о явлении им Отца, говоря: «Господи, покажи нам Отца, и довольно для нас!» (Ин. 14:8).

Этим вопросом он принес большую пользу Церкви Христовой, так как отсюда научились мы познавать единосущие Сына с Отцом и заграждать уста еретиков, отвергающих эту Божественную истину. Господь на это отвечал с кротким упреком: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп! Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце, и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне» (Ин. 14:9–11).

Этот ответ Господа научил святого Филиппа и с ним всю Соборную Апостольскую Церковь достойно веровать в равенство Божества Сына с Отцом и обличает богохульство Ария, который говорил, что Сын Божий есть творение, а не Творец.

После вольных страданий и воскресения Сына Божиего святой Филипп видел с прочими апостолами Господа своего уже в бессмертном и прославленном теле, принял от Него мир и благословение, видел также и вознесение Его.

После этого он сподобился благодати Святого Духа и стал проповедником Христовым среди язычников, ибо ему выпал

жребий идти на проповедь в Малую Азию и Сирию. Сначала он проповедовал в Галилее. Здесь однажды встретила его некоторая женщина, несшая на руках своего умершего младенца и неутешно рыдавшая. Увидев ее, апостол Христов сжалился над ней и, простерши руку над умершим младенцем, сказал: «Встань! Так повелевает тебе Христос, мной проповедуемый».

И тотчас же младенец ожил. Мать, увидев воскрешенного сына своего живым и здоровым, в радости припала к ногам апостола, воздавая ему благодарение за воскрешение сына своего и прося от него крещения, ибо уверовала в проповедуемого им Христа Господа. Апостол, крестив мать и сына, отправился в языческие страны. Проповедуя Евангелие в Греции, он творил многие чудеса силой Христовою, исцелял болезни, воскресил одного мертвеца. Это чудо привело в изумление живших там иудеев, и они послали в Иерусалим к архиереям и князьям иудейским известие, что пришел к ним какой-то неизвестный человек, именем Филипп, проповедуя имя Иисусово, которым изгоняет бесов и исцеляет всякие болезни и даже воскресил одного умершего тем же именем Иисусовым, и уже многие уверовали во Христа. Вскоре прибыл из Иерусалима в Грецию один архиерей с книжниками, озлобленный и раздраженный на Филиппа. Облекшись в свою архиерейскую одежду, он высокомерно и гордо воссел на судейское место в присутствии множества народа, как иудеев, так и язычников. Приведен был сюда и Апостол Филипп и поставлен среди собрания. Окинув его грозным взглядом, архиерей с гневом начал говорить: «Не довольно ли было с тебя Иудеи, Галилеи и Самарии, чтобы прельщать простых и неученых людей? Но ты и сюда пришел к мудрым еллинам, чтобы распространять соблазн, которому научился от Иисуса, противника закона Моисеева, за что Тот был осужден, распят на кресте и умер позорной смертью, и только ради бывшего в то время праздника Пасхи был погребен, а вы, ученики Его, украли Его тайно и для обольщения многих всюду разглашали, что Он Сам воскрес из мертвых».

Когда архиерей произнес эти слова, толпа закричала на Филиппа: «Что ответишь ты на это, Филипп?»

И произошел большой шум в народе: одни стояли за то, чтобы Филипп был тотчас же убит, а другие, чтобы он был отведен на казнь в Иерусалим. Тогда святой апостол отверз уста свои и сказал архиерею: «Напрасно возлюбил ты суету и говоришь ложь! Зачем сердце твое остается окаменелым, и ты не хочешь исповедать истины? Не вы ли приложили печать ко гробу и приставили стражу, и когда Господь наш воскрес, не разрушив гробовой печати, не вы ли тогда дали золота воинам, чтобы они солгали, будто во время их сна Его мертвого украли ученики Его? Как же ты теперь не стыдишься искажать истину? Самые печати гробовые послужат в день суда ясными обличителями вашей лжи, как свидетели истинного воскресения Христова».

На эти слова апостола архиерей разгневался еще более и в безумной злобе бросился на него, желая сам схватить и убить апостола, но в ту же минуту ослеп и весь почернел. Присутствующие, видя совершившееся, приписали это волхвованию и, бросившись на Филиппа, хотели погубить его, как волхва, но всех желавших схватить его постигло то же наказание, как и архиерея. При этом земля страшно поколебалась, и все затрепетали от страха и познали великую силу Христову. Апостол Филипп, видя их слепоту душевную и телесную, прослезился над ними и обратился с молитвой к Богу, прося просветить их. И вот, по молитве святого, свыше было послано исцеление всем пострадавшим. Это чудо заставило многих обратиться ко Христу и уверовать в Него. Но архиерей, все еще ослепленный злобой, не только не хотел после постигшего его наказания исправиться и познать истину, но вновь стал произносить многие хулы на Господа нашего Иисуса Христа. Тогда его поразила еще большая казнь. Внезапно земля, раскрыв свои недра, поглотила его, как некогда Дафана и Авирона[7404].

После погибели архиерея святой Филипп многих крестил там и поставил им епископом одного почтенного и достойного мужа по имени Наркисса, сам же ушел в Парфию. Дорогой он

просил у Бога помощи в трудах своих. И вот в то время, как он преклонил колена для молитвы, явилось ему с неба изображение орла с золотыми крыльями, распростертыми наподобие распятого Христа. Укрепленный этим явлением, святой Филипп отправился опять на проповедь и, обошедши аравийские и кандакийские города, сел на корабль и поплыл морем к Сирийскому городу Азоту[7405]. Ночью поднялась сильная буря на море, и все уже отчаивались за жизнь свою. Тогда святой апостол встал на молитву, и тотчас же явилось на небе знамение светоносного креста, которое озарило мрак ночи, и море внезапно утихло, и волны его улеглись. Пристав к берегам Азота, Филипп высадился с корабля и был принят в дом одного страннолюбца по имени Никоклида, у которого была дочь Харитина, страдавшая болезнью одного глаза. Войдя в дом Никоклида, апостол начал проповедовать присутствовавшим слово Божие, и все с радостью слушали его. В числе слушающих присутствовала и Харитина; она объята была таким духовным восторгом от учения апостола, что забыла даже о болезни своей. Он же, видя такое усердие ее к слову Божиему, повелел ей призвать имя Иисуса Христа и приложить руку к болевшему глазу. Как только Харитина исполнила это, в ту же минуту исцелился глаз ее, и весь дом Никоклидов уверовал во Христа и принял святое крещение.

Из Азота Апостол Филипп направился в Иераполь Сирийский[7406], где, проповедуя Христа, вызвал сильный гнев в народе, угрожавшем даже побить его камнями. Но заступничество одного влиятельного гражданина по имени Ир спасло его от народного возмущения.

«Граждане! – обратился он к народу. – Послушайте совета моего, не делайте никакого зла этому чужестранцу до тех пор, пока не узнаем, истинно ли учение его, и если оно не окажется таковым, то погубим его».

Народ не осмелился противоречить Иру, который вслед затем привел Филиппа в дом свой. Апостол продолжил у него обычную свою проповедь и обратил к святой вере Ира, весь дом его и соседей, просветив их таинством святого крещения. Граждане, узнав о том, что Ир принял крещение, собрались

ночью и обступили дом его, намереваясь сжечь в нем Ира во время сна вместе с апостолом и со всеми его домашними. Открыв их замысел, апостол безбоязненно предстал перед ними; они же, как дикие звери, скрежеща зубами, схватили его и повели в свой совет. Начальник совета, имя которому было Аристарх, увидев апостола, протянул свою руку и схватил его за волосы, но в ту же минуту рука его иссохла и он лишился зрения и слуха. Тогда, в чувствах народа произошла перемена: гнев их, при виде этого чуда, сменился изумлением, и народ стал умолять апостола исцелить градоначальника их Аристарха. Филипп же сказал: «Если он не уверует в проповедуемого мной Бога, то не будет исцелен».

В это время вблизи них двигалось погребальное шествие, и народ, желая надругаться над апостолом, сказал: «Если воскресишь этого мертвеца, тогда Аристарх и мы уверуем в Бога твоего».

Апостол возвел очи свои на небо, долго молился и потом, обратившись к умершему, сказал кротким голосом: «Феофил!» И тотчас мертвец поднялся на носилках, сел и открыл глаза свои. Тогда вторично сказал ему Филипп: «Христос повелевает тебе: встань и говори с нами!»

Умерший, встав с одра своего, припал к ногам апостола со словами: «Благодарю тебя, святой слуга Божий, что избавил меня в этот час от великого зла: два черных и зло-смрадных эфиопа повлекли меня, и если бы ты не предотвратил и не избавил меня от них, то я был бы низвергнут в мрачный тартар».

Тогда все видевшие это преславное чудо, единогласно прославили Единого Истинного Бога, проповедуемого Филиппом. Апостол сделал рукой знак народу, чтобы он умолк на некоторое время, и велел Иру положить своей рукой крестное знамение на поврежденные члены Аристарха. Как только Ир исполнил это, тотчас же иссохшая рука Аристарха исцелела, и он стал видеть и слышать и совершенно исцелился. Эти чудеса, творимые святым Филиппом силой Христовой, обратили ко Христу жителей Иераполя, и все ринулись разбивать идолов своих. Первым из уверовавших был родитель

Феофила, который сокрушил двенадцать золотых идолов и раздал золото нищим. Апостол крестил всех и поставил им епископом Ира. Основав таким образом церковь в Иераполе и утвердив заново просвещенных в святой вере, святой Филипп отправился на проповедь в другие страны. Пройдя Сирию и нагорную Азию, он прибыл в Лидию и Мизию[7407], и, проходя этими странами, обращал к Истинному Богу неверных язычников. Там к нему присоединился святой апостол Варфоломей, который в то время проповедовал в соседних городах и послан был от Бога на помощь Филиппу. За ним следовала еще и сестра Филиппа – девица Мариамна, и все они вместе стали служить делу спасения рода человеческого. Проходя по Лидии и Мизии и благовествуя слово Божие, они претерпевали от неверных многие напасти, биения и скорби, были заключаемы в темницы, побиваемы камнями, но, несмотря на все гонения, благодатью Божией оставались живы для предстоящих трудов по распространению веры Христовой. В одном из Лидийских селений, они встретили возлюбленного ученика Христова святого Иоанна Богослова, и вместе с ним отправились в страну Фригийскую. Войдя в город Иераполь[7408], они проповедали там Христа. Этот город был переполнен идолами, которым поклонялись все его жители; между ложными божествами была еще одна ехидна, для которой был построен особый храм, куда ей приносили пищу и совершали многочисленные и разнообразные жертвоприношения; безумцы почитали также и других гадов и ехидн. Св. Филипп, прежде всего, вместе со своей сестрой вооружился молитвой на ехидну, в чем помогал им и святой Иоанн Богослов, который был в то время с ними. Все они вместе молитвой, как бы копьем, победили ту ехидну и силой Христовой умертвили ее. После этого Иоанн Богослов разлучился с ними, предоставив им Иераполь для проповедования слова Божия, а сам пошел в другие города, распространяя повсюду святое благовествование. Святой же Филипп с Варфоломеем и Мариамной оставались в Иераполе, усердно стараясь уничтожить мрак идолопоклонства, дабы воссиял на заблудших свет познания истины, над чем они трудились день и ночь, уча

неверных слову Божиему, вразумляя неразумных и направляя заблудших на путь истинный. В городе жил один человек, по имени Стахий, бывший слепым уже сорок лет. Святые апостолы, силой молитвы, просветили его телесные очи, а проповедью Христовой просветили его душевную слепоту. Крестив Стахия, святые пребывали в его доме. И пронеслась по всему городу молва, что слепой Стахий прозрел. К его дому стали собираться толпы народа. Святые апостолы поучали всех, стекавшихся к ним, вере во Христа Иисуса. Приносили туда и многих больных, и всех святые апостолы исцеляли молитвой и изгоняли бесов, так что большое число людей уверовало во Христа и крестилось.

Жена начальника того города по имени Никанора была укушена змеей и лежала больная, при смерти. Услыхав о святых апостолах, находившихся в доме Стахия, что они одним словом исцеляют всякие болезни, она, в отсутствие своего мужа, повелела рабам своим отнести себя к ним и получила двойное исцеление: телесное – от укуса змеи и душевное – от бесовского обольщения, и, наученная святыми апостолами, уверовала во Христа. Когда градоначальник вернулся домой, рабы передали ему, что жена его от каких-то чужестранцев, проживающих в доме Стахия, научилась веровать во Христа. Придя в страшный гнев, Никанор повелел тотчас же схватить апостолов, дом же Стахия сжечь, что и было исполнено. Собралось множество народа, и святых апостолов Филиппа, Варфоломея и святую деву Мариамну с побоями повлекли по городу, надругаясь над ними, и, наконец, бросили в темницу. После этого начальник города воссел на судейское место судить проповедников Христовых, и собрались к нему все жрецы идольские и жрецы погибшей ехидны, принося жалобы на святых апостолов и говоря: «Начальник! Отомсти за бесчестие богов наших, так как с тех пор, как появились странники эти, в нашем городе запустели алтари великих богов наших, и народ забывает приносить им обычные жертвы; знаменитая наша богиня ехидна погибла, и весь город наполнился беззаконием. Умертви этих волхвов».

Тогда начальник города велел снять одежду со святого Филиппа, думая, что в ней заключаются чары колдовства, но, сняв с него одежду, ничего не нашли. Также поступили и со святым Варфоломеем, и в его одеждах не нашли ничего. Когда же они с тем же намерением приблизились к Мариамне, чтобы снять одежду и обнажить ее девическое тело, внезапно она в глазах их превратилась в огненный пламень, и нечестивцы со страхом отбежали от нее. Святые апостолы осуждены были правителем на распятие. Первым пострадал святой Филипп. Просверлив ступни ног его и продев в них веревки, они распяли его на кресте вниз головой перед дверями капища ехидны, и в то же время кидали в него камнями. Затем они распяли святого Варфоломея у стены храма. И внезапно сделалось великое землетрясение, земля разверзлась и поглотила градоначальника со всеми жрецами и множеством неверующих. Все оставшиеся в живых, и верующие и язычники, пришли в великий страх и с рыданиями просили святых апостолов сжалиться над ними и умолить Единого Истинного Бога своего, чтобы земля не поглотила их так же, как и тех. Поспешно бросились снимать с креста распятых апостолов. Святой Варфоломей был повешен невысоко, и его скоро сняли. Но Филиппа не могли скоро снять с креста, потому что он был повешен высоко и особенно потому, что на это было особенное произволение Божие, дабы апостол Его через эти страдания и крестную смерть, перешел от земли на небо, куда всю жизнь обращены были стопы его. Вися таким образом, святой Филипп молился Богу за врагов своих, чтобы Господь отпустил им грехи их и просветил разум их к познанию истины. Господь преклонился к молению его и тотчас повелел земле исторгнуть живыми поглощенные ею жертвы, за исключением градоначальника и жрецов ехидны. Тогда все громким голосом исповедали и прославили силу Христову, изъявляя желание креститься. Когда хотели снять с креста святого Филиппа, то увидели, что он уже предал Богу святую душу свою, и сняли его мертвым. Родная сестра его, святая Мариамна, все время смотревшая на страдания и смерть брата своего Филиппа, с любовью обнимала и лобызала снятое с древа тело его и

радовалась, что Филипп сподобился пострадать за Христа. Святой Варфоломей совершил над всеми уверовавшими в Господа крещение и поставил им епископом Стахия. Новообращенные с честью похоронили тело святого Апостола Филиппа. На том месте, где истекла кровь св. Апостола, произросла в три дня виноградная лоза, в знамение того, что святой Филипп за пролитую свою кровь во имя Христа наслаждается вечным блаженством с Господом своим в Царствии Его[7409].

Святой же Варфоломей с блаженной девой Мариамной, после погребения святого Филиппа, пробыл несколько дней в Иераполе и, утвердив в вере Христовой вновь основанную церковь, удалился оттуда в город Албан в великую Армению[7410], где и был распят. Св. Мариамна направилась в Ликаонию[7411] и там, обратив многих к святой вере, мирно скончалась. За все это Богу нашему слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Благоукрашается вселенная, Ефиопия ликовствует, яко венцем красуема тобою, просветившися светло, торжествует память твою, богоглаголиве Филиппе: вся бо веровати Христу научил еси, и течение совершил достойно Евангелия. Тем дерзновенно варит ефиопская рука к Богу, егоже моли даровати нам велию милость.

Кондак, глас 8:

Ученик и друг Твой, и подражатель страсти Твоея, вселенней Бога Тя проповеда, богоглаголивый Филипп: того молитвами от врагов пребеззаконных церковь Твою, и всяк град Твой, Богородицею соблюди, многомилостиве.

Житие святого Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского

Память 14 ноября

Святой Григорий Палама[7412], архиепископ Фессалоникийский[7413], был родом из Константинополя и происходил от благородных и благочестивых родителей, которые старались научить его с юных лет как человеческой, так и в особенности Божественной премудрости и всякой добродетели. В ранней юности он потерял отца; мать же Григория позаботилась дать ему, равно как и всем его братьям и сестрам, разумное и доброе воспитание, в духе закона Господня и Божественного Писания. Она устроила жизнь их среди мудрых учителей, дабы сын ее научился от них премудрости; он же, отличаясь природными умственными дарованиями и прилежанием, в короткое время преуспел в изучении философских и других известных тогда наук. Но, не доверяя собственной своей памяти, он положил за правило – перед каждым уроком класть по три земных молитвенных поклона перед иконой Пресвятой Богородицы. И Пречистая споспешествовала благочестивому отроку, быстрые успехи которого обращали на себя всеобщее внимание. Сам царь принимал живое участие в святом Григории и отечески заботился о его воспитании.

Между тем Григорий с ранних лет уже возненавидел все земное, как сон обольстительный, и, исполненный пламенной любви к Богу, презрел все временные блага, стремясь всей душой прилепиться к Единому Богу, Источнику всякой премудрости и Подателю всякой благодати, и оставить мир и суетную славу его. Побуждаемый сими чувствами, он искал сближения и встреч с иноками святой горы Афонской, просил у них советов и руководства и узнавал от них образ и правила иноческой и подвижнической жизни, испытывая свои силы, – может ли он быть действительным иноком. Дорогие свои одежды Григорий заменил худым рубищем и начал мало-помалу изменять свои прежние привычки и образ внешнего поведения,

оставив все условия светских приличий, что обратило на него общее внимание придворных, и многие признали его даже сумасшедшим. Так протекло несколько лет, и ни убеждения царя, ни уговоры друзей его, ни насмешки окружающих не могли остановить Григория на избранном им пути.

С успехом прошедши такой искус, Григорий на двадцатом году от рождения окончательно решил принять иноческий сан и удалиться в пустыню, о чем и возвестил своей Боголюбивой матери. Вначале она была несколько опечалена этим, но потом согласилась с его намерением, радуясь о Господе, и даже, с помощью Божией, уговорила и остальных детей своих принять иночество, дабы она могла сказать вместе с пророком: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Ис. 8:18). Следуя евангельской заповеди, святой Григорий раздал все имение свое нищим и, презрев всем сердцем своим красоту, сладость и славу мира этого, пошел вослед Христа, уводя с собой на тот же путь мать свою, братьев и сестер. Мать и сестер он оставил в одном женском монастыре; братьев же привел с собой на святую гору Афонскую и вместе с ними поселился в пустынной обители Ватопедской[7414], подчинив себя в полное послушание святому, облагодатствованному старцу Никодиму, от которого и принял впоследствии иноческий постриг.

Во второй год своего пребывания у Никодима Григорий удостоен был Божественного посещения. Однажды, во время богомысленного подвига, перед ним явился светоносный и благолепный муж, в котором он узнал святого Апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Ласково взирая на Григория, апостол спросил его: «Почему, взывая к Богу, ты всякий раз только повторяешь: просвети тьму мою, просвети тьму мою?»

Григорий отвечал: «Чего же другого должен я просить, кроме этого, – да просвещусь и узнаю, как творить Его святую волю?»

Тогда святой евангелист сказал: «По воле Владычицы всех, Богородицы, с этой поры я буду с тобой неотступно».

По смерти учителя своего, святого старца Никодима, святой Григорий удалился в великую лавру святого Афанасия, где служил братии за общей трапезой, а также исполнял должность

церковного певца. Прожив там несколько лет в страхе Божием, в послушании ко всем, Григорий укротил навсегда плотские страсти, являя собой утешительный пример евангельского бесстрастия и Божественной чистоты. За свое смирение, кротость и подвиги стяжал он себе всеобщую любовь и уважение братии; но, избегая славы и стремясь к еще более суровой жизни, он удалился из лавры в глубокую пустыню, в скит Глоссия, и там вручил себя руководству благоговейного старца Григория, проводя суровую созерцательную жизнь, горя безмерной любовью к Богу, Которому посвятил и душу, и тело. Непрестанной молитвой победив все наветы бесовские, он сподобился благодатных даров. Погружаясь в глубину молитвенного духа и озаряясь им, доходил до такой степени умиления и плача сердечного, что слезы струями текли из очей его, как постоянный и неиссякаемый источник.

Но безмолвие Григория и его сподвижников вскоре было нарушено по причине нападений, какие делали агаряне[7415] на монахов, безмолвствовавших вне монастырей. Ввиду этого Григорий, вместе с другими иноками, принужден был покинуть свою пустыню и удалиться в Фессалоники. Отсюда святой задумал отправиться в Иерусалим, для поклонения святым местам, и, если то угодно будет Богу, окончить там где-нибудь дни свои в пустынном безмолвии. Желая узнать, благоугодно ли Богу намерение их, он молился о том Богу. И вот во сне явился ему святой великомученик Димитрий, мощи которого почивали в Солуни[7416]. Великомученик убедил его не оставлять Фессалоники. Тогда святой Григорий, после усиленного поста и молитвы, принял в Солуни сан священства и, в сопровождении немногочисленной братии, удалился в близлежащий скит, где и стали они подвизаться снова. Образ жизни его был таков: пять дней в неделю он и сам вовсе не выходил никуда и к себе не принимал никого; лишь в субботу и воскресенье, по совершении священнодействия и по принятии Божественных Тайн, он входил в духовное общение с братьями, назидая и утешая их своею трогательно-поучительною беседою. В сии часы, следовавшие за затвором преподобного, и особенно после литургии, на лице его был виден дивный Божественный свет. Во

время священнодействия он всех приводил в слезы и умиление. Многие великие святые мужи удивлялись его добродетельной жизни, за которую он удостоился от Бога дара чудотворений и пророчествования, и называли его богоносцем и пророком[7417].

В это время отошла ко Господу добродетельная мать святого Григория. Дочери и сподвижницы ее, сестры Григория, просили его прийти к ним, для утешения их сиротства и для духовного наставления. Повинуясь призыву родственной любви, Григорий прибыл в Константинополь к сестрам своим и потом снова поспешил вернуться в свою излюбленную пустыню, но вскоре после того, по истечении пяти лет безмолвной жизни в Веррском скиту, принужден был, по причине частых набегов албанцев, снова удалиться на святую гору, в лавру преподобного Афанасия, где и принят был подвизавшимися там отцами с великою любовью. И здесь также, уединяясь вне монастыря, в безмолвной келии святого Саввы, кроме субботы и воскресенья, он никуда не выходил, ни с кем не виделся, и никто его ни видал, – разве по нуждам священнодействия. Все прочие дни его и ночи протекали в молитвенном подвиге и богомыслии.

Однажды, в келейной молитве пред Пречистой Богоматерью, преподобный молил Ее, дабы, в устранение от него и собратий его всяких препятствий к совершенному безмолвию, благоволила Она принять на Себя попечение и промышление о всех житейских их потребностях. Премилосердная Владычица в ответ на его усердную молитву удостоила его Своего явления, в сопровождении множества светоносных мужей. Представ ему, она сказала, обращаясь к сопровождавшим Ее светоносным мужам: «Отныне и навсегда будьте попечителями о нуждах Григория и его братии».

С этого времени, как передавал о том впоследствии сам святой Григорий, он действительно, где бы ни находился, всегда ощущал особенное о себе Божественное промышление. В другое время, в состоянии молитвенного богомыслия, Григорий впал в легкую дремоту. И вот ему представилось, что в руках его – сосуд чистого молока, переполненный настолько, что оно

переливалось через край; затем молоко это приняло вид виноградного вина, которое, переливаясь через край сосуда, омочило его руки и одежду, распространяя кругом дивное благоухание. Ощущая его, Григорий исполнился святой радости. И явился ему светозарный юноша, и сказал:

– Почему не передаешь ты этого чудного пития, оставляемого тобой без достодолжного внимания? Ведь это – не иссякающий никогда дар Божий.

– Но кому же передавать это питие, когда нет нуждающихся в нем? – спросил святой Григорий.

– Хотя в настоящее время действительно нет жаждущих этого пития, – возразил юноша, – но ты, все-таки, исполняя долг свой, должен не пренебрегать даром Божиим, в надлежащем пользовании которым Владыка потребует от тебя отчета.

При этих словах дивное видение окончилось. Святой Григорий истолковал его в том смысле, что молоко означало дар слова обыкновенный, понятный для сердец простых, ищущих духовного наставления, а превращение молока в вино означало, что со временем от него Вышняя Воля потребует более глубокого наставления в высших истинах веры Христовой. Вскоре после этого Григорий был избран игуменом Есфигменского монастыря[7418], но, по прошествии непродолжительного времени, желание пустынного безмолвия увлекло его снова в лавру святого Афанасия. Здесь он достиг такого духовного совершенства, что многие святые мужи дивились его добродетельной жизни и называли его богоносцем при виде изумительных его чудотворений, дара которых сподобился он от Бога. Он изгонял бесов; неплодным деревьям молитвой своей возвращал плодородие, предсказывал будущее, как настоящее. Но не избежал и преподобный различных и частых искушений, по слову Божиему: «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим. 3:12). Все терпел он с радостью, «дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа» (1Пет.1:7), как говорит святой Апостол Петр.

Много скорбей перенес святой Григорий Палама в борьбе с ересями, которые начали в то время волновать Церковь Божию. Особенно великую услугу оказал он Церкви обличением лжеучителей, отвергавших православное учение о духовном благодатном свете, освещающем внутреннего человека и иногда открывающемся видимо, как на Фаворе[7419] и на лице Моисея после собеседования Его с Богом на Синае (Исх. 34:29–30). В это время на святую гору Афонскую прибыл из Калабрии[7420] один ученый инок по имени Варлаам, который вместе со своими последователями возмутил хульными учениями мир в Церкви Христовой и спокойствие афонских иноков. В продолжение целых двадцати трех лет доблестный пастырь мужественно боролся с Варлаамом, и все многочисленные скорби, которые перенес за это время святой Григорий Палама, трудно даже подробно изобразить. Варлаам учил о Фаворском свете, что он был нечто вещественное, сотворенное, являвшееся в пространстве и окрашивавшее воздух, так как он был видим телесными очами людей, еще не освещенных благодатью. Таковыми же, т.е. сотворенными, он признавал все действия Божества и даже дары Святого Духа: Духа премудрости и разума и т.д., не страшась низвести Бога в разряд тварей, ниспровергая свет и блаженство праведных в Царствии Отца Небесного, силу и действие Триипостасного Божества. Таким образом, Варлаам и его последователи нечестиво рассекали одно и то же Божество на созданное и несозданное, а тех, которые этот Божественный свет и всякую силу, всякое действие с благоговением признавали не созданным, а присносущным[7421], называли двоебожниками и многобожниками. Считая, напротив, веру афонских пустынников в созерцание света Божиего телесными очами и приготовление к тому чувственным образом[7422] – заблуждением, Варлаам явно восстал и против них, и против молитвы, и против их таинственного созерцания. Но прежде, нежели клеветы Варлаама на афонских иноков сделались гласными, этот еретик, за предосудительное и укоризненное свое поведение с бесчестием был выслан патриархом. С гневом и скорбью Варлаам удалился в Фессалоники, распространяя и там свои

клеветы на афонских иноков. Не имея собственных сил противостоять красноречивому и искусному в науках Варлааму, солунские иноки принуждены были вызвать с Афона Божественного Григория. По прибытии в Фессалонику святой Григорий сначала действовал в духе кротости, но, увидев, что меры эти не действуют на упорного лжеучителя, приносящего столь сильные потрясения Церкви и ее законоположениям, начал истреблять возражения и клеветы Варлаама не только изустно, но и сильными писаниями, исполненными высоких истин и доводов Божественных. Сам Варлаам, узнав их и почувствовав их силу, принужден был оставить афонских иноков в покое, но за то со всей силой восстал против святителя Божиего. Когда же и это не помогло, пристыженный Варлаам удалился в Константинополь, изустно и письменно жалуясь Константинопольскому патриарху Иоанну XIV[7423] на святого Григория и афонских иноков.

Между тем святой Григорий в это время, оставаясь в Фессалониках в продолжение трех лет, усердно занимался изложением начал православия, с силой отстаивая чистоту его. И здесь, как и прежде, сердечный плач, совершенное уединение и безмолвие были любимым занятием его досуга. Не имея удобств пустынной тишины, и в то же время избегая по возможности связей и отношений к миру, он жил в отдаленной части дома, где, устроив для себя малую келью, безмолвствовал, сколько мог. И вот однажды, в праздник Антония Великого, первоначальника иноческого жития, когда другие иноки, ученики блаженного Исидора, совершали всенощное бдение, а Григорий оставался в своем затворе, вдруг в видении явился ему святой Антоний и сказал: «Хорошо и совершенное безмолвие, но и общение с братством иногда необходимо, – особенно в дни молитв и псалмопений. Поэтому и тебе должно теперь быть с братьями на бдении».

Повинуясь этому, Божественный Григорий немедленно отправился к братии, принявшей его с радостью, – и всенощное бдение протекло для них с особенным торжеством.

Окончив свои письменные богословские занятия в защиту афонских иноков и опровержение еретических мудрований,

святой Григорий возвратился на святую гору и показал инокам написанное им о благочестии.

Вскоре после этого святому Григорию пришлось ратовать против еретических мудрований ввиду всего света, и за свой подвиг получить бессмертную славу в Церкви земной и венец правды в Церкви Небесной. В это время Варлаам успел склонить на свою сторону патриарха Константинопольского Иоанна XIV-го и довел дело до того, что патриарх грамотой вызвал на суд Церкви Григория с другими его сподвижниками. Не терпя арианствующего лжеучения, грозившего поколебать самые основы христианского вероучения и нравственности, святитель Григорий, исполненный Духа Святого, выступил на ревностную защиту православия и старцев афонских. Для разрешения возникшей распри и утверждения православия в Константинополе был созван благочестивым царем Андроником Палеологом[7424] собор[7425], на который прибыл и Варлаам со своими учениками и последователями. На соборе этом, происходившем в Константинопольском Софийском храме под председательством патриарха, еретическое заблуждение Варлаама, последователя его Акиндина и иных им подобных лжеучителей было изобличено. Тогда великий Григорий, отверзши свои Богомудрые уста, своими проникнутыми огнем вдохновения словами и Божественным Писанием развеял ересь, как прах с лица земли, попалил, как терние, и окончательно посрамил еретиков[7426].

Посрамленный богодухновенными обличениями святителя Божия, Варлаам, не терпя позора, удалился снова в Италию, где перешел в католичество. Но в Византии явились у него явные и тайные друзья и последователи, которых он возбуждал своими письмами, проповедуя в то же время противные православию учения западной церкви. Плевелы же его лжеучения после него рассевал и взращал инок Акиндин. Против него в Константинополе был собран новый собор, на котором святой Григорий еще более обнаружил заблуждения Варлаама и Акиндина о Божественном свете. Патриарх, однако, поддерживал Акиндина и признал святого Григория виновником всех нестроений и смут церковных того времени. Мало того,

Акиндин был возведен в степень диакона, а Григория заключили в мрачную темницу, где он томился в продолжение четырех лет.

Но такая несправедливость патриарха не осталась без наказания. Благочестивая царица Анна[7427], узнав о действиях патриарха и о его привязанности к Акиндину, на двух соборах уже признанному еретиком и врагом Церкви, нашла его недостойным церковного общения и священного сана, а сам патриарх, впавший в еретические мудрования, был лишен кафедры и церковного общения. Церковный мир был таким образом восстановлен, и святой Григорий освобожден от беззаконного темничного заключения. За святую ревность к утверждению православия и истребление еретических лжеучений и церковных смут, он, по убеждению патриарха Исидора[7428] и императора Иоанна Кантакузена[7429], должен был согласиться на рукоположение в сан архиепископа Фессалоникийской церкви. Но, по случаю возникших тогда в Солуни смут, новый архиепископ не был принят своей паствой, вследствие чего удалился на излюбленную им святую гору Афонскую. Между тем наступил праздник Рождества Пресвятой Богородицы. В это время один благоговейный Солунский иерей, приготовляясь служить Божественную литургию, смиренно молил Господа, чтобы Он благоволил открыть, действительно ли Григорий, как думает народ, заблуждается в своих верованиях относительно иноческой жизни и духовного созерцания, и имеет ли он у Господа дерзновение. Это откровение иерей просил явить на расслабленной своей дочери, три года лежавшей без всякого движения. «Если, Господи, – говорил он, – Григорий истинно раб Твой, молитвами его исцели несчастную дочь мою». И Господь услышал моление иерея: дочь его вдруг сама собой поднялась с постели и с той поры получила совершенное выздоровление, как будто она совсем и не болела.

Чудо это прославило святого Григория, но церковные смуты все еще продолжались в Фессалониках. Тогда болгарский царь Стефан[7430], зная добродетели и заслуги его для Церкви Божией, обратился к нему с убедительной мольбой занять кафедру

митрополита болгарского, но не мог склонить и убедить к тому Божественного Григория.

На Афоне святитель, однако, не нашел спокойствия. Вскоре нужды Церкви снова вызвали его в Константинополь. Отсюда он удалился на остров Лемнос[7431]. Здесь он сотворил много знамений и чудес и немолчно проповедовал слово Божие, оставаясь до тех пор, пока солуняне, почувствовав необходимость в его присутствии для осиротелой паствы, не призвали его сами к себе, отправив к нему на Лемнос представителей клира и высших солунских сановников. С невыразимой радостью встретил народ своего архипастыря. Церковь Солунская, как бы вдохновенная свыше, представляла в высшей степени торжествующий вид: вместо обычных хвалебных песнопений клир и народ пели пасхальные гимны и канон, не давая ни себе, ни другим отчета в своих чувствах и необычайном торжестве. Спустя три дня после этого, святитель Божий совершил, при бесчисленном стечении народа, торжественный крестный ход и литургию. При этом Бог прославил угодника Своего новым чудом. У вышеупомянутого благоговейного иерея сын страдал падучей болезнью. Когда наступило время причащения, иерей, упав к ногам архипастыря, смиренно умолял его причастить самому, своими святительскими руками его больного ребенка. Тронутый смирением иерея и страданиями его сына, Григорий исполнил его просьбу, – и ребенок исцелел. Однажды, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, святой Григорий совершал литургию в женском монастыре. Во время богослужения одна слепая на один глаз монахиня именем Илиодора, узнав, что святитель совершает литургию, незаметно подошла к нему и тайно приложила святительскую одежду к своему слепому глазу, – и глаз тотчас же прозрел.

Много и других чудес сотворил Божественный Григорий. Церковь Солунская, под его мудрым правлением, наслаждалась миром и тишиной. Но Григория ждали новые подвиги и тяжкие скорби. В это время единомышленники Варлаама и Акиндина не переставали смущать в Константинополе Православную Церковь своими еретическими мудрованиями. Тогда Григорий

снова с дерзновением выступил на борьбу со злыми еретиками, в защиту православия. Продолжал он с ними бороться и письменно своими Богомудрыми творениями, и лично. Вследствие сильного волнения, возбужденного еретиками в Церкви Христовой, царь и патриарх признали необходимым созвать, для умиротворения Церкви, в Константинополе новый собор, на который, прежде всего, вызвали святого Григория. Враги истины, как и прежде, были посрамлены и унижены: и личные беседы святителя, и его догматические произведения, читанные на соборе, замкнули уста еретические. Напутствуемый уважением царя и благословением патриарха и Церкви, святой Григорий с честью отправился к своей пастве, но находившийся в то время в Солуни Иоанн Палеолог[7432] не допустил его до этого, и Григорий принужден был отправиться на святую гору. Впрочем, через три месяца он тем же Палеологом с честью был вызван в Солунь.

Здесь в скором времени святой Григорий впал в тяжкую и продолжительную болезнь, так что все опасались даже за саму его жизнь. Но Бог продлил ее для новых подвигов. Не успел еще святой совсем оправиться от своего недуга, как получил от Иоанна Палеолога письмо, которым царь просил его приехать в Константинополь, чтобы прекратить ссоры и несогласия в царственной семье между ним и его тестем, Иоанном Кантакузеном. Григорий отправился, но на пути в Константинополь был схвачен агарянами и отвезен в Азию, как раб и пленник. Целый год находился святой в плену. Его продавали из одних рук в другие, из города в город. Такова была на это воля Божия, дабы он, как апостол, переходя из города в город, проповедовал Евангелие Христово, утверждая православных в вере, поучая твердо держаться ее, укрепляя сомневающихся и раскрывая трудные для понимания тайны премудрости Божией о спасении. И он был действительно истинным апостолом Христовым. Со святым дерзновением входил святой Григорий в состязания о вере с агарянами[7433] и отторгшимися от Церкви Христовой еретиками, неправо учившими о земном служении Христа Бога нашего, о честном и животворящем Кресте Господнем, о святых иконах и о

поклонении им. Неверных он просвещал светом Евангелия, а порабощенных, плененных и христиан утешал и укреплял, убеждая их к безропотному перенесению страдальческого креста своего, в чаянии наград и венцов небесных. Противники святого Григория дивились его премудрости и благодати, исходящей из уст его. Некоторые же из них, в бессильной злобе, подвергали его жестоким побоям, и ему пришлось бы пострадать даже до мученического венца, если бы те же сами агаряне не оберегали его, ожидая получить за него большой выкуп. И действительно, по истечении года болгаре выкупили его из рук агарянских и возвратили его Солунской церкви.

Прибытие святого из плена, сначала в Константинополь, было ознаменовано чрезвычайным торжеством невидимых ликов, носившихся над Божественным Григорием и сладостными песнопениями в похвалу его, приведшими в движение пристань, где он должен был выступить на берег. И был святой Григорий избранным сосудом Божиим.

Отличаясь кротостью, незлобием и смирением, он в то же время продолжал дерзновенно выступать против врагов Бога и веры православной, с силой обличая и побеждая еретиков мечом слова Божия. Побеждая зло добром, он никогда не слушал тех, кто извещал его о клеветах на него врагов его: был великодушен и терпелив во всех скорбях и злоключениях; гонение и всякое поругание вменял себе всегда за честь и славу; и было ему, как истинному ученику Христову, иго Христово благо и бремя Его легко.

Святому Григорию дивились не только верующие, но и неверные. Глаза его всегда болели от непрестанно текущих молитвенных слез. Умертвив все страсти и поработив плоть духу, святой Григорий подвигом добрым подвизался и, умиротворив Церковь Божию и веру православную от волнений и смут еретических, окончил течение своей подвижнической и страдальческой, богоугодной жизни.

В течение последних трех лет святой Григорий, силой благодати Божией, сотворил немало чудес над болящими. Так, друга своего, иеромонаха Порфирия он дважды восставил молитвой от болезненного одра. Незадолго до своей блаженной

кончины, он исцелил знамением Честного Креста и молитвой пятилетнее дитя золотошвеи, страдавшее чрезвычайным кровотечением и уже обреченное на смерть, и возвратил ему совершенное здравие.

Вскоре потом святой Григорий заболел и слег в постель. Почувствовав близкую кончину, он предсказал окружавшим и день отшествия своего в жизнь вечную: «Друзья мои! – говорил он им, после праздника святого Иоанна Златоуста[7434], – ныне я отойду от вас к Господу. Это знаю я потому, что являлся мне в видении Божественный Златоуст и, как своего друга, с любовью призывал к себе».

Действительно, в тот же самый день, 14 ноября, святой Григорий отошел ко Господу в Его вечные райские обители. Когда он умирал, окружавшие его видели, что уста его еще что-то шепчут, но, как ни старались вслушаться в его слова, могли только разобрать: «В горняя, в горняя!» С этими словами святая душа его тихо и мирно отделилась от тела в горняя[7435]. Когда блаженная душа его разлучилась с телом, лицо его просветлело, и вся та комната, где он почил, озарилась светом, чему свидетелем был весь город, стекавшийся к святительским мощам для последнего целования. Так благоволил Бог этим чудом прославить Своего верного угодника, который и при жизни своей был светлым жилищем благодати и сыном Божественного света[7436].

Оставив тело свое, преславно просветившееся Ангельской чистотой, после смерти своей стаду своему, как богатое наследство и сокровище, святой Григорий нескудно подает и доныне исцеления всем недужным и немощным, отовсюду приходящим с верой к святым мощам его[7437], во славу Христа Бога нашего, Ему же со Безначальным Его Отцом и с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Православия светильниче, церкве утверждение и учителю, монахов доброто, богословов поборниче непреборимый,

Григорие чудотворче, Фессалонитская похвало, проповедниче благодати, молися выну спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Премудрости священный и Божественный орган, богословия светлую согласно трубу, воспеваем тя Григорие богоглагольниче: но яко ум уму первому предстояй, к нему ум наш отче настави, да зовем: радуйся проповедниче благодати.

Житие преподобнаго Филиппа Ирапскаго

Память 14 ноября

В княжение великого князя Московского и всея России Василия Иоанновича[7438] в пределах вологодских, вблизи обители преподобного Корнилия[7439], появился некий отрок по имени Феофил. Он поселился у одного человека по имени Василия. Пропитание он снискивал именем Христовым. У юноши был благочестивый обычай каждый день посещать Божественную службу, каждую ночь проводить в молитве, беспрестанно бодрствуя. Видя смирение Феофила, его кротость и любовь к молитве, все стали дивиться этому юному отроку. Никто никогда не видел, чтобы он принимал участие в детских играх или смеялся. О нем сказали преподобному Корнилию. Преподобный повелел привести к себе отрока. Корнилий тихо и кротко спросил юношу, кто он и откуда родом, как его зовут, и где живут его родители. Заплакав, отрок поклонился в ноги святому и сказал: «Прости меня, честный отче, я не помню своих родителей, остался после них в малых летах; сказывали мне, что они были крестьяне, а мне имя Феофил. Скитался я, питаясь именем Божиим, не знаю, как пришел сюда, и теперь живу здесь у своего хозяина. Молю тебя, честный отче, позволь мне потрудиться в твоей обители, сколько я могу». Святой Корнилий своими прозорливыми очами провидел, что он будет избранным сосудом Божиим. Он повелел принять Феофила в монастырь и поручил его ризничему.

Отроку тогда было всего 12 лет. Со дня поступления в монастырь он начал усердно служить братии, отличался великим послушанием и смирением. Около 3 лет служил он так братии. Видя его рвение и кротость, ризничий сообщил об этом преподобному Корнилию. Все иноки любили трудолюбивого отрока. Когда ему исполнилось 16 лет, преподобный Корнилий призвал его к себе и сказал: «Дорогое мое чадо, ты вполне достоин воспринять иноческое пострижение».

Феофил с радостью ответствовал: «Всего более желает этого душа моя, прошу тебя, святой отче, не медли исполнить

это благое и Богоугодное дело».

Сам преподобный Корнилий, наставив блаженного, постриг его в иноки, причем ему дано было имя – Филипп. Для духовного руководства отдали юного инока весьма искусному и благочестивому иноку Флавиану. Прежде всего он научил святого Филиппа грамоте. Господь помог своему верному рабу. В короткое время Филипп хорошо изучил грамоту и мог быстро читать книги Священного Писания. Много лет подвизался в обители преподобный Филипп, исполняя все послушания. Он то прислуживал в церкви, то работал в пекарне, носил воду и дрова, днем исполнял разные работы для братии, а ночью молился. Особенно строго он соблюдал пост и подавал пример истинного воздержания. Братия дивились таким подвигам преподобного и стали просить святого Корнилия, чтобы он поставил у них Филиппа пресвитером. Блаженный охотно исполнил их просьбу. Тогда Филипп усугубил свои подвиги, так что иноки еще более стали удивляться его добродетельной жизни. Заметив это, Филипп смутился духом и стал скорбеть.

«Горе мне, – помышлял он в себе, – я уже получил себе награду от людей. Какой мзды мне еще ожидать от Господа в День Судный? Нет, горе приносит мне хвала людская».

Желая избегнуть славы, он вознамерился покинуть обитель и направиться туда, куда ему укажет Господь. Об этом он поведал блаженному Корнилию. Святой старец, преподав ему душеполезные наставления, дал ему свое благословение и с миром отпустил из своей обители. Преподобный Филипп начал молиться Пресвятой Богородице: «Услышь меня, скорая Помощница, избавь меня от скорби, которая смущает сердце мое».

Однажды ночью, когда он, по своему обычаю, стоял в монастыре на молитве и воспевал канон в честь Одигитрии[7440], вдруг услышал он голос: «Возлюбленный раб Мой, выйди отсюда и ступай, куда Я укажу тебе».

Святой посмотрел в оконце своей кельи и увидел, что на южной стороне сияет великий свет. Он ужаснулся от этого видения и в страхе выбежал из своей кельи.

«Это и есть то место, – подумал он, – которое мне указано свыше. Да будет воля Господня».

Возвратившись в келью, он окончил свою молитву и долго размышлял о бывшем ему видении. Когда он утром направился к церкви, снова сподобился услышать глас: «Выйди из этой обители и ступай, куда Я тебе укажу».

После этого святой Филипп в следующую ночь вышел из монастыря, не имея с собой ничего, кроме одежды, какая была на нем, и отправился в дорогу. Он пришел на Кубенское озеро[7441] в монастырь Всемилостивого Спаса и отсюда продолжал свой путь, отыскивая себе место, удобное для безмолвия и иноческих подвигов. При этом он питал свою душу такими размышлениями: «Бежим плотской жизни, как некогда народ еврейский бежал от рабства египетского. Уклонимся от сребролюбия, ибо оно корень и начало всякого зла. Да будет Господь моим водителем и наставником!»

Преподобный Филипп пришел на Белоозеро в волость Андогу, стал обходить ту страну и в лесу на берегу реки Андоги[7442] нашел одно прекрасное место, тихое и уединенное. «Се покой мой, зде вселюся», – воскликнул он и обратился с благодарственной молитвой к Господу.

Истомленный долгой дорогой, преподобный лег под одной развесистой сосной и уснул. Во сне ему явился Ангел Господень и сказал: «Филипп, здесь Господь уготовал тебе место».

Блаженный тотчас же пробудился и стал молиться Пресвятой Троице. Утром на следующий день он отправился к правителю той волости князю Андрею Васильевичу Шелешпанскому. Придя к князю, блаженный стал просить его о том месте, где ему было видение. Князь вместе с блаженным отправился на то место и своим посохом очертил пространство от реки Андоги до Малого Ирапа и позволил блаженному здесь жить. Преподобный обвел то место рвом, устроил себе на берегу реки келейку, вертепец малый и начал молиться Господу о спасении души своей.

У князя Андрея был брат князь Иоанн. Когда князь Андрей сказал своему брату о том, что в их волости поселился блаженный Филипп, князь Иоанн, по наваждению диавольскому,

сильно разгневался на своего брата и на блаженного Филиппа. При народе и священниках он начал укорять своего брата. «Ты пустил сюда этого человека, а у меня он не спрашивался; вот я поеду к нему, прогоню его оттуда и не позволю ему жить там».

Напрасно князь Андрей вместе со священниками и народом уговаривал брата не делать зла святому человеку. Князь Иоанн еще более рассердился, вскочил на коня и поскакал в пустыню, намереваясь изгнать оттуда святого. Когда князь подъехал к Малому Ирапу, конь остановился и не пошел через ручей. Князь ударил его бичом. Но конь, закусив удила, понесся обратно, примчал князя в село, где он жил, и здесь у церкви Николая Чудотворца сбросил князя, а сам понесся далее и верстах в двух издох. Падая, князь ударился о камень и умер. Князь Андрей похоронил брата и отправился к преподобному Филиппу. Он стал давать пустыннику серебро на помин своего брата. Преподобный же серебра не принял, но попросил землю между ручьями Большим и Малым Ирапом. Князь Андрей охотно исполняя его просьбу: он закрепил за ним всю ту землю, приказав своим крестьянам слушаться преподобного и всячески помогать ему. С этого времени князь Андрей и многие другие стали иметь большую веру к преподобному и просить его молитв и наставлений. Блаженный поставил себе часовню и келью, а потом задумал построить храм во имя Пресвятой Троицы. Многие приходили к Филиппу помолиться в его часовне. Преподобный поучал их о пользе душевной и говорил им: «Послушайте, отцы и чада: исполним дело благое и полезное для душ наших, построим церковь во имя Святой и Живоначальной Троицы».

Слыша это, народ охотно стал помогать святому. В скором времени, с помощью Божией и по молитвам святого Филиппа, они построили церковь и украсили ее по мере своих сил. Сам князь Андрей Васильевич пожертвовал в церковь книги и утварь. Наконец, храм этот был освящен и в нем стали возноситься молитвы и славословия Господу. Вновь возникавшую обитель назвали Красноборской пустыней Филиппа Ирапского[7443]. Слава о святом подвижнике стала распространяться, и многие приходили к нему, испрашивая его

молитв и назидания. Всех блаженный Филипп поучал, всем давал советы полезные, за всех молился, всех ободрял и утешал.

«Будем жить мирно и кротко, – наставлял святой всех приходивших к нему, – любите родителей своих и почитайте их. Да сохранит вас Бог мира во всяком мире и тишине; любовь имейте ко всем сродникам вашим, ко всем нищим и убогим, ибо они наши ближние; вспомним, что сам Господь возлюбил нищих. Братия, не станем возноситься, но будем кротки и смиренны, ибо «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1Пет. 5:5).

Поучая так других, святой Филипп усугублял все более и более свои подвиги, все время воспевал Боговдохновенные псалмы Давида, исполняя в точности все правила иноческой жизни. Особенно он советовал всем читать псалмы: «Внимайте, чада, – говорил он, – что ничто так сильно не прогоняет от нас бесов, как пение песней Давидовых».

Однажды, когда блаженный стоял на молитве в своей келие, вдруг он услышал трубный звук и шум, как бы от воинской рати. Блаженный удивился: «Откуда этот трубный глас? Ведь здесь нет брани».

Между тем нечистый дух, который произвел этот шум, приблизился к святому и сказал: «Нет, брань есть; она ведется против тебя. Если ты не хочешь вести этой брани, то ступай, спи, и мы не станем воевать против тебя».

Святой, сотворив молитву, оградил себя крестным знамением и воскликнул: «Да воскреснет Бог и расточаться враги Его и да бегут от лица Его ненавидящие Его, как исчезнет дым, да исчезнут» (Пс. 67:2–3).

Тотчас вся сила бесовская исчезла. Блаженный Филипп, видя это, воскликнул: «Крепок и силен Господь!»

С тех пор блаженный еще более стал подвизаться в посте и молитвах. Лукавый сам не мог уже более досаждать ему, а начал подучать на него злых людей. Они вооружились на святого мужа и хотели изгнать его от места, указанного ему Богом. Видя, что люди делали ему зло по внушению диавола,

святой молился за своих досадителей, говоря: «Не вмени им этого в грех, Господи, и прости им все согрешения».

Тогда другие люди, видя его незлобие и терпение, говорили друг другу: «Вот – святой человек: не помнит злобы и досады, а только молится о своих досадителях».

Однажды диавол в образе монаха подошел к келие святого и стал стучаться. Блаженный сказал: «Сотвори молитву».

Диавол же отвечал: «Ныне и присно и во веки веков».

Тогда святой снова потребовал, чтобы монах произнес молитву, но диавол опять повторил свой ответ. Святой в третий раз приказал монаху произнести молитву, но последовал тот же самый ответ. Святой сказал: «Скажи так: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и вовеки. Аминь».

Бес, услышав это, быстро исчез, как будто его палил огонь. Тогда святого Филиппа объяло раздумье; он даже думал оставить то место, но услышал глас: «Не смущайся, раб Божий. Пребывай здесь, как Я повелел тебе. Тогда сподобишься лицезреть славу Божию и обретешь покой душе своей».

Блаженный Филипп жил одиноким отшельником в Красноборской пустыне. Слыша о его подвижнической жизни, многие благочестивые люди, иноки и миряне, с разных сторон приходили к нему ради душеспасительной беседы, прося святого поведать им, как спасти душу от греха. Обычными посетителями и собеседниками его были крестьяне Андожской волости. Блаженный с любовью поучал всех простым и кратким, но сильным и задушевным словом, инокам говорил о трех добродетелях, дающих им власть над нечистыми силами, о нестяжании, многом бдении и усиленной молитве, напоминал о том, как жестко и скорбно иго иноческого жития и как жили прежние иноки, навыкшие жестоким житием и молчанием служить Богу; мирским людям внушал любить ближних, особенно помогать нищим и убогим, соблюдать ко всем правду; указывал на силу духа отцов, и на слабодушие нынешних людей, в пример терпения в скорбях ставил святых мучеников и блаженных постников, превзошедших страданиями и лишениями меру естества человеческого и вечно живущих в памяти людей; учил наблюдать за своими мыслями, помышлять

о вечном будущем, а не о маловременном настоящем. На вопрос собеседника, почему мы осуждаем других, блаженный отвечал: «Кто осуждает других, тот еще не уразумел себя, не вел борьбы с самим собой». Любопытствовавшим он рассказывал о себе, как он, крестьянский сын, еще в детстве оставшись круглым и беспризорным сиротой, скитался, питаясь Христовым именем, как пришел в обитель к преподобному Корнилию и навыкал иноческому жительству, день проводил на службе монастырской в трудах телесных, а ночью молился до заутрени, кладя по сто поклонов на каждой из 18 ступеней храма, и как поселился на Ирапе.

Однажды некий поселянин по имени Мелетий пришел к блаженному Филиппу, прося у него наставления. Питая глубокую веру к святому, Мелетий часто посещал обитель блаженного. На этой раз он остался ночевать у святого Филиппа. До позднего вечера святой все беседовал с поселянином. Наконец, преподобный стал совершать свои вечерние молитвы, а Мелетий, одержимый дремотой, скоро заснул. Около полуночи он проснулся и окликнул блаженного; но его не было в келье. Мелетий открыл оконце, посмотрел по направлению к церкви и видит: святой с воздетыми руками стоит на коленах у церкви и молится; руки его светились, как огненные свечи. Мелетий, затворив окно, стал молиться Пресвятой Троице, дивясь этому видению. Потом он рассказал об этом многим, и слышавшие стали иметь великую веру в блаженного.

Так жил преподобный Филипп 15 лет в своей пустыне, ожидая блаженного покоя и отхода души своей ко Господу, ободряя себя словами: «Терпи, Филипп, мужайся и крепись».

Непрестанно он молился и взывал из глубины своей чистой души: «Боже Вседержителю, умири мир, помилуй и спаси всех православных христиан, подаждь им тишину и благоденствие и очисти их от всех грехов. Милостив и долготерпелив Ты, Господи, ждешь от нас покаяния и не хочешь смерти грешников. Велика Твоя милость и беспредельно Твое милосердие. И Ты, милостивая Госпоже, Пресвятая Богородица, скорая наша

помощница и заступница, моли непрестанно за нас Сына Твоего».

В это время к преподобному пришел инок из Спасо-Каменного монастыря, что на Кубенском озере. Этого инока звали Германом. Придя стал просить преподобного Филиппа, чтобы он позволил ему пожить вместе с ним в пустыне.

– Тяжка и прискорбна здесь жизнь, брат, – ответствовал святой на просьбу Германа.

– Терпение, отче, – начало спасения; потерплю о Христе, сколько возмогу, – отвечал тот.

С того времени они начали вместе подвизаться в трудах в молитвах. Видя, как жил многоподвижный пустынник, Герман начал иметь великую веру в блаженного Филиппа, много с ним беседовал, расспрашивал его о прежней его жизни и все, что рассказывал ему о себе преподобный, записывал на память будущим родам.

Долго еще подвизался блаженный Филипп вместе с Германом. Провидя скорую кончину, преподобный однажды сказал Герману: «Прошу тебя, любимый брате мой, не оставляй меня до моей кончины, ибо недолго мне осталось быть с тобой».

С этого времени преподобный усугубил свои молитвы. Блаженная кончина его последовала в ночь на 14 ноября 1537 г.

В полночь Герман, проснувшись, был удивлен необычайным благоуханием, которое распространялось по всей келие.

Взглянув на ложе преподобного, он увидал, что Филипп уже предал Господу свою душу. Лицо праведника светилось необыкновенным светом. Герман, не имея сана иерейского, не мог сам предать погребению тело святого Филиппа. По воле Божией утром пришел в ту пустыню священноинок Иов. Вместе с Германом он благоговейно похоронил святого Филиппа. Таково было житие этого преподобного, богатого своим смирением и великого своими подвигами во славу Пресвятой Троицы. Аминь.

Память благоверного царя Юстиниана и царицы Феодоры

Память 14 ноября

Святой Юстиниан, император Византии, был славянин: он родился в селении Вердяне, близ города Средца[7444], в нынешней Болгарии. Его дядя Юстин, который также был уроженец Вердяны, пешком в одном тулупе пришел в Константинополь. Здесь он, благодаря своим природным дарованиям, быстро возвысился, а потом сделался даже императором. В Константинополь он перевел вслед за собой из Вердяны свою жену Лупкиню с ее сестрой Бегляницею, матерью Управды. Этот Управда, по смерти Юстина, и занял византийский императорский престол с именем Юстиниана.

Император Юстиниан известен в истории своими успешными войнами с врагами Византийской империи, а также изданием полного собрания римских законов. Но, сверх того, он прославился своими заслугами в пользу христианской Церкви и православия. Так, он предпринял немало забот к распространению христианства и к искоренению язычества. Закрыв языческие школы в Афинах, он повелел, чтобы преподавание наук вели иноки. Язычество более всего подвергалось его преследованиям в самой столице его царства – Византии, а также и в Малой Азии. С целью обращения ко Христу язычников Юстиниан послал в Малую Азию Иоанна, епископа Ефесского, и тот крестил там до 70 тысяч язычников, а император построил для обращенных до 90 церквей.

Наряду с распространением христианства Юстиниан радел о сохранении чистоты православной веры. В его царствование продолжали беспокоить Православную Церковь несториане, которые учили, что Христос не был Богочеловеком и что Божество только обитало в Нем, как в простом человеке[7445]. Еще более несториан волновали Церковь монофизиты, учившие, что в Иисусе Христе Божеское естество поглотило человеческое. Против этих-то произвольных измышлений человеческого разума Юстиниан составил песнь: «Единородный

Сыне и Слове Божий», которую повелел петь за Богослужением[7446]. По его же стараниям в 553 году был созван пятый Вселенский собор для осуждения несторианских мыслей в сочинениях Феодора Мопсуетского, Феодорита Киррского и Ивы Едесского[7447] и для прекращения раздоров в Церкви[7448].

Ревнитель православия и благочестия, Юстиниан много заботился о богослужении Православной Церкви и о благолепии храмов, как мест Богослужения. В своем своде законов он поместил, между прочим, закон об обязательном повсеместном праздновании праздников Рождества Христова, Крещения Господня и Воскресения, Благовещения Пресвятой Богородицы и других. Кроме того, Юстиниан построил много прекрасных храмов во славу Пресвятой Богородицы, апостолов и других святых. Самым знаменитым созданием Юстиниана считается храм святой Софии, Премудрости Божией, в Константинополе.

Построенный еще равноапостольным царем Константином храм при Юстиниане был сожжен во время одного бунта. Благочестивый царь собрал лучших строителей, не щадил золота и денег и соорудил храм на удивление векам по своему величию и красоте.

В своей частной жизни Юстиниан проявлял высокое благочестие. Всегда набожный, он проводил Великий пост в суровом воздержании и молитвах, не вкушал хлеба, а довольствовался растениями и водой, да и то через день и два.

Так, живя в чистоте и благочестии, он царствовал 39 лет и мирно скончался о Господе[7449]. За заслуги Церкви и за благочестие он причислен по смерти к лику святых. Вместе с ним причислена к лику святых и его супруга, царица Феодора, которая была сначала грешницей, но потом раскаялась и провела остаток жизни в чистоте и благочестии.

Страдание святых мучеников Гурия, Самона и Авива

Память 15 ноября

Когда на Церковь Божию было воздвигнуто нечестивыми царями Диоклетианом и Максимианом жестокое гонение и она была обуреваема бедствиями, как корабль в бурном море, в то время близ города Едессы[7450], жили в уединении, как бы в тихом пристанище, два благочестивых и добродетельных мужа, Гурий и Самон. Воспитанные в самом городе Едессе, они не захотели жить в нем, по причине суеты и беззаконий, господствовавших в городе, но, избегая мира и мирских забот, ушли вон из города и, удаляясь нечестивых людей, стремились к Единому Богу, веруя в Него и усердно служа Ему день и ночь. И не только они сами неуклонно работали Господу, но наставляли к тому и других, кого только могли, и много язычников отвращали от безбожного идолопоклонства и приводили к истинному Богу. Узнав об этом, бывший тогда в Едессе представитель римских царей, воевода Антонин, приказал немедленно взять их и всех, кто последовал их учению. Взятые язычниками, исповедники Христовы Гурий и Самон и с ними множество христиан содержались до времени под стражею. Затем Антонин, призвав захваченных христиан, приказывал всем подчиниться царскому повелению и принести жертву идолам; но ни один из них не захотел быть отступником от Господа своего. Тогда он приказал подвергнуть их биению; но затем сообразил, что если самих наставников склонить к идолослужению, то и другие, смотря на них, легко могут быть склонены к тому же, и, в этих видах, оставил для истязания только предводителей Христова стада, Гурия и Самона; прочих же, подвергнув биению, отпустил по домам, притворно показывая себя милостивым. А двух святых исповедников он призвал к себе на суд и сказал им:

– Великие цари наши повелевают вам, чтобы вы поклонились великому богу Дию[7451] и принесли ему курение в его храме.

Самон отвечал на это:

– Не будет того, чтобы мы отступили от истинной веры, за которую ожидаем получить бессмертную жизнь, – мы не поклонимся делу рук человеческих.

Тогда Антонин сказал:

– Повеление царей, во всяком случае, вы должны исполнить.

– Мы никогда не откажемся от святой и непорочной нашей веры, – отвечал Гурий, – и не уступим злой и пагубной воле человеческой; но мы исполняем волю Господа нашего, Который говорил: «всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф.10:32–33).

Тогда судья начал угрожать им смертью, если они не подчинятся царской воле. Но святой Самон смело сказал ему:

– Мучитель! Мы, исполняя волю Создателя нашего, не умрем, но жить будем вовеки; а если последуем царскому повелению, то, и не убитые тобою, сами погибнем.

Услыхав это, Антонин приказал бросить святых в мрачную темницу.

В то время прибыл в Едессу правитель области Музоний, нарочно присланный царями для предания христиан смерти. Выведши святых мучеников Гурия и Самона из темницы, он поставил их пред собою и сказал им:

– Таково повеление царей всей земли, чтобы вы принесли вино и курение на алтарь Дия; если же не принесете, то я заставлю вас претерпевать различные мучения: посредством ударов раздроблю тело ваше, повесив вас за ноги и руки, разорву все суставы вашего тела; изобрету для вас новые и неслыханные мучения, которых вам не перенести.

На все это святой Самон отвечал:

– Мы более боимся червя неусыпающего и огня неугасимого, уготованного для всех отступников от Господа, нежели тех мучений, какие ты перечислил, ибо Тот, Которому мы приносим духовную жертву, прежде укрепит нас в перенесении мучений и сделает неодолимыми, а затем, избавив нас от рук

твоих, вселит нас в светлые обители, где находится пребывание всех веселящихся. Итак, мы не боимся твоей угрозы, потому что ты вооружаешься только против тела, но не можешь повредить душе, которая, пока живет в теле, до тех пор всё более очищается и просвещается наносимыми телу страданиями. «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2Кор.4:16). «Поэтому… с терпением будем проходить предлежащее нам поприще» (Евр.12:1).

Правитель сказал снова:

– Оставьте свое безрассудство, послушайтесь моего совета и, отступив от своего заблуждения, исполните царское повеление, ибо вам не перенести тех мучений, какие я приготовил для вас.

Святый Гурий отвечал:

– Мы и не заблуждаемся, как ты думаешь, и не послушаемся твоего безумного совета и не подчинимся царской воле. Не будем настолько малодушны и безумны, чтобы убояться твоих мучений и прогневать Господа нашего. Мы – рабы Того, Кто, являя нам богатство Своей благости, положил душу Свою за нас; как же и нам не стоять за Него, даже до крови? Станем мужественно, укрепляемые Христом Иисусом, станем непоколебимыми при всех вражеских ухищрениях, станем, пока не низложим врага, восстающего на нас.

Видя их непоколебимость в вере, мучитель приступил к истязаниям. Он велел повесить святых, связав руку одного с рукою другого, и привязав к ногам их тяжелый камень. В таком положении они терпеливо висели от третьего до восьмого часа; в это время правитель производил суд над другими.

После этого он спросил святых, соглашаются ли они подчиниться царскому повелению, чтобы освободиться от истязания; но они неизменно продолжали исповедовать истинную веру. Тогда мучитель приказал отвязать их и бросить в темницу, крайне тесную, в которой и свет дневной никогда не показывался, и куда ветер не проникал. В такой темнице они пробыли с первого дня августа до девятого числа ноября; с забитыми в дерево ногами, они претерпевали жестокие

страдания, голод и жажду и, несмотря на то, не переставали возносить благодарение Богу.

После столь тяжкого и долговременного пребывания в темнице, они снова выведены были на суд к правителю. Святый Гурий был уже едва жив, изнемогши от многих стеснений в темнице, от великого голода и жажды; а святой Самон казался крепким. Правитель спросил их:

– Не наскучило ли вам быть столько времени в темнице, и не переменили ли вы своего ожесточенного сердца, чтобы послушать здравого совета и, почтивши наших богов, освободиться от настоящего тяжелого положения?

Святые отвечали:

– Что говорили мы тебе прежде, то и теперь говорим: не отступим от Господа нашего Иисуса Христа; мучай нас, как хочешь.

И вот мучитель велел отвести святого Гурия, как больного, в темницу, ибо он не хотел тогда мучить его, чтобы не ускорить его смерти и не потерять через это надежды когда-нибудь склонить его к своему нечестию; святого же Самона приказал повесить за одну ногу, вниз головою, а к другой ноге привязать железную тяжесть. В таком положении он висел со второго часа дня до часа девятого. Стоявшие кругом его воины, из сочувствия к нему, увещевали его подчиниться царскому повелению и избавить себя от тяжкого мучения. Он же ничего не отвечал им, но из глубины сердечной молился Богу и вспоминал от века бывшие чудеса Его:

– Господи Боже мой, без воли Которого ни одна птица не попадет в сеть (ср. Мф.10:29), Ты Давидово сердце в скорби распространил (Пс.4:2), и пророка Даниила сильнее львов показал (Дан. 6:6–18, 14:32). Ведающий немощь естества нашего, виждь брань, восстающую на нас; ибо тщится враг отторгнуть от Тебя достояние Твое; но Ты, благосердым Твоим оком призрев на нас, соблюди в нас неугасаемый светильник Твоих заповедей, светом Твоим исправь стопы наша и сподоби нас наслаждаться блаженством небесным, ибо благословен Ты во веки веков.

Когда страдалец молился так, один скорописец записывал слова его. Затем правитель велел отвязать Самона. Но он не мог стоять на ногах, потому что суставы в коленах и бедрах его вышли из своих мест. Тогда, по повелению мучителя, святого отнесли в темницу и положили возле святого Гурия.

Пятнадцатого ноября месяца правитель Музоний, вставши с пением петухов[7452], пошел в палату, где он производил суд, в преднесении свечей и предшествии оруженосцев, и, с надменностью сев на судилище, приказал привести к себе Гурия и Самона. Святой Самон шел посреди двух воинов, опираясь на них обеими руками и хромая, ибо ноги его вытянулись в суставах своих, когда он висел; святого же Гурия несли, так как он совсем не мог ступать; ноги его, вследствие того, что были сдавлены в дереве, покрылись ранами и согнулись. Взглянув на святых, правитель начал говорить:

– Вы имели довольно времени для обсуждения вопроса, что лучше избрать, – жизнь или смерть? Скажите же, на что вы согласились? Наскучили ли вам прежние истязания и надумали ли вы исполнить повеление царей, чтобы остаться еще в живых и насладиться благами мира?

На это святые отвечали:

– Мы обсудили и избрали то, что нам послужит на пользу, – избрали смерть за Христа, пренебрегши жизнью в суетном мире; довольно для нас и минувшего времени, в которое мы насмотрелись на дневной потухающий свет; души наши желают теперь перейти к немеркнущему дню.

Правитель сказал:

– Тяжело моим ушам слышать ваши сопротивные речи; вкратце даю вам полезный совет: положите фимиам на алтарь Дия, и идите домой; если же не положите, то сейчас же велю отсечь вам головы.

– Говорить нам много нет надобности, – отвечали святые, – вот мы пред тобою; что хочешь делать, делай неотложно, ибо мы не перестанем утверждать, что мы рабы Господа нашего Иисуса Христа, Ему Единому поклоняемся и идолопоклонство отвергаем.

Тогда правитель сделал распоряжение, чтобы они были усечены мечом. Святые же, услышав об этом, возрадовались великою радостью, что скоро разрешатся от тела и пойдут к Господу своему. Правитель велел исполнителю казни положить мучеников на колесницу, отвезти далеко за город и там обезглавить их. Святые выведены были из города через северные ворота; никто из граждан не знал об этом, ибо все были объяты глубоким сном. Привезши святых на одну гору, находящуюся в окрестностях Едессы, воины остановились и велели исполнителю казни обезглавить мучеников. Сойдя с колесницы, святые попросили себе немного времени для молитвы и, горячо помолившись, сказали, наконец:

– Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, приими в мире души наши.

Обратясь к исполнителю казни, святой Самон сказал:

– Исполни, что тебе повелено.

Тогда, при рассвете дня, исповедники, преклонив свои святые головы под меч, были обезглавлены, и так скончались. Верующие, узнав о кончине святых мучеников, взяли святые мощи их и похоронили с честию[7453].

По прошествии значительного числа лет, нечестивый царь Ликиний[7454], отделившись от Константина Великого нарушил договор, какой заключил с ним Константин. Отдавая замуж за Ликиния свою сестру и назначая его соучастником в управлении римским государством, Константин положил такого рода условие, чтобы Ликиний, хотя он и язычник по вере, не делал никакого притеснения христианам, но предоставил каждому жить по своей вере, так что, кому какая вера нравится, тот и держался бы ее невозбранно. Однако Ликиний, не сдержав этого договора, воздвиг гонение в восточных странах на христиан и множество верующих предавал смерти различными способами. В это время в вышеупомянутом городе Едессе, в котором прежде пострадали святые мученики Гурий и Самон, жил один диакон, по имени Авив, который, ходя по всему городу из дома в дом, учил людей святой вере и убеждал быть мужественными в исповедании Христа. Своею проповедью святой Авив неверующих обращал ко Христу, а верующих

увещевал жить богоугодно. Узнав о нем, градоначальник Лисаний писал царю Ликинию, донося ему об Авиве, что он весь город Едессу наполнил христианским лжеучением; при этом спрашивал какое относительно него будет повеление. Лисаний писал царю собственно для того, чтобы получить от него право на мучение христиан, ибо ему еще не было поручено делать какое-либо насилие христианам. Царь немедленно отписал ему, чтобы он предал Авива смертной казни. Получив от царя такое повеление, Лисаний приказал отыскать святого Авива, для предания на мучение. Авив жил тогда в одной части города, в неизвестном доме, вместе с матерью и родственниками своими, стараясь о распространении святой веры, которую тайно насаждал там, где не мог делать этого явно. В то время как воины по всему городу искали блаженного Авива, он, узнав об этом, вместо того, чтобы скрываться, выйдя из дома отыскивал искавших его воинов, чтобы самому отдаться им в руки. Встретив в одном месте военачальника, по имени Феотекна, он сказал ему:

– Вот тот, кого вы ищете: ибо я – Авив, которого приказано отыскать вам; возьмите же меня и ведите к пославшему вас.

Феотекн, кротко взглянув на него, сказал:

– О человече, пока еще никто не заметил, что ты подошел ко мне, отойди и скройся, чтобы кто другой из воинов не увидел тебя и не захватил.

Авив отвечал:

– Если ты меня не возьмешь, то я сам пойду и явлюсь к градоначальнику, и исповедаю Христа моего пред царями и владыками.

Услышав это, Феотекн привел его к Лисанию. Тот спросил его о роде и имени. Святый прежде всего объявил, что он – христианин; затем, сказав свое имя, сообщил, что родом он из села, называемого *Фелсея.* Лисаний принуждал его принести жертву идолам и старался, то угрозою, то ласкою, отвратить его от Христа и склонить к идолослужению, а он, как бы столп непоколебимый и стена нерушимая, оставался тверд в исповедании Христовом. Мучитель, не имея возможности привести его к своему нечестию словами, начал принуждать его

к тому делом; велел повесить его и строгать его тело железными когтями. После этого опять уговаривал его поклониться идолам и принести курение на алтарь языческих богов. Но святой твердо отвечал:

– Ничто меня не отлучит от Бога моего, хотя бы ты назначил мне в десятки тысяч раз более лютые мучения.

Мучитель спросил его:

– Какая вам, христианам, польза от тех мук, какие вы терпите за Бога вашего, и какая вам прибыль от того, что тела ваши раздробляются на части и вы самовольно избираете себе горькую смерть?

Мученик отвечал:

– Если бы захотел ты, мучитель, на самом деле обратиться к надежде обещанных нам от Бога нашего воздаяний, то, без сомнения, сказал бы то, что некогда сказал Апостол Господень: «Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8:18)

Мучитель засмеялся на слова мученика, как бы на безумные, сам будучи безумным; затем, видя, что не может отвратить доблестного страдальца от Единого Истинного Бога, осудил его на сожжение.

За городом был разведен большой огонь, и мученика повели на место казни. Он же шел, радуясь о том, что будет жертвою и всесожжением Богу. За ним следовали мать и родственники его; он утешал и увещевал их не скорбеть о нем, а напротив радоваться, что он идет ко Христу и будет молить Его о них. По прибытии к огню, он помолился, дал матери своей и всем знаемым последнее целование, вошел в пламень и тотчас предал дух свой Господу. Когда огонь погас, мать, с прочими верующими, нашла тело святого сына своего неповрежденным от огня и, взяв его, помазала миром и погребла при гробе прежде пострадавших святых мучеников Гурия и Самона, ибо и святой Авив пострадал в тот же день (по прошествии значительного числа лет, в который прежде пострадали и те святые[7455]). Когда же гонение прекратилось и воссияла православная вера, христиане соорудили церковь во имя этих трех святых мучеников и в ней положили, в одной

гробнице, святые мощи их, источающие исцеления болящим и совершающие многие чудеса. Из них воспомянем здесь одно, преславно совершившееся, чудо.

Некогда двинулся с востока на греческое царство нечестивый варварский народ, живший близ Персии и называвшийся *Ефалитами*[7456], и, завоевав много городов, дошел до самой Едессы, с намерением взять и разрушить его, как разрушил и прочие города. И вот греческие цари, желавшие защитить город от врагов и освободить его от осады, собрали множество своих воинов и послали их на помощь Едессе. Войдя в Едессу, греческие войска оставались в нем значительное время, защищая город от варваров. Был в греческом войске один воин, по происхождению готф[7457]. Случилось ему в Едессе жить в доме некоторой целомудренной вдовицы, по имени Софии, имевшей единственную дочь, именем Евфимию, которую она берегла как зеницу ока, соблюдая в девстве и поучая благим нравам и страху Божию. София старалась скрыть ее от человеческих глаз, потому что она была очень красива лицом; она скрывала ее в особой комнате, чтобы не видал ее глаз мужчины. Во время продолжительного пребывания готфа в доме этой вдовы, случилось ему однажды увидеть эту отроковицу. Пораженный ее красотою, он воспламенился к ней страстью, и только и думал, как бы прельстить ее. Приступив к матери, он начал просить ее, чтобы отдала за него дочь свою, и, хотя имел на родине жену и детей, но скрыл это, притворяясь, будто не женат, чтобы получить желаемое. Однако мать отказывала ему:

– Не отдам единственной дочери своей в чужую землю; ты человек пришлый, – отведешь в свою землю дочь мою, а я останусь без нее в большой печали, потому что у меня нет другого детища, которым могла бы утешаться во вдовстве своем, кроме нее одной; не отдам ее тебе, ибо жить не могу, не видя лица ее.

Тогда готф, придя в ярость, начал угрожать ей:

– Если ты, – говорил он, – не отдашь дочери своей, то не выйду отсюда, пока не наведу на тебя многих бедствий и не

подвергну тебя самому крайнему горю; ведь я воин, и легко могу причинить тебе зло, какое только захочу.

Вдова же, хотя и была одна и не было никого, кто бы пришел к ней на помощь, смело возражала ему. После этого воин опять, то ласково просил ее, то опять приходил в ярость, и, то просьбами, то угрозами, склонял вдовицу к тому, чтобы она отдала за него свою дочь. Таким образом он докучал ей всё время, пока жил там. Предлагал он ей и некоторые подарки, ибо был не беден, – покупал для нее и дочери ее золотые украшения и дорогие одежды, чтобы получить то, чего желал; вдовица же и даров не принимала, и от самого его уклонялась, а девицу укрывала с еще большею опасливостью, чтобы не видел ее этот беззаконник. Однажды она сказала ему:

– Я слышала, что ты у себя на родине имеешь жену и детей.

Он же, побеждаемый желанием владеть отроковицею и не имея страха Божия, начал клясться и божиться, говоря, что никогда не был женат и что ее дочь хочет иметь женою и сделать ее госпожою над всем своим имением. Тогда вдова София поверив, наконец, склонилась к его просьбе и согласилась выдать за него дочь свою Евфимию. Воздев руки к Богу, она сказала:

– Владыко, Отче сирот и Судия вдовиц, призри милостиво на создание Свое, и не оставь сей отроковицы, вступающей в брак с неизвестным мужчиною. Не презри моего сиротства и не оставь меня беспомощною, ибо, надеясь на Твой благий промысел, я выдаю свою бедную дочь за человека пришлого и Тебя делаю свидетелем и поручителем его клятв и обещаний.

Отроковица была выдана за этого готфа и, по заключении брака, они мирно зажили. Евфимия зачала, и, прежде чем ей родить, неприятели отступили от города ни с чем, ибо не могли овладеть им, вследствие того, что бывшие в городе войска мужественно защищали городские стены и вели с врагами упорную борьбу, особенно же вследствие того, что город охраняли молитвы святых мучеников Гурия, Самона и Авива. Когда враги отступили, греческим войскам нужно было возвратиться домой, и этот готф также заспешил к себе на

родину. Мать, неутешно рыдая о разлуке со своей дочерью, пыталась взять ее у готфа, не давая ему везти ее в чужую землю, но не могла расторгнуть супружеского союза, скрепленного законом. Когда уже лукавый зять собрался идти с супругою в путь, София привела его и дочь свою в церковь святых страстотерпцев Гурия, Самона и Авива и, поставив пред гробницею мучеников, сказала зятю:

– Не доверю я тебе своей дочери, если не дашь мне в поручители этих святых, пострадавших за Христа, возьмись же за святую раку их и поклянись мне, что не сделаешь дочери моей никакого зла, но будешь беречь ее с должной любовью и уважением.

Готф, считая то делом неважным, тотчас безбоязненно взялся за честную раку святых мучеников и сказал:

– От рук ваших, святые, принимаю эту отроковицу и вас беру поручителями и свидетелями пред матерью ее, что никакого зла не сделаю этой моей супруге, никогда не оскорблю ее, но буду хранить ее с любовью и почитать до конца.

Так говорил готф, причем беззаконник еще и Богом клялся, не думая и не боясь того, что Бог, отмщений Господь, воздаст ему по делам его и погубит его за лукавство. Мать, по выслушании клятвы своего зятя, с воплем сказала святым мученикам:

– Вам после Бога, о святые мученики, поручаю свою дочь и через посредство вас отдаю ее этому пришлому человеку.

Таким образом, помолившись, они дали друг другу любезное целование и разошлись: вдова София возвратилась к себе домой, а готф с Евфимиею пошел в путь, причем находившегося при нем раба он отпустил от себя, чтобы эта тайна не сделалась известною в доме его.

Когда они, прошедши весь путь, достигли отечества готфа и были уже близ дома его, он с большою жестокостью восстал на жену, как враг; забыв любовь к ней и пренебрегши клятвами, снял с нее дорогие одежды и золотые украшения и одел ее бедно, как пленницу и рабу, и, обнажив меч, дал ей такой наказ:

– Если хочешь быть в живых, то, войдя в мой дом, никому не говори ничего о том, что было между нами, а говори, что ты –

пленница, ибо я имею в своем доме жену и детей; ты же будь моей жене рабой и повинуйся ей во всем, как своей госпоже; а если объявишь ей или скажешь кому из моих родственников, что я женился на тебе, то увидишь мой меч на шее своей и умрешь.

Увидев себя обманутою и оскорбленною злым варваром и услыхав угрозу его, Евфимия сказала ему:

– Это ли любовь твоя? Это ли исполнение твоих обещаний? Таковы ли были твои клятвы и таково ли было у тебя намерение, чтобы меня, твою супругу, сделать пленницею и свободную – рабою? Из-за тебя я оставила свою мать, сродников и отечество и прилепилась к тебе нелицемерною любовью, доверяя твоим словам, которые ты подтвердил клятвами, а ты воздаешь мне за любовь ненавистью и, вместо мужа и друга, стал мне варваром, врагом и мучителем, заведшим меня в чужую землю, чтобы погубить.

Сказав это, она возвела очи к небу и, подняв руки, воздыхая из глубины сердечной и горько плача и рыдая, возопила к Богу:

– Боже родителей моих, посмотри на бедствие мое, услышь мое воздыхание и вонми гласу молитвы моей! Посмотри, что делает со мною этот клятвопреступник, и избавь меня от злых бедствий, по молитвам святых Твоих угодников, пострадавших за Тебя. О святые мученики Гурий, Самон и Авив! Вас ныне призываю: помогите мне, впавшей в неожиданное бедствие, ибо, на вас надеясь, пошла я с этим готфом; будьте же вы ему отмстителями за меня и избавьте меня от беды.

Когда она так горько рыдала и молилась тайно в сердце своем, вошли они в дом готфа. Жена его, увидев Евфимию и заметив красоту ее лица, взволновалась ревностью, ибо заподозрила, что муж ее находился с нею в беззаконном сожитии, и спрашивала мужа.

– Что это за девица, и откуда ты привел ее?

Тот отвечал:

– Это – пленница; я привел ее из Едессы, чтобы она была тебе рабою.

Жена сказала:

– Красота лица ее обличает в ней не рабу, а свободную.

Муж ответил:

– Хотя она в своей земле и была свободной, как это показывает вид ее, но теперь она – раба твоя.

Евфимия, будучи не в состоянии от страха ничего сказать, молчала и повиновалась жене готфа, служа ей, как раба своей госпоже; она не знала, что бы такое сделать, что могло бы избавить ее от обрушившихся на нее бедствий. И жила она, проходя служение рабыни, всегда имея в уме святых мучеников и со слезами взывая к ним:

– Поспешите помочь мне, рабе вашей, святые, поспешите оказать мне милость и не оставьте без внимания совершенного надо мною поругания и обмана.

Госпожа ее, питая в сердце чувство ревности, была очень жестока и безжалостна к ней; приказывала ей делать всякое самое тяжелое дело, и различным образом мучила ее. Всего же хуже было то, что она никогда не хотела говорить с ней; к тому же, Евфимия не знала готфского языка и не могла дать госпоже о себе никакого сведения, да и готфа боялась, как бы он не убил ее, в случае, если она что-нибудь расскажет о себе своей госпоже.

По прошествии некоторого времени, жена готфа узнала, что Евфимия беременна, и разгорелась к ней еще большею ревностью и восстала против нее с более лютою яростью, возлагая на нее самые изнурительные работы, чтобы таким образом извести ее. По наступлении надлежащего срока, Евфимия родила младенца мужеского пола, лицом совершенно похожего на готфа, который был ему действительным отцом. Жена готфа, видя младенца совершенно похожего на своего мужа, исполнилась страшного гнева и стала думать, как бы убить этого младенца. Она сказала мужу:

– Зачем ты запираешься, что не познал этой отроковицы? Ведь вот рожденный ею младенец обличает явно твое дело, потому что он – совершенно твое подобие.

Готф опять стал запираться, говоря:

– Это неправда, я никогда не сожительствовал с нею; ты же имеешь над нею власть и что хочешь делай с нею, ибо она –

пленница и раба твоя.

Тогда эта злая женщина замыслила отравить младенца. Спустя немного времени, она приготовила смертоносный яд, отослала мать от младенца на какую-то работу и, когда младенец остался один, влила отраву в уста его – и младенец скоро умер. Мать, возвратившись с работы, увидела младенца, лежащего мертвым, и исполнилась несказанной скорби и терзалась сердцем, в горькой по нем печали. Она не знала, что было причиною внезапной его смерти, потому что никого не было в комнате, когда госпожа влила в уста младенцу яд. Но, приготовляя его к погребению, Евфимия увидела, что из уст дитяти течет яд, и тогда вспомнила она, что госпожа ее однажды угрожала погубить ее вместе с сыном, и догадалась, кто виновница смерти младенца. Однако же она молчала, ничего не смея говорить. Взяв немного шерсти, она отерла ею яд, текший из уст младенца, и спрятала ее у себя, не открывая этой тайны никому. Младенец был предан погребению.

Через несколько дней готф созвал друзей своих на ужин, и Евфимия служила при столе. Когда ей пришло время подавать чашу госпоже, она, желая узнать, действительно ли младенец ее умер отравленный госпожою, взяла ту шерсть, которою отерла уста сына, омочила ее тайно в питье, и затем вынувши, выжала в чашу и это питие подала своей госпоже. Та, ничего не зная, испила эту чашу, и таким образом несчастие обратилось на голову ее, ибо в ту же ночь жена готфа внезапно умерла и, таким образом впала в яму, которую сама же выкопала. Наутро готф, вставши, увидел жену свою мёртвою, и пришел в ужас от неожиданной ее смерти; весь дом исполнился плача; сошлись все родственники, друзья и соседи и горевали о ней; затем, сделав для нее роскошный гроб торжественно положили в него мертвую.

Когда минуло семь дней после погребения умершей, сродники ее вспомнили о девице, приведенной из Едессы, и стали говорить:

– Не иной кто виноват во внезапной смерти нашей родственницы, как только эта пленница, которая всегда была к ней враждебна.

И вот все восстали на Евфимию, и хотели представить ее на суд правителю области, чтобы он мучениями выпытал от нее, как она умертвила свою госпожу, но так как правителя тогда не было дома, то они переменили свое намерение и решили похоронить Евфимию живою вместе с умершею госпожою ее. Открыв гроб умершей, они положили Евфимию к трупу, издававшему запах, кишевшему червями и гнившему, – чтобы она умерла там насильственною смертью. Кто может выразить скорбь Евфимии, ее печаль, боязнь и трепет, страх и ужас, рыдание и плач? Пусть кто-либо только представит себе страх живого человека, заключенного во гробе, вместе с смердящим трупом; страх от мертвеца, зловоние от трупа, тьму и тесноту гробовую, кругом черви, дыхание смерти и несказанное страдание! Находясь в такой крайней тесноте, Евфимия в горести сердца, прилежно возопила к Богу из гроба, как некогда пророк Иона во чреве кита:

– Господи Боже сил небесных, седящий на Херувимах и видящий бездны, Ты видишь горечь сердца моего и тесноту в этом темном и смрадном гробе; Ты знаешь, что ради имени Твоего я отдана была за беззаконного готфа, ибо он клялся Твоим именем, когда брал меня; помилуй же меня ради имени Твоего святого. Ты мертвишь и живишь, низводишь в ад и изводишь (1Цар.2:6): избавь меня от этой горькой смерти и изведи из этого гроба, как из ада, ибо Ты силен и мертвых воскрешать, – тем более можешь извести из врат смертных меня, живую, но находящуюся близ смерти. Помилуй меня, Владыка, ради святых мучеников Гурия, Самона и Авива, излияние крови которых и смерть за Тебя принял Ты, как чистую жертву. О святые мученики! Вас поставил враг мой поручителями пред моею матерью – итак, спасите меня.

Когда она молилась так в горести своей души, явились три светоносных мужа, сияющих как солнце, – святые мученики Гурий, Самон и Авив, и тотчас смердящий запах в гробе исчез; Евфимия ощутила великое благоухание, исходящее от явившихся святых мучеников. Они сказали ей:

– Ободрись, дочь, и не бойся: ты скоро получишь спасение.

Когда святые сказали это, сердце Евфимии усладилось и от пресветлого видения святых, и от утешительных слов их; исполнившись радости, она забылась и уснула сладким сном. Во время этого сна, она была взята из гроба невидимою всемогущею силою Божиею, в один час перенесена в Едессу, в церковь святых мучеников Гурия, Самона и Авива, и положена при честной раке их. Была ночь, и в церкви совершалось обычное утреннее служение, когда она была перенесена сюда. Пробудившись от сна, она снова увидела святых мучеников, которые говорили ей:

– Радуйся, дочь, и узнай, где ты теперь; вот мы исполнили то, что обещали, иди же с миром к своей матери.

Сказав это, они стали невидимы. Евфимия, вставши, оглядывалась кругом, где она находится. Увидев церковные стены, иконы, свечи и честную раку святых мучеников и притом еще услышавши пение клириков, она убедилась, что находится в Едессе, в церкви поручников своих, святых страстотерпцев Христовых Гурия, Самона и Авива. Тогда она исполнилась несказанной радости и веселия и, обнимая с любовью гробницу святых мучеников, со слезами воздавала благодарение Богу и святым Его за такую, оказанную ей, милость. В чувстве благодарности, она говорила: «Бог наш на небесах [и на земле]; творит все, что хочет» (Пс.113:11), послал с небес и спас меня; благословен Господь спасающий уповающих на него: «Вечером водворяется плач, а наутро радость» (Пс.29:6). Когда она, с радостными слезами, говорила это и многое другое, услышал ее слова и плач пресвитер и, подойдя к ней, стал спрашивать ее:

– Кто ты такая и отчего так плачешь?

Она начала рассказывать ему всё подробно, как она была отдана готфу матерью при раке святых, что она перенесла от этого клятвопреступника, как вчера была заключена во гробе и как во время молитвы ее явились к ней святые мученики и в один час перенесли ее из готфской земли в эту их церковь.

Пресвитер, слушая это, ужаснулся, дивясь великой силе Божией. Впрочем, он еще не хотел совершенно поверить тому, что она говорила, и спросил ее:

– А кто твоя мать?

Узнав, что мать ее – вдова София, пресвитер тотчас послал за нею, приглашая ее прийти в церковь. Мать, ничего не зная, немедленно пришла и, увидев свою дочь, стоящую при гробнице святых мучеников, одетую в бедные одежды, пришла в ужас от такого неожиданного зрелища; подойдя к ней, она обняла ее, и, павши к ней на шею, плакала; плакала и Евфимия, и обе от плача не могли сказать ни слова. Затем, не скоро уняв слезное рыдание, мать спросила ее:

– Как ты оказалась здесь, дочь моя, и почему ты одета в такие плохие одежды?

Тогда Евфимия рассказала ей подробно все, что перенесла в чужой земле от лукавого мужа, как вчера заключена была в гробу и чудесно спасена и перенесена явившимися ей святыми мучениками Гурием, Самоном и Авивом. Слыша всё это, мать истаевала сердцем от жалости, и все находившиеся в храме, выслушав рассказанное, очень дивились и прославляли всемогущую силу и милость Божию. Павши пред гробницею святых мучеников, мать громким голосом возносила благодарение Богу и святым Его; и пробыли они весь тот день в церкви, молясь и благодаря Бога, и с любовью и усердием обнимая и лобызая раку святых мучеников. Поздно вечером мать с дочерью своею с радостью отправилась домой, славя Бога.

Наутро слух об этом чуде прошел по всему городу; отовсюду собрались в дом к вдовице ее родственники и соседи и, в ужасе, дивились тому, что рассказывала им Евфимия. Все хвалили имя Господне и величали и прославляли помощь святых мучеников.

София с дочерью проводила богоугодно дальнейшие дни своей жизни. Всем рассказывали они о милостиво явленной им силе Божией. Евфимия говорила: «Десница Господня высока, десница Господня творит силу!» Десница Господня от готфов перенесла меня в Едессу: «Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни» (Псал. 117:16–17).

Клятвопреступнику же готфу Бог совершил отмщение следующим образом.

По истечении некоторого времени, тот самый нечестивый народ, который раньше воевал с греками, соединившись с персами, опять пошел на греческую землю и пытался взять город Едессу. Ввиду этого, в Едессу для защиты его снова было прислано греческими императорами войско. Пришел с этим войском и тот готф, который хитростью и лестью взял у Софии дочь Евфимию. Он ничего не знал о совершившемся чуде и думал, что Евфимия умерла, заключенная в гробу с мертвою его женою; без смущения пришел он в дом к Софии, как к своей теще. Она, увидев, что он пришел, скрыла Евфимию во внутренних комнатах, а его приняла, показывая вид, будто радуется о прибытии своего зятя. Затем, собрав своих родственников и соседей, она начала при них расспрашивать готфа, говоря:

– «Как Бог помог вам совершить отсюда путешествие? Не заболела ли в пути дочь моя, будучи беременною, и как родила! Я много тужила о ней, так как она была беременною, и я боялась, чтобы не приключилось с ней какой беды в дороге.

Тот отвечал:

– Бог, по молитвам твоим, помог нам совершить путь благополучно; дочь твоя здорова: родила мальчика. Она приветствует тебя, и если бы не был неожиданным этот путь, в который нам велено было идти поспешно, то и дочь твоя пришла бы со мною и с младенцем к тебе, чтобы доставить тебе утешение; впрочем, она придет в более удобное время.

Услышав такие слова, София распалилась справедливым гневом на ложь этого злого человека и, разодрав свои одежды, громко возопила:

– Лжец, лукавый человек и убийца, куда ты девал мою дочь?

Сказав это, она вывела Евфимию из внутренних комнат, поставила ее пред готфом и сказала:

– Знаешь ли ты эту девицу, кто она, знаешь ли, куда ты заключил ее, клятвопреступник? Ты смерти предал ее, беззаконник!

Он же, услышав эти слова и увидев Евфимию, затрепетал, сделался безгласен и не мог произнести ни одного слова, как

бы мертвый. Тогда родственники и соседи вдовицы взяли его, затворили в комнате накрепко и остались стеречь при дверях. Мать с дочерью пригласили писца, описали всё, что случилось с ними, ничего не опустив из этого предивного чуда, и, отправившись к епископу этого города, блаженному Евлогию, подали ему эту запись; сообщили и о прибытии к ним злого и лукавого готфа. Епископ, по прочтении записи, тотчас взял свой клир и пошел к воеводе, начальствовавшему над пришедшим греческим войском, и приказал прочесть пред воеводою данную ему вдовою и дочерью ее запись, в которой было подробно описано это предивное чудо святых мучеников. Воевода, прослушав со вниманием прочитанное, пришел в ужас, дивясь славному чуду, и все находившиеся с ним исполнились страха. Воевода немедленно приказал привести к нему готфа. Представлена была ему и вдова София с дочерью Евфимиею. Снова велел он прочесть во всеуслышание написанную о них запись, ибо во двор воеводы собралось множество народа, мужей и жен. И спросил он готфа, истинно ли то, что написано? Готф отвечал, что это истинно и ничего здесь нет ложного. Тогда воевода сказал ему:

– Окаянный убийца! Как ты не побоялся Бога и Страшного Суда Его и не устрашился клятвы, данной при гробнице святых мучеников, которых сделал ты поручителями и свидетелями своих обещаний? Отчего ты не пощадил отроковицы, которую прельстил своею хитростью? Прими же казнь заслуженную по делам твоим.

Воевода велел отсечь ему голову мечом. Боголюбивый епископ усердно просил воеводу, чтобы он не предавал готфа смерти, но оказал ему милость и оставил его в живых, дабы тот прославлял величие Божие. Но воевода отвечал епископу:

– Боюсь помиловать сделавшего такое великое злодеяние, чтобы не прогневать святых мучеников, которых оскорбил этот клятвопреступник.

И, по повелению воеводы, готф был обезглавлен. Так получил возмездие этот окаянный человек; Бог же прославился во святых Своих; от нас же, грешных, да будет Ему слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 5:

Чудеса святых Твоих мученик, стену необориму нам даровавый Христе Боже, тех молитвами советы языков разори, царства скиптры укрепи, яко един Благ и Человеколюбец.

Кондак, глас 2:

С высоты мудрии благодать приемше, сущым во искушениих предстоите всехвальнии. Темже отроковицу святии от смерти горькия избависте: вы бо воистинну есте Едесу слава, и миру радость.

Память святых мучеников Елпидия, Маркелла и Евстохия

Память 15 ноября

Блаженный Елпидий в царствование Юлиана Отступника был членом государственного совета. Как христианина, его привели на суд Юлиана, который повелел надеть на него власяную одежду, унизанную гвоздями и смазанную горячею смолою. После этого его начали бить, так что гвозди вонзались в тело блаженного. Мученик мужественно переносил страдания и не соглашался на убеждения отречься от Христа. Тогда его бросили в ров и начали обливать сверху горячей водой, от чего тело его покрылось струпьями. Для увеличения мучений, беззаконный правитель приказал смешать смолу, вар и другие подобные вещества, разжечь их и поливать ими загнившие раны мученика, а в рот лить ему горячую смолу. Наконец, святого Елпидия вместе с Евстохием и Маркеллом привязали к диким коням, чтобы они их растерзали. Однако кони не причинили им никакого вреда. Тогда святых избили палками и бросили в огонь, где они предали дух свой в руки Бога Живого.

Честные тела их были погребены на Кармильской горе[7458] и некоторое время находились там. Но однажды Христос, вместе с Ангельскими силами, при блеске молнии и раскатах грома, явился туда и приветствовал святых мучеников. При этом Господь оживил тело святого Елпидия и послал его на новые подвиги. Слух об этих подвигах дошел и до Юлиана. Как только узнал Юлиан, что Елпидий невредим, приказал растянуть тело святого мученика, привязав его к четырем столбам, немилосердно бить, острыми пилами наносить раны и растирать их уксусом и солью. Затем велел разложить тело его на горячие угольа и сверху посыпать горячим пеплом. Когда святой мужественно перенес и эти мучения, его повесили на дерево и стали прикладывать к телу его раскаленный щит, посыпая его пеплом. Во время этих мучений произошло дивное чудо: по молитвам святого, стоявшие неподалеку идолы рассыпались в прах. Видя это, язычники, в числе шести тысяч человек,

обратились к вере Христовой. После всего этого святого Елпидия бросили в разожженную печь, где святой предал душу свою Господу, Коего возлюбил измлада[7459]. Богу, дивному во святых Своих честь и слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Память святого мученика Димитрия

Память 15 ноября

Святой мученик Димитрий происходил из селения Дабуда, во Фракии, и пострадал при императоре Максимиане Галерии и его соправителе Максимине. Фракийскому префекту Публию донесли на святого, что он христианин, и, по приказанию префекта, святой был схвачен. На допросе Димитрий смело исповедовал Христа Богом, говорил о Святом Духе и учил о воплощении Иисуса Христа, о Его благости и человеколюбии. Затем обличил душевредное идольское обольщение, показав, как слепы и глухи те, кои разделяют его. Своими речами он сильно прогневал правителя, который приказал отсечь ему голову[7460]. Так скончался святой мученик, прияв от Господа небесный венец. Честные мощи святого Димитрия были погребены верными и богобоязненными мужами, и источают исцеления всем приходящим к ним.

Житие и страдание святого Апостола и Евангелиста Матфея

Память 16 ноября

Святой Апостол и Евангелист Матфей, сын Алфея, иначе называемый Левием (Мк. 2:14. Мф. 9:9. Лк. 5:27), жил в Галилейском городе Капернауме[7461]. Он был человек состоятельный и занимал должность мытаря[7462]. Соотечественники презирали и чуждались его, как и всех ему подобных. Но Матфей, хотя и был грешником, но в то же время был не только не хуже, но и много лучше гордящихся своею мнимою внешнею праведностью фарисеев[7463]. И вот Господь остановил на этом, всеми презираемом, мытаре Свой Божественный взор. Однажды, во время пребывания Своего в Капернауме, Господь вышел из города и пошел к морю, сопровождаемый народом. На берегу Он увидел сидящего у мытницы[7464] Матфея. И сказал ему:

– Иди за Мной!

Услышав сии слова Господа не телесным только слухом, но и сердечными очами, мытарь тотчас же встал с места своего и, оставив всё, последовал за Христом. Матфей не раздумывал, не удивлялся, что Великий Учитель и Чудотворец зовет его, презренного мытаря; он всем сердцем внял словам Его, и беспрекословно пошел за Христом. В радости Матфей приготовил в доме своем большое угощение. Господь не отрекся от приглашения и вошел в дом Матфея. И собралось в дом Матфея множество соседей его, друзей и знакомых, – все мытари и грешники, – и возлежали за столом вместе с Иисусом и учениками Его. Там же случилось быть и некоторым из книжников[7465] и фарисеев. Увидев, что Господь не гнушается грешников и мытарей, но возлежит с ними рядом, они роптали и говорили ученикам Его:

– Как это Он ест и пьет с мытарями и грешниками?

Господь же, услышав слова их, сказал им:

– Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию[7466].

С этих пор, Матфей, оставив всё свое достояние, пошел за Христом (Лк.5:28) и, как верный ученик Его, после того уже не отлучался от Него. В скором времени он удостоился сопричисления к лику 12 избранных Апостолов (Мф. 10:1–42; Мк. 3:13–19; Лк.6:13–16). Вместе с другими учениками Господа Матфей сопровождал Его в путешествиях по Галилее и Иудее, внимал Его Божественному учению, видел бесчисленные Его чудеса, ходил с проповедью к погибшим овцам дома Израилева, был свидетелем крестных страданий и искупительной смерти Спасителя и преславного вознесения Его на небо.

После вознесения Господня и сошествия Святого Духа на Апостолов, святой Матфей сначала оставался в Палестине, вместе с другими Апостолами проповедуя Евангелие в Иерусалиме и его окрестностях. Но вот наступило время разойтись Апостолам из Иерусалима по разным народам, для обращения их к вере Христовой. Пред отбытием Апостола из Иерусалима, Иерусалимские христиане из Иудеев просили его передать для них письменно дела и учение Иисуса Христа. На исполнение сей просьбы изъявили свое согласие и прочие, бывшие в то время в Иерусалиме, Апостолы. И святой Матфей, исполняя общее желание, написал Евангелие спустя 8 лет по Вознесении Христовом[7467].

Удалившись из Иерусалима, святой Апостол Матфей проповедовал Евангелие во многих странах. Благовествуя Христа, он прошел Македонию, Сирию, Персию, Парфию и Мидию и обошел всю Эфиопию[7468], на которую ему пал жребий, и просветил ее светом разума Евангельского. Наконец, наставляемый Духом Святым, пришел он в землю людоедов, к чернокожему звероподобному народу, вошел в город, называемый Мирмены, и там, обратив несколько душ к Господу, поставил им епископом спутника своего Платона и создал небольшую церковь; сам же восшел на находившуюся вблизи гору и пребывал на ней в посте, усердно молясь Богу об обращении того неверного народа. И явился ему Господь во образе прекрасного юноши, имея в правой руке жезл, и приветствовал его. Протянув правую руку и отдавая святому

жезл тот, Он повелел ему сойти с горы и водрузить жезл при дверях устроенной им церкви.

– Жезл этот, – говорил Господь, – силою Моею вырастет в высокое дерево, и дерево то принесет обильный плод, величиною и сладостью превосходящий все другие садовые плоды; а от корня его истечет источник чистой воды. Омывшись в воде источника, людоеды получат благолепие лица, и всякий, кто только вкусит от того плода, позабудет зверские нравы и станет добрым и кротким человеком.

Матфей, приняв жезл из руки Господней, сошел с горы и пошел в город исполнить то, что ему было повелено. У князя того города, именем Фульвиана, жена и сын были одержимы бесами. Встретив на пути Апостола, они вопили на него дикими, угрожающими голосами:

– Кто послал тебя сюда с этим жезлом на нашу пагубу?

Апостол запретил духам нечистым и изгнал их; исцелившиеся поклонились Апостолу и кротко последовали за ним. Узнав о его приходе, епископ Платон встретил его вместе с клиром, и святой Матфей, вошедши в город и приблизившись к церкви, сделал, как ему было повелено: водрузил данный ему от Господа жезл, – и тотчас, в виду всех, жезл сделался великим деревом, простирающим многолиственные ветви, и на нем появились прекрасные плоды, большие и сладкие, и источник воды истек от корня. Все видевшие это были поражены изумлением; весь город сошелся на такое чудо, и вкушали плоды дерева и пили чистую воду. А святой Апостол Матфей, стоя на высоком месте, проповедовал собравшимся людям слово Божие на их языке; и тотчас все уверовали в Господа, и крестил их Апостол в чудотворном источнике. И все крестившиеся людоеды, согласно слову Господню, выходили из воды благолепные лицом и белые кожей; они получали не только телесную, но и душевную белизну и красоту, отлагая ветхого человека и облекаясь в нового человека – Христа. Узнав о случившемся, князь сначала порадовался исцелению супруги и сына, но потом, по научению бесовскому, разгневался на Апостола за то, что весь народ приходит к нему, оставляя богов своих, и замыслил погубить его. Но в ту же ночь Апостолу

явился Спаситель, повелевая ему мужаться и обещая пребывать с ним в наступающей скорби. Когда наступило утро, и Апостол в церкви вместе с верующими воспевал хвалу Богу, князь послал четырех воинов взять его; но когда они пришли к храму Господню, тотчас объяла их тьма, и они едва могли возвратиться назад. Когда же их спросили, почему они не привели Матфея, – они отвечали:

– Мы слышали, как он беседовал, но видеть и взять его не могли.

Еще сильнее разгневался Фульвиан. Он послал еще более воинов с оружием, повелев им силою привести Матфея, а если кто будет противиться и защищать Матфея, – тех убивать. Но и эти воины воротились ни с чем, ибо когда они приблизились к храму, небесный свет осиял Апостола, и воины, будучи не в состоянии смотреть на него, пришли в великий страх и, бросив оружие, прибежали назад полумертвые от страха и рассказали о бывшем князю. Страшно разъярился Фульвиан и пошел со всем множеством слуг своих, желая сам схватить Апостола. Но едва он успел приблизиться к Апостолу, как внезапно ослеп и стал просить, чтобы ему дали проводника. Тогда он начал умолять Апостола простить ему согрешение его и просветить его ослепленные очи. Апостол, сотворив знамение креста на очах князя, даровал ему прозрение. Князь прозрел, но только – телесными очами, а не душевными, ибо злоба ослепила его, и столь великое чудо он приписал не Божией силе, а волхвованию. Взяв за руку Апостола, он повел его к своему дворцу, как будто желая почтить его, а в сердце лукаво замышляя сжечь Апостола Господня, как волхва. Но Апостол, провидя тайные движения его сердца и лукавые замыслы, обличил князя, говоря:

– Мучитель льстивый! Скоро ли ты совершишь то, что замыслил сделать со мною? Делай то, что сатана вложил в твое сердце, а я, как видишь, готов всё перенести за Бога моего.

Тогда князь повелел воинам схватить святого Матфея и растянуть на земле лицом кверху, а руки и ноги крепко прибить гвоздями. Когда это было сделано, слуги собрали, по повелению мучителя, множество ветвей и хворосту, принесли

смолы и серы и, положив всё это на святого Матфея, зажгли. Но когда огонь разгорелся великим пламенем и все думали, что Апостол Христов уже сгорел, внезапно огонь охладел и пламя угасло и святой Матфей оказался живым, невредимым и славящим Бога. Видя это, весь народ пришел в ужас от столь великого чуда и воздал хвалу Богу Апостола. Но Фульвиан еще более разъярился. Не желая признать в происшедшем Божию силу, сохранившую живым и не поврежденным от огня проповедника Христова, он возводил на праведника беззаконное обвинение, называя его волхвом.

– Волхвованием, – говорил он, – погасил Матфей огонь и остался в нем жив.

Затем он приказал принести еще более дров, ветвей и хворосту и, положив на Матфея, – зажечь, а сверху поливать смолою; кроме того, приказал принести двенадцать своих золотых идолов и, поставив их кругом огня, призывал их на помощь, чтобы силою их Матфей не мог избавиться от пламени, и обратился бы в пепел. Апостол же в пламени молился Господу сил, чтобы Он показал непобедимую силу Свою, явил бессилие богов языческих и посрамил надеющихся на них.

И внезапно пламень огненный с ужасным громом устремился на золотых идолов и они растаяли от огня, как воск, и кроме того, были опалены и многие из стоявших вокруг неверных; а из расплавившихся идолов вышло пламя, в образе змея и устремилось на Фульвиана, угрожая ему, так что он не мог убежать и избавиться от опасности, пока не воззвал с смиренной мольбою к Апостолу об избавлении от погибели. Апостол запретил огню, и тотчас пламень угас и подобие огненного змея исчезло. Фульвиан хотел с честью извести святого из огня, но он, сотворив молитву, – предал святую свою душу в руки Божии[7469]. Тогда князь приказал принести золотой одр и на нем положить честное тело Апостола, неповрежденное огнем, и, одев его в драгоценные одежды, поднял вместе со своими вельможами и внес в свой дворец. Но он еще не имел совершенной веры, и потому велел выковать железный ковчег, плотно залить со всех сторон оловом и бросить в море, причем сказал своим вельможам:

– Если Тот, Кто сохранил Матфея целым от огня, сохранит его также и от потопления в воде, то воистину Он есть Единый Бог, и Ему будем поклоняться, оставив всех богов наших, не могших себя избавить от гибели в огне.

После того как этот железный ковчег с честными мощами был брошен в море, святой ночью явился епископу Платону, говоря:

– Завтра иди на морской берег на восток от княжеского дворца и там возьми мои мощи, вынесенные на сушу.

Наутро епископ, в сопровождении множества верующих, отправился на показанное место и нашел железный ковчег с мощами святого Апостола Матфея, как было ему возвещено в видении.

Узнав об этом, пришел и князь со своими вельможами и, на этот раз уже вполне уверовав в Господа нашего Иисуса Христа, громогласно исповедал, что Он есть Единый истинный Бог, Который сохранил невредимым раба своего Матфея – как при жизни в огне, так и по смерти – в воде. И припадая к ковчегу, с мощами Апостола, просил у святого прощения в своих прегрешениях пред ним и изъявил сердечное желание креститься. Епископ Платон, видя веру и усердие Фульвиана огласил его и, научив истинам святой веры, крестил. И когда возложил руку свою на голову его и хотел наречь ему имя, послышался свыше голос, говорящий:

– Назови его не Фульвианом, а Матфеем.

Приняв таким образом в крещении имя Апостола, князь старался быть подражателем и жизни Апостола: вскоре он передав другому свою княжескую власть, отказался совершенно от мирской суеты, предался молитве в церкви Божией и епископом Платоном удостоен был пресвитерского сана. А когда, по прошествии трех лет, епископ умер, оставившему власть княжескую пресвитеру Матфею явился в видении святой Апостол Матфей и увещал его принять епископский престол после блаженного Платона. Приняв епископство, Матфей добре потрудился в благовестии Христовом и, отвратив многих от идолопоклонства, привел к Богу, а затем и сам отошел к Нему, после долгой богоугодной

жизни, и, предстоя с святым Евангелистом Матфеем престолу Божию, молит о нас Господа, дабы и мы были наследниками вечного царствия Божия. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Усердно от мытницы к звавшему Владыце Христу, явльшуся на земли человеком за благость, Тому последовав, Апостол избранный явился еси, и благовестник Евангелия вселенней велегласен: сего ради чтим честную память твою, Матфее богоглаголиве. Моли Милостиваго Бога, да грехов оставление подаст душам нашим.

Кондак, глас 4:

Мытарства иго отверг, правды игу припряглся еси, и явился еси купец всеизряднейший, богатство принес, юже с высоты премудрость: отонудуже проповедал еси истины слово, и унылых воздвигл еси души, написав час судный.

Житие святого отца нашего Григория чудотворца, епископа Неокесарийского

Память 17 ноября

Святой Григорий происходил из славного и великого города Неокесарии[7470], от родителей язычников. В молодых годах он потерял их. Занявшись изучением Еллинской премудрости[7471], начал он уразумевать и совершеннейшую премудрость, которая состоит в познании Единого Истинного Бога: из творений познавал он Творца и старался благоугождать Ему незлобием и целомудренной жизнью. Ознакомившись со святым Евангельским учением, он немедленно стал последователем его и, приняв крещение, старался жить по заповедям Христа, в чистоте и нестяжательности, отказался от всей суеты мирской, богатств, гордости, славы и временных наслаждений. Отказавшись от угождения плоти, Григорий пребывал в великом воздержании, умерщвляя свою волю, и оберегал чистоту своего девства так строго, что в течение всей жизни, от чрева матери до блаженной кончины своей, не познал плотского греха и сохранил себя от скверны, чтобы быть угодным Единому Чистому и Безгрешному, от Безгрешной Девы рожденному, Христу Богу. Предавшись Ему от юности, с помощью Его он преуспевал от силы к силе, от добродетели к добродетели, и проходил путь жизни беспорочно: за то возлюбил его Бог и люди добрые, а злые ненавидели.

Когда он, будучи еще юношей, изучал в Александрии философию и врачебное искусство вместе со многими юношами, стекавшимися туда от всех стран[7472], то целомудренная и непорочная жизнь его возбудила ненависть его сверстников. Будучи невоздержны и порабощены страстями, они жили нечисто, входя в дома блудниц, как было в обычае у языческих юношей; а святой Григорий, как юноша христианский, уклонялся от этого пагубного пути, избегал нечистоты и ненавидел беззаконие; как крин среди терния[7473], так среди нечистых светился он своею чистотою. Многие знали о его чистой и непорочной жизни, и за то многие достойные

философы и граждане весьма почитали его и славили; сверстники же, не будучи в состоянии смотреть на юношу, который воздержанием и чистотою превосходил не только юношей, но и старых, замыслили распространить худой слух между людьми, будто и он жил так же нечисто, как и прочие, и тем помрачить ту добрую славу, которою по справедливости он пользовался между людьми. Они научили какую-то блудницу, чтобы она оклеветала и разнесла худую молву о неповинном и чистом сердцем отроке. Однажды, когда святой на виду всех беседовал с достойными философами и первейшими учителями, блудница, наученная сверстниками святого, приступила к нему, бесстыдно прося у него должной платы за совершенный будто бы с нею плотской грех. Это слышали все и удивились; одни соблазнились, считая это за истину, а другие, зная чистоту и непорочность Григория, не дали веры словам бесстыдной блудницы и отгоняли ее. Она же, громко крича, докучала святому, чтобы он отдал плату за совершенное любодеяние. О как совестно стало святому Григорию, когда такие бесстыдные и несправедливые нарекания женщины явно грешной услышал он в присутствии столь многих честных людей! Как чистая девица, покраснел он в лице; однако, будучи незлобивым, и кротким, не сказал блуднице ничего жесткого, нимало не показал гнева, не стал оправдываться или представлять свидетелей своей неповинности, но кротко сказал одному из своих друзей:

– Дай скорее ей плату, сколько требует, чтобы она ушла от нас, не докучая нам более.

Друг тотчас отдал ей, сколько она хотела, искупая неповинного Григория от стыда. Бог же, верный на небесах Свидетель, открыл эту неправду следующим образом. Он допустил духа нечистого к бесстыдной и льстивой блуднице, и когда она приняла в руки неправедную мзду, то сейчас приняла и лютую казнь: ибо бес напал на нее и начал ее мучить пред всеми. Блудница упала на землю, вопила страшным голосом, трепетала всем телом, скрежетала зубами и приходила в оцепенение, испуская пену, так что все предстоявшие исполнились великого страха и ужаса, видя столь скорое и

лютое отмщение за неповинного юношу. И не перестал мучить ее бес до тех пор, пока святой не сотворил о ней прилежной молитвы к Богу и тем отогнал от нее беса. Это послужило началом чудес юного Григория, добродетелям которого дивились и старцы.

У Григория был благоразумный и добронравный друг, по имени Фирмиан, родом из Каппадокии. Открыв ему свою заветную мысль – оставить все и служить единому Богу, Григорий нашел, что и Фирмиан имеет ту же мысль и желает идти тем же путем. По взаимному совету, оба они оставили мирскую философию, оставили языческие училища и начали учиться христианской премудрости и тайнам Божественного Писания. В то время среди учителей Церкви Христовой славился знаменитый Ориген[7474]. Пришедши к нему вместе с другом своим Фирмианом, святой Григорий стал учиться у него и, пробыв у него довольно времени, возвратился на родину свою, в Неокесарию. Граждане неокесарийские и все знавшие его, видя его великую премудрость, хотели, чтобы он был среди сограждан в почете и принял на себя обязанности судьи и градоправителя. Но Григорий, избегая гордости, пустой славы человеческой и тех многочисленных сетей, которыми враг опутывает мир, оставил свой отечественный город и, поселившись в пустыне, жил в глубоком уединении, для одного Бога – в каких подвигах и трудах, о том знает лишь Тот, Который «создал сердца» наши и «вникает во все дела» наши (Пс.32:15).

Когда святой Григорий пребывал в пустыне и упражнялся в богомыслии, узнал о нем блаженный Федим, епископ Каппадокийского города Амасии, и захотел извести его из пустыни на служение Церкви Христовой, поставить его святителем и учителем: ибо он провидел в нем благодать Божию и то, что он будет великим столпом Церкви и утверждением веры. Святой Григорий также имел дар прозорливости, и, узнав, что епископ хочет взять его из пустыни на служение Церкви, скрывался от него, считая себя недостойным такого сана, и переходил в пустыне с места на место, чтобы не быть найденным. Блаженный Федим прилежно искал его и с мольбой призывал к себе из пустыни, но, не

будучи в состоянии разлучить пустыннолюбца с его пустыней и привести в Амасию для хиротонисания, совершил дело по-видимому странное и необычное. Движимый Духом Божиим и распаляемый ревностью по святой Церкви, он не затруднился тем, что не пришел к нему Григорий, и что между ними лежит немалое расстояние – от города Амасии до той пустыни, в которой жил Григорий, было три дня пути; не затруднился епископ Федим таким расстоянием между ними и посвятил Григория, находящегося вдали от него, в епископа Неокесарийской церкви. Устремив взор к Богу, он сказал:

– Всеведущий и Всемогущий Боже, призри в час сей на меня и на Григория, и сотвори действенным посвящение благодатью Твоею.

Об этом свидетельствует святой Григорий Нисский, описывая житие сего святого[7475]; подтверждение этому есть и в минейном каноне, повествующем об этом так: «Божий предстатель ревностию распалаемь, помаза тя Федим не прешедша отче, Богу всяческая ведящему благочестно уповав, и честному твоему житию надеявся, богоглаголиве Григорие»[7476].

Так сотворил блаженный Федим Григорию необычное посвящение, и святой Григорий, хотя против желания, повиновался принять церковное управление: ибо как мог он противиться воле Господней? Прежде же всего прибегнул он к молитве, прося помощи свыше на таковое дело.

В то время начинала распространяться ересь Савеллия и Павла Самосатских[7477]. Святой Григорий был по поводу ее в недоумении и прилежно молил Бога и Божию Матерь об открытии ему истинной веры. Когда однажды ночью он молился о том особенно прилежно, явилась ему Пречистая Дева Мария, сияющая как солнце, с Иоанном Богословом, облеченным в архиерейские одежды. Указывая рукою Своею на Григория, Пречистая повелела Иоанну Богослову научить его, как подобает веровать в тайну Святой Троицы. И по повелению Божией Матери, святой Григорий был научен святым Иоанном Богословом, в течение малого времени, великим Божиим Тайнам и почерпнул из неисчерпаемой глубины премудрости

Божественное знание. Слова откровения, сказанные Иоанном Богословом, были следующие:

– Един Бог, Отец Слова Живого, Премудрости Ипостасной, Силы и Образа Вечного, Совершенный Родитель Совершенного, Отец Сына Единородного. Един Господь, Единый от Единого, Бог от Бога, Образ и Изображение Божества, Слово действенное, Премудрость, объемлющая состав всего существующего, и творческая Сила всей твари, Истинный Сын Истинного Отца, Невидимый, Нетленный, Бессмертный и Присносущный Сын Невидимого, Нетленного и Присносущного Отца. И Един Дух Святый, Который имеет существо от Отца и явлен людям через Сына, Совершенный Образ Совершенного Сына, Жизнь, Причина всего живого, Источник Святый, Святыня, подающая освящение, в Котором открывает Себя Бог Отец, Иже над всеми и во всем, и Бог Сын, Иже через всех, Троица совершенная, славою, вечностью и царством, неразделяемая и неотчуждаемая. Итак, в Троице нет ничего сотворенного, или служебного, или привнесенного, как бы прежде не бывшего, а впоследствии привзошедшего. Итак, ни в чем у Сына не было недостатка пред Отцом и у Святого Духа пред Сыном, но непременна и неизменна есть всегда та же Троица.

После этого видения святой Григорий записал своею рукою слова, сказанные ему святым Иоанном Богословом, и это писание его было хранимо в Неокесарийской церкви в течение многих лет[7478].

После того святой Григорий направился в Неокесарию. Тогда вся Неокесария пребывала во тьме идолопоклонства; великое множество идолов и храмов идольских было в этом городе. Ежедневно приносились многие жертвы идолам, так что весь воздух был полон смрада, исходившего от закалываемых и сожигаемых в жертву животных, и лишь всего 17 человек верующих было в столь многолюдном городе.

Когда святой Григорий шел в Неокесарию, на пути ему пришлось проходить мимо одного идольского храма. Был вечер и надвигался сильный дождь; по необходимости святому и спутникам его пришлось войти в этот идольский храм и в нем заночевать. В храме том было много идолов; в них жили бесы,

которые являлись своим жрецам и беседовали с ними. Проведя там ночь, святой Григорий сотворил обычные свои полуночные и утренние песнопения и молитвы и знаменовал крестным знамением воздух, осквернённый бесовскими жертвами. Устрашившись крестного знамения и святых молитв Григория, бесы оставили свой храм и идолов, и исчезли. Утром святой Григорий с друзьями своими двинулся в дальнейший путь, а идольский жрец вошел в храм по обычаю своему, желая принести жертву бесам, но не нашел бесов, ибо они оттуда бежали. Не являлись ему бесы и тогда, когда он стал приносить им жертвы, – как прежде они обыкновенно являлись: и недоумевал жрец, по какой причине его боги оставили храм свой. Усердно молил он их, чтобы возвратились они на свое место, а они издалека вопили:

– Не можем мы войти туда, где был в прошлую ночь странник, который шел из пустыни в Неокесарию.

Жрец, слыша это, поспешил за Григорием, настиг его, остановил и с гневом стал кричать на него, упрекая его в том, что он, будучи христианином, дерзнул войти в храм богов их, и что боги из-за него возненавидели это место и удалились; грозил ему судом царским, намереваясь тотчас насильно вести его к мучителям. Святой Григорий, кроткими и мудрыми словами утоляя гнев жреца, сказал наконец:

– Бог мой так Всемогущ, что и бесам повелевает, и мне дал такую силу над ними, что они и против воли послушают меня.

Жрец, услышав это, укротил свой гнев и умолял святого, чтобы он повелел богам языческим возвратиться в их храм. Святый, вырвав из своей книжки небольшой листок, написал на нем такие слова: «Григорий, сатане: войди» – и подал этот листок жрецу, повелевая ему положить его на алтаре скверных богов его. И тотчас возвратились бесы в храм и беседовали с жрецом, как и раньше. Жрец ужаснулся, удивляясь Божественной силе святого Григория, с помощью которой он словом повелевает бесам и те слушают его; поспешил снова за ним настиг его, когда тот еще не дошел до города и спрашивал, откуда имеет он такую силу, что языческие боги боятся его и слушают его повелений. Святой Григорий, видя, что сердце

жреца восприимчиво к вере, начал поучать его о Едином Истинном Боге, всё создавшем Словом Своим, и передал ему тайну святой веры. В то время как они, беседуя, держали путь, жрец стал умолять святого Григория, чтобы он для видимого удостоверения веры своей показал какое-либо чудо. И вот увидели они громадный камень, который, как казалось, никакая сила не могла сдвинуть с места; но Григорий именем Христовым повелел двинуться ему с места своего, и камень двинулся и перешел на другое место, куда хотел жрец. Страх объял жреца при виде этого преславного чуда, и исповедал он:

– Един есть истинный и всесильный Бог, Григорием проповедуемый, и нет иного, кроме Его – и тотчас уверовал в Него, и распространил весть об этом событии всюду так быстро, что в Неокесарии народ узнал о чудесах Григория и о власти его над бесами раньше, чем сам Григорий пришел туда[7479]. О приходе же его узнал весь город, и множество народа вышло навстречу ему, желая увидеть его, так как слышали, что он словом передвинул великий камень на другое место, и что богам их повелевает, и они слушают его.

Входя в первый раз в великий город при необыкновенной для него обстановке, святой Григорий не изумился такому множеству народа, собравшемуся ради него, но, идя как бы по пустыне, смотрел только на себя и на дорогу, не обращаясь ни к кому из собравшихся около него. И это самое показалось народу еще выше и удивительнее чуда, произведенного святым над камнем. Григорий входил в город, отовсюду теснимый сопровождающими, как будто весь город уже почтил его святительство. Но, освобождая себя от всякого житейского бремени, святой не обращал на то внимания. Когда он вошел в город, ему для успокоения нигде не было даже дома, ни церковного, ни собственного, и спутники его пришли в смущение и беспокойство, где им пристать, и у кого найти себе кров. Но учитель их, Богомудрый Григорий, успокаивая их и вместе как бы укоряя за малодушие, говорил:

– Что это вы, как будто находящиеся вне покрова Божия, беспокоитесь, где можно вам успокоить ваши тела? Ужели для вас малым домом кажется Бог, хотя о Нем мы и живем, и

движемся, и есмы? Или тесен для вас кров небесный, что вы ищете, кроме сего, другого жилища? Да будет забота у вас о том лишь одном доме, который есть собственность каждого, который созидается добродетелями и воздвигается в высоту; о нем одном вы должны заботиться, чтобы такое жилище не было неустроено у вас...

Когда святой Григорий поучал так своих спутников, находившийся при этом один именитый и богатый гражданин, по имени Мусоний, видя, что у многих одно и то же желание и забота, как бы принять сего великого мужа в свои домы, предупреждая прочих, обратился к Григорию с просьбою остановиться у него и почтить своим входом его дом. Другие просили святого о том же, но он, исполняя просьбу первого, остановился в доме Мусония. Когда Григорий вступил в Неокесарию, то нашел там только 17 человек верующих, весь же город поклонялся бездушным идолам и служил бесам. Тогда Григорий стал молить Бога в тайне сердца своего: да призрит (Он) на создание Свое и такое множество заблудших и погибающих людей да просветит и обратит на путь спасения. Пребывая в доме Мусония, святой Григорий стал учить неверующих познанию истинного Бога. Слушавших слово его сначала было малое число, но прежде нежели окончился день и зашло солнце, их столько присоединилось к первому собранию, что они составили уже толпы народа.

Помощь Божия настолько споспешествовала ему, что и одного дня не проходило без приобретения для Церкви Христовой душ человеческих. Множество людей, с женами и детьми, собиралось в дом Мусония к святому Григорию слушать учение его и видеть бывающие от него чудесные исцеления[7480]: ибо он отгонял от людей духов лукавых, исцелял всякие болезни, и день ото дня верующие присоединялись к Церкви и умножалось число их. В непродолжительное время на средства людей, уверовавших в Господа, Григорий создал дивную церковь; святому отдавали на строение церковное всё, что имели, и открывали свои сокровищницы, дабы брал он, сколько требуется, на благолепие дома Господня, на питание сирот и служение больным. Так возрастало в Неокесарии слово Божие,

вера святая распространялась, многобожие идольское разрушалось, приходили в запустение мерзкие их храмы, сокрушались идолы, – а Имя Единого Всесильного Бога и Господа нашего Иисуса Христа было величаемо и прославляемо среди Неокесарии, и силою Божиею через святого Григория совершались предивные и страшные чудеса. Следующее чудесное видение, по свидетельству св. Григория Нисского, особенно способствовало утверждению Церкви Христовой в Неокесарии и умножению там числа верующих.

В городе, согласно древнему обычаю, совершался некоторый всенародный языческий праздник в честь одного местного божества; на этот праздник стекалась почти вся область, так как сельские жители праздновали вместе с городом. Во время праздника театр был переполнен собравшимися, все стремились ближе к сцене, желая лучше видеть и слышать, отчего поднялся сильный шум и смятение, вследствие чего у народа исторгся общий вопль, – все взывали к чествуемому божеству, чтобы оно дало ему простор. «Зевс, – восклицали неверные, – дай нам место». Услыхав эту безрассудную молитву, святой Григорий послал одного из своих прислужников сказать, что скоро будет дан им простор даже более того, о каком они молятся. Эти слова его оказались печальным приговором: вслед за этим всенародным празднеством в городе распространилась губительная язва, с веселыми песнями смешался плач, так что веселье для них превратилось в горе и несчастие, а вместо звуков труб и рукоплесканий, город оглашался непрерывным рядом плачевных песней. Болезнь, появившись в городе, распространилась быстрее, чем можно было ожидать, опустошая дома подобно огню, так что храмы наполнились зараженными язвою, бежавшими туда в надежде исцеления; около источников, ключей и колодцев толпились томимые жаждою в беспомощной болезни; но и вода была бессильна угасить болезненный жар. Многие сами уходили на кладбища, так как оставшихся в живых недостаточно было для того, чтобы погребать умерших. И это бедствие поражало людей неожиданно, но как будто какой призрак приближался сначала к

дому, где имела появиться зараза, а затем уже следовала гибель. После того как для всех таким образом стала ясною причина болезни, что призванный ими демон злобно исполнил их просьбу, доставив городу, посредством болезни, этот злосчастный простор, – все они обратились к святому Григорию, умоляя его остановить распространение болезни силою проповедуемого им Бога, Которого Единого они теперь исповедуют истинным, владычествующим над всеми, Богом. И как скоро являлся призрак тот, предвещая появление язвы в доме, у подвергшихся такому бедствию оставалось одно средство спасения, чтобы вошел в тот дом святой и молитвою отразил проникшую в дом болезнь.

Когда же молва об этом от тех, которые в числе первых спаслись от язвы таким образом, очень скоро распространилась между всеми, то было оставлено всё, к чему прежде прибегали по своему неразумию: оракулы, очищения, пребывание в капищах идольских, так как все обратили взоры свои к великому святителю и каждый старался привлечь его к себе для спасения своего семейства. Наградою же для него от спасенных было спасение душ, ибо, когда его благочестие было засвидетельствовано таким опытом, то для познавших на самом деле силу веры не было причины медлить принятием таинства Христова. И в какой мере во время здоровья они недуговали своими помыслами относительно восприятия таинства, в такой мере телесною болезнью укрепились в вере. Когда таким образом обличено было заблуждение идолопоклонства, все обратились к имени Христову, одни, будучи приведены к истине приключившеюся им болезнью, другие, прибегши к вере во Христа, как к предохранительному врачевству против язвы[7481].

После этого всеобщее благоговейное уважение к святителю Григорию еще более укрепилось в Неокесарии. Жители, как самого города, так и его окрестностей, пораженные Апостольскими чудесами святого, верили, что всё, что он ни говорит и делает, делает и говорит Божественною силою. Поэтому, и в спорных житейских делах никакого другого судилища не знали выше его, но всякий спор и все неудоборазрешимые и запутанные дела разрешались его

советами. Отсюда, через благодатное влияние святого Григория, водворились в городе справедливость и мир, и никакое зло не нарушало взаимного согласия.

Два брата, получив по смерти отца в наследство много имения, мирно разделили его между собою. Но у них было одно большое озеро, о котором они сильно спорили, ибо тот и другой хотел всецело владеть им. Судьею себе избрали они чудотворца Григория. Придя к ним на озеро, он приложил много усилий, чтобы помирить их, но не имел никакого успеха: оба брата были упорны и один другому не хотел уступить своей части в озере. После многих раздоров и распрей они уже хотели вступить друг с другом в битву, ибо у того и другого было много сторонников, и святой едва мог отговорить их в тот день от сражения. Настал вечер, все разошлись по домам, отложив сражение до утра; а святой остался при озере один и, всю ночь проведя в молитве, повелел озеру Именем Господним, чтобы оно высохло всё, так, чтобы не осталось ни одной капли воды, ни даже влаги, и чтобы земля стала удобной к паханию и сеянию. И совершилось по слову святого: внезапно неизвестно куда – скрылась вода и земля стала суха. Утром оба брата с множеством вооруженных людей пришли к озеру, чтобы посредством битвы завладеть им, и не нашли ни одной капли воды на том месте, где было озеро: земля оказалась настолько высохшею и покрытою растениями, как будто там никогда и не было воды. Пораженные таким чудом, братья невольно примирились между собою, все же люди прославляли Бога. Таков был праведный суд, сотворенный чудотворцем: где не могло быть мира между братьями, а предстояла брань, там уничтожил он самый повод к брани, иссушив озеро водное, чтобы не иссякла любовь братняя.

В стороне той протекала река, по имени Ликос[7482]. В весеннее время она выступала из своих берегов и, широко разливаясь, потопляла близлежащие селения, поля, огороды и сады, причиняя гибель посевам и большой ущерб людям. Люди, жившие по берегам той реки, услышав о святом Григории, Неокесарийском чудотворце, что он имеет власть над водами (ибо он повелел великому озеру – и оно высохло), собрались

все от мала до велика и, пришедши к святому, припали к ногам его, умоляя, чтобы он умилосердился над ними и укротил разлив реки: ибо тогда эта река необычно наполнилась водою и потопила много селений. Святый сказал им:

– Сам Бог положил предел рекам, и они не могут иначе течь, а только так, как Бог им повелел.

Они же с еще большим усердием умоляли святого. Видя скорбь их, святой, встав, пошел с ними к той реке и, пришедши на те берега, в которых течет самый поток речной, когда река бывает не наводнена, там водрузил жезл свой, сказав:

– Христос мой тебе повелевает, река, чтобы не переходила ты пределов своих и не разливала своих вод далее, но текла бы стройно в этих берегах своих.

Тотчас тот, водруженный святым, жезл возрос в великий дуб, а воды собрались в свое русло между берегами, и с того времени река та никогда не выливалась из берегов, но когда увеличивались воды и приближались к дубу, немедленно возвращались обратно, и не потопляли трудов человеческих[7483].

Святый чудотворец пожелал создать церковь на одном красивом месте близ горы. Когда он стал полагать основание, место оказалось тесным, а сделать его пространнее нельзя было, так как мешала гора. Тогда святой стал на молитву и, помолившись, повелел горе именем Иисуса Христа двинуться и отступить от места своего, насколько нужно было для распространения церкви, – и тотчас потряслась гора, двинулась и отступила дальше, делая место достаточным для пространного основания церкви. Такова была вера этого угодника Божия, что и горы переставляла! Много неверных, видя это чудо, обращались к Господу и принимали крещение от святого. Слава о нем повсюду распространялась по причине великих чудес, являемых от него Божиею силою, которою он был исполнен.

Слух о таких чудесах распространился по всей стране и все уверовали, что они производятся силою веры во Христа и пожелали быть общниками сей веры, свидетельствуемой сими чудесами. Поэтому, из одного соседнего города, по имени Команы[7484], явилось к святителю посольство с просьбою

утвердить у них церковь и поставить им достойного епископа. Святой Григорий исполнил их прошение и пробыл у них несколько дней, утверждая их в вере и благочестии. Когда же наступило время избрания епископа, святой, к удивлению всех, указал, как на достойного сей высокой чести, одного благочестивого и богоугодного мужа, по имени Александра, который ранее был простым угольщиком. Таким образом, святой Григорий чудотворец явился благодетелем городу, обнаружив сокровенное у жителей Команы сокровище, которое стало потом прекрасным украшением Церкви[7485].

Когда святой Григорий возвращался оттуда, некие неверующие иудеи захотели посмеяться над ним и показать, что он не имеет в себе Духа Божия. Они сделали так: на пути, где должно было идти святому, иудеи положили одного из своей среды, как бы умершего, нагим, а сами стали над ним рыдать. Когда чудотворец шел мимо их, они начали молить его, чтобы он оказал умершему милость и покрыл тело его одеждою. Он снял с себя верхнюю одежду и, отдав им, пошел дальше. Иудеи стали радостно насмехаться и ругаться над святым, говоря: «Если бы он имел в себе Духа Божия, то узнал бы, что лежит человек не мертвый, а живой», – и стали звать своего товарища, чтобы он встал. Но Бог воздал им за такое поругание, сотворив товарища их на самом деле мертвым. Они, думая, что он уснул, толкали его в ребра, чтобы пробудить, и громко взывали над ним, но ответа не было, ибо он уснул вечным сном. Видя его мертвым, они стали рыдать уже на самом деле; так смех обратился для них в плач, и похоронили мертвые мертвеца своего.

На дальнейшем пути, в одном месте той страны составилось под открытым небом благочестивое собрание верующих, и все удивлялись поучениям святого Григория, но один мальчик вдруг стал громко восклицать, что святитель не от себя говорит это, но кто-то другой, стоящий близ него, произносит слова. Когда, по распущении собрания, привели к нему мальчика, чудотворец сказал присутствовавшим, что отрок одержим злым духом, и тотчас же, сняв омофор и приложив к дыханию уст своих, возложил его на юношу. Тогда юноша стал

биться, кричать, бросаться на землю, метаться туда и сюда: как то бывает с бесноватыми. Святой возложил на него руку, – и припадки юноши прекратились: бес оставил его и он, пришедши в прежнее состояние, уже не говорил более, что видит кого-то говорящего около святого Григория, и получил совершенное исцеление.

Когда, в царствование нечестивого Декия[7486], началось гонение на христиан и вышло царское повеление повсеместно принуждать христиан к поклонению идолам, а неповинующихся мучить и губить, – тогда святой Григорий дал совет своей пастве, чтобы всякий, кто не имеет силы и дара Божия претерпевать лютые муки, укрылся; дабы кто-либо, дерзновенно отдавшись мучителям, не испугался бы потом при виде страшных мук и, чувствуя себя не в состоянии вынести их, не отпал бы от Бога. «Лучше, – говорил Григорий, – укрыться на короткое время и ждать Божия призыва и помощи к подвигу мученическому». Подавая верным такой совет, он и сам, взяв одного из диаконов своих, удалился в пустыню и скрывался там от неверных. Мучители, посланные от царя, придя в город Неокесарийский, прежде всего искали Григория, как представителя всех христиан и пастыря словесных овец в той стране. Кто-то из неверных, узнав, что он скрывается в одной горе, возвестил об этом воинам и довел их до той горы; они же поспешно двинулись на гору, как псы, стремящиеся за добычей на охоте, и как волки, которым нужно похитить овцу. Святый Григорий, видя, что воины приближаются и что нельзя бежать и укрыться от них, воздел руки свои к небу, вручая себя защите Божией, и диакону своему повелел сделать то же. Оба стояли с простертыми дланями и молились: а воины по всей горе прилежно искали святого, и не нашли, ибо не могли его видеть даже и тогда, когда несколько раз проходили мимо. После многих поисков, они возвратились без успеха и, сходя с горы, говорили тому, кто их привел:

– Никого не нашли мы на этой горе, только видели два дерева, стоящие неподалеку одно от другого.

А тот, поняв, что здесь было чудо, оставив их, сам пошел на гору и, найдя святого с диаконом, стоящих на молитве, припал к

ногам Григория, высказывая желание быть христианином, чего и сподобился, и из гонителя сделался рабом Христовым и стал скрываться с прочими христианами.

Однажды, вознося обычные свои молитвы к Богу, святой Григорий смутился, и в страхе долгое время стоял молча, как бы смотря на некоторое умилительное зрелище. Когда же прошло достаточно времени, он просветился лицом и, исполнившись радости, начал громким голосом благодарить Бога и петь торжественную песнь, взывая: «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их!» (Пс.123:6).

Диакон спросил его:

– Какая причина, отче, такой перемены с тобою, что теперь являешься ты радостным?

Святый отвечал:

– Я видел, чадо, дивное видение: малый юноша боролся с великим диаволом и, одолев его, поверг на землю и победил.

Диакон же не понимал значения сказанного. Тогда святой снова сказал:

– Ныне некий христианский юноша, по имени Троадий[7487], был приведен на суд мучителя, после многих тяжких мук за Христа был убит и, торжествуя, восходит на небо. Я сначала был смущен, ибо боялся, чтобы муки не одолели его и чтобы он не отвергся Христа, а теперь радуюсь, видя, что он окончил подвиг мучения и восходит на небо.

Диакон, слыша это, дивился тому, что святой видит вблизи то, что происходит далеко. Потом он стал умолять своего богоносного учителя, чтобы он позволил ему посмотреть своими глазами и узнать о происшедшем и не запрещал ему побывать на том самом месте, где совершилось это дивное событие. На предостережения Григория, что опасно идти на убийц, диакон с верою отвечал, что он, несмотря на то, смело решается, надеясь на помощь его молитв.

– Поручи меня Богу, – говорил он святому, – и никакой страх врагов не коснется меня.

И когда Григорий своею молитвою ниспослал ему, как бы некоего спутника, помощь Божию, диакон с уверенностью совершил путь, не укрываясь ни от кого из встречавшихся.

Пришедши к вечеру в город и утомившись от путешествия, он почел необходимым облегчить свое изнурение омовением в бане. В том месте обитал некий демон, пагубная сила которого действовала на приближавшихся сюда во время ночной темноты и умерщвляла многих, отчего в эту баню не ходили и не пользовались ею после захождения солнца. Подошедши к бане, диакон просил приставника отворить ему дверь и позволить совершить в бане омовение; но тот уверял его, что никто из осмелившихся мыться в этот час не выходил невредимым, но что после вечера здесь всеми овладевал демон, и что многие по незнанию уже подверглись неисцельным болезням, возвращаясь, вместо ожидаемого облегчения, с плачем и воплем. Но диакон еще более утвердился в своем намерении и приставник, уступая его непреклонному желанию, отдал ему ключ, сам удалившись на далекое расстояние от бани. Когда диакон, раздевшись, вошел в баню, демон употреблял против него различные страхи и ужасы, показывая всевозможные призраки в виде огня и дыма, зверей и людей. Но диакон, защищая себя крестным знамением и призывая имя Христово, без вреда для себя прошел первое отделение бани. Когда же он вошел во внутреннюю часть, окружен был еще более ужасными видениями. Но он тем же оружием рассеял и эти действительные и кажущиеся страхи. Наконец, когда он уже выходил из бани, демон пытался задержать его, силою заключив двери. Но помощью знамения креста дверь была отворена. Тогда демон возопил к диакону человеческим голосом, чтобы он не считал своею ту силу, которою избавился от гибели; ибо его сохранил невредимым глас того, кто вверил его охранению Божию. Спасшись таким образом, диакон привел тем в изумление приставников той бани. После этого он рассказал им о всем, что с ним случилось, узнал, что доблестные подвиги мучеников совершились в городе именно так, как предвозвестил о том святой Григорий чудотворец, и возвратился к своему наставнику, оставив для людей как своего времени, так и последующего, общее охранительное средство, состоящее в том, чтобы каждый поручал себя при посредстве священников Богу[7488].

Когда окончилось гонение, Григорий возвратился на свою кафедру и, собрав паству свою, стал снова водворять нарушенный порядок. Прежде всего он установил праздновать памяти святых мучеников, пострадавших во время бывшего гонения. Слава Христова распространялась, а бесовское многобожие погибало стараниями святого Григория, который не оставлял благовествования Христова до самой кончины своей, учением и чудотворениями приводя к Богу жителей Неокесарии и окрестностей ее, – и привел ее к истинной вере, от жертв идольских очистил, бескровною жертвою освятил. На закате дней своих он, вместе с братом своим Афинодором, епископом Понта, присутствовал на соборе против Павла Самосатского. Наконец, достигнув глубокой старости, приблизился он к блаженной кончине. При кончине своей, спросил он предстоявших:

– Сколько еще неверующих в Неокесарии?

Ему отвечали:

– Только семнадцать держатся идолопоклонения, весь же город верует во Христа.

Святый сказал:

– Когда я пришел в Неокесарию на епископство, я столько же нашел христиан – семнадцать всего, а весь город был бесовский: ныне же, при отшествии моем к Богу, остается столько неверных, сколько вначале нашлось верных, весь же город Христов.

Сказав это, он предал душу свою в руки Богу[7489]. Так богоугодно провел жизнь свою Святый Григорий чудотворец Неокесарийский, и благочестиво скончался. Его святыми молитвами да подаст Господь и нам принять добрую кончину. Аминь.

Тропарь, глас 8:

В молитвах бодрствуя, чудес деланьми претерпевая, тезоимение стяжал еси исправления: но молися Христу Богу, отче Григорие, просветити души наша, да не когда уснем в смерть.

Кондак, глас 2:

Чудес многих прием действо, знаменьми ужасными демоны устрашил еси, и недуги отгнал еси человеческия всемудре Григорие: чудотворец же именуешися, звание от дел прием.

Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Радонежского[7490]

Память 17 ноября

Преподобный Никон родился в городе Юрьеве Польском[7491], недалеко от обители преподобного Сергия. Он происходил от благочестивых родителей и с юного возраста был воспитан в богопочтении. Еще в ранней молодости он слышал об Ангельской жизни преподобного Сергия, подвизавшегося с братиею в своей обители близ города Радонежа[7492]. Подвиги преподобного Сергия, слава о которых далеко распространялась, приводили в умиление душу Никона, и сердце его горело желанием видеть сего святого мужа и подражать ему в жизни. С сокрушением сердечным и проливая обильные слезы, Никон горячо молил Господа Бога:

– Боже и Господи, Царю вечный и благосердый, сподоби меня видеть сего святого мужа и последовать ему во всей моей жизни, да спасуся и я его ради и достоин буду вечных Твоих благ, которые Ты обещал любящим Тебя.

И вот вскоре он оставляет дом своих родителей и стремится в обитель преподобного Сергия. Достигнув обители, Никон поспешил увидеть самого великого подвижника Сергия и, припав к его стопам, стал усердно молить, чтобы он постриг его в иноческий чин в своей святой обители. Преподобный Сергий видел благоразумие и душевную чистоту отрока и тотчас всем сердцем возлюбил его. Однако, провидя в нем духовными очами будущий светильник Божественного света, он не оставил Никона без испытания, но поступил с ним так же, как некогда поступил Евфимий Великий с Саввою Освященным, когда сей, еще в юношеском возрасте, пришел к нему. Он не принял Савву в свою обитель и отослал его в далекий монастырь к сопостнику своему – преподобному Феоктисту[7493]. Так и преподобный Сергий отослал юного отрока в научение к ученику своему Афанасию Высоцкому, основателю Серпуховского монастыря, – мужу, славившемуся добродетельною жизнью и искусившемуся в иноческих подвигах[7494].

– Иди без всякого размышления, – сказал он отроку, – и, если Богу угодно, ты примешь там иноческий образ».

Со смирением принял Никон такое повеление от преподобного. Горя любовью к Богу и стремясь соделаться иноком, он с поспешностью отправился к блаженному Афанасию.

Когда он достиг обители его, то, смиренно подойдя к келлии Афанасия, тихо постучал в дверь. Афанасий, приотворив немного оконце, спросил его:

– Чего ты хочешь, и кого ищешь? – Старец любил безмолвие и нечасто выходил из своей кельи.

Отрок, поклонившись ему до земли, отвечал:

– Великий авва, блаженный Сергий прислал меня к тебе, дабы ты облек меня в иноческий чин.

На сие старец, не глядя на него, со строгостью, сказал:

– Ты не можешь быть иноком: иночество – дело великое; ты молод, а правила старцев суровы.

Отрок ответил:

– Отче! Не все люди одинаковы; ты только прими меня, а время покажет, могу ли я переносить трудности иноческого жития.

Но старец продолжал:

– Многие приходили сюда, но облениившись и не выдержав трудности постничества и воздержания, отбегали; и тебе я говорю, что ты не сможешь пребывать здесь; иди в другое место и предавайся посту.

Слыша сии слова, отрок, горя в душе Божественным огнем, со слезами обещал старцу терпеливо переносить всякую скорбь. Старец, видя обильные слёзы отрока и его горячее стремление к иночеству, ввел его в свою келью и обратился к нему с наставлением:

– Не оскорбляйся, чадо, тем, что я тебе сказал; подвиг иноческий – дело великое: иноки называются добровольными мучениками, и мучение их сугубое; многие мученики, кратковременно пострадав, приняли кончину; иноки же в течение всей своей жизни претерпевают страдания, и хотя не принимают ран от мучителей, однако, обуреваемые плотью и

воюя с врагами мысленными, страждут до последнего издыхания. Поэтому, сын мой, если ты хочешь работать Господу, то приуготовь свою душу, дабы ты мог с терпением переносить все искушения и страдания, причиняемые врагами».

Отрок же припал к ногам старца и едва мог проговорить:

– Смилуйся надо мной!

Тогда старец поднял его и сказал:

– Встань, чадо! Господь наставит тебя на путь заповедей Своих. Всё сие изрек я тебе потому, что сам я человек грешный, хотя и взял на себя устроение дела Божия; ныне желание твое исполнится.

Сказав сие, старец сотворил молитву и облек Никона в иноческий образ.

Афанасий наставлял юного инока добродетелям и поучал его переносить все страдания, ведущие к Богу, стараясь исполнить душу его мужеством и крепостью и являясь ему во всем примером. Никон же, упражняясь под руководством его в молитвах, преуспевал в добродетелях, в подвигах поста, в неусыпном бдении над собою; он хранил чистоту, смирение, кротость и поучался усердно в Божественном Писании. Видя такое прилежание отрока, Афанасий возымел о нем отеческое попечение и, побуждая его к дальнейшим подвигам, содействовал его постепенному иноческому совершенствованию.

Когда Никон достиг совершенного возраста, то, по желанию Афанасия и всей братии, почтен был саном священства, как достойный быть предстоятелем пред Богом. Доблестный же Никон, по принятии священства, сподобившись сугубой благодати, стал проявлять еще большее усердие к подвигам благочестия.

Пробыв некоторое время в обители, Никон снова возгорелся неудержимым желанием видеть великого старца и подвижника преподобного Сергия, дабы получить от него благословение и слышать от него Богомудрое наставление. С горячей мольбой обратился Никон к Афанасию, дабы он, помолившись о нем, отпустил его с миром из обители.

Афанасий не удерживал Никона и, молитвенно напутствовав его, отпустил от себя.

Придя в лавру преподобного Сергия и увидев богоносного отца, Никон с горячими слезами припал к стопам его и просил у него благословения. Преподобный не только с радостью принял его как посетителя, но и оставил в своей обители.

После этого преподобный Сергий повелел Никону со всяким прилежанием служить братии в обители и Никон со всем усердием выполнял возложенное на него послушание, неустанно упражняясь в молитве и бдении. За такие подвиги и благочестивое житие преподобный Сергий оказал Никону особенную любовь и доверие, и повелел ему пребывать в одной келлии с собою. Здесь в беседе с Богомудрым наставником, преподобный Никон нашел для себя высшее училище духовного любомудрия и в близком примере святого – новое поощрение к подвигам добродетели; в его же прозорливом руководстве и сильной молитве Никон обретал силу к ограждению от искушений, укрепление против немощей и райское утешение в общении сей молитвы. Любвеобильное сердце Сергия было для Никона отверстою дверью, откуда исходил на него благодатный свет и мир. И верное сердце Никона к Сергию было также отверстою дверью для открытия своему отцу всех помыслов и намерений, дабы никакая мгла сомнения или смущения не омрачала чистоты его совести. И вот, подобно дереву, насажденному при источнике водном, Никон, с верою воспринимая все наставления и поучения учителя, в делах своих показал обильные плоды добродетелей.

Мудрый наставник, преподобный Сергий, внутренними очами прозревая имеющую воссиять в Никоне пресветлую благодать, пожелал поставить его настоятелем обители вместо себя. Первоначально Сергий возложил на Никона часть своих попечений о братии, поставив его как бы вторым после настоятеля. Это новое служение Никон проходил со всем вниманием и бдительностью, постоянно храня неусыпное попечение о вверенной ему братии, относясь к каждому с любовью и отеческою заботливостью. Найдя в Никоне столь искусного руководителя братиею, Сергий радовался духом и,

наконец, за шесть месяцев до своего преставления призвал Никона и перед всеми вручил ему, как искусному вождю, попечение о монастыре и о братии. Никон, хотя и не желал принимать на себя трудных обязанностей руководительства всею лаврою, но не осмелился ослушаться своего наставника и со смирением, как послушный сын, повиновался повелению его.

В скором времени преподобный Сергий отошел ко Господу[7495]. Великою скорбью болело сердце верного ученика его.

Сокрушаясь и проливая обильные слёзы, он обращался к святому, как бы к живому, говоря:

– Отошел ты, преподобный отче, вся моя надежда. В ком найду я после Бога, прибежище, и где найду утешение?

И припав к одру святого и обнимая его честные мощи, он желал лучше быть погребенным вместе с учителем своим, чем разлучиться с ним.

С великим плачем и рыданием предав святое тело своего учителя погребению, Никон принял после него начальство над лаврою. Он положил с точностью выполнять всё, что учредил и заповедал великий основатель обители Сергий и, разделяя труды с братиею, как настоятель обители, имел попечение и заботливость о каждом. Преуспевающих в служении Господу он побуждал не ослаблять своих подвигов; нерадивых же и ленивых со скорбью поучал не забывать, что они отверглись мира и, заботясь о спасении своем, не должны предаваться мирским заботам, дабы не утратить вечной награды. Он имел обыкновение обходить все места обители, где трудились иноки, поощряя и увещевая с терпением переносить труд, причем сам являлся образцом для братии, принимая участие в общих трудах. Своею кротостью, своею отеческою заботливостью о братии, мудростью в управлении и советах, Никон не только приобрел уважение и любовь братии, но слава о нем распространилась далеко за стены Сергиевой обители и имя Никона, как «освящение некое», прославлялось повсюду – по городам и весям. К нему шли многие благоговейные и именитые люди за наставлениями ради душевной пользы, и он всех

принимал с отеческим благорасположением, являясь великим врачом духовным.

Но Никон, любивший больше всего безмолвие и молитву в уединении, не прельщался сею славою человеческою, и сильно тяготился ею. И вот с мыслию, что желающему творить волю Божию прежде всего нужно презирать и ненавидеть все соблазны мира, Никон стал уклоняться от начальствования над своею паствою и, наконец, заключился в уединенную келью. Братия сильно скорбела об этом и, не желая, чтобы он покинул и оставил ее без своего руководства, со слезами просила его не оставлять их, как овец без пастыря. Но он оставался непреклонным в своем решении, прося братию не сокрушать его сердца своими мольбами. Видя столь непреклонное желание Никона, братия не стала удерживать его, зная, что он уклоняется от бремени начальствования не ради телесного покоя, но стремясь к высшим подвигам и богомысленному безмолвию. Не имея возможности оставаться без начальника, братия избрала одного из учеников Никона, по имени Савва, – мужа, сиявшего добродетельною жизнью – и, с благословения Никона, поставила его игуменом над собою[7496].

Шесть лет пребывал в безмолвии Никон, пока паствою управлял Савва, пася ее с усердием и вспомоществуемый молитвами блаженного Сергия. Но, по истечении шести лет и Савва оставил начальствование. Тогда братия, как бы дав преподобному Никону отдохнуть от дел управления и насладиться вожделенным ему безмолвием, опять пришла к нему и со слезами умоляла и убеждала его снова принять ее под свое руководство. Видя, что Никон и теперь намерен уклониться от начальствования и власти, братия говорила ему:

– Не подобает тебе, отче, искать пользы себе одному, попекись и о спасении ближних.

Эта неотступная просьба иноков и любовь их заставили Никона расстаться с любимым уединением, и он уступил желаниям братии, но с тем условием, чтобы они уступили ему из каждого дня некоторую часть для уединенных подвигов и молитвы.

Тихо и богоугодно текла жизнь в святой обители. Никон же неустанно пребывал в молитвенном бдении, поучаясь в слове Божием и отеческих творениях.

Но вот распространился слух о нашествии на землю Русскую диких полчищ свирепого Эдигея[7497]. Приближение татарских орд приводило в ужас и трепет всю землю Русскую. Преподобный Никон, горячо молясь об избавлении от злого врага, призывал в молитвах великого основателя сей обители – преподобного Сергия, чтобы он простер свою молитву пред престолом Владыки всех Христа, да не предаст Он запустению святой обители от руки нечестивых агарян и да не поколеблет веру немощных торжество неверных. И вот, однажды ночью Никон сел, чтобы отдохнуть после молитвенных трудов и был в полудремоте или тонком сне. Вдруг видит он вошедших к нему в келью святителей Петра и Алексия, в сопровождении преподобного Сергия, который, обратившись к нему, сказал:

– Так угодно Господу, чтобы случилось сие нашествие иноплеменников и коснулось сего места. Но ты, чадо, не скорби, а мужайся и да крепится сердце твое: искушение будет непродолжительно и обитель не запустеет, а распространится еще более.

Затем, преподав Никону мир и благословение, святые стали невидимы. Никон, пришед в себя, быстро встал и подошел к дверям своей келье, но нашел их запертыми. Он отпер и вышел и увидел святых, удалявшихся от его келлии к церкви. Тогда понял он, что сие было не сон, а истинное видение.

В покорности воле Божией Никон ожидал исполнения предсказания. Вскоре варвары, наводнившие своими полчищами землю Русскую, достигли и обители преподобного Сергия и предали всё в ней разорению и огню. Преподобный Никон и братия, предваренные небесным извещением, заблаговременно удалились из обители и захватили с собой некоторые святыни и келейные вещи. Так спасены были некоторые книги и утварь преподобного Сергия, доселе уцелевшие.

По миновании опасности, Никон и братия возвратились на пепелище святой обители. Монастырь был сожжен дотла и святое место осквернено неверными. Но Никон не предался печали и унынию и не ослабел от подвига. Подобно тому, как доблестный воин при первом поражении от врага не бежит, но мужественно собирает силы и одерживает победу, так и он начал со спокойною твердостью трудиться над устроением обители. Как добрый пастырь, он собрал сперва рассеявшуюся братию и трудился с ней над монастырскими постройками. Менее чем в три года построены были здания, необходимые для иноческого общежития; для молитв же общих первоначально собирались, вероятно, в трапезную храмину. В то же время Никон поспешает постройкою деревянного храма, во имя Живоначальной Троицы, который и был освящен в 1411 году 25 сентября, в день преставления преподобного Сергия.

Когда слух о возвращении преподобного Никона и о восстановлении обители распространился по окрестным местам, к нему отовсюду стали собираться во множестве иноки и миряне. Никон всех принимал с отеческим расположением, и, как добрый пастырь, никого не оставлял без своего попечения, наставляя каждого в полезных учениях, просвещая их душу и предлагая им правила для устроения своего жития. Монастырь возрождался на своем пепелище и распространялся более и более[7498].

Как попечительный начальник, преподобный Никон не оставлял своих забот и о благоукрашении обители. Заключительным подвигом его в этом отношении было построение каменного храма над гробом своего учителя Сергия во имя Живоначальныя Троицы.

При самом начале работ, при копании рвов для каменного храма, совершилось обретение и прославление нетленных мощей преподобного Сергия[7499]. Сие открытие мощей великого учителя Никон принял, как радостный венец и сладостную награду за свои труды и терпение. При общем ликовании святые мощи преподобного были положены в новую раку и на время были поставлены в деревянном храме[7500], пока не было приготовлено им место в каменном храме[7501]. Как место покоя

для мощей великого Сергия, новый храм устроялся и украшался с благоговейною любовью и с усердными молитвами. Для созидания сего храма Никон собрал мудрых зодчих и искусных каменотесов, которые с Божиею помощью быстро окончили его построение. Новый храм был освящен и при его освящении были перенесены и помещены в нем святые мощи преподобного Сергия. Как дело святых и покоище Сергия, не потрясаемый веками, сей прекрасный храм освящает и ныне молящихся в нем, и руки нечестивых врагов не прикасались к нему[7502].

Никон заботился и о внутреннем украшении храма и расписании стен его живописью. Для этого труда им были приглашены два инока-постника, славившиеся добродетельною жизнью: Даниил и Андрей, искусные в иконописании[7503]. Их тщанием и под их руководством храм был благолепно украшен иконописью. Когда Никон увидел, что украшение храма расписанием окончено, то с великою радостью возблагодарил Бога:

– Благодарю Тебя Господи, – говорил он, – и славлю пресвятое имя Твое за то, что не презрел мое прошение, но даровал мне недостойному видеть всё сие моими очами.

В сие время Никон уже достиг глубокой старости, но ревность и бодрость духа не оставляли его, и немощь телесная не ослабляла строгости его подвигов. Достигнув совершенства в подвигах, он обладал всеми видами того богатства, которым человек богатеет в Бога. Он как бы горел удивительным стремлением к жизни по Боге: пищею для него было воздержание, богатством – нестяжательность; его старческое тело было прикрыто одним только власяным рубищем.

Наконец, преподобный Никон уже приблизился и ко своей кончине. Отчасти старость, а также великие постнические подвиги и продолжительные многие болезни изнурили его тело и оно изнемогло в своих силах.

Предузнав близость своего отшествия ко Господу, Никон велел призвать к себе братию. В то время, как она окружала его одр, стоя со слезами, преподобный, приподнявшись немного, обратился к ним с последним словом назидания.

Он завещал соблюдать установленный в обители чин молитвы дневной и ночной, не часто выходить из обители, хранить терпение в искушениях, соблюдать повиновение начальствующим в обители, ненавидеть праздность – гнездо пороков, любить трудолюбие, соединяя его с пением священных псалмов, с радостью хранить безмолвие, как матерь добродетелей, ведущую к совершенству. Присоединив к сему наставление о человеколюбии, он завещал братии:

«Если возможно, не отпускайте никого от себя с пустыми руками, дабы незаметно не оказать презрения Самому Христу, явившемуся вам под образом просящего. Бодрствуйте и непрестанно молитесь, дабы Господь и вас сохранил невредимыми от врага, и вы соблюли бы обет целомудрия и послушания, согласно с моими увещаниями».

Окончив свои наставления к братии – хранить все завещанные им правила, Никон умолк. И вот в видении, еще до разлучения души с телом, ему было показано место будущего упокоения вместе с преподобным Сергием. Ясно не открывая о том братии, по своему смирению, Никон в предсмертном изнеможении неожиданно сказал:

– Отнесите меня в ту светлую храмину, которая мне уготована по молитвам отца моего; не хочу более здесь оставаться.

Сказав сие, Никон приобщился Пречистых Таин Тела и Крови Христовых. После этого, предупреждая братию о приблизившейся кончине своей, он произнес:

– Вот я, братия, разрешаюсь от союза телесного и отхожу ко Христу.

Преподав им последнее благословение, со словами, обращенными к самому себе – «изыди, душе моя, туда, где тебе уготовано, – гряди с радостью: Христос призывает тебя», – Никон, осенив себя напоследок крестным знамением, с молитвою предал свою честную и трудолюбную душу Господу. Это было 17 ноября 1426 года.

Никон пробыл в настоятельстве 36 лет, не нарушая ни в чем подвига иноческого, богоугодно пася врученную ему Христом паству, и научив ее высшим подвигам добродетели. Братия

много сетовала, проливая слёзы о разлучении со своим отцом и учителем. Проводив его с пением псалмов и надгробными песнопениями, братия с почестями, как подобает чтимому отцу, предала его честное тело земле, положив его близ раки преподобного Сергия, где и доныне совершаются им молебные пения во славу Святой Троицы – Отца и Сына и Святого Духа[7504].

За свои великие подвиги и святую жизнь преподобный Никон был удостоен от Господа еще при жизни дара прозрения, а после кончины дара чудотворений. Из многих чудес преподобного упомянем здесь о некоторых.

Однажды Никон намерен был послать некоего из своих иноков, по имени Акакия, в одно из сел, принадлежавших обители святого Сергия. Не желая сему повиноваться, Акакий сказал:

– Я не для того отрекся от мира, чтобы обходить города и села.

Преподобный долго умолял Акакия, но он ни за что не хотел исполнить приказание своего игумена. Тогда преподобный предрек:

– Смотри, Акакий, как бы тебе по своей воле не пришлось быть там, и тогда получишь воздаяние за свое непослушание.

Вскоре после того преподобный Никон преставился ко Господу. Акакий же предал забвению всё, что было предсказано ему святым отцом, и отправился в то самое селение, куда посылал его преподобный Никон. И вот его внезапно постиг там суд Божий, предсказанный святым: он впал в исступление ума, так что братия привели его обратно в монастырь. Здесь явился ему святой Никон и, держа в руках жезл, с укоризною сказал ему:

– Акакий! разве ты для того отрекся от мира, чтобы обходить города и села?

Тогда Акакия обуял великий страх и он начал неистово кричать. В таком тяжелом состоянии он находился несколько дней, пребывая у раки преподобных Сергия и Никона и с плачем молясь об отпущении своего согрешения; братия точно так же усердно молилась за него. И тогда по благодати

Христовой и по молитвам святых, Акакий получил отпущение в своем согрешении и исцелился. Обо всем этом он сам со слезами рассказывал многим, вопрошавшим его.

В своей земной жизни преподобные Сергий и Никон особенно близки были друг к другу. Эта взаимная близость не оставляет их и в жизни вечной, ибо любовь святых, как любовь Божественная, не подлежит закону времени. Оба вместе они неоднократно являлись и совокупно чудодействовали.

Один из жителей Москвы, по имени Симеон, родившийся по предсказанию святого, заболел столь сильно, что не мог ни двинуться, ни уснуть, ни принять пищи, но лежал как мёртвый на своем одре. Страдая таким образом, он однажды ночью стал призывать к себе на помощь святого Сергия:

– Помоги мне, преподобный Сергий, избавь меня от сей болезни; еще при жизни твоей ты был так милостив к моим родителям и предрек им мое рождение; не забудь меня, страждущего в столь тяжкой болезни.

Вдруг пред ним предстали два старца; один из них был Никон; болящий тотчас узнал его, потому что лично знал сего святого еще во время его жизни; тогда он понял, что второй из явившихся был сам преподобный Сергий. Дивный старец ознаменовал болящего крестом, а после этого велел Никону взять икону, стоявшую у одра – она была некогда подарена Симеону самим Никоном. Затем больному показалось, что вся кожа его отстала от тела; после этого святые стали невидимы. В ту же минуту Симеон почувствовал, что он совершенно выздоровел: он поднялся на своем одре, и уже никто более его не поддерживал; тогда понял он, что не кожа сошла у него, а болезнь оставила его. Велика была его радость; встав, он начал горячо благодарить святого Сергия и преподобного Никона за свое неожиданное и столь дивное исцеление.

Особенно много чудес было совершено преподобными Сергием и Никоном во время осады Троицкого монастыря Поляками под предводительством Лисовского и Сапеги, когда святой обители пришлось испытать множество бедствий от врагов. Никон вместе с преподобным Сергием нередко являлись не только осажденным, ободряя и укрепляя их

надеждою на помощь Божию, но и врагам, осаждавшим лавру, устрашая и угрожая им гневом Божиим[7505]. Многие из осаждавших и их военачальников видели, как по монастырским стенам ходили два светозарных старца, наподобие Сергия и Никона; один кадил стены кадильницею, а другой – кропил их святою водою.

Однажды, когда еще продолжалась осада монастыря врагами и среди осажденных появились от голода и всяких лишений болезни, – Никон явился во сне пономарю Иринарху и сказал ему:

– Скажи всем страждущим от болезни, что в сию ночь выпадет снег и пусть все, кто желает исцелиться от болезней, натираются этим снегом.

Иринарх с трепетом проснулся и наутро сказал окружающим о том, что поведал ему чудотворец Никон. И действительно, ночью выпал снег и кто с верою натирался этим снегом, тот делался здоровым[7506].

Вот и еще случай из недавних времен (1846 г.). В монастырской больнице жестоко страдал от нервной горячки рясофорный послушник Гавриил; несколько дней он был без памяти, и думали, что не перенесет болезни. В ночь на память преподобного Никона, видит он, что душа его как бы разлучается от тела, и устремляется в какую-то бездну. Мысленно стал он молить преподобных Сергия и Никона о возвращении к жизни, чтобы покаянием приготовиться к вечности. (А лежал он всё время, как видели другие, без памяти и движения). Вдруг видит, как бы двери отворились; входят два светоносных мужа, старцы, один с жезлом, – в сем он признал преподобного Сергия, а в другом – преподобного Никона. Преподобный Сергий, указывая жезлом преподобному Никону на болящего, говорит: «помоги»! Преподобный Никон подошел, и самим приближением наполнил больного силою и радостью. Больной приподнялся, перекрестился, а преподобные стали невидимы. Гавриил пришел в память; болезнь миновалась, осталась только слабость[7507].

Тропарь, глас 1:

Послушания добрый рачитель быв, преподобне Никоне приснопамятне, церковь бо прекрасну Святыя Троицы, в похвалу отцу твоему воздвигл еси. Темже и мы чада твоя любовию вопием ти: слава давшему ти крепость, слава венчавшему тя, слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 4:

Духовному твоему настоятелю, отче Никоне, всячески прилепився, и от него наставляемь, во всем Христови поработився, монахов был еси чиноначальник, и преподобных сожитель: с нимиже Христа Бога моли непрестанно о всех нас.

Память преподобного Лазаря Писца

Память 17 ноября

Преподобный Лазарь жил в Константинополе и с молодых лет посвятил себя иноческим подвигам. Измлада он проводил суровую жизнь, постоянно пребывая в посте и молитве. Но преимущественно он упражнялся в делах милосердия, питая алчущих и одевая нагих. За свою подвижническую и благочестивую жизнь преподобный был удостоен священнического сана. Это было в царствование византийского императора Феофила[7508].

При Феофиле же преподобный Лазарь претерпел и мучения за свою ревность в иконопочитании. Посвятив себя служению Богу, Лазарь изучил иконописное искусство и ревностно занимался писанием честных икон во славу Бога, Пречистой Его Матери и святых Его. Феофил же был иконоборец; всех почитателей святых икон он подвергал гонениям, а иконописцев заставлял плевать на иконы и попирать их ногами. Преподобный Лазарь, как иконописец, был схвачен и подвергнут испытанию в вере. Но напрасно старались склонить его к иконоборческому зловерию, прибегая то к льстивым увещаниям, то к угрозам; Лазарь оставался непреклонным; тогда стали немилосердно бить его, а потом ввергли в темницу. Но и в темнице святой муж продолжал писать иконы. Тогда беззаконный мучитель повелел прижигать пальцы святого раскаленными плитами железа, чтобы отнять у него всякую способность писать иконы. При этом, преподобному Лазарю угрожала даже смерть. И только с трудом жизнь его была спасена заступничеством благочестивой царицы Феодоры[7509]. Выпущенный на свободу, преподобный Лазарь нашел убежище в церкви святого Иоанна Крестителя, и там написал икону, которая быстро приобрела славу чудотворной. Когда же Феофил скончался, преподобный уже безпрепятственно занимался писанием святых икон. При этом святой нисколько не помнил зла, но даже молился за своего мучителя.

В царствование императора Михаила III [7510], сына Феофила и Феодоры, преподобный Лазарь участвовал в числе посольства, отправленного к римскому папе Венедикту III[7511], и на возвратном пути из Рима скончался. Честные останки его были перенесены в Константинополь, и здесь погребены в церкви святого Евандра[7512].

Страдание святого мученика Платона

Память 18 ноября

Святой мученик Платон, брат святого мученика Антиоха, происходил из страны Галатийский, из города Анкиры[7513], от христианских родителей, и был воспитан в благочестии. Еще до своего совершеннолетия он достиг преуспеяния в добродетелях. Находясь в юношеском возрасте, он уже был зрел разумом. Среди безбожных идолопоклонников он дерзновенно проповедовал Христа, Предвечного Бога, и учил пребывавших в заблуждении язычников, чтобы они познали истину и обратились от бесовского заблуждения к Богу. За сие он был взят неверными и приведен на суд к областеначальнику Агриппину.

Агриппин в это время находился в храме Зевса и там сел судить исповедника Христова. Взглянув на него, он сказал:

– Весь мир чтит своих богов, – ты один заблуждаешься и отвращаешься от них!

Святой отвечал:

– Вы заблудились, оставив Бога, создавшего небо и землю, и все красоты их, и поклоняетесь камню и тленному дереву, делу рук человеческих.

Агриппин сказал:

– Юность твоя делает тебя дерзким и бесчинным. Скажи мне свое имя, как зовут тебя и из какого ты города?

Святой отвечал:

– Родители назвали меня Платоном; я – от чрева матери моей раб Христов, гражданин же – этого города; ныне за благочестие предстою на неправедном твоем суде и жду незаслуженной смерти, которую пламенно желаю принять за Господа моего; делай же то, что намерен делать.

– Не должно тебе, Платон, – возразил областеначальник, – учить о Распятом и даже имя Его иметь в уме своем, так как царская власть повелевает предавать тяжкой смерти исповедающих Его, а отрицающихся – удостаивать великих почестей: поэтому советую тебе подчиниться царскому

повелению, и тогда ты получишь возможность избежать смертной гибели.

Святый Платон отвечал:

– Я повинуюсь моему Царю – Богу, за Него и воинствую, смерть же временную охотно приемлю, чтобы быть наследником вечного Царства.

– Подумай, Платон, – сказал на это областеначальник, – что лучше для тебя: оставаться ли в живых, или подвергнуться тяжкой смерти?

Платон отвечал:

– Господь промыслит о том, что мне полезнее.

– Разве не знаешь, – возразил областеначальник, – непреложных царских законов, повелевающих, чтобы христиане или приносили жертвы богам, или подвергались смерти? Как же ты смеешь нарушать царские законы и совращать других?

Святый отвечал:

– Я знаю уставы Бога моего и делаю, что повелевают Его святые и животворные заповеди, а они повелевают, отвергнув бесовские жертвы, служить Единому Истинному Богу. Ему Единому я и служу, а ваших богов презираю. Но ты, согласно царскому повелению, подвергай меня мучениям, как хочешь, – вам уже привычно мучить христиан, а христианам – страдать за Христа.

Областеначальник Агриппин, отличавшейся зверским нравом, увидав, что святой не покоряется его безбожной воле и противоречит, в страшном гневе повелел разложить его нагим на земле и приставил двенадцать воинов попеременно бить святого. И били его по всему телу беспощадно долгое время, так что бившие воины очень устали, но святой страдалец не устал терпеть и исповедовать имя Господа своего Иисуса Христа.

Потом, когда воины прекратили побои, областеначальник, как бы щадя его, начал ласково говорить ему:

– По дружески советую я тебе, Платон: уклонись от смерти к жизни.

Мученик отвечал:

– Хорошо учишь ты меня, Агриппин, чтобы я уклонился от смерти к жизни, я и сам бегаю от вечной смерти и ищу бессмертной жизни.

Агриппин на это с гневом сказал святому:

– Скажи мне, несчастный, сколько смертей?

Святый отвечал:

– Две смерти: одна временная, а другая вечная; также и жизни – две: одна маловременная, а другая бесконечная.

– Оставь свои басни, – возразил областеначальник, – и поклонись богам, чтобы избавиться тебе лютого мучения.

Святой отвечал:

– Ни огонь, ни раны, ни ярость зверей, ни лишение членов (тела) не разлучат меня с Богом Живым, ибо не нынешний век я возлюбил, но Христа моего, за меня умершего и воскресшего.

Тогда областеначальник повелел отвести святого Платона в темницу. Когда его вели, за ним следовал народ, смотря на страдание его, как на какое-либо зрелище. Среди народа было множество и христиан. Приблизившись к темнице, твердый и великий духом, мученик Христов, Платон обратился к народу и, повелев ему замолчать, начал говорить громким голосом:

– Мужи, любящие истину, знайте, что я предпринял сей подвиг страдания не по иной какой причине, как ради Бога создавшего небо и землю и всё, что в них. Как рабов Христовых, я умоляю вас не смущаться тем, что происходит теперь, ибо «много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь» (Пс.33:20).

Приидите же и прибегнем все вместе к тихой пристани и к Камню, о Коем великий Апостол говорит: «Камень же был Христос» (1Кор.10:4). И да не изнемогаем в бедах, коим подвергаемся за веру Христову, памятуя, что «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8:18).

Сказав сие, мученик вошел в темницу и, преклонив колена на землю, обратился к Богу с следующей молитвой:

– Господи Иисусе Христе, Создатель и Промыслитель всех, дарующий рабам Своим терпение и победу, сподоби и меня, смиренного и непотребного раба Твоего, до конца достойно

претерпеть за имя Твое святое, и пошли Ангела Твоего, чтобы он избавил меня от льстивого и всезлобного змия – Агриппина, да познают все, что не боги те, коих создает рука человеческая, но Ты – Единый Истинный Бог, долготерпеливый и многомилостивый, препрославленный вовеки. Аминь.

По прошествии семи дней, мучитель снова воссел на судилище в храме Зевса и повелел привести святого мученика. Сначала он разложил пред ним разные орудия пытки: медные котлы, сапоги с гвоздями, раскаленные ядра, острые прутья, железные рогатки, колеса и многие другие, надеясь устрашить ими доблестного воина Христова. Потом начал говорить ему:

– Возлюбленный Платон! Видя твою юность и благородство твоих родителей и щадя красоту твоего тела, прежде чем начну снова мучить тебя, советую тебе: вкуси от жертвы богов наших и будь в единении с нами, зная хорошо, что никто из противящихся мне, не останется жив, и, напротив, никто, повинующийся мне, не лишился чести и даров, мною обещанных. Я же, прекрасный Платон, если пожелаешь послушаться меня, как отца, дающего тебе добрый совет, отдам тебе в жены единственную дочь моего брата со многим богатством и назову тебя своим сыном.

Но блаженный Платон, насмехаясь над ним, сказал:

– Бедный и человеконенавистный сын диавола и слуга сатаны! Если бы я решился связать себя житейскими прелестями и если бы захотел взять себе жену, то разве не нашел бы лучшей, чем дочь брата твоего! Поистине я взял бы лучше вместо нее рабыню. И так захочу ли я взять ее теперь, когда, оставляя мир, соединяюсь со Христом?

Тогда мучитель, придя в ярость, повелел положить святого на медном одре, а под одр подложить множество углей и разжигать их, поливая на огонь масло, воск и смолу, и опалять тело мученика, а сверху бить тонким прутом, дабы и биением, и палением усилить его муки. После таких продолжительных мучений, Агриппин сказал святому мученику:

– Несчастный, смилуйся, наконец, над самим собою! И если не хочешь поклониться богам, то скажи только эти слова: велик

бог Аполлон, – и я тотчас же перестану мучить тебя, и пойдешь с миром в дом свой.

Но святой на это отвечал:

– Да не будет, чтобы я пощадил тело свое, а душе приготовил геенну огненную.

По прошествии трех часов, в продолжение коих Платон был предаваем таким мучениям, он был снят с одра, но тело его оказалось целым, здоровым и не имеющим даже следа от ран и от огня, как будто он вышел из бани. При сем, от тела его исходило сильное благоухание, так что все, находившиеся тут, удивлялись и говорили:

– Воистину велик Бог христианский!

Областеначальник же сказал святому:

– Если не хочешь принести жертвы богам нашим, то, по крайней мере, отвергнись только Христа твоего, – и я отпущу тебя.

Но святой отвечал:

– Безумный и безбожный, как говоришь ты, чтобы я отвергся Спасителя моего? Неужели хочешь, чтобы я уподобился тебе, нечестивец? Разве не довольно для тебя твоей погибели? Но ты хочешь вовлечь в нее еще и других, принадлежащих к числу воинов Христовых! Отступи от меня, беззаконник. Я верую Богу моему, что Он не оставит меня и не даст мне пасть так же, как пал ты.

Тогда Агриппин встал со своего престола и сам стал мучить святого. Он разжег железные круги, подложил под его плечи и опалял его ребра. Потом положил на грудь мученика два сильно раскаленных железных круга, – и показался дым из ноздрей его, ибо сила огня проникала даже до его внутренностей. Многие думали, что он уже умер. Но, спустя немного времени, он сказал мучителю:

– Ничтожны мучительства твои, лютый кровопийца!

Потом, возведши вверх свой взор, святой произнес:

– «Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания» (Ис.50:6)[7514], «Не удаляйся от меня, Господи, ибо скорбь близка» (Пс.21:12), «Для чего язычникам говорить: где

Бог их?» (Пс.78:10). Даруй мне, Иисусе Христе, рабу Твоему, освободившись совсем от мучительств противника, с дерзновением предстать пред Страшным Твоим Судом, окончив этот добрый подвиг: ибо Тебе на всяком месте владычества Твоего подобает слава, честь и держава, ныне и присно и во веки веков.

И когда он произнес: «аминь», поколебался храм, и все устрашились. Несмотря на то, жестоковыйные не хотели познать силу Божию.

Потом мучитель повелел, изрезав кожу святого Платона на ремни, сдирать ее. Но святой, сорвав один, отвисший от тела его, ремень, бросил его в лице Агриппину с словами:

– Бесчеловечный и свирепейший всех зверей! Как ты, не желая познать Бога, создавшего нас по образу Своему, не питаешь жалости хотя к такой же самой плоти, какою облечен и сам ты, и находишь наслаждение при виде раздробления моих членов? Но предавай меня еще более лютым мукам, дабы как твое бесчеловечие, так и мое терпение всем были видны, ибо я радостно терплю все это ради Христа моего, чтобы, благодатию Его, обрести себе покой в будущем веке.

– О до какой степени ты безумен, – возразил Агриппин, что не щадишь даже своего тела, несмотря на то, что внутренности твои уже выходят сквозь рёбра, а ты всё еще не перестаешь хулить богов и возбуждать меня к гневу?

Потом Агриппин повелел повесить святого на дереве и бить тело его до тех пор, пока нетронутая еще плоть не отпала совсем от костей и не вылилась почти вся кровь. А святое лицо мученика он так истерзал железными рогатками, что не оставалось даже и следов человеческого образа, но одни только обнаженные кости. Но святой Платон, имея свободный язык, укорял за жестокость мучителя и проклинал идолов и идолопоклонников.

Тогда мучитель сказал:

– Платон! Если бы ты не был так упорен и непокорен, то уподобился бы тому премудрому Платону, главе философов[7515], который составил Божественные учения.

Но святой отвечал:

– Хотя я и одного имени с Платоном, но не одного направления. Имя же не может соединить тех, коих разделяют верования. Поэтому ни я тому Платону, ни Платон мне не подобен, кроме одного имени. Я учусь и учу той философии, которая – Христова, а он учитель той философии, которая есть безумие пред Богом, ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» (1Кор. 1:19; ср. Ис. 29:14). Учения же, принадлежавшие Платону, которые ты называешь Божественными, суть ложные басни, посредством хитрых слов развращающие умы бесхитростных простецов.

Когда святой перестал говорить, умолк и Агриппин, ибо он не знал, что еще возразить ему и что сделать с ним, и дивился великому его терпению и смелым ответам. Он приказал отвести его в темницу и не дозволять никому из знакомых его приходить к нему. Но, чтобы святой мученик не умер, мучитель велел каждый день давать ему немного хлеба и воды. Не знал он, несчастный, что «не одним хлебом живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живет человек» (Втор.8:3). Но Христов мученик не принимал ничего из рук идолопоклонников и оставался без пищи и пития восемнадцать дней, так что на нем исполнились слова Писания: «праведный своею верою жив будет» (Авв. 2:4). Надеялся он, что Тот, Кто пропитал Даниила среди львов во рве (Дан. 6), пропитает и его в темнице нетленною пищею. Стражи же, видя, что он не принимает ни хлеба, ни воды, сказали ему:

– Ешь, человече, и пей, чтобы не умереть тебе, и нам не впасть бы в беду из-за тебя.

Но блаженный отвечал:

– Не думайте, братия, что я умру, если не принимаю вашей пищи; вы питаетесь хлебом, я же питаюсь Словом Божиим, пребывающим вовеки, – вас насыщают мяса, меня же насыщают святые молитвы, – вас веселят вина, меня же увеселяет Христос, лоза истинная.

После того областеначальник Агриппин, видя, что ничем не может отвратить Платона от Христа, осудил его на усечение мечом. Мученик выведен был из города. Испросив себе час на молитву, он поднял кверху руки свои и сказал:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что святым Твоим именем Ты защитил меня, раба Твоего, от прельщения вражеского и даровал мне благодать достойно совершить течение подъятого ради Тебя подвига. И ныне молю Тебя, – приими в мире душу мою, ибо Ты благословен вовеки. Аминь.

Потом, преклонив святую главу свою, сказал воину, который должен был усекнуть его:

– Делай, друже, что тебе повелено. – И тот час же был усечен. Так подвизался святой мученик Платон и умер за Христа, дабы жить и царствовать с Ним вовеки[7516].

Кондак, глас 3:

Святая твоя память вселенную веселит, созывающи верныя вся в пречестный храм твой, идеже ныне радостию совокупльшеся, поем в песнех и светлостех. Сего ради Платоне, вопием ти: языческаго нашествия избави град твой, святе.

Страдание святых мучеников Романа и отрока Варула

Память 18 ноября

Святой мученик Роман происходил из Палестины и был диаконом Кесарийской церкви. Во время гонения язычников на христиан он жил в Антиохии[7517], проповедуя учение и утверждая верующих, чтобы они пребывали непоколебимо в исповедании Христовом. Когда же нечестивый епарх Асклипиад хотел разрушить до основания тамошний христианский храм, святой Роман побуждал христианский народ оказать сопротивление епарху, и не дать ему разрушать святой храм.

– Нам ныне, – говорил он своим единоверцам, – предлежит борьба за алтари Божии; Асклипиад – враг отечества и хочет отнять Бога у нас, и мы хорошо сделаем, если, защищая алтари Божии, падем, израненные, на пороге святого храма. Чем бы ни кончилась борьба, мы, христиане, окажемся победителями, если не дадим разрушить дом Божий, то восторжествуем в Церкви, воинствующей на земле; а если падем убитыми при святом алтаре, то воспоем победную песнь в Церкви, торжествующей на небесах.

Такими словами он возбудил всех стать на защиту святого храма и с решимостью сопротивляться до самой смерти и не дозволить епарху войти в храм и разрушить его.

В это время наступил один идольский праздник, и множество язычников стекалось в идольское капище с женами и детьми. Тогда святой Роман воспламенился Божественною ревностью, вступил в толпы нечестивого народа и громогласно начал обличать его заблуждение. Он остановил даже и самого епарха Асклипиада, когда тот входил в идольский храм, и сказал ему:

– Прельстился ты, епарх, идя к идолам: идолы – не боги, но Един есть Истинный Бог, Иисус Христос.

Епарх тотчас же повелел схватить Романа и сильно бить по устам. Потом, воссев на судилище, долго принуждал его отречься от Христа; когда же увидел его непокорным, повелел

мучить. Его повесили, стали бить разными орудиями и терзать железными рогатками. Но святой Роман, мужественно перенося эти муки, исповедовал Единого Бога, Создателя всех, и укорял епарха в безумии за то, что он не хотел познать истины.

Когда святой страдал так и, претерпевая мучения, мужественно проповедовал Христа, там стояло много народа, как из неверных, так и из верующих, смотревшего на подвиг страдальца Христова. Недалеко стоял там и один христианский отрок, по имени Варул. Взглянув на него, мученик сказал мучителю:

– Сей малый отрок разумнее тебя, старейшего, хотя он еще и малолетен, – так как знает Истинного Бога, а ты, в преклонном возрасте, не знаешь Его.

Тогда епарх, подозвав к себе отрока, спросил его:

– Какого Бога чтишь ты?

– Чту Христа, – ответил отрок.

Епарх спросил его:

– Что лучше – одного ли Бога чтить, или многих?

– Лучше чтить Единого Бога, Иисуса Христа, – отвечал отрок.

Епарх опять спросил его:

– Чем Христос лучше всех богов?

Отрок отвечал:

– Тем Христос лучше, что Он – Истинный Бог и создал всех нас, ваши же боги – бесы и не создали никого.

И многое другое говорил отрок, как будто он был премудрым богословом: Дух Святый, действуя в нем, совершал хвалу из уст его для посрамления нечестивого епарха и всех идолопоклонников.

Мучитель и все бывшие при нем, изумляясь разуму отрока и мудрым словам его, почувствовали великий стыд от того, что не могли опровергнуть слов его. Поэтому мучитель повелел безжалостно сечь Варула розгами. После долгого сечения, Варул начал изнемогать и попросил пить. Но его мать, стоявшая там в народе и с радостью смотревшая на страдания своего сына, увидав его изнемогающим и просящим пить, с настойчивою строгостью велела ему мужественно переносить

страдания до конца. Когда же мучитель приказал усечь отрока мечом, мать взяла его на свои руки и понесла на место усечения. Обнимая и целуя, она утешала его и укрепляла, чтобы он не боялся при виде меча над своею головой:

– Не бойся, сын мой, – говорила она. – Не бойся, милое мое чадо! Не страшись смерти! Не умрешь ты, но жив будешь вовеки! Не ужасайся, цвет мой! Ты немедленно же будешь перенесен в райские сады! Не бойся меча! Как только ты будешь усечен, тотчас же отойдешь ко Христу и узришь славу Его. Он приимет тебя с любовью, и ты будешь жить с Ним в радости неизреченной, наслаждаясь блаженством с Его святыми Ангелами.

Так утешая свое дитя, благочестивая мать донесла его до места казни. После усечения отрока, мать собрала его кровь в чистый сосуд и, взяв тело его, обливала его радостными слезами, с любовью лобызая его и радуясь, что сын ее пролил за Христа свою кровь, от нее воспринятую. После того, она предала тело своего сына честному погребению.

После усечения святого Варула, святый Роман был осужден на сожжение. Связанный и обложенный кругом дровами, святый Роман, когда слуги еще не подлагали огня и не поджигали дров, ожидая последнего слова от судьи, с средины костра громко воскликнул, обращаясь к мучителям:

– Где же огонь? Почему не зажигаете его? Зажгите, чтобы пламень охватил меня всего вокруг.

Когда огонь был зажжен и дрова со всех сторон сильно разгорелись, внезапно полил сильный дождь и погасил огонь. Святой Роман остался жив и нисколько не потерпел вреда от огня. После этого за смелые речи святого мученика, (так как он порицал нечестивых язычников, укоряя их безумие и проклиная их богов, а Христа, Единого Бога, прославлял) мучитель повелел отрезать ему язык. Но он сам отдал мучителям язык свой на урезание. Но, и по урезании богоглаголивого языка, не смолк Исповедник Христов, но сверхестественным образом и без языка говорил ясно, как и прежде, прославляя Единого Бога. Потом ввергли его в темницу, в которой он пробыл долгое время, с забитыми в колодку ногами. Когда же сообщено было о

нем императору Максимиану, что и с отрезанным языком он хорошо говорит, тогда император повелел удавить его. Войдя в темницу, воины затянули веревку на шее его и удавили[7518].

Так святой мученик Роман окончил подвиг своего страдания за Христа, в царствии Коего он ныне прославляется, славя Святую Троицу во веки веков. Аминь.

Память святых мучеников Закхея и Алфея

Память 18 ноября

В Кесарии Палестинской, с приближением двадцатилетия царствования императоров, заключенным в темницах объявлялось обыкновенно прощение преступлений. Так было и в царствование Диоклетиана. При этом правитель области, даровав свободу даже величайшим преступникам, христиан подверг жесточайшим мучениям. В это время за исповедание Христовой веры был схвачен диакон Гадаринской церкви Закхей[7519]. Спрошенный на судилище о вере, он смело и безбоязненно исповедовал Христа. За это его подвергли жестоким истязанием: секли розгами, затем терзали когтями и, наконец, забив ноги его в колодки, ввергли в темницу. Святой доблестно переносил мучения. Когда мучили святого Закхея, приведен был на судилище еще один исповедник за имя Христово, именем Алфей. Он происходил из знатного рода и был родственником Закхея, родился же в Палестинском городе Елевферополе[7520]. Когда началось Диоклетианово гонение на христиан, Алфей занимал должность чтеца в Кесарийской церкви. Гонение, воздвигнутое на исповедников Христовой веры, было очень жестоким, и многие из христиан не снесли тяжести мучений, отпали от веры Христовой и уже готовы были принести жертвы идолам. Тогда Алфей, ревнуя о Боге, вбегает в толпу отпавших и отвлекает их от идольских жертв. За это он был схвачен и в оковах отведен в темницу. Через несколько дней его подвергли таким же мучениям, как и родственника его Закхея: терзали розгами, раздирали когтями, и, наконец, заковали в одну колодку вместе с праведным Закхеем. В таком положении они пробыли ночь и день. Когда и после этих мучений, святые мученики продолжали непрестанно исповедовать Христа, их обезглавили[7521]. Так скончались святые мученики, претерпев многие страдания за имя Христово.

Житие святого пророка Авдия

Память 19 ноября

Святой пророк Авдий был родом из села Вифарама, близ Сихема[7522]; он служил при дворе царей Израильских и был домоправителем у царя Ахава[7523]. От юности своей он был весьма богобоязнен, и когда весь Израиль отступил от Бога и стал поклоняться скверному Ваалу[7524], он тайно служил Единому Истинному Богу отцов своих, спасшему Израиля от Египта и проведшему его через Чермное море посуху. Когда беззаконная Иезавель истребляла всех пророков Господних[7525], Авдий взял сто пророков, скрыл их по пятидесяти в двух пещерах и кормил их хлебом и водою во время голода, бывшего во дни пророка Илии. Однажды Ахав призвал Авдия и сказал ему:

– Пойди по земле ко всем источникам водным и ко всем потокам на земле, не найдем ли где травы, чтобы нам прокормить коней и лошаков и не лишиться скота.

И разделили они между собою землю, чтобы обойти ее: Ахав особо пошел одною дорогою, и Авдий особо пошел другою дорогою. Когда Авдий шел дорогою, навстречу ему показался Илия. Он узнал его, и пал на лицо свое, и сказал:

– Ты ли это, господин мой Илия?

Тот сказал ему:

– Я; пойди, скажи господину твоему: Илия здесь.

Он сказал:

– Чем я провинился, что ты предаешь раба твоего в руки Ахава, чтобы умертвить меня? Жив Господь Бог твой! Нет ни одного народа и царства, куда бы не посылал государь мой искать тебя; и когда ему говорили, что тебя нет, он брал клятву с того царства и народа, что не могли отыскать тебя. А ты теперь говоришь: пойди, скажи господину твоему: Илия здесь. Когда я пойду от тебя, тогда Дух Господень унесет тебя, не знаю куда; и если я пойду уведомить Ахава, и он не найдет тебя, то он убьет меня, а раб твой богобоязнен от юности своей. Разве не сказано господину моему, что я сделал, когда Иезавель

убивала пророков Господних, как я скрывал сто человек пророков Господних, по пятидесяти человек, в пещерах и питал их хлебом и водою? А ты теперь говоришь: пойди, скажи господину твоему: Илия здесь. Он убьет меня.

И сказал Илия:

– Жив Господь Саваоф, пред Которым я стою! Сегодня я покажусь ему.

И пошел Авдий навстречу Ахаву, и донес ему об Илие. И когда Ахав увидел Илию, пророк Божий обличил его в заблуждении и затем сотворил великое чудо: свел огонь с неба на жертвы и воду, как пишется о том в 3 книге Царств (3Цар.18:4–8). Видя это, Авдий радовался всемогущей силе Бога своего, и распалялся любовью к нему и горел ревностью о Нем, и усерднее служил Ему, исполняя заповедь Его. Затем, когда умер Ахав и царство Израильское после него принял сын его Охозия[7526], Авдий нёс воинскую службу. По свидетельству св. Дорофея и блаженного Иеронима, он был один из трех пятидесятников, посланных Охозиею к пророку Илии, из коих двух сжёг огонь, упавший с неба по слову пророка, а третий, который и был Авдий, был помилован: он приступил с смирением к св. пророку Илие и умолял его и говорил ему: «Человек Божий! Да не будет презрена душа моя и душа рабов твоих – этих пятидесяти – пред очами твоими» .

Потому-то и пощадил его Илия и, встав, пошел с ним к царю. С того времени Авдий оставил царскую службу, и пошел за св. пророком Илиею и получил духа пророчества, как сохранивший и питавший пророков Господних и сам последовавший за пророком (4Цар.1:13–15). По смерти он был погребен вместе со своими предками[7527].

Житие преподобных Варлаама и Иоасафа, царевича индийского, и отца его царя Авенира

Память 19 ноября

Есть на востоке страна, весьма обширная, называемая Индиею, заселенная многими народами и всякими богатствами и плодами превосходящая другие страны, границами же своими приближается она к пределам Персидским. Страна эта была просвещена некогда святым Апостолом Фомою, но не оставила до конца служения идолам, ибо многие, закоренев в язычестве, не приняли спасительного учения и держались бесовской прелести. С течением времени нечестие разрослось, как терние, стало подавлять доброе семя благочестия, так что язычников в Индии стало гораздо более, чем верных.

В той стране вступил на престол один царь, по имени Авенир, великий и славный силою и богатством, но весьма бедный духом, ибо он был язычник и служил бесам, а не Богу, поклоняясь бездушным идолам, и жестоко гнал Церковь Христову, а особенно учителей церковных, пресвитеров и иноков. Некоторые из его придворных, уверовав во Христа и убедившись в суете мира сего, оставили всё и сделались иноками; вследствие этого царь пришел в великую ярость. Схватив многих иноков, он предал их смерти, и повелел всюду принуждать христиан поклониться идолам. Послал он и по всем подвластным ему странам указ князьям и начальникам областей о том, чтобы мучениями и всякого рода убийствами изводили всех верующих во Христа и не желающих поклониться идолам. Вследствие этого, многие из верующих поколебались, – и некоторые, не имея сил перенести мучения, отпали от веры; но другие сами отдавались на мучения и, крепко страдая за Господа своего, полагали за Него души свои. Большинство же, скрывая свою веру в виду опасности, тайно служили Господу, соблюдая Его святые заповеди, а иные бежали в пустыни, особенно иноки, и там скрывались в горах и дебрях.

В это время родился у царя сын и назван был Иоасафом. Младенец был чрезвычайно красив и эта необыкновенная красота как бы предзнаменовала имевшую быть в нем великую красоту душевную. Царь, собрав множество волхвов и гадателей по звёздам, расспрашивал их о том, что ожидает младенца, когда он придет в возраст. Те, после многих наблюдений, сказали, что он будет выше всех до него бывших царей. Один же из гадателей, самый мудрый, не по течению звёзд, но, как некогда – Валаам[7528] по Божественному откровению, сказал царю:

– Младенец не придет в возраст в твоем царстве, а в другом – лучшем и несравненно большем; думаю также, что он примет гонимую тобою христианскую веру, и надеюсь, что не окажется ложным это мое пророчество.

Царь, услыхав, что сын его будет христианином, сильно опечалился и раздумывал, что бы сделать, дабы пророчество это не исполнилось. Он выстроил особое прекрасное здание со множеством светлых помещений, где и должен был воспитываться Иоасаф. Когда же он начал подрастать и приходить в смысл, царь приставил к нему пестунов и слуг, юных возрастом и прекрасной наружности и приказал, чтобы они не позволяли никому постороннему приходить к царевичу, который не должен видеть никого, кроме них. Кроме того, царь распорядился, чтобы они ничего не говорили царевичу о печалях этой жизни: смерти, старости, болезни и других подобных скорбях, знание которых могло бы препятствовать его веселью, но предлагали бы его вниманию только прекрасное и веселое, для того, чтобы ум его, всегда занятый наслаждениями и удовольствиями, не мог размышлять о будущем. Он повелел также, чтобы никто не смел сказать ни одного слова о Христе, так чтобы Иоасаф никогда не слыхал даже имени Христова, ибо всего более желал царь скрыть от него это имя, боясь, как бы не исполнилось предсказание звездочета; если же с кем-либо из служащих приключилась бы болезнь, его должно было уводить от царевича, а вместо него назначался другой, молодой и красивый, чтобы глаза царевича не видали ничего скорбного. Когда же царь узнал, что в его земле еще есть несколько

уцелевших иноков, каковых, он думал, уже нет и следа, то пришел в великую ярость и тотчас же послал вестников по всем странам и городам, которые должны были объявить, чтобы по истечении трех дней во всем царстве не оставалось ни одного инока; оказавшиеся же на лицо, после указанного срока, пусть будут преданы смерти через сожжение или усечение мечом: ибо они, говорил царь, научают людей чтить Распятого, как Бога.

Итак, царский сын, безвыходно находясь в устроенном ему помещении, достиг юношеского возраста, постиг всю индийскую и египетскую мудрость, и был весьма разумен и понятлив и украшен всяким благонравием. Он задумывался над тем, ради чего отец держит его в безвыходном затворе и спросил об этом одного из своих пестунов. Этот, видя, что отрок имеет совершенный разум и очень добр, подробно поведал ему всё, что предсказали о нем звездочеты, когда он родился, и как отец его воздвиг гонение на христиан, особенно на иноков, из коих многих убил, прочих же изгнал из своей земли, ибо он боялся, говорил пестун, как бы ты не сделался христианином. Услышав это, царский сын замолчал и про себя обсуждал всё сказанное пестуном.

Царь часто посещал сына, потому что очень любил его. Однажды Иоасаф сказал ему:

– Хотелось бы мне, отец мой, узнать от тебя нечто о том, о чем постоянно я скорблю и печалюсь.

Отец, объятый сердечною болью, отвечал:

– Скажи, милое дитя, какая печаль овладела тобою, и я сейчас же постараюсь переменить ее на радость.

Тогда Иоасаф спросил:

– Что за причина моего заключения здесь, почему ты скрываешь меня за стенами и воротами, лишил выхода отсюда и сделал невидимым для всех.

Отец отвечал:

– Не хочу я, дитя мое, чтобы ты видел что-нибудь из того, что могло бы вызвать скорбь в твоем сердце и лишить тебя радостной жизни; я желаю тебе прожить весь свой век в беспрерывных утехах, во всякой радости и веселии.

– Так знай же, отец, – отвечал отрок, что затвор этот доставляет мне не радость и веселие, а такую скорбь и печаль, что и самая пища и питие кажутся мне не сладкими, а горькими: я желаю видеть всё, что есть за этими воротами; поэтому, если ты не хочешь, чтобы я погиб от скорби, то позволь мне выходить, куда я хочу, и наслаждать душу зрением того, чего я не видал доселе.

Опечалился царь, услышав это, и решил, что если он запретит сыну выход, то повергнет его в еще большую скорбь и печаль, и сказал он сыну:

– Пусть будет, дитя мое, по твоему желанию.

И тотчас же велел привести отборных коней и приготовить всё, что приличествует царской чести, и уже более не запрещал сыну выходить, куда он захочет. При этом он приказал спутникам царевича, чтобы они не допускали до встречи с ним ничего предосудительного или печального, но показывали бы ему только одно хорошее и прекрасное, что веселит глаза и сердце; по дороге он повелел всюду устраивать хоры поющих, а пред ним идти со всякого рода музыкой и представлять различные зрелища, чтобы всем этим услаждался дух царевича.

Часто выходя из дворца с такими почестями и утехами, царский сын в один день увидел, по рассеянности слуг, двух людей, из которых один страдал проказою, а другой был слеп. Он спросил сопровождавших его: кто это и почему они таковы? Сопровождавшее, будучи уже не в состоянии скрыть немощь человеческую, сказали:

– Это – страдания человеческие, которые обыкновенно приключаются людям от тленной природы и немощного устройства плоти нашей.

Отрок спросил:

– Со всеми ли людьми это происходит?

Ему отвечали:

– Не со всеми, но с теми, здоровье которых расстраивается от злоупотребления благами земными.

Тогда отрок спросил:

– Если это происходит не со всеми людьми обычно, то знают ли те, которых имеют постигнуть эти беды, или же они

приходят внезапно и неожиданно?

Сопровождавшие отвечали:

– Кто из людей может знать будущее?

Царевич перестал спрашивать, но восскорбел сердцем о виденном, необычайном для него явлении, и изменилось выражение лица его. Немного дней спустя, находясь опять на пути, встретил он дряхлого старца, с морщинистым лицом, расслабленными членами, сгорбленного, всего седого, беззубого и еле говорящего. Увидев его, отрок пришел в ужас и, велев привести его к себе, спросил приведших: кто это и отчего он такой? Они отвечали:

– Ему уже много лет, и так как силы его мало-помалу убывали и члены ослабевали, то и пришел он в ту дряхлость, какую ты видишь.

Юноша сказал:

– Что же с ним будет далее, когда он проживет еще более лет?

Они отвечали ему:

– Ничего более, как только смерть возьмет его.

Юноша спросил:

– Всем ли людям предстоит тоже, или же это бывает только с некоторыми?

Они отвечали:

– Если смерть не постигнет кого в юности, то невозможно человеку, после многих лет, не прийти в такую же дряхлость.

Отрок спросил:

– В какие годы постигает это людей, и если смерть предстоит всем без исключения, то нет ли какого-нибудь средства избежать ее и не впасть в такую беду?

Ему сказали:

– В восемьдесят или в сто лет приходят люди в такую дряхлость, и потом умирают, и иначе не может быть, ибо смерть есть естественный долг человека, и наступление ее неизбежно.

Увидав и услыхав всё это, разумный юноша, вздохнув из глубины сердца, сказал:

– Если это так, то горька эта жизнь и полна всяких скорбей; и кто может быть беспечальным, всегда находясь в ожидании

смерти, пришествие которой не только неизбежно, но, как вы сказали, и неизвестно?

И пошел он в свой дворец, и был в великой печали, беспрестанно размышляя о смерти и говоря сам себе:

– Если все умирают, то и я умру, да еще и не знаю, когда… когда же умру, кто вспомнит обо мне? Пройдет много времени, и всё придет в забвение… нет ли какой-либо иной жизни после смерти и другого мира?

И был он весьма смущен этими мыслями, однако, не сказал ничего своему отцу, а только много расспрашивал вышеназванного пестуна, не знает ли он кого-нибудь, могущего поведать ему обо всем и утвердить ум его, изнемогающий в размышлениях? Пестун сказал:

– Я говорил тебе раньше, как отец твой тех мудрых пустынников, которые всегда размышляли об этих вещах – одних убил, других, в гневе, изгнал, и теперь не знаю никого из них в наших пределах.

Юноша сильно скорбел по сему поводу, жестоко болел душою и проводил жизнь в непрестанной печали: оттого вся сладость и красота мира сего были в глазах его мерзостью и нечистотою. И Бог, хотящий всем спастись и в разум истины прийти, по обычному Своему человеколюбию и милости, наставил отрока на правый путь следующим образом.

Был в то время один премудрый и в добродетелях совершенный инок, по имени Варлаам, саном священник, живший в пустыне сенаридской. Наставляемый Божественным откровением, он узнал о положении царского сына, вышел из пустыни и, переменив одежды, принял вид купца и, сев на корабль, отправился в Индийское царство. Приплывши к городу, в котором находился дворец царского сына, он прожил там много дней и собрал подробные сведения о царевиче и его приближенных. Узнав же, что вышеназванный пестун ближе всех к царскому сыну, старец отправился к нему и сказал:

– Знай, господин мой, что я купец и пришел из далекой страны; есть у меня драгоценный камень, подобного которому не находили никогда и нигде и которого я до настоящего времени никому не показывал, а теперь говорю тебе о нем

потому, что вижу, что ты человек разумный и смышленый; итак, введи меня к царскому сыну и я отдам ему тот камень, цены которого никто исчислить не может, ибо он превосходит всякие добрые и многоценные вещи: он подает слепым зрение, глухим слух, немым язык, больным здоровье, изгоняет из людей бесов, во всем умудряет безумных и дает приобретшему его все желаемые блага.

Пестун сказал ему:

– По виду ты старик, а между тем говоришь пустые слова и безмерно похваляешься: сколько я ни видал драгоценных камней и жемчуга, и сколько ни имел их у себя, но камня, имеющего такую силу, как ты сказал, не видал и не слыхал. Впрочем, покажи мне его, и, если слова твои окажутся справедливыми, я тотчас введу тебя к царскому сыну, и ты удостоишься от него почестей и получишь соответствующее вознаграждение.

Варлаам же сказал:

– Справедливо сказал ты, что не видал и не слыхал о таком камне нигде, но верь словам моим, что он есть у меня: я не похваляюсь и не лгу на старости лет, а говорю истину, а что ты попросил посмотреть его, так послушай, что я скажу: мой драгоценный камень с его действиями и чудесами, имеет еще и то свойство, что не может видеть его тот, кто не имеет здоровых очей и чистого, совершенно непорочного тела; если же кто, осквернённый нечаянно, увидит тот камень, то потеряет и зрение, и ум. Я же, зная врачебное искусство, вижу, что очи твои болят, и потому боюсь показать тебе мой камень, чтобы не сделаться виновником твоего ослепления; о сыне же царском я слышал, что он ведет беспорочную жизнь и имеет очи здоровые и ясные, а потому и хочу показать ему свое сокровище; так не будь же нерадив и не лиши своего господина такой важной покупки.

Пестун отвечал ему:

– Если так, то не показывай мне камня, ибо я осквернил себя многими нечистыми делами и, как ты сказал, имею нездоровый вид; а словам твоим я верю и господину моему сказать не поленюсь.

И отправившись во дворец, пестун рассказал царевичу всё по порядку, и он, выслушав речь пестуна, ощутил в сердце своем какую-то радость и духовное веселие, и велел тотчас же ввести к себе купца.

Варлаам вошел к царевичу, поклонился ему, и приветствовал его мудрою и приятною речью. Царевич велел ему сесть. Когда же пестун ушел, Иоасаф сказал старцу:

– Покажи мне камень, о котором ты рассказывал моему пестуну такие великие и дивные вещи.

Варлаам же обратился к нему с такою речью:

– Всё, сказанное тебе обо мне, царевич, истинно и несомненно, ибо неприлично мне говорить пред твоим величеством что-либо ложное; но прежде чем не узнаю я твоих мыслей, я не могу открыть тебе великую тайну, ибо Владыка мой сказал: «Вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге; и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, и, взошедши, засохло, ибо не имело влаги. Иное упало в терние, и заглушило его терние. Иное упало на добрую землю и принесло плод сторицею» (Мф.13:3–8). Итак, если я найду в твоем сердце землю плодоносную и добрую, я не поленюсь сеять в тебе Божественное семя и открыть тебе великое таинство. Если же земля эта будет каменистая и полная терния, или – придорожная, попираемая мимоидущими, то лучше совсем не бросать в нее спасительного семени и не отдавать его на расхищение птицам и зверям, метать пред коими бисер строго запрещено. Но я надеюсь найти в тебе наилучшую землю, для того, чтобы тебе принять словесное семя, и увидеть бесценный камень, и просветиться зарею света, и принести плод сторичный; ибо ради тебя я принял много труда и прошел далекий путь, чтобы показать тебе то, чего ты не видал и научить тому, чего ты никогда не слыхал.

Иоасаф отвечал ему:

– Я, старче честный, одержим невыразимым желанием слышать новые и добрые слова, и внутри сердца моего горит огонь, разжигающий меня к познанию некоторых важных и необходимых вещей, и до сего дня не нашел я человека, могущего разъяснить мне то, что у меня в уме, и наставить

меня на правый путь. Если же я нашел бы такого человека, то услышанные от него слова я не отдал бы на съедение птицам и зверям, не оказался бы каменным и полным терния, как ты сказал, но с благодарностью принял бы и сохранил их в сердце своем. И ты, если знаешь что-либо, не скрывай от меня, а поведай мне, ибо, как только услыхал я, что ты пришел из далекой земли, тотчас возрадовалась душа моя и я вознадеялся через тебя получить желаемое: потому-то и допустил я тебя немедленно к себе и с радостью принял, как кого-либо из знаемых или сверстников моих.

Тогда Варлаам, отверзши уста свои, полные благодати Святого Духа, начал говорить ему о Едином Боге, всё сотворившем, и о всем, что совершилось от начала мира: о грехопадении Адама и об изгнании из рая, о праотцах и пророках; затем – о воплощении Сына Божия, о вольной Его страсти и о воскресении; о Св. Троице, о крещении и о всех тайнах святой веры: ибо Варлаам был весьма премудр и искусен в Св. Писании. Изъясняя учение притчами и подобиями, украшая речь свою прекрасными рассказами и изречениями, он размягчил, как воск, сердце царевича, который чем далее, тем внимательнее, с наслаждением слушал его. Наконец, царевич познал, что тот бесценный камень есть Христос Господь, ибо свет воссиял в душе его и открыл очи его ума, так что он уверовал без всяких сомнений всему, что поведал ему Варлаам. И восстав со своего престола, он подошел к премудрому старцу и, в радости обняв его, сказал:

– О достойнейший между людьми! Это-то и есть, как думаю, тот бесценный камень, который ты имеешь втайне и не всякому желающему показываешь, но только достойным, у которых здравы душевные чувства; ибо как только слова твои, достигли до моего слуха, вошел сладостный свет в сердце мое и тотчас исчез тяжкий покров печали, долгое время лежавший на моей душе. Итак, скажи мне, правильно ли я рассуждаю об этом, а если знаешь что-либо еще лучшее, поведай мне.

И Варлаам, продолжая слово, говорил ему о доброй и злой смерти, о всеобщем воскресении, о жизни вечной, о воздаянии праведным и о муке грешников; и привел его своими словами в

великое умиление и сердечное сокрушение, так что весь он был в слезах и долго плакал. Кроме того, Варлаам рассказал ему о суете и непостоянстве мира сего, и об отвержении его, и иноческом и пустынном житии.

Как драгоценные камни в сокровищнице, слагал Иоасаф все слова Варлаама в сердце своем и так насладился его беседою и полюбил его, что захотел быть с ним всегда неразлучно и слушать его учение. Расспрашивал он его о пустынном житии, о пище и об одежде, говоря:

– Скажи мне, какова пища твоя и живущих с тобою в пустыне, откуда у вас одежда и какая?

Варлаам сказал:

– Пищею служат нам древесные плоды и травы, растущие в пустыне. Если же кто из верующих принесет нам немного хлеба, то мы принимаем приносимое, как посланное Божественным Промыслом; одежда же наша – власяная и из кож овечьих и козьих, весьма ветхая и вся в заплатах, одинаковая зимою и летом, а ту одежду, которою я покрыт сверху, я взял у одного верного мирянина, чтобы не узнали, что я инок: если бы я пришел сюда в собственной одежде, то не был бы допущен к тебе.

Иоасаф попросил старца показать ему обычные иноческие одежды, и тогда Варлаам снял верхнюю одежду, и страшное зрелище представилось Иоасафу: тело старца все иссохло и почернело от действия солнца, кожа держалась только на костях, от чресл до колен он опоясан был раздранным и колючим власяным рубищем и такую же мантию имел на плечах. Иоасаф удивился такому тяжкому подвигу и, пришедши в изумление от великого терпения старца, вздохнул и заплакал, и умолял старца взять его с собою на такое же пустынное житие.

Варлаам сказал:

– Не желай этого сейчас, чтобы из-за тебя не обрушился на братию гнев твоего отца, но прими крещение и останься здесь, а я отправлюсь один; когда же Господь захочет, придешь ко мне и ты, ибо я верю, что и в этом веке и в будущем мы будем с тобою жить вместе.

Иоасаф, со слезами, сказал:

– Если такова воля Господа Бога, то соверши надо мною св. крещение, и возьми у меня побольше золота, чтобы отнести твоим братиям, находящимся в пустыне, на пищу и одежду.

– Богатые дают убогим, – отвечал Варлаам, – а не убогие богатым: как же ты хочешь дать нам, богатым, сам будучи убогим? Ведь самый последний из нашей братии богаче тебя несравненно. Надеюсь, что и ты, по милости Божией, вскоре обогатишься этим истинным богатством; но когда ты разбогатеешь именно таким образом, то сделаешься скупым и несообщительным.

Иоасаф не понял сказанного ему, и Варлаам объяснил ему тогда свои слова в том смысле, что оставляющие всё земное ради Христа приобретают блага небесные, а между тем малейший небесный дар дороже всех богатств мира сего. При этом он присовокупил Иоасафу:

– Золото часто бывает причиною греха, и потому мы не держим его у себя, а ты хочешь, чтобы я отнес братиям моим змия, которого они уже попрали ногами.

Затем он посоветовал Иоасафу готовиться к св. крещению, заповедал ему продолжительный пост и молитву, а сам удалился от него и в уединенном месте молился за него Богу. На другой день он снова пришел к нему и долго поучал его истинной вере. И так в течение продолжительного времени старец приходил ежедневно к царевичу и излагал пред ним учение пророков и Апостолов и святоотеческие предания. В тот же день, в который он вознамерился крестить Иоасафа, Варлаам изрек ему следующее поучение:

– Вот, ты хочешь принять печать Христову, знаменоваться светом лица Божия и быть сыном Божиим и храмом Святого и Животворящего Духа: веруй же теперь в Отца, и Сына, и Святого Духа, во Святую и Живоначальную Троицу, в трех Ипостасях и во едином Божестве славимую, раздельную Ипостасями и Ипостасными свойствами, но единую существом. Итак, веруй во Единого Бога-Отца нерожденного и Единого Господа нашего Иисуса Христа, Света от Света, Бога Истинного от Бога Истинного, рожденного прежде всех век; ибо от

Всеблагого Отца родился Всеблагой Сын, от нерожденного Света воссиял Свет Присносущный, от Истинной Жизни произошел Животворящий Источник, от самой Силы Отчей явилась Сила Сыновняя, Который есть Сияние славы и Слово Ипостасное, искони сущий у Бога и Сам сущий Бог, безначальный и присносущный, через Которого получило бытие всё видимое и невидимое. И веруй во Единого Духа Святого, от Отца исходящего, Бога совершенного и животворящего, освящающего, имеющего такую же волю, всемогущего, соприсносущного, пребывающего в своей Ипостаси. Итак, поклоняйся Отцу и Сыну и Святому Духу, в трех Ипостасях, с различными свойствами, но в едином Божестве. Общее всем им есть Божество, и едина есть природа Их, и едино существо, и едина слава, едино царство, едина сила, едина власть; общее же Сыну и Святому Духу то, что они от Отца; собственное же у Отца – нерождение, у Сына – рождение и у Духа – исхождение. Так веруй сему; но не пытайся постигнуть образ рождения или исхождения, ибо он непостижим, а правым сердцем без всякого исследования принимай, что Отец, Сын и Святый Дух по всему суть едино, кроме нерождения, рождения и исхождения; и что Единородный Сын и Слово Божие и Бог, нашего ради спасения, сошел на землю, по благоволению Отца, и содействием Святого Духа без семени зачался во утробе Святой Девы и Богородицы Марии и нетленно родился от Нее и был совершенным Человеком, ибо Он есть как совершенный Бог, так и совершенный Человек, из двух естеств, т. е. Божества и человечества, – в двух естествах разумных, вольных и действующих и во всем имеющих совершенство, по свойству каждого естества, содержащих волю, слово и власть, – по Божеству и человечеству в едином составе, – и всё сие принимай без исследования умом и не пытайся узнать самого образа, каким всё это произошло: как умалил себя Сын Божий, и человек произошел от девических кровей без семени и нерастленно, или каким образом произошло соединение. Всё это мы научены содержать верою, как преданное нам в Божественных Писаниях, но уразуметь и выразить самую сущность не можем. Веруй в Сына Божия, по милосердию

Своему ставшего Человеком и принявшего все свойства естества человеческого кроме греха: ибо Он чувствовал голод и жажду, спал, утруждался и скорбел по человечеству и за беззакония наши был предан смерти, распят и погребен, вкусив действительной смерти, в то время как Божество в Нем пребывало бесстрастным и неизменным. Мы ничего, относящегося к страданию отнюдь не применяем к Его бессмертному Божественному естеству, но исповедуем, что Он пострадал и был погребен воспринятым Им Его человеческим естеством, а силою Божественною воскрес из мертвых в нетлении и восшел на небеса, и опять имеет прийти со славою, чтобы судить живых и мертвых (Иоан.5:20) и воздать каждому по делам его правою мерою (Мф.16:27; Откр.22:12): ибо воскреснут мертвые и восстанут сущие во гробах, причем сохранившие заповеди Христовы и отшедшие в правой вере наследуют жизнь вечную, а осквернившие себя грехами и уклонившиеся от истинной веры пойдут в муку вечную. И не веруй, что есть какая-то изначальная сущность или царство зла, и не воображай, что оно – безначально, или самостоятельно, или получило свое начало от Бога: думать так – безрассудно. На самом деле зло проникает в нас по нашей собственной вине и действию диавола через нашу невнимательность к самим себе. Так как мы обладаем свободою воли, то можем по собственному хотению выбирать или доброе, или злое. Исповедуй также едино крещение от воды и Духа во оставление грехов. Принимай причастие Пречистых Христовых Таин, веруя, что это – воистину Тело и Кровь Христа Бога нашего, которые дал Он верующим во оставление грехов, ибо в ночь, в которую был предан, определенно завещал Он святым своим ученикам и Апостолам и всем Своим будущим последователям, сказав: «приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое… Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите… в Мое воспоминание» (Мф.26:26–28; 1Кор. 11:24–25).

Это – Само Слово Божие, действующее и всё творящее силою Своею, действует и претворяет через священные слова и через снисшествие Духа Святого предложенные хлеб и вино в

Его Тело и Кровь и подает во освящение и просвещение причащающимся с верою.

Поклоняйся, также с верою и лобызай честное изображение (лика) вочеловечившегося нас ради Бога Слова, имея в мыслях, что в этом изображении ты видишь Самого Творца: ибо «честь, оказываемая изображению, – говорит святой Василий Великий, – переходит на первообраз». А первообраз, – это тот, чье лице изображается и кто послужил причиною изображения: так, взирая на написанные на иконе, мы умственными очами восходим к тому, кого эта икона изображает, и, благоговейно поклоняясь образу Принявшего на Себя плоть нашу, не обоготворяем самого написанного образа, но образ Воплотившегося Бога и Уничижившего Себя нас ради до образа рабского крепко и с любовью лобызаем; равно лобызай и образы Пречистой Матери Его и всех святых. Поклоняйся с верою и изображению Честного и Животворящего Креста и целуй его ради Распятого на нем плотью, на спасение роду человеческому, Христа Бога и Спаса мира, даровавшего нам образ креста в знамение победы над диаволом, который боится и трепещет силы крестной. Вот чему должен ты верить и с этой верой ты принимаешь св. крещение: так сохрани же эту веру без всякого изменения и еретических добавлений до последнего издыхания… Возненавидь же все учения, противные этой непорочной вере и считай их враждебными Богу, так как, по слову Апостола: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Галат. 1:8). – И действительно, нет другого Евангелия, нет другой веры, кроме проповеданной Апостолами и утвержденной Богоносными отцами на различных соборах и преданной Соборной Церкви.

Сказав это и научив царского сына Иоасафа символу веры, изложенному на Никейском соборе, Варлаам крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа в водоеме, находившемся в царском саду. Таким образом сошла на Иоасафа благодать Святого Духа. Вошедши затем в спальню Иоасафа, Варлаам совершил там богослужение и приобщил его Пречистых и Животворящих Таин, и оба они пребывали в духовной радости,

воссылая хвалу Богу. После того Варлаам научил царевича, как ему подобает жить после крещения, преподав ему учение о добродетели, и удалился к себе.

Между тем слуги и пестуны Иоасафа, видя частые посещения царевича старцем, пришли в недоумение; и вот, старший из них, по имени Зардан, которого царь за его верность и преданность приставил надзирать за двором царевича, сказал однажды Иоасафу:

– Ты хорошо знаешь, государь, как почитаю я твоего отца и как я ему верен, – за то и приставил он меня служить тебе. Теперь же, видя, как часто входит к тебе и беседует с тобою этот странный человек, я боюсь, не христианской ли он веры, против которой так враждует отец твой, и не пришлось бы мне подвергнуться из-за него осуждению на смерть. Поэтому, или скажи о нем царю, или перестань совсем беседовать с ним, или отошли меня от себя, чтобы не быть мне в ответе.

Царевич отвечал:

– Вот что мы сделаем сначала, Зардан: ты сядешь тайно за завесою и послушаешь его беседы со мною, – тогда я тебе и скажу, что нужно сделать.

И когда однажды Варлаам явился во дворец, Иоасаф, спрятавши предварительно Зардана за завесою, сказал старцу:

– Напомни мне вкратце учение твое, дабы оно крепче укоренилось в моем сердце.

Варлаам начал говорить и многое поведал ему о Боге, благочестии, будущих благах и вечных мучениях, и, наконец, после долгой беседы, встал, сотворил молитву и удалился в свое жилище.

Царевич вызвал тогда Зардана и спросил его, испытывая:

– Слышал ли ты, о чем беседовал со мною этот лживый старик: он покушается прельстить меня своим учением, лишить всех моих утех и наслаждений и привести к чужому Богу.

Зардан отвечал:

– Не искушай, государь, меня, раба твоего: я хорошо знаю, как глубоко пали тебе на сердце слова этого человека, и все мы знаем, что проповедь его – истинна. Но с тех пор, как твой отец воздвиг лютое гонение на христиан, вера их обречена на

погибель, и если она всё-таки пришлась тебе по сердцу и ты можешь понести соединенные с нею страдания и труды, то да исполнится благое желание твое. Но что же делать мне? Я даже и смотреть не в силах на такие страдания и на столь скорбное житие их. От страха царского гнева сердце у меня замирает, я не знаю, что отвечать ему на то, как попустил я тому человеку входить к тебе.

На это царевич сказал Зардану:

– Я не нашел лучшей награды тебе за твою великую преданность и верную службу мне, как постараться открыть тебе неизреченные блага: познание твоего Создателя и веру в Него. Я надеялся, что как только ты услышишь правое учение, тотчас возлюбишь его и последуешь ему вместе со мною. Но, вижу я, надежда обманула меня, ибо ты огрубел сердцем и не хочешь познать истину. Исполни, по крайней мере, одно желание мое: не говори ничего до времени отцу, так как этим ты ничего не достигнешь, а только причинишь ему скорбь и печаль.

На другой день Варлаам, пришедши к царевичу, сказал ему о своем намерении оставить его. Иоасаф, не в силах будучи перенести разлуку, скорбел душою и горько плакал. Старец долго беседовал с ним, утверждая его в вере и добродетели и убеждая не плакать по нем. Он предрек также царевичу, что скоро они оба соединятся навсегда. Тогда Иоасаф, не желая причинять старцу огорчения, а вместе и боясь как бы Зардан не донес о приходе старца царю, со слезами сказал Варлааму:

– Раз ты пожелал, отец мой духовный и добрый учитель, того, чтобы мне остаться здесь, в этом суетном мире, а тебе самому удалиться на место твоего духовного покоя, то я не смею более удерживать тебя. Итак, иди, хранимый Богом с миром, и поминай всегда мое окаянство в святых твоих молитвах, дабы и я получил со временем возможность прийти к тебе и уже постоянно видеть честное лицо твое. Но окажи мне любовь твою, оставь мне эту твою худую и ветхую мантию на память о твоем иноческом житии и учении и для охранения от всякого действия сатанинского.

Старец отдал ему свою мантию, которую Иоасаф ценил более царской багряницы. Затем Варлаам встал на молитву и

умиленно молился за Иоасафа, вручая новопросвещенного юношу Божию промыслу и защите. Окончив молитву, он обратился к царевичу, поцеловал его и сказал:

– Чадо небесного Отца! Мир тебе и спасение вечное.

Затем он вышел из дворца, радуясь и благодаря Бога, благонаправившего путь его.

По удалении Варлаама, блаженный Иоасаф предался постоянной молитве и подвижнической жизни. Видя это, Зардан чрезвычайно огорчился и, притворившись больным, удалился в свой дом. Царь, узнав о болезни Зардана, послал к нему своего, весьма искусного, врача лечить его. Врач внимательно исследовал болезнь Зардана и известил царя, что он не мог найти в Зардане никакой иной причины болезни, кроме какой-то печали, пораженный которой он и болеет. Тогда царь подумал, что сын его за что-нибудь разгневался на Зардана, вследствие чего последний и захворал от печали, и пожелал сам навестить больного и узнать от него точнее о причине болезни. Но Зардан сам поспешил явиться к царю, пал пред ним на землю и признал себя достойным всякого наказания за то, что небрежно охранял царевича, и рассказал царю обо всем, что случилось с Иоасафом.

– Один лукавый человек, – говорил он, – волхв и обманщик, именем Варлаам, пришел из пустыни и беседовал с сыном твоим о вере христианской, и теперь царевич – уже христианин.

Услышав это, царь содрогнулся от скорби, а затем пришел в несказанную ярость. Он тотчас призвал самого главного из своих вельмож, по имени Арахию, мудрого советника и искусного звездочета, и рассказал ему всё по порядку, как было.

Арахия, утешая его, ответил:

– Не печалься, царь, ибо мы весьма легко отклоним твоего сына от христианской веры, если овладеем Варлаамом; если же не разыщем его, то я знаю другого старца, – уже нашей веры, – по имени Нахора, живущего в пустыне и занимающегося звездочетством, у которого я и сам учился и который всем обликом очень похож на Варлаама, – я ведь и Варлаама хорошо знаю в лицо, так как ранее видал его. Итак, вызвав этого Нахора из пустыни, прикажем ему притвориться Варлаамом и

будем вести с ним прения о вере; он сделает вид, что он побежден и объявит христианскую веру ложною, а твой сын, видя это, отвратится от христианства и возвратится к отеческим богам.

Царь, нашедши такой совет хорошим, утешился несколько в своей скорби, предался тщетным надеждам и поспешно отправил самого же Арахию со множеством воинов искать Варлаама. Арахия, прошедши длинный путь, достиг наконец, до пустыни Сенаридской. Здесь он долго ходил без всяких дорог и через едва проходимые дебри, нашел в одном месте под горою небольшое количество пустынников и схватил их. Один из них был у них за старшего и носил с собою волосяной мешок, наполненный костями ранее отшедших некоторых святых отцов, – для постоянного напоминания о смерти. Арахия спросил пустынников:

– Где находится тот обманщик, который прельстил царского сына?

– Его нет у нас, – отвечал за всех носивший волосяной мешок, – и не будет, так как он бегает от нас, гонимый силою Христовою, а пребывает он среди вас.

– Знаешь ли ты его? – спросил Арахия.

– Знаю, – отвечал пустынник, – обманщика-диавола; он то и живет среди вас и вы угождаете ему.

– Но я спрашиваю тебя о Варлааме.

– Если ты спрашиваешь о Варлааме, – отвечал пустынник, – то тебе нужно было бы сказать: «Где тот, кто отвратил царского сына от обольщения»? Он – наш брат и делит с нами подвиг иноческого постничества, но вот уже много дней мы не видели его.

– Где же он находится?

– Мы знаем его келью в пустыне, но я не открою вам ее места.

Арахия, разъярившись, угрожал им смертью, но они радовались, слыша о смерти. Он нанёс им множество ран и подверг их лютым мукам, требуя, чтобы они указали местопребывание Варлаама, но они молчали. После того Арахия опять тщательно разыскивал повсюду Варлаама и, не

нашедши его нигде, возвратился к царю ни с чем, ведя за собою только упомянутых пустынников в числе семидесяти. Царь всячески принуждал их сказать, где – Варлаам, и отречься от Христа; но они не только не послушались его, а и укоряли его за безбожие, за что царь приказал отрезать им языки, выколоть глаза и отсечь руки и ноги. Так скончались доблестные страдальцы.

После их смерти, Арахия, по царскому приказу, ночью пошел к волхву Нахору, который жил в пустыне вместе с бесами и занимался колдовством, и, подробно рассказав ему всё, упросил его притвориться Варлаамом. Потом он возвратился к царю, а на другой день снарядил отряд воинов и опять распустил слух, что идет искать Варлаама и отправился снова в пустыню. Здесь Нахор показался отряду при выходе из одной дебри; воины, заметив его, погнались за ним и, догнавши, схватили и привели к Арахии, который, как будто не зная Нахора, спросил его, кто он такой? Нахор ответил, что он – Варлаам. Все очень обрадовались и повели его связанным к царю. Между тем повсюду разнеслась весть о том, что Варлаам схвачен, и Иоасаф сильно скорбел об этом и горько плакал. Но Бог, всеобщий Утешитель, в одном откровении объявил Иоасафу, что схвачен не Варлаам, а вместо него волхв Нахор.

Царь сначала отправился во дворец сына и – то добрыми и кроткими, то яростными и суровыми словами, убеждал его оставить христианскую веру и возвратиться к богам отцов, но ничем не мог отвратить его от любви ко Христу: Иоасаф на все речи отца отвечал с великою мудростью, доказывая ничтожество языческих богов, прославляя Единого Истинного Бога, Создателя всего, и заявляя о своей готовности идти за сего Бога на раны и смерть. Но так как естественная любовь отца к сыну не позволяла царю мучить его и, кроме того, собственная совесть обличала его, когда он слышал истину, возвещаемую царевичем, то он сказал:

– Тебе следовало бы, дитя мое, во всем повиноваться отцовской воле, но ты груб и непокорен и упорно противишься мне, воображая, что ты мудрее всех: поэтому, оставим напрасное препирательство и дадим место самой правде. Вот, я

соберу многолюднейшее собрание и созову всех мудрецов со всего нашего царства, а равно приглашу и христиан, причем своим глашатаям прикажу повсюду громко объявлять, чтобы никто из христиан ничего не боялся, но чтобы они без страха шли на собрание, в котором общим судом мы рассмотрим, какая вера лучше. В моих руках находится и прельстивший тебя Варлаам, закованный в железо, – я не успокоился, пока не схватил его: я выведу его на собрание, и пусть он вместе со своими христианами станет против наших мудрецов и состязается с ними о вере. И если вы, христиане, со своим Варлаамом преодолеете наших, то получите всё, чего ни пожелаете, если же будете побеждены, то должны будете во всем повиноваться моему повелению.

– Буди воля Господня, – отвечал блаженный Иоасаф, – и пусть будет все, как ты желаешь; а Бог истинный да поможет нам не уклониться с правого пути!

Тогда царь при помощи всюду разосланных грамот и через глашатаев, громко возвещавших царскую волю по всем городам и селениям, повелел всем служителям идолов и христианам собраться в одно место, – последним (христианам) ничего не боясь, – для решения вопроса об истинной вере посредством состязания христиан с Варлаамом в главе с языческими жрецами и волхвами. При этом царь созвал всех бывших в его стране мудрейших жрецов, чародеев и волхвов персидских, халдейских, которые должны были преодолеть христиан. И вот, к царю сошлось великое множество идолопоклонников, мудрых в злобе и хитрых во лжи учителей, которые, «называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1:22), христиане же, из которых одни были избиты неверными, другие скрывались, разбежавшись по горам и пещерам, собрались в весьма небольшом числе, и среди них нашелся только один, именем Варахия, сведущий в Божественном Писании: он – то один только и выступил в помощь мнимому Варлааму, не зная, что на самом деле это не Варлаам, а волхв Нахор.

Царь сел на высоком престоле, повелев и сыну сесть с собою, но царевич, из почтения к отцу, сел не рядом с ним, а

около престола на полу. Пред лицом царя предстали все языческие мудрецы, приведен был и Нахор, – мнимый Варлаам.

– Вот, – сказал царь, – обращаясь к своим мудрецам, вам предстоит немалый подвиг, и одно из двух ожидает вас: или вы, победив в прении Варлаама и его единомышленников – христиан, удостоитесь всяких почестей, или же, будучи побеждены, понесете позор, бесчестие и жестокую казнь, ибо я всех вас без сожаления погублю и тела ваши отдам на съедение зверям и птицам, а детей ваших обращу в вечное рабство, если вы не преодолеете христиан.

Когда царь произнес эти слова, Иоасаф воскликнул:

– Праведным судом рассудил ты ныне, царь! И я скажу нечто подобное своему учителю.

И, обратившись к Нахору, он сказал:

– Варлаам! В какой славе и среди каких утех ты впервые узнал меня! Но своими долгими беседами ты заставил меня отступить от богов и законов моих предков, служить неведомому Богу и раздражить моего отца и владыку. Поэтому, теперь представь себе, что ты стоишь как бы на весах: если ты выйдешь победителем из предстоящего состязания и докажешь, что учение твое – истинно, то ты прославишься как проповедник истины, и я останусь верным твоему учению, служа Христу до последнего издыхания; если же ты будешь побежден и через то сделаешься виновником моего посрамления, то я сам отмщу за свою обиду: я стану ногами тебе на грудь и, вырвав собственными руками твое сердце и язык, брошу их вместе с остальным твоим телом на съедение псам, чтобы и все другие на твоем примере научились не сметь обольщать царских детей.

Нахор пришел от этих слов в великий ужас, видя, что он пойман в свою же сеть и упал в яму, которую сам же выкопал. Страшась неизбежной смерти, ожидающей его, если он раздражит царевича, имеющего полную возможность мучить его, как только захочет, Нахор решился держать сторону Иоасафа и защищать христианскую веру. И когда началось прение между жрецами и христианами, Нахор заговорил подобно тому, как в древности известный Валаам, который послан был царем Валаком проклясть Израиля, а вместо

проклятия благословил его многими благословениями (Чис. 22:1–41): точно так же и Нахор, начав состязание, продолжал его от утра до вечера, говоря как бы по внушению от Духа Святого: так иногда благодать Божия может действовать и в нечистых сосудах ради своей святой славы. И так мудро изобличил Нахор суетность и ложность языческих богов и так непреложно доказал, что одно только христианство есть истинная вера, что никто не мог возразить еще ни единого слова. Об этом прении Нахора с жрецами идольскими пространно и прекрасно написал святой Иоанн Дамаскин в своем повествовании о святых Варлааме и Иоасафе.

Итак, все языческие мудрецы, и жрецы, и философы уныло стояли пред Нахором и молчали, как немые, покрытые стыдом, не имея ничего возразить ему. Царевич же радовался в душе и прославил Господа, Который, как некогда Савла, так теперь Нахора – из гонителя сделал учителем и проповедником истины. Царь и Арахия, изумленные неожиданною изменою Нахора, страшно гневались на него. Царь и хотел бы мучить Нахора вместе с христианами, но не мог нарушить своего царского слова, которым он приглашал христиан свободно и безбоязненно явиться на состязание о вере, обещая, как царь, не причинять им никакого зла. Поэтому он приказал собранию разойтись, сказав, что наутро будто бы опять будет прение.

Тогда царевич сказал отцу:

– Царь! В начале дела суд, согласно твоему повелению, был поставлен правильно, так твори же правду до конца и реши что-нибудь одно: или прикажи моему учителю провести эту ночь у меня, чтобы нам вместе с ним размыслить о том, что нужно будет говорить нам завтра, а ты точно так же поступишь вместе со своими единомышленниками, или же оставь мне их, а сам возьми к себе моего учителя, ибо если обе противные стороны пробудут время до прения у тебя, то мой учитель неизбежно будет находиться в угнетении и страхе, а твои мудрецы – в радости и покое, а в таком случае дело не может, по моему мнению, идти правильно и выйдет только насилие сильного над слабым и нарушение данного тобою христианам обещания.

Царь, побежденный мудрыми словами сына, оставил ему Нахора, уведши с собою остальных своих жрецов и все еще надеясь, что Нахор исполнить свое обещание (возвратить Иоасафа в язычество); царевич же, захватив с собою Нахора, отправился в свой дворец, радуясь о Боге Спасителе своем.

– Не думаешь ли ты, – сказал он Нахору, пришедши к себе, – что я не знаю, что ты не Варлаам, а Нахор? Впрочем, ты хорошо поступил, доказывая истинность христианской веры и обличая ничтожество идолов: итак, уверуй в того Бога, за имя Коего ты так доблестно восстал.

Потрясённый словами Иоасафа, Нахор раскаялся во всех своих прежних пороках и, искренно желал обратиться к истинному Богу, умолял Иоасафа позволить ему тайно убежать в пустыню, присоединиться к скрывающимся там пустынникам и принять святое крещение. Иоасаф, наставив его в вере, отпустил с миром. Он бежал в пустыню, нашел там одного святой жизни иерея и, приняв от него крещение, стал проводить жизнь свою в покаянии.

Наутро царь, узнав о случившемся с Нахором, отчаялся в надеждах, какие на него возлагал. Видя, что его мудрецы окончательно побеждены и находятся в безвыходном положении, он разгневался на них, предал их позорному поруганию, а некоторых и сильному телесному наказанию, велел вымазать им лица сажею и прогнал их от себя. И с тех пор он уже не почитал более жрецов и не приносил жертв идолам, а хулил их. Но, не поклоняясь идолам и в то же время не принимая христианской веры, он находился крайнем замешательстве и расстройстве мыслей. А к Иоасафу между тем приходили многие из язычников и, услажденные спасительной беседой с ним, обращались ко Христу. Поэтому жрецы, видя свое бесчестие и поругание и уклонение царя от их богов, поспешно отправили послов к одному знаменитому волхву, по имени Февде, жившему в пустыне в сообществе с бесами, и известив его о всем случившемся, усиленно молили его о помощи. Февда, сопровождаемый великою бесовскою ратью, смело отправился к царю, лично знавшему и любившему его, и вновь своими льстивыми речами склонил его к язычеству

и устроил с ними большое празднество в честь идолов. Стараясь опять обратить к идолопоклонству и блаженного Иоасафа, волхв дал царю лукавый совет, чтобы он удалил от Иоасафа всех слуг, а вместо них для служения приставил бы к нему благообразных жен и прекрасных девиц.

– А я, – говорил он далее, – пошлю одного из бесов возжечь в нем сладострастный огонь, и, лишь только царевич впадет в грех блуда, тотчас же, царь, всё будет по твоему.

Царь послушался лукавого совета, собрал множество красивых девушек и молодых женщин и, украсив их дорогими одеждами и золотыми уборами, повел их к сыну во дворец, а всех его слуг вывел вон, так что во дворце не осталось никого из мужчин и всякую службу при царевиче исполняли женщины и девушки. Нашли, невидимо, туда и лукавые духи, посланные волхвом Февдою, и стали разжигать у юноши плотскую страсть и внушать ему непотребные мысли. Блаженный Иоасаф претерпевал великое искушение и борьбу с самим собою – особенно, когда одна, самая прекрасная из всех девушка, научаемая не только царем, но и бесами, простерла на него сети своей красоты. Она была дочерью одного царя, попала в плен, и, уведенная из отечества, досталась, как самая дорогая добыча, царю Авениру. Полагаясь на ее необыкновенную красоту, отец послал ее на соблазн сыну; вошедши в нее, бес-обольститель научил ее мудрым речам и хитрой беседе, а вместе с тем и святому юноше вложил в сердце сначала любовь без всякой похоти, стараясь постепенно уловить его в свои сети. И действительно, Иоасаф полюбил ее за ее мудрость и благонравие и, кроме того, жалел ее за то, что, будучи царской дочерью, она сделалась пленницею и лишилась своего отечества и высокого положения; он раздумывал, наконец, и о том, как бы отклонить ее от идолопоклонства и сделать христианкою.

С такими помыслами, не ощущая в себе никакой страстной похоти, он начал с нею беседовать так:

– Познай, девица, Бога, живущего вовеки, чтобы не погибнуть тебе в заблуждении. Познай Создателя, и ты будешь блаженна, уневестившись Бессмертному Жениху.

Много еще подобного говорил он ей, и вот, нечистый дух научил ее начать дело соблазна и увлечь невинную душу к погибели. И сказала девица:

– Если ты, господин мой, заботишься о моем спасении и хочешь избавить мою душу от языческих заблуждений, то исполни и ты одну мою просьбу, и я тотчас же отрекусь от своих отечественных богов, обращусь к твоему Богу и буду служить ему до последнего издыхания и, следовательно, ты получишь награду за мое обращение.

– В чем – же состоит твоя просьба?– спросил девушку святой юноша.

Она, обольщая его взором и выражением голоса, ответила:

– Вступи со мною в супружество, и я исполню всякое твое приказание.

– Напрасно осмелилась ты, – сказал он, – обратиться ко мне с такою просьбою, так как, хотя я и желаю твоего спасения, но осквернить себя не соглашусь.

Стараясь облегчить ему путь ко греху, она в свою очередь сказала:

– Ты сам, господин мой, будучи столь мудрым, напрасно говоришь так, – называешь супружество осквернением: я тоже знаю христианские писания, много читала их в своем отечестве и много раз беседовала с христианами. Разве в книгах ваших не написано: «Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно» (Евр.13:4), и еще: «лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1Кор.7:9). – Разве не знали брака древние патриархи, пророки и праведники, как о том свидетельствуют ваши Писания? Разве Писание не возвещает, что Петр, которого вы называете верховным Апостолом, имел жену? Так кто же научил тебя называть брак осквернением, господин мой? В действительности ты сам отступил от правды вашего учения.

– Хотя в Писании и есть всё то, что ты сказала, – отвечал святой – и действительно, каждому предоставляется, если он желает, вступить свободно в брак, но только – кроме тех, кто обещался Христу хранить свое девство; а я, как только принял святое крещение, дал обет представить себя Христу чистым в

непорочном девстве: так как же я дерзну преступить клятву, данную Богу?

Обольстительница сказала ему:

– Если ты не берешь меня в супружество, то исполни другое мое легко исполнимое и ничего нестоящее желание. Если хочешь спасти мою душу, будь со мною в эту ночь. Сделаешь так, – я обещаю тебе, что завтра же приму христианскую веру, и тогда тебе не только будет прощение грехов за такую твою заботливость о моем обращении, но ты получишь и великую награду; ибо «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся» (Лук.15:7), говорит твое Писание, а если бывает радость на небесах об обращении грешника, то не будет ли велико и воздаяние тому, кто обратит грешника и сделается причиною такой радости грешника? Без всякого сомнения – так, ибо и ваши Апостолы многое совершали по своему усмотрению, преступая меньшую Божественную заповедь ради заповеди большей. Не обрезал ли Апостол Павел Тимофея (Деян.16:3), хотя обрезание христианам и необязательно? И, однако, он не побоялся так поступить ради большей пользы для дела проповеди. И многое подобное сему найдешь ты в своих книгах. Итак, если ты действительно желаешь спасти мою душу, то исполни это мое ничтожное желание.

Когда она говорила это, душа святого, овладеваемая противоположными мыслями, стала колебаться между добром и злом, твердость решения сохранить девство начала ослабевать, а воля и разум как бы размягчались. Видя это сеятель греха – диавол преисполнился радости и возвестил другим бесам:

– Смотрите, как девушка эта хочет сделать то, что оказалось не под силу даже нам! Поэтому именно теперь нападем на юношу с особою силою, потому что у нас не будет другого более удобного времени исполнить желание и приказание пославшего нас.

Воскликнув это, нечистый вместе со своими слугами дерзостно устремился на воина Христова и привел в расстройство все его душевные силы, зажегши в нем нечистую

любовь к девице и сильную похоть. Тогда святой, ударяя себя в грудь и вздыхая от глубины сердца к Богу, поспешно прибег к молитве, и, проливая обильные слезы, взывал к Могущему спасти его от треволнений и бури и говорил:

– «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек… да не восторжествуют надо мною враги мои» (Пс. 30:2; Пс.24:2), уповающему на Твою державу, но будь моею защитою в этот час и направь пути мои, по воле Твоей, к прославлению святого и страшного Имени Твоего на мне, рабе Твоем.

Долго молился святой, обливаясь слезами и творя многочисленные коленопреклонения, и, наконец, пал на землю и уснул. Во сне он вскоре увидел, что взят какими-то неизвестными мужами, проходит чудными местами и приводится на какое-то великое поле, покрытое прекрасными и чрезвычайно благоуханными цветами. Здесь он видел множество разнообразных и прекрасных деревьев, имевших неизвестные и необыкновенные плоды, приятные на вид и возбуждавшие желание вкусить их; листья этих деревьев весело шумели от легкого ветерка и тихо колыхались, испуская непрерывно благоухание. Под деревьями стояли престолы из чистого золота, драгоценных камней и жемчуга, испускавшие сильный блестящий свет; стояли там также ложа, покрытые разнообразными покровами несказанной красоты и блеска. Посредине протекали воды, чистые и прекрасные, веселившие взор. Упомянутые необыкновенные мужи провели Иоасафа через всё описанное поле и ввели его в город, блиставший неизреченным светом, имевший стены из чистого золота и драгоценных камней, никогда еще никем невиданных, а столбы стен и ворота – из цельного жемчуга… Но кто выразит всю красоту и блеск этого города?! Свет, сиявший свыше обильными лучами, наполнял все улицы города, и какие-то крылатые и светлые видом воины ходили по городу и пели сладкозвучные песни, каких никогда еще не слыхало ухо человека. И услышал Иоасаф голос:

– Вот – покой праведных! Вот – веселие угодивших в жизни своей Господу.

Взявшие Иоасафа мужи хотели, выведши его из города, вести назад. Но он, плененный виденными им красотою и великолепием, сказал:

– Умоляю вас, не лишайте меня этой неизреченной радости и позвольте мне жить в каком-нибудь углу этого города.

– Теперь тебе нельзя остаться здесь, – отвечали они ему, – хотя за многие подвиги и усилия ты со временем войдешь сюда, если только употребишь для того все силы, ибо «употребляющие усилие восхищают его» (Мф.11:12).

После того они опять повели его через вышеупомянутое великое поле и ввели в темные места, полные мрака и печали и во всем противоположные тому свету и радости, какие ранее видел Иоасаф. Там была беспросветная, унылая тьма и всё полно было скорби и смятения. Там горела огненная печь, кругом которой ползали черви, пожирающие человеческое тело и стояли духи отмщения. Какие-то люди были жестоко палимы огнем, и слышался голос:

– Вот – место грешников! Вот – место тех, которые осквернили себя постыдными делами!

Затем водившие Иоасафа в видении вывели его из тьмы, и тотчас он, пробудившись, пришел в себя, но весь трепетал, и слёзы ручьем текли из его очей. И тогда вся красота юной соблазнительницы его и остальных жен и девиц показалась ему хуже грязи и гноя. Вспоминая же о своем видении, он то объят был желанием достигнуть светлого города, то – одержим страхом вечных мучений и, обессиленный, лежал в постели и не мог встать.

Царю было доложено об его болезни, и царь тотчас поспешно пришел к нему и стал расспрашивать о причине болезни. Иоасаф рассказал ему всё, что было показано ему в видении, и присовокупил:

– Зачем ты расставил мне сети, желая уловить меня и ввергнуть душу мою в погибель? Ведь, если бы не помог мне Бог, то душа моя едва ли бы не была в аду. Но сколь благ Бог Израилев, избавивший меня, грешного от уст львовых! В смятении заснул я; но посетил меня с высоты Бог Спаситель мой и показал мне, каких благ лишаются прогневляющие Его и

какие муки они себя готовят... Итак, отец, если уже ты как бы затыкаешь уши и не хочешь слушать меня всякий раз, как я говорю тебе об истинном благе, то мне-то, по крайней мере, не мешай идти правым путем. А я одного желаю, это – оставить всё и отправиться туда, где пребывает угодник Христов Варлаам и с ним провести все остальное время моей жизни. Если же ты захочешь удержать меня силою, то скоро увидишь меня умершим от печали и уныния, и тогда ты, не имея сына, не будешь уже более называться отцом.

И опять сильнейшая скорбь овладела царем и, опечаленный, пошел он в свой дворец. Оставили непобедимого воина Христова также и лукавые духи и со срамом возвратились к Февде, который стал их укорять:

– Вот как бессильны вы, окаянные, – говорил он, – не могли даже и юношу победить!

А они, понуждаемые силою Божиею, против воли, признались:

– Не можем мы противостоять силе Христовой, не можем даже взглянуть на крестное знамение, которым ограждает себя юноша.

Через некоторое время царь, взяв с собою Февду опять пришел к сыну, и на этот раз Февда беседовал с юношей, отстаивая своих богов, но не мог преодолеть того, кому даны были уста и премудрость свыше, – премудрость, против которой стоять не может никто. Побежденный и посрамленный Февда долго молчал, как немой, не находя ничего более сказать, и наконец, едва опомнившись и обратившись к царю, сказал:

– Царь! Дух Святый живет в сыне твоем; мы, действительно побеждены и нечего нам ему ответить... Воистину велик Бог христианский, велика вера их и велики таинства их!

И, обращаясь к царевичу, спросил:

– Скажи мне, освященный душою: приимет ли меня Христос, если я оставлю свои злые дела и обращусь к Нему?

Святой Иоасаф начал говорить ему о покаянии грешников и о милости Божией, скоро принимающей истинно кающихся. Февда умилился сердцем и тотчас же поспешил в свою пещеру, сжёг там все книги, по которым занимался волхвованием и

затем последовал примеру Нахора: сподобился святого крещения и проводил жизнь в покаянии.

Так как царь не знал уже более, что ему делать с сыном, то Арахия советовал ему разделить свое царство на две половины и одну отдать сыну.

– Если ты пожелаешь мучить своего сына, – говорил он, – то будешь врагом самой природе и назовешься не отцом, а мучителем собственного сына, да к тому же и его погубишь, и сам останешься без детей и еще прибавишь себе печали. Остается сделать одно: раздели пополам царство твое и вели сыну своему царствовать в назначенной для него части. Занявшись житейскими попечениями он мало-помалу начнет свыкаться с тою жизнью, какою живем мы, и всё сделается по нашему, так как привычки, укоренившиеся в душе, изменяются не столько насилием, сколько верою. Если даже он останется верным христианству, то для тебя будет некоторым утешением в печали уже одно то, что ты не бездетен, что у тебя есть сын – царь.

Приняв совет Арахии, царь так и сделал: разделил царство пополам и над одною половиною поставил царем Иоасафа. Иоасаф, хотя и не помышлял о царской власти, желая пустынной иноческой жизни, но, рассудив, что всё клонится к лучшему, принял отделенную ему часть царства и, вступив на престол, прежде всего постарался искоренить языческое многобожие и распространить веру в единого истинного Бога. Он разрушил по всей земле своей идолов и разорил до основания их капища, а вместо их строил христианские храмы и всячески распространял веру Христову. Услышав об этом, христианские епископы, пресвитеры и диаконы выходили из гор и пустынь и стекались к благочестивому царю, который принимал их с радостью и вместе с ними заботился о спасении душ человеческих. Вскоре он просветил светом веры и окрестил всех своих подданных, не переставая в то же время слезно молиться Богу об обращении своего отца.

И милосердый Бог не презрел его усердной молитвы и слёз: Он коснулся светом Своей благодати сердца Авенира, и спала завеса тьмы с очей ума его, и он увидел зарю истины и познал

суетность лжеименных богов. Авенир собрал своих советников и открыл им о своем сердечном желании принять христианскую веру. Все похвалили его намерение, ибо всех, по молитвам Иоасафовым, «посетил нас восток свыше» (Лк.1:78). Тотчас же царь письмом призвал своего сына, чтобы научиться от него вере и благочестию. О какою радостью и веселием наполнилось сердце Иоасафа, когда он увидел, что отец его обращается к Богу истинному! Достаточно научив своего отца вере в течение многих дней и преподав ему тайны святой веры подобно тому, как самому ему преподавал их преподобный Варлаам, Иоасаф привел его к святому крещению и сам восприял его от святой купели. Дело – поистине новое и дивное! Своему отцу он сделался отцом и для родившего его по плоти явился посредником духовного его возрождения. Вслед за царем приняли святое крещение его вельможи, воины, рабы, просто сказать, – вся индийская земля. И была тогда великая радость на земле и на небесах: на земле радовались верные обращению неверных, а на небесах – Ангелы, о бесчисленных грешниках кающихся.

После крещения Авенир всю царскую власть отдал сыну, а сам жил уединенно в безмолвии и, всегда посыпая голову пеплом, сокрушался о грехах своих: так прожил он четыре года и, получив от Бога прощение грехов, преставился в мире.

В сороковой день по кончине царя Авенира Иоасаф, совершая память ему, созвал всех своих вельмож, советников, воинских начальников и других важных должностных лиц и объявил им свою тайну, именно, что он желает оставить земное царство и все мирское, уйти в пустыню и иночествовать. Все опечалились и проливали слезы, так как все очень любили его за его кротость, смирение и благотворительность. Вместо себя он хотел поставить царем одного из своих вельмож, именно – Варахию, давно уже бывшего христианином, – того самого, который держал сторону мнимого Варлаама в прении о вере против всех языческих мудрецов. Иоасаф знал, что Варахия весьма тверд в вере и имеет великую любовь ко Христу.

Но Варахия отказался от царства, говоря:

– Люби, царь, ближнего, как самого себя. Если царствовать – хорошо, царствуй сам. А если – нет, то зачем отдаешь мне царство? Зачем налагаешь на меня тяготу, от которой бежишь сам?

Тогда все усердно, со слезами, стали умолять святого Иоасафа, чтобы он не оставлял их. Но он ночью написал грамоту к всему синклиту и ко всем начальникам, в которой поручал их Богу и повелевал, чтобы они никого не ставили себе царем, кроме Варахии, и, оставив эту грамоту в своей опочивальне, сам тайно вышел и поспешно отправился в пустыню. Наутро пронесся слух о его удалении. Народ смутился и впал в печаль. Многие рыдали. Наконец все жители столицы бросились разыскивать его и нашли в одном высохшем ручье молящимся с воздетыми руками. Здесь его окружили и, павши пред ними, с рыданиями упрашивали возвратиться во дворец и не покидать их. Иоасаф, вынужденный этими мольбами, возвратился, но скоро опять собрал всех и сказал:

– Напрасно вы, удерживая меня, противитесь воле Господней.

Затем он клятвенно подтвердил свои слова, так что с этой минуты он и одного дня не может уже оставаться царем. На Варахию он против желания его возложил свой венец, посадил его на своем престоле и дал ему должное наставление об обязанностях царя, а сам, простившись с народом, вышел из дворца и из города, спеша в пустыню. Весь народ вместе с Варахиею и со всеми властями, убедившись, что Иоасаф непреклонен в своей мысли оставить царство, не в силах будучи удержать его мольбами и не смея вернуть его с пути насильно, шли за ним с плачем и далеко провожали его; он же просил их не огорчать его и оставить одного; но некоторые всё-таки издалека следовали за ним, с рыданиями, до самого захода солнца, когда ночь скрыла от их глаз любимого владыку и они перестали видеть друг друга.

Таким образом Варахия принял скипетр индийского царства, а Иоасаф «все почитал за сор, чтобы приобрести Христа» (Филип. 3:8). В первую же ночь своего пути вошел в жилище одного бедняка и отдал ему свою одежду, а сам пошел на

подвиг пустынного жития во власянице, которую дал ему некогда Варлаам. При этом он не имел с собою ни хлеба, ни другого чего-нибудь, потребного для пищи, ни воды: всю надежду свою он возложил на Промысл Божий и горел пламенною любовью к Господу своему. Достигнув пустыни, он, возведши очи ко Христу, воскликнул:

– Пусть глаза мои не видят уже более благ мира сего и пусть сердце мое не услаждается уже более ничем, как только Тобою, упование мое! Направь путь мой и веди меня к угоднику Твоему Варлааму! Покажи мне виновника моего спасения, и да научит меня пустынному житию тот, кто научил меня познать Тебя, Господи!

Два года ходил святой Иоасаф по пустыне один, ища Варлаама. Питался он травами, растущими там, и часто терпел голод, вследствие недостатка самой травы, так как почва той пустыни была сухая и мало плодородная. Много напастей перенес он от диавола, который нападал на него, то смущая ум его различными помыслами, то устрашая привидениями; иногда являлся он ему черным и скрежеща зубами, иногда устремлялся на него с мечом в руке, как бы желая его умертвить, то принимал виды различных зверей, змиев, аспидов. Но мужественный и непобедимый воин Христов все эти видения побеждал и прогонял мечом молитвы и оружием креста.

По окончании второго года, Иоасаф нашел в Сенаридской пустыне одну пещеру и в ней инока, спасавшегося в безмолвии, от которого он узнал, где находится Варлаам. В радости он быстро пошел указанною ему тропою, достиг до Варлаамовой пещеры и, став у входа, толкнул дверцу, говоря:

– Благослови, отче, благослови!

Варлаам, услышав голос, вышел из пещеры и, по вдохновению свыше, узнал Иоасафа, которого невозможно было узнать по внешнему виду, потому что он почернел от солнечного зноя, оброс волосами и имел иссохшие щеки и глубоко ввалившиеся глаза. Старец, ставши лицом на восток, вознес благодарственную молитву Богу, а затем они с любовью обнялись и лобзались святым лобзанием, омывая лица свои

теплыми слезами радости. Сев, они стали беседовать и первый начал Варлаам. Он сказал:

– Ты хорошо сделал, что пришел, чадо мое, чадо Божие и наследник Царства Небесного! Да даст тебе Господь вместо временных благ вечные, вместо тленных – нетленные. Но прошу тебя, возлюбленный, скажи мне: как ты пришел сюда? Что после моего, удаления с тобою случилось? Познал ли твой отец Бога, или все еще остается в прежнем заблуждении?

Иоасаф рассказал ему по порядку всё, что случилось по уходе Варлаама и что сотворил Господь Своею всесильною помощью. Старец, выслушав всё, весьма радовался и удивлялся и, наконец, сказал:

– Слава Тебе, Христе Боже, что благоволил Ты семени слова Твоего, всеянному мною в душу раба Твоего Иоасафа, так произрасти и обратиться в сторичный плод.

Между тем настал вечер и, сотворив обычные молитвы, они только тогда уже, наконец, вспомнили о пище. И вот, Варлаам устроил трапезу, богатую душеспасительною беседою, полную духовных брашен, но скудную пищей телесной, так как она состояла только из сырых невареных овощей, небольшого количества фиников и воды из ближайшего источника. Укрепившись такою трапезою, они возблагодарили Бога, отверзающего руку Свою и насыщающего всякое животное Своим благоволением. Затем они совершили ночные молитвы и опять начали душеспасительную беседу, и беседовали всю ночь до времени утреннего пения.

Проводя такую удивительную и равноангельную жизнь, Иоасаф с Варлаамом прожили вместе довольно много лет. Наконец, преподобный Варлаам почувствовал приближение своей кончины, призвал своего духовного сына Иоасафа, которого он возродил к новой жизни, и сказал ему:

– Сын мой, я уже давно желал видеть тебя прежде своей кончины, и когда я однажды молился о тебе, явился мне Господь наш Иисус Христос и обещал привести тебя ко мне. Теперь Господь исполнил мое желание: я вижу тебя отрекшимся от мира и всего мирского и соединившимся со Христом. И так как время моего отшествия теперь уже приспело, то предай

тело мое земле, отдай прах праху, а сам оставайся на этом месте, продолжая духовное житие и вспоминая обо мне, смиренном.

Выслушав эти слова, Иоасаф горько рыдал о разлуке с преподобным, и старец едва мог утешить его духовною беседою, а затем послал его к некоторым братиям, жившим в той же пустыне и велел принести всё потребное для совершения Божественной литургии. Иоасаф поспешно отправился, взял, что нужно, и также поспешно возвратился, боясь, чтобы его духовный отец не скончался без него и чтобы не лишиться его последнего благословения. Варлаам совершил Божественную литургию и оба они причастились Святых Таин. Затем преподобный долго беседовал с учеником о душеполезных вещах и с умилением молился Богу о себе и своем ученике; после молитвы, отечески обняв Иоасафа, старец в последний раз облобызал его и благословил, знаменался крестным знамением и возлег на одр; тогда лице его сделалось светлым и радостным, как будто к нему пришли какие-то друзья; так преставился он ко Господу, прожив в пустыне 70 лет, а всего от роду около 100 лет.

Иоасаф, пролив над ним обильные слезы, весь день и всю ночь пел над ним псалмы; наутро же, выкопав могилу около вертепа, предал погребению тело честного старца и, сев около могилы, горько плакал до тех пор, пока не изнемог от плача и уснул. Во сне он опять увидел тех чудных мужей, которых видел некогда во время искушения: они пришли к нему, взяли его и повели опять на великое поле, которое он уже видел, и в сияющий город. Когда он входил в городские ворота, его встретили Ангелы Божии, несущие два венца неописуемой красоты.

Иоасаф спросил:

– Чьи эти блистающие венцы?

– Оба – твои, – отвечали ему Ангелы, – за то, что ты спас много душ и за то, что, оставив для Бога земное царство, ты посвятил себя иноческой жизни; но один из них должно отдать твоему отцу за то, что при твоей помощи, он оставил путь,

ведущий к погибели, чистосердечно и усердно каялся и примирился с Господом.

– Но как же возможно, – возразил Иоасаф, – чтобы мой отец за одно только раскаяние получил награду, равную со мною, понесшим такие труды?

Как только он это сказал, он увидел Варлаама, который говорил ему:

– Не говорил ли я тебе когда-то, Иоасаф, что когда ты разбогатеешь, то сделаешься скуп и неподатлив? Но почему же теперь ты не хочешь, чтобы твоему отцу была честь, равная с тобою? Не следует ли напротив тебе всею душою радоваться тому, что услышаны твои о нем молитвы?

Иоасаф, сказав Варлааму, как имел обычай говорить ему всегда при жизни: «Прости, отче, прости», – продолжал:

– Скажи мне, где же живешь ты сам?

– Я получил светлую обитель в этом прекрасном и великом городе, – отвечал Варлаам.

Иоасаф стал просить Варлаама взять его с собою в свою обитель и с любовью принять, как своего гостя. Варлаам отвечал:

– Еще не пришло время тебе, носящему телесное бремя, быть здесь; но если ты мужественно пребудешь до конца в иноческих подвигах, как я тебе заповедал, то скоро придешь сюда и удостоишься постоянной жизни здесь, здешней славы и здешних радостей и вечно будешь вместе со мною.

Пробудившись, с душою еще полною виденного света и неизреченной славы, Иоасаф прославил Владыку всего, воссылая ему вдохновенную благодарственную песнь.

На месте сожительства с преподобным Варлаамом святой Иоасаф прожил до самой своей кончины. На 25-м году от рождения оставил он земное царствование и принял на себя подвиг постничества, и, прожив в пустыне 35 лет, преставился ко Господу.

Один святой пустынник, живший неподалеку, узнавши, по вдохновению, о преставлении святого Иоасафа, пришел к нему в тот же час, когда он скончался, воспел над честным его телом со слезами любви обычные песнопения надгробные и положил

его вместе с мощами преподобного Варлаама, чтобы и тела тех, которые были нераздельны по духу, почивали нераздельно в одном месте. После погребения святого Иоасафа, пустыннику было откровение от Бога, повелевавшее ему идти в Индийское царство и известить царя Варахию о кончине святого. Получив это известие, царь со множеством народа отправился в пустыню и, прибыв в пещеру преподобных отцов, открыл гроб их и нашел мощи святых Варлаама и Иоасафа нетленными, причем от них исходило великое благоухание. Взяв святые мощи, Варахия с честью перенес их из пустыни в свое отечество и положил в церкви, созданной святым Иоасафом, славя Бога в Троице, Которому и от нас да будет честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От духовнаго наставника научився царю Иоасафе, Бога познати, крещением же просветитися, люди к вере обратил еси, и отцу твоему от купели приимник быв, царство оставив, пустыню достигл еси, и в ней трудолюбне подвизался еси: моли Христа Бога со учителем твоим Варлаамом, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Ведый твое из младенства благое изволение, Иоасафе, един сердцеведец Бог. И от царствия земнаго в монашеское пребывание приведый тя великому Варлааму последовати сподоби, с нимже и ныне горний Иерусалим всесветлый отечество имея, желаемыя доброты красно наслаждаяся Святыя Троицы, молим тя царская красото, поминай нас верою чтущыя тя.

Страдание святого мученика Варлаама

Память 19 ноября

Святой мученик Варлаам был родом из Антиохии Сирийской. В престарелых летах он был схвачен за исповедание имени Иисуса Христа и приведен на суд к языческому князю. Варлаама стали принуждать принести жертву идолам. Когда же он отказался сделать это, то его подвергли многим лютым мучениям за Христа Господа: сначала его немилосердно били воловьими жилами, а потом строгали железными когтями. После этого, язычники повели святого мученика к идольскому храму и там, по приказанию мучителя, простерши его руку над жертвенником, на котором горел огонь, положили на нее горячие уголья с ладаном, чтобы он возложил курение на жертвенник их скверных богов. Мучители думали, что мученик от нестерпимой боли сбросит горячие уголья вместе с ладаном пред идолами. И если бы он сделал так, ему хотели сказать:

– Вот уже ты принес жертву богам нашим.

Но язычники не достигли того, чего им хотелось, ибо мученик Христов стоял непоколебимый, как столп, держа на руке своей горящий огонь, и был крепче меди и железа, ибо до тех пор держал на руке огонь, пока не сгорели пальцы его и не упали вместе с огнем на землю. Несмотря на то, он не двинул рукою и не возложил на алтарь пред идолами угольев с ладаном. – Явившись столь мужественным и непобедимым страдальцем и воином Христовым, святой Варлаам при доблестном исповедании предал душу свою Господу[7529].

Слово святого Василия Великого о святом мученике Варлааме

В прежние времена смерть святых чествовали сетованием и слезами. Горько плакал Иосиф об умершем Иакове (Быт.50:1); немало сетовали Иудеи о кончине Моисеевой (Втор.34:8), и Самуила почтили многими слезами (1Цар.25:1). А ныне радуемся при кончине преподобных; потому что качества скорбного изменились после креста. Не плачем уже, когда

сопровождаем смерть святых, но в восторженных ликованиях веселимся при их гробах; потому что смерть для праведных – сон, вернее же сказать, отшествие к лучшей жизни. Поэтому закалаемые мученики радуются; желание блаженнейшей жизни умерщвляет в них ощущение болезней при заклании. Мученик смотрит не на опасности, но на венцы; не ужасается ударов, но вычисляет награды; видит не исполнителей казни бичующих здесь на земле, но представляет себе Ангелов, приветствующих с неба; имеет в виду не кратковременные опасности, но вечные воздаяния. И у нас уже мученики пожинают светлый залог славы; потому что, от всех оглашаемые восторженными приветствиями, из гробов уловляют они в сеть свою тысячи народа.

Сие самое исполнилось ныне над мужественным Варлаамом. Прозвучала бранная труба мученика, и, как видите, собрала воинов благочестия. Провозглашен лежащий Христов подвижник, и открыл зрелище Церкви. И как сказал Владыка верных: «Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Иоан. 11:25).

Так мужественный Варлаам умер, и созывает торжественные собрания; поглощен гробом, и приглашает к пиршеству.

Теперь благовременно нам воскликнуть: «Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего?» (1Кор.1:20).

Сегодня у нас непобедимым учителем благочестия поселянин, которого мучитель влёк, как удобоуловляемую добычу, но в котором, по испытании, узнал непреодолимого воина, над которым смеялся за его неправильную речь, и который устрашил Ангельским мужеством: ибо нравы его не огрубели вместе с орудием слова, и рассудок не оказал в себе тех же недостатков, какие были у него в словах. Но стал он вторым Павлом, с Павлом говоря: «Хотя я и невежда в слове, но не в познании» (2Кор.11:6). Бичующие его исполнители казни приходили в оцепенение, а мученик оказывался возрастающим в силах; ослабевали руки строгающих, но рассудок строгаемого не преклонялся; бичи расторгали стройное сплетение жил, но крепость веры делалась более нерасторгаемою; исчезла плоть

на изрытых боках, но цвело любомудрие разума; большая часть плоти омертвела, но мученик был бодр, как не начинавший еще подвигов.

Когда любовь к благочестию поселится в душе: тогда все виды браней для нее смешны, и все терзающие ее за любимый предмет более услаждают, нежели поражают. Свидетелем мне в этом любовь Апостолов, которая некогда делала для них приятными бичи Иудеев. Ибо сказано: «Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5:41).

Таков и ныне прославляемый нами воин. Мучения вменял он себе в веселие, бичуемый думал, что бросают в него розами; уязвлений нечестия избегал как стрел, а гнев судии почитал тенью дыма; смеялся свирепым приказам оруженосцев; ликовал при виде опасностей, как при виде венцов; увеселялся побоями, как почестями; в жесточайших мучениях скакал, как бы приемля блистательнейшие награды; презирал обнаженные мечи; с таким же ощущением принимал на себя руки исполнителей казни, как бы они были мягче воска; древо казни лобызал, как спасительное; темничными затворами наслаждался, как разнообразием цветов. Правая рука его была крепче огня, который враги употребляли против него как последнее средство. Ибо, возложив огонь на жертвенник для возлияния демонам, привели и поставили пред ним мученика, и, велев ему над жертвенником держать распростерши правую руку, употребили ее вместо медного алтаря, с хитрою мыслью возлагая на нее горящий ладан. Они надеялись, что рука, препобежденная силою огня, вскоре по необходимости сложит ладан на жертвенник.

Увы, какое хитросплетенное обольщение нечестивых! «Поелику, – говорят они, – тысячи ран не поколебали его воли, то поколеблем пламенем хотя руку упорного борца. Поскольку разнообразными средствами не потрясли его душу, то приведем в потрясение по крайней мере десницу, действуя на нее огнем». Но жалкие эти люди не воспользовались сею надеждой. Ибо, хотя пламень пожигал руку, но рука продолжала держать на себе пламень подобно пеплу; она не обратила хребта, подобно

беглецам, враждующему огню; но неизменно держалась, доблестно борясь с пламенем, и дала мученику случай сказать словами Пророка: «Благословен Господь, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои брани» (Пс.143:1).

Огонь вступил в брань с рукою; и поражение оказывалось на стороне огня. Продолжилась борьба пламени и правой руки мученика, и рука одержала какую-то небывалую в борьбах победу; хотя пламень проникал сквозь руку, однако, же рука была еще распростерта для борьбы. Подлинно, это рука, превосходящая упорством огонь! Рука, не учившаяся уступать огню! Огонь, наученный терпеть поражение от руки! Железо уступает огню, смягчаемое его мучительной силой. Медь не противится его властительству. Но всё преодолевающая сила огня, сожигая простертую руку мученика, не поколебала ее! Справедливо мученик мог воскликнуть при сем к Владыке: «Но я всегда с Тобою: Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня советом Твоим и потом примешь меня в славу» (Пс.72:23–24).

Как наименую тебя, доблестный воин Христов? Назову ли изваянием? Но много унижу твою терпеливость. Огонь, приняв в

себя изваяние, размягчает его; а правую твою руку не убедил и к тому чтобы она показала движение. Наименую ли тебя железным? Но нахожу, что и этот образ ниже твоего мужества. Ты один убедил пламень не делать насилия руке; ты один имел руку алтарем. Ты один пламенеющею десницею поражал лица демонов, и тогда обращенною в уголь рукою поразил их главы, а ныне обращенною в пепел десницею попираешь и ослепляешь их полчища.

Но для чего детским лепетом уничижаю доблестного подвижника? Предоставим песнословить его тем, у кого язык гораздо тверже; призовем на сие велегласнейшие трубы учителей. Восстаньте теперь передо мною вы, славные живописатели подвижнических заслуг! Добавьте своим искусством это неполное изображение военачальника! Цветами вашей мудрости осветите неясно представленного мною венценосца! Пусть буду побежден вашим живописанием доблестных дел мученика; рад буду признать над собою и ныне

подобную победу вашей крепости. Посмотрю на эту точнее изображенную вами борьбу руки с огнем. Посмотрю на этого борца, живее изображенного на вашей картине. Да плачут демоны, и ныне поражаемые в вас доблестями мученика! Опять да будет показана им палимая и побеждающая рука! Да будет изображен на картине и Подвигоположник в борьбах, Христос. Которому слава во веки веков! Аминь.

Слово святого Иоанна Златоуста о святом мученике Варлааме

К этому священному празднику и торжеству созвал блаженный Варлаам, не для того, чтобы мы прославляли его, но чтобы подражали ему, не для того, чтобы нам быть слушателями похвал, но чтобы быть подражателями его подвигов. В делах житейских люди, достигающие высокой власти, никогда не захотят видеть других участниками одной с ними чести, потому что там зависть и ненависть нарушают любовь, а в делах духовных не так, но совершенно напротив: мученики тогда особенно и чувствуют свою честь, когда видят подобных себе рабов достигшими участия в их благах, так что кто хочет хвалить мучеников, пусть подражает мученикам, кто хочет превозносить похвалами подвижников благочестия, пусть подражает трудам их, – это принесет мученикам удовольствие не меньше собственных их доблестей. А чтобы убедиться тебе, что действительно они тогда особенно чувствуют собственные блага, когда видят нас в безопасности, и считают это величайшею для себя честью, послушай Павла, который говорит: «ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе» (1Фес.3:8).

И Моисей прежде него говорил Богу: «прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх.32:32).

Я не чувствую, – говорит, – вышней почести по причине их несчастия. Общество верных есть связное тело: какая же польза голове быть увенчанною, когда ноги подвергаются мучению?

А как можно, скажешь, подражать теперь мученикам? Теперь не время гонения. Знаю это и я; не время гонения, но

время мученичества; не время таких подвигов, но время венцов; не преследуют люди, но преследуют бесы; не гонит мучитель, но гонит диавол, который тяжелее всех мучителей; ты не видишь пред собою угольев, но видишь разожженный пламень похоти. Они попирали уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись с зверями, а ты обуздывай гнев, этого дикого и неукротимого зверя; они устояли против невыносимых мук, а ты преодолевай непристойные и порочные помыслы, изобилующие в твоем сердце, – так подражай мученикам. «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф.6:12).

Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть пес бешеный и неистовый; хотя бы тысячи раз ты отгонял его, он тысячи раз нападает и не отстает; жесток пламень угольев, но этот – пламень похоти еще хуже; мы никогда не имеем перемирия в этой войне, никогда не имеет отдыха в настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и венец был светел. Поэтому Павел всегда и вооружает нас, так как всегда время войны, так как враг всегда бодрствует. Хочешь знать что похоть жжет не меньше огня? Послушай Соломона, который говорит: «Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины» (Притч. 6:28–29).

Видишь, что похоть по естеству своему соперничает с естеством огня? Как невозможно прикасающемуся к огню не получить обжога, так взгляд на красивые лица быстрее огня охватывает невоздержную на взгляды душу; и чем служит для огня горючее какое-нибудь вещество, тем красота телесная для глаз людей похотливых. Поэтому не должно давать огню похоти пищи – внешнего созерцания, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнейшее распространение пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа. И всякое удовольствие, во время преобладания страстей, обыкновенно сильнее огня сожигает душу, если кто не будет мужественно, с терпением и верою,

противодействовать каждой страсти, подобно тому, как блаженный и доблестный подвижник Христов Варлаам поступил со своею рукою. Он держал в правой руке целый костер, и не поддавался боли, но оставался бесстрастнее статуй; или – лучше – хотя и испытывал боль и страдал, – так как у него было тело, а не железо, – но, испытывая боль и страдая, показал в смертном теле любомудрие бесплотных сил.

2. Но чтобы эта история была более ясна, я дальше начну рассказ об его мученичестве, а ты посмотри на коварство диавола. Одних святых он ставил на сковороды, других бросал в котлы, кипящие сильнее огня, одним скоблил бока, других погружал в море, иных предавал зверям, других ввергал в печь, одним раздроблял члены, с других еще с живых сдирал кожу, иным под окровавленные тела подлагал уголья, и искры, попадавшие в раны, терзали их резче всякого зверя, для иных выдумывал иные более тяжелые мучения. Но видя, что все это осталось осмеянным, и что страдальцы преодолевали это с великою твердостью и приходившим после них на те же подвиги служили величайшим побуждением к мужеству, – что он делает? Он придумывает новый род козней, чтобы неожиданностью и необычностью мучения низвергнуть душу мученика, так как то, что знаем и о чем слыхали, будь оно и невыносимо, бывает пренебрегаемо, как известное уже и ожидаемое, а неожиданное, хотя и легкое, бывает несноснее всего. Итак, пусть будет новая борьба, и пусть будет необыкновенная хитрость, чтобы новость и неожиданность, смутив подвижника, легко уронили его. Что же он делает? Он выводит святого из темницы связанным. И то было делом сего коварства, чтобы не вдруг с самого начала употреблять тяжелые орудия и причинять страшные мучения, но начинать борьбу с меньшего. Для чего? Для того, чтобы, если подвижники будут поражены, поражение их было позорным, потому что они не устояли и против малого; если же они преодолеют и победят, то чтобы, изнурив силы свои на меньшем, были при большем легко одолимыми. Поэтому он наперед употреблял меньшие, чтобы, преодолеет ли он или не преодолеет, не обмануться: если я преодолею, говорил он, то посмеюсь; а если не преодолею, то сделаю более слабыми для

будущего. Итак, он выводит его из темницы, а он вышел, как доблестный подвижник, долгое время упражнявшийся на палестре[7530]; и в самом деле темница для мученика была школою борьбы, и там, наедине беседуя с Богом, он научился от Него всякой борьбе, потому что где такие узы, там и Христос.

Итак, он вышел, сделавшись более крепким от более долгого пребывания в темнице; когда же по выходе его диавол через служителей своего беззакония вывел его на средину, то не привязал его к дереву и не окружил палачами, так как видел, что он желает этого и наперед освоился с мыслью об этом наказании; но употребляет против этой башни некоторое необыкновенное, новое неожиданное орудие, которое могло бы произвести ее падение: ведь он во всех случаях старается больше обманом свалить святых, нежели мучить болью. Какое же это орудие? Приказав ему протянуть перевернутую навзничь руку над жертвенником, они положили на ней горячие уголья и ладан, чтобы, если он почувствует боль и перевернет руку, то они вменят это ему в жертвоприношение и отречение (от веры). Видишь ли, как коварен диавол? Но посмотри, как «уловляет мудрых в лукавстве их» (1Кор.3:19). Сделал тщетными козни его, и самую напряженность разнообразных хитростей обратил к возвышенно и умножению большей славы мученику. Когда враг, употребив бесчисленные злоухищрения, отходит затем побежденным, тогда подвижник благочестия является еще более славным, как случилось и здесь. Блаженный Варлаам простоял, не наклонив и не перевернув руку, как будто она была составлена из железа, между тем как, если бы и перевернулась рука, и тогда это не было бы виною мученика.

3. Здесь внимательно слушайте меня все, чтобы убедиться, что, если бы его правая рука и перевернулась, это не было бы поражением. Почему? Потому, что как мы судим о тех, которым терзают ребра, или мучат как-либо иначе, так должно судить и здесь. Если они не выдержат и принесут жертву, это вина их слабости, что, не перенесши страданий, они принесли жертву; если же они, претерпевая мучения, заболеют от страданий, но не изменят благочестию, то никто не обвиняет их за эти болезни, но мы еще больше хвалим их и удивляемся за то, что

они, и изнемогая от страданий, вытерпели и не отреклись. Так и здесь: если бы блаженный Варлаам, не вынося сожигания, обещался принести жертву, то был бы побежден; а если бы рука его перевернулась, тогда как он не уступал, то это не вина воли мученика: это произошло бы по немощи не воли, но естества жил, соответственно их силе, рука склонилась бы от огня против воли святого. Как мы не осуждаем тех, которым терзают ребра, за то что разрывается их плоть, или лучше,– приведу более близкий пример, – как никто не станет порицать страждущих горячкою и судорогами за то, что изгибаются их руки, потому что это происходит не от их изнеженности, но от болезненного жара, который истощает влагу и неестественно стягивает связь нервов, так никто не стал бы порицать и этого святого, если бы перевернулась рука его. Если горячка, и без воли страждущего ею, обыкновенно стягивает и извращает члены, то тем более могли сделать это положенные на правую руку уголья, хотя бы мученик и не поддавался. Однако они не сделали этого, чтобы ты с избытком убедился, что благодать Божия была присуща и укрепляла подвижника и исправляла недостаток природы; потому и самая рука его не испытала свойственного ей, но, как будто составленная из адаманта[7531], оставалась не перевернувшеюся. Кто тогда, взирая на это, не удивился бы? Кто не вострепетал бы? Смотрели свыше Ангелы, взирали Архангелы; зрелище было блистательное и поистине превышающее природу человеческую. Подлинно, кто не пожелал бы видеть человека, который подвизался и не испытывал свойственного людям, который сам был и жертвенником, и жертвою, и жрецом? Поэтому двоякое восходило курение, одно от сожигаемого фимиама, а другое от растопляемой плоти; и последнее курение было приятнее первого, последнее благоухание лучше первого. Здесь случилось то же, что и с купиною: как та купина горела и не сгорала, так и здесь рука горела, но душа не сгорала; тело истреблялось, но вера не истощалась; плоть изнемогала, но ревность не изнемогала; горячие уголья, прожигая средину руки, падали вниз, но мужество души не упадало; рука была повреждена и исчезла, – потому что была из плоти, а не из

адаманта, – но душа требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свое терпение. Как храбрый воин, вошедший в среду неприятелей и разбивший строи сражающихся с ним, сломав свой меч от множества непрестанных ударов, ищет, обернувшись другого меча, потому что не насытился избиением врагов, – так точно и душа блаженного Варлаама, потеряв одну руку, при поражении бесовских ополчений, требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свою ревность. Не говори мне, что он отдал только одну руку; но прежде этого представь себе, что предавший руку отдал бы и голову, предал бы и ребра, противостал и огню, и зверям, и морю, и пропасти, и кресту, и колесу, и всем, когда-либо слышанным мучениям, и все потерпел, если не самым опытом, то намерением. Мученики идут не на определенные мучения, но готовят себя на неизвестные казни; они не господа над волею мучителей и не назначают им пределов и меры мучений, но каким бы бедам ни пожелала подвергнуть их бесчеловечная и зверская воля мучителей, на те они и выходят с решимостью – разве только тело, изнемогши среди мучений, оставит неисполненным желание мучителей. Итак, плоть его истреблялась, а воля делалась более ревностною, превосходя самые уголья своим блеском и сияя больше их, потому что внутри его горел духовный огонь, гораздо более этого огня яркий. Поэтому он и не чувствовал внешнего пламени, что внутри его горел светлый и пламенный огонь любви Христовой.

4. Станем же, возлюбленные, не только слушать это, но и подражать. Как вначале я говорил, так и теперь говорю: каждый пусть не только в настоящей час удивляется мученику, но, и отходя домой, пусть ведет с собою этого святого, пусть введет его в свой дом, или – лучше – в свое сердце посредством воспоминания о сказанном. Прими его, как выше сказано, и в сердце своем поставь его с простертою рукою, прими увенчанного победителя и никогда не попускай ему выйти из ума твоего. Для того мы и привели вас к гробницам святых мучеников, чтобы и от взгляда на них вы получили некоторое побуждение к добродетели и подготовлялись к той же ревности. Так воина возбуждает и молва о герое, а гораздо более вид его

и взгляд на него, особенно когда воин, вошедши в самый шатер героя, увидит окровавленный меч, лежащую голову неприятеля, висящую вверху добычу, свежую кровь, капающую с рук того, кто поставил трофей, везде лежащие копья и щиты, и стрелы и всякое другое оружие. Поэтому и мы собрались здесь. Гроб мучеников есть воинский шатер; и если ты откроешь очи веры, то увидишь здесь лежащую броню правды, щит веры, шлем спасения, обувь благовествования, меч духовный, самую главу диавола, поверженную на землю (Еф.6:14–17). Когда у гроба мученика ты видишь бесноватого, лежащего навзничь, и часто терзающего себя самого, то видишь не что иное, как отсеченную голову лукавого. Эти оружия и теперь еще лежат при воинах Христовых; и, как цари погребают героев вместе с оружием, так сделал и Христос, погреб их с оружием, чтобы и прежде воскресения показать всю славу и силу святых. Познай же духовное их всеоружие, и ты отойдешь отсюда, получив величайшую пользу. Великая и у тебя, возлюбленный, война с диаволом, великая, сильная и постоянная.

Итак, изучай способы борьбы, чтобы подражать и победам; презирай богатство, деньги и всякое иное житейское великолепие; не считай блаженными богатеющих, но ублажай мучеников, не тех, что в роскоши, но тех, что на сковородах, не за роскошною трапезою, но в кипящем котле, не в банях ежедневно бывающих, но в жестоких печах, не благовониями пахнущих, но испускающих дым и смрад от сожигаемой плоти. Это благоухание лучше и полезнее того; то ведет к мучению употребляющих его, а это к наградам и вышним венцам. А чтобы тебе убедиться, что роскошь есть зло, равно как и намащение благовонными мастями, и пьянство, и неумеренное употребление вина, и роскошная трапеза, послушай, что говорит пророк: «лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища… пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями» (Амос.6:4–6). Если же это запрещалось в Ветхом Завете, то тем более при благодати, где больше любомудрия. Это сказано мною как к мужам, так и к женам; поприще общее, – нет различая пола в стане Христовом, но одно собрание. И

жены могут надевать броню, ограждать себя щитом и бросать стрелу, как во время мученичества, так и в другое, когда требуется великое дерзновение. Как превосходный стрелок, искусно бросив с тетивы стрелу, приводит в смятение весь строй неприятелей, – так и святые мученики и все поборники истины, противясь козням диавола, с языка своего, как бы с тетивы, искусно пускают слова, и они, подобно стрелам, летящим по воздуху, попадая в невидимые полчища бесов, приводят в смятение все их воинство. То же самое произошло и с блаженным сим Варлаамом: простыми словами, как бы летучими стрелами, он приводил в смятение диавольский стан. Будем и мы подражать этому искусству. Не видите ли, в каком изнеможении бывают возвращающиеся с зрелищ? А причиною то, что они тщательно внимают происходящему там, и оттуда они приходят, сохраняя в душах своих и извращения глаз, и движения рук, и кружения ног, и образы всех показанных видов извращения мучимого тела. Как же не нелепо, что они на погибель души своей оказывают такую заботливость и постоянно удерживают в памяти происходящее там, а мы, имея сравняться с Ангелами через подражание здешнему, не оказываем равного с ними усердия к соблюдению сказанного? Нет, прошу и умоляю; не будем так нерадивы о своем спасении, но станем все сохранять мучеников в душах своих, с их сковородами, с котлами, с прочими мучениями, и, как живописцы часто очищают картину, потемневшую от дыма, от сажи и от продолжительности времени, так и ты, возлюбленный, пользуйся воспоминанием о святых мучениках: когда привходящие житейские заботы помрачат душу твою, ты очисти ее воспоминанием о мучениках. Если ты будешь иметь это воспоминание в душе своей, то ни богатству не будешь удивляться, ни бедности не станешь оплакивать, ни славы и власти не будешь восхвалять, и совершенно ничего из дел человеческих – из блистательных не станешь считать чем-нибудь великим, а из прискорбных – невыносимым, но, став выше всего этого, будешь иметь в постоянном созерцании этого образа урок добродетели. Кто видит каждый день воинов, мужественно действующих в войнах и битвах, тот никогда не

пожелает роскоши, и не изнеженною и рассеянною жизнью будет восхищаться, но строгою, твердою и готовою на подвиги. Да и что общего между пьянством и сражением, между чревоугодием и мужеством, между благовонными мастями и оружием, между войною и пиршествами? Ты – воин Христов, возлюбленный: вооружайся же, а не заботься об украшениях; ты – доблестный подвижник: будь же мужествен, а не заботься о нарядах. Так будем подражать этим святым, так почтим этих героев, увенчанных победителей, друзей Божиих и, прошедши одинаковый с ними путь, мы удостоимся одинаковых с ними венцов, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Кондак, глас 4:

Явился еси преудивлен крепостию, всесожжения ливан благовонен себе принесл еси, жертву Христу: и венец почести приим Варлааме, присно моли за ны страдальче.

Житие преподобного Варлаама Печерского

Память 19 ноября

В то время, когда преподобные отцы наши Антоний, Феодосий и Никон сияли в Киевских пещерах доблестными подвигами, как три светильника, достойные предстоять престолу Святой Троицы, многократно приходил к ним насладиться их сладостною беседою некто Варлаам, сын благородных и христолюбивых родителей – Иоанна, первого между боярами князя Изяслава, и Марии, внук славного и храброго Вышаты, правнук воеводы Остромира[7532].

С юности Варлаам сиял красотою телесной и чистотою души и возымел любовь к названным преподобным отцам и – настолько сильную, что захотел жить с ними вместе и оставить мирскую жизнь, вменяя ни во что славу и богатство. Особенно в страх привело его слово Господа, сказанное ему, между прочим, преподобными: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф.19:24).

И вот, пришедши однажды к преподобному Антонию, он открыл ему свое намерение.

– Хотел бы я, отче, – сказал он, – если угодно Богу, быть иноком и жить с вами.

– Благо хотение твое, чадо, – отвечал старец, – и благодатно намерение; но смотри, как бы не возвратили тебя назад богатство и слава мира сего, ибо, по слову Господню «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лук.9:62).

Многое и еще говорил старец на пользу душевную Варлааму, и сердце у него всё более и более разгоралось любовью к Богу.

В таком расположении душевном пошел он домой. На другой же день после беседы с старцем, оставив не только родителей, но и обрученную уже с ним невесту, он сел на коня, одетый в светлые и дорогие одежды и, имея при себе множество пеших слуг, ведущих убранных коней, торжественно

прибыл к пещере. Когда преподобные вышли и поклонились ему до земли, как кланялись тогда знатным людям, он сам поклонился им также (сошедши с коня). Затем он снял с себя боярскую одежду и положил ее у ног преподобного Антония, и поставил пред ним разубранных коней, говоря:

– Вот, отче, суетные блага мира сего: делай с ними, что хочешь; «все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Филип. 3:8), и хочу жить вместе с вами в этой пещере, а домой более уже не возвращусь.

– Смотри, чадо, – отвечал ему преподобный Антоний, – Кому ты обещаешься и Чьим воином хочешь быть, ибо вот, невидимо предстоят Ангелы Божии, принимая твое обещание. Берегись, как бы отец твой, пришедши сюда с вооруженною силою, не вывел тебя отсюда, хотя бы ты этого и не желал: ведь мы ничем тебе помочь не можем, а ты между тем явишься пред Богом лжецом и отступником.

– Верую Богу моему, отче! – воскликнул Варлаам. – Если даже отец и пожелает мучить меня, я не возвращусь к мирской жизни; об одном молю тебя: скорее соверши надо мною постриг.

Тогда преподобный Антоний велел преподобному Никону постричь Варлаама и облечь в монашескую одежду, что и было сделано.

Боярин Иоанн, узнав, что его любимый сын постригся в иночество, сильно разгневался на преподобных и, взяв с собою множество слуг, напал на спасавшихся в пещере иноков и всех разогнал оттуда, а сына насильно вытащил вон и, сорвав с него мантию и куколь, бросил их в ручей. Затем он одел его в светлые драгоценные одежды, приличествующие его происхождению; но святой тотчас же сбросил их с себя, не желая даже и смотреть на них, и это повторялось несколько раз, так что отец велел связать ему руки, силою опять одеть его и в таком виде вести через город домой. Но Варлаам, увидя по пути яму, наполненную нечистотами, быстро спустился в нее и, поспешно сбросив с себя одежду, топтал ее ногами в грязи, попирая вместе с нею и ухищрения лукавого. Когда они пришли домой, отец велел ему сесть с собою за стол: он принужден был поневоле повиноваться, но ничего не ел из подаваемых

кушаний и сидел, опустив голову. По окончании трапезы, отец отпустил Варлаама в его комнату, приставив слуг стеречь его, чтобы он не ушел. Потом он приказал обрученной со святым девице надеть лучшие украшения для прельщения его и всячески ухаживать за ним. Но угодник Христов Варлаам ушел в одну из комнат и сел в углу на пол. Обрученница его, согласно данному ей приказанию, пошла за ним, и упрашивала сесть на своей постели. Тогда он, видя ее неразумие и догадавшись, что отец подослал ее, чтобы прельстить его, вознес из глубины сердца тайную молитву всемилостивому Богу о спасении от соблазна. Три дня просидел он, не вставая, на одном месте, ничего не вкушая, не одеваясь и оставаясь в одной власянице. Между тем преподобный Антоний и находившиеся с ним в пещере были очень опечалены его судьбою и молились за него Богу. И Бог услышал молитву их, ибо, по слову Псалмопевца, «взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их» (Пс.33:18), и, видя терпение и смирение святого, обратил ожесточившееся сердце отца на милость к сыну. Слуги донесли боярину, что вот уже четвертый день сын его не принимает пищи и не одевается. Отец сжалился над сыном и, боясь, как бы он не умер от голода и холода, призвал его и, с любовью поцеловав, отпустил в пещеру. И произошло тогда нечто весьма удивительное: послышались в доме рыдания и вопли, как по мертвеце; плакали все: отец с материю – о том, что лишаются сына, невеста – о том что разлучается с женихом, рабы и рабыни – о том, что покидает их добрый господин. А святой Варлаам, как птица, вырвавшаяся из сети, быстро направился к пещере. Находившиеся в ней иноки всем сердцем обрадовались, увидя Варлаама и прославили Бога, услышавшего их молитву о нем.

Когда число братии в пещере увеличилось до 12, то преподобный Антоний, видя доблестное подвижничество Варлаама и преуспеяние его в добродетели, от всего сердца благодарил Бога за то, что в цветущем юноше оказались духовные плоды, свойственные старцу, и проявилась такая благодать, что он вполне мог быть вождем в жизни для прочих. Поэтому, посоветовавшись со всеми братиями, жившими в

пещере, он поставил Варлаама игуменом вместо себя, а сам, привыкнув жить один и, не перенося людской суеты и разговоров, переселился на другой холм, что под новым монастырем, и там выкопал пещеру, в которой и жил, предаваясь безмолвию и беседуя всегда с единым Богом. Там лежит честное тело его и доныне.

Преподобный Варлаам, приняв начальство над братиею, стал вести еще более строгую подвижническую жизнь. Когда число братии значительно увеличилось, а между тем в пещере во время соборного Богослужения могло поместиться не более 20 человек, тогда он, испросив благословение у преподобного Антония, построил над пещерою небольшую деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, для того чтобы в этой церкви собирались для богослужебного пения те из братий, которые, за теснотою, не могли принимать участия в пении при богослужении в пещере. С тех пор обозначилось видимым образом и место самой пещеры, остававшееся дотоле незаметным. Через несколько лет великий князь Изяслав Ярославич, нареченный во святом крещении Димитрием, построил каменный храм во имя тезоименитого себе святого, великомученика Димитрия, и устроил при этом храме монастырь. Преподобного Варлаама, как своего родственника и мужа, опытного в иноческой жизни, князь поставил в этом монастыре игуменом. Здесь преподобный вёл образ жизни, к какому привык в пещере; братию же и всех вообще он более всего учил и умолял заботиться о спасении души со всею ревностью и иметь совесть, всегда чистую пред Богом и ближними. И Бог, видя любовь преподобного к братии и его попечения о них, помогал им совершенствоваться во всех добродетелях.

Ко многим другим своим подвигам преподобный Варлаам присоединил здесь еще новый: выбрав удобное время, он отправился во святой град Иерусалим, и, обошедши святую землю, возвратился в свой монастырь. Через некоторое время он отправился в Царьград, обошел там все монастыри и, купив всё нужное для обители, отправился назад. Находясь в пути он впал в тяжелый недуг и, достигнув города Владимира,

остановился около него в монастыре, называемом Святая гора, где и почил с миром о Господе[7533], завещав пред смертью бывшим с ним перенести тело его для погребения в Киев, в Печерский монастырь, а иконы и всё, купленное им для нужд обители, передать преподобному Феодосию. Завещание преподобного было исполнено, и честные мощи его доныне лежать в пещере нетленными.

Молитвами преподобного Варлаама да сподобимся и мы, исполняя на пути земной жизни нашей заповеди Господни, соделаться наследниками нашего небесного отечества во Христе Иисусе Господе, Которому слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Память святого мученика Азы и с ним 150 воинов

Память 19 ноября

Святой мученик Аза был воином в Исаврии[7534] при царе Диоклетиане. Но потом, желая быть воином не земного царя, а Небесного, он оставил воинское звание и удалился в пустыню. Совершая здесь многочисленные чудеса и исцеляя больных, он, как ревностный последователь Христа, был схвачен и приведен на суд к правителю Исаврийской области Аквилину. Когда воины вели святого на суд, святой Аза поучал их вере Христовой, и воины уверовали после того как святой сотворил пред ними чудо. Так как сопровождавшие мученика воины сильно возжелали святого крещения, то Аза обратился с молитвою к Богу, и, по молитве святого, истекла вода. Тем не менее воины, научаемые святым, который внушил им, что они обязаны повиноваться предержащим властям, – привели Азу на суд к правителю, – и, вместе с ним, исповедовали себя христианами. Тогда правитель Аквилин, для устрашения других, повелел подвергнуть мученика великим истязаниям, рвать тело его железными когтями и, наконец, привязав его к колесу, вертеть последнее. Однако святой, при помощи Божией, оставался невредимым. Видя это, жена правителя и дочь ее уверовали во Христа и исповедовали свою веру. Тогда правитель так разгневался, что тут же повелел обезглавить свою жену и дочь, а с ними и всех уверовавших воинов, которых было числом 150 человек.

После того святой Аза был подвергнут новым мучениям и, наконец, был обезглавлен[7535].

Память святого мученика Илиодора

Память 19 ноября

В царствование Аврелиана[7536] в Памфилийском[7537] городе Магидисе, которым управлял Аеций, безбоязненно проповедовал Христа один благочестивый человек, именем Илиодор. За это он был схвачен и приведен к правителю, обвиненный в распространении гонимого учения. Святого привели на суд. На допросе правитель Аеций долго убеждал Илиодора, чтобы он отрекся от Христа и принес жертву идолам. Но святой мужественно и твердо исповедовал Христа Богом. Тогда правитель повелел повесить его и строгать его тело железными когтями. Во время мучений святой Илиодор громким голосом воскликнул:

– Господи, Иисусе Христе! Помоги мне!

Тотчас последовал голос с неба:

– Не бойся! Я с тобою!

Голос этот слышали исполнители казни, которые видели при этом и четырех Ангелов. Видение так подействовало на них, что они уверовали в Господа нашего Иисуса Христа и стали обличать правителя. Разгневанный правитель тотчас же повелел бросить их в море. Вместе с этим он повелел разжечь медного вола и бросить туда мученика. Когда святой был ввержен туда, то, по молитвам его, вол тотчас же остыл, а святой воспел Богу благодарственную песнь.

Узнав об этом, правитель удивился и, подойдя к медному волу, убедился, что вол мгновенно остыл. Обратясь к святому, он сказал:

– Нечестивец! Твои волшебства превозмогли даже огонь!

Святой же отвечал:

– Не волхвования сделали то, но помощь Христа.

Сказав это, святой стал просить у мучителя три дня сроку, чтобы обдумать, что делать.

Когда святой был освобожден, он тайно отправился в капище и стал там молиться; по молитве святого, произошло землетрясение, во время которого идолы, упав, разбились.

Узнав об этом, правитель приказал снова привести на суд святого Илиодора и, исполнившись гнева, повелел повесить его, и в голову его вонзить разожженные гвозди. Испытывая страшную боль, святой призвал на помощь Бога и тотчас же мучения его облегчились. Тогда правитель приказал наложить на него тяжелые железные оковы и отвести к правителю одного соседнего города. Когда святой Илиодор был приведен к последнему, то тот долго беседовал с ним с тою целью, чтобы принудить его к принесению жертвы идолам. Но видя его упорство, правитель повелел вложить руки и ноги его в четыре расщепа дерева и затем бросить в разожженный котёл. Находясь в котле, святой молился, и вместе с этим призывал предстоящих войти к нему, говоря, что это не причинит им вреда. И многие из бывших там уверовали в Господа нашего Иисуса Христа.

– Поистине велик Бог христианский, – говорили они.

Правитель, видя, что многие уверовали в Бога Илиодорова, и, боясь как бы уверовавшие не скрыли святого мученика, приказал отвести его в Магиду. Тогда воины взяли его и пошли вместе с ним. Прибывши в Магиду, они снова привели его на суд. Подвергнув святого испытанию, правитель повелел повесить его, строгать его тело и затем отсечь ему голову. Когда Илиодора влекли за город, святой мученик сделал знак рукою влекущим, чтобы они остановились, и когда те исполнили его просьбу, он совершил моление, после чего был обезглавлен[7538].

Житие преподобного отца нашего Григория Декаполита

Память 20 ноября

Преподобный Григорий родился в городе Иринополе в Десятиградии[7539] от христианских родителей Сергия и Марфы, благочестивой и богобоязненной женщины. Восьми лет он отдан был для научения грамоте и еще в юности хорошо изучил слово Божие и отличался усердием к храму Божию. Стремясь к небесному, он возненавидел всё земное: не вкушал приятных для вкуса снедей, употребляя лишь простую и грубую пищу, отказывался носить богатые и мягкие одежды, сам пропитывал себя рукоделием, отдавая остаток бедным. Часто он удалялся в безмолвие и там наедине молился Богу, чтобы Он удостоил его быть верным рабом Его.

Когда Григорий достиг совершеннолетия, родители намеревались женить его, но он тайно убежал и удалился в один пустынный монастырь, где принял иночество и ревностно подвизался в посте и воздержании, в молитвах и непрестанных ночных бдениях, возлагая на себя всякие тяготы самой строгой иноческой жизни.

Между тем вскоре отец Григория умер; благочестивая же мать, после долгих поисков нашедши его, не только не укоряла, но и одобрила его намерение посвятить себя иноческим подвигам; она просила его только перейти в другой монастырь, где находился и брат его. Повинуясь воле матери, преподобный переселился туда; но когда он узнал, что настоятель монастыря того – иконоборец, то, как горячий ревнитель православия, обличил его пред всею братиею. Тогда настоятель, в ярости, жестоко побил его, после чего Григорий ушел в другой монастырь, где настоятелем был родственник его матери, Симеон. С радостью встретив Григория, Симеон, как муж опытный в подвижнической жизни, наставил юношу на всякую добродетель. Прожив здесь около четырнадцати лет, преподобный Григорий заслужил общее уважение, и все стали почитать его за добродетельного и святого человека.

Преуспевая в глубоком смирении и желая соделаться совершенным иноком, он испросил у настоятеля позволение поселиться в уединенной келлии, дабы, не имея никакого житейского попечения, проводить время в безмолвии. Настоятель, провидя благое произволение его, отвел ему для подвигов одну пещеру в глубокой отвесной расселине. И начал святой еще с большею ревностью подвизаться в той пещере. Но, не смущаемый молвой людской, он потерпел здесь великое беспокойство от демонов, которые всячески озлобляли и искушали его, стараясь прогнать его из их жилища. То угрожали они ему, крича: «Уходи из нашего жилища, – иначе много пострадаешь от нас»; то устремлялись на него, принимая вид страшных скорпионов. Но он оставался неуязвимым и неустрашимым. Когда стоял он на молитве, бесы уязвляли его руки и ноги; но он пренебрегал наносимыми ему язвами, считая их ни во что. И бесы со срамом удалились. Спустя немного дней, они явились к нему в виде воинов, угрожая его убить; но он сотворил крестное знамение, и они исчезли. После того, являлись они святому, блистая светом и говоря, что они – сорок мучеников и пришли дать ему благодать и силу против демонов; но он, провидев их козни, запретил им, и они снова исчезли. Также бессильны были и другие искушения, ибо благодать Божия содействовала ему и истребляла в нем все приражения плоти. Вскоре после того, Господь сподобил Своего верного угодника дивного посещения: Григорий пришел в состояние как бы некоего восхищения, во время которого явился ему с неба блистающий свет с неизреченным благоуханием, наполнившим пещеру и остававшимся в ней в продолжение многих дней. Об этом чуде святой счёл должным сообщить своему настоятелю, дабы спросить его, как человека опытного в духовной жизни, от Бога ли сие видение, или не действие ли оно диавола, посланное для того, чтобы соблазнить и прельстить его. Внимательно выслушав рассказ Григория, настоятель успокоил его и сказал ему, чтобы он не имел никакого сомнения, ни страха, но что это – свет Божественный, который своим благовонием прогнал смертоносное зловоние духа лукавого. «Трудись в подвиге, сколько можешь, – заключил старец, –

уповая, что ты имеешь Бога себе помощником». И действительно святой Григорий от благодатного видения того исцелился и освободился от удручавшей его болезни телесной и от болезни душевной – плотского соблазна, которым хотели прельстить его демоны, и от всех их злокозненных искушений. С того времени блаженный еще более усилил свои подвиги и молитвы, непрестанно взывая к Господу из глубины души. Преодолев таким образом диавольские козни, преподобный Григорий за свою святую и непорочную жизнь сподобился от Бога благодатного дара чудотворений. И так как не подобало сему Божественному светильнику Церкви оставаться под спудом, то

Господь воззвал к нему с неба, как некогда к патриарху Аврааму (Быт.12:1):

– Григорий! Если желаешь достигнуть совершенства, изыди от земли твоей и от родства твоего и странствуй во благо свое.

Повинуясь сему Божественному гласу, Григорий, оставив пещеру, направился в Ефес, чтобы найти корабль для отплытия в Константинополь: церковь Константинопольскую в то время обуревала иконоборческая ересь, и, ревнуя о славе Божией и чистоте православия, святой намеревался вступить на защиту его и изобличить лжемудрования еретиков. Но Промысл Божий судил иначе: святому Григорию надлежало, согласно Божественному призыву, всю остальную жизнь свою провести в странствованиях, «ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр.13:14), подобно Господу нашему Иисусу Христу, бывшему странником на земле и неимевшему, где приклонить голову (Мф.8:20; Лк.9:58).

Отправившись из Ефеса в Константинополь, преподобный по дороге остановился сначала в Проконисе[7540], где один бедный человек, несмотря на строгие указы царей-иконоборцев[7541], запрещавшие принимать к себе иноков, радушно принял его в своем доме ради Господа, за что Господь и обогатил его в продолжение немногих дней. Отсюда святой направился далее в Византию, но, встретив препятствие к тому, познал из сего, что нет воли Божией на путешествие его туда, и отправился в Энос[7542]. Здесь он получил жестокие побои от

одного всадника, возбужденного к тому диаволом; но праведный, претерпевая удары, молился Богу, чтобы Он простил его обидчика, и последний, видя кротость его, раскаялся, просил прощения и получил от преподобного наставление впредь никого не обижать. Отправившись отсюда на корабле, преподобный прибыл в Христополь[7543], откуда переправился в Солунь.

Пробыв в Солуни немного дней, святой Григорий отправился сухим путем в Коринф. Отплыв отсюда в Рим, он по дороге остановился на некоторое время в Регии[7544]. Здесь некоторые люди, видя, что преподобный ничего не имеет, дали ему некое количество золота. Святый же, хотя и не знал жертвователей, но, по Божественной благодати, прозрел, что данное ему золото приобретено неправдою; поэтому, желая научить, чтобы воздерживались от неправды, изобличил виновного и возвратил неправедно приобретенные деньги. Оставив Регий, святой отправился далее в Рим. На пути один из плывших упал с судна в море, подле берега, где им следовало выйти на сушу, чтобы идти в Рим. И вот совершилось чудо, ясно засвидетельствовавшее, что на преподобном почивает благодать Божия; ибо он одною молитвою вынес его на землю и спас от неминуемой гибели.

Прибыв в Рим, преподобный Григорий три месяца пробыл в безмолвии в одной уединенной келлии, так что никто и не знал о нем. Но один бесноватый сделал известным его пребывание в городе: ибо святой исцелил его, изгнав из него духа нечистого, и все стали считать его за святого. Тогда Григорий удалился оттуда и, прибыв в Сицилию, заключился в одной башне и пребывал в ней в молчании. Здесь напали на него демоны, истребили рогожу, на которой он спал, и всячески искушали его и причиняли ему различные злокозненные действия; но он молитвою прогнал их. Здесь же он спас от вечной гибели одну женщину-грешницу, бесчисленными хитростями склонявшую мужчин, особенно корабельщиков, прибывавших из чужих мест, к нечистоте блуда. Угрожая ей вечными мучениями, святой своими убеждениями довел ее до того, что она отреклась от мира, приняла иночество, и место плотской скверны обратилось

в монастырь. После того, пришла к преподобному Григорию в башню одна беснуемая женщина, и он молитвою своею прогнал из нее демона. Много и других еще чудес сотворил он на этом месте. Когда все узнали об этом и стали почитать его, то святой удалился и оттуда.

Однажды, путешествуя, он встретил войско сарацин[7545]. Один из них поил при колодце коня, и когда святой подошел, тот направил копье, чтобы убить его. Но вдруг рука его остановилась в воздухе, так что он не мог опустить ее. Тогда он пошел за преподобным, умоляя его об исцелении. Святый, прикоснувшись к его руке своею, исцелил его. Далее на пути, встретил святого один жестоко мучимый бесноватый. Умилосердившись над ним, святой сотворил молитву к Богу, и демон оставил страждущего.

Наконец Григорий снова прибыл в Солунь и поселился там в монастыре святого Мины. При этом он пребывал в такой нищете, что не имел никакой пищи, ни чем бы покрыться, а носил только одну одежду, которая служила ему и днем и ночью. Когда он чувствовал непреодолимый голод, то выходил из церкви и, если видел где либо трапезующих, то входил к ним и вкушал с ними немного пищи. Но потом он почувствовал, что не должно ему питаться от чужого труда, не трудясь, и решился пребывать при храме без пищи, до тех пор, пока Господь не пошлет ему помощь свыше. И Господь, пропитавший некогда пророка Илию через ворона (3Цар.17:6) и многих других добродетельных рабов Своих чудесным образом, не оставил без помощи верного раба Своего; по внушению свыше, одна боголюбивая вдова каждодневно доставляла ему пищу.

Вскоре преподобный Григорий прославился по всей окрестной местности своими чудотворениями. Так, однажды пришла к нему одна бесноватая женщина и просила у святого помощи на возобновление ее небольшого домика, так как он обветшал. В ответ на ее просьбу, святой сказал:

– Иди, начинай дело, и Бог, отец сирот, пошлет тебе помощь.

Женщина с верою пошла и начала копать землю, чтобы положить зданию основание. И вот с того места полилась в

безмерном множестве смола. Женщина продала ее и на вырученные деньги не только выстроила домик, но еще и питалась от продажи этой смолы, и удовлетворяла другие свои нужды.

Одному иноку, подвизавшемуся близ монастыря святого Мины, на столпе, преподобный Григорий, предузнав о том Духом Святым, предсказал о близкой кончине, как и некоторым другим лицам. Неустанно работая над собою, свято соблюдая чистоту душевную и совершенствуясь в добродетелях христианских, преподобный Григорий имел великое дерзновение ко Господу и уготовал себя в жилище Святому Духу; с Божественным рачением шел он тесным путем смиренномудрого подвига, непрестанным бодрствованием далеко прогоняя всякое небрежение и вражеские приражения, так что враг и во сне не мог действовать на его воображение и помыслы; согласно имени своему, он был воистину бодрствующим[7546] в отношении всех дел и помышлений и очистил душу и тело от всех страстей. Рукоположенный в сан иерея, он совершал Божественные службы с сердцем сокрушенным и духом смиренным; превозношение и тщеславие он исторгнул совершенно. Более же всего хранил чистоту православия и в словах и в делах; поражая еретиков, сколько мог, он словами и писаниями учил поклоняться святым иконам и почитать их по преданию Церкви; многие города очистил он от скверны иконоборства и убеждал даже и самую кровь пролить за святые иконы, если бы то потребовалось, и сам готов был принять за них смерть и был мучеником по доброму произволению. Превыше всех добродетелей он имел постоянную святую молитву, всегда устремляя ум к Богу; песнословя и прославляя Его со святыми Ангелами, он еще здесь получил залоги неизглаголанной радости вечного блаженства. Однажды ночью ему явился в видении Ангел Господень, вручивши ему пламенный меч для поражения всей силы бесовской и для отсечения от Церкви еретических мудрствований, а от сердца – греховных страстей.

Иногда преподобный, занятый богомыслием, слышал Ангельское пение: так был угоден он Богу и Ангелам, что, еще

находясь в смертном теле, удостаивался уже бессмертных, Божественных наслаждений, сподоблялся слушать Ангельское пение, которого ухо не слышало, и несказанно услаждаться им.

Проведши в Солуни несколько лет, преподобный Григорий с одним из учеников своих пошел в Болгарию, тогда еще языческую, но, не дошедши до нее, возвратился. Когда ученик спросил его, отчего он так скоро переменил свое намерение, преподобный отвечал:

– Мне хотелось побывать там, но вижу, что там солнце не светит.

Сими словами он пророчески предвозвестил о тех беспорядках, которые вскоре после того там возникли, и во время которых кровь лилась рекою и вся страна была выжжена.

Вслед затем преподобный Григорий ходил из Солуни в Византию и оттуда на гору Олимп[7547], с которой снова возвратился в Солунь.

Так подвизаясь и на земле помышляя о небесном, преподобный Григорий приблизился ко времени отшествия своего из сей жизни. Тяжко заболев от падучей болезни, он лежал неподвижно на одре и горячо молился Богу, чтобы Он освободил его от этой болезни и заменил ее другою – водяною. Бог услышал его молитву: освободив его от первой болезни, дал ему ту, о которой он просил. И так раздулось тело его, что казалось как бы мехом, наполненным воздухом. Оставив Солунь, преподобный с великим трудом прибыл в Константинополь, дабы противодействовать здесь ереси иконоборства[7548], и уже более не возвращался обратно. С собою он привел также двух учеников и сподвижников своих Иосифа и Иоанна. Первого из них он вскоре послал, по просьбе православных иноков, в Рим к папе Льву III [7549], чтобы просить у него помощи по случаю открывавшегося гонения на святые иконы; но, на пути туда, был захвачен подкупленными императором – иконоборцем Львом Армянином морскими разбойниками и заточен на остров Кипр.

Иосифу не суждено было более увидеть в живых своего великого учителя. Преподобный Григорий вскоре после этого предал чистую душу свою Господу. За двенадцать дней до

кончины, он предузнал день своего отшествия и велел отвести себя в странноприимный дом, где, 20 ноября, тихо скончался[7550]. Когда пришли погребать честное тело его, приблизился к нему с верою один больной, имевший тяжкую болезнь, так что не мог стоять прямо, но лицо его постоянно обращено было к земле. И вот представилось ему, что кто-то положил на него руку сзади, и он обратился с вопросом к стоявшему около него, не он ли коснулся его. Тот отвечал отрицательно, и больной узнал из сего, что это была сила Божия, осенявшая святого, который и даровал ему исцеление, – и он стал стоять прямо, совершенно исцелев от своей болезни. Другой мучим был духом нечистым, но как только приблизился ко гробу преподобного, демон оставил его. Один брат весьма мучим был плотскою страстью и близок к падению, но, пришедши ко гробу святого, со слезами просил помощи, – и плотская брань прекратилась, и он прославил святого и возблагодарил Бога.

Так, после многотрудного странствования земного, преподобный Григорий достиг вечного покоя на небесах между святыми Ангелами, видения и слышания которых он удостоился еще во время земной жизни своей, и теперь вместе с ними прославляет трисвятыми песнопениями Единого в Троице Бога вовеки.

Кондак, глас 3:

Светлое тя солнце церковь познавает, добродетелей красотами и исцелений лучами всех просвещая, Христов угодниче: темже празднуем честную память твою и почитаем подвиги твоя, всеблаженне отче премудре Григорие.

Житие святого Прокла, патриарха Константинопольского

Память 20 ноября

Святой Прокл был учеником св. Иоанна Златоуста[7551] и сподобился видеть, как святой Апостол Павел в дивном видении тайно беседовал на ухо со святым Иоанном.

Один Константинопольский вельможа был оклеветан своими завистниками пред императором Аркадием[7552], изгнан из дворца и лишен своего высокого сана. Желая обратиться за помощью к святому Иоанну, он заочно просил его позволить прийти к нему ночью, так как боялся идти днем, чтобы не увидал его кто-нибудь из врагов и не оклеветал бы еще более пред царем. Тогда святой Иоанн, призвав служившего при нем Прокла, мужа благочестивого и сиявшего всякими добродетелями, велел ему напомнить ночью о вельможе и привести его: в том и состояло служение Прокла у Златоуста, что он докладывал патриарху о приходящих и вводил их к нему. Когда настала ночь, вельможа пришел к патриарху, чтобы побеседовать с ним и подробно рассказать ему о своем злоключении. И вот Прокл, вставши с постели, подошел к дверям спальни патриарха и через дверную щель увидел, что Иоанн сидит и пишет, а св. Апостол Павел приник к нему за спиною и, нагнувшись к его правому уху, беседует с ним. Видом Апостол похож был на св. пророка Елисея, с головою, лишенною волос на передней части и большою широкою бородою. О чем они беседовали, через двери расслышать было нельзя. Отошедши от дверей, Прокл сказал пришедшему:

– Не огорчайся, – потерпи немного: некто другой прежде тебя вошел к патриарху и потому, пока он не уйдет, я не могу тебя ввести туда.

На самом – же деле Прокл находился в страхе, не догадываясь, кто пришел к патриарху: помимо Прокла, никто не мог проникнуть к патриарху, а о том, что это – явление Апостола Павла, он не знал.

Долго сидел вельможа, и, наконец, опять стал просить Прокла доложить о нем патриарху.

– Ты сам видишь, – отвечал Прокл, – сколько времени я ожидаю, пока не выйдет беседующий с патриархом; впрочем я все-таки пойду, посмотрю в щель, не перестали ли они беседовать.

Прокл пошел и увидел, что беседа всё еще продолжается. Он возвратился и сел. Потом он подходил к двери в третий раз и видел то же самое.

– Тебе нужно было, отче, никого не пускать раньше меня, – сказал тогда сановник, – ведь ты знал, что я нахожусь в великой беде и со дня на день ожидаю себе смерти.

– Поверь мне, брат, – отвечал ему Прокл, – что я не вводил его и не знаю даже, кто он такой, и что нет здесь другого входа, которым кто-нибудь мог бы войти, кроме этого. Однако подожди еще немного.

Но в это время послышались удары к утрени, и Прокл сказал пришедшему:

– Теперь ступай с миром: с этой минуты патриарх не беседует уже ни с кем и ни о чем постороннем во время, назначенное для ночной молитвы, не думает, но до рассвета остается один, всем умом своим углубившись в молитву и беседуя с одним только Богом. Приходи же в следующую ночь, и я во чтобы то ни было введу тебя прежде всех.

Вельможа поднялся с места и печально, со слезами на глазах, пошел домой.

На следующую ночь он опять пришел в патриарший дом. Прокл опять, как и прежде, вставши, пошел докладывать о нем, и опять увидел Апостола, говорящего что-то на ухо святому Иоанну, и воротился, не смея прерывать их беседы, и опять вельможа, когда ударили к утрени, пошел со скорбью домой ни с чем.

Со своей стороны Прокл весьма удивлялся и недоумевал, кто же именно приходит к патриарху и когда к нему проникает. И вот, он дал себе зарок – ни есть, ни пить, ни спать и не отходить от дверей патриарха до тех пор, пока не удастся ему провести к Иоанну злосчастного вельможу и разузнать, кто это неизвестно

каким образом входит к патриарху. В ночь вельможа явился по обычаю. Прокл, уверенный, что у патриарха никого нет, сказал ему:

– Ради тебя, господин мой и брат, я совсем не отлучался с этого места и теперь пойду и доложу о тебе патриарху.

И тотчас пошел и, подошедши к двери, и на этот раз увидел Апостола, говорящего на ухо патриарху. Тогда Прокл, возвратившись, сказал пришедшему:

– Ступай домой, брат мой, и моли Бога помочь тебе, ибо, как вижу я, тот, кто беседует с патриархом, посылается к нему от Бога и входит невидимо; через эти же двери, кроме патриарха, не входил никто.

Вельможа ушел в слезах и совершенно отчаявшись в помощи от святого Иоанна. Но когда настало утро, Иоанн сам вспомнил, наконец, о нем и, позвав Прокла, спросил:

– Не приходил ли тот человек, которого я приказывал тебе ввести ко мне.

– Да, отче, – отвечал Прокл – он действительно, вот уже третью ночь приходил сюда, но ты беседовал с кем то другим один на один и, потому, я не посмел войти к тебе и доложить о нем.

– С кем я беседовал?! – возразил Иоанн. – В эту ночь у меня никого не было.

Тогда Прокл описал и вид виденного им у патриарха, и то, как неизвестный, нагнувшись сзади к Иоанну, говорил с ним, шепча что-то ему на ухо. Потом Прокл взглянул случайно на икону св. Апостола Павла, которая была у Иоанна в келье на стене и вдруг воскликнул:

– Вот – тот самый, кого я видел, отче, говорившим с тобою! Это – его истинное изображение!

Таким образом оба, – Иоанн и Прокл, – узнали, что к первому являлся Апостол Павел, и оба возблагодарили Бога: один – за то, что он в своих писаниях был тайно вдохновляем Апостолом, а другой за то, что сего Апостола Павла, небесного жителя, он сподобился видеть.

После того Иоанн оказал нужную помощь гонимому вельможе, а святой Прокл, руководимый своим святым

учителем и духовным отцом, святым Иоанном, преуспевал в добродетели и совершенствовался в богоугодной жизни.

После изгнания и кончины св. Иоанна Златоуста, Прокл патриархом Константинопольским Сисинием[7553] поставлен был епископом города Кизика[7554]. Но, пришедши на свою кафедру, он не был принят тамошними клириками, впавшими в ересь, и потому возвратился в Константинополь и прожил там целый год. По смерти же патриарха святого Максимиана[7555], еще до его погребения святой Прокл был избран патриархом Константинопольским, и во святой и Великий четверг был возведен в сей высокий сан[7556].

Вступивши на патриарший престол, святой Прокл доблестно пас стадо Христово до конца своей жизни. Между прочим, он убедил императора Феодосия, сына императора Аркадия[7557], перенести мощи св. Иоанна Златоуста из Коман[7558] в Царьград.

В патриаршество святого Прокла в Византийской империи было великое землетрясение, продолжавшееся шесть месяцев, которым разрушены были многие величественные здания, – церкви, дворцы и т. п. – и каменные городские стены; многие селения и небольшие города были как бы поглощены землею, некоторые острова исчезли совершенно, некоторые источники и реки внезапно высохли, а в безводных местах явились потоки. Это страшное землетрясение было по всей империи, но особенно сильно – в Вифинии, Геллеспонте и Фригии[7559]. Когда в Константинополе рушились самые лучшие и крепкие здания, император Феодосий и царица Пульхерия с патриархом и всеми жителями, вышедши из города, совершали литии, усердно умоляя Господа о милосердии. И совершилось великое чудо. В то время, как устрашенный народ оглашал воздух молитвенными восклицаниями: *«Господи помилуй»!* – внезапно один ребенок невидимою силою восхищен был из народной толпы и, на глазах у всех, поднят был на недосягаемую взором высоту и через час опять так же опущен невредимым вниз. Он поведал царю, патриарху и всему народу, что слышал Ангелов, воспевающих на небе песнь:

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный.

Весь народ тотчас начал повторять эту трисвятую песнь, присоединив к нему молитву: «Помилуй нас», и землетрясение прекратилось, а мальчик, принесший трисвятое с неба, тотчас же предал дух свой Богу и с честью погребен был в храме св. Ирины: с того времени во всей церкви христианской вошло в употребление пение Трисвятого.

Святый Прокл прожил в сане патриарха 20 лет и пять месяцев и с миром отошел к Господу[7560].

Кондак, глас 4:

Достойно днесь торжествует всех градов честнейший воистинну, в честном преставлении твоем, отче отцев Прокле мудре.

Страдание святых мучеников Евстафия, Феспесия и Анатолия

Память 20 ноября

Святые мученики Евстафий, Феспесий и Анатолий были братья по плоти и родились в городе Никомидии[7561]. Отец их назывался Филофеем, а мать – Евсевиею. Филофей был родом из Галатии[7562], из города Гангра[7563], оставил свою родину, переселился в Никомидию и, вступивши там в супружество с Евсевиею, имел от нее трех сыновей, – трех названных жителей небесного града.

Сначала Филофей, его жена и дети были язычники; старшего сына своего Евстафия он отдал для изучения языческой мудрости, а Феспесия и Анатолия готовил к торговле, так как и сам он был купец и – очень богатый. Но однажды, взяв с собою младшего сына своего Анатолия, он отправился в Галатию за покупками и, возвращаясь оттуда, встретившись в пути с святым Лукианом, пресвитером антиохийским, дорогою научился от него христианской вере и вместе с сыном крестился в одной попавшейся на пути реке. Возвратившись домой, он стал разыскивать епископа Никомидийского Анфима[7564], скрывавшегося в одном сокровенном месте (в то время, в царствование императоров Максимиана и Диоклетиана, происходило жестокое гонение на христиан и многие из верующих скрывались от мучителей) и, нашедши, ночью привел его к себе, после чего святой Анфим крестил весь дом Филофеев. Совершив затем Божественную литургию, он приобщил новокрещенных Святых Таин, посвятил Филофея во пресвитера, а старшего сына его Евстафия – во диакона и ушел, скрываясь от гонителей-язычников, а Филофей и его дом тайно служили истинному Богу и вели благочестивую жизнь.

Скоро он и его супруга отошли к Господу, оставив сиротами трех благочестивых юношей: диакона Евстафия, Феспесия, и Анатолия, – братьев и по плоти и по духу, так как они единодушно служили Богу, горя духом и преуспевая в добродетели. Один придворный сановник, по имени Акилин,

послал однажды своего раба купить некоторые вещи. Раб знал про этих трех благочестивых юношей, что они – купцы и имеют широкую и богатую торговлю, и отправился к ним в лавку, которую и застал открытою. Вошедши внутрь и никого не найдя, он пошел по лестнице, ведущей на третий этаж дома и услыхал голос Евстафия, читавшего псалмы Давидовы. Раб тихо поднялся по лестнице, молча вошел в верхнюю горницу[7565] и здесь увидал Евстафия, державшего в руках Псалтирь и читавшего: «Да постыдятся все служащие истуканам, хвалящиеся идолами. Поклонитесь пред Ним, все боги» (Пс. 96:7). Кроме того, он увидел на стенах кресты и св. иконы. Ничего не сказав, он тотчас же возвратился к своему господину и рассказал ему всё, что видел и слышал. Акилин немедленно поспешил к императору Максимиану и доложил ему о том, что говорил раб. Тотчас же были посланы воины взять Евстафия и его братьев. Пришедши с рабом Акилина на место, воины нашли лавку запертою: в это время все обитатели дома находились в собрании и хранили полное молчание, причащаясь, по случаю воскресного дня, Таин Христовых. Посланные стучали в двери, звали, но ответа не было.

Святый Евстафий, уразумев духом, что воины посланы для того, чтобы взять его с братиями и вести на мучение, сказал братьям:

– Мужайтесь, братья, и не бойтесь, – Владыка наш зовет нас к венцу... Нынешнею ночью я видел, что нас вели на неправедный суд к Максимиану, и некто, черный видом, шел за нами с плачем и рыданием и бил себя по лицу приговаривая: «Горе мне, меня ныне побеждают». Впереди же нас шел светлый юноша, державший в руках три венца и три книги, и говорил мне: «Евстафий, диакон Христов! Вот что уготовал вам Отец милосердия и Бог всякой радости. И так, не бойтесь мучителей, как не боялся их св. Стефан. Сказав это, юноша восшел на небо, а чёрный, с рыданиями, удалился на запад[7566].

Рассказав о своем видении, Евстафий укреплял братьев в мужестве, говоря:

– Не отречемся, возлюбленные, от Христа Бога нашего пред людьми, чтобы и Он не отрекся от нас пред Отцом Своим и

пред святыми Ангелы Своими (Мф.10:32).

– Брат наш и господин и отец, – отвечали Феспесий и Анатолий, – мы готовы умереть за Создателя нашего и ничто не отклонит нас от любви к Нему.

В то время, как они таким образом разговаривали, воины, сильно стуча в двери, громко кричали, чтобы им отворили. Наконец, Феспесий и Анатолий подошли к дверям и открыли их. Воины, ворвавшись внутрь, спрашивали их, кто еще находится с ними, а затем, по указанию Акилинова раба, поднялись наверх. Войдя в двери молитвенной комнаты, они увидели Евстафия, державшего в руках Святое Евангелие. Внезапно разогнув его, он прочел: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28).

– Начальствовавший над солдатами крикнул ему, чтобы он положил то, что держит в руках (сам он не смел прикоснуться к св. Евангелию, так как был сын христианских родителей). Евстафий прижал св. Евангелие к груди, приложился к нему и положил его на стол, причем один из солдат заметил:

– Смотри, как христиане любят свои книги, в которых заключаются все их волхвования.

Солдаты, взяв Евстафия, повели его вниз. А он, осмотревшись и увидев священные книги, сказал, обращаясь к ним, как к живым:

– Обещаемся вам!

Потом, взглянув на множество дорогих вещей, которыми они торговали, воскликнул:

– Отрекаемся от вас и от всего тленного и идем за Христом!

Затем все вышли вон. Двери дома были заперты и опечатаны, а трех святых братьев солдаты, связав вместе, повели к императору Максимиану.

Увидев их, император улыбнулся и сказал:

– Кто приказывал связывать этих юношей? Я уверен, что они – друзья наших богов.

И он велел сейчас же развязать их и спросил их:

– Прежде всего скажите, каждый, как ваши имена и из какого вы рода?

– Самое дорогое и славное для нас имя – христиане, – отвечал за всех Евстафий, – как старший; а при рождении – я назван Евстафием, брат мой, что направо – Феспесием, а налево – Анатолием; мы – братья по плоти, родились здесь от одних отца и матери, а отец наш, родом из Галатии, был пресвитером христианским.

– Кто поставил, – спросил Максимиан, – вашего отца пресвитером?

– Тот, – отвечал Евстафий, – кого ты недавно незаслуженно подверг смертной казни: святой Анфим, епископ нашего города; он и меня поставил в диаконы, чтобы я служил иереям Божиим, при совершении ими пресвятых и пречистых Таин Христовых.

Тогда царь сказал:

– Перестань говорить нелепости; поклонись лучше вместе с братьями нашим богам, и я вам дам почетное и славное положение при моем дворе. Если же нет, то я осужу вас на смерть от меча.

Святые в один голос отвечали:

– Делай, что хочешь: мы – христиане и поклоняемся одному только Богу, сотворившему небо и землю, Его Сыну, Господу нашему Иисусу Христу и Святому Животворящему Духу; а вашим скверным и гнусным идолам не поклонимся никогда.

Разгневанный этим ответом, Максимиан велел повалить их на землю и бить палками. После долгих истязаний святые, как бы одними устами, воскликнули к Богу:

– Слава тебе, Господи, что сподобились мы принять мучения за Твое святое имя.

А святой Евстафий прибавил еще:

– «Много теснили меня от юности моей, да скажет Израиль: много теснили меня от юности моей, но не одолели меня» (Пс. 128:2–3), – помоги нам, Боже, Спаситель наш.

Когда святые были избиты до последней степени, Максимиан приказал бившим перестать и сказал мученикам:

– Безбожники! Долго ли вы будете переносить такие муки. Принесите жертву богам и не губите себя понапрасну из-за веры в какого-то человека, который был бит так же, как и вы, умер насильственною смертью.

– Да не будет, чтобы мы отреклись от Спаса Христа, отвечали святые, – о Котором мы знаем, что Он есть истинный Бог, хотя и пострадал на кресте ради нашего спасения.

Тогда мучитель велел отвести их в темницу, накрепко забить им ноги в колодки[7567] и не давать им ни есть, ни пить, чтобы заморить их и узами, и голодом, и жаждою. И вот, когда они сидели в темнице, в полночь однажды осиял их свет, явился к ним Ангел Господень, освободил их от уз, исцелил их, напитал манною[7568] и сказал:

– Подвизайтесь подвигом добрым за Христа, а я не покину вас и во всех страданиях ваших буду с вами, ибо послан Христом Господом охранять вас.

Сказав это, Ангел сделался невидим, а святые, полные несказанной радости, благодарили Бога, причем Евстафий говорил: «Господь разрешает узников, Господь отверзает очи слепым, Господь восставляет согбенных, Господь любит праведных. Господь хранит пришельцев» (Пс.145:7–9).

Через некоторое время Максимиан опять явился в суд и послал воинов в темницу привести во второй раз узников Христовых на испытание. Воины отправились и нашли святых освобожденными от уз, совершенно здоровыми и мирно спящими. Они подняли крик, бранили сторожа и добивались, кто освободил заключенных от уз. Сторож клятвенно уверял их, что никто не освобождал и что никто даже и не входил к узникам и не давал им есть или пить. Воины снова связали святых и повели их к царю.

Царь, увидев их здоровыми и веселыми, удивился, что на них не подействовали ни побои, ни узы, ни голод, ни жажда, и сказал им:

– Жалкие люди! Рассудите хорошенько, что для вас выгоднее и, убедившись, принесите жертву богам, – и я отпущу вас с честью.

Но святой Евстафий ответил:

– Не надейся изменить наше твёрдое решение ни лестью, ни угрозами, ни мучениями: ничем мы не привязаны к этой жизни, так как знаем, что как нагими вышли мы из чрева матери нашей, так нагими придется нам уйти из этой суетной жизни.

Царь приказал немедленно отдать их на съедение зверям, и их повели в цирк[7569], где звери должны были пожрать их, а за ними пошел весь народ никомидийский, – и среди него множество тайных христиан, – и все желали видеть кончину мучеников. Когда они были поставлены среди цирка, на них выпущены были два льва и три медведя, и все зрители от рёва этих зверей пришли в ужас. Святый же Евстафий воспевал псалмы.

– «Спаси меня от пасти льва, – воспевал он, – и от рогов единорогов, услышав, [избавь] меня. Буду возвещать имя Твое братьям моим, посреди собрания восхвалять Тебя» (Пс.21:22–23) [7570].

Феспесий и Анатолий устрашались звериного рычания и Евстафий, видя их страх, сказал:

– Зачем, братья, боитесь вы этих зверей? Разве вы не знаете, что Владыка наш силен укротить их ярость, как укротил во рве Даниловом? Разве вы не помните слов Ангела, обещавшего быть с нами во всех страданиях наших и охранять нас?

Когда Евстафий говорил это, львы бросились к мученикам, но, приблизившись к ним, остановились и замахали хвостами, как собаки, признавшие своего господина, а Евстафий положил руки им на головы и, погладив их, как собак, совсем укротил их. Медведи же, схватившись между собою, бросали один другого на землю, а к святым мученикам близко даже и не подходили. Народ, собравшийся на зрелище, поднял шум, причем язычники кричали: «Они волхвы и колдовством усмирили зверей»! а христиане восклицали: «Велик Бог христианский, заградивший пасть зверям, чтобы они не могли вредить святым рабам его!»

Наконец, царь велел опять бросить мучеников в темницу, и здесь они вторично были утешены явлением Ангела и подкреплены манною.

Между тем тяжко заболел сын царя Максенций[7571], и царь, опечаленный и озабоченный его болезнью, поручил мучеников никейскому комиту[7572] Антонию.

– Отведи, – сказал он, комиту, – христиан в свой город и там заставь их поклониться богам и, если они послушают тебя,

пришли их с почестями обратно сюда, если же – нет, то, после долгих мучений, заколи их, как диких зверей.

Комит взял узников и отправился с ними в Никею. Прибыв домой, он нашел жену свою больною. Мучеников он велел на ночь запереть в темницу, а наутро велел привести их к себе, сел на судейском месте и, обратившись к ним, сказал:

– Меня, юноши, весьма сильно беспокоит ваша судьба, и мне очень желательно было бы помиловать вас и отправить к царю для получения от него всяких почестей. Доверьтесь мне, как своему другу, послушайтесь меня и принесите жертвы богам.

– Мы молимся, – отвечали святые, – Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он сохранил нас непорочными в вере, которой Он научил нас и за которую мы готовы умереть, и чтобы не попустил нам отступить от Него и впасть в погибель, в которой погибаете вы.

Комит, услышав это, пришел в бешенство и велел повесить их за ноги, головою вниз, и строгать железными когтями. Долгое время мучили их таким образом, кровь их текла потоками, тело отрывалось кусками, кости обнажались... Наконец, святые громко возопили к Богу:

– Царю и Боже веков! Призри от святого жилища Твоего на нас, недостойных рабов Твоих, страдающих за имя Твое святое!

И невидимая помощь была подаваема святым свыше для мужественного перенесения столь жестоких мук.

Видя непобедимое терпение страдальцев, мучитель приказал снять их и отвести в темницу. Но святые не могли от ран и боли идти сами: их понесли и бросили в темнице, как какую-нибудь ношу. И опять, как и ранее, явился им Ангел Господень, сияющий великим светом, утешал их радостными надеждами и исцелил их от ран. И святые славили Бога, говоря:

– Слава Тебе, Боже, за то что не оставляешь уповающих на Тебя и страждущих ради Тебя! «Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Кто Бог так великий, как Бог [наш]! Ты – Бог, творящий чудеса» (Пс.115:3; Пс.76:14–15). Вскоре мучитель опять вывел из темницы святых мучеников и приказал поставить их пред собою. Пред ними он поместил своих идолов

и принуждал их поклониться этим идолам, угрожая за непослушание.

– Если вы, – говорил он, – не исполните царского повеления и не поклонитесь нашим богам, то я предам вас смерти от меча, а тела ваши отдам на съедение хищным зверям и птицам.

Но святые в один голос отвечали:

– Не отступим от Христа Бога нашего и не поклонимся скверным идолам, немым и глухим, которые имеют очи и не видят, имеют уши и не слышат, имеют уста и не говорят, имеют ноги и не ходят. Да будут подобны им все делающие их и все поклоняющиеся им.

На эти слова мучитель зарычал от гнева, как лев, и велел вывести мучеников за город и заколоть мечом, как диких зверей, а тела их бросить непогребенными на растерзание зверям и птицам. Святых повели на место казни. На этом месте находился масличный сад, и мученики, для совершения над ними казни, были привязаны к деревьям. В этот сад пришли два близкие друга святых, христиане Палладий и Акакий. Когда палачи хотели убить осужденных, пришедшие бросились им в ноги, дали им много золота и умоляли подождать немного, пока они побеседуют с осужденными, и тогда уже приступать к казни. Взяв золото, палачи немного отошли от мучеников, а Палладий и Акакий приблизились к ним, с любовью облобызали их, горько плакали и просили помолиться за них. Во время предсмертной молитвы святых, с неба был услышан голос, призывавший их в вечный покой, и тотчас они с радостью предали души свои в руки Божии. Слуги же мучителя, хотя и увидели, что мученики уже умерли, однако, боясь своего господина, исполнили его повеление уже над мертвыми: Евстафию и Феспесию прокололи горло, а Анатолию пронзили ребра, а потом когда тела умерших уже лежали на земле, отрубили им головы и, оставив их непогребенными, ушли[7573]. Тогда с неба сошли шесть Ангелов в виде орлов и парили над телами до тех пор, пока Палладий и Акакий не погребли их с честью.

В тот же день комит Антоний при заходе солнца захворал, а наутро – сначала умерла жена его, потом и сам он, упавши на

тело жены, в страданиях испустил дух. И вот, он мучится в аду, а святые страстотерпцы радуются в Царстве Христа Бога нашего. Ему слава во веки веков. Аминь.

Память святого мученика Дасия

Память 20 ноября

В царствование Диоклетиана и Максимиана в языческом городе Доростоле[7574] был обычай за 30 дней до праздника в честь языческого бога Кроноса[7575] избирать для принесения в жертву ему красивого юношу из воинов. В продолжение 30 дней, до наступления праздника жертвоприношения, избранного юношу одевали в царские одежды, и он мог исполнять всякое свое пожелание. После этого юношу закалали в жертву Кроносу. И вот однажды сей печальный жребий пал на мужественного и прекраснейшего среди прочих воинов Дасия. До сего времени он был тайным христианином. Теперь же, услышав о выпавшем ему жребии, святой Дасий решил скорее объявить себя последователем Христовым, нежели отдать свою жизнь ради умилостивления гнусного бога язычников.

– Если мне должно умереть, – сказал он своим товарищам, – то лучше умереть, как христианину, за Христа.

Поэтому святой Дасий презрел блага и утехи земные, какими он мог пользоваться в течение 30 дней, по языческому обычаю. Он отверг все милостивые обещания язычников, твёрдо памятуя слова Апостола: «все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Филип.3:8). Вместо веселия и пиршеств, святой стал обличать нечестие язычников и их безумное служение истукану, и дерзновенно проповедовал учение Христово. Вдохновляемый благодатью Святого Духа, исповедник Христов ревностно убеждал всех уверовать во Единого Истинного Бога и Единородного Сына Божия Иисуса Христа. Когда слух о том достиг до языческих властителей Диоклетиана и Максимиана, то, по их приказанию, святой Дасий был предан на суд областеначальника Мизийского Вассы. На суде святой вновь обличал неразумие идолопоклонников и исповедовал Христа. За сие исповедание веры христианской он был предан жестоким мучениям и потом усечен мечом[7576].

Память святых священномучеников Нирсы и Иосифа

Память 20 ноября

Святой Нирса был епископом в земле Персидской и имел сподвижником своим ученика Иосифа. Оба они, как истинные рабы Христовы, боялись Бога, сотворившего небо, землю, море и всё, что в них (Пс.145:6), и стремились к добродетельной жизни, исполняя закон Христов.

Видя добродетельную жизнь ученика своего Иосифа и его ревность к славе имени Божия, святой Нирса возвел его в сан епископа. Соотечественники их Персы, почитая богом солнце, поклонялись огню и предавались различным порокам. Святые Нирса и Иосиф, скорбя об их заблуждении, стали ревностно подвизаться на пользу Церкви Христовой. Укрепляемые благодатью Христовою и взаимною ревностно, они многих язычников обратили к вере в Истинного Бога и научали их благочестию.

В это время царь Персидский Сапор воздвиг жестокое гонение на христиан[7577], заставляя их поклоняться солнцу и огню. Слыша, что епископ Нирса с Иосифом, обличая заблуждение Персов, многих из них обращают ко Христу, царь приказал схватить их и привести к себе[7578].

Пред царем предстал 80-летний старец со своим учеником и сподвижником. На приказание царя поклониться огню или готовиться к мучениям и смерти, святые дерзновенно отвечали:

– Если ты, царь, мог бы по кончине нашей и семь раз воскрешать нас для мучений, то и этим не отлучил бы нас от любви ко Христу.

Услыхав такой ответ святых исповедников, исполненных твердой решимости пострадать за Христа, разгневанный гонитель велел тотчас же отсечь им головы.

Так сии святые мученики прияли нетленные венцы на небесах.

Память святых священномучеников Иоанна, Саверия, Исаакия, Ипатия и других с ними

Память 20 ноября

Святые мученики Иоанн, Саверий, Исаакий и Ипатий были епископами в различных городах земли Персидской.

Когда нечестивый огнепоклонник, Сапор, царь Персидский, принуждал христиан поклоняться солнцу и огню, то сии святые укрепляли верующих быть твердыми последователями Христа, и обращали ко Христу нечестивых Персов. Они обличали заблуждения огнепоклонников, убеждая их, что солнце и огонь – не боги, но только творения, созданные для прославления Творца и для служения людям.

Когда слух об их учении дошел до царя Сапора, то он послал воинов и своих вельмож в те города, где проповедовали святые, и приказал схватить их.

Схваченные, они безбоязненно предстали на суд самого царя. Он грозно обратился к ним и сказал:

– Разве неизвестно вам, что я происхожу от богов, молюсь солнцу и почитаю огонь? А вы, – кто вы, что восстаете против моих указов, унижаете солнце и ни во что ставите огонь?

Святые единогласно исповедали веру во Единого Бога.

– Для нашей пользы, – говорили святые, – повелел Бог быть солнцу и огню. Бог же Истинный – Один, Который сотворил всё и Ему Одному подобает поклонение и слава.

На это царь вскричал:

– Какой Бог славнее Ормузда или кто страшнее Аримана[7579]?

И кто может называться человеком мудрым, если не поклоняется солнцу?!

Епископ Саверий вновь подтвердил за всех исповедание веры:

– Мы не знаем, царь, иного Бога, кроме Сотворившего небо и землю, солнце и луну и все видимое и невидимое; и веруем в Сына Его, называемого Иисусом Назарянином.

Тогда царь повелел бить святого по устам, и это исполнялось с такою жестокостью, что выпали зубы его. Царь же насмешливо прибавил:

– Призови Иисуса, чтобы вставил тебе зубы.

Когда же Саверий за это назвал царя безбожником, то был бичеван до полусмерти и затем брошен в темницу. После этого мучитель вызвал святого Исаакия и спросил его с угрозою:

– Одних ли мыслей с Саверием и ты, так что я должен пролить и твою кровь?

Воодушевленный твёрдым примером и исповеданием веры Саверия, святой Исаакий ответил так царю:

– Единомыслие наше, царь, есть высшая мудрость, которой ты не постигаешь.

Раздраженный твердостью христиан, царь грозил Исаакию отрезать язык за продолжение подобных речей. Потом царь перешел ко второй части обвинения магов персидских[7580] против Исаакия и потребовал отчёта, для чего он строит храмы христианские?

На это Исаакий ответил:

– А когда же я переставал это делать, дабы славилось имя Божие и среди язычников?!

Тогда царь обратился к знатным горожанам, которые перед этим, видя жестокость царя, отреклись от христианства. Он сильно порицал их и грозил смертью в случае возвращения их к христианской вере. Он клялся, что, доколе царствует, не потерпит в своем царстве ни одного христианина. Затем приказал дрожащим от страха отступникам побить Исаака камнями. И действительно, сами вельможи-вероотступники побили камнями своего епископа в лагере вне города.

После этого все Персы, особенно знатные граждане и начальники, вооружились против христиан. Так Иоанн, Селевкийский епископ, томимый в темнице при замке Вет-Гасцита, умерщвлен был, по приказанию начальника Гадиабского. Еще другой Исаак – пресвитер селения Гулсалы, побит был камнями.

Исповедник же Саверий через два дня умер в тюрьме от нанесенных ему истязаний. Когда доложили об этом царю, то

он, по злобе, не поверил этому известию приказал отрубить умершему голову и представить ему.

Несмотря на вероотступников вельмож царя Сапора, устрашенных его жестокостью, многие христиане из мирян оказались твёрдыми в вере и, по примеру своих пастырей, твёрдо шли на муки за Христа.

Так Азат, евнух наместника Гадиабского, был привлечен с другими христианами в капище, где приносились жертвы Персами. Но, воспитанный с детства в христианстве, он вместе с прочими верующими, обличил нечестивцев и отказался от жертвоприношений солнцу, зная, «что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу» (1Кор. 10:20; Ср. Втор. 32:17).

За это их предали различным истязаниям.

Азат после этого был удавлен руками одного вероотступника. С ним вместе был мучим и убит Сасоний.

Некоему христианину, по имени Аврааму, вырваны были глаза раскаленными гвоздями, от чего он умер через два дня в страшных мучениях, не переставая призывать имя Христово.

Симеона – христианина персы закопали в землю по грудь и пронзили стрелами оставшееся открытым тело.

В это же гонение в земле Персидской просияли венцами мученическими и многие жены и девы из христианок, соревнуя поименованным святым мужам в любви ко Христу.

Так девицы Фекла и Анна и с ними Богута, благородная жена, Мамия, Татона, Мама и Нина, и многие другие, безбоязненно обличавшие нечестие Персов и жестокость гонителя, были изрублены мечами. Земля, орошенная кровью этих мучениц, произрастила цельбоносную смоковницу, как бы в обличение гонителя. Еретики манихеи, спустя некое время, не терпя сего чуда, коим сама земля вещала о правой вере исповедниц Христовых, истребили сию смоковницу; но за сие были наказаны жестокою болезнью.

Так и в земле Персидской воздвиг Господь многочисленный сонм мучеников и исповедников, приявших страдания за Христа.

Сказание о Входе во храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии

Память 21 ноября

Когда Пречистой Богоотроковице, Преблагословенной Деве Марии Богородице, исполнилось три года от рождения, святые праведные родители Ее, Иоаким и Анна, решились исполнить данный ими обет – отдать на служение Богу рожденное ими дитя. Созвали они в Назарет, где жили, всех своих родственников из царского и архиерейского рода, – ибо сам праведный Иоаким был из царского рода, супруга же его, святая Анна, была из рода архиерейского, – а также хор непорочных дев; приготовили много свечей и окружили Пречистую Деву Марию царским благолепием, как все сие свидетельствуется святыми отцами.

Святый Иаков, архиепископ Иерусалимский, от лица Иоакима, говорит так:

– Позовите непорочных дочерей еврейских, чтобы они взяли горящие свечи.

От лица праведной Анны, святой Герман, патриарх Цареградский, говорит:

– Я выполняю пред Господом тот обет, какой высказала в состоянии скорби, и для этого собрала хор дев со свечами, созвала священников, пригласила сродников, говоря всем: радуйтесь все со мною, ибо я теперь явилась матерью и родительницею, приводя свою Дочь не к царю земному, но к Богу, Царю Небесному.

О царском же украшении Богоотроковицы святой Феофилакт, архиепископ Болгарский, говорит:

– Надлежало, чтобы введение Божественнейшей Отроковицы было достойно Ее, чтобы такой пресветлой и многоценной Жемчужины не касалась убогая одежда; следовало именно царскою одеждою одеть Ее, для наибольшей славы и украшения.

Так устроив все, что надлежало к честному и славному введению, они отправились в путь, ведущий от Назарета до

Иерусалима в течение трех дней.

Достигнув города Иерусалима, они торжественно вошли в храм и повели туда одушевленный храм Божий, трехлетнюю отроковицу, Пречистую Деву Марию. Впереди Нее шел хор девиц, с зажженными свечами, как свидетельствует святой Тарасий, архиепископ Константинопольский, который влагает в уста святой Анны такие слова:

– Начните (шествие), девы, носящие свечи, и предшествуйте мне и Богоотроковице.

Святые же родители, один с одной стороны, другая с другой, взяв за руки данную Богом Дочь свою, с нежностию и честию вели ее между собою. За ними радостно следовало все множество родственников, соседей и знакомых, держа в руках свечи и окружая Пречистую Деву, как звезды светлую луну, на удивление всему Иерусалиму. Святый Феофилакт описывает это таким образом:

– Забывает Дочь дом отца и приводится к Царю, возжелавшему красоты Ее, – приводится не без почести и не без славы, но с торжественными проводами. Вот выводится Она из отеческого дома со славою, при всеобщем рукоплескании Ее выхождению; родителям Ее последовали родственники, соседи и все, кто любил их; отцы сорадовались отцу, матери сорадовались матери; отроковицы и девы, со свечами в руках, предшествовали Богоотроковице. Весь Иерусалим, как некоторый звездный круг, сияющий с луною, собрался смотреть эти небывалые проводы и видеть трехлетнюю Отроковицу, окруженную такою славою и почтенную преднесением свечей. И не только граждане земного Иерусалима, но и небесного – святые Ангелы – стеклись видеть преславное введение Пречистой Девы Марии и, видев, удивлялись, как сие воспевает Церковь: «Ангели вхождение Пречистыя зрящи, удивишася: како Дева вниде во святая святых» [7581].

Соединившись с видимым хором непорочных дев, невидимый хор безплотных чинов шел, совводя Пречистую Деву Марию во Святое Святых и, по повелению Господню, окружая

Ее, как избранный сосуд Божий. Об этом святой Георгий, архиепископ Никомидийский, говорит так:

– Родители уже вели к дверям храма Деву, окруженную Ангелами, при совместном радовании всех небесных сил. Ибо Ангелы, хотя и не знали силы тайны, однако, же, по повелению Господню, служили при входе Ее во храм. Итак, они во-первых, удивлялись, видя, что Она будет драгоценный сосуд добродетелей, что Она носит признаки вечной чистоты и имеет такую плоть, которой никогда не прикоснется никакая греховная скверна, а во вторых, исполняя волю Господню, совершили служение, которое им было повелено.

Так, с честию и славою не только людьми, но и Ангелами была введена в храм Господень Пренепорочная Отроковица. И достойно: ибо если ветхозаветный ковчег, носивший в себе манну, который служил только прообразом Пресвятой Девы, внесен был в храм с великою честию, при собрании всего Израиля, то тем с большею честию, при собрании Ангелов и человеков, должно было совершаться введение во храм того самого одушевленного кивота[7582], который имел в себе манну – Христа, – преблагословенной Девы, предназначенной в Матерь Богу.

При внесении ветхозаветного кивота в храм Господень, впереди его шел царь земной, царствовавший тогда над Израилем, Богоотец Давид; а при введении в храм Божий сего одушевленного кивота, Пречистой Девы, предшествовал не земной царь, а Небесный, Которому мы каждый день молимся: «Царю небесный, утешителю, душе истины». Что сей именно Царь предводительствовал этой Дщерию царской, об этом святая Церковь в нынешних песнопениях свидетельствует так: «Во святых святая, святая и непорочная Святым Духом вводится»[7583]. При внесении ковчега были музыка и пение, ибо Давид велел начальникам левитов поставить певцов, чтобы они играли на органах[7584], Псалтирях[7585], кимвалах[7586] и гуслях[7587], и воспевали радостные песни; при введении же Пресвятой Девы содействовали веселию не земная музыка и пение, но пение Ангелов, невидимо при сем присутствовавших. Ибо они, при входе Ее во Святое Святых на служение Господу,

воспевали небесными голосами, что и воспоминает ныне Церковь, которая поет в кондаке[7588]: «Благодать совводяще, яже в Дусе Божественном, юже воспевают Ангели Божии: сия есть селение небесное». Впрочем, введение Пречистой Богородицы во храм представляется и не без человеческих песнопений. Ибо праведная Анна (в слове святого Тарасия) говорит идущим впереди девам:

– Воспойте Сию хвалебною песнию, пойте Ей под звуки гуслей, воскликните Ей песнь духовную, прославьте Ее на десятиструнном Псалтири.

Это же вспоминает Церковь, говоря: «Радуются Иоаким и Анна Духом, и девственнии лицы Господеви поют, псаломски воспевающе, и чтуще Матерь Его»[7589].

Отсюда открывается, что хор девственниц, предшествовавших тогда Пречистой Деве, пели некоторые песни из псалмов Давида.

Согласно с этим, и составитель нынешнего канона говорит означенным девам: «Начинайте, девы, и воспойте песни, руками держаще свещы»[7590].

Сами же святые праведные родители Иоаким и Анна, по свидетельству святого Тарасия, имели на устах своих такую песнь праотца Давида: «Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей» (Пс.44:11–12).

На встречу этому славному введению Богоотроковицы, по рассказу Феофилакта, вышли священники, служившие во храме, и с песнопениями встретили Пресвятую Деву, имевшую быть Материю Великого Архиерея, прошедшего небеса[7591]. Приведя Ее ко дверям храма, святая Анна, (как пишет святой Тарасий), говорила так:

– Иди, Дщерь моя, к Тому, Кто мне даровал Тебя; иди, Священный Кивот, к милостивому Владыке; иди, Дверь Жизни, к милосердому Дателю; иди, Ковчег Слова, к храму Господню; войди в церковь Господню, Радость и Веселие мира.

Захарии же, как пророку, архиерею и сроднику своему[7592], она сказала с Иоакимом:

– Приими, Захария, чистую сень; приими, священник, непорочный Ковчег; приими, пророк, Кадильницу невещественного угля; приими, праведный, Духовное Кадило.

И еще праведная Анна, как повествует святой Герман, сказала первосвященнику:

– Приими, пророк, Дочь мою, данную Богом; приими и, введши, посади Ее на горе святыни, в приготовленном Божием жилище, ничего не допытываясь, до тех пор, пока Бог, призвавший Ее сюда, не откроет окончательно Своей воли о Ней.

Было там, – пишет блаженный Иероним, – пятнадцать ступеней на церковном входе, по числу пятнадцати степенных псалмов, ибо на каждой из этих ступеней всходившими для служения священниками и левитами был пет отдельный псалом[7593]. Вот поставили праведные родители пренепорочную отроковицу на первой ступени. Она тотчас весьма скоро пошла сама собою по прочим ступеням, никем не ведомая и не поддерживаемая; поднявшись на самую верхнюю ступень, Она стала, укрепляемая невидимою силою Божиею. Удивились все, увидев трехлетнюю отроковицу, поднявшуюся по этим ступеням так скоро, а особенно дивился этому великий первосвященник Захария и, как пророк, по откровению Божию, проразумевал будущее сей Девы, ибо он, по словам Феофилакта, был объят Духом. Также и святой Тарасий касательно этого говорит, что Захария, исполнившись Святого Духа, воскликнул:

– О чистая Отроковица! О Дева, не знающая соблазна! О Девица прекрасная! О украшение жен! О краса дочерей! Ты благословенна между женами! Ты в высшей степени прославлена чистотою, Ты запечатлена девством, Ты – разрешение клятвы Адама!

Держа Отроковицу, Захария, – говорит святой Герман, – с радостным духом ввел Ее во Святая Святых[7594], говоря Ей так:

– Иди, исполнение моего пророчества, иди совершение Господних обетований, иди, запечатление завета Его, иди, обнаружение Его совета, иди, исполнение тайн Его, иди, зерцало всех пророков, иди, обновление обветшавших грехами, иди, Свет лежащих во тьме, иди, новейший Божественнейший

Дар. Войди теперь в нижнюю часть храма Господа своего, доступную человекам, а через немного времени – в горнюю и неприступную для них.

Отроковица, веселясь и весьма радуясь, шла в дом Господень, как в чертог, ибо хотя и была мала возрастом, всего только трех лет, но была совершенна по благодати Божией, как предузнанная и предызбранная Богом прежде сложения мира.

Так Пречистая и Преблагословенная Дева Мария введена была в храм Господень. При этом первосвященник Захария совершил необычайное и для всех удивительное дело: он ввел отроковицу в самую выстроенную скинию, называемую «святая святых», которая была за второю завесою и где был ковчег завета, обложенный со всех сторон золотом, и Херувимы славы, осеняющие очистилище (Евр.9:3–5), куда нельзя было входить не только женщинам, но даже и священникам, а мог туда входить только первосвященник, однажды в год. Там первосвященник Захария отвел Пречистой Деве место для молитвы. Всем же прочим девам, живущим во храме, по свидетельству св. Кирилла Александрийского и св. Григория Нисского, отводилось место для молитвы между церковью и алтарем[7595]. Ни одной из этих дев никаким образом нельзя было подходить к алтарю, ибо это строжайше запрещалось им первосвященниками; Пречистой же Деве, со времени введения Ее, не было запрещено ежечасно входить во внутренний алтарь, за вторую завесу и молиться там. Сделано было это первосвященником: по таинственному вразумлению Божию, о чем святой Феофилакт говорит так:

– Первосвященник, быв тогда вне себя, объятый Духом Божиим, понял, что эта отроковица – вместилище Божественной благодати и что Она более его достойна всегда предстоять пред Лицом Божиим. Вспомнив сказанное в законе о ковчеге, что ему назначено находиться во Святом Святых, он тотчас понял, что это преднаписано было относительно сей Отроковицы, нисколько не усомнившись и не остановившись, дерзнул, вопреки закону, ввести Ее во Святое Святых.

Как говорит блаженный Иероним, праведные родители Иоаким и Анна, вручив дитя свое воле Отца Небесного,

принесли дары Богу, жертвы и всесожжения, и, получив благословение от первосвященника и всего собора священников, возвратились, со всеми своими сродниками, домой и устроили там пир, веселясь и благодаря Бога. Преблагословенная же Дева, с начала жизни своей в доме Господнем, отдана была в помещение для девиц, ибо храм Иерусалимский, построенный Соломоном и потом разрушенный и выстроенный снова Зоровавелем[7596], имел, много жилых помещений, как пишет Иосиф, древний иудейский историк[7597]. Вне, к стенам храма пристроены были каменные здания, числом тридцать, отдельные одно от другого, просторные и очень красивые, на них были другие здания, на других третьи, так что общее число их было девяносто, и они имели все удобства для жительства в них. Высота, их равнялась высоте храма; они были как бы столпы, извне поддерживающие его стены. В этих зданиях находились помещения для разных лиц; отдельно жили девы, посвященные на служение Богу до времени; отдельно жили вдовицы, давшия обет Богу хранить чистоту свою до смерти, как пророчица Анна, дочь Фануилова; отдельно обитали мужи, называвшиеся назореями[7598], подобно инокам, жившие безбрачно. Все эти лица служили Господу при храме и получали пропитание от доходов храма. Остальные здания отведены были для пребывания странников и пришельцев, приходивших издалека на поклонение в Иерусалим.

Трехлетняя отроковица, Пречистая Дева Мария, как сказано, была отдана в помещение для девиц, причем к Ней приставлены были девицы, по летам более взрослые и искусные в писании и рукоделии, чтобы Богоотроковица с младенчества научилась и писанию и рукоделию вместе. Святые родители, Иоаким и Анна, часто посещали Ее; Анна, как матерь, особенно часто приходила посмотреть на свою Дочь и поучать Ее. По свидетельству святого Амвросия и историка Георгия, Дева скоро научилась еврейскому ветхозаветному писанию в совершенстве, – и не только Писанию, но и рукоделию хорошо научилась, как говорит о том святой Епифаний:

– Она отличалась силою ума и любовью к учению; не только поучалась в Священном Писании, но и упражнялась в прядении шерсти и льна и в шитье шелком. Благоразумием своим Она удивляла всех; занималась преимущественно такими трудами, которые могли бы быть потребны священникам в служении при храме; рукоделью этому Она так научилась, что им могла впоследствии, при Сыне своем, добывать себе пропитание; Она своими руками сделала Господу Иисусу хитон, не сшитый, но весь тканый.

Пречистой Деве (говорит тот же Епифаний), как и другим девицам, обычная пища подавалась от храма; но ее съедали нищие и странники, ибо Она, как воспевает Церковь, питалась хлебом небесным. Святый Герман говорит о Ней, что Она пребывала обыкновенно во Святом Святых, принимая сладкую пищу от Ангела; а святой Андрей Критский[7599] так говорит:

– Во Святом Святых, как в чертоге, Она принимала необычайную и нетленную пищу.

При этом предание присоединяет, что Пречистая Дева часто пребывала во внутренней скинии, бывшей за второю завесой и называемой «Святое Святых», а не в обычном помещении для дев при храме, – потому что хотя ей место для жительства было уготовано в этом помещении, но на молитву не запрещено было ходить во Святое Святых. Пришедши в совершенный возраст, Она, с юных лет научившись священному Писанию и прилежно занимаясь рукоделием, еще больше упражнялась в молитве, и целые ночи и большую часть дня имела обыкновение проводить в молитве. На молитву входила во Святое Святых, для рукоделья же возвращалась в свое жилище, ибо, по закону, нельзя было во Святом Святых что-либо делать или что-нибудь внести туда. И большую часть жизни своей Она проводила в храме, за второю завесою, во внутренней скинии, на молитве, а не в отведенном Ей жилище, за рукодельем. Потому-то всеми учителями Церкви согласно говорится, что Пречистая Дева, до двенадцатого года, всю свою жизнь провела во Святом Святых, так как оттуда редко выходила в свое помещение.

Какова же была жизнь Ее в младшем возрасте, это описал Иероним так:

– Блаженная Дева, еще в детстве и младенчестве своем, когда была при храме с прочими, однолетними Ей девицами, жизнь свою проводила по строгому порядку, от раннего утра до третьего часа дня стояла на молитве; от третьего до девятого упражнялась в рукоделье или чтении книг; от девятого часа снова начинала свою молитву, и не прекращала ее до тех пор, пока не являлся Ей Ангел, из рук которого Она обыкновенно принимала пищу. Так все более и более возрастала Она в любви к Богу[7600].

Такого рода была жизнь Ее в детстве, когда Она еще жила с девами – сверстницами. В то время, как день ото дня Она возрастала и укреплялась духом, совершенствовалась Она и в подвигах и укреплялась в молитве и трудолюбии, восходя от силы в силу, до тех пор, пока не осенила Ее сила Всевышнего. А что являлся Ей Ангел и приносил пищу, это видел своими глазами первосвященник Захария, о чем рассказывает святой Григорий Никомидийский, говоря:

– В то время, как Она, день ото дня, росла, с летами возрастали в Ней и дары Святого Духа, и Она пребывала в общении с Ангелами. Это и Захария узнал; ибо когда он, по обычаю священническому, был в алтаре, то увидел, что кто-то необычайного вида, беседует с Девою и подает Ей пищу. Это был явившийся Ангел; и удивился Захария, размышляя в себе: что это за новое и необычайное явление? Видом подобен Ангелу, и говорит со святою Девицею; бесплотный по образу приносит пищу, питающую плоть, невещественный по природе подает Деве вещественную корзину. Ангельское явление здесь бывает одним только священникам, и то не часто; к женскому же полу, да еще к такой юной Девице, пришествие Ангела, видимое теперь, совершенно необычайно. Если бы Она была из числа замужних, и, одержимая недугом неплодства, молилась о даровании Ей плода, как молилась некогда Анна, я не удивился бы тому явлению, которое вижу, но Девица не просит об этом[7601]; Ангел же всегда, как и теперь вижу, является Ей, отчего я прихожу в еще большее удивление, ужас и недоумение, что будет из этого? Что благовествовать приходит Ангел? И какого свойства приносимая им пища? Из какого

хранилища она берется? И кто приготовил ее? Какая рука сделала этот хлеб? Ибо Ангелам несвойственно заботиться о требованиях плоти; если и многие были питаемы ими, однако, пищу эту приготовляла человеческая рука. Ангел, служивший Даниилу, хотя и мог бы, силою Всевышнего, не через кого-либо другого, а сам собою исполнить то, что ему было повелено, однако, послал для этого Аввакума с сосудами, чтобы не устрашили питаемого необыкновенное видение Ангела и необычная пища. Здесь же к Отроковице приходит сам Ангел, – дело, полное таинственности, относительно которого я недоумеваю; Она в младенчестве сподобилась таких даров, что Ей служат бесплотные. Что это такое? Не на Ней ли сбудутся предсказания пророков? Не Она ли цель нашего ожидания? Не от Нее ли приимет естество хотящий прийти спасти род наш? Ибо тайна эта предсказана еще прежде, и Слово ищет Ту, которая могла бы послужить тайне. И ужели не другая предызбрана послужить этой тайне, а именно: сия Девица, на которую смотрю. Как счастлив ты дом Израилев, из которого прозябло такое семя! Как счастлив ты, корень Иессеев, из которого произошла эта ветвь, имеющая произвести миру цвет спасения! Как счастлив и я, наслаждающийся таким видением и приготовляющий эту Деву в невесту Слову.

Это слова Георгия Никомидийского. Подобно ему говорит Иероним:

– Каждый день посещали Ее Ангелы, и если бы меня спросил кто-нибудь: как Пречистая Дева проводила там время юности, – я отвечал бы: сие известно Самому Богу, да Архангелу Гавриилу, неотступному Ее хранителю, с прочими Ангелами, часто приходившими к Ней и с любовию беседовавшими с Нею.

Пребывая таким образом с Ангелами во Святом Святых, Пречистая Дева пожелала вечно жить в Ангельской чистоте и невредженном девстве. По свидетельству святых учителей: Григория Нисского, Иеронима и других, Дева сия – первая обручила свое девство Богу, ибо в Ветхом Завете необычно было девам не вступать в брак, так как супружество было в большем почете, чем девство[7602]. Пречистая же Дева первая в

мире предпочла девство супружеству и, уневестившись Богу, служила Ему чистым девством своим день и ночь. Пресвятой Дух, благоволением Бога Отца, готовил в Ней вместилище Богу-Слову. Да будет же Пресвятой, Единосущной и Нераздельной Троице слава и благодарение; Пречистой же Владычице нашей Богородице, Приснодеве Марии, честь и хвала от всех родов вовеки. Аминь[7603].

Тропарь, глас 4:

Днесь благоволения Божия предображение, и человеков спасения проповедание, в храме Божии ясно Дева является, и Христа всем предвозвещает. Той и мы велегласно возопиим: радуйся, смотрения Зиждителева исполнение.

Кондак, глас 4:

Пречистый храм Спасов, многоценный чертог и Дева, священное сокровище славы Божия, днесь вводится в дом Господень, благодать совводящи, яже в Дусе Божественном, Юже воспевают Ангели Божии: сия есть селение небесное.

Страдание святой мученицы Кикилии и с нею святых мучеников Валериана, Тивуртия и Максима

Память 22 ноября

Святая дева Кикилия[7604] родилась в Риме от почтенных и богатых родителей. Услышав Евангельскую проповедь, она уверовала во Христа и, возгоревшись сердечною к Нему любовью, положила в уме не выходить замуж и соблюсти чистым девство свое ради Непорочного Жениха – Христа Бога. Но родители ее, против ее воли, обручили ее с одним благородным юным язычником, по имени Валерианом, и стали заставлять ее ходить в драгоценных одеждах и золотых украшениях. Но она носила под драгоценною одеждою на теле жестокую власяницу, а в сердце – Христа и постоянно горячо молилась Ему, чтобы Он Сам, как благоугодно будет Ему, сохранил ее чистою, непорочною и свободною от брачного союза. Когда же наступил день свадьбы и началось свадебное веселье, она, вздыхая из глубины своего сокрушенного сердца, тайно взывала к Господу: «Да будет сердце мое непорочно в уставах Твоих, чтобы я не посрамился» (Пс. 118:80).

И усердно, со слезами, молила Его послать для охранения ее девства Своего Ангела. При наступлении ночи, новобрачные были введены в брачную комнату, и Кикилия сказала своему жениху:

– Я хочу, любезный юноша, объявить тебе некую тайну: у меня есть невидимый тобою хранитель моего девства – Ангел Божий, и если ты коснешься меня, то он тотчас убьёт тебя, ибо он стоит здесь, готовый защитить меня от всякого насилия.

Услышав это, Валериан почувствовал страх, так как при Кикилии действительно невидимо был Ангел, посланный с неба охранять невесту Христову от союза с языческим юношей. Он начал умолять Кикилию показать ему Ангела. Девица отвечала:

– Ты – человек, незнающий истинного Бога, и потому не можешь и видеть Ангела Божия, пока не очистишься от нечистоты твоего язычества.

– Но как же, – спросил Валериан, – могу я очиститься?

– Есть один старец, – отвечала она, – по имени Урван, епископ христианский: он может очищать язычников крещением и делать их способными видеть Ангелов. Если хочешь очиститься и увидеть Ангела Божия, то иди к нему и расскажи ему все, что ты от меня здесь слышал; и, когда он очистит тебя, тогда возвращайся сюда, и ты увидишь Ангела и получишь от него, чего пожелаешь.

– Но где же мне искать этого старца? – спросил Валериан.

– Ступай, – отвечала Кикилия, – по Аппиевой дороге[7605] и, когда встретишь по пути нищих, скажи им: Кикилия, желая передать через меня одну тайну старцу Урвану, послала меня к вам, чтобы вы отвели меня к нему.

Валериан пошел и на Аппиевой дороге, согласно с словами своей обрученницы, встретил нищих, которым святая Кикилия была хорошо знакома, так как часто раздавала им милостыню: они привели его к епископу Урвану, скрывавшемуся от гонителей по гробам, пещерам и разоренным бедным храмам. Когда Валериан передал ему слова святой Кикилии, епископ весьма обрадовался и, преклонив колена и воздев руки к небу, со слезами произнес:

– Вот какова раба Твоя, Господи Иисусе, подобно пчеле приносящая мёд в церковь! Юношу, которого она приняла подобным льву, она прислала ко мне, как покорного ягнёнка, так как если бы он не верил ее словам, то и не пришел бы ко мне. Итак, отверзи, Господи, сердце его к познанию истины до конца, – да познает он Тебя, Истинного Бога, и да отречется от сатаны и дел его.

Когда он молился так, внезапно явился старец, почтенный видом, одетый в белые, как снег, одежды и державший в руке книгу; ставши пред Валерианом, он открыл книгу для чтения. Валериан, устрашенный этим видением, пал на землю, но явившийся старец поднял его и сказал:

– Читай, сын мой, то, что написано в этой книге, и ты сподобишься быть очищенным и увидеть Ангела, которого обещала показать тебе твоя обрученница.

Валериан посмотрел в книгу и прочел следующие написанные золотом слова: «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф.4:5–6).

Когда Валериан прочел эти слова, явившийся старец спросил его:

– Веруешь ли, чадо, что это – истина, или всё еще сомневаешься?

Валериан громко ответил:

– Поистине, под небесами нет ничего более достоверного, чем эти слова.

И тотчас явившийся стал невидим, а епископ Урван, начав с прочтенных Валерианом слов, достаточно научил Валериана и, окрестив его, отослал к его святой обрученнице.

Валериан, возвратившись к себе, нашел святую Кикилию в ее покое на молитве, а при ней увидел стоящего Ангела Божия, сиявшего великим светом и красотою; в руках Ангел держал два венка, сплетенные из красных роз и белых лилий и испускавшие необычайное благоухание; один венок он надел на голову девицы, а другой на голову Валериана, говоря:

– Сохраните эти венки, оставаясь оба чистыми сердцем и непорочными телом, – я принес их вам из рая и они имеют такое чудесное свойство, что никогда не увянут и не потеряют своего благоухания и никто, кроме любящих, подобно вам, чистоту, не может увидеть их. Ты, Валериан, согласился с решением твоей обрученницы сохранить чистоту: за сие Бог послал меня к тебе, чтобы ты получил всё, чего у Него ни попросишь.

– У меня нет никого в этом мире дороже брата моего Тивуртия, – отвечал, поклонившись Ангелу, Валериан. – Поэтому, молю Господа, чтобы Он избавил брата моего от погибели и власти диавола, как избавил меня, обратил его к Себе и дал обоим нам быть совершенными в деле исповедания Его святого имени.

Ангел с радостным лицом сказал ему:

– Угодно Богу прошение твое, и Он исполнит твое сердечное желание: Он спасет брата твоего Тивуртия через

тебя, как спас тебя через девицу, и вы оба вместе пойдете на подвиг мученический.

Сказав сие, Ангел стал невидим, а Валериан с святою Кикилиею радовались во Христе и проводили время в душеполезных беседах.

В это время однажды приходит к ним Тивуртий и говорит:

– Удивляюсь: я слышал здесь благоухание роз и лилий, но откуда же это благоухание, которым я так усладился, что чувствовал всего себя как бы обновленным?

– Ты и действительно наслаждался благоуханием, любезный брат, – отвечал Тивуртию Валериан, – ибо я молил о тебе Бога, чтобы и ты сподобился неувядаемого венца и возлюбил Того, Чья кровь подобна цвету роз, а плоть – белым лилиям.

– Во сне я слышу это, или ты говоришь правду? – воскликнул Тивуртий.

– До этих пор мы жили действительно как во сне, – отвечал Валериан: мы поклонялись ложным богам и нечистым бесам, а теперь живем в истине и благодати Божией.

– Кто научил тебя сему? – спросил Тивуртий.

– Меня научил Ангел Божий, – отвечал Валериан. – И ты так же будешь в состоянии видеть его, если очистишься от идольского осквернения.

Тивуртий пожелал увидеть Ангела, но Валериан сказал, что необходимо сначала уверовать во Единого истинного Бога и принять святое крещение, а потом уже возможно будет и ожидать явления Ангела, а святая Кикилия взяла на себя обучение Тивуртия истинам Христовой веры и доказывала ему – с одной стороны ложность языческих богов и бессилие неодушевленных идолов, а с другой – силу и всемогущество истинного Бога Господа нашего Иисуса Христа. И Богомудрые беседы святой девицы возымели такую силу над Тивуртием, что он совершенно оставил язычество и однажды сказал Кикилии:

– Я верую, что нет иного Бога, кроме христианского, и отныне хочу служить Ему Единому.

Слыша это, Кикилия рада была несказанно и еще усерднее стала поучать Тивуртия, повествуя ему о воплощении Сына

Божия, о Его чудесах, вольных страданиях и смерти, которую Он понес из любви к человеческому роду. А Тивуртий со своей стороны всё более умилялся сердцем и разгорался любовью к Господу. Видя теплоту его веры, девица сказала ему:

– Если ты веруешь в Господа нашего Иисуса Христа, то ступай вместе с братом своим к нашему христианскому епископу и прими от него святое крещение: тогда, очищенный от грехов, ты будешь достоин узреть Ангела.

Тивуртий, взглянув на брата, спросил его:

– К кому ты хочешь меня вести?

– Мы пойдем к человеку Божию Урвану, – отвечал Валериан. – Он – епископ христианский, человек старый, мудрый и праведный; лицо у него, как у Ангела и все слова его – истинны.

– Не о том ли Урване говоришь ты, – продолжал Тивуртий, – относительно которого я слышал, что он два раза был осуждаем на смерть и теперь где-то скрывается, спасаясь от смерти? Но, ведь если мы пойдем к нему, и если ищущие его смерти застанут нас у него, то непременно убьют и нас.

На этот вопрос Тивуртия отвечала святая Кикилия. Она начала говорить ему о вечной, никогда уже ничем невозмущаемой жизни на небесах и о воздаянии святым мученикам, понесшим смерть за Христа.

Тогда Тивуртий, возгоревшись желанием пострадать за веру, сказал:

– Пусть люди, лишенные ума, любят эту кратковременную жизнь, а я желаю жизни вечной: веди же меня, брат, к епископу и пусть он очистит меня и сделает причастником жизни вечной!

Валериан повел брата к епископу Урвану, которому и рассказал всё. Обрадованный обращением Тивуртия, Урван принял его с любовью, окрестил и до семи дней оставил его у себя, пока не научил его вполне всем тайнам святой веры.

После крещения Тивуртий сподобился такой благодати, что видел святых Ангелов и беседовал с ними и получал от Бога всё, о чем ни просил. Много чудес творил он вместе с братом, исцеляя, больных. Имение же свое они раздавали неимущим христианам, сиротам и вдовам, выкупали из темниц узников и с

честью погребали тела святых мучеников за Христа, которые в то время были убиваемы во множестве.

Начальник города, по имени Алмах, по приказу императора беспощадно проливавший кровь христиан, предавая их мучениям и смерти, узнавши обо всем этом от своих доносчиков, велел немедленно схватить и привести Тивуртия и Валериана к себе.

– Зачем вы бесчестите свой высокий род, – спросил он их, – и погребаете тех, которые были убиты, по императорскому повелению, за многие преступления, и раздаете имение свое людям, от которых все отвернулись? Ужели и вы держитесь одинакового с ними заблуждения и хотите быть тем же, что и они?

– О если бы, – отвечал Тивуртий, как старший, – Бог сподобил нас быть причтенными к числу рабов Его, которые отвергли то, что, кажется, существует, и чего на самом деле нет, и взамен нашли то, чего, по-видимому, нет и что в действительности существует.

– Что это такое, – спросил его начальник, – что, по твоему, кажется существующим, а на самом деле не существует? Я не понимаю, что ты говоришь.

Тивуртий растолковал ему, что всё, что имеет в себе и показывает и обещает дать людям этот временный мир, который только представляется чем-то существенным, а на самом деле – ничто, ибо гибнет в короткое время; будущей же жизни, по мнению людей, привязанных к миру, не будет вовсе, так как они ее не видят; а между тем она есть и без всяких перемен будет вовеки, и в ней людям праведным и верующим будет щедрая награда, а злым и неверным – огонь и вечные мучения.

Начальник вступил с ними в продолжительную беседу и выслушал от них благодатное учение о святой вере и отречении от мира, но не согласился с этим учением и велел им принести жертву языческим богам. Когда же они отказались повиноваться его приказанию, он велел жестоко бить Валериана палками; но святой во время истязания радовался, говоря:

– Вот настало время, которого я желал всем сердцем, вот – мой праздник, вот – день веселия для меня.

В это время глашатай кричал:

– Не унижай богов и богинь!

Но и Валериан громко взывал к окружавшим:

– Мужи, граждане римские! Пусть мои муки не отвращают вас от истины, будьте мужественны и разбейте деревянных и каменных богов, ибо все поклоняющиеся им будут опаляемы вечным огнем.

Между тем к начальнику города подошел один вельможа, по имени Тарквиний, и тихо сказал ему:

– Если ты не предашь этих христиан смерти как можно скорее, то всё имение их будет роздано их единоверцами нищим, а тебе не останется ничего.

Выслушав Тарквиния, начальник города приказал вести мучеников на место, называвшееся Паг, мимо капища Юпитера[7606], где они должны были принести ему жертвы под угрозою, в случае нежелания, смерти от меча. При этом вместе с палачами и воинами он отправил своего постельничего, по имени Максима, для того чтобы усекновение мучеников совершено было под его присмотром. Но во время пути Максим, глядя на святых страстотерпцев, прослезился и воскликнул:

– О драгоценный цвет юности! О союз братской любви! О прекрасная двоица благородных и досточтимых юношей! Почему вы так спешите на смерть, как будто на великий пир?

– Если бы мы, – отвечал ему святой Тивуртий, – не знали наверное о вечной жизни, которая ожидает нас после этой смерти, то не радовались бы так, лишаясь жизни временной.

– Какова же – жизнь, будущая после земной? – спросил Максим.

Тивуртий отвечал:

– Как плоть наша облекается в одежды, так душа покрывается телом, а по смерти – плоть обратится в прах, – хотя и оживет, подобно птице фениксу[7607], когда придет время, – а душа, – если окажется святою и праведною, тотчас будет

отнесена (Ангелами) в райские чертоги и там, пребывая в радости, будет ожидать всеобщего воскресения.

– И я также, – сказал тогда Максим, приведенный в умиление словами Тивуртия, – отрекся бы от этой временной жизни, если бы наверное узнал, что я удостоюсь той жизни, о которой ты говоришь.

– Если ты хочешь удостовериться в вечной жизни, – обратился к нему Валериан, – то дай нам обещание, что ты искренно покаешься и, отрекшись от язычества, обратишься к Богу, Которого мы проповедуем; а мы обещаем тебе, что как только мы будем усечены и души наши разлучатся с телом, тотчас же Бог откроет очи твои и ты увидишь даруемую нам славу вечной жизни.

Максим дал клятвенное обещание:

– Пусть я сгорю в огне, – сказал он, – если с того же времени не уверую в Единого Бога, подающего вечную жизнь после сей временной, – только бы вы исполнили свое обещание.

– Так вели же своим слугам, – сказали святые, – чтобы они не препятствовали нам зайти на короткое время в твой дом, а мы постараемся призвать к тебе такого человека, который просветит твою душу, так что ты будешь в состоянии ясно увидеть обещанное нами.

Максим с радостью ввел их в свой дом, так как никто из сопровождавших их не смел ему ни в чем прекословить. Здесь святые начали спасительную проповедь и учили вере в Господа нашего Иисуса Христа; все, бывшие в доме, внимательно слушали их до самой ночи и уверовали – Максим со всем своим домом и многие из стражей. Ночью пришла к ним святая Кикилия вместе с клириками, и все уверовавшие были крещены. Ночь они провели в молитве и беседе о вечной жизни, а когда начало светать, святая дева сказала страстотерпцам Христовым:

– Будьте мужественны и неустрашимы, воины Христовы! Вот уходит ночная тьма и начинает сиять свет: облекитесь и вы в оружие света и выходите совершить свой подвиг. Вы подвизались добрым подвигом, соблюли веру, – идите же

принять «венец правды» (ср. 2Тим.4:8), который воздаст вам Господь.

И святые поспешно пошли к названному месту. Когда они проходили мимо храма Юпитера, жрецы его стали принуждать их воскурить фимиам на жертвеннике бога, так как без этого никто не смел проходить мимо этого храма; всех входивших в город и выходивших из него жрецы останавливали и заставляли принести означенную жертву Юпитеру. Но святые не только не послушались жрецов, но еще и посмеялись над их безумием и за то были немедленно усечены мечом.

Как только совершилась казнь, Максим под клятвою засвидетельствовал пред всеми, что он видит Ангелов Божиих, сияющих как солнце, которые, выведши души святых из телес, как каких-либо прекрасных девиц из чертога, возносят их в высокой славе к небесам. Вследствие этого, многие из язычников уверовали во Христа. Начальник же города, узнав, что Максим принял христианскую веру, приказал бить его без милосердия лозами, под которыми Максим и предал душу свою Господу, а тело его взяла святая Кикилия и погребла вместе с телами мучеников Тивуртия и Валериана. На гробе святого Максима она, желая обозначить, что он уверовал в будущее воскресение мертвых, как в нечто подобное возникновению феникса из пепла, приказала изобразить эту птицу.

Предав смерти Тивуртия и Валериана, начальник города думал воспользовался их имуществом, но такового не оказалось, так как святая Кикилия успела уже все раздать нищим, почему и была схвачена, по приказанию градоначальника, его служителями. Когда последние пришли к святой, она сказала им:

– Послушайте меня, мои сограждане и братья! Хотя вы и слуги градоначальника, но думается мне, что в душе не хвалите вы его неверия. Я желаю пострадать и умереть за Христа моего, так как не дорожу нисколько краткою земною жизнью, а ищу жизни вечной: чтобы скорее мне перейти к ней, возьмите меня, мучьте, не щадя моей юности, и предайте смерти.

Слушавшие ее весьма сожалели о том, что такая прекрасная, благородная и мудрая девица желает себе смерти,

и упрашивали ее не губить добровольно своей красоты. Но она сказала им:

– Я не гублю своей цветущей юности, а только меняю ее на лучшее, отдаю грязь за золото, глину за драгоценные каменья, земную телесную темницу за светлосияющие небесные чертоги. Разве плоха такая мена? Желаю такой же и вам.

Долго еще она говорила им о награде, ожидающей праведников, так что все слушатели ее были растроганы, а их, как мужчин, так и женщин, собравшихся в ее доме, было великое множество. Наконец, святая громким голосом спросила их:

– Веруете ли, что всё, что я говорю – истинно?

И все, как один человек, ответили:

– Да, веруем и исповедуем, что Христос, Которого ты проповедуешь, есть истинный Бог, а ты – истинная раба Его.

Обрадованная до глубины души этим ответом, святая дева сейчас же послала за епископом Урваном, и он, прибывши в ее дом, крестил до 400 душ мужчин и женщин, уверовавших во Христа. И дом Кикилии соделался церковью Божиею.

Затем градоначальник Алмах велел представить праведную рабу Христову на суд и, допросив ее о ее вере, услышал от нее дерзновенное исповедание имени Христова.

– Откуда у тебя такая смелость? – спросил он ее с гневом.

– От доброй совести, – отвечала святая, – и от непоколебимой веры.

– Разве ты не знаешь, несчастная, – возразил Алмах, – что я имею от императоров право над жизнью и смертью граждан?

– Ты лжешь, – отвечала святая, – говоря, что имеешь власть над жизнью: тебе следовало сказать, что ты имеешь власть только умертвить, а не даровать жизнь, потому что ты можешь убить, но не можешь оживить.

– Принеси жертву богам, – настаивал судья, – и отрекись от Христа, и ты будешь освобождена.

Но святая объявила, что она готова умереть за Христа. Тогда мучитель велел отвести ее домой и там заморить в жарко натопленной бане. Три дня и три ночи морили ее жаром и дымом, но благодать Божия прохлаждала и оживляла ее. Узнав

о том, что мученица столько времени остаётся в накаленной бане живою, Алмах велел ее там же обезглавить мечом. Палач, явившись к ней, три раза ударил ее мечом в шею, но не отсек головы совсем и, оставив ее там, ушел. Верующие губкою и платом собрали кровь ее, и святая прожила еще три дня, рассуждая совершенно здраво и утверждая окружавших ее христиан в вере, и, наконец, во время молитвы предала дух свой Богу и была с честью погребена верующими.

Память святых Апостолов Филимона, Архиппа и Апфии

Память 22 ноября

Святые Апостолы Филимон, Архипп и Апфия были обращены в Христианство святым Апостолом Павлом и пострадали за Христа от греков-язычников, в царствование императора Нерона[7608], в городе Колоссах[7609]. Когда они однажды находились вместе с другими христианами в молитвенном собрании, язычники неожиданно напали на них. Все находившиеся в собрании, кроме Филимона, Архиппа и Апфии, разбежались, а их троих схватили и привели к Артоклису, житохранителю ефесскому[7610].

Сначала жестоко били Архиппа, причем проходившие, даже дети, кололи его по всему телу ножами. Затем без милосердия был истязуем святой Филимон и побит камнями. Точно так же была побита камнями и святая Апфия.

Так, в мучениях, святые угодники отошли ко Господу[7611].

Кондак, глас 2:

Яко звезды всесветлыя просвещающыя концы, Апостолы Христовы восхвалим, Филимона славнаго и Архиппа священнаго, и Онисима, и Марка, и Аполлоса, с нимиже и Апфию всемудрую, вопиюще: молите непрестанно о всех нас.

Память праведного Михаила Воина[7612]

Память 22 ноября

Святой Михаил жил в царствование Михаила III [7613]. По своему происхождению он был болгарин и родился в городе Потуке[7614], принадлежавшем тогда царству греческому. Знатные родители Михаила принадлежали к числу первых христиан болгарских; таковым же христианином с детства был и Михаил, которого родители и знакомые называли: *святое дитя,* за его благочестие. С младенческих лет он отличался чистотою жизни, всегда имел в сердце своем страх Божий, пребывал в посте и молитве, подавал милостыню нищим и посещал больных, украшаясь кротостью и смирением и всякими добродетелями.

По достижении двадцатипятилетнего возраста, Михаил поступил в военную службу и начальствовал над значительным военным отрядом.

В то время поднялись войною на царство греческое Эфиопляне и Агаряне, то есть, Арабы магометанской веры[7615], и направились к столице греческого царства. На защиту отечества выступило большое греческое войско и встретилось с многочисленными войсками агарянскими. Видя, что Эфиопляне и Агаряне превосходят силою и готовы одолеть, Греки бежали в горы и скрылись в безопасных местах.

В греческом христианском войске находился и Михаил Воин со своим отрядом. Он не испугался неприятеля, не обратился в бегство, а непрестанно укреплял и ободрял своих людей. Увидя всеобщее бегство Греков, он прослезился и, пав ниц на землю, молился Господу Богу о спасении христиан. По окончании молитвы, он со своим отрядом неудержимо устремился на неприятелей и врезался в самую средину Эфиоплян и Агарян, жестоко поражал врагов без вреда для себя и для своего отряда. В то же время на помощь христианским воинам внезапно поднялась гроза: молнии и громы поражали и устрашали врагов, так что они все обратились в бегство. С помощью Божиею, Михаил разогнал всех врагов, сам же и отряд его остались совершенно невредимыми.

Возблагодаривши Бога за дарованную победу, Михаил распустил свое войско и сам с немногими слугами отправился в обратный путь на свою родину. Во время этого путешествия совершилось следующее чудо.

Михаил остановился в одном месте[7616] для отдыха. Там находилось большое озеро, из которого выходил чудовищный змей и поедал людей и скот.

Один из слуг Михаила увидал с места остановки вблизи озера дым и, наскоро взяв припасы для пищи, пошел туда, где был дым. Там он увидел девицу, которая сидела в слезах и чего-то ожидала. Слуга стал расспрашивать ее и так заслушался ее повествованием о страшном змие, что на огне пригорела та пища, варить которую он пришел. Когда слуга вернулся к своему господину, то Михаил Воин спросил его, почему он замедлил и отчего пригорела пища. Тогда слуга подробно рассказал всё, что видел и что слышал от девицы о змие.

Святый Михаил, выслушав рассказ, решил пойти туда и стал звать своих слуг, но они, убоявшись, отказались идти со своим господином. Тогда Михаил, помолившись Господу Богу и, осенив лице свое крестным знамением, сел на коня и поехал к озеру, взяв только одного старейшего слугу.

Прибывши на место, он стал расспрашивать девицу, зачем она прибыла на это место.

Девица уговаривала сначала Михаила Воина удалиться, чтобы не быть съеденным чудовищным змеем, но, по настоянию святого, рассказала об установившемся в городе обычае по очереди отдавать детей на съедение змию.

Изумленный рассказом девицы, Михаил приказал своему слуге отойти с конем и ожидать вдали, а сам пал на землю и стал молиться Господу Богу. Когда святой окончил молитву и встал, среди озера появился змий и, поднявши высоко голову и ударяя хвостом по воде, стал приближаться к берегу, раскрывши три свои пасти. Святый взял щит и меч и отсек лукавому три головы, с которыми он показался. Змий же, свернувши хвост, ударил святого в правую щеку и левую руку и

причинил ему рану. Михаил упал без сознания, но скоро очнулся и встал.

Слуга Михаила, видя такое чудо, поспешил в город и сообщил о происшедшем. Граждане вышли из города и торжественно встретили избавителя, а девицу вручили ее родителям.

Итак, Богу угодно было прославить Михаила Воина таким же чудом, какое совершено было древле святым Георгием Победоносцем.

После этого, дав наставление гражданам твердо держаться христианской веры, Михаил Воин продолжал свой путь и возвратился в свой дом. По прошествии недолгого времени, он с миром предал блаженную душу свою Господу.

При гробе святого Михаила стали совершаться многие знамения и чудеса и исцеления от болезней приходивших с верою к его гробу.

Спустя много лет, во времена второго Болгарского царства, болгарский царь Калоиоанн, воюя в пределах греческого царства, столица которого тогда занята была латинянами, занял город Потуку и решил перенести мощи святого Михаила Воина в свою болгарскую столицу, город Тернов. Болгарский патриарх Василий, услышав о приближении святых мощей, вышел со всем своим духовенством и гражданами на встречу святых мощей с крестным ходом, свечами и кадилами. Болгарский царь и патриарх взяли святые мощи на свои плечи и своими руками отнесли и поставили в соборном кафедральном патриаршем храме[7617].

Память святого мученика Прокопия

Память 22 ноября

Святой Прокопий был родом из Иерусалима. Он строго относился к своей жизни и украшал себя многими добродетелями. Назначенный на должность чтеца церкви Кесарийской[7618] и, имея дар разумения Писаний, Прокопий изъяснял верующим Слово Божие. Кроме сего, он занимался переводом Священного Писания на сирский язык и исцелял при жизни одержимых недугом беснования, изгоняя бесов.

Однажды, путешествуя в Скифополь, он читал слово Божие в церквах христианских и соединял с чтением толкование. Когда о святом Прокопии услышал правитель Кесарии, то приказал схватить его, как христианина. В это время было гонение на христиан[7619]. Правитель Кесарийский потребовал от святого Прокопия, чтобы он принес жертву языческим идолам и воздал поклонение четырем царям, правившим тогда в империи[7620]. Но святой дерзновенно ответил на это:

– Христиане не должны почитать и поклоняться многим богам и владыкам. У нас только один Владыка, один Царь и Господь, Творец и Создатель всего.

Услышав это, правитель Кесарийский исполнился ярости на святого и приказал мечом отсечь ему голову. Так святой Прокопий окончил земное поприще и кратким путем возведен был к небу, получив мученический венец от Христа Бога.

Память святого мученика Менигна

Память 22 ноября

Святой Менигн был родом из города Парии, Геллеспонтской области[7621]. По ремеслу своему он был белильщик, занимался мытьем и чисткой одежд и холстов. Во время этих занятий при реке святой Менигн дважды слышал голос с неба, призывавший его на подвиг ради имени Христова. Это было в царствование жестокого гонителя христиан Декия[7622].

По приказанию царя, в городе, где проживал Менигн, было схвачено множество христиан, коих обрекли на мучение и заточили в темницу. Когда врата темницы были запечатаны и охранялись воинами, Ангел Господень явился узникам в темнице. Сняв оковы с узников, Ангел отпустил их из темницы на свободу невредимыми.

Мучители, хватившись узников и не нашедши их в темнице, спрашивали о них у стражников, но и воины ничего не могли сказать, так как ворота оставались запечатанными. Язычники пришли в смущение, а от воинов распространилась по городу весть, что Иисус Назорей ночью, пришедши в темницу, вывел заключенных. Язычники, ослепленные злобою, разыскивали христиан. Верующие же, укрепляемые бывшим им знамением, готовились с радостью к страданиям.

Святый Менигн, слыша этот рассказ от воинов, воспылал ревностною любовью ко Христу и вспомнил о небесном голосе, звавшем его на подвиг. Недолго раздумывая, он раздал заказчикам данные ему для мытья одежды, и объявил себя последователем Христовым. Он разорвал указ нечестивого царя Декия, повелевавший предавать мукам и смерти всех христиан, если они после убеждений не отрекутся от Христа. После этого Менигн был схвачен и представлен властям. Судья приговорил отрезать персты его, разодравшие царский указ. Когда отрубили ему пальцы, то из них вытекла не кровь, а молоко. После этого, мученика стали уговаривать принести жертву идолам, чтобы избежать ему дальнейших мук и смерти. Но святой мужественно исповедал Христа. Тогда мучитель

приказал без милосердия бить его и мучить. Он был повержен на землю сильными ударами палачей, потом повешен на дереве и строган железом. Однако это не ослабило ревности исповедника Христова. Тогда его сняли с дерева и отсекли главу. В это время из уст святого вылетела к небу чистая горлица. Так, повинуясь небесному призыву, святой Менигн, совершил свой подвиг за Христа, и душа его отлетела к небу, чтобы приять от Господа мученический венец.

Христиане после кончины святого, тайно ночью, пришли на место его мучений и взяли тело его. А глава его, оставленная на месте, обретена была после одним христианином. Святый мученик явился в видении сему христианину, который после видения нашел главу святого, по указанию яркой звезды, сиявшей над ней.

Память преподобного Агаввы

Память 22 ноября

Преподобный Агавва был родом измаильтянин. Оставив свое отечество, родителей и богатства, он последовал за одним иноком, от которого принял монашеский образ. Наставник святого Агаввы отправился вместе с ним к великому подвижнику Евсевию: у него святой Агавва научился пребывать долгое время в молитвенном бодрствовании. По смерти блаженного Евсевия, святой Агавва остался в его келлии и там прожил 38 лет. Он никогда не надевал обуви, на чреслах носил тяжелые вериги; пищею ему служило сочиво, разведенное в воде. В продолжение дня и ночи он большее время проводил стоя и на коленах и совершая служебные молитвословия Всевышнему. От сидения он совершенно отказался: его никто и никогда не видал сидящим. Как подвижник, он представлял пример мудролюбия и послушания. Скончав в таких подвигах свое житие, он с миром почил о Господе[7623].

Житие святого отца нашего Амфилохия, епископа Иконийского

Память 23 ноября

Святой Амфилохий[7624], епископ Иконийский, друг великих вселенских учителей святого Василия Великого и Григория Богослова, был родом из Каппадокии и родился в городе Кесарии. Отец его, называвшийся также Амфилохием, был родной брат блаженной Нонны[7625], матери святого Григория Богослова. Это был муж великого ума и глубоких познаний, с коими соединял красноречие и, при всем этом, еще и добросердечие и благочестие и служил помощью для всех родных и наставником в слове. Заботясь о своих детях, он дал им прекрасное образование и воспитал их в духе христианского благочестия.

Младший сын его, пришедши в возраст, сначала выступил оратором и адвокатом. Но, еще с юных лет, он возлюбил Бога паче всего и потому вскоре, по убеждению святого Григория Богослова, избегая мирских тревог и суеты, удалился в пустыню, где и стал проводить иноческую, строго подвижническую жизнь, усердно служа одному только Богу. Здесь занятиями его были молитвы, чтение Писания и пост. В таком строгом самоумерщвлении и подвигах поста святой Амфилохий прожил довольно долгое время, пока Господь не указал ему другое высшее, святительское, служение, поставив его как бы светильником на свещнице Церкви.

Когда скончался епископ церкви Иконийской[7626], Ангел Господень явился Амфилохию ночью и сказал, чтобы он шел в город и пас духовных овец; но Амфилохий не решился идти. В следующую ночь опять явился ему Ангел и сказал:

– Ступай в город, Амфилохий, и паси овец, которых вручает тебе Бог.

Но Амфилохий и на этот раз не послушал Ангела, думая, что явление его есть обольщение злого духа: «И сатана, – подумал святой, иногда может преобразоваться в светлого Ангела». В третью ночь Ангел, явившись к нему, позвал его:

– Амфилохий! Встань с постели!

Быстро встав, Амфилохий в страхе сказал:

– Если ты – Ангел Божий, станем оба на молитву. Преклонивши главу, Амфилохий начал петь: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея». Но и явившийся пел с ним вместе. Затем Ангел взял его за правую руку и повел в бывшую неподалеку церковь, двери которой сами собою растворились пред ними. Когда они вошли внутрь, Амфилохий увидел яркий свет и множество мужей в белых одеждах, которые взяли его, привели к алтарю и дали ему в руки Святое Евангелие, говоря: «Господь с тобою!» Один же из них, по-видимому, старший, громко провозгласил: «Помолимся все», и потом сказал:

– Святая благодать поставляет брата нашего Амфилохия епископом города Иконии; помолимся за него, чтобы благодать Божия была на нем.

После молитвы все, простившись с Амфилохием, стали невидимы, а сам он стоял, удивляясь чудесному видению и своему странному посвящению во епископы, и молился Богу, поручая себя Его святой воле. Как только начало рассветать, он вышел из церкви и отправился в свою пещеру. И вот, на пути его встретили семь епископов, собравшихся из окрестных городов в Иконию для избрания и поставления епископа этому городу. Им было повеление от Бога отыскать черноризца Амфилохия. Вышедши из Иконии, они всюду искали его и, встретив, наконец, его, спросили:

– Не ты ли Амфилохий? Говори нам правду, ибо всякая ложь – от лукавого.

– Я – грешный Амфилохий, – смиренно ответил он им. Они с честью повели его в храм, чтобы хиротонисать, но он сказал им:

– Если Бог благоволил, чтобы я, недостойный и грешный, был указан вам для избрания в епископы, то не должно уже мне скрывать и умалчивать далее о Его чудесных делах, напротив, мы непременно должны объявить о них и за всё воздать славу Богу.

И святой Амфилохий рассказал им всё с самого начала о том, как он ночью в видении был посвящен во епископы. Выслушав его, епископы изумились и возблагодарили Бога за чудесное посвящение Амфилохия и уже не осмелились вторично посвящать его, но, поклонившись ему с почтительностью и с любовью облобызав его, посадили его прямо на архиерейском престоле (в царствование Валентиниана и Валента[7627]).

Довольно долгое время пас святой Амфилохий стадо Христово: он прожил до времен императора Феодосия Великого и его сыновей. Как учитель веры православной, он боролся против ереси Ария[7628], претерпел много притеснений и обид от еретиков, был сподвижником святых отцов, восставших против богохульства Евномия, и на втором Вселенском соборе много подвизался против духоборца Македония[7629] и сторонников того же Ария. За свою ревность о благочестии и добродетельную жизнь он был прославляем повсюду и пользовался любовью святых отцов, особенно – святых Василия Великого и Григория Богослова, которые считали его своим близким другом и были с ним в переписке[7630].

В царствование Феодосия Великого[7631] святой Амфилохий явился однажды к императору и умолял его уничтожить во всех городах молитвенные собрания ариан. Но император не хотел исполнить его просьбы, чтобы не явиться притеснителем в глазах народа. Тогда Амфилохий, молча, ушел из дворца, но через несколько дней опять пришел туда и, благодаря своей мудрости, сделал нечто, достойное воспоминания. Он поклонился царю, сидевшему на престоле, отдав ему должную честь, и почтительно приветствовал его, а на сына его Аркадия, недавно возведенного на царство и сидевшего около отца, не обратил никакого внимания и не оказал ему подобавшей чести. Феодосий, подумав, что Амфилохий забылся, приказал ему отдать должный привет Аркадию.

– Довольно и того, что отдана честь царю, – заметил Амфилохий.

Тогда император-отец сильно разгневался и, не желая позволить непочтения к своему сыну, велел с позором выгнать

святого Амфилохия из дворца.

Святой Амфилохий сказал ему:

– Видишь, царь, как не переносишь ты непочтения к своему сыну и как гневаешься на меня? Так и Бог – Отец не терпит непочтения к Его Сыну, отвращается и не любит хулящих Его и гневается на тех, кто входит с хулителями в общение.

Император понял тогда, почему Амфилохий не воздал чести его сыну, – потому, что хотел показать, что Богу Сыну подобает равная честь с Отцом, – подивился мудрости святого и, встав с престола, поклонился ему и просил у него прощения. Тотчас же Феодосий разослал по всей империи указы об удалении ариан из всех городов, и в случае нужды – силою и угрозами. Так св. Амфилохий очистил церковь Христову от еретиков.

Около того же времени проникла в Ликаонскую область ересь мессалиан[7632]. Святой Амфилохий ревностно защитил церковь свою и от этой заразы. Он обличил еретиков и лично, и силою своего Богомудрого слова, и после того присутствовал на соборе Сидском в Памфилии[7633], где ересь эта была осуждена. В это время святой Амфилохий столько уже преуспел духом, что мог испрашивать своими молитвами исцеление больным.

Достигши глубокой старости, святой Амфилохий с миром почил о Господе[7634].

Кондак, глас 2:

Божественный гром, труба Духа, веры садоделателю, и сечиво ересей, иерарше Амфилохие, Троицы угодниче великий: со Ангелы предстоя присно, моли непрестанно о всех нас.

Житие святого отца нашего Григория, епископа Акрагантийского

Память 23 ноября

Святой Григорий родился на острове Сицилии[7635] в селении Претории, близ города Акраганта[7636] от благочестивых и добродетельных родителей – Харитона и Феодотии. Родители его были люди весьма богатые и щедро благотворили из своего имущества всем нуждающимся.

При крещении младенца Григория восприемником его от купели был блаженный Патамион, епископ Акрагантийский. На восьмом году от рождения Григорий отдан был для научения книгам одному искусному учителю, по имени Дамиану, и в два года прекрасно обучился читать, писать и петь церковные песнопения. На двенадцатом же году он был поставлен епископом Патамионом в клирики и поручен архидиакону[7637] Донату, который должен был руководить его в духовных подвигах и добродетельной жизни. Отрок упражнялся в молитве и целые дни и ночи проводил за чтением Священного Писания и житий святых отцов; отсюда в нем всё более разгоралось желание пойти по стопам тех, о ком он читал.

Когда ему исполнилось 22 года, он вознамерился идти в Иерусалим поклониться святым местам; и он начал горячо молиться Богу, чтобы Он благоустроил путь его. Однажды ночью, когда он спал в доме архидиакона около его постели, кто-то вдруг позвал его:

– Григорий!

Он отвечал: «Я здесь», и, вставши, спросил архидиакона:

– Зачем ты звал меня, господин мой?

– Я не звал тебя, чадо, – отвечал архидиакон.

И Григорий пошел, опять лег и уснул. Но тот же голос во второй раз позвал его, и он опять подошел к архидиакону, спрашивая, зачем тот звал его и опять архидиакон отвечал ему, что он никого не звал; но на этот раз архидиакон, поняв, что Григория зовет Сам Бог, затрепетал от страха и сказал отроку:

– Если еще раз позовет тебя тот же голос, то ты ответь ему: «Что, Господи? Что велишь рабу Твоему»?

Когда Григорий, ушедши от архидиакона, лёг опять на свою постель, голос в третий раз назвал его по имени. Зовущий же был Ангел Господень. Григорий отозвался, как был научен, и Ангел сказал ему:

– Молитва твоя услышана: ступай на морской берег и там найдешь ты людей, которые возьмут тебя с собою к святым местам.

Григорий тотчас встал и, ничего никому не сказавши, ранним утром отправился к морю и, пришедши к берегу, нашел там корабль и спросил корабельщиков, куда они плывут. Они отвечали, что – в Карфаген[7638], и он упросил их взять его с тобою. Все взошли на корабль и через три дня благополучно приплыли к Карфагену.

В Карфагене Григорий пробыл несколько дней, причем часто ходил в церковь святого мученика Иулиана. Когда однажды он находился в этой церкви и занимался чтением Св. Писания, вошли три черноризца, благообразные видом, и начали молиться. По окончании молитвы, один из них сел, а два остальные стали около него. Григорий, увидев их, поклонился им. Инок, который сидел, взглянув на Григория, сказал:

– Что делаешь ты здесь, раб Божий Григорий, избравший благую часть, которая не отнимется у тебя, по слову Господню? (Лк.10:42).

Услышав свое имя, Григорий пришел в ужас и, поклонившись старцу в землю, сказал:

– Прости меня, отче и помолись за меня грешного и нерадивого.

Старец отвечал:

– О если бы я имел твои грехи, сын мой[7639]! Знай, – прибавил он, – что милосердый Бог открыл нам о тебе всё и возрадуйся, ибо Он послал нас взять тебя и проводить до святых мест, как ты желаешь, – мы и сами идем туда же.

Тогда Григорий, в умилении, воскликнул:

– Благословен Бог, устрояющий всё ко благу нашему! Затем все четверо отправились в путь. Дорогою старец, испытывая

Григория, однажды спросил его:

– Чадо Григорий! Не скучаешь ли ты по своим родителям?

– Господь наш сказал, – отвечал Григорий: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10:37). Но всё-таки, отче, будем молиться Богу, чтобы он и родителям моим (утратившим меня) подал благоутешение, и меня, грешного, сохранил бы от вражеских сетей.

После многодневного пути они приблизились к святому граду и зашли в один монастырь, встретившийся по дороге. Между тем наступил пост св. Четыредесятницы, и потому они не пошли дальше, а остались в том же монастыре до Страстной седмицы. Здесь Григорий увидел строгий пост иноков и их бодрствование: многие из них не принимали пищи и не спали всю седмицу. Здесь он увидел людей, живущих подобно Ангелам и беспрестанно славящих Бога, как славят Его на небесах; увидел иноков, проливающих слёзы потоками и весь день и ночь стоящих на молитве, увидел и другие их труды и неимоверные подвиги, и пришел в ужас и бил себя в грудь, восклицая:

– Горе мне! Что же такое – я? Что делать мне, нерадивому, ленивому? Как могу в день суда стать наряду со святыми?!

Но, не желая, однако, совершенно погрузиться в бездну отчаяния, говорил себе:

– Если, как говорит Давид, близ «Близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет» (Пс. 33:19), то Он может спасти и меня, как спас пришедших в одиннадцатый час[7640] и не сделавших ничего достойного награды.

Иноки, видя его опечаленное лицо, утешали его, думая, что он тоскует по своей стороне и родителях.

– Не жалей, чадо, – говорили они ему, – о том, что ты зашел с нами так далеко: мы надеемся, что, при помощи Божией, ты опять возвратишься на свою сторону и увидишь родителей своих живыми.

– У Бога, – отвечал он, – нет чужой страны: всё принадлежит Ему и всюду Он проникает Своим всевидящим

оком. И я не тужу о том, что зашел сюда и не тоскую я о своих родителях, а напротив, радуюсь, что, оставив отца и мать, нашел Бога, заботящегося обо мне. Нет, другая печаль лежит у меня на сердце. Умоляю вас, святые отцы, помолиться о мне, смиренном, Господу.

После этого ответа черноризцы умолкли.

Когда настал праздник Воскресения Христова, путники отправились в Иерусалим и, поклонившись святым местам, пришли за благословением к патриарху – святому Макарию[7641]. Увидев их, патриарх сказал:

– Радуйся о Господе, авва Марк! Откуда привёл ты к нам этого богоугодного юношу Григория.

– Не мы его привели, владыка, – отвечал Марк, – а хотящий всем спастись Господь и твои святые молитвы.

Григорий изумился, что патриарх называет по имени и его, и старца, и обрадовался, что узнал имя старца; до этих же пор, находившись с ними столько времени, он не знал, как зовут – ни старца, ни двух других спутников, а спросить их, откуда они и как их имена, не смел, – до такой степени он был молчалив и нелюбопытен.

Затем патриарх воззрел на двух других иноков и сказал:

– Хорошо, что вы пришли, Серапион и отец Леонтий. Я благодарю Бога, даровавшего вам силы прийти сюда и привести с собою этого отрока, пламенеющего духом, служащего Господу, утешающегося надеждою, постоянного в молитве, как открыл мне о нем Господь.

Сказав это, патриарх отправился в храм служить Божественную литургию, и все путники приобщились Пречистых Таин. А наутро авва Марк с двумя братиями, взяв благословение у патриарха, пошел посетить братию, живущую кругом Сионской горы. Григорий не знал, что они уходят и, оставшись, очень горевал, что отстал от них. Но патриарх, в утешение ему, сказал, что отцы не уйдут в свою страну, не возвратившись сначала в монастырь.

Тогда Григорий, поклонившись патриарху, осмелился спросить его, откуда явились эти три великие мужа. Патриарх отвечал, что они – из Рима. Когда же черноризцы возвратились

в Иерусалим, авва Марк, взяв Григория за руку и, наклонив его к ногам патриарха, сказал:

– Святый отец! И этот – из стада Христова: он примет власть в Церкви и, как веслом, направит ее духовным учением ко благу. А ты, отче, позаботься о нем, дабы он сохранил во всей чистоте свое душевное совершенство и не осквернился греховными помышлениями, свойственными юности.

– Бог избрал его Себе, – отвечал патриарх, – от чрева матери и оградил его страхом Своим: Он же и сохранит его до конца.

Потом, подняв Григория и заметив, что он плачет, патриарх сказал ему:

– Если тебе, дитя мое, нравится здесь, оставайся с нами, – и Господь наш Иисус Христос всё устроит тебе на пользу; если же хочешь идти с ними, то иди с миром.

– Нет, святейший отец, – отвечал Григорий, – я не хочу уходить отсюда, но только молю Бога сподобить меня еще раз в этой жизни увидаться с этими святыми отцами.

Таким образом иноки, испросив у патриарха на дорогу благословения и молитвы, ушли из святого града, а Григорий остался в Иерусалиме при патриархе Макарии.

По пути в Рим авве Марку с Серапионом и Леонтием пришлось плыть мимо Акраганта. Они остановились здесь, приветствовали епископа Патамиона и прожили некоторое время в епископском доме, так как наступил праздник святых Апостолов Петра и Павла. После праздника, когда они уже собирались уезжать и просили у епископа напутственного благословения, к Патамиону пришли из своего селения родители Григория Харитон и Феодотия, чтобы совершить в первый день месяца июля память по своем сыне, так как в этот именно день Григорий покинул родину. Феодотия горько плакала по сыне, и никто не мог ее утешить. Авва Марк спросил епископа:

– О чем, отче, так плачут эти люди?

Епископ, вздохнув, прослезился и ответил:

– У них был единственный сын, которого я принял от святой купели. Когда ему минуло восемь лет, родители привели его ко

мне, а я велел учить его грамоте; и Бог дал ему такие способности, что в два года он научился прекрасно читать, писать и петь в церкви. По двенадцатому году родители посвятили его моими грешными руками Богу, и я поставил его в клирики и поручил своему архидиакону, чтобы последний наставил его на путь заповедей Господних; и отрок сделался настолько сведущим в Священном Писании, что подобного ему и до этих пор не сыщешь во всей Сицилии. И вот мы не знаем, что с ним случилось, куда он ушел? Он внезапно пропал без вести; и долго искали мы его по всему острову в городах и селениях, в горах, пещерах и пустынях, но не могли найти, и не знаем, убил ли его кто-нибудь и зарыл в землю, или же он похищен и уведен на чужую сторону. А теперь всем нам жалко его до крайности, родители же его уже начали совершать поминовение о нем в тот день, когда он исчез.

Между тем авва Марк, вглядевшись в лицо Харитона, догадался, что это – отец Григория, – так как Григорий во всем очень походил на отца, – и сказал плачущим родителям:

– Зачем вы скорбите так безмерно о вашем сыне? Вам, напротив, должно радоваться и благодарить Бога, устрояющего всё на пользу рабам Своим.

И, обратившись к епископу, прибавил:

– Прикажи прийти сюда твоему архидиакону.

Епископ тотчас же велел позвать архидиакона, и, когда тот явился, Марк обратился к нему с вопросом:

– Скажи нам, куда скрылся вверенный тебе отрок и почему ты не откроешь своему господину, епископу, величия Божия, явленного на отроке?

Пораженный этими словами, архидиакон поклонился старцу и просил прощения, а потом начал свой рассказ:

– Когда я спал однажды ночью в своей келье и отрок почивал недалеко от меня, кто-то неожиданно позвал его: «Григорий»! Он, вставши, пришел ко мне и спросил, зачем я его звал. Я ответил ему, что не звал его. Когда он лёг, голос во второй раз позвал его, и он опять пришел ко мне и сказал: «Вот я, зачем ты звал меня»? Тогда я понял, что зов этот не человеческий, а от Бога, и научил его, если голос еще позовет

его, отвечать: «Вот я, Господи: что велишь рабу твоему». Он ушел на свою постель, и я услышал голос, который опять говорил ему: «Григорий! Молитва твоя услышана: ступай на морской берег, и ты найдешь там людей, которые возьмут тебя с собою». Но я, хотя и сам слышал этот голос, однако, не уразумел хорошенько, о чем он говорил, и сейчас же уснул, а наутро, вставши, уже не нашел Григория, и с тех пор поныне он не найден; рассказать же о слышанном мною голосе я никому не посмел, потому что боялся, как бы не сказали, что я лгу, и, не дав веры моим словам, не стали бы говорить, что я сам убил отрока или продал его в чужую землю.

Выслушав архидиакона, епископ и родители утешились в своей печали и возблагодарили Бога, а блаженный авва Марк сказал:

– Вот, как читаем в книге Царств о Самуиле (1Цар.3:3–8), так же было в наши дни и с Григорием: как отрока Самуила, спящего в скинии, Ангел Господень три раза звал: «Самуил, Самуил»! – так удостоился подобного же зова и блаженный отрок Григорий. Воистину он будет равен пророку Самуилу! Теперь послушайте, что я скажу вам о вашем отроке: Когда я был в Риме, то пошел однажды вместе с братиями моими на молитву в храм святых Апостолов Петра и Павла. При наступлении же ночи, мы заночевали у одного инока, и в эту ночь явились мне в видении два светлые мужа, похожие на Апостолов и сказали:

– Встань скорее вместе с Серапионом и Леонтием, сядьте на корабль и плывите в Карфаген: там вы найдете одного странника с острова Сицилии, по имени Григория, из церкви Акрагантийской; возьмите его с собою и проводите в святой град Иерусалим к патриарху Макарию; мы уже поведали и патриарху об этом отроке и велели принять его, так как на нем почивает дух наш, как дух Илии на Елисее.

Сказав это, явившиеся мне стали невидимы. Пробудившись, я вместе с братиями Серапионом и Леонтием пошел на пристань, где, по устроению Божию, нашел корабль, готовый к отплытию в Карфаген. Мы сели на него и вскоре прибыли туда. Сошедши с корабля, мы вошли в церковь святого

мученика Иулиана и здесь нашли Григория читающим книги. Мы взяли его с собою, отправились в Иерусалим и там оставили его у патриарха.

Все слушатели аввы были чрезвычайно удивлены его словами и благодарили Бога, а Харитон и Феодотия от душевного волнения упали на землю в обмороке, но Марк поднял их и сказал:

– Воздайте славу Богу за то, что сын ваш жив и проводит добродетельную жизнь.

И прекратившие свои сетования Харитон и Феодотия вместе с епископом и всеми бывшими вознесли благодарение Богу, а также благодарили и авву Марка за его заботы о Григории и более уже не предавались печали.

Между тем святой Григорий жил в Иерусалиме при святейшем патриархе Макарии и был поставлен им в диакона. Через некоторое время он стал просить патриарха отпустить его на Елеонскую гору[7642] для посещения живших там отцов, и, получив разрешение, провел целый год, посещая доблестных подвижников и получая от них всякую духовную пользу. Потом он задумал отправиться во внутреннюю пустыню[7643], открыл свое намерение отцам и просил их молитв. Они же, помолившись о нем, отпустили его, говоря:

– Ступай, чадо, с миром: вера и любовь, которую ты имеешь ко Христу, спасут тебя.

Спустившись с горы Елеонской, Григорий углубился в пустыню и через три дня, по усмотрению Божию, нашел одного черноризца, молившегося в 6-й час дня. Уразумев духом, что юный Григорий ищет спасения, черноризец подозвал его к себе и спросил:

– Куда ты идешь, чадо?

– Куда поведет по этой пустыне Христос, – отвечал Григорий.

– Пойдем со мной, – сказал инок.

После двадцати дней пути они пришли на одно место, с которого черноризец показал Григорию стоявшую вдали келью с двумя финиковыми пальмами перед нею и сказал:

– в келье той живет великий отец: если хочешь спастись, иди к нему, а мне нужно идти в другую сторону.

И поклонившись друг другу, они разошлись.

Григорий, приближаясь к келлии великого старца, сначала услышал пение многочисленного хора, когда же подошел ближе, – голоса только трех поющих, а приблизившись к двери келлии, убедился, что пел только один старец, который кончал девятый час; но постучаться в дверь Григорий не посмел и в страхе стоял снаружи. По окончании своего правила, святой отец посмотрел за дверь, увидал юношу и, узнав его тотчас же духом, позвал его к себе в келью, называя по имени, отчего Григорий пришел в еще больший страх. Вошедши в келью, Григорий увидел, что, кроме одного старца, там никого не было, и удивлялся, как могло ему слышаться пение многих голосов, когда пел только один старец; отсюда он понял, что вместе со старцем пели святые Ангелы. Он упал старцу в ноги и со слезами просил его:

– Помилуй меня, отче, и помолись о мне грешном, чтобы Бог спас мою душу.

– Бог помилует тебя, чадо, – отвечал старец, – и воздаст тебе за твои труды.

Четыре года жил Григорий у святого старца и много поучился у него как духовной мудрости, так и внешнему обиходу иноческой жизни, изучил толкование богодухновенных Писаний и сделался весьма рассудительным и красноречивым. Старец, видя его разум и добродетель и провидев, что он будет великим светилом миру, не захотел удерживать его более в пустыне и велел ему оставить уединение и выступить на помощь воинствующей Церкви. При этом он предрек Григорию, что он подвергнется многим притеснениям со стороны своих завистников и поучал его быть терпеливым и незлобивым, а затем, помолившись о нем и дав ему благословение, отпустил его от себя.

Ушедши от старца, Григорий опять возвратился в Иерусалим, где с радостью был принят патриархом. Прожив в Иерусалиме один год, святой отправился потом в Антиохию и отсюда, в Константинополь и там жил в монастыре святых

мучеников Сергия и Вакха. Игумен монастыря, видя подвиги и воздержание Григория, который не вкушал пищи целую неделю и всё время занимался чтением и писанием книг, известил о нем патриарха Евтихия.

– Пришел, – говорил он патриарху, – ко мне в монастырь удивительный инок – диакон, прекрасного вида и образа жизни, великий постник, усердный исполнитель всяких иноческих подвигов и отличный знаток Божественных Писаний. Думается мне, что в нынешнее время не найти другого такого во всем Константинополе.

Патриарх весьма обрадовался этому известию и, призвав Григория с почетом, беседовал с ним и, убедившись в его мудрости, благодарил Бога, пославшего такого мужа во время обуревавших Церковь великих волнений еретиков.

Между тем скончался епископ Акрагантийский Феодор, преемник блаженного Патамиона. Среди Акрагантийцев возникли несогласие и раздор: одни желали видеть епископом пресвитера Савина, другие – некоего Крискента, третьи – Павла, бывшего тогда архидиаконом, а иные полагались на волю Господню:

– Кого изберет Господь, тот и да будет нам епископом, – говорили они.

По этому поводу все пресвитеры, городские власти и граждане, собравшись, отправились в Рим к папе; среди них находился и отец Григория Харитон. Явившись к папе, они разделились на три партии: одни – во главе с Савином, другие – с Крискентом, третьи – с Евплом и Харитоном. Первые просили в епископы Савина, вторые – Крискента, а Евпл с Харитоном и остальными говорили папе:

– Кого Бог укажет твоему святейшеству, того и поставь нам епископом.

Папа, видя их несогласие и препирательства, велел им оставить его. И когда он находился в таковом затруднении, ночью в видении явились ему два благолепные мужа в образе Апостолов и сказали:

– Что ты так печалишься о несогласии Акрагантийцев? Все приведенные ими – недостойны епископского сана. Но есть в

Риме один пришлец, по имени Григорий, который до этих пор жил в монастыре святого Саввы, а теперь, услыхав о прибытии Акрагантийцев, убежал из этого монастыря и скрывается в обители святого Меркурия: призови его и поставь им епископом, так как Акрагант нуждается в том, чтобы на епископе его особо почивал Дух Божий.

С этими словами явившиеся исчезли. Папа, пробудившись, призвал к себе пресвитеров и авву Марка, который в это время случайно пришел в Рим из своего монастыря, рассказал им о своем видении и тотчас же послал двух епископов с другими клириками отыскать и с честью привести Григория. Они пошли в монастырь святого Саввы и там спросили, где находится Григорий. Иноки отвечали, что два дня тому назад он ушел в монастырь святого Меркурия. Они отправились туда, но святой Григорий, только что собравшийся выйти из монастыря, завидел идущих епископов издалека и узнал их, – так как ранее видел их на соборе в Константинополе, – и, уразумев духом, что они идут за ним, бежал назад за ограду и скрылся в монастырском саду. Епископы, вошедши в монастырь, расспрашивали о нем, и иноки ответили, что в монастыре в этот день, действительно, был какой-то странник, но они не знают, куда он ушел. Епископы обратились к игумену и настойчиво заявляли ему, что если он не доставит им сейчас же этого странника, то подвергнется тяжелому наказанию. Игумен упросил их немного подождать, а сам стал тщательно искать Григория и, наконец, нашел его в саду скрывшимся в траве. Он с гневом поднял его и бранил, говоря:

– Откуда ты пришел сюда, человече? Какие твои грехи и что ты наделал, что столь почтенные люди тебя разыскивают? Ты навел беду на наш монастырь, – ступай же и давай ответ за свои грехи.

Святый Григорий ничего не ответил и, молча, пошел за игуменом, державшим его за руку. Когда он приведен был к епископам, они тотчас узнали его, – они видели его на соборе, когда все отцы похваляли его и сам император оказывал ему почтение, – и, вставши, поклонились ему и обняли его с любовью. Но он сам упал им в ноги и сказал:

– Простите меня, отцы святые, ибо грешен я. Зачем ищете мою худость, меня, недостойного?

– Святейший отец папа зовет тебя, – отвечали они, – поднимая его с земли и давая ему целование.

Игумен был удивлен и смущен тем, что епископы оказали такое почтение тому самому Григорию, которого он считал каким-то злодеем. Епископы же взяли Григория и с честью повели к папе.

Когда Григорий вошел и поклонился папе в землю, папа сказал ему:

– Ты благовременно пришел к нам, чадо Григорий; благословен Бог, явивший тебя нам.

И вставши, он поцеловал его святительским целованием, а затем продолжал:

– Чадо Григорий! Господь наш Иисус Христос призывает тебя на епископство в церкви Своей в Акраганте, дабы через тебя спаслись живущие там.

– Прости меня, Владыка, – отвечал Григорий. – Я недостоин такого сана.

– Не будь непослушным, – сказал на это папа, – бойся Бога и вспомни, что многие своим непослушанием прогневали Всевышнего.

Тогда Григорий сказал:

– Дай мне немного времени для размышления, честнейший отец, и для окончательного ответа твоему святейшеству.

Папа поручил Григория до времени авве Марку. Увидев авву, Григорий с радостными слезами бросился к его ногам.

– Благодарю Бога, – воскликнул он, – за то, что Он сподобил меня увидеть еще раз в этой жизни тебя, любимый отец мой!

Авва Марк ушел с ним в отдельную комнату, и они всю ночь провели без сна, в духовной беседе. Пред этим Григорий собирался удалиться в Испанию, особенно когда узнал, что отец его Харитон прибыл в Рим. Но Марк удержал его.

– Чадо, – говорил он, – не прогневи Бога и – вместо благословения Его – не навлеки на себя проклятия.

С тех пор Григорий оставил свое намерение. Вскоре папа призвал к себе жителей Акраганта и спросил, согласились ли они, наконец, в выборе себе епископа.

– Мы, Владыка, не знаем, – отвечали те, – что тебе ответить: мы положились на Бога и на твои святые молитвы, и кого укажет тебе Бог, того и дай нам; мы же примем его с любовью.

Папа, присмотревшись к лицу Харитона, догадался, по близкому сходству, что он – отец Григория.

– Пойдем в церковь, – сказал он тогда, – и помолимся Богу, дабы Он указал нам, кого Сам считает достойным.

И вот, когда папа с епископами и всем клиром возносили молитвы в храме святых первоверховных Апостолов Петра и Павла и Григорий находился с ними, явился над святой трапезой летающий голубь и опустился на голову святого Григория. Все благоговейно устрашились при этом неожиданном чуде.

– Вот, Бог явил нам, кого Он избрал достойным епископского сана, – сказал папа, и посвятил Григория в епископа Акрагантийской церкви.

Все граждане Акраганта были рады этому и приняли Григория с любовью, как избранного Самим Богом. И Харитон узнал своего сына и горячо благодарил Бога за то, что Он сподобил его видеть сына живым и еще в таком сане.

Немного дней спустя, Акрагантийцы, получив благословение от папы, возвратились с новопоставленным епископом в свой город. Когда они проходили мимо Панормии[7644], навстречу им вышел епископ этого города с клиром и всем народом и радушно принял их: он наслышался о добродетельной жизни Григория и просил его войти в церковь и преподать благословение народу. Когда Григорий входил в храм, к нему приблизился один монах, жестоко пораженный проказою и громко взывал к нему:

– Помилуй меня, раб Христов, и помолись обо мне Богу, чтобы Он облегчил мне мою тяжкую болезнь.

– Во имя Господне исцелись от твоего недуга, – сказал ему святой.

И инок тотчас исцелился и очистился от проказы, так что тело его сделалось, как у малого ребенка.

Все славили и благословляли Бога, творящего чудеса через Своего угодника.

Григорий с спутниками вышли из Панормии и приблизились к Акраганту. Здесь встретил их игумен пригородного монастыря Пресвятой Богородицы. Когда Григорий вступил в монастырь, к ногам его упал один глухонемой инок; игумен отстранял его от ног епископа, но святой Григорий сказал ему:

– Оставь его, брат: пусть он объяснит нам, что ему нужно.

Игумен сказал:

– Он – юродивый, владыка, и к тому же нем и глух. Святитель вздохнул и воздев руки к небу, совершил молитву, а потом поднял инока с земли и сказал ему:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего бесу глухому и немому выйти из создания Божия, начни говорить, брат, и услышь, и прославь Бога, сотворившего тебе сие!

И тотчас инок начал говорить и громко восклицал:

– Велики дела Твои, Господи, которые ты сотворил ради сего человека!

Святой спросил инока, сколько прошло лет с тех пор, как он уже не говорит.

– Я не помню, владыка, – отвечал исцеленный, – того времени, когда я говорил или слышал.

Игумен сказал тогда за него:

– Вот уже двадцать лет, владыка, как мы его постригли, а пострижен он был восьми лет и до сегодня был глух и нем; теперь же исцелился твоими молитвами.

Всех охватил, при виде чуда, благоговейный страх и все благодарили Бога, давшего им епископа-чудотворца.

В этом монастыре святой Григорий оставался до утра, и на утро отправился в Акрагант. Остававшиеся дома жители города, услыхав, что идет новый епископ, спрашивали друг друга: кто же избран: Савин, Крискент, или Евпл? – и, узнав, что никто из этих трех не удостоен епископства, а избран один странник, именем Григорий, были очень удивлены, а услыхав, что он – чудотворец и уже исцелил глухонемого, прониклись

благоговением. Всё население города вышло навстречу и приняло от него благословение, и он, благословляя, возлагал на всех руки. Вышла, между прочим, и мать его Феодотия вместе с другими пожилыми женщинами, еще не знавшая, что новый епископ – ее сын. Но, взглянув на него, она сейчас же узнала его и сказала:

– Воистину, это – сын мой, который пропадал и нашелся (Лк.15:24).

Григорий же, увидев мать, воскликнул:

– Здравствуй, госпожа Феодотия, мать моя!

– Благословен Бог, – отвечала она с великою радостью – избравший тебя пасти людей Его и сподобивший меня увидеть тебя, милый сын мой!

Затем все с пением вошли в храм. И когда святой Григорий совершал Божественную литургию, некоторые из достойных видели благодать Святого Духа, сошедшую на него в виде голубя и осенявшую его, подобно тому, как это было и при его посвящении. К церкви было принесено множество больных, и святой Григорий возвращал им здравие, возлагая на них руки, так что все изумлялись и говорили:

– Действительно, он подобен святому Григорию, Неокесарийскому чудотворцу.

И была в городе великая радость.

Вступив в управление паствою, Григорий много заботился о нищих, исцелял больных и изгонял бесов. Отец его Харитон почти не выходил из церкви, в посте и молитвах служа Богу день и ночь; точно так же и мать его Феодотия, отложив все житейские заботы, радела только о своем спасении, служила больным и бедствующим от нищеты, питая и одевая их на свои средства. Таким образом, Григорий, вместе со своими родителями, был украшением Церкви Христовой и служил для всех примером добродетельной жизни.

Однажды святой Григорий отправился в город с тем, чтобы посетить больных и нищих, и все жители, у которых только были больные, полагали их по дороге, по которой должен был пройти святой врач, который и исцелял всякие болезни одним прикосновением рук. Между прочим, у пресвитера Савина была

расслабленная дочь, которая лежала на постели и совершенно лишена была сил, так что сама не могла сделать ни одного движения, и уже другие поворачивали ее. Мать ее, услыхав, что епископ пойдет мимо их дома, вынесла ее наружу и положила на пути святого. Когда Григорий приблизился, она с плачем упала к его ногам и сказала:

– Помилуй меня, раб Божий, и умилосердись над моей расслабленною дочерью.

Святый спросил ее, чья она жена. Тогда пресвитер Савин вышел из дома и, поклонившись епископу, сказал:

– Это – твоя раба, господин мой, и моя жена.

– Давно ли болеет ваша дочь? – продолжал епископ.

– Девять лет, владыка, – отвечали они, – как она лишилась сил.

Сотворив молитву, святой осенил девицу крестным знамением и сказал:

– Во имя Иисуса Христа, девица, встань и стань на ноги твои.

И тотчас девица встала совершенно здоровою и воздала благодарение своему исцелителю. Народ же, следовавший за святителем, удивлялся совершавшимся через него чудесам.

Но через несколько лет ненавистник всякого добра – диавол восстал против святого и замыслил лишить его престола через того же самого Савина, дочь которого исцелил святой Григорий, и через упоминавшегося также Крискента. Оба они были пресвитерами в Акраганте и в свое время, как уже упомянуто, каждый из них добивался епископства, почему они и находились во вражде друг с другом. Теперь же они примирились и вместе стали действовать против святого Григория и, подвигнутые диаволом на зависть, говорили между собою:

– Долго ли мы будем повиноваться этому человеку, – волхву, который творит чудеса своими чарами и изумляет простой народ? Или не знаем мы, что когда-то он бежал из нашего города, жил у одного волхва и научился от него волшебству, а теперь, возвратившись сюда, обольщает людей,

утверждая, что он – человек Божий, на самом же деле, он подобен бесу, потому что не ест и не пьёт, как и бес?!

Все эти хулы и клеветы на праведника возводили они из зависти к высокому положению и славе Григория. Они привлекли на свою сторону и некоторых из клириков и граждан и дали друг другу клятву в том, что не успокоются, пока не выживут Григория из города; епископом же вместо него они хотели поставить некоего Елевсия, – еретика, лишенного пресвитерства и преданного Лаодикийским собором[7645] проклятию; он тайно явился в Акрагант и, неведомо для святого Григория, скрывался у одного жителя города, по имени Феодора. Ранее святой Григорий видел этого Елевсия на востоке, имел с ним прение о воплощении Сына Божия и победил его. Этот-то самый Елевсий, во время своего трехмесячного пребывания в Акраганте, сумел возбудить в Савине, Крискенте и некоторых других, зависть и вражду к святому Григорию. Враги Григория, посоветовавшись между собою, подкупили одну молодую жену, по имени Евдокию, красивую лицом, но бесстыдного и развратного нрава, чтобы она всенародно в лицо сказала епископу, что он согрешил с нею. Она сначала не соглашалась было и говорила, что граждане Акраганта, смотревшие на Григория, как на Ангела Божия, не поверят ей, и что она боится, как бы народ не побил ее камнями; но они убедили ее, что она останется невредимою, и богатым подкупом соблазнили ее согласиться на их предложение; тогда они стали выжидать удобного времени, чтобы повергнуть Григория в беду и позор. Однажды ночью, когда святой Григорий находился в храме за полунощницею, Савин и Крискент взяли с собою нанятую развратницу и тайно привели ее к епископскому дому. Здесь они нашли привратника, стоявшего на стороже у дверей и, при помощи золота, уговорили его молчать, а сами провели Евдокию в опочивальню святого и, заперев ее там, вышли. Ничего не знавший Григорий оставался в церкви до самого конца утрени. Настал день, и, когда епископ вышел, наконец, из церкви, весь, бывший у утрени, народ пошел за ним, ибо у акрагантийцев таков был обычай – всегда провожать своего епископа от храма до самого

дома. Дошедши до своих дверей, святой Григорий обратился к провожавшим, давал им различные наставления и благословлял их. В толпе были и Савин с Крискентом и с остальными сообщниками: они бросились в опочивальню епископа, вывели оттуда в присутствии епископа и всего народа женщину и громко закричали:

– Глядите, люди, что делает наш епископ! Так ли должно ему жить? Мы все говорили, что он – святой, а он оказался блудником: отныне он недостоин епископского сана!

Народ пришел в изумление и все онемели, как камни, не зная, что сказать. Изумился и сам святой Григорий пред такой неожиданной напастью, и молчал.

Стали допрашивать женщину ту, был ли с нею епископ, и она при всех подтвердила, что он был с нею в минувшую ночь. Архидиакон и другие близкие к епископу спросили ее, в котором же именно часу ночи он был с нею. Она, наученная заранее врагами Григория, отвечала, что – после повечерия.

– Жив Господь, воскликнули близкие епископа: неправду говорит эта лживая женщина!

Но враги его отвечали:

– Вы ему – свои люди и не заслуживаете веры, так как стараетесь прикрыть грехи вашего господина?

На это один юный диакон, по имени Филадельф, сказал словами псалма: «Да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое с гордостью и презреньем» (Пс. 30:19).

Крискент подбежал к Филадельфу и стал бить его по щекам. Многие из народа соблазнились и поверили клевете, видя, как женщину выводили из опочивальни и слыша, как она при самом епископе говорила, что он был с нею; другие же, несмотря ни на что, не верили ей. Однако противная сторона взяла верх, и епископ был схвачен, выведен из своего дома и посажен в темницу, в которой некогда страдал за Христа священномученик Григорий, епископ Ливийский: там враги заперли и этого святого Григория, забили ему ноги в колоду и, заколотив двери, крепко сторожили. Затем они поспешили отправить письмо к находившемуся в Сицилии экзарху[7646] папы с известием о

случившемся и просьбою прибыть в Акрагант для суда над Григорием.

Между тем не только по всему Акраганту, но и по окрестным городам и селениям и даже по всей Сицилии разнесся слух о том, что епископа Григория застали с блудницею.

К темнице собралось множество людей, любивших святого и не поверивших клевете; они в слезах сидели около темницы.

Святый Григорий тем временем благодарил Бога, сподобившего его пострадать без вины. В полночь, когда он молился, великий свет осиял темницу, явился Ангел Господень, освободил Григория от оков и, подкрепив его своими словами в терпении, сделался невидим, а темничные двери отворились сами собою. Находившиеся у темницы поклонились святому, говоря:

– Теперь мы вполне убедились, что Бог – за тебя и всё, что на тебя говорили – клевета.

Они хотели пойти и убить Савина и Крискента, но святой удержал их от этого и запретил им поднимать опять распрю и проливать кровь и убедил дожидаться имеющего быть над ним суда. Экзарх, прибывши в Акрагант, созвал все городское собрание и, севши на судейском месте, велел привести Григория и поставил его пред собою. Стали также пред судом и противники Григория вместе с Евдокиею, которую экзарх спросил:

– Правду ли ты говоришь, что епископ был с тобою?

– Да, владыка, это – правда, он был со мною.

Лишь только она произнесла это, тотчас напал на нее бес, поверг ее на землю и она валялась со страшным криком, мучимая злым духом. Страх напал на всех.

– Григорий, – говорили благомыслящие, – неповинен в худом деле, ибо вот – наказание Божие постигло оболгавшую его.

Но противники святого, потеряв всякий стыд, говорили:

– Не сказали ли мы, что он – волхв и чародей? И своим волшебством он сделал то, что женщина теперь беснуется.

Тем временем жена пресвитера Савина вместе с дочерью, исцеленною святым Григорием от немощи, поспешно прибежала

в собрание и с гневом закричала на мужа:

– Несчастный злодей! Ты забыл благодеяния этого святого мужа, исцелившего нашу дочь, и клевещешь на невинного! Уходи же из моего дома, я не хочу более с этих пор жить с тобою!

Затем она припала к ногам святого и со слезами просила его:

– Помилуй нас, раб Божий, и не помни зла, какое причинили тебе эти нечестивые завистники!

В народе поднялся говор и шум: одни кричали, что Григорий невинен, другие, поверив клевете, продолжали утверждать, что он на бывшую с ним женщину навел беса своим волшебством. Экзарх, подкупленный Савином и Крискентом, держал их сторону, но видя смуту, происходившую в народе, побоялся и, встав со своего места, ушел из суда, объявив, что следует расследовать дело обстоятельнее. Тогда святой Григорий добровольно пошел опять в темницу и сидел там, как находящийся под судом, ожидая, чем кончится начавшееся о нем дело.

Экзарх, видя, что он не может ничего сделать с Григорием, не возбуждая смятения в народе, решил отправить его в Рим к самому папе и приказал приготовить для него особый корабль; при этом он написал папе послание, в котором заключалось обвинение Григория; подобное же послание к папе написали и клеветники Григория от себя. Экзарх дождался наступления ночи и вместе с Савином и Крискентом, взяв с собою Григория, тайным образом повел его на корабль. Вслед за ним шли его родители и домашние, плача и рыдая о нем; он же утешал их и увещал не плакать, обнадеживая, что они скоро опять увидят его здоровым и на епископском престоле. Посадив его на корабль, враги поручили его присмотру хозяина корабля, по имени Прокопия, которому передали и свои послания к папе. Архидиакон Евпл с другими диаконами обступили экзарха и умоляли его позволить им отправиться вместе со своим отцом и учителем, но он не хотел даже и слушать их, и только одному из них, диакону Платонику, разрешил ехать с Григорием. Наконец,

корабль отплыл и близкие Григория вместе с его родителями долго плакали по нем на берегу и, опечаленные, пошли домой.

Наутро у темницы собралось множество народа вместе с пресвитерами. Не нашедши в темнице Григория, они пришли в смятение и начали плакать и жаловаться на несправедливый суд над епископом. Затем они пошли к экзарху и, окружив его, спрашивали:

– Куда вы девали нашего отца и доброго пастыря? Неужели вы его убили?

– Нет, братия, отвечал экзарх, мы не сделали ему никакого зла, а только с миром отправили его к папе, как он сам просил нас.

Собравшиеся призвали архидиакона Евпла и других диаконов и спросили их:

– Вы должны знать, где наш святой епископ, – вы вчера были у него в темнице: скажите же нам по правде, где он теперь?

Евпл и другие отвечали, что ночью экзарх отправил Григория к папе. Экзарх, видя, что в народе начинается возмущение, испугался и бежал из Акраганта. Возмущенный народ поджег дома коварных пресвитеров Савина и Крискента и искал их самих, чтобы предать смерти, но они скрылись в церкви. Народ бросился за ними, но Харитон, ставши в церковных дверях, умолял разгневанных людей не проливать крови из-за его сына, говоря, что если обвинение, взводимое на их епископа, а его сына, окажется справедливым, то они и сами подвергнутся суду.

Народ послушался Харитона и разошелся. Но сторонники Григория отправили, однако, послание правителю Сицилии, жившему в городе Сиракузах, и епископу этого города и известили их о всем, что произошло с их епископом; правитель и епископ сиракузский были очень удивлены и сильно сожалели о Григории хорошо зная его добродетельную жизнь. С посланием к ним отправлены были знатнейшие граждане Акраганта, а заведывание церковными делами поручено было архидиакону Евплу до того времени, пока не возвратится Григорий, оправдавшись пред папою.

Через некоторое время противники Григория опять сплотились и искали случая убить Евпла, и он, видя их озлобленность, бежал и скрывался до прибытия Григория, а Савин и Крискент с единомышленниками возвели на престол упомянутого еретика Елевсия. Городские власти и пресвитеры, убеждаемые Харитоном, не выражали своего неудовольствия ничем и совершенно замолкли, когда им сделалось известным от Харитона, что Григорий рано или поздно возвратится на престол. Таким образом Церковь Божию в то время пасли, вместо пастыря, дикие звери, как только им хотелось: еретик Елевсий вынес мощи святых, лежавшие в алтаре и хотел сжечь их, но огонь даже не коснулся их, после чего он велел бросить их ночью тайно для всех в море.

Когда святой Григорий прибыл в Рим, сопровождавший его Прокопий вручил папе послания экзарха и клеветников Григория. Папа, прочитав эти послания, сильно разгневался на Григория и, не допустив его даже лично к себе и не спросив, признает ли он себя виновным, приказал сковать его по рукам и по ногам и заключить в темницу, а также – запереть в отдельной темнице и диакона Платоника. Когда святой сидел в заключении и молился, ночью осиял его свет, и два мужа в образе Апостолов вошли к нему и сказали:

– Радуйся, раб Христов и нами возлюбленный Григорий! Господь послал нас освободить тебя от оков, и мы радуемся, видя, как мужественно и терпеливо переносишь ты скорбь. Бог благоволит через тебя и в этом городе сотворить многие чудеса.

Сказав это, они прикоснулись к его узам, и тотчас цепи упали с него и он, совершенно освобожденный, стал на ноги и до земли поклонился явившимся, которые, облобызав его, стали невидимы. Точно так же явились они к диакону Платонику и, выведши его из заключения, привели к Григорию. Оба освобожденные вместе славили и благословляли Господа.

У тюремщика, сторожившего заключенных, был единственный сын, 26 лет от рождения, которого уже шесть лет мучил злой дух, гонявший его по дорогам и пустыням; много раз отец связывал его железными путами и запирал в особой комнате, но он разрывал путы, выламывал дверь и убегал

опять. Случилось так, что когда Григорий сидел в темнице, уже свободный от оков, и Платоник был с ним, отец бесноватого поймал последнего и крепко приковал к столбу за руки, ноги и шею. Но бесноватый в полночь разломал железные узы, убежал и, нашедши темничные двери открытыми, вошел в темницу и упал в припадке беснования у ног святого Григория, который, воздев руки к небу, помолился Богу и затем сказал бесу:

– Господь наш Иисус Христос повелевает тебе, дух нечистый, выйти из Его создания.

Бес тотчас же вышел. Между тем страж долго искал пропавшего сына и, в поисках, увидев, что темница отворена, пришел в смертельный ужас, думая, что узник убежал. Но, войдя внутрь, он увидел Григория и Платоника стоящими там и воспевающими Богу священные песнопения, а вместе с ними и своего сына – совершенно здоровым. Страж пал к ногам святого и воскликнул:

– Воистину, ты – человек Божий! Прости меня, что я согрешил пред тобою, подняв на тебя руки.

С этой минуты тюремщик благоговейно служил святому день и ночь, почитая его, как бы Ангела Божия.

Около того же времени одна женщина, у которой была скорченная дочь, услыхав, что святой Григорий исцелил тюремщикова сына, пришла к нему в темницу вместе с дочерью и, упав пред ним на землю, умоляла его исцелить ее дочь. Он сказал ей, что это – дело не его, а единого только Бога, могущего всё сотворить одним словом Своим. Но она неотступно продолжала просить его, пока, наконец, он не сотворил молитвы и не возложил на скорченную девицу руку, после чего она сейчас же выпрямилась. Мать с дочерью возблагодарили Бога и, поклонившись святому, в радости возвратились домой.

– Кто исцелил твою дочь? – спрашивали у матери соседи.

– Один не здешний епископ, – отвечала она, – который осужден, говорят, за какую-то вину и сидит в темнице: сначала он же исцелил тюремщикова сына, а теперь – мою дочь.

Слух о чудесном исцелении одним словом святым Григорием бесноватого и скорченной девушки распространился

по Риму, и к нему стали приносить множество недужных, которых он также исцелял.

Прошел год со времени прибытия Григория в Рим, и папа, наконец, вспомнил о сидящем в темнице епископе и послал за аввою Марком, о котором уже много раз говорилось выше. Когда авва Марк явился из своего монастыря, папа спросил:

– Ты не знаешь, брат, что епископ Акрагантийский Григорий привезен сюда связанным и сидит в заключении за то, что совершил грех против 7-ой заповеди?

Авва Марк, со вздохом, ответил:

– О если бы мне иметь его участь в день Страшного Суда!

Тогда папа изменился в лице и сказал:

– Посмотри, что пишет мне мой экзарх в Сицилии. Марк прочел послание экзарха, засмеялся и затем громко сказал:

– Жив Господь, это – клевета на неповинного и чистого мужа, который, как ты и сам, владыка, знаешь, своею жизнью и чудесами подобен древним великим отцам.

– Я знаю, – возразил папа, – что благодать Божия была на нем до его падения; но, когда он согрешил, благодать эта отнялась у него.

– Бог знает правду Свою, – ответил Марк.

– И так, что же делать нам с ним? – спросил папа. – Как ты посоветуешь?

Авва Марк отвечал:

– Выслушай меня, владыка, и исполни совет мой: собери собор, призови епископов – не только своих западных, но пошли извещение и на Восток. Не будем судить Григория без ведома благочестивого императора и Константинопольского патриарха, но пусть и они пришлют от себя избранных мужей. Пошли также в Сицилию и вызови сюда обвинителей и ту женщину, и тогда, что Бог покажет, то и сделаем.

Папа нашел, что совет Марка – хорош и немедленно написал послания к императору Юстиниану и святейшему патриарху Константинопольскому, извещая их о всем и прося их прислать избранных мужей на собор; написал он также и своему экзарху в Сицилию, а равно властям и гражданам акрагантийским, повелевая им без замедления прислать к нему

в Рим всех до одного обвинителей и женщину, которая, как говорили, впала в грех с Григорием.

Император и патриарх, получив послания папы, удивлялись клевете, взведенной на Григория, и, не дав ей никакой веры, сожалели о том, что ни в чем неповинный Григорий столько времени сидит в темнице. Поэтому они поспешили послать от себя в Рим именитых мужей: царь – одного сановника, по имени Маркиана, а патриарх – трех епископов, Анкирского, Кизического и Коринеского и хартофилакса[7647] Константина.

Все посланные, – как из Константинополя, так из Сицилии, съехались в Рим на второй год пребывания святого Григория в темнице. Но Маркиан, не достигнув до Рима в расстоянии около восемнадцати стадий опасно захворал, так что все отчаялись в его выздоровлении и приехавшие с ним епископы были в великом огорчении. Едва-едва доехал он до Рима. Все окружившие его ходили за ним самым тщательным образом и ни один врач не в силах был помочь ему. – Однажды вечером мимо дома, в котором остановился Маркиан, случилось проходить той женщине, дочь которой была исцелена святым Григорием. Услыхав плач его рабов, она спросила их, о чем они плачут.

– О том, – отвечали они, – что господин наш умирает.

– Если вы хотите, чтобы господин ваш был жив и здоров, – сказала она, – то несите его за мною, и я покажу вам врача, который исцелит его одним словом: врач этот многих исцелил в нашем городе, и не было больного, который ушел бы от него без исцеления.

Рабы поверили ей, взяли своего господина вместе с постелью и понесли его за женщиною. Маркиан при этом не сознавал, что с ним делают, так как находился в сильнейшем жару и лежал в беспамятстве. Доведши их до темницы, где был святой Григорий, она сказала:

– Здесь сидит тот врач, который исцеляет недуги одним словом.

Рабы, внесли своего господина в темницу, положили его к ногам Григория и со слезами умоляли его подать исцеление больному. Святый два раза позвал Маркиана, но он ничего не

мог ответить ему. Святой, прослезившись, возложил руку на больного, и он тотчас же уснул, а перед этим не спал много суток. В полночь слуги подошли к нему и, дотронувшись, не нашли в нем ни малейшего жара и благодарили Бога. Когда окончилась ночь и святой начал петь утреню, Маркиан проснулся и встал совсем здоровый и не мог понять, где он находится, но, увидев Григория, узнал его и, поняв, что, по молитвам святого, он исцелился от болезни, пал к ногам его. Днем епископы – спутники Маркиана, пришли навестить его и не нашли его дома. Узнав, что он был отнесен в темницу к Григорию, они пошли туда и увидя Маркиана здоровым, сидящим и беседующим с Григорием, изумились и сказали Григорию:

– Благословен ты, отец Григорий, ибо удостоился благодати Божией и дара исцеления человеческих недугов.

Они с любовью лобызали Григория и спросили, сколько времени он сидит в темнице. Он отвечал, что – два года и четыре месяца. Епископы были очень недовольны тем, что папа столько времени держал неповинного мужа в заключении, не произведши тщательного расследования. Они хотели вывести его из темницы, но он запретил им это, говоря, что ему невозможно без суда и приказания папского оставить места своего заключения. Тогда епископы пошли и о всем доложили папе, который был очень удивлен и смущен их словами.

После этого папа велел собраться собору в храм святого Ипполита, находившийся вблизи темницы. На собор явилось – епископов, вместе с папою, 154 и великое множество римских иноков и граждан, так что все не могли поместиться в церкви. Приведены были на собор и обвинители с Савином.

Папа начал допрашивать обвинителей:

– Какое обвинение возводите вы на вашего епископа? – спросил он их.

– Мы застали его, владыка, – без всякого стыда отвечали они, – совершающим грех с женщиною.

– Вы видели это своими глазами, или вам объявила об этом сама женщина? – продолжал папа допрос.

– Мы, владыка, – отвечали они, – вошли, по обычаю, поклониться епископу, застали женщину, спящей на его постели и взяли ее, а она уже в присутствии экзарха и народа призналась в том, что грех действительно был совершен.

Епископы, прибывшие с востока, потребовали, чтобы была приведена в суд сама женщина, которая и обличила бы Григория пред всем собором. Но обвинители возразили:

– Как же она может обличить его, когда она – бесноватая? С тех пор, как она согрешила с епископом, ее мучает бес.

Однако бесноватую привели на собор. Два человека держали ее и она, потеряв от недуга разум, не сознавала, где находилась.

– На суде, – сказал папа, обращаясь к клеветникам, – не допрашивают бесноватых и безумных, но вы, несчастные, должны сказать истину.

– Мы уже сказали ее, – отвечали они, – теперь допрашивайте самого обвиняемого, что-то он скажет о себе.

Тогда святой Григорий, вздохнув из глубины души, сказал:

«Восстали на меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня; воздают мне злом за добро, сиротством душе моей» (Пс. 34:11–12).

Как только он произнес эти слова псалма, женщина упала, мучимая бесом, и каталась у ног святого, испуская пену и впадая в бесчувствие. Все присутствовавшие пришли в ужас. Но святой, помолившись, сказал:

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа и ради святых отцов, собравшихся здесь, выйди, дух нечистый из твари Божией, и пусть женщина, пришедши в разум, скажет истину относительно меня!

Тотчас дух сотряс женщину и вышел из нее. Женщина лежала, как мертвая, но святой взял ее за руку и поднял. Сначала ее спросили, как ее зовут, а затем хартофилакс обратился к ней с вопросом:

– Знаешь ли ты своего епископа?

Она отвечала:

– Знаю очень хорошо, так как много раз видела его, когда он обходил город, посещая нищих, больных и сирот и раздавая

обильную милостыню. И сама я, окаянная, не раз удостаивалась получать от него милость.

– Сотворил ли когда-нибудь ваш епископ грех с тобой?– продолжали допрашивать ее.

Вздохнув из глубины сердца и прослезившись, она возвысила голос и воскликнула:

– Жив Господь сил, – он не знал меня никогда, и только два эти лукавые человека, стоящие пред вами, Савин и Крискент, обещанием больших денег заставили меня наклеветать на праведного мужа! Бог воздаст им и за мой грех, за то что они ввели меня в такое злоключение. С тех пор, как эти коварные искусители обошли меня и я склонилась на их речи, я нахожусь в великой напасти: бес вошел в меня и мучает меня доныне.

Сказав это, она поверглась к ногам святого и со слезами говорила ему:

– Помилуй меня, раб Божий, и прости меня, окаянную, тяжко согрешившую пред тобою! Клянусь Господом Богом моим, – я не встану от твоих ног, пока ты не пообещаешь мне прощение!

Он отвечал ей:

– Не наше дело – прощать грехи, а – Единого только премилосердного Бога, а нам должно только умолять Его о прощении прегрешений, – и я буду молить Его, Всеблагого, простить тебе твои грехи.

Епископ поднял женщину с земли. Изумление и страх напали на всех, бывших на соборе, и все благословляли Бога, восклицая:

– Благословен Господь Бог, явивший раба Своего и обличивший ложную клевету!

Папа и все епископы были сильно раздражены на клеветников и начали укорять и стыдить их, а затем приказали разделить их на две части: клириков с Савином и Крискентом и мирян (первых всего было тридцать человек, а последних – восемьдесят), Евдокию, солгавшую на невинного, суд освободил от наказания, как уже ранее наказанную Богом, так как по попущению Его, бес мучил ее уже два с половиною года, – а виновников злодеяния осудили на изгнание: Савина во

Фракию, Крискента в Испанию, а прочие клирики с бесчестием сосланы были в Равенну[7648] и должны были жить там в заключении и нужде. Мирян – противников Григория суд передал присланному императором сановнику Маркиану, а он посадил их всех в тюрьму, намереваясь впоследствии подвергнуть их тяжким наказаниям; но когда солдаты повлекли их в тюрьму, все они зарыдали и громко взывали к преподобному:

– Помилуй нас, раб Христов, не отдавай нас на лютые муки.

И святой Григорий, бывший человеком крайне незлопамятным, упал на колена пред папою и всем собором и со слезами умолял помиловать его врагов и не наказывать их из-за него; и до тех пор не переставал он молить и плакать, пока все, прослезившись, не сказали:

– Если ты прощаешь их и просишь за них, то мы – обезоружены.

И велели стражи оставить их в покое. Но когда все клеветники стояли пред собором, внезапно поднялась сильнейшая буря, потряслась земля, померк воздух и тьма покрыла всех. Бывшие на соборе в ужасе думали, что земля рассядется и пожрет их, и, воздев руки, взывали: «Господи помилуй»! Буря прекратилась, сделалось светло и тотчас на клеветниках обнаружилось наказание Божие: у всех у них лица стали чёрными, как бы сажа, а у Савина и Крискента, кроме того, губы оттянулись вниз так, что нельзя им было уже свести их и говорить: так постиг их гнев Божий. Весь собор, при виде такого чуда, возгласил: «Ныне познал я, что Господь спасает помазанника Своего, отвечает ему со святых небес Своих могуществом спасающей десницы Своей» (Пс.19:7).

После этого папа сказал клеветникам:

– Слушайте, жалкие! Вот, вы сделались подобными отцу вашему диаволу, древле омраченному, за то, что оклеветали праведного и святого мужа. Поэтому повелеваю вам: с нынешнего дня будьте рабами епископа Акрагантийского и его преемников, вы, и дети ваши и всё потомство ваше до века; да не будет никто из вашего потомства иереем и даже клириком вообще; и всякий епископ, который осмелится поставить кого-

нибудь из вашего племени иереем, диаконом, вообще – клириком, зная о вашем теперешнем беззаконном поступке, – да будет под клятвою.

С этим судом папы согласился весь собор. А женщина, оклеветавшая святого, упала на землю и с плачем взывала к епископам:

– Смилуйтесь надо мною, отцы святые, – отдайте меня в женский монастырь: я уже не могу возвратиться в свой город.

Согласно ее просьбе, она была отдана в монастырь святой мученицы Кикилии и приняла ангельский образ, в котором прожила, в постоянных подвигах 22 года, и скончалась, раскаявшись во всех грехах своих.

Оправдание Григория возбудило всеобщую радость. Между тем наступил девятый час, и папа велел святому совершить Божественную литургию. Во время совершения ее, многие из епископов, – наиболее достойные, – видели благодать Святого Духа, осеняющую Григория. По окончании литургии, всем была предложена, на иждивение папы, обильная трапеза, и все ели и пили во славу Божию.

В то же время совершилось в Риме следующее чудо. Десять громадных отборных деревьев, назначенных для украшения храма святых Апостолов Петра и Павла и пригнанных по Тибру[7649], остановились среди реки, как бы упершись во что-нибудь, или – задержанные железными якорями, и, заняв собою поперек почти всю реку, мешали судам проходить выше. Много раз жители города пытались общими силами вытащить эти деревья и – не могли, так как им препятствовала какая-то невидимая сила. Наконец, сам папа попросил святого Григория, чтобы он своею молитвою двинул эти деревья. Святый послушался и пошел к реке в сопровождении множества народа. По пути к реке, он увидел раскаленную печь и, свернув с дороги, набрал горячих угольев в полу своей мантии и понес; когда он дошел до упомянутых деревьев, бросил на уголья ладан и кадил с молитвою, как кадильницею, пылающей полою мантии, которая, подобно купине Моисея, горела и не сгорала. Затем он велел народу вытаскивать деревья на берег, причем деревья сделались

необыкновенно легкими, и как будто двигались сами собою, так что их без всякого затруднения вынули из реки. На них нашли следующую надпись: *«пять деревьев святому Апостолу Петру и пять – святому Апостолу Павлу»*.

Потом папа опять собрал епископов, после него еретик Елевсий был осужден и сослан в Испанию, а святой Григорий с почестями отпущен в Акрагант, но сначала он направился в Константинополь, где был принят подобающим образом императором и патриархом, и тогда уже только возвратился в Сицилию. Жители Акраганта устроили ему торжественную встречу, но святой отказался войти в осквернённую еретиками церковь и в епископский дом, и выстроил новый прекрасный храм во имя святых Апостолов Петра и Павла, а для себя устроил новый епископский дом, в котором долго жил, доблестно пася стадо Христово.

Много поучительных слов написал святой Григорий и сотворил чудес; и в глубокой старости оставил земную жизнь[7650] и получил – вечную небесную вместе с Христом Господом, Которому слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Светолучными сиянии церковь Святаго Духа световодит, светлое совершающыя твое успение, преподобне отче всеблаженне Григорие.

Память святого мученика Сисиния

Память 23 ноября

Святый мученик Сисиний происходил из города Кизика[7651]. Он претерпел мучения в царствование Диоклетиана от правителя города Александра. За исповедание Христа он был привязан к диким коням, был бит без милосердия, причем в ноздри ему лили крепкий уксус. Он претерпел и другие многочисленные мучения и совершил среди собрания великие чудеса. После этого ему усекли главу мечом.

Память святого мученика Феодора

Память 23 ноября

Святой Феодор жил в городе Антиохии и занимался торговлей. По повелению императора Юлиана Отступника[7652], он был заключен под стражу местным областеначальником по следующему случаю.

Во время перенесения святых мощей мученика Вавилы и других мучеников, лежащих в Дафне[7653], христиане, между которыми был святой Феодор, неся святые мощи, пели стихи из псалмов Давида: «Да постыдятся все служащие истуканам, хвалящиеся идолами. Поклонитесь пред Ним, все боги» (Пс. 96:7).

За это святой Феодор был схвачен. Его повесили на дереве, били воловьими жилами по плечам и, надев на него железные вериги, заключили в темницу. Наутро Юлиан узнал от епарха, что мучения, которые святой Феодор переносит за Христа, доставляют язычникам укоризну и поношение, а гонимым (христианам) славу и радость. Тогда богоненавистник приказал выпустить святого Феодора из темницы. Святый Феодор, когда его расспрашивали о жестоких мучениях, которые он претерпел, говорил, что он сначала ощущал небольшую боль. Потом явился ему некто и, отирая пот с его лица белым как снег благовонным полотенцем, повелевал ему мужаться, так что когда палачи прекращали мучения, – святой не радовался, а начинал чувствовать боль и желал быть опять мучимым.

И действительно, мучители видели Ангела, ходившего к святому Феодору и укреплявшего его.

Безбожный царь Юлиан за свои жестокости был наказан смертью во время войны с Персами, святой же Феодор, радуясь, почил о Господе.

В тот же день память святого благоверного князя Александра Невского

Житие и страдание святой великомученицы Екатерины

Память 24 ноября

В царствование нечестивого императора римского Максимина[7654] в городе Александрия[7655] жила девица, по имени Екатерина, происходившая из царского рода[7656]. Она была замечательно красива и славилась своею премудростью. Будучи только восемнадцати лет от роду, Екатерина в совершенстве изучила творения всех языческих писателей и всех древних стихотворцев и философов, как например: Гомера, Вергилия, Аристотеля, Платона и других. И не только хорошо знала Екатерина сочинения мудрецов древности, но она изучила также сочинения знаменитейших врачей, как например: Асклипия, Гиппократа и Галина; кроме того она научилась всему ораторскому и диалектическому искусству и знала также многие языки и наречия, так что все дивились ее учености и познаниям. Многие богатые и знатные люди сватались за нее и с этою целью приходили к матери ее, тайной христианке, скрывавшей свою веру по причине жестокого гонения, воздвигнутого в то время на верующих Максимианом. Родственники и мать часто советовали Екатерине выйти замуж, чтобы царское наследие отца ее не перешло в руки кому-либо чужому, через что они лишились бы окончательно сего наследия. Но Екатерина, как мудрая девица, твёрдо решила в своем сердце сохранить во всю жизнь чистоту девства и крайне не хотела замужества. Когда же родные ее начали усиленно уговаривать Екатерину вступить в брак, она сказала им:

– Если вы хотите, чтобы я вышла замуж, то найдите мне такого юношу, который обладал бы теми четырьмя дарованиями, которыми я, как вы знаете, превосхожу всех прочих девиц; и тогда я соглашусь избрать его в супруги; а выйти замуж за человека, который в чем-либо был бы хуже и ниже меня, я не желаю. Итак, поищите повсюду, не найдете ли такого юноши, который был бы подобен мне по знатности рода,

по богатству, по красоте и по мудрости; всякий же юноша, не имеющий хотя одного из этих дарований, недостоин меня.

Домашние Екатерины, видя, что невозможно найти такого юношу, заметили ей, что царские сыновья и другие знатные искатели ее руки могут сделаться еще благороднее и богаче, если вступят с нею в брак, но по красоте и по мудрости никто с ней не может сравниться. А Екатерина говорила им на это:

– Я хочу иметь женихом своим не иного, как только равного мне по учености.

Видя непреклонность своей дочери, мать решилась испытать еще средство. Она прибегла к совету своего духовного отца, мужа благочестивого и святого, который жил в сокровенном месте, за городом. Она взяла с собою Екатерину и пошла с нею к тому праведному мужу. Он же, увидев прекрасную отроковицу и услышав ее мудрые, хотя и скромные речи, возымел намерение научить ее познанию Христа, Царя Небесного.

– Знаю я, – сказал он ей, – одного чудного Юношу, Который несравненно превосходит тебя во всех твоих дарованиях. Красота Его светлее солнечного света; премудрость Его управляет всеми чувственными и духовными созданиями; богатство Его сокровищ распространено по всему миру и никогда не уменьшается, но, по мере раздаяния, всё более и более увеличивается; а высота Его рода неизреченна и непостижима. Во всем мире нет подобного Ему.

Внимая сим словам старца, Екатерина подумала, что он говорит ей о каком-нибудь земном князе, – она смутилась, изменилась в лице и спросила старца, правда ли всё то, что он ей говорит?

Он отвечал, что всё это правда, и прибавил, что тот Юноша обладает еще другими большими дарованиями, которых невозможно и перечислить. Отроковица спросила его:

– Чей же сын, восхваляемый тобою Юноша?

Старец ответил ей:

– Он не имеет отца на земле, но родился неизреченно и сверхъестественно от одной честнейшей родом Пресвятой и Пречистой Девы. Она сподобилась родить такого Сына за Свою

величайшую чистоту и святость; Она пребывает бессмертной душою и телом и вознесена выше небес, где Ей поклоняются все святые Ангелы, как Царице всей твари.

Екатерина спросила старца:

– Возможно ли мне видеть того Юношу, о котором ты сообщаешь так много чудесного?

– Если ты сделаешь то, что я скажу тебе, – ответил ей старец, – то сподобишься узреть пресветлое Лице Его.

Екатерина сказала ему на сие:

– Вижу я, что ты человек разумный и старец почтенный, и потому верю, что ты говоришь правду. Я готова исполнить все, что ты повелишь мне, только бы увидеть мне Того, Кого ты так восхваляешь.

Тогда старец дал ей икону Пресвятой Богородицы, держащей в Своих объятиях Божественного Младенца, и сказал ей:

– Вот изображение Девы и Матери Того, о Котором я сообщил тебе так много чудесного. Возьми сие изображение к себе домой и, затворив двери комнаты твоей, с благоговением вознеси усердную молитву к сей Деве, имя Которой – Мария; умоли Ее, чтобы Она благоволила показать тебе Сына Своего. Я уповаю, что, если ты с верою Ей о том помолишься, Она услышит тебя и сподобит увидеть Того, к Коему стремится душа твоя.

Тогда отроковица Екатерина, взяв святую икону, возвратилась домой и ночью, уединившись в комнате своей, начала молиться так, как научил ее старец. Во время продолжительной молитвы Екатерина уснула от утомления и узрела в видении Царицу Небесную в том виде, как Она изображена была на иконе вместе со святым Младенцем, окруженным лучезарным сиянием. Екатерина не могла видеть лика Его, ибо Он отвратил его от нее и обратил его к Матери Своей. Стараясь увидеть Его, Екатерина зашла с другой стороны, но Христос и оттуда отвратил от нее лицо Свое. Сие повторилось три раза. После того Екатерина услышала, что Богоматерь сказала Сыну Своему:

– Воззри, Чадо мое, на рабу Твою Екатерину, как она прекрасна и добра.

А Богомладенец ответил Ей:

– Нет, сия отроковица весьма помрачена и так безобразна, что Я не могу смотреть на нее.

Тогда Пресвятая Богородица опять сказала Господу:

– Разве сия девица не мудрее всех философов? Разве она не превосходит своим богатством и знатностью рода всех девиц?

Но Христос отвечал ей на сие:

– Опять скажу Тебе, Матерь Моя, что сия девица безумна, бедна и худородна, и Я до тех пор не буду взирать на нее, пока она не оставит своего нечестия.

На сие Преблагословенная Матерь Господа сказала Ему:

– Молю Тебя, сладчайшее Чадо Мое, не презри создания Твоего, но вразуми ее и научи, что ей нужно делать, дабы насладиться славою Твоею и узреть Твое пресветлое и превожделенное Лицо, на Которое все Ангелы взирать желают.

Тогда Христос отвечал:

– Пусть идет она к тому старцу, который дал ей икону, и пусть сделает то, что повелит он ей, и тогда она узрит Меня и обретет благодать предо Мною.

Увидев и услышав все сие, Екатерина пробудилась от сна и дивилась тому видению. Когда наступило утро, она пошла с немногими рабынями своими в келью святого старца и, припав со слезами к ногам его, поведала ему о своем видении и умоляла его сказать, что ей нужно делать, дабы узреть желаемого ею Жениха-Христа.

Преподобный старец подробно научил ее всем тайнам истинной веры христианской, начиная от сотворения мира и создания праотца Адама и до Второго Пришествия на землю Владыки Христа, а также поведал ей о неизреченной райской славе праведников и о многоболезненных бесконечных мучениях грешников. Как девица премудрая, богопросвещенная и жаждавшая истины и спасения, Екатерина уразумела вскоре всё христианское учение, уверовала от всего сердца в Иисуса Христа и приняла от того же старца святое крещение. После

того старец заповедал ей снова помолиться со многим усердием к Пречистой Богородице, чтобы Она еще раз явилась ей, как в первую ночь.

Таким образом, совлекшись ветхого (ср. Кол.3:9). человека и облекшись в одежду обновления духа, Екатерина возвратилась в дом свой и всю ночь провела в слёзной молитве, пребывая без пищи, пока не заснула. И вот снова видит она Царицу Небесную с Божественным Младенцем на руках. Младенец взирал на Екатерину с великою благостью и кротостью. Богоматерь спросила Сына Своего:

– Угодна ли Тебе, Сын Мой, сия девица?

Господь ответил Пречистой Матери Своей:

– Весьма угодна, ибо теперь она прекрасна и славна, а не безобразна и бесчестна, как прежде; ныне она богата и премудра, а не бедна, какою была сначала; ныне Я возлюбил ее, и так она угодна Мне, что Я хочу обручить ее Себе в нетленную невесту.

Тогда Екатерина пала на землю и воскликнула:

– Недостойна я, преславный Владыка, увидеть Царствие Твое, но сподоби меня быть хотя с рабами Твоими.

В это время Пресвятая Богородица взяла правую руку отроковицы и сказала Сыну Своему:

– Дай ей, Чадо Мое, обручальный перстень в знак Твоего обручения с нею, уневести ее Себе, дабы сподобить ее Царствия Своего.

Тогда Владыка Христос дал прекраснейший перстень Екатерине и сказал:

– Вот Я ныне избираю тебя Моею невестою, нетленною и вечною. Итак, сохрани с великим тщанием этот союз ненарушимо и отнюдь не избирай себе никакого земного жениха.

После этих слов Христа Господа, видение окончилось. Отроковица пробудилась и ясно увидела на правой руке своей чудный перстень. Она почувствовала в сердце своем такое веселие и такую радость, что с того часа сердце ее предалось совершенно Божественной любви. И такая произошла в ней великая перемена, что она уже не помышляла более ни о чем

земном, но только непрестанно днем и ночью размышляла о своем возлюбленном Женихе, и Его одного желала, о Нем одном поучалась наяву и во сне.

Вскоре после того как Екатерина обратилась в христианство, прибыл в Александрию нечестивый царь Максимин, имевший ревность не по разуму о своих бездушных богах, будучи сам как бы бесчувственным и бессловесным. Желая устроить в честь этих богов торжественный праздник, он разослал по окрестным странам и городам приказ собраться всем подданным для принесения жертв, чтобы почтить богов всенародно. Собралось бесчисленное множество людей, причем каждый вёл, кто что мог, для жертвоприношения: кто волов, кто овец, а кто был не в состоянии, те принесли птиц, или еще что-либо подобное. Когда наступил день мерзкого торжества, царь заклал в жертву сто тридцать тельцов, – князья и вельможи меньше, и каждый приносил в жертву, что мог. Весь город наполнился криками закалаемых животных и смрадом от приносимых жертв; повсюду была страшная теснота и смятение, и воздух был пропитан смрадным дымом. Когда сие происходило, благочестивая и прекраснейшая Екатерина, при виде такого пагубного соблазна душ человеческих, жестоко была уязвлена в сердце своем, скорбя об их погибели. Горя Божественною ревностью, она взяла с собою нескольких рабов и пошла в храм, где безумцы приносили жертвы. Когда она встала в дверях, то все устремили на нее свои взоры: ибо она блистала своею необычайною красотою, которая свидетельствовала о ее внутренней красоте душевной. Она велела известить царя, что имеет сказать ему весьма нужное слово. Царь велел ей подойти к себе. Став перед царем, Екатерина сначала поклонилась ему, воздав подобающую честь, потом сказала:

– Царь, познай соблазн, в который вы вовлечены бесами. Вы почитаете богами идолов тленных и бесчувственных и служите им. Великий стыд быть настолько слепым и безумным, чтобы поклоняться таким мерзостям. Поверь хотя своему мудрецу Диодору[7657], который говорит, что боги ваши были некогда людьми, и скончали жизнь свою нечестиво, но ради

некоторых деяний, совершенных ими при жизни, люди устроили им памятники и статуи. Последующие же поколения, не зная мысли своих праотцев, которые только ради воспоминания поставили им эти памятники, но, думая, что самая вещь благочестна и благоприлична, начали поклоняться им, как богам. И знаменитый Плутарх Херонейский[7658] гнушался этими богами и презирал их. Поверь же, царь, хотя сим учителям своим, и не будь виновником погибели стольких душ, за что ты подвергнешься вечным мучениям. Познай Единого Истинного Бога, присносущного, пребезначального и бессмертного, Который напоследок лет принял на Себя плоть человеческую ради нашего спасения. Им цари царствуют, страны управляются, и весь мир держится. Его единым словом всё было создано и сохраняет свое бытие. Сей всесильный и преблагий Бог не требует жертв, подобных вашим, и не ублажается закаланием неповинных жертв, но только требует, чтобы мы хранили Его заповеди твердо и непоколебимо.

Слыша сие, царь воспламенился сильным гневом и сначала долго хранил молчание. Потом же, будучи не в силах ответить на ее слова, сказал:

– Оставь нас в эти дни совершать жертвоприношение, а потом мы послушаем твоих речей.

Окончив свое богопротивное торжество, нечестивый царь велел привести святую Екатерину в свои царские палаты и сказал ей:

– Скажи нам, девица, кто ты, и повтори, что ты говорила нам прежде?

– Я царская дочь, – отвечала святая, – называюсь Екатериною. Прежде я с великою любовью занималась различными науками: изучала сочинения риторские, философские, геометрию и другие науки, но теперь всё сие я презираю, как занятие суетное и бесполезное, и соделалась невестою Владыки Христа, Который через Своего Пророка Исаию сказал:

– «Мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его не станет» (Ис. 29:14).

Царь дивился ее речам, ее необыкновенному уму, но еще более поразился ее замечательною красотою и подумал, что она не смертными родителями рождена, а теми богами, которых он почитает. Едва соглашаясь верить, что девица такой неописуемой красоты рождена от земнородных, он, пораженный ее красотою и смотря на нее бесстыдным взором, начал говорить соблазнительные слова. Святая же, проникая его беззаконные помыслы, сказала ему:

– Бесы, которых вы почитаете за богов, прельщают вас и увлекают в бессмысленные похоти; я же считаю себя землею и прахом; Бог создал меня по образу и по подобию Своему и наделил меня такою красотою, чтобы люди дивились премудрости Создателя, Который столь ничтожному и бренному лицу мог даровать такую мудрость и красоту.

Царь озлобился сими словами ее и сказал:

– Не говори так худо о богах, имеющих бессмертную славу.

Но святая возразила ему:

– Если ты желаешь хотя немного рассеять мглу и помрачение прелестью, то пойми всё ничтожество своих богов и познай Бога истинного. Одно произнесение только имени Его, или один только крест, изображенный в воздухе, прогоняет твоих богов и сокрушает их; и если ты хочешь, я докажу тебе ясно истину моих слов.

Царь, видя ее свободную речь и боясь быть побежденным и посрамленным ее словами, сказал ей:

– Неприлично царю беседовать с женщинами. Но я соберу мудрейших философов для беседы с тобою, и ты узнаешь ничтожество своих мнений, и уверуешь в наши учения.

Сказав сие, он приказал со всею строгостью стеречь святую девицу. Сам же тотчас послал по всем подвластным городам такое предписание:

– Я, царь Максимин, мудрейшим философам и витиям, в моих областях находящимся, желаю радоваться. Все, кто только служит мудрейшему богу Гермесу[7659], и кто призывает наставниц разуму – муз[7660], соберитесь ко мне, дабы заградить уста одной премудрой девицы, которая появилась в сии дни и насмехается над великими богами, называя все деяния их

баснями и пустословием. Итак, приходите, дабы показать всю вашу мудрость, за что вас прославят люди, от меня же вы получите награду за свой труд.

И вот собрались, в количестве пятидесяти человек, избранные и мудрейшие витии, отличавшиеся большою остротою ума и великою силою в слове. Царь обратился к ним с такими словами:

– Приготовьтесь со всею тщательностью и внимательностью к доблестному состязанию с одной девицею так, чтобы вы могли преодолеть ее своими доказательствами в споре о богах; не пренебрегайте тем, что будете вести беседу с юною девою, но приложите всё ваше старание и покажите вашу мудрость так, как бы пришлось вам противостоять мужественному противнику и мудрейшему оратору; потому что она, как я осторожно выпытал, превосходит мудростью самого великого Платона[7661]. Поэтому умоляю вас, покажите в споре с ней такое же старание, какое бы вы имели, состязуясь с самим этим мудрецом. Если вы победите, то я вознагражу вас великими дарами; если же вы будете побеждены, то вам будет великий стыд, и вместо даров вы примете мучительную смерть.

На эти слова царя один, самый славнейший и мудрейший, вития ответил:

– Не опасайся царь: быть может, противница наша и необыкновенно умна, но как женщина, она не может обладать мудростью в полном совершенстве, и быть вполне искусною в красноречии; повели ей только явиться к нам, и ты увидишь, что она, как только увидит такое множество философов и ораторов, так тотчас устыдится.

Услышав эту хвастливую речь философа, царь успокоился и возвеселился, надеясь, что нечестивый и надменный язык ученых победит, исполненную кротости и Божественной премудрости, девицу. Он тотчас повелел привести ее к себе. Собралось также множество народа слушать спор христианской девицы с языческими мудрецами. Но прежде, чем посланные успели прийти к Екатерине, явился ей с небес Архангел Михаил и сказал:

– Не бойся, дева Господня! Господь твой к премудрости твоей придаст еще премудрость, и ты победишь в прении тех пятьдесят витий. И не только они, но и многие другие уверуют через тебя и примут мученический венец.

Сказав сие, Ангел отошел.

Между тем к Екатерине пришли посланные царем и, взяв ее, привели к царю и философам на зрелище всем. И тотчас тот самонадеянный философ, который прежде так похвалялся, с гордостью обратился к святой Екатерине:

– Это ты с такою дерзостью и безумием порицаешь богов наших?

– Я, – кротко отвечала ему святая, – но не с дерзостью и не с безумием, как ты сказал, а с кротостью и по любви к истине говорю, что ваши боги – ничто.

Тогда философ сказал ей:

– Великие стихотворцы[7662] называют их высшими богами, как же ты с такою дерзостью произносишь хулу на тех, от которых сама приняла премудрость, и сладости даров которых ты вкусила?

– Я не от ваших богов, – отвечала Екатерина, – но от моего Единого Истинного Бога получила премудрость. Он и Сам есть премудрость и жизнь, и если кто боится, и хранит Его Божественные повеления, тот есть истинный философ. Дела же ваших богов и сказания о них достойны смеха и порицания, и преисполнены соблазна. Да и кто из твоих великих стихотворцев, скажи мне, и в каких выражениях называет их богами?

– Мудрейший Гомер[7663], – отвечал мудрец, – обращаясь с молитвою к Зевсу[7664], первый говорит так: «Славнейший Зевес, превеликий бог, и вы прочие бессмертные боги». А Орфей[7665] преславный, обращаясь с благодарностью к Аполлону[7666], говорит так: «О сын Латонов, стреляющий издалека! Сильный Феб, на всё смотрящий и царствующий над смертными и бессмертными, солнце на златых крыльях парящее».

– Вот как, – сказал языческий мудрец, кончая свою речь, – самые первые и славнейшие стихотворцы почитали богов и ясно называли их бессмертными; поэтому не должна

заблуждаться и ты, и поклоняться Распятому, как Богу[7667]; никто из древних мудрецов не только не называл и не признавал Его Богом, но даже и не знал о Нем.

Святая Екатерина отвечала:

– Но ведь тот же Гомер ваш в другом месте о великом твоем боге Зевсе говорит, что он был лукавый и лживый обманщик, и что другие боги – Гера, Посейдон и Афина[7668] хотели связать его, но он успел скрыться от них бегством. Подобных сему деяний, внушающих презрение к вашим богам, много описано в ваших книгах. Но поелику ты сказал, что ни один из древних учителей не признавал Распятого Богом, то хотя и не следовало бы много исследовать о Нем в доказательство того, что Он есть истинный Бог и непостижимый, недоступный для исследования и неизреченный Создатель неба и земли, моря, солнца, луны и всего человеческого рода, однако, для большего уверения в этой истине, я приведу свидетельства из ваших же книг. Послушай, что говорит о Нем мудрейшая Сивилла[7669] ваша, свидетельствуя о Его Божественном воплощении и спасительном распятии: «В позднейшие времена придет Некий на сию землю, примет на себя плоть кроме греха. Беспредельным всемогуществом Божества Он разрушит тление неисцельных страстей и Ему позавидуют неверующие люди, и Он будет повешен на высоком месте, как бы достойный смерти». Вспомни, что и ваш мудрец Аполлоний[7670], не своею волею, исповедует Христа Богом, принужденный к тому Его Божественной силой: «Один, – говорит он, – побуждает меня Небесный исповедать Его. Он есть свет трисветлый, пострадавший же Бог есть, но не Само Божество страдало: ибо в Нем и то и другое: и смертен по плоти, и вместе чужд тления. И Сей Муж, всё терпящий от смертных: крест, уничижение, погребение – есть Бог». Это сказал Аполлоний об истинном Боге, Который собезначален и соприсносущен Родившему Его. Он есть начало и основание, и источник всех созданных благ; Он создал мир из небытия для бытия и управляет им. Будучи единосущен Отцу, Он был человеком ради нас, жил на земле, наставляя, уча и благодетельствуя людям; потом принял смерть за нас

неблагодарных, дабы освободить нас от древнего осуждения, и даровать нам прежнее блаженство и наслаждение. Таким образом, Он отверз нам снова врата райские, которые мы заключили грехопадением. Через три дня Он воскрес, восшел на небеса, откуда и нисшел, и послал Духа Святого ученикам Своим; они же разошлись по всему миру и проповедали Его Божество, в Которое следует веровать и тебе, философ, чтобы ты познал истинного Бога, и соделался рабом Того, Который милостив и благоутробен и призывает всех согрешивших, говоря: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28). Итак, поверь хотя своим учителям и богам, – Платону, Орфею и Аполлонию, которые вполне явно и ясно, хотя и вопреки своей воле, признали Христа Богом.

Сие и многое другое говорила премудрая Екатерина и привела в удивление философа, так что он оставался безгласным, не имея сил что-либо сказать ей в ответ. Царь, видя его побежденным и изумленным, велел остальным начать беседу с святою девицею. Но они отказывались, говоря:

– Мы не можем противостоять истине, ибо, если самый ученый из нас молчит, побежденный, то что скажем мы?

Тогда разгневанный царь приказал развести сильнейший огонь среди города и сжечь всех философов и витий. Те, услыхав такой суд и приказание царя, припали к ногам Екатерины, прося ее, помолиться о них Единому Истинному Богу, дабы Он простил им всё совершенное ими в неведении, и сподобил их святого крещения и даров Пресвятого Духа.

Святая же, исполнившись услаждения и радости, сказала им:

– Истинно блаженны и счастливы вы, ибо, оставив тьму, познали свет истинный, и, презрев смертного земного царя, приступили к Бессмертному Небесному; твердо надейтесь на Его милость, и веруйте, что огонь, которым вас устрашают нечестивцы, послужит вам крещением, и лестницею, возводящею к небу. В сем огне вы очиститесь от всякой скверны плоти и духа, и пред Царем славы предстанете светлыми и чистыми как звезды, и соделаетесь возлюбленными друзьями Его.

Сказав сие, святая Екатерина осенила каждого из них крестным знамением и они с радостью пошли на мучение. Воины ввергли их в огонь, и таким образом они приняли мученическую кончину[7671]. Вечером пришли некоторые благочестивые и христолюбивые люди, чтобы похоронить останки святых мучеников, но нашли тела их совершенно целыми, так что огонь не коснулся даже волос их. Через сие чудо многие из язычников обратились к познанию истины, а мощи святых мучеников были с должною честью погребены.

Между тем Максимин решился употребить всё старание, чтобы совратить святую Екатерину к своему нечестию. Не достигнув успеха через философские споры, он начал ласкательством и лукавством соблазнять ее. Призвав ее, он сказал:

– Послушай меня, добрая дочь; я, как чадолюбивый отец, советую тебе поклониться великим богам, в особенности же Гермесу, покровителю наук, который украсил тебя такими философскими дарованиями. Я же, если ты исполнишь мое предложение, разделю с тобою царство мое, и власть мою – боги мне в том свидетели, – и ты будешь жить со мною в непрестанном веселии.

Но премудрая Екатерина, проникая в его намерение и видя его лукавство и лесть, сказала ему:

– Оставь, царь, свою хитрость, и не уподобляйся лисице. Я решительно, раз навсегда, сказала тебе, что я христианка, и уневестилась Христу. Его Одного имею я Женихом и Наставником и украшением моего девства; не прельщай меня царскою багряницею[7672], – я предпочитаю ей одежды мученические.

Тогда царь сказал ей опять:

– Ты принуждаешь меня, хотя и против моей воли, к тому, чтобы я обесчестил твое достоинство и покрыл прекрасное твое тело множеством ран.

– Делай, что хочешь, – отвечала святая: через временное бесчестие ты приобретешь мне вечную славу и великое множество людей, (как я надеюсь), уверуют через меня во

Христа моего; и из твоих палат многие пойдут вместе со мною в священные небесные чертоги.

Так пророкала святая; Бог же, с высоты призирая на нее, приводил в исполнение ее пророчение.

Тогда сильно разгневанный царь велел снять с Екатерины порфиру и обнаженную бить немилосердно воловьими жилами. Слуги били мученицу жестоко в течение двух часов по плечам и чреву, так что всё тело ее покрылось ранами и обезобразилось; кровь текла ручьями и обагряла землю. Но все эти мучения святая переносила с таким мужеством и доблестью, что смотревшие на нее были поражены великим изумлением. После этого жестокий царь приказал заключить Екатерину в темницу и не давать ей ни пищи, ни питья до тех пор, пока он не измыслит новых мук, чтобы погубить ее.

Между тем Августа, супруга царя, сильно желала увидеть в лицо святую Екатерину. Слыша о ее добродетелях, мудрости и мужестве, она заочно сильно полюбила ее. После же одного видения во сне, сердце Августы пылало такою любовью к Екатерине, что она не могла даже уснуть. Когда царь по какому-то делу выехал из города, и несколько дней медлил возвращением, царица нашла удобное время для исполнения своего желания. Был тогда при дворе один вельможа, верный друг царя, по сану военачальник, именем Порфирий, – человек, отличавшийся благоразумием. Сему Порфирию царица поведала свое тайное желание.

– В одну из прошедших ночей – сказала она ему, – я видела во сне Екатерину, которая восседала посреди множества прекрасных юношей и дев, одетых в белые одежды. От лица ее исходило такое сияние, что я не могла смотреть на нее. Посадив меня рядом с собой, она возложила на мою голову золотой венец и сказала: «Владыка Христос посылает тебе сей венец». С того времени я имею такое сильное желание видеть ее, что не нахожу покоя для сердца своего; прошу тебя, Порфирий, устрой каким-либо образом, чтобы я тайно могла видеть ее.

– Я исполню, царица, желание твое, – отвечал Порфирий.

Когда наступила ночь, Порфирий взял двести воинов и пошел вместе с царицею в темницу; давши деньги стражам, они вошли к святой мученице. Когда царица увидела святую, то была поражена сиянием от лица ее, которое сияло Божественною благодатью. Быстро упав к ногам Екатерины, царица со слезами воскликнула:

– Теперь я считаю себя счастливой и блаженной, ибо сподобилась видеть тебя. Подобно оленю, ищущему утолить жажду свою (ср. Пс.41:2), я безмерно желала видеть тебя, и жаждала слышать сладостные твои речи. Теперь, когда сподобилась получить желаемое, я уже не скорблю, хотя бы пришлось мне лишиться жизни и царства: как я счастлива, что увидела тебя! Блаженна ты и достойна похвалы, что предалась всемогущему Владыке, Который излил на тебя столь великие дарования.

Святая сказала ей в ответ:

– Блаженна и ты, царица, ибо я вижу венец над твоею главою, держимый в высоте руками Ангелов; через три дня ты получишь его за те немногие мучения, которые претерпишь ради Христа, чтобы через них отойти к Истинному Царю для вечного царствования.

Царица же отвечала Екатерине:

– Боюсь мучений, которые ты предрекаешь мне, а еще больше супруга моего, который весьма жесток и бесчеловечен.

– Не страшись, – сказала ей святая, – Сам Христос будет тебе помощником; Он укрепит сердце твое, и никакое мучение не коснется души твоей; только тело твое пострадает здесь немного и привременно, а потом и оно получит вечный покой.

Когда святая изрекла сие, Порфирий спросил ее:

– Что дарует Христос тем, которые веруют в Него? Ибо и я желаю веровать в Него и быть воином Его.

Мученица отвечала ему:

– Разве ты не читал, или не слыхал ничего из Писания христианского?

– С юных лет, – отвечал Порфирий, – я упражнялся в воинских занятиях, и ни о чем другом не имел попечения.

Святая сказала ему:

– Нельзя языком человеческим выразить тех благ, какие преблагой и человеколюбивый Бог уготовал любящим Его и хранящим Его повеления.

Тогда Порфирий, исполнившись безмерной радости, уверовал во Христа и с ним двести воинов и царица, – и все, благоговейно простившись с мученицею, ушли.

Милостивый же и человеколюбивый Христос не оставил святую Свою невесту без попечения, но, как чадолюбивый отец, промышлял о ней. Каждый день к ней влетала в окно голубица и приносила пищу. Наконец, и Сам благий Подвигоположник Господь наш Иисус Христос посетил ее, окруженный великою славою и всеми небесными чинами, и еще более укрепил ее в мужестве, и исполнил духом смелости:

– Не бойся, возлюбленная Моя невеста, – сказал Он ей – Я всегда с тобою и никакое мучение не коснется тебя; терпением своим ты многих обратишь ко Мне, и в награду за то сподобишься многих нетленных венцов.

Утешив ее такими словами, Господь стал невидим.

Наутро царь, воссев в судилище, приказал привести Екатерину. Она вошла к царю, сияя духовною благодатью и каким-то блаженным озарением, так что близ стоящие были озарены сиянием от ее красоты. Царь был весьма удивлен, и думал, что кто-либо подавал ей пищу в темнице, и потому она не ослабела телом, и не изменилась в красоте лица своего, поэтому хотел предать казни ее стражей. Но святая Екатерина, не желая, чтобы другие были мучимы безвинно, поведала ему всю истину, сказав:

– Знай, царь, что никакая рука человеческая не подавала мне пищу, но Владыка мой Христос, Который невидимо печется о рабах Своих, питал меня.

Царь, дивясь необычайной красоте святой Екатерины, хотел опять ласкательством и лестью повлиять на нее, и сказал ей:

– Ты, солнечнозрачная девица, красотою своею превосходишь самую Артемиду[7673]; ты рождена владычествовать, дочь моя. Итак, приди, поклонись и принеси жертву богам нашим, тогда будешь царствовать с нами и

проведешь в радости жизнь свою; прошу тебя: не губи такую свою светлую красоту через мучения.

– Я земля и прах, – отвечала святая. – Вся же красота, как цвет увядает, и, как сон, исчезает от самой небольшой болезни, или от старости, а по смерти предается совершенному тлению; итак, не заботься, царь, о моей красоте.

Во время этой беседы святой Екатерины, один вельможа, по имени Хурсаден – жестокий и немилосердный мучитель христиан, – желая показать любовь и расположение к царю, сказал ему:

– Я, царь, изобрел такое мучение, посредством которого ты победишь сию девицу. Прикажи устроить на одной оси четыре деревянные колеса, а по ним вокруг наколотить разные железные острия: два колеса пусть обращаются в правую, а два в левую сторону; по средине же их пусть будет привязана девица, и вращающиеся колеса раздробят ее тело. Но прежде пусть только покажут эти колёса Екатерине, чтобы она, видя их, убоялась жестокого мучения, и подчинилась бы твоей воле; если же и после этого она останется в прежнем упорстве, – то пусть примет мучительную смерть.

Царю понравился этот совет, и он велел устроить такие колёса, о которых говорил Хурсаден. Когда колеса были готовы, то привели святую на место мучения и сначала с большою силою вращали колеса пред ее глазами, дабы устрашить ее, а затем мучитель сказал ей:

– Видишь, какие мучения приготовлены для тебя! И ты примешь в них ужаснейшую смерть, если не поклонишься богам.

Но на это Екатерина отвечала:

– Много раз уже я высказывала свое решение остаться христианкой; поэтому, царь, не теряй напрасно времени, а делай, что хочешь.

Мучитель, видя, что не может устрашить Екатерину и отвратить ее от Христа, велел привязать ее к колесам, и с силою вращать их, дабы она была растерзана на части и таким образом умерла бы ужаснейшею смертью. Но лишь только приступили к сему мучению, как внезапно сошел с неба Ангел,

освободил от уз святую, а колеса сокрушил на части; причем колеса, с силою разбиваемые, летели в сторону и поражали многих неверующих на смерть. Видя такое преславное чудо, весь народ воскликнул:

– Велик Бог христианский!

А царь от ярости был мрачен и неистовствовал, измышляя новые пытки для мученицы.

Царица Августа, услыхав об этом чуде, вышла из своих палат и стала обличать царя.

– Поистине, – говорила она, – ты дерзок и безумен, ибо осмеливаешься бороться с Живым Богом, и несправедливо мучить Его рабу.

Неожиданно услышав сии слова, царь рассвирепел от неистовства, и сделался лютее всякого зверя. Оставив святую Екатерину, он обратил всю ярость на свою супругу. Забыв даже естественную к ней любовь, он велел принести большой ящик и наполнить его оловом, чтобы он был неподвижен, набить гвоздей в крышку ящика, и защемив сосцы своей жены между ящиком и крышкою, сдавливать их. И мучители, причиняя святой невыразимые страдания, сдавливали ее сосцы, пока они не оторвались с ужасною болью. Блаженная же Августа, терпя сию ужасную боль, радовалась, что страждет за Истинного Бога, и молилась Ему, да ниспошлет Он ей благодатную Свою помощь. Когда сосцы оторвались, кровь текла рекою, и все окружающие исполнились жалости и выражали соболезнование к ней, переносящей такое ужасное и нестерпимое мучение. Но немилосердный мучитель не помиловал своей супруги, и повелел отсечь ей голову мечом. Она же, выслушав сей приговор с радостию, сказала святой Екатерине:

– Раба Истинного Бога, помолись о мне!

– Иди с миром, – отвечала ей святая дева, – дабы царствовать со Христом вечно.

И блаженная царица была усечена за городом в двадцать третье число ноября[7674]. Воевода же Порфирий, взяв ночью ее тело, с честью предал его погребению. Наутро же сам Порфирий, с уверовавшими во Христа воинами, предстал пред царем, и сказал:

– И мы – христиане, воины великого Бога.

Не имея сил слышать этого, царь вздохнул из глубины сердца, и воскликнул:

– Увы, погиб я, ибо лишился дивного Порфирия. Потом, обратившись к прочим воинам, сказал:

– И вы, воины мои достолюбезные, соблазнились, и от богов, в которых веровали отцы ваши, отреклись; что сделали вам боги, за что оставили их вы?

Они же не отвечали ему ни одного слова. Только Порфирий сказал ему:

– Почему ты оставляешь без внимания главу, и вопрошаешь ноги? Со мною беседуй.

– Ты злая глава, виновник их погибели, – воскликнул Максимин.

И не имея сил от ярости продолжать речь, приказал усечь им всем головы. Так окончили они жизнь свою. Таким образом исполнилось пророчение святой Екатерины, которая предсказала царю, что многие из его собственных палат уверуют через нее во Христа Бога.

На другой день мучитель, приведя Екатерину в судилище, сказал ей:

– Великую скорбь и большое огорчение ты причинила мне. Ты прельстила мою жену, и погубила мужественного моего военачальника, который был всею силою моего войска; много и других зол причинено мне через тебя, так что нужно было бы умертвить тебя без милосердия; но я прощаю тебя, потому что не желаю погубить тебя, девицу столь прекрасную и премудрую. Исполни же, наконец, мою волю, моя возлюбленная, принеси жертву богам, и я сделаю тебя своею царицею, и никогда не оскорблю тебя, и без твоего совета не исполню никакого дела, и ты будешь жить со мною в таком веселии и блаженстве, какими ни одна царица не наслаждалась.

Сие и многое другое говорил льстивый, соблазняя избранную невесту Христову, но не мог льстивыми своими словами разлучить ее со Христом, с Которым она была связана крепким союзом истинной любви. Видя, что ни ласкательством, ни обещаниями, ни угрозами, ни муками он не может склонить к

своей воле твёрдую, как адамант[7675], святую деву, он, наконец, постановил решение – усечь главу ее мечом вне города. Воины, взявши Екатерину, повели ее на место усечения. Много людей – мужчин и женщин – сопровождали Екатерину; все плакали и сожалели о том, что погибает столь прекрасная и премудрая девица. Многие из следовавших за нею знатных и благороднейших женщин говорили ей со слезами:

– Прекраснейшая и пресветлая девица! Почему ты так жестокосерда к себе, что предпочитаешь смерть сладостной жизни? Зачем ты губишь безвременно и бесплодно цвет юности своей? Не лучше ли тебе послушать царя, и наслаждаться благами в сей жизни, чем умереть такою позорною смертью.

– Оставьте ваш бесполезный плач, – отвечала святая, – но лучше радуйтесь о том, что я ныне вижу возлюбленного жениха, Иисуса Христа, – Творца и Спасителя моего, Который есть красота, венец и слава мучеников. Он призывает меня к неизреченному блаженству райскому. С Ним я буду царствовать и наслаждаться в бесконечные веки. Итак, не обо мне, – а о себе плачьте, потому что за свое неверие вы пойдете в огонь вечный на бесконечные мучения.

Когда же святую привели на место усечения, она произнесла следующую молитву:

– Господи Иисусе Христе, Боже мой! Благодарю Тебя за то, что Ты поставил на камне терпения ноги мои, и направил стопы мои. Простри ныне пречистые длани Твои, некогда уязвленные на кресте, и приими душу мою, приносимую Тебе в жертву ради любви к Тебе. Вспомни Господи, что я – плоть и кровь, и не попусти, чтобы лютые истязатели на Страшном Суде соделали явными согрешения мои, в неведении соделанные; но омой их кровью, которую я изливаю за Тебя и соделай, чтобы тело сие, израненное в муках ради Тебя и усекаемое мечом, было бы невидимо для врагов и гонителей моих. Призри с высоты Твоей, Господи, и на предстоящих людей сих, и наставь их светом Твоего познания; и прошения тех, которые призовут через меня имя Твое святое, исполни на пользу, дабы всеми воспевалось величие Твое вовеки.

Окончив молитву, святая сказала исполнителю казни:

– Оканчивай приказанное.

Тогда воин поднял меч и отсек честную главу Екатерины[7676], и из раны вместо крови истекло молоко. Честные ее мощи, как то видели удостоившиеся того верующие, тотчас же были взяты святыми Ангелами, и перенесены на гору Синайскую[7677], во славу Христа Бога, Который со Отцом и Святым Духом во Едином Божестве царствует вовеки. Аминь[7678].

Тропарь, глас 4:

Добродетельми, яко лучами солнечными, просветила еси неверныя мудрецы, и якоже пресветлая луна ходящым в нощи, неверия тьму отгнала еси, и царицу[7679] уверила еси, вкупе же и мучителя обличила еси, богозванная невесто, блаженная Екатерино: желанием востекла еси в небесный чертог, к прекрасному Жениху Христу, и от него царским венцем венчалася еси: Ему же, со Ангелы предстоящи, за ны молися, творящыя пречестную память твою.

Кондак, глас 2:[7680]

Лик честный Божественне, мучениколюбцы, воздвигните ныне, почитающе всемудрую Екатерину: сия бо в тризници Христа проповеда, и змия попра, риторов разумы укротивши.

Страдание святого великомученика Меркурия

Память 24 ноября

Нечестивые цари Римские, Декий и Валериан[7681], созвав своих князей и вельмож, имели совещание с ними о распространении чествования своих лживых богов, и истреблении и уничтожении святой христианской веры. И единодушно, с общего согласия, они издали в Капитолии[7682] следующий указ:

– Римские цари, непобедимые победители, присночестные, великие, верные, Декий и Валериан с вельможами: так как мы испытали благодеяния и дары наших богов и, вместе с тем, насладились победами, которые они подают нам на врагов, так как, к тому же, мы изобильно получаем от них всякого рода плоды, через благорастворение воздухов, и считаем их своими благодетелями и устроителями общего благополучия; то, поэтому, по совещании с вельможами, единодушно повелеваем, чтобы люди всякого звания, свободные и рабы, военные и не военные, – приносили жертвы богам, припадая и усердно молясь им. Если же кто осмелится нарушить наше царское повеление, изданное нами на общем совещании, того мы повелеваем, связав, бросить в темницу, потом предать различным мучениям. Если, раскаявшись, он подчинится повелению, то будет удостоен нами не меньшей почести; если же будет противиться, то, после многих мучений, пусть будет казнен через усечение мечом, или пусть будет брошен в море, или отдан на съедение птицам и псам. В особенности же так должны быть казнены христиане, если найдется кто-либо из их веры; повинующиеся же нашему повелению получат великие почести и подарки. Желаем благополучно здравствовать.

Когда был издан такой царский указ, то весь Рим пришел в смятение, ибо это безбожное повеление было объявлено по всему городу и послано в окрестные города и страны. В то время на римское государство восстали варвары[7683]; цари приготовляли своих воинов и приказали воинским полкам из

всех городов сходиться в Рим. Тогда пришел и тот полк, в котором Меркурий был воином; этот полк назывался Мартенсес, из первой Армении[7684], под начальством трибуна[7685] Сатурнина. По отбытии царя Декия на войну, Валериан остался в Риме.

Когда, во время войны римлян с варварами, между ними произошла продолжительная битва, Меркурию явился Ангел Господень в образе великого человека. Одетый в белые одежды и держа в своей руке меч, он сказал ему:

– Не бойся, Меркурий, и не страшись, ибо я послан на помощь тебе, чтобы сделать тебя победителем. Приими сей меч и устремись на варваров; и когда победишь их, не забудь Господа Бога твоего.

Находясь как бы в состоянии исступления, он принял явившегося ему за одного из римских князей; взяв подаваемый ему меч, он устремился с великим мужеством на врагов и посекал их как стебли растения. Пройдя сквозь варварские полки, он достиг до самого варварского царя, убил его мечом и поразил вместе с ним великое множество храбрых воинов, так что меч прилип от крови к руке его; так варвары были побеждены и обращены в бегство римлянами.

Тогда Декий, узнав о великой храбрости Меркурия, призвал его к себе и, почтив великими дарами, поставил его начальником над всем войском. Декий, думая, что враги были побеждены с помощью богов, был весьма рад и, раздав воинам много золота, отпустил каждого к себе домой; сам же, идя с Меркурием к Риму, устраивал по городам большие пиры. Однажды ночью, когда военачальник Меркурий спал, пришел к нему Ангел таким же образом, как и в первый раз, и, толкнув его в бок, разбудил. Поднявшись и увидев явившегося, он как бы онемел от ужаса. Ангел сказал ему:

– Меркурий! Не помнишь ли – что я сказал тебе на войне? – Смотри, не забывай Господа Бога твоего, ибо тебе надлежит пострадать за Него и получить венец победы в преславном Царствии Его, со всеми святыми.

Сказав это, Ангел сделался невидим. Он же, придя в себя, начал благодарить Бога и вспомнил о христианской вере, о которой слышал от деда и от своего отца. Отец его, по имени

Гордиан, состоя воином в том же полку, в котором впоследствии числился и он, часто говорил:

– Блажен – кто состоит воином Царя Небесного, потому что получит от Него награду в Небесном Царствии. Ибо Сей Царь сотворил словом всяческая, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его.

Вспоминая эти слова своего отца и размышляя умом о явлении Ангела, Меркурий умилился сердцем и начал плакать и рыдать, говоря:

– Увы мне грешному! Будучи как бы ветвью зеленого дерева, я засох, – не имея ныне корня познания Бога[7686].

Когда он так говорил с рыданиями, царские слуги пришли звать Меркурия к царю на некоторое совещание. Меркурий отказался, сказавшись больным, и царь отложил совещание на другой день, ибо не хотел совещаться без Меркурия ни о чем, – так он любил и почитал его. Поутру, пригласив с почётом к себе Меркурия, царь совещался с ним о том, что относилось к пользе римского царства. По окончании совещания, царь сказал Меркурию:

– Пойдемте вместе в храм Артемиды, чтобы принести жертвы ей.

Святой, тайно уклонившись от царя, пошел в свое жилище. Некто же из вельмож оклеветал его пред царем, говоря:

– Великий царь, непобедимый победитель, избранный богами для обладания царством! Благоволи с кротостью выслушать меня. Тот, который получил почести от вашей царской десницы, которого ваша держава прославила и возвеличила, – вот он не пришел в храм великой богини принести жертву за вашу державу.

Царь спросил:

– Кто это не хочет приносить, в единомыслии с нами, жертвы досточтимой Артемиде?

Советник Катул отвечал:

– Меркурий, которого возвеличила ваша царская милость, – он отказывается от поклонения нашим богам.

Царь сказал:

– Не по зависти ли какой вы клевещете на него? – не поверю вам, пока сам не испытаю его и не удостоверюсь твёрдо. И если не окажется того, что вы говорите, то примите много казней за свою клевету; если же это окажется истиной, то за верность богам и нашему царству будете удостоены почести от нас.

Сказав это, царь тотчас послал пригласить Меркурия с честью, и когда он явился, Декий сказал:

– Не я ли оказал тебе почесть, поставив тебя начальником над всеми моими князьями, по той причине, что, с помощью богов, ты победил врагов? Зачем же ты оказываешься неблагодарным за такие мои благодеяния тебе и презираешь власть и повеление мое, не воздавая подобающей чести нашим богам, как мы слышали от некоторых верных нам людей.

Доблестный воин Христов, совлекшись, по Апостольскому слову, ветхого человека с деяниями его и облекшись через крещение в нового, созданного по Богу[7687], с дерзновением отвечал:

– Почесть твоя пусть будет с тобою, ибо я победил врагов не с помощью ваших немощных богов, но – силою Христа Бога моего; (однако) возьми от меня то, что ты дал мне, ибо наг я вышел из чрева матери моей, наг и отойду[7688].

Сказав это, он снял воинский пояс и начальническую одежду и бросил к ногам царя с громким восклицанием:

– Я – христианин! Слышите все, что – я христианин.

Тогда Декий пришел в ужас и, в молчании смотря на святого, удивлялся его смелому слову и делу, дивился еще и красоте тела его, ибо святой был высок ростом, румян лицом, и в самом взоре его светилось мужество. Потом он повелел заключить его в темницу, говоря:

– Этот человек не оценил своей чести, но когда он испытает бесчестие и огорчение, думаю, что обратится к благочестивой мысли.

Святой, когда отвели его в темницу, славил и благодарил Бога. Ночью ему снова явился Ангел Господень, говоря:

– Будь мужествен, Меркурий, и не бойся; веруй в Господа, Которого ты исповедал, и Он избавит тебя от всякой печали.

Меркурий был весьма укреплен этим Ангельским явлением. Поутру на другой день царь Декий сидел на судилище, и когда Меркурий предстал пред ним, сказал ему:

– через свое безумие ты заслужил такую честь[7689], что стоишь, как осужденный, на суде.

Святой отвечал:

– Поистине мне приличествует такая честь[7690] ради моего Господа. Ты взял то, что вскоре погибает[7691], я же получу то, что пребывает во век[7692].

Царь сказал:

– Поведай нам, какого ты рода и отечества.

Святой отвечал:

– О роде моем и отечестве, если хочешь узнать, я скажу тебе. Отца моего звали Гордианом, по происхождению он скифянин[7693] и был воином в полку Мартенсов; отечество же мое, к которому я с ревностью иду, есть горний Иерусалим – город Царя Небесного[7694]. Царь сказал:

– Почему ты не повинуешься нашей воле, почему не исполняешь заповеди, данной нами для всех? Почему не хочешь поклониться богам, чтобы получить свой прежний сан! Или хочешь умереть в мучениях? – отвечай скорее, потому что ты для этого призван.

Святой Меркурий сказал:

– Я пришел (сюда) для того, чтобы победить тебя и твоего отца диавола, виновника всякого зла, и получить венец победы от Подвигоположника[7695] Иисуса Христа, моего Господа. Исполняй надо мною без отлагательства то, что замышляешь, ибо у меня есть броня и щит, которым преодолею все измышляемые тобою против меня мучения.

Тогда царь, разгневавшись, сказал:

– Так как ты говоришь, что имеешь броню и щит веры, то повелеваю повесить тебя нагим, растянув между четырьмя столбами.

Когда это было сделано, мучитель сказал:

– Где (у тебя) ныне орудия для борьбы твоей?

Святой же Меркурий, воззрев на небо, сказал:

– Господи Иисусе Христе, помоги мне, рабу Твоему!

Царь повелел, принеся острые ножи и мечи, резать тело святого, а на земле под ним развести огонь, чтобы, израненный сверху ножами и мечами, а снизу опаляемый огнем, он жестоко страдал. Когда стали делать это, из тела его кровь потекла ручьями, так что даже огонь погас от крови, а святой всё терпел доблестно.

После этого Декий повелел отвязать его, – чтобы он не умер (слишком) скоро, – и крепко запереть в некотором помещении. Слуги, взяв его, понесли, ибо он не мог сам идти, будучи еле жив, и бросили его в тюрьме, думая, что он тотчас умрет. И святой лежал как мертвый, только чуть дыша, по причине жестоких ран. С наступлением ночи, Ангел Господень пришел к нему и сказал:

– Мир тебе, добрый страдалец! – и исцелил его от ран. Святой, ощутив в себе силу, встал здоровым и благодарил Бога, посетившего его через Своего Ангела.

Поутру царь снова повелел представить к нему Меркурия. Воины, пойдя за ним, нашли его здоровым и, взяв, повели его к царю. Царь, увидев, что он здоров и ходит без нужной помощи, сказал:

– Тот, которого вчера унесли от нас мертвым, ныне ходит сам, – как будто бы не имел на себе никакой раны, – и повелел воинам осмотреть раны его.

Осмотрев тело мученика, они сказали царю:

– Клянемся целостью твоей державы, – у Меркурия всё тело невредимо, без всякого порока, как будто бы никогда никакое мучение не прикасалось к нему.

Царь сказал:

– Он непременно станет говорить, что его исцелил Христос, – не приводили ли вы к нему в темницу какого-либо врача?

Они отвечали:

– Клянемся вашею державою, управляющею всем миром, что никто не осматривал его, ибо мы думали, что он тотчас умрет; а как он исцелился и стоит ныне здоровым, мы не знаем.

Царь сказал:

– Посмотрите на христианское колдовство: тот, который вчера казался мёртвым, сегодня стоит здоровым пред нами, – и

с яростью сказал святому:

– Кто тебя исцелил, скажи нам по правде? Ибо я не считаю возможным для тебя исцелиться иначе как через колдовство.

Святой отвечал:

– Как ты сам первоначально сказал, против своей воли, так и есть: Господь наш Иисус Христос, истинный Врач душ и телес, исцелил меня, – Он, Который, связав нерушимыми узами всех колдунов и чародеев, вместе с поклоняющимися идолам, предаст их геенскому огню за то, что они не познали истинного Бога, создавшего их.

Царь сказал:

– Я снова рассеку твое тело ранами и посмотрю, исцелит ли тебя Христос, Которого ты исповедуешь.

Святой отвечал:

– Верую в Господа моего Иисуса Христа, что ты не победишь меня всеми своими, измышляемыми против меня, мучениями, ибо я нисколько не боюсь их, будучи укреплен словами моего Владыки, Который сказал «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28). По умерщвлении, Он воскресит меня снова в Страшный день праведного Суда.

Царь повелел снова мучить его огнем и ранами. Когда святого били и жгли огнем, то от опаляемого тела его, вместо смрада, исходило великое благоухание. Мученик терпел так доблестно, что не испустил крика, ни стона, ни вздоха, так что все дивились терпению его. Царь сказал ему, насмехаясь:

– Где ныне твой Врач? – пусть придет сюда и исцелит тебя ведь ты говорил, что Он может и по смерти воскресить тебя.

Святой Меркурий отвечал:

– Делай, что хочешь, ты имеешь власть над телом моим, над душою же – Бог: хотя бы ты и умертвил мое тело, однако, душа пребудет нетленной вовеки.

Царь повелел повесить его вниз головой, на шею же его привязать большой камень, чтобы, давимый тяжестью камня, он умер. Мученик же, укрепляемый благодатью Божиею, в продолжение многих часов претерпевал это мучение, оставаясь

живым. Потом, отвязав камень, царь повелел бить его бичами, концы которых были окованы медью; и били его так жестоко, что даже земля обагрилась кровью его. Он же, твердый как адамант, мужественно терпел, говоря:

– Благодарю Тебя, Господи, что сподобил меня пострадать за имя Твое.

Царь, видя, что мученика никак нельзя склонить к воле его, и, не имея более времени мучить его, ибо спешил идти скорее в Рим, – постановил над ним такой окончательный приговор:

– Меркурия, который вменил наших богов в ничто и презрел честное постановление нашей кротости, наша держава повелевает вести в Каппадокийскую страну[7696] и там отрубить ему главу, для вразумления многих, – ибо всякий противящийся царю будет казнен мечом после многих мучений».

Воины, взяв святого, положили его на животное[7697] и, крепко привязав его (ибо он был весьма расслаблен телом по причине многих мучений), повезли в Каппадокию. Когда они были в Кесарии[7698], Господь явился святому и сказал:

– Меркурий! Приди ко Мне и успокойся; течение ты совершил, веру соблюл, – приими же венец подвига твоего[7699], ибо здесь тебе должно скончаться.

Мученик, весьма укрепленный этим видением Спаса и желая скорее разрешиться от тела и жить со Христом[7700], сказал бывшим с ним воинам:

– Совершите то, что приказано вам, не откладывая более. Господь же, призывающий всех к покаянию, да подаст вам Свою благодать; богатый милостью, Он преизобильно подает Свои дары приходящим к Нему.

После того как он это сказал, глава его была усечена, при исповедании им Спаса нашего Иисуса Христа, месяца ноября 24 дня. На второй день по кончине святого, тело его оказалось белым как снег и от него исходило благоухание драгоценного мира и фимиама, и по причине такого чуда многие уверовали во Христа.

Святое тело его было с честью положено на славном месте, подавая больным много исцелений. Сего воина, святого великомученика Меркурия, душою уже торжествующего на небе,

возбранная Воевода, Пресвятая Богородица, употребила, спустя значительное время, на следующую свою воинскую службу.

Когда святой Василий Великий[7701] молился пред иконою Пресвятой Богородицы, – при которой было изображение и святого великомученика Меркурия с копьем, как воина, – чтобы злочестивый царь Юлиан Отступник[7702], великий гонитель и истребитель правоверных христиан, не возвратился из Персидской войны[7703] для истребления христианской веры, то увидел, что там, при иконе Пресвятой Богородицы, образ святого Меркурия сделался на некоторое время невидимым, потом показался с окровавленным копьем. А в то самое время Юлиан Отступник был пронзен на Персидской войне копьем неизвестного воина, который тотчас после того сделался невидим. Окаянный Юлиан, извергнув вверх хлынувшую из раны кровь, обращаясь к небу с такими хульными словами на Христа:

– Ты победил, Галилеянин! – умер со злобой на устах.

Это чудо сделалось тогда явным, ибо, по молитвам святого Василия Великого, сама Пресвятая Богородица послала сего угодника Божия и своего, святого победоносного великомученика Меркурия, от церкви торжествующей к церкви воинствующей, на казнь богопротивного отступника Юлиана, на защиту святой веры и православных христиан. Его святым предстательством и защитою пусть будем и мы сохранены от богопротивных врагов, побеждаемых с помощью его и будем вместе с ним славить Бога и Богородицу, во веки веков, аминь.

Кондак, глас 4:

Во бранех непобедимаго воина, и в бедах непостыдна заступника, песньми Меркурия ублажим славяще: празднующыя бо память его весело, от бед избавляет и скорбей.

Память святого мученика Меркурия Смоленского

Память 24 ноября

Великое и тяжкое бедствие постигло Русскую землю в начале XIII века. Божиим попущением за множество грехов наших на русский народ напали злые враги – татары. Множество жителей было убито или отведено в плен; великое запустение стало во всей земле Русской. Поля оставались необработанными, – лишь дикие звери рыскали во множестве по полям, пожирая человеческие трупы. Много русских князей погибло тогда, защищая свое отечество. Безбожные враги не щадили ни младенцев, ни беззащитных жителей. Всех они избивали и немилосердно губили. Многих они предавали бесчестно злым поруганиям. Жестокие завоеватели связывали пленников собственными их волосами и гнали перед собой, как животных, нещадно нанося им удары бичами. Святые церкви и монастыри были разграблены и иноки перебиты. Уже Киев был сожжен варварами и лежал в развалинах. Хан татарский Батый стал покорять другие города; он достиг Москвы и взял ее. Далее он подступил к Смоленску и умыслил разорить его, уже он приближался с громадной ратью к сему городу. Среди варваров особенно отличался своей силой один великан со своим сыном. Сила их была необычна, многие уже погибли от руки сего мучителя. Он был во главе передового полка. Страх и трепет овладел жителями Смоленска: их ожидала неминуемая гибель. Одна надежда им оставалась на покровительство Царицы Небесной; они стали усердно просить Пресвятую Богородицу избавить их от безбожных врагов и злых мучителей. Царица Небесная, непобедимая помощница всем призывающим ее с верою, не допустила, чтобы сей город достался врагам, передовое полчище которых было уже недалеко от Смоленска и остановилось в так называемом Долгомостье.

В сие время в Смоленске проживал святой Меркурий. Родился он на западе от благородных родителей, державших православную веру. Еще в юных летах он переселился в

Смоленск и поступил на службу к местному князю. Будучи воином, Меркурий отличался своей силой и высоким ростом. Не менее он был велик и духовной силой; с раннего возраста он обращал на себя внимание своей благочестивой жизнью: подвизался в посте и целомудрии, каждую ночь он втайне от всех воспевал благодарственные хваления Господу. Услышав о приближении злых врагов, о разорении Божиих храмов, святой Меркурий скорбел и болел душою; с каждым днем он более и более возгорался Божественной ревностью, он желал пострадать и положить душу свою за веру Христову. И молитва его была услышана.

Ночью в соборном храме пред иконой Пресвятой Богородицы молился некий пономарь, служивший в сем храме. Со слезами просил он Пречистую Богоматерь об избавлении города от врагов. Вдруг он услышал глас, раздававшийся от иконы.

– Иди к рабу моему Меркурию на Подолье.

При сем Пресвятая Богоматерь указала ему дверь, где жил святой Меркурий.

– Итак, ступай к нему на двор указанного дома и тихо скажи ему: Меркурий! Тебя зовет Владычица. Ступай в военных доспехах на врагов.

Удивился пономарь сему гласу от иконы. Тотчас же он отправился из собора и пришел к тому дому, который ему указала сама Пресвятая Богородица.

Он застал святого Меркурия на дворе; святой подвижник молился и воздевал свои руки к небу. Он был в своем воинском вооружении, ибо в тот самый час, когда пономарь услышал глас от иконы Пречистой, то и святой Меркурий был предуведомлен чудесным образом о пришествии к нему пономаря.

Между тем пономарь подошел к святому и сказал ему:

– Меркурий, ступай немедленно, ибо тебя зовет Владычица.

Святой Меркурий, вместе с пономарем, отправился в церковь Пресвятой Богородицы. В храме они нашли свечу, которая горела пред иконой Богородицы. Святый Меркурий, упав пред иконой, со слезами стал молиться, прося Пресвятую

Госпожу о помощи и заступлении. Тогда вдруг раздался глас от иконы:

– Раб мой Меркурий, я посылаю тебя, чтобы ты отразил врагов от града сего и защитил храм сей. Для этого я призвала тебя сюда из страны Римской. Враги втайне задумали в сию ночь напасть на град и разорить его. Но не оставлю я града сего: по молитвам моим он не будет предан в руки врагов. Немедленно ступай, раб мой, навстречу врагам, ступай на место, известное под названием Долгомостье. Там стоит вооруженная рать злых варваров. Не бойся: ты победишь воеводу вражеского. Я не оставлю тебя. В сей битве ты победишь врагов и сам получишь от Господа венец победы и вечного блаженства.

Услышав сей глас, святой Меркурий преисполнился великой радости. Сама Царица Небесная обещала ему то, к чему он давно уже стремился всей душой, ибо всегда был объят желанием пострадать за своих братьев и за веру Христову. Возблагодарив Пресвятую Богородицу он вышел из храма и горя Божественной ревностью, немедленно отправился на указанное место.

Была глубокая ночь. Не ожидая так скоро нападения врагов, граждане были объяты крепким сном. Тихо и незаметно прошел святой Меркурий мимо стражи у городских ворот. Придя на Долгомостье, он обнажил меч свой и со словами: «Пресвятая Богородица, помоги мне», устремился на татарское полчище. Гордый исполин, надменный своей силой, пал первым от руки святого Меркурия: сила, которой он так превозносился, оставила его, лишь только пред ним предстал Христов воин. Много и других врагов из передового полка погибло от меча святого Меркурия. Оставшиеся в живых враги были объяты ужасом и побежали. Святой Меркурий, отойдя в сторону, стал молиться и благодарить Пресвятую Владычицу за Ее дивное и славное заступление.

– Пречистая, преславная и преблагословенная Владычица! Ты Своим ходатайством спасла град сей и не допустила людям Твоим впасть в руки злых врагов христианских. Ныне же молю Тебя, Пресвятая Богородице, не отринь и меня грешного и

недостойного раба Твоего: я знаю, что мне надлежит венчаться славным венцем мученичества и пролить кровь за святую веру. Не страшит меня сие, ибо я уже давно имею желание «разрешиться и быть со Христом». Помолись обо мне, славная Заступнице нашего града, к Сыну Твоему и Богу нашему: да причтет Он меня к избранному Своему стаду и сподобит вечно восхвалять Его святое имя.

Тогда раздался глас:

– Да будет тебе по прошению твоему.

Между тем враги, получив подкрепление, снова устремились на святого Меркурия. Но воин Христов, призывая имя Господне, опять поразил их; враги отступили снова со срамом:

– Горе нам, – вопили они, – нельзя нам устоять против сего воина, ибо вместе с ним нас поражают некие молниеносные мужи. А над ними видим мы лучезарную Жену.

В сие время сын убитого исполина, желая отомстить за смерть своего отца, коварно напал на святого Меркурия и усек ему мечом честную его главу. На всех врагов напал великий ужас: побросав оружие, гонимые какой-то неведомой силой, они бежали от города, под которым погибло так много из лучших бойцов, и удалились из пределов Смоленских.

На рассвете, граждане увидели чудное заступление Пресвятой Богородицы: пред ними было покрытое трупами поле. С благодарностью они взяли тело славного заступника города – святого Меркурия и с честью погребли его в соборе Пресвятой Богородицы у левого клироса.

Вскоре после своей кончины, святой Меркурий явился в сонном видении вышеназванному пономарю и сказал:

– Поведай гражданам сего города: пусть они повесят мое оружие над гробом моим, на воспоминание о славном заступнике и помощи Пресвятой Богоматери.

При сем святой обещал свою помощь всем, призывающим его на помощь. Граждане тогда же повесили оружие святого над его гробницей.

Ныне мощи святого Меркурия почивают в Смоленском Авраамиевом монастыре в храме, построенном во имя славного

воина Христова, подающего всем исцеления и помощь в бедах и напастях. Да поможет он и нам побеждать страсти телесные и непрестанно восхвалять Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Кондак, глас 4:

Явился во бранех непобедимь воин, от римлян родом сыновство, име града смоленска: яко бо этих ради наречеся, яко от Богородицы страж крепок послася граду. Песньми Меркурия ублажим, празднующе весело память его, яко да избавит град наш от беды ратник.

Память преподобного Симона Сойгинского

Память 24 ноября

Преподобный Симон происходил из города Сольвычегодска. С юного возраста благодать Божия почивала на нем. Он уклонялся от мирской суеты. В молодых годах он оставил дом своих родителей и прибыл в монастырь к преподобному Корнилию Комельскому. Узрев преподобного, святой Симон пал на колени пред ним и со слезами просил блаженного постричь его в иноки. От прозорливых очей преподобного Корнилия не утаилось, что пред ним стоит будущий подвижник Божий. Уступая его просьбам, он принял Симона, и дал ему в руководители одного опытного старца. Подражая святому Корнилию, святой Симон подвизался в посте и молитвах. Он безропотно исполнял все послушания, какие на него налагались и отличался своим необычайным смирением. Так в течение многих лет он неисходно подвизался в Корнилиевом монастыре. В 1537 году по преставлении своего великого наставника, святой Симон вместе с старцем Лонгином, отличавшимся своей благочестивой жизнью, направился к своей родине Сольвычегодску. Оба подвижника искали уединения. В верстах 15 от города при устье реки Коряжемы они остановились. Здесь преподобный Лонгин решился поселиться среди глухого леса. Святый Симон решился помочь Лонгину, уже изнуренному иноческими подвигами и бывшему в преклонном возрасте. Оба они построили здесь келью и часовню. Некоторое время преподобный Симон подвизался в сей местности вместе с Лонгином. Но затем, вознамерившись искать себе более уединенного места, он расстался с святым Лонгином и направился вверх по Вычегде.

В 60 верстах от Коряжемы, на возвышенном берегу Вычегды, при устье реки Сойги, среди дикого леса святой срубил себе келью, а потом построил и храм во имя честного и славного Преображения Господа нашего Иисуса Христа[7704]. Сей храм был освящен 17 мая 1541 года. В сей дикой и глухой

местности и стал подвизаться преподобный Симон. Воздержание и молитвенные бдения его были поистине изумительны.

К нему стали собираться люди, желавшие подвизаться в пустыне под руководством святого мужа, отличавшегося своим благочестием. И блаженный всех наставлял и поучал. Как истинный пастырь он своим примером указывал всем путь, ведущий к спасению и вечному блаженству. Так целых двадцать лет подвизался святой в своей пустыни. Незадолго до своей кончины преподобный был обрадован известием, что его духовный друг и наставник святой Лонгин прославлен чудесами. После такой подвижнической жизни он с миром предал Господу свою честную душу 24 ноября 1562 года, оплакиваемый своими осиротелыми учениками. Святые мощи его почивают под спудом в основанной преподобным, ныне упраздненной, обители в храме во имя святой Великомученицы Екатерины.

Память преподобной Мастридии

Память 24 ноября

В городе Александрии Египетской проживала одна святая дева, по имени Мастридия, которая, заботясь о своей душе, пребывала ради Христа в безмолвии, в посте, в постоянном бодрствовании, в молитвах, раздавая при этом много милостыни. Но диавол, всегда препятствующий людям в подвигах богоугодной жизни, не мог вынести таковых добродетелей святой девы и начал с нею бороться таким образом. Он вложил одному юноше нечистое желание к этой деве. Юноша приходил в дом ее сам или присылал кого-либо к ней, склоняя ее к этой страсти, однако, не получал никакого ответа. Когда Мастридия выходила из дому и направлялась в церковь помолиться Богу, и в это время юноша не отставал от нее, чем причинял святой деве великую скорбь. Он говорил ей такие слова, которые любят слушать только грехолюбивые, что побудило святую Мастридию не выходить никуда из своего дома, ни даже в церковь.

В один день Мастридия послала к юноше свою рабыню с такими словами:

– Приходи, тебя зовет моя госпожа.

Юноша с радостию пришел к ней, думая, что она согласится на его нечестивое желание. Мастридия, когда вошел к ней юноша, занималась тканием полотна, и спросила его:

– Зачем ты, брат, доставляешь мне столько огорчения и печали, что не даешь мне даже сходить в церковь?

– Поистине, – ответил юноша, – я очень люблю тебя, и, когда тебя вижу, я весь бываю, как бы огненный.

– Что же ты видишь во мне? – спросила юношу Мастридия.

– Я вижу очи твои настолько прекрасными, – сказал юноша, – что они прельщают меня.

Святая дева, услышав, что ее глаза прельщают людей, челноком, которым ткала полотно, тотчас же проколола себе глаза.

Юноша, увидав сие, ужаснулся. Когда же он уразумел, что святая дева совершила сие по ревности ко Христу и ради спасения ближнего своего от соблазна[7705], на него нашел страх Божий и он раскаялся. Отправившись в скит, юноша облекся в черные одежды и сделался строгим иноком, подражая в молитвенных подвигах и воздержании святым отцам.

Мастридия же окончила свое житие, работая Господу, к Которому и предстала.

Житие и страдание святого священномученика Климента, папы Римского

Память 25 ноября

В славном и великом древнем городе Риме жил один человек знатного происхождения по имени Фавст, происходивший из рода древних римских царей. У него была жена по имени Матфидия, также царского происхождения и бывшая в родстве с римскими императорами Августом и Тиверием[7706]. Муж и жена были ревностными язычниками и поклонялись идолам. У них родились сначала два сына близнеца, из которых одного назвали Фавстином, а другого Фавстинианом; затем родился третий сын, которому дали имя Климента.

У Фавста был брат, злой и безнравственный человек. Видя красоту Матфидии, он прельстился ею и стал соблазнять ее на грех; но она, будучи весьма целомудренной, не пожелала нарушить верность мужу и осквернением ложа обесчестить достоинство своего знатного рода; поэтому всеми силами старалась отстранить от себя соблазнителя. Не желая явно обличать его, она не говорила об этом никому, даже своему мужу, боясь, чтобы о них не распространилась дурная молва и не обесславился бы дом их. Но брат Фавста долгое время просьбами и угрозами принуждал ее к тому, чтобы она покорилась его нечистому желанию. Матфидия, видя, что она не в состоянии избавиться от его преследований, если не удалится от встреч с ним, решилась на следующее.

Однажды утром она обратилась к своему мужу со следующею речью: «Дивный сон видела я сегодня ночью, господин мой: видела я почтенного и старого мужа, как бы одного из богов, который говорил мне: если ты и твои близнецы сыновья не уйдете из Рима на десять лет, то вместе с ними умрешь мучительной и внезапной смертью».

Услышав эти слова. Фавст удивился, много размышлял об этом и решился отпустить ее и двух сыновей из Рима на десять

лет, рассуждая: «Лучше если любимая моя супруга с детьми жива будет в чужой стране, нежели здесь умрет внезапной смертью». Снарядив корабль и запасшись всем нужным для продовольствия, он отпустил ее с двумя сыновьями Фавстином и Фавстинианом в страну греческую, в Афины. С ними отправил множество рабов и рабынь и снабдил их большим имуществом, повелев Матфидии, чтобы она в Афинах отдала сыновей обучаться греческой мудрости.

Так расстались они друг с другом с невыразимым сожалением и слезами. Матфидия с двумя сыновьями в корабле отплыла, а Фавст с младшим сыном Климентом остался в Риме.

Когда Матфидия плыла по морю, на море разразилась сильная буря и поднялось большое волнение; корабль был отнесен волнами и ветром в неведомую страну, в полночь был разбит, и все потонули. Матфидия же, носимая бурными волнами, была выброшена на камни одного острова, недалеко от Асийской страны[7707]. И неутешно плакала она об утонувших детях своих, от горькой печали хотела даже броситься в море, но жители той страны, увидав ее нагую, сильно кричащую и стонавшую, сжалились над ней, взяли ее в свой город и одели ее.

Некоторые страннолюбивые женщины, придя к ней, стали утешать ее в горе; каждая из них стала рассказывать ей все, что случилось и в их жизни прискорбного, и своим сочувствием несколько облегчили ее печаль. Одна из них сказала при этом: «Муж мой был корабельщиком; еще очень молодым он потонул в море, и я осталась молодой вдовой; многие желали на мне жениться, но я, любя мужа и будучи не в силах забыть его и по его смерти, решила остаться вдовой. Если хочешь, то оставайся в доме моем жить со мной, я и ты будем кормиться своими трудами».

Матфидия последовала ее совету, и, поселившись в ее доме, своими трудами добывала себе пищу и двадцать четыре года пробыла в таком положении.

Дети ее Фавстин и Фавстиниан после кораблекрушения, по изволению Божиему, тоже остались живыми; выброшенные на

берег, они были увидены находившимися там морскими разбойниками, которые взяли их в свою лодку, привезли в Кесарию Стратонийскую[7708] и продали здесь одной женщине по имени Иустина, которая воспитала их вместо детей и отдала их в обучение. Таким образом они научились различным языческим наукам, но потом, услышав Евангельскую проповедь о Христе, приняли святое крещение и последовали за Апостолом Петром.

Фавст же, отец их, живя в Риме с Климентом и ничего не зная о бедствиях, постигших жену и детей, послал по истечении года некоторых рабов в Афины узнать, как живут его жена и дети, и послал с ними много различных вещей; но рабы его не возвратились. На третий год Фавст, не получая никакого известия о жене и детях его, очень опечалился и послал других рабов со всем необходимым в Афины. Прибыв туда, они никого не нашли, и на четвертый год возвратились к Фавсту и сообщили ему, что совсем не могли отыскать в Афинах госпожи своей, ибо никто о ней там даже не слыхал, и они не могли напасть на след ее, так как никого из своих не могли найти. Услышав все это, Фавст еще больше опечалился и стал горько плакать. Он обошел все приморские города и пристани в римской стране, расспрашивал корабельщиков о своей жене и ее детях, но ни от кого не узнал ничего. Потом, соорудив корабль и взяв с собой несколько рабов и немного имущества, отправился сам отыскивать подругу свою и любезных детей, а младшего сына Климента оставил с верными рабами дома учиться наукам. Чуть не всю вселенную он обошел и по суху, и по морю, отыскивая многие годы своих родных и не находя их. Наконец, уже отчаявшись даже видеть их, предался глубокой скорби, так что не хотел даже возвращаться домой, считая тяжелым бременем наслаждаться благами мира этого без возлюбленной супруги своей, к которой питал великую любовь за ее целомудрие. Отвергнув все почести и славу мира этого, он скитался по чужим странам, как нищий, не открывая о себе никому, кто он.

Между тем отрок Климент пришел в совершеннолетний возраст и хорошо изучил все философские учения. При всем том, не имея ни отца, ни матери, он всегда находился в печали.

Между тем ему пошел уже двадцать четвертый год от рождения с тех пор, как мать вышла из дому, и двадцать лет, как исчез его отец.

Потеряв надежду на то, что они живы, Климент скорбел о них, как о мертвых. Вместе с этим он памятовал и о своей смерти, так как хорошо знал, что всякий может умереть; но, не зная, где он будет находиться после смерти и есть ли другая какая жизнь после этой кратковременной жизни или нет, всегда плакал и не хотел утешиться никакими наслаждениями и радостями мирскими. В это время Климент, услыхав о пришествии Христовом в мир, стал стремиться узнать о том достоверно. Случилось ему беседовать с одним благоразумным человеком, который и рассказал ему, как пришел в Иудею Сын Божий, даруя всем, кто будет исполнять волю Пославшего Его Отца, жизнь вечную. Услыхав об этом, Климент возгорелся необычайным желанием узнать подробнее о Христе и о Его учении. Для этого он решил идти в Иудею, в которой распространялось благовестие Христово. Оставив дом свой и большое имение, он взял с собой верных рабов и достаточное количество золота, сел на корабль и отплыл в Иудейскую страну. Вследствие разразившейся на море бури он занесен был ветром в Александрию и там нашел Апостола Варнаву. Потом он отплыл в Кесарию Стратонийскую и нашел святого Апостола Петра. Приняв от него святое крещение, он последовал за ним с прочими учениками, между которыми были и два брата его, близнецы Фавстин и Фавстиниан. Но Климент не узнал их, равно как и братья его не узнали, потому что они были очень малы, когда разлучились и не помнили друг друга. Петр, отправляясь в Сирию, послал вперед себя Фавстина и Фавстиниана, а Климента оставил при себе и вместе с ним сел на корабль и поплыл по морю.

Когда они плыли, апостол спросил Климента о его происхождении. Тогда Климент подробно рассказал ему: какого он происхождения и как мать его, под влиянием сновидения, ушла в Рим с двумя малолетними сыновьями, как отец, по прошествии четырех лет, ушел разыскивать их и не возвратился; к этому он присоединил и то, что прошло уже

двадцать лет, как он ничего не знает о своих родных, почему он думает, что родители его и братья умерли. Петр, выслушав рассказ его, умилился.

Между тем по усмотрению Божиему, корабль пристал к тому острову, где находилась Климентова мать – Матфидия. Когда некоторые вышли из корабля, чтобы купить в городе необходимое для житейских потребностей, то и Петр вышел, а Климент остался на корабле. Направляясь к городу, Петр увидал старицу, сидящую при вратах и просящую милостыню; то была Матфидия, которая не могла уже питаться своими трудами от слабости рук и потому просила милостыню, чтобы питать себя и другую старицу, принявшую ее в свой дом, которая также была расслабленной и лежала больной в доме. Апостол, увидав сидящую Матфидию, уразумел духом, что эта женщина чужестранка, и спросил об отечестве ее. Тяжко вздохнув, Матфидия прослезилась и сказала: «О, горе мне, страннице, потому что нет в мире беднее и несчастнее меня».

Апостол Петр, при виде ее тяжкой скорби и сердечных слез, начал внимательно расспрашивать ее, кто она и откуда?

Из разговора с ней он понял, что она мать Климента, и стал утешать ее, говоря:

– Я знаю младшего сына твоего Климента: он находится в этой стране.

Матфидия, услыхав о своем сыне, сделалась от ужаса и страха, как мертвая; но Петр взял ее за руку и повелел ей идти за собой к кораблю:

– Не печалься, старица, – говорил ей апостол дорогой, – потому что сейчас узнаешь все о сыне твоем.

Когда они шли к кораблю, то к ним навстречу вышел Климент и, увидев женщину, шедшую за Петром, удивился. Она же, всмотревшись в Климента, тотчас же узнала его, по сходству с отцом, и спросила Петра:

– Не это ли Климент, сын мой?

Петр сказал:

– Он и есть.

И упала Матфидия на шею Климента, и заплакала. Климент же, не зная, кто эта женщина и почему она плачет, стал ее

отстранять от себя. Тогда Петр сказал ему: «Не отталкивай, чадо, родившую тебя».

Климент, услышав это, прослезился и упал к ногам ее, целуя ее и плача. И была у них великая радость, ибо они нашли и узнали друг друга. Петр помолился о ней Богу и исцелил руки ее. Она же стала просить апостола об исцелении старицы, у которой поселилась. Апостол Петр вошел в дом ее и исцелил последнюю; Климент же дал ей 1000 драхм[7709], в награду за пропитание матери своей. Потом, взяв мать вместе с исцелившеюся старицею, ввел их на корабль и они отплыли.

Дорогой Матфидия спросила сына о муже своем Фавсте и, узнав, что он отправился отыскивать ее и что двадцать лет нет о нем никакого известия, плакала по нем горько, как по умершем, не надеясь видеть его живым. Доплыв до Антандроса[7710], они оставили корабль и продолжали путь свой по суше. Достигнув Лаодикии[7711], они встречены были Фавстином и Фавстинианом, которые прибыли туда прежде их. Они спросили Климента: «Кто эта чужая женщина, которая находится при вас с другой старицею?»

Климент отвечал: «Мать моя, которую я отыскал в чужой стране».

И начал им по порядку рассказывать, сколько времени с матерью не видался и как ушла она из дому с двумя близнецами.

Услыхав это, они поняли, что Климент брат их и та женщина – мать их, и заплакали от большой радости, воскликнув: «Значит это – мать наша Матфидия, ты же – брат наш Климент, ибо мы и есть близнецы Фавстин и Фавстиниан, вышедшие с матерью из Рима».

Сказав это, они бросились друг другу на шею, плакали много и любезно целовались. Видя, как мать радуется о детях, которых неожиданно нашла здравыми, и рассказывая друг другу, какими Божиими судьбами были спасены от потопления, они прославили Бога; только об одном скорбели они, что никто ничего не знал об отце их. Потом они стали просить Апостола Петра, чтобы он крестил мать их. Рано утром они пришли к морю, святой Апостол Петр в отдельном помещении совершил

крещение над Матфидией и сопровождавшей ее старицей во имя Отца и Сына и Святого Духа, и, отослав ее с сыновьями вперед себя в жилище, сам пошел другой дорогой.

И вот на дороге встретился ему благообразный муж, с седой бородой, бедно одетый, ожидавший Апостола Петра, которого он почтительно приветствовал:

– Вижу, что ты человек чужестранный и не простой; самое лицо твое показывает, что ты человек разумный: поэтому желаю немного побеседовать с тобой.

Петр на это сказал:

– Говори, господин, если хочешь.

– Я видел тебя, – сказал тот, – нынче в сокровенном месте на берегу молящимся; незаметно посмотрев, я отошел и немного подождал тебя здесь, желая сказать, что вы напрасно утруждаете себя молитвой Богу, потому что нет никакого Бога ни на небе, ни на земле, и нет никакого Божия промысла о нас, но все в мире этом случайно. Поэтому не увлекайтесь и не трудитесь молиться Богу, ибо Его не существует.

Святой Петр, услышав эти рассуждения, сказал ему:

– Почему ты думаешь, что все не по Божиему устройству и промыслу, но случайно бывает, и чем ты докажешь, что нет Бога? Если нет Бога, то кто сотворил небо и украсил его звездами? Кто сотворил землю и одел ее цветами?

Человек тот, воздохнув из глубины сердца, промолвил:

– Знаю я, господин, отчасти астрономию, а богам так усердно служил, как никто другой; и познал я, что все надежды на Бога суетны, и нет никакого Бога; если бы был на небе какой-нибудь Бог, то услышал бы вздохи плачущих, внял бы молитвам молящихся, призрел бы на горесть сердца, изнемогающего от печали. Но так как нет того, кто бы подавал утешение в скорбях, то отсюда заключаю, что нет Бога. Если бы был Бог, то услышал бы меня, в горе молящегося и рыдающего, ибо, господин мой, двадцать лет и даже больше я нахожусь в великой печали, и как много я молился всем богам, как много я жертв принес им, как много пролил слез и рыданий! И ни один из богов не услышал меня и весь труд мой был напрасен.

После этого Петр сказал:

– Потому ты и не услышан был столько времени, что молился многим богам, суетным и ложным, а не Единому, Истинному Богу, в Которого мы веруем и Которому молимся.

Так беседуя с тем человеком и рассуждая о Боге, Петр уразумел, что говорит с Фавстом, мужем Матфидии, отцом Климента и братьев его, и сказал ему:

– Если ты желаешь веровать в Единого, Истинного Бога, сотворившего небо и землю, то сейчас увидишь невредимыми и здоровыми и жену, и детей своих.

Он на это ответил:

– Неужели жена моя с детьми восстанет из мертвых? Я по звездам сам узнал и от премудрого астролога Аннувиона мне известно, что и жена моя и двое детей моих утонули в море.

Тогда Петр ввел Фавста в жилище свое; когда тот взошел туда и увидел Матфидию, то ужаснулся и, пристально с удивлением смотря на нее, молчал. Потом сказал: «В силу какого чуда совершилось это? Кого теперь вижу?» И подойдя поближе, воскликнул: «Воистину моя возлюбленная супруга здесь!»

Тотчас от внезапной радости оба обессилели, так что и говорить друг с другом не могли, ибо и Матфидия узнала своего мужа. Когда же последняя немного пришла в себя, то так сказала: «О, любезный мой Фавст! Как ты нашелся живым, когда мы слышали, что ты умер?»

Тогда была неописуемая радость для всех и от радости великий плач, потому что и супруги узнали друг друга, и дети узнали своих родителей; и, обнявшись, плакали, и веселились, и благодарили Бога. И все там бывшие, видя неожиданную их общую встречу после долгой разлуки, прослезились и благодарили Бога. Фавст же припал к апостолу, прося крещения, потому что искренно уверовал во Единого Бога, и, будучи крещен, воссылал со слезами благодарственные молитвы Богу. Потом все удалились оттуда в Антиохию.

Когда они учили там вере во Христа, то игемон Антиохийский узнал все о Фавсте, его жене и детях, о их высоком происхождении, а также о приключениях их, и тотчас послал вестников в Рим, чтобы известить обо всем царя.

Государь повелел игемону, чтобы он поскорее доставил в Рим Фавста и его семейство с большой честью. Когда это было исполнено, император радовался их возвращению, а когда узнал все случившееся с ними, долго плакал. В тот же день он устроил в честь их пир, на другой день дал им много денег, а также рабов и рабынь. И были они в большом почете у всех.

Проводя жизнь в глубоком благочестии, творя милостыню бедным и в преклонной старости раздав все нуждающимся, Фавст и Матфидия отошли ко Господу.

Дети же их, когда Петр пришел в Рим, подвизались в апостольском учении, а блаженный Климент был даже неразлучным учеником Петра во всех его путешествиях, трудах и был ревностным проповедником учения Христова. За это Петр поставил его епископом прежде своего распятия, которое претерпел от Нерона[7712]. После смерти Апостола Петра, а за ним епископа Лина и епископа Анаклета, Климент, во времена волнений и усобиц в Риме, управлял мудро кораблем Церкви Христовой[7713], которая была тогда возмущаема от мучителей, и пас стадо Христово с большим трудом и терпением, будучи окружен со всех сторон, подобно рыкающим львам и хищным волкам, лютыми гонителями, которые старались поглотить и уничтожить Христову веру. Находясь в таком бедствии, он не переставал заботиться с великим старанием и о спасении душ человеческих, так что обратил ко Христу много неверных не только из простого народа, но даже из царского двора, благородных и сановитых, в числе которых был некто сановник Сисиний и немало из рода царя Нервы[7714]. Своей проповедью святой Климент в одно время на Пасхе обратил ко Христу четыреста двадцать четыре человека знатного рода и всех крестил; Домициллу же, племянницу свою, которая была обручена Аврелиану, сыну первейшего римского сановника, посвятил на сохранение девства. Сверх того, он разделил Рим между семью писцами, чтобы они описывали страдания мучеников, которых тогда убивали за Христа.

Когда же его учением и трудами, чудными делами и добродетельной жизнью стала Церковь Христова умножаться, тогда гонитель веры христианской комит Торкутиан[7715], увидев

бесчисленное множество уверовавших во Христа, наученных Климентом, возмутил некоторых из народа восстать против Климента и против христиан. Произошло волнение в народе, и мятежники пришли к епарху города, Мамертину, и стали кричать, до каких пор Климент будет унижать наших богов; другие же напротив, защищая Климента, говорили: «Какое зло сделал этот человек или какого доброго дела он не сделал? Кто бы из недужных ни приходил к нему, он всякого исцелял; каждый, с печалью придяй к нему, получал утешение; никому никогда он не сделал зла, но всем – много сделал благодеяний».

Однако все прочие, исполненные духа неприязни, кричали: «Волшебством все это он делает, а службу нашим богам искореняет. Зевса не называет богом, Геркулеса, нашего покровителя, называет нечистым духом, честную Афродиту называет не иначе, как блудницей, о великой Весте говорит, что ее нужно сжечь; также и Афину, Артемиду, Гермеса, Хроноса же и Арея хулит и бесчестит; всех наших богов и храмы их постоянно бесчестит и осуждает. Поэтому пусть он или принесет жертву богам или будет наказан».

Тогда епарх Мамертин, под влиянием шума и волнения толпы, приказал привести к себе святого Климента и начал говорить ему: «Ты произошел из благородного рода, как говорят все римские граждане, но соблазнился, и поэтому не могут терпеть тебя и молчать; неизвестно, какого ты Бога почитаешь; какого-то нового, называемого Христом, противного нашим богам. Тебе следует оставить всякое заблуждение и увлечение и поклониться богам, которым мы кланяемся».

Святой Климент ответил: «Молю твое благоразумие, послушай меня, а не безумных слов грубой черни, напрасно восстающей на меня, ибо хотя и многие собаки лают на нас, но они не могут отнять от нас того, что принадлежит нам; ибо мы люди здравые и разумные, они же – собаки без разума, лающие бессмысленно на доброе дело; волнения и мятежи всегда появлялись от неразумной и неосмысленной толпы. Поэтому прикажи сначала им замолчать, чтобы, когда наступит тишина, мог говорить человек разумный о важном деле спасения, чтобы

можно было обратиться к поискам Истинного Бога, Которому с верой должно кланяться».

Это и многое другое говорил святой, и епарх в нем не нашел никакой вины, потому и послал к царю Траяну[7716] известие, что на Климента восстал народ из-за богов, хотя достаточного свидетельства для обвинения его не имеется. Траян ответил епарху, что Климент должен или принести жертву богам, или быть заточенным в пустынное место Понта близ Херсонеса[7717]. Получив такой ответ от царя, епарх Мамертин сожалел о Клименте и умолял его не избирать себе самовольного изгнания, но принести жертву богам – и тогда быть свободным от ссылки. Святой возвестил епарху, что изгнания он не боится, напротив, еще сильнее желает его. Такая была сила благодати в словах Климента, которую дал ему Бог, что даже епарх умилился душою, заплакал и сказал: «Бог, Которому ты служишь всем сердцем, да поможет тебе в твоем изгнании, на которое ты осужден».

И, приготовив корабль и все необходимое, он отпустил его.

Вместе со святым Климентом отправились в изгнание также многие из христиан, решившись лучше жить вместе с пастырем в изгнании, чем остаться без него на свободе.

Прибыв на место заточения, святой Климент нашел там более двух тысяч христиан, осужденных на тесание камней в горах. К такому же делу был приставлен и Климент. Христиане, увидев святого Климента, со слезами и скорбно приступили к нему, говоря:

– Помолись о нас, святитель, чтобы нам сделаться достойными обетований Христа.

Святой сказал:

– Я недостоин такой благодати Господа, сподобившего меня быть только участником вашего венца!

И работая с ними, святой Климент утешал их и наставлял полезными советами. Узнав, что у них имеется большой недостаток в воде, так как им приходится за шесть поприщ[7718] приносить себе воду на плечах, святой Климент сказал: «Помолимся Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он Своим последователям открыл источник живой воды, подобно тому как

открыл жаждущему Израилю в пустыне, когда разбил камень и потекла вода; и получив таковую благодать его, – возвеселимся».

И начали все молиться. По окончании молитвы святой Климент увидал агнца, стоявшего на одном месте и поднимавшего одну ногу, как бы показывая место. Климент понял, что это явившийся Господь, которого никто не видит, кроме него одного, и пошел на то место, сказав: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, копайте на этом месте».

И все, став кругом, начали копать лопатами, но пока ничего не было, так как не могли напасть на то место, где стоял Агнец.

После этого святой Климент взял маленькую лопату и начал копать на том месте, где стояла нога Агнца, и тотчас явился источник вкусной чистой воды; и образовалась из источника целая река. Тогда все возрадовались, а святой Климент сказал: «Речные потоки веселят город Божий» (Пс. 45:5).

Слух об этом чуде распространился по всей окрестности; и стали стекаться люди в большом количестве, чтобы видеть реку, неожиданно и чудесно образовавшуюся по молитвам святого, а также и послушать его учения. Многие уверовали во Христа и крещены были в воде от святого Климента. Столько народу приходило к святому, и столько обращалось ко Христу, что всякий день крестилось по пятисот человек и более. В одно лето настолько увеличилось число верующих, что даже было построено семьдесят пять церквей, и разбиты были все идолы, а капища – во всей стране разрушены, так как все жители приняли христианскую веру.

Царь Траян, узнав, что в Херсонесе бесчисленное множество людей уверовало во Христа, тотчас послал туда одного сановника по имени Авфидиан, который по прибытии подверг многих христиан пыткам и многих умертвил. Увидав же, что все с радостью идут на мучение за Христа, посланный сановник не пожелал более мучить народ и только одного Климента всеми силами старался принудить к принесению жертвы. Но, найдя его непоколебимым в вере и крепко верующим во Христа, повелел посадить его в лодку, отвезти на

средину моря и там, привязав якорь на шею, повергнуть в самое глубокое место моря и утопить, дабы христиане не нашли его тела. Когда все это произошло, верующие стояли на берегу и сильно плакали. Потом два вернейших ученика его, Корнилий и Фив, сказали всем христианам: «Помолимся все, чтобы Господь открыл нам тело мученика».

Когда молился народ, то море отступило от берега на расстояние трех поприщ, и люди, подобно израильтянам в Чермном море, перешли посуху, и нашли мраморную пещеру наподобие церкви Божией, в которой покоилось тело мученика, а также нашли близ него и якорь, с которым был потоплен мученик Климент. Когда верные хотели взять оттуда честное тело мученика, то было откровение вышеупомянутым ученикам, чтобы тело его здесь оставили, ибо каждый год море в память его будет отступать так в течение семи дней, давая возможность приходить желающим поклониться. И так было много лет, начиная с царствования Траяна до царствования Никифора, царя греческого[7719]. Много и других совершилось там чудес по молитве святого, которого прославил Господь.

Однажды море в обычное время открыло доступ к пещере, и много народу пришло для поклонения мощам святого мученика. Случайно был оставлен в пещере ребенок, забытый родителями при уходе их. Когда море стало опять возвращаться на прежнее место и уже покрывало пещеру, то все, бывшие в ней, поспешили уйти, боясь, чтобы и их не покрыло море, и родители оставленного ребенка также поспешили выйти, думая, что ребенок раньше вышел с народом. Осмотревшись и ища его везде среди народа, они не находили его, а возвратиться снова в пещеру не было уже возможности, так как море покрыло пещеру; неутешно плакали родители и пошли к себе домой с великим плачем и скорбью. На следующий год море снова отступило и родители ребенка пришли опять для поклонения святому. Взойдя в пещеру, они нашли ребенка живым и здоровым, сидящим у гробницы святого. Взяв его, родители с неописанной радостью, спрашивали его, как он остался жив.

Ребенок, показывая пальцем на гробницу мученика, сказал: «Этот святой меня сохранил живым, питал меня, и все морские

ужасы отгонял от меня».

Тогда великая радость была у родителей и у народа, пришедшего на праздник, и все прославляли Бога и угодника Его.

В царствование Никифора, царя греческого, в день памяти святого Климента, море не отступило, как бывало в прежние годы, и было так лет пятьдесят и более. Когда же в Херсонесе епископом сделался Георгий блаженный, то он сильно скорбел о том, что море не отступает и мощи столь великого угодника Божия находятся как бы под спудом, покрытые водой.

Во время его управления епархией пришли в Херсонес два христианских учителя Мефодий и Константин философ, нареченный впоследствии Кириллом[7720]; они направлялись на проповедь к хазарам[7721] и по дороге расспрашивали о мощах святого Климента; узнав же, что они находятся в море, эти два учителя церковные стали побуждать епископа Георгия к открытию духовного сокровища – мощей священномученика.

Епископ Георгий, побуждаемый учителями, отправился в Константинополь и поведал обо всем царствовавшему тогда императору Михаилу III[7722], а также святейшему патриарху Игнатию[7723]. Царь и патриарх послали с ним избранных мужей и весь клир святой Софии[7724]. Прибыв в Херсонес, епископ собрал весь народ, и с псалмами и пением все отправились к морскому берегу, в надежде получить желаемое, но вода не расступилась. Когда зашло солнце и сели в корабль, вдруг, среди полуночного мрака, море озарилось светом: сначала явилась голова, а затем все мощи святого Климента вышли из воды. Святители, благоговейно взяв их, положили на корабль и, торжественно внеся в город, поставили их в церковь. Когда началась святая литургия, то много совершилось чудес: слепые прозирали, хромые и всякие больные получали исцеление, и бесноватые освобождались от демонов, по молитвам святого Климента, благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки. Аминь[7725].

Житие и страдание святого священномученика Петра, архиепископа Александрийского

Память 25 ноября

Святой Петр, архиепископ Александрийский, в младенчестве был воспитан блаженным Феоной, архиепископом того же города Александрии, и после него на святительскую кафедру был поставлен в то время, когда нечестивыми римскими царями Диоклетианом и Максимианом были воздвигнуты сильные гонения на христиан. Христовыми мучениками были переполнены тогда все темницы, и кровь их обливала все улицы, города и окрестные поля; в это страшное и скорбное от бед и несчастий время Божией церковью управлял святой Петр в терпении и больших трудах. Своим учением и непреодолимой твердостью духа он поддерживал малодушных и боязливых, многих удержал от отступления и падения и большое количество верующих привел к мученическому венцу. Изгнан за Христа и, находясь в Тире, Финикии и Палестине, святой поддерживал своих овец посланиями и укреплял их силой Святого Духа; боясь же, чтобы кто-нибудь, устрашившись мук, не отпал от Христа, день и ночь молился за них к Богу. Возвратившись снова в Александрию, Петр помогал заключенным в темнице, которых было шестьсот пятьдесят, причем между ними много было пресвитеров и клириков; все они были умерщвлены после различных мучений. Петр же, видя их страдание и терпение, радовался духом. Во время доброго правления его паствой, восстал в Александрии хищный волк в овечьей одежде – Арий еретик, который среди пшеницы начал сеять плевелы проклятого бесовского учения, хулил Божество Иисуса Христа и такой хулой вредил Церкви Божией. Добрый пастырь часто этому волку заграждал уста и приостанавливал его, наказывая и запрещая, чтобы он не нарушал доброго исповедания святой Троицы, непорочно переданного Церкви Христовой. Но когда Арий оставался таким же неисправимым и его злоба не хотела покориться правде, тогда святой Петр

проклял хулителя и отлучил от Церкви, как негодный член. И мстительный Арий, будучи изгнан из стада Христова, скрывался, как тьма от света, ибо всякий делающий зло, как сказано, ненавидит свет и не приходит к свету, чтобы не открылись лукавые дела его (Ин. 3:20); и не осмеливается беззаконник прийти к этому бдительному пастырю, которого никакой лестью и хитросплетенными словами не мог прельстить.

Число же верующих во Христа в Александрии все более и более возрастало и увеличивалось, несмотря на жестокое время; ибо никакие пытки не могли воспрепятствовать и загородить путь ко Христу тем, которые желали спасения; многие не только своих имений, но даже жизни не щадили и спешили к святому Петру, чтобы получить крещение, оставив идольское служение.

Нечестивый царь Максимиан, владеющий восточными странами и пребывающий в Никомидии, узнав о том, что многие через наставления святого Петра стали обращаться от идолопоклонства ко Христу, послал трибуна с воинами взять святого и связанного привести к нему[7726]. Посланные, придя в Александрию, нашли святого Петра в храме совершающим память всем святым со множеством верных, взяли его и заковали в тяжелые оковы. Тогда произошло большое волнение среди народа, многие плакали о святом Петре, другие восклицали: «Зачем берете пастыря от нас?» И собралась вся Александрия, желавшая душу свою положить за своего учителя, и кричал весь народ на царя и его посланных. Трибун, видя сильное волнение и возмущение народа, приказал беречь святого в темнице, бывшей близ храма, и написал царю обо всем случившемся. Царь, прочитав написанное, сильно разгневался и письменно повелел отсечь учителю христианскому Петру голову и всех сопротивляющихся казнить мечом. Трибун, получив послание царя, постарался исполнить приказание его и пытался привести Петра на усечение, но толпа народа, которая день и ночь находилась у темницы, не позволяла вывести на смерть своего отца. Тут было бесчисленное множество мужей, жен, старых и юных, иноков и инокинь, которые, будучи привязаны любовью к архиерею

Божиему, не отходили от темницы. Когда они увидали вооруженных воинов, идущих к темнице, чтобы вывести Петра, все единодушно воскликнули: «Сначала нас всех избейте, если имеете приказание от вашего царя, а потом уж возьмете и отца нашего; не отступим от нашего пастыря и не допустим, чтобы пострадал учитель и врач душ наших».

Трибун, услышав это и видя множество народа, не желал учинить большого кровопролития, но чтобы исполнить приказание царя, старался тайно обезглавить Петра.

Когда все это происходило, Арий, узнав, что архиепископ, отлучивший его от святой соборной Апостольской церкви, сидит в оковах в темнице и должен быть убитым за Христа, явился к нему со льстивым и лицемерным покаянием, надеясь после него взойти на кафедру и быть Александрийским архиепископом. Он пришел, как бы прося прощения и каясь в своем грехе еретичества, и умолил некоторых пресвитеров, а больше всех Ахиллу и Александра, просить за него Петра, чтобы он простил ему согрешения и принял бы в церковное общение. Бог, знающий все человеческие сердечные помыслы, ведал и лукавое сердце Ария, и вот явившись ночью блаженному Петру, открыл ему все лукавство проклятого еретика и повелел не принимать его в церковь. Утром много благоверных, честных граждан, во главе с пресвитерами Ахиллой и Александром, явившись в темницу, стали просить святого архиепископа, припав к его ногам, чтобы он простил Ария и разрешил бы его от клятвы. Блаженный Петр, плача и вздыхая, ответил им: «Возлюбленные, не знаете, о ком просите, – просите о том, кто терзает церковь Христову. Вы знаете, что я люблю своих овец и не желал бы, чтобы какая-нибудь из них погибла. Больше всего я молю Бога, чтобы Он всем подал прощение грехов и спасение; только Ария я отвергаю, ибо он самим Богом отвержен, и от святой Церкви отлучен не столько моим судом, сколько Божиим, так как он не перед человеком, но перед Богом согрешил, хуля тайну Святой Троицы, на Которую Херувимы и Серафимы не могут смотреть и только непрестанно воспевают: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, силы же небесные глаголют: исполни небо и земля славы Твоей[7727].

Бесстыдный еретик своей хулой осмеливается делать разделение между Отцом и Сыном и Святым Духом; как можно ему простить, когда на него все созданное гневается за своего Создателя? Итак, да будет проклят Арий и в нынешнем веке и будущем».

Когда блаженный Петр сказал это, все просившие за Ария пали к ногам его и уже не осмеливались более беспокоить его. Он же, отведя в сторону пресвитеров Ахиллу и Александра, сказал им: «Я – человек грешный, но знаю, что Господь Бог призывает меня к мученическому венцу, и прежде чем умру, объявлю вам, столпам церкви, тайну Божию, которую открыл мне Господь в эту ночь. Ты, честный Ахилла, после меня на архиепископский престол взойдешь, а после тебя достойный пресвитер Александр. Что же касается до Ария, то не думайте, что я несправедлив к нему и жесток по отношению к согрешающим, ибо грех, сделанный по немощи, хотя был бы и наибольшим, меньше злобы Ария. Согрешающим по немощи можно простить; того же проклятого, о котором вы просите, как я могу простить, когда душа его переполнена обманом и хулой? Ибо от сердца его течет река хуления на Всемогущего Сына Божия; он называет созданием Того, Кто Сам Создатель всего видимого и невидимого и Которого пророки, апостолы и евангелисты проповедовали. Как вы можете заставить меня снизойти к вашей просьбе и простить Ария, когда он моего наказания и вразумления не послушал? А если я и проклял его, то не сам, а по соизволению Христа Бога моего, Который явился мне в эту ночь. Когда я обычно молился, вдруг великий свет озарил темницу, и я увидел Господа моего Иисуса Христа – в образе двенадцатилетнего юноши, имеющего лицо ярче солнца, так что я не мог смотреть на неописанную славу лица Его. Он был одет в белый хитон, разодранный сверху донизу; придерживая его на груди обеими руками, Он закрывал Свою наготу. Когда все это я увидал, то меня объял ужас и трепет, и я с боязнью молился Ему, говоря: «Кто Тебе, Создатель, разодрал хитон?» Господь же отвечал: «Арий безумный разодрал Мне, так как он отделил от Меня людей, которых Я стяжал Своей Кровью. Остерегайся и не принимай его в

церковное общение: он замышляет лукавое и враждебное против Меня и народа Моего. Вот хотят просить тебя о нем, чтобы ты простил его; но ты не слушай их и не принимай волка в стадо, как овцу. Заповедай Ахилле и Александру, которые будут после тебя епископами, чтобы они не принимали его, но перед всеми бы прокляли его». Вот я вам возвестил, что мне велено было; если же вы не послушаете и не исполните заповеданного вам, то я буду в том неповинен».

Сказав это, он преклонил колена и молился, и все с ним молились. Окончив молитву, он сказал: «Помолитесь за меня, братия». Присутствующие, помолившись, ответили: «аминь». Ахилла же и Александр, целуя его руки, плакали, ибо он сказал им, что они больше не увидят его. И возвестили пресвитеры людям все слова, сказанные блаженным Петром об Арии, и то, что он заповедал им, чтобы не принимать Ария в церковное общение, как волка и врага Сына Божия.

Потом святой Петр, видя, что христианский народ, пылая ревностью, не пускает царского посланного вывести его на смерть из темницы и боясь, чтобы не произошло большого кровопролития вследствие столкновения народа с посланными царя, к тому же желая сам скорее разлучиться с телом и отойти ко Господу, восхотел тайно отдать себя мучителям, чтобы сохранить людей без вреда и скорее отойти к желаемому концу. Он тайно от народа послал к трибуну одного, приставленного к нему, надежного раба со словами: «Если желаешь сделать угодное царю Максимиану, то тайно приходи ночью в темницу и, пробив стену, возьмешь меня и исполнишь повеление царя».

Так и произошло: наступила ночь, народ во множестве толпился у дверей темницы, где находился святой пастырь стада Христова, не пропуская к нему никого. Трибун явился с воинами и пробил стену сзади, насколько можно пройти одному человеку. Ночь была зимняя и ветреная, и никто из христиан не слышал звуков пробиваемой стены. Святой Петр, осенив себя крестным знамением, сказал: «Лучше одному человеку умереть, нежели всем людям погибнуть», – и вышел из темницы пробитой стеной, так что никто из верных не знал этого.

Трибун с воинами удивлялись мужеству святого, шедшего на смерть, и, взяв его, привели на то место, где святой апостол Марк принял мученическую кончину, и там отсекли ему честную главу.

Близ гроба святого Марка находилась одна девица, затворница; когда она молилась Богу в ту ночь, в которую святой Петр был усечен, то услышала голос с неба, говорящий: «Петр – начало апостолов, Петр – конец Александрийских мучеников»[7728].

С наступлением утра, все люди, узнав, что пастырь их тайно выведен из темницы и усечен при гробе Марка, с плачем поспешили к святому телу его и, взяв его, внесли во храм. Здесь, приложив честную главу к туловищу, посадили его на престоле, т.е. на горнем месте, по следующему основанию: этот святой архиерей при жизни во все время своего пастырского служения, никогда не садился на горнем месте, но когда приходило время, садился только при подножии, и никогда не восходил на самые ступени места; этим все люди и клир его часто возмущались и просили сесть на горнее место, но он никогда не соглашался. Однажды после Божественной литургии, созвав весь клир, он сказал: «Знаете ли вы, почему я не сажусь на моем горнем месте и не восхожу на ступени его? Потому что, когда приближаюсь к престолу, вижу на нем небесный свет, и как бы некоторую Божественную Силу, на нем пребывающую. Ужас обнимает меня, и я не дерзаю сидеть там, считая себя недостойным этого, но сажусь при подножии, и то со страхом. Говорю вам для того, чтобы вы более не принуждали меня».

На основании этого после кончины его люди мертвым посадили его на горнем месте, и все восклицали: «Моли о нас, святой угодник Божий!»

Потом честно погребли его, прославляя Святую Троицу:

Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога, Ему же и от нас честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь общий святителям, глас 4:

Боже отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не отстави милость Твою от нас: но молитвами их в мире

управи живот наш.

Кондак, глас 4:

Церкве недвижимии и Божественнии пиргове, благочестия Божественнии столпи воистинну крепцыи, Клименте с Петром всехвальнии, вашими молитвами соблюдите вся.

Память преподобного Петра Молчальника

Память 25 ноября

Святой отец наш Петр родился в Понте от благочестивых родителей, с которыми прожил только семь лет. Остальное время своей жизни в любомудрии он провел прежде всего в Галатии, потом, ради усовершенствования, отправился в Палестину, где предался молитве, и затем поселился в Антиохии. Затворившись в одном сарае, он, заботясь о своей душе, проводил время в непрестанных молитвах. Ничего, кроме хлеба, он не вкушал и, кроме воды, не пил, да и то в малом количестве через два или три дня. Он имел власть над бесами. Так одного человека по имени Даниил святой Петр освободил от беса; исцеленный, по наставлению и научению его святым Петром, сделался подражателем его жизни. Святой Петр отверзал очи слепым и исцелял различные недуги. Наставления он преподавал или письменно или словесно. Своей святой жизнью он прославился по всей Антиохии и ее пределах. Прожив девяносто лет, украшенный многими добродетелями и подвигами безмолвия, святой мирно отошел к Господу, около 429 года[7729].

Житие преподобного отца нашего Алипия Столпника

Память 26 ноября

Раб Христов Алипий был родом из Пафлагонского города Адрианополя[7730]. Господь избрал его на служение Себе еще до его рождения. Однажды ночью, незадолго до рождения сына, мать его имела следующее видение. Ей показалось, что она держит на руках агнца, весьма красивого, с двумя горящими свечами на его рогах. Когда же наступило время рождения Алипия, то комната наполнилась Божественным сиянием: это было предзнаменованием сияния будущей праведной жизни Алипия, так как ему было назначено стать светильником мира. После рождения Алипия мать его заснула, и во сне ей снова было следующее видение: все жители города стекались в ее комнату и окружали младенца, воспевая псалмы и священные песнопения. Эти видения мать запомнила, слагая их в сердце своем и размышляя о будущей судьбе сына своего.

Через некоторое время скончался муж ее, и, не пожелав вторично выйти замуж, она стала проводить время своего вдовства в посте и молитве, угождая Богу чистотой своей жизни и вместе с сыном возлагая все свое упование на истинного Отца сирот и вдовиц.

Вскормив своего сына и обрекши его на служение Богу, она, как древле Анна, мать Самуила (1Цар.1:24–28), отвела его в храм Божий и вручила Адрианопольскому епископу, блаженному Феодору. Духом уразумев благодать Божию, почившую на отроке, епископ сильно полюбил его и начал обучать Божественному Писанию. Придя в возраст, Алипий превзошел своих сверстников мудростью и разумом; добрым же поведением и добродетелями стяжал себе любовь у Бога и людей. Душа его была полна страха Божия, смирения и кротости; по мудрости же своей он показывал как бы мудрость седины и имел «мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь – возраст старости» (Прем.4:9). Ради этих добродетелей он был назначен церковным экономом, а затем

рукоположен в сан диакона, и в этом сане совершал свое непорочное служение Богу.

Спустя некоторое время, Алипий возжелал уединенной жизни, чтобы в безмолвии одному усерднее служить Богу и наслаждаться непрестанным Богомыслием. Это желание сердца своего он открыл своей праведной матери, которая, подобно Анне пророчице[7731], не отходила от церкви и в посте и молитве день и ночь совершала свое служение Богу; она уже давно раздала свое имущество нищим и, обрученная Христу, была поставлена в диакониссы. Этой-то богоугодной рабе Господней, своей же матери, святой Алипий поведал о своем намерении:

– Я хочу пойти на восток, – сказал он ей, – потому что я слышал, что там, в пустынях, живет в безмолвии много святых отцов; я поселюсь с ними и, взирая на их богоугодное житие, постараюсь, с Божией помощью, подражать их добродетельной жизни. Ты же, мать моя, молись обо мне, чтобы Господь по Своей святой воле направил мой путь и чтобы Ему было угодно мое начинание.

Нисколько не огорчаясь разлукой с сыном, мать подняла к небу свои руки и, после усердной молитвы к Богу, благословила его и отпустила с миром. Не сказавшись никому, кроме матери, святой Алипий покинул родной Адрианополь и, горя Божественным желанием, устремился в путь, как стремится олень к источнику водному. Известие об его уходе сильно опечалило епископа Феодора, клир и мирян, лишившихся в нем доброго согражданина, который украшал Церковь Божию примером своей добродетельной, Ангельской жизни и приносил многим из верных чад ее большую пользу. Епископ тотчас же разослал повсюду на поиски святого своих слуг, которые, спустя немного времени, нашли его в Евхаите[7732] в день празднования памяти святого мученика Феодора. Только с большим трудом, прибегая то к мольбам, то к угрозам, удалось вернуть его обратно в отечество; ибо Богу не было угодно, чтобы Пафлагония лишилась такого светильника, которым многие должны были быть призваны из греховной тьмы к свету богоугодной жизни. Возвратившись в свой дом, святой Алипий сильно скорбел о неудавшемся путешествии и неисполненном

желании. Но Бог всякого утешения утешил и его печаль Божественным явлением. Некий дивный муж, лучше сказать – Ангел Божий явился ему в видении и сказал:

– Не скорби, Алипий, о возвращении с желанного пути, но твердо знай, что свято всякое место, которое избирает любящий Бога человек для благочестивой и богоугодной жизни.

Утешенный этим видением, Алипий перестал скорбеть и продолжал свою иноческую жизнь, прилежно подвизаясь и служа Богу. Однако его не оставляло желание уединиться в каком-нибудь пустынном месте. Поэтому он много раз выходил из дому и обходил окрестные горы, поля и леса, ища места, удобного для богомыслия. Поднявшись однажды на гору, расположенную к югу от города, он нашел на ней высокое и живописное место, удаленное от городского шума и суеты. Оно понравилось ему и, принеся орудия для копания, он вырыл себе тут колодец. При этом, он не столько работая заступом, сколько устами прилежно молясь Богу, извел из земли воду. Окончив этот труд, святой Алипий пошел к епископу, прося разрешить ему поселиться там и построить церковь. Епископ, хотя и не возбранял ему исполнить это желание, однако, тайно послал слуг завалить источник большими камнями и засыпать его землей: ему не хотелось, чтобы блаженный поселился на этом месте, так как гора была очень высока и почти неприступна для всякого, кто бы пожелал посетить святого, и притом находилась далеко от города; епископ желал, чтобы Алипий поселился ближе к городу и в более удобном месте. Найдя свой источник засыпанным, блаженный покинул эту гору и стал искать себе другое место в окрестностях города.

Перед самым городом была расположена пустыня, в которой в древние времена язычники-эллины хоронили своих покойников. Пустыня была населена легионами нечистых духов; вследствие этого все боялись того места и никто не мог пройти через него по причине ужасов, наводимых бесами. Заметив, что все избегают этой пустыни, блаженный Алипий поселился там в одном из гробов[7733]; над гробом стоял каменный столп, а на столпе идол. Сокрушив идола, как глиняный сосуд, преподобный воздвиг на его месте честный крест. Таким

образом, нисколько не боясь ужасов бесовских и нападений, он начал там жить, далеко прогоняя от себя бесовские полки оружием креста и стрелами своих молитв. Однажды во время сна святому Алипию предстали в видении два честных мужа, облеченных в священнические ризы, и сказали ему:

– Зачем ты так долго заставил нас ждать тебя здесь, человек Божий? Если ты тот Алипий, которому предназначено от Бога освятить это место и умножить на нем славословие Божие, то приступи немедля к тому делу, которое тебе подобает совершить.

Проснувшись, преподобный удивился словам виденных им мужей, недоумевая, кто они такие, и что ему надлежит совершить на этом месте, чтобы умножить славословие Богу. Вскоре после этого епископу Адрианопольскому Феодору понадобилось для чего-то съездить к царю, и святой Алипий должен был сопровождать его в качестве клирика. Против своего желания и подчиняясь лишь воле епископа, он отправился в путь и проводил его до Халкидона, где епископ намеревался сесть на корабль, чтобы отплыть в Царьград.

Тем временем Алипий вошел в одну церковь, находившуюся на берегу моря, и, помолившись в ней, задремал. И вот предстала ему в видении дева прекрасная, как солнце, и сказала:

– Встань скорее, Алипий!

Изумленный ее красотой, Алипий спросил ее:

– Кто ты, госпожа, и почему велишь мне скорее встать?

– Я Евфимия, раба Христова и мученица, – ответила она. – Встань и, если хочешь, пойдем в твое отечество! По воле Божией я буду твоей спутницей и помощницей.

Когда святая мученица произнесла эти слова, Алипий проснулся и не увидал никого перед собой, но сердце его было полно духовной радости. Он понял, что Бог хочет его возвращения к безмолвию. Поэтому, оставив епископа, он вернулся в отечество, сопровождаемый невидимой помощью и молитвами святой великомученицы Евфимии, чудный образ которой и сладкую беседу он всё время хранил в сердце своем и радовался духом.

Придя в Адрианополь, в свою безмолвную пустыню, он задумал построить на этом месте церковь во имя святой Евфимии. Потребных средств для этого он не имел, ибо, раздав всё свое имение и последовав за обнищавшим нас ради Господом, он, как нищий, не имел ни золота, ни серебра, ни даже меди при поясе. Тогда он умолял знакомых ему граждан и соседей помочь ему. Узнав о его желании, они с усердием приносили ему всё нужное и в скором времени между языческими гробами была создана церковь во имя святой мученицы Евфимии. Когда основание было вырыто, святому Алипию снова явились во сне два вышеупомянутых мужа в иерейских облачениях. Один из них держал в руке кадильницу и кадил основание, знаменуя этим, какая великая здесь имеет быть церковь, другой же пел:

– Осанна месту сему!

Неизвестно, кто были эти мужи, – но некоторое время спустя, там были обретены нетленные и благоуханные мощи тех двух мужей, которые дважды являлись в видении святому Алипию. По его повелению, эти святые мощи были положены в выстроенной им церкви.

Еще до освящения церкви легионы бесовские, видя, что, по старанию святого Алипия, среди их жилища воздвигается селение святых, и там, где они наводили на всех страх и ужас, начинает являться Божия благодать, с великим криком и воплем устремились на новозданную церковь и на келью святого, желая разрушить здание до самого основания и, устрашив святого мужа, изгнать его оттуда. В своей ярости бесы вопили разными голосами, как раздраженные звери, или разгневанные ратники: но воин Христов стал на молитву, вооружился ею, как непобедимым оружием и тотчас победил призрачную силу бесовскую, так что бесы бежали с позором, как пыль, возметаемая ветром.

Когда церковь была освящена, то из города начал стекаться к ней народ, чтобы славословить Бога и послушать душеполезных поучений святого. Тогда Алипий, вооружаясь еще сильнее против врага, поднялся на столп, подобно святому Симеону, первому столпнику, и стал как бы страж, издалека

усматривая наступающие ополчения бесовские и мужественно борясь с ними день и ночь. Бесы же, хотя всегда бывали побеждаемы им, однако, не прекращали своих бесстыдных нападений на святого.

Однажды ночью злые духи начали бросать в Алипия камнями, причиняя ему сильные поранения. Перенося удары камней святой сказал бесам:

– Что вам надо от меня, человеконенавистные и гибельные бесы? Напрасно возмущаетесь вы и злобно восстаете против рабов Божиих. Эти камни, которые вы мечете в меня, будут свидетельствовать перед Христом в день Второго Пришествия о вашей бесстыдной дерзости и злобе. Знайте, что я ни во что вменяю ваше метание камней и считаю его как бы детской игрой. Вот я снимаю легкие доски, служившие покровом над моей головой, чтобы с большим удобством принимать удары и претерпеть ради Господа моего то, что претерпел святой Первомученик Стефан. Вы убили его руками Иудеев, с которыми и унаследуете геенну огненную.

Слыша эти слова и понимая, что непобедимый страдалец готов всё претерпеть для Бога, бесы разбежались во все стороны от того места. Это слышали в ту ночь некоторые прохожие, видевшие также и бесов, бежавших оттуда под разными видами, громко рыдавших и вопивших:

– Алипий изгнал нас из нашего жилища! Куда нам идти? Нам нигде нет места!

Преподобный же снял со столпа легкий навес, бывший над его головой, и стоял, имея небо своим единственным покровом, мужественно перенося стужу и зной, дождь и град, снег и мороз. И был он таким добровольным мучеником не краткое время, но 53 года, страдая на своем столпе, как бы пригвожденный ко кресту. И стекалось к нему в это время множество народа, мужей и жен, юношей и старцев, чтобы послушать его полезных поучений и получить исцеление недугов. Ввиду того, что многие из них поселились тут же при нем, святой повелел устроить два монастыря, мужской и женский, один – по одну сторону столпа, другой – по другую. Сам же стоял на столпе посередине, просвещая оба монастыря своим учением и примером своей

Ангельской жизни и защищая их своими молитвами. Алипий дал им законы и уставы иноческого жития, повелев тщательно блюсти себя от козней бесовских, притом женщинам он особенно заповедал никогда не показываться на глаза мужчин.

В женском монастыре жила мать блаженного Алипия со своей дочерью, а его сестрой, Марией, и другие знатные жены Адрианопольские и между ними некие Евфимия и Еввула, оставившие всё свое имение, детей, родных и друзей и всю суету и сладость мира сего, чтобы облечься в ангельский образ, жизнью же своею уподобиться самим Ангелам.

Мать преподобного была в сане диакониссы и, хотя жила по-иночески, однако, не хотела постригаться,

– Одно и тоже – быть диакониссой или инокиней, – говорила она.

Сын неоднократно молил ее облечься в иноческое одеяние, но она не слушала его, пока не получила указания на это в ночном видении. Тогда она уже сама стала просить сына о пострижении ее в иночество. Ей представились в видении богатые палаты, внутри которых слышалось сладкогласное пение, славящее Бога. Когда она захотела войти туда, то некий славный и светоносный муж, стоявший у входа в палаты, заградил ей вход и сказал:

– Ты не войдешь сюда, потому что здесь ликуют рабыни Господни, послужившие Ему в иноческом сане. На тебе же нет одеяния иноческого, потому ты и не можешь войти сюда и принять участие в их радости.

Слова эти сильно пристыдили мать святого Алипия, и, проснувшись, она стала просить сына, чтобы ее постригли в иноческий сан. После пострижения она удвоила подвиги, прилагая к прежним своим трудам новые труды.

Прожив еще много лет в монашестве, она отошла ко Господу, благоугодив Ему на земли. Сын же ее, преподобный отец наш Алипий, был так угоден Богу, что еще при жизни своей был осияваем небесным светом: несколько раз над головой его являлся огненный столп, достигавший до облаков и озарявший всё место окрест его. Явление это происходило часто, иногда днем, иногда ночью, большей же частью ночью, и, когда

случались гром и молния, то этот небесный свет над святым являлся выше того каменного столпа, на котором он стоял.

Многие из верующих, свято живущих, сподоблялись видеть это; другие, кому случалось наблюдать свет издалека, думали, что столп святого горит настоящим вещественным огнем. Достойные же ясно могли глядеть на это несказанное знамение небесной славы: так прославлял Бог Своего угодника.

И много чудес сотворил святой благодатью Христовой, исцелял больных, изгонял бесов из людей, прорекал будущее. За четырнадцать лет до кончины, ноги его были поражены лютой болезнью, так что всё это время он не мог стоять и до самого своего преставления лежал на одном боку. Когда ученики святого хотели перевернуть его на другую сторону, он не позволял им, но терпел всё, как второй Иов, благодаря Бога, к Которому и отошел с радостью[7734]. И по преставлении его много исцелений подавалось больным от его святых мощей во славу Христа, Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Терпения столп был еси, ревновавый праотцем преподобне, Иову во страстех, Иосифу во искушениих, и безплотных жительству, сый в телеси, Алипие отче наш, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Яко добродетелей вину, и постников удобрение, церковь славит тя днесь, и воспевает Алипие: молитвами твоими подаждь чтущым любовию доблести твоя и борения, лютых прегрешений избавление, яко тезоименитый.

Память преподобного Иакова Отшельника

Память 26 ноября

Преподобный отец наш Иаков подвизался на горе, не имея ни постели, ни келлии, ни покрывал, чтобы защищаться от непогоды. Сильная болезнь чрева постигла его, когда он удалился от всех. Когда же кто приходил к нему, он, несмотря на сильную боль, выходил и поучал пришедших благочестию. Он носил железные вериги и поверх их власяницу. Пищей ему служила вареная чечевица, которую он вкушал вечером. Таковыми трудами и страданиями он получил такой дар Божественной благодати, что мог воскрешать умерших. Однажды к нему пришел отец одного умершего отрока и, рыдая, стал говорить святому:

– Я знаю, раб Божий, что для тебя всё возможно, если ты только пожелаешь помолиться.

Святый Иаков, увидав слёзы отца, преклонил колена и, призвав Бога, воскресил отрока, которого отдал отцу. Много и других дивных чудес совершил преподобный.

Святой Иаков много претерпел искушений от бесов и только молитвою отгонял их. Один человек приносил святому воду издалека два раза в седмицу. Диавол, думая жаждою уморить святого, преобразился в его образ и стал встречать человека с водой на пути, брал у него воду, а самого заставлял возвращаться обратно. Однако этому человеку удалось однажды, тайно от зложелателя, принести воды святому старцу. Святой, увидев его и принесенную воду, сказал:

– Почему, чадо, ты долго не приносил мне воды, от чего пришлось много пострадать от жажды?

– Отче, – отвечал он, – я всегда в назначенный день и час приносил воду. Но меня встречал кто-то, когда я был в пути, не допуская доходить до сего места.

– С этих пор, – сказал святой, – если кто тебя встретит и будет возбранять тебе идти далее, ты не отдавай ему сосуда, до тех пор, пока не придешь сюда.

Так подвизаясь, он соделался великим чудотворцем, и отошел с радостию ко Господу[7735].

Воспоминание освящения храма великомученика Георгия

Память 26 ноября

Блаженный и приснопамятный князь Российской земли Ярослав, сын равноапостольного князя Владимира, захотел создать храм в честь великомученика Георгия[7736], т. е. во имя своего Ангела, так как Ярослав во святом крещении получил имя Георгия. Место для этого храма он выбрал неподалеку от Софийского собора, именно на запад от него, по направлению к золотым воротам.

Когда начали строить этот храм, то немного было делателей.

Увидев это, Ярослав призвал тиуна[7737] и спросил его:

– Почему мало трудящихся у храма Божия?

Тиун отвечал:

– Так как – дело властительское (т. е. сооружается храм на собственный счет князя), то люди боятся, чтобы за труд они не были лишены платы.

Тогда князь повелел возить под своды золотых врат возами свои сокровища и объявить на торгу людям, что каждый может получить от князя по ногате[7738] в день за работу. И явилось множество делателей, работа пошла успешней и храм вскоре был окончен.

Освящение его совершено было 26 ноября 1051 г. митрополитом Иларионом[7739]. День освящения князь заповедал праздновать во всей России ежегодно в честь святого великомученика Георгия[7740].

Тропарь, глас 4:

Днесь блажат тя мира концы, Божественных чудес исполньшеся, и земля радуется, напившеся крове твоея: христоименитии же людие града Киева, освящением Божественнаго храма твоего радостию возвеселишася, страстотерпче Георгие, сосуде избранный Святаго Духа, угодниче Христов: егоже моли с верою и мольбою приходящым

во святый твой храм, дати очищение грехов, умирити мир, и спасти души наша.

Кондак, глас 2:

Божественнаго и венценоснаго великомученика Христова Георгия, на враги победу вземшаго одоления, сошедшеся верою во освященный храм, восхвалим, егоже благоволи Бог создати во имя его, един во святых почиваяй.

Страдание святого мученика Иакова Персянина

Память 27 ноября

Святой мученик Иаков родился в Персии, от христианских родителей, которые воспитали его в благочестии. Женившись на христианке, он жил в богатстве и почёте, так как пользовался любовью Персидского царя Издигерда и преемника его Варахрана[7741], который сделал его управителем своего дворца. Облагодетельствованный Персидскими царями, он прельстился земными почестями, отпал от христианской веры и, вместе с царем, принес идолам жертву и поклонился им. Узнав об этом, мать и жена его послали ему письмо, в котором обращались к нему с такими словами:

– Несчастный, зачем ты из-за человеческой славы оставил Бога, Царя Небесного? Угождая царю временному, ты сделался чужд жизни бессмертной. Служа тленному, ты отвратился от нетленного. Истине предпочел ложь, так как оставив веру Христову, впал в прелесть диавольскую. Повинуясь царю смертному, ты презрел Судию живых и мертвых и, добиваясь любви человеческой, сделался недостойным любви Божией и лишился небесных благ. Мы плачем и рыдаем о тебе, так как, быв прежде сыном света, ты сделался теперь сыном тьмы и геенны. Знай же, если ты не отвратишься от диавольской прелести, то не будешь иметь общения с нами, ибо мы не хотим и видеть тебя идолопоклонником. И мы молим тебя со слезами: обратись ко Христу, дабы избегнуть тебе гнева Божия. Исполни же просьбу нашу скорее и не медли, иначе будет поздно. И когда гнев Божий постигнет тебя вместе с царем и его друзьями, тогда не будет возврата, и ты восплачешься горько, видя себя в геенне огненной.

Это письмо от матери и жены Иакова было подано ему в то время, когда он находился вместе с царем за городом. Прочитав письмо, Иаков умилился и подумал:

– Если даже моя мать и жена отрекаются от меня за то, что я отвергся Христа и не хотят видеть меня, – то что же станет со

мною, в будущем веке, когда Бог придет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его?

И опять прочитав письмо со вниманием, он горько заплакал и стал каяться в грехе своем. Потом он сказал себе:

– Вот что я сделаю, чтобы не погибнуть совсем. Буду неотступно стучать у дверей милосердия Божия, пока они не отворятся мне. И я верю, что они отворятся, потому что Бог благоутробен и милостив: Он не хочет смерти грешника, но «чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33:11).

Когда он с горьким плачем говорил такие слова, некоторые из язычников, увидев, что он христианин, пошли и возвестили о том царю Варахрану. Царь призвал Иакова и сказал ему:

– Говори нам всю правду, – ты назарянин?

Иаков ответил:

– Да, я назарянин.

– Итак, ты волхв? – снова спросил царь.

– Нет, я не волхв, – сказал на это Иаков, – но христианин.

Тогда царь сказал:

– Неблагодарный! Не получил ли ты от меня и отца моего многих даров и не пользовался ли почетом у нас?

Иаков ответил:

– Где теперь отец твой? Телом он в гробе истлевает, а душа его ввержена во ад.

– Для праведных, – отвечал святой, – смерть – успокоение, а вам, неверным, и грешным, начало мук вечных.

Тогда царь призвал советников и друзей своих и начал совещаться с ними о том, каким мукам предать Иакова. На устрашение других Персов, чтобы и они, подобно Иакову, не отлучились от своей веры, он измыслил для святого такую казнь: повелел, чтобы каждый член его тела был урезан и раздроблен по отдельности. И вот палачи, по повелению царя, схватили Иакова и повели его на место казни, чтобы раздробить его на части по числу членов тела его. Вслед за святым Иаковом отправились на место казни и многие знавшие его, среди которых немало было воинов и сановников; все они пошли затем, чтобы посмотреть на мучения святого.

Пришедши на место казни, святой упросил своих палачей помедлить немного и дать ему возможность помолиться. Затем возведши очи к небу, он начал так молиться.

– Господи Боже мой! Услышь меня, раба Твоего, призри с высоты небесной и дай мне крепость и силу в час сей, чтобы мне перенести предстоящие мучения и своею кровью искупить согрешение мое, ибо я отвергся от Тебя, Творца и Владыки моего. Ныне я скорблю об этом и, обращаюсь к Тебе, Богу моему, исповедуя имя Твое святое, и полагаю за Тебя душу мою. Ты же, Господи, пошли мне помощь Свою в страданиях моих, чтобы видели силу Твою враги мои и постыдились, «потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня» (Пс. 85:17).

Когда святой так молился, приступили к нему палачи и, обнаживши его, растянули у него руки и ноги, говоря:

– Что ты будешь делать теперь, Иаков? Нет тебе пощады, твое тело велено разорвать на части: пальцы рук и ног твоих и всё тело твое от шеи до пяток мы должны резать, после же всего отсечем мы и голову. Подумай, что для тебя лучше, – покориться царской воле и быть невредимым и здоровым, или умереть среди жестоких мук?

Тоже с плачем говорили ему и некоторые из его друзей:

– Зачем бесцельно губишь свою душу? Пожалей себя, и не губи своей юности, исполни волю царскую, поклонись богам нашим, чтобы остаться живым; своему же Богу, если хочешь, служи втайне.

Слыша такие речи, произносимые со многим плачем, святой отверз уста свои и сказал:

– Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и детях ваших. Я в вечный покой иду, вы же все пойдете в муку вечную. Раздробляя мне члены, вы тем самым уготовляете мне неизреченное блаженство на небе, а себе – ужасные мучения во аде, где будете гореть в неугасаемом огне, вместе с бесами, которым теперь поклоняетесь.

При этих словах святого, один из приставников царских начал бить спекуляторов[7742], говоря:

– Что стоите, глядя на него? Начинайте делать, что вам приказано.

И тотчас же один из палачей, взявшись за руку святого, отрезал у него большой палец руки. Блаженный же, – обратив взор на небо, произнес:

– Помощь и надежда моя, Господи Боже! Ты отгоняешь единым Божественным перстом Своим бесов, прими же, – как ветвь от древа, сей перст мой, урезанный силою бесовскою, и будь милостив ко мне грешному; ибо и от виноградной лозы отрезываются ветви, чтобы лоза больше зеленела и росла и приносила бы много плода.

Тогда приставник царский, жалея святого, сказал ему:

– Пощади себя, Иаков, и послушайся царского повеления, поклонись нашим богам. Ты видишь, мы все жалеем тебя. А об отрезанном пальце не скорби: врачи тебя вылечат. Только не губи больше своего здоровья и красоты своей.

Блаженный отвечал ему:

– Разве ты не знаешь, что если обрежут ветви виноградной лозы, то она, когда солнце начнет греть ее, прозябает в урезанных местах и потом начинает произрастать и приносить плоды? Так бывает и с верными сынами Божиими. Насажденные в вертограде Божием и привитые к истинной Лозе – Господу Иисусу, Который сказал: «Я есмь лоза, а вы ветви» (Иоан. 15:5).

Они обрезываются через временную смерть и воскресают в грядущем веке, где зеленеют и украшаются нетленною славою и получают плоды вечного воздаяния.

Как только святой кончил свою речь, палач опять подошел к нему и отрезал ему второй палец. Но святой, терпеливо перенося мучения, воскликнул:

– Прими, Господи, и вторую ветвь от Твоего сада, который насадила десница Твоя.

Лицо его было светло и исполнено радости, как будто он испытывал не великие мучения, а высочайшее наслаждение. Тогда ему отрезали и третий палец, но он продолжал воспевать Триединого Бога.

– Освобожденный от трех искушений (т.е. похоти плотской, похоти очес и гордости житейской), я славословлю Отца и Сына и Святого Духа, и с тремя, спасенными от огня отроками

исповедую Тебя, Господи, и вместе с ликом мучеников воспеваю имя Твое, Христе.

Когда отрезали ему четвертый палец, он воскликнул:

– Принявший хваление от четырех животных, приими в жертву Себе и страдание моего четвертого пальца, урезанного за исповедание Твоего Святого имени.

После того как отрезали Иакову пятый палец, он громко возгласил:

– Наступает веселие для меня, как на браке Божественного Жениха для пяти мудрых дев[7743]. Тогда мучившие его, прежде, чем урезать ему пальцы левой руки, начали увещевать его:

– Иаков, пощади теперь свою душу, не губи себя, но исполни царскую волю, и тогда ты будешь цел; не лучше ли тебе остаться невредимым и жить, нежели испытывать такие муки и умереть? О повреждении же руки не печалься, потому что многие живут в мире с одною только рукою, и всё же пользуются великими богатствами и почестями и наслаждаются благополучием и всякими благами.

Святой ответил на это:

– Когда пастухи стригут овец, то, остригши правую сторону, разве оставляют не отрезанной левую? Я – овца стада Христова, в ваши руки предавшая себя ради Моего Господа, чтобы вы отсекли члены мои, как обстригается шерсть, – и когда моя правая рука отсечена, неужели левую я пощажу? Нет, не пощажу и всех моих членов и всего моего тленного тела для того, чтобы облечься в нетление.

Потом, устремив свои очи к небу, святой воскликнул:

– Я мал и худороден перед Тобою, Господи! Ты, великий Бог, умалил Себя, облекшись в человеческий образ, и претерпел за нас распятие и заколение; и я, Владыка мой, не могу подражать Твоим страданиям, но, однако, я предаю себя на мучения и смерть, чтобы Ты, при всеобщем воскресении, восстановил меня к жизни целым и невредимым.

Когда святой окончил свою речь, мучители опять приступили к нему и отрезали ему первый палец левой руки.

Он же сказал:

– Прехвальный Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня и шестой палец принести в жертву Тебе, простершему на Кресте пречистые руки Свои в шестой день и час[7744].

Затем отрезали святому седьмой палец, и тогда он воскликнул:

– Прежде, в течение каждого из семи дней недели, уста мои, вместе с пророком Давидом, восхваляли Тебя за Твои праведные судьбы, сегодня же прославляю милосердие Твое отрезанными, за исповедание Тебя, семью пальцами.

И отрезали Иакову восьмой палец; он же воззвал к Богу:

– Господи! Ты Сам по закону принял обрезание в восьмой день, я же переношу урезывание восьми пальцев, чтобы, удалившись от беззаконных людей, соединиться с Тобой, Спасителем моим, и, совлекшись тела, увидеть Твое Пречистое Лицо, Которое желает видеть душа моя так же сильно, как сильно жаждущий олень стремится к водным источникам (ср. Пс.41:2).

После этого отрезали святому девятый палец; тогда святой воскликнул:

– Христос мой, Ты в девятый час предал на кресте в руки Отца Своего Дух Твой, а я после лишения девятого пальца, среди страданий, приношу Тебе благодарение за то, что Ты удостоил меня быть распростертым для урезывания членов моих за имя Твое святое.

Когда отрезали Иакову десятый палец, то он, восхваляя Господа, громко возгласил:

– На десятиструнном Псалтири воспеваю Тебя, Боже, и благодарю Тебя, помогшего мне претерпеть за десять заповедей Твоего Завета, написанного на двух скрижалях, урезывание пальцев обеих моих рук.

Тогда некоторые из присутствовавших, царских вельмож и друзей святого, горько рыдая, начали увещевать его:

– Наш любезный друг, умоляем тебя, послушай нас и исполни царскую волю, чтобы не умереть тебе среди жестоких мучений. О пальцах же своих не печалься, потому что искусные врачи могут вылечить тебя, только ты сам себя пощади, чтобы не лишиться благ настоящего мира, исполненного радостей и

наслаждений: ты имеешь богатое имущество, и потому можешь пользоваться покоем. Если бы ты был нищим, то мог бы еще подумать: на что мне надеяться в этой жизни, каких выгод ожидать себе, когда я не могу ничего делать и, следовательно, доставать себе пропитание? Но ты богат, имеешь много золота, и если ты сам только захочешь, то можешь превосходно жить, пользуясь всеми утехами настоящего мира и веселясь со своей супругой, с матерью и со своими дорогими друзьями. Зачем ты хочешь напрасно губить душу свою? Итак, покоряясь царской воле, скажи только одно слово, и тотчас ты будешь освобожден от мучений.

Блаженный, взглянув на них, отвечал:

«Никто не может служить двум господам» (Мф. 6:24), и «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лук. 9:62), потому что Господь сказал: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:37–38), «и кто не несет креста своего и идёт за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:27). Поэтому я не послушаю вашего совета, так как ваши слова влекут меня к погибели; а только умоляю вас, не щадите меня, но поступайте так, как вам приказано.

Тогда мучившие святого распалились гневом и, приступив к нему, отрезали ему большой палец правой ноги. Святый же Иаков воскликнул:

– Прославляю Тебя, Христе мой, у Которого пронзены были не только руки, но и ноги, и молю Тебя: удостой меня того, чтобы эта моя правая нога, перенесшая отрезание первого пальца, стала впоследствии по правую сторону Тебя.

И отрезали ему второй палец той же ноги. Святый же продолжал прославлять Бога:

– В сей день на мне удвоилась Твоя благость и милость ко мне, Господи, ибо я, перенесши урезывание и этого второго пальца, пойду к Тебе, Всесильному и Животворящему моему Богу, избавляющему меня от второй вечной смерти.

Отрезали блаженному и третий палец, который бросили около него. Блаженный же, взглянув на него, воскликнул, радостно улыбаясь:

– Иди, во знаменование Святой Троицы, к твоим собратьям и ты, третий палец; приняв временную смерть за воскресшего после трехдневной смерти Христа, ты, подобно пшеничному зерну, брошенному в землю, получишь вместе с другими членами тела моего большую награду в день всеобщего воскресения.

После этого отрезали святому четвертый палец. Тогда блаженный громко возгласил: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога» (Пс. 41:6), спасающего силою четвероконечного креста, потому что я исповедую святое имя Его.

Отрезали Иакову и пятый палец, а святой всё продолжал восхвалять Господа Бога, восклицая:

– Господи, теперь я стану благодарить Тебя, претерпевшего на кресте пять язв[7745], буду прославлять Твою помощь, ибо Ты делаешь меня достойным участи Твоих верных рабов, пострадавших за Тебя и умноживших данные им пять талантов[7746].

После этого, мучившие стали урезывать пальцы левой ноги его. Когда урезали мизинец, святой Иаков воскликнул:

– Крепись и ты, малый палец ноги, шестой по счету из урезываемых; ибо я надеюсь на милостиво укрепляющего меня великого Бога, который сотворил тебя в шестой день вместе с большими и воскресит тебя малого, так же, как воскресит и большие. Ибо, если не погибнет ни одного волоса на голове человека, без воли Божией, то тем более ты, малый палец, не разлучишься с другими пальцами, но одинаково с ними прославишься, так как одинаково с ними страдаешь.

И отрезали святому Иакову седьмой палец, а он громко возгласил:

– Разорите этот ветхий храм, в котором укрывается семиглавый змей[7747], ибо Создатель, почивший в седьмой день от дел Своих, готовит мне на небе другой храм, нерукотворенный и вечный.

Когда отрезали святому Иакову восьмой палец, он воскликнул:

– Спасший восемь душ от воды в ковчеге Ноя (1Пет.3:20), спасет и меня, проливающего кровь, как воду. Вот отрезали мне восьмой палец, но я как наковальня под ударами, которая не чувствует боли, а только становится тверже и крепче: ибо я не чувствую страданий при урезывании членов моих, так как благой Врач, Сам Творец мой, укрепляет меня и облегчает страдания мои: Он после всех седьмиц земной моей жизни, когда наступит всеблаженный восьмой день вечности, всецело восстановит меня.

Тогда отрезали Иакову девятый палец; но святой мужественно молился:

– Молю Тебя, Боже, укрепи меня в терпении! Душа моя уповает на Тебя, утвердившего меня, по Твоей благодати, в непорочности девяти Ангельских чинов. Итак, дозволь быть с Тобою и мне, претерпевшему отрезание этих девяти ножных пальцев, подобно тому, как пребывают с Тобою все девять Ангельских чинов.

И отрезали ему десятый палец ноги; святой же громко возгласил:

– Иисус Христос, совершенный Бог и совершенный Человек, вот я приношу Тебе в жертву двойной десяток моих пальцев; и прибавил: «Суди меня, Боже, и вступись в тяжбу мою с народом недобрым» (Пс.42:1), потому что нечестивые не пощадили Твоего создания, но, как злые волки, растерзали все члены мои.

Множество стоявших вокруг мужей и жен, старцев и юношей, взирая на мучения святого, удивлялись его терпению. Христов же страдалец, посмотрев на мучивших его, сказал им:

– Что стоите праздно, рубите дерево, у которого уже отсекли ветви.

И мучители, подошедши к нему, отрубили ему правую ногу; святой же воскликнул:

– Теперь я приношу в дар Небесному Царю орудие моего стояния пред Ним и терплю эти мучения по любви к Нему, чтобы моя отсеченная правая нога стояла в Царстве Его.

Также отсекли ему и левую ногу; а он, устремив свои взоры к небу, возгласил:

– Господи, Ты услышал меня, потому что велика Твоя милость: Ты, Бог, творящий чудеса, избавил меня от стояния на левой ноге, дав тем доброе предзнаменование, ибо левая сторона знаменует погибель вечную[7748].

После этого святому отсекли правую руку; он же воскликнул:

– Господи, буду вечно воспевать Твою милость, из рода в род буду возвещать истину Твою, потому что на мне явно исполнились следующие слова Твои: «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» (Мф. 5:30).

Тогда у святого Иакова отсекли левую руку; он же начал говорить:

– Господи, не мертвые восхвалят Тебя, равным образом ни те, которые низойдут во ад и держатся на жизненном пути левой стороны, т. е. неправедных дел, но мы живые, отвергающие левую сторону (т. е. неправду), вечно будем благословлять Тебя, Господи!

После этого святому отсекли правое плечо, и тогда он проговорил:

«Хвали, душа моя, Господа. Буду восхвалять Господа, доколе жив; буду петь Богу моему, доколе есмь» (Пс.145:1–2), ибо возложивший на Свое плечо найденную Им погибшую овцу и поставивший ее по правую сторону Себя (Лк. 15:4–7; Мф. 27:23), вспомнит и мое правое плечо, и найдя его усеченным, поставит по правую сторону Себя.

И отсекли ему левое плечо, а святой проговорил:

– Со всех сторон окружили меня враги. Но Господь мой Помощник и моя Похвала, на плече Которого судьбы всех; Он мой Спаситель: Он не попустит меня, перенесшего отсечение левого плеча, уклониться влево во власть тьмы.

Затем начали резать голени святого Иакова до самых колен. Святый, перенося тяжкие страдания, воскликнул:

– Господи Боже мой, оказывающий помощь боящимся Тебя и уповающим на Тебя, помоги и мне, рабу Твоему, ибо меня мучает смертельная болезнь.

Слыша это, мучители сказали ему:

– Не говорили ли мы, что тебе придется испытать жестокие мучения и ужасные боли? Ты не поверил нам.

Но доблестный страдалец отвечал им:

– Знаете ли, для чего я страдал? Для того, чтобы ясно было, что я телесен; до этих пор, при помощи Божией, я пренебрегал всеми муками, как бесплотный; теперь же, страдая, я являюсь телесным. Но скоро Господь облечет меня в новое тело, которое уже нельзя будет мучить и истязать вашими орудиями.

Все эти мучения продолжались от самого утра до девятого часа, и в продолжение всего этого времени от истязуемого тела святого Иакова исходило сильное благоухание. Когда, наконец, мучители перестали истязать святого, воин Христов, победивший своими страданиями диавола, взывал к Богу:

– Свят, свят, свят Ты, Бог Вседержитель, Отец и Сын и Святой Дух, восхваляемый Херувимами и прославляемый Серафимами и славимый всем небесным воинством и всякою тварью, Бог живых и мертвых. Помоги мне, еле живому, потому что все мои члены отрезаны и тело мое лежит, как мертвое, и только чуть-чуть теплится во мне жизнь: я не имею ног, на которых бы стоял пред Тобой, Господи; не имею рук, которые воздевал бы, молясь Тебе, Владыке моему; не имею колен, на которые мог бы припасть, поклоняясь Тебе, моему Создателю: руки, ноги, плечи и голени отсечены у меня, и я повержен пред Тобою, Владыка, как развалившийся храм, или дерево без ветвей; поэтому умоляю Тебя, Человеколюбче, не оставь меня до конца, но избавь из темницы душу мою.

Когда он молился таким образом, один из присутствовавших при казни святого, взяв нож, отсек его честную главу, и святой, окончив таким образом свои мученические подвиги, предал святую душу свою в руки Божии. Честное же тело его, раздробленное на части, лежало на земле до ночи. Ночью верующие, собрав все члены, погребли их вместе с телом, прославляя Отца и Сына и Святого Духа[7749]. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Мучении странноужасными, и доблестию терпения всех преудивил еси многострадальне, над коимждо составом удеси резания, благодарны мольбы предивне изрекл еси Господу. Тем во страдании твоем венец прием, к престолу возшел еси небеснаго Царя Христа Бога, Иакове: Того моли спасти души наша.

Кондак, глас 2:

Уверився доброю сопружницею терпеливодушне, и страшнаго судища убоявся, персское повеление и страх Иакове поплевал еси и явился еси мученик честный, телом яко розга режем.

Память преподобного Романа

Память 27 ноября

Блаженный Роман родился в городе Росе[7750], близ Антиохии; достигши зрелого возраста, он поселился в Антиохии. Здесь он затворился вне города в малой келлии, где пробыл до старости, не имея при этом огня. Пищей ему служили хлеб, соль, да вода, и притом в таком малом количестве, чтобы только можно было поддержать свою жизнь. Он носил власяницу и под ней тяжелые железные оковы. За всё сие святой Роман сподобился такой Божественной благодати, что исцелял различные недуги и, по молитве его, многие жены, неимущие детей, были разрешены от бесплодия. Многих заблудших святой Роман своим увещанием возвратил на правый путь к Царству Божию. Так пожив, он достигнул маститой старости и мирно отошел ко Господу[7751].

Память святого Иакова, епископа Ростовского[7752]

Память 27 ноября

Святой Иаков был родом из ростовской области, в раннем возрасте принял иночество и за свою благочестивую жизнь удостоился поставления в епископы Ростовские при митрополите Пимене и великом князе Дмитрии Иоанновиче Донском[7753]. Но епископом ростовским он был недолго и оставил кафедру по следующему случаю.

Одна женщина обличена была в беззакониях и ростовским князем и боярами ростовскими осуждена была на смертную казнь. В своем несчастии она прибегла к ногам ростовского святителя Иакова и молила избавить ее от смерти. Святой Иаков сжалился над ней и, подражая Христу, Который не осудил приведенную к Нему блудницу, – не выдал на казнь осужденную женщину, а назначил ей особое место для покаяния до конца ее жизни. За таковой поступок князь ростовский и граждане разгневались на святого Иакова и изгнали своего доброго пастыря с престола.

Удаляясь из города, святой Иаков подошел к берегу ростовского озера и, сняв с себя свою святительскую мантию, положил ее на воду и, осенив себя крестным знамением, встал на нее и поплыл по озеру; проплыв версты полторы за город, он снова вышел на берег на том месте, где теперь находится Яковлевский монастырь.

Сие необычайное чудо изумило князя и народ. Все поняли, что несправедливо и жестоко поступили со своим святителем, просили о прощении грехов и со слезами умоляли его возвратиться на свой святительский престол. Святитель по своему незлобию и кротости простил им тяжкий грех их; он никогда и ни на кого не мог гневаться, но возвратиться на престол решительно отказался.

На том самом месте, в полутора верстах от города, где святой Иаков вышел на берег[7754], он построил себе одинокую хижину и стал в ней жить.

У святителя было много почитателей, и многие из них стали приходить к нему для жительства. Тогда он соорудил келлии для братии, и затем и церковь во имя зачатия святой Анны. В сем монастыре святой Иаков окончил и дни свои[7755].

Во время святительства Иакова в Ростове, появился еретик, именем Маркиан, который учил не поклоняться святым иконам, называя их идолами, и рассеивал иные нечестивые мысли. Своим красноречием и книжною ученостью он привлек к себе внимание ростовского князя, бояр и народа. Но святитель ростовский Иаков, в присутствии князя и народа, учинил с еретиком прение и обличил его лжеучение, так что еретик со срамом удалился из Ростова.

Мощи святого Иакова почивают в основанном им монастыре, именуемом Яковлевским, в честь его основателя.

Тропарь, глас 4:

Избран от юности Богови быв, святителю Иакове, сего ради архиерейства саном почтен, упасл еси люди, яже тебе Богом врученныя, темже и по преставлении чудес дарования от Бога приял еси, исцеляти различныя недуги: моли о нас совершающих честную память твою, да тебе непрестанно величаем.

Кондак, глас 8:

Яко архиереев сопрестольник, и святителем изрядный поборник был еси святителю Иакове, непрестанно сохраняй отечество твое, град же и люди тебе верою почитающыя, и честным мощем твоим поклоняющыяся, да велегласно тебе вопием: радуйся Иакове Богомудре.

Память святого Палладия, епископа Еленопольского

Память 27 ноября

Святой Палладий происходил из Галатии[7756]. На двадцатом году от рождения, он прибыл в Александрию[7757], где и посвятил себя подвигам иноческого жития, сначала в окрестностях этого города, потом через три года в Нитрийской пустыне[7758] и Скитской[7759], где пребывал в строгом безмолвии в продолжение девяти лет. Но болезнь заставила его оставить излюбленную им пустыню и, ради перемены воздуха, он переселился в Палестину, в Вифлеем, а через год в Вифинию[7760], где вскоре граждане города Еленополя избрали его на епископский престол.

Святый Палладий пользовался особым доверием святого Иоанна Златоустого и сам был горячим приверженцем и почитателем великого вселенского учителя. Поэтому, когда святой Иоанн Златоуст подпал несправедливому гонению[7761], то и Палладий, известный своею приверженностью к святителю Божию, вынужден был скрываться по различным местностям, пока, наконец, не прибыл в Рим[7762]. Император Западной Римской империи Гонорий к посольству, имевшему ходатайствовать о Иоанне Златоустом пред восточным императором Аркадием, присоединил и Палладия. Но послы римские вернулись ни с чем, а Палладий был задержан и сослан в Сиену[7763], откуда по смерти Аркадия, переведен был в Антиною[7764]. Наконец, по прошествии еще четырех лет, он возвратился на свою кафедру, где, по просьбе одного благочестивого знатного придворного сановника, по имени Лавса, составил книгу, названную в честь последнего «Лавсаиком»; в сей книге он описал подвиги и чудеса преподобных мужей и жен Египта, Сирии, Месопотамии, Галатии, Каппадокии и Рима, живших в IV и начале V века[7765]. К концу жизни святой Палладий был переведен на епископскую кафедру в город Аспуку, что в Галатии, где, добре управив вверенную ему паству, с миром скончался о Господе[7766].

Страдание святого преподобномученика Стефана Нового

Память 28 ноября

Родиною преподобного Стефана была столица греческого царства – Константинополь. Родители его отличались благочестием и нищелюбием. Имея двух дочерей, они скорбели о том, что Бог не давал им сына, так как они желали иметь наследника мужеского пола. Стараясь привлечь на себя милость Божию, они благотворили нищим и усердно молились Господу, испрашивая у Него рождение мальчика. Особенно же ревностно изливала сердце свое в слезных молитвах пред Богом мать преподобного Стефана, по имени Анна, подражая в сей ревности соименной ей матери пророка Самуила.

В одну из пятниц, стоя на молитве во Влахернском храме[7767], она обратила взор свой на икону Пречистой Владычицы и со слезами молила Ее даровать ей сына; при этом она дала обет Матери Божией – если молитва ее исполнится – принести дитя в дар Единородному Сыну и Слову Божию, от Пречистой воплощенному. Утомленная долгой молитвой и слезами, она забылась сном в храме и во время сна увидела Владычицу нашу, Пресвятую Богородицу, сияющую неизреченною красотою. Царица Небесная обратилась к ней с такими словами:

– Иди с миром, женщина, ибо ты имеешь во чреве сына, по прошению твоему.

Сказав это, Владычица сделалась невидимою. Анна же, сначала воспрянув как бы от ужаса, потом пришла в великую радость и, возвратившись домой, действительно, почувствовала, что зачала во чреве своем.

В это время, при благочестивом царе греческом Анастасии (не том, который вступил на престол после Зенона и был еретиком[7768], а другом, вступившем на царство позднее[7769]), был избран и возведен на патриаршество в Царьграде святой Герман[7770]. В день поставления нового патриарха толпы народа стекались в храм святой Софии взглянуть на новоизбранного

святителя. Среди народа находилась и Анна со своим мужем, уже непраздная. В то время, как она стояла в церкви, случилось патриарху проходить мимо нее. Анна воскликнула, обращаясь к святителю:

– Благослови, отче, зачатое во чреве моем!

Взглянув на нее и внутренними очами провидя будущее, патриарх сказал:

– Да благословит то (зачатое) Господь молитвами святого первомученика!

Этими словами он предсказал, что от Анны имеет родиться дитя мужеского пола, которое будет названо Стефаном, в честь первомученика Стефана. Пророчество святого патриарха сопровождалось и как бы подтверждалось чудесным знамением: из уст его, во время произнесения пророчества, исходил вместе с словами огненный пламень, что ясно видела Анна (как она потом говорила, подтверждая свои слова клятвою).

Когда прошло определенное число дней, Анна родила младенца мужеского пола; и наречено было имя ему Стефан, согласно пророчеству святого патриарха Германа[7771]. В вечер великой субботы новорожденный младенец и был крещен самим же патриархом.

В день очищения своего, счастливая мать, взяв младенца, принесла его в церковь Пресвятой Богородицы, что во Влахернах, и, держа его на руках, стала пред честною иконою Царицы Небесной, пред которою молилась прежде о даровании ей сына. Взирая на икону, она сказала:

– Приими, Пречистая, сего возлюбленного сына моего, которого Ты даровала мне; приими того, кого я еще до зачатия обещала посвятить Тебе и Твоему Единородному Сыну. Тебе, после Бога, я вручаю его. Ты ему будь и Матерью, и Питательницей, и Промыслительницей о нем.

Это и многое другое сказавши и помолившись пред святою иконою, она возвратилась в дом свой и со всем усердием питала своего сына.

Между тем после Анастасия на престол царский вступил Феодосий[7772], после же Феодосия – Лев Исаврянин[7773]. Во всё

это время блаженный отрок Стефан рос телом и укреплялся духом, изучая Божественные Писания. При помощи благодати Господней, он преуспевал в разуме и премудрости Божией, ибо проявлял большую ревность к чтению святых книг, поучаясь в законе Божием день и ночь; особенно он любил читать творения святого Иоанна Златоустого.

Наступили великие смуты в Церкви Божией из-за иконоборческой ереси, самым ревностным последователем которой был сам царь, Лев Исаврянин. Последний сделался иконоборцем под влиянием еврейских волхвов, о чем существует такое сказание.

За несколько лет до царствования Льва Исаврянина некоторые евреи, вышедшие из Лаодикии Финикийской[7774], пришли к Изифу, одному из князей аравийских[7775]. Ложно пророчествуя и совершая волхвования, они обещали ему сорок лет жизни и господства над Аравитянами, если он повелит во всей своей области повыкидать из церквей святые иконы и уничтожить их. Изиф поверил им и издал приказ, чтобы повсюду честные иконы выкидывались из церквей и предавались бы огню. Но Бог, отмщений Господь, поразил его, так что он умер не прожив и одного года. Сын его, вступив на княжество вместо отца, хотел предать тех евреев лютой казни, как ложных пророков и волхвов; но они, спасаясь от гнева княжеского, покинули Аравию и бежали в Исаврию.

Однажды они отдыхали там около одного источника. И вот идет мимо юноша – исаврянин, именем Лев, человек большого роста и весьма красивый. Он захотел отдохнуть у того же источника, у которого сидели еврейские волхвы, и, сойдя с пути, сел вместе с ними. Взглянув на юношу, волхвы начали предсказывать ему, что он будет царем в Греции. Будучи незнатного происхождения и к тому же бедным, едва добывающим себе пропитания посредством одного незатейливого рукоделия, Лев не поверил евреям. Но те настойчиво повторяли свое пророчество, говоря, что он непременно будет царем, если поклянется им – когда восприимет царство, сделать то, чего они попросят тогда у него. И он поклялся им в находившейся недалеко от того места

церкви святого Феодора исполнить их просьбу; после сей клятвы они разошлись.

Вскоре после того юноша тот был зачислен патрицием Сесинием[7776] в войско и здесь быстро возвысился и стал спафарием[7777]. Потом император Анастасий II дал ему титул патриция и назначил областеначальником в Малой Азии. По смерти Анастасия, царем был провозглашен Феодосий, но Лев не признал его и поднял восстание. По попущению Божию, ему удалось свергнуть Феодосия и самому завладеть царским престолом. Сначала он был благочестивым и православным царем, но потом совратился в нечестие, ибо скоро пришли к нему те евреи, которые посредством волхвований предсказали ему царство. Они напомнили Льву об его обещании, подкрепленном клятвою, и говорили, что теперь настало время исполнить то, чего они попросят у него. Царь спросил их:

– Чего же вы хотите от меня?

Они же будучи врагами Христа и христианской веры, не просили у него ни золота, ни серебра, ни иных каких-либо сокровищ, но потребовали, чтобы он выбросил из церквей Божиих святые иконы.

– Царь! – говорили они, – если ты сделаешь это, то Бог на многие годы сохранит твое царствование; если же не сделаешь, то скоро лишишься и царства, и жизни.

Помня, что первое пророчество тех волхвов о получении им царства исполнилось, Лев боялся, что исполнится и это пророчество о потере им царства вместе с жизнью, если он не послушает их. Поэтому он издал указ, повелевая выкидывать святые иконы из церквей и домов и попирать их ногами; при этом, нечестивый царь называл иконы идолами, а поклоняющихся им – идолопоклонниками.

И была великая смута в Церкви Христовой, так как одни повиновались царскому повелению, выбрасывали честные иконы и топтали их, другие же сопротивлялись царю и претерпевали за иконопочитание многие муки. Святый Герман патриарх Константинопольский тоже не приобщился царскому зловерию и сильно сопротивлялся нечестивому повелению Льва. За это царь с бесчестием изгнал святого с патриаршества,

а на его место поставил единомышленника своего, некоего Анастасия еретика[7778]. И многие епископы и клирики претерпевали тогда различные мучения за то, что поклонялись святым иконам.

В Царьграде, при церкви святой Софии, находился один громадный дом, называемый вертоградом любознательности. В нем с древних времен было собрано великое множество книг, числом до трехсот с лишком тысяч. Ради этих книг в доме пребывало немало ученейших и премудрейших мужей, которых царь неоднократно пытался совратить в свою нечестивую ересь, но всякий раз безуспешно. Тогда он повелел обложить этот дом хворостом и поджечь, и таким образом сжёг его вместе с книгами и находившимися там учеными людьми. Новопоставленный же патриарх Анастасий, угождая царю, повелел снять и сбросить на землю образ Спасителя, который находился при упомянутом доме, на медных воротах.

Исполняя патриаршее повеление, один воин подставил лестницу и стал подниматься по ней к образу с намерением сбросить его. Но случившаеся там благочестивые жены, распалившись ревностью по благочестию, выдернули из под него лестницу и низвергли ее на землю; воин упал, разбился и умер. А жены поспешно скрылись в церковь, где в то время находился патриарх, который стоял на святом месте, как мерзость запустения[7779], заместившая святейшего Германа. Увидев патриарха, жены стали громко называть его разорителем святых догматов, наёмником и волком, расхитившим овцы, а не истинным пастырем стада Христова; затем начали кидать в него камнями. Патриарх, испугавшись, немедленно направился к царю и возвестил ему, какое бесчестие нанесли ему (патриарху) жены. Разгневанный царь послал воинов с обнаженными мечами, чтобы наказать женщин, нанесших патриарху бесчестие, – и те святые жены все были иссечены мечами за проявленную ими ревность по благочестии. Наступила тогда великая печаль для православных. Многие из них были заключены в темницу и содержались в узах; другие подверглись беспощадным мучениям и были убиваемы, а

некоторые оставляли свои дома, села и имения и, скрываясь от рук мучителей, убегали в пустыню.

Родители Стефана, блаженного от недр матери своей, тоже хотели избежать жестокого гонения на православных, чтобы соблюсти непорочным свое благочестие. Они ждали только, когда подрастет сын их, чтобы посвятить его на служение Богу в чине иноческом, как было обещано ими Матери Божией. Но при этом они не хотели отдавать Стефана ни в один из Византийских монастырей, которые были переполнены бежавшими сюда от гонителей. Они предпочли посвятить сына Богу на Авксентиевой горе, находившейся в Вифинии[7780] и получившей свое наименование от преподобного отца Авксентия, который первый поселился там, ища безмолвия. Место сие было уединенно и отдалено от всяких мирских волнений. После Авксентия здесь подвизался Сергий, ученик Авксентия и подражатель его святого жития, после Сергия – искусившийся в добродетелях Вендиан, затем блаженный Григорий, а после него преподобный Иоанн. К нему-то и привели родители Стефана своего 16-летнего сына и, вручив отрока святому старцу, умоляли его облечь их сына в ангельский образ и научить служению Богу. Взглянув на Стефана и прозорливыми очами провидя в нем благодать Божию, старец сказал:

– Воистину Дух Божий почивает на сем отроке.

И он с любовью принял блаженного отрока, постриг его в иноческий чин и стал наставлять его в подвигах безмолвного жительства.

Приняв ангельский образ, блаженный отрок Стефан и жизнь проводил Ангельскую, являясь совершенным иноком. Он не ослабевал в посте и молитве, имел кроткий нрав, смиренное сердце, дух умиленный, постоянно пребывал в молчании, соблюдал чистоту тела и непорочность девства, являл в своей жизни образец истинной нищеты и пустыннического нестяжания. Безропотно нес он подвиг иноческого послушания и тщательно исполнял всё, что ни возлагали на него, проявляя во всем усердие и отличаясь трудолюбием. Между прочим, потребная для пития вода добывалась в месте весьма отдаленном от

пещеры, где подвизался Стефан. Но святой каждый день приносил необходимое количество ее, совершая для того значительный переход и с трудом взбираясь потом на гору с водою. И не только воду, но и всё потребное, приносил он с отдаленных мест, изнуряя себя непосильным трудом. При этом блаженный Стефан никогда не жаловался на тяжесть подвигов, ни разу не роптал, и, наряду с повиновением, проявлял к преподобному наставнику своему нелестную и нелицемерную любовь. О других же его добродетелях, подвигах и трудах, в которых он упражнялся от юности, кто может рассказать?

Наставник блаженного Стефана, преподобный Иоанн, видя усердие своего ученика в подвигах иноческой жизни, радовался духом и, подобно ветру, раздувающему пламень в тлеющем угле, своими богодухновенными речами и наставлениями разжигал в сердце блаженного желание еще больших подвигов во славу Господа, еще более теплую любовь к Нему и страх Божий. При этом, он и сам являлся мужем совершенным в добродетелях, исполнен был благодати Божией и награжден от Бога даром пророческого предвидения.

Однажды блаженный Стефан, совершив некое послушание и возвратившись к своему наставнику, увидел, что тот, положив голову на оконце пещеры, горько плачет. Стефан остановился у оконца и стал ожидать, когда святой старец преподаст ему обычное благословение. И долго стоял он в молчании, удивляясь горькому рыданию старца и не смея спросить его о причине его плача. Но старец сам сказал ему:

– Возлюбленный сын, виновник печали моей ты, о тебе я так горько плачу; ибо Господь открыл мне, что место сие от тебя процветет и прославится, но иконоборцы разорят и опустошат его.

Услышав сие от своего учителя, блаженный Стефан тяжко вздохнул и произнес:

– Скажи, святой отец, всё, что открыл тебе Господь относительно меня: что случится со мною? И не погибну ли я, будучи развращен еретическим учением иконоборцев?

Старец отвечал:

– Нет, чадо мое, никогда не будет с тобою этого; но только предупреждаю тебя словами Апостола: Еф. 5– «Итак, смотрите, поступайте осторожно», Мф. 24– «претерпевший же до конца спасется».

Это и многое другое высказал он Стефану и поведал ему обо всем, что должно случиться с ним в будущем.

Тем временем умер отец преподобного Стефана. Узнав о сем, преподобный взяв благословение у своего отца духовного, отправился в Византию и там почтил подобающим погребением плотского родителя своего; затем он продал всё оставшееся после него имение и деньги раздал нищим. Устроив эти дела, он взял с собою мать свою и одну из сестер (другая сестра святого уже постриглась в иночество в одном из Византийских девичьих монастырей) и поместил их в женском монастыре, созданном и освященным вышеупомянутым преподобным Авксентием, который назвал его: «Трихинария», т. е. власяной. Такое название дано было монастырю частью вследствие трудности и неудобства пути, ведущего к нему, частью вследствие тягостей иноческой жизни в нем, ибо монастырь отличался строгостью устава, и монахини, населявшие его, должны были ходить во власяных одеждах. В этом монастыре святой Стефан и постриг в иночество мать и сестру свою; сам же возвратился к преподобному наставнику своему и, живя с ним, упражнялся в обычных иноческих подвигах и трудах.

По прошествии некоторого времени, духовный отец и учитель блаженного Стефана, преподобный Иоанн, с миром отошел к Господу; поплакав над ним, святой пошел возвестить о его смерти близ находившихся пустынников, и все, собравшись, с плачем и рыданием и с подобающим пением предали погребению честное тело преподобного Иоанна. Блаженный же Стефан после того стал один подвизаться в пещере, имея от роду немногим более 30 лет.

Наследовав пещеру преставившегося ко Господу святого учителя своего и других, живших в ней раньше, преподобных отцов, блаженный Стефан был наследником и их совершенного, преисполненного добродетелей, жития. Поэтому к нему стали приходить из окрестных мест пустынники, желая жить вместе с

ним и иметь в нем наставника и учителя себе. К числу таковых принадлежали: Марин, муж добрый и благонравный, Иоанн и Христофор, Захария, муж благочестивый, и, наконец, два злобных человека, Сергий и Стефан, о которых речь будет ниже. Пришли к преподобному Стефану и еще шесть других мужей, имена которых записаны в книге работающих Христу Господу. Таким образом образовался монастырь, братия которого неусыпно предавалась иноческим подвигам, имея у себя игуменом святого Стефана. Пищу добывали все в поте лица своего, трудами своих рук; преподобный же Стефан владел искусством хорошо списывать книги; переписывая и продавая их, он, таким способом, питал себя и прочих. И Бог, питавший Израиля в пустыне, посылал все потребное и сим рабам Своим, так что исполнились на них слова Евангельские: Мф. 6– «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». С умножением учеников блаженного Стефана, увидел он, что его безмолвие, к которому он так стремился, нарушено. Тогда святой призвал к себе вышеупомянутого Марина и вручил ему начальство над монастырем и заботу о нем. Сам же удалился на другое место той горы и построил себе небольшую келью, в которой и затворился, имея от рождения своего 42 года[7781]. Келлия эта совершенно не имела крыши. Пребывая в ней некоторое время в совершенном уединении и безмолвии, святой непрестанно беседовал с Богом, предаваясь молитве. Но и на новом месте своего подвижничества блаженный Стефан не мог избежать желающих получить от него пользу для души своей. Как не может оставаться незаметным град, который стоит на верху горы, и как не может утаиться человек, носящий с собою ароматы, – подобно сему и добродетельный человек, на высоту совершенства, как на некоторую гору, восшедший и добрыми делами, как ароматами, благоухающий, не может укрыться и утаиться от людей. Это и было с блаженным Стефаном. Слава о его подвижнической жизни распространялась далеко, и подобно тому, как пчёлы слетаются на мёд, так и к преподобному стекались отовсюду ищущие спасения, желая получить назидание для себя от его учительных речей и от самого жития его. Среди стекавшихся к

преподобному были не одни благочестивые мужи, но и жены. Из них особенно заслуживает внимания одна благородная, вдова, именем Анна. Оставшись, по смерти мужа своего, весьма юною и не имея детей, она продала все имения свои и раздала нищим; затем, пришедши к преподобному Стефану, она была пострижена им в иноческий образ и отослана в девический монастырь – Трихинария.

В это время умер царь Лев Исаврянин. На его место вступил сын его Константин Копроним[7782], который еще сильнее своего отца восстал на Церковь Божию, выбрасывая святые иконы из храмов и сожигая огнем. Обличителями его нечестия явились многие славнейшие и премудрые мужи из чина иноческого, которые доказали ему неправоту его и обличили в ереси. Тогда Копроним воспылал неукротимою злобою против иноков, подвергая их жестоким гонениям и всячески хуля их. Образ иноческий он называл одеждою тьмы, самих же иноков именовал идолопоклонниками за то, что они с великим усердием стояли за поклонение святым иконам. Вместе с сим беззаконный царь собрал великое множество неразумных людей, слушавших его веления, и приказал им присягнуть с клятвою, что они не будут поклоняться святым иконам, но станут называть их идолами, не будут иметь и общения с иноками, ни принимать от рук их Пречистых Таин, – и всякий, кому случится встретить инока, будет бросать в него камни, называя его помраченным, сыном тьмы и идолопоклонником.

Когда всё сие происходило, умер злочестивый патриарх Константипольский Анастасий, которого Лев Исаврянин возвел на патриаршество после святого Германа. На место Анастасия Копроним возвел на патриаршество одного соименного ему инока Константина, который был единомышленником ему[7783]. При этом, нечестивый царь возвел его на патриарший престол одною своею властью, без соборного избрания: сам и на амвон его возвел, сам и омофор возложил на него, возглашая, что он достоин патриаршего сана. После этого оба – и царь, и новый патриарх, посоветовавшись между собою, послали во все города грамоты, призывая всех епископов в царствующий град на собор для осуждения и уничтожения иконопочитания. И

творились тогда в Константинополе великие беззакония. Даже священные сосуды, в которых совершались Божественный Тайны, попирались ногами, так как на них находились священные изображения. Святые же иконы ввергались – одни в болото, другие – в море, третьи – в огонь, а иные были рассекаемы и, раздробляемы секирами. А те иконы, которые находились на церковных стенах, – одни сострагивались железом, другие замазываемы были краскою. Беззаконники не пощадили и благолепнейшую церковь во имя Пресвятой Богородицы, что во Влахернах, которая была роскошно украшена изображением всех событий земной жизни Господа Иисуса Христа, начиная от воплощения Его и кончая распятием и воскресением Его. В сей церкви беззаконный царь Копроним повелел уничтожить все иконописные украшения ее, блещущие золотом и драгоценными камнями, и, как бы обнажил ее, лишив как царицу, порфиры; взамен всего этого он приказал расписать стены ее изображением деревьев, зверей и птиц. И исполнились в то время слова Давида: Пс. 78:1–2 – «Боже! Язычники пришли в наследие Твое, осквернили святый храм Твой, Иерусалим превратили в развалины; трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих – зверям земным».

Ибо тогда и мощи святых выбрасывали иконоборцы из церквей и ввергали их или в огонь или в море, или же влачили за город и сбрасывали с гор в пропасти и болота. Тех же, кто дерзновенно стоял за честь святых икон и мощей, злочестивые еретики немилосердно мучили и предавали горькой смерти, проливая кровь их, как воду, при этом тела мучимых за иконы они оставляли без погребения и бросали на съедение хищным птицам и зверям. Тогда наступила для всех православных скорбь великая, какой не было от самого начала мира.

Спасаясь от преследований, воздвигнутых на православных, многие иноки оставили Константинополь и претекли к преподобному Стефану, надеясь найти у него благой совет и душеполезное наставление. Святый долго утешал их своими Богомудрыми речами и учил твёрдо стоять в благочестии, не боясь пролить за святые иконы даже кровь

свою; тем же, которые не имели достаточно мужества и боялись мучений, он советовал бежать в другие страны, где не было гонений от иконоборцев. Тогда опустели все Византийские монастыри, и уже нельзя было видеть никого из иноков в царствующем граде. Ибо одни из иноков, твёрдо стоя за Православие, положили души свои, будучи убитыми, другие же, желая вместе с правой верой спасти и жизнь свою, бежали в другие страны и рассеялись по лицу земли всей. В 754 году по Рождестве Христовом созван был иконоборческий собор в Константинополе, на котором присутствовало 838 восточных епископов, но не было ни одного патриарха, кроме одного только Константинопольского лжепатриарха Константина еретика и единомышленника царского. Местом для собора назначена была Влахернская церковь Пресвятой Богородицы, которая (церковь), лишившись своих иконописных украшений, представляла собою как бы пустыню и вертеп разбойников. В этой церкви и собрались все прибывшие епископы вместе с беззаконным царем и лжепатриархом. И после долгих рассуждений и препирательств, царь убедил всех епископов согласиться с ним и присоединиться к его безбожному злохулению. При этом, многие из епископов ясно видели заблуждение царя и патриарха, но, боясь гнева царского и патриаршего, боясь, как бы для православных не наступили новые бедствия, они не смели сказать ничего вопреки царю и присоединились к нечестивому зловерию. Впоследствие на истинном VII Вселенском соборе, бывшем в царствование Константина Младшего и матери его Ирины[7784], они отреклись от иконоборческой ереси и с покаянием обратились к благоверию, но теперь они пошли вслед за нечестивым царем и патриархом, согласившись с их еретическими мудрованиями. И были составлены там такие злочестивые и богомерзкие лжедогматы:

1) Святые иконы повелевалось почитать за идолов.

2) Все поклоняющиеся святым иконам – преданы были анафеме, причем анафема провозглашена была на святого Германа, бывшего Константинопольским патриархом раньше еретика Анастасия (беззаконные еретики, сами будучи

прокляты, прокляли святого и праведного человека, но Бог благословил его, так что сбылось Писание: Псалом 108– «Они проклинают, а Ты благослови».

3) Повелевалось исповедовать, что не только святые, по смерти своей, не могут помочь нам своим ходатайством, но и Сама Матерь Божия.

4) Запрещалось нарицать святыми Апостолов, мучеников, исповедников, преподобных, и всех угодивших Богу.

5) Сей нечестивый собор, сделавший такие определения, причислялся к первым шести Вселенским соборам и повелевалось называть его седьмым Вселенским собором. Всякий же, непризнающий того собора, подвергался анафеме, подобно Арию, Несторию, Евтихию и Диоскору[7785].

На соборе этом важнейшими епископами после патриарха были: Феодосий, епископ Ефесский, Константин – Никомидийский, Наколий – Наколийский, а также Сисиний и Василий.

Совершив беззаконное дело, епископы подписали составленные определения, так что исполнились на них слова Писания: «беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей, которые казались управляющими народом» (Дан. 13:5), и еще: «множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали ногами участок Мой; любимый участок Мой сделали пустою степью» (Иер. 12:10).

По окончании соборных совещаний епископы, участвовавшие на соборе, научили народ с веселием торжественно возглашать: «сегодня спасение миру», так как твоими заботами, царь, мы от идолов избавились» .

Между тем беззаконный царь, Константин Копроним, услыхал о преподобном Стефане, подвизавшемся на Авксентиевой горе. Царю сделались известными и его благочестие и добродетельная жизнь, и то, что он премудр в Священном Писании, и то, что слава о нем распространилась далеко, так что все ставят его наряду с древними святыми отцами, – наконец, и то, что он ревностный иконопочитатель, поучающий и других поклоняться святым иконам. Узнав все это, Копроним задумал прельстить блаженного Стефана и привести

к единомыслию с собою, надеясь, что если он привлечет его на свою сторону, то этим придаст особенную твердость и силу своему зловерию. И вот он призывает одного из своих приближенных патрициев, именем Каллиста, который был первым лицом в государственном совете. Каллист был искусным и красноречивым оратором, и нечестивый царь понадеялся на силу его искусства. Он повелел ему отправиться к преподобному Стефану и возвестить ему царский приказ о том, чтобы преподобный отвергся от иконопочитания и подписался бы под определениями, составленными на беззаконном иконоборческом соборе. При этом царь послал преподобному через Каллиста и различные дары, однако, не золото и не серебро (ибо знал, что преподобный в этом не нуждается), а различные овощи, которыми преподобный обычно питался: финики, мигдалы и смоквы[7786].

Придя к преподобному Стефану[7787], Каллист предложил ему дары и затем обратился к нему с искусно составленною речью, в которой долго убеждал преподобного повиноваться царю и подписаться под определениями иконоборческого собора. Свои слова Каллист старался подкрепить изречениями от святых книг, перетолковывая по своему некоторые места Писания. Но святой на все слова Каллиста находил мудрые возражения и, наконец, с дерзновением сказал ему:

– Я определений собора вашего, исполненного лжи и неправды, не подпишу, ибо не хочу наречь «горькое сладким, и тьмы светом», чтобы не навлечь на главу свою пророческого проклятия[7788], царских же угроз не боюсь и готов за святые иконы принять даже смерть.

Затем он простер руку и, сложив пальцы в горсть, сказал:

– Если бы даже было во мне крови только с эту горсть, то и тогда я не побоялся бы пролить ее за изображение Христа моего. Дары же, которые ты принес мне от царя твоего, отнеси обратно; ибо я хочу поступить согласно с святым Писанием, которое говорит: «Елей грешнаго да не намастит главы моея, и еретическая пища да не насладит гортани моего» (ср. Пс.140:5).

Ничего не добившись, Каллист возвратился обратно и рассказал царю обо всем, что слышал от Стефана. Царь,

выслушав это, пришел в сильную ярость и тотчас же послал того же Каллиста, вместе с воинами, на Авксентиеву гору с повелением схватить преподобного, отвести в находившийся под горою монастырь Трихинария и заключить там в темнице. Каллист и посланные с ним воины так и сделали: напали на келью святого, отбили дверь ногами и, извлекши преподобного без всякого милосердия, отвели в монастырь Трихинария, где заключили его в темницу. Вместе со святым Стефаном были схвачены и отведены в ту же темницу и все ученики его. Воины стали у дверей темницы и стерегли всех заключенных, ожидая дальнейших распоряжений царя.

Находясь в заключении, блаженный Стефан и все ученики его дерзновенно воспевали: «Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий»[7789].

И они пребывали в темнице шесть дней, во всё это время совершенно не вкушая пищи. На седьмой день пришло от царя повеление возвратить Стефана обратно в келью его; ибо тогда царь получил известие о нападении скифов на его царство[7790]. Намереваясь отразить нашествие скифов, царь на время отложил преследование преподобного.

Но Каллист, имея против него одинаковую с царем злобу, тайно призвал к себе одного из учеников блаженного, именно – Сергия, о котором мы хотели рассказать. Призвав, Каллист прельстил его льстивыми словами, большим количеством золота и серебра, склонив его изобресть различные клеветы на преподобного. Поступая так, Каллист надеялся, что клеветам, измышленным учеником преподобного, скорее поверят, ибо подумают, что свидетельствует о Стефане человек, знающий жизнь его. Сергий же, как второй Иуда, возлюбив серебро и золото, предал своего учителя и начал всячески измышлять, как бы сплести сеть ложных клевет на святого и ни в чем неповинного отца. Но во всей непорочной жизни его он не мог найти, как в солнце, ни одного пятна; поэтому, выйдя из монастыря святого Стефана, подобно заблудшей овце, оставившей стадо, он свел дружбу с одним сановником царским, по имени Авликаламом, который собирал в Никомидии подати для царя: его то он и сделал пособником своей злобе, и

оба искали ложных обвинений против святого. Согласившись друг с другом, они составили пространную запись, в которой говорили, будто бы Стефан хулит царя и гнушается им, как еретиком, – и будто бы он смущает народ и всех, приходящих к нему, возбуждает к восстанию против царя. Много и иных клевет они составили против преподобного, упоминать о которых мы не будем, чтобы избежать многословия и не оскорбить слуха читателей (ибо нечестивые клеветники наговорили много непотребного). Написали беззаконные и о блаженной Анне, которая, оставив суетный мир, была пострижена рукою преподобного Стефана в ангельский образ и проводила иноческую жизнь в монастыре Трихинарийском. Клеветники налгали на нее, будто бы она ночью сходилась со Стефаном, предаваясь вместе с ним нечистому греху. К участию в сей клевете они привлекли одну рабыню блаженной Анны, уговорив ее свидетельствовать о том же; в награду за это они не только обещали ей свободу и большое количество золота, но и говорили, что они отдадут ее в супружество одному сановитому мужу, служащему при царском дворе. Составив такую, исполненную клевет на преподобного, запись и приложив к ней лжесвидетельство рабыни Анны, Сергий и Авликалам послали всё это вместе с одним воином к царю, в то время находившемуся в Скифской стране.

Когда царь прочел присланные к нему записи, то сильно обрадовался и тотчас же послал к своему наместнику в Царьграде, Анфиту, письмо с повелением идти в женский монастырь, стоящий при Авксентиевой горе, и, извлекши оттуда инокиню Анну, послать к нему. Получив сие царское повеление, наместник немедленно отправился к Трихинарийскому монастырю, взяв с собою, как на войну, множество вооруженных воинов. Пришедши к монастырю, они напали на него с обнаженными мечами. В это время все инокини собрались в церкви и пели третий час; увидев напавших на монастырь воинов, они пришли в великий ужас, и одни из них скрылись в алтаре под Божественным престолом, другие же пытались убежать в горы; но воины всех их поймали. Тогда престарелая игуменья монастыря, выйдя к воинам, дерзновенно сказала им:

– Что вы делаете, называясь христианами? Зачем напали на посвященных Богу невест Христовых, которые не сделали вам никакого зла.

Те отвечали:

– Отдай нам Анну, блудницу Стефанову; ее требует от вас царь.

Тогда игумения, призвав Анну вместе с другою инокинею, Феофанною, стала наставлять их, чтобы они соблюдали себя от вражеского искушения и безбоязненно стояли за невинность святого и преподобного отца и учителя своего, Стефана. Потом, вручив их Божиему заступлению, она отпустила их с воинами.

Воины, взяв инокинь под стражу, немедленно отвели их к царю, а тот повелел их разлучить и стеречь каждую особо. Потом, призвав к себе Анну, царь начал так говорить ей:

– Без всяких сомнений верю тому, что говорили мне о тебе. Поэтому я призвал тебя, чтобы ты сама без утайки добровольно рассказала, чем прельстил тебя тот волхв и беззаконный человек, побудив тебя оставить свои имения, ни во что вменить благородный род свой и облечься в черническую одежду? Всё это он сделал, как я слышал, для того, чтобы ты была его блудницею. И что хорошего ты нашла в нем, прельстившись им и беззаконно любодействуя с нечестивцем?

Услышав от царя такие скверные слова, блаженная и целомудренная Анна сказала:

– Нет, царь! Не для того я оставила наследство, перешедшее мне от родителей, оставила и своих родных и все прелести мира сего, чтобы поработить душу свою плотским страстям и любодейству. Те же, которые оклеветали меня в этом, по слову Давидову, «изощряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их» (Пс. 139:4). Пред тобою мое тело, и каким бы мучениям ты ни подверг его, я не изменю истине. Пока дух мой будет в теле, ты ничего иного не услышишь от меня, как только то, что Стефан есть муж святой и праведный и виновник моего спасения.

Когда царь услышал эти слова, он сильно удивился и молчал в продолжение целого часа. Потом повелел отвести Анну под стражу, а Феофанию отослать обратно в монастырь.

Возвратившись, та поведала игумении и преподобному Стефану о всем бывшем.

По прошествии некоторого времени Копроним возвратился с войны в Константинополь. Здесь он повелел заключить инокиню Анну в одну мрачную и страшную темницу, а потом послал к ней Кувикулария своего[7791]. Тот, пришедши к Анне, начал говорить ей:

– Сжалься над собою, женщина, и, сложив с себя черные ризы, избери честную жизнь; тогда будешь жить с царицею во дворце, если только исповедуешь завтра пред всеми на допросе истину о себе и о Стефане. Тут есть одна рабыня, которая всё знает и готова в лицо говорить тебе о делах ваших. И если ты захочешь что-нибудь скрыть, та изобличит тебя. Тогда я, как судия и защитник правды, раздроблю на части тело твое и сделаю так, что ты узнаешь, что может сделать царь и что Стефан, обольстивший тебя. Если же послушаешь моего доброго совета и откроешь Стефановы блудные дела, то удостоишься от нас больших почестей.

Услышав такие слова, святая Анна, тяжко вздохнув, прослезилась, и потом отвечала:

– Что хочет царь, то пусть и творит. Я же не хочу говорить неправды на святого и преподобного отца. Пусть исполнится воля Господня!

На другой день, утром, царь вышел из дворца своего и, став на возвышении пред всем собравшимся народом, повелел вывести из темницы целомудренную Анну и обнажить ее на позор всем. На виду у святой положили целую связку палок и поставили пред ней лжесвидетельницу, рабу ее. Невинная жена стояла пред всеми нагой, ограждаясь от нечестивых только стыдом, который имела вместо одежды. Когда спросили ее о том, в чем ее оклеветали, она молчала, подражая Господу своему, Который неправым судьям Своим «*не давал ответа*»[7792]. Между тем бесстыдная рабыня лжесвидетельствовала на нее, подтверждая ложь и выдавая ее за истину. Тогда снова начали принуждать блаженную Анну, чтобы она сказала, будто бы Стефан вступил в греховную связь

с нею, но святая, как «агница пред стригущим» была безгласна[7793], не отверзала уст своих.

Разгневался тогда мучитель и пришел в сильную ярость. Назвав Анну блудницею, он повелел простереть ее на земле и бить палками. И Анна была простерта на земле четырьмя сильными воинами и долго была бита по спине и по чреву. Перенося такие истязания, блаженная ничего не говорила, кроме следующих слов:

– Не познала я человека, как говорите вы, – нет! Не познала, – и затем прибавила: «Господи, помилуй»!

Между тем мучители так сильно били ее, что она едва не испустила дух свой. Тогда царь, видя, что она едва дышит, но всё-таки не говорит ничего против Стефана, встал с престола и поспешно ушел в дворец, исполненный стыда. Потом он повелел отвести Анну в один из городских монастырей, который был пуст, и заключить ее там. Здесь через некоторое время святая Анна и преставилась ко Господу.

Тем временем царь долго думал, как бы ему обвинить в чем-либо Стефана, чтобы иметь возможность наказать его, как преступника. Наконец он задумал такое дело.

Призвав одного любимого им юношу, именем Георгия, который верно служил у него во дворце, Копроним спросил его:

– Георгий! Как велика любовь твоя ко мне?

– Она безмерна, – отвечал тот.

– Но в состоянии ли ты, из-за любви ко мне, пойти на смерть за меня?

– С усердием готов умереть за тебя, – отвечал юноша. Тогда царь, радостно и ласково облобызав его, произнес:

– Вот новый Исаак.

Потом сказал Георгию:

– Но я не посылаю тебя умереть за меня и не хочу даже, чтобы ты пострадал меня ради. Я прошу тебя только обо одном. Пойди в Авксентиеву гору, к недостойному даже упоминания Стефану, и упроси его постричь тебя в иноческий чин и принять в число своих учеников. Когда же он это сделает, тотчас возвращайся к нам.

Юноша обещался в точности исполнить всё, о чем просил его царь. Тогда Копроним стал наставлять его, как ему удобнее исполнить возложенное на него поручение; и после этих наставлений юноша отправился на Авксентиеву гору.

Ночью он подошел к монастырю блаженного Стефана, и громко начал вопить:

– Помилуйте меня, христиане, живущие здесь, помилуйте! Заблудился я в пути и не знаю, куда мне идти, чтобы не впасть в какую-нибудь пропасть, или не попасть в зубы зверю.

Услышал сии вопли блаженный Стефан и, по своему человеколюбию, сжалился над заблудившимся. Призвав инока Марина, он послал его найти заблудившегося человека и привести его в монастырь. Когда Марин привел Георгия, тот припал к ногам преподобного и стал просить у него благословения. Преподобный понял, что пред ним стоит не простой человек, и начал вопрошать Георгия:

– Кто ты и откуда?

Георгий не скрыл, что он находился при царском дворце, и говорил, будто он из-за того оставил службу при царе, что царь совратился с правого пути и увлекает за собою всех в погибель.

– Вот я, – сказал юноша, – и поспешил к тебе, чтобы ты облек меня в Ангельский чин, к которому я сильно стремлюсь. Умоляю тебя, честный отче, не отринь меня, как недостойного.

Боясь, как бы не было какой-либо неприятности со стороны царя, блаженный Стефан сначала не соглашался принять юношу в число иноков. Но тот успокаивал его, говоря, что царь не придет из-за него в гнев, и вместе с тем усердно молил святого причислить его к лику учеников своих и постричь в иночество.

– Ты дашь ответ Богу за мою душу, если теперь не пострижешь меня.

Преподобный от таких слов умилился и, не уразумев коварства диавольского, сказал Георгию:

– Так как я вижу, что ты пришел сюда влекомый ревностью ко спасению, то не хочу идти против заповеди Господней, и не изгоню вон тебя, пришедшего к нам.

Сказав это, он тотчас же стал наставлять его Богомудрыми и душеполезными речами и затем, сняв с него мирскую одежду, облек в новоначалие, повелев ему готовиться к принятию совершенного иноческого образа[7794]. По истечении трех дней, преподобный облек Георгия и в сей образ. Тотчас же, после принятия Ангельского чина, этот коварный человек поспешил к царю, в Константинополь.

Увидев на Георгии иноческую одежду, царь обрадовался, не потому, что любил иночество, но потому, что нашел повод к обвинению Стефана в том, будто бы он отвлекает у него слуг.

Вышедши утром следующего дня на площадь, царь вывел новопостриженного инока и начал пред собравшимся народом жаловаться на всех иноков, преимущественно же на Стефана, обвиняя его в том, что он учением своим прельщает людей, как он сделал, например, с сим любимым слугою царя. Народ стал кричать:

– Смерть мерзкому обольстителю!

Тогда царь повелел совлечь с Георгия иноческую одежду и бросить ее на землю. Как только сделали это, народ начал ногами попирать то Ангельское одеяние, осыпая иноков оскорблениями и хуля иночество. После этого царь повелел принести воду и омыть Георгия, как бы смывая с него иноческий чин; наконец, облек его в воинское одеяние, возложил на голову его шлем и дал ему сан иппокома[7795]. После всего он послал воинов на Авксентиеву гору с повелением разорить монастырь Стефана.

Воины напали на монастырь, как волки на стадо. Разогнав всех иноков, они подожгли монастырскую церковь, самого же преподобного Стефана разбойнически извлекли из келлии и с бесчестием потащили в Халкидонский пригород Константинополя. На пути они причиняли ему немало оскорблений и немилосердно истязали его: одни с жестокостью влекли его по земле, другие плевали ему в очи, третьи творили иные неописуемые оскорбления. Когда они достигли морского берега, воины посадили святого в ладью и отвезли его в Филиппиков монастырь, находившийся в Хризополе[7796], недалеко от Византии. Тут святого продержали под стражею в

оковах и в веригах железных в течение 70 дней, и он всё это время не вкушал пищи. И хотя царь присылал ему множество снедей, святой не принимал ничего и все отсылал обратно.

По истечении 70 дней, царь и патриарх прислали к святому наиболее влиятельных еретиков – именно: Феодосия, епископа Ефесского, Константина Никомидийского, Наколия, Сисиния и Василия вместе с Каллистом и другими искуснейшими ораторами, чтобы они состязались со Стефаном о вере и склонили его к иконоборчеству. Последние, прибыв в Филиппиков монастырь, повелели привести к ним блаженного Стефана. Он предстал пред ними, окованный железными цепями, от тяжести не имея возможности стоять и двигаться без посторонней помощи: он шел между двух мужей, на которых и опирался.

Прежде всех начал говорить Феодосий, епископ Ефесский. Обратившись к блаженному Стефану, он сказал:

– На каком основании, человек Божий, ты почитаешь нас еретиками и ставишь себя выше царей, патриархов, епископов и всех других христиан? Неужели все мы заблуждаемся и стремимся к погибели?

На это святой кротко ответил:

– Послушайте, что говорится в Божественном Писании о пророке Илие. Он говорил однажды царю Ахаву: «не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего» (3Цар.18:18). Так и теперь: не я возмущаю Церковь Божию, но те, которые, нарушив предания древних святых отцов, вводят в Церковь новые догматы. Ибо Василий Великий говорил: «Все, что издревле предано от святых отцов, достойно почитания: все же новополагаемое неуместно и не может иметь значения»; таковы суть и ваши определения против почитания святых икон, определения, составленные не сынами Кафолической Церкви, но нечестивыми прелюбодеями. Поэтому своевременно приходит мне на ум пророческое изречение: (Пс. 2:2) – «Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа», и на честную икону Его.

Услышав такие слова, Константин, епископ Никомидийский, быстро вскочив с своего седалища, подошел к преподобному,

который сидел на земле, и ударил его ногою в лице. Точно так же один из оруженосцев, присутствовавши при этом, ударил святого в чрево; блаженный пал на землю, а оруженосец стал попирать грудь его.

Каллист вознегодовал на такое бесстыдное и беззаконное дело и повелел всем молчать. Потом он обратился к Стефану с следующими словами:

– Тебе предстоят два исхода: или подписать определения недавно бывшего собора, или умереть, как отвергающему постановления отцов, Богом наученных. Избери себе скорее что-нибудь одно.

Боговдохновенный Стефан возгласил на это:

– Внемли словам моим, господин патриций! Сие с великим Апостолом Павлом я возглашаю: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть» за честную Его икону – «приобретение» (Фил.1:23). Я уже сказал тебе однажды и снова скажу: если бы я имел крови в одну только горсть, то и тогда не пожалел бы пролить ее за святые иконы Христовы. Впрочем, повели прочесть определения вашего собора, чтобы я знал, по какой причине вы отвергаете поклонение Божественным иконам.

И тотчас же Константин Никомидийский взял книгу и начал ее читать. Книга имела такое заглавие: «Предание святого вселенского седьмого собора». Лишь только это заглавие было прочтено, святой сделал знак рукою, приглашая к молчанию, и потом громко возгласил:

– На некрепком же основании вы построили свое зыбкое здание. Почему вы называете свой собор святым? Ведь вы наименование: «святой» – отняли от всех святых и повелеваете не называть так ни Апостолов, ни мучеников, ни пророков, ни других мужей, благоугодивших Богу. Как может собор ваш быть святым, раз он попирает и оскверняет всё святое? Вы называете собор ваш вселенским; но как он может быть вселенским, если на нем не было ни одного из патриархов, ни уполномоченных от них, ни даже посланий, в которых бы они заявили о своем соизволении на созвание собора. Не может собор ваш называться вселенским, ибо он ложный. Еще вы называете его седьмым. Но каким образом он седьмой, если он

расходится с первыми шестью соборами? Если бы он был седьмой, то ему надлежало бы во всем последовать шестому, пятому и другим, бывшим раньше, соборам. Ибо без первого, второго, третьего, четвертого, пятого и шестого не может быть седьмого. Таким образом, собор ваш вовсе не седьмой, так как он отверг предания прежде бывших шести соборов.

На эти слова епископы возразили:

– Что же, от шести соборов преданное, мы отвергаем? Нет, мы не отвергаем прежних соборов и преданного от них, но принимаем всё это.

Тогда святой ответил:

– Не в святых ли церквах происходили прежние соборы, т. е. я говорю про те церкви, которые были украшены иконами. Первый собор происходил в Никее, в обширной церкви этого города. Второй – в Константинополе, в церкви святой Ирины. Третий – в Ефесе, в церкви святого Иоанна Богослова. Четвертый – в Халкидоне, – в митрополичьей соборной церкви. Пятый и шестой – опять в Константинополе, причем первый происходил в храме святой Софии, второй же в дворцовом храме, называемом Трullом. Все те церкви не были ли украшены честными иконами? И ни один из прежних соборов не отвергал их, как отвергает ваш собор. Что вы скажете мне на это?

Те удивлялись премудрости святого Стефана и молчали, не имея ничего, что могли бы возразить ему. Только один из сидящих с ними промолвил:

– Воистину, справедливо то, что говорил Стефан!

Преподобный же возвел очи на небо; потом, воздев руки свои и испустив вздох из глубины сердечной, громко воскликнул:

– Если кто не чтит Господа Иисуса Христа, изображенного на иконах по человеческому естеству, да будет анафема и да имеет часть вместе с возглашавшими: «возьми, возьми, распни Его!» (Иоан. 19:15) [7797].

Тогда нечестивые еретики, видя, что им не одолеть святого в споре, повелели отвести его в темницу, а сами, исполненные стыда, возвратились к пославшим их.

Когда они пришли к царю, то царь спросил:

– Что вы успели сделать?

Епископы хотели было скрыть посрамление свое, но Каллист предупредил их, рассказав царю всю истину.

– О царь! – говорил он, – мы побеждены в споре Стефаном. Мудрый он муж и в словах его заключается невыразимая сила. К тому же он мужественен и безбоязнен, и не только запрещений, но даже самой смерти не боится.

Тогда разгневанный царь повелел послать преподобного Стефана на заточение в Геллеспонтские страны, на остров Проконнис[7798].

Прежде, чем отправиться туда, святой оказал помощь игумену Филиппикова монастыря, который был болен и уже находился при смерти. Помолившись над ним и прикоснувшись к нему рукою, блаженный исцелил его и поднял с одра болезни. Затем, вошедши на приготовленный для него корабль, он поплыл на место своего изгнания. Достигнув острова Проконниса, он сначала начал обходить все пустынные места на нем и, наконец, нашел одну прекрасную пещеру, называемую жителями той страны Киссуда. В ней находилась небольшая церковь во имя святой Анны, прародительницы Господа по плоти, матери Пресвятой Богородицы. Святой сильно обрадовался и поставил около пещеры келью. Здесь, живя во славу Божию, он питался кореньями местных растений.

Между тем ученики преподобного Стефана, изгнанные из монастыря его, находившегося на Авксентиевой горе, рассеялись по разным странам, как овцы, не имеющие пастыря. Но, прослышав, что учитель их пребывает в заточении на острове Проконнисе, они все собрались к нему, кроме двоих, отпавших от святого пастыря, как Иуда от Христа, или Димас с Ермогеном от Павла (2Тим.1:15, 4:10). То были Сергий, составивший запись клеветнических обвинений против преподобного, и Стефан, который сначала был мирским священником, а потом принял пострижение от руки святого в иноческий чин.

Снова отвергнув иноческий чин, а с ним Бога, и облекшись в мирские одежды, он пришел к царю и сказал ему:

– Благочестивый царь! Твоими заботами я избавился от сатанинских уз и, скинув темные одежды, облачился теперь в светлые.

Царь сильно обрадовался и возлюбил его, потом сделал заведующим Софийской палаты, куда он часто сам приходил. При этом, Копроним называл его веселия отцом, хотя этот сын погибели мог возбуждать только плач о себе. Итак, те оба: Сергий и Стефан, отделились от лика учеников преподобного; остальные же все собрались, как сказано, к преподобному Стефану и устроили монастырь. Пришла к блаженному и матерь его со своею дочерью, а его сестрою, Феодотиею, и близ пещеры его устроили себе обитель, в которой и жили добродетельно, наслаждаясь по временам медоточивыми словами наставника своего, преподобного Стефана. Преподобный же устроил для себя столп, а на нем тесную хижину. Взойдя на столп, он затворился в той хижине; в то время ему было 49 лет от роду. За великие подвиги святого Бог прославил его и дал ему дар чудотворения. Так, блаженный Стефан отверз очи слепому, освободил от лукавого духа бесноватого юношу, исцелил кровоточивую, помолившись над нею, не раз утишал волнение морское и спасал от потопления множество кораблей; сверх того, корабельщики неоднократно видели его ходящим по водам, или управляющим кораблем, или же распускающим паруса.

В то время, как святой прославился на острове Проконнисе своими чудотворениями, умерла мать его. Это было во второй год заточения преподобного. Когда она отходила к Господу, дочь ее Феодотия горько плакала о ней. Мать же Стефана, блаженная Анна, сказала ей:

– Ты не имеешь достаточной причины для плача, ибо и ты пойдешь со мною ко Владыке Христу.

Так и произошло: в седьмой день по смерти блаженной Анны, матери преподобного Стефана, Феодотия скончалась.

В это время на острове Проконнисе находился один воин, соименный преподобному (так как назывался Стефаном). Он был родом Армянин и шел из европейских стран. На дороге он заболел ужасною болезнью, так что левая половина тела его

иссохла. Услышав, что преподобный Стефан исцеляет всевозможные болезни, он через силу пришел к нему, пал пред ним на землю и со слезами молил у него исцеления. Преподобный повелел ему поклониться иконам Христа и Пресвятой Богородицы, и, когда тот с усердием сделал это, тотчас же совершенно исцелел. Когда воин сей возвратился к своим друзьям, те начали расспрашивать его: каким образом он выздоровел? Воин, нисколько не скрывая явленной над ним милости Божией, рассказал:

– Когда я поклонился иконам Христа и Пресвятой Богородицы, что повелел мне сделать инок Стефан, находящийся в Проконнисе, тогда и получил исцеление от своей болезни.

Воины возвестили об этом начальнику своему, который управлял Фракиею. Начальник призвал к себе исцелевшего воина и, расспросив его, как он выздоровел, немедленно отослал к царю. Царь также начал расспрашивать воина о выздоровлении его и, когда узнал, что тот получил исцеление, поклонившись святым иконам, стал называть его идолопоклонником, с яростью укоряя его, как будто бы он совершил безбожное дело. Тогда исцеленный, стыдясь царя, раскаялся в том, что поклонился иконам, и всенародно отвергся от почитания их, дав обет больше уже никогда не кланяться им. За это беззаконный царь возлюбил его и почтил саном сотника. Но когда тот нечестивый воин, вышедши из царского дворца, хотел сесть на коня своего, то конь внезапно взбесился и, свергнув его с себя, начал топтать несчастного ногами, и до тех пор топтал его, пока тот не испустил дух свой. Такую казнь принял этот неблагодарный отступник.

Сие чудо, вместе с другими, творимыми блаженным Стефаном чудесами, привело царя в сильный гнев и ярость; ибо царь знал, что преподобный, живя в Проконнисе, прославляется чудотворениями и учит всех поклоняться святым иконам. Поэтому он задумал лишить святого жизни, для чего повелел привести его из заточения. Когда святой был приведен к Копрониму, то беззаконный царь повелел прежде всего оковать его железными цепями, забить ноги его в колодку и заключить в

мрачную темницу, известную под названием Фиальской[7799]. По истечении же нескольких дней, Копроним находясь вместе с двумя главнейшими сановниками своими в одном из загородных дворцов, приказал привести к себе блаженного Стефана.

Ведомый к царю, преподобный на пути выпросил у одного боголюбца монету, имевшую на себе царское изображение и тайно вложил ее в клобук себе.

Лишь только царь увидел святого, тотчас же начал громко кричать:

– О беда, беда! И что я только терплю? Сей человек поносит мою власть, бесчестит и ни во что вменяет меня!

И говорил много укоризненных и оскорбительных для святого слов. Но блаженный стоял молча, опустив голову вниз. Тогда царь сказал:

– Что же ты ничего не говоришь мне, нечестивец?

Блаженный Стефан в ответ на это стал кротко говорить:

– Если ты, царь, задумал убить меня, то убивай теперь же. А если призвал меня для того, чтобы расспросить о чем-либо, то тебе следует укротить гнев свой и беседовать со мной спокойно.

Слыша такие слова, царь спросил святого:

– Скажи мне, за что ты называешь нас еретиками? Какое из церковных преданий мы нарушаем?

Преподобный ответил:

– Вы отвергаете почитание святых икон, что предано нам издревле от богоносных отцов.

Мучитель возразил на это:

– Не называй сие святыми иконами: не иконы святые то, но изображения идолов; а какое общение у святых с идолами?

На это святой муж ответил:

– Тот, кто поклоняется иконе, воздает поклонение не самому веществу; ибо поклонение, воздаваемое образу, переходит на Первообразного, как говорит святой Василий Великий.

Мучитель сказал святому:

– Разве можно изображать вещественными красками то, из чего многое тёмно и непостижимо для ума? И справедливо ли под чувственным образом поклоняться тем, естество которых никому неизвестно?

Преподобный ответил:

– Кто из имеющих разум скажет, что вещественными красками можно изображать невещественное Божие естество? Существа Божия даже ум описать не может; тем более нельзя изобразить Его красками. Но когда мы изображаем на иконе Христа, то изображаем не Божеское Его естество, но человеческий вид Его, подобный нашему, Который Апостолы видели и осязали, как святой Иоанн Богослов сказал: «что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши» (1Иоан. 1:1). И если ты мне укажешь на слова Моисея: Исх. 20– «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли», – то я скажу тебе, что сам Моисей сделал изображения двух златых Херувимов, о чем Божественный Апостол повествует так: Евр. 9– «Херувимы славы, осеняющие очистилище». Но и самый алтарь, и скиния, и святая святых изображали собою подобие небесное, как говорит тот же Апостол: Евр. 8– «которые служат образу и тени небесного».

Что же мы творим беззаконного, когда, видимый людьми, человеческий Образ Христа пишем на иконе и поклоняемся Ему? Или когда мы поклоняемся кресту, сделанному из какого-либо вещества, то разве мы веществу поклоняемся? Точно так же, когда мы почитаем священные сосуды, то на нашей совести не может лежать никакого греха, так как мы знаем, что сосуды освящаются призыванием Христова имени. Зачем же вы восстаете против всего этого? После этого вы пожелаете отринуть и святые Тело и Кровь Христовы, таинственно предлагаемые под видом хлеба и вина, кои изображают то Тело Христово, Которое страдало на Кресте, а теперь пребывает на небе, – и коим мы поклоняемся и, причащаясь их, получаем наследие вечных благ. Вы же, не полагая никакого различия между святым и несвятым, почитаете идолами Христову икону,

наравне с изображением Аполлона, и икону Богородицы, наряду с изваянием Артемиды, попираете их ногами и сожигаете в огне.

На это царь ответил:

– Неужели ты, неразумный нечестивец, думаешь, что мы, попирая сии иконы, Христа попираем?

Тогда Богомудрый Стефан, желая, по обычаю искусных борцов, победить врага его же оружием, извлек из клобука монету, которая имела изображение нечестивого царя Копронима, и которую он выпросил, идя на допрос, у одного благочестивого человека. Показав эту монету, преподобный спросил царя в тех же самых выражениях, в каких Христос вопрошал некогда фарисеев:

– «Чье это изображение и надпись?» (Мф.22:20).

Царь ответил, полный удивления:

– Не иной чей, как царский.

Святой снова спросил:

– Что было бы, если бы кто изображение царя поверг на землю, и стал топтать его ногами? Не понёс ли бы он наказание за это?

Присутствующее при состязании ответили:

– Да! Великое наказание потерпел бы такой, человек, так как он обесчестил бы царский образ.

Тогда преподобный, тяжко вздохнув, сказал:

– Сколь сильна у вас слепота и сколь велико безумие! Если за бесчестие образа царя земного и смертного вы караете ужасною казнью, то какому наказанию подвергаетесь вы, попирая образ Сына Божия и Матери Его и предавая их огню.

Сказав сие, святой плюнул на монету, и бросив ее на землю, начал топтать ногами. Видя это, присутствовавшие с яростью устремились на святого, намереваясь сбросить его из палаты в море, ибо палата, где происходила беседа с преподобным, возвышалась над морем. Но царь, притворившись кротким, хотя внутри у него закипел страшный гнев, запретил им делать это, но повелел отвести святого в народную темницу и там заключить.

Входя в эту темницу, святой сказал:

– Сия темница будет пристанищем во время настоящей жизни моей; здесь надлежит мне пребывать до последнего издыхания, и я стану смотреть на сие место обитания моего, как на награду за верность честным иконам.

Будучи заключен в самом отдаленном помещении темницы, святой нашел сидящими в ней триста сорок два инока, которые подвизались в различных странах и монастырях и были ввержены в темницу за почитание святых икон. У одних из них были отрезаны носы, у других отсечены уши, у третьих руки: последняя жестокость была употреблена по отношению к тем, которые составляли книги в защиту иконопочитания. Некоторые носили на теле язвы от ран, еще не успевших совершенно исцелеть; кое-кто имели лица опаленные и намазанные смолою; у иных головы были острижены для посмеяния. Видя всех претерпевших указанные муки, преподобный прославил терпение и подвиги их и стал сильно скорбеть, что не сподобился сам понести таких мук за святые иконы. Святые же отцы те с любовью приняли к себе блаженного Стефана и избрали его начальником и учителем себе. И стала темница сия как бы монастырем и в ней совершались обычные пения и молитвы по чину и уставу монастырскому.

Пребывая в темнице, преподобный получал пищу от некоей боголюбивой женщины, которая была супругой одного из стражников. Каждую субботу и воскресенье она приносила в темницу немного хлеба и воды, и тайно подавала святому. Сначала блаженный не хотел принимать из ее рук приносимой пищи, так как не знал, благочестива ли она и поклоняется ли иконам; ибо он гнушался еретиков и ничего не желал брать из их рук. Но женщина та, в удостоверение своего благочестия, принесла ему тайно хранимые у нее иконы Пречистой Богородицы и святых первоверховных Апостолов Петра и Павла. Поклонившись пред лицом преподобного сим святым иконам, она облобызала их, а потом отдала ему, чтобы блаженный Стефан, храня у себя те честные иконы, поминал ее в святых молитвах своих.

В один день святой Стефан беседовал с прочими преподобными отцами о многих и разнообразных мучениях,

причиняемых благочестивым со стороны царских наместников, анфипатов и игемонов[7800]. Между прочим, один из заключенных, Антоний кипрянин, вспомнил о мученической кончине кипрского монаха Павла. Епарх Крита Феофан, прозываемый Лардотиром, положил на земле пред ним с одной стороны образ Распятия Христова, с другой же орудия пытки и сказал ему:

– Избери себе, Павел, одно из двух: или согласись попрать ногами икону Христа, чтобы быть тебе живому; или же ты подвергнешься лютой смерти, истязуемый лежащими пред тобою орудиями, – если только не захочешь исполнить повеленное тебе.

Но мужественный Павел громко возгласил:

– Не пойду я, Господи, Иисусе Христе, Единородный Сыне Божий, на то, чтобы попирать ногами святую икону Твою.

Сказав это, Павел преклонил колена и благоговейно лобызал святую икону, показывая этим, что он не боится угроз мучителя и готов умереть за Христову икону. Тогда мучитель пришел в сильный гнев и распалился яростью. Прежде всего, он повелел двумя железными досками крепко-накрепко стягивать тело исповедника, потом, повесив Павла вниз головою, терзать тело его железкой, и, наконец, разложить под ним костер и зажечь его. В сем страдании Павел и скончался, сожженный огнем, соделавшись благовонной жертвой Господу.

Когда Антоний рассказывал это, все отцы проливали теплые слезы. После того начал говорить другой узник, именем Феостирикт, муж старый и почтенный пресвитерским саном, у которого за верность иконопочитанию был отрезан нос, а всё лицо опалено кипящею смолою.

– Однажды в монастыре нашем, называемом Пеликита, – говорил он, – совершалось во святой и Великий четверг страстной седмицы бескровное жертвоприношение. Вдруг нападает на монастырь мучитель Лаханодракон со множеством воинов. Дерзновенно войдя в алтарь, он повелел прекратить пение и ниспроверг святые и животворящие Христовы Тайны на землю.

Затем, схватив избранных сорок двух иноков оковал их железными цепями, – из остальных же некоторым нанес жестокие раны, истерзав тело их, другим опалил бороды и лица, предварительно обмазав их смолою, у иных, в числе которых был и я, отрезал носы. После того он поджег церковь и спалил ее вместе со всем монастырем. Тех же избранных сорок двух иноков, которые были окованы узами, мучитель заточил в Ефесской области, поместив их всех в одной ветхой бане, вход в которую был заколочен. Там все они и были уморены голодом.

Преподобный Стефан, слушая такие рассказы, убеждал братию к подобному же мужеству и терпению. Потом и сам припомнил о некоем Петре, жившем во Влахернах. Приведенный на допрос к царю, сей Петр за верность иконопочитанию беспощадно был бит воловьими жилами, но проявил при этом такое терпение, что совершенно не стонал и не кричал, как будто не испытывал никакой боли. Мало того, – он не побоялся поражать обличительными словами, как каким-либо острием, самого царя, называя его новым Юлианом отступником[7801]. Припомнил блаженный Стефан и о некоем Иоанне, которого царь не мог принудить к тому, чтобы он попрал ногами иконы Христа и Пресвятой Богородицы. После многих напрасных попыток мучитель повелел зашить его в мех и, привязав к меху камень, бросить его в море и потопить святого.

Рассказывая друг другу такие повести, все преблаженные отцы и узники за Христа распалялись ревностным желанием пострадать за святые иконы и один другого укрепляли, говоря:

– Потерпите, братия, ради Господа, и постраждите за Него до последнего издыхания. «Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим.8:17).

Все блага мира сего ничто пред той славой, которая уготована нам.

Блаженный Стефан пробыл в народной темнице одиннадцать месяцев. Тут Бог открыл ему в видении время смерти его за сорок дней. Когда после откровения пришла к нему жена стражника, приносившая преподобному пищу, он сказал ей:

– Да вознаградит тебя Господь за благодеяние твое, которое ты оказывала мне. Ты достаточно послужила мне. Теперь больше уже не приноси мне той тленной пищи и пития, какие приносила раньше.

Услышав такие слова, жена опечалилась, ибо, думала, что святой гнушается ее приношениями. Видя печаль ее, преподобный сказал ей:

– Приблизилось время кончины моей, ибо, по прошествии сорока дней, я умру. И я желаю в продолжение этих дней приумножить подвиги иноческие и остаться совершенно без пищи и пития, чтобы приготовить себя к смерти.

Затем, отослав жену стражника, преподобный предался молитвенным подвигам и пребывал в молитве день и ночь. Некоторые из граждан, соблюдших благоверие в это время, приходили к нему чтобы получить от него благословение. Для этого они меняли одежды свои, облекались в худые рубища и, приходя к святому, наслаждались его многополезными и Богомудрыми речами.

Когда положенные сорок дней подходили к концу и уже наступил тридцать восьмой день, преподобный снова призвал названную выше жену и при всех святых отцах, находившихся в темнице, сказал ей:

– Да воздаст тебе Бог сторицею за те милости, какие ты оказала мне, и призрит на тебя милосердым оком с высоты Своей. Ибо ты явила себя истинной ученицей Того, Который сказал: «как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф.25:40), и еще: «кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф. 10:41); и в третьем месте: «И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мк. 9:41). Все это ты исполнила, послужив мне, и потому не лишишься награды своей.

Затем святой подал ей святые иконы, которые она раньше принесла ему, и сказал ей:

– Прими драгоценное сокровище твое. Оно послужит для тебя защитою от всякого зла и будет свидетельством твоего православия в нынешнем и грядущем веке.

Произнеся эти слова, святой тяжко вздохнул и проговорил:

– Через день я оставлю земную жизнь и переселюсь в иной мир, где предстану пред Небесным Царем.

При этих словах преподобного, женщина та горько заплакала. Потом взяв иконы и приняв от святого Стефана благословение, обернула иконы полотенцем и пошла в свой дом, скорбя по поводу разлуки со своим великим отцом и учителем. Преподобный же оставшееся время до дня смерти своей провел вместе с соузниками своими в пении священных песнопений, прославляя Господа Бога.

Когда наступил тридцать девятый день, царь со своею третьею женою, именем Евдоксиею, стал праздновать языческий праздник, называемый врумалиями[7802]; ибо нечестивый еретик, при многих своих богоненавистных злодеяниях, не оставлял и языческих празднований. Во время этого праздника некоторые из зловерных еретиков обвинили пред царем блаженного Стефана в том, что он превратил темницу в монастырь и прельщает своими речами многих приходящих к нему, увлекая их в идолопоклонство (так они называли иконопочитание). Царь, разгневавшись, тотчас же послал спекулятора, чтобы тот вывел Стефана за город и казнил бы его мечом. Но когда Стефан был веден связанным на усечение, царь стал жалеть, что осудил блаженного на такую быструю казнь.

– Что может быть вожделеннее для Стефана, как не окончить поскорее жизнь свою посредством усечения мечом? – говорил он и, желая умертвить преподобного более лютою смертью, повелел снова возвратить в темницу. Сам же устроил у себя в этот день большой пир для своих вельмож и единомышленников, и они ликовали и веселились, при игре на музыкальных инструментах и при громком звуке труб. Среди пира царь вспомнил о блаженном Стефане и сказал двум находившимся при нем юношам, которые были красивы лицом, отличались храбростью, и были ему единоутробными братьями.

– Идите в народную темницу, и скажите Стефану с Авксентиевой горы следующее. Так говорит царь: видишь ли, какую имеет он заботу о тебе? Вот он возвратил тебя от самых

врат смертных и даровал тебе жизнь. Итак, доколе же ты не будешь повиноваться царской воле? Скажите ему всё это. Я знаю, что он не покорится мне, но еще больше начнет хулить меня, – и вы тогда схватите его и бейте как можно сильнее, пока не убьете до смерти.

Выслушав приказ царя, юноши те пошли в темницу; но увидев лицо Стефана, подобное Ангельскому зраку, пришли в смущение пред его святостью и, пав к ногам блаженного, просили у него благословения и молитвы. Потом, возвратившись к царю, сказали ему:

– Мы нашли чернеца того непокорным и за это били его без милости и оставили еле живым; не думаем, чтобы он мог дожить до утра, – так сильно мы били его.

Услышав это, царь утешился и весело продолжал пировать с своими единомышленниками.

Между тем преподобный Стефан всю ночь простоял на молитве, готовясь к смерти. Когда же взошла утренняя звезда, он созвал всех преподобных отцов, заключенных вместе с ним, и обратился к ним с такою речью:

– Последнее пожелание мира и последнее целование даю я вам, отцы и братия: вот уже приблизился час моей кончины, и меня ожидает мученический венец. Вы же до конца пребывайте в православии и будьте тверды.

Услышав такие слова, преподобные отцы горько плакали, омывая лица свои теплыми слезами. Святый же Стефан стал совлекать с себя одежды. Тогда другие преподобные отцы сказали ему:

– Лучше будет, отче, если ты встретишь смерть в святом иноческом одеянии своем.

Но боговдохновенный Стефан ответствовал:

– Борцу подобает выйти на борьбу нагим. К тому же что хорошего в том, если иноческий чин будет попран ногами людей беззаконных.

Сказав это, блаженный совлек с себя все одежды и, прикрывшись одною только кожаною мантиею, сел, вместе со святыми отцами, в ожидании своего смертного часа.

В ту же ночь, когда царь после пира почивал на одре своем, бес, находившийся всегда при нем, возвестил ему, что посланные его не причинили Стефану никакого зла, но только поклонились ему и взяли у него благословение. Тогда царь, встав от сна, вышел из внутренних покоев дворца своего и, наподобие рыкающего льва, начал восклицать:

– О беда, о великое уничижение, нет у меня помощника, нет верного слуги. Все меня ставят ни во что, и я не знаю, что мне делать с людьми, недостойными и воспоминания о них (так он называл обыкновенно иноков).

Услыхав вопли царя, все бывшие в царском дворце смутились, стали волноваться и поспешно подбегали к нему. Взглянув на подбегающих, царь сказал:

– Куда идете и кого ищете?

Они же со смирением сказали:

– Мы пришли к тебе, благому господину и царю нашему.

Тогда царь громким голосом возгласил:

– Я не господин и не царь ваш. Вы имеете у себя иного царя, иного господина, к ногам которого припадаете, молитв и благословения которого просите. И нет никого, кто бы слушал меня и верно служил бы мне, чтобы я мог истребить врага моего и чтобы утешился дух мой.

Окружавшие Копронима стали расспрашивать, кто сей враг его, которого почитают больше самого царя. Тогда Копроним ответствовал:

– Не я царь, а Стефан с Авксентиевой горы.

Едва он произнес такие слова, тотчас же все с сильным криком быстро устремились в народную темницу и, обращаясь к страже, восклицали:

– Дайте нам Стефана Авксентианина.

Но преподобный Стефан сам вышел к ним из темницы с лицом веселым, с душою радостною.

– Я – тот, кого вы ищете, – говорил он прибежавшим. Тогда они схватили святого, как волки овцу, повергли его на землю и, разбив все оковы на нем, немилосердно повлекли его на площадь, попирая ногами и ударяя палками. Когда блаженный был извлечен за ворота темницы и был против церкви святого

великомученика Феодора, то опершись руками о землю, поднял, насколько мог, свою голову, и сотворил последнее поклонение святому мученику пред его церковью, исполнив таким образом среди лютых мук, благочестивое дело. Видя это, один из кровопийц, влекущих святого, именем Филомматий, схватил большой кусок дерева и, сильно ударив им по голове святого, разбил ее. И тотчас же преподобный предал дух свой в руки Божии. А на его убийцу на том же месте внезапно напал бес, так что нечестивец, возопив страшным голосом, пал на землю и ужасно кричал, извиваясь всем телом и скрежеща зубами, причем из уст его текла пена. И он, окаянный, до тех пор был мучим бесом, доколе среди тяжких мучений не изверг душу свою.

Несмотря на это, сборище разъяренных кровопийц, влекших Стефана, не прекратило издевательства над его телом, и являло над мертвым свою зверскую лютость, влача тело преподобного по улицам и побивая его камнями. Отдельные члены преподобного по пути отрывались от святого тела и оставались лежать на улицах: так было с перстами преподобного, с руками его, а также и со внутренностями. Между прочим, один из беззаконников, поднял обеими руками огромный камень и ударил им в чрево преподобного, и тотчас чрево его распалось и внутренности его вывалились; так что улицы города обагрились кровью святого, которая лилась, как вода. И не только мужи, но и жены, а также малые дети, выходя из своих училищ, метали камни на мертвое тело преподобного. Ибо от царя вышло такое повеление: если кто не бросит камень на Стефана Авксентианина, тот – противник царю и подлежит казни. Потому-то вся толпа зловерных еретиков, от мала до велика, побивала убиенного. Когда же тело святого приволокли к воловьему торгу, то один содержатель корчмы, варивший в это время рыбу, увидев влачимое тело и думая, что святой еще жив, схватил горящую головню и ударил ее в голову святого, и из нее тотчас же истек мозг.

Следом за мятежным сборищем, творившим разные издевательства над телом преподобного, шел один православный муж, по имени Феодор, который хотел знать, где

бросят тело святого. Увидев истекший из головы его мозг, он сделал вид, как будто бы споткнулся, упал на землю и, тайно собрав мозг преподобного в чистый платок, скрыл его в своей одежде и снова пошел вслед за издевающимися над телом святого.

В это время еще жива была старшая сестра преподобного Стефана, которая постриглась в иноческий чин в одном из Византийских девичьих монастырей. К этому монастырю и повлекли тело святого, чтобы и сестра преподобного, согласно царскому повелению, бросила в него камень. Но та, узнав о сем, удалилась из своей кельи и скрылась в одном гробе; ее всюду искали, но не могли найти. Тогда тело преподобного Стефана повлекли оттуда на место, называемое Пелагииным кладбищем. Там находилась прежде церковь святой мученицы Пелагии, от ветхости распавшаяся; злочестивый царь повелел разбросать самое основание ее, а на месте его выкопать глубокую яму, в которую стали бросать трупы убиваемых неверных. К этой яме и приволокли тело преподобного Стефана и ввергли его в нее, вменивши праведного со беззаконными.

Так окончил свое земное поприще преподобный отец наш Стефан, ноября месяца в 28 день, в 53-ем году от своего рождения[7803]

День этот с утра был весьма ясен и солнце лило на землю яркий свет; в третий же час этого дня с восточной стороны, где находилась Авксентиева гора, показалось облако огненное, воздух над городом мгновенно помрачился и день превратился в ночь. Потом поднялась буря, стал падать сильный град, который поразил многих на смерть.

Но все эти видимые знамения гнева Божия, обрушившиеся на Константинополь в наказание нечестивым за причиненные преподобному муки и ругательства над его честным телом, не вразумили злочестивого царя. Так он повелел предать смертной казни, как ослушников царской воли, – двоих своих братьев, которых посылал раньше убить преподобного Стефана. Потом он погубил на смерть и других святых отцов, которые пребывали в темнице, вместе с преподобным Стефаном.

Между тем Феодор, который собрал истекший мозг преподобного Стефана, отправился в монастырь святого Дия и поведал ему о всем, что знал о смерти Стефана. Игумен, выслушав со слезами рассказ Феодора, предал царя, как еретика и отступника, проклятию, мозг же святого принял, как многоценное сокровище, вложил его в чистый сосуд и скрыл в церкви святого первомученика Стефана. Но сие не утаилось от злобного царя. Произошло это таким образом.

Когда игумен положил честный мозг святого Стефана в сосуд и скрыл его в церкви, то при этом присутствовал один юноша, живший в монастыре святого Дия. По прошествии некоторого времени, юноша сей стал молить игумена, чтобы тот сподобил его диаконского сана. Но игумен, не считая его достойным сего сана, не исполнил его просьбы. Тогда юноша разгневался на игумена и, отправившись к царю, рассказал ему всё, что знал о мозге святого Стефана. Царь тотчас же повелел принести сосуд, в который положили честный мозг преподобного, и открыть его пред собою.

Когда сосуд открыли, то он оказался совершенно пустым, ибо мозг Стефана Божественным смотрением был невидимо взят и сокрыт на месте, никому неизвестном и доныне. Царь разгневался, и юноша тот, как клеветник, был отослан на изгнание.

Здесь необходимо припомнить и чудесную казнь Божию, постигшую ту девицу, которая, будучи рабыней блаженной инокини Анны, солгала на нее и на блаженного Стефана, будто бы они, тайно сходясь по ночам, впадали в беззаконный грех. Она была отдана в замужество одному сановнику, собиравшему подати для царя в Вифинии, и родила двух близнецов. Однажды когда она почивала ночью на одре, вместе с детьми своими, – те внезапно пришли в волнение и, получив некую дивную силу, яростно схватили сосцы своей матери и начали сосать их не как дети, но как львята или медвежата, – так что несчастная женщина не могла оторвать их от своей груди. И так зверски терзая сосцы матери своей, они ее умертвили; затем и сами, как порождения ехидны, умерли вместе с нею. Такая казнь постигла окаянную лжесвидетельницу. Блаженный же

преподобномученик Стефан, как неповинный и чистый сердцем, зрит Бога в Троице единого, Отца и Сына и Святого Духа, Которому слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Постнически предподвизався на горе, умная врагов ополчения всеоружием креста погубил еси всеблаженне, паки же ко страдальчеству мужески вооружился еси, убив Копронима мечом веры: и обоих ради венчался еси от Бога, преподобномучениче Стефане приснопамятне.

Кондак, глас 8:

Троицы рачителя, и Божественнаго Стефана восхвалим верно песньми празднолюбцы от сердца, яко почествовавша начертание красное Владыки, и Матере Его: и согласно ныне от любве возопиим ему, радующеся: радуйся отче приснославне.

Кондак, глас 3:

Из неплодна преподобне корене возрасте ветвь: первострадальцу тезоимените, монахов наставник велик отче явился еси, и ярости не убоявся царя, не хотяща Христов чествовати образ. Сего ради скончався, мученический венец приял еси Стефане.

Житие святого отца нашего Феодора, архиепископа Ростовского[7804]

Память 28 ноября

Святой Феодор, первый архиепископ Ростовский, происходил из того знаменитого своим благочестием рода, к которому принадлежал великий подвижник и молитвенник земли русской, преподобный Сергий Радонежский. Святитель Ростовский Феодор был родной племянник преподобного Сергия, сын его старшего брата Стефана. Сей Стефан, выселившись, как и преподобный Сергий, вместе с отцом своим, боярином Кириллом, из Ростовской области в подмосковную область Радонежскую, первую половину жизни своей провел на службе у Радонежского князя Андрея Ивановича, сына московского князя Ивана Даниловича Калиты. Он был в числе главных вельмож Радонежского князя, славился воинскими заслугами, но особенно отличался своим благочестием. Он был женат и от супруги своей Анны имел двух детей, Климента и Иоанна. Благочестивая жена Стефана вскоре скончалась, и Стефан тогда решил отречься от мира и принять иночество. Он постригся в монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Хотькове и предался усердно иноческим подвигам, посту и молитве. Оставив вскоре Хотьковский монастырь, он ушел в Москву, поселился в монастыре святого Богоявления в особой келлии и проводил строгий и суровый образ жизни в посте и молитве, воздерживаясь от вина и пива и одеваясь в ветхие одежды. В то время находились в том монастыре и другие знаменитые подвижники, как святой Алексий, впоследствии митрополит, старец Геронтий и другие. Их любил преосвященный Феогност, тогдашний митрополит всея России[7805], часто к себе призывал и оказывал им почёт.

Узнав о благочестивой подвижнической жизни Стефана, великий князь Симеон Иванович[7806], сын Ивана Даниловича, повелел митрополиту Феогносту посвятить его в священнический сан, а потом поставить и в игумены Богоявленского монастыря, и избрал его в духовники себе.

Духовными детьми Стефана пожелали стать и многие бояре и вельможи. Великий князь Симеон любил Стефана, почитал и часто с ним беседовал.

Таков был отец святого Феодора, называвшегося в миру Иоанном. По достижении семилетнего возраста, Иоанн отдан был благочестивыми родителями в научение грамоте и вскоре изучил всё, что было ему преподано.

По смерти матери, юный Иоанн находился при своем отце, принявшем иночество. Слыша о жизни своего дяди, великого Радонежского подвижника Сергия, устроявшего тогда свою новую обитель, в которую отовсюду собирались разного чина и звания люди для духовных подвигов, Иоанн горел желанием видеть Сергия и последовать ему. По Божию смотрению, отец Иоанна, Стефан, отправился из Москвы в Радонежскую область в монастырь Живоначальныя Троицы и привел с собою и сына своего Иоанна. Он провел сына прямо в церковь и, взяв за правую руку, сам передал его в руки игумена Сергия, своего родного брата.

Несмотря на юные годы Иоанна, которому было всего двенадцать лет, преподобный Сергий, провидя в нем истинного подвижника, тогда же постриг его в иноческий чин, 20 апреля, на память преподобного Феодора Трихины, в честь которого Иоанн переименован был в Феодора: тогда был обычай давать при пострижении имя того святого, память которого совершалась в день пострижения.

Новопостриженный инок Феодор и остался на иноческое жительство в Троицком монастыре под руководством великого его основателя. Он стал вести воздержную, целомудренную и чистую жизнь, усердно посещал церковные службы, внимательно слушал Божественное Писание и сам часто читал Божественные книги. Наставника же своего, преподобного Сергия, во всем слушался со смирением, кротостью и молчанием. Усердие к церковной и келейной молитве, пост и бдение, усердное пение Псалтири и слёзы умиления молодого инока вызывали удивление у окружавших. Особенно замечательно было то, что он ничего не скрывал от

преподобного Сергия, и днем и ночью открывая ему все свои помыслы.

По достижении надлежащего возраста, Феодор был посвящен в иерейский сан и продолжал совершенствоваться в иноческих подвигах и духовной жизни. Когда он служил литургию вместе с преподобным Сергием и своим отцом Стефаном, некоторые иноки, удостоенные особой благодати Божией, видели, как с сими святыми служителями у престола служил Ангел Божий.

В это время стала посещать Феодора мысль об основании нового, своего монастыря, об отыскании удобного места и учреждении иноческого общежития. Мысль эту он поведал своему учителю, преподобному Сергию, и повторял это не раз. Преподобный, видя, что мысль эта решительно овладела Феодором, усмотрел в сем действие промысла Божия.

Феодор непрестанно предавался по обычаю ночной молитве. И вот однажды, стоя на молитве, он слышит голос: «Феодор иди в пустыню; ты устроишь обитель, соберешь в ней многих подвижников, мужей желаний духовных, и получишь великую награду на небесах». Приняв сии слова **за откровение свыше**, блаженный никому не открыл о происшедшем. Но спустя значительное время великий прозорливец Сергий сказал своему племяннику:

– Я, чадо, надеялся, что ты предашь кости мои гробу и станешь после меня игуменом на сем месте; но если хочешь теперь начать задуманное тобою дело, то да поможет тебе Бог и Пресвятая Богородица.

Благословив своего племянника и ученика, он отпустил его вместе с теми из братий, которые пожелали с ним отправиться.

Преподобный Феодор вышел со своими спутниками из монастыря и отправился искать нужного ему, удобного для обители, места. И нашел он прекрасное для построения монастыря место, называвшееся Симоново, недалеко от города Москвы, на левом берегу Москвы-реки.

Получив известие, преподобный Сергий сам пришел видеть это место, нашел его удобным для построения монастыря и

благословил Феодора приступить к исполнению задуманного предприятия.

Получив надлежащее архиерейское разрешение, преподобный Феодор создал на избранном месте церковь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, честного Ее Рождества, возвел нужные для монастыря изрядные строения, собрал отовсюду многочисленную монастырскую братию и составил монастырь по строгому чину монастырей общежительных.

Сам основатель монастыря подавал пример строгой подвижнической жизни и сиял как внутренними добродетелями, так и внешним благолепием и телесной красотой, отличаясь вместе с тем мудростью и разумом. Все эти качества возбуждали у всех уважение и почтение к нему, и слава его возрастала более и более, так что дядя его, преподобный Сергий, опасался, чтобы племянник его не прельстился этой честью и славой, и непрестанно молился, чтобы Господь Бог помог Феодору совершить течение жизни без преткновения.

Когда новооснованный монастырь стал привлекать многих приходящих, Феодор, избегая шумной жизни, решил найти для себя более глухое и уединенное место. Таковое он усмотрел вблизи монастыря, на расстоянии двух выстрелов из лука, в густом лесу, близ самой реки-Москвы, в пяти верстах от Московского Кремля. Здесь он построил для себя уединенную келью и стал подвизаться с новым усердием и в новых трудах.

Но и здесь стали собираться к нему ученики, желавшие подвизаться вместе с ним. И здесь посетил его преподобный Сергий и признал новое место удобным для подвигов и для построения монастыря. Митрополит Алексий дал благословение на основание церкви в новом Симонове, а за церковью Рождества Пресвятой Богородицы осталось наименование: «На Старом Симонове».

Основание великолепной и обширной каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы преподобным Феодором положено было в 1379 году, а закончена постройка была только через 26 лет, в 1405 году, уже по смерти основателя; освящение

новопостроенного храма совершено было уже митрополитом Киприаном.

Одновременно с церковью воздвигнуты были и другие новые обширные монастырские здания, трапеза, келлии. Много нашлось благотворителей новооснованному монастырю: князья и бояре, и сам великий князь Димитрий Иоаннович[7807], а потом сын его и преемник, великий князь Василий Димитриевич[7808], щедро давали казной и разными вкладами на монастырское строение.

Так устроился Новый Симонов монастырь, а Старый Симонов остался усыпальницею иноков.

Еще при митрополите Алексии Феодор был поставлен в игумена Симонова монастыря; преподобный Сергий был против этого: он желал, чтобы Феодор проводил уединенную жизнь, к которой стремился; но он должен был уступить настояниям великого князя Димитрия Иоанновича и митрополита Алексия.

Великий князь Димитрий Иоаннович избрал игумена Феодора в духовные отцы себе; духовными детьми Феодора пожелали стать и многие бояре и вельможи.

Как духовник великого князя и многих бояр, как племянник знаменитого подвижника Сергия, хорошо известный и властям духовным, Симоновский игумен Феодор должен был принимать живое участие в делах церковных.

По смерти митрополита Алексия настали замешательства в русской митрополии. В Киеве находился Киприан, поставленный в Киевские митрополиты еще при жизни святого Алексия и стремившийся распространить свою власть и на церковь Московскую, а в Константинополе в 1380 году, без ведома и согласия Московского великого князя, был поставлен в митрополиты Киевские и всея России Пимен. Великий князь пожелал иметь митрополитом Киприана и отправил звать его в Москву духовника своего, Симоновского игумена Феодора, который и выполнил данное поручение с успехом. Впоследствии несколько раз Феодор исполнял подобные же поручения. Так в 1384 году он, по воле великого князя, вместе с Суздальским архиепископом Дионисием, путешествовал в Константинополь по делам русской митрополии, так как смута

еще продолжалась: в Москве занимали митрополичью кафедру то Киприан, то Пимен.

В эту поездку свою в Константинополь игумен Феодор получил от патриарха Нила[7809] сан архимандрита, а Симонов монастырь сделан был патриаршим ставропигиальным. В 1387 году архимандрит Феодор снова путешествовал в Константинополь по делам митрополии, когда туда же ездили и оба митрополита, Пимен и Киприан. Из этой поездки Феодор возвратился в сане архиепископа Ростовского вместе с митрополитом Пименом.

И после своего назначения на архиепископскую Ростовскую кафедру, остававшуюся праздною после удаления святого Иакова[7810], Феодор продолжал принимать деятельное участие в церковных делах. Так в 1389 году он вместе с другими епископами провожал из Москвы до Рязани Пимена в третью, последнюю, поездку его в Константинополь.

19 мая 1389 года скончался великий князь Димитрий Иоаннович. Сын и преемник его, великий князь Василий Димитриевич, оказывал такое же уважение и внимание архиепископу Феодору, как и его отец, и пользовался его услугами в делах церковных.

Новым патриархом Антонием[7811] Пимен был низложен окончательно и вскоре умер[7812]. Великий князь Василий Димитриевич решил принять в Москву митрополита Киприана, находившегося в Константинополе, и для приглашения его отправил, не раз уже бывшего там, опытного Ростовского архиепископа Феодора.

1 октября 1389 года митрополит Киприан, вместе с приехавшим за ним Феодором, отправился из Константинополя через Киев, где они оставались до февраля 1390 года, а на средокрестной неделе Великого поста этого года выехали в Москву.

Так кончились замешательства в русской митрополии, а вместе с ними и странствования архиепископа Феодора. Много трудов, опасностей на суше и на море, огорчений и неприятностей пришлось ему перенести за это время, но он с

юных лет приучил себя к трудам и подвигам и не думал о покое. Господь Бог укреплял дух его и тело.

Будучи игуменом и архимандритом Симонова монастыря, Феодор, хотя и был отвлекаем общецерковными делами, однако, постоянно и неослабно руководил монастырскою жизнью и в своих учениках воспитал многих великих и славных подвижников. К нему приведен был блаженным Стефаном Махрищским[7813] благородного происхождения юноша, по имени Косма, воспитывавшийся в Москве в доме боярина Вельяминова, и был пострижен в Симоновом монастыре под именем Кирилла. Это был знаменитый впоследствии основатель Кирилло-Белозерского монастыря. Первыми подвигами монашеского послушания он обратил на себя общее внимание в Симоновом монастыре, трудясь в пекарне, поварне и других послушаниях. Здесь заметил его нередко посещавший обитель преподобный Сергий и любил с ним беседовать. Когда архимандрит Феодор был возведен в сан архиепископа Ростовского, братия Симонова монастыря избрала Кирилла настоятелем. Но, жаждавший уединенных подвигов, Кирилл тяготился этим положением, отказался от настоятельства и затворился в своей келье. Однако слава его подвигов и сюда привлекла почитателей и посетителей, и он решил удалиться на север, где и основал свой, славный впоследствии, монастырь.

Здесь же, в Симоновом монастыре, при архимандрите Феодоре, принял пострижение молодой Волоколамский дворянин Феодор Поскочин, названный в иночестве Ферапонтом. Подобно Кириллу, он прославился своим подвижничеством и был известен Сергию Радонежскому. Вместе с своим другом Кириллом он удалился в Белозерский край и основал там монастырь, который стал известен под именем Ферапонтова. Призванный князем Андреем Димитриевичем Можайским, которому принадлежало и Белоозеро, Ферапонт основал в Можайске новый монастырь Лужецкий, в котором и скончался архимандритом своей обители[7814].

Много и других лиц подвизались в Симоновом монастыре под руководством архимандрита Феодора. Строгое общежитие, установленное в Симоновом монастыре, служило образцом для

других общежительных монастырей, основатели которых прежде жили в монастыре или посещали его.

По окончании трудов по делам русской митрополии, архиепископ Феодор прибыл в Ростов и, поклонившись иконе Богоматери и мощам святителя Леонтия, занялся усердно новым пастырским служением. В мире и любви пребывал он с ростовским княжеским семейством и руководил его по пути благочестия. У сына тогдашнего ростовского князя Александра Константиновича Иоанна заболели глаза и он потерял зрение. Отец обратился к святителю Феодору и просил помолиться за больного. Феодор направил князей к мощам святого Леонтия в ростовскую соборную церковь, и, по совершении молебствия, больной князь исцелился и прозрел. Впоследствии, уже после кончины святителя Феодора, наученный сим пастырем, князь Иоанн, когда снова впал в очную болезнь, опять обращался с горячею молитвою к чудотворцу Леонтию и опять получил исцеление[7815].

Архиепископ Феодор оставил также по себе память основанием в Ростове Рождественского девичьего монастыря, существующего и в настоящее время.

О святителе Феодоре известно также, что он, будучи настоятелем Симонова монастыря, занимался иконописью и украсил своего письма иконами различные московские церкви[7816].

Из всех Ростовских святителей Феодор первый поставлен был в сан архиепископа, каковой сан на Руси дотоле принадлежал только владыке древнего Новгорода Великого. Недолго святитель Феодор управлял Ростовскою паствою. Блаженная кончина его последовала 28 ноября 1395 года. Мощи его почивают под спудом в Ростовском Успенском соборе в юго-западном углу. Над ним устроена богато украшенная гробница под золотою сению[7817].

Память святого мученика Иринарха

Память 28 ноября

Святой Иринарх происходил из города Севастии[7818]. В юном возрасте он был палачом при мучениях святых мучеников. Во время истязания правителем Максимианом, при Диоклетиане, святых семи жен, Иринарх был просвещен благодатью Божиею: видя жен, мучимых ради Христа и посрамляющих мучителя, он дерзновенно исповедал Христа и назвал себя христианином. Тогда, по повелению правителя, он был ввержен в болото, откуда вышел невредимым, и затем в огненную печь, но и она не причинила ему никакого вреда. После этого его усекли мечом, в 303 году.

Память святых мучеников, со святым Стефаном Новым за святые иконы пострадавших

Память 28 ноября

При Константине Копрониме[7819] многие православные воины, оставив воинское звание, приняли монашество. Многих из них беззаконный царь после мучений приказал лишить жизни. Одного, по имени Василия, он сначала ослепил. Когда же святой Василий и после ослепления стал воздавать поклонение святым иконам, мучитель вонзил меч в чрево Василия, так что обнаружились все его внутренности. В это же время приял мученический венец за святые иконы и святой Стефан в Константинополе. Кроме этих были сосланы в заточение два Григория с некоторыми другими, где и скончались. Наконец святой Иоанн был изгнан в Дафну[7820], где, по приказанию царя, его часто подвергали биению, от чего он и скончался.

Память преподобного отца нашего Акакия Синайского

Память 29 ноября

Блаженный Иоанн Лествичник[7821] пишет в книге своей о преподобном Акакии так: Великий Иоанн Савваит рассказал мне происшествие истинное и повествование достойное.

Был один старец, очень ленивый и по характеру злой; говорю, не осуждая его, но с целью показать терпение святого, и вот что расскажу вам. Тот старец имел молодого ученика, по имени Акакия, простого нравом и целомудренного умом, который так много зла терпел от того старца, что многим даже покажется это невероятным, ибо старец не только укорами и бесчестием досаждал ему, но и всякий день мучил его телесными истязаниями. Однако терпение его было не напрасно: потому что Акакий своей безропотной выносливостью и незлобивым страданием снискал себе благодать Божию, освобождающую его от вечного мучения. Я же (говорит Иоанн Савваит к Иоанну Лествичнику), видя каждый день его таким, как будто он купленный раб или пленник, и терпит крайнюю беду, нарочно встречал его и спрашивал:

– Что ты, брат Акакий? Как проводишь нынешний день?

Он же отвечал:

– Как перед Господом Богом, – так мне хорошо. И показывал мне иногда посиневшие глаза, иногда шею, а то голову в ранах. Зная, что он поступает добродетельно, я говорил ему:

– Хорошо, хорошо, терпи, брат, чтобы достигнуть спасение тебе.

В таком положении блаженный Акакий оставался у того строгого старца девять лет и, проболев немного пред кончиной, отошел ко Господу[7822]. Когда он был погребен в семейном склепе, то, спустя пять дней, старец отправился к одному жившему там великому отцу и сказал ему:

– Отче, брат Акакий, ученик мой, умер.

Отец, услыхав это, сказал:

– Не верю тебе, старче, потому что Акакий не умер.

Старец сказал:

– Отче, если не веришь мне, то пойди сам и осмотри гроб его.

Тогда преподобный отец поспешно встал, пошел со старцем в гробницу блаженного страдальца и громко воскликнул над гробом Акакия, обращаясь к нему, как к живому:

– Брат Акакий, умер ли ты?

Благоразумный послушник, обнаруживая послушание и по смерти, ответил:

– Не умер, отче, ибо тому, кто обязался творить послушание, невозможно умереть.

Когда старец, у коего жил Акакий, услыхал это, то испугался и упал со слезами на землю; потом попросил у игумена келью возле его гроба и, затворившись в ней, прожил еще благочестиво, заботясь о спасении души и, после многих подвигов, отошел ко Господу Богу, Которому слава вовеки. Аминь.

Память святого мученика Парамона

Память 29 ноября

В царствование нечестивого царя Декия[7823] был на востоке князь Аквилин, сильно преследовавший христиан. Однажды собрал он в темницу христиан, числом триста семьдесят, и, отправляясь на Валсайтийские теплые воды[7824], приказал вести с собою и мучеников; намереваясь проходить мимо идольского храма Посейдона[7825], он хотел принудить их к принесению идольской жертвы. Достигнув капища, он долго принуждал святых принести жертву идолу лживого бога Посейдона, но не мог склонить их ни лаской, ни угрозами. В это время случилось проходить мимо одному благочестивому мужу, по имени Парамону, по вере христианину. Увидав такое множество святых мучеников, осужденных на смерть, он стал перед капищем идола и громким голосом воскликнул:

– О как много праведников нечестивый князь убивает невинно за то, что они не кланяются бездушным и немым идолам!

Сказав это во всеуслышание, он пошел своей дорогой. Князь же, услыхав те слова Парамона, возгорелся яростью и приказал своим слугам тотчас же догнать его и убить. Нечестивые слуги нечестивейшего князя догнали блаженного Парамона, который не знал этого распоряжения и шел своей дорогой, и взяли его. Сначала они извлекли изо рта его язык, который обличил и укорил мучителя, и искололи его; затем изранили все члены его и, наконец, пронзили тело копьями. Так святой мученик Парамон предал свою благочестивую душу в руки Божии.

В тот же час и святые вышеуказанные мученики, числом триста семьдесят, были убиты мечами пред капищем Посейдона за веру Христову.

Память святого мученика Филумена

Память 29 ноября

Святой мученик Филумен жил в царствование царя Аврелиана[7826], в Ликаонии[7827], занимаясь продажей жита в Галатии, в городе Анкире[7828]. Святый Филумен был оклеветан пред правителем области Феликсом, пред которым он и исповедал себя христианином, за что был повешен, строган и за тем ввержен в огонь, откуда благодатью Божиею вышел невредимым. После этого ему вбили в голову, руки и ноги гвозди и влекли его 30 поприщ[7829], от чего святой, изнемогши, предал дух свой Богу[7830].

Подвиги и страдания святого Апостола Андрея Первозванного

Память 30 ноября

Святой Андрей, Первозванный Апостол Христов, сын одного еврея, по имени Ионы, брат святого верховного Апостола Петра, был родом из города Вифсаиды[7831]. Презирая суеты сего мира и предпочитая девство супружеству, он не пожелал вступать в брак, но, услышав, что святой Предтеча Иоанн проповедует на Иордане[7832] покаяние, оставил всё, пошел к нему и сделался его учеником. Когда святой Предтеча, указывая на проходившего мимо Иисуса Христа, произнес: «Се Агнец Божий»[7833], святой Андрей вместе с другим учеником Предтечи, которого считают за Евангелиста Иоанна, оставил Крестителя и последовал за Христом. Он нашел брата своего Симона (Петра) и сказал ему: «Мы нашли Мессию, именуемого Христа», и привел его к Иисусу (Иоан.1:41–42). После этого, когда он ловил, вместе с Петром, рыбу на берегу Галилейского моря[7834], и Иисус воззвал к ним, говоря: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф.4:19), – тогда Андрей, тотчас оставив, по зову Господню, сети, пошел, вместе со своим братом Петром, за Христом (Мф.4:20). Андрей был назван Первозванным, потому что прежде всех Апостолов сделался последователем и учеником Иисуса Христа. Когда же, после вольных страданий Господа, по воскресении Его, святой Андрей принял, как и прочие Апостолы, Духа Святого, сшедшего на него в виде огненного языка (Деян.2:3), и когда были разделяемы страны, ему достались по жребию страны Вифинийские[7835] и Протонтидские[7836], с Халкидоном[7837] и Византиею[7838], Фракиею[7839] и Македонией[7840], простирающиеся до самого Черного Моря[7841] и Дуная[7842], а также – Фессалия[7843], Еллада[7844], Ахаия[7845], Аминтин[7846], Трапезунт[7847], Ираклия[7848] и Амастрида[7849].

Святый Андрей прошел эти города и страны, проповедуя Христову веру, и в каждом городе принял много скорбей и страданий; подкрепляемый всесильной помощью Божией, он

терпел все бедствия за Христа с услаждением. Более всего он претерпел мучений в городе, называемом Синоп[7850]: здесь его бросали на землю и, взяв за руки и ноги, таскали, били поленьями, бросали в него камнями, вырывали у него пальцы и зубы; но он, благодатью своего Спасителя и Учителя, снова оказался здоровым и целым от ран. Отправившись оттуда, он проходил иные страны: Неокесарию[7851], Самосаты[7852], Аланы[7853], страны Абасков[7854], Зигов[7855], Босфоринов[7856].

Потом он отплыл во Фракийский город Византию[7857], где он первый проповедал Христа, и, научив многих, поставил пресвитеров Церкви; во епископа Византии он рукоположил Стахия, о котором святой Апостол Павел упоминает в послании к Римлянам (Рим.16:9). Сам же он, подъемля в благовествовании Христовом Апостольские болезни и труды, обходил Понт[7858], побережье Черного моря, Скифию[7859] и Херсонитов[7860]. По Промышлению Божию, он дошел до реки Днепра[7861], в Российской стране[7862], и, пристав к Киевским горам[7863], остановился на ночлег. Встав поутру от сна, он сказал бывшим при нем ученикам:

– Верьте мне, что на этих горах воссияет благодать Божия; великий город будет здесь, и Господь воздвигнет там много церквей и просветит святым крещением всю Российскую землю.

Взойдя на горы, святой благословил их и водрузил крест, предвозвещая принятие народом, обитавшим здесь, веры от своей Апостольской кафедры, основанной в Византии[7864]. Пройдя и выше лежавшие российские города, – где расположен ныне великий Новгород[7865], – посетив еще и Рим[7866], он возвратился в греческую страну Эпир[7867], и снова пришел во Фракию, утверждая христиан и поставляя им епископов и наставников. Пройдя многие страны, он достиг Пелопоннеса[7868] и, войдя в Ахайский город, по имени Патры[7869], остановился у одного почтенного мужа, по имени Сосия; он восставил его с одра болезни и после того обратил ко Христу весь этот город Патры. В то же время уверовала во Христа и жена местного правителя Егеата Антипата, по имени Максимилла, освободившись от тяжких оков недуга и получив скорое исцеление. И мудрый Стратоклий, брат Антипатов и многие

иные, одержимые различными недугами, выздоровели через возложения рук Апостола. Тогда Егеат Антипат пришел в бешенство, и, схватив святого Апостола, пригвоздил его ко кресту, о чем пресвитеры и диаконы Ахайской страны написали так:

– Мы, все пресвитеры и диаконы церквей Ахаии, пишем о страдании святого Апостола Андрея, которое видели своими очами, всем церквам, – которые находятся на востоке и на западе, на юге и на севере. Мир вам и всем верующим во Единого Бога, в Троице совершенного, истинного Отца нерожденного, истинного Сына рожденного, истинного Духа Святого, исходящего от Отца и почивающего на Сыне; этой вере мы научились от святого Андрея, Апостола Иисуса Христа, страдание которого, непосредственно нами виденное, мы и описываем.

Егеат Антипат, придя в город Патры, начал принуждать верующих во Христа приносить жертвы идолам. Святой Андрей, зайдя ему на пути вперед, сказал:

– Тебе, судья людей, следовало бы познать своего Судью, сущего на небесах, и, познав, поклониться Ему: поклонившись же истинному Богу, следовало бы отвращаться от ложных богов.

Егеат сказал ему:

– Ты ли тот самый Андрей, который разрушает храмы богов и склоняет людей к той появившейся недавно волшебной вере, которую римские цари повелели истребить?

Святый Апостол Андрей отвечал:

– Римские цари не познали того, что Сын Божий, снизойдя на землю ради спасения рода человеческого, с ясностью показал, что эти идолы не только не боги, но – нечистые бесы, враждебные человеческому роду, которые научают людей прогневлять Бога и отвращать Его от себя, чтобы Он не слышал их. Когда же Бог, прогневавшись, отвратится от людей, тогда бесы пленяют их в порабощение себе и до тех пор обольщают их, пока души их не выйдут из тела обнаженными[7870], не имея с собою ничего другого, кроме грехов своих.

Егеат сказал:

– Когда ваш Иисус проповедовал эти бабьи и пустые слова, Иудеи пригвоздили Его ко кресту.

Андрей отвечал:

– О если бы ты захотел познать таинство креста: – как Создатель человеческого рода, по Своей любви к нам, добровольно претерпел страдания на кресте, потому что Он и о времени Своих страданий знал, и о тридневном Своем воскресении пророчествовал и, сидя с нами на последней вечери, возвестил о Своем предателе, говоря о будущем, как о прошедшем, и добровольно пошел на то место, на котором имел быть предан в руки Иудеев.

– Удивляюсь тебе, – возразил Егеат, – что ты, будучи человеком мудрым, последуешь за Тем, Кого исповедуешь распятым на кресте – всё равно каким образом: добровольно или невольно[7871].

Апостол отвечал:

– Велико таинство креста, – и если ты хочешь слышать, я скажу тебе.

– Это – не таинство, но казнь злодеев, – возразил Егеат. Святый Андрей отвечал:

– Эта казнь – тайна человеческого обновления, только благоволи терпеливо выслушать меня.

– Выслушаю тебя терпеливо, – сказал судья, – но если ты не сделаешь того, что я приказываю, то понесешь на себе ту же тайну креста[7872].

Апостол на это отвечал:

– Если бы я боялся крестной казни, то никогда не славил бы креста.

Егеат сказал:

– Как ты хвалишь крест по безумию своему, так не боишься смерти – по дерзости.

Апостол отвечал:

– Не боюсь смерти не по дерзости, но по вере, ибо честна смерть преподобных[7873], для грешников же смерть люта. Я хочу, чтобы ты выслушал, что я скажу о тайне креста, и, познав истину, уверовал; уверовав же, обрел свою душу[7874].

Егеат сказал:

– Обретают[7875] то, что погибло[7876]. Неужели моя душа погибла, что ты велишь обрести ее верою, не знаю – какою?

Святый Андрей отвечал:

– Это то, чему ты мог бы научиться от меня; я покажу тебе, в чем погибель человеческих душ, чтобы ты мог познать спасение их, совершившееся через крест. Первый человек ввел смерть через древо преступления[7877], и нужно было для человеческого рода, чтобы смерть была уничтожена через древо страдания[7878]. И как первый человек, введший через древо преступления смерть, был создан из чистой земли, так надлежало, чтобы от чистой Девы родился Христос, совершенный человек, Который есть вместе и Сын Божий, создавший первого человека, дабы Он возвратил вновь вечную жизнь, потерянную всеми людьми: и как первый человек согрешил, простерши к древу познания добра и зла руки, так для спасения людей надлежало, чтобы Сын Божий простер на кресте Свои руки за невоздержание человеческих рук и за сладкую пищу от запрещенного древа вкусил горькой желчи[7879].

Егеат сказал на это:

– Говори эти речи тем, которые станут слушать тебя. Если же ты не послушаешься моего повеления, и если не захочешь принести жертвы богам, то, избив палками, я распну тебя на кресте, который ты прославляешь.

Андрей отвечал:

– Я каждый день приношу Единому, Истинному и Всесильному Богу не дым кадила, не мясо волов, не кровь козлов, но непорочного Агнца, принесенного в жертву на алтаре крестном[7880]. Все верующие люди причащаются Его пречистого тела и вкушают кровь Его, однако, Сей Агнец пребывает целым и живым, хотя и истинно закалается; истинно вкушают все Его плоть и пьют Его кровь, – однако, как говорю, Он всегда пребывает целым, непорочным и живым.

Егеат сказал:

– Как это может быть?

Андрей отвечал:

– Если хочешь узнать, будь учеником, чтобы научиться тому, о чем спрашиваешь.

Егеат сказал:

– Я выпытаю у тебя это учение муками.

Апостол отвечал:

– Удивляюсь я тому, что ты, будучи человеком мудрым, говоришь, как бессмысленный, ибо можешь ли узнать от меня тайны Божии, испытывая через мучения? Ты слышал о таинстве креста, слышал и о таинстве жертвы. Если уверуешь, что Христос, Сын Божий, распятый Иудеями, есть истинный Бог, то я раскрою тебе, как Он, будучи умерщвлен, живет, и как, будучи принесен в жертву и вкушаем, пребывает целым во Царствии Своем.

Егеат сказал:

– Если Он умерщвлен и, как ты говоришь, употреблен людьми в пищу, то как же Он может быть живым и целым?

– Если будешь веровать всем своим сердцем, – отвечал Апостол, – то можешь уразуметь сию тайну; если же не уверуешь, то никогда не постигнешь сей тайны.

Тогда Егеат, разгневавшись, повелел бросить Апостола в темницу. Когда святой был ввергнут в темницу, к нему собралось из всей той страны много народу, который хотел убить Егеата, Андрея же освободить из темницы. Но святой Апостол удержал их, вразумляя и говоря:

– Не превращайте мира Господа нашего Иисуса Христа в диавольский мятеж; ибо Господь наш, будучи предан на смерть, показал всякое терпение, не прекословил, не вопиял, и не было слышно на улицах гласа Его; поэтому и вы молчите и будьте спокойны. Не только не делайте препятствий моему мученичеству, но сами, как добрые подвижники и воины Христовы, приготовляйтесь к тому, чтобы терпеливо понести на своем теле всевозможные истязания и раны. Если и нужно бояться мук, то – только таких, которые не имеют конца[7881], устрашения же и угрозы человеческие подобны дыму, – явившись, они внезапно исчезают. И если бояться страданий, то надлежит бояться тех, которые начинаются с тем, чтобы никогда не иметь конца[7882]. Временные же страдания, если они незначительны, переносятся легко; если же они велики, то скоро, удалив из тела душу, сами окончатся. Но люты те

страдания, которые вечны. Поэтому будьте готовы к тому, чтобы через временные скорби перейти к вечной радости, где будете веселиться, всегда процветать и всегда царствовать со Христом.

Поучая так людей, святой Андрей провел всю ночь. Поутру Егеат Антипат сел на судилище; послав, он призвал к себе святого Андрея и сказал ему:

– Решился ли ты оставить безумие и не проповедовать Христа, чтобы мог веселиться с нами в сей жизни, ибо великое безумие в том, чтобы добровольно идти на мучения и огонь?

Святый отвечал:

– Веселиться с тобой я буду в состоянии, когда ты уверуешь во Христа и отвергнешь идолов, ибо Христос послал меня в эту страну, в которой я немало приобрел Ему людей.

Егеат сказал:

– Я принуждаю тебя к жертвам для того, чтобы обольщенные тобою оставили суету твоего учения и принесли угодные богам жертвы, ибо нет города в Ахаии, в котором бы не опустели храмы богов; поэтому теперь нужно, чтобы через тебя честь их была восстановлена, – чтобы те, которые тобою прогневаны, тобою же были умолены, чтобы и самому тебе пребыть с нами в дружеской любви. Если же – нет, то за бесчестие их ты примешь различные мучения и будешь повешен на кресте, который ты прославляешь.

Святый Андрей отвечал на это:

– Слушай, сын смерти, обреченный на вечные муки, послушай меня, слугу Господня и Апостола Иисуса Христа! До этих пор я беседовал с тобой кротко, желая научить тебя святой вере, чтобы ты, как имеющий разум, познал истину и, отвергши идолов, поклонился живущему на небесах Богу. Но так как ты пребываешь в своем бесстыдстве и думаешь, что я боюсь твоих мучений, то изобрети против меня мучения самые тяжкие, какие знаешь, ибо тем угоднее я буду Царю моему, чем более тяжкие претерплю за Него мучения.

Тогда Егеат повелел растянуть его и бить. И когда бьющие его сменились, по трое, семь раз, святой был поднят и приведен к судье.

Судья сказал ему:

– Послушай меня, Андрей, и не проливай понапрасну своей крови, ибо, если не послушаешь меня, то распну тебя на кресте.

Святый Андрей отвечал:

– Я раб Креста Христова и желаю крестной смерти. Ты же можешь избежать вечного мучения, если, испытав мое терпение, уверуешь во Христа, ибо я печалюсь о твоей погибели более, чем о своих страданиях: страдания мои окончатся в один, много – в два дня, твои же мучения и после тысячи лет не будут иметь конца; поэтому, не приумножай себе мучений и не распаляй для себя вечного огня.

Разгневанный Егеат повелел распять святого Андрея на кресте, привязав ему руки и ноги: ибо он не хотел прибить его гвоздями, чтобы он не умер в скором времени и, вися привязанным, принял больше мучений.

Когда слуги мучителя вели его на распятие, собрался народ, восклицая:

– В чем согрешил человек праведный и друг Божий, за что его ведут на распятие?

Андрей же умолял народ, чтобы он не делал препятствий страданию его, и шел на мучения с веселием, не переставая учить. Когда он пришел на место, где имел быть распятым, то, издалека увидев приготовленный для него крест, воскликнул громким голосом:

– Радуйся, крест, освященный Христовою плотью и украшенный членами Его, как Маргаритами! Пока не был распят на тебе Господь, страшен ты был для людей, теперь же тебя любят и с желанием принимают, ибо верующие знают, какое ты заключаешь в себе веселие, и какое уготовано за тебя воздаяние. С дерзновением и радостью я иду к тебе, ты же прими меня с веселием, ибо я – ученик Того, Который был повешен на тебе. Прими меня, так как я всегда любил и желал обнять тебя, о честный крест, получивший от членов Господних красоту и славное украшение, издавна желанный, горячо любимый, которого я непрестанно искал. Возьми меня из среды людей и отдай меня моему Учителю, чтобы через тебя принял меня Тот, Который искупил меня тобою.

Говоря это, он снимал с себя одежды и отдавал их мучителям. Они подняли его на крест, привязав руки и ноги веревками, распяли и повесили. Вокруг него стояло множество народа, около двадцати тысяч; между ними был и брат Егеата, по имени Стратоклий, который восклицал вместе с народом:

– Несправедливо страдает так святой муж.

Святый же Андрей укреплял веровавших во Христа и убеждал их терпеть временные мучения, уча, что никакое мучение ничего не стоит в сравнении с имеющим быть за него воздаянием.

Потом весь народ пошел к дому Егеата, восклицая и говоря:

– Не должно так страдать человеку святому, честному, учителю доброму, благонравному, кроткому и премудрому, но должно снять его со креста, ибо он, вися второй день на кресте, не перестает учить правде.

Тогда Егеат, убоявшись народа, тотчас пошел с ними, чтобы снять Андрея со креста. Андрей, увидев Егеата, сказал:

– Зачем пришел ты, Егеат? Если хочешь уверовать во Христа, то откроется тебе, как я обещал, дверь благодати. Если же ты пришел только для того, чтобы снять меня со креста, то я не желаю, пока жив, быть снятым со креста, ибо я уже вижу моего Царя, уже поклоняюсь Ему, уже стою перед Ним, но страдаю за тебя, потому что тебя ожидает уготованная тебе вечная погибель. Позаботься о себе, пока можешь, чтобы не захотелось тебе начинать[7883] тогда, когда будешь уже не в силах.

Когда слуги хотели отвязать его от креста, то не могли прикоснуться к нему; множество и других людей, одни за другими, старались отвязать его, однако, не могли, потому что руки их приходили в омертвение. После этого святой Андрей воскликнул громким голосом:

– Господи Иисусе Христе! Не попусти мне быть снятым со креста, на котором я повешен за имя Твое, но приими меня, Учитель мой, Которого я возлюбил, Которого познал, Которого исповедую, Которого желаю видеть, через Которого я стал тем, что есмь! Господи Иисусе Христе, приими дух мой с миром, ибо

время уже мне прийти к Тебе и зреть Тебя, так сильно желаемого мною! Приими меня, Учитель Благий, и не ранее повели мне быть сняту со креста, как примешь дух мой!

Когда он говорил это, его осиял свет с неба, как молния, на виду у всех, и блистал вокруг его, – так что для тленного человеческого ока невозможно было смотреть на него. Этот небесный свет сиял вокруг него с полчаса, и когда свет отступил, святой Апостол испустил дух и отошел в блистаниях света, чтобы предстать Господу. Веровавшая во Христа Максимилла, женщина знатного происхождения, целомудренной и святой жизни, узнав, что святой Андрей отошел к Господу, сняла с великою честью тело его и, помазав драгоценными ароматами, положила его в своем гробе, в котором имела быть похоронена сама. Егеат, разгневавшись на народ, замышлял отмстить ему и открыто казнить восставших на него, Максимиллу же он хотел оклеветать пред царем. Когда он помышлял об этом, внезапно напал на него бес и, мучимый им, Егеат умер посреди города. Когда сообщили об этом его брату Стратоклию, веровавшему во Христа, тот повелел предать его погребению, сам же не искал ничего из имений его, говоря:

– Не дай мне, Господи мой Иисусе Христе, чтобы я прикоснулся к чему-либо из сокровищ моего брата, чтобы не осквернить грехом его, ибо он, любя суетное имущество, осмелился умертвить Апостола Господня.

Это было в последний день ноября, в Ахаии, в городе Патры, – где до этих пор, по молитвам Апостола, подаются людям многие благодеяния. Страх был на всех, и не было никого, кто не веровал бы в Спасителя нашего Бога, хотящего всех спасти и привести в познание истины[7884], Которому слава во веки веков, аминь.

По прошествии многих лет, мощи сего святого Апостола Андрея были принесены мучеником Артемием в Константинополь, по повелению великого царя Константина[7885], и положены вместе со святым Евангелистом Лукою и со святым Тимофеем, учеником святого Апостола Павла, в пресветлом Апостольском храме, внутри священного жертвенника.

Молитвами Апостола твоего, Христе Боже, верных Своих в православии утверди, и спаси нас. Аминь.

Похвальное слово святому Апостолу Андрею Первозванному святого Иоанна Златоустого

Крепка сеть Апостольского ловления[7886], дивна память Андрея и дивно воспоминание сети, которую он употребил для ловления и для привлечения народов ко Христовой вере. Ибо невод, каким пользовались сии бессмертные мертвецы, никогда не может быть прорван забвением. Не придут с временем в ветхость те орудия ловли, которые соделаны не человеческим искусством, но Божиею благодатью. Хотя сами рыбари и ушли от нас, однако, орудия, какими они пользовались, или невод, которым охватили самый мир, никогда не приходили в ветхость. Когда они забрасывают и вытаскивают сеть, то бывают невидимыми, однако, сети их оказываются полны. Не трость они взяли[7887], которая тлеет от времени, не льняные нитки, сгнивающие от ветхости, погрузили они в воду. Не крючок сделали они, который съедает ржавчина, не пищу[7888] они положили на крючок, которою могли бы уловлять рыб. Не на камне они сидели[7889], к которому прикасаются воды, не в лодке, которую разбивает волнение, они плыли. Не рыб, естество неразумное, они уловили; но как дивно то искусство, которое они употребили, так и орудия их были новы и необыкновенны. Ибо вместо трости они употребляли проповедь, вместо лесы – память, вместо крючка – силу[7890], вместо приманки – чудеса, вместо камня – небеса, с которых они производят такую ловлю; вместо лодки у них – алтарь, вместо рыб они уловляют и самих царей, вместо невода распространяют Евангелие; вместо искусства они прилагают Божественную благодать; вместо моря они управляют человеческой жизнью, вместо сети они привыкли пользоваться крестом, как каким-либо неводом.

И кто видел когда-либо, чтобы мертвые рыбари уловляли живых людей, как рыб? О великая сила Распятого! О высочайшая красота Божественного достоинства! Ничего не может быть в жизни такого, как высота Апостольской благодати. Человеческая жизнь видела много поистине дивного и превышающего разум; ибо видела пролитую кровь вопиющую, и

убийство, говорящее без языка, и естество, разделившееся, по зависти, с собою[7891], видела брата, причиняющего смерть единоутробному брату, и дверь смерти, открытую через язву зависти. Видела этот ковчег Ноя непогруженным во время потопа мира и погибель человеческого рода. Видела старца, вооружившегося, по вере, против своей утробы, т. е. сына, и того, который не был умерщвлен, – приносимого как бы в жертву[7892]. Видела благословение, полученное через кражу[7893], и борьбу Создателя Бога с рабом[7894]. Видела зависть, возникшую между братьями[7895], и рабство, исходатайствовавшее царство[7896]. Видела приготовленный через сновидения престол[7897] и предателей брата, привлеченных голодом[7898]. Видела жезл, творящий чудеса[7899], и купину, покрытую огнем, как росой[7900]. Видела законодателя Моисея, повелевающего стихиями[7901]. Видела воды, сделанные твердыми подобно камню, глубокое море – обнаженным, путь – внезапно приготовленным[7902] и столп облачный днем, огненный ночью, дарованный в вожди для множества людей[7903]. Видела жезл, прозябший без земли[7904]. Видела манну, вместо хлеба ниспосылаемую с неба[7905]. Видела солнце, остановленное человеческою молитвою, как бы некоторою уздою[7906], и зачатие пророка, испрошенное молитвами неплодной[7907]. Видела горсть муки, которая была больше житниц, и кувшин елея, который был обильнее источников[7908]. Видела колесницу, носимую на воздухе, и пророка, восхищаемого (на ней)[7909]. Видела потом, что кости мертвого были врачевством для жизни[7910]. – Жизнь человеческая видела много такого великого и удивительного; но то миновало, как трава, и угасло, как светильник при восходе солнца. Никогда не было ничего такого, каковы были Апостолы. Они, будучи служителями Божия Слова[7911], имели общение с воплощенным Тем, Кто, как Бог, не имеет образа[7912]. Они последовали за ходящим Тем, Кто вездесущ[7913]. Возлежали вместе с Тем, Кто не вмещается никаким местом. Слышали голос Того, Кто сотворил словом всё (См. Иоан.1:3; Пс.32:6). Они обняли языком, как бы некоторым неводом, самый мир. Они обошли во время своих путешествий концы земного круга. Они искоренили заблуждения – как куколь[7914], порубили

капища[7915] – как какое-нибудь терние, истребили идолов – как диких зверей, прогнали демонов – как волков. Они соединили Церковь – как некоторое стадо, собрали православных – как пшеницу. Они исторгли ереси – как плевелы, иссушили жидовство – как траву, греческие изваяния пожгли огнем – как какие-либо растения. Они возделали человеческую природу крестом – как плугом, и посеяли слово Божие – как некоторое семя. Наконец, все их действия просияли как некоторые звёзды. Поэтому, Господь ясно сказал им: «Вы свет миру» (Мф.5:14).

Ибо восток для человека христианина – Тот, Кто родился от Девы. Утро для него – Тот, Кто положил начало крещению. Сияние – благодать распятого Христа. Лучи – сии предивные языки[7916], день – сей будущий век. Полуденное время – то, в которое Господь был на самом кресте. Запад – пребывание во гробе. Вечер – сия кратковременная смерть. Сияние солнца – воскресение из мертвых. «Вы свет миру», – сказал Он.

Смотри на сии звезды, и ужаснись сиянию их. Поэтому, воспоминаемый ныне Андрей, когда нашел Господа всех, как некоторое сокровище света, восклицал, обращаясь к своему брату Петру:

– Мы нашли Мессию.

О, превосходство братней любви! О противообращение порядка! – Андрей после Петра родился в жизнь, и первый привел Петра к Евангелию, и – как уловил его: «Мы нашли, – сказал, – Мессию». От радости это было сказано, это было соединенное с веселием благовестие о найденном предмете. «Мы нашли, – сказал, – сие сокровище: избегай, Петр, нищеты обрезания[7917], освободись от раздранных рубищ закона[7918], свергни с себя иго письмена[7919], сочти это за нечто незначительное, пренебреги настоящим – как сновидением, и возгнушайся Вифсаиды – как некоторого дурного и отверженного места. Оставь сеть – как орудие нищеты, лодку – как обиталище во время потопа, рыбную ловлю – как ремесло, подлежащее морскому волнению, рыб – как товар для чревоугодия, народ иудейский – как превозношение перед Богом, Каиафу – как отца лукавого сборища. Мы нашли Мессию, Которого предвозвестили пророки, Которого закон провозгласил

нам своим учением, как некоторою трубою. Мы нашли сокровище закона. Избегай, Петр, глада письмен: мы нашли Мессию, Которого из древности предъизобразили знамения[7920], Которого Михей видел на престоле славы (Мих.4:1–3)., Которого Исаия зрел на Серафимах (Ис.6:1–3), Которого Иезекииль видел на Херувимах (Иез. 1:1–28)., Которого Даниил зрел на облаках (Дан.7:13–14), Которого Навуходоносор видел в той печи (Дан.3:92), Которого Авраам принял в шатер, Которого Иаков не отпустил, прежде чем не получил от Него благословения (Быт.32:24–32), Задняя Которого Моисей видел на камне[7921] – Сего мы нашли, безначально рожденного и явившегося в последние дни[7922]. О великое сокровище, полнота которого не может быть исчерпана! Это – богатства, неподлежащие законам вещества, существо которых не знает начала и самое нахождение которых – ново. «Мы нашли Мессию, что значит: Христос». Много христов[7923], но все они – смертные. Авраам был христос, но истлел во гробе; Исаак был также христос, но кости его лежат во гробе. Иаков был христос, но – смертный. И Моисей был христос, но был погребен, – в каком месте, не знаем. Подобно этому и Давид был христос, но все они были добычею смерти, все – пленниками смерти. Один Христос – истинно по природе Бог, но Который, по Своему милосердию к людям, запечатлел Своим исхождением девическое чрево, как некоторою печатью, и этих рыбарей источниками Своих исцелений. Его есть держава, Царство, слава и поклонение, с непорочным и единосущным, того же существа, Отцом и Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков, аминь.

Тропарь, глас 4:

Яко Апостолов первозванный, и верховнаго сущий брат, Владыце всех, Андрее, молися, мир вселенней даровати, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Мужества тезоименитаго богоглагольника, и церкве возследователя верховнаго, Петрова сродника восхвалим, зане якоже древле сему, и ныне нам воззва: приидите обретохом желаемаго.

Память святого Фрументия, архиепископа индийского

Память 30 ноября

В конце царствования Константина Великого купец – христианин, по имени Меропий, отправился путешествовать в Индию[7924], и другие страны по берегам Чермного моря. У Меропия были два племянника: Фрументий и Едессий, которых он взял с собою, желая познакомить и этих юношей с неизвестными им странами, иной природой, нравами и обычаями других народов.

Когда они плыли по морю, то неблагоприятным ветром и сильным волнением корабль их прибило к Ефиопии, населенной дикими варварами, которые и захватили в плен путешественников. Одних они убили, других потопили в море. Сам Меропий был убит, а его племянники Фрументий и Едессий оставлены были в живых и отправлены в город Авксум, в дар царю Ефиопскому. Царю понравились оба юноши и он пожелал оставить их при дворе своем. По приказанию царскому, для обучения юношей, были приставлены особые надзиратели и учители, с тем, чтобы, после обучения, юношам можно было дать должности при дворе.

Будучи с детских лет просвещены Христовой верой, Фрументий и Едессий быстро возвысились по уму и образованию пред всеми, окружавшими царя и вскоре сделались лицами сильными и влиятельными при дворе его.

Еще большей чести они удостоились, по смерти царя, когда на престол Ефиопии вступил его малолетний сын Айзан. В воспитатели Айзана был избран Фрументий. Тогда Фрументий вместе с братом Едессием, имея большее влияние на всю страну, могли свободно исповедовать свою веру. В то время завязали торговые сношения с Ефиопией некоторые римские и греческие купцы, по большей части – христиане. Едессий и Фрументий знакомились с приезжавшими по торговым делам купцами и устраивали с ними богослужебные собрания, для которых они построили небольшую церковь. Вместе с тем и

Ефиопляне, мало-помалу знакомились от Фрументия и Едессия с христианскою верою и усвояли понемногу истины христианской веры и нравственности.

Между тем Айзан вырос. Тогда Едессий и Фрументий стали просить царя отпустить их на родину. Айзан, после некоторого колебания, позволил им оставить Ефиопию. Получив позволение, Фрументий и Едессий с первым же кораблем отплыли в Грецию. Едессий, прибыв в Грецию, отправился к себе на родину, в Тир, разыскивая своих родителей, чтобы с ними уже более не разлучаться до конца дней. Но не с тем же намерением оставлял Эфиопию Фрументий. Он успел привязаться к этой стране, которая, по устроению Божию, стала его второю родиною. Он желал пламенно, чтобы страна эта сделалась родственною ему и по вере. Поэтому Фрументий предпочел радостям родственного свидания высшую духовную радость, уневестив Христу новую церковь Абиссинскую.

Вдохновляемый такими святыми мыслями, Фрументий направился вместо Тира в Александрию, где тогда был епископом святой Афанасий Великий, ревностный поборник Церкви Христовой. Придя к святому Афанасию, Фрументий подробно рассказал ему всё, что пришлось испытать ему с Едессием в Абиссинской стране, начиная с чудесного промышления о них в плену у варваров, жестоко истребивших Меропия и остальных с ними христиан. Он объяснил великому святителю, что эти варвары после уже не чуждались христиан и даже вникали в их жизнь и учение, и теперь легко могли бы быть просвещены светом Христовой истины. Для этого почва уже подготовлена и страна сия жаждет, чтобы явился сеятель. Поэтому Фрументий горячо просил святителя теперь же послать в Ефиопию епископа и клир.

Выслушав это повествование Фрументия, святой Афанасий уразумел в судьбе этих братьев дивное промышление Божие, ради обращения ко Христу Ефиоплян. При этом его озарила мысль, что лучше всего поставить епископом в Ефиопию самого Фрументия, успевшего близко изучить нравы, обычаи и язык жителей той страны и заслужившего там почтение и любовь.

Тогда блаженный Афанасий сказал Фрументию:

– Кто же среди нас лучше тебя может разогнать мглу язычества и принести туда зарю Божественного благовестия.

После этого, Фрументий был рукоположен святым Афанасием во епископа и с Апостольскою ревностью отправился вновь в Ефиопию просвещать язычников. Прежде всего он стал убеждать самого царя Айзана принять святое крещение. Молодой царь, привыкший пользоваться советами Фрументия и в глубине души склонный принять веру своего учителя, с сердечной верой внимал проповеди его о Воскресшем и крестился во Имя Христово. За ним крестились и многие из приближенных царя. Господь удостоил сего равноапостольного угодника Своего дара чудотворений; святой Фрументий силою Имени Христова исцелял бесноватых и одержимых различными недугами. А тех, которые своими мудрованиями отрицали Христово учение и не хотели верить благовестию святого Фрументия, он предавал власти сатаны, «чтобы дух был спасен» по Апостолу[7925]; иных же из упорствующих поражал сухотою всего тела, а на других наводил ослепление очей. При таких внезапных грозных знамениях, происходивших по слову угодника Божия, даже упорные из язычников, преклонялись пред ним и, исповедуя Христа Сына Божия, получали от Фрументия исцеление и были крещены.

Народ удивлялся силе благовестия проповедника, и сам царь невольно воскликнул:

– Столько лет ты с нами жил и мы не видали от тебя никакого чуда! Откуда же теперь дана такая благодать и притом в короткое время!?

Блаженный же Фрументий отвечал на это царю и всем окружавшим и близко знавшим его:

– Не мой это дар, честные други Христовы, но дар священства от Самого Господа Христа. Уже давно я видел ваше доброе намерение и расположение к принятию Христа. Поэтому, оставив свое отечество и пренебрегая родством, я, повинуясь гласу Господню, отправился в Александрию и поведал о вашей жажде духовной самому Великому Афанасию, священноначальнику церкви Александрийской. Он удостоил меня святого рукоположения и, просветив Апостольскою

благодатью, с молитвою и благословением послал к вам. Сей-то священный дар Божий, через меня, совершает среди вас, принявших с верою слово благовестия, те знамения, кои вы видите.

Положив таким образом начало Церкви Христовой в Ефиопии, святой Фрументий стал ревностно заботиться о внешнем и внутреннем ее благоустройстве. Он созидал по всей стране храмы для новообращенных и повсюду устроял богослужение.

Вместе с тем он озаботился переводом Священного Писания на язык ефиопский. После этого проповедь Евангелия распространялась в Ефиопии еще успешнее.

И так немалые годы пожил богоугодно святой Фрументий, утверждая верующих своим примером и словом в соблюдении заповедей Божиих, после чего мирно отошел ко Господу, около 360 года, оставив церковь Ефиопскую прочно устроенною[7926]. От честных мощей святителя неоскудеваемо подавались различные исцеления всем с верою и мольбою прибегавшим к нему, во славу истинного Христа Бога нашего. Аминь.

Память святого пророка Наума

Память 1 декабря

Святой пророк Наум, – один из двенадцати, так называемых, малых пророков, – происходил из Галилеи, из селения Елкоша[7927].

Главное содержание книги Наума есть пророчество о падении и погибели Ниневии[7928], предсказание бедствий, какие праведный Господь наведет на сей город, и самое живое изображение окончательного и совершенного разрушения этого великого и сильно укрепленного города. Пророк Наум предсказывает разрушение Ниневии, как наказание за ее беззакония и особенно за разрушение Израильского царства и за хулу Сеннахирима[7929] на Иегову[7930]. Таким образом, Наум повторяет то грозное пророчество, которое было изречено на Ниневию пророком Ионою; пророчество Ионы о погибели Ниневии (Ион. 2:2) не было отменено, но лишь отсрочено. Ниневитяне, покаявшись на малое время после проповеди пророка Ионы, видя, что на них не сбылось его пророчество, снова обратились к прежним своим злым делам; этим они снова прогневали Бога и оскорбили Его долготерпение.

Поводом к пророчеству послужило следующее: когда войско Сеннахирима было чудесным образом истреблено под стенами Иерусалима, и Сеннахирим с угрозою удалился, евреи, хотя и рады были этому освобождению, но боялись, что Сеннахирим, разгневанный неудачею, снова соберет войско, даже больше прежнего, и снова явится, как угрожал, под стенами Иерусалима. Чтобы успокоить и ободрить народ еврейский, пророк Наум и выступил со своей речью, в которой предсказал уже окончательную погибель Ниневии, которая будет разрушена сильным разливом вод, а сокровища города будут разграблены и истреблены огнем[7931].

Вся книга пророка Наума представляет из себя одно последовательное изложение грозного определения Божия о погибели Ниневии за то, что из нее произошел умысливший зло против Иеговы (т. е. Сеннахирим), а Иудейскому царству

предсказывается освобождение от ига Ассирии. Затем следует описание осады и самое разрушение Ниневии и, наконец, разъясняется, что Ниневия вполне заслужила такую участь своим идолопоклонством, особенно же своим развратом и волшебством, через которое она порабощала народы. Поэтому никакие средства защиты не спасут ее, и все народы будут радоваться, что избавились от такого жестокого притеснителя[7932].

Время служения пророка Наума относится ко второй половине царствования Иудейского царя Езекии, т. е. к 745–714 годам до Р. Х. (после разрушения царства Израильского).

О других обстоятельствах жизни пророка ничего неизвестно. По преданию, он умер на 45-м году жизни и был погребен в своей отечественной земле.

Кондак, глас 4:

Просветившееся духом чистое твое сердце, пророчества бысть светлейшаго приятелище: зриши бо яко настоящая далече сущая. Сего ради тя почитаем, пророче блаженне, Науме славне.

Житие святого праведного Филарета Милостивого

Память 1 декабря

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф.5:7), – сказал Господь. Сие сбылось на блаженном Филарете Милостивом, который за свое великое милосердие к нищим получил от Бога богатое воздаяние и в настоящей жизни и в будущей, – как свидетельствует об этом его блаженная жизнь.

Блаженный Филарет жил в Пафлагонии[7933] в селении называвшемся Амние[7934]. Благородные родители его, Георгий и Анна, с детства воспитали его в благочестии и страхе Божием, и жизнь его украшалась целомудрием и всякими другими добродетелями. Достигнув совершенного возраста, Филарет вступил в супружество с благородной и богатой девицей, по имени Феозвою, от которой у него родились трое детей: сын – Иоанн и две дочери – Ипатия и Еванфия. Бог благословил блаженного Филарета, как в прежние времена праведного Иова, и умножением его имущества и изобильным богатством. Были у него и многочисленные стада и села, плодоносные нивы и изобилие во всем; сокровищницы его были полны всяких земных благ и многое множество рабов и рабынь служили при доме его. И был известен Филарет, как один из знаменитых вельмож той страны. Обладая таким великим богатством и видя, как в то же время многие бедствуют от бедности и крайней нищеты, он чувствовал к ним сострадание и, в умилении души, говорил себе:

– Неужели так много благ получил я от руки Господней только ради того, чтобы самому одному ими питаться и жить в наслаждении, угождая своему чреву? Не должен ли я разделить дарованное мне Богом великое богатство с нищими, вдовами, сиротами, странниками и убогими, которых Господь на Страшном Суде перед Ангелами и людьми не постыдится назвать Своими братьями, так как Он говорит: «как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне»

(Мф.25:40)[7935]? И какую пользу принесут мне в день Страшного Суда все имения мои, если я, по скупости своей, сохраню их для одного себя, ибо на том Суде не получат милости те, кто не оказал милости (Иак.2:13). Будут ли мои имения для меня в будущей жизни бессмертною пищею и питием? Послужат ли мне там мои мягкие одежды нетленным одеянием? Нет, сего не будет! Ибо так говорит Апостол: «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести» (1Тим.6:7). Итак, если ничего из нашего земного имущества взять с собою мы отсюда не можем, то гораздо лучше отдать сие Богу, как бы взаймы, руками нищих; Бог же никогда не оставит ни меня, ни жены моей, ни детей моих. В этом уверяет меня пророк Давид, говоря: «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба» (Пс.36:25).

Так размышляя в душе, блаженный Филарет стал милостив к нищим, как отец к своим детям: кормил голодных, одевал нагих, принимал в свой дом странников и с любовью доставлял им всякий покой. И был сей праведный человек подобен древнему странноприимцу Аврааму[7936] и нищелюбцу Иову. Поэтому невозможно было утаиться под спудом такому светильнику, украшенному делами милосердия, и он прославился по всей стране, как город, красующийся на вершине горы (Мф.5:14). В дом его, как в надежное прибежище, спешили приютиться все нищие и убогие. И кто из них чего просил у него: пищи ли, одежды ли, коня, вола, осла или чего-либо другого – то и доставлял ему Филарет с благожелательною щедростью.

Но вот наступило время, когда Человеколюбец Господь, всё устрояющий на пользу человека, допустил и Филарета праведного, подобно древнему угоднику Своему Иову, подвергнуться искушению, дабы и терпение святого могло проявиться подобно терпению Иова и чтобы он, очищенный искушением, как золото в горниле, явился бы достойным рабом Божиим. Началось с того, что блаженный Филарет стал впадать в нищету, однако, сие нисколько не изменило его сострадательности и милосердия к нищим и он продолжал раздавать нуждавшимся из того, что оставалось у него.

В то время, по Божию попущению, на ту страну, в которой жил Филарет, напали Измаильтяне[7937]; подобно вихрю сокрушающему и пламени пожигающему, они опустошили всю страну и увели в плен множество жителей; уведены были и у Филарета все его стада овец и волов, коней и ослов, и взяты были в плен многие из рабов его. Тогда сей милосердый муж дошел до такого разорения, что у него остались, наконец, только два раба, пара волов, лошадь и корова. Остальное же всё имущество Филарета или роздано было бедным его щедрою рукою, или разграблено Измаильтянами; селами же его, садами и нивами завладели живущие вокруг земледельцы, одни – просьбами, другие – насилием. И остался у Филарета только тот дом, в котором он жил, да одна нива. Претерпевая такую нищету, лишение и такие напасти, сей добрый муж никогда не скорбел и не роптал и, как второй Иов праведный, ни в чем не согрешил пред Богом, – ни даже словом: «не согрешил устами своими»[7938]. Но подобно тому, как кто радуется множеству своего богатства, так и он радовался своей нищете, которую вменял за великое сокровище, разумея, что бедность есть более верный путь ко спасению, чем богатство, как и Господь сказал, что «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19:23)[7939].

Однажды, взяв двух своих волов, Филарет пошел возделывать оставшееся у него поле. Работая, он восхвалял и радостно благодарил Бога, что начинает, по заповеди Его святой, в поте лица своего есть хлеб свой (Быт.3:19), и что труд спасает его от лености и праздности, – этих учительниц всякому злу.

Вспоминал он и слова Апостола, возбраняющего есть ленивому и любящему праздность человеку: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фесс.3:10). И возделывал свою землю блаженный Филарет, чтобы не оказаться ему недостойным есть хлеб свой.

В тот же день возделывал свое поле и один поселянин. И вот внезапно один из волов его заболел и пал. Горько заплакал земледелец и скорбел неутешно, тем более, что и волы у него были не свои, – он едва выпросил их у своего соседа для

обработки нивы. Тогда вспомнил он о блаженном Филарете и сказал:

– Ах, если бы не обнищал сам этот милостивый нищелюбец! Сейчас пошел бы к нему и получил бы от него наверно не только одного, но даже двух волов. Но он и сам теперь в большой нужде, и ему нечем помочь другому, как бы этого ни желало его сердце. Однако же пойду я всё-таки к нему, – он, по крайней мере, пожалеет меня и хотя словом своим утешит меня и облегчит мою тяжелую скорбь и печаль.

Взяв свой посох, поселянин отправился к блаженному Филарету и, встретив его за работою в поле, поклонился ему и со слезами рассказал о своем горе – неожиданной гибели вола. Блаженный Филарет, видя, как огорчен этот человек, сейчас же выпряг из-под ярма одного из своих волов, отдал его поселянину и сказал:

– Возьми, брат, этого вола моего и ступай обрабатывать свою землю, благодаря Господа.

С благодарностью поклонился поселянин блаженному Филарету, принимая его щедрое подаяние, и сказал:

– Господин мой! Велико и достойно удивления твое решение и угодно Богу твое милосердие, но не хорошо разлучать двух волов, трудившихся вместе, и с одним трудно будет обойтись тебе самому.

– Возьми, брат, вола, которого я тебе дарю, – отвечал ему праведник, – и иди с миром; у меня же есть еще вол дома.

Земледелец поклонился блаженному до земли и, взяв вола, отошел, прославляя Бога и благодаря милостивого благотворителя.

Филарет, взяв оставшегося вола и взвалив ярмо на свои плечи, пошел домой. Когда он подходил к воротам своего дома, то жена его, увидев, что вол идет впереди, а муж ее следует за ним с ярмом на своих плечах, сказала ему:

– Господин мой! Где же у тебя другой вол?

Филарет же отвечал ей:

– В то время, как я отдыхал после работы, а волы паслись на свободе, то один из них ушел и заблудился, – или, может быть, кто-нибудь взял его и увел к себе.

Услышав сие, жена Филарета сильно огорчилась и поспешила послать своего сына разыскать пропавшего вола. Обойдя много полей, юноша, наконец, нашел своего вола в ярме у того земледельца. Признав вола, он с гневом сказал земледельцу:

– Злой, нечестный человек! Как смел запрячь ты чужого вола и работать на нем? Где и каким образом ты достал этого вола и припряг к своему? Разве это не тот самый вол, который пропал у моего отца? А ты, найдя его, похитил, как волк, и присвоил его себе. Отдай мне вола, а если не отдашь, то ответишь на суде за него, как вор!

Земледелец кротко отвечал ему:

– Не гневайся на меня, юноша, сын святого мужа, и не обижай меня без всякой вины с моей стороны. Ведь отец твой, сжалившись над моей бедой и нищетой, добровольно дал мне этого вола своего, так как мой вол, работая под ярмом, вдруг неожиданно пал.

Услышав сие, юноша устыдился своего напрасного гнева. Поспешив домой, он рассказал обо всем этом своей матери. Она же, выслушав его, со слезами воскликнула:

– Горе мне, бедной жене немилостивого мужа!

И рвала на себе волосы и, с криком и воплями прибежав к своему мужу, упрекала его:

– Бесчеловечный ты, с каменным сердцем человек! Зачем ты задумал преждевременно уморить нас голодом? Вот за грехи наши мы уже лишились всего своего имущества, но Господь, милующий и грешников, оставил нам двух волов, чтобы мы, с помощью их, могли прокормить детей наших; ты же, живший прежде в большом богатстве и никогда не работавший своими руками, находясь теперь в нищете, обленился и не хочешь трудиться и возделывать землю, но желаешь сладко почивать в своей комнате. И потому не ради Бога ты отдал своего вола поселянину, но ради себя самого, чтобы не трудиться впрягать его в ярмо, а жить в лености и праздности. Однако же какой ответ дашь ты Господу, если из-за твоей лености я с детьми твоими погибну от голода?

Взглянув на жену свою, блаженный Филарет с кротостью ответил ей:

– Послушай, что говорит Сам Бог, богатый милостью: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6:26); ужели не пропитает Он нас, несравненно более дорогих Ему, чем птицы? Он сторицею обещает воздать тем, кои ради Его и Евангелия раздают свое имущество бедным. Итак, подумай: если за одного вола мы приобретем сто, то зачем нам скорбеть о том воле, которого я во имя Господа отдал нуждающемуся?

Говорил же сие милостивый муж не потому, что он утешал себя надеждою на воздаяние сторицею в земной жизни, но для того, чтобы успокоить свою малодушную жену. И она замолкла, не находя возражений на благоразумные слова своего мужа.

Не прошло после того и пяти дней, как и тот вол, которого подарил поселянину блаженный Филарет, наелся ядовитого растения и пал. Это привело в недоумение поселянина и, снова придя к Филарету, он сказал ему:

– Господин! Согрешил я пред тобою и перед детьми твоими, что разлучил пару волов твоих; верно, потому и не допустил меня праведный Бог получить пользу от вола твоего, ибо он объелся какого-то зелия и издох.

Не промолвив ни одного слова, блаженный Филарет быстро привел своего последнего вола и, отдав его поселянину, сказал:

– Возьми брат, этого вола и уведи его; я же должен отбыть в дальнюю страну и не хочу, чтобы рабочий вол оставался без меня в дому моем праздным.

Сказал же сие блаженный ради того, чтобы человек тот не отказался принять от него и другого вола. Поселянин же, приняв вола, возвратился в дом свой, удивляясь великому милосердию блаженного мужа. Между тем в доме Филарета скоро все узнали об его поступке. Дети принялись плакать вместе с матерью и говорили:

– Поистине немилосерден отец наш и не любит детей своих, потому что расточает наше последнее имущество; только

и осталось у нас, что два вола, чтобы нам не умереть с голоду, и тех отдал он чужому человеку.

Видя скорбь и слёзы детей своих, блаженный Филарет обратился к ним с такими словами:

– Дети! Зачем предаетесь скорби? Зачем терзаете себя и меня? Ужели вы считаете меня жестокосердым? Ужели я, в самом деле задумал погубить вас? Успокойтесь: у меня в одном месте, которое неизвестно вам, хранится столько богатства и столько сокровищ, что хватит вам на сто лет жизни, хотя бы вы и ничего не делали и ни о чем не заботились. Я даже и сам не могу счесть всех тех сокровищ, приготовленных для вас.

Говоря это, праведный Филарет не обманывал своих детей, но поистине прозирал своими духовными очами то, чему предстояло сбыться впоследствии.

Вскоре после этого в ту страну пришло царское повеление, собраться всем воинам в свои полки и выступить против нечестивых варваров, восставших на Греческую Империю; при этом требовалось, чтобы всякий воин явился в полном вооружении и с двумя конями. Причислен был к одному из тех полков и один бедный воин, именем Мусилий; у него был только один конь, но и тот, как раз в это самое время, внезапно заболел и пал. Не имея средств купить коня, бедный воин пошел к блаженному Филарету и сказал ему:

– Господин мой! Сжалься надо мною, помоги мне. Знаю я, что ты и сам обеднел до крайности, и у тебя самого только один конь. Но, ради милосердого Господа, умоляю тебя, дай мне твоего коня, чтобы мне не попасться в руки тысящника, и чтобы не избил он меня жестоко.

Блаженный Филарет сказал ему на это:

– Возьми, брат, моего коня и ступай с миром; но только знай, что не ради страха наказания от тысящника даю я его тебе, а ради милости Божией.

Воин же, взяв коня от святого, ушел от него, славя Бога. И осталось тогда у святого Филарета из всего имущества только корова с телёнком, один осёл да несколько ульев пчел. Между тем один бедняк из дальней стороны, услышав о Филарете Милостивом, пришел к нему и стал просить его, говоря:

– Господин мой! Дай мне одного телёнка из стада твоего, чтобы и мне послужил твой дар в благословение от тебя, потому что мне известно, что даяние твое приносит благословение в дом и всячески обогащает его.

С радостью привел тогда своего единственного телёнка блаженный Филарет и отдал его просящему, сказав:

– Господь да ниспошлет тебе Свое благословение, брат, и да даст тебе изобилие во всем, что тебе требуется.

И поклонился Филарету тот человек и ушел от него, уведя с собою телёнка. Между тем корова, не видя своего телёнка, стала искать его и, не находя нигде, подняла жалобный рёв на весь двор. Все домашние Филарета сильно жалели о корове, особенно же огорчилась жена Филарета. Со слезами она стала упрекать мужа, говоря:

– Долго ли нам всё это терпеть от тебя? Кто не посмеется над твоим безрассудством? Вижу ясно я теперь, что ты нисколько не заботишься обо мне, жене твоей, и детей своих заморил ты; а теперь даже не пожалел и бессловесной скотины, кормящей своего телёнка и без милосердия отнял его от матери. Кому же ты этим сделал благодеяние? И дом свой лишил и огорчил, и того, кто выпросил у тебя телёнка, не обогатил, потому что и у него телёнок без матери погибнет и у нас без телёнка своего корова будет тужить и реветь; итак, какая же польза и нам и тому человеку?

Слыша такие слова от жены своей, праведный Филарет отвечал ей с кротостью:

– Вот теперь ты истинную правду сказала, жена моя! Действительно я не милостив и не милосерд, так как разлучил малого телёнка с его матерью; но теперь я лучше поступлю.

И, поспешив вслед за человеком, уведшим телёнка, Филарет стал звать его:

– Возвратись, брат, возвратись с телёнком; корова без телёнка не дает нам покоя, ревёт и мычит у ворот дома.

Бедняк, услышав сие от Филарета, подумал, что он хочет отнять у него подаренного ему телёнка, и сказал сам себе: «Видно недостоин я получить от сего праведного мужа даже одну эту малую скотину; вероятно, он пожалел о нем и зовет

меня, чтобы отнять его у меня». Когда человек тот возвратился к Филарету, телёнок, увидав мать свою, побежал к ней, также и мать с радостным мычанием бросилась к нему. Телёнок, припав к сосцам ее, долго не отходил от своей матери и Феозва, жена Филарета, видя это, радовалась, что телёнок был возвращен в дом. Блаженный же Филарет, увидев бедняка, печально стоявшего и не осмеливающегося даже выговорить ни слова, сказал ему:

– Брат, жена моя говорит, что я согрешил, разлучив телёнка с его матерью, и это правду она сказала. Поэтому возьми вместе с телёнком и корову и ступай с миром; Господь да благословит тебя и да умножит и твое стадо, как некогда и мое!

И взял человек тот корову с телёнком и пошел с радостью домой. И благословил Бог дом его, ради угодника Своего Филарета; от данной ему коровы с телёнком, через несколько лет, у него было уже больше двух стад волов и коров.

Вскоре после того наступил голод в той стране, и праведный Филарет дошел до последней крайности нищеты; не имея чем прокормить свою жену и детей, Филарет взял осла, который только один остался у него, – и пошел в другую сторону к одному своему другу; взяв у него взаймы шесть мер пшеницы и навьючив ее на осла, он в радости возвратился в дом свой и насытил жену и детей. Когда же Филарет отдыхал у себя дома после дороги, то пришел к нему нищий и просил дать ему одно решето пшеницы.

– Жена! – сказал тогда сей достойный подражатель Авраама, обращаясь к ней в то время, как она сеяла пшеницу, – я хотел бы дать этому нищему одну меру пшеницы.

Жена отвечала ему:

– Подожди, пока насытятся твои дети и твоя жена и прежде всего дай мне одну меру и твоим детям по мере и также работнице нашей, а что останется сверх того, то отдай, кому хочешь.

Он же посмотрел на нее и, засмеявшись, сказал:

– А для меня ничего не оставишь?

– Да, ведь ты Ангел, – возразила ему Феозва, – а не человек, и в пище не нуждаешься; если бы ты нуждался в пище,

то не раздавал бы другим взятую взаймы пшеницу.

Филарет, молча отсыпав две меры пшеницы, отдал их нищему. Тогда жена Филарета окончательно вышла из себя от огорчения и досады и закричала ему:

– Дай нищему уже и третью меру, потому что у тебя много пшеницы.

Филарет отмерил еще меру и отпустил бедняка. Раздраженная на него Феозва разделила оставшуюся пшеницу между собою и своими детьми. Между тем взятая в долг пшеница скоро вышла и Феозве с ее детьми опять пришлось голодать.

Тогда она пошла к соседям, попросила у них полхлеба взаймы, приварила к нему лебеды и дала голодным детям и сама напиталась с ними, а старца даже и не вспомнили позвать к своей трапезе.

Между тем о бедственном положении Филарета услыхал один из его старинных друзей, человек богатый. Он послал ему четыре воза, нагруженных пшеницею, каждый по десяти мер и при этом написал ему: «Возлюбленный брат наш, человек Божий! Посылаю тебе сорок мер пшеницы на пропитание тебе и твоим домашним, а когда всё выйдет у тебя, тогда пришлю тебе еще столько же; а ты помолись о нас Богу».

Приняв этот дар, Филарет, в чувстве благодарности за милость Господа, пал на землю; затем, поднявшись и простирая руки к небу, произнес:

– Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты не оставил меня раба Твоего, возложившего на Тебя всё упование.

Видя такую милость Божию, жена Филарета успокоилась и с кротостью сказала мужу:

– Господин мой, отдели мне пшеницы, сколько найдешь нужным, и детям нашим, а также отдай и взятое взаймы у соседей, – себе же возьми свою часть и поступай с нею, как хочешь.

Филарет так и поступил по словам жены своей и разделил пшеницу, оставив себе пять мер, которые и раздал бедным в два дня. Это снова привело в негодование Феозву и она не захотела даже есть с ним вместе, но обедала с детьми отдельно

и скрытно от него. Однажды нечаянно застал их за обедом блаженный Филарет и сказал им:

– Дети! Примите и меня к своей трапезе, если не как отца вашего, то как гостя и странника.

Те засмеялись и приняли его к себе; в то время, как они ели, жена его сказала ему:

– Господин мой! Долго ли ты будешь скрывать от нас то сокровище, которое, как ты говоришь, где-то хранится у тебя? Может быть ты смеешься над нами и дразнишь нас, как неразумных детей ложными обещаниями? Если же это правда, то покажи нам твое сокровище, – тогда мы возьмем его и купим себе пищи, и опять будем обедать вместе, как было и прежде.

– Подождите еще немного, – отвечал блаженный Филарет, – и в скором времени вам будет показано и дано великое сокровище.

Наконец, святой Филарет дошел до такой нищеты, что не имел уже больше ничего, кроме нескольких ульев с мёдом, от которого питался сам, жена его и дети. Но и в такой нужде, если к нему приходили нуждающиеся, то он, за неимением хлеба, делился с ними мёдом. Домашние его, видя, что они таким образом лишаются и последнего пропитания, потихоньку отправились к пчёлам, чтобы обобрать весь оставшийся мёд, но они нашли только один улей, из которого и взяли себе весь запас. А на другое утро опять пришел нищий к Филарету и просил у него милостыни. Филарет отправился к улью, но он оказался уже пуст; видя, что нищему нечего дать, блаженный Филарет снял с себя верхнюю одежду и отдал ему. Когда же он пришел в дом в одной нижней одежде, то жена сказала ему:

– Где же твоя одежда? Неужели и ту ты отдал нищему?

– Ходил я около ульев, – отвечал Филарет жене, – там и оставил ее.

Тогда сын его пошел на то место и, не найдя отцовской одежды, сказал о том своей матери. Та, стыдясь видеть мужа в неподобающем виде, перешила ему свою одежду на мужскую и надела на Филарета.

В те времена престол Греческого царства занимала христолюбивая царица Ирина с сыном своим Константином[7940].

Так как он достиг уже совершеннолетия, то разосланы были по всему Греческому царству избранные, надежные и благоразумные люди, чтобы отыскать красивую, добродетельную и благородную девицу, которая была бы достойна вступить в брак с юным царем Константином. Посланные мужи, желая успешнее исполнить царское повеление, тщательно обходили все области, города и даже глухие местечки; между прочим, пришли они и в селение Амнию в Пафлагонии.

Приближаясь к нему, они издалека еще увидали красивый и высокий дом Филарета, красотою превосходивший все прочие. Думая, что там живет какой-нибудь знатный и богатый владелец той местности, они послали туда своих слуг, чтобы те приготовили им там помещение и трапезу. Но один из воинов, сопровождавших царских послов, сказал им:

– Не ходите в тот дом, господа, потому что он, хотя велик и красив снаружи, но внутри пуст, так что в нем нельзя найти не только каких-нибудь удобств, но даже самого необходимого; в нем живет один старец, беднее которого нет никого в этой местности.

Однако царские посланные не поверили словам воина и велел своим слугам идти и исполнить то, что им было поручено.

Блаженный же Филарет, как только увидал подходящих к его дому людей, взял свой посох и вышел к ним навстречу; поклонившись им до земли, он принял их с радостью и сказал:

– Господь, верно, привел вас господа мои, ко мне рабу вашему; почитаю великою честью для себя, что удостоился принять таких гостей в моем убогом жилище.

Поспешив затем к своей жене, блаженный сказал ей:

– Дорогая Феозва, приготовь хороший ужин, чтобы угостить почётных гостей, пришедших издалека; они очень понравились мне.

Феозва возразила на это:

– Из чего же мне приготовить хороший ужин? Во всем нашем доме нет ни ягненка, ни даже курицы. Только и могу я сварить лебеду, которою мы сами питаемся, и то без масла; о

масле же и о вине я и вспомнить не могу, когда они были в нашем доме.

Но муж снова сказал ей:

– Разведи хотя только огонь и приготовь верхнюю палату, и вымой наш старый обеденный стол из слоновой кости, – Господь же, питающий всякую плоть, даст и нам пищу, которою мы угостим тех мужей.

Феозва принялась исполнять повеление и желание своего мужа. Между тем зажиточные жители того селения, узнав, что царские посланцы остановились в доме Филарета, поспешили принести туда овец, баранов, кур и голубей, хлеб и вино, и вообще всё, нужное для принятия стольких гостей. Получив эти приношения, Феозва стала приготовлять из них разные кушанья и устроила ужин в верхней комнате. Сюда и собрались ужинать царские послы и удивлялись и великолепию комнаты в доме совершенно бедного человека и роскошному обеденному столу из слоновой кости, блистающему золотом. Но более всего их трогало глубоко-задушевное гостеприимство хозяина, который и видом своим и обращением походил на самого Авраама Странноприимца. В то время, как гости сидели за столом, вошел сюда сын блаженного Филарета – Иоанн, похожий на своего отца, и собрались также внуки блаженного, которые и стали усердно прислуживать гостям за столом. Смотря на них, гости любовались их чинным и приличным обхождением и спросили Филарета:

– Скажи нам, честнейший муж, есть ли у тебя супруга?

– Есть, господа мои, – отвечал им Филарет, – а вот эти молодые люди – мои дети и внуки.

И сказали ему послы царские:

– Пусть же придет сюда супруга твоя и приветствует нас.

Феозва пришла. Видя ее, хотя и красивую еще, но уже пожилую женщину, они спросили:

– А есть ли у вас дочери?

– У старшей моей дочери, – отвечал им блаженный Филарет, – есть три девицы – дочери.

Тогда гости продолжали:

– Пусть придут сюда те отроковицы, чтобы нам видеть их; ибо мы имеем повеление от пославших нас царей наших осмотреть всех молодых девиц во всех Греческих областях и избрать из них прекраснейшую, достойную царского брака.

Блаженный же сказал:

– Не относится сие слово к нам, господа наши и властители, так как мы – рабы ваши, нищие и убогие. Однако же кушайте теперь и пейте, что Бог послал и будьте веселы, и отдохните от пути, и усните, а завтра – воля Господня да будет!

Утром, когда уже вошло солнце, вельможные гости Филарета пробудились и сказали ему:

– Повели, господин, привести к нам своих внучек, чтобы нам видеть их.

– Как прикажете, господа мои, так и будет, – отвечал им блаженный Филарет. – Однако же при этом прошу вас, выслушайте меня милостиво, благоволите сами пройти во внутренние покои моего дома, где вы и увидите девиц наших, так как они никогда еще не выходили из бедного жилья нашего.

Гости тотчас встали и пошли вслед за Филаретом в его семейные покои; там их встретили три девицы, скромно и почтительно поклонившись при этом гостям. Когда же послы царские увидели при этом, что внучки Филарета – самые красивые из всех девиц, виденных ими во всех Греческих областях, то они не могли удержаться от выражений восторженного удивления и сказали:

– Благодарим Господа, давшего нам обрести желаемое, потому что одна из этих девиц будет достойной невестой царю нашему – лучше их нам не найти, хотя бы пришлось пройти всю вселенную.

И, сообразно с ростом царя, они избрали в невесты для него старшую внучку блаженного Филарета, именем Марию, которая была ростом выше других сестер. Довольные успехом своего дела, царские послы пригласили Марию вместе с отцом ее и матерью, дедом и со всеми их ближними – в числе тридцати человек, – и отправились с ними в царскую столицу – Константинополь. Вместе с ними отправились и еще десять избранных в других местах девиц, между которыми была и

красивая дочь некоего знатного сановника Геронтия. Во время этого путешествия разумная и смиренная внучка блаженного Филарета обратилась к подругам своим, другим девицам, с такими словами:

– О сестры мои, девицы! Так как мы все собраны здесь по одной и той же причине, – чтобы быть представленными царю, то согласимся между собою, как поступить, когда Царь Небесный даст одной из нас царство земное, назначив ее в супруги царю. Так как невозможно всем нам войти на сию высоту, но только одна из нас будет избрана, то пусть вспомнит она в своем царственном величии и не оставит нас своим покровительством.

Дочь вельможи Геронтия ответила на сие Марии:

– Пусть будет всем вам известно, что ни одна из вас не может быть избранною в супруги царю, кроме меня, так как я выше всех вас по благородному происхождению и по богатству, и по красоте, и по разуму; при вашей бедности, худородии и простоте как вы можете надеяться войти в царские чертоги, рассчитывая только на красоту своего лица?

Услыхав эти безумные и гордые слова, Мария замолчала, но предала себя воле Божией и положилась на молитвы святого старца, деда своего.

Наконец, посольство достигло Константинополя и девицы были препровождены в царский дворец, где об их приезде тотчас было доложено приближенному царя и заведующему его дворцом Ставрикию. Прежде всех представлена была Ставрикию дочь Геронтия. Ее гордость не укрылась от зоркого взгляда опытного царедворца и он сказал ей:

– Ты хороша и красива, девица, но быть супругою царю ты не можешь.

И, щедро одарив ее, отпустил домой. Так сбылись слова Писания: «всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14).

После всех представлена была внучка праведного Филарета, Мария, вместе с матерью, с дедом и со всеми ближними ее. Увидев их, поражены были душевной добротой и благоприличием их и царь, и его мать, и Ставрикий. Немало

дивились все и красоте Марии, на лице которой ясно выражены были ее добрые качества: кротость, смирение и страх Божий. Скромно опустив глаза, стояла Мария перед царем, между тем как яркий румянец разлился по ее щекам. И сильно понравилась она царю, и он обручил ее себе в невесту. Вторую же сестру ее избрал себе в невесту один из приближенных к царю вельмож, знатный патриций[7941] Константикий, а третья сестра была выдана замуж за правителя лонгобардов[7942], чтобы через этот родственный союз, бракосочетание царя с внучкою блаженного Филарета сопровождалось большими увеселениями; в них принимали участие и вельможи царские, и народ, и вся семья блаженного Филарета. Царь искренно полюбил блаженного старца и, приветливо обнимая, целовал его почтенную голову. Похвалив Филарета за благочестие его и всей семьи его, царь окружил их всех большими почестями и одарил серебром, золотом и драгоценными каменьями, роскошною одеждою, большими и красивыми домами и другим имуществом. Почтив блаженного таким образом и облобызав, царь отпустил его с семейством в дарованное им великолепное жилище.

Получив такие богатые дары, жена Филарета и дети его и все домашние его вспомнили слова Филарета, не раз говорившего им, что у него сохраняются в тайном месте сокровища, которые Бог приготовил для них. Припав к ногам святого, они сказали ему:

– Прости нам, владыка и господин наш, в чем так безумно мы все согрешили перед тобой! Прости, что мы осуждали тебя и упрекали за твою щедрую милостыню нищим и убогим. Теперь только мы убедились, что «Блажен, кто помышляет о бедном [и нищем]!» (Пс. 40:2). Воистину всё, что дает человек нуждающемуся брату, дает то Самому Богу, Который сторицею вознаграждает его в сем мире и дарует ему блаженную жизнь в вечности. Вот и ради твоей милостыни к бедным, человек Божий, послал тебе Господь богатую милость Свою, а ради тебя и всем нам.

Блаженный же старец простер руки к небу и воскликнул:

– Благословен Бог, Коему было угодно сие. «Да будет имя Господне благословенно отныне и вовек» (Пс. 112:2).

Обратившись, затем, к своей семье, Филарет сказал:

– Послушайте совета моего, приготовим хороший обед и умолим прийти к нам на пир царя и владыку нашего со всеми его вельможами.

– Как пожелаешь ты, – отвечали они, – так пусть и будет!

Когда все было готово для пира, то блаженный вышел из дома своего и стал ходить по городу и по окрестностям, разыскивая нищих, прокаженных, слепых, хромых, старых и немощных. Собрав их до двухсот человек, он привел их в свой дом и, оставив сначала перед воротами, пошел один к своим домашним и сказал им:

– Дети мои! царь приближается со своими вельможами. Всё ли у вас готово для угощения?

– Всё готово, честный отче, – отвечали они ему.

Блаженный дал знак рукою нищим, и вот к неописанному изумлению домашних, в дом вошло великое множество нищих и убогих; некоторых из них Филарет посадил за столом, другим же, за недостатком места, пришлось сесть на полу и между последними поместился и сам домохозяин. Увидев сие, поняли домашние Филарета, что, называя царя, он разумел Самого Христа, Который является теперь к ним в дом в образе нищих, а вельможи Царя Небесного это – вся убогая братия, которая много может у Бога своими молитвами. И удивлялись домашние великому смирению своего отца, который, достигнув такой славы и будучи дедом царицы, не забыл своей любви к милостыне, и теперь возлежит среди нищих и бедных и как раб служит им. И сказали они:

– Поистине это – человек Божий и истинный ученик Христов, хорошо научившийся заповеди Христа, сказавшего: «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф.11:29).

Повелел также блаженный и сыну Иоанну, – бывшему уже спафарием[7943], – а также и внукам своим, быть при обеденном столе и прислуживать возлежащей братии. Призвав, затем, всю свою семью, блаженный сказал:

– Вот, дети мои, вы совершенно неожиданно получили богатство от Бога, как я и обещал вам, уповая на милость Божию. Сие обещание исполнилось. Скажите мне, не остается ли еще долга за мной?

Они же, припомнив прежние его слова, заплакали и все единодушно сказали:

– Поистине, господин наш, ты провидишь будущее, как угодник Божий; а мы были безумны, что раздражали тебя, почтенного старца. Поэтому умоляем тебя: не вспоминай грехов нашего неведения!

Блаженный же сказал им:

– Милостив и щедр Господь, воздавший нам сторицею за то немногое, что мы подавали нищим во имя Его; если же вы хотите наследовать и жизнь вечную, то пусть каждый из вас отложит по десяти золотых монет на сию убогую братию, и Господь примет их от вас, как две лепты вдовицы.

От всей души поспешили они исполнить его желание. А блаженный Филарет, достаточно угостив нищих, дал каждому из них по золотой монете и отпустил их.

Через некоторое время блаженный Филарет снова призвал жену свою и детей и сказал:

– Господь наш сказал: «употребляйте их в оборот, пока я возвращусь» (Лк.19:13). И я хочу следовать сему Божественному наставлению; я хочу продать часть имущества, дарованного мне царем; вы же купите у меня эту часть и дайте мне золота, ибо оно нужно мне; если же вы не согласны купить, то я все раздам моим братьям – нищим; мне же достаточно того, чтобы называться дедом царицы.

Они рассмотрели его имущество, оценили его и купили у него за 60 литр[7944] золота. Получив сие золото, блаженный раздал его нищим. Когда об этом узнали царь и вельможи его, то были очень довольны щедростью Филарета и с тех пор стали давать праведнику много золота для раздачи нищим. Однажды Филарет устроил три ящика, совершенно одинаковых по размерам и внешнему виду, и наполнил один из них – золотыми монетами, другой – серебряными и третий – медными. Надзор за ними поручил он своему верному слуге Каллисту. Когда к

нему приходил какой-либо бедняк с просьбой о помощи, то Филарет приказывал Каллисту подавать просителю. Когда же слуга спрашивал, из какого ящика он должен помочь просящему, то святой отвечал ему:

– Из того, из какого тебе Бог повелит, ибо знает Бог нужду каждого, бедного и богатого и насыщает всё живущее по Своему благоволению (Пс.144:16).

Говорил же сие праведный ради того, чтобы показать разницу между бедняками, просящими милостыни. Ибо бывают просители, которые прежде были богаты, но вследствие разных бед и напастей разорились и лишились не только всего имущества, но и самого хлеба; однако, сохранив кое-что из прежней одежды, скрывают под нею нужду свою, стыдясь ее, и только ради крайности просят о помощи. Бывают и другие просители, кои одеваются нарочно в бедную одежду и, скрывая свое богатство, под видом бедности выманивают пособие; этих уже можно назвать лихоимцами и идолослужителями. Имея все сие в уме своем, милостивый Филарет говорил:

– Бог знает нужду каждого, и Он, как Ему угодно, так и направляет руку подающего милостыню.

Так и сам сей блаженный нищелюбец, подавая милостыню, влагал руку свою в сокровищницу без рассмотрения и что случайно вынимал из ящика – медь, серебро или золото, то и подавал просящему. И рассказывал сей почтенный старец с клятвою, призывая Бога во свидетели, что сколько раз он, видя человека в приличном одеянии, опускал руку в ящик, имея в мысли достать медную монету, так как, судя по одежде, не считал такого человека бедным, и всякий раз рука его невольно опускалась в ящик с серебром или золотом, которое он и выдавал тому просителю. Иногда же просил помощи у Филарета совсем иной, одетый в рубище, и он уже протягивал руку, желая подать более щедрую милостыню, а между тем рука его как бы останавливалась, и он вынимал очень немного. Все же сие происходило не случайно, а направлялось промыслом Божиим, которому известны наши настоящие нужды.

Через каждые четыре года блаженный Филарет приходил в царский дворец для посещения своей внучки – царицы, но

никогда он здесь не облачался в пурпурную одежду, с золотым поясом. Когда же его принуждали одеваться в такую роскошную одежду, то он говорил:

– Оставьте меня, – я благодарю Бога моего и славлю великое и дивное имя Его за то, что Он воздвиг меня из нищеты и неизвестности на такую высоту. Разве мне мало чести именоваться дедом царицы? И этого уже для меня вполне достаточно.

И в таком смирении пребывал блаженный, что не хотел даже пользоваться никаким саном, ни титулом, именуясь просто Филаретом Амниатским. Так проводя всю жизнь свою в смирении и благотворительности, Филарет приблизился к блаженному концу своей жизни. Извещенный о том от Бога, блаженный Филарет, будучи еще здоровым, тайно ото всех, взял верного своего слугу и отправился с ним в один из Цареградских монастырей, называвшийся «Родольфия», где спасались в подвижнической жизни девы-черноризицы. Вручив игумении значительную сумму золота на монастырские нужды, он попросил доставить ему новый гроб и сказал:

– Хочу я, чтобы вы знали, но никому об этом не сообщали, что через несколько дней я покину земную жизнь и переселюсь в иной мир и к иному Царю. И прошу вас о том, чтобы тело мое было положено в этом новом гробе.

И слуге своему запретил он говорить об этом кому-либо, пока он сам не откроет о том. Вскоре после того, раздав всё свое имущество нищим и убогим, Филарет заболел в том монастыре и слёг в постель. На девятой день он призвал к себе жену и детей и всю семью свою, и сказал им приветливо, тихим голосом:

– Да будет вам известно, дети мои, что Царь Святой призывает меня сегодня к Себе, и вот я оставляю вас и иду к Нему.

Они же, не понимая этих слов, но, думая, что Филарет говорит о земном царе, возразили ему:

– Невозможно тебе сегодня идти к царю, так как ты лежишь больной.

Филарет же отвечал им:

– Вот уже готовы те, которые хотят взять меня и представить царю.

Тогда поняли они, что Филарет говорит им о своем отшествии к Царю Небесному и подняли громкий плач, как в древние времена Иосиф и братия его над отцом своим Иаковом (Быт.50:1, 10). Он же, сделав им знак рукою, чтобы они замолчали, стал их поучать и утешать, говоря:

– Дети мои, вы знали и видели, какую жизнь я проводил от юности моей, как и Бог знает, что я не чужим трудом жил, но своим трудом зарабатывал хлеб свой; богатством же, которое мне дал Бог, я не превозносился, но, избежав гордости, возлюбил смирение, ради послушания Апостолу, который запрещает: «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе» (1Тим.6:17), – высоко не думать о себе, не превозноситься. Также, когда я впал в нищету, то не заскорбел и не хулил Бога, но, подобно праведному Иову, благодарил Его, что по любви Своей Он наказал меня, а видя мое благодарное терпение, снова извел меня из убожества и возвел меня в почетное общение и родство с царями и князьями. Когда же и на такую высоту я был возведен, то всегда в глубоком смирении пребывало сердце мое: «Господи! Не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое» (Пс. 130:1)[7945]. А богатства, которым одарил меня царь земной, я не употребил на земные блага, но передал его Царю Небесному руками убогих. Так и вас прошу, возлюбленные мои, подражайте данному вам примеру; если же еще больше сделаете добра, то удостоитесь еще большего блаженства. Не дорожите скоротекущим богатством, но посылайте его туда, куда я отхожу теперь. Не оставляйте имения вашего здесь, чтобы не воспользовались им чужие люди или враги, ненавидящие вас. Страннолюбия не забывайте (Евр.13:2). Заступайтесь за вдовиц, помогайте сиротам, посещайте болящих и заключенных в темницах. Не чуждайтесь общения с Церковью, чужого не похищайте, никого не обижайте, не злословьте, не радуйтесь скорбям и бедствиям даже врагов. Мертвых погребайте и совершайте память о них во святых церквах; также и меня,

недостойного, поминайте в ваших молитвах, пока и сами не перейдете к блаженному вечному житию.

Окончив свое душеполезное научение, блаженный Филарет сказал сыну своему Иоанну:

– Приведи ко мне сыновей твоих – моих внуков.

Когда они пришли, то он им сказал о том, что произойдет с ними в их жизни. Старшему внуку он сказал:

– Ты изберешь себе подругу из дальней стороны и поживешь с нею благочестиво и разумно.

Второму внуку сказал:

– Ты в течение 24-х лет, в чине инока, добре понесешь иго Христово и, Богоугодно пожив, отойдешь ко Господу.

Также и третьему своему внуку блаженный предрек будущее. И все те предсказания блаженного впоследствии сбылись на его потомках. Подобно тому, как в древние времена патриарх Иаков, так и сей блаженный человек, подобно пророку, провидел всё будущее и ясно предсказал судьбу своих внуков. Пришли к Филарету вместе с другими и две внучки его, девицы, и сказали ему:

– Благослови и нас, отче!

– И вас благословит Господь, – сказал им Филарет. – Вы проведете жизнь вашу в девстве, отчужденные от сего грехолюбивого мира и не осквернившись плотскими его страстями, и недолго, но богоугодно послуживши Господу, удостоитесь принять от Него великие блага!

И сбылись все эти предсмертные слова праведника; ибо обе эти благочестивые девицы поступили в монастырь девический Пресвятой Богородицы, бывший в Царьграде, и после 12-летнего подвижничества в девственной чистоте, посте, молитвенном бдении и других иноческих трудах обе, в одно время, с миром почили о Господе.

Помолившись о своей супруге, о детях, о всех родных своих, и о всем мире, блаженный Филарет просиял лицом как солнце, и стал радостно воспевать псалом Давидов: 7946 (Пс.100:1).

По окончании им псалма, вся комната наполнилась чудным благоуханием (как бы от пролитых благовонных ароматов).

После псалма того блаженный стал произносить молитву: «Отче наш, Сущий на небесах», – когда произнес: «да будет воля Твоя!» то, подняв руки к небу и вытянувшись на одре, предал душу свою Господу; ему тогда было от роду 90 лет. Однако, и при таких преклонных летах, лицо его не изменилось, но светилось неизъяснимой красотой, как созревшее яблоко.

Услышав о преставлении святого, в монастырь поспешил прибыть царь с царицею и с вельможами своими, и целовали святое лицо Филарета и руки. И плакали все о кончине его и подавали щедрую милостыню бедным в память его[7947].

Когда же понесли гроб Филарета к месту погребения, то глазам всех представилось поразительное и трогательное зрелище: к погребению его собралось из разных городов и селений бесчисленное множество нищих и убогих, и все они с воплями и рыданиями, как муравьи, теснились вокруг гроба его, иные – хромая, иные – ползая и взывая:

– О Господи Боже! Зачем Ты лишил нас такого отца и кормильца нашего? Кто без него напитает и оденет нас нагих и голодных? Кто приютит в доме своем странников? Кто умерших, брошенных на улице, приберет и предаст честному погребению? Лучше бы всем нам умереть прежде него, чем лишиться нам благодетеля нашего!

Видя слёзы и слыша вопли этих убогих, умилялись и плакали и сам царь и царица, и вельможи их, шедшие вместе с ними за гробом.

В то время, как несли тело блаженного к приготовленной гробнице, вдруг среди толпы появился один убогий человек, по имени Кавококос, который часто принимал милостыню от святого Филарета. От самого рождения своего этот человек был одержим нечистым духом, который много раз повергал его то в огонь, то в воду – во время беснования его в новолуние. Когда услышал сей убогий муж о кончине Филарета и что святое тело его уже несут к месту погребения, тотчас поспешил за его гробом. И вот, когда уже он добежал до гроба, то злой дух, бывший в нем, не стерпел такого усердия его к святому и начал мучить его, и возбудил его к хуле на святого; и лаял больной, как собака, и так крепко ухватился за одр, на котором лежало

тело усопшего, что невозможно было его оторвать от него. Когда же одр принесли уже к приготовленной могиле, то злой дух, повалив на землю страждущего, вышел из него, и тот встал здоровым, хваля и славя Бога. Весь народ дивился сему чуду и прославлял Бога, даровавшего такую благодать рабу Своему Филарету. После того честное тело его положено было в предназначенном гробе в монастыре девическом, на том самом месте, которое он избрал себе еще при жизни.

Так ублажает Бог милостивого и в настоящей жизни (как мы видели из только что прочитанного), и в будущей, (о чем узнаем из дальнейшего).

Один из близких друзей Филарета, человек разумный, благочестивый и Богобоязненный, призывая Бога во свидетели, сообщил с клятвою следующее:

– Однажды, через некоторое время по кончине блаженного Филарета, – рассказывает он, – ночью с ужасом почувствовал я себя перенесенным в какое-то место, которого нельзя и описать; там я увидел какого-то человека, светлого видом, который показал мне огненную реку, протекающую так шумно и грозно, что зрелища сего не мог бы вынести никто из людей. По другую же сторону реки виден был прекрасный рай, полный невыразимой радости и веселия, благоухающий невыразимым ароматом; громадные, красивые и многоплодные деревья колыхались там от тихого ветра и производили чудный шелест. И невозможно даже передать на словах о всех благах того рая, «что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9).

И там я увидел множество людей в белых одеждах, радующихся и вкушающих плоды тех райских деревьев. Внимательно смотря на тех людей, я увидел одного мужа (то был Филарет, но я не узнал его), облеченного в светлую одежду, сидящего на золотом престоле посреди того сада; с одной стороны возле него стояли новопросвещенные дети со свечами в руках, с другой стороны – множество нищих и убогих в белых одеждах, которые теснились вокруг него, так как каждый из них хотел поближе подойти к нему. И вот явился там некий юноша с светлым лицом, но страшный видом, державший в руке своей

золотой жезл. Тогда я, хотя со страхом и трепетом, дерзнул спросить его:

– Господи! Кто тот, что сидит на пресветлом престоле посреди тех светлообразных мужей? Не Авраам ли это?

И отвечал мне светлый юноша:

– Это Филарет Амниатский, который за великую свою любовь к нищим и милостыню и за честную и чистую свою жизнь, подобно Аврааму, здесь водворяется.

После того новый сей Авраам, святой и праведный Филарет, посмотрев на меня своим светлым взглядом, начал звать к себе и тихо сказал:

– Чадо, приди и ты сюда, чтобы насладиться теми же благами.

Я же отвечал:

– Не могу, блаженный отче, дойти туда: устрашает и препятствует мне сия огненная река: проход через нее узкий и мост неудобен для перехода и множество людей в ней сожигаются огнем; боюсь, чтобы и мне не попасть туда же, – и кто меня тогда извлечет оттуда?

Святой же сказал:

– Не бойся и смело переходи, так как все, которые теперь здесь находятся, пришли сюда тем же путем, и нет иного пути, кроме сего. Так и ты, чадо, без всякого страха переходи к нам, а я помогу тебе.

И простер он ко мне руку, призывая меня. Я же, почувствовав смелость, начал благополучно переходить через реку, и когда приблизился к руке святого и коснулся ее, то сие чудное видение тотчас исчезло; я проснулся и, горько заплакав, сказал себе: как же перейду я ту страшную реку и как достигну райского селения?

Сию повесть с клятвою подтверждал один из родственников блаженного Филарета, дабы мы знали, какой милости удостаиваются от Бога подающие милостыню бедным во имя Его.

Блаженная же Феозва, жена святого Филарета, по погребении честного тела мужа своего, возвратилась из Царьграда в свое отечество, страну Пафлагонскую, и там

употребила богатство свое, полученное от царя и царицы, на построение и возобновление храмов Божиих, сожженных Персами в прежнее время. Снабдила также она те храмы священными сосудами и одеждами. Учредила еще она там монастыри, странноприимные дома и убежища для нищих и больных, и затем снова отправилась в Константинополь к внучке своей, царице Марии. Здесь, проведя остальное время своей жизни в служении Богу, она мирно почила о Господе и погребена была при могиле своего праведного мужа.

Молитвами их да получим и мы в день суда помилование от Единого щедрого и милостивого Господа нашего Иисуса Христа. Ему же со Безначальным Его Отцом и Святым Духом подобает честь и слава во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Аврааму в вере подражая, Иову же в терпении последуя, отче Филарете, благая земли разделял еси неимущым, и лишение этих терпел еси мужественне. Сего ради светлым тя венцем увенча подвигоположник Христос Бог наш, егоже моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

Истинно всеизрядная твоя купля зрится, и мудрою быти судится всеми благомудрствующими: отдал бо еси дольняя и кратковременная, взыскуя горних и вечных. Темже и достойно стяжал еси вечную славу, милостиве Филарете.

Память святого пророка Аввакума

Память 2 декабря

Святой пророк Аввакум был сын Асафата и происходил из колена Симеонова, как повествует о нем святой Епифаний Кипрский в своей книге «О жизни пророков». По преданию, записанному святыми отцами[7948], родиной Аввакума было небольшое селение Бетзохар, иначе называемое Виезахир.

Самое имя – Аввакум[7949], – данное ему при рождении, предзнаменовало, что из него выйдет сильный духом подвижник. Придя в возраст совершенный, он, ради славы имени Божия, ревностно выступил на обличение беззаконий своего народа. Сам же он, горя духом о Господе, строго соблюдал заповеди Божии, твёрдо стоял на пути добродетели, и был удостоен от Господа дара пророческого.

Аввакум пророчествовал и жил после царствования благочестивого иудейского царя Езекии, когда на престоле царствовали нечестивые цари: Манассия, сын Езекии, и потом Амон, сын Манассии[7950]. По свидетельству Священного Писания (2Пар.33:9; 4Цар. 21:2–10), в народе Иудейском при Манассии были постоянные раздоры и злодейства: сильный угнетал слабого, и негде было искать суда справедливого. Сам царь Манассия был первым гонителем невинных: он пролил весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края и до края (4Цар.21:16). По преданию, в числе невинных пострадал в это время и святой пророк Исаия, равно как пострадали многие другие обличители неправд и нечестия царя и народа.

Впоследствии царь Манассия, наказанный Богом и взятый в плен ассирийцами, раскаялся и обратился к Истинному Богу. Но зло, посеянное им, пустило уже глубокие корни среди народа еврейского; Манассии же наследовал нечестивый сын Амон, подобно отцу своему преданный грубому идолопоклонству.

Пророк Аввакум глубоко скорбел о развращении своих современников. Не находя нигде правды, он изливал свою скорбь, взывая ко Господу:

– Доколе, Господи, я буду взывать – и Ты не слышишь меня, буду вопиять о насилии – и Ты не спасаешь? Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствие? Грабительство и насилие предо мною, и восстает вражда, и поднимается раздор. От этого закон потерял силу, и суда правильного нет: так как нечестивый одолевает праведного, то и суд происходит превратный (Авв.1:2–4).

Так взывал пророк ко Господу, видя беззакония людские и ожидая праведного суда от Самого Бога. В ответ на сие, Господь возвестил Своему избраннику, что скоро должно наступить наказание за всеобщее нечестие. По повелению Божию, пророк Аввакум предсказал евреям такое страшное событие, которому в его время даже трудно было поверить, именно: разрушение храма и самого Иерусалима и пленение Вавилонское[7951].

Пророк ясно указал, что орудиями сего наказания Господь избрал халдеев[7952], – народ свирепый и необузданный, который быстро проходит по пространствам земли, чтобы завладеть чужими селениями.

В трепетном ожидании грозного нашествия, пророк Аввакум недоумевал: неужели праведный Господь попустит гордым и нечестивым халдеям совершенно истребить избранный народ Свой. В надежде, что наказание это будет временным, он ожидал нового откровения от Господа и в своем молитвенном ожидании был подобен стражу, зорко смотрящему вдаль с городской башни[7953], чтобы возвестить о приближении врага. Он пламенно молил Господа спасти народ еврейский от рабства Вавилонского, как некогда Он спас его от рабства Египетского, и ждал, что возглаголет ему Господь.

Тогда Господь открыл пророку Своему, что всё спасение избранного народа среди этих бедствий заключается в вере, а гордые и необузданные халдеи сами должны будут испытать ту же участь, которую они приготовили побежденным народам (Авв.2:4). После того пророк Аввакум, чтобы не повергнуть соотечественников в отчаяние от предстоящего им испытания от Бога, произнес притчу на погибель халдеев, возвестив пятикратное горе угнетателям (Авв.2:9–19). В этой притче он

показал всё ничтожество идолов и могущества халдеев пред величием Бога Истинного, шествующего во спасение людей Своих. Пророк, в озарении свыше, предвещал, что Бог грядет для спасения народа Своего от горы приосененные чащи (Фарана), для спасения помазанного Своего, и наступит такое время, когда вся земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море (Авв.3:13) [7954].

Когда Навуходоносор подступал к Иерусалиму, то, по свидетельству предания, пророк Аввакум удалился из города. Зная, что бедствие уже неотвратимо и что сопротивление столь сильному завоевателю будет бесполезно, пророк с горестью оставил свое отечество, чтобы не видеть разорения его и избежать жестокости победителя. По указанию Божию, Аввакум поселился в земле Аравийской, в городе Остракине[7955], и жил здесь добровольным изгнанником до самого удаления врагов из его отечества.

По удалении халдеев, он возвратился в землю свою, оплакал бедствие ее и вместе с уцелевшими из народа стал заниматься земледелием. В молитве к Богу за народ свой ожидал он возвращения плененных из Вавилона.

Однажды, во время жатвы, пророк сварил похлёбку и, взяв хлеба, пошел в поле, чтобы отнести этот обед жнецам. Но на пути ему предстал Ангел Господень и сказал:

– Отнеси этот обед в Вавилон к Даниилу, в ров львиный.

В это время, действительно, пророк Даниил, живший при дворе царя Вавилонского, по ненависти нечестивых вавилонян, был ввергнут в львиный ров.

Но Аввакум, не зная города Вавилона, отвечал Ангелу:

– Господи! Вавилона я никогда не видал и рва львиного не знаю.

Тогда Ангел Господень силою духа своего восхитил Аввакума и, подняв его за волосы, перенёс в Вавилон и поставил прямо надо рвом, куда ввергнут был Даниил.

И воззвал Аввакум:

– Даниил! Даниил! Возьми обед, который Бог послал тебе.

Даниил же возблагодарил Бога и сказал:

– Вспомнил Ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя.

Даниил поднялся и вкусил пищи. Ангел же Господень мгновенно поставил Аввакума на его прежнее место.

После чудесного посещения Даниила, пророк Аввакум возвратился к жнецам своим во время обеда их, и никому не сказал о случившемся. Он проразумел, что народ Иудейский возвращен будет Господом из Вавилона в Иерусалим, подобно тому как совершилось чудесное перенесение его в Вавилон и возвращение оттуда. Но это испытание народа Божия длилось 70 лет, и Аввакум не дожил до возвращения евреев из плена и умер в старости и погребен был с честью на собственном поле[7956].

Кондак, глас 8:

Возгласивый вселенней от юга пришествие Божие от Девы, Аввакуме богоглаголиве, и на Божественней стражи предстоянием слышания от светоносна Ангела, Христово воскресение возвестил еси миру. Сего ради весело зовем ти: радуйся, пророков светлая доброто.

Страдание святой мученицы Миропии

Память 2 декабря

Святая дева Миропия происходила из города Ефеса[7957]. Родители ее были христиане. Когда отца ее уже не было в живых, восприяла она святое крещение. Воспитываемая своею матерью в страхе Божием, имела она усердие приходить ко гробу святой мученицы Ермионии, одной из дочерей святого Апостола Филиппа. Она брала целебное миро, которое истекало от мощей святой Ермионии и, подавая его больным, исцеляла их.

В то время царствовал Декий[7958]. Когда он воздвиг гонение на христиан, мать Миропии переселилась с нею на остров Хиос[7959], где у нее было родовое имение. Здесь она пребывала с дочерью, затворившись в доме своем и молясь Богу. Однажды на этот остров прибыл князь Нумериан. По его повелению, был взят, за исповедание Христовой веры, блаженный Исидор, муж чудный и благоговейный, по званию воин. Так как он не желал отречься от Христа и отвергал поклонение идолам, то князь, подвергнув его различным мукам, осудил на казнь мечом. Затем тело его было брошено в дебрь на съедение зверям и птицам, в некотором же отдалении была поставлена стража, чтобы христиане не украли тело мученика. Исполненная Божественною ревностью, святая дева Миропия пришла со своими служанками ночью, взяла тайно тело мученика и, с честью совершив погребальные молитвы, похоронила его в особо приготовленном месте.

Узнав, что тело Исидора похищено, князь заключил стражей в оковы и повелел водить их по острову и пытать, объявив, что если они не найдут украденного тела до назначенного времени, то им отсекут головы.

Святая Миропия, увидев муки закованных и влекомых стражей, и слыша, что им предстоит смертная казнь, умилилась душою и подумала:

– Если сии стражи терпят муки и будут казнены из-за меня, тайно унесшей тело, то горе мне будет на Суде Божием, и

мучиться будет душа моя, повинная в убийстве людей тех.

И, неожиданно для всех, она воскликнула к воинам:

– Друзья! Тело погубленного вами взяла я в то время, как вы спали.

Услыхав сие, воины тотчас взяли ее и представили князю Нумериану, говоря:

– Господин, вот кто украл мертвеца.

Князь спросил святую:

– Правда ли то, что они говорят о тебе?

– Правда, – отвечала святая.

– Как ты смела, проклятая женщина, сделать это? – воскликнул князь.

Миропия отвечала:

– Смела, потому что я презираю и плюю на твое окаянство и безбожие.

От этих слов гордый князь пришел в сильную ярость и тотчас повелел бить ее палками без милосердия. И били ее долго; потом, схватив за волосы, влачили по всему острову и истязали все члены тела; наконец, еле живую заключили в темницу. В полночь, когда святая молилась, свет осиял всю темницу и пред нею предстал лик Ангелов, посреди их был святой Исидор, и все они пели трисвятую песнь. Воззрев на мученицу, Исидор сказал:

– Мир тебе, Миропия, – дошли молитвы твои до Бога, и вот ты будешь с нами и приимешь венец, тебе уготованный.

Когда святой Исидор говорил сии слова, святая мученица Миропия с радостью предала дух свой Богу [7960]. И наполнилась темница неизреченным благоуханием, от которого стражи темницы пришли в ужас и изумление. Один же из них, хорошо всё это видевший и слышавший, поспешил к священнику, подробно ему всё рассказал, принял св. крещение и впоследствии сам удостоился мученического венца. Тело святой Миропии христиане взяли и с честью погребли, прославляя Бога.

Житие преподобного Афанасия Печерского

Память 2 декабря

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Иоан.11:25). Исполнил Спаситель сие слово, сказанное о Лазаре четвородневном, и на преподобном отце нашем Афанасии – затворнике Печерском, желая, чтобы и мы исполнили слово богатого, сказанное о нищем Лазаре: «если кто из мертвых придет к ним, покаются» (Лк.16:30).

Сей преподобный Афанасий был иноком в святом монастыре Печерском, проводя святую и богоугодную жизнь. После долгой болезни, он умер. Братия отерли тело его и положили в пелены, как подобает умершему иноку. Усопший лежал непогребенным два дня по причине некоторого замедления. Ночью игумену было явление, и он слышал голос:

– Человек Божий Афанасий два дня лежит непогребенным, а ты об этом не заботишься.

Как только наступило утро, игумен пришел с братиею к умершему, чтобы совершить его погребение – и вдруг они увидели, что он сидит и плачет. Все пришли в ужас, видя, что он жив, и стали его спрашивать, – как он ожил, и что видел или слышал? Он же в ответ говорил только одно:

– Спасайтесь!

Но они стали еще больше упрашивать его, желая услыхать от него что-нибудь для них полезное. Тогда он сказал им:

– Если вам я скажу, то вы не поверите и не послушаете меня.

Братия же поклялись ему, что они соблюдут всё, что он скажет им. Тогда воскресший сказал им:

– Имейте послушание во всем к игумену, кайтесь каждый час и молитесь Господу Иисусу Христу, и Его Пречистой Матери, и преподобным отцам Антонию и Феодосию, дабы здесь, в этой обители, кончить жизнь свою и удостоиться быть погребенными со святыми отцами в пещере: ибо эти три добродетели выше всех других. И, если кто исполнит все сие, как подобает по чину,

блажен будет, только бы не возгордился. О прочем не спрашивайте меня, но умоляю: простите меня.

Сказав это, он пошел в пещеру и, затворив за собою двери, пробыл там безвыходно двенадцать лет. Никогда после того он уже не видал солнца, беспрестанно день и ночь плакал; вкушал лишь немного хлеба и воды, и то только через день, и во всё это время не сказал никому ни одного слова. Когда же приблизилось время кончины Афанасия, он призвал братию и сказал им всё то, что говорил прежде о послушании и покаянии, и почил с миром о Господе, и положен был с честью в той пещере, где подвизался[7961].

По своем преставлении, преподобный Афанасий посредством чудотворения известил братию о своем блаженном состоянии. Один из иноков, по имени Вавила, страдавший много лет болезнью ног, принесен был к мощам блаженного сего Афанасия и, прикоснувшись к телу его, тотчас же исцелел, и с того времени до самой своей смерти никогда не страдал никакою болезнью. Об этом явлении своего преподобного исцелителя, Вавила так поведал братии, среди которых был и Симон святой, списатель жития сего[7962]:

– Когда я лежал и кричал от боли, внезапно вошел блаженный сей Афанасий и сказал мне: приди ко мне, – и я исцелю тебя. Я хотел было его спросить, каким образом и когда пришел он сюда? Но он вдруг стал невидим. Поверовав явившемуся мне, я попросил, чтобы меня принесли к нему, и вот ныне получил исцеление.

С этого времени уразумели все, что преподобный затворник Афанасий угодил Господу и удостоился блаженства. По его святым молитвам, да сподобимся и мы, воскреснув от смерти греховной, пожить Богоугодно и в покаянии и потом получить жизнь вечную о Христе Иисусе, Жизнодавце нашем, Ему же слава с Богом Отцом, и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Житие святого Стефана, царя Сербского[7963]

Память 2 декабря

Святой Стефан Урош был сын знаменитого сербского государя Стефана Душана[7964], который, объединивши под своею властью почти все сербские земли и завоевавши несколько областей, принадлежавших греческому царству, провозгласил себя царем Сербов и Греков. Стефан Урош родился[7965] от брака Душана с Еленой, сестрой болгарского царя Александра Асеня. Детство Уроша протекло во время самой кипучей деятельности его отца. Принявший царский титул, в 1346 году Стефан Душан венчался вместе со своею супругою царским венцом, а сына Уроша, которому шел только десятый год, венчал королевским венцом и с титулом краля стал именовать его в грамотах. Таким образом, с раннего детства Урош стал кралем «младым» – прозвание, оставшееся за ним навсегда.

По смерти своего родителя, Стефана Душана, последовавшей в 1355 году, Стефан Урош венчался на царство, будучи восемнадцати лет и должен был принять в свое управление обширное сербское царство. Дело это было весьма трудное. Сам Стефан Душан, чтобы управлять многочисленными областями с разнородным населением (сербским, болгарским, албанским и греческим), отдавал их во власть вельмож, получавших от царя по Греческому обычаю разные титулы – кесаря, деспота и другие. Эти вельможи, пользуясь почти полной самостоятельностью, могли оказывать царю сопротивление, и нужна была твёрдая рука Душана, чтобы содержать их в повиновении.

Молодой преемник Душана, Стефан Урош, от природы отличался телесною красотою, душевною кротостью и простотою ума. Править обширным государством ему было трудно. По примеру отца, он должён был управлять при посредстве вельмож, но он не имел твёрдого характера и уменья, чтобы держать их в должном повиновении. Правители

разных областей стали руководиться своеволием, а не указаниями царя. Особенную силу в государстве получили вельможи Марняновичи, братья Волкашин, Углеша и Гойко. Волкашин получил от царя сначала титул кесаря, а потом и сербского краля, так что от своего имени писал и королевские грамоты. Действительной власти Стефан Урош не имел, он довольствовался одним титулом царя. Много пришлось ему испытать горя, нужды и унижения, но он всё переносил с кротостью.

Честолюбивым вельможам этого было впрочем недостаточно: им хотелось совсем устранить Уроша. Особенно к сему стремился король Волкашин, поддерживаемый своими братьями. Урош, лишенный власти, проживал попеременно в разных сербских городах и областях; одно время он жил у князя Лазаря, правившего подобно Волкашину, особою областью, Подунайскою, но относившегося к Урошу доброжелательно.

По внешности и Волкашин обнаруживал доброжелательность к Урошу и старался успокаивать еще остававшуюся в живых мать его Елену, вдову после Стефана Душана, которая боялась за судьбу своего сына. Желая засвидетельствовать свое расположение к Урошу, Волкашин однажды пригласил его вместе с собой на охоту в горную страну близ Косова Поля. Во время этой охоты, Волкашин улучив возможность убил предательски Уроша. Тело ночью тайно было положено в готовую гробницу при храме Успения Пресвятой Богородицы близ замка Петрича, служившего нередко местожительством сербских государей[7966].

Волкашин показывал, что Урош где-то отстал на охоте и что он не знает о его местопребывании. Пораженные горем мать Уроша Елена и супруга его Анна[7967] приняли все меры к розысканию пропавшего царя, но напрасно. Однако нет тайны, которая не стала бы явною. Распространились слухи о ночном погребении кого-то в церкви Успения близ Петрича.

Когда сняли плиту с гробницы, то увидели тело невинно погибшего страдальца, царя Стефана Уроша. Мать и супруга и все окружающие горько оплакали усопшего и торжественно по царски совершили обряд погребения в той же церкви Успения.

Стефан Урош был последним сербским царем, и последним государем из знаменитого рода Неманичей.

Святые мощи царя Стефана Уроша долго почивали в том храме, где он был погребен, но потом из опасения поругания со стороны мусульман, перенесены были православными сербскими переселенцами из Турции в Австрийский Срем, в монастырь Ясак.

Подобно всем сербским государям, Стефан Урош построил себе задушбину – монастырь Рождества Богородицы в г. Скопле. Церковная служба Стефану Урошу воспевает его, как святого, который «От юности предан был Господу, отечески покоил вдов и сирот, умирял ссоры и утверждал мир, миловал нищих, защищал обижаемых».

Память преподобных Иоанна, Ираклемона, Андрея и Феофила

Память 2 декабря

Преподобные отцы, Иоанн, Ираклемон, Андрей и Феофил родом из города Оксириха[7968], были дети христианских родителей. С юных лет они упражнялись в чтении душеполезных книг, а потом, движимые желанием проводить жизнь богоугодную, удалились во внутреннюю пустыню своей страны[7969], где и были наставляемы Богом: там, в пустыне, они встретили одного святого мужа, достигшего уже глубокой старости, и прожили с ним, пользуясь от него духовным назиданием, один год. Когда муж тот умер, они остались в том же пустынном месте и в продолжение шестидесяти лет проводили подвижническое житие, соблюдая строгий пост. Питались они дикими овощами и водою, но и то вкушали только два раза в неделю. В будничные дни они разлучались и каждый уединенно проводил время в окрестных горах и пещерах; в субботы же и воскресные дни они собирались вместе и совокупно воссылали благодарение Богу, причем от Божественного Ангела сподоблялись святого Причащения, и так с миром почили. Об этом поведал великий Пафнутий пустынник (Фиваидский), который сам видел мужей тех и описал их житие[7970].

Память святого пророка Софонии

Память 3 декабря

Святой Софония, один из двенадцати малых пророков[7971], сын Хусия, внук Годолии, правнук Амории и праправнук Езекии, происходил, по преданию, из колена Симеонова, из горной страны Саравафа, или Варафа[7972]. Он был знатного рода[7973] и жил при иудейском царе Иосии, сыне Амона, за 600 с лишком лет до пришествия на землю Господа нашего Иисуса Христа. В его время благочестивый царь Иосия, усердно заботясь о восстановлении истинного Богопочитания, почти забытого Иудеями, искоренял идолопоклонство в своем народе. Он восстановил в прежнем величии храм Соломона, пришедший в полный упадок, разрушил языческие жертвенники, умертвил идольских жрецов и повелел всем строго соблюдать закон Моисея. Но, несмотря на такую ревность царя к восстановлению истинной веры, трудно было народ, уже укоренившийся в нечестии, обратить к Богу. Иудеи, из страха пред властью царскою, перестали открыто служить идолам, но в сердце своем таили приверженность к языческому нечестью. Поэтому Господь, – говорит Священное Писание, – не отложил великой ярости гнева Своего, какою воспылал на Иуду (4Цар. 23:29). Народ созревал для Суда Божия, который вскоре и должен был разразиться над ним. Среди такого нечестия и языческой тьмы, Софония сиял благочестием, как светлая звезда ночью. Как истинный Израильтянин, он глубоко скорбел о нечестии своего народа, а как страж Господень и созерцатель таин Божиих [7974], чистый умом и сердцем, горячо молился об обращении соотечественников на путь истины и спасении их от погибели. И вот, как бы в ответ на эту молитву, «было к Софонии слово Господне» (Соф.1:1). Бог, видящий сердца человеческие, избрал его Своим пророком и повелел ему возвестить Иудеям грозные кары, которые ожидают их за нечестие и служение богам ложным. Исполняя повеление Господне, Софония пошел по городам и селам иудейским, всюду побуждая народ к исправлению и покаянию. Не

пространна была его проповедь, но по силе и глубине напоминала пламенные речи великих пророков Исайи и Иеремии.

– Вот что говорит Господь, – так начал свое пророчество Софония, – все истреблю с лица земли: истреблю людей и скот, истреблю птиц небесных и рыбу морскую, и изглажу беззаконных с лица земли. И простру руку Мою на Иуду, и на всех жителей Иерусалима, и уничтожу тех, кто отступает от Господа и не ищет Его. Поэтому убойтесь все пред лицом Господа: Он готовит жертву, и день ее уже близок. Это будет день гнева, день скорби и стеснения, день смятения и волнения, день тьмы и мрака. Тогда люди будут ходить как слепые, за то, что они погрешили против Господа; и польётся кровь их, как песок, и трупы их будут, как навоз (Соф.1:2–4, 14–18).

Возвещая такое наказание Иудеям, Софония, вместе с тем, предсказывал и близкую гибель языческих народов. «Филистимляне, Моавитяне, Аммонитяне, Ефиопляне, Ассирияне[7975], – говорил он, – будут истреблены, их земли подвергнутся опустошению и станут, подобно Содому и Гоморре, поляной, заросшей колючей травой и вечной пустыней. Это им за величавость их, за то, что они ругались и превозносились над народом Божиим»[7976]. Обращаясь, затем, снова к родному Иерусалиму, пророк с прискорбием видит, что он не вразумляется примерами наказания нечестивых языческих народов и остается упорным в своем заблуждении. Иерусалим, по словам пророка, не «приемлет увещания, не слушает гласа, на Господа не надеется и к Богу своему не приближается. Князья его – львы рыкающие, судьи его – волки вечерние, люди – горды, священники оскорбляют святыню и разрушают закон. За это, – говорил пророк, – нечестивый город будет разорен, а с ним погибнет и земля Иудейская»[7977].

Но Софония не ограничился только печальными предсказаниями; его пророческий взор проникал в те благодатные времена, когда должен был явиться Утеха Израилева и Чаяние языков, а с Ним радость и мир для всей земли. Созерцая наступление этих времен, Софония говорил,

что не весь Израиль и не вся земля будут уничтожены в великий день суда Господня. После грозных наказаний, Господь даст оставшимся народам уста чистые, чтобы они призывали имя Его и единодушно служили Ему. А от Израиля останутся только люди кроткие и смиренные, которые будут благоговеть пред Господом. Сей остаток Израиля уже не будет творить неправды и за это успокоится, никем из врагов нетревожимый[7978]. Указывая на эти благодатные времена, пророк забывает о предсказанных грозных и близких бедствиях и в восторге восклицает:

– Радуйся, дщерь Сионова, проповедуй дщерь Иерусалима, украшайся и веселись от всего сердца; ибо отъял Господь все неправды твои и избавил тебя от руки врагов твоих; Господь воцарится посреди тебя и ты не узришь больше зла. В тот день Господь скажет Иерусалиму: дерзай, Сион, и да не ослабеют руки твои, потому что Господь Бог твой в тебе; сильный, – Он спасет тебя и наведет на тебя веселие и обновит тебя в любви Своей (Соф.3:14–17).

Святая Церковь видит в этих словах Софонии ясное указание на благодатные Мессианские времена вообще, и в частности на торжественный вход Господа Иисуса Христа во Иерусалим, когда весь Сион, с ваиями в руках, с восторженными криками: «Осанна, сыну Давидову», встречал Его как Царя, имеющего быть посреди Своего народа. Поэтому в Вербное Воскресение и положено читать паремию из книги святого Софонии, именно то место, где пророк говорит о радостном дне, ожидающем Сион.

Так пророчествовал Софония, предсказывая грозные суды Божии, чтобы возбудить грешников к покаянию, и возвещая беспредельные милости Господни – устроение царства Божия на земле во дни Мессии, дабы надеждою на них утешить и укрепить смиренных.

Он скончался в чаянии всеобщего воскресения и был, по преданию, погребен в своем доме.

Кондак, глас 4:

Явился еси светозарен Божественным духом, пророче Софоние, Божие явление возгласив: радуйся зело дщи Сионя,

Иерусалимови проповеждь: се Царь твой грядет спасаяй.

Житие преподобного отца нашего Иоанна Молчальника

Память 3 декабря

Молчаливый[7979], неумолкающих похвал достойный, святой и преподобный отец наш Иоанн родился в Никополе Армянском[7980], от отца Енкратия и матери Евфимии, в четвертой год царствования благочестивого императора Маркиана[7981], в восьмой день января, и был просвещен святым крещением. Родители Иоанна были благоверные христиане и по своему богатству и значению славились во всей Армении; отец его был воеводой и имел большую власть у царя, так как пользовался его полным благоволением: сыном столь славного отца был блаженный Иоанн. Сие сказано не для того, чтобы прославлять и похвалять Иоанна за знатность (ибо святые прославляются за добродетели, а не за знатность), но дабы известно было, от какой славы и до какого смирения дошел сей угодник Божий.

Иоанн был воспитан со своими братьями в добрых примерах и вполне усвоил себе Божественное Писание. Он был еще юн, когда родители его отошли к Господу, оставив детям своим много имения. Когда это имение было разделено между братьями, блаженный Иоанн на свою часть построил в городе Никополе церковь во имя Пречистой и Преблагословенной Девы Марии. Отказавшись затем от мира, он, в восемнадцатой год жизни своей, принял иноческий образ и жил при этой церкви с другими десятью иноками, подвизаясь подвигом добрым. В течение всей юности своей он прилагал великое старание, чтобы плоть поработить духу, не быть рабом чрева и не дозволить страстям, особенно гордости, обладать собой. И был он мужем дивным в добродетелях, добрым и искусным наставником и игуменом своим братиям.

Когда Иоанну минуло двадцать восемь лет, скончался епископ города Колонийского[7982]. Граждане отправились к митрополиту Севастийскому[7983] и просили его о поставлении нового епископа. Во время избрания лица, которое было бы

достойно этого сана, у всех на устах было имя Иоанна, игумена Никопольского монастыря, как достойного занять престол Колонийской церкви. Знавшие великое его смирение полагали, что он не пожелает принять епископский сан; поэтому митрополит послал за ним под предлогом некоего церковного дела, и когда святой пришел, то убедил его быть епископом. Тогда его посвятили и возвели на престол Колонийской церкви. Приняв церковное правление, Иоанн не изменил своего иноческого правила и подвигов. Так, он никогда не входил в баню, и даже не омывал тела своего, из опасения, чтобы не только кто из посторонних не видал наготы тела его, но даже чтобы и самому не видеть себя когда-либо нагим: он помнил наготу Адамову[7984]. Благоугождать Богу постом, молитвами, чистотой телесной и душевной, очищать все свои помышления, смирять в себе всякую гордость, противящуюся разуму Божию, и отдавать разум в послушание Христу (2Кор.10:5), – вот в чем заключались все попечения Иоанна. Так добродетельно живя, он был и для других примером доброго жития; взирая на него, и прочие исправлялись и начинали жить добродетельно. В числе таких был Пергамий, брат его по плоти, муж славный и находившийся в большом почете у царя Зенона, также и у Анастасия, царствовавшего после Зенона[7985]. Видя, что брат его, блаженный Иоанн, живет свято, Пергамий умилялся душою и прилагал великое старание, чтобы угодить Богу. Также и племяннику Иоанна Феодору, который впоследствии был в великом почете у благочестивого царя Юстиниана[7986], послужило на пользу ангелоподобное житие дяди его. Феодор со всеми домашними своими жил Богоугодно и был так добродетелен, что и сам царь и бояре дивились честному житию его и разуму, правой вере и милосердию. Во всем этом Феодор успел, имея пример непорочного жития в блаженном дяде своем Иоанне.

Десятый год уже епископствовал Божественный и богоносный отец Иоанн, управляя ко благу Церковью Христовой, когда правителем Армении сделался муж сестры его Марии, по имени Пасиник. По наущению беса, он начал смущать вверенную Иоанну церковь и причинять ей зло, а

блаженному огорчение: вмешиваясь в церковные дела, он силою извлекал из храмов тех, кто искал там защиты от наказания[7987], и не дозволял служителям и строителям Церкви заботиться о церковных делах. Много раз блаженный Иоанн со смирением просил его – не входить в церковные дела и не причинять Церкви зла и насилия. Но правитель оставался неумолимым и не исправлялся; по отшествии же из мира сестры блаженного, стал поступать еще хуже. Глубоко болея сердцем о причиняемом Церкви зле, святой вынужден был отправиться в Царьград к царю Зенону и здесь нашел себе поддержку в архиепископе Царьградском Евфимии[7988], который своим ходатайством помогал ему у царя.

Видя суету и мятеж мира сего, блаженный Иоанн замыслил оставить епископство и, удалившись во святой град Иерусалим, в безмолвии трудиться для Бога. Совершив Божественную службу, он отпустил бывших с ним пресвитеров и клириков, а сам, тайно от всех, удалился на берег моря, сел на корабль и отплыл в святой град Иерусалим. Придя в первую больницу святого города, при которой был молитвенный дом во имя святого великомученика Георгия, он пребывал здесь некоторое время, под видом нищего. При виде суеты народной, Иоанн сильно скорбел, желал безмолвного места и со слезами молил Бога, да покажет ему место безмятежное, располагающее и удобное ко спасению. Однажды ночью, во время усердной об этом молитвы, взглянул он вверх и увидел внезапно явившуюся пресветлую звезду, наподобие креста; она приближалась к нему, и от сияния звездного услышал он голос: «Если хочешь спастись, следуй за сим сиянием».

Преподобный тотчас радостно пошел и был приведен звездою в великую лавру преподобного и богоносного отца нашего Саввы, на тридцать девятом году жизни своей, в бытность Саллюстии патриархом Иерусалимским[7989].

Иоанн обрел преподобного Савву во главе ста сорока братий пустынножителей, пребывавших в великой нищете телесной, но во многом богатстве душевном. И принял преподобный Савва блаженного Иоанна, и поручил эконому возложить на него монастырские труды, не ведая, какое

сокровище Божественной благодати скрывалось в Иоанне. Хотя святой Савва и обладал даром прозорливости, но Бог утаил от него тайну, что Иоанн – епископ, что он оставил для Бога свою епископию и пришел к нему, как простой человек. Пусть никто не дивится тому, что и прозорливые не всегда провидят: ибо они провидят и пророчествуют лишь то, что Бог им открывает, а чего не открывает, о том и не ведают. Поэтому и пророк Елисей сказал слуге своему о Соманитянке: «оставь ее, душа у нее огорчена, а Господь скрыл от меня и не объявил мне» (4Цар.4:27) [7990].

Принятый в лавру, Иоанн с полной покорностью и усердием исполнял назначаемые ему экономом различные послушания. В то время созидался в лавре странноприимный дом, и блаженный Иоанн был приставлен служить работавшим. Он варил им пищу, носил воду, подавал камни и принимал участие во всех работах, производившихся в здании.

Через два года после прибытия в лавру, Иоанну было поручено принимать странников; и здесь со смирением, кротостью и любовью послужил он ближним. Потом преподобный Савва начал созидать киновию[7991] для поступающих в иночество, дабы те, кои желают отречься мира, сначала наставлялись в киновии, а потом уже принимались в лавру.

– Как плоду предшествует цвет, – говорил святой, – так жизни пустынной должна предшествовать жизнь киновийская; пусть поступающий процветет, как дерево посаженное, начатками трудов в киновии, а плоды совершенных подвигов принесет в лавре.

Лавра преподобного была в пустыне, киновия ближе к миру, и когда созидалась, то блаженный Иоанн опять был приставлен служить при работах. Тогда две службы одновременно нёс преподобный трудолюбец: странникам служил в странноприимном доме, а строителям киновии носил на плечах своих хлебы и различные яства; киновия же отстояла от странноприимного дома более, чем на десять стадий[7992]. Когда в такой службе он потрудился один год, добре послужив братии, преподобный Савва дал ему келью для безмолвия; в ней

блаженный Иоанн прожил три года. Пять дней в неделю он пребывал в келье безвыходно, ничего не вкушал в эти дни и никому не показывался, только с одним Богом имея общение, в субботу же и воскресенье раньше всех приходил в церковь и стоял со страхом и умилением; потоки слёз непрестанно исходили из очей его во время Божественной службы, и вся братия дивились такому в нем дару слёз. В те два дня он принимал и пищу с братиею. Через три года блаженный Иоанн был поставлен экономом; трудами и служением его, при благословении Божием, благосостояние лавры весьма умножилось, ибо Бог во всем споспешествовал ему.

Видя, что Иоанн исполнил ко благу службу эконома, преподобный Савва пожелал поставить его во пресвитера, как инока достойного и достигшего совершенства. Он отправился с ним во святой град Иерусалим, рассказал патриарху Илии[7993] (преемнику Саллюстия) о добродетельном житии Иоанна и просил рукоположить Иоанна в пресвитера. Патриарх призвал Иоанна в церковь и хотел рукоположить. Видя, что ему нельзя избежать сего, Иоанн сказал святому патриарху:

– Пречестнейший отче, есть у меня некая тайная речь к твоей святыне; повели мне наедине переговорить с тобой, и если признаешь меня достойным сана пресвитера, то отказываться не буду.

Когда же патриарх отошел с ним в сторону, преподобный Иоанн повергся к стопам богоугодного Илии, заклиная его, да не поведает никому тех слов, которые он будет ему говорить. Патриарх обещал хранить тайну. Иоанн сказал:

– Отче! Я был епископом Колонийским; по множеству грехов моих, оставил я епископию, бежал и, будучи крепок телом, осудил себя на служение братиям, дабы их молитвы помогали немощной душе моей.

Ужаснулся патриарх Илия, услышав это, призвал преподобного Савву и сказал:

– Иоанн поведал мне о сокровенных делах своих, которые препятствуют ему быть пресвитером; пусть отныне он безмолвствует, и никто да не докучает ему.

Так сказал патриарх, и отпустил обоих.

Весьма опечалился преподобный Савва. Удалившись от великой лавры своей за тридцать стадий в некую пещеру, он повергся на землю пред Богом со слезами и говорил: «За что, Господи, презрел Ты меня, утаив от меня жизнь Иоанна? Обманулся я, считая его достойным сана пресвитера! Открой мне о нем хотя ныне, Господи: «душа Моя скорбит смертельно» (Мф.26:38; Мк.14:34). Неужели сосуд, который считал я избранным, святым, потребным и достойным принять в себя миро, – пред Твоим величием и непотребен и недостоин?»

Так всю ночь со слезами молился преподобный Савва. Тогда явился ему Ангел Божий и сказал: «Иоанн есть не непотребный, а избранный сосуд, но он – епископ, и не может быть поставлен в пресвитера».

Так сказал Ангел и стал невидим. А преподобный Савва радостно поспешил к Иоанну в келью, обнял его и сказал:

– Отче Иоанн! Ты утаил предо мною, какой в тебе дар Божий, но Бог открыл мне его.

– Скорблю об этом отче, – отвечал Иоанн – я желал, чтобы никто не знал тайны сей, но вы узнали ее. Не могу жить в сей стране.

Савва поклялся Иоанну, что никому не поведает его тайны. От того времени блаженный Иоанн начал безмолвствовать, пребывая в келье. Он не выходил даже в церковь, ни с кем не беседовал, и к нему не входил никто, кроме одного служившего ему послушника. Однажды только, в праздник Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, во имя Коей была освящена лаврская церковь, когда прибыл в лавру на праздник патриарх Илия, Иоанн вышел из келлии своей поклониться патриарху. Патриарх любил Иоанна и весьма почитал его за смирение. Четыре года безмолвствовал Иоанн. Потом преподобный отец Савва отправился в страну Скифопольскую[7994] и замедлил там, а блаженный Иоанн, стремясь к уединеннейшему пустынному житию, удалился, на пятидесятом году от рождения своего, в пустыню, называемую Рува[7995], и провел в ней девять лет, питаясь травой, которая растет в той пустыне и зовется мелагрия[7996]. В первое время своей пустынной жизни, собирая однажды эту траву на пищу себе, Иоанн заблудился в дебрях и

стремнинах, не нашел убежища своего и, в изнеможении от ходьбы, упал едва живым; но внезапно, невидимою Божиею силою, как некогда пророк Аввакум, был восхищен и поставлен в убежище своем. Со временем преподобный исследовал пути той пустыни и узнал, что расстояние от убежища его до того места, где он заблудился, составляло пять поприщ[7997]. После того пришел к нему один брат и прожил с ним немного времени. Приближался праздник Пасхи, и сказал брат старцу:

– Отче, пойдем в лавру, отпразднуем там день Пасхи, и потом возвратимся. Такой великий праздник, а у нас здесь нечего есть, кроме этих мелагрий!

Святой Иоанн не хотел идти, потому что преподобный Савва еще не возвратился в лавру из стран Скифопольских, и на зов брата ответил:

– Брат! Нам не должно уходить отсюда. Будем веровать, что Тот, Кто в течение сорока лет питал в пустыне шестьсот тысяч народа Израильского, – и нас здесь напитает и в праздник Пасхи пошлет нам не только необходимое, но и изобильное. В Писании сказано: «Не оставлю тебя и не покину тебя» (Евр.13:5); и в Евангелии: «Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? Или что пить? Или во что одеться?.. и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6:31–33). Терпи, чадо, и шествуй путем скорбей; покой телесный и ослабление в мире сем рождают вечную казнь, а умерщвление тела готовит покой бесконечный.

Не послушал брат этих увещаний преподобного, оставил его и ушел в лавру. По его уходе, явился к преподобному некий человек, совершенно неизвестный ему; осёл его был навьючен многим добром: были здесь хлебы чистые и тёплые, вино и елей, сыры свежие, яйца и ведро мёда. Всё это пришедший человек положил перед Иоанном и тотчас удалился. Видя в сем Божие посещение, преподобный радостно благодарил Бога. Брат же, ушедший в лавру, сбился с дороги, три дни блуждал по пустыне и непроходимым местам, весьма устал и, голодный и жаждущий, в изнеможении от трудной ходьбы, едва мог найти снова убежище преподобного. Удивился он обилию брашен и

питий, ниспосланных от Бога на праздник преподобному; стыдясь своего маловерия, не смея смотреть в глаза святому старцу; он упал к ногам его и просил прощения. Святой простил его и сказал:

– Убедись, брат, что Бог может уготовать трапезу и в пустыне рабам Своим.

В то время Аламундарь, вождь сарацинский[7998], подвластный Персии, вторгся в Аравию[7999] и Палестину, с великим ожесточением нападая на жителей и захватывая их в плен. Множество варваров рассеялось тогда по пустыне, где пребывал Иоанн, и прошла весть по монастырям, чтобы были готовы встретить нашествие варваров. Отцы великой лавры дали знать о варварах Иоанну Молчальнику и советовали ему возвратиться в лавру и пребывать в его келлии. Но блаженный Иоанн, хотя отчасти и боялся варваров, всё же не хотел оставить безмолвного своего пребывания в пустыне. Он говорил в себе: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?» (Пс. 26:1). Если же Господь не защищает меня, ни заботится обо мне, то зачем мне и жить?»

И, в таком уповании на помощь Вышнего, он остался на месте своем без колебания. Бог же, пекущийся всегда о рабах Своих и сохраняющий их во всех путях их, пожелал и сего угодника Своего соблюсти здравым и невредимым, и послал ему стражем льва великого и страшного, который неотступно днем и ночью стерег его; и сколько раз варвары ни нападали на святого, всегда этот лев с великой яростью устремлялся на них, поражал и обращал в бегство, а блаженный Иоанн благодарил Бога, «ибо не оставит [Господь] жезла нечестивых над жребием праведных» (Пс. 124:3).

Когда преподобный Савва возвратился в лавру свою, то пришел к блаженному Иоанну в пустыню и сказал ему:

– Вот Господь сохранил тебя от нашествия варваров, дав тебе видимого стража. Но всё же ты должен поступить, как и другие люди: собирайся и беги, как и прочие отцы пустынные сделали.

Много и другого говорил Иоанну в увещание преподобный и убедил его оставить пустыню. Приведя его в великую лавру, он дал ему келью, – и снова блаженный Иоанн стал жить в лавре, на пятьдесят шестом году от рождения своего.

Кроме святейшего патриарха Илии и преподобного Саввы, никто не знал тайны Иоанна, что он епископ, – а те скрывали ее. Но прошло много времени, и Бог благоволил открыть о том всем братиям. Произошло это так. Прибыл из страны Асийской некий муж, именем Еферий, почтенный саном архиепископа; поклонившись животворящему древу Креста Господня и святым местам и раздав много золота нищим и монастырям, он решил возвратиться в отечество свое, оставил святой град и сел на корабль. После недолгого плавания, поднялся в море противный ветер, принудивший Еферия вернуться в Аскалон[8000]. Пробыв здесь два дня, он хотел снова начать плавание, но Ангел Господень явился ему во сне и сказал:

– Прежде, чем поплывешь в отечество свое, ты должен возвратиться в святой град и пойти в лавру аввы[8001] Саввы, там найдешь авву Иоанна Молчальника, мужа праведного и добродетельного, епископа, для Бога всё оставившего и смирившего себя добровольною нищетою и послушанием.

Пробудившись, Еферий возвратился в Иерусалим, пришел в лавру преподобного Саввы и спросил об Иоанне Молчальнике; ему указали келью Иоанна. Он вошел и пробыл у него два дня, моля его и заклиная именем Божиим открыть ему о своем роде, отечестве и епископстве. Усматривая в сем волю Божию, Иоанн рассказал всё подробно. С того времени стало известно всей лавре, что Иоанн Молчальник – епископ, и все весьма дивились великому смирению его.

В семидесятый год жития Иоанна[8002], в 5-й день декабря преподобный и богоносный отец Савва отошел ко Господу. Не пришлось Иоанну быть при разлучении души от тела Саввы преподобного, и он весьма скорбел о том духом и плакал. Но преподобный Савва явился ему в видении и сказал:

– Не скорби об отшествии моем, отче Иоанне: если телесно я и разлучен с тобою, то духом с тобою пребываю.

Иоанн сказал ему:

– Моли Господа, отче, да возьмет и меня с тобою.

– Ныне сего быть не может, – отвечал Савва, – ибо великое испытание ожидает лавру; Богу же угодно, чтобы ты послужил к укреплению тех, кто за благочестивую веру будет стоять против еретиков.

Это видение и беседа с преподобным Саввою исполнили духовною радостью блаженного Иоанна, сердце же его скорбело о предстоящем испытании. Потом явилось у него желание видеть, как душа разлучается с телом; и когда он молился о том Богу, был восхищен умом в святой Вифлеем[8003], и видел преставление жившего при тамошней церкви странника, душу которого Ангелы с сладким пением возносили к небу. Видел это блаженный Иоанн умственными очами. Тотчас отправился он в Вифлеем и нашел тело преставльшегося мужа, лежавшее при церкви, как было открыто ему в видении: муж сей преставился в тот час, в который Иоанн, сидя в келье, видел душу его возносимую Ангелами с песнопением к небу. С любовью обняв тело и облобызав, Иоанн похоронил его на том же месте и возвратился в келью свою.

Два ученика блаженного Иоанна, Феодор и Иоанн, поведали монаху Кириллу, описавшему житие его, следующее:

– По преставлении преподобного Саввы, мы были посланы отцом нашим с одним поручением в Ливиаду[8004]. При переходе через Иордан, встретили нас некие люди и сказали: берегитесь, впереди вас лев. Мы же помыслили: силен Бог сохранить нас молитвами отца нашего, по повелению которого путешествуем. Так мы сказали, и пошли дальше. Вдруг увидели мы страшного льва, который шел навстречу. Устрашились мы, оставила нас сила наша, так что бежать мы не могли и были как бы мертвые. И вот внезапно явился между нами отец наш преподобный Иоанн, повелевая нам не бояться. Тогда лев, как бы прогнанный ударом бича, бежал от нас, а отец стал невидим. Отдохнув, мы двинулись в путь, невредимые. Исполнив повеленное нам послушание, мы возвратились к отцу, и он при встрече сказал: видите, чада, что я оказался в послушании с вами, да и здесь усердно молил Бога о вас, и Он сотворил с вами милость.

Вот что еще поведал Кириллу один ученик Иоанна. Сей великий воздержник много лет питался одним только хлебом, вместо же соли обыкновенно употреблял пепел, и с пеплом ел хлеб свой. Однажды забыл он затворить оконце келлии во время трапезы своей; ученик приник ко оконцу и увидел, как Иоанн ел хлеб с пеплом. Опечалился старец, что видели таковое пощение его, ученик же, желая утешить его, сказал: «Не ты один делаешь так, отче, но и многие отцы этой лавры исполняют слово Писания: «Я ем пепел, как хлеб» (Псал. 101:10), – и этим утешил старца.

В то время возникла ересь Оригена. Многие прельщались ею и смущали Церковь Божию, а иные твёрдо противились ереси, и таковые нашли себе поддержку в преподобном Иоанне Молчальнике, который тогда оставил безмолвие и словом уст своих, как мечом, поражал еретиков, посекая и истребляя хульные учения Оригена. Об этом-то испытании, долженствовавшем постичь лавру, и было предсказано Иоанну Саввою преподобным в видении: ибо немалое гонение от еретиков было на лавру, так что даже многие из отцов-подвижников, заразившись еретическими учениями, впадали в сомнение и колебались умом. Вот ради чего благоизволил Бог, чтобы Иоанн здравствовал в лавре той, к утешению малодушных и укреплению немощных. В то время пришел к нему из Скифопольского округа Кирилл, который впоследствии описал житие его. Кирилл повествует о себе самом так:

– Когда я хотел оставить дом мой и идти к святому граду Иерусалиму, чтобы там в каком-либо монастыре воспринять иноческое житие, христолюбивая мать моя заповедала мне, чтобы без совета и повеления блаженного Иоанна не начинал я никаких дел для спасения души моей, «Чтобы не поддаться тебе как-нибудь – сказала она – ереси Оригена и не пасть в начале подвига твоего». Достигнув Иерусалима, я пришел в лавру святого Саввы, поклонился достоблаженному Иоанну, открыл ему мысль мою и просил у него полезного совета. Он сказал мне:

– Если хочешь спастись, иди в монастырь великого Евфимия.

Отошел я от него и, как юный и неразумный, не послушал повеления его, но, достигнув Иордана, вошел в монастырь, называемый Арундинитский (тростный). Путь мой не был благоприятным; я впал в тяжкую болезнь, овладели мною скорбь и тоска о том, что я – странник и немощен телом. Тогда явился мне во сне преподобный Иоанн и сказал:

– Так как ты ослушался меня, то и наказан этою болезнью. Теперь встань и иди в Иерихон[8005]; там в странноприимном доме аввы Евфимия найдешь некоего старого инока, следуй за ним в монастырь Евфимия – и спасешься.

Тотчас пробудившись, я почувствовал себя вполне здоровым и пошел, по повелению святого отца, в Иерихон; там нашел, как он и сказал мне, инока старого, добродетельного и благоразумного, который привел меня в монастырь Евфимия великого, где я поселился. Часто приходил я и в лавру святого Саввы к преподобному Иоанну и получал от него великую пользу душе моей. Раз я был смущен и обременен помыслами сатанинскими, но когда исповедал их преподобному, то молитвами его святыми немедленно получил облегчение, и мир возвратился в сердце мое.

Так поведал о себе инок Кирилл. Сего-то Кирилла преподобный Иоанн посылал в лавру Сукийскую с книгами к преподобному Кириаку отшельнику[8006].

Однажды Кирилл сидел у оконца келлии преподобного Иоанна. И вот пришел некий человек, именем Георгий, ведя сына своего, мучимого бесом, поверг его перед оконцем и сам отошел. Святой Иоанн познал, что лежащий и плачущий отрок одержим духом нечистым; движимый милосердием, он сотворил молитву и помазал его святым елеем, и тотчас дух нечистый оставил отрока, и он с того часа стал здоров.

Авва Евстафий, подвизавшийся после Сергия в пещере преподобного Саввы, муж духовный и благочестивый, поведал о себе:

– Некогда нашел на меня дух хулы и весьма смущал меня помыслами хульными на Бога и Божественное, и был я в великой скорби. Пришел я к блаженному Иоанну Молчальнику, рассказал ему беду мою и прибег к помощи святых его молитв.

Иоанн помолился обо мне Богу и потом сказал мне: Благословен Бог, чадо мое! Помысл хульный уже не приблизится более к тебе. Слова старца исполнились, ибо с того времени я не испытывал в себе помысла хульного.

Некая женщина родом из Каппадокии[8007], по имени Василина, диаконисса[8008] святой Константинопольской церкви, пришла в Иерусалим с племянником своим, человеком знатным; это был муж поистине добродетельный, хотя держался неправомыслия Севера[8009] и потому не находился в общении с святой кафолической Церковью. Благочестивая диаконисса прилагала много старания, чтобы обратить его к благоверию и присоединить к святой Церкви, и усердно просила каждого из святых отцов помолиться о нем Богу. Услышав о святом Иоанне, она пожелала и ему поклониться; когда же узнала, что женщины не входят в лавру, призвала Феодора, ученика Иоанна, и просила его, чтобы он пришедшего с нею человека отвел к святому старцу. Она веровала, что Бог молитвами Иоанна смягчит жестокосердие неправомыслящего и сотворит его достойным общения с кафолическою Церковию. Феодор взял поврежденного ересью мужа, пришел с ним к старцу, поклонился по обычаю и сказал:

– Благослови нас, отче!

Тогда старец сказал ученику:

– Тебя благословлю, но пришедшему с тобою нет благословения.

– Нет, отче, – возразил ученик, – обоих нас благослови.

Старец отвечал:

– Нет, не благословлю другого, пока не отречется он от злого еретического мудрования и не обещается присоединиться к Кафолической Церкви.

Неправомыслящий подивился благодатному прозрению старца; чудо это произвело в нем перемену, и он действительно обещался присоединиться к правоверным. Тогда старец благословил его, боговдохновенными своими наставлениями разрешил все сердечные сомнения его, приобщил его Пречистых Таин и отпустил его с миром, обратив к правоверию. Узнав о сем, благочестивая диаконисса Василина прониклась

еще сильнейшим желанием видеть своими очами святого старца. Она задумала надеть мужеские одежды, прийти к нему в лавру и исповедать свои помышления. Извещенный Ангелом о намерении Василины, старец послал к ней сказать:

– Знай, что если и так придешь ко мне, как задумала, – всё же не увидишь меня; поэтому не трудись, но оставайся на месте, где теперь находишься, я же явлюсь тебе в сновидении, выслушаю, что ты хочешь сказать мне, и сам скажу, что Бог укажет мне возвестить тебе.

Ужаснулась диаконисса такой прозорливости преподобного Иоанна, что он издалека провидит помышления человеческие, и осталась, ожидая явления его. В одну из ночей явился ей в сновидении преподобный и сказал:

– Вот Бог посылает меня к тебе; скажи же мне, чего ты хочешь?

Она исповедала ему помышления свои, и приняла от него подобающее врачевание душевное. Преподав ей наставление, преподобный стал невидим, а Василина, пробудившись, воздала благодарение Богу.

Место, где стояла келлия преподобного, было каменисто и сухо; жесткость почвы, совершенно лишенной влаги, не позволяла там расти ни дереву, ни траве. Однажды преподобный взял семя смоковное[8010] и сказал ученикам своим Феодору и Иоанну:

– Слушайте меня, чада: если, по благодати Божией, семя это даст ростки на сем твёрдом камне, пустит ветви, и принесет плод, то знайте, что Бог дарует мне место упокоения в Царствии Небесном.

Сказав сие, он посадил семя на камне близ келлии своей. Бог же, по изволению Коего процвел сухой жезл Аарона, дал влагу твёрдому камню, и семени смоковному – произрастение, дабы показать, какую имеет у Него благодать верный раб Его. Из земли выросла смоковница и, понемногу поднимаясь, достигла даже до кровли келлии, потом и всю келью покрыла ветвями своими, и со временем принесла плод – три смоквы. Сняв их, старец со слезами благодарил Бога, облобызал и

вкусил их с учениками. По вкушении смокв тех, начал он приготовляться к кончине, уже будучи в глубокой старости[8011].

Прожив всех лет жизни своей сто четыре, он скончался[8012] в Господе Спасителе нашем, Ему же слава вовеки. Аминь.

Преставление преподобного Саввы Сторожевского

Память 3 декабря

Преподобный отец наш Савва с самых юных лет возлюбил Христа и возненавидел мир. Он пришел к преподобному Сергию Радонежскому и принял от него пострижение. В иноческом образе, он, стремясь к небесным благам, уготованным от Господа угодившим Ему, с особенною ревностью боролся со страстями и упражнялся в добродетелях. Много испытал он от бесов искушений и соблазнов, но, помощью Божиею, все их победил, непрестанно пребывая в посте, бдении, молитве и других подвигах духовных.

Утвердившись в добродетелях, преподобный Савва стяжал себе добрую славу и уважение князей. Христолюбивый князь Георгий Димитриевич[8013] пришел в обитель преподобного к блаженному Савве и упросил его создать в его отчине на удобном месте обитель. Тогда Савва оставил обитель преподобного Сергия и поселился в пустынном месте на горе, называемой Сторожи, в верховьях Москвы реки, близ Звенигорода, верстах в 50 от царствующего града Москвы; это место он и избрал для будущей обители. Здесь святой Савва жил в совершенном безмолвии и уединении, терпя холод и зной. Недолго, однако, преподобному пришлось жить одному. Молва об его подвигах и святой жизни начала быстро распространяться, и к святому Савве стали приходить отовсюду иноки и миряне, с просьбами руководить ими в духовной жизни. Всех, приходивших к нему, преподобный принимал с любовью, подавая им пример в смирении и иноческих трудах: сам черпал в реке воду, носил ее на своих плечах на высокую гору, и исполнял другие необходимые работы. Этим он желал приучить братию к труду, чтобы они не губили своих дней в праздности, которая есть мать всех пороков.

После этого христолюбивый князь Георгий Дмитриевич дал преподобному необходимые средства для сооружения храма, и Савва воздвиг храм в честь честного и славного Рождества

Пречистой Богоматери и устроил обитель, чудную и великую, для душеспасительного пребывания в ней иноков.

Преподобный был добрым пастырем собранного в этой обители стада Христова и, возведя его на духовную пажить, утвердил его во многих добродетелях. Достигнув преклонных лет, святой Савва впал в болезнь и, созвав братию, научил их в Божественных Писаниях, убеждая их хранить телесную чистоту, жить в любви между собою, украшаться смирением, и непрестанно пребывать в посте и молитвах. После этого преподобный, поставив над ними игуменом одного из своих учеников, заповедал всем братиям пребывать у игумена в послушании и повиновении. Преподав всем мир и последнее целование, святой Савва в добром исповедании предал душу свою в руки Божии в 3-й день декабря месяца[8014].

Весть о преставлении святого угодника быстро разнеслась по окрестностям, и все христолюбивые граждане Звенигорода, как знатные, так и простой народ, с великою любовью собрались на погребение почившего святого, неся с собою недужных и больных. Совершив над почившим надгробное пение, с честью похоронили его в созданной им церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Честные мощи преподобного Саввы и доныне источают многие и различные исцеления всем, с верою к ним притекающим, во славу Христа Бога нашего, творящего через Своих угодников, и по преставлении их, преславные чудеса. Господу нашему слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Сказание о чудесах преподобного Саввы

Спустя много лет по кончине святого Саввы, игумен его обители Дионисий, однажды ночью, совершив обычное правило, лег уснуть. И вот ему явился честный инок, благообразный и украшенный сединами и сказал ему: «Дионисий, встань скорее, и напиши мой образ».

Дионисий спросил старца:

– Кто ты, отче, и как твое имя?

Благолепный старец отвечал:

– Я – Савва, начальник места сего.

Пробудившись от сна, Дионисий немедленно позвал некоего старца, по имени Аввакума, который был одним из учеников преподобного Саввы, и спросил, каков был собою блаженный Савва. Аввакум поведал игумену, каков был собою его авва и учитель и в каком возрасте он скончался. Игумен сказал ему:

– Именно таковым явился мне преподобный Савва в сию ночь и повелел изобразить себя на иконе.

Так как Дионисий был сам иконописец, то он поспешил написать икону преподобного Саввы.

В обитель преподобного Саввы был приведен бесноватый, по имени Иуда. Во время совершения молебна святому Савве, бесноватый закричал:

– Тяжко мне: я сгораю, – и тот час же сделался здоров.

Когда его спросили, почему он так сильно закричал, – он сказал:

– Я видел благолепного старца. Он стоял на гробе преподобного Саввы, держал крест и осенил им меня. От этого креста явилось великое пламя и опалило меня всего. Вот отчего я закричал, и этим пламенем отогнан был от меня нечистый дух.

Однажды иноки обители святого Саввы возроптали на своего игумена Дионисия. Они составили на него ложный донос великому князю Иоанну. Князь поверил их клевете и велел игумену немедленно явиться к себе. Узнав об этом, игумен был в великой скорби. И вот ночью во сне ему явился блаженный Савва и сказал:

– Что скорбишь, брат: иди к великому князю, и смело говори ему, не предавайся сомнению, ибо Господь Бог будет с тобою и пошлет тебе помощь.

Угодник Божий явился также и некоторым из роптавших на игумена и сказал им:

– Для того ли вы удалились от мира, чтобы в роптании совершать свой подвиг? Вы ропщете, а игумен молится за вас со слезами: что одолеет, ваши ли клеветы, или молитвы отца вашего?

Когда игумен и братия явились пред князем и объяснились на суде, то клеветники были посрамлены, а игумен с честью

возвратился в монастырь.

Один из иноков обители преподобного Саввы долго и тяжко страдал болезнью глаз, и совершенно не мог глядеть на свет. Он пришел ко гробу святого Саввы, пал пред ним на колена и со слезами просил исцеления. Свои же больные глаза стал он отирать покровом, лежавшим на гробе святого угодника. Увидев это, другой инок, стоявший тут, начал поносить его, говоря:

– Не получишь ты исцеления, а только запылишь свои глаза еще больше песком.

Инок, припавший с верою ко гробу святого Саввы, получил исцеление, а насмехавшийся над ним брат внезапно поражен был слепотою и услышал голос, говоривший ему:

– Ты получил, чего добивался, чтобы через тебя и другие были научены не смеяться и не хулить чудес, проистекающих от угодника Божия.

Тогда ослепленный с великим страхом и рыданием пал пред гробом преподобного Саввы и просил прощения, которое и получил, но не тотчас, а после многих молитв, слёз и покаяния.

Однажды, ночью, пришли в монастырь воры, намереваясь обокрасть церковь Пречистой Богородицы. Но когда они подошли к окну над гробом преподобного, вдруг пред ними явилась огромная гора, на которую взойти было совершенно невозможно. Тотчас напал на них страх и трепет, и они ушли с пустыми руками. Все это впоследствии рассказали сами воры, придя в обитель с раскаянием, и остальное время своей жизни провели в покаянии.

После того в обитель пришел некий боярин, Иван Ртищев, неся на одре больного сына своего, Георгия, который от великой слабости не мог уже говорить. Совершив о здравии Георгия молебное пение, иноки влили больному в уста монастырского кваса. Больной тотчас заговорил, вкусил хлеба от трапезы иноков и стал здоров. Сильно обрадованный исцелением сына, родитель его принес великое благодарение Богу и Его угоднику, святому Савве, и сказал преподобному, как бы живому:

– Преподобный отче! У меня в доме много рабов и рабынь, которые страдают различными недугами; верую, если ты захочешь, то и тех ты можешь исцелить.

Попросив у игумена кваса, боярин возвратился вместе с исцеленным сыном. Когда он прибыл в дом свой, то приказал привести к себе одну из своих рабынь, по имени Ирину, страдавшую глухотою и слепотою, влил ей в уши монастырского кваса и помазал им ее слепые очи. Тотчас Ирина стала видеть и слышать. Все в ужасе дивились величию Божию. Также, призвав одного из своих рабов, Артемия, который семь лет страдал глухотою, боярин влил ему в уши того же кваса, и раб получил исцеление. После этого он привел слепую девицу, именем Кикилию, и она получила исцеление, как только ее очи были помазаны квасом. Но все таковые чудеса совершались не от кваса, а по молитвам преподобного Саввы и по великой вере боярина Ивана. Спустя некоторое время, заболел и сам боярин. Употребив то же лекарство, и он получил исцеление.

Игумен обители преподобного Саввы Сторожевского Мисаил тяжко заболел и, потеряв всякую надежду на выздоровление, находился при смерти. Однажды пономарь обители, Гурий, шел звонить к утрени. Когда он проходил мимо дверей в церковь, его встретил благолепный старец и стал его спрашивать:

– Как здоровье вашего игумена?

Гурий рассказал ему о болезни игумена. Тогда благолепный старец сказал:

– Иди и скажи игумену, чтобы он обратился с мольбою о помощи ко Пресвятой Богородице и начальнику места сего, старцу Савве, – тогда он выздоровеет; ты же, брат, отвори мне двери, и я войду в церковь.

Гурий усумнился, и не хотел отворить двери раньше звона, но и не осмелился спросить старца, кто он и откуда. Явившийся старец, не говоря более ни слова, пошел к церковным дверям. Двери тотчас сами отворились, и старец вошел ими в церковь. Гурий в страхе возвратился в келью и стал упрекать своего помощника:

– Почему ты вечером не запер дверей церковных? Сейчас я видел, как неизвестный муж вошел в церковь через открытые двери.

Но помощник Гурия с клятвою утверждал, что он с вечера крепко запер двери в церкви. Тогда они зажгли свечи, поспешили к церкви, и нашли, что двери хорошо заперты, так как помощник Гурия действительно с вечера затворил двери и тщательно их запер. По окончании утрени, Гурий поведал братии всё, что он видел и слышал. Все единогласно решили, что явившийся старец был сам святой Савва. Игумен Мисаил, услышав о сем, приказал нести себя ко гробу преподобного и усердно прося исцеления, и, по молитвам Пресвятой Богородицы и преподобного Саввы, стал совершенно здоровым.

Много и других чудес и исцелений совершилось от гроба угодника Божия. И ныне они подаются притекающим с верою, благодатью Божиею и по молитвам Пресвятой Богородицы и преподобного Саввы, коему будем молиться и мы, чтобы он уврачевал наши болезни душевные и телесные своим теплым предстательством ко Христу Господу Богу нашему, Ему же слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Пустыни явился еси доброе прозябение преподобне: от юности бо изволил еси чистое житие, духовному твоему учителю последуя и того учением ум к небесным вперив, и стаду твоему премудр наставник показался еси. Тем и Христос, яко пресветла тя светильника, чудесы обогати: Савво отче наш, моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Господним желанием распалився, страсти плотския воздержанием отряс, Божественнаго света незаходимое светило явился еси: чудес лучами всех просвещаеши, притекающих к раце мощей твоих, Савво преподобне отче наш.

Житие и страдание святой великомученицы Варвары

Память 4 декабря

В царствование Максимиана[8015], нечестивого царя Римского, жил на Востоке, в Илиополе[8016], один человек знатного рода, богатый и знаменитый, по имени Диоскор, по происхождению и по вероисповеданию язычник. Он имел дочь Варвару, которую берег, как зеницу ока, ибо кроме нее не было у него больше детей. Когда она начала приходить в возраст, то становилась весьма красивою лицом, так что во всей той местности не было девицы, подобной ей по красоте, почему Диоскор соорудил для нее высокую и искусно устроенную башню, а в башне устроил великолепные палаты. В них он заключил дочь свою, приставив к ней надежных воспитательниц и служанок, ибо ее мать уже умерла. Сделал он это для того, чтобы такую красоту ее не могли видеть простые и незнатные люди, ибо он полагал, что глаза их недостойны видеть прекрасное лицо его дочери. Живя в башне, в высоких палатах, отроковица находила для себя утешение в том, что с этой высоты смотрела на горние и дольные создания Божии, – на светила небесные и на красоту земного мира. Однажды, взирая на небо и наблюдая сияние солнца, течение луны и красоту звезд, она спросила живших с нею воспитательниц и служанок:

– Кто сотворил это?

Также, взглянув на красоту земную, на покрытые зеленью поля, рощи и сады, на горы и воды, спросила:

– Чьею рукою все это создано?

Те сказали ей:

– Все это создали боги.

Девица спросила:

– Какие боги?

Служанки отвечали ей:

– Те боги, которых чтит твой отец и имеет в своем дворце – золотые, серебряные и деревянные – и которым поклоняется, – они создали все то, что перед твоими очами.

Слыша такие слова их, девица усомнилась и рассуждала сама с собою:

– Боги, которых почитает мой отец, деланы руками человеческими: золотых и серебряных сделал мастер золотых дел, каменных – каменосечец, деревянных – резчик по дереву. Как же эти сделанные боги могли создать такое пресветлое высокое небо и такую красоту земную, когда сами не могут ни ходить ногами, ни делать руками?

Размышляя таким образом, она часто и днем и ночью смотрела на небо, стараясь по творению узнать Творца. Однажды, когда она долго смотрела на небо и была объята сильным желанием узнать, кто сотворил такую прекрасную высоту, ширь и светлость неба, внезапно в сердце ее воссиял свет Божественной благодати и открыл умственные очи ее к познанию Единого Невидимого, Неведомого и Непостижимого Бога, премудро создавшего небо и землю. Она говорила себе:

– Един должен быть такой Бог, Которого создала не рука человеческая, но Сам Он, имеющий собственное бытие, рукою Своею создал все. Един должен быть Тот, Кто простер широту неба, утвердил основание земли и просвещает свыше всю вселенную лучами солнца, сиянием луны и блистанием звезд, а внизу – украшает землю различными деревьями и цветами и напояет реками и источниками. Един должен быть Бог, Который все содержит, всему дает жизнь и обо всех промышляет.

Так отроковица Варвара училась от творения познавать Творца, и сбылись на ней слова Давида: «Размышляю о всех делах Твоих, рассуждаю о делах рук Твоих» (Пс. 142:5). В таких размышлениях разгорелся в сердце Варвары огонь любви Божественной и распалил ее душу пламенным стремлением к Богу, так что она не имела покоя ни днем, ни ночью, думая лишь об одном, желая лишь одного, чтобы точно узнать о Боге и Создателе всего. Среди людей она не могла найти себе наставника, кто открыл бы ей тайны святой веры и наставил ее на путь спасения, ибо никому нельзя было к ней входить, кроме приставленных служанок, потому что отец ее Диоскор окружил ее бдительною стражею. Но Сам Премудрейший Учитель и Наставник, Дух Святой, внутренним вдохновением невидимо

поучал ее тайнам благодати Своей и сообщал уму ее познание истины. И жила девица в своей башне, как одинокая птица на кровле[8017], размышляя о небесном, а не о земном, ибо сердце ее не прилеплялось ни к чему земному, не любила она ни золота, ни дорогих жемчугов и драгоценных камней, ни нарядных одежд, ни каких-либо девических украшений, никогда она не помышляла о браке, но вся мысль ее была обращена к Единому Богу, и она пленена была любовью к Нему.

Когда пришло время выдать отроковицу замуж, многие богатые, благородные и знатные юноши, услышав о дивной красоте Варвары, просили у Диоскора руки ее. Взойдя на башню к Варваре, Диоскор стал говорить ей о браке и, указывая ей различных хороших женихов, спрашивал, с кем из них она пожелала бы обручиться. Слыша от отца такие слова, целомудренная девица покраснела лицом, стыдясь не только слушать, но и подумать о браке. Она всячески отказывалась от него, не склоняясь на желание отца, ибо считала большим для себя лишением дать увянуть цвету своей чистоты и потерять бесценный бисер девства. На неотступные увещания отца подчиниться его воле, она много ему возражала и, наконец, объявила:

– Если, отец мой, ты еще станешь говорить об этом и будешь принуждать меня к обручению, то больше уже не будешь называться отцом, ибо я убью себя, и ты лишишься своего единственного детища.

Слыша это, Диоскор пришел в ужас и вышел от нее, не смея больше принуждать ее к браку. Он полагал, что лучше будет обручить ее по доброй воле, а не насильно, и надеялся, что придет время, когда она сама одумается и пожелает выйти замуж. После этого он замыслил отправиться по делам в далекий путь, полагая, что Варвара без него будет скучать, а когда он возвратится, то ему легче будет убедить ее послушаться его повеления и совета. Отправляясь в путь, Диоскор приказал строить при находившейся в саду купальне роскошную баню, а в бане сделать два окна, обращенные на юг. Приставленным же к дочери лицам он приказал, чтобы они не препятствовали ей свободно сходить с башни, куда захочет, и

делать все, что ей будет угодно. Диоскор думал, что дочь его, беседуя со многими людьми и видя, что многие из девиц обручены и вступили в брак, и сама пожелает выйти замуж.

Когда Диоскор отправился в путь, Варвара, пользуясь свободою выходить из дома и беспрепятственно беседовать с кем хочет, подружилась с некоторыми христианскими девицами и от них услыхала Имя Иисуса Христа. Она возрадовалась духом о Имени том и старалась точнее узнать от них о Нем. Новые ее подруги поведали ей все о Христе: о Его неизреченном Божестве, о воплощении Его от Пречистой Девы Марии, о Его вольном страдании и воскресении, также о будущем суде, о вечном мучении идолопоклонников и нескончаемом блаженстве верующих христиан в Царстве Небесном. Слушая обо всем этом, Варвара ощущала сладость в сердце, пламенела любовью ко Христу и желала принять крещение. Случилось в то время одному пресвитеру прийти в Илиополь под видом купца. Узнав о нем, Варвара пригласила его к себе и тайно научилась от него познанию Единого Создателя всего и Вседержителя Бога и вере в Господа нашего Иисуса Христа, чего издавна горячо желала. Пресвитер, изложив ей все тайны святой веры, крестил ее во Имя Отца и Сына и Святого Духа и, наставив ее, удалился в свою страну. Просвещенная крещением, святая Варвара воспламенилась еще большею любовью к Богу, и подвизалась в посте и молитве день и ночь, служа Господу своему, Ему же уневестилась, давши обет сохранять в непорочности свое девство.

Тем временем производилась, согласно приказанию Диоскора, постройка бани. Однажды святая Варвара сошла со своей башни посмотреть на постройку, и увидев в бане два окна, спросила рабочих.

– Зачем вы устроили только два окна? Не лучше ли сделать три окна? Тогда и стена будет красивее, и баня светлее.

Работники отвечали:

– Так велел нам отец твой, чтобы мы устроили на юг два окна.

Но Варвара настоятельно требовала, чтобы они устроили три окна (во образ Святой Троицы). И когда они не хотели этого

сделать, боясь ее отца, она сказала им:

– Я заступлюсь за вас перед отцом и отвечаю за вас, а вы сделайте то, что я вам приказываю.

Тогда рабочие, по ее желанию, сделали в бане третье окно. Была там, как сказано, купальня, при которой баня и строилась. Купальня эта обложена была тесаными мраморными камнями. Святая Варвара, придя однажды к этой купальне и воззрев на восток, начертала перстом на мраморе изображение святого Креста, которое так ясно отпечатлелось на камне, как бы выбито было железом. Кроме того, у той же бани, также на камне, отпечатлелся и след девической ноги ее, из следа этого стала истекать вода, и впоследствии здесь было много исцелений приходящим с верой[8018].

Прохаживаясь однажды по палатам своего отца, святая Варвара увидела богов его, бездушных идолов, стоявших на почетном месте, и глубоко вздохнула о погибели душ тех людей, которые служат идолам. Затем она оплевала лица идолов, говоря:

– Да будут подобны вам все, кто вам поклоняется и от вас, бездушных, ожидает помощи!

Сказав это, она взошла на свою башню. Там она, по обычаю, предалась молитве и посту, всем умом своим углубляясь в богомыслие.

Между тем отец ее возвратился из путешествия. Осматривая домашние постройки, он подошел к вновь выстроенной бане и, увидев в стене ее три окна, начал с гневом бранить слуг и рабочих, зачем они ослушались его приказания и сделали не два, а три окна. Те отвечали:

– Не наша была на то воля, но – твоей дочери Варвары, она нам приказала устроить три окна, хотя мы того не желали.

Диоскор тотчас призвал Варвару и спросил ее:

– Зачем ты велела устроить в бане третье окно?

Она отвечала:

– Три лучше, чем два, ибо ты, отец мой, приказал сделать два окна в соответствие, как мне думается, двум светилам небесным, солнцу и луне[8019], чтобы они освещали баню, а я велела сделать и третье, во образ Троичного Света, ибо у

неприступного, неизреченного, незаходимого и немерцающего Света Троичного, Три Окна[8020], Коими просвещается всякий человек, приходящий в мир.

Отец пришел в смущение от новых, поистине дивных, но для него непонятных, слов дочери. Приведя ее к тому месту купальни, где был изображен на камне перстом святой Варвары крест, которого он еще не рассмотрел, Диоскор стал спрашивать ее:

– Что такое ты говоришь? Каким образом свет трех окон просвещает всякого человека?

Святая отвечала:

– Выслушай внимательно, отец мой, и пойми, что я говорю: Отец, Сын и Святой Дух, Три Лица Единого в Троице Бога, живущего во свете неприступном, просвещают и оживляют всякое дыхание. Для того я и велела устроить в бане три окна, чтобы одно из них изображало Отца, другое Сына, третье – Духа Святого, так чтобы и самые стены прославляли Имя Святой Троицы.

Затем указав рукою на крест, изображенный на мраморе, она сказала:

– Я также изобразила и знамение Сына Божия: по благоволению Отца и содействием Святого Духа, для спасения людей, воплотился Он от Пречистой Девы и волею пострадал на кресте, изображение которого ты видишь. Начертала я здесь знамение креста для того, чтобы сила крестная отгоняла отсюда всю силу бесовскую.

Это и многое другое говорила еще премудрая дева жестокосердому своему отцу о Святой Троице, о воплощении и страдании Христовом, о силе креста и прочих тайнах святой веры, – чем привела его в страшную ярость.

Диоскор воспылал гневом и, забыв естественную любовь к дочери, извлек свой меч и хотел пронзить ее, но она обратилась в бегство. С мечом в руках Диоскор погнался за ней, как волк за овцою. Он уже настигал непорочную агницу Христову, в то время как путь неожиданно заградила ей каменная гора. Святая не знала, куда убежать от руки и меча отца, или лучше сказать – мучителя своего; она имела одно только прибежище – Бога, у

которого и просила помощи и защиты, возведя к Нему душевные и телесные очи. Всевышний скоро услышал рабу Свою и предварил ее Своею помощью, повелев каменной горе рассесться перед нею надвое, как некогда перед первомученицей Феклой, когда она бежала от развратников. Святая дева Варвара скрылась в образовавшуюся расселину, и тотчас скала сомкнулась за нею, дав святой свободный путь наверх горы. Поднявшись туда, она скрылась там в одной пещере. Жестокий и упорный Диоскор, не видя перед собою бегущей дочери, удивился. Недоумевая, каким образом она скрылась из глаз его, он искал ее старательно долгое время. Обходя гору и разыскивая Варвару, увидал он на горе двух пастухов, пасущих стада овец. Пастухи эти видели, как святая Варвара поднялась на гору и скрылась в пещере. Подойдя к ним, Диоскор спросил, не видали ли они бежавшей дочери его. Один из пастухов, человек сострадательный, видя, что Диоскор исполнен гнева, не захотел выдать неповинную девицу и сказал:

– Я не видал ее.

Но другой, молча, указал рукою на то место, где святая скрывалась. Диоскор устремился туда, а пастуха, который выдал святую, постигла на том же месте казнь Божия: сам он превратился в каменный столп, а овцы его – в саранчу.

Найдя в пещере свою дочь, Диоскор стал безжалостно бить ее, бросив ее на землю, он топтал ее ногами и, схватив за волосы, потащил к своему дому. Затем он заключил ее в тесной, темной хижине, запер двери и окна, приложил печать, поставил стражу, и морил заключенную голодом и жаждою. После того, Диоскор отправился к правителю той страны Мартиану и рассказал ему все о своей дочери и поведал, что она отвергает их богов и верует в Распятого.

Диоскор просил правителя, чтобы тот, угрозою различных мучений, склонил ее к вере отца. Затем он вывел святую из заключения, привел к правителю и отдал в его руки, говоря:

– Я отрекаюсь от нее, потому что она отвергает богов моих, и если она не обратится к нам снова и не поклонится им со

мною вместе, то не будет мне дочерью, а я не буду ей отцом: мучай ее, державный правитель, как будет угодно твоей воле.

Увидев перед собою девицу, правитель удивился необычайной ее красоте и стал говорить с ней кротко и ласково, восхваляя красоту и благородство ее. Он увещевал ее не отступать от древних отеческих законов и не противиться воле отца, но поклониться богам и во всем слушаться своего родителя, чтобы не лишиться права получить в наследство все его имение. Но святая Варвара, изобличив мудрою речью тщету языческих богов, исповедовала и прославляла Имя Иисуса Христа и отрекалась от всей суеты земной, богатства и мирских утех, стремясь к благам небесным. Правитель все еще продолжал убеждать ее не бесчестить своего рода и не губить прекрасной и цветущей юности своей. Наконец, он сказал ей:

– Пожалей себя, прекрасная дева, и поспеши с усердием принести вместе с нами жертву богам, ибо я милосерд к тебе и хочу пощадить тебя, не желая предать такую красоту на муки и раны, если же не послушаешься меня и не покоришься, то заставишь меня, хотя бы против моей воли, жестоко тебя мучить.

Святая Варвара отвечала:

– Я всегда приношу Богу моему жертву хвалы и хочу сама быть Ему жертвою, ибо Он Един есть Истинный Бог, Творец неба и земли и всего, что на них, а твои боги – ничто и ничего не создали, как бездушные и бездейственные, они сами – дело рук человеческих, как говорит пророк Божий: «А их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих. Ибо все боги народов – идолы, а Господь небеса сотворил» (Пс. 113:12; Пс. 95:5). Эти пророческие слова я признаю и верую в Единого Бога, Создателя всего, а о ваших богах исповедую то, что они ложны и что напрасна ваша надежда на них.

Разгневанный такими словами святой Варвары, правитель тотчас повелел обнажить ее. Это первое мучение – стоять нагою перед глазами многих мужей, без стыда и упорно смотрящих на обнаженное девственное тело, – было для целомудренной и чистой девы страданием более тяжким, чем самые раны. Затем мучитель велел положить ее на землю и сильно бить воловьими

жилами долгое время, и земля обагрилась ее кровью. Прекратив, по приказанию правителя, бичевание, мучители стали, усиливая ее страдания, тереть раны святой девы власяницею и острыми черепками. Однако все эти мучения, устремившиеся сильнее бури и ветра на храм юного и слабого девического тела, не поколебали крепкой в вере мученицы Варвары, ибо вера была основана на камне – Христе Господе, ради Коего она с радостью терпела такие тяжкие страдания.

После того правитель велел заключить ее в темницу, пока не придумает для нее самых жестоких мучений. Еле живая от тяжких истязаний, святая Варвара со слезами молилась в темнице возлюбленному Жениху своему, Христу Богу, чтобы Он не оставил ее в таких тяжких страданиях, и говорила словами Давида: «Не оставь меня, Господи, Боже мой! Не удаляйся от меня. Поспеши на помощь мне, Господи, спаситель мой!» (Пс. 37:22–23). Когда она так молилась, в полночь озарил ее великий свет; страх и вместе радость ощутила святая в сердце своем: к ней приближался Нетленный Жених ее, желая посетить Свою невесту. И вот Сам Царь Славы явился ей в неизреченной славе. О как возрадовалась она духом и какую почувствовала на сердце сладость, когда увидела Его! Господь же, с любовью взирая на нее, сказал ей Своими сладчайшими устами:

– Дерзай, невеста Моя, и не бойся, ибо Я с тобою, Я охраняю тебя, Я взираю на подвиг твой и облегчаю твои болезни. За твои страдания Я уготовляю тебе в Моем небесном чертоге вечную награду, итак, претерпи до конца, чтобы вскоре насладиться вечными благами в Царствии Моем!

Внимая словесам Господа Христа, святая Варвара, как воск от огня, таяла от желания соединиться с Богом и, как река во время разлива, была преисполнена любовью к Нему, Утешив возлюбленную невесту Свою Варвару и усладив ее Своею любовью, Сладчайший Иисус исцелил ее и от ран, так что не осталось и следа их на ее теле. После того Он стал невидим, оставив ее в неизреченной духовной радости. И пребывала святая Варвара в темнице, как бы на небе, пылая, подобно Серафимам, любовью к Богу, славословя Его сердцем и устами

и воздавая благодарение Господу за то, что Он не презрел, но посетил рабу Свою, страждущую ради Имени Его.

Жила в том городе некая жена, по имени Иулиания, верующая во Христа и богобоязненная. С той поры, как святая Варвара была схвачена мучителями, Иулиания следила за нею издалека и смотрела на ее страдания, а когда святая была брошена в темницу, приникла к окну темницы, удивляясь тому, что такая юная дева, в самом расцвете юности и красоты, презрела отца своего, весь род, богатство и все блага и утехи мира, и не пощадила своей жизни, но с усердием положила ее за Христа. Видя же, что Христос исцелил святую Варвару от ран, она пожелала и сама пострадать за Него, и стала приготовляться к такому подвигу, молясь Подвигоположнику Иисусу Христу, чтобы Он послал ей терпение в страданиях. С наступлением дня, святая Варвара была выведена из темницы на нечестивый суд для нового истязания; Иулиания издали следовала за нею. Когда святая Варвара стала перед правителем, он и бывшие с ним с изумлением увидели, что дева совершенно здорова, светла лицом и прекрасна еще больше, чем прежде, а на теле ее нет никаких следов понесенных ею ран. При виде этого, правитель сказал:

– Видишь ли, девица, как заботятся о тебе наши боги? Вчера ты была жестоко истерзана и изнемогала от страданий, а ныне они совершенно тебя исцелили и даровали тебе здравие. Будь же благодарна за такое их благодеяние – поклонись им и принеси жертвы.

Святая отвечала:

– Что ты говоришь, правитель, будто исцелили меня твои боги, которые сами слепы, немы и бесчувственны. Они не могут даровать ни слепым прозрения, ни немым слова, ни глухим – слух, ни хромым – способность ходить, они не могут исцелять больных, ни воскрешать мертвых: как же могли они исцелить меня, и за что им поклоняться? Исцелил меня Иисус Христос, Бог мой, Который врачует всякие болезни и мертвым подает жизнь, Ему я с благодарностью поклоняюсь и себя приношу Ему в жертву. Но ум твой ослеплен, и ты не можешь видеть Сего Божественного Целителя и недостоин того.

Такая речь святой мученицы привела правителя в ярость: он приказал повесить мученицу на дереве, строгать тело ее железными когтями, опалять горящими свечами ребра ее и бить по голове молотом. Святая Варвара претерпевала мужественно все эти страдания. От таких мучений невозможно было бы остаться в живых не только ей, юной отроковице, но даже и сильному мужу, но агницу Христову укрепляла невидимо сила Божия.

В толпе народа, смотревшего на мучения святой Варвары, стояла и Иулиания. Взирая на великое страдание святой Варвары, Иулиания не могла удержаться от слез и сильно плакала. Исполнившись ревности, она возвысила голос из народа и начала обличать немилосердного правителя в бесчеловечном мучительстве и хулить языческих богов. Тотчас она была схвачена и на вопрос о том, какой она веры, объявила, что она – христианка. Тогда правитель повелел мучить ее так же, как Варвару. Иулиания была повешена вместе с Варварою, и ее строгали железными гребнями. А святая великомученица Варвара, видя сие и испытывая сама мучения, возвела взор свой горе, к Богу, и молилась:

– Боже, испытующий сердца человеческие, Ты знаешь, что я всю себя принесла Тебе в жертву и отдала себя во власть Твоей всесильной десницы, стремясь к Тебе и любя Твои святые заповеди. Не оставь меня, Господи, но милостиво призрев на меня и на сострадальницу мою Иулианию, укрепи нас обеих и дай нам силы совершить настоящий подвиг: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41; Мк. 14:38).

Так молилась святая, и небесная помощь к мужественному терпению страданий невидимо подавалась мученицам. После этого мучитель велел отрезать у обеих сосцы. Когда это было исполнено и страдание мучениц усилилось, святая Варвара, снова возведя очи к Врачу и Целителю своему, возопила: «Духа Твоего Святого не отними от нас, возврати нам, Господи, радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди нас в любви Твоей!» (Пс. 50:13–14).

После таких мучений, правитель велел отвести святую Иулианию в темницу, а святую Варвару, для большого

посрамления ее, водить нагою по городу, с издевательствами и побоями. Святая дева Варвара, покрываясь стыдом, как бы одеждою, возопила к возлюбленному Жениху своему Христу Богу:

– Боже, одевающий небо облаками и землю мглою, как пеленами, повивающий[8021], Ты – Сам, Царь, покрой наготу мою и страдание великомученицы Варвары, сотвори, чтобы очи нечестивых не видели тела моего и чтобы не до конца была осмеяна раба Твоя!

Господь Иисус Христос, взиравший свыше со всеми Своими святыми Ангелами на подвиг рабы Своей, тотчас поспешил к ней на помощь и послал к ней светлого Ангела с светозарною одеждою, покрыть наготу святой мученицы. После того нечестивые не могли уже больше видеть обнаженного тела мученицы, и она обратно была приведена к мучителю. После нее водили по городу, также нагою, святую Иулианию. Наконец, мучитель, видя, что не может отвратить их от любви ко Христу и склонить к идолопоклонству, осудил обеих на усечение мечом.

Диоскор, жестокосердый отец Варвары, так ожесточен был от диавола, что не только не поскорбел, при виде великих мучений своей дочери, но и не постыдился даже быть ее палачом. Схватив свою дочь и держа в руке обнаженный меч, Диоскор повлек ее к месту казни, которое было назначено на одной горе, за городом, а один из воинов вел за ними святую Иулианию. Когда они шли, святая Варвара так молилась Богу:

– Безначальный Боже, простерший небо, как покров, и основавший на водах землю, повелевающий солнцу Своему сиять на благих и злых и изливающий дождь на праведных и неправедных[8022], услышь и ныне молящуюся Тебе рабу Твою, услышь, о Царь, и подай благодать Свою всякому человеку, который будет вспоминать меня и мои страдания, да не приблизится к нему внезапная болезнь и да не похитит его нечаянная смерть, ибо Ты знаешь, Господи, что мы – плоть и кровь и творение пречистых рук Твоих.

Когда она так молилась, послышался с неба голос, призывавший ее с Иулианией в горние селения и обещавший ей исполнение просимого. И шли на смерть обе мученицы,

Варвара и Иулиания, с великою радостью, желая скорее разрешиться от тела и предстать пред Господом. Дойдя до назначенного места, агница Христова Варвара склонила под меч свою голову и была усечена руками немилосердного своего отца и исполнилось сказанное в Писании: «предаст на смерть отец дитя» (Мф. 10:21; Мк. 13:12). Святую же Иулианию обезглавил воин. Так совершили они свой подвиг[8023]. Святые души их радостно отошли к своему Жениху-Христу, встреченные Ангелами и с любовью принятые Самим Владыкою. Диоскора и правителя Мартиана внезапно постигла казнь Божия. Тотчас по совершении казни тот и другой были убиты грозою, и тела их молния сожгла в пепел.

В том городе жил один благочестивый человек, по имени Галентиан. Взяв честные мощи святых мучениц, он принес их в город, похоронил с подобающею честью и устроил над ними церковь, в которой много было исцелений от мощей святых мучениц, молитвами и благодатью Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога. Ему же слава вовеки. Аминь.

О честных мощах великомученицы Варвары

Впоследствии честные мощи святой великомученицы Варвары были перенесены из Греции в Россию, в Киев, когда, после просвещения русской земли святым крещением, русские князья находились в особенно близких и дружественных отношениях с греческими царями и брали себе в супруги их сестер и дочерей[8024]. Во время таких близких и дружественных отношений между греческими и русскими правителями Киев и получил из Греции бесценный дар – целебные мощи святой великомученицы Варвары, как об этом повествует сказание, написанное в 1670 г. игуменом Киевского Михайловского Златоверхого монастыря[8025], иеромонахом Феодосием Сафоновичем[8026], мужем достойным доверия.

Первою супругою великого князя Киевского Святополка Изяславича[8027], нареченного во святом крещении Михаилом, была греческая царевна Варвара, дочь Византийского императора Алексия Комнина[8028]. Перед своим отъездом из Царьграда в Россию, царевна Варвара упросила своего отца даровать ей мощи святой великомученицы Варвары, которые и

привезла с собою в Киев. Муж ее, великий князь Михаил, выстроив в 1108 г. в Киеве каменную церковь во имя святого Архистратига Михаила, заступника своего, с честью положил в ней святые мощи великомученицы[8029]. Во время нашествия на Русскую землю татарского хана Батыя[8030], мощи святой великомученицы были сокрыты церковнослужителями в тайном месте под ступенями каменной лестницы, ведшей наверх храма. Спустя много лет после Батыева погрома, честные мощи, по благоизволению Божию, были обретены, вынуты из-под спуда, и открыто положены с честью в том же храме.

В 1644 г. при великом ревнителе православия Киевском митрополите Петре Могиле[8031] Киев посетил канцлер польского королевства Георгий Осолинский. Придя в церковь Михайловского монастыря для поклонения честным мощам великомученицы Варвары, он рассказал следующее:

– Я питаю глубокую веру в помощь святой великомученицы Варвары, ибо многие свидетельствуют, что тот, кто вручает себя ее заступлению, не умрет без покаяния и причастия Божественных Тайн. Я был в Риме и в западных странах и везде спрашивал, где находятся мощи святой великомученицы Варвары, на Западе или на Востоке. Мне сказали, что на Западе не обретается мощей святой великомученицы, нет их также и на Востоке, как утверждают бывшие там, но что они пребывают в здешних странах. Ныне верую, что именно здесь в Киеве находятся истинные мощи святой великомученицы Варвары.

Поклонившись с усердною молитвою святым мощам и с благоговением облобызав их, канцлер просил, чтобы ему дана была некая часть этих святых мощей. Ради его великой веры, ему была дана часть перста правой руки святой великомученицы, которую он и принял с великою благодарностью.

В 1650 г., при митрополите Киевском Сильвестре Коссове[8032], литовский гетман князь Януш Радзивилл взял приступом город Киев. По его желанию, ему даны были две части мощей святой великомученицы Варвары, взятые от персей и от ребра. Часть от персей великомученицы гетман

отдал своей жене, княгине Марии, благочестивой дочери молдовлахийского господаря Василия. Когда же Мария скончалась, то хранившаяся у нее часть мощей досталась киевскому митрополиту Иосифу Тукальскому[8033] и была принесена им в город Канев[8034], а по его смерти была перенесена в город Батурин[8035], где и ныне почивает в монастыре святого Николая Чудотворца и, благоговейно почитаемая, источает чудесные исцеления. Другую же часть от ребра великомученицы тот же князь Радзивилл послал в дар Виленскому католическому епископу Георгию Тишкевичу, исполняя его желание и усердные просьбы. Приняв этот дар, епископ хранил его с честью в своей палате в богато украшенном ковчеге. Спустя некоторое время, дом епископа сгорел, но ковчег с частью мощей святой великомученицы Варвары остался цел и невредим. Узнав об этом, все пришли в великое изумление и прославили Бога и святую великомученицу Варвару. Весть об этом чуде была принесена в Михайловский монастырь в 1657 г. А за год перед этим, в 1656 г., был в Киеве Антиохийский патриарх Макарий[8036]. С великою верою и любовью и со слезами он поклонился честным мощам святой великомученицы и поведал следующее:

– В моей патриархии, недалеко от Антиохии, есть город Илиополь, в котором пострадала святая великомученица Варвара. Когда я там расспрашивал о ее святых мощах, то мне сказали, что с глубокой древности их нет не только там, но и ни в другом каком-либо месте на востоке, но что они пребывают в Русской земле, которая некоторыми называется страною варварскою. Ныне несомненно верую, что здесь почивают истинные мощи святой великомученицы.

Патриарх усердно просил, чтобы ему дана была часть от этих святых мощей. Его просьба была исполнена Киевским митрополитом Сильвестром, и патриарх принял часть святых мощей с великою радостью и благодарением.

Много чудес и исцелений от святых мощей великомученицы совершилось и совершается в Михайловском Златоверхом монастыре. Чудотворения сильнее громких труб провещевают всему миру и всех уверяют в истинности мощей и благодатной

силе, через них действующей. О некоторых из этих чудес предложим здесь краткие повествования.

Архиепископ Черниговский Лазарь Баранович[8037] еще прежде, чем занял епископскую кафедру, с 1640 г. трудился над проповеданием слова Божия. Проповедуя, между прочим, в праздник святой великомученицы Варвары при честных ее мощах, он с глубокою благодарностью и умилением прославил чудо своего исцеления от тяжкой болезни, полученное от тех святых мощей. И, непрестанно прославляя сие чудо, поведал о нем в своей книге «Труды праздничные», напечатанной в 1674 г., следующее: «Одержимый тяжкою болезнью, я не обращался ни к какому другому врачу, но прибег с мольбою к мощам святой великомученицы Варвары, с верою пил воду, в которой была омочена рука великомученицы, и чаша этой воды была мне во спасение».

Настоятель Свято-Михайловского Златоверхого Киевского монастыря, иеромонах Феодосий, повествует, что когда он, по благословению Киевского митрополита Сильвестра Коссова, в 1655 г. принял начальство над обителью, то в тот год пришел к нему некий гражданин Слуцкий и принес ему сделанную из серебра руку, которую и просил повесить при мощах святой великомученицы Варвары. Когда же пришедшего спросили, для чего он это сделал, он откровенно рассказал следующее:

– Рука моя была поражена тяжкою болезнью, и так была скорчена, что я не мог даже разогнуть ее. Страдая такою неисцельною болезнью, я вспомнил о чудесах, проистекающих от честных мощей святой великомученицы Варвары. Я помолился святой великомученице об исцелении моей руки и дал обет идти на поклонение ее святым мощам. И вот, помощью святой Варвары, скорченная рука моя исцелилась, я же, исполняя обет свой, пришел сюда с благодарением и эту серебряную руку, в знак исцеления моей руки, принес к святым мощам великомученицы.

Тот же Феодосий повествует, что в 1660 г. во время бывшей тогда междоусобной войны, он глубоко скорбел о скудости своего монастыря и об опасностях для здоровья и жизни. Однажды во время сна он увидел, что он стоит при мощах

святой великомученицы Варвары и видит, что рака ее полна елея. Святая великомученица ему сказала:

– Не смущайся, я с вами.

Проснувшись, он стал размышлять о бывшем ему видении и, вспомнив, что в Священном Писании елей означает милость[8038], сказал себе:

– Рака, наполненная елеем, в коем я видел лежащую великомученицу, является знамением того, что по ее святым молитвам в монастыре не будет больше скудости и бедствий.

Так и случилось на самом деле.

В 1666 г., рождественским постом, в который и празднуется память святой великомученицы, два воина, по имени Андрей и Феодор, задумали похитить находившееся на мощах великомученицы драгоценное украшение. Придя ночью в монастырь, они взломали южные двери Михайловской церкви и устремились к мощам святой Варвары. Когда они приблизились к ее честной раке, внезапно ударил страшный гром, и от раки святой на них посыпались огненные искры. В страхе воры пали на землю как мертвые, и один из них тотчас же оглох, а другой сошел с ума. Придя немного в себя, оглохший, познав на себе кару Божию и святой великомученицы, вывел своего обезумевшего товарища из церкви, затворил опять церковные двери и, ничего не взяв, возвратился домой. Сие чудо через семь дней с сокрушением сердца исповедал сам оглохший перед своим духовным отцом, иеромонахом Симеоном, придя в Михайловскую церковь вместе со своим товарищем. Духовник наставил их, насколько мог, принести истинное покаяние и отпустил их с надеждою на помощь и исцеление от святой великомученицы. После того Симеон, приступая к совершению Божественной литургии пред святым алтарем поведал о случившемся настоятелю своему игумену Феодосию.

В 1669 г. 12 августа один воин, придя в церковь к честным мощам святой великомученицы Варвары, поклонился им с великим благоговением и, воздохнув, поведал пономарю и многим другим следующее:

– Великого и чудесного заступления святой великомученицы я сподобился. Однажды, находясь в полку, поехал я с другими

товарищами на сенокос, и вот напали на нас татары и всех моих товарищей взяли в плен, спасся один только я. Когда я благодарил Бога за свое избавление и сожалел о своих товарищах, явилась мне святая дева Варвара точно в такой же одежде и венце, как она лежит здесь, и сказала мне: «Знай, что я мученица Варвара, которая освободила тебя от татар». И вот я пришел сюда к святым ее мощам, чтобы возблагодарить ее за чудесное заступление, а вам поведать об этом чуде.

В следующем 1670 г. один киевлянин, по имени Иоанн, бывший сперва простым человеком, а впоследствии и бурмистром, заболел горячкою. Долго страдая этим недугом, он вспомнил о святой великомученице Варваре, подающей чудесные исцеления от своих честных мощей. Не имея силы, по болезни, встать с постели и дойти до церкви, он с верою в исцеление послал в Михайловский монастырь, прося, чтобы ему дали воды, возливаемой на раку святой Варвары. В то же время сам он лежал в таком страшном жару, что язык его ссохся. Домашние советовали ему выпить чего-нибудь, чтобы охладить жар. Но он отвечал:

– Хотя бы мне пришлось и умереть, я не буду пить ничего до тех пор, пока не будет принесена вода от раки святой великомученицы.

Так велика была вера его к святой великомученице. Когда же была принесена от ее святых мощей вода, Иоанн принял ее с радостью и, с верою помолившись, выпил. Тотчас же он крепко уснул, тогда как прежде совершенно не мог спать. И вот во сне он увидал, будто бы он в церкви святого архистратига Михаила, и прекрасная девица говорит ему:

– Знаешь ли ты, кто я?

Когда он ответил, что не знает, девица снова сказала:

– Знай же, что я – мученица Варвара. Много есть людей, которые не веруют, что в Михайловском монастыре почивают нетленные мои мощи. Убедись теперь сам в истинности моих мощей и проповедуй всем, чтобы они веровали этому, в знамение же сего отныне будь здрав.

Сказав сие, она сама возлегла в своей, стоящей на украшенном месте, раке, а Иоанн, тотчас же, проснувшись,

почувствовал себя совершенно здоровым и как бы не болевшим никогда. Возблагодарив Бога и святую Варвару, он поведал не только старшему своему брату – игумену Михайловского монастыря Феодосию, но и всем, о чудесном своем исцелении с помощью святой великомученицы и о свидетельстве ее об истинности ее мощей.

Следует здесь также упомянуть и о левой руке святой великомученицы, с древних лет ненаходящейся при ее нетленном теле: она была оставлена в Греции. По прошествии многих лет, при Киевском митрополите Петре Могиле, она принесена была в Польшу переселившимся туда греком Мозелем. Он происходил из царского рода Кантакузиных и был искусным учителем врачебной науки. Принесенная им рука была положена в сооруженной им каменной братской церкви в честь Воздвижения Креста Господня, в Волынском городе Луцке. Спустя много лет, при православном епископе Луцком Гедеоне (из рода князей Четвертинских), бывшем впоследствии митрополитом Киевским[8039], евреи обокрали Луцкую церковь, и ту святую руку, лежавшую в серебряном ковчеге, похитили вместе с прочею церковною утварью и бросили в разожженную винокурную печь, где она, весь день и всю ночь палимая огнем осталась невредимою. Увидя это, безбожные похитители вынули из разожженной печи чудесно неповрежденную святую руку и тайно ночью старались сокрушить ее железными молотами и, после упорных трудов раздробив ее на малые части, снова бросили в ту же горящую печь.

Дивными судьбами Божиими, это злодеяние безбожных евреев было вскоре обнаружено тщательным расследованием совершившейся кражи и свидетельством соседей, что они слышали ночью стук молотов. Подвергнутые пыткам, похитители не хотели признаться в своем злодеянии. Тогда допрашивающим пришла благочестивая мысль выгрести из печи пепел и просеять его через решето. Тотчас обнаружились малые частицы сокрушенной руки великомученицы, там же нашли и коралловое украшение бывшее на той руке, которое не обратилось в пепел, но только от огня побелело. После этого и сами безбожные евреи, вновь подвергнутые пыткам, признались

в своем злодеянии. С разрешения епископа Гедеона, святая рука великомученицы, сокрушенная злодеями, вложена была, со всеми найденными частицами ее и кораллами, в благолепный ковчег, нарочно для этого устроенный. Этот ковчежец с крестным ходом и свечами в сопровождении всего освященного собора и множества народа с честью был внесен в Луцкую соборную церковь святого Иоанна Богослова. Через несколько лет епископ Гедеон, переселяясь, вследствие гонения на Православие, из Луцка в Малороссию, привез с собою и тот ковчег с раздробленною святою рукою великомученицы Варвары. Когда он возведен был на престол Киевской митрополии, тогда и святую руку ту, в том же ковчеге, с подобающею честью положил в алтаре соборной церкви Киевской митрополии в честь святой Софии – Премудрости Божией, где она и ныне благоговейно почитается[8040].

Тропарь, глас 8:

Варвару святую почтим: вражия бо сети сокруши, и яко птица избавися от них, помощию и оружием Креста, всечестная.

Кондак, глас 4:

В Троице благочестно певаемому, последовавши Богу, страстотерпице, идольская притупила еси чтилища: посреде же подвига страдальчествующи, Варваро, мучителей прещения не устрашилася еси мужемудренная, велегласно поющи присно: Троицу чту, едино Божество.

Житие преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина

Память 4 декабря

Преподобный Иоанн Дамаскин родился в столице Сирии Дамаске[8041] от знатных и благочестивых родителей[8042], пламенная вера коих во Христа, испытанная в скорбях и искушениях, явилась крепче и драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытанного, золота. Тяжкое тогда было время. Сарацины завоевали ту страну и, взяв сей славный город, причиняли всякие беды христианам, одних убивая, других продавая в рабство, и никому не дозволяя открыто исповедовать Христа. В это время родители Иоанна, покрываемые Промыслом Божиим, были сохранены в безопасности и здравии со всем своим имением; соблюли они и святую веру, ибо Бог даровал им возможность снискать благоволение у сарацин, как некогда Иосифу у египтян[8043] и Даниилу у вавилонян[8044], так что злочестивые агаряне[8045] не запрещали родителям святого веровать во Христа и открыто прославлять Его святое Имя. Кроме того, отца святого Иоанна они поставили городским судьею и начальником народных построек[8046]. Живя в таком благополучии, он сделал много доброго для своей единоверной братии: выкупал пленных, заключенных в темницах освобождал от оков и избавлял от смерти и всем страждущим подавал руку помощи. Родители преподобного были в Дамаске среди агарян, как светильники в ночи, как семя во Израили, как искра в пепле. Для того они и сохранены были Богом, чтобы через них возгорелся в Церкви Христовой светильник, ясно светящий всему миру, – блаженный Иоанн Дамаскин. Родив его по плоти, они поспешили сделать его чадом света и через крещение, что было делом весьма трудным в то время. Агаряне никому не дозволяли принимать крещения, родители же святого беспрепятственно возродили свое дитя крещением и нарекли ему имя, означающее благодать Божию[8047]. Отец отрока очень заботился, чтобы он был воспитан в добром учении и научился не сарацинским обычаям, не храбрости воинской, не охоте

звериной, не другому какому-либо мирскому искусству, но кротости, смирению, страху Божию и познанию Божественных Писаний. Поэтому усердно просил он Бога послать сыну человека мудрого и благочестивого, который был бы для отрока хорошим учителем и наставником в добрых делах. Родитель святого услышан был Богом и получил желаемое таким образом.

Дамасские разбойники совершали и на суше и с моря частые набеги на соседние страны, захватывали в плен христиан и, приводя в свой город, одних продавали на рынках, других предавали смерти. Однажды случилось им пленить некоего инока по имени Косма, благообразного видом и прекрасного душою, происходившего из Италии. Вместе с прочими пленниками они решили продать его на рынке. Те же, которых разбойники хотели усечь мечом, припав к ногам сего инока, со слезами умоляли его помолиться Богу о душах их. Видя, какое почтение воздается иноку обреченными на смерть, сарацины спросили его, каким саном и почетом пользовался он в своем отечестве среди христиан. Он же ответил:

– Я не имел никакого сана, даже не был удостоен священства; я только грешный инок, наученный философии и не только христианской, но и той, которую измыслили языческие мудрецы!

Сказав сие, инок горько заплакал. Невдалеке стоял родитель Иоанна, видя плачущего старца и узнав в нем по одежде инока, он подошел к нему и, желая утешить его в скорби, сказал:

– Напрасно, человек Божий, ты плачешь о потере мира, которого ты давно отрекся и для которого умер, как я вижу по твоему виду и одежде.

– Я плачу, – ответил инок, – не о потере мира – для него, как ты сказал, я умер – и не забочусь ни о чем мирском, зная, что есть другая жизнь – лучшая, бессмертная и вечная, приготовленная рабам Христовым, которую надеюсь и я получить при помощи Божией; плачу же о том что ухожу из сего мира бездетным, не оставив после себя наследника.

Изумился родитель Иоанна словам инока и сказал:

– Отче, ты – инок, посвятивший себя Богу для сохранения чистоты, а не для рождения детей: зачем ты скорбишь о детях?

Инок ответил:

– Ты не понимаешь, господин, сказанного мною: я говорю не о плотском сыне и не о земном наследстве, но о духовном. Я, как сам ты видишь, инок бедный и не имею ничего, но у меня есть большое богатство мудрости, которым я обогатился, с юных лет трудясь при помощи Божией. Я изучил различные человеческие науки: риторику, диалектику, философию, преподанную Стагиритом и сыном Аристона[8048], знаю землемерие и музыку, хорошо изучил движение небесных тел и течение звезд, так что от красоты творения и его премудрого устройства могу прийти к более ясному познанию Самого Творца. Наконец, я хорошо изучил и составленное греческими и римскими богословами учение о тайнах православия. Имея сам такие познания, я никому их не преподал, и тому, чему научился, никого не могу теперь учить, ибо не имею ни времени, ни ученика, и думаю, что я здесь умру от меча агарян и явлюсь пред моим Господом как дерево, не принесшее плода, как раб, сокрывший в землю талант господина своего[8049]. Вот о чем я плачу и рыдаю. Как отцы по плоти скорбят о том, что, находясь в супружестве, не имеют детей, так и я скорблю и тужу, что не имею ни одного духовного сына, который был бы после меня наследником моего богатства мудрости.

Услыхав такие слова, отец святого Иоанна обрадовался тому, что нашел давно желаемое сокровище, и сказал старцу:

– Не печалься, отче: Бог может исполнить желание сердца твоего.

Сказав сие, он поспешно пошел к сарацинскому князю и, припав к ногам его, усердно просил отдать ему пленного инока и не получил отказа: ему отдан был князем сей дар, который, действительно, был драгоценнее многих других даров. С радостью родитель Иоанна привел блаженного Космy в свой дом и утешал после долгого страдания, предоставив ему удобство и покой.

– Отче, – сказал он, – будь господином моего дома и соучастником всех моих радостей и скорбей.

И еще прибавил:

– Вот, Бог не только даровал тебе свободу, но и желание твое исполнил. Я имею двух детей: один мой сын по плоти – Иоанн, а другой – отрок, принятый мною вместо сына, родом из Иерусалима, сирота с детства, он имеет одно имя с тобою, ибо его тоже зовут Космой. Молю тебя, отче, научи их мудрости и добрым нравам и наставь их на всякое доброе дело, соделай их духовными сыновьями своими, возроди и воспитай учением, и оставь их после себя наследниками того духовного богатства, которого никто не может похитить.

Возрадовался блаженный старец Косма, прославил Бога и стал усердно воспитывать и учить обоих отроков. Отроки же были разумны, усвояли все преподаваемое учителем и успешно учились. Иоанн, как орел, парящий по воздуху, постигал высокие тайны учения, а духовный брат его Косма, как корабль, быстро несущийся при попутном ветре, скоро постигал глубину мудрости. Учась усердно и старательно, приобрели они в короткое время премудрости, изучили грамматику, философию и арифметику, и сделались подобными Пифагору и Диофану[8050]; изучили они и землемерие, так что их можно было признать за новых Евклидов[8051]. О том, как они усовершенствовались в поэзии, свидетельствуют составленные ими церковные песнопения и стихи. Не оставили они и астрономии, а также хорошо изучили и богословские тайны. Кроме того, они научились добрым нравам и добродетельной жизни и стали вполне совершенными в знании, мудрости духовной и мирской. Особенно преуспевал Иоанн. Ему удивлялся сам учитель, которого он превзошел в некоторых областях премудрости. И был Иоанн великим богословом, о чем свидетельствуют богодухновенные и Богомудрые книги его. Но он не гордился такой своей мудростью. Как дерево плодовитое, чем больше возрастит плодов, тем ниже преклоняется к земле ветвями, так и Иоанн, чем более преуспевал в мудрости, тем менее о себе думал и умел укрощать в себе суетные мечтания юности и помышления страстные, душу же свою, как светильник, наполненный елеем, возжигать огнем Божественного желания.

И сказал однажды учитель Косма отцу Иоанна: «Желание твое, господин, исполнилось: отроки твои хорошо научились, так что и меня уже превосходят мудростью, таким ученикам недостаточно быть равными своему учителю. Благодаря большой памяти и непрестанным трудам они в совершенстве постигли всю глубину премудрости; Бог же умножил их дарование. Дальше их учить мне не требуется: они сами уже способны учить других. Поэтому умоляю тебя, господин, отпусти меня в монастырь, где я сам буду учеником и научусь высшей мудрости от совершенных иноков. Та мирская философия, которой я научился, посылает меня к философии духовной, которая достойнее и чище мирской, ибо она приносит пользу и спасает душу».

Услыхав сие, отец Иоанна опечалился, не желая лишиться такого достойного и мудрого наставника. Однако он не осмелился удерживать старца, чтобы не опечалить его, исполнил его желание и, щедро наградив, отпустил с миром. Инок же удалился в лавру преподобного Саввы и, благополучно прожив там до своей смерти, отошел к совершеннейшей Премудрости – Богу. Через несколько лет умер и отец Иоанна. Князь сарацинский, призвав Иоанна, предложил ему стать первым своим советником; Иоанн отказывался, имея другое желание – в безмолвии работать Богу. Однако он принужден был повиноваться и против желания принять начальство и получил он в городе Дамаске власть большую, чем его родитель[8052].

В то время в Греции царствовал Лев Исаврянин[8053], который зверски, подобно рыкающему льву, восстал на Церковь Божию. Извергая иконы из святых храмов, он предавал их пламени, а православно верующих и поклоняющихся святым иконам немилосердно терзал лютыми мучениями. Услыхав о сем, Иоанн возгорелся ревностью благочестия, подражая Илии Фесвитянину и одноименному себе Предтече Христову. Взяв меч Слова Божия, он начал им отсекать, как бы голову, еретическое мудрование нечестивого царя; он разослал много посланий о почитании святых икон тем правоверным, которые ему были известны. В этих посланиях, на основании Св.

Писания и древнего предания Богоносных отцов, он мудро показал, как нужно воздавать должное поклонение святым иконам. Тех, кому он писал, Иоанн просил показать его послание другим единоверным братьям для утверждения их в православии. Так стремился святой наполнить всю вселенную богодухновенными своими посланиями[8054]. Распространившись по всему Греческому царству, они утверждали православных в благочестии, а еретиков поражали как бы остнами[8055]. Слух об этом дошел до самого царя Льва, который, не вынося обличения своего нечестия, призвал к себе единомышленных ему еретиков и повелел им, чтобы они, приняв ложный вид благочестия, отыскали между православными какое-нибудь послание Иоанна, писанное его собственной рукой, и попросили почитать как бы для своей пользы. После многих стараний, соучастники сего злобного замысла нашли где-то у верующих одно послание, написанное собственною рукою Иоанна, и, льстиво выпросив, отдали его в руки царю. Царь же поручил искусным писцам, чтобы они, смотря на письмо Иоанна, такими же буквами написали от лица святого послания к нему – царю Льву, как будто писанное собственноручно Иоанном и присланное из Дамаска. Послание же сие было такою:

– Радуйся, царь, и я радуюсь твоей державе во имя общей веры нашей и воздаю поклонение и подобающую честь царскому твоему величеству. Извещаю тебя, что город наш Дамаск, находящийся в руках сарацин, плохо охраняется и совсем не имеет крепкой стражи, войско в нем слабое и малочисленное. Умоляю тебя, будь милостив к сему городу, ради Бога, пошли мужественное твое войско. Показав вид, что оно намеревается идти в другое место, оно может нечаянно напасть на Дамаск, и тогда ты без труда возьмешь город в свое владение, в сем много помогу и я, потому что город и вся страна – в моих руках.

Написав себе от лица Иоанна такое послание, хитрый царь повелел написать от себя сарацинскому князю так:

– Нет ничего лучше, думаю я, как иметь мир и находиться в дружбе, ибо сохранять мирные обещания – весьма похвально и Богу любезно; поэтому и мир, заключенный с тобою, я желаю

сохранить честным и верным до конца. Однако некий христианин, живущий в твоем государстве, частыми своими посланиями ко мне побуждает меня нарушить мир и обещает мне отдать город Дамаск в мои руки без труда, если я неожиданно пришлю свое войско. Посылаю тебе одно из тех посланий, которые писал сей христианин, – это убедит тебя в моей дружбе, а в том, кто осмеливается так писать мне, ты увидишь измену и вражду и будешь знать, как казнить его.

Сии два письма нечестивый царь Лев послал с одним своим приближенным в Дамаск к князю сарацин. Приняв и прочтя их, князь призвал Иоанна и показал ему то лживое письмо, которое было написано к царю Льву. Иоанн, читая и рассматривая послание, сказал:

– Буквы в этой хартии несколько походят на письмо моей руки, однако не моя рука писала сие, ибо мне никогда и в ум не приходило писать царю греческому, не может быть, чтобы я своему господину служил лукаво.

Иоанн понял, что сие было делом вражеской, злой, еретической хитрости. Но князь, придя в ярость, повелел отсечь неповинному Иоанну правую руку. Иоанн усердно просил князя, чтобы он подождал и дал ему некоторое время для выяснения своей невиновности и той ненависти, какую питает к нему злой еретический царь Лев, но он не достиг просимого. Сильно разгневанный князь повелел тотчас совершить казнь. И отрубили правую руку у Иоанна – ту руку, которая укрепляла правоверных о Боге; эта рука, обличившая своими писаниями ненавидящих Господа, вместо чернил, коими писала о почитании икон, была омочена своею собственною кровью. После казни рука Иоанна повешена была на рынке, среди города, а сам Иоанн изнемогший от боли и потери крови, был отведен в дом свой. При наступлении вечера, узнав, что гнев князя уже прошел, блаженный послал к нему такую просьбу:

– Увеличивается болезнь моя, и невыразимо меня мучает, не могу иметь отрады до тех пор, пока усеченная моя рука будет висеть на воздухе; молю тебя, господин мой, прикажи отдать мне мою руку, чтобы я мог похоронить ее в земле, ибо я

полагаю, что если она будет погребена, то получу облегчение в моей болезни.

Мучитель внял сей просьбе и повелел снять руку с общественного места и отдать Иоанну. Взяв усеченную руку, Иоанн вошел в свою моленную комнату и, павши на землю пред святою иконою Пречистой Богоматери, изображенной с Богомладенцем на руках, приложил отсеченную руку к суставу и стал молиться со слезами и воздыханием, исходящим из глубины сердечной:

– Владычице Пречистая Мати, рождшая Бога Моего, вот правая моя рука отсечена ради Божественных икон. Ты знаешь, что привело Льва во гнев, поспеши же на помощь и исцели мою руку. Десница Вышнего, воплотившаяся из Тебя, ради молитв Твоих совершает многие чудеса, поэтому молю я, чтобы и мою десницу исцелил Он по Твоему ходатайству. О Богомати! Пусть сия рука моя напишет то, что Ты Сама позволишь в восхваление Тебя и Сына Твоего, и да поможет своими писаниями православной вере. Ты можешь все сделать, если захочешь, потому что Ты – Матерь Божия.

Говоря сие со слезами, Иоанн уснул и увидел во сне Пречистую Богоматерь, взирающую с иконы на него светлыми и милосердными очами и говорящую:

– Рука твоя теперь здорова, не скорби об остальном, но усердно трудись ею, как обещался мне, сделай ее тростью скорописца.

Проснувшись, Иоанн ощупал свою руку и увидал ее исцеленною. Он возрадовался духом о Боге Спасителе своем и Его Пренепорочной Матери, что Всемогущий сотворил над ним такое чудо. Восстав и воздев руки к небу, он вознес благодарение Богу и Богоматери. И радовался он всю ночь со всем домом, воспевая новую песнь:

– «Десница Твоя, Господи, прославилась силою» (Исх. 15:6); десная Твоя рука исцелила мою усеченную десницу и сокрушит врагов, непочитающих Честного Твоего и Твоей Пречистой Матери образа, и уничтожит ею, для возвеличения славы Твоей, врагов, уничтожающих иконы.

Когда Иоанн таким образом радовался с домашними и воспевал благодарственные песни, услышали сие соседи и, узнав о причине радости и веселия его, очень удивлялись. Вскоре узнал об этом и князь сарацинский и, тотчас призвав Иоанна, приказал показать ему усеченную руку. На суставе, от которого была отсечена рука, оставался наподобие красной нити знак, образовавшийся изволением Богоматери, для очевидного показания бывшего отсечения руки. Увидав сие, князь спросил:

– Какой врач и каким лекарством так хорошо присоединил руку к суставу и так скоро исцелил и оживил ее, как будто она и не была отсеченною и мертвою?

Иоанн не скрыл чуда и во всеуслышание сказал о нем:

– Господь мой, Всемогущий Врач, услышав через Пречистую Свою Матерь мою усердную молитву, исцелил Всемогущею Своею силою мою рану и сделал здоровою руку, которую ты повелел отсечь.

Тогда князь воскликнул:

– Горе мне! Не рассмотрев клеветы, неправедно осудил я и невинно казнил тебя, человек добрый. Прошу тебя, прости нам, что мы так скоро и неразумно осудили тебя, прими от нас прежний сан твой и прежнюю честь и будь нашим первым советником. С этих пор без тебя и твоего совета ничего не будет совершаться в нашем государстве.

Но Иоанн, упав в ноги князю, долго просил, чтобы он отпустил его от себя и не препятствовал ему следовать за Господом своим с теми иноками, которые отверглись себя и подъяли на себя иго Господне. Князю же не хотелось отпустить его, и он старался убедить Иоанна остаться начальником над домом его и распорядителем всего его государства. И был между ними долгий спор: один другого просил, один другого старался победить просьбой. С трудом Иоанн достиг своего: хотя и не скоро, но все же упросил он князя, и ему дана была свобода делать то, что ему угодно.

Возвратившись в свой дом, Иоанн тотчас раздал свои бесчисленные имения нуждающимся, рабов отпустил на свободу, а сам с учеником своим Космою отправился в

Иерусалим. Там поклонившись святым местам, пришел он в лавру святого Саввы и стал умолять игумена, чтобы он принял его, как заблуждшую овцу, и приобщил к избранному своему стаду. Игумен и вся братия узнали святого Иоанна, потому что он был уже в славе и его знали все, благодаря его власти, почестям и великой премудрости. И радовался игумен тому, что такой человек пришел в смирение и нищету и хочет быть иноком. Приняв его с любовью, игумен призвал одного из братий, наиболее опытного и потрудившегося в подвигах, желая поручить ему Иоанна под начало, чтобы он научил его и духовному любомудрию и иноческим подвигам[8056]. Но тот отказался, не желая быть учителем такого человека, который своею ученостью превосходил многих. Игумен позвал другого инока, но и этот не пожелал, также и третий и четвертый и все прочие отказались, каждый из них сознавался, что он недостоин быть наставником такого премудрого мужа, кроме того, все стеснялись и знатности Иоанна. После всех позван был один простой нравом, но разумный старец; он не отказался быть наставником Иоанна. Приняв Иоанна в свою келью и желая заложить в нем основы добродетельной жизни, старец прежде всего дал ему такие правила: чтобы он ничего не делал по своей воле; чтобы труды и усердные молитвы приносил Богу, как некую жертву; чтобы он проливал слезы из очей, если желает очистить грехи прошедшей жизни, ибо сие пред Богом ценнее всякого дорогого фимиама. Сии правила были основанием для тех дел, какие совершаются телесными трудами. Тому же, что приличествует душе, старец положил такие правила: чтобы Иоанн не имел в уме своем ничего мирского; не только не представлял в воображении каких-либо неприличных образов, но хранил бы ум свой неприкосновенным и чистым от всякого суетного пристрастия и пустой гордыни; чтобы не хвалился своей мудростью и тем, чему научился, и не думал бы, что может постигнуть все в совершенстве до конца; чтобы не домогался каких-либо откровений и познания сокровенных тайн; не надеялся бы до конца жизни на то, что разум его непоколебим и не может согрешить и впасть в заблуждение; напротив, пусть знает, что помышления его

немощны и разум может погрешить, а поэтому пусть старается не допускать рассеиваться помышлениям своим и пусть заботится сосредоточить их воедино, чтобы таким образом ум его просветился от Бога, душа освятилась и тело очистилось от всякой скверны; пусть тело и душа его соединятся с умом и будут три во образ Святой Троицы, и соделается человек ни плотским, ни душевным, но во всем духовен, изменившись добрым изволением из двух частей человека – тела и души в третью и важнейшую, то есть в ум. Такие отец духовный своему духовному сыну и учитель ученику предписал уставы, присоединив еще и следующие слова:

– Не только не пиши никому посланий, но даже и не говори о чем-либо из светских наук. Соблюдай молчание с рассуждением, ибо ты знаешь, что не только наши философы учат молчанию, но и Пифагор завещал ученикам своим долговременное молчание, и не думай, что безвременно говорить хорошее есть благо. Послушай Давида, сказавшего: «молчал даже о добром» (Пс 38:3). Какую же он от сего получил пользу? Послушай: «Воспламенилось сердце мое во мне» (Пс. 38:4), т.е. огнем Божественной любви, который возжегся в пророке размышлением о Боге.

Все сие наставления старца ушли в сердце Иоанна, как семя на добрую землю, и, давши росток, укоренилось, ибо Иоанн, живя долгое время при Богодухновенном том старце, внимательно исполнял все наставления его и слушал приказания его, повинуясь ему нелицемерно, без прекословия и всякого ропота; даже в мыслях никогда не противился он велениям старца. Вот что начертал он в сердце своем, как на скрижалях:[8057] «Всякую заповедь отца, по учению апостольскому, должно исполнять без гнева и сомнения» (ср. 1Тим. 2:8). Да и какая будет польза находящемуся в послушании иметь в руках дела, а в устах ропот, исполнять приказание, а языком или умом прекословить, и когда такой человек будет совершенным? Никогда. Напрасно такие люди трудятся и думают, что живут добродетельно; соединяя послушание с ропотом, они носят в глубине своей змия.

Блаженный же Иоанн, как истинный послушник, во всех заповеданных ему службах являлся безропотным.

Однажды старец, желая испытать послушание и смирение Иоанна, собрал много корзин, плетение которых составляло их занятие, и сказал Иоанну:

– Я слышал, чадо, что в Дамаске корзины продаются дороже, чем в Палестине, у нас же не хватает в келиях многого самого необходимого, как ты и сам видишь. Итак, возьми эти корзины, пойди скорее в Дамаск и продай их там. Но смотри, не продавай их дешевле назначенной цены.

И назначил старец цену корзинам гораздо выше, чем они стоят. Истинный послушник ни словом, ни в уме не прекословил, не сказал, что те корзины не стоят назначенной цены и что дорога очень дальняя; не помыслил даже того, что ему стыдно идти в тот город, где его все знают и где он был раньше всем известен по своей власти; ничего подобного не сказал он и не помыслил, являя себя подражателем покорному до смерти Владыке Христу.

Сказав: «Благослови, отче» и приняв благословение от своего отца духовного, Иоанн тотчас взял на плечи корзины и поспешил к Дамаску. Одетый в разорванные одежды, ходил Иоанн по городу и продавал на рынке свои корзины. Желающие купить те корзины спрашивали, почем они продаются, и, узнав высокую их цену, бранились и смеялись, оскорбляли и укоряли Иоанна. Знакомые блаженного не узнавали его, потому что он, некогда носивший златотканые одежды, был одет в рубище нищих, лицо его изменилось от поста, щеки высохли и красота увяла. Но один гражданин, который некогда был у Иоанна слугою, вглядевшись внимательно в лицо его, узнал святого и удивился его нищенскому виду. Сжалившись и вздохнув от сердца, подошел он к Иоанну, как к незнакомому человеку, и дал ему за все корзины цену, назначенную святым, – не потому, что он нуждался в корзинах, а из сожаления к такому человеку, который от великой славы и богатства пришел, ради Бога, в такое смирение и нищету. Взяв плату за корзины, Иоанн возвратился к пославшему его, как бы некий победитель с

войны, низвергший на землю послушанием и смирением врага диавола, а с ним и гордость с суетною славою.

По прошествии некоторого времени умер один инок той лавры. Родной брат его, оставшись одиноким после умершего, неутешно плакал по нем. Иоанн много и долго утешал его, но не мог утешить безгранично огорченного и опечаленного брата. Он со слезами начал просить Иоанна, чтобы тот для утешения и ослабления его печали написал для него какую-нибудь умилительную надгробную песнь. Иоанн отказывался, боясь нарушить заповедь старца, который приказал ему ничего не делать без своего повеления. Но сетующий брат не переставал молить Иоанна, говоря:

– Почему ты не смилуешься над моей скорбной душой и не подашь мне хотя бы малого лекарства в моей великой сердечной болезни? Если бы ты был врач телесный и случилась со мною какая-нибудь телесная болезнь, и я просил бы тебя полечить меня, неужели бы, имея возможность врачевать, ты отверг бы меня, и я умер бы от той болезни? Не дал ли бы ты ответа Богу за меня, потому что мог мне помочь и отказался? Теперь же я больше страдаю от сердечной болезни и ищу от тебя самой малой помощи, ты же пренебрегаешь мною. А если я умру от печали, то не дашь ли ты за меня большого ответа Богу? Если ты боишься приказаний старца, то я так скрою у себя написанное тобой, что твой старец не узнает и не услышит об этом.

Иоанн, наконец, склонился на такие речи и написал следующие надгробные тропари:

– «Кая житейская сладость», «Вся суета человеческая», «Человецы, что всуе мятемся» и прочие, которые и до сего времени поются в церкви при отпевании умерших[8058].

Однажды, когда старец ушел куда-то из кельи, Иоанн, сидя в ней, пел составленные им тропари. Через некоторое время старец возвратился и, приближаясь к келье, услыхал пение Иоанна. Тотчас он поспешно вошел в келью и стал с гневом говорить ему:

– Что так скоро забыл ты свои обещания и, вместо того чтобы плакать, радуешься и веселишься, напевая себе какие-то

песни?

Иоанн рассказал причину своего пения и, объясняя, что он был вынужден слезами брата написать песни, стал просить у старца прощения, павши ниц на землю. Однако старец, неумолимый, как твердый камень, тотчас отлучил блаженного от своего сожительства и выгнал из кельи. Изгнанный Иоанн вспомнил изгнание Адама из рая, случившееся за непослушание, и горько плакал перед келиею старца, как некогда Адам перед раем. После этого пошел он к другим отцам, которых признавал совершенными в добродетели, и молил их, чтобы они пошли к старцу и упросили его простить ему согрешение. Они пошли и молили старца, чтобы он простил своего ученика и принял в свою келью, но тот остался непреклонным к их просьбам. Один из отцов сказал ему:

– Наложи на согрешившего епитимию[8059], но не отлучай от сожительства с тобою.

Старец сказал:

– Вот какую епитимию налагаю я на него, если он хочет получить прощение за свое непослушание: пусть он очистит своими руками проходы всех келий и вымоет все смрадные места в лавре.

Отцы устыдились таких слов и в смущении ушли, дивясь жестокому и непреклонному нраву старца. Встретив их и по обычаю поклонившись, Иоанн спросил, что сказал им отец. Поведав о жестокости старца, они не осмелились сказать про то, что ему назначил старец для испытания, им совестно было передавать о таких повелениях старца. Но Иоанн неотступно просил их сказать, что назначил ему отец, и, узнав, возрадовался сверх их ожидания, принимая с охотою назначенное ему дело, хотя оно и возбуждало стыд. Тотчас приготовив сосуды и орудие для чистки, начал он с усердием исполнять повеление, касаясь нечистот теми руками, которые прежде умащал разными ароматами, и оскверняя нечистотами ту десницу, которая чудесно была исцелена Пречистою Богородицею. О глубокое смирение чудного мужа и истинного послушника! Умилился старец, увидав такое смирение Иоанна,

и, придя к нему, обнял его и целовал голову, плечи и руки его, говоря:

– О какого страдальца о Христе сделал я? Вот истинный сын блаженного послушания!

Иоанн же, стыдясь слов старца, пал ниц перед ним, как перед Богом, и, не превозносясь похвальными речами отца, но еще больше смиряясь, молил, чтобы он простил прегрешение его. Взяв Иоанна за руку, старец ввел его в свою келью. Иоанн так обрадовался сему, как будто ему возвратили рай, и жил он со старцем в прежнем согласии.

Спустя немного времени, Владычица мира, Пречистая и Преблагословенная Дева в ночном видении явилась старцу и сказала:

– Зачем ты заградил источник, могущий источать сладкую и изобильную воду, – воду, которая лучше истекшей из камня в пустыне[8060], – воду, которую желал пить Давид[8061] – воду, которую обещал Христос Самарянке[8062]? Не препятствуй источнику течь: изобильно потечет он, и всю вселенную протечет и напоит, покроет моря ересей и претворит их в чудную сладость. Пусть жаждущие стремятся к сей воде, и те, которые не имеют сребра чистой жизни, пусть продадут свои пристрастия и подражанием добродетели Иоанна пусть приобретут у нее чистоту в догматах и в делах. Он возьмет гусли пророков, Псалтирь Давида, воспоет новые песни Господу Богу и превзойдет Моисея и песни Мариами[8063]. Ничто в сравнении с ним бесполезные песни Орфея[8064], о которых повествуется в баснях; он воспоет духовную небесную песнь и будет подражать Херувимским песнопениям. Все церкви Иерусалимские сделает он как бы отроковицами, играющими на тимпанах, чтобы они пели Господу, возвещая смерть и воскресение Христа; он напишет догматы православной веры и обличит еретические лжеучения: «Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе» (Пс. 44:2).

Наутро старец, позвав Иоанна, сказал ему:

– О чадо послушания Христова! Открой уста твои, чтобы привлечь дух, и то, что воспринял сердцем, скажи устами; пусть они говорят о премудрости, которой ты научился размышлением

о Боге. Открой уста твои не для повествований, а для слов истины, и не для гаданий, а для догматов. Говори к сердцу Иерусалимскому, созерцающему Бога, т.е. к умиротворенной церкви; говори не пустые слова, на воздух бросаемые, но те, которые Дух Святой начертал на твоем сердце. Взойди на высокий Синай Боговидения и откровения Божественных тайн и за великое твое смирение, путем которого ты сошел до последней глубины, взойди теперь на гору церковную и проповедуй, благовествуя Иерусалиму. Крепко возноси голос твой, ибо много славного мне сказала о тебе Богоматерь. Меня же, молю, прости за то, что я тебе был препятствием по своей грубости и неведению.

С того времени блаженный Иоанн начал писать Божественные книги и слагать сладкозвучные песнопения. Он составил октоих, которым, как духовною свирелью, и до сего времени увеселяет Церковь Божию. Первую свою книгу Иоанн начал такими словами: «Твоя победительная десница боголепно в крепости прославися»[8065].

По поводу же чудесного исцеления своей десницы, он, в восторге радости, так воззвал к Богородице: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь»[8066].

Плат, коим была обвита отсеченная его рука, Иоанн, в воспоминание дивного чуда Пречистой Богородицы, носил на своей голове. Написал он и житие некоторых святых, составил праздничные слова и разные умилительные молитвы, изложил догматы веры и многие таинства Богословия; писал он и против еретиков, в особенности против иконоборцев; составил и другие душеполезные сочинения, коими и до сего времени верные питаются, как духовною пищею, и из которых пьют, как из сладкого ручья[8067].

К таким трудам преподобного Иоанна поощрял блаженный Косма, который рос с ним и учился у одного учителя. Он побуждал его к писанию Божественных книг и составлению церковных песней и сам помогал ему. Впоследствии Косма был поставлен Иерусалимским патриархом во епископа Маюмского. После этого тот же патриарх, призвав преподобного Иоанна, посвятил его во пресвитера. Но Иоанн не хотел долго

оставаться в мире. Уклоняясь от мирской славы, возвратился он в обитель преподобного Саввы и, уединившись в своей кельи, как птица в гнезде, прилежно занимался писанием Божественных книг и делом своего спасения. Собрав все написанные им прежде книги, Иоанн опять прочитал их и тщательно исправил в них то, что считал нужным исправить, особенно в словах и речах, чтобы в них ничего не оставалось неясным. В таких трудах, полезных для себя и важных для Церкви Христовой, и в подвигах иноческих Иоанн провел много времени и достиг совершенного иночества и святости. Угодив Богу, он отошел ко Христу и Пречистой Его Матери[8068], и ныне, поклоняясь Им не в иконах, но созерцая Лица Их в небесной славе, молится о нас, чтобы и мы сподобились того же Божественного созерцания, святыми его молитвами и благодатью Христа, Ему же с Препетою и Преблагословенною Его Матерью да будет честь, слава и поклонение вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Православия наставниче, благочестия учителю и чистоты, вселенныя светильниче, монашествующих богодухновенное удобрение, Иоанне премудре, ученьми твоими вся просветил еси, цевнице духовная. Моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Песнописца и честнаго богоглагольника, Церкве наказателя и учителя и врагов сопротивоборца Иоанна воспоим: оружие бо взем, Крест Господень, всю отрази ересей прелесть, и яко теплый предстатель к Богу, всем подает прегрешений прощение.

Память преподобного Иоанна Поливотского

Память 4 декабря

Святой Иоанн с юных лет воздерживался от усладительной для вкуса пищи и уклонялся от мирских удовольствий, украшая свою жизнь более всего постом, целомудрием и милосердием; потому и удостоился он поставления во епископа Поливотского[8069], пройдя впрочем прежде того в законном порядке все церковные степени. Когда таким образом ему поручено было высшее управление и попечение о людях, он усилил и свои подвиги, к прежним трудам присоединяя новые труды. В то время император Лев Исаврянин[8070], недостойно занявший царский престол, начал хулить святые иконы: преподобный отец сильно обличал такое нечестие царя и своим исповеданием веры сохранил паству от еретического заблуждения – иконоборства. В его же время однажды агаряне осадили город Амморию[8071], но были с помощью Божиею отражены; все христиане, попавшие в плен к неприятелю, тогда получили свободу попечениями этого святого мужа. Тело его и доселе сохраняется нетленно, в день Пятидесятницы всякий раз вынимается оно из раки и, по облачении в архиерейские одежды, сначала переносится к святому престолу и поставляется прямо, а потом возводится на горнее место и там оно пребывает, поддерживаемое двумя иереями все время, пока совершается Божественная служба. О чудесах же, совершаемых преподобным отцом, об исцелениях им бесноватых и уврачеваниях недужных невозможно, по множеству их, и передать письменно.

Житие и подвиги преподобного отца нашего Саввы Освященного

Память 5 декабря

Преподобный Савва родился в тридцать первый год царствования греческого императора Феодосия Младшего[8072], в стране Каппадокийской, в селе, называвшемся Муталаска, которое зависело от Кесарии[8073]; оно сначала было неизвестно, но впоследствии рождением в нем Саввы прославилось больше Армафема, в котором вырос Божественный пророк Самуил (1Цар.1 и далее). Родителями блаженного Саввы были Иоанн и София, люди благородные и благочестивые. Когда ребенку минуло пять лет, они отправились в Александрию[8074], ибо Иоанн находился на службе царской и имел высокий воинский сан. По Божию провидению, Савва был оставлен вместе с родительским имением у брата его матери, Ермия. Но так как жена у Ермия была злая и сварливая, то отрок много терпел и, наконец, ушел к брату своего отца Григорию, жившему в другом селе, называвшемся Сканда[8075]. Вследствие сего возникла вражда между дядями Саввы. Родители его долго оставались в Александрии, а Ермий с Григорием ссорились между собою, и каждый из них хотел не столько иметь у себя отрока, сколько попользоваться имуществом его отца. Блаженный отрок, еще с юного возраста отличавшийся зрелым разумом, видя раздоры и свары своих дядей, отказался от всего имущества и, удалившись в монастырь Флавианов[8076], отстоявший от Муталаски на три с половиной версты, принял на себя ангельский образ восьми лет от роду; живя там, он вскоре изучил Псалтирь и прочие книги Священного Писания, преуспевал в добрых делах и во всем следовал иноческому уставу. Немного времени спустя, дяди блаженного Саввы помирились между собой, пришли к нему в монастырь и начали соблазнять его, советуя уйти из-за стен святой обители и, взяв себе жену, жить в отцовском имении. Но он, желая оставаться в доме Божием, а не жить в селениях грешников[8077], и любя

монастырскую жизнь более мирской, не послушался своих дядей и отверг их соблазнительное предложение:

– Как от змей, – говорил он, – убегаю я от тех, которые советуют мне сойти с пути Божия, ибо худые сообщества развращают добрые нравы (1Кор.15:33), и боюсь навлечь на себя проклятие, которым Пророк проклинает уклоняющихся в разврат: «проклятых, уклоняющихся от заповедей Твоих» (ср. Пс. 118:21). С такими словами он отослал от себя дядей своих ни с чем, а сам стал подвизаться еще с большим усердием, умерщвляя свое тело трудами и воздержанием и порабощая его духу.

Когда был побежден сей змий, который имением и женитьбою соблазнял его уйти из обители, как из райского селения, – другой искуситель стал искушать святого – бес чревообъядения. Однажды, работая в монастырском саду, Савва увидел прекрасное яблоко, висящее на дереве; не утерпел он, сорвал яблоко и хотел съесть его раньше положенного времени и обычного благословения. Но, вспомнив, что сим плодом змий в раю ввел в грех первого человека (Быт. 3:1–24), Савва удержался, не стал есть его и осуждал сам себя, говоря:

– Красив был для взора и приятен для вкуса и тот плод, который умертвил Адама.

И, бросив яблоко на землю, он растоптал его ногами, попирая с ним вместе и помысл свой и, более того, сокрушая главу бесу чревообъядения, – и дал себе обет не есть яблок всю жизнь. С тех пор он всякое плотское вожделение побеждал воздержанием, мало ел, мало спал, постоянно пребывал в трудах, и руки его простирались только на молитву или на работу.

И вскоре святой, несмотря на свою юность, сравнялся добродетелью со всеми старцами, бывшими в том монастыре.

Случилось некогда одному из тамошней братии, который имел послушание печь хлебы, – промокнуть от дождя; а так как время было зимнее, солнце не светило, и ему негде было просушить одежду, то он положил ее в хлебную печь на дрова и забыл о ней. Немного времени спустя, братия собрались печь

хлебы и затопили печь, не зная, что пекарь положил туда посушить одежду. Когда дрова уже сильно разгорелись, пекарь вспомнил о своей одежде и очень горевал о ней. Был тут и блаженный Савва: увидев печаль брата, он не подумал о себе и, осенив себя крестным знамением, вошел в топившуюся печь. И, о чудо! Как некогда отроки в печи вавилонской не сгорели (Дан. 3:1–100) по своей вере, так и отрок Савва за свою любовь к брату вышел из печи невредимым с нетронутой огнем одеждой брата в руках, и его собственная одежда также осталась неопаленной.

Братия, увидав сие чудо, ужаснулись, и говорили друг другу:

– Каков будет этот отрок в будущем, если он от юности уже сподобился от Бога такой благодати!

В том монастыре блаженный пробыл десять лет, восходя от силы в силу и от славы в славу. Потом захотелось ему пойти в Иерусалим поклониться святым местам и посетить отцов, живших там в окрестной пустыне, воспользоваться их беседою и найти там и себе место для пустынножительства. Он обратился к архимандриту с просьбой отпустить его в святой град с молитвой и благословением. Но тот не хотел его отпустить, говоря:

– Нехорошо тебе, такому юному, странствовать, лучше побудь на одном месте.

Но Бог, все устрояющий на пользу, повелел архимандриту не удерживать Савву.

– Отпусти Савву послужить Мне в пустыне, – открыл Он архимандриту в видении.

Тогда, призвав блаженного, архимандрит дал ему благословение и отпустил его с молитвою в путь. Он же, направляемый десницею Всевышнего, пришел в Иерусалим на восемнадцатом году от роду, в конце царствования Маркиана[8078] и патриаршества Ювеналия во святом граде. Он прибыл в монастырь святого Пассариона в зимнее время, был принят архимандритом Елпидием и поручен руководительству некоего старца Каппадокийского. У него Савва провел зиму, мечтая о безмолвной жизни пустынника, к чему давно

стремился душою. Услышав о Евфимии великом[8079], сияющем добродетелью и чудесами в пустыне, находящейся на восток от Иерусалима, Савва захотел видеть его. Испросив у начальствующих благословение, он отправился в путь и, прибыв в Лавру великого Евфимия, пробыл там несколько дней, ожидая, когда можно будет увидеть его, так как преподобный не всегда приходил в собор, а один или два раза в неделю и в известные дни. Когда наступила суббота, Савва увидел преподобного Евфимия, шедшего в церковь, и припал к нему с усердной просьбой принять его в свою Лавру. Но Евфимий, видя его юность, отослал его в монастырь, находившийся еще далее от Иерусалима, под начало к блаженному Феоктисту[8080], повелевая ему заботиться об этом юном монахе, – и пророчествовал о нем, что он в скором времени, благодатью Христовой, просияет в иноческом житии более многих других, будет славным образцом для всех палестинских отшельников и воздвигнет лавру большую, чем все лавры в той стране.

Принятый Феоктистом в монастырь, Савва весь предался Богу и исполнял все монастырские службы безропотно и послушно, со смирением и усердием. Будучи способен и весьма ревностен к совершению Божественного служения, он прежде всех входил в церковь и выходил из нее после всех. При великих душевных силах, он и телом был велик и силен, – почему, когда все монахи рубили в пустыне только по одной связке прутьев для корзин и носили в киновию, то Савва рубил и носил по три. Сверх сего, иногда носил он и воду, и дрова, и таким образом старался всем услужить. Был он довольно долгое время смотрителем над лошаками, исправлял и другие различные должности, и всё сие исполнял неукоризненно и беспорочно, так что отцы киновии удивлялись столь великому усердию и услужливости юного Саввы.

Тогда диавол, желая воспрепятствовать ему, измыслил следующее. Был в том монастыре один брат, родом из Александрии, по имени Иоанн. Сей брат получил известие о смерти своих родителей. И вот диавол внушил ему неподобающую для инока мысль позаботиться об устройстве оставшегося после родителей имения, и он докучал игумену

Феоктисту частыми просьбами отпустить его в Александрию и, кроме того, отпустить с ним и Савву, потому что он, как человек сильный телом, мог ему оказать большую помощь в дороге. Феоктист уступил настойчивым просьбам инока и отпустил его на родину, а с ним отпустил согласно его просьбе и Савву, и так они отправились. Когда они прибыли в Александрию и стали хлопотать по устройству оставшегося после умерших имения, родители блаженного Саввы, Иоанн и София, случайно бывшие там (ибо отец Саввы по своей военной должности часто бывал посылаем в Александрию по царскому повелению), узнали его. Тогда блаженному Савве представился новый подвиг и явилась борьба больше первой, когда дяди его влекли из монастыря в мир, от монашества к женитьбе: родители Саввы то слезными просьбами, то ласковыми и заманчивыми словами еще более склоняли его снять чёрные одежды и надеть светлые, жить по их примеру и поступить в военную службу. Блаженный же, поняв, что он встретился с родителями и был узнан ими по вражескому наваждению, упорно сопротивлялся своему природному чувству. Он сдержал в себе естественную любовь к родителям, отверг их настойчивые мольбы и слёзы и, непоколебимый в своем добром решении, отвечал родителям:

– Боюсь Сказавшего: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10:37–38). Как же я могу предпочесть вас Богу, суетную вашу жизнь – кресту своему, военную службу мирскую – воинству духовному? Если и земные цари карают воинов, убежавших из полков, то тем более Царь Небесный не пощадит тех, которые вписались в Его славное воинство и потом убегают из избранного полка.

В заключение блаженный Савва прибавил еще:

– Если вы будете продолжать уговаривать меня покинуть прекрасное воинствование Христово, то я не буду более называть вас своими родителями.

Тогда Иоанн и София, увидев, что сердце сына их непреклонно, перестали его уговаривать и с горькими рыданиями, скрепя сердце, отпустили его, а при расставании

просили его взять с собою на дорогу, что только ему ни потребуется, и давали сорок золотых монет; он же ничего не хотел брать, однако, чтобы не оскорбить совсем своих родителей, взял только три монеты, и те, возвратившись, отдал в руки игумену Феоктисту.

К концу десятого года пребывания Саввы в монастыре, преподобный Феоктист преставился; на его место преподобным Евфимием поставлен был один добродетельный инок, по имени Марин; но и он через два года умер, после чего место настоятеля занял один добродетельный инок, по имени Лонгин. Блаженному Савве в то время минуло тридцать лет от роду. Он обратился к игумену Лонгину с просьбой позволить ему для более уединенной жизни затвориться в пещере, бывшей около монастыря, к югу на одном утесе. Лонгин донёс об этом желании его великому Евфимию. Евфимий, много наслышавшись о непорочной жизни Саввы, о его посте и молитвах, кротости и смирении и о других его богоугодных делах, написал Лонгину:

– Не запрещай Савве подвизаться так, как он хочет.

Сначала повелено было блаженному пребывать в пещере пять дней в неделю, а потом, по его просьбе, ему разрешили и пятилетнее в ней пребывание. Жизнь его в пещере проходила так: пять дней он постился, не вкушая ничего и не выходя из пещеры; занимался же он там плетением корзин, которых он плел по десяти в день, – а в устах и в мысли у него постоянно были молитвы к Богу. С наступлением субботы, рано утром, он выходил из пещеры в монастырь, неся с собою пятьдесят корзин; в субботу и воскресенье он участвовал в общей молитве и, подкрепив свое тело пищею, вечером в воскресенье опять уходил в пещеру, захватив финиковых ветвей, сколько нужно было их для сплетения пятидесяти корзин. В таких трудах и посте пробыл он в той пещере пять лет, после чего великий Евфимий взял его с собою на пустыннические труды, как совершенного инока, который, несмотря на свои молодые годы, сравнялся с отцами, состарившимися в добродетелях. Евфимий называл его поэтому молодым старцем: будучи молод телом, он был сед своею духовною мудростью и стар своею непорочною

жизнью. В 14-й день января вышел вместе с ним великий Евфимий из Лавры, взяв с собою еще блаженного Дометиана[8081], и отправились они в большую пустыню Руву[8082] на весь великий пост до Вербного воскресенья.

Однажды старец захотел пройти через всю пустыню, лежащую выше Мёртвого моря, на юг, и пришел с обоими учениками своими, Дометианом и Саввою, в безводную местность. Палил зной, и блаженный Савва устал, изнемог от жажды и упал, не будучи в состоянии идти дальше. Евфимий сжалился над ним и, отойдя от него на такое расстояние, на какое можно бросить камень, стал молиться так:

– Господи Боже, дай воду в сей безводной земле, чтобы утолить жажду изнемогающему брату.

Кончив молиться, он копнул три раза землю попавшейся ему палкой, и тотчас потекла ключевая вода. Савва вкусил воды и укрепился, и с тех пор получил Божественную силу терпеть жажду в пустыне. Когда наступило Вербное воскресенье, они вернулись в Лавру.

Спустя немного времени, преподобный и богоносный Евфимий преставился; это было при патриархе Иерусалимском Анастасии[8083]. По преставлении Евфимия и по смерти некоторых других старейших отцов Лавры, Савва, видя, что уставы монастырские изменяются, ушел в восточную пустыню около Иордана, которую в то время, как светлая звезда, просвещал своей жизнью преподобный Герасим. Блаженному Савве был тридцать пятый год от роду, когда он поселился в пустыне один, упражняясь в посте и непрестанных молитвах и соделывая ум свой чистым зеркалом Божественных предметов. Тогда диавол начал строить против него козни. Однажды в полночь, когда святой после трудов спал на земле, диавол обратился в множество змей и скорпионов и, приблизившись к Савве, хотел устрашить его. Он же тотчас встал на молитву, произнося слова псалма Давидова: «Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем… на аспида и василиска наступишь» (Пс. 90:5–13). При этих словах бес со своими ужасами тотчас исчез. Через несколько дней диавол обратился в страшного льва и кинулся на святого, как бы желая его съесть;

бросаясь, он пятился назад, опять бросался и опять пятился назад. Видя, что зверь то бросается, то отступает, преподобный сказал ему:

– Если у тебя есть от Бога власть съесть меня, то чего же ты пятишься назад? Если же – нет, то зачем ты трудишься понапрасну? Ибо силою Христа моего я осилю тебя, лев!

И тотчас бес, явившийся в зверином виде, отбежал с позором. С этих пор Бог покорил Савве всех зверей и змей, и стал он ходить между ними, как между кроткими овцами.

Ходя по пустыне, Савва встретил однажды четырех сарацинов[8084], очень голодных и усталых; он велел им сесть и высыпал им из своей одежды коренья, называемые мелагрией, которыми сам питался, и тростниковую сердцевину[8085]. Они поели и подкрепились и, заметив место, где находился Савва, ушли; а через несколько дней они пришли к нему с хлебом, сыром и финиками в благодарность за его доброту, что в день голода он накормил их. Савва умилился и со слезами произнес в душе своей:

– О горе, душа моя! Сии люди за малое благодеяние, один раз им оказанное, так благодарны! Что же делаем мы, получаем ежечасно неизреченные дары Божии и бываем неблагодарны, живем в лености и нерадении, не исполняя Его святых повелений!»

После того пришел к Савве один добродетельный монах, по имени Анф[8086], который раньше долго жил с преподобным Феодосием; он полюбил блаженного Савву, привязался к нему и стал жить с ним. Однажды напали на них агаряне[8087] и послали вперед одного из своей среды убить их; но, по молитве преподобных отцов, вдруг разверзлась земля и поглотила агарянина, а остальные агаряне, увидев сие чудо, испугались и бежали.

Через сожителя своего Анфа блаженный Савва познакомился потом с преподобным Феодосием, и они возымели большую любовь друг к другу. В конце четвертого года пребывания в пустыне, святой Савва, во время своих странствий по пустыне, взошел однажды на один высокий холм[8088], где блаженная царица Евдокия, супруга царя

Феодосия Младшего, приняла некогда с радостью душеполезное поучение от великого Евфимия[8089]. Там Савва провел ночь в обычных молитвах. И было ему видение. Он увидел светлого Ангела Божия, показывавшего ему долину, по которой когда-то протекал поток на юг от Силоама[8090], и сказавшего:

– Если ты хочешь пустыню сию населить подобно городу, то обратись к восточной стороне сего потока, и ты увидишь пред собою пещеру, которая никем не была занята; взойди и поселись в ней. Кто дает «скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему» (Пс. 146:9), Тот и о тебе будет промышлять.

Когда видение исчезло и наступил день, Савва сошел с того холма, при помощи Божией, нашел пещеру, которую показал ему в видении Ангел, и поселился в ней. Тогда ему было сорок лет от роду. В этом году скончался патриарх Иерусалимский Анастасий, оставив после себя на святительской кафедре Мартирия[8091]; в том же году царь Зенон, убив мучителя Василиска, возвратил себе царскую власть[8092].

Пещера, в которой поселился преподобный Савва, имела очень неудобный вход; поэтому он повесил веревку, по которой и спускался из пещеры, чтобы ходить за водою к озеру, называемому Ептастом и отстоявшему от пещеры на пятнадцать стадий[8093]. Живя в сей пещере, преподобный питался сначала травами, растущими около нее. Бог же, повелевший Савве там поселиться, послал ему и пищу через людей, варваров[8094], как некогда через воронов – Илии пророку в Хорафе (3Цар.17:5–6). Немного времени спустя, проходили мимо четыре сарацина, нашли пещеру преподобного Саввы и хотели влезть в нее, но не могли: так неудобен был вход в нее. Увидев их сверху, блаженный подал им веревку, чтобы они по ней вошли к нему. Вошедши в пещеру, Сарацины ничего не нашли у Саввы; они удивились его жизни и благочестью и, смиловавшись, согласились приносить ему пищу. Так они часто приходили к нему и приносили хлеб, сыр, финики и другую пищу. И пробыл преподобный один в пещере пять лет, беседуя с одним только Богом и побеждая невидимых врагов своими неустанными молитвами. Потом Бог благоволил вверить ему

души многих и сделал его наставником и пастырем словесных овец. А именно, по прошествии пяти лет безмолвного пребывания его в пещере, стали приходить к нему многие из разных мест, желая жить при нем; он же принимал всех охотно и указывал каждому удобное место для жительства. Они построили себе келлии и жили богоугодно, смотря, как на образец, на добродетельную жизнь преподобного Саввы. В короткое время собралось к нему до семидесяти братий; из них выдавались следующие: Иоанн, бывший потом игуменом новой лавры, Иаков, построивший потом лавру на Иордане, так называемую Пиргион[8095]. Фирмин и Севириан, из которых один устроил лавру в Махмасе[8096], а другой – монастырь в Варихе, Иулиан, строитель лавры на Иордане, называвшейся Несклерава[8097], и многие другие святые мужи, имена коих написаны в книгах жизни вечной; над всеми ими настоятельствовал преподобный Савва. Каждому приходящему к нему он давал приличествующее место, на котором находилась небольшая пещера и келлия. Благодатью Божиею, число подвижников, ревнующих о равноангельском житии, возросло до семидесяти человек и всех их начальником, путеводителем и пастырем был Савва. Он вознамерился построить башню на горе, которая была бы оплотом их обители, собрал своих учеников и начал строить ее, и она послужила основанием его великой Лавры.

Когда таким образом число братии стало умножаться и начала устраиваться Лавра[8098] на холме, на северной стороне потока, преподобный построил небольшую церковь в долине, посреди высохшего потока, и когда к нему приходил кто-нибудь из посвященных в сан пресвитера, он просил того отслужить святую Литургию, сам же, по смирению своему, не хотел принять посвящение и никого из братии не возводил в степень священства. Так как источник был далеко от того места, то воды не хватало. И вот, в одну ночь святой молился, говоря:

– Господи Боже сил! Если есть на то воля Твоя, чтобы населилось место сие во славу Пресвятого Твоего Имени, призри на нас, рабов Твоих, и даруй нам воду для утоления жажды нашей!

Во время сей молитвы послышался святому какой-то голос от потока; он посмотрел туда, и, при свете полной луны, увидел дикого осла, который копал ногой землю и, прикладывая губы к яме, пил воду. Преподобный тотчас сошел вниз и начал сам копать на том месте, где видел осла; покопав немного, Савва нашел ключевую воду, и образовался там обильный источник, достаточный для всей Лавры и никогда не уменьшавшийся[8099].

Еще в другую ночь, когда Савва ходил около потока и пел Давидовы псалмы, явился на краю пропасти, бывшей на запад от потока, огненный столп, утвержденный в земле, вершиною же своею касающийся неба; и стоял святой на молитве до утренней зари. На рассвете пошел он на то место, где видел столп, и нашел большую чудную пещеру, вроде церкви, устроенную Божиею, а не человеческою рукою; вход в нее был с юга, и от солнечных лучей в ней достаточно было света. Украсив ту пещеру, Савва устроил там церковь и велел братии каждую субботу и воскресенье собираться в нее для богослужения: он сам переселился туда, устроил себе келью близ сей нерукотворной церкви, на высоком утесе и сделал тайный ход в церковь; через него он ходил в церковь молиться день и ночь.

Число братии ежедневно увеличивалось – их собралось около полутораста, – келлии уже строились по обеим сторонам потока. В то же время отцы завели и рабочий скот, как для строения Лавры, так и для других потребностей. Ибо Савва заботился, чтобы все необходимые вещи были в Лавре, и чтобы по сей причине братия не принуждены были выходить из Лавры в мир и соприкасаться с мирским мятежом и суетой. Иноки же, добре пасомые преподобным, приносили плоды, достойные своего звания, и тело свое соделывали духовным прежде того нетления, которое получить надеемся в будущей жизни. Но освящение упомянутой пещеры, т. е. той созданной Богом церкви, Савва отлагал, не желая принять рукоположение в сан пресвитера и считая, по своему смирению, желание быть причисленным к клиру началом и корнем честолюбивых мыслей. На возвышавшейся над церковью высокой и утесистой скале преподобный Савва построил себе башню, и внутри

пещеры, как в раковине, нашедши скрытный путь, ведущий к башне, удалялся в нее для совершения правила и подвигов постнических. Увеличивалась и слава преподобного Саввы, и много золота приносили ему боголюбивые люди, а он употреблял золото на построение Лавры. Также и святейший патриарх Иерусалимский Мартирий весьма любил Савву и почитал и посылал ему необходимое.

Блаженный Мартирий скончался на восьмом году своего патриаршества, а после него престол принял Саллюстий[8100]; преподобному Савве шел тогда сорок восьмой год жизни. В сие время явились в Лавре некоторые иноки развращенные, плотоугодники, «не имеющие духа» (Иуд.1:19), – как сказано в Писании, которые издавна несправедливо обвиняли святого и всячески его огорчали. Так часто среди пшеницы вырастают плевелы и терн в винограде, так и из числа Апостолов один оказался предателем[8101], и у Елисея был неверный ученик Гиезий[8102]. Сии развращенные братия, лучше сказать, – лжебратия, замыслили зло на святого и пошли во святой град к патриарху с просьбой поставить им игумена. На вопрос, откуда они, они отвечали:

– Мы живем при одном пустынном потоке.

Таким ответом они хотели скрыть имя блаженного Саввы, так как знали, что имя его славно, и все с любовью помнят о нем.

Много раз спрашивал их патриарх и добивался ответа, откуда они. Они против воли сказали, что они от потока, который зовется по имени некоего инока Саввы. Патриарх спросил:

– Где же Савва?

Они же, не отвечая на вопрос, начали клеветать на блаженного, говоря, что это – грубый, неумелый человек, что он не может руководить такою многочисленною братиею, не может, по своей грубости и невежеству, управлять такою Лаврой. Они прибавили к своей клевете и то еще, что Савва ни сам не хочет принять посвящение и никому из братий не позволяет. При этой клевете их перед патриархом случилось быть одному честному и достопамятному мужу, по имени Кирику, пресвитеру

преславной церкви Воскресения Христова и хранителю Животворящего Креста Господня. Услышав клевету, он спросил:

– Вы приняли Савву на то место, или Савва вас принял?

Они отвечали:

– Савва принял нас, но он груб и не может управлять нами, когда мы умножились.

Тогда Кирик сказал им:

– Если Савва смог собрать вас в том пустынном месте, то тем более он может, с помощью Божиею, и пасти вас.

Они ничего не могли ответить на сие и замолчали. А патриарх, отложив испытание до утра, тотчас послал за святым Саввою, с честью приглашая его, как будто по какому-то другому делу. Прибыл блаженный, а патриарх ничего не сказал ему о клеветниках, и клеветникам не сказал ничего и не обличал их, но тотчас посвятил преподобного Савву, хотя и против его воли, в пресвитера[8103]. Посвятив его, он сказал клеветникам:

– Вот вам отец ваш и игумен вашей Лавры, избранный свыше Богом, а не людьми. Я только утвердил Божественное избрание.

Сказав сие, патриарх взял с собою святого Савву и иноков тех и отправился в Лавру, освятил созданную Богом церковь, благословил всю лавру и, наказав всей братии повиноваться своему игумену блаженному Савве, возвратился назад.

Когда блаженному Савве шел пятьдесят третий год от роду, воцарился, по смерти Зенона, Анастасий[8104]. В тот же год пришел в Лавру один богоугодный муж, родом армянин, по имени Иеремия, с двумя учениками Петром и Павлом. Преподобный Савва весьма обрадовался им, дал им ту пещеру, в которой сначала жил сам, когда один был на потоке, и позволил им в малой церкви совершать молитвенное правило по-армянски по субботам и воскресеньям; так мало-помалу умножились Армяне в Лавре. В то же время пришел в Лавру и преподобный отец наш Иоанн, прозванный Молчальником; он был епископом в городе Колонах, но, ради Бога, оставил свою епископию и, скрыв свой сан, трудился в Лавре, как простой инок.

Преподобный Савва подражал святому Евфимию Великому, который каждый год обыкновенно уходил в пустыню в 14-й день января и проводил там весь великий пост. В подражание ему, так же поступал и преподобный Савва в том же месяце январе, но не в тот же день, потому что ожидал двадцатого числа, чтобы совершить в Лавре память Великого Евфимия; по совершении ее, он уходил в пустыню, и, удалившись от людей и приближаясь к Богу мыслями и молитвами, оставался там до Вербной субботы.

Однажды, по обычаю, вышел он из Лавры и, ходя около Мертвого моря, увидал маленький пустынный остров[8105]; он пожелал на нем провести дни поста и пошел к нему; но зависть бесовская помешала ему, и он упал в какую-то встретившуюся на пути яму, из которой, как бы из темной печи, выходил дым и огонь. Савва опалил себе лицо и бороду, повредил и другие части тела, и сильно захворал. Когда он возвратился в лавру, братия узнали его только по голосу: так было опалено его лицо. И лежал он многие дни без голоса, доколе Божественная Сила не сошла на него свыше и не исцелила его, и не даровала ему власть на нечистых духов. Борода же его не выросла уже потом такою, как была прежде, стала небольшою и редкою, а он благодарил Бога за уменьшение бороды, чтобы не тщеславиться ему красотою ее.

На другой год опять по обычаю ушел он в пустыню, вместе с учеником своим Агапитом. Через несколько дней Агапит лёг на песок от утомления и голода и уснул, а блаженный Савва в некотором отдалении стоял от него и молился; вдруг явился огромный лев, остановился над спящим Агапитом и начал его обнюхивать с ног до головы. Увидев льва над учеником, блаженный Савва, испугался, как бы он не съел спящего, и тотчас прилежно помолился о своем ученике, чтобы Бог сохранил его от зверя. Бог услышал Своего раба, заградил пасть льву, и лев, не причинив никакого вреда Агапиту, как бы ударяемый кнутом, побежал в пустыню.

Убегая, он ударил хвостом по лицу спящего; тот проснулся, затрепетал при виде льва, и побежал к святому отцу, а Савва

стал поучать его не предаваться долгому сну, чтобы не сделаться когда-нибудь пищей зверям, особенно невидимым.

В один из следующих годов блаженный таким же образом по обычаю с тем же учеником ходил по пустыне к северу от Иордана и нашел в одной горе пещеру, а в ней прозорливого отшельника. Когда он сотворил молитву и приступил к беседе, отшельник с удивлением спросил:

– Что заставило тебя, чудный Савва, прийти к нам? Или кто тебе показал место сие? Вот, тридцать восемь лет я здесь, по милости Божией, и не видал ни одного человека: как ты пришел сюда?

Блаженный же Савва отвечал:

– Бог, открывший тебе мое имя, показал мне и место сие.

После душеполезной беседы, они облобызались, и Савва со своим учеником ушел в пустыню. Приближалось время возвращения в Лавру, и сказал Савва ученику:

– Пойдем брат, простимся с рабом Божиим в пещере.

Пришедши, они нашли его коленопреклоненным, лицом к востоку; они подумали, что он молится, и долго ждали. День стал склоняться к вечеру, и Савва, видя, что старец все не встает с молитвы, сказал: «Благослови нас, отче».

Но ответа не было.

Савва подошел поближе к нему, и увидел, что он скончался. Тогда Савва обратился к ученику со словами:

– Приблизься, сын мой, предадим погребению тело святого: для этого нас сюда Бог и послал.

Совершив над почившим обычное надгробное пение, они погребли его в той же пещере, загородили вход камнем и возвратились в Лавру.

В тот год, когда была освящена созданная Богом церковь, умер в Александрии родитель блаженного Иоанн, пользовавшийся большою властью в Исаврийском округе[8106], а блаженная мать его София, уже весьма состарившаяся, распродав всё свое имущество, пришла в Иерусалим к сыну своему Савве со множеством денег. Он принял ее и убедил постричься в монахини; немного пожив в иноческом образе, она преставилась ко Господу. Принесенные же ею деньги Савва

истратил на монастырские нужды и на постройку странноприимных домов; один он построил при Иерихоне[8107], а другой в Лавре с тем, чтобы в первом помещались путники из мирян, а в другом – иноки. Во время постройки странноприимного дома в Лавре преподобный Савва послал одного брата с монастырским скотом в Иерихон, чтобы оттуда привезти лесу на постройку. На обратном пути было очень знойно, и иноку сильно захотелось пить, а так как воды нигде не было, ибо местность та была пустынная и безводная, то он упал на землю в изнеможении от жары. Тогда он вспомнил святого старца и произнес:

– Господи Боже аввы моего Саввы, не оставь меня!

И тотчас явилось над ним облако, испустило росу и прохладило его и скот, везший брёвна; и шло это облако над ним до самой Лавры, осеняя его и прохлаждая от зноя. Сие произошло по молитвам святого отца его Саввы, имя которого он призвал в своей беде.

Однажды во время поста преподобный Савва захотел взойти на гору Кастеллийскую, отстоящую к северу от Лавры на двадцать стадий[8108]; гора была недоступна для людей и страшна своим опасным и неудобным входом и ужасами, случавшимися на ней: много бесов гнездилось на той горе и пугало проходивших различными явлениями.

Преподобный же, избрав, по слову Псалмопевца, Вышнего прибежищем себе (Пс.90:9), взошел на ту гору, окропил ее со всех сторон елеем, взятым из лампады от святого Креста, и, оградив себя крестным знамением, как необоримою стеною, жил там всё время Великого поста. Но сначала каждый день ему приходилось бороться с бесами; они нападали на него то в виде зверей, то, обратившись в гадов, то в птиц, испускали крик, вопль и шум, так что преподобный, как человек, устрашился и думал было сойти с горы. Но Кто некогда укрепил Антония Великого в такой же борьбе с бесами[8109], Тот, явившись и сему святому, повелел быть смелым, надеясь на силу крестную. И жил блаженный без страха, молитвою и крестным знамением прогоняя далеко от себя все ужасы, наводимые бесами. В конце Великого поста, когда святой ночью стоял на

молитве об очищении сего места от гнездившихся в нем нечистых духов, бесы вдруг начали против него последнюю и самую страшную борьбу: многое множество их явилось, – как обыкновенно являются они, в образах зверей, гадов, птиц, – и напало на святого с громким криком; казалось, вся гора тряслась. Но святой нимало не испугался, а продолжал молиться Богу. Тогда бесы закричали:

– О горе, что мы терпим от тебя, Савва! Мало тебе было заселить долину при потоке, мало тебе было пещеры и скалы: ты и пустыню, через которую проходил, сделал обитаемой! Ты и сюда пришел в наше жилище, чтобы изгнать нас отсюда! Вот, мы уже уходим отсюда, не можем противиться тебе, потому что тебе помогает Бог!

И тотчас, с рыданием и воплем, громким говором и страшным шумом, они, в виде воронов, улетели с горы в ту ночь. Недалеко от той горы ночевали пастухи со своими стадами; они видели, как бесы летели прочь от горы, слышали их вопль и пришли к преподобному Савве сказать о сем. Он же, возблагодарив Бога за изгнание бесов, по прошествии дней поста возвратился в Лавру справлять вместе с братией наступающий праздник Воскресения Христова. По прошествии дней праздника, взяв нескольких из братий, он пришел опять в Кастеллий и стал очищать место и строить келлии; во время работы они нашли под холмом большой дом со сводом, прекрасно выложенный хорошим камнем и удобный для житья; они очистили и украсили сей дом, сделали в нем церковь и освятили. Так устроил здесь преподобный киновию. Во время устройства сей киновии однажды вышла вся пища. И вот Ангел Господень явился в видении настоятелю киновии близ св. Вифлеема[8110], по имени Маркиану, и сказал:

– Вот ты, Маркиан, сидишь покойно, у тебя есть всё, что нужно, а раб Божий Савва трудится в Кастеллии с братиею из любви к Богу, и нет у него необходимой пищи и питья, и некому принести ему то, что нужно. Итак, без отлагательства пошли им пищи, чтобы они не изнемогли от голода.

Маркиан тотчас навьючил скот различной пищей и послал ее в Кастеллий к преподобному Савве; преподобный же, приняв

присланное, возблагодарил Бога, промышляющего о рабах Своих.

Устроив киновию, Савва собрал туда достаточное число братии и поручил ее одному пустыннику Павлу, жившему долгое время с учеником его Феодором. Но Павел через некоторое время преставился, всё же управление принял на себя Феодор. Он привел в монастырь своего брата Сергия и другого Павла, своего дядю, которые после начальствовали в Кастеллии, а потом были епископами в Аиле и Амафунте[8111].

Основав в Кастеллии киновию, преподобный Савва употреблял всевозможное старание населить ее мужами добродетельными, в подвигах и искушенными иноками; мирским же людям, желавшим постричься, а также безбородым юношам он не позволял жить ни в Кастеллийской киновии, ни в лавре; для них он построил еще маленькую киновию на северной стороне и дал им опытных наставников, чтоб поучать начинающих правилам монастырской жизни. Начинающие прежде всего должны были выучивать Псалтирь и весь чин молитвенного пения, а также узнать весь иноческий устав, затем приучаться к подвигам и трудам, соблюдать свой ум от мирских суетных воспоминаний и противиться злым помыслам, обуздывать свою волю и быть послушными, кроткими, смиренными, молчаливыми, бодрыми и осторожными, охранять себя от соблазнов вражеских. Кто успешно усваивал себе сии начала иноческой жизни, того преподобный переводил в большую киновию или в Лавру, а некоторых из начинающих, особенно помоложе, он отсылал к преподобному отцу Феодосию, который тогда уже оставил Кафисматную церковь и устроил монастырь в тридцати пяти стадиях на запад от Лавры[8112].

Оба они, Савва и Феодосий, были во всем единодушны и согласны друг с другом; поэтому Иерусалимляне называли их новой Апостольскою двоицею, подобною двоице Петра и Павла. Им было вверено начальство над всеми монашествующими. Это произошло следующим образом. По смерти блаженного архимандрита Маркиана, собрались все иноки из лавр и монастырей, из гор и пустынь в епископский дом к патриарху

Саллюстию, который был тогда болен и, по общему согласию, представили ему Феодосия и Савву, чтобы он поставил их архимандритами и начальниками всех монастырей, находящихся около святого града, потому что сии святые мужи были пустынники, не имели никакого имущества, украшены были и жизнью и словом и исполнены Божественных даров. С того времени преподобный Феодосий начальствовал над общежительными монастырями, а преподобный Савва – над отцами отшельниками.

Когда, по преставлении патриарха Саллюстия, вместо него на престол был возведен Илия[8113], в то время блаженный Савва торговал одну землю, прилегавшую к его Лавре; он хотел на ней построить келлии для приходящих издалека иноков. Владелец же просил много золота, а у старца в то время было только ползлатицы[8114]; однако, возложив надежду на Бога, в Коего с любовью глубоко верил, Савва сказал продававшему:

– Возьми, брат, теперь сие в задаток до утра, а если утром я не отдам всей суммы, то пусть я лишусь задатка.

Ночью, уже под утро, стоял святой на молитве; вдруг вошел какой-то незнакомец и, дав ему в руки сто семьдесят золотых монет, тотчас ушел, не сказав, кто он и откуда. Удивившись промыслу Божию и возблагодарив Бога, преподобный отдал деньги продавцу и построил вторую гостиницу для помещения братии, приходящей из дальних стран. Также и для Кастеллийской киновии он купил два странноприимных дома, один во святом граде, близ башни Давида[8115], а другой – в Иерихоне.

В это время преп. Феодосий Великий оставил сию церковь и устроил общежительный монастырь, в котором подвизалось около 700 человек братий. Монастырь находился от Лавры преп. Саввы в расстоянии 6 с лишком верст.

В то время пришли в Лавру два родные брата, родом из Исаврии, по имени Феодул и Геласий, как бы вторые Веселеил и Елиав, искусные строители скинии (Исх.31:2–6), которых Бог послал к преподобному Савве; при помощи их, он окончательно отстроил Лавру. Он пристроил еще келлий, построил больницу и пекарню, купель при потоке и большую церковь во имя

Пречистой Богородицы; ибо та нерукотворенная церковь, которую Бог указал преподобному огненным столпом, стала уже тесна и во время службы не могла вмещать всей братии, которой собралось уже очень много; поэтому близ нее Савва построил другую церковь, больше и просторнее, во имя Пречистой Богоматери; ее освятил патриарх Илия. В сию церковь Пресвятой Богородицы Савва велел собираться на славословие Божие, а в Богоявленскую церковь перевел армян и учредил там всенощное пение в воскресенья и в большие праздники.

Некоторые из братий – армян следовали тогда суетному еретическому учению Петра, по прозванию Фуллона[8116]: к Ангельскому трисвятому пению они прибавляли слова:

– Распныйся за ны, помилуй нас.

Чтобы уничтожить это заблуждение среди братии, блаженный Савва велел Армянам петь трисвятое не по-армянски, а по-гречески.

Так они и пели всю службу по-армянски, а трисвятое по-гречески, и таким образом те ошибочные слова Фуллона к трисвятому Армянами уже не прибавлялись.

Так хорошо управлял всем Савва. Но опять те клеветники, о которых было говорено выше, по наущению бесовскому, позавидовали его доброму управлению и с ненавистью восстали на него. Они привлекли на свою сторону до сорока братий, неопытных в монастырской жизни, развращенных нравом и неблагоразумных, и причиняли святому много неприятностей. Тогда Савва браннолюбивый с бесами, но кроткий в отношении к людям, уступая их несправедливому гневу, оставил Лавру, ушел в страну Скифопольскую[8117] и остановился в пустыне при реке, называемой Гадаринской[8118]. Найдя львиную пещеру, он вошел туда и, помолившись, лёг спать на львином логовище, ибо настала ночь. В полночь пришел лев и, найдя на своем логовище спящего старца, схватил его зубами за одежду и потащил из пещеры, чтобы тот уступил ему его место. Преподобный проснулся, однако, не испугался, увидев страшного льва, но тотчас, встав, начал совершать полуночные молитвы, а лев вышел и ждал, пока он

совершит положенные молитвы. Окончив полунощницу, старец сел опять на том же месте, где лежал лев, а лев вошел опять и, схватив зубами за край одежды, стал тащить из пещеры святого отца. Тогда старец сказал льву:

– Зверь! Пещера просторна, нам обоим ее хватит, и мы можем жить оба вместе: один Творец нас создал. Если же ты не хочешь быть со мной вместе, то ты лучше уйди отсюда: я достойнее тебя, потому что создан рукою Божиею и почтен Его образом.

Услыхав сие, лев устыдился старца и ушел.

Узнали скифополитанцы и гадаринцы, что блаженный живет в той пещере, и начали приходить к нему. В числе их был юноша, по имени Василий, который оставил мир, постригся у преподобного отца Саввы и стал жить с ним. Услышали о пострижении Василия разбойники и подумали, что он много золота принес с собой в пещеру к преподобному Савве, так как сей юноша был из благородных и богатых. Ночью разбойники напали на них, но ничего не нашли у них и, подивившись их нестяжательности, ушли. И вдруг видят: навстречу им идут два больших, страшных льва. Они подумали, что это Бог их наказывает за то, что они осмелились напасть на рабов Его. И закричали они зверям громким голосом:

– Заклинаем вас молитвами отца Саввы, уйдите с дороги, не встречайтесь нам!

Услышав имя святого Саввы, львы отбежали, как будто их прогнал бичом. Разбойники же, удивившись сему чуду, возвратились к преподобному и рассказали о том, что случилось, раскаялись в своих злых делах, перестали заниматься разбоем и начали жить своими трудами.

Когда разнеслась молва об этом происшествии, то многие начали приходить к Савве: ибо он в немногие дни построил себе и келью. Но как скоро Савва увидел, что мирские люди начали его беспокоить, то, как птица, ищущая уединения и безмолвия, тайно удалился в другое пустынное место; братию же поручил Господу, поставив над нею игумена. Довольно долго пробыв в безмолвии, преподобный возвратился опять в Лавру, надеясь, что недовольные перестали роптать и злобствовать;

но оказалось, что они не исправились, а продолжали пребывать в своей злобе, и стало их еще больше, всего человек до шестидесяти. Он оплакивал их, как погибших, и отечески увещевал их: дерзости их он противопоставил долготерпение, ненависти – любовь, и слова свои одушевлял духовною мудростью и искренностью; но потом, видя, что они еще более укрепляются во зле, поступают бесстыдно и не хотят идти путем смирения, оставил Лавру и удалился в страну Никопольскую[8119]; там он поселился под так называемым Рожковым деревом[8120]. Савва питался плодами того дерева и укрывался под его ветвями. Владелец той местности, узнав о Савве, пришел к нему и построил ему на сем месте келью, и через несколько дней, благодатью Христовою, собрались к преподобному братия; так образовалась на том месте киновия. Блаженный Савва жил там, а ненавистники его в Лавре распустили слух между братиею, что Савва съеден в пустыне зверями; они отправились к блаженному патриарху Илии и сказали:

– Отец наш во время странствований по пустыне около Мёртвого моря растерзан львами; просим твою святыню дать нам игумена.

Блаженный же Илия, зная жизнь Саввы с юности, сказал инокам:

– Я не верю вам, ибо знаю, что Господь правосуден. Он не презрит стольких добрых дел отца вашего и не попустит ему быть съедену зверями; идите лучше, поищите отца вашего или посидите у себя в келлиях и помолчите, пока Бог не откроет его.

Итак, возвратились враги Саввы со стыдом.

Наступил праздник обновления храма Воскресения Господня в Иерусалиме, и собрались все палестинские епископы и игумены; пришел и преподобный Савва с несколькими братиями из Никопольского монастыря. Патриарх очень обрадовался, увидав его, и наедине стал уговаривать опять возвратиться в Лавру. Он же отказывался, говоря, что свыше его сил – управлять и заботиться о таком множестве братий, и просил прощенья. Но патриарх сказал:

– Если не исполнишь моей просьбы и совета, то не являйся мне на глаза: не могу я терпеть, чтобы трудами твоими владели другие.

Тогда блаженный Савва, хотя и против желание своего, открыл патриарху о причине своего ухода из лавры:

– Пусть не буду я повинен в ссорах и расколах братии, – прибавил он и рассказал о восстающих на него ненавистниках.

Ослушаться патриарха Савва не мог и повиновался: Никопольскому монастырю он поставил игуменом своего ученика, пришедшего вместе с ним из Никополя, а сам отправился в свою Лавру. Патриарх послал с ним следующий указ к братии:

– Объявляю вам, братиям о Христе, что отец ваш Савва жив, а не съеден зверями, как вы слышали и рассказывали: он пришел ко мне на праздник, и я удержал его, считая несправедливым делом, чтобы он оставил свою Лавру, которую устроил с помощью Божиею своими трудами, убедил возвратиться в нее. Итак, примите своего отца радушно и с должною честью и повинуйтесь ему во всем, так как не вы избрали его, а он вас собрал. Если же некоторые из вас, гордые и непокорные, не захотят смириться и покоряться ему, тем мы повелеваем тотчас уйти из Лавры: не подобает сему отцу не занимать своего места.

Когда сие послание было прочтено в Лавре посреди церкви, враги Саввы, ослеплённые злобой, подняли крик и смятение, обвиняя неповинного и чистого сердцем святого отца; одни укоряли его, бранили, злословили, другие, взяв свои одежды и вещи, собирались уйти из Лавры, а некоторые, схватив топоры и ломы, устремились к келлии, которую построил сам преподобный Савва, в неистовстве разорили ее до основания, побросали дерево и камень вниз, в поток, и ушли в Сукийскую Лавру[8121]. Игумен же той лавры Аквилин, человек богоугодный, зная о злобе их, не принял их, и прогнал из своей Лавры. Тогда они пошли к Фекойскому потоку[8122], там построили себе келлии и поселились. Так были вырваны сии плевелы из Лавры, а оставшиеся братия, как пшеница, были плодом, угодным Богу и, умножаясь, беспрепятственно приносили Богу чистоту сердца.

Прошло немного времени, и услышал святой Савва, где находятся ушедшие из Лавры и о том, что они терпят большую нужду; тогда он навьючил много пищи на лаврских лошадей и ослов и отправился с этим к ним, с одной стороны желая утолить их гнев, с другой – помочь им в их нужде. Некоторые же из них, увидев, что блаженный Савва идет к ним, стали говорить:

– Ну, и сюда пришел этот лицемер!

И другие злословия произносили они в гневе и ярости. Он же, незлобивый, с любовью посмотрел на них, сказал им доброе слово и утешил пищею. Увидев их тесноту, нужду и беспорядок, – ибо они были, как овцы без пастыря, – он уведомил обо всем патриарха и просил его позаботиться о них. Патриарх поручил их ему, дав на постройку литру золота[8123] и еще много необходимого. Савва отправился к ним, пробыл у них пять месяцев, построил им церковь, пекарню и устроил новую лавру[8124]; туда из старой лавры он перевел одного из опытных отцов, по имени Иоанна, человека прозорливого, имевшего дар пророческий, и поставил им его игуменом. После этого он возвратился в свою лавру.

Иоанн начальствовал над сей новой лаврою семь лет и преставился ко Господу[8125]. Перед кончиной он предсказал будущее о новой лавре; он прослезился и сказал окружавшим его:

– Вот наступают дни, в которые жители места сего отпадут от правой веры и в гордости возмечтают о себе, но дерзость их разрушится, и величие их внезапно падет, и они будут изгнаны.

После Иоанна игуменом был Павел, родом римлянин; он был весьма прост сердцем и сиял Божественными добродетелями, но начальствовал только шесть месяцев и, не стерпев несогласий, бежал во Аравию, где и скончался в монастыре Севириановом[8126]. Узнав о бегстве Павла, Савва поставил в игумена новой лавре ученика своего Агапита. Агапит нашел, что некоторые из братий держатся учения Оригенова[8127]: оно было, как яд змеиный в их устах и как болезненная язва под языком. В числе их первым был некоторый палестинец, по имени Нонн, который казался истинным христианином, с виду

благочестивым, внутри же полон был языческих и иудейских лжеучений и пагубных ересей: Манихейской[8128], Дидимовой, Евагриевой[8129] и Оригеновой. Нашедши таких братий, Агапит из боязни, как бы и другие не заразились теми же ересями, сообщил о них патриарху и, по его совету, изгнал их из обители. Через пять лет Агапит преставился. После него игуменство вручено было некоему Маманту. Нонн же со своими единомышленниками, услышав о смерти Агапита, возвратился в новую лавру, но боялся Саввы и скрывал яд своей ереси. А преподобный Савва в сие время нашел одну пещеру в десяти стадиях от своей старой лавры, на север, около Кастеллии, и занят был постройкой там обители, которую назвал пещерною[8130]. Ему помогал своими средствами пресвитер святого Сиона Маркиан со своими сыновьями: Антонием и Иоанном. Сей Иоанн был патриархом в Иерусалиме после Илии[8131].

На горе, где царица Евдокия построила башню[8132], в восточной пустыне, жили два инока, державшиеся ереси Нестория[8133]. Преподобный Савва весьма скорбел о них, что отступили они с правого пути и с великим прискорбием переносил их близкое присутствие над тремя его монастырями. В сие время явилось ему такое видение: ему казалось, что он находится в церкви святого Воскресения, в собрании народа, среди которого он увидел тех двоих несториан. Когда пришло время причащения, все братия беспрепятственно приступали к Божественным Тайнам и причащались; когда же сии два еретика хотели приступить к причастью, внезапно явились грозные воины, отгоняющие их от причащения и изгоняющие их из церкви. Блаженный стал просить воинов оставить этих двух иноков в церкви с братиею и позволить им причаститься. Воины же отвечали:

– Нельзя позволить причаститься им Божественных Тайн, ибо они – явные Иудеи и не признают Христа Богом, а Пречистую Деву Марию Богородицею.

После этого видения блаженный еще больше восскорбел, жалея о погибели их душ; много потрудился он, постясь и молясь о них Богу, чтобы Он просветил их светом познания

истины. И часто ходил он к ним, уча и наставляя, прося и увещевая, пока, наконец, благодатью Божиею не привлек их вновь в православную Церковь Христову: так заботился он о спасении человеческих душ. Он увёл их с того холма и отдал в монастырь Феодосиев, а холм, вместо них, отдал одному из своих учеников, Иоанну Византийцу: там, с помощью Божиею, через некоторое время устроился монастырь.

Был в великой лавре один монах, по имени Иаков, родом из Иерусалима, дерзкого и гордого нрава. Он сговорился с несколькими подобными ему иноками и, в отсутствие блаженного Саввы, который тогда проводил время Великого поста по своему обычаю в пустыне, в совершенном безмолвии, – ушел из лавры и начал строить себе монастырь при вышеупомянутом озере Гептастоме, желая сравняться с преподобным Саввою. Когда же отцы лавры начали негодовать на сие и препятствовать его делу, он обманул их и сказал, что святой отец ему то приказал. Возвратившись из пустыни и узнав о поступке Иакова, Савва пошел к нему и стал уговаривать его оставить свой замысел, говоря, что не будет пользы в том, что происходит от дерзости и высокомерия; но тот не внимал старцу и не слушался его слов. Тогда святой сказал ему:

– Если не послушаешься, смотри, как бы тебе не подвергнуться наказанию.

С сими словами он ушел в свою келью. А на Иакова напал ужас и трепет; он сильно заболел и лежал шесть месяцев, будучи почти не в состоянии сказать ни слова. Отчаявшись уже в жизни, он велел нести себя к блаженному Савве, чтобы попросить прощение перед смертью. Савва, увидев его, обратился к нему с отеческим наставлением, потом подал ему руку и поднял его с постели. Иаков встал здоров, как будто и не хворал совсем. Причастив его Пречистых Таин, Савва дал ему есть. Иаков уже не возвращался к своей новой стройке.

Между тем патриарх Илия, услыхав о происшедшем, повелел разрушить постройку Иакова. Святой же Савва, взяв из лавры несколько сильных иноков, пришел на место, отстоявшее от разрушенного строения к северу около пяти стадий, построил часовню и келлии вокруг нее и, поставив там настоятелями

некоторых иноков из великой лавры, по имени Павла и Андрея, поселил там также и других братьев и основал на сем месте лавру, наименовав ее семиустною[8134].

Возвратившись в великую лавру, он посылал братиям, находящимся в упомянутом месте, Святые Дары и благословенные хлебы, и имел великое попечение об этом месте.

По прошествии некоторого времени, упомянутый Иаков определен был на послушание служить в гостинице странникам. Небрежно относясь к своей службе, он однажды сварил слишком много бобов, больше чем нужно было; бобов осталось от обеда столько, что и на другой день с избытком бы хватило на обед, но он выбросил остаток за окно, в поток; и сие он делал не один раз, а много. Увидев сие, преподобный Савва сошел незаметно в поток, собрал выброшенные бобы, принес в свою келью и посушил немного на солнце. Немного спустя, преподобный сварил сии бобы и, приготовив из них кушанье, позвал к себе Иакова обедать. За обедом старец сказал Иакову:

– Прости меня, брат, что я не угостил тебя так, как хотел, и, может быть, не угодил тебе кушаньем; не умею хорошо готовить.

Иаков же сказал:

– Право, отче, ты прекрасно приготовил сии бобы, я давно не едал такого кушанья.

Старец отвечал:

– Поверь мне, чадо, что это те самые бобы, которые ты высыпал в поток; знай же, что кто не может горшка бобов приготовить в меру, чтобы ничего не пропало даром, тот не может заведывать монастырем и управлять братиею. Так и Апостол говорит: «ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1Тим. 3:5). Услышав сие, Иаков устыдился и своего прежнего любоначалия и своей нерадивой службы, раскаялся и просил прощения.

Сего Иакова в его келлии искушал бес телесной похотью и нечистыми помыслами: долго не прекращалось сие искушение, и не мог более терпеть Иаков: он взял нож и оскопил себя. Когда поднялась страшная боль, он начал звать на помощь

живших поблизости братий. Пришли братия и, увидев, что случилось, насколько могли, стали унимать лекарствами его боль; и через долгое время едва могли его вылечить. Дошло сие и до преподобного Саввы, и выгнал старец из лавры Иакова, уже выздоровевшего от раны, как страшного преступника. Тот пошел к преподобному Феодосию, рассказал ему о своей беде и об изгнании и умолял попросить за него преподобного Савву, чтобы он опять принял его в монастырь в келью. Феодосий, уступая просьбам брата, пошел к блаженному Савве и просил за изгнанного брата. По просьбе такого великого отца и друга своего, Савва принял Иакова, наложив на него заповедь: ни с кем не разговаривать, кроме прислуживающего ему, не иметь общение с братией, даже не выходить из своей кельи, и, сверх того, отлучил его от причащения Пречистых и Божественных Таин. Так пребывал Иаков в молчании, пребывая в покаянии, изливая многие слёзы перед Богом, пока не было свыше даровано ему прощение, и блаженному Савве возвещено было Божественным откровением, что Иакову прощен его грех. Однажды преподобный Савва увидел в видении светоносного мужа, стоящего неподалеку, и какого-то мертвеца, который лежал в ногах у Иакова и о воскресении которого молился Иаков; и послышался голос свыше:

– Иаков! Услышаны твои молитвы, прикоснись к мертвецу, и подними его.

И когда Иаков по сему приказанию коснулся мёртвого, тотчас мертвый воскрес; а светоносный муж сказал Савве:

– Вот мертвец воскрес, – и ты разреши узы, возложенные на воскресившего.

Увидев сие, Савва тотчас послал за Иаковом, снял с него епитимию, разрешил ему входить на собор и вместе с братией причащаться Пречистых Таин. Через семь дней после своего прощения, Иаков отошел к Господу.

В великой лавре были два брата по плоти, по имени Занн и Вениамин, и единодушно пребывали в смиренном служении Богу, украшенные Божественными добродетелями. Оба они единодушно просили святого Савву, чтобы он дал им ту пустынную келью, которую он сам себе построил в расстоянии

около пятнадцати стадий от лавры к Ливии[8135]. Зная, что они – истинные делатели Божии, старец согласился на их просьбу и дал им ту келью. Итак, они имели у себя одну келью пустынную, а другую в лавре свою. При пустынной келлии они своими трудами основали, при помощи великого аввы своего, киновию; ибо он доставлял им потребное для издержек и прочие нужные вещи. Когда в сем месте умножились братия, – Савва попечением своим построил церковь, освятил ее и ввел в сию киновию правила других своих киновий.

И был преподобный отец наш Савва подобен чудному древу, от которого произрастают прекрасные ветви; так, образцом святой жизни своей и прилежными молитвами к Богу он увеличивал в своей лавре число святых отцов и подвижников, и были они святы, как и он, по Писанию: «если корень свят, то и ветви» (Рим. 11:16). Из этих святых ветвей следует помянуть блаженного старца Анфима, из Вифинии, проводившего жизнь во многих иноческих подвигах. В начале своего пребывания в лавре он построил себе небольшую келью по ту сторону потока на восточной стороне, против столпа преподобного Саввы, и пробыл в ней тридцать лет. В старости он обессилел, впал в болезнь и лежал на постели. Видя его таким дряхлым и больным, блаженный Савва хотел взять его в одну из келлий около церкви, чтобы там можно было братии навещать его и ходить за ним без труда; но он просил оставить его умереть там, где поселился сначала. Таким образом он был оставлен в своей келье больным. Однажды ночью преподобный Савва, по обычаю своему встав на молитву прежде утреннего пения, услышал какие-то прекрасные голоса, как будто многие пели; он подумал, что поют утреню в церкви, и удивлялся, как это без него и без его обычного благословения поют утреню. Но, подойдя сейчас же к церкви, он никого не нашел там, и двери ее были заперты; он возвратился, удивляясь, что за голоса он слышал, и вдруг опять услыхал то же прекрасное пение; пели же они следующее: «Я ходил в многолюдстве, вступал с ними в дом Божий со гласом радости и славословия празднующего сонма» (Пс. 41:5).

Поняв, что сии дивные голоса слышались с той стороны, где была келлия блаженного Анфима, Савва догадался, что Анфим преставился. Тотчас разбудив церковника, он приказал ударить в било, чтобы собралась братия; взяв с собой нескольких из братии, он пошел в келью к старцу со свечами и ладаном. Войдя внутрь, они никого не нашли, только лежало мёртвое тело блаженного Анфима, душа же его с Ангельским пением отошла к Господу. Они взяли честное тело, принесли в церковь и, отпев, погребли со святыми отцами.

Один брат из Феодосиева монастыря, человек сильный, по имени Афродисий[8136], был послан по делу; в пути рассердился он на лошака, на котором вез пшеницу, и сильно ударил его; лошак от удара упал и издох. За сие Афродисий был изгнан преподобным Феодосием из его обители. Тогда он пришел к преподобному Савве и рассказал ему о своем поступке, прося его совета. Преподобный Савва дал ему келью и сказал:

– Живи в келье своей, в другую келью не переходи, из лавры не выходи, обуздывай свой язык, умеряй требования чрева своего и спасешься.

Афродисий, приняв сию заповедь, ни в чем не преступал ее и в продолжение тридцати лет не выходил из лавры, не имел у себя ничего, даже какого-либо сосуда для пищи и кровати, спал на древесных ветвях, покрываясь рогожей, в пищу брал себе остатки варёной непитательной пищи из овощей. Ночной плач его мешал спать живущим. Наконец он удостоился дара предвидения, ибо за неделю предузнал день своей кончины. После этого он просил Савву отпустить его в обитель блаженного Феодосия. Преподобный послал с ним двух братий и велел сказать Феодосию:

– Вот, общего нашего брата Афродисия, которого я некогда принял от тебя человеком, я посылаю к тебе ныне по благодати Христовой Ангелом.

Феодосий с любовью принял его, простил и отпустил с миром; Афродисий же возвратился к святому Савве и, после непродолжительной болезни, почил о Господе.

Часто приходили к преподобному жители города Медава[8137], лежащего на другой стороне Иордана, почерпали у

него весьма великую пользу душевную и приносили ему в лавру хлеб в зернах и овощи и получали от него благословение. Среди них был один почётный муж, по имени Геронтий; он прибыл в святой град и заболел. Желая отправиться на Елеонскую гору помолиться, он упал с лошади, расшибся и разболелся еще больше, так что не надеялся остаться в живых. Преподобный Савва помазал его святым елеем и исцелил. Однажды, обедая с сыном Геронтия Фомою, Савва обратил уксус в хорошее вино, когда вдруг вина не оказалось. Случилось так, что сваренные для рабочих тыквы оказались горькими; Савва крестным знамением сделал их сладкими. Некогда шел преподобный из Иерихона к Иордану с юным учеником своим, и встретилось им много горожан, а среди них красивая девушка. Когда они прошли мимо, старец, желая испытать ученика, сказал:

– Какова девушка, что прошла? Мне показалось, она слепа на один глаз.

Ученик отвечал:

– Нет, оба глаза ее видят.

– Ты ошибся, – сказал старец, – девушка с одним глазом.

Но ученик настаивал, говоря, что у ней здоровые глаза. Старец спросил:

– Как же ты узнал?

– Я, отче, – отвечал ученик, – внимательно смотрел на ее лицо и видел, что у ней оба глаза видят.

Тогда сказал ему старец:

– Если ты так внимательно смотрел на ее лицо, то как же ты не вспомнил о заповеди в Священном Писании: «Не пожелай красоты ее в сердце твоем, [да не уловлен будешь очами твоими,] и да не увлечет она тебя ресницами своими» (Притч. 6:25). Знай же, что отныне не будешь со мной в келье, так как не хранишь своих глаз, – и отослал его в наказание в Фастеллий.

После того как он прожил там некоторое время и довольно научился всемерно наблюдать за своими глазами и бдеть над своими мыслями, Савва принял его снова в лавру и дал ему келью.

Однажды, когда преподобный был в пустыне, так называемой Рува, встретился ему на пути лев с занозой в лапе и, упав к ногам святого, стал с рёвом показывать ему свою лапу, как бы прося вылечить его. Святой вынул занозу из лапы льва и тем облегчил ему боль; после этого лев стал ходить за святым и служил ему. Был тогда при старце ученик, по имени Флаис, и имели они осла. Когда Савва посылал ученика за каким-либо делом, то приказывал льву стеречь осла; лев брал в зубы повод и так водил осла пастись, а вечером, напоивши его, приводил опять к старцу. По прошествии нескольких дней, Флаис был послан за каким-то делом и по бесовскому наваждению впал в нечистый грех; в то же время лев на пастбище съел осла. Флаис понял, что за его грех лев съел осла, чтобы обличить его, и боялся показаться старцу. С горем он ушел в какое-то село, и старец долго искал его, наконец, нашел, привел к себе и, затворив в клети, наложил на него покаяние. Он принес сердечное покаяние и многими слезами очистился от своего греха, при помощи молитв святого старца, который весьма заботился о спасении душ человеческих.

Подобает воспомянуть попечение Саввы о благосостоянии Церкви Божией во время поездок его по делам церковным в Царьград; посылаем же он был туда по следующему поводу. Царь Анастасий, еретик, отвергал четвертый Вселенский собор святых отцов в Халкидоне[8138] и произвел в то время большую смуту в церкви. Он изгнал Евфимия, патриарха Цареградского[8139], и гневался на Флавиана Антиохийского[8140] и Илию Иерусалимского, которых тоже хотел изгнать, так как они не одобряли его ереси. Желая склонить царя к умиротворению церкви, Илия послал к нему игуменов палестинских пустынь, среди которых был и Савва, с такою письменной просьбой:

«Избранных рабов Божиих, благих и верных пустынножителей, а с ними и Савву, главу всей пустыни и всей Палестины светильника, с молением посылаем к вашей державе. Ты же, о царь, приняв их труды и старание, прекрати вражду в Церкви и не позволяй умножаться злу: мы знаем, что ты печешься об угождении Богу, давшему тебе царский венец».

Игумены прибыли в Константинополь, и когда входили в царские палаты, то Савва шёл позади всех. Сторожа, стоявшие у дверей, увидев его в худой и заплатанной одежде, приняли его за нищего и не пустили войти. Царь, приняв с честью пришедших к нему отцов и прочитав послание патриарха, спрашивал, кто из них Савва, которого так хвалит патриарх в своем послании? Отцы огляделись вокруг и говорили, что он шел вместе с ними, но они не знают, где он остался. Тотчас царь велел его искать, и его насилу нашли стоящим где-то в углу и читающим псалмы Давидовы. Когда его вели к царю, тот увидел идущего перед ним светоносного Ангела и, догадавшись, что Савва человек Божий, почтил его, встав с престола, а затем велел всем сесть. Во время продолжительной беседы блаженный Савва подвизался больше всех отцов, бывших там, боговдохновенными словами увещевая царя умиротворить Церковь и обещая ему за то от Бога победу над врагами. Мало успеха имели присланные отцы и были отпущены домой, а преподобный Савва остался, пока не убедит царя и не примирит его с патриархом Илиею. Преподобный перезимовал в Византии, часто бывая у царя и беседуя с ним о православии и об иерусалимском патриархе. Ему позволен был беспрепятственный доступ во дворец; он мог, когда хотел, входить и уходить, без всяких задержек и справок со стороны сторожей, и за сие время убедил царя не гневаться на патриарха и даровать мир палестинским церквам. Затем он возвратился в Иерусалим, богато одарённый царём на дорогу. Он получил от царя до двух тысяч золотых монет, которые принес к себе и разделил между своими монастырями, а известную часть послал в Муталаскское селение, где родился, чтобы в отцовском доме построили церковь во имя святых мучеников Космы и Дамиана.

Блаженный патриарх Илия, приобрел, благодаря святому Савве, мир для палестинских церквей и для себя, недолго пожил в спокойствии: еретики не переставали наговаривать царю и восстановлять его против Церкви Христовой и ее пастырей, чтоб досадить им. Поэтому царь назначил собор в Сидоне[8141], поставив во главе его двух епископов, разделявших

зловерие Евтихия и Диоскора[8142], а именно: Сотериха, епископа Кесарии Каппадокийской и Филоксена Иерапольского[8143], с тем, чтобы на том соборе прокляли собор Халкидонский, а Флавиана и Илию низложили с престолов. Так и случилось: собрался беззаконный собор, и нечестивцы с помощью царя изгнали с бесчестием блаженного Флавиана, патриарха Антиохийского, не пожелавшего присоединиться к их собору, а вместо него престол принял нечестивый Север и много бед причинил православным, не желавшим иметь с ним общения. Он послал своё исповедание веры, принятое на соборе, и к Илие Иерусалимскому[8144]; тот же, не приняв еретических правил, отослал их обратно. Узнав о сем, царь весьма разгневался на блаженного Илию и велел тотчас послать Северово исповедание веры в Иерусалим с несколькими клириками и значительным отрядом войска, чтобы силою принудить патриарха Иерусалимского согласиться на принятие правил Сидонского собора. Когда они прибыли в Иерусалим, произошло большое смятение, и патриарх находился в большом затруднении. Тогда преподобный Савва собрал всех иноков из своих монастырей и, войдя во святой град, разогнал присланных служителей Севера и войско, самого же Севера с его единомышленниками предал перед всеми анафеме. Еретики возвратились со стыдом к пославшим их, рассказывая о великой смелости православных и о своем позоре. Тогда царь, в несказанном гневе, послал в Иерусалим Олимпия, епарха[8145] палестинского, с большим войском и велел, без всякого закона и суда, царской властью, свергнуть патриарха Илию с престола. Олимпий пришел с большой военной силой и тотчас исполнил царское повеление, сверг патриарха без суда и послал в заточение в Аилу, а на его место возвел Иоанна[8146], сына пресвитера Маркиана, который обещался проклясть Халкидонский собор и иметь общение с Севером. Узнав о сем, блаженный Савва снова, как в первый раз, собрал свое духовное воинство и, как воевода, пошел во святой град, но уже не застал там епарха Олимпия; тот совершил повеленное ему злодеяние и довольный возвратился к царю. Весьма скорбел блаженный об изгнании невинного Илии и плакал о нем. Видя,

что новый патриарх Иоанн еретически мудрствует, Савва горячо убеждал его не иметь общение с Севером, а защищать Халкидонский собор и стоять за него до последней капли крови; если же он не сделает сего, то, как еретик, будет проклят всеми отцами пустынниками. Иоанн устыдился, а вместе с тем и побоялся стольких Боговдохновенных отцов, пришедших вместе со святым Саввою, отвергся Севера и всей его ереси, принял Православие, утвержденное на Халкидонском соборе, – и успокоились святые отцы.

Вскоре стало известно царю, что новопоставленный патриарх Иоанн отвергает Сидонский собор, а принимает Халкидонский. Царь разгневался на Олимпия и лишил его сана за то, что избрал такого патриарха, а вместо Олимпия поставил епархом всей Палестины некоего Анастасия и послал его в Иерусалим, чтобы он или склонил патриарха Иоанна к общению с Севером, или свергнул его с престола. Анастасий пришел и, тотчас схватив патриарха, заключил его в темницу. Патриарх просил епарха смилостивиться над ним, обещаясь исполнить все приказания, с тем только, чтобы не казалось, что он исполняет царскую волю по принуждению, и обещался в следующее воскресенье перед всем народом в церкви проклясть Халкидонский собор, а Сидонский прославить и вступить в общение с Севером. Патриарх был выпущен из темницы и тайно послал к преподобным отцам Савве и Феодосию, чтобы они постарались собрать всех отцов и прийти к нему в день воскресный в церковь. Случилось тогда быть в Иерусалиме на богомолье и Ипатию, царскому родственнику; в день воскресный пришли оба настоятеля, Савва и Феодосий, а вместе с ними до десяти тысяч черноризцев[8147]. В церкви[8148], куда пришли и епарх Анастасий и Ипатий, царский родственник, со своими воинами, и сошлось множество народа, патриарх вошел на амвон вместе с Саввою и Феодосием; тогда весь народ с черноризцами закричали патриарху:

– Прокляни еретиков и утверди Халкидонский собор!

Патриарх ободрился и сказал громким голосом:

– Кто думает одинаково с Евтихием, Несторием, Севером и Сотерихом, да будет анафема!

Также и блаженный Феодосий с преподобным Саввою громко воскликнули:

– Кто не принимает четырех соборов, как четырех Евангелистов, да будет проклят!

Увидев сие, епарх Анастасий испугался множества черноризцев и народа, поспешно вышел из церкви и бежал в Кесарию. А родственник царский поклялся отцам, что пришел не утверждать Северово учение, а поклониться святым местам и присоединиться к святой кафолической Церкви. И дал он преподобным отцам Савве и Феодосию много золота, чтобы они разделили между пришедшими с ними черноризцами. После этого преподобные отцы от лица всего собора написали царю следующее: «Господь наш Иисус Христос, Царь всех вечный и Бог, по Своей благости отдал в вашу власть скипетры земного царства, чтобы через вас подать истинные блага мира всем церквам и особенно матери церквей – святому Сиону; все знают, что в сей церкви началось великое таинство правой веры и распространилось до конца земли. Мы, жители этих Божественных мест приняли его от святых Апостолов, сохранили целым и невредимым до сего дня и сохраним вовеки Христовой благодатью, не давая противникам отклонить нас от правого пути, не поддаваясь их скверным и суетным речам. В сей непорочной и ненарушенной вере и вы, царь, воспитались и возросли, – и мы дивимся теперь, как во дни вашего царствования в святом граде Иерусалиме, произошли такой мятеж и такое волнение, что они не миновали даже служителей, Божиих пресвитеров и иноков, возлюбивших от юности добродетель и избравших себе кроткую жизнь в безмолвии; на глазах у Иудеев и других неверных, их влекут от самого святого Сиона по городским улицам и изгоняют в неплодные места. Их даже принуждают творить неподобающее правой вере, так что приходящие сюда для молитвы, вместо пользы для души, получают вред и возвращаются с соблазном. Молим, поэтому, вашу державу, избавь нас от стольких зол, виновник коих Север, которому отдана, по грехам нашим, Антиохийская церковь, на погибель души его же самого и всем церквам на соблазн. Как нам, Иерусалимлянам, можно теперь поучаться

вере без соблазна? Как будто мы, бывшие для всех отцами и наставниками в слове благочестия, теперь только, так поздно, познали правое исповедание! Да разве мы не знаем, что новоявленное мнимое исправление правой и здравой веры, завещанной отцами, не исправление на самом деле, а развращение и порча и принимающим его готовит в награду погибель души? Не потерпим никакой прибавки к исповеданию веры, сверх установленного тремястами восемнадцатью святых отцов Никейских и тремя другими бывшими потом вселенскими соборами[8149], и никакой перемены, но готовы за сие положить души наши и принять бесчисленные, если бы можно было, смерти. Мир же Божий, превосходящий всякий ум[8150], пусть да сохранит святую нашу веру и поднятую против нее бурю да усмирит к святой Своей славе и к украшению вашего же царства».

Получив такое послание святых отцов, царь сильно разгневался и решил изгнать из пределов иерусалимских патриарха Иоанна с обоими игуменами: Саввою и Феодосием. Но промысл Божий не попустил совершиться сему злодеянию. Случилась в то время война с какими-то варварами, и поэтому царь отложил до времени гонение на церковь и на преподобных отцов и стал готовиться к войне с варварами.

После несправедливого изгнания святого патриарха Илии, по праведному суду Божию, случился голод и засуха и великий неурожай во всей Палестине, как во дни пророка Илии (3Цар. 17; Иак.5:17–18): затворилось небо и не давало дождя, и пересохли источники воды: сверх того, появилась во множестве саранча, покрыла всю землю и истребила всю траву на полях и листья на деревьях. Такая казнь Божия продолжалась до пяти лет, и многие умерли от голода и жажды. И говорили жители Иерусалима, что Бог наказывает Палестину голодом за несправедливое изгнание патриарха Илии. В то время блаженный Савва созвал настоятелей семи построенных им монастырей и не велел им заботиться ни о чем плотском, напоминая им евангельские слова: «Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? Или что пить? Или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш

Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6:31–33).

И питаемы были они всемогущим промыслом Божиим.

Однажды перед воскресением эконом великой лавры сказал преподобному:

– Нельзя, отче, ударить в било в сию субботу и воскресенье к Божественной службе, потому что не только отцам нечего предложить есть, когда они соберутся, но даже для святого приношения не найдется хлеба: так обнищали мы.

Святой же отвечал:

– Я не оставлю службы из-за недостатка в пище: справедлив Тот, Кто не велел заботиться о завтрашнем дне, и может пропитать нас во время голода; пусть церковник пошлет продать в город сосуд или одежду и купить нужное для святой литургии.

Так отвечал святой эконому и, возложив надежду на Бога, ждал. И еще до наступления воскресенья вдруг приходят к нему какие-то отроки, посланные Божиим промыслом, ведя с собою тридцать ослов, навьюченных хлебом, пшеницею, вином и маслом, и разною другою пищей, и отдали все сие преподобному. Он возблагодарил Бога и сказал эконому.

– Что скажешь, брат – не следует ли нам запретить ударить в било в сию субботу и воскресенье, потому что нечего предложить собравшимся отцам?

Эконом подивился великой вере святого и великому промыслу Божию о них и просил прощения за свое неверие.

После этого преподобный пожелал посетить святейшего патриарха Иерусалимского Илию в изгнании; Савве было тогда восемьдесят лет[8151]. Он взял с собой двух игуменов, Стефана и Евфалия, и отправился. Увидев Савву и пришедших с ним, Илия обрадовался и удержал их у себя несколько дней. Все те дни он выходил из своей кельи в девятом часу[8152], так как от отпуста вечерни до девятого часа он никому не показывался, но, затворивши двери, пребывал в безмолвии, а в девятом часу выходил к ним, обедал с ними и наслаждался духовными беседами; после же вечернего отпуста он опять уходил в свою

безмолвную келью. Однажды, девятого июля, он не вышел к ним, как обыкновенно. Они прождали его весь день и не вкусили пищи. В шестом часу ночи[8153] патриарх вышел с заплаканными глазами и сказал им:

– Вы вкушайте; мне же нет времени, я занят одним делом.

На их заботливый вопрос, отчего он так долго не шел и о чем он так плачет, он, тяжело вздохнув и заплакав, сказал святому Савве:

– Отец блаженный, увы, сейчас скончался царь Анастасий, через десять дней и мне подобает оставить сию жизнь и судиться с ним перед Страшным Судом Божиим.

Так и случилось: через десять дней святейший патриарх Илия преставился[8154], немного похворав перед своей кончиной; преподобный Савва похоронил его с честью и возвратился в свою лавру. О смерти же царя Анастасия рассказывается, что в ту ночь, когда было о нем явление патриарху Илии, загремел гром и молния ударила в царскую палату; она гнала царя с места на место, от одного угла к другому, наконец, настигла его в одном углу и убила. Так злой и погиб злою смертью.

По смерти нечестивого царя Анастасия, на престол вступил благочестивый Юстин[8155] и разослал во все концы своего царства повеление, чтобы возвратить из изгнания православных и чтобы каждый из них получил опять свой сан и свое место, определение Халкидонского собора были бы вписаны в святые книги, и пусть в Церкви Христовой воцарился бы мир. Когда сие царское повеление достигло святого града Иерусалима, все весьма возрадовались, а патриарх Иоанн просил преподобного Савву пойти в Кесарию и Скифополь[8156], объявить сие царское послание и вписать в церковные книги определение Халкидонского собора. Хотя преподобный был уже слаб телом от старости и изнурен многими иноческими подвигами, однако, для Церкви Христовой не отказался исполнить сие приказание, не поленился предпринять столь трудный путь, но отправился вместе с некоторыми другими начальствующими иноками и был встречен в Кесарии святым Иоанном Хозевитом, который был тогда там иерархом. В Скифополе преподобный был с честью принят митрополитом Феодосием и всеми гражданами и

сотворил там чудеса. Он пророчествовал об одном знатном самарянине Сильване, восставшем на христиан, что он сгорит от огня посреди города, – о чем будет сказано ниже; исцелил кровоточивую женщину и бесноватую отроковицу и, принесши таким образом много пользы Церкви, возвратился в Иерусалим.

Когда означенное определение Юстина было привезено в Иерусалим, то собралось бесчисленное множество монахов и мирских, прибыл также святой Савва, и много епископов, и 6 августа в праздник Преображение Господня определение четырех (Вселенских) соборов, по замечанию списателя жития преп. Саввы Освященного, внесены были в священные постановления. «Таким образом, – заключает писатель жития, – пророчество Божественного старца исполнилось на императоре Анастасии».

К концу четвертого года бездождия в Палестине, при большом недостатке в воде, братия хотели разойтись и просили святого отпустить их. Упрекнув их за нетерпение, святой повелел им надеяться на Бога, и на третий день появилось над лаврою дождевое облако, пошел дождь и наполнились водою рвы лаврские; дождь сей был только в лавре, а в окрестных местах не было ни капли росы. Тогда пришли к старцу игумены из окрестных монастырей и сказали:

– В чем мы согрешили против тебя, отче, что ты позабыл о нас и испросил от Бога дождя только своей лавре?

Он ласково утешал их и обнадеживал, что и у них в монастырях не иссякнет вода, пока не даст Бог дождя всей Палестине. Настал пятый голодный год; воды настолько не хватало, что в святом городе нищие умирали от жажды: от засухи и бездождия иссякли источники, пересохли колодези, пруды и ручьи. Патриарх Иоанн горько скорбел и, посещая те места, которые когда-то были болотистыми и сырыми, приказывал копать рвы и колодези, чтоб найти воду, но воды не находили. На месте Силоамского источника с большим трудом много рабочих прокопали до сорока саженей – и не нашли воды, патриарх в отчаянии оплакивал общее бедствие всего города. Был месяц сентябрь, и приближался **праздник обновления**. Узнав, что преподобный Савва своей молитвой свёл дождь на

лавру, патриарх послал за ним и просил помолиться Богу, чтобы Он помиловал людей Своих и не истребил посредством голода и жажды. Преподобный же Савва отказывался, говоря:

– Кто я такой, чтобы прекратить гнев Божий? Я сам грешен.

Патриарх же еще сильнее умолял его. Тогда преподобный сказал:

– Ради послушания я пойду в келью и буду молить Бога о благости; если пройдет три дня, и не будет дождя, то знайте, что не услышал меня Бог; молитесь и вы, чтобы моя молитва дошла к Богу.

С этими словами он ушел. На следующее утро был страшный зной; множество рабочих копали весь день в вышеупомянутом рве, а вечером оставили все свои сосуды и корзины, надеясь опять с утра прийти на работу. Наступила ночь, и подул ветер с юга, разразилась гроза, и всю ночь шел ливень, так что наполнились водостоки и отовсюду текли потоки. В то место, где копали, натекла вода, и земля, которую с таким трудом и так долго вынимали изо рва, сразу ушла на свое место, покрыла сосуды и корзины, и сравнялось то место с землею, так что нельзя было узнать, где копали; все водоемы святого города, по молитвам преподобного Саввы, наполнились водою, и все в радости благодарили Бога.

На восемьдесят шестом году жизни преподобного Саввы скончался патриарх Иоанн, оставив себе преемником добродетельного мужа, Петра Елевферополита[8157]. Потом через три года, царь Юстин, по старости и болезни, оставил престол, поручив царство племяннику Юстиниану[8158]. Патриарх Петр любил преподобного Савву и почитал его, как и прежние патриархи, и часто посещал его в пустыне. У патриарха была сестра, по имени Исихия, женщина благочестивая и добродетельная. Она впала в жестокую болезнь, так что врачи отчаялись излечить ее. Тогда патриарх просил святого Савву прийти в дом больной и помолиться о ней. Он пришел и троекратно осенил больную крестным знамением, и она тотчас встала, славя Бога.

В начале девяносто первого года жизни преподобного Саввы скончался святой авва Феодосий[8159]. В сие время

самаряне[8160], жившие в Палестине, отпали от власти царя греческого, выбрали себе царя из своего племени, по имени Юлиана, восстали против христиан и причинили много зла: захватили много церквей и сожгли их, нападали на села и города, избили множество христиан, особенно в Неапольских пределах[8161], где местного епископа Самона схватили и убили мечом, а бывших с ним пресвитеров разрубили на части и, смешав с мощами святых мучеников, сожгли. Узнав о сем, царь послал против самарян большое войско, и царь самарянский Юлиан был убит в битве; тогда же и Сильван, погибель которого предсказал преподобный Савва, был пленен христианами и сожжен в Скифополе посреди города. Сын его Арсений отправился в Царьград и вскоре – неизвестно каким образом – добился царского расположения, был в большом почете при дворе и, войдя в доверие к царю, стал клеветать и возводить ложные обвинения на палестинских христиан (сам он держался самарянского нечестия), будто бы они были виновны в восстании самарян и в отпадении их от подданства царю. Царь поверил клевете самарянина Арсения и разгневался на палестинян. Узнав о сем, патриарх Иерусалимский Петр и подвластные ему епископы просили блаженного Савву взять на себя труд отправиться в Царьград, чтобы смягчить гнев царя и попросить его о многих нуждах церковных и гражданских. Преподобный Савва, хотя и был уже очень стар, однако, поспешил отправиться, ставя нужды Церкви выше своего покоя. Узнав о его прибытии, благочестивый царь Юстиниан и Константинопольский патриарх Епифаний[8162] послали ему навстречу знатных лиц. Когда же он входил к царю, Бог открыл глаза царю Юстиниану, как некогда Анастасию: и увидел он благодать Божию, светло блиставшую над головой преподобного Саввы, испускавшую солнечные лучи и окружавшую его голову, как венцом. Испугавшись, он встал с престола и с поклоном просил благословения; потом, взяв преподобного за голову, с любовью и радостью облобызал его и просил старца, чтобы он и царицу его Феодору сподобил своего благословения. Когда царица увидела преподобного Савву, то поклонилась ему и сказала:

– Помолись за меня, отче, чтобы мне иметь детей.

Старец же сказал:

– Бог, Владыка всех, да сохранит ваше царство.

Царица снова сказала:

– Помолись, отче, Богу, чтобы Он разрешил мое неплодие и даровал мне родить сына.

Старец опять сказал:

– Бог славы да соблюдет царство ваше в благоверии и подаст победу над врагами.

В третий раз царица просила старца о разрешении ее неплодия и услышала то же, что и раньше, и была смущена. Когда преподобный вышел от царицы, бывшие с ним отцы спросили его:

– Почему, отче, ты огорчил царицу и не согласился помолиться о ней?

Старец отвечал им:

– Поверьте мне, отцы, не выйдет из ее чрева плод, чтобы не напитаться ему Северова учения и не возмутить больше Анастасия Церковь Христову.

Сими словами преподобный дал понять, что царица втайне держалась ереси. Царь внял просьбе преподобного, гнев свой с палестинских христиан перенес на самарян и издал закон, чтобы самаряне не устраивали собраний, чтобы дети их лишались наследства после родителей, наконец, чтобы зачинщики их восстания были казнены смертью. Тогда и Арсений – самарянин – скрылся, так как царь приказал казнить его, а после он прибег к святому Савве, упал в ноги и просил у святого крещения, чтобы таким образом избавиться от царского гнева и избежать смерти; и крещен был он сам и все домашние его.

Царь, желая показать свое благоволение и угодить преподобному Савве, велел ему просить у себя, что ему требуется, и взять золота на нужды своих монастырей, сколько хочет. Преподобный же, не богатства желая для себя, а пользы христианам, упросил царя сложить взимаемые для царя дани в Палестине, так как люди разорены Самарянской войной, восстановить на царский счёт сожженные самарянами церкви,

построить в святом городе странноприимный дом, чтобы приютить христиан, приходящих издалека на поклонение Гробу Господню, соорудить там же больницу для странников и приставить к ним врачей, довершить постройку церкви Пресвятой Богородицы, основанной патриархом Илиею, заложить город в пустыне ниже его монастырей и поставить там сторожевые войска для защиты от варварского нашествия; больше же всего он просил царя постараться искоренить в своем царстве ереси Ария, Нестория и Оригена и других еретиков, волнующих Церковь Божию, – а за всё сие он обещал царю от Бога снова присоединение к Греческому царству Рима и Африки, – тех стран, которые потеряли прежние цари. Царь согласился на всё сие и повелел исполнить просьбу святого, стараясь сам о том, чтобы желание преподобного во всем было как можно скорее приведено в исполнение. Когда царь обсуждал со своими советниками и казначеями просьбу святого, преподобный, отойдя немного, стал читать Давидовы псалмы, совершая час третий. А один из его учеников, по имени Иеремия, подошел к нему и сказал:

– Честный отче, что же ты отошел от царя, когда он так старается об исполнении твоей просьбы, и стоишь в стороне?

Сказал ему старец:

– Чадо, они свое дело делают, а мы свое.

После этого царь дал святому письменное удостоверение, и отпустил его с миром. Бог воздал царю в тысячу раз за оказанную блаженному Савве милость и за исполнение его просьбы. Сбылось пророчество старца: через некоторое время царь действительно одержал две славные победы над врагами, приобрел Рим и Африку и обоих царей: Виттига Римского[8163] и Гелимера Карфагенского[8164] он увидел приведенных пленниками в Царьград. Преподобный же Савва возвратился в Иерусалим и по просьбе патриарха и епископов опять отправился в Кесарию и Скифополь объявить царский указ[8165]; там он увидел маленького отрока Кирилла (составителя этого жития), назвал его своим учеником и предсказал о нем, что он будет иноком в его лавре.

Вскоре по возвращении оттуда, Савва заболел; узнав о сем, патриарх Петр пришел его навестить и, увидев, что в келье у старца ничего нет, даже самого необходимого при его болезни, кроме небольшого количества стручков и старых фиников, взял его и на носилках перенес в свою епископию и сам заботился о нем, служа ему своими руками. По прошествии нескольких дней, преподобному Савве было некое Божественное видение, возвещавшее ему о скором его преставлении.

Он рассказал о виденном патриарху и просил отпустить его в лавру, чтобы скончаться в своей келье. Патриарх, всячески желая угодить ему, отослал его в келью со всем необходимым для покоя больного. Старец лёг в своей келье, призвал всех отцов и братий, простился с ними в последний раз и поставил вместо себя игуменом некоего достойного мужа, по имени Мелита, завещав ему сохранить нерушимо все монастырские предания. Четыре дня он ничего не ел и ни с кем не говорил. В субботу вечером он попросил Пречистых Таин и, причастившись, сказал последнее слово:

– Господи, в руки Твои предаю дух мой!

Так скончался он пятого декабря, прожив девяносто четыре года, и перешел в нестареющую жизнь, в сопровождении Ангелов Божиих и святых мучеников[8166].

По всем пределам Иерусалимским разнеслась весть о кончине преподобного, и собралось изо всех лавр и монастырей бесчисленное множество иноков; прибыл и патриарх с епископами и гражданскими начальниками. Отпев, погребли с честью тело его между обеими церквами, на том месте, где некогда преподобный видел огненный столп[8167]. А что душу его святую проводили на небо Ангелы и мученики, узнали из следующего. Жил в святом городе один художник серебряных дел, родом из Дамаска, по имени Ромул, первый из диаконов, служащих при св. Гефсимании; он сам рассказал, как во время кончины преподобного отца Саввы, воры подкопались под его дом и украли много серебра, и его собственного и чужого, бывшего у него, всего до ста литр[8168]. В тяжкой печали Ромул пришел в церковь святого мученика Феодора и в течение пяти

дней плакал и возжигал свечу перед алтарем. В пятую ночь он уснул и увидел святого мученика Феодора, который спросил его:

– Что с тобой, брат? что ты так тужишь и плачешь?

Он отвечал:

– У меня пропало серебро, и мое и чужое, воры меня обокрали, потому я плачу и тужу, и молюсь, но без успеха; ты не услышал меня.

Святой же сказал:

– Поверь мне, брат, меня не было здесь в сии дни; нам, всем мученикам, повелено было собраться встретить святую душу преподобного Саввы, вышедшую из тела, и проводить ее на место упокоения; а теперь не плачь, а пойди на такое-то место (он назвал место) и найдешь украденное.

Ромул тотчас встал, взял некоторых своих знаемых, пошел с ними на указанное место и нашел всё так, как было сказано святым Феодором в явлении.

Нельзя умолчать и о некоторых других чудесах, бывших по кончине преподобного. Два страннолюбивых брата имели виноградник и часто давали приют братиям, приходившим к ним из лавры блаженного Саввы; они заболели какою-то тяжкою болезнью в самое время сбора винограда, так что отчаялись получить и вино, и остаться в живых. Они верили в небесное предстательство преподобного Саввы и часто поминали его, призывая на помощь; святой же скоро услышал их молитву, явился каждому отдельно и сказал:

– Я помолился Богу о вашем здоровье, Он дал вам по просьбе вашей; вставайте и идите на свою работу.

Придя в себя, они почувствовали себя здоровыми, прославили Бога и благодарили святого. С тех пор каждый год, в тот день, когда совершилось сие чудо, они справляли большой праздник.

Некая благочестивая и добродетельная женщина, по имени Гинара, обещалась пожертвовать две завесы на украшение церквей в Кастеллий и в пещеру, но, по лености ткачихи, те завесы долго не были готовы. Гинара очень печалилась о сем. Тогда ей явился преподобный Савва и сказал:

– Не скорби, завтра дело пойдет успешно, ибо приношение твое будет угодно.

Он явился также и ткачихе и с гневом упрекал ее за леность. Наутро одна другой рассказала виденное, и работа вскоре была готова.

Эконом великой Лавры нанял сарацинских верблюдов для перевозки от Мертвого моря купленной пшеницы. Когда верблюды пришли с пшеницею в лавру, один из них сошел с дороги направо, упал с берега с ношею в поток и лежал в болоте. Хозяин верблюда, сарацин, воскликнул:

– Отче Савва, помоги и не дай погибнуть моему верблюду.

И тотчас, в одно мгновение, он увидел честного старца, сидящего на верблюде; он побежал другим путем, сошел в поток и нашел своего верблюда невредимым, но сидевшего на нем уже не видел. Пшеница также оказалась цела. С тех пор каждый год сей сарацин приходил в Лавру для поклонения гробу преподобного Саввы.

Однажды последователи Оригена, собравшись из разных мест под начальством некоего Леонтия, намеревались внезапно напасть на великую Лавру и разогнать правоверное стадо преподобного Саввы, а Лавру разорить всю до основания. Заготовив для этого множество ломов и другого железного орудия, а также и оружие, они пошли целым полчищем в великой ярости. Был второй час дня, и вдруг нашла на них в пути тьма и туман; весь день они проблуждали и не нашли Лавры, но забрели в непроходимые места, где застигла их ночь; с трудом, на следующий день они очутились близ монастыря святого Маркиана[8169]. Поняв, что им ничего не удастся, они разошлись каждый к себе с позором; и сбылись на них слова Исайи пророка: «Опустошение и гибель на стезях их… осязаем, как слепые стену, и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень» (Ис.59:7, 10). Бог же хранил Лавру ради угодника Своего, преподобного Саввы, славно в ней потрудившегося. Его святыми молитвами и нас да сохранит от всех зол Преблагой Единый в Троице Бог, Отец, Сын и Святой Дух, Ему же слава вовеки, аминь[8170].

Кондак, глас 8:

Яко от младенства Богу жертва непорочная принеслся еси добродетелию, Савво блаженне, садоделатель быв благочестия: темже был еси преподобных удобрение, гражданин же пустынный достохвален. Темже зовем ти: радуйся Савво пребогате.

Память преподобных Кариона монаха и сына его Захарии

Память 5 декабря

Жил в Египте[8171] один человек, по имени Карион. У него было двое детей, которых он оставил своей жене, а сам ушел в скит[8172] и стал иноком. Через некоторое время случился голод в Египте; жена Кариона, натерпевшись нищеты, пошла к скиту, неся с собою детей, одного – мальчика, по имени Захарию, другую – девочку, и села под деревом на берегу источника. В ските был обычай: если придет какая женщина для беседы с иноком, то они должны были разговаривать издали, через реку. И сия женщина через реку сказала Кариону:

– Вот ты – инок, а теперь большой голод: кто же прокормит твоих детей?

Карион сказал жене:

– Возьми ты себе ребёнка женского пола и уходи, а мне пусть останется мальчик.

И взял себе Карион ребенка Захарию, воспитал его в скиту, и все знали, что это – его сын. Когда отрок вырос, произошло из-за него неудовольствие среди иноков. Услыхав о сем, Карион сказал Захарии:

– Встань и уйди отсюда, потому что из-за тебя ропщут на меня отцы.

Захария же отвечал:

– Я твой сын; куда я пойду от тебя?

Тогда они оба, отец Карион с сыном, взяли и ушли в Фиваиду[8173], и прожили там в келье несколько дней. Но и там поднялся ропот, и они опять вернулись в скит, хотя братия и здесь не переставала роптать. Тогда Захария пошел к озеру с ядовитой водой, погрузился до ноздрей в воду и пробыл так час; после этого он стал похож на прокаженного, и отец с трудом узнал его. Когда он пришел к святому Причащению, то святому пресвитеру Исидору было откровение о Захарии, и тот сказал ему:

– Чадо, в прошлое воскресенье ты пришел причаститься, как человек, а теперь, как Ангел.

Когда же Карион готовился преставиться к Богу, то сказал братии:

– Многие труды исполнил я, подвизаясь более сына моего Захарии, но не дошел до такой степени смирения и безмолвия, как он.

И преставился старец. После этого сказал отец Моисей Захарии:

– Скажи же, что сделать мне, чтобы спастись?

Захария бросился ему в ноги, говоря:

– Тебе ли спрашивать меня, отче?

А старец сказал ему:

– Поверь мне, чадо Захария, я видел Духа Святого, сошедшего на тебя, потому я и спросил тебя.

Тогда Захария снял клобук со своей головы, положил его у ног, растоптал его и сказал:

– Если не сотрётся человек вот так, не может быть иноком.

Когда Захария готовился преставиться, Моисей спросил его:

– Что видишь, брат?

Он же отвечал:

– Не лучше ли молчать, отче?

Тогда Моисей сказал:

– Да, чадо, молчи.

В самый же час его кончины отец Исидор, посмотрев на небо, сказал:

– Радуйся, чадо мое Захарий, тебе отверзлись врата Царствия Небесного!

И тогда Захария предал душу свою Богу[8174] и был погребен честными отцами в скиту.

Житие святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского

Память 6 декабря

Святителя Христова Николая, великого Чудотворца, скорого помощника и изрядного ходатая пред Богом, возрастила страна Ликийская. Он родился в городе Патаре[8175]. Родители его, Феофан и Нонна, были люди благочестивые, знатные и богатые. Сия благословенная чета, за свою богоугодную жизнь, многие милостыни и великие добродетели, удостоилась произрастить святую ветвь и «дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое» (Пс. 1:3).

Когда родился сей благословенный отрок, ему дали имя *Николай,* что значит *победитель народов.* И он, по благословению Божию, воистину явился победителем злобы, на благо всему миру. После его рождения матерь его Нонна тотчас же освободилась от болезни и с того времени до самой своей кончины оставалась неплодною. Этим сама природа как бы засвидетельствовала, что у жены сей не могло быть другого сына, подобного святому Николаю: он один долженствовал быть первым и последним. Освященный еще в утробе матери богодухновенною благодатью, он явил себя благоговейным почитателем Бога ранее, чем увидел свет, стал творить чудеса прежде, чем начал питаться молоком матери, и был постником прежде, чем привык вкушать пищу. По своем рождении, еще в купели крещения он три часа простоял на ногах, никем не поддерживаемый, воздавая сим честь Пресвятой Троице, великим служителем и предстателем Коей он должен был явиться впоследствии. В нем можно было узнать будущего чудотворца даже по тому, как он приникал к сосцам матери; ибо он питался молоком одной правой груди, знаменуя тем будущее стояние свое одесную Господа вместе с праведными. Свое изрядное постничество он проявил в том, что по средам и пятницам вкушал молоко матери только один раз, и то вечером, по совершении родителями обычных молитв. Отец и мать его весьма сему удивлялись и провидели, каким строгим постником

будет сын их в своей жизни. Навыкнув от младенческих пелен такому воздержанию, святой Николай всю свою жизнь до самой кончины проводил среду и пятницу в строгом посте. Возрастая с годами, отрок возрастал и в разуме, совершенствуясь в добродетелях, коим был научаем от благочестивых родителей. И был он, как нива плодоносная, принимающая в себя и взращающая доброе семя поучения и приносящая каждый день новые плоды благонравия. Когда пришло время поучаться Божественному Писанию, святой Николай силою и остротою своего ума и помощью Святого Духа в малое время постиг многую премудрость и успел в книжном учении так, как подобает доброму кормчему Христова корабля и искусному пастырю словесных овец. Достигши совершенства в слове и учении, он показал себя совершенным и в самой жизни. Он всячески уклонялся суетных друзей и праздных бесед, избегал разговоров с женщинами и даже не смотрел на них. Святой Николай хранил истинное целомудрие, чистым умом всегда созерцая Господа и усердно посещая храм Божий, следуя Псалмопевцу, глаголющему: Псал. 83– «Желаю лучше быть у порога в доме Божием».

В храме Божием он проводил целые дни и ночи в богомысленной молитве и чтении Божественных книг, поучаясь разуму духовному, обогащаясь Божественною благодатью Святого Духа и созидая в себе достойное для Него жилище, по словам Писания: «вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас» (1Кор.3:16).

Дух Божий поистине обитал в сем добродетельном и чистом юноше, и, служа Господу, он горел духом. В нем не замечалось никаких привычек, свойственных юности: по своему нраву он был подобен старцу, почему все уважали его и удивлялись ему. Старый человек, если выказывает юношеские увлечения, для всех служит посмешищем; наоборот, если юноша имеет нрав старца, то от всех с удивлением почитается. Неуместна в старости юность, но достойна уважения и прекрасна в юности старость.

Был у святого Николая дядя, епископ города Патары, соименный племяннику, который в честь его и был назван

Николаем. Сей епископ, видя, что его племянник преуспевает в добродетельном житии и всячески устраняется от мира, стал советовать его родителям, чтобы они отдали своего сына на службу Богу. Те послушались совета и посвятили Господу свое чадо, которое сами приняли от Него, как дар. Ибо в древних книгах о них повествуется, что они были неплодны и уже не надеялись иметь детей, но многими молитвами, слезами и милостынями испросили себе у Бога сына, и теперь не пожалели принести его в дар Даровавшему его. Епископ, приняв сего юного старца, имеющего «седину мудрости и возраст старости, житие нескверно» (ср. Прем.4:9), возвел его в пресвитерский сан.

Когда он рукополагал святого Николая во священника, то, по внушению Святого Духа, обратившись к народу, бывшему в церкви, пророчески сказал:

– Я вижу, братия, новое солнце, восходящее над землею и являющее собою милостивое утешение для скорбящих. Блаженно то стадо, которое удостоится иметь его у себя пастырем, ибо сей добре упасет души заблуждших, пропитает их на пажити благочестия и явится милосердым помощником в бедах и скорбях.

Сие пророчество впоследствии действительно исполнилось, как будет видно из дальнейшего повествования.

Приняв пресвитерский сан, святой Николай прилагал труды к трудам; бодрствуя и пребывая в непрестанной молитве и посте, он, будучи смертен, старался подражать бесплотным. Проводя такое равноангельское житие и день ото дня все более процветая красотою души, он был вполне достоин управлять Церковью. В это время, епископ Николай, желая идти в Палестину на поклонение святым местам, вручил управление Церковью племяннику своему. Сей иерей Божий святой Николай, заступив место своего дяди, заботился о делах Церкви так же, как и сам епископ. В это время его родители преселились в вечную жизнь. Получив в наследство их имение, святой Николай раздал его нуждающимся. Ибо он не обращал внимания на скоропреходящее богатство и не заботился о его умножении, но, отрекшись от всяких мирских желаний, со всем

усердием старался предать себя Единому Богу, взывая: Пс. 24– «К Тебе, Господи, возношу душу мою». Пс. 142– «Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой»; Пс. 21– «На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты – Бог мой».

И была рука его простерта к нуждающимся, на коих она изливала пребогатую милостыню, как многоводная река, изобилующая струями. Вот одно из многих дел его милосердия.

Жил в городе Патаре некий муж, знатный и богатый. Придя в крайнюю нищету, он потерял прежнее свое значение, ибо жизнь века сего непостоянна. Сей человек имел трех дочерей, которые были очень красивы собою. Когда уже он лишился всего необходимого, так что нечего было есть и не во что одеться, он, ради своей великой нищеты, замыслил отдать своих дочерей на любодеяние и обратить свое жилище в дом блуда, чтобы таким образом добывать себе средства к жизни и приобретать и себе и дочерям одежду и пищу. О горе, к каким недостойным мыслям приводит крайняя нищета! Имея сию нечистую мысль, муж сей хотел уже исполнить свое злое намерение. Но Всеблагой Господь, не хотящий видеть человека в погибели и человеколюбно помогающий в бедах наших, вложил благую мысль в душу угоднику Своему, святому иерею Николаю, и тайным вдохновением послал его к погибающему душою мужу, для утешения в нищете и предупреждения от греха. Святой Николай, услыхав о крайней бедности того мужа и Божиим откровением узнав о его злом намерении, почувствовал к нему глубокое сожаление и решил своею благодетельною рукою извлечь его вместе с дочерьми, как из огня, из нищеты и греха. Однако он не пожелал оказать свое благодеяние тому мужу открыто, но задумал подать ему щедрую милостыню тайно. Так святой Николай поступил по двум причинам. С одной стороны, он хотел сам избежать суетной человеческой славы, следуя словам Евангелия: Мф. 6– «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми».

С другой стороны, он не желал оскорбить мужа, бывшего некогда богачом, а теперь пришедшего в крайнюю нищету. Ибо он знал, как тяжела и оскорбительна милостыня для того, кто от

богатства и славы перешел в убожество, потому что она напоминает ему о прежнем благоденствии. Поэтому святой Николай счел за лучшее поступить по учению Христа: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф.6:6).

Он так избегал человеческой славы, что старался утаить себя даже и от того, кому благодетельствовал. Он взял большой мешок золота, пришел в полночь к дому мужа того и, бросив этот мешок в окно, сам поспешил возвратиться домой. Утром муж тот встал и, найдя мешок, развязал его. При виде золота, он пришел в великий ужас и не верил своим глазам, потому что ниоткуда не мог ожидать такого благодеяния. Однако, перебирая монеты пальцами, он убедился, что пред ним в самом деле золото. Возвеселившись духом и удивляясь сему, он плакал от радости, долго размышлял о том, кто бы мог оказать ему такое благодеяние, и ничего не мог придумать. Приписав сие действию Божественного Промысла, он непрестанно благодарил в душе своего благодетеля, воздавая хвалу пекущемуся о всех Господу. После этого он выдал замуж старшую свою дочь, дав ей в приданое чудесно дарованное ему золото, Святой Николай, узнав о том, что муж сей поступил по его желанию, возлюбил его и решил сотворить такую же милость и второй дочери, намереваясь законным браком оградить и ее от греха. Приготовив другой мешок золота, такой же, как и первый, он ночью, тайно от всех, через то же окно бросил его в дом мужа. Встав поутру, бедняк опять нашел у себя золото. Снова он пришел в удивление и, пав на землю и обливаясь слезами, говорил:

– Боже милостивый, Строитель нашего спасения, искупивший меня самою кровью Твоею и ныне искупляющий златом дом мой и моих детей от сетей вражьих, Сам Ты покажи мне слугу Твоего милосердия и человеколюбивой Твоей благости. Покажи мне того земного Ангела, который сохраняет нас от греховной погибели, чтобы я мог узнать, кто исторгает нас от угнетающей нас нищеты и избавляет от злых мыслей и намерений. Господи, по Твоей милости, тайно творимой мне щедрою рукою неизвестного мне Твоего угодника, я могу отдать

замуж по закону и вторую свою дочь и тем избежать сетей диавола, который хотел скверным прибытком умножить и без того великую мою погибель.

Помолившись так Господу и возблагодарив Его благостыню, муж тот отпраздновал брак второй своей дочери. Уповая на Бога, отец питал несомненную надежду, что Он и третьей дочери подаст законного супруга, снова даровав тайно благодетельствующею рукою потребное для этого золото. Чтобы узнать, кто и откуда приносит ему золото, отец не спал ночи, подстерегая своего благодетеля и желая его видеть. Немного прошло времени, как ожидаемый благодетель явился. Христов угодник Николай тихо пришел и в третий раз и, остановившись на обычном месте, бросил в то же окно такой же мешок золота, и тотчас поспешил к своему дому. Услыхав звон золота брошенного в окно, муж тот насколько мог быстро побежал вслед за угодником Божиим. Догнав его и узнав, потому что нельзя было не знать святого по его добродетели и знатному происхождению, муж сей пал ему в ноги, лобызая их и называя святого избавителем, помощником и спасителем душ, пришедших в крайнюю погибель.

– Если бы, – говорил он, – не восставил меня твоими щедротами Великий в милости Господь, то я, несчастный отец, давно уже погиб бы вместе со своими дочерьми в огне Содомском. Ныне же мы спасены тобою и избавлены от ужасного грехопадения.

И еще много подобных слов говорил он святому со слезами. Едва подняв его с земли, святой угодник взял с него клятву, что он во всю свою жизнь никому не поведает о том, что с ним было. Сказав ему еще многое на пользу, святой отпустил его в дом свой.

Из многих дел милосердия угодника Божия мы поведали только об одном, чтобы было известно, насколько он был милостив к нищим. Ибо не достало бы нам времени, если бы повествовать подробно о том, как он был щедр к нуждающимся, сколько голодных он напитал, сколько одел нагих и скольких выкупил у заимодавцев.

После этого преподобный отец Николай пожелал отправиться в Палестину, чтобы видеть и поклониться тем святым местам, где Господь Бог наш, Иисус Христос, ходил пречистыми Своими стопами. Когда корабль плыл около Египта и путники не знали, что их ожидает, находившийся среди них святой Николай предвидел, что вскоре поднимется буря, и возвестил об этом своим спутникам, сказав им, что он видел самого диавола, вошедшего в корабль с тем, чтобы всех их потопить в глубине морской. И в тот самый час неожиданно небо покрылось облаками, и сильная буря подняла страшное волнение на море. Путники пришли в великий ужас и, отчаявшись в своем спасении и ожидая смерти, молили святого отца Николая помочь им, погибающим в пучине морской.

– Если ты, угодник Божий, – говорили они, – не поможешь нам своими молитвами ко Господу, то мы тотчас погибнем.

Повелев им мужаться, возложить надежду на Бога и без всяких сомнений ожидать скорого избавления, святой стал усердно молиться Господу. Тотчас море успокоилось, настала великая тишина, и всеобщая скорбь превратилась в радость.

Обрадованные путники воздали благодарение Богу и Его угоднику, святому отцу Николаю, и вдвойне удивлялись – и предсказанию его о буре и прекращению скорби. После того, одному из корабельщиков нужно было подняться наверх мачты. Спускаясь оттуда, он оборвался и упал с самой высоты на средину корабля, убился до смерти и лежал бездыханным. Святой Николай, готовый на помощь прежде, чем ее потребуют, тотчас воскресил его своею молитвою, и тот встал, как бы пробудившись от сна. После этого, подняв все паруса, путники продолжали благополучно свое плавание, при попутном ветре, и спокойно пристали к берегу Александрии. Исцелив здесь многих больных и бесноватых и утешив скорбящих, угодник Божий, святой Николай, снова отправился по намеченному пути в Палестину.

Достигнув святого града Иерусалима, святой Николай пришел на Голгофу, где Христос Бог наш, простерши на кресте Свои пречистые руки, соделал спасение роду человеческому. Здесь угодник Божий излил от горящего любовью сердца

теплые молитвы, воссылая благодарение Спасителю нашему. Он обошел все святые места, везде творя усердное поклонение. И когда ночью он хотел войти в святую церковь[8176] на молитву, замкнутые церковные двери отверзлись сами собою, открывая невозбранный вход тому, для кого были отверсты и небесные врата. Пробыв в Иерусалиме довольно долгое время, святой Николай намеревался удалиться в пустыню, но был остановлен свыше Божественным гласом, увещевавшим его возвратиться на свою родину. Господь Бог, все устрояющий на пользу нашу, не благоволил, чтобы тот светильник, который по воле Божией должен был светить Ликийской митрополии, оставался сокрытым под спудом, в пустыне. Придя на корабль, угодник Божий уговорился с корабельщиками, чтобы они доставили его в родную страну. Но они замыслили обмануть его и направили свой корабль не в Ликийскую, а в иную страну. Когда они отплыли от пристани, святой Николай, заметив, что корабль плывет по другому пути, пал корабельщикам в ноги, умоляя их направить корабль в Ликию. Но они не обратили на его мольбы никакого внимания и продолжали плыть по намеченному пути: не знали они, что Бог не оставит Своего угодника. И вдруг налетела буря, повернула корабль в другую сторону и быстро понесла его по направлению к Ликии, угрожая злым корабельщикам совершенною погибелью. Так носимый Божественною силою по морю, святой Николай прибыл, наконец, в свое отечество. По своему незлобию он не сотворил никакого зла своим злокозненным врагам. Он не только не разгневался и ни одним словом не упрекнул их, но с благословением отпустил их в свою страну. Сам же он пришел в обитель, основанную его дядею, Патарским епископом, и названную святым Сионом, и здесь для всей братии оказался желанным гостем. Приняв его с великою любовью, как Ангела Божия, они наслаждались его богодухновенною речью, и, подражая добрым нравам, коими украсил Бог Своего верного раба, назидались равноангельным его житием. Найдя в этом монастыре безмолвное житие и тихое пристанище для богомыслия, святой Николай надеялся и остальное время своей жизни провести здесь неисходно. Но Бог указывал ему иной

путь, ибо не хотел, чтобы такое богатое сокровище добродетелей, коим должен обогатиться мир, пребывало заключенным в обители, подобно сокровищу, закопанному в землю, но чтобы оно было для всех открыто и им совершалась духовная купля, многие души приобретающая. И вот однажды святой, стоя на молитве, услышал глас свыше:

– Николай, если ты желаешь удостоиться от Меня венца, иди и подвизайся на благо миру.

Услышав сие, святой Николай пришел в ужас и стал размышлять о том, чего желает и требует от него глас сей. И снова услышал:

– Николай, не здесь та нива, на которой ты должен принести ожидаемый Мною плод; но обратись и иди в мир, и да будет прославлено в тебе имя Мое.

Тогда святой Николай уразумел, что Господь требует от него оставить подвиг безмолвия и идти на служение людям для их спасения.

Он стал размышлять, куда ему направиться, в отечество ли свое, город Патару, или в иное место. Избегая суетной славы среди своих сограждан и опасаясь ее, он замыслил удалиться в другой город, где бы его никто не знал. В той же самой Ликийской стране был славный город Миры, бывший митрополиею всей Ликии[8177]. В этот город и пришел святой Николай, водимый Божиим Промыслом. Здесь он не был известен никому; и пребывал он в этом городе, как нищий, не имея, где приклонить главу. Только в доме Господнем и находил он себе приют, имея в Боге единственное пристанище. В то время скончался архиерей того города Иоанн, архиепископ и первопрестольник всей Ликийской страны. Поэтому в Миры собрались все епископы Ликии, чтобы избрать на освободившийся престол достойного. Много мужей, почитаемых и благоразумных, было намечено в преемники Иоанну. Среди избирающих было большое несогласие, и некоторые из них, подвигнутые Божественною ревностью, сказали:

– Избрание епископа на сей престол не подлежит решению людей, но есть дело Божия строения. Нам подобает совершить

молитву, чтобы Сам Господь открыл, кто достоин принять такой сан и быть пастырем всей Ликийской страны.

Добрый сей совет встретил всеобщее одобрение, и все предались усердной молитве и посту. Господь, исполняющий желание боящихся Его, внимая молитве епископов, так открыл старейшему из них Свою благую волю. Когда сей епископ стоял на молитве, пред ним явился светлообразный Муж и повелел ему ночью отправиться к дверям церковным и наблюдать, кто прежде всех войдет в церковь.

– Сей, – сказал Он, – и есть Мой избранник; примите его с честью и поставьте во архиепископы; имя мужу сему Николай.

О таком Божественном видении архиерей возвестил прочим епископам, и они, слыша сие, усугубили свои молитвы. Удостоившийся откровения епископ стал на том месте, где было ему указано в видении, и ожидал прихода желанного мужа. Когда настало время утренней службы, святой Николай, побуждаемый духом, пришел к церкви прежде всех, ибо он имел обычай вставать в полночь на молитву и раньше других приходить к утренней службе. Как только он вошел в притвор, епископ, удостоившийся откровения, остановил его и просил сказать свое имя. Святой Николай молчал. Епископ снова спросил его о том же. Святой кротко и тихо ответил ему:

– Имя мое – Николай, я раб твоей святыни, владыка.

Благочестивый епископ, услыхав такую краткую и смиренную речь, уразумел как по самому имени – Николай, – предсказанному ему в видении, так и по смиренному и кроткому ответу, что пред ним тот самый муж, коему Бог благоволил быть первопрестольником Мирской церкви. Ибо он знал из Священного Писания, что Господь призирает на кроткого, молчаливого и трепещущего пред словом Божиим. Великою радостью он возрадовался, как бы получив некое тайное сокровище. Тотчас взяв святого Николая за руку, он сказал ему:

– Следуй за мною, чадо.

Когда он с честью привел святого к епископам, те исполнились Божественной сладости и, утешаясь духом, что обрели указанного Самим Богом мужа, повели его в церковь. Молва о том разнеслась повсюду и быстрее птиц к церкви

стеклось бесчисленное множество народа. Епископ, удостоившийся видения, обратился к народу и воскликнул:

– Приимите, братия, своего пастыря, коего помазал Сам Дух Святой и коему Он вручил попечение о душах ваших. Не человеческим собранием поставлен он, но Самим Богом. Ныне мы имеем того, кого желали, и нашли и приняли, кого искали. Под его правлением и наставлением мы не лишимся надежды, что предстанем пред Богом в день Его явления и откровения.

Весь народ воздавал благодарение Богу и радовался неизреченною радостью. Не перенося человеческих похвал, святой Николай долго отрекался принять священный сан; но уступая усердным мольбам собора епископов и всего народа, вступил на архиерейский престол против своей воли. К этому его побуждало Божественное видение, бывшее ему еще прежде смерти архиепископа Иоанна. Об этом видении повествует святой Мефодий, патриарх Константинопольский. Однажды, – говорит он, – святой Николай ночью увидел, что пред ним стоит Спаситель во всей Своей славе и подает ему Евангелие, украшенное золотом и жемчугом. По другую сторону себя святой Николай увидел Пресвятую Богородицу, возлагающую на его рамена святительский омофор. После этого видения прошло немного дней, и Мирский архиепископ Иоанн скончался.

Вспоминая это видение и видя в нем явное благоволение Божие и не желая отказать усердным мольбам собора, святой Николай принял паству. Собор епископов со всем церковным клиром совершили над ним посвящение и светло праздновали, веселясь о дарованном Богом пастыре, святителе Христовом Николае. Таким образом Церковь Божия приняла светлого светильника, который не остался под спудом, но был поставлен на подобающем ему архиерейском и пастырском месте. Удостоенный сего великого сана, святой Николай право правил слово истины и мудро наставлял свою паству в учении веры.

В самом начале своего пастырства угодник Божий так говорил себе:

– Николай! Принятый тобою сан требует от тебя иных обычаев, чтобы ты жил не для себя, но для других.

Желая научать своих словесных овец добродетелям, он не скрывал уже, как прежде, своего добродетельного жития. Ибо прежде он проводил свою жизнь, втайне служа Богу, Который Един только ведал его подвиги. Теперь же, по принятии им архиерейского сана, жизнь его стала открыта для всех, не по тщеславию пред людьми, но ради их пользы и умножения славы Божией, чтобы исполнилось слово Евангельское: Мф. 5 – «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Святой Николай по своим добрым делам был, как бы зерцалом для своего стада и, по слову Апостола, 1Тим. 4: «будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте».

Он был нравом кроток и незлобив, смирен духом и избегал всякого тщеславия. Одежды его были просты, пища – постническая, которую он всегда вкушал только один раз в день, и то вечером. Весь день он проводил в приличных его сану трудах, выслушивая просьбы и нужды к нему приходящих. Двери его дома были открыты для всех. Он был добрым и доступным для всех, сиротам он был отец, нищим – милостивый податель, плачущим – утешитель, обиженным – помощник и всем – великий благодетель. В помощь себе в церковном управлении он избрал двух добродетельных и благоразумных советников, облеченных пресвитерским саном. Это были известные во всей Греции мужи – Павел Родосский и Феодор Аскалонский.

Так святитель Николай пас вверенное ему стадо словесных Христовых овец. Но завистливый змий лукавый, никогда не престающий воздвигать брань на рабов Божиих и не переносящий процветания среди людей благочестия, воздвиг гонение на Церковь Христову через нечестивых царей Диоклетиана и Максимиана[8178]. В то самое время от этих царей вышло повеление по всей империи, чтобы христиане отверглись от Христа и поклонялись идолам. Тех, кто не повиновался этому повелению, было предписано принуждать к тому темничным заключением и тяжкими муками и, наконец, предавать смертной казни. Эта дышащая злобою буря, по усердию ревнителей тьмы

и нечестия, вскоре достигла и Мирского града. Блаженный Николай, бывший в том граде руководителем всех христиан, свободно и дерзновенно проповедовал Христово благочестие и был готов пострадать за Христа. Поэтому он был схвачен нечестивыми мучителями и заключен вместе со многими христианами в темницу. Здесь он пробыл немалое время, перенося тяжкие страдания, претерпевая голод и жажду и тесноту темничную. Своих соузников он питал словом Божиим и напоял сладкими водами благочестия; утверждая в них веру во Христа Бога, укрепляя их на нерушимом основании, он убеждал быть твёрдыми в исповедании Христа и усердно страдать за истину. Тем временем христианам снова была дарована свобода, и благочестие воссияло, как солнце после темных туч, и наступила как бы некая тихая прохлада после бури. Ибо Человеколюбец Христос, призрев на Свое достояние, истребил нечестивых, низринув с царского престола Диоклетиана и Максимиана и уничтожив власть ревнителей еллинского нечестия. Явлением Своего Креста царю Константину Великому, коему Он благоволил вручить Римскую державу, «и воздвиг» Господь Бог людям Своим «рог спасения» (Лк. 1:69). Царь Константин, познав Единого Бога и на Него возложив всю надежду, силою Честного Креста победил всех своих врагов и повелев разорить идольские капища и восстановить христианские храмы, рассеял суетные надежды своих предшественников. Он освободил всех, заключенных за Христа в темницах, и, почтив их, как мужественных воинов, великими похвалами, возвратил этих исповедников Христовых, каждого в свое отечество. В то время и город Миры снова принял своего пастыря, великого архиерея Николая, удостоившегося венца мученического. Нося в себе Божественную благодать, он, как и прежде, исцелял страсти и недуги людей, и не только верных, но и неверных. Ради великой благодати Божией, в нем пребывавшей, многие прославляли его и удивлялись ему и все любили. Ибо он сиял чистотою сердца и был наделен всеми дарами Божиими, служа Господу своему в преподобии и правде. В то время еще много оставалось еллинских капищ, к которым нечестивые люди привлекаемы были дьявольским

внушением, и многие из Мирских жителей пребывали в погибели. Архиерей Бога Вышнего, одушевленный ревностью Божиею, прошел по всем этим местам, разоряя и обращая в прах идольские капища и очищая свое стадо от скверны диавольской. Так ратоборствуя с духами злобы, святой Николай пришел в храм Артемиды[8179], который был очень велик и богато украшен, представляя собою приятное для бесов жилище. Святой Николай разорил сей храм скверны, сравнял высокое его здание с землею и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху, ополчившись более на бесов, нежели на самый храм. Лукавые духи, не перенося пришествия угодника Божия, испускали скорбные вопли, но, побежденные молитвенным оружием непобедимого воина Христова, святителя Николая, должны были бежать из своего жилища.

Благоверный царь Константин, желая утвердить Христову веру, повелел созвать в городе Никее Вселенский собор. Святые отцы собора изложили правое учение, предали проклятию арианскую ересь и вместе с нею самого Ария[8180] и, исповедуя Сына Божия равночестным и соприсносущным Богу Отцу, восстановили мир в святой Божественной Апостольской Церкви. Среди 318 отцов собора был и святитель Николай. Он мужественно стоял против нечестивого учения Ария и вместе со святыми отцами собора утвердил и передал всем догматы православной веры. Инок Студийского монастыря Иоанн повествует о святителе Николае, что одушевленный, подобно пророку Илие, ревностью по Боге, он посрамил сего еретика Ария на соборе не только словом, но и делом, ударив в ланиту. Отцы собора вознегодовали на святителя и за его дерзкое деяние постановили лишить его архиерейского сана. Но Сам Господь наш Иисус Христос и Преблагословенная Его Матерь, взирая свыше на подвиг святителя Николая, одобрили его смелый поступок и похвалили его Божественную ревность. Ибо некоторым из святых отцов собора было такое же видение, коего удостоился и сам святитель еще прежде своего поставления на архиерейство. Они видели, что с одной стороны святителя стоит сам Христос Господь с Евангелием, а с другой – Пречистая Дева Богородица с омофором, и подают святителю

знаки его сана, которых он был лишен. Уразумев из сего, что дерзновение святителя было угодно Богу, отцы собора перестали упрекать святителя и воздали ему честь, как великому угоднику Божию[8181]. Возвратясь с собора к своему стаду, святитель Николай принес ему мир и благословение. Своими медоточивыми устами он преподал всему народу здравое учение, пресек в самом корне неправые мысли и умствования и, обличив ожесточенных, бесчувственных и закоренелых в злобе еретиков, прогнал их от Христова стада. Как мудрый земледелец очищает все, находящееся на гумне и в точиле, отбирает лучшие зерна, и оттрясает плевелы, так благоразумный делатель на гумне Христовом, святитель Николай, наполнял духовную житницу добрыми плодами, плевелы же еретической прелести развевал и далеко отметал от пшеницы Господней. Поэтому-то святая Церковь и называет его лопатою, Ариевы плевельные учения развевающею. И был он поистине свет миру и соль земли, ибо житие его было светло и слово его было растворено солью премудрости. Сей добрый пастырь имел великое попечение о своем стаде, во всех его нуждах, не только питая его на духовной пажити, но заботясь и о телесной его пище.

Однажды в Ликийской стране был великий голод, и в городе Мирах ощущался крайний недостаток в пище. Сожалея о несчастных людях, погибающих от голода, архиерей Божий явился ночью во сне одному купцу, находившемуся в Италии, который нагрузил житом весь свой корабль и намеревался плыть в другую страну. Дав ему в залог три золотых монеты, святитель повелел ему плыть в Миры и продавать там жито. Проснувшись и найдя в руке золото, купец пришел в ужас, удивляясь такому сну, который сопровождался чудесным явлением монет. Купец не решился ослушаться повеления святителя, отправился в город Миры и распродал свой хлеб его жителям. При этом он не скрыл от них о бывшем ему во сне явлении святого Николая. Приобретя такое утешение в голоде и слушая рассказ купца, граждане воздавали Богу славу и благодарение и прославляли своего чудесного питателя, великого архиерея Николая.

В то время в великой Фригии поднялся мятеж. Узнав о сем, царь Константин послал трех воевод с их войсками умиротворить мятежную страну. Это были воеводы Непотиан, Урс и Ерпилион. С великою поспешностью они отплыли из Константинополя и остановились в одной пристани Ликийской епархии, которая называлась Адриатским берегом. Здесь был город. Так как сильное морское волнение препятствовало дальнейшему плаванию, то они стали в этой пристани ожидать тихой погоды. Во время стоянки некоторые воины, выходя на берег для покупки необходимого, многое брали насилием. Так как это случалось часто, то жители того города озлобились, вследствие чего на месте, называемом Плакомата, происходили между ними и воинами споры, раздоры и брань. Узнав о сем, святитель Николай решил сам отправиться к тому городу, чтобы прекратить междоусобную брань. Услышав о его пришествии, все граждане вместе с воеводами вышли ему навстречу и поклонились. Святитель спросил воевод, откуда и куда они держат путь. Они сказали ему, что посланы царем во Фригию подавить возникший там мятеж. Святитель увещевал их держать своих воинов в повиновении и не позволять им притеснять людей. После этого он пригласил воевод в город и радушно угостил их. Воеводы, наказав провинившихся воинов, утишили волнение и удостоились благословения от святого Николая. Когда сие происходило, пришли из Мир несколько граждан, сетуя и плача. Припавши к ногам святителя, они просили защитить обиженных, рассказывая ему со слезами, что в его отсутствие правитель Евстафий, подкупленный завистливыми и злыми людьми, осудил на смерть трех мужей из их города, которые ни в чем не были повинны.

– Весь наш город, – говорили они, – сетует и плачет и ожидает твоего возвращения, владыка. Ибо, если бы ты был с нами, то правитель не осмелился бы сотворить такой неправедный суд.

Услышав об этом, архиерей Божий душевно восскорбел и, в сопровождении воевод, тотчас отправился в путь. Достигнув места, по прозванию Лев, святитель встретил некиих путников и

спросил их, не знают ли они чего об осужденных на смерть мужах. Они отвечали:

– Мы оставили их на поле Кастора и Поллукса, влекомых на казнь.

Святитель Николай пошел быстрее, стремясь предупредить неповинную смерть тех мужей. Достигнув места казни, он увидал, что там собралось множество народа. Осужденные мужи, со связанными крест-накрест руками и с закрытыми лицами, уже преклонились к земле, протянули обнаженные шеи и ожидали удара меча. Святитель видел, что палач, суровый и неистовый, извлек уже свой меч. Такое зрелище приводило всех в ужас и скорбь. Соединив с кротостью ярость, святитель Христов свободно прошел среди народа, без всякой боязни вырвал из рук палача меч, бросил его на землю и затем освободил осужденных мужей от уз. Всё сие он сделал с великим дерзновением, и никто не смел его остановить, потому что слово его было властно и в действиях его являлась Божественная сила: он был велик пред Богом и всеми людьми. Избавленные от смертной казни мужи, видя себя неожиданно возвращенными от близкой смерти к жизни, проливали горячие слёзы и испускали радостные вопли, а весь народ, собравшийся там, воздавал благодарение своему святителю. Прибыл сюда и правитель Евстафий и хотел подойти к святителю. Но угодник Божий с презрением отвернулся от него и, когда тот упал ему в ноги, то оттолкнул его. Призывая на него мщение Божие, святой Николай грозил ему мучением за неправедное правление и обещал сказать о его действиях царю. Обличаемый своею совестью и устрашенный угрозами святителя, правитель со слезами просил милости. Каясь в своей неправде и желая примирения с великим отцом Николаем, он слагал вину на городских старейшин, Симонида и Евдоксия. Но ложь не могла не открыться, ибо святитель хорошо знал о том, что правитель осудил на смерть невинных, будучи подкуплен золотом. Долго умолял правитель простить его и только тогда, как он с великим смирением и со слезами сознал свой грех, Христов угодник даровал ему прощение.

При виде всего происшедшего, прибывшие вместе со святителем воеводы удивлялись ревности и благости великого Божия архиерея. Удостоившись его святых молитв и приняв от него благословение на свой путь, они отправились во Фригию, чтобы исполнить данное им царское повеление. Прибыв на место мятежа, они быстро подавили его и, исполнив царское поручение, возвратились с радостью в Византию. Царь и все вельможи воздали им великую хвалу и почести, и они удостоились участия в царском совете. Но злые люди, завидуя такой славе воевод, возымели к ним вражду. Замыслив на них зло, они пришли к правителю города Евлавию, и клеветали на тех мужей, говоря:

– Не добро советуют воеводы, ибо, как мы слышали, они вводят новшества и замышляют зло против царя.

Чтобы склонить правителя на свою сторону, они дали ему много золота. Правитель донес царю. Услышав о сем, царь без всякого расследования повелел заключить тех воевод в темницу, опасаясь, как бы они не бежали тайно и не исполнили бы своего злого умысла. Томясь в заключении и сознавая свою невинность, воеводы недоумевали, за что их бросили в темницу. Спустя немного времени клеветники стали опасаться, что их клевета и злоба обнаружатся и они могут пострадать сами. Поэтому они пришли к правителю и усердно его просили, чтобы он не оставлял так долго жить тех мужей и поспешил бы осудить их на смерть. Запутавшись в сетях златолюбия, правитель должен был довести обещанное до конца. Он тотчас отправился к царю и, как вестник зла, предстал пред ним с унылым лицом и скорбным взором. Вместе с тем желал он показать, что он весьма заботится о жизни царя и верно ему предан. Стараясь возбудить царский гнев на неповинных, он стал держать льстивую и хитрую речь, говоря:

– О царь, ни один из заключенных в темницу не желает раскаяться. Все они упорствуют в своем злом умысле, не переставая строить против тебя козни. Поэтому повели немедленно предать их мукам, чтобы они не предупредили нас и не довершили свое злое дело, которое замыслили против воевод и тебя.

Встревоженный такими речами, царь тотчас осудил воевод на смерть. Но так как был вечер, то казнь их отложена до утра. Узнал об этом темничный страж. Пролив наедине много слёз о таком бедствии, грозящем неповинным, он пришел к воеводам и сказал им:

– Для меня было бы лучше, если бы я не знал вас и не наслаждался бы приятною беседою и трапезою с вами. Тогда я легко перенес бы разлуку с вами и не скорбел бы так душою о пришедшей на вас напасти. Настанет утро, и нас постигнет последняя и ужасная разлука. Я уже не увижу дорогих мне лиц ваших и не услышу вашего голоса, ибо царь повелел вас казнить. Завещайте мне, как поступить с имением вашим, пока есть время и смерть еще не помешала вам выразить вашу волю.

Свою речь он прерывал рыданиями. Узнав о своей ужасной судьбе, воеводы разодрали свои одежды и рвали на себе волосы, говоря:

– Какой враг позавидовал жизни нашей ради чего мы, как злодеи, осуждены на казнь? Что сотворили мы такого, за что надлежало бы предать нас смерти?

И призывали они по именам своих сродников и друзей, поставляя Самого Бога во свидетели, что они не сделали никакого зла, и горько плакали. Один из них, по имени Непотиан, вспомнил о святителе Николае, как тот, явившись в Мирах преславным помощником и благим заступником, избавил трех мужей от смерти. И воеводы стали молиться:

– Боже Николая, избавивший трех мужей от неправедной смерти, призри ныне и на нас, ибо от людей не может быть нам помощи. Пришла на нас великая беда, и нет никого, кто бы избавил нас от напасти. Голос наш прервался прежде исшествия из тела душ наших, и язык наш пересыхает, сожигаемый огнем сердечной скорби, так что и молитву мы не можем принести Тебе. Псал. 78: «Скоро да предварят нас щедроты Твои, ибо мы весьма истощены». Завтра хотят нас умертвить, поспеши же к нам на помощь и избави нас неповинных от смерти.

Внимающий молитвам боящихся Его и, как Отец, изливающий щедроты на чад Своих, Господь Бог послал осужденным на помощь святого Своего угодника, великого архиерея Николая. В ту ночь во время сна предстал пред царем святитель Христов и сказал:

– Встань скорее и освободи томящихся в темнице воевод. На них тебе наклеветали, и они страдают невинно.

Святитель подробно объяснил царю всё дело и прибавил:

– Если ты меня не послушаешь и их не отпустишь, то я воздвигну на тебя мятеж, подобный бывшему во Фригии, и ты погибнешь злою смертью.

Удивившись такому дерзновению, царь стал размышлять, как сей муж осмелился войти во внутренние покои ночью, и сказал ему:

– Кто ты такой, что смеешь угрожать нам и державе нашей?

Тот отвечал:

– Мое имя – Николай, я архиерей Мирской митрополии.

Царь пришел в смущение и, встав, стал размышлять, что значит сие видение. Между тем в ту же ночь святитель явился и правителю Евлавию и возвестил ему об осужденных то же, что и царю. Воспрянув от сна, Евлавий убоялся. Пока он размышлял об этом видении, пришел к нему посланный от царя и рассказал ему о том, что царь видел во сне. Поспешив к царю, правитель поведал ему свое видение, и оба они удивлялись тому, что видели одно и то же. Тотчас царь повелел привести воевод из темницы и сказал им:

– Какими волхвованиями вы навели на нас такие сны? Явившийся нам муж сильно гневался и угрожал нам, похваляясь вскоре навести на нас брань.

Воеводы с недоумением обратились друг к другу, и, ничего не зная, смотрели друг на друга умиленным взором. Заметив сие, царь смягчился и сказал:

– Не бойтесь никакого зла, поведайте истину.

Они со слезами и рыданием отвечали:

– Царь, мы не знаем никаких волхвований и не замышляли никакого зла против твоей державы, да будет в том свидетелем Сам Всевидящий Господь. Если же мы тебя обманываем, и ты

узнаешь о нас что-нибудь дурное, то пусть не будет никакой милости и пощады ни нам, ни роду нашему. От отцов наших мы научились чтить царя и прежде всего быть верными ему. Так и теперь мы верно охраняем твою жизнь и, как свойственно сану нашему, неуклонно исполняли твои поручения нам. С усердием служа тебе, мы смирили мятеж во Фригии, прекратили междоусобную вражду и свое мужество достаточно доказали самым делом, как о том свидетельствуют те, кому сие хорошо известно. Твоя держава прежде осыпала нас почестями, ныне же ты с яростью вооружился на нас и безжалостно осудил на мучительную смерть. Итак, царь, мы думаем, что страдаем только за одно к тебе усердие, за него мы осуждены и, вместо славы и почестей, кои мы надеялись получить, нас постиг страх смерти.

От таких речей царь пришел в умиление и раскаялся в своем необдуманном поступке. Ибо вострепетал он пред судом Божиим и устыдился своей царской багряницы, видя, что он, будучи для других законодателем, готов был сотворить суд беззаконный. Милостиво взирал он на осужденных и кротко с ними беседовал. С умилением слушая его речи, воеводы вдруг увидели, что рядом с царем сидит святитель Николай и знаками обещает им прощение. Царь прервал их речь и спросил:

– Кто сей Николай, и каких мужей он спас? – Расскажите мне об этом.

Непотиан рассказал ему всё по порядку. Тогда царь, узнав, что святой Николай – великий угодник Божий, удивился его дерзновению и великой его ревности в защите обидимых, освободил тех воевод и сказал им:

– Не я дарую вам жизнь, а великий служитель Господень Николай, которого вы призывали на помощь. Идите к нему и принесите ему благодарение. Скажите ему и от меня, что я исполнил твое повеление, да не гневается на меня Христов угодник.

С этими словами он вручил им золотое Евангелие, золотое кадило, украшенное каменьями и два светильника и повелел все сие отдать в Мирскую церковь. Получив чудесное спасение, воеводы тотчас отправились в путь. Прибыв в Миры, они

радовались и веселились тому, что снова сподобились видеть святителя. Они принесли святому Николаю великое благодарение за его чудесную помощь и воспевали: Пс. 34 – «Господи! Кто подобен Тебе, избавляющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?»

Они раздали щедрую милостыню нищим и убогим и возвратились благополучно домой.

Таковы дела Божии, коими Господь возвеличил Своего угодника. Слава о них, как на крыльях, пронеслась повсюду, проникла за море и распространилась по всей вселенной, так что не было такого места, где бы не знали о великих и дивных чудесах великого архиерея Николая, которые он сотворил благодатью, дарованною ему от Всемогущего Господа.

Однажды путники, плывя на корабле из Египта в Ликийскую страну, подверглись сильному морскому волнению и буре. Паруса были уже изорваны вихрем, корабль содрогался от ударов волн, и все отчаялись в своем спасении. В это время они вспомнили о великом архиерее Николае, которого они никогда не видали и только слышали о нем, что он – скорый помощник всем, призывающим его в бедах. Они обратились к нему с молитвою и стали призывать его на помощь. Святитель тотчас явился пред ними, вошел в корабль и сказал:

– Вы призывали меня, и я пришел на помощь к вам; не бойтесь!

Все видели, что он взял кормило и стал управлять кораблём. Подобно тому, как некогда Господь наш Иисус Христос запретил ветру и морю (Мф. 8:26), святитель тотчас повелел буре прекратиться, памятуя слова Господни: Иоан. 14 – «верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит».

Так, верный слуга Господа повелевал и морем и ветром, и они были ему послушны. После этого путники при благоприятном ветре пристали к городу Мирам. Выйдя на берег, они пошли в город, желая видеть того, кто избавил их от беды. Они встретили святителя на пути в церковь и, узнав в нем своего благодетеля, припали к его ногам, принося ему благодарение. Дивный Николай не только избавил их от беды и смерти, но и проявил заботу об их душевном спасении. По

своей прозорливости он усмотрел в них духовными своими очами грех любодеяния, который удаляет человека от Бога и отклоняет от соблюдения заповедей Божиих, и сказал им:

– Чада, умоляю вас, поразмыслите в себе и исправьтесь сердцами вашими и мыслями для благоугождения Господу. Ибо, хотя бы мы и утаились от многих людей и сами считали себя праведными, но от Бога утаиться ничто не может. Поэтому потщитесь со всяким усердием сохранять святость души и чистоту тела. Ибо как говорит Божественный Апостол Павел: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог» (1Кор.3:16–17).

Поучив тех мужей душеполезными речами, святитель отпустил их с миром. Ибо святитель нравом своим был, как чадолюбивый отец, и взор его сиял Божественною благодатью, как у Ангела Божия. От его лица исходил, как от лица Моисея, пресветлый луч, и тем, кто только взирал на него, была великая польза. Тому, кто был отягчаем какою-либо страстью или душевною скорбью, довольно было обратить свой взор на святителя, чтобы получить утешение в своей печали; и тот, кто беседовал с ним, уже преуспевал в добре. И не только христиане, но и неверные, если кому из них приходилось слышать сладкие и медоточивые речи святителя, приходили в умиление и, отметая укоренившуюся в них с младенческих лет злобу неверия и воспринимая в свое сердце правое слово истины, вступали на путь спасения.

Великий угодник Божий прожил много лет в городе Мирах, сияя Божественною добротою, по слову Писания: «Как утренняя звезда среди облаков, как луна полная во днях, как солнце, сияющее над храмом Всевышнего, и как радуга, сияющая в величественных облаках, как цвет роз в весенние дни, как лилии при источниках вод, как ветвь ливана в летние дни» (Сир. 50:6–8).

Достигнув глубокой старости, святитель отдал долг человеческой природе и, после непродолжительной телесной болезни, добре скончал временное житие. С радостью и псалмопением он перешел в вечную блаженную жизнь, в

сопровождении святых Ангелов и встреченный ликами святых. На его погребение собрались епископы Ликийской страны со всем клиром и иноками и бесчисленное множество народа из всех городов. Честное тело святителя с честью было положено в соборной церкви Мирской митрополии в шестой день декабря месяца[8182]. От святых мощей угодника Божия совершалось множество чудес. Ибо его мощи источали благовонное и целебное миро, которым помазывались больные и получали исцеление. По этой причине к его гробу притекали люди со всех концов земли, ища исцеления своим болезням и получая его. Ибо тем святым миром исцелялись не только телесные недуги, но и душевные, и были прогоняемы духи лукавые. Ибо святитель не только при своей жизни, но и по своем преставлении вооружался на бесов и побеждал их, как побеждает и ныне.

Некоторые богобоязненные мужи, жившие при устье реки Танаиса, слыша о мироточивых и целебных мощах святителя Христова Николая, почивающих в Мирах Ликийских, задумали плыть туда морем на поклонение мощам. Но лукавый бес, некогда изгнанный святителем Николаем из капища Артемиды, видя, что корабль готовится плыть к сему великому отцу, и гневаясь на святителя за разрушение капища и за свое изгнание, замыслил воспрепятствовать этим мужам совершить намеченный путь и тем лишить их святыни. Он обратился в женщину, несущую сосуд, наполненный елеем, и сказал им:

– Я желала бы принести сей сосуд ко гробу святителя, но очень боюсь морского путешествия, ибо опасно для слабой и страдающей болезнью желудка женщины плыть по морю. Поэтому умоляю вас, возьмите сей сосуд, принесите его ко гробу святого и вылейте елей в лампаду.

С этими словами бес вручил боголюбцам сосуд. Неизвестно, с какими бесовскими чарованиями смешан был тот елей, но он был предназначен для вреда и погибели путников. Не зная гибельного действия сего елея, они исполнили просьбу и, взяв сосуд, отчалили от берега и целый день плыли благополучно. Но по утру поднялся северный ветер, и плавание их стало затруднительно.

Бедствуя много дней в неблагополучном плавании, они потеряли терпение от продолжительного морского волнения и решили возвратиться назад. Они уже направили корабль в свою сторону, как перед ними явился святитель Николай в небольшой ладье и сказал:

– Куда плывёте, мужи, и почему, оставив прежний путь, возвращаетесь назад? Вы можете утишить бурю и сделать путь удобным для плавания. Вам препятствуют плыть дьявольские козни, потому что сосуд с елеем дан вам не женщиною, а бесом. Бросьте сосуд в море, и тотчас плавание ваше станет благополучно.

Услышав сие, мужи бросили бесовский сосуд в пучину морскую. Тотчас из него вышел чёрный дым и пламя, воздух наполнился великим смрадом, море разверзлось, вода закипела и заклокотала до самого дна, и водяные брызги были подобны огненным искрам. Находившиеся на корабле люди пришли в великий ужас и от страха кричали, но явившийся им помощник, повелев им мужаться и не страшиться, укротил бушующую бурю и, избавив путников от страха, сделал путь их в Ликию безопасным. Ибо тотчас на них повеял прохладный и благовонный ветер, и они с веселием благополучно доплыли до желанного города. Поклонившись мироточивым мощам скорого помощника и заступника своего, они принесли благодарение всесильному Богу и совершили молебное пение великому отцу Николаю. После этого они возвратились в свою страну, везде и всем рассказывая о том, что было с ними на пути. Много великих и преславных чудес сотворил на земле и на море великий сей угодник. Он помогал сущим в бедах, спасал от потопления и выносил на сушу из глубины морской, освобождал из плена и приносил освобожденных домой, избавлял от уз и темницы, защищал от посечения мечом, освобождал от смерти и подавал многим многие исцеления, слепым – прозрение, хромым – хождение, глухим – слух, немым дар слова. Он обогатил многих, бедствующих в убожестве и крайней нищете, подавал голодным пищу и всем являлся во всякой нужде готовым помощником, теплым заступником и скорым предстателем и защитником. И ныне он также помогает

призывающим его и избавляет их от бед. Чудес его исчислить невозможно точно так же, как невозможно и описать все их подробно. Сего великого чудотворца знает восток и запад, и во всех концах земли известны его чудотворения. Да прославится в нем Триединый Бог, Отец и Сын и Святой Дух и его святое имя да похваляется устами всех вовеки. Аминь.

Чудеса святителя Николая, бывшие по кончине его

Много чудес сотворил святитель Николай, не только при жизни, но и по смерти. Кто не удивится, слыша о дивных чудесах его! Ибо не одна страна и не одна область, но вся поднебесная исполнилась чудес святого Николая. Иди к Грекам, и там дивятся им; иди к Латинам – и там им изумляются, и в Сирии восхваляют их. По всей земле дивятся святителю Николаю. Приди в Русь, и увидишь, что нет ни града, ни села, где бы во множестве не было чудес святого Николая.

При греческом царе Льве и при патриархе Афанасии совершилось следующее преславное чудо святого Николая[8183]. Великий Николай, архиепископ Мирский, в полночь явился в видении некоему благочестивому старцу, нищелюбивому и странноприимному, именем Феофан, и сказал:

– Пробудись, Феофан, встань и иди к иконописцу Аггею и вели ему написать три иконы: Спаса нашего Иисуса Христа Господа, сотворившего небо и землю и создавшего человека, Пречистой Госпожи Богородицы, и молитвенника за род христианский, Николая, архиепископа Мирского, ибо мне подобает явиться в Константинополе. Написав сии три иконы, представь их патриарху и всему собору. Иди скорее и не ослушайся.

Сказав сие, святой стал невидим. Пробудившись от сна, боголюбивый тот муж Феофан устрашился видения, тотчас пошел к иконописцу Аггею и молил его написать три великих иконы: Спаса Христа, Пречистой Богородицы и святителя Николая. Изволением милостивого Спаса, Пречистой Его Матери и святого Николая, Аггей написал три иконы и принёс их Феофану. Тот взял иконы, поставил их в горнице и сказал жене:

– Сотворим трапезу в доме своем и помолимся Богу о своих прегрешениях.

Она согласилась с радостью. Феофан пошел на рынок, купил пищи и пития на тридцать златников и, принеся домой, устроил для патриарха трапезу благолепно. Затем он пошел к патриарху и просил его и весь собор, чтобы он благословил дом его и вкусил брашна и пития. Патриарх согласился, пришел с собором в дом Феофана и, войдя в горницу, увидел, что там стоят три иконы: на одной изображен Господь наш Иисус Христос, на другой Пречистая Богородица, а на третьей святой Николай. Подойдя к первой иконе, патриарх сказал:

– Слава Тебе, Христе Боже, создавшему всю тварь. Достойно было написать образ сей.

Затем, подойдя ко второй иконе, сказал:

– Хорошо, что написан и сей образ Пресвятой Богородицы и молитвенницы за весь мир.

Подойдя к третьей иконе, патриарх сказал:

– Это образ Николая, архиепископа Мирского. Не следовало бы изображать его на такой великой иконе. Ведь он был сын простых людей, Феофана и Нонны, происходивших из поселян.

Призвав господина дома, патриарх сказал ему:

– Феофан, не вели писать Аггею образ Николая в таком большом размере.

И велел он вынести образ святителя, говоря:

– Неудобно ему стоять вряд со Христом и Пречистою.

Благочестивый муж Феофан, вынеся с великою печалью икону святого Николая из горницы, поставил ее в клети на почетном месте, и, избрав от собора клирошанина, мужа дивного и разумного, именем Каллиста, упросил его стать пред иконою и величать святого Николая. Сам же он весьма был опечален словами патриарха, велевшего вынести из горницы икону святого Николая. Но в Писании сказано: 1Цар. 2 – «прославлю прославляющих Меня». Так сказал Господь Иисус Христос, Коим, как увидим, прославится сам святитель.

Прославив Бога и Пречистую, патриарх сел за стол со всем собором своим, и была трапеза. После нее патриарх встал, возвеличил Бога и Пречистую и, выпив вина, веселился вместе со всем собором. Каллист же в это время славил и величал

великого святителя Николая. Но вот недостало вина, а патриарх и сопровождавшие его хотели еще пить и веселиться. И сказал один из собравшихся:

– Феофан, принеси еще вина патриарху и сделай пир приятным.

Тот отвечал:

– Нет больше вина, господин мой, а на рынке уже не торгуют, и купить его негде.

Запечалившись, он вспомнил о святом Николае, как тот явился ему в видении и велел написать три иконы: Спасителя, Пречистой Богоматери и свою. Тайно войдя в клеть, он пал пред образом святителя и говорил со слезами:

– О святой Николай! Рождение твое чудно и житие свято, ты исцелил много недужных. Молю тебя, яви ныне чудо у меня худого, прибавь мне вина.

Сказав сие и благословившись, он пошел туда, где стояли сосуды от вина; и молитвою святого чудотворца Николая те сосуды были полны вином. Взяв вино с радостью, Феофан принес его к патриарху. Тот выпил и похвалил, говоря:

– Не пивал я такого вина.

И говорили пившие, что Феофан сохранил лучшее вино к концу пира. А тот утаил предивное чудо святого Николая.

В веселии патриарх и собор удалились в дом при святой Софии. Утром пришел к патриарху некий вельможа, именем Феодор, из села называвшегося Сиердальским, от Мирского острова, и молил патриарха, чтобы тот поехал к нему, ибо единственная дочь его одержима бесовским недугом, и прочел над главою ее Святое Евангелие. Патриарх согласился, взял четвероевангелие, вошел со всем собором в корабль и отплыл. Когда они были в открытом море, буря подняла сильное волнение, корабль опрокинулся, и все упали в воду и плавали, вопия и моля Бога, Пречистую Богородицу и святого Николая. И умолила Пречистая Богородица Сына Своего, Спасителя нашего Иисуса Христа о соборе, чтобы священнический чин не погиб. Тогда корабль выпрямился, и, милостью Божиею, весь собор снова вошел в него. Утопая, патриарх Афанасий, вспомнил свой грех пред святым Николаем и, вопия, молился и говорил:

«О святитель великий Христов, архиепископ Мирский, чудотворец Николай, согрешил я пред тобою, прости и помилуй меня, грешного и окаянного, спаси меня от пучины морской, от горького сего часа и от напрасной смерти».

О преславное чудо – высокоумный смирился, а смиренный чудно возвеличился и честно прославился.

Внезапно явился святой Николай, шествуя по морю, как по суше, приблизился к патриарху и взял его за руку со словами:

– Афанасий, или тебе понадобилась в бездне морской помощь от меня, происходящего из простых людей?

Он же, едва в состоянии открыть уста свои, истомленный, сказал, горько плача:

– О святой Николай, святитель великий, скорый на помощь, не вспоминай моего злого высокоумия, избавь меня от напрасной сей смерти в пучине морской, и я буду славить тебя все дни жизни моей.

И сказал ему святитель:

– Не бойся, брат, вот избавляет тебя рукою моею Христос. Ты же не греши больше, чтобы не случилось с тобою худшее. Войди в корабль свой.

Сказав сие, святой Николай взял патриарха из воды и поставил его на корабль, со словами:

– Ты спасен, иди опять на свое служение в Константинополь.

И стал святой невидим. Увидев патриарха, все возопили:

«Слава Тебе, Христе Спасе, и Тебе, Пречистая Царица Госпожа Богородица, избавившие нашего господина от потопления».

Как бы пробудившись от сна, патриарх спросил их:

– Где я, братия?

– На своем корабле, господин, – отвечали те, – и мы все невредимы.

Заплакав, патриарх сказал:

– Братия, согрешил я пред святым Николаем, воистину велик он: ходит по морю, как по суше, взял меня за руку и поставил на корабль; поистине он скор на помощь всем, призывающим его с верою.

Корабль быстро приплыл назад к Константинополю. Выйдя из корабля со всем собором, патриарх со слезами пошел в церковь святой Софии и послал за Феофаном, веля ему тотчас принести ту чудную икону святителя Николая. Когда Феофан принес икону, патриарх пал пред нею со слезами и сказал:

– Согрешил я, о святой Николай, прости меня грешного.

Сказав сие, он взял икону на руки, с честью облобызал ее вместе с соборянами и отнес в церковь святой Софии. На другой день он заложил в Константинополе каменную церковь во имя святого Николая. Когда церковь была построена, сам патриарх освятил ее в день памяти святого Николая. А святитель исцелил в тот день *40* недужных мужей и жен. Затем патриарх дал на украшение церкви 30 литр злата и много сёл и садов. И устроил он при ней монастырь честен. И многие приходили туда: слепые, хромые и прокаженные. Прикоснувшись к той иконе святого Николая, все они уходили здоровыми, славя Бога и чудотворца Его.

В Константинополе жил некий муж, именем Николай, кормившийся рукоделием. Будучи благочестивым, он положил завет никогда не проводить дни, посвященные памяти святителя Николая, без воспоминания об угоднике Божием. Сие неослабно соблюдал он, по слову Писания: Притч. 3 – «Чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих», и всегда твёрдо сие помнил. Так он достиг глубокой старости и, не имея сил работать, впал в нищету. Приближался день памяти святого Николая, и вот, размышляя о том, как ему поступить, старец сказал жене своей:

– Настает день чтимого нами великого архиерея Христова Николая; как же нам бедным, при нашей скудости, отпраздновать день сей?

Благочестивая жена отвечала мужу своему:

– Ты знаешь, господин мой, что настал конец жизни нашей, ибо и тебя и меня постигла старость; если даже и ныне пришлось бы окончить нам жизнь, ты не изменяй твоего намерения и не забывай о твоей любви к святому.

Она показала мужу ковёр свой и сказала:

– Возьми ковёр, пойди и продай его и купи всё необходимое для достойного празднования памяти святого Николая. Другого ничего у нас нет, а сей ковёр нам не нужен, ибо мы не имеем детей, которым его можно было бы оставить.

Услышав сие, благочестивый старец похвалил жену свою и, взяв ковёр, пошел. Когда он шел по площади, где стоит столп святого царя Константина Великого, и миновал церковь святого Платона, его встретил всегда готовый на помощь святой Николай, во образе честного старца, и сказал несшему ковёр:

– Друг милый, куда ты идешь?

– Нужно мне на рынок, – отвечал тот.

Подойдя ближе, святой Николай сказал:

– Доброе дело. Но скажи мне, за сколько ты хочешь продать ковёр сей, ибо я хотел бы купить твой ковёр.

Старец сказал святому:

– Ковёр этот был в свое время куплен за 8 златников, теперь же я возьму за него, сколько ты мне дашь.

Святой сказал старцу:

– Согласен ли ты взять за него 6 златников?

– Если ты даешь мне столько, – сказал старец, – я возьму с радостью.

Святой Николай опустил руку в карман своей одежды, вынул оттуда злато и, дав 6 великих златников в руки старцу, сказал ему:

– Возьми это, друг, и дай мне ковёр.

Старец с радостью взял злато, ибо ковёр стоил дешевле сего. Взяв ковёр из рук старца, святой Николай удалился. Когда они разошлись, присутствовавшие на площади сказали старцу:

– Не привидение ли ты видишь, старец, что ты один разговариваешь?

Ибо они видели только старца и слышали его голос, святой же был невидим и неслышим для них. В это время святой Николай пришел с ковром к жене старца и сказал ей:

– Муж твой – мой старинный друг; встретив меня, он обратился ко мне с такою просьбою: любя меня, отнеси сей ковёр моей жене, ибо мне нужно отнести одну вещь, ты же сохрани его, как свой.

Сказав сие, святитель стал невидим. Видя честного мужа, сияющего светом и взяв от него ковёр, женщина от страха не смела спросить, кто он. Думая, что муж ее забыл слова, сказанные ею, и свою любовь к святому, женщина разгневалась на своего мужа и сказала:

– Горе мне бедной, муж у меня законопреступный и исполнен лжи!

Говоря сии слова и подобные им, она не хотела и глядеть на ковёр, горя любовью к святому.

Не ведая о случившемся, муж ее купил всё необходимое для празднования дня памяти святого Николая и шёл к хижине своей, радуясь продаже ковра и тому, что ему не придется отступить от своего благочестивого обычая. Когда он пришел домой, разгневанная жена встретила его злыми словами:

– Отныне уйди от меня, ибо ты солгал святому Николаю. Истинно сказал Христос, Сын Божий: Лук. 9 – «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

Сказав сии слова и подобные им, она принесла ковёр к мужу своему и сказала:

– Вот возьми, меня же ты больше не увидишь; ты солгал святому Николаю и, поэтому потеряешь всё, чего достиг празднованием его памяти. Ибо написано: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак.2:10).

Услышав сие от жены своей и видя свой ковер, старец удивлялся и не находил слов ответить жене своей. Долго стоял он и понял наконец, что святой Николай сотворил чудо. Вздохнув из глубины сердца и исполнившись радости, он поднял руки свои к небу и сказал:

– Слава Тебе, Христе Боже, творящему чудеса через святого Николая!

И сказал старец жене своей:

– Ради страха Божия, скажи мне, кто тебе принёс ковёр сей, муж или женщина, старец или юноша?

Жена ему отвечала:

– Старец светлый, честный, одетый в светлые одежды, принёс нам ковёр сей и сказал мне: муж твой – друг мне, поэтому, встретив меня, он упросил донести ковёр сей к тебе, возьми его. Взяв ковёр, я не смела спросить пришедшего, кто он, видя его, сияющего светом.

Слыша это от жены, старец дивился и показал ей оставшуюся у него часть злата и все купленное им для празднования дня памяти святого Николая: яства, вино, просфоры и свечи.

– Жив Господь! – воскликнул он. – Муж, купивший у меня ковер и снова принесший в дом к нам убогим и смиренным рабам, воистину есть святой Николай, ибо говорили видевшие меня в беседе с ним: не привидение ли ты видишь? Они меня одного видели, а он был невидим.

Тогда оба, старец и жена его, воскликнули, вознося благодарение Всемогущему Богу и хвалу великому архиерею Христову Николаю, скорому помощнику всем, призывающим его с верою. Исполнившись радости, они тотчас пошли в церковь святителя Николая, неся злато и ковёр, и поведали в церкви о случившемся всему клиру и всем, бывшим там. И все люди, услышав рассказ их, прославили Бога и святого Николая, творящего милосердие с рабами своими. Затем они послали к патриарху Михаилу[8184] и поведали ему всё. Патриарх повелел дать старцу пособие от имения церкви святой Софии. И сотворили они праздник честен, с вознесением хвалы и песнопениями.

Жил в Константинополе благочестивый муж, именем Епифаний. Был он очень богат и почтен великою честью от царя Константина[8185] и имел много рабов. Однажды он захотел купить отрока в слуги себе и в третий день декабря месяца, взяв литру злата в 72 златника, сел на коня и поехал на рынок, где купцы, приезжие с Руси, продают рабов. Купить раба не удалось, и он возвратился домой. Сойдя с коня, он вошел в палату, вынул из кармана злато, которое он брал на рынок, и, положив его где-то в палате, забыл о месте, куда его положил. Сие ему случилось от исконного злого врага, диавола, который непрестанно воюет с родом христианским, чтобы умножить

честь на земле. Не терпя благочестие мужа того, он задумал ввергнуть его в бездну греха. Утром вельможа призвал отрока, служившего ему, и сказал:

– Принеси мне злато, которое я тебе дал вчера, мне надо ехать на рынок.

Услышав сие, отрок испугался, ибо господин не давал ему злата, и сказал:

– Ты не давал мне злата, господин.

Господин сказал:

– О злая и лживая голова, скажи мне, куда ты положил злато, данное тебе мною?

Тот, не имея ничего, клялся, что не понимает, о чем говорит его господин. Вельможа разгневался и приказал слугам связать отрока, бить его без милосердия и заковать в оковы.

Сам же сказал:

– Решу его участь, когда пройдет праздник святого Николая, – ибо праздник сей должен был быть на другой день.

Заключенный один в храмине, отрок со слезами возопил ко всемогущему Богу, избавляющему находящихся в беде:

– Господи Боже мой, Иисусе Христе, Вседержитель, Сын Бога Живого, живущий во свете неприступном! Вопию к Тебе, ибо Ты знаешь сердце человеческое, Ты – Помощник сиротам, Избавление находящихся в беде, Утешение скорбящим: избавь меня от неведомой мне сей напасти. Сотвори милостивое избавление, чтобы и господин мой, избавившись от греха и неправды, причиненной мне, прославил Тебя с веселием сердца, и чтобы я, худой раб Твой, избавившись от сей напасти, неправедно постигшей меня, вознёс Тебе благодарение за человеколюбие Твое.

Говоря со слезами сие и подобное сему, прилагая молитву к молитве и к слезам слёзы, отрок возопил к святому Николаю:

– О честный отче, святой Николай, избавь меня от беды! Ты знаешь, что я невинен в том, что говорит господин на меня. Завтра настанет твой праздник, а я нахожусь в великой беде.

Настала ночь, и утомленный отрок уснул. И явился ему святой Николай, всегда скорый на помощь всем, призывающим его с верою, и сказал:

– Не тужи: Христос избавит тебя мною, рабом Своим.

Тотчас спали с ног его оковы, и он встал и вознёс хвалу Богу и святому Николаю. В тот же час святитель явился и господину его, и упрекал его:

– Зачем неправду сотворил ты рабу своему, Епифаний? Ты виноват сам, ибо ты забыл, где положил злато, отрока же мучил без вины, а он верен тебе. Но так как ты не сам замыслил сие, а тебя научил исконный злой враг диавол, то я и явился, чтобы не иссякла любовь твоя к Богу. Встань и освободи отрока: если же ослушаешься меня, то тебя самого постигнет великое несчастье.

Затем, указывая перстом место, где лежало злато, святой Николай сказал:

– Встань, возьми свое злато и освободи отрока.

Сказав сие, он стал невидим.

Вельможа Епифаний пробудился в трепете, дошел до места, указанного ему в палате святым, и нашел злато, положенное им самим. Тогда, одержимый страхом и исполненный радости, он сказал:

– Слава Тебе, Христе Боже, Надежда всего рода христианского; слава Тебе, Надежда безнадежных, отчаявшихся скорое Утешение; слава Тебе, показавшему светило всему миру и скорое восстание падших во грехе, святого Николая, который исцеляет не только телесные недуги, но и душевные соблазны.

Весь в слезах, пал он пред честным образом святителя Николая и сказал:

– Благодарю тебя, отче честный, ибо ты спас меня недостойного и грешного и пришел ко мне, худому, очищая меня от грехов. Что я тебе воздам за то, что ты призрел на меня, придя ко мне.

Сказав сие и подобное сему, вельможа пришел к отроку и видя, что оковы спали с него, впал еще в больший ужас и весьма упрекал себя. Тотчас он велел освободить отрока и всячески успокоил его; сам же всю ночь бодрствовал, благодаря Бога и святого Николая, избавившего от такого греха. Когда зазвонили к утрене, он встал, взял злато и пошел с отроком в церковь святого Николая. Здесь он с радостью поведал всем,

какой милости удостоил его Бог и святой Николай. И все прославили Бога, творящего таковые чудеса угодниками Своими. Когда отпели утреню, господин сказал в церкви отроку:

– Чадо, не я грешный, но Бог твой, Творец небу и земли, и святой угодник Его, Николай, да освободят тебя от рабства, чтобы и мне когда-нибудь была прощена неправда, которую я, по неведению, сотворил тебе.

Сказав сие, он разделил золото на три части; первую часть он дал в церковь святого Николая, вторую раздал нищим, а третью дал отроку, говоря:

– Возьми это, чадо, и ты не будешь должен никому, кроме единого святителя Николая. Я же буду пещись о тебе, как чадолюбивый отец.

Возблагодарив Бога и святого Николая, Епифаний удалился в дом свой с радостью.

Однажды в Киеве, в день памяти святых мучеников Бориса и Глеба, множество людей стеклось из всех градов и сёл на праздник святых мучеников. Некий Киевлянин, имевший великую веру к святому Николаю и к святым мученикам Борису и Глебу, сел в ладью и поплыл к Вышгороду, поклониться гробу святых мучеников Бориса и Глеба[8186], взяв с собою свечи, фимиам и просфоры – всё необходимое для достойного празднования. Поклонившись мощам святых и возрадовавшись духом, он отправился восвояси. Когда он плыл по реке Днепру, жена его, державшая на руках ребенка, задремала и уронила ребенка в воду, и тот утонул. Отец стал рвать волосы на голове своей, восклицая:

– Горе мне, святой Николай, для того ли я имел великую веру к тебе, чтобы ты не спас мое дитя от потопления! Кто будет наследником моего имения; кого научу я творить в память тебя, заступника моего, светлое торжество? Как поведаю твое великое милосердие, которое ты излил на весь мир и на меня бедного, когда утонуло дитя мое? Я хотел воспитать его, просвещая его чудесами твоими, чтобы по смерти хвалили меня за то, что плод мой творит память святому Николаю. Но ты, святитель, не мне только даровал печаль, но и себе, ибо вскоре должно прекратиться самое воспоминание о тебе в доме моем,

ибо я стар и жду кончины. Если бы ты хотел спасти дитя, ты мог бы спасти его, но ты сам попустил утонуть ему, и не избавил единородное чадо мое от морской пучины. Или ты думаешь, что я не ведаю чудес твоих? Им нет числа, и язык человеческий не может передать их, и я, отче святой, верую, что тебе всё возможно, что ты захочешь сотворить, но беззакония мои превозмогли. Теперь я понял, терзаемый печалью, что, если бы я сохранил заповеди Божии непорочно, мне бы вся тварь покорялась, как Адаму в раю, до грехопадения. Ныне же вся тварь восстает на меня: вода потопит, зверь растерзает, змий поглотит, молния сожжет, птицы исклюют, скот рассвирепеет и потопчет всё, люди умертвят, хлеб, данный нам в пищу, не насытит нас и, по воле Божией, будет нам в погибель. Мы же, одаренные душою и разумом и сотворенные по образу Божию, не исполняем, однако, как надлежит, волю Творца своего. Но не прогневайся на меня, святой отче Николае, что я столь дерзновенно говорю, ибо я не отчаиваюсь в своем спасении, имея тебя помощником.

Жена же его терзала свои волосы и била себя по ланитам. Наконец, доехали они до города и скорбные вошли в дом свой. Настала ночь, и вот скорый на помощь всем призывающим его, архиерей Христов Николай совершил дивное чудо, какого не было в прежнее время. Ночью он взял из реки утонувшее дитя и положил на хорах храма святой Софии, живым и невредимым. Когда настало время утренней молитвы, вошел в церковь пономарь и услышал детский плач на хорах. И долго он стоял в раздумье:

– Кто это пустил на хоры женщину?

Он пошел к заведывавшему порядком на хорах и начал выговаривать ему; тот говорил, что ничего не знает, но пономарь упрекал его:

– Ты уличен на деле, ибо дети кричат на хорах.

Заведывавший хорами испугался и, подойдя к замку, увидал его нетронутым и услышал детский голос. Войдя на хоры, он увидал перед образом святого Николая ребёнка, всего вымокшего в воде. Не зная, что и думать, он поведал об этом митрополиту. Отслужив утреню, митрополит послал собрать

людей на площадь и спросить их, чье дитя лежит на хорах в церкви святой Софии. Все граждане пошли в церковь, дивясь, откуда это взялось на хорах дитя, мокрое от воды. Пришел и отец ребенка, чтобы подивиться чуду, и, увидав, узнал его. Но, не веря себе, он пошел к жене своей и рассказал ей всё по ряду. Она же тотчас стала укорять мужа своего, говоря:

– Как это ты не понимаешь, что сие – чудо, сотворенное святым Николаем?

Поспешно пошла она в церковь, узнала дитя свое, и, не трогая его, пала пред образом святого Николая и молилась, с умилением и слезами. Муж ее, стоя вдали, проливал слёзы. Услышав о сем, все люди стеклись посмотреть на чудо, и собрался весь город, славя Бога и святого Николая. Митрополит же сотворил честный праздник, какой творится в день памяти святого Николая, прославляя Святую Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви тя стаду твоему, Яже вещей Истина: сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая, отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 3:

В Мирех святе священнодействитель показался еси: Христово бо преподобне Евангелие исполнив, положил еси душу твою о людех твоих, и спасл еси неповинныя от смерти. Сего ради освятился еси, яко великий таинник Божия благодати.

Житие святого отца нашего Амвросия, епископа Медиоланского

Память 7 декабря

Святой Амвросий[8187] был сыном вельможи Амвросия, Римского наместника Галлии[8188] и других западных стран. Из любви к сыну своему, сей вельможа назвал его тем же именем, какое носил сам.

Еще в младенчестве святого было предзнаменование того, какую духовную сладость доставит он некогда Церкви Христовой. Однажды среди дня спеленатый младенец Амвросий лежал на открытом воздухе и спал, с открытыми устами. Вдруг прилетел рой пчёл, сел на младенца и покрыл всё лицо его и уста, и можно было видеть, как пчелы входили в уста младенца, и выходили оттуда, оставляя на языке у него свой мёд. Кормилица, видя это, хотела согнать пчёл, так как боялась, что они причинят вред ребенку. Но отец Амвросия, на глазах у которого произошло сие, остановил кормилицу, так как хотел видеть, чем окончится это чудо. И вот, немного времени спустя, пчёлы поднялись и полетели вверх, пока не исчезли из глаз. Отец младенца изумился и сказал:

– Если дитя сие вырастет, то будет великим среди людей.

Так еще в младенческие годы раба Своего Господь показывал уже, что над ним сбудутся слова Писания: Притч. 16 – «Приятная речь – сотовый мед, сладка для души».

Ибо рой пчел изображал те усладительные поучения и писания святого Амвросия, которыми созидал он духовные соты, веселящие сердца людей и поднимающие их от земли к небу. Когда он стал подрастать и жил в Риме с матерью, уже вдовою, давшею Богу обет девства, случилось ему однажды увидать, что у епископа целовали руку. После этого, играя в доме родительском, он протянул руку свою домашним со словами:

– Целуйте, ибо и я также буду епископом[8189].

Эти слова говорил через него Дух Святой в предзнаменование будущего, но взрослые, не понимая того, что

благодать Божия, жившая в отроке, предуготовляет его к святительскому сану, останавливали его, как будто он говорил речи необдуманные.

По смерти родителя святого Амвросия, мать его переселилась в Рим и дала ему и старшему брату его Сатиру самое высокое образование, а сестра его – девственница развила в нем любовь к девству[8190].

Изучив искусство красноречия, Амвросий стал и сам известным оратором, обладавшим силою убеждения. Защищал он обиженных, помогал несчастным, обличал поступавших несправедливо, содействовал выяснению на суде правды. За его мудрость главный начальник города Рима Проб взял его к себе, в качестве советника. Затем Амвросий был назначен наместником Римских областей – Лигурии[8191] и Эмалии[8192]. В это время в городе Медиолане[8193] умер епископ Авксентий, бывший арианином и занимавший архиерейский престол после православного епископа Дионисия, который умер в заточении. Между православными и арианами происходили большие раздоры и несогласия, так как каждая сторона хотела возвести на освободившийся в Медиолане престол епископа своего вероисповедания. Смуты и волнение не прекращались среди жителей Медиолана. Узнав о сем, начальник города Рима – Проб дал Амвросию поручение отправиться в Медиолан и усмирить возникший там мятеж, причем сказал ему:

– Отправляйся туда и действуй не как судья, а как епископ[8194].

Прибыв в Медиолан, Амвросий вошел в храм, где происходили выборы, и со всею силою красноречия стал убеждать народ, чтобы привести споривших к согласию и миру. Вдруг грудной младенец, еще не умевший говорить, закричал из среды народа:

– Амвросий – епископ!

Услышав сие, весь находившийся в церкви народ подхватил слова младенца и начал громко и единодушно восклицать:

– Амвросий – епископ! Амвросий – епископ!

Так, действием благодати Божией младенец, которому не настала еще пора говорить, провещал, и обе противные стороны, как правоверные, так и ариане пришли к миру и согласию, и пожелали только иметь епископом Амвросия, хотя он еще не был просвещен святым крещением, а только был оглашен. Слыша восклицание народа, Амвросий вышел из храма и, чтобы выказать себя недостойным столь великого сана, сев на месте судии, стал, против своего обыкновения, без всякого милосердия терзать преступников. Он делал сие с тою целью, чтобы граждане, видя его немилосердие, возненавидели его и не захотели иметь епископом. Но народ не переставал кричать, что желает иметь Амвросия епископом. Амвросий всячески отказывался, объявлял, что он – великий грешник и до этих пор еще не крещен, но все отвечали ему на это:

– Грех твой будет на нас. – Ибо они знали, что святое крещение очищает человека от всех грехов.

Амвросий в смущении возвратился домой и задумал оставить свою должность и избрать себе житие нищего странника, как это делали тогда многие из греческих философов, но ему помешали в исполнении этого намерения. Тогда он изобрел другую хитрость, чтобы избежать епископского сана, а именно: приказал открыто приводить к себе в дом распутных женщин, чтобы жители Медиолана, видя это, возымели к нему отвращение и отказались бы от него, как от блудника. Но народ еще усиленнее заявлял:

– Пусть будет твой грех на нас, только прими крещение и епископство.

Видя, что невозможно уклониться от желания всего народа, Амвросий решил из города укрыться. Ночью, тайно от всех, он вышел из города и полагал, что идет к другому городу Тицину[8195] и что далеко уже ушел по этой дороге, но когда рассвело, то оказалось, что он находится у ворот того же самого города Медиолана, называемых Римскими. Это произошло потому, что Бог, Который готовил в Амвросии для Своей Кафолической Церкви как бы стену против врагов, воспрепятствовал его бегству, и Своею силою возвращал его с задуманного пути. Когда граждане Медиолана узнали о сей

попытке, то стали стеречь Амвросия, чтобы он не убежал; вместе с тем послали они императору Валентиниану Старшему[8196] с просьбою, чтобы он повелел Амвросию принять на себя сан епископа. Император возрадовался тому, что лица, назначаемые им на светские должности, удостаиваются избрания в великий духовный сан. Обрадовался и главный начальник Рима – Проб, ибо исполнилось его предсказание, которое сделал он Амвросию, посылая его в Медиолан, а именно: Проб сказал ему, чтобы, увещевая народ к взаимному согласию, он поступал не как судья, но как епископ. Пока жители Медиолана ожидали возвращения посланных к императору и ответа царского, Амвросий опять бежал и скрылся в поместье одного сановника, по имени Леонтий. Но когда пришло царское повеление, то Леонтий объявил о местопребывании Амвросия и привел его в Медиолан к народу. Так невозможно было нигде утаиться тому, кого Бог соблаговолил поставить на степень святительства, как «город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14) и как свечу на подсвечнике (Мф.5:15), и сделать пастырем словесных Своих овец. Тогда Амвросий, убедившись в том, что Богу благоугодно, чтобы он был епископом, повиновался царскому повелению и желанию народа. Однако он не захотел принять крещение от арианского епископа, но пожелал быть крещенным от православного, так как весьма остерегался еретической веры арианской. Приняв святое крещение, он прошел в семь дней все степени церковные, а на восьмой был возведен в епископский сан[8197] к невыразимой радости всего народа. При рукоположении его присутствовал сам император, как повествует о том Феодорит[8198], и радостно произнес:

– Благодарю Тебя, Всесильный Господи, Спаситель наш, что тому человеку, которому поручал я телесную жизнь подданных, Ты вверил души и тем показал, что мое суждение о нем было справедливо.

По прошествии нескольких дней, случилось, что святой Амвросий в прямодушной беседе с императором обличал неправильные действия городских судов. Император ответил ему:

– Давно мне известна правдивая смелость твоей речи; поэтому я не только не препятствовал твоему избранию во епископы, но и сам содействовал ему. Итак, исправляй наши погрешности, как велит Божественный закон, и исцеляй неправды душ наших.

В начале своего епископства Амвросий просил Римского папу Дамаса[8199], чтобы тот прислал ему в помощь рассудительного мужа по собственному выбору. Папа послал к нему священника Симплициана. Сего священника Амвросий почитал, как отца, и слушался его советов[8200]. Заведование домашними своими делами Амвросий поручил своему брату Сатиру[8201], а сам всецело посвятил себя делам церковным, ежедневно совершал Богослужение и поучал народ Священному Писанию[8202].

Святой Амвросий прилагал большие заботы и к улучшению клира церковного. Живя среди них, он сам подавал им пример, как соединять строгую подвижническую жизнь с обязанностями пастыря Церкви. Он был мужем великого воздержания, долгих бдений и трудов; ежедневно он умерщвлял свою плоть постом, который прерывал только по субботам и воскресеньям и в праздники знаменитейших мучеников. Он прилежал молитве днем и ночью и не уклонялся от труда писать книги своею рукою, если не был удерживаем от сего болезнью телесною. Будучи строг к себе, он был добр, ласков и доступен ко всем. Бедные находили в нем защитника и друга. Он радовался с радующимися и плакал с плачущими. Если кто, падши, исповедовал ему грех свой, он так плакал, что и того возбуждал к слезам.

Заботясь о клире, святой Амвросий покровительствовал инокам и любил обитель их, находящуюся близ Медиолана. Он заботился также об учреждении женских монастырей, и едва прошло три года после его посвящения, как девственницы[8203] прибыли в Медиолан из Плаценции[8204], Болоньи[8205] и даже Мавритании[8206].

По прошествии нескольких лет, Амвросий поехал в родной свой город Рим. Там застал он в живых сестру свою и одну рабыню из давнишних слуг дома; мать же его уже скончалась.

Когда они целовали его руку, Амвросий слегка улыбнулся и сказал рабыне:

– Вот ты и целуешь епископскую руку, как я тебе когда-то говорил.

Так исполнилось предсказание самого Амвросия, о котором было упомянуто раньше, а именно, что он еще ребенком протягивал свою правую руку домашним и говорил:

– Целуйте, ибо и я буду епископом.

Во время пребывания Амвросия в Риме одна уважаемая женщина, жившая за рекою Тибром[8207] , попросила его совершить Божественную литургию в ее доме[8208]. Узнав о сем, другая женщина, расслабленная, приказала нести себя туда, – и в то время, как святитель Божий молился, прикоснулась к краю его ризы, поцеловала ее и тотчас же стала здоровою. И разнесся слух об этом чуде по всему Риму.

По смерти императора Валентиниана старшего, скипетр Западной Римской империи перешел к сыну его Грациану[8209]. Когда тот готовился к войне против готов[8210], то выразил святому Амвросию желание, чтобы он письменно изложил для него исповедание святой веры. Святитель Амвросий написал для императора книги[8211] о вере, предсказал ему победу над врагами и благословил его знамена, на которых было начертано имя Христово. И одержал Грациан славную победу над готами по молитвам угодника Божия и его благословению.

Жена умершего Валентиниана старшего, мачеха Грациана, Юстина, была арианкой, ненавидела святого Амвросия и причиняла ему зло. Так, когда в Сирмии[8212] умер епископ, Юстина отправилась туда, желая возвести на епископский престол единоверца ее – арианина. Туда же прибыл и святой Амвросий, ибо город тот принадлежал к его пастве. Пренебрегая женским гневом, он старался о том, чтобы во епископы был избран один благочестивый муж, по имени Анемий. В один из дней когда все собрались в храм и святой Амвросий занял свое место на амвоне, царица Юстина, находившаяся там же, подослала одну арианку, научив ее схватить епископа за одежду, столкнуть его с места и привлечь туда, где стояли женщины, чтобы те прибили Амвросия своими

женскими руками и выгнали из церкви. Но когда эта бесстыдная женщина с дерзостью подошла к святому Амвросию, чтобы исполнить то, что было ей приказано, то святой сказал ей:

– Хотя и недостоин я носимого мною сана, однако, не следует тебе поднимать руку ни на кого из Божиих иереев; страшись Суда Божия, чтобы тебя не постигло неожиданное несчастье.

Эти слова святого Амвросия действительно исполнились над тою дерзкою женщиною: на следующее утро она внезапно умерла, и святой Амвросий сам же похоронил ее, воздавая добром за зло. Устрашенные этим чудом, ариане и царица Юстина не посмели более препятствовать тому, чтобы святой Амвросий посвятил во епископа мужа славного. Таким образом, Амвросий без сопротивления посвятил во епископа того именно, кого желал, после чего возвратился в Медиолан.

Случилось раз, что другие два арианина, из постельничих царя Грациана, выразили желание иметь всенародное состязание по вопросам веры со святым Амвросием; предметом состязания должно было быть воплощение Господа Иисуса Христа. В назначенное время святой Амвросий с народом ожидал их в церкви. Он был готов состязаться с ними, так как имел в себе Духа Божия. Но упомянутые ариане, по гордости своей и из желания нанести обиду святому, не пришли на спор, а сели, вместо того, на коней и уехали из города в поле. Когда они доехали до возвышенного места, то лошади их внезапно испугались, и ариане, упав с горы, убились до смерти. Святитель же Амвросий, ничего не зная об этом случае, долго ожидал их и, наконец, видя, что они не являются, взошел на амвон и произнес к народу известное свое поучение, начинающееся словами: «Стараюсь, братия, ожидать должного, но не нахожу своих вчерашних заимодавцев» (и т. д., как это значится в сочинении святого Амвросия – о воплощении Господа Иисуса Христа).

Вскоре после того Грациан был предательски убит в Галлии возмутившимся против него военачальником Максимом[8213]. Императорский престол в Риме занял тогда Валентиниан младший со своей матерью Юстиною; но так как полководец

Максим овладел уже Испаниею и Галлиею, то сопротивляться ему было невозможно; поэтому арианка Юстина была вынуждена обратиться ко святому Амвросию, чтобы тот отправился к Максиму с просьбою о пощаде и испросил бы у него мир для ее юного сына. Добрый пастырь отправился к мятежнику, ибо готов был и жизнь свою положить за овец своих словесных.

Своими мудрыми и смиренными речами Амвросий так убедил Максима, что последний не двинулся в тот год на Италию, а остался в Галлии.

Но Юстина за такой труд святителя Божия отплатила ему неблагодарностью: не переставая враждовать против него, она послала к Амвросию требование от имени своего сына, чтобы он отдал во владение арианам соборную Медиоланскую церковь со всеми сокровищами, в ней находившимися. Но святой Амвросий с мужеством воспротивился царскому повелению. Он ответил:

– В том, что мне принадлежит, я не отказываю царю, я готов за него и здоровьем своим пожертвовать, но того, что принадлежит Богу, дать не могу; – да и царю брать того нельзя.

После этого прислан был Юстиною, от имени императора, отряд войска, которому дано было приказание отнять храм силою, а епископа из него выгнать. Народ, услыхав об этом, сбежался к церкви, затворился внутри ее, вместе с святым своим епископом Амвросием, и не впускал туда воинов. Три дня пробыли верующие заключенными в храме, воспевая и славословя Бога. Они стойко сопротивлялись арианам и не дозволили им изгнать епископа и отнять церковь. А святой Амвросий, отвечая на требование посланных от царя, повторял:

– Не выйду я добровольно из церкви и не оставлю ее, не выдам изменнически волкам обители овец Христовых и не позволю тем, которые произносят хулы на Бога, завладеть церковью Божиею. Если дано изволение меня убить, то пусть буду я здесь, в стенах храма, пронзен мечом, или копьем: я готов такую смерть принять охотно и с любовью.

Царица Юстина, когда донесли ей обо всем этом, устыдилась, а вместе с тем и испугалась мужественного

сопротивления православных и не осмелилась более возбуждать открыто борьбы против Церкви. Но, стыдясь своего поражения, она послала тайно наемного убийцу в дом к Амвросию, чтобы умертвить святителя. Злодей проник с обнаженным мечом в спальню епископа и уже поднял руку, чтобы ударить мечом святого мужа, как вдруг рука его засохла, так что он не мог опустить ее. Его схватили, и он признался в том, от кого и с какою целью был он послан. Святой Амвросий, по своему незлобию, исцелил его засохшую руку и отпустил его с миром[8214].

В это время[8215] Бог открыл в видении угоднику Своему Амвросию о мощах святых мучеников Протасия и Гервасия, почивавших в земле. Когда сии святые мощи были откопаны, то от них истекло много чудес. Так, один слепец, по имени Север, лишь только прикоснулся к одежде мучеников, тотчас прозрел; также изгонялось много нечистых духов из одержимых ими людей.

Между тем в царском дворце многие ариане, вместе с царицею Юстиною, насмехались и глумились над благодатью Божиею, дарованною Господом нашим Иисусом Христом святой Церкви в прославлении Своих мучеников. Ариане уверяли, будто Амвросий нанимает людей за деньги, чтобы те притворялись бесноватыми, приводит их к гробнице мучеников и делает вид, как будто эти мнимые бесноватые исцелились, а затем распространяет в народе славу о таких ложных чудесах.

В то время, как эти придворные вели между собою подобные нечестивые разговоры, внезапно, по Божию попущению, напал на одного из них бес и стал мучить его. Мучимый человек испускал страшные вопли и кричал:

– Да будет то же, что и со мною, со всеми хулящими святых мучеников, а также с неверующими в Тройческое Единство, Которому научает веровать Амвросий!

Все присутствовавшие при этом пришли в ужас, но, вместо того, чтобы раскаяться и уверовать, схватили мучимого человека и утопили, бросив его в озеро. Другой раз случилось, что некто, принадлежавший к числу этих нечестивых ариан, вошел в храм, когда святой епископ Амвросий поучал в нем

народ. И увидел сей арианин, что Ангел Божий шепчет что-то на ухо Амвросию. Этим видением обнаруживалось, что святой епископ возвещает народу речи, внушенные ему Ангелом. Увидев сие, арианин немедленно присоединился к православию и, по благодати всемогущего Бога, сделался защитником той веры, которую раньше преследовал.

Между тем царица Юстина не переставала враждовать против святителя и, в старании своем погубить его, нашла себе помощника в лице одного вельможи, по имени Евфимий. Она уговорила его, подкупив подарками, чтобы он тайным образом захватил Амвросия и отвез в какую-нибудь далекую страну в заточение. Стараясь осуществить желание царицы, Евфимий построил себе дом вблизи от храма, чтобы удобнее ему было выбрать подходящее к тому время и схватить святителя Божия. Он приготовил особую колесницу, на которой хотел везти святого Амвросия в изгнание, но, судом Божиим, «злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. 7:17).

А именно в тот самый день, в который Евфимий намеревался схватить святого Амвросия, неожиданно получено было повеление императора, чтобы Евфимий немедленно был отправлен в изгнание. И повезли его в изгнание на той самой колеснице, которую он, нечестивый, приготовил, для изгнания святителя Амвросия.

Когда мятежник Максим вновь начал свои военные действия против Италии, Юстина поспешила примириться с Амвросием и стала, вместе с сыном своим, умолять его, чтобы он снова отправился умолять мятежника. Не помня зла, святой Амвросий поехал к Максиму, но на этот раз не имел никакого успеха в своем ходатайстве пред этим бесчувственным и гордым бунтовщиком. Видя его непреклонность, святой Амвросий обнаружил такую смелость, что пред всеми предал его проклятию, как убийцу, коварством погубившего невинного своего государя, и отлучил его от святой Церкви. Максим вторгся в Италию и брал город за городом. Юный император не мог воспротивиться ему и бежал, вместе со своею матерью, в Фессалонику[8216], в Грецию к Восточному императору –

Феодосию Великому[8217], чтобы просить у него помощи. Феодосий собрал войско, двинулся против Максима и победил его. Максим был убит[8218]; его смерть была возмездием за неповинную кровь императора Грациана. Однако императрице Юстине не суждено было дождаться этой счастливой победы, так как она, вскоре по прибытии своем в Грецию, умерла. Сын же ее – Валентиниан послушался увещаний императора Феодосия и присоединился к православию.

После смерти Юстины случилось однажды, что один волхв был предан суду и пыткам. Во время истязаний он кричал, что его больше мучает Ангел хранитель святого Амвросия, чем сами палачи. Когда его спросили, за какое же преступление наказывает его Ангел, кудесник сознался в следующем:

– Когда была жива императрица Юстина, то я намеревался своим волхвованием возбудить в населении Медиолана вражду против епископа этого города – Амвросия. С сею целью в полночь я взобрался на крышу церкви и там приносил жертвы бесам; но, чем более я старался о том, чтобы посредством злых козней сделать Амвросия ненавистным народу, тем более на моих глазах росли любовь и привязанность этого народа к своему пастырю и тем более преуспевала эта паства в православной кафолической вере. Видя безуспешность своих усилий, я стал посылать бесов в дом к Амвросию, чтобы они умертвили его, но злые духи возвестили мне, что не только к епископу, но даже к дверям дома его они не могут приблизиться, так как из дверей его выходит огонь и опаляет их.

Вот что объявил волхв во время пыток, ибо воистину страшен был бесам Амвросий. Так, однажды, некие люди повели одержимого нечистым духом отрока к святому Амвросию; не успели они дойти с ним до Медиолана, как злой дух вышел из бесноватого и пришел он к архиерею Божию исцеленным. Отрок сей довольно долго оставался при святом Амвросии. Затем он удалился из Медиолана, направляясь к себе на родину, и вот на том самом месте, где прежде оставил его демон, лукавый враг опять напал на отрока и стал его мучить. Когда заклинатели[8219] спросили злого духа, почему не мучил он отрока в Медиолане, то демон ответил:

– Я боялся Амвросия и потому, не доходя до Медиолана, бежал прочь от отрока и поджидал его на том самом месте, где оставил его; увидав его возвращающимся назад, я снова вошел в него.

По смерти мятежника Максима, прибыл в Медиолан император Феодосий; святитель же Амвросий находился в то время в Аквилее[8220]. И произошло тогда следующее событие. В одном из городов Востока христианами была предана огню еврейская синагога за то, что евреи нанесли оскорбление инокам. Когда правитель Востока довел об этом до сведения императора, тот немедленно повелел, чтобы епископ того города построил для евреев новую синагогу. Святой Амвросий, узнав об этом повелении, послал императору письмо (так как лично не мог немедленно к нему ехать); в этом письме он доказывал императору несправедливость его постановления и просил его отменить свой указ и не отдавать христиан на поругание евреям. Но Феодосий оставил письмо Амвросия без внимания. Тогда архиерей Божий, вернувшись в Медиолан, всенародно обличил императора в церкви во время проповеди. Обратившись к нему, Амвросий сказал ему от лица Божия следующее:

– Я вывел тебя из ничтожества и сделал царем. Я предал в твои руки врага твоего и покорил тебе все его полчища. Я даровал царский престол твоему потомству. Я сделал то, что ты без труда одержал победу, а ты даешь повод к торжеству надо Мною моим врагам.

Император Феодосий, тронутый сими словами, переменил свое решение и отменил повеление о восстановлении христианами еврейской синагоги.

В то же время случилось другое происшествие: народ в Фессалонике возмутился против правителя своего Ботериха[8221] и умертвил его. Император, в сильном гневе, послал войско в тот город, и умерщвлено было тогда до семи тысяч его жителей; при этом многие безвинно погибли от острия меча, так как воины, при нападении своем на город, вовсе не искали виноватых в убийстве правителя, а убивали на улицах всех, и старых, и юношей, и даже младенцев.

Когда Амвросий услыхал об этом, то чрезвычайно опечалился и вознегодовал на царя праведным гневом за такое безрассудное кровопролитие. И вот однажды в праздничный день, когда император торжественно шествовал в церковь, архиерей Божий безбоязненно вышел к нему, загородил ему вход во храм и стал обличать его в несправедливом убийстве следующими словами:

– Не надлежит тебе, царь, приступать к святому причащению, вместе с верными христианами, после того как ты сделался виновником таких убийств и не принес в том покаяния. Как же ты примешь тело Христово руками[8222], обагренными неповинною кровью, или как станешь пить кровь Господню теми устами, которыми отдал повеление о жестоком избиении людей?

– Ведь и Давид согрешил, – возразил ему император, – он совершил убийство и прелюбодеяние, однако, не был лишен милосердия Божия.

Но святитель отвечал Феодосию:

– Если ты подражал Давиду в его грехах, то подражай ему и в покаянии.

Император возвратился в свой дворец смущенным, скорбя о грехе своем. И вскоре он принёс то покаяние, которое наложил на него святитель Амвросий: он каялся открыто, как простолюдин, повергался ниц перед церковью и стоял вместе с прочими кающимися, проливая обильные слёзы. Между тем наступил праздник Рождества Христова, и Феодосий в слезах сидел во дворце, размышляя, что слугам и нищим открыт храм Божий, а ему и в такое время он недоступен: некто Руфин, министр, пользовавшийся особенным благоволением царя, узнав о причине слёз его, побежал к святому Амвросию, чтобы склонить его к снятию с царя епитимии. За ним пошел в храм и сам Феодосий. Святитель Божий сначала принял его сурово и, зная раздражительный характер его, потребовал, чтобы он издал закон, по которому бы приговоры суда о лишении жизни или имуществ утверждались спустя 30 дней. Царь изъявил согласие, и был принят в храм. Он показал здесь знаки глубокого раскаяния: терзал руками свои волосы, ударяясь

челом и обливая помост потоками слёз. После того, Амвросий допустил, наконец, императора до святого причащения. Император вошел, было, в алтарь, так как думал причащаться вместе с священнослужителями; но святой Амвросий выслал к нему архидиакона с приказанием ожидать причащения пред алтарем, вместе с прочими мирянами, «Ибо, – сказал святитель, – порфира сообщает лишь царское, а не священническое достоинство». Император со смирением выслушал повеление епископа и вышел из алтаря. «В Царьграде существует такой обычай, – заметил он, – чтобы цари причащались вместе с священниками в алтаре». Но после этого Феодосий ждал времени причащения вместе с остальным народом в церкви. Впоследствии, когда император Феодосий находился уже в Царьграде, то он не вошел причащаться в алтарь и на вопрос патриарха Нектария[8223], почему он не по царскому обычаю, а вне алтаря, с простым народом ожидал причащения, со вздохом ответил:

– Не знал я различия между царем и епископом, а теперь знаю, научившись от учителя правды – Амвросия, который один заслуживает того, чтобы называться епископом.

Слава об епископе Амвросии распространялась повсеместно. Так в Медиолан пришли из Персии два весьма ученых мудреца. Много наслышавшись о премудрости святого Амвросия, они захотели убедиться в ней и подготовили, поэтому, много вопросов, которые предложили ему на разрешение. Долго беседовали они с ним и дивились глубине его богословствования и высоте ума. Они засвидетельствовали пред царем, что из-за одного Амвросия предприняли столь далекий путь от востока к западу, так как желали видеть его и насладиться его премудростью.

После того как император Феодосий вернулся из Италии в Константинополь, а Валентиниан Младший внезапно, по наущению начальника своих телохранителей – Арбогаста, был умерщвлен в городе Виенне[8224], на императорский престол был возведен Евгений[8225], который только по имени был христианином, по внутренним же своим наклонностям являлся идолослужителем и любителем языческих суеверий и

волхвований. Он, желая понравиться Римским властям (а в Риме еще много было идолопоклонников и служителей бесов), приказал открыть идольские храмы и совершать бесовские жертвоприношения. Когда он приближался к Медиолану, то святой Амвросий, не желая видеть такого императора, который лицемерно выдавал себя за христианина, а в сущности был безнравственным нечестивцем, удалился из Медиолана в Бононию[8226], а затем во Флоренцию, лежащую в Тускии[8227]; не злобы неправедного властелина боялся он, а гнушался свиданием с ним. Он безбоязненно писал к нему, увещевал и угрожал ему Судом Божиим, однако, не успел усовестить бесчувственного сердцем Евгения. Во Флоренции угодник Божий пробыл некоторое время и жил в доме одного благочестивого и правоверного мужа, по имени Децента, у которого сын, малолетний отрок Пансофий, был мучим нечистым духом. Святой Амвросий исцелил отрока молитвою и возложением рук. По прошествии нескольких дней, неожиданно отрок этот занемог и умер; мать его, женщина благочестивая, полная веры и страха Божия, отнесла сына в комнату Амвросия и, так как святителя не было там, то положила свое детище к нему на постель и ушла. Святой Амвросий, возвратившись в комнату, которую занимал, увидел, что отрок умерший лежит у него на постели. Тогда он затворил за собою двери и стал на молитву, а затем, подобно пророку Елисею (4Цар.4:32–35), подошел к постели, наклонился над отроком и дунул на него. Отрок воскрес, и Амвросий отдал его матери живым.

Между тем Евгений выступил из Медиолана в поход против императора Феодосия. Выходя из города, нечестивый Евгений похвалился, что, когда вернется с победою, то обратит храм Медиоланский в конюшню, а священнослужителей опояшет мечами. Однако той чрезвычайной злобе, которою дышали эти угрозы, суждено было остаться бессильною: Евгений бесславно погиб в сражении, побежденный императором Феодосием. Святитель Божий торжественно встретил благочестивого императора Феодосия, как победителя, но Феодосий, припав к ногам святого Амвросия, приписывал свою победу его молитвам.

Немного времени спустя, император Феодосий мирно скончался[8228]; царствовал он богоугодно и перешел в нескончаемое Царство Христово, а земное царство получили после него сыновья его: Аркадий[8229] на востоке, Гонорий[8230] на западе. Во время царствования Гонория были обретены святым Амвросием мощи, мучеников Назария и Келсия, о чем пресвитер Павлин передает следующее.

В то время Амвросий перенес в церковь святых Апостолов мощи святого мученика Назария, которые найдены были в загородном саду. Мы увидели во гробе, где лежали мощи мученика, кровь, как будто бы она только что вытекла; голова с волосами и бородою сохранилась в таком нетлении, как будто она только что положена была во гроб, а лицо мученика было такое светлое, как бы сейчас только омытое. И что же в сем удивительного, когда Сам Господь в Своем Евангелии дал такое обетование: «А у вас и волосы на голове все сочтены» (Лк.12:7). Ощутили же мы такое благоухание, которое превосходило всякие ароматы. После перенесения мощей святого мученика Назария на колесницу, мы тотчас перешли со святым Амвросиям к мощам святого мученика Келсия, которые лежали в той же местности. От владельцев этого сада мы узнали, что им было от предков заповедано, чтобы они не покидали этого места, а сохраняли бы у себя из рода в род, так как великие сокровища положены здесь. И поистине велики эти сокровища, которых ни моль, ни ржавчина не истребляет, и воры не подкапывают и не крадут (Мф.6:20). Хранитель их – Господь, а место для тех, для которых жизнь – Христос, и смерть – приобретение (Филип.1:21), есть водворение на небесах. Когда же внесены были мощи святых мучеников в церковь Апостолов, то святитель Амвросий сказал народу поучение. В это время кто-то из народа, имевший в себе нечистого духа, громко закричал:

– Меня мучает Амвросий!

Но святой, обратившись в его сторону, сказал:

– Онемей, диавол! Не Амвросий, а вера мучеников тебя мучает, а также твоя зависть, так как ты видишь, что люди

восходят туда, откуда ты низвержен. Амвросий же не умеет надмеваться гордостью.

После этих слов святого Амвросия, бес замолк, повергнув одержимого им человека ниц на землю.

Слух о святом Амвросии дошел до царицы Маркоманов[8231] – Фритигильды, и она послала просить святого, чтобы Амвросий научил ее вере во Христа. Амвросий написал ей подробное наставление в вере христианской и убедил ее в истине христианства. Фритигильда обратила к вере во Христа и своего супруга, а также уговорила его заключить мирный договор с Римской империей. Сильно желала Фритигильда увидать своего наставника – святого Амвросия и с этим намерением отправилась после того в Медиолан, но уже не застала в живых святителя, отшедшего незадолго пред тем ко Господу.

Святой Амвросий был мужем великого воздержания и трудолюбия, полным духовной бодрости; постился он постоянно, кроме суббот, воскресных и праздничных дней и дней памяти мучеников. Он пребывал в непрестанной молитве и днем, и ночью; делами занимался он с прилежанием и даже собственноручно писал книги, если не был удерживаем от сего болезнью телесною. Он был преисполнен попечительной заботливости о всех церквах епархии и столь много трудился для выполнения возложенных на него Богом обязанностей, что после его смерти пять епископов едва могли совладать с этой работой. Не поддается также никакому описанию попечительность его о нищих, убогих и находившихся в плену: он тратил на них все свои последние средства. Тотчас после принятия епископского сана, Амвросий раздал все принадлежавшее ему золото, серебро и остальное имущество на украшение храмов Божиих, на прокормление нищих и сирот и на выкуп пленных; только незначительную часть своего состояния он отделил на содержание своей сестре, себе же не оставил ничего, чтобы, освободившись от всякого имущества, удобнее следовать за Христом Господом своим, Который, обнищал нас ради, дабы мы обогатились Его нищетою (2Кор.8:9). Угодник Божий Амвросий «для всех сделался всем» (1Кор.9:22), радовался с радующимися, плакал с плачущими.

Если кто приходил к нему, чтобы исповедать грехи свои, то Амвросий сам так плакал над ним, что даже окаменевшего сердцем грешника приводил в сокрушение и возбуждал к умилению и слезам.

Когда святой Амвросий достиг престарелого возраста, то предузнал отшествие свое к Богу и сказал своему клиру:

– Я только до Пасхи останусь с вами.

Вышеупомянутый пресвитер Павлин, описавший житие святого Амвросия, рассказывает еще о следующем событии, которому сам был очевидцем. «Незадолго до своей болезни святой Амвросий, был занят толкованием на псалом 43-й, а я, – говорит Павлин, – записывал со слов его то, что он объяснял, так как сам Амвросий по старости и слабости не мог уже писать много. Как вдруг, взглянув на него, увидел я огонь наподобие щита вокруг его головы; этот огонь, постепенно свиваясь, вошел в уста его; тогда лицо Амвросия сделалось белым, точно снег. Это видение привело меня в такой ужас, что я от страха не мог писать, но затем лицо Амвросия приняло опять обычный свой вид. Я сообщил об этом достоуважаемому диакону Кастулу, а последний, сам исполненный благодати Божией, объяснил мне, что это я видел Духа Святого, сошедшего, в виде огня, на нашего епископа, как некогда сошел Он на святых Апостолов».

Полководец Стилихон[8232], услыхав о том, что Амвросий смертельно болен, воскликнул:

– Италия погибнет, если умрет этот святитель!

И послал к больному святителю уважаемых граждан Медиоланских, таких, о которых знал, что святой Амвросий их любит, чтобы они умоляли святого выпросить себе у Господа продление земной жизни на пользу других. Амвросий отвечал на это:

– Не так я жил среди вас, чтобы мне стыдиться жить далее; но не боюсь я и смерти, ибо мы имеем Всеблагого Господа.

В то время, как Амвросий лежал на одре болезни, в значительном расстоянии от его постели, у дверей комнаты, сидели диаконы Кастул, Полемий, Венерий и Феликс. Они беседовали между собою, но говорили шепотом и так тихо, что разговор их слышен был только для них самих. Рассуждали они

о том, кому быть епископом после Амвросия; при этом упомянули пресвитера Симплициана. Вдруг святой Амвросий, лежавший далеко от них, поднял голос и три раза, как будто вёл с ними беседу, повторил: «он стар, но бодр»; этими словами он назначил, чтобы пресвитер Симплициан, после его смерти, принял на себя епископство.

Во время болезни своей святой Амвросий, находясь в молитве, увидел Господа нашего Иисуса Христа, Который шел к нему с любвеобильною улыбкою, – являя ему Свой Божественный лик; Амвросий поведал об этом сидевшему тогда подле него епископу Лавдийскому[8233] Вассиану. Когда приблизилось время разлучения души святого Амвросия от тела, то епископ церкви Верцелльской[8234] Гонорат, отдыхавший в верхней части дома, услыхал три раза голос свыше, который говорил ему:

– Вставай скорее и поспеши к Амвросию, он сейчас отойдет.

Тогда пресвитер встал, взял с собою пречистые Тайны и спустился вниз к больному. Святой Амвросий помолился, причастился Божественных Даров и предал святую свою душу в руки Господа своего на рассвете дня святой Пасхи[8235]. Святое тело его было положено в большой Медиоланской церкви, а душа его предстала с Ангелами престолу Святой Троицы, – Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, Ему же слава вовеки, аминь.

Кондак, глас 3:

Божественными догматы облистая, помрачил еси Ариеву прелесть, священнотаинниче и пастырю Амвросие: чудодействуя же силою Духа, страсти различныя яве исцелил еси. Отче преподобне, Христа Бога моли, спастися душам нашим.

Житие преподобного Нила Столобенского, Новгородского чудотворца

Память 7 декабря

Преподобный Нил родился в одном селении Новгородской области, Деревской Пятины[8236], Жабенского погоста[8237]. Кто были родители его – неизвестно; известно только, что он был пострижен в одном из монастырей Псковской области, называемом «Крыпец»[8238]. Из этого монастыря он ушел в пустыню в Ржевский уезд и там поселился близ реки Черемхи[8239]. Питался он здесь травами и желудями с дуба, проводя время в посте и молитве. Сего не мог выносить диавол, и потому вооружился на святого с великою злобою, дабы отогнать его от того места. Диавол устрашал Нила различными привидениями, являясь перед ним в виде зверей и всяких гадов, которые устремлялись на преподобного с диким свистом и воплем. Но святой молитвами, как мечом, отгонял все эти искушения и злые козни врага, ограждая тело свое знамением крестным и молясь непрестанно Богу. Такое житие Нил проводил тринадцать лет, проводя время во многих подвигах и трудах пустынных.

Однажды, после долговременной молитвы, Нил уснул и услыхал голос, повелевавший ему:

– Нил! Выйди отсюда и иди на остров Столобенский; там ты можешь спастись.

Получив сие повеление, преподобный исполнился великой радости, потому что видел, что Господь не презрел его молений. Нил начал расспрашивать об острове христолюбивых людей, приходивших к нему. Те поведали ему, что остров тот находится на озере Селигере, в семи верстах от города Осташкова, Тверской губернии. Преподобный отправился туда, достиг острова и был радостно поражен его красотой. Обойдя весь тот остров, Нил увидел, что он очень удобен для уединения и поэтому возрадовался духом и возвеселился. На острове том была гора и большой лес. Взойдя на гору, Нил сотворил молитву и сказал:

– Здесь покой мой, здесь вселюсь во век века.

И возблагодарил Бога за указание ему сего места. Здесь в горе он выкопал себе пещеру, в которой прожил первую зиму; после же устроил там келью и часовню. Нил проводил на острове жизнь в великих подвигах и молитвах, в посте и трудах; пищею ему служили злаки и ягоды, росшие на острове, а также овощи и плоды от земли, которую он возделывал своими руками. Но диавол и здесь не переставал вооружаться на святого, и устрашал его всевозможными видениями. Так, однажды диавол явился с целым полчищем бесов и окружил келью преподобного, когда тот совершал в ней молитву свою; оцепив келью веревками, диавол с неистовым криком грозил стащить ее в озеро, но святой молитвою своею отогнал бесовское полчище.

Бессильною же осталась и ненависть против святого Нила людей, а только послужила к большему его прославлению. Однажды нечестивые жители, обитавшие близ Столобного острова, вознамерились согнать святого с острова, и для этого нарубили дров и зажгли лес, думая, что огонь дойдет до его келлии и сожжет ее. Видя сие, святой стал на молитву и со многими слезами молился об избавлении от напасти. Милосердый Господь не оставил моление раба Своего, уповающего на Него, и сохранил его по благодати Своей: пламень внезапно погас, как только дошел до горы. Преподобный же, увидев скорую милость Божию, возрадовался духом, а враги его со стыдом возвратились домой.

Однажды, когда преподобный находился на работе вне келлии, разбойники напали на святого и с угрозою требовали от него, чтобы он отдал им свое сокровище; святой же сказал им:

– Всё мое сокровище – в углу келлии; войдите туда и возьмите его.

В углу же том была икона Богородицы с Предвечным Младенцем, Разбойники вошли в келью и внезапно ослепли; тогда они со слезами стали умолять святого о прощении; преподобный помолился Богу и разбойники прозрели. После этого святой обратился к ним с наставлением о душевном спасении и запретил им никому не передавать о случившемся с

ними; они тогда умолчали, но после кончины святого Нила рассказали обо всем.

За свои подвиги и терпение напастей преподобный Нил приял дар прозревать тайные дела людей и согрешающих направлять на путь истины.

Один человек пришел к святому, будучи в плотской нечистоте. Святой обличил его о том грехе и, наказав не творить сего, отпустил с миром. С того времени человек тот пришел в страх Божий и, пожив богоугодно, скончался.

Богобоязненные жители, занимавшиеся близ острова рыболовством, почитая святого, посылали ему на пропитание рыбу от своего улова. Однажды они послали к нему с рыбою одного из своих товарищей. Святой, провидя духом своим, что рыбарь осквернил себя прелюбодеянием, закрыл пред ним оконце келлии и не принял от него рыбу. Рыбарь, возвратясь к товарищам, поведал им о случившемся. Они послали другого к преподобному с рыбою, и преподобный с радостью принял от него рыбу и, благословив, отпустил.

В другое время один человек хотел было на острове нарубить лесу для постройки дома, но вдруг загремел страшный гром и послышался голос, воспрещавший рубить лес. Однако тот не убоялся сего и стал нагружать деревьями воз, но лошадь не могла сдвинуть его с места. Увидя сие чудо, человек тот со страхом ушел, обещаясь никогда более не делать того.

Преподобный подвизался на острове Столобном двадцать семь лет и прежде кончины своей ископал в земле (в часовне) своими руками место для погребения, и поставил там гроб. Приходя туда на всякий день, он плакал над тем гробом, говоря себе:

– Се покой мой, се жилище мое!

Когда, наконец, святой почувствовал приближение кончины своей, то молил Господа удостоить его причастия Св. Таин. По молитве святого, желание его исполнилось. На остров прибыл игумен Никольского монастыря Сергий и причастил Нила Св. Таин. После этого преподобный, войдя в келью, сотворил обычные молитвы и, взяв кадильницу, окадил святые иконы и всю келью; потом, опершись руками на деревянные костыли, на

которых он обычно отдыхал от телесной усталости[8240], преставился ко Господу в 1554 году, декабря в седьмой день[8241].

Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков.

Тропарь, глас 4:

Яко светильник всесветел явился еси во острове Селигера езера, преподобне отче Ниле: ты бо крест Христов от юности своея на рамо взем, усердно тому последовал еси, чистотою Богови приближився, отонудуже и чудес дарованием обогатился еси. Тем и мы притекающе к раце мощей твоих, умильно глаголем: отче преподобне, моли Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Отечества преподобне удалився, в пустыню вселился еси, и на остров Селигера езера возшед, жестоко житие показал еси, и многих добродетельми удивив, дарования чудес от Христа приял еси. Поминай нас, чтущих память твою, да зовем ти: радуйся Ниле отче наш.

Память святого мученика Афинодора

Память 7 декабря

Святой мученик Афинодор, из Сирской Месопотамии[8242], с юных лет проводил иноческое житие. По доносу он был схвачен и приведен к правителю страны Елевсию, пред которым и исповедал Христа, за что тогда же и осужден был на жестокие мучения: его растягивали между двух столбов и все члены тела его опаляли горящими свечами; подкладывали ему под мышки раскаленное железо, а ноздри его проткнули заостренными спицами; потом распростерли его на разожженной медной доске, которая, однако, чудесным образом охладилась; потом его бросили в раскаленного медного вола и подвергали его многим другим истязаниям, но святой мученик оставался невредимым, избавляемый заступлением Ангелов. Такие чудные явления расположили и неверных обратиться к Божественной вере: святой Афинодор привел ко Христу сначала пятьдесят язычников, а потом и еще тридцать. За сие осудили его на усечение мечом; но как только палач приступил к своему делу, то споткнулся и упал как мёртвый, а рука его с мечом отторглась от плеча. После того уже никто не дерзнул приблизиться ко святому, и он, помолившись, предал дух свой Господу Богу[8243].

Память преподобного Павла Повинника

8244

Память 7 декабря

Родители преподобного Павла имели достаточное состояние, и с малолетства заботливо обучали сына своего Священному Писанию. Когда святой достиг совершеннолетия, у него явилось стремление оставить мирскую жизнь. И вот он поступил в одну из иноческих обителей своего города, где принял святой Ангельский чин и, подвизаясь во всех добродетелях, достиг такого совершенства, что превзошел всех братий своего монастыря, и соделался сокровищницею добродетелей, так что приял дар творить великие и дивные знамения.

Однажды преподобный Павел, вместе с другими братиями, варил в кузнице смолу. Когда смола растопилась и закипела, то, клокоча, начала переливаться через края котла. Блаженный, не имея подле себя ничего, чем бы можно было промешать кипящую смолу, обнажил свою руку, опустил ее в котёл и промесил смолу, и тотчас клокотание прекратилось. Рука святого осталась цела и невредима, и сам он не изменился в лице и ничем не пострадал. Видя то, братия ужаснулись, и одни из них признали его человеком Богоносным, другие же отнеслись к тому с большим недоверием. Сам же Павел считал себя прахом и пеплом и называл себя псом смердящим. Через некоторое время ему поручено было иное послушание. В это время настоятель монастыря созвал братию и провел с ними много дней в молитве и посте. После этого они воззвали к Богу:

– Господи, хотя мы и недостойны сего, но открой нам, сколько возможно для нашего вразумления, что такое есть брат наш Павел? Какой меры духовного совершенства достиг он и чего он удостоен?

Бог, исполняющий желание боящихся Его, исполнил их прошение. В одну ночь во время сна братия, мановением Божиим, восхищены были в рай, исполненный красоты. В то время как они удивлялись сему преславному чуду, вдруг пред

ними явился там инок Павел. Братия приветствовали его и просили объяснить, что значит это явление. Павел с великим смирением отвечал:

– То, что вы видите, есть рай Божий, и всё это случилось для вас, братия, ибо в своих усердных молитвах вы пожелали достигнуть сего места, куда пришел и я. Возьмите же отсюда себе, кто что хочет, что кому нравится и желательно, и идите с миром; а на дело, к которому я был приставлен в монастыре, назначьте другого, потому что меня более уже не увидите.

Простившись с Павлом, братия удалились, взяв с собою из святого рая, кто – цветок, кто – веточку, иной – прекрасную листву, иной – траву.

Пробудившись от сна и собравшись вместе, братия поведали друг другу видение и радостно славили Бога, при этом один показывал цветок, взятый из рая, другой говорил: «А вот я взял пальмовую ветку», иной сообщал о неземном благоухании, другой держал в руках прекрасную листву: и все воздавали хвалу Богу.

Блаженный Павел после того пошел в Иерусалим; посетивши там святые места и помолившись, отправился оттуда на остров Кипр. Там он взошел на высокую гору и много лет подвизался духовно, проводя жизнь в уединении. А так как слух о его святой жизни распространился в той окрестности, и многие начали приходить к нему, то он удалился оттуда и поселился в Византийских пределах. Проводя богоугодную жизнь, здесь он сподобился услышать, как в древности Боговидец Моисей, глас Божий, призывавший его: «взойди на сию гору … и умри на горе, на которую ты взойдешь» (Втор. 32:48–50).

И взошел блаженный Павел, по Божию повелению, на одну из гор, называемую Паригория, и через некоторое время почил о Господе.

Житие преподобного отца нашего Патапия

Память 8 декабря

В Египте на реке Ниле был город, называвшийся Фивы[8245]. В этом городе родился блаженный Патапий. Родители его были христиане и воспитали своего сына в благочестии и страхе Божием. Достигнув совершеннолетия, он презрел суету мира сего и, оставив дом свой, родителей и друзей, принял иночество. Удалившись в пустыню Египетскую, он жил для Бога, подвизаясь в посте, молитвах и многоразличных отшельнических трудах. Когда о нем узнали и многие стали приходить к нему и прославлять его за добродетельную жизнь, он восскорбел, что безмолвие его нарушается и что его хвалят уста человеческие. Оставив Египет, он пришел в Константинополь. Здесь он затворился в келье, устроив ее близ Влахерн[8246], при городской стене, и пребывал в безмолвии, как бы в пустыне, никем неведомый, кроме Единого Бога, беседуя только с Богом в непрестанной молитве. Но как не может укрыться город, стоящий на вершине горы[8247], так не может находиться в неизвестности и человек добродетельный, достигший совершенной святости. Сам Бог прославляет прославляющих Его и исполнившихся благодати Его и открывает другим на пользу. Так и сей муж, совершенный в святости и обильно наделенный благодатью чудотворения, открываемый и прославляемый Богом, скоро был обретен, как сокровище, сокрытое на поле[8248]. Ибо один христианский юноша, будучи слеп от рождения, руководимый Самим Богом пришел к келлии преподобного отца Патапия и просил блаженного помолиться Богу о даровании ему зрения, дабы видеть всё творение Божие и от него приходить в совершеннейшее познание Самого Творца и прославлять Его. Преподобный, видя его веру, умилосердился над ним и сказал:

– Во имя Иисуса Христа, дающего слепым свет, а мертвым – жизнь, прозри.

И тотчас раскрылись у слепорожденного глаза и он стал видеть, и прославил и возблагодарил Бога. Юноша был

известен многим; поэтому видя, что он прозрел, все удивились и стали спрашивать, как это случилось; он же не скрыл имени чудотворца и благодетеля своего, через коего получил от Бога исцеление. Слава об этом чуде и о преподобном пронеслась в народе и с тех пор многие стали приходить к Патапию, испрашивая его молитв.

Один знатный Византиец страдал водянкой, и всё тело его опухло. Много тратил он на врачей денег, ища от них исцеление и не получая. Услышав о святом Патапии, он повелел нести себя к нему и со слезами просил святого, чтобы он исцелил его телесную немощь целебною благодатью Божиею. Безмездный врач сначала усердно помолился о нем Богу, затем осенил его крестным знамением и помазал святым елеем, и потом вся вода, отягчавшая его тело, вытекла естественными путями, вся внутренность его очистилась, и он стал совершенно здоров.

Другой юноша страдал от злого беса, который гонял его по горам и пустыням, то повергая в огонь и воду, чтобы погубить его, то низвергая его с высоких и крутых гор, чтобы разбить и сокрушить всё тело его. Он и погубил бы юношу, если бы укрепляющая сила Божия не предохраняла его от постоянной злобы врага и совершенной гибели. Однажды бес со страшной быстротой гоня этого юношу на берег моря, с целью потопить его в пучине, встретил на пути преподобного Патапия, вышедшего для этого из своей кельи, по Божию повелению, чтобы освободить творение, созданное по образу Божию, от рабства диавольского. Увидев блаженного еще издали, бес устремился к нему, вращая глазами, испуская пену, скрежеща зубами и грозя избить его. Приблизившись к святому, он закричал:

– О горе! И здесь снова Патапий! Что мне делать, куда деваться, где жить мне после стольких трудов? Едва обрел я себе жилище, и вот теперь меня силою гонят из него. Поистине страшен ты, Назарянин[8249], и власть Твоя повсюду и над всеми. Куда мне идти? Если я пойду в пустыню, или в город, или куда-либо еще, – ты там прежде меня и прогоняешь меня одним крестным знамением и единым твоим именем. Я побежден, сокрушен и изгнан!

Говоря это, нечистой бросил юношу на воздух, а чудотворец Патапий, изобразив в воздухе перстом крестное знамение, запретил духу, говоря:

– Изыди, нечистый дух, и удались в пустыню; так повелевает тебе через меня Христос, силу Которого ты невольно исповедал.

Как только святой произнес это, бес поверг юношу на землю и вышел из него через уста, как дым. Придя в себя, юноша плакал от радости и приписывал свое избавление от нечистого духа прежде всего Богу, а также и преподобному Патапию.

У одной женщины болела грудь. Признанная врачами безнадежною, она пришла к преподобному, когда болезнь ее усилилась и в ране появились во множестве черви. Припавши к ногам его, она с рыданием и усердной мольбой просила его об исцелении. Святой, осенив язву крестным знамением, тот час же исцелил ее. Совершив множество других чудес, преподобный отец наш Патапий приблизился к блаженной своей кончине и в глубокой старости отошел к Богу, Коему угождал всю свою жизнь[8250]. Погребен он был с честью в церкви святого Иоанна Предтечи, во славу Христа Бога нашего во святых Своих прославляемого, Ему же со Отцом и Святым Духом подобает честь и поклонение вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Храм твой святе, духовное врачевство людие обретше, со тщанием к нему приходяще, цельбу недугов просят прияти, решение же в житии прегрешенных: ты бо всех сущих в нуждах предстатель явился еси Патапие преподобне.

Память святых Апостолов Сосфена, Аполлоса, Кифы, Тихика, Епафродита и Кесаря

Память 8 декабря

Святые Апостолы Сосфен, Аполлос, Кифа, Тихик, Епафродит и Кесарь принадлежали к лику 70 Апостолов, избранных Господом Иисусом Христом для благовестия Христова, спустя некоторое время после избрания и посольства на проповедь двенадцати Апостолов (Лк.10:1–24).

Апостол Сосфен во время пребывания Апостола Павла в Коринфе[8251] был начальником Иудейской синагоги[8252]. Во время возмущения, произведенного здесь против Апостола, требовавшими его осуждения, когда проконсул Галлион[8253], находя это дело неподсудным себе, прогнал обвинителей от судилища, прогонявшие их и с ними и все Еллины, бывшие там, схватили Сосфена, как начальника синагоги, и били его пред судилищем (Деян.18:12–17). Но впоследствии он обращен был Апостолом к вере во Христа и стал его сотрудником в деле благовествования Христова. Впоследствии Сосфен был епископом в Колофоне[8254].

Апостол Аполлос происходил из Александрии и был муж красноречивый, ученый и сведущий в Писаниях. Наставленный сначала только в начатках учения Христова, он, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, но знал лишь одно крещение Иоанново, не имея познаний о возрождающей силе христианского крещения. В непродолжительном времени, когда Аполлос со своею проповедью о Христе достиг Ефеса, Акила и Прискилла[8255], узнав о нем, с любовью приняли его и преподали ему подробное наставление в учении Господнем. Потом, когда он вознамерился идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его, и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью; ибо он сильно опровергал Иудеев, всенародно доказывая Писанием, что Иисус – Христос (Деян.18:24–28). После того Аполлос много потрудился в Коринфе над обращением язычников (Деян.19:1;

1Кор.3:6). В Коринфе любовь к нему учеников произвела даже некоторое разделение в Церкви, которое потом обличено было Апостолом Павлом: «Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы? Кто Павел? Кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; поэтому и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возращающий» (1Кор.3:4–7).

Во время написания первого послания Апостола Павла к Коринфянам Аполлос находился вместе с ним в Ефесе и хотел прийти к ним, когда будет удобно (1Кор.16:14).

Впоследствии Аполлос был в Крите[8256] и еще позднее был епископом Кесарии[8257].

Апостол Кифа, вместе с другими Апостолами много потрудившийся в деле благовествования Христова, был епископом в Колофоне.

Апостол Тихик происходил из Малой Азии и был учеником святого Апостола Павла, который в своих посланиях называет его возлюбленным братом и верным в Господе служителем и сотрудником (Кол. 4:7, 6:21). Во время третьего Апостольского путешествия святого Апостола Павла, когда он возвращался из Македонии и Греции в Иерусалим, Тихик сопутствовал ему, разделяя труды его (Деян. 20:1–5). Потом он был с Апостолом Павлом и в Риме во время первого его заключения, откуда Павел посылал его с посланиями от себя к Ефесянам (Еф. 6:21) и Колоссянам с другими церквами (Кол. 4:7–9,16), чтобы известить их о себе и утешить сердца их; его же посылал он для исполнения своих поручений на Крит (Тит. 3:12). Тихик был при Апостоле и во время вторичного заключения его в Риме, и в другой раз Апостол посылал его оттуда в Ефес (2Тим. 4:12). Впоследствии святой Апостол Тихик был епископом в Колофоне после Апостола Сосфена.

Апостол Епафродит был одним из ближайших сотрудников и сподвижником святого Апостола Павла. Во время пребывания Апостола в узах в Риме, святой Епафродит был послан от церкви Филиппийской с пособием для святого Павла. Усердие сие было весьма приятно для Апостола, потому, главным

образом, что, свидетельствуя о любви к нему Филиппийцев и искреннем их участии в его скорби, ручалось за их усердие к самой вере (Фил. 4:10–17). К прискорбию Апостола, Епафродит, находясь у него, впал в опасную болезнь; но Господь не восхотел к печали Апостола приложить новую печаль: больной выздоровел и обратно отправлен был к Филиппийцам с трогательным посланием от Апостола. Впоследствии святой Епафродит был епископом Адриаки[8258].

Апостол Кесарь, много также потрудившийся в деле проповеди евангельской, был епископом Диррахии[8259].

Добре упасши стадо Христово, все сии святые Апостолы с миром предали души свои Господу и ныне, предстоя пред престолом Божиим в вечном веселии, приемлют от Бога воздаяние за многочисленные свои подвиги и труды[8260].

Память святых мучеников, в Африке от ариан пострадавших

Память 8 декабря

Сии святые мученики жили во времена Зенона, царя греческого[8261], когда Африкой правил, по смерти отца своего Гензериха, Гуннерих[8262], арианин по вере. По совместному совещанию с единомышленными ему епископами – арианами Кириллом и Видимандисом, он воздвиг на православных столь жестокое гонение, что превзошел времена Диоклетиана и Максимиана. По всем подвластным ему городам и странам он разослал пятнадцать тысяч воинов, повелев им изгонять отовсюду всех православных иереев. В это время православные собрались как-то в одну церковь и совершали там тайно Божественную службу. Узнав о сем, варвары тайно, обнажив мечи, усекнули всех верующих, воспевающих и славящих Бога. Так они действовали, исполняя повеление Гуннериха внезапно убивать всех, не крещающихся в арианское крещение. Те, которые не могли перенести мучений, искали спасение в бегстве, оставляя дома свои и села; те же, которые были тверды в православной вере, добровольно предавали себя на мучение. Таким образом 300 человек, утвердившихся в истинной вере и отказавшихся мудрствовать по арианси, было усечено мечом. Священники же были воспламенены еще большею ревностью о православии и за то пострадали еще более: два из них были сожжены; шестидесяти же красноречивейшим из них были изрезаны языки от самых развилин. После того они развеялись по всей земле греческой. И вот на них явилась великая чудодейственная сила Божия: лишенные языков, они дерзновенно проповедовали, ясно говоря и рассевая лжеучения арианские, так что все видевшие и слышавшие их приходили в изумление. И они исповедали пред Вандалами Сына Божия единосущным Отцу.

В то же время в Риме жена градоначальника римского, Сунильда недугствовавшая арианскою ересью, принуждала жену некоего вельможи римского, по имени Анфису, принять

арианское крещение, но не могла убедить ее и в ответ слышала лишь, что она «водою и духом» крещена епископом Медиоланским Амвросием. Тогда Сунильда в гневе сожгла святую Анфису. Муж святой мученицы пришел в страх, добровольно пошел и крестился ариевым крещением. Вскоре после этого он, желая покататься, сел на коня; но, во время поездки, когда он находился против градской церкви, вдруг на него ниспала молния и зажгла его; он был низвержен с коня и сгорел. Так совершился над ним суд Божий прежде будущего, вечного огня геенского.

Зачатие святой богопраматери Анны, когда зачала святую Богородицу

Память 9 декабря

Господь наш и Бог, желая создать для себя живую Церковь и святой Дом для пребывания Своего, послал Ангела Своего к праведным Иоакиму и Анне. От них Он восхотел приуготовить по плоти Матерь Свою и предвозвестил о зачатии бесчадной и неплодной Анны и о рождении ею Девы. Так зачата была святая Дева Мария и рождена, по обетованию от Бога, хотя и через плотское единение. Ибо только один Господь и Бог Иисус Христос родился от Пресвятой Девы Марии без мужа и без брака, неизреченно и несказанно, от Духа Святого, родившись совершенным Богом и совершенным Человеком. Господь для Своего воплощения в совершенстве воспринял все необходимое, для человеческого естества, подобно тому, как изначала Он сотворил и соделал и самое человеческое естество. Говорили же некоторые, будто Пресвятая Дева родилась через 7 месяцев – и родилась без мужа, но это несправедливо. Она родилась действительно через девять месяцев и путем человеческого соединения. Совершается же празднество в честь Зачатия в пречестном храме Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, что в *Евораниях,* близ святой великой Церкви[8263].

Тропарь, глас 4:

Днесь безчадия узы разрешаются, Иоакими бо и Анну услышав Бог, паче надежды, родити тем яве обещавает богоотроковицу, из неяже сам родися неописанный, человек быв, Ангелом повелев вопити ей: радуйся благодатная, Господь с тобою.

Кондак, глас 4:

Празднует днесь вселенная Аннино зачатие, бывшее от Бога: ибо та породи паче слова Слово рождшую.

Память святой пророчицы Анны, матери пророка Самуила

Память 9 декабря

Святая и блаженная Анна пророчица происходила из города Армаефма, находившегося в нагорной стороне удела сынов Ефремовых[8264], и состояла в супружестве с Елканою, мужем из колена Левиина[8265]. Так как она была неплодна и не рождала детей, то Елкана, муж ее, взял себе другую жену – Феннану, которая рождала ему детей, и он радовался с нею. Огорчаемая поношением бесчадства[8266] не только от соперницы своей – Феннаны, но и от мужа, хотя и любившего ее, и от соседей и родственников, Анна сильно скорбела и много молилась Богу, ревностно исполняя заповеди закона Божия; каждое утро и каждый вечер возносила она свои святые приношения, чтобы Господь избавил ее от этого поношения и даровал ей чадородие. Елкана каждогодно со всем семейством своим ходил в положенное законом время из своего города в Силом[8267], чтобы рукою первосвященника Илия[8268] приносить жертву Господу Богу Вседержителю[8269].

И вот однажды, после жертвоприношения Богу, Елкана, разделяя между членами своей семьи остатки жертвы, одну часть раздал Феннане и ее сыновьям и дочерям, а другую отдал Анне, так как он любил ее более Феннаны, хотя у нее и не было детей: от этого завистью и досадою исполнилось сердце Феннаны, а для Анны это послужило источником новых, еще больших, огорчений и оскорблений. Смущаемая завистливыми укоризнами, она плакала и не ела и не находила отрады в утешении своего любящего мужа (1Цар. 1:5, 8); лицо ее огорчилось, и она не знала, что делать. По окончании жертвенной трапезы, Анна, отпустив мужа с семейством, одна поспешила к скинии и, повергшись на землю, излила пред Богом сердечную скорбь свою и дала следующий обет:

– Господи Саваоф, если Ты призришь на скорбь рабы Твоей, вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы Твоей и дашь

рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу в дар на все дни жизни его.

Между тем как Анна молилась так долгое время, первосвященник Илий, сидевший у дверей скинии, обратив на нее внимание и заметив, что уста ее двигаются, а голоса не слышно, сказал ей:

– Доколе ты будешь пьяною? Вытрезвись от вина твоего и иди от лица Господня!

– Нет, господин мой, – отвечала Анна, – я жена, скорбящая духом, вина я не пила; но изливаю душу мою пред Богом, не считай рабы твоей негодною женщиною, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе.

Тогда Илий сказал:

– Иди с миром, и Бог Израилев исполнит прошение твое.

И Бог действительно не отверг моление Анны, и не только устами Илия сподобил таким образом даровать ей плод, но и сподобил родившегося потом от нее сына пророческого дара.

Восприявши с несомненною верою обетование Божие, Анна с радостью возвратилась к мужу своему, и через некоторое время зачала и родила Самуила[8270], бывшего впоследствии пророком и руководителем народа Израильского. Когда младенец вскормлен был грудью, Анна в надлежащее время взяла его с собою и пошла в сопровождении мужа в Силом. Там она опять поверглась пред Господом Богом, воздавая Ему благодарение. По принесении жертвы, отец и мать подвели Самуила к первосвященнику Илии, и Анна сказала ему:

– Господин мой! Я – та женщина, которая здесь при тебе стояла и молилась Господу об этом дитяти, и исполнил Господь прошение мое, чего я просила у Него; и я отдаю его Господу на все дни жизни его – служить Господу.

Илий благословил Анну и сказал:

– Да подаст Господь тебе детей вместо Самуила.

Возрадовалась Анна и, поклонившись пред святилищем, в избытке сердца воспела молитвенную песнь: «возрадовалось сердце мое в Господе; вознесся рог мой в Боге моем; широко разверзлись уста мои на врагов моих, ибо я радуюсь о спасении Твоем»[8271] (1Цар.2:1).

После этого, Елкана с благочестивою супругою своею возвратились в Армафем; Самуил же остался при скинии служить Господу. Впоследствии Анна имела еще трех сыновей и трех дочерей и уже в глубокой старости переселилась в вечные обители[8272].

Память преподобного Стефана Новосиятеля[8273]

Память 9 декабря

Преподобный Стефан родился и воспитание получил в Константинополе. Родители его, Захария и Феофания, отличались благочестием и добродетелями христианскими; жили они недалеко от святого храма первомученика архидиакона Стефана. Феофания, мать преподобного, еще во время беременности им, соблюдала строгое воздержание относительно пищи: до самого рождения его она вкушала только хлеб с овощами и воду, в своей матерней утробе уже приуготовляя подвижника. И как только родился младенец, у него на груди обнаружилось прекрасное изображение креста, которое было видимым знамением того «распятия плоти со страстями и похотями» (Гал.5:24), какое проявил он в последующей своей жизни. Воздержание он начал соблюдать еще в младенческих пеленах, когда питался грудью своей матери: он не принимал молока матери, если она предлагала ему кормление по принятии обильной пищи. И это случалось многократно и продолжалось тогда по два и по три дня, так что родственники святого младенца, наблюдая то, недоумевали и сокрушались. Но это нисколько не вредило здоровью дитяти. Младенец был крещен, возрастал и был отнят от груди матерней. Достигнув отроческого возраста, он охотно и с прилежанием занялся книжным учением, соблюдая повиновение своим родителям. Когда же архиерейскую кафедру занял святой Мефодий, то, по устроению Божию, благочестивый Захария, отец Стефана, удостоен был сана пресвитерского с причислением к клиру великой Константинопольской церкви; в то же время и Богомудрый Стефан принял пострижение и поступил в число клириков той же церкви и, между прочим, предсказал скорую кончину своему родителю. На восемнадцатом году, по смерти своего отца, преподобный Стефан подъял на себя подвиг затворничества; уединясь в

церкви святого и верховного Апостола Петра, он пребывал там в непрестанной молитве и питался только овощами.

Здесь он вскоре получил в своем подвиге ободрение свыше: однажды ночью явился к нему Апостол Христов и сказал:

– Мир тебе, чадо. Да будет тебе во благо сие начало добродетельного жития твоего, и да укрепит тебя в том Господь.

Прожив так три года, Стефан сподобился еще видения священномученника Антипы[8274], который, явившись ему, сказал:

– Мир тебе, чадо; будь внимателен к себе; не оставлю тебя.

Это внушение расположило преподобного еще более усилить свой подвижнический труд в молитве и посте; с этого времени он только однажды или дважды в неделю вкушал овощи и притом без соли. Проводя так жизнь, Стефан достиг высокой степени нравственной чистоты, удостоился сана святительского и совершил многие чудеса.

В двенадцатом году царствования благочестивого царя Василия[8275] и сороковом – жизни Стефана произошло великое землетрясение, от которого церковь святого Антипы, при которой в то время обитал преподобный, разрушилась совершенно. И удалился преподобный с того места и поселился в одной гробовой пещере и провел в ней двенадцать лет. В это время все волосы на голове его и на бороде, а равно и зубы выпали, и всё тело его пришло в расслабление, так как в пещере той была большая сырость; и преподобный дошел до крайней степени умерщвления плоти своей. Изнурив таким образом плоть свою, он потом вышел из пещеры, но и после того постелью ему служила простая доска, покрытая жестким рубищем. Потом он принял Ангельский схимнический образ и только в Господские праздники, по совершении Божественной службы, вкушал по одной овощинке и немного воды. Так питаясь, сей блаженный гражданин отечества небесного, в продолжение пятидесяти лет проходил свой тесный, строго подвижнический путь жизни и на семьдесят третьем году всего жития[8276] своего, а лучше сказать умерщвления плоти своей, предал дух свой Богу.

Память преподобного Софрония, архиепископа Кипрского

Память 9 декабря

Преподобный Софроний был сыном христианских Богомудрых родителей, живших на острове Кипре. Он получил хорошее образование, но предпочтительно занимался писаниями святых отцов, день и ночь поучаясь в Законе Божием; вместе с тем и жизнь свою он благоустроял по заповедям Господним. И настолько он преуспевал в благочестии и добрых делах, что удостоился от Господа дара чудотворения и совершил много чудес. По смерти епископа Кипрской церкви, святого Дамиана, священным собором и всем народом Софроний избран был и поставлен на его место. Заняв святительскую кафедру и приняв управление своею родною церковью, преподобный явил себя истинным отцом своей паствы: печаловался о вдовицах и убогих, помогал сиротам и беспомощным, защищал притесняемых и обижаемых. И так пожив и благоугодив Богу, с миром скончался[8277].

Страдание святых мучеников Мины, Ермогена и Евграфа

Память 10 декабря

После того как римские цари Диоклетиан и Максимиан добровольно отказались от царства, не имея сил истребить на земле святую веру Христову, на престол вступили: в Риме – Максентий[8278], на востоке Максимин[8279], а в Галлии – Константин, который потом уверовал во Христа и просветил вселенную светом веры Христовой. Гонение на христиан не прекращались и при них, особенно на Востоке, где как будто земля и море колебались и возмущались, восставая на умножавшуюся Церковь Христову. Но чем более Церковь Христова была гонима, тем более она возрастала и процветала, будучи обагрена мученическою кровью, подобно лилии, растущей среди терния. Нечестивый же царь Максимин был сильным ревнителем своего многобожного нечестия и великим ненавистником и гонителем христианского благочестия. Ему было донесено, что вся Александрия, славнейший в Египте город, возмутилась, вследствие умножения христиан и происшедшего между ними и язычниками волнения. Не имея возможности сам идти туда и имея нужду остаться в Византии, Максимин послал вместо себя одного из своих вельмож, человека благоразумного, в греческих науках сведущего, искусного оратора, по имени Мину, родом афинянина. Ему он поручил усмирить происшедшее в Александрии возмущение и восстановить нарушенный порядок: христианство в городе истребить, а нечестивую их отеческую веру утвердить и обратившихся из язычества ко Христу вновь возвратить к нему. Мина по виду казался готовым поддерживать веру царя и исполнять его злочестивую волю; в душе же он был истинным христианином и хранителем заповедей Божиих, но до времени скрывал свою истинную веру, дожидаясь Божественного призыва к подвигу и мученическому венцу.

Получив приказание царя, он быстро прибыл в Александрию и без труда усмирил там возмущение: мудрыми

убеждениями он примирил обе противные стороны – христиан и язычников, и позволил каждому безнаказанно исповедовать свою веру; исправив, затем, несправедливые постановления в законах, Мина обо всем письменно донес царю. Немедленно же решил он пред всеми исповедать и свою веру во Христа, которую он скрывал доселе, – намереваясь, как послужить образцом благочестия и источником спасения для других, так и самому выступить на подвиг мученический. Он так говорил сам в себе:

– Если я отдам себя на мучение в иное время, то буду вознагражден только я один; ныне же я могу и других привести к мученическим венцам.

Поэтому Мина начал открыто прославлять имя Иисуса Христа и учить святой вере, убеждая неверных не одними только словами, но и делами, ибо ему свыше ниспослан был дар исцелять болезни посредством призывания имени Христа и осенением святого Креста. Однажды, когда Мина шел посреди города и народ следовал за ним, случилось ему увидать по дороге множество калек, хромых, слепых, убогих, глухих и бесноватых. Помолившись Богу, чтобы Он явил силу Свою через посредство его рук, для обращения к вере языческого народа, он призвал имя Христово; налагал затем руки свои на больных, он творил на каждом из них знамение святого Креста, и тотчас все получили исцеление: слепые прозрели, немые заговорили, хромые вскочили, как бы олени, и бесноватые освободились от нечистых духов. При виде сего, народ пришел в изумление и многие уверовали во Христа; а святой Мина, научив их истинной вере, присоединил к Церкви христианской.

Некоторые же из ослепленных неверием и злобою язычников, коим приятны были бесовские праздники, проводимые ими в объядении, пьянстве и блуде, не любили честной и воздержной жизни; будучи сами сынами злобы, ненавидя свет и не желая переносить поругание своих богов и уничижение праздников в честь их, они тайно уведомили царя, что Мина как сам верует в распятого Галилеянина[8280], так и весь народ Александрийский развратил этою верою, и что уже храмы древних богов опустели. Узнав об этом, царь весьма

разгневался и, созвав своих вельмож и советников, начал жаловаться им на Мину, что он сделал противное его приказанию, и, вместо того, чтобы уничтожить в Александрии христианство, распространил его, а эллинов[8281], преданных древним отеческим законам, обратил в новую Галилейскую веру[8282]. Вельможи советовали царю послать туда кого-нибудь такого, который сумел бы восстановить всё нарушенное Миной, и самого его убедить или принудить снова обратиться к языческим богам; избрать же для всего этого вельможи посоветовали кого-либо особенно преданного царю и верно ему служащего, который бы старался сохранить и в точности исполнить всё ему приказанное. Когда они начали советоваться между собою и подыскивать такого человека, то наиболее подходящим для этой цели показался всем начальник города, по имени Ермоген, человек знатный и уважаемый; его и согласились все послать, как могущего исполнить всё то, что будет ему приказано царем. И тотчас же Максимин послал Ермогена в Александрию, дав ему из Византии военный отряд, чтобы он подверг Мину суду, а город очистил от христианского, как он думал, заблуждения. Ермоген был родом точно так же из Афин; рожден и воспитан он был в еллинском нечестии, но характера был доброго и мягкого; хотя он не знал Христа, истинного Бога, однако, чтил Его делами, христианам только приличными, «ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон» (Рим. 2:14).

Когда Ермоген плыл с войском в Египет, на пути туда однажды ночью во сне явились ему три пресветлых мужа, и сказали ему:

– Знай, Ермоген, что ни одно, хотя бы самое малое доброе дело не бывает презрено Богом; поэтому и твои добрые дела Бог принимает, и твое путешествие, предпринятое с намерением погубить многих христиан, Он обратит в источник твоей славы и награды на небесах. Итак, не забудь наших слов, ибо через сие путешествие ты узнаешь Истинного и Вечного Царя. А мы пошлем тебе такого человека, который сделает тебя другом Того Благословенного Царя, и ты удостоишься от Него

такой чести, какой нынешний твой владыка оказать тебе не может.

Пробудившись от сна, Ермоген со страхом и изумлением начал обдумывать виденное им и недоумевал относительно того, что должно случиться с ним; и надеялся он получить какую-то высшую почесть, но при этом от царей, временно царствующих на земле, а не от Царя Вышнего, Которого он еще не знал, так как духовные очи его еще не были просвещены.

Пробыв несколько дней в долговременном плавании, Ермоген пристал к берегу у города Александрии и со славой вступил в город, при звуках тимпанов и труб, а весь народ встретил и сопровождал его с честью до царских чертогов. Когда настал вечер и народ разошелся, пришел к Ермогену блаженный Мина, желая наедине побеседовать с ним об Истинном Боге и святой вере, зная, что совет, в таком случае лучше слушается и скорее принимается, если же что-нибудь сказано будет при этом неприятного, то и это легче переносится, нежели при народе.

Войдя к Ермогену, Мина сказал:

– Слава Единому великому Богу, промышлением Которого ты пришел сюда!

Ермоген же, услышав о Едином Боге и увидав нескольких стоявших здесь царедворцев, тотчас же велел схватить Мину под стражу, опасаясь быть оклеветанным пред царем в том, будто он принимает царского врага в особой беседе. И сказал он, обращаясь к предстоящим:

– Завтра узнает этот тайный единомышленник Галилеян, какой я друг врагам царя и уразумеет, один ли бог или их много?

Утром, когда приготовлено было на площади место для суда и собралось множество народа, Ермоген сел на судейском месте, окруженный оруженосцами, и велел привести на суд к себе святого Мину.

Воин Христов предстал пред ним с светлым лицом, с душою небоязненною, – пламенея ревностью по Боге. И сказал ему судья:

– Мина! Всякому человеку приличествует почитать царей и богов царя и быть благодарным за их благодеяния, а ты не

почитаешь ни богов, ни царей, забыв их благодеяния.

Святой отвечал:

– Судья! До тех пор приличествует выражать благодарность своим благодетелям, пока это полезно – как благодетельствующему, так и благодетельствуемому. Когда же это обоим приносит вред, тогда надлежит отвергнуть как вредное благодеяние, так и благодетеля. Почитать царей – дело святое, ради их власти и начальствования; но когда цари неправильно и неблагочестно почитают Бога, Который есть начало всего, и не воздают Ему надлежащей чести, тогда чтить царей несправедливо; особенно же не следует безрассудно почитать их богов, пока не исследуем сначала, настолько ли они могущественны, как могуществен истинный Бог. Безначальны ли, бесконечны ли и бессмертны ли они? И если им недостанет при этом хотя какого-нибудь одного свойства, их надо презирать; ибо как могут они быть богами, будучи несовершенными? Итак, с добрым намерением и с чистым сердцем надлежит испытать, кто есть воистину Бог. Когда я, как и сам ты, судья, знаешь об этом, был в Афинах, то соблюдал законы отцов; с юности покинув родителей, я с великим желанием и усердием прилежал книгам и с немалым трудом прошел всё еллинское, на лживых баснях основанное, учение. Узнав же, что и у христиан есть некоторые книги, я пожелал прочитать и их. И когда я читал их, то почувствовал такую сокрытую в них душевную пользу, что невозможно то и выразить; сопоставив христианское писание с еллинским учением, я нашел их имеющими между собою великую разность и как бы друг против друга направленными: в первых усмотрел я силу и правду, в последнем же – заблуждение и обман. Ибо то, что заключается в христианских писаниях, являет силу Христову, приличествующую Богу; еллинские же сочинения представляют Бога обладающим человеческими немощами, страстями и похотями, исполненным лжи, возмущения, невоздержания и бесстыдства; они описывают богов ведущими междоусобные брани, побежденными и раненными со стороны даже смертных людей; исполнены сочинения эти и множеством всякого иного зла, лжи и басней. Вообще чтение христианских

писаний приводит ко спасению через познание истины, еллинские же сочинения ведут к несомненной погибели, ниспадению в нечестие и в скверные страсти и заблуждение. Но хотя христианские писания столь спасительны, я не тотчас решился последовать их учению, но задумал испытать силу Христову на деле, чтобы научиться истине на собственном опыте. И когда я встретил одного расслабленного, призвал над ним имя Христово, то больной тотчас же выздоровел. А я, познав Единого всесильного Бога, отрекся еллинского заблуждения и, приняв святое крещение, предал себя Христу. С того времени и доныне я скоро и легко исцеляю тяжкие болезни и неисцельные страдания, одним только Богом врачуемые, – исцеляю через призывание одного только Имени Христова. Свидетелем же всего мною сказанного является весь этот народ, стоящий кругом этой площади, и никто не может сказать, что слова мои лживы и обманчивы, так как всё сказанное мною можно испытать на деле и вам самим.

Пока святой говорил это и многое иное о Христе Боге, окружавший народ прилежно слушал его от третьего часа до седьмого и желал еще слушать речи его, и тем более не желал видеть его страдания. Наконец весь народ, как бы едиными устами, воззвал к Ермогену:

– Не трудись больше, добрый судья! Ибо мы все – свидетели чудес, силой Христовой им сотворенных; ни одного ложного слова не сказал он, и нет обмана в устах его. И если бы ты сам здесь был в то время, то и ты познал бы истину и убедился, что не следует чтить иного бога, кроме Того, Которого проповедует Мина.

Ермоген, видя смелость народа и поняв, что все, слушая учение Мины преклоняются ко Христу, побоялся подвергнуть его мукам; будучи же не в состоянии что-либо возразить против истины, устыдился и велел отвести его в темницу, а сам, вставши, со скорбью ушел в свои покои, народ же разошелся по домам, восхваляя святого Мину.

Будучи затворен в темнице, святой воспевал:

– Ты спас нас от врагов наших, и посрамил ненавидящих нас, открыл уста мои в притче и произнес гадания из древности

(ср. Пс.43:8, 77:2).

Между тем Ермоген от печали и тревоги не ел, и не спал ночью, так как боялся и царя и народа: народа, чтобы он не произвел из-за Мины шума и беспорядка, – и еще более царя, – чтобы тот не прогневался на него, если он не подвергнет Мину мучительной смерти. И снова утром, сев на судилище и, приготовив орудия для пытки, он велел привести святого связанным и сказал ему:

– Скажи мне, нечестивец, на что надеясь ты дерзнул возмутить народ не повиноваться царю, без стыда хулить богов и почему увещал их слушаться твоих лживых речей и принимать какую-то твою странную веру?

На это святой возразил:

– Не я возбуждаю народ не повиноваться нечестивому царскому приказанию, а ревность Божия, ибо народ ревнует о Господе Своем, Которого познал в знамениях и чудесах. Если же я и отзывался худо о богах царя твоего пред народом, то ведь всякому человеку, имеющему правильный взгляд и здравое суждение о деле, подобает не любить, и ненавидеть то, что он увидит и признает ложным; истину же должно любить и почитать. А истина для людей, относительно которой нет никакого сомнения, есть Сам Христос!

Судья отвечал на это:

– Безумец, это тебе так кажется, что истина есть Христос, но я тебе сейчас же покажу, что не следует поклоняться Распятому, и что ложно всё, вчера тобою сказанное: если я отсеку или сожгу один из членов твоего тела, – ты, поклоняющийся Христу, можешь ли этот отсечённый или сожженный член снова сделать здоровым! И если ты сделать этого не в силах, то какое ты подашь исцеление другим?

Тогда святой снова сказал:

– Желаю, о судья, чтобы ты подверг меня за Христа всяким мучениям, и надеюсь, что тогда и ты, презрев эту временную славу, которую теперь имеешь, будешь одним из тех, над которыми царствует Христос мой.

Будучи разгневан этими словами, судья приказал отрезать у Мины ступни ног, содрать кожу с голеней его и в таком виде

поставить его пред собою, чтобы, мучимый болью от ран, он не мог уже отвечать ему на вопросы о богах. Святой же, когда срезано было мясо с ног его, став на самые оголенные кости, запел: «Моя нога стоит на прямом пути; в собраниях благословлю Господа» (Пс.25:12).

И хотя из ног его обильно текла кровь, однако, мученик с радостным лицом и мужественно переносил страдание; язык же его витийствовал еще свободнее, прославляя Единого истинного Бога и обличая безбожие. Судья, увидев это, приказал отрезать Мине язык; и когда слуги намеревались исполнить приказание, святой сказал мучителю:

– Если ты не только вырежешь мне язык, но и выколешь глаза, то и этим меня не победишь, ибо светильник ногам моим – закон Христов (ср. Пс.118:105); я надеюсь даже, что после того как ты отрежешь язык мой, то и сам поведаешь величие Христа моего.

И действительно, когда у Мины урезан был язык и кровь текла из уст его, – и тогда святой не изменил своему мужеству, но взором показывал, что готов страдать за Христа всеми членами тела своего.

Тогда судья приказал выколоть ему глаза, и когда это было исполнено, святой наклонил свою голову, стараясь хотя этим выразить благодарность Богу за то, что Он сподобляет его перенести за Него такие мучения. И снова он ввержен был в темницу, а судья ушел с площади, говоря:

– Завтра я отдам тело его на съедение птицам.

Святой лежал в темнице, изнемогши от ран и будучи едва жив от страданий. Ночью же, в третьем часу, вдруг озарил темницу свет, как бы молния, и явился Сам Христос Господь. Приблизившись к тому месту, на котором лежал мученик, Он прежде всего исполнил сердце святого радости и мужества, затем исцелил ему язык, просветил глаза, восстановил ноги и как бы воздвиг и воскресил его из мертвых, соделав всего его здравым и невредимым. Затем Он сказал мученику:

– Внимай, Мина! Я – Иисус Христос, за Которого ты страдаешь. Пришел Я посетить тебя, хотя и прежде был недалеко от тебя, взирая на твой подвиг и ожидая, чтобы твою

любовь ко Мне познали судьи и власти; но так как они уже познали ее, то отныне Я буду явно защищать тебя. Ермогена же, враждующего на Меня и не любящего имя Мое, ты завтра увидишь смирившимся и умоляющим тебя, а вскоре он будет и другом твоим по подвижничеству: ибо вместе с тобою будет он страдать, вместе получит и венец, так как несогласно с Моею благостью, чтобы многие добрые дела его погибли из-за его неведения.

Сказав сие, Спаситель дунул на Мину Святым Своим Духом и исполнил его неизреченной радости.

Между тем Ермоген, лежа на постели, размышлял о происхождении и родине святого Мины, о его премудрости и мужестве и о его прежней славе, когда он имел у царя большую силу и для многих испрашивал царские милости. Размышляя обо всем этом, он называл себя окаянным за то, что подверг мучениям такого человека; предполагая же, что тот уже умер от тяжких страданий, он плакал о нем и решил с честью похоронить его тело.

Когда настал день и собрался народ со всего города Александрии, Ермоген снова сел на место судьи и послал стоящих перед ним воинов вынести из темницы на площадь тело мученика. Отправившись, воины нашли темницу, которая ранее была весьма мрачна, наполненной небесного света, а около святого увидели двух прекрасных и светлых мужей, подобных воинам, и готовых к защите и отражению врагов; Мину же святого нашли не только живым, но и совершенно здоровым, ясно видящим, хорошо говорящим и поющим: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс. 22:4).

От изумления они стояли молча, как немые; удостоверившись вполне, что они видят не привидение, но самую действительность, совершаемую силою Божией, они воскликнули:

– Велик Бог христианский!

И тотчас же они уверовали во Христа и не возвратились к пославшему их. А судья, долго прождав с народом тех воинов, смутился и послал еще больше воинов, приказав им принести

тело мученика, так как он думал, что тот уже умер. Но и эти, увидев то же, что и первые, уверовали во Христа и присоединились к ним. Святой же, узнав от воинов, что весь город собрался на площадь, и что судья сидит уже на судилище, сам пошел к судье и народу, сопровождаемый воинами, уверовавшими во Христа. Приближаясь к площади, он запел:

«Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое» (Пс.26:3). И тотчас все устремили на него глаза свои и изумлялись, видя его живым и здоровым, ходящим, видящим и говорящим, хотя еще вчера он был полумёртв, ослеплен и без языка. И все единогласно воскликнули:

– Велика сила Христова, самую смерть побеждающая! Блажен ты, город Александрия, через посредство одного этого человека понявший обольщение бесовское и познавший истину Христову: воистину это – власть и сила Божия! Радуйся, проповедник и подвижник Единого Истинного Бога и Спасителя! Радуйся!

Судья еще более изумился этому новому и дивному происшествию, и, боясь, чтобы народ не восстал на него, хотел уйти с площади. Но народ закричал ему:

– Не уходи, досточтимый судья, и не завидуй городу за такое его счастье, что он сегодня узнает Единого Истинного Бога и пойдет путем правды к свету истины.

Тогда судья, сделав народу знак умолкнуть, приказал святому подойти к нему и стать поближе, ибо он всё еще считал видимое им за обман, не имея в себе познания о Христе. Он внимательно глядел на святого, и ощупывал его руками, действительно ли это Мина и действительно ли исцелился он от ран. Удостоверившись, что всё это действительно так, Ермоген удивился и от изумления молчал. Затем едва придя в себя, он проговорил:

– Скажи мне, человече, что это за удивительные и неожиданные совершаются происшествия? Твой ли только Бог, или и другой какой-либо может это сделать?

Отвечая на это, святой сначала подробно изложил учение о Безначальном Боге, затем – о создании человека и его грехопадении, потом о воплощении Христа, о искуплении рода

человеческого, о крестном и добровольном страдании, и наконец, в заключение речи, присоединил:

– Бог, будучи благ и милостив, сошел для спасения людей на землю, и никому не желает погибели и лишения вечных благ. Как мать печется о сыне своем, претерпевая причиняемые им скорби и обиды, побеждаемая естественною к нему любовью, и не сердится на него, если он сделает что-либо неподобающее, так как он делает то по неведению и без всякого умысла и потому терпеливо дожидается его совершеннолетия и развития, желая видеть его мужем совершенным и между людьми почитаемым и уважаемым; так и Бог наш, создавший нас, заботится о нас и, как любящий отец, переносит всё злое, по неведению нами совершаемое, побеждаемый Своею благостью. Он ничего так не желает, как того, чтобы мы унаследовали славу Его, возросли в мужа совершенного, в меру возраста духовного. Видя же вас погубляемых диаволом, не приходящих к познанию истины, прогневляющих Его своими идолослужениями и почитанием ложных богов, Он сожалеет о вашей погибели. В то же время заботясь о вас, как о Своих детях, Бог теперь обличил вас через меня и победил заблуждение ваше и неразумную ревность вашу, как это признают и все, на меня взирающие. Для того, чтобы каждый из вас признал во мне силу Христову, я, человек, уже достигший старости, вчера изувеченный, лишившийся всех телесных сил и почти мертвецом ввергенный в темницу, вот я ныне стою пред вами целым и невредимым, и как бы снова сегодня рожденным и явившимся в мир сей еще более здоровым. И если кто хочет узнать, кто есть истинный Бог, тот да верует, что Он есть Тот, Который возвратил мне и язык и глаза, и ноги, и совершенное здоровье; пусть тот верует в Того, Кто изначала сотворил сей мир и все, что в нем, и даровал жизнь твари. Пойми это и ты, судия, и не будь не знающим Того, Кто заботится о тебе и ждет твоего обращения. Надлежит и тебе обратиться ко Христу, как мне извещено об этом от Него Самого. Радуйся же, что ты придешь ко Всеблагому и Вечному Царю и вместе со мною приобщишься мученическому подвигу!

Судья, как человек, имевший добрую и восприимчивую к благодати душу, начал, отчасти из слов святого, отчасти же, из совершившегося чуда, познавать истинного Бога, после того как Божественный свет коснулся его сердечных очей. Теперь вспомнил он и о том видении, которое видел, плывя на корабле, и почувствовал, что Бог хочет приобщить его к Своим верным рабам и друзьям. Поэтому он, подобно получившему какое-нибудь великое приобретение, возрадовался и сомневался лишь относительно того, как может он быть достойным милости Бога, после того как столь долгое время пребывал в нечестии.

Когда он размышлял об этом, Божественная благодать, призывающая его к истине, удостоила его дивного видения: он, вместе с друзьями своими, увидел двух мужей, стоящих около святого Мины, светлых как молния, имеющих крылья и держащих венец над главою мученика. Увидев их, он весьма испугался и стал спрашивать друзей своих, бывших с ним, видят ли и они то, что видит он; те сказали, что и они видят то же самое. Тогда Ермоген, встав с седалища своего и показав рукою на святого, громогласно воззвал к народу:

– Воистину – это слуга Бога истинного, и велик тот Бог, почитанию Которого он учит нас; ибо Он чудесно подает с небес помощь рабам Своим, защищает их и дает им возможность одолевать своих противников. Безумен был я до настоящего дня, сам предаваясь служению бесам и стараясь привести к ним и вас, желающих право веровать во Христа.

Сказав это, он хотел припасть к ногам мученика, но, видя Ангельские лики, боялся приблизиться. Когда же Ангелы стали невидимы, Ермоген подошел к св. Мине, обнял его честные ноги и стал целовать их, говоря:

– Молись за меня, истинный слуга Божий, молись, прошу тебя во имя той самой истины, которую ты проповедуешь, молись, чтобы и мне, недостойному, сподобиться стать служителем твоего Бога, – и если я сподоблюсь Его благодати, то начну каяться в прежнем моем заблуждении и безумии.

Святой сказал ему на это:

– Успокойся, добрый судия, и не сомневайся в милости Божией. Ибо я знаю, что Он благоутробен и милосерд, и

надеюсь, что Он не только не отринет тебя, приходящего к Нему, но и впишет имя твое в книгу жизни; принимая твою усердную веру в Него, открыл Он мне о тебе, что желает, чтобы и ты прославил мученичеством Его Божественное имя.

Сказав это, святой вспомнил, что народ весь день пребывает голодным; ибо все позабыли о пище, видя происходящее и удивляясь ему, так что никто не хотел уходить с площади при виде дивного чуда того и внимая сладкословесным речам исповедника Христова. Припомнив это, святой и сам ушел с площади и народу велел расходиться, обещая утром опять прийти на площадь, еще подробнее говорить о святой вере и научить их тому, что им нужно делать. Ермоген же не отлучался от святого Мины, но всю ночь провел с ним, наставляемый к познанию истинного Бога и тайнам веры Христовой.

Утром на площади собралось столько народа из Александрии, что их не могла вместить и вся площадь. Когда святой Мина с Ермогеном стали подходить к площади, великое множество эллинов, встречая их, единодушно взывало:

– Все мы веруем в проповедуемого тобою Бога, Ему Единому обещаемся служить, а всего нашего прежнего заблуждения отрицаемся.

В ответ на это, святой благодарил Бога, обращающего к Себе ожесточенных язычников и наставляющего заблудших на путь истины. Восхвалял он их скорое обращение к Богу и утешал Богомудрыми наставлениями, поучая возлагать свои надежды на благость Божию, которой они будут сподоблены во святом крещении. Войдя на площадь и став на ней, святой, обращаясь ко всему народу, сказал:

– Бог да усовершит вас Своим знамением и да соделает вас расположенными ко всякому доброму делу!

После этого он велел каждому из них спрашивать о Боге и поучаться, кто чему хочет. Судья со всем народом ответил на это: – Святейший человек Божий! Нет у нас никакого сомнения относительно твоего Бога. Все мы с очевидностью познали Его и потому веруем всему, тобою сказанному и об одном только просим, чтобы соединиться с Богом через крещение.

Некоторые же из народа, видя Ермогена, обращающимся ко Христу, прибавили:

– Воистину нет лицеприятия у Бога, ибо и язычнику дал Он познать Себя и помиловал его за великую щедрость к нищим.

В скором времени пришли в Александрию из окрестных мест и пустынь епископы[8283], – одни для того, чтобы посетить своих словесных овец, другие – желая видеть подвиги мучеников, и собралось их около 30 человек; тогда, приготовив воду, святой Мина повелел Ермогену преклонить главу свою пред епископами. А они, возливая воду на его главу, сказали:

– Получает баню возрождения Ермоген, во имя Отца и Сына и Святого Духа[8284].

Так был крещен пред всем народом судия, и все люди прославляли Христа Бога. Крестилось и множество народа и была во всем городе великая радость, так как верующие люди веселились о Господе Боге своем.

Через несколько дней Ермоген был поставлен епископом города Александрии, – всё свое имение он раздал при этом нуждающимся. Вместе со всем своим духовным стадом он начал решительную борьбу с диаволом: в короткое время разорил бесовские капища, уничтожив идолов, а на месте их основал церкви и крестил бесчисленное множество эллинов, обращал их ко Христу. Призыванием имени Христова и осенением Его святого Креста, он исцелял всякие болезни и изгонял из людей нечистых духов; он учил всех людей благочестию и чистоте, смирению и любви, кротости и другим добродетелям, подавая пример стаду и своим собственным житием. Когда все это происходило, некий жестокосердный Еллин, по имени Рустик, один из членов царского синклита[8285], отправившись к царю, рассказал ему обо всем случившемся в Александрии: о том, как епарх Ермоген, последуя учению Мины, стал христианином, и о том, как весь народ Александрийский последовал за Ермогеном и Миною, приняв ту же самую веру. Царь Максимин, услыхав об этом, сильно разгневался не только на Ермогена и Мину, но и на весь город Александрию; немедленно собравшись, он отправился в Александрию, взяв с собою 10 тысяч вооруженных воинов. Прибыв в город, он тотчас

же схватил Мину и Ермогена, и как только было приготовлено место для суда, приказал собраться на площадь всем жителям города, а сам занял место судьи. Когда святые приведены были к нему на суд и притом, по приказанию его, обнаженными, мучитель, увидав их, громко воскликнул:

– О боги! Что это значит, что те, которым оказана была с нашей стороны особенная честь, добровольно презрели ее, а избрали себе жизнь презренную и недостойную и стали по виду своему как бы какие-нибудь скоморохи?

Затем он начал говорить Ермогену:

– Скажи мне, несчастный, для чего я поручал тебе власть над всей этой землей и морем, как не для того, чтобы и сам ты оставался верным нашим богам и нам, а Мину, совратившегося в заблуждение, возвратил бы к отечественной религии; ты же не только не вернул его от заблуждения, но и сам стал единомышленником его.

Когда гордый царь так гневался и пылал мщением, Всеблагой Небесный Царь милостиво призрел с высоты на рабов Своих, ибо внезапно к ним явились Ангелы, вселяя в них мужество, приготовляя к страданиям и повелевая не страшиться царского гнева, так как конечное торжество будет на их стороне. Тогда Ермоген в ответ царю сказал:

– Царь! Если ты хочешь с терпением выслушать меня, почему я добровольно отверг то, что представляется тебе верхом благополучия, и предпочел сделаться как бы неразумным нищим, поруганным и лишенным чести, т. е. стать христианином и быть готовым идти за Христа на огонь, меч, на зубы звериные, и даже желать смерти за Него более, чем жизни, – я открою тебе, но только слушай.

Царь сказал ему на это:

– Если ты будешь говорить мне истину, я стану тебя слушать, но остерегайся говорить ложь вместо правды.

И Ермоген начал повествовать пред ним следующим образом:

– Царь! Я имел пламенное желание преследовать христиан, и их учение, чтить же богов языческих и повиноваться твоей воле – ты это знаешь, ибо ты сам послал меня в этот город для

того, чтобы соблазнами или угрозами возвратить к древней вере Мину премудрого. Для этого ты и послал меня сюда с столь великою воинскою силою, так что даже и сам ныне пришел с меньшею силою. Все жители этого города пусть будут свидетелями моими пред тобою в том, каким я был вначале, когда ласкательством, угрозами и всеми другими средствами старался отвратить Мину от христианства; не знал я, неразумный, что встретил человека бесстрашного и мужественного, всегда готового к ответу и с сердцем, жаждущим лучше терпеть муки и все лютейшие страдания, нежели отречься от Христа. Когда я увидел, что он не соглашается поклониться богам, не боится власти, не страшится мук, не слушается увещаний, то я подверг его мукам, потому что поведение его казалось мне оскорблением для богов, тем более что и народ сочувствовал ему, разделяя все его мудрование о вере.

Сначала я велел отрубить ему ступни у ног до самых костей, потом отрезать язык и выколоть глаза; а когда он обессилел от ран и едва уже дышал, я велел бросить его в темницу. Говоря по истине, я тяжко болел за него душою, как за своего согражданина, что погиб такой премудрый и красноречивый человек. Утром я велел вынести тело его, полагая, что он уже умер. И вдруг вижу его живым – вижу, что он даже сам идет ко мне, смотрит глазами и говорит языком. Увидав его, я подумал, что это привидение, и потому закрыл глаза свои, чтобы не видеть и подобие того, кто был врагом богов. Но когда потом я встал со своего места и вместе с прочими начал внимательно рассматривать явившегося, то, не доверяя одним только своим глазам, а и руками осязая – я убедился, что это действительно был Мина. И я тотчас же был побежден истиною, имея неложным своим свидетелем – совесть. Впрочем, царь, вот сам он стоит пред тобою! Вот и народ, видевший мучение его: пусть он засвидетельствует пред тобою, или же ты сам разузнай, как хочешь: действительно ли это чудо. Итак, скажи мне, – заклинаю тебя твоими богами, – если бы кто-нибудь увидел, подобно мне, Христа, так внезапно исцеляющего и оживляющего человека и проявляющего в таком

чуде Свою силу, тот понял бы, что это – Бог Единый Истинный. Он есть Единый Творец первого человека, и обещал верующим в Него вечное Царство на небесах. Если бы кто-нибудь увидел всё это и постиг, неужели бы он отвергся такого Бога, и не захотел назваться другом Его? И неужели бы отвергся он такой благодатной силы, чтобы быть в состоянии, подобно Самому Богу, слепым давать зрение, хромых исцелять, горы переставлять, мёртвых воскрешать, – и всякий сотворенный предмет передвигать одним своим словом или одним мановением руки своей – имея при этом надежду на вечное блаженство и Царство Небесное? Неужели, кто оставил бы такового Бога и пренебрёг таким блаженством, а предпочел бы почитать ваших богов, и быть начальником и царем. Какого мнения ты был бы о таком человеке? Не показался ли бы он тебе безумцем и невеждою, не имеющим никакого понятия о том, что такое добро и истинная польза? Потому-то, царь, и я отверг всё заблуждение, ваши басни и ваших мерзких богов и все временные суетные блага, и обратился к Единому Истинному Богу, пожелав лучше показаться в глазах ваших безумцем, как сам ты назвал меня, и терпеть злополучие, чем считаться премудрым и избранным между вами. Итак, о нас ты все уже слышал теперь. Если же ты хочешь постигнуть силу Христову, то немедленно испытай это на деле: придумай для нас какое-нибудь величайшее мучение; если же ты не можешь придумать его, то позволь мне самому указать тебе виды всевозможных мучений и привести их на память пред тобою: ведь я немалое время был судьей и мучителем, и потому являюсь в этом деле чрезвычайно искусным. Отдай нас на съедение зверям, низвергни нас с горы в пропасть, брось в море, закопай живыми в землю, усеки мечом, сожги огнем, каждому отдельному члену нашего тела придумай соответствующее мучение, потому что и я, когда был ослеплен нечестием, делал все это со святым Миной, моим светильником, в познание истины меня приведшим.

В то время, как святой Ермоген столь безбоязненно говорил пред царем, народ дивился его дерзновенной и мужественной речи и подтвердил, что чудо, бывшее со святым Миною,

действительно совершилось на глазах у всех. Царь же ни одного слова не мог сказать в ответ Ермогену. Зная же, что если бы он и вступил с Ермогеном в какое-нибудь продолжительное словопрение, то был бы только пристыжен, а боги унижены, – приказал сейчас же отсечь ему руки до плеч, а ноги до колен, и бросить их в огонь на глазах у мученика, чтобы сам он видел, как будут гореть члены его тела. Но мученик, подняв немного голову, при виде рук и ног своих в огне, сказал:

– Как счастлив я, что Бог принимает в жертву и приношение Ему те самые руки мои, которые я некогда воздвигал с мольбою к богам ложным, и те самые ноги, которыми я ходил по пути заблуждения!

Затем чрево его был пронзено копьем, и оттуда выпали все внутренности его, а остатки его еле дышащего тела палачи бросили, по приказанию царя, в реку. Что касается до святого Мины, то царь боялся испытывать его на словах, дабы не быть пристыженным его дерзновенным повествованием о тех чудесах, о которых он уже достоверно слышал, и чтобы не отторгнуть через это от веры в богов своих и остаток единоверных себе людей. Поэтому он прямо, без всяких расспросов, приказал отвести Мину в мрачную темницу и повесить там, связавши руки, а к ногам привязать весьма большой камень; это сделал царь с тою целью, чтобы умертвить Мину насильственною смертью после продолжительного висения и после того как все составы его тела будут растянуты от сильнейшей тяжести. Святой же Мина, терпя все это, имел на устах своих слова псалма: «призри на страдание мое и на изнеможение мое» (Пс.24:18), и слова Апостола: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8:18).

Потом, когда все составы тела святого мученика были исторгнуты со своих мест и всё тело его стало вытянутым, как струна, и мучение от этого чрезвычайно усилились, он умолк. Но Бог, проявляющий дивную силу Свою во святых Своих, не только не оставил страстотерпцев во время их мучений, но и сотворил с ними поразительное чудо: по Его Божественному мановению, как только святой Ермоген, едва живой, был

брошен в реку, тотчас же явились святые Ангелы: они вынули его из воды и вынесли на берег; отсеченные руки и ноги его исцелили и сделали его совершенно здоровым и невредимым, как будто он только родился сейчас новым человеком. С наступлением же ночи, они повели его к святому Мине, который висел в темнице и был едва жив; освободили там и святого Мину от оков и, исцелив его, стали утешать их обоих ожидающим их на небесах воздаянием, что там для них уже приготовлены венцы и Сам Подвигоположник ждёт, пока они мужественно окончат свой подвиг. Так укрепляя их на страдания, Ангелы пробыли с мучениками до самого утра.

Как только настал день, царь весьма рано приказал собраться всему народу на площадь. Придя затем и сам, он сел на своем престоле и, зная, что уже весь город верует во Христа, раздваивался в мыслях своих, думая сам про себя: «Нехорошо и оставить горожан без наказания, но бесполезно и всех наказывать смертью». Поэтому, притворившись как бы ничего не знающим об их вере во Христа, он начал к народу такую речь:

– Я знаю, что все вы и жертвы приносите и поклоняетесь нашим великим богам, а царям своим оказываете во всем надлежащее повиновение со страхом; но так как с самого начала вы не восстали против этих мерзких людей, которые дерзнули распространять учение Распятого и не побили их камнями до нашего к вам пришествия, то через это вы навлекли на себя великий гнев богов. Хотя я сам никому из вас не желаю впасть ни в какую, попускаемую богами, беду, тем не менее не могу оставить вас и без всякого наказания; а поэтому, отомщая вам за прогневание богов, повелеваю отнять от города вашего давнишнюю честь его, так чтобы никто из вас не мог отныне ни получить высшего сана, ни удостоиться высокой власти. Знайте же и то, что Распятый не только никого не избавляет от бедствий, а, наоборот, доводит верующих в Него еще до всевозможных несчастий и позорной смерти. А что всё сказанное мною истинно, – пусть свидетелями в этом будут два вчерашних волхва, Ермоген и Мина, которые до мучения своего обещали мёртвых воскрешать, а быв же по вине своей наказаны

мною тяжелыми мучениями, и себе самим не были в состоянии помочь. Итак, где же сила сего обольстителя, Христа?

В то время, как царь говорил эти позорные речи и хулил имя Христово, весь народ негодовал и роптал между собою, замышляя что-то новое против самого царя. Но едва лишь глашатаи дали знак народу замолчать и только что царь снова захотел обратиться к народу с речью, как внезапно предстали пред царя святые Мина и Ермоген. Все с удивлением обратили свой взор на них и воскликнули как бы одним языком и одними устами:

– Воистину один есть только Бог – Бог христианский!

Увидев их, царь был поражен великим изумлением и ужасом.

В это время один из стоявших среди народа, по имени Евграф, человек сведущий в греческих науках и сам бывший одним из писателей в то время, когда святой Мина по званию судьи правил городом, сей Евграф, видя святых мучеников живыми и здоровыми, исполнился Божественной ревности и, осенив себя крестным знамением, с дерзновением вышел на средину площади и стал пред царем, говоря ему:

– Царь! И я – христианин, не признающий твоих приказаний; вот я – пред тобою и не щажу своего тела для Христа; не думай победить меня угрозами или ласкою; и не только меня одного, но и никого из нас, христиан, ты не в силах победить: ибо для нас пребывание с вами равносильно смерти, а умереть за Христа значит поистине приобрести жизнь. Ты пришел в наш город, как лев, желая поглотить стадо Христово и истребить святую веру идолопоклонством, но мы презираем твою ярость, готовы идти на смерть за благочестие и смеемся над тобой, как над льстивой лисицей.

Услыхав это, царь распалился гневом и, быстро соскочив с престола, бросился на христиан; выхватив у одного из предстоявших пред ним меч, он своими руками рассек святого Евграфа и от великого гнева начал рубить его на части. Святой же, будучи рассекаем, продолжал, пока мог, укорять мучителя за безбожие и вместе с тем благодарить Бога за то, что идет к Нему ранее других, и что умирает не от одного усечения, но

вследствие многочисленных ран, вселяющих в него надежду на многие венцы от Бога. Так предал он свою душу в руки Божии, будучи рассечен посреди площади.

Царь же, снова севши на своем престоле, обратился к святым мученикам Мине и Ермогену и сказал:

– Клянусь силою богов моих, что никогда еще я не видал таких чародеев, как эти! Неудивительно, что простой народ слушает их, ибо они, прельщая невежд своим хитрым чародейством, отторгают их от своих богов и внушают им решимость умирать за Распятого. А поэтому я сейчас же изобличу вас окаянных, – привидение ли вы, только глаза затмевающие, или же на самом деле обновленные тела.

На это святые отвечали:

– Так как ум твой несмыслен, душа ослеплена и сердце ожесточено, то от этого и действительный предмет кажется тебе привидением; ибо не являешься ли ты на самом деле слепотствующим, если не веришь делу, сияющему светлее самого солнца? Если ты сомневаешься, то испытай со всем тщанием, действительно ли это мы; а если ты в гневе угрожаешь, то снова испытай нас посредством мучений и ран, и познай, что мы суть плоть, а не привидение. Если ты хочешь привлечь нас к себе через обещание временных благ, то знай, что если бы ты отдал нам и самое царство свое, которое почитается у вас драгоценнее всего, то и им ты нас не соблазнишь. Итак, произнеси над нами твой окончательный приговор и знай, что ты ничем нас не победишь.

Царь, видя, что это – не привидение, но живые люди, ибо многие осязали их руками и удостоверялись, что тела их свободны от ран, – приказал отсечь им головы, а сам, вставши, удалился в свои палаты, будучи пристыжен, что ничем не мог одолеть воинов Христовых. Когда же святых повели на место казни, то за ними пошел и весь народ; они же, возведши очи свои к небу, долго стояли так, моля Бога, чтобы Он даровал церквам и всему христианству мир и тишину, и чтобы никто, просящий у них помощи, не возвращался беспомощным; затем, обняв друг друга и простившись друг с другом, они преклонили свои честные головы под меч и были усечены воином. А так как

великий Мина, еще будучи живым, просил царя о том, чтобы его тело было погребено в Византии (что он еще раз заповедал исполнить тем верным, которые стояли около него пред его кончиною), то царь Максимин приказал сделать железный ковчег и, положивши в него тела святых мучеников, бросить их в море, чтобы христиане не имели возможности почитать их. Сам же, видя народную молву и большой ропот народа на него, спешно выбыл из города и направился к Византии, опасаясь, как бы не поднялся против него бунт.

Между тем железный ковчег с мощами святых мучеников не потонул в море, но, управляемый в водах Силою Божиею, предварил самого царя и быстро доплыл до Византии, несясь как бы с быстротою летящей птицы. Епископу же Византийскому было ночью некоторое Божественное видение, повелевавшее ему немедленно идти к морскому берегу и с честью взять ковчег с мощами святых. Епископ в ту же ночь, созвав свой клир и некоторых именитых людей из числа верующих горожан, вышел с ними к морю; и увидели все они свет, сходящий с неба на море в виде столпа и спускающийся в какую-то лодку; в лодке той сидели два светоносных мужа и плыли к берегу, на котором стоял епископ с клиром.

Когда плывшие приблизились к берегу, стоявшие на берегу увидели, что это плывет не лодка, а ковчег, управляемый на воде двумя светоносными Ангелами, которые тотчас же стали невидимыми, как только поставили ковчег на берегу. Епископ с народом, приняв ковчег с радостью и узнав, что он железный, весьма удивились тому, что столь великая тяжесть железа не потонула в пучине морской, но, как легкое дерево, плавало по водам. Облобызав честные мощи святых мучеников, они поместили их до времени в тайном месте.

Царя же Максимина, бывшего еще в пути, постигло Божие наказание: уже давно будучи душевно слепым, он лишился и телесных очей, при этом он сам рассказал своим домашним и друзьям, что был наказан чьими-то невидимыми руками; через несколько дней после этого он, нечестивый, умер. Епископ по смерти царя с великим почётом похоронил мощи святых мучеников у городской стены, да будут они как бы стражами

городу, хранителями для плавающих по морям и врачами для одержимых болезнями во славу великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь[8286].

Тропарь, глас 8:

Воздержанием страстей огнепальныя умертвивше зраки и движения, Христовы мученицы прияша благодать недуги отгоняти немощных, и живше и по кончине чудодействовати. Воистинну чудо преславно, яко кости наги источают исцеления: слава Единому и Создателю Богу.

Кондак, глас 1:

Мину чуднаго, Ермогена Божественнаго, и Евграфа купно, священными сладкопении почтим вси, яко почествовашия Господа, и страдальчествовавшия за Него, и лика безплотных на небесех достигшия, и чудеса точащыя.

Память святого Гемелла

Память 10 декабря

Святой Гемелл происходил из области Пафлагонской[8287]. Услыхав, что император Юлиан Отступник[8288] находится в городе галатийском Анкире[8289], он отправился туда и, представ пред царем, безбоязненно обличал его в вероотступничестве и вражде против святой христианской веры. Юлиан пришел в сильный гнев и подверг его жестоким мучениям. На Гемелла возложен был железный обруч, до того раскаленный, что от него отлетали горящие искры, и из тела мученика лилась кровь. В таком виде он был отправлен в город Едес[8290], куда прибыл и сам вероотступник. Когда святой мученик приведен был в этот город, ему растерзали раскаленными железными кольями плечи, в голову же его были вбиты железные гвозди; потом растянули его на земле и от ног до головы содрали с него кожу. Наконец он был распят, и ноги его были пригвождены ко кресту. Так скончался сей многострадалец, вознося благодарение Богу[8291].

Память преподобного Фомы Дефуркина[8292]

Память 10 декабря

Преподобный Фома родился в Вифинии[8293]. Родители его были простого звания и жили в довольстве. Но Фома уже с юных лет отвращался от всяких житейских, суетных удовольствий и обнаруживал сильную склонность к иноческому житию. Увлекаемый примерною жизнью некоего инока, подвизавшегося в одном из окрестных монастырей, он привязался душевно к святой обители; с малолетства привык он соблюдать пост и, охотно занимаясь свойственным детскому возрасту книжным учением, изучил Псалтирь, Апостольские писания и всю церковную службу. Таким образом, первоначальная жизнь Фомы протекала мирно, в благочестии, и добрые семена, посеянные в его душе, успели укорениться для дальнейшего возрастания. Когда же Богобоязненный отрок достиг совершенного возраста, то, облекшись в иноческую одежду, с непоколебимою твёрдостью вступил на подвиг духовной брани со врагом спасения. И настолько утвердился и усовершился он душою своею в добродетельном житии, что его духовная красота явно обнаруживалась пред всеми.

В то время один из Византийских вельмож, по имени Галоликт, основал при реке Сагарисе новый монастырь и просил епископа той области собрать в этот монастырь мужей достойнейших и разумных. Начальником этой новой обители был избран и поставлен преподобный Фома, как инок опытный, утвердившийся в духовной жизни и крепкий хранитель воздержания. Сообщено было об этом и собору епископов с объяснением, что Фома уже много лет подвизался в духовном делании, и что все его почитают сосудом, исполненным различных добродетелей, хотя сам он, по смирению своему, и старался скрывать то от других.

Между тем такое неожиданное поставление блаженного Фомы начальником обители, по навету диавола, попущением Промыслителя Бога, дало повод к некоторому раздору.

Огорченный этим, Фома, обвиняя себя, говорил себе с укоризною:

– Что я мечтаю о себе!

И уразумев, что настало время исполнения заветных его желаний, простившись с братией и исповедав пред ними скорбь сердца своего и преподав им духовное утешение, он удалился из монастыря для безмолвия в одну пустыню. Оставшись без начальника, как овцы без пастыря, иноки пожелали возвращения преподобного; они отправились на поиски и долго искали его, пока не дошли до той самой пустыни, где поселился преподобный, в безмолвии перенося и зимнюю стужу и солнечный зной, вменяя первую в тепло, а второй – в прохладу. И умоляли они преподобного возвратиться в монастырь, а чтобы утишить скорбь его, говорили:

– Зачем ты изнуряешь себя столь суровым житием? Подумай: ведь мы созданы из персти земной и уже по сему самому носим в себе немощь, так что нам не по силам совершенно отрешиться от свойственной нам немощи.

Но Фома остался непреклонен и только, уступая желанию монахов, позволил им устроить для себя небольшую келью. Когда она была устроена, преподобный вошел в нее и, преклонив колена на землю, произнес:

– Да будет сие благоугодно Тебе, Господи; пришедших же к моему недостоинству мужей сподоби возвратиться.

Иноки удалились, оставив своего вождя духовного в пустынном уединении. Но после того как бы по нарочитому извещению, к святому подвижнику начали со всех сторон приходить благочестивые люди – миряне, желавшие принять иноческое пострижение, и просили преподобного, чтобы он позволил им жить у него в послушании. Всех таковых, как приходящих на служение Господу, он облекал в монашескую одежду, и двоих, как первых учеников Христовых, нарек именами Апостолов, – одному дав имя Иоанна, а другому Петра, и с ними возносил усиленнейшие молитвы Богу.

Но для виновника зла – диавола – нестерпимо было видеть свои козни и злоумышления побежденными. И вот они навели на преподобного, прежде всего, комаров в таком множестве, что

блаженный не мог даже говорить: комары нападали на него, и когда он лежал, и когда вставал на молитву, – набиваясь ему в рот, они проникали даже до гортани. И скудная пища и всё, что было в келье святого, всегда наполнялось множеством комаров. Три года продолжалась такая напасть, но преподобный не только без ропота и воздыханий претерпевал сие, но еще благодарил Бога, испрашивая себе отпущение грехов. Потом, когда, по воле Божией, нападение комаров прекратилось, появились большие мухи, которые кусали преподобного и как бы острыми стрелами пронзали его изнуренное воздержанием тело. Миновала и эта напасть, продолжавшаяся так же три года. Но после того на преподобного напали муравьи, которые заползали к нему и в глаза, и в ноздри, но он, как крепкий дуб, оставался непоколебим в подъятом им подвиге терпения. Видя такую твёрдость блаженного старца, переносившего эти девятилетние напасти, как бы мимолетные, однодневные, искуситель напал на него еще с большею, неистовейшею злобою. Зная, что человеку, от создания почтенному образом Божиим, присуще по природе отвращение к змее, как орудию первого греха (Быт.3:1–6, 14–15), коварник, чтобы разрушить душевный мир преподобного и вселить в его сердце чувство озлобления, равно как и у его сподвижников, наслал на него множество змей. Это многим может показаться невероятным, но то не было каким-либо только привидением. Змеи являлись не в воображении преподобного Фомы, но на самом деле подползали, окружали его, и не однажды, или дважды, а постоянно.

И не один год, или два года, но целых одиннадцать лет святой окружаем был ими, и ни разу не произнес он ропота. От змей не свободно было и ложе его; они гнездились и там во время его отдыха. Но, охраняемый промышлением Божиим, преподобный оставался невредим от них.

Однажды блаженный отец совершал Божественную бескровную службу; служение приближалось к концу, и вот откуда-то выполз громадный змей и, как кольцом, опоясал собою всю церковь, в которой совершалось священнодействие. Прислуживавший преподобному инок вышел пред тем из

церкви, чтобы принести потребную при священнодействии теплоту, а змей, сначала как бы опоясавший собою церковь, в это время свернулся у порога церковного, представляя собою огромный клубок. И вот произошло дивное чудо: совершавший Богослужение преподобный, удивляясь, почему не подается по обычаю своевременно теплота, оглянулся и увидел чудовище, лежащее у порога, а прислуживавшего инока стоящим в трепетном ужасе, и, исполнившись Духа Святого, сказал брату:

– Входи и не бойся.

Сам же продолжал святое дело. Ободренный отеческим повелением инок, как бы на крыльях, перескочил через змея и вошел в церковь. По окончании Божественной службы, блаженный старец в священном облачении подошел к порогу, где лежало чудовище, и сказал:

– Если это появление твое здесь, змей, означает кончину твою помощью Бога моего, то следуй за мною.

Змей схватился зубами своими за край одежды святого и последовал за ним; Фома же отошел от церкви на расстояние полёта стрелы из лука и, зайдя в дебрь, где была глубокая яма, остановился и начал молиться; ко многим молитвам он присоединил и такую:

– Боже, давший власть верующим в Тебя наступать на змей и скорпионов, благоволи, Господи, и мне меньшему наступить на гортань змея, по слову Твоему! (Лк.10:19)

Как только преподобный произнес сию молитву, змей тот час поднялся с места и низвергся в пропасть; с ним осыпались и края этой пропасти, так что на том месте образовалась заравненная котловина. Возблагодарив Бога, старец возвратился в свою келью. А затем последовало и новое дивное чудо: змеи, гнездившиеся под келлиею преподобного и столько лет устрашавшие его, при виде его святого лица, как бы спасаясь от огненного опаления, внезапно все ушли в то место, где погиб и змей-чудовище. Там, волею Божиею, их погибло многое множество и птицы нападали на них и поедали.

С того времени святой Фома, освободившись от искушения и напастей, получил от Бога дар исцелений и прорицаний, но вместе с тем еще с большим старанием заботился он о своем

духовном совершенствовании, устремляя свое внимание особенно на соблюдение подвига безмолвия. А так как к нему беспрестанно приходили искавшие наставлений и вынуждали его нарушать безмолвие, то он начал обыкновенно удаляться в нагорное место своей пустыни; предъизбранные же им, приближенные ученики, по его завету, руководствовали и братию и приходящих: Иоанн распоряжался при совершении молитв и служб церковных, а Петр назидал по благодатному дару прозорливства. И хотя всё это так устроилось, но духовная сила отеческого наставничества не была ослаблена тем, потому что во всем проявлялось одно произволение, – всех окормляла воля старца-отца, любовью которого все окрылялись и направлялись на путь спасения.

Когда таким образом в уединенной обители всё шло установившимся порядком, однажды благочестивый греческий царь Лев, сын Василия[8294], имея в сердце своем некое недоумение, изложил о том в письме и, запечатав его своею царскою печатью, отправил оное с нарочитым послом к преподобному старцу, желая получить от него разрешение своего недоумения. Царский посол отправился, и едва приблизился он к порогу келлии блаженного отца, последний, выходя ему навстречу, подал свое запечатанное письмо и сказал:

– Приими сие, брат, и возвратись к пославшему тебя.

Такое обстоятельство привело посланного в ужас, и он, недоумевая, возразил:

– Какой же ответ я дам пославшему меня касательно его письменного запроса, когда ты даже и в руки не взял царского писания?

На это преподобный отвечал ему:

– Довольно, чадо: так хочет Бог.

Приняв от святого Фомы послание, посланный возвратился и рассказал царю о случившемся и весьма удивил его. Когда же царь прочитал ответ старца и нашел в нем разрешение своего недоумения, то выразил настойчивое желание лично видеть преподобного. Но Фома чуждался мира и по своему смиренномудрию уклонился от представления царю. Об этом,

впрочем, уже только впоследствии и притом кратко сообщено было одним из учеников его. Всякий, кто имел какую-либо душевную потребность, безбоязненно, не смущаясь дальностью расстояния и времени, обращался к преподобному и получал ожидаемое духовное утешение, а равно и телесное здоровье. И так много лет и многих руководствуя в духовной жизни, достигнув глубокой старости, преподобный отец, после непродолжительной болезни, предал дух свой Богу[8295].

Житие преподобного отца нашего Даниила Столпника

Память 11 декабря

Преподобного отца нашего Даниила Столпника, сию ветвь райскую, возрастила Месопотамия[8296]. Он родился в селе, называемом Вифара и лежавшем около города Самосат[8297], от христианских родителей Илии и Марфы. Мать его была неплодна и не рождала, и через это должна была переносить немало неприятностей и укоризн как от своего мужа, так и поношений со стороны родственников и родственниц. Однажды в полночь, находясь в состоянии сердечной тоски, она потихоньку вышла из своего дома и, простерши руки к небу, обратилась к Богу с такою многослезною молитвою:

– Господи Царь! Ты изначала создал мужа и жену и сказал им: плодитесь и размножайтесь. Ты даровал Сарре на старости Исаака (Быт.1:28), Анне – Самуила (1Цар.1:20), Елисавете – Иоанна (Лк.20:60). Умилосердись же и над моим таким же несчастием и, милостиво призрев на меня, разреши мое неплодство, сними с меня позор и дай плод моему неплодному чреву, дабы я могла данное Тобою принести в дар Тебе, как некогда Анна принесла Тебе Самуила.

Помолившись так сокрушенным своим сердцем и духом смиренным, Марфа вернулась к себе в дом и одна лишь заснула, как увидала во сне два больших и весьма светлых светильника, похожие видом на блюдо, постепенно спускающиеся с неба на ее голову. Утром, встав, она рассказала о видении своему мужу и родным, и они, всякий по своему, старались объяснить ей ее сон. Между тем этот дивный сон был предзнаменованием того, что от нее родится сын, который сиянием добродетелей своих затмит как бы самые звезды. Вскоре после этого Марфа зачала во чреве своем и родила сына; рождением этим она освободилась от причинявшего ей такую скорбь – своего неплодства. Столь знаменательно было начало жизни блаженного Даниила на

земле и так чудесно появился на свет тот, кто стал впоследствии поистине сыном света.

До пяти лет отрок рос без имени, потому что родители не хотели сами дать сыну своему имя, но желали, чтобы тот, кто родился по дару от Бога, от Бога же получил себе и имя. Поэтому они привели его в один монастырь, принеся сюда и дары Богу, и просили игумена наречь имя их сыну. Игумен, вдохновленный Богом, отвечал, что его надо назвать тем именем, которое откроет Сам Бог. Смотря на отрока, он велел подать себе книгу из алтаря церковного и, разогнув ее, нашел в ней некоторые слова святого пророка Даниила. Поняв из этого, что так благоволил сделать Сам Бог, чтобы имя этого пророка дано было и отроку, он назвал его Даниилом. Сие же было предзнаменованием того, что отрок сей будет подобен великому пророку, как по имени, так и по благочестью. Родителям хотелось, чтобы их сын тотчас же был посвящен на служение Богу при этом монастыре, но игумен не согласился на это, потому что отрок был еще слишком мал. Поэтому родители возвратились с ним домой, по промышлению Божию, дабы отрок сей впоследствии избрал доброе житие не по желанию других, а по своему разумению и добровольно. Но и по младенческому возрастанию сего отрока можно было судить о том, что из него выйдет человек добродетельный, – подобно тому, как и дерево доброе со дня своего насаждения дает уже признаки последующего плодоношения; покров добродетельности всюду сопровождал его, ибо он ходил во свете благодати Божией.

Когда отроку исполнилось 12 лет, он ушел из дома отца своего, никому не сказав о своем уходе и намерении, а между тем он решил уже совсем покинуть ради Христа своих родителей, родину, сродников и друзей и направился в монастырь, находившийся на расстоянии 20 стадий[8298] от его родного села. Упав на колени пред игуменом, Даниил умолял его о принятии в число братии и пострижении в ангельский образ[8299].

Но игумен, ссылаясь на слабость сил и юношеский возраст просящего, ответил Даниилу, что он, как совсем еще юный

отрок, не в состоянии будет выносить тех многих трудов иноческих, нелегких для людей совершеннолетних, каковы, например, непрестанные бдения, земные поклоны, посты, телесное целомудрие и совершенное отречение от своей воли и от всякого плотского желания. А поэтому он советовал отроку вернуться обратно к родителям и пробыть там некоторое время, а не браться за такие труды, которые превосходят его юные силы.

– Я для того и пришел сюда, – отвечал Даниил игумену, – чтобы жить для Христа и умереть для мира; если бы даже от совершеннейших иноческих подвигов мне пришлось и умереть, то всё же это несравненно лучше, чем уйти отсюда ни с чем, и – скажу словами Евангелия – «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9:62).

Игумен снова долго увещевал Даниила отказаться от своего намерения, но и от него услышал много возражений. Наконец, будучи не в состоянии отговорить Даниила от его намерения и усмотрев в нем твёрдую решимость и искреннюю любовь к Богу, игумен созвал братию и советовался с нею, можно ли принять в монастырь столь юного отрока. Братия, удивляясь мужеству отрока и твёрдости его духа и усматривая в нем призвание Божие, соизволили принять его в сожительство с собою. Даниил же пламенел духом, преуспевал в добродетели и жизни по Боге.

Между тем по прошествии некоторого времени, родители Даниила узнали, что он находится в том монастыре. Они возрадовались, но вместе с тем и удивлялись тому, что столь юный отрок сам себя отдал на служение Богу. Отправившись к нему и увидевши его еще не постриженным и ходящим среди иноков еще без иноческого одеяния, они стали просить игумена о том, чтобы он постриг их сына на их глазах и облёк бы его в одежду иноческую. В воскресный день, после совещания с братией, игумен постриг Даниила в иноческий чин, причём не велел родителям приходить к сыну часто. После этого они с радостью возвратились в свой дом; блаженный же Даниил

преуспевал и укреплялся духом, возрастая не только летами, но и добродетелями.

Началом досточудного сего жития и источником всех происшедших отсюда последствий было следующее. Сердце Даниила воспылало Божественною любовью и он возымел непреодолимое желание поклониться святым местам, где пострадал за нас Господь наш Иисус Христос, где Он был погребен и воскрес и откуда Он вознесся на небеса. Вместе с тем он горел духом увидать великого подвижника того времени – святого Симеона Столпника. Пришедши к игумену, он открыл пред ним свое желание и просил отпустить его в избранное им путешествие. Игумен на этот раз удержал Даниила; но потом, сам имея надобность, ради нужд церковных, идти в Антиохию[8300], взял с собою Даниила и еще несколько человек из братии. Когда они дошли до селения, называемого Тиланиссой, в недалеком расстоянии от которого подвизался святой Симеон Столпник, то отправились к его столпу. Видели они суровость той местности, высоту столпа и узнали, что несмотря ни на что, сей подвижник терпит на столпе своем и зимний холод, и летний зной, и ветры и дожди. Некоторые неразумные думали, что святой претерпевает всё это из тщеславия; но блаженный Даниил не только удивлялся его терпению, но и сам побуждался к подражанию ему. Когда пришедшие иноки, стоя внизу, окликнули, святой Симеон, взглянув на них сверху, велел приставить лестницу и, если хотят, войти к нему. Тогда и обнаружилось, кто как относится к преподобному: один сказался больным ногами, другой отказался за старостью, а иные уклонились и еще по некоторым другим немощам; Даниил же, взойдя на лестницу, быстро вошел по ней и с радостью приветствовал великого Симеона. И не напрасны оказались труды его, ибо сначала он выслушал от подвижника наставление и подвигся через это еще более к добродетельной жизни; затем Даниил сподобился от него благословения, подаваемого через возложение рук, и, наконец, услыхал от него о своей будущей жизни. Подвижник, обращаясь к нему, пророчески говорил ему:

– Мужайся, чадо, и да укрепится сердце твое, ибо тебе предстоит подъять на себя ради Христа трудно переносимые подвиги; но Сам же Христос будет для тебя во всем и Помощником: Он укрепит и утешит твой дух.

После такой, исполненной любви, довольно продолжительной беседы со святым, блаженный Даниил сошел вниз, а затем возвратился в монастырь.

Через некоторое время, когда игумен того монастыря отошел ко Господу, братия принуждала Даниила принять, после него игуменскую власть, но он, указав им вместо себя другого, начал сам искать безмолвие, говоря сам себе:

– Вот, Даниил, ты стал свободен и наступило время, для исполнения того, к чему ты прежде так стремился; поэтому иди по желанному пути и исполни свое намерение.

Так решив, Даниил вышел тайно из монастыря и пришел к той ограде, которая была около столпа святого Симеона; пробыв здесь четырнадцать дней, он хотел уже уйти. Но святой Симеон, любя Даниила, посоветовал ему остаться с ним; Даниил же, имея сильное желание видеть святые места в Иерусалиме и уйти во внутреннюю пустыню на подвиг безмолвия, пошел в путь по направлению к Палестине. В Палестине в то время происходили войны: самаряне восстали против христиан, – и оттого дорога по той местности была небезопасною. Всё это Даниил знал, но всем этим он пренебрег и с твердым намерением и безбоязненным сердцем, не страшась смерти, начал путь свой, весь объятый одним только сильнейшим желанием совершить свой путь, издавна намеченный. Пройдя довольно значительное расстояние, он встретил некоего почтенного инока, преклонного годами, благообразного на вид, с седыми волосами, по всему похожего на преподобного Симеона Столпника. Обняв Даниила, старец спросил его по-сирийски, куда он идет. Даниил отвечал, что если Бог благословит, то ко святым местам. Старец сказал:

– Верно сказал ты, если Бог благословит; теперь же знай наверное, что твое настоящее путешествие не с Божиего благословения. Разве ты не слыхал про мятежи и распри в Палестине?

Даниил отвечал:

– Слышал, но я надеюсь на Бога: Он будет мне помощником, и потому я думаю, что со мною не случится ничего худого; а если и случится что-нибудь такое, то я не боюсь: ибо «живем ли или умираем, – всегда Господни» (Рим.14:8).

Но старец в ответ на это привел Даниилу слово пророческое: «Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя» (Пс.120:3) Ангел.

Даниил же, возражая старцу, высказал готовность даже и умереть за Христа во время этого путешествия.

Тогда старец с гневом отвернул от него лицо свое и произнес:

– Бог не повелел нам безвременно подвергать себя смерти и как бы поневоле идти на верную смерть, когда изрек: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10:23).

Даниил начал склоняться к совету старца и сказал ему:

– Если, отче, тебе представляется так, я готов возвратиться назад.

Старец же отвечал:

– Я советую тебе не совсем оставить свое решение, а указываю лишь на то, что было бы неразумно идти тебе туда в настоящее неблагоприятное время. Теперь же иди в Византию, по обилию святынь представляющую собою второй Иерусалим, благодать которого ныне почивает на ней по повелению Божию; там ты можешь посетить очень многие церкви и насытиться созерцанием многих святынь. Если же решишься посвятить себя подвигу безмолвия, в верхней ли Фракии или при самом устье моря, – то это будет для тебя спасительно и Бог поможет тебе в этом. Вообще, возлюбленный, не следует думать, что ты можешь найти Бога в Иерусалиме, а не в Византии; ибо Бог не ограничен никаким пространством.

Пока они таким образом беседовали друг с другом, солнце начало закатываться, и встретился им на пути монастырь, к которому для ночлега нужно было свернуть с дороги; они и направились к этому монастырю. Старец сказал Даниилу:

– Иди ты впереди, а я пойду следом за тобою.

Даниил подумал, что старцу нужно зачем-либо остановиться, и он пошел вперед, и, пришедши ко вратам монастырским, сел подождать старца. Но так как старец не являлся, то Даниил подумал, что он пошел для ночлега в другое место. Войдя в монастырь, он приветствовал игумена и братию и вкусил предложенной ему пищи. Когда затем он заснул, то снова явился ему во сне тот старец и снова стал советовать ему: исполнить то, что он говорил ему во время пути, и поскорее направиться к Византии. Пробудившись от сна и никого около себя не видя, Даниил размышлял, кто это явился ему: человек или Ангел. А был то Симеон, великий столпник.

После такого видения, Даниил, совершив утренние молитвы и пожелав мира обитавшим в монастыре том инокам, направился к Византии.

Дойдя до морского берега, преподобный вошел в церковь святого Архистратига Михаила, Воеводы сил небесных, и пробыл в ней семь дней. Здесь он услыхал о том, что в Анапле[8301] есть один пустой идольский храм, в котором живет много нечистых духов, так что никому нельзя было проходить мимо того места: плывущих они потопляли в воде, а на проходящих нападали, как разбойники, и убивали. Услыхав об этом, святой решил идти туда и жить там, вспоминая о великом Антонии, который претерпел много зла от бесов и, наконец, с помощью Божиею победив их, сподобился великих почестей. Поэтому Даниил отправился в пустой храм[8302], вооружась одним непобедимым оружием святого Креста, и вместе с тем воспевая: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?» (Пс.26:1). И прежде борьбы полчище бесовское пришло уже в ужас. А сей духовный воин, обходя углы храма, ограждал их крестным знамением, каждый раз преклоняя колена и молясь Богу. Когда настал вечер, пришел начальник бесов и начал бросать в святого камнями; затем послышался страшный рёв и вопли, поднялся шум; но Даниил, безбоязненно стоя на молитве, говорил: «Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться» (Пс.26:3). Таким образом провел он первую и

вторую ночи. В третью же ночь увидал он множество бесов в виде величайших исполинов, с мрачными лицами, страшных, как людоеды, скрежещущих зубами, пламенеющих гневом на святого и говорящих:

– Кто тебе, несчастный, посоветовал прийти сюда, где мы, давно обитая, являемся хозяевами этого места?

Говоря это, они устремились на Даниила – одни, желая бросить его в море, другие – усиливаясь побить его камнями, однако, ни один из них не осмелился приблизиться к святому. Святой же, вспомнив слова Господа: «сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк.9:29), поступил так: затворив все входы храма, он оставил одно только небольшое окошко, а сам начал поститься и молиться. В непродолжительное время всё бесовское полчище, силою Божиею прогнано было оттуда, и народ стал проходить мимо того места без всякой опасности. Это сделалось известным повсюду, и многие из окрестных жителей стали приходить к святому Даниилу, изумляясь, что в том самом месте, где было обиталище бесов, днем и ночью раздается славословие Божие. Но диавол, ненавидя добро и не желая видеть себя побежденным от святого, внушил некоторым из клириков зависть, – и они начали говорить между собою:

– Откуда это он пришел сюда, и все идут к нему и повсюду прославляют его? Пойдем, наговорим на него патриарху, чтобы он удалил его отсюда.

Отправившись к патриарху Цареградскому Анатолию[8303], они наклеветали ему на святого. Но патриарх отвечал им:

– Зачем вы клевещете на человека, о котором не знаете, откуда он и какова его жизнь. Если он проводит жизнь праведную, то и нам должно сделаться подражателями его святости; а если он живет нечестиво, то, без сомнения, заслуживает изгнание. Однако же надлежит не тотчас подвергнуть его изгнанию, но после тщательного предварительного рассмотрения.

Будучи пристыжены таким ответом патриарха, клеветники должны были замолчать.

Диавол же, видя неуспех коварства своего, начал досаждать святому сильнейшими, чем прежде, привидениями и ужасами, как бы устремляясь на него со всем своим воинством: то пытаясь утопить его в море, то похваляясь убить его. Но диаволу не удалось нисколько повредить святому. Став на молитву, Даниил взывал к Богу:

– Господь мой Иисус Христос, в Которого я верую, Тот потопит вас самих в пропастях ада.

Едва произнес он это, раздались крики и вопли, как бы плачущих, и святой увидел бесов летящими, как летучие мыши, и удаляющимися от того места. Но и после этого бесы не переставали причинять святому огорчение; они снова стали возбуждать против него клеветников, которые, пришедши к патриарху, сказали:

– Владыка! Даниил – волшебник и обманщик; он обольщает народ волшебством, и потому мы не можем выносить его.

Патриарх, призвав Даниила, спросил его, кто – он, откуда, зачем пришел в эти страны и как верует в Бога. Даниил тотчас же исповедал свою православную веру, затем сказал о своей стране и происхождении, а также и о том, что он пришел в Византию, будучи призван откровением Божиим. Услыхав это, патриарх встал и обнял его, почитая за человека Божия, и потом отпустил его с миром. Через несколько дней патриарх тот впал в тяжелую болезнь; тотчас же, призвав к себе Даниила, он просил его помолиться Богу, чтобы ему, патриарху, исцелиться. Как только святой помолился, патриарх тотчас же встал здоровым; безмездный же врач за исцеление просил у патриарха только того, чтобы он простил тех лиц, кои оклеветали его пред патриархом. Патриарх сказал:

– Как не простить тех, которые сделались виновниками столь великого добра, что я сподобился и видеть тебя, и получить исцеление через тебя.

Патриарх просил святого пребывать вместе с ним, но Даниил предпочел быть отпущенным на свое место и, придя туда, снова затворил за собою двери, оставив лишь небольшое отверстие для приходящих к нему.

По прошествии девяти лет такого тяжкого жития, Бог восхотел призвать преподобного на совершеннейший подвиг. Ему последовало для этого особое Божие откровение: он видел в видении стоящий перед собою столп, высотою превосходивший облака; наверху столпа стоял преподобный Симеон и с ним два светлых юноши; и слышит он голос столпника, который говорил с высоты столпа:

– Даниил! Войди сюда ко мне.

Даниил будто бы отвечал:

– Господин! Как же войти мне на такую высоту?

Тогда преподобный Симеон приказал сойти к нему двум юношам и, взявши Даниила, привести его к нему. Юноши тотчас же исполнили приказанное и поставили его пред Симеоном. Преподобный же, обнявши Даниила, громогласно воззвал к нему:

– Мужайся Даниил! Будь великодушен и крепок! Стой твёрдо и мужественно!

Когда святой Симеон говорил это, голос его казался голосом грома, и от сего голоса Даниил пробудился. Видение это предуказывало то, что и Даниилу надлежит, подобно святому Симеону Столпнику, взойти на столп и приблизиться к нему телом и душою.

В это время пришел из Антиохии к царю ученик преподобного Симеона Столпника Сергий и принес ему кукуль[8304] преподобного Симеона, присланный в дар царю на защиту его от всякого зла. Но так как душа царева была направлена на земные попечения и он весь поглощен был мирскими занятиями, то Сергий надумал уйти от него и вернуться назад; и захотелось ему побывать в монастыре неусыпающих[8305]. Когда он вместе с другими плыл мимо того места, где подвизался преподобный Даниил, некоторые вспомнили о нем, в каком терпении проводит он жизнь свою, а также и то, что он получил от Бога дар исцелять недуги и прогонять бесов. Услыхав о сем, Сергий велел кораблю пристать к берегу и отправился к преподобному Даниилу. Тот принял его с любовью и Сергий, после довольно продолжительной беседы убедившись в том, что на Даниле

почивает дух Симеона, как дух Илии на Елисее (4Цар.2:15), отдал ему тот дар, который он нёс с собою, то есть кукуль Симеона, ибо ему Даниилу, он приличествовал более, чем кому-либо иному.

После этого во сне Сергий видел трех юношей, пришедших к нему и говорящих:

– Встань, Сергий, и скажи Даниилу, что время жития его в том храме уже окончилось; пусть он, Сергий передаст о своем видении Даниилу.

Пробудившись, Сергий поведал об этом Даниилу, а тот, поняв, что Бог повелевает ему подражать житию преподобного Симеона, попросил Сергия отправиться в пустыню и подыскать для него удобное место, где бы можно поставить столп. Сергий, обойдя один холм, по указанию Божию, пришел к тому месту, где надлежало построить столп; остановившись здесь для отдыха от тяжелого пути, он увидал такое видение. Над ним пролетел белый голубь, и Сергий старался поймать его. Вдруг он слышит с неба голос:

– Не думаешь ли ты изловить голубя сетями? Его нужно ловить руками.

Но голубь улетел в вышину и после этого стал невидим. Поняв из этого, что Бог указывает ему здесь место к устроению столпа, Сергий возвратился к Даниилу и передал ему о всем, что он видел и слышал. Обрадованный Даниил упросил друга своего, некоего Марка, устроить ему столп. Марк, при помощи Божией, быстро выстроил столп. Когда окончена была постройкою и крыша его, преподобный Даниил вышел ночью из того храма, чтобы никто о нем не знал и, придя к столпу, помолился Богу:

– Слава Тебе, Христе Боже, что Ты сподобляешь меня такой жизни! Ты знаешь, Господи, что Тобою я утверждаюсь, и, на Тебя надеясь, восхожу на сей столп. Итак, приими жертву мою, укрепи меня на подвиг и приведи в исполнение мое начинание.

Так помолившись, он взошел на столп и начал жить в безмолвном уединении между небом и землею для Единого Бога, устраняясь всего земного и приближаясь телом и душою к

горнему. Но диавол, всегда завидующий рабам Божиим, начал и здесь досаждать святому, восставив против него владельца того места, по имени Геласия. Сей последний, узнав, что в его владении устроили без его согласия столп, и что на нем стал жить, без его ведома, какой-то инок, пришел в сильный гнев и уведомил об этом царя и патриарха Геннадия, преемника Анатолиева. Царь не обратил на это никакого внимания, патриарх же не только велел свести его со столпа, но хотел даже наказать его, предоставив Геласию с позором удалить его со столпа. Геласий, в ярости, направился уже приводить свое желание в исполнение, но Бог, предотвращая его от злого намерения, ниспослал внезапно в ясный день дождь и большую грозу, гром и молнию. Геласий, однако, не устрашился и не оставил своего злого решения; сердце его пылало злобою, ибо сам диавол возбуждал в нем ярость. Подошедши к столпу, Геласий начал с досаждением и укоризнами кричать на святого, чтобы он тотчас же сошел со столпа, угрожая в противном случае насильственно свергнуть его вниз. Некоторые из сопровождавших Геласия останавливали его, говоря:

– Оставь его, ведь он не делает тебе никакого зла; да и самый столп этот не на твоей земле; нет тебе от этого и никакого ущерба, а, наоборот, тебе же лучше иметь такого соседа, который бы молился за тебя.

Но Геласий не послушал их, и с гневом приказал святому раз навсегда оставить столп. Когда святой стал сходить вниз и спустился уже на шестую ступеньку, все увидали, что ноги его стали как бы брёвна, и затекли от непрестанного дневного и ночного стояния. Тогда все сжалились над ним, и даже сам Геласий склонился на милость и стал просить его опять войти на свое место и простить, что он, Геласий, дерзнул оскорбить его. После того Геласий устроил для святого еще более высокий столп и с тех пор стал оказывать ему почёт, и пред самим царем прославлял добродетельность преподобного мужа.

Однажды пришел к святому из Фракии[8306] один старый и почтенный человек, и привел с собою своего единственного бесноватого сына; положив его у столпа, отец со слезами умолял святого сжалиться над ним и помиловать его:

– Вот, – говорил он, – тридцатый уже день, как он, одержимый бесом, непрестанно упоминает твое, угодник Божий, имя.

Преподобный же, будучи милосердым, отвечал ему:

– Если ты веруешь, что Господь мой Иисус Христос исцелит через меня сына твоего, да будет тебе по вере твоей!

После этого он велел напоить бесноватого святым елеем. Когда это было исполнено, бес поверг его на землю и, сильно потрясая, воскликнул: «Выхожу, выхожу», – и затем действительно вышел. Отец же, видя сына здоровым, отдал его в монастырь, где и стал он искусным иноком. Затем явился другой человек, по имени Кир[8307], муж разумный и красноречивый. Этот, имея дочь, по имени Александру, мучимую бесом, тоже привел ее к святому. И как только святой помолился Богу и возложил руки на бесноватую, бес тотчас же вышел из нее, и она стала здоровой. С тех пор Кир стал питать большую любовь и усердие к преподобному. Однажды он привел к святому жену своего воина, тоже бесноватую, и та, по молитвам блаженного, получила исцеление; за это Кир, из чувства благодарности, написал на столпе святого стихи следующего содержания:

– Здесь твёрдо стоит муж, обуреваемый отовсюду: но ни ветров не боится, ни непогоды; пища его – манна небесная, бескровная. Отрасль Симеонова две стены столпом двойным подкрепляет, прославляя Сына Матери, не познавшей брака.

Греческий царь, Лев Великий[8308], не имевший, но желавший иметь сына-наследника, просил преподобного Даниила исходатайствовать ему от Бога получение желаемого. Преподобный, будучи и сам сыном молитвы, ибо он рожден был по молитвам своей матери, подавал уже молитвами своими милость Божию и другим иметь детей. Поэтому и в этот раз, помолившись Богу, он предсказал царю, что на будущий год у него родится сын. Это предсказание действительно и сбылось. Царь, радуясь о рождении сына, в благодарность за такие молитвы святого, соорудил ему третий столп.

Когда слава о святом Даниле распространилась повсюду, пришла к нему царица Евдокия, супруга царствовавшего ранее

Феодосия Младшего[8309]; она просила Даниила сойти со столпа и идти в ее область, где имелось, по ее словам, много пустынных мест. Блаженный, похвалив ее добрую мысль и усердие, однако, не пожелал уйти оттуда, где повелел ему жить Господь; благословив царицу, он отпустил ее с миром, а сам взошел на высочайший столп, который устроен был Геласием.

В это время некоторые еретики, бывшие в Византии, склонили большими деньгами одну блудницу, по имени Вассиану, идти к святому и соблазнить на худое дело – или его самого или кого-нибудь из его учеников. Она, бесстыдная и нечистая, отправилась к целомудренному и святому, воображая, что блаженный прельстится с первого же взгляда на нее и возымеет желание согрешить с нею: ибо она была одета в сотканные из золота одежды и украшена различными нарядами. Пришедши, она притворилась больною и жила на поле, которое было против столпа, около ограды словесных овец доброго пастыря; притворилась же больною с тою целью, чтобы принести душевный вред если не самому святому, то, по крайней мере, его ученикам. Пробыв там немалое время и видя, что не имеет никакого успеха, ибо никак не смогла прельстить того, ум которого не прилепился к земле, но всегда пребывал с Богом горе, она ушла ни с чем. Потом, пришедши к нанявшим ее еретикам, она, несчастная, солгала, будто Даниил, соблазнившись ею и сильно возжелав ее красоты, велел ученикам привести ее к себе на столп; «Но я, – прибавила она, – не согласилась на это; они же, боясь, чтобы это нечестивое желание их не стало известно народу, задумали меня убить, и я едва увернулась из их рук и убежала».

Так лгала на святого несчастная блудница, а еретики распространяли слова ее в народе, клевеща на неповинного и чистого Даниила, с целью отвратить от него народ. Но суд Божий постиг лживую и скверную клеветницу: на нее внезапно напал злой дух и начал мучить; тогда невольно она созналась, что подговорена была еретиками. Так посрамлены были хулители угодника Божия. А народ, схвативши ее, привел к святому и просил его избавить ее от мучения бесов. Тогда Даниил, будучи истинным учеником Христа, завещавшего

любить врагов и повелевающего прощать согрешающим до семижды семидесяти раз (Мф.18:21–22), не заплатил ей за зло злом, но сделал ей, злоумышленнице своей, добро: он, сотворив за нее молитву пред Богом, велел ей дать выпить святого елея, и та, получив исцеление, начала целовать столп святого, открыто исповедуя пред всеми грех свой и прося прощения. С этого времени она начала проводить целомудренную жизнь, оставив жизнь греховную.

Преподобный не только имел от Бога власть изгонять бесов и исцелять недуги, но не лишен был и дара пророчества, т. е. предвидеть и предсказывать будущее. Провидев гнев Божий и наказание, имеющее постигнуть город, он послал известить об этом патриарха Геннадия и царя Льва и советовал раза два на неделе совершать молебствие для того, чтобы предотвратить праведный гнев Божий. Но на совет блаженного не обратили никакого внимания, а потому за грехи свои и на самом деле они увидали исполнение его пророчества, как об этом будет сказано ниже. В то время царь, подвигнутый Духом Божиим, предписал патриарху отправиться к великому Даниилу и посвятить его в пресвитеры. Патриарх с клиром своим отправился и, достигнув столпа, сказал преподобному, что давно уже он желал увидеть его, но так как был отягощен церковными делами, то не мог исполнить этого.

– Теперь же, – сказал он, – я пришел повидать тебя и сподобиться твоих молитв и беседы.

Потом патриарх просил у него позволения поставить лестницы и допустить его к себе. Но святой ответил ему:

– Напрасно пославший тебя к нам возложил на тебя столь большие труды.

Когда святой произнес это, патриарх удивился и ужаснулся, как он мог узнать, что пришествие его, патриарха, было не добровольное, а подневольное, ибо он не пошел бы к нему, если бы не был убежден к тому царем. Долго патриарх с бывшими при нем упрашивал святого приказать приставить лестницы, чтобы взойти им к нему, но тот всячески отказывал. Между тем была жара, солнце сильно пекло, и патриарх, видя изнеможение многих от зноя и жажды, повелел архидиакону,

стоя внизу, начать обычные при посвящении молитвы. Молясь сам и читая те молитвы, которые положены при посвящении во священника, он посвятил святого Даниила в пресвитеры, хотя тот и находился от них высоко на столпе.

Весь же собравшийся народ восклицал: «Аксиос»[8310]. После этого блаженный Даниил, усматривая в этом изволение Божие, велел приставить к столпу лестницы и получил из рук патриарха священническое облачение, причастился с ним Пречистых и Божественных Таин и, помолившись за всех пришедших к столпу, отпустил всех с миром. Царь, узнав, что преподобный Даниил принял посвящение, возрадовался и поспешил ко столпу. Сняв с себя царское одеяние, он со смирением взошел к преподобному на столп и припал к его ногам. Увидев же, что от долгого стояния ноги преподобного отекли и загнили, он подивился его великому терпению и, получив благословение, с радостью возвратился домой. Между тем наступило время исполниться пророчеству святого, которое изречено было им относительно гнева Божия, имевшего постигнуть тот город. В месяце сентябре, на память святого мученика Маманта, которая обыкновенно торжественно праздновалась в Византии, в то время, когда в церкви его имени начиналось с вечера всенощное бдение, вдруг поднялся в огромном столичном городе сильнейший пожар; пожар этот быстро достиг таких размеров, что охватил едва не весь город, начиная от приморской стены, называемой корабельной, продолжаясь до торга Константинова и доходя даже до Юлианова берега[8311], окружив таким образом всю середину города; великий гнев Божий постиг население: ибо огонь истребил не только множество больших домов с имуществом, красивых дворцов и святых храмов, но и людей без числа; одни были превращены огнем в пепел, другие опалены до половины; у третьих повреждены были руки или ноги, глаза или голова. И никак нельзя было потушить пожара; чем более старались тушить, тем более разрасталось пламя: то Бог наказывал людей Своих за грехи.

Так Константинополь погибал от огня почти равного тому, от которого некогда погиб город Содом (Быт.19:24–25). Тогда-то и

вспомнили пророчество преподобного Даниила, когда он предсказывал об этом наказании и призывал народ к молитве и покаянию; и отправились к нему с слезною просьбою, чтобы он умилостивил Бога своими молитвами и угасил огненное пламя. Святой со слезами укорял их, что они не слушали его тогда, когда он предсказывал им о настоящем несчастии, и не выполнили советы его – по-дважды на неделе совершать общественные молебны. Затем, подняв руки к небу, он с умилением помолился Богу за город и жителей, а после молитвы объявил, что пожар прекратится через семь дней. Так действительно и случилось. И сам царь убоялся гнева Божия и, вместе с царицей, пришел к преподобному, прося у Бога милосердия по ходатайству преподобного.

По прошествии лета наступила столь холодная осень, что трудно описать ее суровость. Однако же она не только не могла одолеть мужественного подвижника, но и сама была им побеждена: в течение 4 дней казалось, как будто с неба низвергаются целые реки; некоторые горы от множества потоков были размыты, сёла потоплены; всё время дули сильные противоположные ветры, как бы борясь между собою; вихри же и бури были настолько сильны, что силою их сломаны были те железные крюки, на которых держались два столпа преподобного. А преподобный терпеливо стоял на высоте, в то время как столп колебался, и сам он шатался на нем от ветра, как бы ветка на дереве; ученики же святого снизу взирали на него со слезами, опасаясь, как бы он не умер от такого холода или не упал бы вместе со столпом на землю. Но надежда преподобного Даниила на Господа оставалась непоколебимою, и он продолжал безбоязненно стоять на столпе, утверждаясь на нем, как на каменном основании. Ибо чего было бояться смерти тому, для которого земная жизнь представлялась узами и темницей, а смерть разрешением и свободой, и который повторял слова Давидовы: «выведи из темницы», т.е. из тела «душу мою" (Пс.141:7)? Чем более сильный холод преподобный переносил, тем более с горячими молитвами обращался он к Господу. И действительно, воззвал праведник и Господь услышал его[8312], и как некогда из ладьи (Мф.8:26), так и теперь

с вышнего неба, запретил ветрам, и вдруг наступила величайшая тишина и вёдро.

Когда, после этого, прибыл царь к святому, чтобы посмотреть, не принесли ли ему какого-нибудь вреда бывшие дожди и ветры, и когда увидал сломанными железные крюки, то приказал как можно лучше укрепить столпы и возвратился от преподобного, получив от него благословение. Дорогой же случилось с ним следующее: лошадь, на которой он сидел, чего-то испугавшись, вскочила на дыбы и, упавши назад, сбросила с себя царя, так что и венец с головы его далеко отскочил и разломился, а жемчуг и драгоценные камни с венца рассыпались. Конюхом царским был некто Иордан, по вере арианин; видя падение с лошади, он испугался, что на него падет за это вся ответственность и он будет казнён. Поэтому вернувшись назад, он пришел к преподобному, и со слезами просил его ходатайства пред царем, причем отрекался от ереси арианской и просил присоединить его к православию. Преподобный, во уважение к его благочестью, написал царю, что так как Иордан отрёкся арианского зловерия и присоединился к христианскому правоверию, то он достоин помилования. На это царь отвечал святому:

– Виновником моего падение был не кто иной, как сам же я, ибо я имел дерзновение сесть на коня еще на твоих глазах, не отойдя пешком подальше от твоего святого столпа; поэтому и на Иордана не только не гневаюсь, но и радуюсь тому, что мое падение с лошади стало для него причиной восстания от падения душевного.

В последующее затем время царь относился к святому с таким уважением, что не только сам почитал его, но и в глазах других представлял его, как носителя небесной силы; так например, когда одному правителю иноплеменного царства, по имени Губазию, пришлось прибыть для заключения перемирия к Льву, царю греческому, то царь привел его к преподобному Даниилу Столпнику и, указывая на него, сказал:

– Вот чудо в моем царстве!

Губазий же, удивившись терпению преподобного, стал кланяться не только самому святому, но и столпу, на котором он

стоял, и со слезами говорил:

– Благодарю Тебя, Царь Небесный, что меня, пришедшего к царю земному, Ты сподобил увидать мужа небесного и его жилище.

Вернувшись в свою страну, Губазий часто вспоминал о преподобном в кругу своих приближенных и посылал к нему письма, с просьбою о его святых молитвах для защиты своего царства. И был преподобный предметом великого удивления для всех, как ближних, так и дальних, своих и пришельцев, царей и простых, Греков, Римлян и иноплеменников, кои приходили к нему, как к Ангелу Божию, а отходя призывали его на помощь себе, – и все они получали просимое по его святым молитвам.

Мужественное терпение преподобного, с коим он, стоя на столпе, переносил все перемены воздуха, достаточно засвидетельствовано вышесказанными дождями и бурями; но, чтобы не опустить из внимания чего-либо достойного памяти святого, припомним еще следующее:

Однажды стояла чрезвычайно суровая зима, дули сильнейшие ветры, гораздо более нестерпимые, чем те, о которых говорилось выше: был и снег, и лёд, и морозы; а преподобный не только не имел над своим столпом никакой крыши, но лишился даже от ветра и того кожаного кукуля, который был на его голове, и который унесён был ветром далеко в пустыню. Так стоял добровольный мученик целую ночь, перенося суровость зимы и лютость мороза. Днем же поднялась такая сильная вьюга, что ученики святого не могли ни глаз своих поднять к столпу, ни оказать святому какой-либо помощи. По прошествии дня, наступила еще более суровая ночь, а затем опять такой же день и такая же ночь, и лишь на третий день буря несколько утихла. Тогда только, приставив лестницы, ученики поднялись на столп к преподобному и нашли его всего, с ног до головы, обледеневшим, еле дышащим и едва отогрели его, обтирая тело теплой водой и губкой. Придя в себя, преподобный сказал ученикам:

– Зачем вы хлопочете около меня? Зачем вы разбудили меня от сладкого сна? Я только что заснул с молитвой на устах,

однако, благодарю вас, дети мои, что вы имеете заботу обо мне, отце вашем.

Христолюбивый царь, узнав об этом, долго упрашивал святого со слезами и кланяясь ему в землю, чтобы он позволил приделать к столпу только какую-нибудь крышу.

– Пощади себя, – говорил он ему, – если не для себя, то хотя для нашей пользы, дабы не умереть тебе преждевременно и не оставить нас сирыми.

Видя слезную просьбу царя, преподобный позволил устроить крышу над своим столпом, но не для своего облегчения, а ради усердной просьбы царя, который имел к святому такую любовь и уважение, что приводил всех приходивших к нему послов и великих князей к столпу преподобного, – то сам лично, то со своими придворными вельможами. Приходившие же удивлялись столь великому мужеству преподобного отца, с которым он переносил днем и ночью и стужу, и жар, и обыкновенно уходили от него с чувством духовного умиления и с великою духовною пользой для себя.

Через некоторое время Гензерих, король Вандальский, объявил войну против Греков и подошел к Александрии с многочисленным войском. Греческий император, смущенный этим нашествием иноземцев, пришел со своим синклитом к преподобному Даниилу Столпнику, желая получить помощь от его святых молитв. Провидя будущее, преподобный предсказал царю, что Гензерих не только не возьмет Александрии, но и во всех своих замыслах потерпит неудачу и вернется домой без всякого успеха. Всё предсказанное преподобным действительно сбылось, и в благодарность за это благочестивый царь пожелал устроить при столпе преподобного келлии для помещения в них его учеников; преподобный же просил царя соорудить, вместо того, церковь во имя преподобного Симеона Столпника и перенести в нее из Антиохии святые мощи его. Царь немедленно устроил в честь преподобного Симеона церковь на северной стороне от столпа Даниилова и при церкви – странноприимный дом, а затем, согласно желанию преподобного Даниила, перенес в новоустроенный храм с подобающею честью честные мощи святого Симеона.

Преподобный Даниил был глубоко обрадован этим, и по случаю перенесения мощей обратился к народу с надлежащим поучением.

Нравом своим преподобный был незлобив и ко врагам своим относился с любовью. Однажды некто поносил святого, а когда слушавший его народ возмутился этим, он, показывая ему печеную рыбу, говорил:

– Вот что ест ваш постник!

Когда, после этого, и сам он и жена его с детьми поели этой рыбы, то они сейчас же впали в сильный недуг, от которого преподобный исцелил их своею молитвою, не памятуя зла и не воздавая обидой за обиду. В благодарность за столь великую к ним милость незлобивого отца, они соорудили из серебра его изображение, на коем они были представлены лежащими у ног преподобного, и были подписаны имена их; икону сию они поставили в церкви святого Михаила Архистратига Небесных Сил.

При своем незлобии преподобный Даниил имел еще великий дар столь благодатного слова, что слушатели от его наставлений приходили в глубокое умиление и очень многие получали от них великую духовную пользу, исправляя свою жизнь. При царском дворе находился один именитый воин, по имени Едрань, по происхождению галатянин, отличавшийся здоровьем и воинскими доблестями. Пришедши к блаженному Даниилу и услыхав его душеполезные поучения, он пришел в сердечное умиление, немедленно же отрёкся от мира и вместе с двумя своими друзьями присоединился к ученикам преподобного. Услыхав об этом, царь весьма сожалел о нем, как о храбром воине и послал уговорить его вернуться к нему во дворец. Но тот пренебрег вниманием царя:

– «Что пользы человеку, – сказал он, – приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» (Лк. 9:25).

После этого, приняв постриг от руки преподобного, он стал подражателем ему в воздержании, вкушая пищи лишь столько, сколько нужно для того, чтобы не умереть с голоду; равным образом и спал он очень мало и то – стоя или несколько присаживаясь на привешенную веревку. Впоследствии, за свою

добродетельную жизнь, он приобрел любовь царя и тот навещал его, когда приходил к преподобному Даниилу. Прожив таким образом довольно продолжительное время, он с миром преставился. После того подражателем жития сего подвижника, в иночестве Тита, был слуга его Антоний.

Спустя некоторое время, царь Лев выдал дочь свою Ариадну замуж за Зенона Исаврянина[8313], которого и послал с войском против варваров, вторгшихся во Фракию. Перед походом Зенон отправился к преподобному Даниилу Столпнику, и святой предсказал ему весь исход войны, с которой он вернется невредимым и затем после тестя своего, царя Льва, получит царский скипетр, но, по зависти родных, лишится царской власти, а потом снова получит ее. Всё это в свое время и сбылось. Когда Зенон воцарился после смерти Льва и процарствовал три года, то против него восстал Василиск[8314], брат Верины, жены покойного царя Льва. Удалив Зенона, он захватил престол Греческий и, будучи приверженцем ереси Евтихия, возбудил большую смуту в Церкви Христовой, отвергая собор Халкидонский[8315] и распространяя еретическое учение. Тогда Акакий, патриарх Константинопольский[8316], собрав православных епископов, хотя и с боязнью противился царю, но не имел никакого успеха. Поэтому он послал нескольких епископов к преподобному Даниилу с слёзною просьбою сойти со столпа и явиться к ним в столицу на помощь Церкви воинствующей. Преподобному весьма не хотелось сходить со своего места, хотя бы и на малое время; однако, видя нужду Церкви и будучи призываем к тому же и Божественным голосом свыше, сошел со столпа и явился в город к патриарху и находившимся при нем епископам. С честью встречен был он епископами и принят был ими с несказанною радостью. Услыхав о прибытии преподобного и не желая встречаться с ним, царь удалился из города в свое поместье, находившееся около столицы, но преподобный последовал за ним и туда. Но так как он не имел возможности дойти туда сам, ибо от продолжительного стояния ноги его отекли и покрылись многочисленными ранами, то его понесли на руках верующие. По дороге попался им навстречу один прокаженный человек.

Увидев преподобного, он начал с рыданием просить его об исцелении; сжалившись над ним, преподобный помолился о нем и велел ему вымыться в находившемся возле море. Тот омылся и вышел совершенно чистым и здоровым. Слух об этом чуде тотчас же повсеместно распространился, и к преподобному стало стекаться множество народа с больными, кои, по молитвам преподобного, и получали исцеление. Окруженный таким множеством народа, собравшегося к нему ради чудес, преподобный приблизился к царскому дворцу, находившемуся в поместье. Один Готфянин, нагнувшись сверху через окно и увидев святого несомого на руках, засмеялся и сказал:

– Вот еще новый анфипат! [8317]

Едва он произнес это, как тотчас подвергся наказанию Божию: он внезапно упал сверху на землю и разбился до смерти. Царь же, узнав о прибытии святого, распорядился не пускать его к себе; и святой удалился, отрясши прах от своих ног. Но затем царь тотчас же послал за преподобным, испугавшись, как бы за непочтение к святому с ним, царем, не случилось какого-либо несчастия, и просил преподобного вернуться к нему. Но он не только не послушал царя, но предсказал еще о его погибели.

– Прогневляющий Царя Небесного, – сказал он, – приумножает себе обильные бедствия и собирает гнев на день суда.

Сказав сие, он отправился в путь свой. Едва гонцы, возвратившись, успели передать царю слова преподобного, как вдруг тотчас же упал во дворце один из столбов; царь и все присутствовавшие весьма испугались: так даже и неодушевленный предмет, по повелению Божию, засвидетельствовал непреложность пророчества преподобного и своим падением ознаменовал близость низвержения царя с престола. Возвращаясь в город, преподобный Даниил исцелил по дороге двух бесноватых юношей и дочь вдовы; змия, нечаянно обвившегося около своей ноги, он удалил одним своим словом, не получив от сего никакого вреда. В самом же городе к Даниилу приступила одна почтенная женщина, по имени Ираида, которая была неплодной; омывая слезами ноги

его, она просила преподобного разрешить ее неплодство своими молитвами; святой предсказал ей о рождении ею сына и даже самое имя его: «Ты, женщина, – сказал он ей, – родишь сына и назовешь его Зеноном».

Между тем царь стал искать случая, как бы ему помириться и испросить у преподобного прощение, потому что его весьма устрашило падение столба во дворце во время донесения ему ответа Даниилова. Сперва он умолял об этом преподобного через почтенных лиц неискренно, потому что сердце его не переставало стремиться к беззакониям. Потом он явился к преподобному лично, упал перед ним на колени и просил о прощении. Но преподобный, провидя своими духовными очами злые его помышления, обличил его в этом, сказав присутствовавшим:

– Это смирение и раскаяние его притворно; в нем под овечьей одеждой скрывается жестокость волка; но вы скоро увидите над ним правосудный гнев Божий, ибо всемогущая десница Всевышнего низлагает с престолов людей надменных.

После всех этих событий преподобный возвратился на свой столп, а спустя немного времени Василиск действительно был низвергнут с престола, как и предсказал преподобный. Зенон же снова получил скипетр царский и, видя исполнение предсказания преподобного, пришел вместе с женою своей поклониться ему.

Последующее время своей жизни преподобный безотлучно провел в стоянии на столпе, совершив множество чудотворений. Но, по своему смиренномудрию и во избежание прославления среди людей, он приписывал силу чудотворения не своей собственной добродетельности, а молитвам преподобного Симеона, и поэтому всех приходивших к нему больных он отсылал в церковь Симеонову к его святым мощам. Один золотых дел мастер принес к преподобному своего сына, хромого от рождения, не имевшего возможности даже ступить на ноги, но ползавшего по земле, подобно червям, на чреве; отослав его в церковь преподобного Симеона, блаженный Даниил велел возложить мощи святого Симеона на ноги

хромого отрока, и как только это сделали, хромой вскочил, и сам дошел до столпа Даниилова, радуясь и славя Бога.

Другой человек, возвращаясь с востока, попал в руки разбойников. Весьма сильно избив его, сокрушив ему колена и ограбив его, они удалились, оставив его еле живым. Проходившие мимо его путешественники, увидев его, изнемогающего от ран, сжалились над ним и перенесли его в город Анкиру[8318]. Епископ того города, приложив по отношению к больному всё свое попечение, вызвал к нему самых опытных врачей и вылечил его от ран. Тем не менее, и поправившись от ран, тот не мог ходить, потому что ноги его были сильно повреждены и, хотя все раны на них зажили, но достаточной для хождения силы не было. Лишившись употребления ног, больной стал просить епископа отнести себя к преподобному Даниилу. Его положили неподвижным, как бревно, в повозку и повезли в таком виде к столпу сего безмездного врача. Даниил, отослав хромого в церковь преподобного Симеона, велел помазать его елеем, взятым от святых мощей, и этим тотчас же исцелил его: голени и ступни у него внезапно окрепли, он сам поднялся на ноги и стал ходить, воссылая благодарение Богу и Его святым угодникам – Симеону и Даниилу.

Один испанский сотник имел такую глубокую веру в преподобного, что всякий раз, как кто-нибудь из его слуг, родных и знакомых, заболевал, он писал преподобному и просил его исцелить заболевшего. Когда, затем, к нему приносили от преподобного ответное письмо, он возлагал его на больного и больной тотчас же получал исцеление.

Одна нищая, имея 12-летнего сына, немого от рождения, принесла его к столпу преподобного и, поставив его около столпа, ушла. Преподобный, увидев отрока со столпа, велел своим ученикам взять его, чтобы он жил между ними. Ученики же, думая, что отрок молчит, наученный матерью, притворяясь немым ради бедности и с целью более легкого снискания себе пропитания, причиняли ему немало зла, заставляя его то страхом, то побоями, что-нибудь проговорить; иногда же они кололи его, во время сна, остроконечным орудием, или ударяли колючими ветвями, чтобы, внезапно пробудившись, он произнес

какое-нибудь слово. Но когда они окончательно убедились в его немоте, то донесли об этом преподобному; он велел помазать язык немого святым елеем, и когда в воскресенье за святой литургией диакон приготовлялся читать Святое Евангелие, а присутствовавшие по обычаю воспевали: «Слава Тебе, Господи!» – то и отрок отчетливо и громко произнес: «Слава Тебе, Господи!» И с этого времени он стал хорошо говорить.

Достигнув глубокой старости, преподобный приблизился к своей блаженной кончине; провидя ее, он предсказал об этом своим ученикам, и написал им следующее завещание:

– Чада и братия мои! Ибо вы для меня действительно и чада – потому, что духовно я породил вас, и братья, – потому, что общий всем нам Отец – Бог, и к общему нашему Отцу я и отхожу. Но я не оставляю вас, моих возлюбленных, плачущих о разлуке со мной сиротами, а поручаю заботу о вас Отцу вашему, Который вместе с вами создал и меня, Поэтому Он, всё сотворив разумом и премудростью, а затем преклонив небеса и сойдя на землю, претерпел смерть, и, воскресши нас ради, – да будет с вами, как премудрый охранитель вас от диавола. Как Господь, Он будет сохранять вас в послушании Его святой воле, а как Отец ваш, Он будет призывать вас к Себе с милосердием и с распростертыми объятиями всякий раз, как вы будете согрешать и падать. Как предавший Себя на смерть за нас, Он да соединит вас взаимным единодушием и да привлечет вас к Своему Небесному Отцу. Стремитесь к смирению, будьте послушны, любите странноприимство, посты, бдение, нищету и особенно блюдите первейшую и главнейшую заповедь – заповедь любви, а также всё то, что свойственно людям благочестивым; блюдите веру истинную, чуждайтесь еретических лжеучений и ни в чем не отпадайте от матери вашей – святой Церкви. Если всё это исполните, будете совершенны в добродетели.

Написав своим духовным детям такое духовное завещание, преподобный велел его прочитать им, а они плакали, готовясь к разлуке с ним.

За три дня до блаженной кончины преподобного, в полночь, некоторые из наиболее достойнейших учеников его сподобились

видеть, как Даниила явились посетить все святые угодники, – пророки, Апостолы, мученики; приветствовав его, они повелели ему удостоиться Божественных Таин. Когда же настал самый день кончины преподобного, то прибыл патриарх Евфимий[8319], преемник Акакия, вместе со всем своим клиром; вышеупомянутая же богобоязливая женщина Ираида, у которой по молитвам Даниила разрешилось неплодие, приготовила всё необходимое к досточестному погребению святого. В это время случился тут один бесноватый человек, который, стоя у столпа, говорил, что видит Ангелов и много святых, шествующих с неба к преподобному, и даже называл по именам тех святых, коих он видел. Преподобный же и богоносный отец наш Даниил, радуясь о кончине своей, предал честную и святую душу свою в руки Божии, будучи 80 лет и трех месяцев от роду[8320].

Немедленно по преставлении Даниила, вышеупомянутый бесноватый избавился от мучения диавольского. Когда преподобный скончался, на небе появились против столпа его три звезды, наподобие креста, которые и днём, при свете солнечном, сияли с неизреченною силою и были видны они до тех пор, пока не было погребено святое тело преподобного мужа там же, у столпов его. Вместе с ним положены были и мощи святых трех отроков Вавилонских Анании, Азарии и Мисаила, согласно предсмертному завещанию преподобного, для того чтобы приходящие для поклонения к его могиле воздавали честь не его мощам, а мощам тех святых отроков. Так смиренный во время жизни своей остался смиренным и по кончине, уклоняясь от человеческого прославления, но Сам Бог прославил прославляющего Его, как на земле пред людьми чудесами, так и на небе пред Ангелами Своими, будучи и Сам прославляем всею тварью вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Терпения столп был еси, ревновавый праотцем преподобне: Иову во страстех, Иосифу во искушениих, и бесплотных жительству, сый в телеси, Даниле отче наш. Моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Якоже звезда многосветлая, ты возшед, блаженне, на столп, мир просветил еси преподобными делы твоими, и тьму прелести отгнал еси отче. Темже молим тя: и ныне облистай в сердцах раб твоих незаходящий свет разума.

Житие преподобного Никона Сухого, Печерского

Память 11 декабря

«Помните узников, как бы и вы с ними были в узах» (Евр. 13:3), – так заповедал узник в Господе, святой Апостол Павел. Следуя сей заповеди, воспомянем о чудесах блаженного узника Никона, в судьбах которого с несомненностью проявилась сила Господа, освобождающая от оков узников Своих.

Блаженный Никон был родом из города Киева и происходил от знатных родителей; придя в Печерский монастырь, он прежде всего добровольно предал разум свой и всего себя в послушание Христу и стал опытным иноком. Затем, во время нашествия злочестивых половцев[8321], он был пленен ими одновременно со святым Евстратием Печерским, уведен из монастыря в их страну и содержался там в заключении. Один христолюбивый гражданин города Киева явился туда для выкупа пленных, но блаженный Никон уклонился от этого человека; христолюбец тот подумал, что он поступает так потому, что сам имеет в Киеве богатых родственников, которыми и желает быть выкупленным. Выкупив многих пленников, человек тот возвратился в Киев и рассказал о блаженном Никоне. Узнав это, родственники его прибыли к Половцам для выкупа Никона с большими сокровищами, но блаженный Никон сказал им:

– Не тратьте для меня понапрасну достояние вашего: если бы Господь желал моей свободы, то Он не предал бы меня в руки этих беззаконников: Он Сам отдает в плен тех, кого хочет. А мы «неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов. 2:10).

Родственники укорили блаженного, но принуждены были, не выкупив его, вернуться назад со всем множеством захваченного достояния. После этого пленившие блаженного и другие Половцы, видя, что они не достигли своей цели, стали немилосердно мучить раба Божия. И целых три года блаженный непрестанно был утесняем ими, связываем, окован по рукам и

ногам, мучим огнём, терзаем ножами, томим голодом и жаждой, лишаем пищи в течение одного, двух, трех и более дней; летом по три дня держали его под палящими лучами солнца, а зимою выбрасывали на снег и на мороз. Все это нечестивые Половцы причиняли ему с той целью, чтобы он выкупил себя; но блаженный Никон за всё лишь благодарил Господа и непрестанно молился Ему. Через некоторое время он объявил своим мучителям, что Христос даром освободит его из их рук и что он получил уже об этом извещение.

– Явился мне, – говорил он, – брат мой Евстратий, которого вы предали жидам на распятие[8322]; за это они осуждены будут вместе с отцами своими, некогда кричавшими: «Кровь Его на нас и на детях наших»[8323]. Вы же, нечестивые, будете мучиться вместе с Иудою, предавшим Господа на крестные страдания. Явившийся же мученик сказал мне, что на третий день, по молитвам святых отец Антония и Феодосия и прочих Печерских угодников, я буду возвращен в обитель Печерскую.

Услыхав это, половчанин, взявший преподобного в плен, подумал, что он хочет убежать, а потому подрезал ему жилы под коленами, чтобы он не мог уйти и кроме того стал бдительнее стеречь его. И вот на третий день, в шестом часу дня, в то самое время, когда вся стража окружала преподобного с оружием в руках, блаженный узник стал невидим, а стерегшие его услышали только его голос, воспевавший: «Хвалите Господа с небес»!

Так чудесно и ни для кого невидимо святой перенесен был в Печерскую церковь Пресвятой Богородицы в то самое время, когда на Божественной литургии стали петь запричастный стих. И тотчас вокруг него собралась вся братия и стала вопрошать его, каким образом он попал сюда. Сначала он хотел было скрыть это дивное чудо, но все окружавшие его, видя его связанным тяжелыми цепями, с неизлечимыми ранами, гнойными струпьями, покрывшими всё тело его, а особенно при виде крови, струившейся из разрезанных голеней, всячески заставляли его поведать истину. Поэтому, вопреки своему желанию, он, наконец, рассказал им всё, как было, но не

позволял снять оковы с рук и ног своих. На это игумен сказал ему:

– Брат! Если бы Господь желал этих уз твоих, то не освободил бы тебя от плена, а потому покорись нашей просьбе.

После этого, сняв с преподобного оковы, братия перековали их на вещи, необходимые для алтаря.

Спустя немного времени, когда уже с Половцами заключен был мир, прибыл в Киев тот самый половчанин, который держал блаженного Никона в плену. Прибыв в Киев, он вошел в Печерский монастырь. Увидав здесь своего бывшего пленника, блаженного Никона, он узнал его и рассказал о нем всё подробно игумену и братии и уже не возвратился обратно в страну свою, но, умилившись от всего происшедшего, принял святое крещение и вместе с другими своими родичами – половцами, также пришедшими в Киев, сделался иноком и вместе с ними окончил жизнь в покаянии в том же Печерском монастыре, служа пленнику своему – блаженному Никону.

Было много и других удивительных чудес сего блаженного и святого отца нашего Никона, из которых мы упомянем о следующих.

Однажды, когда блаженный был еще в плену, разболелись пленники от голода и недостатка до такой степени, что едва не умерли; будучи вместе с ними, блаженный запретил им хотя что-либо вкушать из пищи нечестивых, и молитвою своею подал всем им выздоровление и возможность невидимо ни для кого освободиться от заключения.

В другой раз, когда блаженный еще был в плену, расхворался сам пленивший его половчанин; совсем приближаясь уже к смерти, он завещал своим женам и детям распять плененного им Никона над своею могилою. Но блаженный сей пленник, провидя своими духовными очами, что на конце своей жизни половчанин этот покается, помолился о нем и исцелил его, избавив таким образом и себя от смерти телесной и того половчанина не только от телесной, но и от духовной.

Сей блаженный Никон называется «сухим» потому, что он еще заживо истек кровью, сгнил от множества ран и высох от

мучений, так что мог сказать о своем здоровье, в плену потерянном, словами пророка Давида: «Сила моя иссохла, как черепок» (Пс.21:16), «кости мои обожжены, как головня» (Пс.101:4). Что можем сказать об этом и мы, удивляясь его замечательной силе, не телесной, а той, которая свойственна бесплотным силам небесным, как не словами Апостола: «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» (2Кор.4:7). Поистине узник сей, чудесно освобожденный от оков, при всей своей телесной немощи, горел огнём Божественным, светя своими добрыми и богоугодными делами. Потому и освобожден он был от телесных оков[8324], и, вместо скоропреходящего и быстро увядающего здравия в этой жизни, получил от Бога никогда не увядающее нетление своего тела, в котором и доныне пребывает оно в пещере; духом же своим он удостоился «наследия нетленного, чистого, неувядаемого, хранящегося на небесах» (1Пет.1:4), при источнике жизни вечной и получил неувядаемый венец славы. Сим венцем, по молитвам преподобного угодника Божия Никона, да сподобимся быть увенчанными и мы от Царя славы Христа Бога, Которому слава со безначальным Его Отцом и с Пресвятым, и Благим и Животворящим Духом теперь и всегда и в бесконечные веки. Аминь.

Память святых мучеников Акепсия и Аифала

Память 11 декабря

Святые мученики Акепсий и Аифал происходили из Персии, где они и пострадали. Акепсий был сначала языческим жрецом в городе Арбеле[8325], но потом, услышав о вере Христовой, решился обратиться к христианскому епископу, надеясь получить исцеление от постигшей его в то время болезни. Епископ преподал ему наставление в вере и жизни христианской и исцелил его своими молитвами от недуга. После этого Акепсий возвратился в Арбелу, явился среди своих сограждан проповедником и учителем благочестия, будучи посвящен в сан пресвитера. Об этом было донесено областеначальнику, который вызвал к себе сего нового благовестника Христова и приказал отрезать ему ухо и заключить в темницу.

Святой же Аифал был диаконом Арбельской церкви. Схваченный за исповедание Христа, он жестоко был избит и старейшиною жрецов отправлен был к Акепсию в темницу. Потом оба святые снова приведены были к правителю страны и еще раз исповедали пред ним свою веру во Христа и за то приговорены были к отсечению глав.

Память святого мученика Миракса

Память 11 декабря

Святой мученик Миракс был родом египтянин; родился он в городе Тенестии[8326] от христианских родителей, был крещен и воспитан в истинном благочестии. Но, по своему юношескому легкомыслию, он поддался влиянию врага всего доброго (диавола) и, явившись к Амиру[8327], отрёкся от Христа. Сняв с себя пояс[8328] и поправ святой крест, он взял в руку воинский меч и отчаянно громким голосом воскликнул:

– Я – агарянин. И отныне более уже не христианин.

Через такое отступничество Миракс заслужил себе почёт и уважение у Амира и его приближенных. И много времени прошло с той поры, как легкомысленный юноша, увлекшись суетною славою, перестал и думать о своем спасении. Между тем родители, скорбя о падении сына, не отчаивались и усердно молили Бога о возвращении на путь благочестия совратившегося отступника. И молитва их не осталась бесплодною. Господь призрел на прилежные прошения родителей, внял их непрестанным молитвам: благодать Божия озарила сердце Миракса, и он раскаялся. Пришел он после того к своим родителям и сказал:

– Досточтимые и любезные мои родители! Постигло меня помрачение ума и я совершил столь ужасное дело; но вот ныне я горько скорблю о том и молюсь, чтобы стать мне снова христианином и быть с вами.

На это родители отвечали ему:

– Мы, чадо, со времени твоего совращения в агарянство[8329] много слёз пролили о тебе и беспрестанно молили Бога, чтобы Он даровал тебе познание истины и возвратил тебя ко Христу. И ныне благодарим Его благость и щедроту, что не отверг Он слабых молитв наших. Но, как и сам ты понимаешь, сын наш возлюбленный, мы опасаемся принять тебя, боясь гнева Амира, чтобы из-за тебя и нас не постигла какая-либо напасть. Поэтому, если хочешь облегчить свою совесть, обременяемую страшным падением, обрести милость у Бога, нашу безопасность

сохранить, и о всех своих ближних быть ходатаем, то иди к Амиру и что исповедал нам здесь тайно, поведай там явно как бы без нашего ведома. Господь да устроит о тебе всё по Своей благой воле! Иди же, чадо наше возлюбленное, и мы, хотя и недостойны милости Бога нашего, надеемся, что Он, Благий, услышит молитву нашу.

Миракс внял словам своих родителей и, ободрившись духом, с упованием на действенность их молитвы, решился тогда же поступить по совету отца и матери: взяв в руки пояс, он тотчас же отправился к Амиру и его советникам агарянским. Став пред Амиром и его приближенными, Миракс опоясался и, осенив себя честным крестом и облобызав его, начал громко восклицать:

– Господи, Христе мой, помилуй и спаси меня!

Такое дерзновение его привело всех в ужас. Амир схватил Миракса и спросил:

– Что такое стало с тобою?

На это он ответил:

– Я пришел в себя после постигшего меня диавольского помрачения и возвратился ко Христу Богу моему, стал опять христианином, как был и прежде. И вот я «пришел в себя»[8330], чтобы исповедать пред тобою и твоими советниками и пред всеми Господа Христа и поведать вам всем, что вас и веру вашу я проклинаю.

Выслушав это, Амир велел посадить Миракса в темницу и, продержав его там три дня без пищи, подверг суду. На суде Миракс опять исповедал Христа и, избитый за то, посажен был снова в темницу. Через три дня он опять приведен был в судилище и был избит еще более. По прошествии шести дней, мученик снова приведен был в судилище и опять безбоязненно исповедал Христа и за то бит был бичами из воловьих жил по язвам, образовавшимся на теле его от прежних побоев. После того Амир осудил его на смерть через усечение главы. И взяли святого исповедника слуги Амировы и, посадив с собою в корабль, отплыли с ним от берега на девять поприщ. Там помолился он Богу и голова его была усекнута и он брошен был в море[8331]. Что потом случилось с телом мученика – выплыло

ли оно из моря – осталось неизвестным; но честная глава его вышла из моря и обретена была благочестивыми христианами, которые и взяли ее, как многоценный дар на хранение. Когда же донесено было о том Амиру, то почитатели святого дали выкуп в сто златниц и, получив дозволение невозбранно хранить обретенную главу мученика, устроили серебряный ковчег и в нем положили ее с подобающею честью. С того времени и доселе сия глава святого страдальца источает благовонное миро и подает всякие исцеления во славу Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, утверждая веру в тех, в которых могло бы зародиться сомнение или соблазнительное какое-либо недоумение о святом мученике.

Память преподобного Луки, Нового Столпника

Память 11 декабря

Преподобный Лука столпник жил при Греческом царе Романе[8332] и при Константине Порфирородном[8333], зяте царя Романа и сыне царя Льва Мудрого[8334]. Патриаршескую кафедру занимал тогда Феофилакт[8335], сын царя Романа. В то время на Греческую империю сделали нападение болгары[8336] и Лука, по царскому повелению, взят был в ополчение и принимал участие в защите отечества от врагов. Во время сражения, в греческом войске произошло замешательство и многие тысячи его были истреблены; но Лука, промышлением Божиим, остался невредим. После того он принял монашество и, преуспевая в иноческом житии, удостоился поставления в пресвитера. Ревнуя о высшем духовном совершенстве, он обложил тело свое железными веригами и, взойдя на столп, соблюдал столь строгое воздержание, что в продолжение шести дней недели не принимал никакой пищи и только в седьмой день вкушал приносимую просфору и немного овощей: так на столпе провел он три года. Потом, призываемый Божественным внушением, пошел он на гору Олимп[8337], оттуда перешел в Константинополь и, чтобы не нарушать своего обета молчальничества, вложил себе в рот камень, и, наконец, удалился в город Халкидон[8338]. Там он также вошел на столп и, прославляемый многими чудесами, провел на нем сорок пять лет. Так совершив благочестно путь земной жизни, святой Лука отошел в обители Небесного Отца[8339].

Житие святого отца нашего Спиридона Тримифунтского

Память 12 декабря

Родиною дивного Спиридона был остров Кипр[8340]. Сын простых родителей и сам простодушный, смиренный и добродетельный, он с детства был пастырем овец, а пришедши в возраст, сочетался законным браком и имел детей. Он вел чистую и богоугодную жизнь, подражая – Давиду в кротости, Иакову – в сердечной простоте и Аврааму – в любви к странникам. Прожив немного лет в супружестве, жена его умерла, и он еще беспрепятственнее и усерднее стал служить Богу добрыми делами, тратя весь свой достаток на принятие странников и пропитание нищих; этим он, живя в миру, так благоугодил Богу, что удостоился от Него дара чудотворения: он исцелял неизлечимые болезни и одним словом изгонял бесов. За это Спиридон был поставлен епископом города Тримифунта в царствование императора Константина Великого. И на епископской кафедре он продолжал творить великие и дивные чудеса.

Однажды на о. Кипре было бездождие и страшная засуха, за которою последовал голод, а за голодом мор, и множество людей гибло от этого голода. Небо заключилось, и нужен был второй Илия, или подобный ему, который бы отверз небо своею молитвою (3Цар. 17): таким оказался святой Спиридон, который, видя бедствие, постигшее народ, и отечески жалея погибающих от голода, обратился с усердною молитвою к Богу, и тотчас небо покрылось со всех сторон облаками и пролился обильный дождь на землю, не прекращавшийся несколько дней; святой помолился опять, и настало вёдро. Земля обильно напоена была влагою и дала обильный плод: дали богатый урожай нивы, покрылись плодами сады и виноградники и, после голода, было во всем великое изобилие, по молитвам угодника Божия Спиридона. Но через несколько лет за грехи людские, по попущению Божию, опять постиг страну ту голод, и богатые хлеботорговцы радовались дороговизне, имея хлеб, собранный

за несколько урожайных лет, и, открыв свои житницы, начали продавать его по высоким ценам. Был тогда в Тримифунте один хлеботорговец, страдавший ненасытною жадностью к деньгам и неутолимою страстью к наслаждениям. Закупив в разных местах множество хлеба и привезши его на кораблях в Тримифунт, он не захотел, однако, продавать его по той цене, какая в то время стояла в городе, но ссыпал его в склады, чтобы дождаться усиления голода и тогда, продав подороже, получить больший барыш. Когда голод сделался почти всеобщим и усиливался со дня на день, он стал продавать свой хлеб по самой дорогой цене. И вот, пришел к нему один бедный человек и, униженно кланяясь, со слезами умолял его оказать милость – подать немного хлеба, чтобы ему, бедняку, не умереть с голоду вместе с женою и детьми. Но немилосердный и жадный богач не захотел оказать милость нищему и сказал:

– Ступай, принеси деньги, и у тебя будет всё, что только купишь.

Бедняк, изнемогая от голода, пошел к святому Спиридону и, с плачем, поведал ему о своей бедности и о бессердечии богатого.

– Не плачь, – сказал ему святой, – иди домой, ибо Дух Святой говорит мне, что завтра дом твой будет полон хлеба, а богатый будет умолять тебя и отдавать тебе хлеб даром.

Бедный вздохнул и пошел домой. Едва настала ночь, как, по повелению Божию, пошёл сильнейший дождь, которым подмыло житницы немилосердного сребролюбца, и водою унесло весь его хлеб. Хлеботорговец с своими домашними бегал по всему городу и умолял всех помочь ему и не дать ему из богача сделаться нищим, а тем временем бедные люди, видя хлеб, разнесённый потоками по дорогам, начали подбирать его. Набрал себе с избытком хлеба и тот бедняк, который вчера просил его у богача. Видя над собою явное наказание Божие, богач стал умолять бедного брать у него задаром столько хлеба, сколько он пожелает.

Так Бог наказал богатого за немилосердие и, по пророчеству святого, избавил бедного от нищеты и голода.

Один известный святому земледелец пришел к тому же самому богачу и во время того же голода с просьбою дать ему взаймы хлеба на прокорм и обещался с лихвою возвратить данное ему, когда настанет жатва. У богача, кроме размытых дождем, были еще и другие житницы, полные хлеба; но он, недостаточно наученный первою своею потерею и не излечившись от скупости, – и к этому бедняку оказался таким же немилосердным, так что не хотел даже и слушать его.

– Без денег, – сказал он, – ты не получишь от меня ни одного зерна.

Тогда бедный земледелец заплакал и отправился к святителю Божию Спиридону, которому и рассказал о своей беде. Святитель утешил его и отпустил домой, а наутро сам пришел к нему и принес целую груду золота (откуда взял он золото, – об этом речь после). Он отдал это золото земледельцу и сказал:

– Отнеси, брат, это золото тому торговцу хлебом и отдай его в залог, а торговец пусть даст тебе столько хлеба взаймы, сколько тебе сейчас нужно для пропитания; когда же настанет урожай и у тебя будет излишек хлеба, ты выкупи этот залог и принеси его опять ко мне.

Бедный земледелец взял из рук святительских золото и поспешно пошел к богатому. Корыстолюбивый богач обрадовался золоту и тотчас же отпустил бедному хлеба, сколько ему было нужно. Потом голод миновал, был хороший урожай, и, после жатвы, земледелец тот отдал с лихвою богачу взятый хлеб и, взяв от него назад залог, отнес его с благодарностью к святому Спиридону. Святой взял золото и направился к своему саду, захватив с собою и земледельца.

– Пойдем, сказал он со мною, брат, и вместе отдадим это Тому, Кто так щедро дал нам взаймы.

Вошедши в сад, он положил золото у ограды, возвел очи к небу и воскликнул:

– Господи мой, Иисусе Христе, Своею волею всё созидающий и претворяющий! Ты, некогда Моисеев жезл на глазах у царя Египетского превратил в змия (Исх.7:10), – повели и этому золоту, ранее превращенному Тобою из животного,

опять принять первоначальный вид свой: тогда и сей человек узнает, какое попечение имеешь Ты о нас и самым делом научится тому, что сказано в Св. Писании, – что «Господь творит всё, что хочет» (Пс.134:6)!

Когда он так молился, кусок золота вдруг зашевелился и обратился в змею, которая стала извиваться и ползать. Таким образом, сначала змея, по молитве святого, обратилась в золото, а потом также чудесно из золота опять стала змеею. При виде сего чуда, земледелец затрепетал от страха, пал на землю и называл себя недостойным оказанного ему чудесного благодеяния. Затем змея уползла в свою нору, а земледелец, полный благодарности, возвратился к себе домой и изумлялся величию чуда, сотворенного Богом по молитвам святого.

Один добродетельный муж, друг святого, по зависти злых людей, был оклеветан пред городским судьею и заключен в темницу, а потом и осужден на смерть без всякой вины. Узнав об этом, блаженный Спиридон пошел избавить друга от незаслуженной казни. В то время в стране было наводнение и ручей, бывший на пути святого, переполнился водою, вышел из берегов и сделался непереходимым. Чудотворец припомнил, как Иисус Навин с ковчегом завета посуху перешел разлившийся Иордан (Иис.Нав.3:14–17), и, веруя во всемогущество Божие, приказал потоку, как слуге:

– Стань! Так повелевает тебе Владыка всего мира, дабы я мог перейти и спасен был муж, ради которого я спешу.

Лишь только он сказал это, тотчас поток остановился в своем течении и открыл сухой путь – не только для святого, но и для всех, шедших вместе с ним. Свидетели чуда поспешили к судии и известили его о приближении святого и о том, что совершил он на пути, и судия тотчас же освободил осужденного и возвратил его святому невредимым.

Провидел также преподобный и тайные грехи людские. Так, однажды, когда он отдыхал от пути у одного странноприимца, женщина, находившаяся в незаконном сожительстве, пожелала умыть по тамошнему обычаю, ноги святому. Но он, зная ее грех, сказал ей, чтобы она к нему не прикасалась. И это он сказал не потому, что гнушался грешницею и отвергал ее: разве может

гнушаться грешниками ученик Господа, евшего и пившего с мытарями и грешниками? (Мф.9:11) Нет, он желал заставить женщину вспомнить о своих прегрешениях и устыдиться своих нечистых помыслов и дел. И когда та женщина настойчиво продолжала стараться прикоснуться к ногам святого и умыть их, тогда святой, желая избавить ее от погибели, обличил ее с любовью и кротостью, напомнил ей о ее грехах и побуждал ее покаяться. Женщина удивлялась и ужасалась тому, что самые, по-видимому, тайные деяния и помыслы ее не скрыты от прозорливых очей человека Божия. Стыд охватил ее и с сокрушенным сердцем упала она к ногам святого и обмывала их уже не водою, а слезами, и сама открыто созналась в тех грехах, в которых была обличена. Она поступила так же, как некогда блудница, упоминаемая в Евангелии, а святой, подражая Господу, милостиво сказал ей: Лук. 7– «прощаются тебе грехи», и еще: «вот, ты выздоровел; не греши больше» (Иоан.5:14). И с того времени женщина та совершенно исправилась и для многих послужила полезным примером.

До этих пор говорилось только о чудесах, какие совершил святой Спиридон при жизни; теперь должно сказать и о ревности его по вере православной.

В царствование Константина Великого, первого императора-христианина, в 325 году по Р. Хр., в Никее собрался 1-й Вселенский собор, для низложения еретика Ария, нечестиво называвшего Сына Божия тварью, а не творцом всего, и для исповедания Его Единосущным с Богом Отцом. Ария в его богохульстве поддерживали епископы значительных тогда церквей: Евсевий Никомидийский, Марис Халкидонский, Феогний Никейский и др. Поборниками же православия были украшенные жизнью и учением мужи: великий между святыми Александр, который в то время был еще пресвитером и вместе заместителем святого Митрофана, патриарха Цареградского[8341], находившегося на одре болезни и потому не бывшего на соборе, и славный Афанасий, который еще не был украшен и пресвитерским саном и проходил диаконское служение в церкви Александрийской; эти двое возбуждали в еретиках особое негодование и зависть именно тем, что многих превосходили в

уразумении истин веры, не будучи еще почтены епископскою честью; с ними вместе был и святой Спиридон, и обитавшая в нем благодать была полезнее и сильнее в деле увещания еретиков, чем речи иных, их доказательства и красноречие. С соизволения царя, на соборе присутствовали и греческие мудрецы, называвшиеся перипатетиками[8342]; мудрейший из них выступил на помощь Арию и гордился своею особенно искусною речью, стараясь высмеять учение православных. Блаженный Спиридон, человек неученый, знавший только Иисуса Христа, «притом распятого» (1Кор.2:2), просил отцов позволить ему вступить в состязание с этим мудрецом, но святые отцы, зная, что он человек простой, совсем незнакомый с греческою мудростью, запрещали ему это. Однако, святой Спиридон, зная какую силу имеет премудрость свыше и как немощна пред нею мудрость человеческая, обратился к мудрецу и сказал:

– Философ! Во имя Иисуса Христа, выслушай, что я тебе скажу.

Когда же философ согласился выслушать его, святой начал беседовать.

– Един есть Бог, – сказал он, – сотворивший небо и землю и создавший из земли человека и устроивший все прочее, видимое и невидимое, Словом Своим и Духом; и мы веруем, что Слово это есть Сын Божий и Бог, Который умилосердившись над нами заблудшими, родился от Девы, жил с людьми, пострадал и умер ради нашего спасения, и воскрес, и с Собою совоскресил весь род человеческий; мы ожидаем, что Он же придет судить всех нас праведным судом и каждому воздаст по делам его; веруем, что Он одного существа с Отцом, равной с Ним власти и чести… Так исповедуем мы и не стараемся исследовать эти тайны любопытствующим умом, и ты – не осмеливайся исследовать, как всё это может быть, ибо тайны эти выше твоего ума и далеко превышают всякое человеческое знание.

Затем, немного помолчав, святой спросил:

– Не так ли и тебе всё это представляется, философ?

Но философ молчал, как будто ему никогда не приходилось состязаться. Он не мог ничего сказать против слов святого, в

которых видна была какая-то Божественная сила, во исполнение сказанного в Св. Писании: «ибо Царство Божие не в слове, а в силе» (1Кор.4:20).

Наконец, он сказал:

– И я думаю, что всё действительно так, как говоришь ты.

Тогда старец сказал:

– Итак, иди и прими сторону святой веры.

Философ, обратившись к своим друзьям и ученикам, заявил:

– Слушайте! Пока состязание со мною велось посредством доказательств, я выставлял против одних доказательств другие и своим искусством спорить отражал всё, что мне представляли. Но когда, вместо доказательств от разума, из уст этого старца начала исходить какая-то особая сила, – доказательства бессильны против нее, так как человек не может противиться Богу. Если кто-нибудь из вас может мыслить так же, как я, то да уверует во Христа и вместе со мною да последует за сим старцем, устами которого говорил Сам Бог.

И философ, приняв православную христианскую веру, радовался, что был побежден в состязании святым на свою же собственную пользу. Радовались и все православные, а еретики потерпели великое посрамление.

По окончании собора, после осуждения и отлучения Ария, все бывшие на соборе, а равно и святой Спиридон, разошлись по домам. В это время умерла дочь его Ирина; время своей цветущей юности она в чистом девстве провела так, что удостоилась Царства Небесного. Между тем к святому пришла одна женщина и с плачем рассказала, что она отдала его дочери Ирине некоторые золотые украшения для сохранения, а так как та в скором времени умерла, то отданное пропало без вести. Спиридон искал по всему дому, не спрятаны ли где украшения, но не нашел их. Тронутой слезами женщины, святой Спиридон вместе со своими домашними подошел к гробу дочери своей и, обращаясь к ней, как к живой, воскликнул:

– Дочь моя Ирина! Где находятся украшения, вверенные тебе на хранение?

Ирина, как бы пробудившись от крепкого сна, отвечала:

– Господин мой! Я спрятала их в этом месте дома.

И она указала место.

Тогда святой сказал ей:

– Теперь спи, дочь моя, пока не пробудит тебя Господь всех во время всеобщего воскресения.

На всех присутствовавших, при виде такого дивного чуда, напал страх. А святой нашел в указанном умершею месте спрятанное и отдал той женщине.

По смерти Константина Великого, империя его разделилась на две части. Восточная половина досталась старшему сыну его Констанцию. Находясь в Антиохии, Констанций впал в тяжкую болезнь, которую врачи не могли исцелить. Тогда царь оставил врачей и обратился ко Всемогущему целителю душ и телес – Богу, с усердною молитвою о своем исцелении. И вот в видении ночью император увидел Ангела, который показал ему целый сонм епископов и среди них особенно – двоих, которые, по-видимому, были вождями и начальниками остальных; Ангел поведал при этом царю, что только эти двое могут исцелить его болезнь. Пробудившись и размышляя о виденном, он не мог догадаться, кто были виденные им два епископа: имена и род их остались ему неизвестными, а один из них тогда, кроме того, не был еще и епископом.

Долгое время царь был в недоумении и, наконец, по чьему-то доброму совету собрал к себе епископов из всех окрестных городов и искал между ними виденных им в видении двоих, но не нашел. Тогда он собрал епископов во второй раз и теперь уже в большем числе и из более отдаленных областей, но и среди них не нашел виденных им. Наконец, он велел собраться к нему епископам всей его империи. Царское приказание, лучше сказать, прошение достигло и острова Кипра и города Тримифунта, где епископствовал святой Спиридон, которому все уже было открыто Богом относительно царя. Тотчас же святой Спиридон отправился к императору, взяв с собою ученика своего Трифиллия, вместе с которым он являлся царю в видении и который в то время, как сказано было, не был еще епископом. Прибыв в Антиохию, они пошли во дворец к царю. Спиридон был одет в бедные одежды и имел в руках финиковый

посох, на голове – плетеную пальмовую митру, а на груди у него привешен был глиняный сосудец, как это было в обычае у жителей Иерусалима, которые носили обыкновенно в этом сосуде елей от святого Креста. Когда святой в таком виде входил во дворец, один из дворцовых служителей, богато одетый, счел его за нищего, посмеялся над ним и, не позволяя ему войти, ударил его по щеке; но преподобный, по своему незлобию и памятуя слова Господа (Мф.5:39), подставил ему другую щеку; служитель понял, что пред ним стоит епископ и, сознав свой грех, смиренно просил у него прощения, которое и получил.

Едва только святой вошел к царю, последний тотчас узнал его, так как в таком именно образе он явился царю в видении. Констанций встал, подошел к святому и поклонился ему, со слезами прося его молитв к Богу и умоляя об уврачевании своей болезни. Лишь только святой прикоснулся к голове царя, последний тотчас же выздоровел и чрезвычайно радовался своему исцелению, полученному по молитвам святого. Царь оказал ему великие почести и в радости провел с ним весь тот день, оказывая великое уважение к своему доброму врачу.

Трифиллий тем временем был крайне поражен всей царской пышностью, красотой дворца, множеством вельмож, стоящих перед царем, сидящим на троне, – причем всё имело чудный вид и блистало золотом, – и искусной службе слуг, одетых в светлые одежды. Спиридон сказал ему:

– Чему ты так дивишься, брат? Неужели царское величие и слава делают царя более праведным, чем другие? Разве царь не умирает так же, как и последний нищий, и не предается погребению? Разве не предстанет он одинаково с другими Страшному Судии? Зачем то, что разрушается, ты предпочитаешь неизменному и дивишься ничтожеству, когда должно прежде всего искать того, что невещественно и вечно, и любить нетленную небесную славу?

Много поучал преподобный и самого царя, чтобы памятовал о благодеянии Божием и сам был бы благ к подданным, милосерд к согрешающим, благосклонен к умоляющим о чем-либо, щедр к просящим и всем был бы отцом – любящим и

добрым, ибо кто царствует не так, тот должен быть назван не царем, а скорее мучителем. В заключение святой заповедал царю строго держать и хранить правила благочестия, отнюдь не принимая ничего противного Церкви Божией[8343].

Царь хотел возблагодарить святого за свое исцеление по его молитвам и предлагал ему множество золота, но он отказывался принять, говоря:

– Нехорошо, царь, платить ненавистью за любовь, ибо то, что я сделал для тебя, есть любовь: в самом деле, оставить дом, переплыть такое пространство морем, перенести жестокие холода и ветры – разве это не любовь? И за всё это мне взять в отплату золото, которое есть причина всякого зла и так легко губит всякую правду?

Так говорил святой, не желая брать ничего, и только самыми усиленными просьбами царя был убежден – но только принять от царя золото, а не держать его у себя, ибо тотчас же раздал всё полученное просившим.

Кроме того, согласно увещаниям сего святого, император Констанций освободил от податей священников, диаконов и всех клириков и служителей церковных, рассудив, что неприлично служителям Царя Бессмертного платить дань царю смертному. Расставшись с царем и возвращаясь к себе, святой был принят на дороге одним христолюбцем в дом. Здесь к нему пришла одна женщина-язычница, не умевшая говорить по-гречески. Она принесла на руках своего мёртвого сына и, горько плача, положила его у ног святого. Никто не знал ее языка, но самые слёзы ее ясно свидетельствовали о том, что она умоляет святого воскресить ее мёртвого ребенка. Но святой, избегая тщетной славы, сначала отказывался совершить это чудо; и всё-таки, по своему милосердию, был побежден горькими рыданиями матери и спросил своего диакона Артемидота:

– Что нам сделать, брат?

– Зачем ты спрашиваешь меня, отче, отвечал диакон: что другое сделать тебе, как не призвать Христа – Подателя жизни, столь много раз исполнявшего твои молитвы? Если ты исцелил царя, то неужели отвергнешь нищих и убогих?

Еще более побуждаемый этим добрым советом к милосердию, святитель прослезился и, преклонив колена, обратился к Господу с теплою молитвою. И Господь, через Илию и Елисея возвративший жизнь сыновьям вдовы сарептской и соманитяныни (3Цар.17:21; 4Цар.4:35), услышал и молитву Спиридона и возвратил дух жизни языческому младенцу, который, оживши, тотчас же заплакал. Мать, увидев свое дитя живым, от радости упала мёртвою: не только сильная болезнь и сердечная печаль умерщвляют человека, но иногда то же самое производит и чрезмерная радость. Итак, женщина та умерла от радости, а зрителей ее смерть повергла, – после неожиданной радости, по случаю воскрешения младенца, – в неожиданную печаль и слёзы. Тогда святой опять спросил диакона:

– Что нам делать?

Диакон повторил свой прежний совет, и святой опять прибег к молитве. Возведя очи к небу и вознеся ум к Богу, он молился Вдыхающему дух жизни в мертвых и Изменяющему всё единым хотением Своим. Затем он сказал умершей, лежавшей на земле:

– Воскресни и встань на ноги!

И она встала, как пробудившаяся от сна, и взяла своего живого сына на руки.

Святой запретил женщине и всем присутствовавшим там рассказывать о чуде кому бы то ни было; но диакон Артемидот, после кончины святого, не желая умолчать о величии и силе Божиих, явленных через великого угодника Божия Спиридона, поведал верующим обо всем происшедшем.

Когда святой возвратился домой, к нему пришел один человек, желавший купить из его стада сто коз. Святой велел ему оставить установленную цену и потом взять купленное. Но он оставил стоимость девяноста девяти коз и утаил стоимость одной, думая, что это не будет известно святому, который, по своей сердечной простоте, совершенно чужд был всяких житейских забот. Когда оба они находились в загоне для скота, святой велел покупателю взять столько коз, за сколько он уплатил, и покупатель, отделив сто коз, выгнал их за ограду. Но

одна из них, как бы умная и добрая раба, знающая, что она не была продана своим господином, скоро вернулась и опять вбежала в ограду. Покупатель опять взял ее и потащил за собою, но она вырвалась и опять прибежала в загон. Таким образом до трех раз вырывалась она у него из рук и прибегала к ограде, а он силою уводил ее, и, наконец, взвалил ее на плечи и понес к себе, причем она громко блеяла, бодала его рогами в голову, билась и вырывалась, так что все видевшие это удивлялись. Тогда святой Спиридон, уразумев, в чем дело и не желая в то же время при всех обличить нечестного покупателя, сказал ему тихо:

– Смотри, сын мой, должно быть, не напрасно животное это так делает, не желая быть отведенным к тебе: не утаил ли должной цены за него? Не потому ли оно и вырывается у тебя из рук и бежит к ограде?

Покупатель устыдился, открыл свой грех и просил прощения, а затем отдал деньги и взял козу, – и она сама кротко и смирно пошла в дом купившего ее впереди своего нового хозяина.

На острове Кипре было одно селение, называвшееся Фриера. Пришедши туда по одному делу, святой Спиридон вошел в церковь и велел одному из бывших там, диакону, сотворить краткую молитву: святой утомился от долгого пути тем более, что тогда было время жатвы и стояла сильная жара. Но диакон начал медленно исполнять приказанное ему и нарочно растягивал молитву, как бы с некоею гордостью произносил возгласы и пел, и явно похвалялся своим голосом. Гневно посмотрел на него святой, хотя и добр был от природы и, порицая его, сказал: «Замолчи»! И тотчас же диакон онемел: он лишился не только голоса, но и самого дара слова, и стоял, как совершенно не имеющий языка. На всех присутствовавших напал страх. Весть о случившемся быстро разнеслась по всему селению, и все жители сбежались посмотреть на чудо и пришли в ужас. Диакон упал к ногам святого, знаками умоляя разрешить ему язык, а вместе с тем умоляли о том же епископа друзья и родственники диакона. Но не сразу святой снизошел на просьбу, ибо суров был он с гордыми и тщеславными, и, наконец,

простил провинившегося, разрешил ему язык и возвратил дар слова; при этом он, однако, же, запечатлел на нем след наказания, не возвратив его языку полной ясности, и на всю жизнь оставил его слабоголосым, косноязычным и заикающимся, чтобы он не гордился своим голосом и не хвалился отчетливостью речи.

Однажды святой Спиридон вошел в своем городе в церковь к вечерне. Случилось так, что в церкви не было никого, кроме церковнослужителей. Но, несмотря на то, он велел возжечь множество свечей и лампад и сам стал пред алтарем в духовном умилении. И когда он в положенное время возгласил: «Мир всем!» – и не было народа, который бы на возглашаемое святителем благожелание мира дал обычный ответ, внезапно послышалось сверху великое множество голосов, возглашающих: «И духу твоему». Хор этот был велик и строен и сладкогласнее всякого пения человеческого. Диакон, произносивший ектении, пришел в ужас, слыша после каждой ектении какое-то дивное пение сверху: «Господи, помилуй!». Пение это было услышано даже находившимися далеко от церкви, из коих многие поспешно пошли на него, и, по мере того, как они приближались к церкви, чудесное пение всё более и более наполняло их слух и услаждало сердца. Но когда они вошли в церковь, то не увидали никого, кроме святителя с немногими церковными служителями и не слыхали уже более небесного пения, от чего пришли в великое изумление.

В другое время, когда святой также стоял в церкви на вечернем пении, в лампаде не хватило елея и огонь стал уже гаснуть. Святой скорбел об этом, боясь, что, когда погаснет лампада, прервется и церковное пение, и не будет таким образом выполнено обычное церковное правило. Но Бог, исполняющий желание боящихся Его, повелел лампаде переполниться елеем через края, как некогда сосуду вдовицы во дни пророка Елисея (4Цар.4:2–6). Служители церковные принесли сосуды, подставили их под лампаду и наполнили их чудесно елеем. Этот вещественный елей явно служил указанием на преизобильную благодать Божию, коей был

преисполнен святой Спиридон и напояемо было им его словесное стадо.

На о. Кипре есть город Кирина. Однажды сюда прибыл из Тримифунта святой Спиридон по своим делам вместе с учеником своим, Трифиллием, который был тогда уже епископом Левкусийским, на о. Кипре. Когда они переходили через гору Пентадактил и находились на месте, называемом Паримна (отличающемся красотою и богатою растительностью), то Трифиллий прельстился этим местом и пожелал и сам, для своей церкви, приобрести какое-либо поместье в этой местности. Долго он размышлял об этом про себя; но мысли его не утаились от прозорливых духовных очей великого отца, который сказал ему:

– Зачем, Трифиллий, ты постоянно думаешь о суетном и желаешь поместьев и садов, которые на самом деле не имеют никакой цены и только кажутся чем-то существенным, и своей призрачною ценностью возбуждают в сердцах людей желание обладать ими? Наше сокровище неотъемлемое – на небесах (1Пет.1:4), у нас есть *храмина нерукотворенная* (2Кор.5:4)*,* – к ним стремись и ими заранее (через богомыслие) наслаждайся: они не могут переходить из одного состояния в другое, и кто однажды сделается обладателем их, тот получает наследие, которого уже никогда не лишится.

Эти слова принесли Трифиллию великую пользу, и впоследствии он своею истинно христианскою жизнью достиг того, что сделался избранным сосудом Христовым, подобно Апостолу Павлу, и сподобился бесчисленных дарований от Бога.

Так святой Спиридон, сам будучи добродетельным, направлял к добродетели и других, и тем, кто следовал его увещаниям и наставлениям, они служили на пользу, а отвергавших их постигал худой конец, как это видно из следующего.

Один купец, житель того же Тримифунта, отплыл в чужую страну торговать и пробыл там двенадцать месяцев. В это время жена его впала в прелюбодеяние и зачала. Вернувшись домой, купец увидел жену свою беременною и понял, что она

без него прелюбодействовала. Он пришел в ярость, стал бить ее и, не желая с нею жить, гнал ее из своего дома, а потом пошел и рассказал обо всем святителю Божию Спиридону и просил у него совета. Святитель, сокрушаясь душевно о грехе женщины и о великой скорби мужа, призвал жену и, не спрашивая ее, действительно ли она согрешила, так как о грехе свидетельствовали уже самая беременность ее и плод, зачатый ею от беззакония, прямо сказал ей:

– Зачем осквернила ты ложе мужа своего и обесчестила его дом?

Но женщина, потеряв всякий стыд, осмелилась явно солгать, что она зачала не от кого другого, а именно: от мужа. Присутствовавшие вознегодовали на нее еще более за эту ложь, чем за самое прелюбодеяние, и говорили ей:

– Как же ты говоришь, что зачала от мужа, когда его двенадцать месяцев не было дома? Разве может зачатый плод двенадцать месяцев и даже более оставаться в чреве?

Но она стояла на своем и утверждала, что зачатое ею дожидалось возвращения своего отца, чтобы родиться при нем. Отстаивая эту и подобную ложь и споря со всеми, она подняла шум и кричала, что ее оклеветали и обидели. Тогда святой Спиридон, желая довести ее до раскаяния, кротко сказал ей:

– Женщина! В великий грех впала ты, – велико должно быть и покаяние твое, ибо для тебя всё-таки осталась надежда на спасение: нет греха, превышающего милосердие Божие. Но я вижу, что в тебе прелюбодеянием произведено отчаяние, а отчаянием – бесстыдство, и было бы справедливо понести тебе достойное и скорое наказание; и всё-таки, оставляя тебе место и время для покаяния, мы во всеуслышание объявляем тебе: плод не выйдет из чрева твоего, пока ты не скажешь истины, не прикрывая ложью того, что и слепой, как говорится, видеть может.

Слова святого в скором времени сбылись. Когда женщине наступило время родить, ее постигла лютая болезнь, причинявшая ей великие мучения удерживавшая плод в ее чреве. Но она, ожесточившись, не захотела признаться в своем грехе, в котором и умерла, не родивши, мучительною смертью.

Узнав об этом, святитель Божий прослезился, пожалев, что он судил грешницу таким судом, и сказал:

– Не буду я больше произносить суда над людьми, если сказанное мною так скоро сбывается над ними на деле.

Одна женщина, по имени Софрония, благонравная и благочестивая, имела мужа – язычника. Она не раз обращалась к святителю Божию Спиридону и усердно умоляла его постараться обратить ее мужа к истинной вере. Муж ее был соседом святителя Божия Спиридона и уважал его, а иногда они, как соседи, бывали даже друг у друга в домах. Однажды собралось много соседей святого и язычника; были и они сами. И вот, вдруг святой говорит одному из слуг во всеуслышание:

– Вон у ворот стоит вестник, присланный от работника, пасущего мое стадо, с вестью, что весь скот, когда работник заснул, пропал, заблудившись в горах: ступай, скажи ему, что пославший его работник уже нашел весь скот в целости в одной пещере.

Слуга пошел и передал посланному слова святого. Вскоре затем, когда не успели еще собравшиеся встать из-за стола, пришел от пастуха другой вестник – с известием, что всё стадо найдено. Слыша это, язычник был несказанно удивлен тем, что святой Спиридон знает происходящее за глазами, как совершающееся вблизи; он вообразил, что святой есть один из богов, и хотел сделать ему то, что и некогда жители Ликаонии сделали Апостолам Варнаве и Павлу[8344], то есть, привести жертвенных животных, приготовить венцы и совершить жертвоприношение. Но святой сказал ему:

– Я – не бог, а только слуга Божий и человек, во всем подобный тебе. А что я знаю то, что совершается за глазами, – это дает мне мой Бог, и если и ты уверуешь в Него, то познаешь величие Его всемогущества и силы.

С своей стороны и жена язычника Софрония, улучив время, стала убеждать мужа отречься от языческих заблуждений и познать Единого Истинного Бога и уверовать в Него. Наконец, силою благодати Христовой, язычник был обращен к истинной вере и просвещен святым крещением. Так спасся «неверующий муж»[8345] (1Кор.7:14), как говорит св. Апостол Павел.

Рассказывают также о смирении блаженного Спиридона, как он, будучи святителем и великим чудотворцем, не гнушался пасти овец бессловесных и сам ходил за ними. Однажды воры ночью проникли в загон, похитили несколько овец и хотели уйти. Но Бог, любя угодника Своего и охраняя его скудное имущество, невидимыми узами крепко связал воров, так что они не могли выйти из ограды, где и оставались в таком положении, против воли, до утра. На рассвете святой пришел к овцам и, увидев воров, связанных силою Божиею по рукам и по ногам, своею молитвою развязал их и дал им наставление о том, чтобы не желали чужого, а питались трудом рук своих; потом он дал им одного барана, чтобы, как он сам сказал, «не пропал даром их труд и бессонная ночь», и отпустил их с миром.

Один тримифунтский купец имел обычай брать у святого взаймы деньги для торговых оборотов, и когда, по возвращении из поездок по своим делам, приносил взятое обратно, то святой обыкновенно говорил ему, чтобы он сам положил деньги в ящик, из которого взял. Так мало заботился он о временном приобретении, что и не справлялся даже никогда, правильно ли уплачивает должник! Между тем купец много раз уже поступал таким образом, сам вынимая, с благословения святого, из ковчега деньги и сам опять вкладывая туда принесенные обратно, и дела его процветали. Но однажды он, увлекшись корыстолюбием, не положил принесенного золота в ящик и удержал его у себя, а святому сказал, что вложил. В скором времени он обнищал, так как утаённое золото не только не принесло ему прибыли, но и лишило успеха его торговлю и, как огонь, пожрало всё его имущество. Тогда купец опять пришел к святому и просит у него взаймы. Святой отослал его в свою спальню к ящику с тем, чтобы он взял сам. Он сказал купцу:

– Ступай и возьми, если сам ты положил.

Купец пошел и, не нашедши в ящике денег, воротился к святому с пустыми руками. Святой сказал ему:

– Но ведь в ящике, брат мой, не было до этих пор ничьей другой руки, кроме твоей. Значит, если бы ты положил тогда золото, то теперь мог бы опять взять его.

Купец, устыдившись, пал к ногам святого и просил прощения. Святой тотчас же простил его, но при этом сказал, в назидание ему, чтобы он не желал чужого и не осквернял совести своей обманом и ложью. Так, неправдою приобретенная прибыль есть не прибыль, а в конце концов – убыток.

В Александрии созван был однажды собор епископов: патриарх Александрийский созвал всех подчиненных ему епископов и хотел общею молитвою ниспровергнуть и сокрушить все языческие идолы, которых там было еще очень много. И вот, в то время, когда приносились Богу многочисленные усердные молитвы, – как соборные, так и частные, – все идолы и в городе и в окрестностях пали, только один особо чтимый язычниками идол остался цел на своем месте. После того как патриарх долго и усердно молился о сокрушении этого идола, однажды ночью, когда он стоял на молитве, явилось ему некоторое Божественное видение и повелено было не скорбеть о том, что идол не сокрушается, и скорее послать в Кипр и призвать оттуда Спиридона, епископа Тримифунтского, ибо для того и оставлен был идол, чтобы быть сокрушенным молитвою сего святого. Патриарх тотчас же написал послание к святому Спиридону, в котором призывал его в Александрию и говорил о своём видении, и немедленно направил это послание в Кипр. Получив послание, святой Спиридон сел на корабль и отплыл в Александрию. Когда корабль остановился у пристани, называемой Неаполем, и святой сходил на землю, – в ту же минуту идол в Александрии с его многочисленными жертвенниками разрушился, почему в Александрии и узнали о прибытии святого Спиридона. Ибо, когда патриарху донесли, что идол пал, патриарх сказал остальным епископам:

– Друзья! Спиридон Тримифунтский приближается.

И все, приготовившись, вышли навстречу святому и, с честью приняв его, радовались о прибытии к ним такого великого чудотворца и светильника мира.

Церковные историки Никифор[8346] и Созомен[8347] пишут, что святой Спиридон чрезвычайно заботился о строгом соблюдении

церковного чина и сохранении во всей неприкосновенности до последнего слова книг Священного Писания. Однажды произошло следующее. На о. Кипре было собрание епископов всего острова по делам церковным. Среди епископов находились святой Спиридон и упоминавшийся выше Трифиллий, – человек, искусившийся в книжной премудрости, так как в молодости своей он много лет провел в Берите[8348], изучая писание и науки.

Собравшиеся отцы просили его произнести в церкви поучение народу. Когда он поучал, пришлось ему помянуть слова Христа, сказанные Им расслабленному: «встань и возьми одр твой» (Мк.2:12). Трифиллий слово «одр" заменил словом «ложе» и сказал: «встань и возьми ложе твое". Услышав это, святой Спиридон встал с места и, не вынося изменение слов Христовых, сказал Трифиллию:

– Неужели ты лучше сказавшего «одр», что стыдишься употребленного Им слова?

Сказав это, он при всех вышел из церкви. И так поступил он не по злобе и не потому, что сам был совсем неученым: пристыдив слегка Трифиллия, кичившегося своим красноречием, он научил его смирению и кротости. К тому же святой Спиридон пользовался (среди епископов) великою честью, как самый старший летами, славный жизнью, первый по епископству и великий чудотворец, а потому, из уважения к лицу, всякий мог уважать и его слова.

На преподобном Спиридоне почивала столь великая благодать и милость Божия, что во время жатвы в самую жаркую пору дня его святая глава оказалась однажды покрытою прохладною росою, нисходившею свыше. Это было в последний год его жизни. Вместе с жнецами он вышел на жнитво (ибо был смиренен и работал сам, не гордясь высотою своего сана), и вот, когда он жал свою ниву, внезапно, в самый жар, оросилась глава его, как это было некогда с руном Гедеоновым (Суд.6:38), и все, бывшие с ним на поле, видели это и дивились. Потом волосы на главе у него вдруг изменились: одни сделались желтыми, другие – чёрными, иные – белыми, и только Сам Бог знал, для чего это было и что

предзнаменовало. Святой осязал голову рукою и сказал бывшим при нем, что приблизилось время разлучения души его с телом, и стал поучать всех добрым делам, и особенно – любви к Богу и ближнему.

По прошествии нескольких дней святой Спиридон во время молитвы предал свою святую и праведную душу Господу[8349], Которому в праведности и святости служил всю свою жизнь, и был с честью погребен в церкви Святых Апостолов в Тримифунте[8350]. Там и установлено было совершать ежегодно память его, и при гробе его совершаются многочисленные чудеса во славу дивного Бога, прославляемого во святых Его, Отца и Сына и Святого Духа, Которому и от нас да будет слава, благодарение, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Собора перваго показался еси поборник, и чудотворец, богоносе Спиридоне отче наш. Темже мертву ты во гробе возгласив, и змию в злато претворил еси: и внегда пети тебе святыя молитвы, Ангелы сослужащыя тебе имел еси священнейший. Слава давшему тебе крепость, слава венчавшему тя, слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 2:

Любовию Христовою уязвився священнейший, ум вперив зарею Духа, детельным видением твоим деяние обрел еси богоприятне, жертвенник Божественный быв, прося всем Божественнаго сияния.

Память святого священномученика Александра, епископа Иерусалимского

Память 12 декабря

Святой священномученик Александр, доблестно подвизавшийся и пострадавший за веру Христову, принадлежал к многочисленным ученикам, которых знаменитейший учитель Церкви III века Климент Александрийский[8351] собирал около себя в Александрии, и находился в тесной дружбе с Оригеном[8352]. В начале III века святой Александр был сделан епископом во Флавии, в Каппадокии[8353]. В гонение Септимия Севера[8354] за ревность к вере Христовой он претерпевал заключение в темнице, в которой томился несколько лет. По освобождении из заключения, святой возымел желание поклониться святым местам в Иерусалиме[8355], где был встречен народом и пустынниками, извещенными свыше о его прибытии, и, по ясному небесному откровению, избран соправителем престарелого патриарха Иерусалимского Наркисса[8356]. В течение целого поколения, 38 лет святой Александр мудро управлял Иерусалимскою церковью[8357]. Он был известен своею любовью к просвещению.

При Иерусалимской церкви он устроил на свой счет значительную библиотеку из книг Священного Писания и существовавших в то время творений христианских писателей[8358]. В гонение Декия святой Александр был вытребован в Кесарию Палестинскую[8359] на суд и там вторично исповедал Христа. Брошенный в темницу, он пробыл там довольно продолжительное время и там же предал дух свой Господу[8360].

Память святого мученика Разумника

Память 12 декабря

Святой мученик Разумник[8361] родом был Римлянин и в юношеском возрасте был отдан своими родителями епископу римскому для обучения Божественным книгам. И так как с обучением книгам он обнаружил и добрый нрав, то возведен был в должность церковного чтеца. Проходя эту должность он многих учил благочестью и истинной вере, языческое же богопочтение обличал и порицал поклонявшихся идолам. Когда же донесено было о том царю и святой Разумник приведен был к нему для допроса, то и пред царем он с дерзновением исповедал Христа. За это он был подвергнут жестоким мучениям, и так как остался непоколебимым и не отвергся от Христа, то, после долгих мучений, осужден был на усечение главы. Так скончался святой Разумник[8362].

Страдание святых мучеников Евстратия, Евгения, Авксентия, Мардария и Ореста

Память 13 декабря

В царствование императоров Диоклетиана и Максимиана язычество господствовало во всей Римской империи и было как бы всеобщее взаимное соревнование в служении идолам, в особенности, – когда по всем городам и селениям рассылались императорские указы начальникам областей и судьям, повелевавшие приносить в определенные дни и праздники обильные дары и жертвы богам. Этими указами тем, кто усердно служит богам, обещалась царская благодарность, почести и высшие места в государстве; отказавшимся же поклониться идолам грозило сначала отнятие имущества, а затем, – после всевозможных мучений, – и смертная казнь. Гонение на христиан разлилось повсюду и везде начальники областей и вообще власти старались стереть совсем с лица земли веру Христову.

Между тем императоры были извещены, что вся великая Армения и Каппадокия[8363] противятся их повелениям и единодушно веруя в распятого Христа и в крепкой на Него надежде, намереваются будто бы отпасть от Римской империи.

Раздраженный этим известием, император Диоклетиан созвал всех своих вельмож и три дня с утра до вечера совещался с ними, как бы совсем искоренить христианство. Затем он прежде всего удалил от власти начальников Армении и Каппадокии, как неопытных и неискусных правителей вверенных им областей, не сумевших привести народ к повиновению. На их места он выбрал двух греков, Лизия и Агриколая, людей суровых и жестоких, которых и поставил над обеими областями, поручив – Лизию наблюдение и охранение границ, а Агриколаю – общее управление всею епархиею. Им были также подчинены и все войска в обеих областях.

Когда оба новые правителя прибыли на место своего назначения, началось беспощадное истребление людей всякого возраста, без всякого расследования, по одной только пустой

клевете завистливых врагов на кого-нибудь из христиан: каждый день христиан разыскивали, схватывали и предавали для казни кровожадным правителям, как бы плотоядным зверям. Лизий, имевший пребывание в городе Саталионе[8364], как только находил где-либо христиан, – мужчин или женщин, – после многих пыток и мучений, отсылал их связанными и под крепкою стражею к Агриколаю, чтобы не дать им умереть на родине и быть погребенными, по христианскому обычаю, родственниками и знакомыми, и они, убитые на чужой стороне, как бы пропадали без вести. Точно так же делал и Агриколай, посылая христиан, схваченных в Севастии[8365], к Лизию в Саталион, так как оба начальника были в великой дружбе и полном согласии между собою и оба, поступая описанным способом, имели в виду одну цель – причинить христианам еще большую муку, убивая их вне их отчизны.

В это время в Саталионе жил некто Евстратий. Он был известен всем своим согражданам, как первый в городе по благородству происхождения и по сану, – он занимал должность военачальника, – и в то же время отличался благочестием, богобоязненностью и безупречною жизнию. Видя непрестанное великое гонение христиан, он скорбел душою и печалился. Горько вздыхая и плача, проводя время в посте и молитве, взывал он к Господу нашему Иисусу Христу о том, чтобы Господь оказал милость рабам Своим и, умилосердившись над людьми Своими, спас их от бед и отвратил угрожающую им гибель. Вместе с тем Евстратий и сам желал совершить подвиг святых мучеников и удостоиться быть участником их страданий; но, при мысли о многоразличных мучениях и жестокости мучителей, он испытывал страх. В конце концов он, однако, решился на следующее. Он отдал свой пояс верному слуге и велел отнести его в церковь Аравракийскую, откуда и сам он был родом и где пресвитером в то время был Авксентий, засвидетельствовавший уже свою верность истинному Богу. Евстратий сказал своему слуге, чтобы он тайно положил пояс в алтаре, а сам спрятался в церкви и смотрел, кто первый из пришедших возьмёт пояс: если возьмёт пресвитер Авксентий, пришедши на молитву, то слуга, ничего ему не говоря, должен

воротиться домой; если же ранее захочет взять кто-нибудь другой, то слуга ни в каком случае не должен допускать этого и должен принести пояс назад. Послав слугу с таким приказанием, Евстратий решил в душе так: «Если пояс возьмет сам пресвитер, то это будет знаком того, что Сам Бог благоизволит, чтобы Евстратий предал себя на мучение за Христа; если же захотел бы взять кто-нибудь другой, то это будет означать, что ему не должно предавать себя на мучение, а следует тайно хранить святую веру».

В непродолжительном времени слуга возвратился и поведал своему господину, что как только он положил пояс в алтаре, тотчас же пришел пресвитер Авксентий, как будто кто нарочно прислал его и, вошедши в алтарь, взял пояс. Услышав это, Евстратий был весьма обрадован; лицо его сияло радостью, чему весьма удивлялся один из его друзей, по имени Евгений.

Вскоре после того блаженный Авксентий был схвачен вместе с другими, допрошен на суде, мучим и заключен в темницу, где и содержался в узах. Затем среди города на возвышении снова было устроено место для суда, и Лизий, надменно сев на судейском кресле, приказал привести узников на допрос. Святой Евстратий, пришедши в темницу, просил всех заключенных в узах за Христа помолиться о нем, ибо и сам он, по его словам, намеревался в тот же день разделить с ними их подвиг. Тогда все святые узники, преклонив колена, помолились о нем Богу. Когда они окончили молитву, воины, под предводительством Евстратия, повели их из темницы на суд. Когда воинский отряд остановился по обычаю пред судиею, Лизий приказал приводить к себе на суд – по одному тех, которые были уже на первоначальном допросе. Когда начался суд, Евстратий сказал:

– По указу императорскому, изданному ранее и теперь на суде опять прочтенному, все христиане, где бы они ни находились и какое бы положение в государстве ни занимали, подлежат суду: по сему указу приведен сюда Авксентий, – муж давно уже известный своим происхождением и благочестивой жизнью, а теперь еще более прославившийся мужеством и

твердостью, с какими объявил себя рабом Христа, Царя Небесного. Находясь в сем суде, он уже подвизался подвигом бессмертия и изобличил твое, судия, безбожие, свидетельствуя словом и делами и доблестно перенося мучение. С того дня он, как злодей заключен был в темницу, а сегодня ты приказал привести его на допрос вместе с его святою дружиною: и вот, все они стоят вместе со мною, непоколебимо твёрдые духом и готовые посрамить и разрушить все коварные замыслы, которым научает тебя против них отец твой – диавол!

Услышав это, Лизий пришел в смущение от неожиданной смелости Евстратия. Грозно смотря на него и задыхаясь от гнева, он воскликнул грозным голосом:

– Никогда еще мне не случалось производить более строгий суд, чем сегодня, когда этот гнусный нечестивец осмеливается разглогольствовать предо мною! Пусть же с него снимут пояс и воинское одеяние, и да будет известно всем, что он лишается сана, какой имел доселе, а затем пусть обнаженный и связанный верёвками по рукам и ногам и повергнутый на землю, он продолжает свою речь!

Слуги поспешно исполнили приказание Лизия, и тогда он сказал Евстратию:

– Не раскаешься ли ты в своем пагубном намерении? Тогда ты приобретешь мое расположение и совершенно избежишь наказания. Во всяком случае, ранее пыток объяви мне свое имя и отечество и открой нам свою веру.

Святой отвечал:

– Я родился в городе Аравраке и имя мое – Евстратий, а на моем отечественном языке Кирисик. Я – раб Владыки всего – Бога-Отца и Сына Его Господа Иисуса Христа и Святого Духа, и поклоняться Единому в Троице Богу и веровать в Него научился от младенческих пелен.

Лизий сказал:

– Пусть воины скажут, сколько лет он находится на военной службе?

Воины ответили:

– Вот уже двадцать седьмой год, как он начал службу, когда был еще совсем юношею.

Тогда Лизий сказал святому:

– Евстратий! Ты сам видишь, какую беду принесло тебе твое ослушание: оставь же теперь твое безумство, одумайся и не губи своей чести и сана, приобретенных трудами стольких лет воинской службы; признай милость и могущество богов и склони к себе кротость царскую и человеколюбие суда!

– Мерзким бесам и глухим идолам – произведению рук человеческих, – отвечал святой, – никто из имеющих здравый рассудок никогда не находил нужным поклоняться, ибо в Писаниях наших говорится: «Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер. 10:11).

Судия сказал:

– Уже не тот ли имеет здравый рассудок, кто поклоняется Богу Распятому, подобно вам, впавшим в полное заблуждение?!

– Если бы твои духовные чувства, – отвечал ему святой Евстратий, – не были извращены служением суете и если бы душа твоя не погружена была вся в помыслы о земном, то я доказал бы тебе, что Сей Распятый есть истинный Спаситель и Господь и Создатель всей твари, прежде век сущий во Отце и по Своей неизреченной мудрости ожививший через возрождение нашу омертвелость.

При этих словах судья прервал речь святого и сказал:

– Да будет этот дерзкий повешен на верёвках и пусть под ним разожгут костер из пакли, а сверху бьют его по плечам одновременно тремя палками: посмотрим, насколько тогда он будет красноречив!

Когда это было исполнено, святой долгое время был мучим, поджигаемый снизу и жестоко избиваемый сверху. Но и среди таких страданий он не испустил ни одного восклицания от боли, не изменился лицом и, казалось, страдал не он, а кто-то другой, так что сам мучитель пришел в изумление. Наконец, Лизий велел приостановить истязание и с злобною улыбкою сказал святому:

– Как думаешь, Евстратий, не хочешь ли, я несколько облегчу боль от нанесенных тебе ран?

И он тотчас велел принести соленую воду, смешанную с уксусом, и обильно поливать на обожженные места и в то же

время крепко растирать тело мученика острыми черепками. Но страдалец мужественно вынес и эту муку, как, будто ему совсем не было больно. Мучитель думал даже, что святой Евстратий посредством какого-либо волхвования делает себя нечувствительным к боли. Тогда святой Евстратий сказал ему:

– Подвергая меня таким мучениям, ты, вопреки своей же воле, оказал мне благодеяние, так как этими мучениями ты разогнал окружавшую меня тьму, происходившую от плотского огрубения моей души, и сделал меня победителем давно уже досаждавших мне искушений самовластного ума. Ты дал мне возможность одолеть все одержавшие меня порывы страстей и душевные тревоги. Ты сохранил мне нетронутою никакими искушениями внутреннюю твёрдость духа, – залог бессмертной жизни, где собрано для всех верующих богатство нетленное, и указал мне кратковременный и свободный от страданий путь, коим я могу достигнуть и в сем бренном теле жизни Ангельской, а в вечности – блаженства небесного. Теперь я знаю, что я – церковь Бога Живого и Святого Духа, живущего во мне (ср. 1Кор.3:16). Итак, «удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление мое; Господь примет молитву мою» (Пс.6:9–10). Поистине, «моя душа будет радоваться о Господе, будет веселиться о спасении от Него. Все кости мои скажут: «Господи! Кто подобен Тебе, избавляющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?» (Пс.34:9–10).

Поспеши же, слуга диавола, постарайся не оставить ни одного из имеющихся в твоем распоряжении орудий мучения, пытай меня, как золото в горниле, или же и еще сильнее, но ты не найдешь во мне столь почитаемого тобою нечестия, которому ты служишь самым делом. Служение ложным богам, овладевшее тобою и твоим безумным царем, достойно омерзения.

Мучитель возразил:

– Мне думается, что от сильной боли повредился у тебя разум, оттого и говоришь ты так много нелепостей. Если бы твой, как ты говоришь, Бог мог сделать тебя бессмертным, то он избавил бы тебя и от этих ран. Итак, перестань обольщаться

несбыточными надеждами и поторопись воспользоваться доставляемою тебе мною возможностью избавления.

– Хочешь ли, – отвечал Евстратий, – ты, ослепленный всеми своими чувствами человек, убедиться в том, что для моего Бога нет ничего невозможного? Слушай и смотри на меня, которого ты думаешь умертвить и погубить посредством придуманных тобою истязаний!

И вот, в то время как все с великим вниманием взирали на святого, внезапно струпья спали с его тела, как бы чешуя, и он сделался совершенно здравым, не имея на теле даже никакого следа от ран. И все, при виде такого чуда, прославили Единого Истинного Бога, а Евгений, друг, согражданин и сотоварищ Евстратия по службе, воскликнул громким голосом:

– Лизий! И я – христианин и проклинаю твою веру и отказываюсь повиноваться, как и господин мой Евстратий, царскому указу и тебе!

Разгневанный Лизий велел тотчас же схватить Евгения и поставить посреди суда и сказал ему:

– Допрос всех их требует много времени и труда, а между тем я должен теперь заняться другими общественными делами. Поэтому я повелеваю этого чародея и волшебника Евстратия, а равно и Евгения, который сегодня оказался его единомышленником, накрепко заковать в цепи и бросить в тюрьму вместе с другими христианами, где и держать под стражею до следующего допроса.

Сказав это, Лизий встал со своего места и прекратил суд. Святые же, обрадованные смелостью и терпением Евстратия и явленным на нем спасительным чудом Господа нашего Иисуса Христа, были отведены в темницу. Когда они туда прибыли, то все единогласно воспели псалом, начинающийся словами:

«Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс.132:1), и, совершив молитву, сели, а святой Евстратий поучал их и приготовлял к предстоящему подвигу.

Так окончился день. Ночью Лизий приказал сопровождавшим его воинам готовиться в путь, так как он собирался идти в город Никополь[8366]. В то время как воины приготовлялись к отправлению, сам Лизий отправился к

темнице, велел вывести к себе Евстратия и, лицемерно улыбаясь, сказал ему:

– Здравствуй, дорогой Евстратий!

Святой ответил:

– Всемогущий Бог, Которому я служу, да вознаградит тебя достойно за твое приветствие, судья!

– Об угождении Богу и заботься, – сказал Лизий, – а теперь возьми эти сапоги и обуйся и с весельем отправляйся с нами в путь. Сапоги же эти были железные и подбитые длинными и острыми гвоздями. Их крепко привязали к ногам святого ремнями, а Лизий запечатал узел своим перстнем и велел вести за собою святого, связанного вместе с другими узниками, и во всю дорогу бить и понукать его, чтобы шел скорее. Сам Лизий со своими воинами отправился вперед. Через два дня они пришли в город Араврак – на родину Евстратия и Евгения. Когда они приблизились к Аравраку, все жители вышли им навстречу, желая посмотреть на блаженного Евстратия, но никто из друзей и знакомых не осмелился подойти к нему из боязни быть схваченным, так как известно было, что Лизий уже отдал соответствующее приказание. Между прочим, по дороге к Аравраку жил некто Мардарий, человек незнатного происхождения и небогатый, но вполне довольный своим положением. Когда проводили Евстратия и других христиан, он занят был устройством крыши на своем новом доме. Взглянув на проводимых мимо святых узников, он узрел между ними, как бы светлую звезду, святого Евстратия и, немедленно слезши с крыши вниз, сказал своей жене по-армянски:

– Видишь ли, жена, одного из начальников этой страны, известного своим родом и богатством и удостоенного почестей за воинскую службу? Видишь ли, как он пренебрег всем и идет, чтобы быть жертвою, угодною Богу? Блажен тот, кто и в этой жизни был славен, и у Владыки нашего Христа получит великую награду и будет удостоен неизреченного блаженства вместе с Ангелами. Благочестивая женщина отвечала мужу:

– Возлюбленный супруг мой! Что препятствует и тебе идти тем же путем, каким идет он, и вместе с ним сподобиться святой кончины, чтобы быть заступником на небесах мне и

нашим малым детям и всему твоему роду? Мардарий сказал ей:

– Дай мне обувь и я пойду в вожделенный путь. Она с радостью исполнила его просьбу. Мардарий, обувшись, одевшись и опоясавшись, обнял двух своих сыновей младенцев и, став лицом к востоку, начал молиться.

– Владыка Боже, Отче Вседержитель, Господи Иисусе Христе и Святый Дух, – говорил он, – Едино Божество и Едина Сила! Помилуй меня, грешного, умилосердись и будь хранителем сей рабе Твоей и обоим младенцам сим, – Ты, Заступник вдов и хранитель сирот! И я, Владыка, с великою радостью и сердечным желанием иду к Тебе[8367].

Затем он поцеловал детей и сказал:

– Будь здрава, жена, и не скорби, не плачь, а радуйся и веселись, ибо тебя и детей наших и душу мою я вручаю Всемогущему и Всеблагому Богу нашему.

С этими словами он поспешно вышел из дому, а жена провожала его с радостью. Мардарий направился к одному именитому авракинскому гражданину Мукарору, человеку богатому и знатному, приветствовал его и сказал:

– Вот я иду к твоему другу и родственнику Кирисику и, если Богу угодно будет, буду ему спутником и вместе с ним понесу подвиг мученический. Будь, после Бога, заступником моей жене и моим детям в этой жизни, а я, если найду милость у Бога, помогу тебе в тот день, когда все мы предстанем пред Ним, и ты получишь себе награду.

– Иди с миром, сын мой, – отвечал ему благочестивый Мукарор, – окончи добрый путь и не беспокойся ни о чем: я буду отцом твоей жене и твоим младенцам.

Тогда Мардарий простился с Мукарором, пошел и нагнал святых уже около самого города. Громко воззвал он к Евстратию:

– Господин Кирисик! Как овца приходит к своему пастырю, так и я пришел к тебе, желая сопутствовать всем вам. Прими же меня и причисли к своей святой дружине и приведи меня, хотя и недостоин я того, к подвигу мученическому, чтобы сделаться мне исповедником Господа Иисуса Христа.

Затем еще громче он воскликнул:

– Слушайте, слуги диавола, слушайте! И я – христианин, как и господин мой Евстратий.

Тотчас же воины схватили его и, связав, вместе с остальными христианами бросили в темницу, о чем и известили Лизия, который тотчас же открыл суд. Воины, по обычаю, стали приводить христиан из темницы. Приведен был, между прочими, и Авксентий – нагой и связанный по рукам верёвками; прочие же христиане стояли около и смотрели.

Судья сказал святому:

– Авксентий! Избавь нас от труда, а себя от мучений, скажи: не оставил ли ты свое тщетное и пагубное для тебя неповиновение и не возвратился ли к нашим милостивым богам?

– Выслушай немного, Лизий, – отвечал святой Авксентий: клянусь тою Истиною, Которая выше всего и всё провидит, что мой ум неизменно будет знать Единого Бога и только Ему я буду поклоняться, хотя бы ты нанёс мне безчисленные раны и обрёк меня на мучения, большие прежних. Хотя бы ты и умертвил меня посредством меча или огня, но ни в каком случае не будешь в силах изменить мои мысли. Итак, лучше делай, что хотел.

Тогда мучитель изрёк следующий смертный приговор:

– Авксентий, который, после многих мучений, до этих пор остается при своем безумстве, пусть лишен будет жизни через заслуженную им казнь посредством усечения мечом. Исполнение сего приговора должно быть совершено в глухом лесу, чтобы его презренное тело не могло быть погребено подобающим образом. А тот, который дерзнул недавно присоединиться к узникам, пусть будет выведен сюда на средину, сейчас же получит почесть, которой он добивается.

Пока воины освобождали Мардария от верёвок, он говорил святому Евстратию:

– Господин мой Кирисик! Умоляю тебя, молись за меня Богу и научи меня, что мне отвечать губителю, чтобы как-нибудь не обольстил сей жестокий мучитель меня, простого и некнижного человека.

Святой Евстратий сказал ему:

– Повторяй, брат мой Мардарий, неизменно только одно: «Я – христианин», «Я – раб Христов», и больше ничего не отвечай, чтобы он ни стал тебе говорить, или с тобою делать.

Когда воины привели Мардария пред Лизия, они сказали:

– Вот – узник, взятый недавно.

Лизий сказал:

– Пусть он назовет нам свое имя, отечество, занятие, место жительства и скажет, какой он веры?

– Я – христианин, – отвечал Мардарий, и на все вопросы истязателей о его имени и отечестве, продолжал восклицать:

– Я – христианин! Я – раб Христов.

Более от него не могли ничего добиться. Лизий, видя его непоколебимость, приказал провертеть ему ноги железными кольями и, продев верёвки, повесить его вниз головою, потом колоть и опалять всё его тело раскаленными железными гвоздями. Долго висел и был мучим Мардарий и, наконец, воскликнул:

– Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня этих благ! Того лишь я и желал, чтобы быть спасенным Тобою и к сему стремился: приими же душу мою в мире.

Произнесши это, он умер.

Когда тело Мардария убрали с места мучения, Лизий сказал:

– Пусть введут Евгения из Саталы, который осмелился войти сюда во время допроса Евстратия. Я не утверждаю, что он – христианин, как болтают сами они, но нахожу, что он человек весьма вредный.

Когда Евгений предстал пред судом, служители сказали:

– Вот Евгений.

Судья сказал:

– Скажи мне, гнусный человек, какой злой бес научил тебя и толкнул на такую дерзость, что ты осмелился без всякого стыда упрекать нас, считая за ничто строгость настоящего суда?

Святой Евгений отвечал:

– Мой Бог, ниспровергающий почитаемых тобою бесов, – вот Кто дал мне силу и даровал смелость и свободу слова, для

того, чтобы я посмеялся над тобою презренным, пёс смердящий, сосуд сатаны, который будет вместе с тобою предан на погибель.

Мучитель вскричал:

– Вырезать ему его ругательский язык, отрубить обе руки и перебить ему голени, чтобы он смирнее вел себя с нами!

Во время этого истязания и святой Евгений предал дух свой Богу.

Вскоре после этого Лизий отправился однажды за город производить смотр войскам. Во время смотра, когда все воины показывали свое уменье владеть оружием, один из них, по имени Орест, высокого роста и видной наружности, должен был, по своему чину, представиться Лизию. Увидев его, Лизий похвалил его, назвал «настоящим воином» и велел ему бросить копьём в цель. Когда Орест наметил в цель и замахнулся копьем, золотой крест, бывший у него на груди, от сотрясения выпал наружу, и это было замечено всеми и самим Лизием. Орест тотчас же был призван к Лизию, который, взяв у него с груди крест и держа его, спросил:

– Что это такое? Неужели и ты из числа почитателей Распятого?

– Я – раб Распятого, Владыки моего и Бога, – отвечал Орест, – и это знамение Его ношу на себе для отогнания всех угрожающих мне зол.

– Пусть и сей прекрасный воин, – сказал тогда Лизий, – будет связан вместе с состоящими под судом Евстратием и будет ему сопутствовать до Никополя, где в свое время им будет учинен допрос.

По прибытии Лизия в Никополь, великое множество воинов из стоявшего в этом городе полка явились к нему и все единогласно восклицали:

– Лизий! И мы – воины Господа нашего Иисуса Христа: делай с нами, что хочешь!

Лизий сначала пришел в смущение. Он боялся, как бы явившиеся не замыслили чего-нибудь против него. Но, увидев, что они, снимая с себя пояса, сами себя предают, как бы беззащитные овцы, велел всех их схватить, перевязать и

бросить в тюрьму. В то же время он стал раздумывать, как бы подвергнуть казни всех объявившихся и вместе не вызвать какого-либо возмущения со стороны их сограждан или родственников; больше же всего он боялся Евстратия, а именно: того, как бы этот христианин во время своих мучений не сотворил опять чуда, подобного прежнему и тем не только утвердил бы в вере христиан, но и язычников не отвратил бы от служения идолам и обратил в свою веру. Поэтому Лизий решил отослать наутро святых Евстратия и Ореста в город Севастию к правителю Агриколаю.

Так он и распорядился с наступлением дня, причем отправил к Агриколаю следующее письмо:

– Его Высочеству Агриколаю правителю Лизий вождь желает здравствовать. Божественные императоры наши, не зная во всей вселенной никого, кто бы мог лучше тебя распознавать неизвестное, дали тебе власть управлять сими странами, ибо знают, что ты дни и ночи проводишь в устроении общественных дел и что сон скорее одолеет никогда неспящие звёзды, чем твои глаза, до тех пор, пока будет совершено то, что ты стараешься исполнить для общей пользы. Одним словом, так как только в тебе одном они находили великие достоинства, то и почтили тебя тою великою честью, какою ты теперь пользуешься. Потому и я, будучи свидетелем стольких превосходных качеств в тебе, посылаю к тебе сего узника Евстратия, одержимого недугом христианства, тем более, что сам я не мог придумать ничего, что могло бы отвратить его от его заблуждений: удостоенный мною почётной должности в подчинённом мне войске, он сделался тем надменнее и причинил нам много огорчений. Хотя я и прибегал к угрозам, однако, он в своем высокомерии предсказывает будущее, подкрепляя себя своими чарами. И хотя он видел других, подвергавшихся мучениям, однако, не только не оставил своей дерзости, но и самые мучения почитал скорее за благополучие, чем за мучение. Его-то и с ним Ореста, имеющего такой же образ мыслей, посылаю на твой премудрый суд, исполняя повеления императорские.

С этим письмом и с написанным допросом святых мучеников воины, захватив с собою святых, отправились в путь. Во время пути святые Евстратий и Орест пели: «Потеку путем заповедей Твоих… вразуми меня, и научусь заповедям Твоим» (Пс. 118:32, 73).

Затем Евстратий сказал:

– Брат Орест! Скажи мне, как скончался святой Авксентий и на каком месте?

Святой Орест сказал:

– После объявления судиею приговора, он умолял воинов, которые уводили его с суда, позволить ему пойти повидаться с тобою и в последний раз облобызать тебя, но никто не хотел исполнить его желание, так как время было обеденное и рабы чрева спешили как можно скорее исполнить приказанное им и потому Авксентия тотчас же повели в лес, на место называемое: *Ороpие.* Дорогою святой пел псалом: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс.118:1), и прочее – до конца. Затем он преклонил колена, помолился, простер руки, как бы принимая какое то приношение, и, сказавши: «Аминь», осмотрелся кругом, и увидев меня, – я стоял вблизи, – подозвал к себе и сказал:

– Брат Орест! Скажи господину Евстратию, чтобы он помолился обо мне, и что он скоро соединится со мною, и я его ожидаю.

Затем ему отсекли голову, причем от места казни отогнаны были все, кого подозревали в принадлежности к христианам. Святое тело его ночью было тайно взято пресвитерами Аравракинскими. Но они не могли найти его главы и стали плакать и молиться Богу, чтобы Он указал им главу святого мученика. И, по устроению Божию, на одном дубе закаркал ворон; пресвитеры пошли на его голос и нашли главу святого, лежащею на развесистых ветвях того дерева, где сидел ворон. Взяв ее, пресвитеры приложили ее к телу и снесли на чистое и чтимое место и там погребли.

Услышав это, Евстратий заплакал и, помолившись Богу, сказал Оресту:

– Постараемся и мы, брат, пойти вслед за святым Авксентием.

По прошествии пяти дней, святые были приведены в Севастию, и правитель Агриколай, получив письмо Лизия, отдал узников под самую крепкую стражу. На другой день он восшел в присутствии народа на судебном месте на площади и велел привести к себе христиан, а прежде суда приказал прочитать во всеуслышание письмо, присланное Лизием, и первоначальный допрос узников. После прочтения письма, он сказал:

– Не думай, Евстратий, что и здесь тебя ожидают такие же мучения, какие ты претерпел от Лизия; лучше заранее окажи повиновение императорским повелениям и принеси жертвы богам, чтобы тебе не погибнуть лютою смертью.

Святой Евстратий спросил его:

– О судия! Имеют ли законы силу и для царей, или нет?

– Да, – отвечал правитель, – так как и цари соблюдают законы.

– Итак, – продолжал Евстратий, – для одного тебя законы суть нечто только написанное, а не обязательное на деле?

– К чему ты, нечестивец, говоришь это, – сказал правитель, – кто и когда осмелился в чем-нибудь противиться законам?

Святой Евстратий отвечал:

– В законах империи мы читаем следующее: насилие не должно совершать ни словом, ни делом, и народ должен быть управляем преимущественно посредством увещания. Необходимо что-нибудь из двух: или чтобы начальствующий увещевал подчиненного, желая получить от него должное, или чтобы подчиненный, уже ранее наставленный в чем должно, свободно и добровольно исполнял повеление закона, и, кроме того, в законах находится еще следующее место: повелеваем, чтобы судия судил, соединяя строгость с милосердием, так, чтобы судимые не чувствовали к нему ненависти и не враждовали против него, будучи устрашаемы угрозами, и чтобы никто не осмеливался нарушать закон, надеясь на его снисходительность. – Так ли написано, судия, или нет?

– Да, – отвечал правитель.

– Прошу тебя, – сказал тогда святой, – сохранить такой порядок судопроизводства и для меня.

– И для тебя, и для всех, – отвечал правитель, – законы необходимо соблюдать ненарушимо со всем должным к ним уважением.

– Итак, прошу тебя, – заметил святой, – пусть твоя строгость будет соединена с милосердием и ты, как мудрейший из всех, благоволи больше выслушивать увещание, чем увещевать сам, разумно обсуждая всякий предмет. В противном случае, без всяких рассуждений и законов – мучь, убивай, делай, что хочешь.

– Говори смело и свободно, что хочешь, – отвечал правитель, – суд будет основан более на увещании, чем на страхе.

Святой Евстратий спросил:

– Каким богам прикажешь принести жертву?

– Сначала Зевсу, – отвечал правитель, – а потом Аполлону и Посейдону[8368].

– От каких же мудрецов, или бытописателей, или пророков слышали вы, что должно кланяться Зевсу и прочим мнимым богам?

– От Платона, Аристотеля, Гермеса[8369] и других философов, – сказал правитель, – и если бы ты знал их, то чтил бы их память, Евстратий, как мужей боговдохновенных и дивных.

– Мне не безызвестны их учения, – отвечал святой Евстратий, – так как я занимался ими с юных лет и хорошо изучил еллинские науки и искусства; и если прикажешь, то начнем сперва с Платона.

Правитель стал ссылаться на сочинение Платона «Тимей»[8370], из которого будто бы ясно видно, что Платон усердно почитал языческих богов и богинь[8371]. Евстратий, на основании того же сочинения премудрого Платона, доказал, что он явно и сильно осуждал самого Зевса, которого язычники считают властителем богов и людей, неба и земли, и утверждал, что Бог – источник и виновник всякого блага, каковым, по языческим басням, Зевс отнюдь не был; при этом,

святой указывал на различные басни язычников, в подтверждение приводя также и слова знаменитейших языческих поэтов, как-то: Гомера и Эсхила[8372] .

– Я терплю твою дерзость, – сказал на это правитель, – только потому, что сам люблю рассуждать. Итак, скажи мне, как можете вы признавать Богом Того, Которого ты чтишь, как Бога, когда Он был человек, который был осужден и пригвожден ко кресту?

Святой отвечал:

– Если ты согласен терпеливо выслушать меня, то я спрошу тебя сначала о некоторых предметах, о которых я собирался тебя спросить, а затем уже изложу тебе по порядку всё, о чем ты меня спрашивал.

– Даю тебе право, – сказал правитель, – говорить решительно всё, чего бы только ты ни пожелал.

– Всякий человек, – продолжал Евстратий, – обладающий здравым умом, должен представлять себе Бога, как праведного, непостижимого, неописанного и неисповедимого, неизменного и превышающего всё сущее Своими Божественными свойствами. Не так ли думаешь и ты, премудрый судия?

– Да, думаю так, – ответил судия.

– К сему нужно прибавить, – заметил святой, – и то, что в Боге нет никакого недостатка или несовершенства, но что Он – совершен во всём?

– Несомненно так, – согласился Агриколай.

– Итак, что же? – продолжал Евстратий далее, – Не признать ли нам, что существуют еще и другие некоторые боги, имеющие совершенное и нетленное Божественное естество?

Но это было бы нелепо, потому что если им чего-либо, хотя бы самого малого, недоставало из совершенства и свойств Божественных, то они, думаю, уже недостойны быть почитаемы людьми за богов: в Боге нет никакого недостатка, как сказано нами ранее, и Ему должны веровать и поклоняться все люди.

Агриколай сказал:

– Действительно, так.

– Итак, что же? Быть может, эти боги суть самые свойства нетленного и бессмертного естества и, будучи только

различными проявлениями единого существа, сходятся все как бы в одной точке – в Божестве? Но тогда пусть они называются не различными богами, большими и меньшими, а Единым Богом, Который один только по Своему несравненному всемогуществу и имеет имя Божества, а не как думаете вы, – что один Бог живет на небе, другой – на земле, третий – в море. – Не так ли, судия?

Правитель Агриколай, не в силах будучи возразить что-нибудь на это, долго молчал, и, наконец, мог только сказать:

– Оставь свои доказательства и многоречивые возражения и отвечай только на то, о чем тебя спрашивали: как можете вы почитать за Бога – Распятого?

– Я начну, – отвечал святой, – словами вашего стихотворца Гезиода[8373]: В начале был Эреб и Хаос[8374], – т. е. мрак и водная бездна. Когда же Бог привёл мир в порядок и прекрасное бытие, создав его не из существовавшей уже ранее материи, но приведя к бытию из небытия, то Он сотворил человека по образу Своему и по подобию (Быт. 1:1–31). Но злой ангел[8375], облеченный властью над сонмом других Ангелов, по своей воле отступил от Сотворившего его, возгордился и был лишен своего достоинства и изгнан с неба Богом (Иов.4:18; 2Пет.2:4; Иуд.1:6). Человека же Бог поселил в раю и дал ему заповедь о том, чтобы, пользуясь всеми благами рая, он не прикасался к одному только известному дереву и не вкушал его плодов (Быт. 2:1–25). Такой подвиг Бог назначил ему для того, чтобы человек не преступил заповеди Божией и не последовал бы внушению диавола, во всем строящего человеку козни, посрамил бы врага, завидующего его великой чести, и мог соделаться бессмертным, неподлежащим тлению. В противном случае человек не мог долее жить в раю и должен быть изгнан вон и, прожив на земле известное время, умереть. И вот злобный диавол, вооружившись из зависти против человека, употребил в дело всё свое коварство и через змия прельстил жену первого человека и его самого довел до нарушения заповеди, за что изгнан был Богом из рая и присужден на труд в поте лица и на истление (Быт. 3:1–24). Таким образом всезлобный диавол одержал победу и похвалялся тем, что покорил человека,

вследствие его греха, своей власти. И когда впоследствии род человеческий умножился, мучитель-диавол старался поработить себе всякую душу. После того как большинство людей впали в беззакония, Бог наказал мир потопом, но сохранил при этом праведного мужа Ноя, доблестно боровшегося против злобного диавола, непобежденного им и спасшегося в ковчеге вместе с женою и детьми (Быт. 6:1–22, 7:1–24, 8:1–22). Восстановив после потопа в первоначальном виде землю, Бог поселил на ней Ноя, как бы ее нового обитателя (Быт. 9:1–29). Прошло много лет, люди опять размножились и снова возросло всякое беззаконие среди них, и все они отягощались грехами и, после смерти содержались в оковах ада, увлекаемые в погибель лукавым диаволом. Тогда Создатель наш Бог умилосердился и, не восхотев оставить без помощи дело рук Своих, сначала даровал премудрость Еллинам, дабы они познали всесильного Бога и преодолели противника своего диавола. Но они, хотя, по-видимому, несколько и образумились и как будто приблизились к пути истинного богопочтения, однако, в каком-то затмении только рассуждали на словах, а на деле опять впадали в заблуждение своих предков, побежденные верою в ложных богов, и, блуждая далеко от истинного пути, уклонились в еще большее нечестие. Но и при этом великая сила милосердия Божия не дала людям пасть окончательно, и Бог дал им закон, послал пророков и многоразличными способами указал путь спасения народу еврейскому. Несмотря на то, люди становились все хуже и опять повторяли грехи праотцев своих и за свои грехи подлежали смерти. Наконец, Господь наш Бог-Слово благоизволил понести одинаковый с нами подвиг и, сделавшись подобным нам во всем, кроме греха, явил нам победу над противником – диаволом: Он уничижил Себя, приняв образ раба, родился от Девы, оставаясь неизменным по Божеству и был Агнцем, чтобы лишить силы хищного волка – диавола. Воспользуемся теперь, судия, одним сравнением, приличным моему повествованию. Положим, что ты, будучи правителем этого города, увидел что медведь или другой какой-нибудь сильный зверь напал на жителей города, и ты послал своего раба убить его, а раб, исполняя твое приказание, вышел

бы против зверя, но, будучи неискусен и недостаточно силен, не в состоянии был бы побороть его и, пораженный им, пал мёртвым и был бы съеден: неужели ты решился бы приказать другому такому же неискусному и малосильному рабу вступить в борьбу со зверем? И неужели ты, если бы был крепок и силен и умел, как следует, вступить в борьбу с зверем, сам не вышел бы против него, как искусный и храбрый борец, и не убил его, и вышел бы именно не как господин, а совершенно так же, как и простой раб, только – умеющий бороться? Примером же своим ты, конечно, научил бы остальных рабов своих одолевать и убивать сильных зверей в случае встречи с ними. Точно так же и Господь наш, Спаситель всех, когда рабы Его в борьбе с диаволом пали побежденные и уничтоженные, Сам уничижил Себя, по неизреченному милосердию Своему, воплотился через Пречистую и Пренепорочную Деву и принял образ раба и во всем уподобился нам, кроме греха, и, выступив на общественное служение, как бы прикрылся от злобного диавола Своим вольным и премудрым смирением и победил его, так как он напал на него, Господа, как на простого человека, и Своими спасительными крестными страданиями сокрушил всю силу врага, научая и нас, – взирая на Его подвиг, бороться с диаволом таким-же образом и преодолевать силу диавольскую. Он Сам принял на Себя наши грехи, а нам даровал Свое бесстрастие, воскресил содержавшихся в аду и дал нам возможность быть чадами Божиими, имеющими в Нем непобедимую опору и надеющимися на небесные венцы за подвиги. Мы бываем побеждаемы в теле, но побеждаем духом, подлежим тлению и смерти и в то же время – нетленны и бессмертны: поэтому мы удаляемся от вашего невоздержания и животной жизни и стремимся к жизни равноангельской и бытию вечному. Мы не смотрим вниз, как бы животные, а взираем на небо и, находясь во плоти, подражаем в жизни бесплотным. Мы знаем, что дух наш беспрестанно борется с плотью, своею мудростью и умеренностью отклоняем себя от привязанности к этому смертному телу и, усиленно отвергая его сладострастие и похотливые стремления, постоянно приучаемся восходить мыслью к небу и терпением и воздержанием умерщвлять наши

земные члены. Мы питаемся размышлениями о Пречистом Господе нашем, вера наша – непоколебима. Такие и еще большие блага даровал нам Бог, Сам облекшийся в плоть человеческую. А вы, как всем известно, поработили себя плоти и потому называете богами тех, которые, по вашим же сказаниям, совершали нечистые и бесстыдные деяния, строите им капища и воздаете почести. Вы чуждаетесь общения с небом и всегда находитесь в беспокойстве, – не только из страха какого-нибудь бедствия, но и потому, что усиленно стремитесь к временному благополучию и наяву грезите, как во сне. Вы умираете не только телом, но и душою, и предаете себя на вечную погибель; мы же от Господа нашего Иисуса Христа научены, что плоть наша, истлевшая по всеобщему закону тления и смерти и обратившаяся в прах, опять оживет, соединившись с душою и получит природу нетленную. – Всё это я сказал тебе вкратце для того, чтобы ты, научившись истине от меня, отказался от своих ложных богов.

Правитель Агриколай терпеливо дослушал до конца премудрую речь святого Евстратия и потом сказал:

– Мы не имеем права обсуждать решение и желание императоров и должны только повиноваться их законам и исполнять их повеления. Поэтому оставь ненужную болтовню и ступай и принеси жертву богам; если же нет, то ты примешь такие муки, о которых никогда и не слыхивал.

Святой Евстратий ответил:

– Тогда зачем же ты доставил нам столько напрасного труда и давно уже не начинал мучить нас?

После того мучитель велел принести железный одр, раскалить его до последней степени и сначала положить на него святого Ореста; святому же Евстратию сказал:

– Тебе следует сперва посмотреть ожидающие тебя мучения на нем, а потом ты и сам уже подвергнешься им.

Между тем святой Орест, приблизившись к раскаленному одру, почувствовал страх, и, глядя на святого Евстратия, сказал:

– Молись за меня, потому что страх овладевает мною.

– Не падай духом, брат Орест, – отвечал ему святой Евстратий, – ибо всё это только кажется страшным и мучительным; на самом же деле ты не почувствуешь никакой телесной боли, если только возляжешь смело на одр и с надеждою на Бога, так как Сам Господь будет нам помощником и защитником. Вспомни твердость духа святого Авксентия и прочих святых и не будь ниже их: здешние мучения оканчиваются скоро, а на небе нас ожидает награда вечная!

Услышав это, святой Орест смело и твердо поднялся на раскаленный одр, и, встав на него, ознаменовал себя крестным знаменем и тотчас же лег на раскаленное ложе. Затем он громким голосом воскликнул:

– Господи Иисусе Христе! В руки Твои предаю дух мой!

И он предал Господу святую свою душу, а святой Евстратий возгласил:

– Аминь!

Немедленно после этого Агриколай приказал отвести святого Евстратия в темницу. Здесь Евстратий, помолившись, по обычаю, Богу, призвал бывшего с ним раба и сказал ему:

– Принеси, сын мой, хартию, и составим завещание, потому что надеюсь, что завтра и я предстану Владыке моему – Христу.

Когда хартия была принесена, он написал завещание, в коем высказал желание, чтобы тело его было перенесено в Араврак и чтобы никто не дерзал брать что-либо от его останков, но чтобы всё тело в целости было положено на месте, называемом Аналикозора, вместе с святыми Авксентием, Орестом, Мардарием и Евгением, ибо святые сии заклинали Евстратия, чтобы после их кончины тела их были в нетронутом виде положены вместе с его телом. Все имения свои святой Евстратий завещал на содержание служителей церковных, а движимое имущество приказал разделить поровну: во-первых, нищим и убогим, а во-вторых, своим сестрам; всех же рабов своих велел отпустить на свободу и всем им назначил награды.

Написав завещание, святой целый день постился, а всю следующую ночь провел в молитве. В эту ночь к нему, при помощи данного стражам золота, пришел блаженный Власий, епископ Севастийский, скрывавшийся в то время по причине

гонения на христиан. Он слышал о великой премудрости Евстратия и о том, как он посрамил правителя вместе с его богами. Вошедши в темницу, он пал на землю и поклонился святому, говоря:

– Блажен ты, сын мой Евстратий, что всемогущий Бог так укрепил тебя. Умоляю тебя, помяни и меня в молитвах своих.

– Не кланяйся мне, отец духовный, – отвечал святой Евстратий, – но, помня дарованный тебе сан, от нас, мирян, ожидай должного тебе поклонения.

Затем они сели, и Евстратий сказал епископу:

– Так как, по изволению Божию, завтра в третий час дня я, как мне ясно было открыто, предстану Владыке моему Христу, то возьми это завещание мое и прочти его.

Когда епископ прочел его, святой попросил его и пришедших с ним клириков подписаться под завещанием и взял с епископа клятву, что он сам возьмет тела: его, Евстратия, и святого Ореста, предаст их погребению в назначенном в завещании месте и постарается исполнить всё остальное написанное, обещая ему за его труды и заботы награду от Господа нашего Иисуса Христа в будущей жизни. Вместе с тем святой Евстратий умолял епископа сподобить его причащения Божественных Таин, так как он со времени самого взятия на мучение не причащался сей святыни. Когда принесено было всё потребное для служения и совершена бескровная Жертва, Евстратий приступил и принял Святые Тайны. И внезапно в темнице воссиял свет, подобный молнии, и послышался голос:

– Евстратий! Доблестно подвизался ты. Итак, шествуй и восходи на небеса принять венец свой!

Голос этот слышали все бывшие там и все пали ниц на землю от страха. И всю эту ночь епископ провел с святым Евстратием, услаждаясь беседою с ним; а когда занялась заря, ушел, обещаясь исполнить в точности все, написанное в завещании.

Когда наступило утро, Агриколай сел на судейском кресле на обычном месте среди города и приказал привести святого Евстратия. Когда же Евстратий явился, правитель вызвал его к себе и сказал ему тайно от других:

– Призываю, Евстратий, во свидетели всевидящую правду, что я сильно скорблю о тебе сердцем, – что ты не хочешь повиноваться императорскому повелению. Но, по крайней мере, хотя только для вида, перед народом, притворись, что ты – одной с нами веры, и только наружно поклонись богам; а про себя веруй и молись твоему Богу, и Он простит тебе то, что ты совершил не по своей воле, а по принуждению. Не желай погибнуть, как какой-нибудь злодей, ты, человек столь ученый и мудрый. Если бы мне самому не угрожала от этого опасность, я бы от тебя и того не потребовал. Я предал смерти многих твоих единоверцев и ни над одним из них не сжалился, а тебя чрезвычайно жалею и скажу, и из-за тебя всю эту ночь провел без сна и в великой скорби.

– Не заботься об этом, – отвечал святой Евстратий, – и не навлекай на себя беду из-за меня, а делай то, что повелено тебе твоими царями. Я же ни лицемерно, ни другим каким-либо образом, не поклонюсь твоим богам, а буду исповедовать Бога моего пред всеми и среди всех буду восхвалять Его. Будь уверен, что муки, каким ты меня подвергаешь, для меня блаженство, и, если хочешь, испытай это на деле.

Правитель закрыл лицо руками и долго плакал, так что это заметил и весь окружавший его народ. И все поняли, что ему жалко невинного Евстратия, и громко заплакали. Великое рыдание слышалось во всем городе. Наконец, святой Евстратий сказал судье:

– Всевышний Бог да уничтожит злую хитрость отца твоего – сатаны! Ибо сатана придумал этот плач на искушение мне, чтобы поставить мне препятствие на пути к ожидающей меня награде. Делай, что задумал, ибо я – раб Владыки Христа и не покорюсь повелению императоров и гнушаюсь мерзости идолов: мерзки мне и они сами, и те, которые им поклоняются!

Агриколай увидел непоколебимую преданность Евстратия вере христианской и его великую любовь ко Христу и едва мог произнести следующее окончательное решение о нем:

– Евстратия, оказавшего неповиновение повелению императоров и не пожелавшего принести жертву богам, повелеваю сжечь, чтобы он за свое упорство погиб в огне.

Сказав это, он встал и поспешно удалился в преториум[8376]. Когда святого повели на сожжение, он во всеуслышание молился так:

– Величаю и превозношу Тебя, Господи, за то, что призрел Ты на смирение мое и не оставил меня в руках вражиих, но спас от бед душу мою! И ныне, Владыка, да покроет меня рука Твоя и да приидет на меня милость Твоя, ибо мятется душа моя и болит при исходе своем из окаянного моего и скверного сего тела. Да не встретит ее никогда лукавый умысел супостата и не запнет ее во тьме за неведомые и ведомые грехи, совершенные мною в сей жизни! Милостив будь ко мне, Владыка, и да не увидит душа моя мрачного вида лукавых демонов, но да приимут ее Ангелы Твои светлые и пресветлые! Прославь Имя Твое Святое и Твоею силою возведи меня на Божественный Твой суд. Когда я буду судим, да не приимет меня рука князя мира сего, чтобы низвергнуть меня, грешника, в глубину ада; но предстань мне и будь мне Спасителем и Заступником, ибо сии телесные мучения суть радости для рабов Твоих. Помилуй, Господи, оскверненную страстями жизни сей душу мою и приими ее, очищенную покаянием и исповеданием. Ибо Ты – благословен во веки веков. Аминь[8377].

Когда святой окончил молитву и печь была уже раскалена, он сотворил крестное знамение и вошел в нее, воспевая и говоря:

– Господи Иисусе Христе! В руки Твои предаю дух мой!

Так он скончался. Огонь не повредил его святого тела и даже не тронул ни одного волоса на нем. Умер он в 13-ый день декабря месяца. Блаженный же Власий, епископ Севастийский, взял мощи святых Евстратия и Ореста и исполнил всё, что было написано в завещании мученика[8378], славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому слава и держава вовеки. Аминь.

Чудо святых мучеников пяточисленных

Близ Константинополя был монастырь, называемый Олимпом, в котором была устроена церковь во имя святых пяти мучеников: Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста. И издавна утвердился обычай, чтобы на праздник в память

святых мучеников приходили в этот монастырь император и патриарх и жертвовали, сколько нужно, на пропитание инокам. Ибо основателем монастыря было заповедано, чтобы монахи его не занимались ни сельскими работами, ни возделыванием винограда, но, предавшись совершенно предстательству святых мучеников, заботились бы только о своем спасении. И так как иноки строго хранили эту заповедь основателя, то святые мученики никогда не переставали заботиться о нуждах монастырских. Но милость Божия обычно бывает неразлучна с испытанием, дабы сделалось более очевидным то, что надеющиеся на Бога и взыскующие Его не лишатся всякого блага более, чем полагающиеся на свое богатство.

И вот общий Промыслитель о всех Бог, желая еще более прославить посвященное страстотерпцам Его место и посетить Своею милостью в лишениях и скорбях подвизающихся здесь их почитателей, устроил так, что во время праздника поднялась с моря страшная буря и был сильный дождь и холод, так что из города на праздник никто не прибыл. Иноки обители, отпевши вечерню и канон, были в унынии, так как им было совершенно нечего есть и даже укоряли святых мучеников, говоря пред их иконою:

– Наутро мы уйдем отсюда и разойдемся, кто куда, искать себе пропитания.

Когда наступили сумерки, привратник пришел к игумену и сказал:

– Благослови, отче, привести к тебе человека, прибывшего от царя с двумя нагруженными верблюдами.

Игумен дал благословение, и к нему вошел какой-то благолепный муж и сказал:

– Царь прислал вам съестных припасов и вина.

Иноки, сотворив молитву, внесли присланное, и все ели и пили, а оставшееся отложили про запас. И еще не успели они разойтись по кельям, привратник опять вошел и сказал, что прибыл посланный от царицы, который и был введен и объявил игумену, что царица прислала им отборной рыбы и десять золотых монет. Посланный не успел еще окончить своих слов, как опять вошел привратник и доложил, что явился человек от

патриарха. Когда нового посланного ввели, он отдал игумену церковные сосуды, говоря: «Патриарху благоугодно завтра служить здесь литургию» [8379].

Игумен, обратившись к пришедшим, сказал:

– Что Богу угодно, то Он и сотворит. А вы – переночуете здесь, или сейчас же уйдете?

Они отвечали:

– Если нам найдется место, то останемся здесь до утра. Игумен велел поместить их на церковной паперти и, отпуская их на ночь, спросил их имена. Прибывший от царя назвал себя Авксентием, от царицы – Евгением, а принесший сосуд от патриарха – Мардарием.

Во время пения утрени, в церковь вошли два мужа. После кафизм[8380] игумен велел читать, что положено, о страданиях святых мучеников, но иноки говорили:

– Не будем читать: ведь никто не пришел из города на праздник.

Тогда неизвестный муж, вошедший в церковь, сказал:

– Дайте мне книгу, я прочту.

Ему дали, и, когда он дошел до того места, где написано: «Евстратий был обут в железные сапоги с острыми гвоздями», – он вздохнул и ударил в церковный пол жезлом, который был у него в руке, – и воткнувшийся в пол жезл произрастил от себя ветви и превратился в дерево.

Стоявшие сзади поняли, кого они видят, и спросили:

– Для себя ли ты сделал это, Евстратий?

– Нет, – ответил он: бывшие страдания мои ничтожны в сравнении с наградой за них; сделано же это для того, чтобы праздник наш не остался без приходящих из города.

И лишь только он сказал это, все пять стали невидимы. А игумен, придя из церкви, нашел монастырский погреб полным хлеба и рыбы, и все опустевшие сосуды – полными вина. О совершившемся чуде поспешили известить царя и патриарха, которые прибыли в обитель и все прославили Бога и восхвалили святых Его мучеников. Обращенный же в дерево жезл разделили и раздавали на благословение, и в день тот

были многие исцеления недужных по молитвам святых страстотерпцев.

Кондак мученика Евстратия, глас 2:

Светильник явился еси светлейший во тьме неведения седящим, страстотерпче: верою бо яко копием обложився, врагов шатания не убоялся еси Евстратие, риторов сый благоязычнейший.

Другой кондак мученика Евстратия, глас 3:

Витийствуя пред пребеззаконнующими Божественная, биения претерпел еси мужественнейшим сердцем, облистал еси богознаменьми пречудне, угасил еси возвышенный прелести пламен. Сего ради тя чествуем всеблаженне мучениче Христов Евстратие.

Страдание святой мученицы Лукии

Память 13 декабря

Когда слава святой мученицы Агафии распространилась по всей Сицилии и жители Сиракуз[8381] стекались в Катану[8382] на поклонение святому гробу мученицы, случилось одной девице, по имени Лукии, благородного происхождения и пользовавшейся уважением у всех сиракузян, пойти на праздник вместе с другими и с матерью своею Евтихиею, которая страдала кровотечением уже четыре года и не могла исцелиться никаким врачебным средством. Во время совершения церковной службы при гробе мученицы читалось то Евангелие, в котором воспоминается кровоточивая женщина, исцелившаяся от прикосновения к краю одежды Христовой. Во время чтения Евангелия Лукия сказала своей матери:

– Если ты веришь, матушка, тому, что читается: то верь и тому, что святая Агафия, пострадавшая за имя Христово, удостоилась предстоять Тому, за Чье Имя она пострадала. Итак, прикоснись ко гробу ее с верою, и ты исцелишься.

Когда, по окончании церковной службы, народ разошелся, мать с дочерью пали пред гробом святой мученицы и со слезами начали умолять ее о помощи. Долго молились они, и, наконец, Лукия уснула и во сне увидела святую мученицу Агафию посреди Ангелов, украшенную драгоценными камнями. Она сказала Лукии:

– Сестра моя Лукия, дева Господня! Зачем просишь ты от меня того, что сама можешь подать сейчас же? Твоя вера приносит помощь твоей матери и она уже здорова. И как мною славится город Катана, так тобою будут красоваться Сиракузы, ибо ты в своем девстве уготовала Христу благоугодное жилище.

Лукия тотчас пробудилась, в трепете встала и сказала матери:

– Матушка, матушка! Ты исцелилась! Умоляю же тебя именем той святой, которая исцелила тебя своими молитвами: не напоминай мне больше никогда о женихе (она уже была обручена) и не желай видеть смертного плода от моего

грешного тела; но всё, что ты назначила дать мне, для выхода замуж за смертного человека, отдай мне, чтобы идти к Бессмертному Жениху Христу Господу, Хранителю моего девства.

Мать отвечала ей:

– Заботливо охраняя всё, что осталось от твоего отца в течение девяти лет, я скорее увеличила, чем уменьшила твое наследство; а что приобрела сама и еще могу приобрести, всё это так же в твоем распоряжении. Но похорони сначала меня, и тогда уже поступай со всем имением, как тебе угодно.

– Послушай, матушка, моего совета, сказала ей Лукия: не особенно угоден Богу – отдающий Ему то, чего не может унести с собою или употребить в свою пользу. Но если ты хочешь совершить дело действительно угодное Богу, то отдай Ему то, что можешь употребить для себя. Когда ты будешь умирать, тебе уже не будет нужно ничего из земного, и то, что ты имеешь дать тогда, уже не в силах будешь унести того с собою: поэтому пока ты жива и здорова, отдай Христу свое имение и все, что хотела дать мне, начни теперь же отдавать Ему.

Так Лукия повторяла матери каждый день, пока не началось, наконец, раздаяние имущества и ежедневное употребление его на нужды убогих людей. О продаже имений, драгоценной утвари и камней узнал жених Лукии и, опечаленный этим, стал допытываться у кормилицы своей невесты:

– Что это значит, спрашивал он, что я слышу о внезапной продаже поместий и драгоценностей?

Кормилица, женщина разумная, отвечала:

– Твоя невеста узнала, что продается одно наследственное имение, ценою до 1000 златниц и более, которое она желает купить для тебя, и потому продает некоторые вещи, чтобы собрать столько денег.

Жених поверил ее словам и, думая, что дело идет о вещественной покупке, ничего не возражал и даже сам располагал невесту и ее мать к продаже имущества. Но как только он узнал, что всё роздано нищим и убогим, вдовам и сиротам и истрачено на странников и служителей Божиих, тотчас же пошел и донес градоначальнику Пасхазию про свою

невесту, что она – христианка и, следовательно, – противница повелений царских[8383].

Пасхазий вызвал к себе Лукию и сначала словесно убеждал ее принести жертву идолам.

Блаженная Лукия отвечала ему:

– Живая жертва и чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях. За последние три года я ничего и не делала, как только приносила жертву Живому Богу. Теперь мне уже нечего приносить Ему и я приношу Ему самое себя, и пусть творит Он с Своею жертвою, что угодно Ему.

– Эти слова, – заметил Пасхазий, – можешь рассказывать подобным тебе христианам, а мне, наблюдающему за исполнением царских законов, напрасно об этом говоришь.

– Ты царским законам следуешь, – отвечала Лукия, – а я повинуюсь законам Божиим; ты царей боишься, а я Бога боюсь; ты царей не хочешь прогневать, а я тщательно оберегаюсь прогневать Бога; ты царям стараешься угодить, а я желаю благоугодить Единому Христу. Итак, делай, что тебе кажется полезнейшим, я же буду делать то, о чем знаю, что это послужит мне на пользу.

– Ты прожила свое наследие и растратила вместе с твоими сожителями, – сказал Пасхазий, – а потому и сама говоришь, как блудница.

– Наследство свое я поместила в хорошем месте, – ответила ему Лукия, – и никогда не позволяла себе принимать растлителей души и тела.

Пасхазий спросил:

– А кого ты называешь растлителями души и тела?

Лукия отвечала:

– Вы – растлители души, о которых Апостол говорит: «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15:33): вы внушаете душам людей прелюбодеяние[8384], – дабы они, оставив Небесного Жениха, т. е. Создателя своего, последовали диаволу через служение бессильным и бездушным идолам. А растлители тела суть те, которые временные удовольствия

предпочли вечному блаженству и преходящие наслаждения ставят выше радостей бесконечных.

Пасхазий сказал:

– Твои разглагольствования прекратятся и замолкнут, когда дело дойдет до истязаний и ран.

Лукия отвечала:

– Слова Божии не умолкнут никогда.

– Да разве ты – Бог? – возразил Пасхазий.

– Я – раба Божия, сказала Лукия, и потому говорила Божии слова, как и Сам Он сказал: «ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10:20).

Пасхазий сказал:

– Так неужели и в тебе Дух Святой и не Он ли говорит через тебя?

Лукия отвечала:

– Апостол говорит, что ведущие чистую жизнь суть храмы Божии и Дух Божий живет в них (1Кор.3:16).

Пасхазий сказал:

– Так вот я прикажу отвести тебя в непотребный дом, чтобы Дух Божий отступил от тебя, когда ты будешь осквернена.

– Без произволения Духа никогда не может быть осквернено тело, – отвечала Лукия: если даже ты положишь мне на руку фимиам и насильно бросишь его сею рукою на идольский жертвенник, то Бог только посмеется тебе при виде сего, ибо Он осуждает нас за помыслы и произвольные деяния, а не за действия, которые нас другие принуждают делать насильно; и насильственное лишение девства Он только попускает, как попускает искушения, разбой, язычество. Поэтому, если ты и прикажешь надругаться надо мною, то этим только увеличишь награду за мою чистоту.

– Я велю до смерти бесчестить тебя, – сказал Пасхазий, – если ты не послушаешься царского повеления.

Лукия отвечала:

– Я уже сказала тебе, что мою волю ты никогда не склонишь к согласию на грех; всё, что ты можешь сделать с моим телом, – всё это презирает раба Христова.

Тогда Пасхазий, этот развратный и неправедный судия, призвал к себе содержателей непотребных домов и отдал им святую, говоря:

– Созовите народ и пусть над ней ругаются до тех пор, пока не умрёт.

Когда святую повлекли на поругание, Бог придал ей такую тяжесть, что ее невозможно было сдвинуть с места. Множество людей, по распоряжению мучителя, влекли ее и старались стронуть ее с места; но все старавшиеся изнемогли и покрылись потом, а дева Господня стояла непоколебимо. Принесли верёвки и, опутав ее ими по рукам и по ногам, опять старались изо всех сил влечь ее, но она оставалась неподвижною, как бы гора. Пасхазий смутился и не знал, что делать. Он созвал гадателей, чародеев и всех идольских жрецов и велел им совершать волхвования кругом Лукии, чтобы подвинуть ее, но они ничего не достигли: она стояла, как бы пригвожденная к земле, и нельзя было сдвинуть ее ни на один шаг. Приведено было множество пар волов, которые должны были сдвинуть ее и влечь, и она всё-таки оставалась неподвижною.

Наконец, Пасхазий спросил ее:

– Что за волшебство ты совершаешь?

– Это не волшебство мое, – сказала она, – а сила благодати Божией.

– Какая же причина того, что тебя, слабую девушку, не может сдвинуть тысяча человек?

– Если ты приведешь хотя бы десять тысяч человек, то и они почувствуют, что Дух Святой говорит мне: «Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится» (Пс. 90:6).

Сильно мучился в своей нечестивой душе жалкий судия. На него напало смятение.

– Что ты мучаешься, – спросила его святая дева, – и чем смущаешься? Ведь ты испытал уже, что я действительно – храм Бога Живаго, и так веруй в это. Если же еще не убедился, то продолжай свое.

Пасхазий пришел в еще большее негодование и смущение, видя, как посмеивается над его ухищрениями святая. Он велел развести кругом нее громадный костер и поливать на нее смолу, серу и кипящее масло. Но она, ограждаясь именем Господа нашего Иисуса Христа, осталась неподвижна и невредима и говорила мучителю:

– Я молила Господа нашего Иисуса Христа, чтобы этот огонь не имел власти надо мною и, дабы посмеялись над тобою надеющиеся на Христа, – просила продолжения моих мучений, чтобы верующих избавить от страха мук, а неверующих лишить возможности ругаться над христианством.

Тогда некоторые из приближенных Пасхазия, желая вывести его из тяжелого и недоуменного положения, велели ударить святую мечом в гортань и затем вместе с Пасхазием удалились домой. Однако святая, как ни была сильно ранена, не потеряла сил и беседовала с народом, говоря:

– Благовествую вам, что Церкви Божией даруется мир, ибо Диоклетиан отказался от царства, а Максимиан ныне умер. И подобно тому как город Катана имеет своею заступницею пред Богом сестру мою о Боге, святую Агафию, – так знайте и об этом городе, что ему дана в защиту Богом я, если только вы, исполняя волю Его, будете сему веровать.

Когда Лукия с пронзенною мечом гортанью говорила эти слова, неожиданно пред ее глазами провели Пасхазия, закованного в железные узы. Дело в том, что Сицилийцы тайно от своего правителя послали в Рим донос о том, как немилосердно разорял Пасхазий страну, отнимая у жителей их достояние при помощи всяких насилий. И вот в настоящее-то время из Рима пришел приказ, чтобы Пасхазий в оковах был приведен туда для суда над ним: там он, после допроса, был осужден на смерть и казнён через усечение мечом. Когда его в оковах вели мимо святой, она еще была жива и, раненая смертельно, стояла, однако, не трогаясь, и жизнь не оставляла ее до тех пор, пока не пришли священники, и она не причастилась Пречистых и Животворящих Таин Христовых, – и только тогда, когда все, по окончании причащения, произнесли: «Аминь», святая мученица предала свою чистую душу в руки

Господа[8385]. Ее с честью погребли на месте мучения и над ее мощами воздвигнута была церковь во имя ее и во славу Бога, Единого в Троице, Отца, и Сына, и Святого Духа, Ему же слава вовеки. Аминь.

Память преподобного Арсения Латрского

Память 13 декабря

Преподобный Арсений родом был из Константинополя от знатных и благочестивых родителей. Он приобрел благоволение царя и сделан был военачальником и патрицием[8386] Киверриотским[8387]. Однажды ему случилось плыть с войском по морю, но поднялась страшная буря, и корабли с плывшими на них все потонули; один лишь он спасся. После того Арсений отрекся от мира, принял иночество и предал всего себя молитвенным подвигам, удручая плоть свою постом, непрестанными бдениями и тяжелыми веригами. После немалых подвигов в одной пустынной местности, он пришел на гору Латру в Малой Азии[8388], где умертвил молитвою и крестным знамением смертоносного аспида[8389], потом переселился в монастырь Келливарский[8390], где сделан игуменом, но из него удалился в одну пещеру, откуда молитвою прогнал заходивших диких зверей. К нему собрались братия, коих он руководил спасительным примером собственного жития и душеполезными наставлениями. Целую неделю преподобный обыкновенно затворялся в своей тесной келлии в глубоком безмолвии и уединении; в воскресные же дни поучал братию и принимал пищу. Столь тяжкими и многотрудными своими подвигами и добродетельною жизнью он достиг такого совершенства, что питаем был Ангелом, жезлом своим превратил горькие воды в сладкие и, сотворив многие другие чудеса, скончался мирно среди братии[8391].

Страдание святых мучеников Фирса, Левкия, Каллиника, Филимона, Аполлония и прочих с ними

Память 14 декабря

Святые мученики Фирс, Левкий и Каллиник родились в Вифинской области[8392], а воспитались в городе Кесарии[8393]. Пострадали они за Христа в царствование императора Декия[8394] следующим образом.

Один из областных правителей, по имени Кумврикий, прибыл в Кесарию из Никомидии[8395] и ревностно утверждал здесь идолопоклонство, усердно заботясь об идольских капищах и жертвах и о всем, что было приятно врагу человеческого рода – диаволу. К тому же он принуждал и всех местных жителей, одних привлекая ласкою, других устрашая угрозами. Между тем в числе кесарийских граждан был некто Левкий, человек честный, разумный, учёный и благородный. При виде совершающихся беззаконий, он сильно болел душою и разгорался всё более ревностью по Боге. Наконец, он не в силах был таить долее горевший в душе его пламень ревности и не захотел более скрывать исповедуемую им истинную веру. Неожиданно явился он к правителю и сказал:

– Зачем, Кумврикий, вооружаешься ты, несчастный, на свою собственную душу, почитая бесчувственных и глухих идолов, и увлекаешь за собою к тому же печальному заблуждению множество других людей? Такие люди представляются более бесчувственными, чем камни и деревья, ибо не хотят познать своего истинного Бога и Спасителя и не желают ходить во свете, покинув тьму заблуждений.

Безумный правитель, не вынося высказываемой ему истины, пришел в ярость от этих слов, и тотчас же, без всякого допроса велел подвергнуть Левкия биению. Но Левкий, добровольно принимая мучения, благодарил Бога и тем привел мучителя в еще большую ярость, за что и был подвергнут истязаниям до тех пор, пока не обессилели бившие. Тело его, сокрушенное побоями, изнемогло, и он молился о полном

освобождении своем от тела, желая преставиться ко Господу. Исполнению сего желания способствовал сам правитель, который велел вывести мученика за город и отсечь ему голову. Когда мучители вели святого на казнь, он шел без всякого страха и смущения, ничем не обнаруживая в лице своем боли и муки, но весь сиял радостью и блаженством, как будто его вели не на казнь, а на венчание. Далеко за городом ему отсекли голову, и он отошел на небеса принять за подвиг свой венец нетленный.

Слух о жестокости Кумврикия скоро распространился по всем окрестным странам, и христиане стали скрываться из страха пред его свирепостью. Но блаженный Фирс (хотя он и не был еще крещен, а только состоял в числе оглашенных), вооружившись ревностью по Боге, явился к мучителю и сказал: «Привет тебе, светлейший правитель!»

И когда тот отвечал ему взаимным приветствием, Фирс продолжал:

– Можно ли каждому пред вами судьями говорить, что он хочет, или же должно дожидаться вашего приказания и без того не произносить ни одного звука?

Правитель, как бы забыв, что он сделал с Левкием, отвечал:

– Можно, и до сего дня эта свобода говорить не отнималась ни у кого, особенно если предстоит сказать что-либо, клонящееся к общей пользе.

Тогда Фирс сказал:

– Что же можно сказать полезнее того, что полезно для души? И вот, я вижу, что ты многих утесняешь и лишаешь спасения, отвлекая их от истинной веры и по злобе своей привлекая к служению идолам. Через сие ты на свою душу разжигаешь всю геенну огненную. Поэтому я решился смело и свободно говорить с тобою и узнать от тебя, ради чего ты поставил законом – оставив Создателя неба и земли и всех людей, – поклоняться делу рук человеческих, как бы говоря дереву: «Ты мой отец» (как обличает идолопоклонников и святой пророк Иеремия (Иер.2:27)) и камню: «Ты меня родил»? И ради чего вся забота твоя о том, чтобы убедить всех людей

(если бы это было возможно) разделить с тобою твой пагубный образ мыслей?

На это правитель сказал:

– Твоя несвоевременная и неуместная речь показывает, что ты заражен христианством. Впрочем, предоставь эти суетные вопросы и их ложные решения тем людям, которые занимаются в школах и не преданы попечениям о делах народных, а теперь повинуйся императорскому приказанию и принеси жертву богам. Если же не исполнишь сего, то получишь от нас возмездие за свои слова – в приготовленных для тебя мучениях.

– Так как вы – разумные создания Божии, – отвечал святой, – то вам не должно совершать что-либо неразумно и без тщательного расследования. Но если ты хочешь повиноваться безумному повелению твоего царя, то делай, что тебе повелено.

Кумврикий сказал:

– Я думаю, что тебя делает таким заносчивым наша снисходительность. Но, видя, что ты человек рассудительный и умный, я советую тебе оказать послушание и тем избежать мучений. Итак, ступай к жертвеннику и воздай должное богам, ибо таким образом ты получишь прощения прежней своей вины, сделаешься другом великого царя и всю остальную жизнь свою проведешь с нами в великой чести.

– Много размышлял я о настоящем деле, – отвечал блаженный, – и не думай, что ты застал меня неподготовленным и не обдумавшим всего заранее. Ведь я сначала долгое время обсуждал всё сам с собою и после тщательного исследования убедился, что ваши боги суть бездушные идолы и храмы их – нечисты; и я посмеялся над ними и избрал чистую и истинную христианскую веру. Итак, не медли исполнить то, что тебе приказано царем относительно нас, христиан.

Эти слова святого привели мучителя в ярость, и он тотчас же велел некоторым из своих слуг, отличавшимся силою, крепко бить святого кулаками, а затем – привязать к его рукам и ногам ремни и тянуть его изо всех сил в разные стороны. Когда это было сделано, члены тела его выходили и вырывались из суставов, но мученик терпеливо и с светлым взором переносил

это. Мучитель приказал выколоть ему гвоздями глаза, перебить челюсти и выбить зубы медными молотками. Святой же и среди мучений смеялся над мучителем и тем еще более раздражал его. Кумврикий приказал растопить олово, приготовить железный одр и положить на нем мученика лицом вниз, а сам призвал своих волхвов и увещателей, дабы они обольстили мученика словами. Они стали уговаривать святого, чтобы он, хотя бы только на время и наружно, оказал повиновение правителю.

– Через это, – говорили они, – ты избавишься от лютых мучений и получишь многие блага, а твой Бог простит тебя, зная немощь человеческой природы, и не прогневается, будучи, как мы слышали, благ и многомилостив.

Мученик отвечал:

– Потому-то я и терплю муки за Бога моего, что Он благ и многомилостив: ибо, если вы, хотя и слышите о бесконечных мучениях, вас ожидающих, однако, не обращаетесь от заблуждений на путь истинный, то почему же мне не претерпеть мужественно временных страданий, воздаянием за которые будет Царство Небесное.

После таких слов мученика, его стали поливать кипящим оловом. Но принесенное в котле олово мгновенно разлилось потоком, обожгло и погубило многих из язычников, стоявших около. Святой же встал с ложа невредимым и совершенно здравым, и глаза его снова стали видеть по-прежнему. При виде сего чуда, все пришли в ужас, и сам правитель был крайне изумлен. Однако, хотя ему и должно было бы познать Того, Кто сотворил всё бывшее, он по своей вине пребывал в ослеплении ума; так сбылись над ним слова Писания: «Ты видел многое, но не замечал; уши были открыты, но не слышал» (Ис. 42:20).

И еще более разгневался он на мученика и, назвавши его волхвом и чародеем, подверг его еще большим мучениям. Но святой всё переносил мужественно; и слышан был свыше некий укрепляющий подвижника глас, которым язычники были приведены в великий страх, а верующие утверждены в вере.

Убоявшись продолжать мучения во стыд себе, мучитель велел связать мученика и бросить в темницу, а сам отправился

домой, раздумывая, какими бы еще более жестокими мучениями истязать Фирса. Между тем святой в темнице усердно молился, чтобы Бог сподобил его святого крещения. И вот внезапно, по благодати Божией, ночью узы его развязались, и темничные двери открылись сами собою. Выйдя из темницы, святой отправился к епископу кесарийскому, скрывавшемуся тогда от гонения. Епископ, увидев мученика, тотчас же пал к его ногам, ибо слышал уже о его мужестве и терпении и чрезвычайно почитал его. Но мученик, подняв епископа и сам припадая к его ногам, говорил:

– Не делай сего, честнейший отче! Не предвосхищай поклонения, которое должен воздать тебе я, ибо не благословить пришел я, а принять благословение.

Епископ сказал ему:

– Тебе должно благословить нас, как явно показавшему великую силу добродетели и облекшемуся в светлейшую ризу Духа через то, что ты претерпел столь лютые муки.

– Затем я и пришел сюда, – отвечал мученик, – чтобы облечься в ризу нетления, возродившись водою и Духом, ибо я еще не сподобился святого крещения. И так исполни немедля желание мое и соверши надо мною крещение.

Епископ тотчас же крестил Фирса, который, вышедши из купели, воскликнул:

– Господи Иисусе Христе, Боже мой, сподобивший меня возродиться водою и Духом! Дай и мне через страдания сподобиться крещения, которым крестился Ты, и, испив Твою чашу страданий, быть причастником Твоей смерти.

Затем, побеседовав с епископом и простившись с ним, Христов страдалец возвратился в темницу, причем ему предшествовал чудесный свет, а вслед за ним шли святые Ангелы, как ясно видели некоторые из достойных. В темнице он проводил время в обычных молитвах.

В это время один сановник, по имени Сильван, родом перс, человек жестокий и немилосердный, желая показать себя благожелателем и единомышленником императора, просил последнего даровать ему, Сильвану, власть исследовать, действительно ли исполняют царские повеления мучители,

поставленные для погибели христиан. Получив эту власть, он прибыл в Никею[8396] и Кесарию, всюду принося жертвы идолам и запечатлевая идольские праздники христианскою кровью. Ему, между прочим, доложено было и относительно великого Фирса, что он не может быть побежден[8397] никакими мучениями и в то же время изумляет людей знамениями и чудесами. Тотчас же Сильван приказал привести его к себе, а сам стал совершать жертвоприношения главному языческому богу Зевсу. На следующий день он вместе с Кумврикием сел на судейском месте и, призвавши Фирса, сначала велел прочитать во всеуслышание прежний его допрос, а затем сказал мученику:

– Не думай, Фирс, что ты будешь страдать по-прежнему: ты примешь еще более жестокие мучения, если останешься при своем упорстве.

Мученик отвечал:

– Тот, Кто дал мне силы перенести все прежние муки, Господь мой Иисус Христос, и ныне предстоит предо мною, избавляя меня из ваших рук, ибо Ему Единому я служу и Его Одного признаю за Бога, а ваших языческих идолов и богов считаю полным заблуждением. Впрочем, если ты желаешь склонить меня к принесению жертвы не принуждением и насилием, а благоразумным советом, добровольно, то скажи: кому и как должен я принести жертву? А я, увидев справедливость твоих слов, охотно покорюсь и не буду напрасно противиться истине.

Тогда Сильван взял святого за руку и сказал:

– Пойдем в храм, и там тебе будет показано, кому ты должен будешь принести жертву.

Когда они пришли в храм Аполлона, находившийся вблизи, Сильван, указывая рукою на идола, сказал:

– Вот – бог, которого мы почитаем, и если ты, Фирс, помолишься ему, принеся жертву, то приобретешь себе великого хранителя и получишь благодать у прочих богов.

Мученик сказал:

– Смотри же, какую я ему принесу жертву и как буду умолять его.

И когда все со вниманием обратили на него взоры, он, воздевши руки и возведши очи к небу, призвал неисповедимую силу Божию; внезапно загремел гром и идол Аполлона упал на землю и рассыпался в прах. Святой же мученик, обратившись к стоящим около, сказал:

– Смотрите: ваши боги суть только создание человеческое и не могут вынести даже имени истинного Бога.

Сильван, пришедший в ярость, сказал на это:

– Я твое волшебство вконец уничтожу и истреблю. И тотчас он велел острыми железными гребнями терзать тело мученика до костей, так что плоть святого кусками отпадала на землю, а мучитель говорил:

– Где же Бог – помощник твой, Которого ты чтишь и на Которого надеешься?

Мученик отвечал:

– Неужели ты не видишь действующую во мне силу Христову, явно укрепляющую меня против ваших нападений? Каким образом земное и немощное тело могло бы перенести такие муки, если бы не была подаваема ему Божественная помощь свыше?

Тогда Сильван приказал принести огромный котёл, наполнить его водою и развести под ним огонь. Когда котёл сильно закипел, мученика связали по ногам веревкою и опустили вниз головою в кипящую воду. Но святой призвал имя Христово, и котёл распался, вода разлилась, а сам он остался невредим. Мучитель был посрамлен и пришел в ярость; но так как у него были еще и другие общественные дела, то он велел отвести мученика в темницу.

Вскоре Сильван вместе с Кумврикием отправился в приморский город Апамею[8398], приказав вести за собою и святого – связанного. Приблизившись к городу, он остановился и, призвав к себе мученика, сказал:

– Здесь, Фирс, или дай обещание принести жертву богам и ты останешься жив, или же ты лютым образом будешь лишен жизни.

Святой в ответ сказал ему то же самое, что говорил и раньше, и при этом прибавил в заключение:

– Скорее души ваши исторгнутся у вас.

Мучители еще более разгневались на Фирса, велели влечь его с побоями в город и там бросить за его, как они говорили, волшебства в море, дабы он принял мучительную погибель и даже не удостоился по смерти обычного погребения. Но не успели они еще войти в город, как начало исполняться пророчество мученика: Сильван внезапно обессилел, а Кумврикий заболел лихорадкою, и на четвертой день оба они жалким образом окончили жизнь. Говорят, что даже земля не принимала их нечистых тел до тех пор, пока не помолился о том святой мученик. И оставался святой в Апамее двадцать три дня, находясь в узах, до прибытия нового правителя.

Прибыл новый правитель, по имени Вавда, характером и злобою к христианам подобный своим предшественникам.

Рассмотрев дела прежних правителей и узнав о мученике Фирсе, он призвал его на допрос. Святой оказался по-прежнему непоколебим в вере христианской и по-прежнему отказался повиноваться нечестивым требованиям языческим. Вавда приказал зашить его связанным в мех и бросить в море за тридцать стадий[8399] от берега. Но мех внезапно разорвался, узы развязались, и видно было множество светоносных мужей, ходивших по морю, которые, взяв мученика, вывели его на сушу. При виде сего, слуги правителя в страхе побежали к нему и рассказали о случившемся. Тогда он сам пошел на берег и, нашедши там мученика, который стоял один, сказал ему:

– Правда, удивительны ваши христианские волшебства и чары, если и само море повинуется вам, как я вижу, и если вы у самих законов природы отнимаете силу. Но, несмотря на то, никакие волшебства не помогут вам и будут для вас только причиною еще более жестоких мучений и лютой смерти.

Мученик отвечал:

– Долго ли ты останешься ослеплённым и, подобно своим богам, не будешь видеть, имея очи? Как может кто-либо волхвованием поработить себе законы природы? Кто из ваших волхвов или из почитаемых вами богов, в которых всё суть обольщение волшебное и обман, – кто из них сделал так, чтобы человек, брошенный в море, был поднят руками Ангелов и,

невредимый и здоровый, ходя по морю, как посуху, вышел на землю?

Правитель велел схватить мученика, связанного вести за собою и при этом крепко бить палками, а сам отправился в Кесарию. Жители Кесарии, узнав, что к ним идет новый правитель и ведет с собою святого мученика Фирса, все вышли из города, как будто для встречи правителя, на самом же деле – чтобы посмотреть на страдальца Христова, которого все хотели видеть. Как только все вступили в город, мученик тотчас же был брошен в темницу. Правитель долго раздумывал, какому бы роду казни подвергнуть мученика и, наконец, решил отдать его на съедения зверям, находя эту смерть наиболее мучительною. Он велел собрать самых свирепых зверей всякого рода и морить их голодом, чтобы они стремительнее бросились растерзать осужденного.

Когда в течение 30 дней звери были подготовлены, мучитель собрал весь народ ко храму Зевса и принес ему торжественное жертвоприношение. Затем велел вывести из темницы Фирса, осужденного на съедение зверям.

Между тем святого, по тайному приказанию правителя, посещали в заключении многие друзья и знакомые и умоляли его смиловаться над самим собою и избежать страшной смерти, исполнив то, чего от него требовали.

– Таким образом, – говорили они, – ты избавишься от погибели, удостоишься почестей и сделаешься угоден царю.

Но святой был, по слову Давида, «как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих» (Пс. 37:14).

Когда же его привели к правителю, который в то время приносил жертвы, тот сказал ему:

– Мы были слишком милостивы, дав тебе столько времени на размышление. Итак, если желаешь себе пользы, то теперь, когда видишь всё свое отечество приносящим жертвы великому богу Зевсу, – приступи и ты и принеси жертву, чтобы тебе избавиться от погибели. Если же нет, то когти и зубы зверей растерзают тебя, и никто не поможет тебе и не избавит тебя от беды.

Мученик сделал вид, что он согласен, и сказал:

– Я давно уже решил принести жертву вместе со своими согражданами. Но как бы не прогневался Аполлон, если я, миновав его, принесу жертву одному только Зевсу.

Услышав это, правитель обрадовался и сказал:

– Принеси жертву одному только Зевсу, а я тебе порукою в том, что ни один из остальных богов не разгневается на тебя.

Мученик на глазах у всех приблизился к идолу Зевса и, когда сотворил про себя молитву истинному Богу, сделалось страшное землетрясение, и идол Зевса упал на землю. Язычники в страхе разбежались, и один только мученик остался в храме. Исполненный ярости, мучитель велел вести святого на съедение зверям.

На зрелище это сошлось множество народа, и когда выпустили на святого зверей, казалось, что он стоит среди зверей не один, а с какими-то другими тремя лицами; и звери ходили кругом него и кротко ласкались к нему, как будто давно знали его. Он же, воздев руки кверху, сказал:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что прославил Ты во мне Имя Твое Святое и явил на мне милость Твою, заградив предо мною уста зверям, как некогда пред Даниилом, рабом Твоим. Ты, Владыка, как тогда, так и ныне творящий чудеса, сотвори так, чтобы дикие звери эти ушли каждый в свое жилище, не причинив вреда никому из находящихся здесь!

Затем, помолившись, он сказал зверям:

– Во имя истинного Бога, возвратитесь в пустыню, каждый в свое логовище, откуда вы выведены, и не причиняйте никому вреда.

И тотчас звери убежали, причем двери раскрылись пред ними сами собою. Все присутствовавшие в страхе разбежались, кто куда мог, боясь вырвавшихся зверей, которые, однако, сами стремительно бросились бежать в пустыню. При виде этого чуда, многие из язычников обратились ко Христу.

Вавда, не зная, что делать, повелел опять связать святого и бросить его в темницу. Но через несколько дней, отправляясь в город Аполлонию, отстоявший недалеко от Кесарии, велел и Фирса вести туда вслед за собою. Прибыв в Аполлонию, Вавда

устроил там в храме Аполлона всенародный праздник. Храм же этот был наполнен идолами. Приведя туда Фирса, Вавда велел больно бить его пред идолами палками. Но святой, терпеливо перенося удары, как будто они наносились ему не в действительности, а во сне, молился Богу, иссушающему бездны и ниспровергающему горы единым мановением.

– Да будет на мне, – говорил он, – рука Твоя, Господи, не удали помощи Твоей от меня, но призри на меня и защити меня, дабы не постыдиться мне, ибо я Тебя призвал.

Когда он помолился таким образом, внезапно произошло землетрясение в городе, правителя постигла болезнь, руки бивших святого ослабели, и многие идолы попадали на землю и валялись, разбитые в куски. А Фирс, полный радости по Боге, смеялся над идолами и над мучителем, и говорил:

– Что же ты не поможешь своим богам, валяющимся в таком бесчестии на земле и просящим у тебя помощи, но оставляешь их, брошенных, на глазах у всех – на посмешище тем, кто не ослеплён?

Хотя правитель и страдал от тяжкой болезни, но злоба его сохранилась во всей силе, и потому он сказал:

– Волхвования мерзкого Фирса делают для меня жизнь тяжелее смерти!

В это время в Аполлонии находился языческий жрец Каллиник. Видя с самого начала чудеса, совершаемые святым мучеником Фирсом, он стал сознавать бессилие своих богов. Приемля в свое сердце семя истинной веры, он говорил в себе:

– Боже, Фирсом проповедуемый, творящий дивные и славные чудеса! Ты и меня, как новоизбранного воина, приими и укрепи и утверди против восстающих на истину Твою!

Так беседуя тайно с Богом, он явился к правителю и хитроумно посмеялся над ним.

– Светлейший правитель, – сказал он – человек тот, претерпевая жестокие мучения, низверг на землю и уничтожил величайшего бога Зевса, солнценосного Аполлона, сокрушил уже в третий раз и самого Геркулеса[8400], непобедимого в брани, низложил – не руками, не оружием, не мечом, а одним только словом и призыванием Христа, претерпевшего крест и смерть.

Итак, если угодно твоему могуществу, восстановим бога Геркулеса, помогающего некоторым в бедах, и будем умолять его, чтобы, припомнив свое прежнее мужество, он пришел и помог так сильно обиженным Зевсу-отцу и Божественному Аполлону: ибо сами они, мне кажется, спят крепким сном.

Правитель, не поняв насмешки, сказал:

– Так как я болен, то ступай один, умоляй за нас богов и возбуди их скорее против этого чародея Фирса.

Каллиник же продолжал:

– Но я думаю, что велика сила Бога, низвергшего их, и боюсь, что наши боги не в силах будут помочь даже и себе самим.

Тогда правитель, поняв, наконец, истинный смысл слов Каллиника, сказал:

– Ужели и ты, Каллиник, обольщен волшебством этого чародея?

Каллиник, не желая ни продолжать начатый разговор, ни скрывать долее свою веру, тотчас же отправился домой, остриг волосы на голове и бороду, снял одежды своего сана и, принесши всё это к правителю, бросил к его ногам.

– Возьми, правитель, – сказал он, – мои волосы и одежды, осквернённые смрадом и дымом жертв, пролитием крови и диавольскими таинствами: вместе с ними я отвергаю свое прежнее заблуждение и начинаю новую жизнь, ибо я – уже христианин.

Правитель был чрезвычайно удивлен этой неожиданною переменою в Каллинике.

– Что с тобою, Каллиник, – говорил он, – разве чудеса этого чародея возымели над тобою такую силу, что даже твою благородную душу, – душу служителя богов, получившего от них многие милости, отвратили от веры отцов и вовлекли в окончательную погибель?

Каллиник сказал:

– В перемене моей более всего виновен сам Геркулес, который совершив, как рассказывается о нем, столько побед, теперь не мог противостоять одному слову сего мужа и пал

столь жалким образом, показывая, что смеха достойны те басни, которые известны у людей о нем и о прочих богах.

– Вовсе нет, – возразил правитель, – но ты прельстился волшебством Фирса и надеешься, что и сам ты посредством чар будешь творить такие же чудеса. Однако ни тому волхву, ни тебе христианские волшебства не принесут пользы, если ты не раскаешься и не воздашь по-прежнему чести богам.

Каллиник, желая явным образом посрамить неразумие правителя и твёрдо надеясь, что и с ним, Каллиником, будет Бог, как и с Фирсом, сказал:

– Так как ты, правитель, в настоящее время болен, а меня считаешь обольщенным чарами, то обратимся, если тебе угодно, к великому Асклипию[8401] и вместе помолимся ему о твоем выздоровлении: тогда ты узнаешь, что я не обольщен никаким волшебством.

Правитель, не уразумев, как следует, слов Каллиника и думая, что жрец снова возвращается к своим богам, тотчас пошел с ним в храм. Когда они вошли туда, Каллиник начал молиться в душе, говоря:

– Господи Иисусе Христе, познанный мною, как Бог Истинный, через раба Твоего Фирса, и без числа мною прогневанный и несмотря на то, не отвергший меня! Восстань ныне в помощь мне и яви во мне силу Твою!

Когда он так говорил про себя, послышался некий глас свыше, укрепляющий его и призывающий к подвигу. И он, исполнившись дерзновения и призвав имя Христово, стал поносить идола Асклипия, и тотчас идол, как бы сверженный сильною рукою, упал к его ногам. Тогда Каллиник, взглянув на правителя, сказал ему с насмешкою:

– Видишь сам, что бог твой не может встать, если ты сам не поднимешь его. Убедись же, что это – не волшебство, а действие через меня силы Божественной.

Но правитель, хотя в душе скорбел о том и сожалел Каллиника, однако, велел заключить его в темницу, а наутро издал смертный приговор ему и Фирсу в таких словах:

– Каллиника, отпавшего от служения богам и от их почитания и приставшего к христианской лжи, повелеваю

умертвить мечом; Фирса же, гордящегося своими чудесами, и прельстившего ими окаянного Каллиника, повелеваю положить в деревянный ящик и перепилить пилою.

Каллиник немедленно был выведен воинами на казнь. Он испросил себе времени на молитву и, после продолжительной молитвы, был усечен мечом. Затем, когда мучители положили святого Фирса в ящик и взяли пилу, чтобы перепилить его, то пила сделалась в руках их необычайно тяжелою, так что они едва могли поднять и водить ею, а между тем на дереве ящика она была так легка, что не оставалось даже следа от ее зубьев. Долго, до пота трудились мучители, но ничего не добились; наконец, ящик внезапно открылся, и святой вышел из него с светлым лицом и сердце его было полно неземной радости. Стоявшие вокруг пришли в ужас, и никто не смел коснуться святого, ради совершившегося чуда. И был слышан глас свыше, призывавший мученика к небесной награде. Уразумев, что наступил конец подвига, святой воздвиг руки, а вместе и ум свой к небу и воскликнул:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что Ты меня недостойного принимаешь, как наследника благ Твоих, и поставляешь меня в числе благоугодивших Тебе. Приими же ныне в мире душу мою и введи ее во святые обители Твои к неизреченному блаженству, Тобою даруемому!

Затем, осенив себя крестным знамением, Фирс предал в руки Божии святую душу свою. Таким образом, тот, которого не могли умертвить многочисленные жестокие мучения и истязания, окончил жизнь свою естественною смертью.

По прошествии многих лет, воцарился жестокий Диоклетиан[8402], и опять повсюду разослан был императорский указ о том, чтобы все принимали участия в поклонении идолам, а отказывающиеся предавались бы смерти. В то время в Фиваиде[8403] правителем был некто Арриан. Стараясь в точности исполнить нечестивое повеление жестокого царя, он, во время пребывания своего в городе Антиное, схватил двух знатных христиан, Аскалона и Леонида, и, после различных мучений, предал их смерти. Затем он велел схватить всех

присутствовавших там христиан и, разложив перед ними орудия пытки, сказал:

– Вот, двоякая участь ожидает вас: принесите жертвы богам, и тогда вы останетесь целыми и свободными, если же откажетесь повиноваться, то будете преданы на мучения и даже на смерть.

Лишь только правитель сказал это, тотчас тридцать семь мужей, смело и единодушно выступив вперед, изъявили готовность скорее умереть, чем повиноваться безбожному повелению. Но, после многочисленных пыток, один из них, по имени Аполлоний, церковный чтец, от вида многоразличных мучений, пришел в ужас и, то трепетал при мысли о предстоящих мучениях, то боялся погубить свою душу, отпадши от Христа. Он стал раздумывать, как бы ему избегнуть и жертвы идолам и лютых мучений, так чтобы и душу спасти от власти диавола, и тело избавить от рук мучителей. В то время, как он колебался таким образом, около него стоял один язычник, по имени Филимон, служивший музыкантом у правителя.

Заметив его, Аполлоний подозвал его к себе и пообещал ему четыре золотых монеты, если он, под видом его, Аполлония, принесет жертвы, прикрывшись его одеждою, чтобы не быть узнанным. Филимон согласился: оделся в одежду Аполлония и, прикрыв лицо, пошел к жертвеннику. Но, Бог, дивно промышляющий о спасении всех людей, восхотел привлечь к себе через Аполлония Филимона, а через Филимона Аполлония. И когда Филимон в одежде Аполлония приближался к идольскому жертвеннику, в сердце его воссиял свет благодати Господней, и отверзлись его духовные очи к познанию истины. Осенив себя крестным знамением, как христианин, он стал пред правителем. Последний спросил окружающих:

– Кто это?

Они ответили ему:

– Один из христиан.

Правитель велел ему принести жертву, но он громогласно воскликнул:

– Не принесу! Я – христианин, раб Христа, Бога Живого.

Правитель сказал:

– Разве ты не видал недавно, какие мучения претерпели Аскалон и Леонид и какою лютою смертью они погибли?

Филимон, под видом Аполлония, отвечал:

– То самое именно, что Аскалон и Леонид, пострадавшие недавно за Христа, оставили нам пример мужественного терпения, это и было для меня побуждением безбоязненно идти на муки. К сему побудило меня еще то чудо, которое совершилось на твоей ладье, когда ты хотел переехать через реку, а ладья остановилась посреди реки, на самой глубине, и не могла дойти до берега – за то, что ты не хотел назвать Христа Богом[8404].

Тогда правитель велел призвать музыканта Филимона, надеясь, что он своею игрою на флейте очарует и смягчит дух христианина, легко даст другое направление его мыслям и склонит его к жертвоприношению идолам. Не знал он, безумный, что пред ним и есть сам Филимон, и что он говорит своим настоящим голосом, так как ранее правитель слышал только игру его на различных инструментах, а теперь услыхал его раздельную речь, внушенную ему Духом Святым. Филимона между тем всюду искали и не нашли. Призвали брата его Феона и стали спрашивать, где находится Филимон. Он же, узнав брата в одежде Аполлония, но не зная ничего о происшедшем, сказал:

– Вот Филимон стоит перед вами.

Правитель приказал открыть лицо стоящего и, увидев Филимона, начал громко смеяться, думая, что Филимон сделал это в насмешку над христианами и для того, чтобы потешить присутствующих. Затем он велел Филимону сбросить чужую одежду и идти вместе с ним к жертвеннику. Но Филимон объявил, что он – действительно христианин, и стал смеяться над языческими богами. Судия был чрезвычайно удивлен этим и, смотря на Филимона, воскликнул:

– Во имя благополучия народа римского, – правда ли то, что ты сейчас делаешь и говоришь, Филимон, или это придумано тобою в насмешку над христианами?

Филимон отвечал:

– Клянусь не римским благополучием, а своим собственным спасением и Владыкою моим Царем Христом, что я не смеюсь над христианами, а заявляю о действительной перемене, происшедшей в моем сердце, и исповедую мою веру во Христа и утверждаю, что за это исповедание я готов умереть не один раз, а тысячи.

Эти слова привели правителя в бешенство, и он, обратившись к окружающим, спрашивал их, нужно ли убить Филимона немедленно за то, что он всенародно поносил богов, или дать ему время на размышления и раскаяние. Народ, любивший Филимона за его прекрасную игру на флейте, умолял правителя не губить утехи всего города. Тогда правитель сказал Филимону:

– Смотри, как любит тебя народ: тебя называют «общей утехою». Итак, хотя бы из благодарности за это, соверши привычное для тебя дело, – принеси жертву богам, хранителям города. Вот, наступает великое празднество, на котором и тебе следует на трубах и свирелях воздать хвалу богам и тем возвеселить самого себя и усладить наш слух.

– Этот праздник ваш, – сказал Филимон, – приводит мне на память праздник, совершаемый на небе, а звуки труб возбуждают во мне желания услышать Ангельские песнопения. Знай же, что ты напрасно трудишься, стараясь отвратить меня от моего исповедания: таким путем ты не только не добьешься никакого успеха, но, напротив, возбудишь в моем сердце еще большее стремление ко Христу.

Правитель сказал:

– Но если ты даже и претерпишь, как обещаешься, все муки за Христа, – что приобретешь ты этим, когда ты – не вполне христианин, так как не принял подобающего по их закону крещения?

Услышав это, Филимон воскликнул:

– О да пребудет со мною огонь духовный, возженный в сердце моем! Правитель! Какою благодарностью обязан я тебе за то, что ты, хотя и против своего желания, облагодетельствовал меня, напомнив мне о святом крещении!

Сказав это правителю, он вышел на средину собрания и громко возгласил:

– Если между вами есть иерей христианский и если он ради истинной веры пренебрегает мучениями, то умоляю его: пусть идет скорее сюда и преподаст мне святое крещение!

Видя, что все одержимы страхом и никто не отваживается подойти к нему и объявить себя христианским священником, он болел сердцем и, наконец, с горячими слезами воззвал к Богу:

– Боже мой, Господи Иисусе Христе, милостиво призревший на меня и воззвавший меня из глубины заблуждения! Не оставь меня без святого крещения, но, каким ведаешь образом, пошли мне иерея и воду, дабы я крестился, как и прочие христиане!

Тотчас после его молитвы, спустилось сверху облако и, окружив трижды, оросило его дождем, знаменуя тем над ним святое крещение, и затем опять поднялось кверху. Все пришли в изумление; ослепленный же злобою правитель сказал, что это – волшебство и помрачение очей.

Потом святой помолился о том, чтобы все его свирели и трубы, отданные им Аполлонию в то время, как оба они менялись между собою одеждами, были сожжены, и чтобы таким образом не оставалось никакой памяти о его суетном искусстве, и никто из язычников не мог бы уже сказать:

– Вот трубы Филимона.

И действительно, огонь, сшедший с неба, зажег и уничтожил их все на глазах у Аполлония.

Между тем приближался час страданий и для самого Аполлония, так как брат Филимона Феон, явившись к правителю, подробно рассказал ему о том, как Аполлоний одел Филимона в свою одежду, и, заставив его, вместо себя, пойти на подвиг исповеднический, сделался виновником его погибели. Немедленно был приведен и Аполлоний, и правитель Арриан, посмотрев на него с великим гневом и угрозою, сказал:

– Что это такое, негоднейший из людей? Что сделал ты с нами, со всем городом и с этим жалким человеком? Ты, из гордости презирая богов и законы, а по трусости уклоняясь от мучений, обменялся с ним одеждами и каким-то волшебством извратил его сердце и лишил весь город его великой утехи.

Если ты боялся мук, то тебе следовало бы прийти ко мне и открыть мне свою душу, и я, по закону человеколюбия, простил бы тебе все и оставил бы тебя жить на свободе и беспечально.

На эти слова правителя Аполлоний отвечал:

– Хорошо и правильно поступаешь ты, укоряя и злословя меня, и я против этого не буду говорить ничего: я и сам считаю себя виновным – но не в том, что я сделался причиною столь великих благ для Филимона, а в том, что не себе первому исходатайствовал я эти блага – и не в том, что он явился в моей одежде, а в том, что сам я скрылся под его одеждою. Но так как оба мы волею Божиею облеклись в ризу спасения[8405], то знай за несомненное, что ни Филимон, ни Аполлоний никогда не принесут жертвы вашим богам; и если я ранее боялся мучений, то теперь, с помощью Бога моего, явлю тем большее мужество.

Разгневанный этими словами, мучитель велел, связав Аполлония, оставить его в этом положении для более жестоких мучений, а пока приказал трем воинам бить Филимона по лицу и глазам. Народ, увидя, как бьют Филимона, вознегодовал и кричал воинам, чтобы они перестали. После того правитель сказал Филимону:

– Пожалей себя, Филимон, или же, по крайней мере, пожалей народ, который терзается из-за тебя сердцем. Тебе должно размыслить о том, что если народ так возмущен, видя это малое твое мучение, то что будет, когда тебя подвергнут еще большим мукам? Принеси жертву, Филимон, и вознагради себя за настоящее страдание имеющими последовать затем наслаждениями, так как мы будем пиршествовать в храме Сераписа[8406] и предадимся всяким наслаждениям.

– Мне уготована вечеря на небе, – отвечал Филимон, и затем, обратившись к народу, сказал:

– Зачем скорбите, видя, как меня бьют? Разве не били нас приближенные правителя, когда я был еще среди вас флейтистом? Иногда они делали с нами и хуже, а вы громко смеялись: почему же не потешаетесь теперь? Но знайте, что в то время, как вы скорбите, Ангелы радуются за меня, видя меня христианином и чтителем истинной веры.

Мучитель, видя непреклонность Филимона, велел просверлить голени ему и Аполлонию, связать их веревками и влачить мучеников по всему городу. Затем Филимон был повешен на масличном дереве, и в него стреляли из лука, но стрелы не касались его, а одна из них отскочила к правителю и выколола ему правый глаз. Лишившись глаза и чувствуя сильнейшую боль, он изрыгал многие хулы и злословия на Христа и христиан, но, наконец, вынуждаемый болью, велел отвязать мученика и умолял его исцелить ему глаз. Но святой отвечал:

– Сейчас я не стану исцелять тебя для того, чтобы ты не вздумал приписывать полученное тобою благодеяние волшебству. Но когда я разлучусь с телом – ибо конец мой близок – ты придешь на мою могилу и, взяв с нее земли и приложив к глазу, призовешь имя Христово, и тотчас он исцелится.

После того, по приказанию правителя, обоим мученикам, Филимону и Аполлонию, отсекли головы, и честные тела их были положены близ святых мучеников Аскалона и Леонида. А мучитель, глаз которого болел невыносимо, пришел, хотя и против своего желания, к могиле святых и, взявши земли с нее, согласно с словами Филимона, приложил к своему больному глазу и сказал:

– Во имя Твое, Иисусе Христе, ради Коего сии мученики добровольно пошли на смерть, возлагаю землю на око мое и, если, исцелившись, я буду видеть, то и сам исповедую, что нет иного бога, кроме Тебя.

Как только он сказал это, тотчас же получил двоякое исцеление – глаза и души: глазом он увидел солнце, а душою узрел светлейшую солнца Правду, и пошел, радостно восклицая:

– Я – христианин!

Это он исповедал при многих свидетелях и принял святое крещение со всем своим домом, а тридцать шесть христиан, содержавшихся за Христа в узах, отпустил с миром. Затем, взяв плащаницы[8407] и драгоценные благовония[8408], он со множеством

народа и двумя епископами пришел на могилу святых мучеников и с честью совершил погребения их.

Между тем слух о том, что Арриан из язычника сделался христианином и не хочет уже более приносить жертвы богам, достиг до Диоклетиана. Император послал в Кесарию четверых протикторов[8409], которым приказал привести Арриана, желая сам расследовать, правду ли о нем говорят. Протикторы, взявши Арриана, торопили его скорее отправиться в путь, но он умолял их позволить ему сходить ко гробу святых мучеников, и так как они не соглашались, то он дал им восемьдесят золотых монет и был, наконец, отпущен ими на могилу. Пришедши туда, он пал ниц и умолял святых мучеников помочь ему в подвиге. И вот из гроба послышался голос Филимона, говоривший:

– Мужайся, Арриан, и не бойся, ибо Сам Господь призывает тебя к Себе и ведет к подвигу и готовит тебе венец мученический, – и участниками в твоем подвиге и воздаянии за него ты будешь иметь тех самых четырех протикторов, которые пришли взять тебя.

Услышав этот голос, Арриан пришел в ужас, и вернувшись домой, вдохновленный благодатью Господнею, предсказал своим домашним о времени и образе своего мучения. Он призвал своих слуг и сказал им:

– Вы пойдете с нами до Александрии, а затем меня поведут к императору и, при помощи Божией, я совершу свой подвиг. В восьмой день месяца Фаменофа[8410] я буду зашит в мех и брошен в море. А вы в одиннадцатый день того же месяца, в шестом часу, выйдите на берег: там найдете вы мое тело, вынесенное на сушу дельфинами, возьмите его и положите с прочими мучениками.

Затем Арриан отправился в путь с протикторами и, прибыв к царю, сначала был принят им ласково. Но вскоре, после его прибытия, для императора приготовлена были баня, пред зданием которой стояла статуя Аполлона, и царь, отправляясь туда, взял с собою и Арриана. После мытья, выходя из бани и приближаясь к статуе, император сказал Арриану:

– Принеси жертву великому богу Аполлону, и пойдем с веселым сердцем на вечерю.

Арриан отвечал ему:

– Как могу я сделать это после столь великих и многих чудес, совершенных Христом, истинным Богом, которые суть не басни, а несомненная истина? Свидетели их – мои глаза: как же могу я принести жертву бездушному и бесчувственному идолу?

Разгневанный царь велел тотчас же связать Арриану руки железными цепями, привязать к ногам большие камни, бросить его в глубокую яму и, засыпав землею и камнями, сравнять насыпь с землею. Наверху же засыпанной ямы он велел поставить свой трон и сел на нем, приказав воинам играть около себя на трубах, и говорил:

– Посмотрим, придет ли его Христос и освободит ли его из этой ямы.

Потом он пошел во дворец, вошел в свою опочивальню и увидел железо и камни, которые были навязаны на Арриане, висящими над своей постелью, а самого Арриана лежащим на постели.

При виде этого, император пришел в ужас и смятение и подумал, что кто-нибудь из своих же изменил ему и строит тайные козни. Но святой Арриан сказал ему:

– Не смущайся: никто не изменял тебе и не восставал против тебя; но я – действительно Арриан, ввергнув которого в яму, ты говорил: «Посмотрим, придет ли его Христос освободить его». И вот, Христос освободил меня и повелел мне лечь на твоей постели.

Изумленный Диоклетиан долго стоял молча и, наконец, едва опомнившись, в страхе и смятении громко воскликнул:

– О лукавое волшебство! Никто до этих пор не видал ничего подобного!

И многое другое говорил и кричал он и, наконец, приказал завязать святого в мех с песком и бросить в море на глубоком месте. Между тем четыре упомянутых протиктора, старейшим из которых был Ефотих, явились к императору и объявили себя христианами. Они также были завязаны в мехи с песком и брошены в море вместе с Аррианом; дельфины[8411] же, приняв на себя их тела, отнесли их на Александрийское взморье, где слуги Арриана, по его завещанию, ожидали их на берегу. Они

взяли из воды тела своего господина и четырех протикторов и с честью погребли их все вместе[8412], славя Бога – Отца и Сына и Святого Духа, Коему и от нас да будет слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Благочестия веры поборницы, злочестиваго правителя оплевавше, обличисте зверообразное его кровопролитие: и победисте того яростное противление, Христовою помощию укрепляеми, Фирсе и Левкие: с пострадавшими о нас молитеся.

Страдание святого священномученика Елевферия и матери его Анфии

Память 15 декабря

Во время царствования Елия Адриана[8413], бывшего ревностным идолослужителем, воссиял, как бы светлая звезда, дивный Елевферий. Родился он в Риме от знатных и богатых родителей. Отец святого Елевферия три раза был назначаем военачальником, матерь же его стала достойною еще большей чести и славы, так как, просвещенная святым Апостолом Павлом, приняла от него крещение и была наречена Анфией. Она назвала сына своего Елевферием и стала воспитывать его в строгом благочестии; когда же он стал приходить в возраст, она руками папы Римского Анаклета[8414] посвятила его Богу, как дар воистину достойный Господа. Архиепископ, видя, что Елевферий – отрок благонравный, принял его в свой клир, и когда ему минуло пятнадцать лет, посвятил его во диакона, а потом на восемнадцатом году рукоположил во священника; когда же святому наступило двадцать лет, архиепископ Никита назначил его епископом Иллирика[8415]. Здесь святой епископ воссиял, как светильник на свещнице, и светил светом слова Божия, приводя многих к познанию Единого Господа. Но ненавистник – диавол не мог этого снести и с яростью восстал на святого с своею убийственною злобою.

Он внушил злочестивому царю Адриану восстать против истины и начать преследовать христиан, и прежде всего убить Елевферия; он также хотел уничтожить и всех лучших учителей благочестия, как лучшие плоды славы Христовой. И вот царь с грозным посланием отправляет некоего воеводу Филикса силою привести на царский суд Елевферия. Филикс, дойдя до Иллирика, улучил время, когда добрый пастырь в храме Господнем питал паству свою поучительным словом, и, окружив церковь воинами, вторгнулся внутрь храма, дыша яростью и злобно озираясь. Увидя же Елевферия изливающим поток чистого учения и сладкогласно поучающим слушающих, он стал и сам внимательно прислушиваться и удивляться

проповедуемой им силе Христовой, и тотчас же, переменив ярость на кротость, имея ниву сердца своего способною к приятию семени слова Божия, стал как бы овцою и из гонителя учеником Христовым; как бы забыв всё прежнее, он из разбойника стал добрым и верным рабом Христа. Презрев повеление царское, он припал к ногам святого епископа, и после того уже не отходил от учителя своего, просвещаясь его проповедью и утверждаясь во благочестии.

Так Филикс от языческого нечестия обратился ко благочестью, и уже не помышлял возвратиться к пославшему его. Святой же Елевферий, желая пострадать за святую веру Христову, торопился в путь. Шел с ним и Филикс, но уже не как воевода, ведущий узника, но следовал за святым, как агнец за пастырем. Когда же во время пути они пришли к источнику, Филикс стал как бы вторым евнухом Кандакииным и, как тот от Апостола Филиппа (Деян.8:30–39), принял крещение от Божественного Елевферия и совлекся тьмы идолобесия, как бы некоей гнилой одежды.

Потом Филикс вместе с Елевферием отправились в путь.

Когда они пришли в Рим, христиане узнали, что Филикс присоединился к Церкви Христовой; он же рассказал им всё о Елевферии. И вот Елевферий, по повелению царскому, предстал пред судилищем. Он мужественно и безбоязненно пришел сюда, позванный как бы не на суд, а на праздник. Царь, взглянув на него, увидел, что он был еще юношею, благообразным и одаренным всеми естественными дарованиями, и сказал ему:

– Елевферий, ты, оставив отеческую веру и ни во что вменив почитания наших богов, почитаешь некоего нового Бога, Который не только при всех умер, но и умер лютейшею смертью.

Елевферий на эти слова ничего не хотел отвечать, подражая Христу, Который среди страданий ничего не говорил пред Пилатом и ничего не отвечал Ироду. Тогда царь снова проговорил:

– Отвечай же, зачем ты стал столь безумным, что присоединился к безумной христианской вере? Повинись мне и

принеси жертву нашим непобедимым богам. Если ты послушаешь меня и исполнишь это, я почту тебя великою честью; если же не исполнишь, осужу тебя на тяжкие муки.

Елевферий же призвал Господа, сказавшего: «Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить» (Мф.10:19, 21:15), – и отвечал:

– Как могу я служить таким богам или согласиться с теми, кто им служит? Не лучше ли мне посоветовать вам отступить от них? Но так как вы не хотите послушать меня, то нужно плакать о вашем безумии, ибо вы, будучи одарены от Бога разумом, стали хуже деревьев и каменьев, потому что стали их считать своими богами, оставив истинного Бога, премудростью Своею создавшего всю вселенную: ибо небо и земля – дело рук Его, а мы, – из того, что Он создал, – самое лучшее и благороднейшее творение. Между тем мы заблуждаемся в неведении, ходя как бы в ночи, и, не зная, что угодно или неугодно Господу, поднимаем брань против Него. А тех, кто поистине наши враги и супостаты, – говорю о диаволах, – о какое безумие считать их своими господами и богами и возносить им почести и жертвы! Я же прилепился Господу моему и всегда буду верен Ему и послужу Христу моему; всё же ваше, – почести ли то, или бесчестия и муки, я считаю детскою игрою или детскою угрозою. Для меня, как говорит мой учитель – святой Павел, – «для меня мир распят, и я для мира» (Гал.6:14) и умереть за Христа – для меня наслаждение и блаженство.

Тогда царь, исполнившись гнева, велел принести медный одр и подложить под него множество горячих углей, а на самый одр возложить нагим мученика, и до тех пор поддерживать огонь, пока он не погибнет. Когда был приготовлен одр, мученик сам лёг на него всем телом. Собравшийся же на сие зрелище народ, стал укорять мучителей за эти пытки и говорил:

– Зачем сей честный, благородный и известный своею мудростью муж так жестоко погибает, как какой-либо злодей?

Бог же свыше облегчал страдания мученика, который радовался, как бы охлаждаемый росою и как бы почивал на цветущих розах. Тогда царь, укротив немного свою ярость,

повелел снять с одра тело мученика, думая, что он уже умер. Мученик же встал с одра живым и здоровым, нисколько неповрежденным от огня; весёлый и ликующий – он воспевал: «Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царь [мой], и благословлять имя Твое во веки и веки… Род роду будет восхвалять дела Твои и возвещать о могуществе Твоем» (Пс. 144:1, 4).

Так прославив Бога, Елевферий еще дерзновеннее предстал пред мучителем и сказал:

– О царь, смотри на меня, кого ты считал сожженным огнем, и познай проповедуемого мною Христа Бога, познай и немощь своих богов.

Царь же, вменив эти дерзновенные и свободные слова мученика за бесчестие для себя, и считая себя побежденным, стал изобретать еще большие муки. Итак, на середину снова была вынесена железная решётка; под нею был зажжен огонь, сверху же ее поливали маслом, и таким образом она была в сильном пламени. Но лишь только на эту решетку положили мученика, огонь тотчас же погас, угли остыли, железная же решётка стала холодною, как будто она была облита не маслом, а водою и, таким образом сохранила мученика целым. Но что же? Угасла ли вместе с этим ярость царя? Нисколько. Объятый лютою яростью, он не стал лучшим: как бы слепой, он имел только одно намерение – мучением святого угодить своим богам, кои были в сущности бесами и человекоубийцами.

Потом царь велел принести сковороду, растопить на ней воску, смолы и сала, и поджигать ее на сильном огне, дабы снова положить на нее святого. Когда всё это было исполнено, и сковорода разожглась и воск кипел, мученик встал на нее, намереваясь перенести все эти муки. Но царь сказал ему:

– Елевферий, находясь между смертью и жизнью, поспеши избрать себе полезное. Ведь я очень забочусь, дабы ты не погиб лютою смертью, и люблю тебя, как своего родного сына. Не хочу также, – клянусь в том богами, – чтобы муж столь благородный, столь благонравный, красноречивый и прекрасный сам себя безрассудно подвергал погибели, – и не из-за чего-

либо другого, как только из-за гордой, суетной и бесполезной непокорности.

Мученик же, стоя пред царём, стал говорить ему с дерзновением; отвечая на хитрое ласкательство его, он поносил его, называя его волком, нападающим на овец Христовых. И при этом прибавил:

– Что бы ты ни делал, – ты не убедишь меня оставить моей благочестивой жизни.

Тогда Адриан, пришедши в ярость, оставил слова и приступил к делу. Он снова повелел положить его на сковороду. Когда это было исполнено, совершилось то же, что и прежде: огонь претворился в росу, и прохладный ветер стал охлаждать святого мученика. Адриан же, видя, что всё делается вопреки его воле, не знал, что предпринять и, сидя, стал раздумывать. В это время находился здесь городской епарх, по имени Корив; это был человек богоизбранный: он уже отчасти был знаком с христианским учением, знал, как воевода Филикс стал христианином и вообще, как бы некое семя, уже принял в сердце свое начатки христианской веры, но, всё еще следуя языческому нечестью, весьма потворствовал царю.

Увидев царя весьма смущенным и не знающим, что делать с мучеником, он посоветовал ему, чтобы он повелел разжечь медную печь, испещренную острыми железными прутьями, и ввергнуть в нее Елевферия. Когда печь была накалена, мученик, возведя свои телесные и душевные очи горе и весь ум вперив на небо, исполнился неизреченной радости и произнес:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе Боже мой, что Ты сподобил меня столь великих благ, что препоясал меня силою Своею и укрепил меня на сии страдания за святое имя Твое. И ныне призри с небес и виждь, как совещаются против меня ненавидящие меня, и избавь душу мою от их козней и от мужей кровей[8416], ибо Ты благ; сохрани меня, да все знают Тебя Единого Бога по всем концам вселенной.

Потом, подобно святому первомученику Стефану, который молился о побивающих его камнями, Елевферий стал так молиться за мучителей своих:

– О Премилосердый Владыка: коснись сердца их, дай познать им святое имя Твое и да познают Тебя Единого истинного Бога и оставят пагубное поклонение идолам, ибо Ты благословен вовеки, аминь.

Когда мученик так молился, Корив внимательно прислушивался к словам его молитвы, и тотчас же от этих благочестивых слов, как от горящих углей, сердце его воспламенилось и он совершенно изменился. Он приступил к царю и сказал:

– Зачем неповинно, как за какое-нибудь злодеяние, подвергается Елевферий таким мукам? И за какую вину предается такой лютой смерти?

Царь, услышав эти неожиданные слова Корива, возмутился сердцем и, яростно взглянув на него, сказал:

– Ты ли это, всем нам известный Корив? Что сделалось с тобою? Или ты прельстился золотом, взятым у матери его, что так неожиданно тебя изменило? Разве тебе недовольно моих даров, богатства, славы, чести и имений, кои тебя сделали славным по всему Риму? Или ты желаешь большего от меня? Это для тебя невозбранено. Вот все мои сокровища перед тобой открыты: – почерпай обеими руками, сколько тебе угодно, но не позволяй быть тайно подкупленным женщиной за ничтожное золото.

Корив же, воодушевившись благим намерением и просвещенный молитвою мученика, воскликнул:

– Да будет золото твое тебе в погибель, ибо от него возгорится огонь вечный! Зачем же самовольно ты так ослепляешься и хочешь поколебать то, что непоколебимо? Ведь ты хорошо знаешь, что ни один из твоих богов не может сохранить от огня здесь стоящих, а Бог, Коего почитает Елевферий, соделал его крепче огня и выше всякой иной муки.

Услышав эти слова, мучитель воспламенился неизъяснимою яростью (поистине большая дружба родит иногда и великую ненависть). Он приказал в эту же ночь бросить епарха в ту самую печь, которую тот посоветовал приготовить для Елевферия. Когда Корив был уже около печи, он воскликнул мученику Елевферию:

– Помолись за меня и вооружи меня тем же оружием Христовым, коим ты вооружил и воеводу Филикса.

А потом, будучи назнаменован крестным благословением от мученика, он был ввержен в печь, но остался в ней невредимым, и через час вышел из нее, славя Бога. Наконец, Адриан, изнемогши в своей ярости, повелел Кориву отсечь главу, – и так он приял свою мученическую смерть и в малое время приобрел сокровище, для многих столь вожделенное.

В ту же ночь и Елевферий был ввержен в печь; в ней его стали влачить по острым железным прутьям, но огонь, как и прежде, погас, печь остыла, а железные острия переломились, как будто воздавая честь телу мученика; все сие, обличая душевную слепоту мучителя, привлекало близ стоящих к познанию Господа, творившего столь преславные чудеса.

Тогда все стоявшие здесь воскликнули:

– Велик Бог христианский, проповедуемый Елевферием!

И снова мучитель был в великом недоумении, что делать, и повелел мученика отвести в темницу. Сам же, собрав советников своих, весь день совещался, как бы погубить Елевферия. А святой мученик Елевферий томился в темнице от голода; но Тот, Кто некогда питал Даниила через Аввакума и Илию через ворона (Дан.14:37; 3Цар.17:6), – Сей и Елевферия не допустил умереть от голода. Господь питал его Ангельскою пищею, посылая ее в темницу при помощи голубя. Наконец, мучитель велел привести диких волов и привязать к ним мученика, дабы, влачимый и терзаемый ими, он был таким образом умерщвлен.

В то время, как всё это происходило, Ангел Господень, сошедши с неба, отвязал святого от волов и, восхитив его из рук мучителей, возвел его на одну гору, находящуюся недалеко от города: это было пустынное место, и в нем находилось множество зверей. Но святой мученик Елевферий, воссылая хвалу Господу, жил с ними, как бы с овцами: мимо его проходили львы, медведи даже ласкались к нему; как будто зная голос его, они, как рабы за господином, всюду следовали за ним, служа и охраняя его. Но через некоторое время о святом узнали охотники на зверей; дошла об этом весть и до

Адриана. Тогда он послал воинов схватить Елевферия. Когда воины нашли святого, звери устремились на них, как бы на врагов господина своего, и едва не растерзали их, но Елевферий запретил им это и повелел удалиться в пустыню. Сам же, с радостью, идя с воинами на казнь, как бы на званный пир, беседовал с ними о Царствии Божием и о геенне огненной, уготованной идолопоклонникам.

На пути Елевферий просветил их учением Христовым и крестил, а с ними и других – до пятисот уверовавших. По приходе в Рим, он был осужден на съедение зверям. Когда святого привели на место казни, на него сначала выпустили львицу, а потом льва; но они, как овцы, были кротки и стали лизать его ноги; и как они могли коснуться его, когда, по Божию повелению, в пустыне так много зверей служили ему, как господину своему? Увидя это, весь народ воскликнул:

– Велик Бог Елевфериев!

Другие же порицали св. мученика, называл его волхвом и чародеем, но их внезапно постигла казнь Божия: некоторые из этих хулителей онемели. Мучитель же, не зная, что более делать, повелел усечь мечом главу святого. И когда это было исполнено, матерь Елевферия Анфия, которая всё время с радостью смотрела на подвиг своего сына, обняв его мёртвое тело, стала лобызать его. Ликуя и благодаря Бога, что приятая от нее кровь излилась за Христа, она и сама, усеченная мечом, пала мёртвою над телом сына своего. Верующие же из Иллирика, находившиеся здесь и римские, взяв святые тела угодников Божиих, с честью погребли их, прославляя Господа, Коему да будет слава вовеки[8417]. Аминь.

Кондак священномученика, глас 2:

Яко удобрение священников преподобне, и предувещание страстотерпцев вси восхваляем, и просим тя священномучениче Елевферие: любовию память твою празднующыя, бед многообразных свободи, моля непрестанно о всех нас.

Житие святого Стефана Исповедника, архиепископа Сурожского

Память 15 декабря

Преподобный отец наш Стефан родился в Каппадокии Великой – от христианских родителей, которые воспитали его в добром наказании. С детского возраста он отличался благонравием, удаляясь от обычных детских забав. Семи лет родители отдали его для обучения грамоте; он оказался способным к учению, и в скором времени хорошо навык в Божественном Писании. Когда же ему исполнилось пятнадцать лет, он удалился из своего отечества и пришел в Царьград, желая там докончить свое образование. Сие было при царе Феодосии Адрамитене[8418] и св. патриархе Германе. Там св. Стефан продолжал усердно учиться и, обучившись философским наукам, превзошел мудростью многих – даже самих учителей, – так что все удивлялись его премудрости.

Услышав о Стефане, св. Герман, патриарх Цареградский, призвал его и, благословив, спросил, из какой он страны. Стефан всё рассказал ему о себе. Полюбив его благонравие, премудрость и смирение, патриарх оставил Стефана жить у себя. Несколько лет прожил блаженный Стефан у патриарха, служа святой Церкви и живя в воздержании и чистой совести. Потом он, тайно от всех, ушел из Царьграда и, придя в некоторый монастырь, принял там иноческое пострижение и подвизался в добродетелях. Затем, возжелав безмолвнейшего жития, удалился из монастыря и, найдя уединенное и никому неизвестное место, прожил там довольно времени, работая Богу в посте и молитвах.

В то время преставился епископ, который был в городе Суроже[8419], и вот жители Сурожа пришли в Царьград к святейшему патриарху Герману, прося для Сурожа епископа. И когда происходило рассуждение о поставлении епископа, явилось несогласие, так как одни желали одного, другие – другого. Сурожане же просили царя и святейшего патриарха

дать им епископа, могущего хорошо управлять церковью, «Ибо, – говорили они, – умножились ереси в городе нашем».

Однажды, когда святой Герман ночью стоял на молитве, явился ему Ангел Господень и сказал:

– Завтра пошли в то пустынное место, где живет избранник Божий Стефан: его поставь епископом для Сурожа, ибо он хорошо может пасти Христово стадо и привести еретиков к истинной вере. Я же и к нему послан от Бога, с повелением, чтобы он ни в чем не ослушался тебя.

– О господин, – сказал патриарх, – как я узнаю место, где живет избранник Божий Стефан?

Тогда Ангел, взяв одного из слуг патриарха, показал ему местопребывание святого, а слуга, возвратившись, поведал сие патриарху.

К святому же Стефану, который в то время в скрытом месте своем молился Богу, явился тот же Ангел Господень в белой одежде, – и убоялся св. Стефан и в трепете пал от страха на землю.

Взяв святого за руку, Ангел успокоил его, сказав:

– Я – Ангел Господень и послан от Христа Спасителя возвестить тебе радость и повелеть идти в город Сурож, чтобы ты научил людей Христовой вере. Завтра патриарх призовет тебя и, посвятив, пошлет туда архиепископом, ты же не ослушайся его, да не прогневаешь Бога.

Затем, преподав ему мир, Ангел возшел на небо.

На другой день патриарх послал со слугою двух пресвитеров – за святым Стефаном, и те с великою честью привели его к патриарху.

С радостью встретил патриарх св. Стефана, и посвятив, поставил его архиепископом Сурожа и отпустил на корабле в порученную ему епархию.

Прибыв в город Сурож и вступив на архиепископский престол, св. Стефан стал поучать людей от Божественного Писания и в продолжение пяти лет крестил весь город Сурож и все его окрестности.

В то время в Царьграде воцарился Лев Исаврянин и воздвиг иконоборство[8420], будучи научен сему двумя евреями.

Сначала он повелел святые иконы ставить высоко, говоря:

– Кто чист, пусть целует их.

Потом повелел поднимать иконы на воздух, поясняя, что не следует пригвождать иконы к стене. И многое другое предпринимал окаянный против почитания св. икон. Святой патриарх Герман много увещевал его, чтобы он оставил свое злое начинание, беседуя об этом на основании священных книг[8421]. Придя в ярость от увещаний, иконоборец открыто проявил яд свой, который дотоле скрывал в сердце своем, и усиленно начал изгонять святые иконы, хулить их и бесчестить.

Затем Лев разослал по всему городу и по многим окрестным местам указы, чтобы все так же поступали со святыми иконами, и говорил:

– Если кто будет мне противиться, того я буду мучить различными муками и предам смерти.

В царствующем граде тогда можно было видеть различные мучения православных христиан. Патриарха же Германа злочестивый царь послал в заточение, а вместо него поставил патриархом Анастасия, родом Сириянина, который был единомышленником с ним в его ереси.

Затем царь и патриарх отправили послов своих в Сурож к св. архиепископу Стефану с злочестивым повелением не поклоняться иконам и кресту. Святой Стефан отвечал послам:

– Да не будет сего; не допущу я людей своих отступить от закона Христова: не слушаю повеления ни царя, ни окаянного патриарха.

Ночью он пришел к послам на корабль и вместе с ними прибыл в Царьград.

Облачившись в одежды своего святительского сана, св. Стефан предстал пред царем. Царь спросил его:

– Кто ты?

Святой же отвечал:

– Я – архиепископ Сурожский Стефан.

И сказал царь:

– Видишь ли собор сей, восседающий со мною в великой чести? Они пожгли и порубили иконы: и ты послушай меня, и будешь в такой же великой чести с нами.

Святой Стефан отвечал:

– Да не будет сего. Хотя бы ты меня и сжег, или рассек на части, или какими-нибудь другими муками замучил, – за иконы и за Крест Господень всё готов претерпеть.

Затем святой сказал царю:

– Мы в книгах нашли некоторое пророчество, что в Царьграде явится злочестивый царь, иконоборец, сжигающий святые иконы. Но да не сотворит сего Бог в твое царствование!

– А нашли ли вы имя царя того? – спросил царь.

– Имя его – Коноп, – отвечал Стефан. И сказал царь:

– Справедливо, Стефан, ты нашел мое имя, ибо отец и мать назвали меня Конопом.

И сказал Стефан:

– О царь! Да не совершится сие в твое царствование. Если же ты совершишь сие, то будешь предтечею антихриста!

Услышав сия от святого, окаянный царь железною перчаткою избил его лицо, уста и зубы, восклицая:

– Как смел ты назвать меня предтечею антихриста?

И повелел царь схватить Стефана за волосы и за бороду, бить, влачить по земле и ввергнуть в темницу. Влекомый мучителями, святой воссылал благодарения Богу, и был ввергнут в темницу, где находились и иные святители. Затем царь снова повелел привести к себе Стефана.

– Как дерзнул меня назвать так Сурожский епископ! – говорил он. – С побоями притащите его сюда.

Святой предстал пред царем с семью епископами. Держа в руках своих икону Господа, Богородицы и Иоанна Предтечи, царь сказал святому:

– Почему ты назвал меня предтечею антихриста?

Святой отвечал:

– Потому, что ты творишь дела его; я уже сказал это и опять повторяю тебе то же.

Тогда царь плюнул на икону, стал топтать ее и сказал Стефану:

– Сделай и ты то же самое с сей иконой.

Святой же, прослезившись, сказал:

– Враг Божий, недостойный царства! Как не ослепли твои безумные очи и не отсохли беззаконные твои руки? Да отымет вскоре Бог царство твое и да прекратит жизнь твою.

Услышав сие, царь во гневе повелел бить святого Стефана. Потом привязали его к хвосту коня и повлекли в темницу; святой же воздавал благодарения Богу. Все заключенные в темнице молили Бога, и, по молитве святых, вскоре умер нечестивый царь и воцарился сын его Константин Копроним. Супруга его, слыша о добродетелях и чудесах святого Стефана, просила мужа своего – царя Константина – отпустить святого на престол свой. В то же время родился у царя сын, и святой Стефан крестил его. Наградив Стефана дарами, царь с великою честью отпустил его к пастве своей. Снова получил добрый пастырь престол свой и продолжительное время добре пас порученное ему стадо Христово. Затем, провидя свое к Богу отшествие, поставил он вместо себя архиепископом для Сурожа клирика своего Филарета и преставился к Богу в жизнь вечную, месяца декабря в 15-й день[8422].

Был в Суроже один человек, по имени Ефрем, – слепой от чрева матери своей, которому святой Стефан помогал пищею, питьем и одеждою. Услышав о смерти своего благодетеля, он заплакал, говоря:

– Кто теперь будет заботиться обо мне? Ведите меня, дабы я мог облобызать святые ноги его.

И когда он был приведен к телу преставившегося святого Стефана, с плачем и рыданием припал к ногам его – и тотчас прозрел. Сим чудом известил Бог об угоднике Своем, что он причтен со святыми к лику чудотворцев и исповедников. Святое же тело его святителями и всем Сурожским народом со многими слезами было с честью предано погребению, во славу всеми славимого и превозносимого Бога, вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Яко святитель со безплотными единожитель быв, священномучениче Стефане: восприем бо крест яко оружие, и став крепко сопротив иконоукорителя и духоборцев, не поклоняющихся пречистому образу Христа Бога нашего, и отсекл еси всяку ересь лукавых. Того ради прием мучения

венец, избавил еси град твой Сурож от всякия неприязни. И ныне молим тя святе, да избавиши нас от всяких злых искушений, и бед, и вечныя муки.

Кондак, глас 3:

Вышняго силою священне укрепився, царева низложил еси иконоборная шатания. Днесь Сурожу и нам верным предлежат слава и богатство, святыя твоя мощи: ихже свыше дароносят Ангельстии чинове, песньми и пением славословят тя, великий священный Стефане.

Память преподобного Павла Латрского

Память 15 декабря

Преподобный Павел Латрский происходил из города Элея[8423] от благородных родителей. В раннем возрасте лишившись отца своего, он воспитывался в обители святого Стефана во Фригии[8424]. Затем, похоронив в непродолжительном времени и мать, он, будучи еще отроком, посвятил себя всецело на служения Богу в одном монастыре, находившемся на горе Латре недалеко от Милета. Умерщвляя плоть свою, святой подвижник никогда не ложился на постель или рогожину, а склонившись на дерево или камень, предавался непродолжительному сну. Часто, для преодоления сна, он вешал два больших камня на спину и ходил до утрени вокруг монастыря, или, удалившись на берег протекавшего неподалеку ручья, под тенью дерева предавался слёзной молитве и богомыслию. Не довольствуясь и сими подвигами, чтобы всецело предаться Христу, преподобный Павел удалился на безмолвие в пещеру; потом вошел на высокую гору и поселился на ней. Один пастух, случайно обретший преподобного в его уединении, доставлял ему пищу. Преуспевая в духовном совершенстве, Павел стяжал от Бога дар прозревать в мир невидимый и творил чудеса. Слава о дивных подвигах и святом житии преподобного привлекла к нему многих подвижников, которые, поселившись у подошвы скалы, устроили монастырь. Император Константин Порфирородный[8425] часто писал к нему, прося его молитв и советов; Петр, царь Болгарский, и папа Римский[8426] почитали его за богоугодную жизнь. Тяготясь, что безмолвие его нарушается многочисленными посетителями, преподобный Павел дважды удалялся на остров Самос[8427], где им была основана лавра и восстановлены три монастыря, разоренные Агарянами. По вторичном возвращении в Латр, он предсказал час своей кончины. Потом сошел с горы и, благословив братию, с миром предал дух свой Господу[8428].

Тропарь, глас 4:

Яко безплотных единовсельника, и всем преподобным сообщника, всеславне Павле, поем тя, и молим тя: молися всегда о нас, яко да обрящем милость.

Кондак, глас 8:

От юности, мудре, яже паче смысла вожделел еси мужески, мирский мятеж оставил еси, и был еси Божественнаго ради жительства Троицы жилище, и просветил еси верою приступающыя тебе. Тем зовем: радуйся Павле пребогате.

Память святого мученика Елевферия Кувикулярия[8429]

Память 15 декабря

Святой Елевферий был родом из Византии и жизнь свою блистательно украсил цветами благочестия. Воспитание он получил при царском дворе, где вскоре достиг почетного положения. В это время он превосходил всех богатством и славою; но при всем том он не увлекался земной суетою. Памятуя о нетленном и вечном, а все земное вменяя в ничто, Елевферий предпочитал «быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс.83:11), обращая свой внутренний, умный взор к Богу, он ежедневно упражнялся в пении священных песней и украшал жизнь свою всякими добродетелями. Невыносимо было видеть то для врага душерастлителя[8430], и он внушил одному из рабов блаженного оклеветать пред царем господина своего.

Раб этот, явившись к царю, донес ему:

– Господин мой принял крещение, соорудил церковь[8431] и, веруя в Распятого, поносит царские указы; приобрел он много священных изображений, совершает службы христианскому Богу и постом, со слезами и земными поклонами, изнуряет свое тело.

Выслушав этот донос раба на господина, царь сильно разгневался и призвал к себе святого; но, когда святой явился, он, скрывая свою злобу, повел как бы мирную речь и сказал:

– Елевферий! Как это так случилось, что ты отдалился, оставил нас и пренебрегаешь нашей любовью к придворным вообще, и даже особенным к тебе моим вниманием?

На это святой ответил:

– Царь! Меня заставляют поступать так различные недуги тела моего.

Тогда царь сказал:

– Почему же ты один наслаждаешься в своем поместье благорастворенным воздухом? Нельзя ли и нам посетить тебя и насладиться вместе с тобою благами загородной жизни?

Блаженный не обратил особенного внимания на эти царские слова и не придал им надлежащего значения. К вечеру он удалился в свое любимое имение и, затворившись по обычаю в отдельной комнате, предался богомыслию, а когда уснул, то во сне увидел глубокую, как бы колодезь, пропасть, в которую сошел он и увидел там прекрасную церковь. Объятый трепетом от такого видения, Елевферий наутро опять отправился к царю. Царь опять начал прельщать его ласковою речью, стараясь поколебать его веру во Христа. Но, напрасно потратив слова и будучи не в состоянии совратить святого, царь приказал отсечь ему голову мечом, честное же тело его бросить на съедение собакам и птицам. Так блаженный Елевферий предал дух свой Богу. Тело же его, брошенное в небрежении, взял некоторый, священнического чина, христианин и, помазав его елеем и покадив фимиамом, предал погребению в нарочитом месте[8432].

Память преподобного Парда Отшельника

Память 15 декабря

Святой Пард[8433] был родом римлянин и в юности своей занимался извозным промыслом. Однажды он отправился со своими верблюдами в Иерихон и там устроился при гостинице. И вот в одно время, попущением Божиим, по действу врага рода человеческого, по недосмотру Парда, попал под ноги верблюдам, малый отрок: он был раздавлен ими и умер. Это несчастие сильно опечалило Парда и он, удалившись на гору Арион, постригся там в монахи и постоянно сокрушался, с рыданием повторяя:

– Я погубил отрока и должен быть осужден, как убийца.

Недалеко от того места, где жил Пард, в долине обитал лев, и святой отец ходил в его логовище, толкал зверя рогаткою, чтобы тот, рассвирепев, растерзал его. Но лев не причинял ему никакого вреда. Тогда старец, видя, что не достигает своей цели, решил лечь спать на том пути, по которому лев ходил к реке на водопой, надеясь, что зверь, проходя и увидя его, растерзает, и таким образом пострадав здесь, он избавится от мучения в будущем веке за убийство отрока. Как решил поступить святой, так и сделал: лег на пути, сняв с себя одежду и положив ее подле себя. И вот лев, проходя тою тропою, перескочил, как бы человек, через святого, молча и не прикоснувшись к нему. Тогда уразумел старец, что Господь простил ему грех тот и возвратился в свое местожительство на горе и оставался там во все годы последующей жизни своей и до самой смерти своей всегда и всем являл собою образец мужа благонравного.

Память святого пророка Аггея

Память 16 декабря

Святой пророк Аггей происходил из колена Левиина[8434] и родился в плену Вавилонском[8435]. Еще будучи в юношеском возрасте, он возвратился из Вавилона во Иерусалим и пророчествовал здесь со святым пророком Захариею тридцать шесть лет. Оба они жили за 500 с лишком лет до воплощения Христова. Святой Аггей был современником построения второго Иерусалимского храма, воздвигнутого на месте первого – Соломонова. Построение сего храма было предпринято по возвращении из плена Вавилонского Зоровавелем, предводителем Иудеев, отпущенных на родину царем персидским Киром, который назначил его правителем Иудеи. Сооружение храма было сопряжено с большими трудностями, ибо сему препятствовали Самаряне, участие коих в построении храма было отклонено Иудеями, желавшими сохранить чистоту и неприкосновенность богослужения от всего нечистого, языческого. Самаряне подкупили начальников некоторых персидских областей, и те клеветали на Иудеев пред двором Персидским. Но главным препятствием к успешному сооружению храма было то, что прежнее горячее усердие Иудеев охладело. Они устремили свою деятельность на другое, занялись строением и украшением собственных домов, полагая, что еще не приспело время строить дом Божий, представляли они и иные предлоги для оправдания своей беспечности. И вот в сие время посылает Господь к Иудеям пророка Аггея с обличением и угрозами, а также и обещанием высшей помощи и славным пророчеством о превосходстве и величии второго храма пред первым. С помощью Божиею и при содействии пророков Аггея и Захарии, Зоровавель преодолел козни врагов и бездеятельность Иудеев, и храм, начатый в 520 г. до Р. Хр., был окончен в 516 г., в шестое лето правления царя персидского Дария. «Руки Зоровавеля, – сказал Господь, – положили основание дому сему; его руки и окончат его, и узнаешь, что Господь Саваоф послал Меня к вам» (Зах. 4:9).

Всех речей пророка Аггея, относящихся к сооружению храма, – четыре[8436]. В них пророк возбуждает Иудеев к строению обличением их беспечности и нерадения о доме Божием и указанием безуспешности от сего в делах их, бесплодия земли и других наказаний Божиих; он возбуждал их также безопасностью и благовременностью строения, уверением присутствия и покровительства Божия в сем деле, величием и превосходством нового храма, необходимостью его для них и обещанием им благословения Божия за исполнение воли Господа. Величественно изображает пророк будущую славу сего храма и утверждение незыблемого царства на земле, царства Христова: «так говорит Господь Саваоф: еще раз, и это будет скоро, Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, и придет Желаемый всеми народами, и наполню дом сей славою, говорит Господь Саваоф. Мое серебро и Мое золото, говорит Господь Саваоф. Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф; и на месте сем Я дам мир» (Агг.2:6–10).

И еще было слово Господне к пророку: «скажи Зоровавелю, правителю Иудеи: потрясу Я небо и землю; и ниспровергну престолы царств, и истреблю силу царств языческих, опрокину колесницы и сидящих на них, и низринуты будут кони и всадники их, один мечом другого. В тот день, говорит Господь Саваоф, Я возьму тебя, Зоровавель, сын Салафиилев, раб Мой, говорит Господь, и буду держать тебя как печать, ибо Я избрал тебя, говорит Господь Саваоф» (Агг.2:21–24).

По кончине своей, святой Аггей с честью был погребен близ священнических гробов, ибо происходил из священнического рода. Был он мужем, совершенным в добродетели, и, как славный и великий пророк, был любим и чтим всеми. Имя его, в переложении с еврейского языка на русский – значит праздник или празднующий[8437].

Изображается святой Аггей старцем с благообразным лицом, обрамленным круглою бородою, глава его частью была лишена волос.

Житие блаженной царицы Феофании

Память 16 декабря

Блаженная Феофания родилась в Царьграде и происходила из царского рода. Родители ее – Константин, имевший сан иллюстрия[8438], и мать Анна, живя в честном супружестве, долгое время были бесплодны, почему всегда скорбели о том, что не имели детей. Сильно желая иметь плод своего супружества, они молились Пречистой Владычице нашей Богородице и, часто приходя в Ее всечестный храм, бывший в Форакии[8439], в прилежном молении изливали пред Нею сердца свои.

– Да разрешится, – молились они, – О Госпожа мира, бесплодие наше Твоим милосердием, и да приимем по ходатайству Твоему от Создателя чадородие!

И так как они просили с верою, то и получили просимое благодатью Той, к Которой усердно обращались с молитвою: они прияли разрешение своего бесплодия и родили дитя женского пола, которое назвали Феофаниею.

С шестилетнего возраста Феофанию стали обучать грамоте, и наставлять на всякое доброе дело. Еще в детские лета ее, можно было видеть ясные знамения будущих ее великих добродетелей и святости. Видя ее благонравие и ум, родители Феофании очень радовались и надеялись впоследствии утешаться ее благочадием. Поэтому они искали юношу, подобного ей по знатности рода, благонравию и уму, чтобы сочетать ее по закону браком, так как она уже приходила в возраст и больше сверстниц своих была украшена всеми дарованиями.

В это время царь Василий Македонянин[8440] выискивал прекрасную и добродетельную девицу для сочетания браком с сыном своим Львом Мудрым[8441]. Найдя Феофанию лучшею всех других девиц, он сочетал ее браком с сыном своим, уже объявленным наследником престола. Царский брак был совершен при всеобщей радости и ликованиях.

Спустя некоторое время, лукавый враг посеял плевелы в доме царском между отцом и сыном, и восстал с гневом великим отец на сына. Взявши его с супругою его Феофаниею, он заключил их в темницу и приставил крепкую стражу. Сие совершилось по тайной злобе и хитрому коварству Феодора Сантаварина, епископа Евхаитского, – волхва, которого царь Лев не любил.

Дело началось так: когда умер первенец царя Василия и старший брат царя Льва – Константин, царь Василий скорбел о нем и безутешно плакал, ибо очень любил его. Тогда вышеупомянутый волхв, видя царя в великой печали и желая его утешить, посредством своих волхвований показал царю умершего сына его Константина живым, – сидящим на коне и едущим к нему навстречу. Обняв руками сына и с любовью облобызав его, царь снова потерял его из виду, ибо волшебное привидение и мечтание исчезло. Удивился царь и ужаснулся и, сочтя видение за действительность, стал очень почитать Сантаварина и, считая его своим искренним другом, во всем его слушался. Юный же Лев, будучи благоразумен и богобоязлив, возгнушался тем волхвом и, ненавидя его, как врага Божия, презирал. Феодор же, думая, чем бы отомстить царю Льву за такое презрение, измыслил следующую коварную хитрость. Выбрав удобное время, он наедине приступил к царю Льву и, притворившись доброжелательным и расположенным к нему, сказал:

– Вот ты молод и ездишь с отцом своим на охоту. На всякий случай нужно тебе тайно носить небольшой меч для того, чтобы иметь возможность иногда употребить его на зверя, иногда же подать его в нужное время отцу, или, на тот случай, если бы какой домашний враг, коих отец твой имеет немало, неожиданно и внезапно напал на отца твоего, – тогда бы ты, тотчас вынув тайно носимый меч, мог поразить врага и сохранить жизнь отца своего.

Послушавшись этого коварного совета врага своего и не подозревая его лукавства, Лев стал тайно носить в сапоге небольшой меч, когда ходил с отцом своим на охоту, или еще куда-нибудь.

После этого, лукавый Сантаварин сказал тайно царю Василию:

– Сын твой Лев хочет внезапно убить тебя, чтобы царствовать одному. Доказательством его злого умысла послужит тебе следующее: когда ты отправляешься на охоту, и он с тобою, то он носит спрятанный в сапоге при ноге меч, приготовленный для того, чтобы в удобное время внезапно ударить тебя и убить. Если хочешь в том убедиться, испытай на деле – ступай на охоту, взявши и его с собою и, когда придешь на поле, вели осмотреть, что он имеет в сапоге.

Вскоре царь Василий, взяв юного царя, сына своего, отправился на охоту и, будучи на поле, повелел осмотреть, что имеет царь Лев в сапоге, и там найден был спрятанный небольшой обоюдоострый меч. И воспылал тотчас Василий пламенем неизреченной ярости и гнева на сына своего, считая за правду поведанное Сантаварином, будто сын хотел убить его.

– Для того он и меч приготовил, – сказал он.

Лев же, будучи ни в чем невиновен, уверял, что носил меч не для смерти отца, а для сохранения жизни его. Но сильно разгневанный отец, не желая слушать ни единого его слова, тотчас заключил его, а также и супругу его, блаженную Феофанию, в некотором, бывшем в царских палатах, тайном помещении, и приставил к ним крепкую стражу. Так лукавый волхв Сантаварин отомстил царю Льву; самым же ужасным при этом было то, что, по внушению того же Сантаварина, отец хотел сыну выколоть и вынуть очи. И сие дело непременно бы совершилось, если бы патриарх и весь синклит не удержали царя.

Более трех лет безвинный царь Лев и блаженная Феофания, не сделавшие никакого зла, пробыли в заключении. Там они ни в чем ином не упражнялись, как только в молитве и посте, скорбя о своем заключении и призывая Всевидящего Бога во свидетели своей невинности. Несколько раз синклит хотел просить царя за сына, но не находил удобного времени. Наконец, выпал случай, когда можно было обратиться с таковой просьбой. Это произошло так. В царской палате была птица,

попугай, наученная произносить человеческим голосом некоторые слова и своим произношением забавлявшая царя и других, кто слышал попугая. Однажды царь, совершая праздник святому пророку Илии, созвал к себе на царский обед всех своих придворных и, устроив пиршество, приглашал всех радоваться и веселиться с собою. Птица же та, часто говоря по-человечески, повторяла, неизвестно наученная ли кем, или случайно, такие слова:

– Увы, увы, господин Лев!

Слыша сие, все обедавшие придворные сидели в смущении, оставив пищу и питьё. Видя же придворных в смущении, ни вкушающих, ни пьющих, царь спрашивал, почему они столь печальны. Тогда они, сочтя время удобным, встали в слезах и сказали:

– Если не имеющая разума птица скорбит о своем, невинно страждущем, господине, – и рыдая и отыскивая его, говорит: «Увы, увы, господин Лев!» – как же мы, разумные и словесные твари, несомненно знающие, что сын твой, а наш господин, страдает невинно по злобе, и по клевете терпит твой отеческий гнев, – как можем мы веселиться, есть и пить?! Не еще ли более мы должны скорбеть? О царь! Если сын твой в чем-либо согрешил против тебя, отца своего, и задумал поднять на тебя руку, дай нам его сюда, – мы на части рассечём его. Если же он ни в чем неповинен, – как нам несомненно известно, – то зачем ты мучаешь кровь свою?

От таких слов царь пришел в умиление и, подвигнутый сердцем и естественною жалостью, тотчас повелел вывести царя Льва из заключения, остричь выросшие у него во время заключения волосы и, одевши в царские одежды, с честью привести к себе. Когда это было исполнено, царь поднялся в слезах, – обнял сына, стал лобызать его и возвратил ему прежний царский сан.

Пожив после этого немного времени, царь Василий заболел и умер, оставив царскую власть сыну своему. Лев же, по смерти отца, схватив волхва Сантаварина, повелел бить его, выколоть глаза и послал в заточение в город Афины[8442].

Так обратилась злоба волхва на собственную его голову. Сей Сантаварин был по вере манихей, по учению – волхв, по виду – христианин, по сану – епископ, а царем Василием считался святым – ради чудес его, творимых волшебством.

Между тем блаженная Феофания, вступившая после своего заключения в царскую жизнь, прилежно заботилась о своем душевном спасении, за ничто считая царскую славу и презирая, как сор и сон, сладость и суету житейскую. Она непрестанно и днем, и ночью, имела на устах своих псалмы, духовные песни и молитвы и всю жизнь свою проводила, угождая Богу и взыскуя Его делами милосердия. Она не заботилась о царском украшении своего тела, и если совне бывала одета с некоторым благолепием, то, с другой стороны, под одеждою, на теле, носила грубую власяницу, которою была умерщвляема плоть ее. Жизнь ее была постническая – она питалась простым хлебом и сушеною зеленью; обильные яства трапезы совершенно были изгнаны ею.

Поступившие в ее руки богатства и драгоценности были раздаваемы ею нуждающимся бедным и убогим, сиротам и вдовицам, драгоценные одежды и вещи отдавались им же. Бедные келлии монашествующих и монастыри обновлялись ею и обогащались имениями и всем нужным. Таковы были усердия и попечения о всех той христолюбивой царицы! На слуг и рабынь своих она смотрела, как на братьев и сестер, и никого не звала просто – по имени, – но всех почитала званием в Господе, уважая имя, чин и должность каждого. И не изрекла она языком своим клятвы, и не вышло никакое гнилое слово из уст ее – ни ложь, ни клевета и вообще никакое непотребное слово. Ко всем она относилась с любовью – плакала с плачущими, радовалась с радующимися. Хотя постель ее и была устлана виссоном[8443] и украшена золотыми украшениями, но она не спала на ней, а положив на полу чистую рогожу, покрывавшую острые кости и зубы животных, ложилась спать на нее и такое свое ложе на всякую ночь, по изречению пророка Давида, омочала слезами (Пс.6:7) и после очень непродолжительного сна тотчас вставала на славословие Божие. От столь суровой, исполненной всяких лишений, жизни,

Феофания впала в великую телесную болезнь, однако, не изнемогала душою от непрестанной молитвы, не переставала поучаться в Божественном законе, читая священные книги и исполняя прочитываемое. Все ее попечения были направлены к тому, чтобы помогать обидимым, заступаться за вдов, заботиться о сиротах, утешать скорбящих, отирать слезы плачущим, – и была она матерью для всех, не имеющих крова и помощи. Живя в мире, она отвергла всё мирское; пребывая в супружестве, она возлюбила благое иго Христово и, взяв крест на плечо, понесла его и таким образом угодила Богу.

Предчувствуя исход души своей из тела, блаженная Феофания повелела, чтобы все приходили к ней для прощания. Затем, дав всем конечное и последнее целование, она переселилась от царства земного к небесному и предстала к Царю славы, украшенная, как царскою багряницею[8444], многими своими добродетелями. Поэтому причтена она к лику святых, добродетелями Богу угодивших, а честное тело ее было с честью предано погребению[8445].

Муж Феофании, царь Лев Мудрый, еще при жизни ее, видя ее великую святость и почитая ее не как супругу, но как госпожу свою и ходатаицу пред Богом, задумал заблаговременно построить храм во имя ее. Святая же, узнав о сем, не только не соизволила сему, но и строго запретила делать это. Поэтому начатый уже строитъся во имя ее храм был переименован во имя всех святых и тем же царем, по совету со всею церковью, в первую неделю по Пятидесятнице был установлен праздник всех святых. Царь говорил:

– Если Феофания – святая, то пусть и ее память празднуется вместе со всеми святыми, во славу от всех святых славимому Богу!

Ему и от нас да будет слава вовеки. Аминь.

Память святого мученика Марина

Память 16 декабря

Святой Марин жил в царствования Карина[8446] и, будучи благороден по происхождению, несмотря на свой юный возраст, носил звание синклитика или сенатора[8447]. Как христианин, он был схвачен и понуждаем принести жертву идолам. Но так как он не покорялся и не исполнял этого требования, то его повесили и рубили мечами, потом положили на огонь. После того бросили его на раскалённую сковороду и затем в кипящий котёл; но, по благодати Божией, Марин при всех этих пытках оставался невредим. Тогда выпустили на святого диких зверей, львов, и медведей, но и те не тронули его. Между тем озлобление язычников еще более усиливалось против твёрдого исповедника веры Христовой: они решили было насильно ввести его в идольское капище и заставить принести жертву. Святой же в это время сказал:

– Хочу принести жертву богам.

Слыша такое заявления мученика, царь и все окружавшие его обрадовались. Но Марин, вошедши со всеми в капище, обратился с молитвою к Господу Иисусу Христу, и идолы упали и сокрушились. Огорчился царь, пораженный такою неожиданностью, и немедленно приказал отсечь голову мученику. Так святой Марин предал дух свой Господу; мощи же его благочестно погребены были богобоязненными христианами[8448].

Житие святого пророка Даниила и с ним святых трех отроков Анании, Азарии и Мисаила

Память 17 декабря

Святой пророк Даниил происходил из рода царского, из колена Иудина. В юных летах он был взят в плен Навуходоносором[8449] и вместе с царем иудейским Иоакимом был отведен из Иерусалима в Вавилон[8450]; там он еще в юности прославился Божественными дарованиями, – в особенности же, когда мудро обличил неправедных и беззаконных судей, и избавил от смерти неповинную Сусанну.

В то время Иудеи, находившиеся в плену Вавилонском, имели двух старцев – судей, избранных разбирать случающиеся между ними распри. В определенные дни старцы эти собирались в дом некоего знатного и богатого мужа Иоакима и там разбирали распри среди народа Иудейского.

У Иоакима была жена, по имени Сусанна, дочь Хелкия, – очень красивая и богобоязненная. Родители ее были люди праведные и воспитали дочь свою во всех правилах закона Моисеева. Старцы же те были люди беззаконные: под видом суда они творили неправду, так что исполнилось на них слово Писания: «беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей» (Дан.13:5).

Эти-то старцы видели Сусанну, ежедневно входящую в сад мужа своего и выходящую оттуда, и в них родилась похоть к ней. И извратили они ум свой и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах, однако, не открывали друг другу о страсти своей, так как стыдились в том признаться. Каждый из них искал удобного времени, для удовлетворения своей страсти. И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видеть Сусанну, и говорили друг другу:

– Пойдем домой, потому что – час обеда, – и вышедши расходились друг от друга, но возвратившись, снова приходили на то же самое место и, когда допытывались друг у друга о

причине того, признались в похоти своей. Тогда они вместе назначили время, когда бы могли найти ее одну.

Однажды, когда они выжидали удобного дня, Сусанна вошла, как всегда, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко. И не было там никого, кроме двух старцев, которые спрятались и сторожили ее. Сусанна сказала служанкам:

– Принесите мне масла и мыла и заприте двери сада, чтобы мне помыться.

Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было им, и не видали старцев, потому что они спрятались. И вот, когда служанки вышли, встали оба старца, и приблизились к Сусанне и сказали:

– Вот двери сада заперты и никто нас не видит, а мы имеем похотение к тебе. Поэтому согласись с нами и побудь с нами. Если же не так, то мы будем свидетельствовать против тебя, что с тобою был юноша и ты поэтому отослала от себя служанок твоих.

Тогда застонала Сусанна и сказала:

– Тесно мне отовсюду: ибо если я сделаю это, смерть мне; а если не сделаю, то не избегну от рук ваших. Лучше для меня не сделать этого, и впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Богом.

И закричала Сусанна громким голосом; закричали также и оба старца против нее. И один побежал и отворил двери сада.

Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось с Сусанною. И когда старцы сказали слова свои, слуги ее чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусанне говорено не было.

И было на другой день, когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старца, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти. И сказали они пред народом:

– Пошлите за Сусанною, дочерью Хелкия, женою Иоакима, – и послали.

И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее. Сусанна была очень нежна и красива лицом. И эти беззаконники приказали открыть лицо ее, (так как оно было закрыто), чтобы насытиться красотою ее. Родственники же и все знающие ее плакали. А оба старца, вставши посреди народа, положили руки на голову ее. Она же в слезах смотрела на небо, ибо сердце ее уповало на Господа. И сказали старцы:

– Когда мы ходили по саду одни, вошла эта женщина с двумя служанками, и затворила двери сада, и отослала служанок. И пришел к ней юноша, который скрывался там, и лёг с нею. Мы, находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали к ним и увидели их вместе, но юношу не могли удержать, потому что он был сильнее нас, и, отворив двери сада, он выскочил. Но эту мы схватили и допрашивали: кто был тот юноша? Но она не захотела объявить нам. Об этом мы свидетельствуем.

И поверило им собрание, как старейшинам народа и судиям, и осудили Сусанну на смерть. Тогда возопила Сусанна громким голосом и сказала:

– Боже вечный, ведающий сокровенное и знающий всё, прежде бытия их. Ты знаешь, что они ложно свидетельствовали против меня, и вот я умираю, не сделав ничего из того, что эти люди злостно выдумали на меня.

И услышал Господь голос ее.

Когда она ведена была на смерть, Бог возбудил Духом Святым молодого юношу, по имени Даниила. И он закричал громким голосом:

– Чист я от крови ее!

Тогда обратился к нему весь народ и сказал:

– Что это за слово, которое ты сказал?

Тогда Даниил, став посреди них, сказал:

– Так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовав и не узнав истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь на суд, ибо эти старцы ложно против нее засвидетельствовали.

И тотчас весь народ возвратился, и сказали старцы Даниилу:

– Садись посреди нас и объяви нам, потому что Бог дал тебе старейшинство.

И сказал Даниил народу:

– Отделите их друг от друга подальше, и я допрошу их.

Когда же они отделены были один от другого, Даниил призвал одного из них и сказал ему:

– Состарившийся в злых днях! Ныне обнаружились грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды неправедные, осуждая невинных и оправдывая виновных, тогда как Господь говорит: невинного и правого не умерщвляй (Втор.25:1). Итак, если ты видел сию женщину, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом?

Он сказал: «Под мастиковым» [8451]. Даниил сказал:

– Точно солгал ты на твою голову, ибо вот, Ангел Божий, приняв решения от Бога, рассечёт тебя пополам.

Удалив его, Даниил приказал привести другого, и сказал ему:

– Племя Ханаана, а не Иуды! Красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Так поступали вы с дочерьми Израиля, и они из страха имели общение с вами; но дочь Иуды не потерпела беззакония вашего. Итак, скажи мне: под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою?

Он сказал:

– Под зелёным дубом[8452].

Даниил сказал ему:

– Точно ты солгал на твою голову, ибо Ангел Божий с мечом ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтобы истребить вас.

Тогда все собрание закричало громким голосом и благословило Бога, спасающего надеющихся на Него, и восстало на обоих старцев, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали. И поступили с ними так, как они злоумыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их; и спасена была в тот день кровь невинная. А Хелкия и жена его прославили Бога за дочь свою Сусанну с Иоакимом, мужем ее, и со всеми родственниками, потому что не найдено было в ней постыдного дела.

И Даниил стал велик пред народом с того дня и потом – ради мудрости своей и бывших в нем Божественных дарований[8453].

В то время Навуходоносор, царь Вавилонский, сказал Асфеназу, начальнику евнухов своих, чтобы он из пленных сынов Израиля из рода царского и княжеского, привел отроков, у которых нет никакого телесного недостатка, красивых видом, и понятливых для всякой науки, и смышленых и годных служить в чертогах царских, и чтобы научил их книгам и языку Халдейскому. И назначил им царь ежедневную пищу с царского стола и вино, которое сам пил, и велел воспитывать их три года, по истечении которых они должны были предстать пред царя. Между ними были из сынов Иудиных Даниил и с ним три других отрока, также царского рода: Анания, Азария и Мисаил. И переименовал их начальник евнухов: Даниила – Балтасаром, Ананию – Седрахом, Мисаила – Мисахом и Азарию – Авденаго[8454]. Даниил вместе с тремя товарищами своими положил в сердце своем не осквернятся яствами со стола царского и вином, какое пьёт царь, и потому просил начальника евнухов о том, чтобы не осквернятся им. Бог даровал Даниилу милость и благорасположения начальника евнухов, который сказал Даниилу:

– Боюсь я господина моего, царя, который сам назначил вам пищу и питье; если он увидит лица ваши худощавее, нежели у отроков – сверстников ваших, то вы сделаете голову мою виновною пред царем.

Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Азарии и Мисаилу:

– Сделай опыт над рабами твоими в течение десяти дней; пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся пред тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как знаешь.

Он послушался их в этом, и испытывал их десять дней. По истечении же десяти дней, лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами. Тогда Амелсар брал их кушанье и вино для питья, и

давал им овощи. И даровал Бог четырем сим отрокам знания и разумения всякой книги и мудрости, а Даниилу еще даровал разуметь и всякие видения и сны. По окончании тех дней, когда царь приказал представить их, начальник евнухов представил их Навуходоносору. И царь говорил с ними, и из всех отроков не нашлось подобных Даниилу, Анании, Азарии и Мисаилу, – и стали они служить пред царем. И во всяком деле мудрого уразумения, о чем ни спрашивал их царь, он находил их в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем царстве его[8455].

Во второй год царствования своего, Навуходоносор видел сон, и возмутился дух его, и сон удалился от него. И велел царь созвать тайноведцев, гадателей, чародеев и халдеев [8456], чтобы они рассказали царю сон его. Они пришли и стали пред царем. И сказал им царь:

– Сон снился мне, и тревожился дух мой; желаю знать этот сон.

И сказали халдеи царю:

– Царь! Вовеки живи! Скажи сон рабам твоим, и мы объясним значение его.

Отвечал царь, и сказал халдеям:

– Слово отступило от меня; если вы не скажете мне сновидение и значение его, то в куски будете изрублены, и дома ваши обратятся в развалины.

Халдеи отвечали царю, и сказали:

– Нет на земле человека, который мог бы открыть это дело царю, и потому ни один царь, великий и могущественный, не требовал подобного ни от какого тайноведца, гадателя и халдея. Дело, которого царь требует, так трудно, что никто другой не может открыть его царю, кроме богов, которых обитание не с плотью.

Царь страшно разгневался на это, и приказал истребить всех мудрецов Вавилонских. Когда вышло повеление убивать мудрецов, стали разыскивать Даниила и товарищей его, чтобы умертвить их. Тогда Даниил обратился с советом и мудростью к Ариоху, начальнику царских телохранителей, которому было повелено убивать мудрецов Вавилонских и спросил его о

причине сего грозного повеления царя. Тогда Ариох рассказал всё дело Даниилу. Даниил вошел, и упросил царя дать ему время, для того чтобы представить истолкование сна. Получив просимое, Даниил возвратился в дом свой, и рассказал обо всем Анании, Азарии и Мисаилу, товарищам своим, чтобы они просили милости у Бога об этой тайне, дабы он, Даниил, и товарищи не погибли с прочими мудрецами Вавилонскими. И тогда открыта была тайна Даниилу в ночном видении, и Даниил прославил Бога. После этого Даниил пошел к Ариоху, – которому царь повелел умертвить мудрецов Вавилонских, и сказал ему:

– Не убивай мудрецов Вавилонских; введи меня к царю, и я открою значение сна.

Ариох немедленно привёл Даниила к царю, и сказал ему:

– Я нашел человека из пленных сынов Иудейских, который может открыть царю значение сна.

Царь сказал Даниилу:

– Можешь ли ты сказать мне сон, который я видел и значение его?

Даниил отвечал царю:

– Тайны, о которых царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны, – и Он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни; по снисхождению же к нашему смирению, Он и нам открыл сон твой, ибо я узнал о нем не по особенной своей мудрости, но по откровению милосердого Бога. Сон твой и видения главы твоей на ложе твоем были такие. Ты, царь, на ложе твоем думал, что будет после этого (т. е. кто будет после тебя царствовать), – и Открывающий тайны показал тебе, что будет. Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан; в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его – из серебра, чрево его и бедра его – медные, голени его железные, ноги его – частью железные. Частью – глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и

глиняные ноги его, и разбил их. Тогда всё вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались, как прах на летних гумнах, и ветер унёс их и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою, и наполнил всю землю. Вот сон твой, царь. А значение его таково: голова золотая – это ты и бывшие прежде тебя цари Вавилонские. Серебро – означает, что после тебя восстанет другое царство, ниже твоего. После этого будет третье царство – медное, которое будет владычествовать над всею землею [8457]. Затем восстанет царство четвёртое, которое будет крепко, как железо, ибо как железо разбивает и раздробляет всё (и медь, и серебро, и золото), так и оно будет всё раздроблять и сокрушать. А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из железа, а частью из глины горшечной – это значит, что царство то будет разделено и отчасти в нем будет твёрдость железная, но будет нечто и рыхлое. Что же касается до смешения железа с глиною, то это значит, что они попытаются войти в общение посредством брачных союзов; но не соединятся друг с другом, точно так же, как железо не скрепляется глиною[8458]. Во дни этих царей Бог Небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится. Оно раздробит и разрушит все эти царства, а само останется на веки, и власть над ним не перейдет к другому народу. Вот что означает сон, и истолкование его верно[8459].

Тогда царь Навуходоносор пал на лице свое и поклонился Даниилу и велел принести ему дары и благовонные курения. И сказал царь Даниилу:

– Истинно Бог ваш есть Бог богов, Господь над господами, и Владыка царей, когда ты мог открыть эту тайну[8460].

Тогда возвысил царь Даниила и дал ему много больших подарков, и поставил его над всею областью Вавилонскою, и главным начальником над всеми мудрецами Вавилонскими. Также и товарищей Даниила – Ананию, Азарию и Мисаила – по просьбе Даниила, почтил великими почестями, сделав начальниками страны Вавилонской[8461].

В восемнадцатый год плена Вавилонского Навуходоносор, царь Вавилонский, сделал золотого истукана, вышиною в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, и поставил его на

поле Деире, в области Вавилонской[8462]. И послал царь Навуходоносор собрать сатрапов[8463], наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, блюстителей суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на торжественное открытие истукана, которого поставил царь Навуходоносор. И собрались сатрапы, наместники, военачальники, верховные судьи, казнохранители, законоведцы, блюстители суда и все областные правители на открытие истукана, и стали пред ним. На том же поле Навуходоносор устроил и раскаленную огнем печь – для погубления тех, кто не стал бы повиноваться его царскому повелению. Тогда глашатай громко воскликнул:

– Объявляется вам, народы, племена и языки! В то время, как услышите звуки трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, который поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас будет брошен в печь, раскаленную огнем.

Поэтому, когда все народы услышали звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, то пали все народы, племена и языки, и поклонились золотому истукану.

В это самое время приступили некоторые из Халдеев и донесли царю на Ананию, Азарию и Мисаила, сказав:

– Богам твоим они не служат и золотому истукану, который ты поставил, не поклоняются.

Тогда царь, призвав их, стал спрашивать, правда ли то, что говорят про них? Они же отвечали:

– Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, Он нас избавит. Если же и не будет сего, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, который ты поставил, не поклонимся.

Тогда Навуходоносор исполнился ярости и повелел, разжегши печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее, бросить в нее связанными Ананию, Азарию и Мисаила. Воля царя была исполнена в точности: мужи эти были

скованы и во всей одежде брошены в средину раскалённой печи. При этом, так как повеление царя было весьма строго и печь была раскалена чрезвычайно, то даже исполнители этой казни погибли от огня. А сии три мужа – Анания, Азария и Мисаил, будучи скованы и ввержены в самую средину пламени, не только не потерпели никакого вреда, но и свободно ходили посреди пламени, воспевая Бога, и благословляя Господа. А между тем слуги царя, ввергшие их, не переставали разжигать печь нефтью, смолою, паклею и хворостом; и поднимался пламень над печью на сорок девять локтей; и вырывался, и сожигал тех из халдеев, которых достигал около печи. Но Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариею и бывшими с ним. И выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в средине печи был как бы шумящий влажный ветер, и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их. Тогда сии трое, как бы одними устами, воспели в печи, и благословили и прославили Бога:

– Благословен Ты, Господи, Боже отцов наших, и хвальный и превозносимый вовеки и проч.[8464]

Навуходоносор царь, услышав, что они поют, изумился и поспешно встал, и сказал вельможам своим:

– Не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными?

Они в ответ сказали царю:

– Истинно так, царь!

На это он сказал:

– Вот я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда, и вид четвертого подобен Сыну Божию.

Тогда подошел Навуходоносор к устью печи, раскалённой огнём, и сказал:

– Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего, выйдите и подойдите!

Тогда Анания, Азария и Мисаил вышли из среды огня. И собравшись сатрапы, наместники, военачальники и советники царя усмотрели, что над телами мужей этих огонь не имел силы: волоса на головах их не опалёны, одежды их не изменились и даже горелым от них не пахло. И поклонился пред ними царь Богу и сказал:

– Благословен Бог Седраха, Мисаха и Авденаго, Который послал Ангела Своего, и избавил рабов Своих, надеявшихся на Него. И от меня даётся повеление, чтобы из всякого народа, племени и языка – кто произнесет хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденаго, был изрублен в куски и дом его обращен в развалины, ибо нет иного Бога, Который мог так спасать рабов Своих.

После того царь почтил трех отроков еще большею честью, возвысив их над всеми и удостоив начальства над прочими Иудеями в его царстве[8465].

Между тем Навуходоносор, благоденствуя на престоле своем, очень возгордился и, спустя немного времени, увидал другой сон, который предзнаменовал его падение и смирение.

Он увидел во сне дерево посреди земли. Большое это было дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли. Листья его были прекрасны, и плодов на нем множество, так что можно было бы всем прокормиться от него; под ним находили тень полевые звери, в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть. И вот, низшел с небес Бодрствующий и Святой. Воскликнув громко, Он сказал:

– Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него, и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он, в узах железных и медных, среди полевой травы орошается небесною росою, и с животными пусть обитает в траве земной. Сердце человеческое отнимется от него, и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен.

Этот сон смутил царя, и он, снова собрав всех мудрецов Вавилонских, гадателей и чародеев, поведал им сновидение свое, чтобы они объяснили ему его значение. Но никто не мог этого сделать, доколе не был призван Даниил, на котором почивал Дух Божий. Услышав сон царя и подумав, Даниил сказал:

– Господин мой! Твоим бы ненавистникам этот сон, и врагам твоим значения его. Дерево, которое ты видел, это – ты, царь, возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое

возросло, и достигло до небес, и власть твоя – до краев земли. Но вскоре ты потеряешь царство: тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола; росою небесною ты будешь орошаем, и так пройдет семь лет, доколе ты не познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим, и даёт его, кому хочет. А что повелено было оставить главный корень дерева, – это значит, что царство твое останется при тебе до тех пор, пока ты не познаешь власть небесную. Поэтому, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным, – может быть, Бог и простит твои преступления.

Так объяснил святой Даниил сон царю, и сбылось всё сказанное им.

По прошествии двенадцати месяцев, расхаживая по царским чертогам в Вавилоне, царь сказал:

– Это ли не величественный Вавилон, который построил я в доме царства силою моего могущества и в славу моего величества!

Еще речь сия была в устах царя, как с неба раздался голос:

– Тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола, и семь времен[8466] пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его кому хочет.

Тотчас же слово это исполнилось над Навуходоносором: ум его затмился, и он впал в неистовство. Тогда оковали его цепями; и так как он не мог быть спокоен под кровлею дворца, то его оставили под открытым небом, и отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росою небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти как у птицы. По окончании семи лет, в продолжении которых никто другой не смел занять его царство, Навуходоносор возвел глаза свои к небу, и разум его возвратился к нему; и благословил он Всевышнего, восхвалил и прославил Присносущего, Которого владычество – владычество вечное, и Которого царство в роды

и роды. «И все, живущие на земле – ничего не значат, – размышлял царь, – по воле своей Он действует как в небесном воинстве, так и среди живущих на земле; и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: что ты сделал?» В то время возвратился к царю разум его, и к славе царства его возвратились к нему сановитость и прежний вид его; тогда взыскали его советники его и вельможи его, и восстановлен он был на царство свое и величие его еще более возвысилось[8467].

И жил Навуходоносор, хваля, благословляя и прославляя Царя Небесного. Царствовал он всего сорок три года и скончался в мире. По смерти Навуходоносора, царство Вавилонское наследовал сын его Евильмеродах. Он освободил из дома темничного пленного царя Иудейского – Иехонию, содержимого там в оковах. И беседовал с ним дружелюбно и поставил престол его выше престолов царей, которые были у него в Вавилоне; переменил темничные одежды его, и он всегда обедал у него, во все дни жизни своей (4Цар.25:27–30; Иер.52:31–34).

По смерти Евильмеродаха, воцарился зять Навуходоносора Набонид, сделавший соправителем своим сына своего, Валтасара. В его царствование пророк Даниил удостоился многих видений, в коих, под образом различных зверей, было указано на последующих царей и царства, на антихриста, кончину века и Страшный Суд[8468].

– Видел я, – говорит Даниил, – что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело как снег, и волосы главы Его, как чистая волна; престол Его, как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели на судилище, и раскрылись книги.

И иные страшные и ужасные откровения были им видены, о чем достаточно записано в его книге[8469].

В одно время царь Валтасар сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих, и пред глазами их пил вино. Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, дед его, вынес из храма

Иерусалимского, чтобы пить из них вино царю, вельможам его, женам и наложницам. Тогда принесены были золотые и серебряные сосуды и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино, и славили идолов, золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных, а Бога Вечного, имеющего власть над ними, не прославили. В тот самый час вышли персты руки человеческой, и писали на стене чертога царского, на которую падал свет от светильника, и царь видел кисть руки, которая писала. Тогда царь изменился в лице своем; мысли смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое. Сильно закричал царь, чтобы привели обаятелей, халдеев и гадателей, и сказал царь мудрецам Вавилонским:

– Кто прочитает написанное, и объяснит мне значения его, тот будет облечён в багряницу, и золотая цепь будет на шее у него, и третьим властелином будет в царстве[8470].

И вошли все мудрецы царя, но не могли прочитать написанного и объяснить царю значения его. Царь Валтасар чрезвычайно встревожился, и вельможи его смутились. Тогда в палату пиршества вошла царица – бабка Валтасара, жена Навуходоносора и поведала ему о Данииле, имеющем в себе Духа Божия, который во дни деда его Навуходоносора был поставлен начальником над всеми мудрецами, чародеями, халдеями и гадателями – за великий разум и премудрость его и уменье объяснять сны и видения. Тогда введен был Даниил, и царь сказал ему:

– Ты ли Даниил, один из пленных сынов Иудейских, которых дед мой, царь Навуходоносор, привел из Иудеи? Я слышал о тебе, что Дух Божий в тебе, и свет, и разум, и высокая мудрость найдена в тебе. Итак, прочитай мне написанное на стене перстами невидимой руки и объясни значения его, чего не могли сделать многие мудрецы, волхвы и гадатели, приходившие ко мне. Итак, если можешь прочитать написанное и объяснить мне значения его, то облечен будешь в багряницу, и золотая цепь будет на шее твоей, и третьим властелином будешь в моем царстве.

Тогда отвечал Даниил и сказал царю:

– Дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому; а написанное я прочитаю царю и значения объясню ему.

Сказав это царю, святой Даниил сначала начал напоминать ему о деде его Навуходоносоре, как тот за свою гордость был наказан Богом – потерял образ человеческий, был отлучен от людей и питался травою. Далее Даниил стал обличать царя за гордость его, что он, позабыв о наказании Божием деда своего, не смирил сердца своего пред Господом, но вознёсся против Господа небес и сосуды храма Его осквернил винопитием на пиршестве с вельможами и наложницами своими. Обличал он его также и за то, что тот, славя богов золотых и серебряных, медных, железных, каменных и деревянных, которые ничего не видят, не слышат и не понимают, не прославил Бога, в руках Которого дыхание его и вся судьба его. Обличив во всем этом царя, Даниил обратился к написанному и начал читать. И вот что было написано: мене, текел, фарес. Написанное же Даниил объяснил так: мене – значит исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел – ты взвешен на весах, и найден очень легким; фарес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам. Услышав это, царь, согласно обещанию своему, почтил Даниила, хотя и беспокоился духом из-за печального предсказания. И облекли Даниила в багряницу, возложили златую цепь на шею его и царь возвестил о нем, чтобы он был третьим властелином в царстве его.

Предсказания Даниила сбылось. В ту же самую ночь Валтасар, царь Вавилонский, был убит, а Дарий Мидянин, вместе с Киром Персидским принял царство, будучи шестидесяти двух лет[8471].

Во время своего царствования, Дарий поставил в царстве сто двадцать сатрапов, а над ними трех князей, из которых один был Даниил; эти сатрапы должны были давать им отчёты, чтобы царю не было никакого обременения. Даниил превосходил прочих князей и сатрапов, потому что в нем был высокий дух, и царь помышлял уже поставить его главою над всем царством.

Тогда князья и сатрапы начали искать предлога к обвинению Даниила по управлению царством: но никакого

предлога и погрешностей не могли найти, потому что он был верен. И эти люди сказали:

– Не найти нам предлога против Даниила, если мы не найдем его против него в законе Бога его.

Тогда эти князья и сатрапы приступили к царю, и так сказали ему:

– Царь Дарий! Вовеки живи! Все князья царства, наместники, сатрапы, советники и военачальники согласились между собою, чтобы сделано было царское постановления и издано повеление: кто в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога, или человека, кроме тебя, царь, того бросить в львиный ров, на съедение. Итак, утверди, царь, это определение и подпиши указ, чтобы он был неизменен, как закон Мидийский и Персидский, и не был нарушаем.

Царь Дарий, не поняв лукавого намерения их, подписал указ и это повеление. Даниил, узнав, что подписан такой указ, пошел в дом свой; окна же в горнице его были открыты против Иерусалима, и он три раза в день преклонял колена, и молился своему Богу, и славословил Его, как это делал он и прежде того. Тогда эти люди подсмотрели и нашли Даниила молящимся и просящим милости пред Богом своим. Потом пришли и напомнили царю об его повелении:

– Не ты ли, царь, подписал указ, чтобы всякого человека, который в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, бросать в львиный ров?

Царь отвечал и сказал:

– Это слово твёрдо, как закон Мидян и Персов, не допускающий изменения.

Тогда отвечали они и сказали царю, что Даниил, из пленных сынов Иудеи, не обращает внимания ни на царя, ни на указ, им подписанный, но три раза в день молится своими молитвами. Царь, услышав это, сильно опечалился, и положил в сердце своем спасти Даниила, и даже до захождения солнца усиленно старался избавить его. Но те люди приступили к царю и сказали ему:

– Знай, царь, что по закону Мидян и Персов никакое определение или постановление, утвержденное царём, не

может быть изменено.

Тогда царь повелел привести Даниила и бросить его в ров львиный; при этом царь сказал Даниилу:

– Бог твой, Которому ты неизменно служишь, спасёт тебя!

После того принесен был большой камень и положен на отверстие рва, и царь запечатал его перстнем своим и перстнем вельмож своих, дабы враги Даниила не сделали ему чего-либо хуже: ибо злым людям он доверял не больше, чем лютым зверям. Затем царь пошел в свой дворец, лёг спать без ужина, и даже не велел вносить к нему пищи, и сон бежал от него.

Бог же заградил уста львов, и они не сделали никакого вреда Даниилу.

Поутру царь встал на рассвете, и поспешно пошел ко рву львиному. И воскликнул царь громким голосом:

– Даниил, раб Бога живого! Бог твой, Которому ты неизменно служишь, мог ли спасти тебя от львов?

Тогда Даниил сказал царю:

– Царь! Вовеки живи! Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред Ним чист; да и пред тобою, царь, я не сделал преступления.

Тогда царь чрезвычайно возрадовался о Данииле, и повелел вывести его изо рва; и поднят был Даниил изо рва, и никакого повреждения не оказалось на нем. И приказал царь, и приведены были те люди, которые обвиняли Даниила, и брошены в львиный ров, как они сами, так и дети их и жены их; и еще не достигли они до дна рва, как львы овладели ими, и сокрушили все кости их. После того царь Дарий написал всем народам, племенам и языкам, живущим по всей земле:

– Мир вам да умножится! Мною дается повеление, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговели пред Богом Данииловым; потому что Он есть Бог живой и присносущий, и царство Его несокрушимо, и владычество Его бесконечно. Он избавляет и спасает, и совершает чудеса и знамения на небе и на земле; Он избавил Даниила от силы львов[8472].

И был Даниил в великой чести у царя Дария как никто более, и царь объявил его своим самым первым другом. В такой же чести были три товарища Даниила: Анания, Азария и Мисаил.

Иудейский историк Иосиф Флавий повествует о Данииле, что он, как первый сановник, имел великую власть в царстве Персидском, и что в городе Экбатанах[8473] он построил знаменитую башню, которая во времена означенного историка, спустя несколько сот лет после постройки, казалась новою, как будто бы сейчас была построена. В этой башне погребались цари Мидийские и Персидские, а охранения ее было поручено одному из Иудейских священников.

После царя Дария царь Кир также имел святого Даниила в великой чести, ибо сделал его наперсником своим и посредником между народом. И жил Даниил вместе с царем и был славнее всех друзей его.

Был у Вавилонян идол, по имени Вил[8474], и издерживали на него каждый день двадцать больших мер пшеничной муки, сорок овец и вина шесть мер. Царь чтил его, и ходил каждый день поклоняться ему; Даниил же поклонялся Богу своему. И сказал ему царь:

– Почему ты не поклоняешься Вилу?

Он отвечал:

– Потому что я не поклоняюсь идолам, сделанным руками человеческими, но поклоняюсь живому Богу, сотворившему небо и землю и владычествующему над всякою плотью.

Царь сказал:

– Не думаешь ли ты, что Вил не живой Бог? Не видишь ли, сколько он ест и пьет каждый день?

Даниил, улыбнувшись, сказал:

– Не обманывайся, царь; ибо он внутри глина, а снаружи медь, и никогда не ел и не пил.

Тогда царь, разгневавшись, призвал жрецов своих и сказал им:

– Если вы не скажете мне, кто съедает всё это, то умрёте. Если же вы докажете мне, что съедает это Вил, то умрёт Даниил, потому что произнес хулу на Вила.

И сказал Даниил царю:

– Да будет по слову твоему.

Жрецов Вила было семьдесят, кроме жен и детей. И пришел царь с Даниилом в храм Вила, и сказали жрецы Вила:

– Вот, мы выйдем вон, а ты, царь, поставь пищу, и, налив вина, запри двери, и запечатай перстнем твоим. И если завтра ты придешь, и не найдешь, что всё съедено Вилом, то умрём мы, или же умрёт Даниил, который солгал на нас.

Они не обращали на это внимания, потому что под столом сделали потаённый вход, и им всегда входили, и съедали пищу. Когда они вышли, царь поставил пищу пред Вилом, а Даниил приказал слугам своим, и они принесли пепел, и посыпали весь храм в присутствии одного царя, и вышедши заперли двери, и запечатали царским перстнем, и ушли. Жрецы же, по обычаю своему, пришли ночью с женами и детьми своими, и все съели и выпили.

На другой день царь встал рано и Даниил с ним, и спросил царь:

– Целы ли печати, Даниил?

– Целы, царь, – отвечал тот.

И как скоро отворены были двери, царь, взглянув на стол, воскликнул громким голосом:

– Велик ты, Вил, и нет никакого обмана в тебе!

Даниил, улыбнувшись, удержал царя, чтобы он не входил внутрь, и сказал:

– Посмотри на пол и заметь, чьи это следы?

– Вижу следы мужчин, женщин и детей, – сказал царь. И разгневавшись, царь приказал схватить жрецов, жен их и детей, и они показали потаённые двери, которыми они входили и съедали, что было на столе. Тогда царь повелел умертвить их, а Вила отдал Даниилу, и он разрушил его и храм его[8475].

Был на том месте большой дракон, и Вавилоняне чтили его.

И сказал царь Даниилу:

– Не скажешь ли и об этом, что он медь? Вот он живой, и ест и пьет; ты не можешь сказать, что этот бог не живой; итак, поклонись ему.

Даниил сказал:

– Господу Богу моему поклоняюсь, потому что Он Бог живой. Но ты, царь, дай мне позволение, и я умерщвлю дракона без меча и жезла.

Царь сказал:

– Даю тебе.

Тогда Даниил взял смолы, жира и волос, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся. И сказал Даниил:

– Вот ваши святыни!

Когда же Вавилоняне услышали о том, сильно вознегодовали и восстали против царя, и сказали:

– Царь сделался Иудеем: Вила разрушил и убил дракона, и предал смерти жрецов.

И пришедши к царю, сказали:

– Предай нам Даниила, иначе мы умертвим тебя и дом твой.

И когда царь увидел, что они сильно настаивают, принужден был предать им Даниила. Они же бросили его в ров львиный, и он пробыл там шесть дней. Во рве было семь львов, и давалось им каждый день по два тела и по две овцы; в это время им не давали этой пищи, чтобы они съели Даниила. Но Бог, как и прежде, заградил уста львов, – и Даниил во рве сидел с ними, как с кроткими агнцами.

Был в Иудее пророк Аввакум, который, сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо, шел на поле, чтобы отнести это жнецам. Но Ангел Господень сказал Аввакуму:

– Отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу, в ров львиный.

Аввакум сказал:

– Господин! Вавилона я никогда не видал, и рва не знаю.

Тогда Ангел Господень взял его за темя и, поднявши его за волосы, поставил в Вавилоне над рвом силою духа своего. И воззвал Аввакум, и сказал:

– Даниил! Даниил! Возьми обед, который Бог послал тебе.

Даниил сказал:

– Вспомнил ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя.

И встал Даниил, и ел; Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место.

В седьмой день пришел царь, чтобы поскорбеть о Данииле и, подошедши ко рву, взглянул в него, и вот, Даниил сидел. И воскликнул царь громким голосом и сказал:

– Велик ты, Господь Бог Даниилов, и нет иного, кроме Тебя!

И приказал вынуть Даниила, а виновников его погубления бросить в ров, – и они тотчас были съедены в присутствии его[8476].

Даниил и три друга его достигли до глубокой старости.

Святой Кирилл Александрийский и некоторые другие повествуют, что по смерти Навуходоносора и прочих царей, у которых были в чести Даниил и его товарищи, воцарился другой царь, по имени Камбиз[8477]. Узнав об их вере и будучи ими обличен в своем нечестии, он повелел отсечь голову сначала Анании. Азария же, подставив одежду свою, принял ее. Отсеченную же голову Азарии принял Мисаил, голову же Мисаила, подставив одежду, принял Даниил. Наконец, отсекли голову и Даниилу. Говорят, что по усечении их каждая голова пристала к своему телу и Ангел Господень, взяв тела святых, отнес их на гору Гевал[8478] и там они были положены под камнем. Через четыреста же лет, на день воскресения Господа нашего Иисуса Христа, вместе с некоторыми другими и сии воскресли и, явившись многим, снова почили[8479]. Память их святыми отцами положено совершать за семь дней до Рождества Христова, потому что и они происходили из колена Иудина, от которого ведет свой род и Спаситель наш, и таким образом приходится по плоти сродником этих святых.

Молитвами этих святых да устроит в мире житие наше Христос Бог наш, Которому слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[8480].

Тропарь, глас 2:

Велия веры исправления[8481]: во источнице пламене, яко на воде упокоения, святии трие отроцы радовахуся, и пророк Даниил львом пастырь яко овцам являшеся. Тех молитвами, Христе Боже, спаси души наша.

Кондак пророка, глас 3:

Просветившееся Духом чистое твое сердце, пророчества бысть светлейшаго приятелище, зриши бо яко настоящая далече сущая: львы укротил еси, ввержен в ров. Сего ради тя почитаем пророче блаженне, Данииле славне.

Кондак отроком, глас 6:

Рукописаннаго образа не почетше, но неописанным существом защитившеся треблаженнии, в подвизе огня прославистеся, среде же пламене нестерпимаго стояще, Бога призваste: ускори, о щедрый, и потщися яко милостив в помощь нашу, яко можеши хотяй.[8482]

Память преподобного Даниила Исповедника

Память 17 декабря

Преподобный Даниил был сначала владетелем одного острова, по имени Ниверты, иначе Веррои, находившегося близ Гадира[8483]. Пользуясь счастливым положением своего владения на главном в то время пути морского плавания, Даниил приобрел много богатства; но, как воспитанный в христианском благочестии, он предпочитал служить Богу, нежели маммоне (Мф.6:24), вожделениям человеческим, – и, наконец, «и от всего отказался: всё почитая за сор, чтобы приобрести Христа» (Флп.3:8), оставил он власть и имущество детям, а сам удалился в Рим и там принял монашество. Из Рима он отправился в Константинополь, где беседовал с царями Романом и Константином[8484], у которых испросил дозволения посетить Иерусалим. В Иерусалиме, поклонившись святым местам, Даниил принял от тамошнего патриарха Христодула[8485] великую схиму с именем Стефана, но там же ему пришлось перенести много и досаждений и даже побоев от нечестивых сарацин. Оттуда он прошел в Египет; здесь он схвачен был и посажен в темницу, в которой томился, испытывая и голод и жажду и всякие злострадания, с посаженными вместе с ним двумя священниками, в продолжения шести месяцев. После того приснопоминаемый святой представлен был Амиру египетскому, который возложил на него тяжелые оковы и принуждал отречься от Христа; но святой остался непоколебим и, не обинуясь, с дерзновением исповедал, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, за что и подвергся многим и разнообразным страданиям, изнемогая от которых, он и умер. О кончине своей Даниил получил предвозвещения от Бога.

Житие и страдание святого мученика Севастиана и дружины его

Память 18 декабря

Святой Севастиан родился в городе Нарбоне[8486], а воспитание и обучение наукам получил в Медиолане[8487]. Нечестивые цари, Диоклетиан и Максимиан[8488], так полюбили его, что вручили ему начальство над дворцовой стражей и повелели ему всегда предстоять пред лицом их, ибо он был муж храбрый и умный, исполнен премудрости, правдив в словах, справедлив в суде, предусмотрителен в совете, на службе и во всех порученных ему делах верен и мужественен и изо всех выделялся своею добродетелью и честностью. Воины его почитали, как отца, а все придворные очень любили и уважали его, – ибо он отличался истинным благочестием. Как и следовало, – кого Бог ущедрил Своими дарами, того и все люди любили и почитали! Всё время он прилежно работал Христу, молился и исполнял Его святые заповеди. Однако всё сие он делал тайно, чтобы нечестивые цари не узнали о его вере во Христа. Скрывал же он в себе, под образом земной власти, воина Христова не потому, что боялся мук или любил почести и богатство и страшился лишиться его, но только для того, чтобы помогать христианам, которые в то время были жестоко гонимы и мучимы. Тех из них, которым он не мог испросить освобождения от уз и мучений или облегчить их страдания, он укреплял, советуя и убеждая мужественно положить жизнь свою за Господа, кровью Которого они искуплены, и пролить кровь свою, в чаянии вечной награды, после временных мучений. Так старался он приобрести Богу души, которые диавол хотел отторгнуть от Него и похитить себе, чтобы погубить их. Он поступал, по слову Писания: укреплял опущенные руки и расслабленные колена верных (ср. Ис.35:3–4), малодушных же, сомневающихся и боящихся мук посредством увещаний утверждал в мужестве и возбуждал к подвигу. Видя пред собою многих святых, подвизавшихся добрым подвигом, претерпевших страдания, сохранивших среди жестоких мучений веру Христову

и получивших по отшествии из сей жизни венцы вечной жизни, Севастиан и сам воспламенел желанием пострадать за Христа и ожидал, когда Господь укажет ему удобное для того время. И вот, наконец, настал тот час, в который он не мог более скрывать горящего в нем огня Божественной любви и ревности и объявил всем, кто он: свет не мог долее скрываться во тьме.

В то время два честных и благородных мужа, Маркеллин и Марк, родные братья, были взяты за исповедания имени Христова и долго сидели в темнице; к ним часто приходил блаженный Севастиан и утешал их, беседуя о святой вере и убеждая отказаться от скоропреходящих земных благ и не бояться мучений. Они послушались его здравого совета, мужественно перенесли наносимые им мучителями раны и, пребывая непоколебимыми в вере, были осуждены на усечения мечом. Но в то самое время, когда они, готовые умереть, склонили головы под меч, вышло повеление отпустить их домой к родителям, женам и детям. Еще живы были престарелые родители их, Транквиллин и Маркия. И родители и все домашние просили римского правителя Агреста Хроматия продлить жизнь Маркеллину и Марку на 30 дней, в течение которых они могли бы уговорить этих братьев и склонить к поклонению языческим богам, ибо родители их, и жены, и все родственники их были язычники.

Когда просимое время было дано, родители, жены, дети, родственники и друзья окружили Маркеллина и Марка и с рыданием стали просить пощадить себя и их и, оставив свое намерение, сделать угодное царям. Отец, указывая на свои седины, старость и болезнь телесную, просил, чтобы они до его смерти не изменяли своей веры и похоронили бы его по обычаю; он уже ожидал скорой смерти и не мог ходить сам, а был всегда поддерживаем или переносим другими. Мать, указывая на грудь свою, которою вскормила их, требовала от них должного уважения и сыновнего повиновения, просила пощадить жизнь свою для нее и не отдавать себя на добровольную смерть. Маленькие дети простирали к ним руки, припадали к ногам и со слезами просили не оставлять их сиротами. Другие же дети, которые были еще в пеленах и не

умели говорить, одним видом своим напоминали о сиротстве и возбуждали в родителях жалость. Жены говорили о своем вдовстве и, проливая горячие слезы, умоляли не губить их с собою, избрав себе смерть, а их подвергая различным бедствиям вдовьей жизни. Родные же убеждали не наносить такого бесчестия дому своему и всему роду и унижения от соседей, предавая себя позорной смерти. И все плакали и рыдали. Да и что оставалось делать тем непобедимым по своему святому дерзновению мужам? Ни одно мучение не могло их поколебать так, как эти искушения; их побеждала естественная любовь к престарелым родителям, женам, детям и родственникам, сокрушала жалость; и они начали сомневаться и колебаться, как трость от ветра, и таять сердцем, как воск от огня. Они и сами плакали вместе с родными и уже почти готовы были уступить их мольбам и отречься от святой веры.

Тогда святой Севастиан, находившийся в то время там, видя, что они готовы отречься и погубить свои души, сжалился над ними и, сознавая, что настало время и для его исповедания, чтобы и другим помочь, и самому пойти на подвиг страдания, встал посреди присутствовавших и, повелев всем замолчать, начал говорить:

– О доблестные воины Христовы! О искуснейшие ратники Божия воинства! Вот вы через свое великодушие уже приблизились мужественно к торжеству, а теперь хотите из-за нечестивых обольщений своих ближних сложить с себя венец вечный. Не делайте сего, но научите ныне Христовых воинов своим подвигом мужеству, – научите их вооружаться более верою, чем железом; не бросайте знамени ваших побед ради женских слёз и не давайте ослабы низложенной под вашими ногами главе врага, дабы он, получив опять силу, не начал с вами борьбу; ибо, если и прежнее его восстание было яростно, то, снова раздраженный, он придет в еще большую ярость. Воздвигните же над земными пристрастиями славную хоругвь вашего подвига и не оставляйте ее ради бесполезных детских слёз. Те, коих вы видите плачущими, возрадовались бы теперь, если бы знали то, что вы знаете, ибо они думают, что жизнь

существует только на земле и, когда она кончится и тело умрёт, то не останется ни одной части души живой. Если бы они знали, что есть другая жизнь – бессмертная и безболезненная, в которой царствует непрестающая радость, то непременно пожелали бы войти в нее с вами и, презирая временную жизнь, старались бы получить вечную. Настоящая жизнь скоропреходяща и так непостоянна и неверна, что даже люди, привязанные к ней, теряют в нее веру. От самого начала мира она погубляла всех надеющихся на нее, желавших ее обманула, над всеми, гордящимися ею, насмеялась, всем солгала, никого не оставила в надежде твердым и в уповании непосрамленным, и оказалась весьма лживою. О если бы эта ложь была только в мечте, а на самом деле не вводила бы в горькие заблуждения! Но еще хуже то, что сия временная жизнь приводит своих приверженцев ко всякому беззаконию: чревоугодников услаждает объядением и пьянством, сластолюбивых вовлекает в любодеяния и во всякие скверны, вора научает красть, раздражительного сердиться, лжеца обманывать; она разлучает мужа с женой, сеет вражду между друзьями, ссору между кроткими, неправду между справедливыми, соблазн посреди монашествующих; она отнимает правосудие у судей, целомудрие у чистых, искусство у художников, и у всех добрые нравы. Вспомним и самые лютые деяния, в которые она вводит своих приверженцев: когда брат убивает брата, или сын отца, или друг умерщвляет друга – кто научает этому? На что надеются, когда совершают такие беззакония? Не ради ли сей, так много любимой жизни, ненавидят люди друг друга, стараясь каждый устроить себе лучшее существование? Зачем разбойник убивает путника, богатый притесняет бедного, гордый обижает смиренного и виноватый преследует невинного? Поистине, всё сие зло делают те, кто работает настоящей жизни и желает долгое время пребывать в любви к ней и наслаждаться ею. Она же, научая злу своих приверженцев и служителей, предает их дщери своей – вечной смерти, в которую были ввергнуты и первые люди, потому что, хотя и были созданы для получения вечной жизни, но прельстились жизнью временной и работали чревоугодию, сластолюбию и похоти очей (1Иоан.2:16), отсюда

же они ниспали во ад, ничего не взявши с собой из благ земных. И сия-то земная жизнь, возлюбленные друзья, так прельщает вас, что вы хотите своими неправедными советами возвратить к ней друзей ваших, которые идут к вечной жизни! Она научает вас, почтенные родители, чтобы вы своими безумными рыданиями отвлекли сыновей ваших, идущих к небесному воинству, нетленной славе и милости Вечного Царя. Она убеждает вас, целомудренные жены святых, чтобы вы своими ласками развратили умы мучеников, отторгли их от доброго намерения и убедили приять вечную смерть, вместо жизни, рабство, вместо свободы. Если они последуют вашим советам, то недолго поживут вместе с вами, а потом им надо будет разлучиться с вами, – и разлучиться так, что вы не можете увидеть друг друга иначе, как в месте вечного мучения, где пламень пожигает души неверных, где адские змеи поедают уста богохульных, где аспиды терзают грудь идолопоклонников, где слышится горький плач, тяжелые вздохи и непрестанные рыдания в муках. Дайте же им избежать этих мучений и сами постарайтесь избавиться от них, не препятствуйте им шествовать опять к уготованному им венцу небесному. Не бойтесь: они не разлучатся с вами, а, напротив, приготовят вам на небесах светлые обители, где вы, вместе с ними и с детьми вашими, будете наслаждаться вечными благами. Если вы даже любуетесь здесь красивыми зданиями, то тем более вы будете любоваться красотой тех горних обителей, в которых трапезы блестят чистым золотом, где чертоги сделаны из драгоценных камней, украшены жемчугом и сияют славою, где сады вечно цветут неувядаемыми цветами, где плодоносные поля орошаются сладкими потоками, где воздух всегда благорастворен, живой ветер обвевает чувства неописуемыми благовониями, где немеркнущий день, незаходимый свет и непреходящая радость; и нет там ни воздыханий, ни плача, ни скорби, ни какого-либо несовершенства, не видно ничего греховного, не ощущается никакого зловония, не слышится никакого печального, плачевного и страшного голоса, но видится одно лишь прекрасное, обоняется всё ароматное и слышится одно радостное; там, не умолкая, поют Ангельския и

Архангельские лики, согласно славящие Бессмертного Царя[8489]. И как такую жизнь можно презирать, а к временной прилепляться? Ради ли богатств? Но они скоро исчезают. А те, кто хочет вечно иметь их у себя, пусть послушают, что возвещают им их богатства: «Вы так нас любите, говорят они, как будто никогда не расстанетесь с нами. Когда вы будете умирать, мы не можем идти за вами, пока же вы живы, мы можем сопутствовать вам, если только вы велите нам, или пошлете нас перед собой. Пусть будут вам примерами лихоимный заимодавец и трудолюбивый земледелец: первый дает человеку взаймы золото, чтобы получить от него вдвое больше, второй сеет в землю различные семена, чтобы собрать их сторицею; должник отдает своему заимодавцу золото вдвойне, а земля возвращает сеятелю зерна сторицею. Не удвоит ли много раз Бог ваши богатства, если только вы вверите их Ему? Туда посылайте и сокровища ваши, и сами старайтесь прийти. Какая польза от сей временной жизни? Если бы кто-нибудь прожил хотя бы и 100 лет, то когда настанет последний день, не покажется ли ему, что всех прошедших годов и всех житейских удовольствий как будто бы никогда и не было? Не остается ли от сего только некоторое воспоминание, как бы следы странника, пробывшего с нами один день? О поистине только человек безумный, не познавший истинных благ, может не возлюбить будущую прекраснейшую жизнь! Поистине, только неразумный может бояться потерять скоропреходящую жизнь, чтобы получить вечную, в которой наслаждения, богатства и радость начнутся, чтобы не кончиться, но вечно пребывать. Кто не хочет быть служителем вечной жизни, тот и сию временную жизнь губит напрасно, получает вечную смерть и пребывает связанным во аде, где – неугасающий огонь, постоянная скорбь, вечные муки, где живут злые духи, у которых мышцы – змеиные головы, глаза испускают огненные стрелы, зубы велики как у слонов, угрызают они, как жало скорпиона, голоса подобны рёву львов, самый вид которых наводит великий страх, производит лютую болезнь и горчайшую смерть. Не страшно ли умереть в таких ужасах и муках? Но еще страшнее, что для того живут, чтобы

непрестанно умирать, ради того не истлевают, чтобы мучиться без конца, ради того бывают целы, чтобы вечно быть снедаемыми змиями, и съеденные члены опять обновляются, чтобы служить пищею ядовитым змиям и неусыпаюшим червям. О друзья, о родители, о славные жены святых! Не желайте сию святую двоицу от бесконечной жизни низводить в такую страшную вечную смерть; не отторгайте их от радости к рыданиям; не советуйте идти от света в тьму; не призывайте от сладкого покоя в горькую муку.

О, святая двоица, Маркеллин и Марк! Не дайте прельстить себя хитрому врагу, наносящему вам такое искушение через ваших домашних, не ввергайте себя в бесконечное мучение, не вдавайтесь в руки бесов, не прельщайтесь любовью к временной жизни, красотами видимого мира и суетными житейскими удовольствиями, не дайте победить себя мольбами родителей, рыданиями жён, слезами детей, ласками родных и друзей. Вспомните слова Господа: «И враги человеку – домашние его» (Мф.10:36), которые разлучают нас с Богом, не друзья нам, а враги, и любовь их к нам не истинна, но ложна, потому что они лишают нас столь великого блага, отнимают у нас любовь Божию и Царство Небесное, уготованное любящим Бога. Не допускайте исторгнуть из рук ваших той награды, ради которой так потрудились; ибо вы уже истинно как бы в руках держите приготовленное для вас благо, вы уже стоите у дверей небесного чертога. Се ныне для вас сплетены уже венцы, и Подвигоположник Христос ждёт, чтобы увенчать вас и прославить перед святыми Ангелами. Се настал уже конец вашего пути: не обращайтесь же назад, как жена Лота, чтобы не сделаться бездушным столпом (Быт.19:26), ибо тем погубите свои души. Не соблазняйтесь слишком сильною любовью к родителям, женам и детям, чтобы не сделаться недостойными Христа, сказавшего: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:37). Не будьте такими неразумными, чтобы, начавши духом, окончить плотью (ср.Гал.3:3). О да подаст мне Христос Бог мой пролить мою кровь за Него перед вами, чтобы вы видели мое страдание, и

моя смерть могла бы послужить для вас примером, как полагать души за вашего и моего Бога.

Когда святой Севастиан поучал такими и многими другими наставлениями, внезапно осветил его Божественный свет и лицо его просветилось, как лицо Ангела, и неверующие испугались славы лица его. Некоторые же видели семь Ангелов, облекавших блаженного Севастиана в светлую одежду, и Прекраснейшего Юношу, благословлявшего его, со словами:

– Ты всегда будешь со Мною.

Всё это происходило в доме протоскриниария[8490], по имени Никострата, у которого Маркеллин и Марк были под стражею. Жена Никострата, именем Зоя, которая уже шесть лет была немою от сильной болезни, но разум и слух имела невредимыми, слышала и поняла все, сказанное Севастианом и, видя сияние вокруг его лица, упала к ногам его, знаками умоляя разрешить язык ее. Блаженный Севастиан сказал:

– Если я действительно – истинный раб Христов и истинно всё то, что от меня услыхала и чему уверовала сия жена, то да повелит Господь мой открыться устам ее и разрешиться языку, как некогда у пророка Захарии, отца Иоанна Предтечи (Лк.1:64).

Сказав это, он осенил крестным знамением уста той женщины, и она тотчас же громко проговорила:

– Блажен ты, и благословенно слово, сказанное тобой, и блаженны верующие через тебя во Христа, Сына Бога Живого, ибо я видела сошедшего к тебе с неба Ангела, державшего перед тобой открытую книгу, по которой ты читал всё сказанное тобой. Благословенны верующие всему, сказанному тобой, и да будут прокляты все сомневающиеся хотя бы в одном слове, слышанном от тебя. Как восходящая заря изгоняет тьму и дает свет очам, так свет слов твоих изгнал мрак моего неведения и ослепления, осиял меня светлым днем истинной веры и отверз после шестилетней немоты уста мои для восхваления Бога.

Увидя такое чудо, все присутствовавшие уверовали во Христа. Никострат, муж Зои, видя такую силу Христа, также припал к ногам святого, прося прощения в том, что, по повелению царя, держал в узах Маркеллина и Марка и, сняв с

рук их железные оковы, обнимал им колена, умолял их уйти на свободу и говорил:

– О если бы я мог быть так счастлив, чтобы за ваше освобождение потерпеть узы! Пролив свою кровь за вас, я омыл бы мои грехи и, избежав вечной смерти, получил бы ту жизнь, о которой нам благоволил возвестить Бог устами Севастиана.

Когда же Никострат просил святых уйти в свои дома, они ему сказали:

– Чаши нашего страдания мы тебе оставить не хотим; щедр и милостив Господь Христос наш, ибо дарует всем, приходящим и просящим у Него, Свою небесную милость; Он силен и тебя сподобить такой же чаши, если ты искренно ее желаешь. Ибо если вам, неверовавшим, был дан свет познания истины, то тем более ныне, когда вы уверовали, дастся всё, чего ни попросите, потому что благодать Божия всегда готова подавать людям просимую помощь, особенно тем, которые веруют в Него без всяких сомнений. Ваша вера зачалась с сегодняшнего поучения, и в один час вы научились тому, чему едва ли кто мог научиться в целый год, и ничто вас, как мы видим, не удерживает по вере в Господа нашего быть готовыми к смерти за Него – ни родители, ни дети, ни богатство. Внезапно вы презрели то, что всегда любили, и ищете того, чего никогда не знали; вы пошли неведомым путем и тотчас пришли ко Христу, и желания ваши уже устремлены к небу, так как вы не ищете на земле никакого утешения. О какой великой похвалы достойно сие дело! О сколь достоин подражания такой пример добродетели! Еще не соединились вы со Христом водою крещения, еще не видели начала войны, а уже поднимаете оружие за Царя Истинного и, освобождая от уз воинов Его, становитесь сами узниками и не боитесь отдать себя на убиения за осужденных.

Все умилились сердцем своим и плакали, раскаиваясь в прежнем неведении и в том, что хотели отклонить от доброго подвига воинов Христовых. Марк же сказал:

– Научитесь, о возлюбленные родители, и вы, жены, и вы, друзья! Научитесь мужественно противостоять врагу, взяв щит веры, которым можете угасить разожженные стрелы лукавого (Еф. 6:16). Пусть восстают и вооружаются на нас слуги

диавольские, – пусть терзают наши тела, какими хотят муками: могут они убить тело, но душу, воинствующую за веру, победить не в силах. На убиение же и растерзание тела не будем обращать внимания: раны, полученные за царя, приносят славу воинам. Разъяряется же на нас диавол мучительным для него самого гневом, ибо и сам мучится, видя наше терпение; он причиняет нам различные мучения и угрожает разнообразными смертями, чтобы, устрашив, отторгнуть нас от доброго подвига; где же муки не имеют успеха, там он действует лестью: обещает жизнь, чтобы отнять жизнь; обещает богатство, чтобы привести к убожеству; дает славу, чтобы исполнить стыда; обещает беспечальную жизнь, чтобы ввергнуть нас, вместо того, в беду и вечную скорбь. Таковы ухищрения его нападений, таковы его коварные намерения – тело избавить от мук, а душу умертвить грехами. Пойдем же против него: презрим плоть, чтобы помочь душе. Что нам бояться смерти временной, если мы надеемся жить вечно! К чему жалеть сию жизнь, надеясь получить лучшую? Пусть боятся смерти те, кто не надеется увидеть будущей жизни. О как много служителей сей жизни погубил нечаянный случай: или молния поразила, или потопило море, поглотила пропасть, заклал меч! И сию-то жизнь несчастные потеряли со скорбью, а другой не обрели! Пусть же они и рыдают о сей жизни, пусть они и трепещут смерти; нам же какая печаль от смерти? Какая забота о сей жизни нам, ожидающим вечной блаженной жизни, уготованной для нас Христом, полной благ, невиданных очами, неслыханных человеческим слухом и непостижимых умом?

Когда святой Марк говорил так, все исполнились желанием будущей жизни, настоящею же стали гнушаться; все возгорелись любовью ко Христу, мир же начинали ненавидеть, и благодарили Бога, что Он просветил тьму их, отверз их умственные очи и избавил их от погибели, показав путь спасения. Таким образом те, которые пришли отвратить святых мучеников от Христа, сами были обращены ко Христу, и надеявшиеся погубить других, спаслись сами, а Никострат с женой своей настоятельно просил святого, говоря:

– Не буду есть и пить, если надо мной не будет совершено таинство христианской веры.

– Измени службу твою, – отвечал Севастиан, – и начни служить более, как Христов протоскриниарий, нежели как епархов; послушай моего совета, собери всех, кого имеешь в узах и темницах, я же призову иерея Божия, и ты, вместе со всеми уверовавшими сподобишься от него святых таинств. Если диавол старается отторгнуть от Христа святых рабов Его, то как должны заботиться мы, чтобы, отторгнув от диавола тех, коих он хочет погубить, обратить их к нашему Создателю!

Никострат возразил:

– Может ли святыня быть дарована злодеям и осужденным на смерть преступникам?

Севастиан отвечал:

– Спаситель наш пришел в мир ради нас грешных и даровал таинство крещения, коим отнимаются от людей грехи и беззакония и подается Божественная благодать. В самом начале твоего обращения принеси сей дар Христу, позаботься о спасении других, и будет тебе в награду мученический венец, сплетенный из неувядаемых цветов многих добродетелей.

Услышав сие, Никострат пошел к комментарисию[8491] Клавдию и велел ему прислать к себе в дом всех осужденных и содержимых в узах. Когда всё это было сделано и окованные железом узники собрались, святой Севастиан обратился к ним с поучительным словом спасения и, найдя, что они приуготовлены к вере Христовой и способны к принятью Божественной благодати, велел освободить всех от уз, пошел к пресвитеру святому Поликарпу, скрывавшему свое звание из-за гонения, и рассказал ему всё происходящее. Возблагодарив за сие Бога, святой Поликарп пошел с Севастианом в дом Никострата и обратившись ко всему собранию верующих, сказал:

– Блаженны все вы, слышавшие слово Господа нашего Иисуса Христа, говорящего: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и

бремя Мое легко» (Мф. 11:28–30). Вам же, братия, которых омоет вода крещения и, освятив, сотворит возлюбленными сынами Бога, необходимо покаяние, чтобы получить прощение прежних грехов. Теперь же, когда вы являете такое усердие ко Христу, Богу нашему, что, веруя в Него, готовы умереть за Него, и от чего сначала хотели отвратить других, теперь сами желаете того, – вы получили уже прощение и победу над невидимым врагом. Силен Христос Господь наш изводит свет из тьмы и из отверженных сосудов творит избранные; так сотворил Он из Савла Павла, из отступника – Апостола и из гонителя – учителя. Так и вас сегодня призвал Он от язычества в Церковь Свою, из неверных сотворил верными рабами Своими и из врагов Своими друзьями. Об обращении вашем плачет и рыдает всё сонмище бесов, сынов тьмы; все же лики святых небесных Ангелов, сынов света, радуются и веселятся о вашем просвещении. Итак, пусть каждый из вас напишет свое имя и подаст мне. Принятию же крещения пусть предшествует пост: поститесь до вечера; когда же вещественный свет зайдет, невещественный воссияет вам в крещении.

Все исполнились радости, и каждый стал готовиться к крещению. Когда все это происходило, пришел Клавдий комментарисий к дому Никострата и позвал его к епарху, говоря:

– Узнав, что ты собрал к себе в дом всех узников, епарх разгневался, и велел призвать тебя; подумай, как ответишь ему.

Никострат же, когда пришел в дом епарха и тот спросил его об узниках, отвечал:

– По повелению твоей светлости, я взял под стражу в мой дом двоих христиан, Маркеллина и Марка, и, чтобы более устрашить их, присоединил к ним других тяжко окованных и крепко связанных узников, чтобы, смотря на них, они и себе ожидали такого же страдания, и таким образом повиновались бы вашему повелению.

Начальник похвалил его и отпустил, говоря:

– Ты получишь большую награду от их родителей, если они, обратившись через тебя к единомыслию, с нами будут отпущены целыми и здравыми.

Возвращаясь с Клавдием домой, Никострат начал ему повествовать о святом Севастиане, что он – друг царя, христианин, искусен в Божественном учении, утверждает в вере христианские сердца и называет настоящую жизнь временною и скоропогибающею, а после смерти возвещает другую жизнь – лучшую и вечную; потом он рассказал, как просветилось лицо Севастиана небесным светом и как он исцелил от шестилетней немоты его жену, так что она стала говорить ясно. Услышав это от Никострата, Клавдий сказал:

– Мои два малолетние сына очень больны: у одного водяная болезнь, а у другого по всему телу раны; попрошу его исцелить сыновей моих: не сомневаюсь, что тот, кто разрешил немоту твоей жены, может исцелить и моих детей.

Сказав сие, Клавдий поспешно пошел в дом свой, взял обоих детей на руки и отправился с ними в дом Никострата. Там он упал к ногам святых Божиих Севастиана и Поликарпа, говоря:

– Верую без всякого сомнения, всем сердцем, что Христос, Которого вы почитаете, есть истинный Бог; принес же я сюда этих больных моих отроков для того, чтобы вы спасли их от смерти!

Божественные мужи сказали ему:

– Все, кто имеет какую-либо болезнь, получат исцеление сегодня же, в то самое время, как только войдут во святую купель.

Клавдий снова говорил, что верует во Христа и хочет быть христианином. Все они стали готовиться ко святому крещению, писали свои имена и подавали пресвитеру. Первый подал свое имя Транквиллин, отец Маркеллина и Марка, после него шесть его друзей: Аристон, Крискентиан, Евтихиан, Урван, Виталий и Иуст, потом Никострат с братом своим Касторием и Клавдий комментарисий, после него два его сына Симфориан и Феликс, Маркия, мать Маркеллина и Марка, Симфороса, жена Клавдия, Зоя, жена Никострата, и весь дом Никострата – до 33 душ обоего пола, и, наконец, все приведенные из темницы, числом 16. И было всех приготовившихся ко крещению 64 человека, и все были крещены святым Поликарпом. Восприемником от

купели был святой Севастиан, для женщин были восприемницами Беатриса и Лукина. Прежде всех были введены в купель дети Клавдия, и тотчас же исцелились от своих болезней, так что на теле их не осталось и следов от бывших язв. После них привели Транквиллина; он был не только немощен от старости, но и болен ломотою рук и ног, так что его едва могли носить на руках; сильно страдал он, когда с него снимали перед крещением одежды. Святой Поликарп спросил его:

– Веруешь ли, не сомневаясь, что Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, имеет власть дать тебе здоровье и отпустить грехи?

Транквиллин отвечал:

– Верую, что Христос – Сын Божий и Бог всё может, но я от Его благости ищу только прощения грехов, о телесной же болезни не забочусь.

Все стоявшие около прослезились от радости и молили Господа, чтобы Он показал плод веры мученика. Когда началось крещение, и Транквиллин был спрошен: «Веруешь ли в Бога Отца, Сына и Святого Духа?» и когда он отвечал: «Верую», то не успело еще слово то сойти с его уст, как освободились от болезненных уз руки и ноги его, утвердились его ступни и колена, вся немощь старости отступила от него, обновилась, «подобно орлу, юность твоя» (Пс.102:5)[8492], – и он воскликнул:

– Ты Единый истинный Бог, Коего не знает сей окаянный мир!

После него все остальные крестились по одному. И в продолжения 16 дней, которые остались от данного Маркеллину и Марку времени, ночью и днем прославляли они Бога церковными песнями и псалмами, утверждались в вере и готовились к мученическому подвигу за имя Христово.

Когда приближался конец 30-дневному сроку, епарх города Рима Агрестий Хроматий призвал к себе Транквиллина, отца Маркеллина и Марка, и спросил его о сыновьях, – согласились ли они отступить от христианства.

Транквиллин отвечал:

– Не нахожу слов, чтобы благодарить тебя за твои благодеяния: если бы ты, по своей кротости, не остановил и не отдалил на столько дней смертный приговор моих сыновей, то и я лишился бы их, и сыновья мои лишились бы отца. Все родные, любящие друзья и, думаю, что и твоя светлость порадуется со мной, так как мертвым дана жизнь, скорбным веселие, печальным возвратилась радость.

Тогда епарх, думая, что сыновья Транквиллина хотят поклониться богам, сказал:

– Приходите в последний день и пусть сыновья твои произведут должное каждение фимиама богам.

Услышав сие, Транквиллин сказал:

– О светлейший муж! Если бы ты справедливо рассудил о том, что случилось со мною и сыновьями моими, то мог бы понять, как велико и сильно имя христианина.

Епарх сказал:

– Не беснуешься ли ты, Транквиллин?

– До этих пор я бесновался и телом и душою, – отвечал Транквиллин, – но как только уверовал во Христа, тотчас же получил здоровье души и тела.

– Как вижу, – сказал епарх, – я не для того отдалил казнь твоим сыновьям, чтобы ты отвратил их от их заблуждения, но, чтобы они тебя склонили к своему заблуждению!

Транквиллин отвечал:

– Умоляю твою светлость рассудить, какие дела следует называть заблуждением.

Епарх сказал:

– Скажи сам, что должно называть заблуждением.

– Первое заблуждение, – отвечал Транквиллин, – заключается в том, чтобы оставить путь жизни и идти путем смерти.

– Который же путь смерти? – спросил епарх.

– Не думаешь ли ты, – отвечал Транквиллин, – что путь смерти – это давать имя божеств смертным людям и поклоняться их изображениям из дерева и камня?

Епарх возразил:

– Разве не боги те, которым мы поклоняемся?

Транквиллин отвечал:

– Поистине, не подобает считать богами тех, о которых написано в ваших же книгах, что они во грехах рождены, имели неправедных, злых и беззаконных родителей, сами жили неправедно, беззаконно и лживо и во грехах умерли. Не было ли Бога на небесах даже прежде того времени, когда над Критянами царствовал Крон, который поедал плоть своих сыновей? Или Крит имел своего царя, а небеса не имели Бога? Много заблуждаются те, кто думает, что Дий, сын Крона, который был человеком, находившимся во власти злобы и плотской похоти, обладает громом и мечет молнии. Кого только он не гнал, если и отца своего не пощадил, и какими грехами не осквернился, если родную сестру свою взял себе в жены? На торжищах, на улицах, в домах и везде говорится и повествуется в книгах о том, как нечестивая Гера тщеславится тем, что она сестра и жена Дия[8493]. Не веришь ли ты, светлейший муж, что заблуждаешься, почитая богов, исполненных таких злодеяний, за которые римские законы осуждают человека на казнь и смерть? А ты таковых почитаешь и, оставляя Всесильного, царствующего на небесах Бога, говоришь камню: «Ты бог мой» и дереву: «Помоги мне!».

Епарх сказал:

– С тех пор, как начали хулить богов и отвращаться от поклонения им, царство римское подвергается многим бедствиям.

– Неверно это, – сказал Транквиллин, – прочти 10 книг Ливия[8494], и ты узнаешь, что в один день погибло более 42.000 человек из римского войска, приносившего жертву бесам; разве для тебя тайна, что Франки взяли Капитолий и посмеялись над римской силой[8495]? Прежде, когда люди еще не начинали познавать истинного Бога, город Рим потерпел множество бедствий, неслыханные пленения и различные убийства; теперь же, когда верующие почитают невидимого истинного Бога, римское царство пребывает безмятежно и не посрамлено, потому что Бог ради избранных Своих оградил его миром. Впрочем, вы не признаете столь милосердого Бога и все

благодеяния, посылаемые Создателем, приписываете Его созданию!

Таким образом, во время их беседы начался разговор о Христе Иисусе, и Транквиллин рассказал, как и для чего Сын Божий сошел на землю, не оставляя небес, и принял плоть, чтобы спасти человеческую душу от погибели. И всё, что сам Транквиллин узнал от святых Севастиана и Поликарпа и чему еще более научен был благодатью Господнею, вразумляющею верующего человека, он передал епарху, причем Сам Господь помогал ему говорить и подавал мудрость, на которую не мог возражать его противник. Рассказал он и то, как, болея долгое время ломотою в руках и ногах, внезапно исцелился благодатью Христовою в то самое время, когда всем сердцем уверовал в Него. Епарх, давно страдавший сильною ломотою в ногах, велел предстоявшим взять и отвести Транквиллина, как будто для того, чтобы на другой день допросить его; ночью же тайно послал за ним, призвал его к себе и, предлагая ему дары, просил назвать то средство, которым он исцелился. Транквиллин же сказал:

– Пусть знает твоя честь, что Бог наш сильно гневается на тех, кто хочет продать или купить Его благодать. Если же ты хочешь исцелиться от болезни твоей, веруй во Христа Сына Божия и исцелишься, как и меня видишь исцеленным, ибо я страдал даже тогда, когда меня носили, и все жилы и суставы мои 11 лет были скованы несказанною болезнью, так что другие люди подносили к устам моим пищу; когда же я уверовал во Христа Бога, тотчас получил исцеления и теперь цел и здоров благодатью истинного Спаса моего.

Епарх сказал:

– Прошу тебя, приведи ко мне того, кто был посредником твоего выздоровления и если он мне подаст исцеление, то и я сделаюсь христианином.

Транквиллин тотчас пошел и призвал святого Поликарпа. Святой Севастиан также был призван и научил епарха Агрестия Хроматия и сына его Тивуртия святой вере в Господа Христа и сокрушил более 200 бывших у него в доме идолов, –

деревянные сжёг, каменные разбил, золотые и серебряные рассек на части и отдал нищим.

Когда идолы сокрушались и раздроблялись, епарху явился пресветлый юноша и сказал:

– Господь наш Иисус Христос, в Которого ты уверовал, послал меня даровать здоровье всем твоим членам.

Тотчас Хроматий почувствовал себя здоровым и быстро встал, желая припасть к ногам явившегося и облобызать их, но тот сказал:

– Смотри, не прикасайся ко мне, ибо ты не омыт святым крещением от идольского смрада.

Сказав сие, он стал невидим.

Тогда Хроматий с сыном своим Тивуртием припали к ногам святых и громко восклицали:

– Един есть истинный Бог наш, Господь Иисус Христос, Единородный Сын Всесильного Бога, Которого вы, о добрые учители, проповедуете!

Святые советовали Хроматию под предлогом болезни сложить с себя сан епарха, чтобы не производить судов, на которых он должен истязать, судить и мучить христиан, и не посещать нечестивых зрелищ, но освободиться от всего для получения духовной премудрости. Так он вскоре и сделал.

Когда Хроматий приступал к крещению, то на вопрос: «Веруешь ли во Единого Бога?» отвечал: «Верую», и на вопрос: «Отрекаешься ли от идолов?» сказал: «Отрекаюсь».

После этого иерей спросил его:

– Отрекаешься ли от всех грехов твоих?

Хроматий сказал иерею:

– об этом нужно было в начале спросить меня: я облекусь снова в мои одежды и не приму святого крещения до тех пор, пока не отрекусь от грехов моих; примирюсь с тем, с кем имел вражду и возлюблю тех, на кого гневался; кто же на меня гневается, у тех испрошу прощения. Должникам моим прощу все долги, если же сам я у кого взял что-либо силой, тому возвращу сугубо. После смерти жены моей я имел двух наложниц, их отдам замуж, наградив брачными дарами; освобожу рабов и рабынь, устрою по воле Бога все мои

служебные и домашние дела и тогда скажу с дерзновением: «отрекаюсь от всех грехов моих и приму святое крещение».

Святым угодны были сии слова Хроматия, и крещение было отложено до того времени, когда он исполнил всё, обещанное им.

После этого Агрестий Хроматий с сыном Тивуртием и со всем домом своим крестился во имя Отца и Сына и Святого Духа, так что новопросвещенных простиралось до 1400 лиц обоего пола.

В то время было сильное гонение на христиан; они не могли ни купить пищи, ни почерпнуть воды, так как везде на площадях, на улицах, около колодезей, при источниках и потоках, по повелению нечестивых, были поставлены небольшие идолы и при них бдительная стража для того, чтобы всякий желающий купить что-нибудь съестное или почерпнуть воды сначала поклонился стоящему там идолу. Так придумали нечестивые, чтобы удобнее было узнавать христиан и брать их для мучения. При виде сего, все верующие опечалились, потому что без поклонения идолам невозможно было достать пищи и питья, и решили лучше терпеть голод и жажду, чем поклоняться идолам. Тогда Хроматий велел всем верующим в Риме тайно брать пищу и питье из его дома, так как был очень богат, и в доме его собирались все верующие для славословия Бога.

В то время епископом в Риме был родственник Диоклетиана блаженный Гаий[8496], родом из Далматии; он совершал литургию в доме Хроматия и причащал Божественных таин новообращенных христиан. От жестокого гонения Хроматий должен был уехать из Рима в Кампанию[8497], в свои имения, потому что боялся, что в Риме откроется его вера во Христа; там же он мог жить, не опасаясь сего, и свободнее исповедовать святую веру. Он объявил всем христианам, что желающие укрыться от гонения и жить спокойно, могут идти в его имение, и обещал давать им нужное пропитание. Необходимо было, чтобы с Хроматием и идущими с ним христианами отправился кто-нибудь из двоих: или Севастиан или Поликарп, для утешения и укрепления верных. По этому

поводу между обоими святыми был благочестивый спор, ибо каждый из них желал остаться в Риме для получения мученического венца. Во время их спора святейший епископ Гаий сказал:

– Если вы оба, желая умереть за Христа, предадитесь в руки мучителей, то лишите людей Христовых духовного утешения; поэтому, думаю я, что ты, брат Поликарп, как имеющий сан священства и исполненный Божественной премудрости, должен идти вместе с господином Хроматием, чтобы верных утешать учением, а сомневающихся укреплять и питать Божественными таинствами.

Услышав сие, святой Поликарп повиновался повелению епископа и ушел из Рима вместе с Хроматием и другими христианами. В воскресный день, совершив св. литургию, епископ сказал верующим:

– Господь наш Иисус Христос, зная немощь нашего естества, показал верующим в Него два пути: один путь мученичества, другой же – исповедничества; кто не может идти путем мученичества, пусть идет путем исповедничества. Кто из вас желает идти с нашими духовными чадами Хроматием и Тивуртием, тот пусть идет, кто же хочет остаться с нами здесь в городе, пусть остается: никакое расстояние не может разлучить соединенных благодатью Христовою; если я не увижу вас телесными очами, то моим духовным очам вы всегда будете предстоять.

Когда епископ говорил эти слова, Тивуртий воскликнул:

– Умоляю тебя, отче, позволь мне не уходить отсюда, ибо очень желаю, если бы то было возможно, хотя бы тысячу раз быть убитым за Бога, лишь бы получить от Него жизнь вечную и неотъемлемую!

Радуясь его вере и такой ревности к Богу, епископ прослезился и молил Бога, чтобы все остающиеся с ним возмогли подвизаться подвигом добрым и сподобиться мученической славы. С святейшим епископом остались Маркеллин и Марк с отцом их Транквиллином, святой Севастиан, прекрасный телом и еще прекраснейший душою юноша Тивуртий, протоскриниарий Никострат с братом

Касторием и женой Зоей, и Клавдий с братом Викторином и сыном Симфорианом, исцеленным от водяной болезни; только эти остались в Риме, остальные же все ушли с Хроматием и Поликарпом.

После их отшествия, святейший епископ поставил Маркеллина и Марка во диаконы, отца их Транквиллина посвятил во пресвитера, а святого Севастиана, как носящего оружие, поставил защитником церкви. Так как они не имели такого тайного места, где бы можно было совершать Божественные службы, то пребывали в палатах одного царского сановника по имени Кастула. Дом сей был избран как потому, что Кастул со своими домашними был тайным христианином, так и потому, что изданный о поклонении идолам закон, распространяясь всюду, совсем не следил за живущими в царских палатах, ибо никто не мог и подумать, чтобы вера христианская могла проникнуть сюда; поэтому святые могли удобно скрываться с Божественными службами у Кастула. Там они проводили дни и ночи в молитвах, слезах и посте, все претерпевая и прося Бога сподобить их мученического венца. К ним тайно приходили мужи и жены, видевшие подаваемые ими исцеления, ибо, молитвами святых, больным подавалось здоровье, слепым возвращалось зрение и изгонялись из людей нечистые духи, ради чего многие тайно принимали от святых христианскую веру.

Однажды святой Тивуртий шел по дороге и, увидав человека, упавшего с крыши своего дома и разбившегося, и плачущих о нем родителей и домашних, исцелил его своею молитвою, и тотчас человек тот со всем своим домом уверовал во Христа и принял крещение.

Наконец, настало время страдания святых, и первою пошла на страдальческий подвиг блаженная Зоя, жена Никострата. Она была взята нечестивыми надсмотрщиками в то время, когда молилась при гробе св. Апостола Петра, и была приведена на суд, где ее принуждали принести жертву идолу языческого бога Арея[8498]. Она не повиновалась, за что и была ввержена в мрачную темницу, где ее в течение 6 дней морили голодом; затем Зоя была изведена из темницы и умерла,

повешенная за волосы над смрадным дымом, исходившим от гниющих отбросов, тело же ее было брошено в реку Тибр.

Святая явилась в видении святому Севастиану и известила его о своей кончине. Севастиан рассказал об этом Транквиллину, который воскликнул:

– Жены идут прежде нас к венцу! Отчего же мы ждем?

И пошел на то же самое место, ко гробу Апостола; там нечестивые убили его камнями и бросили в реку Тибр. Никострат же, Касторий, Клавдий, Викторин и Симфориан были взяты в то время, когда ходили по берегу Тибра, отыскивая тела святых, и приведены к епарху города Фавиану. В течение десяти дней епарх старался ласками, угрозами и мучениями склонить их к жертве идолам; не успев в этом, он велел привязать им на шеи большие камни и утопить в море. Святого же юношу Тивуртия тайно предал язычникам один лжехристианин, по имени Торкват, уподобившись волку в овечьем виде. Они взяли Тивуртия и, связав, привели вместе с Торкватом на суд к тому же Фавиану. На суде Торкват тотчас же открыл свою хитрость, что он только назвался христианином, в душе же исполнен нечестия, и свидетельствовал против Тивуртия, обличая его в том, что тот называл римских богов бесами. Святой же Тивуртий явил себя на суде истинным и мужественным исповедником имени Иисуса Христа. Судия сказал ему:

– Не наноси посрамления своему славному роду; ты – сын столь славного отца, избрал себе такую тяжкую и поносную жизнь христианскую, за которой следуют бесчестия и муки, смерть и бесславие.

Святой Тивуртий отвечал:

– Премудрый муж и римский, судия! Ты говоришь, что я наношу бесчестие моему роду тем, что не хочу почитать и признать за богов сладострастную Венеру[8499], кровосмесителя Дия, лживого Ермия[8500] и чадоядца Крона; я же говорю, что увеличиваю честь моего рода тем, что почитаю Единого истинного, царствующего на небесах, Бога, поклоняюсь Ему и называюсь Его рабом. Угрожаешь ли ты мне мучением? Но разве нам, христианам, страшно пострадать за нашего Бога? усечением ли меча? Так мы, освободясь от плотской темницы,

получим небесную свободу; огнем ли? Но мы угасили в теле больший пламень похоти, а сего огня не убоимся; изгнанием ли? Но Бог наш везде и, где мы с Богом, там место наше.

Тогда Фавиан велел принести горящих углей, чтобы поставить на них святого босым и сказал:

– Или возложи на эти уголья каждение богам, или войди на них сам босыми ногами.

Осенив себя крестным знамением, святой Тивуртий стал босыми ногами на горящие уголья, и, топча их, ходил по ним, как по мягким благоухающим цветам.

– Оставь твое неверие, – сказал он судии, – и убедись, что истинен есть Бог мой, повелевающий стихиям[8501] и всему созданию. Если ты можешь, во имя твоего Дия, положи руку свою в кипящую воду и посмотри, будет ли она невредима; я же во имя Господа моего Иисуса Христа хожу по огню, как по орошенным цветам: видишь ли, как всякое создание покоряется нашему Создателю.

Судия сказал:

– Кто не знает, что ваш Христос научил вас волшебствам!

– Умолкни, окаянный, – сказал святой, – и не осмеливайся твоими ядоносными устами произносить с хулой это великое и страшное имя! Не оскорбляй слух мой хулой на имя Бога моего!

Фавиан разгневался на него и осудил на смерть. Тивуртий был отведен версты за 3 от города на Лавиканскую дорогу[8502], и там, во время молитвы его Богу, усекли его мечом. Один христианин похоронил его на месте кончины, и людям, приходившим к могиле Тивуртия, подавалась его молитвами благодать Господня.

После этого тот же мнимый христианин Торкват известил нечестивых о Кастуле, Маркеллине и Марке. Святой Кастул после троекратного допроса, повешения и мучения был брошен в ров, где и скончался, засыпанный живым землею. Маркеллина же и Марка Фавиан поставил на одном пне, прибив их ноги железными гвоздями, и сказал:

– До тех пор будете стоять так, пока не поклонитесь богам.

Они же, пригвожденше к одному дереву, пели: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс. 132:1). Так стояли они,

молясь Богу день и ночь, утром же были прободены в ребра копьями. Так приняли они конец своему мучению.

После страданий и кончины этих святых был взят под стражу и святой Севастиан, и епарх донес о нем царю Диоклетиану. Призвав его к себе, Диоклетиан сказал:

– Я считал тебя за первого при моем дворе; ты же, замышляя против меня, стал врагом мне и моим богам, и до этих пор скрывал свою злобу.

Святой Севастиан отвечал:

– Я всегда молил Христа о твоем здоровье и просил мира всему римскому царству; поклоняюсь же Царю Небесному, так как вижу, что несправедливо поклоняться камню и искать от него помощи: очевидно, что это изобретение безумных.

Разгневанный Диоклетиан велел вывести его за город и пронзить его стрелами посреди поля, привязав нагим к дереву. Когда Севастиан был поставлен, как бы целью для стрельбы, множество воинов стали со всех сторон пускать стрелы в его святое тело, так что пронзили ими всё его тело. Думая, что Севастиан уже умер, они ушли, оставив его привязанным к дереву со стрелами в теле. Жена святого мученика Кастула, по имени Ирина, придя ночью, чтобы взять и похоронить тело святого Севастиана, нашла его живым и принесла в дом свой, где святой через несколько дней излечился от ран и стал совершенно здоровым. Пришедшие к нему тайно христиане уговаривали его уйти из Рима, как это сделали многие веровавшие, чтобы опять не попасть в руки язычников, Он же, помолившись Богу, пошел и встал на ступенях Гелиогабала[8503]; увидя здесь царей, которые шли мимо, он сказал:

– Жрецы ваших богов, цари, смущают вас своими нечестивыми волхвованиями, ложно рассказывая вам о христианах, что они враги Римскому государству; знайте же, что христиане делают много полезного для вас, ибо, не переставая, молятся о вашем царствовании и о здравии всего римского воинства, и молитвами их преуспевает сей город.

Когда святой Севастиан говорил сие, Диоклетиан взглянул на него и сказал:

– Ты ли Севастиан, которого мы недавно велели расстрелять?

Святой отвечал:

– Господь мой Иисус Христос благоизволил воскресить меня, чтобы я пришел к вам и перед всеми людьми был свидетелем вашей неправды, обличая вас в том, что вы несправедливо воздвигаете гонения на христиан.

Диоклетиан велел взять его и вести на ипподром[8504]; там святой страстотерпец, громко прославляя Христа и обличая идолов и римское заблуждение, был убит палками. С радостным восклицанием отошел он к Подвигоположнику Христу, для того, чтобы принять венец победы за свой подвиг. Святое же тело его нечестивые бросили ночью в глубокий сорный ров[8505], чтобы кто-либо из христиан не нашел и не взял его. Но святой явился в видении благочестивой Лукине и сказал ей:

– Дойди до сорного рва близ цирка, там найдешь ты мое тело, висящим на перекладине; возьми его, отнеси в катакомбы[8506] и погреби при входе в пещеру, у пути апостольского.

Блаженная жена тотчас взяла своих рабов и, придя в полночь к означенному рву, благоговейно взяла тело мученика и с честью похоронила его на указанном месте[8507], вознося хвалу Христу Богу нашему, Которому слава вовеки, аминь.

Память святого Модеста, архиепископа Иерусалимского

Память 18 декабря

Святой Модест родился в городе Севастии[8508] от благочестивых и богобоязненных родителей. С юных лет он почувствовал сердечное влечение к Господу и, отрекшись от мира, проводил строгое иноческое житие. Впоследствии он был настоятелем обители Феодосиевой в Палестине. В это время Персидский царь Хозрой сделал опустошительное нашествие на Сирию и Палестину[8509]. С Персами соединились и евреи, в числе сорока тысяч человек, с целью истребить всех христиан Палестинских. Жестокость врагов имени Христова излилась на Иерусалим и его окрестности во всей своей силе: погибли многие тысячи иноков и клириков, опустошены и сожжены были все храмы, в том числе храм святого Гроба Господня, патриарх Захария[8510] со множеством народа и святым Крестом Господним отправлены в плен в Персию. Иудеи откупили у Персов несколько тысяч христиан и предали смерти. Число всех умерщвленных христиан простиралось до 90.000 человек. Святой Модест в это тяжкое время избег погибели, и, по окончании нашествия, за отсутствием патриарха, ему поручено было, с именем блюстителя патриаршей кафедры, управлять Палестинскою церковью. Первым делом святого Модеста было собрать останки избиенных в обители святого Саввы Освященного иноков и с честью положить их в усыпальницу. Потом он со всею ревностью принялся за восстановления поруганных святых мест. Не опасаясь ни злобы Иудеев, ни своеволия персидских властей, святой восстановил храм святого Гроба и храмы Голгофский и Вифлеемский, в чем весьма много помог ему Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский. Находившийся в плену у Персов блаженный Захария, патриарх Иерусалимский, утешал святого Модеста и паству письменными известиями о себе и увещаниями быть твёрдыми в вере. Через четырнадцать лет патриарх Захария вместе с Крестом Господним возвратился из плена[8511], но,

истомленный скорбями, скончался в том же году. По его кончине, на патриаршую кафедру был возведен святой Модест[8512]. Не более пяти лет управлял святой Модест Иерусалимскою церковью в сане патриарха. Добре управляя вверенною ему паствою, святой Модест творил многие дивные чудеса и исцеления. Достигнув престарелых лет, святой Модест, на девяносто седьмом году своей жизни, с миром предал дух свой Господу и переселился в вечные небесные обители[8513].

Память святого Флора, епископа Амийского

Память 18 декабря

Святой Флор жил в царствования греческих императоров Иустина, Тиверия и Маврикия[8514]; отец его носил то же имя Флор, а мать называлась Евфимиею; родители дали ему хорошее образование. Потом он поступил на царскую придворную службу и удостоился звания патриция[8515]; женился и имел детей. Когда жена его умерла, а потом умерли и дети от оспы, он сильно опечалился и, находя в таких обстоятельствах своей жизни указание Промысла Божия на то, что ему нужно озаботиться о своем спасении, оставил царскую придворную службу и поселился в Анапле[8516]. Проводя там благочестивую жизнь, Флор удостоился поставления во епископа в город Аминс[8517]. Как добрый пастырь овец Христовых, он добре пас порученное ему стадо, поучал пасомых в Православной Вере и наставлял их соблюдать волю Божию и хранить заповеди, и так скончался о Господе[8518].

Память преподобного Михаила Синкелла

Память 18 декабря

Преподобный Михаил был родом из Иерусалима. Родители его, люди благочестивые, дали ему прекрасное образование. Он в совершенстве знаком был с древнегреческою литературою, хорошо изучил также и христианских писателей богословов и с молодых лет посвятил себя иноческой жизни.

По смерти его отца, мать его и сестры постриглись в одном из монастырей. Проводя добрую и богоугодную жизнь при строгом соблюдении воздержания, Михаил удостоился пресвитерского сана. По своей скромности и горячей любви к богомыслию, он удалился было в уединенное место, куда приходили к нему Феодор и Феофан исповедники[8519], для совместных богословских занятий; но патриарх Иерусалимский[8520], желая воспользоваться его дарованиями для нужд церковных, вызвал его оттуда и возвел в звание синкелла[8521]. Потом ему дано было еще поручение особой в то время важности. В Риме тогда возгорелись оживленные прения по поводу иконоборческой ереси[8522]; споры эти велись не только частно, в домах, но и публично, на улицах города, и сопровождались народными волнениями. Папа Римский обратился с просьбой к патриарху Иерусалимскому Фоме о содействии искоренению ереси и утверждению Православной Веры, по соборному святоотеческому преданию, и предложил ему несколько вопросов о сем. По этой просьбе папы от патриарха Иерусалимского послан был для умиротворения церкви и обличения ереси синкелл Михаил с его сотрудниками Феодором и Феофаном и другими просить царя – иконоборца Льва Армянина[8523], дабы он удержался от гонений на Православие. Но Лев подвергнул его пыткам и послал в заточение. Хотя впоследствии он был освобожден из сего заточения, но в царствование императора Феофила иконоборца[8524], который, совершенно отвергши поклонение святым иконам, воздвиг жестокое гонение на Церковь Божию, преподобный Михаил со своими сподвижниками подвергся

новым мукам. За исповедания истины Феодор и Феофан подверглись следующему поруганию: по повелению нечестивого царя на их лицах разожженными железными клеймами были отпечатлены – начертаны[8525] ругательные слова; отобрана была и находившаяся при них переписка патриарха Иерусалимского с папою Римским, хотя они и старались ее скрыть от гонителей правой веры. Но преподобные и преславные отцы нисколько того не устрашились и в своих убеждениях не поколебались, но, как твердые адаманты[8526], воспротивились требованиям иконоборца и мужественно защищали православное учение. Многократно они вели пространные беседы о православной вере и произносили речи против иконоборца-царя, за что и осуждены были им на изгнание. Блаженный Михаил сначала заключен был в дворцовую тюрьму, вместе с учеником своим и сподвижником Иовом, где на него возложены были тяжкие оковы, а потом, с тем же Иовом, сослан был в один монастырь (Павсиадский) в ссылку. За всё это время много было пролито святым горьких слёз; страдания надломили его здоровье, тело его сгорбилось; но духом исповедник оставался непоколебимо твёрд. Когда же, по смерти Феофила, воцарилась супруга его царица Феодора[8527] с сыном своим Михаилом и иконопочитание было окончательно утверждено[8528], а ревнители православного учения возвращены из ссылок и восстановлены в прежних должностях, правительница Феодора предложила исповеднику православной веры Михаилу занять кафедру Константинопольского патриарха, вместо низложенного патриарха иконоборца Иоанна Грамматика[8529], но он уклонился от этого, и патриархом поставлен был известный поборник православия, святой Мефодий; Михаил же, в звании синкелла, получив в свое заведывание великий Константинопольский соборный храм, успокоился после понесенных им тяжких испытаний. Благочестиво и богоугодно дожил он до 85-летнего возраста и с миром отошел ко Господу[8530].

Страдания святого мученика Вонифатия

Память 19 декабря

Некогда в Риме проживала одна женщина по имени Аглаида, отец ее Акакий был некогда начальником города. Будучи молодой и красивой, обладая богатыми имениями, доставшимися по наследству от родителей, и пользуясь свободной жизнью без законного мужа, она, побеждаемая страстью немощной плоти, проводила дни свои в любодеянии и грехах. Она имела у себя верного раба, который был управителем над домом и имениями ее, он был молод и красив. Звали его Вонифатием, – и Аглаида жила с ним в преступной связи, удовлетворяя свое плотское вожделение. И нет стыда говорить о сем, так как далее речь будет о блаженном и чудном изменении их жизни, ибо когда святым воздается похвала, то не умалчивается и об их прежних грехах, дабы показать, что не все с юных лет были блаженны и праведны, а имели, подобно другим, растленное тело, но истинным покаянием, доброй в себе переменой и великими добродетелями прославились своею святостью. Об этом повествуется в Житиях Святых для того, чтобы и мы, грешные, не отчаивались, но поспешили бы к скорому исправлению, зная, что при помощи Божией и после грехов возможно быть святыми, если только сами того пожелаем и для того потрудимся. И действительно, прекрасно то услаждающее сердце повествование, в котором мы слышим, что грешник, по-видимому, не имеющий надежды на спасение, становится сверх ожидания святым и притом мучеником Христовым, подобно святому Вонифатию, который во время любострастной жизни служил греху, а потом сделался исповедником, доблестным подвижником и славным страдальцем за Христа. Вонифатий во время своей распутной жизни был рабом греха, однако, имел некоторые, достойные похвалы, добродетели: он был милостив к нищим, любвеобилен к странникам и отзывчив ко всем находящимся в несчастии; одним оказывал щедрые милостыни, другим с любовью доставлял успокоение, иным с сочувствием оказывал помощь.

Имея твердое желание исправиться, Вонифатий часто молился Богу, чтобы Он избавил его от диавольских козней и помог ему сделаться господином над своими вожделениями и страстями. И Господь не презрел раба Своего и не попустил ему еще более погрязнуть в нечистоте греховной, но благоизволил устроить так, что нечистые дела его были омыты пролитием крови его, и через это самое душа его сделалась как бы царскою багряницей и увенчалась венцом мученическим. Это совершилось следующим образом.

В то время было сильное гонение на христиан, глубокая идольская тьма покрывала весь Восток, и много верующих было мучимо и убиваемо за Христа. Госпоже Вонифатия Аглаиде явилась спасительная мысль и сильное непреодолимое желание иметь в своем доме мученические мощи. Не имея из своих слуг никого вернее и исполнительнее Вонифатия, она позвала его, открыла ему свое желание и наедине сказала:

– Ты сам знаешь, брат о Христе, сколь многими грехами осквернены мы, совсем не заботясь о будущей жизни и спасении; как же мы предстанем на Страшный Суд Божий, на котором должны по своим делам быть осуждены на тяжкие мучения? Но от одного благочестивого мужа я слышала, что если кто имеет у себя мощи мучеников Христовых и чтит их, тот получает помощь ко спасению и в доме того грех не умножается, так что таковый может даже достигнуть того вечного блаженства, какого сподобились святые мученики. Теперь многие, говорят, совершают подвиги за Христа, и, отдавая тела свои на мучения, получают мученические венцы. Послужи мне: ныне наступило время показать тебе, действительно ли ты имеешь любовь ко мне. Скорее ступай в те страны, где воздвигнуто гонение на христиан, и постарайся принести мне мощи одного из святых мучеников, дабы с честью положить их у себя и построить храм тому мученику и всегда иметь его своим хранителем, защитником и постоянным ходатаем пред Богом.

Выслушав Аглаиду, Вонифатий с радостью согласился на ее предложение и выразил полную готовность идти в путь. Госпожа дала ему много золота, потому что нельзя было взять

мученических тел без подарков и золота: нечестивые мучители, видя сильную любовь и усердие христиан к мощам, не отдавали их даром, но продавали по дорогой цене и таким образом приобретали себе большие доходы. Вонифатий взял у своей госпожи много золота, частью на выкуп мученических мощей, а частью на раздачу милостыни нищим, приготовил также много различных благовоний, полотна и всего, что потребно было для обвития честных мученических тел. Взяв с собою еще много рабов, помощников и коней, он собрался в путь. Выходя из дому, он, смеясь, сказал своей госпоже:

– А что будет, госпожа, если я не найду никакого тела мученика, и мое тело, замученное за Христа, принесут к тебе, – примешь ли ты его тогда с честью?

Аглаида, рассмеявшись, назвала его пьяницей и грешником и, укоряя его, сказала:

– Ныне время, брат мой, не для глумления, а для благоговения. Тебе следует во время пути тщательно охранять себя от всякого бесчинства и глумления: святое дело должно совершать честно и благочинно, и в пути сем тебе следует пребывать в смирении и воздержании, помни, что ты собираешься служить святым мощам, до которых мы не только коснуться, но даже и взглянуть на них недостойны. Иди с миром, Бог же, зрак раба принявший и за нас кровь Свою проливший, да простит грехи наши и пошлет тебе Ангела Своего и направит тебя на добрый и благополучный путь.

Вонифатий принял к сердцу приказание своей госпожи и отправился в путь, размышляя в уме о том, к чему он должен будет прикасаться своими осквернеными, грешными руками. Вонифатий стал сокрушаться о своих прежних грехах и решил поститься: не есть мяса, не пить вина, а усердно и часто молиться, чтобы прийти в страх Божий. Страх же – отец внимания, а внимание – матерь внутреннего покоя, от которого рождается начало и корень покаяния. Так Вонифатий насадил в себе корень покаяния, начав со страха Божия, внимания к себе и непрестанных молитв, он стяжал себе желание к совершенному житию.

Когда Вонифатий достиг Малой Азии и вошел в знаменитый Киликийский город Тарс[8531], в нем тогда при царе Диоклетиане и соправителе его Максимиане было воздвигнуто жестокое гонение на христиан, и верующие подвергались тяжким мучениям. Оставив рабов в гостинице, он повелел им отдохнуть, а сам, не отдыхая, тотчас же пошел смотреть на страдания мучеников, о которых раньше слышал. Придя на место мучения, Вонифатий увидал множество народа, собравшегося смотреть на производимые христианам мучения. Всем им была объявлена лишь одна вина: христианская вера и благочестивая жизнь, но муки на них были налагаемы неравные и неодинаковые: один висел вниз головою, а на земле под ним был разведен огонь, другой был крестообразно привязан к четырем столбам, иной – лежал перепиленный пилой, иного мучители строгали острыми орудиями, иному – выкалывали глаза, другому – отсекали члены тела, иного надевали на кол и, подняв от земли, утверждали кол в земле, так что он проходил ему до шеи, у иного кости были сломаны, у иного – руки и ноги были отсечены, и он, подобно клубку, катался по земле, но на всех лицах была видна духовная радость, потому что, перенося нестерпимые для человека мучения, они укрепляемы были благодатью Божиею. Блаженный Вонифатий с вниманием смотрел на все это, то удивляясь мужественному терпению мучеников, то желая себе такого же венца, потом, исполнившись Божественной ревности и став посреди того места, начал обнимать всех явивших себя мучениками, которых было уже человек двадцать, и, в слух всех, громко воскликнул:

– Велик Бог христианский! Велик Он, ибо помогает рабам Своим и укрепляет их в столь великих муках!

Произнеся это, он снова стал лобызать мучеников и с любовию целовать их ноги, а у тех, которые не имели ног, остальные части тела, обнимая мучеников, прижимал он их к груди, называя их блаженными, потому что, претерпев мужественно кратковременные муки, они тотчас получат вечный покой, отраду и бесконечную радость, при этом Вонифатий молился о себе, чтобы и ему быть содругом мучеников в таком подвиге и причастником венца, который они получают от

Подвигоположника – Христа. Весь народ устремил свои взоры на него, особенно судья, который мучил святых страдальцев. Видя перед собою в лице Вонифатия пришлеца и незнакомого человека, он спросил: кто он и откуда? И тотчас приказав схватить его и привести к себе, спросил:

– Кто ты?

– Христианин! – отвечал святой.

Но судья хотел знать его имя и происхождение. Отвечая на это, святой сказал:

– Первое и самое любимое мое имя – Христианин, пришел же сюда я из Рима, а если хочешь узнать и то имя, которое мне дано от родителей, то меня зовут Вонифатием.

– Итак, Вонифатий, – сказал судья, – приступи к нашим богам, пока я не растерзал твоей плоти и костей, и принеси им жертву. Тогда ты удостоишься многих благ, умилостивишь богов, избавишься от грозящих тебе мук и от нас получишь много даров.

В ответ на это Вонифатий сказал:

– Не следовало бы мне даже и отвечать на твои слова, но я снова скажу то, что уже много раз повторял: я – Христианин, и только это ты услышишь от меня, а если не желаешь слышать этого, то делай со мной, что тебе угодно!

Когда Вонифатий произнес сии слова, тотчас судья повелел раздеть его, повесить вверх ногами и сильно бить. И святой был биен так сильно, что от тела его отпадали целые куски мяса и обнажались кости. Он же, как бы не чувствуя страданий и не заботясь о получаемых ранах, устремлял лишь глаза свои на святых мучеников, видя в их страданиях пример для себя и утешаясь тем, что удостоился вместе с ними страдать за Христа. Потом мучитель повелел немного ослабить ему муки и, пытаясь снова убедить его словами, сказал:

– Вонифатий, это начало мучения пусть послужит тебе к указанию, что тебе лучше избрать: вот ты испытал нестерпимые страдания, образумься же, окаянный, и принеси жертву, а то немедленно подвергнешься еще большим и лютейшим страданиям.

Святой возразил:

– Зачем повелеваешь мне непристойное, о безумный! Я не могу и слышать о твоих богах, а ты повелеваешь мне принести жертву им!

Тогда судья, в сильном гневе, повелел вонзить ему острые иглы под ногти на руках и ногах, но святой, возведя очи и ум к небу, молча, терпел. Затем судья придумал новое мучение: он повелел растопить олово и влить в рот святому. Когда олово растоплялось, святой, воздев к небу руки свои, молился:

– Господи Боже мой, Иисусе Христе, укрепивший меня в перенесенных мною муках, пребуди и ныне со мною, облегчая мои страдания. Ты – единственное мое утешение: даруй же мне явное знамение того, что Ты помогаешь победить мне сатану и этого неправедного судью: ради Тебя, как Сам Ты знаешь, я страдаю.

Окончив эту молитву, Вонифатий обратился и к святым мученикам с просьбою, чтобы они своими молитвами помогли ему претерпеть страшную муку. Мучители, приступив к нему, открыли ему рот железными орудиями и влили олово ему в горло, но не причинили вреда святому. Присутствовавшие при мучениях, увидев такую жестокость, содрогнулись и стали восклицать:

– Велик Бог христианский! Велик есть Царь – Христос! Все веруем в Тебя, Господи!

Так восклицая, все обратились к близнаходящемуся идольскому капищу, желая уничтожить его, на судью же громко негодовали и бросали в него камнями, чтобы убить его. Судья, встав с судейского места, со стыдом убежал в свой дом, а Вонифатия повелел держать под стражей.

Утром, когда волнение утихло и народное восстание приостановилось, судья снова явился на судейское место и, призвав Вонифатия, хулил имя Христово и глумился над тем, как распят был Христос. Святой, не терпя хулений на Господа своего, сам произнес много досадительных для судьи слов, в свою очередь ругая бездушных богов и обличая ослепление и безумие поклоняющихся им, и тем самым еще более разгневал судью, который немедленно повелел растопить котел смолы и бросить в него святого мученика. Но Господь не оставил Своего

раба: внезапно сошел с неба Ангел и оросил мученика в котле, когда же смола вылилась, то вокруг образовалось сильное пламя, которое попалило многих стоявших около нечестивых язычников. Святой же вышел здоровым, не получив от смолы и огня никакого вреда. Тогда мучитель, видя силу Христову, испугался, как бы ему самому не пострадать, и повелел тотчас усечь Вонифатия мечом. Воины, взяв мученика, повели его на усечение. Святой же, выпросив для себя некоторое время для молитвы, обратился к востоку и молился:

– Господи, Господи Боже! Сподоби меня милостей Твоих и будь мне помощником, чтобы враг за мои грехи, безумно содеянные, не преградил путь к небу, но приими с миром мою душу и вчини меня вместе с святыми мучениками, пролившими за Тебя кровь и сохранившими веру до конца; стадо же, приобретенное Твоею честною Кровию, людей Твоих, Христе, близких мне, избавь от всякого нечестия и языческого заблуждения, ибо Ты благословен и пребываешь вовеки!

Так помолившись, Вонифатий преклонил голову под меч и был усечен, от раны его истекла кровь вместе с молоком. Неверные, видя чудо это, обратились тотчас ко Христу – числом около 550 человек, и, оставив мерзких идолов, присоединились к верным. Такова была кончина святого Вонифатия, который, отправляясь из дому в путь, предсказал, смеясь, своей госпоже то, что действительно доказал и совершил на деле[8532].

Между тем друзья Вонифатия и рабы Аглаиды, пришедшие с ним для отыскания мощей, не зная ничего о случившемся сидели в гостинице и ожидали Вонифатия. Видя, что он к вечеру не возвращается, они удивлялись, не видя его и всю ночь, а также и утром на другой день, начали судить и дурно отзываться о нем (как после сами рассказывали), предполагая, что он где-нибудь напился и проводит время с блудницами:

– Вот, – говорили они, смеясь, – как наш Вонифатий пришел отыскивать святые мощи!

Но так как он не возвращался и в другую ночь и на третий день, то они начали недоумевать, и искали его, ходя по всему городу и расспрашивая о нем. Случайно, или, лучше сказать, по Божию усмотрению, они встретили человека, который был

братом комментарисия[8533], и спросили его, не видел ли он одного человека, странника, пришедшего сюда. Тот ответил, что вчера некоторый чужестранный муж, пострадав за Христа на месте мучений, осужден был на смерть и усечен мечом.

– Не знаю, – говорил он, – тот ли это, кого вы ищете? Скажите, каков он видом?

Они описали внешний вид Вонифатия, что он невелик ростом, имеет рыжие волосы; передали также и о других приметах его лица. Тогда человек тот сказал им:

– Наверное это и есть тот, кого вы ищете!

Но они не поверили, говоря:

– Не знаешь ты того человека, которого мы ищем.

И, беседуя между собой, вспоминали прежний характер Вонифатия, ругались над ним и говорили:

– Разве пьяница и распутник будет страдать за Христа?!

Но брат комментарисия настаивал на своем.

– По наружности такой, как вы говорите, человек вчера и третьего дня, действительно, был мучим на суде, – сказал он, – впрочем, что же препятствует вам? Идите – и сами увидите тело его, лежащее на месте, где он был усечен.

Они отправились следом за тем человеком, пришли на место мучения, где стояла военная стража, чтобы тела мучеников не были похищаемы христианами. Шедший впереди человек показал им на лежащего усеченного мученика и сказал:

– Не тот ли это, кого вы ищете?

Когда они увидали тело мученика, тотчас же начали узнавать друга своего, а когда голову его, лежавшую отдельно, приложили к туловищу, совершенно удостоверились, что это – Вонифатий, и весьма удивились, а вместе с тем стали чувствовать и стыд, потому что думали и говорили о нем дурно, боялись и того, чтобы не постигло их наказание за то, что осуждали святого и смеялись над его жизнью, не зная его сердечных помышлений и доброго намерения.

Когда они смотрели на лицо святого и были в сильном изумлении, вдруг увидели, что Вонифатий понемногу стал открывать глаза, и милостиво смотрит на них, как на своих

друзей, уста улыбаются, лицо светится, как будто показывая вид, что он прощает им все их прегрешения против него.

Они ужаснулись и вместе обрадовались и, проливая теплые слезы, плакали над ним, говоря:

– Раб Христов, забудь грехи наши, что мы неправедно осуждали твою жизнь и безрассудно ругались над тобой!

Затем они отдали нечестивым 500 золотых монет и взяли тело и голову святого Вонифатия, помазав благовонными мастями, повили их чистыми плащаницами и, положив в ковчеге, отправились к себе домой, везя тело мученика госпоже своей. Когда они приближались к Риму, Ангел Божий явился во сне Аглаиде и сказал:

– Готовься принять того, кто был раньше у тебя слугой, ныне же стал нашим братом и сослужителем, прими того, кто был рабом у тебя, а теперь будет твоим господином, и благоговейно почитай его, потому что он хранитель души твоей и защитник твоей жизни.

Она, проснувшись, ужаснулась, взяв тотчас же несколько почтенных церковных клириков, вышла навстречу святому мученику Вонифатию, которого раньше посылала в путь как раба, а по возвращении приняла его в дом свой благоговейно со слезами как господина. И вспомнила она то пророчество, которое изрек святой, отходя в путь, и благодарила Бога, устроившего так, что святой Вонифатий за свои и ее грехи стал жертвою, благоприятною Богу. В имении своем, отстоявшем от Рима в 50 стадиях[8534], Аглаида построила чудный храм во имя святого мученика Вонифатия, и в нем поставила святые мощи, уже после того как многие чудеса стали совершаться по молитвам мученика, истекали многоразличные исцеления больным, изгонялись из людей бесы, и многие молящиеся у гроба святого получали исполнение своих прошений.

После и сама блаженная Аглаида, разделив все свое имение нищим и убогим, отреклась от мира, и, прожив еще 18 лет в великом покаянии, с миром умерла и присоединилась к святому мученику Вонифатию, будучи положена рядом с его гробом[8535].

Так сия двоица святых, чудесно изменив прежнюю свою жизнь, получила добрый конец, один, кровью омыв свои грехи, удостоился мученического венца, другая же слезами и суровою жизнью очистила себя от плотской скверны; и оба явились оправданными и непорочными перед Господом Иисусом Христом, Которому слава вовеки. Аминь.

Житие святого Вонифатия Милостивого, епископа Ферентийского

Память 19 декабря

Святой Вонифатий[8536] был родом из Тускийской области[8537], в Италии. Он еще с детства отличался любовью к нищим, когда ему приходилось увидеть кого-нибудь раздетым, то он снимал с себя одежду и одевал ею нагого, поэтому приходил он домой то без хитона, то без свиты[8538], и мать его, сама бывшая бедной вдовой, часто сердилась на него и говорила:

– Напрасно ты так поступаешь, одевая нищих, сам будучи нищим.

Однажды она вошла в свою житницу, в которой на весь год заготовлен был хлеб, и нашла ее пустою: Вонифатий, сын ее, тайно раздал все нищим, и начала мать плакать, ударяя себя по лицу и восклицая:

– Горе мне, где я возьму пищи на весь год, и чем буду кормить себя и семью свою?

Вонифатий, придя к ней, начал утешать ее, когда же и после сильного плача не мог успокоить ее речами, то стал умолять ее выйти на время из житницы. Когда мать вышла, Вонифатий, затворив дверь в житнице, упал на землю и стал молиться Богу, – и тотчас житница наполнилась пшеницею. Вонифатий, возблагодарив Бога, призвал свою мать, когда она увидала житницу полною хлеба, то утешилась и прославила Бога. С того времени она не запрещала более сыну раздавать нищим сколько он хочет, так как видела в нем столь великую веру, по которой он не беднеет от подаяния и, сколько сам попросит у Бога, получает. Мать Вонифатия имела в своем доме кур, которых похищала лисица, причиняя тем убыток бедной вдове. Однажды отрок Вонифатий, стоя у своих дверей, увидал, как лисица по обыкновению пришла, похитила птицу и убежала в гору. Сожалея об огорчении матери, он побежал в храм, пал на землю и в молитве жаловался перед Богом на лисицу, говоря:

– Господи, неужели благоугодно тебе, чтобы я не мог питаться от трудов матери? А вот, между тем лисица приходит и похищает пищу нашу!

После молитвы Вонифатий возвратился домой и увидал ту же самую лисицу, пришедшую к ним на двор и принесшую во рту похищенную птицу, она пустила ее живою перед Вонифатием, а сама тотчас издохла. Так Бог слушает надеющихся на Него и в малых вещах, имея о нас великое промышление, чтобы мы, получая от Него малое, надеялись получить, по возможности, и большее.

Святой Вонифатий был впоследствии поставлен епископом в городе Ферентине[8539], и об его многих чудесах повествует пресвитер Гавденций, который был слугою святого и видел своими глазами все совершаемое им. Ферентийская епископия находилась в большой бедности, которая людям благочестивым служит охранительницей смирения; епископ не имел на свое пропитание никакого церковного имущества, кроме одного дохода с виноградника, принадлежавшего церкви. Однажды был большой град и побил все лозы с ягодами, так что осталось лишь немного кистей винограда на некоторых лозах. Блаженный Вонифатий, войдя в виноградник, увидел, что все побито, и начал благодарить Бога, что в такой своей бедности начал терпеть еще большую нищету. Когда же наступило время созревания винограда, Вонифатий, по обыкновению, поставил сторожа и повелел оставшиеся кисти винограда бдительно охранять. В один день он велел пресвитеру Констанцию, своему внуку, вымыть все имевшиеся в епископском доме сосуды для вина и по обычаю засмолить. Пресвитер, услышав это, весьма удивился тому, что он, не имея вина, приказывает приготовить винные сосуды. Не осмеливаясь спросить, для чего нужно готовить сосуды, но, исполняя приказание, он сделал все по обычаю. Вонифатий, войдя в виноградник и собрав кисти винограда, снес их в точило[8540] и повелел всем оттуда выйти, а сам остался с одним отроком, которому велел все эти немногочисленные кисти выжать в точиле. Когда вино понемногу начало течь из точила, святой взял его в сосуд, и разлил понемногу во все приготовленные кувшины, чтобы

благословить их, разделив все вино так, что сосуды едва омочились вином. Таким образом, Вонифатий благословил все сосуды, призвал пресвитера и велел созвать нищих, чтобы по обычаю пришли и взяли нового вина, находящегося в сосудах. Тогда вино в точиле начало умножаться, так что все принесенные сосуды нищих наполнились. Святой, видя, что всем пришедшим достало вина, велел отроку выйти из точила, хранилище же с вином затворил, приложил печать и ушел в церковь. Через три дня Вонифатий призвал пресвитера Констанция и, помолившись, отворил дверь в винное хранилище, и увидел, что все сосуды и кувшины, в которые для благословения понемногу было налито вина, переполнены пенистым вином, так что оно лилось, через края, даже земля напиталась вином, и если бы епископ немного замедлил войти в хранилище, то вся бы земля была покрыта вылившимся вином. Когда пресвитер, видя это, весьма удивился, то святой запретил ему говорить кому-либо об этом, боясь и избегая суетной человеческой славы. В другой раз, когда праздновалась память святого мученика Прокла, один благородный муж из того же города, по имени Фортунат, просил святого Вонифатия, по совершении службы святому мученику, прийти в дом его и преподать благословение, святой не отказал ему, потому что Фортунат просил его об этом с верою и истинною любовью. Вонифатий, совершив Божественную службу, пришел на трапезу к Фортунату. Прежде чем он по обычаю помолился перед трапезою, один из скоморохов стал перед дверями с обезьяною и заиграл на кимвалах[8541]. Святой, услышав звуки кимвал, рассердился и сказал:

– Увы, мертв есть сей нечестивец, поистине мертв, я пришел обедать и еще не успел открыть уста для обычного восхваления Бога, как он предупредил меня, пришел с обезьяною и заиграл на кимвалах!

При этом он присовокупил:

– Пойдите, дайте ему есть и пить, но знайте, что он мертв.

Нечестивый же тот человек, взяв хлеб и вино, хотел было выйти из ворот, но тотчас же большой камень сзади внезапно упал и ударил его по голове, скоморох упал на землю и

полумертвым был отнесен на руках в свой дом, а на другой день, как предсказал святой, умер. Так должно благоговеть перед святыми угодниками Божиими и почитать их, ибо они суть храмы Божии и Бог пребывает в них. Когда святой прогневается, вместе с ним гневается и живущий в нем Бог, и тогда святой может одним словом покарать оскорбившего его. В другой раз тот же пресвитер Констанций, внук святого, продал своего коня за двадцать золотых монет, и, положив их в ковчежец[8542], ушел по своему делу. Неожиданно случилось, что много нищих пришли к епископу и с назойливостью приставали к нему, прося чем-нибудь помочь им. Святой, не имея ничего, чтобы дать им, скорбел в душе, не желая отпустить нищих без помощи, вспомнив же про деньги Констанция, взятые за коня, пошел в комнату, где был его ковчежец, и, благословив ради вины, открыл его, взял золотые монеты и отдал их бедным. Когда пресвитер возвратился и увидел ковчежец открытым, и не нашел в нем денег, то сильно оскорбился, поднял большой шум и стал с гневом кричать:

– Невозможно мне жить здесь!

На его голос сошлись все бывшие в епископском доме, пришел и сам епископ и стал утешать его, уговаривая добрыми словами. Он же с досадой отвечал святому:

– Все у тебя живут хорошо, один я не имею места и не могу пожить спокойно, отдай мне мои деньги и я уйду от тебя.

Епископ пошел в храм Пречистой Богородицы, надел на себя фелонь[8543] и, подняв кверху руки и возведя глаза к небу, молился, чтобы Господь послал ему откуда-нибудь столько золотых монет, сколько он взял у пресвитера, чтобы отдать их ему и смягчить гнев его. Святой, молясь, обратил глаза на себя и увидел на фелони внезапно явившиеся двадцать золотых монет, которые лежали между рук, поднятых кверху, и так блестели, как будто только что были сделаны и вынуты из огня. Возблагодарив Бога, епископ вышел из церкви и бросил деньги на одежду гневающемуся пресвитеру, сказав:

– Вот, возьми деньги, о которых ты скорбел, и да будет тебе известно, что по смерти моей за свою скупость ты не будешь епископом этой церкви!

Действительно, так и было: пресвитер для того и деньги копил, чтобы получить епископство, но слово, сказанное Божиим человеком, не бывает тщетно, и Констанций окончил свою жизнь в пресвитерском сане.

Некогда два готфянина шли в город Равенну[8544] и, как странники, с любовию были приняты святым Вонифатием в епископском доме. Когда они уходили, Вонифатий, провожая их, сам налил вина в деревянный сосуд и дал им на дорогу в знак благословения. Сосуд был мал, так что вина должно было хватить только на один обед. Они взяли и ушли, и в потребное время пили вино из этого сосуда, и, однако, вино в сосуде нисколько не убавлялось, и сосуд всегда оставался полным. Пробыв несколько дней в Равенне, странники возвратились назад и пришли опять к святому, благодаря его за благословение, и принесли ему сосуд с тем же вином, извещая, что во всю дорогу нигде другого вина не пили, однако, вино в сосуде все-таки не истощилось.

Не должно умолчать и о том, что рассказывает один из клириков той страны, муж честный.

– Некогда святой Вонифатий, – говорит клирик, – вошел в свой виноградник и увидел такое множество гусениц, что весь виноградник был покрыт ими, и вся зелень должна была погибнуть. И сказал святой гусеницам: заклинаю вас именем Господа нашего Иисуса Христа, уйдите отсюда, и не смейте больше есть этой травы, и тотчас все множество гусениц, по слову угодника Божия, вышло из виноградника, так что не осталось ни одной.

Господь Бог, прославляющий святых Своих и исполняющий желание боящихся Его, да будет и Сам прославляем в них вовеки. Аминь.

Житие святого Григория, архиепископа Омиритского

Память 19 декабря

Святой Григорий первоначально подвизался в городе Медиолане, где, по Божественному избранию, светил на свещнице церковного служения в чине диаконском, впоследствии другие города и села имели его проповедником имени Христова и искоренителем идольской лести. Григорий был сыном благочестивых родителей Агапия и Феодотии, воспитан в благочестии и страхе Божием и, от юности исполненный благодати Божией, был чудотворцем и целителем. Господь приуготовлял его для служения в сане архиерейском, о чем и возвещал ему через откровения и прозорливых отцов. Когда Григорий пришел в Медиолан к одному отшельнику, то тот предсказал ему все будущее, ибо был прозорлив, он предвидел и самый приход к себе Григория, когда тот был еще за тридцать поприщ[8545] от него, о чем отшельник и сказал своему слуге. Был там еще другой старец схимник[8546], для Бога удалившийся от мира и живший в горах. Григорий, узнав о старце, пошел к нему. Когда он приближался к горе, где жил сей отец, то увидел огненный столп в воздухе и от страха упал на землю. Затем, ободрившись, встал и пошел посмотреть, что это за огненное видение. Издали ему казался пламень, но когда он подошел ближе, то увидел отшельника, идущего к нему, который, приблизившись, поцеловал его и назвал Григорием, хотя никогда и не был с ним знаком. Григорий жил у этого великого старца два дня и здесь сподобился дивных видений. В полночь он видел сего богоносного мужа, простиравшего в молитве руки, поднявшегося от земли и стоявшего в воздухе. Григорий дивился этому видению, старец же утром, призвав его к себе, тихим и кротким голосом сказал:

– Иди, друг и брат! И выслушай, что я поведаю тебе, для того ты и пришел ко мне, чтобы узнать все, что мне открыто о тебе. Ты увидишь Рим, помолишься в церкви святого мученика Вонифатия и Аглаиды, и оттуда тебе должно отплыть в

Александрию, затем в Ефиопии проповедовать слово истины и прийти в Омиритский город Награн[8547], который завоеван омиритским царем Дунааном и нуждается в проповедовании апостольского учения, там, совершив великие и славные дела, умрешь и переселишься в обители праведных. Однако много трудов ты должен будешь принять от живущих в Омирите непокорных иудеев и многих из них обратишь к Богу, имея Его благим Помощником, умудряющим и наставляющим тебя. Там же патриархом Александрийским ты будешь рукоположен во архиепископский сан.

Услышав это, блаженный Григорий стал говорить, что он недостоин того, что предсказывает ему старец, и пожелал еще остаться у отшельника. Прозорливый муж рассказал Григорию и то явление, которое видел сам Григорий. Он видел верховных Апостолов Петра и Павла, возложивших омофор[8548] на рамена Григория, что предзнаменовывало благодать архиерейства, которую должен будет получить Григорий. Много дивился блаженный Григорий этой дивной прозорливости старца, от которого не скрылось и то, что он сам видел наедине, и сказал:

– Слава Богу, действующему так в любящих Его, да будет воля Господня!

Через два дня старец отпустил его от себя, с любовию облобызал его, и Григорий ушел, жалея о разлуке с таким Божественным мужем, горя к нему пламенем любви и постоянно вспоминая о нем. Григорий пришел оттуда прежде всего в Карфаген[8549] и долгое время жил там, проповедуя слово Божие и исцеляя всякие болезни. Затем, по Божию повелению, отправился он в Рим и помолился в храме святого мученика Вонифатия и Аглаиды. Когда он пришел ко гробу святого Апостола Петра и со слезами упал на землю, то ему было видение: пред ним виднелись отверстые небесные двери и сиял необыкновенный свет. И вот святой Апостол Петр, имея в правой руке ключ, вышел из небесных дверей, направился к нему с великою славою и сияющим лицом и сказал, глядя на него светлым взором:

– Я пришел сюда, чадо Григорий, по милости Господней, прежде же этого с прочими апостолами я был в Награне,

Омиритском городе, предстоя страждущим за Господа нашего Иисуса Христа от Дунаана жидовина и укрепляя каждого из них в благочестии. При Божией помощи, все они воспротивились воле законопреступного еврея, твердо подвизались в благочестии, пострадали за истину, и теперь находятся на небесах с отцами, которые сподобились бессмертной чести. Я пришел сюда посетить сей город, Павел же брат, поборник церквей, расстался со мной в Иерусалиме и ушел в Персию. Ты же, чадо, проходя добрый путь, постарайся угодить Господу, постоянно поучаясь в законе Его, зная, что жизнь и красота этого мира проходят подобно сну и тени, ты будешь блаженным, если так, как начал, совершишь свой путь, ходя в воле Господней, ты многих приведешь к страху Божию. Вот уже готовится тебе престол на небесах от Самого Владыки, и ты получишь воздаяние вместе с нами.

Сказав это, апостол отошел, и видение окончилось. Григорий, придя в себя, опять упал на землю, называя себя окаянным и грешником. После долгой молитвы, он ушел в свое жилище и в эту ночь во сне увидел святого апостола Павла, подающего ему сосуд с елеем: это было предзнаменованием предназначенной ему благодати священства и архиерейства. Григорий, во сне взяв этот елей из апостольских рук, тотчас проснулся, обрадовался и запел: «Излилось из сердца моего слово благое» (Пс. 44:2, 8), ибо Бог помазал меня елеем радования.

После чего он вышел из Рима и пошел в Александрию, постоянно обращаясь сердцем к Богу, все более и более совершенствуясь в добродетелях и исполняясь Божественной премудрости и разума и Божественных великих дарований. В то время, когда царствовали благочестивые цари: в Греции – Иустин[8550], а в Ефиопии – Елезвой, Дунаан, царствовавший в Омиритской стране, воздвиг гонение на христиан и старался истребить из своего царства самое имя Христово. Он хитростью овладел славным городом Нграном, где были верующие во Христа, и погубил бесчисленное множество христиан: одних сжег на огне, других усек мечом, а благочестивого князя Аре́фу со знатнейшими гражданами убил. Услышав об этом,

благочестивые цари Иустин и Елезвой весьма сожалели о неповинно пролитой крови христиан; Иустин написал к Елезвою[8551], уговаривая его идти войной против нечестивого Дунаана, чтобы отомстить за невинно пролитую кровь. Достохвальный царь Елезвой, исполнившись ревности, собрал все свое войско и пошел войной на нечестивого царя Дунаана[8552]. Во время этой великой войны, Елезвой, при помощи Божией, разбил полки Дунаана и все его войско уничтожил вконец, а его самого с родственниками усек мечом. Овладев царством Дунаана, Елезвой стал ревностно очищать его от еврейских и языческих заблуждений, распространяя в нем славу имени Господа нашего Иисуса Христа. Многие из евреев и находившихся в Омиритах язычников пожелали креститься, но у них не было ни епископа, ни священника, ни диакона, ни одного клирика, потому что весь церковный чин иерархии был истреблен Дунааном. Тогда блаженный Елезвой обратился с просьбою к Александрийскому патриарху. Подробно рассказав ему о том, как Бог помог восстановить христианство в Омиритской стране, царь умолял, чтобы патриарх выбрал мужа умного, добродетельного, знающего Священное Писание, и, рукоположив его во епископа, прислал к ним в Омиритскую область со всем необходимым для церкви. Когда это послание пришло в Александрию, то патриарх со всеми христианами возрадовался Божией помощи, посланной свыше христианам против нечестивых, и начал тщательно искать достойного человека, чтобы, посвятив его во епископа, скорее послать к Елезвою. Много мужей было приводимо к патриарху, но ни один из них не показался ему достойным святительского сана. Тогда патриарх ночью обратился с пламенной молитвой к Богу, чтобы Сам Господь выбрал и указал ему человека, достойного проходить такое служение. Во время молитвы явился патриарху в видении святой Апостол Марк, повелевая ему найти диакона Григория, недавно пришедшего в Александрию и проживающего у некоего Леонтия, посвятить его во епископа и послать к Елезвою, так как именно для этого Господь и привел Григория сюда. Утром патриарх сейчас же послал разыскать дом Леонтия и, найдя его, призвал к себе жившего там Григория и

расспросил его, кто он и откуда? Потом патриарх, рассказав ему о своем видении и сообщив о нужде церкви, стал побуждать его принять святительский сан. Григорий же, вспомнив слова отшельника, который в Медиолане предсказал ему, как он восприимет сан архиепископа через рукоположение Александрийского патриарха, прослезился и сказал:

– Да будет воля Господня: делай, владыко, как хочешь, по повелению Господнему.

Патриарх тотчас посвятил Григория в сан пресвитера, а затем рукоположил и во архиепископа. При этом произошло дивное чудо: во время службы и посвящения лицо Григория изменилось, сделалось световидным, как огонь, светясь благодатью Святого Духа, от одежд же его исходил дым благовонного мира и аромат, который своим благоуханием наполнил весь храм. Это происходило в продолжение всей службы, глаза всех устремлялись на святого Григория, и все дивились такому чуду. Видели это и послы Елезвоя, удивляясь сему, и после передали о всем виденном царю. После рукоположения и духовной беседы с патриархом, святой Григорий был отпущен с послами Елезвоя, – имея с собою подобающий сану клир и все необходимое для устроения церкви. Скоро они достигли Ефиопии, а затем и Омиритской страны. Царь Елезвой весьма обрадовался приходу Григория, а еще более, когда узнал, что Григорий был избран Божественным Откровением и что благодать Святого Духа, чудесно проявилась на нем во время хиротонии[8553]. Он встретил Григория с большою честью, любезно принял его и отдал всю область в его распоряжение. Обходя с Григорием города в Омиритской стране, царь строил новые храмы, украшал гробницы святых мучеников, убитых за Христа нечестивым Дунааном, и приводил неверных ко крещению. В городе Награне Елезвой поставил князем сына мученика Арефы и построил там великолепный храм в честь Воскресения Христова, другой храм – в честь Пречистой Богородицы, третий – во имя святого мученика Арефы и пострадавших с ним, недалеко от того дома, где некогда жил святой мученик. И в других городах построено было много церквей, которые Григорий сам освящал и поставлял

сюда пресвитеров и диаконов, вручая им добрую паству овец Христовых. Блаженный царь Елезвой почти 36 месяцев после смерти Дунаана оставался в Омиритской земле, и все добре здесь устроив, пожелал возвратиться на свой престол в Ефиопскую страну. Созвав со святым Григорием всех вельмож, князей, бояр, советников, он стал советоваться с ними, какого бы мужа благоверного, разумного, кроткого и богобоязненного избрать и помазать на Омиритское царство. Все советники отвечали царю:

– Кого ты знаешь и кого тебе Бог откроет, того и поставь, так как у нас нет ни одного подобного тебе разумом и достойного царского венца.

Тогда царь, обратившись к архиепископу, сказал:

– Это дело твое, честный отец и наш учитель! Вот перед твоим лицом все князья, вельможи, воины, малые и большие, кого ты хочешь, призови и во имя Господа нашего Иисуса Христа помажь на царство, мы же все, пришедшие из Ефиопии, если Бог благоволит, желали бы возвратиться к себе.

Святой архиепископ отвечал:

– Хорошо ты предусмотрел, благочестивый царь: как твое сердце находится во власти Божией, так и слово твое дано тебе от Бога. Хорошо всегда о всяком деле сначала вопрошать Отца Небесного, Который на небе, и как Он велит, так и делать.

Сказав это, блаженный встал со своего места, немного отошел от них и, обратясь на восток, опустился на колена. Возведя глаза и ум на небо и воздев руки кверху, он усердно и долго молился, чтобы Бог, знающий жизнь и мысли каждого, указал им достойного на царство мужа. Во время молитвы архиепископа, вдруг невидимая сила Господня подняла на воздух некоего мужа, по имени Аврамий, и поставила его перед царем Елезвоем. Все с ужасом долго восклицали:

– Господи помилуй!

Архиепископ же сказал:

– Вот, кого вы требовали помазать на царство, его и оставьте здесь царем, мы будем с ним единомысленны, и Бог нам поможет во всем.

И великая радость была у всех о таковом Божием усмотрении. После этого царь Елезвой взял явленного Богом мужа Аврамия, повел его в храм Пресвятыя Троицы, который находился в царствующем городе Афаре, надел на него царскую порфиру[8554] и возложил на главу его диадему[8555], затем святым Григорием было совершено над ним помазание и принесена была Бескровная Жертва за царей и всех людей, и оба царя причастились Божественных Тайн из рук архиепископа. По окончании торжества, все присутствовавшие восклицали:

– Многая лета Елезвою, царю ефиопскому! И Аврамию, Христолюбивому царю Омиритскому, многая лета!

И снова обоим вместе повторили:

– Елезвою и Аврамию, благочестивым и Боголюбивым царям многая лета!

И пели многолетие по три раза. Потом все возгласили:

– Григорию, святейшему архиепископу нашему, наставнику и учителю, мирные, здравые и многие лета, всему христианскому воинству и всем верующим людям многие лета!

Затем, войдя в царские палаты, все веселились и пировали, радуясь о Господе Боге Спасителе своем и о благочестивых царях своих.

Елезвой оставался еще тридцать дней в Омиритской земле, поучая и наставляя нового царя благочестию и справедливо устроять и управлять царством и во всем слушаться святейшего архиепископа Григория, своего отца духовного. Избрав из ефиопского войска 15 тысяч храбрых мужей, Елезвой оставил их новому царю для помощи и защиты царства, и возвратился в Ефиопию. Здесь, спустя немного времени, оставив свое земное царство, он удалился в пустыню, где близ одного монастыря затворился в темной келии и не выходил из нее до самой смерти, принимая пищу через окно от живущих там монахов, и еще долго пожив суровою жизнью подвижника, отошел в Царство Небесное[8556]. Столь знатный и богатый царь такой оставил всем пример смирения и добровольной нищеты! По его смерти был рассказан монахами такой случай. Один юный брат, посылаемый из монастыря на послушание, часто заходил в харчевню, где, упиваясь вином, впадал в грех нечистой

плотской страсти. И вот, однажды, совершив обычный грех и возвращаясь через пустыню в монастырь, он зашел в непроходимое место, и здесь устремился на него большой змей, чтобы ужалить. Инок бросился бежать и уклонялся туда и сюда, желая избавиться от змея, но змей быстро настигал его. Когда же инок, наконец, был так стеснен, что уже бежать было некуда, змей устремился, чтобы пожрать его, но тут инок, вспомнив о блаженном царе Елезвое, обратился к змею и сказал:

– Молитвами праведного и святейшего Елезвоя – отойди от меня.

Змей, как бы устыдившись святого имени Елезвоя, остановился и, Божиим повелением, получив человеческий голос, сказал иноку:

– Как я могу тебя пощадить, когда Ангел Божий явился мне и повелел съесть тебя за твою нечистоту и грехи, так как ты, дав обет работать Господу в чистоте, оскверняешь грехом свое тело и тем прогневляешь Святого Духа.

Инок, услышав змея, говорившего человеческим голосом и обличавшего его дела, оставался безмолвным, трепеща и с клятвою умоляя змея пощадить его. Змей сказал ему.

– Зачем ты заклинаешь меня? Ты сам прежде поклянись мне, что больше не исполнишь своего плотского желания, и тогда я оставлю тебя.

Инок стал клясться, говоря:

– Клянусь Богом, живущим на небе и молитвами честного царя Елезвоя, что не прогневаю больше Господа моего, Которого ныне я прогневал плотскою нечистотою.

Как только инок произнес это, внезапно огонь упал с неба и попалил перед ним змея. Объятый страхом и трепетом, пошел инок в свой монастырь, и уже больше не грешил, но окончил свою жизнь в чистом покаянии.

Во время царствования благочестивого царя Аврамия, архиепископ Григорий, поставив во многих городах епископов, мужей ученых и красноречивых, посоветовал царю, чтобы тот иудеям и язычникам, находившимся в его стране, повелевал креститься или, в противном случае предавал их смертной

казни. По издании царского повеления об этом, множество евреев и язычников с женами и чадами из боязни смерти стали приступать к святому крещению. Тогда старейшие и искуснейшие в законе евреи, собравшись ото всех городов, составили тайное собрание, совещаясь, что им предпринять, и рассуждали между собою:

– Если мы не крестимся, то, по приказанию царя, будем убиты и мы и наши жены и дети.

Одни из них говорили:

– Чтобы не умереть нам преждевременною смертью – исполним волю царскую, но втайне будем держаться веры нашей.

Другие же советовали не лицемерно, но явно держаться своего еврейского закона, чтобы, избежав человеческой руки (как говорили они), не впасть в руки Отмстителя – Бога и, еще хуже, не погибнуть. Некоторые возражали:

– Мы видим, что Бог наш не требует нас к этому подвигу, ибо благочестивого царя нашего Дунаана и все войско его он предал в руки Елезвоя, а что нам делать, мы не знаем.

Иные говорили:

– Если мы желаем и сохранить наш закон и остаться невредимыми, то уйдем тайно по одному из этой страны, каждый взяв свое, дабы с телом не погубить и своей души.

Другие возражали:

– Если мы пожелаем убежать, то нас увидят христиане и смертью погубят.

И все недоумевали, что им делать. Был же среди них один мудрейший законоучитель, по имени Ерван, знавший весь Ветхий Завет и весьма красноречивый, он сказал им:

– Все вы напрасно говорите, и тем, что вы предлагаете, нельзя воспользоваться, если же желаете послушать меня, то пойдемте вместе со мною к царю и архиепископу Григорию и скажем, чтобы они назначили от себя учителей, каких хотят, для состязания с нами в вере и законе. Если они одолеют нас, то мы добровольно сделаемся христианами, если же будут обличены в своих заблуждениях, то сами увидят, что несправедливо побуждают нас отступить от нашего закона.

Испытаем их и узнаем, какова их вера? Если истинная, то уверуем, что Мессия уже пришел, а мы того не знали. Если же окажется ложной их вера, то нам станет ясно, что мы умираем для Бога и с усердием примем смерть.

Когда Ерван это произнес, то все убоялись и сказали:

– Мы видим, что ты помогаешь христианам, разве ты не знаешь, что наша вера истинная: как мы оставим ее?

Ерван отвечал:

– Ни одного лукавого слова я не сказал вам, братия, но знайте, что так или иначе вы принуждены будете креститься. Если вы не послушаете меня, то я невиновен буду перед каждым из вас, так как, если и не испытаете через прения веру их, то все же вы должны будете принять ее без испытания и поступите так, как они велят, если же вы не примете их веры, то они убьют вас.

Все, услышав это, послушались Ервана, и, написав прошение, отослали его царю. Царь, прочитав его, сильно разгневался и уже хотел всех их предать смерти, но удержался, не желая ничего предпринимать без совета Григория, которому и отдал прошение. Блаженный, прочитав его, сказал:

– Хорошо и похвально говорят иудеи, что лучше веровать добровольно, по убеждению, чем насильно. Оставь их царь, пусть они сначала поспорят с нами, а потом, как хочешь, так и поступай с ними.

Царь соизволил на совет святителя, и евреям дано было на приготовление к прению сорок дней, чтобы они нашли у себя учителей, каких пожелают, и без боязни приходили на прения. По истечении срока, собралось бесчисленное множество евреев, имея с собою немало мудрейших раввинов[8557], сведущих в законе и приготовившихся к прениям. Прения о вере состоялись в столичном городе Афаре, в присутствии царя со всем его синклитом, архиепископа со всем церковным клиром и многочисленного христианского народа, пришедшего послушать прения. На него явились и евреи со своими книжниками, учеными и учителями. Иудеи поставили перед епископом Ервана, как главного оратора, хорошо знающего закон и пророческие книги и искусного в философии. Когда, по данному

знаку, наступило молчание, началось собеседование и прения между архиепископом и Ерваном[8558].

Сущность прений была такова:

После долгого молчания, во время которого все приготовились внимать беседе, святой архиепископ Григорий начал говорить мудрому еврейскому учителю Ервану и всему их собранию так:

– Когда прошла ночь и воссияло Солнце Правды, зачем вы препираетесь, противясь Его Свету и не веруя в Него?

Ерван сказал:

– Если Солнце Правды воссияло, и мы противимся, как ты говоришь, свету Его, веруя в истинного Бога, то тем более вы, как язычники, содержащие чуждое учение, противитесь свету правды, укоряя Божественный закон, данный нам от Бога.

Архиепископ отвечал:

– Мы от язычников, но чье мы – создание и творение?

Ерван отвечал:

– Явно, что – Божие создание и творение. Архиепископ сказал:

– Если же мы, как и вы, творения Божии, то какое же большее превосходство приобрели вы, чем мы?

Ерван возразил:

– То, которое имеем сравнительно с египтянами.

– Хорошо, что ты вспомнил о египтянах, – отвечал архиепископ, – покажи же свое превосходство перед ними!

Ерван сказал:

– Разве ты не читал о великих чудесах в Египетской земле, в Чермном море, в пустыне, которые Бог творил через Моисея, по выходе Израиля: потопил египтян, а Израиля спас?

Архиепископ отвечал:

– Никакого нет различия между вами и египтянами, ибо их Бог потопил в море, а вас за вашу злобу погубил на земле. Перейдя Чермное море, как посуху, вы потонули на пристани, в страданиях окончив жизнь в пустыне, ибо больше чем из шести сот тысяч людей только двое Халев и Иисус Навин удостоились видеть обетованную землю[8559]. Чем же вас Бог почтил перед египтянами?

Ерван спросил:

– А кому послал Бог в пустыне манну? Архиепископ сказал:

– А тебе что лучше кажется: мясо, которое вы ели в Египте, или манна, посланная в пустыне?

Ерван отвечал:

– Ясно, что манна лучше.

Архиепископ возразил:

– Зачем же вы обратились мыслию назад, пожелав свиного мяса в котлах и чесночного луку и всякой египетской пищи (Чис. 11:5), а манну возненавидели?

После этого начались прения о Пресвятой Троице.

Ерван говорил:

– Каким образом христиане исповедуют трех Богов: Отца, Сына и Святого Духа, когда Бог сказал при Синае: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть, и кроме Его нет иного Бога» (Втор. 6:4). Противно закону следовательно поступают христиане, почитая не Единого Бога, а Трех?

Архиепископ, возражая, говорил, что Единого Бога мы почитаем, Творца всех, только в трех Лицах – Отца, Сына и Св. Духа, во едином же Божестве, и в доказательство приводил сии слова Давида. «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32:6). Смысл этого изречения, – изъяснял Григорий, – таковой: Господь есть Бог Отец, Слово Его есть Бог Сын, Дух уст Его – есть Бог Дух Святой: так открываются три Божественные Лица, Божество же едино, ибо Сын и Дух соестествен, собезначален, соприсносущен и сопрестолен Отцу. Также о кресте и смерти Господа, приводились святым Григорием против евреев ветхозаветные писания, пророчества и предсказания, как-то: «и будет жизнь твоя висеть пред очами твоими» (Втор. 28:66): придет и вложит ядовитое древо в пищу его (Иер. 11:19), – и о том, что ковчег Ноя был прообразом креста, о саде Савека, в котором агнец заменил при жертвоприношении Исаака (Быт. 22:13), о жезле Иосифа, на конец коего поклонился Иаков (Быт. 47:31), о крестообразном благословении Иаковом сыновей Иосифа (Быт. 48:13–15), о жезле Моисея, разделившем море (Исх. 14:11–29), о поднятии рук вверх Моисеем для победы над амаликитянами

(Исх. 17:8–14), о медном змее, повешенном в пустыне (Числ. 21:4–9), о древе, усладившем горькие воды в Мерре (Исх. 15:22–26), и многие другие таинственные предсказания, находящиеся в законе. И продолжались прения до вечера, каждая из обеих сторон сильно спорила, и одна другой давала возражения, однако, победителем во всех рассуждениях явился архиепископ, потому что через него говорил Святой Дух, как сказано в Писании: «Ибо не вы говорите, но Дух Отца вашего говорит в вас» (Мф. 10:20). Так как настал вечер, а прения еще не окончились, то царь встал со своего седалища, также и архиепископ, и собрание разошлось, отложив беседу до утра. Евреи же окружили Ервана, радуясь, обнимая и целуя его, восхваляя за то, что он достаточно сильно возражал против христиан. На это Ерван говорил им:

– Молитесь, чтобы Истинный Бог помог нам, так как вы сами видите, какой архиепископ хитрый человек, и как трудно одолеть его.

Они же ободряли его, чтобы он без боязни и смело говорил с ним. Утром снова собралось собрание, и когда царь и архиепископ явились и пришли также евреи с Ерваном, тогда вновь начались прения, но ни в тот день, ни в третий, ни в четвертый, ни даже и пятый – прения не были окончены. Во все эти дни на прениях присутствовал царь со всем синклитом, с удовольствием слушая говорящих и радуясь о Богом дарованных премудрости и разуме святейшего архиепископа своего. И действительно, было что слушать и о чем помнить, когда толковались многие пророческие изречения и изъяснялись многие таинственные места Писания. В беседе о воплощении Иисуса Христа и о Пречистой Деве, архиепископом приводились слова пророка Исайи: «се, Дева во чреве зачнет, и родит Сына» (Ис. 7:14). На возражение Ервана, что Мария родила только простого человека, а не Бога, архиепископ отвечал такими словами: «и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф. 1:23).

Ерван говорил:

– Как женское чрево вместило страшное величие Божества?

Архиепископ отвечал:

– Так же, как жилище Авраама вместило Бога под Мамврийским дубом, когда Он пришел вкусить с Авраамом (Быт. 18).

Ерван возразил:

– Как же огонь Божества не сжег женское тело?

Архиепископ отвечал:

– Как огонь не сжег купины в Синае (Исх. 3:2–4), так и Божество не повредило девственной утробы: Дева родила, и Девою пребыла.

Ерван возразил:

– Рождение от Девы было призрачное, а не на самом деле, потому что невозможно, чтобы при рождении не повредиться утробе, и ясно для всех, что это неверно.

Архиепископ отвечал:

– В то время, когда Аввакум вошел к Даниилу в львиный ров, а двери рва были заперты и запечатаны печатью, скажи мне, как он вошел и вышел, не отворив дверей, и не повредив печатей? (Дан. 14:30–40.)

По окончании прений, на третий день, Ерван покушался бежать, но прочно евреи удерживали его, говоря:

– Если ты оставишь нас, мы все погибнем. Останься еще, всячески возражая, – неужели Бог не поможет нам? Если же мы и будем побеждены в прении, то имеем другие способы сопротивления, в которых нас не смогут победить.

Когда Ерван начал во время прения укорять христиан в том, что они поклоняются иконам, и стал называть иконы – идолами, а кланяющихся им – идолопоклонниками и противниками Божиего закона, и говорил, что Бог заповедал не делать кумиров и всякого подобия[8560], – тогда архиепископ спросил его:

– Когда во дни Ноя был потоп, каким образом он спасся?

Ерван отвечал:

– Ковчегом, сделанным из дерева.

Архиепископ возразил:

– Мог ли Бог без ковчега спасти Ноя от потопа, или не мог, как ты думаешь?

Ерван отвечал:

– Думаю, что мог, потому что сказано, что у Бога все возможно.

Архиепископ возразил:

– А если Бог мог, то зачем же потребовался ковчег для спасения праведного? Не следует ли из этого, чтобы Ной за свое спасение принес благодарение ковчегу, а не Богу?

Ерван отвечал:

– Нет – подобает воздавать хвалу Богу, а не бездушному творению.

Архиепископ сказал:

– Однако ты веруешь, что бездушным творением – ковчегом устроил Бог спасение Ною. Так и нам Бог ниспосылает через эти видимые иконы благодать Свою, ибо, хотя они и бездушны, однако, назначены для нашего спасения. Взирая на иконы, мы возносимся умом к первообразному и подъемлемся на богоугодную ревность: изображаем же мы не идола, а Господа Иисуса Христа по человечеству, а не по Божеству, которое неописуемо. И как Ной о своем спасении в ковчеге принес благодарение Богу, создав жертвенник, так и мы благодарим Христа Бога, написуя образ Его, чтобы плотским созерцанием Его избавляться от мысленного потопа. Мы как бы другим ковчегом признаем Его человечество, через которое Он понес наши грехи, и, освятив нас Своим Божеством, вознес на небо. Того, Кто был зрим телесными очами, мы пишем красками, изображая пречистое подобие Его человечества, и, под видом телесного подобия, поклоняемся вместе и Божеству Его, и почитаем в Нем, подобающим поклонением, равно Отца и Святого Духа.

Ерван же, продолжая хулить святые иконы, говорил:

– Удивляюсь я вашим христианским басням, гласящим, что Бог посылает Свою благодать иконам, написанным на стенах и досках, никогда не ходившим и не говорившим.

Архиепископ в опровержение спросил:

– Скажи мне, Ерван, зачем Бог дал милоти[8561] Илии Свою благодать, которой не дал Елисею, и предпочел бездушную милоть живому пророку, так как пророк не мог сам перейти через Иордан, но разделил воды милотью и прошел посуху, и

какого чуда не мог совершить Елисей, то могла сделать бездушная милоть (4Цар.2:13–15). Почему не Моисею, совершавшему чудеса в Египетской земле, но его жезлу Бог даровал чудодейственную силу, и превратил им воду в кровь, разделил море и совершил многие другие, страшные и славные чудеса? Кроме того скиния[8562], ковчег Завета[8563], золотая стамна[8564] с манною[8565], скрижали и жезл Ааронов, жертвенник, кадильница и семисвещник все они не имели ли Божией благодати, хотя и были мертвыми, сделанными из видимых и осязаемых вещей человеческими руками? Однако осеняемы были Божией славой, наполняемы и окружаемы облаком и недоступны были никому, кроме священников и левитов, и никто не мог касаться их, так как они были Божественны и святы. Если же так было в Ветхом Завете, то зачем удивляться в Новом Завете благодати, подаваемой святым иконам?

Ерван снова возразил:

– В псалмах сказано: «А их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих» (Пс. 113:12): поэтому и иконы ваши суть идолы, ибо сделаны руками человеческими.

Архиепископ возразил:

– Я ничего не возражаю против того, что идолы язычников, не знающих Бога – суть идолы, так как они являются подобием тех, которые безбожно во всяких сквернах провели жизнь: волхвы, чародеи, убийцы, любодеи, и все они от такой жизни погибли злою смертию; на память о них некоторые и сделали идолов, а последующий род, прельщенный и ослепленный сатаною, обратил их в богов и кланяется им. Вы то же делали, поклоняясь истуканам, приносили им в жертву сыновей и дочерей, проливали неповинную кровь, кровь ваших сыновей и дочерей, которых приносили в жертву ханаанским истуканам, которые суть идолы. А что мы теперь пишем изображения святых Божиих, то это не идолы, а честные иконы. Мы напишем образ тех, которые знали Бога, веровали в Него, угодили Ему правдою, были мужами честными, святыми и возлюбленными Богом, и совершили Божиею благодатью множество чудес. Они воскрешали мертвых, исцеляли больных, слепых, хромых, расслабленных, очищали прокаженных, изгоняли бесов, кончина

их была честна и память вечна и славна: «Дорога в очах Господних смерть святых Его! Память во век не поколеблется; в вечной памяти будет праведник» (Пс. 115:6, 111:6).

Когда Ерван опять так злословил, что иконы ничем не отличаются от идолов, архиепископ сказал:

– Твоя одежда, Ерван, и скиния, обе сделаны из шерсти и льна, а равную ли они имеют силу? Твой жезл и жезл Аарона прозябший имеют ли одинаковую честь? Кувшин, – который дома у тебя и стамна (сосуд) с манной – равны ли они? Ящик, в который ты кладешь потребное для тела, и ковчег Завета – равную ли имеют славу? Огонь и елей, который ты возжигаешь в доме для освещения, сравнишь ли ты с золотым семисвещником? Дом, в котором живешь, и храм, построенный Соломоном, – уподобишь ли один другому? Никоим образом, но несравненно больше почитаешь все это, потому что на тех пребывала иногда Божественная благодать. Таким образом уразумей и то, что иное есть идол – образ скверного лица, низверженного в ад, и иное есть икона святого угодника Божия, от которой изливается нам Божественная благодать Господня по молитвам на ней изображенного.

Ерван говорил и об Ангелах, что они бесплотны, как написано: «творить Ангелами Своими духов» (Пс. 103:4), и что, тем не менее, христиане, не стыдясь, пишут их на иконах, придавая бесплотным духам плотское изображение. На это архиепископ отвечал:

– Ты не знаешь, что говоришь, ибо мы от вас же самих научились писать Ангелов.

Ерван возразил:

– Никогда у нас не было этого.

Архиепископ спросил:

– Ты изучил весь Ветхий Завет и не узнал этого?

Ерван возразил:

– Клянусь Господом, что не знаю, чтобы когда-нибудь у нас были написаны и почитаемы изображения Ангелов!

Архиепископ сказал на это:

– Поистине, вы начали это дело: когда Соломон построил храм Богу, то не сделал ли над святилищем Херувимов славы,

осеняющих алтарь? А также и над первыми дверями святилища и над вторыми не поставил ли Херувимов? Да и в скинии, устроенной Моисеем – разве не было изображений Херувимов над ковчегом Завета, а также и на завесах не вышиты ли были лица Херувимов, и все эти изображения Ангелов не были ли вместе со скиниею и храмом чтимы вами? Если же вы, изобразив бестелесные существа, почтили их, то зачем укоряете нас, изображающих и почитающих лиц тех святых, которые во плоти угодили Богу.

Это и многое сему подобное говорилось в четвертый день прений, когда же наступил вечер, и царь с архиепископом встали со своих мест, то собрание разошлось, в ожидании, что утром прения будут окончены и возможно будет видеть торжество победителя. Евреи радовались за Ервана, что он хорошо отвечал и задавал вопросы архиепископу, и, ободряя его, говорили ему:

– Ты хорошо подвизаешься, не бойся, но еще крепче стой, ибо мы видим, что Бог с тобой, не страшись сердцем, так как, видно, царь вас обоих с удовольствием слушает.

Ерван же отвечал к ним:

– Братия, тот муж, как я вижу, много превосходит меня разумом и искусством говорить, и мне невозможно победить его, вы сами слышали, как все мои рассуждения, опровергнув и посрамив, он сделал ничтожными.

Утром же очень рано, когда мудрейшие евреи вновь пришли к Ервану, он сказал им:

– Братия, по правде вам скажу, что я буду побежден архиепископом, потому что ночью в видении я увидел Моисея и Иисуса, о Котором у нас был спор. Я видел их как бы стоящих на кровле какого-то святилища и беседующих, и я видел Моисея кланяющимся Иисусу и держащим свои руки пригнутыми к груди, как бы имея их связанными, и со страхом предстоящим перед Иисусом, как перед своим Господом Богом. Я изумился этому и, когда открылись уста мои, сказал:

– Господине, Моисей, хорошо ли то, что ты делаешь?

Он же, обратившись, остановил меня, говоря:

– Перестань, не грешу я, поклоняясь моему Владыке, так как я не из подобных тебе и исповедую моего Творца и Господа. Зачем ты затрудняешь праведного архиепископа, противясь истине? В наступающий же день ты будешь побежден им и поклонишься, как и я, Господу Иисусу Христу.

– Это я видел, братия, а что значит, не знаю, однако, я буду продолжать возражать архиепископу, настаивая на нашем законе до тех пор, пока Сам Бог устроит так, как захочет.

Многие, услышав это, усомнились и были в недоумении. Когда же настал день и устроился собор, явился царь с синклитом, архиепископ с клиром, и стеклось множество народа, – предстал и Ерван с помогавшими ему законоучителями, и опять начались прения, как и в прежние дни. Один ученый нотарий[8566] архиепископа, которого он привел с собою из Александрии, будучи скорописцем, присутствуя там, записывал все речи, произносимые и архиепископом и Ерваном. При помощи Святого Духа, действовавшего в устах архиепископа, сторона противных побеждалась, наша же о Господе препобеждала. Архиепископ во всех рассуждениях являлся победителем, а Ерван ослабевал, ослабевали и помогавшие ему еврейские законоучители, однако, злоба ослепила их, ушами они плохо слышали, и глаза их закрыты были от истины. И нужно было, чтобы после слов святителя последовала сила веры и чудо, которое бы обличило ожесточенных злобою и устыдило бы неверие их, что действительно и случилось следующим образом.

Когда Ерван в прениях уже окончательно побеждался, то вскричал:

– Зачем мы теряем время в долгих рассуждениях! Я разрешу эти прения. Если хочешь, архиепископ, чтобы я веровал в Иисуса, что Он Истинный Бог, покажи мне Его живого, чтобы я видел Его, говорил с Ним, и тогда я признаю, что вы христиане одолели и победили нас.

Когда Ерван сказал это, собрание евреев закричало:

– Умоляем тебя, учитель, не прельщайся, чтобы тебе не стать христианином, мужайся больше и крепись в истине, ты же

знаешь, что нет ничего более истинного, как Единый Бог отцов наших.

Ерван с гневом сказал им:

– Что вы говорите пустое? Слышите, если Он уверит меня, что Тот, о Котором предсказали пророки, существует, то чего же еще хотите ожидать?

Архиепископ, видя, что он говорит искренно, а не льстиво, сказал ему:

– Ерван, великое ты вносишь искушение и выше сил твое прошение, потому что ты просишь не людей, но Бога, однако, для того, чтобы уверовал ты и находящиеся с тобою, и чтобы утвердились сердца верующих, Бог силен и это сотворить. Только скажи окончательно, как ты желаешь, чтобы я уверил тебя?

Ерван отвечал:

– Умоли твоего Владыку, если Он есть на небе, как ты говоришь. – пусть сойдет сюда и явится мне, чтобы я беседовал с Ним, и клянусь Господом, что тотчас уверую в Него и крещусь.

Когда Ерван произнес это, то все множество евреев закричало:

– Действительно, архиепископ, докажи нам на деле истинность слов твоих, покажи нам твоего Христа, чтобы мы, не имея что отвечать, со страхом уверовали в Него.

И все с криками пристали к святому Григорию, чтобы он показал им Христа осязательно, если Он жив по Своем распятии и смерти. Потом евреи стали говорить между собою:

– Если архиепископ покажет нам Христа своего, то что нам делать? Горе нам, против желания мы должны будем сделаться христианами.

Другие же говорили:

– Если он покажет Христа, то почему не уверовать в Него?

Некоторые же так говорили:

– Как возможно показать Того, Кто, как убитый человек, умер, и столько лет прошло со дня Его смерти? Где же найдется тело и дух Его, когда все кости и жилы в гробе давно рассыпались?

Архиепископ, рассуждая о важности дела и видя их сильное настояние, всею душою своею положился на Господа и размышлял про себя, что если он не умолит Владыку Христа об исполнении просьбы их, то тогда сильно восторжествует сторона противная, евреи явятся победителями, а христиане как бы побежденными, и будут враги насмехаться и поносить христиан. И с надеждою сказал еврейскому сонмищу:

– Если пожелает Христос, то я буду иметь возможность показать Его вам. Но вы хорошо знаете, что если я вам покажу Его и вы не пожелаете уверовать в Него, то тотчас меч погубит всех вас, если же я, по недостоинству своему, не возмогу показать вам Господа Своего, то дальше поступайте по своей воле.

Евреи, услышав это, сделались печальными и вместе с тем радостными: печальными потому, что боялись, что если он им покажет Христа, то они должны будут, против желания, веровать в Него; радостными же – в надежде, что он не покажет Христа им, и тогда они свободно останутся в своей вере. Но приятны были слова архиепископа Ервану и с ним находящимся мудрейшим законоучителям, они говорили между собою:

– Невозможно, чтобы человек, убитый нашими отцами, умерший и запечатанный во гробе, украденный своими учениками, спустя 500 лет мог быть живым.

Святой Григорий, зная слова Господа, сказанные в Евангелии: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда»: и перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17:20), и храня их в уме, имея притом непоколебимую веру в Бога и крепко уповая на Него, встал со своего места и отошел немного – на более удобное для молитвы место. Царь же со всем народом изумлялся и дивился такому великому дерзновению к Богу и вере архиепископа, что он осмеливается на такое страшное дело, и со страхом ожидали, что произойдет. Святитель, отойдя немного от собрания, осенил себя крестным знамением и стал на молитву. Смиренно преклонив колена и весь устремившись к небу, он долго и громко молился во всеуслышание всех присутствовавших, вспоминая все тайны воплощения Бога

Слова и всю жизнь Христа среди людей, начиная с Рождества – до вольных страданий, креста, смерти, тридневного воскресения и вознесения на небо. И, наконец, сказал:

– Яви Себя, Владыко, живым этим окаменелым и ослепленным злобою людям, яви ради Твоего Святого Имени, и пусть они глазами увидят Твое животворное человечество, в Которое Ты облекся нас ради, и с Которым вознесся на небо, чтобы, увидев Тебя, они уверовали в Тебя Истинного Бога и в пославшего Тебя – Отца и Святого Духа.

Когда он оканчивал молитву, и все со вниманием смотрели на него, вдруг сделалось землетрясение и послышался гром страшный с востока, так что поколебалась земля, и все упали от страха. Когда же все, оправившись от страха, понемногу встали и подняли глаза к востоку, то увидели, что разверзлось небо и светлое облако с огненным пламенем и солнечными лучами спускалось оттуда на землю. Среди облака виден был Муж, прекраснейший всех сынов человеческих, Господь наш Иисус Христос, невыразимо сияющий лицом и светящий молниевидными одеждами. Особенным движением, ступая по облаку, Он приближался к земле и стал вверху против архиепископа на облаке, привлекая глаза и сердца всех к Себе Своею красотою, которую язык высказать не может. От страха Его славы, на которую смотреть невыносимо, как некогда на Фаворе ученики, так пали все ниц на землю – и царь с вельможами, и весь народ от мала до велика, иудеи же, объятые великим трепетом, бросаясь туда и сюда, устремились бежать, так как озарение Божественного света опалило их, и слава Господа, видеть которую они не могли, великим страхом охватила их. Но не могли они ни бежать, ни даже двинуться с места, потому что невидимая сила держала их. Архиепископ же, укрепленный свыше, громко воззвал к Ервану:

– Ерван, вот Тот, о Ком много словесных сказаний ты слышал, смотри на Него и уверуй, что Един Свят, Един Господь, Иисус Христос в славу Бога Отца, аминь.

Ерван же помертвел и не мог ничего ответить. И слышен был глас Господень:

– Ради молитвы епископа исцеляет вас Распятый вашими отцами.

Услышав этот глас, все еще более затрепетали и упали на землю, объятые ужасом. И как некогда Савл, по пути в Дамаск, когда его облистал свет с неба и раздался голос свыше, упал на землю и с открытыми глазами ничего не видел (Деян. 9:3–8), так ослепли и они, хотя глаза их были открыты, однако, они ничего не видели, а только скорбели и горько рыдали. После совершившегося, слышен был перед лицом Господним какой-то Божественный шум и светлое облако, бывшее под стопами Господа, скрыло Его от глаз всех, оно постепенно сгущалось со всех сторон в след Его, когда Он поднимался выше, до тех пор, пока Божественная слава не исчезла в небе и все виденное не скрылось от глаз. Царь и все христиане дерзновенно долгое время в след Господа взывали:

– Господи помилуй!

Честный же архиепископ лежал лицом на земле, со слезами вознося за людей моление Господу. После этого все собравшиеся на собор: царь с синклитом и народ стали почитать архиепископа Григория с особенным уважением и благоговением, изумляясь его святости и силе молитвы. Евреи же спрашивали друг друга:

– Брат, видишь ли что-нибудь?

И отвечал каждый:

– Ничего не вижу.

И все воскликнули к Ервану:

– Учитель, что нам делать?

Ерван отвечал:

– Одни ли вы ослепли, увидев Бога христианского, или христиане также пострадали?

Христиане, слыша это, сказали:

– Мы, благодатью Христа, хорошо видим, и наши глаза теперь здоровее, чем были, вы же одни слепы за ваше неверие. «Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя» (Пс. 93:1), Он уничтожил зрение ваше, так как вы, будучи недостойными, видели Его.

Тогда Ерван со всеми евреями стал умолять со слезами архиепископа, чтобы он исцелил их ослепленные глаза и преподал святое крещение. Архиепископ спросил их: искренно ли они веруют в Господа Иисуса Христа? И все засвидетельствовали, что веруют с убеждением. Сейчас же архиепископ и бывшие с ним епископы и пресвитеры огласили их и приступили к совершению таинства крещения. Когда евреи входили в святую купель[8567], тотчас с глаз их отпадала как бы некая чешуя, и все прозревали и телесными и духовными очами, «сердцем веруют к праведности, устами же своими, Господа нашего Иисуса Христа, исповедуют к спасению» (Рим. 10:10), и все были крещены во имя Отца и Сына и Святого Духа, начиная с Ервана, у коего сам царь был восприемником от купели и которому дано было в святом крещении имя – Лев, царь присоединил его к своему синклиту, сделав его патрицием[8568], как человека умного и достойного чести. Ерван сильно раскаивался в своем первоначальном заблуждении, и с ужасом изумлялся, непрестанно вспоминая в уме явление Господа.

– Как это, – говорил он, – жив Господь Иисус Христос, Которого наши отцы распяли и погребли и Который, как мы думали, мертв?

И со слезами восклицал:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живого! Прости мне, что я согрешил в своем неведении.

Святого же архиепископа Ерван почитал, как Ангела Божия, и не желал разлучиться с ним. Так Омиритская страна просветилась светом святой веры: по всем городам и селам были крещены не только иудеи, но и язычники. И была радость великая по всей стране, вместе с людьми и Ангелы радовались о таковом обращении и покаянии душ человеческих, и прославляем был Бог, желающий всем людям спасения.

Потом святой архиепископ Григорий посоветовал царю, чтобы он повелел иудеем не жить вместе, но селиться с христианами, дабы они не устраивали тайных собраний и совещаний. Царь издал такой закон:

– Пусть никто из евреев не берет своей дочери мужа из еврейского рода, но чтобы брал в зятья из христиан, и сын еврея – чтобы не брал невесту из еврейских дочерей, но чтобы искал христианскую, если же кто осмелится нарушить закон, тот подлежит усечению мечом.

Архиепископ сделал это для того, чтобы еврейский народ, смешавшись с христианами, через несколько лет совсем забыл древнюю ветхозаветную веру и обычаи. Везде была тишина, полное смирение и благочестие светилось повсюду, царь с архиепископом усердно трудились перед Богом, совершая всенощные славословия Владыке Христу, заботясь о спасении человеческих душ и управляя царством милостиво и правдиво. Благочестивый царь Аврамий, прожив в Омиритской стране 30 лет, умер, извещенный о дне своей смерти святым Григорием, и был с честью погребен в городе Афаре. Немного спустя после смерти царя, святой отец наш Григорий, соблюдя свое стадо, утвердив веру на основании апостолов и пророков и сотворив много знамений и чудес во славу Божию, кончил свою жизнь 19 декабря и с честью положен был в том же городе в усыпальнице великой церкви[8569]. Вся Омиритская страна рыдала о нем, а всего более крещеные иудеи, потому что он был отцом добрым и милостивым, приятным для людей и угодным для Бога, перед Которым святой Григорий и предстал в числе других святых иерархов, славя с ними Отца, Сына и Святого Духа, вовеки. Аминь.

Память святых мучеников Илии, Прова и Ариса

Память 19 декабря

Святые Илия, Пров и Арис происходили из Египта. Они исповедовали христианскую веру и по ревности к славе Божией, посещали страдальцев за Христа, заключенных в темницах, утешая их среди мучений и вылечивая их от ран. Однажды они пошли в страну Киликийскую[8570] и при входе в город Аскалон[8571] у самых городских ворот задержаны были свирепыми неверными стражами, которые сочли их за соглядатаев и представили к князю Фирмилиану. На допросе перед князем они объявили себя христианами и за то подверглись жестоким мучениям. Святой Арис первый подвергся многочисленным пыткам и предан был на сожжение огнем. Затем истязан был святой Пров и усечен мечом. Наконец, после многих мучений, усечен был мечом также и святой Илия[8572].

Память святых мучеников Полиевкта и Тимофея

Память 19 декабря

Святой мученик Полиевкт был родом из Кесарии[8573], где – он с большим успехом проповедовал о Христе, обращая многих неверующих от идолослужения в святую веру христианскую. За свою проповедь он был схвачен и ввергнут в темницу. После непрестанных увещаний отречься от Христа, он был раздираем по всему телу железными когтями, затем разбили ему челюсть и бросили в раскаленную печь.

В то же время в Мавритании[8574] с успехом проповедовал веру Христову диакон Тимофей. За сие он предан был многим и тяжким страданиям. Он был ввержен в темницу, томим голодом и жаждою и, выведенный из заключения, после тщетных увещаний принести жертву идолам, взошел с молитвою на приготовленный для него пылавший костер и предал дух свой Богу. Мощи его положены были верующими с честью в области Мавританской[8575].

Страдание святого священномученика Игнатия Богоносца

Память 20 декабря

В то время, как Траян вступил на римский престол[8576], епископом в Антиохийской церкви был святой Игнатий, Богоносец по своему прозванию и делам, принявший епископию после святого Евода, преемника Апостола Петра. Великолепная столица Сирии была величайшим городом после Рима в пределах Римской империи и имела около 200 000 жителей. Она была поприщем проповеднических трудов св. Апостолов Петра и Павла, а по смерти их ее коснулась и деятельность св. Апостола Иоанна в Малой Азии. Теперь Антиохия представляет собою бедный городок Антакиэ в Азиатской Турции, лежащий верстах в 10 от моря. – Св. Апостол Петр управлял Антиохийской церковью с 47 по 67 г. преемник его, св. Апостол Евод – по 68 г., св. Игнатий Богоносец с 68 по 107 гг. Об этом Божественном Игнатии Богоносце рассказывается, что когда он был младенцем[8577], а Господь Иисус Христос жил на земле с людьми и учил народ о Царствии Божием, однажды родители Игнатия, стоя среди народа, слушали словеса Божии, исходящие из уст Спасителя, имея при себе и свое дитя. Взглянув на них, Господь позвал к себе отрока Игнатия, поставил его среди народа, обнял его и, взяв на руки, сказал:

– «Если не обратитесь, и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное, и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18:3,5; Мк. 9:37; Лк. 9:48).

Так святой Игнатий и был назван Богоносцем, потому что он был носим руками Воплощенного Бога, а также и потому, что он носил Бога в сердце своем и в устах[8578], будучи сосудом, подобным святому Апостолу Павлу, сосуду избранному, чтобы носить имя Божие перед народами и царями. Он был сначала учеником святого Иоанна Богослова[8579], вместе со святым Поликарпом, епископом Смирнским[8580]. Затем советом всех святых апостолов он был поставлен епископом в Антиохии, где ранее, чем в других местах, появилось имя христианское[8581].

Приняв управление церковью, он не щадил сил своих для проповеди благочестия, являя во всем апостольскую ревность. Сей святой иерарх установил в церкви петь Божественные песни на два лика или хора, подобно ликам Ангельским, ибо сподобившись Божественного откровения, он видел, как Ангельские лики пели попеременно: когда один пел, то другой молчал, когда же пел другой, то первый слушал, когда один кончал песни, другой начинал, таким образом Ангельские лики прославляли Святую Троицу, как бы передавая друг другу песнопения. Получив такое откровение, святой Игнатий установил сей порядок священных песнопений сначала в своей Антиохийской церкви, а отсюда сей прекрасный чин был принят и во всех церквях[8582]. Сей Богоносный архиерей был добрым правителем церковных чинов, совершенным служителем Христовых таинств[8583], а после и мучеником, отданным на съедение зверям, о чем будет сказано далее. В тяжелой войне со скифами[8584] царь Траян одержал победу. Полагая, что он стал победителем врагов при помощи своих языческих богов, Траян пожелал за это возблагодарить их повсеместными жертвами, дабы и в будущее время боги благополучно устроили его войны и царствование. Тогда воздвиглось сильное гонение на христиан. Царь узнал, что христиане не только не желают принести жертвы языческим богам, но и хулят их, обличая их ложность, и потому повелел повсюду убивать христиан, не повинующихся его повелению. Когда же сей царь отправился на другую войну против армян и парфян, то пришлось быть ему в Антиохии, и тут святой Игнатий Богоносец был оклеветан перед ним за то, что Христа, осужденного Пилатом на смерть и распятого на кресте, он почитает как Бога и устанавливает законы о сохранении девства, о презрении к богатству и всему, что приятно в жизни[8585]. Услыхав о сем, Траян призвал святого и перед всем своим синклитом сказал ему:

– Ты ли, называемый Богоносцем, противишься нашему повелению и развращаешь всю Антиохию, ведя ее вслед своего Христа?

Божественный Игнатий отвечал:

– Да, это я.

Царь спросил:

– Что значит название твое «Богоносец»?

Святой отвечал:

– Носящий Христа Бога в душе своей есть Богоносец.

– Итак, – спросил царь, – ты носишь Христа твоего в себе самом?

Святой отвечал:

– Действительно ношу, потому что написано: вселюсь «в них и буду ходить» (2Кор. 6:16). Царь сказал:

– Что же мы, по твоему мнению, не носим всегда наших богов в памяти и не имеем их помощниками против врагов?

Богоносец отвечал:

– Горько мне, что ты называешь идолов богами, потому что Един есть Бог Истинный, Создатель неба, и земли, и моря и всего, что в них находится, Един Господь Иисус Христос, Сын Божий Единородный, и царству Его не будет конца. Если бы ты познал Его, царь, то порфира твоя, и венец, и твой престол были бы еще более могущественными.

– Игнатий! – сказал царь. – Оставь то, что ты говоришь, и послушай лучше моих слов: если желаешь сделать мне угодное и быть в числе моих друзей, то принеси с нами жертву богам и тотчас же будешь у нас первосвященником великого Дия[8586] и назовешься отцом синклита.

Святой отвечал:

– Какая польза мне быть первосвященником Дия, когда я – архиерей Христа, Коему всегда приношу хвалу и стараюсь всецело принести себя в жертву, чтобы иметь в себе подобие добровольной Его смерти.

Царь сказал:

– Кому ты хочешь принести себя в жертву? Тому ли, кто был пригвожден ко кресту Понтийским Пилатом?

Святой отвечал:

– Пусть я буду жертвою Тому, Кто пригвоздил ко кресту грех, сокрушил начальника греха диавола и крестом победил всю его силу.

Царь сказал:

– Мне думается, Игнатий, что ты не имеешь здравого ума и правильного рассуждения: ты не прельстился бы так христианскими писаниями, если бы хорошо понимал, как выгодно повиноваться царской воле и приносить со всеми жертвы богам.

Богоносец, еще более воодушевившись, сказал:

– Если ты отдашь меня на съедение зверям, или распнешь меня на кресте, или предашь мечу или огню, то я все-таки никогда не принесу жертвы бесам. Не боюсь я смерти и не ищу временных благ, но желаю одних вечных и всячески стремлюсь только к тому, чтобы прийти ко Христу Богу моему, благоизволившему умереть за меня.

Тогда участвовавшие в синклите, желая обличить Игнатия в заблуждении, сказали:

– Вот, ты говоришь, что твой Бог умер, как же мертвый может помогать кому-нибудь, а тем более умерший позорной смертью? Наши же боги действительно бессмертны и считаются бессмертными.

Богоносец отвечал:

– Господь мой и Бог, Иисус Христос, нас ради вочеловечился и для нашего спасения добровольно принял распятие на кресте, смерть и погребение, потом воскрес в третий день, низверг и низложил силу врага, вознесся на небеса, откуда сходил, чтобы восстановить нас из падения и опять ввести в рай, из которого мы были изгнаны, и даровал нам благ больше, чем мы имели прежде. А из почитаемых вами богов ни один не сотворил подобного, будучи людьми злыми, беззаконными и сотворившими много пагубного, они безумным людям оставили только какое-то ничтожное представление о своем божестве. Когда же потом спало с них покрывало лжи, обнаружилось, чем они были и как позорно окончили свое существование.

Когда святой Игнатий сказал это, то царь с синклитом, боясь, чтобы он еще более не посрамил богов их, велел отвести его в темницу. Сам же царь всю ночь не спал, размышляя, какою бы казнью лишить жизни Игнатия, и придумал осудить его на съедение зверям, считая эту смерть самою лютою. Утром он

объявил об этом синклиту, все согласились, но посоветовали ему – предать Игнатия зверям не в Антиохии, чтобы он не прославился среди своих граждан, приняв за свою веру мученическую кончину, и чтобы другие, глядя на него, не укрепились в христианстве. Поэтому и сказали, что его следует в оковах отвести в Рим и там предать зверям, там для него, измученного долгим путем, казнь будет еще тяжелее, и из римлян никто не узнает, кто он был, подумают, что погиб один из злодеев, и не останется по нем никакой памяти. Этот совет был угоден царю, и он изрек смертный приговор Игнатию, чтобы он в Риме во время праздника, при собрании всего народа, был отдан зверям на растерзание. Так святой был осужден нечестивыми, как бы в позор Ангелам и людям (1Кор. 4:9).

Богоносный Игнатий, услышав о себе такой приговор, воскликнул:

– Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоил меня засвидетельствовать совершенную любовь к Тебе и благоволил связать меня железными узами так же, как Апостола Твоего Павла.

С радостью возложил он на себя оковы, как будто прекрасное ожерелье из жемчугов, – драгоценное украшение, с которым он желал воскреснуть в будущей жизни[8587]. Царь с войском пошел на войну, а Божественный страдалец, закованный в тяжелые оковы, был отдан десяти жестоким и немилосердным воинам и отправлен в Рим. Выходя из Антиохии, он усердно помолился за церковь и вручил свое стадо Богу. Все верующие плакали о нем и горько рыдали, а иные, привязанные к нему горячею любовию, пошли за ним в путь. В Селевкии, при морской гавани, неподалеку от Антиохии, святой Игнатий сел с воинами на корабль, который должен был проходить вдоль берегов Малой Азии[8588], и после долгого и опасного плавания прибыл в Смирну. Тут Игнатий встретил и приветствовал святого Поликарпа, Божественного апостола, епископа Смирнского, своего соученика, и с ним утешался богодухновенною беседою, радуясь о своих узах и гордясь своими оковами. Ибо что могло быть для него лучшим украшением, как не эти вериги, в которые он был закован за

Господа своего? Виделся он также и с прочими епископами, пресвитерами и диаконами, которые стекались к нему из асийских церквей и городов, желая видеть его и слышать из уст его Божественные слова. Словом и примером утверждая христиан в вере, увещевая всего более беречься возникавших и распространявшихся тогда ересей и строго держаться апостольских преданий, святой Игнатий умолял Поликарпа и вообще всю церковь помолиться за него, чтобы скорее ему сделаться пищею зверей и предстать перед лицом Господа, к Которому стремилась его душа. Видя, что они смущены и не желают его смерти и разлучения с ними, Игнатий испугался, что и те верующие, которые находятся в Риме, также смутятся, не стерпят того, чтобы он отдан был зверям, и сделают ему какую-нибудь преграду, подымут, может быть, руки на тех, которым велено отдать его на съедение зверям, и этим затворят ему открытую дверь мученичества и желаемой смерти. Поэтому он решил послать им просьбу помолиться о нем, чтобы не пресекался путь его страданий, но чтобы скорее он был растерзан зверями и перешел к возлюбленному своему Владыке.

Писал он так:

– Игнатий Богоносец церкви, помилованной величием Всевышнего Отца и Единого Сына Его Иисуса Христа, возлюбленной и просвещенной по воле Того, Которому благоугодно все, совершившееся по любви Иисуса Христа, Бога нашего, – церкви, председательствующей в столице области римской, богодостойной, достославной, достоблаженной, достохвальной, достовожделенной, чистой и первенствующей в любви, Христоименной, Отцеименной, которую и приветствую во имя Иисуса Христа Сына Отчего, – тем, которые по плоти и духу соединены между собою во всякой заповеди Его, нераздельно получили полноту благодати Божией, чистым от всякого чуждого цвета[8589], желает премного радоваться во Иисусе Христе, Боге нашем. – По молитве к Богу я получил то, о чем много просил, чтоб увидеть ваши богодостойные лица. Связанный за Христа, я надеюсь целовать вас, если воля Божия удостоит меня достигнуть конца. Начало положено хорошо:

сподоблюсь ли благодати – беспрепятственно получить мой жребий? Ибо я боюсь вашей любви, чтобы она не повредила мне, потому что вам легко то, что хотите сделать, а мне трудно достигнуть Бога, если вы пожалеете меня. Желаю, чтобы вы угождали не людям, но Богу, как вы и благоугождаете Ему. Ибо ни я уже не буду иметь такого удобного случая достигнуть Бога, ни вы – ознаменоватъ себя лучшим делом, если будете молчать. Если вы будете молчать обо мне, я буду Божиим, если же окажете любовь плоти моей, то я должен буду снова вступить на поприще[8590]. Не делай для меня ничего более, как чтобы я был заклан Богу теперь, когда жертвенник уже готов, и тогда составьте любовию хор и воспойте хвалебную песнь Отцу во Христе Иисусе, что Бог удостоил епископа Сирии призвать с востока на запад. Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, чтобы в Нем мне воссиять. Вы никогда никому не завидовали, и других учили тому же. Желаю, чтобы вы подтвердили делом, что преподаете в своих наставлениях[8591]. Только просите для меня у Бога внутренней и внешней силы, чтобы я не говорил только, но и желал, чтобы не назывался только христианином, но и был на самом деле. Если я действительно окажусь им, то могу и называться им, и только тогда могу быть истинно верным, когда мир не будет более видеть меня. Ничто видимое не вечно: «видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор. 4:18). Бог наш Иисус Христос является в большей славе, когда Он во Отце. Христианство – не в молчаливом убеждении, но в величии дела, особенно когда ненавидит его мир. Я пишу церквам и всех извещаю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблаговременной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я – пшеница Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым. Лучше приласкайте этих зверей, чтобы они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела, дабы по смерти не быть мне кому-либо в тягость. Тогда я буду поистине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть. Молитесь о мне Христу, чтобы я посредством этих орудий сделался жертвою Богу. Не как Петр и

Павел заповедую вам. Они – апостолы, а я – осужденный: они – свободные, а я – доселе еще раб. Но если пострадаю, – буду отпущенником Иисуса и воскресну в Нем свободным. Теперь же в узах своих я учу не желать ничего мирского или суетного. На пути из Сирии до Рима, на суше и на море, ночью и днем я уже борюсь со зверями, будучи связан с десятью леопардами, то есть с отрядом воинов, которые от благодеяний им оказываемых, делаются только злее[8592]. Оскорблениями их я больше научаюсь, но этим не оправдываюсь (1Кор.4:9). О если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтобы они с жадностью бросились на меня. Я заманю их, чтобы они тотчас же пожрали меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, – я их принужу. Простите мне, я знаю, что мне полезно. Теперь только начинаю быть учеником. Ни видимое, ни невидимое, – ничто не удержит меня прийти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола пусть придут на меня, – только бы достигнуть мне Христа. Никакой пользы не принесут мне удовольствия мира, ни царства века сего. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всей землею: «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит» (Мф. 16:26). Его ищу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего. Я имею в виду выгоду: простите мне, братья! Не препятствуйте мне жить, не желайте мне умереть. Хочу быть Божиим, не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому свету: явившись туда, буду человеком Божиим. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего. Кто сам имеет Его в себе, тот пусть поймет, чего желаю, и окажет сочувствие мне, видя, что занимает меня. Князь века сего хочет обольстить меня и разрушить мое желание, устремленное к Богу. Пусть же никто из вас, там находящихся, не помогает ему. Лучше будьте моими, то есть Божиими. Не будьте такими, которые призывают Иисуса Христа, а любят мир. Зависть да не обитает в вас. И если бы даже лично стал я просить вас о другом, не слушайте меня: верьте больше тому, о чем пишу вам теперь. Живой пишу вам, горя

желанием умереть. Моя любовь распялась и нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая[8593], говорящая во мне, взывает мне изнутри: «Иди к Отцу». Нет для меня сладости в пище тленной, ни в удовольствиях этой жизни. Хлеба Божия желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божия родившегося в последнее время от семени Давида и Авраама. И питие Божие желаю, – крови Его, которая есть любовь нетленная и жизнь вечная. Не хочу более жить жизнью человеков. А это исполнится, если вы захотите. Захотите же, прошу вас, чтобы и вы снискали себе благоволение. Кратким письмом прошу вас. Поверьте мне, а Иисус Христос – неложные уста, которыми истинно глаголал Отец, – откроет вам, что я говорю истину. Молитесь о мне, чтобы я достиг. Не по плоти я написал вам это, но по разуму Божию. Если пострадаю, значит, вы возлюбили, если же не удостоюсь, – вы возненавидели меня. Поминайте в молитве вашей церковь Сирийскую: у нее, вместо меня, пастырь теперь Бог. Один Иисус Христос будет епископствовать в ней и любовь ваша. А я стыжусь называться одним из ее членов, ибо недостоин того, как последний из них и как изверг. Но если достигну Бога, то по милости Его буду чем-нибудь. – Приветствует вас дух мой и любовь церквей, принимавших меня во имя Иисуса Христа не как прохожего[8594]. Ибо даже и те церкви, которые не находились на пути моего плотского странствования, выходили навстречу мне в город. Пишу вам это из Смирны через достоблаженных ефесян. При мне же вместе со многими другими Крок – вожделенное для меня имя. Тех же, которые во славу Божию отправились прежде меня из Сирии в Рим, думаю, вы уже знаете: скажите им, что я близко. Все они достойны Бога и вас: вам надобно во всем успокоить их. – Я написал вам это за девять дней до сентябрьских календ[8595], т.е. 28 августа[8596]. Укрепляйтесь до конца в терпении Иисуса Христа. Аминь.

Это послание Игнатий отправил с некоторыми из ефесских христиан, сопровождавших его, которые отправились в Рим кратчайшим путем[8597]. Через некоторое время и сам святой вышел из Смирны, в сопровождении воинов, и прибыл в Троаду.

Здесь он получил радостную весть, что гонение утихло в Антиохии и церкви возвращен мир. Помня во всех молитвах своих о своей осиротевшей церкви, он просил всех верующих молиться о ней: чем сильнее была его радость о спокойствии его паствы, тем благодушнее он шел навстречу смерти. В таком расположении души он писал послания к филадельфийцам (в Килисирии) и смирнянам, побуждая христиан принять деятельное участие в радостном событии Антиохийской церкви, и в особенности он писал к святому Поликарпу, епископу Смирнскому, прося его отправить кого-нибудь из клира в Антиохию для утешения тамошней церкви и поручая ему написать к другим церквям, чтобы и они сделали то же[8598]. Из Троады святой Игнатий отплыл в Неаполь (в Македонии), пешим прошел Филиппополь и Македонию, посещая на пути храмы, уча в них, наставляя и ободряя немощную братию, а также повелевая всем бодро и трезвенно проводить жизнь. Пройдя Епир, святой Игнатий в Епидамне опять сел на корабль и поплыл в Италию через моря Адриатийское и Тирренское. Когда увидел он издали Путеолы (город в Кампании), он хотел здесь сойти на землю, чтобы прийти в Рим тем же путем, которым некогда Апостол Павел шел на подобный же подвиг. Но сильный ветер не допустил корабль до берега, и святой Игнатий в одни сутки прибыл в гавань Порт, недалеко от Рима. Воины спешили в Рим, чтобы поспеть к зрелищам, которые уже приближались к концу[8599]. Между тем распространился слух о прибытии антиохийского епископа и собравшиеся христиане встречали его, полные радости и вместе глубокой скорби. Некоторые надеялись уговорить народ, чтобы он отказался от кровавого зрелища смерти праведного мужа. Но Игнатий умолял из любви к нему не делать сего и, преклонив колена вместе с присутствовавшими братьями, молился Сыну Божию о церквах, о прекращении гонения и о сохранении взаимной любви между братьями – верующими. Затем святой Игнатий был отведен в Рим и отдан с царским предписанием городскому епарху. Тот, увидя Игнатия Богоносца и прочитав царское письмо, тотчас велел приготовить зверей. Наступил праздничный день, и святой был приведен на место осуждения;

весь город собрался на это зрелище, потому что везде прошел слух, что епископ Сирский будет отдан зверям. Поставленный на арене, святой обратился светлым лицом к народу, гордясь мужественною душой и радуясь, что он принимает смерть за Христа, и громко сказал:

– Римские мужи, взирающие на настоящий мой подвиг! Вы знаете, что не ради какого-нибудь злодеяния я принимаю казнь и не за какое-нибудь беззаконие осужден на смерть, но ради Единого моего Бога, любовью к Которому я объят и к Которому я сильно стремлюсь. Я – Его пшеница, и буду смолот зубами зверей, чтобы быть для Него чистым хлебом.

Как только святой сказал это, на него были выпущены львы. Тотчас набросившись, они растерзали святого и съели, оставив только твердые кости. И исполнилось желание святого, чтобы звери были гробом его, и Бог допустил совершиться сему по желанию угодника. Он мог бы заградить уста львов перед ним, как перед св. пророком Даниилом во рву и перед святою Феклою также во время казни, ради славы Своего Святого Имени, однако, не сотворил сего, изволив лучше исполнить желание и просьбу раба Своего, чем прославить всемогущую Свою силу. Такова была кончина святого Игнатия Богоносца, таков его подвиг, такова его любовь к Богу.

Когда окончилось зрелище, бывшие в Риме верующие, которым святой писал из Смирны, и некоторые из пришедших с ним собрали оставшиеся кости мученика, и, неутешно плача о нем, положили их с честью в особенном месте, вне города, в 20 день декабря 107 г.[8600].

– Мы, видя это собственными глазами, – так повествуют описатели мученичества святого Игнатия, – всю ночь провели дома в слезах и с коленопреклонением и молитвою просили Господа утешить нас о случившемся. Когда потом мы немного заснули, некоторые из нас увидели, как святой Игнатий вдруг явился к нам и обнимал нас, другие видели его молящимся за нас, иные же – облитым потом, как бы после великого труда, и предстоящим Господу. С радостью увидев это и сообразив сонные видения, мы воспели хвалу Богу, подателю благ, ублажили святого мужа и заметили день и год его кончины для

того, чтобы собираясь в день его мученичества, иметь нам общение с подвижником и доблестным мучеником Христовым.

Узнав о кончине святого Игнатия, о его мужественном великодушии и о том, как он без боязни и с радостью шел на смерть за Бога своего Христа, царь Траян сожалел о нем. Услышав же о христианах, что они люди добрые, кроткие, живут воздержано, любят чистоту, удерживаются от всяких дурных дел, ведут беспорочную жизнь и ни в чем не противны его царству, но только не имеют многих богов, а чтут Единого Христа, Траян не велел искать их для казни, но позволил им жить в покое. После этого честные останки святого Игнатия Богоносца были со славою перенесены в Антиохию[8601] на защищение града, на исцеление болящим и на веселье всему стаду сего пастыря, во славу Бога, в Троице Единого, от всех славимого вовеки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Светлых подвиг твоих светоносный день предпроповедует всем в вертепе рожденнаго: Сего бо жаждая от любве насладитися, потщался еси от зверей снеден быти. Сего ради и богоносец нареклся еси, Игнатие всемудре.

Память святого Филогония, епископа Антиохийского

Память 20 декабря

Блаженный Филогоний с раннего возраста с усердием изучал Божественные книги и, с помощью Божией, в совершенстве ознакомился с ними, полагая же для себя руководственным правилом святое учение, он просиял святостью своей жизни. Филогоний имел жену и дочь и, будучи адвокатом, постоянно посещал судилище: здесь всегда защищал он людей обижаемых, подавая им руку помощи и выступая против утеснителей вдов и сирот, нищих и убогих. И просиял он добродетельным житием своим. По смерти супруги своей, возведен был он на архиерейскую кафедру[8602]. В то время в церкви Христианской было большое неустройство: хотя гонения на христиан от язычников тогда прекратились[8603], но над церковию разразились еще более свирепые бури, т.е. начались еретические волнения. Филогоний, будучи епископом, как добрый пастырь, добре стоял на страже своей паствы и своею мудростью пресекал те смуты, разбирая и опровергая еретическое хитрословесие. За это его почтил похвалою и св. Иоанн Златоуст[8604], который и сообщает о нем с большею подробностью. Так, проводя благочестивую Ангельскую жизнь, святой Филогоний, управив богоугодно врученным им стадом духовным, с миром преставился в преславные обители Отца Небесного[8605].

Житие святого Даниила, архиепископа Сербского

Память 20 декабря

Святой сербский архиепископ Даниил жил при сербских кралях Стефане Уроше II Милутине[8606], Стефане Уроше III Дечанском и Стефане Душане в самое славное время древней Сербии. Он происходил из знатного властелинского рода, был сыном богатых родителей[8607], которые имели большую семью из сыновей и дочерей, умерших, впрочем, еще во время детства Даниила. Будучи ребенком, Даниил просил родителей отдать его учителю для книжного учения, но, огорченные смертью прочих детей, отец и мать не хотели расставаться с сыном. Однако мальчик настоял на своем: он упросил одного родственника помочь ему и тайно от родителей ушел с ним к учителю. Учитель знал, чей мальчик приведен к нему, и старательно принялся за его обучение. Ребенок обнаружил необыкновенные способности и прилежание, так что скоро превзошел своих сверстников и товарищей в училище, сам стал в состоянии учить других.

Родители сначала очень горевали, но когда узнали, где находится сын и как успевает, то примирились и во всем положились на волю Божию.

Между тем у юноши стало развиваться стремление к целомудрию, чистоте, посту, бдению и молитве, к таким добродетелям, каковыми отличаются мужи крепкие, его стала занимать жизнь подвижническая. Он искал встречи с иноками, воздавал им должную честь и вступал в беседы об иноческой жизни, так что вскоре у него самого возгорелось желание стать иноком, и он молил Бога о сподоблении его иноческого чина. Уже в это время, много слыша о чудесах во святом граде Иерусалиме и на святой горе Афонской, он горел желанием посетить сии святые места. Но для этого не наступило еще время.

Когда Даниил достиг зрелого возраста, сербский краль Стефан Урош Милутин, слыша о его достойных качествах,

призвал его к своему двору, полюбил и приблизил к себе. Несмотря, однако, на свое знатное происхождение и близость к государю, Даниил не возгордился, но и при дворе держал себя смиренно и ни на минуту не оставлял мысли об иноческой жизни.

Благочестивый краль Милутин нередко совершал богомольные путешествия по своей земле, посещая церкви и монастыри, поклоняясь святыням и раздавая богатую милостыню. В одно из таких путешествий в свите краля находился и Даниил. Во время остановки в монастыре Святые Троицы в Сопочанах[8608] Даниил, всегда любивший беседу с иноками, встретил одного такого инока, который вполне отвечал его желаниям. Он нашел в этом иноке хорошего себе советника и помощника, согласившегося пособить молодому вельможе принять иноческое пострижение.

Когда краль Милутин и свита окончили богомолье в Сопоче, когда все отдались после трудов отдыху, благочестивый юноша, при помощи названного инока, тайно ночью удалился из монастыря. Новый его руководитель привел его в Кончульский монастырь святого Николая на реке Ибре; игуменом сего монастыря, Никодимом, беглец от царского двора и пострижен был в иноческий чин с именем Даниила.

Давно жаждавший иночества, Даниил, сподобившись принять оное, с великою ревностью стал выполнять иноческие обеты; ревностно посещая с другими вместе церковные службы и в течение дня неся все монастырские труды, Даниил ночью наедине предавался бдению, богомыслию и непрестанной молитве. Молитва, слезы умиления и покаяния, пост и другие подвиги скоро сделали его образцом для других иноков. Слава его подвигов распространилась и за пределы монастыря. Скоро он стал известен тогдашнему Сербскому архиепископу Евстафию II[8609], который захотел вызвать Даниила к себе, нуждаясь в просвещенных и благочестивых духовных лицах. Не раз Евстафий звал к себе Даниила, но, привыкши к монастырской жизни, которой давно желал, вельможный инок не хотел расстаться с местом своего пострижения, так что

архиепископ вынужден был обратиться к кралю Милутину, чтобы сам государь приказал монаху явиться к архиепископу.

Принятый благосклонно Евстафием, Даниил вскоре посвящен был им в иеромонахи и удержан архиепископом при его дворе, который находился в монастыре Жиче[8610].

Находясь и при архиепископе, Даниил продолжал подвижническую жизнь, ни в чем не нарушая монашеского обета. Но вместе с тем Даниил исполнял разные поручения архиепископа и служил по делам управления церковью. Даниил отличался красотою лица и прекрасным голосом и имел «дар от Господа вещати смысленно и разумно пред царями», по пророку Исайи.

Издавна Даниил желал видеть святую Афонскую гору. Еще первый сербский государь, святой Стефан Неманя, отец первого сербского архиепископа св. Саввы, основал на Афоне сербский Хиландарский монастырь, в котором и подвизался Стефан, в иночестве Симеон Неманя, равно как и сын его святой Савва. Хиландарский монастырь на Афоне стал поэтому навсегда самой драгоценной святыней для сербов. Краль Милутин возобновил его; вместо древней небольшой обители он создал дивный монастырь, который находился невдалеке от морского берега. По просьбе тогдашнего игумена Кириака, Милутин для защиты монастыря на самом берегу моря построил пирг, или укрепленную башню, с церковью Спаса для зашиты монастыря от морских разбойников.

Упомянутый игумен Кириак вскоре умер. Архиепископ Евстафий и краль Милутин, заботясь об избрании достойного преемника, для совета созвали духовный собор, который единодушно остановился на иеромонахе Данииле. И вот давно жаждавший видеть святую Афонскую гору, Даниил назначается прямо игуменом знаменитого уже и тогда и особенно важного для сербов Хиландарского монастыря.

Время, в которое угодно было Богу возвести Даниила на игуменство в Хиландаре, было трудное и тяжелое не только для святой горы Афонской, но и для всего царства Греческого. В то время двигались уже турки-османы на Царьград; не только теснили в Азии, но пытались проникнуть через море и в Европу.

Цари греческие употребляли все меры для защиты христиан от неверных. Кроме своих сил, они всячески старались отыскать и постороннюю помощь. Так и сербский краль Милутин помогал царю греческому Андронику Старшему против турок в Азии. Потом царь греческий вынужден был прибегнуть к наемным войскам, к испанским каталонцам. Эти сборные из разных народностей наемные войска не сдержали договора, скоро вошли в связь с турками, и из помощников и защитников скоро обратились в лютых врагов православного христианского царства. Они грабили, разоряли и жгли жилища по всему Балканскому полуострову. По берегам греческих морей свирепствовали морские разбойники, особенно венецианские. Как сухопутные враги – каталонцы, так и морские – преимущественно венецианцы, не оставили в покое и святую гору Афон. Преувеличенные слухи о богатствах Афонских монастырей привлекали хищников, которые, не давая никакой пощады населению, не разбирая ни звания, ни возраста, пленяли, убивали и грабили.

От этих разбойников, хотя и христиан, но латинян, не избавилась и сербская Афонская Хиландарская лавра.

В такое-то тяжелое время святой Даниил был назначен на игуменство в Хиландаре.

Краль Милутин и архиепископ Евстафий отпустили Даниила с богатыми дарами для святой Хиландарской лавры. Давно жаждавший подвизаться на Афоне святой Даниил с радостью стал осуществлять свои давние надежды. Он всею душою предался иноческим подвигам, твердо поборая все искушения, которые многоразлично метал на пути его спасения враг диавол. Пример игумена и его красноречивые наставления и поучение поддерживали и распространяли в монастыре благочестие, единомыслие, порядок и взаимную любовь.

Но сверх духовных подвигов, игумену Даниилу пришлось совершать и подвиги внешней борьбы, защиты обители от упомянутых разбойников, которые опустошили и разорили всю святую гору. В крепкий и благоустроенный Хиландарский монастырь сбежались многие монахи и простые окрестные жители, женщины и дети, ища здесь крова и пропитания.

Все монастырские запасы отданы были на пропитание бедствовавшего населения, но и они истощились. Всюду кругом распространялся голод. Люди и даже скот в опустошенной стране гибли от голода. Ввиду невыносимого бедствия сами монахи Хиландарского монастыря стали разбегаться, ища спасения, но и они попадали в рабство к врагам или умирали голодною смертью. Только непоколебимый в твердости игумен Даниил не падал духом. Три с половиной года он отсиживался в укрепленной обители. Не раз враги подступали к воротам монастыря, ломились в него, но без успеха удалялись, обещая снова возвратиться. Даниил неутомимо защищался с бывшими в монастыре людьми и с постоянною молитвою к Господу Богу.

Ввиду грозившей страшной опасности, заботливый и предусмотрительный игумен взяв обещание и заложников от укрывавшихся в монастыре людей в том, что они будут защищать монастырь, решил спасти его сокровища и помочь беде удалением на время к своему покровителю, сербскому кралю Милутину.

Дав значительную сумму золота оставшимся в монастыре, Даниил вместе с несколькими людьми из братии забрал священную утварь и драгоценности, даже монастырский скот, и отправился в Сербию сквозь земли, занятые и опустошенные неприятелями. По милости Божией, среди всевозможных опасностей, он благополучно пробрался в тогдашнюю сербскую столицу, в город Скопье. Краль Милутин с радостью принял игумена Даниила и уговаривал его остаться у него до тех пор, когда минует опасность. Но Даниил, отдав Милутину на сохранение монастырские сокровища и скот, ушел обратно, готовый все перетерпеть, даже мученичество.

На обратном пути снова встретились разные опасности со стороны разбойников и врагов. В одном месте напал на него один владетель и хотел схватить его и ограбить, но бывшие с Даниилом люди одолели благополучно нападавших, связали врага, повели с собой и отпустили только за пределами его владений.

Возвратившись в Хиландарский монастырь, игумен Даниил прежде всего позаботился о том, чтобы на будущее время

защитить и охранить обитель от врагов, которые продолжали свирепствовать на Афоне и в окрестных землях. Снабдив деньгами нескольких надежных людей, он отправил их для закупки хлеба в морских пристанях и для найма вооруженных людей для защиты монастыря. Обеспечив таким образом защиту монастыря, сам Даниил удалился в Афонский монастырь Русик к своему духовному отцу для духовной беседы, а вместе и ради безопасности, так как враги искали случая захватить Хиландарского игумена в свои руки. Нашлись два изменника в Хиландарском монастыре, которые пришли в Русик, чтобы обманом выдать своего игумена врагам. Но предусмотрительный и прозорливый Даниил сумел обезоружить их, хотя враги, осадив Русик, пытались сжечь его и захватить Даниила. Но Бог спас Даниила от сей опасности: враги завели между собою ссору и неожиданно ушли от монастыря.

Возблагодарив Бога за избавление от угрожавшей опасности, Даниил со своими духовными детьми и спутниками отправился на берег моря в Афонский же монастырь Ксиропотам, который также устроен был и обеспечен святым Саввою, архиепископом сербским. Здесь Даниил вписал себя и своих родителей в синодик для поминовения и, проведя несколько дней в молитве, возвратился в свой монастырь Хиландарский.

Между тем внешние враги, причинявшие с лишком три года страшные бедствия и опустошения, постепенно стали оставлять Афонскую гору, и на ней понемногу стал водворяться покой. В укрощении и рассеянии этих врагов помогал греческому царю Андронику и сербский краль Милутин.

После восстановления мира и спокойствия на Афоне, Даниил так неутомимо и усердно защищавший и охранявший сербскую святыню, решился, ради безмолвной и уединенной подвижнической жизни, оставить игуменство в Хиландаре, передав его ученику своему Никодиму, и удалился в Афонский монастырь Карею. Там находилась келия святого Саввы для безмолвной и уединенной жизни по правилам святого Саввы, по которым он, иночествуя здесь, сам совершал моления, нощные стояния, поклоны и псалмопения. Поселившись в сей келье,

Даниил всецело отдался духовным подвигам, слава о которых распространилась по всей горе Афонской, так что к нему стали многие приходить за духовным утешением и наставлениями.

В то время, когда Даниил подвизался в Карейском уединении, на его родине в Сербии возникла война: против краля Милутина восстал брат его Драгугин, желавший при помощи короля Венгерского отнять у Уроша Милутина сербский престол для своего сына Урошица. Милутин находился в большой опасности. Боясь вторжения врагов, он собрал свои сокровища в Баньском монастыре, но не имел надежного человека, которому мог бы поручить их хранение. Тогда за смертью епископа Баньская кафедра сиротствовала. И вот краль Милутин вспоминает деятельного Даниила, бывшего игумена Хиландарского, и отправляет к нему в Карею одного посла за другим, призывая к себе. Преданный уединенным подвигам, Даниил долго отказывался, но неотступные просьбы краля заставили его согласиться, и вот он является к кралю Милутину. Краль изъясняет свои тяжелые обстоятельства и, вручая собранные в Баньском монастыре сокровища, просит Даниила взять их под свою охрану и предлагает ему занять епископскую Баньскую кафедру. Даниилу очень не хотелось расставаться с уединенной жизнью на святой горе, но краль Милутин, наконец, убедил его согласиться на помянутое предложение, обещая снова отпустить его на святую гору, когда окончится благополучно война.

Когда краль Милутин благополучно вышел из затруднений вследствие восстания брата Драгугина, Даниил стал опять проситься на святую гору, и как ни уговаривал краль остаться в Сербии, он все-таки опять удалился в любимый Хиландарь, где, поселившись в помянутом прежде пирге, или башне, снова предается подвигам уединения. Как всегда, так особенно теперь, он предается чтению и изучению книг Божественного Писания.

Святого Даниила давно влекло желание посетить святой град Иерусалим и поклониться христианским святыням. И вот теперь он полагал, что, наконец, настало благоприятное время

для исполнения своего намерения. Он стал готовиться к путешествию в Иерусалим.

Узнав об этом, сербский краль Милутин очень опечалился: он не желал, чтобы Даниил совсем оставил его, он нуждался в нем, как в человеке, на которого можно положиться и который может дать и полезный совет и оказать услуги иного рода. Краль стал уговаривать Даниила отложить свое намерение, и, вместо путешествия в Иерусалим, возвратиться в Сербию, где предстоят ему разные дела и почести. Даниил уступил настояниям краля. Баньская епископия была упразднена, сделана игуменством, а Даниил оставлен был на жительство при сербском архиепископе Савве III, который отвел ему в своем доме келью, как будущему своему преемнику: ибо Милутин, уговаривая Даниила возвратиться в Сербию, обещал ему в будущем архиепископский сербский престол святого Саввы.

Савва III вскоре после того умер. На его место, однако, по неизвестным причинам избран был не Даниил, а его ученик хиландарский игумен Никодим, Даниил же получил епархию Холмскую[8611].

20 октября 1320 г. скончался благочестивый сербский краль Стефан Урош II Милутин, правивший Сербией тридцать лет, расширивший ее пределы и доставивший ей большую славу. Даниил был извещен о болезни краля и присутствовал при его кончине и погребении, которое совершалось в задушбине Милутина, в Баньском монастыре св. Стефана, где Даниил ранее был епископом.

На Сербский престол вступил сын Милутина, святой Стефан Урош III Дечанский[8612].

Сейчас же после своей коронации, он вызвал и приблизил к себе епископа Даниила, которого с юных лет привык любить и ценить как мудрого советника в течение многих лет при его отце, а особенно как своего помощника и защитника в тяжелых несчастиях.

Заступничеству и ходатайству Даниила Стефан Дечанский был обязан своим освобождением из заточения в Царьграде и окончательным примирением с отцом.

Даниил таким образом стал теперь постоянным учителем, советником и помощником сербского краля. В начале правления Стефана Дечанского встретились затруднения, как внутри страны, так и извне. Нужно было новому кралю защищаться против врагов внутренних, его соперников, поднявших восстание, именно против двоюродного брата Владислава, сына краля Драгутина, и против брата родного по отцу, Константина. Нужно было также охранять себя и Сербию и от врагов внешних. Болгарский царь Михаил удалил от себя жену свою Неду, сестру Стефана Дечанского, и искал сближения и союза с греками против сербов. Стефану Дечанскому приходилось и оружием защищаться и прибегать к мирным соглашениям и переговорам. Для таких переговоров не было тогда человека более способного, как епископ Даниил, обладавший разнообразным житейским опытом и необыкновенным красноречием, особенно же уменьем говорить перед царями. И вот, по просьбе и поручению краля Стефана Дечанского, Даниил выполняет с полным успехом посольство к болгарскому царю Михаилу и цареградскому царю Андронику Младшему.

Исполняя разные поручения своего государя, Даниил не мог забыть своей любимой святой горы Афонской и при всякой возможности и теперь уходил туда, но долго там оставаться ему не приходилось уже. Так, по выполнении упомянутых посольств, он удалился было снова на Афон, но смерть сербского архиепископа Никодима, последовавшая 13 мая 1323 г., заставила его вернуться в Сербию. Созванный кралем собор духовенства и властителей единогласно, 14 сентября того же года, провозгласил Даниила «архиепископом всех сербских и поморских земель». Ему было тогда 50 лет.

Заняв архиепископский престол, Даниил всеми силами своей души предался заботам о благе церкви своей так горячо любимой родины. Прежде всего, конечно, он обратил внимание на церковное благоустройство как внутреннее, так и внешнее. Как муж просвещенный, он старался среди духовенства поднять просвещение посредством поощрения книжного учения, распространения школ и книг.

В богослужении и жизни церковных людей он заботился о введении строгого чина, порядка и благолепия. Много забот приложено было им к тому, чтобы церкви имели нужные книги; много было введено в церковное употребление и таких книг, которых ранее у сербов еще не было.

Архиепископ Даниил в течение своей долгой жизни приобрел большой опыт в делах строительства и хозяйства. Заняв высшее место в управлении сербскою церковью, он применил к делу свои обширные познания и опыт. При сочувствии сербского краля, он имел полную возможность, при своей горячей ревности, заняться внешним благоустройством церквей сербских: он возводил новые великолепные храмы, восстановлял и перестраивал старые, украшал их извне и внутри, снабжал церковною утварью, священными одеждами и книгами, украшал иконами и стенною живописью. Для построения и украшения храмов он добывал нужные, часто дорогие материалы как в самой Сербии, так и за ее пределами, выписывая как мастеров, так и самые предметы, например, из адриатического приморья колокола для церквей.

Особенно много трудов и забот он положил на устройство и украшение церквей в двух архиепископских кафедральных монастырях, в Жиче и Печи. В одном месте, в знак благодарения за избавление его от опасностей, которым он подвергался в своих многоразличных странствованиях по Сербии и за ее пределами, он построил великолепный храм в честь Богоматери, именуемой Одигитрии Цареградской, с двумя приделами – в честь Иоанна Предтечи и святого Арсения архиепископа Сербского, и тут же маленькую церковь во имя святого Николая Чудотворца. Украсив ее великолепно внутри и снаружи, снабдив всем необходимым, он установил, чтобы в этом храме совершали богослужения греческие монахи по греческим книгам и по чину греческих монастырей. В другом месте к ранее существовавшим церквам святых апостолов и святого Димитрия и им построенной Богородичной церкви он пристроил общую припрату, или трапезу, по подобию храмов греческих, из драгоценных материалов и с различными

украшениями изнутри и извне, а вблизи пирг, или укрепленную башню, с церковью наверху во имя святого Даниила Столпника.

В разных местах Сербии, как-то: в крепости Магличе, в местечках Елице, Лизице и других, архиепископом Даниилом было или вновь построено, или возобновлено много церквей, монастырей и других зданий, принадлежавших церкви.

Кроме возведения церковных и других зданий, Даниил везде при монастырях и церквях заботился об устройстве и разведении огородов, садов, виноградников и вообще хозяйства для обеспечения различных церковных учреждений.

Время управления архиепископа Даниила было лучшим временем как внутреннего, так и внешнего процветания Сербской церкви, много памятников старины от того времени сохранилось и доныне.

При Стефане Дечанском Даниил был постоянным и главным советником. Когда возгорелась война между Сербией и Болгарией и когда Стефан Дечанский вместе со своим сыном Стефаном Душаном отправился в поход, Даниил оставлен был попечителем кралевского семейства и главным правителем страны. На имя архиепископа Даниила краль посылал известия с поля брани, и архиепископ учреждал молебствие о даровании победы, а когда в битве при Вельбужде сербы одержали решительную победу над болгарами, Даниил назначил благодарственные молебствия по всей Сербской земле. Краль Стефан Дечанский, в знак благодарности Господу Богу за дарованную победу, на сокровища, которые достались ему, как военная добыча после поражения болгар, решил создать себе задушбину, великолепный храм Вознесения Господня в Дечанах. В избрании места и построении сего драгоценного художественного храма принял самое деятельное участие архиепископ Даниил; он был не только ктитором, строителем монастыря, но и вкладчиком: он на свои средства отстроил одну частицу храма, как свою собственную задушбину[8613].

Немного времени спустя после торжеств победы над врагами архиепископу Даниилу пришлось пережить тяжелые обстоятельства сербской внутренней смуты, в которой благочестивому кралю Стефану Дечанскому суждено было

погибнуть мученическою смертью от убийц, действовавших не без ведома сына его Стефана Душана[8614].

Стефан Душан, сделавшись единовластным кралем Сербии, силою оружия распространил пределы государства и приобрел новую славу для Сербии и сербской церкви. Он принял титул царя сербов и греков по завоевании некоторых греческих областей, а сербского архиепископа возвел в сан сербского патриарха. Это было в 1346 г., но архиепископ Даниил до этих событий не дожил: он мирно скончался 20 декабря 1337 г.

Святой архиепископ Даниил знаменит не только как благочестивый подвижник, церковный и государственный деятель, но и как просвещенный книжный человек и писатель. Его ученик, написавший его житие, свидетельствует о необыкновенной начитанности Даниила, его любви к книжному чтению и просвещению других, о его заботах о распространении книг в Сербии не только в новых списках прежних книг, но и в составлении и переводе книг новых. Как в том, так и в другом деле трудился неутомимо всю жизнь сам Даниил. Как писатель, он оставил после себя обширный и драгоценный труд «Житие кралей и архиепископов Сербских». Даниил горячо любил свою родину и позаботился о том, чтобы подвиги и деяния прежних кралей и архиепископов, из коих многие причислены к лику святых, не остались в забвении[8615]. Своим примером и заботами Даниил много содействовал развитию сербской письменности в его время, особенно в любимом им Хиландарском монастыре, долго служившем средоточием сербского духовного просвещения.

Страдание святой мученицы Иулиании девы и других с нею

Память 21 декабря

В царствование нечестивых царей римских: на востоке – Диоклетиана и на западе Максимиана, в Византийском городе Никомидии[8616] господствовало идолослужение. В это время там жил один богатый и знатный человек, по имени Африкан, весьма приверженный языческому нечестию; у него была дочь, по имени Иулиания. Когда Иулиания начала приходить в возраст и цвести красотою, и в то же время проявлять ум и добронравие, один из царских сановников, по имени Елевсий, предупреждая других женихов, заранее обручился с нею, совершение же брака было отложено до совершеннолетия. Между тем Иулиания, услышав евангельскую проповедь о Христе, уверовала в Него и стала тайной христианкой. При виде неба, земли, моря, огня, она искала Того, Кто создал все это, и от создания научилась познавать Создателя, как говорит святой Апостол Павел: невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы (Рим. 1:20). И размышляла она в душе своей: «Един есть истинный Бог, которому должно поклоняться! Бездушные же идолы – не боги, но жилища бесов». С этих пор она стала усердно предаваться молитве и чтению Божественных книг, поучаясь в законе Господнем день и ночь – тайно от отца своего, который, как ревностный язычник, был другом бесов и врагом христиан. Мать же Иулиании, хотя тоже была язычница, но не отвергала и христианской веры. Впрочем, особенно она не заботилась ни о той, ни о другой вере, – ни идолам не служила усердно, ни Христа не почитала, и потому не обращала внимания на то, какой веры держится ее дочь. Итак, при нерадении матери, блаженная Иулиания легко могла скрыть от отца свою веру во Христа и упражняться в молитве и чтении Божественных Писаний. Исполненная в сердце своем любви к Богу и утвержденная в благочестии, она помышляла, как бы ей отказаться от того, с кем она была обручена, и избегнуть брака с

нечестивым, девство свое соблюсти нерушимым от идолопоклонника и тело сохранить чистым от слуги бесовского.

Поэтому, когда стало приближаться время брака, Иулиания послала к своему жениху Елевсию сказать:

– Не готовься напрасно к браку, да будет тебе известно, что я не соглашаюсь идти за тебя замуж, если ты не сделаешься епархом страны этой.

Так поступила святая, в уверенности, что Елевсию невозможно достигнуть этого сана, и таким образом думала избегнуть брака с ним. Но Елевсий, плененный любовью к ней, начал тщательно домогаться сана епарха, – то посредством усиленных просьб, то посредством богатых даров, то через сильных ходатаев, – умоляя царя почтить его тем саном. И по прошествии многого времени, истратив много имения, он, хотя и с трудом, при помощи беса, достигнул желаемого, ибо диавол, желая помешать доброму намерению святой девы, помог Елевсию. Сделавшись епархом, он тотчас послал к своей невесте сказать:

– Радуйся, Иулиания, что имеешь меня женихом, удостоенным славы, ибо я – епарх! Итак, готовься к браку.

Иулиания, видя, что посредством вымышленного предлога она не избегла сетей Елевсия, явно открыла то, что долго скрывала в сердце своем, и через посланных отвечала ему так:

– Хорошо, что ты удостоен епаршества; но если не поклонишься Богу моему и не будешь служить Господу Иисусу Христу, Которому я служу, то ищи себе для брака другую, ты мне неугоден, ибо я не желаю иметь мужем того, кто не исповедует единую со мной веру.

Услышав это, Елевсий удивился перемене в своей невесте и сильно разгневался. Призвав отца ее Африкана, он стал спрашивать его:

– Почему дочь твоя и от богов наших отказывается, и мною гнушается?

При этом Елевсий сообщил Африкану обо всех словах ее, переданных через послов.

Услышав об этом, Африкан был в недоумении, удивляясь такому неожиданному обстоятельству, и не менее епарха

сильно разгневался на Иулианию, так как и сам был ревностным почитателем своих скверных богов. Возвратившись домой, он сначала кротко и отечески начал спрашивать дочь свою:

– Скажи мне, дочь возлюбленная и сладкий свет очей моих, почему ты отвращаешься от брака и отказываешь в руке епарху?

Иулиания, не желая даже слышать об этом, отвечала:

– Перестань, отец! Ибо клянусь надеждою моею – Господом моим Иисусом Христом, что Елевсий не вступит со мной в брак, если сначала не примет веры моей, ибо что за брак – телом быть соединенными, духом же разделенными, и враждовать друг против друга?

Тогда отец Иулиании, вне себя от гнева, воскликнул:

– Безумствуешь ты, окаянная, или любишь мучения?

– Мучения за Христа я люблю, – отвечала святая дева.

– Клянусь великими богами – Аполлоном и Артемидою[8617], – воскликнул Африкан, что зверям и псам отдам я тело твое на съедение.

Святая отвечала:

– Так зачем же медлишь! Пусть придут псы, пусть придут звери, и пусть будет для меня – если это возможно – вместо одной много смертей, ибо я буду радоваться, несколько раз умирая за Христа и получая от Него каждый раз воздаяние.

Тогда отец, желая склонить ее хитростью к своему желанию, оставил гнев и ласково начал беседовать с нею, прося и уговаривая ее не ослушаться его. Она же, исполненная доброго упования, возражала и безбоязненно говорила:

– Неужели и ты подобен глухим богам своим, ибо имеешь уши и не слышишь? Не сказала ли я тебе с клятвою, что не может быть у меня общения с Елевсием, если сначала он не согласится поклониться Христу моему?

Услышав это, отец запер ее в комнате. Затем снова вывел ее оттуда и добрыми и ласковыми словами со слезами начал склонять святую к почитанию богов и к любви к Елевсию. Но мужественная дева снова воскликнула:

– Не принесу жертвы богам, не поклонюсь истуканам, не полюблю нечестивого Елевсия! Христу Единому поклоняюсь, Христа почитаю, Христа люблю!

Тогда отец, разгневавшись, схватил Иулианию и начал бить без пощады: бросив на землю, влачил ее за волосы, топтал ногами, – не как родитель, но как мучитель, нисколько не являя родительской жалости и, в своей лютой ярости и неудержимом гневе, забыв естественную любовь к дочери. И бил он ее до тех пор, пока сам не устал, так что блаженная дева едва осталась жива. После этого он отослал ее к ее жениху – епарху Елевсию, чтобы он делал с нею, что хочет. Тот же, будучи презираем ею, исполнен был против нее великой ярости: дыша гневом и скрежеща на нее зубами, он считал великим для себя бесчестием, что она возгнушалась им и отвергла любовь его. Поэтому он очень обрадовался, что она была отдана в руки его, и что он получил власть над нею. И вот он задумал судить ее публично (ибо был епарх), будто бы за непочитание богов, а на самом деле совершая мщение за ее презрение к нему. Воссев на судейском месте, он повелел привести к допросу агницу Христову.

Когда святая дева Иулиания предстала на суд перед своим женихом Елевсием и, как заря, воссияла красотою лица своего, то все обратили на нее свои взоры, удивляясь красоте лица ее. Елевсий, лишь только взглянул на нее, тотчас смягчился, и гнев его обратился в любовь. Сначала он не мог сказать ей ни одного жестокого слова, но начал мирно и ласково беседовать, будучи охвачен желанием обладать девицею. Он сказал ей:

– Поверь мне, прекраснейшая девица, что если ты изберешь меня своим мужем, то будешь освобождена от всех, ожидающих тебя, тяжких мук, хотя бы даже и не согласилась принести жертвы богам. Я не буду тебя принуждать к сему, – только согласись на брак со мною.

На это невеста Христова отвечала:

– Никакое слово, ни мука, ни самая смерть не заставят меня соединиться браком с тобою прежде, чем ты не сделаешься христианином и не примешь святого крещения.

– И это я сделал бы, возлюбленная, – отвечал Елевсий, – если бы не боялся царского гнева: ибо когда царь узнает об этом, то лишит меня не только сего высокого сана, но вместе с ним и самой жизни.

Святая сказала:

– Если ты так боишься своего царя – смертного, временного, имеющего власть только над телом, а не над душою, то как я могу не бояться Царя Бессмертного, имеющего власть над всеми царями и владычествующего над всяким дыханием и над душою, и как могу соединиться супружеским союзом со врагом Его?! Если бы кто из твоих рабов вступил в дружбу со врагом твоим, приятно ли это было бы для тебя и не разгневался ли бы ты за это на раба своего? Итак, не обманывайся, не пустословь, надеясь убедить меня. Если хочешь, обратись и ты к Богу моему, если не сделаешь этого, то убей меня, брось в огонь, покрой ранами, предай зверям и подвергни каким угодно мукам, но я не послушаюсь тебя, ибо ты противен мне, супружество с тобою для меня все равно, что дружба с бесами, и брак с тобою – то же, что гроб смердящий, положенный перед глазами моими.

Услышав это, Елевсий воспламенился гневом и изменился в лице своем, ибо такова нечистая любовь, когда ее презирают и гнушаются ею. Он повелел обнажить Иулианию и крестообразно растянуть, привязав веревками за руки и за ноги, и затем жестоко бить сухими жилами и прутьями. И была святая бичуема шестью воинами – долгое время, пока не устали сами мучители. Она же, хотя и была по естеству – сосуд немощный, мужественно претерпевала мучения.

Приказав воинам прекратить бичевание, епарх сказал Иулиании:

– Это, Иулиания, только начало твоих мучений, несравненно же большие ожидают тебя, если ты не принесешь жертвы великой Артемиде.

Но мученица, желая лучше переносить мучения, чем слушать Елевсия, все еще надеявшегося склонить ее к исполнению его воли отвечала:

– О поистине ты безумен и безрассуден! Почему ты еще не мучаешь меня? Чего еще ждешь? Я более готова терпеть мучения, чем ты готов мучить меня.

Тогда святая была повешена за волосы и висела так немалую часть дня, так что кожа на голове ее отстала от тела, лицо вспухло и брови оттянулись вверх. Елевсий же, имея, по любви к ней, еще некоторую надежду, ласково убеждал ее пощадить себя. Когда ласковые слова его и просьбы не возымели никакого успеха, он еще более разгневался и повелел сильно раскаленным железом опалять бока ее и поджигать другие части тела, затем, связав руки ее и пронзив острым железом бедро ее, еле живую ввергнул ее в темницу.

Находясь в темнице, святая Иулиания лежала, поверженная на земле, и взывала к Богу:

– Господи Боже мой, всемогущий, непобедимый в силе и крепкий в делах! Отыми от меня скорби сии и от постигнувших меня болезней избави, как избавил Даниила от львов, Феклу – от огня и зверей! Отец мой и мать моя оставили меня, – Ты же, Господи, не отступи от меня, но, как некогда сохранил израильтян, прошедших через море, и потопил их врагов, так и меня ныне сохрани. Восставшего же против меня Елевсия, а с ним и сатану, который старается воспрепятствовать мне в спасении, сокруши, о непобедимый Царь!

Когда Иулиания так молилась Богу и молитва была еще на устах ее, невидимый враг – диавол, преобразившись во образ светлого Ангела, видимым образом явился к ней и сказал:

– Вот, Иулиания, ты терпишь тяжкие муки, а еще более тяжкие и воистину нестерпимые приготовил для тебя Елевсий. Когда ты будешь выведена из темницы, тотчас принеси жертву богам, ибо не сможешь более переносить сильной лютости мук.

Святая спросила:

– Кто ты?

Диавол отвечал:

– Я – Ангел, и поелику Бог много заботится о тебе, то послал меня к тебе, ибо Он желал, чтобы ты послушалась епарха и от многих мучений не погибло бы тело твое. Господь

милосерд и простит тебе это ради немощи измученной плоти твоей.

Услышав это, мученица удивилась и смутилась, ибо видела, что явившийся – с виду Ангел, а по речам – враг. Поэтому, вздохнув из глубины сердца, со слезами на глазах, сказала:

– Господь мой, Создатель вселенной, Которого Единого хвалят Небесные Силы и трепещет множество бесов! Не презри меня страждущую ради Тебя, дабы враг мой не смешал когда-либо сладость с горечью и не подал мне. Поведай мне, кто тот, который говорил мне такие слова? Кто тот, который называет себя рабом Твоим?

Так взывала святая, и тотчас же была услышана, ибо с неба раздался голос:

– Дерзай, Иулиания! Я – с тобою! С пришедшим же к тебе делай, что хочешь: Я даю над ним тебе власть и силу, – и от него самого узнай, кто он и зачем пришел к тебе.

Вслед за этим произошло следующее чудо: тотчас разрешились оковы и спало железо с ее бедер, и тогда святая встала с земли здоровою и крепкою телом, а диавол, удерживаемый силою Божией, стоял и не мог бежать, будучи связан невидимыми узами. Святая мученица схватила его, как раба неключимого, и, как будто допрашивая на суде, стала спрашивать, кто он, откуда и кем послан. Диавол же, хотя и исполнен был лжи, однако, будучи принужден мучащею его силою Создателя, начал – хотя и против воли – говорить истину.

– Я, – сказал он, – диавол, один из первых князей тьмы и послан отцом моим сатаною искусить и обольстить тебя, ибо мы великую приняли муку от молитв твоих и от твоего девического целомудрия и мужественного терпения. Я – тот, который некогда посоветовал в раю Еве преступить на погибель заповедь Божию. Я внушил Каину убить брата своего Авеля. Я научил Навуходоносора поставить на поле Деире золотого истукана. Я прельстил иудеев поклоняться идолам. Я премудрого Соломона сделал безумным, возбудив в нем страсть к женам. Я Ироду внушил избиение младенцев, а Иуде – предать Учителя и самому удавиться. Я подвиг евреев побить камнями Стефана,

подвигнул Нерона – распять вниз головою Петра и усечь мечом Павла.

Услышав это, святая Иулиания сотворила новое чудо, ибо другие положила на него узы и раны (кроме невидимых, которыми диавол был связан Богом), так как, связав, стала бить его. И что удивительно – бесплотного и невещественного духа святая могла связать вещественными узами и бить! Ибо сила Божия, удерживающая его не дающими возможности бежать узами и наказывающая, хотя невидимо, но действительною болью, отдала его во власть возлюбленной невесте Своей. И терпел бес боль от рук девицы, как от рук Божиих, ибо вместе с вещественным бичеванием бес получал и невещественную язву – ту, от которой воистину получает мучение раб бесовский.

– Увы мне – восклицал он, – что мне теперь делать и как убежать?! Многих прельстил я и подвергнул бедствиям, а теперь сам прельщен и впал в беду. Многих подвергнул я ранам, а ныне сам связан девическими руками и уязвляюсь ими. Многих поработил себе, а ныне самого меня держат, как пленника и раба. О отец мой – сатана! Зачем ты послал меня сюда? Неужели не знал, что ничего нет сильнее девства и крепче молитв мученических?

Так святая Иулиания всю ночь мучила беса, а поутру епарх повелел, если она жива, вывести ее из темницы. Святая, идя, влекла за собою и диавола и бросила его в попавшуюся на дороге кучу грязи. Затем она предстала перед Елевсием, озаряемая прежнею красотою и благообразием лица и здоровая всем телом, как будто бы никогда не испытывала никакой муки. Удивившись, мучитель сказал ей:

– Скажи мне, Иулиания, когда и каким образом ты научилась такому волхвованию? И каким искусством ты так скоро исцелилась от ран, так что даже и следа от них на тебе не найдешь?

Святая отвечала:

– Ни с каким искусством волшебства я незнакома, но меня исцелила неизреченная и всемогущая сила Божия, которая не только тебя, но и отца твоего – сатану устыдила, а меня соделала гораздо сильнее обоих вас. И ты, и господин твой –

диавол у меня под ногами, ибо я связала владыку твоего, которому ты работаешь, и мучения твои сделала как бы небывшими. Так Христос мой уничтожил здесь вашу силу, а там – тебе, отцу твоему и слугам вашим уготовал огонь вечный и страшный тартар, тьму кромешную и наполненное червями неусыпающими место, которое ты вскоре и получишь.

Тогда мучитель, услышав из уст святой об огне вечном, тотчас повелел приготовить великий огонь временный, и была сильно разожжена печь и брошена туда святая. Она же, стоя невредимо в пламени огненном, молилась там к Господу и испустила из очей своих слезы, – и вдруг эти малые слезы стали как бы двумя великими источниками и угасили весь огонь.

Весь народ никомидийский весьма был поражен этим чудом, и уверовало во Христа мужей около пятисот, а жен – сто тридцать. Все они, как бы едиными устами, воскликнули:

– Един есть Бог, Един – Тот, Которого прославляет мученица Иулиания, и мы веруем в Него, а от языческого идолопоклонства отказываемся. Мы – христиане! Да придет на нас меч, да придет огонь, да придет какая-нибудь самая лютая смерть, – мы готовы вместе с Иулианиею умереть за Единого Истинного Бога!

Когда они так восклицали во всеуслышание, епарх немедленно повелел привести вооруженных воинов и, отделив всех уверовавших от собравшегося на зрелище народа, усечь мечом, что и было исполнено. А они все с радостью преклоняли под меч головы свои и умерли за Христа, принимая крещение в собственной крови своей. После этого мучитель, дыша неукротимою яростью, повелел раздеть святую и бросить в сильно кипящий котел и долго варить, как бы некую пищу. Но котел этот был для святой как бы теплой баней после трудов, ибо нисколько не вредил ее телу, а только омывал, как бы в купели, ибо к ней сошел Ангел Господень и сохранил ее невредимою. Огонь же из печи устремился на стоявших около и сделал то, что некогда с печью вавилонскою, – всех, кого достиг, сжег. После того котел лопнул, и мученица вышла из него невредимою. Народ с удивлением окружил ее, как бы высокую башню, ибо действительно святая стала выше всех ростом.

Видя все это, мучитель недоумевал, что бы ему еще предпринять, так как все мучения его не достигли цели. Считая себя осмеянным и посрамленным девицею, он начал рвать на себе волосы, царапать лицо, рвать на себе одежды и от сильного гнева произносить многие хульные и поносные слова на своих богов, – что, служа им, он не мог победить одну девицу. Затем он осудил святую мученицу Иулианию на усечение мечом.

Диавол же, который был связан святою в темнице, снова явился и, стоя вдали (ибо еще боялся святой мученицы и помнил об ударах, нанесенных ею) видимым образом – в виде человека, – радовался ее осуждению на смерть и торопил воинов поскорее взять и предать ее смерти. Когда святая дева грозным оком взглянула на него, он тотчас затрепетал и воскликнул:

– Ох, горе мне! Хочет меня сия немилостивая дева снова схватить своими руками!

И, воскликнув это вслух всех, диавол исчез.

Воины, взяв мученицу, повели ее на усечение, и шла святая в радости и веселии, как будто на брак, спеша к брачному чертогу. Совершив молитву, она преклонила под меч святую главу свою и была усечена мечом. Так она сочеталась со своим возлюбленным Женихом – Христом Господом, за Которого с радостью пострадала[8618].

Некоторая римлянка, по имени София, бывшая в то время по какому-то своему делу в Никомидии и возвращавшаяся назад – в Рим, – взяла с собой тело мученицы Христовой Иулиании. Принеся его в свой дом, она впоследствии построила благолепную, достойную таковой мученицы, церковь во имя Иулиании и с честью положила в ней святые мощи ее.

Елевсия же вскоре постигла казнь Божия: когда он плыл по морю, поднялась буря, разбила корабль, и все бывшие в корабле потонули. Сам же Елевсий, – на большую для себя беду и мучение, – спасся от потопления и приплыл на некоторой остров, где и был растерзан псами.

Так с позором погиб нечестивый, получив достойное возмездие по делам своим – за убиение невинной и святой

девы Иулиании.

Таковы были мученический подвиг невесты Христовой Иулиании и страдальческая кончина ее.

Обручена она была Елевсию на девятом году от рождения своего, на восемнадцатом же году кровью своею сочеталась с Женихом Бессмертным, положив за Него душу свою и ныне веселится в небесном чертоге со Христом Господом, от всякого создания славимым в бесконечные веки. Аминь.

Кондак, глас 3:

Девства добротами преочищенна девице, и мучения венцы Иулиание ныне венчавшися, даеши сущым в нуждах и недузех исцеление, и спасение приступающым к раце твоей: Божественную бо благодать Христос источает, и жизнь вечную.

Житие святого Петра, митрополита Киевского и всея России

Память 21 декабря

Святой Петр, митрополит Киевский и всея России, родился в земле Волынской[8619], от благочестивых христианских родителей[8620]. Когда он был еще во утробе матери, на рассвете одного воскресного дня мать его видела такое видение: ей представилось, будто она держит на руках своих агнца, посреди рогов которого выросло густолиственное дерево, имеющее множество плодов и цветов, посреди ветвей его было множество свечей – светящих и издающих благоухание.

Проснувшись, мать недоумевала о чудном видении, но впоследствии Господь оправдал видение, обогатив Своими дарами ее сына.

Семи лет от рождения святой Петр был отдан в обучение Божественному Писанию, но сначала он учился плохо, о чем немало печалились родители его. Сие же было ради того, чтобы он более от Бога, нежели от людей получил книжную премудрость. И действительно, святой Петр получил ее таким образом.

Однажды он увидел во сне, что к нему пришел некий муж в святительских одеждах и сказал ему:

– Чадо, отверзи, уста твои!

Когда Петр сделал это, явившийся прикоснулся правою рукою к языку его и, благословив его, исполнил сладости гортань его.

Проснувшись, отрок никого не видел, но только ощутил в сердце своем как бы некую сладость и веселие.

С этого времени святой Петр стал быстро понимать, чему учил его наставник, в скором времени он изучил все Священное Писание и превзошел в учении всех сверстников.

Когда Петру исполнилось двенадцать лет, он ушел в близкий к месту его рождения монастырь, и принят был в число братии; там нес он монастырские послушания, носил в поварню воду и дрова, мыл братии власяницы и ни зимою, ни летом

нисколько не оставлял своего правила. Прежде всех приходил он к церковной службе и уходил последним, в церкви стоял с благоговением, прилежно слушая Божественное Писание, никогда не прислоняясь к стене, – наставнику своему всегда оказывал послушание и с готовностью служил братии в смирении и молчании. По воле настоятеля, он был произведен в диакона, а потом и в пресвитера. Научился он писать и святые иконы[8621] и, когда писал, всем умом и мыслию удалялся от земного и, исполняясь богомыслия, ревностно стремился к добродетельному житию.

После довольно продолжительного пребывания в том монастыре по благословению настоятеля, святой Петр удалился в одно пустынное место и устроил себе обитель при реке Рате[8622]. Здесь построил он церковь во имя Спаса нашего Иисуса Христа, и в короткое время собралось к нему сюда много братии.

Святой был добр и незлобив и считал себя самым последним из всех; поучал всех с кротостью, усердно подавал милостыню, никогда не отпуская без помощи просящего нищего и странника, так что слух о его добродетельном житии дошел до князя. Поэтому всеми он был почитаем, и все принимали от него слово наставления.

В то время прибыл на Русь из Константинополя митрополит Максим[8623], поучая народ богопреданному учению. Явившись к нему с своею братиею для получения благословения, святой Петр поднес ему икону Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, которую сам написал. Святитель же Божий благословил его и братию и, приняв святую икону, берег ее у себя в великой чести.

Спустя немного времени – когда преставился святитель Максим, – некто Геронтий[8624] дерзнул восхитить святительство, взять святительскую одежду, ризницу и пастырский жезл, а также и ту икону, которую написал Петр и поднес святителю Максиму, и отправился в Константинополь, желая сделаться русским митрополитом.

Тогда князь страны Волынской[8625] стал предлагать блаженному Петру, – то сам прося, то склоняя через бояр – идти

в Константинополь для посвящения на престол Киевской митрополии, ибо Геронтию никто не сочувствовал за его дерзость, с каковою он без совета и избрания поспешил восхитить святительский сан: «не дверью входил, но перелазил инуде» (Ин. 10:1).

Блаженный же Петр долго не хотел и отказывался, но, наконец, будучи упрошен князем, боярами и собором святителей, отправился, а князь послал о нем послание к святейшему патриарху и ко всему его собору, высказывая желание видеть Петра на святительском престоле.

Когда Геронтий отправился по морю в Константинополь, плавание для него оказалось неблагоприятным: поднялась сильная буря, противные ветры и волны, так что он на пути замедлил немало времени. Для блаженного же Петра был на том же море тихий и попутный ветер и он, точно во сне, переплыл море.

В это же время Геронтию явилась в видении вышеупомянутая икона Пресвятой Владычицы, которая сказала ему:

– Напрасно ты, старец, трудишься, ибо не достанется тебе святительский сан, которого ты ищешь. Но тот, который написал меня – Ратский игумен Петр – служитель Сына Моего и Бога и Мой, будет возведен на престол святительский и право упасет людей Своих, за которых Сын Мой – Христос Господь – пролил кровь Свою, от Меня воспринятую, и богоугодно пожив, в старости доброй с радостью отойдет к Владыке всех.

Геронтий в страхе проснулся и поведал всем о видении.

Наконец, святой Петр достиг Константинополя, патриархом Константинопольским был тогда Афанасий – муж дивный, украшавший своими добродетелями престол вселенский[8626]. Когда Петр пришел к патриарху, храм наполнился благоуханием; просвещенный свыше патриарх уразумел, что такое благоухание было ради пришествия Петра, и с радостью благословил его. Затем, узнав о причине его прибытия, патриарх созвал собор святителей и они учинили обычное рассмотрение дела. Петр был признан достойным

святительского сана, будучи предуказан к сему прежде своего рождения.

Итак, патриарх, во время совершения Божественной службы, посвятил сего дивного Петра на святительское служение[8627], при этом лицо угодника Божия, во время посвящения, так просияло, что все дивились и говорили:

– Воистину человек сей пришел к нам по повелению Божию, – и все исполнились духовной радости.

Спустя несколько дней, прибыл в Константинополь и Геронтий и (хотя и против воли) рассказал обо всем, что с ним случилось. Патриарх же, взяв у него святительские одежды, честную икону, пастырский жезл и церковную утварь – все отдал в руки истинному пастырю – Петру.

Затем святейший патриарх, достаточно наставив в течение многих дней святого и блаженного Петра и благословив его, с честью отпустил из Константинополя.

Святой Петр, прибыв в свою митрополию, преподал всем мир и благословение и прилежно поучал врученное ему Богом стадо, переходя с одного места на другое[8628].

Но лукавый враг не вытерпел сего и измыслил против святого Петра козни, внушив некоторым не признавать его святителем. Впрочем, из таковых потом многие раскаялись, приняли святителя и, покорившись ему, получили от него прощение.

Спустя некоторое время, лукавый враг возбудил зависть к святому Петру в Андрее, епископе Тверском[8629], который, не обуздывая языка своего, стал распространять о праведнике ложные изветы и, написав много ложных и хульных слов, послал к святейшему патриарху Афанасию. Удивился патриарх и счел это невероятным, однако, послал одного из церковных клириков в землю русскую, и тогда созван был собор в городе Переяславле[8630]. На соборе том присутствовали епископ Ростовский Симеон, преподобный Прохор, игумен Печерский, князья, бояре, священники, иноки и великое множество других. Когда призван был на собор Тверской епископ Андрей, стали расследовать дело, и когда выступили против Петра лжесвидетели, произошло великое смятение. Виновник зла не

утаился, но перед всеми был обнаружен. Злоба и клевета Андрея были обличены, и лживый клеветник перед всеми был посрамлен и уничижен. Святой же Петр не сделал ему никакого зла, но простил и, довольно всех поучив, отпустил с миром собор. Сам же прилагал к трудам труды, умножая во сто данный ему талант и являясь отцом для сирот.

В то время появился некоторый еретик Сеит[8631], который проповедовал противное Церкви Христовой и православной вере учение; святитель Божий предал его отлучению, – и злонравный еретик погиб вскоре злою смертью.

После этого угодник Божий Петр прибыл в славный город Москву, которая в то время находилась во владении благоверного великого князя Иоанна Даниловича[8632], украшенного всякими добродетелями, милостивого к нищим и духовенству, любившего храмы и прилежавшего к священным книгам. Святитель очень полюбил его и начал жить в том городе больше, чем в иных местах[8633]. Советовал он благоверному князю построить в Москве каменную церковь во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, так убеждая его:

– Если ты послушаешь меня, сын мой, и создашь храм Пресвятой Богородице, то и сам прославишься больше князей других и город твой будет прославлен: святители поживут в нем и взыдут руки его на врагов его и Бог в нем прославится, и кости мои здесь положены будут.

Послушав совета святителя, князь начал заботиться о построении церкви[8634]. Когда церковь была заложена, ежедневно происходили работы по ее постройке, и сам святитель наблюдал, чтобы дело непрерывно подвигалось вперед.

Незадолго до блаженной кончины святителя Петра князь Иоанн Даниилович видел следующий сон. Ему представилась высокая гора, вершина коей была покрыта снегом, и вот внезапно снег растаял и исчез. Когда князь пересказал святителю поразивший его сон, святой сказал:

– Высокая гора – ты князь, а снег – я смиренный, который скоро должен отойти из сей жизни в жизнь вечную.

Провидев, по Божественному откровению, свою близкую кончину, святитель Божий сам своими руками устроил себе гробницу близ жертвенника в созидаемом храме Пресв. Богородицы. И когда гробница была готова, снова было ему от Бога откровение о кончине. Исполнившись радости, святитель пошел в церковь и совершил Божественную службу, помолившись за всех православных царей и князей, за своего духовного сына – благочестивого князя Иоанна – и за всех благочестивых христиан земли русской; затем он сотворил поминовение о почивших и причастился Святых Тайн. Возвратившись из церкви, он призвал весь причт и, преподав по обычаю наставление, отпустил их. В то время он раздавал много милостыни нищим и убогим, церквам, монастырям и духовенству. Между тем он быстро ослабевал телом. Когда настал день кончины его, святой призвал к себе тысяцкого Вельяминова, управлявшего тогда городом (так как самого князя в то время в городе не было), и сказал ему:

– Вот, чадо, я отхожу от жития сего, сыну же моему возлюбленному, князю Иоанну и его потомству на век оставляю милость и мир, и благословение Божие.

Затем, сделав и другие распоряжения, св. Петр вручил ему мешок с деньгами для того, чтобы докончить постройку церкви. Преподав всем мир, он начал петь вечерню, и когда молитва была еще на устах его и сам он воздел руки к Богу, душа его отошла ко Господу[8635].

Князь, услышав о преставлении святителя, в печали поспешил со всеми боярами в город, весь народ плакал и скорбел о его преставлении. Положив на одре честное тело его, понесли его по обычаю к церкви[8636].

В то время некоторый человек, одержимый неверием, подошел среди православного народа к телу святителя и в мыслях своих стал творить ему поношение, думая:

– Кто этот мертвец, которого провожают сам князь и столько народу и почему воздается ему такая почесть?

Когда он подумал это, тотчас увидал святителя сидящим на одре и благословляющим на обе стороны народ во все время, пока не был принесен к гробнице. Тогда уверовал человек тот в

святость угодника Божия и рассказал народу о виденном. Принеся святые мощи Петра во храм, положили их в приготовленной самим им каменной гробнице, где и доныне они почивают, источая различные чудеса с верою притекающим к ним. Некоторый юноша от рождения имел расслабленные и совершенно неподвижные руки, так что не мог их поднести к устам. Он пришел к гробнице сего святителя, молясь со слезами, и тотчас руки его укрепились и стали здоровы. Также одного скорченного святой исцелил, и даровал слух глухому. А одному, бывшему много лет слепым, когда он пришел и помолился, внезапно отверз очи. Много и иных благодеяний и доныне чудодейственно источается с верою приходящим к честной раке святителя Петра – в честь и славу в Троице славимому Богу вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Яже прежде безплодная земле, ныне веселися: се бо Христос светильника в тебе показа, яве сияюща в мире, и исцелевающа недуги и болезни наша. его ради ликуй и веселися со дерзновением: святитель бо есть Вышняго сия соделоваяй.

Другой тропарь, глас 8:

Ликуй светло благославнейший граде Москва, имеяй в себе архиерея Петра яко зарю солнца, всю Россию чудодеянии озаряюща: той бо немощи врачует, и недуги яко тьму прогонит от вопиющих ему: радуйся иерарше Бога Вышняго, тобоя сия пастве твоей соделовающаго.

Кондак, глас 8:

Взбранному и дивному нашея земли чудотворцу, днесь любовию к тебе притекаем, песнь богоносе плетуще: яко имея дерзновение ко Господу, многообразных избави нас обстояний, да зовем ти: радуйся утверждение граду нашему.

Память святого Мученика Фемистоклея

Память 21 декабря

Святой Фемистоклей жил в царствование Декия и был пастухом овец в городе Мирах Ликийских[8637]. В то время местный областной правитель Асклипий, по повелению царя, воздвиг гонения на христиан и между прочим искал святого Диоскорида[8638], который, скрываясь, бежал в горы. Посланные на поиски за Диоскоридом встретили Фемистоклея, пасшего овец и спросили его о Диоскориде, но он не открыл им скрывавшегося, сказав:

– Здесь нет никого!

А самого себя предал, назвавшись христианином и перед ними исповедав Христа, Фемистоклей приведен был к Асклипию правителю области. Князь велел бить его, – и был бит святой по чреву до того, что оно прорвалось, потом повесили его на дереве. После того, сняв с дерева, мученика влачили по железу с острыми спицами, так что все тело его было изранено и изрезано. Так предал он дух свой Богу[8639].

Страдание святой великомученицы Анастасии Узорешительницы, Хрисогона, учителя ее, Феодотии и других с нею пострадавших

Память 22 декабря

Святая Анастасия родилась в знаменитом городе Риме. Она отличалась своим благородством, душевною и телесною красотою, благим нравом и кротостью. Отец ее, по имени Претекстат, был сенатором и исповедовал еллинскую языческую веру. А мать ее, именем Фавста, веровала во Христа. В девическом возрасте Анастасия была поручена своею матерью для обучения одному достойному мужу, известному своею ученостью, а еще более своим благочестием. Его звали Хрисогоном. Он был христианином, хорошо знал Божественное учение Христа и впоследствии стал мучеником. От этого святого мужа Анастасия научилась не одной только грамоте; она научилась также познавать Того, Кто есть начало всему видимому и невидимому, цель всех сердечных благочестивых желаний, Единый истинный Бог, Создатель и Совершитель всего. И стала она прилежно читать христианские книги, поучаясь в законе Господнем день и ночь, и утверждая свое сердце в любви к Богу.

Когда Анастасия закончила свое учение у Хрисогона, ее единогласно стали прославлять, как мудрую и прекрасную деву.

Между тем отошла от этой жизни блаженная мать Анастасии, Фавста. Отец же святой против ее желания выдал ее за некоего Помплия, происходившего также из сенаторского рода и исповедавшего еллинскую веру, и была Анастасия отведена в дом к жениху, верная к неверному, агница Христова к волку. Но Бог, к Которому возносились ее рыдания, перед Которым она молилась день и ночь, сохранил ее. Святая не лишилась своего девства, и нечистый муж не осквернил ее чистого тела. Анастасия притворилась, что у нее постоянная и неисцелимая женская болезнь, и говорила, что не может быть

женою своему мужу. Иногда, муж насильно, борьбой, хотел добиться от нее удовлетворения своей похоти, но Анастасия, с невидимою помощью Ангела-Хранителя, вырывалась из его рук, – и так осталась она непорочною девою.

Часто, сняв свои роскошные одежды и драгоценные украшения и надев тайно нищенское рубище, Анастасия выходила из дому, неведомо для всех, кроме одной рабыни, которая неотлучно сопровождала ее. С этой рабыней Анастасия обходила все темницы, золотом покупая себе у стражи вход в них, посещала страждущих ради Христа, служила им с благоговением и усердием, сколько могла. Она умывала руки и ноги заключенных, очищала их спутанные волосы, полные сора, отирала кровь их, обвязывала их раны чистым полотном, подавала каждому пищу и питье. Потом, достаточно послужив им, она возвращалась домой.

В этих занятиях часто приходилось ей выходить из дому, и не скрылось это от ее мужа. Он узнал, что Анастасия посещает узников, и еще больше разгневался на нее, тем более что и прежде он был раздражен на святую за ее отказ вести с ним супружескую жизнь, и много ей за то досаждал. А о делах Анастасии он узнал от сопровождавшей ее рабыни, эта вероломная женщина рассказала ему все.

Жестоко избив Анастасию, беззаконный муж ее заключил святую в отдельную комнату, приставив к ней стражу, так что она не могла выйти из комнаты. И скорбела духом святая об узниках за Христа, что не посещает их, не служит им, не снабжает их всем нужным. Особенно же болело сердце Анастасии по учителю ее святом Хрисогоне, что не видит она его.

Уже два года святой Хрисогон претерпевал много различных мук, пребывая в темнице. Находясь на свободе, Анастасия часто приходила к нему. Теперь же, пребывая в заключении и под бдительным надзором, она не могла навещать своего учителя.

Особенно стал притеснять Анастасию ее муж, когда умер отец сей благочестивой жены, Претекстат, все значительное имение Претекстата перешло по наследству к Анастасии, как к

единственной дочери, ибо у него не было больше ни детей, ни родственников. И тогда Помплий, воспользовавшись смертью своего тестя, из ненависти к Анастасии за ее несогласие к его плотским желаниям, замыслил уморить ее, чтобы наследовать все ее имение и жить с другой женою на чужие деньги. Обращаясь со святою, как с пленницею и рабою, он ежедневно истязал и мучил ее. Это известно из письма ее, тайно написанного ею Хрисогону и посланного через одну старицу. Вот это письмо: «Святому исповеднику Христову Хрисогону от Анастасии. Мой отец был идолопоклонник; но мать моя Фавста жила всегда чистою и благочестивою христианскою жизнью. И она сделала меня христианкою с самых младенческих пелен. После ее кончины, я приняла на себя тяжкое иго супружества с язычником. Но, по милосердию ко мне Бога, я успешно уклонялась от ложа его, притворяясь больною, и теперь во дни и в ночи объемлю стопы Господа моего Иисуса Христа. Муж же мой с недостойными и сквернымиидолопоклонниками растрачивает мое наследие, похваляясь богатством моим, как бы своим, а меня, как волшебницу и противницу его языческой веры, он томит в столь тяжком заключении, что мне ничего не остается, как только, предав дух Господу, упасть мертвою. Конечно, я должна радоваться, что, пострадав за Господа, умру исповедуя Его, но я глубоко скорблю о том, что вижу, как все мои богатства, обещанные Богу, расточаются руками людей нечестивых и богопротивных. Поэтому прошу тебя, человек Божий, помолись прилежно Владыке Христу, чтобы Он мужа моего или оставил живым, если ведает, что тот когда-нибудь уверует, или, если он будет все продолжать пребывать в неверии, то да повелит ему выйти из среды живых и дать место тем, кто чтит Бога. Лучше ему умереть, чем не исповедовать Сына Божия и препятствовать тем, кто исповедует Его. Призываю Христа во свидетели, что если я буду свободна, то проведу жизнь мою в служении святым и буду прилежно о них заботиться, как я уже и начала делать… Спасайся, муж Божий, и помилуй меня». На это письмо к святой Анастасии пришел такой ответ: «Хрисогон – Анастасии. К тебе, смущаемой бурею и волнениями мира сего, скоро придет Христос, ходящий по

водам, и единым словом Своим утишит вздымающиеся на тебя ветры наветов вражьих. Находясь посреди возмущенного моря, терпеливо ожидай Христа, Который придет к тебе, и неустанно взывай словами пророка: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс 41:6). Ожидай от Бога двойного воздаяния. Ибо тебе будет возвращено временное наследство и даровано будет небесное: Господь затем по временам попускает злое и замедляет свои благодеяния, чтобы мы не воздремали в безопасности. Не смущайся, когда видишь, что беды постигают людей, живущих в благочестии. Господь не отвергает тебя, но испытывает. Знай и то, что не прочна защита, подаваемая рукою человеческой, по слову Писания: «проклят человек, который надеется на человека, и благословен человек, который надеется на Господа» (Иер. 17:5,7). Крепко и бодро охраняй себя от всех грехов и ищи утешения от Единого Бога, соблюдая святые заповеди Его. Скоро вернется к тебе мирное время. Как после ночной тьмы воссияет светозарный день и как после жестокой зимы наступает теплая весна, так придут к тебе золотые и ясные дни, и тогда ты подашь всем страждущим ради имени Христова временное утешение, а сама несомненно сподобишься вечного блаженства... Спасайся о Господе и молись обо мне».

Вскоре Анастасии суждено было испытать от безжалостного нечестивого мужа своего новые смертельные обиды, и она опять написала святому Хрисогону письмо. Вот что было написано в нем: «Исповеднику Христову Хрисогону от Анастасии. Помяни меня и помолись за меня, чтобы Господь, по любви к Коему я терплю муки, о которых расскажет тебе посланная к тебе старица, принял мою душу».

Святой отвечал ей: «Хрисогон – Анастасии. Свету всегда предшествует тьма, и после болезней часто возвращается здоровье, и после смерти обещана нам жизнь. Один и тот же конец для всякого, как для счастливца, так и для страдальца, чтобы скорбящими не овладевало отчаяние, и чтобы в радости люди не предавались самомнению. Одно море, на котором пускаются в путь челны жизней наших, и с единым Кормчим

души наши совершают свое плавание. Корабли одних более крепки и без вреда проходят через волнения, а у других – утлые челны, которые и в затишье близки к потоплению. Близко время гибели тех, которые не думают прийти к спасительному пристанищу. А ты, непорочная служительница Христова, прилепись всею мыслию ко Кресту Христову и приготовь себя к делу Господню, и когда ты послужишь Христу по собственному твоему желанию, то от мучений с торжеством перейдешь в блаженную жизнь ко Христу».

Этим письмом святой Хрисогон пророчествовал о скорой гибели жестокого мужа ее Помплия. И действительно, последний вскоре был отправлен в Персию послом к персидскому царю. Отправляясь в путь, он должен был плыть по морю. Корабль, на котором он плыл, во время внезапной бури пошел ко дну и утонул. Так погиб этот окаянный человек. Святая же Анастасия, сохранив свое девство, как птица избавилась от сети ловца. Вместе со свободой своей она получила и все наследство, оставшееся ей от родителей. И начала она, уже без помехи от кого бы то ни было, обходить заключенных в темницах. Она служила святым страстотерпцам Христовым не одним только имением своим. Наряду с этим она утешала их, своими благоразумными речами возбуждала их к мужественному терпению и к безбоязненной смерти за Христа.

В то время царь Диоклетиан находился в Аквилее[8640] и направлял все свои заботы на то, чтобы ни одному христианину не удалось тайно уйти из его рук. Ему донесли из Рима, что темницы наполнены великим множеством христиан, что они, несмотря на разнообразные мучения, не отрицаются от своего Христа, и что во всем этом их подкрепляет христианский учитель Хрисогон, которому они покорны, во всем следуя его наставлениям. Царь приказал предать всех христиан мукам и смерти, а Хрисогона послать к нему. Он размышлял, что если одолеет его упорство, то легко осилит и прочих христиан.

Когда Хрисогона вели к царю на испытание, издалека следовала за своим учителем и Анастасия.

Увидев святого мужа, царь начал сперва беседовать с ним, с кротостью увещевая его отречься от Христа.

– Прими, Хрисогон, мой добрый совет, – говорил беззаконный властитель, – присоединись к нашей вере, сделай угодное богам и выбери себе приятное вместо скорбного, полезное вместо неполезного. Знай, что не только ты избавишься от мук и получишь столь желанную свободу, но сверх того сделаешься начальником великого города Рима.

Святой отвечал на это:

– Я познал Единого Бога, и Он для меня дороже всякого света и вожделеннее всякой свободы. Он мне дороже всей жизни, полезнее всех сокровищ. В Него одного верую я сердцем, исповедую Его устами, чту Его душою и перед очами всех преклоняю Ему мои колена. Чтить же многих твоих богов, в которых живут бесы, я не буду; я мыслю о них так же, как и Сократ[8641], который говорит о них: «Нужно всячески удаляться от них, потому что они соблазняют людей и суть известные душегубцы». Дары же и честь, которые ты мне предлагаешь, я ценю не больше, чем сон и мрак.

Не мог больше слышать царь таких свободных речей Хрисогона, и повелел воинам взять его и, заведя в пустынное место, отрубить ему голову. Тело святого было брошено на берегу моря[8642], недалеко от жилищ одного пресвитера Зоила, мужа святой жизни, и трех девиц – сестер телом и духом, Агапии, Хионии и Ирины. Этот пресвитер по откровению от Бога узнал о теле святого Хрисогона, взял его вместе с усеченною головою, и, вложив в ковчег, скрыл у себя дома[8643]. По истечении же тридцати дней явился ему в видении святой Хрисогон и сказал:

– Знай, что в течение предстоящих девяти дней три живущие близ тебя девицы Христовы будут взяты на мучения. Ты же скажи рабе Господней Анастасии, чтобы она заботилась о них, возбуждая их к подвигу мужества, пока они не увенчаются мученическими венцами. Будь и ты в благом уповании, что воспримешь сладкие плоды твоих трудов. Вскоре и ты освободишься от здешней жизни и будешь отведен ко Христу с пострадавшими за Него.

Такое же откровение было и святой Анастасии. И вот, вдохновляемая Духом Божиим, она пришла к дому пресвитера,

которого никогда не знала, и спрашивала у него:

– Где те девицы, о мученической кончине которых ему было открыто в видении.

Потом, узнав место их обитания, она пошла к ним и провела с ними ночь, беседуя с ними о любви к Богу и о спасении души. И своею речью увещевала их мужественно, до крови, стоять за Христа, Жениха их. У пресвитера же Зоила она увидела мощи святого мученика Христова Хрисогона, своего дорогого учителя, и много плакала над ними теплыми слезами, поручая себя его молитвам. Затем она возвратилась в Аквилею.

Вскоре после того предсказание святого Хрисогона пресвитеру Зоилу исполнилось. Этот пресвитер, по истечении девяти дней, перешел к Господу, а святые девы Агапия, Хиония и Ирина были взяты и приведены на допрос к царю Диоклетиану. Долго увещевал он их принести жертву идолам, прибегая то к ласкам, то к угрозам, но не успел в том и, наконец, заключил их в темницу.

Святая же Анастасия, посещая по обычаю своему заключенных, пришла к тем святым девам и утешала их, возбуждая в них упование на неотступную помощь Христову и надежду на славную победу над врагами Господа.

Между тем царю надо было, по государственным делам, отправиться в Македонию[8644], поэтому святые девы были поручены мучителю Дулькицию, который их пытал и мучил, а затем передал их на истязание одному комиту, Сисинию[8645]. Последний бросил святых Агапию и Хионию в огонь. Здесь они и предали дух свой Богу, оставив тела свои в огне целыми и неповрежденными. А святую Ирину один из воинов Сисиния ранил стрелою из тугого лука, после чего святая скончалась. Чистые тела их взяла святая Анастасия, обвила белыми плащаницами с ароматами и благоговейно положила на избранном месте, ублажая их страдания.

Потом Анастасия стала переходить из города в город и из страны в страну, святая везде служила христианам, содержимым в узах, доставляла на свои средства узникам пищу и питье, одежду и все необходимое и оказывала больным врачебную помощь. Она была отрадою для всех тяжко

испытуемых и изнемогающих телом людей, и золотом покупала им облегчение от долговременных тяжких уз. Вот поэтому Анастасия и была названа Узорешительницей, так как своим тайным попечением она многим разрешила узы. Одним она принесла облегчение, других, врачуя собственными руками, она вылечила от неисцелимых ран, иных, бывших полумертвыми, оживила своим уходом, дав им здоровье и силы на ожидавшие их новые мучения.

Желая помогать больным и несчастным, она выучилась врачебному искусству и сама лечила раненых. Не гнушалась она на руках своих носить тех, которые не могли владеть ни руками своими, ни ногами, перебитыми или изъязвленными за Христа, – и сама влагала им в уста пищу, поила их, обчищала их гной, обвязывала струпья. И в том только было ее веселье и радость, чтобы послужить Самому Христу в лице тех, кто страждет за исповедание сладчайшего имени Христова. Об этом заботилась она всеми силами, к этому стремилась всеми способами и, трудясь в этом деле всею душой, она побеждала природную немощь свою, отличаясь великодушием и мужественностью, любовью к Богу и ближним и заботами о святых страдальцах, которые всегда близки к Богу и о которых она говорила вместе с Давидом: «Как возвышены для меня помышления твои, Боже» (Пс. 138:17).

Будучи в Македонии и занимаясь там обычным своим делом, святая Узорешительница Анастасия познакомилась с одною очень молодою вдовою Феодотиею, которая была родом из страны Вифинской, из города Никеи[8646]. По смерти мужа она осталась с тремя младенцами-сыновьями и жила в Македонии, проводя дни своего вдовства в усердном исповедании христианства и в благочестивых подвигах. Блаженная Анастасия часто жила у той вдовы, любила ее, как верную рабу Христову, и утешалась сладкою беседой с нею о сладчайшей любви к Богу, из-за которой столько святых положили свои души. С течением времени о Феодотии узнали, что она христианка, и честная вдова была схвачена и приведена к царю на допрос.

Когда она стояла на этом нечестивом судилище, один из окружавших царя, именем Левкадий, прельстился ее красотой, так как она была красива и благолепна. Он просил царя не убивать Феодотию, но дать ее ему, чтобы он мог на ней жениться. Царь согласился, надеясь, что муж скорее обратит ее в идолопоклонство.

Левкадий взял Феодотию с детьми к себе в дом, и чего только ни делал и ни говорил, упрашивая ее, увещевая, лаская и грозя, чтобы она отверглась Христа и стала его женою. Феодотия отвечала ему:

– Если ты хлопочешь, чтобы я была твоей женой из-за того, что желаешь моих богатств и имений, – то я добровольно отдаю тебе все, оставь же меня работать Христу, чтобы мне вместо всех богатств наследовать одного Христа. Если же ты желаешь меня из-за влечения к красоте моей и думаешь отвратить меня от моего Христа, то знай, что ты стремишься к невозможному. Ибо легче ты обратишь красоту мою в безобразие и жизнь в смерть, чем отторгнешь от Христа мой ум и вынудишь у меня согласие на брак с тобою.

В то время Левкадию нужно было сопровождать царя, который куда-то отправлялся. И он уехал, оставив Феодотию в своем доме, и долго не возвращался. Феодотия же, несколько облегченная, служила, вместе со святою Анастасиею узникам, исцеляла больных, погребала мертвых, укрепляла живых к большим подвигам. И вот Диоклетиану снова доносят, что темницы по городам наполнены христианами, и что негде помещать других узников. Тогда нечестивый мучитель велел умертвить всех заключенных различными казнями, чтобы темницы, освободившись, могли вместить других христиан. Была назначена для того одна ночь, во время которой великое множество мучеников было призвано к немерцающему Дню – Христу Господу. Одни скончались от меча, других потопила вода, некоторых сожгли огненные печи, а других живыми приняли недра земли: глубокие рвы и ямы были наполнены людьми и засыпаны землею и камнями.

Наутро христолюбивая и блаженная Анастасия, по обычаю своему, пришла в одну из темниц и, не найдя никого из честных

страдальцев, наполнила воздух жалостными криками и рыданиями. Когда случившиеся там воины спросили ее, зачем она так рыдает, она отвечала:

– Ищу рабов Бога моего, которые вчера были в этой темнице, а теперь – не знаю, где находятся.

Воины, видя, что она христианка, тотчас взяли ее и отвели к начальнику Иллирийской области Флору[8647]. Когда святую привели к игемону, тот спросил ее:

– Ты христианка?

Святая Анастасия отвечала:

– Воистину я христианка. Что тебе кажется мерзостным, то мне дорого. А имя христианки, которое у вас считается позором, для меня честно и славно.

Тогда игемон стал расспрашивать Анастасию об ее происхождении и, узнав, что она из известного римского рода, с удивлением спросил:

– Что побудило тебя к тому, что ты, оставив Рим, славное отечество твое, пришла сюда?

Святая отвечала ему:

– Не что иное, как только глас Господа моего, призывавшего меня к Себе. Внимая этому гласу, я оставила отечество и друзей, взяла Крест Христа моего и бодро и радостно пошла вслед за Христом.

Игемон сказал на это:

– Где тот Христос, Которого ты исповедуешь? Анастасия отвечала:

– Нет места, в котором бы не было Христа. Он – на небе, в море, и на земле, Он пребывает во всех призывающих и боящихся Его, просвещая их разум и всегда находясь с ними.

Игемон спросил:

– Где же находятся люди, боящиеся твоего Христа, о которых ты говоришь? Скажи нам, чтобы мы узнали их.

Святая отвечала:

– Доселе они были с нами на земле, живя в теле, теперь же, оставив дольний мир, они на небе и с высоты смотрят на нас. Это блаженство доставила им смерть, принятая за Христа. И я желаю быть в их числе и пойти тем же путем, что и они.

Игемон ничего не мог сделать со знатною римлянкою, прежде чем о ней не узнает царь, и потому он, описав все касающееся Анастасии, отправил это в особом донесении Диоклетиану. Диоклетиан знавал родителей Анастасии и мужа ее, равно как и ее самое. Поняв, что она тратит на бедных христиан свое имение, полученное ею от родителей, он приказал привести святую к себе и, увидев ее, стал расспрашивать об ее состоянии, так как больше любил богатство, чем своих богов.

– Где твои богатства, оставшиеся тебе после отца? Святая мужественно отвечала:

– Если б у меня оставалось еще что-нибудь из сокровищ и имений, которыми бы я могла еще послужить рабам моего Христа, то я не предала бы себя в руки людей, ищущих христианской крови. Но теперь я уже истощила все имущество свое, которое принесла в жертву Христу, и у меня осталось одно лишь мое тело, поэтому я стремлюсь и его принести в дар моему Богу.

Видя, как святая свободно говорит, и провидя ее мужество, царь потерял надежду одолеть ее словами и получить что-нибудь из богатств ее, об истощении которых он только что слышал. Он боялся вступать с нею в дальнейшую беседу, чтоб она не пристыдила его своими премудрыми словами, и велел отвести ее к областеначальнику, сказав при этом:

– Не подобает царскому величеству беседовать с безумной женщиной.

Областеначальник ласково спросил святую Анастасию:

– Зачем не хочешь ты принести богам жертвы, как приносил их твой отец, зачем оставила их и почитаешь Христа? Ведь ты не знаешь Его: Он родился среди иудеев и ими же убит как злодей.

Анастасия отвечала:

– И у меня в доме были боги и богини, золотые, серебряные и медные. Я видела, как они праздно стояли, служа только седалищем для птиц, жилищем для пауков и мух. Поэтому я бросила богов и богинь в огонь, освобождая их от бесчестия, которые им наносили птицы, пауки и мухи. И из огня они вышли

у меня монетами золотыми, серебряными и медными. На те деньги я напитала многих голодных, одела нагих, помогла немощным, удовлетворила нуждающихся. И так из тех богов, которые стояли без дела и без пользы, я извлекла пользу для многих.

Услышав такие слова областеначальник с яростью воскликнул:

– Я и слышать не хочу о твоем безбожном поступке. Тогда святая с усмешкой ответила:

– Удивляюсь твоему разуму, судья. Как ты можешь называть мой поступок – безбожным поступком. Если б в тех бездушных идолах было хоть одно чувство или одна какая-нибудь сила, то что помешало бы им освободиться из рук разрушителей их, или отомстить разрушителям, или, наконец, кричать и просить помощи от вас? А они даже не знают сами о себе, не знают, что с ними делается.

Прерывая речь святой, судья сказал:

– Божественный царь наш повелел тебе – отложив все лишние разговоры, сделать одно из двух: или согласиться на жертвоприношение богам или погибнуть злою смертью.

Святая отвечала на это, что умереть за Христа не значит погибнуть, но – войти в жизнь вечную.

Увидев, после долгого разговора, что святая непреклонна, областеначальник доложил об этом царю. Диоклетиан в великом гневе стал раздумывать, что бы сделать со святою Анастасиею. Кто-то из приближенных посоветовал царю передать ее Ульпиану, жрецу Капитолийскому[8648], чтобы он уговорил ее отречься от Христа или принудил муками, или, если она не покорится, казнил бы ее смертью, и если после нее останется какое имущество, взял бы его в Капитолий. Этот совет понравился царю, и он передал святую Анастасию Ульпиану, верховному жрецу всех богов.

Ульпиан с честью привел ее к себе в дом, рассчитывая уловить ее скорее лестью, чем угрозами. После долгих ласковых уговоров он предложил ей на выбор противоположные предметы, заключавшие в себе все великолепие мира и всевозможные орудия мучений, разместив все это друг против

друга: с одной стороны драгоценные камни, а с другой обоюдоострые ножи; здесь – золотые ложа, украшенные драгоценной хрустальной отделкой, а там – железные раскаленные одры, наполненные горящими углями; здесь – монисты[8649], серьги, разные золотые и жемчужные уборы, а там оковы, вериги и железные узы. Здесь – светлые зеркала и всевозможные женские наряды, а там – железные гребни и рогатины, назначенные для того, чтобы рвать тело. С одной стороны – драгоценные одеяния, с другой – осколки и деревянные опилки, которыми мучители обыкновенно растравляли раны, нанесенные мученикам.

К чему поступил так этот коварный и лукавый человек? К чему положил он против предметов роскоши – предметы истязаний и мук, против радующих – наводящие уныние и против ласкающих – предметы ужасные? Для того, чтобы одними прельстить или другими устрашить невесту Христову. Но она ни на что не обращала внимания: не желала она ничего, что тешит, не боялась и не хотела бежать от предметов, наводящих скорбь и уныние, и с большею охотою смотрела на орудия мучительства, чем на женские уборы. Таким образом, с окаянным случилось то, что говорит пророк: «солга неправда себе» (Пс. 36:12), – и коварный жрец, не предчувствуя, устроил все на свое посрамление и стыд; ибо Анастасия показала тогда еще большее мужество и любовь ко Христу, так что обнаружилась вся суетность коварного умысла языческого жреца и тщетность его лукавства. Когда он сказал святой:

– Выбери себе с обеих сторон то, что хочешь.

Она, посмотрев на разложенные перед нею предметы роскоши и драгоценности, сказала:

– Все это, диавол, твое и работающих на тебя, с которыми ты и будешь при этом в вечной погибели.

Посмотрев же на вериги и орудия мук, святая Анастасия произнесла:

– Окруженная этими предметами, я стану прекраснее и угоднее вожделенному жениху моему – Христу. Это я выбираю, а то отвергаю, это люблю ради возлюбленного Господа моего, а то ненавижу.

Тогда жрец, щадя ее и не теряя надежды, что она изменит свое желание, дал ей три дня на размышление. Но мученица, опечалившись, сказала:

– Зачем отлагать? Отчего ты не хочешь мучить меня теперь же? Ничего другого ты от меня не услышишь, как только то, что я говорю теперь: я не принесу жертвы твоим богам, не исполню воли твоей и твоего царя; а принесу жертву хвалы Царю веков, Единому бессмертному Богу моему, за Которого я полагаю мою душу. Мучения же, которыми ты грозишь, презираю, так как ничего не желаю приобрести, как только одного Христа, в Котором – жизнь вечная.

Жрец спросил ее:

– Неужели и ты избираешь себе смерть, подобную Христовой?

Мученица, услышав о смерти Христовой, исполнилась радости и сказала:

– Аминь, аминь! Да будет так со мною, Христос, Царь мой!

Жрец спросил:

– Что значит это слово – «аминь»?

Святая отвечала:

– Ты не достоин ни понимать, ни произносить это слово[8650]. Никто из разумных людей не вливает драгоценное миро в гнилой сосуд.

Тогда Ульпиан приказал отвести святую Анастасию на три дня к знакомым ей женщинам, бывшим когда-то ее соседками и подругами, чтобы они уговорили ее вернуться к отеческим богам. Чего только ни делали те лукавые и нечестивые женщины! Каких советов, каких ласковых и приятных для женщин слов не нашептывали они Анастасии, напоминая ей о красоте и сладости мира! Но святая была как глухая, которая не слышит, и как немая, не отверзающая уст своих. В те три дня она не приняла ни пищи, ни пития в уста свои, но непрестанно в сердце своем взывала к Жениху своему Христу. Через три дня верховный жрец Ульпиан, видя, что святая Анастасия была тверда в исповедании веры, как столп непоколебимый и гора неподвижная, осудил ее на муки. Но сперва этот окаянный человек, уязвленный ее красотою, желал осквернить чистую

голубицу Христову своею нечистотою. Однако, когда сей нечестивец хотел прикоснуться к ней, он вдруг ослеп, страшная боль сжала ему голову, и, как безумный, он вопил и взывал к своим богам, прося помощи. Он приказал нести себя в идольский храм, надеясь получить помощь от тех, кому служил, но, вместо помощи, получил большой вред, и вместо жизни – смерть, ибо он изверг свою злобную душу и переселился к своим богам – в ад. Слух об этом чуде распространился среди многих, а святая мученица Анастасия осталась свободною. Выйдя оттуда, она отправилась к вышеупомянутой духовной сестре своей Феодотии, все еще пребывавшей в доме градоначальника Левкадия, и рассказала ей подробно обо всем, что она претерпела, и о том чуде, которое через нее совершил Бог, показав над ней милость Свою. Вскоре после того возвратился и Левкадий из Вифинии. Он опять принялся за старое и по-прежнему старался то ласками, то угрозами склонить Феодотью к двум беззакониям – поклониться его нечестивым богам и вступить с ним в постыдный и ненавистный для нее брак. Наконец, истощив все свои усилия и видя, что ни в чем успеть не может по причине пребывания здесь Анастасии, жестокий воспылал еще большим гневом: он сковал и предал Анастасию суду, а Феодотью с ее детьми послал связанной в Вифинию к анфипату Никитою[8651], рассказав ему в письме все касающееся Феодотии.

Когда блаженная Феодотия была приведена к этому проконсулу, то последний, при допросе, стал грозить ей муками. На это старший сын Феодотии, по имени Евод, небольшой мальчик, сказал проконсулу:

– Мы, судья, не боимся мук, которые дают телу нетление, а душе бессмертие. Боимся же мы Бога, Который может и душу и тело погубить в геенне огненной.

Судья, услышав такие речи, приказал тут же, при матери, бить отрока розгами до крови. Мать, смотря на это, радовалась и укрепляла своего сына Божественными словами, убеждая его мужественно претерпевать всякое страдание. После этого истязания Феодотью отдали одному бесстыдному человеку, по имени Гиртак, чтобы тот осквернил ее. Но едва тот, приблизясь

к целомудренной рабе Божией, хотел прикоснуться к ней, как увидел стоящего возле нее светлого юношу, который, грозно на него посмотрев, ударил его в лицо так сильно, что он был окровавлен. Это чудо ясно видел и анфипат, но вместо того, чтобы познать Бога, хранящего чистоту целомудренных, он обезумел еще больше, приписывая это чарам волхвования. Он велел разжечь как можно жарче печь и бросить в нее мать с тремя детьми. И святая Феодотия с благословенными плодами чрева своего сделалась жертвою благоприятною Богу: она скончалась в огне[8652].

В это время святая Анастасия содержалась в оковах у иллирийского игемона.

Этот человек был корыстолюбив, и услышав, что Анастасия владеет большим богатством, велел тайно привести ее к себе и сказал ей:

– Я знаю, что ты богата и имеешь много денег и имений. При этом ты держишься веры христианской, чего и сама не скрываешь. Исполни же заповедь своего Христа. Который повелевает вам презирать все богатства и быть нищими. Уступи мне богатство твое и сделай меня наследником твоего имения. Сделав так, ты получишь двойную выгоду: исполнишь заповедь Христа и, освободившись из наших рук, будешь безбоязненно и невозбранно служить своему Богу.

Премудрая Анастасия благоразумно ответила на это:

– В Евангелии есть слово Господа моего: «продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19:21). Кто будет настолько безумен, чтобы дать тебе, богатому человеку, то, что принадлежит нищим? Кто будет настолько не рассудителен, чтобы дать тебе, утопающему в роскоши и живущему в сладостях и в самоуслаждении, пищу нищих? Если я увижу тебя алчущим и жаждущим, нагим и больным и брошенным в темницу, тогда я сделаю для тебя, как надобно, все повеленное нам Христом: напитаю тебя, напою, одену, посещу, послужу, помогу, подавая тебе все нужное (Мф. 26:34–45).

Разгневался игемон на эти слова и в ярости повелел заключить святую в мрачную темницу и морить ее тридцать

дней голодом. Но она питалась надеждою своею – Христом Господом: Он был ей сладкою пищею и утешением в скорби. Всякую ночь являлась ей святая мученица Феодотия, наполняла радостью ее сердце и укрепляла ее. Анастасия о многом говорила с блаженною, о многом расспрашивала ее. Между прочим, она спросила ее:

– Как ты приходишь ко мне по смерти?

Феодотия объяснила ей, что душам мучеников дарована от Бога особая благодать, чтобы и по своем отшествии от земли, они могли приходить, к кому пожелают, беседовать с ними и утешать их.

По истечении тридцати дней, игемон, видя, что Анастасия не изнемогла от голода, и остается здоровой и светлой лицом, разъярился против стражей, думая, что они доставляли ей пищу. Наконец, он приказал посадить ее в более крепкую темницу, запечатал вход в нее своею печатью и, приставив самую верную стражу, морил святую Анастасию голодом и жаждою еще тридцать дней. И святая мученица за это время день и ночь питалась одними только слезами и усердно молилась Богу. По истечении этих тридцати дней, игемон вывел Анастасию из темницы и, увидев, что она опять не изменилась лицом, осудил ее на смерть вместе с другими приговоренными к казни за различные злодеяния. Всех их определено было потопить в море.

Среди приговоренных был один благочестивый муж, именем Евтихиан, лишенный ради Христа всего своего имения, он осужден был на ту же смерть. И вот их всех посадили на корабль и отплыли с ними в море. Достигнув глубины, воины просверлили несколько отверстий в корабле, а сами пересели в лодку, нарочно для того приготовленную, и поплыли к берегу. И когда корабль уже должен был погрузиться, внезапно находящиеся на нем увидели святую мученицу Феодотию, управляющую парусами и ведущую корабль к берегу, которого он вскоре и достиг. Все осужденные, видя свое спасение от потопления, изумились и, припав к ногам двух христиан Евтихиана и Анастасии, умоляли просветить их верою Христовою.

Выйдя на берег невредимыми, они приняли учение веры от Евтихиана и Анастасии и крестились. Всех душ, спасшихся от потопления и уверовавших во Христа, было сто двадцать.

Игемон, вскоре узнав об этом, разгневался и издал приказ схватить их и казнить всевозможными казнями, мученицу же Анастасию растянуть между четырьмя столбами и сжечь. Так блаженная Узорешительница совершила страдальческий свой подвиг – разрешилась от уз плоти и отошла к небесной желанной свободе[8653]. Честное же тело ее, неповрежденное огнем, было выпрошено у жены игемона одною благочестивою женою Аполлинариею, которая похоронила его с честью в своем винограднике. Со временем, когда гонение на церковь прекратилось, она воздвигла над могилою мученицы церковь.

Прошло еще много лет, и честные мощи святой Анастасии прославились. Тогда с великою почестью они были перенесены в царствующий город Константинополь, на защиту и спасение городу, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом, во едином Божестве прославляемого вовеки. Аминь.

Кондак, глас 2:

Во искушениих и скорбех сущии, к твоему храму притекающии, приемлют честная дарования от живущия в тебе Божественныя благодати, Анастасие: ты бо присно миру точиши исцеления.

Житие святого отца нашего Нифонта, епископа Кипрского

Память 23 декабря

Преподобный Нифонт был родом из Пафлагонской страны, из города Плагиона[8654], и был сыном одного знаменитого человека по имени Агапит. В отроческом возрасте он был поручен воеводе Савватию, присланному из Царьграда в Пафлагонию царем Константином Великим. Воевода же отослал отрока для образования со своим протовестиарием[8655] в Царьград к своей жене. И стал учиться отрок у пресвитера Петра, жившего при доме воеводы, и учился прилежно и успешно, так как был способен к учению. В малом возрасте Нифонт был добр, тих, кроток, смиренен, и любил ходить в церковь. Придя же в юношеский возраст, он стал понемногу развращаться от дурных товарищей: юноши, если они не воспитаны в страхе Божием, легко поддаются дурному примеру. И если среди взрослых людей добрый легко развращается злым, как сказано: «со строптивыми развратишься» (Пс. 17:27), чаще это бывает среди юных, которые, естественно, более склонны ко злу, чем к добру, как написано: «помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Быт. 8:21). Так и юный Нифонт начал вести праздную и ленивую жизнь, есть без меры и упиваться, научился от бесчинных юношей празднословию и сквернословию, стал ходить на представление скоморохов, потом и на скверные дела и все ночи проводил с товарищами в беззакониях, оскверняясь нечистыми грехами, к тому же стал он и красть, ссориться и драться со всеми, и другим молодым людям был он на соблазн, так как не только сам совершал всякое беззаконие, но и многих других склонял к тому же. Один знакомый Нифонта, по имени Василий, постоянно говорил ему:

– Горе тебе, Нифонт! Ты жив телом, но уже умер душою, и только тень твоя ходит среди людей.

А Нифонт то не обращал внимания на эти слова, то начинал рыдать и плакать о грехах, однако, продолжая

следовать дурным привычкам, он утопал в скверных делах, как в море, и, отчаявшись совсем в своем спасении, говорил:

– Я уже погиб и не могу возвратиться к покаянию, – так по крайней мере буду наслаждаться здесь земными сладостями.

И до того ожесточил диавол сердце Нифонта, что он не мог уже совсем молиться: ибо у него как бы камень всегда лежал на сердце. А та госпожа, у которой жил Нифонт, видя такую развратную жизнь его, с сокрушением сердечным говорила:

– Горе мне! Откуда на меня эта напасть?

И много раз наставляла его, ссорилась с ним, бранила и била его, но он оставался неисправим. Об этом повествуется, дабы показать, сколь велико милосердие Божие, которым Он выводит честное из недостойного и из грешников делает праведников, – и что нет греха, превышающего человеколюбие Божие. Пусть и у нас грешных будет пример, чтобы не отчаиваться нам, погруженным во многие беззакония, но исправиться покаянием, подобно Нифонту. Ибо он был как бы сосудом греха, но впоследствии, через истинное покаяние, стал сосудом Святого Духа, как мы сейчас узнаем из последующего рассказа.

Был у Нифонта один друг по имени Никодим. Однажды пришел к нему Нифонт, Никодим взглянул на него и ужаснулся, с удивлением смотря ему в лицо. Нифонт спросил его:

– Что ты на меня так смотришь, словно на незнакомого?

Никодим отвечал

– Поверь мне, брат, я никогда тебя таким не видал, как теперь: у тебя лицо страшное, как у ефиопа.

При этих словах юноша испугался, а вместе с тем и стыдно стало ему, и, закрыв лицо рукою, он ушел опечаленный. По дороге он говорил сам себе:

– Горе мне грешному! Если в этом мире я черен душою и телом, то что же я буду на суде Божием? Как явлюсь я перед Лицо Божие? Горе мне несчастному! Где ты теперь, душа моя? Горе мне! Что мне делать? Могу ли я еще покаяться? Есть ли, кто бы наставил меня к покаянию и сказал мне, могу ли я еще спастись? Как скажу я Богу. «Помилуй меня!» – когда я совершил перед Ним столько скверных дел?

И много еще кроме этого говорил Нифонт сам себе, наконец, пришел домой печальный и усталый, в нем боролись противоположные помыслы. Добрый помысел говорил ему. «Помолись ночью Богу: как Он хочет, так и поступит с тобой». А злой помысел противился этому, говоря: «Если встанешь на молитву, то потеряешь рассудок, будешь юродивым, и все станут над тобой смеяться».

Бес влагал ему страх в ум и сильно смущал его душу. Он же, несколько укрепившись, сказал сам себе:

– Когда я жил блудно, никакого зла со мной не случалось, неужели же теперь, когда я хочу помолиться Богу, со мной случится какое-нибудь зло? Проклят ты будь, нечистый и пронырливый бес, внушающий мне это!

Ночью Нифонт встал с постели и начал плакать, бить себя в грудь, говоря:

– Как я жил благочестиво и добродетельно в прежние годы, теперь же я умер, люто уязвленный грехами. Но, «Господи Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня, да не когда диавол похитит как лев душу мою, терзая, когда нет избавляющего» (Пс. 7:3).

Когда он стоял на молитве и смотрел на восток, вдруг объял его густой мрак, приблизился к нему и поверг его в слабость, болезнь и безмерный страх. В ужасе лег Нифонт на свою постель, рыдая и плача о грехах своих. Утром пошел он в церковь, подняв глаза, он посмотрел на икону Пречистой Девы Марии Богородицы и с воплем воскликнул:

– Помилуй меня, Заступница христиан, Обрадованная Чистая! Помоги мне по Твоей великой милости, ибо Ты – упование и надежда кающихся.

При этих словах его образ Богоматери улыбнулся, и лик Ее был радостен. Удивился Нифонт, увидав сие чудо, он обрадовался и возвеселился сердцем и сказал:

– О глубина человеколюбия Божия! Как велика Твоя милость, Господи, которую Ты показываешь над согрешившими пред Тобою! Для них Ты дал и Пречистую Свою Матерь, дабы Она была молитвенницей к Твоему величию!

После долгой молитвы, приложившись с любовью к иконе Пречистой Богородицы, он вышел, говоря сам себе:

– Смотри, окаянная душа, как Бог нас любит, а мы сами бежим от Него: вот Он дал нам заступницей Пречистую Свою Матерь, а мы и сию Помощницу отвергаем.

После того в сновидении явился ему диавол, в виде одного отрока, бывшего товарища его в беззакониях, стоял он прискорбно, как бы в глубокой печали; посмотрел на него Нифонт и сказал:

– Что ты так печалишься?

Отвечал диавол:

– Вот уже третий день, как ты ходил к своему другу Никодиму и развратился: об этом я скорблю и не могу перенести, что ты презрел меня.

Тогда сказал Нифонт:

– Почему же тебя так печалит это?

Но диавол отвернулся и не дал ему ответа. Тотчас Нифонт проснулся, он понял, что диавол печалится о его покаянии, поспешно встал он, пошел в церковь и вперив ум и очи в ту икону Пресвятой Богородицы, молился, пока опять не увидел Ее улыбающеюся и не ощутил Божественную сладость в своем сердце.

В один день, идя в церковь на молитву, Нифонт увидел какого-то человека, бесчинствующего на дороге, и мысленно осудил его. Придя в храм Божий и по обыкновению посмотрев на икону, он вдруг увидел Пречистую Богородицу с гневным и строгим лицом, отворачивающимся от него. Ужаснулся Нифонт и, опустив глаза вниз, сказал себе:

– Горе мне грешному! Одна радость была у меня – Твой, Владычица, пресвятой образ, теперь и он отвращает лик свой, и за что, не знаю!

Потом, размышляя в себе, он вдруг вспомнил, как осудил грешника, и понял, что за это отвратила от него лик Свой Матерь Господня. Громко рыдая, сказал он:

– Боже, прости меня грешного: ибо я присвоил себе Твое достоинство и Твою власть и осудил своего ближнего, прежде Твоего суда, но помилуй меня, Владыка, на Тебя надеется душа моя – с этого времени никогда я не стану осуждать брата своего.

Много и еще говорил Нифонт со слезами и, посмотрев опять на икону, увидел, что она улыбается по-прежнему, и с тех пор он тщательно стал оберегать себя от осуждения. Так бывало всегда, когда случалось согрешить ему в чем-либо, то образ Пречистой Богоматери отвращал свой лик, и этим поучался Нифонт и исправлялся.

Однажды, когда Нифонт черпал из колодезя воду бадьей, диавол толкнул его, и он, поскользнувшись обеими ногами, упал в колодезь, летя вниз, ухватился он за бадью и воззвал:

– Владычице, помоги мне!

И тотчас он оказался невредимо стоящим на бревне над колодезем. С этого времени, поняв, что Богородица хранит его, Нифонт стал всегда иметь на устах Ее имя. После этого случилось болеть ему – от праздника Воскресения Христова до дня Преполовения, и в болезни этой ничего другого он не говорил, как только:

– Слава Богу моему, слава помощнице моей Пречистой Деве Марии.

В понедельник, перед средой Преполовения, он молился так:

– Господи Боже мой, сподоби меня причаститься Святых Твоих Тайн в день Преполовения, ибо сильно желает душа моя насытиться Твоею Плотию.

Потом он уснул, и было ему такое видение: две пресветлые жены шли мимо его постели подобно мироносицам, – одна, в царской багрянице, держала масличную ветку, другая, похожая на нее, шла за ней и несла маленький сосуд с некоей святыней и ветку, омоченную в святом елее, подойдя к постели, они остановились. И сказала Жена в царской багрянице другой:

– Посмотри, Анастасия, чем страдает этот юноша? Отвечала ей Анастасия[8656]:

– Он, Госпожа, страдает от невоздержного языка своего, потому что, когда он был здоров, уста его не закрывались, и теперь Господь наказывает его, чтобы не был он осужден там со всем миром, ибо очень любит его Бог и наказывает его, а Ты, Госпожа, если хочешь, помилуй и помоги ему.

Отвечала Жена в царской багрянице:

– Помилую, только веди его туда, куда мы идем. Анастасия взяла его за руку и повела в храм святых апостолов. Тогда сказала ей Жена в царской багрянице:

– Возьми масла из горящей в алтаре лампады и помажь его с головы до ног.

Та помазала и сказала:

– Вот, смотри, Владычица, я исполнила Твое приказание.

Улыбнулась Жена в царской багрянице и сказала:

– Это знамение милосердия, для которого мы приходили.

И дала Нифонту масличную ветку, которую держала в руке, со следующими словами:

– Смотри и разумей, что ветка эта от благодати Господней, Я даю ее тебе, потому что теперь излилась на тебя милость прещедрого Бога, а ты борись теперь с бесами и одолеешь их так же легко, как бы тростник или сено.

Нифонт поклонился в ноги и, пробудившись, понял, что видение это означало благословение Пречистой Богородицы, он тотчас выздоровел и встал с постели, во вторник он подкрепился пищею, а в самый день Преполовения пришел в церковь и с великою радостью причастился Божественных Тайн. Таким образом, с помощью Божией, блаженный Нифонт оставил свою прежнюю греховную жизнь, удалился от мира и стал иноком. Он стал прилежно подвизаться и усиленно трудиться, умерщвляя свое тело и порабощая его духу, проводя дни свои в слезах и в строгом покаянии. Он старательно сохранял уста свои от празднословия, а еще более от сквернословия и клеветы, и положил себе за правило сильно ударять себя сорок раз по лицу, если когда-либо по неосторожности случалось ему произнести какое непотребное или бранное слово. Иногда же, положив камень в рот, он долгое время носил его, говоря себе:

– Лучше тебе, беззаконник, есть камни, чем говорить какие-либо злые слова.

Часто, затворившись в своей хижине и раздевшись, он бил себя чем-нибудь по всему телу так сильно, что иногда от ран отпадали куски тела. Так упорно боролся он с невидимым врагом, но тот вел с ним сильную борьбу, причиняя ему всякое зло и желая одолеть его непобедимое мужество. Во время

молитвы бес являлся ему – то в виде прыгающей перед ним птицы, то в виде черной собаки, бросающейся на него, чтобы испугать его и прервать его молитву, но он прогонял беса крестным знамением. Когда он чувствовал голод, бес приносил ему разной рыбной и мясной пищи и вкусных кушаний, но блаженный говорил тогда:

– Пища нас не приблизит к Богу[8657], – сам ешь, диавол, свою пищу или неси ее туда, где люди свое чрево делают божеством.

Когда святой бодрствовал, диавол наводил на него дремоту и крепкий сон, но блаженный, почувствовав это, брал палку и больно бил себя, говоря:

– Я дал тебе есть и пить, а ты хочешь еще и спать: вот я палкой успокою тебя.

Если он чувствовал когда-нибудь плотское вожделение, то целую неделю не брал в рот хлеба, морил себя голодом и жаждою, пока не умерщвлял в себе плотского вожделения, во время сильной жажды, он наливал себе воды, ставил перед собою и, смотря на нее, говорил:

– Как вкусна эта вода!

Затем, взяв немного воды в рот, он пробовал ее языком и выливал на землю. Бес не вынес такого терпения блаженного и громко закричал:

– Ты победил меня, Нифонт!

Но святой Нифонт, относя победу над бесами Божией силе и помощи, а не своим подвигам и воздержанию, отвечал ему:

– Не я тебя побеждаю, а сила Бога нашего, охраняющего Своих рабов.

Бог попустил прийти на Нифонта искушению, чтобы, испытанный как золото в горниле, он оказался достойным благодати Господней, искушение же то состояло в повреждении его ума, и оно, по диавольскому наваждению, продолжалось четыре года. Стоял однажды Нифонт на молитве с вечера до утра и вдруг услыхал страшный шум, несущийся справа налево. Святой ужаснулся и думал, что это за шум, и тотчас явился диавол с громким ревом и яростью и навел такой страх на святого, что ум его помрачился, едва придя в себя, он хотел

помолиться и осенить себя крестным знамением, как диавол напал на него, со словами:

– Оставь молитву, и тогда я не стану бороться с тобою!

Блаженный же отвечал:

– Ни за что не послушаю тебя, нечистый дух: если Бог повелел тебе погубить меня, с благодарностью принимаю это, если же нет, то скоро с помощью Божией одолею тебя!

Диавол сказал на это:

– Ты заблуждаешься, Нифонт, Бога нет, ибо где Он? Так постоянно говорил ему бес, развращая и помрачая его ум. Святой же отвечал ему:

– Ты говоришь, диавол, как безумный, ибо «сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога» (Пс. 13:1).

Он хотел молиться, но не мог: произносил слова, а ум не покорялся ему. Горько печалился святой, помутившись умом, с этих пор он потерял рассудок и страдал, а когда он несколько приходил в себя, опять бес, не переставая говорил ему: «Нет Бога», – но святой отвечал:

– Если даже я впаду в блуд, если убью, если еще какой грех сделаю, но от Христа моего не отвернусь.

Диавол же опять говорил ему:

– Что ты говоришь: есть ли Христос? Нет Христа: я один всем владею и царствую над всем, кто тебе сказал, что есть Бог или Христос?

– Не прельстишь меня, темная власть! – отвечал святой. – Отойди от меня, враг всякой правды!

Диавол же не отступал и все боролся с ним, помрачая его ум и принуждая сказать: «Нет Бога». Так четыре года боролся святой с бесом и принуждал себя к молитве. Однажды, во время молитвы, усомнившись, есть ли Бог, взглянул он на икону Спасителя и, вздохнув из глубины сердца, простер руки к иконе, со словами:

– Боже, Боже мой, зачем Ты меня оставил?[8658] Дай мне узнать, что Ты Бог и что нет иного кроме Тебя, чтобы мне не преклониться к вражьему совету.

С этими словами он увидал, что Лик Христа на иконе светится как солнце, и при сем обонял благоухание

несказанное. В ужасе упал он на землю, говоря:

– Прости меня, Владыка, что я искушал Тебя, сомневаясь в Тебе, Боге моем, теперь я верую, что Ты Един Бог и Создатель всей твари.

Лежа на земле, он повернул голову и посмотрел на образ Спаса и увидел чудо: образ Господень двигал глазами и бровями, как бы живой человек. Нифонт воскликнул:

– Благословен Бог мой и благословенно славное имя Его ныне и вовеки, аминь!

С того времени сошла на Нифонта благодать Божия, ибо прошли уже четыре года испытания его; после этого у него всегда было веселое и светлое лицо, так что некоторые недоумевали и говорили:

– Что это значит, столько лет он ходил угрюмый, а теперь радуется и весел?

У святого же явилось мужество против бесов, насмехаясь над ними, он говорил:

– Где те, кто утверждали, что нет Бога? И побеждал их постоянною молитвою. Размышляя о своих прежних грехах, он сказал себе:

– Пойдем, грешный Нифонт, в церковь, исповедуем грехи наши Господу, там ожидает нас Отец щедрый.

И пошел он в церковь. Подойдя к церковным дверям, Нифонт поднял руки кверху и с горьким стенанием воскликнул:

– Приими, Господи Иисусе Христе, Боже Мой, меня, умершего душою и умом. Приими сквернослова и грешника, осквернённого душою и телом, и не отврати Лица Твоего, не говори, Владыко: не знаю, кто ты, но вонми гласу моления моего и спаси меня, ибо Ты не хочешь смерти грешников, и я не отступлю от Тебя, пока Ты не услышишь меня и не дашь прощения моим согрешениям.

Во время этой молитвы, вдруг послышался сильный шум с неба, и святой в восторге увидел лицо светлого мужа, явившееся в облаке, и были видны протянутые руки, которыми он обнял блаженного, как некогда отец блудного сына (Лк. 15:20), и целовал его в шею, говоря:

– Хорошо ты сделал, что пришел сюда, скорбящее чадо Мое! Много Я печалился и тужил о тебе, как горело Мое сердце ожиданием, когда ты обратишься ко Мне, вечером ли, утром ли; теперь Я радуюсь, теперь веселюсь, видя, что ты обратился ко Мне всем сердцем.

Это рассказал впоследствии Нифонт своему ученику, и при этом сильно плакал. После этого, когда он молился опять, явился Ангел Божий с чашею, полною мира, которое он возлил на главу его, и наполнилось благоуханием то место, также, когда он бил себя по телу, причиняя себе раны, Ангел сошел и кадил вокруг него, распространяя в том месте благоухание.

Настолько просветились духовные очи у блаженного Нифонта, что он знал тайну сердец человеческих, он беседовал с Ангелами явно, как с друзьями, и явно видел бесов. Однажды на пути из церкви святой Анастасии в свою хижину, он увидел у ворот дома одной блудницы Ангела в виде юноши, горько плачущего, и спросил его о причине слез. Тот отвечал:

– Я дан Богом на сохранение одному человеку, который спит теперь в этом доме с блудницею и тем жестоко оскорбляет меня, не могу видеть беззакония, которое он делает, как же мне не плакать, когда я вижу, в какую тьму погрузился образ Божий.

Блаженный сказал ему:

– Отчего же ты не накажешь его, чтобы он отстал от греха?

– Я не имею возможности, – отвечал Ангел, – приблизиться к нему, так как с тех пор, как он начал грешить, он – раб бесов, и я не имею над ним власти: ибо Бог сотворил человека со свободной волей и показал ему узкий путь и широкий, чтобы он ходил, по какому хочет.

Тогда святой Нифонт сказал своему ученику:

– Ничего нет мерзостнее блудного греха, однако, если блудник покается, то Бог примет его скорее других беззаконников, потому что грех этот является от самой природы, по внушению диавола, а изгоняется эта страсть прилежною молитвою, строгим постом и различным умерщвлением тела.

Видно было святому и то, как бесы ходят в народе и искушают людей, внушая им осуждение, клевету, ссоры и

различные скорби. Однажды он увидал одного человека за работой, и вот пришел к нему бес и начал шептать ему на ухо, неподалеку работал другой человек, пришел бес и тому пошептал на ухо, тогда они, оставив работу, начали ссориться. Блаженный же, встав, сказал:

– О бесовский соблазн! Как ты сеешь вражду между людьми!

Однажды напал на него бес тщеславия и говорил:

– Ты теперь начнешь творить знамения, и прославится имя твое по всей земле, потому что ты угодил Богу.

Блаженный же сказал тому бесу:

– Подожди, и я тебе сотворю знамение.

И, найдя камень перед собою, он сказал:

– Тебе говорю, камень, пойди отсюда и перенесись в другое место.

Но камень лежал неподвижно. Тогда святой сказал бесу:

– Вот твой дар, диавол!

И плюнул ему в лицо, потом помолился, и диавол тотчас исчез. В другой раз Нифонт видел одного церковнослужителя, сзади которого шел бес, внушая ему скверные и хульные мысли, человек этот, чувствуя на себе козни бесовские, часто обертывался и плевал на беса. Блаженный сказал лукавому духу:

– Перестань, диавол, смущать рабов Божиих! Какая тебе польза от того, что эта душа пойдет в погибель?

Бес отвечал:

– Нам от этого нет пользы, но у нас есть приказ от царя нашего и князей, властвующих над нами, бороться с людьми. Если же князья узнают, что мы не боремся с людьми, то жестоко бьют нас.

Еще раз видел блаженный одного инока, идущего и шепчущего молитву, а из уст его вылетало огненное пламя и достигало до неба, с ним шел и Ангел его, с огненным копьем в руках, которым он отгонял бесов от того инока. Накануне праздника Воскресения Христова, вечером в Великую Субботу стоял Нифонт в церкви с народом и увидел Пречистую Богородицу с апостолами и множеством святых, Которая

пришла в церковь и с материнской любовью смотрела на присутствовавших людей. Если Она видела кого из них заботящимся о своем спасении, то очень радовалась, а смотря на нерадивых, качала головою и плакала, однако, простерши руки, молилась обо всех Богу, чтобы все получили спасение. Видя это, преподобный несказанно обрадовался, что не оставляет христиан Пречистая Богородица, но постоянно помогает им, и ему самому Она была помощницей и защитницей.

Однажды, когда Нифонт спал, внезапно явился диавол с оружием в руке и бросился на него, с намерением убить его, но, остановленный силою Божиею, он не мог ничего дурного сделать святому и отбежал прочь, скрежеща зубами и говоря:

– О Мария! Ты всегда прогоняешь меня от этого жестокого для меня человека!

Преподобный имел дар своими словами наставлять и утешать скорбящих. Один брат пришел к святому в печали и спросил:

– Что мне делать, отче? Сильно смущают меня злые бесы: ем ли я, пью ли, или стою на молитве, – они внушают мне в сердце то ереси, то хулы тяжкие на Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь, и на святые иконы, боюсь я, что сойдет когда-нибудь огонь с неба и сожжет меня живым.

Святой отвечал ему:

– Приими, брат, мой совет. Когда море волнуется, какие оно поднимает волны и разбивает о камни; волны же опять возвращаются в море: так и помыслы злые, посылаемые диаволом, действуют на человеческую душу, и если человек послушает его совета и последует ему, то погибает, как погибли многие, покорившись ему. Если же кто в борьбе с дурными помыслами не уступает, а еще больше мужается и сопротивляется им, презирая беса, то злоба беса возвращается на него самого, человек же тот получает награду от Бога. И ты, чадо, терпи, сопротивляйся бесу молитвою и постом, и он скоро убежит от тебя, берегись клеветы и гнева, они всего более вызывают хулы.

Так, наставив брата, отпустил его с миром. Не был лишен преподобный и дара исцелять недуги. Пришла к нему какая-то женщина с зубной болью и умоляла святого исцелить ее. Он сказал ей:

– Мы люди грешные и скверные, и не можем тебя исцелить, если Сам Бог не умилосердится над тобою.

И с этими словами Нифонт пошел в церковь, помолился и, взяв масла из лампады перед иконою Пресвятой Богородицы, помазал лицо больной по всей опухоли, – и тотчас боль прекратилась; исцелившись, женщина та ушла, славя Бога. И другую женщину, доставлявшую ему ранее пищу, когда она сделалась больной и была близка уже к смерти, он исцелил молитвою, и она стала здорова. Прозорливыми очами он видел и души человеческие, по исшествии их из тела. Однажды, стоя в церкви святой Анастасии на молитве, он поднял глаза к небу и увидел отверстые небеса и много Ангелов, из которых одни сходили вниз на землю, другие шли вверх, неся на небо человеческие души. И вот, видит он, идут два Ангела вверх, неся какую-то душу. И когда приблизились они к блудному мытарству, вышли мытари-бесы и сказали с гневом:

– Это наша душа, как вы смеете нести ее мимо?

Ангелы отвечали:

– Какой у вас знак на ней, что вы считаете ее своею?

Сказали бесы:

– Она до смерти оскверняла себя грехами, не только естественными, но даже и противоестественными; кроме того, она осуждала ближнего, и умерла без покаяния. Что вы на это скажете?

– Мы не верим, – ответили Ангелы, – ни вам, ни отцу вашему диаволу, пока не спросим Ангела-Хранителя этой души.

Когда же его спросили, тот сказал:

– Правда, много грешила эта душа, но когда заболела, начала плакать и исповедовать грехи свои Богу; и если простил ее Бог, то Он знает почему: Он имеет власть. Слава Его праведному суду!

Тогда Ангелы, посрамив бесов, вошли с душою в небесные ворота.

Потом увидел блаженный, что Ангелы несут еще другую душу, а бесы выбежали к ним и кричат:

– Что вы, носите души, не узнав их, как, например, несете и эту – корыстолюбивую, злопамятную, разбой произведшую!

Отвечали Ангелы:

– Мы хорошо знаем, что, хотя она и сделала все это, но плакала и горевала, исповедовала грехи и подавала милостыню; за это простил ее Бог.

Бесы же начали говорить:

– Если уже эта душа достойна милости Божией, то возьмите и берите грешных со всего мира! Чего же мы будем трудиться!

Отвечали на это Ангелы:

– Все грешники, исповедующие свои грехи со смирением и слезами, получат прощение по милости Божией, а кто умирает без покаяния, тех судит Бог.

Так посрамив лукавых духов, Ангелы прошли мимо. Еще увидел святой, как несли душу одного боголюбивого человека, целомудренного и милостивого, любившего всех; бесы, увидев ее издали, скрежетали зубами, а Ангелы Божии выходили ей навстречу из небесных ворот и так приветствовали ту душу.

– Слава Тебе, Христе Боже, что Ты не оставил ее в руках вражиих, но избавил ее от преисподнего ада.

Через некоторое время блаженный Нифонт увидел, как бесы влекли душу в ад. Это была душа одного раба, которого господин изнурял голодом и бил; он не стерпел такого мучения, и, по наущению беса, взял веревку и удавился. Ангел же хранитель его шел вдали и горько плакал, а бесы радовались. Плачущему же Ангелу было повелено Богом идти в город Рим и охранять одного новорожденного младенца, которого там в это время крестили. Преподобный видел и еще одну душу, которую несли в воздухе Ангелы, а их встречали полчища бесов; не дошли они и до четвертого мытарства, как бесы отняли из рук святых Ангелов ту душу и с поруганием бросили в бездну. Это была душа одного клирика церкви святого Елевферия; этот клирик постоянно прогневлял Бога блудом, чародейством и разбоем, умер же он внезапно без покаяния, и была радость бесам.

Преподобный построил церковь в Царьграде во имя Пречистой Богородицы, жил при ней и многих неверных обращал ко Христовой вере. Не перенес диавол того, что Нифонт многих отвлек от бесовского соблазна, и пришел к нему со множеством бесов, около тысячи; они ночью напали на святого и хотели мучить; все его жилище было полно бесов. Он же силою крестною запретил им и, с помощью Божией и пособием святого Ангела, взял каждого из них по одному, давая им по тысяче ударов, пока они не поклялись ему не подходить даже к тому месту, где произносится имя Нифонта.

Беседуя однажды с братией о пользе душевной, Нифонт вспомнил следующее.

«Был, – рассказывает он, – в этом городе, у одного знатного человека раб, по имени Василий, ремеслом портной, дурного нрава, сквернослов, непокорный и скоморох; он проводил все свое время в играх и в плотских нечистых грехах с прелюбодеями и не слушал наставлений своего господина. Дивным же Промыслом милосердного Владыки, он получил спасение таким образом: попущением Божиим за людские грехи случился большой голод, и начали хозяева прогонять от себя своих рабов по недостатку пищи; прогнал и Василия господин его. Ушел Василий и в первый же день продал одежду, чтобы достать себе пищи, потом начал ходить нагим и просить милостыню, а была тогда зима, и он мерз и трясся от стужи. Наконец, он в изнеможении лег на одной улице, через некоторое время у него отгнили пальцы на ногах, а потом и самые ноги. Василий все терпел, считая это наказанием за свои грехи, и ничего не говорил, кроме как: «Слава Богу за все!» Так пролежал он два месяца на улице, без крова, плача и рыдая о грехах. Случайно шел той дорогой один христолюбец, по имени Никифор. Увидев страдальца Василия, он велел своим рабам отнести его в свой дом, где с любовью успокоил его, своими руками постелил ему постель и накормил его. Через две недели, в субботу, больной Василий начал говорить:

– Радостен для меня ваш приход, Ангелы святые, отдохните немного и пойдем.

Они же сказали:

– Нет, иди скорее, ибо тебя зовет Господь.

– Немного подождите, – отвечал Василий, – пока отдам долг, взял я взаймы у одного друга моего десять медниц и до сего времени не отдал, как бы меня не задержал за это на воздухе диавол.

И Ангелы ждали, пока Василий, собрав десять медниц, не послал их тому, кому был должен, и тогда он предал дух свой Богу.

– Вот видите, дети, – закончил свой рассказ Нифонт, – каковы судьбы Божии и как, по Своему желанию, спасает Он грешника».

Пришел однажды блаженный с учеником своим помолиться в церковь, которая примыкала к так называемым палатам Апония, где святитель совершал Божественную службу, и вот отверзлись у святого духовные очи, и увидел он огонь, сошедший с неба и покрывший алтарь и архиерея; во время же пения Трисвятого, явились четыре Ангела и пели вместе с певцами. А когда читали апостольское послание, он увидел святого Апостола Павла, наблюдающего за чтецом сзади, когда же начали читать Евангелие, то слова, как светильники, поднимались к небу. Во время перенесения даров, открылась церковная завеса и раскрылось небо, и ощущалось чудное благоухание, потом стали сходить вниз Ангелы с пением: «Слава Христу Богу!» Они принесли прекрасного отрока, поставили его на дискос[8659], а сами окружили престол и служили честным дарам, два же Серафима и два Херувима, паря над его головою, покрывали своими крылами. Когда наступило время освящения даров и совершения страшного таинства, один из светлейших Ангелов приступил и, взяв нож, заколол отрока, кровь он выпустил в святую чашу и, положив отрока на дискосе, сам стал снова с благоговением на свое место. Потом началось причащение Божественных Тайн, и увидел блаженный, что у одних из причащавшихся были лица светлые, как солнце, а у других темные и мрачные, как у эфиопов. Стоявшие тут Ангелы смотрели, как кто приступает, и увенчивали причащавшихся достойно, а от недостойных отворачивались и гнушались ими. По окончании святой службы,

он увидел, что отрок вдруг опять оказался целым – на руках Ангельских, и вознесся на небо. Это впоследствии сам преподобный рассказывал своему ученику, который и записал это на пользу многим.

Однажды святой, идя в церковь Пресвятой Богородицы, которую он сам построил, увидел, что по дороге идет эфиоп, очень печальный, это был князь бесовский, шли за ним и другие бесы. Когда они подошли ближе и услышали церковное пение, то начали меньшие бесы бранить своего князя, говоря:

– Смотри, как имя Иисусово прославляется теми, которых мы когда-то держали в своей власти, – где же наша сила? Ее одолели, и царство наше разрушилось. Так поносили бесы своего князя, а он сказал им:

– Не печальтесь, не унывайте, я скоро так сделаю, что оставят христиане Иисуса и будут славить нас.

Они отошли немного и встретили тридцать мужей; князь бесовский подошел к одному из них и пошептал ему на ухо, – и тот помутился в уме, начал срамословить, смеяться и петь бесстыдные песни, потом встретили музыканта, который шел и играл. Блаженный увидал, как один эфиоп связывает всех одной веревкой и тащит за музыкантом, и все они пошли с пляской за ним, много народу пристало к ним, и пошли дальше, – и плясали, и пели срамные песни: ибо бесы тащили их, зацепив за сердце. Один же богатый человек, смотревший из своего дома, дал музыканту медную монету, чтобы поплясали перед ним. Когда музыкант положил монету в свой карман, то бесы взяли ее и послали в ад к отцу своему сатане и сказали ему:

– Радуйся, отец наш! Это Алазион, князь наш, прислал тебе жертву, которую принесли наши враги – христиане, дав медных денег за игры.

Взяв ее, сатана обрадовался и сказал:

– Старайтесь, дети, чтобы росла наша жертва, и побеждайте христиан.

И потом опять возвратил монету в карман музыканту. Блаженный же Нифонт, видя это духовными очами, с горечью сказал:

– О горе приносящим через игры жертву бесам!

И наставлял слушателей, чтобы береглись скверных и бесчинных игр, так как они – от диавола. Однажды, после молитвы, святой был в состоянии духовного восторга и увидал обширное поле, одинаковой длины и ширины, и на нем стояло множество эфиопов, разделенных на полки, всех полков было триста шестьдесят пять – по числу тяжких грехов. Один самый темный эфиоп пересчитывал воинов, устраивая полки, будто к битве, и говорил:

– Смотрите на меня и не бойтесь ничего: сила моя будет с вами!

Несколько бесов принесли множество различного оружия и раздали по полкам. Потом диавол дал каждому полку силу волшебства и чары, и пустил их по всей земле на Церковь Христову. Когда блаженный Нифонт смотрел на это, вдруг он услышал голос:

– Обратись, Нифонт, на восток и смотри.

Он обернулся и увидел чистое и прекрасное на вид поле и на нем еще больше, чем эфиопов, стояло бесчисленное множество, – сотни тысяч, – воинов в белых одеждах, все вооруженные, как на битву. Затем явился муж, светлее солнца, и сказал:

– Так повелевает Господь Саваоф: идите по всей земли, помогайте христианам и охраняйте их жизнь.

Увидев это, преподобный прославил Бога, помогающего Своей церкви.

Преподобный Нифонт приближался уже к старости. Настало время восприять ему святительский сан, который был ему предсказан от Бога в следующем видении. Он увидел какое-то поле, наполненное великим множеством овец, – пастуха же у них не было. Блаженный подумал:

– Что же, неужели эти овцы без пастуха не боятся волка? Тотчас явился муж святолепный, подобный святому Апостолу Павлу, и сказал:

– Что ты стоишь без дела и смотришь на царских овец, почему ты не пасешь их?

Отвечал блаженный Нифонт:

– Разве я буду пасти царских овец? Я незнаком с этим делом и весьма слаб.

А явившийся сказал:

– Царь велел тебе пасти их недолго, а потом, почив, ты получишь великую награду.

И с этими словами дал ему жезл, поручил ему овец и ограду и ушел. Очнувшись, блаженный подумал: «Что это значит?» – и понял, что являвшийся ему муж был святой Апостол Павел, овцы – люди, а ограда – Церковь, он очень испугался, как бы не поставили его епископом в царствующем городе[8660]. И сказал себе Нифонт: «Так ли я умолил Бога, чтобы ни над кем не властвовать мне? И вот Он хочет мне дать власть! Поступлю, как пророк Иона (Ион. 2), и убегу отсюда!» Взяв своего ученика, он вышел из своей кельи и сел на корабль. При тихом ветре, корабль быстро достиг Александрии, где тогда был патриархом Александр[8661], правивший церковью после Петра, пострадавшего за Христа при Диоклетиане. В тот же день пришли жители города Констанции с острова Кипра и просили патриарха Александра поставить им епископа, кого он найдет достойным, ибо преставился их пастырь, по имени Христофор, муж святой и почтенный. Патриарх же сказал им:

– Подождите немного, пока Бог укажет мне такого человека.

И в ту же ночь патриарх увидел святого Апостола Павла, который спрашивал его:

– Кого ты поставишь епископом в город Констанцию?

Патриарх отвечал:

– Не знаю: кого Бог изволит.

Явившийся сказал:

– Бог укажет тебе достойного, только будь завтра со всем клиром в церкви и смотри на входящих: и кого увидишь во всем похожего на меня, тому и вручи паству.

Наутро патриарх сидел в церкви и смотрел, кто из входящих будет похож на являвшегося. Нифонт же, ничего не зная о сем, пошел в церковь и говорил на пути ученику:

– Чувствую на сердце какую-то печаль и радость: не произойдет ли чего с нами!

И с этими словами он вошел в церковь. Увидев его, патриарх сказал своему архидиакону:

– Посмотри, Афанасий, не похож ли этот человек лицом на образ святого Апостола Павла?

– Да, отче, – отвечал архидиакон, – действительно так, и достоин пасти Церковь Христову: я вижу, что идет с ним Ангел Божий и беседует, кроме того, и венец из драгоценных камней виден на его голове.

Тогда патриарх подозвал святого, приветствовал его, и они сели. Архидиакон сказал с улыбкой Нифонту:

– Отчего ты бежал, отче, к тому теперь пришел против своего желания.

Когда же блаженный узнал, что с ним будет, то сказал со вздохом:

– Горе мне! Грешен я и недостоин принять такую власть!

Патриарх отвечал:

– О если б я так недостоин был!

И с этими словами встал, и начал Божественную литургию, и посвятил преподобного Нифонта в степень клирика, потом в течение нескольких дней посвятил его в диакона и пресвитера, после же возвел его и в архиерейский сан, при всеобщей радости о таком пастыре, явленном Богом. По поставлении своем во епископа, Нифонт пробыл в Александрии три дня, беседуя с бывшими там святыми мужами. После этого патриарх отпустил Нифонта на его престол, послав с ним для оказания ему чести своего архидиакона и других святых мужей. Они прибыли в Кипрский город Констанцию четвертого сентября, посланные, вручив ему паству, возвратились в Александрию, славя Бога. Святитель же Божий Нифонт начал прилежно пасти стадо Христово и заботиться о спасении верующих. Он был отец сиротам и вдовам, безвозмездный врач больным и благодетель немощным, при этом сотворил он разные чудеса, которых и переписать всех невозможно, за сие он очень был любим и почитаем всеми. Неусыпно заботясь о пастве, увидел он однажды большего эфиопа, опиравшегося на жезл, будто в печали, он шел в город и часто отдыхал на пути. Святой понял, что это диавол, и закричал ему.

– Тебе говорю, скверный, зачем и как ты смел прийти сюда?

Эфиоп посмотрел на него с гневом, будто хотел его съесть, и сказал:

– Я услышал, что ты здесь, и пришел сокрушить тебя с твоими овцами.

Святой же сказал ему:

– Немощной! Ты сам сокрушен и меня ли хочешь сокрушить? Я видел, как один подвижник боролся с вами, и тридцать ваших бесов изнемогли в борьбе с ним, кто же не посмеется над вашей немощью!

– Не удивляйся этому, – сказал диавол, – если бы я имел прежнюю силу, мне бы ничего не стоило сокрушить тебя, но с тех пор, как Иисус был распят, я действительно немощен.

Святой отвечал:

– И теперь, если я помолюсь моему Христу, то что с тобой будет, бесстыдный?

– Я знаю, – отвечал диавол, – что ты многое можешь, но не делай мне зла, я уйду из твоего города и больше не стану подходить к нему.

Увидев это, святитель возблагодарил Бога, что Он хранит его и соблюдает паству его от лукавого беса.

После недолгого управления Церковью Христовою, святой Нифонт приблизился ко времени своей кончины, которую он предузнал за три дня. Пришел тогда к нему и великий Афанасий, бывший прежде архидиаконом, а потом, по смерти Александра, занявший престол Александрийской церкви[8662]. Ему заблаговременно было возвещено Богом о близкой кончине Нифонта, и он пришел поэтому со всем клиром своим в последний раз проститься с угодником Божиим. Нифонт, увидев Афанасия, спросил его:

– Зачем ты трудился, блаженный отче, приходить ко мне, грешному человеку?

– Я узнал, – отвечал Афанасий, – что ты завтра уходишь в вышний Иерусалим, и пришел побеседовать с тобой, прошу тебя, когда предстанешь перед престолом Божиим, помяни и меня там, чтобы и мне получить милость от Господа.

– И ты, отче, – сказал святой, – когда совершаешь Божественные службы, поминай и мою худость.

В эту же ночь святой Нифонт долго молился о себе и о своей пастве. И явился ему Ангел Господень с утешением и известием, что ему уготован вечный покой. Во время утреннего пения он начал тяжко страдать от телесной болезни, и поэтому сказал своему ученику:

– Чадо, постели мне рогожку на земле.

И когда ученик исполнил его приказание, Нифонт лег на нее совсем больной. С наступлением дня, пришел к нему Афанасий Великий и, сев около него, спросил:

– Отче, есть ли какая польза от болезни человеку, или нет?

Святой ответил:

– Как золото, когда его жгут на огне, отлагает ржавчину, так и человек, болея, очищается от грехов своих.

Потом, немного помолчав, заплакал, а затем улыбнулся, и просветлело его лицо, и сказал он:

– Приветствую вас, Ангелы святые!

Немного спустя, он сказал:

– Радуйтесь, святые мученики! И еще больше просветилось его лицо. Через некоторое время он еще сказал:

– Благодать вам, блаженные пророки!

Тогда открылись духовные очи и у Афанасия святого, и увидел он, что блаженного приветствуют все лики святых, каждый отдельно. Потом Нифонт радостно сказал:

– Приветствую вас священники, преподобные и все святые! – и умолк. Вскоре он воскликнул:

– Радуйся, Обрадованная, красный мой свет, помощница моя и крепость, прославляю Тебя, Благая, ибо я помню милость и благодать Твою!

После этого он умолк, и просветилось лицо его, как солнце, так что ужаснулись все присутствующие. Ощущалось и ароматное благоухание, а вскоре послышался голос с неба, призывающий его в вечный покой. Так предал он честную и святую душу свою в руце Божии декабря в 23-й день. Плач и горькое рыдание было во всем городе, и погребли святого Нифонта с почестью в великой церкви святых апостолов, славя

милосердого к грешникам, дивного во святых, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Страдание святых десяти мучеников Критских

Память 23 декабря

Декий, царь римский, назначил на остров Крит[8663] правителем соименного себе Декия, который был похож на своего царя жестокостью, мучительством и гонениями на христиан. Прибыв на остров Крит, Декий тотчас велел разыскивать всех верующих во Христа и приводить к себе на мучение. И стали приводить к нему христиан твердых в вере и, после многих пыток и мук, предавали их различным образом смерти. В это время были взяты и приведены к мучителю десятеро славнейших мужей. Они были родом из разных городов: из Горгинского[8664] города – Феодул, Саторнин, Евпор, Геласий и Евникиан; из Киоса – Зотик; из Епиней – Помпий и Агафопус, из Кидонии – Василид, из Ираклии – Еварест[8665]; все же одинаково стремились к вечному небесному блаженству. Они предстали перед мучителем, – и каких только смелых речей не высказали они, какого мужества ни показали, каких только мучений не испытали, каких мук ни победили своим терпением! Их били, мучили, влачили по земле, били камнями, насмехались над ними, плевали на них; так в течение тридцати дней терпели они всяческие поругания. 28 декабря назначен был суд, и когда сел игемон, привели на последний суд страдальцев, полных доблести и мужества. Игемон же в безумной ярости жаждал жестокими руками погубить святых мучеников, а они были готовы терпеть до последнего издыхания. С гневом убийца-игемон посмотрел на них и сказал:

– Что за безумцы вы, ибо ни благоразумие, ни время не научило вас тому, что полезно?

Потом, как будто бы уже устрашив их самим гневом, прибавил:

– Принесите жертву, а если нет, то я больше уже ничего не скажу вам, и вы узнаете, каков Декий, которому вы не хотите повиноваться!

На это мученики отвечали:

– Игемон! Мы и словом и делом в течение уже долгого времени достаточно показали вам, что ни богам жертвы не принесем, ни вашему повелению не покоримся.

Игемон, прервав их речь, сказал:

– Так вы нисколько не думаете о муках, нечестивцы?

– Мы вовсе не боимся мук, – отвечали святые, – мы даже весьма благодарны тебе, что ты приготовил нам такое духовное торжество, т.е. мучение за Христа, и предложил его нам.

Игемон сказал:

– Не так еще будет: вы узнаете силу великих богов, которых вы бесстыдно хулите, не стыдясь многих присутствующих премудрых людей, которые почитают первейшего из богов Дия, а также Геру, Рею и других[8666], теперь вы будете подвергнуты таким мукам, что не только исчезнет ваше мужество, но и другие, такие же как и вы – непокорные, если только такие найдутся, бояться будут.

На это твердые душою мужи опять отвечали:

– Не говори нам, игемон, о Дии и матери его Рее! Это нам не новость: знаем, слышали от отцов своих о его происхождении, жизни и нравах. Он был так невоздержен и так нечестив, что прелюбодействовал не только с женщинами, но и с мужчинами, чародейством и волшебной хитростью он изменял свой настоящий вид и принимал иной, все для большего и большего прелюбодеяния, и постоянно осквернял себя постыдными делами. Некоторые, охваченные той же страстью, подражали его мерзостям – ибо чего легче подражать злу? – они провозгласили его богом, построили храмы, стали приносить ему жертвы, чтобы и богу казалось приятным то, что хотелось им самим, чтобы блуд и невоздержная жизнь не только не считалась ненавистною богу, но, увы! Признавалась богоугодною.

Так говорили угодники Божии, игемон же терзался от гнева, чувствуя, что они правы; еще более неистовствовал народ, кидаясь на мучеников, и растерзал бы их руками, если б Декий голосом и мановением руки не прекратил волнение и крик в народе. Водворив молчание, он стал обдумывать, какую бы лютую смерть изобрести мученикам. И тотчас, по приказу

игемона, мучители схватили святых на мучение, и стали подвергать их разнообразным мукам, – одинаковым по жестокости и мучительности. Один из них был повешен и его строгали железными когтями: вырывались жилы, и куски его тела падали на землю. Других били камнями и острыми кольями по ребрам до костей; у третьих от тяжких ударов оловом, разбивались суставы, ломались и раздроблялись кости. Каждого мучили различно. Даже слышать больно о такой жестокости мук, как для милосердых нестерпимо смотреть на эти мучения, так и слышать тяжело их подробное перечисление. Но мученики принимали такие муки совершенно спокойно, или правильнее сказать, претерпевали их с радостью, и стоявшим вокруг казалось, что они не столько страдают от боли, сколько жалеют о недостаточности мучений и желали бы еще больших. Все сбежались посмотреть на них, как на нечто новое и удивительное, – и верные и неверные, верные, сохраняющие веру втайне, спешили подивиться мужеству страдальцев и через то утвердиться в вере, а неверные – надругаться над терпением святых и, смотря на их страшное мучение, насладиться их муками. При этом они не только не выказывали ни малейшей жалости, но побуждали игемона и мучителей еще к большей жестокости. Побуждаемый ими, игемон отдавал приказания, а мучители исполняли их, глашатай же в это время восклицал:

– Пощадите самих себя, покоритесь начальникам, принесите жертву богам.

Мученики же среди таких жестоких страданий превосходили своим мужеством и терпением всех: и народ, и глашатая, и мучителей, и самого игемона, и более всего князя их – сатану и всю его силу. Все мученики, как бы согласившись между собою, взывали:

– Мы христиане, Христова жертва, закланная за Христа; если и десять тысяч раз нужно будет умереть, умрем охотно!

Когда же святые мученики пренебрегли всеми муками, тогда усердный слуга сатаны Декий, отчаявшись в возможности убедить их и принудить принести жертву, произнес над ними смертный приговор. Святых повели на усечение мечом к месту,

отстоящему недалеко от города, оно называлось у жителей той страны Алоний. По дороге к нему страдальцы проявили нечто новое и необыкновенное: во все время мучения они были единодушны и единомысленны, под конец же стали спорить только о том, кому из них первому идти под меч и раньше принять венец. Но этот спор прекратил Феодул, – один из этих святых мучеников, – говоря, что тот из них будет первым, кто после всех подставит свою главу под меч: если, видя пред собою усекновение и смерть всех остальных друзей своих, не убоится нимало, не проявит никакой скорби, не изменится даже в лице, то он поистине явится славнейшим подвижником и победителем. Все согласились со словами Феодула. Прежде всего они воспели общую песнь к Богу:

– «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих» (Пс.123:6–7). Потом, придя на названное место, каждый из них произнес следующую молитву:

– Прости, Господи, рабам Твоим и приими пролитие крови нашей за нас и за наших сродников и друзей, и за все отечество, пусть освободятся от тьмы неведения и светлыми очами узрят христианскую веру, и познают Тебя, Истинного Света, Царя Вечного!

После их молитвы, стали отсекать им одному за другим святые и победоносные головы, души же их с радостью восходили ко Христу Богу. После их усечения, когда ушли мучители, некоторые из христиан, оставшись на том месте, собрали святые тела мучеников и погребли с честью[8667].

По окончании гонения, когда воссияло опять благочестие, блаженный Павел, епископ города Гортины, прибыв в Константинополь, испросил позволения перенести тела святых из места Алония, – в котором они были погребены после усечения мечом, – в Гортину. Возвратившись в Крит и прибыв на место Алоний со множеством христиан, из которых некоторые были при страданиях святых, и очистив лежащую на них землю, он нашел тела их как бы во влаге, сохранившиеся волею Божией – неповрежденными и целыми, и перенес их со славою, в охранение городу и на помощь всем, в ней нуждающимся. Их

молитвами да сподобимся и мы стать участниками уготованных им небесных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Денница возсия мучеников честное страдальчество, предозаряющее нам в вертепе раждаемаго, егоже Дева безсеменно роди.

Память святого Павла, епископа Неокесарийского

Память 23 декабря

Святой отец наш Павел, будучи епископом Неокесарийским[8668], настолько прославился добродетелями, что дивное имя его стало известно Ликинию[8669], царствовавшему тогда в Никомидии. Ликиний, начавший жестокое гонение против христиан, потребовал Павла к себе. И когда посланные представили святого на суд царя, то, прежде всего, старались подействовать на него угрозами и томили голодом, а потом начали бить его. Все это святой мужественно переносил, и все удивлялись его терпению. После того подвергли его еще такой пытке: раскаленный железный обруч, испускавший огненные искры, ковач посредством клещей положил святому на ладонь, а другою его ладонью прикрыл этот обруч и, стянув скобами обе его руки, держал пока не остыло железо. От того двигательные мускулы в руках святого свились и омертвели, так что пальцы его уже не могли ни сгибаться, ни разгибаться. Затем преподобного отца связали и отвезли к берегам реки Евфрат и там заключили в темницу.

Когда император Константин Великий, оставив Рим, окончательно воцарился на востоке и в указе по этому случаю выразил желание, чтобы все его подданные были христианами, тогда всем, кто за имя Христово был в изгнании и заточении, дарована была свобода, и каждый возвращался на свою родину. Тогда же и святой отец наш Павел, тоже отпущенный на свободу, занял свой святительский престол и просиял благочестием, как и прежде, когда был еще отшельником, присутствуя наряду с прочими 318 святыми отцами на I Вселенском соборе, бывшем в Никее[8670], святой Павел был там одним из тех, которые носили на теле своем язвы[8671] Господа Иисуса: из присутствовавших на соборе отцов иные лишены были рук, иные – ушей, иные – носа, другие – глаз, или имели какое-либо другое повреждение на теле; одни за Христа претерпели биение, преломление костей, истерзание суставов,

другие перенесли огненное опаление и строгание телесных своих членов. Среди них и блаженный Павел являлся доброчестным страдальцем за веру Христову, так как и он имел на себе следы палочных побоев и святые руки его обожженные были сведены и не действовали. Собор составлен был против злочестивого еретика Ария, который Божественным судом тогда был предан проклятию. После собора отцы представлялись царю. Блаженный царь Константин при этом взял руки блаженного Павла и, облобызав их и прикладывая к глазам своим и другим членам своего тела, возгласил:

– Велика наша радость приветствовать того, кто так пострадал за Христа Бога нашего, и целовать эти сожженные руки, теперь беспомощные.

Возвратился потом блаженный Павел в свой город на святительскую кафедру и, после многих лет управления паствою с миром отошел ко Господу.

Житие и страдание святой преподобномученицы Евгении

Память 24 декабря

В седьмой год царствования римского императора Коммода, наследовавшего престол после отца своего Марка Аврелия[8672], был назначен правителем всего Египта некий знаменитый вельможа, по имени Филипп. Получив такое назначение, Филипп переехал со своей женой Клавдией и с детьми из Рима в Александрию. У него было два сына, Авит и Сергий, и единственная дочь, Евгения, прекрасная лицом и целомудренная духом, о житии которой и предлагается настоящее повествование.

Филипп управлял Египтом по римским законам и по обычаям предков. Он очень не любил чародеев, волшебников и всячески преследовал их. Также он не любил и евреев, даже до того, что не мог слышать еврейского имени. Милостивее всего он относился к христианам и, хотя изгнал их из Александрии по царскому приказу, однако, позволил им мирно селиться и служить своему Богу в предместьях этого города. Филипп уважал христиан за чистоту их жизни и мудрость. Сам он охотно занимался греческой философией, в которой воспитывал и свою дочь Евгению, желая, чтобы она приобрела хорошие познания в философии. Кроме того, Филипп обучал Евгению свободно и красиво говорить на латинском и греческом языках. Обладая ясным умом и прилежанием, Евгения легко преуспевала в науках. Что она раз слышала или читала, то уже всегда твердо помнила, храня в своем сердце так, как бы это было вырезано на медной доске. Была она также прекрасна лицом и стройна телом, но еще лучше и прекраснее – целомудрием своих мыслей и девственной чистотой. Поэтому один из знатнейших римских сановников Аквилин пожелал обручить ее в невесты своему сыну Аквилию. Но когда родители спросили её, согласна ли она выйти замуж за этого благородного юношу, то Евгения ответила:

– Мужа надо избирать себе лучшего по жизни, а не по происхождению, ибо с ним придется жить, а не с родом его.

Также и другие благородные и богатые юноши желали обручиться с ней, но она отказывала всем, под видом того, что ей не угоден их образ жизни, а на самом деле избегая супружества из любви к девственной чистоте, ибо ее единственное желание и забота заключались в том, чтобы пребывать в девстве.

Так приуготовлялся прекрасный и чистый сосуд к принятию Божественного мира, и вскоре истинная вера последовала за ее добрыми делами, и Евгения чистой приступила к чистому источнику благочестия. Началом ее обращения к Богу послужило следующее событие. Случайно или, лучше сказать, по Божественному произволению, ей пришлось читать книгу посланий святого Апостола Павла. Внимательно читая и уразумевая ее, Евгения узнала о бытии Единого Истинного Бога, сотворившего вселенную: и тотчас просветился ум ее, который издавна был предочищен и предуготован к принятию Святого Духа. Сердцем она твердо уверовала во Христа, но не смела открыто исповедать Его устами, боясь гнева родителей.

Когда, по царскому повелению, изгнали из Александрии христиан, учение коих Евгения сильно желала услышать, то она выпросила у родителей позволения съездить в одно из своих ближайших поместий, под предлогом отдыха в сельском уединении, на самом же деле для того, чтобы исполнить свое желание. Не подозревая о намерении Евгении, родители отпустили ее в поместье. Проезжая в колеснице со своими евнухами и рабами мимо монастыря, находившегося в одном из христианских поселений, Евгения услышала, как иноки пели за оградой: «Все боги язычников бесы, Господь же небеса сотворил» (Пс. 95:5). Слыша эти слова и устыдившись отеческого заблуждения, она вздохнула из глубины души и сказала двум своим евнухам, из которых одного звали Протом, а другого Иакинфом:

– Вы достаточно обучались со мной наукам; мы вместе постигли учение философов: Сократа, Аристотеля и Платона, известные заблуждения стоиков и мнение Эпикура[8673], а равным

образом прочли и изучили сочинения других софистов и поэтов. Вы, конечно, понимаете, что все это басни, не имеющие за собой ничего, кроме разве обманчивого для многих подобия истины. Не безызвестно нам так же, как хвалятся своей премудростью эллины, из коих одни всячески доказывают, что нет никакого Бога, а другие полагают, что богов много, причем одних богов считают большими, а других меньшими. Христиане же побеждают всех их одним словом, говоря: «Все боги язычников бесы» (Пс. 95:5), ибо вера в этих языческих богов есть настоящее безумие и ведет к погибели. А учение христиан: «Господь же небеса сотворил» (Пс. 95:5), – открыто признает Единого Бога и дает нам познание о нашем всеобщем Господе. Согласно с этим учит и их Апостол Павел, писание которого, доказывающее бытие Единого Бога, я читала вчера и третьего дня. И я верую в слова этого апостола, как очень ясные и достойные доверия, ибо они основывают веру на делах. Апостол в своих посланиях ясно указывает путь ко спасению, и вы, если пожелаете, можете последовать его указанию. Я же не буду больше зваться вашей госпожой, но сестрой и сослужительницей, ибо мы имеем общего Господа и Отца – Бога. Будем же единодушны и единомысленны, как братья, и вместе решим обратиться ко Христу. Я слышала, что христианский епископ Елий построил здесь монастырь, где иноки непрестанно днем и ночью прославляют песнопениями Бога. Епископ поручил обитель некоему пресвитеру Феодору, о чудесных делах которого рассказывают, что он своей молитвой подает прозрение слепым, изгоняет бесов и врачует всякие болезни одним своим словом. Говорят еще, что в этот монастырь ни в каком случае не позволяют входить женщинам. Поэтому, остригите мне волосы, оденьте в мужскую одежду и ночью отведите меня туда. Мы назначим наше возвращение в город поздно вечером, все рабы пусть идут впереди колесницы, а вы двое позади. Я тихо сойду с колесницы и мы скроемся тайно от всех, колесница же возвратится домой пустой, а мы пойдем к рабам Божиим.

Такие слова Евгении, равно как и ее намерение, пришлись по сердцу обоим евнухам, и когда настала ночь, они поступили,

как было заранее условлено. Поздно вечером на обратном пути в город, они тайно спустили Евгению с колесницы, так что никто из рабов этого не заметил, скрывшись, они облекли ее в мужскую одежду, остригли ее девические волосы и направились к монастырю. Не доходя до обители, они увидели приближение блаженного Елия, епископа Илиопольскаго[8674]. В Египте был такой обычай, что когда епископ обходил монастыри и церкви, то народ сопровождал его с песнопениями. Так и здесь с епископом Елием, впереди и позади его, шло около десяти тысяч мужей, певших и восклицавших:

– «Путь благочестивых прям, Ты уравниваешь стезю благочестивых» (Ис. 26:7).

Услышав такие слова, Евгения сказала своим друзьям:

– Вникните в смысл этих стихов и заметьте, как все слова их подходят к нам. Когда мы беседовали об Истинном Боге, мы слышали пение: «Все боги язычников бесы, Господь же небеса сотворил» (Пс. 95:5). Теперь же, когда мы отправились в путь, которым желаем прийти ко Христу, отвратившись от идолослужения, – вот несколько тысяч человек, встречая нас, единогласно поют: «Путь благочестивых прям, Ты уравниваешь стезю благочестивых» (Ис. 26:7). И мне кажется, что это произошло не случайно, но по Божественному произволению. Посмотрим, куда идет этот народ, и если к той же обители, куда и мы направляемся, то присоединимся к ним и пойдем вместе, как бы их друзья.

Присоединившись к шедшему с пением народу, они по пути спросили одного человека:

– Кто этот старец, который едет на осле посреди окружающего его народа?

И услышали в ответ, что это – епископ Елий, христианин от юности своей, возросший в монастыре. Когда его еще отроком посылали принести огня от соседа, он приносил в поле своей одежды горящие угли, и одежда его не опалялась: так угоден был он Богу еще в детстве.

– Несколько дней тому назад, – продолжал спрошенный, – в здешних местах появился некий волхв, по имени Зарий, прельщающий людей разными хитростями и чарами: он

называл обманщиком епископа Елия, о себе же самом говорил, что он добрый наставник, посланный к людям Христом. И вот множество христиан собрались и пришли к отцу нашему, которого вы видите, и сказали: мы слышим, как Зарий утверждает, что он послан Христом, поэтому или приими его в общение с собой, или же, если слова его ложны, отвергни его, и мы последуем за тем из вас, кто выйдет победителем из словесного состязания. Святой епископ Елий согласился на спор с Зарием: он надеялся на Христа, как Зарий на своих бесов. Был назначен день для спора и приготовлено место посреди Илиополя. Волхв Зарий явился со своими волшебными чарами, епископ же пришел с Богодухновенными глаголами и, благословив народ, сказал: «ныне познаете Духа Божия, пришедший во плоти, есть от Бога» (1Ин.4:2). Обратившись затем к Зарию, он начал с ним великое словесное состязание. Но волхв был искусен в своем обмане, горд и бесчинен в речи; он старался победить не силою истины, но бесстыдным многословием. Поэтому кроткий и незлобивый епископ не мог его переспорить, и народ скорбел, что Зарий одолевает епископа в состязании. Заметив это, Елий потребовал, чтобы утихло волнение и сказал народу: надлежит нам ныне последовать указанию Апостола Павла, которое он дает своему ученику Тимофею: «не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих» (2Тим. 2:14). Но чтобы кто-нибудь не подумал, что мы приводим это свидетельство апостола не для выяснения истины, а из боязни, – пусть среди города разожгут костер и мы оба войдем в пламя, и кто из нас не сгорит, тот и есть истинный посланник Христов. Это предложение пришлось по сердцу всему народу, тотчас же разожгли великий костер. Епископ стал звать волхва в пламя, но тот ответил: войди первым в огонь, так как ты предложил это испытание. Осенив себя крестным знамением и воздев руки к небу, епископ вошел в середину костра и простоял там около получаса, окруженный великим пламенем, но нимало не опаленный им: огонь не коснулся ни его волос, ни даже одежды. Он звал и Зария войти в огонь, но тот, устрашившись, попытался убежать. Тогда народ схватил его и насильственно

бросил в огонь. Волхв тотчас же начал гореть и сгорел бы совсем, если бы святой епископ Елий не избавил его от огня полусожженного, но еще живого. После этого изгнали волхва с бесчестием из пределов Илиополя. А епископа, которого вы видите, куда бы он ни пошел, всюду сопровождает народ с Божественным пением.

Внимая этому повествованию, блаженная Евгения радовалась духом, изумлялась, глубоко вздыхала и, наконец, начала усердно просить беседовавшего с нею мужа (имя его было Евтропий):

– Молю тебя, господин мой, возвести святому епископу о нас, желающих обратиться от идолов ко Христу. Мы братья и с общего согласия решили стать христианами и пребывать совместно в этом монастыре, никогда не разлучаясь друг с другом.

– Умолчите теперь об этом, – ответил им муж, – пока епископ не войдет в монастырь и не отдохнет немного от пути, а когда будет удобное время, я, согласно вашему желанию, возвещу ему о вас.

Когда они приблизились к монастырю, навстречу епископу вышли иноки и воспевали: «мы приняли, Боже, милость Твою посреди людей твоих». (Пс. 47:10).

Вместе с епископом и народом вошли внутрь монастыря и Евгения, похожая на юношу своим одеянием и короткими волосами, и ее евнухи. Совершив в церкви Божественную службу, и подкрепившись немного пищей в десятом часу вечера, как это было в обычае у постников, святой Елий почил от трудов и увидел во сне следующее видение: какие-то мужи носили на руках и, как бога, почитали жертвами и поклонением женское изваяние, подобное одной из эллинских богинь. Тяжело было видеть епископу, как люди прельщаются, впадая в идолопоклонство, и он сказал, обратившись к находившейся среди них богине:

– Подобает ли тебе, созданию Божию, быть почитаемой людьми за Бога и принимать от них поклонение, приличествующее одному Богу?

Услышав эти слова, богиня тотчас же покинула поклонявшихся ей мужей и последовала за епископом, говоря:

– Не покину тебя и не отступлю от тебя, пока ты не приведешь меня к Творцу и Создателю моему и не вручишь меня Ему.

Воспрянув от сна, епископ размышлял об этом видении. И вот вошел к нему Евтропий и сказал:

– Владыка! Три отрока, родных брата, единодушно оставляя идолопоклонство и желая быть причисленными к лику служащих Христу в этом монастыре, вошли сегодня вслед за тобою в обитель и со слезами молили меня возвестить о них твоей святыне.

Епископ в великой радости воскликнул:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, сподобившего меня ныне услышать такую радостную весть!

И повелел тотчас призвать к себе тех трех отроков. Когда они одни вошли и предстали перед епископом, святитель сначала произнес молитву, а затем начал по-отечески и с любовью беседовать с Евгенией, расспрашивая об их именах, происхождении и отечестве. В девическом смущении, Евгения смиренно отвечала:

– Родом мы из славного города Рима и отечество наше Рим. Мы братья по плоти. Имя первого из нас – Прот, другой – Иакинф, я же сам зовусь Евгением.

Ласково глядя на нее, епископ Елий сказал:

– Правильно зовешься ты Евгением, Евгения! Имя твое[8675] согласуется с духом твоим, ибо ты имеешь благородную, мужественную душу и во всех отношениях являешься мужем. Крепко держи в уме свое решение, побеждай свою женскую природу, и ты возмужаешь и утвердишься о Христе, ради Которого ты, будучи женой, выдаешь себя за мужа, изменяя женский образ и имя из любви к Богу. Я говорю это тебе, не обличая тебя, не порицая твою женскую природу и не желая отвлечь тебя от твоего намерения, но чтобы ты узнала, какое попечение имеет о тебе Бог, Который открыл мне все, относящееся до тебя, не утаив ничего: кто ты, и как придешь ко мне, и кто еще придет с тобой ко мне. Итак, Евгения,

постарайся явиться не менее мужественной духом, чем своим видом: ибо и это открыл мне Господь мой, что ты уготовила Ему из себя чистый сосуд, непорочно сохраняя свое девство и отвергая соблазны земной жизни.

Обратившись затем к Проту и Иакинфу, святитель сказал:

– Вы рабы по имени, но свободны духом, ибо дух ваш не порабощен ничем земным. Поэтому не я, но Сам Господь Иисус Христос говорит вам: «я уже не называю вас рабами, но друзьями» (Ин.15:15). Блаженны вы ради таковой вашей свободы, но еще блаженнее ради вашего содружества и единения со Христом: ибо вы единодушно согласились взять на себя Его иго, и нисколько не воспрепятствовали блаженной Евгении в ее намерении, но вместе с ней горите духом и желанием служить Господу. И когда она покинет эту жизнь, то и вы вместе с ней удостоитесь от Господа тех же венцов и воздаяния, как и она.

Никто не присутствовал при этой беседе Евгении и евнухов с епископом. Евгении Елий повелел оставаться в мужской одежде, ибо никто не знал ее тайны. И она вместе с евнухами не раньше покинула монастырь, пока епископ крестил их всех и причислил к лику иночествующих.

Теперь узнаем, что произошло с тех пор, как святая вместе с Протом и Иакинфом тайно от рабов сошла с колесницы, и как горевали о ней ее родители.

Колесница пустая продолжала свой путь и уже приближалась к дому, а рабы все шли впереди ее, не подозревая о случившемся. Домашние слуги вышли со светильниками навстречу Евгении. Подойдя к колеснице, они нашли ее пустой и, не видя своей госпожи, были в великом недоумении. Отец ее, мать, братья и все слуги пришли в смущение и повсюду раздались крики, вопли, рыдания и сильный плач. По всему городу начались расспросы, и народ Александрийский удивлялся, что сделалось с дочерью правителя. Многочисленные рабы были разосланы повсюду, чтобы отыскать Евгению. Они обошли не только весь город, но и всю страну Египетскую, и никого не забыли расспросить по пути и в домах: купцов, земледельцев и странников, но нигде не

могли ничего услышать о той драгоценной жемчужине, которую Десница Вышнего хранила до срока в своей сокровищнице.

Родители днем и ночью плакали о Евгении и неутешно рыдали, часто призывая ее имя, терзая свои лица, посыпая пеплом главу и падая на землю от изнеможения и сердечной скорби.

– Евгения, дщерь наша любезная, – взывали они, – свет наш, куда ты скрылась от наших очей? Утешение наше, где утаилась? Надежда наша, неужели ты погибла?

И родители рыдали о своей дочери, братья плакали о своей сестре, рабы же и рабыни проливали слезы о своей госпоже. Все граждане также сожалели о Евгении и сочувствовали горю правителя, как своего доброго господина и властителя. Затем начали вопрошать волхвов и чародеев и приносить идолам многочисленные жертвы, в надежде, не возвестит ли какой-нибудь из богов о погибшей девице. Но и от них не могли ничего узнать. Волхвы и чародеи молчали, будучи лживы и несведущи, идолы же, будучи бездушны. Наконец, кто-то из жителей Александрии выдумал басню для утешения правителя, а именно: утверждали, что им открыто, будто боги возлюбили красоту Евгении, похитили ее на небеса и сопричислили к себе. Огорченный отец поверил этой басне, немного утешился в печали и с трудом изменил свой плач на радость. Он тотчас же велел вылить из золота идола, похожего на его любимую дочь, поставил его на видном месте в Александрии и начал всенародно почитать Евгению, как новую богиню новыми празднествами и приношением многочисленных жертв. И этим он думал утешить свою печаль. Однако мать Евгении Клавдия и братья, Авит и Сергий, не поверили басне и продолжали непрестанно и неутешно плакать о Евгении.

Тем временем, блаженная дева, скрывшаяся под мужской одеждой и именем и считавшаяся мужчиной по суровому образу жизни, жила в упомянутом монастыре, усердно проходя иноческое послушание и служа Богу. Она так преуспела в Божественном учении, что через два года знала уже наизусть все Священное Писание: миром же душа ее была столь преисполнена, что все почитали ее за одного из Ангелов. Никто

не мог узнать о ее женской природе, которую скрывала сила Христова и непорочное девство, а по своей жизни и совершенных мужей она приводила в удивление. Речь ее была смиренна, приветлива, кротка и немногословна, исполнена страха Божия и назидания. Никто не приходил раньше ее к церковной службе и никто не уходил после нее. Всем она была на пользу и назидание: скорбящих утешала, с радующимися радовалась; отдавшихся гневу и ярости смиряла одним словом; на горделивого же так действовал вид ее смиренного жития, что сразу смирял его гордость и делал кротким.

Спустя немного времени, она получила от Бога дар чудотворений. Когда она посещала какого-нибудь больного, то тотчас уже самым ее пришествием прогонялась болезнь и подавалось больному полное здравие. Два евнуха ее – Прот и Иакинф пребывали с ней неотступно и были подражателями ее жизни, ее верными рабами и друзьями.

Спустя три года по ее обращении к Богу, скончался игумен того монастыря, и собравшаяся братия стали единодушно молить блаженную, чтобы она была их игуменом: они не ведали той охраняемой Богом тайны, что их Евгений по природе не муж, а жена. Они видели ее мудрое, непорочное и Богоугодное житие, несравненно превосходящее житие всех постников этого монастыря, и поэтому долго молили и понуждали ее принять начальство над ними. С одной стороны опасаясь, что ей, как жене, неприлично и противозаконно управлять мужами, с другой же – стыдясь обмануть и отвергнуть усердное моление стольких честных иноков, святая сказала им:

– Молю вас, братия, принесите сюда Святое Евангелие.

И когда оно было принесено, она продолжала:

– Подобает христианам о всяком избрании прежде всего вопрошать Самого Господа Христа. Посмотрим, что нам повелит Христос в этом деле и будем повиноваться Его изволению.

Когда в присутствии всей братии разгорнули Евангелие, то нашли следующие слова: «а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20:26–27).

По прочтении этих слов, святая возгласила:

– Вот я повинуюсь повелению Христову и вашей просьбе. Пусть буду я слугой и рабом вашей любви.

И все обрадовались ее согласию. И принял мнимый Евгений, на самом же деле Евгения, игуменство в том монастыре, и стал для всех как бы пленником и рабом, непрестанно трудящимся на всю братию, носящим воду, рубящим дрова, чистящим все келии и с великим усердием служащим всем. Для своего пребывания Евгения выбрала келью вратаря, чтобы превосходством келий не показать себя выше других. Трудясь по монастырским делам, она никогда не пропускала обычного церковного правила, т.е. утрени, часов (а в особенные дни Литургии) и вечерни. И казался ей понапрасну погубленным тот час, в который бы она не воздала хвалы Богу, и она тщательно наблюдала за тем, чтобы и час один не прошел без славословия Божия. В руках у нее была работа, а в устах непрестанная молитва. И получила она власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их из людей, и дана была благодать ей творить иные чудеса, подробно рассказать о которых не достанет и времени. Но расскажем, как началось гонение на святую, а также и прочее время и конец ее жизни и страданий.

Была в Александрии одна женщина, по имени Меланфия, богатая имуществом, но нищая добрыми делами. Она заболела лихорадкой и страдала ею больше года. Поместье ее находилось вблизи от монастыря, где жила Евгения. Услышав однажды, что инок, по имени Евгений, исцеляет всякие болезни, она поспешно отправилась к нему и молила исцелить ее от недуга. Сжалившись над ней, Евгения помазала ее святым елеем, и она тот час же извергла все, что было внутри ее вредного, причинявшего ей болезнь, и, выздоровев, пешком вернулась в свое поместье. Спустя немного времени, она приготовила три сосуда из чистого серебра и, наполнив их деньгами, послала к своему бескорыстному врачу в благодарность за полученное исцеление. Но Евгения не приняла подарка и отослала к ней обратно, сказав:

– Мы изобилуем и преизобилуем всеми благами о Боге нашем. Советую же тебе, возлюбленная Меланфия, раздать все это нищим и нуждающимся.

Увидев свои дары возвращенными, Меланфия очень опечалилась. Придя в монастырь, какими только мольбами она ни молила и какими просьбами ни понуждала Евгению не отказываться от принесенных даров! Наконец, ей с трудом удалось умолить настоятеля Евгения, чтобы он повелел отнести сосуды в церковную сосудохранительницу, где хранились вещи для церковного служения.

С этих пор Меланфия стала часто посещать Евгения, и возымела сильную любовь к нему, не зная того, что под мужскою одеждою и именем скрывалась женщина. Видя его столь юным и прекрасным, Меланфия не думала, чтобы такой юноша мог всегда жить в чистоте, свое же исцеление она стала приписывать не святости, а его врачебному искусству. И вот со дня на день она стала разгораться все большим и большим желанием вступить с ним в плотскую связь и искала только удобного времени и места, чтобы исполнить свое желание. И вот однажды, находясь в своем поместье недалеко от монастыря, Меланфия, распалившись нечистой похотью к юному черноризцу, притворилась больной и послала к нему с просьбой посетить ее наедине и помочь ей, как и в первый раз.

Придя к ней, блаженная Евгения села перед постелью Меланфии, страдавшей не болезнью, но плотским вожделением. Взирая на лицо Евгения, Меланфия была не в силах далее скрывать в себе таившийся и долго разжигавший ее огонь. Она раскрыла свои бесстыдные уста и начала любодейную речь, прельщая его и увлекая ко греху, как некогда увлекала Иосифа египтянка, жена Пентефрия (Быт. 39:7–20).

– Я объята нестерпимым желанием и любовью к тебе, говорила она, – и мой дух не может успокоиться, пока ты не согласишься стать господином над всем моим имуществом, а для меня супругом. Для чего ты напрасно умерщвляешь себя ненужным воздержанием и самовольно губишь в нищете и нужде дни твоей юности, в такой сильной степени изнуряя тело и иссушая красоту лица? Вот громадные имения, вот множество золота и серебра, драгоценных камней и дорогих одежд, великое число рабов и рабынь! Вот, наконец, ты видишь и меня, юную прекрасную, овдовевшую только в этом году, к тому же

бездетную, так что нет наследника моим богатствам. Наследуй им сам и стань моим господином и владыкой.

Все это и еще многое другое говорила Меланфия, прельщая Евгению. Но преподобная Евгения, стыдясь бесстыдства этой блудницы, грозно ответила ей:

– Замолчи, жена, замолчи! И не пытайся повредить мне ядом древнего змия. Я вижу, что ты соделала из себя великое жилище диавола, отступи от слуг Божиих, искусительница, богатства же твои пусть наследуют подобные тебе любострастники; наше же богатство заключается в убожестве со Христом. Что же касается до брака, то да не помыслит даже ум наш когда-нибудь о плотских наслаждениях. О блаженная чистота, не продадим тебя за тленные богатства! О святое девство, не оскверним тебя любодеянием! О Матерь Божия и Дева, на Которую уповаю, не изменю я своим обетам! Один у нас брак – наша любовь ко Христу, одни у нас богатства – блага, уготованные на небесах, одно наследство – познание истины!

Сказав это, блаженная тотчас же встала и ушла в свой монастырь, Меланфия же, исполнившись невыразимого стыда, а вместе с тем и гнева, отправилась в город и, явившись к правителю, сказала ему:

– Некий христианский юноша, выдающий себя за врача и живущий в монастыре недалеко от моего поместья, пришел ко мне в дом, и я позволила ему войти в мою горницу для врачевания. Но он, считая меня за одну из бесчестных и бесстыдных женщин, начал понуждать меня к дурному делу, сначала льстивыми словами, а затем хотел употребить насилие; и если бы я не закричала и рабыня не поспешила прибежать на мой зов, то этот бесстыдный юноша наверное бы осквернил меня насилием, как варвар пленницу.

Такие слова Меланфии привели правителя в сильный гнев, и он тотчас же послал слуг, чтобы взять не одного только юношу Евгения, называемого врачом, но и всех, живущих с ним, и, заковав их в железные оковы, держать в узах. Но так как одна темница не могла вместить всех иноков, находившихся с Евгенией, то их распределили по разным темницам. Слух об этом событии распространился не только по всей Александрии,

но и по окрестным городам, и много оскорблений и поношений вынесли христиане от язычников, ибо все слышавшие рассказ Меланфии верили в истинность слов ее, так как она славилась среди язычников честностью и благородством происхождения.

Назначили день, когда должны были совершиться суд над иноками и казнь их, некоторых из них правитель хотел отдать на съедение зверям, других сжечь огнем, иных повесить на дереве, а прочих погубить разными другими мучениями. И вот, когда наступил назначенный день, сошлось множество народа не только из города, но и изо всех его окрестностей. Собралось также весьма много христиан, среди коих было много пресвитеров и несколько епископов: они пришли, чтобы увидеть кончину неповинных рабов Божиих (христиане были уверены в ложности клеветы), взять останки их и предать честному погребению.

Как только пришел правитель Филипп со своими сыновьями Авитом и Сергием, и сел на обычном месте, предназначенном для судьи, тотчас же привели на середину позорища блаженную Евгению, тайну которой никто еще не ведал, с ее евнухами и прочими иноками, закованными в тяжелые железные оковы. Тогда народ громко закричал:

– Пусть погибнут эти нечестивые беззаконники!

Правитель же повелел, чтобы подвели ближе к нему для испытания начальника злых (как они говорили), непорочную агницу Христову, чтобы положили перед ней все орудия мучений и чтобы предстали готовые и грозные палачи.

И стояла святая Евгения на суде перед отцом своим и братьями, неповинная ни в каком зле, скрытая под мужской иноческой одеждой и низко опустив главу, чтобы не быть тотчас же узнанной. Обратившись к ней, правитель грозно спросил:

– Скажи нам, беззаконный христианин, так ли заповедал вам ваш Христос, чтобы вы творили скверные дела и хитростями склоняли честных женщин на исполнение ваших дурных вожделений? Скажи нам, нечестивец, как дерзнул ты войти в дом светлейшей госпожи Меланфии и понуждать ее благороднейшую чистоту к осквернению? Лукаво выдавая себя за врача, ты оказался врагом и насильником. И вот ты примешь

достойную казнь за твое бесстыдное и дерзкое намерение, и, будучи злым, погибнешь злою же смертью.

Так с сильным гневом говорил правитель, а блаженная Евгения кротко отвечала ему:

– Господь мой, Иисус Христос, Которому я служу, учит чистоте и обещает вечную жизнь хранящим непорочное девство. Мы можем тотчас же показать, что Меланфия ложно обвиняет нас. Но лучше, чтобы мы сами пострадали и не потеряли плодов нашего терпения, нежели чтобы ей, побежденной и обличенной, пришлось претерпеть какое-либо зло. Впрочем, если ты поклянешься мне именем твоих царей, что не причинишь этой лжесвидетельнице никакого зла, то мы сейчас допросим ее о грехе, в котором она нас неповинно обвиняет, и увидим, что она сама окажется в нем виновной.

После того как правитель поклялся ей и обещал исполнить просимое, Евгения сказала, обратившись к Меланфии:

– Меланфия, самое имя[8676] твое свидетельствует о черноте и помрачении! Много различных мучений уготовала ты христианам своей ложной клеветой. Что же, настаивай, чтобы нас терзали, жгли и били! Но убедись, что не таковы у Христа рабы, какими ты их ложно показываешь. Приведи же ту рабыню, которую ты назвала очевидицей нашего греха, чтобы из ее уст изобличилась ложь и стала явной истина.

Но приведенная рабыня прибавила ложь ко лжи, чтобы угодить своей госпоже, ибо как же она могла сказать что-либо против нее.

– Я знаю, – говорила она, – что этот бесстыдный юноша часто грешит с простыми женщинами, он дерзкий, многократно приставал и ко мне, и, наконец, осмелился посягнуть и на мою госпожу. Войдя в ее спальню в первом часу дня, он сначала беседовал с нею, как врач, заботясь о здоровье, затем начал говорить бесстыдные речи и, наконец, хотел произвести над ней насилие, и, вероятно, совершил бы свое беззаконное дело, если бы я поспешно не созвала других служанок и не избавила нашу госпожу от рук этого блудника.

Судья велел призвать других прислужниц, но и те также свидетельствовали против инока Евгения, помогая своей

госпоже. Тогда правитель в сильном гневе воскликнул:

– Что можешь ты возразить им, нечестивец, когда столько свидетелей побеждают тебя и изобличают твое беззаконие?

– Теперь настало время говорить, – ответила святая Евгения, – ибо кончилось время молчания. Настало время свободно исповедать истину, чтобы не торжествовала безмерно возводимая на нас ложь и не ходили среди язычников худые слухи о христианах. Поистине я желала сохранить мою тайну до конца моей жизни, и тем обличить на будущем суде Христовом возводимую на нас ложь и доказать мою чистоту перед Тем, из любви к Которому я ее хранила. Что до этих пор я тщательно старалась утаить, то теперь мне придется обнаружить для того, чтобы беззаконие не торжествовало над невинностью и языческое нечестие не глумилось над благочестивой и целомудренной христианской жизнью, и не насмехалось над нею. Я открою истину не из тщеславия, но для прославления имени Иисуса Христа; ибо такова сила сего святого имени, что и жены, живущие в страхе Божием, сподобляются достоинства мужей, и люди одного пола не могут быть верой выше людей другого пола, как говорит учитель христианский Апостол Павел: нет у Бога различия между мужем и женой, «ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Так и я пожелала ради Христа, в Которого уверовала, Которого всей душой возлюбила и на Которого возложила все мое упование, по жизни и по внешнему виду быть скорее мужем, чем женой, соблюдая свое девство единому чистейшему и нетленному Небесному Жениху.

Говоря так, она разодрала сверху свою одежду, обнажила часть своего святого и чистого девического тела и правитель увидал, что она женщина. Тогда Евгения сказала ему.

– Господин мой, ты мой отец по плоти, Клавдия же – моя мать, а сидящие с тобою Авит и Сергий – мои братья. Сама же я – дочь твоя Евгения, отрекшаяся от мира и всех его наслаждений из любви ко Христу, вот Прот и Иакинф, мои евнухи, вместе с которыми я приняла учение Христово. И такую благодать явил на мне Христос, что по Своему милосердию сделал меня победительницей всех похотей и страстей, и я

непоколебимо верую, что Он и до конца сохранит меня такою же, какая я теперь.

Она еще не успела докончить своей речи, как отец и братья на основании ее слов, а также и по некоторым чертам ее лица (ибо они пристально всматривались в нее) признали, что она действительно Евгения. Тотчас же, в несказанной радости и со слезами, они вскочили со своих мест и бросились к ней, обнимая ее, целуя, плача от радости и веселясь, что внезапно нашли Евгению, без которой и самый свет мира сего перестал быть им приятным. Тотчас же было возвещено и матери ее, Клавдии, что дочь ее Евгения нашлась. Та поспешно пришла и чего только ни делала, увидев свою возлюбленную Евгению, какими ласковыми словами ни осыпала ее, смотря на свою дочь, как бы на воскресшую из мертвых. Видя происшедшее, народ изумлялся и громко взывал:

– Един Христос, Един истинный Бог, Бог христианский!

А множество христиан, пришедших со своими епископами и пресвитерами для погребения тел мучеников, также пели, исполнившись несказанной радости: «Десница Твоя, Господи, прославилась силою; десница твоя, Господи, сразила врага. Кто Бог так великий, как Бог наш открывает сокровенное и тайное изобличает, он уловляет мудрецов их же лукавством» (Исх. 15:6; Пс. 76:14; Иов. 5:13).

Затем принесли златотканые одежды с драгоценными украшениями, в которые родители и братья Евгении против ее воли облекли ее, и посадили на высоком месте, чтобы все ее видели и вместе с ними радовались обретению утраченной. Тотчас же освободили от оков иноков, находившихся в узах вместе с Евгенией, обласкали их и стали почитать, как истинных рабов Христовых.

Меланфия же исполнилась великого страха и стыда, и не успела еще она уйти с места суда, как огонь ниспал с неба на ее дом и сжег его до основания со всеми богатствами и сокровищами, так что не осталось и следа от чего-либо. И была великая радость для всех верующих в Александрии и во всем Египте, – особенно же, когда крестился и уверовал в Господа нашего Иисуса Христа сам правитель Филипп с женой, с

сыновьями и со всем домом, великое множество язычников приняло тогда святое крещение, и мир был возвращен Христовой Церкви.

Вскоре после этих событий правитель Филипп послал царям Северу и Антонину[8677] послание, в котором писал, что для царства Римского неполезно изгонять из городов христиан, весьма нужных для общего блага народа. Цари послушались его совета и во всех египетских городах христиане вернули себе свои места, земли, храмы и достоинства, пользуясь миром, – и христианское благочестие процветало.

Но святыню всегда сопровождает зависть врага, и грех воюет против добродетели. Так и теперь некоторым знатнейшим идолопоклонникам Александрии тяжело было видеть, как со дня на день умножалось число христиан, а число поклоняющихся идолам все более и более сокращалось. Наученные своим отцом сатаною, они отправились к царям с клеветой на правителя Филиппа.

– Целых девять лет, – говорили они, – Филипп хорошо управлял Египетской страной и строго соблюдал царские законы. Но мы не знаем, что с ним теперь сделалось: так он изменился. Он оставил служение богам наших отцов и весь народ влечет за собой к поклонению Тому, Кого (как все утверждают) иудеи казнили в Палестине, распяв на кресте. Нет более уважения и должного повиновения вашим царским законам. Всем нам он предпочел нечестивых христиан, из которых многие, посещая храмы наших богов, осыпают их бесчисленными хулами, называют их деревом, бесчувственными камнями и бездушными идолами.

Такими и подобными речами они подвигли на гнев против Филиппа обоих царей, которые и прислали ему следующее послание:

– Божественнейший царь, правивший до нас и знавший твое благочестие и почитание отеческих римских богов, поставил тебя в Александрии не правителем, но как бы царем Египта, и узаконил, чтобы ты до самой смерти своей бессменно владел этой страной и чтобы никто другой не был поставлен на твое место. Эту честь и мы соблюдали неприкосновенно, но

только до тех пор, пока ты был другом и служителем богов. Но теперь мы слышим о тебе, что ты и богов оставил, и к нам являешься нерасположенным. Поэтому мы повелеваем, чтобы ты или вернулся к прежнему почитанию римских богов и тогда продолжай по-прежнему наслаждаться почестями и славою, или же, если не перестанешь отвергать богов, тотчас оставь свой сан и откажись от своих имений.

Прочитав царское послание, правитель сказался больным, чтобы успеть продать все свое имущество и раздать его – частью церквам, – частью же нищим.

Блаженный Филипп обладал даром красноречия и многих знатных эллинов убедил и обратил в христианство своими речами, а малодушных и колеблющихся в вере укрепил и утвердил.

Когда же имение его было распродано и роздано, он снял с себя сан правителя и тотчас же все Александрийские христиане избрали его себе в епископы. Спустя некоторое время, прибыл на его место из Рима другой правитель, по имени Терентий, который хотел убить Филиппа, но боялся народа, ибо все были готовы пожертвовать жизнью за своего епископа. Поэтому он нанял тайных убийц, которые, войдя к святому и застав его одного, молящегося Богу, ударили его мечами и, выйдя вон, скрылись. Это тотчас же сделалось известным по всему городу, и всюду распространился великий плач, вопль и смятение. Боясь, как бы народ не понял его коварства, Терентий велел немедленно разыскать убийц и заключил их в темницу, связав тяжелыми оковами, как бы намереваясь предать их жестоким мучениям и казни. Блаженный же епископ Филипп прожил три дня после полученных ран и, скончавшись о Господе мученической кончиной, сподобился и мученического венца. В служении епископом он пробыл год и три месяца. Погребли его внутри города на месте, известном под названием Изиум, в построенной им самим церкви.

Продержав убийц некоторое время в темнице, правитель Терентий отпустил их на свободу, как бы по царскому повелению, и тогда все поняли, что святой епископ убит по его приказанию. По смерти отца, святая Евгения собрала вокруг

себя христианских дев и продолжала вместе с ними служить Богу, проводя девственную жизнь, мать же ее, Клавдия, построила обширный странноприимный дом и посвятила себя служению странникам и больным. Спустя немалое время, она вернулась в свое отечество Рим, захватив с собою обоих сыновей и блаженную дочь Евгению, и поселилась там в своем поместье. Римское правительство благосклонно приняло Авита и Сергия, и один из них был назначен областеначальником в Карфагене[8678], а другой – царским наместником в Африке.

Между тем святая Евгения, живя в Риме, тайно приводила ко Христу и увещевала хранить девство многих дев – дочерей знатных вельмож. В то время в Риме проживала одна юная дева, царского рода, осиротевшая после кончины своих родителей, по имени Василла. Она была поручена до своего совершеннолетия своему дяде Элину, и обручена царями одному известному храбростью и благородством юноше, по имени Помпей. Но брак был отложен на несколько лет, ибо Василла осталась по смерти родителей еще очень юной. Часто слыша об имени Христовом и об Евгении, о ее девственной и целомудренной жизни, и о чудесах, творимых силою Христовой, она возгорелась духом, ибо Господь таинственными путями призывал ее к Своему небесному чертогу. У нее было два желания: узнать достоверно о Христе и увидеть Евгению. Но пойти к ней самой и беседовать с ней она не могла, как из боязни, чтобы об этом не узнал ее жених, так и по причине бывшего в то время в Риме гонения на христиан. Поэтому Василла послала к Евгении преданного ей слугу с просьбой, чтобы та, хотя письменно, возвестила ей о Христе и научила, как должно веровать в Него.

Святая Евгения сильно обрадовалась такому вестнику. Решив вместе с матерью своею и с евнухами, что письмо не может так научить, как слова, исходящие из уст человека, она велела евнухам приготовиться, желая послать их как бы в дар Василле. Посылая их, Евгения писала:

– Вот я посылаю тебе в дар, возлюбленная сестра Василла, двух верных рабов моих, евнухов Прота и Иакинфа, от юности

возросших вместе со мной, и да будут они тебе от меня живым письмом.

Василла с радостью приняла евнухов, по виду рабов, но на деле апостолов Христовых. Беседуя с ней и днем и ночью, они научили ее святой вере, ибо она постоянно со вниманием, радостью и умилением слушала Божественные слова, исходящие из уст их, и всем сердцем уверовала в единого христианского Бога, Создателя всего. Извещенный об этом папа римский, блаженный Корнилий[8679], тайно пришел к ней и окрестил ее во имя Святыя Троицы. Затем и дядя ее Элин уверовал во Христа, так что Василла легко могла видеться с Евгенией и наслаждаться святой и приятной беседой с ней. Каждую ночь Евгения невозбранно приходила к ней в дом, под покровительством ее дяди.

Таким образом святая Евгения и блаженная мать ее Клавдия обратили ко Христу много людей. Все римские христианские вдовицы имели прибежище у Клавдии, а девы – у Евгении, и находили у них покой телу и душе. Каждую субботу вечером святой папа Римский Корнилий посылал в дом Клавдии молитвы и псалмы[8680], чтобы они всю ночь молились и славословили Бога, а утром, когда пропоют петухи, он сам приходил к ним, крестил обращающихся ко Христу, совершал Божественную литургию и причащал всех жен Божественных Тайн. И Церковь Божия умножалась и процветала среди гонения, как лилия среди терний. О сколь много святые девы Евгения и Василла обращали к Богу дев, святая Клавдия – жен, а блаженные евнухи Прот и Иакинф – юношей!

Когда же воцарились нечестивые цари Валериан и Галлиен[8681], гонение на христиан усилилось. Цари издали повеление избивать всех учителей христианских, и прежде всего стали разыскивать для убиения святого папу Корнилия.

Встретившись в это время со святой Василлой, святая Евгения сказала ей:

– Господь открыл мне, что ты скоро примешь мученический венец за свое девство.

– Меня Господь также благоволил известить о тебе, – отвечала Василла, – что ты получишь двойной венец

мученический – один за скорби и напасти, перенесенные тобою в Александрии, другой же – за ту кровь, которую ты прольешь в страданиях за Христа.

Тогда блаженная Евгения воздела руки свои к небу и сказала:

– Господи Иисусе, Сыне Вышнего, ради нашего спасения родившийся от Девы, Пречистой Матери Твоей, приведи всех вверенных мне Тобою дев в нетленном девстве в вечное Царство славы Твоей!

Обратившись затем ко множеству сидевших вместе с нею и с Василлою дев Христовых, блаженная Евгения сказала:

– Настало время собирания винограда, когда грозди обрезаются и затем предлагаются в виде вина на царский стол. И нет ни одного сильного царства или высокого сана, которые бы не украшались кровью этих гроздей. Так и вы, мои ветви и грозди моего сердца, будьте готовы для Господа. Девство приближает к Богу, девство уподобляет нас Ангелам, оно мать вечной жизни, подруга святыни, безопасный путь на небо, госпожа радости, вождь силы чудотворения, теплота и венец веры, крепость и утверждение любви. Ни о чем не должны мы так стараться, ни о чем так заботиться, как о пребывании в непорочном девстве, но еще славнее умереть за девство. Что такое суетные и обманчивые наслаждения этого мира, которые, появляясь, причиняют временную радость, а исчезая – вечные страдания; приносят кратковременный смех, чтобы поразить вечным плачем; показывают скороувядающие цветы удовольствий, чтобы доставить непреходящие горести; обещают счастливую жизнь в настоящем веке, чтобы в будущем предать вечным мукам. Ради всего этого, о возлюбленнейшие девы, доныне подвизавшиеся со мной девственным подвигом, продолжайте пребывать в любви Господней, как начали. Наступили для вас дни временного плача, чтобы вы могли возвеселиться и возрадоваться в вечности. Я же предаю вас Святому Духу и верую, что Он соблюдет вас чистыми и непорочными. Не старайтесь более увидеть мое плотское лицо, но смотрите духовными очами на мои дела и поступки.

Преподав им такое увещание, Евгения поцеловала каждую из них и утешила плачущих, помолившись затем вместе с Василлой и поцеловавшись, они разошлись. В тот же день одна из рабынь святой Василлы отправилась к жениху своей госпожи, Помпею, и сказала ему:

– Господин мой, я знаю, что цари обещали тебе в супружество мою госпожу, и ты вот уже более шести лет дожидаешься ее совершеннолетия и не заключаешь брака. Я пришла теперь известить тебя, что тебе уже не придется вступить с ней в брак, ибо дядя и воспитатель ее – христианин, и сама она всей душой обратилась в христианскую веру и теперь гнушается не только тобой, но и всем миром. У нее есть два евнуха, присланных ей Евгенией, и она почитает их, как своих господ, ежедневно целуя у них ноги, как бы у бессмертных богов. Эти евнухи и суть учители христианского волхвования.

Рассказ рабыни привел Помпея в сильнейший гнев, вскочив с места, он тотчас же отправился к Элину, воспитателю Василлы.

– На этих днях, – сказал он ему, – я решил вступить в брак. Поэтому, позволь мне повидаться с девицей, которую непобедимые цари даровали мне в супруги.

Воспитатель сейчас же догадался, что Помпей узнал об их обращении ко Христу, и ответил:

– Пока Василла была мала и неразумна, до тех пор я берег ее и хранил, как зеницу ока, и воспитывал подобающим образом. Но теперь она уже приходит в совершенный возраст и разум, и по знатности своего происхождения хочет быть совершенно свободной и никому неподвластной. Поэтому не в моей власти позволить тебе увидеться с ней: это зависит от ее собственного согласия.

Разгневавшись еще больше, Помпей пришел к жилищу Василлы и начал стучать в двери, повелевая привратницам возвестить о нем Василле.

Но, узнав об его приходе, Василла не впустила его к себе. «Не подобает юноше, – ответила она, – вести беседы наедине с девицей, девице же неприлично даже смотреть на мужское

лицо. К тому же я не знаю, с каким умыслом пришел ко мне Помпей».

Удалившись со стыдом, Помпей упросил некоторых вельмож и вместе с ними бросился к ногам царей с жалобой на свою невесту и на Евгению.

– О светлейшие цари, – сказал он, – помогите своим римлянам и изгоните из города веру в нового Бога, проповедуемого Евгенией. Издавна наносят вред народу эти люди, именующие себя христианами. Они попирают наши законы, презирают наших богов, как бы суетных идолов, и искажают законы самой природы, не позволяя невесте выходить замуж за обрученного ей жениха. Если не будет браков, то откуда же будут рождаться люди, а если они не будут рождаться, то над кем же вы будете властвовать? Откуда будут войска и сила римского народа? Кто будет побеждать врагов? Как будет существовать наше отечество, и как сложится жизнь человеческая?

Много и другого в этом же роде говорил Помпей, обливаясь слезами. Царь Галлиен со всеми своими вельможами сжалился над ним и тотчас же издал повеление, чтобы дева Василла или согласилась выйти замуж за своего жениха, или же была казнена мечом. Относительно же Евгении повелел, чтобы она принесла жертву богам, или погибла в мучениях. Кроме того, царь повелел, чтобы все христиане предавались смерти, – и не одни только христиане, но даже и те, которые бы дерзнули укрывать у себя христиан, также подвергались бы казни.

Когда царское повеление дошло до святой девы Василлы, она громко и бесстрашно ответила:

– Мой жених – Царь царей, Христос, Сын Божий, и кроме Него я не хочу знать другого, тленного мужа.

После этих слов ее сейчас же закололи мечом. Взяты были также и два святые евнуха, Прот и Иакинф, и их повлекли к идольскому храму для поклонения скверному богу Дию[8682]. Но едва святые успели войти в храм, как идол упал к их ногам и рассыпался в прах и пепел. Правитель города, Никитий, узнав об этом, повелел отсечь им головы, полагая, что они своим чародейством сокрушили бога Дия. Святую же Евгению он

вызвал к себе и начал ее расспрашивать о волшебном искусстве. Отвечая ему, святая стала подробно и премудро рассказывать о Едином Истинном Боге, самого имени Которого бесы боятся и трепещут, так что падают вместе с идолами. Не обращая внимание на ее слова, правитель приказал отвести ее в храм Дианы для принесения жертвы, но она еще не успела вступить в него, как храм разрушился вместе с идолом. Узнав об этом, царь велел бросить ее в реку Тибр, с привязанным на шею камнем. Но когда это было исполнено, камень тотчас же отвязался и святая пошла по воде, как по суше. Тогда ее снова схватили и ввергли в сильно разожженную печь, но печь внезапно остыла, нимало не повредив святой, которая вышла из нее совершенно целой. Затем ее бросили в глубокий и мрачный ров и в течение десяти дней морили голодом, но луч Божественной благодати не переставал озарять святую и посылалась ей с неба пища. Во рву явился Евгении Господь наш Иисус Христос и сказал:

– Я твой Спаситель, Которого ты возлюбила и любишь всей душой и всем сердцем, и ради Которого ты терпишь эти страдания. Я облеку тебя великою славою и исполню неизреченною радостью. Да будет знамением для тебя и то, что Я прииму тебя в Свои небесные селения в тот самый день, когда Я родился на земле из чистой, девственной утробы.

Неизреченною радостью наполнило сердце святой девы это явление Господне, и она стала радостно ожидать времени своего разлучения с телом. В самый день Рождества Христова был послан к ней в ров палач, который и умертвил ее мечом[8683].

Так приняла конец временной жизни и своих земных страданий, начало же жизни вечной и блаженной, святая и преподобная дева Евгения. Блаженная мать ее Клавдия со своими домашними взяла ее святое и честное тело и погребла в родовом поместье, недалеко от Рима, где святая Евгения при жизни погребала тела многих верующих.

Когда однажды ночью мать плакала на ее гробнице, святая Евгения явилась ей со множеством других дев, окруженная великой славой, и сказала:

– Радуйся и веселись мать моя, что Христос ввел меня в радость святых, отца же моего в число патриархов: в воскресный день Он примет и тебя в вечное веселие. Заповедуй сыновьям твоим, моим братьям, чтобы они до конца свято соблюдали звание христианское, принятое в крещении, чтобы они не только телом, но и духом были мне братьями, и чтобы мы таким образом принесли весь наш род в благоприятный дар Богу.

Когда святая говорила так своей матери, стали слышны голоса множества святых Ангелов, поющих и славящих Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же и от нас грешных да будет слава и хвала вовеки. Аминь.

Память преподобного Николая монаха

Память 24 декабря

Преподобный отец наш Николай был первоначально воеводою при царе греческом Никифоре[8684] и имел под своим начальством много воинских полков. Однажды, когда царь Никифор воевал с болгарами, Николай также выступил в поход со своими воинами: к вечеру, он вошел в гостиницу, поужинал вместе с гостинником и, помолившись, лег спать. Но вот во вторую и третью стражу ночную[8685] дочь гостинника, возбужденная сатанинским пожеланием на грех, тихо подошла к постели воеводы, разбудила его и стала увлекать на любодеяния грешными речами.

– Отступись от своего сатанинского неистового вожделения, девица, – сказал ей воевода, – и не желай осквернить свое девство, меня же окаянного низвергнуть в глубину ада!

Немного устыдившись, она отошла, но, спустя недолго, опять приступила к нему, склоняя на грех целомудренного мужа. Воевода ее снова отослал, но она в третий раз пришла к нему, распаляемая от беса блудною похотью. Тогда блаженный воевода сказал ей:

– О окаянная, исполненная всякого бесстыдства и неистовства, раба своих страстей! Не видишь ли, что бесы возмущают тебя, желая растлить твое девство и сделать тебя посмешищем и позором для всего рода твоего и для всех людей, душу же твою ввергнуть в вечную муку? Не видишь ли также, что я, недостойный, иду на кровопролитную войну с чужим народом? Как же я оскверню свое тело, идя на брань! Нет, Бог мне поможет, и я не осквернюсь!

Это и еще многое другое сказал он бесстыдной девице и со стыдом отослал ее от себя. Когда наступил день, воевода встал и, помолившись, отправился в дальнейший путь. На следующую ночь он во сне увидел себя стоящим в каком-то воздушном месте. Близ него сидел некто Сильный, у Которого правая нога была положена на левую.

– Видишь ли этих воинов с обеих сторон? – спросил Он Николая.

– Да, Господин мой, – ответил тот, – вижу, что греки побивают болгар

Тогда Муж, явившийся праведному воеводе, сказал ему:

– Взгляни на нас.

Взглянув на Того Сильного, воевода увидел, что Он переложил левую ногу на правую. После этого праведный Николай обернулся к воинам и увидел, что болгары окрепли и беспощадно побивают греческие полки.

Когда же битва прекратилась, то Сильный сказал праведному воеводе:

– Рассмотри тщательно тела убитых и скажи, что увидишь.

Осмотревшись, воевода увидел, что все поле покрыто мертвыми телами, посреди же них одно место, поросшее травой и пустое, такой величины, что на нем можно лечь только одному человеку.

– Господин мой, – сказал он, – все поле покрыто трупами беспощадно убитых греков, кроме одного только места, на котором можно лечь одному человеку.

– Что же ты думаешь об этом? – спросил тогда его Сильный.

Воевода же ответил Ему:

– Я невежда, Господин мой, и человек некнижный, и не понимаю этого.

Тогда тот страшный Муж сказал ему.

– Это пустое и поросшее травой место, равное ложу одного человека, было приготовлено для тебя. Ты должен был возлечь на нем, убитый вместе с друзьями твоими и заполнить его пустоту. Но так как ты в прошедшую ночь мужественно отогнал от себя злокозненного змия, трижды боровшегося с тобою, склоняя тебя на грех и желая умертвить, то вот ты сам освободил себя от смерти: это поросшее травою место оставил пустым, душу же свою спас вместе с телом. Остальное время жизни твоей ты, спасшись от смерти, поработаешь Мне.

Видя и слыша все это, праведный Николай пришел в трепет, воспрянул от сна, объятый страхом и ужасом, и, встав,

помолился Богу за своих воинов. Когда же настало сражение и с обеих сторон сражались с великою яростью, то сначала греки осиливали и одолевали болгар, но затем болгары внезапно воспрянули и начали одолевать греков. Как разъяренные звери, они храбро бросились на греческие полки и погнали греков, беспощадно избивая их. Скоро вся сила греческая пала от мечей болгар, и самому царю Никифору с трудом удалось бежать с малою дружиною.

Тогда предводитель греческих полков, блаженный Николай, увидев исполнение своего сна, вознес благодарение Богу за спасение от смерти и, оставив свой сан, удалился в монастырь, неутешно плача и рыдая о погибших воинах. Приняв святую схиму и усердно послужив Богу в течение долгих лет, он сделался одним из прозорливых и великих отцов. С ними он сподобился и части на небесах со Христом Иисусом Господом нашим, Которому слава вовеки. Аминь.

Сказание о Рождестве Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

Память 25 декабря

Рождество Иисуса Христа было так: оно случилось по обручении Преблагословенной Матери Его, Пречистой Девы Марии с Иосифом, мужем праведным и уже старым (ибо ему было восемьдесят лет). Пречистая Дева дана была ему, по свидетельству святого Григория Нисского[8686] и святого Епифания Кипрского под видом супружества, дабы он хранил Ее девство и заботился о Ней. Еще прежде, чем они стали жить вместе, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого. Иосиф был мнимым мужем Марии, а в действительности хранителем посвященной Богу девической чистоты Ее и очевидцем Ее непорочной жизни. Ибо Господу угодно было утаить от диавола тайну Своего воплощения от пречистой Девы, и для этого Он покрыл девство Матери Своей супружеством, чтобы враг не знал, что это та Дева, о Которой предрек Исаия: «се, Дева во чреве примет» (Ис. 7:14). Об этом свидетельствует святой Афанасий, архиепископ Александрийский[8687], в следующих словах «Иосиф должен был послужить таинству, чтобы Дева, как бы имеющая мужа, славилась[8688], и чтобы самая истина вещи осталась сокрытою от диавола, дабы он не знал имеющего совершиться, каким образом Бог благоизволит пребывать с людьми» (Слово на Рождество Христово). И святой Василий Великий[8689] говорит: «Обручение с Иосифом совершилось для того, чтобы утаить от князя века сего (т.е. диавола) воплощение Сына Божия» (Слово на Рождество Христово). То же говорит и святой Иоанн Дамаскин[8690]: «Иосиф обручается Марии как муж, чтобы диавол, не зная о безмужнем Рождестве Христовом от Девы, отступил, т.е. перестал возбуждать Ирода и подстрекать иудеев к зависти. Ибо диавол с самого того времени, когда Исаия предрек, что «се, Дева во чреве примет и родит» (Ис. 7:14), зорко следил за всеми девицами, как бы которая из них не зачала без мужа и не родила, оставаясь девою. Божие смотрение устроило

Обручение Девы Марии с Иосифом, дабы от князя тьмы утаилось и девство Пречистой Богородицы, и воплощение Бога Слова». Еще прежде совершения супружеской тайны, Пречистая Дева Мария оказалась имеющею во чреве от Духа Святого, и возрастало святое чрево Ее, вмещающее в себе невместимого Бога. Особенно же обнаружилась Ее беременность тогда, когда, по прошествии своего трехмесячного пребывания у Елисаветы, Она возвратилась в дом свой (Лк. 1:56), и Божественный плод внутри Ее с каждым днем возрастал, а день рождения младенца Христа все более и более приближался. Увидев это, Иосиф был в великом недоумении и печали, ибо он думал, что Она нарушила обет девства. В великом смущении праведный старец говорил: «Как могло это произойти? Я не познал Ее и даже мыслию не согрешил против Нее, а вот Она беременна. Увы, как это случилось? Кто прельстил Ее? И что мне делать, не знаю. Обличить ли мне Ее, как законопреступницу, или умолчать ради стыда, который тогда ляжет на Нее и на меня? Если я обличу Ее, то, конечно, Она будет побита камнями по закону Моисееву, и я явлюсь как бы мучителем, предавшим Ее на лютую смерть. Если же я не подвергну Ее обличению, то буду иметь часть с прелюбодеями. Что же мне делать? Недоумеваю. Отпущу я Ее тайно, пусть идет Она, куда хочет. Или я сам уйду от Нее в далекую страну, чтобы глаза мои не видели такого поношения». Размышляя так, праведный Иосиф подошел к Деве Марии и сказал Ей, как об этом свидетельствует святой Софроний Иерусалимский: «Мария, что дело сие, еже в тебе зрю? За честь – срамоту: за веселие – скорбь. Вместо еже хвалитися, укоризну ми принесла еси. От иерей из церкве тако непорочну тя приях, и что видимое?»[8691]. И святой Афанасий Александрийский о том же повествует так: «Иосиф, видя, что Дева Мария имеет во чреве, но не ведая, какое великое сокровище внутри Ее, в смущении так вопрошал Ее: «Что случилось с Тобою, Мария? Не ты ли чистая Дева, воспитанная в священных притворах храма? Не Ты ли Мария, не хотевшая взирать на лица мужей? Не Ты ли Мария, Которую священники не могли уговорить вступить в брак? Не ты ли Мария, обещавшая сохранить розу

девства неувядаемою? Где чертог Твоего целомудрия? Где горница, охранявшая Твою девственную чистоту? Где Твое стыдливое лицо? Я стыжусь, а ты чувствуешь дерзновение, поелику я утаиваю грех Твой». Когда Иосиф все это говорил к Ней, то, О как стыдилась нескверная Агница, непорочная голубица, целомудренная Дева, краснея в лице от таких слов Иосифовых! Не смела Она открыть ему о благовестии, которое принес Ей Архангел и о пророчестве, которое изрекла о Ней Елисавета, – не смела Она сделать сего потому, что боялась показаться тщеславною и любящею похвалу. Об этом свидетельствует и вышеупомянутый святой Афанасий, который влагает в уста Ее такие слова к Иосифу: «Если Я буду Сама о себе повествовать тебе, то покажусь тебе тщеславною. Потерпи немного, Иосиф, и пастыри откроют тебе обо Мне». Одно только и говорила Дева Мария Иосифу в ответ на его недоумение: «Жив Господь, хранящий Меня доныне в непорочном девстве, ибо Я не познала греха, никто не прикоснулся Меня, а то, что во Мне, от Божия хотения и по Божию действию». Иосиф же, как человек, думал по-человечески и подозревал, что Ее зачатие произошло от греха. Но, будучи праведным, он не хотел обличить Ее, а захотел тайно отпустить Ее, или (как написано в сирском переводе) он задумал тайно оставить Ее, то есть уйти от Нее куда-нибудь далеко. Когда же он это помыслил, вот Ангел Господень во сне явился ему, говоря «Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию, жену твою». Ангел потому называет Деву женою Иосифа, чтобы опровергнуть мысль его о прелюбодеянии (ибо Иосиф думал, что Мария зачала от прелюбодеяния). Ангел как бы так говорил Иосифу: «Обрученная тебе жена, а не принадлежащая иному мужу». Об этом блаженный Феофилакт говорит так: [8692]

«Ангел называет Марию женою Иосифа, показывая этим, что обрученная ему не осквернилась с иным. А также и потому, чтобы вместе с девством было почтено и законное супружество» Так рассуждает и святой Василий Великий: «Ангел назвал Марию и Девою, и обрученною мужу, чтобы и девство почтить, и брак не укорить. Девство было избрано как необходимое для святого рождения, а обручение, которое есть

начало брака, было совершено по закону для того, чтобы не подумал кто, что рождение произошло от беззакония, а также и для того, чтобы Иосиф был всегдашним свидетелем Мариной чистоты, дабы Она не подверглась нареканиям за то, что будто бы осквернила девство. Она имела (в лице Иосифа) Себе обручника, который был свидетелем и хранителем Ее жизни» (слово на Рождество Христово). Ангел говорит Иосифу: «Не бойся принять Марию жену твою». Эти слова означают «Прими жену свою по обручению, и деву по Ее обету, данному Богу (так объясняют святой Григорий Нисский и блаженный Иероним), ибо Она есть первая в Израильском народе дева, которая обещала Богу соблюсти Свое девство неосквернённым до самой кончины. Но бойся, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь имя Ему, – наречешь имя как отец, хотя ты и не участвовал в Его рождении, потому что отцам обычно давать имена своим детям, как и Авраам назвал сына своего Исааком (Быт. 21:2) Так и ты, хотя ты и не природный, но только мнимый отец Младенца, по-отцовски послужишь Ему, нарекши Ему имя». Блаженный Феофилакт так говорит Иосифу, от лица Ангела: «Хотя ты и не имел никакого участия в рождении Младенца, но я хочу дать тебе этот сан (отеческий), чтобы ты нарек Ему и имя, ты назовешь Ему имя, хотя Он и не есть твое рождение, через это ты сделаешь Ему то, что свойственно отцу. Какое же имя? Иисус, что значит Спаситель, ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Иосиф, встав ото сна, сделал так, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, обрученную ему, Которая была непорочною Девою, посвященною Господу через обет девства, и Матерью Владыки, зачавшею Спасителя мира от Духа Святого. Он принял Ее, как обручницу свою, с любовью воздавая Ей великую честь, как Господней Деве, и служа Ей с благоговением и страхом, как Матери Спасителя. «И не знал Ее, доколе родила» (Мф. 1:25), т.е (по изъяснению Феофилакта) никогда не познавал Ее, как жену. Ибо как мог он, будучи праведен, познать Ее, Которая дана ему была из храма Господня не для брака, а для хранения Ее девства под видом брака? Как мог он прикоснуться к девице Господней, Которая обещала Богу вечное девство? Как мог он

коснуться Пренепорочной Матери Господа Своего и Создателя? А то, что Евангелие говорит: доколе родила, – это составляет обычное выражение Писания, которое употребляет слово «доколе» в смысле нескончаемого времени. Ибо и Давид говорит: сказал Господь Господу моему: «седи одесную меня, доколе положу врагов Твоих в подножие Ног Твоих» (Пс. 109:1)[8693]. Здесь не та мысль, что Господь – Сын только дотоле будет сидеть одесную Господа – Отца, доколе Он не положит врагов Его к подножию ног Его; но та, что и после того как враги Его будут покорены под ноги Его, Господь – Сын еще преславнее сидеть будет, как Победитель, в бесконечные века. Подобно сему пишется о святом Иосифе: «И не знал Ее, доколе родила» (Мф. 1:25) – не в том смысле, будто бы потом он должен был познать Ее, как думали некоторые еретики[8694], каковое учение чуждо Православной Церкви; но в том смысле, что по рождении такого Сына, Который был Богом воплощенным, и после столь великих чудес, совершившихся во время рождества Его, которых Иосиф был самовидцем, благочестивый сей старец не только не смел коснуться Ее, но и глубоко почитал Ее, как раб госпожу свою, служа Ей, как Матери Божией со страхом и трепетом. О том слове «доколе» святой Феофилакт беседует так: «Писание обычно так говорит, как и о потопе оно говорит: «не возвратится ворон в Ковчег, доколе не исчезнет вода с земли» (Быт. 8:7), а ворон и потом не возвратился.

И Христос говорит: «и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). А разве по скончании века Он не будет с нами? Напротив, тогда еще более, в бесконечные веки, будет Он с нами. Так и здесь говорится: доколе родила, т.е. что Иосиф не познавал Пресвятую Деву ни до рождения, ни после рождения Христа, подобно тому, как и Господь и в продолжение века, и по скончании века будет с нами неотступно. Да и как мог Иосиф коснуться Пречистой Девы, после того как узнал о неизреченном рождении от Нее Спасителя?»

Непорочное девство Пречистой Богородицы и по рождестве Спасителя ясно открывается и из того, что когда Иосиф начал сомневаться относительно беременной Девицы и даже

помышлял, не лишена ли Она насильственно девства, – тогда явился ему Ангел и назвал Марию его женою: не бойся, сказал он, прими Марию, жену твою, и этим опроверг его мнение о прелюбодеянии (как об этом и выше было сказано). Когда же тот же Ангел явился Иосифу уже после Рождества Христова в Вифлееме и в Египте, когда сей праведный старец уже получил откровение о чистоте Мариной и Богомладенце, рождаемом от Духа Святого, – тогда Ангел не называет уже Пречистую Деву Марию его женою, но только Материю Рожденного, ибо так пишется в Евангелии: когда же они отошли, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: «встань, возьми Младенца и Матерь Его (а не жену твою), и беги в Египет» (Мф. 2:13). И снова в Египте говорит Ангел Иосифу: «встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву» (Мф. 2:20), явно показывая этим, что не на брак направлял он Иосифа, а на служение Младенцу и Матери его. Итак, Иосиф не только не познавал Марию как жену свою до тех пор, когда Она родила Сына своего первенца, но и после рождения Богомладенца Она осталась нетленною Девою, как о том согласно свидетельствуют все великие учители церковные.

Повествуется и то[8695], что в то время, когда Пресвятая Дева Мария уже имела во чреве, один из книжников, по имени Аннин (уже после явления Ангела Иосифу), придя в дом их и увидев беременную Девицу, поспешно пошел к первосвященнику и ко всему синедриону и сказал им: «Тот Иосиф плотник, которого вы называли праведным, совершил беззаконие: он тайно растлил и осквернил Деву, Которая дана была ему из храма Господня на хранение, и вот Она теперь имеет во чреве». Посланные первосвященником слуги пошли в дом Иосифов и нашли Марию беременною, как сказал им тот книжник. Взяли они Ее вместе с Иосифом и повели к первосвященнику и ко всему синедриону. Первосвященник же сказал Деве Марии: «Забыла Господа Бога Ты, воспитанная во Святом Святых, получавшая пищу из рук Ангельских и слышавшая пение Ангельское! Что это Ты сделала? Она же с плачем говорила: «Жив Господь Бог мой, Я чиста и мужа не знаю». Затем сказал первосвященник и Иосифу: «Что это ты сделал?» Он ответил:

«Жив Господь Бог мой, я чист от Нее». Первосвященник же сказал ему. «Так как ты не подклонил главы своей под крепкую руку Божию, чтобы благословенно было потомство твое и в тайне от сынов Израилевых смесился ты с Девою, посвященною в дар Господу, поэтому вы должны с Нею выпить воду обличения[8696], чтобы Господь обнаружил грех ваш пред всеми».

А Богом через Моисея был установлен такой суд, как об этом пишется в 4-й книге Моисеевой (Числ), в главе 5-й: если какой-нибудь мужчина или какая-нибудь женщина будут заподозрены в прелюбодеянии и не откроют о себе истины, то таковым подавалась во храме Господнем вода клятвенная при особых священных действиях и при особом чине. И судом Божиим совершалось, после пития того, некоторое обличительное знамение над совершившим прелюбодеяние, каковое знамение обнаруживало совершенное беззаконие. Этою именно водою первосвященник с подобающим чином напоил сначала Иосифа, а потом Марию, и не совершилось над Нею никакого обличительного знамения, так что народ дивился тому, что грех их не обнаружился. Тогда первосвященник сказал им:

– Если Господь Бог не явил вашего греха, то идите с миром.

И отпустил их. Иосиф же, взяв Деву Марию, вошел в дом свой, радуясь и славя Бога Израилева.

После того вышло повеление от кесаря Августа[8697] сделать перепись по всей земле, и все шли записываться каждый в свой город. Пошел и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеемом, потому что он происходил из дома и рода Давидова, – записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Вифлеем – маленький город, недалеко от Иерусалима, по направлению к югу, лежит при дороге, которая ведет в горнюю страну, к Хеврону, священническому городу, где находился дом Захарии, и где Пречистая Дева, после Архангельского благовестия, посетила и приветствовала Елисавету, матерь Предтечи. Таким образом Вифлеем лежит на середине пути между Иерусалимом и Хевроном, а от Назарета, галилейского города, он на расстоянии дней трех пути или немного более.

Называется же Вифлеем городом Давидовым потому, что в нем родился Давид и был в нем же помазан на царство; там же умерла Рахиль, и гроб Иессея, отца Давидова, указывается там же (Быт. 35:19). Прежнее название Вифлеема было Евфрафа, но Иаков, когда пас там свои стада, назвал это место домом хлеба (Вифлеемом), провидя духом и предвозвещая, что в том месте должен был родиться хлеб, сошедший с небес (Ин. 6:51), Христос Господь. А около Вифлеема, к востоку, против колодца Давидова, около которого он однажды сильно возжаждал и сказал: «кто напоит меня водою из колодезя Вифлеемского, что у ворот?» (2Цар. 23:15) – находится пещера в каменной горе, на которой расположен город Вифлеем. Недалеко от этой пещеры находилось поле, принадлежавшее Саломии, которая также была жительницею Вифлеема и приходилась родственницею, как Деве Марии, так и Иосифу.

И когда Иосиф приближался к городу, неведавшей брака Чистой Невесте пришло время родить, и он стал искать дом для ночлега, где Родящая могла бы найти удобное для Себя место, чтобы произвести на свет благословенный Плод Своего чрева. Но не нашел он для себя пристанища, по причине множества народа, пришедшего записываться, который не только переполнил общую гостиницу, но и весь город. Поэтому Иосиф и удалился в названную пещеру, потому что не было им места в гостинице, а день уже склонялся к вечеру. А та пещера служила пристанищем для скота, и в ней-то Пречистая и Преблагословенная Дева в полночный час усердно молилась Богу и, вся пребывая в богомыслии и горя желанием Господа и любовью к Нему, родила без болезни Господа нашего Иисуса Христа, в двадцать пятый день декабря[8698]. Так и подобало родить безболезненно Той, Которая зачала без супружеской сладости: не познала, сказала Она, сладости брака была не причастна[8699]. А поелику Она зачала в чистоте, то и родила Она без болезни, как об этом говорит святой Григорий Нисский: «Дева зачала, Дева носила в утробе, Дева родила, Дева осталась девою; еще не было на земле чуда, подобного сему» (Слово на Рождество Христово). И святой Дамаскин говорит: «чудесе новаго всех древних чудес: кто бо позна матерь без

мужа рождшую»[8700]. Без мужа родила Пресвятая Дева Христа подобно тому, как Адам произвел без жены Еву, о чем Златоуст святой[8701] говорит так: «Как Адам без жены произвел жену, так и здесь Дева без мужа родила Мужа, воздавая через это долг мужам за Еву. Адам остался целым по извлечении из тела его ребра, и Дева пребыла нетленною по рождении Младенца» (Слово на Рождество Христово). И исполнилось то, что как бы в тени прообразовано было в неопалимом кусте и в Чермном море: «такоже купина не сгараше опаляема» (воспевает Церковь), «тако Дева родила еси, и Дева пребыла еси»[8702]. И в другом месте: «море пребысть непроходно: Непорочная, по рождестве Еммануилеве пребысть нетленна»[8703]. Так, без повреждения Своего девства, Приснодева Мария родила воплощенного Бога. И совершилось это рождение без обычной помощи и службы бабки, как о том свидетельствует святой Афанасий Александрийский, когда, беседуя о следующих словах евангельских: «и родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли» (Лк. 2:7), – говорит так: «Посмотри на таинственное рождение Девы: Сама родила Она, и Сама спеленала Младенца. У мирских женщин одна рождает, а другая пеленает, а у Пресвятой Девы не так. Сама родила Она, и Сама спеленала, Сама будучи безболезненною материю и необученною бабкою, не попустила Она никому коснуться нечистыми руками Пречистого Рождества: Сама Она послужила Рожденному от Нее, и спеленала Его, и положила в ясли». Так же говорит святой Киприан: «В рождестве и после рождества Дева Божественною силою осталась девою, – Она, Которая родила безболезненно и не нуждалась ни в каких услугах со стороны бабки, но Сама была и родительницей, и рождению служительницей, и поэтому воздает Младенцу Своему благоговейное попечение: осязает Его, обнимает, лобызает, подает сосец, и все сие совершает радостно, без всякой болезни, без всякой немощи природы, обычной при рождении». Итак, Сама Она Своими девическими руками послужила нетленному Своему Рождеству (Божественному Младенцу), ожидая старицы Саломии, сродницы Своей, которую пошел звать Иосиф для услужения Пресвятой Деве. Но Саломия

пришла, когда совершилось уже дело, ибо Та, Которая родила, Она же и служила, нося Младенца, повивая Его и полагая в ясли.

Святой священномученик Зинон епископ передает еще, что бабка, когда пришла, не верила, что рождество было девственное и безболезненное, и старалась с помощью обычных приемов повивального искусства, узнать, истинно ли таково сие рождество. Но тотчас поразила ее казнь за дерзновенное дело ее, ибо рука ее, осмелившаяся совершить то испытание, внезапно сильно воспалилась огненною болезнью и засохла. Когда же болящая приложила свою руку к Божественному Младенцу, она тотчас исцелилась и стала так же здорова, как была раньше. Тогда Саломия уверовала, что Матерь есть Дева, а Младенец – Бог[8704].

После этого непорочная Родительница и необычная Служительница Своему новорожденному Младенцу, спеленав сладчайшее Чадо Свое льняными, белыми, чистыми, тонкими пеленами, заблаговременно приготовленными для этого и из Назарета принесенными, и, положив Его в яслях, находившихся в той же пещере, поклонилась Ему, как Богу и Создателю Своему, о чем вспоминает блаженный Иосиф творец канонов[8705], когда обращается к Пречистой Деве с такими словами: «Воплощенного Отроковице, и обложеннаго человеческим подобием, держащи руками и поклоняющися и лобызающи матерски: чадо, глаголала еси, сладчайшее, тако тя сице держу, держащего рукою всю тварь»[8706]. Достоверно, что Богоотроковица поклонилась до земли Рожденному от Нее, лежащему в яслях, и их с удивлением окружали невидимо Ангельские чины.

А к яслям были привязаны вол и осел, дабы исполнилось Писание: вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего (Ис. 1:3). А эти вол и осел приведены были Иосифом из Назарета. Осел приведен был ради беременной Девы, чтобы везти Ее на себе во время пути, а вола привел Иосиф для того, чтобы продать его и отдать должную дань, взимавшуюся по повелению кесаря, а также и для себя купить все нужное. Оба эти бессловесные животные, стоя у яслей, своим дыханием

согревали Младенца, по случаю тогдашнего зимнего времени, и таким образом служили своему Владыке и Творцу[8707]. Иосиф же поклонился и Родившемуся, и Родившей, ибо тогда познал он, что Рожденное от Нее – от Духа Святого, как об этом говорит и святой Афанасий: «Воистину не знал Ее Иосиф, пока не родила Она Сына Своего первенца, до тех пор, пока Дева носила Зачатое от Нее, не знал Ее Иосиф, не ведал он, что в Ней, не ведал он, что в Ней совершается. Когда же родила Она, тогда познал он; тогда познал Иосиф о Деве, какая была Ее сила, и кем Она сподобилась стать. Тогда познал он, увидев Деву, сосцами питающую и в то же время хранящую нетленный цвет девства. Тогда познал он, когда Дева родила, но не испытала того, что свойственно родильницам. Тогда познал он, что камень несекомый давал сосец духовному Камню[8708]. Тогда познал Иосиф, что о Ней писал Исаия: «Се, Дева во чреве примет». Эти слова святого Афанасия удостоверяют, что в то время познал Иосиф силу таинства и, познав, поклонился со страхом и радостью, благодаря воплощенного Бога, сподобившего его быть самовидцем и служителем сей тайны. – Относительно же времени рождества Христова многие достоверные писатели говорят, что это была полночь, следовавшая по субботе и предшествовавшая дню недельному, и это известие согласуется с VI Вселенским собором[8709], который так объясняет празднование дня недельного (воскресного): «Ибо в тот день Бог сотворил свет, в тот же день Господь благоволил родиться; в тот же день принял Он крещение во Иордане от Иоанна, в тот же день Сам премилостивый Искупитель рода человеческого, нашего ради спасения, из мертвых воскрес, в тот же день Он и, излиял Святого Духа на учеников Своих». Ибо как, по достоверному же известию, Он зачат был в девической утробе во время благовещения в пятницу и в пятницу же пострадал, так в день недельный Он родился и в день недельный же воскрес. И прилично было Христу родиться в день недельный, в который Бог сказал: «да будет свет» (Быт. 1:3); и в который «был свет" (Быт. 1:3) в тот же день подобало, чтобы и Сам Он, Свет присносущный, воссиял миру. А то что Христос имел родиться ночью и в известный ее час, об этом пророчески предречено в

книге Премудрости Соломоновой, где говорится так: «Ибо, когда все окружало тихое безмолвие, и ночь в своем течении достигла середины, сошло с небес от царственных престолов на средину погибельной земли всемогущее слово Твое, как грозный воин» (Прем. 18:14–15)[8710]. Совершились и великие чудеса во вселенной во время Рождества Христова. Так, в тот самый час, в который Господь наш сшел через девические врата, запечатленные чистотою, внезапно в той пещере истек из камня источник воды, а в Риме вышел из земли источник елея и потек в реку Тибр. Храм идольский, именуемый вечным, разрушился; идолы сокрушились, и на небе явилось там же три солнца. А в Испании в ту же ночь явилось облако светлее солнца, в Иудейской стране виноградники энгаддские расцвели, несмотря на зимнее время[8711]. Особенно же чудесно было то, что описано в Евангелии, когда Ангелы сошли с небес с песнопением и ясно предстали перед людьми. Случилось это так. Против той пещеры, в которой родился Христос, по свидетельству блаженного Иеронима, находилась очень высокая башня, называемая Адер, в которой жили пастыри стад. Там в ту ночь трое из них случайно бодрствовали и стерегли свое стадо, и вот верховный среди сил небесных Ангел (которым, по мнению святого Киприана, был святой благовестник Гавриил) явился им в великом сиянии, блистая небесною славою, которою он и их осиявал; увидев его, они очень испугались. Но явившийся Ангел, повелев им оставить страх и не бояться, благовестил им о радости, наступившей для всего мира через рождество Спасителя. При этом он указал им и признак истинности своего благовестия: «обрящете", сказал он, «младенца в пеленах, лежащего в яслях. В то время, как Ангел говорил им это, внезапно услышалось на воздухе пение множества небесных воинств, прославлявших Бога и воспевавших: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:12–14); после этого Ангельского явления и пения сил небесных, пастыри, посоветовавшись друг с другом, пошли поспешно в Вифлеем, чтобы посмотреть, истинны ли слова Ангела, и они пошли и увидели Пречистую Деву Марию Богородицу и святого Иосифа, Ее обручника, а также Младенца спеленатого,

лежащего в яслях. И уверовав несомненно, что это есть Христос Господь, ожидаемый Мессия, пришедший спасти род человеческий, они поклонились Ему и рассказали все, что видели и слышали, и что сказано было им от Ангела об этом Младенце. И все слышавшие (Иосиф, Саломия и те, которые в то время пришли туда) дивились словам пастырей, в особенности же Пречистая Дева Матерь, безболезненно родившая, соблюдала все эти слова, слагая их в сердце Своем. И пастыри воротились, славя и хваля Бога. Так совершилось Рождество Иисуса Христа, Господа нашего, Которому и от нас грешных да будет честь и слава, поклонение, благодарение, со безначальным Его Отцом и со Присносущным Духом, ныне и присно, иво веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащии, звездою учахуся Тебе кланятися Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты востока: Господи, слава Тебе.

Кондак, глас 3:

Дева днесь пресущественнаго раждает, и земля вертеп неприступному приносит, Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо превечный Бог.

Слово на Рождество Христово

Память 25 декабря

Небесный благовестник указывает вифлеемским пастырям такое знамение пришествия в мир Спасителя: Младенца, повитого пеленами и положенного в яслях. Ибо говорит он им так: «Найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк. 2:11–12). Может быть, кто-нибудь помыслит, что не великое это знамение – увидеть спеленатого младенца, ибо всякому новорожденному младенцу обычно быть повитым. То было бы великим знамением, если бы Ангел, во свидетельство и для ясного удостоверения Рождества Христова, показал нечто необычное, как, например, волхвам звезду на востоке, или как сивилла[8712] показала Августу в солнце девицу, державшую на руках младенца. Но, если кто захочет духовным оком присмотреться к таинствам, совершающимся в том повитом Младенце, тот увидит и познает, что знамение, указанное Ангелом пастырям: Младенец повитый, лежащий в яслях, – есть великое знамение. Ибо сей Младенец есть Тот, Рождество Которого открыло миру свет боговедения, яснее звезд и солнца, и пелены Его шире облаков, ясли Его пространнее небес, ибо в них лежал невместимый Христос Бог. Итак, обратим свои мысленные взоры на младенчество Христово. Ибо Тот, Кто веки сотворил и от вечности уготовал нам спасение, Сей, как младенец, явился на земле, чтобы обновить ветхость нашей природы: «найдете, – сказал Ангел, – младенца".

Может быть, кто-нибудь мог быть того мнения, что Христос должен был прийти в мир не как младенец, но как исполин, по пророчеству Давида, который так предсказал о пришествии Мессии: «и оно как Жених исходит из чертога своего» (Пс. 18:6) (т.е. от утробы Пречистой Девы), «радуется, как исполин, пробежать поприще» (Пс. 18:6)[8713]. Поэтому может быть и Ангел говорит: найдете младенца, а не исполина. Но, если мы поразмыслим о младенчестве Христовом, то найдем иную причину таковых слов Ангела. Как Рождество Христово было не похоже на обычное рождение человеческое, но было

необычайно и сверхъестественно, так и младенчество Его необычное и непохожее на младенчество прочих младенцев. Все новорожденные младенцы немощны и неосмысленны; они не имеют в себе силы и ничего не умеют делать до тех пор, пока, после долгого времени их возрастания, у них начнут проявляться и с ними возрастать сила и разум. А сей новорожденный Младенец, Господь наш Иисус Христос, рождается и с силою, и с разумом. Поэтому и Ангел указывает на такого Младенца, Который рождается и с непобедимою силою, и с неизреченною мудростью, как на чудо, единственное в своем роде и никогда еще не виданное в мире. Что касается непобедимой Его крепости и силы, то о ней в нынешний праздник не умолчала церковь, когда воспевает вместе с пророком Исаиею: «Бог крепкий, Властелин, Князь мира» (Ис. 9:6). Где-то говорится, что лев познается по когтям. Лев от колена Иудова Христос, с младых ногтей (т.е. с младенчества Своего) открывается, «как Господь крепок и силен, Господь силен в брани» (Пс. 23:8). Обратим внимание на то, сколь велика крепость и сила новорожденного Младенца. Как только стала распространяться весть о Его Рождестве, «Ирод же встревожился и весь Иерусалим с ним» (Мф. 2:3). Еще не говорит Младенец, а уже устрашает тех, которые нарекли имена свои на земле; еще Он в пеленах, а уже наполнил ужасом мучителей; еще Он в яслях, а уже потряс сидящего на царском престоле.

Один из искуснейших врачей передает, что тем, которые имеют быть в мире великими, именитыми и славными, или же царями и храбрыми воинами, – тем, по его словам, свойственно с младых ногтей (т.е. младенчества) предуказывать свое будущее могущество и свои будущие деяния. При этом сей же врач говорит, что еще не родился Перикл[8714], а уже устрашил греков сновидениями; еще не родился Александр[8715], а уже всеми назывался сыном Юпитера[8716] и властелином царства. И в другом месте повествуется, что муравьи приносили пшеничные зерна и полагали их в уста Миду, царю Фригийскому[8717], когда еще он был младенцем, во время его сна, предуказывая этим на его будущие бесчисленные

богатства. Так и наш Царь и Владыка, новорожденный ныне Младенец, являет еще в детстве Своем ясные указания на Свои будущие силы и деяния. На те будущие богатства, которые уготованы любящим Его, указывает то знамение, что, по Его устроению, Ему из отдаленнейших стран приносятся золото, ливан и смирна. Будущую Его победу, над смертью и диаволом и торжество Его над всем адом предизображает то, что Он потрясает и смущает Ирода и весь Иерусалим. Та власть Его над видимым и невидимым миром, которая дарована будет Его человечеству, и о которой Он в свое время скажет: «дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18), предизображается тем, что, по Его воле, Рождеству Его служат Ангелы и пастыри, а восточные цари поклоняются, по пророчеству Давидову: «и поклонятся Ему все царства земные» (Пс. 71:11). Ибо вот уже исполнилось это пророчество, когда Он, как Царь царствующих, был почтен со стороны трех земных царей поклонением и дарами. Предстоятель церкви Иппонской, блаженный Августин[8718] прекрасно говорит об этом так: «Таковы знамения Рождества Твоего, Господи Иисусе: прежде чем морские волны сгладятся под ногами Твоими, когда Ты ходить будешь по морю; прежде чем умолкнут ветры повелением Твоим; прежде чем мертвые словом Твоим восстанут; прежде чем солнце в минуту смерти Твоей померкнет, и земля, при воскресении Твоем из гроба, натрясется, и небо при вознесении Твоем отверзется; прежде чем все это и иное чудесное Ты совершишь, – прежде сего Ты еще носишься Материнскими руками и в то же время открываешься, как Господь всего мира». Таковы крепость и сила новорожденного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, что еще в детстве Своем Он ясно открывается как всемогущий Владыка: Бога крепость велика, поистине сила Божия в немощи совершается (2Кор. 12:9). Ибо в малых и немощных членах младенческих видим мы великую силу Иисуса Христа, на которую указывает церковь, когда уподобляет родившегося Господа агнцу, и когда называет Его агнцем, прославляя Его в неседальном молении о поклонении пастырей такими словами: видят сего, яко агнца непорочна, во

чреве Марине упасшася, юже поюще реша: радуйся, агнца и пастыря мати[8719].

Здесь родившийся от Девы Христос и уподоблен агнцу, и наречен агнцем. Но какая в агнце крепость, какая сила? Сила воистину неодоленная, что мы видим из следующего. Некогда Иоанн Богослов узрел в откровении своем различных зверей и змей, которые выходили из различных мест, – из моря, из бездны и из пустыни, с многими страшными головами и открытыми устами, полными смертоносного яда, – и которых самый вид был весьма ужасен! Все они восстают против одного Агнца, как говорит Писание: «они будут вести брань с Агнцем» (Откр. 17:14). Может быть, взирая на эту борьбу тех змей и зверей с Агнцем, кто-нибудь подумает, что один даже из слабейших зверей тотчас возьмет и растерзает Агнца, так что большим зверям не с кем будет уже и бороться. Но посмотри на силу Агнца: Он так крепко вооружился против них, что вся та сила звериная внезапно, по Его действию, падает и уходит в землю, как написано: «агнец победит их, ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей» (Откр. 17:14). О Воистину это – великая сила Агнца! Сей Агнец знаменует Сына Божия; а змеи и звери означают бесов и их слуг. Здесь вещь, достойная размышления: почему Ангел, показав под этими образами борьбу Сына Божия с Его врагами, не назвал Его настоящим Его именем, принесенным с неба, во время благовещения Пречистой Деве и данным при обрезании? Почему не сказал: «Сии с Иисусом Христом будут вести борьбу», а сказал: «Сии с Агнцем будут вести борьбу?» Воистину потому, что Он уже в Рождестве Своем, не ожидая наречения Себе имени, низлагает врагов Своих. Еще как агнец покоится Он на сене, а уже ломает мысленных змей и зверей, как тростник, сокрушает их, как глиняные сосуды. Хорошо пишется в пророчестве: «и нарекли ему имя: Магер-шелал-хаш-баз; ибо прежде, нежели дитя будет уметь выговорить: отец мой, мать моя, – богатства Дамаска и добычи Самарйиские понесут пред царем Ассирийским» (Ис. 8:3–4)[8720]. Не ждет Сей новорожденный Агнец того времени, когда Он станет львом, и сказано будет о Нем: сей победитель есть лев из колена Иудина (Откр. 5:5). Не выжидает Сей

Младенец того времени, когда Он возрастет силою, как исполин. Не ждет Сие Дитя того времени, когда юные члены Его получат силу как у Сампсона[8721]. Но, прежде чем начинает Оно сосать сосцы Матери Своей, побеждает Оно врагов Своих. Прежде чем возможет Оно произносить устами имя Свое или имя Своей Пречистой Матери, истребляет из книги жизни имена недостойных. Прежде чем Сей Младенец начнет приобретать, по мере возрастания Своего, мужескую силу, Он низлагает с престолов сильных: «Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей» (Откр. 17:14). Такова крепость нашего Агнца, такова непобедимая сила Божественного Младенца, с которою Он рождается!

Рождается же Он вместе и с разумом, ибо Тот, Кто имеет в младенчестве Своем крепость и силу, Тот имеет вместе и разум. «Велик Господь наш и велика крепость Его, и разум Его неизмерим» (Пс. 146:5). Есть ли какой младенец, к которому прилично было бы приложить следующие слова: «сведущ более старцев» (Пс.118:100)? Только к Божественному Младенцу приложимы сии слова. Обыкновенные младенцы при своем рождении ничего не понимают до времени своего возрастания, да и при возрастании им нужно бывает учение, для того, чтобы они могли понимать. Сей же Божественный Младенец, как и до Рождества Своего был самою Премудростью, так и в Рождестве Своем есть глубина премудрости и разум Божественности (Рим. 11:33). По младенчеству Он подчинен условиям времени, а Премудростью Он предвечен. Рождается нам и Младенец, и под образом ветхого денми, т.е. глубокого старца, видел Бога пророк Даниил (Дан. 7:9–13)[8722], Дитя, и (вместе) Отец, как о том говорит ныне в Рождество Его Исаия пророк: «Отец будущего века» (Ис. 9:6). Сие наименование «Отец» приличествует не детям, но мужам, и никто еще не называл когда-нибудь младенца, питающегося млеком матери, отцом. Тем не менее пророк, не обинуясь, называет родившегося Христа отцом. Почему же? Чтобы показать, что в том обоженном Младенце тот же разум, та же премудрость, как и в Отце ветходневном. Как какой-нибудь премудрейший отец по отношению к своим детям, так и Сей Небесный Младенец, родившийся от Пречистой

Богородицы, поступает с нами. И вот по какому знамению удостоверяемся мы в том, что для нас родился ныне Спаситель: поелику Он в младенчестве Своем является для нас отцом. Каким же образом бывает Он для нас отцом? Послушаем, как это бывает: рождаясь Сам, Он в то же время и нас возрождает от смерти к жизни не иначе, как евангельский отец блудного сына, бывшего ранее мертвым и потом ожившего. Тот отец, чтобы возродить мертвого сына своего к жизни, пал на шею ему и облобызал его. Это отеческое лобзание было знаком для сына, что прощены его грехи, которые были причиною его духовной смерти, ибо через грех приходит смерть; а после того как грехи, эти причины смерти, были отняты от грешника через прощение, тотчас же мертвый ожил. Ибо подобно тому, как по прошествии ночи бывает день, так и после удаления от человека мрачной греховной смерти, начинает сиять благодать Божия, которая есть жизнь для души. Воистину сие верно, что Христос Спаситель наш облобызал нас в Рождестве Своем, нас, умерших грехами, возродил к жизни благодатью Своей, и через это Он является для нас премудрым отцом в Своем младенчестве. А чтобы уразуметь, что Христос Спаситель наш облобызал нас в Рождестве Своем, обратим внимание на то, как в книге Песнь песней некое боголюбивое лицо так пламенно выражает желание соединения с Богом: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих!» (Песню 1:1)[8723]. Хотим ли мы узнать, кто это желает Божия лобзания? Послушаем святого Амвросия[8724], который говорит, что наша природа, наша плоть, она то и желает достигнуть через воплощение Сына Божия Божией любви и близости к Богу, чтобы ей можно было зреть Его как бы лицом к лицу и лобызать Его как бы устами к устам лобзанием святым. Сей учитель говорит об этом так: «Будем понимать, что (то боголюбивое лицо в книге Песнь песней) это та плоть, которая в лице Адама была омочена ядом змия и сгнивала от смрада греховного. Она, узнав по многим пророчествам, что придет Бог, Который, упразднив лесть змиину, излиет благодать Святого Духа, – молится, говоря так: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих?» И Златоуст святой так говорит от лица церкви, собранной из язычников: «Я, Церковь из язычников, не

столько хочу, чтобы Он говорил со мною через Моисея, Исаию, Иеремию и через других пророков, сколько хочу того, чтобы Он Сам собеседовал со мною. Итак, пусть Сам Он явится, и я буду говорить с Ним устами к устам. Пусть Он придет и облобызает меня лобзанием уст Своих. Слышу я Иеремию, говорящего о Нем так: «Лукаво сердце (человека) более всего и крайне испорчено; и кто узнает его» (Иер. 17:9)[8725]? Я желаю Самого Его, чтобы Он явился и облобызал меня лобзанием уст Своих. Слышу я Амоса, вещающего о Нем так: «се Муж стоял на ограде адамантовой, и в руце у Него был адамант» (Ам. 7:7)[8726]. Но я ищу Его Самого, чтобы Он пришел и облобызал меня лобзанием уст Своих». Из этих слов святых учителей ясно открывается, что лобзание Божие с нашею природою есть воплощение Сына Божия. Ибо подобно тому, как в лобзании уста прилагаются к устам, так и в воплощении Спасителя природа Божия приложилась к природе человеческой и соединилась с нею. Так, в Рождестве Своем, Христос Спаситель наш, как отец, облобызал нас, о чем предрек Давид, когда сказал: «правда и мир облобызаются» (Пс. 84:11), в каковом месте толкователь Евфимий (Зигабен) под миром разумеет природу Божию, ибо один Бог есть праведный Судия, а под правдою – человеческую природу во Христе, по причине присущей сей природе истинной кротости. О этих двух естествах потому говорится, что они взаимно облобызались, что они имеют во Христе тесное соединение, согласие и соизволение. [8727]

Истинно же и то, что через это лобзание Христос Спаситель наш возродил нас в Рождестве Своем из смерти греховной к жизни Божественной благодати. В 4-й Книге Царств (4Цар. 4:28–30, 34–35) читается следующее. Когда жена Соманитянка просила пророка Елисея, пребывавшего на горе Кармил, чтобы он, войдя в дом ее, воскресил ее умершего сына, то пророк не отправился тотчас сам, а послал сначала слугу своего Гиезия со своим жезлом, дабы он положил этот жезл на лицо отрока, но умерший не издавал голоса и не внимал Гиезию. Когда же сам пророк пришел к умершему, он приложил свои уста к его устам и дунул на него, – и вот отрок открыл глаза свои. Обрати

внимание на то, как мертвому отроку дарована жизнь через приложение уст пророка к его устам, как это бывает при лобзании. Поистине там было лобзание, когда уста прилагались к устам отрока и через лобзание этих уст воскрес мертвый. Это было преобразованием Христова воплощения. Смерть, войдя через грех в мир, похитила первого отрока Адама, едва начавшего жить. Женщина, природа человеческая, с умилением взывает к Богу: «Господи! Приклони небеса, и сойди» (Пс. 143:5); «Воссияет лице Твое и спасемся» (Пс. 79:4). Господь Бог не тотчас Сам приходит, но, подобно тому, как Елисей послал слугу своего, так и Господь посылает сначала рабов Своих – пророков с жезлом закона, чтобы они возлагали этот жезл на отрока, на род Адамов; но сей отрок еще не ожил, люди еще пребывали во тьме и тени смертной[8728]. Когда же Сам Господь пришел в воплощении Своем и, как сказано, приложил уста Божества Своего к устам человечества, и облобызал нас лобзанием уст Своих, то отрок тотчас восстал, мертвый воскрес (*воскресный Богородичен пред великим славословием*), – от смерти возродились мы к жизни в Рождестве Христовом. Это подобно такой старинной повести. Один добрый друг, видя, что любимый его друг ранен ядоносным мечом врага, прилежно заботится о том, как бы исцелить его от смертной раны. Но вот врачи говорят ему, что та рана неисцельна, ибо меч, напоенный ядом, не только уязвил плоть и произвел большую рану, но тем же ядом повредил все тело, так что смерть во всяком случае ожидает друга его, разве только кто-нибудь искупит его своим здоровьем таким способом: пусть приложит свои уста к его ране и высосет из нее тот яд: «Тогда бы друг твой, – говорят врачи, – легко получил исцеление, но зато высосавший яд во всяком случае умер бы». Услышав это, истинный друголюбец, несмотря на то что и собственная его жизнь была ему не горька, тем не менее, любя своего друга больше, чем самого себя и предпочитая его здоровье своей собственной жизни, – уврачевал друга тем вышеуказанным образом – через приложение своих уст к его ране высосал яд, и своею смертью даровал приятелю своему здоровье. Подобно сему и Господь Бог наш сделал с нами, уязвленными ядоносным мечом греха

адского воителя. Никто не мог нас исцелить от раны и избавить от смерти без того, чтобы сначала не отнять от нас смертный вред. Не обреталось столь совершенного врача, доколе Сам Он Вышний, Сидящий на Херувимах, совершенный Врач и Творец душ и телес, приложил уста Свои, т.е. Сына Своего; ибо как Дух Святой называется в Писании Отчим перстом: «Я перстом Божиим», говорит Господь, «изгоняю бесов» (Лк. 11:20), – так Бог Сын именуется Отчими устами, как написано: «духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32:6). Итак, говорю, Господь Бог приложил уста Свои, т.е. Своего возлюбленного Сына, из любви к роду человеческому, к ране естества нашего: так возлюбил Бог мир, что и сына Своего Единородного дал ему (Ин. 3:16). Какие же уста разумею я? Бог Сын, соединившись с уязвленным естеством нашим, взял на Себя тот греховный яд: взявший грехи мира, Он грехи наши понес и исцелил нас, положивши за нас Свое здравие. Через это Он возродил нас к благодатной жизни через Свое лобзание, т.е. через воплощение, и таким образом в Своем младенчестве показал Себя, как наш Спаситель, премудрый Отец наш, искусный Врач и прелюбезный Друг. Посмотри же на младенчество Христово, как Христос рождается: и с непобедимою силою, и с непостижимою премудростью. И справедливо Ангел указывает пастырям, как на знамение пришествия в мир Спасителя, Младенца, – Младенца же необычайного и не подобного по Своему рождению другим младенцам: Младенца крепкого и разумного, Дитя сильное и премудрое. Вот вам знамение: найдете Младенца, и Младенца повитого, ибо и пелены Младенца Того полны таинств. Св. Амвросий говорит: «Христос повивается пеленами, чтобы ты разрешился от смертных рубищ. В том и заключается таинство пелен Христовых, чтобы мы совлеклись грубых рубищ тления, в которые облекла нас смерть». Вникнем внимательно в слова Амвросиевы. Почему не сказал он «одного рубища», но «рубищ ты разрешился!» Полагаю, что он разумеет здесь Адамовы рубища, ибо Адам, после своего грехопадения, имел два рубища: лиственное и кожаное. Лиственное – в раю, которое Адам и Ева сами себе сделали: «сшили листья смоковное и сотворили себе опоясания» (Быт. 3:7). А кожаное

рубище – вне рая, когда Бог сделал Адаму и жене его «ризы кожаные» и облек их в эти ризы (Быт 3:21). Оба эти рубища были смертны, ибо и те листья были от дерева, привнесшего человеку смерть; поелику некоторые из учителей церкви полагают, что то дерево, от которого запрещено было Адаму вкушать плоды, была смоковница. И кожа была от зверя убитого. Лиственное рубище означало Адамово преслушание, через которое он отпал от Бога, как лист от дерева, а кожаное было знамением плотолюбия, или бессловесной похоти. Христос же, новый Адам, повит был пеленами, чтобы разрешить человека от того и другого рубища, именно: от преслушания и от бессловесных вожделений, ибо Его святые пелены таинственно изображают собою и послушание, и чистоту, – изображают послушание, как изъясняет вышеупомянутый учитель церкви, святой Амвросий.

«Посмотри на таинство, – говорит он, – из девической утробы вышел и раб и (вместе) Господь: раб, чтобы работать, ибо кто препоясуется пеленами, тот препоясуется для услужения; Господь же – чтобы владычествовать. Хорошо то служение, которое приобрело Ему имя, которое выше всякого имени, ибо что для иных является бесчестием, то для Христа есть слава». Обратим внимание на эти слова. Кто препоясуется пеленами, тот препоясуется для услужения. Итак, в пеленах выражено послушание Христово, поелику делающий и служащий есть послушник. А послушнику прилично себя препоясывать, согласно повелению некоего господина в Евангелии: «приготовь мне поужинать и подпоясавшись, служи мне» (Лк. 17:8). И Господь наш взял на Себя чин послушника, ибо говорит о Себе: не придут, чтобы послужить Мне, но Я да послужу им[8729]; препоясуется Он пеленами, чтобы послужить нам, согласно слову Евангельскому: «истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и подходя станет служить им» (Лк. 12:37). А тем Своим послушничьим служением исцеляет Он непослушание Адамово. Ветхий Адам был непослушен, а новый – «послушен даже до смерти» (Флп. 2:8). Таким образом пеленами Христова послушания разрешается рубище Адамова непослушания. А что касается чистоты, то мы и ее увидим

таинственно изображенною в пеленах Господних, если поразмыслим, почему ветхий Адам был покрыт кожаною одеждою, а новый Адам льняными (как это достоверно известно) пеленами, еще прежде Пречистою Богородицею для того приготовленными. Часто так случается среди людей, что внешняя одежда соответствует внутренней мысли и нраву человека, так что через внешнее одеяние явно обнаруживается внутреннее сердце человека (2Кор. 4:16). Гордый Ирод[8730] в названный в книге Деяний Апостольских день облекся в одежду царскую, и эта одежда разве не соответствовала его внутреннему высокоумию? Поистине соответствовала, как о том говорит Писание: «сидя на седалище» (перед народом с гордостью), «говоря к ним» (Деян. 12:21). Через гордое совне одеяние явно обнаруживалась внутренняя гордость. Смиренная и богобоязненная царица Есфирь[8731] некогда в нужное для этого время оделась также в принадлежности царского достоинства, но не от гордости, а по случаю опасности, угрожавшей еврейскому народу; по прошествии же трех дней, когда она кончила молиться, сняла она с себя одежды скорбные и оделась в свои праздничные одеяния (Есф. 4–5). Эти последние одежды ее не соответствовали ли ее светлой душе и ее доброму и чистому намерению? Конечно, соответствовали, как говорит Писание: «и сделавшись великолепною, призвала всевидца Бога и Спасителя» (Есф. 5:1), так что внешняя ее красота соответствовала ее внутренней, душевной красоте. Вспомним и Адама. Когда он в раю согрешил, то сделался из человека как бы диким зверем: зверем, ибо он похитил запрещенный плод; диким же потому, что он тогда начал бегать и укрываться, как зверь в пустыне. Такому его звериному расположению должна была соответствовать и звериная, кожаная одежда, чтобы внутренний нрав и внешняя одежда соответствовали друг другу. Так же понимает это св. Григорий Нисский (в жизни Моисея), который так говорит о сем: «Пусть употребляют кожи звериные те, которые внутри, звериным своим нравом, обезобразили душу». Пойми, почему ветхий Адам был в рубище, и почему новый Адам, Христос, повивается льняными пеленами. Лен, по свидетельству Григория и

Исидора[8732], является в Св. Писании образом чистоты, – почему в Ветхом Завете и священнические одежды были сделаны из льна, в знак непорочного и чистого служения священников. С этим согласен и блаж. Иероним, который, в послании к Фабиоле[8733], говорит так: «Когда мы, приготовляясь к облечению себя во Христа, отлагаем кожаные одежды, тогда надеваем на себя одежду льняную, не имеющую в себе никакой скверны, но во всем чистую». Льняная одежда назначена как знак чистоты, но, О как чист Христос Спаситель наш! «Неповинны руки и чист сердцем, греха не сотворит, и лесть не обретается в устах Его» (Пс. 23:4; Пс. 31:2). Он так чист, что самые чистые и светлые звезды угасают пред Его чистотою, согласно Писанию: «звезды нечисты есть перед Ним» (Иов 25:5). А такому пречистому Младенцу, от Пречистой Девы рожденному, не кожаная, звериная, одежда была прилична, но чистый лен и белые пелены, для того, чтобы было взаимное соответствие между чистотой внутренней и внешней. Но здесь еще не конец значению пелен. Почему Адам одевается в звериную кожу, а Христос в льняные пелены? Кожа имеет такое тесное соединение с телом, как ничто другое. И потому кожа так крепко облекает тело, что можно только с большим усилием отодрать ее от тела, а лен не знает никакой плоти, он сам собою существует и не имеет такого соединения с плотью. Вот в этом-то и заключается последнее основание для того, почему Адам облечен был в кожи, а Христос в лен. Плотянен был Адам: он до того любил плоть от плоти своей, что не хотел ее оставить даже и в злейшем случае, – в прогневании Бога, – но вместе с нею, кожа с плотию, прогневал своего Создателя, поэтому Господь и облек его в плотское, кожаное рубище, как о «плотском помышляющем» (Рим. 8:5). А Христос, хотя и явился носящим плоть, но был все-таки превыше всякой плоти, будучи Сам Источником чистоты. Поэтому Он и повит был льняными пеленами, не имеющими никакого соединения с плотию, и через это разрешил кожаное рубище плотолюбие и бессловесной похоти. Посмотри на таинство пелен Христовых: эти пелены суть пластыри на наши греховные язвы; они отирают слезы от очей наших, они неразлучно связывают нас для ближайшего

соединения с Богом и в совершенную к Нему любовь. Еще и ясли, в которых возлежал повитый Младенец, не лишены таинственного значения. Послушаем, что говорит об этом блаженный Феодорит: «Посмотри, – говорит он, – на убогое пребывание Того, Кто обогащает небо; посмотри на ясли Седящего на Херувимах; посмотри на Его земную нищету, размышляя о Его небесном богатстве. Обнищал Бог, богатый в милости, чтобы мы обогатились Его нищетою, и для того положен был в ясли Царь Небесный, дабы мы научились Его самовольной нищете и смирению». А святой Киприан говорит: «Для того полагается Он в ясли, чтобы мы, изменивши скотское житие, питались не сеном (греховных сластей), но небесных хлебом». И еще говорит Феодорит: «В яслях полагается Слово Божие, чтобы и словесные, и бессловесные (т.е. праведные и грешные) свободно и невозбранно причащались спасительной пищи». [8734]

Таково таинство яслей Господних, и таково очевидное знамение пришествия в мир Спасителя, указанное Ангелом пастырям: младенец повитый, лежащий в яслях. И поистине это великое знамение, ибо оно полно великих таинств, как мы уже слышали.

Итак, да будет родившемуся нас ради Божественному Тому Младенцу честь, благодарения и поклонения от всей твари, и родившей Его Пречистой и Преблагословенной Деве Марии слава и похвала от всех родов вовеки. Аминь.

Сказание о поклонении волхвов

Память 25 декабря

«Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода… се волхвы с востока пришли» (Мф. 2:1), – не из какой-нибудь одной восточной страны, но от разных стран, как это видно из писаний святых Отцов, различно говорящих об этом. Иные из них того мнения, что волхвы были из Персии[8735]; так думают святой Златоуст, святой Кирилл Александрийский, Феофилакт и прочие, – на том основании, что особенно в той стране процветало искусство звездочетцев[8736] и никто не мог там стать царем, если предварительно не изучит этого искусства. Другие же полагают что волхвы были из Аравии[8737]; такого мнения держатся: святой мученик Иустин[8738], святой Киприан, святой Епифаний, – на том основании, что эта страна весьма богата была золотом, ливаном и смирною[8739]. А некоторые думают, что волхвы пришли из Эфиопии[8740]; потому что оттуда пришла некогда царица Савская, т.е. эфиопская в Иерусалим, чтобы послушать премудрости Соломона[8741], что, по объяснению блаженного Иеронима, прообразовало настоящее событие, именно: пришествия волхвов к духовному Соломону – Христу, Который есть Божия премудрость (блаж. Иероним, толкование на пророка Исаию). И Давид говорит: «Эфиопия простретруки свои к Богу» (Пс. 67:32). Впрочем, все названные страны – восточные и смежные одна с другою, изобиловали золотом, Ливаном и ароматами, во всех них распространено было занятие волшебством и звездочетством; притом мудрецам в этих странах не безызвестно было пророчество Валаамово[8742] об имевшей воссиять звезде, каковое пророчество передавалось у них из рода в род, частью устно, частью письменно. Можно думать, самое верное то, что один из волхвов был из Персии, другой из Аравии, а третий из Эфиопии, потому что на их происхождение из различных стран есть указание в пророчестве Давида, где сказано: «Цари Фарсиса и островов поднесут ему дань; цари Аравии и Савы принесут дары» (Пс. 71:10). Это предрек Давид о волхвах,

имевших прийти ко Христу с дарами, как предполагают толкователи Божественного Писания. Слова Давидовы: «цари Фарсийстии» означают: «заморские», ибо «фарсис» означает «море»; итак, разумей здесь Персию, как находящуюся за морем[8743]. «Царие Аравстии» явно указывает на Аравию. А на Эфиопию указывает Давид, когда говорит: «и Сава дары приведут», ибо Сава – это город, который есть столица всей Эфиопии. Итак, те три волхва были из Персии, Аравии и Эфиопии. Волхвами же называются они не в смысле людей, занимавшихся бесовскими волхвованиями и зловредными чарами, а потому, что у аравитян, сирийцев, персов, эфиоплян и у других восточных народов был обычай называть волхвами своих мудрецов и звездочетцев. И эти волхвы были не из числа волшебников и чародеев, но из числа мудрейших звездочетцев и философов[8744]. Называются они и царями не в смысле могущественных царей, властителей многих стран, но как получившие от них каждый свой город или определенное княжество. Ибо Св. Писание имеет обыкновение называть властителей отдельных городов царями, как это видно из Быт. 14. А из каких именно городов были те цари, об этом нет достоверного известия; только то известно, что – из стран восточных и что их было трое, по числу трех принесенных ими даров: золота, Ливана и смирны. Хотя каждый из них шел из своей страны, тем не менее, водимые одною звездою, они, по смотрению Божию, сошлись во время своего путешествия воедино и, узнав намерение друг у друга, шли вместе, следуя звезде, о которой некогда предрек весьма славный звездочетец Валаам, сказав: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля» (Чис. 24:17). Что же это была за звезда? Златоуст и Феофилакт утверждают, что она не была из числа небесных или видимых светил, но что это была некоторая Божественная и Ангельская сила, явившаяся вместо звезды. Ибо все звезды с самого сотворения мира имеют свое бытие, а эта звезда явилась в конце веков, при воплощении Бога-Слова. Все звезды имеют свое место на небе, а эта звезда видима была на воздухе; все звезды, обыкновенно, совершают свое течение с востока на запад, а эта звезда необычно двигалась с востока к

югу, по направлению к Иерусалиму; все звезды сияют только ночью, а эта звезда и днем сияла подобно солнцу, несравненно превосходя небесные звезды и сиянием, и величием; все звезды с прочими светилами, с солнцем, с луною и со всем кругом небесных тел, имеют свое постоянное движение и течение, а эта звезда иногда шла, иногда же останавливалась, как и Феофилакт говорит: «Когда шли волхвы, тогда шла и звезда, а когда они отдыхали, то и она стояла». О времени же явления звезды той различные толкователи различно мыслят: одни говорят, что она явилась в самую ночь и в самый час рождества Спасителя от Девы, но это мнение невероятно; ибо если бы звезда явилась в то время, то как могли бы волхвы издалека дойти до Иерусалима в короткий срок? Иосиф, по прошествии 40 дней после рождения Богомладенца и по исполнении законного очищения в храме, тотчас, немедля в своем доме в Назарете, взяв только необходимое для путешествия, поспешно направился к Египту. Хотя некоторые и говорят, что те волхвы взяли быстрых коней и, совершая поспешно свой путь, доехали до Вифлеема в 13-й день по Рождестве Христове, однако, это невероятно. Ведь, они были царями, а не скороходами, и шли с дарами и со многими слугами, что приличествовало царскому сану и чести, а также с животными и вещами, нужными для путешествия; поэтому как возможно было дойти до города Вифлеема из Персии, Аравии и Эфиопии в 13 дней? Притом они удержаны были некоторое время в Иерусалиме Иродом до тех пор, пока, после того как были собраны и спрошены первосвященники и книжники, не выяснилось, что Христос должен родиться в Вифлееме иудейском. Другие же толкователи, к которым принадлежит и святой Епифаний, говорят, – что звезда явилась в час Рождества Христова, но что волхвы пришли на поклонение по прошествии двух лет и нашли Младенца Христа уже двухлетним. Это мнение основано на том, что Ирод приказал убивать младенцев от двух лет и ниже, по времени, о котором он тщательно узнал от волхвов. Но такое мнение святой Феофилакт называет явно неверным, ибо существует верное всей церкви понимание, по которому те волхвы поклонились

Христу в Вифлееме, когда Христос находился еще в пещере, а по прошествии двух лет Христос не только не был в Вифлееме, но даже и не в Палестине, но в Египте. Ибо, как сказано, по свидетельству святого Луки, после очищения в 40-й день во храме, где старец Симеон сретил Господа, и после того как совершилось все по закону Господню, святой Иосиф и Пречистая Дева Мария с Младенцем тотчас возвратились в Галилею, а не в Иудею, возвратились в свой город Назарет, а не в Вифлеем; и уже из Назарета, по повелению Ангела, направились в Египет. Как же могли волхвы, по прошествии двух лет, найти Христа в Вифлееме? А Никифор, древний греческий историк[8745], передает, что звезда явилась на востоке за два года до Рождества, и что два года волхвы ехали до Иерусалима, так что доехали в самый час Рождества. По-видимому, и этот историк согласен с тем, что пишется в Евангелии об избиении младенцев от двух лет и ниже, но и его мнение недостоверно. Ибо какая была бы нужда тем волхвам в двухлетнем путешествии из восточных стран, откуда можно дойти до Иерусалима в два или три месяца? Если даже они и медленно, и продолжительное время путешествовали, как цари, тем не менее невероятно, чтобы они провели в пути более шести или семи месяцев, потому что восточные страны, как Персия, Аравия и Эфиопия, не так далеки от Иерусалима, чтобы между ними и этим городом мог быть путь двухлетний. Какое же мнение о времени явления звезды есть достоверное? Думаю, что мнение святого Иоанна Златоуста и Феофилакта. Эти учители говорят так: «Звезда явилась волхвам прежде Рождества Христова. Так как им предстояло много времени провести в путешествии, то поэтому звезда явилась им задолго до Рождества Спасителя, чтобы они могли, достигнув Вифлеема, поклониться Христу, находящемуся еще в пеленах. Обратим внимание на то, что эти учители церкви не назначают той звезде двухлетнего времени, но только говорят, что «прежде многого времени», как бы говоря «за несколько месяцев». На основании такого толкования Златоуста и Феофилакта, по которому звезда явилась до времени Рождества Христова, подобает разуметь так, что в самый тот

день и час, в которые, благовещением Архангеловым и Святого Духа наитием, Слово сделалось плотию, завившись в пренепорочной утробе девической, за девять месяцев перед рождеством, звезда явилась на востоке. Понимая так, мы не отступим от свидетельства вышеупомянутых учителей и в то же время отвергнем невероятное замедление волхвов на пути в течение двух лет, о двухлетнем же возрасте убиенных младенцев будет сказано дальше, в день их памяти. Итак, за девять месяцев, как мы сейчас сказали, до Рождества Христова, во время благовещения, волхвы увидали звезду на востоке и сначала в удивлении и в недоумении размышляли о том, что бы это могла быть за звезда? Не есть ли она какой-нибудь метеор[8746], блистающий в воздухе и возвещающий какие-либо несчастия, как это предвозвещают и кометы[8747]. Да и на самом деле та звезда предвозвещала в тех странах несчастия для душегубца-врага, именно: падение идолов, изгнание бесов, света же святой веры яркое сияние. Потом, поняв, что эта звезда не случайная, но имеющая Божественную природу и Божественное подобие, волхвы вспомнили древнее пророчество Валаамово, а также вразумились и тем, что предсказала индийская сивилла Эритрея[8748] о той же звезде; особенно же, как разумеет святой Лев, папа Римский, будучи тайно научены Самим Богом, что настало время рождения Господа и Царя всей вселенной, имеющего родиться во Израили, как и Валаам предрек: «Восстанет человек от Израиля» (Числ. 24:17), – и что это есть Его звезда, издавна предвозвещенная. Поверив, несомненно, что это именно так, и, вполне снарядившись в путь, отправились они из своих стран и, как уже было сказано, во время путешествия сошлись вместе и в единомыслии совершали путь. А между тем истекал девятимесячный срок со времени явления звезды, и приближался час Рождества Христова. И они приближались к пределам Палестинским и, наконец, достигли и столицы Иудеи – Иерусалима, в самый день Рождества Христова. Когда же они подходили к Иерусалиму, звезда, которая вела их, вдруг скрылась из глаз, потому что, если бы та же звезда засияла и в Иерусалиме, народ во всяком случае увидел бы ее и вместе с

нею пошел бы за волхвами ко Христу. Тогда бы и Ирод, и завистливые иудейские начальники синагоги узнали, где находится рожденный Христос, и по зависти убили бы Его преждевременно. Но Божие смотрение, которое лучше устраивает наше спасение, повелело звезде скрыться, частью для того, чтобы ищущие души Младенца не узнали места пещеры, частью же потому, что глаза злонравного иудейского народа были недостойны увидеть ту пречудную звезду, а частью, дабы испытать их веру, – поверят ли они словам тех волхвов, которые возвещали пришествие Мессии, и захотят ли познать Христа, Спасителя мира, если не захотят, то пусть это будет им на большее осуждение. Так рассуждает об этом блаженный Феофилакт: «Для чего, – говорит он, – пришли волхвы? На осуждение иудеям, ибо если волхвы, будучи язычниками, поверили, то какой ответ могут воздать иудеи? Волхвы из столь далеких стран пришли поклониться Христу, а иудеи, имея Его у себя, гнали Его».

Волхвы, войдя в столичный город Иерусалим, спрашивали о новорожденном Царе: «Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Мф. 2:2). И тотчас эта весть удивила народ и смутила царя Ирода и всех иерусалимских начальников. Царь, собрав всех первосвященников и книжников, спрашивал их:

– Где должен родиться Христос?

Он стал бояться, как бы у него не отнято было царство, и размышлял о том, как бы убить новорожденного Царя. Узнав, что Христос должен родиться в Вифлееме, он призвал волхвов и выпытал у них о времени явления звезды. Затем, скрыв обман, имея неправедную мысль и злое намерение, сказал лукаво:

– «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце, и когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему» (Мф. 2:8).

Когда волхвы ушли из Иерусалима, тотчас явилась звезда, водившая их, и пошла перед ними, и они очень обрадовались вторичному ее появлению. И шла она перед ними, пока не довела их до Вифлеема, до пещеры, и не остановилась над тем

местом, где находился Младенец. Над тем жилищем, где находился Младенец, остановилась звезда, т.е. она сошла с высоты вниз и приблизилась к земле. Иначе нельзя было бы узнать, над каким местом она стоит, если бы она не сошла ниже. Так рассуждает и блаженный Феофилакт, следуя святому Златоусту: «Это было необычайное знамение, – говорит он, – потому что звезда сошла с высоты, и, спустившись к земле, показала волхвам место. Ибо если бы она находилась на высоте, то как могли бы они узнать определенное место, где находился Христос? Потому что каждая звезда господствует над многими местами. Как и ты часто видишь луну наверху своего дома, так и мне кажется, что она находится над моим домом, и всем кажется подобное, именно: будто только над ними стоит луна или какая-нибудь звезда. Подобным образом и та звезда не могла бы явно указать на Христа, если бы не сошла вниз и не остановилась над главою Младенца». И по этому чуду видно, что та звезда не была из числа звезд, находящихся на тверди небесной, но была особой силой Божией. Итак, волхвы нашли Того, Кого искали, когда вошли в дом, как говорит Евангелие. На этом основании многие полагают, что они нашли Христа не в пещере, но в одном из домов города, так как Евангелие упоминает не пещеру, но дом. По сему мнению, Евангелие как бы так говорит: «Когда множество народа, пришедшего для переписи, разошлось, то сделались свободными и общая гостиница, и другие дома вифлеемских граждан, тогда и Матерь с Младенцем переведена была из пещеры в один из домов. Но святой мученик Иустин, Златоуст, Григорий Нисский и Иероним говорят, что Господь оставался в пещере, где родился, до самого времени очищения, которое бывало в 40-й день, и что там нашли Его и волхвы. И так случилось для того, чтобы земные цари узнали, что Царство новорожденного Царя в нищете, в смирении и в презрении мирской славы, а не в богатствах, тщеславии и палатах. Цель сего была также и та, чтобы при этом могла сильнее проявиться их вера, в силу которой они не раскаялись и не возроптали, когда нашли Того, ради Которого совершили такой

продолжительный путь и Которого надеялись найти в царских палатах, – в такой нищете.

Найдя Господа в пещере, волхвы поклонились Ему падши, т.е. не простым поклонением, но подобающим Богу, не только как человеку, но и как Богу, потому что, как говорят святой Ириней и папа Лев: «Те волхвы таинственно просвещенные благодатью Господнею, увидев Младенца, познали и уверовали, что Он – Бог, и поэтому поклонились Ему не только как Царю, но и как Богу, – поклонением приличествующим Богу. Поэтому и написано: «падши и открывши сокровища свои, принесли Ему дары» (Мф. 2:11), исполняя повеленное: «пусть не являются пред лице Господа с пустыми руками» (Исх. 23:15). Какие же дары? Золото, ливан и смирну, золото – как Царю, ливан – как Богу, смирну – как смертному человеку (Блаженный Феофилакт). Ибо смирною иудеи помазывали тело умершего, желая сохранить его целым. Таким образом три царя почтили Единого от Троицы тремя дарами, и этими дарами исповедали в Нем два естества. Об этом святой Лев говорит так: «Они приносят ливан – Богу, смирну – человеку, золото – Царю, правильно почитая Божие и человеческое естество в единстве, сердцем они в это веруют, а дарами исповедуют».

Получив весть во сне от Ангела, явившегося им, чтобы они не возвратились к Ироду, злоумышляющему и намеревающемуся убить новорожденного Царя, волхвы иным путем возвратились каждый в свою страну, и там сделались учителями и проповедниками Христовыми, по достоверному свидетельству Никифора, Ибо, проповедуя пришествие в мир Христа, Сына Божия, они научали людей веровать в Него, как и сами они веровали, и несомненно, что они по смерти сподобились быть причтенными к лику святых. А имена их такие: первый – Мелхиор, старый и седой, с длинными волосами и бородой; он принес золото Царю и Владыке. Второй – Гаспар, молодой и без бороды с лицом румяным; он принес ливан вочеловечившемуся Богу. Третий – Валтасар, смуглый лицом, с длинною бородою, он принес смирну смертному Сыну Человеческому. Их тела, после многих лет, перенесены были сначала в Константинополь, затем в Медиолан[8749], потом в

Кельн[8750], в честь воплощенного Христа Бога, Которому с Родившею Его да будет от нас слава вовеки. Аминь.

Кондак, глас 6:

Иже прежде денницы от Отца без матере родивыйся, на земли без отца воплотися днесь из Тебе: темже звезда благовествует волхвом, Ангели же с пастырми поют несказанное рождество Твое, Благодатная.

Сказание о Бегстве Пречистой Девы Богородицы с Богомладенцем в Египет

Память 26 декабря

После того как волхвы ушли из Вифлеема, Ангел Господень во сне явился Иосифу, повелевая ему, чтобы он вместе с новорожденным младенцем Иисусом Христом и Материю Его, Пречистою Девою Мариею, бежал в Египет и оставался там до тех пор, пока ему повелено будет оттуда возвратиться, так как Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Иосиф, встав, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет. Но сначала, прежде отшествия своего туда, он исполнил в храме Соломоновом все, что определено было по закону Господню, ибо дни очищения Пречистой и Пренепорочной Богоматери уже наступили, и в том храме сретили Господа нашего старец Симеон и Анна пророчица. Потом, исполнив все, что определено было в законе, Иосиф пошел в Назарет, в дом свой. Ибо так говорит святой Лука: «И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет» (Лк. 2:39). Отсюда явно, что они не тотчас направились из Вифлеема к Египту, но сначала пошли в храм Господень, затем в Назарет и, наконец, в Египет. О том свидетельствует и святой Феофилакт в толковании на Евангелиста Матвея, когда пишет так: «Вопрос: Как это говорит Евангелист Лука, что Господь удалился в Назарет по прошествии 40 дней по рождении Своем и после сретения Своего старцем Симеоном? А здесь святой Матфей говорит, что он пришел в Назарет уже по возвращении из Египта? Ответ: Знай, что Евангелист Лука упоминает о том, о чем умолчал Евангелист Матфей, именно – что Господь (говорит Лука) по рождестве Своем пошел в Назарет. А Матфей говорит о том, что случилось уже после того, именно: как наш Господь бежал в Египет и как, по возвращении оттуда, снова пошел в Назарет. Вообще Евангелисты не противоречат друг другу, но только Лука говорит об удалении Христа из Вифлеема в Назарет, а Матфей повествует о Его возвращении в Назарет из Египта». Итак, по

выходе из храма Господня, святые путники сначала отправились в Назарет и немедленно сделали распоряжение относительно своего дома, а затем, захвативши все нужное для путешествия, поспешно, ночью (чтобы ближайшие соседи не узнали этого) направились по дороге к Египту. При этом они взяли с собою, для услужения, и Иакова, старшего сына Иосифова, названного впоследствии братом Господним, что видно из церковного песнопения на 23-е октября, где поется так: «брат показался еси, ученик, и самовидец Божественных тайн, бегаяй с ним, и во Египте быв со Иосифом»[8751]. Отсюда явно, что и Иаков сопутствовал святому семейству на пути в Египет, служа ему во время путешествия. А бежал Господь в Египет частью для того, чтобы показать, что Он есть истинный человек воплощенный, а не дух и привидение (на что указывает святой Ефрем, в слове на Преображение, когда говорит: «Если бы Он не был плотию, то тогда с Кем же бежал Иосиф в Египет»); а частью для того, чтобы научить нас бежать гнева и ярости человеческой, а не с гордостью противиться им. Так объясняет и Златоуст: «В своем бегстве, – говорил он, – Господь научает нас давать место ярости, т.е. бегать человеческой ярости. И если Всемогущий бежит, то мы, гордые, научаемся этим не подвергать себя опасности». Цель бегства Господня в Египет и та, чтобы очистить Египет от идолов и, как говорит святой папа Лев, чтобы не без этой страны, в которой в первый раз через заклание агнца были прообразованы спасительное знамение креста и Пасха Господня, – уготовалось таинство святейшей жертвы. Также и чтобы исполнилось следующее пророчество Исайино: «Господь восседит на облаке легком, и грядет в Египте. И потрясутся от лица Его идолы египетские» (Ис.19:1). В этом месте под облаком святой Амвросий разумеет Пречистую Деву, Которая принесла на руках Своих Господа в Египет, и пали идолы египетских богов. Тот облак, Пречистая Дева, – легок, ибо, Она не отягощена никаким бременем какого-либо греха или плотского вожделения и познания супружества.

Передается и то, что когда праведный Иосиф, Пречистая Дева и Богомладенец шли в Египет, в одном пустынном месте напали на них разбойники и хотели отнять у них осла, на

котором они везли то немногое, что необходимо было им в дорогу, и на котором иногда и сами ездили. Один же из тех разбойников, увидев Младенца необычайной красоты и удивившись такой красоте, сказал:

– Если бы Бог принял на Себя человеческое тело, то не хотел бы быть красивее сего Младенца.

Сказав это, он запретил своим товарищам, прочим разбойникам, и не дал им ничем обидеть этих путников. Тогда Пречистая Богородица сказала тому разбойнику:

– Знай, что Сей Младенец воздаст тебе щедрым воздаянием за то, что ты охранил Его.

Этот разбойник был тот самый, который впоследствии, при распятии Христа, был повешен на кресте по правую сторону, и которому Господь сказал: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43). И исполнилось пророческое предсказание Божией Матери, что «воздаст тебе Сей Младенец».

Когда они вошли в Египетскую страну и находились в пределах Фиваиды, приблизились они к городу Ермополю[8752]. Близ входа в сей город росло очень красивое дерево, называвшееся «Персея», которое тамошние жители, по своему идолопоклонническому обычаю, почитали, как бога, из-за его высоты и величественной красоты, поклоняясь ему и принося ему жертвы, ибо в том дереве жил и бес, почитаемый ими. Когда Пречистая Богоматерь с Божественным Младенцем приблизилась к тому дереву, тотчас оно сильно потряслось, ибо бес, убоявшись пришествия Иисусова, бежал. А дерево приклонило свою верхушку до самой земли, воздавая подобающее поклонение своему Создателю и Его Родительнице, Пречистой Деве, кроме того, оно оградило их тенью своих много лиственных ветвей от солнечного зноя и тем дало возможность утомленным святейшим путникам отдохнуть. И в таком наклоненном виде осталось то дерево в очевидное знамение пришествия Господа в Египет. После того как под сим деревом Господь с Своею Материю и Иосифом отдыхали, это дерево получило целебную силу, ибо от его ветвей исцелялись всякие болезни. Затем святые путники прежде всего вошли в тот город и идольский храм, находившийся в нем, и тотчас все

идолы пали. Об этом храме упоминает Палладий в Лавсаике[8753]: «Мы видели, – говорит он, – там (в Ермополе) идольский храм, в котором во время пришествия Спасителя упали все идолы ниц на землю. Также и в одном селении, называемом «Сирен», упало триста шестьдесят пять идолов в одном храме, в то время как туда вошел Христос с Пречистою Материю[8754].

Да и во всем Египте во время пришествия Господня сокрушились идолы, и бесы бежали из них, и исполнилось в этом событии то, что предрек св. пророк Иеремия, находясь в Египте, когда сказал: «Все идолы должны будут упасть, и все изображения богов сокрушаться тогда, когда придет сюда Дева Матерь с Младенцем, рожденным в яслях». Со времени сего Иеремиина пророчества у египтян существовал обычай изображать Деву, покоящуюся на постели, а близ Нее Младенца, лежащего в яслях и повитого пеленами, и поклоняться этому изображению. Когда однажды царь Птолемей спросил египетских жрецов, для чего они это делают, те ответили «Это – тайна, возвещенная древнейшим предкам нашим одним святым пророком, и мы ждем исполнения того пророчества и раскрытия сей тайны».

После этого святые путешественники повернули немного в сторону от города Ермополя и, ища места для остановки, вошли в селение, называвшееся «Натарея», лежащее недалеко от Илиополя[8755]. Иосиф близ этого селения оставил Пречистую Деву Марию со Христом Господом, а сам пошел в селение ради приобретения потребного. А то смоковничное дерево, приютившее святых странников под собою, раздвоилось сверху донизу и опустило свой верх, образуя как бы сень или шатер над их главою: а внизу, у своего корня, оно образовало в той расселине как бы углубление, удобное для пребывания, и там Пречистая Дева с Младенцем легла и отдохнула от путешествия. То место и до сего времени в большом почитании не только у христиан, но и у сарацинов, которые и до этих пор (как это рассказывается достоверными очевидцами) возжигают светильник с елеем в расселине дерева в честь почивавшей там Девы с Младенцем. Иосифу и Пресвятой Богородице

захотелось остаться в том селении и, найдя для себя недалеко от того дерева хижину, они начали в ней жить. Совершилось и другое чудо силою Божественного Младенца, ибо там же, близ их местопребывания и близ того чудесного дерева, явился внезапно источник живой воды, из которого Пречистая Дева черпала для своей потребы и в котором устраивала купанье для Своего Младенца. Существует тот источник и доныне, имея очень холодную и здоровую воду. А что еще удивительнее, что во всей земле Египетской это единственный источник живой воды, и он славится в том селении. Сим кончается повествование о пребывании Пречистой Богоматери со Христом в Египте, где они пробыли несколько лет. Но точного известия о том, сколько лет провел Господь в Египте – нет. Св. Епифаний говорит, что – два года, а Никифор три года, а Георгий Кедрин пять лет; иные же, как Аммоний Александрийский, думают, что семь лет. Во всяком случае то несомненно, что до кончины Иродовой, как и Евангелие говорит: «И там был до смерти Ирода» (Мф. 2:15).

После же убиения вифлеемских младенцев и после того как окаянный Ирод погиб злою смертью, Ангел Господень опять явился во сне Иосифу, повелевая ему возвратиться из страны Египетской в землю Израилеву, «ибо (сказал он) умерли искавшие души младенца». Иосиф встал, взял Младенца и Матерь Его и пошел в Иудею, которая составляла лучшую и большую часть земли Израильской. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, он убоялся идти туда. Ибо Ирод оставил после себя трех сыновей: первого Архелая, другого Ирода Антипу, а третьего, самого младшего, Филиппа. Все они, по смерти отца своего, отправились в Рим, к кесарю, из-за соперничества, так как каждый из них хотел получить царство отца. Кесарь, не давая ни одному из них царской чести, разделил царство на четыре части, назвав их тетрархиями. Старшему брату Архелаю он дал Иудею, Ироду Антипе дал Галилею, а младшему брату Филиппу – Трахонитскую страну; Авилинию же дал он Лисанию, младшему сыну Лисания старшего, некогда друга Иродова, а потом убитого им по зависти. Отпуская всех их из Рима, кесарь обещал

Архелаю и царскую честь, если только он обнаружит хорошее и заботливое управление своею частью. Но Архелай нисколько не лучше был жестокого отца своего, мучая и убивая многих, ибо, придя в Иерусалим, он тотчас напрасно убил три тысячи народа, и многих граждан велел мучить в день праздника, среди храма, перед всем собранием иудеев. По причине такой своей жестокости, он был, по прошествии нескольких лет, оклеветан, лишен власти и сослан в заточение. Иосиф, при своем возвращении, услышал, что царствует этот злой Архелай, хотя и без царского титула, и убоялся идти в Иудею, получив же извещение во сне от того Ангела, который уже прежде являлся ему, ушел в пределы галилейские, во владение Ирода Антипы, брата Архелая, ибо этот Ирод с большею кротостью правил народом, чем брат его; и поселился Иосиф в городе Назарете, в своем доме, где они и прежде жили, дабы исполнилось предсказанное о Христе Господе пророками, что Он назовется назореем. Ему слава вовеки. Аминь.

Житие праведного царя Давида[8756]

Память 26 декабря

Святой царь и пророк Давид происходил из колена Иудина. Отец его Иессей был одним из старейшин города Вифлеема и имел восемь сыновей, из которых Давид был младшим. Когда Давид достиг отроческого возраста, отец поручил ему пасти свои стада. Уединенно жил отрок среди стад, оберегая родительское достояние, когда приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то Давид гнался за ними и отнимал добычу; когда зверь бросался на него, то Давид брал его за космы, поражал и умерщвлял. Господь хранил отрока, ибо он был благочестив и не любил праздности, он устроил себе музыкальный инструмент со струнами и в часы досуга упражнялся в пении и игре на этом инструменте. Данную от Бога способность к этому искусству Давид обратил на службу Богу, на прославление Его святого имени; непрестанно пребывая в богомыслии, отрок, бряцая на струнах, воспевал премудрость и благость Отца Небесного, являемые во всем создании Божием и в жизни человеческой.

В то время царем израильским был Саул. Некоторыми своими поступками он обнаружил непокорность повелениям Господним и показал, что свои собственные силы и желания он ставил выше воли и милости Царя царствующих. Тогда Господь повелел пророку Самуилу объявить Саулу:

– За то, что ты отверг слово Господне, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем.

Вскоре после того Господь послал Самуила к Иессею вифлеемлянину, – ибо «между сыновьями его Я усмотрел себе царя», – сказал Господь. Прибыв в Вифлеем, пророк приказал старейшинам города приготовиться, чтобы принести жертву Богу Израилеву, пригласив к сему и Иессея с сыновьями. Когда пришли дети Иессея, Самуил, увидав старшего из них Елиана подумал, что он избранник Божий, но Господь сказал пророку:

– Не смотри на вид его и на высоту роста его, Я отринул его. Я смотрю не так, как смотрит человек: ибо человек смотрит

на лицо, а Господь смотрит на сердце.

И ни об одном из бывших с Иессеем семи сыновей Самуил не получил откровения, тогда он спросил Иессея, все ли дети его здесь. Старец ответил, что есть еще один сын, который пасет овец; пророк приказал послать за отроком. Когда пришел Давид, Господь сказал Самуилу:

– Встань, помажь его, ибо это он.

Пророк взял принесенный им с собою рог с елеем и помазал Давида среди его братьев. И почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после. Затем Самуил ушел из Вифлеема, а отрок возвратился к прежнему своему делу.

А от Саула отступил Дух Господень, и он впал в болезнь беснования, мучительны были припадки этой болезни, и Саул постоянно находился в раздраженном состоянии, томимый мрачными думами. Тогда царедворцы посоветовали своему государю пригласить человека, хорошо играющего на гуслях, чтобы тот своею игрою успокаивал царя во время припадков болезни. Саул согласился, и тогда один из придворных указал на Давида. По приказанию царя, восемнадцатилетний юноша – пастырь был призван к царскому дворцу; когда Саул болезненно мучился, Давид играл на своих гуслях, благоугождая Богу, и отраднее и лучше становилось Саулу, и злой дух отступал от него. Давид очень понравился царю и сделался его оруженосцем, но служба его при дворе не была беспрерывной, и он имел возможность надолго уходить в свой родной город и продолжал заниматься своим пастушеским делом.

Вскоре произошло нашествие филистимлян[8757] на землю Израильскую. Вступив в пределы колена Иудина, они расположились лагерем между Сокхофом и Азеком в Ефес-Даммиме[8758]. Саул с израильским войском остановился верстах в двух южнее; между обоими лагерями находилась обширная долина. Филистимляне задумали покончить войну обычным в древности поединком, и из их стана выступил великан Голиаф, уроженец Гефа, из рода Энаков[8759]. Он был ростом шести локтей и одной пяди[8760], т.е. 4 аршин и 14 вершков, на нем было полное воинское вооружение из меди: чешуйчатая броня, весом пять тысяч сиклей[8761], шлем, наколенники и щит; в руках

он нес железное копье весом шестьдесят сиклей. Обращаясь к войску израильскому, Голиаф восклицал:

– Выберите из себя человека, и пусть сойдет ко мне; если он убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам.

Грозный вид великана устрашал сынов израилевых, и никто из них не решался вступить в единоборство с Голиафом, который с каждым днем делался высокомернее и, выступая в течение сорока дней, поносил израильтян.

Братья Давида находились тогда в числе воинов, выступивших против филистимлян; однажды Иессей послал младшего своего сына к войску, чтобы проведать братьев и отнести им немного хлебных запасов. Юноша пришел к войсковому обозу, когда войско выведено было в строй и с криком готовилось к сражению, Давид поспешил к рядам израильского войска, чтобы повидаться с братьями. Пока он с ними разговаривал, из филистимского строя вышел Голиаф и стал говорить свои гордые речи; при виде великана израильтяне разбежались в страхе, в рядах их говорили:

– Если бы кто убил Голиафа, одарил бы того царь великим богатством, и дочь свою выдал бы за него, и дом отца его сделал бы свободным в Израиле.

Глубоко возмутился юный сын Иессея высокомерием филистимского великана.

– Как смеет этот необрезанный филистимлянин поносить так воинство Бога Живого, – с негодованием говорил Давид израильским воинам.

Слова юноши дошли до царя, и тот призвал его к себе. Могучею верою в помощь Божию дышали речи Давида, когда он просил Саула разрешить ему сразиться с Голиафом, так что царь, наконец, сказал:

– Иди, и да будет Господь с тобою. Давид отказался от воинского вооружения, в которое был облечен по приказанию Саула, ибо не привык к нему. Он взял свой пастушеский посох, пращу и сумку, в которую положил пять набранных в ручье гладких камней, и в таком снаряжении пошел навстречу Голиафу.

На издевательство и брань филистимского великана Давид отвечал:

– Ты идешь против меня с мечом, копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств израильских, которые ты поносил. Ныне предаст тебя Господь в руку мою, и я убью тебя, и сниму главу твою и отдам труп твой и трупы войска филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог во Израиле. И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь.

И надежда на помощь Божию не посрамила юношу: камень, метко пущенный из пращи Давида, ударил великана в лоб с такою силой, что Голиаф упал на землю, тогда Давид подбежал к нему и его же собственным мечом отсек ему голову. Пораженные подвигом Давида, филистимляне обратились в бегство, а израильское войско, овладев их лагерем, победоносно преследовало врагов до пределов их страны.

Держа в руках голову убитого великана, Давид предстал перед Саулом. Обрадованный царь оставил юношу при себе и, к общему удовольствию всего народа, возвел его в звание военачальника. Когда победители возвратились домой, по дороге во всех городах израилевых им устраивали торжественные встречи, и женщины плясали, играя на тимпанах и кимвалах, при пении победной песни с припевом:

– Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч.

Такое выражение любви народной к Давиду было неприятно царю; Саул узнал от пророка, что Господь отверг от него царство и отдал другому, в Давиде стал видеть царь своего преемника и начал подозрительно относиться к юноше. Тяжкий недуг, мучивший Саула, благодаря этому усиливался, и царь временами приходил в бешенство; дважды во время этих припадков он бросал копьем в Давида, который играл на гуслях, чтобы успокоить царя, но юноша, хранимый Духом Божиим, избег смерти, после этого Саул стал бояться Давида и удалил его от себя, поставив его тысяченачальником. В этой должности Давид во всех делах поступал благоразумно, чем и заслужил еще большую любовь народа, к великому неудовольствию Саула, который стал искать его смерти.

Сначала царь действовал с коварством, посылая Давида в опасные походы против филистимлян. «Пусть не моя рука будет на нем, а рука Филистимлян будет на нем», – злоумышлял Саул. Посылая Давида на войну, царь обещал ему руку старшей своей дочери Меровы, которую, однако, отдал за другого, а Давиду предложил вступить в брак с другою дочерью с Мелхолою, поставив условием, чтобы Давид совершил другой еще более опасный поход.

– Разве легко быть зятем царя, а я человек бедный и незначительный, – смиренно отвечал юный воевода на столь лестные предложения.

Господь хранил Своего избранника, и он возвращался каждый раз с победою, так что имя его прославилось, и Саул вынужден был выдать за него Мелхолу, которая любила Давида. После того зависть Саула еще более усилилась; он сделался врагом Давида на всю жизнь и стал прямо высказывать намерение убить зятя.

Один из сыновей Саула, доблестный Ионафан, еще со времени победы над Голиафом, полюбил Давида, как свою душу, тесная дружба соединяла обоих юношей. Зная злое намерение отца, Ионафан говорил Саулу:

– Да не грешит царь против раба своего Давида, ибо он ничем не согрешил против тебя, и дела его весьма полезны для тебя; он подвергал опасности жизнь свою, чтобы поразить филистимлянина, и Господь соделал великое спасение всему Израилю, ты видел это и радовался, для чего же ты хочешь согрешить против невинной крови и умертвить Давида без причины?

Царь поклялся, что не убьет Давида, и между царем и его зятем установились добрые отношения, но ненадолго; вскоре началась война с филистимлянами, в которой Давид одержал решительную победу. Тогда Саул в припадке бешенства еще раз покушался пригвоздить к стене копьем Давида, игравшего перед ним на гуслях. Давид успел убежать и скрылся в своем доме. Царь послал воинов окружить дом, чтобы схватить Давида, когда тот выйдет, и предать смерти. Безвыходно было положение невинного страдальца, но Давид не отчаялся, а

искал утешение и помощи в молитве, изображение которой находится в 58-м вдохновенном его псалме.

– Избавь меня от врагов моих, Боже мой, – восклицал Давид, – защити меня от восстающих на меня. Ибо вот они подстерегают душу мою, собираются на меня сильные не за преступление мое и не за грех мой, Господи, без вины моей сбегаются и вооружаются. Подвигнись на помощь мне и воззри. Сила у них, но я к Тебе прибегаю, ибо заступник мой Бог.

Так взывал Давид, и Господь спас его от неминуемой гибели рукою любящей супруги, которая спустила мужа по веревке из окна.

С этого времени начались странствования Давида. Царь преследовал своего зятя, «как куропатку по горам» (1Цар. 26:20). Давид не находил себе пристанища ни в поселениях израильских, ни в городах соседей филистимлян, помнивших прежние его победы. Тщетно пытался Ионафан умилостивить царя, который даже жену Давида отдал замуж за другого, первосвященник Ахимелех со всем своим родом был казнен Саулом, который заподозрил его в сочувствии зятю[8762]. Давид успел, впрочем, укрыть от царского гнева своих родителей, поместив их у царя Моавитского[8763]. По откровению Божию, данному через пророка Гада, Давид пришел в пределы колена Иудина и здесь скрывался от царя в гористых и пустынных местностях к югу от Вифлеема; около него стали собираться все недовольные Саулом, так что вскоре Давид стал уже во главе отряда до 400 человек, людей мужественных и воинственных. С этим отрядом Давид, сам гонимый царем, успевал, однако, служить родному народу; он изгнал Филистимлян из захваченного ими города Кеиля, находившегося в горах иудейских, и оберегал пасущиеся в этих горах стада от набегов хищников пустыни.

Давид вручил свою жизнь в волю Божию, и Господь хранил Своего помазанника; так, когда Давид находился в Кеиле и Саул намеревался схватить его там, Господь открыл Давиду, что жители города выдадут его царю, почему Давид со своим отрядом оставил этот город и «они ходили, где могли» (1Цар. 23:13). Найдя себе убежище в гористых, лишенных всякой

растительности, пустынях Зиф и Маон, на западном берегу Мертвого моря, Давид едва не был окружен царским войском, но в это время Саул получил известие о набеге филистимлян и должен был на время прекратить преследование. Отразив неприятелей, царь вернулся с войском из пустыни, чтобы поймать Давида. Разыскивая беглецов в этой дикой местности, изобилующей ущельями и пещерами, Саул однажды зашел в одну из пещер, где в это время скрывался Давид с некоторыми из своих приверженцев. Не заметив врагов, притаившихся в темноте, Саул снял свою мантию, между тем окружавшие Давида узнали царя и стали говорить своему предводителю:

– Ныне день, о котором говорил тебе Господь: вот Я предам врага твоего в руки твои и сделаешь с ним, что тебе угодно.

Давид отвечал:

– Да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо он – помазанник Господень.

Он осторожно отрезал край мантии Саула и, когда царь, выйдя из пещеры, удалился на некоторое расстояние, кликнул его. Саул оглянулся, а Давид, поклонившись ему до земли, стал убеждать царя не верить злым наветам.

– Отец мой, – говорил юноша, – посмотри на край одежды твоей в руке моей; я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил. Узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя, а ты ищешь души моей, чтобы отнять ее. Да рассудит Господь между мною и тобою, и да отмстит тебе Господь за меня, но рука моя не будет на тебе. Господь рассмотрит и разберет дело мое, и спасет меня от руки твоей.

Саул был глубоко растроган великодушием гонимого им человека и со слезами сознавался в своей неправоте, после того царь возвратился в свою столицу, а Давид продолжал странствовать в пустыне.

Недолго помнил Саул о благородном поступке Давида. Собственная подозрительность вместе с усилением Давида, число сочувствующих которому все увеличивалось, – побудили царя возобновить преследование, и с трехтысячным отрядом

Саул опять выступил в пустыню. Давид внимательно следил за действиями царя и, когда тот расположился станом на одной из возвышенностей, Давид укрепился на горе, откуда виден был царский стан. Чтобы точнее узнать силы Саула, Давид с одним из своих последователей Авессою, ночью проник в стан царя, беспечность царских воевод была так велика, что даже у царского шатра не было сторожа, и Давид со своим спутником вошли туда. Саул спал крепким сном, у его изголовья стояло воткнутое в землю копье. Авесса вызвался поразить Саула этим копьем насмерть, но Давид сказал:

– Жив Господь! Пусть поразит его Господь, или придет день его и он умрет, или пойдет на войну и погибнет, меня же да не попустит Господь поднять руку на помазанника Господня!

Он взял находившиеся в шатре копье и чашу с водой, чтобы показать Саулу, что жизнь царя опять была в его руках, и, никем незамеченный, ушел из стана. Взойдя в свой лагерь,

Давид громким голосом стал упрекать царских воевод за то, что они плохо охраняют государя. Саул услыхал голос Давида и вступил с ним издали в беседу.

Царь говорил:

– Согрешил я, возвратись, сын мой Давид, ибо я не буду делать тебе зла, потому что душа моя была дорога ныне в глазах твоих, безумно поступал я и очень много погрешал.

Давид отвечал:

– Вот копье царя, пусть один из отроков придет и возьмет его. И да воздаст Господь каждому по правде его и по истине его, так как Господь предавал царя в руки мои, но я не хотел поднять руки моей на помазанника Господа. И пусть как драгоценна была жизнь твоя в глазах моих, так ценится моя жизнь в очах Господа, и да покроет Он меня и да избавит от всякой беды.

На прощанье Саул благословил Давида именем Господним, и с тех пор они более не виделись.

Давид имел много оснований не доверять благим намерениям и обещаниям Саула и потому счел более безопасным для себя оставить пределы Израильского царства и переселиться в землю филистимлян. На южной ее границе

находился город Секелаг, который и был отведен филистимским царем для жительства Давида с его приверженцами, числом до 600 человек. Отсюда Давид делал походы против жителей пустыни, исконных врагов израильского народа. Между тем царь филистимский предпринял грозное нашествие на землю израильскую и потребовал, чтобы в нем принимал участие и Давид со своим отрядом. Невыразимо тяжело было исполнить это Давиду, горячо любившему родной свой народ, но и здесь не оставила его помощь Божия, на которую он всегда крепко уповал: князья филистимские заподозрили, что он, как еврей, не может быть верным союзником врагов своего отечества, и настояли, чтобы Давид возвратился в Секелаг. На обратном пути он узнал, что город его разорен амалекитянами[8764], которые захватили семейства и имущества как его, так и его приверженцев, и увели в пустыню. В самом отряде Давида поднялось возмущение, в горькой скорби о своих сыновьях и дочерях, захваченных неприятелем, спутники Давида хотели побить его камнями. Но Давид укрепился надеждою на Господа Бога своего, погнался за хищниками и отбил всю их добычу.

Происходившая тем временем война между филистимлянами и израильтянами кончилась поражением последних при горах Гелвуйских[8765]; в битве этой пал Саул и сын его Ионафан. Весть об их кончине принес Давиду амалекитянин, который рассказал при этом, что по просьбе Саула он убил его, когда того преследовали филистимляне. При таком рассказе Давид воскликнул:

– Как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?

И приказал казнить вестника. Искреннюю и глубокую скорбь о преследовавшем его Сауле и дорогом своем друге Ионафане Давид излил во вдохновенной песне:

– Горы Гелвуйские, – восклицает Псалмопевец, – да не сойдет ни роса, ни дождь на вас и да не будет на вас полей с плодами, ибо там повержен щит сильных, щит Саула, как бы не был он помазан елеем. Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и по смерти своей, быстрее орлов и сильнее львов они были. Скорблю о тебе, – брат мой

Ионафан, ты был очень дорог для меня, любовь твоя для меня была превыше любви женской.

Оплакав Саула и Ионафана, Давид, по откровению Божию, перешел в пределы колена Иудина и поселился со всеми своими спутниками в Хевроне[8766]. Здесь Давид был помазан елеем и провозглашен царем южной страны Израильского государства[8767], тогда как над остальной его частью воцарился сын Саула Иевосеей, которого возвел на царство военачальник Авенир. Около двух лет продолжалось разделение царства, но, по слову Божию, изреченному через пророка Самуила, власть над Израилем не могла оставаться в доме Саула. Иевосеей был убит двумя изменниками из числа собственных телохранителей, убийцы принесли его голову к Давиду и рассчитывали получить награду. Но Давид, оплакав смерть своего соперника, воскликнул:

– Жив Господь, избавивший душу мою от всякой скорби! Если того, кто принес мне известие, что умер Саул, и кто считал себя радостным вестником, я схватил и убил в Секелаге, вместо того, чтобы дать ему награду, то теперь, когда негодные люди убили человека невинного в его доме, на его постели, неужели я не взыщу крови от руки вашей и не истреблю вас от земли!

И убийцы были казнены. После того в Хевроне собрались представители всех колен израильских, и Давид, при общем ликовании народа, был помазан в цари всего Израиля.

Первым делом Давида было устройство новой столицы государства, с сею целью он избрал сильную крепость, находившуюся на рубеже колен Иудина и Вениаминова и бывшую во власти хананейского племени иевуссеев, когда последние отказались уступить ее Давиду добровольно, полководец его Иоав взял крепость приступом, Давид назвал эту крепость Иерусалимом, т.е. городом мира, и построил здесь свой новый дворец; новая столица вскоре процвела пышно и богато и впоследствии сделалась знаменитейшим городом в свете, как место важнейших событий в деле спасения рода человеческого. Чтобы освятить свою столицу и самому быть в непосредственной близости к месту пребывания славы

Господней, Давид устроил в Иерусалиме скинию, во всем подобную той, которую Моисей соорудил, по повелению Божию, в пустыне и которая находилась во времена Давида в Гаваоне[8768]. Сюда перенес он высшую святыню народа Божия Ковчег Завета из Кариаф-Иарима[8769]. Перенесение святыни происходило с великой торжественностью. В шествии участвовало до семидесяти тысяч Израильтян. Первоначально ковчег везли на колеснице, но так как Господь поразил смертью одного израильтянина, дерзнувшего коснуться ковчега, чтобы поддержать его, когда колесница покачнулась, то в течение остального пути ковчег несли на руках члены священнического колена Левиина. Когда несшие ковчег проходили по шести шагов, приносились жертвы Господу из тельца и овцы. Шествие следовало при пении псалмов, при громких звуках труб и других музыкальных орудий и радостных кликах народа. Сам царь в благоговейном ликовании плясал перед ковчегом Господним, отложив царское свое одеяние и оставаясь в священнической льняной одежде. Когда ковчег поставлен был на своем месте в скинии, Давид принес Господу всесожжение и жертвы мирные и благословил народ именем Господа Саваофа. Жена его Мелхола, возвращенная к себе Давидом по смерти Саула, укоряла царя за его поведение при перенесении ковчега, видя в том унижение царского достоинства даже в глазах женщин. Но Давид отвечал:

– Перед Господом играть и плясать буду, и я еще больше уничижусь и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен.

Как при древней скинии в Гаваоне, так и при ковчеге Божием, «на котором нарицается имя Господа Саваофа, сидящего на Херувимах», Давид учредил порядок богослужения, согласно с законом, данным через Моисея. С этою целью он разделил назначенных к служению Божию потомков Левия на чреды, распределив между ними обязанности служения. Избраны были знаменитейшие музыканты и певцы, которые должны были образовать правильные хоры и составлять песнопения для богослужений, а также прославлять Бога, «играя на трубах, кимвалах и разных

музыкальных орудиях». Такими лицами были Еман, Асаф и Ефан, а во главе них стоял сам Давид, в годы испытаний, с особым рассуждением вникавший в пути Промысла и постоянно изливавший свои благочестивые чувствования во вдохновенных псалмах.

В этих священных песнях Давид изображал тяжесть и глубину незаслуженных страданий гонения, псалмами же он успокаивал себя в страхе, облегчал скорбь свою, утишая справедливые порывы гнева и негодования на человеческую неправду; в них же изливал пред Богом глубокую скорбь свою и просил Его помощи: песнопениями же Давид окрылял дух свой к безропотному перенесению страданий, укреплял себя в уповании на Бога помощника и воссылал Ему хвалу и благодарность за непрестанное Его попечение и охранение среди опасностей. При этом нередко от изображения собственных страданий с надеждой избавления, гонимый псалмопевец в пророческом духе переносился в песнопениях своих в отдаленное будущее и созерцал Страдальца – Христа; в невинных Его страданиях пророк-псалмопевец провидел всемирную победу над злом и открытие нового царства правды[8770]. Когда Давид сделался царем всего Израиля, – свой высокий дар песнопения он употреблял для воспитания в своем народе духа веры и благочестия[8771], любви к отечеству[8772], мужества[8773], справедливости[8774] и других добродетелей. Все важнейшие события в царствование Давида сопровождались песненными излияниями благочестивой души государя-псалмопевца. По свидетельству премудрого сына Сирахова, Давид «после каждого дела своего приносил благодарения Всевышнему словом хвалы; от всего сердца он воспевал и любил Создателя своего. И поставил пред жертвенником песнопевцев, чтобы голосом их услаждать песнопение; он дал праздникам благолепие и с точностью определил времена, чтобы они хвалили святое имя Его и с раннего утра оглашали святилище» (Сир. 47:9–12).

Ревнуя о прославлении имени Господня, Давид сказал пророку Нафану:

– Вот я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром.

Пророк одобрил намерение царя построить постоянный храм Господень, но в ту же ночь получил откровение от Господа, которое и передал Давиду. Господь сказал Давиду через пророка:

– Когда исполнятся дни твои и ты почиешь со отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном, и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и уздами сынов человеческих, но милости Моей не отниму от него, как Я отнимал от Саула, которого Я отверг пред лицом твоим. И будет непоколебим дом твой и царство твое на веки пред лицом Моим, и престол твой устоит на веки.

Это высокое обетование, бывшее важнейшим доказательством особенного благоволение Божия к Давиду и роду его, прояснило и возвысило пророчественный взор царя на будущую судьбу его царства. Пророк-псалмопевец находит в этом обетовании неисчерпаемый источник песнопений о грядущем вечном царстве сына Давидова, Христа Спасителя мира, Которого исповедует предвечным Сыном Божиим, называя себя рабом Его, в своих победах над окружающими народами Давид видит поражение врагов Христа и всемирное распространение Его владычества, возвещая в торжественных песнопениях будущую славу царства Христова.

И царствовал Давид над всем Израилем и творил суд и правду всему народу своему. Устанавливая внутренний порядок в царстве Израильском, потрясенный в последние годы Саула, Давид главнейшим образом заботился об угождении Богу, Небесному Царю Израиля, представителем Которого он был, и о пользе народной. Целью всей его жизни было лишь исполнять данный Богом закон и сделать его обязательным для всех своих подданных. Благодаря такому правлению Давида, столица его, Иерусалим, в течение долгих лет после него была «верной столицей, исполненной правосудия». Полное послушание

Давида Божественной воле увенчалось славными его победами над иноплеменниками; при нем царство Израильское достигло тех пределов, которые обетованы были потомству Авраама, при заключении завета. Благодаря победам Давида, его владычество простиралось от Чермного моря до реки Евфрата, на юге доходило до Аравийской пустыни, а на севере захватывало Сирию, с запада кончаясь у Средиземного моря. Израиль был в то время могущественным государством, имевшим под своей властью множество народов – данников, богатым внутри и от военной добычи и вследствие полной безопасности подданных царя еврейского и их имущества. При таких явных проявлениях милости Божией, Давиду оставалось только смиренно благодарить Бога и творить добро во славу Его святого имени. Но присущие человеку слабости и немощи не были чужды и Давиду, окруженный земной славой и великолепием, он допустил проявление этих слабостей, последствия чего для него оказались очень тяжелыми.

Подобно другим государям востока, Давид имел несколько жен и наложниц, связанная с этим роскошь и пышность царского двора имели изнеживающее и расслабляющее влияние на нравственную природу Давида. Поэтому, когда однажды, гуляя на кровле своего дворца, он увидал на соседнем дворе купающуюся красивую женщину, то не захотел подавить в себе преступной страсти, а приказал привести женщину к себе. Женщина эта, по имени Вирсавия, была женою одного из военачальников Давида Урии, бывшего в то время в походе, и сделалась от царя беременною. Узнав об этом, Давид сначала пытался скрыть свой грех от мужа, для чего и призвал его к жене в Иерусалим, но когда это не удалось, приказал своему главнокомандующему поставить Урию во время сражения в наиболее опасное место. Урия был убит в сражении, а Вирсавия сделалась женою Давида и родила ему сына. И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа. Для обличения царя пришел к нему пророк Нафан, который сказал Давиду именем Господним:

– Зачем ты пренебрег слово Господа, сделал злое пред очами Его? И так не отступит меч от дома твоего вовеки за то,

что ты пренебрег Меня и взял жену Урии.

Вместе с тем пророк предсказал скорую смерть ребенка, родившегося от Вирсавии. Дитя, действительно заболело, семь дней молился Давид о ребенке в полном уединении без пищи и без сна. Когда дитя скончалось, Давид смиренно покорился воле Божией, покорность эта была столь же совершенна, как искренно и глубоко было его раскаяние в соделанном грехе, сокрушение его сердца выразилось в пламенном покаянном псалме, который навсегда стал покаянной молитвой всякого кающегося грешника (Пс. 50).

Суд Божий за совершенное преступление вскоре сказался в семействе Давида целым рядом гнусных и кровавых событий. Между двумя любимыми сыновьями Давида от разных жен, красавцами Амноном и Авессаломом, возгорелась смертельная вражда за то, что Амнон оскорбил сестру Авессалома – Фамарь, а брат отмстил за это бесчестие Амнону, изменнически убив его во время пира, и бежал из страны. Горько оплакивал царь потерю детей – любимцев и только через несколько лет дозволил Авессалому возвратиться к царскому дворцу. За эту высокую милость преступный сын отплатил отцу черной неблагодарностью. Он возбудил восстание против престарелого уже Давида; благодаря своей угодливости и льстивому участью к нуждам простого народа, Авессалом сумел собрать около себя множество приверженцев и провозгласил себя царем в Хевроне, составился сильный заговор, и народ стекался и умножался около Авессалома.

Услышав об этом, Давид с небольшим числом приближенных решил удалиться для безопасности в страну Заиорданскую, первосвященник хотел сопровождать царя с Ковчегом Завета.

Но Давид сказал первосвященнику:

– Возврати Ковчег Божий в город, и пусть он стоит на своем месте. Если я обрету милость пред очами Господа, то Он возвратит меня и даст мне видеть Его и жилище Его. А если Он скажет так: «Нет моего благоволения к тебе, то вот я: пусть творит со мною, что Ему благоугодно».

Перейдя Кедрский поток[8775], Давид пошел на гору Елеонскую, шел и плакал, голова его была покрыта, он шел босой, и все люди, бывшие с ним, покрыли каждый голову свою, шли и плакали. Лучшие из народа сочувствовали горькому положению старца-царя, но нашлись и такие, которые воспользовались случаем безнаказанно оскорбить страдальца. Так некто Семей из рода Саулова дерзко ругался над царем, бросая в него камнями и грязью, возмущенные этим, спутники Давида просили дозволения казнить дерзкого, но страдалец сказал:

– Оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему. Может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне благостью за теперешнее его злословие.

То же упование на милосердие Божие сказалось и в умилительных песнопениях[8776], в которых в то тяжелое время изливал перед Господом свою душу старец Давид, оскорбленный в чувствах отца и государя.

И извел Господь раба Своего из воздвигшейся на него напасти. За Иорданом собралось вокруг законного царя сильное войско, начальствование над которым Давид вручил испытанным полководцам Иоаву, Авессе и Еффею. По совету их сам оставшись в тылу своего войска, Давид просил военачальников пощадить жизнь своего прежнего сына. Эта его просьба не была, однако, исполнена: когда войско Авессалома было разбито, сам он искал спасения в бегстве; во время стремительной скачки лесом Авессалом запутался пышными своими волосами в ветвях дуба и повис на нем; здесь настигнул его Иоав и расстрелял его, изувеченное тело мятежного царевича было брошено в яму, которая завалена была огромной кучей камней, во исполнение предписания закона Моисеева, чтобы непокорные дети побивались камнями. Узнав об этом, несчастный отец не вспомнил зла, причиненного ему сыном, он пошел в горницу и плакал и, когда шел, говорил так:

– Сын мой Авессалом, сын мой, сын мой Авессалом! О кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!

Испытал Давид сердечные огорчения и от народных бедствий, которыми посещал Бог землю израильскую; это были

трехлетний голод, и трехдневная моровая язва. Со смирением и покорностью воле Господней принимал Давид эти испытания, умилостивляя правду Божию молитвами и всесожжениями за грехи свои и своего народа.

Последние годы своего царствования, протекшие в ненарушимом мире, Давид провел в приготовлениях к тому великому делу, которое, по воле Божией, должен был исполнить его преемник, именно к сооружению храма Господня. Разработаны были чертежи всех построек священного здания и изготовлены рисунки всех принадлежностей богослужения, собраны были все материалы, потребные для полного устройства храма, равно и мастера всякого рода. Все это Давид еще при жизни передал в присутствии народных старейшин сыну своему Соломону, который, по слову Господню, должен был наследовать престол; при этом старейшины принесли богатые пожертвования и от себя, народ радовался их усердию. Царь во вдохновенной молитве посвятил Господу как те сокровища, которые сам скопил на сооружение храма, так и доброхотные приношения своих подданных на это великое дело.

– Кто я, – взывает Давид, – и кто народ мой, чтобы мы имели возможность так жертвовать! Но от Тебя все и от руки Твоей полученное мы отдали Тебе. Знаю, Боже мой, что Ты испытуешь сердце и любишь чистосердечие, я от чистого сердца пожертвовал все сие, и ныне вижу, что и народ Твой, здесь находящийся, с радостью жертвует Тебе. Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцов наших! Сохрани в век сие расположение мыслей сердца народа Твоего и направь сердце их к Тебе. Соломону же, сыну моему, дай сердце правое, чтобы соблюдать заповеди Твои, откровения Твои и уставы Твои, и исполнить все это и построить здание, для которого я сделал приготовление.

Вскоре после того Давид поставил Соломона царем, и он был помазан на царство первосвященником Садоком, весь народ ликовал, и поздравляли Давида все его слуги, а старец царь, удрученный немощью, поклонился на ложе своем и сказал:

– Благословен Господь Бог Израилев, Который сегодня дал от семени моего, сидящего на престоле моем, и очи мои видят это.

И возвеличил Господь Соломона пред очами всего Израиля и даровал ему славу царства, какой не имел прежде него ни один царь у Израиля. И Давид сын Иессеев, царствовал над всем Израилем, времени царствования его было сорок лет: в Хевроне царствовал он семь лет и в Иерусалиме тридцать три года. И умер в доброй старости, насыщенный жизнью, богатством и славой, и воцарился Соломон, сын его, вместо него.

Святой Апостол Петр именует царя Давида пророком (Деян. 2:30). Святой же Афанасий Александрийский в толковании на 20 псалом учит. «Царь Давид возвеличен уже тем, что от семени его родилось спасение миру. Ибо душевно желал он сего и об этом молился. Поэтому и дано ему сие, как некий венец чистого золота (Пс. 20:4), прославляющий главу. Ибо во всех народах прославляется Давид вместе с Господом и Сыном своим по плоти. Даже не только венцом было для него спасение сие, но и желанием, и долгоденствием и славою, и велелепием и веселием, и радостью и надеждою, и незыблемою милостию». В толковании на слова псалма пятидесятого: «Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся» (Пс. 50:15), святой Иоанн Златоуст влагает в уста псалмопевца следующее исповедание Господу:

– Ты удостоил меня такой чести, что открыл мне Сына Своего и соделал Его ведомым для меня, я познал, что Ты имеешь Сына, принявшего естество человеческое, узнал, что Ты имеешь Сопрестольного Тебе, и я возвестил вселенной крест, погребение, нисшествие во ад, воскресение Его, сказал о суде Его, сказал о спасении язычников, сказал об избрании апостолов, сказал об отвержении иудеев, сказал о призвании церкви, сказал о лике дев, сказал о сидении Его одесную Тебя». – «Так, Давид, – продолжает святой отец, – ты возвестил пророчества обо всем: для чего же взываешь: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Пс. 50:12)? Ты царь, ты одет в диадему, ты облечен порфирой. Но, –

говорит он, – все это трава, ночь и сновидение, я ищу другой красоты, даруй мне Духа Святого, чтобы Ты опять беседовал со мною и я беседовал с Тобою, Дух отступил от меня, как отлетает голубь при виде грязи, я хочу возвратить Его, тогда приду и явлюсь пред лицом Твоим; а теперь не могу выносить этого, потеряв дерзновение пред Тобою. Видишь, как Давид исповедуется пред Богом. Смотри же, сколь великое зло – грех. Прелюбодеяние, убийство, преступление закона, нарушение заповедей Господних. Говорю это не для того, чтобы осудить пророка, но чтобы показать скорое его раскаяние. Скоро совершен грех, еще скорее – раскаяние. Согрешив с женою Урии, он был поражен этим грехом и, приступив к написанию псалма, воскликнул:

– «Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей» (Пс. 50).

И полным раскаянием он получил полное отпущение греха. И в чертах характера праведника царя – пророка и в обстоятельствах его жизни, исполненной испытаний, Богомудрые отцы видят указание на Сына Давидова по плоти, на Господа нашего Иисуса Христа и на Его земную жизнь. Святой Златоуст, рассуждая о скромности, смиренномудрии и кротости Давида, учит:

«И кроткий Давид поразил Голиафа, прогнал войско и одержал победу. Вообще кроткому свойственно прощать обиды, нанесенные ему, и отмщать за обиды, нанесенные другим. Так и поступал Христос». Святой Афанасий Александрийский в толкованиях на Пс. 51, Пс. 56 и Пс. 58 свидетельствует, что псалмы эти, изображая бедствия Давида от Саула, предуказали Господа нашего Иисуса Христа, благодеющего неблагодарным израильтянам (которых представляет Саул) и преследуемого их наветами, предуказали лицо Иуды и благовестили о призывании всех язычников после того как Израиль за злочестие отринут будет от водительства Божия. Соответственно сему, Господь наш Иисус Христос у пророков часто изображается под именем Давида, христиане называются семенем Давида; господство Христа Спасителя – ключом Давида; престол Его – престолом Давида; Церковь Христова именуется домом Давида.

Боговдохновенные повествования Давида впоследствии собраны были в одну книгу Псалмов или Псалтирь; святой Афанасий Александрийский свидетельствует, что совершил это некто из пророков. Блаженный Феодорит в своем толковании на псалмы учит: «Иные говорят, что не все псалмы принадлежат Давиду, но есть написанные и иными. Почему, так разумея и надписания, одни псалмы приписали Идифуму, другие Эфаму, иные же сынам Кореовым, и еще иные Асафу, познав из книги Паралипоменон, что и они были пророки. Я ничего об этом не утверждаю. Ибо увеличится ли для меня польза от того, что все ли псалмы Давидовы, или отчасти принадлежат и упомянутым перед сим, когда очевидно, что все они написаны по действию Божественного Духа? Знаем, что и Божественного Давида пророка и тех книга Паралипоменон именует пророками. Пророку же свойственно предоставлять язык свой в орудие благодати Духа, по изреченному в псалмах: язык мой трость книжника скорописца (Пс. 44:2). Впрочем пусть превозмогает приговор большинства, а большая часть писателей утверждали, что псалмы принадлежат Давиду».

Святой Василий Великий так изображает высокое значение книги псалмов для христианской жизни: «Всякое писание богодухновенно и полезно есть» (2Тим. 3:16), для того написано Духом Святым, чтобы в нем, как в общей врачебнице душ, все мы – человеки находили врачевство – каждый от собственного своего недуга. Ибо сказано: «кротость покроет грехи великие» (Еккл. 10:4). Но иному учат пророки, иному бытописатели; в одном наставляет закон, а в другом – предложенное в виде приточного увещания; книга же псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрых учений и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и застарелые раны души, и недавно уязвленному подает скорое исцеление, и болезненное восстановляет и неповрежденное поддерживает, вообще же, сколько можно, истребляет страсти, которые в жизни человеческой под разными видами господствуют над душами. И

причем производит она в человеке какое-то тихое услаждение и удовольствие, которое делает рассудок целомудренным. Псалом – тишина душе, раздаятель мира, он утишает мятежные и волнующиеся помыслы; он смягчает раздражительность души и уцеломудривает невоздержность. Псалом – посредник дружбы, единение между далекими, примирение враждующих. Ибо кто может почитать еще врагами того, с кем возносил единый глас к Богу? Поэтому псалмопение доставляет нам одно из величайших благ – любовь, изобрети совокупное пение вместо узла к единению и сводя людей в единый согласный лик. Псалом – убежище от демонов, вступление под защиту Ангелов, оружие в ночных страхованиях, успокоение от дневных трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам, самое приличное убранство для жен. Псалом населяет пустыни, уцеломудривает торжища. Для нововступающих это – начатки учения, для преуспевающих приращение ведения, для совершенных – утверждение: это – глас церкви. Это – мудрое изобретение учителя, устраивающего, чтобы мы пели и вместе учились полезному. К учениям примешивается приятность сладкопения, чтобы, вместе с приятным и усладительным для скуки, принимали мы неприметным образом и то, что есть полезного в слове. Ибо с принуждением выучиваемое не остается в нас надолго, а что с вдохновением и приятностью принято, то в душах укореняется тверже». «В псалмах достойно еще удивления и следующее, – учит святой Афанасий Александрийский, – в других книгах, что говорят святые, и о чем они говорят, – то читающие относят к тем именно, о ком сие написано, да и слушающие отличают себя от описываемых лиц, о которых идет речь, и если удивляются и соревнуют повествуемым деяниям, то все сие оказывается подражанием. Но кто берет в руки книгу псалмов, тот если пророчество о Спасителе проходит и с обычным удивлением и благоговением, как и в других писаниях, то прочие псалмы читает уже, как собственные слова свои, да и слушающий, как будто сам от себя произнося это, приходит в умиление и все речения песнопений делаются ему близкими, как бы действительно его собственные».

«Богоотца вси восхвалим Давида царя, из него бо пройде жезл Дева, и из Нея возсия цвет Христос, и Адама со Евою от тли воззва, яко благоутробен» (Стихира дня, на «Господи воззвах»).

Память святого Иосифа, обручника Пресвятой Девы Богородицы

Память 26 декабря

Святой Иосиф был царского рода, из дома Давидова и Соломона, внук Матфатов, правнук Елиезеров, сын Иакова по природе, а Илиин по закону ужичества[8777]. Ибо его дед Матфат, по рождении отца его Иакова, умер. Жену же Матфатову, мать Иакова, взял за себя в замужество Мелхий, от колена Нафана, сына Давидова, и родил Илия. А Илий женился и умер бездетным, а после него Иаков, который был его братом от одной матери, но не от одного отца, взял за себя жену его, потому что закон предписывал, что, если кто умрет, не имея детей, то пусть брат его возьмет за себя жену его и воскресит потомство своего брата. По этому-то закону Иаков взял за себя жену братнюю и родил сего святого Иосифа обручника, и был Иосиф, как уже сказано, сыном обоих: по природе – Иакова, а по закону – Илия. Вот почему св. Евангелист Лука, излагая родословие Христа, назвал отцом Иосифовым Илия, говоря о Христе так: «сын, тот и был, как думали, сын Иосифов, Илиев, Матфатов» (Лк. 3:23–24), называя Илия вместо Иакова. – Об этом святом Иосифе существуют различные мнения у западных и у восточных христиан. Западные говорят, что он до самой кончины своей был девственником, совершенно не вступая в брак, а восточные утверждают, что он имел жену и родил детей. Так, Никифор, древний греческий историк, следуя св. Ипполиту, передает, что он женился на Саломии, но не думай (прибавляет он), что это та Саломия, которая находилась в Вифлееме и была нареченною бабкою Господа, это была иная Саломия. Ибо та была родственница Елисаветы и Пресвятой Богородицы, а это была дочь Аггея, брата Захария, отца Предтечи, Аггей же и Захария были сыновьями священника Варахии. Имея в супружестве сию Саломию, дочь Аггея, святой Иосиф родил четырех сыновей: Иакова, Симона, Иуду, Иосию, и двух дочерей Есфирь и Фамар, или, как говорят другие, – Марфу; а синаксарь недели святых мироносиц присовокупляет еще и третью дочь

именем Саломию, которая была замужем за Зеведеем. А Георгий Кедрин, упомянув о двух дочерях Иосифа, говорит, что одна из них, Мария, была выдана замуж за Клеопу, брата Иосифа, уже после возвращения Иосифа из Египта, но та Мария, как кажется то же лицо, что и Марфа или Фамарь[8778]. Какая бы она ни была дочь, и сколько бы у Иосифа ни было дочерей, – во всяком случае несомненно то, что Иосиф был женат и имел сыновей и дочерей. По кончине же своей жены Саломии, святой Иосиф жил в вдовстве довольно время, проводя дни свои в чистоте. Во святом Евангелии его святая и непорочная жизнь засвидетельствована следующими, хотя и краткими, но весьма похвальными словами: «Иосиф же, муж Ее, будучи праведен» (Мф. 1:19). И что может быть больше такого свидетельства? Он был столь праведен, что своею святостью превзошел прочих праведных праотцов и патриархов. Ибо кто был достоин стать обручником и мнимым мужем Пречистой Девы, Матери Божией? И кому дана была таковая честь, – сделаться нареченным отцом Христовым? Поистине Господь обрел сего мужа по сердцу Своему, которому Он открыл «безвестные и тайные премудрости» (Пс. 50:8) Свои, соделав его служителем таинства нашего спасения. Поистине он был достоин таковой чести и такого служения, ради совершенной по добродетелям жизни своей. Когда он был уже стар, лет восьмидесяти, обручена была ему Пречистая Дева Мария и дана была ему для хранения Своего девства (а не для плотского, действительного супружества). И он со всяким благоговением и страхом служил Ей, как Матери Божией, и своей и всего мира Госпоже и Владычице (уверившись в этом от Ангела, который являлся ему во сне), также и рожденному от Нее Богомладенцу и во время бегства в Египет, и по возвращении оттуда, и во время пребывания в Назарете, добывая Им пропитание от трудов рук своих, ибо он был плотником и человеком бедным, хотя и царского рода. Ибо Господь восхотел родиться в нищете, заимствовав от царского рода только плоть, но не царскую славу, богатство и владычество. Поэтому Он благоизволил иметь нищею и Свою Пречистую Матерь, нищим и мнимого отца Своего, подавая

образ смирения. Прожив всего сто десять лет[8779], св. Иосиф мирно скончался и отошел к отцам своим, находившимся в шеоле[8780], неся туда радостную и верную весть о том, что пришел желанный Мессия, имеющий освободить и спасти род человеческий, Христос Господь, Которому слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Благовествуй Иосифе, Давиду чудеса богоотцу: Деву видел еси рождшую, с пастырми славословил еси, с волхвы поклонился еси, Ангелом весть прием: моли Христа Бога спасти души наша.

Кондак, глас 3:

Веселия днесь Давид исполняется Божественный, Иосиф же хваление со Иаковом приносит: венец бо сродством Христовым приемше радуются, и неизреченно на земли рождшагося воспевают: Щедре, спасай Тебе чтущыя.

Память святого священномученика Евфимия, епископа Сардийского

Память 26 декабря

Святой Евфимий жил в царствование Константина и Ирины[8781] и так прославился своим благочестием, что сиял как лучезарная звезда, иноческим житием своим в Христовой церкви. За сие он удостоен был епископского сана[8782] и присутствовал на II Никейском – VII Вселенском соборе[8783], на котором безбоязненно с ревностью боролся против еретиков и посрамил их, был посылаем он так же царями еще с разными государственными поручениями в местности, где господствовали крамолы и мятежи. Когда же воцарился Никифор[8784], святой Евфимий, вместе с другими православными епископами, был сослан в западную Паталарею[8785], как будто за насильственное пострижение одной девицы[8786], и с того времени до самой своей страдальческой кончины уже не возвращался в свою епископию и не управлял ею. Через двадцать девять лет, когда императорский престол в Греческом государстве занял зверонравный Лев[8787], святой вызван был из заточения[8788], представлен к царю и подвергся от него допросу об иконопочитании: по обычаю своему, он дерзновенно обличал еретическое нечестие и произнес мучителю отлучение от церкви. Царь сильно разгневался на исповедника и сослал его опять в заточение в город Асс[8789]. Вслед затем император Лев свержен был с престола и погиб от меча, ему наследовал император Михаил, который назывался Косноязычным. При этом царе, преподобный был вызван из Асса, и принуждаем отказаться от иконопочитания: но он безбоязненно во всеуслышание произнес такое изречение:

– Кто не поклоняется образу Господа нашего Иисуса Христа, по человечеству, того анафематствуем.

За это он был подвергнут сначала биению, а потом – ссылке в Крит[8790], где и заключен был в мрачную темницу и, сверх того, еще подвергся жестокой пытке: его растянули на четырех столбах и били воловьими жилами, так что тело его

покрылось множеством ран и распухло. Прожив немного после того, святой исповедник с миром предал дух свой Богу[8791].

Память преподобного Евареста

Память 26 декабря

Святой Еварест, родом из Малой Азии, Галатийской епархии, имел родителей знатных, но имена их неизвестны. Императором в Византийском царстве тогда был Лев, жестокий гонитель иконопочитания, который погиб от меча, восприяв таким образом достойную, как богопротивник, кончину. Преемником его был Михаил[8792], который так же с подозрительною неприязнью относился к православию.

Еварест отрок, приходя в совершенный возраст, получил достаточное образование и был по апостольски для всех всем (1Кор. 9:22): родителям благопокорен, к товарищам и соседям доброрасположен, чужим и своим достолюбезен, всегда и во всем правдив и ко всем предупредителен своею любовью. С отрочества таким образом Еварест возгорел желанием жить по Божественным заповедям и – возлюбил иночество. Между тем отец его отправился по своим делам в Константинополь, пошел туда же вместе с ним и Еварест. Там он был принят неким родственником своим, патрицием Вриеннием, достигшим почетного общественного положения. Через несколько дней после того царице Феодоре нужно было отправить посольство к болгарам[8793], послом назначен был вышеупомянутый патриций Вриенний. Он взял с собою и честного Евареста. Когда они дошли до некоего места, называемого Скупель[8794], то остановились и прожили там некоторое время. Здесь блаженный Еварест, по особому некоему обстоятельству, устроением Божиим, получил сан пресвитера, а затем, проводя подвижническую жизнь, воспринял он и то, к чему всегда с любовью стремилась душа его, – постригся в монашество, возложив на себя таким образом столь вожделенное ему ярмо Господне. Случилось ему в это время приобрести книгу приснопамятного Ефрема, прочитав ее и увлекаясь предлагаемым в ней назиданием, Еварест стал ревностным исполнителем благочестивых наставлений Ефрема, а такое его душевное настроение и добродетельная жизнь привели к тому,

что ему вручили охранительные для путешествия письма и с молитвою отправили его в Студийскую обитель[8795]. Прибыв в эту обитель, он был принят в нее, и всецело посвятил себя иноческим подвигам и, усмотрев одного из братии особенно высоко стоящего в духовной жизни, сблизился с ним и прилагал труды к трудам, соревнуя этому брату в восхождении к совершенству, хотя другие и не примечали того. Пища его состояла из малого куска хлеба, притом сухого, вареную же пищу Еварест принимал только один раз в неделю. О других же его подвигах и трудах невозможно и пересказать, довольно упомянутъ, что на плечах своих по нагому телу он носил тяжелые железные вериги и чресла его были опоясаны. И всех он превзошел тогда добродетельной жизнью своею и, прожив так богоугодно семьдесят пять лет, предал дух свой Господу[8796].

Память преподобного Константина Синадского

Память 26 декабря

Преподобный Константин родился в городе Синаде[8797] и был по происхождению иудей. Будучи еще малолетним, он, однажды сопровождая свою мать, увидел христианина зевнувшего и сотворившего крестное знамение на своих устах. По подражанию, и он стал делать подобное. Между тем такое наружное уподобление расположило его со вниманием относиться и ко внутреннему содержанию христианской веры. Душою он ощущал теплоту благодати Божией, и лицо его просветлело, озаряемый свыше таинственным наставлением, он в продолжение многих дней даже как бы забывал о телесной пище, не ощущая голода. Это было соблазном для окружающих его (1Кор. 1:23): одна девица еврейка однажды дерзко поглумилась над ним, но была за то им сначала умерщвлена знамением Честного Креста, а потом оживлена. Внимая таким образом чистым, верующим сердцем гласу Господа (Евр. 4:7), он оставил своих родных и, как бы по указанию Божественного облака[8798], дошел до места называемого «душевное спасение», где проживали тогда великие мужи, сиявшие добродетелями и подвигами иноческими. Представившись настоятелю этих иноков, он рассказал ему о себе все подробно: тот велел принести крест и приказал ему облобызать его. Блаженный с радостью начал лобызать святой крест и положил его себе на голову, на которой тотчас отпечатлелось знамение всечестного оружия, неизгладимо сохранившееся и впоследствии, даже до самой его смерти. После того сподобился он святого крещения и наречен был Константином. После крещения он удалился в одно близлежащее место и там ревностно посвятил себя подвигам духовной жизни, при желании принять иноческий чин, он, еще до пострижения, всех превосходил уже строгим благочестием, устрояя свою жизнь по примеру и наставлениям святого Апостола Павла. Когда же Константин произносил иноческие обеты Богу, место, где это происходило, наполнилось

благоуханием, и сами собою отверзлись перед ним церковные двери. При своей душевной чистоте он удостоился еще особенного дара: он был прозорливцем, ибо перед ним открыты были даже помыслы каждого брата. Из этой обители предпринял он путешествие к Олимпу[8799], приходил затем в Атталию[8800], перейдя дивным образом быструю реку, посетил Миры Ликийские и многие другие места и опять пришел к Олимпу. Здесь Константин сорок дней провел без пищи, будучи закопанным в землю до чресл. Потом против воли своей он принял священный сан и, не оставляя подвижнических трудов, странствовал еще в Атрою[8801]. За восемь месяцев предсказал он о своей кончине и, согласно этому предсказанию, мирно преставился ко Господу[8802].

Страдание святого первомученика и архидиакона Стефана

Память 27 декабря

Когда Господь наш Иисус Христос, по совершении таинства спасения нашего, вознесся на небо и от Отца ниспослал на апостолов Духа Святого в виде огненных языков (Деян. 2:1–4), и первенствующая церковь (Иерусалимская) начала умножаться, возникло в ней вскоре неудовольствие между христианами из эллинов[8803] и евреев. Здесь разумеются не те еллины, которые поклонялись идолам и которых Священное Писание обыкновенно называло язычниками. Язычникам в то время еще не был открыт доступ к вере во Христа и не проповедовалось им слово спасения, даже по убиении архидиакона Стефана, еще не скоро стали допускать язычников в собрание верных. Первым из язычников христианином был Корнилий сотник (Деян. 10), но едва крестил его св. Петр, вознегодовали христиане из обрезанных иудеев на то, что Петр ходил к необрезанным, и роптали на него до тех пор, пока он не рассказал им о видении, бывшем ему – о плащанице спущенной с неба (Деян. 11:5–18). Тогда они успокоились и прославили Бога, говоря:

– Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь.

Итак, при жизни святого Стефана роптали на евреев еллины не из числа язычников, а бывшие также из евреев и хранившие тот же закон, данный Моисеем, но рассеявшиеся по разным странам (как и святой апостол Иаков в своем послании пишет: «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии – радоваться» (Иак. 1:1), и усвоившие еллинский язык (но не веру и нравы), поэтому их и называли еллинами те, которые жили в Иерусалиме. Подобным образом и Златоуст выражается: «Еллинами, о коих говорится в книге Деяний Апостольских, я полагаю, назывались говорящие по-еллински, потому только, что они по-гречески говорили, будучи евреями». Между такими-то еллинами-христианами и возник ропот на христиан из евреев иерусалимских, ропот за то, что вдовы эллинов были

пренебрегаемы при ежедневном назначении служений: или им назначалась низшая работа, или им давалась меньшая и худшая доля пищи и одежды.

При таком положении дел, святые двенадцать апостолов созвали всех бывших тогда верующих и сказали им:

– Нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек, исполненных Святого Духа и мудрости, их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова (Деян. 6:2–4).

Это предложение святых апостолов было одобрено всем собранием верных, которые немедленно избрали: Стефана, мужа исполненного веры и Духа Святого, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая, уроженца антиохийского.

Самые имена этих избранников показывают, что они были родом не из тех евреев, которые жили в Иерусалиме, но из тех, которые проживали в еллинских странах, ибо имена их – не еврейские, а еллинские. Из них Стефан приходился родственником Савлу, впоследствии призванному Господом с именем Павла к вере и апостольскому служению, Павел же был родом из города Тарса, в Киликии[8804]. Эти семь мужей потому избраны были из эллинов для служения бедным вдовам, чтобы еллины, доселе скорбевшие о пренебрежении своих вдовиц, успокоились, наконец, и перестали жаловаться и роптать.

Все сии избранники были приведены к апостолам, и те помолились, возложили на них руки и посвятили их в диаконы (служители).

Первым между ними был Стефан, исполненный веры и силы, и потому назывался архидиаконом. По благодати Божией, он творил много знамений и чудес среди верных: а если о чудесах его не упоминается в Священном Писании, это нисколько неудивительно, ибо и о делах Самого Христа Господа сказано: «Если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21:25). Впрочем, с полным основанием можно сказать, что святой Стефан, подобно старейшим апостолам, возлагал руки на больных, и

они становились здоровыми. Кроме сего, он был муж сильный словом и делом, верных утверждал в вере, неверных же иудеев обличал, доказывая им от Закона и Пророков, что они несправедливо, по зависти, убили Сына Божия, Мессию, ожидаемого столько веков. И когда между иудеями, и фарисеями, и саддукеями, и греческими евреями разгорелся однажды спор о Господе нашем Иисусе Христе, и одни говорили, что Он – пророк, другие же – что Он льстец, а иные – что Он – Сын Божий, святой Стефан, взойдя на возвышение, стал благовествовать всем о Христе Господе, говоря:

– Мужие братие! Зачем усиливается между вами раздражение, и весь Иерусалим разделяется на партии? Блажен тот из вас, кто уверовал в Господа нашего Иисуса Христа, ибо Он, для того, чтобы освободить нас от грехов наших, сошел с небес и родился от Пресвятой и Пречистыя Девы, избранной прежде создания мира, Он принял на Себя и понес наши немощи и недуги, слепым даровал зрение, прокаженных очищал, бесов изгонял.

Они же, услышав слова его, стали спорить с ним, усиливались опровергать его и хулить проповедуемого им Господа, как написано об этом в книге Деяний Апостольских:

«Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев, Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном» (Деян. 6:9).

Ибо евреи, жившие между греками в разных отдаленных странах, имели особые свои синагоги в Иерусалиме. И таким образом, кроме первенствующей архисинагоги еврейской, в Иерусалиме много было синагог разных пришельцев, или евреев, живших в различных странах, и от каждой страны евреи исключительно в свою синагогу в Иерусалиме посылали детей учиться Закону Божию. Да и сами они, ежегодно приходя на поклонение ко храму Соломонову, проживали при своих синагогах, и собирались в них, и учились в них, как это видно из второй главы книги Деяний Апостольских: «В Иерусалиме находились иудеи, люди набожные из всякого народа под небесами, парфяне, мидяне и еламиты» и прочие (Деян.2:5–9), т. е. евреи, жившие в Парфии, в Мидии, в Еламе[8805], и в прочих

там указанных странах, пришедшие теперь на праздник в Иерусалим. Соответственно сему, были в Иерусалиме синагоги Киликийская, Александрийская, Киринейская[8806]. О Либертинской[8807] же рассказывают, что в ней было особенное племя евреев, ведущее свой род от тех, которые некогда были пленены Помпеем римским[8808], потом отпущены на свободу, и поэтому назывались «либеры», что значит – свободные. Точно так же и св. Златоуст говорит: «Либертинами назывались те, коим была дарована свобода римлянами. И так как в Иерусалиме жили пришельцы из разных стран, то они и синагоги свои в нем имели, где слушали чтение закона и молились».

Сии-то собрания в синагогах – Либертинской, Киринейской и других, споря со Стефаном, не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил, и святой Стефан в то время словом истины одолел три части света – Европу, Азию и Африку, одолел Европу в лице либертин, пришедших из Рима, находящегося в Европе, одолел Азию в лице киликиян, уроженцев Азии, одолел Африку в лице киринейцев и александрийцев, происходивших из Африки.

Они же, не имея силы сказать что-либо против проповедуемой Стефаном истины, светлейшей солнца, воспламенились на него гневом и, полные зависти, подучили некоторых из своих единомышленников, привыкших говорить ложь, объявить главной архисинагоге еврейской, будто они слышали, как Стефан говорил хульные речи против Моисея и Бога. Возмутив таким образом народ, и старейшин, и книжников, они напали на святого Стефана, схватили и привели его в синагогу к первосвященникам и великому множеству законоучителей; тут же представили и ложных свидетелей, которые утверждали:

– Сей человек не перестает говорить хульные речи на святое место сие и на закон, и мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые установил нам Моисей.

Святой же Стефан стоял невозмутимо среди этого убийственного собрания, как Ангел Божий, сияя светом Божественной благодати, как некогда Моисей: ибо преобразился

внешний вид лица его, и все, бывшие в собрании, смотря на него, видели лицо его, как лицо Ангела.

Первосвященник спросил его:

– Справедливо ли то, что говорят о тебе свидетели?

Святой, раскрыв уста свои, произнес длинную речь. Он начал от Авраама, который первый получил обетование о пришествии Мессии, и затем рассказал всю историю до Моисея, вспоминая о нем с полным благоговением и уважением, и этим ясно показывал и возражал против лжесвидетелей, что сам он вовсе не хулитель ни Моисея, ни Закона Божия, данного через Моисея, и еще яснее доказывал, что именно отцы их были хулителями.

– Не восхотели, – говорил он, – отцы наши быть послушными ему, но отринули Его и обратились сердцами своими к Египту (Деян. 7:39).

Потом возражая на другую клевету, будто бы он произносил хулу на место святое, сказал:

– Соломон построил Ему храм (Деян. 7:47).

Этими словами он как бы хотел сказать: «Я чту место святое, по Божиему благоволению мудро устроенное царем Соломоном и освященное славою Господнею, явленною облаком, я почитаю храм, во славу Божию созданный людьми, но при сем и то исповедую, что Бог более любит пребывать в невещественных, нерукотворенных храмах, т.е. в душах человеческих чистых».

– Всевышний не в рукотворенных храмах живет, – говорил он, – как говорит Бог через пророка: «небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня, говорит Господь: и где место покоя Моего; ибо все это сделала рука Моя» (Ис. 66:1–2).

Наконец, исполнившись Божественной ревности, как некогда Илия, святой Стефан обратился с обличительной речью против всего собрания:

– Жестоковыйные люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому: как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника (обетованного

Мессии), которого предателями и убийцами сделались ныне вы (Деян. 7:51).

Сии слова святого возбудили в первосвященнике и книжниках невыразимую ярость, и все они, слушая сие, рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами своими.

Но Стефан не обращал внимание на их гнев, ибо был исполнен Духа Святого, Который и делал его мужественным и боговдохновенным. Взглянув на небо, он увидел славу Божию. Доселе он проникнут был лишь желанием узреть ее, и с полной верою твердо надеялся достигнуть сего, а теперь, еще до кончины своей, стал созерцать ее и, как близкий к смерти, встречал ее, как начало блаженства; он увидел и Самого Христа Иисуса, Владыку и Господа своего, стоящего в небе и как бы ожидающего к Себе прихода его, когда, наконец, разрешившись от тела, скорее дойдет к Нему, и там, где Он, Сам Господь, там и слуга Его будет[8809].

И то, что он видел, то объявил всем, воскликнув громким голосом:

– Вот, я вижу небеса отверзтые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога (Деян. 7:56).

Он не скрыл сего видения, как обыкновенно делали святые мужи, которые, конечно, по смирению своему, не открывали явлений, посылаемых им от Бога, но всем объявил преславное откровение для того, чтобы верные утвердились в вере, а неверные были посрамлены. И для того еще он сделал сие, чтобы и будущих после его мучеников уверить, что страдающим за Христа нет препятствия к восхождению на небо и какого-либо испытания, но открыт прямой, свободный путь, небо отверзто, воздаяние готово. Сам Подвигоположник, стоя, ждет; Господня слава сама сретает мученика во вратах небесных. И поэтому святой первомученик поведал в слух всех, что он видит, как бы призывая этим и других после себя к тому же венцу мученическому.

Но завистливые иудеи, привыкшие убивать пророков и восставшие на Самого Господа, Исполнителя Закона и Пророков, не стерпели слов истины, будучи сами лживы, и не захотели слушать откровения святого Стефана, но подняли

громкий крик, стали затыкать свои уши и, единодушно устремясь к нему, возложили на него свои убийственные руки, вывели из города, как прежде Господа Иисуса, благоизволившего пострадать вне стен, и камением побивали благого и верного раба Господня. А чтобы легче было бросать камни на святого, лжесвидетели и убийцы сняли с себя верхние одежды и сложили их при ногах одного юноши, по имени Савла, который хотя был единоплеменником и родственником убиваемого, но более других раздражен был против него, из слепой ревности к Ветхому Закону. Савл – говорится в Деяниях – одобрял убиение его (Деян. 8:1). И св. Иоанн Златоуст говорит об этом так: «Скорбел Савл, что у него не было много рук, чтобы всеми ими можно было поражать Стефана, и доволен был лишь тем, что мученика побивали многие руки лжесвидетелей, которых одежды он сторожил».

В то самое время, когда святого Стефана убивали в долине Иссафатовой (которая лежит между Иерусалимом и Елеоном, при Кедрском потоке, имевшем множество камней по берегам), вдали, на некотором возвышении, взирая с горы, стояла Пречистая Дева со святым Иоанном Богословом и прилежно молилась о Стефане ко Господу и Сыну Своему, да укрепит его в терпении и примет душу его в руки Свои. О как сладостна, хотя и от жестоких ударов камнями, была смерть святого первомученика, когда с высоты небесной Сладчайший Иисус, а с горы земной Сладчайшая Матерь с возлюбленным учеником взирали на его подвиг! И святой Стефан, под частым каменным дождем, падающим на него, весь обагряясь кровью, ослабевая силами, и разрешаясь от уз плоти, скорбел сердцем не о себе, а о тех, которые убивали его, и прилежнее о них, чем о себе, молился перед смертью: ибо о себе, стоя прямо, говорил:

– Господи Иисусе, приими дух мой (Деян. 7:59). Потом, преклонив колена, молился о своих убийцах, восклицая:

– Господи, не вмени им греха сего (Деян. 7:60).

С этими словами святой предал Христу свою чистую душу. Так скончался добрый подвижник, так увенчался, как бы багряными цветами, окровавленными камнями первый мученик

и вошел в отверстое, виденное им, небо к Господу и Царю славы, соцарствовать с Ним в бесконечном царстве.

Архидиаконом он рукоположен был святыми апостолами вскоре после Пятидесятницы, и пострадал в том же, по Вознесении Господнем году, 27 декабря, имея от роду немного более 30 лет. Лицом он был прекрасен, но еще прекраснее душою.

Тело же его святое было повержено на съедение зверям и птицам, и лежало день и ночь непогребенным. И только на другую ночь Гамалиил[8810], известный в Иерусалиме еврейский законоучитель (который и сам потом уверовал во Христа с сыном своим Авивом), послал честных и верных людей и, тайно взяв тело святого, отнес в свое имение, отстоявшее от Иерусалима на 20 стадии[8811], называемое Кафаргамала, и с честью похоронил там, сотворив над ним плач великий. «И кто бы не плакал, – говорит Златоуст, – смотря на того кроткого агнца, побиенного камнями и лежащего мертвым!».

Через много лет после того, благочестивая царица греческая Евдокия, супруга Феодосия Младшего[8812], прибыв в Иерусалим, на том месте, где святой первомученик Стефан был убит и земля обагрилась его честною кровью, создала прекрасную церковь во имя его[8813], в честь же Христу Богу, Ему же слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Подвигом добрым подвизался еси первомучениче Христов и Апостоле, и мучителей обличил еси нечестие: камением бо побиен от рук беззаконных, венец от яже свыше десницы приял еси, и к Богу взывал еси вопия: Господи, не постави им греха сего.

Кондак, глас 3:

Владыка вчера нам плотию прихождаше, и раб днесь от плоти исхождаше: вчера царствуяй плотию родися, днесь раб камением побивается. Того ради и сканчавается первомученик и Божественный Стефан.

Житие и страдание святого преподобномученика и исповедника Феодора и брата его преподобного Феофана[8814] начертанных

Память 27 декабря

Среди мучеников, пострадавших за Христа, одни подвизались за христианскую веру, противостоя защищавшим свое идолопоклонническое заблуждение язычникам, другие же, подвизаясь за правую веру против христиан же, но только неправославно веровавших, понесли не меньше трудов, чем первые, за что и получили равные с ними венцы. В ряду последних находится дивный и великий Феодор.

Феодора возрастила Палестина, данная Богом в наследие Аврааму и справедливо называемая землей обетованной, так как не только из нее вышел весь лик пророков и патриархов, но и Сам Христос по плоти произошел из нее же, а также и весь собор Богоугодных апостолов. Та же страна явила миру и этот светильник веры и столп благочестия, – святого Феодора, ибо его благородные родители[8815], все состояние и богатство коих заключалось в том, что они именовались христианами, жили во святом граде Иерусалиме.

Святой Феодор еще в юности приобрел великую мудрость, и в отроческие лета он обладал уже не отроческим умом, вместо того, чтобы заниматься детскими играми или увлекаться зрелищами, он постоянно пребывал в храмах Божиих и не было для него ничего приятнее, как взирать на дела благие и честные и поучаться им. Вместе с тем он обнаруживал также беспрекословное повиновение своим родителям. Одним словом, преподобный, подобно плодоносному саду, с самого начала своей жизни показал, каков он будет впоследствии.

Когда он подрос, родители отдали его в монастырь святого Саввы[8816] одному ученому и добродетельному пресвитеру, чтобы он изучил Божественные книги Священного Писания, а вместе с этим обучился и страху Божию. У Феодора был брат,

по имени Феофан, моложе его по возрасту, но равный ему по добродетели. Он вместе со старшим братом находился в обучении у одного и того же пресвитера. Обладая острым умом, Феодор в короткий срок прошел всю преподанную ему книжную мудрость. Не довольствуясь этим, но стремясь к приобретению более высоких познаний, он вышел из обители и, найдя одного преклонных лет человека, преисполненного мудрости, упросил его, чтобы тот взял его к себе в ученики. От этого человека святой Феодор не только вполне усвоил всю внешнюю мудрость[8817], но также приобрел прочный навык и в духовном ведении. Он научился от старца презирать мир и все мирское и, овладев в совершенстве обеими науками – мирской и духовной – снова вернулся в обитель святого Саввы.

Сделавшись иноком и творя угодные Богу дела, Феодор многих превзошел своей жизнью. Кто был там более кроток, чем он? Кто незлобивее его? Кто воздержнее? Кто лучше его знал время, когда надо было молчать или сказать что-нибудь, или исполнить какое-либо дело, так чтобы ни нарушить свое безмолвие, ни потерять случай сказать в свое время что-нибудь полезное, ни пропустить какую-либо монастырскую работу? Кто в такой степени умертвил свое тело, обуздал язык и глаза и отразил нападение помыслов, в какой сделал все это Феодор? За такие его добродетели, по Божию смотрению и по желанию всей братии обители, Иерусалимский святитель посвятил его в сан пресвитера. Таким образом обитель святого Саввы имела его у себя как добрую пчелу, прилежно собирающую мед добродетелей. О Феодоре надо еще сказать, что он уподобился пророку Иеремии, которому сказано: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер. 1,5). Ибо когда он еще отроком жил в Лавре[8818] и обучался грамоте у вышепомянутого пресвитера, то этот боговдохновенный муж пророчествовал о нем, что сей прекрасный юноша завершит свою земную подвижническую жизнь мученической кончиной ради Христа. Это и сбылось впоследствии, как покажет дальнейшее повествование.

В то время снова вспыхнула иконоборческая ересь, искорененная из церкви после Льва Исаврянина[8819], Константина Копронима[8820] и его сына Льва[8821], и преданная проклятью VII Вселенским собором[8822], созванным благочестивой царицей Ириной и ее сыном Константином[8823]. Вновь восстановил эту ересь злочестивый царь Лев Армянин[8824], о первоначальной жизни которого здесь уместно будет сказать несколько слов. В царствование Никифора[8825] он был сперва начальником армянской гвардии, а потом знатным сановником и предводителем восточной армии. Затем он хитростью взошел на престол, свергнув доброго и благочестивого царя Михаила, по прозвищу Рангава[8826], которого он заставил постричься в иночество; при этом он оскопил его сыновей Игнатия и Феофилакта и отослал Михаила с женой и детьми в заточение.

Когда святейший патриарх Никифор венчал Льва Армянина в соборной церкви на царство и возлагал на голову его венец, то почувствовал в руках своих боль, как от терния, как будто венец в руках святителя стал терновым, причинявшим болезненные уколы, и понял тогда святейший патриарх, что это ясное знамение тех великих скорбей и бедствий, которые нанесет впоследствии Христовой Церкви этот царь.

Вначале лукавый царь скрывал таившуюся в нем ересь и казался как бы благочестивым, пока не укрепился на престоле. Но после великой войны с болгарами, в которой он явился славным победителем, он, наконец, извергнул таящийся в нем яд злобы, открыто показав себя иконоборцем. Началось это так: вернувшись с войны, царь вспомнил об одном затворнике, некогда предсказавшем ему, что он будет царем, что и сбылось. Задумав отблагодарить его за это пророчество, царь послал ему с одним верным слугой разные дары: золотые и серебряные сосуды, различные кушанья и индийские ароматы[8827]. Но царский посланник не застал уже этого инока, так как тот скончался, а вместо него в том же затворе жил ученик его Савватий. Посланник царский стал уговаривать его принять царские дары, присланные его учителю и помолиться о царе. Но Савватий отверг дары, а вместе с ними и принесшего

их, и назвал царя недостойным царского престола за то, что он почитает иконы и повинуется догматам, установленным прежней царицей Ириной и бывшим патриархом Тарасием. При этом окаянный злословил на Ирину и Тарасия, называя первую рысью, а второго народным возмутителем, царю же Льву он угрожал скорым лишением царства и жизни, если он в непродолжительном времени не отвергнет икон, как идолов.

Возвратившись к царю, посланник рассказал ему все слышанное от черноризца и передал еще письменное послание от сего о том же. В недоумении царь призвал одного из вернейших своих советников, по имени Феодот, сына Мелиссийского патриция Михаила[8828], по прозвищу Касситер, и наедине советовался с ним, что делать. Феодот уже давно был заражен иконоборческой ересью и только выжидал удобного случая, чтобы открыто исповедать свое нечестие. Он дал царю следующий совет:

– В Дагистинском монастыре, – сказал он, – живет один святой инок, чудотворец и прозорливец: надо с ним побеседовать и поступить так, как он посоветует.

Когда царь согласился с ним, Феодот тайно поспешил в Дагистинский монастырь к намеченному им черноризцу, который был еретиком. Придя к нему он сказал:

– В наступающую ночь царь придет к тебе в худой одежде, чтобы побеседовать о вере и других предметах, и получить от тебя разумный совет. Ты же убеди его принять отвергнутые догматы прежнего царя Льва Исаврянина и выбросить из Божиих храмов идолы (так окаянный называл святые иконы). Затем постарайся устрашить его, что если он этого не сделает, то в скором времени, вместе с жизнью, лишится и царства, если же он пообещает исполнить это, то пророчески предреки ему долгую жизнь и благополучное царствование.

Таким образом, еретик Феодот с еретиком же иноком сговорились привлечь к своему нечестью царя, имевшего удобопреклонное к их замыслу сердце. Ничего не зная о лукавстве Феодота, царь ночью встал и в худой одежде (чтобы не быть узнанным) пошел к этому ложному чудотворцу и лживому пророку. Проводником его был все тот же Феодот.

Когда они пришли к помянутому черноризцу и беседа уже началась, черноризец, стоя около царя и как бы по Божественному откровению узнав об его царском сане, с удивлением произнес:

– Нехорошо поступил ты, царь, скрывая перед нами под худыми одеждами свое царское достоинство. Но хотя ты и поступил так, однако, благодать Духа Божия не позволила нам долго оставаться в неведении и открыла, что ты царь, а не простой человек.

Царь пришел в ужас от этих слов и, убедившись в святости и прозорливости черноризца, поверил его пророческому дару и способности чудотворения. Он легко склонился к тому, что тот приказывал, нисколько не сомневаясь во всем, что пророчествовали его уста, и принимая гибельный для души и полный змеиного яда совет еретика, как здравый и душеполезный. Немедленно же он обещался исполнить все советы черноризца, наученного подобным ему еретиком Феодотом, и ушел полный злого намерения воздвигнуть гонение на святые иконы. И вот, подобно сильной буре, нечестивый царь начал возмущать покой Церкви Христовой.

Святейшего патриарха Никифора, не потворствовавшего его нечестивому намерению, он сослал в заточение в Проконисс[8829]; точно так же изгнал он и заключил в отдаленных странах Феофана, настоятеля обители, известной под названием Великого Села[8830], а также Феодора Студита[8831] и многих других великих и Боговдохновенных отцов, сильно сопротивлявшихся ему. На патриарший же престол он возвел в самый день Воскресения Христова вышеупомянутого еретика Феодота Мелиссийского, по прозвищу Касситера. И был он, как «мерзость запустения, стоящая на месте святом» (Мф. 24:15; Дан. 9:27).

Тогда Бог, в праведном гневе Своем на нечестие царя не замедлил наказать его своим судом и попустил внезапное нашествие иноплеменников. То были обитавшие в восточных пустынях аравитяне, собрав всю свою силу, они вторглись в греческие области, опустошая земли, нападая на палестинские монастыри и, между другими, на обитель святого Саввы, где

иночествовал блаженный Феодор со своим братом Феофаном. Святейший патриарх святого града Иерусалима понял, что это казнь за грехи и следствие гнева Божия за бесчестие и отвержение святых икон. Побуждаемый ревностью по православию он начал искать, каким бы образом погасить это пламя и обличить зло, творимое нарушителями отеческих преданий, вводящими новшества. После некоторых поисков, он нашел подходящего для этого дела человека в лице преподобного Феодора, известного своей праведной жизнью и мудростью, дышавшего Божественной ревностью и с непоколебимым мужеством стоявшего на страже православия. Оградив его молитвой и утвердив надеждой на Христа, патриарх послал его в царствующий град для обличения беззакония.

Блаженный Феодор, как послушный сын, не отказался от исполнения приказания. Готовый немедленно понести за правую веру не только многочисленные труды, но и принять страдание и даже душу свою положить за честь святых икон, он с радостью повиновался. Взяв с собою своего брата Феофана, Феодор отправился в путь и скоро достиг царской столицы. Здесь он прежде всего бесстрашно обличил в ереси наемника, не бывшего пастырем, т.е. Феодота Мелиссийского, лжепатриарха Константинопольского. Преподобный открыто укорял его в том, что он развращает тех, кем и управляет, губит словесных овец стада Христова, питаемых вредной пищей еретического учения, и разоряет церковь правоверия, созидая капище зловерия. Представ затем перед самим царем и имея в устах Божественное слово, подобное острому мечу, Феодор начал устрашать царя, ясно доказывая ему, что он не только губит свою душу, но и людей Божиих влечет за собою в погибель, развращая их посредством обмана. В то же время он умолял его снова вернуться к благочестию, оставив злочестивое мудрование.

– Может быть, – сказал он, – ты умилостивишь таким образом Господа и не испиешь всю чашу гнева Божия, тяготеющего над тобою.

Удивившись свободной речи мужа, убедительности его слов, кротости нрава и его бесстрашному дерзновению, царь кротко принял обличение. Призвав его вторично, царь начал дружески беседовать с ним, спросил, кто он, откуда пришел и чего хочет достигнуть своей дерзновенной речью. Сообщив царю о своем отечестве и прибытии из Палестины, святой рассказал также и о причине своего прихода, а именно, что нарочно пришел к нему, чтобы открыто вступиться за Божию честь, видя, как бесчестят Царя Небесного в Его иконах и оскорбляют Его в лице неправедно гонимых служителей Его.

– Не подобает, – говорил он, – бояться земного царя больше небесного; наш долг обличать царей, если они прогневляют Бога.

Затем преподобный стал излагать догматы святой веры и учить воздаянию Божественным иконам должного поклонения. Приведя много мест из Священного Писания, он прибавил, что почитание святых икон есть знак нашей любви и стремления ко Христу, а также свидетельство нашей веры и нашего исповедания Его воплощения. Царь долго спорил с ним, много возражал ему от своего зловерия, но безуспешно, так как слова Божественного мужа были тверды, как адамант, а вера его непоколебима, как твердая стена. После долгого спора Феодор победил царя в словопрении и доказал ему несправедливость его воззрений. Что же тогда сделал лукавый царь? Он задумал лестью поколебать непоколебимого, пытаясь мольбой и дарами, и обещанием почестей склонить Феодора к единомыслию с собой, но не имел успеха. После многих увещаний со стороны царя, святой смело и безбоязненно сказал ему:

– Ты забыл свои обеты, царь, данные тобою Богу, когда архиерей возлагал венец на твою главу. Пощади свою душу, верни церкви украшение ее, не воздвигай брань на Бога, Судью праведного и крепкого!

Тогда царь переменил коварную кротость на свою природную и свойственную его имени звериную ярость. Он приказал долго и сильно бить исповедника Христова Феодора и его брата Феофана, и затем сослал их в заточение к морскому устью, запретив кому бы то ни было подавать им пищу, питье и

одежду, чтобы, как говорил нечестивый царь, «злые погибли злою смертью».

Но когда святые страдали за Христовы иконы, томимые хладом, гладом и жаждою, «Бог отмщений Господь» не замедлил воздать беззаконному Своим праведным судом. В скором времени имеющий общие со зверями имя и жестокость погиб общей с ними смертью, ибо его закололи, как зверя. Гибель эта была предзнаменована в особом откровении, которое получила мать царя незадолго до смерти своего нечестивого сына. Уже много лет она была вдовой и проводила воздержную жизнь. Однажды во сне она имела следующее видение: ей казалось, что она шла во Влахернскую церковь Пречистой Девы Богородицы[8832], и, входя в дверь, встретила некую пресветлую Деву, окруженную множеством мужей в белых ризах, между тем как церковь была залита потоками крови. Дева велела одному из мужей, облеченных в белые ризы, почерпнуть и наполнить кровью глиняный сосуд и отдать его матери нечестивого царя, чтобы та выпила. Видя это, мать царя с ужасом сказала:

– Я уже много лет не ем мяса по причине моего вдовства и не беру в уста чего-либо кровавого. Как же я буду пить эту кровь?

Тогда пресветлая Дева с гневом спросила ее:

– Зачем же сын твой не перестает исполняться крови и этим прогневлят Меня и Моего Божественного Сына?

Здесь сон прервался, и мать царя тотчас же проснулась в страхе и трепете. С этих пор она стала непрестанно и со слезами увещевать своего царственного сына, чтобы он перестал низвергать святые иконы и проливать из-за них христианскую кровь. Но второй Иуда, послушный раб ереси и лукавый обманщик, остался неисправимым.

Вскоре после того было и второе видение, на этот раз самому царю, за шесть дней до его мучительной кончины. Ему явился в видении святейший Тарасий, давно уже скончавшийся и бывший патриархом в царствование Ирины и Константина. С великим гневом Тарасий повелевал в видении некоему мужу, по имени Михаилу, ударить царя мечом. Исполняя повеление,

Михаил нанес царю сильный удар мечом и пронзил его. Царь видел все это сам и проснулся в великом трепете, недоумевая, что это должно означать.

Думая, что в монастыре святого Тарасия, живет какой-то Михаил, замышляющий убить его, он тотчас же послал за монахами, и, разведывая о Михаиле, приказал держать их в оковах, пока они не представят ему находящегося среди них Михаила.

В Константинополе в это время проживал некий воевода, по имени Михаил, а по прозвищу Травлей или Валвос[8833], родом из Аморei[8834]. Прежде он сам много помогал Льву в достижении царского престола, был верен ему и любим им, так что Лев даже стал восприемником его сына. Но, впоследствии, разгневавшись на царя по какой-то причине, Михаил переменил свою дружбу на вражду и, пируя со своими друзьями, часто в пьяном виде, по неосторожности, злословил царя. Видя, что Михаил враждебно относится к царю, некоторые из тайных врагов последнего присоединились к нему и число их было немало; они совещались убить царя, а Михаила возвести на царство. Будучи невоздержан на язык, Михаил не скрыл этого, но где-то похвалился, что будет царем. Это слово дошло до царя, и он немедленно схватил Михаила и осудил его на сожжение живым. Связанного Михаила уже вели в банную печь, около которой присутствовал царь, желая сам увидеть его кончину Это было 24 декабря в канун Рождества Христова. Жена царя, Феодосия, узнав об этом, поспешно вышла из своих палат и стала с гневом укорять царя и даже называть его богопротивным за то, что он не почитает даже святого дня, когда ему предстоит причаститься Божественных Тайн. Царь послушался ее и велел вернуть Михаила, отлагая его сожжение до другого времени, а затем, обернувшись к царице сказал:

– Я поступил, как ты повелела, жена, и сегодня послушался твоего гневного увещания, но и сама ты и дети наши увидите, что будет после.

Этими словами беззаконный царь невольно изрек о себе пророчество, потому что близка была его кончина.

Сторожить закованного Михаила царь поручил одному из дворцовых стражников, по имени Папий, а сам взял к себе ключи от оков узника и всю эту ночь провел без сна и в печали, – это скорбел дух его, не ведая, что делать. Встав, царь пошел взглянуть на узника, – что тот делает: плачет ли и сетует ли, как-то обыкновенно бывает у осужденных на смерть? Открыв тихонько тайную дверь в комнату Папия, он увидел нечто совершенно неожиданное для себя, именно Михаила, которого он надеялся найти сетующим и скорбящим, он увидел в глубоком сне, почивающим на высоком и украшенном ложе Папия, а самого Папия, дремлющим на голой земле. Царь пришел в ужас, видя осужденного узника в таком почете и спокойствии, и удалился в гневе, грозясь погубить не только Михаила, но и Папия. Это слышал один отрок, находившийся в той же комнате. Узнав царя, он разбудил Михаила и Папия и рассказал им, что приходил царь и грозился погубить их обоих. Все были в страхе. Тогда Михаил, без сопротивления со стороны Папия, послал к своим единомышленникам некоего Феоктиста с повелением сказать им:

– Если вы теперь же без промедления не приведете в исполнение того, о чем мы совещались, то завтра я расскажу о вас царю и обличу каждого поодиночке, чтобы не один я погиб злою смертью, но и вы все умерли вместе со мною.

Соучастники в заговоре испугались такой угрозы и, собравшись, стали обдумывать, как бы им избавить и себя и Михаила от угрожающей беды и смерти. Дело было в полночь, и в церквях начиналось обычное всенощное бдение под Рождество Христово. Посоветовавшись, они спрятали оружие под одеждой и пошли к так называемым слоновым деревьям, ведшим в царский дворец. Смешавшись там с царскими певчими, входившими через эти двери во дворцовую церковь, они вместе с ними вошли в церковь, как бы на бдение. Царь также пришел в церковь и, стал на правом клиросе, как он обыкновенно делал, он сам начинал церковное пение, обладая очень громким голосом.

Уже пели канон и приближалась седьмая песнь, когда заговорщики тихо стали говорить друг другу:

– Что мы здесь стоим без дела? Скоро кончится пение. Чего же мы ждем?

В это самое время царь громко запел 7-й ирмос второго канона на праздник Рождества Христова. И вот один из заговорщиков, вынув меч из-под одежды, бросился на царя, но ошибся: вместо царя он ударил регента правого клироса, потому ли, что он ростом походил на царя, или же потому, что вследствие стужи он имел, так же как и царь, покрытую голову; когда регент обнажил голову, то ошибка обнаружилась. Сам же царь, увидев их замысел, побежал в алтарь и, схватив крест, стал им защищаться в дверях, отражая удары заговорщиков. Но вот подошел какой-то страшный воин громадного роста. Увидав этого воина, царь начал заклинать его Божиим алтарем не причинять ему зла.

– Теперь время не заклинаний, но убийства, – ответил тот и нанес Льву Армянину своим оружием сильный удар, жестоко поразив его и отрубив руку вместе с концом креста. Тогда и остальные воины начали рубить царя по всему телу. Упав на пол, Лев лежал в луже своей крови и еще продолжал дышать. Видя, что он еще дышит, один из воинов отсек ему голову.

Так, закланный, как зверь, беззаконный царь на рассвете дня в жестоких мучениях испустил свой дух. Убит он был на том самом месте, где впервые дерзнул бросить на землю, оплевать и растоптать ногами образ Спасителя. Процарствовал Лев Армянин 7 лет и 5 месяцев, но своею жестокостью сравнялся с великими древними гонителями церкви. По совершении убийства, тело его было выброшено на площадь города и весь день пролежало неубранным. И не было никого, кто бы пожалел о его смерти, но весь город радовался.

Рассказывают еще, что в тот самый час, когда был убит этот окаянный хулитель икон, был слышен с неба радостный глас, возвещавший многим смерть злочестивого царя. Некоторые моряки, слышавшие этот глас, записали час и потом узнали, что в это время действительно погиб кровопийца, подобный, согласно своему имени, зверям. С детьми же его случилось в удвоенной степени то, что он сам причинил детям своего предместника, царя Михаила Рангава: как было уже сказано

выше, он оскопил двух сыновей Михаила, точно так же были оскоплены и его четыре сына: Василий, названный Константином и предназначенный к царствованию, Савватий, Григорий и Феодосий. Последний не вынес болезни, следующей за оскоплением, умер и был погребен вместе с отцом, а Василий, названный Константином, онемел от той же болезни. Все они были заточены вместе с их матерью.

После убиения Льва, воины отправились к Михаилу и посадили его на царский престол с оковами на ногах (ибо ключ от оков, как было сказано, хранился у самого царя Льва).

Затем, когда уже наступил день, они разбили оковы и отвели его в собор. Таким образом Михаил Травлей венчался на царство в самый день Рождества Христова.

Вскоре после воцарения Михаила, все Христовы исповедники были освобождены из заточения, и невозбранно вернулись к себе домой. Хотя новый царь Михаил не был православным и был приверженцем той же иконоборческой ереси, однако, он не преследовал православных, предоставляя каждому свободу веровать по своему. Он был человек несведущий в слове Божием и не занимался книжным чтением, но был весь погружен в мирскую суету и житейские попечения.

Блаженный Феодор со своим братом Феофаном вернулись, однако, не в свое отечество – Палестину, но в Царьград, – удел, доставшийся им для проповеди, и начали открыто исповедовать благочестие, многих отвращая от иконоборческой ереси и наставляя в истинной вере.

Жил в то время в Царьграде некий муж, по имени Иоанн[8835], который держался той же ереси, что и царь, и пользовался у него большим влиянием. Нося иноческую одежду и лицемерно показывая себя образцом добродетелей, он обманул не только царя, но и многих членов верховного правительства, так что те его слушали и во всем следовали его лукавым советам. Он взошел на патриарший престол, наследуя еретику Феодоту, будучи и сам таким же еретиком. Не желая видеть на свободе Феодора и Феофана, этих двух светильников православия, просвещающих весь царственный город, он заключил их в темницу, потом призвав их к себе для

собеседования, долго спорил с ними, но, не будучи в состоянии победить их, изгнал их из города, выхлопотав на это особый царский приказ (так как он был учителем и первым советником царя). Этим приказом святые Феодор и Феофан были сосланы в заточение в страну, известную под названием Сосфений[8836]. Но для преподобных исповедников чужая страна стала ради Христа как бы отечеством, ибо они всюду готовы были пострадать за Христовы иконы.

Вскоре после этого царь Михаил скончался, оставив по себе на престоле сына Феофила[8837], усерднее других приверженного к иконоборческой ереси и снова воздвигшего гонение на церковь. Снова начали выбрасывать и предавать поруганию святые иконы, снова начали готовить для православных истязания, темницы и судилища, снова возобновились всякого рода неправедные мучительства. Многие, устрашившись мук, повиновались, хотя впоследствии и покаялись. В это время постигли новые страдания и Феодора. Царю стало известно, что он непоколебим в своем исповедании и непреодолим в своем слове, и как сам чтит иконы, так учит поступать и других[8838]. Тотчас же нечестивый царь приказал взять преподобного Феодора на суд, и вот, по царскому повелению, привели блаженного, вместе с братом его Феофаном и другими православными, к городскому епарху на истязание. Когда, после долгого словесного спора, ласкательств и угроз правителя, Феодор не склонился на его убеждения, то блаженного обнажили и в течение долгого времени сильно били толстыми плетьми. Когда же мучители перестали его бить, он стал посреди судилища нагой и окровавленный, украшенный перед Ангелами и людьми полученными за Христа ранами. Епарху показалось неприличным это зрелище, но святой сказал:

– Я борец и вышел бороться к врагам за иконы Господа моего, борцы же выходят на борьбу обыкновенно нагими. Если я увижу изнемогающим кого-нибудь из верных, терпящих теперь от вас раны, то тотчас же, вместо него, подставлю под удары свое тело. И этим пополню недостаток его терпения. Вот для чего стою я нагим!

О сильный муж! О свободная речь! О усердие к Богу! После того Феодор с братом снова были посланы в заточение в Афусию[8839]. Кто расскажет злострадания, вынесенные ими на пути и в указанном месте: оковы, бури, голод, солнечный зной, ночной мороз, клеветы, ежедневное умирание и восстания? Кто подробно сочтет новые раны, удары, заушения? Достаточно сказать, что ради Христа они с радостью терпели все эти мучения, вместе с долгим изгнанием.

Прошло два года, и их снова, по царскому приказу, привели в Константинополь и представили на испытание самому царю: ибо очень хотелось ему склонить их в свое зловерие. Что они претерпели в это время, явствует из написанного ими впоследствии послания к Иоанну, епископу Кизическому[8840]. В этом послании они сами повествуют о себе следующее: «Когда нас привели в царский дворец и мы входили в дверь, то царь показался нам очень страшным и дышащим яростью. Множество придворных отовсюду окружили нас, и мы издали поклонились царю.

Он же свирепым голосом и в резких выражениях велел нам подойти ближе к себе и спросил:

– В какой стране вы родились?

Когда мы ответили: «в Моавитской стране»[8841], – он снова спросил:

– Зачем же вы пришли сюда?

И прежде чем мы успели ответить, он приказал бить нас по лицу. И долго заушали нас тяжкими ударами, так что мы едва не упали на пол и, если бы я не схватился за одежду бившего меня (говорит Феодор), то упал бы к подножию царского престола, но держась за одежду, я неподвижно принимал удары. Когда нас перестали бить, царь снова спросил:

– Зачем вы сюда пришли?

Мы молчали, и смотрели вниз, так как не пришли еще в себя от страданий, причиненных ударами. Тогда царь яростно обратился к близстоявшему правителю и, пылая великим гневом и непристойно бранясь, сказал:

– Возьми их отсюда и, заклеймив их лица, отдай двум сарацинам[8842], чтобы те отвели их в свою землю.

Невдалеке стоял какой-то стихотворец, державший в руках хартию с написанными относительно нас готовыми стихами.

Царь велел ему прочесть их и прибавил:

– Если стихи плохи, то не смущайся этим.

А тот ответил:

– Достаточно и таких стихов для их поругания. Кто-то из присутствовавших еще заметил:

– Они, владыка, даже недостойны лучших.

Затем были прочтены следующие стихи:

Так как все любят посещать град,
Где пречистые ноги Бога-Слова стояли
Для восстановления вселенной, –
Явились во всечестном месте
И эти лукавые и нечистые сосуды.
Совершив там много постыдного,
По неверию и злочестию,
Они прогнаны оттуда, как отступники;
Но и прибежав в царствующий град,
И тут не оставили своего неистового буйства.
Поэтому заклейменные, как злодеи, на лицах.
Осуждаются и снова изгоняются.

Выслушав чтение стихов, царь повелел отвести нас под стражу (так говорили о себе святые). Когда мы вышли, кто-то догнал нас и, повелев вернуться, поспешно доставил нас обратно к царю.

Увидев нас, царь сказал:

– Мне кажется, что, уходя, вы говорили про себя, мы надругались над царем. Но сначала я сам надругаюсь над вами и тогда отпущу вас.

Сказав это, он велел нас раздеть. После того как нас обоих раздели, первого начали бить меня (говорит Феодор), причем сам царь помогал истязателям и непрестанно кричал:

– Бей сильней!

И били меня по плечам и по груди без всякой пощады и милости. Пока меня били, я громко восклицал:

– Мы ни в чем не согрешили против тебя, царь!

А также:

– Господи помилуй! Пресвятая Богородица, приди к нам на помощь!

Затем стали бить моего брата, который взывал подобным же образом:

– Пресвятая Богородица, бежавшая с Сыном Своим в Египет, призри на мои мучения! Господи, Господи, избавляющий слабого от рук сильнейших, не отыми помощи Твоей от нас!

В волю надругавшись над нами, царь снова велел отвести нас под стражу».

Все это написали о себе к епископу Кизическому сами доблестные страдальцы.

Спустя четыре дня, их снова привели к епарху, который ласково сказал им:

– Только раз причаститесь св. Тайн вместе с нами, и я отпущу вас идти, куда захотите.

Но блаженный Феодор ответил ему:

– Твое предложение, епарх, похоже на то, как если бы кто-нибудь сказал мне: об одном молю тебя, позволь только отсечь тебе голову, а затем можешь идти, куда хочешь. Знай, что отвратить нас от правоверия так же трудно, как переставить небо и землю так, чтобы земля стала наверху, а небо внизу.

Тогда епарх приказал заклеймить им лица начертанием на них вышеуказанных стихов. Недавно полученные страдальцами раны еще не зажили и причиняли им страшную боль. Несмотря на это, их растянули на досках лицами кверху и начали колоть им лица нарочно приготовленными орудиями, выбивая на них вышеприведенные стихи. Весь день мучили их этим начертанием, и, только когда зашло солнце и наступили сумерки, мучители прекратили истязания. Уходя от епарха, начертанные страдальцы сказали:

– Знайте все находящиеся здесь, что стоящий на страже рая Херувим отступит при нашем приходе, увидев на наших лицах эти начертания, и опустит свое пламенное оружие, открывая нам свободный доступ в рай. Ибо еще от века не было этого нового мучения, причиненного нам ныне. И во всяком случае эти начертания будут и на лике Христовом, и на вас падет вина в сем, ибо Он говорит: «Так как вы сделали это

одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40).

После этого нового и бесчеловечного мучения, понесенного за святые иконы, когда кровь еще не перестала струиться, святых заключили в темницу, а затем по повелению вышеупомянутого Иоанна, бывшего в то время патриархом, – снова сослали в заточение в Апамею Вифинскую[8843]. При этом был отдан приказ, чтобы, когда они там умрут, не сподоблять их тела погребения, но выбросить далеко за город, как трупы животных. По пути на место заточения святых исповедников, случилось им пройти мимо того острова, где жил в то время, также в заточении за святые иконы, святой Мефодий. Он сидел там запертый в гробовой пещере с двумя разбойниками и получал пищу от какого-то рыбака. Случайно встретившись по дороге с этим рыбаком, святые разузнали от него все о святом Мефодии. Не имея возможности увидеться с ним, по жестокости сопровождавших их воинов, они написали и послали к нему, при помощи того же рыбака, следующее небольшое стихотворение:

Живому мертвецу и мертвому животворцу,
Живущему на земле и попирающему землю,
Пишут начертанные, узники узнику.

Святой Мефодий утешился духом, прочтя эти стихи, а узнав еще о преподобных страстотерпцах из рассказа рыбака, он воздал благодарение Богу, укрепившему их на такой подвиг и написал им стихами же следующее:

Вписанных в книги небесные,
Двух, запечатленных по лицу,
Тех, кто погребен раньше смерти,
Приветствует соузник живопогребенный.

Ведомые воинами преподобные достигли Апамеи, неся на челах достоверные знамения своей благочестной веры во Христа, там они были заключены в темницу. Будучи уже преклонного возраста, преподобный Феодор изнемог здесь от многочисленных ран и перенесенных трудов. В день памяти святого первомученика Стефана он почил о Господе и отошел в вечное успокоение, оставив самое многострадальное тело в оковах за Христа подъятых. Преподобный Феофан, его брат по

плоти и по духу, оплакав свое разлучение с братом и пропев надгробные песнопения над ним, положил его в деревянный гроб. Рассказывают, что один великий по своим добродетелям старец случайно был в Апамее во время преставления преподобного Феодора и услыхал Ангельское пение, с высоты возвещавшее о торжественном восшествии души мученика, вместе с Ангелами, на небо.

По смерти царя Феофила, церкви был дарован мир. Благочестивая царица Феодора со своим сыном Михаилом[8844] возвратила из заточения всех святых отцов и воздала им честь и хвалу. Тогда освободили от темничного заключения и святого Феофана. Он вместе с прочими пришел в Царьград, неся на своем челе знамения своей победы над зловерием, и был почитаем среди святых отцов, как Херувим среди Ангелов. В первую неделю святой Четыредесятницы были с великим торжеством внесены в церковь святые иконы[8845]. На это торжество блаженный Феофан написал и воспел прекрасный канон[8846].

Затем он был поставлен в митрополиты города Никеи и рукоположен святым патриархом Мефодием, тем самым, который был раньше заключен в гробовой пещере. Таким-то образом воссиял свет православия, и благодатью Христовою совершенно была прогнана тьма иконоборческой ереси, в течение 120 лет смущавшая и помрачавшая Божию Церковь.

Вскоре после того были перенесены из Апамеи в Халкидон[8847] мощи исповедника Христова, преподобного Феодора[8848], причем от них подавалось много исцелений во славу Христа Бога, со Отцом и Духом славимого вовеки. Аминь.

Память святого Феодора, архиепископа Константинопольского

Память 27 декабря

Святой Феодор был родом из Константинополя, где и получил воспитание. Когда он достиг зрелого возраста, то сначала, за свое великое благочестие, был посвящен в сан пресвитера «Великой» церкви[8849]; потом он был сделан синкеллом[8850] и скевофилаксом[8851]. По кончине святейшего патриарха Константинопольского, он понуждаем был всеми боярами, самим царем, особенно же Освященным собором принять в свои руки управление церковью и был возведен в сан Константинопольского патриарха[8852]. Спустя некоторое время, по злым наветам врагов своих, он был низложен с патриаршего престола, но потом истина восторжествовала, и святой Феодор снова был возведен на патриарший престол[8853]. Добре управив церковь Божию, он через два с лишком года, с миром отошел ко Господу[8854].

Страдание двадцати тысяч мучеников, в Никомидии сожженных

Память 28 декабря

Во второй год царствования императора Максимиана[8855], когда уже готовилось жестокое гонение на христиан, святая вера Христова благоустроялась и процветала, и богоносные пастыри и учители Церкви открыто исповедовали православные догматы. В числе их был тогда и святой Кирилл, славный епископ Никомидийской[8856] церкви, украшенный праведною жизнью и даром слова. Распространяясь, благодаря его проповеди, христианская вера стала уже достигать и до царских палат. Многие из ближайших слуг царских начинали отвращаться от идолов и обращаться ко Христу. Узнав об этом, Максимиан задумал немедленно воздвигнуть гонения на Церковь Христову, но ему в это время предстояла война с варварами; поэтому он решил сначала ополчиться на внешних врагов и победить их, а затем объявить и внутреннюю войну – не врагам, но своим же подданным и верным помощникам, христианам, укрепляющим отечество своими молитвами и правой верой. Когда покинул он Никомидию, отправившись на войну с Эфиопами, то свет святой веры воссиял еще ярче, просвещая неверных; воинство же Христово тем временем возрастало в числе и готовилось к предстоящему подвигу.

Была в то время в Никомидии одна прекрасная дева, воспитанная в царских чертогах, по имени Домна. Царь вручил ее своим скверным богам, обрекши на хранение девства, и сделал ее при своем дворце главной идольской жрицей.

Божиим промышлением, попала в ее руки книга Новозаветных писаний, читая которую дева начала просвещаться душой. Она обрадовалась, что обрела такое духовное сокровище, удивлялась великой вере христиан во Единого Бога и скорбела душой, что до этих пор находилась во тьме неведения и заблуждения. Усердно желая более совершенно ознакомиться с христианской верой и приобщиться ей, она, нимало не медля, призвала одну деву христианку, дочь

знатного вельможи, и, получив от нее наставление, отправилась ночью тайно от всех к святому епископу Кириллу. Достаточно наставив девицу в Божественном Писании и осенив крестным знамением, епископ огласил[8857] ее и поручил одному святому диакону, по имени Агапию, чтобы, под его руководством, она приготовила себя постом и молитвами к святому крещению. Домна всё повелеваемое ей совершала втайне, так что никто об этом не знал, кроме одного ее евнуха[8858], кротостью нрава подобного ей, по имени Индиса, который вместе с нею обратился к святой вере и также готовился к принятью крещения. Когда пришел к концу назначенный епископом срок, Домна и Индис были крещены. Таким образом дева, которой было не больше четырнадцати лет, вскоре после первого рождения – плотского, родилась вторым рождением – духовным.

Вернувшись во дворец, она с этих пор ничем больше не занималась, кроме молитвы, поста и чтения Божественного Писания. Однажды, читая Деяния Апостольские, дошла она до следующего места: «Ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов» (Деян.4:34–35).

Святая Домна решила поступить так же. Собрав всё свое имущество, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, дорогие одеяния и все девическое убранство, она тайно отнесла это к своему духовному отцу, святому Кириллу. Положив всё к его ногам, как бы к ногам апостольским, она умоляла его вырученные за всё это деньги раздать собственными руками нуждающимся, что и было исполнено. Вскоре после этого святой Кирилл преставился и отошел к Богу. Глубоко храня в своем сердце все его наставления, Домна днем и ночью старалась угождать Богу, усердно служа Ему со своим единомышленником и духовным собратом, евнухом Индисом, вместе с которым она возродилась водою и Духом[8859]. Поучаясь в законе Господнем, они ежедневно постились вплоть до самого вечера; вкушаемая же поздним вечером трапеза их состояла из чёрствого хлеба и воды; а пища, назначенная царем и ежедневно подаваемая им,

насыщала голодных, ибо они тайно раздавали всё нищим. Проводя такую богоугодную жизнь, они, подобно граду, стоящему на верху горы (Мф.5:14), не могли утаиться, хотя всячески и тщательно укрывались. Благочестие их обнаружилось подобно светильнику, открытому из-под спуда (Мф.5:15), и сокровищу, обретенному в поле (Мф.13:14). Так было угодно Богу, чтобы эта святая двоица стала примером для верных и посрамлением для неверных.

О ежедневном посте Домны и Индиса проведал начальник евнухов, управлявший всем дворцом и заведывавший царским столом. Вместо того, чтобы изумиться такой строгости их жизни, он прибегнул к мучениям и долго бил их, вынуждая их признаться, на что употребляется выдаваемая им пища; но они скрывали свою добродетель и не хотели сознаться в ней. Тогда подошел один евнух, перс по происхождению и по вере, и начал рассказывать начальнику евнухов об их добродетели, выставляя ее как бы некое злодеяние и сопровождая свой рассказ клеветами и оскорблениями. Он говорил о кроткой и чистой жизни Домны и Индиса, о воздержании от пищи и о том, что они раздают приносимую им пищу убогим христианам, противникам царя.

– Если хочешь узнать истину, – сказал он в заключение, – то открой их хранилища, и ты увидишь, что мои слова неложны.

Тогда начальник евнухов, бывший в то же время и управляющим царским дворцом, взяв ключи, пошел осматривать их жилища и хранилища; открыв их, он ничего не нашел, кроме Честного Креста, книги Нового Завета, двух тростниковых подстилок лежавших на земле, глиняной кадильницы, свечи и небольшого деревянного сосуда с Пречистыми Тайнами[8860].

– Но где же золото, – спросил он их тогда, – где драгоценные одежды и прочие дорогие вещи и украшения?

Не получив ответа, он снова подверг Домну и Индиса мучениям, но безуспешно. Тогда он велел отвести их в другое место и держать в заточении, пока он не скажет о них царю. Когда святую деву выводили из ее жилища для заключения, она тайно взяла книгу Новозаветных Писаний и скрыла ее в своей

одежде: книга была мала, и ее легко было спрятать; а Индис взял таким же образом небольшой сосудец с Божественными Тайнами. Их обоих заперли и долгое время морили голодом и жаждой: так решил их неправедный мучитель, чтобы питавшие голодных сами умерли голодной смертью. От долгого пребывания без пищи юная дева впала в телесную болезнь; но Пекущийся о птицах и о зверях, Отверзающий руку Свою и Насыщающий всякое животное по благоволению (Пс.144:16), Бог – Промыслитель не презрел Своих рабов, ослабевших от долгого голода: в одну ночь Он послал им Ангелов Своих, которые осияли их во тьме небесным светом, предложили им чудную трапезу – небесную пищу и необычайное питие, и удалились. Домна же и Индис укрепились, вкусив предложенного им, и забыли пережитые злострадания. Утешенные явлением Ангелов и насыщенные Ангельской пищей, они просветились лицами и, как бы сидя в чертогах радости, запели «Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои… Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Псал. 62:6, 2).

Вскоре после этого пришел и начальник евнухов посмотреть, побеждены ли они голодом, ибо он полагал этим способом заставить их повиноваться себе. Но, увидя их радостными, светлыми лицом и веселящимися духом, он переменил свое гневное и жестокое обращение, которым не был в состоянии ничего достигнуть, на притворную кротость; он велел им поселиться по-прежнему в их первом жилище и в изобилии снабдил всем нужным, пищей и одеждой, золотом и серебром, и девическим убранством, отпуская всего не меньше, чем как делал это прежде. Но святая Домна снова тайно раздавала всё нищим, и не только пищу, но и драгоценные одеяния. Видя же множество нищих, стекающихся к ней, как к своей питательнице, она взяла свой пояс, украшенный драгоценными камнями и жемчугом, и всё прочее убранство и отослала к диакону Алимпию с просьбой продать всё это и употребить вырученные деньги на прокормление нищих.

Размышляя затем, каким бы способом избегнуть жительства с грешниками и пребывания во дворце, исполненном идольского нечестия, святая Домна вспомнила о богоотце Давиде, бежавшем от лица Саула и притворившемся безумным пред Анхусом, царем Гефским (1Цар.21:13). Притворившись тоже безумной, она стала падать, источать слюну, трястись и кричать. Узнав об этом, управлявший царским дворцом начальник евнухов опечалился, недоумевая, как бы ее вылечить. Услышав, что христиане исцеляют такие болезни, он призвал епископа христианскаго, святого Анфима и вручил ему деву, чтобы тот исцелил ее до возвращения царя с войны, евнуха же Индиса он приставил к ней, чтобы прислуживать.

Постигнув духом намерения Домны, епископ охотно принял ее и отослал в один девический монастырь. Домна же несказанно радовалась и веселилась, что избавилась от пребывания с нечестивыми и сподобилась жить с христианами.

Спустя некоторое время, Максимиан с торжеством возвратился с войны. Приписывая свою победу над врагами не Всевышнему Богу, сильному в бранях, а своим бездушным идолам, он захотел отблагодарить их непотребными жертвами, а вместе с тем начать гонения на христиан. Приготовив посреди города место для зрелища, он вынес туда из своего дворца золотых и серебряных идолов, поставил их на царских престолах и, увенчав цветами, стал приносить им в жертву тучных волов. Жрецам же царь приказал окроплять стоящий кругом народ жертвенной кровью. И тотчас же находившиеся в числе зрителей христиане начали выходить из толпы, чтобы не осквернить окроплением идоложертвенною кровью. Увидев это, царь начал громко говорить, обратясь к народу:

– Куда вы уходите, о люди, предпочитающие тьму свету, и не верящие в бытие этих богов, которыми держится вселенная? Разве вы не видите настоящих торжеств и побед? Разве вы не видите, сколь много благ прилагается к прежним благам, как всё содержится в покое, как ежедневно прибывают новые блага, и мы теперь обладаем такими, которыми раньше не владели? Разве не видите, как растёт наша слава, расширяется царство, покоряются одни города, другие же будут покорены нами? Разве

не видите, как порабощаются нами царства других народов, и как всё делается согласно нашему желанию? Чьим же промышлением всё это совершается, как не промышлением тех богов, которым мы служим? Да убедят вас в этом благоприятность погоды, умеренные дожди и даруемое богами изобилие плодов.

Так говорил беззаконный царь, выдавая небылицу за быль, и намеревался еще сказать многое другое, но Господь, Которого «Суды Господни истина, все праведны» (Пс.18:10); не попустил больше лжи хвастаться и возноситься над истиной: внезапно, среди ясного дня и при сиянии полуденного солнца раздался грохот страшных громов, небо омрачилось тёмными тучами, пролился сильный дождь с великим ветром и бурей, молниями и градом. Таким образом ясно обнаружился гнев Божий на нечестивых: иные, испугавшись громов, падали как мёртвые, другие, бросившись бежать, давили друг друга, и многие лишились в толпе жизни, растоптанные ногами; сам же царь, объятый страхом и ужасом, со стыдом бежал во дворец. Так прекратилось зрелище и нарушился богоненавистный праздник с его скверными жертвами. Реки переполнились водой от великого дождя и потопили нивы, уничтожив весь труд земледельцев, так как было время жатвы. Всё же это произошло для того, чтобы нечестивые познали крепкую руку Единого Бога, сущего на небесах. Но не уразумел этого ослеплённый злобою жестокосердый царь: вместо того, чтобы познать силу истинного Бога, он впал еще в большее безумие, воздвигая брань против Страшного и Лишающего жизни царей (Пс.75:13).

Вскоре после этого, не находя Домны и Индиса среди жрецов-служителей его двенадцати главнейших ложных богов, стоявших во дворце, царь спросил, где они. Услышав, будто Домна лишилась рассудка и находится у людей, умеющих лечить эту болезнь, а Индис приставлен к ней, чтобы ее оберегать и служить ей, Максимиан сильно разгневался на начальника евнухов, освободившего их от службы богам, лишил его сана и наказал самым позорным бесчестием, приставив его ходить за верблюдами в Клавдиополе[8861]. Призвав затем

Индиса, царь вернул его к прежней обязанности: служить богам, стоявшим в царском дворце. Но Индис без ведома царя продолжал служить только Единому истинному Богу, в Которого веровал. Тем временем Максимиан начал открыто преследовать Церковь Христову, разоряя святые храмы и сооружая идольские капища. Начальниками во всех областях империи он назначил людей жестоких, обязанных без пощады мучить христиан. Сам царь был главным и первым по жестокости мучителем; он убивал и истреблял христиан и проливал неповинную кровь, как бы воду. Иногда он пытался обмануть их лукавыми словами, чтобы потом предать мучениям и смерти неподчинившихся его коварному обману. Отыскивая скрывавшегося в некоем месте святейшего епископа Анфима и не находя его, Максимиан однажды сам вошел в христианскую церковь со множеством вооруженных воинов, как волк в стадо. Обратившись к народу, он пытался то ласками, то угрозами привлечь всех к своему заблуждению. Наконец он сказал:

– Отступите, от вашей суетной веры; если же не отступите, то казнь не замедлит постигнуть вас. Видите этот храм, в котором вы собрались: вскоре я сожгу его вместе с вами.

Христианский пресвитер, святой Гликерий мужественно противостал ему и постыдил беззаконника бесстрашными словами:

– Обещанные тобою дары, – сказал он, – не привлекают нас, царь; угроз же твоих мы не боимся. Всё, что ни есть в мире, мы почитаем как бы за сон и даже вменили бы себе в скорбь и Божие наказание, что не претерпеваем за Христа жесточайших мучений. Ты хвалишься победой над варварами, но терпишь поражения даже от христианских жен и детей, ибо явно непреодолима сила нашего Христа. Кто не помнит недавних громов и молний, необычайного грома и дождя? Многие из вас внезапно умерли и плоды земные погибли от неожиданного наводнения. Это было явным знамением гнева Божия, возбужденного тем, что ты всё приписал своим ложным богам, а не Богу истинному. Не боимся мы твоих гонений: Царь всяческих даровал нам свыше оружие, которым мы также вооружаемся и защищаемся, как ныне ты своими

оруженосцами. Противостоя тебе, мы твёрдо надеемся одержать чудесную победу, ибо, будучи побиваемы, мы одолеваем, а падая – побеждаем.

Хотя царь и сильно гневался в сердце своем, слыша эти слова, однако, вышел из церкви, не причинив никому никакого зла. А благочестивый народ, находившийся в церкви, прославлял блаженного Гликерия за такое бесстрашие. Однако, будучи не в состоянии долго сдерживать свою ярость, царь вскоре повелел схватить Гликерия, представить на свой неправедный суд и без всякого допроса подвергнуть жестокому биению. И били мученика до тех пор, пока мучители сами не изнемогли. Когда же его били, то глашатай возглашал:

– Говори поменьше, Гликерий; не будь горд, ни мятежлив, ни бесчинен, почитай царя и римские законы.

Мученик же, будучи сильнее своих мучителей, взывал к своему Небесному Царю: «Господи Иисусе Христе! Как Ты укреплял меня говорить о Тебе, так укрепи и пострадать за Тебя, чтобы этими страданиями сделаться мне достойным большего воздаяния».

Как разгорается огонь, так от этих слов еще сильнее разгорелась ярость мучителя Максимиана. Он сам присутствовал при мучении для того, чтобы палачи наносили телу мученика более жестокие удары и раны, пока земля не напиталась его кровью и не стали видны кости, обнажившиеся от мяса, не были раздроблены все члены мученика, и только язык еще продолжал свободно вещать:

– Я – христианин, раб Христа, единого истинного Бога; един Он – Господь мой, един Он – Царь мой!

Не будучи в состоянии долее слышать такие слова Гликерия, мучитель велел сжечь его за городом. И был он благовонной жертвой Богу и всесожжением благоприятным.

Вскоре снова настал богомерзкий языческий праздник. Повели жертвенных животных к стоявшему во дворце капищу двенадцати главных богов. Глядя на жрецов, шедших в белых одеждах, и не видя среди них Индиса, царь спросил, где он. Индис же оделся во вретище и затворился в своей горнице, сетуя и плача о погибели нечестивых. Об этом возвестили царю.

Немедленно вызвав к себе Индиса и видя его в одеждах скорби и плача, царь понял, в чем дело, и, не спрашивая о его вере и жизни его, велел наложить ему на руки, на ноги и на шею оковы и ввергнуть в темницу. Затем он начал снова спрашивать о Домне, забыв сказанное ему раньше, и в гневе, как бы пьяный, часто повторял:

– Где же Домна? Где жрица Дианы и Минервы?

Ему вновь ответили, что она лишилась рассудка, и что поэтому, начальник евнухов выслал ее из дворца. Вспомнив тогда о начальнике евнухов, царь повелел обезглавить его и искать всюду Домну. Это царское повеление стало известно и в монастыре, где пребывала Домна. Видя, что невозможно скрыть ее, игумения монастыря, Агафия, остригла ее по-мужски и одела в мужскую одежду. Оградив ее затем слёзной молитвой, она выпустила Домну из своей святой обители, чтобы дева скрывалась в мужском образе посреди мужей и не могла бы быть узнана. Искавшие Домну нигде не могли найти ее. Это привело царя в еще сильнейший гнев; он повелел разорить все монастыри, дев же обесчестить и осквернить насилием. И тотчас же по всему городу начали твориться такие бедствия и разорения, как будто он находился в плену у варваров. Те из дев, которые были крепче телом, бежали в горы и пустыни, скрываясь в пещерах и пропастях земных, предпочитая жить со зверями и быть растерзанными ими, нежели с беззаконниками и попасть в руки гнусных людей. Те же из дев, которым не удалось бежать, были схвачены и одни повлечены на суд и мучения, другие же в народные блудилища – на осквернение. Но сила Христова укрепляла их всех и сохраняла не посрамленными и непоруганными. В числе их была одна, по имени Феофила, особенно выделявшаяся и сиявшая посреди дев, как бы луна среди звезд, красотою и привлекательностью, благородством и чистотой жизни. Когда бесстыдные воины насильно влекли ее в блудилище, она воздела очи и руки к небу и со слезами взывала:

– О Иисусе мой, любовь моя, свет мой, дыхание мое, хранитель девства моего и жизни моей, воззри на невесту Твою! Призри на меня, Жених мой невидимый, и поспеши мне на

помощь, да не нарушится обет девства моего, завещанного Тебе, ибо уже нет больше времени даже для молитвы! Не предай зверям душу, исповедующую имя Твое, да не растерзают волки Твою овцу. Сохрани Твою невесту, о Жених мой! Соблюди мое девство, о Источник чистоты, да прославится имя Твое, славимое Ангелами.

Так она молилась, и Бог уже готовил исполнение ее молитвы. Когда ввели ее в нечистое жилище открытых грешниц, вошел к ней один из воинов, полный нечистого желания, чтобы осквернить непорочную невесту Христову; и вот, едва он приблизился к ней, как тотчас же упал на землю мёртвым и лежал у ног ее, испустив дух. Другие воины тем временем стояли снаружи и ожидали его выхода, сердясь, что он так долго медлит и желая сами войти туда же. Наконец, один из них, распаленный греховным желанием, не вытерпев, вошел и пришел в ужас, увидев друга своего мёртвым. Когда же узрел он еще и неприступный свет, осиявавший святую деву, то тотчас же лишился зрения и, ослепнув, стал ощупывать руками стену, чтобы выйти наружу, но не мог. Той же участи подверглись и многие другие, бесстыдно и с нечистым желанием входившие к деве. Это стало известно стоявшим снаружи, и они пришли все вместе не ради похоти, но чтобы посмотреть, что случилось, и увидели деву чинно сидящей и читающей небольшую книжку: это было Евангелие, которое она хранила у себя; рядом стоял прекрасный юноша, сиявший несказанным светом, и взирал молниеносными очами. Увидев юношу, нечестивые тотчас же в великом ужасе бросились бежать; другие же взывали:

– Кто подобен Богу христианскому?

Когда настала ночь, светоносный юноша вывел оттуда деву, довел до великой церкви и, поставив ее на паперти, сказал:

– Мир тебе.

Затем он удалился, оставив святую деву Феофилу объятую страхом и радостью: страхом, потому что покинул ее заступник, радостью же, так как благополучно избегла рук беззаконников. Подойдя к дверям церкви, она стала стучать, чтобы ей отперли, ибо собравшиеся внутри для совершения всенощного моления Богу христиане заперли двери из страха перед нечестивыми

язычниками. Один из диаконов спросил изнутри, кто это стучит; услышав и признав голос Феофилы, он возвестил об этом предстоявшему в церкви народу. Когда отперли дверь, то весь народ устремился к святой деве: всем были известны, как знатность ее происхождения, так и святость жизни. О сколь радостно и с какими слезами восхвалили все Бога, когда узнали, как она спаслась от насилия нечестивых и какую милость сотворил с ней Господь, крепкою рукою сохранив нетленным ее девство! Ибо она не скрыла преславных чудес Божиих, которые подобает не скрывать, но возвещать. Святая же дева, павши ниц, омочила помост церковный слезами радости, и все принесли Владыке Христу общее благодарение.

В это время были обвинены перед царем в принадлежности к христианской вере некоторые из знатнейших вельмож и главных слуг царского двора. В числе их находился некто Дорофей, прославившийся своею военной славой и гражданскими заслугами, носивший титул наместника Италии; вместе с ним находились также Мардоний и Мигдоний и другие сановники, славные своими заслугами, но еще более славные верой и благочестием. Когда их привели для допроса, царь первоначально стал жестоко укорять их, а затем велел долго и беспощадно бить и, заключив в оковы, бросить в темницу. Не проходило дня без того, чтобы христиан не схватывали, не мучили и не предавали различным казням. Но вот наступил праздник Рождества Христова[8862], и Новорожденному должна была быть принесена изобильная жертва. Все верные собрались в церковь. Тогда нечестивые слуги нечестивого Максимиана, пришедши к нему, сказали:

– Царь! Сегодня великий праздник у христиан, они выдумывают басню, будто это день рождения их Бога, и все собрались в церковь, чтобы отпраздновать это событие. Поэтому, сделай так, чтобы улов не выскользнул из сети: прикажи воинам занять вход в их церковь, и пусть перед церковными вратами будет поставлен жертвенник нашим богам; глашатаи же пусть повелят им тотчас же выйти из церкви и немедленно принести жертвы богам. Если они послушаются, то ты поступишь с ними, как будет угодно твоей царской воле. Но

если соизволишь последовать нашему совету, то повели, чтобы воины обступили церковь кругом, подожгли ее и погубили всех до единого христиан, не покоряющихся тебе. Истребив таким образом зараз опасных и вредных для твоего царства людей, ты на будущее время будешь без забот.

Не кончили еще они своей речи, как Максимиан, перебив их, воскликнул:

– Клянусь великими богами, что я давно уже сам замышлял сделать это, и не знаю, что мне до этих пор помешало исполнить задуманное! Великая благодарность подобает вам ныне, о боги, ибо это вы устроили так, что и слугам моим во время пришел на ум тот же полезный для царства нашего замысел.

И он тотчас же приказал главным из своих телохранителей отправиться со множеством воинства, обложить христианскую церковь пенькою, древесными стружками и другими легко воспламеняющимися вещами, и тщательно охранять с обнаженным оружием все выходы из нее, чтобы ни один христианин не избегнул их рук. Когда всё это было исполнено, в церковь вошел глашатай, посланный царем и, ставши посредине, громко возгласил:

– Мужи, собравшиеся здесь! Владыка вселенной Максимиан, пославший меня вам, предлагает вам выбрать одно из двух: или, выйдя из церкви, немедленно принесите жертву богам, и вы останетесь живы; жертвенник для этого уже приготовлен перед дверьми; или же, если не послушаетесь, погибнете здесь все вместе злою смертью: огонь уже готов и церковь кругом обложена хворостом. Поэтому, выбирайте скорее, что хотите. Сказав это, он умолк. Тогда стоявший у алтаря архидиакон, сердце которого было возжжено огнем Божественной благодати, сказал, обратившись к народу:

– О возлюбленные и единомысленные братья! Неужели вы не ведаете, что сотворили в Вавилоне три отрока[8863], непоколебимому мужеству в истинной вере и крепости которых мы несказанно удивлялись, когда несколько дней тому назад праздновали их память, как и сами они воспели песнь и всю созданную природу призывали к восхвалению Господа всех, как

бы не посреди огня находясь, но гуляя среди нежных цветов! И мы не только величали их, но и желали стать соучастниками их венцов. Уподобимся же и мы тем трем отрокам, так как и само время нынешнее призывает нас к этому: ибо и царь Максимиан подобен Навуходоносору; хотя они оба и отличаются именами, но очень схожи и согласны между собой по своему мучительству и безбожию. Не стыдно ли было бы нам, когда те, будучи отроками, и притом только в числе трех, и не имея еще ни одного примера великодушного подвига за истинную веру, так славно подвизались; мы же гораздо многочисленнее их, и даже воистину как бы бесчисленны; многие из нас уже в преклонных летах, и мы имеем перед собою столь много примеров мужественных страданий за Христа: итак не стыдно ли было бы нам, находясь в таком числе и возрасте, показать себя привязанными к кратковременной жизни, боязливыми и малодушными, и не воспользоваться нынешним временем, призывающим нас к подвигу, как бы великим преимуществом, – не презреть временной жизни ради Бога, создавшего нас и предавшего на смерть душу Свою за нас, и не дать нашей смертью свидетельства нашей крепкой и непоколебимой веры?! И воистину, это был бы безмерный позор. Я говорю это на тот случай, если бы за нашим страданием не последовало никакого воздаяния. Но ничтожны страдания века сего по сравнению с положенным нам воздаянием за гробом: вечная и безболезненная жизнь назначена нам взамен здешней, бедственной и краткой, непреходящая слава за презрение славы скороувядающей, неотъемлемые богатства и никогда непрелагающееся в печаль веселие. Неужели же мы еще захотим здешней жизни! Не постараемся ли мы лучше, пользуясь благоприятным временем, достигнуть скорее той вечной жизни, умерши за Христа? Воззрите, о братья, на алтарь Господень и уразумейте, что истинный Господь наш и Бог принесен на нем ныне в жертву за нас. Не положим ли и мы за Него наши души на этом святом месте? И не принесем ли мы Ему их во всесожжение, как бы некую жертву?

Так говорил святой архидиакон, и все возгорелись желанием умереть за Христа и единогласно воскликнули:

– Мы христиане, мы – христиане, царь, и не почитаем твоих ложных богов!

Об этом было возвещено Максимиану, который повелел тогда сжечь церковь со всеми находившимися там христианами. Тем временем верные собрали в церкви всех бывших среди них оглашенных и разделили на четыре части, чтобы скорее успеть совершить над ними св. крещение. По совершении крещения и миропомазания, все были причащены Святых Таин. В то время, как это происходило, воины зажгли по повелению нечестивого царя хворост и паклю вокруг церкви; стены ее скоро загорелись и окружившее ее со всех сторон великое пламя поднималось к небу и, проникая внутрь, быстро поядало всё. Сожигаемые христиане громко взывали к Богу, воспевая песнь трех отроков и призывая всякую тварь к песнопению. И не успели еще они окончить свои песнопения, как предали свои святые души в руки Господа, в жертву благоприятную непорочному Агнцу, закланному за мир. Число сгоревших достигало двадцати тысяч человек. Так перешло славное ополчение святых мучеников из церкви воинствующей в церковь торжествующую праздновать нескончаемый праздник радования.

По прошествии пяти дней огонь еще продолжал поядать останки храма и курился дым; но от сожженных тел не только не было смрада, но и дым был какой то необычайный, благовонный; великое благоухание, исходившее от пожарища разливалось по воздуху и видно было золотистое сияние, какое бывает и по восходе солнца на востоке. Максимиан же, полагая, что он уже погубил и истребил всех христиан, какие только были в городе, занялся играми, конскими ристалищами и разными зрелищами.

Около того места, где происходили зрелища, было в Никомидии великое капище языческой богини Цереры[8864]. Однажды придя к ее капищу со всем своим воинством и с народом, царь Максимиан приносил жертвы богине. Тогда один из воинов, по имени Зинон, по сану полководец, подвинутой ревностью к истинной вере и не терпя зрелища такого нечестия, стал на высоком месте и воскликнул, обращаясь к царю:

– Заблуждаешься ты, царь, принося жертвы бесчувственным камням и немому дереву. Это подлинно обман бесов, ведущий к погибели своих поклонников. Рассуди, о Максимиан и, обратив к небу твои телесные очи вместе с духовными, познай Создателя из Его видимого создания. Через тварь познай, каков ее Творец, и научись благочестно почитать Бога, благоволящего не к крови и жертвенному дыму бессловесных животных, но к непорочным душам человеческим и чистым сердцам!

Услышав это, Максимиан велел сокрушить Зинону камнями уста и разбить лицо и зубы, а затем еле живого вывести за город и умертвить мечом. Так увенчался святой мученик Зинон венцом мученическим.

Тем временем святой Дорофей сидел в оковах вместе с Индисом и прочей дружиной. Блаженный епископ Анфим посещал их из места своего убежища частыми посланиями, укреплял их, увещевал быть твёрдыми в вере и возбуждал к подвигу. Однажды нечестивые схватили и привели к царю диакона Феофила, шедшего к мученикам с посланием от Анфима. Прочтя послание епископа, царь пришел в ярость, ибо там было написано не то, что ему угодно, но что полезно святым. Он велел немедленно привести к себе Дорофея с его дружиной; гневно взглянув на них и укорив их, он дал им прочитать послания Анфима. Они же, увидев диакона, возрадовались душой и издалека приветствовали его светлыми взорами и радостными лицами, читаемые же слова святителя слагали в сердцах своих. Гневно взглянув на диакона, царь грозно сказал ему:

– Скажи мне, окаянный, кто дал тебе это письмо и где он скрывается?

Диакон сотворил сначала в сердце молитву к Богу и затем бесстрашно ответил:

– Послания это дал мне пастырь, который, находясь ныне вдали от своего стада, увещевает его и побуждает к благочестью. В особенности же теперь, когда он узнал о нашествии волков и других зверей, он громко повелевает и возвещает своим овцам, что им надлежит делать. Слова же,

возвещаемые им, не суть его, но заимствованы им у Верховного и Первого нашего Пастыря, сказавшаго: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф.10:28). Вот я уже возвестил тебе, кто мне дал это послание, а где находится пославший его, этого я не скажу: было бы явным безумием, если бы я, получивший от своего пастыря столько добра, стал его предателем; он скоро и без нас обнаружится, ибо не может укрыться на вершине горы город (Мф.5:14), как возвещено это Божественным гласом.

Не будучи в состоянии дольше слышать смелую речь диакона, царь повелел тотчас же отрезать его честный язык, а затем умертвить его за городом камнями и стрелами. Потом он посредством различных мучений предал смерти и остальных святых мучеников: Дорофею отсекли голову, Мардония сожгли огнем, Мигдония живого засыпали в яме землей, Горгония же, Индиса и Петра бросили в море, привязав им к шее жерновные камни. Так совершили свой подвиг и отошли ко Господу Богу одним путем, хотя и различными смертями доблестные мученики Христовы.

Тем временем святая Домна скрывалась в пещере на одной горе, питаясь растениями, росшими вокруг пещеры. Слыша о смерти святых мучеников, она радовалась духом, что они перешли из юдоли здешней горестной жизни в желанный край вечного веселия. Особенно же радовалась она об Индисе, своем духовном единомысленном брате и сообщнике ее духовного рождения в крещении. Готовя себя к подвигу и прося помощи свыше, она скорбела о себе, что из них всех она одна еще не отошла ко Господу тем же путем мученичества. Затем она сошла с горы и вошла в город в той самой мужской одежде, в которую ее облекла ее духовная мать Агафия. Не находя блаженной Агафии, которую она пришла искать, Домна поняла, что она сгорела в церкви вместе со множеством других дев, и горько заплакала; она не жалела о ее смерти, но скорбела, что не сподобилась сама умереть вместе с нею за Христа. И стоя на месте сожженной церкви, Домна плакала и рыдала, смачивая пепел своими слезами. Когда наступила ночь, она пошла на

морской берег, где был потоплен Индис с прочими мучениками. И вот рыбаки, стоявшие там и готовившие сети для ловли, увидев святую деву и приняв ее по мужской одежде за мужа, сказали ей:

– Приди и помоги нам, юноша; если мы что-нибудь поймаем, то и тебе уделим часть.

Она охотно пришла к ним на помощь. Когда забросили сети для ловли и вытаскивали их затем на берег, то ощутили в неводе такую тяжесть, что с трудом могли выволочь его на землю. Ночь была лунная, и они увидели множество рыбы, а посреди улова тела трех мучеников, Горгония, Индиса и Петра. Рыбаки пришли в великий ужас и, быстро собрав сети и улов, а тела положивши на землю, поспешили сесть в ладью, чтобы отплыть на другой берег. Они звали с собою и мнимого юношу, но тот не захотел ехать с ними. Тогда они дали ему за труд часть пойманной рыбы и немного хлеба и отплыли оттуда. Святая же дева Домна подошла к телам мучеников и, узнав каждого, в особенности же возлюбленного Индиса, стала с несказанной радостью обнимать и целовать их и проливать над ними обильные горячие слезы. Поднявшись, она увидела на море корабль, пристававший к берегу и шедший на одних веслах при опущенных парусах. Отойдя от тел святых мучеников, Домна приблизилась к кораблю и, обратившись к корабельщикам, показала им свою рыбу. Полагая, что рыба продается и желая ее купить, капитан корабля спросил о цене, но Домна ответила ему, чтобы он взял даром. Тогда он в недоумении сказал:

– Именем Христовым, скажи по истине, почем ты продаешь рыбу?

Услышав имя Христово, святая Домна поняла, что на корабле христиане и поведала им о телах святых мучеников, обо всех мучениях, которым они были подвергнуты и об их именах. Тогда капитан корабля тотчас же вынес со своими друзьями чистые полотна и ароматы, и, завернув тела святых, отнес их к городской стене, где у ворот, недалеко от реки, принял конец жития своего святой Дорофей. Там они благоговейно погребли тела мучеников. Узнав, что Домна одной

с ними веры и принимая ее к тому же за юношу, капитан корабля стал умолять ее вместе с ним взойти на корабль.

– Пребудем неразлучно вместе до конца нашей жизни, – говорил он.

Но она, не соглашаясь, велела ему продолжать свой путь.

– Я останусь здесь, – сказала она, – ибо уже близок конец моей жизни, и я не хочу, чтобы тело мое разлучилось от тел святых, с которыми при жизни я была соединена духом и верой.

Тогда капитан дал ей достаточное количество золота, не для какой-нибудь телесной потребности, так как в этом она не нуждалась, но на ароматы и фимиам для почтения гробниц святых и отправился в путь свой. Святая же Домна день и ночь пребывала при гробницах мучеников, кадя и благоухая им и молясь со слезами.

Но не было возможно, чтобы дело света утаилось перед ходящими во тьме, или чтобы желания мученичества святой Домны осталась не исполненным, ибо ее святость и благочестие изобличали ее. Царю было возвещено, что какой-то юноша обходит христианские гробницы и кадит им. Царь рассмеялся и сказал:

– Подобает и ему погибнуть одинаковой с ними смертью, чтобы он на опыте узнал, как напрасно воздается такая честь людям, ничего уже больше не значащим по смерти.

Сказав это, он немедленно послал отсечь ей голову. И умертвили мечом святую Домну, в то время как она молилась при гробницах святых мучеников. Честное тело ее нечестивые сожгли огнем. В это же время был убит мечом после долгих мучений и святой мученик Евфимий. Так украсилась Никомидия своими мучениками, как звёздами, пополняя число двадцати тысяч чудным Гликерием, блаженнейшим Зиноном и Феофилом; к ним присоединились также Дорофей с Мардонием и Мигдонием, – Индис с Горгонием[8865] и Петром, и три святые девы Агафия, Феофила и прекрасная Домна; завершением же всего лика был Евфимий, во славу Христа, истинного Бога, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Страстотерпцы Господни, блаженна земля напившаяся кровьми вашими, и свята селения, приимшая телеса ваша: в подвизе бо врага победисте и Христа со дерзновением проповедасте. Того яко блага молите спастися, молимся, душам нашим.

Кондак, глас 2:

Тверди душею по вере святии, огнем страдания приемше две тьме страдалец, вопиюще рождшемуся от Девы: приими всесожжения наша за Тя, якоже дары персских царей, злато и смирну, и ливан, превечный Боже.

Память четырнадцати тысяч младенцев от Ирода в Вифлееме избиенных

Память 29 декабря

Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался (Мф.2:16). На кого же он разгневался? С одной стороны на волхвов, которые осмеяли его, с другой же – на новорожденного Царя Иудейского. На волхвов он гневался за то, что они не возвратились к нему и не возвестили о Младенце; на Христа же гневался из боязни, как бы Он не отнял у него царство; ибо, не зная, что царство Христово «не от мира сего» (Иоан.18:36), Ирод полагал, что Христос будет владеть земным царством. Что же сделал окаянный Ирод, не будучи в состоянии ни отомстить волхвам, ибо они уже ушли, ни убить Христа, ибо Его нельзя было найти? Он излил свой гнев на неповинных младенцев. Как лютый зверь, когда бывает ранен, часто не смотрит на того, кто его ранил, но бросается прямо на то, что у него перед глазами, и в ярости терзает это, как бы самого виновника своей раны; так и Ирод, мучимый гневом и, не находя виновников своего гнева, обратил свою ярость на младенцев, ни в чем не повинных пред ним. Он послал вооруженных, как бы на войну, воинов, чтобы «избить всех младенцев в Вифлееме и во всех окрестностях его от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф.2:16). Ирод помнил указанное волхвами время появления звезды, которая, согласно толкованию святого Златоуста и святого Феофилакта, появилась еще до Рождества Христова. Но за сколько именно времени? Если она явилась в самый час Благовещения, то от Благовещения Пресвятой Богородицы до Рождества Христова прошло девять месяцев. Но волхвы пришли в Иерусалим в самый день Рождества и поклонились Христу в Вифлееме, и иным путем отошли в страну свою: поэтому Ирод не тотчас же узнал, что осмеян ими, но полагал сначала, что они, не нашедши искомого младенца и устыдившись своей ошибки, не посмели явиться к нему и тайно, со стыдом, вернулись к себе. Затем, спустя сорок дней,

совершилось во храме Соломоновом славное событие: старец Симеон и Анна пророчица встретили здесь Божественного Младенца, принесенного Богоматерью в день очищения[8866], и засвидетельствовали о Христе и много явно благовествовали о Нем народу. Слух обо всем, что произошло во храме во время Сретения Господня, распространился по всему Иерусалиму и достиг до царя. Тогда Ирод понял, что это и есть воистину искомый Младенец и что справедливо было сказанное волхвами о новорожденном Царе, Которого они нашли в Вифлееме, но не возвратились к Ироду, презрев его власть. Беззаконный Ирод разъярился необычайно. Он тотчас же стал пытаться найти Младенца с помощью коварства и тайных ухищрений, но не мог, ибо Иосиф бежал с Ним в Египет тотчас же после бывшего ему видения. Старания Ирода найти Христа продолжались в течение года. После этого ему по какой-то причине понадобилось отправиться в Рим к Кесарю, и Ирод был в великом смущении, что еще не нашел искомого Младенца, ибо боялся, как бы в его отсутствие не нашелся и не прославился в народе новый царь и не отнял бы у него Иудейское царство. Поэтому он тотчас же решил в уме своем избить всех детей Вифлеемских, чтобы погубить таким образом вместе с ними и родившегося Царя. И совершилось это беззаконное детоубийство в первый год по Рождестве Христовом, 29 декабря; в этот день и принято Церковью праздновать память избиенных младенцев. От времени же появления звезды прошло тогда один год и девять месяцев. А то, что Ирод избил младенцев от двух лет и ниже, это он сделал из боязни и для большей безопасности. Так святой Златоуст говорит: «Не дивись, что Ирод повелел избивать младенцев от двух лет и ниже: ярость и боязнь сошлись в мучителе; поэтому Ирод стал весьма осторожен, и от великой боязни обрёк на убиения и более старший возраст». Согласно с этим, говорит и Евфимий[8867]: «Ирод полагал, что звезда не тотчас же появилась волхвам, но что младенец родился задолго до ее появления. Для большей безопасности он и повелел предварить время на два года».

Побивались младенцы различно: одних убивали мечом, других разбивали о камни и стены, иных бросали оземь и попирали ногами, душили руками, разрывали и раздирали на части, пронзали, разрубали пополам. Горько рыдали матери: великий вопль их доходил до небес; они рвали на себе волосы и одежду и терзали себя, так что исполнились слова пророка Иеремии: «Глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» (Иер.31:15; Мф. 2:18).

Рамой назывался город, стоявший на холме, в пределах колена Вениаминова. Рахилью же некоторые именовали Вифлеем, ибо в нем была погребена Рахиль, супруга патриарха Иакова, мать Вениамина. От гробницы ее и Вифлеем получил наименование Рахили. Итак, когда в Рахили, т. е. в Вифлееме, избивали младенцев, то в городе Раме, как отстоявшем не очень далеко от Вифлеема, были слышны плач, рыдания и великий вопль матерей, плакавших о своих убитых чадах. Плач этот отчасти описывают два святые Иоанна: Златоуст и Дамаскин. Первый из них повествует следующее.

Видя это, матери спрашивали убийц:

– За что вы убиваете наших детей? Какую обиду причинили они царю или вам?

И не было никого, кто бы ответил, почему совершается это напрасное убийство, не было никого, кто бы утешил их в этом великом горе. Они же с воплями взывали к воинам:

– Пощадите нас, пощадите! Разве у вас у самих нет матерей? Разве вы не ведаете любви материнской? Разве у вас нет жен? Разве не были вы любимы вашими матерями? Неужели вы не страшитесь, что и с вашими детьми случится то же? Сжальтесь над нами! Не лишайте нас детей наших, но избейте сначала нас самих, ибо мы не в силах перенести смерть наших детей! Пронзайте нас самих! Если наши дети причинили вам какое-либо зло, то пусть и мы умрем вместе с ними!

Так вопили они в сердечной тоске и, обезумев от печали, забывши стыд, раздирали на себе одежды, от скорби били себя

в грудь, терзали себе лица, рвали волосы, и призывали небеса во свидетели, взывая к Богу:

– О Владыка наш, Господи! Что значит эта великая жестокость царя? Он восстает на Твое творение: Ты создал, а он убивает; Ты дал нам детей, а он отнимает их у нас! Зачем родили мы на свет мальчиков, если наши младенцы должны подвергаться столь жестокой смерти?

Святой Иоанн Дамаскин повествует об этом плаче так: Матери, претерпевшие страдания при рождении своих детей, сидели при трупах убитых младенцев, с распущенными волосами, воздевая руки к небу, они рвали на себе волосы, посыпали волосы пылью, призывали небеса во свидетели и, обливаясь слезами, так говорили к отсутствующему Ироду, как бы к присутствующему:

– Что значит это повеление твое, царь, направленное против нас? Разве ты не отец своих детей? Разве ты не знаешь, как велика любовь родителей к детям? Звезда ли оскорбила тебя? Но почему ты тогда не направляешь свои стрелы в небо, а иссушаешь молоко в наших сосцах? Волхвы ли причинили тебе зло? Но тогда почему же ты не воюешь с Персией, а лишаешь детей Вифлеем? Если родился новый царь и ты узнал о нем из книг, то схвати Гавриила и посади его в темницу.

Вскоре по избиении святых младенцев, число коих было четырнадцать тысяч, казнь Божия постигла и самого убийцу, царя Ирода. Жесток был конец его жизни, как повествует о том святой Феофилакт: одержимый горячкою и болезнью внутренностей, опухолью ног, заграждением ноздрей, трясением всего тела и распадением всех членов, лукавый царь, съедаемый червями, в страшных мучениях испустил дух. Повествуется также, что ему недостаточно было избить Вифлеемских младенцев, но еще при самой кончине своей, он предал смерти множество знатнейших и славнейших граждан Иерусалима: так он казнил Гиркана, первосвященника Иудейского, а также всех тех первосвященников и книжников народных, которых раньше спрашивал: «Где должно родиться Христу?» – и которые ответили ему: «В Вифлееме иудейском».

Всех он впоследствии умертвил мечом. И это было для них праведным судом Божиим, так что все они вместе с Иродом скончались в жестоких мучениях, как возвестил о том Ангел Иосифу в Египте:

– Умерли искавшие души Младенца.

Очевидно, искал не один Ирод, но все советники его, первосвященники и книжники. Поэтому и умер не один Ирод, но и все, искавшие вместе с ним души Младенца. Тот был умерщвлен самим Богом, а эти были избиты Иродом. Кому они сочувствовали, от того и приняли жестокую кончину. А что все они искали убить Христа и были единодушны с Иродом, это явствует вот откуда: когда скончался праведный старец Симеон Богоприимец, свидетельствовавший о Христе в храме и перед всем народом, то они за это не сподобили его достойного погребения, которое бы приличествовало столь святому мужу, премудрому учителю, прозорливому пророку и уважаемому всеми старцу. Также предали они смерти и святого пророка Захарию за то, что он поставил на месте девиц, где не подобало стоять замужним женщинам, Пречистую Деву, вошедшую с Младенцем во храм для очищения. Об этом упоминают Григорий Нисский, Кирилл Александрийский и Андрей Критский.

Когда увидели это книжники и фарисеи, то пришли в негодование; Захария же противостал им, удостоверяя, что сия Матерь и по рождестве осталась чистой Девой. Они не поверили ему, и тогда святой сказал, что природа человеческая вместе со всяким созданием подчинена своему Создателю и что в Его всесильной воле устраивать тварь Свою по Своему произволению и сделать так, чтобы Дева родила и по рождестве пребыла Девою же.

– Поэтому, – говорил он, – и сию Матерь я допустил на место девиц, как истинную Деву.

Книжники разъярились в сердцах своих на Захарию, как на явного законопреступника и, снедаемые завистью, гневались как на то, что матерь Младенца была поставлена на месте девиц, так и на то, что возглашались такие свидетельства о Младенце. Они не утаили своих чувств перед Иродом, но

выказали ему их, и немедленно начали искать Младенца, но не нашли Его, потому что Иосиф тем временем бежал с Марией в Египет. С тех пор книжники стали сильно гневаться на святого Захарию, а вместе с ним, и на старца Симеона. Симеон вскоре скончался, и они не сподобили его достойного погребения. Захария же впоследствии, по их просьбам, был осужден Иродом на смерть. Во время избиения Вифлеемских младенцев был убит святой Захарий между церковью и алтарем за то, что не отдал на убиение сына своего Иоанна. Так отмстили ему книжники и фарисеи за его свидетельство о Пречистой Деве и за то, что поставил Ее во храме на месте девиц. Вскоре и сами они приняли заслуженную казнь от руки своего же царя Ирода. Какой мерой они мерили, такой и было им отмерено. Отдельно от них были также усечены Иродом 70 мудрейших мужей, собрание которых называлось Синедрионом[8868]. Одного только из них он оставил в живых, но и того повелел ослепить. Были в то время в Иерусалиме два премудрых, знаменитых и любимых всеми учителя: Иуда, называемый Аврифеем, и Матфей Гаргулоеи; их он велел сжечь живыми вместе с некоторыми их друзьями; но еще раньше этого Ирод свирепо восстал на свой собственный дом: казнил своего брата Ферора, сестру Саломию и мужа ее, происходившего из колена Давидова, свою жену Мариамну – тоже из колена Давидова[8869], рожденного от нее сына своего Антипатра, затем еще двух сыновей Аристовула и Александра и много других предал он неповинно смерти. Наконец, находясь уже при смерти, Ирод завещал вернейшим из своих воинов относительно прочих славных мужей иудейских, которых еще немало осталось у него содержимых в оковах, – чтобы, когда он испустит дух, воины немедленно убили всех этих узников: да не возрадуются иудеи о его смерти, но скорее да восплачутся при виде стольких мужей своих убитыми[8870]. Так погиб злой злою же смертью, погубив многих вместе с собою. Он вселился во аде, вместе со своими единомышленниками. Святые же младенцы, за Христа избиенные, водворились с Ангелами на небесах, ибо таковых детей воистину есть Царство Небесное (Лк.18:16) о Христе, Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Маркелла, игумена «обители неусыпающих»

Память 29 декабря

Преподобный Маркелл был родом из Сирского города Апамеи и происходил из славного и богатого христианского семейства. В юных летах лишившись родителей, он пошел в великую Антиохию, чтобы обучиться там различным наукам, которыми он в скором времени вполне овладел и тогда возгорелся желанием приобретения также и внутренней, духовной мудрости. Для этого Маркелл решил отправиться в Ефес, где, как он слышал, было множество мужей, совершенных в добродетели. Выйдя из Антиохии, он прежде всего раздал нищим все богатое отцовское наследие, которым владел в Апамее, и, презрев таким образом всё мирское, вскоре достиг Ефеса. Поселившись здесь у одного благочестивого человека, он начал подвизаться в добродетели под руководством некоего Промота, достигшего высшего духовного совершенства. И блаженный Маркелл получал великую духовную пользу, взирая на добродетельные жития его и других святых мужей Ефесских. Как бы сплетая себе венец из различных цветов, он поучался различным добродетелям, имея перед собой различные образы богоугодного жития. Живя в добровольной нищете, он трудом рук своих приобретал потребное для тела. Умея красиво писать, он все ночи проводил в молитве, а дни в переписывании книг; эти книги он продавал по справедливой цене и часть денег употреблял на свои нужды, а остальное раздавал нищим. Таково было начало его добродетельного жития. Услышав затем, что в Византии живет некий авва Александр[8871], премудрый и великий в деле и слове, способный многих привести ко спасению, Маркелл покинул Ефес и поспешил к нему. В то время святой Александр пребывал с братиею своею при церкви святого Мины, впоследствии же он построил на морском берегу знаменитый монастырь, в котором ввел новый устав, повелевавший днем и

ночью славить Бога непрестанным псалмопением: братия пели в церкви, сменяясь по часам. Придя в Византию, Маркелл познакомился с одним иноком этой обители, по имени Иаковом, который и привел его к авве Александру. Авва, провидя в нем благодать Божию, облек его в иноческий чин, и предсказал о Маркелле и Иакове, что они сподобятся многих Божественных дарований. А именно, говоря о них обоих, он сказал:

– Андрей первый пошел во след Христа, но Иоанн настиг его.

Андреем он назвал Иакова, а Иоанном Маркелла, ибо видел, что оба одинаково горели духом к Богу, и, если Иаков, подобно Апостолу Андрею, первый взял на себя иго Христово, то Маркелл, подобно Апостолу Иоанну, превзошел его многими дарованиями. А Маркелл был воистину подобен святому Иоанну – девственнику и Богослову, своим непорочным девством и богодухновенной премудростью. Подвизаясь достаточное время в этой обители, Маркелл стяжал дар прозорливости и, провидя скорую кончину своего учителя, аввы Александра, а также и то, что по преставлении аввы честь настоятельства будет предложена ему, Маркелл тайно вышел из монастыря: будучи еще юным, он не захотел властвовать над старыми и иметь подначальных себе, предпочитая сам находиться под началом. Он начал обходить окрестные страны, посещая подвизающихся различным образом отцов и от каждого из них получая для себя особую пользу. Тем временем святой Александр отошел ко Господу. Вся братия единодушно желала иметь на его месте Маркелла и скорбела, не находя его нигде. Не найдя Маркелла, поставили начальником обители некоего Иоанна, мужа преклонных лет и благоразумного. Узнав об этом избрании, святой Маркелл немедленно возвратился в свою обитель, и вся братия радовалась его возвращению. Авва Иоанн весьма любил его, ибо он был ему весьма полезен, как бы правая рука его. Спустя некоторое время авва Иоанн перенес монастырь в другое, более уединенное место, в Вифинии[8872], против города Сосфения[8873], называвшееся Иринеум, что значит, «мирное», ибо это место, удаленное от народной молвы и шума, было воистину мирным прибежищем

для иноков. В перенесенном монастыре неизменно сохранился так же и его прежний устав, данный преподобным Александром и повелевавший братии посменно днем и ночью, славословить в церкви Бога: ради этого устава монастырь и носил название «обители Неусыпающих». Вся постройка на новом месте и заботы о монастыре были поручены Маркеллу, как человеку верному и благоискусному во всяком деле. Ему же вскоре надлежало принять и самое начальство над монастырем, что и сам он провидел своими прозорливыми очами, и о чем также было открыто Богом некоторым из братии. Игумен одного ближнего монастыря – Македоний, (не тот Македоний, который был духоборцем, а другой: тот был из числа отверженных[8874], а сей из числа преподобных), муж прозорливый, предсказал преподобному Маркеллу, что тот не только будет пастырем словесного стада, но что и самое имя его прославится по всей земле ради добродетельного жития его и святости.

– Много эллинов и варваров, – говорил он, – наученных им, оставят отеческое заблуждение и обратятся к Богу, и Бог будет прославляем через него.

Преподобный же Маркелл был столь смиренным, что не гнушался сам пасти монастырских ослов, и братии едва удалось умолить его, достойного стать пастырем словесного стада, – перестать пасти бессловесных.

В скором времени, авва Иоанн отошел ко Господу и блаженный Маркелл был поставлен игуменом обители Неусыпающих. И был он весьма милостив к нищим, ежедневно питая множество алчущих. И Бог споспешествовал его доброму служению: как Он некогда умножил пять хлебов и две рыбы для пропитания пяти тысяч человек (Мф.14:18–21), так и в обители Маркелла малое количество пищи невидимо и чудесно умножалось, так что хватало не только для братии, но и на ежедневное пропитание множества нищих и странников, как о том будет рассказано далее.

Словесное стадо Маркелла увеличивалось, и братия ежедневно прибывали в числе. Для столь большого числа духовных мужей, собравшихся к Маркеллу, ради его добродетелей, потребовалась более пространная ограда, более

обширный храм для молитвы, большие запасы пищи и другие необходимые для жизни человеческой потребности; Маркелл же в то время истощил все на пропитания нищих. Но Бог, на Которого преподобный возложил всё свое упование, не оставил рабов Своих и следующим образом доставил всё необходимое.

Был некий муж, по имени Фаретрий, обладавший большим богатством. Возлюбив благочестивую жизнь, он пришел к преподобному Маркеллу, приведя с собою и двух сыновей своих, еще малых отроков, и изъявил желания стать иноком. Он даровал обители все свои богатства и вскоре был облечен в иноческий чин вместе с обоими сыновьями. На пожертвованное им имение была прежде всего выстроена новая, каменная церковь, прекрасная и обширная, затем была перестроена вся ограда монастырская и воздвигнуто множество новых келлий, а ветхие келлии были обновлены. Кроме того была устроена больница, а также странноприимный дом, и было закончено постройкой всё необходимое. Пища, одежда и прочие потребности были приобретены для монастыря также на средства, пожертвованные Фаретрием. Так Бог Промыслитель заботится о верных. «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). И слава о преподобном Маркелле и об установленном в его обители непрестанном славословии распространялась повсюду; многие соревновали этому уставу, и вводили его в своих монастырях, испрашивая себе наставников у преподобного. И как реки истекали из Эдема[8875], так из обители Маркелла расходились по всем монастырям, расположенным в разных странах и городах, уставы и обычаи иноческого жития и непрестанного церковного пения. Во всяком монастыре игуменами были иноки из обители Маркелла и везде соблюдался чин обители неусыпающих, ибо Маркелл был чиноначальником, архимандритом, законодавцем и управителем всех монастырей, какие только были в той стране. И многие из греков и варваров обратились к истинному Богу по наставлениям Маркелла согласно пророчеству упомянутого выше прозорливого Македония. Так лики земных Ангелов, день и ночь славословящих Бога, всё более и более умножались.

Надлежит теперь поведать и о чудесах преподобного Маркелла.

Некие три епископа были взяты в плен варварами; освободившись из плена, они возвращались домой, но так как путь их пролегал мимо обители преподобного Маркелла, то они свернули с дороги и зашли к нему. Он с любовью принял и упокоил их, и когда они собрались в обратный путь, то пожелал дать им что-либо на дорогу, как людям весьма бедным. Призвав эконома, по имени Иулиана, преподобный спросил, сколько у него в хранилище денег?

– Десять сребренников[8876], – отвечал тот.

Тогда Маркелл повелел отдать все деньги тем трем епископам, но эконом пошел и дал каждому только по одному сребреннику, а прочие удержал на нужды монастыря. Духом провидя это, святой призвал эконома и велел ему непременно отдать епископам и прочие сребренники. Тогда эконом дал им еще по два, и, истратив таким образом девять, всё-таки удержал десятый; и это он сделал ради нищих, ежедневно приходивших в монастырь. После этого один благочестивый человек, побуждаемый духом, пришел к преподобному и дал ему на нужды монастыря девяносто талантов[8877] золота. Тогда преподобный Маркелл призвал эконома Иулиана и с гневом начал обличать его скупость:

– Вот Бог хотел нам послать рукою сего благочестивого человека сто талантов, но так как ты удержал один сребренник, преслушав мое повеление, то наш общий Промыслитель, хотевший воздать нам сторицею, лишил нас десяти талантов.

Пристыженный эконом упал к его ногам, прося прощения.

Преподобный обладал также благодатью подавать исцеления болящим: он исцелил одним прикосновением монаха Елпидия, имевшего во рту болезненную опухоль. Также уврачевал он своим прикосновением монаха Стефана, страдавшего сильною желудочною болезнью, так что никакое лечение не помогало ему и он уже отчаялся в своей жизни: святой исцелил его, дотронувшись до чрева и хребта его. Когда разболелся вышеупомянутой эконом Иулиан и уже был близок к смерти, преподобный подал ему двойное врачевство –

душевное и телесное: он сперва научил его, не преступать повелений игумена и не уповать на временное богатство, а полагаться на Бога, равно о всех заботящегося, и таким образом исправив его душу, он исцелил его и от телесной болезни.

Надлежит поведать и о еще более чудесном событии. Один еврей страдал неизлечимою болезнью: он имел на теле своем смрадные язвы. Когда оказалось тщетным уже всё искусство врачей и больной отчаялся в излечении, тогда он прибег к преподобному Маркеллу, сему скорому и бескорыстному целителю, как к своей последней надежде. Преподобный спросил еврея о вере и, когда узнал о его злочестии, то сказал, что ему невозможно получить исцеление, если он раньше не отступит от своего нечестия и не примет христианской веры. Еврей обещался, что тотчас же обратится ко Христу, как только получит исцеление. Преклонившись к его мольбе, старец исцелил своей молитвой болящего, и исцеленный немедленно принял веру христианскую. Но не прошло еще и четырех дней, как еврей снова вернулся к своему нечестью. Возвратилась к нему также и его прежняя болезнь: как за верой последовало исцеление, так и за отступничеством его – прежняя болезнь. Принужденный, хотя и против воли, снова прибегнуть к святому, он опять отрёкся от своего нечестия, присоединился к благочестью и преклонял на милость незлобивого отца. Получив исцеления в другой раз, он, по истечении немногих дней, вновь как «свинья идет валяться в грязи» (2Петр. 2:22), и опять постигла его еще более жестокая болезнь.

Что же сделал нечестивец? Он снова бесстыдно прибегает к святому. Итак, повторялось несколько раз. Наконец, преподобный сказал ему:

– Знай, человече, что не меня ты обманываешь, а Христа, ибо не я исцеляю тебя, но Христос, и ты не можешь утаить перед Его всевидящим оком нечестия твоего сердца, почитая Его устами, а сердцем далеко отстоя от Него (Мф.15:8), – на словах исповедуя благочестие, а на деле уклоняясь к своему прежнему злочестию. Без всякого лукавства обратись всем

сердцем ко Христу, и ты тотчас же исцелишься, и не только телом, но и душою.

Но нечестивый и несмысленный еврей ответил святому:

– Что бы мне ни пришлось терпеть, никогда не оставлю веру отцов.

Услышав эти слова, преподобный молча ушел от него, а еврей, немного отойдя от обители, внезапно упал и стал мёртв, как телом, так и душой. Узнав об этом, святой отец заплакал, и сказал: «Не искушайте Господа, Бога вашего» (Втор. 6:16).

Но продолжим наше повествования об исцелении верных. Один человек, по имени Кир, ставший впоследствии великим в иноческом житии и многим послуживший на пользу и укрепление, прежде принятия иночества, обладал большою телесною силою и искусством в борьбе. Неожиданно, попущением Божиим, диавол поразил его с ног до головы гнойной болезнью, как некогда Иова, и сгнила на нем не только вся кожа, но и плоть и жилы, так что видны были одни обнаженные кости. Как велики были страдания сего человека – нельзя даже и описать. И невозможно было ему излечиться никакими врачевствами человеческими, но только Божественными, подателем которых и был святой Маркелл. Когда больной припал к нему, со слезами, моля об исцелении, блаженный тотчас же воздел к небу руки и по обычаю сотворил усердную молитву о болящем. Прикоснувшись затем рукой к его язвам, он сказал:

– О добрый человек! Не подобает этим страданиям одолеть тебя, и не приличествует борющемуся с невидимыми врагами иметь попечения о теле. Уповай, и если изберешь Вышнего прибежищем твоим (Пс.90:9), то удалится эта язва из храмины тела твоего.

Так говорил святой, и болезнь немедленно оставила того человека. Язвы стали покрываться плотью видимо для всех, – подобно тому, как описывается сие в пророчестве Иезекииля (Иез.38:8), жилы исправлялись, суставы укреплялись и покрывались кожею: и Кир, сверх всякого ожидания, быстро выздоровел. И подавал угодник Божий по благодати, данной ему от Бога, чудесные исцеления не только тем, до коих

прикасался своими руками, но даже и далеко отстоявшим от него.

Супруге некоего диакона Евгения, настало время родов, но она не могла родить, – и ни врачи, ни повивальные бабки не могли оказать ей помощи. Уже все отчаялись в ее жизни, и она лежала без сознания. Тогда муж ее, диакон Евгений, припал к стопам преподобного и со слезами стал умолять его о помощи. Преподобный помолился и, благословив хлеб, дал его диакону, чтобы тот поскорее положил на грудь болящей. И как только это было исполнено, жена родила младенца и освободилась от страдания.

Придя в себя, она стала спрашивать:

– Где инок, разрешивший мои страдания? Где освободивший меня от смерти?

На вопрос же, кто тот инок, о котором она говорит, и каков он лицом, женщина описала внешний облик явившегося ей инока, и все узнали, что это был преподобный Маркелл, который явился ей и избавил ее от смерти.

Этот блаженный отец достиг такого совершенства в иноческой жизни, что ради непорочности и святости его, Ангелы сожительствовали ему. Игумен одного монастыря, расположенного при реке Евфрате[8878], Сергий, много слышав о преподобном, пришел, чтобы увидать его, и увидел несравненно больше того, чем ему рассказывали о Маркелле. Однажды они стояли вместе на молитве и Сергий увидел, что, когда преподобный Маркелл преклонял колена, то два светлых Ангела поддерживали его с обеих сторон и поднимали с земли, лицо же его, во время молитвы, становилось светло, как молния. Увидев это, Сергий затрепетал от страха, и душа его едва не покинула тело от ужаса.

И другим великим отцам Бог также давал откровения об угоднике Своем Маркелле. Елисей, игумен Десского монастыря, желал увидеть святого и узнать о его житии; когда он молился об этом Богу, то Господь явил ему в видении Маркелла таким, каков он был по своему внешнему виду, и открыл ему высоту его добродетелей. Об этом Елисей впоследствии рассказал

ученику святого Маркелла – Петру, случайно находившемуся у него.

Гавдиолу, игумену монастыря, расположенного в городе Помпее, при море Евксинском[8879], было открыто, что Маркеллу дана от Бога благодать, равная с законодавцем Моисеем. Гавдиол засвидетельствовал об этом Евлассию, ученику Маркелла. Поистине преподобный обладал даром пророчества, ибо что он кому-нибудь прорекал, то всегда и сбывалось. Однажды пришел к нему один епископ, очень скупой. Блаженный попросил у него взаймы два златника[8880] для раздачи нищим, но епископ отказал ему и не дал, сказавши, что не имеет сам. Тогда преподобный пророчески сказал ему:

– Вскоре не будешь ты иметь даже и собственного тела своего, которое будет принято могилою, золото же твое достанется монастырской братии.

Так и случилось. Не прошло и двух дней, как епископ умер, а имущество его было отдано в обитель преподобного, согласно его пророчеству. Преподобный провидел далеко отстоящее, как бы находящееся вблизи. Однажды ученики его плыли по Евксинскому морю в кораблях ради какой-то монастырской нужды. Была великая буря, море волновалось и они уже отчаивались в своей жизни; в сия время преподобный явился им и спас их, благополучно приведя к пристани. Когда они были в городе Анкире[8881], один из них, по имени Павел, сильно разболелся, и иноки, бывшие с ним, уже помышляли оставить его там. Тогда больной, вздохнув из глубины сердечной, со слезами воскликнул:

– Отче Маркелл, где же твои молитвы? Ты вручил меня Богу, а я вот погибаю, и что всего прискорбнее, погибаю вне твоего стада и вдали от моих братий!

Так со слезами говорил больной в городе Анкире, и преподобный в обители услышал его плач и болезнования и сказал ученику своему Кесарию, что один из посланных на службу братий обретается в скорби и болезни. Вставши, он помолился о нем, и Павел тотчас выздоровел. Кесарий же заметил время, и когда братия вернулись, то оказалось, что

Павел выздоровел в Анкире в тот самый час, когда святой отец, провидя его болезнь, молился о нем.

Однажды Бог наказал землю великим голодом. Начальник житницы монастырской, по имени Малх, пришел к преподобному и известил, что жито уже приходит к концу и хлеба едва хватит на десять дней.

– Ступай, – ответил ему святой, – и исполняй свое послушание, ни о чем не заботясь.

Полагая, что авва надеется, что откуда-нибудь издалека будет доставлен в изобилии хлеб, Малх, по обычаю, продолжал раздавать из житницы хлеб не только на потребности братии, но и убогим. Прошло пять дней, в житнице уже совсем мало оставалось хлеба, и Малх снова пришел к авве, извещая об оскудении жита. Но авва опять, как и в первый раз, отослал его к своему делу, повелевая ему не заботиться об этом. Спустя два дня, в житнице ничего больше не осталось, и Малх в смущении вернулся к авве. Преподобный, вставши, пошел к житнице и велел Малху отпереть ее.

Малх же с клятвою уверял, что не осталось и одного зерна и незачем отпирать, однако, отпер. И вот он увидел житницу, полную всякого жита, и пришел в ужас; преподобный же укорил его за неверие. И с того времени житница не оскудевала, пока не минул голод: сколько заведующий ею потреблял в один день, настолько же она оказывалась наполненной на следующий. И таким образом преподобный прокормил во время голода не только братию, но и великое множество нищих и убогих, странников и пришельцев. Дивны все эти дела Господни, совершенные угодником Его Маркеллом, но далее следуют еще более чудесные события.

Некто Павел, – не тот, о котором было говорено выше, но другой, монах иной обители, – страдая тяжкою болезнью, послал к святому с мольбою, чтобы тот пришел к нему. Дойдя до обители Маркелла, посланный застал его беседующим о догматах церковных с епископом Халкидонским[8882], и святому нельзя было отправиться к больному прежде, чем он не кончит свою беседу с епископом о делах церковных. Тем временем больной скончался и когда преподобный пришел, то уже все

обряды над усопшим были совершены и его выносили для погребения. Обладая великою верою, святой отец возвел к небу свои телесные и духовные очи, усердно помолился Богу в тайной клети сердца своего, как он имел обычай делать, и положил руку свою на умершего. Некоторые из присутствовавших мысленно насмехались, говоря:

– Что это сей старец не верит смерти лежащего брата и испытывает рукою?

Когда они так думали, а святой касался усопшего своею рукою, последний внезапно ожил, поднялся, сел на одре и начал говорить. Все пришли в ужас и трепет от этого страшного чуда, преподобный же запретил присутствовавшим говорить об этом; но величие Божие и столь высокие дарования Его в преподобном не могли утаиться.

Подобает нам сказать также о силе и власти, какую преподобный Маркелл имел над бесами. Подобно праху, возметаемому великим ветром, изгонялись бесы из людей его молитвами. Однажды приведены были к нему четыре бесноватых, жестоко мучимых бесами, которые возопили к святому:

– Повели нам выйти, ибо ты имеешь власть над нами!

Но святой молчал и даже не смотрел на них, а только про себя молился Богу:

– Господи, помилуй Твое создание!

Он хорошо знал коварство бесов, хотевших вовлёчь его в высокоумие своими лукавыми словами. И пока святой безмолвствовал, бесы вышли, побежденные его смирением.

Но кто будет в состоянии подробно поведать о чудесах преподобного отца нашего? Кто измерит Божию благодать, почивавшую на нем? Кто выразит словом его великую веру, которою мог он творить подобные дела? Не достанет времени для повествования о всем. Вот одно из его бесчисленных чудес, достаточное для пользы нашей и для прославления дивного во святых Своих Бога. Однажды в Византии произошел великий пожар, и весь город был объят пламенем, казнимый Богом за грехи своих жителей. Не было никакой возможности угасить неукротимую силу огня, поядавшего все сильным вихрем и

обращавшего все в пепел. Уже не было надежды, чтобы хотя один дом уцелел от пожара, ибо весь город был кругом объят пламенем. Узнав об этом, преподобный Маркелл стал на молитву, воздев руки к небу и проливая слёзы из очей. И вот огонь немедленно остановился и не пошел дальше, и половина города спаслась, ибо вся огненная сила внезапно угасилась, как бы великим дождем, каплями слёз преподобного.

После того случилось еще следующее. Один вельможа, по имени Ардавурий, сын Аспара, жестокий нравом и арианин по вере, разгневался на одного из своих подчиненных, именем Иоанна, и хотел убить его. Не имея места, где скрыться, Иоанн бежал в обитель преподобного Маркелла. Ардавурий узнал об этом и послал рабов, чтобы взять его оттуда, но преподобный не выдал его. Вельможа снова послал рабов к Маркеллу с просьбой, а вместе и с угрозой немедленно отдать Иоанна, но преподобный и этих отпустил ни с чем. Тогда разгневанный Ардавурий послал вооруженных воинов, чтобы они силою извлекли Иоанна из монастыря и убили мечом тех, кто станет сопротивляться. И вот, когда воины с обнаженным оружием обступили кругом обители и намеревались овладеть оградой, братия пришли к святому и с плачем умоляли его выдать Иоанна воинам, дабы из-за него и они не погибли неповинно. Но преподобный не послушал братии (ибо был весьма милосерд и не хотел выдать на смерть человека неповинного), и обратился к оружию духовному, к силе Честного Креста, оградившись которым, он сам вышел навстречу воинам. И тотчас же великий страх напал на всех воинов: они узрели Крест, сиявший как солнце, а вокруг него великое пламя, молнии и громы. Побросавши оружие, они в ужасе бежали к пославшему их. Услыхав об этом, Ардавурий и сам пришел в ужас и, укротив свой гнев, простил Иоанна.

Так как здесь было упомянуто об Ардавурии и об отце его Аспаре, то не лишним будет поведать и об их кончине, о коей было открыто преподобному. Аспар, происходивший из готского[8883] племени, был первым после царя по знатности и по могуществу, и начальствовал надо всем греческим воинством. У него было два сына: старший Ардавурий и младший Патрикий.

Он во многом старался противодействовать царю и со всем своим домом тайно враждовал против царского рода; Аспар причинял много зла Церкви Христовой тем, что помогал арианам. Благочестивый же и Христолюбивый царь Лев[8884], названный Великим, был кроток и богобоязнен и терпел это до времени, отчасти по незлобию, отчасти же потому, что вся сила греческого воинства, среди которого было тогда множество ариан, было привержено к дому Аспара и повиновалось ему: этому злочестивому дому суждено было вскоре погибнуть. Преподобный Маркелл имел о нем во сне следующее видение: лев боролся со змием, который, будучи безмерной величины, бил его хвостом и одолевал. Побеждаемый лев скорбел и тщетно обходил вокруг змия, не будучи в состоянии причинить ему какой-либо вред. Затем оба, – лев и змий, легли отдохнуть, утомленные борьбой. Спустя немного времени, лев отдохнул и, собравшись с силами, внезапно, как бы пробудившись от сна, устремился на змия с великою яростью и победил его, ударив о землю. Узрев это в видении, авва Маркелл предрек, что Аспар погибнет от царя со всем своим домом, ибо виденный лев прообразовал царя Льва, великий же змий – Аспара, который был воистину змием, уязвляющим Православие и наносящим ему вред своим арианским злочестием. В скором времени видение и предсказание святого сбылись. Благочестивый царь Лев пожелал своею милостью и благостью примирить с собою Аспара и сыновей его, и из врагов сделать их себе друзьями, а также старался привести их к благочестью. Поэтому он обручил дочь свою Ариадну младшему сыну Аспара Патрикию, которого и хотел оставить по себе царем, ибо не имел сына и намеревался возвести на престол своего зятя. Но тогда в благочестивом народе поднялся ропот: все устрашились, что Церковь Христова будет до конца унижена наветами и злобою ариан, ибо зять царя был арианином. Все православные, собравшись вместе с епископами и священниками и взяв с собою святого старца Маркелла, пошли к царю на ипподром[8885] и сказали ему, чтобы он не возводил на царский престол еретика, но чтобы зять царя или отрекся от арианской ереси или

же, если хочет непременно пребывать в ней, не принимал царского достоинства.

Успокаивая народ, царь Лев всячески обещал привести зятя к православию. И хотя зять, хотя и из лукавства, присоединился к истинной вере, однако, ропот в народе не умолкал. В это время обнаружились козни Аспара и злоба его, – открылось, что он не только стремился к царскому венцу, но и искал вместе со своими сыновьями главы царя и намеревался убить его. Тогда весь народ восстал против дома Аспарова, не вынося его коварства, и всячески пытался погубить его, но Аспар, убоявшись, бежал с сыновьями своими в Халкидон и заперся в церкви мученицы Евфимии, причем множество воинов стояло вокруг церкви и охраняло его безопасность. Но после примирительных речей царя, он вышел оттуда и возвратился снова в Царьград. Вскоре затем и сам Аспар и сын его Ардавурий были убиты Зиноном по приказу царя; зять же царев, Патрикий, был сослан в заточение, а обрученная ему царевна Ариадна была выдана замуж за Зинона, приявшего, впоследствии, по смерти царя Льва и греческое царство[8886]. Так погиб нечестивый род Аспаров, побежденный Львом – по пророчеству святого.

Но возвратимся опять к преподобному Маркеллу. Когда народ со святителями и с пресвитерами, а также и с преподобным Маркеллом шел к царю Льву на ипподром, то многие из верующих удостоились видеть, как Ангел Божий, в образе прекрасного юноши, облеченного в белую одежду и препоясанного золотым поясом, сопровождал святого Маркелла и поддерживал его под руку; видели же это во всё то время, когда он шел с народом и когда возвращался назад, вплоть до дверей своего жилища. Доведя его до дверей, Ангел стал невидим. Отсюда явствует, сколь любим был Богом блаженный отец наш Маркелл, ибо Он посылал Ангелов Своих для служения Маркеллу, чтобы водить и охранять его в пути. И сбывались на нем слова Писания: «Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих» (Пс. 90:11).

Шестьдесят лет прожив в иноческом подвиге, преподобный Маркелл приблизился, наконец, к блаженной кончине своей. И

сравнялся он с пророками – прозорливостью, с патриархами – верою и несомненным упованием на Бога, с мучениками – повседневным умерщвлением тела; он уподоблялся Боговидением пророку Моисею, которому был равен и благодатью, кротостью -Давиду, ревностью в вере – Апостолу Петру, девством и Богословием – Иоанну, благодатью же исцелений – всем Апостолам, ибо он был для всех источником исцелений и рекою чудесных благотворений. Когда преподобный лежал на одре болезни, множество иноков со слезами окружали его. В числе их был некто, именем Лукиан, знатного происхождения, презревший всё мирское, вступивший на путь иночества и более иных преуспевший в добродетельном житии; плача сильнее других, он молил святого, чтобы тот не оставлял его без своего руководства, как без кормчего, бедствовать в море здешней жизни, посреди волн искушений, но взял бы его с собою. Воззрев на него, преподобный сказал:

– Дерзай, чадо, ибо вскоре после моего отшествия и ты пойдешь вслед за мною.

Из окрестных монастырей собрались игумены и братия, а из царского града пришли святители и вельможи посетить болящего и дать ему последнее целование. Преподобный же подавал каждому надлежащее наставление и много беседовал с ними о пользе души и о вечной жизни. Затем он велел им на время отойти от себя, как бы показывая этим, что желает немного уснуть. Когда же все отошли, он уснул блаженным и вечнопокойным сном, предав в руки Божии свою святую душу[8887]. Погребли его в церкви, построенной им же самим. Блаженный же Лукиан неотступно плакал на его гробе, и вот в пятый день явился ему в видении преподобный и сказал:

– Что ты скорбишь? Разве не веришь, что я умолил о тебе Бога, и ты немедленно же будешь со мною.

На третий день после этого видения, Лукиан почил о Господе, пережив своего отца и наставника на восемь дней. Так, и по преставлении своем, исполнил преподобный Маркелл свое пророчество, скоро взявши к себе, согласно обещанию, любимого ученика своего Лукиана, и предстал со святыми, с коими сравнялся добродетельною жизнью, Святейшему всех

святых Владыке своему, в вечной радости и веселии, коих и мы да сподобимся его молитвами, благодатью же Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки. Аминь.

Житие преподобных Марка Пещерника и Феофила Плачливого

Память 29 декабря

О времени, когда подвизался блаженный Марк, лучше всего свидетельствует то событие, что при нем были перенесены из пещеры во святую великую церковь честные мощи преподобного отца нашего Феодосия. По принятии святого Ангельского образа, блаженный Марк поселился в пещере и жил в ней, занимаясь тем, что выкапывал руками своими много помещений, не только для упражнения в молитве[8888], но и для погребения усопших братий, причем вырытую землю выносил на своих плечах. Так трудился он непрестанно в сем богоугодном деле, ожидая великой награды на небесах, но не желая получать ее на земле; ибо когда кто-нибудь принуждал его взять какую-либо вещь за его труд, то он тотчас же отдавал полученное бедным. Кроме того блаженный опоясался железным поясом, который и носил в течение всей своей жизни, день и ночь проводя в молитве. Вместе с непрестанной молитвой блаженный Марк соединял и строгий пост; так как и Сам Господь сочетал пост с молитвой[8889]; поэтому преподобный даже воду пил умеренно из медного креста, который внутри был пустым, измеряя ее этой праведной мерой. Таким образом он окончательно победил исконного врага рода человеческого «похотствующего на дух»[8890], умертвил плоть свою, и не только заключением, но и трудом и оковами, воздержанием от сна и голодом, не только безмолвием в тёмной пещере, но и копанием земли, и железным опоясанием, бдением и постом. Пребывая в Ангельском образе, святой и на деле явил себя как бы бесплотным, так что не боялся смерти, а скорее смерть боялась его гласа, как трубы Архангельской, ибо преподобный отец наш Марк получил от Господа такую силу чудотворения, что и мёртвые слушались его повеления, как это и было засвидетельствовано многочисленными чудесами. Однажды, когда он по обычаю рыл могилу, то изнемог после долгого труда и оставил ее тесной и недостаточно расширенной. Случилось

же так, что один инок, болевший перед тем, умер и не было для погребения его другого места, кроме того, которое вырыл Марк. Мёртвого принесли в пещеру и с трудом могли уложить в тесную могилу. Тогда братия стали роптать на Марка, что из-за тесноты могилы они не могли как должно положить покойного и возлить на него елей. Пещерник же со смирением кланялся им и говорил:

– Простите меня, отцы, по немощи моей не докончил я могилы.

Но они еще сильнее продолжали упрекать и укорять его. Тогда блаженный сказал мёртвому:

– Брат, так как место тесно, то сам подвинься и, приняв елей, возлей на себя.

Мертвый тотчас протянул руку и, немного приподнявшись, принял елей, возлил его крестообразно на лицо и грудь себе, и снова возвратил сосуд, а сам, на глазах у всех, возлег, оправил себя и почил.

При виде такого поразительного чуда, всех объял сильный страх и трепет.

В другой раз случилось, что один брат скончался после долгой болезни. Один из его друзей обтёр его по обычаю губкою, а потом пошел в пещеру, желая видеть место, где будет положено тело его любимого друга и спросил об этом блаженного пещерника Марка.

Блаженный же ответил ему:

– Пойди, скажи брату, чтобы он подождал до утра следующего дня, пока я выкопаю для него могилу, и тогда он отойдет в покой вечной жизни.

– Отче, – ответил пещернику брат, – я уже обтёр губкою его мёртвое тело; кому же ты велишь мне сказать это?

– Ты видишь, что место еще не готово, – снова сказал ему Марк, – и я говорю тебе: пойди, скажи умершему: так говорит тебе грешный Марк: брат, побудь здесь еще этот день, пока я приготовлю для тебя могилу, и тогда возвещу тебе, и завтра ты отойдешь к желанному тобой Христу.

Брат повиновался и, придя в монастырь, застал всю братию совершающей обычное пения над умершим. Тогда он сказал

умершему:

– Брат! Марк говорит, что могила еще не готова для тебя; подожди поэтому здесь до завтра.

Едва он произнес эти слова к удивлению всех, как мёртвый немедленно открыл глаза, и душа его вернулась в него. И пробыл он тот день и следующую ночь живым, не говоря ни с кем ни слова, но только взирая открытыми глазами. А утром тот же брат снова пошел в пещеру узнать, приготовлено ли место. Святой Марк сказал ему:

– Пойди, скажи ожившему: говорит тебе Марк: оставь эту временную жизнь и перейди в вечную; отдай дух твой Богу, тело же твое пусть будет положено здесь в пещере со святыми отцами. Ибо вот уже могила готова для тебя.

Брат, вернувшись, передал всё это ожившему; тот немедленно смежил свои очи, предал дух свой в руки Божии, и был с честью положен в пещере в приготовленной могиле. И все изумлялись сему преславному чуду, как мёртвый ожил по слову блаженного и снова умер по его же слову, и усердно прославили Бога.

В другой раз случилось следующее. Были в том же Печерском монастыре два брата Иоанн и Феофил, имевшие друг к другу самую сердечную любовь; от дней юности своей они были во всем единомысленны и с одинаковой ревностью служили Богу. Они упросили блаженного Марка вырыть общую могилу для погребения их, когда повелит им Господь умереть. Спустя долгое время, старший брат Феофил отлучился куда-то по нуждам монастыря, а младший Иоанн, угодивши Богу, заболел, умер и был положен в пещере в приготовленном месте. Через несколько дней Феофил возвратился и, узнав о смерти брата, сильно скорбел. Взяв с собой некоторых из братий он пошел в пещеру, желая увидать на каком месте положен усопший. Увидав же, что он положен в их общей могиле на верхнем месте, Феофил пришел в негодование и стал сильно роптать на Марка, говоря:

– Зачем ты положил брата на моем месте, ибо я старше его!

Смиренный же пещерник кланялся ему и говорил:

– Прости меня, брат, я согрешил.

Затем, обратившись к умершему, сказал:

– Брат, встань и уступи это место твоему старшему брату, сам же ляг на нижнем.

И тотчас по слову блаженного мёртвый встал и лёг на нижнем месте. Все пришедшие с Феофилом видели это чудо и пришли в сильный страх и ужас. Брат же, роптавший на блаженного Марка, упал к ногам его, прося прощения: «Согрешил я, отче, заставив брата сдвинуться с места, – говорил он, – молю тебя: повели ему снова лечь на прежнем месте».

Но блаженный ответил ему:

– Сам Господь устроил так, что тело сего умершего показало, какую любовь он и по смерти сохранил к тебе, подчиняясь твоему старшинству и удаляясь из верхней части приготовленной для вас обоих общей могилы. Господь устроил так, чтобы прекратить вражду, возникшую между нами из-за твоего ропота, и чтобы ты не имел злобы и вражды ко мне. Воскрешать же мёртвых – дело Божие; а я человек грешный, и поэтому не могу сказать сему умершему: восстань и ляг снова на верхнем месте. Повели ему ты: не послушает ли он тебя? Знай также и то, что надлежало тебе уже больше не выйти из пещеры, чтобы немедленно наследовать свое старшинство и сейчас же быть положенным здесь. Но так как ты еще не готов для исхода, то пойди, позаботься о спасении твоей души и, спустя несколько дней, будешь принесен сюда.

Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть, полагая, что тут же упадет и умрёт и даже не надеялся дойти до монастыря. С трудом придя в себя, он вернулся в свою келью и предался неутешному плачу. Он раздал все свои вещи, оставив себе только рубашку и мантию. Каждый день ожидал он смертного часа, и никто не мог удержать его от горького плача; хотевшие же утешить повергали его в еще большие рыдания. И никогда не могли принудить его отведать вкусной пищи: слёзы его день и ночь служили ему хлебом (Пс.41:4). Когда наступал день, он омывал лицо свое слезами и говорил:

– Не знаю, доживу ли до вечера.

Когда же наступала ночь, он снова омрачал слезами свет очей своих, говоря:

– Кто знает, доживу ли до утра! Многие, восставши утром от сна, не достигли вечера или другого сна, кроме смерти; и многие, уснувши, не вставали со своего ложа. Как же могу надеяться остаться в живых я, получивший извещение, что мне скоро предстоит скончаться?

И непрестанно плача и постясь, он молился, да подаст ему Господь, по неизмеримой щедрости Своей, время покаяния. Поступая так в течение многих лет, он в такой степени изнурил свою плоть, что можно было сосчитать его кости, и от многих слёз лишился зрения.

Преподобный же отец наш Марк, провидев час отшествия своего ко Господу, призвал Феофила и сказал ему:

– Прости мне, брат, что я причинил тебе такую тяжкую печаль и моли Бога о мне, ибо вот я уже ухожу из сего мира. Если же буду иметь дерзновение, не забуду молить о тебе Господа, чтобы Он сподобил нас обоих узреть Его пресвятое Лицо, увидеть там друг друга и пребывать вместе с преподобными отцами нашими, Антонием и Феодосием Печерскими.

Феофил же со слезами ответил ему:

– Зачем ты покидаешь меня, отче? Или возьми меня с собою, или подай мне здесь прозрение. Знаю, что по грехам моим я пал бы мёртвым в пещере перед тобою, когда ты воскресил умершего брата моего; но, ради святых молитв твоих, Господь пощадил меня, ожидая моего покаяния. И ныне ты можешь даровать мне то, о чем молю тебя: чтобы мне или отойти с тобою ко Господу, или прозреть.

– Не скорби, брат, – ответил ему преподобный Марк, – что ты ослеп телесными очами Господа ради, ибо духовными очами ты прозрел и имеешь истинный разум, и я считаю за благо быть виновником твоего ослепления: я предрек тебе смерть, желая полезного для души твоей, и желая привести в смирения твое плотское высокоумие, ибо «сердца сокрушенного и смиренного» (а не хвалящегося старшинством) «Ты не презришь, Боже» (Пс. 50:19). Поэтому нет тебе нужды видеть сей кратковременный

свет, но проси у Господа, чтобы узреть тебе славу Его в присносущном свете. И не желай смерти: она наступит, хотя бы и против твоего желания. Но да будет тебе сие знамением твоего отшествия: за три дня до твоей кончины исцелится твоя слепота, и ты зрячим отойдешь ко Господу и узришь там нескончаемый свет и неизреченную славу.

Оставив такое пророчество о кончине Феофила, преподобный отец наш Марк и сам окончил о Господе свою временную жизнь на земле и перешел в жизнь вечную на небесах, с Самим Первоначальником воскресения[8891] Иисусом и со всеми святыми пророками, как повелевавший мёртвыми и пророчествовавший. Чудотворные мощи его положены в пещере, где он сам ископал себе могилу, и подают неоскудевающие исцеления всем с верою притекающим к его честной раке; тут же лежат и железные вериги, которые носил на себе преподобный и медный крест, из которого он пил воду, и который он столь освятил своими устами, что сообщил ему чудотворную силу. Ибо кто только с верою и постясь приходит и пьёт святую воду из этого Честного Креста, – все получают чудесное исцеление, вернее, чем от каких-либо врачебных вод.

Блаженный же Феофил удвоил свои рыдания, горько плача и о разлуке с отцом и наставником своим, преподобным Марком, и о своей кончине, которую ожидал каждый день. Вспоминая пророчество пещерника, он проливал источники слёз, но они у него от этого только умножались. Был у блаженного Феофила такой обычай, что, когда он упражнялся в молитве, и у него текли обильные слёзы, то он подставлял сосуд, над которым и плакал, и за много лет он наполнил его слезами доверху. Вскоре снова вернулось к нему зрение, согласно обещанию преподобного Марка. Тогда Феофил уразумел, что близка его кончина. Поэтому он начал усердно молиться Богу, чтобы угодны были Ему его слёзы и, воздевая руки к небу, говорил так:

– Владыко Человеколюбец, Господи Иисусе Христе, Боже мой! Не хотящий смерти грешников, но ожидающий обращения их, ведающий немощи наши, Царь пресвятой, Утешитель благой, здравие болящих, спасение грешных, укрепление

изнемогающих, восстание падающих, молюся Тебе в час сей! Удиви на мне недостойном милость Твою, приими излияние горьких слёз моих! Излей на меня неисчерпаемую пучину благоутробия Твоего, и соделай так, чтобы не подвергнуться мне искушению в воздушных мытарствах[8892] и не подпасть под власть князя тьмы, ради молитв великих угодников Твоих, преподобных отцов наших, Антония и Феодосия Печерских и всех святых от века Тебе благоугодивших.

Когда произнес блаженный Феофил сию молитву, Ангел Господень предстал ему во образе прекрасного юноши и сказал:

– Хорошо молишься ты, Феофил, но зачем превозносишься количеством собранных тобою слёз?

И Ангел показал ему свой сосуд, гораздо больший сосуда Феофила, исполненный благоухания, как бы от многоценного мира.

– Вот слёзы твои, – сказал при этом Ангел, – которые ты излил от сердца в молитвах к Богу и отёр рукой или полотенцем или одеждой, или же которые упали из глаз твоих на землю. Я собрал их все в этот сосуд и сохранил по повелению Владыки и Творца моего. И ныне я послан возвестить тебе радость, дабы ты с веселием отошел к Сказавшему: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4).

Произнесши это и оставивши на месте сосуд, Ангел стал невидим. Блаженный же Феофил, призвав игумена, рассказал ему о явлении Ангела и о словах Его, а также показал и оба сосуда, наполненные слезами: один свой, а другой Ангельский, издававший благоухание лучшее всех ароматов, и просил по преставлении своем излить их на его тело. На третий день по прозрении, он отошел ко Господу для созерцания Пресвятой Троицы. Честное тело его положили в пещере, рядом с любимым им братом, блаженным Иоанном, близ преподобного Марка. И помазали его из сосуда Ангельского, отчего вся пещера наполнилась благоуханием. Потом возлили на него и другой сосуд слёзный, дабы сеявший на земле со слезами, пожал на небе с радостью. Эту радость он и получил ходатайством преподобного наставника своего Марка пещерника и чудотворца, благодатью же Бога всякие утехи,

Которому, в Троице восхваляемому, подобает всякая слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память преподобного Фаддея Исповедника[8893]

Память 29 декабря

Преподобный Фаддей жил во время господства иконоборческой ереси. Когда он, вместе с другими, был схвачен и приведен на суд, то злочестивые иконоборцы хотели принудить его попрать ногами святую икону, но не могли сего сделать. Поэтому они поступили так: положили на землю икону Спасителя, а святого Фаддея насильно поставили на нее, и хотя он весьма сильно упирался, однако, против воли вынужден был наступить на святую икону, будучи поставлен на нее сильными мужами. Тогда мучитель сказал ему:

– Вот ты попираешь икону Христа своего, зачем же более противишься нам? Теперь уже надлежит тебе стать единомышленным с нами.

Но исповедник Христов ответил ему:

– Проклятый и злочестивый и исполненный всякой нечистоты! Не по своей воле сделал я сие: да не будет этого, но принужден был насильно твоим коварством и неправедным судом. Я же поклоняюсь иконе Христа Бога моего, и целую ее и желаю с радостью умереть за нее.

Посрамленный этими словами, нечестивый мучитель повелел бить святого палицами, пока он не умрет. И когда решили, что он уже умер, то за ноги извлекли его из города. Влачимый, как мёртвый, по торжищу и по грязи, святой Фаддей был брошен под городскою стеною. Некто из благочестивых христиан нашел его там и омыл, еще дышавшего, от грязи. После этого святой Фаддей прожил еще три дня и предал дух свой Богу[8894].

Страдание святой мученицы Анисии девицы

Память 30 декабря

В царствование нечестивого императора Максимиана[8895] жила в славном городе Солуни[8896] одна отроковица, по имени Анисия, дочь богатых христианских родителей, воспитывавших ее в страхе Божием, так что добродетелями она возрастала скорее, нежели летами, ибо родители вскармливали ее более истинами веры и благочестия, нежели молоком. Когда миновали ее младенческие годы и Анисия выросла прекрасною отроковицею, родители тщательно обучили ее всей книжной премудрости. Одаренная разумом Анисия быстро и легко усвоила всё и являла на деле достойные плоды учения. Исполненная Духа Божия, она обладала воистину Ангельским нравом, лицо же ее светилось несравненной красотой. В это время она редко выходила из дому и, скрывая в горнице свою юную красоту, часто с прискорбием говорила себе:

– О обманчивая жизнь юности, погубляющая одних и погубляемая другими! Хороша старость, но, увы мне! Скорбью исполняет меня долгота времени, ибо долгие годы придется дожидаться ее, долгие годы отделяют меня от неба!

И Анисия никогда не переставала призывать на помощь Христа, преклоняя колена и проливая на землю обильные слёзы. Когда родители ее отошли ко Господу и она сделалась наследницей отцовского имущества, то стала размышлять, что бы ей сделать со своим богатством. Ибо родителями ее были собраны великие сокровища серебра и золота, обширные имения, громадные стада, бесчисленное множество рабов и рабынь, многоценные шелковые и златотканые одежды, золотая утварь, украшенная жемчугом и драгоценными камнями и сияющая великолепием. Увидев всё это, святая Анисия сказала:

– Как спастись посреди стольких богатств земных? Как наступить на главу древнего змия-диавола и преодолеть его силу? Но я знаю, что сделать: я употреблю против змия

змеиную же хитрость. Как сам он ежегодно обновляется, совлекая с себя свою ветхую кожу, так и я избавлюсь от своих богатств. Ибо они наносят сильный вред употребляющим их во зло и поражают неисцелимым ядом всех собирающих их, скупых же и немилостивых связывают своими оковами и сетями. Обладание поместьями приучает к гневу и накопляет богатства обманом и неправедной мерой, многоценные одежды научают тщеславной поступи и вовлекают в грех; золотые цепи и ожерелья заставляют горделиво поднимать голову, ибо желают, чтобы люди их видели и восхваляли. Вот как я с ними поступлю: буду их естественною госпожою, прежде чем они получат неестественное господство надо мною. Стану воистину госпожою их и расточу их во благо, уклоняясь вместе с тем и от порождаемых ими искушений. Я найду для них крепкую охрану: вложу их, как в сокровищницу, в дома вдовиц, сирот и нищих. И верен поручитель мой, Господь, Который воздаст мне не вдвойне только, но сторицею и соделает меня участницей вечной жизни. Раздам всё, чтобы всё получить в целости, умноженное во сто крат, и, раздавши, возьму крест Христов. Ибо тогда мне легко будет последовать Христу, оставив на земле земное, чтобы пожить с Ангелами на небесах. Лучше избежать жизни пагубной и нечистой и возжелать жизни непреходящей и подвигов духовных. Переменю временное на вечное: почту нетленный брак, пребуду в целомудрии и сохраню для Создателя чистым свое тело. Ныне надобно творить куплю, пока есть торжище. Гонения и преследования пусть исходатайствуют мне награду на небесах. Мучители и муки пусть откроют мне доступ к райским утехам, раны же и темница пусть введут меня в чертог Христов; ибо не одни только мужи получают воздаяния, но и жены сподобляются венцов.

Так говорила она в себе и молилась со слезами:

– Господи, Иисусе Христе! Свет мой! Источник бессмертия! Корень нетления, неизреченно зачатый в девственной утробе, и по рождестве сохранивший нетленной Пречистую Твою Матерь! Благой Господи, соделай, чтобы и я вошла в лик девственниц и не была отлучена от чертога Твоего! Включи меня в число мудрых дев (Мф.25:1–12) и сподоби встретить Тебя с

неугасимым светильником, да буду причастницей славы Твоей, непорочно совершивши свой подвиг!

Помолившись так, святая Анисия тотчас же продала всё свое имущество и притом не по той цене, какую оно стоило, и не так, как бывает обыкновенно при рыночных продажах и куплях. Ибо она говорила покупщику:

– Знай, что продаваемые вещи принадлежат нищим и убогим. Поэтому назначь справедливую цену, чтобы получить вместе также и некое воздаяние, ибо праведен Господь и любит правду и воздает по правде.

Когда было продано всё имущество, она стала раздавать вырученные деньги нищим и страждущим в заключении. Входя сама во все темницы, святая не только подавала всё нужное, но и служила собственноручно узникам, в особенности тем, которые после многих мучений и ран не могли послужить себе сами. Таковых она лечила, помазуя мазями и перевязывая их раны, утешала скорбевших, посещала лежавших на одре болезни и помогала им от своих богатств; обходила площади и улицы и щедрою рукою подавала обильную помощь всем нищим и больным, лежащим на гноище, каких только находила. При этом она говорила себе:

– Не буду я искать утех и наслаждений в богатствах, которые в день суда не сравняются даже с каплей воды.

Когда же Анисия истратила всё до последней монеты, ничего не оставив для себя, то она затворилась в некоей горнице и собственноручным трудом стала добывать необходимую для тела пищу, в поте лица своего вкушая хлеб свой, следуя словам Апостола: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес. 3:10), ибо христианам подобает питаться от труда рук своих. Подвизаясь в молитвах и посте, Анисия жила подобно бесплотной. Привыкнув к подвигам и суровой жизни, она дни проводила в трудах и чтении Божественных книг, а ночи в псалмопении и молитвах. Ложем ей служила земля, вместо мягкой постели у нее была единственная тростниковая подстилка, вместо тёплых одеял – худые рубища; спала она очень мало, ибо говорила себе:

– Небезопасно мне спать, когда враг мой бодрствует.

При этом святая проливала обильные слёзы и воздыхания ее были многочисленнее слов, исходивших из ее уст. В такой степени объята была она Божественной любовью, что когда преклоняла колена на молитву, то ей казалось, что она припадает к ногам Спасителя и лобызает их, и волосами своими отирает прах с ног Господних[8897]. Эта мысль порождала в ней источники слёз, подобно тому, как некогда плакала та, которая слезами омыла ноги Владыки и власами главы своей отерла их (Лк.7:36–50); и было у нее непрестанное желания освободиться от уз тела и жить со Христом. И она, молясь, ударяла себя в грудь и говорила:

– Всемогущий Господи, Боже, Отче Единородного Сына Твоего Иисуса Христа, Господа и Бога и Спасителя нашего, седящий на престоле славы Твоей! Ты, Которому служат тысячи тысяч Архангелов и Которому предстоят тьмы тем[8898] повинующихся повелению Его престолов, господств, начал и властей, которого хвалят Херувимы и непрестанно славословят Серафимы[8899], вопия трисвятую песнь! Ты, погрузивший в адские бездны возмутившихся против Тебя духов и связавший нерушимыми оковами лишившегося Твоей благодати змия, низвергший престол его на землю, лишивший его небесного служения, и блаженной жизни и позором креста поправший его гордыню! Ты, пославший нам из непорочных недр Твоих Бога Слова, предвечного Спасителя душ наших, рожденного от Духа Свята и Марии Девы и Им взыскавший погибшее, утвердивший немощное, и исцеливший сокрушенное! Тебя призываю всем сердцем моим, смиренная и грешная раба Твоя. Ты, ведающий помышления каждого человека, возжегший в сердце моем горячую любовь к Тебе, приди и спаси меня, недостойную рабу Твою, ибо Тебя желаю, Тебя ищу и к Тебе прилепляюсь всей крепостью моею. Господи Боже Сын, приими молитву мою, приносимую Тебе сердцем сокрушенным и духом смиренным. Не презри меня, о Иисусе Христе, за которую был Ты пригвожден ко кресту, ударяем по ланитам, и за которую испил желчь с уксусом, вкусил горькую смерть, в третий же день воскрес из мертвых и вознесся на небеса и седишь одесную Отца: не посрами меня и не отринь меня из числа рабынь

Твоих, но сподоби меня христианской кончины, по образу святого Креста Твоего! Соделай меня участницей страданий Твоих, да буду достойна явиться пред лицо Твое. Соблюди меня верной Тебе! «Трепещет от страха Твоего плоть моя, и судов Твоих я боюсь» (Пс. 118:120), «Отврати очи мои, чтобы не видеть суеты; животвори меня на пути Твоем» (Пс.118:37), но «открой очи мои», молю Тебя, «и увижу чудеса закона Твоего» (Пс. 118:18). Псал. 118– . Тебе предана я от чрева матери моей, Ты Господь мой! «ибо отец мой и мать моя оставили меня» (Пс.26:10). Ты же, Господи, воспринял меня. Правыми соделай пути мои, да не исполнится стыда раба Твоя, но «покажи на мне знамение во благо» (Пс.85:17) и исполни прошения мое, ибо «Господи! Пред Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя» (Пс.37:10). И снова молюсь Тебе, Боже Отче, помоги мне, да не обрящется греха на мне, рабе Твоей; ибо Тебе приношу себя в жертву. Прими же меня, как всесожжения овец и тельцов, и как тьмы тучных агнцев, да будет жертва моя пред Тобою. И сподоби меня последовать Агнцу Твоему непорочному, Иисусу Христу, с Которым да будет Тебе, со Святым Духом, слава, честь и сила во веки веков, аминь.

Помолившись так, святая Анисия встала и осенила себя крестным знамением. Всё сие видел лукавый враг рода человеческого и не мог вынести ее Ангельской и небесной жизни. Он узрел ее уже пребывающей духом на небесах и всем сердцем желающей пострадать за Христа, и скрежетал зубами своими на нее и покушался поколебать и опрокинуть ее горницу: но, видя ее повсюду огражденной крестным знамением, он отбегал, как бы гонимый невидимыми ударами. Однако иногда ему удавалось внушить святой леность и уныние, но она немедленно сокрушала его коварство, ограждаясь, как стеной, непрестанной молитвой. И враг истины скорбел и говорил себе:

– Увы мне окаянному! Ангелов совлек я за собою с небес, многих сильных покорил я, а ныне юноши и отроковицы смеются надо мною. Они любят смерть больше жизни и увенчанные ею текут к небесам и оставляют мне мир сей пустым. Утешала меня кровь убиваемых мучеников, но их вера и подвиги и проповедь их изменили целые города и народы.

Храмы мои разрушаются, прорицалища умолкают, жертвенники ниспровергаются, жрецы, веселившиеся раньше, приходят в уныние. На погибель мою, всюду водружается крест и царство мое приходит в упадок, ибо радостные в муках страшны в гробах: они жгут меня, бьют и прогоняют отовсюду; а то, что было мною изобретено против них, обратилось на еще горшую беду мою. Но я знаю, что сделать с ними: я нашел одну новую хитрость.

И тотчас же враг выдумывает следующее: желая похоронить в пыли забвения славу святых мучеников, дабы не помнили о них последующие поколения, сделать безвестными их подвиги и лишить описания, завистник устроил так, чтобы христиане избивались повсюду без суда и испытания, уже не царями и военачальниками, но самыми простыми и последними людьми. Всезлобный враг не разумел, что Бог требует не слов, а только доброго произволения.

Погубив великое множество христиан, Максимиан, по диавольскому наущению, притворился как бы изнемогшим. Вдоволь насытившись кровью неповинных, он уподобился кровожадному зверю, который, когда уже пресытится мясом и более не хочет есть, то кажется как бы кротким и пренебрегает мимо ходящими животными, так и этот нечестивый мучитель, получив отвращения к убийству, притворился кротким. Он говорил:

– Недостойны христиане того, чтобы их умерщвлять перед царскими очами. Какая нужда испытывать и судить их и записывать их слова и деяния? Ибо эти записи будут читаться и передаваться из рода в род теми, кои исповедуют ту же христианскую веру и память их будет праздноваться затем вовеки. Почему же мне не повелеть, чтобы их закалали, как животных, без допроса и записей, так чтобы и смерть их была безвестной и память о них заглохла в молчании?

Приняв такое решение, нечестивый царь тотчас же издал повсюду повеление, чтобы всякий желающий мог убивать христиан без боязни, не опасаясь ни суда, ни казни за убийство. И стали избивать христиан без числа ежедневно и во всех странах и городах и селах, на площадях и дорогах. Всякий

встречавший верующего, как только узнавал, что он христианин, тотчас же не говоря ни слова ударял его чем-либо, или пронзал ножом и разрубал мечом или другим каким-либо случившимся орудием, камнем или палкой и убивал, как зверя, так что исполнились слова Писания: «Но за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание» (Пс.43:23).

В это жестокое для христиан время, святая Анисия, горящая в сердце желанием умереть за Христа вышла однажды из своей горницы, побуждаемая духом, и намеревалась идти ко храму Господню. Входя в так называемые Касантриотийские ворота она услышала шум в народе. Нечестивые праздновали в этот день праздник солнца и приносили свои нечистые жертвы. И вот, один из царских воинов, шедший навстречу, увидев прекрасную деву, святую Анисию, остановил ее, наущаемый самим диаволом, и сказал:

– Остановись, девица, и скажи мне, куда ты идешь?

Видя его бесстыдство и дерзость и полагая, что это вражие искушение, она на глазах его оградила себя крестным знамением. Но воин не устыдился целомудренного молчания девы, а почитая его за бесчестие для себя и выражениея презрения, подобно зверю схватил ее, как волк хватает овцу, ибо воистину он был лютее зверя и грозным голосом спросил ее: кто она и откуда идет? Желая освободиться от его рук и дерзких, устремленных на нее взглядов, агница Христова попыталась избавиться от него кротким ответом и сказала:

– Я – раба Христова и иду в церковь.

Но бесстыдный воин, побуждаемый бывшим в нем бесом, возразил ей:

– Не пущу тебя, но поведу тебя в то место, где приносят жертвы богам нашим, ибо сегодня мы почитаем празднеством солнце.

Говоря это, он пытался насильно снять покров, бывший на голове ее, желая совершенно открыть ее лицо, но она мужественно сопротивлялась ему и не позволяла открыть себе главу, но плюнула ему в лицо и произнесла:

– Да запретит тебе, диавол, Господь мой Иисус Христос!

Тогда воин, не вынося имени Христова, обнажил бывший при нем меч, и, ударив ее в бок, пронзил насквозь. Святая дева упала на землю и вместе с излившеюся кровью предала свою святую душу в руки Христа Бога своего, Которого любила и умереть за Которого усердно желала во все дни своей жизни. Видевшие это прохожие обступили ее уже мёртвую и лежавшую в крови, и одни оплакивали ее юные лета и жестокую кончину, другие же роптали на безбожного царя, издавшего такой суровый закон, чтобы губить невинных людей. Некоторые из верующих взяли ее честные мощи и, с честью убрав их, погребли в двух верстах от врат Касантриотийских, с левой стороны от народного пути. Впоследствии над местом погребения Анисии был выстроен молитвенный дом. Произошло это в те времена, когда на земле владычествовал Максимиан, над верующими же царствовал в бесконечные веки Господь наш Иисус Христос, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Память святого мученика Филетера

Память 30 декабря

Однажды когда Диоклетиан прибыл в Никомидию, ему было сообщено об одном христианине. Царь тотчас же послал за ним, приказав привести его к себе, и при виде его пришел в изумление: святой был высок ростом и весьма красив. Потому Диоклетиан назвал его богом, а не человеком. И сказал ему царь:

– Скажи нам – откуда ты? И как тебе имя? И какого ты происхождения?

Святой ответил:

– Я родился и воспитывался здесь в Никомидии, сын епарха, по вере христианин и живу с христианами.

Подозвав его к себе поближе, царь хотел сначала подействовать на него ласковою речью, произнося в то же время хулы на Господа нашего Иисуса Христа. Святой отступил от богохульника и, возведя очи свои к небу, сказал:

– Да заградятся уста того, кто дерзает хулить Христа моего, пусть то будет царь, или кто иной.

И тотчас произошло землетрясение и послышался страшный гром, так что царь и окружающие его затрепетали. После того Филетер брошен был в раскалённую печь. Но святой помолился, – и печь рассыпалась, огонь погас, и он вышел невредимым. Царь же под влиянием только что совершившегося чуда, а также по вниманию к его красоте и знатности рода, даровал ему свободу идти, куда хочет.

Впоследствии, когда в Никомидии царствовал Максимиан[8900], святой опять оговорен был пред царем: и опять, представ царю, он исповедал Христа Бога нашего, Творца всего мира и Промыслителя. За это прежде всего начали бить его палками: мучители, исполнители казни в своем усердии доходили при этом до совершенного изнеможения, так что сами падали на землю едва живыми, а святой, казалось, не ощущал никакой боли, как будто страдал не он, а кто-то другой: так укреплял его Христос. Потом он был повешен и подвергнут

строганию; затем бросили его на растерзание зверям, но звери только валялись у ног святого; – насильно ввели его в капище, чтобы там заставить поклониться идолам, но мученик вознес молитву к Богу, и идолы распались и ниспроверглись на землю. Тогда царь дал повеление умертвить святого мечом, но у слуги, который схватил его, рука тотчас иссохла; такая же участь постигла и другого исполнителя царского приказа: – как только занёс он руку с мечом над головою святого, чтобы отсечь ее, рука его отнялась. После того мученик посажен был в темницу и закован в цепи. И так как он не обнаруживал ни малейшей склонности к покорности, то царь осудил его на изгнание в Проконнис[8901], куда он, связанный, и был отправлен. На пути он совершил немало чудес: изгонял бесов, очищал прокаженных и врачевал всякие иные болезни; одним своим словом ниспроверг идолов; прикоснулся к идольскому великолепно построенному капищу, и оно распалось до основания. Все эти чудесные знамения и особенно последнее – разрушения капища – многих расположили к вере во Христа, в том числе и шестерых воинов с их начальником, которым велено было отвести святого в ссылку.

Когда мученик и сопровождавшая его стража дошли до Сигрианских стран[8902], где святой также совершил много чудес, окружавшие его сказали, что здесь вблизи находится некоторый человек, по имени Еввиот[8903], христианин, который претерпел многие и жестокие страдания за Христа от князя, но остался невредим и творит великие чудеса. Слыша об этом, святой Филетер решился зайти и повидаться с Еввиотом. В это время блаженному Еввиоту явился Ангел Господень и сказал:

– Выйди из кельи своей и иди на некое место в сретение Филетера сострадальца твоего.

Отшельник тотчас же вышел из кельи и начал сходить с горы, на которой обитал. Между тем Филетер, по указанию одного поселянина, направляя путь свой навстречу Еввиоту, начал восходить на Сигрианскую гору вместе с начальником и шестью воинами, уверовавшими и крестившимися и желавшими не разлучаться с ним. Пройдя немного, они встретили блаженного Еввиота, сходящего к ним, и, приветствуя друг

друга, исполнились взаимной радости. Веселясь духовно, взошли все они на гору в жилище святого Еввиота и пробыли там вместе семь дней. И уснул блаженный Филетер сном, которого желал с любовью: преставился к любимому им и возлюбившему его Христу Богу, предав в руки Его дух свой[8904]. Блаженный Еввиот похоронил его в месте своего обитания. По прошествии одиннадцати дней, скончались и начальник конвоя и шесть воинов, сопровождавшие святого и все они погребены были близ мощей святого мученика.

Память преподобного Зотика Сиротопитателя

Память 30 декабря

Преподобный Зотик происходит из знатного и славного рода и родился в городе Риме. С молодых лет он изучил всякую премудрость мирскую и духовную, вследствие чего его приблизил к себе первый христианский император, Константин Великий. Когда сей благочестивый государь перенес столицу империи из Рима в Константинополь[8905], то блаженный Зотик, вместе с другими приближенными царя, переселился в сей город и здесь был почтен магистрианским саном[8906].

Но вскоре, отвергшись мирской чести и суеты, он принял священство. Как Авраам свою кущу, так святой Зотик свой дом открыл для принятия и питания нищих; принимал в странноприимницу лишенных крова, странников и болящих, был истинным отцом для вдовиц, немощных и сирых.

В то время усилилась в городе болезнь – проказа, которая всегда свирепствовала на Востоке. Чтобы прекратить распространения болезни, издан был приказ бросать в море всякого прокаженного. Милосердный Зотик, распаляясь Божественною любовью, отправился к царю и сказал ему:

– О царь! Дай мне, рабу твоему, как можно больше золота, чтобы я мог купить тебе драгоценных жемчугов, блестящих камней для утвари твоей, так как я очень опытен в этих делах.

Царь, любя Зотика, повелел исполнить его просьбу, и сей боголюбезный служитель добра, взяв золото, вышел из царского дворца с веселием и радостью. Для золота он нашел наилучшее употребление: у воинов, которым было поручено епархом брать прокаженных и бросать их в море, святой Зотик посредством золота выкупал несчастных и брал их на свое попечение. Около Константинополя, на противоположном берегу Босфора, на одной горе он построил больницы для прокаженных и там их успокаивал. Так он на прокаженных и больных истратил всё золото, данное ему великим Константином.

Между тем сей благочестивый царь умер и на царский престол вступил сын его, Констанций[8907], который не подражал благочестью отца: он впал в Ариеву ересь и преследовал православных. Святому Зотику также суждено было претерпеть страдания от него. По наговору от злобных людей, которые рассказали ему, как Зотик брал у отца его золото для покупки драгоценных камней, – царь призвал Зотика и спросил его:

– Приготовил ли ты жемчуги и другие драгоценные камни для утвари нашей, на покупку которых ты взял у державного отца нашего столько золота?

Зотик ответил:

– Приготовь, царь, корабль, и я покажу тебе такое богатство, какого раньше ты не имел.

Потом переправившись, вместе с царем, на другой берег Босфора, он повел его к больницам и, показывая прокаженных и больных, сказал:

– Вот, царь, прекрасные камни и блестящий жемчуг, которые я добыл для спасения твоего с немалым трудом и дорогою ценою.

Царь разгневался на святого и повелел привязать его к диким мулам и гнать их через поля и дороги. Влекомый мулами по камням, преподобный испытывал тяжкие мучения: все члены его были растерзаны острыми камнями; когда же затем мулы быстро совлекли его с горы, самые кости его сокрушились, и он предал душу свою в руки Господа[8908]. А на том месте, где он скончался, истек источник чистой и сладкой воды, и этою водою исцелялись всякие болезни в прославления угодника Божия, во славу и честь Единого в Троице Бога, всеми славимого и поклоняемого вовеки. Аминь.

Память преподобной Феодоры Кесарийской

Память 30 декабря

Преподобная Феодора подвизалась в Кесарийской обители святой Анны; жила она в царствования Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима[8909] и происходила из знатного и славного рода; отец ее, по имени Феофил, имел высокое звания патриция, мать ее называлась Феодорою. Эта последняя, будучи в продолжения многих лет неплодною, сокрушалась и прилежно молилась Богу, особенно же она обращалась с слезной мольбой к Пресвятой Богородице и получила дар, уподобивший ее праведной Анне, матери Богородицы: неплодство Феодоры разрешилось, она зачала и родила дочь. Когда дочь возросла, то мать привела ее в церковь святой Анны, как посвященную Богу от рождения. Отроковица Феодора принята была в монастырь, где и стала жить под добрым руководством благочестивой игумении и была научена Божественным книгам. Между тем богобоязненная, добродетельная жизнь юной инокини нестерпима была для вселукавого беса, который видел в том свое посрамление. И вот внушил он императору Льву иконоборцу мысль выдать замуж непорочную агницу за одного из своих придворных чиновников. Она насильно была взята и, с мучительною скорбью отторгнутая от сестер обители, привезена в Константинополь. Здесь уже всё было приготовлено для ее брака; по воле царской, уготован был и брачный чертог. Но конец этого лукавого замысла был неожиданно такой: Бог, наказавший некогда египтянина, обуреваемого похотливым вожделением на Сарру (Быт.12:10–20) и низложивший силу Тиридата, покушавшегося на целомудрия Рипсимии[8910], спас чудесным образом и Феодору от осквернения через насильственный брак. Во время брачного пиршества на столицу сделали нападение скифы[8911]; жених тотчас послан был против неприятелей и в первой же схватке погиб. Между тем среди всеобщего смятения, непорочная агница Христова Феодора,

пользуясь представившейся свободой, незаметно для присутствовавших на брачном пиру скрылась и, взяв с собою золото, серебро, драгоценности и одежды, украшенные дорогими камнями, пошла на берег моря, села в корабль и возвратилась в свою обитель, радуясь и за всё благодарила Бога. Когда же потом один из царских чиновников, узнав о скрывшейся Феодоре, прибыл в монастырь и нашел ее уже принявшею пострижение и одетою в рубище, то оставил ее, по устроению Промыслителя Бога, в покое. Освободившись таким образом окончательно от своих преследователей, преподобная Феодора подвигами воздержания настолько изнурила свою плоть, что видимы были кости ее через телесные покровы. Пищу ее составлял лишь один небольшой кусок хлеба и то только в два или три дня. Единственная одежда ее была из грубой шерсти; постель ее была настлана острыми камнями, прикрытыми суровым рубищем: так она соблюдала бдения и во время невольного, тяжелого сна, а часто она проводила и целые ночи без сна. Не довольствуясь этими подвигами, она обложила тело свое железными веригами и настолько изнурила все суставы и телесные члены, что от костей ее исходил смрадный запах. И так в продолжения многих лет процветая всякими добродетелями, перешла она в нестареющуюся и блаженную жизнь[8912].

Память преподобной Феодоры Цареградской

Память 30 декабря

Преподобная Феодора была родом гречанка, имела большое богатство и жила сначала в христианском супружестве. По смерти мужа, она, по заповеди Господней, «взяла крест свой» и приняла монашеский чин, чтобы следовать за Христом (Мк.8:34; Мф.16:24). Это было в царствование Романа[8913] при жизни преподобного Василия Нового, который проживал в доме Феодоры, в нарочито для него устроенной моленной келлии и под руководством которого она проводила благочестивую жизнь. Дожив так до старости, она преставилась месяца декабря в тридцатый день. И когда душа преподобной Феодоры, по разлучении от тела, несена была святыми Ангелами, то преподобный Василий предупредительно дал им, на помощь ее душе, как бы некий капитал для выкупа, достав из своей пазухи ковчежец.

У того Василия был ученик, по имени Григорий, который молитвенно спрашивал Василия:

– Где пребывает Феодора?

И вот однажды, когда Григорий спал, к нему явился светлого вида юноша и сказал:

– Иди скорее, тебя зовет преподобный Василий, чтобы показать тебе Феодору.

Григорий тотчас восхищен был к вратам рая, потом введен был в места святые и там увидел он преподобного Василия и Феодору, и все они вместе возрадовались. И спросил Григорий:

– Госпожа Феодора! Как ты претерпела страшный час смерти и как избавилась от лукавых духов?

Она же рассказала по порядку:

– Когда я душою своею разлучилась от тела, то увидела страшных ефиопов, которые показывали мне свиток с начертанием всех моих первых дел и взвизгивали как свиньи, скрежеща на меня зубами. Потом взяли меня Ангелы и понесли по мытарствам. Первое мытарство было – лживость; второе –

клевета; третье – зависть; четвертое – ложная обидчивость по самолюбию; пятое – гнев с яростью; шестое – гордость; седьмое – брань и срамословие; восьмое – лихоимство и лесть; девятое – тщеславие; десятое – сребролюбие, одиннадцатое – пьянство; двенадцатое – злопамятование; тринадцатое – чародейство; четырнадцатое – волхвования и употребления талисманов; пятнадцатое – чревоугодия и идолослужение; шестнадцатое – прелюбодеяние; семнадцатое – убийство; восемнадцатое – воровство; девятнадцатое – блудодеяние; двадцатое – немилосердие. И если в каком-либо мытарстве для моего оправдания показания только моих добрых дел было недостаточно, то Ангелы прибавляли к моим добрым делам от дара добрых дел преподобного Василия. Так я и прошла беспрепятственно все мытарства и была введена в это блаженное место. Если же душа будет грешна, то предается тем ефиопам, а они, терзая, сведут ее в муки.

И тотчас Григорий проснулся и рассказал нам, что он видел и что слышал в состоянии своего сонного восхищения. Мы же, слышав то, удивлялись и благодарили великого Бога и Спаса нашего, сподобившего Феодору Своего достояния в небесных обителях.

Житие преподобной матери нашей Мелании Римляныни

Память 31 декабря

Как добрые плоды рождаются на добром дереве, так и святая отрасль прозябает от святого корня. Это мы видим на примере преподобной Мелании, которая произошла от благочестивых христианских родителей. Отец и дед ее были в числе высших сенаторов. Придя в возраст, Мелания горячо желала сохранить непорочным свое девство и часто всеми силами умоляла о том родителей. Но так как она была у них единственною дочерью и не было другого наследника бесчисленных их имений и богатств, то, поэтому, когда святой исполнилось четырнадцать лет, они отдали ее, против ее воли, в замужество человеку равному ей знатностью, именем Апиниану, которому шел семнадцатый год. Когда брак был заключен, Мелания не рассталась со своею мыслию и желанием – хранить, если уже не девство, то чистоту, и всячески склоняла супруга своего к воздержанию, часто увещевая его и говоря со слезами:

– Как бы счастливы были мы, если бы вместе прожили в чистоте, в юности нашей работая Богу без плотского сопряжения, – чего я всегда желала и желаю! Тогда мы проводили бы с тобою прекрасную богоугодную жизнь. Если же твоя страсть, столь свойственная юности, одолевает тебя и препятствует тебе исполнить мою просьбу, так что ты не можешь победить плотских желаний, – то оставь меня и не будь препятствием моему желанию. В выкуп за себя я предоставляю тебе все мои богатства, рабов и рабынь, сокровища, золото и серебро и другое бесчисленное имущество. Владей всем этим, только дозволь мне быть свободной от плотских сношений.

Выслушав такия слова, Апиниан не отказал ей в исполнении ее желания совершенно, но не дал ей и полного согласия, а только ласково сказал:

– Этого не может быть до тех пор, пока у нас не будет наследника нашим имениям. Когда же у нас родится такой

наследник, тогда и я не отстану от твоего доброго намерения, ибо нехорошо, если жена опережает мужа в добром деле и стремлении к Богу. Подождем, пока Бог не даст нам плода нашего супружества, и тогда согласно приступим к жизни, к какой ты стремишься.

Мелания согласилась с этим намерением мужа, и вот Бог послал им дочь. По рождении ее, Мелания дала за нее обет девства, как бы платя свой долг: она желала, чтоб дочь ее соблюла то, чего сама она не могла соблюсти, выданная против воли замуж.

Потом, готовясь к иной жизни, она стала приучать себя к воздержанию и умерщвлению тела: постилась, лишила себя всякого угождения плоти, не хотела носить красивых одежд и драгоценных женских украшений, не ходила в баню. А когда муж или родители убеждали ее пойти в баню, то она не обнажала своего тела и выходила оттуда, омыв только лицо, причем запрещала рабыням говорить кому-нибудь о том и делала им подарки, чтобы они молчали. При этом, она потребовала от мужа исполнения его обещания:

– У нас уже есть, – говорила она, – наследница нашему состоянию. Будем же обходиться без брачных сношений, как ты обещался.

Но он не послушал жены.

Мелания, видя его несогласие, замыслила тайно бежать в неведомую страну, оставив отца, мать, мужа, ребёнка и всё богатство: так сильно она была охвачена стремлением к Богу и желанием жить в чистоте. Она сделала бы это немедленно, если б ее не удержали советы некоторых благоразумных людей, которые напомнили ей следующее апостольское слово: «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем», и еще: «почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?» (1Кор.7:10–16).

Итак, удержанная мыслию о спасении мужа, она отказалась от своей мысли о бегстве. Однако ей тяжело было исполнять супружеский долг. Она тайно носила на теле жесткую власяницу, и лишь когда знала, что останется с мужем наедине,

тогда снимала ее, чтобы муж не узнал о такой ее жизни. Но как-то узнала об этом сестра ее отца и стала смеяться над этою власяною одеждой, досаждая и понося из-за нее святую. Мелания со слезами умоляла ее никому не рассказывать о том, что она узнала. Вскоре после того Мелания зачала во второй раз, и уже приближалось ей время родить. Наступила память святого мученика Лаврентия. Всю ночь святая провела без сна, молясь с коленопреклонением и воспевая псалмы. При этом она старалась осилить естественную природную боль. Настало утро, но она не прекратила свою многотрудную молитву. Жестокие боли роженицы усиливались до крайней степени, но она всё еще преклоняла на молитву колени и, наконец, изнемогла от всенощного молитвенного труда и от естественной болезни. Тогда она в тяжких муках родила младенца мужеского пола. Приняв святое крещение, младенец тотчас отошел от этого мира к небесному отечеству. После этих родов Мелания сильно заболела и была близка к смерти. Муж ее, стоя у ее кровати, сам остался едва жив от тоски по ней и сожаления. В своем горе он поспешил в церковь, где с рыданием молился Богу, прося у Него исцеления дорогой супруги. Мелания же, видя, что время благоприятно для того, чтобы склонить мужа к своему намерению, послала сказать ему, когда он находился еще в церкви:

– Если хочешь, чтобы я и ты были живы, дай обещание перед Богом, что ты больше ко мне не прикоснешься, и будем мы до конца нашей жизни оба жить в чистоте.

Муж Мелании, любя ее невыразимо и ставя здоровье ее выше своего, повиновался ее воле и дал обет пред Богом жить с нею в чистоте. Когда посланный вернулся и рассказал это Мелании, она обрадовалась и ей стало легче. Телесная болезнь ее уступила место духовной радости, и Мелания прославляла Вышнего, Который помог ей, исполнив через болезнь самое заветное желание ее сердца.

Когда Мелания встала от одра болезни, ее дочь, прекрасная отрасль девства, обещанная Богу, отошла к Нему. Смерть ее еще больше склонила Апиниана к хранению чистоты, тем более, что Мелания не переставала убеждать его к этому.

– Видишь, – говорила она, когда скончалась их дочь, – как Сам Бог призывает нас к чистой жизни? Если бы Ему угодно было продолжение нашего плотского супружества, Он не взял бы у нас наших детей.

Итак, Апиниан и Мелания, после плотского естественного супружества, вступили в супружество высшее, духовное, и побуждали друг друга к добродетели, упражняясь в посте, молитве, трудах, умерщвлении плоти. Они согласились все имения отдать в лице нищих Христу, самим же совсем отречься от мира и стать иноками. Но родители Мелании никак не хотели допустить этого. И вот однажды ночью, когда Апиниан и Мелания много о том скорбели и совещались друг с другом, как бы избавиться им от хитросплетенных сетей мира, внезапно осенила их свыше Божественная благодать. Они ощутили великое благоухание, сходящее с неба, какого не может постигнуть ум и описать язык, и исполнились такой духовной отрады, что забыли всю свою скорбь. С тех пор святыми овладела еще большая жажда духовных благ: мир и всё, что в мире, опротивели им и они решили, бросив всё, бежать куда-нибудь и стать иноками. Но Божий Промысел уготовил им иной путь к достижению желаемаго.

Вскоре умер отец Мелании, и Апиниан с Меланиею стали свободными в своих действиях. Но так как у них было много богатств, которые они обещались посвятить Христу, то они не тотчас расстались с миром и отечеством своим. На то время, пока они не раздадут всего бедным, они избрали для себя местожительством одно свое имение в пригороде Рима и жили, строго храня чистоту. В то время, как эта блаженная чета избрала себе такую богоугодную жизнь, Апиниану начинался 24-ый год, Мелании же заканчивался 20-ый[8914]. Поистине великое чудо, что в те годы, в которые юность горит обыкновенно огнём плотских страстей, – эта святая чета, ведя жизнь выше плотского естества, оставалась неопаляемой, подобно отрокам в печи Вавилонской.

Всё это произошло при руководстве Мелании. Она, как мудрая раба Господня, строго наблюдала и за собою и за мужем, так что была для своего мужа учительницею,

наставницею, руководительницею на пути Господнем. Проводя такую дивную жизнь, они продавали свои имения и беспрепятственно оказывали помощь нуждающимся.

В это время Бог послал им одно испытание. Брат Апиниана, именем Север, видя такую жизнь блаженной четы, стал считать Апиниана и Меланию ни во что и отнимать у них некоторые имения. Когда же увидел, что они не сопротивляются ему и не заботятся об отнятом имуществе, стал помышлять о большем, присвояя себе всё. Апиниан и Мелания, по своему незлобию, терпели это, возложив упование на Бога. Печалило их только одно: видя, как имения, предназначенные ими Христу, идут в руки завистливому человеку, они скорбели о том, что расхищается достояние нищих. Но Господь, Который защищает рабов Своих и избавляет их из рук обидящих их, восставил против Севера благочестивую царицу Верину[8915]. Она слышала о богоугодной жизни Апиниана и Мелании и, узнав, что Север отнимает у них имения, призвала их к себе и приняла их с почётом. Когда благочестивые супруги, предстали пред царицей в убогой одежде и со смиренным видом, – то царица много дивилась их убожеству и смирению; потом, обняв Меланию, она сказала ей: «Блаженна ты, избравшая себе такую жизнь!» При этом царица обещала отомстить за них Северу. Но Мелания и Апиниан просили ее не прибегать к мести, а только усовестить Севера, чтобы он не делал им больше обид.

– Нам, – сказали они, – лучше терпеть обиды, чем обижать кого-нибудь, ибо Божественное Писание повелевает тому, кого ударили в ланиту, подставить обидчику и другую (Мф.5:39). Мы благодарим тебя, владычица, за то, что ты хочешь милостиво защитить нас, но не просим мстить Северу. Наоборот, просим, чтобы ему не было из-за нас сделано никакого зла. С нас довольно, если отныне он перестанет дурно поступать с нами и отнимать то, что принадлежит не нам, а Христу и рабам Христовым, сиротам и вдовицам, нищим и убогим.

Еще просили они царицу, чтобы им можно было свободно, без всяких препятствий, продать их большие имения, которые представляли собою города и селения, находившиеся не только в Италии, в области Римской, но и в Сицилии[8916], в Испании,

Галлии и Британии. Так богаты были родители Мелании, что, кроме царя, не было никого богаче их. Царица исполнила просьбу Апиниана и Мелании, и им дана была свобода невозбранно продавать все свои имения, где бы они ни находились. У Мелании было желание дать царской сестре некоторые многоценные дары, но та не захотела взять ничего из предлагаемаго, считая за святотатство взять что-либо из вещей, дарованных Христу.

Наконец, Апиниан и Мелания возвратились с великою честью из царских палат к месту своего пребывания.

О размерах принадлежавшего им богатства, которое они отдали Христу, можно судить из того, что в то время никто не мог купить их дома в Риме за соответствующую цену. Только впоследствии, когда дом был подожжен варварами и значительно попорчен пожаром, он был продан за цену, меньшую своей стоимости, и вырученные от продажи его деньги были розданы убогим. Таким образом, можно положительно сказать, что Апиниан и Мелания выказали большее усердия к Богу, чем Иов. Ибо он благодарил Бога, когда лишился богатства помимо своей воли, а эти добровольно отказались от таких богатств, стремясь к нищете. Сначала такая жизнь была для них полна скорбей и казалась весьма трудною, но потом стала лёгка и полна всяких утешений: ибо «иго" Христово «благо" и «бремя легко» (Мф.11:30).

Диавол покушался искусить благочестивых супругов корыстолюбием. Однажды, когда принесено было им множество золота за проданные имения, он стал влагать им в душу какую-то страсть к золоту. Но Мелания, уразумев козни древнего змия, тотчас стёрла его главу, вменяя золото за прах и неудержимо тратя его на убогих. Блаженная рассказывала о себе следующее:

– Было у меня одно имение с домом на высоком прекрасном месте; оно было лучше всех наших имений. С одной стороны от него расстилалось море, и с горы было видно, как плывут корабли, как рыбаки ловят рыб. С другой подымались высокия деревья, виднелись засеянные поля, сады и богатые виноградники; в одном месте были устроены

роскошные купальни, в другом водные источники; там слышалось пение различных птиц, здесь находились всякого рода звери в огражденных для них местах, и охота за ними была успешна. И враг внушил мне мысль поберечь это имение ради его красоты и не продавать его, но сохранить для себя, чтобы жить в нем. Но, Божиею благодатью, я почувствовала, что это козни врага, и, обратив мой ум к горним селениям, я немедленно продала то имение и вырученные деньги отдала Христу моему.

После продажи благочестивыми супругами их Италийских имений, подаяния их потекли, подобно многоводным рекам, во все концы земли. Они рассылали много милостыни в Месопотамию, Финикию, Сирию, Египет и Палестину – церквам и монастырям мужским и женским, странноприимным домам и больницам, сиротам и вдовам, находящимся в оковах и в темницах, а также и на выкуп пленных. И запад, и восток наполнены были щедротами, шедшими из их рук. Иногда они покупали целые острова, в тихих и малолюдных местах и, построив там монастыри, отдавали их на содержание духовного чина. Повсюду украшали они святые церкви золотом и серебром, священническими златотканными ризами и не щадили денег на церковное благолепие. Потом, оставив малую часть своих земель в Италии непроданною, они, вместе с матерью Мелании, которая была еще жива, сели на корабль и отплыли в Сицилию, отчасти, чтобы самим продать тамошния свои имения, отчасти же, чтобы посетить блаженного епископа Павлина, своего отца духовного.

Вскоре после их отъезда, на Рим напали варвары[8917] и опустошили мечом и огнем все окрестности города и всю Италийскую землю. Хорошо сделали святые, что успели, с помощью Божиею, продать свои имения, раньше этого бедствия. Ибо то, чему предстояло погибнуть даром, без всякого воздаяния от Бога, то превратилось для них в стократное воздаяние в вечной жизни. К тому же они сохранили целым и свое временное здравие, покидая Италию, как Лот – Содом[8918], прежде лютого разорения ее варварами. Побывав в Сицилии и по дороге туда повидавшись со святым Павлином

епископом Нолански[8919], они устроили дела касательно бывших там имений и отплыли к Ливии и Карфагену[8920].

Когда они плыли по морю, поднялась сильная буря и великое волнение, которые продолжались много дней. Пресная вода в корабле уже оскудевала, между тем гребцов и слуг было множество, и все они терпели сильную жажду. Святая Мелания, поняв, что Господь не благословляет избранный ими путь в Ливию, приказала повернуть паруса вслед ветру, полагаясь на Бога, что Он направит корабль, куда захочет. Подхваченные ветром, они пристали к одному острову. Незадолго до их прибытия, варвары, внезапно напав на этот остров, завладели им и увели с собою великое множество мужчин и женщин, а оставшимся жителям послали сказать, чтобы они, если хотят, скорее выкупили пленных: иначе все пленные будут обезглавлены. Население острова находилось в сильной печали, так как, по скудости средств, немногие могли заплатить выкуп.

В то время пристал к острову корабль, на котором плыли Мелания и Апиниан. Епископ того острова, услыхав, что к ним пристал корабль из Рима, пришел просить помощи на выкуп пленных и получил больше, чем ожидал. Сжалившись над ними, Мелания и Апиниан дали столько золота, сколько требовалось на выкуп всех пленных. Когда они отчалили от этого острова, подул ветер тихий и благоприятный, и вскоре они достигли Карфагена. Выйдя там из корабля, они творили свои обильные дела милосердия, благотворя церквам и монастырям, облегчая положение нищих и больных.

Творя такие добрые дела, они поселились в одном городе, находящемся недалеко от Карфагена, который назывался Тагаста. Епископом Тагасты был Алипий, друг блаженного Августина[8921], муж искусный в слове и учении, мудро наставлявший всех приходивших к нему. Полюбив этого доброго пастыря, Апиниан и святая Мелания богато украсили его церковь, и купили для нее много угодий; кроме того, они создали там два монастыря, один мужской – на восемьдесят иноков, другой женский – на сто тридцать инокинь, и обеспечили эти монастыри землею и всем нужным. Святая Мелания стала

приучать себя постепенно к посту всё более и более строгому, сначала вкушала через день, потом через два, наконец, оставалась без пищи всю неделю, кроме субботы и воскресенья. Иногда она занималась переписыванием книг, так как она писала очень красиво и без ошибок, иногда изготовляла одежды для нищих. Переписанные книги она посылала на продажу, а вырученные этим трудом деньги раздавала нищим. Усердно занималась она и чтением Священного Писания. Когда руки ее уставали от работы или от письма, то она упражнялась в чтении, и как бы задавала работу очам своим. Если же и глаза ее уставали от долгого чтения, ей помогал слух, потому что она приказывала другим читать, а сама слушала. У нее был обычай ежегодно трижды прочитывать ветхий и новый завет; а наиболее важные места она удерживала у себя в памяти и постоянно имела на устах. Спала она ночью едва два часа, и то не на постели, а на земле, на худой рогоже. Она говорила, что всегда нужно бодрствовать, потому что не знаем, в какой час придет вор.

К такому подвижническому образу жизни она приучила и прислуживавших ей девиц; но немало и юношей склонила она жить в чистоте и хранить девство. Много душ неверных приобрела она для Христа и привела к Богу.

После семилетней жизни в Карфагене, Мелания пожелала видеть святые места, находящияся в Иерусалиме. Сев на корабль с матерью и с Апинианом, который прежде был мужем ее, а теперь уже духовным братом и спостником, она поплыла вместе с ними по морю. Корабль, на котором они плыли, при благоприятном ветре благополучно пристал к Александрии. Здесь они приветствовали святого Кирилла, архиепископа Александрийского. Насладившись общением с ним, они отправились опять по морю и достигли святого града Иерусалима. Прибыв сюда, они с великим умилением и невыразимою отрадою на сердце обходили святые места, которые освятил святейшими стопами Своими Господь наш и Пречистая Богоматерь. У Гроба Господня блаженная Мелания всякую ночь оставалась с вечера для молитвы. Там воссылала

она ко Христу Господу тёплые моления, плача, припадая ко Гробу Господню, обнимая его и лобызая.

Во время пребывания Мелании и Апиниана во Иерусалиме один верный друг их продал оставшиеся италийские имения их и прислал деньги к ним в Иерусалим.

Побывав в Иерусалиме, они пожелали еще отправиться в Египет, чтобы видеть там пустынных отцов и послужить им от своего имения. Они отправились по морю в путь, а мать свою, которая была очень стара и утомлена, оставили во святом граде. При этом ей было поручено построить для их жительства дом на Елеонской горе.

В Египте Мелания, со своим духовным братом, Апинианом, посещали пустынных отцов и получали для души великую пользу от их боговдохновенных речей. В то же время они оказали там великие щедроты нуждающимся. Но при этом они немало встретили таких нестяжательных отцов, которые не пожелали взять предлагаемой им милостыни и бежали от золота, как от жала змеи. В числе таких был один – именем Ефестион, который, на мольбы их принять несколько золотых монет, отказался от этого. Обходя келью его и рассматривая имущество пустынника, Мелания нашла только рогожу и водонос, немного сухого хлеба и короб, в котором была соль. Она потихоньку положила золото в этот короб и покрыла солью. Когда они вышли от пустынника, от старца не утаился этот поступок Мелании. Он, найдя золото, побежал за ними, громко восклицая, чтобы они остановились и подождали его. Когда они остановились, старец показал им золото, которое держал в своей руке, и сказал:

– Не нужно мне этого: не знаю, на что его употребить; возьмите свое добро назад.

Те отвечали:

– Если оно не нужно тебе, отдай другим.

Но старец возразил:

– Кому здесь нужно это, и на что? Вы видите, что место здесь пустое.

Те всё не хотели взять от старца назад своего золота, и тогда он бросил его в реку и возвратился в келью.

После того путники прибыли снова в Александрию, затем в Нитрию[8922], всюду обходя жилища пустынников, подобно пчёлам, летающим по различным цветам и собирающим с них. Затем они вернулись в Иерусалим, обогатившись многополезными назиданиями, полученными от святых пустынников. И, как надеялись, нашли уже готовым дом для себя у Елеонской горы. Там они и поселились.

Мелания затворилась в тесной келлии, положив такой завет, чтобы ни ей никого не видать, ни ее чтоб никто не видел. Только раз в неделю ее посещали мать ее и духовный брат Апиниан. В таком затворе она провела четырнадцать лет. В это время преставилась мать Мелании, исполненная добрых дел и благого упования. Святая, сотворив должное поминовение по почившей матери, снова затворилась в еще более тесной и очень тёмной комнате, и провела в ней один год. Повсюду прошла о ней слава, многия стали приходить к ней ради духовной пользы. Тогда Мелания вышла из затвора, чтобы послужить спасению других. Она устроила монастырь, собрав свыше девяноста девиц. К ней собралось много и явных грешниц, и, наставляемые ею на путь покаяния, они начали вести богоугодную жизнь. Для своего монастыря Мелания избрала игумению, сама же стала служить всем, как раба, и заботилась о всех, как мать. Она поучала сестер разным добродетелям, во-первых – чистоте, потом – любви, без которой не может быть совершенною ни одна добродетель, затем смирению, послушанию, терпению и незлобию. В назидание она рассказала им следующую повесть. «К одному великому старцу как-то пришел некий юноша, желая быть его учеником. А старец, показывая с самого начала, каким должен быть ученик, велел ему взять жезл и накрепко бить столп, стоящий у ворот, наскакивая на него и ударяя его ногами. Ученик, повинуясь старцу, ударял бездушный столп, сколько было у него сил. Старец спросил юношу:

– Оказывал ли тебе этот столп, который ты ударял, сопротивление и оскорбился ли? Побежал ли он со своего места или бросился на тебя?

Юноша отвечал:

– Нет!

Старец сказал тогда:

– Бей же его крепче, сопровождай удары самыми жестокими словами: досаждай, укоряй, обесчещивай, поноси и всячески злословь его.

Когда юноша и это сделал, старец спросил:

– Разгневался ли на тебя поносимый столп, сказал ли что-нибудь против тебя? Пороптал ли или укорил тебя?

Юноша отвечал:

– Нет, отче! Да и как может разгневаться столп нечувствующий и бездушный?

Старец опять сказал:

– Если ты можешь быть таким, как этот столп, не гневаясь на тех, кто бьёт тебя, не бегая от ударов, не прекословя тем, кто приказывает тебе, не возражая укорами на укоры, если ты среди всяких скорбей останешься постоянно непоколебимым, как столп, то приходи, будь нашим учеником. Иначе же не приближайся и к нашим дверям.

Такою повестью блаженная поучала сестёр терпению и незлобию, и они назидались этим примером, который был им на пользу. Поучая и наставляя сестер созданного ею монастыря, святая Мелания в то же время соорудила в том монастыре благолепную церковь и постаралась, чтобы церковь была освящена святыми мощами пророка Захарии, первомученика Стефана и сорока мучеников.

После этих событий, ее духовный брат, бывший прежде супругом по плоти, блаженный Апиниан, угодив Господу Богу, отошел к Нему уже в иноческом чине. Мелания с честью погребла его и потом сама стала готовиться к исходу, ожидая скорой кончины. Но Промысл Божий продлил ее жизнь для спасения других. По смерти Апиниана, Мелания создала еще мужской монастырь и истратила на это уже последнее свое имущество, отдав всё во славу Божию. Таким образом та, которая духом давно уже стяжала нищету, стала нищею телесно.

В то время пришло к Мелании послание из Царьграда, от дяди ее Волусиана Римлянина. Этот Волусиан, получивший

тогда должность римского анфипата[8923], с особым поручением от западного императора был отправлен в Византию. Прибыв на Восток, он пожелал увидаться со своей племянницею преподобною Меланиею. Поэтому он нарочно послал к ней в Иерусалим, прося ее приехать к нему в Византию и повидаться с ним. Сперва Мелания не хотела отправляться к дяде, так как он придерживался еллинского многобожия; но потом, по совету духовных отцов, она поехала к нему, побуждаемая надеждою обратить его к Богу. По пути, во всех городах, где останавливалась святая, всюду воздавалась ей великая честь, ибо Бог прославляет прославляющих Его. Ее встречали архиереи и священники, старейшины городские и народ, и все принимали ее с любовью, как бы пришелицу с неба, потому что всему миру сиял свет ее добродетелей и святой жизни. В самой же столице она также была принята с великою честью, царем Феодосием Младшим, царицею его Евдокиею и патриархом Проклом. Дядю своего Волусиана она застала больным. Увидев ее, дядя много удивлялся ее иноческому одеянию и умерщвлению плоти, ибо лицо ее иссохло от долгих постов и трудов и прежняя красота ее увяла. И воскликнул Волусиан:

– Какою стала ты, возлюбленная Мелания!

Но к чему долго рассказывать? Отчасти личность Мелании, отчасти святой Прокл, больше же всего боговдохновенная беседа благочестивой рабы Христовой и полезные ее увещевания сделали вскоре то, что дядя ее отверг еллинское нечестие и принял святое крещение. Сподобившись Святых Таин, он через немного дней после того предал дух свой Богу и был погребен руками святой Мелании.

Во время своего довольно продолжительного пребывания в Византии, Мелания обратила к правой вере многих из ереси Нестория, которая тогда сильно смущала Церковь, а также сохранила от отпадений многих православных, ибо Господь даровал ей такую благодать, что не могли ее никак одолеть еретические хитросплетенные речи несториан. Преподобная прекрасно знала Писание, употребив все годы своей жизни на его чтение, и исполняясь благодати Святого Духа. С утра до вечера с нею беседовали различные люди и вопрошали ее о

Православии, а она давала премудрые ответы, так что вся столица дивилась ее премудрости. Потом блаженная снова возвратилась в Иерусалим и, приближаясь к кончине своей, приготовлялась к доброму исходу.

Ей был дан дар исцелений, и она исцеляла многия болезни. Из этих исцелений, совершенных ею, расскажем о некоторых, в доказательство вселившейся в нее Божией благодати.

Царица Евдокия[8924], нарекшая преподобную Меланию своею духовною матерью, прибыла в Иерусалим, отчасти – чтобы поклониться святым местам, отчасти – чтобы посетить свою духовную мать.

По дороге она вывихнула ногу и сильно страдала, так что не могла ступить. Когда же святая Мелания только коснулась ее ноги, – нога стала здоровою.

Одна молодая женщина была мучима бесом, который так заключил ей уста, что их нельзя было открыть, она не могла выговорить ни слова, ни вкусить пищи, и ее ждала смерть – скорее от долгого лишения пищи, чем от мучений беса. Эту женщину преподобная Мелания исцелила молитвою, помазав ее святым елеем. Бес вышел из нея, и ее уста открылись, чтобы славословить и благодарить Бога и, вкусив пищи, она стала здоровой.

Другая женщина была беременной и настало время родить ей; но не могла она сделать этого, так как ребенок умер у нее в утробе. Терзаемая страшными болями, она была при смерти. Но святая Мелания помогла этой женщине своими молитвами. Как только на грудь больной женщины был наложен пояс, она разрешилась от бремени: из нея вышел мёртвый плод, ей стало легче, и она стала говорить, тогда как раньше не могла произнести ни одного слова.

Провидя свое отшествие к Богу, преподобная обошла святые места во Иерусалиме и в окрестностях, в Вифлееме и Галилее. Когда наступил праздник Рождества Христова, она была на всенощном бдении в вертепе, где родился Христос, и там сказала одной из сестер, своей родственнице, которая была при ней неотступно, что уже в последний раз она справляет с ними праздник Рождества Христова. Родственница святой,

услышав такие слова, горько заплакала. Потом на день святого первомученика Стефана, Мелания была на всенощном бдении в храме его, находящемся в построенной ею обители. Читая сестра та об убиении святого первомученика, она прибавила к этому от себя, что читает им уже в последний раз. Великий плач поднялся тогда о ней между сестрами: они поняли, что святая вскоре покинет этот мир. Мелания же по своему обычаю, долго утешала их боговдохновенными речами своими, и поучала добродетелям. Потом она вышла в церковь и стала молиться:

– Господи Боже мой, Которого я избрала и возлюбила от начала, Которого я предпочла плотскому мужу, богатствам, славе и сластям мирским, Которому от рождения моего вручила я тело и душу мою, ради Которого я предавалась воздержанию, так что и кости прилипли к плоти моей, – Который руководил десницей моей и наставлял меня внушением Твоим, – и ныне Ты услышь молитвенный вопль мой. И пусть эти слёзы мои подвигнут потоки милосердия Твоего ко мне. Очисти греховные скверны мои вольные и невольные. Уготовь мне путь к Себе без всякого смущения и препятствия, чтобы воздушные злые бесы не удержали меня. Ты знаешь, Бессмертный, смертное естество наше. Ты знаешь, Человеколюбец, что нет человека без скверны; нет такого, на котором враг не мог бы найти какой-нибудь вины, хотя бы он жил и один день. Но Ты, Владыка, презрев все мои грехи, соделай меня чистою на Суде Твоем.

Так молилась святая Мелания, и, еще не окончив молитвы, начала испытывать телесную боль. Но, хотя она и изнемогала от болезни, всё же не прекращала своего труда, ходила на обычное церковное богослужение и с утра наставляла сестёр поучениями. Потом она причастилась Пречистых и Божественных Таин из рук епископа Елевферопольского[8925], пришедшего с клиром посетить ее, и стала ожидать наступления смерти. При этом она утешала родственницу свою, горько оплакивавшую разлуку со святою, а также и всех сестёр и, простившись со всеми последним целованием, сказала следующие слова:

– Как Богу было угодно: так и сбылось.

С этими словами она, лежа на простом одре, предала дух свой в руки Божии, крепко смежив очи и сложив руки на груди крестообразно[8926].

На погребение ее собрались иноки и инокини из всех монастырей, находившихся вокруг святого города, и всю ночь пели над нею псалмы, потом с честью похоронили ее. Святая же ее душа отошла ко Господу Богу, Которого она возлюбила и Которому усердно работала все дни жизни своей. И теперь, со всеми святыми, приобщаясь славы Его, она и о нас грешных молит там Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога. Ему слава вовеки. Аминь.

Примечания

[1] - Жил и подвизался в XII веке. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

[2] - Декий царствовал с 249–251 г.

[3] - Умерщвлен в битве с татарами на р. Сити 4 марта 1238 года. Святые мощи его почивают во Владимирском кафедральном соборе.

[4] - Добавлено в оглавление нами. – Редакция «Азбуки Веры»

[5] - Еретики, называвшиеся докетами, учили, что Бог не мог воспринять на Себя немощной плоти человеческой, и что людям только казалось, будто Христос страдал и умер.

[6] - Т.е. крещение, которое, как ниже сказано, удаляет из человека греховные страсти.

[7] - Ветхий Завет по преимуществу содержал в себе постановления, касавшиеся внешнего благоповедения человека

[8] - Стефан Савваит

[9] - Служба Обрезанию Господню, канон, на 4-й песни.

[10] - Число семь в Священном писании означает полноту. Поэтому, чтобы обозначить всю долговременность жизни этого мира, святые отцы употребляли выражение семь веков или дней, а восьмой век или день, естественно, уже должен был обозначать жизнь будущую.

[11] - Кол. 2:14. Грех от среды, т.е. грех стоял как препятствие, перегородка, отгораживая человека от Бога. Но потом грех был пригвожден ко кресту, т.е. лишился всякой силы и не мог уже препятствовать человеку войти в общение с Богом.

[12] - Гал. 4:19. Изобразится – в нас ясно отпечатлевается образ Христа, так что мы вполне будем достойны названия христиан

[13] - Флп. 2:11. Т.е. Господь Иисус прославил Своим, принятым Им на Себя, подвигом Бога Отца

[14] - Дощечка золотая, прикрепленная к головной повязке первосвященника, имела на себе начертание имени Божия

(Иегова).

[15] - Каппадокия – провинция Римской империи, находилась на востоке Малой Азии и известна была во времена Василия Великого образованностью своих жителей. В конце XI века Каппадокия подпала под власть Турок и доселе принадлежит им. Кесария – главный город Каппадокии; церковь кесарийская издавна славилась образованностью своих архипастырей. Св. Григорий Богослов, здесь положивший начало своему образованию, называет Кесарию столицей просвещения.

[16] - Отец Василия, по имени также Василий, известный своей благотворительностью, был женат на знатной и богатой девушке Еммелии. От этого брака родились пять дочерей и пять сыновей. Старшая дочь – Макрина осталась верною этому благополагавшемуся союзу, посвятив себя целомудрию (память ее 19 июля). Из пяти братьев один умер в раннем детстве; три были епископами и причислены к лику святых; пятый погиб на охоте. Из оставшихся в живых старшим сыном был Василий, за ним следовал Григорий, впоследствии епископ Нисский (память его 10 января), и Петр, сначала простой подвижник, потом епископ Севастийский (память его 9 января). – Отец Василия, вероятно, незадолго перед кончиной принял сан священника, как об этом можно заключать из того, что Григорий Богослов называет мать Василия Великого супругой иерея.

[17] - Неокесария – нынешний Никсар – знаменитая по своей красоте столица Понта Полемониака, на севере Малой Азии; особенно известна по происходившему там (в 315 г.) церковному собору. Ирис – река в Понте, берет начало на Антитавре.

[18] - Софисты – ученые, посвятившие себя преимущественно изучению и преподаванию красноречия. – Ливаний и впоследствии, когда уже Василий был епископом, поддерживал с ним письменные сношения.

[19] - Афины – главный город Греции, издавна привлекавший к себе цвет греческого ума и таланта. Здесь некогда жили известные философы – Сократ и Платон, а также поэты Эсхил,

Софокл, Эврипид и др. – Под Эллинскою премудростью разумеется языческая ученость, языческое образование.

[20] - Проэресий, знаменитейший в то время учитель философии, был христианин, как это видно из того, что он закрыл свою школу, когда император Юлиан запретил христианам заниматься преподаванием философии. О том, какой религии держался Иберий, ничего неизвестно.

[21] - Григорий (Назианзин) был впоследствии некоторое время патриархом Константинопольским и известен своими высокими творениями, за которые получил прозвание Богослова. Он был знаком с Василием еще в Кесарии, но близко подружился с ним только в Афинах. Память его 25 января

[22] - Египет давно уже служил местом, где особенно развита была христианская подвижническая жизнь. Точно так же там было великое множество христианских ученых, из которых самыми знаменитыми были Ориген и Климент Александрийский.

[23] - Т. е., по мнению Еввула, Василий имел разум, превосходивший обычную человеку меру ума, и в этом отношении приближался к богам.

[24] - Т. е., тот только заслуживает почетного имени «философ», кто смотрит на смерть, как на переход в новую жизнь и потому без страха покидает этот мир.

[25] - Такие картины в древности нередко употреблялись нравоучителями для того, чтобы произвести большее впечатление на слушателей.

[26] - Т. е. жара, зной, который очень тяжел на востоке (Мф.20:12).

[27] - Т. е., чего мы теперь никакими средствами и представить себе не можем (1Кор.2:9).

[28] - Т. е. различные достопримечательности, как например, гроб Христов, Голгофа и так далее.

[29] - Как ныне, так и в древности новокрещенные, в знак полученного ими очищения от грехов, облекались в белые одежды.

[30] - Здесь разумеется Антиохия Сирийская, при реке Оронте, называвшаяся Великою.

[31] - Гомер – величайший греческий поэт, живший в IX в. до Р. Хр.; написал знаменитые поэмы: «Илиаду» и «Одиссею».

[32] - Т. е. не пришло еще время заменить философию и языческую религию верою христианской. Ливаний так и умер язычником (около 391 года, в Антиохии).

[33] - Максим III – патриарх Иерусалимский – с 333 по 350 год.

[34] - Древние христиане очень поздно принимали св. крещение-отчасти по смирению, отчасти в том соображении, что, окрестившись не задолго перед кончиною, получат в крещении прощение всех грехов своих.

[35] - Т. е. освободился от наследственного прародительского греха (Еф. 4:22).

[36] - Это чудо напоминало собою сошествие Св. Духа в виде голубя на крестившегося в Иордане Христа Спасителя.

[37] - Господь Иисус Христос, находясь в гробе, был обернут в белые пелены.

[38] - Василию Великому принадлежит много сочинений. Как все действия св. Василия отличались необыкновенным величием и важностью, так и все сочинения его запечатлены тем же характером высоты и величия христианского. В своих творениях он является и проповедником, и догматистом-полемиком, и толкователем Св. Писания, и учителем нравственности и благочестия и, наконец, устроителем церковного богослужения. Из бесед его, по силе и одушевлению, считаются лучшими: против ростовщиков, против пьянства и роскоши, о славе, о голоде. В своих письмах св. Василий живо изображает события своего времени; многие из писем содержат превосходные наставления о любви, кротости, прощении обид, о воспитании детей, против скупости и гордости богатых, против напрасной клятвы или же с духовными советами для иноков. Как догматист и полемик он является пред нами в своих трех книгах, написанных против арианского лжеучителя Евномия, в сочинении против Савелия и Аномеев о

божестве Св. Духа. Сверх того, Василий Великий писал особую книгу о Святом Духе против Аэтия, поборником которого был и Евномий. К догматическим сочинениям относятся также некоторые беседы и письма св. Василия. Как толкователь Св. Писания, особую известность стяжал себе св. Василий девятью беседами на «Шестоднев», где он показал себя знатоком не только Слова Божиего, но и философии и естествознания. Известны также его беседы на псалмы и на 16 глав книги прор. Исайи. Беседы, как на Шестоднев, так и на псалмы, говорены были в храме и потому наряду с изъяснением заключают в себе увещания, утешения и поучения. Учения благочестия касался он в своем знаменитом «наставлении юношам как пользоваться языческими писателями», и в двух книгах о подвижничестве. К каноническим сочинениям относятся послания Василия Великого к некоторым епископам. – Григорий Богослов так отзывается о достоинстве творений Василия Великого: «Везде одно и величайшее услаждение – это писания и творения Васильевы. После него не нужно писателям иного богатства, кроме его писаний. Вместо всех – один он стал достаточен учащимся для образования». «Кто хочет быть отличным гражданским оратором, – говорит ученый патриарх Фотий, – тому не нужен ни Демосфен, ни Платон, если только он принял себе за образец и изучает слова Василия. Во всех словах своих св. Василий превосходен. Он особенно владеет языком чистым, изящным величественным; в порядке мыслей за ним первое место. Убедительность соединяет он с приятностью и ясностью». Святой Григорий Богослов так говорит о познаниях и писаниях святого Василия: «Кто больше Василия просветился светом ведения, прозрел в глубины Духа, и с Богом исследовал все, что ведомо о Боге? В Василии красотою была добродетель, величием – Богословие, шествием – непрестанное стремление и восхождение к Богу, силою – сеяние и раздаяние слова. И потому мне, не коснея, можно сказать: по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их, и в концы вселенной глаголы его, что св. Павел сказал об апостолах (Римл. 10, 18)…. – Когда имею в руках его Шестоднев и произношу устно: тогда беседую с Творцом, постигаю законы

творения и дивлюсь Творцу более, нежели прежде – имев своим наставником одно зрение. Когда имею пред собою его обличительные слова на лжеучителей: тогда вижу содомский огнь, которым испепеляются лукавые и беззаконные языки. Когда читаю слова о Духе: тогда Бога, Которого имею, обретаю вновь и чувствую в себе дерзновение вещать истину, восходя по степеням его Богословия и созерцания. Когда читаю прочие его толкования, которые он уясняет и для людей малозрящих: тогда убеждаюсь не останавливаться на одной букве, и смотреть не на поверхность только, но простираться далее, из одной глубины поступать в новую, призывая бездною бездну и приобретая светом свет, пока не достигну высшего смысла. Когда займусь его похвалами подвижникам, тогда забываю тело, беседую с похваляемыми, возбуждаюсь к подвигу. Когда читаю нравственные и деятельные его слова: тогда очищаюсь в душе и теле, делаюсь благоугодным для Бога храмом органом, в который ударяет Дух песнословцем Божией славы и Божиего могущества, и через то преобразуюсь, прихожу в благоустройство, из одного человека делаюсь другим, изменяюсь Божественным изменением» (Надгробное слово Григория Богослова св. Василию).

[39] - Архидиаконы имели в древней церкви большое значение, как ближайшие помощники епископов.

[40] - Евсевий был взят на кафедру епископа, по требованию народа, прямо с гражданской службы и потому не мог иметь особого авторитета, как богослов и учитель веры.

[41] - Одним из важнейших его занятий в это время было проповедание слова Божиего. Часто он проповедовал не только каждодневно, но и по два раза в день, утром и вечером. Иногда после проповеди в одной церкви, он приходил проповедовать в другой. В своих поучениях Василий живо и убедительно для ума и сердца раскрывал красоту добродетелей христианских и обличал гнусность пороков; предлагал побуждения стремиться к первым, удаляться последних и всем указывал пути к достижению совершенства, так как сам был опытный подвижник. Самые толкования его направлены, прежде всего, к духовному назиданию его слушателей. Объясняет ли он

историю миротворения, – он поставляет себе целью, во-первых, показать, что «мир есть училище Боговедения» (беседа 1-я на Шестоднев), и через то возбудить в своих слушателях благоговение к премудрости и благости Творца, раскрывающимся в Его творениях, малых и великих, прекрасных, разнообразных, бесчисленных. Во-вторых, он хочет показать, как природа всегда учит человека доброму нравственному житию. Образ жизни, свойства, привычки четвероногих животных, птиц, рыб пресмыкающихся, все – даже былие однодневное – подает ему случай к извлечению назидательных уроков для господина земли – человека. Объясняет ли он книгу Псалмов, которая, по его выражению, совмещает в себе все, что есть полезного в других: и пророчества, и историю, и назидание, – он преимущественно прилагает изречения Псалмопевца к жизни, к деятельности христианина.

[42] - Понт – область в Малой Азии, по южному берегу Черного моря, невдалеке от Неокесарии. Пустыня Понтийская была бесплодна, и климат её был далеко не благоприятен для здоровья. Хижина, в которой здесь жил Василий, не имела ни крепких дверей, ни настоящего очага, ни кровли. За трапезой подавалось, правда, какое-то горячее кушанье, но, по словам Григория Богослова, с таким хлебом, по кускам которого, от крайней его черствости, зубы сначала скользили, а потом вязли в них. Кроме общих молитв, чтения св. Писания, ученых трудов Василий Великий и Григорий Богослов и другие тамошние иноки занимались здесь сами носкою дров, тесаниям камней, уходом за огородными овощами, и сами на себе возили огромную телегу с навозом.

[43] - Правила эти служили и служат руководством для жизни иноков всего Востока и, в частности, для наших русских иноков. В своих правилах Василий отдает преимущество общежительной жизни пред отшельнической и уединенной, так как, живя вместе с другими, инок имеет более возможности служить делу христианской любви. Василий устанавливает для иноков обязанность беспрекословного послушания настоятелю, предписывает быть гостеприимными по отношению к

странникам, хотя запрещает подавать им особые кушанья. Пост, молитва и постоянный труд – вот чем должны заниматься иноки, по правилам Василия, причем, однако, они не должны забывать и о нуждах окружающих их несчастных и больных, нуждающихся в уходе.

[44] - Еретики – ариане учили, что Христос был существо сотворенное, не вечно сущее и не одной и той же природы с Богом Отцом. Имя свое эта ересь получила от пресвитера Александрийской церкви Ария, который начал проповедовать эти мысли в 319-м году.

[45] - Севастия – город в Каппадокии.

[46] - Прокл, архиепископ Константинопольский (в половине V века) говорит, что св. Василий составил литургию более краткую ввиду того, что многие христиане его времени стали выражать недовольство свое долготою службы церковной. Для этого он сократил обычные общественные молитвы, расширив в то же время молитвы священнослужителей. – Кроме литургий, Василий Великий составил: а) молитву пред приобщением; б) молитвы в навечерье Пятидесятницы и в) молитву и заклинание над бесноватым.

[47] - Молитва на литургии св. Василия Великого.

[48] - Хартия – папирусная бумага или пергамент, на котором писали в древности; рукопись, свиток (3Мак.4:15; 2Иоан. 1:12).

[49] - «Если бы не Василий – говорит церковный историк Созомен, – то ересь Евномия распространилась бы до Тавра, и ересь Аполлинария – от Тавра до Египта».

[50] - Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 г. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачею своей жизни восстановление язычества; поэтому он и называется «Отступником».

[51] - Рипида – (греч. опахало, орудие для отогнания мух). Это – металлические на довольно длинных рукоятках круги с изображением на них шестокрылых Серафимов. Ими диаконы при архиерейском служении веют, колеблют над св. дарами, чтобы в них не упало какое-либо насекомое; вместе с тем рипиды напоминают нам, что при священнодействии литургии

присутствуют и сослужат нам св. Ангелы, изображения которых имеются на рипидах. Рипиды употребляются при архиерейском служении; при служении священника их заменяет покровец.

[52] - Завесы были, собственно, устроены пред тем отделением храма, где стояли женщины; эти завесы опускались во время совершения таинства Евхаристии, и женщинам под угрозою удаления из храма, запрещено было в это время приподымать их. Алтарь же от остального пространства церкви отделяла сквозная решетка, которая и превратилась впоследствии в нынешний иконостас.

[53] - Император Валент царствовал с 364 по 378 год.

[54] - Епарх этот был правителем всего Востока и в то же время начальником преторианцев или царской гвардии.

[55] - Орудие, коим древние писали, – нечто вроде пера, карандаша или грифеля (см. Пс. 44:1–3).

[56] - Т. е., что Сын Божий единосущен Богу Отцу и равен ему.

[57] - Валентиниан царствовал с 364 до 376 г.

[58] - Церквам в древности, со времени Константина Великого, было предоставлено так называемое право убежища: невинно преследуемые скрывались в них и начальство имело таким образом время убедиться в их невинности.

[59] - Василий Великий был человек крайне болезненный и часто совсем лишался телесных сил. «Непрерывные и сильные лихорадки, – писал он сам, – так изнурили мое тело, что я не отличаюсь от паутины. Всякий путь для меня непроходим, всякое дуновение ветра опаснее, чем треволнение для пловцов… У меня болезнь следует за болезнью».

[60] - Могилы язычников, как нечистые, считались у древних христиан любимым местопребыванием демонов.

[61] - Взять на плечи, как пастух восточный берет на плечи к себе уставшую овечку.

[62] - Древние Христиане имели обычай, во время молитвы воздевать руки свои к небу. Оттуда в нашей Церковной песни говорится: воздеяние рукою моей жертва вечерняя (Стихира на вечерне).

[63] - Проказа – болезнь, разрушающая все тело человека и притом заразная.

[64] - Св. Ефрем Сирин – знаменитый христианский подвижник и писатель. Память его 28 января. Ефрем назван Сирином, т. е. сирийцем, потому что Месопотамия, в которой он родился, в древности причислялась к Сирии.

[65] - Возглас из малой ектеньи, произносимой диаконом на вечерне в день Пятидесятницы.

[66] - Никея – город в Малоазийской провинции Вифинии. Здесь был Первый Вселенский собор – в 325 году.

[67] - Демосфен был знаменитейший оратор древней Греции; жил от 384–322 до Рождества Христова.

[68] - Т. е. так, как судил бы сам царь.

[69] - Лития, с греч. значит – усердное моление. Она совершалась обычно вне храма, а теперь совершается в притворе.

[70] - Это происходило в городе Адрианополе, в нынешней Болгарии.

[71] - Поприще – мера расстояний; оно равнялось нашим 690 саженям.

[72] - Фелонь – так называлась в древности вообще верхняя, длинная и широкая одежда, без рукавов, обнимавшая со всех сторон тело. Христианская Церковь, из благоговения к Спасителю и его апостолам, употреблявшим если не такую, то подобную верхнюю одежду, приняла фелонь в число священных облачений и с древнейших времен усвоила ее как епископам, так и священникам.

[73] - Т. е. имевший особенный дар красноречия, убедительности и силы речи.

[74] - Грациан правил империей (сначала вместе с отцом своим Валентинианом I) с 375 до 383 года.

[75] - Где находятся в настоящее время мощи св. Василия – неизвестно: на Афоне (в лавре св. Афанасия) показывают только главу его; тело же его святое, по сказаниям западных писателей, во время крестовых походов было взято из Кесарии и перенесено крестоносцами на Запад – во Фландрию.

[76] - За свои заслуги Церкви и необыкновенную высоконравственную и подвижническую жизнь св. Василий назван Великим и прославляется, как «слава и красота Церкви», «светило и око вселенной», учитель догматов», палата учености, «вождь жизни». На всенощном бдении на память св. Василия Великого, Церковь произносит в честь Обрезания Господня две паремии, и одну в честь вселенского учителя и святителя Василия – о высоком совершенстве праведных и благе от них для ближних (Притч. 10, 31–32, 11:1–12). Евангелие утреннее в честь святителя (Иоан. 10, 1–9) благовествует о достоинстве истинного пастыря, полагающего душу свою за овцы. На литургии, которая в 1-й день января бывает св. Василия Великого, чтением Апостола в честь его Церковь возвещает о совершеннейшем архиерее – Сыне Божием, Которому святой Василий Великий подражал в своей жизни (Евр. 7, 26–8, 2). Евангелие на литургии (одно – Обрезанию, другое – св. Василию) в честь святителя благовествует учение Иисуса Христа о блаженстве нищих духом, алчущих и жаждущих правды и гонимых за веру Христову (Лк. 6, 17–23), каким был и св. Василий Великий.

[77] - Слова «имже боголепно научил еси» – указывают на великую ученость св. Василия – на глубокое знание им законов природы. Св. Василий оставил после себя много сочинений, в которых объяснил, между прочим, премудрое устройство Богом всего существующего. – Слова: «человеческия обычаи украсил еси» – указывают на то, что св. Василий написал многие правила и уставы, которыми ввел в употребление многие благочестивые обычаи.

[78] - Анкира, главный город малоазийской провинции – Галатия (ныне Ангора).

[79] - Юлиан царствовал с 361-го по 363-й год.

[80] - Здесь разумеется Кесария Каппадокийская.

[81] - Святой мученик Василий скончался около 362 года.

[82] - Исповедниками назывались в древней Церкви те христиане, которые во время гонений открыто объявляли себя христианами и претерпевали мучения, но оставались в живых.

Такие лица пользовались особенным уважением в христианском обществе, так им было представлено право воссоединения с Церковью падших.

[83] - Префект – градоначальник.

[84] - Св. Мелхиад – папа Римский с 311–314-й год.

[85] - Св. Марцеллин – папа Римский с 296–304-й год.

[86] - В древности в избрании епископа участвовал народ.

[87] - Все это были боги, которых чтили Римляне, и которые считались покровителями того или другого дня.

[88] - Так называется воскресный день уже в Апокалипсисе Иоанна Богослова

[89] - В Римской церкви с давнего времени дни недели называются фериями, т. е. богослужебными днями, что, по словопроизводству с латинского, указывает на обязанность христианина ежедневно совершать служение Богу. Понедельник – ферия первая, вторник – ферия вторая и т. д. Суббота удержала у римских христиан свое еврейское название, а воскресенье называется древним именем – день Господний (Доминика).

[90] - То же самое о субботе сказано еще в правилах св. Апостолов (64-е правило). Вальсамон в толковании на это правило замечает, что в субботу мы не постимся, чтобы не показаться иудействующими, но если пост запрещается в субботу, то это значит только, что в субботу не следует хранить полное воздержание от пищи до вечера, как полагается в Великую Субботу, но не указывает на то, что во все субботы, кроме Великой, нужно есть скоромную пищу. По Церковному Уставу в субботу, прямо после литургии, можно вкушать вино, елей и ту пищу, которая полагается по церковным правилам, т. е. в мясоеде – скоромную, в посты – постную.

[91] - Тарпейская скала – южная, крутая скала Капитолийского холма. Тарпейской она названа потому, что с нею Сабиняне сбросили Тарпею, дочь коменданта Капитолия, когда ими была взята эта крепость. Высота ее – 150 футов над уровнем моря.

[92] - У язычников было много божеств, но истинного Бога они не ведали, почему св. ап. Павел называет их безбожными

(Ефес. 2:12).

93 - Северо-западная провинция Малой Азии.

94 - Раввин – почетный титул в Палестине, даваемый выдающимся учителям и толкователям закона ветхозаветного.

95 - Синклит – правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

96 - Несколько измененное выражение (Пс. 34:23).

97 - Почти все святые Отцы относят это выражение к временному рождению Сына Божия во плоти человеческой.

98 - В глубину, т. е. на земле или из-под земли; в высоту, т. е. с неба.

99 - Ахаз не верил пророку, но прямо сказать об этом ему не решался и потому лицемерно привёл в свое оправдание слова Закона Моисеева, запрещавшего евреям, искушать Господа требованием чудес (Исх.17).

100 - Отроковица, т. е. молодая женщина вообще – может быть замужняя, может быть еще девица, толковали иудеи. Это толкование неправильно. Слово, употребленное здесь, в еврейской библии (алма), может означать, по словопроизводству, только девицу очень молодую, еще подрастающую. Притом во всем Ветхом Завете это слово никогда не употребляется в приложении к замужней женщине.

101 - Т. е. потому, что там родился Спаситель мира, Которого св. ап. Павел именует царем правды (Евр. 7:2).

102 - (Вар. 3:36–38), т е. действует всегда с высшею мудростью и знает лучшие пути, ведущие к цели.

103 - (Зах. 3:1–2). Первосвященник иудейский Иисус, на которого клеветал пред Господом дьявол, признается у многих отцов Церкви прообразом Иисуса Христа, Который также терпел разные нападения от дьявола и слуг его.

104 - (Пс. 21:17–18), т.е. в теле Христовом, когда оно висело на кресте, кости так выдались, что их можно было пересчитать.

105 - (Пс. 68:22). Желчь – горечь; оцет – уксус. Эти вещества, по толкованию блаженного Феодорита, были прибавлены к питью, чтобы сделать его горьким и неприятным.

[106] - (Быт. 49:9). Иаков здесь собственно говорил о сыне своем Иуде, но все сказанное об Иуде, по изъяснению отцов Церкви, должно относить в лучшем смысле и к Господу Иисусу Христу, Которого Иуда был прообразом.

[107] - Это было ложной выдумкой Замврия. Быки, как сказано в Законе (Лев. 1 и след.), были закалаемы священниками.

[108] - Святой Сильвестр относит это дело к помощи бесов, которые, по учению древних отцов и учителей Церкви, употребляли в те времена все средства к тому, чтобы полагать препятствия усилению религии христианской.

[109] - Святой Сильвестр папа римский, скончался в 335 году. Мощи его были погребены на Салорийской дороге, в катакомбах св. Прискиллы, в одной миле от Рима.

[110] - Парий – город при Геллеспонте (Дарданелах), в Мизии, северо-западной провинции Малой Азии, между Лампсаком и Кизиком.

[111] - Ликиний – римский император, соцарствовавший Константину Великому

[112] - Фригия – большая область Малой Азии, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того – позднее причислявшийся к Мизии южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта; таким образом, г. Парий причислялся в IV в. также к Фригии с 304–320 г.

[113] - Трибун – главнокомандующий войсками провинции.

[114] - Опцион – помощник центуриона; центурион – начальник центурий, военного отряда в 100 человек.

[115] - Св. священномученик Феоген принял мученическую кончину около 320 года.

[116] - Ликиний – римский император, управляюший восточною половиною ее с 307–321 год.

[117] - Отличием лиц, занимавших почетные должности в войске, служил особый пояс, на котором вешался меч.

[118] - Римский бог войны Марс почитался одним из важнейших божеств римской государственной религии.

[119] - Т.е. праведник ничего не боится, как лев.

[120] - Орудия мучения первых христиан.

[121] - Т.е. Бога нельзя обмануть.

[122] - Завулон – шестой сын патриарха Иакова от Лии. – Колено его занимало лучшую часть земли на север Палестины, от Средиземного моря до озера Геннисаретского, граничившую на севере с коленами Асировым и Нефеалимовым и на юге – с Иссахаровым, занимавшим великую равнину Израильскую.

[123] - Неемия – еврей, виночерпий персидского царя Артаксеркса Лонгимана; впоследствии он обвел полуразрушенный Иерусалим стенами и устроил вместе с ученым священником Ездрою, приведшим многих иудеев из Вавилона в Иерусалим, церковный и гражданский быт евреев в Иерусалиме после плена. Свои деяния изложил в книге, известной под его именем и вошедшей в состав Библии.

[124] - Т.е. приблизительно за 400 лет до Р. Хр.

[125] - С именем пророка Малахии осталась книга, последняя в числе книг «малых» пророков. Она состоит из четырех глав и излагает одну его пророческую речь, по всей вероятности выражающую сущность многих устно произнесенных им речей. Содержанием этой речи служит обличение нравственных недостатков современного пророку еврейского народа, угроза наказанием Божиим и обетование о Спасителе. Книга пророка Малахии изобилует мессианскими пророчествами; в соответствии с мессианским характером содержания книги (Мал. 3:1–3, 6–7, 12, 17–18, 4:4–6), где содержатся пророчества о пришествии Предтечи Господня, читаются, как паримия, во все праздники в честь св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

[126] - Память его совершается Церковью 23 октября

[127] - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Македонским в 331 г. до Р. Х., на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. В древности был богатейший торговый и промышленный город. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых

пунктов при Средиземном море, с населением до 230 000 человек.

[128] - Память его совершается 25 апреля

[129] - Память святого апостола и евангелиста Луки празднуется Православною Церковью 18 октября, а день перенесения мощей его 22 апреля.

[130] - Беотия – область средней Греции.

[131] - Как свидетельствует об этом святой Григорий Богослов в первом слове на императора Юлиана.

[132] - По преданию, в том самом доме, в котором он со святым Лукою узнал воскресшего Христа через преломление Им хлеба.

[133] - Празднование памяти его установлено Церковью 27 апреля

[134] - Медиолан – ныне Милан – значительнейший городе Северной Италии, в области Ломбардии; основан в глубочайшей древности и всегда имел большое значение.

[135] - Память святого апостола Варнавы празднуется особо 11 июня

[136] - Елевферополь – город в Южной Палестине, на дороге между Иерусалимом и Газой. В настоящее время здесь расположено селение, лежащее при выходе из равнины Сефельской в нагорную землю Иудину. Недалеко от него лежат развалины древнего Елевферополя.

[137] - Празднование памяти его 30 октября

[138] - Память святого апостола Фаддея совершается Церковью 21 августа

[139] - Берит – нынешней Бейрут – древний город Финикии, на берегу Средиземного моря; в V веке процветал и славился своей высшей школой риторики, поэзии и права; ныне – главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья, с населением до 180 000 жителей.

[140] - Дамаск – главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших городов во всем мире; лежит к северо-

востоку от Палестины, при реке Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Анти-Ливана. И в настоящее время г. Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, – один из богатейших городов Азии и имеет до 150 тысяч жителей.

[141] - Память ап. Анании совершается Святой Церковью 1 октября

[142] - Память святого первомученика Стефана совершается Церковью три раза в год: 27-го декабря, в день мученической кончины святого, 15-го сентября, когда празднуется обретение мощей его, и 2-го августа, в день перенесения мощей святого Стефана из Иерусалима в Константинополь.

[143] - Самария, как страна или область Палестины, занимала средину Палестины, на запад от Иордана. Границы ее к северу – Галилея, к югу – Иудея, к востоку – Иордан, к западу – Средиземное море. Самария, главный город страны Самарийской и некогда столица царства Израильского, находилась в расстоянии почти трех верст на север от Иерусалима. В настоящее время от древнего славного города не осталось камня на камне, – на Месте его стоит одна бедная деревенька Сабустье (прежде город Севастия).

[144] - Траллия – лидийский город на северо-запад Малой Азии.

[145] - Память апостола Филиппа совершается Церковью 11 октября

[146] - Никомидия – богатый и цветущий город в области Вифинии, в северо-западной части Малой Азии. От древней цветущей Никомидии и доселе сохраняется много развалин, свидетельствующих о ее славном прошлом.

[147] - Антиохия – столица Сирии, древнейший и богатейший город; Антиохия лежит при реке Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра. В настоящее время Антиохия находится под турецким владычеством и представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до 10 тысяч жителей.

[148] - Бостра – город в Аравии. В древности был богатый торговый город. Теперь в развалинах. Сохранившиеся длинные ряды каменных магазинов свидетельствуют о его былом могуществе и богатстве.

[149] - Память святых апостолов: Прохора, Никанора, Тимона и Пармена празднуется всех вместе 28-го июля св. Никанора празднуется 28 декабря и память св. Тимона 30 декабря.

[150] - Ефес – главный город малоазиатской провинции Асии; расположен на реке Каистре. В настоящее время на месте древнего города Эфеса находится бедная турецкая деревушка, называемая Айся-Солюк.

[151] - Память святого апостола Тимофея совершается Церковью 22 января

[152] - Память св. апостола Тита совершается 25 августа

[153] - Газа – один из самых древнейших Филистимских городов, служивший пределом Хананеев на юге Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял все свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал некогда великий город. Недалеко отсюда расположен новый город позднейшего происхождения, того же имени.

[154] - Память святого апостола Филимона православная Церковь празднует 19 февраля

[155] - В царствование римского императора Траяна около 109 года. Память св. апостола Онисима празднуется 15 февраля

[156] - Города в Малой Азии.

[157] - Колоссы – город в юго-западной части Фригии, при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В древности был большой, населенный, богатый город. В настоящее время это небольшая деревенька на одном из скатов горы Хокас, при которой сохранились еще развалины древнего города Колоссы.

[158] - Память святого апостола Архиппа совершается Церковью 19 февраля

[159] - Коринф – древнейший, знаменитый и богатый торговый город Ахали прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива, между Ионическим и

Эгейским морями. В настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто, который имеет около 5000 жителей.

160 - Память его празднуется 30 июля

161 - Солунь, или Фесалоника, – весьма значительный, древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского, или Фермейского, залива при Эгейском море (Архипелаг). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый и мануфактурный город в европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

162 - Память его совершается 30 июля

163 - Галатия – небольшая гористая, но плодородная провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией. Название получила от Галатов – воинственных племен Галльского или Кельтического происхождения.

164 - Виенна – ныне Виеннь – древняя римская колония и потом столица различных государств, основанных германскими племенами, расположена на левом берегу р. Роны. В настоящее время город богат остатками римских древностей.

165 - Траян – римский император – царствовал с 98–117 г.

166 - Пелопоннес – южная часть Греции.

167 - Карфаген – древнейшая, знаменитая колония Финикиян на севере Африки, достигшая в древней истории высшей степени могущества и разрушенная в 146 г. до Р. Х. На развалинах древнего Карфагена при первых Римских императорах возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени.

168 - Паннония – одна из значительных придунайских областей Римской империи; ныне Паннония составляет часть Венгрии.

169 - Память святого апостола Андроника св. Церковь празднует три раза в году: 17 мая, 30 июля и 22 февраля.

170 - Аргирополь, ныне Фундукли, предместье Константинополя, близ Перы и Галаты

[171] - Диосполь находился в Палестине, к северу-западу от Иерусалима.

[172] - Одисса – город в Мизии, в северо-западной части Малой Азии, ныне Варна – пристань у северо-восточной покатности Балкан, на берегу Черного моря, имеет более 25 000 жителей.

[173] - Память его празднуется Церковью 31 октября

[174] - Македония находилась к северу от Греции, между Иллирией, Фракией, Эгейским морем и Гетом или Балканом. Некоторое время она составляла независимое государство, которое особенно возвысилось и прославилось при царе Александре Великом. Во времена Апостолов Македония входила в состав Римской империи. Теперь она во власти турок.

[175] - Память св. апостола Урвана 31 октября

[176] - Афины – столица древнегреческого государства; славилась своими постройками, статуями, развитием торговли и промышленности, и особенно школами. Здесь до позднейших времен (VI в. до Р. Х.) находились знаменитые философские училища, в которых получали образование жители древних стран.

[177] - Смирна – знаменитый торговый город Ионии, на восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага), один из древнейших городов Малой Азии. Христианством была Смирна просвещена святым апостолом Иоанном Богословом. В настоящее время Смирна принадлежит туркам, но и доныне сохраняется там православная вера христианская. Город остается и до этих пор одним из самых цветущих и очень населенных городов Турецкой империи.

[178] - Британия – древнее название Англии.

[179] - Память св. апостола Аристовула празднуется Церковью дважды в году: 16 марта и 31 октября.

[180] - Патры, или Патара, – приморский торговый город в малоазийской провинции Ликии (ныне Анатолия). Основан финикиянами; ныне в развалинах.

[181] - Память святого апостола Иродиона совершается Церковью 8 апреляи 10 ноября.

[182] - Память его – 8 апреля

[183] - Фивы – главный город Беотии, области Греции.

[184] - Память его – 8 апреля

[185] - Марафон – древний город во Фракии, лежавшей к северо-востоку от Македонии.

[186] - Филипполь – древний укрепленный город во Фракии, ныне в Восточной Румелии, на реке Марице; доселе весьма значителен по своей промышленности и численности населения.

[187] - Память его совершается Церковью 8 марта и 5 ноября.

[188] - Неаполь – главный город провинции Итальянского королевства с тем же названием, расположен по северному берегу Неаполитанского залива.

[189] - Путеолы – приморский город Италии на берегу Тирренского моря, близ Неаполя, в области Кампании.

[190] - Память св. ап. Патрова 5 ноября

[191] - Далмация – южная часть иллирийской провинции, которая граничила на Севере с Паннонией, на западе с Италией и Адриатическим морем.

[192] - Память его 5 ноября

[193] - Синоп – город на южном берегу Черного моря.

[194] - Память его 5 ноября

[195] - Лаодикия Сирская – некогда главный город Фригии, на юго-западе ее, в Малой Азии, при реке Ликус; славился широкой торговлей. В настоящее время только одни развалины на одном невысоком холме, при опустошенном селении Эски-Гассара, служат памятником того древнего города.

[196] - Тарс – большой и населенный город Киликии (юго-восточная провинция Малой Азии), в южной части ее, в плодоносной равнине, при реке Кидне, недалеко от кого впадающей в Средиземное море. И в настоящее время Тарс – еще довольно значительный торговый город.

[197] - Память апостола Иасона празднуется 28 апреля

[198] - Икония – город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда

главным городом Ликаонии; ныне Кония, главный город Малазийской Турецкой области Карамании.

[199] - Память его – 28 апреля

[200] - Память св. ап. Олимпа празднуется 10 ноября

[201] - Память святого апостола Тертия празднуется Церковью 30 октября

[202] - Панеада – город на севере Палестины; иначе называется – Кесария Филиппова.

[203] - Кончина святого Евода последовала в 66 году по Рождестве Христовом, в гонение Римского императора Нерона. Память Евода празднуется 7 сентября

[204] - Колофон – древний город Лидии, в северо-западной части Малой Азии. В недавнее время открыты развалины этого города.

[205] - Киринея – главный город области того же названия – находился в Ливии, на северном берегу Африки, на запад от Египта. Это был великолепнейший и богатейший город в северной Африке. В настоящее время от него остались одни развалины.

[206] - Память святого апостола Онисифора празднуется Церковью дважды: 7 сентября и 8 декабря.

[207] - Сардика – древний Сардис, или Сарды, богатый город Лидии, в северо-западной части Малой Азии, бывший некогда столицею и резиденцией известного своим богатством царя Креза. Во времена апостольские был еще значительным городом; рано возникла там и христианская Церковь. В настоящее время здесь лишь ничтожная деревенька, и только развалины свидетельствуют о прошлом величии этого города.

[208] - Празднование памяти святого апостола Сосфена совершается Церковью дважды в год: 30 марта и 8 декабря

[209] - Остров Крит, (называемый иначе Кандия – от главного города того же имени), находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Христианство здесь началось еще во времена апостольские; первые начала его положены

были очевидцами события Сошествия Св. Духа на Апостолов ибо при сем были и Критяне (Деян.2:11). В настоящее время Критом владеют турки.

210 - Память святого апостола Аполлоса празднуется Церковью дважды в год: 30 марта и 8 декабря

211 - Память его празднуется 8 декабря

212 - Адрия, или Адриака, – город во Фракии при Черном море, недалеко от Филипп, города Македонского, лежавшего на границе с Фракиею.

213 - Берия – город в восточной части Македонии. В нем проповедовал христианство апостол Павел между 40–65 гг. по Р. Х. В настоящее время он называется Веррия или Кара Веррия (Черная Верия); в нем около 10000 жителей.

214 - Память апостола Карпа празднуется 26 мая

215 - Память его 21 сентября

216 - Адриан – римский император – царствовал с 117 по 138 г.

217 - Библос – древний город в Финикии, недалеко от моря, между Триполисом и Беритом, был знаменит как центр культа Адониса, которому здесь был построен великолепный храм. В настоящее время на месте Библоса небольшое местечко, называемое Джебель, в котором всего 600 человек жителей. Оно окружено развалинами римских времен и времени крестовых походов, а также обширными кладбищами, в которых находятся египетские и финикийские древности.

218 - Память его Церковь празднует 27 сентября

219 - Апамея – один из городов Сирии.

220 - Память апостолов Аристарха, Пуда и Трофима празднуется святою Церковью 15 апреля

221 - Аполлониада – город в Вифинии, северной области Малой Азии, впоследствии причисленной к Лидии

222 - Листры – один из городов Ликаонии, серединной области Малой Азии, граничащей с Фригией. Здесь апостол Павел исцелил хромого, и язычники, при виде сего чуда, признали его и Варнаву за богов (Деян.14:6–18).

[223] - Память его празднуется 14 июля

[224] - Галлия – нынешняя Франция.

[225] - Евсевий – долгое время занимавший епископскую кафедру в Кесарии Палестинской и близко стоявший ко многим великим событиям своего времени, известен как отец церковной истории и вообще богослов, сочинения коего высоко ценились в христианской Церкви, отличался обширною ученостью; жил с 268 по 340 г. Евсевий собрал воедино все записи и повествования о мучениках в сборнике, носящем название: «Собрание древних мученичеств». Сборник сей содержал в себе сказания о мучениках, епископах, исповедниках, святых женах и девах по всем епархиям. Он состоял по мнению одних из 20, а по свидетельству других – из 16 книг.

[226] - Св. Эпифаний – современник святого Иоанна Златоуста, был епископом на острове Кипре в течение 36 лет. Известный отец Церкви, оставивший после себя много творений, направленных против ересей его времени. Скончался в 408 году. Память его празднуется 12 мая

[227] - Св. Иоанн Дамаскин – замечательнейший христианский песнописец и богослов, скончавшийся в 776 году. За его ревностную защиту св. икон против иконоборцев ему была отсечена рука, но, по изволению Божию, вновь приросла к телу. Память его празднуется Церковью 4 декабря

[228] - Память святого Лазаря Четверодневного празднуется Церковью 17 октября, когда воспоминается перенесение мощей его с о. Кипра в Царьград.

[229] - По Евсевию и Иерониму, Аримафея то же, что Рама, или Рамафа, – город на горе Ефремовой, на два часа пути к северу от Иерусалима, недалеко от Лидды; иначе называется Рамафаим-Цофим. Он был отечеством Иосифа Аримафейского, одного из учеников Христовых (Ин. 19:38), члена верховного совета иудейского, который в своем гробе, высеченном в скале, похоронил Иисуса Христа.

[230] - Празднества святому Иосифу не положено, но он вспоминается в неделю жен-мироносиц.

[231] - Память святого Никодима празднуется Церковью 2 августа и в неделю жен-мироносиц.

[232] - Вместе со св. Гамалиилом скончался и благочестивый сын его Авив, который также веровал во Христа; память святых Гамалиила и Авива празднуется Церковью 2 августа

[233] - Эфиопия – в Африке, соответствует нынешней Абиссинии. Она находилась в верховьях реки Нила и граничила с Фиваидскою областью Египта на севере, с Ливией на западе, с южною Эфиопией на юге и с Аравийским заливом и Чермным морем на востоке.

[234] - Кесария Палестинская – город на восточном берегу Средиземного моря, построенный царем иудейским Иродом на месте древнего города Стратон и названный так в честь Кесаря Августа (римского императора Октавия Августа). Город сей подвергался неоднократным разрушениям и в настоящее время на его месте – только развалины, покрытые дикими растениями.

[235] - Воспоминание о святом Закхее Церковь совершает в 32-ю неделю, пред началом постной Триоди.

[236] - Скепсия – город в западной малоазийской провинции Мизии.

[237] - Память святого Корнилия совершается 13 сентября

[238] - Память святого Лонгина сотника празднуется Церковью Святой 16 октября

[239] - Память святого Игнатия Богоносца празднуется Церковью два раза в год: 29 января, когда воспоминается перенесение мощей его учениками из Рима в Антиохию, и 20 декабря, день кончины святого.

[240] - Симеон Метафраст – известный церковный писатель X в. (940 г.), составитель и собиратель Житий Святых, что он делал по поручению Константинопольского императора Константина VII (912–954 г.). Движимый великою ревностью к славе святых подвижников, Симеон не только собрал повествования о них, но многие из них переработал, отчасти сократил и, что важнее всего, старинную, тяжелую и во многом неудобопонятную речь заменил современным ему чистым и лучшим слогом. За это Симеон и получил наименование

Метафраста, что значит: пересказчик, перелагатель. Его труды в этой области послужили впоследствии главным источником для Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского

[241] - Память св. Поликарпа празднуется 23 февраля

[242] - Память священномученика Ерофея празднуется 4 октября

[243] - Память его празднуется св. Церковью 11 апреля

[244] - Филадельфия – город Лидийский в Малой Азии, недалеко от Сард, при подошве горы Тмолуса. Название получил от своего основателя Аштала II Филадельфа, царя Пергамского. В древности он был богатым, цветущим городом с большим числом жителей. В настоящее время это небольшой христианский городок под властью турок.

[245] - Житие святого Евстафия написано его младшим современником, святым Даниилом II, архиепископом Сербским, и вошло в состав его «Родослова» или «Цароставника». Лучшее издание в книге: «Жизни короля и архиепископа сербского», изданной Даничичем в 1866 г. (стр. 292–319). Житие св. Даниила см. под 20 декабря

[246] - Будимльская область, или «жупа», находилась там, где теперь в северо-восточной Черногории живет сербское племя Васоевичи. Ныне существует там село Будимль. В древности Будимльская епархия имела кафедру в монастыре св. Георгия, который и теперь существует в полуразвалинах к северу от городка Гусинье в селе Беране.

[247] - Область Зетская, Зета, или в древности Диоклея, ныне Черногория. Монастырь св. Михаила находился на восточном берегу Которского залива, недалеко на юге от города Котора.

[248] - Монастырь Жича (Житьча, Жидьча), существующий до настоящего времени, находится на правом берегу реки Ибра, недалеко от впадения ее в Сербскую Мораву, в пределах теперешнего Сербского королевства.

[249] - Ипек, Пешть, Печь – второе место пребывания Сербских архиепископов; город с монастырем существует и теперь и находится в Старой Сербии (принадлежащей Турции) на речке Быстрице, впадающей в Белый Дрин в его верховьях.

[250] - Киликия – юго-восточная область Малой Азии при Средиземном море.

[251] - Диоклетиан – римский император, царствовавший с 284–305 год.

[252] - Комментарисий – смотритель за узниками, ведший им счет.

[253] - Греко-римский бог, почитавшийся покровителем умственного просвещения, божеством солнца.

[254] - Кончина его последовала в 303 году.

[255] - Македония – провинция Римской империи на юге Балканского полуострова, на севере от Греции.

[256] - Преподобная Синклитикия скончалась около 350 года.

[257] - Аркадий, по разделе Римской империи отцом его Феодосием I Великим, царствовал в Восточной Римской империи, или в Византии, с 395–408 г.

[258] - Феодосий II-й – сын Аркадия, названный Младшим, в отличие от деда своего Феодосия I Великого; царствовал в Византии с 408–450 г.

[259] - Гонорий – другой сын Феодосия Великого – получил при разделе империи Запад, и царствовал с 395–423 г.

[260] - Анфипат (греч. Ανθύπατος), или проконсул, – сановник в Византийской империи, занимавший государственную должность правителя отдельной области или провинции.

[261] - Анфемий – отец Аполлинарии – был проконсулом или анфипатом с 405 г. И пользовался влиянием при дворе, так что по смерти императора Аркадия в 408 г. брат его, Гонорий, император Западной империи, назначил сего Анфемия опекуном к 8-ми летнему сыну Аркадия Феодосию и доверил ему временное правление всей Восточной империей. Поэтому Анфемий в житии называется царем. О нем упоминает блаженный Феодорит, и сохранилось письмо к нему св. Иоанна Златоуста

[262] - Аскалон – один из пяти главных филистимских городов в Палестине на берегу Средиземного моря, между Газою и Азотом. Назначенный в уделе колену Иудину и завоеванный им,

он, однако, после был независим и подобно другим филистимским городам был во вражде с Израилем.

[263] - Проконсул – правитель области.

[264] - Параманд, иначе называемый аналав, – это принадлежность монашеского одеяния. В древности параманд состоял из двух ремней, надеваемых поверх хитона или рубахи крестообразно на плечи, в знамение поднятия на рамена крестного ига Христова. Иначе параманд устроялся из двойных шерстяных перевязей, спускавшихся с шеи и обнимавших крестообразно плечи под мышками и затем препоясывавших нижнюю одежду. Впоследствии к этим ремням и перевязям стали прикреплять небольшой льняной плат на груди с изображением страданий Христовых, опоясываясь концами ремней или перевязей его крестообразно, наподобие дьяконского ораря. Некоторые из иноков надевали параманд поверх одежды монашеской, иные не только сверх хитона, или рубахи, как носят и теперь. В настоящее же время поверх одежды носят удлиненный параманд или аналав только схимники.

[265] - Около 470 года.

[266] - Сей пророк Михей не принадлежал числу 12 так называемых «меньших пророков» и жил в IX веке до Р. Х. Святой же пророк Михей из числа «меньших пророков» жил и пророчествовал лет на 130 позже.

[267] - Ахав сын Амврия, – царь Израильский; он сочетался браком с нечестивою Иезавелью, дочерью царя Сидонского, и вместе с нею ввел новое идолослужение в царстве Израильском – служение Ваалу и Астарте – божествам Сидонским. При нем жил и грозно обличал его нечестие пророк Божий Илья Фесвитянин.

[268] - Иосафат, сын Асы, благочестивый царь иудейский, царствовал с 914 по 889 г. до Р. Х.

[269] - Самария – главный город царства Израильского. Город сей построен Амврием царем Израильским, отцом Ахава, за 925 лет до Р. Х. и до самого разрушения царства Салманассаром,

царем Ассирийским оставался главным городом и резиденцией царей Израильских.

[270] - Рамоф – город Галаадский, ныне – Сальт, лежащий при подошве горы Галаадской. – Галаад – страна Заиорданская.

[271] - Сирия – в обширном смысле означает обширную землю между Средиземным морем и Евфратом. Во время своей самостоятельности она разделялась на многие царства, из которых самым могущественным было царство Дамасское, которое в настоящем случае здесь и разумеется. В царствование Ваассы и Амврия, царей Израильских, Венадад, царь Сирийский, овладел несколькими городами Израильскими. При сыне Амврия, Ахаве, Венадад 2-й, сын предыдущего, осадил саму Самарию, но попал в плен и принужден был заключить мир, возвратив Ахаву завоеванные отцом его города; однако, Рамоф Галаадский остался в руках Сирийцев.

[272] - Ваал – главное божество Финикиян, под именем которого они обоготворяли главным образом солнце. Введши с Иезавелью в царстве Израильском служение Ваалу и Астарте, Ахав особенно покровительствовал ложным пророкам Вааловым, содержал их в числе около тысячи человек на своем царском иждивении.

[273] - Это было около 878 года до Р. Хр.

[274] - Остров Крит, называемый иначе Кандия, – от главного города того же имени, находился в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря.

[275] - В древности известно несколько городов с именем Селевкии: и в Малой Азии, и в Месопотамии, и в Сирии, и Палестине. По близости расположения от острова Крита здесь следует разуметь малоазийский приморский город в Киликии, в юго-восточной части Малой Азии.

[276] - Лев – император Византийский, царствовал с 776 по 780 г.

[277] - Арабы взяли Иерусалим в 636 г. при халифе Омаре.

[278] - С 795 по 816 год.

[279] - Память его 23 мая

[280] - Михаил Куропалат, иначе называемый Рангав, царствовал с 811 по 813 г.

[281] - На малоазийском берегу Мраморного моря.

[282] - Разумеются волнения, вызывавшиеся иконоборцами на Востоке и новым учением об исхождении Святого Духа от Отца и Сына – на Западе.

[283] - Св. Григорий скончался около 820 года.

[284] - Фостирий – имя греческое (от светило), значит осветитель.

[285] - Синай – гора, с которой Господь дал закон народу еврейскому через Моисея. Она представляет одну из вершин горной цепи Хорив на полуострове Красного (Чермного) моря. Эта горная цепь, прорезанная узкими скалистыми ущельями, и имеющая много пещер с первых времен христианства, стала излюбленным местом подвижников, которые образовали там несколько скитов и монастырей. Из подвижников синайских особенно известны: св. Иоанн Постник, впоследствии патриарх Константинопольский, преп. Иоанн Лествичник (писатель «Лествицы»), бывший в конце жизни игуменом Синайской горы, т. е. находящихся там обителей, и многие другие.

[286] - Ристания – это состязания в бегах, которые публично совершались в Греции на каких-либо празднествах во время общественных игр. Победившему в этом состязании давалась награда от особых старшин, которые присуждали награды.

[287] - Указание на видение пророка Исайи, который удостоился лицезреть Бога, Седящего на престоле, причем окружающие престол Херувимы и Серафимы воспевали: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (Ис. 6,3).

[288] - Разумеется девическая утроба Пречистой Богоматери.

[289] - Выражение взято от древнего обычая – на общественных состязаниях борцов увенчивать победителей лавровыми венками.

[290] - 1-й ирмос на Крещение Господне.

[291] - Ср. жит. св. Пелагии под 8-м октября

[292] - Кокош – курица-наседка; птица-мать, защищающая птенцов.

[293] - Из службы заупокойной.

[294] - Из тропаря мученицам.

[295] - Святой Анастасий Синаит – один из выдающихся богословов греко-восточной церкви VII столетия. Память его – 23 апреля.

[296] - (Иоан.3:6).

[297] - Из канона на Пятидесятницу, песнь 5.

[298] - Из церк. службы.

[299] - Воскр. антифон 6-го гласа.

[300] - Смирна – благовонная смола бальзамного дерева мирры, растущего в Аравии и Эфиопии. Смола эта употреблялась для священного помазания, для благоухания и окуривания, для натирания и намащения тела, особенно же для бальзамирования и помазания тел умерших. Стакти – тоже ароматическая мазь, употребляемая для лечения болезней. Кассия – тонкая и благовонная кора, облекающая собою древесные ветви. Она употреблялась для составления благовонных мазей и ароматов, а также для врачевства.

[301] - Севастия – главный город Самарии. Такое название этот город получил после того как был подарен Августом Ироду Великому, который совершенно восстановил его и украсил и, в благодарность Августу, назвал его Севаста, или Севастия, что значит город Августа.

[302] - Разумеется Ирод Антипа, сын Ирода Великого, правивший Галилеей и Парией с титулом тетрарха, т. е. четвертовластника, властителя над четвертою частью Палестины. Он имел законную жену, дочь Аравийского царя Арефы, но отверг ее и отнял жену у Филиппа, брата своего, Иродиаду. Св. Предтеча Господень Иоанн обличал Ирода за сей беззаконный брак. За это Ирод заключил его в крепость Махерунт, находившуюся близ Мертвого моря на границе с Аравией. Здесь злобная Иродиада, воспользовавшись удобным случаем, представившимся во время пира, испросила у Ирода через дочь свою Саломию главу Иоанна Крестителя, и

беззаконный царь, посреди пира, повелел отсечь главу Предтечи, что и было исполнено. Сия глава была отнесена Иродиаде, которая в злобной радости исколола Предтечев язык, а тело было выброшено за стены крепости и найдено здесь учениками Крестителя, которые с честью отнесли его в Севастию и здесь похоронили.

303 - Юлиан Отступник – племянник Константина Великого Констанция, он был соправителем его, управляя западными провинциями Римской империи. Сделавшись в 361 г. императором, он отступил от христианской веры и поставил задачею своей жизни восстановление язычества, он и назван Отступником. Царствовал до 363 года, когда он погиб в войне с персами.

304 - Аполлон – один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца, умственного просвещения, поэзии и музыки, а также общественного благополучия и порядка. Сверх того, он был божеством предсказаний будущего и врачебного искусства.

305 - Никифор Каллист – церковный историк, монах Софийского монастыря в Константинополе; скончался около 1350 года. Кедрин – тоже известный церковный историк, живший в конце XI или начале XII в.

306 - Симеон Метафраст – известный составитель житий святых, живший в Константинополе в X в. (Скончался около 940 г).

307 - Византийский император Константин VIII Порфирородный царствовал с 912–959 г.; брат же его Роман – с 919–944 г. Таким образом, от 919 по 944 г. Братья управляли совместно.

308 - Халкидон – город в северо-западной части Вифинии, на берегу Босфора, против Константинополя.

309 - Сию честную руку Предтечи, в XIV и в начале XV века, видели в Константинополе русские паломники. Здесь она находилась до 1484 года, когда была передана Родосским рыцарям, которые, утвердившись на острове Средиземного моря – Мальте, перенесли туда полученное ими сокровище. В

1799 году эта святыня принесена была мальтийскими рыцарями в Гатчину в дар Императору Павлу I, откуда она была перенесена в С.-Петербург в церковь Нерукотворного Образа Спаса в Зимнем дворце. В память этого события установлено празднество – 12 октября.

310 - Антиноя – довольно значительный город на границах Среднего и Верхнего Египта. В настоящее время от этого города остались одни развалины. Вокруг этих развалин находится множество пещер высеченных в скалах. В них начертано на многих стенах знамение креста, свидетельствующее о существовании здесь церквей и обителей иноков; подземные галереи, где устроены были кельи, идут на далекое пространство.

311 - Выражение взято из (Ис.8:18). Мессия, на которого должны уповать сыны Израильские, по уверенью пророка, спасет их от врагов временных и вечных и, приведя к Богу, небесному Владыке их скажет: «Вот я и дети, которых дал мне Господь».

312 - Римский император Диоклетиан царствовал с 284 по 305 г. по Р. Х. Под Максимианом здесь разумеется зять Диоклетиана – Максимиан Галерий, соправитель его на Востоке и после него преемник его (с 306 по 311 год).

313 - Гонение на христиан при Диоклетиане началось в 303 г. Причиною гонения был Максимиан Галерий, убедивший Диоклетиана издать общий закон против христиан. Закон предписывал: христианские храмы разрушать, сжигать книги Священного Писания и лишать христиан всех гражданских прав и должностей. Гонения при Диоклетиане отличались, во-первых, жестокостью мучений, во-вторых, обилием числа мучеников, умерщвляемых зараз, – от 10 до 100 и более в один день.

314 - Разумеется Кельсий, сын правителя Маркиана, жестокого гонителя христиан.

315 - Карин – сын римского императора Кара. Вместе с братом Нумерианом он при вступлении на престол Кара был провозглашен Цезарем, и во время похода, предпринятого Каром против парфян, управлял западными провинциями на

правах императора (283–284 г.). Когда Кар погиб и воины провозгласили императором Диоклетиана, Карин выступил против него, но был разбит и пал от руки убийц в 285 г.

316 - Это было в 313 году, когда Египтом и Африкой управлял Максимин Даза (311–313 г.), бывший раньше соправителем Максимиана Галерия (с 305 г.). На западе в это время уже царствовал Константин Великий

317 - Ирмосы на Вел. субботу, песнь 6-я, ср. (Ион. 2:9).

318 - Ростислав Всеволодович, сын Всеволода Ярославича и внук Ярослава Мудрого, княжил в Переяславе – городе, находившемся на юге от Киева, на реках Альте и Трубеже. В настоящее время Переяслав – уездный город Полтавской губернии.

319 - Половцы – кочевой народ тюркского происхождения, обитавший со второй половины IX века в южнорусских степях и до татарского нашествия производивший постоянные опустошительные нападения на Русь. Нападения свои они производили быстро и внезапно. Русские князья для борьбы с половцами, устраивали пограничные укрепления и предпринимали походы вглубь половецкой земли. Один из таких походов, о котором здесь упоминается, был предпринят великим князем Киевским Святополком Изяславичем (с 1093 по 1113 г.) в первый год его великого княжения.

320 - Владимир Мономах был одним из замечательнейших русских князей в домонгольский период. Когда умер отец его, Всеволод, он, несмотря на любовь к нему киевлян, не занял великокняжеского киевского престола, а призвал двоюродного брата своего Святополка Изяславича, которому и уступил великое княжение, как старшему в роду. В это время он княжил в Чернигове и, сверх того, владел Смоленским княжеством. По смерти Святополка он занял киевский великокняжеский престол, где княжил до своей смерти (1113–1125 гг.).

321 - В настоящее время местечко Киевской губернии.

322 - Стугна – правый приток Днепра, протекающий через Васильковский уезд, Киевской губернии. В прежнее время приток этот был довольно значительной рекой.

[323] - (Мф.7:2) – там это место читается так: «ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить».

[324] - Феодосий Великий – римский император с 379 по 395 г. В его царствование христианская вера была окончательно утверждена в Римской империи.

[325] - Св. патриарх Нектарий управлял Константинопольскою церковью с 381–397 г. Память его совершается в субботу сырную.

[326] - Диакониса – с греческого языка: служительница. Так назывался особый род лиц в Церкви, учреждение которых восходит к временам апостольским (Рим.16:1; ср. 1Тим.5:3–10). На должность диаконис большею частью избирались пожилые (не моложе 40 лет) девственницы или вдовы. Обязанностъю их было наставлять обращающихся жен и девиц, как они должны держать себя во время крещения, прислуживать епископу при их крещении и вместо него совершать помазание других частей тела, кроме чела, наблюдать за порядком и благочинием среди женщин во время Богослужения, посещать больных и заключенных в темницах, служить исповедникам и мученикам, содержимым под стражей, помогать неимущим и т. под. Относительно диаконис есть несколько канонических правил, а именно: IV-го Вселенского собора правило 15-е, IV-го – правило 14-е и св. Василия Великого правило 44-е.

[327] - Здесь разумеется император Лев II, царствовавший меньше одного года (в 474 г.); император Зенон царствовал с 474 по 491 г. Св. Домника скончалась в первые годы царствования Зенона, около 474 г. Так как в Константинополь она пришла, во всяком случае, раньше 385 года, и так как ей в это время было, несомненно, не меньше 20 лет (ибо патриарх Нектарий нашел возможным вскоре поставить ее в диаконисы), то св. Домника скончалась, имея более 100 лет от роду.

[328] - Хозевитами назывались иноки Хозевитской или Хузивской обители.

[329] - Остров Кипр находится в северо-восточном углу Средиземного моря, недалеко от Сирийского побережья.

[330] - Иорданская долина находится по течению реки Иордана; представляя собою места малонаселенные, она с древних времен была излюбленным местом отшельников. Так, сюда удалился св. пророк Иоанн Предтеча и выступил здесь с проповедью о покаянии. Во времена христианские на этой долине находилось немало всевозможных монастырей.

[331] - Лавра Коломанова находилась близ Мертвого моря и Иордана.

[332] - Хузивский монастырь находился в пустыне Хузив или Хозева, между Иерусалимом и Иерихоном вправо от большой дороги, через которую обыкновенно проходят паломники из святого града к Иордану, и недалеко от спуска в низменную долину Иорданскую. Монастырь этот был расположен в дикой местности. Церкви и кельи монахов, вися над оврагом на высоте 50 сажен, были как бы прилеплены к каменистым утесам. Монастырь Хузива возник в V веке. Имя первого его основателя неизвестно. Впоследствии монастырь именовался Лаврою и в VI, VII и VIII веках, когда он особенно славился строгостью жизни своих подвижников, достиг особенного процветания. В XII веке монастырь этот еще существовал, но о дальнейшей судьбе его ничего неизвестно. В самое недавнее время сия обитель была возобновлена.

[333] - Нашествие персов было сделано в 614 г., под предводительством Хозроя, царя персидского (царствовал с 580 по 628 г.).

[334] - Пс. 115:6.

[335] - Диоклетиан царствовал с 284 по 305 г.

[336] - Прокуратор собственно заведовал в провинциях Римской империи судебными процессами. Впоследствии прокураторы посылались в императорские провинции для собирания доходов в казну императора. Незначительные провинции управлялись прокураторами.

[337] - Серапис – египетское божество, в последние годы язычества почитавшееся и в Римской империи. Почитался богом умерших душ и призывался, как спаситель от болезни и смерти.

[338] - В 304 году.

[339] - Фиваидская область называлась так от Фив – главного города верхнего Египта. Близ города Антиноя находилось немало отшельнических келий и киновий.

[340] - Ливия – область на севере Африки, к западу от Египта.

[341] - Это было в начале IV века.

[342] - Кизик – город в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[343] - Лев V Армянин – Византийский император – царствовал от 813–820 г.

[344] - Римский император Декий царствовал с 249–251 г., Валериан царствовал с 253–259 г.

[345] - Город Мелитина построен римским императором Траяном (98–117). Это – главный город страны того же имени, находившейся в Малоазийской области Каппадокия, составлявшей некогда северную часть Малой Армении.

[346] - Ср. притчу Господню о делателях в винограднике (Мф. 20:1–16).

[347] - Это было в 295 году.

[348] - 11 февраля 1507 года.

[349] - «Отроками» назывались в древней Руси младшие члены княжеской дружины, потом вообще доверенные служители при князе, опытные, большей частью, и в военном искусстве и исполнявшие разные поручения своего господина. Были свои отроки и у бояр.

[350] - Василий IV Иоаннович – великий князь Московский с 1505–1533 г.

[351] - Иоанн IV Васильевич Грозный – с 1533 – великий князь Московский, в 1547 году принял титул царский и царствовал по 1584 г.

[352] - Соловецкий первоклассный ставропигиальный монастырь находится на крайнем севере, на Соловецком острове Белого моря, в 306 верстах от Архангельска; существует с XV века и с самого первого времени своего

существования прославился строгой подвижнической жизнью своих иноков.

[353] - Это было в половине 1537 года.

[354] - Онежское озеро находится на севере России, в Олонецкой губернии; после Ладожского первое по величине озеро в Европе.

[355] - Это было в 1548 году.

[356] - В продолжение своего восемнадцатилетнего управления Соловецкой обителью игумен Филипп совершенно обновил ее; соорудил в ней две каменные церкви – Успения Пресвятой Богородицы и Преображения Господня, завел колокола вместо бил и клепал (металлических досок употреблявшихся для созывания братии на богослужения), воздвиг для братии двух- и трехэтажные кельи и больницу; умножил и улучшил соляные варницы – главный источник содержания обители, устроил водяные мельницы, завел скотный двор и оленей, соединил озера каналами и осушил болота, сделал просеки в лесах и проложил дороги. В сане игумена Филипп сделался снова известным великому князю Иоанну Васильевичу и заслужил его расположение. Царь пожаловал ему грамоты на разные волости, села и другие владения, подарил ему богатые ризы, шитые жемчугом и два покрова на раки угодников Соловецких Зосимы и Савватия, а впоследствии прислал тысячу рублей на построение Преображенского храма, два колокола, два золотых креста с драгоценными камнями и жемчугом и новые жалованные грамоты для подтверждения разных льгот обители.

[357] - Афанасий – митрополит Московский и всея России, занимал митрополичью кафедру с 1564–1566 г.

[358] - Это значило, что Филипп будет облечен саном первосвятительским, что таковы желание и воля царя.

[359] - Опричники были избраны из князей, дворян и детей боярских. Они имели свои поместья в отведенных под опричнину особых волостях; на содержание их были назначены даже особые города; опричники имели свои права и преимущества. Другая часть России получила наименование

«земщины» и отдана в заведование земских бояр для управления общими делами государства и народа.

[360] - Отказываясь принять высокий святительский сан, Филипп говорил: «не могу принять на себя дело, превышающее силы мои, отпусти меня, Господа ради, зачем малой ладье поручать тяжесть великую?» Когда же царь продолжал настаивать, Филипп объявил, что исполнит волю царя, но с тем чтобы уничтожена была опричнина, от которой страдает Русская земля. Иоанн отвечал, что опричнина нужна для царя и царства, так как против него злоумышляют. Святого Филиппа уговорили не вступаться в дела двора и опричнины и не удаляться с митрополии за то, что царь не уничтожил опричнины, но советоваться с царем, как советовались прежние митрополиты. Таким образом, святой Филипп оставил за своею совестью свободу и долг опечаливаться за невинно гонимых и говорить о правде евангельской, что издавна было преимуществом, русских святителей.

[361] - Вражду против святого Филиппа с особенною ревностью возбуждали в царе опричники, клеветавшие на святителя и поддерживавшие царя в уверенности, что митрополит держит сторону ненавистных ему бояр и служит их орудием. Когда же неистовства опричников стали усиливаться, и царь нимало не исправлялся и совершал злодейства и жестокие казни, святитель, испытав недостаточность тайных вразумлений царю, выступил с открытыми, всенародными обличениями против него и опричников.

[362] - Таковыми были Пафнутий, епископ Суздальский, Филофей, епископ Рязанский, и, особенно, протоиерей Благовещенского собора Евстафий, царский духовник, которого Филипп подверг запрещению за какие-то проступки и который непрестанно доносил царю, тайно и явно, хульные речи на митрополита.

[363] - Малюта Скуратов-Бельский – думный дворянин, любимый опричник царя Иоанна IV Грозного, отличавшийся своею жестокостью и участвовавший почти во всех злодеяниях Грозного. Память о Малюте Скуратове и его злодеяниях

сохранилась в народных песнях, и даже самое имя его стало нарицательным названием злодея.

[364] - Василий Грязный – любимый и доверенный опричник царя Иоанна IV Грозного.

[365] - На наглые клеветы Паисия первосвятитель только кротко заметил ему: «чадо, что сеешь, то и пожнешь». Затем, обратившись к царю и всему собору, он объявил, что вовсе не боится смерти и предпочитает умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония настоящего времени, после чего стал снимать с себя белый клобук и мантию.

[366] - Это было 8 ноября 1568-го года.

[367] - Здесь св. митрополит Филипп целую неделю просидел в смрадной темнице, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодом. Потом он был перевезен в монастырь св. чудотворца Николая, так называемый Старый. Не довольствуясь тем, что терпел святой Филипп, царь подверг пыткам и казням служивших ему детей боярских; из родственников его Колычевых умерщвлены один за другим десять человек. Голову одного из них, Ивана Колычева, особенно любимого святителем, царь прислал последнему в темницу. Святитель поклонился пред нею до земли, благословил ее, с любовью облобызал и отдал принесшему.

[368] - Отрочь Успенский второклассный монастырь находится в Твери, основан до XIII века. Место заключения и мученической кончины святителя представляет собою сырой мрачный подвал, где всегда господствует сырость, мрак и затхлость. Когда в XVII веке хотели устроить в память страстотерпца-святителя престол, то устроили его во втором этаже, и только в 1833–34 гг. нашли возможным устроить и внизу придельный храм во имя св. великомученицы Варвары; алтарь этого придельного храма находится там, где под полом было место заключения святителя. Близ соборного храма в Северо-Западном углу, на месте могилы святого Филиппа устроена часовня. В соборном храме находится рака святителя Филиппа с изображением его и частицею св. мощей.

[369] - Это был скорее опустошительный набег Грозного на Новгород, о жителях которого было донесено царю, что они готовы передаться польскому королю. В продолжение шести недель царь совершал в Новгороде страшные казни, от которых погибло несколько тысяч новгородцев и окрестных поселян; ограблены были не только жилища граждан, особенно богатых, но и все монастыри и церкви.

[370] - Это было 23 декабря 1569-го года.

[371] - Архиепископ Новгородский Пимен сведен был с кафедры спустя только две недели после кончины святого Филиппа и подвергся крайнему надруганию, после чего заточен был в Веневский монастырь, где вскоре и скончался. Любимец царский Малюта Скуратов вскоре после своего злодейства был убит при городе Торжке пленными крымцами, причем сам царь едва избежал смерти. Игумен Паисий заточен был на остров Валаамский и там скончался; монах Зосима и еще десять иноков, тоже клеветавщих на святого Филиппа, были разосланы по разным монастырям. Такая же кара Божия постигла некоторых других врагов святителя.

[372] - Феодор Иоаннович царствовал с 1584–1598 г.

[373] - Это было в 1591-м году. Тело святого Филиппа сначала было поставлено под папертью созданного им храма, где, в бытность свою игуменом Соловецким, он сам выкопал себе могилу рядом с могилою наставника своего старца Ионы, а в 1646-м году оно было перенесено в самый храм.

[374] - Царь Алексий Михайлович царствовал с 1645–1676 г.

[375] - Впоследствии знаменитый патриарх Всероссийский, исправитель богослужебных книг и обрядов.

[376] - Перенесение мощей св. митрополита Филиппа было совершено в 1652-м году. Память перенесения установлено праздновать 3 июля. Кроме того, память святого Филиппа празднуется еще 5 октября совместно с памятью святителей Московских: Петра, Алексия и Ионы.

[377] - Под Тарсийской областью здесь разумеется Киликия – юго-восточная провинция Малой Азии. Название Тарсийской дано ей от главного города области – Тарса, находившегося в

южной части ее, в плодоносной равнине, при р. Кидне, недалеко от города впадающей в Средиземное море. Это был большой и населенный торговый город, сохранивший свое торговое значение и до настоящего времени.

[378] - Олимп находился в Вифинии, северо-западной провинции Малой Азии. На этой горе находилось немало различных обителей.

[379] - Византийский император Лев V Армянин иконоборец, царствовал с 813 по 820 г.

[380] - Силом – город в земле колена Ефремова, в Палестине; здесь стояла скиния свидения, устроенная Моисеем.

[381] - С 1020 по 980 г. до Рожд. Христова.

[382] - С 980 по 963 г. до Р. Х.

[383] - Сусаким, по египетским летописям – Шешонке, был первым фараоном XXII династии Бубастидов.

[384] - Севастия Армянская находилась на северо-востоке Малой Азии.

[385] - Македоний был патриархом Константинопольским с 341–360 г. с перерывами. Он был основателем ереси, неправильно учившей о Святом Духе. Духа Святого он не признавал Богом, а считал Его тварным существом, не имеющим участия в Божестве и славе Отца и Сына. II-й Вселенский собор в 381 г. осудил эту ересь и утвердил православное учение о Святом Духе как Истинном Боге. Сверх того, на этом соборе был пересмотрен Никейский Символ веры. Прибавив к нему 5 новых членов (8–12), где предложено учение о Святом Духе, о Церкви и таинствах, о вере в воскресение мертвых и жизнь будущего века, – собор придал ему тот вид, в каком он сохранился до настоящего времени.

[386] - См. о сем, равно как о родителях святого Григория Нисского, в житии св. Василия Великого под 1 января

[387] - Риторика – наука, содержащая в себе правила красноречия.

[388] - Философия (в переводе с греч. любомудрие) – наука мудрости – занимается, на основании изысканий человеческого разума, высшими, отвлеченными вопросами бытия: о сущности

бытия, о Боге, о начале и законах мира и человека, о предназначении человека и конечных целях существования мира и т.д.

[389] - Юлиан Отступник – римский император, царствовал с 361 по 363 г. Не воздвигая открытого гонения на христиан, он, однако, стремился истребить христианство и восстановить язычество, для чего принимал всяческие меры.

[390] - Святой Григорий Богослов (Назианзин) – великий вселенский учитель, друг и сподвижник св. Василия Великого. Память его празднуется 25 января

[391] - Это было в начале 372 года. Нисса – город в северо-западной части Каппадокии (обширной восточной области Малой Азии).

[392] - Валент – император Восточной половины Римской империи, царствовал с 364 по 378 г.

[393] - Арианская ересь получила свое название от Александрийского пресвитера Ария, учившего, что Сын Божий не рождается предвечно от Бога Отца, а сотворен Им из небытия во времени, не единосущен и не равночестен Ему. Эта ересь клонилась к ниспровержению всего христианства.

[394] - Понт – северо-восточная область Малой Азии, на берегу Черного моря, от которого и получила свое наименование (Понт – в переводе с греч. – означает собственно море, и Черное море в древности именовалось Понтом Евксинским).

[395] - Анкира – весьма древний цветущий город Галатии (небольшая провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией, в средней части Малой Азии) – ныне Ангора, до этих пор остается одним из важнейших торговых городов Малой Азии. Собор в Анкире против святого Григория и низложение его последовали в 375 г.

[396] - В 379 г.

[397] - Антиохийский собор был в 379 г.

[398] - Плодом беседы святого с его умирающей праведной сестрой было впоследствии сочинение Григория о «душе» и «воскресении».

[399] - Ивора и Севастия – города Каппадокии.

[400] - Феодосий Великий – римский император – царствовал с 379 по 395 г.; был ревностным покровителем христианства и поборником православия против еретиков.

[401] - II Вселенский Константинопольский собор был в 381 г.

[402] - Евномий – ересиарх второй половины IV в., крайний представитель арианства.

[403] - Св. Нектарий управлял Константинопольской патриаршею кафедрою с 428 по 431 г. Память его отмечается в субботу сырную.

[404] - Плакилла – супруга императора Феодосия Великого, известная как благочестивая христианка, отличавшаяся своей христианской благотворительностью. Память ее в Греческой Церкви празднуется 14 сентября.

[405] - Поместный Константинопольский собор 394 г., при патриархе Нектарии, был созван для решения спора между двумя епископами (Агапием и Багадием), изъявлявшими притязания на одну и ту же кафедру (в Боцре Аравийской).

[406] - Святой Григорий Нисский скончался в конце IV века, вскоре после Константинопольского собора 394 г.

[407] - Святой Григорий Нисский оставил после себя множество сочинений, в которых он является то как вития духовный, то как догматист-обличитель ересей, то как толкователь Свящ. Писания, то как учитель нравственности. Ораторский талант его виден в надгробных словах его Мелетию Антиохийскому, Василию Великому, св. Макрине, муч. Феодору Тирону, на крещение, на Пасху (5 слов), на Вознесение Христово, на Пятидесятницу, на Сретение Господне. Из догматических сочинений святого Григория самые лучшие: 12 слов против Евномия и Катехизис, составляющий наставление в том, как надобно действовать при обращении язычников и иудеев и как – при опровержении еретиков. В сочинении против Евномия, опровергая его учение, Григорий доказывает Божество Сына Божия, а частью объясняет и все христианское учение о Святой Троице. Это учение о Святой Троице и особенно о Божестве Святого Духа святой Григорий защищал от

современных ему заблуждений многими другими сочинениями, как то: в слове о Святом Духе против македониан, в слове о Божестве Сына и Духа, к Симпликию о вере, к Авлалию о том, что не три Бога, к еллинам, в слове против Ария и Савеллия. Затем, к числу догматических сочинений святого Григория относится шестоднев, где он решает высокие вопросы о мире, оставленные св. Василием Великим в его «Шестодневе» без ответа, «против манихеев», «о сотворении человека», исследование «о детях, умерших некрещенными» и сочинение «о душе и воскресении». В объяснение Св. Писания, святой Григорий написал несколько сочинений, в виде размышлений: 8 бесед на 3 главы Екклесиаста, 15 бесед на Песнь песней, 2 размышления о надписаниях псалмов и беседа о шестом псалме, 5 бесед о молитве Господней, 8 бесед о восьми заповедях блаженств. К нравственно-аскетическим сочинениям относятся: три исследования о христианском совершенстве, о цели жизни по Боге, об истинном подвижничестве, о девстве, о любви к бедным и др. Кроме того, от святого Григория осталось до 28 писем.

[408] - Иустин II, или Младший, – Византийский император, царствовал с 565 по 578 г.

[409] - Мелитина, иначе Мелитене или Мелита, – столица Малой Армении.

[410] - Маврикий – византийский император, царствовал с 582 по 602 г.

[411] - Страна эта находится в Азии, близ Персидского залива. Первоначально страна эта находилась в зависимости от разных соседних народов попеременно, но с воцарением династии Сассанидов (с 226 г. по Р. Х. и до VII в.) персы сделались политически самостоятельным народом и часто вели войны с Греко-Римской империей. К этому периоду относится и деятельность св. Дометиана.

[412] - Здесь разумеются Хозрой II, царь персидский, царствовавший с 590 по 628 г.

[413] - Святой Дометиан преставился в 601 г.

[414] - Здесь разумеется столица Греко-Римской империи и нынешнего Итальянского королевства. Называется этот Рим «древним» – в отличие от Константинополя, который св. Константин Великий сделал своею столицею, почему впоследствии этот город стали называть «новым» Римом.

[415] - Т.е. любил посещать храм Божий и пребывать в нем.

[416] - Клирик – от слова «клир», означающего с греческого: наследие (Божие). Так издревле называлась церковная иерархия вместе с лицами, занимавшими и различные низшие должности при служении в церкви (певцов, чтецов и т.п.), ибо все это – лица, посвятившие себя на особое и непосредственное служение Богу.

[417] - Смысл этого выражения тот, что истинный (духовный) возраст человека определяется не количеством прожитых лет, а достигнутой степенью мудрости и нравственной чистоты жизни. Высокого совершенства в том и другом отношении можно достигнуть и в молодые годы, равно как, наоборот, седины старости могут соединяться в человеке с детским неразумием и крайнею нравственною неразвитостью.

[418] - Должность иконома появилась в Церкви в IV в. с умножением церковных имуществ. IV Вселенский собор, в 26 правиле говорит о ней, как о давно уже существующей. В обязанности иконома входило заведывание церковными имуществами, особенно недвижимыми, и церковным хозяйством, под наблюдением епископа. На эту должность избирались и пресвитеры, и диаконы, и даже не имевшие иерархической степени клирики, если они известны были своею честностью и умелостью.

[419] - Т.е. собора св. Софии в Константинополе.

[420] - Т.е. прекраснейшему (более) сынов человеческих, Христу.

[421] - Фелонью называлась в древности верхняя длинная, без рукавов одежда, покрывавшая тело со всех сторон, подобно той, какую носили Христос и Апостолы (2Тим 4:13), почему церковь и приняла ее в число священных облачений. При этом у нас в России для удобства при священнодействиях передняя

сторона ее обрезывается, в Греции же она и по сие время сохраняет древнюю форму, и св. Маркиан мог таким образом совершенно прикрывать ею наготу тела, пока не пришлось действовать при богослужении руками.

422 - В помещении, где хранились запасные священные сосуды и священные облачения.

423 - Лев I Великий умер в 474 г. Так как, по житию, Верина окончила сооружение церкви при жизни мужа, и так как вышеупомянутое прекращение пожара по молитве св. Маркиана относят к 471 г., то смерть святого нужно полагать между 471–474 гг.

424 - Около 1367 г.

425 - Ныне Троице-Сергиева лавра.

426 - Монастырь Рождества Христова, в Угличском уезде, на Прилуке, значился подведомым Свято-Троицкой Сергиевой лавре и в позднейшее время.

427 - Преподобный Павел проходил в Троицкой Сергиевой обители послушания на поварне и в трапезной. Благословляя св. Павла на пустынножительство, преподобный Сергий вручил ему животворящий крест, доселе хранящийся в Обнорской обители святого Павла.

428 - Кириллов Белозерский монастырь, основанный преп. Кириллом (память его празднуется 9 июня), находится в уездном городе Кириллове, Новгородской губ., в 602 верстах от Новгорода; во времена св. Кирилла и Павла ближайший город в том крае – Белозерск – был в 37 верстах от монастыря.

429 - Чухломской Авраамиев монастырь (великие пустыни) положения пояса Пресвятой Богородицы, находился в Галичском уезде, Костромской губ. Он основан преп. Авраамием Галичским. Вскоре же по основании преп. Авраамий покинул этот монастырь и в 13 верстах от него учредил Вочскую обитель, где и скончался в 1375 г. Память его празднуется 20 июля.

430 - Ныне заштатный монастырь в Балахнинском уезде, Нижегородской губ., при селе (прежде городе) Городце, на левом берегу Волги; основан в 1164 г. великим князем Георгием

Всеволодовичем. В монастыре хранится келия, в которой 4 ноября 1263 г. последовала кончина Александра Невского, возвращавшегося из орды.

[431] - Комельский лес в Обнорской волости простирался во всю южную полосу Вологодской области, пересекаемый реками Обнорой, Нурмой, Комелой с их многочисленными притоками.

[432] - В 15 верстах от уезд. города Грязовца, Вологодской губ., на берегу реки Нурмы, притока Обноры, которая протекает по Вологодской и Ярославской губ. и впадает в р. Кострому.

[433] - Соорудив храм, преподобный Павел письменно просил у св. митрополита Фотия антиминс на освящение церкви и благословение устроить обитель и собрать братию. Святитель послал ему антиминс при грамоте, в которой благословил учреждение монастыря и преподал наставление преподобному и братии. «Когда ты был у меня, – пишет святитель, – помнишь, сын мой, сам ты много говорил, каким надобно быть духовному настоятелю. Ему должно быть образцом для всех: в день великого суда он будет давать ответ за души, вверенные ему. О том же пишу и я». В наставлениях братии святитель убеждает их твердо и непоколебимо исполнять иноческие обеты.

[434] - Преподобный Павел завещал братии сохранять общежительные уставы Пахомия Великого и Феодосия киновиарха, не дозволял, чтобы иноки считали что-либо своим, но все было бы общее; в келиях не должно было быть ничего, кроме иконы и книг, даже кваса; утолять жажду иноки должны были в трапезной; в церкви, в трапезной и на работах преподобный заповедал соблюдать безмолвие, пропитание приобретать трудами рук своих и не забывать нищих.

[435] - Татары опустошили Кострому 6 января 1429 г. В этот самый день, когда ученики пришли к преподобному, он вздохнул и прослезился; на вопрос пришедших о причине сего, св. Павел сказал: «В этот день и час нечестивые татары, взяв город Кострому, предали его огню и мечу, многих увели в плен – и все это за наши грехи, за то, что ходим в волях сердец наших».

[436] - Преподобный Павел причтен к лику святых на Московском соборе 26 февраля 1547 г.; св. мощи его почивают

под спудом в соборном храме Обнорской обители.

[437] - Каппадокия – область на востоке Малой Азии. В 11 г. по Р. Х. она была обращена в Римскую провинцию при императоре Тиверии.

[438] - Маркиан – византийский император, царствовал с 450 по 457 г.

[439] - Главный город римской провинции Вифинии; находился на азиатском берегу Босфора, напротив Византии.

[440] - В 451 г.

[441] - Евтихий, осужденный IV Вселенским собором, учил, что Иисус Христос имел одно естество – Божеское, тогда как св. Церковь всегда признавала и признает в Иисусе Христе два естества неслиянные и нераздельные – Божеское и человеческое. Диоскор – Александрийский (в Египте) патриарх, последователь учения Евтихия, которое он пытался утвердить на соборе 449 г.

[442] - Здесь разумеется Антиохия Сирийская, называвшаяся Великою, город при р. Оронте, основанный Селевком Никатором и названный им по имени отца его Антиоха. В ней постоянно жили цари из рода Селевкидов, а во времена римских императоров она была даже столицею Востока. В Антиохии ученики Иисуса Христа в первый раз стали называться именем христиан.

[443] - Под мысленным волком здесь разумеются диавол и каждый из его слуг совратителей в зловерие и нечестие. Образ речи во всем этом выражении заимствован из Ин 10:12.

[444] - Память преп. Лонгина (в Греч. Церкви) празднуется 17 ноября и в субботу сырную.

[445] - Древняя башня в Иерусалимской крепости, у Яффских ворот.

[446] - По-гречески: кафисма, или Кафисматная церковь; она находилась на полпути между Иерусалимом и Вифлеемом.

[447] - Лавра – (с греч. часть города, переулок) ряд келий, расположенных в ограде вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе. С глубокой древности название лавра

применяется к многолюдным и важным монастырям. Впервые появилось оно в Египте, а затем в Палестине.

448 - Отвар из хлебных зерен или гороха, бобов, овощей.

449 - Здесь разумеется, главным образом, манна, чудесная пища, которою Господь питал еврейский народ во время странствования по пустыне, на пути в землю обетованную (Исх. 16).

450 - Разумеется чудесное насыщение Иисусом Христом пятью хлебами более пяти тысяч человек (Мф. 14:15–21) и семью хлебами более четырех тысяч человек (Мф. 15:32–38).

451 - Так называлась часть пустыни на западном берегу Мертвого моря, которое здесь зовется Смоляным или Асфальтовым.

452 - Греки – народ, с незапамятных времен занимавший большую часть нынешнего Балканского полуострова и близлежащие острова; в христианские времена они всегда в значительном количестве жили и живут на Святой земле.

453 - Иберийцы, т.е. родом из Иберии, нынешней Грузии.

454 - Армяне жили по соседству со Святой землей. Собственно Армения граничила на севере с Колхидою, Иберией и Алабанией, на западе с Малой Азией, на юге с Месопотамией, на юго-востоке и востоке с Мидиею и Сириею.

455 - Т.е. речью разумною, полною назидания (Кол. 4:6).

456 - Т.е. по правую сторону (Мф. 25:34).

457 - Т.е. по левую сторону (Мф. 25:41).

458 - Анастасий I, Дикор, или Фракиец, царствовал с 491 по 518 г.

459 - Царствовал с 457 по 474 г.

460 - Царствовал с 474 по 491 г.

461 - Безглавные (по-гречески: акефалы) – еретики VI в., последователи Севера Александрийского. Они не допускали ни епископов, ни священников, ни таинств и представляли собою крайнюю партию монофизитов.

462 - Литра – фунт, мера веса, равная 72 золотникам; в серебре стоила до 42 руб., в золоте до 506 руб.

[463] - Первый (Никейский) Вселенский собор был в 325 г.

[464] - Ефес – знаменитый город Лидии (в западной части Малой Азии), считавшийся столичным для всей Малой Азии. В течение долгого времени он был местопребыванием св. апостола Иоанна Богослова. III Вселенский собор был здесь в 431 г.

[465] - Несторий, бывший архиепископом Константинопольским (с 428 по 431 г.), вслед за Диодором, епископом Тарсийским, и Феодором, епископом Мопсуетским, искажал православное учение об образе соединения в Иисусе Христе двух естеств. Он учил, что от Пресвятой Девы Марии родился не Богочеловек, а человек. Родился будто бы естественным образом и притом был не чужд страстей и недостатков. Божество, по этому учению, соединилось с человеком Иисусом будто бы уже потом, когда он окончательно утвердился в добре.

[466] - Римский епископ Феликс управлял Римскою Церковью с 526 по 530 г.

[467] - Св. Ефрем занимал антиохийскую кафедру с 528 по 545 г.

[468] - Этим именем называлась особая часовня в так называемом Мартириуме, выстроенном Константином Великим. Животворящий Крест находился там и в конце IV в., и его ежегодно воздвигали, собственно на Страстной неделе, преимущественно в Великую Пятницу. Часовня эта запиралась постоянно, и ключ от нее хранился у особого пресвитера, называвшегося ставрофилаксом (крестохранителем).

[469] - Здесь, вероятно, нужно разуметь неизлечимую болезнь, называемую теперь канцер, т.е. рак.

[470] - Одна из наиболее известных Палестинских лавр, основанная преп. Харитоном (память его отмечается 28 сентября), к югу от Вифлеема.

[471] - Городов с этим именем было известно в древности несколько. Здесь нужно разуметь Александрию столицу Египта, на Средиземном море. Город этот славился своею ученостью и богатством, был основан в 332 г. до Р. Х. Александром Великим.

[472] - Востра или Бостра, – город на Св. Земле, в древности один из левитских городов в полуколене Манассиином, за Иорданом.

[473] - Било, от слова «бить», – деревянная или металлическая доска, в которую ударяли для созывания верующих к общественному Богослужению. У нас била заменены колоколами, но в Греции они употребляются и доселе.

[474] - Т.е. арабы. Происшедшие от Исмаила, сына Авраама и Агари.

[475] - Страна их на западе граничила с Сузианой, на севере с Мидией и Парфией, на востоке с Кармелией, на юге примыкала к Персидскому заливу. Ранее персы зависели от мидян, греков, парфян, но с 226 г. по Р. Х. сделались самостоятельными и часто вели войны с Римской империей.

[476] - Известно несколько городов в Малой Азии и Сирии с этим именем. Здесь разумеется Антиохия Сирийская.

[477] - Т.е. арабы-магометане.

[478] - Преподобный Феодосий Антиохийский скончался около 412 г.

[479] - Время основания сего монастыря точно неизвестно; он находится к югу от Новгорода, в трех верстах от озера Ильменя.

[480] - Это было 23 июня 1408 г., при великом князе Василии Димитриевиче (1389–1425 гг.) и св. митрополите Фотии.

[481] - Младший сын великого князя Димитрия Иоанновича Донского родился в 1389 г., за четыре дня до кончины отца своего. Брат его, великий князь Василий Димитриевич, дал ему в удел Тошию и Устюжну, но в 1419 г., когда Константин Димитриевич ослушался брата, тот отнял этот удел, и Константин бежал в Новгород, где ранее, в 1408 г., был наместником великого князя. В изгнании он пробыл два года; им построен в Клопском монастыре каменный храм во имя Живоначальной Троицы.

[482] - Преп. Михаил Клопский происходил из боярского рода.

[483] - Доселе в Клопской обители показывают колодезь, устроенный, по преданию, из того источника, который низведен

молитвою блаженного Михаила во время засухи. 23 июня, в день прихода преп. Михаила в монастырь, сюда бывает крестный ход из окружных сел.

[484] - Однажды блаженный Михаил был в Вяжицком монастыре. Вдруг он неожиданно очутился на колокольне и стал звонить во все колокола. На вопросы народа, что это значит, блаженный, юродствуя, отвечал: Ныне в Москве радость, и прибавил, что у великого князя родился сын Иван, который будет грозою для соседей, завладеет Новгородом, изменит его обычаи, отберет у них золото и совсем покорит своей власти. Действительно, 22 января 1440 г. родился князь Иван Васильевич, покоривший Новгород в 1471 г. Новгород был окончательно присоединен к Московскому государству в 1480 г.

[485] - В Клопском монастыре преп. Михаил прожил 44 года и преставился в 1452 г.

[486] - Память преп. Михаила положено праздновать всюду собором 1547 г.

[487] - Антонин Гелиогабал, римский император, царствовал с 218–222 годы; был крайне развращенным человеком, почему скоро навлек на себя презрение солдат. Он усыновил своего двоюродного брата, благородного Александра Севера, но когда он в этом раскаялся и стал покушаться на жизнь последнего, был умерщвлен солдатами.

[488] - Тибр – река, вытекающая из Апеннин, при которой расположен город Рим.

[489] - Александр Север царствовал с 222–235 год.

[490] - Аполлон – один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов; почитался богом солнца и умственного просвещения, а также общественного благополучия и порядка, охранителем закона и божеством предсказания будущего.

[491] - Орфей – певец-герой греческих мифов, сила пения которого, по верованию греков, была столь велика, что он приводил в движение деревья и скалы и укрощал диких зверей.

[492] - Епарх – областеначальник; иногда же под этим именем разумелся начальник крепости, комендант. – Ульпиан был одним из приближеннейших к царю вельмож.

[493] - Комитами назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту.

[494] - Кувикулярий – царский постельничий, спальник.

[495] - Доместики – охранная стража римских императоров.

[496] - Диана, иначе Артемида, – греческая богиня луны и охоты.

[497] - Претор – судебное место, где заседал начальник римский, или судья.

[498] - Цирком называлась площадь, огороженная рядом скамей или стеною. Там происходили состязания бойцов между собою и со зверями. На эту площадь или арену бросали и христиан и потом выпускали хищных зверей, которые содержались при цирке в особых клетках.

[499] - Зевс, или Юпитер, – греко-римский бог почитавшейся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[500] - Св. мученица Татиана пострадала во время гонения, воздвигнутого на христиан в четвертом году царствования Александра Севера, в 226-м году.

[501] - Житие св. Саввы было написано учеником его, Хиландарским иноком Дометианом. Оно положено в основание настоящего изложения. Издано Даничичем в книге «Живот светога Симеуна и светога Савве. У Београду. 1865». Есть другое житие неизвестного автора, написанное, однако, вскоре после Дометианова жития и содержашее некоторые дополнительные сведения. Издано тем же Даничичем в 1860 г. также принято во внимание, равно как и Дометианово житие святого Симеона.

[502] - Исаак Ангел царствовал с 1185 по 1195 год.

[503] - Алексей Ангел царствовал с 1195 по 1203 год.

[504] - Елевферополь – Палестинский город, находившийся между Средиземным морем и Мертвым на восток от Аскалона. В 4-м веке был значительным городом, ныне от него не осталось и следов.

[505] - Разумеется гонение, начавшееся ок. 303 г., под конец царствования на востоке Диоклетиана, на западе Максимиана (284–305 г.).

[506] - Город в Македонии с многолюдным портом при заливе с тем же именем.

[507] - Вскоре по вступлении на престол Диоклетиан избрал себе в соправители Максимиана Геркула, которого поставил над западной половиной империи, оставив себе восточную. В 292 году он избрал еще двух помощников для управления империей, с титулом кесарей, Констанция Хлора и Галерия.

[508] - Означенное место приводится с опущением и изменением некоторых слов.

[509] - Т.е. св. мученик особенно усердно всегда молил Господа, чтобы Он не попустил ему отпасть от св. Церкви.

[510] - Слова псалма св. мученик применяет к себе в том смысле, что он принимает страдания, видя в них средство к своему спасению и воздавая за них славословие Богу.

[511] - Т.е. удостоился претерпеть ту же самую казнь (распятие на кресте), которой был предан Иисус Христос.

[512] - Мавры – народ в Африке, принадлежавший к негритянскому племени.

[513] - Ликиний был сначала соправителем восточного императора Максимиана Галерия с титулом Августа. По смерти Галерия, устранив своих соперников, он в 312 г. сделался императором Востока, в то время как Константин Великий стал императором Запада. Тогда как Константин Великий покровительствовал христианам, Ликиний угнетал своих христианских подданных, быть может, подозревая их в сочувствии Константину. Впоследствии между Ликинием и Константином возгорелась война; Ликиний был разбит, лишен власти и, наконец, казнен в 324 г.

[514] - Диакон – в переводе с греческого значит собственно: служитель, в смысле низшего священнослужителя.

[515] - Понтийский Пилат был римским правителем Иудеи, при котором пострадал и предан был на смерть Господь наш Иисус Христос.

[516] - Так называлась река Дунай.

[517] - Слова Ангельского благовестия при Рождестве Христовом. (Лк.2:14).

[518] - Кончина св. мучеников Ермила и Стратоника последовала около 315 года.

[519] - Сингидон – ныне Белград, город на правом берегу Дуная, в нижнем течении его, столица Сербии.

[520] - Низибия, или Низибида, – большой и многолюдный город в Провинции Мигдонии, в Месопотамии.

[521] - Назибия находилась недалеко от персидской границы, почему путешествие в Персию не представляло больших затруднений.

[522] - Никея – город в Вифинии, северо-западной провинции Малой Азии. Созванный императором Константином Первый Вселенский собор состоялся в 325 году и ввел в церковное употребление Символ веры, впоследствии дополненный и законченный на Втором Вселенском соборе, бывшем в Константинополе в 381 году.

[523] - Равноапостольный царь Константин Великий скончался в 337 г.

[524] - Сапор II, известный под именем Великого, Персидский царь; царствовал с 310 до 381 г. по Р. Хр.; известен счастливыми войнами с Римлянами, был жестоким гонителем Христианства.

[525] - Под «песьими» мухами разумеется род язвительных мух или насекомых, будто бы особенно вредных для собак, или вообще – особенно вредные насекомые. Песьи мухи были при Моисее четвертою казнью египтян.

[526] - Это было около 350 г., июля 11-го. Святой Иаков Низибийский по множеству совершенных им чудес называется чудотворцем, а по высоте духовной мудрости назывался мудрым. Ныне известны 18 слов святого Иакова на армянском языке, писанные им по просьбе святого Григория, просветителя Армении. Кроме догматической и нравственной важности своей, наставления святого Иакова важны как образец верного толкования Священного Писания; естественно, без всякого

искусства и усилия, древний учитель извлекает из Свящ. Писания и высокие догматы, и назидание.

[527] - Здесь разумеется Борисоглебский монастырь Ярославской епархии, Ростовского уезда, находящийся на реке Устье в 18 верстах от Ростова по дороге в г. Углич. – Житие Иринарха написано было учеником его Александром, прожившим вместе с ним тридцать лет. Подлинное житие известно только по рукописям, но не издано. Преосвященный Амфилохий, бывший архимандритом Борисоглебского монастыря, в 1863 году в Москве издал изложение жития, близкое к рукописным текстам с приложением рисунков. В 1872 г. в Яросл. епарх. Вед. было напечатано житие Иринарха (Н. Корсунским), составленное также по рукописям издано и отдельно в Ярославле в 1873 г. В основу изложения положено здесь подлинное житие, известное нам по нескольким рукописям.

[528] - Село Кондаково находится теперь в Угличском уезде, на реке Устье выше Борисоглебского монастыря, в 43 верстах от Углича и стольких же от Ростова.

[529] - Калязинский монастырь отстоит от Кондакова верст на сорок. Память Макария Калязинского празднуется 17 марта и 26 мая.

[530] - В настоящее время монастыря уже давно нет, а существует на его месте приходская церковь св. Лазаря.

[531] - Разумеется здесь царь Василий Иоаннович Шуйский, царствовавший с 1606 г. по 1610 г.

[532] - Село Давыдово находится в 20 верстах от Борисоглебского монастыря по дороге к Угличу.

[533] - Село Вощадиниково в 10 верстах от Борисоглебского монастыря, вправо от Угличской дороги.

[534] - Кирилл IV упоминается как митрополит Ростовский при кончине царя Бориса Годунова; был лишен кафедры Лжедимитрием; когда преемник его Филарет, впоследствии патриарх, изведен был в плен, ростовцы вновь призвали Кирилла, который и святительствовал до своей кончины в 1616 году.

[535] - Большая часть железных цепей и других тяжестей, которые носил на себе подвижник Иринарх, и до сего времени хранятся в Борисоглебском монастыре – отчасти в церковном пределе, где находится рака преподобного, отчасти в особой деревянной постройке на месте прежней кельи преподобного. Подробное описание и изображение этих предметов можно видеть в упомянутом выше издании преосвящ. Амфилохия. В 1878 г. по благословению Ярославского и Ростовского преосвященного архиепископа Нила часть вериг и других предметов из «трудов» Иринарха перенесена была в церковь родного села Иринарха Кондакова по просьбе сельчан. См. Об этом в упомянутой выше книжке Н. Н. Корсунского.

[536] - Гора Синай находится в средине Синайского полуострова; она представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами; у Арабов ныне называется горой «Тур» или «Дже-бель-Тур-Сина». В Ветхом Завете при горе Синае Израильтяне вступили в завет с Богом и получили от Него заповеди закона (Исх.20). В IV и V-м веках по Рождеству Христову гора Синай славилась обилием христианских пустынножителей, живших в ущельях и пещерах ее.

[537] - Влеммиане – теперешнее бедуины, ливийский разбойничий народ, живший на юг и на запад от Египта; этих варваров опасались даже римские императоры, так что Диоклетиан старался обеспечить себя от них деньгами и уступкою земель.

[538] - Пирг – от греч. крепость, башня; так назывались укрепленные сторожевые места в монастырях.

[539] - Хорив – гора в пустыне Аравийской, западная возвышенность того же горного хребта, восточную часть которой составляет Синай. Здесь было явление Бога Моисею в купине, которая горела и не сгорала (Исх.3). Близ этой горы находились и упоминаемые здесь Кидар и Тефровил.

[540] - Измаилтяне – потомки Измаила, сына патриарха Авраама.

[541] - Раифа – место близ Фарана на восточном берегу Красного моря, на расстоянии двух дней пути от Синая.

[542] - Чермное, или так называемое Красное море представляет, собою длинный узкий пролив Индийского моря, отделяющий Аравийский полуостров от Египта и Азию от Африки.

[543] - Фаран – пустыня и гористая страна между Палестиной, Египтом, Идумеей и Синайским полуостровом. У горы Фарана явился Бог в Духе Святом, сошедшем на 70 старейшин Израилевых (Числ.9:10–30); здесь же скрывался Давид.

[544] - Илья Фесвитянин – славнейший из пророков ветхозаветных, родом из Галилейского города Фисви – в колене Неффалимовом, ревностнейший чтитель Бога Истинного и грозный обличитель нечестия и идолопоклонства во времена Ахава и Иезавели, прославившийся многими чудесами. Он удостоился беседовать с Богом на горе Хориве (3Цар.19); по чудесном переходе через Иордан, на огненной колеснице взят живой на небо, передав со своею милотью дар чудотворения преемнику своему Елисею.

[545] - Т.е. до утрени Великой Пятницы, когда вспоминаются страсти, т. е. страдания Христовы.

[546] - Фиваида – область знаменитого в древности египетского города Фивы; этим же именем назывался, по главному городу, и вообще весь Верхний (Южный) Египет.

[547] - Мемфий, или Мемфис, – древняя могущественная столица Египта; – находился в среднем Египте у Нила, между главной рекой и ее притоком, омывавшим западную сторону города.

[548] - Епарх – начальник города или области.

[549] - Купина – терновый кустарник, от которого получила название и покрытая им гора Синай.

[550] - Здесь разумеются местности близ пустыни Фарана и Синайского полуострова, на восточном берегу Красного моря.

[551] - Емеса – город в Сирии, на восток от реки Оронта, впадающей в Средиземное море.

[552] - Преподобные Нил и Феодул скончались в мире в V веке. Тела их Императором Иустином Младшим перенесены в Царьград и положены в церкви святых апостолов в Орфанотрофии (странноприимный дом).

[553] - Иверия, или Грузия, – страна в Закавказье, бывшая до присоединения ее к России (18 января 1801 г.) самостоятельным царством и имевшая в разное время различные границы. В тесном смысле название Грузии в настоящее время чаще всего прилагается к Тифлисской губернии, в которой грузины составляют преобладающую часть народонаселения.

[554] - Мцхет – древняя столица Грузии, ныне небольшое селение Душетского уезда, Тифлисской губернии, при впадении р. Арагвы в р. Куру, в 20 верстах к северо-западу от Тифлиса, – станция Закавказской жел. дороги и военно-грузинской дороги. Мцхет существовал уже в начале IV века и оставался резиденцией правителей Грузии до конца V века, когда царь Вахтанг Гург-Аслан перенес столицу в Тифлис. В том же веке Мцхет сделался резиденцией патриарха, носившего титул мцхетского католикоса. Много раз Мцхет подвергался нашествиям неприятелей, разрушавших его до основания, и вследствие этого пришел в совершенное запустение. Памятниками прежнего величия Мцхета являются древний собор во имя 12 апостолов и Самтаврский храм.

[555] - Картвелы – собственно грузины и родственные им народы Кавказского племени.

[556] - Армения – горная страна между рекою Курою и верховьями рек Тигра и Евфрата; была населена армянами, названными так по царю Араму; в настоящее время Армения разделена между Россией, Персией и Турцией.

[557] - Вагаршапат – некогда столица армянского царства (основ. царем Вагаршаком), ныне – селение Эриванской губернии, Эчмиадзинского уезда, в 18 верстах от города Эривани.

[558] - Тиридат вступил на престол в 286 году и в начале был жестоким гонителем христиан, затем был обращен в

христианство святым священномучеником Григорием армянским (память его 30 сентября) и с того времени стал ревностным христианином. В 302 году при нем была обращена в христианство и вся Армения.

559 - Память этих святых мучениц, смерть которых послужила поводом обращения ко Христу царя Тиридата и всей Армении, православия Церковь празднует в 30-й день сентября

560 - Кура – величайшая река Кавказского края; от своих истоков до впадения вместе с рекою Араксом в Каспийское море имеет длины-1244 версты.

561 - По преданию, город Урбниси был построен Уплесом, сыном Мухетоса, праправнука Иафета, за 2340 лет до Р. Хр.

562 - Существует предание, что в жертву идолам приносились и младенцы и юноши.

563 - Самтаврский женский, общежительный монастырь, Тифлисской губ., в 31 версте от г. Душета, при впадении реки Арагвы в Куру.

564 - Карталиния – так называется страна по долине реки Куры. Карталиния входила некогда вместе с Кахетией, в состав Иверийского царства. – Иудеи проживали в Иверии с давнего времени, поселившись там после пленения Вавилонского; верные своим обычаям, они посещали Иерусалим во время празднования Пасхи. Там они и слышали рассказы о жизни Христа, его учении и чудесах.

565 - Служба на положение ризы Господней, т. е. Хитоне, на грузинском языке.

566 - Арагва – левый приток Куры, впадает в нее у Мцхета; длина ее 100 верст.

567 - Император Константин Великий царствовал с 306 по 337 г.

568 - Венера – греко-римская богиня красоты и любви. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

569 - Из совершительной молитвы таинства священства.

570 - В 20 верстах к северо-западу от г. Мцхета.

[571] - На вершине горы Тхоти до сего времени стоит церковь, устроенная Мирианом.

[572] - Оно было не ранее 323 года по Р. Х. Во многих летописях указываются разные годы, от 276 до 338 года. Мириан царствовал с 263 до 342 года. Император Константин Великий, к которому Мириан отправлял посольство касательно епископа, сделался единодержавным государем и западной и восточной половины Римской империи в 323 году, по низложении Ликиния, правителя восточных областей и гонителя христиан.

[573] - Локоть, или лакоть, – мера длины, равная 10 1/2 вершкам.

[574] - Из истории Грузии видно, что грузины, особенно высших сословий, не переменяли своих народных имен и в христианстве.

[575] - Здесь разумеется Антиохия Сирийская – один из древнейших и богатейших городов Сирии, столичный ее город В настоящее время Антиохия – небольшой турецкий городок.

[576] - Другие же утверждают, что Мириан имел личное свидание с Константином Великим, что он сам путешествовал в Иерусалим и выпросил там для построения монастыря в честь Креста Господня место, где было знамение Лоту.

[577] - Получение этих бесценных даров указывает на время, не означенное в грузинских летописях, – что послы Мириана были в Царьграде между 326 и 330 годами, из которых в первый был найден Крест Господень, а в последний было совершено освящение Царьграда и перенесение сюда столицы из древнего Рима.

[578] - Теперь – в Ахалцыхском уезде.

[579] - Он уже давно лежит в развалинах.

[580] - В половине 13-го века гвоздь этот был вделан царем Давидом IX, сыном Русудани, в венец епископской митры. Впоследствии в 1681 году митра эта была перенесена царем Арчилом в Москву, где она и до сего времени хранится в Успенском соборе.

[581] - Святыня эта считается потерянною; вероятнее думать, что в смутные времена Грузии дерево это было разделено на много частей и в таком виде проникло в дома частных лиц. И теперь значительные части животворящего древа можно видеть в фамильных иконах грузинских князей.

[582] - Впоследствии на этом месте были сооружены храм в честь святого Креста и монастырь. Храм существует до этих пор; монастырь разрушен в XIV веке Тамерланом. Крест был перенесен в Мцхетский собор; в 1725 году он был оправлен царем Теймуразом II-м в серебро и до этих пор стоит за престолом.

[583] - Иора – правый приток реки Алазани (левый приток реки Куры). Большая часть реки Иоры находится в Тифлисской губернии; на реке Иоре стоит уездный город Тионсти, упоминаемый в житии св. Нины.

[584] - Святая Нина скончалась в 335 году по Р. Хр.

[585] - В 342 году по Р. Хр.

[586] - Он царствовал в Грузии с 446 по 459 г. по Р. Хр.

[587] - Экзарх – архиепископ, управляющий церквами какой-либо отдельной области. Ныне в России титул экзарха носит архиепископ Грузии.

[588] - Память святого апостола Андрея Первозванного празднуется 30 ноября

[589] - Асалцых – уездный город Тифлисской губернии, Ахалцыхского уезда.

[590] - Гаенатский – Рождество-Богородицкий мужской монастырь, Имеретинской епархии, в 8-ми верстах от Кутаиса; основан в начале XII века. Известен также под местным названием Гелати, или Гелатского.

[591] - Сванеты – небольшое кавказское горное племя, известное с очень давних времен под именем Сванов, или Суанов, и занимающее верхнее течение р. Ингура, у южного подножья горы Эльбруса и по правому притоку реки Кона Цхенис-Цкали. В древности сванеты занимались больше всего грабежом и не подчинялись никому из соседних властителей Мингрелии, Имеретии и Грузии. Только в конце XV века

грузинским князьям удалось утвердить свою власть в нижней Сванетии, вплоть до освобождения крестьян в Закавказье. Вольные сванеты впервые подчинились русским только в 1853 году.

[592] - Католикос (греч. – вселенский) – титул верховных иерархов автокефальной Церкви Грузинской, который был им усвоен вслед за приобретением этою церковью независимости от патриархата Антиохийского, при царе Вахтанге Гург-Аслане (446–459 г.). Когда Грузинская Церковь вошла в состав Церкви Русской, высший иерарх ее с 1811 г. стал называться экзархом. С половины VI-го века титул Католикоса усвояется также верховному иерарху Церкви Армянской.

[593] - Около 1228 года, когда был разрушен и Мцхетский храм. Тамерлан же вторгся в Грузию в 1387 году, когда Мцхетского храма уже не существовало. Храм этот был снова восстановлен царем Александром I в XV веке.

[594] - Так как Риза Господня принесена в Россию Великим постом, то празднование ей перенесено на 10-е июля (накануне дня коронования царя Михаила Феодоровича).

[595] - Т.е. при гусином пруде. От греческих слов: гусь и пруд. Эта обитель находится в малоазийской провинции Вифинии (северо-западной области Малой Азии), недалеко от Халкидона, против Константинополя.

[596] - Преподобный Антоний Великий – первый учредитель монашеского жития. Память его совершается 17 января. Пещера, в которой он подвизался, находилась в южном Египте, в диком и необитаемом месте Фиваиды, на восточном берегу р. Нила.

[597] - Пещера преп. Павла, на горе Холзим, в прямую линию от горы Антония отстоит не более как на четыре версты, но она отделена столь высокою и крутою стеною, что обход вокруг нее очень продолжителен, почему преп. Антонию и пришлось употребить на весь путь около двух дней.

[598] - Год рождения Павла Фивейского по житии его определяется так. Когда Антоний пришел к Павлу, он уже 91 год был в пустыне, в которую удалился 22-х лет. След., ему было

113 лет. Антоний, родившийся в 251 году, пришёл к нему 90 лет от роду; след. преп. Павел родился около 228 года.

[599] - Фиваида – область знаменитого в древности египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь верхний (южный) Египет.

[600] - Декий – римский император, жестокий гонитель христианства, царствовал с 249–251 г.

[601] - Преп. Павел Фивейский скончался в 341 году. Тело его, по воле Византийского императора Мануила Комнина (1146–1180 гг.), перенесено было в Константинополь и положено в монастыре Богородицы Перивлепты; затем в 1240 году перенесено было в Венецию и, наконец, в Венгрию в Офен; часть главы его – в Риме.

[602] - Кущником преподобный Иоанн назван потому, что конец своей подвижнической жизни он жил в «куще», т. е. палатке, в крайнем убожестве и нищете, около дома своих богатых и знатных родителей, не узнанный ими, – и в этой же палатке был похоронен, причем родители его на месте «кущи» создали впоследствии храм во имя его.

[603] - Лев I Великий – Византийский император; царствовал с 457–476 год.

[604] - Монастырь «неусыпающих», о котором здесь говорится, находился в Вифинии (северо-западная область Малой Азии) и был устроен по образцу существовавшего в Константинополе такого же монастыря, перенесенного туда из Месопотамии и основанного преп. Александром в конце IV века. Чиноположения и иноческое житие насельников этого монастыря отличались особою строгостью. Свое наименование монастырь получил оттого, что братия его, разделяясь на 24 чреды по числу 24 часов дня и ночи, непрерывно на два лика славословили Господа, воспевая протяжно псалмы Давидовы, так что богослужение в этом монастыре совершалось непрерывно и никогда не прекращалось. Такой же монастырь был основан и в Вифинии, близ города Сосфениула, учениками преп. Александра, Иоанном и Маркеллом.

[605] - Выражение заимствовано из (Пс.21:16).

606 - Выражение заимствовано из (Мф.11:7).

607 - Выражение заимствовано из (Пс.15:3) (в славянском переводе).

608 - Стадия равняется 87 1/2 саженям.

609 - Т.е. св. Иоанну Богослову.

610 - Преп. Иоанн Кущник скончался в начале второй половины V века. При папе Формозе (896 г.) в Риме построена была в честь преподобного церковь, где находилась часть мощей его. Паломник Антоний в 1200 году видел мощи его у врат двора его в Константинополе. Крестоносцами (1204–1261г.) глава его из Константинополя перенесена в Безансон, а мощи его находятся в Риме в церкви его имени, но когда они перенесены сюда из Константинополя – неизвестно.

611 - Проконсулами назывались лица, управлявшие провинциями римского государства.

612 - Префект – градоначальник.

613 - В половине III века.

614 - Здесь разумеется Ирод Агриппа I-й, внук Ирода Великого, царь иудейский, убивший мечом св. апостола Иакова Зеведеева и хотевший погубить также и апостола Петра; управлял Иудеей в царствование римских императоров Калигулы (37–41 г.) и Клавдия (41–54 г.); умер, пораженный Ангелом, от тяжкой болезни вскоре после чудесного освобождения апостола Петра из темницы.

615 - Феодосий II младший – Византийский император, царствовал с 408–450 год.

616 - Честные вериги св. апостола Петра хранились в Иерусалиме до 439 года, в котором и получила их от патриарха Ювеналия императрица Евдокия.

617 - Здесь разумеется главный собор в Константинополе во имя Софии – Премудрости Божией, созданный Константином Великим. Впоследствии этот собор был великолепно возобновлен и расширен императором Юстинианом Великим в 537 году; в 1453 году, по взятии Константинополя турками, обращен в мечеть. Юстиниановский храм Св. Софии представляет и поныне замечательнейший, величественнейший

памятник христианской архитектуры Византийского стиля самой цветущей эпохи его развития.

618 - Валентиниан III – Римский император; царствовал с 423–455 год.

619 - Нерон – римский император царствовал с 54–68 год; по его повелению апостол Петр предан был мученической смерти (около 67 года). – Вериги, которыми апостол Петр был окован по повелению Нерона, были обретены в Риме во II веке.

620 - Римский праздник вериг существовал в начале II века, при папе Александре (109–119 г.) в память вериги апостола Петра в римской темнице, которую чтили и лобызали, а после праздник сей обновлен присланною веригою из Иерусалима. Праздник этот совершается в римской церкви 1 августа.

621 - Галлия – нынешняя Франция.

622 - Массилия – приморский город южной Галлии, с превосходною укрепленною гаванью, – один из важнейших центров римской образованности в южной Галлии; ныне – Марсель, главный город французского департамента «Устьев Роны», первый морской торговый город Франции с числом жителей более 300 000 человек; лежит между устьем Роны и Тулоном, при восточной бухте Лионского залива, у подножия скалистых отрогов провансальских Альп. Отсюда в древности христианство распространилось по всей южной Галлии.

623 - Эдуя – древний город Галлии, на юго-восток от Парижа, между реками Луарой и Соной.

624 - Лингоны – древний кельтический народ, в стране бельгов между верхней Сонной и областью истоков Марны и Сены; столицею их был город Андематун, который здесь и разумеется, – ныне – Лангр – город и первоклассная крепость во французском департаменте верхней Марны.

625 - Августодон – главный город эдуев (кельтского народа Галлии): ныне – Отюн в департаменте Луары и Соны.

626 - По верованиям древних греков, Немезида была богиней, которая раздает людям по их заслугам долю, счастье и несчастье, назначает награду или наказание по нравственному суду за совершенные деяния, в особенности же мстит и

наказывает зазнающихся людей, смиряет их гордость, назначает тому, кому судьба дала слишком много счастья, потери и несчастье, дабы справедливая мера была снова восстановлена и человек не забывал о своем человеческом жребии.

627 - Дивионийская страна находилась на востоке Галлии.

628 - Поприще – мера расстояний: оно равнялось нашим 690 саженям. Два поприща таким образом составляли 1380 саженей (немного более 2,5 верст).

629 - Марк Аврелий (иначе – Антонин) – римский император, царствовал с 161 по 180 год.

630 - Иллирия – область Римской империи, обнимавшая собою все восточное побережье Адриатического моря с лежащими за ним местностями (нынешняя Далмация, Босния и Албания). – Авлон – город в Иллирии, при Адриатическом море.

631 - Дионис, иначе Вакх, – греко-римский бог винограда и виноделия, даром вина радующий сердца людей и разгоняющий печаль и заботы. Вначале скромные торжества в честь его приняли впоследствии необузданный характер и сопровождались дикими оргиями, буйным пьянством и развратом, и сам Дионисий, или Вакх, стал олицетворять собою божество пьянства.

632 - Мученическая кончина святого Данакта последовала во II веке.

633 - Родным селением преподобного Антония была деревня Кома, находившаяся на северной границе Фиваиды (южной области Египта), в Гераклеопольской области. – Антоний родился в 251 году. Родители его были коптские христиане.

634 - В древней Церкви, до появления женских иноческих обителей и в первое время по их появлении, существовал особый класс дев, посвящавших себя всецело служению Богу и дававших обет девства. Такие лица назывались девственницами, и они пользовались в Церкви большим уважением и считались ее украшением. Они собирались для подвигов безмолвия, Богомыслия и молитвы в частных домах под руководством опытных в духовной жизни стариц-наставниц.

Весьма часто Церковь поручала их руководству и надзору наиболее уважаемых из диаконис.

635 - Вышеприведенные слова Писания принадлежат св. пророку Божиему Илие Фесвитянину

636 - Аспид – род ядовитой змеи.

637 - Ядовитое животное из семейства рако-паукообразных с жалом на конце хвоста; водится в жарких странах и живет в сырых местах, между камнями в трещинах стен, в подвалах и т. п.

638 - До преп. Антония Великого и его современника, преп. Павла Фивейского был неизвестен такой вид подвижничества – отшельничество.

639 - Это было в 285 году.

640 - В полном жизнеописании Антония Великого, составленным св. Афанасием Александрийским, это последнее выражение передается согласнее с общим ходом мыслей, именно так: «Эти приобретения уготовят нам пристанище на земле кротких (т. е. на небе) прежде, нежели придем туда».

641 - Максимин Даза – восточный римский император; он владел Сирией и Египтом, царствовал с 306–313 г. Жестокое гонение, воздвигнутое им на христиан, было в 311 году.

642 - Преподобный Аммоний, иначе Аммон, пустынножительствовал в пустыне Нитрийской в продолжение 22 лет; скончался около 350 года. Память его – 4 октября

643 - Манихейство – ересь, которая образовалась под влияньем попытки объединения христианства с началами персидской религии Зороастра, проповедовавшей дуализм, т. е. существование от века двух самостоятельных начал или царств. По учению манихеев, Христос есть лишь светлый эон (дух), происшедший от Отца света через истечение. Одна половина его была, будто бы, поглощена материей и составила душу видимого мира, т. н. страждущего Иисуса, вторая, с помощью другого эона, Животворящего Духа, освободилась от материи и поместилась в солнце; это – т. н. бесстрастный Иисус. Воплощение Христа, по учению манихеев, есть сошествие с солнца бесстрастного Иисуса для освобождения

страждущего Иисуса, светлые частицы которого сатана, будто бы, собрал и, для большего удобства обладания ими, заключил в лице человека. По этому учению, воплощение Христа было только призрачным (докетизм). В нравственном отношении манихейство проповедовало борьбу с материей для освобождения от нее, через постепенное умерщвление в себе плоти. Ересь манихеев была особенно распространена в IV и V вв.

644 - «Сын Божий, – говорил Антоний, – не есть тварь и не из несущих, но присносущное Слово и Мудрость существа Отчего. Не имейте никакого общения с арианами, ибо кое общение свету к тьме (2Кор.6:14). Если соблюдаете благочестие, то вы христиане, а те, именующие Сына Божия и Слово сущее от Отца тварью, ничем не различаются от язычников, потому что служат твари, паче создавшего Бога. Поверьте мне, – продолжал Антоний, – самые стихии мира негодуют, и вся тварь воздыхает о безумии арианском, видя сравненным с собою своего Господа, через которого все сотворено. – В это время преподобному Антонию было уже 104 года. Еще ранее этого, когда открылась ересь Ария, Антоний явился защитником истины: в 335 г. он писал обличительные письма арианскому епископу Григорию и гражданскому правителю Александрии – тоже еретику; в то же время он письмом ходатайствовал у императора Константина за Афанасия Александрийского, тогда прогнанного с престола.

645 - По свидетельству св. Афанасия Александрийского, в немногие дни пребывания преподобного в Александрии, число обратившихся в христианство язычников превышало количество обращенных в продолжение целого года.

646 - Т. е. – Богочеловеком, чем Сын Божий не был до воплощения.

647 - Т е. – очеловечившимся Сыном Божиим, ибо Христос вознесся на небо и воссел одесную Отца с Своим прославленным человечеством.

648 - Т. е. – ни Божество этим не ограничивается и не терпит ущерба в своей славе, ни человеческая природа не утрачивает

своих существенных свойств, не изменяется в смысле обожествления.

649 - Озирис, египетский бог, который на ряду с Изидой почитался во всей стране, был, по верованиям древних египтян, супругом, и вместе братом Изиды. Но его брат Тифон коварно посадил его в ящик, заколотил его, залил свинцом и бросил в Нил; Изида отыскала гроб и скрыла, но ночью Тифон открыл его и растерзал тело на 14 частей, которые развеял на все стороны; Изида же собрала их и погребла, а Тифон, после долгой борьбы, был совершенно побежден. Между тем как Изида обозначает нильскую землю, Озирис есть оплодотворяющий бог Нила; в более общем смысле под образом Изиды обоготворялась земля, как все рождающая мать, а Озирис, напротив, представлял собою производительную силу солнца, воплотившуюся в земле; он почитался одновременно богом Нила и солнца. Борьба Тифона изображала борьбу против производительной силы солнца, присущей земле. В лице Тифона язычники обоготворяли какое-то страшное чудовище, объясняемое как губительный вихрь и палящий ветер, или как пар, выходящий с разрушительною силою из земли, из огнедышащих гор.

650 - Сатурн, или Кронос, – греко-римский бог, почитавшейся сыном Урана (неба) и Геи (земли); по низвержении с престола его отца он, по верованию древних язычников, присвоил себе власть над миром; он сочетался браком с сестрою своею Реею, но так как ему было предсказано, что он будет свергнут с престола своими детьми, то он проглатывал их тотчас после рождения; впоследствии он низвержен был сыном своим Зевсом.

651 - Констанций и Констанс – сыновья и преемники Константина Великого. Констанс управлял западной половиной Римской Римской империи с 337–350 г.; Констанций царствовал на востоке с 337–361 г., а с 363 г. и на западе.

652 - Авва – отец, начальник обители, пользующийся сыновним благоговейным почтением братии. Ответ учеников выражает желание, чтобы Антоний не уходил, но оставался по-

прежнему их глубоко почитаемым духовным отцом и руководителем.

653 - Милоть – верхняя одежда, плащ, мантия.

654 - Т. е. св. Афанасию Великому, патриарху Александрийскому.

655 - Здесь разумеется св. Серапион, епископ Тмунтский (в Египте). Память его – 24 мая.

656 - Преподобный Антоний Великий скончался 17 января 356 г. на 105 г. жизни. – Мощи преподобного Антония открыты и перенесены в Александрию в 561-ом году при Византийском императоре Юстиниане (527–565 г.), потом, по взятии Египта сарацинами, в Константинополь около 635 года, оттуда около 980 года в диоцез Виенинский (в Галлии, нынешней Франции), в 1491 г. – в Арль (главный город Прованса, в юго-восточной Франции), в церковь св. Иулиана, где почивают и поныне.

657 - Хотя преподобный Антоний Великий и не получил образования, но для него училищем были Священное Писание и природа, а учителем благодать Христова, более и более озарявшая его по мере самоумерщвления его подвигами. Из творений преподобного Антония до нас дошли: 1) его речи, числом 20; они трактуют о монашеских добродетелях, о вере во Христа, о простоте и невинности, смирении, чистоте, терпении, благочестии, девстве и проч.; все речи кратки, но полны Божественного учения. 2) Послания – семь к различным монастырям и предстоятелям их о стремлении к нравственному совершенству и о духовной борьбе написаны уже в очень преклонном возрасте преподобного и дышат апостольской назидательностью; 13 других писем с таким же содержанием и характером. 3) Правила жизни и другие увещания и изречения к монахам.

658 - Святой Афанасий Александрийский родился около 297 года, незадолго до жестокого гонения Диоклетиана на христиан, о котором у него, однако, не осталось личных воспоминаний.

659 - Св. Александр, епископ Александрийский, ревностный защитник православия против ариан, управлял Александрийскою церковью с 312–326 год.

[660] - Александрия, место рождения Афанасия, представляла ему много средств для образования ума, и он приобрел сведения разнообразные: он изучал право, познакомился с произведениями языческих мудрецов и поэтов Греции, словом, по выражению биографа святого Афанасия, изучал «круг наук», т. е. в смысле Александрийских ученых; но на это употребил он немного времени, как свидетельствует о том св. Григорий Богослов. Главное же внимание было обращено им на изучение Священного Писания под руководством опытных наставников; и Святой Афанасий так изучил все книги Ветхого и Нового Завета, как другой не изучил и одной. Как можно полагать по одному из первых сочинений святого Афанасия, то были наставники Огласительного училища в Александрии. Умственное образование Афанасия довершено было в обществе подвижников, которых он любил и с которыми отыскивал случаи знакомиться; многократно он видал преп. Антония Великого, и самого Афанасия за строгую жизнь считали в числе подвижников.

[661] - Известно, что Афанасий, будучи еще немного более чем мальчиком, занял место в качестве любимого члена в доме св. Александра, жил с ним «как сын с отцом», и таким образом провел несколько плодотворных лет в центре церковной деятельности, под кровлею первосвятителя, авторитет которого признавался более чем ста епископами Египта, Ливии и Пентаполя. Афанасий стал как бы помощником и домашним секретарем в письменных сношениях по делам церковным. В сан диакона Святой Афанасий был рукоположен в 319 году. Уже в это время Афанасия сделали известным особенно сочинения его: «Против язычников», и «О воплощении Бога Слова»; это были первые сочинения его, написанные рано; но они давали право надеяться от него на многое.

[662] - 1-й Вселенский собор в Никее (город в Вифинии, северо-западной части Малой Азии) происходил в 325 году. На нем была изобличена и осуждена ересь Александрийского пресвитера Ария, который учил, что Сын Божий не рождается предвечно из существа Бога Отца, а сотворен Им из небытия во времени, не единосущен ему и не равночестен; в этой ереси

скрытно заключалось решительное отрицание Божества Иисуса Христа и нашего искупления Им, короче – ниспровержение всего христианства. Когда открылось нечестие Ария, Афанасий принимал живое участие в борьбе св. Александра, архиепископа Александрийского, с Арием и тем возбудил против себя ариан. Так было еще до Вселенского собора; а на Никейском соборе Святой Афанасий, бывший тогда в сане архидиакона Александрийской церкви и сопровождавший св. Александра на собор, победоносно опровергал Ария, к утешению отцов собора.

663 - Евсевий, епископ Никомидийский, был другом и сторонником Ария, и покровительствовал ему. На 1-м Вселенском соборе он защищал Ария, и хотя согласился подписать составленный на соборе Символ веры, но не соглашался на отлучение Ария от Церкви, за что, равно как и за сношения с отлученным ересиархом, сам подвергся ссылке. Но, благодаря покровительству Констанции, сестры императора, Евсевий был возвращен, из ссылки и, заняв снова кафедру, стал действовать против православных.

664 - На 1-м Вселенском соборе поборники неправомыслия, за недостатком правды на их стороне, думали помочь себе лукавством, предлагая прочим членам Собора такой символ веры, в котором неопределенность выражений о Сыне Божиим давала место перетолкованиям ариан. Но св. отцы, исповедуя Сына Божиего «из сущности Отца» рожденным и «Отцу единосущным», включили эти выражения в свой символ, и тем утвердили древнюю веру «в Бога истинного от Бога истинного». Символ этот подписали все члены собора, даже державшиеся стороны ариевой, но неискренно; при этом они греческий термин, выражающий единосущие Сына Божия «омоусиос», читали как «омиусиос» – подобосущный, или, по крайней мере, понимали в последнем смысле. Евсевий и хотел представить царю дело так, что между православными и арианами происходит только недоразумение и споры из-за различного понимания терминов и выражений Символа, а не из-за сущности веры, и что Арий совершенно согласен с символом Никейского собора.

[665] - Кончина св. Александра Александрийского последовала пять месяцев спустя по возвращении его с 1-го Вселенского собора. Афанасия в то время не было в Александрии. Оставляя свою паству, умирающий старец искал вокруг блуждающим взором, кому бы поручить ее. «Афанасий, Афанасий!» – взывал Александр, – ты думаешь убежать. Нет! Не убежишь». Действительно, Афанасий не избежал жребия, предназначенного ему свыше. Предъизбранный отшедшим пастырем и желанием паствы, едва он явился в Александрию, как народ неотступно стал требовать от собравшихся епископов, чтобы посвятили ему в епископа Афанасия, и дотоле не успокоился, пока не получил желаемого, хотя и против воли самого Афанасия.

[666] - Евсевий с греч. значит: благочестивый.

[667] - Мелетий, епископ Ликопольский (в Фиваиде), восставал против возвращения в церковь отрекшихся от нее в гонение Диоклетиана. Св. Петр, архиепископ Александрийский, более снисходительный к падшим, как верховный архипастырь всего Египта, отлучил его за это от Церкви. Но Мелетий, с единомысленными ему епископами, присвоил себе права главного областного епископа и не признавал власти преемников св. Петра. На 1-м Вселенском соборе раскол Мелетия был осужден, но мелетианские епископы существовали до половины V века. В 326 году Мелетий и его единомышленники препятствовали избранию святого Афанасия на Александрийскую кафедру, а когда это избрание состоялось против их желания, то стали распускать клевету, что Афанасий избран незаконно, шестью или семью епископами, тайно от прочих. Мелетиане таким образом были противниками Афанасия, наравне с арианами, сторону которых они держали.

[668] - Исхир не был священником. Правда, его посвятил в этот сан, еще при св. Александре, Коллуф, самовольно восхитивший себе права епископские; но на Александрийском соборе 324 года этот Коллуф был низложен, как самозванец, а все им поставленные не признаны посвященными.

[669] - Мареотийская область лежала в северо-западном Египте, к югу от Александрии, по берегу залива, и в церковном

отношении находилась под властью епископа Александрийского.

[670] - Епископы собирались в Иерусалиме на праздник освящения императором Константином Великим великолепного храма воскресения Христова, над местом погребения Тела Спасителя и его Воскресения. Храм освящен был 13 сентября 335 года.

[671] - Город Тир был расположен на восточном берегу Средиземного моря. Это был один из древнейших, укрепленных и красивейших, приморских торговых городов Финикии и вместе ее столичный город.

[672] - Здесь время царствования Константина Великого считается не от начала его единодержавия, а с самого начала его царствования (с 306–324 года он управлял западною половиною империи, а с 324–337 всей империей).

[673] - Собор в Тире происходил в 335 году, под наблюдением императорского чиновника Дионисия. Всех епископов приехало на собор до шестидесяти человек. Святой Афанасий прибыл с 48 епископами Египта. Здесь присутствовали епископы именитых престолов: Антиохийского – Флакилл, иерусалимского – Максим, Солунского Александр. Святой Афанасий, по прибытии, хотел занять место, которое принадлежало ему по достоинству его кафедры, но ему было повелено председателем собора, Евсевием, епископом Кесарийским (известный церковный историк, – сторонник ариан), стоять, как лицу обвиняемому. Совещания собора велись пристрастно, в пользу Ария и его единомышленников и во вред святому Афанасию.

[674] - Феогний, епископ Никейский, вместе с Евсевием Никомидийским, – прежде других принял учение Ария, поддерживал его на 1-м Вселенском соборе, после чего, хотя и подписал православный Символ веры, но за сношения с Арием был сослан, по возвращении Ария, и Феогний вызван был из ссылки. Явно он отрекся от лжеучения, но тайно покровительствовал арианам.

675 - Марий, епископ Халкидонский, подобно Феогнию Никейскому и многим другим, разделял учение Ария, обвинял Афанасия на Тирском соборе и был в числе следователей по Мареотскому делу, вместе с Феогнием и другими единомышленниками Ария.

676 - Пророк рассуждает здесь о тех, грехи которых разъединяют их с Богом. Подобно таким грешникам, поступали и обличители Афанасия, покрывавшие истину ложью.

677 - С давних времен Египет, славившийся своим плодородием, посылал в Рим через Александрию флот, нагруженный хлебом, для раздачи нуждающемуся народу. Когда Константин Великий основал в 330 году новую столицу в Византии, названную по его имени Константинополем, а также Царьградом, то, заботясь об усилении ее населения и о средствах к ее содержанию, переменил назначение этого флота: милость раздачи хлеба предоставлена была Константинополю. Всего хлеба раздавалось до 80 000 мер. Враги Афанасия таким образом рассчитывали разглашением новой клеветы, возбудив гнев царя, произвести в то же время возмущение народа в столице. Чернь, недовольная Афанасием, могла произвести бунт и во время его, как надеялись враждебные Афанасию епископы, убить св. мужа. «Как могу я это сделать (остановить провоз пшеницы), – возражал Афанасий на новую клевету; я – человек частный и бедный?» Евсевий Никомидийский отвечал: «нет, Афанасий – человек сильный, богатый; его на все достанет!»

678 - Все это были арианствующие епископы, сторонники Евсевия Никомидийского.

679 - Галлия – нынешняя Франция.

680 - Святой Афанасий был отправлен в город Тревы – ныне Трир – многолюдный, цветущий главный город северо-восточной области древней Галлии (так называемой Белгики). Здесь Константин Великий и сам нередко проживал, когда был обладателем только западной половины империи; теперь там имел пребывание Константин, старший сын императора, в 335 году сделавшийся правителем Галлии, Испании и Британии.

Трирским епископом в это время был Максимин, защитник православия. Он с любовью и уважением принял Афанасия, который взаимно сохранял к нему привязанность. И Константин младший, питая уважение к святителю, старался облегчить скорбь изгнания. В Трире Святой Афанасий находился два года и четыре месяца.

681 - Арианскому пресвитеру Евдокию, тому самому, который имел сильное влияние на Констанцию, сестру императора Константина Великого, в деле возвращения Ария и его единомышленников из ссылки.

682 - Препозит – начальник царского двора и евнухов. Доверенностью Констанция особенно пользовался евнух Евсевий, арианин.

683 - Евнухами назывались в древности лица, которые служили при царских дворах в качестве стражи при опочивальнях цариц и царевен. По большей части, евнухи были скопцами. При византийском дворе должность евнухов была весьма почетная; они представляли собою вообще царедворцев вельмож, и имели большое влияние на государей и управление страною. Константин Великий стал назначать их на низшие должности и тем ограничивал их влияние; но при Констанции – евнухи приобрели сильное значение при дворе.

684 - Подробно стих этот читается так: Священники не говорили: «где Господь?», и учители закона не знали Меня, и пастыри отпали от Меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала и ходили в след тех, которые не помогают. Здесь от имени Господа пророк Иеремия изобличает священников, правителей и пророков Израиля, позабывших милости Бога и отступивших от Него. Жизнеописатель святого Афанасия Александрийского в переносном смысле относит эти слова к Констанцию и арианствующим епископам, которые отступили от истинной веры во Христа Бога.

685 - Св. Максим III, патриарх Иерусалимский, занимал кафедру с 333 по 350 г. Он пострадал за имя Христово и был исповедником. Когда на Тирском соборе ариане требовали от православных епископов, чтобы они подписали беззаконный

приговор об Афанасии, то Пафнутий, епископ города Таиса, в верхней Фиваиде, исповедник, пострадавший в царствование Максимиана II, взял за руку Максима, вывел его из собрания и сказал: «нам, исповедникам, неприлично принимать участие в таком соборе». – Память св. Максима совершается в греческой церкви 17 ноября.

686 - Греческие церковные историки V века Сократ и Созомен так описывают смерть Ария. В роковое утро, когда, согласно приказанию императора Константина Великого, Арий должен был быть принят в церковное общение, он, надменный более обыкновенного и делая разные пустые замечания, находился на своем пути в церковь, окруженный единомышленными ему евсевианами и любопытной, возбужденной толпой. Но вдруг он схвачен был внезапным приступом боли в желудке и отправился в отхожее место позади Константиновой площади. Вскоре затем здесь с ним сделался обморок, и вместе с испражнениями вышли его внутренности, с выпадением кишок, печени и селезенки и обильным излиянием крови, так что он почти немедленно умер. Между тем сопровождавшие его лица ждали его довольно продолжительное время. Наконец, отправившись к нему, с целью позвать его, они были поражены ужасным зрелищем. У Ария (ему было тогда более 80 лет) лопнуло чрево, и он лежал, плавая в своей крови и представляя ужасающее зрелище. Эта ужасная смерть Ария невольно вызывала на сравнение ее со смертью Иуды предателя. Она произвела глубокое уныние в рядах его сторонников и, естественно, была принимаема православными, как высший приговор над всем его делом. И действительно, если смерть Ария была даже и естественной, во всяком случае, она была ужасною внезапною смертью, и в ней нельзя не видеть высшего суда Божиего.

687 - Константин II – старший сын Константина Великого; при разделении империи, в качестве императора, получил в управление Галлию и западную часть северной Африки.

688 - Это было в конце 338 года.

689 - Враги Афанасия ссылались на то, что постановлением Тирского собора он был низложен и теперь занимает кафедру по

распоряжению светской власти, вопреки церковными правилам.

690 - Аквилея – в древности большой и значительный город в Верхней или Северной Италии, к северу от Адриатического моря. – Здесь в марте 340 года произошло междоусобное сражение между Константином и Константом, в котором первый и был убит, а Констант сделался владетелем всего Запада.

691 - В своем потаенном убежище Святой Афанасий написал сильное воззвание к епископам всех церквей, в котором изобразил все ужасы нечестия, совершившиеся пред его глазами, и умолял подать помощь славной церкви Александрийской, попираемой еретиками. Но благочестивые пастыри могли только плакать и просить помощи свыше: так сильно было смятение, произведенное в Александрию нахлынувшим полчищем ариан, и помощи искать было не у кого, так как своеволие еретиков пользовалось полным покровительством императора Констанция.

692 - Святой Юлий – папа римский, ревностный защитник православия от ариан, покровитель Афанасия, занимал престол с 337–352 год.

693 - Так называемой Золотой церкви, великолепно заложенной Константином Великим и отстроенной Констанцием. Здесь и происходил Антиохийский собор в январе 341 года. На соборе присутствовало до девяноста епископов. Отцы собора отвергли символ собора Вселенского, и в то же время издали, несогласные между собою, один за другим три свои символа (полуарианские), а потом и еще – четвертый, и ни в одном не хотели включить выражение, ясно определившее Православие: единосущный. Решив по-своему дело веры, они обратились потом к делам церкви Александрийской.

694 - Евсевий Емесский славился своим образованием; он обучался в Александрии, а потом – у Евсевия Кесарийского. Емесским он называется по городу (Емеса – город в Сирии, южнее Антиохии), в котором был епископом. Он был любимцем Констанция, которому сопутствовал в походах.

695 - Григорий Каппадокиянин (Каппадокия – восточная область Малой Азии) получил образование в Александрии и

некогда пользовался расположением св. Афанасия. Григорий был человек грубого и буйного характера.

696 - Евсевий Никомидийский умер в 342 году.

697 - Сардика находилась на границе владений обоих братьев: Констанция и Константа, в Иллирии, – теперь София – столица нынешней Болгарии.

698 - Констанций согласился на созвание собора, уступая требованию своего православного брата, которого просили о том восточные епископы, и который, глубоко уважая святого Афанасия, желал его оправдания. Собор происходил в 344 году. Он 1) утвердил Никейский символ, 2) разобрав дело, оправдал Афанасия и 3) предводителей арианства объявил низложенными, воспретил православным иметь с ними общение и подверг осужденных анафеме.

699 - Исхир был поставлен епископом арианами.

700 - Асийских, т. е. восточных; из них главными были Феодор ираклийский, Наркисс неронопольский, Менофант ефесский, Стефан антиохийский, Акакий Кесарийский и Георгий лаодикийский.

701 - Филиппополь – город во Фракии, к юго-востоку от Сардики. – Филиппопольский собор состоялся под председательством Стефана антиохийского. Этот собор снова осудил Афанасия, Павла Константинопольского, римского Юлия, сардикийского Протогена и других православных епископов. Констанций поддержал решение Филиппопольского собора, и Афанасий, вместе с другими гонимыми, должен был оставаться в изгнании. – Он удалился в Наисс, в Дакии.

702 - Филиппопольский собор составил новый символ, более арианский, чем символы собора антиохийского.

703 - Августалий – царский наместник в римской провинции.

704 - Фиваида – южная область Египта; Ливия-на севере Африки, к западу от Египта.

705 - Это было в 348 году.

706 - Магненций возмутил против Константа его армию, которая низвергла его с престола; Констант бежал, но по дороге был убит Магненцием. Это было в начале 350 года.

[707] - Этот Георгий был человек без образования, грубого характера и сначала был поставщиком мяса для армии. Георгий был лжеепископом около четырех лет (357–361 г.) и за это время причинил много скорбей и утеснений не только церкви Александрийской и населению православному, но и языческому.

[708] - Это было в отсутствие Афанасия.

[709] - Стратилат – военачальник, воевода.

[710] - Оасим, или великий ливийский Оазис, лежит к западу от пустыни Фиваидской, в восточной части нынешней Сахары, – древняя греческая колония, служившая часто местом ссылки.

[711] - Ахав – восьмой царь израильский, по настоянию своей супруги Иезавели, женщины злой, властолюбивой и развращенной, распространивший среди израильтян идолопоклонство и со злобою преследовавший служителей истинного Бога.

[712] - Магненций в течение трёх с половиною лет, после смерти Константа, удерживал за собою титул цезаря на западе. Констанций рассеял его приверженцев, причем Магненций окончил жизнь самоубийством. Вся империя, после того, объединена была под главенством Констанция, до самой смерти его, последовавшей в 361 году.

[713] - Медиолан – древний город, т. н. Цизальпинской Галлии или нынешней северной Италии, – центр процветания наук и искусств; ныне – Милан – главный цветущий город итальянской области Ломбардии, с многочисленным населением.

[714] - Собор был созван по просьбе римского папы, св. Либерия, преемника Юлия, в 355 году. На соборе присутствовало до 300 западных епископов. Ариане требовали на нем осуждения Афанасия, но западные настаивали на первоначальной подписи Никейского символа. Тогда Констанций, слушавший из соседней комнаты все рассуждения отцов собора, вошел в залу совещаний с мечом в руках и сказал, что он сам обвиняет Афанасия. Отказывавшимся подписать осуждение Афанасия угрожала ссылка, поэтому некоторые подписались, а несогласные были сосланы.

[715] - Верцеллы – город в северо-западной Италии; Толоса – на р. Гаронне, в южной Франции; Трир (иначе Тревы или Тривириум) – на р. Мозеле, в восточной Франции, Калария – на острове Сардинии (на Средиземном море).

[716] - Аримин, ныне Римини, древнейший цветущий город Умбрии, в северо-восточной части Италии, на берегу Адриатического моря.

[717] - Т. е. епископская кафедра Верцелл в иерархическом отношении считалась выше Медиоланской.

[718] - Святой Афанасий Великий был одним из знаменитейших писателей древней Церкви. Он отличался глубоким знанием Священного Писания и богословским талантом. Так как он всю жизнь свою провел в борьбе с арианами, то и сочинения его носят отпечаток этой борьбы и направлены, главным образом, против ариан. Важнейшие из сочинений святого Афанасия следующие: 1) четыре слова против ариан, где Афанасий делает полнейшее опровержение всех их возражений, 2) послание к Епиктету, епископу Коринфскому – о Божественной и человеческой природе в Иисусе Христе, 3) четыре письма к святому Серапиону, епископу Тмуитскому, в которых он доказывает Божество Святого Духа и равенство его со Отцом и Сыном против македониан, учивших, что Святой Дух есть служебная тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына, 4) послание об определениях Никейского собора в защиту единосущия, 5) книга о Святом Духе. Во многих из своих сочинений Святой Афанасий описал волнения и дела ариан, сопровождая описания замечаниями в пользу истины Христовой; такова, например, его история ариан, написанная к монахам. Высокий образец апологии (защиты) пастырской составляет письмо святого Афанасия к императору Констанцию. Кроме того, известны сочинения святого Афанасия, относящиеся к объяснению Священного Писания; из них, прежде всего, обращает на себя внимание пасхальное письмо святого Афанасия, весьма важное в том отношении, что в нем перечисляются книги Ветхого и Нового Заветов, послание к Марцеллину о псалмах; остались также краткие отрывки толкований его на книги Иова и Песнь песней, на Евангелия

Матфея и Луки. К числу нравоучительных сочинений относятся послание его к Аммуну, против порицающих супружество, и послание к Руфиниану о том, как принимать еретиков в Церковь. Одно из самых назидательных сочинений святого Афанасия есть жизнь Антония Великого; Святой Златоуст советует читать жизнь Антония каждому, какого бы кто состояния ни был.

719 - Святой Сильвестр управлял церковью с 314–335 г. (память его 2 января непосредственным преемником был Святой Марк (336), а после него Святой Юлий (337–362 г.), защитник Афанасия и строгий ревнитель православия, и, наконец, Святой Ливерий (352–366 г.). Феликс II занимал кафедру после удаления императором Либерия (355–356 г.) и одновременно с ним, – почему иначе называется антипапою.

720 - В юго-восточной части Малой Азии. Констанций умер, возвращаясь с востока, после борьбы с персидским царем Сапором, 3 ноября 361 года.

721 - Это было в декабре 361 года.

722 - Юлиан Отступник, племянник Константина Великого .

723 - Т.е. император Юлиан.

724 - Юлиан был убит во время одной битвы с персами 26 июня 363-го года.

725 - Иовиниан умер 17 февраля 364-го года.

726 - После смерти Иовиниана войско 26 февраля избрало его преемником Валентиниана, который через месяц отдал восточную половину империи своему брату Валенту, ревностному арианину. Валент царствовал с 364–378 год.

727 - Мелетий, патриарх Антиохийский, занимал кафедру с 358–381 г. Был защитником православия, за что, по проискам ариан, несколько раз подвергался удалению с кафедры.

728 - Святой Афанасий Великий преставился 2 мая 373-го года.

729 - Из них более 20 лет провел в изгнании.

730 - Петр II, патриарх Александрийский, управлял Церковью с 373–380 год.

[731] - Преподобный Макарий называется «египетским» в отличие от другого, соименного и современного ему подвижника, который родился и большую часть жизни провел в городе Александрии, и поэтому называется «Александрийским» или «городским». За свою же святость и мудрость Макарий Египетский называется «Великим». Родился он около 301 года.

[732] - Птинапор или Пежижвир – селение, находившееся на западном берегу Нила, в пределах нынешней египетской провинции Менуф или Менуфиэ, в южной части Нильской долины, в так называемом Нижнем Египте. В настоящее время от него остались одни развалины.

[733] - Пустыня Нитрийская, – которую блаженный Иероним называет «градом Божиим», по святости пустынножителей, обитавших в ней, – была обширная пустыня, граничащая с Ливией и Эфиопией. Она получила название от соседней горы, где в озерах находилось множество нитра или селитры.

[734] - Фаран – пустая и гористая страна между Палестиной, Египтом, Идумией и Синайским полуостровом.

[735] - Скитская пустыня находилась в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от Нитрийской горы, в северо-западной части Египта. Это была безводная каменистая пустыня, излюбленное место египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков.

[736] - Как это выражено в службе преподобному Макарию (см. минею месячную – икос по 6-й песни канона).

[737] - Стадия равняется 87 1/2 нашим саженям.

[738] - Руфин – пресвитер Аквилейский – родился около 345 г., скончался в 410 г., – церковный писатель. Из сочинении его известны: «История монашества», «История Церкви», «Апологии святого Иеронима» (2 книги).

[739] - Палладий Еленопольский (368–430 г.), ученик преподобного Дорофея, уроженец Галлии, в 388 году прибыл в Александрию, откуда потом удалился в близлежащую пустыню, где подвизался и преп. Дорофей, и потом переселился в Вифлеем. В 390 году избран в епископа еленопольского, в Вифинии, в Малой Азии. После того император Аркадий сослал

его, как сторонника св. Иоанна Златоуста в Верхний Египет, откуда в 408 году он перемещен в Антиною, а в 412 году возвращен на свою кафедру, в Еленополь. По просьбе Каппадокийского префекта Лавса, в 420 г. Он составил собрание жизнеописаний святых и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком». Ввиду назидательности и поучительности этого сборника, церковным уставом полагаются чтения из него на утренях святой Четыредесятницы.

740 - Литра – фунт, византийская мера веса, равная 72 золотникам.

741 - Здесь разумеется пустыня Келий, которая отстояла от горы Нитрийской около 7 верст к юго-востоку. Это была обширная пустыня, в которой рассеяны были кельи отшельников, в таком расстоянии, чтобы нельзя было ни видеть, ни слышать друг друга. В пустыню Келий удалялись обыкновенно любители уединения из горы Нитрийской, после того как уже утвердились в жизни иноческой. Здесь они проводили жизнь более безмолвную, и их кельи так удалены были друг от друга, что ни взор, ни слух не развлекал близким сожитием других братий. У иноков было поставлено правилом не ходить одному в келью другого, чтобы не нарушать безмолвия. Только по субботам и воскресеньям они собирались в храм для общего богослужения. Пустыня Келий управлялась пресвитерами, между которыми был особенно известен преподобный Макарий Александрийский.

742 - Император Валент царствовал с 364 по 378 г.

743 - Арианин Лукий занявший Александрийскую патриаршую кафедру после святого Афанасия Великого.

744 - Пафнутий пресвитер; он разделял с преподобным Макарием бремя управления скитскими иноками.

745 - Серапион – епископ тмуитский (в Нижнем Египте), один из замечательных церковных деятелей начала IV в. Он составил «Монашеские правила». Известны также его «письма к монахам», «житие преподобного Макария Египетского» (на коптском языке) и нек. друг. Серапион был ревностным борцом за Православие, вследствие чего подвергся даже ссылке.

[746] - Преподобный Макарий скончался около 391 года. Место подвигов преподобного Макария доселе называется пустынею Макария и в ней есть монастырь его имени. Мощи преподобного находятся в городе Амальфи в Италии. – Драгоценным наследством опытной мудрости преподобного Макария служат пятьдесят слов, семь наставлений и два послания. Предмет бесед и наставлений преподобного Макария – внутренняя духовная жизнь и преимущественно в том ее виде, как она совершается на пути созерцательного уединения. Несмотря на глубокий и малопонятный предмет, беседы и наставления опытного учителя ясны и вразумительны: духовное, столь мало известное для иных из нас, в устах святого Макария близко к сердцу и уму. То, что было бы темно по возвышенности духовной, у преподобного Макария приближается к разумению сравнениями и образами, которые всегда просты и тем более поразительны.

[747] - От чего и называется «Александрийским» или городским. Рождение его относится к 295 году.

[748] - Тавеннский монастырь был первым общежительным монастырем, находился в Тавенне, в Верхнем (Южном) Египте, к северу от древней столицы его – вив, на берегу Нила. Основан около 340 года преподобным Пахомием Великим (память его 15 мая строгий общежительный монастырский устав, быстро распространившийся в христианском мире. Тавеннский монастырь имел такое громадное значение в истории древнехристианского иночества, и успех устава Пахомия был так велик, что еще до его смерти в Тавенне и ее окрестностях собралось около 7000 иноков. И впоследствии Тавенна, – наименование которой, принадлежавшее сначала одному острову, на реке Ниле, после перешло и на береговые окрестные места реки, где поселился Пахомий и его ученики, – славилась своими монастырями.

[749] - Секстарий – древняя римская мера жидкости, вместимостью в две слишком настоящих бутылки.

[750] - Поприще равнялось нашим 690 саженям.

[751] - Т.е. преп. Пахомия Великого.

[752] - Солунь или Фессалоники – весьма значительный, древний город Македонии лежал в глубине большого Солунского или Фермейского залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый и мануфактурный город в европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[753] - Кончина преподобного Макария Александрийского последовала около 395 года – Подобно преподобному Макарию египетскому, и преподобный Макарий Александрийский был церковным писателем. С его именем известны доселе: 1) правило монашеское в 30 главах; 2) письмо к инокам; 3) слово об исходе души и о состоянии по смерти.

[754] - Никомидия – цветущий населенный город в области Вифинии, на берегу Мраморного моря, в северо-западной части Малой Азии.

[755] - Максимиан Галерий, зять и соправитель императора Диоклетиана (284–305 г.), и после император восточной половины Римской империи (с 305–311 г.).

[756] - Кончина мученицы Евфрасии последовала в 303 году.

[757] - Остров Керкира – ныне Корфу, на Ионийском море, близ западного берега северной Греции. – Св. Арсений был первым архиепископом на о. Корфу.

[758] - Знаменитый своею ученостью патриарх Константинопольский Фотий ведший со святым Арсением переписку, в своих письмах к нему выражает глубокое удивление, как к мужу высокой духовной жизни, который знаком и с греческою литературою. – Святой Арсений известен и как писатель: им составлены канон на елеосвящение, похвальное слово апостолу Андрею и описание страдальческой кончины великомученицы Варвары.

[759] - Константин Порфирородный, Византийский император, царствовал с 780 по 797 год.

[760] - Коринф – древнейший, знаменитый и богатый город Ахаии; лежал в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива, между Ионическим и

Эгейским морями. В настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называющегося Куронто.

761 - Святой Арсений скончался в конце VIII века.

762 - Армения – горная страна, к югу от Кавказа и к востоку от Малой Азии; она делилась на две части: большую или восточную Армению, и малую или западную. Город Мелитина, ныне Малатия, находился в южной части Малой Армении, на одном из притоков Евфрата.

763 - Евфимий – от греческого глагола радуюсь, утешаюсь – в переводе значит: благодушный, веселый.

764 - Валент царствовал с 364–378 г, Грациан – с 375–383 г.

765 - Фракия – область Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова. Адрианополь – город на р. Гебре (Марице); ныне значительный и многолюдный, главный город турецкого вилайета (области) того же имени.

766 - Император Феодосий Великий царствовал с 379–395 г.

767 - Отрий, епископ Мелитинский, просиял на 2-м Вселенском Константинопольском соборе 381 г.; впоследствии он был причтен к лику святых. Память его совершается на востоке 17 апреля.

768 - Преп. Евфимию было тогда около 29 лет. Это было в 406 г.

769 - Лавра Фаранская, или Фаре, основана преподобным Харитоном (память его 28 сентября) в 1-й половине IV века, в шести миллиариях (с небольшим 8 верст) от Иерусалима к востоку, по пути в Иерихон.

770 - Пустыня Кутиллийская лежала к северо-востоку от Иерусалима, в недалеком расстоянии от Иерихона, ниже лавры святого Саввы Освященного к Мертвому морю, отстоящей к востоку от Иерусалима на 12 верст.

771 - Т. е. преподобные Евфимий и Феоктист удалялись в пустыню после отдания праздника Богоявления Господня и пребывали там до праздника Входа Господня в Иерусалим, или Вербного воскресенья (недели Цветоносной, иначе – Ваий).

772 - Это было в 411-м году.

[773] - Ныне – селение ел-Азария, недалеко от пустыни Кутиллийской.

[774] - Марин и Лука – известные ученики преподобного Евфимия. Получив иноческое воспитание от него, они явили из себя подвижников отшельнической жизни; через несколько лет они просияли в местах близ селения Метопа (ныне Хирбет Джубб ер-Рум, по дороге от Иерусалима в лавру преп. Саввы Освященного) и создали монастыри; они привели в монашеское совершенство преподобного Феодосия Великого был киновиархом этой пустыни и архимандритом киновий.

[775] - Киновия – общежитие, общежительный монастырь.

[776] - Маги в Персии – члены жреческой касты, принадлежавшие к особому поколению мидян. В их руках сосредоточено было все научное образование; они заведовали религиозными обрядами и играли влиятельную роль в жизни государства. Им также приписывают искусство звездочетства (угадывания судьбы человека по течению светил небесных), гадания и чародейства, тем более, что языческая религия персов соединялась с различного родя темными суевериями.

[777] - Персидский царь Издегерд I царствовал с 399–420 г. Восстание, поднятое персидскими магами на христиан, было в 419 г.

[778] - Впоследствии Петр, носивший имя Аспевета, был первым епископом сарацинским и участвовал на Эфесском (3-м Вселенском) соборе 431 г.

[779] - Рува – пустыня у северо-западных берегов Мертвого моря, между ним, нынешней иерусалимской дорогой и лаврой преподобного Саввы Освященного.

[780] - Марда – иначе Морес – гора около Мертвого моря.

[781] - Пустыня Зиф составляет часть пустыни иудейской, к югу от Иерусалима и к юго-востоку от Хеврона. К западу и востоку от нее находятся пещеры, в одной из которых укрывался Давид, спасаясь от преследования Саула (1 кн. Цар. гл. 18 и след.). – Аристовулиада – селение близ Хеврона.

[782] - Капарзарих – ныне Бени-Наим – монастырь, находившийся к юго-востоку от Хеврона, в пустыне по течению

р. Иордана, недалеко от него.

[783] - Ныне – дер-Мукелик. Лавра преподобного Евфимия лежала в 3000 шагов (около 4 верст к югу от нижнего монастыря, вправо от дороги в Иерихон).

[784] - Святой Ювеналий, патриарх Иерусалимский, защитник православия против еретиков, занимал кафедру с 420–458 год.

[785] - Скифополь – город к северу от Иерусалима. В то время он был цветущим, многолюдным городом. Теперь это-бедная деревушка (Бесан) среди бесплодной пустыни.

[786] - Антиохия – древняя столица Сирии, лежит на север от Палестины, на берегу р. Оронта, впадающей в Средиземное море.

[787] - Иоанн, архиепископ (патриарх) антиохийский, занимал кафедру с 423–440 г.

[788] - Раифа – ныне ет-Тор – селение на восточном берегу Синайского полуострова, при Красном море.

[789] - Тивериада – ныне Табария – город на западном берегу Геннксаретского или Тивериадского озера (иначе – Галилейского моря), на севере Палестины.

[790] - Память преподобного Пассариона совершается в сырную субботу.

[791] - В древней Церкви, кроме епископов городов и епархий, – были еще епископы сел, которые (от греч. слова деревня) назывались хорепископами. Они действовали под наблюдением епископа городского, имели в своем заведовании известный округ сельских церквей, избирали для подведомых им церквей низших клириков, приносили Божественные дары и раздавали милостыню из церковного имения, но не имели власти рукополагать пресвитеров и диаконов. В своей деятельности они отдавали отчет главному епископу города и являлись непосредственными его помощниками. Впоследствии они были упразднены.

[792] - Исихий впоследствии причтен к лику преподобных. Память его – в сырную субботу.

[793] - В 429 году.

[794] - Эконом – лицо, заведующее хозяйством монастыря.

[795] - Келарь – хранитель и расходчик монастырских припасов.

[796] - Чванец – небольшой сосуд, кувшинчик.

[797] - Асия – западная часть Малой Азии; так называлась она после завоевания ее римлянами еще до Р. Х. Затем название Азии перенесено было и на весь материк; в данном случае разумеется западная часть Малой Азии.

[798] - В 431 году.

[799] - Память св. Кирилла Александрийского (444 г.) совершается Церковью 9 июня и 18 января, вместе с Афанасием Александрийским

[800] - Домнин занимал патриаршую кафедру в Антиохии с 441–448 г.

[801] - Церковь св. Воскресения в Иерусалиме сооружена была Константином Великим и освящена в 335 году, сентября 13-го. Она была построена над пещерою Гроба Господня и отличалась великолепными и многочисленными украшениями. В храме было множество утвари с драгоценными камнями, хранителем которой (по-гречески: скевофилаксом) и был Анастасий.

[802] - Анастасий занимал патриаршую кафедру в Иерусалиме с 458–478 г.

[803] - Четвертый Вселенский собор в Халкидоне был в 451 г. Архиепископ Александрийский Диоскор занимал кафедру с 441 по 451 г. Вместе с Евтихием, архимандритом одного Константинопольского монастыря, он ложно учил, что в Иисусе Христе одно лишь естество – Божественное (отчего и ересь получила наименование монофизитства от греч. слов: один и природа, поглотившее, по воплощении, человеческое естество. На соборе это лжеучение было осуждено, и повелено исповедовать Господа Иисуса Христа «в двух естествах, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого… не на два лица рассекаемого или разделяемого, но единого и тогожде Сына и единородного Бога Слова».

[804] - Иамния – город в Палестине, основанный в глубокой древности филистимлянами, недалеко от Яффы (древней

Иоппии), лежащей при Средиземном море, в 12 часах пути к северо-западу от Иерусалима.

805 - Феодосий II или Младший царствовал с 408–450 г.

806 - Весной 452 года.

807 - Пустыня иорданская лежала на запад от Иордана, от Иерихона к Иерусалиму, и простиралась далее на юг вдоль западного берега Мертвого моря, – местность дикая, скалистая, сухая и бесплодная.

808 - Ликия – южная область в Малой Азии.

809 - Гора Синайская находится на северо-западе Аравии, к востоку от Чермного или Красного моря. Гора эта, представляющая группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезанная и окруженная крутыми и шероховатыми долинами, у арабов называется гора Тур или Джебель Тур Сина; лежит посредине рукавов Красного моря, образующих собою Синайский полуостров.

810 - Столп, или точнее, замок был выстроен царицею Евдокией на самой высочайшей горе во всей восточной пустыне, ныне Мунтар. (30 стадий равняются 5 слишком верстам.)

811 - В 458 году.

812 - Тимофей, по прозванию Елур, пресвитер Александрийский, еретик (монофизит), приверженец Диоскора

813 - Протерий был патриархом в Александрии с 451–457 г; по смерти Маркиана был убит монофизитами, как защитник Халкидонского собора (память его – 28 февраля). После него Тимофей Елур сделан был патриархом и занимал кафедру до 460 года, низлагая епископов и преследуя всех, кто принимал постановления Халкидонского собора

814 - Св. Лев I царствовал с 457–474 г.

815 - Анастасий I занимал патриаршую кафедру с 458–478 г.

816 - Царица Евдокия скончалась в 460 году; погребена в церкви св. Стефана.

817 - Преподобный Феоктист скончался в 467 г.

818 - Т. е. монастыря преп. Феоктиста.

[819] - Преподобный Евфимий Великий преставился в 473. – Во имя преподобного Евфимия в Константинополе при патриархе Мине (536–552 г.) был монастырь. Мощи Евфимия в его монастыре в Палестине, как бы живого в теле, видел русский игумен Даниил в начале XII в.

[820] - Мартирий патриаршествовал в Иерусалиме с 478–486 г., Саллюстий с 486–494 г. Илья II с 494–517 г.

[821] - О них подробно пишет описатель жития преподобного Евфимия Кирилл Скифопольский – лаврский монах, современник его и учеников его: св. Саввы Освященного и Иоанна Молчальника

[822] - Синклит – правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

[823] - Святые мученики Васс, Евсевия, Евтихий и Василид мученически скончались вместе с 5-ю рабами в Никомидии в 303-м году.

[824] - По сербскому прологу XIII. века, эти мученики называются: Енен, Нирен и Пень.

[825] - Здесь разумеется т. н. Малая Скифия, простиравшаяся от устьев Дуная к Фракию. Святые Инна, Пинна и Римма принадлежали к земледельческому племени южных славян, обитавших на правом берегу Дуная и по западному берегу Черного моря.

[826] - Пострадали во II веке.

[827] - Максим – лат. Maximus – соответствует греческому, что значит величайший. На соответствие имени святого Максима с его личными качествами и его жизнью указывает его ученик, преподобный Анастасий, в своем письме к Феодору, пресвитеру Гангрскому. – Святой Максим родился около 580 года. При втором допросе в Константинополе, бывшем в 655 году, он сказал, что ему 75 лет.

[828] - Император Ираклий вступил на престол в 600 году и царствовал по 641 год.

[829] - Ересь монофелитская возникла в начале VII века и была продолжением монофизитской ереси. Монофелиты признавали во Христе одну волю и одно действие Божеское и

таким образом искажали догмат вочеловечения Бога Слова. По учению же православному, воля есть принадлежность естества, а не лица, а потому и Господь Иисус Христос, как естеством Бог и естеством человек, имел и Божескую и человеческую волю. Без этой последней Он не был бы совершенным по естеству человеком.

[830] - Кир занимал патриаршую кафедру в Александрии с 630–640 г. Сергий I был патриархом Константинопольским с 610–638 г.

[831] - Хрисопольский монастырь лежал на противоположном берегу Константинопольского пролива, ныне Скутари, близ Халкидона. Он славился благочестивою жизнью иноков. Здесь Святой Максим принял пострижение, а затем избран аввой. Авва слово Сирийское, значит «отец» Это имя усваивалось начальнику обители.

[832] - Псалмопевец предпочитает «лежать у порога» дома Божия, нежели жить роскошно в палатах грешников.

[833] - Этим изложением веры, изданным в форме эдикта, или указа, обязательного для всех, запрещались всякие споры об одной, или двух волях во Христе, но в то же время провозглашалось учение об одной воле, как учение правильное. Но и после этого споры волновали Восточную Церковь.

[834] - Северин – папа римский с 638–640 г.

[835] - Папа Иоанн IV занимал римскую кафедру с 640–642 г.

[836] - Восточная империя в начале 7-го века терпела постоянные нападения от аваров и особенно от персов, а равно была постоянно угрожаема от аравитян, или сарацин. В 637–640 годах под власть сарацин подпали Сирия, Палестина и Египет. Этому много содействовали монофелиты, которые по вражде к Православной Церкви всегда готовы были отдаться в руки врагов. Число монофизитов в одном Египте доходило до 6 миллионов, тогда как православных там было около 300 тысяч. Император Ираклий всячески старался примирить монофизитов с православною Церковью. Ради этого он и издал экфесис.

[837] - Св. Максим прибыл в Африку около 640 года. Ранее этого он утверждал православную веру с 633 по 640 год в

Александрии, Константинополе, Кипре, Малой Азии и других странах. В Северной Африке он прожил пять лет, с 640 по 645 год.

[838] - Пирр наследовал Сергию в 639 году. На созванном им соборе он одобрил «изложение» (экфесис) Сергия и ревностно продолжал дело защиты ереси.

[839] - Константин III был византийским императором в 641 г.

[840] - Народная молва приписывала патриарху Пирру соучастие с Мартиною, мачехою императора Константина, в отравлении этого последнего. Опасаясь ярости народа, он бежал в 641 году в Северную Африку и оставил патриарший престол. До 650 года он жил сначала в Африке, а затем в Риме.

[841] - Констанс царствовал с 641–668 г., Константин IV Погонат – с 668–685 г.

[842] - Павел II занимал патриаршую кафедру в Константинополе с 641–654 г.

[843] - Патрициями нередко назывались в Греко-Римской империи правители областей; назывались так же и люди благородного происхождения вообще. Патриций Григорий был правителем Карфагена. Карфаген находился к северо-востоку от Туниса. Основан Дидоною, царицею Тирской, около 860 года до Р. Х. В 148 году до Р. Х. подчинен Римской империи. Завоеванный в 439 году по Р. Х. Вандалами, он был возвращен Римской империи в 533 году Велизарием. В 697 году арабы окончательно разрушили его.

[844] - Публичное прение св. Максима с Пирром происходило в июле 645 года.

[845] - Равенна – с пристанью при Адриатическом море, построена фессалийскими греками. Многие римские императоры имели здесь свое главное местопребывание, и поэтому эта провинция называется иногда Романией. Император Август здесь держал флот.

[846] - Патриарх Павел, заместитель Пирра, по примеру Сергия, убедил Констанса издать в 648 году новый догматический эдикт «0бразец Веры» (типос). Этим эдиктом предписывалось относительно спорных вопросов – о волях о

Христе – хранить совершенное молчание, а довольствоваться тем, что утверждено на первых пяти Вселенских соборах.

[847] - В Рим Святой Максим прибыл в конце 645 года и прожил здесь десять лет, с 645 по 655 год.

[848] - Святой папа Мартин был ранее апокрисиарием (т. е. поверенным) предместника своего папы Феодора при Византийском дворе и долго жил в Константинополе. По вступлении его в Мае 649 года на папский престол, ему был прислан из Константинополя императорский эдикт (типос) с повелением держаться его. Святой Мартин ответил отказом и вместе со святым Максимом начал изыскивать меры к искоренению ереси. В конце 649 года он созвал в Риме так называемый Латеранский собор из 150 епископов, при участии святого Максима. На этом соборе православное учение о двух волях и действиях в Иисусе Христе было утверждено, а поборники ереси – Феодор Фаранский, Сергий Константинопольский, патриархи Пирр и Павел и, наконец, Кир Александрийский, а равно экфесис Ираклия и типос Констанса были анафематствованы, а «деяния» собора были посланы императору Констансу.

[849] - Святой папа Мартин был взят под стражу в 653 году и, по повелению императора Констанса, отправлен в Константинополь. Вместе со святым Максимом он прибыл в Константинополь в Сентябре 654 года. Какова была их участь, в течение годичного путешествия, неизвестно. Святой Мартин, обвиненный в измене отечеству и в оскорблении царского величества, был сослан в Херсонес, где и скончался 16 сентября 655 года, замученный голодом.

[850] - Казнохранитель – по греч. газофилакс. Это слово происходит от персидского газа – имение, богатство, – и греч. храню. Газофилакия – общественная сокровищница, – царское, или церковное казнохранилище (Мк. 12:41; Иоан. 8, 20).

[851] - Апокрисиарий – слово греческое, означаете ходатай, адвокат по церковным делам – при царском дворе.

[852] - Поводом к такому обвинению послужило то, что Григорий, префект Африки, одно время расположенный к

святому Максиму, отложился от Империи около 650 года. – Пентаполь – западная часть Ливии, примыкавшей к Египту.

853 - Об этом сновидении, совпадавшем (будто бы) по времени с возмущением префекта Африки Григория, подробно говорится в житии ниже. При одном из последующих допросов преп. Максима снова обвиняли в побуждении Григория к восстанию при посредстве приписываемого ему сновидения.

854 - Ориген – знаменитейший христианский учитель III века. В своих многочисленных сочинениях, к которым даже замечательнейшие из отцов Церкви относились с глубоким уважением, Ориген проводил, однако, некоторые мнения неправославного и еретического характера, за что они и осуждены были, как еретические, хотя Ориген и не высказывал своих неправославных мнений, как непреложные истины. Таково было его учение о предсуществовании душ, осужденное на V Вселенском соборе в 553 году.

855 - См. Матф.16,17–18

856 - По разумению святых отцов, ни одно естество не может ни существовать, ни быть познаваемым без проявления себя в сродных ему действиях. Поэтому, с признанием одной воли в Господе Иисусе Христе, одно из естеств должно было бы лишиться своего бытия, перестало бы существовать. Вместе с тем исчезло бы и Богочеловечество. Таким образом, догмат воплощения подвергся у монофелитов искажению.

857 - Фракия граничила на севере с Карпатскими горами, от Иллирии, на юге границами ее были: Македония, Эгейское море (Архипелаг) и Пропонтида (Мраморное море), а на востоке Черное море. Таким образом, древней Фракии принадлежали: восточная часть Венгрии, Трансильвания, Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия и восточная часть Румелии. Визия – городок на востоке Фракии, у Черного моря. Это была столица небольшого округа, называвшегося Астиком. Жители его грабили всех, подвергавшихся кораблекрушению близ их городов.

858 - Первера – город в ущельях горы Олимпа, между Македонией и Фессалией.

[859] - Месемврия – город на востоке Фракии, на берегу Черного моря.

[860] - Это было в 655 году. – Херсонес на восточной стороне Таврического полуострова.

[861] - Павел скончался в 655 году.

[862] - Петр управлял Константинопольскою патриархией с 655–666 г.

[863] - Вифиния граничила на севере с Черным морем, на западе с Мизией, на юге с Фригией и Галатией, на востоке – с Пафлагонией. Ныне она занимает северную часть Анатолии.

[864] - Индикт – по Римскому календарю – означает промежуток, или круг времени в 15 лет. Первый год в этом круге назывался первым индиктом, второй год – вторым индиктом и т. д. В греческом и славянском месяцесловах под 1-м сентября значилось: «начало индикта, сиречь нового лета». В приведенном месте жития святого Максима слова: «шестого индикта истекшего круга» нужно понимать так «девять лет тому назад», т. е. в 648 году.

[865] - Это было в 655 году. – Монастырь великомученика Феодора находился в предместье Царьграда.

[866] - Аполлинарий, епископ Лаодикийский, учил, что Сын Божий, воплотившись, принял неполное человеческое естество, но только душу и тело человеческие, ум же человеческий у Него заменяло Божество. Ересь эта была осуждена 2-м Вселенским собором.

[867] - Поприще – мера расстояния, равняющаяся нашим 690 саженям. Два поприща таким образом составляют приблизительно 2 2з версты.

[868] - Именно – пять лет.

[869] - Сакелларий – от saccilus мешок – тоже, что казнохранитель. Сакелляриев было два – императорский и патриарший.

[870] - Нумидия находилась в северной Африке. Ныне она составляет восточную часть Алжира.

[871] - Диптих значит поминание, синодик. Это были две таблицы, сложенные как скрижали, на которых писались имена

живых и умерших. В месяцесловных диптихах были отмечены и важнейшие события церковной жизни.

[872] - Претория – место, где происходил суд. Пред преторией нередко происходили и бичевания.

[873] - Алания находилась в Азиатской Сарматии, в западной части Кавказских гор, недалеко от Черного моря.

[874] - Труды святого Максима не погибли. Шестой Вселенский собор (680 года) достойно почтил Исповедника и предал анафеме еретиков и их учение. – Лучшие из творений преподобного Максима – те, которые изображают жизнь духовную, и особенно следующие: 1) О любви к пресвитеру Элпидию 400 глав; 2) Учение подвижническое, в вопросах и ответах к тому же Элпидию; 3) О добродетели и пороке 500 глав; 4) Послание к епарху Георгию о гордости; 5) К кувикулярию Иоанну – о любви и о печали по Боге. Во всех догматических сочинениях преподобный Максим имеет в виду почти одних монофелитов и монофизитов, с которыми в жизни своей столь ревностно боролся. Против монофелитов написаны им: 1) Два тома догматов к Марину в Кипре; 2) О двух волях во Христе, о действиях и волях во Христе, к тому же Марину и множество других менее пространных статей. Против монофизитов написано: 1) о правильных догматах веры и против Севера; 2) о двух естествах во Христе. Ему также принадлежит 5 разговоров о Святой Троице и письмо к пресвитеру Марину «о происхождении Святого Духа». Преподобный Максим довольно занимался и объяснением Священного Писания. Он оставил несколько опытов толкования Писания: 1) ответы на сомнительные места Писания; 2) краткие ответы о трудных предметах; 3) объяснение 59 псалма; 4) толкование молитвы «Отче наш»; 5) объяснение книги Песнь песней. Кроме того, от преподобного Максима осталось обрядовое сочинение – изъяснение литургии или тайноводство и некоторые другие сочинения: о душе, о качестве и т. д. – Сочинения преподобного Максима богаты высокими догматическими и нравственными мыслями.

[875] - Вифиния – северо-западная область Малой Азии. Никее – ныне Исник – в древности богатый и цветущий город,

теперь бедный и малонаселенный. В Никее происходили I и VII Вселенские соборы.

[876] - Олимп – гора в Малой Азии, на границе между Фригией и Вифинией.

[877] - Диоклетиан – римский император, царствовал в восточной половине империи, Максимиан – в западной половине с 284 по 305 г.

[878] - Геракл или Геркулес – герой древнегреческих преданий, обладавший, по верованиям древних греков, сверхъестественною силою, олицетворявший собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый ими, как один из наиболее излюбленных богов. Как воплощение физической силы, Геркулес почитался главою и покровителем всех гимназий (древне-греческие общественные школы, в которых особенное внимание обращалось на гимнастические упражнения) и палестр (школы для физических упражнений, содержавшиеся частными лицами, где мальчики получали физическое развитие). Школы эти обыкновенно посвящались Геркулесу и украшались его статуями. Часто эти упражнения и гимнастические и атлетические состязания производились на открытом воздухе, на особо предназначаемых для этого местах, посвящаемых Геркулесу.

[879] - Св. Неофит пострадал и мученически скончался в гонение Диоклетиана, бывшее в 303–305 годах.

[880] - Веста (у греков – Гестия) почиталась древними римлянами богиней домашнего очага, домашнего согласия, мира и счастья; сама она, по их верованиям, была девственницей. В честь ее было устроено особое святилище с ее статуей и очагом, в котором поддерживался неугасимо-горящий огонь, о котором заботились ее служительницы, так называемый весталки, выбиравшиеся из чистых дев, дававших обет вечного девства, и пользовавшиеся среди римлян большим уважением и почетом.

[881] - Св. мученица Агния пострадала в 304-м году.

[882] - Трапезунт – город в восточной части Понта, – отпорной области Малой Азии, на морском берегу.

[883] - В начале IV века.

[884] - Ликаония – юго-восточная область Малой Азии. Христианство было насаждено здесь св. апостолом Павлом

[885] - Листры – город в Ликаонии, на границе ее с Исаврией. Ныне на месте Листр – селение Латик или Ладик.

[886] - Это видно из того, что апостол Павел везде называет его своим сыном (1Кор.4:17; 1Тим.1:2, 18; 2Тим.1:2, 2:1). Из этого также ясно видно, что обращением своим к христианству апостол Тимофей обязан апостолу Павлу.

[887] - Это было во второе апостольское путешествие св. апостола Павла.

[888] - От Листр св. Тимофей сопровождал апостола Павла во всех следующих его путешествиях и ревностно исполнял все его поручения. Он сопровождал его во втором его путешествии от Листр до Троады, и отсюда по городам македонским до Греции – Афин и Коринфа. В третьем путешествии ап. Павла Тимофей сопутствовал ему в Ефесе, где апостол пребывал долгое время, и откуда апостол посылал его в Македонию для сбора милостыни и потом в Коринф, где апостол пребывал три года, и он сопутствовал ему и в Македонии и Греции, и сопровождал его и на обратном пути до Троады и Асии. Впоследствии св. ап. Тимофей был с апостолом Павлом в Риме и вместе с ним заключен в узы, но потом был освобожден. После того он снова сопровождал апостола Павла в предпринятом им путешествии для посещения малоазиатских и македонских церквей; в это время он и был рукоположен во епископа Ефесской церкви, став таким образом первым епископом Ефесской церкви. Во время разлуки с ап. Тимофеем св. апостол Павел написал ему два послания пастырского характера.

[889] - Посвящению св. ап. Тимофея в пастырское служение, по словам апостола, предшествовали пророчества о нем (1Тим.1:18), и самое посвящение произведено по предварительном исповедании веры (1Тим.6:12), с возложением рук священства, причем ему сообщен особенный

дар благодати Божией для достойного прохождения обязанностей (1Тим.4:12–16), к которым он был призван.

[890] - В 60 годах по Р. Х. св. апостол Иоанн оставил Иерусалим, где пребывал до Успения Божией Матери, и проповедовал слово Божие в Малой Азии и особенно в Ефесе, и таким образом мог непосредственно руководить ап. Тимофеем в его пастырском служении.

[891] - Римский император Домициан, жестокий гонитель христианства, царствовал с 81 по 96 г.

[892] - Это было в 96 г. Патмос – голый, бесплодный, скалистый остров Эгейского моря (Архипелага), на юго-западе от Ефеса, причисляемый к так называемым Спорадским островам.

[893] - Св. ап. Тимофей мученически скончался около 97 г.

[894] - Память св. великомученика Артемия празднуется Церковью 20 октября. Перенесение св. мощей апостолов: евангелиста Луки, Андрея Первозванного и Тимофея было совершено 24 июня 356 г.

[895] - Персидский царь Хозрой II царствовал с 590 по 628 г.

[896] - Это было в 614 году. Святыня древа Креста Господня находилась в руках персов 14 лет до 628 года, когда император византийский Ираклий, после счастливой войны с Персией, возвратил ее в Иерусалим.

[897] - Халкидон – город в Малой Азии, на азиатском берегу Босфорского пролива, против Константинополя. В нем происходил в 451 году IV Вселенский собор.

[898] - Византийский император Ираклий царствовал с 610 по 641 г.

[899] - Иераполь – богатый город Фригии, западной области Малой Азии.

[900] - Слово «чаша» на библейском языке и в представлении древних христиан употребляется для наглядного выражения страданий или испытаний, предназначенных кому-либо Богом. Отсюда св. Анастасий увиденную им в сновидении чашу принял как предзнаменование чаши страданий и мучительной смерти, которую ему вскоре предстоит испить.

[901] - Диосполь – город в Палестине к северо-западу от Иерусалима.

[902] - Кесария – город палестинский на восточном берегу Средиземного моря, построенный царем Иудейским Иродом на месте древнего города Стратон и названный так в честь Кесаря Августа (римского императора Октавия Августа). Город сей подвергался неоднократным разрушениям, и в настоящее время на его месте только развалины, покрытые дикими растениями.

[903] - Иначе Барселое – Сергиополис в Ассирии, на расстоянии около 8 верст от Дастагера, где находился тогда Хозрой.

[904] - Св. мученик Анастасий мученически скончался в 528 году.

[905] - Впоследствии мощи св. преподобномученика Анастасия Персянина перенесены были в Палестину, отсюда в Константинополь, а из Константинополя в Рим, где они и доныне хранятся (одна часть в одном из загородных монастырей, другая в церкви св. Креста).

[906] - Адрианополь – город в Фракии (европейская Турция) при слиянии Тунджи и Марицы.

[907] - Лев Армянин – византийский император, царствовал с 813 по 820 г.

[908] - В 814 году.

[909] - Девельт – ныне Загара, на берегу Черного моря.

[910] - Валериан – римский император, царствовал с 253 по 259 г.

[911] - Галатия – небольшая область в средней части Малой Азии. Анкира – ныне Ангора – цветущий, многолюдный город Галатии, доселе сохраняющий важное торговое значение для Малой Азии.

[912] - От греческого слова κλημα – отломанная молодая ветвь, молодой побег, ветвь виноградной лозы.

[913] - Здесь разумеется Соломония, мать свв. мучеников Маккавеев: Анима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсевона, Алина и Маркелла. Память их совершается 1 августа.

[914] - Здесь разумеются три отрока еврейские: Анания, Азария и Мисаил, не сгоревшие в разожженной вавилонской печи. См. Дан 1:3.

[915] - Максимиан II Галерий, зять и соправитель императора Диоклетиана до 305 г., самостоятельно царствовавший затем до 311 г.

[916] - Родос большой остров в юго-западной части Эгейского моря (Архипелага), отделяющийся от южного берега малоазийское области Карии только довольно узким проливом.

[917] - Город в Понте, на севере Малой Азии.

[918] - Вакх или Бахус (у греков Дионис) почитался древними греками и римлянами богом винограда и виноделия, даром вина, радующим сердце людей и разгоняющим печаль и заботы.

[919] - Император Максимин Даза царствовал в восточной половине Римской империи с 305 по 313 г., сначала одновременно с Максимианом II Галерием, умершим в 311 году.

[920] - Св. Климент скончался 23 января 312 г. Мощи его долго находились в Константинополе, где во имя его были две церкви. Стефан Новгородец (в 1342 г.) и иеродиакон Зосима (в 1420 г.) видели мощи его в монастыре Константина в Константинополе.

[921] - Никифор Каллист – греческий церковный историк XIV века.

[922] - Аквитания – западная часть древней Галлии (нынешней Франции).

[923] - Святое крещение святой Павлин принял на 26 году, в 389 г.

[924] - Кампания – древняя область средней Италии, на юге от Рима, около Тирренского моря.

[925] - Нола – один из древнейших городов Кампании, существует и поныне.

[926] - Это было в 409 году. Ранее он был пресвитером (с 393 года) в Барселоне, в Испании.

[927] - Сравнение взято из притчи Спасителя о верном и благоразумном домостроителе, заботящемся о слугах и всегда

готовом дать отчет пред господином своим.

928 - Вандалы – народ германского племени, обитали сначала в средней Германии, позднее в южной Испании и потом в северной Африке, откуда делали опустошительные набеги на соседние прибрежные страны

929 - Святой Павлин скончался 22 июня 431 года. Мощи его в церкви ап. Варфоломея в Риме. Он остался известен, как писатель и учитель Церкви, преимущественно, как христианский поэт. От него осталось 35 гимнов и до 50 писем, особенно важных по их глубокому благочестию. В них живыми чертами изображается высота христианского совершенства и говорится о том, как нужно беречь свое сердце; описываются достоинства смирения евангельского, любви к Богу и ближнему; изложены обязанности супругов и сладостные утешения для несчастных. Три гимна прекрасные молитвы к Богу, три другие изложения трех псалмов: Пс.1, Пс.2 и Пс.136. Кроме того, в письмах и гимнах святого Павлина говорится о Промысле Божием, о первородном грехе, о святой Евхаристии, о ходатайстве святых за мир, о молитве за умерших и иконопочитании. Святой Павлин остался известен также своею любовью к благоукрашению созданных им храмов св. иконами; ему же предание приписывает изобретение церковных колоколов, относимое приблизительно к 400 году.

930 - Житие преподобного Геннадия и служба ему написаны иноком Алексием, учеником преподобного и игуменом основанного Геннадием монастыря. Житие сохранилось во многих рукописях; в некоторых из них находится просьба описателя отнести его труд на просмотр к царю Феодору и митрополиту Дионисио, следовательно житие написано между 1584 и 1587 г. Служба, акафист и житие вместе с предсмертным поучением не раз издавались в Петербургской и Московской Синодальных типографиях славянским шрифтом, например Москва, 1888 г. Житие, описание чудес, поучение и повесть об обретении мощей изданы сполна по рукописям в Ярославских Епархиальных Ведомостях за 1873 год и отдельной брошюрой в Ярославле в 1873 же году.

[931] - В повести об обретении мощей преподобного Геннадия в 1644 г. сказано, что он был родом из города Могилева.

[932] - Преподобный Корнилий Комельский скончался в 1537 г.; память его празднуется 19 мая.

[933] - Великий князь Василий IV Иоаннович княжил с 1505 по 1533 г.

[934] - Первого царя русского; управлял государством с 1533 по 1584 г. (в 1547 г. принял титул царский).

[935] - Преподобный Корнилий Комельский написал общежительный устав для своего монастыря, из которого вышел преподобный Геннадий. Сей устав напечатан в Истории Российской иерархии и особо в 1812 году.

[936] - Сирия страна к северу от Палестины; в северной ее части, примыкающей к Малой Азии, находилась провинция Киростика, с главным городом Кир.

[937] - Придя, по повелению Божию, к вратам Сарепты Сидонской, св. пророк Илия просил вдову, собиравшую дрова, принести ему кусок хлеба. Та ответила, что у нее осталось только горсть муки в кадке и немного масла в кувшине. Пойду, сказала она, приготовлю это для себя и сына моего; съедим это и умрем. В то время, вследствие бездождия, был голод в земле Израильской. Св. пророк сказал вдове: Так говорит Господь Бог Израилев: мука в кадке не истощится и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю. Женщина накормила человека Божия, и ее запасы муки и масла не истощились во все время голода (3Цар 17:8–16).

[938] - В конце IV века.

[939] - Евфрат вытекает из гор Армении, в нижнем своем течении сливается с Тигром, после чего с именем Шат-ель-Араб впадает в Персидский залив. Каперсана (Перса или Персана) находилась недалеко от Самосат (ныне Самсат), главного города сирийской провинции Коммагены.

[940] - Около 400 года.

[941] - Император византийский Константин IV Погонат царствовал с 688 по 695 г.

[942] - В Александрии, где особенно сильно было монофизитство, представителем этого неправославного учения явился Кир, патриарх Александрийский (патриаршествовал с 630 по 640 г.). Константинопольский патриарх Сергий (610–638 гг.) и папа Римский Гонорий (625–638 гг.) также не нашли в учении монофелитов ничего неправославного и явились его последователями, хотя для предотвращения новых смущений в Церкви положили воздерживаться от всякого решительного выражения относительно этого предмета, еще не определенного Церковью.

[943] - Во главе их стали святой Софроний, патриарх Иерусалимский (634–644 гг.) и преподобный Максим Исповедник, о которых см. подробнее в житии последнего 20 января.

[944] - Таков экфесис, т.е. изложение веры, императора Ираклия, где в то же время признавалось безусловной истиной, что во Христе одна воля.

[945] - Разумеется т. н. Типос веры, изданный преемником Ираклия, императором Констансом.

[946] - Между ними особенно замечательны преподобный Максим Исповедник и папа Римский Мартин I (занимал кафедру с 649 по 653 г.). См. Об этом подробнее в житии преподобного Максима 20 января.

[947] - Георгий I, патриарх Константинопольский, занимал кафедру с 678 по 683 г.

[948] - Макарий Антиохийский патриаршествовал с 653 по 680 г.

[949] - Кария – юго-западная часть Малоазийского полуострова. Галикарнасс – один из важнейших городов Карии.

[950] - От греческого слова чужой, чужестранный.

[951] - Кончина преподобной Ксении последовала во второй половине V века.

[952] - Антиохия расположена на реке Оронте и была прежде главным городом Сирии.

[953] - Сицилия – остров на Средиземном море, к югу от Апеннинского полуострова.

[954] - В конце III столетия.

[955] - Эти страны расположены по Северо-Восточному берегу Средиземного моря; они прорезываются вдоль морского берега горными цепями Ливана на юге и Амана (Альма-Даг) – на севере.

[956] - Около 420 года.

[957] - Вторая или Великая Каппадокия – весьма обширная область в средине восточной части Малой Азии, к западу от верховьев реки Евфрата; некогда Каппадокия была одним из значительных государств Азии, но затем потеряла свою самостоятельность и вошла в состав Римской империи, как ее провинция (в 17 или 18 году по Р. Х). – Назианз – маленький городок в юго-западной части Каппадокий; ныне на месте Назианза – лишь развалины в бесплодной местности, наполненной каменоломнями.

[958] - Ипсистариане получили свое наименование от того, что они поклонялись Богу, как (существу) «высочайшему» (от греч. слова – высший, высочайший). Они считали себя озаренными свыше, к христианским воззрениям они примешивали языческие (персидские) и иудейские лжеучения. Отвергая идолов и жертвы, Ипсистариане поклонялись Богу под символами света и огня. Они посвящали и соблюдали седьмой день вместо первого и приняли иудейские правила касательно чистой и нечистой пищи. Вообще же об этой секте сохранилось весьма мало известий.

[959] - В 325 году.

[960] - 1 кн. Царств, гл. 1

[961] - Святой Григорий Богослов родился около 329 года, в Арианзе, имении его родителей, лежавшем недалеко от Назианза к югу.

[962] - В IV столетии был вообще обычай откладывать крещение до зрелого возраста, иногда даже, как это было с Константином Великим одра, так как опасение умереть некрещенным казался меньшим, чем страх впасть в смертный грех после крещения.

963 - Григорий – от греческого бодрствую – значит: бодрствующий, бодрый.

964 - Кесария (на восточном берегу Средиземного моря) была тогда одним из значительнейших городов Палестины и местопребыванием епископа. Там находилась знаменитая христианская школа, основанная известным церковным писателем и ученым III в. Оригеном и после него находившаяся под руководством таких выдающихся христианских богословов, как известный церковный историк Евсевий, епископ Кесарийский, и прославившийся своею ученостью и святою жизнью пресвитер Памфил, окончивший жизнь мученически (память его 16 февраля); кроме школы, трудами последнего была составлена обширная библиотека из тридцати тысяч томов, благодаря которой приобрели ученость многие отцы и учители Церкви. – Но прежде образования в Кесарии Палестинской, святой Григорий Назианзин изучал науки в Кесарии Каппадокийской.

965 - В Александрии, центре языческой образованности, издавна был знаменитый музей наук словесных, математических и философских. Но в то же время, в противовес язычеству, еще со времен апостольских, возникло и христианское, так называемое «Огласительное» или «Катехизическое» училище, влияние которого на будущность христианства было многосторонне и неизмеримо. Предание с благоговением приписывало основание этого училища самому апостолу и евангелисту Марку. В первое время в нем преподавались только первоначальные наставления для желавших получить крещение, на что указывает уже самое наименование Александрийского училища «Огласительным», а вместе с тем приготовлялись и самые огласители. Но потом Огласительное Александрийское училище, по своему положению в центре всемирной образованности и учености, приняло характер богословско-ученого образовательного заведения, достигшего блестящего состояния, главным образом, благодаря трудам знаменитого Пантена, не менее замечательного ученика и преемника его Климента Александрийского и еще более – Оригена.

[966] - Хотя Афины – древняя знаменитая столица Греции – в то время были лишь тенью прежнего своего величия, однако, там еще процветали школы языческих софистов и риторов, придававшие городу некоторое подобие его прежней славы.

[967] - Эгина – остров в Сароническом заливе, на восток от Греции между средней и южной Грецией.

[968] - Самос – один из главных островов Эгейского моря (Архипелага), вблизи западного берега Малой Азии, против мыса Микале, от которого отделен нешироким проливом.

[969] - Они изучали грамматику, историю, геометрию, астрономию, арифметику и математику, начатки медицины, философию и логику. Много времени занимало изучение классической (римской и греческой) литературы. Многие христиане пренебрежительно относились к чтению великих языческих писателей, но св. Григорий Назианзин и Василий Великий стояли выше столь узкого предрассудка.

[970] - Это было в 361 году.

[971] - В 363 году.

[972] - Царствовал с 363–364 г.

[973] - Валент царствовал с 364–378 г.

[974] - Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, славился своей ученостью, написал церковную историю, книгу о палестинских мучениках, описал жизнь Константина Великого; но, при своей учености, уклонился, к сожалению, от православия и был привержен к арианству, хотя прямо и не отступил от Православной Церкви.

[975] - Тианы – древний город Каппадокий, у подножья Тавра, близ Киликийских ущелий.

[976] - Сасима находилась на границах двух новообразовавшихся, вследствие разделения областей, епархий, верстах в пятидесяти от Тиан и тридцати шести от Назианза.

[977] - Это было в 368 году.

[978] - Григорий, епископ Назианзский, отец св. Григория Богослова, скончался в 374 году. Почтив память его надгробным словом, Григорий Богослов, по слову, данному отцу, в

продолжение некоторого времени управлял назианскою паствою.

[979] - Праведная мать Григория Богослова скончалась, как и ее муж, в том же 374 году. Она причислена к лику святых; память ее – празднуется 5 августа.

[980] - Селевкия – название многих городов, по большей части основанных Селевком I. Здесь нужно разуметь Селевкию Исаврийскую, в горной стране, на юго-востоке Малой Азии.

[981] - Гидра, по мифологии древних греков, – похожее на змею чудовище о 9 головах, которые вновь вырастали, когда их отсекали.

[982] - Св. Василий скончался в 379 году.

[983] - Петр II, патриарх Александрийский, управлял церковью с 373–380 г.

[984] - Этот неизвестный в Александрии человек принадлежал собственно к худшему разряду искателей приключений из духовенства. Он представлял собою худую смесь суетного мирянина, лицемерного христианина и показного философа. По наружности он выставлял себя аскетом и носил плащ циников (философы, которые выказывали полное презрение к земным благам и поставили целью возможное уменьшение телесных потребностей, почему, впадая в крайность, носили ветхую одежду и отказывались от всех житейских удобств, хотя часто лицемерно).

[985] - Фазос, ныне Тасо, – остров Эгейского моря (Архипелага), недалеко от фракийского берега.

[986] - Проконнис – немаловажный остров на Пропонтиде (Мраморном море); известен своими мраморными ломками.

[987] - Геркулес – герой древнегреческих преданий, обладавшей, по верованиям древних греков, сверхъестественною силою, олицетворявшей собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый ими, как один из наиболее излюбленных богов.

[988] - Царствовал с 379–395 год.

[989] - Фессалоника, иначе Солунь, – весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого

Солунского или Фракийского залива при Эгейском море (Архипелаге).

990 - Второй Вселенский собор начался в 381 году и продолжался три года.

991 - Св. Нектарий патриаршествовал с 381–397 год.

992 - Сочинения святого Григория Богослова пользовались самым высоким уважением в Церкви Христовой. Они были предметом самого внимательного изучения и весьма многих толкований. Сочинения святого Григория состоят из слов, писем и стихов. Пять слов о Богословии всего лучше показывают, какой Богослов был Григорий. В слове на Пятидесятницу Святой Григорий изображает действия Духа Святого и по действиям в Нем дает видеть истинного Бога. В других сочинениях Григорий объясняет догмат о Святой Троице, частью же говорит о других предметах веры. Вообще слова Григория беспримерны по многим отношениям. И по форме, и по тону слова Григория – не беседы, они – в полном смысле ораторские слова. Из 45 его слов – 5 похвальных, 9-на праздники, иные – защитительные и обличительные. Между праздничными словами святого Григория ныне известны слова: на Рождество Христово, на Крещение или день светов, на Пасху, на Пятидесятницу, на Антипасху, на св. Маманта, о Маккавеях, о св. мучениках в неделю Всех Святых. Некоторые слова из его проповедей вошли в состав пасхального канона св. Иоанна Дамаскина и из них составились одна из стихир, пасхальных, оглашающих ныне Церковь, и несколько тропарей канона; Некоторые слова из его проповедей вошли также в состав церковных служб на Рождество Христово, Пятидесятницу и Антипасху. Из защитительных и обличительных слов святого Григория Богослова известен его т. н. «Памятник» Юлиану – два слова, в которых неизгладимо изображено для потомства нечестие Юлиана. Письма Григория относятся к лучшим произведениям словесности. Они большей частью кратки, но в этом полагал достоинства письма Григорий. Песнопения святого Григория разделяются на три разряда: на догматические, нравственные и исторические; в числе последних в большей части он поет о самом себе, о своих немощах и скорбях. Замечательны также его молитвенные

песнопения, например утренние и вечерние, стихи о жизни, добродетели, суете жизни; все они должны занять первое место между лучшими произведениями творчества. – Церковь почтила святого Григория тем именем, которым она почтила одного высокого между апостолами и евангелистами Иоанна. Это наименование усвоено ему потому, что после первого Богослова Святой Григорий постигал столь высокими и вместе точными помыслами глубины Божества, сколько постигать их можно человеку, при свете Откровения; особенно же вся мысль его, как и первого Богослова, обращена была к Предвечному Слову. Возвышенность помыслов, восходящих во внутреннее (насколько оно доступно) святилище Божия естества, – такая особенность святого Григория, которою в одинаковой с ним мере никто не обладал.

[993] - Святой Григорий Богослов скончался в 389 году. В Константинополе ему построен был храм неким Патрикием при Феодосии Младшем в первой половине V века. Мощи святого Григория, перенесенные в Константинополь в 960 году при императоре Константине VI Порфирородном, были разделены: одна часть их положена была в храме Апостолов, другая – в храме св. Анастасии. Есть мощи его ныне и в Риме в соборе св. ап. Петра.

[994] - Святой Григорий Двоеслов; память его – 12 марта

[995] - Здесь разумеется беседа III, произнесенная к народу в храме св. Фелицаты в день ее мученичества.

[996] - Жрецы обвинили св. Фелицату перед императором в том, что, распространяя христианство, она оскорбляет богов. Император передал св. мать вместе с детьми префекту Публию.

[997] - Сыновья св. Фелицаты носили имена: Яннуарий, Феликс, Филипп, Сильван, Александр, Виталий и Марциал. Страдания этих св. мучеников относятся ко времени императора Антонина, царствовавшего с 138 по 161 г. Первый из сыновей св. Фелицаты жестоко был сечен и брошен в темницу; второй засечен был свинцовыми прутьями; третий и четвертый убиты – палками, пятый – сброшен с высокого места;

шестой и седьмой усечены мечом, после чего обезглавлена была и мать их.

998 - Сенаторы – члены высшего государственного учреждения в Римской империи.

999 - В Сирии, в римской провинции Евфратезии.

1000 - Около 380 года.

1001 - Недалеко от города Кира, в Сирийской провинции Кирестика.

1002 - Берит – нынешний Бейрут – древний город Финикии на берегу Средиземного моря; в V веке процветал и славился своей высокой школой риторики, поэтики и права; ныне – главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья.

1003 - Тир – древняя столица Финикии – был расположен на восточном берегу Средиземного моря, к северу от Палестины.

1004 - Малмефетан – местность в Месопотамии.

1005 - Тетрапиргия – город в Месопотамии, близ р. Евфрат.

1006 - Память преп. Харитона отмечается 28 сентября Основанная им Сукийская лавра находилась в Палестине, на юге от Вифлеема.

1007 - Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их, Иоанн и Аркадий, жили и подвизались в V веке.

1008 - «Ветхим» или древним он называется по сравнению с преподобным Симеоном Столпником, после него подвизавшимся также в Сирии.

1009 - Аман – вершина горы Антиливана, на севере Палестины, к востоку от Средиземного моря.

1010 - Гора Синай представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезанных и окруженных крутыми долинами; у арабов ныне называется горой Тур или Джебель-Тур-Сина; лежит почти посредине известных рукавов Красного моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Собственно гора Синай, при которой израильтяне вступили в завет с Богом, представляет самую высшую вершину среднего хребта.

[1011] - Преподобный Симеон Ветхий преставился около 390 г.

[1012] - Страдания святых мучеников Анании, Петра и с ними семи воинов происходили в Финикии. Кончина их последовала в начале IV века.

[1013] - Сакудион – впоследствии знаменитый монастырь в Вифинии, северо-западной области Малой Азии.

[1014] - Император Константин VI Порфирородный царствовал с 780 по 797 г. Предаваясь излишеству в страстях и любодейству, он силою постриг свою супругу Марию в иночество и, вместо нее, взял себе другую жену, Феодотию, которая приходилась родственницей его отцу.

[1015] - Михаил I Куропалат или Рангав царствовал с 811 по 813 г.

[1016] - Лев V Армянин, иконоборец, царствовал с 813 по 820 г.

[1017] - Михаил II Косноязычный царствовал с 820 по 829 г.

[1018] - Святой Иосиф, архиепископ Солунский, скончался в 830 г. После него осталось несколько слов, из коих особенно замечательно слово на Воздвижение Честного Креста Господня. Более же Иосиф известен, как песнописец. По спискам триоди XI в., имя Иосифа стоит над теми из двух дневных трипеснцев постной триоди, которые занимают первое место, исключая трипеснцы страстной седмицы; ему же принадлежат некоторые стихиры на эти дни. Трипеснцы и стихиры святого Иосифа частью заключают умилительную молитву к Ангелам, Предтечи, Богоматери, Апостолам и св. Николаю, частью изображают дух поста и покаянную молитву к Сердцеведцу Судии. Песнопения Иосифа и особенно канон в неделю блудного сына вполне приличествуют дням поста, дыша глубоким сокрушением о грехах.

[1019] - Святой Иоанн Златоуст скончался в 407 году, около 60 лет от роду. Архиепископом Константинопольским он был шесть с половиною лет, в заточении провел три года и три месяца. (Ради праздника Воздвижения Креста Господня, Церковь совершает память святого Иоанна Златоустого не в 14-й день сентября, когда святитель преставился, но и в 13-й день

ноября. Кроме сего, память Златоустого чествуется еще 30 января с Василием Великим и Григорием Богословом (См. Об этом под 30-м числом сего месяца).

[1020] - Команы – город в провинции Понт, на северо-востоке Малой Азии, ныне на этого города – одни развалины.

[1021] - С 437 по 445 г. – Память его празднуется Церковью 20 ноября.

[1022] - Император Феодосий II Младший царствовал с 408 по 450 год.

[1023] - Евдоксия, – жена императора Аркадия; она особенно сильно враждовала против Иоанна Златоустого, ненавидела его за его обличительные речи. Ее старанием и происками Святой Иоанн был лишен архиепископского престола и заточен в Команы.

[1024] - Халкидон находился против Константинополя, на Азиатском берегу Босфора.

[1025] - Преподобный Ефрем назван Сирином, т. е. сирийцем, потому что Месопотамия, в которой он родился, в древности причислялась к Сирии.

[1026] - Низибия (или Низибида) – большой и многолюдный город в провинции Магдонии в Месопотамии, – на границах Римской империи и персидского царства.

[1027] - О родителях своих преподобный Ефрем пишет следующее. «Родившие меня по плоти внушили мне страх Господень. Предки мои исповедали Христа пред судьей, я родственник мученикам. Деды мои, благоденствовавшие в жизни, были земледельцами. Родители занимались тем же».

[1028] - Император Феодосий Великий царствовал с 379 по 395 г

[1029] - Лета юности не прошли для Ефрема без некоторых преткновений. От природы пламенный, он был, как говорит сам, раздражителен «за маловажные дела вступал в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям… Юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни происходит случайно. Но Промысл Божий вразумил пылкую молодость». Ефрема ложно

обвинили в покраже овец и бросили в темницу, вслед за ним посажены были два других, и также невинно, как Ефрем. «Проведя семь дней, в восьмой вижу я во сне, – рассказывал после Святой Ефрем, – что кто-то говорит мне, – будь благочестив и уразумеешь Промысел, перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе сознаешь, что эти люди страждут не несправедливо, но не избегнут наказания и виновные». – Все это и увидел Ефрем, как рассказывает он подробно в одном из своих сочинений. – Эти события так поразили Ефрема, что он скоро оставил мир и удалился в горы к отшельникам, где стал учеником святого Иакова, святителя Низибийского (память его – 13 января).

1030 - Эдесса – город в Месопотамии; лежит на границе между утесистой пустыней и плодоносной землей – южной Месопотамией. Этот город, – как говорит Святой Ефрем, – «благословен был живыми устами Спасителя через ученика его Фаддея»; здесь находился нерукотворный лик Спасителя и святые мощи апостола Фаддея.

1031 - Для пропитания своего в Эдессе преподобный Ефрем нанялся трудиться у содержателя бани и употреблял свободное время для проповеди слова Божиего язычникам; потом, по совету святого старца Иулиана, удалился в пустынную Эдесскую гору для подвигов. Вскоре видение открыло старцу в Ефреме мужа, которому одному из [всех] современных соотечественников вручена была книга для вразумления людей. Ефрем начал писать толкование на Пятикнижие. Этот первый опыт толкования на Сирском языке привлек к Ефрему многих эдессян, и Ефрем хотел убежать от людей. «Ефрем! Куда бежишь ты?» – спросил явившийся Ангел. «Хочу жить в безмолвии и бегу от молвы и обольщения света», – отвечал Ефрем. Ангел сказал: «Убойся, чтобы не исполнилось на тебе слово Писания: Ефрем подобен молодому волу, который хочет освободить шею от ярма» (Ос. 10:11). После того Ефрем возвратился к тому служению, к которому был призван. С сего времени он начал устно и письменно поучать вере и благочестию. Для успеха в своем благочестивом деле он открыл

училище в Эдессе, из которого впоследствии вышли знаменитые учители Сирийской церкви.

[1032] - Каппадокия – провинция Римской империи, находилась на востоке Малой Азии. Кесария – главный город Каппадокии.

[1033] - Преподобный был, между прочим, и в египетских пустынях; так он пробыл некоторое время в Нитрийской горе. Сирский жизнеописатель говорит, что Ефрем виделся здесь с богоизбранным иноком Паисием «великим между сирийскими подвижниками отцом». «Был у нас здесь человек Божий Сириянин, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем», – так говорит Иоанн Колов.

[1034] - Святой Ефрем оставил после себя весьма много сочинений. В одних он – толкователь Священного Писания; (святой Ефрем, по словам святого Григория, писал толкование, начиная с сотворения мира до последней благодатной книги); в других – обличитель ересей и песнопевец Церкви, в иных – учитель христианской жизни и в частности проповедник сокрушения сердечного. Сочинения последнего рода составляют как бы печать души преподобного Ефрема и вместе его славу на все века. Святой Григорий Нисский говорит, что «плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом, – день и ночь лились у него слезы; но лицо Ефрема цвело и сияло радостью, тогда как ручьи слез лились из глаз его. Но и там, где Ефрем говорит о сокрушении, он возносится мыслью к благости Божией, изливает благодарение и хвалу Всевышнему». Все нравственные наставления его благоухают сердечным умилением. Не одно свое наставление так начинает Ефрем: «Сокрушайся, душа моя; сокрушайся о тех благах, которые ты приняла от Бога и погубила. Сокрушайся о делах злых, сделанных тобою. Сокрушайся о всем том, в чем показал Бог Свое долготерпение к тебе. Придите, братья мои, придите рабы Христовы, будем сокрушаться сердцем и рыдать перед Ним день и ночь. Придите, будем помышлять об оном страшном и грозном суде и следующем затем нашем осуждении». В этом чувстве сокрушения обыкновенные предметы бесед святого Ефрема: покаяние, память о смерти и суде, страх Божий,

внимание к самому себе, смирение, против гордости и проч. – За свои высокие поучения святой Ефрем был назван соотечественниками пророком Сирским. Блаженный Иероним пишет: «Ефрем, диакон Эдесский, достиг такой славы, что в некоторых церквах сочинения его читаются публично после св. Писания». «Прославлять мне надобно того, – говорит Григорий Нисский, – кто в устах всех христиан, Ефрема Сирина, того Ефрема, которого жизнь и наставления сияют в целом мире». – Святой Ефрем оставил после себя много и догматических сочинений. Все они писаны против заблуждений того времени. Таковы: а) 80 слов против дерзких испытателей, т. е. против аэтиан и евномиан; б) 56 поучений против ересей с обличениями и увещаниями вардесанитам (последователям еретика Вардесана), маркионитам и мессалианам; в) о жемчужине, или о том, что в одном лице Иисуса Христа соединены два естества, против Маркиона и Манеса; г) три слова о вере и против иудеев; д) о свободе против защитников слепой судьбы; о покаянии, где против новатиан говорит о власти церкви прощать грехи и опровергает тысячелетнее царство; о священстве; о рае и суде. – Строгий ревнитель веры и благочестия, святой Ефрем не мог оставаться равнодушным к смутам, какие произвели в Эдессе и Месопотамии секты Вардесана и Ария. Противодействуя еретикам, которые свои заблуждения излагали в поэтической форме песни и, привлекая неопытных изяществом стихотворного размера, легко и надолго укореняли еретическое содержание их, святой Ефрем и сам начал излагать, на основании Св. Писания, истинное учение о Боге и его отношениях к нам, в такой же поэтической форме. Народ с жадностью внимал песнопениям святого отшельника и забывал песни еретические. Еретики так были раздражены успехами святого Ефрема, что раз напали на него с камнями и оружием, и едва не убили его; но это нисколько не ослабило его ревности к вере. Все эти сочинения писаны святым Ефремом в виде благоговейных размышлений. Они назначались им для народного употребления, а частью и для пения в храме и написаны стихами. Святой Ефрем оставил также много умилительных молитв и молитвенных песнопений. Таковы его

песнопения на Рождество Христово, отличающиеся особенною торжественностью; ему же принадлежат глубоко-трогательные стихиры, поемые при погребении; из молитв, составленных им, особенно известна умилительно-трогательная молитва, читаемая в дни Великого поста: «Господи и владыка жизни моей! Не дай духу праздности, любоначалия, празнословия овладеть мной. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне, рабу твоему. О Господи, Владыка, даруй мне возможность видеть прегрешения мои, и не осуждать брата моего, благословен будь во веки веков. Аминь».

[1035] - Святой Ефрем мирно скончался в городе Эдессе в 373 году.

[1036] - Изяслав Ярославич – великий князь Киевский; княжил с 1054–1068 г.

[1037] - Студийский устав был составлен преп. Феодором Студитом, основателем монастыря в Константинополе в начале IX века. В конце XI века он был введен в руководство Русскою Церковью и держался в ней до половины XIV в., когда начинает уступать иерусалимскому, но по местам оставался в силе гораздо дольше и в некоторых монастырях русских действовали даже до последнего времени.

[1038] - Всеволод-Андрей Ярославич – князь Переяславский (Переяславля-Южного; переяславское княжество граничило с Киевским), – впоследствии великий князь Киевский (1078–1093 г.).

[1039] - Кроме того, в отдаленном, но под ведомом переяславскому князю, Суздале, св. Ефрем также построил две церкви.

[1040] - Татарский хан Батый – внук Чингиз-Хана. Нашествие Батыя началось в 1237 и закончилось в 1240 г. взятием Киева и покорением русской земли.

[1041] - Св. Ефрем Переяславский скончался в 1096 году. Мощи его почивают в пещерах преподобного Антония.

[1042] - Угорская земля, иначе Венгрия, обширная страна по среднему Дунаю при Карпатских горах; ныне входит в состав Австро-Венгерской империи.

[1043] - Убиение св. благоверного князя Бориса было в 1015 году.

[1044] - Преп. Моисей Угрин, Печерский чудотворец; память его – 26 июля

[1045] - Торжок – ныне уездный город Тверской губернии.

[1046] - Борисоглебский Новоторжский монастырь был основан преподобным в 1038 г.

[1047] - Мощи преподобного Ефрема ныне почивают в Новоторжском Борисоглебском монастыре в богатой серебряной раке – и при них глава брата его Георгия, положенная в его гроб, согласно его завещанию.

[1048] - Преподобный Палладий пустынник подвизался в Антиохии Сирийской в конце IV века.

[1049] - В 107 году, 20 декабря

[1050] - Первое перенесение мощей св. Игнатия Богоносца было в 108 году, второе из предградия в саму Антиохию в 438 году. Впоследствии (в VII в.) мощи его перенесены были в Рим, где находятся ныне в церкви св. Климента.

[1051] - Монастырь св. великомученика Димитрия Солунского находился близ Печерского монастыря. В 1128 году он был приписан к Печерской обители.

[1052] - Туров – город в нынешней Минской губернии. Св. Лаврентий был епископом Туровским с 1182 года.

[1053] - Скончался в конце XII века.

[1054] - Нумериан и Карник царствовали в 283 и 284 гг.

[1055] - Эмеза – нынешний Гемс или Гомс, находилась в Финикии, на берегу Оронта, в приморской части современной Сирии (Азиатская Турция).

[1056] - Пострадали в 297 году при императоре Диоклетиане в г. Самосатахе (в Сирии, на реке Евфрате).

[1057] - Византийский император Алексей I Комнин царствовал с 1081–1108 год.

[1058] - Никифор III Ботаниат царствовал с 1078–1081 год.

[1059] - Иоанн, митрополит Евхаитский, – один из замечательных церковных писателей и песнописцев восточной

Церкви XI века (скончался в конце XI века). Он написал весьма много сочинений. Из его сочинений известны: 1) похвальные слова, числом до 15, между которыми замечательны: два слова на день воспоминания победы над Святославом, князем русским, три слова на память святого великомученика Феодора Тирона, слова похвальные трем Святителям; 2) стихи и церковные песнопения: из числа последних полная служба трем Святителям, канон Ангелу Хранителю, два канона святому Феодору Тирону доселе остаются в церковных службах. В службах же помещены: из числа 27 его канонов Спасителю – один канон Сладчайшему Иисусу; из числа 67 канонов Богородице – шесть; из числа 11 канонов Предтече – два. Особенно превосходны каноны его Иисусу Сладчайшему и Ангелу Хранителю.

[1060] - Праздник в честь трех вселенских учителей и святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого

[1061] - Они царствовали вместе с 780 по 797 г.

[1062] - Арабы в это время составляли сильное государство, в состав которого входили вся Аравия, Сирия, Египет и северная Африка.

[1063] - На острове Кипре (близ Малой Азии) в 784 году.

[1064] - Клавдий II-император римский, царствовал с 268–270 год.

[1065] - Магистр – собственно значит: учитель. Но название магистра при византийском императорском дворе означало одну из высших придворных должностей.

[1066] - Святые мученики Ипполит, Кенсорин, Савин и Хрисия пострадали в 269 году. Священномученик Ипполит был епископом Остийской пристани, близ Рима, в которой и был потоплен. Мощи его находятся ныне в Риме в церкви смч. Лаврентия и папы Дамаса. – Ипполит был ученейшим из христианских богословов и плодовитым, разносторонним писателем. Большая часть его сочинений посвящена полемике против древних еретиков – ноэтиан, феодотиан, алогов, монтанистов, маркионитов и др. Из сочинений его ныне

известны: Канон пасхальный, против иудеев, против Платона, против ересей, против Верона и Гелика, сочинение о Христе и антихристе. Другую группу сочинений Ипполита составляют его многочисленные толкования на Священное Писание, из которых сохранились большею частью лишь отрывки. Так он писал толкования на книги Бытия, Исход, на Притчи, Екклесиаст, Песнь песней, на Евангелия Матвея, Луки и Иоанна, на пророков Исайю, Иезекииля, Даниила, Захарию, на Псалмы и Апокалипсис. Замечательны и его проповеди, как образцы древне-церковного учительства; из них в целом виде сохранились лишь слово на Богоявление и о пророке Данииле.

[1067] - Понт – провинция на северо-востоке Малой Азии, граничившая на востоке с Арменией и на юге с Каппадокией.

[1068] - Память его 1 января

[1069] - Валент царствовал с 364 по 378 год.

[1070] - Гробницы на юге в древности высекались в горах и имели вид пещер; во время неприятельских нашествий они подвергались расхищению; могильный покой погребенных нарушали и разбойники, искавшие в гробницах сокровищ. Преподобный Зинон и поселился в одной из опустощенных гробниц.

[1071] - Святительствовал в Антиохии с 413 по 420 г.

[1072] - Гален – знаменитый ученый греческий врач, родившийся в 131 г. по Р. Хр и умерший в самом начале III века, он был придворным врачом при современных ему римских императорах Гален имел громадное влияние на врачей всего мира, и авторитет его был непоколебим в глазах их вплоть до XVI века. – Гиппократ – другой знаменитый греческий врач, живший много ранее Галена (с 460 по 356 г до Р. Хр); от него осталось несколько сочинений, на которых воспитался и Гален.

[1073] - Едес – город в Киликии, юго-восточной области Малой Азии.

[1074] - Каноп – город в Нижнем (северном) Египте.

[1075] - Мученическая кончина св. Кира и Иоанна последовала в 311 году.

[1076] - Император Феодосий II, или Младший царствовал с 408–450 г.

[1077] - Мануфин, или Мануф находился недалеко от Канопа. – Впоследствии мощи святых Кира и Иоанна были перенесены в Рим, а оттуда в Мюнхен.

[1078] - Изяслав Ярославич – великий князь Киевский с 1054–1068 г.

[1079] - Глеб Святославич – князь Новгородский, старший сын Великого князя Киевского Святослава, был убит финнами в 1078 году.

[1080] - Святополк II (Михаил) Изяславич, сын великого князя Киевского Изяслава, с 1078 года князь Новгородский, с 1093–1114 год князь Киевский.

[1081] - Память преп. Никона Печерского 23 марта; преп. Иоанна, так называемого Ветхопещерника – 19 апреля; память преп. Пимена постника – 27 августа; Исайи, епископа Ростовского, – 15 мая; память преп. Матфея прозорливца – 5 октября преп. Агапита – 1 июня преп. Григория – 8 августа; память Феоктиста, епископа Черниговского – 6 августа; память преп. Онисифора прозорливца – 9 ноября.

[1082] - Иоан.21:16–17.

[1083] - Святой Никита был посвящен в сан епископа Новгородского в 1096 году.

[1084] - Задолго до открытия мощей святого Никиты, епископа Новгородского, его чтили в лике святых; еще в первой половине XIII века праздновалась память его. В настоящее время нетленные мощи его открыто почивают в Софийском Новгородском соборе.

[1085] - Святые мученики Викторин, Виктор, Никифор, Клавдий, Диодор, Серапион и Папий пострадали в Коринфе в 251 году.

[1086] - Кизик – город Фригии, на западном берегу Малой Азии, на одном из полуостровов Мраморного моря.

[1087] - Синклитик – высший придворный сановник, чин государственного совета.

[1088] - Фригия – одна из больших областей Малой Азии. Апамея – самый значительный город Фригии, с оживленною торговлей.

[1089] - По греческим евхологиям, однажды молитвою святого Трифона спасены были от голода жители Кампсады, где появившиеся вредные гады и насекомые поедали хлебные злаки, древесные листья и всякую зелень. Святой Трифон, сожалея о бедствии, простер руки свои ко Господу с молитвою, прося Его послать Ангела Своего для поражения вредных насекомых; при этом св. мученик и сам связал их клятвою, чтобы они удалились в места недоступные, назначенные к их обитанию.

[1090] - Великие Минеи-Четьи составлены московским митрополитом Макарием в XVI столетии. Кроме житий святых здесь помещены все книги Священного Писания, множество поучений и разных статей духовного содержания. На основании Макарьевских Миней составлены Минеи-Четьи святого св. Димитрия Ростовского

[1091] - Гордиан царствовал от 238 года до 244 года.

[1092] - Филипп (Аравитянин) царствовал с 244 по 249 г.

[1093] - Декий царствовал с 249 по 251 г.

[1094] - Никея – в древности богатый и цветущий город – Вифиния (в Малой Азии), ныне весьма бедный и малонаселенный. В сем городе происходили I и VII вселенские соборы.

[1095] - Скриниарий – придворной казнохранитель, имевший большую силу при епархе (правителе области), почему ему оказывалось особенное царское доверие и поручались разные ответственные должности.

[1096] - Фортуна – богиня судьбы и счастия у Римлян.

[1097] - Зевс (или Юпитер) – греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[1098] - Вообще боги греков и римлян, по их верованию, отличались теми же страстями и преступными наклонностями, как и люди.

[1099] - Память святого первомученика архидиакона Стефана, побитого камнями от евреев, празднуется церковью 27 декабря

[1100] - Гера (Юнона) почиталась древними греками и римлянами сестрой и женой Зевса, наиболее почитаемой между богинями; считалась богиней земли, покровительницей брака и родов. Церера (или Деметра) – римская и греческая богиня земли и плодородия. Посейдон (Нептун) почитался братом Зевса и полновластным повелителем морей, рек и всех источников и водовместилищ. Аполлон (Феб) – один из наиболее почитаемых древними греками и римлянами языческих богов, считавшийся богом солнца и умственного просвещения, а также охранителем закона. Диана (Артемида) – известная языческая богиня у греков и римлян, пользовавшаяся особым поклонением у них; Диана считалась богиней луны и изображалась прекрасной, светлой девой-охотницей.

[1101] - Марс (или Арей) – греко-римский бог войны. Венера – греко-римская богиня красоты и любви. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

[1102] - Часть мощей святого Трифона хранится в Москве, в церкви его имени, что в Напрудной. Существует предание, имеющее тесную связь с историею этого храма. Однажды на охоте у царя Иоанна Васильевича Грозного, по какой-то оплошности сокольника боярина Трифона Патрикеева, улетел любимый кречет; царь приказал этому сокольнику во что бы то ни стало разыскать кречета в три дня, в противном случае угрожая смертною казнью. Весь лес изъездил сокольник, но поиски не привели ни к чему. Измученный, усталый, он на третий день остановился около Марьиной рощи (в Напрудной слободе) и от сильного изнеможения заснул крепким сном под деревом. Перед этим Патрикеев усердно молился о помощи святому мученику Трифону, которого, по самому имени своему, считал покровителем и надежнейшим руководителем. И видит сокольничий дивной сон: предстал пред ним благолепный юноша на белом коне и держит на руке царского кречета. «Возьми, – говорит, – пропавшую твою птицу, поезжай с Богом к царю и не печалься». Проснулся сокольник и видит – на руке у

него действительно сидит царский кречет, которого он и отвёз к Грозному, причем рассказал ему и свое видение. Прежний гнев государя и угрожавшее сокольничему страшное бедствие заменились милостями царскими, и благочестивый боярин Трифон Патрикеев, в благодарность пред Богом и пред угодником Божиим святым мучеником Трифоном за спасение своей жизни, немедленно построил сперва часовню на том месте, где нашел своего сокола, а потом, как говорят, при содействии даже самого государя, соорудил близ этой часовни и каменную церковь во имя святого мученика Трифона, на том самом месте, где совершилось вышеописанное явление ему сего святого мученика.

[1103] - В Большом Требнике (гл. 60) помещен «Чин бываемый на нивах, или винограде или вертограде, если случится повредиться от гадов, или иных видов». Этот «Чин» совершается в том случае, если появится «вред и тщету нивам, виноградам, садам же и вертоградам наносящие» «многовиднии звери, черви, гусеницы, хрущи и саранча, мыши, щуры и критицы, и различные роды мух и мушиц» и проч. В указанном «Чине» говорится: «подобает быть литургии и вжигати кандило святого Трифона, или св. Евстафия или св. Иулиана Ливийского, или и обоих», и после литургии «взять елей от кандил, и воду св. Богоявления и кропить крестообразно «на ниву или виноград или вертоград, глаголя молитвы». В том же «Чине» находится «заклинание святого мученика Трифона», составленное от лица этого св. угодника. Веруя, что святой Трифон, при жизни отгонявший «единым только пришествием своим духов лукавствия» и своими молитвами отвращавший общественные бедствия, – и по блаженном успении своем не оставляет помощью тех, которые прибегают к нему, упомянутое «заклинание» вредных для растительного царства насекомых и гадов и произносится от лица святого Трифона, как такого угодника Божия, который имеет великую славу у Бога и может с большим дерзновением повелеть им именем Господа «отойти от места и окрест пределов рабов Божиих».

[1104] - Мизия – северо-западная область Малой Азии.

[1105] - Халкидон – город в Малой Азии, на берегу Константинопольского пролива (на другой стороне против него – Константинополь). Халкидон известен в истории Церкви тем, что в нем происходил IV Вселенский собор.

[1106] - Карфаген – древнейшая знаменитая колония Финикиян на севере Африки, достигшая в древности высшей степени могущества и разрушенная в 146 году до Р. Хр.; на развалинах древняго Карфагена, при первых римских императорах возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени. В Карфагене весьма сильно был развит языческий греко-римский культ со всеми его суевериями.

[1107] - Записи о страданиях ведены в темнице самими святыми мученицами: Перпетуею и Сатиром. Остальное дополнено очевидцем и для очевидцев; ибо говорится: «и мы, что слышали и осязательно очами видели, возвещаем вам братия и сестры, дабы и вы, которые при сем присутствовали, снова вспомнили для славы Божией».

[1108] - Один из мучеников – Секунд, умер еще в темнице.

[1109] - Все сии мученики скончались около 203 года.

[1110] - По силе этого закона в память того, что в ночь пред исходом евреев из Египта Ангел-Погубитель истребил всех первенцев египетских, все первенцы еврейские должны были быть посвящены в особенное служение Богу, т. е. для служения при святилище. Когда же впоследствии для этого избрано было одно только колено Левиино, то за первородных назначен был выкуп в пять сиклей серебра.

[1111] - Священный сикль составляет на наши деньги около 5 коп.

[1112] - По сказанию святого Димитрия Ростовского, святые отцы добавляют, что святый пророк Захария, родитель Предтечи, пришедшую во храм для очищения Пречистую Деву с Младенцем поставил не на месте жен, приходящих для очищения, а на месте девиц, на котором женам, имеющим мужей, становиться не позволялось. И когда книжники и фарисеи, при виде сего, начали выражать негодование,

Захария, став пред ними, возвестил, что сия Матерь и по рождестве есть Дева чистая. Когда же они не поверили сему, Захария сказал, что человеческое естество, как и всякое создание, должно служить Создателю своему, и в Его всесильных руках находится устроение Своей твари, как угодно Его изволению, – а равно – и устроение того, чтобы Дева родила, и по рождестве пребыла Девою: «по сему и я сию Матерь не устранил – сказал он, – с места, назначенного для девиц, потому что Она превыше всех дев».

1113 - Пророчество о 70 седминах находится у Даниила (Дан. 9).

1114 - Под образом Ветхого днями, т. е. глубокого старца, видел Бога пророк Даниил (Дан. 7:9–13). В Свящ. Писании старость иногда служит символом вечности Божией.

1115 - В предмет пререкания, в спорное знамя, – образ взят от военного знамени во время битвы, которое одна сторона старается отбить, а другая защитить. Господь стал знаменем пререкания в том же смысле, что одни – неверующие – силились уничтожить Его (чего и мнили достигнуть распятием Сына Божия), другие же – верующие – стояли и стоят под этим знаменем и за него ратуют.

1116 - Из этого видно, что в Иерусалиме в то время было довольно людей, которые жили надеждою на скорое явление Обетованного Мессии, истинных израильтян, которые, без сомнения возрадовались радостию великою, услышав об исполнении их ожиданий и молитв.

1117 - Ирод, называемый в истории Великим, сын Антипатра, царя иудеев, сначала был правителем Галилеи, но при первом римском императоре Октавии Августе, в 40 г. до Р. Хр., получил титул иудейского царя и управлял всей Иудеей, которая тогда была подчинена Римскому государству.

1118 - Лук. 2:39. Вифлеем – маленький город, недалеко от Иерусалима, по направлению к югу, а от Назарета, галилейского города, Вифлеем находится на расстоянии дней трех пути или немного более.

[1119] - На этот праздник есть указания в сочинениях отцов Церкви III, IV и V веков.

[1120] - Здесь разумеется Антиохия – один из древнейших и богатых городов Сирии, столичный ее город; лежит при р. Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море. Для христианской церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства, и как мать христианских церквей из язычников. В настоящее время Антиохия представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до 10 тысяч жителей.

[1121] - Евфрасий был епископом Антиохийским от 523 до 527 г.

[1122] - В память прекращения язвы, бывшей в Константинополе, и страшного землетрясения в Антиохии, в некоторых местах принято Церковию исходить с литиею пред литургиею вне обителей и во время этого крестного хода воспевать стихиры праздника и канон, по обычаю; а по возвращении во храм совершать Литургию.

[1123] - В кондаке на Сретение Господне Церковь воспоминает избавление от бед, постигших восточную церковь и по милости Божией прекратившихся при императоре Юстиниане.

[1124] - Птоломей II, Филадельф, сын и преемник Птоломея Лага (285–247 гг. до Р. Х.), был одним из величайших государей египетских. Он особенно известен просвещенной любовью к наукам. Его старанием основана Александрийская библиотека. Желая присоединить к своим владениям Сирию, он покорил своей власти и лежащую на пути к Сирии Иудею. После занятия им Иерусалима многие тысячи иудеев из Иерусалима и его окрестностей, равно как и из Самарии, отведены были пленниками в Египет; но так как царь милостиво относился к иудеям и дал им даже равные права с македонянами в Александрии, то многие иудеи добровольно переселились в эту страну. Услышав, что закон иудейский получил свое начало от Бога и содержит в себе высочайшую премудрость и самые святые заповеди, царь пожелал иметь его в греческом переводе. Этим переводом он хотел пополнить свою богатую

библиотеку в Александрии, а может быть, хотел оказать услугу и иудеям, из которых многие, от долговременного пребывания в Александрии, стали забывать свой природный язык. В Иерусалим было отправлено посольство с богатыми дарами для храма. В письме к первосвященнику царь писал, чтобы он прислал ему старцев, опытных в знании отечественного закона, которые бы могли исправно перевести его на греческий язык. В это время первосвященником был внук Адуя, Элеазар. Он выбрал из 12 колен Израилевых по шесть старцев и, вручив им самый исправный список священных книг, начертанный золотыми буквами на самом тонком пергаменте, отправил их в Александрию. Здесь они были приняты весьма благосклонно. Им отвели дом на острове Фаросе, где они и занимались переводом каждый день до девятого часа или до трех пополудни. Перевод был окончен в семьдесят дней, прочитан в присутствии Александрийских иудеев, и одобрен ими. Этот самый перевод священных книг и называется «переводом семидесяти (или точнее 72-х) толковников», или переводчиков; он и доселе употребляется в Православной Восточной церкви, и с него-то сделан наш «Славянский перевод Ветхого Завета».

[1125] - Поэтому святой Симеон и называется Богоприимцем.

[1126] - Предсмертная молитва святого Симеона Богоприимца: ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко – каждодневно повторяется в храме, на вечернем богослужении, чтобы вечер каждого дня напоминал каждому верующему о вечере его жизни, т.е. имеющей постигнуть его смерти. Святой старец Симеон, разрешаясь от уз плоти, с радостью переходил в другой мир, когда принял в старческие объятия свои Божественного Младенца, Спасителя мира. Так всякий верующий в предсмертные минуты, приискренне причастившись в Святых Дарах Телу и Крови Христовой, с радостью оставляет сей многомятежный и суетный мир.

[1127] - Святые мощи Симеона Богоприимца были перенесены в Константинополь при императоре Иустине Младшем (565–578 гг.) и положены там при Халкопратийском храме в приделе св. Иакова, брата Господня, построенном этим императором. Гроб

святого Симеона Богоприимца видел здесь и наш русский паломник XII века архиепископ Новгородский Антоний.

[1128] - О святом Симеоне, принявшем на руки свои принесенного в храм Младенца Иисуса и благословившем Марию Богородицу и Иосифа, многие думают, что он был священником при храме Иерусалимском, как и Захария, ранее принимавший вводимую в храм младенца Марию, имевшую быть Матерью Иисуса. Так говорят об этом: святой Афанасий Великий – в книге об общем естестве Отца и Сына; святой Кирилл Иерусалимский – в слове о Сретении Господнем; святой Епифаний – в учении об отцах Ветхого Завета, и другие. Евангелие не говорит, к какому званию принадлежал праведный Симеон, но в песнопениях св. Церкви он называется «священником», «святителем», «священнодетелем», «приносившим законные жертвы» и «очищавшим кровными жертвами люди Израилевы». Сами действия св. Симеона при Сретении Господа (Лк 2:23–37) также показывают, что он был священником.

[1129] - Лк.2:36–38. – Подробнее о св. Анне пророчице см. в Сказании о Сретении

[1130] - Он же именуется и Вукол от греческого слова βουκυλος – пастух.

[1131] - Каппадокия находилась на востоке Малой Азии; Кесария – главный город Каппадокии.

[1132] - Святой мученик Власий жил и скончался в III веке.

[1133] - Город Ванния, или Ван, находился на восточном берегу озера, носящего в настоящее время то же название, в Армении.

[1134] - Город Кесария находился в Палестине и расположен был на берегу Средиземного моря. Он был местом жительства римских начальников Палестинской области.

[1135] - В 1605 году с 3 февраля стали совершаться чудеса от мощей святого князя Романа Угличского. Патриарх Иов тогда же поручил Казанскому митрополиту Гермогену, впоследствии патриарху, освидетельствовать мощи святого князя в Угличе и проверить сведения о чудесах. По благословению патриарха

Иова воевода Семен Романович Олферьев и инок Переяславского Данилова монастыря Сергий составили житие, службу и описание чудес (с 3 февраля 1605 г.) св. князя Романа. После литовского разорения города Углича в 1609 году этого новонаписанного жития, равно как и сказания о чудесах с 3 февраля по 2 марта 1605 года, доискаться не могли; переписывали только службу и сказание о чудесах со 2 марта. По рукописи, хранящейся в Угличском Преображенском соборе, сказание о чудесах святого князя Романа напечатано в Яросл. Епарх. Ведом, за 1873 г. № 46–48 и отдельной брошюрой: «Повесть о чудесах святого благоверного князя Романа, Угличского чудотворца». Ярославль. 1874. Служба и сказание о чудесах нам известны и по нескольким другим рукописям. После утраты жития, написанного в 1605 г., впоследствии, в XVIII в., при Угличском Преображенском соборе составлено было новое пространное житие «с древнейших летописцев и достоверных географических историописателей»; по списку XVIII в. это житие напечатано в Яросл. Епарх. Вед. за 1889 г. № 48–49 и отдельной брошюрой: «Житие святого и благоверного князя Романа Владимировича, Угличского чудотворца». Ярославль. 1890. Данные упомянутых здесь «Повести» и «Жития» в настоящем изложении проверены справками с летописными и другими свидетельствами.

[1136] - Константин был сын великого князя Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо, род. в 1185 г.; с 1207 г. был удельным князем ростовским, ярославским и угличским, а с 1216 г. великим князем владимирским; скончался в 1219 году.

[1137] - Он род. около 1214 г.

[1138] - Князь Владимир вступил в брак в 1232 г.; князь Андрей родился в 1233, а Роман – 1 октября 1235 года.

[1139] - Андрей Васильевич, сын великого князя Василия Васильевича Темного и брат великого князя Иоанна Васильевича III, княжил в Угличе с 1462 г.; в 1422 был заточен Иоанном III в Переяславле, где и скончался в 1494 году.

[1140] - Житие святого Романа и описание первых чудес его погибли в литовское разорение. Сохранилось вместе со

службою святому Роману описание чудес от мощей его лишь со 2 марта того же 1605 года.

[1141] - В X веке до Рождества Христова.

[1142] - Повествование о пророке Азарии находится 2Пар.15:1–19.

[1143] - Император Декий был одним из самых жестоких гонителей христиан, имевший целью совершенное уничтожение христианства в Римской империи. Он царствовал два года, с 249 по 251 г.

[1144] - Памфилия находилась в южной части Малой Азии на берегу Средиземного моря. На севере она граничила с Писидией, на западе – с Ликией, а на востоке – с Киликией. Город Атталия, ныне Адалия, был приморским городом области и резиденцией областеначальника.

[1145] - Александрия – город в северном Египте, при устье реки Нила; основана Александром Македонским в 331 году до Рождества Христова. Был некогда центром языческой науки и первым торговым городом на земле. В начале 4-го века стал центром христианского просвещения и резиденцией патриарха. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море.

[1146] - Гора Пилусиотская, находилась в Нижнем Египте, недалеко от реки Нила. – Пилусия, или Пелуза – один из городов северного Египта.

[1147] - Живя здесь в глубоком уединении, Исидор с ревностью предался подвигам иноческой жизни. Он носил одежду из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Отсюда преподобный Исидор путешествовал в Константинополь, чтобы видеть и слышать святого Иоанна Златоустого. То, что видел и слышал Исидор у Златоустого, равно и писания его, остались для Исидора и на последующую жизнь предметом внимательного изучения и удивления, так что ясность ума Златоустого, простота и ревность его соделались собственностью Исидора и отпечатлелись во всех его действиях. По возвращении в Пилусиотскую обитель, он

продолжал свою подвижническую жизнь, не стыдясь обличать лицемеров и обидчиков: епископа своего обличил за то, что назначал цену местам, а гражданских властеначальников за пристрастие.

[1148] - Скромность в одежде, хранение безмолвия, скудость в пище, благотворительность к бедным, – вот правила, которые преподобный Исидор внушал своей братии и которые подтверждались живым примером его собственной жизни.

[1149] - Евагрий – церковный историк 6-го века.

[1150] - Феодосий 2-й Младший, внук Феодосия Великого, был Византийским императором с 408 по 450 г.

[1151] - Никифор Каллист, живший в 14-м веке, написал «Историю Церкви».

[1152] - Аркадий – сын и преемник императора Феодосия Великого, царствовал с 395 до 408 года.

[1153] - Диптих (от греч. слов: дважды и складываю) – две таблицы, из которых на одной писали имена живых, а на другой – усопших. У нас называются синодиками, или просто поминаньями и помянниками. В первенствующей церкви христиане как за честь ставили быть вписанным в диптихе церковном, так, напротив того, было поносительно для тех людей, чьи имена не внесены или исключены из диптиха.

[1154] - Третий Вселенский собор собран был в 431 году по поводу ереси Нестория, патриарха Константинопольского, который смутил церковь ложным учением о Лице Иисуса Христа, утверждая, что в Нем Божество не соединялось с человечеством в самом воплощении, и потому называя Его Богоносцем, а не Богочеловеком, а Пресвятую Деву -Христородицею, а не Богородицею. Осудив Нестория и его учение, как еретическое, отцы третьего Вселенского собора торжественно подтвердили православное учение о том, что подобает исповедовать в Господе нашем Иисусе Христе единое Лицо и два естества, и Пречистую Его Матерь восхвалять, как единую Приснодеву и истинную Богородицу.

[1155] - Арий (жил в начале IV века) унижал своим нечестивым учением Сына Божия, называя Его высшею тварью, через

которую Бог сотворил весь мир. Осуждена эта ересь на 1-м Вселенском соборе.

[1156] - Палладий Еленопольский (368–430 г.), ученик преподобного Дорофея, уроженец Галлии, в 388 г. прибыл в Александрию, откуда потом удалился в близлежащую пустыню, где подвизался и преподобный Дорофей, и потом переселился в Вифлеем. В 399 г. избран в епископа Еленопольского, в Вифинии, в Малой Азии. После того император Аркадий сослал его, как сторонника святого Иоанна Златоустого в Антиною, а в 412 году возвращен на свою кафедру, в Еленополь. По просьбе каппадокийского префекта Лавса, в 420 г. он составил собрание жизнеописаний святых и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком». Ввиду назидательности и поучительности этого сборника, церковным уставом полагаются чтения из него на утренях святой Четыредесятницы.

[1157] - Преподобный Исидор скончался около 436 года. Святый Исидор, по своим сочинениям, был один из великих отцов Церкви. Его сочинения состоят из писем. Число их простиралось, как пишут, до 10 000, но ныне не превышает 2090. Современники видели в святом Исидоре опытного толкователя Священного Писания и просили у него объяснений на те или другие изречения Писания. Желания современников Исидор выполнял в письмах. Число его писем такого содержания простиралось до 3000. Из известных ныне писем святого Исидора большая часть заключают в себе изъяснения Священного Писания, где святой Исидор является лучшим учеником святого Иоанна Златоустого. Догматических писем у святого Исидора не очень много. Но, как и святой Иоанн Златоуст был наставником практическим. «Практическая философия, по его словам, основание зданию и самое здание, логика – украшение, созерцание – венец». «Добродетель – стройность души»

[1158] - В 793 г.

[1159] - Остров Крит (иначе Кандия) находится в восточной части Средиземного моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Христианство здесь началось еще во времена апостольские;

первые начала его положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на Апостолов, ибо при сем были и критяне (Деян. 2:11). Затем оно было здесь утверждено и распространено Апостолом Павлом, как это можно видеть из послания его к Титу, коего Апостол поставил в Крите епископом (Тит 1:5). В XVII веке остров Крит перешел во владение турок.

[1160] - Студийская обитель – одна из древнейших и знаменитейших в Константинополе. Она построена (во имя святого Иоанна Крестителя) патрицием Студием, который при императоре Константине Великом переселился из Рима в Константинополь; от имени его и обитель получила свое наименование «Студийской». В этой обители иноки жили до царствования императора Копронима, соблюдая устав «Неусыпающих». (Эти иноки назывались «неусыпающими» потому, что будучи разделены на три отделения, поддерживали постоянное богослужение в церкви). Но злочестивый Копроним, возбудив иконоборством Церковь Божию, изгнал из Византии всех иноков, и Студийский монастырь опустел. После Копронима иноки снова стали жить при Студийской церкви, но – в небольшом количестве. Студийская обитель, во все время своего существования до падения Константинополя, пользовалась необыкновенною славою и преимуществами за услуги, оказанные ее неусыпающими и бесстрашными иноками государству и Церкви, особенно во времена иконоборчества, когда иноки Студийские показали себя бесстрашными воинами Христовыми. Знаменитая в продолжение многих веков, Студийская обитель в настоящее время представляет развалины: сама обитель обращена в магометанский скит, а храм – в магометанскую мечеть.

[1161] - Сарацины – жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а затем христианские писатели перенесли это название на всех арабов и мусульман вообще.

[1162] - Лев V Армянин – Византийский император – иконоборец, царствовал с 813 по 820 год.

[1163] - Патрициями назывались в Римской и Восточной, Византийской, империи лица высшего сословия,

соответствующего нашему родовитому дворянству.

[1164] - Михаил I Рангав – император Византийский – царствовал с 811 до 813 года.

[1165] - Вифиния – северо-западная провинция Малой Азии, расположенная по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. В XIV в. Вифиния подчинена была туркам, под властью которых находится и теперь.

[1166] - Это озеро расположено около Аполлонии – древнего города в Иллирии. Мезопа или Метопа – крепость Аполлонии.

[1167] - Вонита или Бонит – в Анатолии, иначе Малой Азии.

[1168] - Это было в 819-м году. Смирна – древний знаменитый торговый город на западном берегу Малой Азии; в настоящее время представляет из себя один из самых цветущих городов Малой Азии, с населением свыше 120.000 жителей.

[1169] - Михаиил II Травлий, (Балба) т. е. косноязычный, царствовал с 820 г. по 829 г.

[1170] - Халкидон – главный город Вифинии, на северо-западном берегу Малой Азии, на южном конце Константинопольского пролива, против Константинополя. Халкидон известен в истории Церкви тем, что в нем происходил 4-й Вселенский собор (451 г.)

[1171] - Акрит – мыс в Вифинии, близ Никомидии, против Константинополя.

[1172] - Преподобный Феодор Студит скончался 67 лет 11 ноября 826 года.

[1173] - Император Феофил царствовал с 829 г. по 842 г.

[1174] - Император Михаил III (с 842–867 гг.) вступил на престол 4-х лет, а потому государством до 865 г. управляла мать его, святая царица Феодора

[1175] - Навкратий Студит, исповедник, скончался 18 апреля 848 года. В греческой церкви память его воспоминается 8 июня.

[1176] - Софроний был игуменом Студийской обители с 851 г. по 854 г.

[1177] - Святой Фотий патриаршествовал с 857 по 867 г. (Асинкрит – приближенный к царю придворный чин).

[1178] - Этот остров находится около Кизика – города в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[1179] - Был он в это время и в Митилене (на острове Лесбосе) и на полуострове Херсонесе.

[1180] - При игумене Студийском Савве.

[1181] - Василий I Македонянин царствовал с 867 г. по 886 г.

[1182] - Святой Николай скончался 4 февраля 868 года.

[1183] - Ныне уездный город Костромской губернии на низменном юго-восточном берегу Галичского озера

[1184] - Обнора протекает по Вологодской и Ярославской губерниям и впадает в реку Кострому.

[1185] - Преподобный Корнилий основал монастырь в Вологодском Комельском лесу, в 5 верстах от города Грязовца. Монастырь этот известен под именем Корнилиева Комельского Введенского. Св. Корнилий скончался 19 мая в 1537 г.; там почивают и святые мощи его. Память его – 19 мая.

[1186] - Обитель эта находилась от г. Галича в 80 верстах.

[1187] - Кириллу тогда было около 20 лет.

[1188] - Бело-озеро находится в Новгородской губернии, на границе Кирилловского и Белозерского уездов.

[1189] - Тихвинский Богородице-Успенский монастырь находится в городе Тихвине Новгородской губернии. Основан на месте явления иконы Божией Матери, известной под именем Тихвинской.

[1190] - Кириллов-Новоезерский монастырь находится на Красном острове Нового озера в 30 верстах от г. Белозерска, Новгород. губ. В монастырской ризнице есть крест напрестольный, писанный, как гласит предание, на древе гробовой доски преподобного Кирилла.

[1191] - Мощи преподобного Кирилла обретены были нетленными в 1649 г. при основании нового храма, строившегося по обету спасенного от бед боярина Морозова. По определению собора, они освидетельствованы были Вологодским архиепископом Маркеллом; а в 1662 г. августа 22

перенесены были в раке в новый храм, где и ныне почивают, источая чудеса. Обретение мощей св. Кирилла вспоминается 7 ноября.

[1192] - Город Арвил или Арбела находился в пределах древнего Ассирийского царства, на восток от р. Тибра в верховьях его.

[1193] - Волхвы или маги были у Персов и жрецами, и хранителями религиозных обрядов.

[1194] - Это гонение было воздвигнуто царем Сапором II после того как у персов началась война с римлянами, около 343 года. Причиною гонения было то, что в христианах Сапор видел тайных союзников римлян. Пятый год гонения падает на время около 348–352 г.

[1195] - Персы поклонялись огню и солнцу. Последнее, под именем Мнеры, было у них верховным божеством.

[1196] - Антиноя – довольно значительный в древности город в Среднем Египте.

[1197] - Декий царствовал с 249 по 251 гг.

[1198] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, около Аппенинского полуострова.

[1199] - Панорм (ныне – Палермо) расположен на северном берегу острова Сицилии при заливе того же имени; это – весьма древний и значительный город, основан еще финикиянами.

[1200] - Катана – древний город на восточном берегу Сицилии, – в настоящее время многолюдный, цветущий по своей образованности и торговле, с более чем 100-тысячным населением.

[1201] - Афродита – греческая богиня любви и красоты. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

[1202] - Зевс почитался у греков главным божеством, отцом всех богов и людей. Греческие мифы приписывают Зевсу различные плотские пороки, нечистые страсти и преступления.

[1203] - Святая Агафия скончалась в 251 году.

[1204] - Мощи святой Агафии в 1040 г. перенесены в Константинополь, но в 1126 г. возвращены в Катану.

[1205] - Этна – огнедышащая гора на острове Сицилии, близ города Катаны.

[1206] - Диоклетиан (на Востоке) и Максимиан (на Западе) царствовали с 284 г. по 305 г.

[1207] - Аназарв – город в Киликии, на юго-востоке Малой Азии.

[1208] - Здесь разумеется храм с идолом или изображением римского императора Адриана (царствовал с 117–138 г.). Римляне, как известно, причисляли своих умерших императоров к сонму богов (так назыв. «культ цезарей»), им они воздавали божеские почести, приносили жертвы и проч. Началось это почитание императоров с Августа и продолжало свое существование во всё время языческой Римской империи. Стали обоготворять не только умерших цезарей (т. е. императоров), но даже и живых. Это почитание было для всех принудительно. Считалось обязательным иметь у себя даже в доме образ царствующего императора между своими пенатами (домашними богами). За соблюдением культа цезарей в Римской империи смотрели строго, и кто, по небрежности или неуважению, не хотел выражать чествования императору, с таким поступали как с величайшим преступником. Такого религиозного почитания императоров римские правители требовали и от христиан.

[1209] - Комментарисий – чиновник, смотревший за узниками и ведший им запись.

[1210] - По преданию, эта фамилия была присвоена одному из предков святителя Феодосия за оказанное отличие при отражении неприятеля от г. Углича.

[1211] - Это – знаменитая старейшая в России школа, основание которой восходит к концу XVI века; ныне – киевская духовная академия, помещающаяся в Братском монастыре, на Подоле, в Киеве.

[1212] - Киево-Братская Богоявленская школа, служа главным рассадником просвещения для всей южной православной

России, в то же время выпустила из своих стен немало знаменитых борцов за православную веру в пределах южно-русской Церкви, подвергавшейся непрестанным нападениям врагов – католиков и единомышленных с ними униатов, которые, презрев православную веру, признали над собою главенство папы, и еще более коварных иезуитов, монахов католического ордена, поставившего себе целью какими бы то ни было средствами утверждать всюду католичество и главенство пап.

[1213] - Митрополит Дионисий управлял киевскою митрополиею всего не более полугода. Он был назначен на митрополию в феврале 1658 года и удалился из Киева в июле 1658 года, хотя номинально продолжал числиться киевским митрополитом.

[1214] - Близ местечка Батурина, ныне – в Черниговской губернии, в 30 верстах от г. Конотопа; основан в XVI веке.

[1215] - В коневском уезде, киевской губернии. – Св. Феодосий был назначен игуменом Корсунского монастыря около 1661 года.

[1216] - Это было в 1664 году. Киево-Выдубицкий монастырь был одним из древнейших и важнейших монастырей киевской епархии; основан в конце XI столетия; в начале XVII ст., во время польского владычества, в нем была водворена уния, но потом он снова возвращен под ведомство киевского митрополита; ныне – второклассный мужской монастырь.

[1217] - Минской губернии. Там был остров «Михайловщина», принадлежавший Киево-Выдубицкому монастырю, где в 1680 году и был основан и устроен св. Феодосием небольшой скиток, наместником которого был назначен один из строгих подвижников Выдубицкого монастыря, иеромонах Иов Опалинский.

[1218] - Особенно много пришлось пострадать св. Феодосию, по проискам Мефодия, епископа мстиславского и оршанского, претендовавшего на Киевский митрополичий престол, и, из-за своих целей, оклеветавшего святителя вместе с настоятелями других киевских монастырей в политических ингригах и измене

московскому правительству; но правда немедленно восторжествовала, и невинность Феодосия тогда же была явно доказана.

[1219] - Лазарь Баранович – ректор Киево-Богоявленской Братской школы, с 1657 года архиепископ Черниговский, видный политический и литературной деятель южной России, проповедник и полемист против католиков и униатов; был очень уважаем современниками; св. Димитрий Ростовский называет его «великим столпом Церкви».

[1220] - В то время митрополия киевская довольно долго оставалась праздной, из-за политических смут, вследствие чего временно управление ею и было поручено наиболее уважаемому архипастырю южной России, каковым и был Лазарь Баранович.

[1221] - Гедеон (Святополк – Четвертинский) – епископ Луцкий, с 1686-киевский митрополит, скончался в 1690 году, известен грамотами и посланиями к разным духовным лицам.

[1222] - Святой Феодосий, как один из самых почетных духовных лиц, был представителем посольства, которое собор, избиравший митрополита, отправлял в 1685 г. к новоизбранному с оповещением об избрании и с приглашением принять престол киевской митрополии. В том же году «пречестной» и «в церкви малороссийской заслуженной» игумен Феодосий вместе с переяславским игуменом Иеронимом Дубиною был послан к царям Иоанну и Петру Алексеевичам и патриарху Иоакиму с просьбою об утверждении избранного Малороссией митрополита. Нужно заметить, что в Москву в то время из Малороссии отправляли избранных людей не только с тем, чтобы они доставили туда то или другое прошение и явились при случае ходатаями по этим прошениям, но и с той целью, чтобы выставить их пред царем и патриархом, как лиц способных и предназначаемых к высшим должностям. Так смотрели на это и в Москве, и там оба представителя посольства, игумены – Выдубицкий и Переяславский, были приняты, как «люди заслуженные малороссийской церкви». Результатом этого посольства было великое дело

присоединения южно-русской Церкви к московскому патриаршеству.

[1223] - Елецкий Успенский первоклассной монастырь в Чернигове основан в 1060 году великим князем черниговским Святославом Ярославичем.

[1224] - Иоанникий Голятовский – знаменитый южно-русский проповедник и писатель-полемист XVII в., сначала ректор киево-могилянской коллегии и затем архимандрит Черниговского Елецкого монастыря.

[1225] - Иван Мазепа – гетман малороссийский с 1687 года по 1709 год, когда он изменил Петру Великому и России, перешедши на сторону шведского короля Карла XII; в том же году он умер.

[1226] - Адриан – последний (10-й по счету) патриарх всероссийский, управлял Церковью с 1690–1700 г.

[1227] - Что касается того, что Феодосий сразу был возведен в сан архиепископа, то это объясняется тем, что большим московским собором 1667 года была учреждена в Чернигове именно архиепископия, и кафедра черниговская тогда же была поставлена первою между другими архиепископиями Русской церкви.

[1228] - Монастырь был построен вдовой стародубецкого полковника Мариею Сулимовой на купленной ею вместе с покойным мужем земле, называемой «Печеники»; откуда монастырь и получил свое наименование; ныне не существует.

[1229] - Любеч – ныне торговое населенное местечко городнянского уезда черниговской губернии, в 52 верстах от Чернигова.

[1230] - Так, им был освящен величественный храм в честь Святой Троицы возле Ильинского монастыря, и храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Домницком мужском монастыре (в 35 верстах от Чернигова).

[1231] - Иоанн Максимович – впоследствии митрополит Тобольский и всей Сибири, где много потрудился в деле распространения христианства среди инородцев; скончался в

1716 году. Память его местно чтится с благоговением, как угодника Божия.

[1232] - «Похвала» эта написана под живописным изображением святителя Феодосия в Борисоглебском Черниговском соборе, над входом в каменную палатку, где почивали мощи святителя.

[1233] - Обследование производили высокопреосвященный Иоанникий, митрополит Киевский, вместе с местным епископом Антонием, с ректором Черниговской семинарии, протоиереем – членом Киевской духовной консистории и двух протоиереев из местного соборного причта.

[1234] - Таких случаев обследовано 49.

[1235] - Кизик, – город одного из полуостровов Пропонтиды (Мраморного моря).

[1236] - В это время Евиласию было около 80 лет.

[1237] - Скончались между 305–311 г.

[1238] - Каппадокия – древнее название местности на Востоке Малой Азии, между Киликийским Тавром, Евфратом, Черным морем и р. Гадисом. Кесария – главный город Каппадокии.

[1239] - Молитва Василия Великого ко св. Причащению. Ср. кн. пр. Иез. 33:11.

[1240] - Эмеса – город в Сирии на восток от реки Оронта, впадающей на северо-западе Сирии в Средиземное море.

[1241] - Смирна – знаменитый торговый город Ионии на восточном берегу Эгейского моря (Архипелага), верстах в 66 от Ефеса, при устье реки Мелес, один из древнейших городов Малой Азии; церковь насаждена была в Смирне святым Апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает христианская вера. Город остается и теперь одним из самых цветущих городов империи.

[1242] - Скончался около 100 г.

[1243] - Мирсина – миртовое дерево. Оно растет в Азии, Америке, в Африке – в Египте, и в южной Европе, по берегам Средиземного моря. Ветвями этого дерева в праздники украшались жилища; миртовые венки надевали на голову во

время пиршеств, особенно свадебных. Мирт почитался у древних вообще символом любви и тихого счастья, изображением радостных обстоятельств в настоящем и светлых надежд в будущем.

[1244] - Асия – провинция Римской империи, на западе Малоазийского полуострова, с главным городом Ефесом.

[1245] - От греч. слова «парфенос», что значит «девица», «девственница».

[1246] - Мелитополь – один из городов Мизии, северо-западной провинции Малой Азии.

[1247] - Лампсак – значительный, основанный феокейцами, город Мизии, в северо-западной области Малой Азии.

[1248] - Ираклия – один из городов Фракии, области в Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова.

[1249] - Святой Парфений скончался в 318 году.

[1250] - Елладой в древности называлась средняя часть Греции.

[1251] - Эгина – один из островов Архипелага. Эгейское море – иначе Салоникский залив, на северо-западе от Архипелага.

[1252] - Кастория – селение в Аттике, юго-восточной области Еллады или средней Греции.

[1253] - Евбея – длинный остров, простирающиеся с северо-запада к юго-востоку вдоль берегов областей средней Греции Беотии и Аттики. – Пелопоннес – южная Греция.

[1254] - Коринф – древнейший, знаменитый и богатый город древней Греции; лежал на Коринфском перешейке, соединяющем Пелопоннес с остальною Грециею, в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном берегу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морями; в настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто и имеющего лишь около 5 000 жителей.

[1255] - Патры – древний город на северном берегу Пелопоннеса.

[1256] - Фивы – главный город Беотии, средней области древней Греции.

[1257] - Пафлагония – суровая горная область в северный части Малой Азии.

[1258] - Скончались в 303 году.

[1259] - Вифиния – северо-западная область Малой Азии. Никомидия – главный город Вифинии, любимая резиденция императора Диоклетиана.

[1260] - Ликиний – римский император в восточной половине империи, царствовал с 307–324 год.

[1261] - Гераклея – город в Понте, северной части Малой Азии.

[1262] - Евхаиты – город на севере Малой Азии, недалеко от Гераклеи, ныне – Марсиван.

[1263] - От греческого слова «ритор» – оратор, вития и «ври» – неотделяемый слог, усиливающий значение соединенного с ним слова.

[1264] - Геракл или Геркулес – герой древнегреческих преданий, олицетворявший собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый древними греками, как один из излюбленных богов. Дий или Зевс почитался древними греками отцом богов и людей, управляющим небом и землею, посылающим на землю гром и молнии. Алкмена, по греческим мифам, – смертная женщина, зачавшая и родившая от Зевса Геракла.

[1265] - Артемида или Диана, по верованиям древних греков, была богинею луны и охоты.

[1266] - Серапис – египетский бог душ умерших, который призывался как спаситель от болезни и смерти. Впоследствии почитание его перешло также в Грецию и Рим, где получило весьма большое распространение.

[1267] - Аполлон – греко-римский бог солнца и умственного просвещения.

[1268] - Прозвище Ликиния, намекающее на его низкое происхождение из Фракии.

[1269] - Ликиний в переводе с латинского, значит – веятель; Феодор – с греческого Божий дар.

[1270] - Нотарий – скорописец. В первое время по Р. Х. так, назывались обыкновенно императорские секретари, скреплявшие акты.

[1271] - Так с презрением язычники называли христиан, считая Христа происходившим из Галилеи, страны, которая и среди евреев пользовалась дурною славою.

[1272] - Угринами называются славяне, происходящие из Угорской земли или Червонной Руси, ныне западная Украина.

[1273] - Святой Феодор был усечен мечом в 319 году.

[1274] - Он царствовал с 559 по 530 гг. до Р. Х. Милость Кира к иудеям объясняют тем, что ему было показано пророком Даниилом пророчество Исайи (Ис.44:28, 45:1), где более чем за полтораста лет предсказывается освобождение евреев из плена через Кира.

[1275] - Самаряне народ смешанный, образовавшийся из соединения переселенцев, занявших область десятиколенного царства израильского по разрушении его ассириянами с остатками народа израильского, отведенного в плен. На чужбине переселенцы продолжали чтить своих прежних богов, но когда Господь наслал за это на них стаи львов, то самаряне, чтобы отвратить бедствие, установили у себя почитание истинного Бога, не оставляя в то же время идолопоклонство (4Цар. 17:27–34)

[1276] - (1Ездр. 4:1–3) Иудеи отказали самарянам, как двоеверам.

[1277] - С еврейского: память Господня.

[1278] - Так называется пророк Захария у некоторых отцов Церкви на основании одного, бывшего ему откровения, в котором он видел летящий по воздуху свиток, вероятно изогнувшийся наподобие серпа (Зах. 5:1–2).

[1279] - Зах. 1:1. В книгах Священного Писания пророк Захария называется сыном Адды; это объясняется или обычаем евреев в родословии указывать имена более известных предков, или может быть тем, что по смерти отца пророк Захария

воспитывался у деда; последнее мнение принадлежит святому Кириллу Александрийскому

[1280] - Неем. 12:16. При первосвященнике Иоакиме, сыне первосвященника Иисуса (Захар. гл. 3), пророк Захария сам был уже священником, и главою поколения вероятно вследствие ранней смерти отца. (Неем. 12:12–16).

[1281] - Постройка храма была окончена в шестой год царствования Дария Гистаспа (1Ездр. 6:15). Дарий царствовал с 521 по 486 г.; год постройки храма, следовательно, падает на 515-ой до Рождества Христова.

[1282] - Святые евангелисты, повествуя о торжественном входе Господа в Иерусалим приводят это место из книги пророка Захарии, относя его таким образом ко Христу Спасителю (Мф. 21:4–6; Иоан. 12:14–16)

[1283] - Св. евангелист Матфей, передавая решение синедриона приобрести на повергнутые Иудой сребренники землю у горшечника для погребения странных, видит в этом исполнение пророчества Захарии, но называет его пророчеством Иеремии вероятно потому, что свиток, содержавший пророческие книги и находившийся у святого евангелиста под рукою, оглавлялся именем пророка Иеремии

[1284] - Св. евангелист Иоанн, передавая об исполнении этого пророчества на Христе Иисусе, приводит буквально и самое пророчество (Ин. 19:34–37).

[1285] - Сам Господь относит к Себе это пророчество, когда после тайный вечери на пути в Гефсиманию предсказывает Апостолам, что они вскоре Его покинут. (Мф. 26:31; Мк. 14:27).

[1286] - Здесь можно видеть пророчество о затмении солнца во время Христова распятия (Лук. 23:44–45).

[1287] - Некоторые места из книги пророка Захарии читаются во время вечерни как паримии. Так, Зах. 9:9–14 читаются в неделю Ваий; Зах. 11:10–13 – в великую пятницу; Зах. 8:7–17, 19–23 – в пяток сырный недели, Зах. 14:4, 8–11 (где говорится о явлении Господа на горе Елеонской) – в Вознесение Господне, бывшее на этой горе.

[1288] - Валериан царствовал с 253 по 259 г., сын его Галлиен царствовал с 260–268 г. Еще при жизни отца он был сделан им кесарем и соправителем.

[1289] - Св. мученик Никифор пострадал и скончался около 257 года.

[1290] - Римский император Септимий Север царствовал со 193 по 211г.

[1291] - Магнезия – город в Фессалии, северо-восточной области Древней Греции.

[1292] - Антиохия Писидийская – в западной части Малой Азии, на границе с Фригией.

[1293] - Приблизительно на 2 2/3 версты, по нашему счету.

[1294] - Харалампий в переводе с греческого значит: «радостью сияющий».

[1295] - Св. священномученик Харалампий скончался в 202 г.

[1296] - Княжил с 1093 по 1113 г.

[1297] - Половцы – дикий кочевой народ тюрского племени, со второй половины XI в. пришедшие из-за Каспийских степей в южнорусские степи и делавшие частые и опустошительные набеги на южнорусские княжества.

[1298] - Между 1089–1108 гг., в которые Иоанн был игуменом Печерской обители.

[1299] - Все это происходило в 1099 году

[1300] - Это было приблизительно в 1107 году. Мощи преп. Прохора ныне – в Антониевой пещере.

[1301] - Газа расположена на берегу Средиземного моря; в древности она была одним из пяти известнейших филистимских городов и служила пределом хананеев на юге Палестины. С IV века Газа была уже христианским городом, а в VII веке покорена магометанами. В настоящее время от прежней знаменитой Газы остались лишь одни развалины, около которых находится новый город с тем же наименованием, – один из довольно цветущих городов Палестины.

[1302] - Кесария – большой город в Палестине, при Средиземном море, где пребывали римские прокураторы –

представители Римской императорской власти. В настоящее время на месте Кесарии – только одни развалины, покрытые дикими растениями.

[1303] - Пострадали при Максимиане II Галерии в 308 г.

[1304] - Каппадокия – большая область в восточной половине Малой Азии. Севастия – город Каппадокии на границе с Малой Арменией, в северо-восточной части области.

[1305] - Царствовал с 284 по 305 г.

[1306] - Память их совершается Церковью 3 декабря.

[1307] - Царствовал с 307 по 324 г.

[1308] - Аргеос – иначе Аргей – большая, покрытая на самой вершине вечным снегом, а при подножии своем прекрасным лесом, гора Малой Азии, часть Антитавра, в северо-западной Каппадокии.

[1309] - Никополь – город в Малой Армении, на границе почти при реке Ликусе, ныне Эндерес.

[1310] - Святой священномученик Власий пострадал и скончался около 316 года. Мощи его перенесены на Запад во время крестовых походов; части их находятся во многих странах Европы.

[1311] - Император Феофил иконоборец царствовал с 829 по 842 г.

[1312] - Таким образом состоялось восстановление иконопочитания на Константинопольском соборе 842 года. В память этого тогда же был установлен в Церкви особый «чин православия», совершаемый и ныне в первый воскресный день святой Четыредесятницы.

[1313] - Император Михаил III царствовал с 855 по 867 г.

[1314] - Переяславль Залесский, северный, – ныне уездный город Владимирской губернии.

[1315] - Ныне – так называемый «Никольский на Болоте» – заштатный монастырь в Переяславле Залесском.

[1316] - Слух о высокой жизни преподобного Димитрия дошел до великого князя Московского Димитрия Иоанновича Донского, и он пригласил преподобного к себе, чтобы он был

восприемником детей его. Преподобный исполнил желание князя и получил от него щедрые дары для обители. После этого он и решился оставить Переяславский монастырь и удалиться в глухое место.

[1317] - Лука – изгиб, кривизна, излучистый берег, мыс, огибаемый рекою.

[1318] - Это было в 1371 году. Спасо-Прилуцкий (второклассный) монастырь находится в 15 верстах от Вологды. При основании обители владельцы места с любовью уступили преподобному свою землю. Горячее усердие явилось и у граждан Вологды. Каждый спешил жертвовать преподобному, что мог, для сооруженья храма. Великий князь Димитрий Донской, узнав об основании преп. Димитрием новой Спасо-Прилуцкой обители, прислал от себя для нее пожертвования.

[1319] - Преподобный своими подвигами и добродетелями служил высоким примером и образцом для собравшейся в его обитель братии, в то же время непрестанно поучая и наставлял ее. Он отличался нищелюбием и благотворительностью. Сам, всегда довольствуясь только просфорой с теплой водой, он обходил монастырские угодья и заботился, чтобы для трапезы братии вовремя доставлялось все нужное. Одежда у него зимой и летом была одна – овчинный заскорузлый тулуп, под которым летом бывал он мокрым от жары, а зимой страдал от морозов. Но для братии он ходил вместе с ними на работы. Для того, чтобы другие не видали его слезной молитвы, он часто удалялся для молитвы в уединенное место, с левой стороны храма, где для этого была сделана деревянная пристройка. Своими высокими подвигами самоотвержения и самоотречения преподобный достиг высокого духовного совершенства и сподобился дара прозрения.

[1320] - Тело преп. Димитрия было погребено в созданной им Спасской церкви. У гроба его и его молитвенным предстательством совершались чудеса и различные исцеления. И ныне мощи преп. Димитрия Прилуцкого почивают в том же храме, где находится и чудотворный образ этого святого, бывший с великим князем Иоанном III во время похода его под Казань.

[1321] - Владимир Мономах, внук Ярослава Мудрого, идеал древнерусского князя, известен особенно как миротворец враждующих князей; с 1114 по 1125 г. – великий князь киевский.

[1322] - Белгород – небольшой город Киевского княжества, имевший, однако, в княжение наследников Владимира Великого, епископа, и некоторое время бывший удельным столом. Ныне – село Киевской губернии и уезда, на Ирпени, принадлежащее киевскому митрополиту, с 1900 десятин земли и свыше чем с 1 12 тысячи жителей, с приходской церковью.

[1323] - Мстислав Владимирович, отец св. благ. князя Всеволода, был великим князем киевским с 1125 по 1132 г. Ему наследовал брат его Ярополк, княживший в Киеве с 1132 по 1138 год.

[1324] - Переяславское княжество считалось первым после великого княжества Киевского. Переяславль южный – ныне уездный город Полтавской губ., при р. Алые и Трубеже.

[1325] - Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, младший сын Владимира Мономаха, князь Суздальский, впоследствии великий князь Киевский с 1148 по 1150 г.; потом был изгнан Изяславом Мстиславичем, но по прошествии некоторого времени снова завладел великим княжеством Киевским, хотя и ненадолго.

[1326] - Это последовало следующим образом. Изяслав Мстиславич, по милости властолюбивого князя Юрия Долгорукого, из Турова явился в Новгород за помощью против Юрия, дерзко оскорблявшего Мстиславичей. Новгородцы зашумели, вызываясь защищать Изяслава против Юрия. Блаженный князь Всеволод не желал иметь дело с дядей, а святитель Михаил отговаривал новгородцев от похода, указывая на опасности зимнего похода. Но, в конце концов, Всеволод должен был подчиняться желанию новгородцев и идти в поход против суздальцев и ростовцев.

[1327] - Вышгород – небольшой город близ Киева.

[1328] - Полоцк – ныне уездный город Витебской губернии, при впадении р. Полоты в Западную Двину. Полоцкое княжество

занимало большую часть Витебской губернии, части Могилевской, Минской и Виленской губерний.

[1329] - Это было в 1192 году.

[1330] - Севастия Армянская – на северо-востоке Малой Азии.

[1331] - Евдоксий занимал патриаршую кафедру в Антиохии с 357 по 358 г.

[1332] - Македоний I, патриарх Константинопольский, занимал патриаршую кафедру в 341 г.; потом как еретик был низвержен, но несколько раз захватывал в свои руки патриаршую власть до 360 г. Македоний нечестиво учил о Святом Духе, что Он вот служебная тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына.

[1333] - Император Констанций царствовал с 337 по 361 г.

[1334] - Евдоксий патриаршествовал в Константинополе с 360 по 370 г.

[1335] - Феодорит, епископ Кипрский, – один из замечательнейших учителей Церкви и знаменитый церковный историк V века. Вышеозначенное событие описано им в его церковной истории.

[1336] - Савеллий неправильно учил о таинстве Пресвятой Троицы, утверждая, что Бог есть одно Лицо: как Отец – Он на небе, как Сын – на земле, как Святой Дух – в тварях.

[1337] - Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 г.

[1338] - Иовиан царствовал с 363 по 364 г.

[1339] - Валент царствовал с 364 по 378 г.

[1340] - Грациан царствовал с 383 по 392 г.

[1341] - Флавиан патриаршествовал с 381 по 404 г.

[1342] - Разумеется святой Симеон, первый столпник, память которого празднуется Церковью 1 сентября.

[1343] - Феодосий Великий воцарился в 379 г. и царствовал до 395 г.

[1344] - В 381 г. На этом соборе осуждена была ересь Македония, и Никейский Символ веры был дополнен и закончен новыми пятью членами Символа.

1345 - Святой Мелетий, патриарх Антиохийский, скончался в 381 г. во время II Вселенского собора. Святой Григорий Нисский, пред лицом собора, почтил память святого Мелетия похвальным словом, а святой Златоуст то же сделал по вступлении своем в сан священства. От святого Мелетия сохранилась беседа, трактующая, главным образом, об единосущии Сына Божия с Богом Отцом и письмо к императору Иовиану, представляющее его исповедание Святой Троицы. Мощи святого Мелетия были перенесены из Константинополя в Антиохию.

1346 - Отец св. Алексия митрополита, боярин Феодор Бяконт, перешел в Москву оттого, что край Черниговский, опустошенный Батыем, не переставал терпеть нападения от хищных набегов. Под защитой же крепкого и благочестивого князя Даниила Александровича нашел он мирную и покойную жизнь. Святой Алексий родился в 1300 году.

1347 - Князь Даниил Александрович, младший сын св. Александра Невского, основатель самостоятельного Московского княжества и родоначальник князей московских (1261–1303 гг.) – Впоследствии он причислен Церковью Русской к лику святых, и мощи его, обретенные нетленными в 1652 г., доныне открыто почивают в храме созданного им на берегу Москвы-реки Данилова монастыря.

1348 - Впоследствии великий князь Московский Иоанн Даниилович Калита с 1328 по 1340 г.

1349 - Это было в 1320 г. Богоявленский (1-классный) монастырь в Москве основан в 1296 г. при князе московском Даниле Александровиче.

1350 - Великий князь Московский Симеон Иоаннович Гордый княжил с 1340 по 1353 г.

1351 - Св. Феогност управлял Русской Церковью с 1328 по 1353 г. Он окончательно утвердил пребывание митрополитов русских, вместо Владимира, в Москве.

1352 - Владимир на Клязьме, престол митрополичий, до святителей Петра и Феогноста. Св. Алексий был посвящен в епископа Владимирского в конце 1352 года. Еще за 12 лет

перед тем митрополит Феогност повелел Алексию жить в святительском дворе его и заведовать судебными делами Церкви, причем для св. Алексия при постоянных непосредственных сношениях со святителем греком открылись и нужды и средства прекрасно познакомиться с греческим языком.

1353 - Великий князь Московский Иоанн II Иоаннович княжил с 1353 по 1359 г.

1354 - Патриарх Филофей управлял Константинопольской Церковью с 1354 по 1355 г., и потом вторично с 1362 по 1376 г.

1355 - Св. Алексий, митрополит Московский, управлял Русской Церковью с 1354 по 1378 г.

1356 - Димитрий ВВ Иоаннович, великий князь Донской, родился 12 октября 1350 г.; с 1362 г. получил великое княжение; построил каменный Кремль в Москве; княжил 27 лет, жил 40 лет. Он победил хана Мамая на Дону 8 сентября 1380 г.; скончался 19 мая 1389 г.

1357 - Признательный хан дал святителю в знак почести перстень, который доселе хранится в патриаршей ризнице.

1358 - Димитрий Константинович был великим князем с 1359 по 1363 г.

1359 - Этот монастырь был обетный. Когда святитель Алексий отправлялся в Константинополь для посвящения в сан митрополита Киевского и всея России, то на возвратном оттуда пути, подвергся бедствию, так что сама жизнь его была в опасности: на море поднялась страшная буря, и корабль каждую минуту готов был исчезнуть в волнах. Все бывшие с митрополитом отчаивались в спасении. Между тем святитель усердно молился Богу, причем дал обет соорудить храм во имя того святого, которому будут праздновать в день высадки пловцов на берега. Господь услышал молитву святителя. Настала тишина, и корабль пристал к берегу 16 августа. Во исполнение этого обета св. митрополитом Алексием и был основан около 1360 года вышеупомянутый монастырь в честь Всемилостивого Спаса, Нерукотворенного Его Образа. В деле созидания монастыря много помогал святителю преп. Андроник,

ученик преп. Сергия, почему он и получил наименование Спасо-Андроникова (Андрониева) монастыря; ныне – второклассный монастырь. В монастыре и теперь хранится Нерукотворенный Образ Спасителя, привезенный св. Алексием из Царьграда, украшенный богатой ризой.

[1360] - Память преп. Андроника совершается 13 июня. Мощи его почивают в созданном им совместно со святителем Алексием Спасо-Андрониковом монастыре.

[1361] - Воспоминание чуда, бывшего в Хонех, празднуется 6 сентября.

[1362] - Чудов монастырь (кафедральный) основан в 1365 г. в память чудесного исцеления татарской царицы Тайдулы.

[1363] - В духовной литературе св. Алексий митрополит оставил после себя грамоты, поучения и переводы. В Московском Чудовом монастыре хранится переведенное им с греческого и собственноручно написанное Евангелие.

[1364] - Это было 20 мая 1431 г.

[1365] - Северо-западная провинции Малой Азии.

[1366] - Преподобная Мария, переименовавшаяся Марином, отец ее Евгений скончались в начале VI века.

[1367] - Святой Антоний родился около 829 г.

[1368] - Св. Антоний II (по прозвищу Кавлей) вступил на патриарший Константинопольский престол в 893 г. и патриаршествовал до самой кончины своей, последовавшей в 895 г.

[1369] - Кесария – большой город в Палестине, при Средиземном море; там имели местопребывание Римские прокураторы.

[1370] - Т.е. был в опасности отказаться от здравых и поддерживающих меня помыслов, и подвергнуться величайшему поползновению. – Ногами и стопами пророк называет, – как объясняет блж. Феодорит, – помыслы.

[1371] - Прп. Павла вдова подвизалась в Вифлееме 20 лет, от 384 года; скончалась 26 января 404 года.

[1372] - Город в Греции; теперь столица греческого королевства; в древности этот город славился своею ученостью.

[1373] - Святой Мартиниан скончался в конце IV или начале V века.

[1374] - Святой Симеон, до своего иночества, был великим сербским жупаном (князем) и назывался Стефан Неманя. Он объединил большую часть сербских земель и доставил им политическую независимость. Во время своего правления он много потрудился, защищая свой народ от влияния латинства, арианства и других ересей. Супруга Стефана Неманя, благочестивая Анна, последовала примеру мужа, приняла иночество и поселилась в одном из женских монастырей.

[1375] - Преподобный Симеон скончался 86 лет, 13 февраля 1200 года.

[1376] - Император Тиверий II царствовал от 578 до 582 г.

[1377] - В письмах св. Григория Двоеслова к св. Евлогию читаем драгоценные свидетельства о благоплодной деятельности Александрийского архипастыря. По словам св. Григория, учение св. Евлогия «значительно уменьшило число врагов Церкви и умножило стадо Господне».

[1378] - Сочинения его известны ныне почти только по выпискам патриарха Фотия. Почти все они писаны по случаю современных ему споров: 1) относительно соединения двух естеств во Христе Иисусе; 2) шесть книг против Новатиан; 3) три книги против самарян, и другие. Из многих бесед святого Евлогия дошла до нас в целом виде только одна – на неделю Ваий.

[1379] - Феодосий Младший царствовал от 408 до 450 года.

[1380] - Комитами назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту. Со времен Константина Великого титулом всех придворных и государственных чинов, хотя бы они и не принадлежали к императорской свите.

[1381] - 4-й Вселенский собор происходил в 451 году.

[1382] - Святой Авксентий скончался в царствование Льва Великого, около 470 года.

[1383] - Торопец – уездный город Псковской губернии.

[1384] - Локоть или лакоть – мера длины, равная 10,5 вершкам.

[1385] - Свита или свитка – верхняя простая грубая одежда.

[1386] - Веелзевул – идол Аккаронский в Палестине, начальника над житницами и съестными припасами, который отгонял мух и других гадов. В Матф.12:24 и Лк.11:15) называется он князем бесовским.

[1387] - Мотыга – кирка, заступ, железная лопатка.

[1388] - Преподобный Исаакий преставился в XII веке. Мощи его открыто почивают в пещерах преодобного Антония, а часть их перенесена из Киева в Торопец игуменом Кудина монастыря в 1711 году.

[1389] - Гора эта находилась недалеко от города Кирра в Сирии, на два дня пути от Антиохии в Евфратской епархии.

[1390] - Скончался в IV веке. – Ученики Марона были: Иаков Отшельник, Лимний – 22 февраля, Домнина – 1 марта.

[1391] - Феодосий I Великий царствовал с 379 по 395 год. Он управлял восточною частью Римской империи.

[1392] - Остров Кипр находится в восточной части Средиземного моря; это – гористый, в древности весьма плодородный остров. Во время благовестнических путешествий Апостола Павла 13:4–12). С 16-го века остров находится во власти турок.

[1393] - Ливанская горная цепь тянется по берегу Средиземного моря от северных границ Палестины на север.

[1394] - Город Карр находился в Месопотамии в верховьях реки Евфрата, на берегу одного из его притоков (Ховаре), несколько южнее города Едесы.

[1395] - Император Феодосий II Младший царствовал от 408 до 450 года.

[1396] - Колоссы – город в юго-западной части Фригии, области Малой Азии, при реке Ликусе, близ Лаодикии и

Иераполя. В 10-й год царствование Нерона (64-й г. по Р. Х.) Колоссы были разрушены землетрясением; после снова были выстроены, но уже никогда не достигали прежней славы. Впоследствии город назывался Хоны. Ныне это небольшая деревенька на одном из склонов горы Хонас, при которой сохранились еще развалины древнего города. Одно из посланий св. Ап. Павла написано к жителям этого города.

1397 - Главный город Римского государства; лежит в средней части Италии по обеим сторонам реки Тибра при впадении ее в море.

1398 - Испания в древности обнимала нынешяюю Испанию и Португалию вместе. На севере она отделяется от Франции Пиринейскими горами; к востоку граничит с Средиземным морем; к югу с Средиземным морем и Гибралтарским проливом; к западу – с Атлантическим океаном.

1399 - Патры – древний город на северном берегу Пелопонесса; был одним из 12 самостоятельных городов Ахейской области; императором Августом обращен в римскую колонию; в 1205–1408 гг. был главным городом франкского герцогства Ахейскаго; в 1463 году достался в руки туркам; в настоящее время город в королевстве греческом близ входа в Лепантский (Коринфский) залив.

1400 - Ефес, при Эгейском море, важный торговый город Малой Азии. Приморское положение, хороший климат, прекрасная гавань, знаменитый храм Дианы – делали его одним из самых богатых и знаменитых городов малоазийских. Евангелие здесь проповедовали святой Апостол Павел .

1401 - С 98 г. по 117 г.

1402 - Святой Онисим указывает здесь на одно из вопиющих противоречий, существовавших в языческой религии, взятой вместе без различие места и времени: в одной местности почитали животное за бога, а в другой не выделяли его из ряда четвероногих и приносили в жертву какому-либо божеству.

1403 - Путиолы – приморский город Кампании, области средней Италии.

1404 - Около 109 года.

[1405] - В Сирии.

[1406] - Преподобный Евсевий скончался около 400 года.

[1407] - Кесария-большой город в Палестине, при Средиземном море.

[1408] - Берит – нынешний Бейрут – главный город азиатско-турецкого вилайета Сирии, важнейший торговый пункт сирийского прибережья между Саидом и Тарабулом Яриполисом.

[1409] - Одним из главных занятий святого Памфила было сличение и исправление рукописей Священного Писания, текст которого был в то время значительно поврежден переписчиками. Его заботами и трудами была собрана в Кесарии обширная библиотека. Блаженный Иероним очень уважал мученика Памфила и, нашедши некоторые рукописи его, считал себя богаче Креза.

[1410] - Греческое название филистимского города Иавнеи, между Экроном и морем; ныне – это большое село с наименованием Иевна.

[1411] - Киликия – юго-восточная береговая страна Малой Азии.

[1412] - Это было в 309 году.

[1413] - Тагрит, или по греч. Мартиропол, до времен Юстиниана принадлежал к греческой империи и был пограничным ее городом с Персидскою империею.

[1414] - Персидский царь Издегерд I царствовал с 399 по 420 г.

[1415] - Маруф оставил после себя довольно много сочинений на сирском языке, которые доселе не все изданы. Особенно заслуживают известности: 1) неизданный его Толкование на Евангелие; 2) История мучеников Персидских; 3) Левни Маруфы; 4) Литургия, его и 5) 73 правила Собора Никейского с описанием деяний сего собора. Мощи святого Маруфа были впоследствии перенесены в Египет и положены в скитском монастыре Богоматери.

[1416] - Под Максимианом здесь разумеется Максимиан Галерий, зять императора Диоклетиана (284–306), соправитель его на Востоке, и после – его преемник (305–311). Максим Дака

был соправителем Максимиана Галерия, которому он доводился племянником. От своего дяди он получил во владение Сирию и Египет с титулом цезаря. Царствовал почти одновременно с Галерием (305–313).

[1417] - Тирон – слово римское, значить: новобранец, воин новый.

[1418] - Препозит – слово латинское, значит начальник.

[1419] - Амасия – сильно укрепленный город в Понте, по обоим берегам Ириса, бывшая столица понтийских царей. Понт – северо-восточная область Малой Азии, тянувшаяся по берегу Черного моря или Понта Эвксинского, как это море называлось в древности. Таким образом, Понтийская область от моря получила свое название.

[1420] - Наименование Второго Лица Святой Троицы Словом заимствовано у Евангелиста Иоанна Богослова. Свое Евангелие евангелист Иоанн начинает вдохновенными строками о Боге-Слове, прежде век бывшем с Богом Отцом, – Слове, «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан. 1:1–3).

[1421] - Здесь разумеется языческая богиня Цибела, дочь неба (Урана) и земли (Геи); она почиталась как великая матерь богов, так как греческая мифология считала ее матерью олимпийских богов с Зевсом во главе.

[1422] - Евхаиты – незначительный город, находившийся в Понтийской области, близ Амасии.

[1423] - Юлиан вступил на царство в 361 году и царствовал до 363 года. Воспитанный в христианской вере, он, как только сделался императором, отрекся от христианства и перешел на сторону язычества. За это он и называется «Отступником».

[1424] - Святитель Евдоксий занимал Константинопольскую кафедру с 340–341 год.

[1425] - Коливо, иначе кутия, или сочиво – скудное кушанье. Оно состоит из сухих зерен пшеницы, чечевицы и ячменя, – что размочив водою едят с медом.

[1426] - Празднование в память чудесного явления архиепископу Евдоксию великомученика Феодора начинается в

навечерие субботы – в пятницу на литургии по заамвонной молитве. В это время и совершается благословение колива вместе с пением молебного канона великомученику, составленного святым Иоанном Дамаскиным. В субботу Церковь постановила читать похвальное слово святому Феодору и петь канон Иоанна, митрополита Евхаитского.

[1427] - Лидия и Мизия – северо-западные области Малой Азии.

[1428] - Иераполь Фригийский находился в южной части Фригии (в средней части Малой Азии), в древности довольно значительный город, славившийся ломкою мрамора и теплыми источниками. Ныне здесь одни развалины, и место это служит пристанищем для прокаженных.

[1429] - Ликаония – одна из серединных областей Малой Азии, граничащая с Фригией.

[1430] - Разумеется Максимин Даза, царствовавший в Сирии и Египте с 305 по 313 г.

[1431] - См. Об этом подробное повествование Житиях Святых за 10 декабря.

[1432] - Византийский император Василий I Македонянин царствовал с 867 по 869 г.

[1433] - Внешней философией назывались произведения языческих философов – Платона, Аристотеля, Пифагора и других, т. е. тех писателей, которые, по вере, находились вне Церкви Христовой.

[1434] - Архидиакон – старший или первый диакон. При каждой епископской кафедре было по одному архидиакону. В древней Церкви должность архидиакона почиталась очень почтенной, и архидиакон был одним из самых приближенных лиц к епископу. Часто в епископы избирались архидиаконы, как это можно видеть на примере святого Афанасия Великого, Льва, папы Римского, и многих других. Ныне архи-диаконами называются первенствующие иеродиаконы, т. е. Диаконы монашествующие в больших монастырях, особенно ставропигиальных, и кафедральных соборах. Звание это дает только первенство чести, а не власти, потому что архидиакон не есть начальник

диаконов, а только первый из них по месту в служении и собранияхъ.

[1435] - Папа Сикст III-й занимал римскую кафедру с 432 по 440 г

[1436] - Гунны-азиатский народ, вторгшиеся в конце 4-го века в Европу и произведший в ней значительные опустошения, разрушая города и целые царства. В Европе свое местопребывание гунны утвердили в долине реки Тиссы, притока Дуная, в теперешней верхней Венгрии. Время правления Аттилы (433–454) представляет собою блестящий период гуннского могущества. Аттила держал в постоянном страхе византийского императора, заставил его выплачивать огромную дань и предоставить гуннам все земли на юг от Дуная. В 440 г. Аттила во главе 500 000-ной рати двинулся на Запад. Предавая всё огню и мечу, он прошел всю Германию до Рейна, потом переправился через эту реку и разрушил целый ряд городов. На юге Франции он получил, однако, отпор и принужден был возвратиться в Германию. В 452 г. он предпринял новый набег – на сей раз на Италию. Риму и всей Италии грозила опасность сделаться жертвою врагов; но Аттила остановил свое победное шествие и, после переговоров с папою Львом Великим, возвратился назад. Вскоре же после этого похода Аттила умер.

[1437] - Несторий, патриарх Константинопольский, занимавший кафедру с 428 по 431 г., проповедовал еретическое учение о том, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а – человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный, за. святость жизни, особенной благодати Божией, и спасающей нас не искупительною смертью, а наставлениями и примером жизни. За эту ересь Несторий отлучен от Церкви на III Вселенском соборе и умер в ссылке 436 года.

[1438] - Занимал Александрийскую патриаршую кафедру с 444 по 451 г.

[1439] - Ефес – город на западном берегу Малой Азии, бывший первоначально центром малоазийских греческих колоний, а во времена императоров – один из главных городов

Малой Азии. В Ефесе провел остаток жизни и скончался святой Апостол Иоанн Богослов, также имел заседание III Вселенский собор.

[1440] - Это было в 449 году.

[1441] - Царствовал с 408 по 450 г.

[1442] - Царствовал с 460 по 467 г.

[1443] - Халкидон – предместье Константинополя, находился против него, на азиатском берегу Босфора.

[1444] - Заседание собора открылись 8 октября 451 года.

[1445] - Ливия – провинция в северной Африке, смежная с Египтом, тянущаяся на запад от него, по берегу Средиземного моря и вглубь Африки.

[1446] - Кувикуларий – спальник, постельничий.

[1447] - Ср. «И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много» (Марк 12:41–44).

[1448] - Императора Маврикий занимал престол с 582 по 602 г. Император Фока – с 602 по 610 год.

[1449] - Византийский император святой Лев I царствовал с 457 по 474 год.

[1450] - Кончина святого Льва, папы Римского, последовала в 461 году. Мощи его почивают в пределе его имени в Ватиканском соборе святого Апостола Петра. После папы Льва осталось до ста слов и до 140 писем – догматического и нравственного содержания. Все эти сочинения отмечены духом строго выдержанного православного учения. Так в известном послании к Константинопольскому патриарху Флавиану на 4-м Вселенском соборе, святой Лев высказывает такие мысли о воплощении Бога: «Божество восприяло нашу немощь, не нарушив свойств ни того, ни другого. Истинный Бог явился в истинном и совершенном естестве истинного человека, весь с тем, что свойственно Ему, и весь в том, что свойственно нам. Человек не уничтожается величием Божества. Та и другая природа действует при взаимном общении свойственным себе образом». Нравственное учение папы Льва также заслуживает особенного внимания. Святой Лев часто убеждал паству свою

творить дела милосердия. Долг милосердия, говорил он, определяется не по мере благ, а расположением сердца. Богатые сами должны отыскивать бедного и помогать ему. Бог для того и дает богатство, чтобы оно текло к бедному. Говоря о молитве, святой Лев убеждает обращаться за помощью к ходатайству святых и заповедал чтить святые мощи.

[1451] - Здесь разумеется церковь святой Софии, Премудрости Божией – соборный храм столицы, в котором была утверждена кафедра Константинопольских патриархов.

[1452] - Здесь разумеется инок Софийского монастыря в Константинополе – Никифор Каллист, умерший около 1350 г., его «Церковная история» доведена до кончины византийского императора Фоки (611 г).

[1453] - Евагрий Схоластик, автор церковной истории, обнимающей время с 431 г. по 594 г., между 537 и 594 годами.

[1454] - Это было в 448 году.

[1455] - Смысл слов Евтихия, очевидно, тот, что в момент зачатия два естества – Божеское и человеческое – имели каждое самостоятельное значение и были отличны; но это был только один момент; когда же, при воплощении Бога, Божество соединилось с человечеством, то последнее было поглощено первым и во Христе стало одно естество.

[1456] - Валентин – еретик, живший в первой половине II века. Он не признавал существование в Спасителе телесной природы и таким образом не считал его полным, совершенным человеком. Аполлинарий жил в IV веке. В противоположность Валентину он учил, что Христос имеет тело, но о соединении в Нем Божества с человечеством Аполлинарий мыслил очень своеобразно. Думая, что совершенный человек и совершенное Божество не могли соединиться в одно лицо, Аполлинарий учил, что Христос имел только две части человеческого существа – тело и душу, третью же часть – дух – заступал в нем Божественный Логос (Слово). Таким образом он также не считал Христа совершенным человеком. У Евтихия есть точки соприкосновения и с Валентином и с Аполлинарием. Так как, по его учению, человечество поглощено во Христе Божеством, то

Христос есть только Бог, а не Богочеловек, человечество Его является уже не действительно существующим, но чем-то воображаемым; а это довольно близко подходит к представлению Валентина, который учил, что человеческое тело Христа было не действительное, а только призрачное. С другой стороны учение о поглощении человечества Божеством очень напоминает учение Аполлинария о том, что во Христе высшая часть человеческого существа – дух – была заменена Божественным Логосом.

1457 - Новым Римом назывался Константинополь.

1458 - Патриарх Александрийский Диоскор занимал патриаршую кафедру с 444 по 451 год.

1459 - Собор открылся 8 августа 449 года. Он состоялся в той же церкви Ефеса, в которой заседал 18 лет пред тем 3-й Вселенский собор.

1460 - Комитами назывались спутники (свита) высшей чиновной особы в провинциях, а позднее и спутники императоров.

1461 - Икония – город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии; был некогда главным городом Ликаонии – провинции, лежащей в средней части Малой Азии.

1462 - Святой Анатолий занимал патриаршую кафедру в Константинополе о 449 по 458 год.

1463 - Это было в 451 году.

1464 - Заседание собора открылись 8 октября 451 года. К этому времени Феодосий скончался, и императорский престол в Византии занимал Маркиан (царствовал 450–457 г.), который, сделавшись императором, женился на Пульхерии

1465 - Каппадокия, восточная малоазийская область Римской империи, граничила на востоке с Арменией, на севере – с Понтом и на юге – с Киликией.

1466 - Император Диоклетиан (284–305) для более успешного управления обширной Римской империей в начале своего царствования избрал себе соправителей, в числе которых с 285 года был Максимиан Геркул.

[1467] - Император Ликиний, с 311 года преемник императора Галерия, был правителем восточной части Римской империи, соправителем Константина Великого.

[1468] - Память их празднуется так же, как и память преподобного Агапита

[1469] - Город Синада находился во Фригии.

[1470] - Город Ираклия, или Гераклея, нахолился в Вифинии на берегу понта Евксинскаго, ныне Черного моря.

[1471] - Город Силандея или Селена находился в фригийской области у истоков реки Меандры, впадавшей в Эгейское море.

[1472] - Кончина святого Агапита относится к IV веку.

[1473] - Преподобный Серид жил в VI веке и был основателем Палестинской обители близ города Газы. Память его в субботу сырную. Основанная им обитель являла собою такой вид общежительного монастыря, в котором братия не только стоят, но и одежду и т. п. получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а со своей стороны весь свой труд и его плоды предоставляют обязательно на общую потребу монастыря. Такие обители и назывались киновиями.(от греч. Слова – общежительные).

[1474] - С какою любовью исполнял преподобный Дорофей такое послушание, показывают собственные слова его: «в то время я только что встал от болезни тяжкой. И вот приходят странники вечером, я проводил с ними вечер, – а там погонщики верблюдов – и им приготовлял я нужное; много раз, когда отходил я спать, встречалась другая нужда и меня будили, а затем приближался час бдения».

[1475] - Гефсимания – селение или место за потоком Кедронским, при подошве горы Елеонской, где был сад, куда Господь часто удалялся с учениками Своими, и где Он был предан Иудою (Мф. 26:36; Иоан.18:1–3). Гефсимания – по-русски значит: место маслин, или точило для выжимание сока из маслин. Сад Гефсиманский и теперь еще показывают при подошве горы Елеонской – с южной ее стороны; в саду указывают и место Гефсиманской молитвы Господа пред

Голгофскими страданиями, равно как и погребальный вертеп Богоматери, где теперь находится гроб Ее.

[1476] - Строитель – иначе домостроитель, домоправитель, казнохранитель, эконом, или же ключник. Так назывались иноки, заведывавшие монастырским хозяйством!

[1477] - Готы – были полудиким народом, германского происхождения, который жил первоначально к юго-востоку от Балтийского моря. В эпоху великого переселение народов (V в.) Готы распространились к югу, и некоторое время грозили Византийской империи. В это же время, а также и позднее из готов было немало наемников, служивших в войсках греческого императора, а потому народ этот был известен даже в Палестине.

[1478] - Скончался в VII в.

[1479] - Колоссы – город в юго-западной части Фригии (область Малой Азии), при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В древности был большой, населенный, богатой город. В настоящее время это небольшая деревенька на одном из скатов Хокас, при которой сохранились еще развалины древнего города Колоссы.

[1480] - Во времена Апостолов христиане не имели особых мест для молитвенных собраний. Обыкновенно для этого служила какая-нибудь самая лучшая горница, по большей части, в доме какого-нибудь состоятельного из верующих, и в ней-то собирались все христиане города для совершения таинства Евхаристии и общественных молитв. Таким образом, простая горница являлась как бы храмом. Первообраз такого храма-горницы мы имеем в известной Сионской горнице, в которой, по преданию, была совершена Тайная вечеря Господом Иисусом Христом пред Своими страданиями, и в которой по вознесении Господа собирались Апостолы, получив в ней, в пятидесятый день, по воскресении Его, дары Святого Духа, сошедшего на них.

[1481] - Газа – один из самых древнейших Филистимских городов, служивший пределом Хананеев на юге Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял всё свое значение,

и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал некогда значительный город. Недалеко отсюда расположен новый город, позднейшего происхождения, того же имени.

[1482] - Артемида, иначе Диана – известная языческая богиня у греков и римлян, которая олицетворяла собою луну и считалась покровительницею лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с большим великолепием и блеском; особенно чтили ее в городе Ефесе.

[1483] - Апостолы Архипп и Филимон и святая жена Апфия скончались в царствование римского императора Нерона (54–68 г.). Память их празднуется Церковью также и 22 ноября.

[1484] - Город Самосаты находился в Сирии и расположен был на правом, западном берегу реки Евфрата, в его верховьях.

[1485] - Финикия находилась к северу от Палестины и лежала между Средиземным морем и Ливанскими горами.

[1486] - Зенон царствовал с небольшими перерывом с 474 по 491 год. В его царствование происходила борьба православных с еретиками монофизитами, и он принимал в этой борьбе деятельное участие, стараясь дать перевес и торжество представителям православного учения церкви.

[1487] - Берит, ныне Бейрут, был приморским городом Финикии и расположен близ устьев реки Магоры.

[1488] - Император Анастасий управлял империей с 491 по 518 год.

[1489] - Юстиниан вступил на престол после Юстина в 527 году и царствовал до 565 года.

[1490] - Главный великий собор Константинополя во имя Софии – Премудрости Божией, который первоначально был создан Константином Великим. При императоре Юстиниане он был великолепно возобновлен и расширен в 537 году. В 1453 году при взятии Константинополя турками, он обращен в мечеть. Юстиниановский храм св. Софии представляет и поныне замечательнейший, величественнейший памятник христианской архитектуры Византийского стиля, самой цветущей эпохи его развития.

[1491] - Святой Равула скончался около 530 года.

[1492] - Аравия – каменистый полуостров на юго-западе Азии. Оасим представлял собою один из оазисов аравийской пустыни.

[1493] - Кончина святых относится к 363 году.

[1494] - Память трех из них Максима, Феодота и Асклипиодоты (иначе Асклиады празднуется еще 15 сентября.

[1495] - Равенна – ныне итальянская провинция у Адриатического моря.

[1496] - Лев IV Мудрый (717–741); сын его Константин царствовал от 741 до 775 года.

[1497] - Сиракузы – одна из первых греческих колоний на восточном берегу острова Сицилии, основана, по преданию, коринфянами около 735 г. до Р. Х. Ныне Итальянская провинция.

[1498] - Намек на слова Христовы: «не двенадцать ли часов во дне? Кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним» (Иоан. 11:9–10).

[1499] - Литра – название веса. Еврейская литра заключала в себе 72 золотника. См. 3Цар. 10:17.

[1500] - Агафон, папа римский, правил Церковью Римскою с 679 до 682 г. Погребен 10 января.

[1501] - В Малой Азии, на границе Фригии и Вифинии.

[1502] - Они жили в городе Кромне, в Пафлогонии, при Чермном море.

[1503] - Город Амастрида находился в Пафлогонии, одной из северных малоазийских провинций Римской империи, расположенной между Вифинией и Понтом по берегу Понта Евксинского, ныне Черного моря.

[1504] - Святой Георгий скончался 3 марта в царствование Никифора Логофета (802–811 гг.). При гробе его совершалось много чудес.

[1505] - Город Антиохия для христианской Церкви имеет особенно важное значение, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства, и так как в Антиохии же

возникла первая христианская Церковь из язычников. Основана была Антиохия за 300 лет до Рождества Христова сирийским царем Селевком Никатором, который основал и еще более десяти городов с именем Антиохия, чем он желал увековечить имя своего отца Антиоха. А эта столичная Антиохия, для отличия ее от прочих, называлась Антиохия-Епидафна, то есть близ храма и рощи Дафны; она также отличалась названием Антиохии на Оронте, по имени реки, на берегу которой она находилась верстах в 10 от впадения в Средиземное море. Цари сирийские и императоры римские очень заботились об украшении этой Антиохии, так что она поражала великолепием и роскошным блеском своих построек, которые от востока к западу, на протяжении 15 верст, пересекала аллея, украшенная двумя рядами колонн, представлявших крытый ход по обеим сторонам открытой вымощенной дороги… Население было смешанное: были и иудеи; жизнь велась веселая, оживленная; поэты, риторы, философы, ученые, гадатели щедро предлагали там свои умственные труды, вообще культура языческая процветала, но извращенная… В самом начале своего появления христианство озарило Антиохию Божественным светом своего учения; там нашли убежище те первые христиане, которые после убиения архидиакона Стефана, избегая его участи, должны были скрыться из Иерусалима, и начатая ими проповедь в Антиохии признана была столь потребною, что иерусалимской Церковью поручено было Апостолам Варнаве с Павлом утвердить там веру; они «научили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами» (Деян 11:20–26). В Антиохии же возникла первая христианская миссия; Апостол Павел совершал оттуда свои миссионерские путешествия; Церковью управлял там еще и Апостол Петр. А после падения Иерусалима Антиохия заняла первое место в азийской Церкви и значение ее равнялось с Римом, Константинополем и Александриею. В Антиохии процветала знаменитая богословская школа, давшая многих выдающихся учителей Церкви, которые защищали христианство против язычества, иудейства и еретиков; там же происходило много соборов

пастырей Церкви во времена еретических распрей... В тринадцатом веке Антиохия совсем разрушена была египетским султаном, и теперь на ее месте находится жалкий грязный турецкий городок Антакия, только этим искаженным названием напоминающий о былом шестнадцативековом славном бытии долго знаменитой Антиохии на Оронте... Но и в настоящее время Антиохийский христианский патриарх занимает важное третье место среди патриархов восточной Церкви и носит титул «патриарха всего Востока».

[1506] - Имя Евстафий греческое, оно значит «постоянный», твердостоящий.

[1507] - Сид был важным портовым городом в Памфилии, области, составлявшей прибрежную часть Сирии, в южной части Малой Азии, у подножия Таврских гор.

[1508] - Берия была городом в Сирии, Малоазийской области на восток от Средиземного моря.

[1509] - В правиле св. Василия Великого говорится, что древние отцы Церкви еретиками называли «совершенно отторгшихся и в самой вере отчуждавшихся».

[1510] - Александрия – знаменитый город в Египте, основанный за 300 лет до Рождества Христова Александром Великим на берегу Средиземного моря. Александрия славилась наукой и торговлей, а с начала четвертого века стала важным центром Церкви христианской и богословской образованности. Знаменитая Александрийская богословская школа привлекала к себе слушателей не только из христиан, а также из язычников.

[1511] - Арий, бывший еще диаконом Церкви в Александрии, был отлучен святым Петром, епископом Александрийским; но преемником св. Петра, престарелым епископом Ахиллом, Арий был помилован, восстановлен в диаконстве и даже посвящен в пресвитеры. Арий занял тогда важное место в Александрии; он был в многолюдном приходе Вокалис председателем, преподававшим вероучение христианское. Арий был учен, безупречен в нравственности житейской, вид имел суровый, рост высокий, поступь имел важную и вся его наружность способствовала к обольщению многих. Одежда его походила на

монашескую; он всегда носил тунику без рукавов и очень узкую мантию, а его мягкая речь, притворно вежливое обращение и ласкательства, расточаемые, когда ему было это нужно, привлекали к нему слушателей. Когда после отлучения Ария Вселенским собором опять решено было, по происками его единомышленников, обратно принять его в 336 г. в лоно Церкви, Арий, не доходя до храма, скоропостижно захворал, внутренности его вывалились и он умер на площади.

[1512] - Филарета, архиепископа Черниговского, Православное Догматическое Богословие, изд. 1865 г., ч. 1, с. 164. И «Учение об отцах Церкви», изд. 1859 г., т. 2, с. 13.

[1513] - Святой Александр, ревностный защитник православия, бывший епископом Александрийским с 313 до 328 года и прославившейся твердостью в вере. На I Вселенском Никейском соборе в 325 г. он был влиятельным поборником православия вместе со святым Евстафием Антиохийским и со святым Афанасием, которого потом назначил по себе преемником в Александрии. К святому Евстафию, как к известному защитнику православия, св. Александр писал послание об Арии.

[1514] - Исповедниками называются в христианской Церкви те лица, которые во время гонений за веру открыто исповедовали христианство и претерпели за это мучения, но остались в живых. Они пользовались особым уважением среди христиан и им по преимуществу поручалось воссоединение с Церковью падших и отрекавшихся.

[1515] - Никея была главным городом Вифинии, северо-западной провинции Малой Азии, завоеванной римлянами за 75 лет до Рождества Христова. В древности Никея была богатым и цветущим городом, а ныне на ее месте бедный городок Исник.

[1516] - Святой Афанасий Великий, епископ Александрийский, утверждает, что I Вселенский собор представлял собою «всю» нашу вселенную, потому что приглашения императора Константина на этот собор были сообщены епископам, находившимся и вне пределов Римской империи, чем и

объясняется присутствие на этом соборе епископов Персии и Скифии, стран, не входивших в состав Римской империи

[1517] - Философ значит: любитель мудрости. Философами называются люди, посвятившие себя исследованию высших вопросов бытия о Боге, о начале и законах мира и человека, о конечных целях бытия и тому подобном.

[1518] - На I Вселенском соборе председательствовали поочередно епископы знаменитейших престолов, и первым из этих председательствующих был святой Евстафий Антиохийский. (Подроб об этом в Истории Церкви Д. Б Вл. Геттэ, изд. 1875 г., т. 3 с. 6–7 и 10).

[1519] - Деяния Вселенских соборов, издан. в русск. перев. при Казанск. Дух. Акад. Изд. 1859 г., т. 1, с 86–87.

[1520] - Деяния Вселенск. Собор изд. 1859 г., т. 1, с. 104–106.

[1521] - Деяния Вселенск. Собор, изд. 1859 г., с. 145.

[1522] - Деяния Вселенск. Собор, изд. 1859 г., с. 157, 22, 29 и проч. Собор Никейский, Вселенский первый, по словам церковных историков, был «в консульство Павлина и Юлиана, в 20 день месяца мая, в 636 год от Александра царя Македонского», это был 20-й год царствования Константина Великого и 325 год по Р. Х.

[1523] - Феон, епископ Мармарикский, и Секунд, епископ Птолемаидский, которые отказались подписать Символ веры, утвержденный всем собором.

[1524] - Известный историк Церкви Феодорит, епископ Кирский, родился в Антиохии на Оронте в 390 г., сделан епископом Кирским, в Антиохийском патриархате, в 423 году, а скончался в 457 году; он принадлежал к числу образованнейших архипастырей Восточной Церкви пятого века.

[1525] - Евсевий, епископ Никомидийский, вместе с епископами Менофонтом Ефесским, Патрофилом Скифополисским, Феогнисом Никейским, Нарсисом Нероniадским, Феоною Мармарикским и Секундом Птолемаидским представили опыт Символа веры, составленный по арианским заблуждениям, которые они старались прикрыть выражениями двусмысленными, но эта

уловка была немедленно обнаружена исповедниками правого учения веры, и Символ Евсевия Никомидийского был отвергнут без колебаний, как еретический. Второй опыт Символа, представленный и другим Евсевием, Кессарии Палестинской, был одобрен с тем, чтобы в него было включено слово: «Единосущный». Принято же было собором изложение исповедания веры, представленное Осиею, епископом Кардубским, особенно любимым императором, и названное Никейским символом веры.

[1526] - Это были: Евсевий Никомидийский, Феогнис Никейский, Феона Мармарикский, Секунд Птолемаидский, Феодот Лаодикийский, Павлин Тарский, Афанасий Аназарбский, Аеций Лидский, Григорий Бейрутский, Менофант Ефесский, Патрофил Скифополисский, Марис Халкидонский, Нарсисс Нероniадский.

[1527] - Церковная История блаженного Феодорита, епископа Кирского. Русск. издание С. – Петерб., 1852 г., гл. VIII, с. 46–47.

[1528] - По примеру св. апостолов и на основании правила 31 св. апостолов в Церкви Православной издревле созывались первенствующими епископами главенствующих городов соборы «поместные», частные, из епископов и пресвитеров, подчиненных епископу главного города той страны, для разрешения по правилам и преданию Церкви вопросов и дел, возникающих в пределах той местности касательно вероучения и управления. Постановления таких соборов имеют обязательное значение лишь в той стране или области, из представителей которой состояли члены такого поместного собора.

[1529] - Вот этот Символ исповедания веры по переводу Св. Синода, изложенному в книге Правил св. апостол., св. Соборов и св. отцов. «Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, не сотворена, единосущна Отцу, Имже вся быша, яже на небеси и на земли; нас ради человек, и нашего ради спасения сшедшаго, и

воплотившася и вочеловечшася, страдавша, и воскресшаго на третий день, и восшедшаго на небеса и седяща одесную Отца, и паки грядущаго судити живым и мертвым. И во Святаго Духа. Глаголющих же о Сыне Божием, яко бысть время, егда не бе, или яко прежде неже родитися, не бе, или яко от не сущих бысть, или из иныя Ипостаси или сущности глаголющих быти, или превратима, или изменяема Сына Божия, этих анафематствует кафолическая и Апостольская Церковь». – Текст ныне употребляемого Символа веры был установлен II Вселенским собором в Константинополе в 381 г.

[1530] - Грузия, или древняя Иберия, – страна в Закавказье, составляющая четырехугольник, омываемый с востока и запада морями Каспийским и Черным, с севера ограждаемый Кавказскими горами, а на юге ограниченный рекой Араксом и горой Араратом. Грузия заключала в себе Кахетию, Гурию, Имеретию, Карталинию, Мингрелию, Абхазию, Сванетию, Осетию и Дагестан.

[1531] - Хотя прибытие в Иберию-Грузию именно епископа Евстафия Антиохийского не упоминается писателями греческими, но оно несомненно удостоверено, как всеобщим преданием в Грузии, так и письменными грамотами, жалованными Константинопольскими Императорами и царями Грузинскими Иверскому монастырю на горе Афонской, где они и сохранены доныне. (Краткая История Грузинской Церкви. Составл. П. Иосселианом. Изд. 2-е, С. Пб., 1843 г., с. 13. Житие св. равноапостольной Нины, изд. Афонск. монаст. 1900 г.) .

[1532] - Житие святой равноапостольной Нины Грузин. Изд. 5 1900 г., с. 23–25, Краткая история Грузинской Церкви, составл. Иосселианом. Изд. 2-е, С. Пб., 1843 г., с. 12–14 и 20. По прошествии нескольких лет царь Мириан послал к императору Константину второе посольство с просьбой прислать в Грузию еще больше священников и искусных храмоздателей. Исполняя эту просьбу, Константин Великий послал много золота, серебра и подножие животворящего древа Креста Христова с одним из гвоздей, которыми был пригвожден ко кресту Господь Иисус Христос. Подарены были грузинам еще много икон Христа Спасителя и Пресвятой Богородицы и мощи святых мучеников в

основание храмов. Тогда же и сын Мириана и наследник царства, который находился заложником в Риме, был отпущен к отцу своему; он был ревностным распространителем христианства, воздвигая везде храмы и утверждая веру.

1533 - Савелий был еретик. Сведения о его жизни очень скудны. Жил он около половины третьего века; родом был из Птолемаиды Ливийской. Савелий учил, что Бог есть троица только по имени: Отец, Сын и Св. Дух суть только три имени и три действия одного и того же Лица Бога. В Ветхом Завете Бог является Отцом, дающим законы людям; в Новом Завете Бог явился Сыном, спасающим людей, и продолжает являться, как освящающий людей Дух. Соборами отцов Церкви в Александрии и в Риме во второй половине третьего века учение Савелия осуждено как еретическое.

1534 - Послание импер. Константина к никомидийцам против Евсевия и Феогниса – в Деян. Вселенск. Соборов. Изд. 1859 г., т. 1, с. 199–203.

1535 - Евсевий Никомидийский был другом и товарищем Ария по Антиохийской школе Лукиана, который за неправоверие был отлучен от Церкви. Евсевий же Кесарийский был другом обоих и не только на соборе, но ранее и после везде принимал их сторону, и его считают вождем умеренных ариан. Кесария Палестинская была главным городом в Палестине на восточном берегу Средиземного моря; она получила свое наименование в честь римского кесаря (Октавия) Августа от царя иудейского Ирода, который строил города в честь кесаря. Начало христианства в Кесарии положено было св. Апостолом Петром обращением сотника Корнилия со всем домом его (Деян 10). После разрушения Иерусалима Кесария была местом пребывания епископа, которому подчинена была Церковь иерусалимская до 451 года. Ныне от великолепной Кесарии остались только груды развалин.

1536 - Феодорит, епископ Кирский. Церковная история, изд. 1852 г., гл. 21, с. 84–86.

1537 - История Церкви, изд. по подлинным памятникам. Д. Б. Влад. Геттэ. Изд. С. Пб. 1875 г., т., с. 64–65.

[1538] - Историческ. учение об отцах Церкви, арх. Филарета Чернигов, изд. 1859 г. том II, с. 25. То же свидетельств, и професс. Н. Барсов.

[1539] - Историческ. исследован, «наход. в Деян. святых» (изд. Голландистов) июля кн. IV. И англо-немецко-французское издан., житий св. отцов и мучеников, перев. и обработ. Бутлера, Реса и Вейса, ч. 9, немец, изд. 1824 г.

[1540] - «Стремление сохранить и оградить от повреждений те начала, которые были положены в периоде нераздельной Церкви, обнимавшей восток и запад, – есть именно то, что в Восточной Церкви называется Православием». «Церковь Православная есть та, которая право или неизменно сохраняет учение древней Церкви вселенской и во всем пребывает верною тем началам, какие определены ей основателем ее Иисусом Христом и Его апостолами». (Введение в Православное церковное право. Д. Б. М. А. Остроумова. Т. 1, издан. 1893 г., с. 27–28 и 670).

[1541] - Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Изд. 1896 г., т. 2, кн. 2, с. 646–647 и 649. Похвала святому отцу Евстафию, архиеп. Антиохии великой, – Св. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, знаменитый отец вселенской Церкви половины IV и начала V века, прославившийся особенно своими проповедями и толкованием Священного Писания. За свое необыкновенно блестящее красноречие он назван Златоустым. Родился в 347 году в Антиохии, крещен был на 23 году. Большую часть своей жизни трудился он в сане священника в Антиохии Великой, а в конце IV века поставлен епископом Константинопольским и за этот последний период своего священнослужения претерпел много гонений по влиянию императрицы Евдоксии, супруги императора Аркадия и мученически скончался в ссылке в Армении в 407 году. Ему принадлежит чин литургии, совершающейся в Православной Церкви большую часть года. Память его празднуется 30 января и 13 ноября.

[1542] - Феодорита, епископа Кирского, Церковн. история. Изд. 1852 г. гл. 22, с. 87. История Церкви изд. Вл. Геттэ, изд. 1875 г., т. 3, с. 65. Впоследствии ариане стали называть православных

антиохийцев еще и «кампенсами» (от слова «campus» – поле), так как они собирались для богослужения между прочим и в открытом поле, вследствие того, что ариане, при поддержке мирских властей, захватили и занимали храмы православных. См. творен. блаж. Иеронима Стридонского. Издан. 2-е, 1893 г., ч. 1., с. 55–56 (Жизнь).

[1543] - Св. Иероним пишет, что это была ссылка «за веру» православную. (Хроника Иеронима, год 332). Фракией в древности называлась вся страна на Балканском полуострове на север от Македонии, Эгейского моря и Мраморного, где ныне часть Венгрии, Трансильвания, Бессарабия, Румыния, Болгария, Сербия и восточная часть Румелии. Фракия славилась богатством металлов, пением и музыкой. Римляне покорили ее лет за 20 до Рождества Христова.

[1544] - Похвала св. отцу нашему Евстафию Антиохийскому творен. св. Иоанна Златоустого 1896 г., т. 2, кн. 2, с. 647.

[1545] - Филиппы – город на реке Марице в Македонии, был древней греческой колонией, которой овладел Филипп Македонский, назвавший его Филиппы. Ныне это Филиппополь, по-болгарски Плавдиноград. К христианам этого города филиппийцам Апостол Павел написал известное послание.

[1546] - Вполне точного сведения о годе смерти святого Евстафия нет в древних памятниках. Филарет, архиеп. Черниговский, и профессор Н. Барсов годом его кончины считают 345 год.

[1547] - Полный месяцеслов Востока. Архиеп. Сергия. Изд. 1876 г. т. II, ч. 2, с. 58. Заметки на 21 февраля. Об этом перенесении мощей пишет Феодор Чтец, известный историк VI века, написавший 4 книги Церковной истории, – первые две по прежним историкам, а последние самостоятельно.

[1548] - Под именем мощей в св. Церкви в обширном смысле разумеется тело каждого умершего христианина. Так в чине погребения усопших говорится: «Взявше мощи усопшего, отходят (с ними) во храм». Но собственно под св. мощами разумеются честные останки св. Угодников Божиих. Однако и здесь слово «мощи» имеет разное значение. Мощами

называются прежде всего «кости» св. угодников. Так древние христиане почитали кости св. мучеников Игнатия Богоносца и Поликарпа Смирнского. Церковный историк Евсевий, говоря о перенесении в IV веке мощей св. ап. Луки и Тимофея, добавляет, что патриарх держал их у себя на коленах в небольших «ковчежцах или ящиках». Очевидно, в этих ковчежцах могли уместиться только кости св. апостолов. Слово «мощи» и у наших предков означало главным образом «кости». Некоторые же мощи святых представляют целые тела усопших и сохраняются настолько, что отличаются даже мягкостью и гибкостью членов, например, на о. Корфу мощи св. Спиридона Тримифунтского свыше полторы тысячи лет лежат в сыром и жарком климате, сохраняя гибкость членов. (Миссион. Щит веры. Сост. И. Смолиным. С. Пб. изд. 1904 г. с. 64 и проч.).

[1549] - VII Вселенский собор Церкви состоялся в 787 году в царствование императрицы Ирины с сыном Константином там же, где был и I Вселенский собор, в городе Никее Вифинской; им установлен догмат об иконопочитании против иконоборцев. Подлинные деяния этого собора сохранены полностью и на русском языке изданы при Казанской Духовной Академии в 1891 году.

[1550] - Деяния Вселенских соборов издан. в русск. переводе при Казанской Духовной Академии в 1891 году, т. VII, с. 233.

[1551] - Преподобный Иероним Стридонский родился в 330 г. в небольшом городке Стридоне в Далмации и Панонии; родитель его был благочестивый дворянин, скончался Иероним в 420 году, 90 лет. По своей обширной многосторонней учености, по своей неутомимой деятельности и великим письменным трудам на пользу христианской науки и Церкви Христовой, по истинно подвижнической поучительной жизни блаженный Иероним принадлежит к знаменитейшим отцам – учителям древней западной Церкви; большую часть жизни своей провел он на Востоке. Творения блаженного Иеронима изд. при Киевск. Духовной Академии, изд. 2-е 1894 г. ч. 2, с. 266. Письмо 68 Евангелу пресвитеру и с. 251–252 письмо 65.

[1552] - Св. Василий Великий, епископ Кесарии Каппадокийской, родился около 330 года в Кесарии, главном

городе Каппадокии, в родовитой и высокообразованной семье. Лет 18 отправился в Константинополь и Афины, где блестяще закончил свое научное образование, и, вернувшись в Кесарию, лет 25 принял крещение и сделан был «чтецом». В 364 году был посвящен в пресвитеры, а в 370-в епископы; скончался в 379 году. Он ревностно защищал православное учение веры от арианства, но испытал вражду не только от ариан, а и от ревнителей правоверия, которые находили, что он слишком примирительно действует с арианами; он решительно воспротивился стараниям тогдашнего императора Валента, ярого приверженца ариевой ереси, привлечь Церковь Кесарии к арианству. Св. Василий Великий оставил богатейший вклад в святоотеческую литературу своими многочисленными дивными сочинениями и чином литургии, за что получил наименование «Вселенского учителя» веры христианской. Память его 1 и 30 января.

1553 - Св. Епифаний, епископ Кипрский, или, точнее, города Саламина, на острове Кипр, родом иудей, принял крещение на 16 году, в епископы посвящен на 60 году своей жизни. Строгий подвижник отличался детской доверчивостью, добротой и благотворительностью. Основал в Палестине иноческую обитель, где около 30 лет был ее настоятелем. Одарен был даром чудотворения, обладал знанием многих языков и был пламенным ревнителем православия; скончался в 403 году глубоким старцем. Главные его сочинения «о ересях»: «Якорь против арианства и духоборцев» и «Лекарственный ящик против восьмидесяти ересей» – древних и ему современных. Память его 12 мая.

1554 - Анастасий Синаит, или Киновит, из синаитских аскетов второй половины шестого века, был патриархом Антиохийским, ревностным борцом за Православие против еретиков (придворных), чем навлек на себя гнев императора Юстиниана и, несмотря на святость жизни, удален в изгнание, где пробыл более 20 лет. В этом заточении он написал много богословских сочинений, особенно по вопросам о двух естествах и о двух лицах в Иисусе Христе. Св. Анастасий Синаит называет святого Евстафия Антиохийского «Божественным» и пишет, что он

смотрит на него, как на мужа совершенного в путях Божиих, как на мудрого проповедника, святого мученика и учителя, как на своего отца и защитника, как на мужа боговдохновенного.

[1555] - Церковная история блажен. Феодорита, еписк. Кирского. Русск. изд. СПб. 1852 г., кн. 1, гл. VIII, XXV и проч. Также в Церковной историографии. Д. Б. А. П. Лебедева, изд. 1898 г.

[1556] - Эрмий Созомен, Саламинский, по родовой его фамилии, греческий церковный историк, родом из Палестины, законовед. Церковная история его обнимает время от 323 до 439 г. Воспитание его происходило под влиянием монахов, в половине пятого века. Его история первых трех веков христианства не сохранилась. А Церковная история четвертого века в русск. перев. издана в 1851 г. Там об Евстафии Антиохийском с. 22,121,123 и проч. Но тот Евстафий, о котором Созомен пишет (на с. 404), что он был возвращен Иовианом и посвящал в епископы Еваргия, был иным, не святым. (Ист. уч. об отц. Цер., с. 25–26).

[1557] - Историческое учение об отцах Церкви. Филарета, архиеп. Черниговского. Изд. 1859 г. т. 2, с. 26.

[1558] - Эти выписки и целое сочинение об Аэндорской волшебнице с речью к императору Константину, изданы в четвертом томе Голландовой библиотеки и Мина Patrolog. Т. 18. Еще в Фабрициевой греческ. библиотеке (Т. 9, p. 133, fol 68, 170). Историч. учен. об отц. Церкви. Филарета арх. Чернигов. 1859, т. II, с. 26.

[1559] - Историч. учен. об отцах Церкви. Филарета, арх. Чернигов. 1859 г. т. II, с. 27.

[1560] - Например, в своде толкований на книгу Бытия (Fabrit. Bibl. graec. 8, p. 641,643–645), на книги Царств и на притчи Соломоновы (Bibliot. Coislian p. 43–45, p. 60, 247).

[1561] - Ориген был знаменитым христианским учителем Александрийской церкви в половине третьего века (скончался в 254 году) и выдающимся катехизатором Александрийского согласительного училища, а потом в Кесарии Палестинской в сане пресвитера. Ориген родился в Александрии в конце

второго века и остался 17-летним юношей после отца, казненного за исповедание христианства. В Дециево гонение был заключен в тюрьму, разрушившую его здоровье, отчего он и скончался около 70 лет. За неутомимость в труде был прозван «адамантовым». Многие св. отцы Церкви были обязаны Оригену первоначальным своим научением и обращением из язычества в христианство, например, св. Григорий Неокесарийский. Многочисленные его сочинения направлены к защите христианства против еретиков, врагов христиан, и особенно замечательны труды по Св. Писанию, где он пытался согласовать веру со знанием и философией, но Ориген выражал часто произвольные, не разделяемые всею Церковью, толкования и мысли, например, о Лицах Святой Троицы, о создании душ, хотя высказывал их, как личные свои предположения, которые его поклонники развивали до крайности и до ереси. В шестом веке Оригена обвиняли в десяти ересях, и на поместном Константинопольском соборе в 543 году Ориген осужден, как еретик, предан анафеме, а сочинения его объявлены подлежащими истреблению, как еретические.

1562 - Аэндор, или Ендор (источник жилища), был городок при потоке Киссоне, в Палестине. Близ Аэндора жила волшебница, упоминаемая в (1Цар 28), к которой приходил ночью еврейский царь Саул и просил ее вызвать ему умершего Самуила. Путешественникам и теперь показывают близ Назарета пещеру, в которой будто жила та волшебница. Ныне на месте Аэндора находится небольшая бедная деревня называемая Эндур.

1563 - Самуил был последним и знаменитейшим из судей израильских за одиннадцать веков до Рождества Христова. Им основаны были пророческие сонмы, или школы, как религиозно-нравственные общества для пробуждения в народе патриотизма и просвещения. Мудро правил он народом; скончался на 88 году, поставив первого царя Саула. Жизнь Самуила описана в первых главах 1-й книги Царств.

1564 - Саул, сын Кисов, первый царь еврейского народа, помазанный Самуилом на царство, царствовал 40 лет сначала

добродетельно, а потом властолюбиво и жестоко, когда перестал следовать советам Самуила. Жизнь его описана в (1Цар 9:31).

[1565] - В недрах Авраама или на лоне (на груди) Авраама – выражение библейское, означающее место загробного нахождения ветхозаветных праведников. (Лк 16:22–23). Образ выражения этот взят от возлежания на вечерях у иудеев, причем возлежать на персях, на лоне, было знаком особенной близости возлежащих так.

[1566] - Историческое учение об отцах Церкви. Филарета, архиеписк. Черниговского. Изд. 1869 г., т. II, с. 28.

[1567] - Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиеписк. Константинопольского, в русском переводе. Издан. С. – Петерб. Духовн. Академии 1896 г., т. 2, кн. 2, с. 642–650.

[1568] - Максимиан Галерий, римский император – с 306 по 311 г.

[1569] - Зевс или Юпитер – греко-римский бог, почитавшийся властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[1570] - Аполлон почитался богом солнца и умственного просвещения, а также общественного благополучия и порядка, охранителем закона, божеством предсказания будущего.

[1571] - Здесь разумеется Антиохия Сирийская, некогда обширная и богатая столица сирийского царства, ныне незначительный городок в Азиатской Турции.

[1572] - Город Никомидия находился в Малой Азии на берегу одного из заливов Пропонтиды, ныне Мраморного моря, и был любимой резиденцией императора Диоклетиана и местом страданий и кончины множества святых мучеников в его царствование. Обитель, где постригся преподобный, была известна под названием Павлопетрии, потому что посвящена св. Апостолам Петру и Павлу.

[1573] - Гонение на почитателей св. икон продолжалось около ста лет. Из трех императоров этого периода, носивших имя Льва, название иконоборца здесь усвояется Льву Армянину, царствовавшему с 813 по 820.

[1574] - Прп. Афанасий скончался в 821 году.

[1575] - Порфира – пурпуровая дорогая одежда в виде длинной мантии, которую носят государи в торжественных случаях.

[1576] - В заботливости о благе церкви св. Поликарп во времена папы Аникиты (157–168 гг.) предпринял путешествие в Рим для борьбы с лжеучениями гностиков Валентина и Маркиона. По поводу различия между малоазийскими и западными церквами в понимании и праздновании Пасхи епископы Смирнский и Римский не согласились отступить каждый от своего местного обычая, т.е. св. Поликарп признавал правильным празднование восточными христианами Пасхи в 14-й день еврейского месяца нисана и посвящение ее воспоминанию последней вечери Господа с учениками и установленного на ней таинства Евхаристии, а Аникита признавал, наоборот, правильным утвердившееся на западе понимание Пасхи, как годового праздника Воскрешения Христова и празднование ее в первый воскресный день после весеннего полнолуния. Но это разномыслие не нарушило мира между епископами, в знак чего Аникита предоставил святому Поликарпу совершить Евхаристию в римской церкви.

[1577] - Из многих посланий св. Поликарпа, писанных, по словам св. Иринея, к церквам или отдельным лицам, до нас дошло одно только это. О послании святого Поликарпа к филиппийцам св. Ириней говорит, «что из него желающие и пекущиеся о своем спасении могут узнать характер веры (Поликарпа) и его проповедь истины». Отец церковной истории – Евсевий (263–340 гг.) приводит несколько мест из послания, замечая, что оно еще обращается между христианами. Блаженный Иероним сообщает, что в его время послание св. Поликарпа к филиппийцам читалось в малоазийских церквах при Богослужении. Послание написано вскоре после смерти Игнатия Богоносца (107 г.) и было вызвано просьбою христиан города Филипп о доставлении им посланий Игнатия к Поликарпу и другим христианам, какие у него были. Исполняя их просьбу, св. Поликарп в особом послании преподает филиппийцам ряд христианских наставлений, – предостерегает от еретиков, указывает обязанности пресвитеров и диаконов, юношей и дев,

супругов и вдовиц, убеждает избегать любостяжания, упражняться в молитве и посте, внушая терпение и любовь к врагам. В переводе это послание можно читать в книге протоиерея Преображенского «Писания мужей апостольских». СПБ. 1895 г.

1578 - С 161 по 180 г.

1579 - Окружное послание о мученичестве св. Поликарпа от той церкви, которой он был предстоятелем и среди которой пострадал, есть один из древнейших памятников христианской древности. Евсевий почти все это послание внес в свою историю (кн. IV, гл. 14). Перевод в наших четьих минеях святого Димитрия Ростовского

1580 - Память преподобного Лимнея празднуется 22 февраля.

1581 - Все эти преподобные отцы жили в V веке в Сирии.

1582 - Время жизни преподобных Зевина, Полихрония, Моисея и Дамиана – V век, место подвигов – Сирия.

1583 - Житие его см. 3 июля

1584 - Севастия – главный город Самарии, подаренный Августом Ироду Великому, который совершенно восстановил его и украсил и, в благодарность Августу, назвал его Севаста или Севастия, что значит – город Августа. По преданию, святой евангелист Лука, проповедуя Христа в Севастии, выпросил у жителей десную руку Иоанна Крестителя и перенес ее в Антиохию. В X веке десница Крестителя перенесена в Константинополь, а в 1798 г. орденом иоаннитов принесена в дар императору Павлу I и доселе хранится в церкви Зимнего Дворца. (Подробнее об этом повествуется 12 октября.)

1585 - Скудельный – глиняный; скудельник – горшечник, гончар.

1586 - Елеонская, или Масличная гора – одна из иудейских гор к востоку от Иерусалима; наименование свое получила по множеству произраставших на ней масличных деревьев.

1587 - Константин Великий – святой и равноапостольный – был провозглашен императором в 306 году; в 312 году объявил христианскую веру господствующею в Римской империи; в 325

году созвал I Вселенский собор; скончался в 337 году. Святая Елена, мать Константина Великого, прославилась ревностию к распространению Христовой веры и благолепию храмов Божиих; в 326 г. она путешествовала в Иерусалим, обрела там Крест Господень, и украсила св. храмами места в Палестине, прославленные во время земной жизни Спасителя; скончалась в 327 году. Память святых равноапостольных Константина и Елены празднуется 21 мая.

1588 - Емеса – город в Сирии на восток от реки Оронта, впадающей на северо-западе Сирии в Средиземное море.

1589 - Вретище – мешок из дерюги или веретья, рубище, власяница.

1590 - Средопостная седмица – так называется в Церковном Уставе средняя (четвертая) неделя Великого поста; эта же седмица называется и крестопоклонной.

1591 - Диаконник – южное отделение алтаря, в котором устрояется место для хранения священных вещей, состоящих под ведением диакона, как-то: риз, священных сосудов, напрестольных евангелий и крестов, дарохранительницы и проч.

1592 - Второе обретение главы святого Иоанна Предтечи произошло в 452 году. По показанию архимандрита Маркелла, св. глава открылась ему 18 февраля, изнесена епископом Уранием в диаконик церковный 24 февраля, а 26 октября того же 452 г. перенесена в церковь в честь его имени созданную.

1593 - Симеон Метафраст – известный церковный писатель X в. († 940 г.), составитель и собиратель житий святых; его труды в этой области послужили впоследствии главным источником для четьих миней св. Димитрия Ростовского.

1594 - Команы – город в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии.

1595 - Феодора – супруга Византийского императора Феофила иконоборца. По смерти последнего она правила государством совместно с сыном своим Михаилом. Император Михаил III царствовал с 842 по 867 год; вступил на престол 4-х лет, а потому государством до 855 г. управляла мать его, царица Феодора. На Константинопольском соборе 842 г. при царице

Феодоре было восстановлено иконопочитание и установлено торжество Православия, совершаемое в первую неделю св. Четыредесятницы.

[1596] - Это третье обретение главы Крестителя было около 850 года; празднуется Церковью 25 мая. Честная глава Предтечи, вторично перенесенная в Царьград, сначала положена была в царских палатах, а потом часть ее в Студийском Предтечевом монастыре; в этой обители верх главы видел паломник Антоний в 1200 г.; другая часть главы была в Петре в монастыре Продром, крестоносцами она перенесена в Амиень во Франции, часть ее перенесена в Рим и находится в церкви папы Сильвестра. Другие части находятся в Афонском монастыре Дионисия и Угровлахийском монастыре Калуи.

[1597] - Кончина преподобного Еразма последовала около 1160 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

[1598] - Патрициями называлось высшее сословие в Римской, а потом и в Византийской империи, соответствовавшее нашему родовитому дворянству.

[1599] - Константин VI Порфирородный царствовал с 780 по 797 г.

[1600] - Лев IV Хозар царствовал с 775 по 780 г.

[1601] - Константин V Копроним занимал царский престол с 741 по 775 г.

[1602] - Мать императора Константина была супругой Льва Хозара. По воцарении своего сына она в продолжение 10 лет, до 790 г., управляла государством вместо него; потом, по низложении Константина, она царствовала до 802 года.

[1603] - Это был Павел IV, который занимал патриаршую кафедру с 686 по 693 г.

[1604] - Лев III Исаврянин царствовал с 716 по 741 г.

[1605] - Это объясняется тем, что Ирина издала тогда указ с объявлением общей свободы совести. По распоряжению императрицы иконы были опять поставлены на свои места и среди восторженного народа ходило много рассказов о минувших страданиях и чудесах.

[1606] - Святой Тарасий занимал патриарший престол с 784 по 806 г.

[1607] - Так называется пролив, соединяющий Черное море с Мраморным. На берегу Босфора расположен Константинополь.

[1608] - Папа Адриан I занимал римский апостольский престол с 772 по 795 г.

[1609] - Разумеется храм св. Софии, главный соборный храм Константинополя.

[1610] - Император Юстиниан I царствовал с 527 по 565 г.

[1611] - Здесь разумеется Константин Копроним, дед Константина Порфирородного.

[1612] - Этот собор происходил в 754 г. в царском дворце близ Константинополя на азиатском берегу Босфора. Собор провозгласил, что иконопочитание есть то же, что идолопоклонство, и определил удалить из церквей все иконы.

[1613] - Вифиния – северо-западная провинция Малой Азии, по берегу Мраморного моря, Босфора и Черного моря. Никея (ныне Испик) – в древности богатый и цветущий город Вифинии.

[1614] - Это было в 325 году.

[1615] - Полициан, патриарх Александрийский, скончался в 801 году.

[1616] - Антиохийский патриарх Феодорит занимал патриаршую кафедру с 777 по 794 г.

[1617] - Илия III, патриарх Иерусалимский, скончался в 797 году.

[1618] - Это было в 787 году.

[1619] - Анкира – город во Фригии, срединной провинции Малой Азии.

[1620] - Последнее заседание собора происходило 23 октября.

[1621] - Едеса – город в северо-западной части Месопотамии, за рекой Евфратом. Авгарь был князь или властитель едесский.

[1622] - Сказание об этом приводит Евсевий, епископ Кесарии Палестинской († 383), знаменитый историк древней христианской Церкви, который заимствовал его из древних

письменных записей, хранившихся в общественных бумагах города Едесы.

1623 - Протоспафарий – начальник царских телохранителей, или оруженосцев, которые назывались спафариями (от спафи – оружие, меч).

1624 - Благочестивая царица эта была внучкой святого Филарета Милостивого, месяц декабрь, 1-е число.

1625 - Здесь разумеется Ирод Агриппа, сын Ирода Великого, властитель Галилеи и Заиорданской области, сочетавшийся браком с Иродиадой, женой Филиппа, брата своего, при жизни последнего.

1626 - Император Никифор I царствовал с 802 по 811 г.

1627 - Император Лев V Армянин занимал византийский престол с 803 по 820 гг.

1628 - Наименование: Валвос (Балба) – греческое, а Травлий – латинское. По-русски то и другое значит: Косноязычный. Этот Михаил сделался впоследствии императором и царствовал с 820 по 829 г.

1629 - Город Газа расположен на восточном берегу Средиземного моря и служил некогда южным пределом Хананеев. Во времена могущества римлян Газа был значительный торговый город Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял всё свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал когда-то великий город.

1630 - Филистимляне – народ, вышедший из Египта и поселившийся на границе с Египтом в Азии, по берегу Средиземного моря. Занимаемая ими страна находилась на юго-западе Палестины, как раз между Египтом и Ханаанской землей, завоеванной евреями. Филистимляне вели частые войны с евреями и не раз порабощали их себе, заставляя платить дань, и отнимая у них города. С другой стороны, и евреи нередко брали верх над филистимлянами.

1631 - Почитание истукану Марнасу было исключительною принадлежностью Газы. Жители этого города считали его великим целителем всевозможных болезней и сверх того богом

и владыкою дождей; во время засухи для умилостивления его совершались торжественные религиозные процессии.

[1632] - Венера – греко-римская богиня любви, красоты, сладострастия и нечистых похотей.

[1633] - Царствовал с 361 по 363 год.

[1634] - Фессалоника (иначе Солунь) – весьма значительный, древний город Македонии, расположенный в глубине Солунского или Фермейского залива при Эгейском море (Архипелаги). В настоящее время город этот под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[1635] - Здесь разумеется не известный вид иноческих обителей, в смысле отдельных келлий из одиноких отшельников, а местность в северо-западной части Египта, в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от горы Нитрийской. Это была безводная каменистая пустыня, излюбленное место египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков. От сей местности впоследствии и получили наименование скита иноческие пустынные обители, в коих ревностнейшие иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия.

[1636] - Разумеется Иорданская пустыня, расположенная по берегу реки Иордана, в которой селились подвижники и было немало иноческих обителей.

[1637] - Кесария, называемая Палестинской в отличие от Кесарии Каппадокийской (вт, Малой Азии), – большой город на восточном берегу Средиземного моря, построенный иудейским царем Иродом на место древнего города Стротон и долгое время бывший политической столицей Палестины, в которой имели пребывание гражданств начальники Палестины. Город сей неоднократно подвергался разрушениям и в настоящее время на его месте только развалины, покрытые дикими растениями.

[1638] - Византийский император Аркадий царствовал с 396 по 408 год.

[1639] - Азот – древний город, основанный Филистимлянами, на восточном берегу Средиземного моря, недалеко от Газы. Ныне здесь небольшое селение – Ездуд. Аскалон – также известный в истории Филистимлян город, расположенный на берегу Средиземного моря, между Газою и Азотом. В настоящее время Аскалон необитаем и посещается только из-за развалин храмов и монастырей.

[1640] - Родос – остров Средиземного моря, недалеко от берегов Малой Азии.

[1641] - Кувикуларий – спальник, постельник при дворе царском, довольно важный придворный чин.

[1642] - Евнух – значит скопец. Впоследствии этим именем назывались все вообще царедворцы, хотя бы они и не были скопцами.

[1643] - Разумеется Феодосий Великий, царствовавший с 379–395 год.

[1644] - Грациан был современным Феодосию западным императором, царствовал с 375–383 год.

[1645] - Арианская ересь ведёт свое происхождение от нечестивого Ария (в начале IV в.), учившего, что Сын Божий не есть Бог, Единосущный с Богом-Отцом, а высшая тварь, через Которую Бог-Отец сотворил мир. Осуждена эта ересь на I Вселенском соборе (в 326 г.), на коем изложено истинное учение о Сыне Божием в первых семи членах веры.

[1646] - Маиюма – портовый город Палестины, служивши гаванью для Газы, которая была расположена не у самого морского берега, а несколько вдали от него.

[1647] - Стадия – мера длины, около 88 саженей; 20 стадий – немного более 3-х верст.

[1648] - Греческий бог солнца, Гелиос, был почитаем во многих местах. Искусство изображало его похожим на Аполлона, только с более полным лицом.

[1649] - Аполлон – почитался богом света, также умственного просвещения, поэзии и музыки.

[1650] - Прозерпина – почиталась владычицей подземного мира, а также растительных злаков, выходящих из недр земли.

[1651] - Геката – грозное подземное божество, которое господствует над злыми и вредными демонами, может вызывать души мёртвых из преисподней и устрашать людей привидениями.

[1652] - Фортуна – почиталась богинею случая, в особенности счастья и благополучия.

[1653] - Анфипат – высший начальник области.

[1654] - Кончина святого Порфирия относится к 420 году.

[1655] - Сей святой мученик принадлежал к дружине святой Фотины, память которой 20-го марта. Римский император Нерон царствовал с 54 по 68 г.

[1656] - Декаполь – десятиградие, область или округ по ту сторону Иордана, простиравшийся на севере до Дамаска, на юге до Филадельфии, на западе до Скифополя и на востоке до Канафы. Здесь лежали десять городов, населенные преимущественно язычниками, среди которых, впрочем, было много и Иудеев.

[1657] - Царствовал с 717 по 741 год.

[1658] - Киликия – юго-восточная провинция Малой Азии, составлявшая некогда одну из цветущих областей Римской империи, граничит на востоке с Сирией, на севере – с Каппадокией и Ликаонией, на западе – с Писидией и Памфилией, на юге – со Средиземным морем и заливом. Ныне эта область принадлежит Турции.

[1659] - «Лимонарь» (греч. – луг, пажить) – весьма распространенное сочинение греческого инока Иоанна Мосха (622 г.). В монастырях Палестины, Сирии, Египта, Кипра, Константинополя и Рима Мосх собрал массу повествований о жизни христианских подвижников, а также их изречения и нравоучения, и всё это изложил в своем Лимонаре, послужившем одним из первоисточников для агиографических сочинений позднейших времен. «Лимонарь» окончен Мосхом был в Риме, куда его сопровождал ученик его инок Софроний патриарх Иерусалимский. Окончив «Лимонарь», Мосх передал его в распоряжение Софрония.

[1660] - Разумеется Киево-Печерский монастырь, основанный преподобными Антонием в 1073 г.) и Феодосием

[1661] - Преподобный Тит жил в XII в.

[1662] - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 г. до Р. Х. на мысе, выдающемся в южный берег Средиземного моря (несколько южнее нынешнего города того же наименования); был некогда центром науки и первым торговым городом на земле; в начале IV века стал центром христианства и местопребыванием патриарха.

[1663] - Диоскор был главный сторонник ереси Константинопольского архимандрита Евтихия; последний утверждал, что Христос, хотя рожден из двух естеств, но пребывает не в двух, так как при воплощении Бога-Слова воспринятая Им человеческая природа утратила всякую собственную действительность, была поглощена Божеством. В истории Церкви ересь Евтихия известна под именем монофизитства (монофизиты – единоестественники).

[1664] - Халкидонский собор (451 г.) как выражение православной истины по вопросу о соединении во Христе двух естеств составил определение, по которому Христос исповедуется как совершенный Бог и совершенный Человек, единосущный Отцу по божеству и единосущный нам по человечеству, пребывающий и по воплощении в двух природах неслиянно и нераздельно, так что сохраняется особенность каждой природы при соединении их в едином лице Христовом.

[1665] - Пафлагония – суровая, горная область в северной части Малой Азии.

[1666] - Святой Протерий мученически скончался в 467 году, в царствование Льва Великого.

[1667] - Святой Василий скончался около 750 г.

[1668] - Город в Малой Азии.

[1669] - Город Берия находился в Сирии на восток от древней столицы сирийского царства Антиохии.

[1670] - Скончались около 450 года.

[1671] - Преподобный Кассиан – наставник в подвижнической жизни. В первой из 12 книг «о постановлениях киновий» он говорит о внешнем виде монаха, т. е. об одеянии; во второй, о чине ночных псалмов и молитв; в третьей, о чине дневных молитв и псалмов; в четвертой, о чине отвержения от мира. В 24 собеседованиях с отцами заключаются беседы пустынных отцов о различных духовных предметах. В 13 собеседовании рассуждает о благодати.

[1672] - Несторий – ересиарх родом из Сирийского города Кесарии Германикийской на Евфрате; ни происхождение его, ни год рождения неизвестны; по свидетельству его главного противника, святого Кирилла Александрийского: «он вышел из грязи и происхождение его было постыдно». Сделавшись патриархом Константинопольским, он заявил себя в начале ревностным гонителем ересей, но потом сам неожиданно оказался еретиком. Он начал заявлять в церкви, что Пресвятую Деву Марию не следует называть Богородицей, так как она родила не Бога, а только человека Иисуса, который был только обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек через наитие Святого Духа стал Христом, т. е. помазанником, и Слово Божие пребывало с ним в особом только нравственном соединении. На третьем Вселенском соборе (431 г.) ересь Нестория была осуждена, а сам он был сослан сначала в монастырь Евирения (близ Антиохии), а затем в отдаленный Египетский оазис Ибис, где через несколько лет и умер.

[1673] - Святой Кассиан скончался в 435 г. 23 июля. день памяти преп. Кассиана – 29 февраля, – бывает только в високос. Когда же февраль месяц имеет 28 дней, тогда служба святого Кассиана поется на повечерии.

[1674] - Дамаск – главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире; лежит к северо-востоку от Палестины, при р. Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Анти-Ливана. И в настоящее время Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, – один из богатейших городов Азии и имеет до 150.000 жителей.

[1675] - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Македонским в 331 г. до Р. Х. на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. Александрия была некогда первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства – рассадником христианского просвещения. Христианство принесено было сюда, по преданию, Евангелистом Марком (по турецки и арабски – Искандеры) принадлежит к числу укреплённейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением до 230 000 слишком жителей.

[1676] - Гора Нитрийская находится в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от Нитрийской пустыни, лежащей в северо-западной части Египта. Эта безводная, каменистая пустыня была излюбленным местом египетских пустынников, прославившихся аскетическими подвигами. Здесь иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия – ради пребывания в Едином Боге.

[1677] - Преподобный Иоанн скончался во 2-й половине V в. Император Лев в 457 извещал его, в числе других епископов, о мученической кончине Протерия (см. 28 февраля), патриарха Александрийского.

[1678] - Царствование Константина Копронима (741–775 гг.) было временем высшего развития иконоборческой ереси в греческой церкви. Самыми мужественными защитниками иконопочитания явились в это время иноки, за что император подвергал их жестоким казням. По словам историка Никифора, инокам разбивали головы на тех самых иконах, на защиту коих они выступали. Вообще гонение на православных при Копрониме напоминало времена жестокого мучителя христиан языческого императора Диоклетиана.

[1679] - Римский император Траян царствовал с 98 по 117 г. по Р. Х.

[1680] - Илиополь – Илиополис – город солнца.

[1681] - Келесирия – «углубленная Сирия» – низменная полоса земли в Ливанских горах на севере Палестины.

[1682] - Финикия Ливанская – восточная часть Финикии, примыкающая к Ливанским горам, а самая Финикия занимает северозападную часть Палестины, примыкающую к Средиземному морю. Главные ее города – Тир, Сидон, Сарепта – упоминаются в Евангелии.

[1683] - Самария – средняя часть Палестины, граничащая на севере с Галилеей и Финикией, на юге с Иудеей и примыкающая к Средиземному морю. Население ее составляли десять колен израилевых, кроме колен Иудина и Вениаминова. Вера самарянская – самарянский раскол. Первоначально обитатели Самарии ничем не отличались от иудеев, следуя тому же Моисееву закону. Потом, вследствие сношений с язычниками-инородцами, они утратили чистоту иудейской религии и мало помалу разошлись с иудеями, так что около 335 г. до Рождества Христова построили даже особый от иудеев храм на горе Гаризин и учредили в нем особое богослужение, имевшее нечто общее с богослужением иерусалимского храма. С этого времени главным пунктом вероучения, разделявшим иудеев и самарян, было учение о месте истинного богослужения (Ин 4:19–20). Кроме того, из всех книг Ветхого Завета они признавали священным только одно пятокнижие Моисеево, которое притом было по местам изменено против подлинника. Все остальные книги Ветхого Завета они отвергали, хотя и имели какую-то свою летопись, под названием «книга Иисуса» – переделка книги Иисуса Навина.

[1684] - Литра – мера веса, равная 72 золотникам. В серебре стоила до 42 рублей, в золоте – до 506 рублей.

[1685] - Пусть читающему и слушающему, – говорится в Минеях-Четьих, – не представляется удивительным и невероятным то, что жена грешница посредством любодеяния приобрела столь большое богатство, как рассказано, потому что у греков, еще не познавших истинного Бога и кланявшихся идолам, блудниц не только не презирали, но даже очень почитали, как например, Афродиту, которую они причисляли даже к своим суетным богам. О богатствах же эллинских

блудниц у древних историков мы находим следующее. Фрина, афинская блудница, по разорении Александром Великим каменных стен знаменитого эллинского города Фебе или Фивы предлагала на свой счет возобновить эти стены и устроить город лучше прежнего, только чтобы на стенах этих было написано: «Александр разрушил, а Фрина блудница выстроила». Лаиса, блудница коринфская, была столь богата и знаменита, что, по уверению некоторых, одно время вся земля греческая лежала при ее дверях. Фаис, другая афинская блудница, была так красива, знаменита и богата, что Птолемей, первый после Александра Великого царь египетский, не постыдился сделать ее своей законной женой. Радоне из Фракии, египетская блудница, имела такое богатство, что, подражая славе царей египетских, сама для своего прославления воздвигла пирамиду, нисколько не худшую пирамид царских. И Евдокия была подобна им по жизни и по богатству, но когда она оставила это, обнищала духом и телом и угодила Богу покаянием, то стала подобна девам святым, вступила в общение с Ангелами и сделалась наследницей богатств вечных, которых и око не видело.

[1686] - Киновия – монастырь с общежительным уставом, где все живут вместе, имея общее содержание от обители.

[1687] - Язычники наделяли своих богов и богинь всеми человеческими качествами, и даже недостатками, только в превосходной степени. Поэтому и в дар им они приносили то, что считалось самым ценным и лучшим в человеческой жизни: изысканные яства, дорогие напитки, благовонные вещества и пр. Отсюда Евдокия, утопавшая в роскоши, красивая, всегда богато одетая и благоухающая, действительно, могла казаться современникам чем-то вроде богини.

[1688] - Комитом назывался особый чиновник, заведующий сбором царских даней. Этим же именем назывались вообще градоначальники.

[1689] - Трибун – представитель военной власти, командир небольшого отряда, вроде современного полковника.

[1690] - Римский император Декий царствовал с 249 до 251 года и был жестоким гонителем христиан.

[1691] - Город Пергия находился в малоазийской области Памфилии, расположенной в южной части Малой Азии на берегу Средиземного моря.

[1692] - Город Никея находился в малоазийской области Вифинии, лежавшей в северной части Малой Азии по берегам Мраморного и Черного морей. Известен в истории тем, что в нем происходили I и VII Вселенские Соборы.

[1693] - В 284 г. Римская империя разделилась на восточную, которою правил Диоклетиан, и западную, с 285 г. находившуюся под властью августа Максимиана Геркула. Но здесь надо разуметь не Максимиана Геркула, а Максимиана Галерия, бывшего соправителем Диоклетиана на востоке, зятя и впоследствии преемника его (306–311 гг.). Хотя открытое гонение на христиан началось с 303 г., но еще за несколько лет до этого Галерий преследовал христиан частным образом.

[1694] - Галатия, иначе Галло-Греция, малоазийская область, получившая свое название от галлов, обитателей нынешней Франции, переселенных в Азию в III веке до Р. Х. Христианство насаждено в Галатии Ап. Павлом во время первого и второго его путешествий.

[1695] - Остров Кипр лежит в северо-восточной части Средиземного моря, в углу между берегами Киликии и Сирии. Здесь проповедовал Евангелие св. ап. Павел

[1696] - Ликиний царствовал с 311 по 324 г.

[1697] - Русск. перев. «на хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои». Блаж. Феодорит объясняет: «пророческое слово разумеет бичи и язвы, какие злочестивыми наложены на победоносных мучеников».

[1698] - Древнее житие святого Арсения написано в конце XV в. иноком Феодосием. Чудеса святителя описаны во второй половине XVI и в XVII стол.

[1699] - Св. Киприан поставлен митрополитом Киевским и всея Руси 2 декабря 1375 г. В Киев он приехал в следующем,

1376 году, и проживал здесь до утверждения на Московской кафедре в мае 1381г.

[1700] - Другими словами: митр. Киприан

[1701] - Евфимий (по прозванию Вислень) поставлен епископом Тверским 9 марта 1374 года.

[1702] - Михаил Александрович был великим князем тверским с 1339 по 1399 г. Пред смертью он принял иночество с именем Матфея.

[1703] - Слово «Патерик» значит «Отечник», т.е. книга об отцах. Книга Патерик представляет собрание кратких рассказов о подвижниках или их изречений. В состав Печерского Патерика, списанного по повелению святого Арсения, входят: Житие преп. Феодосия Печерского, написанное преп. Нестором, Сказание летописи об основании Печерского монастыря; Собрание сказаний Симона, епископа Владимирского, и Поликарпа, инока Печерского, о печерских подвижниках.

[1704] - «Сборным воскресеньем» (или короче – «сбор», «честной сбор») в древности называлось воскресенье после первой седмицы Великого поста, неделя православия и это потому, что в этот день ежегодно съезжались к епископу священники и составляли епархиальный собор.

[1705] - Иоанн Михайлович был великим князем тверским с 1499 по 1525 г. Пред кончиной принял иноческое пострижение с именем Иова.

[1706] - Епископ Вассиан (в мире князь Стригин – Оболенский) управлял Тверской епархией с 1477 по 1508 г.

[1707] - Епископ Акакий управлял Тверской епархией с 1522 по 1567 г.

[1708] - Архимандритов с именем Савватия известно два: первый поступил в 1566 г., второй упоминается в 1650 г. Здесь разумеется второй.

[1709] - Архиепископ Иоасаф управлял Тверской епархией с 1657 по 1676 г.

[1710] - После обретения мощи святого Арсения лежали в белокаменной гробнице, вытесанной его руками; потом при патриархе Никоне в 1655 г. они были переложены в раку святого

Филиппа и на этот праздник составлена была служба. В 1734 году тверские граждане Иван и Максим Янковские и Василий Волчанинов устроили для мощей чудотворца серебряную раку, в которой они почивают и доныне.

[1711] - Римский император в 285–310 гг., соправитель императора Диоклетиана.

[1712] - Литр (греч. λιτρα, лат. libra) равняется 2/3 русского фунта. Следовательно, 150 литров серебра составляют 100 фунтов серебра или при теперешней цене на серебро около 2200 рублей. (150 литр 49 кг 117,5 г. – Редакция «Азбуки Веры»)

[1713] - Стадия (στάδιον), греческая мера длины, равна приблизительно 74 саженям. Следовательно, 18 стадий – несколько более 2,5 верст. (Аттический стадий 177,6 м, олимпийский стадий 192,27 м. – Редакция «Азбуки Веры»)

[1714] - Ликия – область, находившаяся в южной части Малой Азии.

[1715] - Феодосий II, в житии названной «юнейшим», был внук Феодосия Великого. Родился в 400 году, в 408 году наследовал после отца своего Аркадия Восточную Римскую империю. Воспитанный в строгой набожности, Феодосий старался искоренить последние следы язычества в Империи. Скончался в 450 году

[1716] - Несторий, епископ Константинопольский, учил, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а только простой человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божией. По учению Нестория, Иисус Христос спасает нас не Своими искупительными заслугами, а примером доброй жизни. Учение Нестория было осуждено на III Вселенском соборе, бывшем в 431 г.

[1717] - Епископ Иерусалимский с 315 по 386 г., т. е. раньше деятельности преподобного Герасима. В житии, по-видимому, автор указан неправильно; может быть, надо читать Кирилл Александрийский (архиепископ в 412–444 г.), много писавший против еретиков.

[1718] - «Лимонарь» («Луг Духовный») – сочинение греческого инока Иоанна Мосха; написано в начале VII века и содержит в

себе краткие сказания о жизни и подвигах святых.

[1719] - Мех – кожаный мешок, служивший мерою жидкостей.

[1720] - В 475 году.

[1721] - Царствовал с 270 по 275 г.

[1722] - Птолемаида – город в Финикии, к югу от Тира, на север от горы Карюсла. Здесь Ап. Павел останавливался во время своего последняго путешествия в Иерусалим и целый день провёл среди христиан (Деян.21:7).

[1723] - Св. Писание различает в Ангелах различные чины или степени, которых указывает девять (Быт. 3:24; Ис.6:2; Колос. 1:16; Ефес. 1:20–21; Римл. 8:38; 1Фес. 4:16; Иуд.1:6). В «Небесной иерархии» св. Дионисия Ареопагита первое место среди чинов Ангельских занимают Серафимы.

[1724] - Зевс, или Юпитер – греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей. По сказаниям языческих писателей, Зевс, для обольщения какой-либо женщины прибегал к подобным превращениям: так к Даносе он сошел в виде золотого дождя, Леду прельстил, приняв вид лебедя, Европу похитил, обернувшись белым быком. Аполлон – бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии и музыки, богом прорицателем, врачевателем болезней и хранителем всякого гражданского порядка. Латона – по сказанию мифологии до Геры жена Зевса, с которым она прижила Аполлона и Артемиду (или у римлян Диану – богиню родов, охоты и луны); она является любимою Зевсом и в то время, когда он был женат на Гере и преследуется ревнивой Герой по всей земле, пока не родила на Делисе у горы Кинфа Аполлона. Дионис, или Вакх – бог винограда и виноделия. Мать его Семела, дочь Кадма, отец Зевс; рождение Диониса святой называет прелюбодеянием, так как, по сказанию мифологии, Зевс прижил его от Семелы, когда имел жену – Геру. Юнона, – римское название греческой Геры – жены Зевса. Этого рода сказания язычников о Зевсе показывают, насколько языческая религиозная мысль уклонилась с истинного пути богопознания, дойдя до

обоготворения в лице своих богов поступков, которое осуждает здоровое, естественное нравственное чувство даже в человеке.

[1725] - Финикия – страна, лежавшая по побережье Средиземного моря. Главными городом её были Тир и Сидон.

[1726] - Порфирион – город в Финикии около Кармила. Собственно это был посад или большое село.

[1727] - Пещера эта находилась в Палестине, близ горы Кармильской

[1728] - Святому Апостолу Павлу усвоено название «Апостола языков» за его великие проповеднические труды, во время которых он пронёс Евангелие от глубины Азии до Рима и даже, по преданию, до Испании и Британии.

[1729] - После своего обращения из гонителя христиан в самоотверженного последователя Христова, святой Апостол Павел всю жизнь свою провел в миссионерских трудах. Свое первое путешествие с проповедью Евангелия Апостол начал из Антиохии, где он вместе с Варнавою был вызван на великое дело благовестия Святым Духом (Деян. 13:1–3): взяв с собою Иоанна Марка, Апостолы, посетив Кипр, пришли в Малую Азию, и здесь, в Антиохии Писидийской, в Иконии и Ликаонских городах Листре и Дервии многих просветили учением Христовым, подвергаясь непрестанным гонениям со стороны иудеев (Деян. 13:4–14:28). Второе путешествие святой Ап. Павел предпринял вместе с Силою после апостольского собора (51 г.) в Иерусалиме (Деян.15): посетив основанные ранее церкви, Ап. Павел с успехом проповедовал в Македонии и Греции, основав знаменитые церкви в Филиппах, Солуне, Берии, Афинах и Коринфе; в последнем он пробыл полтора года. (Деян. 15:36–18:28). Третье путешествие апостол опять начал из Антиохии: снова посетив устроенные им церкви, апостол прибыл в Ефес, где проповедовал более 2 лет; затем он опять прошел Македонию и Грецию и возвратился в Иерусалим. Здесь был схвачен и после двухлетнего томления под стражей в Кесарии отправлен был в Рим, где жил два года, невозбранно проповедуя Царствие Божие (Деян.18:1–22:30). Предание говорит, что апостол, оправдавшись пред судом

Кесаря, снова отправился в четвёртое путешествие с проповедью Евангелия, дойдя до границ Запада (Евсевий и Климент Римский) и, по вторичных узах в Риме, мученически скончался в царствование Нерона.

1730 - Исаврия – небольшая скрытая в горах местность древней Малой Азии, граничившая на восток с Ликаонией, на север с частью Фригии, на запад с Писидиею и на юг с гористой Киликиею.

1731 - Стадия – древняя мера расстояния около 80 или немного более сажени.

1732 - Аполлон – бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии, музыки, – богом прорицателем, врачевателем болезней и хранителем гражданского порядка.

1733 - Геенна – есть греческое воспроизведение еврейского слова, означающего: долина Еннома или «сынов Еннома»; под этой долиной разумеется глубокая, узкая горловина, где иудеи некогда приносили своих детей в жертву Молоху (4Цар.24:10; Иерем.7:11). В позднейшие времена она служила местом свалки для всякого рода нечистот, причем для уничтожения последних здесь постоянно поддерживался огонь: поэтому долина Еннома сделалась символом места вечных мучений. В этом именно смысле, в смысле ада, и употребляется слово геенна в Новом Завете (Мф. 5:24–40, 10:28, 18:9, 23:15; Лк. 9:43, 45; Лк. 12:5; Иак.3:6).

1734 - Адрапа (или Антрапа) город в одинаковом расстоянии от Анкиры Галатийской и Амафии, иначе Клавдиополь. Адрания – приморский город (по-турецки Едренос) в Вифинии.

1735 - Кончина святого последовала около 790 г.

1736 - Амасия находится в северной части Малой Азии, на берегу Черного моря.

1737 - Константин VI Порфирородной, император Византийский, царствовал с 780 по 797 г., а Ирина о 797 по 803 г.

1738 - Преподобный Марк изучил слово Божие так совершенно, что знал все Священное Писание наизусть, был

слушателем св. Иоанна Златоустого слов. Слова эти изданы в русском переводе в 1868 году.

[1739] - Полагают, что преп. Марк принял иночество, будучи 40 лет от роду и 60 лет подвизался в иноческой жизни. Местом подвигов его была Нитрийская гора, расположенная в нижнем Египте в 70 верстах к югу от Александрии и на запад от реки Нила, близ Ливийской пустыни.

[1740] - Преподобный скончался около половины V века.

[1741] - Аврелиан, римский император, царствовал с 270 по 275 г.

[1742] - Икония – город в Малой Азии, ныне Кония.

[1743] - Феофил, император Византийский, царствовал с 829 по 842 г.

[1744] - Амморея – город во Фригии, в Малой Азии.

[1745] - Тарс – главный город Киликии, области в Малой Азии

[1746] - Друнгариями собственно назывались начальники военных кораблей.

[1747] - Т. е. сенатора.

[1748] - Кратир (хратис) – могущественный, сильный.

[1749] - Протоспафарий – первый из меченосцев, – почётное звание при дворе Византийских императоров

[1750] - Турмархи, тоже, что и Друнгарии.

[1751] - Кентенарий – род золотой монеты большой ценности.

[1752] - Протосимвол – первый советник.

[1753] - Гимнософисты – философы, отказывавшиеся от пользования всеми жизненными благами и ходившие наги.

[1754] - Т.е. секретарем.

[1755] - Т.е. Бога – виновника как добра, так и зла.

[1756] - Константин Великий 306 г. по 337 г., Юлиан Отступник – с 361 г. по 363 г.

[1757] - Свв. Иулиан и Еввул пострадали около 361 года; память их вместе с преп. Аркадием.

[1758] - Римский император Диоклетиан царствовал с 285 по 305 года. В течение 18 лет своего царствования он дозволял

христианам открытое исповедание веры, а с 303 года стал преследовать их, и притом с особой жестокостью.

[1759] - Стадия – греческая мера расстояния, в разное время имевшая разное значение. В III веке по Р. Х. мера стадия была 184, 97 метра или 87 саж.

[1760] - Омофор – удлиненный плат с изображением четырех крестов, возлагаемый на плечи и спускаемой спереди и сзади; без омофора епископ не может совершать священных действий. В символическом значении – заблудшая овца (человечество), спасенная от гибели Господином овец (Господом). Лк. 15:5.

[1761] - О чудесном спасении Анании, Азарии и Мисаила из огня – Дан. 3.

[1762] - Фелонь – одеяние епископа и священника, круглое, без рукавов.

[1763] - Первый Вселенский собор был в 325 г. и состоял из 318 епископов. Он осудил ересь Ария, учившего, что Сын Божий не равен Богу Отцу; на этом же соборе было точно определено время празднование Св. Пасхи.

[1764] - Имена их: Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Салафиил, Иегудиил и Иеремиил.

[1765] - Город Плусиада, до VII века Прусиас, основанный Аннибалом, находился в Вифинии, римской провинции, расположенной в северо-западной части Малой Азии.

[1766] - Преподобный Павел скончался около 860 года.

[1767] - Сребреник – серебряная монета, имевшая в разное время различную ценность. Сребреник времен Спасителя равнялся приблизительно 80 коп.

[1768] - Златница – вообще золотая монета неопределенной ценности.

[1769] - Постелью древних пустынников и подвижников обыкновенно служила рогожа, делавшаяся чаще всего из тростника.

[1770] - Лк. 11:41; Тов.12:9; Сир.3:30.

[1771] - Деян. 8:2. Слова ап. Петра к Симону волхву, желавшему приобрести за деньги дар Духа Святого.

[1772] - Юлиан был поражен стрелою, пущенною одним персом. Чувствуя приближение смерти, он приложил руку к ране, взял несколько крови, бросил ее в воздух и сказал, как бы видя пред собою Христа, Которого преследовал: «ты победил, Галилеянин!» (363 г.)

[1773] - Иконоборство в греческой империи началось при Льве III Исаврянине (717–741) и окончилось при императрице Феодоре (842). За это время царствовали: Константин V (по 775 г.) Лев IV (по 780 г.), Константин VI и Ирина (по 802 г.) Никифор I (по 811), Ставрикий и Михаил I (по 813), Лев V армянин (по 820), Михаил II (по 821), Феофил (по 840), Феодора и Михаил III (по 867). Патриарший Константинопольский престол при этих императорах занимали: Анастасий иконоборец (753), Константин II иконоборец (766), Никита иконоборец (780), св. Павел, память его 1 августа (784), св. Тарасий, память его 25 февраля, при нем VII Вселенский собор 787 г. (806), св. Никифор (815), Феодор иконоборец (821), Антоний иконоборец (832), Иоанн VII иконоборец (842) и св. Мефодий (846).

[1774] - Прозвание Копроним производят от греческого «копрос» – навоз.

[1775] - Царствовал с 775–780. – Лев IV Хозар, хотя и был приверженец иконоборства, но относился уступчивее к его противникам: он разрешил возвратиться бежавшим при его отце монахам – заступникам иконопочитания и даже допускал их до занятия епископских кафедр; так на патриарший престол был возведен тайный приверженец иконопочитания Павел Кипрский. Иконы оказались даже во дворце в комнатах императрицы Ирины, тайно от мужа поддерживавшей иконопочитателей. Когда это открылось, Лев удалил Ирину из дворца, но вскоре умер.

[1776] - Этот собор происходил в 787 г. Подвергнув анафеме иконоборцев, собор установил иконопочитание в том смысле, что не должно оказывать иконам поклонение, приличествующего только Богу, но их должно чтить так же, как и святой животворящий крест (почитание которого не отвергали иконоборцы).

[1777] - Проконнис – остров в Проконниде (ныне Мраморное море) к северо-западу от Кизики; был известен своими мраморными ломками.

[1778] - Киверреоты или Карие – югозападная область Малой Азии.

[1779] - Ликиний, зять Константина Великого императора западной половины Римской империи, был императором восточной половины – с 307 по 323 год. В 313 году обоими императорами был издан указ, коим христианская религия была объявлена государственною, – уравнена с древней языческою. Но Ликиний – язычник, враждуя против Константина, ставшего решительно покровителем христианства, и приготовляясь к войне с ним, по обольщению оракула, обещавшего ему победу, решился уничтожить христианство в пределах своей империи, особенно же, по опасению измены, в среде своих войск.

[1780] - Армения с городом Севастией – северо-восточная часть Малой Азии, – входила в состав восточной Римской империи.

[1781] - Каппадокийская область – восточная часть Малой Азии; ее главный город, Кесария, славился образованием.

[1782] - «Агриос» – дикий, свирепый; «колакс» – льстец.

[1783] - Так и св. Ап. Павел, страдая за Христа, требовал от судей, чтобы они, проявляя свою злобу, не попирали законов человеческих, государственных, – не подвергали его – римского гражданина – истязаниям по своему произволу. (Деян. 16:37; Деян. 22:26–30).

[1784] - Число 40 почиталось всегда как знаменательное, священное: 40 дней и ночей шел дождь при Ное и земля очистилась от допотопной людской плотяности – Быт. 7:12; 40 лет странствовали Евреи в пустыне и только тогда вступили в землю обетованную – Нав. 5:6; 40 дней и ночей провел Моисей на Синае и получил скрижали закона – Исх. 34:28; в 40-й день от рождения первенцы еврейские были посвящаемы Богу – Лев. 12:2–4; 40 дней и ночей шел пророк Илия к горе Хориву и удостоился видения Господа в веянии тихого ветра- 3Цар. 19:8; 40 дней и ночей постился Сам Господь Иисус Христос в пустыне

– Матф. 4:2; 40 дней пребывал Он на земле после Своего воскресения, являясь ученикам Своим и говоря о Царствии Божием – Деян. 1:3.

1785 - Совершилось здесь то же, что было с Апостолами: «Иуда пошел прочь, а на его место введен Матфий» – Деян. 1:25–26; – явился новый Павел, вчера дышавший гневом и прещением на учеников Христовых, а ныне благовествующий. И сей, как и оный, имел звание ни от человек ни человеком – Галат. 1– уверовал в Господа Иисуса Христа, крещен в Него не другим кем, но собственною верою, не в воде, но в крови своей». (Василий Великий. «Беседа на св. 40 мучеников».)

1786 - Св. Ефрем Сирин («Похвальное слово 40 мученикам») влагает в уста блаженной матери мученика при этом такую трогательную речь: «Успокойся, сын мой, не надолго на колеснице; смешай кровь свою с досточестными кровьми; возляг на мгновение с ними, чтобы вместе же с ними достигнуть небесной обители. Иди с ними в огонь чувственный, чтобы с ними же облечься в свет истинный; войди с ними в горнило, чтобы с ними же войти очищенным золотом. Знаю, от какой бури спаслись вы и в какую пристань стремитесь. Знаю, что вы идете к Отцу небесному…, спешите занять страну, откуда бежали болезнь, печаль и воздыхание, где нет ни скорби, ни тления, ни грызущей зависти, ни злого врага. Почему и я, сын мой, не умерла вместе с вами? Почему и я не включена в это светлое торжество ваше и не могу им, насладиться? – Ужели потому, что я грешная и достойна слёз и крайнего сожаления!.. Нет, не по этой причине я не иду с вами, а потому, что вы не требуете восполнения, – вы стали для Бога одною четыредесятицею, по десяти и десяти призваны на пир Евангельский (Матф. 25:1–13)… Итак, сын мой, поелику удостоен ты такой славы, то помолись о мне Спасителю Христу, когда скажет Он вам: «приидите, наследуйте Царство Мое, которое Я уготовал вам» (Матф. 25:34). Вспомни обо мне вместе с равночестными тебе и испроси мне награду у Отца светов, чтобы, как плоть твоя на мне испустила дыхание, так на меня дохнули щедроты Христовы, и, как кровь твоя обагрила мое рубище, так оросило бы меня милосердие Господне, и как с тобою прошла я это одно

поприще, так с тобою же достигла бы обители святых, чтобы и мне вместе с вами воспеть и сказать: «Нет столь святаго, как Господь; ибо нет другого, кроме Тебя; и нет твердыни, как Бог наш» (1Цар. 2:2). Он вознёс рог верных рабов Своих и посрамил врагов. Ему подобает слава вовеки».

1787 - Память св. 40 мучеников во всех древнейших месяцесловах на Востоке и Западе относилась в кругу праздников и памятей святых наиболее чтимых (см. Полный мес. Востока арх. Сергия, т. 1, стр. 17–19; т. 2, ч. 2, стр. 75); в состав службы им входят, по Уставу, два канона; в день памяти их облегчается строгость поста, – разрешается вкушать вино и даже елей, и предписывается непременно и неизменно совершать службу в порядке службы Предтечи с литургией преждеосвященных даров.

1788 - Пострадали св. мученики в 320 году, а в 323 году император Константин сделался единодержавным во всей Римской империи. Празднование памяти 40 мучеников совершается 9 марта, но оно иногда переносится по Уставу на другие дни, именно: если оно случится в какой-либо день первой седмицы Великого поста, то служба мученикам правится в субботу; если случится оно в среду недели крестопоклонной, то служба правится во вторник той же недели, а равно если случится в четверг великого канона, то служба правится во вторник той же пятой недели; если же случится в субботу акафиста, то переносится на воскресенье пятой же недели поста.

1789 - Здесь разумеется Максимиан Галерий, зять и соправитель Диоклетиана на востоке Римской империи. По его настоянию в 303 г. Диоклетиан издал общий закон против христиан, но еще до издания этого закона Галерий частным образом преследовал христиан: удалял их от своего двора, изгонял из военной службы и т. п.

1790 - Никомидия – столица восточной империи, резиденция императора Диоклетиана; великолепный город на берегу Пропонтиды (Мраморного моря) в северо-западной мало-азийской области Вифинии.

[1791] - Пояс в Римской империи служил особым отличительным знаком военачальника.

[1792] - Святой мученик Урпасиан скончался около 295 г.

[1793] - Коринф – главный город Ахаии, просвещенный Апостолом Павлом.

[1794] - Император Декий управлял римскою империею с 249–251 г. Он был одним из жесточайших гонителей христиан.

[1795] - Император Декий управлял римскою империею с 249–251 г.; он был один из самых жестоких гонителей на христиан.

[1796] - Валериан управлял с 253–259 г.

[1797] - Вифиния северо-западная провинция Малой Азии. Она лежит по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Страна эта известна с глубокой древности и свое название получила от Вифинов, переселившихся в нее из Фракии. Вифиния была живописна, плодородна и обильна скотом; Вифиния разделялась на две провинции. В первой главной город Брусса (в древности Прузиада), в другой Никомидия. До половины VI в. до Р. Х. Вифины были свободны, самостоятельны и известны как искусные моряки. В 546 г. они подпали под власть персов, но не надолго и с 327 г. Вифиния была опять самостоятельным государством. В 75 г. до Р. Х. царь Никомид III, умирая, завещал свою страну Римлянам, которые и присоединили ее к своей империи, на правах самостоятельной провинции, управляемой особым проконсулом. Христианство в Вифинии появилось еще во времена апостольские (1Петра 1:1) во времена Плиния младшего, правившего Вифиниею и императора Траяна (98–117 г. по Р. Х.) здесь было очень много христиан, не только в городах, но и в селах и деревнях. При Диоклетиане (284–305) в Вифинии были страшные гонения на христиан. В IV и V вв. Вифиния была особенно замечательна в церковном отношении: в ней было много церковных соборов по поводу различных ересей. Подпадая последовательно то под власть сельджуков, то под власть сарацин в 1332 г. Вифиния была подчинена туркам под властью которых находится и теперь. Она входит в состав двух наместничеств (вилайэтов) Кадавендкиахт и

Кастамуни и имеет 700 000 жителей. во главе церковного управление стоит архиепископ Никомидийский, которому подчинены 12 епископов, назначаемых Константинопольским Синодом.

[1798] - Кесария – находилась на берегу средиземного моря. Апостол Павел во время своих путешествий несколько раз был в этом городе (Деян. 9:29–30; Деян. 18:28; Деян. 21:8) и два года пробыл здесь узником (Деян. 23:33; Деян. 24:27; Деян. 26:4 и сл.). В этом городе жил сотник Корнилий, которого Апостол Петр обратил ко Христу (Деян. 10:1; Деян. 10сл.) здесь жил также Апостол Филипп (Деян. 21:8). Здесь же умер Ирод Агриппа, пораженный Ангелом и изъеденной червями. Первоначально Кесария называлась городом или башнею Стротона. Город был восстановлен Иродом Великим, назвавшим его Кесариею в честь императора (кесарь латинское – изрезанный, изрубленный) Августа.

[1799] - Анфипат слово греческое – проконсул. Это название римской государственной должности (правителя провинции т. е. области).

[1800] - По представлению древних греков и римлян, высшие или главнейшие Боги обитали в воздушном пространстве между землею и небом, а обиталище их было в великолепных палатах, на вершине горы Олимпа в Греции. Оттого эти боги числом двенадцать называются также олимпийскими богами. Боги они: Зевс (Юпитер), Гера (Юнона), Посейдон (Нептун), Деметра (Церера), Аполлон. (Аполло), Артемида (Диана), Гефест (Вулкан), Паллада-Афина (Минерва), Арей (Марс), Афротида (Венера), Гермес (Меркурий), и Вестия (Веста).

[1801] - Знаменитый певец древности, живший в конце X или в начале IX века до Р. Х. Древние представляли Гомера слепым старцем. Поэтому самое имя Гомера некоторые производили от слова «незрячий». Ему приписываются эпические произведения Илиада и Одиссея, из которых в первой описываются события десятого (1184 г. до Р. Х.) года Троянской войны, происходившие в течение пятидесяти одного дня, «гнев Ахиллеса» (герой войны) и его последствие, а вторая – Одиссея передает различные эпизоды из странствований одного из героев войны,

царя острова Итаки (Средиземное море) Одиссея до разрушение Трои и обнимает небольшой промежуток времени в 40 дней.

[1802] - Посейдон – сын Кроноса и Реи – брат Зевса, с которым последний разделил по жребию свое владычество. Посейдону досталось в удел море, с которым неразлучно было и главное господство над ветрами и власть производить землетрясение, почему Посейдон именовался Землеколебателем. Посейдона изображали в виде угрюмого старца с большой бородой и с трезубцем в руке.

[1803] - Локоть локоть руки, мера от локтя до конца среднего пальца. Библейский локоть 10 12 вершка.

[1804] - Этим именем обозначалось орудие, назначаемое для пресечения побега преступникам. Оно состояло в следующем. Обыкновенно брали толстое бревно, раскалывали его клиньями пополам, вырубали две небольшие выемки в обеих половинах для помещения ног; вложив ноги преступника, дерево соединяли, потом просверливали дыры по обеим концам и наглухо заколачивали клиньями, а в усовершенствованном виде оба конца запирали замками, иногда же просто скручивали концы верёвками.

[1805] - Никея главный город Антиохии, в котором были первый и седьмой Вселенские соборы: первый в 325 г. при Константине Великом, под председательством Евстафия, архиепископа Антиохийского; собор осудил Ария, составил Символ веры до 8-го члена, установил время Пасхи, установил первенство епископов Рима, Александрии и Антиохии и издал 20 церковных правил; седьмой Вселенский собор был в 787 г. при императрице Ирине под председательством Цареградского патриарха Тарасия, он осудил иконоборцев и в 22-х правилах утвердил церковные порядки.

[1806] - Геенна – место вечных мучений. Это название произошло от еврейских слов, которые означают долину Енном близ Иерусалима, где в честь Молоха были сожигаемы дети (3 Царст. 11:17; 4 Царст. 16:3–4.) После отмены Иосиею сего ужасного жертвоприношения (4 Царст. 23:10) в долину Енном

сваливались трупы казненных злодеев, падаль и всякая нечистота, где всё это сожигалось.

[1807] - Апамия – город в Малой Азии на границах Фригии и Писидии.

[1808] - Аполлония – город в Иллирии, неподалеку от моря, славившийся процветанием наук во время римского владычества.

[1809] - Асклипий или Эскулап – бог врачебного искусства – сын Аполлона и дочери Фессопийского царя Кориниссы. Его изображали в виде почтенного, бородатого мужа с важным и благосклонным выражением лица, в белой одежде с жезлом, вокруг которого вьётся змея. Иногда, кроме змеи, с Эскулапом изображали петуха, которой был посвящен сему богу.

[1810] - Аполлон – сын Зевса и Латоны – брат Артемиды, бог света; Аполлону верование древних дало в удел вечную и неизменную юность и силу, знаменуя этим вечно юную мощь света и тепла. Он изображался в образе прекрасного, сильного юноши с луком или изогнутым пастушечьим посохом, в руках и с колчаном со стрелами за спиной. Иногда в руке лира (музыкальный инструмент). Ноги без обуви или в нарядных сандалиях, на голове лавровой венок.

[1811] - Иракл или Геркулес – знаменитейший герой греческий, сын Зевса и Алкмены, супруги царя Амфитриона. Его изображали обыкновенно в виде необычайно развитого, крепкого мужа, в самую цветущую пору возраста, нагим или в львиной шкуре с курчавой головой и с тяжелой дубиной в руке.

[1812] - Зевс – бог неба. У него было много прозваний. Сын Кроноса, старейший из богов. Он изображался седящим на престоле с егидою в руках.

[1813] - Арей – сын Зевса и Геры; бог тревог и волнений морских, страшный бог войны, битвы, боевой свалки, тешащий душу убийством, упивающийся кровью. Он, изображался в виде юноши со щитом и копьём в руках.

[1814] - Пролив, соединяющий Мраморное море с Эгейским.

[1815] - Преподобная Анастасия скончалась в 567 г. Император Юстиниан царствовал с 527 по 565 г., при нем был

созван пятый Вселенский собор в Константинополе в целях прекращения монофизитских движений в 553 г.

[1816] - Патриция – жена патриция; так назывались в Риме люди благородного происхождения. Сан этот был очень велик и его удостаивались супруги знаменитых мужей, например, Антонина, жена Вилизария, или за свои особые заслуги.

[1817] - Жена Юстиниана Феодора – благодаря влиянию которой был прекращен бунт Ника, грозивший низвержением Юстиниану.

[1818] - Александрия – главный город в Египте, построенный Александром Великим. Здесь на острове Фаросе в 72 дня был сделан перевод Библии Ветхого Завета на греческий язык.

[1819] - Поприще – мера расстояния: она равнялась приблизительно 690 саженям.

[1820] - Владычество мусульман в Александрии началось с конца VII века.

[1821] - Упоминаемый здесь инок Даниил есть тот самый, который заставил говорить младенца 22-х дней.

[1822] - Мощи св. Анастасии перенесены были в Царьград и в 1200 г. находились близ св. Софии.

[1823] - С греческого.

[1824] - Дамаск – главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире, лежит к северо-востоку от Палестины, при реке Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Анти-Ливана. И в настоящее время Дамаск, входящий в состав турецкой империи, – один из богатейших городов Азии и имеет до 150 000 жителей. В истории Церкви Христовой Дамаск замечателен тем, что первая проповедь св. Ап. Павла по обращении в христианство происходили именно здесь (Деян. 9:1–43).

[1825] - Преп. Иоанн Лествичник двадцати лет принял иночество и последние четыре года своей жизни был игуменом синайской обители, скончался 80-летним старцем около 606 г. Память его празднуется 30 марта. Он главным образом известен как составитель знаменитого руководства к иноческой

жизни под заглавием: «Лествица райская» – Klimax tou paradeisou, отсюда он получил и название Лествичника; здесь иноческая жизнь представляется им как путь непрерывного и трудного восхождения по лестнице духовного самоусовершенствования; это восхождение совершается через борьбу с собственными страстями и пороками, причем главную помощь инок находит в постоянной мысли о смерти.

1826 - Т.е. светские науки.

1827 - В 787 г. против ереси иконоборцев, отвергавших почитание икон.

1828 - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Македонским в 333 г. до Р. Х. на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Северном) Египте, при устье реки Нил. Александрия после Рима была первым городом на море и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, в первые века христианства – рассадником христианского просвещения. Христианство принесено было сюда по преданию св. Марком ок. 59–60 гг. В настоящее время Александрия (по тур. и араб. – Искандеры) принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением более 230 000 жителей.

1829 - Господин, отец.

1830 - То же.

1831 - Поприще – равнялось приблизительно 690 саженям.

1832 - Север, патриарх Антиохийский, был одним из главных защитников монофизитской ереси, утверждавшей, что Христос хотя рожден из двух природ или естеств, но не в двух пребывает, так как при воплощении Бога – Слова воспринятая им человеческая природа утратила всякую собственную действительность и лишь мысленно может различаться от Божественной.

1833 - Иоанн Милостивый († 617 г.) – патриарх Александрийский, сын сановника на острове Кипре; потеряв семью, он посвятил себя аскетической жизни и заботам о бедных, и хотя он не был ни монахом, ни клириком, но был

избран, по желанию народа, патриархом. Сделавшись патриархом, он прежде всего сосчитал всех нищих в Александрии и, раздав им все имущество, посылал щедрую милостыню ко Гробу Господню, давал у себя приют бедствующим, выкупал пленных. Когда жители Александрии, страшась нашествия персов, стали разбегаться, Иоанн отправился в Константинополь просить войска для защиты города. Но на пути скончался (617 г.); память его празднуется 12 ноября.

1834 - Феодосий Великий – римский император с 379 по 395 г. В его царствование вера христианская была окончательно утверждена в Римской империи.

1835 - Рим – главный город Римского государства (ныне Итальянского королевства) лежит в средней части Италии, по обеим сторонам реки Тибра при впадении ее в море.

1836 - Аскалон – один из пяти главных филистимских городов (Суд.1:18). Ирод Великий великолепно разукрасил его, как свою родину. Еще в средние века это был военный морской порт и был разрушен во время крестовых походов (1191 г.).

1837 - Гора Синай представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами, у арабов ныне называется горой Тур или Джебель – Тур – Сина, лежит почти посредине известных рукавов Черного моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Собственно гора Синай, при которой израильтяне вступили в Завет с Богом и получили от Него заповеди закона, представляет самую высшую юго-восточную вершину среднего хребта, низшую же, северозападную вершину представляет собою гора Хорив.

1838 - Византийский император Фока царствовал с 602 по 610 г.

1839 - Ираклий царствовал с 610 по 641 г.

1840 - От святого Софрония сохранилось большое количество сочинений, и он признается одним из первоклассных богословов – догматистов. Кроме соборного послания, содержащего учение о Троице, о воплощении Бога Слова,

причем доказывается единство ипостаси (против Нестория) и двойство естеств (против Евтихия), замечательны его слова: 1) на крещение Спасителя – защита двух естеств в Иисусе Христе, а вместе учение о двух действиях и волях; 2) о кресте, два слова; во втором из них излагается учение о посте и о празднике поклонения кресту среди нашего Великого поста; 3) апология Василию Великому относительно толкования им слов θυσις и ουσια 4) на Сретение; 5) слово о Иоанне крестителе; 6) слово в похвалу св. Марии Египетской, из которого в подлиннике приводятся места в деяниях VII Вселенского собора; 7) Сказание о жизни мучеников Кира и Иоанна; 8) «Объяснение на литургию», одно из замечательных сочинений в богословском отношении; 9) «Трипеснцы», начинающиеся днями Великого поста и оканчивающиеся праздником вознесения; 10) тропари или самогласны стихиры часов празднества Рождества Христова, с полным чином часов; 11) чин часов вел. пятка со стихирами, не совсем сходный с нынешним; 12) стихиры на водоосвящение в день Богоявления; 13) некоторые стихотворные произведения; 14) наконец, в сане иеромонаха святой Софроний пересматривал и исправлял «устав монастыря Саввы Освященного».

1841 - Арабов.

1842 - Смирна – знаменитый в древности торговый город Ионии, на восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага). Церковь в Смирне основана была св. Апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает христианская вера.

1843 - Декий, император римский, царствовал с 249 по 251 г.

1844 - 641 или 644 г.

1845 - Гомер – греческий поэт, написавший, по преданию, поэмы: Илиаду и Одисею; неизвестно где он родился, и многие города, между прочим Смирна, приписывали себе честь быть его родиной.

1846 - Веельфегор или Ваальфегор – сирофиникийское (моавитское) божество, служение которому отличалось безнравственностью.

[1847] - Здесь разумеется волхвование и чародейство с помощью трупов людей.

[1848] - Лидия – провинция в Малой Азии.

[1849] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря – теперь часть Итальянского королевства.

[1850] - Гордиан – римский император, царствовал в 238 г. (всего 36 дней).

[1851] - Т.е. учение Христово (Мф 7:6)

[1852] - Магистрат – важный государственный чиновник у римлян, сосредоточивавший в своих руках военную и юридическую власть.

[1853] - Антипат, или проконсул, правитель края.

[1854] - Ефес – малоазийский город, расположенный на берегу Эгейского моря. В древности славился своим богатством и торговлей.

[1855] - Декий, римский император, царствовал с 249 по 251 г. Мученическая кончина святого Пиония последовала в 250 г.

[1856] - Симеон Метафраст – замечательный византийский общественный деятель и церковный писатель XI в. Из его сочинений особенно замечательны Жития святых. Симеон, составляя этот труд, не ограничился одним только собранием древних сказаний, а пересказал, переложил их на разговорный язык. Отсюда и его прозвище Метафраст (от metaprxxein – пересказывать).

[1857] - Такое наименование носил в древности нынешний город Новгород. Он был одним из древнейших и известнейших городов в древней Руси.

[1858] - Вежище или Важище – местность, находившаяся в 12 верстах к западу от Новгорода.

[1859] - Это было в 1411 году.

[1860] - Пимен в иночестве носил имя Пахомия.

[1861] - Новгородский архиепископ Симеон (Сампсон), из простых иноков, управлял Новгородскою епархией после смерти архиепископа Иоанна с 1416 до 1421 года.

[1862] - В практике новгородских владык это был первый случай, когда заведование церковным имуществом поручено было иноку, до сего времени экономы архиепископского дома в Новгороде избирались из мирян.

[1863] - Тут разумеется Евфимий I (Емелиан) брадатый, занявший архиепископскую кафедру в Новгороде после краткого правления (с 1421 до 1423 г.) избранного, но не посвященного Феодосия; Евфимий I был архиепископом Новгородским с 1423 до 1429 года.

[1864] - Хутынский монастырь (Хутынь) основан был в 1192 году знатным новгородцем Алексием, в монашестве Варлаамом, и находится на реке Волхове, на правом ее берегу, в 10 верстах от Новгорода вниз по течению этой реки.

[1865] - Рождество-Богородицкий Лисицкий (на Лисьей горе) монастырь находился в 7 верстах от торговой стороны Новгорода. Упоминается в 1392 году.

[1866] - Новгородские епископы носили звание архиепископов с 1165 года.

[1867] - Избрание Новгородского владыки с 1156 г. зависело не от митрополита с собором епископов, а исключительно от самих новгородцев, от их веча. Избирали обыкновенно трех кандидатов, и жребии их полагались на престол в храме святой Софии; два жребия по окончании литургии вынимались один за другим протопопом и объявлялись всему народу; наконец, жребий, оставшийся на престоле, указывал на избранника Божия. Так избран был и преподобный Евфимий.

[1868] - Т.е. от зачатия моего в чреве матери Ты видел меня и определил судьбу мою в жизни.

[1869] - Кафедральный собор новгородских владык, сохранившийся и доныне.

[1870] - Это было в 1429 году.

[1871] - По смерти митрополита Фотия, последовавшей 1 июля 1431 года, кафедра митрополита в Москве, если ни считать кратковременного правления Исидора, была праздною до 1448 года.

[1872] - Преподобный Евфимий управлял Новгородскою епархиею, не имея епископского сана, с 1429 до 1434 года. Управлять епархиею до посвящения в сан епископа было в обычае в Новгороде. Так, Иоанн, не посвященный в епископы, управлял 8 месяцев, Феоктист и Моисей – по году, Климент – 2 года, а владыка Феодосий и скончался не будучи посвящен в сан епископа.

[1873] - Литовский князь Свидригайло в 1433 году после смерти митрополита Фотия послал Смоленского епископа Герасима в Константинополь для посвящения в митрополиты литовские, но патриарх поставил его митрополитом всея Руси. Заподозрив Герасима в измене, Свидригайло схватил его близ Смоленска и сжег в Витебске. Это было в июле 1435 года.

[1874] - Выражение взято из притчи Спасителя о сеятеле (Мф 13:8).

[1875] - Преподобный Евфимий скончался 10 марта 1458 года.

[1876] - Император Лев Исаврянин (717–741 гг.) был первым иконоборцем, издавшим повеление выбрасывать святые иконы из церквей и уничтожать их. Император Константин Копроним (741–775 гг.) сильно поддерживал иконоборческую ересь. Он созвал в Константинополь собор, названный им Вселенским, на котором отвергнуто было иконопочитание. Исаврия – откуда происходили как император Лев Исаврянин, так и отец Феофана Исаак – небольшая малоизвестная страна в Малой Азии, граничила с Ликаонией и Киликией. В настоящее время остались одни развалины близ Улубунара.

[1877] - Феофан – греч. Θεοθανοσ – явленный Богом или являющий Бога.

[1878] - Θεοθανεια (от Θεος – Бог и θαινω – являю) – Богоявление.

[1879] - Император Лев IV, по прозванию Хазар, царствовал с 775 по 780 г. Он также поддерживал иконоборство, хотя и слабее своих предшественников.

[1880] - Кизическая страна (с главн. город. Кизиком) находится в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[1881] - Сигрианская область – часть Малой Азии, идущая от Пропонтиды (Мраморное море) между реками Риндаком (в древности Ликос, ныне Люнад и в нижнем течении Микалица) и Езепом, отделявшим Мизию от Троады.

[1882] - Вифиния – северо-западная провинция Малой Азии.

[1883] - Остров Калоним или Калонимос (ныне Каломиос, в древности Бесбикон) находится против устьев реки Риндака, в Мраморном море.

[1884] - Святая царица Ирина, супруга Льва Хазара, сначала, по смерти мужа, управляла империей за малолетством сына своего, императора Константина Порфирородного (780–792 гг.), от его имени, а потом от своего (797–802 гг.) – Святой патриарх Тарасий с 784 по 806 год (память его празднуется 25 февраля). VII Вселенский собор, утвердивший иконопочитание, был созван в 787 году.

[1885] - Обитель Сигрианская находилась в 22.000 шагах от Кизика и от моря. – Великое село (Мегагрит – Μέγας Αγρός) было в той же области; другая обитель – Малое Село, где настоятельствовал Христофор.

[1886] - Император Лев Армянин царствовал с 813 по 820 г.

[1887] - Святой патриарх Никифор управлял Константинопольскою Церковью с 806 по 815 г.; скончался в заточении в 828 году; память его отмечается 13 марта и 2 июня. Феодор Студит – настоятель знаменитого Студийского монастыря, память его празднуется 11 ноября.

[1888] - Георий Кедрин – византийский писатель конца XI или начала XII века, автор так наз. synopis istorion. Сочинение его начинается от сотворения мира и охватывает историю еврейскую, римскую и византийскую до вступления на престол Исаака Комнина (1057 г.).

[1889] - Во время земной жизни Господа Иисуса Христа в городе Едесе, в Месопотамии, был князь Авгарь, пораженный проказою. Услышав об исцелении Иисусом Христом всяких болезней, Авгарь послал к Нему с живописцем Ананиею письмо, в котором просил Его прийти в Едес и исцелить его. Господь ответствовал, что Он не может прийти к нему, но, по

совершении дела Своего на земле, пошлет к нему одного из Своих учеников, который и исцелит его. После того Господь умыл Лицо Свое и стер Его полотенцем. В это время на сем убрусе отобразился Лик Господа. Авгарь, приняв и облобызав его, почувствовал большое облегчение от болезни. По вознесении Господа на небеса святой Фаддей, один из 70 апостолов, пришел к Авгарю и совершенно исцелил его от проказы. Жители Едеса вместе с князем приняли крещение от апостола, а святой убрус поставлен был в стене над главными воротами города, где и пребывал до 944 года, когда был перенесен из Едеса в Константинополь; перенесение это празднуется 16 августа.

1890 - Святой Апостол и евангелист Лука по преданию был живописцем и, с соизволения Богоматери, написал несколько икон Ея (см. житие его, 18 октября).

1891 - Память его почитается 13 ноября и 30 января.

1892 - Память св. Кирилла отмечается 18 января.

1893 - Елевферийский замок (или палата) помещается в той части Константинополя, где теперь находится Сераль (дворец турецк. Султана).

1894 - Самофракия – остров в Егейском море, в 5 1/2 милях от Фракийского берега.

1895 - Святой Феофан скончался около 818 года.

1896 - Святой Феофан оставил после себя «Хронографию», в которой описал события Церкви с 285 до 813 года.

1897 - Титул «папа» (греч pappas – отец) до конца V века употреблялся как почетное наименование всех епископов, с конца V века он относился, главным образом, к римскому архиепископу, а с 1075 года – исключительно к нему.

1898 - Святой Григорий Великий назван Двоесловом (собеседник, беседователь) за свое сочинение «Беседы или диалоги о жизни и чудесах Италийских отцов».

1899 - Святой папа Феликс III правил церковью с 483 по 492 г.

1900 - Претор (лат. praetor) так назывался у римлян сановник, которому вверялась высшая судебная власть.

[1901] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, часть Итальянского королевства; от материка отделяется Мессианским проливом.

[1902] - Что при Целийском холме.

[1903] - В это время папа Пасхалис II посвятил Григория, несмотря на его нежелание, в сан дьякона – в 577 году. В следующем году он послал его в Константинополь своим апокрисиарием (послом) – частью по делу о новом папе Пелагии, частью же для испрошения помощи Риму против лонгобардов. Во время пребывания своего в Константинополе, Григорий старался приобрести точные сведения об обрядах восточной Церкви, где после апостолов процветало столько мужей веры. В это же время он начал свой знаменитый труд «Толкование на кн.Иова или тридцать пять книг о нравственности». В 585 году Григорий возвратился в Рим и был избран настоятелем основанного им монастыря.

[1904] - Выражение это взято из Пс 83:11. Приметатися – лежать у порога, приютиться где-либо.

[1905] - Златица – золотой, червонец.

[1906] - Папа Пелагий II управлял римскою церковью с 578 до 590 года.

[1907] - Император Маврикий царствовал от 582 по 603 г.

[1908] - Святой Григорий был избран папою в 590 году. Это совершилось против воли смиренного Григория, который почитал и называл себя, в подражание блаженному Августину, «рабом рабов Божиих», тяготился властью и употребил все зависящие от него средства, чтобы уклониться от нее, но, облеченный ею, он усердно, хотя и постоянно больной, предался исполнению своих пастырских обязанностей. Главной заботою папы Григория было распространение и объяснение слова Божия; многих еретиков он обратил к правоверию; содействовал к утверждению веры и в отдаленной Британии (Англии), послав туда в 597 г. проповедников под начальством монаха Бенидиктинского чина Августина, который убедил принять святое крещение самого короля Этельберта, что

окончательно содействовало распространению христианской веры по всей стране.

1909 - Гора Синай находится в средине Синайского полуострова; она представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами. В Ветхом Завете при горе Синае израильтяне вступили в завет с Богом и получили от Него заповеди закона (Исх 20). В IV и V веках по Рождеству Христову гора Синай славилась обитанием христианских пустынножителей, обитавших в ущельях и пещерах ее.

1910 - Когда бедного человека находили мертвым на улице, святой Григорий на некоторое время воздерживался от совершения евхаристии, как бы считая себя виновником его смерти.

1911 - Сакелларий (от греч. saxella, saxellion – мешок, ящик с деньгами, казнохранилище) значит вообще казнохранитель. В Константинопольской церкви на сакеллария возлагалась обязанность заведовать собственно церковною казною, состоявшей из денег и других драгоценностей. У нас в Русской церкви название сакеллария присвоено в позднейшее время ключарям некоторых знаменитейших соборов в С.-Петербурге и Москве.

1912 - «Лимонарь» или «Зимонарий» (от греч. слова λειμών – луг, пажить). Такое название имеет книга Софрония, патриарха Иерусалимского (VII вв.), содержащая в себе собрание повестей о деяниях некоторых пустынножителей, просиявших святостью жизни.

1913 - Это сочинение называется «Беседы или диалоги о жизни и чудесах Итальянских отцов». Из других творений святого Григория Двоеслова известны: а) «правило пастырское», содержащее наставление для пастыря, и б) письма святого Григория, всего до 848, заключающие в себе много нравственных наставлений.Что касается литургии «Преждеосвященных Даров», которая надписывается именем святого Григория Двоеслова, то нужно иметь в виду, что он, если и излагал чин этой литургии, то исключительно для

западной церкви (как и вообще он заботился об устроении Богослужения собственно этой церкви), а не для Восточной церкви, у которой этот чин имелся в практике с глубокой древности и от которой его позаимствовал святой Григорий в свой «Сакраментарии» для Западной церкви. Предание же, приписывающее составление чина преждеосвященной литургии святому Григорию, главным образом возникло на почве глубокого почитания, с которым Православный Восток относился к имени этого святого мужа. Несомненно известие, что, возвратившись с Востока и сделавшись Римским епископом, святой Григорий Двоеслов начал восстановлять в Римской церкви некоторые из древних обрядов, забытые там и сохранившиеся во всей первобытной чистоте своей на Востоке. При этом он явился чтителем апостольской литургии Преждеосвященных Даров, употреблявшейся на Востоке, и ревнителем прочного водворения и распространения ее на Западе. Он издал эту литургию на латинском языке и ввел ее в употребление в западных церквях, чем как бы заслужил себе предпочтительное пред прочими отцами Вселенской церкви право на всегдашнее сочетание его имени с этою литургией. Восточная церковь не забыла попечений святого Григория, относящихся до литургии Преждеосвященных Даров. В греческих синаксарях, со времени XI века, помещаются известия о том, что святой Григорий устроил у римлян совершение полной литургии во дни поста, а позднее это известие стало изъясняться и переводиться так, что он устроил у христиан Римской империи (а такою считалась Греко-Визатийская империя) совершение преждеосвященной литургии. В Западной церкви эта литургия совершается ныне однажды в год, именно – в Великий Пяток Страстной седмицы. (См. подр. о литургии преждеосвященных даров, Смирнова, Правосл. Собес. 1892 г., с. 6–7).

1914 - Святой Григорий Двоеслов (известный в истории также под именем Великого) скончался в 604 году, 12 марта. Тело его почивает в ватиканском соборе св. апостола Петра в придельном храме, посвященном сему святому Григорию.

1915 - Диакон Иоанн, живший в половине IX века, оставил обширное жизнеописание святого Григория, составленное им на основании древних достоверных свидетельств, а описание позднейших чудес – на основании очевидцев.

1916 - Моавитяне – родственное израильтянам языческое племя, жившее по восточному побережью Мертвого моря. Родоначальником их был Моав, сын старшей дочери Лота (Быт.19:37). Моавитяне, как и многие другие народы, жившие поблизости от Мертвого моря, с самого начала своей истории отличались нравственною распущенностью.

1917 - Ваал-Фегор, – весьма чтимый моавитянами и другими языческими народами бог, служение которому отличалось особенным нечестием и распутством. Собственно именем этого бога было Ваал (с еврейского – «господин»), слово же «Фегор» есть наименование одной горы, находившейся на северо-восточном побережье Мертвого моря. Вероятно, на этой горе стоял идол Ваала.

1918 - Моровая язва уничтожила 24000 израильтян (Числ.25:9).

1919 - Скончался святой Финеес около 1500 г. до Р. Х.

1920 - Проконнис – один из островов Мраморного моря; в настоящее время этот остров называется «Мармара». Этот остров служил местом ссылки для многих исповедников во время иконоборческих смут.

1921 - Святой Никифор сначала был сановник при дворе императрицы Ирины и в мирском чине со славою защищал почитание икон на VII Вселенском соборе; в царствование императора Никифора, в 806 году, был возведен на патриаршеский престол и правил Церковью 9 лет, по истечении которых и был сослан на остров Проконнис. Скончался в 828 году 2 июня, до самой смерти не преставая свидетельствовать своими писаниями истину против иконоборцев. Память его празднуется 2 июня.

1922 - Император Лев Армянин царствовал с 813 по 820 гг., Михаил Валвос (Косноязычный) царствовал с 820 по 829 г.; Феофил царствовал с 829 по 842 г. Император Михаил III (с 842

по 867 г.) вступил на престол 4-х лет, а потому государством до 855 года управляла мать его, святая царица Феодора.

1923 - Эти патриархи правили Церковью в период времени от 815 до 842 года.

1924 - Святой Мефодий за свою ревность к иконопочитанию при Михаиле Валвосе был ввержен в темницу. Преемник Михаилов Феофил приказал бить его по щекам: челюсть его была разбита до того, что безобразный шрам, как печать мученичества, остался на всю жизнь на его лице. Для прикрытия его Мефодий, будучи патриархом, разрезал концы клобука и обвязывал ими челюсть. Из уважения к исповеднику все иноки с того времени стали носить клобук с разрезами. Затем Феофил сослал его на остров, где заключил в душной подземной пещере с двумя разбойниками. Императрица Феодора возвела его на патриарший престол и с его помощью восстановила иконопочитание. Сей святитель пас Церковь Божию 4 года и с лишком 3 месяца; скончался в 847 году 14 июня.

1925 - В 846 году.

1926 - Это было гонение, воздвигнутое Максимианом Галерием, зятем императора Диоклетиана и его преемником с 305 до 311 года. Гонение началось при Диоклетиане в 303 году.

1927 - Не существующий теперь город Пидна или Пинда находился в Македонии в провинции при Термиакском заливе.

1928 - Венедикт (или по римскому произношению Бенедикт – Benedictus) – в переводе значит благословенный.

1929 - Нурсия – небольшой город в Умбрии (в Италии).

1930 - Нощвы или ночвы (также нощвица) – лоток или сосуд, подобный лотку, употребляемый для очищения жита и прочих земледельческих потребностей.

1931 - Дол (т.е. приозерное место); в этой пустынной местности (в окрестностях современного Субиако) прежде находились виллы императоров Клавдия и Нерона.

1932 - Кос – (лат. merula) – дрозд.

1933 - Мотыка – заступ, лопата.

[1934] - Город Касин (Casinum) находится на левом берегу реки Лирис, при подошве горы Кассино (в древней Кампании – к северо-востоку от города Неаполя).

[1935] - Теперь здесь находится знаменитый монастырь Монте-Кассино. Он долгое время служил центром научного и богословского образования и местом паломничества для всего западно-христианского мира. Монастырь был разрушен лонгобардами; монахи его большею частью удалились в Рим, где, близ Квиринала, основали новый монастырь. В 720 году папа Григорий II возобновил Монте-Кассино; следовавшие за ним папы дали ему многие привилегии. Сарацины в 884 году снова разрушили его, но позже он был восстановлен; в 1340 году монастырь был еще раз разрушен землетрясением и восстановлен папою Юлием II, который приписал его к конгрегации св. Юстины. При монастыре находится обширная библиотека, прекрасные картины. Здесь же почивают мощи святого Венедикта и сестры его Схоластики. Святой Венедикт написал для этого монастыря устав, который принят был впоследствии во многих монастырях на Западе. При составлении правил монастырской жизни он руководствовался установлениями для восточных обителей Кассиана Римлянина (память его празднуется 29 февраля), но он умерил их строгость, применяясь к слабому развитию монашества на Западе. Тем не менее устав Венедикта предписывал отречение от собственности, послушание безусловное и постоянный труд. Старшим из иноков предписывалось сверх того обучение детей и переписывание рукописей. Это последнее постановление оказалось весьма благотворным впоследствии, так как оно содействовало сохранению от истребления множества памятников древности во времена невежества. И в последующее время Бенедиктинцы (название, присвоенное всем монахам, принявшим устав святого Венедикта или по римски – Бенедикта) совершили много полезного для Церкви трудами своими над сочинениями первых времен христианства.

[1936] - Аквино (у римл. Aquinum – Аквинум) – маленький город в итальян. провинции Казерта в Сорском округе; в этом

округе родился один из известнейших богословов-схоластиков Фома Аквинат.

1937 - Лонгобарды – воинственный народ, принадлежавший к германскому племени. Первоначально лонгобарды жили по р. Эльбе, затем переселились на Дунай, где сплотились и образовали государство еще в начале VI века. В 568 г., под предводительством короля Альбониса, они перешли в Италию и здесь осели. Завоевание Италии дикими лонгобардами (с ними были не менее дикие саксы, свевы и др.) сопровождалось крупным грабежом, истреблением населения, разрушением городов и насильственным захватом земель. В 774 году Карл Великий положил конец Лонгобардскому королевству. Первое время лонгобарды были арианами, в VII столетии они были обращены к Католической церкви.

1938 - Кампания – южная область Италии, расположенная вокруг Неаполитанского залива, с главным городом Неаполем.

1939 - Город Теракинийский находится в т. н. Церковной области, недалеко от моря.

1940 - Сие бывает в начале 2 части литургии – «Литургии верных». В это время диакон возглашает: елицы оглашении, изыдите… елицы вернии и т. д. Оглашенные – т.е. готовящиеся к принятию святого крещения.

1941 - Златица – золотой, червонец.

1942 - Пенязь – мелкая монета.

1943 - Сочиво – варево из гороха, бобов, овощей.

1944 - Здесь разумеется сочинение св. Григория Двоеслова «Беседы о жизни и чудесах Италийских отцов».

1945 - Капуя (Capua) – город и крепость в южной Италии на левом берегу реки Вольтурно. В древности была первым городом Кампании.

1946 - Преподобный Венедикт скончался в 543 году.

1947 - Город Лампсак находился во Фригии, северо-западной провинции в Малой Азии, на берегу Геллеспонта, ныне Дарданнельского пролива.

1948 - Преподобный Евсхимон скончался в IX в.

[1949] - Диоклетиан, римский император, царствовал с 284 по 305 г. и управлял восточною половиною Римской империи. Западною же половиною управлял друг его, Максимиан.

[1950] - Газа – значительный приморский город в Малой Азии, некогда принадлежавший филистимлянам.

[1951] - Понт Евксинский, т.е. Черное море. «Понт Евксоинский», собственно значит: «гостеприимное море». Таково наименование усвоено было Черному морю переселенцами из римлян, основавшимися близ этого моря.

[1952] - Диоспол находился в Палестине к сев. – зап, от Иерусалима.

[1953] - Т.е. в 303 году.

[1954] - Аврелиан, римский император, царствовал с 270 по 276 г.

[1955] - Памфилия – область Малой Азии.

[1956] - Кипр – остров в северо-восточной части Средиземного моря.

[1957] - Под Британиею следует разуметь Сицилийские острова и Корнваллис.

[1958] - Обитателями Британии были кельты, – люди суровые, воинственные.

[1959] - Некоторые полагают, что сей святой Аристовул был отцом святых Апостолов Иакова и Иоанна и носил прозвище «Зеведей»; но это едва ли правильно. Вероятнее всего, что сей святой Аристовул происходил из Кипра, имел братом своим Варнаву; и был иной, чем отец Иакова и Иоанна, который назывался Зеведеем (это было не прозвищем его, а подлинным именем).

[1960] - Златница – вообще золотая монета, неопределенной ценности.

[1961] - Разумеется река Нил.

[1962] - Смерть святого последовала в 287 году.

[1963] - Карие – малоазийская провинция, граничивщая на севере с Лидиею, на востоке с Фригиею.

[1964] - Зевс (или Юпитер) почитался у греков и римлян главным богом, – отцом богов и людей, повелителем неба и земли, грома и молнии, ветров и дождей.

[1965] - Ираклий (или Геракл, Геркулес), – бог, обладавший, по мнению язычников, большою физическою силою и совершивший, как повествует греческая мифология, множество разного рода подвигов, вроде победы над киферонским львом и т. под.

[1966] - Гермес (или Меркурий) – языческий бог, по сказаниям греческой мифологии, сын Зевса и Маии, дочери Атланта, рожденный на аркадской горе Киллене. Отличительною чертою его в греческой мифологии является его хитрость и изворотливость.

[1967] - Святые мученики Трофим и Фал скончались около 300 года.

[1968] - Рим, главный город римского государства, находится в средней Италии, расположен по обеим берегам реки Тибра, при впадении её в море. По древнему сказанию, он был основан Ромулом (ум. 707 г. до Р. Х.) на холме Палатинском в 753 г. до Р. Х., потом распространился на шести соседних холмах, отчего и называется семихолмным; указание на эти семь холмов Рима находится и в Апокалипсисе (Откр.17:9). В начале своей истории Рим представлял собою только группы хижин, сделанных из глины и покрытых камышом, но затем стал обогащаться вследствие удачных войн с соседними народами – сабинянами, вольсками, латинянами, галлами, этрусками, которые в 273 г. до Р. Х. все были объединены под властью Рима. Тогда римляне начали подчинять себе народы, жившие вне Италии, и скоро Карфаген, Македония, Греция, Иллирия и Азия, перешедшая к римлянам мирным путем по завещанию пергамского царя Аттала III в 132 г. до Р. Х., сделались провинциями Рима. В 63 г. до Р. Х. римский полководец Помпей вступил после трехмесячной борьбы в Иудею и взял Иерусалим; с этих пор иудеи сделались данниками Рима и навсегда лишились своей свободы и независимости. При Августе, первом римском императоре, в 30-й год царствования которого родился Господь Иисус Христос, подчинялся Риму и

Египет. Таким образом, пред пришествием Христа Спасителя Рим достиг могущества и славы, включая в свою империю почти все известные тогда народы; богатства со всех стран света стекались в него; дела всех народов решались в римском сенате. Но время могущества Рима было началом его падения. Беспрестанные войны разоряли и уменьшали зажиточные классы римских граждан, а богатые и знатные фамилии, скупая за бесценок земли разорившихся семейств, еще более богатели; поэтому население Рима разделилось на два класса: богачей и бедных. В то время как роскошь первых доходила почти до невероятных размеров, последние находились в нищете и угнетении; целые состояния тратились на один обед, а бедняки не имели куска хлеба. Со времени покорения Греции в Риме стали распространяться философские учения, подрывавшие народную религию, и неверие широкой волной разлилось сначала среди высших, а потом и низших классов: предметы религиозных верований открыто высмеивались на сценических представлениях. Вместе с неверием стала распространяться и безнравственность; распущенность, дошедшая до совершения противоестественных пороков (Римл. 1:26–27), заменила собою прежнюю чистоту и строгость нравов. И только возрождающая сила христианства спасла Рим от окончательной погибели. Христианство проникло в Рим очень рано. Уже император Тиверий (14–37 г.) по преданию слышал проповедь о Христе; при преемнике его Клавдии (41–54 г.) в Риме были сильные раздоры между христианами из евреев и иудеями. При Нероне (54–68 г.), благодаря проповеди Ап. Павла, продолжавшейся целых 2 года (Деян. 28:30), христиане умножились; в царствование второго императора было первое гонение на христиан, несправедливо обвиненных в поджоге Рима: во время этого гонения приняли мученическую кончину свв. Апп. Петр и Павел. Но гонение не уничтожило христианства: при Домициане (81–91 г.) оно проникло даже в род императора: брат Домициана Флавий Климент был казнен за то, что был христианин; в царствование этого императора св. Иоанн Богослов был сослан на остров Патмос, где удостоился откровения о будущих судьбах мира и Церкви (Апок. 1:9). Со

времени Нерона и Домициана гонения на христиан воздвигались вплоть до 313 г. Особенно сильны были они при императоре Диоклетиане (285–306 г.), положившем начало разделению Римской империи; он избрал себе в соправители Максимиана и разделил государство между ним и собою, потом каждый соправитель избрал себе по помощнику, так что империя разделилась на четыре части. По отречении от дел правления Диоклетиана и Максимиана управление перешло к Констанцию Хлору и Галерию, первому наследовал сын его Константин (306 г.), который и издал указ 313 г., дозволявший переход каждому желающему в христианство. Сделавшись единодержавным (324 г.), он перенес свое местопребывание на восток, в Византию, названную впоследствии Константинополем. Здесь он окружил себя христианами, которых назначал на высшие государственные должности; он установил законом празднование воскресного дня, строил много храмов; при его содействии был созван Первый Вселенский собор (325 г.). При императоре Феодосии Великом, воспретившем указом 392 г. языческое богослужение, Римская империя окончательно разделилась на Восточную и Западную (395 г.). Первая пала под ударами турок в 1453 г. при Магомете II, а вторая, в состав которой входили Италия, Африка, Британия и Испания – в 476 г.; в 476 г. после отречения от престола последнего римского императора Ромула Августа над Италиею воцарился предводитель Герулов Одоакр.

[1969] - День у римлян, точно так же как и ночь, разделялся на четыре части, называвшиеся первым, третьим, шестым и девятым часами. Под первым часом разумелись наши седьмой, восьмой и девятый часы утра, под третьим – десятый, одиннадцатый и двенадцатый часы утра, под шестым – первый, второй и третий часы пополудни, под девятым – четвертый, пятый и шестой часы пополудни.

[1970] - Отличием порфирных материй от других был их красный цвет; краска для них добывалась из особого рода морских водорослей.

[1971] - Лаодикия, древний город Малоазийской области Фригии на соединении рек Лика и Галифа, был основан

Антиохом II (261–246 г. до Р.Х.) в честь своей супруги Лаодики. Во времена Христа был чуть ли не первым городом Малой Азии, так как лежал на торговом пути, соединявшем Восток и Запад. Начало христианства здесь, вероятно, положено не самим Ап. Павлом (Кол. 2:1), а учителем Колосской церкви Епафрасом (Кол. 1:7). Церкви Лаодикийской Ап. Павел написал особое послание; она упоминается и в Апокалипсисе в числе замечательнейших Малоазийских Церквей (Откр. 3:14–22). В 360 г. в Лаодикии был Поместный собор, правила которого (60) касательно порядка богослужения, поведения клира и мирян вошли в церковный канон. В 1255 г. город был взят турками, а в 1402 г. разрушен Тамерланом. Теперь лишь одни развалины на невысоком холме близ опустошенного селения Эски-Гиссара говорят о когда-то бывшем здесь древнем городе.

1972 - Месопотамия, т. е. Междуречье, древняя Сеннаар (Быт. 10:10), место рождения и жительства Авраама до выхода в землю Харран (Быт. 11:28; Деян. 7:2); так называется пространство, лежащее между реками Тигром и Евфратом, ограниченное на юге Персидским заливом, на севере – горами Армении. В более тесном смысле Месопотамией называется северная часть этой области, т. н. Эль-Джезир, тогда как южная часть области известна под именем Вавилонии, нынешняя Ирак-Араби, т. е. древняя Вавилония. В эпоху римлян страна разделялась на две части: Озроена на западе, перешедшая к Риму в 217 г. по Р. Х. с главным городом Эдессой, и Мигдония на востоке, с главным городом Низибидой, завоеванной в 115 г. римским императором Траяном. Начало христианства в Месопотамии положено спутником Ап. Ермы Иудою или Фаддеем – по преданию одним из семидесяти учеников Господа Иисуса Христа; Иуда основал в Эдессе церковь. В окрестностях Низибиды родился св. Ефрем Сирин (III-IV вв.); епископ Низибийский Фома Варсума был ревностным поборником несторианской ереси, учившей, что превечно рожденное от Отца Слово Божие только обитало в человеке Иисусе, пребывая с Ним в особом, нравственном соединении. В XI столетии, при нападении сельджуков и турок, Месопотамия склонилась к упадку и теперь принадлежит Турции; жители – турки, курды,

арабы, армяне, сирийцы. Месопотамия имела весьма важное историческое значение при ассирийском и вавилонском владычестве.

1973 - Эдесса, нынешняя Урфа, город на севере Месопотамии на реке Евфрат, с 137 г. до Р. Х. главный город вновь образованного Озроенского или Эдесского государства; в 217 г. по Р. Х. превращена римлянами в восточную колонию. В Эдессе рано распространилось христианство; в IV в. св. Ефремом Сириным здесь была основана богословская школа, в V веке склонившаяся к несторианству, в пользу которого особенно много действовал учитель эдесской школы, пресвитер Ива. В 641 г. Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 г. ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 г. она покорена была турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 г. окончательно не подпала под власть Турции.

1974 - Нерукотворенный образ Иисуса Христа, или убрус, с отпечатавшимся на нем Ликом Спасителя, который Он послал князю Эдесскому Авгарю для исцеления от глазной болезни. Нерукотворенный образ хранился в Эдессе до 994 г., когда был куплен императором Константином Порфирородным и перенесен 16 августа в Константинополь; отсюда он был похищен венецианцами и утонул в Мраморном море. Празднество 16 августа.

1975 - Киликия, Малоазийская область, лежащая на юго-востоке, сначала подпала под власть Македонии, затем принадлежала Парфянскому и Армянскому царству; в 68 г. до Р. Х. лучшая, восточная часть ее сделалась римской провинцией; окончательно она покорена при Веспасиане (69–79 гг.). Апостол Павел был родом из киликийского главного города Тарса (Деян. 9:11), сюда удалился по своем обращении (Деян. 9:30) и конечно проповедовал здесь Евангелие; во второе путешествие Апостол проходил Киликией, утверждая верующих (Деян. 15:41). Теперь Киликия принадлежит Турции.

1976 - Руфь, родом моавитянка, удостоившаяся войти в родословную Давида как праматерь его (Руф. 4:17), и поэтому в

родословную Самого Иисуса Христа (Матф. 1:5); история её содержится в св. книге, носящей её имя.

1977 - Это был папа Иннокентий I (402–417 гг.). Он боролся с расколом донатистов, убедив императора Гонория издать против них строгий закон, подтвердил соборное определение (416 г.) против еретиков пелагиан, отрицавших необходимость благодати для спасения; он первый стал основывать учение о первенстве папы, ссылаясь на то, что они являются преемниками Ап. Петра.

1978 - Здесь разумеется Аркадий, восточно-римский император, сын Феодосия Великого, по смерти отца (395 г.) получил т. н. Восточную империю, тогда как брат его Гонорий получил Западную; родился в 377 г., ум. в 408-м. Во всё время его царствования государством управляли люди, умевшие подчинить своему влиянию слабохарактерного императора. Так, в начале его царствования государством управлял Руфин, увеличивший и без того огромную тяжесть налогов, умноживший число денежных штрафов и тем наведший ужас на империю. По смерти Руфина место его занял евнух Евтропий, убедивший с целью собственного обогащения императора издать строгий закон (397 г.), каравший смертною казнью и отнятием имущества за всякий злой умысел не только против императора, но и высших лиц. Наконец, императрица Евдокия добилась казни Евтропия (399 г.), и Аркадий подчинился всецело своей супруге, известной своим враждебным отношением к св. Иоанну Златоусту, бывшему тогда Константинопольским патриархом. По ее настоянию император утвердил решение «собора под дубом» (403 г.) о низложении Иоанна Златоуста и отправил его в ссылку, но потом возвратил, испугавшись народного возмущения. В 404 году приказал опять отправить его в заточение, сделав это, как и в первый раз, под влиянием Евдокии, оскорбившейся на Иоанна Златоуста за его проповеди, обличавшие роскошную и безнравственную жизнь двора. При Аркадии миссионеры, снабженные его грамотами, проповедовали христианство по провинциям тем язычникам, которые еще не обратились ко Христу. Гонорий, западно-римский император, брат императора Аркадия. В начале его

царствования во главе управления стоял умный политик и знаменитый полководец Стилихон, не раз отражавший нападения на империю вестготов, вандалов, свевов, бургундов. После его падения и казни дела империи пошли к худшему. В 408 году предводитель вестготов Аларих осадил Рим и заставил заплатить тяжелую дань, а в 410 г. он овладел городом и отдал его на разграбление войскам. По смерти Аларика шурин его Атаульф заключил с Гонорием мир, после которого вестготы удалились за Альпы. При Гонории был в 411 г. собор против раскольников донатистов, отделившихся от Церкви за то, что она принимала покаявшихся отступников во время гонений, потому что, по их мнению, церковь перестает быть святою, если среди ее членов находятся грешники. По приказанию Гонория были разрушены все оставшиеся языческие храмы, а сами язычники были удалены от государственных должностей.

1979 - Хартулариями назывались управляющие канцелярией, находящейся при патриархе.

1980 - Тело его было погребено в церкви муч. Вонифатия в 1216 г., и над ним построена великолепная церковь.

1981 - Житие преподобного Макария Колязинского, составленное в 1546–1547 году по монастырским воспоминаниям и рассказам отчасти даже очевидцев жизни преп. Макария, равно как и по некоторым записям, встречается во многих рукописях начиная с 16-го столетия, но сполна в подлиннике не напечатано. Здесь в основу изложения положен текст сборника Синод. Библ. ЛЗ 555. В рукописи Свод. Библ. № 927, содержащей так называемый волоколамский патерик, находится рассказ о Макарии Колязинском Досифея Топоркова со слов преподобного Иосифа волоцкого; этот рассказ здесь принят во внимание, равно как и отзыв о Макарии в его монастыре в повести Иосифа волоцкого о русских подвижниках. – Много данных о преподобном Макарии и его монастыре содержится в подлинных документах, хранящихся в монастыре. См. книжки: «Описи древних грамот и др. документов, хранящихся в архиве первоклассного Троицкого Колязина монастыря. Тверь 1891»; Кормовая книга Колязина монастыря» И. А. Иванова. Тверь. 1892 г.; «Описание Троицкого Колязина

мужского первоклассного монастыря Тверской Епархии», составленное Алексеем Лебедевым. Ярославль, 1867.

[1982] - Наименование Макария Колязинским произошло от наименования самого монастыря, о чем сказано ниже.

[1983] - Кашин – уездный город Тверской губернии на левом берегу Волги в 12 верстах от нее, на реке Кашинке, и в 19 верстах от уездного же города Тверской губ. Колязина.

[1984] - Василий Васильевич Темный княжил с 1425 г. по 1462 г.

[1985] - Клобуковский Николаевский монастырь подле города Кашина с 1764 г. – заштатный. В нем до настоящего времени сохраняется келлия преподобного Макария.

[1986] - Епископ Моисей управлял Тверской епархией с 1453 г. по 1459 год.

[1987] - Преподобный Ефрем Перекомский, уроженец города Кашина, начал подвизаться в Макариевом Калязинском монастыре, а пострижение принял в обители преподобного Саввы Вишерского. Удалившись в пустынное место на западный берег озера Ильменя, он положил начало обители в 25 верстах от Новгорода. Ныне заштатный Перекомский Николаевский монастырь. Память преп. Ефрема празднуется 10 мая.

[1988] - Князь Андрей Васильевич Большой был четвертый сын великого князя Московского Василия Василевича Темного и родной брат Московского великого князя Иоанна Васильевича III. Он получил в удел город Углич по духовному завещанию своего отца, скончавшегося в 1462 году. В 1492 г. князь Андрей был посажен в заточение в Переяславле-Залесском и скончался в 1494 году.

[1989] - Великий князь Иоанн Васильевич III, сын Василия Васильевича Темного, правил русским государством с 1462 по 1505 год.

[1990] - Основанный преподобным Паисием Покровский монастырь находится в трех верстах от города Углича (Ярославской губернии), на левом берегу Волги, в настоящее время третьеклассный. Паисий основал монастырь по просьбе угличского князя Андрея Васильевича, у которого был

восприемником детей Иоанна и Димитрия. Преподобный Паисий скончался в глубокой старости в 1606 году, июня 6, когда и празднуется его память.

[1991] - Епископ Нил, грек, управлял тверскою епархиею о 1509 по 1521 г.

[1992] - Митрополит Даниил, ученик Иосифа Волоколамского, хиротонисан из игуменов Иосифова монастыря в 1522 году; оставил кафедру в 1539 году.

[1993] - Инок князь Вассиан Патрикеев был судим на соборе в 1531 г. и мнения свои о новых русских чудотворцах высказал здесь в прении с митрополитом Даниилом. «Прение» ж то см. в «Чтениях. Общ. Ист и Древн. Росс. при Моск. Унив.» за 1847 год; изложение в Истории Русской Церкви преосв. Макария, т. 6, стр. 200.

[1994] - После открытия мощей в 1521 году было установлено местное празднование прп. Макарию, а на соборе 1547 г. – всецерковное, и он наименован «великим чудотворцем». См. Е.Е. Голубинский, История Канонизации святых в Русской церкви, стр. 83 и 100.

[1995] - Димитриевский или Дмитровский монастырь в городе Кашине на берегу реки Кашинки основан в пятнадцатом столетии; с 1764 г. доныне заштатный.

[1996] - Мощи преп. Макария почивают открыто в серебряной вызолоченной раке, устроенной в 1700 году, и переложены в нее архиепископом Тверским Сергием с четырьмя архимандритами 18 сентября 1700 года.

[1997] - Констанций, сын Константина Великого, по смерти отца получил восток, Азию и Египет; в 361 г. победив убийцу брата своего Констанса, Магнеция, он соединил под своею властью всю римскую империю. Он разрушал языческие храмы или отдавал их христианам для обращения в церкви; несколько раз им издавался закон, под страхом смерти запрещавший языческие богослужение. Но своим сочувствием ереси Ария Констанций сильно увеличил религиозные раздоры того времени; он преследовал православных епископов, не разделявших заблуждений ариан, низводил их с кафедр и даже

подвергал заточению; при нем ариане занимали высшие места в государстве. Констанций умер в 361 г. во время похода против своего двоюродного брата Юлиана, провозглашенного войсками в Галлии императором, куда он сам его назначил главнокомандующим. Григорий Назианзин сообщает, что пред смертью Констанций раскаивался в своем преследовании православных.

1998 - Родоначальником арианской ереси был пресвитер Александрийский Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним Божественных совершенств, – всемогущества, всеведения и проч. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на первом (326 г.) и втором (381 г.) Вселенских соборах, причем было установлено равенство Сына Божия с Отцом, что и исповедует каждый христианин во втором члене Символа Веры, которой был составлен отцами 1-го Вселенского собора. В V в. арианство исчезло из Римской империи, но возродилось в Германии среди готов, бургундов, вандалов и лонгобардов.

1999 - Македоний был епископом Константинопольским во время Констанция и разделял ересь Ария. Низложенный впоследствии за свою жестокость даже к арианам, он, желая быть главою нового учения, развил в смысле Ария учение о Св. Духе: Македоний считал Св. Духа по существу отличным от первых двух Лиц Св. Троицы, не имеющим участия в Божестве и славе Отца и Сына. Ересь Македония была осуждена на втором Вселенском соборе (381 г.) и в восьмом члене Символа Веры навсегда было установлено истинное учение Церкви о Св. Духе. С ересью Македония особенно деятельно боролись свв. отцы Церкви: Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

2000 - Кесария, город находившийся на восточном берегу Средиземного моря, на север от Яффы, древней Иоппии. Он был построен Иродом на развалинах древнего хананейского города Стратона в честь Кесаря Августа. При императоре Веспасиане (69–79) она была обращена в римскую колонию. Еще до разрушения Иерусалима Кесария сделалась местом пребывания римских прокураторов (Деян. 23:23–24). во времена

апостольские этот город был замечателен тем, что здесь был обращен в христианство Апостолом Петром первый язычник, сотник Корнилий (Деян. 10:1–48); здесь жил ап. Филипп, один из первых диаконов (Деян. 8:40; Деян. 21:8); сюда приходил Ап. Павел и здесь 2 года пробыл в узах (Деян. 9:30; Деян. 18:22; Деян. 21:8; Деян. 23:23; Деян. 24:1–27; Деян. 25:1–27; Деян. 26:1–32). По разрушении Иерусалима Кесария была главным городом Палестины и местопребыванием епископа. В 638 г. с распространением магометанства, Кесария подпала под власть турок, от которых была освобождена во времена Крестовых походов Балдуином в 1102 г., но в 1265 г. опять была завоевана турками и совершенно разрушена, так что от города остались одни развалины.

2001 - Это было в 351 г.

2002 - Голгофа, гора на которой был распят Господь Иисус Христос: она находилась ранее вне Иерусалима (Мф. 27:32–33; Иоан. 19:17–41; Евр. 13:12), лежит на северо-западной стороне. Свое название Голгофа, с еврейского «череп», Лобное место (Лк. 23:33), вероятно, получила по сходству с черепом. По преданию здесь был погребен Адам.

2003 - Гора Елеонская или Масличная одна из гор иудейских, лежит к востоку от Иерусалима (Иезек. 11:23); свое название Масличной, она получила, благодаря множеству росших на ней масличных деревьев. Господь, Иисус Христос во время Своей земной жизни часто приходил на гору с учениками Своими (Ин. 8:1; Ин. 18:2). На западном склоне горы Елеонской находится Гефсиманский сад, где Господь молился в ночь пред страданиями и где был предан Иудою (Мф. 26:30–60; Мк.14:26–46; Лук. 22:39). На юго-восточном склоне горы находилось селение Вифания, откуда Господь предпринял торжественной вход в Иерусалим (Мф. 21:21; Лук. 19:29). По преданию с горы Елеонской Господь вознесся на небо (Деян. 1:12). В IV в. матерью Константина Великого на горе Елеонской был воздвигнут христианский храм, обращенный впоследствии турками в мечеть.

2004 - Это разрушение произошло, спустя несколько десятков лет по смерти Христа Спасителя, Который часто

предсказывал Иерусалиму ожидающую его печальную участь (Мф. 24:1–51; Мк. 13:1–37; Лук. 19:41–44). В царствование Нерона (54–68) иудеи восстали против римлян. Нерон отправил против возмутившихся войско под предводительством Веспасиана, который вскоре овладел Галилеей и готовился уже осадить Иерусалим, но, будучи выбран императором на место погибшего Нерона, окончание войны предоставил своему сыну Титу. После годовой осады Тит взял Иерусалим. Город подвергся страшному разрушению, так что осталось лишь несколько башен и зданий. Иудеев от голода во время осады погибло до 1.100.000 (миллион сто тысяч); около 97.000 было взято в плен. Затем при императоре Адриане (117–138) город подвергся окончательному разрушению. Но со времени Константина Великого христианская религия восторжествовала над язычеством, и Иерусалим начал возрастать и украшаться.

2005 - Сарды – древний и богатый город Малоазийской области Лидии, столица Лидийского государства; в 545 г. до Р. Х. перешел к Пергам, а от них к Грекам, Александру Македонскому и, наконец, к Римлянам. При императоре Тиверии (14–36) город пострадал от землетрясения; Тиверий снова восстановил его. Во времена Апостольские Сарды были еще значительным городом. Христианство возникло здесь очень рано: уже в Апокалипсисе находится упоминание о церкви Сардийской (Откр 3:1–5). При императоре Аркадии (395–408) город был разрушен готами; в X в. Тамерлан сравнял его с землею. В настоящее время на месте когда-то богатого и славного города находится маленькая деревушка Оарт

2006 - Церковь Иерусалимская потому называется матерью всех церквей, что отсюда вышли по повелению Господа Апостолы на благовестие, распространяя учение Христово до концов земли (Деян. 18:1–28)

2007 - Тарс, город Малоазийской области Киликии, замечателен тем, что здесь родился св. Ап. Павел (Деян. 22:3); Апостол в Тарсе готовился к благовестию Христову и отсюда был вызван Варнавою для проповеди Евангельской (Деян. 9:11–30; Деян. 11:25). Поэтому в Тарсе рано возникло христианство (Деян. 15:23–41).

2008 - Селевкия, город Сирии, на берегу Средиземного моря; по всей вероятности его основал царь Сирийский Селевк Никатор около 300 г. до Р. Хр.; здесь Ап. Павел во время первого своего путешествия останавливался для проповеди и отсюда отплыл в Кипр (Деян. 13:4). В VI в. по Р. Х. город был разрушен.

2009 - Юлиан Отступник, племянник Константина Великого, сын его брата Юлия Констанция, родился в 331 г. В 345 г. вместе с братом Галлом был сослан в Каппадокию Констанцием, где под строгим надзором провёл шесть лет. В 351 г. он покинул место ссылки и провел несколько лет в Никомидии, где увлекался изучением философии; в 355 г. был назначен Констанцием начальником войск в Галлии; здесь он умел привлечь любовь войска, которое в 361 г. и провозгласило его императором. Изучение философии под руководством учителя язычника, раздоры среди христиан вследствие арианских волнений, ненависть к Констанцию возбудили в Юлиане ненависть и к религии своего притеснителя – христианству. Он задался целью восстановить язычество и уничтожить христианство. Но все его попытки потерпели полнейшую неудачу. Юлиан умер в 363 г. в походе против Персов.

2010 - Первоначально храм был построен Соломоном на горе Мориа в 488 г. по исходе евреев из Египта (3Цар. 6:37–38; 2Пар.6–7 гл.); в 689 г. был разрушен вавилонским царем Навуходоносором. После 70-летнего плена, получив в 531 г. до Р. Х. позволение от Кира возвратиться в Иерусалим и построить храм, иудеи возвратившись в Палестину заложили на второй год храм и окончили постройку в 616 г. Особенно содействовал украшению послепленного храма Ирод Великий. Во время взятия Иерусалима Титом один из воинов бросил в окно горящую головню и храм сделался добычею огня.

2011 - Юлиан разрешил евреям постройку храма, издеваясь над пророчеством Христа Спасителя о его уничтожении (Лук. 21:6).

2012 - Феодосий Великий нанёс окончательной удар язычеству: сделавшись в 392 г. единодержавным, он издал

закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.

2013 - Из оставленных им сочинений особенно примечательны 23 огласительных поучения, из которых 18 относятся к готовящимся к крещению и к новокрещенным; в них содержится ясное и простое изложение по членам символа догматов веры. Сохранилась еще «беседа о расслабленном» и отрывки из «беседы о претворении воды в вино в Кане»

2014 - Халкидон – город в Малой Азии, расположенной на южном берегу Пропонтиды (Мраморного моря). Халкидон в древности был главным городом римской провинции Вифиния. В церковной истории этот город замечателен как место IV Вселенского собора (бывшего в 451 г. по поводу ереси монофизитов, учивших, что в Иисусе Христе была одна природа – божеская, которая поглотила будто бы природу человеческую).

2015 - Закхей – начальник мытарей в городе Иерихоне, живший во время земной деятельности Господа и удостоенный от Него особенного внимания за свою ревность к слушанию проповеди Господа. Отличаясь малым ростом, Закхей влез однажды на смоковницу, чтобы видеть Господа из-за большой толпы, окружавшей Его, народа (Лук. 19:1–10).

2016 - Евфрат – одна из самых больших рек Азии.

2017 - Сирия – малоазийская область, граничившая: на востоке – с рекою Евфратом, на юге – с Аравией, на западе – с Палестиной, Финикией и Средиземным морем, на севере – с Киликией и Каппадокией. Северная половина Сирии более плодородна и богата растительностью, нежели южная, которая местами переходит в пустыню

2018 - Персия – область на юге Азии, лежавшая между Каспийским морем и Персидским заливом.

2019 - Стадий – первоначально продолговатая площадь, предназначавшаяся у греков для состязаний в беге. Так как этим наименованием обозначалась площадь всегда определенной длины (обыкновенно 600 фут.), то стадий был принят в качестве меры длины. Он равнялся приблизительно 88 русским саженям или 190 метрам.

2020 - Неокесария – один из больших городов Каппадокии – малоазийской области. В 316 г. здесь происходил Поместный собор, занимавшийся вопросами церковного благоустройства. На месте древней Неокесарии теперь существует местечко Никсар.

2021 - Апамея – область в юго-западной Сирии, расположенная на берегу реки Оронта.

2022 - Варвар – вообще иноплеменник, иностранец

2023 - Святые Трофим и Евкарпий скончались около 300 года.

2024 - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Македонским в IV веке до Рождества Христова на берегу Средиземного моря, при устье реки Нила. Александрия после Рима была первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства – рассадником христианского просвещения. Христианство было принесено сюда, по преданию, святым Евангелистом Марком около 60 года.

2025 - Рим – главной город римского государства – лежит в средней части Италии, по обеим сторонам реки Тибра, при впадении его в море. В Риме скончались мученически при Нероне святые Апостолы Петр и Павел.

2026 - Афина (также-Паллада или Минерва) – греческая богиня, дочь верховного бога Зевса, родившаяся без матери из его головы. Афина у греков была вообще олицетворенным разумом Зевса: разум и сила – главные черты этой богини. Сохранительница города – Афина поощряет всё, что содействует благосостоянию граждан, земледелие и ремесла; её ум изобрёл многие полезные вещи; она занимается и учит всякому женскому ремеслу; она – богиня всех художеств и ремесел, всякой мудрости и науки. Она блюдет за применением права и закона, за судами и народными собраниями. В то же время она – богиня войны, и изображалась иногда в военных доспехах.

[2027] - Адамант (алмаз) – камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим святым (особенно отцам и учителям Церкви), прославившимся твердостью своей веры и характера.

[2028] - Крон или Кронос (или Хронос, – время)-бог времени, сын Урана (небо); он пожирал собственных детей, но супруга его Рея спасла Зевса и спрятала его в камышах острова Делоса, где он, был вскормлен козою.

[2029] - Зевс (или Юпитер) – греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[2030] - Ганимид (или Ганимед) – сын царя Троя, прекраснейший из смертных, которого боги похитили на небо, чтобы он там вечно жил и наполнял Зевсу кубок. (По мифологии, Зевс унес его или через своего орла, или сам в виде орла). Впоследствии Ганимид делается виночерпием богов и особенно Зевса, становясь любимцем последнего.

[2031] - Эрмий (Гермес) или Меркурий считался вестником богов, покровителем торговли и ораторов и был одним из популярнейших языческих богов. (Так невежественное народонаселение городов Листры и Ликаонии было настолько поражено чудесами Апостолов Павла и Варнавы, что назвало Варнаву Зевсом, а Павла Эрмием, потому что он начальствовал в слове. – Деян.14:12).

[2032] - Геркулес, (Геракл или Ираклий) был сын царицы Алкмены и бога Зевса. Он служил высшим идеалом греческой богатырской силы; был национальным героем греков.

[2033] - Аполлон (или Феб) – сын Зевса и Латоны, один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца и умственного просвещения, а также благополучия общественного и порядка, охранителем закона, божеством предсказания будущего.

[2034] - Бахус (Дионис) – сын Зевса и Семелы, бог винограда и виноделия, даром вина радующий сердце людей и разгоняющий

печаль и заботы. Празднества в честь Бахуса сопровождались сильною разнузданностью.

[2035] - Паллада см. выше под словом Афина.

[2036] - Венера – греко-римская богиня любви, красоты, сладострастия и нечистых похотей.

[2037] - Епарх – правитель города или области.

[2038] - Тривун (трибун) – нечто вроде полковника или ротного командира.

[2039] - Император Нумериан царствовал с 283 по 284 г.

[2040] - Горе – кверху, т. е. к небу.

[2041] - Ниц – лицом, вниз, на лице свое.

[2042] - Эти борцы в римских цирках известны под именем гладиаторов.

[2043] - На этом месте был древний водопровод, приспособленный христианами к погребению усопших.

[2044] - Кончина святых мучеников Хрисанфа и Дарии последовала в 283 году. (Некоторыми же кончина святых мучеников относится к 256 году, ко времени царствования императора Валериана).

[2045] - В 284 году римская империя разделилась на восточную и западную. Первою управлял Диоклетиан и жил в Никомидии, а второю – Максимиан, имевший своею резиденциею Рим. Оба царствовали с 284 до 305 года.

[2046] - Узы или Узипеты обитали в западной Германии на правом берегу реки Рейна на север и на юг от притока этой реки. Город Вилапат на картах не означен, но думают, что он носил название Виллы.

[2047] - Слово «назарянин» употреблено здесь в смысле христианина, последователя Христа, Которого иудеи называли этим именем, потому что большую часть Своей земной жизни Он провел в Назарете.

[2048] - Сакелларий – главный дворецкий при дворе римских императоров.

[2049] - Т. е., христианскую. Христиан в насмешку называли галилеянами.

[2050] - Местом народных зрелищ в Риме был цирк. Здесь происходили состязания бойцов между собою и со зверями. Здесь же во время гонений отдавали христиан на растерзание диким зверям.

[2051] - Мученическая кончина святого Панхария последовала около 302 г.

[2052] - Это была ночь под Великую пятницу.

[2053] - Святая Фотина – та самая жена самарянка, с которой беседовал Господь у колодезя. Рассказ о беседе Спасителя с женою Самарянкою находится в Евангелии (Ин. 4:5) и далее.

[2054] - Император Нерон царствовал в Риме с 64 до 68 года. Бывшее при нем гонение на христиан началось с 65 года и продолжалось до 68 года, когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это гонение пострадали в Риме святые Апостолы Петр и Павел.

[2055] - Карфаген – древний приморский город на севере Африки, основанный финикиянами и бывший знаменитой в древности их колонией. Разрушенный в 146 году до Р. Х., восстановлен был при первых римских императорах, достиг высокой степени процветания и отличался в первые века христианства сильным развитием языческого греко-римского культа, отчего долгое время в нем держались суеверия, чародейства и, так называемые магические искусства. Ныне на его месте находится город Тунис.

[2056] - Атталия – город в провинции Памфилии, расположенной в южной прибрежной части Малой Азии. Этот город основан был за 1,5 века до Р. Х. Атталом II Филадельфом, который и назвал его своим именем.

[2057] - Имя Фотин значит светозарный и происходит от греческого слова «фос», «фотос», что означает свет, особенно свет дневной, солнечный.

[2058] - Выражение это заимствовано из Евангельских слов: «претерпевший же до конца, спасется» (Матф. 24:13).

[2059] - У Римлян за начало дня по нашему счислению считалось время от 6 часов утра. Отсюда 3 час дня соответствовал нашему 9 час. утра, 6–12 час. дня.

[2060] - Кувуклий означает здесь дом, дворец императора. «Золотой дом» Нерона известен необыкновенными своими размерами, высотою и богатством своих украшений. Некоторые комнаты и сени этого дома были украшены золотом и драгоценными камнями.

[2061] - Кончина святой Фотины последовала около 66 года. Церковь и мощи ее были в Константинополе за Влахернскими вратами.

[2062] - Здесь разумеется Максимиан Галерий, после отречения Диоклетиана самостоятельно правивший восточною частью империи с 305 до 311 г.

[2063] - Город Амис, ныне Самсун, находился в Малоазийской римской провинции Понте, на берегу Понта Евксинского (Черного моря) при заливе того же имени.

[2064] - Святые мученицы скончались в 310 году.

[2065] - Константин Копроним, император византийский, царствовал с 741 г. по 776 г. Он был ревностнейшим иконоборцем. Его царствование было временем, когда иконоборство достигло своего наибольшего расцвета.

[2066] - Маврикий, император византийский, царствовал с 582 г по 602 г.

[2067] - Сакелларий – соборный хранитель утвари, ризничий.

[2068] - Кириак патриаршествовал от 595 г по 606 г

[2069] - Император Фока царствовал с 602 г. по 610 г.

[2070] - Св. Фома патриаршествовал с 607 г. по 610 г.

[2071] - Галатия – малоазийская область.

[2072] - Монофелиты, – признавали в Иисусе Христе только одну волю – божескую. Ересь эта была осуждена на VI Вселенском соборе, бывшем в 680 г. в Константинополе.

[2073] - Юлиан Отступник царствовал с 361 г. по 363 г.

[2074] - Геката – божество лунного света.

[2075] - Римский император Траян царствовал с 98 до 117 года. В 99 году он возобновил существовавший раньше закон, запрещавший тайные общества и косвенно касавшийся христиан, а в 104 г. издал и положительный закон против них.

Начиная с этого года, гонение продолжалось до конца его царствования.

2076 - Аполлон или Феб, сын Зевса и Латоны, был одним из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Он почитался богом солнца и умственного просвещения, а также – богом порядка и общественного благополучия.

2077 - Галилеянами в насмешку называли христиан.

2078 - Кампания – область средней Италии. Один из замечательных городов ее, Неаполь, расположен на северном берегу Неаполитанского залива. В этой области впервые изобретены были колокола, которые в церковно-богослужебных книгах по месту своего происхождения и называются «кампанами».

2079 - Хиос – один из островов Эгейского моря или Архипелага, лежащий близ западных берегов Малой Азии.

2080 - Ганос или Ган находится на северо-западном побережье Мраморного моря, – одно из укрепленных мест во Фракии.

2081 - Кизическая область с городом Кизиком находится в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

2082 - Сицилийская область или Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, на юге от Аппенинского полуострова, отделяющийся от него Мессинским проливом. На нем находится величайший в мире вулкан (огнедышащая гора) Этна.

2083 - Лесбос – остров Эгейского моря или Архипелага у западных берегов Малой Азии, близ Мидии.

2084 - Митилены – самый большой укрепленный город острова Лесбоса, находящийся на восточной его стороне.

2085 - Наксос – остров на юге Эгейского моря или Архипелага – самый большой из группы Цикладских островов.

2086 - Тавроменийская гора находится на восточном берегу острова Сицилии.

2087 - Сапфир – драгоценный камень; он бывает разных цветов, но чаще всего встречается лазуревого, небесного,

голубого, василькового цвета.

[2088] - Певговое дерево или певг – род хвойного дерева, наподобие нашей сосны или ели.

[2089] - Декий – римский император, жестокий гонитель христиан; царствовал с 249 до 251 г.

[2090] - Панормус – ныне город Палермо, расположенный на северо-западном побережье острова Сицилия.

[2091] - Мессина – весьма значительный город на острове Сицилии, при проливе, отделяющем этот остров от Италии, расположенный в прекрасной местности, изобилующее апельсинными и лимонными деревьями.

[2092] - Афонская гора (Афон), по греч. Agios Oros – Святая гора, узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого востока. Иноческая жизнь здесь появилась в древнее время, хотя несколько позже, чем в Сирии и Палестине. Для русской церкви Афон имел ранее, по XVII век, большое значение: здесь постригся отец русского монашества, преподобный Антоний; отсюда был взят Студийский устав преподобным Феодосием для своего (Печерского) монастыря, потом перешедший, по словам летописца, и в другие монастыри; здесь в богатых монастырских библиотеках получали наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (например Преп. Нил Сорский). Как одно из наиболее чтимых святых мест православного востока, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев исключительно мужского пола (женщинам вход на полуостров возбранен) из России, Балканского полуострова и Азиатских владений Турции. Почти вся гора, за исключением глубоких ущельев и скал, покрыта богатою растительностью: здесь произрастают прекрасные деревья, отчасти фруктовые – лимоны, апельсины, груши; целые поля усажены многоразличными породами винограда, доставляющего афонской братии удовлетворительный запас прекрасного вина, орехи, каштаны и масличные деревья обильно рассеяны по всей горе. В настоящее время на Афоне расположены 20

больших монастырей, несколько скитов и множество отдельных келий, числом до 700, греческих, русских, молдавских, болгарских и др.

[2093] - Изяслав Ярославич, сын великого князя Ярослава Мудрого и внук св. равноапостольного князя Владимира, княжил в Киеве с 1054 по 1068 г.

[2094] - Земля Ляхов, т.е. поляков.

[2095] - Болеслав I, храбрый, польский король; правил с 992 по 1025 г.

[2096] - Святогорским, т.е. с Афонской горы.

[2097] - Этот остров находится на восточном берегу Керченского пролива.

[2098] - Ростислав Владимирович, сын Владимира Ярославича, – князь тмутараканский; княжил во второй половине XI ст.

[2099] - Святослав Ярославич, сын Ярослава Владимировича, – князь черниговский; княжил с 1054 по 1076 г.

[2100] - Глеб Святославович, старший сын Святослава Ярославича, князь новгородский; княжил с 1067 по 1077 г.

[2101] - Мусия (греч. μουσιου) – мозаика. Так называется искусная работа, состоящая в собрании разноцветных, главным образом мраморных, камешков узорами, так что выходит желаемый рисунок. Мозаикой выстилаются например полы в храмах, а также украшаются стены; даже иконы делаются таким образом.

[2102] - См. Минеи-Четии 16 августа.

[2103] - Всеволод Ярославич, великий князь киевский, сын Ярослава I; княжил с 1030 по 1093 г.; великим князем он был с 1077 г.

[2104] - Римский император Адриан царствовал с 117 по 138 г. Он был гонителем христиан, но, в силу изданного им эдикта, последних подвергали наказанию только по формальным доносам и после судопроизводства над ними.

[2105] - Синклитик – один из важных царских советников и сановников, входивший в состав синклита, т. е. царского совета.

[2106] - Иллирия расположена была по восточному побережью Адриатического моря. На северо-западе она ограничивалась рекою Савою, а на юго-востоке – Дравою. Теперь здесь находятся Далмация и Босния с Герцеговиной, а также небольшая часть Албании.

[2107] - Коментарисий – начальник над тюрьмами и делопроизводитель при судебных процессах, производивший предварительные расследования над обвиняемыми, особенно над христианскими мучениками.

[2108] - Писидия – провинция на юге Малой Азии, первоначально составлявшая одно целое с Памфилией и отделившаяся от последней лишь при Константине Великом (306–337 г). Писидия представляла собою суровую, гористую область, местами впрочем плодородную. Жители Писидии были пираты и занимались грабежом. Теперь Писидия населена диким и разбойничьим племенем Караманов. Из городов Писидии особенно замечательна в церковной истории Антиохия, где проповедовал Евангелие св. Апостол Павел (Деян.13:14–50).

[2109] - Лев V Армянин, греческий император, царствовал с 813 по 820 г.

[2110] - Иконоборческая ересь или иконоборство – ересь 8-го века, состоявшая в непризнании, непочитании и гонении святых икон. Самыми ревностными защитниками иконоборчества были императоры Лев Исаврянин (717–741 г.) и Константин Копроним (741–775 г.). Эта ересь осуждена на VII Вселенском соборе, бывшем в 787г. в городе Никее при патриархе Тарасии и императрице Ирине.

[2111] - Св. Феодор Студит – настоятель Студийского монастыря в Константинополе. Св. Феодор много потерпел за иконопочитание. После св. Феодора осталось много сочинений, писем, канонов и стихир церковных. Кроме того св. Феодор сделал значительные дополнения к церковному уставу, которой по имени Студийского монастыря, называется «Студийским» (в отличие от «Иерусалимского», составленного св. Саввою Освященным).

[2112] - Разумеется церковь, выстроенная в память Успения Пресвятой Богородицы первыми иноками Печерской обители (в Киеве).

[2113] - Слово «гривна» производят обыкновенно от санскритского шея, потому что гривна обозначала первоначально золотую или серебряную цепь, употреблявшуюся для ношения на шее в качестве украшения (См. Быт. 41:42; Притч. 1:9; Сир. 6:25). Но впоследствии этим именем стали обозначать золотые и серебряные монеты, имевшие в разное время различную ценность.

[2114] - Георгий Кедрин – византийский писатель конца XI и начала XII в. Из его трудов особенно известен «Synopis istorion» Это сочинение обнимает собою историю еврейского и римского народа и Византии, но не имеет особенно крупных достоинств, так как представляет по местам пересказ других исторических сочинений, особенно хроники Иоанна Скилицы и Георгия Синкелла.

[2115] - Это пророчество приводится у св. евангелиста Матфея (Мф. 1:23).

[2116] - Еммануил – имя, усвояемое Иисусу Христу у прор. Исайи (Ис. 7:14) По переводу с еврейского, оно означает «с нами Бог».

[2117] - Св. Евод – апостол из 70.

[2118] - Никифор Каллист, церковный историк XIV в., монах Софийского монастыря в Константинополе. Замечательный труд его – «Церковная история» (в 18 книгах), – доведенная до кончины византийского императора Фоки (611 г.). Скончался Каллист в 1350 г.

[2119] - Ср. Мф 5:34–35.

[2120] - Иисус (греч. Ἰησους – исцелитель, от ιηαω – исцеляю) по евр. Iehochua – помощь Иеговы, Спаситель.

[2121] - Из догматика 7 гласа.

[2122] - день празднования в честь Архангела Гавриила назван днем «собора» потому, что христиане в этот день собираются вместе славить священными песнями святого Архангела Гавриила.

[2123] - Дионисий Ареопагит – знатный афинянин, член афинского ареопага, обращенный в христианство проповедью св. апостола Павла. Из сочинений Дионисия Ареопагия особенно замечательны: «Περι της ουρανιας ιεραρχιας» «О небесной иерархии») и «Περι της εκκλησιατικης ιεραρχιας…» («О церковной иерархии»).

[2124] - Седален 3 гласа. (по 1-й кафисме 15 декабря и в Неделю о расслабленном. – Редакция «Азбуки Веры»)

[2125] - Святой Григорий Двоеслов, папа римский, жил в VI в. Самое замечательное из его сочинений «Regula pastoralis» («Правило пастырское»), трактующее о том, каков должен быть пастырь и как он должен исполнять свои обязанности. Наименование «Двоеслов» усвоено ему за его сочинение «Диалог о жизни итальянских отцов», где рассказ ведется как бы двумя лицами.

[2126] - Диоклетиан, римский император, царствовал с 284 по 305 г. и управлял восточною половиною Римской империи, западною же половиною управлял друг его Максимиан.

[2127] - Термы – общественные бани, которые в Риме устраивались с особенным великолепием. При банях были места и для гимнастических упражнений.

[2128] - Кампания – провинция в южной Италии. Эта провинция замечательна тем, что здесь впервые были отлиты колокола для церковного употребления, почему они и называются в церковном Уставе «кампанами» (по имени провинции).

[2129] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря.

[2130] - Люцифер (Lucifer) – «светоносец», денница, утренняя звезда. В переносном смысле это название усвояется первому падшему Ангелу – диаволу.

[2131] - Белая хоругвь, украшающая копье св. Архангела Михаила, обозначает его святость и чистоту, а крест знаменует, что бесплотные силы ведут борьбу с царством мрака и тьмы во имя креста и имени Христовых.

2132 - Зерцало обозначает, что св. Архангел Гавриил есть вестник судеб Божиих о спасении рода человеческого, фонарь же со свечою знаменует, что судьбы Божие бывают сокрыты до времени исполнения их и по самом исполнении постигаются только теми, кто неуклонно смотрит в зерцало слова Божия и своей совести.

2133 - Св. Рафаил, по верованию Церкви, испрашивает у Бога помощь и исцеление всем страждущим.

2134 - Это знаменует особенно сильную ревность по Боге сего Архангела.

2135 - Этим знаменуется награда от Бога благочестивым и святым людям и наказание грешникам.

2136 - Св. Варахиил является как бы предвестником блаженства и нескончаемого мира в Царствии Небесном.

2137 - В 284 г. Римская империя разделилась на восточную и западную: первою управлял Диоклетиан, а второю друг его Максимиан; царствовали с 284 по 305 г.

2138 - Сирмий – древний город в Нижней Паннонии, на Саве. Ныне существуют его значительные развалины у Митровицы.

2139 - Паннония – одна из значительных южнодунайских областей Римской империи.

2140 - Игемон – ἡγεμων областной правитель, начальник.

2141 - Горний – вышний, небесный (Иез.41:7; Кол.3:3).

2142 - Артемида – иначе Диана – богиня, олицетворявшая собою луну и считавшаяся покровительницею лесов и охоты.

2143 - Стадий – мера расстояния, колеблющаяся между 73–88 саженями.

2144 - Антиохия Сирийская – один из древних и богатейших городов Сирии, столичный ее город, лежит при р. Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за 300 лет до Р. Х. Селевком Никатором и названа по имени Антиоха, отца его. Для христианской церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства и как мать христианских церквей из язычников. Знаменитая церковь Антиохийская насаждена первоначально св. ап. Павлом

и Варнавою, а впоследствии утверждена еще и ап. Петром. В Антиохии было немало замечательных соборов пастырей церкви во время еретических (Арианских и Несторианских) распрей. Антиохийская церковь издревле пользовалась особенными преимуществами, наравне с церквами Александрийскою, Иерусалимскою, Константинопольскою и Римскою; епископы ее имели титул и преимущество патриарха. В настоящее время Антиохия находится под турецким владычеством и представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до 10 000 жителей.

2145 - См. притчу Господа о добром пастыре: Ин.10:1–5.

2146 - Эдесса – город Месопотамии, в 10 милях от левого берега реки Евфрат.

2147 - Сарацины – жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а затем христианские писатели перенесли это название на всех арабов и мусульман вообще.

2148 - Лакоть – локоть, мера от локтя до конца среднего пальца. Библейский лакоть колеблется между 10,5 и 13 вершками.

2149 - Готская страна простиралась от нижней Вислы до Черного моря. Готы жили главным образом по реке Дунаю в нынешней Румынии. Впоследствии они расселились почти по всей Европе.

2150 - Юлиан царствовал с 361 до 363 г., Валентиниан – с 364 до 375 г., а Грациан – с 375 до 383 г., так что царствование этих трех императоров обнимает период времени около 20 лет.

2151 - Среди готов в значительной степени была распространена арианская ересь.

2152 - Сын св. Аллы носил имя Аримерия.

2153 - Сирская страна, или Сирия, расположена была в Азии, на севере от Палестины. Предполагают, что Сирской страной здесь называется страна римская, вероятно, нынешняя Румыния.

2154 - Под этим названием известен город в северной Мизии, в Малой Азии, но так же называлась местность в

нынешнем Крыму, где было готское княжество.

2155 - Император Лев VI Мудрый занимал византийский престол с 886 по 911 г.

2156 - Император Александр был соправителем Льва Мудрого, царствовал с 866 по 912 г.

2157 - Василий I Македонянин был византийским императором с 867 по 886 г.

2158 - Магистриане – придворные должностные лица, занимавшие важнейшие должности при царском дворе. По положению своему они стояли выше патрициев.

2159 - Асийскою страною, или Асий, назывался теперешний Малоазийский полуостров.

2160 - Титул патрициев принадлежал первоначально лишь детям сенаторов, которые назывались отцами, по латыни patres. Потом это название стало прилагаться ко всем лицах благородного римского происхождения. Но император Константин Великий сделал титул патриция личным достоинством, которое даровалось высшим чиновникам, но не переходило по наследству.

2161 - Агарянами назывались аравийские бедуины, разбойничье племя, кочующее по Аравии. Так они назывались от того, что, по еврейскому преданию, они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой.

2162 - Выражение взято из Евангелия от Иоанна, (Ин. 19:9), где оно относится к Господу Иисусу, который не дал ответа Пилату на его вопрос: «Откуда ты?»

2163 - Кувикуларий – спальник, постельник при дворе царском, один из важных придворных чинов.

2164 - Содомские дела – различные противоестественные пороки. Называются они содомскими от известного г. Содома (сожженного и истребленного небесным огнем), потому что в этом городе были особенно распространены эти пороки.

2165 - Дельфины – морские животные из семейства млекопитающих. Они держатся обыкновенно стаями и часто следуют за кораблями. В древности дельфин был одним из

самых любимых животных; о нем сложилось много поэтических сказаний и поверий, он часто изображался в скульптуре.

[2166] - Золотыми воротами назывались главные ворота города.

[2167] - Иаков – патриарх израильского народа. Скромность его особенно проявилась в отношении к Лавану, от которого он переносил всевозможные обиды себе, будучи часто обманываем им, – отчасти в отношениях к брату Исаву, которого, возвращаясь от Лавана, он с почтением встретил, как старшего.

[2168] - Император Константин VII Порфирородный (иначе Багрянородный) занимал византийский престол с 912 по 959 г.

[2169] - Патриарх Николай I занимал Константинопольскую патриаршую кафедру два раза: первый раз – с 895 по 906 г., второй раз с 911 по 925 г.

[2170] - Куропалат – начальник дворцовой стражи. Это был довольно видный сановник при дворе византийских императоров.

[2171] - Синклитом назывался весь состав правительства, состоящего из гражданских и воинских чинов.

[2172] - Ипподром – конское ристалище; место, где состязались в конских скачках и в беге на колесницах.

[2173] - Протоспафарий – важный придворный чин. Он же являлся начальником над отрядом спафариев, т.е. придворных мечников.

[2174] - Авель – второй сын Адама, коварно убитый Каином.

[2175] - Разумеется Роман I, царствовавший совместно с Константином VII с 919 по 944 г.

[2176] - Варвар – значит чужестранец.

[2177] - Сонамитянка – жительница города Сонам в колене Иссахаровом, на юго-западе от Назарета и Фавора. Ныне это местечко называется Солам или Сулем.

[2178] - Елисеей – пророк царства Израильского, любимый ученик пророка Илии и преемник его пророческого дара.

[2179] - Златница – золотая монета, червонец.

[2180] - Медница – мелкая медная монета.

[2181] - Локоть или лакоть – мера длины, равная 10,5 вершкам. Три локтя равнялись почти двум аршинам.

[2182] - Одигитрия – значит Путеводительница. Так называлась чудотворная икона Пресв. Богородицы, находящаяся во Влахернском храме. Впоследствии (в 1046 г.) эта икона была перенесена в Россию и была поставлена в городе Смоленске. Отсюда она стала называться Смоленскою иконою богоматери.

[2183] - Востоком или восточными странами назывались обыкновенно Сирия, Палестина, Аравия и Персия, в отличие от европейского Запада.

[2184] - Фракия – область в Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова. В настоящее время Фракия, под именем Романия или Румелии, составляет провинцию европейской Турции.

[2185] - Пенязь – серебряная монета.

[2186] - Веелзевул – то же, что и Сатана или князь бесовский (см. Мф.10:25; Мф. 12:24; Мф. 12:27; Мк.3:22; Лк.2:15, 18–19). Название это заимствовано евреями от Веелзевула, финикийского божества.

[2187] - Десная или правая сторона – означала вообще почетное положение. В Евангелии (Мф.25:32–46) положение по правую сторону от вечного Судии усваивается праведникам, а по левую сторону – грешникам. Таким образом, положение на десной или на левой стороне, означает или оправдание или осуждение.

[2188] - Разумеются нечистые духи, стоящие при воздушных мытарствах. О мытарствах см. ниже.

[2189] - Эфиопами назывался первоначально народ, обитавший на юго-востоке от Египта в стране, соответствовавшей теперешней Абиссинии, и отличавшийся черным цветом кожи. Впоследствии христианские писатели стали называть эфиопами мрачных духов злобы, которые часто изображались на памятниках церковного искусства в виде черных людей.

[2190] - Хартия – бумага, листок.

[2191] - Свитком обыкновенно назывался тонкий сверток исписанного с обеих сторон длинного пергаментного листка; при чтении он постепенно развертывался, а потом свертывался по-прежнему.

[2192] - Тесло – плотническое орудие, род топора и струга.

[2193] - Представленное здесь описание смерти очень образно и чувственно и, конечно, не должно быть понимаемо в буквальном смысле. Здесь чувственное и грубо-образное нужно понимать, насколько возможно для нашего ума, в таинственном и духовном смысле.

[2194] - Мытарства – нечто вроде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к Престолу Небесного Судии. При них стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину или выкуп, состоящий в предоставлении им на вид противоположного этому греху доброго дела. Названия мытарства и мытари заимствованы из истории еврейской. Мытарями у евреев назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей. Они обыкновенно брали на откуп собирание этих пошлин и употребляли всевозможные меры, не пренебрегая даже истязаниями, чтобы извлечь для себя наибольшей выгоды. Мытари стояли при особых таможнях, или заставах, собирая с провозимых товаров пошлины. Заставы эти назывались мытницами, мытарствами. Христианские писатели это название перенесли и на места воздушных истязаний, при которых восходящие к престолу Небесного Судьи души задерживаются злыми духами, старающимися уличить их во всевозможных грехах и через это низвести во ад. Сущность учения о мытарствах заключается в слове св. Кирилла Александрийского († в 444 г.) о исходе души, помещаемом обыкновенно в Следованной Псалтыри. «При разлучении души нашей с телом, – говорится здесь, – предстанут пред нами, с одной стороны, воинства и силы небесные, с другой – власти тьмы, воздушные мытареначальники, обличатели наших дел. Узрев их, душа содрогнется, вострепещет, и в смятении и ужасе будет искать

себе защиты у Ангелов Божиих; но и будучи принята Ангелами и под кровом их протекая воздушное пространство и возносясь на высоту, она встретит различные мытарства, кои будут преграждать ей путь в царствие, будут останавливать и удерживать ее стремление к оному. На каждом из этих мытарств востребуется отчет в особенных грехах… Каждая страсть, всякий грех будут иметь своих мытарей и истязателей. При том будут присутствовать и Божественные силы и сонм нечистых духов, и как первые будут представлять добродетели души, приговору невидимого Судии демонами в их мрачные обители. Таким образом, мытарства суть не что иное, как частный суд, который совершает над человеческими душами невидимо Сам Господь при посредстве Ангелов, допуская к тому и клеветников братии нашея (Апок 12:10), – злых духов, – суд, на котором припоминается душе и беспристрастно оцениваются все ее дела, и после которого определяется ей известная участь. Суд этот называется частным в отличие от всеобщего, который будет совершен над всеми людьми при кончине мира, когда Сын человеческий снова придет на землю во славе своей. В житии преподобного Василия Нового изображены все подробности этого частного суда при мытарствах. Читая все эти подробности должно помнить, однако, что как вообще в изображении предметов мира духовного для нас, облеченных плотию, неизбежны черты более или менее чувственные, так, в частности, неизбежно допущены они и в подробном учении о мытарствах, которые проходит человеческая душа по разлучении с телом. А потому надобно твердо помнить наставление, какое сделал Ангел преподобному Макарию Александрийскому († в 391 г.), начиная говорить ему о мытарствах: «земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных». Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а, сколько для нас возможно, духовном, и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви, при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными.

2195 - Восток представляется в свящ. писании страною света, символом царствия Христа, который называется

Востоком свыше, тогда как запад является синонимом царства тьмы и мрака, царства сатаны.

[2196] - Т.е. при звуке тимпанов и хорового пения. Тимпан – музыкальное орудие, в которое ударяют палочкой, нечто вроде литавров и ручных бубнов.

[2197] - Тартар – неизмеримая пропасть, бездна адская. Это слово заимствовано из греч. сочинений, в которых под тартаром разумеется подземная, солнцем никогда не освещаемая и не согреваемая пропасть, где свирепствует холод. У христианских писателей этим словом обозначается место нестерпимого холода, куда будут посланы души грешных людей.

[2198] - Геенна огненная – место вечных мучений (Мф10:28; Ин. 8:6). Это название произошло от еврейских слов, которые означают – долину Енном, близ Иерусалима, где в честь Молоха были сожигаемы дети (4Цар.16:3–4). После отменения Иосею сего ужасного жертвоприношения (4Цар23:10), в долину Енном сваливались трупы казненных злодеев, падаль и всякая нечистота, и все это предавалось огню. Поэтому и встречаем выражение – геенна огненная (см. Мф5:22, 29, 30; Мф. 18:9; Мк9:47).

[2199] - Сарацинами называлось первоначально кочующее разбойничье племя аравийских бедуинов, а затем христианские писатели перенесли его название на всех арабов и мусульман вообще.

[2200] - Скорпионы – вредные, ядовитые животные из семейства паукообразных; водятся в жарких странах Африки, Индии, Персии и др. Раны, наносимые их ужалением, производят ужаснейшие мучения и часто бывают смертельны.

[2201] - Ехидна – ядовитая змея. Уязвление ею очень опасно и в большинстве случаев оканчивается скорою и неизбежною смертью. В священном писании и в других священных книгах змеи вообще служат образом того, что, по природе своей, причиняет вред и погибель (Еккл. 10:11; Притч 23:31–33; Мф 7:10).

[2202] - Выражение заимствовано из 1 соборн. посл. ап. Иоанна, (1Ин. 5:19).

2203 - Указание на слова ап. Иакова: «суд без милости не сотворившему милости» (Иак.2:13).

2204 - Преисподний – нижний, низменный, подземный. Под преисподними земли разумеются пропасти ада, которые представляются подземными, в противоположность небесным обителям рая.

2205 - В 40-й день по разлучении души от тела, по учению Церкви, оканчивается хождение души по мытарствам и произносится временный суд над нею, после которого она водворяется или на месте веселия, или на месте мучения, где и пребывает до времени Второго Пришествия Господня на землю и окончательного суда Сына Божия над людьми.

2206 - Разумеется Минеи-Четьи всероссийского митрополита Макария (1543–1564 гг.). Называются они Великими, потому что представляют собою полное собрание всевозможных статей исторического и нравоучительного содержания, приноровленных ко дням праздничным и памяти святых. Минея-Четья св. Димитрия Ростовского во многих местах представляет собою сокращение повествования, предложенного в Макарьевских Великих Четьи-Минеях.

2207 - Выражение заимств. из посл. ап. Павла к евреям, хотя там эти слова относятся к Богу и говорят о Его вечности.

2208 - Средопостной седмицей называется в Церковном уставе средняя (четвертая) неделя Великого поста, эта же седмица называется и крестопоклонной.

2209 - Святой Василий Новый преставился в царствование Константина Порфирородного близ половины X века.

2210 - Ликополь – один из древнейших городов Среднего Египта. Собственно именем Ликополя в древности, как и теперь, было Сиут. Сиут был священным городом древних египтян. Египетскиие божества Анубис и Вепуат – покровители этого города – изображались здесь с головами шакалов; благодаря этому обстоятельству греки и стали называть этот город Ликополем (греч. – волк, шакал). В древности Сиут был важным политическим и торговым центром (город этот был расположен на левом берегу реки Нила). Христианство проникло сюда в III

в. В настоящее время Сиут один из оживленнейших городов Египта с населением до 30 000 человек.

2211 - Галлия – нынешняя Франция – страна, ограниченная Средиземным морем, Пиринеями, Атлантическим океаном, рекою Рейном и Альпами.

2212 - Город Сиена находился невдалеке от Ликополя и был расположен на восточном берегу Нила. Город этот был замечателен в древности как местонахождение громадных залежей гранита. В настоящее время Сиена носит имя Ассуана или Асвана и имеет 4000 жителей.

2213 - Палладий, современник Иоанна Прозорливого, оставил нам описание жизни многих подвижников в своем сочинении: «προς Λαυσον Ιστορια" (Лавсаик).

2214 - Трибун – военачальник, собств. начальник над трибой (tribus) – группой или отделением римского войска.

2215 - Очевидно было семь дней пути от места жительства военачальника до обители преподобного Иоанна.

2216 - Река Нил периодически разливалась и затопляла собою Египет, что было очень важно для египтян, занимавшихся земледелием, так как разливы реки служили главным, если не исключительным, источником орошения почвы.

2217 - Эта пустыня находилась в Нижнем Египте.

2218 - Фиваида находилась в Среднем Египте.

2219 - Надзираю – по греч. – επισκοπεω, и отсюда слово «епископ» (επισκοπος), т.е. наблюдатель, блюститель.

2220 - Александрия – знаменитейший в древности в торговом и просветительном смысле египетский город, расположенный на берегу Средиземного моря. В истории христианской Церкви Александрия известна как место религиозных споров и родина многих еретиков. В настоящее время Александрия носит турецкое наименование «Искандеры» и представляет собою довольно крупный торговый и административный центр.

2221 - Вифиния – малоазийская область.

2222 - Пустыня египетских отшельников делилась на две части: на внутреннюю и внешнюю. Первая была более удалена

вглубь страны, тогда как последняя лежала ближе к реке Нилу.

[2223] - Авва – учитель, наставник.

[2224] - Кончина преподобного Иоанна последовала в конце IV века.

[2225] - Солунь (иначе Фессалоники) – столица одной из областей Македонии. В настоящее время она называется Салоники и находится в европейской Турции на северном берегу Фессалоникийского залива. В Солуне св. ап. Павел проповедовал Евангелие; для жителей означенной области и города тем же св. Апостолом были написаны два послания.

[2226] - Мощи св. Матроны известны были в VI и VII вв. при императоре Маврикии и от них совершились чудеса.

[2227] - Пострадала св. Матрона в III или IV веке.

[2228] - Боняк – хан (или князь) половецкий, живший в конце XI в. и начале XII в., прозванный нашими летописями «хищником» за свои частые нападения на Киевскую Русь. Половцы – хищническое племя, жившее к югу от Киева и промышлявшее грабежом и разбоями.

[2229] - Корсунь – нынешний Херсонес Таврический.

[2230] - Кончина святого мученика последовала в 1097 г.

[2231] - Епарх – начальник области.

[2232] - Персидский царь Сапор II, известный под именем великого, царствовал с 310 до 331 г. и был жестоким гонителем христиан.

[2233] - Почитая солнце, как образ своего верховного бога Мифры, персы чтили также огонь и воду, как стихии чистые, приносящие всему живому добро.

[2234] - Блаженная кончина святых мучеников Ионы и Варахисия падает на время между 327 и 331 гг.

[2235] - Вспоминаемый ныне исповедник Христов Иларион называется «новым» в отличие от Илариона далматского, также исповедника, пострадавшего при императоре византийском Льве V Армянине (812–830 гг.). Память этого последнего Илариона празднуется 6 июня

[2236] - Геллеспонт – древнее название Дарданельского пролива, соединяющего Мраморное и Эгейское моря.

[2237] - Лев III Исаврянин царствовал с 717 по 741 г., а сын его Константин V Копроним с 741 по 775 г.

[2238] - Кончина святого Илариона последовала около 754 г.

[2239] - Лев V Армянин – император византийский, царствовал с 813 по 820 г.

[2240] - Триглийский монастырь находился в окрестностях Константинополя.

[2241] - Кончина святого Стефана последовала после 815 г. (в том году он был сослан в заточение).

[2242] - Карфаген – знаменитая в древности колония финикиян, находившаяся на севере Африки. Своего высшего расцвета древний Карфаген достиг во II в. до Р. Х., но на развалинах древнего Карфагена, при первых римских императорах, возник новый Карфаген, который существовал довольно продолжительное время.

[2243] - Поприще – мера длины, равнявшаяся 1000 шагам.

[2244] - О мытарствах см. выше в житии святого Василия Нового 26 марта

[2245] - Аретусия или Аретуза – город в Сирии.

[2246] - Император Юлиан Отступник управлял Римскою империею с 361 по 363 г.

[2247] - Пенязь – мелкая медная монета.

[2248] - Епарх – начальник области.

[2249] - Эхет – древний эпирский царь, отличавшийся особенною злобою, ослепивший свою единственную дочь Метопу.

[2250] - Фаларид – тиран Агригента (дорийской колонии, находившаяся на юге острова Сицилии), живший за VI в. до Р. Х. Он отличался необыкновенною жестокостью и крайне сурово обращался со своими подчиненными.

[2251] - Блаженный Феодорит – учитель церкви, живший в V в.

[2252] - Кончина святых Марка и Кирилла последовала в полов. IV в.

[2253] - Иулиания проживала в Африке и, вероятно, в Египте.

[2254] - Принимая во внимание, что преподобный Иоанн жил в IV в., надо думать, что это повеление дано было Диоклетианом, который в 303 г. открыл, повсеместное в империи, гонение на христиан.

[2255] - Локоть равнялся 10,5 вершкам. (Вершок равнялся ≈ 4,45 см. Длина локтя определялась как расстояние от конца вытянутого среднего пальца руки до локтевого сгиба, могла варьироваться до 46 см. – Редакция Азбуки веры.)

[2256] - Авва значит отец.

[2257] - Преподобный Иоанн жил и подвизался в IV веке.

[2258] - Вифиния – римская провинция в северо-западной части Малой Азии. Преподобный Евстафий занимал епископскую кафедру в городе Кие (ныне Цомплек), расположенном в глубине одного из заливов Мраморного моря.

[2259] - Жизнь преподобного Иоанна Лествичника описана, немного спустя после его смерти, современником и другом его – иноком Раифской обители Даниилом. Обитель Раифская находилась на берегу Суэцкого залива на расстоянии двух дней пути от Синая. Повествование Даниила дополняет другой инок, неизвестный по имени, бывший учеником самого Иоанна Лествичника, оставивший несколько отрывочных сведений из жития своего духовного наставника.

[2260] - Существует мнение, что Иоанн Лествичник был сыном Ксенофонта и Марии, память которых празднуется св. Церковью 26 января. В Четьих-Минеях (26 января) повествуется, что у богатых и знатных Константинопольских вельмож Ксенофонта и Марии было два сына: Иоанн и Аркадий. Родители пожелали дать им образование. Тогда славилось училище в сирийском городе Вирите (нынешнем Бейруте), туда они и отправили своих детей. Однажды родители вызвали своих сыновей к себе по случаю опасной болезни отца. Когда они отправлялись обратно в училище, – а путь их был Средиземным морем, – внезапно поднялась на море сильная буря и разбила корабль, на котором они были. Но оба брата не погибли, – они спаслись от потопления на корабельных досках и волнами морскими были

подброшены к берегу Палестины. Случилось, однако, так, что тот и другой из них пристали к разным местам берега, так что они не знали о судьбе друг друга. После чудесного спасения оба брата, увидав в постигшем их бедствии призвание свыше к иноческой жизни, поступили в разные палестинские монастыри, причем Аркадий переменил имя на Георгия. По прошествии довольно значительного времени оба брата встретились друг с другом и притом в присутствии отца и матери, после чего приняли монашество и последние. Одного из сыновей Ксенофонта и Марии – Иоанна и признают за одно лицо с Иоанном Лествичником. В пользу этого мнения говорит, во-первых, то обстоятельство, что, по свидетельству одного из жизнеописателей, у Иоанна Лествичника действительно был брат, называемый Георгий; во-вторых, говорит и высокое образование преподобного, предполагающее в нем знатное происхождение, а главным образом из его «Лествицы», изобличающей в Иоанне глубокое знание Священного Писания, свято-отеческих творений и даже еретических писаний.

2261 - Т.е. добрых наклонностей – по изъяснению Илии Критского.

2262 - Т.е. авве Мартирию, как видно из последующего за сим сказания неизвестного синайского монаха.

2263 - Синхрон – инок Синайской обители, современник Иоанна Лествичника, он оставил после себя «Сказания о святых мужах синайских».

2264 - Присутствовавший при обряде пострижения.

2265 - От начала иночества своего.

2266 - Веселиил – сын Урии, сына Ора, из рода и потомства Иуды, – художник во дни Моисея, исполненный Духа Божия, мудрости, разумения, ведения и всякого искусства (Исх.31:1–5; Исх. 30:30–35). Ему вместе с Аголиавом, из колена Данова, поручено было, по повелению Бога, устроение скинии со всеми ее принадлежностями (Исх.31:2; Исх. 35:30). Таким образом, как ветхозаветный Веселиил искусно устроил скинию, так «сей новый Веселиил», т.е. преп. Иоанн Лествичник, искусно устроил свою душевную скинию.

[2267] - Эти святые слезы производили в душе Иоанна чудные последствия, как это видно из его собственных слов, в одном месте своей «Лествицы» он говорит: «Как огонь сожигает и уничтожает хворость, так чистая слеза омывает все нечистоты наружние и внутренние».

[2268] - Т.е. Моисею не дано было Господом войти в «землю обетованную», пред смертью своей он только посмотрел на нее с горы Нево (Втор.34:4–5).

[2269] - Которого он поставил игуменом Синайской обители еще при жизни своей, сам возлюбив безмолвие.

[2270] - Преподобный Иоанн преставился 80 лет от рождения своего в конце VI или начале VII столетия.

[2271] - Слово Лествица в переводе на русский язык значит лестница.

[2272] - Цель написания «Лествицы» – научить, что достижение спасения требует со стороны человека труда, самоотвержения и усиленных подвигов. Лествица заключает в себе тридцать степеней или подвигов: во-первых, очищения греховной нечистоты, искоренения пороков и страстей в ветхом человеке; во-вторых, восстановление в человеке образа Божия. К ним присоединяется еще несколько степеней приготовительных или начальных подвигов.

[2273] - Святой Иоанн, игумен Раифский, современник Иоанна Лествичника, воспоминается Церковью в субботу сырную.

[2274] - Оно приложено к изданию «Лествицы».

[2275] - Оно также приложено к изданию «Лествицы».

[2276] - «Лествица», 27, 30.

[2277] - Т.е. святой Иоанн Лествичник полагает 30 ступеней самосовершенствования, собразно 30 годам жизни Спасителя до выступления Его на общественное служение.

[2278] - «Лествица», 22.

[2279] - По изображению «Лествицы» христианское совершенствование начинается отвержением «мира» и борьбою со страстями. От рассеивающих удовольствий и чувственных наслаждений «дух» обращается к покаянию в печали, пребывая в постоянном памятовании смерти. Спасительная печаль

смягчает сердце подвижника силою слез, освобождает его от себялюбия и снимает с него греховные наросты. Таким путем покаявшийся достигает состояния «молчания», когда он находит слова только для молитвы, песнопений и выражения «любви». Дух и душа освобождаются от уз грубой чувственности, утончаются, получая действительную способность к общению с миром духовным, небесным, Божественным. Блаженное «смирение» ведет по стезям последования Христу и отверзает дверь в Небесное Царство. Победивший «страсти» получает высшую способность «различения», которая помогает человеку замечать и распознавать в себе и других злые и добрые движения, подавлять первые и развивать вторые. В высшем состоянии богоподобного бесстрастия и спокойствия подвижник вступает уже на земле в прославленное состояние и созерцает, как бы в зеркале, райские блага.

2280 - Это последнее свойство «Лествицы», также как опытная глубина мыслей, были причиною того, что на Лествицу писали объяснения Иоанн – Раифский игумен, Илия Критский – митрополит VIII века и другие.

2281 - В виде прибавления к «Лествице» преподобный Иоанн написал другое небольшое сочинение «К пастырю»; здесь он рисует идеал настоятеля монастыря, который, по изображению Иоанна, должен быть пастырем, кормчим, врачом, учителем и образцом для подчиненных.

2282 - Иеровоам – первый, после разделения царства Еврейского, царь израильский. Он ввел в царстве своем идолопоклонство и принуждал к нему своих подданных.

2283 - У восточных народов жертвенники для принесения жертв идолам обычно устраивались на местах возвышенных.

2284 - О пророке Иоаде повествуется в 3Цар. 13:1–34.

2285 - Пафлагония – малоазийская область

2286 - Император Констанций царствовал с 337 по 361 г.

2287 - Константин II, старший сын Константина Великого, царствовал с 337 по 340 г.

2288 - Место состязания в конском беге.

[2289] - Локоть – мера длины; он равнялся 10–12 нашим вершкам.

[2290] - Новат – пресвитер карфагенской церкви, живший в III в. и известный как основатель церковного раскола. Сущность этого раскола состоит в следующем: когда в 248 г. в Карфагене был избран епископом святой Киприан, пять пресвитеров, среди которых особенно выделялся Новат, недовольные этим избранием, отделились от Киприана, причем Новат, без ведома и воли епископа, поставил в диакона Фелициссима, человека богатого и влиятельного. Раскол тот в Церковной Истории известен под именем «раскола Новата и Фелициссима». Раскольники, отделившиеся от церкви, были осуждены на карфагенском соборе 251 г.

[2291] - Кончина святого мученика последовала около 326 г.

[2292] - Руфины обитель в предместье Халкидона, находившегося в малоазийской римской провинции, на берегу Босфора.

[2293] - Фригия – римская провинция в Малой Азии.

[2294] - Фракия – область на Балканском полуострове, ныне Румелия.

[2295] - Полагают, что Руфин был одним из вельмож при дворе Константина Великого.

[2296] - Власяница – одежда из жестких волос какого-нибудь животного, обычное одеяние восточных монахов, которые носили его прямо на теле.

[2297] - Преподобный Ипатий скончался около 446 года.

[2298] - Под внутренней пустыней разумеется пустыня Фиваидская, расположенная в Африке, в Нижнем Египте, на восточном берегу реки Нил.

[2299] - Сочиво – вареные зерна пшеницы, риса и других зерен.

[2300] - Феодосий II младший царствовал в восточной половине Римской империи с 408 по 450 г.

[2301] - Персы почитали верховным богом Мифру, или солнце. Они поклонялись также огню и строили своим божествам храмы, в которых и поклонялись огню и солнцу.

[2302] - Упоминаемый здесь царь был Издегерд I, царствовавший с 401 до 420 года. Начатое им гонение особенно сильным было при его преемнике Варане V (420– 438 гг.).

[2303] - По месяцеслову Василия священномученик Вениамин мученически скончался не через три месяца, а спустя три года после святого Авды.

[2304] - Святой мученник Авда скончался в 418 или в 421 году, а святой Вениамин – спустя три года, следовательно в 421 или в 424 году, оба в городе Сузе, древнейшем персидском городе, бывшем столицею Сузианы и резиденцией сперва еламских, а потом персидских царей.

[2305] - Святой Иона родился в древней галичской области, близ города Солигалича нынешней Костромской губернии.

[2306] - Симонов монастырь, на левом берегу реки Москвы, основан в 1370 г. во дни вел. кн. Дмитрия Донского учеником и племянником преп. Сергия Радонежского Феодором, по благословении митрополита Алексия. Название свое монастырь получил от места, которое, по имени владельца своего, прозывалось Симоново.

[2307] - Был митрополитом с 1408 по 1431 г.

[2308] - В пределах обширной епархии святого Ионы, обнимавшей некоторые части нынешних епархий Тамбовской и Воронежской, находились целые селения донских племен: мордвы, Мещеры, Муромы, державшихся идолопоклонства; из этих неверных святой Иона и привел многих к истинному Богу.

[2309] - С 1425 по 1434 г.

[2310] - Святой Иона был избран, вероятно, не позднее конца 1432 г.; известна одна грамота Ионы, «нареченного в святейшую митрополью русскую» от 11 марта 1433 г.

[2311] - Иоанн VI Палеолог царствовал с 1425 по 1448 г. В самом начале царствования признал себя вассалом султана Мурада II и отдал туркам несколько городов по берегу Черного моря, чем, однако, не предотвратил попытки (в 1433 г.) со стороны турок овладеть Константинополем, окончившейся, впрочем, неудачей. Надеясь найти защиту от турок на Западе, Иоанн VI делает решительный шаг к сближению с ним; в этих

целях он соглашается приехать в Италию, где папа Евгений IV решил созвать собор по вопросу о соединении церквей. Сначала в Ферраре, потом в Флоренции вырабатывались условия унии (1439 г.), которая была принята присутствовавшими на соборе, за исключением некоторых епископов, греками, причем последние признали справедливым учение католической церкви об исхождении Святого Духа и от Сына (filioque), о главенстве папы, о совершении Евхаристии на пресном хлебе. Но неудовольствие жителей Константинополя свело ни к чему заключенную в Италии унию.

[2312] - Иосиф II – раньше митрополит Ефесский – избран в патриархи Константинопольские в 1466 г.; вместе с императором он стремился к соединению церквей, присутствовал на Флорентийском соборе (см. предыдущ. примеч.) и умер в Италии в 1439 г.

[2313] - Исидор – последний митрополит русский из греков; происходил из Фессалоник. По посвящении Константинопольским патриархом (см. о нем предыдущ. замеч) в митрополиты Киевские Исидор прибыл в Москву весною 1437 г. Здесь он убедил вел. кн. Василия Васильевича Темного отпустить его в Италию на Ферраро-Флорентийский собор (см. примеч. 7). 8 сентября 1437 г. Исидор выехал из Москвы в сопровождении Авраамия, еп. Суздальского и около ста духовных и светских лиц. В 1438 г. Исидор прибыл в Италию в Феррару, где заседал собор, вскоре перенесенный в Флоренцию. На соборе Исидор заявил себя ревностным сторонником унии, за что был сделан папою кардиналом с именем апостольского легата для всех северных земель. Отправляясь в Россию, он на пути еще из Венгрии разослал грамоты в епархии литовские, русские и ливонские, где извещал о соединении церквей. На Волыни Исидор поставил епископа Даниила, согласившегося на унию, в Киеве кн. Александр дал Исидору, как «отцу своему митрополиту», грамоту на всю свою отчину, хотя Киевская летопись утверждает, что Исидора изгнали из Киева. Весною 1441 г. Исидор прибыл в Москву, привезя с собою дружественное послание папы вел. кн. Василию. На первой же литургии в Успенском соборе Исидор

вместо Константинопольского патриарха помянул папу Евгения, а по окончании богослужения диакон с амвона прочел постановление Флорентийского собора. Великий князь Василий тут же в храме стал изобличать Исидора; затем посадил его под стражу в Чудовом монастыре, созвал собор, который признал постановления Флорентийского собора противными древнему православному учению. Осенью того же 1441 г. Исидор бежал в Тверь, но вел. кн. Тверской посадил его под стражу. Из Твери Исидор убежал в Новгород литовский, а отсюда – в Рим. При осаде турками Константинополя Исидор находился в стенах города, предлагая императору Константину помощь папы, если греческое духовенство примет постановления Флорентийского собора. По взятии Константинополя Исидор попал в плен туркам, но ушел из неволи в Рим; он умер здесь в 1462 г., нося звание Константинопольского патриарха.

[2314] - Поставление святого Ионы на кафедру русской митрополии было приговорено великим собором из епископов, архимандритов, игуменов и из всего священства. Самое поставление совершено 15 декабря 1448 г., о чем 2-я Софийская летопись говорит: «совершается приношение Божественной службы и возлагается на плечо его (т. е. святого Ионы) честный омофор и посох великий митрополичий дается в руки его, и тако с благо-боязнеством совершает и благословляет народ».

[2315] - Занимал патриаршую кафедру в Константинополе с 1445 по 1450 г.

[2316] - До настоящего времени известны следующие учительные грамоты святого Ионы: две на Вятку, две в Новгород и одна в Псков.

[2317] - 1-я Софийская летопись так говорит о преставлении святого Ионы: «В лето 6969, месяца марта в 31, преставися преосвященный Иона митрополит Киевский и всея Руси, бе же тогда зрети лицо его не яко же бе обычай мертвым, но яко спящу показуяся за великое и преславное его житие, яко же слышахом о нем, еже от юности, якоже древнии святые отцы».

[2318] - С 1462 по 1505 г.

[2319] - С 1473 по 1489 г.

[2320] - Это было в 1472 г.

[2321] - С 1328 по 1353 г.

[2322] - По обретении мощей, вел. кн. Иван Васильевич с митрополитом Филиппом поручили известному творцу канонов и житий Пахомию Сербину написать канон на обретение мощей и установили ему местное празднование в соборе. Торжественное общецерковное празднование памяти святого Ионы было установлено при митрополите Макарии в 1547 г.

[2323] - Иосиф – с евр. приумножить, приложить.

[2324] - Иаков похоронил Рахиль на дороге в Ефрафу, т.е. Вифлеем, и поставил над ее гробом памятник (Быт.35:19). Гробница Рахили была хорошо известна и спустя многие столетия после (1Цар.10:2). Местные Иудеи и магометяне и доселе относятся к гробнице Рахили с большим благоговением. Арабы собираются сюда для торжественных молитв во время бездождия. Замужние женщины берут отсюда куски камня и носят их во время беременности. Память о самой Рахили сохранялась в ее потомстве в последующие времена. Жители и старейшины Вифлеема, благословляя супружество Вооза с Руфью, желали ему такого же счастья от Бога, какое принесла Израилю Рахиль (Руф.4:11). Пророк Иеремия, изображая бедствия пленения иудеев, представляет Рахиль, как праматерь израильтян, осиротевшею и безутешно плачущую о своих сынах, ибо их не стало (Иер. 31:15). Еванг. Матфей в этом печальном, описанном пророком событии, видит указание на другое, не менее печальное – избиение Иродом вифлеемских младенцев: дети вифлеемские принадлежали к потомству Рахили, и она, как мать их, безутешно плачет, потому что их нет (Мф.2:18).

[2325] - Вифлеем – город Палестины: в Ветхом Завете известен как родина величайшего иудейского царя Давида, и в Новом – как родина Иисуса Христа. Он находится в 2-х часах пути к югу от Иерусалима и лежит на 2-х холмах, склоны которых изобилуют виноградниками, а у подошвы тянутся хорошо обрабатываемые хлебные поля. От этого плодородия, вероятно, происходит и само название «Вифлеем» (с евр. «дом

хлеба»). В древности он назывался Ефрафа (Мих.5:2) (с евр. «приносить плоды»). Со времени рождения Христа Спасителя Вифлеем сделался священным местом для всех христиан. До занятия Палестины османами (XV в.) Вифлеем не раз был совсем разрушаем, а к этому времени пришел в полный упадок, от которого оправился только с начала XIX столетия. Теперь это небольшой городок с населением до 6000 жителей арабов, на половину православных, на половину католиков, носящий название Бейт-Лахм («дом мяса»). На месте вертепа или пещеры, где родился Господь Иисус Христос, находится храм; пещера находится под его алтарем; стены и пол ее обделаны мрамором. Местом рождения считается углубление в пещере, освещаемое 5 серебряными лампадами. В пол вделана серебряная звезда с латинской надписью: Hic de Virgine Maria Jesus Ghristus natus est – здесь от Девы Марии родился Иисус Христос. В шагах трех от этого места находится впадина, признаваемая местом нахождения яслей, в которые положен был Христос. К северо-западу от пещеры тянется узкий подземный проход, с престолами и часовнями, а также пещерой, где погребен блаженный Иероним (420 г.).

2326 - Сихем – древний город земли обетованной; лежит в Самарии, на горе Ефремовой, в 18 часах от Иерусалима, в 16 от Назарета, в долине Гаризим и Гевал, изобиловавшей абрикосами, персиками, гранатами, сливами, розами и миртами. Когда Авраам пришел сюда в первый раз, здесь была лишь Дубрава Море (Быт.12:6); когда же Иаков возвратился из Месопотамии, место это называлось уже городом Сихема (Быт.33:18–19). У Эммора отца Сихема Иаков купил часть поля, раскинул здесь шатер свой, поставил жертвенник и призвал имя Господа Бога Израилем (Быт.33:19–20). Это была единственная собственность Иакова в земле обетования. Поблизости, вероятно, был и колодезь Иаковлев, о котором упоминается в Новом Завете (Ин.4:5–6). Сюда был послан Иаковом Иосиф к своим братьям и около этих мест продан был ими измаильтянам. Участок около Сихема Иаков перед своею смертью подарил Иосифу, который здесь был похоронен

(Иис.Нав.24:32). В настоящее время Сихем или Наблус служит местопребыванием самарян.

2327 - Дофаим – город близ горы Фавор и долины Ездрилонской; здесь шла дорога из Галаада в Египет, по которой тянулись караваны с разными товарами (Быт.37:25). Ныне это имя удерживает один зеленый холм на юго-восточной стороне великой равнины, с источником у подошвы горы, на севере от Самарии.

2328 - Месопотамия – т.е. Междуречье, древний Сеннаар (Быт.10:10), место рождения и жительства Авраама до выхода в землю Харран (Быт.11:28, Деян.7:2), так называется пространство, лежащее между реками Тигром и Евфратом, ограниченное на юге Персидским заливом, на севере горами Армении. В более тесном смысле Месопотамией называется северная часть этой области, т. н. Эль-Джезир, тогда как южная часть известна под именем Вавилонии, нынешняя Ирак-Араби, т.е. древняя Вавилония. В эпоху римлян страна разделялась на две части, Озроена на западе, перешедшая к Риму в 217 г. по Р. Х., с главным городом Эдессой, и Мигдония на востоке с главным городом Низибидой, завоеванной в 115 г. римским императором Траяном. Начало христианства в Месопотамии положено спутником Ап. Фомы Иудой или Фаддеем, по преданию одним из 70 учеников Господа Иисуса Христа. В окрестностях Низибиды родился св. Ефрем Сирин (III-IV вв.); епископ Низийский Фома Варсума был ревностным поборником несторианской ереси, учившей, что превечно рожденное от Отца Слово Божие только обитало в человеке Иисусе, пребывая с ним в особом, нравственном соединении. В XI в. при нападении сельджуков Месопотамия склонилась к упадку и теперь принадлежит Турции. Жители – арабы, курды, армяне, сирийцы.

2329 - Измаильтяне – потомки Измаила, сына Авраамова от Агари (Быт.16:2).

2330 - Египет – одно из первых по времени государств земного шара, еще в глубокой древности достигшее сравнительно высокой степени культуры и гражданственности. Он занимает узкую береговую полосу Африки по обеим сторонам реки Нила; прежде Египет непосредственно сливался

с северо-западным углом Аравийского полуострова, так что жители Азии и Африки находились в самых живых сношениях между собою. Географическая близость Египта с Сирией и Палестиной, его выдающееся плодородие и объясняют его важное значение в истории др. Востока.

2331 - Фараон есть общее имя древних царей египетских и в переводе с египетского значит царь.

2332 - Илиополь – один из самых древних и знаменитых городов на юге Нижнего Египта. Здесь существовала жреческая школа, здесь получили начало одно из важнейших священных произведений египтян «Книга мертвых» и другие священные тексты. Находившийся здесь храм солнца был предметом забот всех фараонов. Развалины Илиополя находятся близ деревни Матарийе (к северу от Каира).

2333 - Под землею Ханаанской разумеются обширные земли, лежащие на западе Азии по восточному побережью Средиземного моря, – в частности, земля по ту сторону Иордана, т.е. Финикия и земля филистимлян, при этом от земли Ханаанской отличается страна Заиорданская. В новейшее время под землею Ханаанскою разумеется обыкновенно вся обетованная земля – все земли, занимаемые израильтянами по обе стороны Иордана.

2334 - Некоторые черты из жизни правед. Иосифа имеют, по учению церкви и свв. отт., прообразовательное значение, т.е. они предуказывают на некоторые моменты в жизни Иисуса Христа, как в Его уничижении, так и прославлении. Как Иосиф, первенец Рахили, любимый Иаковом более всех сынов (Быт.37:3), так и Господь Иисус Христос первенец Девы Марии (Мф.1:25) и возлюбленный Сын Божий. Как Господь, – говорит св. Ефрем Сирин, – послан к нам спасти всех нас, так и отрок Иосиф с отеческого Иаковлева лона послан был к своим братьям; и как жестокие Иосифовы братья, когда увидели приближающегося Иосифа, начали замышлять против него лукавство, хотя нес он им мир от отца, так и жестокосердые всегда иудеи, увидев Спасителя, говорили: действительно сей есть наследник, убьем Его и наше будет все (Мк.12:7). Иосиф, по зависти братьев продается иноплеменникам, и Христос

продается Иудою за тридесятъ сребреников (Мф.28:15) и затем зависти ради (Мф.27:18) предается язычникам (Мф.20:19). Иосиф после победы над греховными предложениями жены Пентефрия заключается в темницу, и Господь, взяв на Себя весь грех мира, полагается во гробе. В темнице Иосиф возвещает узникам – одному помилование, а другому осуждение, и Господь, вися на кресте, возвестил одному из двух распятых с Ним разбойников спасение, а потом и сущим в темнице духовом сошед проповеда (1Пет.3:19); по выходе из темницы Иосиф поставляется над всем египетским царством, получает новое имя, великие почести и спасает от голода не только Египет, но и окрестные страны, и Господу Иисусу Христу, по восстании из гроба, дадеся всякая власть на небеси и на земли (Мф.28:18) и о имени Его всяко колено поклоняется небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповедует, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Флп.2:10–11). Поэтому, почитая праведного Иосифа, как «подобие воистину Христово» (служба в нед. Ваий, малое повеч.), св. церковь и постановила воспоминать его при начале страстной седмицы – в великий понедельник.

2335 - Ваиа – ветви пальмовые (Ин.12:13, Мк.11:8) Неделя ваий – иначе цветоносная или цветная – вербное воскресенье.

2336 - Часы – так называются молитвословия, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, приноровленных к каждой четверти дня и к особенным обстоятельствам страданий Спасителя. – На шестом часе вспоминаются шествие Спасителя на пропятие, самое пропятие и крестные страдания.

2337 - Авва – отец, наставник.

2338 - Это было в начале VI века, когда уже прекратились гонения и утихли ереси, и Церковь христианская пользовалась миром и спокойствием.

2339 - Локоть или лакоть – мера длины от локтя до конца среднего пальца, равная 10 12 вершкам.

2340 - Брань – нападение, козни.

2341 - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Македонским на берегу Средиземного моря, при

устье реки Нила. Александрия после Рима была первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства – рассадником христианского просвещения. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море.

2342 - Ливийцы – жители Ливии, провинции в Северной Африке.

2343 - Эта икона, по сказанию русских летописей, впоследствии перенесена была в Константинопольский храм Софии.

2344 - Преподобная Мария скончалась в 522 году.

2345 - Преподобный Зосима преставился в первой половине VI века. Память его празднуется 4 апреля

2346 - Св. Православная Церковь установила в Великий пост воспоминать житие преподобной Марии Египетской. В четверг пятой седмицы Великого поста, на утрени, читается весь покаянный Великий канон св. Андрея Критского и 18 тропарей этого канона обращены к преподобной Марии (Мариино стояние).

2347 - Печерский Вознесенский монастырь был основан в окрестностях Нижнего Новгорода около 1330 года другом преп. Сергия Радонежского святым Дионисием, который ископал себе в 5 верстах от города на берегу р. Волги пещеру и подвизался в ней, а потом был архимандритом своей обители и впоследствии архиепископом суздальским. Скончался в сане митрополита Киевского в 1384 году. Память его 26 июня.

2348 - Неизвестно, почему Борис Константинович назван здесь великим князем. Суздальские князья домогались, правда, великокняжеского престола после смерти Симеона Гордого, в 1353, но потерпели в этом неудачу, и только после кончины Иоанна II Кроткого, в 1359 году, великое княжение получил суздальский князь Димитрий Константинович. Впрочем, последний был великим князем только несколько лет. В 1363

году он вынужден был уступить великокняжеский престол сыну Иоанна Кроткого, Димитрию Иоанновичу Донскому.

2349 - Пустынь эта всегда была приписною к Спасо-Евфимову монастырю.

2350 - Этот год считается и годом основания монастыря, получившего потом название Спасо-Евфимиева. Он замечателен тем, что из суздальских монастырей в нем первом введено было общежитие.

2351 - В церковных песнопениях преподобный Евфимий называется «спостником и собеседником» преподобному Сергию Минея за апрель месяц 1625 г.

2352 - Преподобный Евфимий скончался 1 апреля 1405 г., около 90 лет отроду.

2353 - Через столетие после кончины преподобного, в 1507 г. 7 июня, при копании рва для построения вместо сгоревшего в 1491 году Преображенского храма нового храма обретены были мощи его и оказались нетленными: «лице было светлое и ризы, как вчера одетые».

2354 - Ликия – малоазийская область.

2355 - Бирит – финикийский город, славившийся в древности как рассадник просвещения и образованности. Ныне Бирит с именем Бейрута составляет главный город азиатско-турецкого вилайета Сирии, являясь важным торговым центром.

2356 - Кесария палестинская – город находившийся в Палестине, на берегу Средиземного моря. В древности Кесария была резиденцией римских прокураторов и центром общественно-политической жизни страны. В истории христианской Церкви Кесария палестинская замечательна тем, что здесь впервые был открыт язычникам доступ в Церковь Христову Апостолом Петром, крестившим сотника Корнилия (Деян. 10:1–48). Здесь же происходил последний суд над Апостолом Павлом, после которого он был отправлен в Рим (Деян. 25:1–27:44). В Палестине была еще другая Кесария, которая в отличие от упомянутой, называлась Филипповой. Она находилась у истоков Иордана

2357 - Император Максимиан, царствовал с 305 г. по 313 г.

[2358] - Император Максимиан Галерий управлял Римской империей с 306 г. по 311 г.

[2359] - Кончина святого мученика последовала в 306 г.

[2360] - Киновиею («киновион» от «кинос» – общий и «виос» – жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия пользуются полным содержанием от монастыря, но взамен того не имеют своей собственности, предоставляя свой труд и его результаты на общую потребу монастыря.

[2361] - Иконоборческая ересь возникла в VIII в. и была основана Константином, епископом наколийским, во Фригии. Неразумно смешивая иконопочитание с идолопоклонством, иконоборцы настойчивым и жестоким преследованием иконопочитания хотели уничтожить его в Православной Церкви. Самыми ревностными защитниками иконоборства были императоры Лев Исаврянин (с 717 г. по 741 г.) и Константин Копроним (с 741 г. по 775 г.). Эта ересь была осуждена на седьмом Вселенском соборе, бывшем в 787 г. в Никее.

[2362] - Кончина преподобного Тита последовала в IX в.

[2363] - Александрия – город в Египте, славившийся в древности своею торговлею и образованностью.

[2364] - Кончина святого мученика последовала в начале IV в.

[2365] - Вифиния северозападная область Малой Азии, лежащая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Мидикийская обитель находилась недалеко от города Пруса, который стоял близ горы Олимпа; мидикийская обитель основана святым Никифором, присутствовавшим на 7-ом Вселенском соборе (787 г.) в качестве ее игумена. Кесария вифинская находилась между реками Риндаком и Апамеею

[2366] - Пономари или иначе парамонари – тоже, что наши причетники.

[2367] - Седьмой Вселенский собор был созван в 787 г. в Никее императрицей Ириной, вдовой Льва IV. Собор, состоявший из 367 отцов, под председательством святого Тарасия, осудил иконоборство и восстановил иконопочитание.

[2368] - Лев III Исавр. – Редакция «Азбуки Веры»

[2369] - Лев III Исаврянин 716–741, святой Герман 730, Анастасий 753. Засим до восстановления иконопочитания на Константинопольском престоле сменились 10 патриархов, из которых 6 были иконоборцы

[2370] - Константин V Копроним, царствовал с 741 по 775 год.

[2371] - Лев IV – 775–785, Ирина – 797–802

[2372] - Никифор I-802–811, Михаил 1–811–818, Лев V Армянин-813–820

[2373] - Ритор (преподаватель красноречие) Тертулл поддерживал пред римским правителем Феликсом обвинение, возбужденное иудеями против Ап. Павла, и в речи своей позаботился прежде всего польстить Феликсу – якобы радетелю о нуждах иудеев (Деян. 24:1–27).

[2374] - Кизик – город, находившийся на одном из островов Пропонтиды, основанный за 5 в. до Р. Х. милетнами

[2375] - Манихеи учили, что в мире существуют два царства – добра и зла, находящиеся в постоянной борьбе друг с другом, а в человеке – две души, добрая и злая, что Христос не имел тела и страдал только видимо; допускали переселение душ.

[2376] - В 824 году.

[2377] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, на юг от Аппенинского полуострова, отделяющийся от него Мессинским проливом

[2378] - Память его 20 ноября

[2379] - На VII Вселенском соборе

[2380] - Леон (Лев) III 816

[2381] - С 829 по 842 г.

[2382] - Иконопочитание восстановлено в 840 г. Св. Мефодий 846 г., память его 14 июня.

[2383] - Василий Македонянин царствовал с 867 по 886 год.

[2384] - Фотий первый раз занимал престол с 857 по 867; вторично – с 877 по 886 г.

[2385] - Так называются в 1Пет.2христиане.

[2386] - С евр. – непотребный, – название диавола (2Кор.6:15).

[2387] - Сапор II-й был персидским царем с 309 г. по 381 г. Христианство в Персии существовало и в более ранний период. Император Константин Великий, вскоре после своего обращения писал в пользу христиан Сапору. Но за успехом новой религии с завистью и тревогою следили волхвы и, когда между Сапором и Констанцием началась война, они донесли царю, что обращенцы были преданы римским интересам. Вследствие этого Сапор начал гонение, подвергая христиан особенно отяготительным налогам. Затем был схвачен и их глава Симеон, епископ Селевкийский и Ктезифонский, и приведен к царю, который потребовал от него признания национальной религии. Когда же он отказался от этого, царь приговорил его к тюремному заключению, а затем к смертной казни. Гонение еще более усилилось в последние годы царствование Сапора.

[2388] - Под волхвами в древности разумелись люди мудрые, обладавшие знаниями, тайных сил природы, движение светил небесных, священных письмен, толкователи снов и предсказатели будущего.

[2389] - Кончина святых мучениц последовала около 341–343 г.

[2390] - Тир – город, расположенный близ северо-восточных берегов Мертвого моря на юго-западном склоне Галаадской горной цепи в левобережной Палестине, известной в древности под именем Переи или Заиорданской страны.

[2391] - Это был Иорданский монастырь св. Иоанна Предтечи, разоренный до 1651 года и пришедший в ветхость еще в 723 году.

[2392] - Преподобная скончалась в Великую Пятницу 9 апреля 521 года.

[2393] - Преподобный Зосима скончался в 523 году почти 100 лет от роду.

[2394] - Диоклетиан, с именем которого связывается представление о последнем жестоком гонении язычников на христиан, вступил на римский престол в 284 г. и царствовал до 305 г. В 285 г. он, сознавая трудность управления одному

обширною империею, выбрал себе соправителем одного из своих полководцев, храброго Максимиана (Геркулеса), вручив ему с титулом Августа западную половину империи. В 292 г. он избрал еще двух помощников в управлении с титулом кесарей – Констанция Хлора для Британии, Галлии и Испании и Галерия для Иллирии. Диоклетиан перенес свой двор из Рима в Никомидию (этот город находился на азиатском берегу Пропонтиды – Мраморного моря), вследствие чего старый Рим постепенно терял свое значение. Преимущественно по влиянию кесаря Галерия, Диоклетиан издал четыре эдикта, или указа, против христиан и был одним из самых жесточайших их гонителей.

2395 - Фессалоники или Солунь – родина просветителей славян святых Кирилла и Мефодия – город в Македонии, при Эгейском море.

2396 - В 304 году был издан Диоклетианом четвертый эдикт, которым все христиане осуждались на пытки и мучения с целью принудить их к отречению от христианства и принесению жертв идолам.

2397 - Современник настоящего гонения Евсевий, епископ Кессарийский, в своей Церковной истории рассказывает подробно о всех ужасах, сопровождавших преследование христиан в разных областях и городах империи.

2398 - Именем «Зевса» (сын Кроноса и Реи) назывался у древних греков бог неба. У него было много прозваний, которые или произошли от названий различных местностей, где воздавалось ему почитание, или служили для выражения какого-либо из многообразных свойств этого божества.

2399 - Двенадцать высших или главнейших богов, по представлению греков, обитали в воздушном пространстве, между землей и небом, а резиденция их была в великолепных палатах на вершине горы Олимпа. От того эти боги называются также Олимпийскими богами. Это были боги: Зевс, Гера, Посейдон, Деметра, Аполлон, Артемида, Гефест, Паллада-Афина, Арей, Афродита, Гермес и Гестия.

2400 - Авва – отец, настоятель обители.

[2401] - Внутренняя, или скитская пустыня, – на сутки пути далее пустыни келлий, в Египте, в Ливии. Это была дикая песчаная пустыня, где изредка только встречались ключи с водой; сюда не было и проторенной дороги – путь направляли сюда по течению звезд.

[2402] - Гора Фраческая – в Ливии, в нынешней Тукра. Эфиопия – страна к югу от Египта – Нубия и Абиссиния.

[2403] - Александрия – знаменитый в древности город, стоящий при устье Нила, в Египте, и основанный Александром Македонским (336–323 гг. до Р. Х.), бывший в свое время центром всемирной образованности и торговли.

[2404] - Хеттеи – потомки Хета, сына Ханаана (сына Ноя), жили в горах (Числ.13:30), в южной части Палестины, около Хеврона (Быт.23) и около Вефиля (Суд.1:26).

[2405] - Енох – сын Иареда, отец Мафусала, седьмой патриарх от Адама, за святость жизни своей взятый живым на небо (Быт.5:24).

[2406] - Афины – столица древнегреческого государства, славившаяся в древности своею образованностью и торговлею. Здесь находились знаменитые философские училища, где получили образование некоторые из отцов и учителей Церкви.

[2407] - Локоть – употребительная в древности мера длины, равнявшаяся расстоянию от локтя до конца среднего пальца (около 10 вершков). (Вершок равнялся ≈ 4,45 см. Длина локтя определялась как расстояние от конца вытянутого среднего пальца руки до локтевого сгиба, могла варьироваться до 46 см. – Редакция Азбуки веры.).

[2408] - Кончина святого Марка последовала около 400 г.

[2409] - Египет был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Нижнем, так и в Среднем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня Нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая вглубь страны, за рекою Нилом.

[2410] - Император римский, Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 г.

[2411] - Точно таким образом молился Моисей во время битвы израильтян с амалитянами (Исх.17:8–13).

[2412] - Кончина святого Пуплия последовала в IV в.

[2413] - Олимп – гора в малоазийской области Мизии, на границе между Фригией и Вифинией. Здесь находился весьма славившийся подвижничеством своих насельников монастырь, именовавшийся монастырем «в Символах», где и подвизался преподобный Платон.

[2414] - Это было в 770 г.

[2415] - Никомидия – город в малоазийской области Вифинии, расположенный в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Никомидия была построена в 264 г. до Р. Х. вифинским царем Никомедом I, от которого и получила свое название. Никомидия была любимым местопребыванием римских императоров и полководцев, когда они совершали походы на восток. В настоящее время на месте древней Никомидии находится местечко Исмид.

[2416] - Это место находилось невдалеке от горы Олимп.

[2417] - Святая Ирина, супруга императора Льва Хозара, управляла после его смерти государством за малолетством сына своего Константина (VI) Порфирородного с 780 по 790 г. и потом самостоятельно с 797 по 802 г. Память ее празднуется 7 августа.

[2418] - В церковной истории Никея известна как место двух Вселенских соборов: первого, бывшего в 325 г. и собранного для обличения ереси Александрийского пресвитера Ария (отрицавшего равенство Сына Божия с Богом Отцем) и седьмого, о котором здесь идет речь. Никея – в древности богатый и цветущий город малоазийской области Вифинии. В настоящее время на месте древней Никеи находится очень бедное и малонаселенное местечко Исник.

[2419] - Собор был создан в 787 г.

[2420] - Обитель эта была основана преподобным Платоном в 782 г.

[2421] - Эго было в 790 г., когда Константину исполнилось двадцать лет.

[2422] - Первой супругой императора Константина VI Порфирородного была Мария – внучка святого Филарета Милостивого (память его 1 декабря) вступил с нею в супружество по воле своей матери. Второй брак императора с Феодотиею, бывшей до этого времени придворною дамою, был заключен в 795 г.

[2423] - Должность эконома церкви Константинопольской была одною из самых важных должностей при Константинопольском патриархе: эконом управлял не только домашним хозяйством патриарха (эконом от Oixonomeo – управляю домом) и заведовал его казною, но принимал участие и в решении вопросов по управлению самой патриархией.

[2424] - Солунь или Фессалоники, весьма значительный в древности город Македонии, лежавший на берегу солунского или фермейского залива при Эгейском море (Архипелаге). В истории русской Церкви город этот известен как место родины святых первоучителей славян – Кирилла и Мефодия и может быть отнесен к числу первых торговых городов (после Константинополя) Европейской Турции.

[2425] - Агаряне – мусульмане – арабы, называвшиеся так по имени Агари, наложницы Авраама, матери Измаила, от которого и произошло племя арабов. Пользуясь постоянными смутами и междоусобиями при Византийском дворе, агаряне делали в то время опустошительные набеги на пределы Византийской империи.

[2426] - Преподобный Феодор Студит был поставлен игуменом Студийского монастыря в 798 г. – Студийский монастырь получил свое название от имени своего основателя – римского патриция (лицо высшего сословия, соответствовавшего нашему дворянству) Студия. Студий выстроил в Константинополе большую и красивую церковь во имя святого Иоанна Предтечи и устроил при ней монастырь, пригласив сюда иноков Константинопольской обители «Неусыпающих» (основанной в V в.). Так было положено начало существования Студийского монастыря.

[2427] - Император Никифор I царствовал с 802 по 811 г.

[2428] - Это было в 807 г.

[2429] - Кончина преподобного Платона последовала в 814 г., в Лазарево воскресенье, на 79-м году жизни святого.

[2430] - Эгина – остров в сароническом заливе Архипелага, между Арголидой и Аттикой.

[2431] - Михаил I Рангав, император византийский, царствовал с 811 по 813 г.

[2432] - Кончина преподобной Феодоры последовала в 879 г.

[2433] - Амасия, город в Азиатской Турции, в Сивасском вилайэте с 15 000 жителей, имеет 18 медрессе (высшие школы), в которых обучаются 2000 софтов (студентов). Прежде Амасия была резиденцией царей Понта; в ней много древностей; родина историка Сграбона.

[2434] - На юго-запад от Амасии, в пределах Галатийских

[2435] - Император Юстиниан управлял с 527–565 г. Родился в 482 или 483 г., был сыном Иллирийского крестьянина. Взятый своим дядей – впоследствии император Юстиниан I – в Константинополь ко двору императора Анастасия, Юстиниан получил хорошее образование, а после смерти дяди, еще ранее усыновленный им, вступил на престол. Прославил свое царствование подчинением вандальского и остготского государства.

[2436] - Пятый Вселенский собор был созван в мае 553 г. в Константинополе. На нем присутствовало 165 епископов. Среди них были все восточные патриархи, но с запада было только 5 африканских епископов. Председателем был Евтихий, патриарх Константинопольский; собор был созван для окончательного решения вопроса о Феодоре Мопсуетском, блаженном, Феодорите и Иве Едесском. При этом собор утвердил вероопределение всех прежних Вселенских соборов, в том числе Халкидонского.

[2437] - Афир – город на берегу Мраморного моря.

[2438] - Среди разнообразных мнений, возникших из монофизитского спора выдавалось одно, поддерживавшееся Юлианом Галикарнасским. Он исповедовал, что тело Спасителя было нетленным, что оно было изъято от смерти, подобно тому,

как было бы изъято от нее тело Адама, если бы он оставался в своей невинности; что оно было тем же самым, как прежде и после воскресения, что его голод, жажда, усталость вытекали отнюдь не из состава его человеческого естества, но были чувствами, которым Он добровольно подвергал самого Себя. Автортодокеты своих противников называли фтартолатрами (т. е. поклонниками тленного).

2439 - Иоанн III Схоластик управлял Константинопольскою кафедрою с 565–577 г.

2440 - Зела на юге от Амассии, на реке Ирис, в царстве понтийском, построен на холме. В войну римлян с понтийцами в 67 г. до Р. Хр. римский претор Триарий здесь был разбит Митридатом. Ныне селение Зелех в Малой Азии в турецком вилайэте Сивас.

2441 - Венера у римлян, у греков Афродита – богиня любви и красоты – жена Гефеста, родилась из морской пены. Она изображалась нагою.

2442 - Канцер – рак.

2443 - Патриарх Евтихий скончался в 682 г. Тело св. Евтихия в 1246 г. из цареградского храма Апостолов перенесено в Венецию. Управлял Константинопольскою патриархиею первый раз с 562–565 г., а вторично с 577–582 г.

2444 - Диакониссами (служу, прислуживаю) в древнехристианской Церкви назывались лица женского пола, наблюдавшие за порядком в храме во время богослужения и прислуживавшие епископам при совершении над женщинами таинства крещения. Обязанности диаконисс заключались в следующем: они приготовляли женщин ко крещению, научая их, как и что они должны отвечать на вопросы крещающего, и как должны вести себя после крещения; помогали епископу при крещении женщин; наблюдали за порядком в женской половине храма (древние храмы разделялись на две отгороженные друг от друга половины, одна из которых предназначалась для мужчин, а другая – для женщин), а также наблюдали за дверью, в которую входили в храм женщины, не допуская сюда лиц недостойных; присутствовали при беседах епископов или

пресвитеров с женщинами и т. п. Диаконисссы причислялись к клиру и потому поставлялись на свою должность через особое рукоположение. В диаконисссы обыкновенно выбирались женщины честной, святой жизни – обыкновенно девы или вдовицы и притом не моложе сорокалетнего возраста.

[2445] - Низибия находилась в Месопотамии и лежала по течению реки Мигдонии.

[2446] - Кончина преподобной Платониды последовала около 308 г.

[2447] - Лев Исаврянин царствовал с 717 по 741 г. Он происходил из класса зажиточных крестьян и настолько выделился своей военной службой при Юстиниане II, что в 717 г. при всеобщем одобрении был возведен на императорский престол. Обратив внимание на церковные дела и, между прочим, на суеверие в иконопочитании он решился уничтожить последнее полицейскими мерами. Сначала он (726 г.) издал эдикт только против поклонения иконам, для чего приказал поставить их в церквах повыше, чтобы народ не лобызал их. В 730 г. был издан эдикт, повелевавший вынести иконы из храмов. Лев Исаврянин достиг того, что иконы временно были выведены из церковного употребления.

[2448] - Император Константин V Копроним (741–775) преследовал иконопочитание с еще большею, чем его отец Лев Исаврянин, жестокостью. Он хотел торжественно уничтожить иконопочитание, как ересь и для того в 754 г. составил в Константинополе собор, который назван вселенским. На нем было 338 епископов, но ни одного патриарха. Здесь положено было, что иконопочитание – идолопоклонство, что единственный образ Христа Спасителя – Евхаристия. Собор предал анафеме всех защитников иконопочитания и иконопочитателей, особенно св. Иоанна Дамаскина. Св. Ирина с 780 по 790 и с 797 по 802 управляла за малолетством своего сына Константина Порфирородного. Она объявила себя за иконопочитание. В 787 г Ириной в Никее был созван второй Никейский и седьмой Вселенский собор, под председательством патриарха Константинопольского Тарасия. На соборе состоявшем из 367 отцов, было восставлено иконопочитание.

[2449] - Митилена, город на острове Лесбосе – (величайший в Эгейском море), близ древней Трои и Мизии (Малой Азии), имеет до 36000 жителей; остров горист, плодороден, богат лесом, хлебом, вином. К Турции присоединен в 1462 году, при Магомете

[2450] - В древности особенно процветали города этого острова Крезос, Пирра, Митилена

[2451] - Лев Армянин царствовал с 813–820 г.

[2452] - В г. Митилене, на острове Лесбосе, митрополитами были два Георгия. Первый из них, о котором написано настоящее житие, претерпел изгнание в царствование Льва Армянина в 816 г., второй же Георгий брат Симеона прозорливца. Он был рукоположен в пресвитера первым Георгием, в царствование Константина и Ирины (в 762 г.), на престол же вступил в царствование императора Михаила Косноязычного (820–829 г.), который по воцарении даровал свободу православным. Сей второй Георгий был изгнан за Православие иконоборческим императором Феофилом (829–848 г.); по смерти же Феофила блаженная царица Феодора (842–865 г.) со святейшим патриархом Константинопольским Мефодием утвердила Православие и в 842 г. возвратила второго Георгия из изгнания; после богоугодной жизни он скончался мирно на своем престоле.

[2453] - Феодот I Касситер управлял патриархиею с 815–821 г.

[2454] - Херсон или Корсунь – греч. колония, важнейший из городов Херсонеса Таврического, близ нынешнего Севастополя – место крещения великого князя Владимира.

[2455] - Памфилия – в древности часть малоазийского побережья, заключенная Ликией и Киликией и пролегавшая вдоль Памфильского моря (ныне залив Адалия). Разделяя исторические судьбы всей Малой Азии, Памфилия быда последовательно под Персидским, Македонским и Сирийским владычеством, затем вошла в состав Персидского царства и в 120 г. до Р. Х. сделалась Римской провинцией. Население, представлявшее смесь туземцев с пришльми киликийцами и греками, нравами и обычаями напоминало киликийцев и в

широких размерах промышляло морским разбоем. Важнейшие города этой гористой по преимуществу страны, наполненной системою Тавра: Аталейя (Адалие), Сиде, (Эски-Адалии), Кибира, Аспеид, Пергия, Солион.

[2456] - Патриции были в Риме лица знатного происхождения; сенатор – должностное лицо, замещавшее высшее служебное место в государстве.

[2457] - Каллиопий – слово греческое и в переводе на русский язык значит – миловидный, с хорошим взглядом.

[2458] - Киликия – Малоазийская провинция.

[2459] - Святой мученик Каллиопий скончался 7 апреля 304 г., в пятницу, в Киликийском (в малой Азии) городе Помпеоцоле.

[2460] - Тимофей был игуменом Печерского монастыря с 1124 года; скончался в 1131 году.

[2461] - Иоанн правил Новгородскою епархиею с 1110 по 1180 год.

[2462] - Рукоположение Нифонта относится к тому же 1130 году.

[2463] - Митрополит Михаил, грек, правил киевской митрополией с 1130 г. по 1145 г.

[2464] - Новгородцы высоко ценили попечение епископа Нифонта о храмах Божиих. «Об этом знает каждый из нас», говорит новгородский летописец: «Кто из епископов так украсил святую Софию? Он расписал притворы, устроил иконостас, а снаружи обмазал известью и облил свинцом. Во Пскове создал церковь Святого Спаса каменную на Завеличьи, а в Ладоге святого Климента» IV новгор. лет.

[2465] - Сие событие произошло в 1135 году.

[2466] - В 1132 году.

[2467] - Святитель Нифонт был знатоком канонических или церковных правил и ревностным, самоотверженным их блюстителем. Эта ревность к соблюдению церковных правил видна не только из отношения св. Нифонта к неканоническому браку Святослава Ольговича, но и из дальнейшего повествования об отношении Нифонта к митрополиту киевскому Клименту Смолятичу, занявшему митрополичий престол без

благословения Константинопольского патриарха. К святителю Нифонту обращались другие епископы и разные лица за разрешением недоуменных канонических вопросов и разных случаев церковной жизни. Из «Вопрошения Кирикова», или собрания ответов, полученных иеромонахом и доместиком (начальником певчих) Новгородского Антониева монастыря Кириком от разных лиц, к которым он обращался со своими вопросами, преимущественно от трех епископов Новгородских: св. Нифонта и Илии (с 1165 г. по 1185 г.) и неизвестной епархии Саввы, узнаем, что к Нифонту обращался, некто Клим по поручению епископа Полотского. Вопросы Кирика главным образом обращены к епископу Новгородскому, Нифонту, который и давал здравые и практичные ответы для разрешение недоумений. «Вопрошение Кириково? Напечатано в «Русской Историчеекой Библиотеке», изд. Археограф. Коммиссией, т. 6, ст. 21 и след. Павловым и ранее в «Памятниках Российской Словесности XII в.», стр. 173 и след. Калайдовичем.

2468 - Изяслав Мстиславич великим князем киевским был с 1146 г. по 1154 г.

2469 - Т.е. Юрий Владимирович Долгорукий, сын Владимира Мономаха. Это было в 1150 году.

2470 - Одна из патриарших грамот к Нифонту напечатана в житии Нифонта в Памятниках Русской Литературы Кушелева-Белбородко, IV, 5 и в Истории Русской Церкви преосвящ. Жамарие, т. 3, изд. 2, стр. 297.

2471 - Митрополит Константин, грек, прожил на Руси не долго, правил митрополией с 1156 г. по 1158 г., скончался в 1159 году в Чернигове.

2472 - Феодосий II Младший царствовал с 408 по 450 год.

2473 - Здесь, очевидно, ошибка. Папа Иннокентий I занимал римскую епископскую кафедру с 402 по 417 г., а за ним следовали: Зосима, с 417 по 418 г., Бонифаций I с 418 по 422 г. и Келестин с 422 по 432 г.

2474 - В 430 году после помесного римского собора, осудившего Нестория, Келестин написал архиепископу Александрийскому Кириллу послание, в котором было сказано,

что если Несторий через 10 дней после получения этого послания не признает веры, содержимой в Риме и Александрии, то будет низложен и отлучен. В то же время Келестин послал послание Константинопольской церкви и архиепископу антиохийскому Иоанну, в которых обличал заблуждение Нестория и извещал о том осуждении, которое будет произнесено, если Несторий будет упорствовать. Кириллу же Келестин поручил привести этот приговор в исполнение, как уполномоченному римского епископа.

[2475] - Кончина преподобного Келестина последовала в 432 году.

[2476] - Император Адриан царствовал о 117 по 138 год.

[2477] - Здесь евтропийский префект неверно назван вместо европейского. Провинция Европа находилась во Фракии, в северо-восточной части Балканского полуострова.

[2478] - Святой Апостол Иродион, как и прочие пять Апостолов, воспоминаемые ныне, принадлежат к числу 70 Апостолов Память всех 70 Апостолов совершается св. Церковью 4 января

[2479] - Тарс – большой в древности город, находившийся в малоазийской области Киликии. Остатки этого города сохранились и теперь.

[2480] - Патары – ныне Патрас – большой торговый город в королевстве греческом на берегу патрасского залива.

[2481] - Коринф – знаменитый в древности город древней Греции, лежавший в юго-восточном углу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морем. В настоящее время на месте древнего Коринфа существует местечко Куронто с 5 000 жителей. – Послание к Римлянам написано Апостолом Павлом яз Коринфа в 58 г.

[2482] - Святой Олимп или Олимпик – один из 70-ги Апостолов. Память его 4 января

[2483] - Кончина святого Апостола Иродиона последовала ок. 67 г.

[2484] - Кесария палестинская – город на восточном берегу Средиземного моря, построенный царем иудейским Иродом на

месте древнего города Стратон и названный так в честь кесаря Августа.

[2485] - Фивы – главный город греческой области Беотии.

[2486] - Воспоминаемого ныне святого Апостола от 70 по имени Ерма, бывшего епископом во Фракийском городе Филиппополе. Память сего последнего совершается св. Церковью 4 января

[2487] - Далмация – южная часть Иллирии, граничившая на севере с Паннонией, на западе с Италией и Адриатическим морем.

[2488] - Имя Кесарии носило несколько городов. Кесария Каппадокийская – главный город римской провинции Каппадокии – в Малой Азии.

[2489] - Юлиан Богоотступник занимал императорский престол с 361 по 363 г.

[2490] - Имя «Кесария происходит от слова «кесарь» – титул римских императоров.

[2491] - Разумеется Римский император Клавдий I, царствовавший с 41–54 г.

[2492] - Юлиан Богоотступник скончался во время похода в Персию, пронзенный стрелою. Пред своею смертью он воскликнул: «Ты победил меня, Галилеянин – разумея под Галилеянином Господа нашего Иисуса Христа».

[2493] - Это было в 362 году.

[2494] - Разумеется персидский царь Сапор II, прозванный Великим. Царствовал с 310 по 381 год.

[2495] - Выражение Пс. 23:3–6.

[2496] - Император Декий – известный гонитель христиан; царствовал с 249–261 г.

[2497] - Римский император Домициан царствовал с 81 г. по 96 г.

[2498] - Патмос бесплодный, скалистый остров в Эгейском море, на юго-западе от Ефеса, между Санопом и Наксосом

[2499] - Пергам – город в великой Мизии (в северо-западной части Малой Азии) был столицею Пергамского царства. В

древности он славился богатством, роскошью и обширной библиотекой, также изобретением, или, вернее, усовершенствованием обработки пергамента (кожи для письма). Впоследствии этот город был присоединен к Римской империи.

2500 - Артемида – иначе Диана – известная языческая богиня у греков, олецетворяла луну и считалась покровительницею лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с великолепием и блеском.

2501 - Священномуч. Антипа, епископ Пергама Асийского, скончался в 95 г., память его (11 апреля) была особо чтима в Царьграде, куда при Феодосии Великом (379–395 гг.) был перевезен из Пергама бык, в коем сожжен был св. Антипа.

2502 - Мамертинская темница находилась в северной части города Рима. Она предназначалась главным образом для государственных преступников, к числу которых относили и христиан. Эта темница в реставрированном (восстановленном) виде сохранилась и теперь, причем те отделения темницы, где были заключены Апостолы Петр католиками с особенным вниманием.

2503 - Тарпейская скала находилась на западной стороне капитолийского холма в Риме. В Древнем Риме эта скала служила местом, откуда сбрасывали приговоренных к смерти преступников. По сказанию римской легенды, эта скала получила свое наименование по следующему поводу: Тарпея, весталка (девственница, служившая при языческом алтаре), во время войны Ромула с сабинским царем Титом Тацием, соблазнившись обещанием золота, впустила сабинян в Капитолий. Так как по условию сабиняне должны были дать Тарпее то, что носили на левой руке, то взойдя на Капитолий, они закидали изменницу, вместо ожидавшихся ею браслетов, щитами, под тяжестью которых она и умерла. С тех пор этот утес и стал называться Тарпейскою скалою.

2504 - Префект – начальник города.

2505 - Кончина святых мучеников последовала во второй половине I-го столетия. Мощи их покоятся ныне в Ватиканском соборе Апостола Петра, в приделе их имени.

[2506] - Афанасия с греческого языка в переводе на русский значит «бессмертие».

[2507] - Остров этот находится близ Греции.

[2508] - Этот диалог или разговор содержится в известном сочинении святого Григория Великого «Собеседование о жизни и чудесах италийских отцов», за которое он и получил название Двоеслова. Сочинение состоит из четырех книг и содержит в себе рассказы о подвигах благочестивых людей, совершаемых ими при содействии благодати Божией; сведения для этих рассказов святой Григорий заимствовал частью из собственных разговоров с италийскими отцами, частью их доставлял ему епископ Сиракузский Максимилиан.

[2509] - Приблизительно до начала второй половины VI в., когда окончательно пало владычество готов в Италии.

[2510] - Верона – один из древнейших городов Италии, выстроенный в I-м веке до Р. Хр. В настоящее время Верона – первоклассная итальянская крепость.

[2511] - Ариане учили, что Сын Божий не равен Богу Отцу и есть Его творение. Основателем этой ереси был Александрийский пресвитер Арий. Учение его было осуждено на I-м Вселенском соборе, происходиившем в Никее в 325 г.

[2512] - Император римский, Констанций царствовал с 353 г. по 361 г.

[2513] - Валент управлял римскою империею с 364 г. по 378 г.

[2514] - Кончина священномученика Зинона последовала ок. 380 г. святой Зинон оставил после себя некоторые сочинения, – именно 16 пространных и 77 кратких наставлений или бесед, касавшихся разного рода религиозно-нравственных вопросов.

[2515] - Император Константин Копроним скончался в 775 году, вступив на престол после зятя своего Артабазда в 743 году.

[2516] - Императрица Ирина, супруга Льва Хозара, управляла государством за малолетством сына своего Константина Порфирородного с 780 по 802 год. Ревностная почитательница св. икон, она содействовала созванию седьмого Вселенского собора, утвердившего в Церкви догмат иконопочитания.

[2517] - Власяница – нижняя одежда, сплетенная из конского волоса и носимая подвижниками на голом теле.

[2518] - Омонийская обитель находилась в Константинополе. Известна тем, что в храме ее происходили заседания второго Вселенского собора.

[2519] - Преподобная Анфуса приняла иноческое пострижение в Константинопольском монастыре святой Евфимии, а потом перешла в Омонийский монастырь, где была игуменией.

[2520] - Преподобная Анфуса скончалась 12 апреля 811 года.

[2521] - В царствование Диоклетиана (с 284 до 305) было издано четыре указа против христиан. Первый был объявлен в феврале 303 г. Этим указом предписывалось разрушение церквей и сожжение св. книг, вместе с тем христиане лишались гражданских прав, чести, покровительства законов и своих должностей; рабы христиане утрачивали право на свободу, если, получив ее по какому-либо случаю, оставались в христианстве. Вскоре был издан второй указ которым повелевалось всех предстоятелей церквей и других духовных лиц заключать в темницы; таким образом указ касается одних только духовных лиц; последних обвинили пред императором как зачинщиков восстания в Сирии и Армении, к несчастию для христиан начавшегося вслед за появлением первого указа. В том же 303 г. последовал третий указ: всех заключенных на основании второго указа велено было принуждать к принесению жертв под опасением пыток за сопротивление. Наконец, в 304 г. был обнародован последний четвертый указ, которым объявлялось повсюдное гонение на христиан; «великое гонение», о котором говорится в данном житии, очевидно относится к гонению, последовавшему за четвертым указом. Из-за этого указа пролилось более всего христианской крови: он действовал целых 8 лет, до 311 г., когда император Галерий особым указом объявил христианство дозволенной религией. Гонение Диоклетиана было последним; в нем христианство почти после трехвековой борьбы одержало окончательную победу над язычеством.

[2522] - Эта область находится в Малой Азии.

[2523] - Артемида – богиня охоты у греков, первоначально, вероятно, богиня луны.

[2524] - Асклипий или Асклепий – бог врачевания.

[2525] - Аполлон – бог солнца, покровитель искусств.

[2526] - Святой Артемон упоминает здесь о следующем событии ветхозаветной истории. Когда Авраам возвращался после победы над царями, захватившими в плен его родственника Лота, то ему навстречу вышел с хлебом и вином Мельхиседек, царь Салимский и священник Бога Вышнего и благословил Авраама (Быт. 14:1–20; Евр. 7:1); в этом благословении выразилось более высокое достоинство Мельхиседека пред Авраамом, ибо, говорит св. Ап. Павел: «Без всякого же прекословия меньший благословляется большим». (Евр. 7:7).

[2527] - Миры, ныне Мири, у турок Дембре, были главным городом древней Ликии и находились близ моря, на реке Андрак.

[2528] - Это было в 649 г.

[2529] - С 642 г. по 668 г.

[2530] - Монофизиты – единоестественники были еретики, учившие об одной Божественной природе в Господе Иисусе Христе, – о полном слиянии в Иисусе Христе Божественной и человеческой природы с поглощением последней первою; иначе эта ересь называется евтихианством от имени Константинопольского архимандрита Евтихия, который первый заявил это учение и положил начало монофизитским спорам. Впервые эта ересь была осуждена на поместном Константинопольском соборе (448 г.), причем Евтихий был низложен; председательствовавший на соборе Константинопольокий патриарх Флавиан сообщил об его постановлениях римскому папе святому Льву Великому. Последний согласился на осуждение Евтихия и написал послание, в котором изложил православное учение о соединении в Иисусе Христе двух естеств. Между тем Евтихий нашел поддержку в императоре Феодосии II и Александрийском патриархе Диоскоре. Созванный императором собор в Ефесе

(449 г.), за свои беззаконные действия известный в истории под именем «разбойничьего», осудил патриарха Флавиана и оправдал Евтихия. Присутствовавший на соборе папский посол диакон Иларий заявил несогласие с постановлением собора и бежал в Рим, где папа немедленно объявил Диоскора отлученным от церкви, а постановления ефесского собора недействительными; Диоскор в свою очередь анафематствовал в Александрии папу Льва. Окончательно вопрос о соединении двух естеств в Господе Иисусе Христе был решен по смерти императора Феодосия II (450 г.). Императрица Пульхерия и соправитель Маркиан выступили против еретиков; в 451 г. был созван четвертый (халкидонский) весленский собор, который низложил патриарха Диоскора и так определил догмат об образе соединения в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств: «последующе Божественным отцам, все единогласно поучаем исповедовать... единого и того же Христа, Сына, Господа единородного, в двух естествах, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого... не на два лица рассекаемого, но единого в того же Сына и единородного Бога Слова». – Решение халкидонского собора не было принято в Египте, Армении, а также отчасти в Сирии и Палестине. В этих странах еретики монофизиты существуют еще и теперь; общее число их достигает 5000 000: сирийских монофизитов или иаковитов 600 000, армян грегориан 280 000, коптов около 300 000 в абиссинцев более 2000 000.Монофелитство или единовольническая ересь возникла в начале VII в. под влиянием стремления византийских правителей присоединить к церкви широко распространившееся монофизитство: раздоры между православными и монофизитами были не только церковным, но и государственным бедствием. Монофизитские епископы, главным образом Кир, епископ Фазиса в Колхиде, подали императору Ираклию (611–641) мысль, что соединение между ними и православными может состояться если православная церковь признает во Христе Иисусе единую волю, едино действие. В 633 г. стараниями императора и Кира, сделанного патриархом Александрийским, удалось устроить единение между египетскими монофилитами и православными;

к этому единению примкнули почти все восточные и греческие епископы с Константинопольским патриархом Сергием во главе. Против подобного незаконного соглашения открыто выступил любимый ученик Александрийского патриарха Иоанна Милостивого монах Софроний, доказывая, что учение о единеволии есть тоже монофизитство или признание в Господе Иисусе Христе единой Божественной природы, ибо если едина природа, то, естественно. едина и воля. Сделавшись в 634 г. патриархом Иерусалимским, он еще с большею ревностью защищал Православие: он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство. Желая положить конец распрям император Ираклий в 638 г. издал составленное патриархом Сергием «изложение веры» (эктесис), где содержалось православное учение о двух естествах во Иисусе Христе и запрещалось говорить о Его волях, хотя в то же время добавлялось, что православная вера требует признания одной воли. После издания «изложения веры» горячим защитником православия выступил Константинопольский монах Максим Исповедник, который с успехом действовал против монофелитов в северной Африке и Риме. Преемник Ираклия Констанс II, желая уничтожить еще более возбудивший раздор эктесис или «изложение веры», в 648 г. издал «типос» – образец веры, где запрещал говорить как об одной, так и о двух волях, заставляя верить согласно бывших пяти Вселенским соборам. Но «типос» не положил конца спорам, как видим из данного жития. Наконец, император Константин Пагонат (668–886) созвал в Константинополе шестой (трулльский) Вселенский собор, на котором монофелитство было осуждено как ересь и определено, что во Христе Иисусе должно исповедовать два действия, две воли, причем человеческая следует и подчиняется во всем воле Божеской, не уничтожаясь через это. – Остатки монофелитов сохранились до настоящего времени в виде секты маронитов. Сначала они нашли убежище (с 680 г.) на Ливанских горах; во время крестовых походов (1182 г.) учение монофелитов проникло на Запад, в Европу, но, благодаря деятельности пап, не нашло многих последователей, хотя продолжалось до 1736 г., когда еврейские монофелиты

присоединились к католической церкви. На Востоке в Сирии (в округе Кесраван) они существуют до этих пор.

[2531] - Память его 21 января

[2532] - Отец, слово еврейское.

[2533] - Этот собор был в год вступления святого Мартина на папский престол, т.е. в 649 г.

[2534] - Т. е. Господь, допуская временное торжество нечестивых над праведными, окончательную победу всегда дарует благочестивым.

[2535] - Острова эти, числом 60, находятся в Эгейском море.

[2536] - Нынешний Константинополь.

[2537] - Секретарь патриарха.

[2538] - Сакелларий – высший церковный сановник, стоявший во главе особого совета, управлявшего Константинопольскими монастырями, заведывавшего монастырским, хозяйством и наблюдавшего за жизнью монахов.

[2539] - Сенатор – высший государственный сановник.

[2540] - Претория – присутственное место, где главным образом решались судебные дела и приводили в исполнение постановление по ним. Претор – высший судья в Древнем Риме; позднее круг обязанностей их расширился.

[2541] - Спекулятор – помощник претора, исполнитель его приказаний.

[2542] - Евнух – оскопленный слуга, которому поручался надзор за женами; первоначально обычай иметь таких слуг с этою целью возник в Малой Азии; евнухи известны в Древнем Риме. В Византии, придворный быт который сложился под влиянием Востока, были также евнухи; поставленные в возможность действовать на властителей через их жен, евнухи приобретали иногда сильное влияние на ход государственных дел, поэтому должность начальника евнухов была почтенной.

[2543] - Мыс на западном берегу Крыма; здесь в V в. до Р. Х. Херсонес; в нескольких верстах от Севастополя видны развалины этого города.

[2544] - В 655 г.

[2545] - Город Вильна основан в XII в., а по другим известием, даже в X в. Но исторически известным он становится только в нач. XIV в. (ок. 1323 г.), как столица великого князя литовского и русского Гедимина. В настоащее время Вильна представляет из себя большой со стотысячным населением губернский город, принадлежащий России.

[2546] - Поклонение огню, вообще распространенное в древности, имело место и в языческой Литве. Оно состояло собственно в поклонении богу огня, грома и молнии – Перуну, в честь которого в Вильне был выстроен в 1285 г. довольно обширный храм.

[2547] - До принятия христианства Антоний и Иоанн носили языческие имена: Нежило и Кумец.

[2548] - Ольгерд, князь литовский, правил с 1341 г. по 1377 г. Незадолго до вступления на княжение, Ольгерд принял христианство, но сделал это из житейских расчетов, желая завладеть княжеством Витебским, принадлежавшим русской княжне Марии Ярославне, на которой Ольгерд и женился с этою целью. Когда умерла его супруга – христианка (это было около 1346 г.), Ольгерд оставил христианство и снова стал язычником.

[2549] - Святой мученик Евстафий был родственником святых Антония и Иоанна и до принятия христианства носил языческое имя-Крувлец.

[2550] - Пятница (и среда) как день, посвященный святою Церковью воспоминанию крестных страданий Господа, по церковному уставу должна быть днем пощения.

[2551] - Кончина святого Евстафия и упомянутых ранее Антония и Иоанна последовала в 1347 году.

[2552] - Мощи святых мучеников в настоящее время покоятся в Виленском Свято-Духовом монастыре, куда они были перенесены в 1826 г.

[2553] - Здесь надо разуметь Максимиана Галерия, сперва соцарствовавшего Диоклетиану, а потом с 305 по 311 год его преемнику. Гонение на христиан по эдикту Диоклетиана началось в 303 году.

[2554] - Персидский царь Сапор 2-ой в 343 году особым эдиктом обложил христиан своего царства за их отказ содержать древнюю религию Зороастра большими сравнительно с прежними податями и, когда они от этих налогов отказались, он счёл это возмущением и открыл жестокое гонение сначала на христианское духовенство, а потом и на всех христиан.

[2555] - Евнух с греч. яз значит «хранитель постели». Так назывались особые придворные чиновники, заведывавшие царской спальней. Обычно они были самыми приближенными лицами к царю.

[2556] - Кончина святых мучеников падает на 13–23 апреля 344 года.

[2557] - Известно, что преследование христиан в Персии продолжалось до конца царствование Сапора, до 381 года.

[2558] - Готфы – народ германского племени, живший первоначально по течению реки Вислы, а потом, расселившийся по реке Дунаю. В начале IV века среди готфов стало распространяться христианство. Первым проповедником и насадителем его здесь был Вулъфила или Ульфила – епископ готфов.

[2559] - Каппадокия – область в Малой Азии.

[2560] - Послание это написано Асхолием, епископом солунским и Сараном, военачальником Скифии, родом каппадокиянином, около 374 г. по поводу отправления мощей святого мученика Саввы из Готфии в Каппадокию. Предстоятелем церкви каппадокийской в это время был святой Василий Великий, который, получив святые мощи и послание, благодарил за них отправителей письмами, дошедшими до нас в его творениях.

[2561] - Река Муссова находилась во Валахии.

[2562] - Кончина святого мученика последовала в 372 г.

[2563] - Император Валентиниан царствовал с 364 по 375 г., а брат его Валент с 364 по 378 г.

[2564] - Анфипат – проконсул, правитель более или менее обширной государственной области (провинции).

[2565] - Св. Дмитрий Ростовский в послесловии к житию св. Саввы замечает, что память этого мученика приличнее было бы совершать именно 12 апреля, но так как в прологе она положена под 15-м числом, то под ним же он поместил в Минеи-Четьи и повествование о страдании св. Саввы.

[2566] - Святые Аристарх, Пуд и Трофим – апостолы из числа 70

[2567] - Апамея находилась на юго-западе Сирии и была расположена на берегу реки Оронта.

[2568] - Сенат в Риме – высшее правительственное учреждение, ведавшее все государственные дела.

[2569] - Кончина святых апостолов последовала около 65 г.

[2570] - Нерон – император римский, царствовал с 54 по 68 г. и оставил по себе память как один из самых жестоких преследователей христианства.

[2571] - Император римский Нерон, жестокий гонитель христианства, царствовал с 54 по 68 г

[2572] - Кончина святых мучениц последовала во второй половине I в. Мощи их покоятся в Риме, в храме, построенном в честь Божией Матери, Умиротворительницы.

[2573] - Диоклетиан, император римский, царствовал с 284 по 305 г.

[2574] - Аквилея – в древности большой и знаменитый город в северной Италии, основанный римлянами за два столетия до Р. Х. В истории христианской Церкви город Аквилея замечателен как место нескольких поместных соборов и как колыбель особого символа веры (так называемого «аквилейского»).

[2575] - Кончина святого мученика Хрисогона Церковью празднуется 22 декабря

[2576] - Македония – страна на Балканском полуострове, примыкающая к северо-западному углу Эгейскаго моря (Салоникский залив).

[2577] - Игемон – областной правитель.

[2578] - Кончина святых дев-мучениц Агапии и Хионии последовала в 304 г.

[2579] - Кончина святой мученицы Ирины последовала в 304 г.

[2580] - По Прологу святая мученица пострадала в городе Коринфе, а по Четьи-Минеи в Македонии. Мученическая кончина ее относится или к 205 г. (ко времени гонения Декия), или к 304 г. ко времени гонения Диоклетиана.

[2581] - Персия занимает западную часть Иранской возвышенности. Современными границами ее являются: с запада Турция, с востока Афганистан и Белуджистау, с юга – Индийский океан и с севера – Закаспийская область. Основателем персидской монархии был Кир, царствовавший с 558 по 529 г. до Р. Х., известный своими завоеваниями (он завоевал почти всю западную Азию).

[2582] - Это было в IV в. по Р. Х.

[2583] - Сапор II, царь персидский с 310 по 381 г.

[2584] - Гонение на христиан было поднято Сапором II на 32-м или 33-м году его царствования, след., в 343–344 г.

[2585] - Селевкия-Ктезифон – наименование Персидского города, разделенного рекою Тифом на две противолежащие части. Город этот был основан Селевком I Никатором, царствовавшим с 353 по 281 г. до Р. Х.

[2586] - Поклонение солнцу было принадлежностью почти всех языческих религий.

[2587] - Евнух – оскопленный слуга, предназначавшийся обыкновенно для службы в гаремах востока. Поставленные в возможность действовать на восточных властителей, и непосредственно, и через любимых ими жен и наложниц, евнухи часто приобретали сильное влияние на ход государственных дел.

[2588] - Языческим именем Усфазана было Гугсциатазад.

[2589] - Кубикуларий (от лат. Cubiculum – спальня) – постельник, наблюдатель за царскою спальнею.

[2590] - Кончина святого Симеона и других мучеников с ним последовала в 343 или 344 г.

[2591] - Церковный историк Созомен жил в V в. и исполнял в Константинополе должность адвоката. Им продолжена

«История христианской Церкви» (начатая историком Евсевием) от 323 до 439 г.

[2592] - Никифор Каллист – церковный историк XIV в., монах Софийского монастыря в Константинополе. Его «Церковная история» (в 18 книгах) доведена до кончины византийскаго императора Фоки (ок. 611 г.).

[2593] - Город Мелитина находился в северной части Малой Армении.

[2594] - Феодосий I Великий, император римский, царствовал с 379 по 395 г.

[2595] - Еретик Македоний, имевший до соборнаго низложения сан Константинопольского епископа, нечестиво учил о неравенстве третьего Лица Святые Троицы первым двум, признавая Духа Святого за творение Бога Отца. Ересь Македония была осуждена на II Вселенском соборе, бывшем в 381 г. в Константинополе.

[2596] - Святой Григорий Богослов – знаменитейший отец и учитель Церкви IV в., живший с 328 по 390 г. Им написаны: 243 письма, 507 стихотворений (бесед в стихотворной форме) и 45 речей, из которых особенно замечательны пять слов о богословии, направленные против лжеучения ариан. Память его празднуется 25 января.

[2597] - Стадия – мера длины, равнявшаяся приблизительно 88 нашим саженям.

[2598] - Феодосий II Младший, император римский, царствовал с 408 по 450 г. Третий Вселенский собор был созван при нем в 431 г.

[2599] - Несторий несправедливо учил о соединении в Иисусе Христе двух естеств – божеского и человеческого. Он говорил, что Иисус Христос родился от Девы Марии как простой человек, след., с одним человеческим естеством; божеское же естество будто бы вселилось в Него только впоследствии и по временам оставляло Его.

[2600] - Надо думать, что в то время, когда св. мученик был выведен из темницы, происходило какое-нибудь языческое

празднование и приносилась всенародная жертва языческим богам.

[2601] - По месяцеслову Василия св. Мученик Адриан пострадал в одно время с Леонидом и Ириною, память которых празднуется 16 апреля

[2602] - В первый раз на остров Соловецкий преподобный Зосима прибыл в 1429 г. Преподобный Зосима вместе с Германом высадились близ горы Секирной, в десяти верстах от места нынешней обители, где и водрузили деревянный крест.

[2603] - Это было в 1435 г.

[2604] - Честные мощи преподобного Савватия были перенесены в 1465 г.

[2605] - О даровании ему духа пророческого в сугубой степени сравнительно с духом Илии (4Цар.2:9–13).

[2606] - Иоанн Васильевич IV (Грозный) княжил с 1533 по 1584 г.

[2607] - Кончина преподобного Зосимы последовала в 1478 г. В 1566 г. 8 августа мощи его были торжественно перенесены в придел соборного храма во имя Зосимы и Савватия, где покоятся и доныне в серебряной раке.

[2608] - Святой Агапит был папою римским с 535 по 536 г.

[2609] - Теодорих Великий, король ост-готов, царствовал с 485 по 536 г. Ост-готы жили между реками Днепром и Доном и составляли восточную ветвь готского народа, распавшегося в IV столетии на остготов и вестготов.

[2610] - Император римский Юстиниан I царствовал с 527 по 565 г.

[2611] - Это было в 536 г.

[2612] - Анфим I патриаршествовал с 535 по 536 г.

[2613] - Анфим был убежденным монофизитом и лицемерно принял Православие для того только, чтобы получить Константинопольский патриарший престол. Монофизиты неправильно учили о соединении в Иисусе Христе двух естеств; именно они говорили, что Божеское естество в Иисусе Христе поглотило человеческое. Ересь монофизитов называется еще

евтихианством, по имени своего основателя – Константинопольского архимандрита Евтихия. Эта ересь была осуждена на IV Вселенском соборе, происходившем в 451 г. в Халкидоне.

2614 - Север, патриарх Антиохийский (с 512 по 519 г.) принадлежал к числу «умеренных» монофизитов; отличием его учения от учения других монофизитов было то, что он признавал тело Иисуса Христа «подобосущным» нашему и подверженным тлению.

2615 - Кончина святого Агапита последовала в 536 г.

2616 - Декаполис – десятиградие, союз нескольких городов.

2617 - Галилея (область, округ) – страна, лежавшая на севере Палестины. Границами ее были: на севере – Сирия и горы ливанские, на западе – Финикия, на востоке – река Иордан и на юге – Самария. Галилея делилась на верхнюю (или северную) и нижнюю (или южную).

2618 - Исаврия – южная гористая часть Ликаонии, – малоазийской области.

2619 - Император Лев (V-ый) Армянин управлял Византийскою империею с 813 г. по 820 г.

2620 - Рим – главный город итальянского государства, стоящий на реке Тибре.

2621 - Крит – один из больших островов Средиземного моря.

2622 - Кончина святого Григория Декаполита последовала ок. 820 г.

2623 - Кончина святого Иоанна последовала ок. 820 г.

2624 - Здесь разумеется Иоанн Ветхопещерник

2625 - Здесь сообщается, что в то время, когда произошло избиение отцов обители святого Саввы, была окончательно разорена и обитель святого Харитона, которая после этого уже никогда не возобновлялась, но пришла в окончательное запустение; отсюда видно, как мог пребывать воспоминаемый ныне, преподобный Иоанн в той окончательно разоренной и опустевшей обители Харитоновой и умереть в ней; к тому же в житии преподобного Иосифа Песнописца повествуется, что этот блаженный Иосиф своими руками предал погребению тело

воспоминаемого ныне, святого Иоанна, в Византии, и потом перенес его на другое, недалеко от первого, место.

2626 - Император Диоклетиан управлял римскою империею с 284 г. по 305 г.

2627 - Кончина святых мучеников последовала в 303 г.

2628 - Город Иоаннина или Янина находился в Эпире, между Триккою Фесеалоникийскою и Амвракиею эпирскою, к югу.

2629 - Эпир – восточная часть северной Греции, простиравшаяся от Акрокеруанских гор до Амброкийского залива Ионийского моря.

2630 - Пирр, – царь Эпира с 295 г. по 272 г. до Р Хр. Этот царь известен своими войнами против Рима и Спарты.

2631 - Константинополь был взят мусульманами в 1453 г.

2632 - Это было в 1500 г.

2633 - Трикка – город в Фессалии – области на северо-востоке Греции.

2634 - Тропарь святой Пасхи

2635 - Кончина святого мученика последовала в 1526 г.

2636 - Константинополь – знаменитый в древности город – столица Византийской империи, ныне г. Стамбул в Турции. Константинополь расположен на берегу Босфора – пролива Средиземного моря и славился в древности своею образованностью и торговлею.

2637 - Халкидон или, правильнее, Калкедон – первоначально мегарская колония на берегу Пропонтиды (Мраморного моря) при входе в пролив Босфор, основанная за 2 или 3 века до Р. Х., – затем один из главных городов Вифинии – малоазийской области. В истории христианской церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 г., при императоре Мариане, для обличения ереси монофизитской (признававшей в Иисусе Христе только одно естество – божеское). – В настоящее время на месте древнего Халкидона находится небольшая турецкая деревушка Кодикиой.

2638 - Память его совершается в тот же день. Упоминаемого здесь Авксентия не следует отождествлять с преподобным

Авксентием, память которого празднуется 14 февраля подвизался на горе Оксии близ Халкидона и присутствовал на IV Вселенском соборе. Скончался он ок. 470 г.

[2639] - Кончина святого Космы последовала в начале IX в. (ок. 816 г.) при императоре-иконоборце Льве (V-м) Армянине (царствовавшем с 813 г. по 820 г.

[2640] - Преподобный Харитон подвизался в в. III в. и нач. IV в. в Палестине, где основал три обители: суккийскую («Ветхая лавра») фаранскую и иерихонскую. – Память ею празднуется 28 сентября

[2641] - Кончина святого Иоанна ветхопещерника последовала во второй половине VIII.

[2642] - Император Диоклетиан царствовал с 284 г. по 305 г.

[2643] - Пояс, как знак царской милости, носили обыкновенно воины, занимавшие высокий пост или особенно приближенные к царю (каковыми и были воспоминаемые ныне святые мученики, исполнявшие первоначально обязанности копьеносцев или телохранителей императора Диоклетиана).

[2644] - Кончина святых мучеников последовала в 303 г.

[2645] - Писидия – область Малой Азии.

[2646] - Кончина святого Георгия последовала в царствование императора-иконоборца Льва (5-го) Армянина (813–820 г.).

[2647] - Император Роман (Лакапен) управлял Византиею с 917 г. по 944 г.

[2648] - Константин (7-ой) Багрянородный царствовал с 912 г по 959 г.

[2649] - Святой Стефан 2-ой был Константинопольским патриархом с 925 г. по 928 г.

[2650] - Святой Трифон управлял Константинопольскою патриархиею с 928 г. по 931 г.

[2651] - Кончина святого Трифона последовала в 933 г.

[2652] - Патриарх Феофилакт управлял Константинопольскою церковью с 933 г. по 956 г.

[2653] - Город Халкидон находится против Константинополя на азиатском берегу Босфора, в римской провинции Вифинии,

которой он был главным городом.

2654 - Святой Иоанн Лествичник, игумен Синайской горы, великий подвижник благочестия, автор сочинение «Лествица», где начертаны как бы ступени восхождение по пути нравственного совершенства. Жил святой Иоанн в VI в. – См. житие его под 30 марта.

2655 - Акефалы (от греческого слова «кефали» – голова), наименование, прилагавшееся к некоторым церковным партиям как например, к той, которая на соборе Ефесском (третьем Вселенском) не хотела идти ни за Кириллом, ни за Иоанном антиохийским, а также и к той партии, которая отделилась от патриарха Александрийского, когда он подписал энотикон, – и к некоторым другим.

2656 - Александрия – город на севере Египта, славившийся в древности своею образованностью и торговлею.

2657 - Император Зенон царствовал с 474 по 491 г.

2658 - Четвертый Вселенский собор был собран по распоряжению Императора Маркиана (450–457 г.) в Халкидоне в 451 г. На этом соборе был окончательно определен догмат об образе соединения в лице Господа Иисуса Христа двух естеств.

2659 - Город Халкидон находится в Вифинии (малоазийской области), у Босфорского пролива.

2660 - Петр Могос или Монг – монофизит, был патриархом с 477 г. по 490 г.

2661 - Анастасий (Дикор) управлял империей с 491 г. по 518 г.

2662 - Севир – ересеначальник, был патриархом с 512 г. по 519 г.

2663 - Император Ираклий царствовал с 610 г. по 641 г.

2664 - Император Юстиниан Великий царствовал с 527 г. по 565 г.

2665 - Патриарх Антиохийский Домн 2-ой управлял патриаршею кафедрою с 546 г. по 560 г.

2666 - Таких мыслей придерживались так называемые еретики автартодокеты (от греческого – нетленный) – отрасль

ереси монофизитов.

2667 - См. житие его под 6 апреля

2668 - Иустин II царствовал с 565 г. по 578 г.

2669 - Лавра Фаранская получила свое наименование от близ лежащего селение Фаран. Место сей обители указано в житии преподобного Евфимия следующими словами: «прииде Евфимий в лавру, нарицаемую Фара, отстоящую в расстоянии шести миль от святого града». – Григорий 2-й управлял антиохийским патриархатом с 573–596 г.

2670 - Святой Маврикий управлял Византиею с 582 г. по 602 г.

2671 - Святой Анастасий Синаит в первый раз управлял патриаршею кафедрою с 561 г. по 572 г., а во второй раз с 596 г. по 601 г.

2672 - Святой Григорий Двоеслов был римским папою с 590 г. по 604 г. Память его совершается Церковью 12 марта Апостола Петра в придельном храме, посвященном его имени. – Из сочинений св. Григория особенно замечательны: «Диалог о жизни италийских отцов» (за это сочинение ему и усвоено наименование «Двоеслова») и «Правило пастырское», в котором говорится об обязанностях пастыря.

2673 - Лангобарды – германское племя; в древнейшее время обитали между нижнею Эльбою и Аллером; с IV в. постепенно начали переходить на юго-восток к Дунаю и в VI в. овладели Панноной. Отсюда в 568 г. они пошли в Италию и покорили ее всю в войне против восточных римлян, за исключением Лигурии, Экзархата, Пентополя, Римского Дуката, области Неаполя и обоих южных полуостровов. Из покоренных областей средней Италии было образовано Лангобардское королевство, которое в 774 г. было покорено Карлом Великим, принявшим титул короля Лангобардов. Позднейшие немецкие короли а императоры, в качестве владетелей Италии, носили титул королей Лангобардских.

2674 - Анастасий II управлял антиохийским патриархатом с 602 г. по 610 г.

2675 - Император Фока царствовал с 602 г. по 610 г.

[2676] - Император Ираклий царствовал с 610 г. по 641 г.

[2677] - Мертвое море – соленое, асфальтовое, на юге Палестины, образовавшееся в долине Сиддим после гибели Содома и Гоморры. Длина его 70 верст, ширина 25. На севере оно глубже, а на юге мельче. Уровень его на 1200 фут. ниже Средиземного моря. Обилие в воде этого моря горько соленых частиц производит то, что ни в самом море, ни в окрестностях его нет иикакой жизни, нет ни рыб, ни птиц, ни растений. Попытки проникнуть до средины озера были безуспешны, а для многих гибельны. Вода Мертвого моря отличается особенною плотностью; погрузиться в нее трудно; волны ударяют в скалистые берега подобно обломкам камней.

[2678] - Омофор (греч. «плечо» и «ношу») – нарамник, принадлежность облачения архиерейского. Омофор представляет собою длинный и широкий плат, с изображениями креста, одеваемый поверх других архиерейских одежд и опускающийся вниз одним концом спереди, а другим сзади. В символическом смысле омофор знаменует собою заблудшую овцу, которую Добрый Пастырь возложил на плечи Свои (Лк. 15:4–7).

[2679] - Святой Григорий I управлял антиохийской кафедрой с 573 г. по 596 г.

[2680] - От греческого «трикс» – волос.

[2681] - Время жизни святого Феодора точно неизвестно. Достоверно только, что он жил между IV и IX веками.

[2682] - Диоклетиан управлял Римской империей с 284 г. по 305 г., а Максимиан Галерий с 305 г. по 311 г.

[2683] - Кампания – самая южная из областей средней Италии, расположенная по берегу Тирренского моря от горы Массика до реки Силара.

[2684] - Путеолы – приморский город в Кампании, недалеко от Неаполя.

[2685] - Кончина святых мучеников последовала ок. 305 г.

[2686] - Везувий – вулкан в Италии близ города Неаполя. В 79 г. по Р. Х. было первое извержение Везувия, засыпавшее города Геркулан, Помпею и Стобию. С этого времени извержение

Везувия периодически повторялись, иногда по несколько раз в десятилетие. В 1906 г., между прочим, было довольно сильное извержение, разрушившее несколько городов.

[2687] - Антонин Пий – был императором с 138 г. по 161 г.

[2688] - Памфилия – узкая береговая страна на юге Малой Азии, ставшая в 78 г. до Р. Х. римскою провинциею.

[2689] - Зевс – главный бог древне-греческой религии, считавшийся властителем неба и земли.

[2690] - Эфиопия или Нубия – область в Африке, лежавшая к югу от Египта.

[2691] - Кончина святых мучеников последовала в полов. II в.

[2692] - Император римский Диоклетиан, жестокий гонитель христианства, царствовал с 284 г. по 306 г.

[2693] - Кончина святых мучеников последовала в 303 г.

[2694] - Галатия – малоазийская область.

[2695] - Стадия – мера длины, равнявшаяся приблизительно 88 нашим саженям.

[2696] - Юстиниан Великий, император римский, царствовал с 527 г. по 565 г.

[2697] - Скороходы – телохранители императора, обыкновенно сопровождавшие его во время путешествий.

[2698] - Юлиан Отступник царствовал с 361 г. по 363 г.

[2699] - Кончина св. мученика Емилиана последовала в 362 г. Память его совершается св. Церковью 18 июля

[2700] - Расшитый золотом пояс носили обыкновенно воины, служившие около царя (телохранители), а также – главные начальники войска. Родители св. Феодора еще от юных лет приготовили ему такой пояс (как повествует житие), так как предназначали его к воинской службе при царском дворе.

[2701] - Гривна – золотая цепь, носившаяся в качестве украшения на шее.

[2702] - Таким именем обозначалась у древних римлян сухая, плотно утоптанная (а иногда и вымощенная) площадка, предназначавшаяся обыкновенно для сушения и молотьбы

зерна (лат. area, от arare-быть сухим). Здесь же устраивались иногда и общественные игры.

2703 - Диана (греч. Артемида) – греко-римская богиня света и жизни. Почиталась как раздаятельница свежей, цветущей жизни природы. Диана считалась также богинею родов и покровительницею животных.

2704 - Согласно церковным канонам во пресвитера обыкновенно рукополагались люди, достигшие 30 летнего возраста, а во епископа – 35-летнего.

2705 - Нееман – военачальник сирийского царя Венадада. Повествование об исцелении его от проказы пророком Елисеем см. в 4Цар.6:1–19.

2706 - Такое наименование усвояется святому Феодору за его подвиги умерщвление плоти разными железными орудиями, как об этом повествуется в житии его.

2707 - Езекия – царь иудейский, живший в VIII в. до Р. Х. О его чудесном исцелении пророком Исаиею повествуется в 4 кн. Царств

2708 - Маврикий царствовал с 582 г. по 602 г.

2709 - Кириак патриаршествовал с 595 г. по 606 г.

2710 - Император Фока царствовал с 602 г. по 610 г.

2711 - Фома патриаршествовал с 607 г. по 610 г.

2712 - Император Ираклий царствовал о 610 г. по 641 г. Кончина св. Феодора Сикеота последовала в 613 г.

2713 - Т.е. скопцом.

2714 - Первый Вселенский собор был созван в 325 г. в Никее по поводу лжеучения пресвитера Ария, нечестиво признававшего Сына Божия творением Бога Отца.

2715 - Император Диоклетиан, ярый гонитель христианства, царствовал с 284 г. по 306 г.

2716 - Аполлон – один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Аполлон считался богом солнца и умственного просвещения, а также охранителем общественного благополучия и предсказателем будущего.

[2717] - Во всех затруднительных случаях жизни языческие императоры имели обычай обращаться за советом к жрецам – служителям идолов, которые будто бы открывали им волю богов. Особенно развит был этот обычай в древней Греции. Здесь между прочим славился дельфийский оракул (прорицалище), где имелись специальные женщины – предсказательницы (пифии).

[2718] - На треножники садились языческие жрецы, когда вопрошали своих, богов.

[2719] - Никомидия – большой в древности малоазийский город, находившийся в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Свое название этот город получил от имени своего основателя, вифинского царя Никомеда 1-го, жившего в 3-м в. до Р. Х. Ныне на месте некогда славной Никомидии находится небольшое местечко Исмид.

[2720] - Каппадокия – малоазийская область.

[2721] - Трибун – начальник войска.

[2722] - Комит – у древних римлян старший военачальник, сопровождавший императора в его путешествиях. Так как комиты составляли свиту императора и вместе с тем были его советниками, то должность эта считалась очень почетною.

[2723] - Претор – городской судья.

[2724] - Стадия – мера длины; равнялась приблизительно 88 нашим саженям.

[2725] - Т.е. Иисуса Христа.

[2726] - Кончина св. великомученика Георгия последовала в 304 г. В 4-м веке в честь святого Георгия была построена в Риме церковь, в которой хранится часть мощей его, его копье и хоругвь.

[2727] - Остров Митилена находился в северной части Средиземного моря.

[2728] - Агаряне – то же что сарацины. Именем агарян обозначалось первоначально кочующее племя аравийских бедуинов, по преданию происшедших от Агари, рабыни Авраамовой. Но впоследствии это наименование было

распространено христианскими писателями на всех арабов вообще, а также и на мусульман.

[2729] - Крит – один из больших островов Средиземного моря; он находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Греции. За 1000 лет до Р. Х. здесь поселились выходцы из Греции. В 70-х годах по Р. Х. Крит попал во власть римлян. Начиная с 650 г. по Р. Х. Крит сильно страдал от набегов сарацин, овладевших островом с 823 г. В настоящее время Крит находится под временным управлением греческого королевского дома (под наблюдением европейских держав).

[2730] - Василий I (Македонянин) царствовал с 867 г. по 886 г.

[2731] - Кипр – находится в северо-восточном углу Средиземного моря.

[2732] - Малоазийская область.

[2733] - Константин 7-ой Порфирородный, сын Льва 6-го Мудрого, царствовал с 912 г. по 969 г.

[2734] - Т.е. равноименного, носящего одинаковое имя.

[2735] - Бейрут (или Берит) – в древности важнейший город, финикиян.

[2736] - На основании этого повествования святой великомученик Георгий часто изображается на иконах в образе всадника, сидящего на белом коне и поражающего копьем страшного змея. Изображение св. Георгия на коне, как знак победы, усвоено нашему отечественному гербу, а также и знаку отличия, возлагаемому на грудь православного воина за его ратные подвиги. – Святой великомученик Георгий считается у нас преимущественным охранителем пастухов и стад на том основании, что по преставлении своем он неоднократно оказывал помощь ближним, являясь на коне. Поэтому в Георгиев или, по просторечию, в Егорьев день благочестивые жители сел и деревень России выгоняют обыкновенно впервые после зимы свой скот на пастбище, причем совершают св. великомученику молебствие с окроплением св. водою пастухов и стад.

[2737] - Кесария – главный город Каппадокии, находившейся на востоке Малой Азии.

[2738] - Здесь разумеется Антиохия Сирийская, некогда великолепная столица Сирийского государства, а ныне бедный городок Азиатской Турции.

[2739] - Патриарх Домн управлял Антиохийскою церковью от 546 года до 560 года.

[2740] - Готфы – народ германского племени, живший первоначально по течению реки Вислы, а потом расселившийся по реке Дунаю.

[2741] - Аврелиан, император римский, царствовал с 270 г. по 275 г.

[2742] - Кончина святого Саввы последовала в 272 г.

[2743] - Святая Елисавета была инокинею Константинопольского монастыря, построенного в честь святых бессребреников Космы и Дамиана императором Иустином I (царствовавшим с 518 г. по 527 г.). В этом монастыре она впоследствии была игуменией (настоятельницею). Точно время ее жизни и деятельности указать нельзя, за отсутствием сведений об этом в исторических памятниках. Но на основании того обстоятельства, что в честь ее во второй половине IX в. был написан канон святым Иосифом песнописцем (умершим в 883 г.) делают вывод, что святая Елисавета жила между VI и IX вв.

[2744] - Моисей постился сорок дней и ночей в то время, когда взошел на гору Синай, где Бог даровал ему заповеди десятословие (Исх. 24:12–18).

[2745] - Быть может воспоминаемые ныне святые мученики: Евсевий, Неон, Леонтий и Лонгин исполняли обязанность стражей при темнице, в которой были заключены христиане. Возможно, впрочем, что они пришли в темницу в качестве посетителей, с целью облегчить страдания христиан выражением им сочувствия и ободрения и материальным вспомоществованием.

[2746] - Кончина святых мучеников последовала в 304 г. – Глава св. мученика Лонгина находится в Италии, в городе Капуе (недалеко от г. Неаполя).

[2747] - По обычаю евреев того времени.

[2748] - Ориген, пресвитер Александрийский III в., святого Епифания, епископа Кипрского IV в. и других.

[2749] - Вертоград – сад.

[2750] - Полотно, обернутое по нагому телу.

[2751] - Сохранилось предание, что в доме матери Марка – Марии была совершена Господом Иисусом Христом Пасха.

[2752] - Приблизительно в 39 или 40 году по Рождестве Христове.

[2753] - В 44 или 45 году.

[2754] - На восточном берегу Средиземного моря.

[2755] - В Малой Азии.

[2756] - Из коих около 3 000 мужей приняли крещение.

[2757] - Как свидетельствует Папий.

[2758] - В своем Евангелии Евангелист Марк преимущественно описывает действие Спасителя, особенно чудесные, которые имели большее влияние на умы язычников, чем учение.

[2759] - Время написание его падает приблизительно на 46 год по Рождестве Христове.

[2760] - Так как в нем любили жить римские императоры.

[2761] - Около 49 года по Р. Хр.

[2762] - Царствовал от 334–324 гг. до Р. Хр.

[2763] - 324–284 гг. до Р. Хр.

[2764] - Близ г. Илиопода.

[2765] - Около 271 г. до Р. Хр.

[2766] - Подобно тому как некогда Моисей тяжкого ига Фараонова.

[2767] - Как свидетельствует историк Евсевий.

[2768] - Около 60 или 51 года по Р. Хр.

[2769] - От 52 до 55 года.

[2770] - Царствовал с 54 г. по 68 г.

[2771] - От 61 г. до 63 г. по Р. Хр.

[2772] - Около 67 года.

[2773] - Современника свв. Апостолов.

[2774] - Горькая трава.

[2775] - Церковный писатель IX в.

[2776] - Александрия названа Фаритийской потому, что к ней присоединен был небольшой город Фарос, где стоял большой высокий столб, на котором по ночам зажигали кораблям, огонь для указания пути в пристань прибывающим по морю.

[2777] - Буйство – безумие, неразумие (Ср.1Кор.1:18–22).

[2778] - Вукул, т. е. место для кормления волов, от греч. слова – бык.

[2779] - Святой Марк скончался в царствование Нерона, около 68 года по Р. Хр.

[2780] - В 828 году.

[2781] - От Марка Святое Евангелие по Уставу Православной Церкви, кроме особенных случаев, читается на литургиях с 11 до 17 недели по Пятидесятнице, потом с 29 до 34, исключая дни субботные и воскресные, и в субботные и воскресные дни святой Четыредесятницы, кроме воскресенья первой седмицы.

[2782] - Житие преподобного Сильвестра не сохранилось, да едва ли оно и было написано в древности. Известно по рукописям только сказание о чудесах его. Сведения о его жизни почерпаются только из отрывочных записей и из предания.

[2783] - В 105 верстах от Ярославля и в 16 верстах от теперешнего уездного города Яросл. губ Любиша, выше его по реке Обноре, впадающей в реку Кострому.

[2784] - Место собеседования с народом было издавна отмечено часовнею, но потом она перенесена была ближе к селу, так как на ее месте предполагалось построить церковь во имя преподобного Сергия Радонежского.

[2785] - Таковы: напрестольный серебряный крест 1693 г., шитый шелками воздух 1699 г., пролог с подписью по листам 1661 г., вышитая шелками икона преподобного 1664 г.

[2786] - Амасия – небольшой город в Малой Азии, на берегу Черного моря.

[2787] - Сын Максимиана, император римский в 306–312 гг., разбит Константином Великим и утонул в Тибре. Известен своею жестокостью.

[2788] - Император римский, управлявший Сирией и Египтом в 305–313 гг.

[2789] - Император с 312 г. по 324 г.

[2790] - Старинный город в Малой Азии.

[2791] - Начальник военного отряда.

[2792] - Т.е. Иисус Христос.

[2793] - Временем его рождения был, по всей вероятности, 1340 г.

[2794] - Арсений I, занимавший Ростовскую кафедру с 1374 г. по 1380 г.

[2795] - Митяй, любимый священни и духовник вел. кн. Дмитрия Иоанновича, а затем архимандрит Московского Спасского монастыря, управлял без посвящения, всероссийской митрополией после смерти святого Алексия в 1378 г и умер в 1379 г. на дороге в Константинополь, куда он отправился за посвящением.

[2796] - Для составления этой азбуки он воспользовался денежными значками пермян, вырезываемыми на тонких четыреугольных палочках.

[2797] - Пермяне или Зыряне – народ Финского или Уральского класса туранского семейства. По большей части, они среднего роста, крепко и правильно сложены, черноволосые с серыми и темнокарими глазами Смелость, остроумие, терпение, хитрость, любознательность и изобретательность – их неотъемлемые качества. Последняя проявилась, между прочим, во многочисленных и разнообразных способах ловли птиц, зверей и рыб.

[2798] - т.е. служителю.

[2799] - Под онучами или онучками должно разуметь отрезки холста и вообще какой-либо ткани для обертывания ног вместо чулок.

[2800] - Этого кудесника звали Памой.

[2801] - Пард – тоже, что пантера.

[2802] - Аспид – род очень ядовитой змеи.

[2803] - Василиск – самый ядовитой змей, опаляющий, по сказанием древних, своим дыханием.

[2804] - В 1383 г.

[2805] - Он ходатайствовал также пред боярами начальниками об уменьшении податей пермянам, избавил их от насилий и взяток тиунов (судей) и начальствующих.

[2806] - Он был митрополитом с 1375 г. по 1381 г. и с 1383 г. по 1390 г.

[2807] - Василий Дмитриевич княжил с 1380 г. по 1425 г.

[2808] - Его смерть последовала 26 апреля 1396 года

[2809] - Его мощи находятся под спудом в кремлевской Спасской, что на Бору, церкви.

[2810] - Император, римский Ликиний царствовал с 311 г. по 324 г.

[2811] - Никомидия – город в малоазийской области Вифинии, расположенный в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Никомидия была построена в 264 г. до Р. Хр. вифинским царем Никомедом I, по имени которого и была названа. Никомидия была любимым местопребыванием римских императоров и их полководцев когда они совершали походы на Восток. В настоящее время на месте древней Никомидии находится местечко Исмид.

[2812] - Амасия находилась в северной части Малой Азии, на берегу Черного моря.

[2813] - Кончина святой Глафиры последовала ок. 322 г.

[2814] - Евсевий Памфил (283 – 340 г.), епископ, участник первого Вселенского собора. Георгий Кедрин, византийский писатель конца XI или начала XII в. Никифор Ксанфопул, патриарх Константинопольский с 1350 г. по 1362 г.

[2815] - Ефрем Сирин – один из великих учителей Церкви, живший в IV в. Из его сочинений особенно замечательны многочисленные «Слова», нравственного, догматического и экзегетического (истолковательного) характера. Святой Ефрем Сирин оставил после себя также много умилительных молитв и песнопений. Ему принадлежат некоторые песнопения на Рождество Христово, а также глубоко-умилительные стихиры,

поемые при погребении. Из молитв, составленных им, особенно замечательна умилительная великопостная молитва: Господи, Владыка живота моего. – Память святого Ефрема празднуется Церковью 28 января

2816 - Стефан по-гречески значит «венец».

2817 - Город в Малой Азии, равно как и Иконium.

2818 - Лежит в Греции, в северной части Пелопонесса.

2819 - Остров на Ионическом море, близ Греции.

2820 - Диоклетиан царствовал с 284 г. по 305 г., а Максимиан (Галерий) с 306 г. по 311 г.

2821 - Город Туров, ныне местечко Минской губернии, Мозыревского уезда, находился на реке Тирипети, на половине расстояние между нынешними городами Мозырью и Пинском. По свидетельству летописи он был основан варягом Туром, который в правление Ольги или Святослава пришел из-за моря вместе с другим варягом Рогвольдом, основавшим княжество Полоцкое.

2822 - Блаженный Кирилл подвизался в Борисоглебском монастыре, находившемся близ Турова. Этот монастырь упоминается в житии блаженного Мартина. Память его празднуется 28 июня.

2823 - Тут разумеется князь Ярослав Георгиевич или Ярославович, княживший в Турове с 1146 года.

2824 - Год вступления блаженного Кирилла на кафедру неизвестен.

2825 - Под именем Феодорца здесь разумеется любимец князя Андрея Боголюбского Феодор, сперва суздальский игумен, а потом епископ Ростовский, совершивший разные злодейства и около 1169 г. казненный. В Новгородской летописи он назван «белым клобучком» за самовольное ношение белого клобука вместо чёрного.

2826 - Святитель Кирилл присутствовал на соборе 1169 года, на котором Феодорец был судим и осужден, как еретик и злодей, и вместе с другими епископами участвовал в его осуждении.

[2827] - Думают, что послание эти касались и дела Феодорца, но ни одно из этих посланий неизвестно.

[2828] - Из сочинений блаженного Кирилла до нас дошли: 9 слов, произнесенных в храме пред народом, 3 статьи, изложенные в форме посланий или наставлений к инокам, и более 20 молитв и канон молебный. Подлинность этих сочинений несомненна.

[2829] - Блаженный Кирилл скончался около 1183 года, оставив кафедру раньше этого года из любви к уединенной жизни.

[2830] - Разумеются татары. Проложная память о блаженном Кирилле составлена несомненно во времена владычества татар над Русью. Эта память из рукописного Пролога XIV века вошла впервые в печатный Пролог издание 1642 и 1643 годов.

[2831] - Дарданельский пролив (в древности Геллеспонт) соединяет моря: Мраморное и Эгейское.

[2832] - Наименование: «учитель языков» (или язычников) усвояется св. Апостолу Павлу потому, что он проповедовал преимущественно язычникам, в то время как Апостол Петр проповедовал преимущественно иудеям. – Память св. первоверховных Апостолов Петра и Павла 29 июня.

[2833] - Сион – юго-западная возвышенная часть Иерусалима. Здесь в ветхозаветные времена была выстроена крепость, защищавшая Иерусалим. Сион в священном Писании часто представляется как бы жилищем Самого Бога и вообще твердынею, оплотом Израиля (Пс.73:2, 75:3, 98:2, 109:2, 145и др.).

[2834] - Констанций управлял восточною половиною Римской империи с 337 г. по 363 г. Западною половиною империи в это время управляли: Констант (с 337 г. по 350 г.) и Магненций (с 350 г. по 353 г.) С 353 г. по 361 г. Констанций управлял уже обеими половинами Римской империи.

[2835] - Юлиан Отступник управлял римскою империею с 361 г. по 363 г.

[2836] - Фарисеи – религиозная секта, возникшая в Палестине за два или за три века до Р. Х. Своею целью секта поставила

точное, доходившее часто до мелочности и скрупулезности, соблюдение всех обрядовых предписаний закона Моисеева.

[2837] - Народный учитель, раввин.

[2838] - Здесь разумеется Ирод Агриппа I, сын Аристовула и внук Ирода Великого, управлявший Иудеею с 40 г. по 44 г.

[2839] - Евсевий Памфил – знаменитейший церковный историк, живший с 268 г. по 340 г. Его «Церковная история» доведена до 324 г

[2840] - Кончина святого Апостола Иакова последовала ок. 42 г.

[2841] - Мощи святого Апостола Иакова в настоящее время находятся в Компостелле – главном городе испанского королевства Галиции; они были принесены сюда в нач. IX в.

[2842] - Феодосий I Великий, император римский, царствовал с 379 г. по 395 г.

[2843] - Словом «Эпир» греки первоначально обозначали вообще материк (сушу), в противоположность островам; в частности этим именем жители западных греческих островов (морей Ионийсого и Адриатического) называли противолежащий берег Эллады, до входа в Коринфский пролив. Впоследствии границы Эпира сузились, и именем Эпира стали обозначать область, смежную на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акарнанией.

[2844] - Константинополь-столица Византийской империи. Константинополь был основан с именем «Византии» мегарянами в 658 г до Р. Х. на европейской стороне Босфорского пролива, соединяющего Черное море с Мраморным. Господствующее положение на море и благоприятно сложившиеся исторические условия создали из Византии замечательный в древности центр как торговой, так и вообще культурной жизни. В церковной истории Константинополь известен как место нескольких Вселенских и многих поместных соборов.

[2845] - Лития – всенародное моление, совершаемое обыкновенно или в притворе храма или вне его (на площадях, полях).

2846 - Кончина святого Доната последовала около 387 г.

2847 - Иеремия с евр. «Возвышенный Богом».

2848 - Колено Левия при разделе земли обетованной не получило особого удела; оно рассеяно, расселено было среди других колен, где отведены были левитам, по жребию, города с их предместьями. Город Анафов находился в пределах колена Вениаминова и принадлежал потомкам Аарона (Нав.21:18; 1Пар.6:60).

2849 - Иосия царствовал с 642 по 611 г. до Р. Х.

2850 - Миндальное дерево ранее других деревьев пробуждается после зимнего сна, – оно цветет в январе, а в марте уже приносит плоды; потому у евреев оно называлось бодрствующим.

2851 - Кипящий котел был у народов Востока символом ожесточенной войны. Иеремия угрожал Иудее нашествием халдеев; Вавилон был на востоке от Иудеи, но халдеи вторглись в нее, чтобы миновать Аравийскую пустыню, обходом через Сирию, именно с севера.

2852 - Его служение продолжалось 42 года, с 627 до 585 г. до Р. Х.

2853 - Иохаз был второй сын Иосии и его любимой жены Хамутальи и именовался Саллум (4Цар.23:31; ср. 22:11).

2854 - Емав находился у подошвы Антиливанских гор.

2855 - Талант золота – 125 000 руб. Вся дань равнялась нашим 300 000 руб.

2856 - Здесь указывается на то обстоятельство, что когда при первосвященнике Илии евреи потерпели страшное поражение от Филистимлян и ковчег завета был пленен, тогда отошла слава от Израиля. 1Цар.4:10–22.

2857 - Город Кархемыш стоял при впадении Ховара в Евфрат.

2858 - Елнафан, Делаия и Гемария – царские слуги – надеялись, по-видимому, что это чтение воздействует на царя и склонит его, подобно отцу его – Иосии, к нравственному улучшению. (4Цар.22:10–13.).

[2859] - Письмо Иеремии доставили туда царские послы, отправленные Седекией с подарками Навуходоносору (Иер.29:3).

[2860] - Массифа находилась недалеко от Иерусалима и в древности была местом молитвы; Самуил там принес жертву всесожжения пред отражением евреями напавших филистимлян (1Цар. 7:1–17).

[2861] - Александр Македонский царствовал с 336 по 323 г. до Р. Х. Прославился как замечательный завоеватель. В Иерусалиме Александр Македонский был в 332 г. до Р. Х.

[2862] - Сведения о преп. Пафнутии содержатся: 1) в превосходной записке ученика его Иннокентия о последних днях преподобного, составленной в 1477 или 1478 г., т.е. очень скоро после кончины святого; 2) в древнем житии преп. Пафнутия, написанном другим учеником, родным братом преп. Иосифа Волоколамского, Вассианом Саниным между 1500 и 1515 г. в бытность Вассиана архимандритом Симонова подмосков- ного монастыря (с 1502 по 1506 г.) или архиепископом Ростовским (с 1506 по 1515 г.); 3) в воспоминаниях Досифея Топоркова, племянника преп. Иосифа Волоколамского, инока его обители; 4) в духовной преп. Иосифа Волоколамского и некоторых других грамотах; наконец, 5) в летописях.

[2863] - Нашествие татарского хана Батыя на Русь было в 1237–1238 и 1240 г.

[2864] - В переводе на русский язык это слово значит «давитель». Прямыми обязанностями баскаков были перечисление народа и сбор податей. В действительности же эти татарские чиновники, стоявшие выше русских князей и полководцев, были полными хозяевами Руси. Будучи отправляемы с войском и множеством разных мелких татарских чиновников, они заведовали и внутренними делами покоренной Руси: следили за поведением князей, вникая в их взаимные отношения, разбирая их тяжбы и наблюдая главным образом, за их отношениями к татарскому хану. Они появились на Руси вскоре после взятия Киева, бывшего в 1240 г.

[2865] - Боровск – в настоящее время уездный город Калужской губернии. О месте села Кудинова ныне напоминает часовня.

[2866] - Высокий-Покровский монастырь находился при р. Протве, в 1 версте от Боровска. Основан в 1410 г. В 1618 г. монастырь был приписан к Пафнутиеву Боровскому, в 1764 г. упразднен. Название «Высокий» получил по месту, которое занимал: местность эта господствует над всею окрестностью. Теперь на месте этой обители находится подгородная слобода Высоцкая.

[2867] - Преподобный Никита был игуменом Высоцкого Серпуховского монастыря, преемником преп. Афанасия Младшего с 1395 г. После 19-летнего управления обителью, состарившись и страдая болезнью глаз, преп. Никита семь лет жил на покое в Высоком Боровском монастыре. Оставив этот монастырь (ок. 1421 г.), преп. Никита ушел на север и основал в Костроме Богоявленский монастырь (ок. 1426 г), существующий до этих пор (с 1864 г. – женский). Здесь подвижник скончался и погребен

[2868] - Князь Симеон Боровский был сын Владимира Андреевича Серпуховского, скончался от моровой язвы в 1426 г. иноком с именем Саввы и положен в Троице-Сергиевом монастыре. – св. митрополит Фотий (память его празднуется 2 июля) управлял Русскою Церковью с 1408 по 1431 г. Отсюда следует, что преп. Пафнутий стал игуменом не позднее 1426 г.

[2869] - Пафнутиев-Рождество-Богородицкий монастырь стоит при впадении р. Истремы в р. Протву.

[2870] - Василий Ярославич, князь Боровский, сын кн. Ярослава (Афанасия) Владимировича, скончался в 1483 г.

[2871] - Мамотяк – сын царя Ординского Магомета, царь Казанский. Нашествие, о котором здесь речь, было в 1445 г. В таком порядке события рассказаны в древнем житии преп. Пафнутия. Но происшествие это было ранее освящения храма (ок. 1448 г.) и официального открытия обители.

[2872] - Великий князь Василий II Васильевич Темный княжил с 1425 по 1462 г.

[2873] - Суздаль – в настоящее время уездный город Владимирской губ.

[2874] - Труд Досифея, написанный не ранее 1546 г., представляет собою нечто в роде Патерика – ряд кратких рассказов, слышанных от преп. Пафнутия, преп. Иосифа и других подвижников Волоколамского монастыря. Досифею принадлежит еще надгробное слово преп. Иосифу. 16 Иоанн Калита, сын св. кн. Даниила Александровича, был великим князем с 1328 по 1340 г.

[2875] - Свербеж – то же, что и чесотка, зуд.

[2876] - Здесь разумеется князь Димитрий Георгиевич Шемяка, отравленный в 1453 г. в Великом Новгороде. Отраву дал князю его боярин и любимец Иоанн Котов.

[2877] - Вассиан (Санин) упоминается архимандритом Симоновским в 1502 г. В 1506 г. он был посвящен в епископа Ростовского. – Симонов монастырь основан ок. 1370 г. преп. Сергием Радонежским по поручению великого кн. Димитрия Донского. С первоначального места построения (слобода Старое Симоново) монастырь вскоре перенесен был на нынешнее его место – на высоком берегу р. Москвы на южной окраине города. Первым игуменом монастыря был племянник преп. Сергия Феодор (после архиеп. Ростовский, 1395 г.)

[2878] - На наш счет это составит несколько десятков рублей.

[2879] - Т.е. «Достойно есть».

[2880] - Здесь разумеется истребление г. Алексина (ныне уезд. гор. Тульской губ.) ханом Ахматом в 1472 г. Князь Георгий и другие не сумели и не успели помочь несчастному городу.

[2881] - Записки Иннокентия признаются одним из лучших произведений древнерусской житийной письменности. В нижеследующем рассказе они помещаются с некоторыми сокращениями.

[2882] - Князь Михаил Андреевич Верейский, внук Димитрия Донского, был женат на дочери боровского князя Елене Ярославне и может быть с ее рукою получил Боровское княжество. Скончался он в 1486 г. и погребен в обители преподобного Пафнутия.

[2883] - У кн. Михаила Андреевича известны дети: Василий, по прозванию Удалый (1495 г.), Иоанн и дочь Анастасия, бывшая в замужестве за князем Иосифом Андреевичем Дорогобужским, в 1485 г. поступившим на службу к великому князю Московскому.

[2884] - Иоанн III Васильевич был великим князем с 1462 по 1505 г.

[2885] - Мария Ярославна, дочь князя Ярослава (Афанасия) Владимировича, сестра упомянутого выше Василия Ярославича, в 1433 г. вышла замуж за вел. князя Василия Васильевича Темного, скончалась в 1484 г. в иночестве с именем Марфы. – София Фоминична, дочь Морейского деспота Фомы Палеолога (брата последнего Константинопольского императора Константина XI, погибшего на стенах греческой столицы при взятии ее турками в 1453 г.). Она была второю супругою вел. кн. Иоанна III, сочеталась с ним браком в 1472 г., скончалась в 1503 г.

[2886] - Из древних житий преп. Иосифа Волоколамского (память его празднуется 9 сентября своей обители. По предсказанию преподобного Пафнутия, вскоре после его кончины, в монастыре пошли несогласия, пререкания, и новый игумен – преп. Иосиф в 1477 или в 1478 г. тайно оставил Боровскую обитель.

[2887] - Митрополит Геронтий управлял Русскою Церковью с 1473 по 1489 г.

[2888] - Так повествует Иннокентий. В летописи сказано, что преподобный скончался в 15-й час дня (после восхода солнца). Принимая во внимание, что 1 мая в Боровске солнце восходит приблизительно в 4 часа, кончина подвижника будет приходиться на 7-й час вечера и по этому расчету.

[2889] - Впрочем, в летописи и в житии преп. Пафнутия отмечено, что при погребении подвижника случился один мирской священник Никита, духовный отец князя Андрея Васильевича.

[2890] - Митрополит Даниил управлял Русскою Церковью с 1522 по 1539 г.

[2891] - Здесь разумеется гонение на христиан, воздвигнутое в Персии царем Сапором II, царствовавшим с 310 до 381 г.

[2892] - Низибия – древнейший город, расположенный в древней Месопотамии, в северной части ее, близ границ Армении.

[2893] - Персы боготворили солнце под образом верховного божества Митры, а также поклонялись огню.

[2894] - Кончина святого мученика последовала около 364 г.

[2895] - Рабовладение было очень распространено в древности у римлян, как и у других, современных им, народов. Всякий, более или менее состоятельный римлянин, имел у себя рабов. У очень богатых римлян число их доходило до многих десятков и даже сотен.

[2896] - Памфилия – малоазийская область.

[2897] - Атталия – памфилийский город, расположенный на южном берегу Малой Азии. Он назывался так по имени пергамского царя Аттала II (с 159 по 138 г. до Р. Х.), его построившего. Под именем Адалии этот город сохранился и до настоящего времени; имеет 15 000 жителей и принадлежит Турции.

[2898] - Фригия – малоазийская область.

[2899] - Фортуна считалась у римлян богиней счастья и покровительницей домашнего очага.

[2900] - Император Адриан управлял римскою империю с 117 по 138 г. Год смерти святых мучеников с точностью неизвестен.

[2901] - Житие сие представляет собою перевод сочинения Иакова Мниха, называющегося «Сказание страстей и похвала об убиении святую мученику Бориса и Глеба», написанного мало лет спустя после их мученических кончин, или в конце правления Ярослава, или в начале правления Изяслава, во всяком случае до 1072 г., а также перевод продолжений сего жития, сопровождающихего в древних списках. Перевод дополнен по «Чтению о житии и о погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба», сочиненному преподобным Нестором Летописцем после Иакова Мниха до 1091 г., и по «Сказанию о убиении святых страстотерпцев, российских

князей, Бориса и Глеба», составленному св. Димитрием Ростовским (под 2 мая Миней Четьих).

2902 - Вышеслав умер при жизни отца в 1010 г.

2903 - О раннем возрасте свв. Бориса и Глеба преподобный Нестор сообщает следующее. Святой Владимир отпустил всех своих детей по волостям, которые дал им в управление, но Бориса и Глеба держал при себе, потому что они были весьма юны. Святой Глеб был совсем еще дитя, а святой Борис уже проявлял высокий разум, был полон благодати Божией, знал грамоту и любил читать книги. Читал же он жития и мучения святых и, молясь со слезами, просил у Господа, чтобы Он сподобил его участи единого из этих святых. Так он молился постоянно, а святой Глеб слушал его, безотлучно находясь при нем. Когда св. Борис достиг совершеннолетия, отец задумал женить его. Но святой не желал брака. Бояре, однако, упросили его не ослушаться отца. Из-за послушания отцу святой вступил в брак по их просьбе. Затем отец послал его на княжение во Владимир Волынский, где он проявил много милосердия, но узнав, что Святополк по зависти умышляет на жизнь Бориса, возвратил его в Киев. Сие могло быть до послания Бориса в Ростов.

2904 - Печенеги, кочевой народ тюркского происхождения, со второй половины X в. начавший нападать на Русь. Св. Владимир строил города по р. Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне, как сторожевую линию против печенегов. Из южнорусских степей их вытеснили впоследствии турки и половцы, также тюркские народы.

2905 - Во имя св. Романа Сладкопевца

2906 - 15 июля 1015 г.

2907 - В древней Руси был обычай усопших переносить и перевозить в санях на отпевание в церковь.

2908 - Разумеется Киевский Десятинный храм, посвященный славе Богоматери, который построил и украсил св. Владимир. В древних прологах освящение сего храма показано под 11 мая.

2909 - Так поступил Владимир с братом своим Ярополком.

2910 - Близ Переяславля южного.

[2911] - По сказанию Нестора, дружины было у Бориса около 8 000 человек.

[2912] - По сказанию Нестора, св. Борис послал было к Святополку отрока с мольбою. Но тот удержал отрока у себя.

[2913] - По сказанию Нестора, один из убийц ударил св. Бориса в сердце.

[2914] - Вышегород отстоит от Киева на 15 поприщ.

[2915] - По сказанию преподобного Нестора, св. Владимир, отправив Бориса на княжение, Глеба оставил при себе. После смерти отца, св. Глеб, боясь насилия со стороны Святополка, замыслил бежать на север, к брату. Помолившись в церкви святые Богородицы, он сел в лодку и бежал. Сие было до убиения святого Бориса.

[2916] - По сказанию преп. Нестора, убийцы долго гнались в лодке за св. Глебом. Когда они приблизились, св. Глеб, подозревая их злой умысел, упросил своих спутников не браться за оружие и не противиться, говоря, что при покорности они просто отведут его к брату, а при сопротивлении всех порубят. По просьбе святого спутники его высадились на берег, с жалостью обращая свои взоры на блаженного, который остался посреди реки с отроками.

[2917] - Император Римский Флавий Клавдий Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 г. Он отрекся от христианства, стремился восстановить язычество. Был убит в битве с персами и умер со словами: «Ты победил, Галилеянин».

[2918] - По сказанию Нестора, старейшина города на месте, где лежало тело, видел самого святого Глеба, блистающего как молния.

[2919] - По сказанию Нестора, тело св. Глеба было найдено при помощи охотников.

[2920] - Сия киевская церковь была заложена в 1037 г.

[2921] - Т.е. с 1072 г.

[2922] - В половине XII века.

[2923] - Сие произошло в 1240 г.

[2924] - Сие произошло 8 сентября 1380 г.

[2925] - Диоклетиан управлял с 284 по 305 г. восточною половиною Римской империи.

[2926] - Фиваида – область в Среднем Египте.

[2927] - Игемон Арриан впоследствии сам обратился ко Христу и сподобился получить венец мученический. Память его празднуется 14 декабря.

[2928] - Чтец или причетник; обязанности Тимофея состояли не только в чтении, но и в хранении богослужебных книг.

[2929] - Необходимо заметить, что указ Диоклетиана предписывал не только преследовать самих христиан, но и разрушать их храмы и сжигать их священные книги. На этом основании игемон Арриан и требует от Тимофея его богослужебные книги

[2930] - Даниил – четвертый из числа «великих» пророков (Исаия, Иеремия, Иезекииль, Даниил); происходил из царского рода и еще юношею был отведен в Вавилон в числе прочих пленных иудеев. Одаренный прекрасными душевными и телесными качествами, он научился здесь языку и мудрости халдейской и вместе с тремя своими товарищами: Ананиею, Азариею и Мисаилом – был взят на службу при царском дворе. Даниил истолковывал царю вавилонскому Навуходоносору его замечательные сны и сам удостоился неоднократных видений, в которых были открыты ему важнейшие и замечательнейшие священные события. При восшествии на престол Дария он был сделан одним из трех правителей империи и был чудесным образом спасен от львов, в ров к которым он был брошен за свою привязанность к отеческой вере (Дан 6:10–24). История его жизни и деятельности описана им самим в священной книге его имени. Память его празднуется св. Церковью 17 декабря

[2931] - Сотник – начальник отряда воинов, обыкновенно в 100 человек.

[2932] - Кончина святых мучеников последовала ок. 286 г. В Константинополе впоследствии торжественно праздновалась память святых мучеников Тимофея и Мавры в построенном в честь их храме близ дворцов Иустиниановых; на основании

этого можно предположить, что в этом храме были их мощи или часть мощей.

2933 - Василев с именем Василькова существует и в настоящее время и представляет собою уездный город Киевской губ.; он находится в 36 верстах к юго-западу от Киева и расположен при реке Стугне, притоке Днепра. – Преподобный Феодосий родился между 1035–1038 г.

2934 - Причиной, побудившей родителей Феодосия переселиться в Курск, было распоряжение князя о перемещении из Василева отца Феодосия на службу в Курск. В Василеве, как и в Курске, отец Феодосия исполнял, вероятно, обязанность княжеского «тина» или судьи, мирового посредника (по делам не уголовным).

2935 - Это было в 1055–1056 гг. Ярослав I Владимирович княжил с 1019 по 1054 г.

2936 - Это было в 1056–1057 гг.

2937 - Изяслав I Ярославич княжил с 1054 по 1073 г., затем вторично с 1076 по 1078 г.

2938 - Святой Ефрем путешествовал в Константинополь, где и списал устав Студийского монастыря. Этот устав был составлен преподобным Феодором Студитом, игуменом Студийского монастыря в Константинополе, в начале IX в. В конце IX в. он был введен в руководство русскою Церковью и держался в ней до половины XIV в., когда начинает уступать иерусалимскому (этот устав введен преподобным Саввою Освященным в палестинских монастырях в VI в. – Память св. Саввы празднуется 5 декабря общежительные правила монастырского жития святого Василия Великого. Память святого Ефрема совершается Церковью 28 января

2939 - Преподобный Никон удалялся на юг России, в Тмутаракань.

2940 - Гривна (от санскрит, griva – шея) – собственно ожерелье, цепочка, обыкновенно золотая, носившаяся на шее в качестве украшения. Обычай носить гривну на шее привился у нас на Руси от татар. Впоследствии наименование гривны стало

усвояться слитку золота, определенной величины (от 72 до 96 золотн.), обращавшемуся в качестве монеты.

[2941] - Феодосий по переводу с греческого значит «данный от Бога»; в переносном смысле: «наделенный дарами от Бога».

[2942] - Святослав II Ярославич княжил в Киеве с 1073 по 1076 г., а Всеволод I Ярославич с 1078 по 1093 г.

[2943] - Иезавель – жена израильского царя Ахава, отличавшаяся крайним нечестием и распутством. Слепо подчиняясь ее влиянию, Ахав превзошел нечестием всех своих предшественников и предался самому постыдному идолопоклонству. Он построил в Самарии храм Ваалу, насадил священные рощи, позволил Иезавели воздвигнуть алтари божествам Тирским и Сидонским (3Цар.16:31–33). Иезавель содержала четыреста ложных пророков, которые питались от ее стола (3Цар.18:19). Очевидно эту именно «трапезу» и разумеет в данном случае святой Феодосий.

[2944] - Храм заложен был в 1073 г. Преподобный Феодосий не успел докончить постройку храма и монастыря. Ее довели до конца преемники Феодосия: Стефан (бывший игуменом с 1074 до 1078 г.), Никон (управлявший монастырем с 1078 до 1088 г.) и Иоанн (избранный в игумены в 1088 или 1089 г.). Каменная церковь нового монастыря, заложенная преподобным Феодосием, была окончена кладкой при Стефане в 1075 г., но, вероятно по причине недостатка денежных средств для отделки, производившейся медленно, она была освящена только через 14 лет, в 1089 г. В 1108 г. была окончена постройка трапезной для братии, а в 1182 г. монастырь был обнесен каменной стеной. Старый монастырь после постройки нового не был уничтожен, а продолжал существовать с небольшим числом оставшейся в нем братии; пещера же, при которой находился этот монастырь, после того как вышли из нее братия, стала служить для монастыря усыпальницей или кладбищем. В 1240 г. Печерский монастырь был в значительной степени разрушен татарами. Восстановление монастыря последовало в конце XIII в. В современном своем виде монастырь сохранил от домонгольского периода только нижнюю часть «великой» или главной церкви и, может быть, надворотную церковь в честь

Святой Троицы. Нынешние каменные стены монастыря построены на месте деревянных (заменивших собою разрушенные татарами каменные стены) в конце XVII в., и вообще все современные здания монастыря выстроены в XVIII в. (за исключением упомянутой нижней части главной церкви и надворотной церкви в честь Святой Троицы).

[2945] - Уставщик – управитель хора, регент.

[2946] - В 1091 г. честные мощи преподобного Феодосия из пещеры, где они первоначально были положены, были перенесены братиею в церковь Успения Пресвятой Богородицы, где и были положены в притворе с правой стороны. Во время татарского нашествия святые мощи Феодосия были положены, для сохранения, под спуд у западных дверей той же церкви, где они почивают и до настоящего времени. Событие перенесения честных мощей преподобного Феодосия празднуется 14 августа. В 1108 г. митрополит Никифор (с 1103 по 1121 г.) постановил на соборе «вписать Феодосия в синодик по всем епископиям». С этого времени начали праздновать везде, как преставление преподобного Феодосия, так и перенесение честных мощей его. Преподобный Феодосий назидает отдаленные от него поколения не только своею подвижническою жизнью, но и своими письменными наставлениями, дошедшими до нас преимущественно в форме поучений на разные случаи. К сожалению, вопрос о подлинности некоторых сочинений преподобного Феодосия не выяснен еще окончательно. С несомненностью преп. Феодосию должны быть приписаны следующие пять поучений: 1) поучение в среду 3 недели Великого поста «на часех» «о терпении и любви»; 2) поучение в четверг 3 недели поста «о терпении, о любви и о посте»; 3) поучение в четверг 3 недели поста «на часех» «о терпении и милостыне»; 4) поучение в пятницу 3 недели поста «о терпении и о смирении»; и, наконец, 5) поучение в пятницу 3 недели поста «на часех» «о хождении к церкви и о молитве». Кроме того преподобному Феодосию приписываются еще следующие поучения: 1) поучение «к келарю» (об его обязанностях); 2) поучение «о казнях Божиих» (полагают, что оно было сказано преподобным Феодосием в 1067 В. после несчастной битвы с

половцами); 3) поучение относительно «обеда и пития» (для братии); 4) «слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере»; 5) «наказание отца духовного к детям о пьянстве»; 6) «слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь»; и, наконец, 7) некоторые отрывки из поучений. Преп. Феодосию также приписываются два поучения на вторник и среду 3 недели Великого поста с именем святого Феодора Студита, а также и некотор. друг. Затем преподобному Феодосию принадлежат несколько посланий (вероятно два-три) к великому князю Изяславу (эти послания носят в дошедших до нас памятниках название «вопрошаний» князя Изяслава). Все перечисленные произведения преподобного Феодосия написаны очень просто и с большим чувством. Поучения и послания преп. Феодосия чужды всякой риторической витиеватости. Что касается до содержания их, то в тех из них, которые назначались для братии, преподобный Феодосий говорит об монашеских обетах и обязанностях; особенно подробно он останавливается на обете нестяжательности, в поучениях же, предназначенных для народа, преподобный Феодосий энергично восставал против различных языческих обычаев, которые в то время были очень распространены на Руси и едва только начали искореняться христианскими проповедниками. Особенно сильно преп. Феодосий вооружался против идолопоклонства и пьянства. Наконец, преподобному Феодосию приписываются еще некоторые молитвы, помещенные с его именем в некоторых списках древних Псалтырей.

[2947] - Стефан – настоятельствовал с 1074 по 1078 г.

[2948] - Никон – настоятельствовал с 1078 по 1088 г.

[2949] - Это был Константинопольский патриарх Николай I Мистик. В 895 г. он занял Константинопольскую патриаршую кафедру, в 906 г. за отлучение от св. причащения императора Льва VI Философа по поводу его вступления в четвертый брак с Зоею сослан был императором на остров Ирию, а в 911 г. возвращен был снова на свою кафедру, которую и занимал до смерти своей, последовавшей в 925 г.

[2950] - Коринф – древнейший из городов Греции, расположен в северной части древней Арголиды, на берегу Коринфского

залива. Основание христианской церкви в нем было положено св. ап. Павлом.

2951 - Т.е. из города Аргоса, расположенного на берегу Арголадского залива. О том, что преподобный Петр был епископом в городе Аргосе, говорится в одном из синаксарей. Тут же говорится и о том, что его рукоположил во епископы патриарх Николай I Мистик.

2952 - Пелопоннесом называлась в древности южная часть нынешней Греции.

2953 - Преподобный скончался в X веке. Мощи его в 1421 г. были перенесены из Аргоса в Навплию. При открытии гроба, как повествовали очевидцы, потряслась земля, воздух наполнился благовонием, потекли многие исцеления.

2954 - Император Диоклетиан управлял римскою империею с 284 по 305 г.

2955 - Тарс – большой и населенный в древности город Киликии, малоазийской области. Основан ассирийским царем Сеннахерибом (с 705 по 681 г. до Р. Х.). Благодаря своему положению при реке Кидне вел большую торговлю. – Для христиан город Тарс важен как место рождения и первоначального проживания здесь святого апостола Павла. Призванный Самим Господом к великому служению своему, апостол Павел первоначально в Тарсе приготовлялся к выступлению на проповедь (см. Деян.9:11–30). В настоящее время Тарс представляет собою небольшой городок Аданского вилайета с 8 000 жителей и принадлежит Турции. Замечательно, что до этих пор главное занятие жителей Тарса и его окрестностей состоит в изготовлении ковров, войлоков для палаток и всякого рода утвари, как это было и во времена апостола Павла, который снискивал себе пропитание деланием палаток (Деян.18:3).

2956 - Диоклетиан не имел сыновей. Под упоминаемым здесь «царским сыном» следует разуметь – как это объясняет св. Димитрий Ростовский – юношу, взятого Диоклетианом на воспитание и усыновленного с правом наследования царского престола.

[2957] - Евнух – оскопленный слуга, предназначавшийся к службе в гаремах Востока. Обычай кастрирования (оскопления) слуг имел место в древней Греции и Риме, но особенно распространен был в древности в Малой Азии.

[2958] - Поприще – мера длины, равнявшаяся приблизительно 690 нашим саженям.

[2959] - См. притчу о десяти девах (Мф.25:1–13).

[2960] - Мамона – наименование сирского божества, покровителя богатства. В переносном смысле под «мамоною» подразумевалось вообще богатство, блага земные.

[2961] - Очевидно, явившаяся чудная Жена, была Божией Матерью.

[2962] - Кидн – ныне Терсус-Чай – небольшая река в Киликии; берет начало на Тавре и протекает через город Тарс.

[2963] - Талант – слиток серебра или золота различной величины и ценности, в зависимости от времени и места обращения.

[2964] - Кончина святой мученицы Пелагии последовала в 287 г. В VIII в., при императоре Константине Копрониме (с 741 до 775 г.), ее честные мощи были перенесены в Константинополь и положены в храме ее имени.

[2965] - Святой священномученик Сильван называется епископом Кесийским, т.е. Кесарийским, по месту осуждения его на каторжные работы, а по месту служения он был Газским (или вблизи Газы), как это указано и в Четьи-Минеях.

[2966] - Древний филистимский город Газа находился в Палестине и расположен был недалеко от южной границы Иудеи, близ берегов Средиземного моря. С IV в. Газа была уже христианским городом; в VII в. она была покорена магометанами.

[2967] - Город Кесария, некогда резиденция римских прокураторов Палестины, находился в пределах древней Самарии на берегу Средиземного моря.

[2968] - Евсевий, современник святых мучеников, говорит, что Сильван осужден был на работы в рудокопнях города Фена,

который по мнению некоторых находился в пустынях Аравии, а по Евсевию – в Палестине.

2969 - Святые мученики скончались в 311 г.

2970 - Святой священномученик Алвиан был епископом в городе Анее, находившемся в римской малоазийской провинции Асии.

2971 - Здесь разумеется Максимиан Галерий, соправитель Диоклетиана, с 305 г. правивший восточною частою Римской империи.

2972 - Асиею называлась небольшая, обильная водами, болотистая равнина в Лидии, т.е. средина западной части нынешнего малоазийского полуострова, на восточном берегу Эгейского моря. В ней находились упоминаемые в Апокалипсисе (Откр. 1:11) семь малоазийских городов, и она была некоторое время местом деятельности св. апостола Иоанна Богослова

2973 - По Минию святые мученики скончались в 304 г.

2974 - Город Формия находился в Италии у Кастанского залива на берегу Средиземного моря.

2975 - Ливанские горы находятся в Сирии.

2976 - Антиохия, древняя столица Сирии, расположена была на берегах реки Оронта, недалеко от впадения ее в Средиземное море.

2977 - Местоположение города Ликия указывают различно. По Никодиму это был македонский город Лихнид, расположенный на берегу озера того же имени.

2978 - Максимиан Геркул, носивший титул августа, был соправителем Диоклетиана и управлял западною половиною Римской империи с 285 до 305 г.

2979 - Город Сирмий находился в Иллирии на берегу притока реки Дуная – Савы.

2980 - Святой священномученик скончался в 303 г., 10 июля. При св. папе Григории (590–604 г.) мощи его находились в Формии, а в IX в. перенесены в Кайсту.

[2981] - Магеддон или Мигдония – город во Фракии, области, расположенной по северному берегу Эгейского моря.

[2982] - Упоминаемого здесь князя Ликиния следует отличать от императора римского Ликиния (царствовал с 311 по 324 г.), управлявшего восточною половиною Римской империи. Последний имел в супружестве Констанцию, сестру Константина Великого; а этот – Ликинию; тот жил в славном городе Никомидии, а этот – в Магеддоне; тот погиб в своем нечестии, а этот честно скончался, уверовав во Христа; наконец, тот жил в начале IV столетия, а этот в конце I столетия, почти во времена апостольские.

[2983] - В древности на Востоке девушки выдавались замуж в очень юном возрасте (это было в обычае и у нас, на Руси, в старину).

[2984] - Имя «Ирина» происходит от греческого слова ειρήνη/eirini – мир, благоденствие.

[2985] - Апостол Тимофей деятельно распространял среди христиан послания святого апостола Павла, особенно те (два), которые были написаны на его имя.

[2986] - Т.е. врага спасения рода человеческого – диавола.

[2987] - Епарх – начальник города или области.

[2988] - Поприще – мера длины; равнялось приблизительно 690 нашим саженям.

[2989] - Город Каллиполь находился так же, как и Магеддон, во Фракии.

[2990] - Артемида или Диана – греко-римская богиня света и луны, считавшаяся также покровительницею охоты.

[2991] - Константина находился неподалеку от Каллиполя, во Фракии.

[2992] - Ефес – в древности очень большой город в Малой Азии, у подошвы гор Кореса и Пиона; обладал обширной гаванью (ныне совершенно занесенной илом), благодаря которой вел большую торговлю. В истории христианской Церкви город Ефес замечателен как место проповеди святого апостола Павла и как место III Вселенского собора (в 431 г.).

[2993] - Кончина святой великомученицы Ирины последовала в конце I или начале II в.

[2994] - Земля Хус находилась на юго-востоке от Палестины, за Мертвым морем.

[2995] - Они происходили из потомства Исава, иначе «Едома» (см. Быт.36:1–43).

[2996] - Предмет книги Иова – решение вопроса: как согласить с существованием Промысла Божия в мире то нередкое на земле явление, что добродетельные люди проводят жизнь среди бедствий, тогда как нечестивые благоденствуют? О несчастиях, постигших праведного Иова, узнали его друзья, Елифаз, Вилдад и Софар; они пришли навестить страдальца, и когда увидели друга на гноище, то семь дней молча оплакивали его. Потом они вступили в разговор с ним: выходя из общего для ветхозаветного времени представления, что всякое страдание есть наказание за какую-нибудь неправду, они в своих речах, обращенных к Иову, развивали ту мысль, что если он страдает теперь, то, без сомнения, за какие-либо свои согрешения, в которых, потому, и должен покаяться. Огорченный речами друзей и чувствующий свою правоту пред Богом, Иов, жалуясь, что руки Господни отяготели над ним, выразил веру в неисповедимость судеб Божиих, пред коими мысль человека бессильна, а также – желание, чтобы Господь Сам рассудил его. Бог является Иову в буре. Обличив Иова за безрассудное требование у Него отчета в мироправлении, Господь внушает Иову благоговение пред необъятными и непостижимыми путями Промысла Божия, все направляющего к благим делам. В заключение Господь повелевает Елифазу с товарищами просить молитвенного заступления у Иова за грех его несправедливого осуждения, а Иова вдвойне вознаградил за его потери и страдания. Вопрос о писателе книги Иова спорный. Св. Григорий Богослов и Иоанн Златоуст склонялись к той мысли, что им был Соломон. Но с этим трудно согласить общее впечатление, получаемое от книги, говорящее об ее несравненно более раннем происхождении. В ней совершенно умалчивается о законах Моисея; в то же время в изложении ее выступают черты патриархального быта, в котором уже

проглядывают признаки высокоразвитой общественной жизни. Иов, как знатный воин, князь и судья, живет с значительным блеском и пользуется почетом при частых посещениях ближнего города; в книге, кроме того, есть указания на правильные формы судопроизводства, на уменье современников Иова наблюдать за небесными явлениями и делать из этих наблюдений соответствующие астрономические выводы; говорится о рудокопнях, больших постройках, а также о крупных политических переворотах. Все это дает основания с весьма значительной долей вероятности относить время жизни Иова ко времени пребывания евреев в Египте. Иов, после дней благоденствия испытав потерю имущества, детей и лютую болезнь, а затем снова и в сугубой степени (Иов.42:10) получив от Бога утраченное, служит прообразом Христа Спасителя, Себя умалившего до приятия позорной крестной смерти и за это превознесенного от Бога Отца (Флп.2:7–9), – восприявшего как венец за искупительный подвиг по человечеству ту славу, которую Он имел у Отца прежде бытия мира (Ин.17:6). Св. священномученик Зинон, епископ Веронский, живший в IV в., находит еще другие – частнейшие черты сходства между прообразом и образом. «Иов, по моему мнению, – говорит св. отец, – был образом Спасителя нашего Иисуса Христа. Сравнение объяснит нам эту истину. Иов был праведен – Спаситель наш есть сама правда, источник нашей праведности, потому что о Нем предречено было: «вот придет день… взойдет Солнце правды» (Мал.4:1–2). Иов был истинен, – Господь наш есть подлинная, совершенная истина: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин.14:6). Иов был богат, но чье богатство может сравниться с богатством Господа нашего, Которому принадлежит вся вселенная, по свидетельству блаженного Давида: «Господня – земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней» (Пс.23:1)? Иов три раза был искушаем диаволом (лишением имения, погибелью детей и болезнью); подобным образом, по свидетельству евангелиста, трижды же искушал диавол и Господа нашего (Мф.4:1–11). Иов, лишенный всего своего имения, обнищал – Господь наш, по любви к нам, снисшедши на землю и оставив небо со всеми его благами,

также обнищал, чтобы нас обогатить. Дети Иова были умерщвлены рассвирепевшим диаволом, – дети Господа нашего, пророки, были побиты безумным фарисейским народом (Лк.13:34; Деян.7:52). Иов поражен был язвами – Господь наш, приняв на Себя плоть нашу и грехи всего человеческого рода, вместе с тем принял все нечистоты и язвы греховные. На Иова нападали друзья его – на Господа нашего преимущественно пред всеми восставали первосвященники и книжники, которые должны были бы особенно чтить Его и быть Его друзьями. Иов, пораженный проказою, точимый червями, сидел на пепле вне города – Господь наш, приняв на Себя все греховные язвы всего рода человеческого, обращался в этом нечистом мире среди людей, исполненных пороков и кипевших похотями, которые и предали Его позорной смерти вне города. Иов непобедимым своим терпением опять приобрел и здоровье, и богатство – Господь наш, победив смерть Своим воскресением, даровал верующим в Него не здоровье только, но и бессмертие, и получил от Бога Отца власть и господство над всем, как сам Он засвидетельствовал: «все предано Мне Отцем Моим» (Лк.10:22). Блаженный Иов скончался в мире – Господь наш, оставив нам мир, купленный ценою Его крови, в кроткой и мирной славе вознесся к Отцу Своему. Ввиду такого прообразовательного значения жизни праведного Иова, Церковь издревле установила во дни, посвященные воспоминанию страданий Христовых, предлагать вниманию верующих чтения по книге Иова. – Паримии из кн. Иова во дни страстной седмицы следующие: в понедельник, на вечерне Иов. 1:1–12; во вторник, на вечерне Иов. 1:13–22; в среду на вечерне Иов. 2:1–10; в великий четверток на вечерне Иов. 38:1–23, 42:1–5; в Великий Пяток на вечерне Иов. 42:12–17.

[2997] - Юлиан Отступник, племянник Константина Великого родился в 331 г. В 345 г. вместе с братом Галлом был сослан в Каппадокию Констанцием, где под строгим надзором провел шесть лет. В 351 г. он покинул место ссылки и провел насколько лет в Никомидии, где увлекался изучением философии; в 355 г. был назначен Констанцием начальником войск в Галлии; здесь он умел привлечь любовь войска, которое в 361 г. и

провозгласило его императором. Изучение философии под руководством учителя-язычника, раздоры среди христиан вследствие арианских волнений, ненависть к Констанцию возбудили в Юлиане ненависть и к религии своего притеснителя – христианству. Он задался целью восстановить язычество и уничтожить христианство. Но все его попытки потерпели полнейшую неудачу. Юлиан умер в 363 г. после битвы с персами, во время которой был смертельно ранен копьем; последними словами своими – «Ты победил, Галилеянин!» – Юлиан выразил сознание победы христианства над язычеством.

2998 - Франки – союз германских народов на Нижнем Рейне. Своими нападениями на римскую область франки значительно ускорили падение римского государства. Вторгшись в северную Галлию, франки смешались с туземным населением и отчасти усвоили его нравы. После побед над римлянами, южными племенами Алиманнов и Вестготами сила франков при Каролингах возвысилась до всемирно-исторического значения.

2999 - Комитами назывались царские телохранители. Впоследствии этот титул стал прилагаться к официальным лицам (составлявшим свиту вообще высших должностных лиц – проконсулов, областеначальников, губернаторов), на обязанности которых стал впоследствии лежать и сбор податей в государственную казну.

3000 - Область в Византийской империи в северо-восточной части Балканского полуострова. В настоящее время Фракия, под именем Ромолии или Румелии, составляет провинцию Европейской Турции.

3001 - В Греции, вероятно.

3002 - Максимиан – управлял западною половиною Римской империи с 284 по 305 г.

3003 - Малоазийская область.

3004 - Мартисийский полк – отряд Марсовых (т.е. храбрых)

3005 - Комментарисий – начальник над тюрьмами.

3006 - Акакий (с греч Αχαχιος от χαχος – дурной, злой, и отрицания а) действительно значит «незлобивый».

[3007] - Фракия – область Римской империи, лежавшая к северо-востоку от Македонии. В настоящее время Фракия под именем Румелии входит в состав европейской Турции.

[3008] - Выражение церковной песни.

[3009] - Кончина святого мученика последовала в 303 г. Мощи его хранились долгое время в храме его имени, созданном императором Константином Великим на месте его погребения, в Ставрионе или Ставродромии. Здесь мощи святого Акакия хранились до времен иконоборцев, когда христиане, спасая их от преследования нечестивых гонителей, перенесли их в южно-итальянский город Скилакс.

[3010] - Констанций, сын Константина Великого, получил Восток, Азию и Египет; в 357 г. победив убийцу брата своего Констанса, Магненция, он соединил под своею властью всю Римскую империю. Он разрушал языческие храмы или отдавал их христианам для обращения в церкви; несколько раз им издавался закон, запрещающий отправления языческого культа. Но своим сочувствием ереси Ария Констанций сильно увеличил религиозные раздоры того времени: он преследовал православных епископов, низводил их с кафедр и даже подвергал заточению; при нем ариане занимали высшие места в государстве. Констанций умер в 361 г., во время похода против своего двоюродного брата Юлиана, провозглашенного войсками в Галлии императором, куда он сам назначил его главнокомандующим. Григорий Назианзин сообщает, что пред смертью Констанций раскаивался в своем преследовании православных.

[3011] - Родоначальником арианской ереси был пресвитер Александрийский Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним Божественных совершенств, – всемогущества, всеведения и проч. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на первом (325 г.) и втором (381 г.) Вселенских соборах, причем было установлено равенство Сына Божия с Отцом, что и исповедует каждый христианин во втором члене Символа Веры, который был составлен отцами I Всел. собора. В V в. арианство почти не имело последователей в Римской империи, но

возродилось в Германии среди готов, бургундов, вандалов и логгобардов, где существовало до VII в.

3012 - По нашему счету около 9 часов утра. – Самое событие следует отнести к 351 г. В этом году Пасха была 31 марта, след. Пятидесятница 19 мая; 7 мая приходится на вторник последней недели пред Пятидесятницею.

3013 - Голгофа находилась ранее вне Иерусалима (Мф.27:32–33, Ин.19:17–41; Евр.13:12); лежит на северо-западной стороне св. города. Свое название (Голгофа с еврейского – череп, лобное место (Лк.13:33), вероятно, получила по сходству с черепом. По преданию здесь был погребен Адам.

3014 - Гора Елеонская и Масличная – горы иудейские, лежат к востоку от Иерусалима (Иез.11:23), Масличная получила свое название благодаря множеству росших на ней маслиничных деревьев. Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни часто приходил на гору с учениками Своими (Ин.8:1, 18:2). На западном склоне горы Елеонской находится Гефсиманский сад, где Господь молился в ночь пред страданиями и где был предан Иудою (Мф.26:36–57; Мк. 14:26–53; Лк.22:39–54; Ин. 18:1–13) На юго-восточном склоне горы находилось селение Вифания, откуда Господь предпринял торжественный вход в Иерусалим (Мф.21:21; Лк.14:29). По преданию, с горы Елеонской Господь вознесся на небо (Деян.1:12). В II в. матерью Константина Великого на горе Елеонской был воздвигнут христианский храм, обращенный впоследствии турками в мечеть.

3015 - Св. Кирилл, архиеп. Иерусалимский, патриаршествовал с 350 по 387 г. Известен своею борьбою с ересью ариан. Память его празднуется 18 марта.

3016 - Созомен – церковный историк V в. Его «Церковная история» обнимает период времени с 323 по 439 г. (но до нашего времени сохранился рассказ лишь до 423 г.). Созомен написал также историю трех первых веков христианства, но до нас она, к сожалению, не дошла. – Об описываемом дивном, знамении Созомен упоминает в IV кн. своей «Церковной истории», в главе 5.

[3017] - Явление креста на небе предвещало Церкви тяжелые времена – господство арианства. Ровно 10 лет (по 361 г.) арианство держалось на престоле в лице Констанция, затем сменилось богоотступничеством Юлиана (361–363 г.); после Юлиана 14 лет покровительствовал арианству император Валент (364–378 г.).

[3018] - Феодосий – управлял восточною половиною Римской империи с 379 по 395 г; западною с 383 по 395 г.

[3019] - Грациан царствовал с 375 по 383 г.

[3020] - Дамас I занимал папский престол с 366 по 384 г.

[3021] - Александрия – знаменитый в древности город, стоящий при устье Нила в Египте и основанный Александром Македонским (336– 323 г. до Р. Х.). Александрия в древности была центром торговли, промышленности и образованности, а в первые века христианства рассадником христианского просвещения. В настоящее время Александрия принадлежит к числу важнейших портовых городов.

[3022] - Египет был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Среднем, так и Нижнем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня Нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая вглубь страны, за рекою Нилом. Скитская пустыня находилась близ Ливии. Это быта дикая, песчаная пустыня; сюда не было и проторенной дороги – путь сюда направляли по течению звезд.

[3023] - Император Аркадий управлял, восточною половиною Римской империи с 395 по 408 г.

[3024] - С 395 по 423 г.

[3025] - Феофил патриаршествовал с 385 по 412 г.

[3026] - Около 5 верст по нашему счету.

[3027] - Гривна – золотая цепь, носившаяся в качестве украшения на шее.

[3028] - Здесь, вероятно, должно разуметь гонения, поднятые на христиан римскими императорами.

[3029] - Не должно удивляться тому, что братия принимали в руки честное Тело Христово; в первые века христианства и непосвященным позволялось брать в руки святые Дары и

уносить их с собою домой или в путешествия; но впоследствии отцы и учители Церкви запретили это делать и по следующей причине: во время патриаршества св. Иоанна Златоуста в Константинополе одна женщина принесла домой святые Дары и смешала их с какими-то снадобьями для волхвования. Узнав об этом, св. Иоанн Златоуст сделал распоряжение по всем церквам, чтобы честное Тело Христово не предавалось в руки христианам, но чтобы вместе с Божественною Кровью преподавалось верующим из чаши. – Св. Димитрий Ростовский говорит об этом под 9 ноября, в повествовании о житии преподобной Феоктисты

3030 - После преподобного Арсения осталось только несколько изречений и наставлений инокам, вроде двух вышеприведенных, сохранившихся в древних Патериках и собраниях изречений древних отцов – пустынников.

3031 - Жизнь и деятельность преподобного Арсения располагается по годам так: родился в 354 г., принят ко Двору на 29-м году жизни – в 383 г., 11 лет жил при Дворе – до 394 г., 40 лет прожил в скитской пустыни – до434 г., 10 лет жил в Трогине (или Троёне), 3 года пробыл в Канопе, два последние опять в Трогине и умер на 95-м году жизни в 449 или нач. 450 г.

3032 - Ефес стоял на берегу Эгейского моря, в Малой Азии; славился обширною торговлею и был одним из главных центров науки и искусства в древности. В настоящее время от этого, некогда знаменитого города, остались лишь одни развалины.

3033 - Об этом прахе или манне говорит блаж. Августин и Григорий Турский. Об нахождении персти от гроба Иоанна Богослова упоминает и русский паломник XII в. игумен Даниил.

3034 - В синайских евангелиях этот праздник называется ροδισμος, т.е. розовник; думают, что самая манна, исходившая от гроба Иоанна Богослова, называлась ροδις – розовая мазь, розовый порошок; но вернее разуметь под «розовником» празднование употреблением роз, подобно тому как у нас употребляются цветы в Троицын день.

3035 - Это славословие Серафимов, трижды указующее на святость Божества, признается откровением о трех лицах

Божества не только христианами, но и некоторыми раввинами.

3036 - Здесь св. Исаия, вероятно, уподобляет себя и народ свой прокаженным, которые по закону Моисея (Лев.13:45) должны были закрываться до уст, предостерегая встречных криком: «Нечист, нечист».

3037 - Господь сказал Моисею: «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх.33:20).Саваоф – Господь воинств (небесных).

3038 - Это местоимение множественного числа – Нас, относящееся к Единому Богу, тоже есть раскрытие тайны Св. Троицы. Ср. Быт.4:26, 11:7.

3039 - Об этом событии в летописях самого Саргона говорится следующее: «Я осадил город Самарию и взял ее. Я увел в плен 27 280 граждан; я выбрал из числа взятых колесниц 50 колесниц для себя; все другое богатство народа этого города я предоставил взять моим слугам. Я назначил постоянных начальников над ними и наложил на них ту же самую дань, какая платилась раньше. На место взятых в плен, я отправил туда жителей завоеванных мною земель и наложил на них дань, которую я требую от ассириян». Ср. 4Цар.17:6. Из соединения остатков израильского населения с насильственно переселенными сюда ассирийским царем язычниками и образовалась та смешанная народность, которая впоследствии носила наименование самарян.

3040 - Св. Ев. Матфей в рождении Господа Иисуса Христа от Пресвятой Девы Марии видит исполнение этого пророчества святого Исайи: «Все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог». (Мф. 1:22–23)

3041 - В конце царствования Ахаза, как уже видели, и храм был закрыт.

3042 - Хотя Езекия и приглашал оставшихся от переселения Саргоном израильтян на торжество, но последние с презрением отвергли это приглашение (2Пар. 30:5–10).

3043 - Сеннахирим действительно через несколько лет скончался в Ассирии, умерщвленный своими же сыновьями (4Цар.19:37).

3044 - Все жатвы Иудеи были сняты или потоптаны ассирийскими войсками; поэтому Иудеи грозил, по-видимому, неизбежный голод. Но Господь – говорит пророк – не допустит до этого: упавшие на землю зерна принесут плод достаточный для пропитания, не только в год удаления ассириан, но и на следующий. Так «уцелевший остаток (хлебных злаков) пустит опять корень внизу и принесет плод вверху».

3045 - Здесь под «остатком» разумеется постоянно находившийся среди неверного иудейского народа «остаток» верных истинному Богу (Ис.1:9; 10:22; Иез.6:8; Рим.8:29), из которого произошли ветхозаветные праведники, к которому принадлежали Христовы апостолы и из которого выросла Церковь – спасение миру.

3046 - Восторженная радость и благодарность избранного народа к Богу избавителю нашла свое выражение, как предполагают некоторые толкователи, в Пс. 45:1–12, 46:1–10, 75:1–13.

3047 - В еврейском тексте болезнь Езекии носит название «шехин»; предполагают, что это был чумный нарыв.

3048 - Здесь разумеются устроенные Ахазом по вавилонскому образцу солнечные часы; они могли представлять собою или высокое здание с восходящими ступенями или горизонтальный круг с расположенными на нем в известном порядке чертами; солнечная тень, падая на эти часы, постепенно передвигалась по ступеням или чертам, что, собственно и служило показателем времени. Примечательно, что по астрономическим вычислениям 26 сентября 703 г., год падающий на время болезни Езекии, было частное солнечное затмение, видимое в Иерусалиме; оно и могло быть причиною того чудесного явления (возвращения солнечной тени на десять ступеней назад), о котором сообщает Библия.

3049 - Т.е. простил, забыл их.

[3050] - Езекия умер по указанию наиболее заслуживающих доверия источников в 699 году.

[3051] - Вероятно, на мученическую кончину святого Исайи указывает. Евр.11:39.

[3052] - Память святого Христофора весьма чтится как на востоке, так еще больше на западе, особенно в Испании. На западе прибегают к нему во время заразительных болезней.

[3053] - Одни утверждают, что святой Христофор по происхождению своему был хананеем, а другие производят его от канинеев (canis – собака) или кинокефалов антропофагов. Песий вид святого в славянском Прологе отвергается, а Никодим в Синаксаристе дает ему только безобразный вид.

[3054] - Комитами назывались царские телохранители, а впоследствии этот титул стал прилагаться вообще к лицам, составлявшим свиту проконсулов, областеначальников и др.

[3055] - Согласно с греческими прологами Ассемани полагает, что это был император Декий, царствовавший в Римской империи с 249 до 251г.

[3056] - Святой мученик скончался в Ликии при императоре Декии ок. 250 г. Согласно с актами мученика день его кончины все древнейшие календари, восточные и западные, относят к 23 апреля.

[3057] - Кипариссий или Кипарисс – местность в Константинополе.

[3058] - Житие св. Николая чудотворца см. под 6 декабря

[3059] - Алексей I Комнин управлял Византийскою империей с 1081 по 1118 г.

[3060] - Николай III Грамматик патриаршествовал с 1084 по 1111 г.

[3061] - Всеволод Ярославич, сын Ярослава Мудрого и внук Владимира святого, княжил с 1075 по 1076 г. (6 месяцев); затем вторично с 1078 по 1093 г.

[3062] - Владимир Всеволодович Мономах правил с 1073 г. по 1125 г.

[3063] - Под измаильтянами здесь разумеются одноплеменные восточные народы: турки, печенеги и половцы.

[3064] - Древний город в Крыму, около Севастополя, называвшийся также Херсонесом Таврическим.

[3065] - Город Бари находится на юге итальянского полуострова, на восточном его берегу у Адриатического моря, в области, называвшейся Апулиею. Население южной Италии было издавна греческое. К концу IX в. здесь утвердилась власть греческого императора. В 1070 г. город Бари был взят у греков норманнами, северным племенем германского народа, но и после этого в некоторых апулийских монастырях сохранилась православная вера и Богослужение, и они были подчинены Константинопольскому патриарху.

[3066] - В службе на перенесение мощей святителя Николая воспевается: «Морем святителю быша шествия твоя, из Мир ликийских в Барград: взятся бо от гроба ковчег твой, и к западом дойде от востока, благочестно последовавшим монахом, иже при гробе твоем, честь ти творившим, мановением Владыки всех, Николае преславне» [2-я стихира на стиховне. – Редакция «Азбуки Веры»].

[3067] - Празднование перенесения мощей святителя Николая на Руси было установлено при митрополите киевском Иоанне II, в 1089 г.

[3068] - Церковь эта существует до этих пор.

[3069] - «Зилот» и «ревнитель» – подобозначащие слова; «зилот» есть греческий перевод еврейского слова «кананит» (от «кана» – ревность). Существует предположение, по которому Симон Зилот до призвания в апостолы был членом секты зилотов – ревнителей отечественной веры, обращавших особенное внимание на соблюдение обрядовых предписаний закона Моисеева.

[3070] - Симон Зилот скончался мученическою смертью в Абхазии и погребен в городе Никопсии, лежавшем около Джигетии. Остатки этого города местные жители и доселе показывают верстах в 20 от Сухума, недалеко от морского берега. На месте кончины святого была построена церковь,

возобновленная в 1875 г. усердием одного из Великих князей. Воспоминаемого ныне святого апостола Симона Зилота следует отличать, во-первых, от Симона Петра, также апостола из двенадцати, и от Симона или Симеона, сродника Господня по плоти (Мф.13:55), который принадлежит к лику 70 апостолов и был вторым епископом Иерусалимским, – преемником апостола Иакова, брата Господня по плоти. – Память Симона Зилота празднуется еще св. Церковью 30 июня вместе с памятью прочих одиннадцати апостолов).

3071 - Тавеннисийский монастырь был основан известным египетским подвижником, святым Пахомием Великим (память его празднуется 15 мая) находился в верхней Фиваиде. Поводом к основанию этого монастыря было желание сестры Пахомия подвизаться отшельнической жизнью. Избранное для обители место называлось Мен и находилось на берегу Нила, тогда как мужской монастырь был расположен на острове, посреди Нила. Св. Пахомий дал отшельницам строгий, почти одинаковый со своим монастырем, устав.

3072 - Кончина св. Исидоры последовала в к. IV в.

3073 - Кончина св. Таисии последовала в V в.

3074 - Здесь разумеется Симон I, первосвященник Иудейский, сын и преемник первосвященника Онии 1-го, за благочестие свое прозванный современниками «праведным». Воспользовавшись спокойным временем под владычеством царей египетских, он возобновил укрепления Иерусалима, украсил храм, обнес его высокими стенами и сделал в нем значительные исправления и улучшения; но, – что самое важное, – он поднял религиозно-нравственную жизнь народа примером своей благочестивой жизни, почему и оставил по себе самые добрые воспоминания (Сир. 50:1–21). – Первосвященническое служение свое Симон проходил в нач. III в. до Р. Х.

3075 - «Патерик», по переводу с греческого, значит «отечник», т.е. сборник, заключающий в себе краткие повести о жизни подвижников благочестия или нравоучительные слова их. Киево-Печерский Патерик представляет собою собрание кратких

повестей о подвигах печерских иноков. В основу этого Патерика вошли 14 сказаний Симона, епископа Владимирского и Суздальского, затем жизнеописания святых, составленные летописцем Нестором и другими лицами. Что касается до сказаний Симона, то девять из них повествуют о чудотворцах печерских и пять – о чудесах, сопровождавших построение главной печерской церкви.

3076 - Кончина преподобного Симона последовала в 1226 г., на 11 году управления им епархией Владимирской и Суздальской (управлял епархией с 1215 по 1226 г.).

3077 - Здесь разумеется Максимиан Галерий, зять и преемник императора Диоклетиана, царствовавший в восточной половине Римской империи с 305 до 311 г. В 292 г. Диоклетиан избрал Галерия помощником своим в управлении империей с титулом кесаря и поручил ему Иллирию и страны по Дунаю. Состоя с Диоклетианом в родственной связи, Галерий имел сильное влияние на престарелого императора и еще до издания в 303 г. общего эдикта против христиан, принудил его издать частный эдикт, по которому христиане удалялись из военной службы, причем сам был наиболее ревностным исполнителем этого эдикта. Он не только изгонял христиан из военной службы, но и удалял их от своего двора.

3078 - Название магистриана или магистра означало при дворе римских императоров одну из высших придворных должностей, нечто вроде нашего Министра Двора.

3079 - Здесь надо разуметь Антиохию Сирийскую, некогда великолепную столицу Сирии, а ныне бедный городок антиохийской Турции.

3080 - Власяница – одежда, сплетенная из конского волоса.

3081 - Святой мученик скончался при Диоклетиане, но год его кончины неизвестен.

3082 - Киприан по греческому стихословию в Минее – Киприн, а по актам святых и другим древним памятникам – Кирин.

3083 - По изысканиям болландистов родиной этих святых мучеников был город Баста в южной Италии близ берегов

Сицилийского или Ионического моря; по месяцеслову имп. Василия отец их носил имя Виталия.

3084 - Ликиний, как утверждают болландисты, не был тогда еще императором, а состоял только в должности правителя области, управлял же империей Декий. По месяцеслову имп. Василия мучителем святых братьев мучеников и других, с ними пострадавших, был префект Диомид, которому Ликиний отдал их для суда и наказания.

3085 - Селевкия – город в малоазийской римской провинции Киликии, но здесь в Прологе опечатка или описка. По актам святых святые три брата-мученика скитались в Сицилии, в городе Леонтинах.

3086 - Святые мученики скончались в 251 г., 10 мая. Правитель Тертилл Алфею велел отрезать язык, и он умер от истечения крови, Филадельф сожжен на железной решетке, а Киприан – на сковороде. В 1517 г. тела их обретены в городе Леонтинах и торжественно выставлены для почитания.

3087 - Диоклетиан управлял Римскою империею с 284 по 305 г.

3088 - Анфипат – правитель области.

3089 - Дионисий или Бахус, по учению греческой мифологии, сын Зевса и Семелы, бог винограда и виноделия, даром вина радовавший сердца людей. Дионисий считался покровителем вообще всего растущего на полях – цветов и плодов. Празднование в честь Дионисия носило первоначально характер умеренный, но впоследствии перешло в разгул и разврат. Во время этих празднеств язычники бегали в возбужденном, опьяненном состоянии, растерзывали животных и ели окровавленное мясо. В честь бога Дионисия празднества совершались четыре раза в году и продолжались каждый раз по несколько дней или даже недель.

3090 - Аполлон – по взгляду греческой мифологии, сын Зевса и Латоны – бог благополучия и порядка, охранитель законности. Как возвеститель людям воли Зевса, считался также богом, предсказаний и оракула.

3091 - Кончина св. мученика последовала ок. 295 г.

[3092] - Лев V Армянин царствовал с 813 по 820 г.

[3093] - Михаил II Балба, или Косноязычный, царствовал с 820 по 829 г.

[3094] - Феофил царствовал с 829 по 842 г.

[3095] - Когда прибыли славяне в Европу, неизвестно. Приблизительно во II в. по Р. Х. Славяне известны были по среднему и нижнему течению р. Дуная. Здесь им пришлось много перенести от волохов, т.е. римлян, во времена Траяна, так что славяне вынуждены были покинуть свои дунайские жилища. После этого была остановка славян на Карпатских горах с II по VII вв. Отсюда под предводительством князя Дулебов славяне вели продолжительные войны с Византией и отсюда же, вследствие нашествия аваров, расселились в разные стороны. Существует предание, что Ираклий, царь греческий, в VII в. для борьбы с аварами пригласил славян на Балканский полуостров. Другие же колена того же славянского племени под натиском аваров пошли вверх по притокам Дуная и стали там жить под разными именами. По реке Мораве – моравы, к западу от них – чехи. На север от чехов – сербы – лужичане, к востоку по р. Висле – поляки. Часть же славян с Карпат пошла на восток и северо-восток и заняла места по р. Днепру, Оке и до самого Новгорода – это поляне, древляне, северяне и др., населившие русскую равнину.

[3096] - Олимп – гора в Малой Азии, на границах Фригии и Вифинии.

[3097] - София – с греческого значит: «премудрость».

[3098] - Доместик – высший военный сановник, постоянно живший при царском дворе Его обязанностью было охранять личность императора.

[3099] - Патрикиями в древности назывались люди благородного происхождения.

[3100] - Логофет – хранитель печати, то же, что у нас государственный канцлер.

[3101] - Гомер – знаменитый древнегреческий писатель, автор «Илиады» и «Одиссеи», живший за 3000 лет до нашего времени.

[3102] - Бывший впоследствии патриархом.

[3103] - Золотой Рог – длинный узкий залив, образующий собою бухту Босфорского пролива.

[3104] - Иоанн VII патриаршествовал с 832 по 842 г.

[3105] - Рассказ об этом находится в описании страданий св. мучеников Амморейских под 6 марта.

[3106] - Это было в 851 г.

[3107] - Одного по имени Георгия.

[3108] - Т.е. ради крестных заслуг Христовых: «ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен» (Ин.7:39).

[3109] - Из догматика 7-го гласа. – Редакция «Азбуки Веры»

[3110] - Очевидно здесь разумеется особый вид развода виноградников каким-либо искусственным путем.

[3111] - На Олимпе блаженный Константин впервые стал заниматься изучением славянского языка. Среда, в которой приходилось ему быть, благоприятствовала этому. В обителях, бывших на горе, было много иноков славян из разных соседних стран, почему Константин мог иметь здесь для себя постоянную практику, что для него было особенно важно, так как он, почти с детства, все время провел в греческой среде. О том, что здесь святые братья занимались изучением славянского языка, говорит свидетельство болгарского славянина черноризца Храбра.

[3112] - Козары, которых греки называли хазарами, а римляне газарами, были известны под общим именем скифов. Они говорили славянским или российским языком и жили близ Меотийского или Мертвого (Азотского) озера, в которое впадает река Дон, отделявшая (в древнее время) Европу от Азии. В этой стране сначала жило племя первого сына Иафета Гамера, называемое гемеры, по-гречески кимеры, а по-русски цимбры и от них устье Меотийского озера, впадающее в Понт Евксинский (Черное море), называлось Босфор Кимерийский, т.е. узкое место в Кимерийском море. Когда цимбры ушли в полночные страны (к северу) и смешались с различными народами, называясь литвою, жмудью, готфами и др., тогда на их месте

около Меотийского озера или Киммерийского Босфора стало обитать одно из скифских племен тюркского происхождения по имени аланы (от Аланских гор), получившее впоследствии название козары (от р. Козары). Это племя сильно размножилось и стало обитать по обоим берегам реки Дона: в Азии – до Волги, впадающей в Каспийское или Хвалынское море, в Европе – до Днепра, впадающего в Черное море, и даже далее – до Паннонии, но уже называясь другими именами: аварами, гуннами и др. Козары имели грубые нравы и с виду были некрасивы. Они, как народ кочевой, жили в палатках, переходя с места на место. Питались они более овощами и полусырым мясом, чем хлебом, на войне были очень храбры и всем страшны. Правитель у козар назывался «каган» (хаган или хаян), как у нас царь или князь. О храбрости этого народа есть много указаний у греческих и римских летописцев. Много горя козары причинили Царьграду в царствование Ираклия, в патриаршество Сергия, когда были чудесно побеждены непобедимою силою Пречистой Богоматери, Которая защитила Свой город от поганых козар и соединившихся вместе с ними персов, как пространно описано это событие в Синаксаре, в 5 субботу Великого поста. Долго спустя греческий царь Лев Исаврянин, желая жить в мире с козарами, женил своего сына Константина (Копронима) на дочери кагана козарского, которая по крещении была названа Ириной. У них был сын Лев, который по матери назывался Казарин или Хазарис (этот Лев имел жену Ирину, которая по смерти мужа восстановила Православие, отвергши иконоборческую ересь на VII Вселенском соборе). После этого брака греки стали жить в мире с козарами, и последние стали знакомиться с христианской верой. Христианство стало распространяться между козарами главным образом от херсонян (Херсон – греческая колония) и в особенности после свв. учителей Константина и Мефодия. Козары с давних пор брали дань с российских славян: с каждого дома кожу белки и с каждого плуга по шелягу. Эта дань была прекращена Аскольдом и Диром, которые отняли у козар, северян и радимичей. Окончательно разбил козар (европейских) Святослав, отец св. Владимира, который взял их город Белую

Вежу и наложил на них дань, азиатские же козары (жившие между Доном и Волгой) были завоеваны половцами и печенегами.

[3113] - Игнатий патриаршествовал с 847 по 857 г.; затем вторично с 867 по 877 г.

[3114] - Память св. Мефодия празднуется 23 октября.

[3115] - Козары говорили славянским языком.

[3116] - Влияние евреев было здесь так сильно, что даже династия козарских каганов со своим двором, т.е. высшим классом козарского общества, приняла иудейство.

[3117] - Память его празднуется св. Церковью 25 ноября

[3118] - Траян царствовал с 98 по 117 г.

[3119] - Поприще состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается по пяти стоп.

[3120] - Никифор I царствовал с 802 по 811 г.

[3121] - По паннонскому списку жития открытие свв. мощей произошло так: все отправились в корабле на то место, где предполагали, что находятся св. мощи. Когда море совершенно стихло, начали искать и петь в это время церковные песни. Сначала распространилось большое благоухание, как бы от многих кадил, и после этого явились святые мощи.

[3122] - Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Нисский.

[3123] - Обрезание дано было знамением начиная со времени Авраама и кончая исполнением его Христом («между Мной и тобой»), почему со Христом и должно было окончиться. Совершенно отменено обрезание, как ненужное для христиан иго, на Апостольском соборе (Деян. 15:1–41).

[3124] - На Апостольском соборе заповедано христианам воздерживаться от идоложертвенного, крови, удавленнины (Деян.15:29).

[3125] - Языческое племя, жившее около Азовского моря.

[3126] - Крещение всей Болгарии последовало в 869 г.

[3127] - В этом совете принимали участие и племянник Ростислава Святополк, князь моравский (г. Нитры), и Коцел,

князь блатненский (в Паннонии).

[3128] - На Мораве прежде были проповедники из Царьграда и с Запада и крестили, но мало считалось христиан. Затем приехали немецкие священники и стали всех крестить подряд. Эти священники совершали богослужение по латыни, а с народом говорили по-немецки. Поэтому славяне, не понимавшие этих языков, не знали, во что их крестят и не разумели христианского учения.

[3129] - Это посольство относится к 862 г.

[3130] - Константин в бытность свою на Олимпе уже имел учеников, с которыми и занимался изучением славянского языка. Из этих учеников известны: Горазд, Климент, Савва, Наум и Ангелар.

[3131] - С большими головами.

[3132] - Правил с 858 по 867 г.

[3133] - Можно предполагать, что папа вызывал в Рим святых проповедников и по наговорам немецких и латинских священников.

[3134] - Нынешняя Венгрия.

[3135] - Знаменитейший отец восточной Церкви, живший в IV в. – См. житие его под 25 января

[3136] - Учитель западной Церкви; жил в к. IV и нач. V вв.

[3137] - Адриан II правил с 867 по 872 г.

[3138] - Антифон, глас 1-й.

[3139] - В это время Ростислав, помогавший свв. братьям, умер в заточении, и его преемником стал племянник его Святополк, который в первое время своего правления был в большой дружбе с немецким императором.

[3140] - Швабия находится в Германии. – В темнице немцы всячески издавались над св. Мефодием: не давали есть по несколько дней; когда была зима, они его, босого, с непокрытою головою, выводили на тюремный двор, ставили на снегу и заставляли его так стоять на одном месте сутки, а то и больше. Они даже били святого Мефодия батогами. Но Господь

сохранял и укреплял святого. Большое утешение доставляли святому его ученики, которые часто навещали его в темнице.

3141 - Очевидно и Коцел принимал участие в освобождении святого Мефодия.

3142 - Так Боривой, князь чехов, послал гонцов к Святополку сказать, что чешский князь желает креститься и просит священников. Святополк промолвил чешским гонцам: «Спросите епископа Мефодия; пусть он выберет двух или трех священников и отошлет с вами к вашему князю». Св. Мефодий сам пошел в Чехию и окрестил Боривоя, жену его Людмилу и двух их сыновей. Оставался святой Мефодий в Чехии около года и освятил две первые чешские церкви: одну в городе Литомышле, а другую в Левом Градце. Затем оставил Мефодий в Чехии несколько славянских священников и возвратился в Моравию. Св. Мефодий посылал священников в Польшу, где они окрестили короля и многих поляков.

3143 - Это было время после Велеградской битвы, когда Святополк разбил немцев и объединил почти всех славян.

3144 - К этому времени обстоятельства совершенно изменились. Немецкие священники, из которых были многие заражены указанною ересью, стали снова являться в Моравию и склонять на свою сторону Святополка. Святополк, хотя и был крещен, но жил не по-христиански: пил много вина, имел многих жен и во гневе не мог себя сдерживать. Мефодий всячески старался убедить князя оставить его пороки, обличал его наедине и при всех, но ничего не помогало. Когда же немецкие священники стали бывать у Святополка, они начали говорить ему про Мефодия: «К чему ты, князь, этого старика слушаешь; ты видишь, он не похож на других людей, все всем раздает и живет как нищий. Ты, князь, владыка над своей землей». Многими подобными льстивыми словами немецкие священники совершенно поссорили Святополка со св. Мефодием. Тогда они стали жаловаться на Мефодия папе Иоанну, обвиняя его в ереси, а главным образом стараясь искоренить славянское богослужение. Папа Иоанн, желая в это время получить помощь против сарацин от немецкого короля, принял сторону немецких священников и прислал в Моравию такое послание, которым

запрещалась славянская служба и только было позволено говорить на славянском языке проповеди. Мефодий, прочитав сие послание, сказал: «Что же будет теперь? Будут люди приходить в церковь и стоять, ничего не понимая. И позабудут учение Христово и воскреснут в Моравии языческие обычаи. Нет, я не стану служить по латыни, это будет людям во вред». Немецкие священники донесли об этом папе, и папа потребовал Мефодия в Рим. Святой Мефодий прибыл в Рим и папа учредил над ним суд. В это время папа получил помощь в войне с сарацинами от греческого царя Василия Македонянина, а потому и принял сторону Мефодия. На этом суде св. Мефодий был оправдан, восстановлен архиепископом в славянских землях и получил позволение совершать богослужение на славянском языке. Но, не желая оскорблять Святополка, папа написал ему такое послание: «Если тебе, князь, славянская обедня не по сердцу, ты можешь слушать у себя во дворце латинскую обедню, от немецких священников». Вместе с Мефодием, как его помощник, отправился в Моравию священник Викинг, ставленник немецкого короля и лютый враг славян. Этот Викинг и стал главным врагом святого Мефодия. Немецкие священники начали говорить Святополку, что Мефодий привез не настоящую грамоту, а есть другая, по которой нужно изгнать Мефодия и поставить архиепископом Викинга. Тогда святой Мефодий написал папе Иоанну такое письмо: «Кого ты, отче, поставил архиепископом: меня или Викинга?» На это письмо папа и прислал указанное послание.

[3145] - В это время был императором Василий Македонянин.

[3146] - Константин Погонат правил с 668 г. по 686 г.

[3147] - Кизик – город малоазийской области Фригии.

[3148] - Монофелитство или единовольническая ересь возникла в начале 7-го века под влиянием стремления византийских правителей примирить с христианством широко распространившуюся монофизитскую ересь, учившую об одной Божественной природе в Господе Иисусе Христе, так как раздоры между православными и монофизитами были не только церковным, но и государственным бедствием. Монофизитские епископы, главным образом Кир, епископ

Фазиса в Колхиде, подал императору Ираклию (611 г. – 641 г.) мысль, что соединение между ними и православными может состояться, если православная церковь признает во Христе Иисусе единую волю, единое действие. В 633 г. стараниями императора и Кира, назначенного патриархом Александрийским, удалось устроить единение между египетскими монофелитами и православными; к этому единению примкнули почти все восточные и греческие епископы с Константинопольским патриархом Сергием во главе. Против подобного незаконного соглашения открыто выступил любимый ученик Александрийского патриарха Иоанна Милостивого, монах Софроний, доказывая, что учение о единоволии есть тоже монофизитство или признание во Христе Иисусе единой только (Божественной) природы, ибо если едина природа, то, естественно, едина и воля. Сделавшись в 634 г. патриархом Иерусалимским, он еще с большею ревностью защищал Православие: он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство. Желая положить конец распрям, император Ираклий в 638 г. издал, составленное патриархом Сергием, «изложение веры» (эктесис), где содержалось православное учение о двух естествах во Христе Иисусе и запрещалось говорить о Его волях, хотя в то же время добавлялось, что православная вера требует признания одной воли. После издания «изложения веры» горячим защитником православия выступил Константинопольский монах Максим Исповедник (память его 21 января который с успехом действовал против монофелитов в северной Африке и Риме. Преемник Ираклия Констанс 2, желая уничтожить еще более возбудивший раздор эктесис в 648 г. издал «типос» – образец веры, где запрещалось говорить как об одной так а о двух волях, заставляя верить согласно бывшим пяти Вселенским соборам. Но «типос» не положил конца спорам. Наконец император Константин Погонат созвал в Константинополе шестой (Трулльский) Вселенский собор, на котором монофелитство было осуждено как ересь и определено, что во Христе Иисусе должно исповедовать два действие, две воли, причем человеческая подчиняется во всем воле Божеской, не

уничтожаясь через это. – Остатки монофелитов сохранились до настоящего времени в виде маронитов. Сначала они нашли убежище (с 680 г.) на ливанских горах; во время крестовых походов (1182 г.) учение монофелитов проникло на Запад, в Европу, но благодаря деятельности пап не нашло многих последователей, хотя существовало до 1736 г., когда еврейские монофелиты присоединились к католической Церкви. На Востоке в Сирии оно существует до этих пор.

3149 - Св. Кир занимал патриарший престол в Константинополе с 705 г. по 711 г.; ум. в 714 г. в изгнании.

3150 - Филипп Бардин, византийский император (711–715 гг.).

3151 - Константин Копроним правил с 741 по 776 гг.

3152 - Лев Исавр правил с 716 по 741 гг.

3153 - Копроним от греческого «копрос» – навоз, кал.

3154 - Диппином в Царьграде называлось народное место, где обыкновенно устраивались различные зрелища.

3155 - Св. Герман умер в 740 г., 96-ти лет, погребен в монастыре Хоре, на северной стороне Царьграда. Св. Герман известен как церковный писатель «писание его славятся по всей вселенной», свидетельствует о нем 7 вс. соб., внесший его в диптихи святых. Сочинение св. Германа разнообразны по своему составу. После него остались: объяснение наиболее трудных мест св. Писания, сочинение о праведном воздаянии за гробом; на 7 вс. соб. читались его три послания о почитании икон, осталось от него и «довольно много, – как говорит древний жизнеописатель св. Германа, – назидательных слов для благочестивых», – слова на Введение во храм Богоматери, на Ее Успение, на Благовещение, на Обновление храма и положение пояса Пресвятой Богородицы. Важно по богатству исторических сведений сочинение о ересях со времени Апостолов и о церковных соборах по царствовании Льва Иконоборца. Много оставил св. Герман произведений, относящихся к Богослужению; из них особенно важно изъяснение на литургию; другие сочинения этого рода представляют собою гимны, составленные патриархом на похвалу святым и прославление чудесных дел благодати.

[3156] - Анастасий занимал патриарший престол с 730 по 753 гг.

[3157] - Финикия расположена была вдоль берегов Средиземного моря между Палестиной и древним Сирийским государством. Начало христианства в Финикии относят ко времени Апостолов.

[3158] - Остров Кипр находится в Средиземном море близ берегов древней Финикии. Христианство было насаждено на нем святым Апостолом Павлом в первое его благовестническое путешествие.

[3159] - Город Саламин, где был епископом святой Епифаний, иначе назывался Констанцией Кипрской. Он расположен у самого моря на восточном берегу острова.

[3160] - Святой Савин скончался около половины V в.

[3161] - Город Ринокир находился в горной части Фиваидской пустыни в верхнем (южном) Египте.

[3162] - Святой Полувий скончался в V веке.

[3163] - Финикия – страна по берегу Средиземного моря к северо-западу от Палестины; жители ее славились как мореплаватели и торговцы.

[3164] - Т. е. Средиземное.

[3165] - Поприще равнялось приблизительно 690 саженям.

[3166] - Пенязь – шестая часть драхмы.

[3167] - Сандалии – вид обуви. Они состояли из кожаной или тростниковой подошвы, прикреплённой к ноге ремнем.

[3168] - Сарацины – жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а потом христианские писатели перенесли это название и на всех мусульман вообще.

[3169] - Персия занимает западную часть Иранской возвышенности.

[3170] - Под именем волхвов в древности разумелись люди мудрые, обладавшие обширными знаниями, особенно знаниями о тайных силах природы, светилах небесных. Они наблюдали явления природы, толковали сны, предсказывали будущее;

большею частью они были вместе с тем и жрецами и пользовались большим уважением при дворах царских и в народе.

[3171] - Епарх – начальник области.

[3172] - Эдееса, нынешняя Урфа, город на севере Месопотамии на реке Евфрате, с 137 года до Р. Х. главный город вновь образованного Озроенского или Эдесского государства; в 217 г. по Р. Х. превращена римлянами в восточную колонию. В Эдессе рано распространилось христианство; в IV в. св. Ефремом Сириным здесь была основана богословская школа, в V веке склонившаяся к несторианству, в пользу которого особенно много действовал учитель Эдесской школы пресвитер Ива. В 641 г. Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 г. ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 г. она покорена была турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 году окончательно не подпала под власть Турции.

[3173] - Вериги – узы, цепи.

[3174] - Иерусалим, с еврейского – жилище мира, древнейший и самый знаменитый город Палестины. Лежит у истоков потока Кедронского, недалеко от Иордана и Мёртвого моря, на склонах трёх отрогов Иудейских гор Акра, Сион и Мориа. Существование Иерусалима возводят ко временам Авраама, полагая, что он есть тот город Салют, где царем и первосвященником был Мелхиседек (Быт. 14:18). Город этот, известный как средоточие исторических событий избранного народа еврейского в Ветхом и Новом Завете, неизмеримо дорог каждому христианину как место страданий и воскресения Господа Иисуса и колыбель христианской церкви, откуда слово благовестия разнеслось по всей вселенной.

[3175] - Иоппия (теперешняя Яффа) – один из древнейших Азиатских городов на северо-западном берегу Средиземного моря. Она была иудейской гаванью еще в царствование Соломона.

[3176] - Александрия – важный портовый город Египта, основанный Александром Великим в 332 г. до Р. Х. на мысе, выдающемся в южной берег Средиземного моря несколько южнее нынешнего города того же наименования; был некогда центром науки и первым торговым городом в мире; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

[3177] - Область знаменитого в древности города Фивы; этим же именем назывался вообще весь Верхний (южной) Египет по имени главного города. Находившаяся здесь пустыня была любимым местопребыванием восточных отшельников IV и V века.

[3178] - Св. Антоний Великий, первый учредитель монашеского жития, родом египтянин, подвизался на восточном берегу реки Нила, около Фиваиды Там, нося власяницу, питаясь только травами и кореньями, он в постоянных трудах и молитве прожил 20 лет в неизвестности, поборая благодатью Божиею духа соблазнителя, тревожившего его искушениями и страхом. Наконец, святость жизни и чудеса привлекли к Антонию в пустыню многих подвижников; они поселились близ него и приняли за образец правила, данные Антонием, что и было началом монашеского жития. Преставился св. Антоний 105 лет, в 366 году. Память его 17 января.

[3179] - Разумеются отшельники, жившие в Нитрийской пустыни, прилегавшей к горе Нитрийской, находящейся в северо-западной части Египта.

[3180] - Остров Кипр лежит в северо-восточном конце Средиземного моря.

[3181] - С именем Пафа или Пафоса в древности были два города на острове Кипре: Старым, на его западном берегу в 10 стадиях от моря и составлявший Финикийскую колонию Новой (теперешний Баффо) в 15 верстах к сз. от старого. От обоих городов сохранились развалины. В окрестностях же какого из них жил св. Епифаний неизвестно.

[3182] - Ликия была, по всей вероятности, главным городом одноименной гористой области на южном берегу Малой Азии.

[3183] - Кесария Филиппова или Панея – город на самом северо-востоке Палестины у источников Иордана. Она названа Филипповой по имени Иродова сына Филиппа, получившего ее себе в удел и в отличие от Кесарии Палестинской, лежащей на берегу Средиземного моря

[3184] - Аскалон и Газа – одни из главных Филистимских городов на берегу Средиземного моря.

[3185] - Саламин – самый большой и укрепленный из городов Кипра, лежал на его восточном берегу Он имел прекрасную гавань, вмещающую целый флот. Саламин начал падать при Траяне (98–117 гг.) во время восстания евреев, уничтоживших его значительную часть. Бывшее затем землетрясение при Константине Великом (306–337гг.), совершенно его разрушило, уничтоживши почти всё население. Его восстановил Констанций (337–361 гг.), дав ему свое имя «Констанциея». Развалины его находятся близ Фамагуста.

[3186] - Кифера или Китера, а также Цитера – главный город на южном берегу одноименного и самого южного Ионийского острова в Средиземном море.

[3187] - Рим – главный город Италии, раположен по обоим берегам реки Тибра, при впадении ее в море.

[3188] - Диаконисса – церковная служительница из вдов или пожилых девиц в древне-христианской Церкви. Служение диаконисс выражалось прежде всего в некоторых церковных обязанностях по отношению к женщинам. Таковы, например: приготовление женщин к крещению, обучение должным ответам на вопросы крещающего, помощь епископу при совершении над ними этого таинства, помазание частей тела за исключением чела, научение надлежащему поведению по крещении, наблюдение за благочинным стоянием их в церкви и присутствование на беседах с ними епископов, пресвитеров и диаконов. Затем, на попечении диаконисс находились бедные и больные, нуждающиеся в благотворительности и уходе.

[3189] - Проказа одна из самых заразных, ужасных и, по большей части, смертельных болезней. Обычно различают три вида ее: белая, черная и красная или елефантиас. Самая

заразная последняя. Название эти соответствуют трем различным цветам ее пятен на теле, предваряющим появление на нем гнилостных струпьев.

[3190] - Литра – мера веса, равная 72 золотникам. Серебряная литра стоила до 42 руб., а золотая до 506 рублей.

[3191] - Феодосий Великий царствовал с 389 г. до 395 г. на Востоке, а с 392 г. до 395 г. и на Западе Греко-Римской империи. Он нанес окончательной удар язычеству: сделавшись в 392 году единодержавным. Феодосий издал закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.

[3192] - Аркадий, восточно-римский император, сын Феодосия Великого, по смерти отца (395 г.) получил т. н. Восточную империю, тогда как брат его Гонорий получил Западную; родился в 377 г. ум. в 408. Во всё время его царствование государством управляли люди, умевшие подчинить своему влиянию слабохарактерного императора. Так, в начале его царствования государством управлял Руфин, увеличивший и без того огромную тяжесть налогов, умноживший число штрафов и тем наведший ужас на империю. По смерти Руфина его место занял евнух Евтропий, а когда императрица Евдоксия добилась его казни (399 г.), Аркадий всецело подчинился влиянию своей супруги, известной враждебным отяошением к св. Иоаану Златоустому, бывшему тогда Константинопольским патриархом. При императоре Аркадии миссионеры, снабженные его грамотами, проповедовали христианство по тем местам провинций, где еще находились язычники. Гонорий, брат Аркадия, был западно-римским императором. В начале его царствования во главе управления стоял умной политик и знаменитый полководец Стилихон, не раз отражавший нападения на империю вест-готов, вандалов, свевов, бургундов. После его падения и казни дела империи пошли к худшему. В 408 году предводитель вест-готов Аларих осадил Рим и заставил заплатить тяжелую дань, а в 410 году он овладел городом и отдал его на разграбление войскам. По смерти Алариха шурин его Атаульф заключил с Гонорием мир, после которого вест-готы удалились за Альпы. При Гонории в

411 г. был созван собор против раскольников донатистов, отделившихся от Церкви за то, что она принимала покаявшихся отступников во время гонений; потому что по их мнению Церковь перестаёт быть святою, если среди членов находятся грешники. По приказанию Гонория были разрушены все оставшиеся языческие храмы, а сами язычники были удалены от государственных должностей.

[3193] - Диевой эта кумирница называлась от посвящения ее языческому богу Дию или что тоже – Зевсу.

[3194] - Калабрия – древнее название острова Пороса в Сароническом заливе.

[3195] - Аэтий или Аэций – антиохийский диакон ум. 370 г., после Ария стоял во главе ариан, отрицавших единосущие Сына Божия с Богом Отцом и открыто утверждавших потому неравенство Второго Лица Пресвятой Троицы с Первым.

[3196] - Феофил занимал патриарший престол с 386 г. до 412 г

[3197] - Ориген – знаменитый христианский учитель Александрийской Церкви 254 г.), – чудо своего века по громадности своего ума и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, на двух местных Александрийских соборах и, по кончине, на местном Константинопольском соборе 543 г, был осужден как еретик. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах вероучения христианской Церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправо мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих сотворенных духов с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом, или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством

которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества по его ошибочному мнению немыслимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например о том, что диавол может спастись, и в толковании Св. Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле, уничтожая через то исторический смысл Писания.

[3198] - Его произведения Панарий (аптека, ящик с лекарствами) представляет из себя изложение и опровержение 20 дохристианских и 80 христианских ересей. Обличению ересей посвящено еще другое сочинение Епифания, озаглавленное – «Анкорат» – якорь, в котором раскрывается православное учение о Троице, воплощение, воскресении мертвых и будущей жизни, главным образом против еретиков ариан, полуариан, духоборцев и аполлинаристов. Святому Епифанию принадлежат еще следующие произведения: а) «О камнях», объясняющие 12 камней на наперснике Иудейского первосвященника; б) «0 22 пророках Ветхого Завета и трех Нового Завета и о 12 апостолах и 70 учениках Христовых», здесь находится немало ценных устных церковно-исторических преданий; в) «Книга о весах и мерах (библейских), содержащая кроме сведений о библейском измерении, некоторые указание о греческих переводах Библии; г) примечание к книге «Физиолог» (наблюдение над свойствами библейских животных) и д.) может быть 12 проповедей, подлинность которых оспаривается. Творения св. Иоанна Златоуста еще в IV и V веках приобрели большую известность во всем христианском мире: они хранились, как драгоценность, в царских чертогах и писались золотыми буквами. До нашего времени многие из его творений не дошли, тем не менее от него сохранилось столько творений,

сколько не осталось ни от одного отца и учителя Церкви. По греческому часослову всех творений Иоанна Златоуста, дошедших до нашего времени, насчитывается до 1447 и писем до 244. Больше всего сохранилось от Иоанна Златоуста проповедей и церковных бесед. Проповеди св. Иоанна поражают своего стройностью, глубиною мысли и разнообразием содержания. «Не говорю о других, – писал св. Исидор о Златоустом, – сам Ливаний, – столь известный по красноречию, изумлялся языку знаменитого Иоанна, изяществу его мыслей и силе доказательств». Лучшими из проповедей св. Иоанна Златоустого справедливо считаются беседы антиохийскому народу о статуях, слово о Евтропии, слово «за нищих», слово по удалении из столицы и по возвращении в столицу, похвальные слова Апостолу Павлу. В своих проповедях Златоустый учитель предлагал наставления почти о всех частных предметах деятельности христианской. Сверх того, во все продолжение своего общественного служения он объяснял в беседах Священное Писание, преимущественно Нового Завета. Каждая из объяснительной беседы Златоуста состоит из двух частей: в одной он занимается объяснением текстов слова Божия, в другой предлагает нравственные наставление. Собственно догматических сочинений у святого Иоанна Златоуста немного и все они дышат заботливостью его о нравственном исправлении верующих. Среди последнего рода сочинений должно отметить книгу к Стагирию, где решается вопрос, почему страдание постигает и праведников, несмотря на существование Промысла Божия? Заслуживают также внимание 6 слов о непостижимом, сказанные в обличение еретиков аномеев, которые стремились на основании собственных умствований уяснить отношение Бога-Отца к Богу-Сыну и учили, что Сын Божий есть тварное существо и сотворен Отцом из ничего. Кроме того замечательна еще книга Иоанна Златоуста о Св. Духе по учению об исхождении Св. Духа от Отца. В сочинении против Иудеев и язычников доказывается Божественность учения христианского исполнением пророчеств и действиями христианского благовестия на сердца людей, а в 8 словах против Иудеев показывается, что обряды иудейские

отменены, и потому совершать их теперь значит поступать вопреки воли Божией. Св. Иоанн Златоуст славен еще тем, что учредил особой чин литургии, которая и теперь носит его имя. Св. Прокл, ученик Златоустого и впоследствии один из его преемников по Константинопольской кафедре, так пишет об этом установлении святого: «св. Василий (Великий), поступая с людьми как с больными, представил литургию в сокращенном виде. Спустя немного времени, отец наш, златой по языку Иоанн, с одной стороны как добрый пастырь, ревностно заботясь о спасении овец, с другой, взирая на слабость человеческой природы, решился исторгнуть с корнем всякий предлог сатанинский. Потому он, опустив многое, учредил совершение литургии сокращеннейшее» Сокращенная Иоанном литургия первоначально не имела всех песнопений, какие она имеет теперь, но они не изменили существенного порядка литургии. Вообще, Епифаний был очень ученым мужем, знавшем, по свидетельству Иеронима, еврейский, сирийский, греческий и латинский языки и «превосходнейшим по своему знанию пастырем». Седьмой Вселенский собор называет его не только отцем Церкви, но и ее учителем.

[3199] - Святой умер в апреле 403 года, а погребен 12 мая.

[3200] - Антонин Пий управлял Римскою империею с 138 по 161 г.

[3201] - Дий или Зевс – верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[3202] - Лампадофорией или лампадодромией у древних греков назывался собственно бег с факелами. В этих бегах принимали участие главным образом юноши. Бега эти устраивались на призы, которые выигрывали юноши, пробежавшие известное расстояние с зажженным факелом или светильником Лампадофории соединялись с различными религиозными празднествами и торжествами, обычно в честь богов света и огня (Прометея, Пана), а также и верховного бога Зевса.

[3203] - Анфипат – градоначальник.

[3204] - Вил или Ваал – верховное божество вавилонян, бог солнца и света вообще. В честь его в Вавилоне был построен большой храм, имевший вид высокой четырехугольной башни. Здесь, в нижнем этаже, находилась постель и золотой стол, на который ежедневно жрецы полагали пищу, назначавшуюся для Вила. Вавилоняне считали Вила живым богом, который ест и пьет. Но обман этот был раскрыт пророком Даниилом (Дан. 14:1–22).

[3205] - Змий, пользовавшийся большим почитанием со стороны вавилонян и имевший золотое литое изображение в той же башне, что и Вил, был поражен и рассеян в прах пророком Даниилом (см. Дан.14:23–27).

[3206] - Здесь имеется в виду следующий случай из жизни св. апостола Петра, рассказанный в житии его (под 29 июня) в Риме (незадолго до своей кончины), римские власти разыскивали его, чтобы предать смерти. По усиленной просьбе римских христиан, Петр решил скрыться от преследования врагов и с этою целью тайно ночью вышел из Рима. Когда Петр был уже близ городских ворот, ему явился Господь. Поклонившись Ему, Петр сказал: «Господи! Куда Ты идешь?» Господь ответил Петру: «Я иду в Рим, чтобы предать Себя на распятие вторично». Из этих слов Господа Петр понял, что Господь призывал его к страданию, и возвратился в Рим. Здесь он и пострадал в скором времени после этого.

[3207] - Симон-волхв – современный апостолу Петру иудей; происходил из Самарии, затем обучался философии и магии в Александрии; прославился как волшебник, обладавший магическою силою. Симон-волхв неоднократно ставил препятствия проповеднической деятельности ап. Петра, но всегда был им побеждаем. Историю борьбы ап. Петра с Симоном волхвом можно читать в Деян.8:9–25 и в повествовании о жизни св. апостола Петра (под 29 июня)

[3208] - С именем Ираклии известно в древности около 20 городов; в данном случае разумеется Ираклия, находившаяся во Фракии и лежавшая близ Пропонтиды (Мраморного моря).

[3209] - Однажды Даниил в царствование Кира, царя персидского, убил без меча и без жезла змия, которого вавилоняне почитали за бога. Тогда вавилоняне сильно восстали против Даниила и выпросили у царя, чтобы он позволил им бросить Даниила в ров. В этом рве находилось 7 львов, которым не давали пищи, чтобы они съели Даниила. В Иудее в это время был пророк Аввакум. Он сварил пищу и понес в поле отдать жителям. Но ему явился Ангел и сказал: «Отнеси обед, который имеешь, в Вавилон Даниилу, в львиный ров». «Господи, – отвечал Аввакум, – Вавилона я не видел и не знаю, где ров находится». Тогда Ангел поднял Аввакума за волосы его головы и поставил в верху рва в Вавилоне. Аввакум воскликнул: «Даниил, Даниил! Возьми обед, который послал тебе Бог». Даниил ответил: «Вспомнил о мне, Боже, и не оставил любящих Тебя». Затем Даниил встал и съел обед, принесенный Аввакумом (Дан.14:29–42)

[3210] - Кончина святой мученицы последовала ок. 177 г.

[3211] - Очевидцем истечения мира от гроба святой мученицы Гликерии был между прочим император Маврикий (царствовал с 582 по 602 г.). При нем было следующее чудо, совершившееся на гробнице святой мученицы: епископ Ираклийский пожелал заменить медный сосуд, в который истекало св. миро, серебряным, с каковою целью и купил его в Константинополе. Но когда сосуд этот был поставлен при гробе святой, миро остановилось. После усиленных молитв и заменения сосуда старым, оно опять потекло. Оказалось, что серебряный сосуд ранее принадлежал человеку, занимавшемуся волхвованием и употребляем был им на дела нечестия.

[3212] - Император Максимиан правил с 285 по 305 г.

[3213] - Трибун – начальник трибы или полка

[3214] - Святой Александр в данном случае имеет в виду грубые и грязные рассказы греческой мифологии о похождении богов. По взгляду древних греков их боги обладали такими же недостатками, как и люди.

[3215] - По нашему счету – 12 час дня.

[3216] - В данном случае святой Александр также имеет в виду рассказы греческой мифологии о похождении богов.

[3217] - Т.е. до города Византии.

[3218] - Асклипий считался у древних греков богом врачевания.

[3219] - На наш счет – в 2 часа ночи.

[3220] - Кончина святого мученика Александра последовала в к. III или в нач. IV вв.

[3221] - Город Апамея находился в юго-западной Сирии при реке Оронте. Этот город был в древности главными городом Сирийской области Апамены и получил свое название от Апамы, супруги Селевка I, правителя Сирии.

[3222] - Кириак был патриархом в Константинополе с 592 до 606 г.

[3223] - Синад или Синады – город на севере Фригии, ныне развалины близ Ескипара – Гассаф.

[3224] - Праща – ручное орудие для метания камней. «Праща слова» – сила слова.

[3225] - Под именем церковных волков разумеются еретики и вольнодумцы, а также люди, ведущие зазорный образ жизни и упорные в своей развращенности.

[3226] - Литра – мера веса, равняющаяся 72 золотникам (1 золотник ≈ 4,265 грамма).

[3227] - Силон или по греческому прологу Солон по местоположению своему неизвестен.

[3228] - Преподобный Павсикакий скончался в 606 г.

[3229] - Византийский император Феофил, сын и преемник императора Михаила II, под влиянием своего воспитателя Иоанна Грамматика с детства проникшийся сильным отвращением к иконам, жестоко преследовал иконопочитателей, хотя и не предавал их смерти. Царствовал с 829 по 842 г.

[3230] - Время кончины святого Георгия неизвестно. Во всяком случае он скончался еще при Феофиле, следовательно, в конце первой половины IX в.

[3231] - Декий царствовал с 249 г. по 251 г.

[3232] - Остров Хиос находится на Средиземном море (в северной его части).

[3233] - Кончина святого мученика Исидора последовала в 250-м году.

[3234] - Кизик находился на полуострове Пропонтиды (Мраморного моря) Арктониссе.

[3235] - Наименование «Синдонита» было усвоено преподобному Серапиону потому, что он носил только один синдон – грубую льняную одежду.

[3236] - Лакедемония или Лакония – юго-восточная область Пелепонесса, граничила на севере с Арголидой и Аркадией, на востоке с Миртойским морем, на юге с Лаконским или Гифеатским заливом, на западе с Мессенией.

[3237] - Манихейство – еретическое лжеучение, представляющее собою смесь христианского учения с началами религии Зороастра. Основателем манихейства был Манес, маг персидский. Манес учил, что от века существуют два независимых царства – добра и зла, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом. Человек также, по учению Манеса, состоит из смешения двух элементов – света и тьмы и имеет как бы две души – добрую и злую, которые постоянно борятся между собою. В жизни манихеи были весьма воздержны: они проповедовали безбрачие и постоянный пост. Манихейство было довольно сильно распространено в III и IV вв.

[3238] - Кончина святого Серапиона последовала в V в.

[3239] - По месяцеслову императора Василия святой мученик Максим скончался в гонение Декия 14 мая 250 года.

[3240] - Метафраст и потом св. Димитрий Ростовский – Оксириих, славившийся благочестием своих жителей, заключавший в своих пределах, по свидетельству Руфина, до десяти тысяч девственников и до двадцати тысяч девственниц. Но рассказ новооткрытых документов прямо указывает имя этого города – Эсне.

[3241] - Ок. 295 г.

[3242] - Город на правом берегу Нила, против Ермополя, построенный императором Адрианом в честь своего любимца Антиноя.

[3243] - Маркион, еретик II в., учил, что в мире существуют два самостоятельных начала: доброе – благой Бог, и злое – материя, находящаяся под владычеством диавола.

[3244] - О существовании особенных иноческих одежд в первое время иночества мы знаем уже из изречений святого Антония Великого. См. книгу архимандрита Палладия «Новооткрытые изречения преподобного Антония Великого. По коптскому сборнику сказаний о преподобном» (Казань, 1898 г), стр. 30.

[3245] - Теперь селения Тавенниси совсем не существует.

[3246] - Араб. «житие» называет его именем – Амриарагабул. Другая переделка этого имени – Иеракаполлон.

[3247] - Разумеется гидравлическая машина, к которой привязывают животное, чтобы заставить его вращать колесо, поднимающее воду.

[3248] - Киновиями (от греч. κοινος; – общий и βιος – жизнь) – называются общежительные монастыри, в которых братия содержатся на счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

[3249] - Пост, греческ. νηστεια, – означает совершенное невкушение пищи.

[3250] - Монастырь Певоу находился немного к северу от Тавенниси, на восточном берегу Нила, в области Диоспольской.

[3251] - Копты – египтяне (христиане).

[3252] - Александрия – знаменитый по своей образованности, политическому значению и торговле город, основанный греческим императором Александром Великим в Египте ок. 333 г. до Р. Х.

[3253] - Фиваида – область в верхнем Египте.

[3254] - Род растительной пищи.

[3255] - Месяц Пашонс соответствует нашему маю, начинаясь 26 числом апреля. Поэтому 14 Пашонс – 9 мая.

[3256] - Такое имя носил в мире Евфросин.

[3257] - Описание местности, из которой происходит преподобный, изложено так витиевато, что трудно доискаться смысла в словах. Местность эта названа островом вероятно потому, что на севере ее находится Финский залив и Ладожское озеро, соединяемые рекою Невою, на востоке протекает река Волхов, соединяющая Ладожское озеро и озеро Ильмень, а на западе находится Чудское озеро, соединяемое с Финским заливом рекою Наровою, и далее на юге – продолжение Чудского озера, озеро Псковское. Последнее сближается на юге с озером Ильменем реками Великою и Шелонью. На севере этой местности жили инородческие племена водь и ижора, а на западе – чудь, ливь и литовцы, а сама она была населена славянскими, которые и наименованы, надо думать «уделом Иафета».

[3258] - Виделебье – село в Псковском уезде. Оно было местом рождения и преподобного Никандра Псковского, память которого празднуется 24 сентября

[3259] - Поприще – мера расстояния в 690 саженей.

[3260] - Тенетами называется сеть для ловли птиц и зверей.

[3261] - Разумеется Спасо-Великопустынский Елеазаров монастырь в Псковской губернии на реке Толве в 30 верстах от Пскова.

[3262] - Преподобный Евфросин скончался 15 мая 1481 г. 95 лет от роду. Мощи его сперва почивали в основанном им Спасо-Великопустынском Елеазаровом монастыре. Впоследствии этот монастырь был перенесен на гору, в нем была построена новая соборная каменная церковь во имя Трех Святителей и в нее были перенесены мощи преподобного, почивающие ныне под спудом близ стены за первым клиросом.

[3263] - Фессалия – область в древней Греции. Верхняя Фессалия названа Ларисийской от города Ларисы, расположенного на реке Пенее.

[3264] - Город Никея находился в Малой Азии в древней Римской провинции Вифинии на восточном берегу озера Аскании.

[3265] - В месяцеслов имп. Василия говорится, что преподобный Ахиллий, посрамляя на I Всел. соборе еретиков, возбудил всеобщее удивление.

[3266] - Преподобный Ахиллий скончался ок. 330 г. Мощи его с 978 г. находятся в Болгарии в селе Агил, названном его именем.

[3267] - Родился он около 316 года.

[3268] - Вероятнее всего в 368 году.

[3269] - Святой Григорий Великий (Двоеслов) – знаменитый учитель западной Церкви, живший в VI в. Из его сочинений особенно замечательны: «Диалог о жизни италийских отцов» (за это сочинение, написанное в диалогической, т.е. разговорной форме, святый Григорий и получил прозвание Двоеслова); «Правило пастырское», содержащее в себе рассуждения о том, каков должен быть пастырь и как он должен исполнять свои обязанности; Чин литургии преждеосвященных даров; беседы на Евангелие и книгу пророка Иезекииля и др. – Память его празднуется св. Церковью 12 марта

[3270] - Кончина святой отроковицы Музы последовала в V в.

[3271] - Именно, он был епископом Сирмии Паннонской. Паннония представляла из себя одну из значительных южнодунайских областей Римской империи, границы ее составляли: на западе – Альпы, на юге – река Сава, на востоке и севере – река Дунай – В истории христианской Церкви Паннония замечательна как место проповеднической деятельности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских

[3272] - Кончина святых Андроника и Иунии последовала во второй половине 1-го в. – Евгениею называлась местность в Константинополе, замечательная тем, что здесь было обретено много честных мощей в царствование императоров Аркадия (с 396 г. по 408 г.) и Гонория (с 396 по 423 г.). В числе прочих мощей были обретены и мощи святых Андроника и Иунии. В XII в. здесь был выстроен в честь Ап. Андроника храм императором Андроником 1-ым (правил о 1183 г. по 1185 г.). – Память св. Андроника совершается еще 30 июля вместе с памятью

Апостолов из семидесяти: Силою, Силуаном, Крискентом и Епенетом.

[3273] - Максимиан, император римский, царствовал с 284 г. по 305 г.

[3274] - Халкидон – или, правильнее, Калхедон, – первоначально мегарская колония на берегу Мраморного моря. При христианских императорах Халкидон был столицей малоазийской области Вифинии. В истории христианской Церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 г. императором Маркианом (с 460 г. по 467 г) для осуждения монофизитской ереси (монофизитская ересь была основана Евтихием, архимандритом Константинопольским, учившим, что человеческое естество в Иисусе Христе было совершенно поглощено Божественным естеством и потому в нем следует признавать лишь одну природу Божественную).

[3275] - Кончина святых мучеников Солохона, Памфамира и Памфалона последовала в к. III в. или в нач. IV в.

[3276] - Галатия – малоазийская область.

[3277] - Император Диоклетиан управлял Римской империей с 284 г. по 305 г.

[3278] - Артемида или Диана – богиня охоты и покровительница лесов.

[3279] - Аполлон – бог солнца, покровитель искусств.

[3280] - Имеются в виду сказание греческой мифологии о похождении богов. Необходимо заметить, что древнегреческая религия наделяла своих богов не только различными благодетельными силами, искусством, знанием, но и недостатками, свойственными людям самой невысокой нравственности.

[3281] - Кончина святых дев мучениц последовала в нач. 4-го в.

[3282] - Афина или Минерва – богиня мудрости.

[3283] - Дий или Зевс – верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[3284] - Орфей – одно из видных действующих лиц древнегреческой мифологии. Орфей считался сыном фракийского царя Эагра и музы Каллиопы. Его лира, по сказанию мифологии, издавала такие чудные звуки, что дикие звери выходили из своих логовищ и следовали за ним. Орфей считался искусным стихотворцем, основателем древне-греческой поэзии.

[3285] - Сатурн – бог земли и посевов.

[3286] - Юнона считалась покровительницею семейной жизни.

[3287] - Марс – бог войны.

[3288] - Венера или Афродита – богиня любви и красоты.

[3289] - Вулкан – бог огня и металлов.

[3290] - Кончина св. мученика Феодота последовала в 303 г. или 304 г. – Память святого мученика совершается также 7 Июня, в день кончины его. Житие же его предложено под 18 числом месяца мая потому, что его мученический подвиг тесно связан с мученической кончиной воспоминаемых в этот день святых семи девственниц.

[3291] - Месопотамия – каменистая и песчаная страна, находившаяся между реками Тигром и Ефратом и простиравшаяся от Армении на севере до Персидского залива на юге.

[3292] - Декий царствовал с 249 г. по 251 г.

[3293] - Год кончины святых мучеников – Ираклия, Павлина и Венедима неизвестен. Вероятно, она последовала в IV в. или в V в.

[3294] - Сапор II Великий царствовал в Персии с 310 до 381 года. Известен счастливыми войнами с Римлянами; был жестоким гонителем христиан.

[3295] - Персы почитали верховным богом Мифру, или солнце. Они поклонялись также огню.

[3296] - Малоазийской области.

[3297] - Игемон Юлий отправлялся к теплым источникам с лечебными целями. Эти источники, действительно, обладали целебными свойствами, благодаря примеси к их водам

различных минеральных веществ. Много таких источников было известно в древности в Италии на острове Сицилии.

[3298] - Асклипий или Эскулап – греко-римский бог, считавшийся покровителем врачебного искусства.

[3299] - Сотириа с греч. – спасительница, – общее название богинь, врачевавших болезни, по мнению язычников. Обыкновенно это имя усвоялось богиням Афине или Афродите.

[3300] - Обыкновенно то место, на котором восседал и производил суд над христианами игемон, огораживалось, так как в большинстве случаев суд над христианами происходил на открытом воздухе.

[3301] - Рассуждая о тартаре, святой Патрикий применяется к пониманию окружавших его язычников и излагает им их же собственный взгляд на тартар. – Тартар по представлению древне-греческой мифологии – тёмная бездна, удаленная от поверхности земли настолько же, насколько небо удалено от земли. По представлению греков, тартар был окружен тройным слоем мрака и железною стеною; он служил местом заключения низверженных богов.

[3302] - Иапет – один из титанов – детей Урана (неба) и Геи (земли). По представлению греческой мифологии, Иапет (вместе с Кроном) восстал на верховного бога – Зевса, за что и был заключен последним в тартар. – Сатурн – древне-римский бог, считавшийся покровителем земли и посевов. Согласно представлению греческой мифологии Сатурн так же, как и Иапет, был низвергнут Зевсом с неба и заключен на время в тартар.

[3303] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, составляющий ныне часть Итальянского королевства.

[3304] - Остров Сицилия благодаря большему количеству трещин и впадин в известковых горах, покрывающих его, имел много горячих ключей.

[3305] - Время их кончины с точностью неизвестно, полагают что она последовала в половине IV в.

[3306] - Здесь разумеется Максимиан Геркул, соправитель Диоклетиана, с титулом августа управлявший Италиею и

Африкою с 284 до 305 года.

[3307] - Город Фивы находился в верхнем Египте и расположен был на обоих берегах реки Нила.

[3308] - Город Углич, ныне уездный город Ярославской губ., расположен на реке Волге.

[3309] - Город Великие Луки, до XV века называвшийся просто Луки, без прилагательного «Великие», принадлежит к числу древнейших русских городов: о нем упоминается в Новгородской летописи под 1166 годом. Ныне – это уездный город Псковской губернии, расположенный по обоим берегам реки Ловати и на острове Дятловке.

[3310] - Великий князь Иоанн III Васильевич княжил в Москве с 1462 до 1505 года. Он заподозрил брата своего Андрея в измене по поводу того, что последний не выслал войска в помощь ему против татар, и за это заключил его с семейством в темницу.

[3311] - Во времена святого князя Иоанна в северо-восточной Руси было два города с именем Переяславля. Один находился в нынешней Владимирской губернии и назывался Переяславлем Залесским, а другой – в нынешней Рязанской губернии и в 1778 году при образовании Рязанского наместничества переименован в Рязань и сделан губернским городом. Последний основан около 1095 года Муромским князем Константином Ярославом Святославичем, а Переяславль Залесский на нынешнем его месте основан в 1162 году Суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким. Можно думать, что местом заключения князя Андрея и его семейства был Переяславль Рязанский, так как в нем около 1513 года упоминается острог, который был окружен деревянною стеною.

[3312] - Бело-озеро – ныне Белозерск, уездный город Новгородской губернии. Князья-братья были переведены на Бело-озеро после смерти их отца, последовавшей 7 октября 1443 года. Мать их, княгиня Елена, скончалась еще раньше, в 1442 году.

[3313] - Вологда, ныне губернский город, расположен на реке Сухоне, притоке реки Северной Двины.

[3314] - Здесь разумеется Спасо-Прилуцкий монастырь, основанный в 1371 году в 5 верстах от Вологды преподобным Димитрием, который первый ввел в Вологодском крае общежитие. Память преподобного Димитрия празднуется 11 февраля.

[3315] - Преподобный князь скончался 45 лет от рождения.

[3316] - Под именем Готфской страны разумеется здесь подвластная тогда Готам область на южном берегу крымского полуострова, известная под названием Тавроскифии. Местом жительства святого Иоанна был Парфенитский порт при подошве горы Аюдага.

[3317] - Это был император Константин Копроним, известный в истории гонением на иконы; царствовал с 741 до 775 года.

[3318] - Город Ираклия Фракийская, иначе Перинф, находился на берегу Пропонтиды, или Мраморного моря. Готфский епископ в 754 году подписал определение иконоборческого собора и за это Константин Копроним поставил его митрополитом Ираклийским.

[3319] - Иберия – нынешняя Грузия. В то время она не была заражена иконоборческою ересью, чем и объясняется то обстоятельство, что святой Иоанн препровожден был для епископского посвящения в эту страну.

[3320] - Хазары заняли своим гарнизоном Дори, главный город епархии святого Иоанна, и он убедил властителя Готфии выгнать Хазар, но каган Хазарский вновь овладел городом, многих казнил, а Иоанна отдал под стражу, от которой при помощи готфских христиан он бежал за море, в Амастриду.

[3321] - Город Амастрида находился в древней римской малоазийской провинции Пафлагонии на берегу Евксинского или Черного моря.

[3322] - Святой Иоанн скончался 26 июня в конце VIII века, около 790 года.

[3323] - В прологе местом погребения святого Иоанна ошибочно назван Парфенон. Последний находился близ

Херсонеса крымского, а тот монастырь, где было погребено тело святого, расположен был у подошвы горы Аюдага. Здесь святой Иоанн жил и здесь же построил большой храм во имя святых Апостолов Петра и Павла, возобновленный в 1425 году митрополитом всей Готфии Дамианом и ныне не существующий.

[3324] - Император римский Нумериан царствовал с 283 г. по 284 г.

[3325] - Эгея или Эг – приморский город в Киликии – малоазийской области. С именем Аяскала он сохранился и до настоящего времени.

[3326] - Т.е. в храме, построенном в честь императора Адриана (царствовал с 117 г. по 138 г.). Следует заметить, что древние римляне имели обычай строить в честь своих императоров храмы, а также ставить их статуи в храмах и на площадях.

[3327] - Город Аназар находился в Киликии.

[3328] - Ливан – гора в Сирии; принадлежит к той горной системе, которая начинается Синаем, тянется к северу через Аравию, Палестину и Сирию параллельно восточному берегу Средиземного моря и примыкает к Тавру. Ливан образует среднюю, высшую часть этой горной системы.

[3329] - Эдесса – город в Македонии.

[3330] - Кончина святато Фалалея последовала в 284 году.

[3331] - С именем Ермополя в Египте известно два города: один (Ермополь Малый) находился в Нижнем Египте, другой (Ермополь Великий) находился в Среднем Египте. В данном случае разумеется последний.

[3332] - Город Антиноя находился в Среднем Египте, лежал напротив Ермополя Великого на противоположном ему берегу реки Нила.

[3333] - Учитель красноречия.

[3334] - Здесь разумеется великий князь Василий Васильевич Тёмный. Он княжил с 1425 до 1462 года.

[3335] - Под «сею обителью» разумеется Чудов монастырь, устроенный в 1365 году святым митрополитом Алексием в

Кремле, на месте, которое подарила ему исцеленная им татарская царица Тайдула. Назван Чудовым в память чудесного исцеления святителем последней от слепоты.

[3336] - Иоанн III Васильевич был великим князем московским с 1462 до 1505 года.

[3337] - Митрополит Геронтий занимал московскую кафедру с 1473 до 1489 года.

[3338] - Это произошло 12 декабря 1484 года. Архиепископ Геннадий принимал деятельное участие в борьбе с ересью жидовствующих. В июне 1504 года «ради немощи своея» он отказался от управления епархиею, поселился в Чудовом монастыре и 4 декабря 1505 года здесь же скончался.

[3339] - Василий IV Иоаннович, преемник Иоанна III, был великим князем московским с 1505 до 1533 года, следовательно год, когда князем была заказана рака для мощей святителя, указан в прологе ошибочно.

[3340] - Иоанн IV Васильевич Грозный был царем московским с 1533 до 1584 года.

[3341] - Феодор III Алексиевич царствовал с 1676 до 1682 года.

[3342] - Казань названа царственным городом, надо думать, потому, что была некогда столицею казанского татарского царства.

[3343] - Патриарх Адриан, последний из всероссийских патриархов, управлял Русскою церковью с 1690 до 1700 года.

[3344] - Указом императора Диоклетиана – 23 февраля 303 года – приказывалось искоренить христианство со всеми его учреждениями и храмами. Жестокое гонение тогда началось с разграбления и разрушения военною силою христианского храма в Никомидии, столице Восточной Римской империи, где в один раз было сожжено до 20 000 верующих; а затем ужасы гонений охватили Сирию, Палестину, Малую Азию и Египет с Италиею. О жестокости гонений Лактанций («О смерти гонителей», XV и XVI) сообщает: «если бы я имел сотню уст и железный язык, то и тогда я не мог бы исчислить всех мучений, какие переносили верующие:… железо притуплялось и

ломалось; убийцы утомлялись и работали посменно, поочереди.…»

[3345] - Император Диоклетиан для удобства управления громадной Римской империей разделил ее на две половины, из коих одною – Восточною правил сам, живя в Никомидии и имея у себя соправителем цезаря Галерия, а в другой – Западной поставил императором Максимиана, соправителем же его – цезаря Констанция Хлора, непосредственно управлявшего Галлиею и Британиею.

[3346] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. I, гл.17

[3347] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн I,16

[3348] - Евсевий. «Церковная история», кн. VIII, 13; «Жизнь Константина», кн. I,13

[3349] - Лактанций: О смерти гонителей, гл. 15.

[3350] - Константин был единственным сыном Елены; Констанция была дочь другой жены Хлора Феодоры, от которой Констанций имел и других детей. Современники, к сожалению, не говорят о влиянии св. Елены на Константина в детстве.

[3351] - Евсевий. «Жизнь Константина» кн. II,49

[3352] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. I,27

[3353] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. I,36; Лактанция: «О смерти гонителей», 44.

[3354] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. I,28–32.

[3355] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. I,37.

[3356] - Евсевий. «Церковная история», кн. IX, 9; «Жизнь Константина», Кн. I, 40.

[3357] - Евсевий. «Церковная история», кн. X, 5 и 6.

[3358] - Эта монограмма состояла из двух букв X и P, из коих первая покрывала вторую.

[3359] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. IV, 19.

[3360] - Евсевий. «Церковная история», кн. X, 1–3.

[3361] - Он женился на сестре Константина в 313 году.

[3362] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. XI, 9.

[3363] - Истор. Правосл. церкви изд 1892 г. Победоносцева, стр. 73–74.

[3364] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. III, 1.

[3365] - Гора Сион с крепостью Иевусом (Иерусалимом) высилась на границах колен Иудина и Вениаминова; отнятая Давидом у хананейского племени иевусеев, она стояла как бы вне пределов коленного разделения земли обетованной.

[3366] - «Вся религия наша имеет родину в этой стране (Палестине) и в этом городе (Иерусалиме)» – выражение блаж. Иеронима. Творения т. II, стр. 6.

[3367] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. III,42.

[3368] - Церков. истор. Руфина, кн. I, стр. 8.

[3369] - В праздник Воздвижения Честного Креста – день постный-богослужение Православной Церкви посвящается прославлению Креста Господня, воспоминаниям крестной смерти Спасителя; на всенощном бдении после великого славословия совершается торжественно вынос Креста священнослужителями из алтаря на средину храма и здесь бывает поклонение ему. Особенною торжественностью отличается обряд воздвижения Креста в кафедральных храмах, совершаемой епископами при многократном возглашении клира: «Господи, помилуй».

[3370] - Иуда, по крещении – Кириак был впоследотвии патриархом Иерусалимским и претерпел мученическую кончину при Юлиане Отступнике. Память его – 28 октября

[3371] - Такое наименование усвоялось христианами во время гонений тем, кто по страху выдавал язычникам предметы своего религиозного почтения: о Цецилиане говорили, будто он выдал гонителям священные книги, – оговор этот оказался ложным.

[3372] - Донат был пресвитером в Карфагене.

[3373] - Новациане учили, что падших во время гонений и вообще согрешающих тяжко- «смертно» нужно принимать в общение с Церковью не через покаяние, а через повторное крещение.

[3374] - Осия, родом из Испании, епископствовавший более 60-ти лет, в Диоклетианово гонение прославился как исповедник за Христа. Он был епископом Кордубы. Император Константин призвал его к своему двору и окружил его любовью и доверием.

В христианском обществе тогда широко было распространено мнение о сильном влиянии на Константина этого любимого им советника (Сократ. «Церк. Ист.», 1, 7).

[3375] - Евсевий. «Церк. Ист.», X, 6.

[3376] - Там же, X, 5.

[3377] - Арий богохульно учил, что Иисус Христос не есть Бог вечный и безначальный, что Он не единосущен Отцу и есть Его творение, – было время когда Его не было. Арий получил богословское образование в Антюхии в школе мученика Лукиана; став пресвитером в Александрии, он там обратил на себя общее внимание как умственными дарованиями, так и своею строго воздержною жизнью. Гордый умом и ученостью, Арий не внимал вразумлениям и увещаниям своего епископа Александра; не покорился он и собору, созванному епископом и осудившему его. Мало того, обольщая клир и народ своим красноречием, он постарался перебросить плевелы своего лжеучения и за пределы своей поместной церкви. Имея немалочисленных приверженцев, он отправил посольство с жалобой ко многим епископам восточных церквей. Там нашлись у него сторонники, во главе которых оказался Евсевий никомидийский, ранее знакомый с Арием по школе Лукиана, – «муж ученый», при том же родственник царской фамилии и потому человек влиятельный. Евсевий, епископ столицы (это было еще тогда, когда жив был император Ликиний, резиденцией коего была Никомидия) не признал авторитета суда Александрийского епископа. В письме Арию он отвечал: «Прекрасно мудрствуя, желай, чтобы все так мудрствовали, потому что всякому ясно, что сотворенного не было, пока оно не приведено в бытие; приведенное же в бытие имеет начало». Епископ Александрийский оказался поэтому в печальном положении; около 318 года Александр решился на крайнюю меру: – созвал собор из ста епископов; отлучил Ария и его приверженцев от Церкви; изгнал богохульника из Александрии и в окружном послании объявил о том по всем церквам (см. Богосл. Вест. 1906 г. Декабрь:А. А. Спасского, стр. 584). Мера эта еще более распалила арианские споры и разнесла их пламя

по всему Востоку. Дело Ария теперь утрачивало местный характер и получало общецерковное значение.

[3378] - Богосл. Вестн. 1906 г. Дек., стр. 694.

[3379] - Евсевий. «Жизнь Константина», II, 64–72.

[3380] - Евсевий. «Жизнь Константина», III17, V:6.

[3381] - Никея, ныне Исник – бедное селение, тогда была обширным и богатым городом, – главным в вифинской приморской области; с морем она сообщалась посредством озера и была одинаково хорошо доступна с моря и суши; там был обширной императорский дворец и находилось много зданий, где свободно могли поместиться собравшиеся на собор епископы и клирики; Никея отстояла всего на 20 миль от Никомидии, тогдашней резиденции императора, которому таким образом представлялось большое удобство для участия в Соборе. На избрание Никеи местом Собора, по намеку Евсевия, повлияло будто и самое ее имя – «победа» (в русском переводе). Евсевий. «Жизнь Константина» III, 6.

[3382] - Число отцов Собора не одинаково показывается историками; Евсевий («Жизнь Константина», III, 8) например насчитывает их до 250; св. Афанасий Александрийский в своих сочинениях, и сам император говорит до 300. Цифра 318 названа св. Афанасием в одном его послании к африкан. церкви; в своем греческом начертании – ΤΙΗ – она напоминает «крест Иисуса», потому и принята в общее употребление, так что и Никейский Собор, получил название – Собор 318 Отцов.

[3383] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. II, 65.

[3384] - Арианская ересь и после Собора не замерла окончательно. Ариане при своей лукавой изворотливости входили иногда в доверие царя и, злоупотребляя его великодушием и миролюбием, производили по временам непристойные нападки на православных; особенно св. Афанасий Великий много терпел от них.

[3385] - Евсевий. «Жизнь Константина», кн. IV:66, IV

[3386] - Константин-Ярослав Святославич был младший сын Святослава Ярославича, сперва князя черниговского, а затем великого князя киевского (1073–1077), внук Ярослава Великого

и правнук Владимира святого. Приговором князей на Любечском княжеском съезде в 1097 году Муром был утвержден за Константином-Ярославом. Он после святого Глеба был первым князем муромским и родоначальником последующего дома князей муромских и рязанских. Святой Константин княжил в Муроме с 1096г. до своей кончины, последовавшей в 1129 году. Указание в Прологе на 1192 год (1092?), как на год прибытия святого князя в Муром, следует считать ошибочным.

3387 - Муром – центр северной ростово-суздальской области, ныне незначительный уездный город Владимирской губернии, – в древнее время принадлежал к поселениям финских племен, каковы мурома, меря и мордва, несмотря на то, что город был населен инородцами язычниками, в нем был уже существующий до настоящего времени Спасский монастырь. В Лаврентьевской летописи о нем упоминается под 1096 годом. Есть основание думать, что он был основан трудами черниговских епископов, так как Муром принадлежал к уделу черниговских князей

3388 - Поприще – мера расстояния в 690 саженей. Думают, что, встретив сопротивление муромцев, святой Глеб поселился на реке Ишне, в 12 верстах от Мурома.

3389 - Кончина святого князя Глеба последовала в 1015 году. Память его празднуется 6 сентября.

3390 - Так, им построена церковь во имя святых Бориса и Глеба.

3391 - Возобновление Благовещенского храма Юрием Ярославичем относится к 1351 году.

3392 - Т.е. радостно торжествует.

3393 - Т.е. исповедующей православную веру во Христа и подвизающееся в христианском благочестии.

3394 - Этот город отстоял от Амасии на расстоянии 4-х дней пути

3395 - Очевидно здесь разумеется храм в честь египто-эллинистического божества Пта (Ptah) – бога мертвых

3396 - Серапион – храм в честь Сераписа – египто-эллинистического божества, соответствовавшего

древнегреческому Зевсу. Как Серапис, так и (упомянутый выше) бог Пта – были богами собственно египетской религии. Но в период увлечения восточными религиями (II в. до Р. Х.) греки оказывали большое уважение этим божествам и строили в честь их многочисленные храмы

3397 - Магистриан – помощник правителя области, имевший в своем распоряжении известное количество воинов, с которыми он обыкновенно посылался правителем в провинцию с различными поручениями

3398 - Святой мученик Евсигний, описывавший житие и подвиги святого мученика Василиска, в течение 60-ти лет был воином при трех римских императорах: Диоклетиане (284–305 гг.), Максимиане (305–311 гг.) и Константине Великом

3399 - Аполлон – по греческой мифологии – бог света, сын Зевса и Латоны

3400 - Аполлон – в переводе с греческого значит «губитель». У греков он изображался обыкновенно с луком, стрелами и колчаном, как враг и победитель сил, вредных свету, т.е. нравственному порядку вещей

3401 - Господь Саваоф – Господь воинств, Господь сил (1Цар.1:3, 11)

3402 - Кончина святого мученика последовала в нач. IV в

3403 - Синад – один из древних черноморских городов.

3404 - Никомидия – город в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Он был построен в 264 г. до Р. Х. и свое имя получил от вифинского царя Никомеда I. На месте древней Никомидии находится теперь город Иснид.

3405 - Седьмой Вселенский собор происходил в 787 г. в городе Никее.

3406 - Император Лев (V) Армянин царствовал с 813 г. по 820 г.

3407 - Первоначально святой Михаил был сослан во фракийский город Евдокиаду

3408 - Кончина святого мученика последовала ок. 818 г.

[3409] - Эдесса – город, находившийся в древности в северной части Месопотамии

[3410] - Евнух – оскопленный слуга, предназначавшийся обыкновенно к службе в гаремах востока.

[3411] - Кончина святого мученика последовала в IX в.

[3412] - Всеслав Брячиславич, сын Брячислава Изяславича, княжил в Полоцке с 1044 г. по 1101 г.

[3413] - Ранний брачный возраст был обычным явлением в древней России.

[3414] - Более подробное повествование об этом можно читать в сказании о Введении во храм Пресвятой Богородицы, помещенном под 21 числом ноября месяца.

[3415] - Монастырь, основанный святою Евфросиниею, существует и в настоящее время с именем Спасо-Евфросиниева. В 1579 г. он был захвачен иезуитами, из под власти которых освобожден в 1820 г-В монастыре хранится сооруженный св. Евфросиниею напрестольный крест; богомольцам показываются две келлии, в которых подвизалась преподобная Евфросиния. При монастыре находится училище для девиц духовного звания.

[3416] - Одигитрия (путь и веду) с греч. – путеводительница. Такое наименование усвоялось некоторым иконам в честь Матери Божией, – как духовной Путеводительнице верующих. В частности, икона Божией Матери Одигитрия, находившаяся в Константинополе, во Влахернском храме, была названа так потому, что однажды Сама Матерь Божия, явившись двум слепцам, привела их во Влахернский храм к Своей иконе и перед ней даровала им прозрение. Название «Одигитрии» усвоялось также тем иконам Богоматери, которые мореплаватели помещали на носу или корме корабля. Поэтому во многих местах сохраняется благочестивый обычай – при отправлении в далёкое путешествие, особенно морское, совершать молебное пение пред образом Богоматери – Одигитрии. Празднование иконе Божией Матери-Одигитрии совершается 21 января, 28 июля и в др. дни.

[3417] - Император Мануил Комнин царствовал с 1143 г. по 1180 г.

[3418] - Лука Хрисоверг патриаршествовал с 1186 г. по 1196 г.

[3419] - В 1239 г. эта икона была перенесена в г. Торопец супругою св. велик. князя Александра Невского

[3420] - Кончина преподобной Евфросинии последовала в 1178 г.

[3421] - Честные мощи святой Евфросинии впоследствии были перенесены (как полагают некоторые, в 1187 г.) в Киев, где и почивают в пещерах преп. Феодосия

[3422] - С именем Эдессы известно несколько городов. В данном случае, вероятно, разумеется Эдесса (ныне Урфа), находившаяся в северной части Месопотамии.

[3423] - Разумеется Антиохия сирийская.

[3424] - Юстиниан 1-й (Великий) царствовал с 527 г. по 565 г.

[3425] - Веспасиан управлял римскою империею с 70 г. по 79 г. по Р. Х. Сын его, Тит царствовал с 79 г. по 81 г.

[3426] - Выражение образное, показывающее силу и коварство демонов.

[3427] - Еммануил – наименование Мессии или Иисуса Христа в известном пророчестве Исайи о рождении Сына от Девы (Ис. 7:14). Это наименование означает с еврейского: «с нами Бог».

[3428] - Имеется в виду подвиг святых 40 мучеников, пострадавших во армянском городе Севастии в IV в. Память их совершается св. Церковью 9 марта

[3429] - Хозрой (или точнее Хосров) с персидского значит вообще царь. Это наименование обыкновенно прибавлялось к собственному имени того или другого царя. В данном случае разумеется Хозрой I Ануширван, правивший с 531 г. по 579 г. Внук его Хозрой II Парвез (правил с 590 г. по 628 г.) взял в Иерусалиме Животворящее Древо Креста Господня в 614 г., во время войны с греческим императором Фокою. Древо крестное было возвращено в 628 г. преемником Хозроя II Свроэсом по заключении мира с греческим императором Ираклием.

[3430] - Дивная гора находилась в треугольнике, образуемом городами: Антиохиею на реке Оронте, Селевкиею-Шериею и Росом.

[3431] - Иисус Христос изгнал семь бесов из Марии Магдалины (см. Мк. 16:9).

[3432] - Ефрем патриаршествовал с 527 г. по 545 г.

[3433] - Домн 2-ой патриаршествовал от 546 г. по 560 г.

[3434] - Важнейшие моменты в жизни преподобного Симеона Столпника распределяются по годам так: родился святой Симеон в 521 г.; в 527-м году 6-ти лет от рождения взошел на столп; спустя 8-м лет, в 535 году перешел на другой столп; на 22-м году жизни перешел на Дивную гору, след. в 543 г.; в 560 г., на 39-м году жизни, рукоположен во пресвитера. Скончался в 596 г., 76 лет от роду. – Воспоминаемого ныне преподобного Симеона Столпника следует отличать от другого Симеона, также Столпника, память которого празднуется 1 сентября подвизался также в пределах Антиохии сирийской, но жил значительно ранее (скончался в 459 г.).

[3435] - Никодим в Синаксаристе и другие под именем Антонина разумеют римского императора Антонина Гелиогабала, царствовавшего с 218 до 222 года.

[3436] - Стратилат значит воевода, военачальник.

[3437] - Галатия расположена была почти в центре Малоазийского полуострова. На севере она граничила с Пафлагонией, на западе – с Вифинией и Фригией, на юге – с Ликаонией и Каппадокией, а на востоке – с Понтом.

[3438] - Игемон Максимиан или Максим был сперва правителем Египта, а потом Антонин послал его в Галатию для мучения христиан.

[3439] - Город этот носил название Тавии. Он находился в восточной Галатии близ границ ее с Понтом.

[3440] - Комит – царский телохранитель, сборщик податей в царскую казну, градоначальник, но здесь под словом «комиты» разумеются военные трибуны, т.е. градоначальники.

[3441] - Страдание Святого Мелетия и других, с ним пострадавших, святых мучеников относят к 218 году.

[3442] - Переяславль Залесский, ныне уездный город Владимирской губернии, находился сперва на озере Клещино, близ верховьев притока реки Клязьмы Перми, а потом около 1152 года суздальским князем Юрием Долгоруким был перенесен на новое место, на 5 верст южнее. Назван Залесским потому, что находился в дремучих лесах, отделявших его от других городов.

[3443] - Никитский монастырь находился на поле в 3 верстах от города с северной его стороны. Он становится известным из жития преподобного Никиты. Время основания его неизвестно.

[3444] - Столп, которой устроил преподобный для своих подвигов, находился не поверх, а внутри земли. Это была столпообразная круглая яма или просто пещера, так что столпничество святого Никиты было в сущности затворничеством.

[3445] - Князь Михаил был сын Всеволода, князя черниговского. Исцеление его относят к 1186 году.

[3446] - преподобный Никита скончался в 1186 году, 24 мая.

[3447] - Параэкклисиарх – зажигающий пред образами лампады в монастырях, пономарь.

[3448] - Петропавловский Ярославский монастырь стоял на берегу реки Волги на том месте, где ныне Петровская церковь.

[3449] - Остров Кипр находился в северо-восточной части Средиземного моря, близ берегов древней Финикии. Христианство было насаждено здесь святым Апостолом Павлом

[3450] - Следует разуметь гонение Диоклетиана (царствовал с 284 г. по 305 г.).

[3451] - Время кончины святого Ферапонта определяется гонением Диоклетиана. день кончины его неизвестен. 25 мая есть, по всей вероятности, день перенесения мощей его в Константинополь.

[3452] - Этот храм был построен в честь и славу иконы Божией Матери Елейной или Милостивой. Празднование в честь этой иконы Богоматери совершается в Православной Церкви 12 ноября.

[3453] - Император Никифор I царствовал с 802 г. по 811 г. Перенесение честных мощей священномученика Ферапонта последовало в 806 г.

[3454] - Т. е. начальник над 10-ю воинами.

[3455] - Наименование «Нового» усвояется святому Георгию в отличии от других святых с именем Георгия, подвизавшихся значительно ранее его, как например Георгия великомученика (память его празднуется 23 апреля и др.

[3456] - Средец или София – столица болгарского княжества. Еще в древности София была важным торговым пунктом и составляла главный город Римской провинции Дакии. В 441 г. София была опустошена гуннами, в 809 г. была завоевана болгарами, в 1382 г. попала в руки турок. 22 декабря 1877 г. была взята русскими, под начальством Гурко, причем большая часть мусульманского населения бежала.

[3457] - Магомет или Мохаммед – основатель мусульманской религии (жил в к. VI и нач. VII вв.)

[3458] - Селим I, султан турецкий, царствовал с 1512 по 1529 г.; отличался необыкновенным фанатизмом (религиозною нетерпимостью).

[3459] - По мнению некоторых святой Георгий пострадал 11 февраля. 26 мая принимается в таком случае за день перенесения его мощей.

[3460] - Психаитская лавра, по указанию болландистов, находилась в Константинополе.

[3461] - Особенно жестоким гонителем на иконы был греческий император Константин Копроним (743–775 г.), намеревавшийся торжественно, с соблюдением законности, уничтожить иконопочитание, как ересь, для чего в 754 г. созвал собор и назвал его Вселенским. Так же жестоко преследовал иконопочитание и император Лев Армянин (813–820 г.) – Он издал указ, которым запрещал монахам проповедовать об иконопочитании, и на этом указе должны были подписаться все монахи. Вероятно под императором, гонителем на иконы, здесь разумеется последний император.

[3462] - Между прочим у него в Троаде были оставлены апостолом Павлом фелонь и разные книги, между коими апостол особенно упоминает о пергаментных (2Тим.4:13).

[3463] - Фракией называлась та часть Балканского полуострова, которая лежала к северу от Македонии, Эгейского и Мраморного моря. В настоящее время на месте древней Фракии находятся следующие земли: восточная часть Венгрии, Трансильвания, Бессарабия, Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия и восточная часть Румелии. Город Берия в настоящее время называется Веррия или Кара-Веррия; в нем около 12 000 жителей. – Апостол Павел был в Берии во время своего второго апостольского путешествия.

[3464] - Остров Крит (иначе Кандия – от главного города того же имени) находится в средней части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. Начало христианству было положено здесь событием Сошествия Святого Духа на апостолов, ибо при этом событии были и критяне (Деян.2:11). Затем христианство было утверждено здесь апостолом Павлом, который поставил здесь епископом Тита для того, чтобы он «довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров» (Тит.1:5). – В XVII в. Крит перешел во власть турок.

[3465] - Дионисий Ареопагит – член Ареопага – верховного судилища афинского. Обращен в христианство апостолом Павлом во время его второго апостольского путешествия (ок. 54 г.). Причислен св. Церковью к лику святых. – Память его празднуется 3 октября.

[3466] - Для того, чтобы понять эти слова, необходимо припомнить следующий случай из жизни святого апостола Карпа. Некто из неверующих совратил к злочестью своему одного из христиан. Карп был весьма опечален этим. Никогда не обнаруживав ранее нетерпения, Карп на этот раз был весьма огорчен в душе своей. Он помыслил про себя, что нечестивцы, развращающие и губящие людей, не должны жить на земле; и начал он молить Бога, дабы ниспал огонь с неба и попалил тех двух нечестивцев – и совратившего, и совращенного. Когда он молился об этом, вдруг горница, в которой он стоял, потряслась и расступилась надвое. Подняв свои очи вверх, он увидел небо

отверстым и в нем сидящего Господа Иисуса Христа в образе человеческом. Опустив же взоры вниз, он увидел глубокую пропасть, на краю которой стояли те два грешника, которым Карп испрашивал погибель. Карп, видя, что опечалившие его уже готовы упасть в пропасть и быть съеденными змием, пресмыкавшимся внизу, исполнился радости; но так как они все еще не падали в пропасть, то Карп снова стал досадовать и скорбеть и опять начал молить Бога об их погибели. Когда же он возвел очи свои на небо, то увидел, что Господь приблизился к тем грешникам и подал им руку помощи. Потом Господь и сказал Карпу: «Мучь Меня еще, ибо Я готов еще раз пострадать и быть распятым ради спасения людей». Сказание об этом сообщает святой Дионисий Ареопагит в своем послании к монаху Демофилу. Послание это можно читать под 3-м числом октября месяца (день памяти св. Дионисия Ареопагита).

3467 - Дионисий Ареопагит с великою похвалою отзывается об апостоле Карпе. Так например, в послании к монаху Демофилу он говорит о Карпе: «Муж сей был велик по своим добродетелям и отличался такою возвышенною чистотою ума, что обладал большою способностью к боговидениям».

3468 - Кончина святого апостола Карпа последовала в к. 1 в.

3469 - Мытарь – сборщик податей.

3470 - Диоклетиан управлял восточною половиною Римской империи с 284 г. по 305 г.

3471 - Максимиан управлял западною половиною Римской империи с 284 г. по 305 г.

3472 - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Великим ок. 333 г. в Египте на берегу Средиземного моря; славился до Р. Х. как центр науки и торговли; с нач. 4-го века стал одним из важнейших центров христианской жизни и резиденцией патриарха.

3473 - Кончина святых мучеников Феодоры и Дидима последовала в 303 г. или 304 г.

3474 - Город Сардис или Сард находился в малоазийской области Лидии; в древности был столицею лидийского царства и славился своим богатством. Здесь было много христиан уже

во времена Апостолов. О сардийской церкви упоминается в Апокалипсисе (Апок.1:11, 3:1–4).

[3475] - Малоазийская область.

[3476] - Время кончины святого Ферапонта неизвестно.

[3477] - Здесь разумеется великий князь Иоанн Васильевич III, княживший в Москве с 1462 до 1505 года.

[3478] - Это был митрополит Филипп I, занимавший московскую кафедру при великом князе Иоанне III с 1465 до 1473 года.

[3479] - Разумеется святой митрополит Петр, который в 1325 году из Владимира переселился в Москву и по настоянию которого был построен первый каменной храм Успения Божией Матери московским князем Иоанном Калитою.

[3480] - Волок Ламский, иначе называвшийся просто Волоком, нынешний уездный город московской губернии Волоколамск, основан был новгородскими колонистами на реке Городенке, притоке Ламы, и существовал еще в 1135 году. В древности этот город был очень обширным и многолюдным, а теперь это – незначительной городок с 1000 человек населения.

[3481] - Симонов монастырь, названный от местности близ реки Москвы, по имени Симоново, основан был около 1370 года учеником и родным племянником преподобного Сергия Радонежского ростовским, который и построил в нем первый храм во имя Пресвятой Богородицы, в честь Ее славного Рождества. Память его празднуется 28 ноября

[3482] - Белое озеро или Белоозеро находится в нынешней Новгородской губернии.

[3483] - Преподобный Кирилл был постриженником преподобного Феодора, основателя Симонова московского монастыря. По удалении Феодора на кафедру Ростовского архиепископа, в 1390 году он был избран архимандритом обители, но пробыл в этой должности недолго. Смущаемый тем, что его часто посещали богатые и знатные люди, он затворился в прежней келлии своей и старался пребывать в безмолвии, но и тут душа его рвалась к полному уединению и безмолвию в пустынном месте. Память его празднуется 9 июня

[3484] - Место это находится у горы Мауры, недалеко от реки Шексны. Монастырь был основан в 1397 году на северном берегу Сиверского озера.

[3485] - Этот монастырь, носящий ныне название Белозерского Ферапонтова, основан был в 1398 году на возвышенном берегу Бородавского озера в 14 верстах от нынешнего города Кириллова

[3486] - Место это называлось Лужками от чего и монастырь стал называться Лужецким

[3487] - Это было в 1408 году

[3488] - преподобный Ферапонт скончался около 90 лет от рождения, 27 мая 1426 года, прожив в Лужецком монастыре 18 лет. Прославление его началось еще с конца XV века, а к лику святых он причислен на московском соборе 1547 года. Мощи его почивают в соборном храме Лужецкого монастыря под спудом, а в Белозерской обители посвящен его имени храм.

[3489] - Император Гордиан царствовал с 238 г. по 244 г.

[3490] - Император Филипп царствовал с 244 г. по 249 г.

[3491] - Фессалоника или Солунь – весьма значительный в древности город Македонии, лежавший на берегу фермейского залива при Эгейском море. В истории русской Церкви город этот замечателен как место родины святых первоучителей славян Кирилла и Мефодия (см. житие их под 11 мая называется Салоники и может быть отнесен к числу первых (после Константинополя) торговых городов Европейской Турции.

[3492] - Коринф – знаменитый в древности город, лежавший в юго-восточном углу коринфского залива между Ионическим и Эгейским морем. В настоящее время на месте древнего Коринфа существует местечко Куронто с 5 000 жителей.

[3493] - Имя «Еликонида» происходит от греч. слова «милость» и «бросаю». Еликонида, – т. е. метающая стрелы на диавола по милости Божией.

[3494] - Асклипий считался древними греками богом врачевания.

[3495] - Дий или Зевс верховный бог древнегреческой религии.

[3496] - Венера или Афродита – богиня любви и красоты.

[3497] - Минерва или Афина – богиня мудрости.

[3498] - Диана или Артемида – богиня охоты и покровительница лесов.

[3499] - Претория – общественное место в городе, где обыкновенно производился суд.

[3500] - Кончина святой мученицы Еликониды последовала в 244 г.

[3501] - Халкидон или, правильнее, Калхедон, первоначально мегарская колония на берегу Мраморного моря. При христианских императорах Халкидон был столицею малоазийской области Вифинии. – В истории христианской Церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 г. императором Маркианом (с 450 г. по 457 г.) для осуждения монофизитской ереси (эта ересь была основана Евтихием, архимандритом Константинопольским, учившим, что человеческое естество в Иисусе Христе было совершенно поглощено Божественным естеством и потому в Нем следует признавать лишь одну природу – Божественную).

[3502] - Иконоборческая ересь появилась в VIII в. Иконоборцы неразумно смешивали иконопочитание с идолопоклонством. Основателем этой ереси считается Константин, епископ наколийский (во Фригии – малоазийской области). Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры Лев III Исаврянин (717–741 г.) и Константин V Копроним (741–776 г.). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе (происходившем в 787 г. в городе Никее)

[3503] - Лев V Армянин царствовал с 813 по 820 г.

[3504] - Кончина прп. Никиты последовала в начале IX в.

[3505] - Святой Игнатий был рукоположен во епископа 19 сентября 1262 г.

[3506] - Существует известие, что святой Игнатий в 1269 г основал обитель при устье реки Шексны, на берегу Белого озера во имя Святой Троицы. Иноки этой обители много потрудились над обращением в христианство чуди и корелов. В 1274 г святой Игнатий присутствовал на поместном владимирском соборе. Два раза святителю приходилось предпринимать тяжелое

путешествие в орду с ходатайством за свою епархию. Святой Игнатий известен как примиритель князей Димитрия и Константина Борисовичей. В память примирения ими основана в Ростове Борисоглебская церковь. Скончался святой Игнатий в 1288 г. Честные мощи его доселе почивают в ростовском Успенском соборе.

3507 - Родиною святой мученицы Феодосии был город Тир. Тир расположен у северо-восточных берегов Мертвого моря на юго-западном склоне Галаадской горной цепи.

3508 - Евсевий, епископ кесарийский (жил с 268 г. по 340 г.), – известный церковный историк, положивший начало церковной истории; отличался большою ученостью. Ему принадлежат следующие сочинения: 1) «Церковная история», доведена от времен апостольских до 324 г.; делится на 10 книг; 2) «Жизнь Константина»; состоит из 4 книг и представляет прямое продолжение «Церковной истории», 3) «Хронография». Кроме того Евсевию принадлежат многие мелкие сочинения апологетческого, полемического и экзегетического характера

3509 - Кесария палестинская находилась на восточном берегу Средиземного моря. В древние времена Кесария была резиденцией римских прокураторов и центром общественно-политической жизни страны. – В истории христианской Церкви Кесария палестинская замечательна тем, что здесь впервые был открыт язычникам доступ в Церковь Христову Апостолом Петром, крестившим сотника Корнилия (Деян.10). Здесь же происходил последний суд над Апостолом Павлом, после которого он был отправлен в Рим (Деян.26; Деян.27). – В Палестине была еще другая Кесария, в отличие от настоящей называвшаяся Филипповой. Она находилась у истоков Иордана.

3510 - Кончина святой мученицы последовала в 307 г. или в 308 г. 6 апреля. 29 мая есть день перенесения ее мощей. Мощи святой мученицы были перенесены первоначально в Константинополь, а потом в Венецию.

3511 - Локоть равнялся 8–10 вершкам.

3512 - Велиар или, правильнее, Велиал – по переводу с еврейского значит: негодный, нечестивый, злой. Это

наименование Апостол Павел усвояет диаволу, источнику всякого зла (2Кор.6:15).

3513 - Феодосий III Адрамитин царствовал с 715 г. по 716 г.

3514 - Исаврия – малоазийская область, граничившая на востоке с Ликаонией, на севере с Фригиею, на западе с Писидией и на юге с Киликией.

3515 - Лев III Исавр царствовал с 716 г. по 741 г.

3516 - Валтасар – один из потомков Навуходоносора, царь вавилонский, – известен как нечестивый и развратный человек (см. Дан.5:1–4, 22–23). Он осквернил священные сосуды иудеев, захваченные Навуходоносором из Иерусалима (Дан.5:3).

3517 - VII Вселенский собор еще не был созван в это время.

3518 - Анастасий патриаршествовал с 730 г. по 753 г.

3519 - По объяснению некоторых место это называлось «Воловьим» потому, что здесь была печь, в виде вола, в которой сожигались преступники.

3520 - Кончина святой мученицы Феодосии последовала в 730-м году.

3521 - Сохранились сведения о чудесах от мощей святой мученицы, записанные великим логофетом (хранителем патриаршей печати) Константином, жившим в XIII веке. Один юноша из Фригии, лишившийся употребления ног, получил совершенное исцеление после того как был принесен ко гробу святой мученицы; другой юноша, упавший с коня и лишившийся рассудка, мгновенно исцелел после того как был принесен ко гробу святой Феодосии и помазан здесь елеем от лампады; сам Константин логофет говорит о себе, что он сильно страдал болезнью в ногах, которой не могли вылечить лучшие врачи; но, прибегнув к святой мученице, получил полное исцеление. Константин логофет в своем сказании замечает, что чудеса, сотворенные святою Феодосиею, неисчислимы. Честные мощи святой мученицы были положены в монастыре Диократис или Дексиократис (имя патриция, построившего монастырскую церковь), неподалеку от Золотого рога в Константинополе.

3522 - Великий Устюг, ныне уездный город – вологодской губернии, находится на левом берегу реки Сухоны при впадении

в нее реки Юга.

3523 - Город Орлец находился в 40 верстах от Устюга на притоке Сухоны Юге.

3524 - Юродивый собственно значит глупый, безумный. Так называются христианские подвижники, представлявшиеся глупыми или странными из смирения и ради вечного своего спасения.

3525 - Это был устюжский наместник, князь Феодор Красный.

3526 - Жители города Устюга обращались с молитвою к блаженному Иоанну во время бедствий междуцарствия и ему предписывали победу царского войска над Сапегою в 1610 году, а в 1613 году молитвами устюжских чудотворцев (Прокопия и Иоанна) не только защитили свой город от поляков, но и разбили их. В Устюге построена церковь во имя блаженного Иоанна.

3527 - Валент царствовал с 364 г. по 378 г.

3528 - Об ереси Ариевой см. ниже в дополнит статье о 1-ом Всел. Соборе

3529 - История Сусанны изложена в Дан.13

3530 - Император Грациан царствовал с 375 г. по 383 г.

3531 - Феодосий Великий управлял восточною половиною Римской империи с 379 г. по 395 г.; западною – с 393 г. по 396 г.

3532 - Кончина святого Исаакия последовала в конце IV в. Мощи его были положены первоначально в храме св. Стефана, находившемся по соседству с монастырем далматским; потом перенесены в храм всех святых.

3533 - Император Антонин I царствовал с 138 г. по 161 г.

3534 - Киликия и Каппадокия – области в Малой Азии.

3535 - Город Команы находился в северо-вост. части Малой Азии, в провинции Понте. – В истории христианской Церкви этот город известен как место ссылки св. Иоанна Златоустого (см. житие его под 13 ноября Впрочем некоторые разумеют здесь город Команы, находившийся в Каппадокии.

3536 - Кончина св. мученика Ермия последовала ок. 166 г.

3537 - Философ – несобственное имя, равно и другие имена, усвояемые сему святому. Под 31 мая помещен он ради имени Иустина Философа, память которого празднуется 1 июня

3538 - Александрия – город в Египте, основанный Александром Македонским при устьях реки Нила на берегу Средиземного моря.

3539 - Здесь разумеется преподобный Антоний Великий, основатель отшельнического иночества в Египте. Память его празднуется 17 января.

3540 - Святой мученик Философ пострадал при императоре Декии около 252 года.

3541 - Сказание о подвиге святого мученика Философа более подробно и вразумительно рассказывается в житии преподобного Павла Фивейского числом и житие его.

3542 - По завоевании Палестины Римлянами (I в. по Р. Хр.).

3543 - Нынешний Наблус.

3544 - Основатель стоического учения – Зенон (III в. до Р. Хр.); оно было по преимуществу практическим и имело целью научить господству над страстями и равнодушию при всяких обстоятельствах жизни.

3545 - Перипатетики – последователи Аристотеля (IV в. до Р. Хр.); они учили, что всякое познание берет начало из опыта.

3546 - Характер учения Пифагора (V в. до Р. Хр.) виден из наставлений пифагорейца Иустину.

3547 - Платон (IV в. до Р. Хр.) признавал врожденными понятия о Боге, истине и добре, самостоятельность существования души и т. п. Его учение ближе к христианскому, чем прочие древние философские учения.

3548 - Софисты отрицали возможность положительного знания вещей и брались за доказательство любой, даже ложной мысли. Отсюда софизм – правильный вывод из ложного основания.

3549 - Сивиллы – предсказательницы будущего у греков и римлян. В приписывавшихся им предсказаниях указываются довольно ясно различные обстоятельства земной жизни Спасителя.

[3550] - Рим – главный город Римского государства, лежит в средней части Италии по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

[3551] - Маркион принадлежал к еретикам – гностикам и учил, что видимый мир сотворен не Богом, а низшими Его силами; Ветхий Завет он отвергал.

[3552] - Циники (основатель учения – Антисеен IV в. до Р. Хр.) доводили до крайности учение о простоте в жизни, отвергая науку, искусство и всю внешнюю культуру.

[3553] - Известны две апологии св. Иустина: первою не ранее 150 г. и заключающею в себе 68 глав, он пытался доставить христианам покровительство императора Антонина; второю (написанною приблизительно в 162 г.) расположить Марка Аврелия к более кроткому обращению с христианами. В своих апологиях Иустин философ говорит «от имени несправедливо ненавидимых и гонимых христиан».

[3554] - Доблестные мужи, в пору тяжких гонений на христиан в II и III веках выступавшие пред римским правительством и обществом в качестве литературных защитников христиан и обличителей язычества, в истории церкви известны под именем апологетов – т. е. защитников, а их сочинения носят общее название апологий. В истории христианской церкви известны следующие апологеты; на Востоке: Аристид, Кодрат, Мелитон, еп. Сардийский, Татиан, Афиногеи, Мильтиад, св. Феофил, еп. Антиохийский; на Западе: Минуций Феликс, Квинт Септимий Тертуллиан, Арнобий, Лактанций и св. Киприан, еп. Карфагенский

[3555] - Ефес – главный город Мало-азиатской провинции Асии; расположен на реке Каистре. В настоящее время на месте древнего г. Ефеса находится бедная турецкая деревушка, называемая Сейся-Селюк.

[3556] - «Разговор с Трифоном иудеем».

[3557] - В 165–166 годах.

[3558] - Кроме помянутых, древним известны были сочинения св. Иустина: «Замечание о душе», а также: «Обличение против эллинов», «Речь против эллинов», содержавшие в себе

обличение язычества. Святым Иоанном Дамаскиным сохранена значительная часть не дошедшего до нас сочинения Иустина «О Воскресении». Известный церковный историк Евсевий утверждает, что Иустином была написана книга «Певец», «Обличение всех бывших ересей» и книга «Против Маркиона». Сам Иустин философ в первой апологии упоминает о своем сочинении против ересей. Самым замечательным произведением Иустина философа являлось сочинение – диалог против иудеев под заглавием «Разговор с Трифоном иудеем».

[3559] - Всеволод Ярославич княжил первый раз шесть месяцев (1075–1076 гг.) и второй раз с 1078 по 1093 год.

[3560] - Владимир Всеволодович княжил затем в Киеве с 1114 по 1125 год.

[3561] - Армяне разделяют монофизитскую ересь, осужденную четвертым Вселенским собором в Халкидоне (451 г.) и отвергают все последовавшие за ним Вселенские соборы. Сущность монофизитской ереси состоит в учении, что Господь Иисус Христос, рожденный из двух природ или естеств, пребывает не в двух – ибо человеческая природа в Лице Бога – Слова так тесно соединилась с Его Божественною природою, что только мысленно может от нее отличаться. В древней Руси вообще существовал взгляд на армян, как злых еретиков: так, митрополит Киприан (1376–1406) в своих канонических ответах писал игумену Афанасию: «армянская же ересь гнуснейшая паче всех ересей; сего ради не достоит православному крестьянину (т. е. христианину) ни едино же общение имети с ними»

[3562] - Прп. Агапит скончался не позднее 1095 года, мощи его почивают в пещере св. Антония.

[3563] - Преподобный Дионисий, в мире Димитрий, родился в 1362 году в окрестностях города Вологды. О его родителях и жизни его до принятия иночества не сохранилось сведений. Он был пострижен Дионисием, игуменом Спасокаменной обители, находившейся на Кубенском озере, и в этой обители подвизался 9 лет. Кубенское озеро названо «Великим» вероятно

потому, что из всех озер Вологодского края оно – самое большое.

3564 - Поприще – мера расстояния в 690 саженей.

3565 - Селение Лучица, называемое иначе «Святая Лука», находилось на берегу Кубенского озера у устьев реки Кубени. Здесь до прихода преподобного Дионисия существовал пришедший в запустение монастырь, и Дионисий его возобновил.

3566 - Преподобный Дионисий был рукоположен в иерейский сан ростовским архиепископом Григорием и, по мнению преосвященного Филарета («Жития святых», июнь, стр. 11) еще до окончания постройки храма на Лучице.

3567 - Эта церковь построена была в 1403 году. Кубенский князь Димитрий, желая оказать помощь преподобному Дионисию, прислал для ее построение своих мастеров, плотников.

3568 - Эта вторая церковь построена была через 9 лет после первой, в 1412 году.

3569 - Преподобный Дионисий сам писал иконы, так как был искусным художником. До этих пор сохранились иконы, писанные его рукою. Так, в Прилуцком монастыре показывается икона преподобного Димитрия, написанная им; в Кирилло-Белозерском монастыре в иконостасе собора есть образ преподобного Кирилла – тоже его работы и др.

3570 - Так назван здесь Покровский монастырь, из которого удалился преподобный.

3571 - Этот храм был построен в 1420 году.

3572 - Преподобный Дионисий скончался 74 лет от роду в воскресный день 1 июня 1437 года. Московский Собор, бывший в 1547 году при митрополите Макарии, причислил его к лику святых, а в 16 столетии была построена первая церковь во имя его Мощи его почивают под спудом в Сосновецком монастыре в храме во имя святых Дионисия и Амфилохия. В монастыре хранятся две иконы, – одна Покрова, а другая Знамения Божией Матери, – обе по преданию написаны преподобным Дионисием. Наружность преподобного была такая: роста он был низкого и

телом весьма худ, голову имел немалую, брови – полукруглые, лицо-продолговатое, щеки – впалые, глаза – кроткие, бороду – до груди, густую, волосы – светлорусые и полуседые.

3573 - Весь Христови, т.е. всего себя отдал Христу, все силы свои посвятил исполнению заповедей Христовых.

3574 - Всевидящее око, т.е. всевидящий Бог.

3575 - Константинополь или Царьград – столица Византийской, ныне Турецкой, империи; основана императором Константином Великим в IV в. по Р. Х. на месте прежнего города Византии.

3576 - Константин V Копроним царствовал с 741 по 775 год.

3577 - Нотарий собственно значит скорописец. В первые века по Р. Х. так назывались императорские секретари, скреплявшие акты. При Константине Великом была учреждена тайная канцелярия нотариев, которые вели протоколы самых важных государственных совещаний. Секретари Константинопольского патриарха также назывались нотариями.

3578 - Адамант в переводе с греческ. языка значит алмаз – камень, отличающийся своею твёрдостью.

3579 - Никея в описываемое время значительный город Вифинской приморской области, ныне представляет собою бедное селение с названием Исник. Замечателен в истории христианской церкви тем, что здесь был первый (в 325 г.) Вселенский собор.

3580 - Лев IV Хазар царствовал с 776 до 780 года.

3581 - За малолетством ее сына, императора Константина (Порфирородного), в начале царством управляла Ирина.

3582 - Седьмой Вселенский собор 787 г., бывший в Никее, осудил иконоборство и восстановил иконопочитание.

3583 - Босфор или Константинопольский пролив, соединяющий Черное море с Мраморным, назван Фратийским в отличие от многих проливов получивших тоже название.

3584 - Никифор царствовал с 802 г. по 811 г.

3585 - Михаил 1– с 811 г. по 813 г. Киропалат – начальник дворцовой стражи.

[3586] - Лев Армянин царствовал с 813 г. по 820 г.

[3587] - «Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном» (Флп. 3:19).

[3588] - Преп. Феодор Студит еще в юных летах вступил на путь иноческой жизни, подвизаясь в начале под руководством своего дяди, преподобного Платона (память его 5 апреля иконопочитание на VII Вселенском соборе. Впоследствии преп. Феодор сделался настоятелем Студийского монастыря в Константинополе; монастырь этот, под его управлением, достиг небывалой высоты. Преп. Феодора дважды высылали из Константинополя за обличение императора Константина Багрянородного, незаконно разведшегося со своею супругою Мариею и увеличившего тяжесть своего преступления незаконным браком с Феодотою. По возвращении в Студийский монастырь из ссылки, когда вспыхнуло гонение на святые иконы, преп. Феодор, не обращая внимания на угрозы иконоборцев, открыто совершал с честными иноками крестные ходы. Тогда император Лев Армянин послал его в заточение, где он содержался в сырых и душных темницах, неоднократно подвергаясь жестоким побоям. При Михаиле Косноязычном св. Феодор был возвращен из заточения, но жил не долго, изнуренный заключением. Умер 67 лет в 826 г., 11 ноября, когда и совершается его память. В минуту кончины святого Феодора преп. Иларион Далматский видел сонм Ангелов, нисходящих с неба, и слышал голос: «се, душа Феодора, игумена Студийского, в торжестве восходит горе и ее встречают небесные силы». Св. Феодор оставил после себя многочисленные сочинения в виде слов, оглашений, писем, канонов, стихир, эпиграмм и жизнеописаний. Наиболее полное изложение сочинений преп. Феодора на русском языке предпринято редакцией журнала «Христианское чтение» в качестве приложения к этому журналу за 1907 и 1908 гг.

[3589] - Носитель царского меча

[3590] - Хрисополь – в Вифинии близ Византии, ныне Скутари.

[3591] - По греческому оригиналу в монастырь Доброго, т.е. Христа, но латинский переписчик перевода вместо Вопи

(Доброго) поставил – вола, отсюда и явилось в славянском переводе – Волуе.

[3592] - Проконнис – остров на Мраморном море; ныне Мармара.

[3593] - Фрягами назывались в старину на Руси преимущественно генуезцы, потом западные европейцы вообще.

[3594] - По мнению известного историка церкви Е. Е. Голубинского указываемый здесь Белград есть нынешние Бессарабские Бельцы. Другие под Белградом разумеют Аккерман.

[3595] - По житию св. Иоанна, составленному пресвитером молдовлахийской церкви (с 1416 г. южнорусский митрополит 1419), а так же и по службе мученик пострадал от огнепоклонников, а по греческому мартирологу от магометан. Но из истории не видим, чтобы эти огнепоклонники были персы или магометане: в половине XIV века, когда приблизительно скончался великомученик Иоанн, Аккерманом владели Половцы, у которых, как и у татар во время Батыя, могло быть поклонение огню.

[3596] - Св. мученик скончался, вероятно, не позднее 1340 г.

[3597] - Сделан митрополитом молдовлахийским в 1401 г. или 1402 г.

[3598] - Нынешняя, как некоторые полагают, Журжа – город Румынии, на левом берегу Дуная, против Рущука.

[3599] - Аврелиан царствовал с 270 по 275 г.

[3600] - Никомидия – город малоазийской области Вифинии на берегу Пропонтиды (Мраморного моря).

[3601] - Византия – мегарская колония, основанная в 658 г. до Р. Х на европейской стороне Босфора, занимала господствующее положение на узком проливе, соединяющем Черное море с Мраморным. В 330 г. Константин Великий, после победы над Ликинием, перенес сюда столицу Римской империи, и Византия стала называться Константинополем, Новым Римом.

[3602] - Св. Дионисий Ареопагит (член ареопага – высшего правительственного места в Афинах) обратился к христианству

под влиянием проповеди Ап. Павла (Деян. 17:34) и им же рукоположен во епископа Афинского; затем в 90 г. послан был в Галлию для проповеди Евангельской вместе с пресвитером Рустиком и диаконом Елевферием. Пострадал с ними в 96 г. при Домициане. Память его 3 октября

3603 - Тицин, нынешняя Павия, древний город в Цизальпинской Галлии, на левом берегу Тинина, недалеко от его впадения в Пад

3604 - Ныне Бове во Франции.

3605 - Поприще – приблизительно 690 сажен.

3606 - Император Константин Великий о 306 г. по 337 г.

3607 - Пров или Проб царствовал с 276 г. по 282 г.

3608 - Св. Тит занимал византийский епископский престол с 242 г. по 272 г.

3609 - Дометий был епископом Византии с 272 г. по 303 г.

3610 - Пров святительствовал с 303 г. по 315 г.

3611 - Св. Митрофан, первый патриарх Константинопольский, занимал Константинопольский престол с 315 г. по 325 г.

3612 - Фракия находилась в восточной оконечности Балканского полуострова и примыкала к морям Черному и Мраморному. В настоящее время – это восточная Румелия, Турецкая провинция.

3613 - Собор происходил в 325 г. и созван был для обличение ереси Ария, учившего, что Сын Божий не единосущен, а только подобосущен Отцу и есть тварное Существо, стоявшее, однако, выше прочих тварей. На этом соборе присутствовало 318 епископов, съехавшихся из различных стран, находившихся в пределах Римской империи.

3614 - Хорепископ – сельский епископ, бывший в подчинении у городского.

3615 - Иллирия – провинция, обнимавшая всё восточное прибережье Адриатического моря с лежащими за ним местностями. Теперь на месте этой провинции – Албания, Далмадия и Босния.

[3616] - После св. Митрофана патриархом Константинополя, действительно, был святой Александр, а после него св. Павел, занимавший патриарший престол с некоторыми перерывами с 341 г. по 350 г.

[3617] - Св. Александр занимал Александрийский престол с 312 г. по 326 г.

[3618] - После св. Александра патриархом Александрийским, действительно, стал святой Афанасий г. по 373. На его долю выпало много преследований от ариан и арианствующих императоров. Несколько раз он скрывался из города, спасаясь на Западе; иногда его изгоняли из Александрии ариане. Такую же участь разделил с ним и св. Павел, патриарх Константинопольский.

[3619] - Римский император Антонин, прозван язычниками Шем, т. е. Благочестивым, царствовал с 138 г. по 161 г.

[3620] - Марк Аврелий занимал римский императорский престол с 161 г. по 180 г.

[3621] - Именем Требула назывались 3 городка в Сабинской земле, расположенной в средней Италии, на восток от Рима. Вследствие того, что в дальнейшем говорятся о том, как св. Конкордия призвал к себе Тусский епарх, обитавший в Сполете, в провинции Умбрии, нужно думать, что город, обозначенный здесь под именем Требула, находился в северной части Сабинской земли, недалеко от Умбрии, провинции расположенной к северо-востоку от Рима.

[3622] - Тусками римляне называли жителей Этрурии, провинции, находящейся на западе Средней Италии, к северу от Рима. Таким образом Тусский епарх был правителем Этрурии.

[3623] - Сполета, ныне Сполето, город в Средней Италии, в древней Умбрии, на границе с Этрурией Вероятно Умбрия и Этрурия находилась под властью одного правителя.

[3624] - Зевс, по римски Юпитер, почитался главным божеством, отцом богов и людей; он являлся повелителем неба и земли, грома и молнии, ветров и дождей.

[3625] - Это было около 175 года.

[3626] - Петрагорийская епископская кафедра иначе называлась Перическою. Город Перигё находился в южной Галлии.

[3627] - Римский император Клавдий царствовал с 41 по 54 г.

[3628] - Киликия – область Малой Азии, расположенная в юго-восточной части ее, на границах с Сириею и по южному берегу Средиземного моря.

[3629] - Гора Синай представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезанных и окруженных крутыми и шероховатыми долинами. Лежит почти посредине известных рукавов Чермного (Красного) моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Юго-восточная вершина среднего хребта и была местом известного Синайского законодательства. С IV в. по Р. Х. Синайская гора стала излюбленным местом подвижников и была вся усеяна монастырями.

[3630] - Ливия – провинция в северной Африке, к западу от Египта. Прилегающая к Средиземному морю, часть Ливии была обитаема, другая же, уходящая вглубь материка, представляла пустыню с несколькими оазисами. Это самая восточная оконечность известной пустыни Сахары, простирающейся от Египта почти до самых берегов Атлантического океана.

[3631] - Авва – сирское слово, значит – отец. Это наименование давалось обыкновенно начальникам монастырей, а также и старшей братии. Новоначальный инок, отданный для искуса под руководство какому-нибудь опытному старцу, также обращался к нему с этим словом – авва.

[3632] - Город Газа расположен на восточном берегу Средиземного моря, в самой южной оконечности Палестины, недалеко от Египта; некогда он был южным пределом Хананеев. Во время могущества Римлян Газа был значительный торговый город Палестины; это значение поддерживалось за нею некоторое время и позднее во времена Византийской империи. Но с течением времени этот цветущий город потерял всё свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал великий город.

[3633] - Диосполь – палестинский город, на северной дороге от Иерусалима к Иоппии (Яффе).

[3634] - Разумеется, по-видимому, пустыня, находившаяся около города Порфиргона, что в Финикии, близ Кармильской горы (к югу от Птолемаиды). Пустыня эта и в особенности Кармильская гора были наполнены иноками.

[3635] - Галатия – небольшая гористая, но плодородная, провинция Малой Азии, лежавшая между Вифинией, Понтом и Каппадокией. Название получила от Галатов – воинственных племен Гальского или Кельтического происхождения.

[3636] - Мелетина – область в северной части Малой Армении, недалеко от р. Евфрата. При императоре Траяне (98–117 г.) здесь разрослось до размеров значительного города селение того же имени, что и область.

[3637] - Поприще – мера расстояния; оно равнялось нашим 690 саженям. Два поприща таким образом составляют 1,380 саженсй или 2 версты.

[3638] - Монастыри Синайской горы находились под ведением одного общего начальника – аввы Синайской горы.

[3639] - Александрия была главным городом Египта и северо-африканских провинций. Основана была Александром Македонским в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. После Рима Александрия считалась первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства рассадником христианского просвещения. С V в. епископ Александрии пользовался титулом патриарха и ему были подчинены все церкви Египта, Ливии и Северной Африки. Синайский полуостров, с его монастырями, также находился в ведении Александрийского патриарха. В настоящее время Александрия (по-турецки и арабски Искандеры) принадлежит к числу важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением до 230 000 жителей.

[3640] - Илиополь – город в Африке; находится на правом берегу Нила, на одном из его восточных рукавов, – на юге Нижнего Египта

[3641] - Леонтополь – город в среднем Египте.

[3642] - Халдея находилась в Месопотамии, по рекам Тигру и Евфрату.

[3643] - Скончался в конце VI века.

[3644] - Диоклетиан царствовал в восточной половине Римской империи с 284 г. по 305 г.

[3645] - Тир находился в Финикии и был расположен на берегу Средиземного моря.

[3646] - Юлиан Отступник был императором с 361 г. по 363 г.

[3647] - Удский город или Уд находился в малоазийской провинции Мизии. На месте древнего Уда находится теперь город Варна.

[3648] - Это было около 362 г.

[3649] - С точностью неизвестно, какие именно сочинение написаны святым Дорофеем; полагают, что им написан «Синопсис» или собрание сказаний о житии пророков и апостолов; но не все ученые разделяют это мнение.

[3650] - Кончина преп. Анувия последовала в IV в.

[3651] - Преподобный Феодор подвизался в VI в.

[3652] - Игорь Олегович управлял Киевом всего только две недели (в 1146 г.). Он причислен Церковью к лику святых. – Память его 5 июня.

[3653] - Изяслав Мстиславич был великим князем киевским с 1146 г. по 1149 г; потом вторично с 1150 г по 1154 г

[3654] - Владимир Всеволодович Мономах правил Киевом с 1114 г. по 1125 г.

[3655] - Митрополит Михаил II занимал киевскую кафедру с 1131 г. по 1146 г.

[3656] - Климент управлял киевской митрополией с 1147 г. по 1164 г.

[3657] - Георгий (или Юрий) Владимирович Долгорукий занимал великокняжеский киевский престол три раза: в первый раз с 1149 г. по 1160 г.; во второй в к. 1150 г. и в третий с 1154 г. по 1157 г.

[3658] - Митрополит Константин управлял киевскою митрополиею с 1155 г. по 1158 г.

[3659] - Мстислав Изяславич занимал киевский престол в 1158 г.; затем в 1168 г.

[3660] - Кончина блаженного Константина последовала в 1159 г.

[3661] - Святослав Ольгович княжил с 1137 г. по 1165 г.

[3662] - Ростислав Мстиславич управлял Киевом в 1154 г. (только одну неделю); потом вторично с 1158 г. во 1167 г.

[3663] - Год кончины святых мучеников точно неизвестен. Преосвященный Филарет («Жития святых», июнь, стр. 31) относит год их кончины на время царствования Максима, который в 305 году получил верховную власть над Сириею и Египтом и в своих владениях жестоко преследовал христиан. Царствовал с 305 г. до 312 г.

[3664] - Как известно, вода в морях бывает обыкновенно соленою.

[3665] - Аморреи – одно из языческих племен, населявших землю ханаанскую. Аморреи, по переводу с еврейского значит – «жители высоких мест»; им противопоставляются ферезеи – «жители низменностей». Незадолго до исхода евреев из Египта аморреи захватили восточную иорданскую область, очень плодородную. Иисус Навин сражался с аморреями и разбил пять аморрейских царей (Нав.10:5–11).

[3666] - Кончина преподобного Виссариона последовала в конце IV или начале V века.

[3667] - Каппадокия – малоазийская область.

[3668] - Далматская обитель была основана собственно святым Исаакием в. (см. житие его под 30 мая) от имени игумена Далмата – преемника Исаакия, – управлявшего обителью в продолжении 55 лет.

[3669] - Олимп – гора в малоазийской области Мизии, на границе между Фригией и Вифинией. Здесь, между прочим находился монастырь «в Символах», славившийся строгою подвижническою жизнью своих насельников.

[3670] - Никифор I патриаршествовал с 806 г. по 815.

[3671] - Лев V Армянин царствовал с 813 г. по 820 г.

[3672] - Основателем иконоборческой ереси считается Константин, епископ николийский, живший в VIII в. Неразумно смешивая иконопочитание с идолопоклонством, иконоборцы жестоким и настойчивым преследованием иконопочитания хотели искоренить его из Православной Церкви. Самыми ярыми защитниками этой ереси были императоры: Лев Исаврянин (царствовал с 717 г. по 741 г.) и Константин Копроним (с 741 г. по 775 г.). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе, бывшем в 787 г. в г. Никее.

[3673] - Феодот I Касситер патриаршествовал с 815 г. по 821 г.

[3674] - Иноки очевидно дали обещание слушаться императора вообще во всех его распоряжениях; противных же вере православной распоряжений они, конечно, не могли исполнять.

[3675] - Обитель Фанеева находилась между Византиею и Понтом.

[3676] - Местонахождение сей обители неизвестно.

[3677] - Протильский город или, вернее, протильский лагерь; местонахождение его неизвестно.

[3678] - Михаил 2-ой Травл (Косноязычный) царствовал с 820 г. по 829

[3679] - Феофил царствовал с 829 г по 842 г

[3680] - Остров Афусия, или Офиусса, находился в заливе Паса-Лимани, близ Константинополя

[3681] - Кончина преподобного Илариона последовала в 845 г.

[3682] - Диоклетиан царствовал с 284 г. по 305 г.

[3683] - Кампания находилась в древней Италии и граничила на западе с Лациумом, на севере с Самниумом, на востоке с Луканиею и на юге с Тирренским морем. В этой итальянской провинции впервые начали (с VIII века) отливать колокола, почему они и называются в церковном Уставе кампанами (ранее были в употреблении била или железные доски).

[3684] - Город Нола лежал к югу от Капуи; существует и в настоящее время (теперь находится в итальянской провинции

Казерта) и имеет около 15 000 жителей.

[3685] - Город Салерно находился у Тирренского моря; существует и в настоящее время.

[3686] - Кронос – по греческой мифологии младший сын Урана и Геи, один из титанов. Он считался покровителем посевов и жатв, почему и изображался с серпом в руке.

[3687] - Наименование Трисмегиста усвоялось Юпитеру или Зевсу.

[3688] - Гермес – бог благополучия.

[3689] - Афродита или Венера – богиня любви и красоты.

[3690] - Гера – покровительница браков и родов.

[3691] - Афина или Минерва – богиня мудрости.

[3692] - Зевс или Юпитер – верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов и виновником всего существующего.

[3693] - Кончина святых мучениц последовала в 293.

[3694] - Император Диоклетиан управлял восточною половиною Римской империи с 284 г. по 305 г.

[3695] - Максимиан Геркул управлял западною половиною Римской империи с 284 г. по 305 г.

[3696] - Максимиан Галерий управлял Востоком с 305 г. по 311 г.

[3697] - Максенций управлял Западом с 305 г. по 312 г.

[3698] - В ведении Максимиана находилась Африка, Испания и Италия.

[3699] - Следует заметить, что термы у древних римлян язычников были не только банями, но и блудилищем.

[3700] - С целью стеснить и ослабить израильтян фараон египетский назначил им тяжелые работы. В сравнительно-короткое время (от смерти Иосифа до выхода из (Египта) израильтяне выстроили епиптянам три города – Пифом, Раамзес и Илиополь (Исх.1:1–14).

[3701] - Геркулес или Геракл – национальный древнегреческий герой. По сказанию греческой мифологии Геркулес был сыном Зевса и Алкмены, жены тиринеского царя Амфитриона.

Геркулесу усвоялась большая физическая сила, почему он считался богом-покровителем гимнастов и гладиаторов.

3702 - Мамертинская темница находилась в северной части города Рима. Она предназначалась главным образом для государственных преступников, к числу которых относили и христиан. В этой темнице были заключены, по преданию, святые Апостолы Петр и Павел. Эта темница в реставрированном (восстановленном) виде сохранилась и до настоящего времени, причем то отделение темницы, где были заключены Апостолы Петр и Павел, как священное место, охраняется католиками с особенным вниманием.

3703 - Оглашение – изустное наставление в истинах веры православной, преподававшееся в древней Церкви всем, желавшим приступить к таинству крещения. Имея право входа в храм для слушания Священного Писания и поучений и даже присутствовать при первой и второй частях литургии (проскомидии и «литургии оглашенных»), оглашенные пред наступлением третьей, самой важной части литургии («литургии верных») должны были немедленно выходить из храма, о чем и оповещалось диаконом возгласом, и доселе сохранившемся в Православной Церкви при совершении литургии. Срок оглашения был не одинаков; многие пребывали оглашаемыми в продолжении всей жизни. В случае необходимости срок оглашение сокращался до нескольких дней или даже нескольких часов (как например в данном случае). – Церковный обряд оглашения и доселе совершается в Православной Церкви; он состоит в прочтении молитв над приступающим ко крещению и произнесении заклинания на диавола; при этом приступающий ко крещению отрекается сатаны, сочетавается Христу и исповедует свою веру чтением Символа веры (это делается при крещении младенцев восприемниками).

3704 - Миллиарий – римская миля или, точнее, римский милевой камень, потому что в конце каждого миллиария стоял в виде знака каменный столб. Миллиарий равнялся 8 стадиям (стадия – 88 саженям), что составит приблизительно 1,5 наших версты. Милевые камни были рассеяны по всей Италии; на них надписывалось обыкновенно имя строителя или императора,

при котором они строились. Первый милевой камень, от которого вели свое начало все остальные камни и у которого соединялись все дороги, находился у храма Сатурна. При раскопках в Риме были найдены остатки этого камня.

3705 - Салария – одна из самых больших дорог древнего Рима. Она шла вдоль реки Тибра до Кур, проходила через Лациум, Сабинию и т. д. до Ардии. Название этой дороги объясняется тем, что собиняне провозили по ней соль (ваи) с берегов моря в свою страну.

3706 - Теллюра или Гаия – греко-римская богиня земли и плодородия.

3707 - Нумантийская дорога шла из Рима по направлению к городу Нумантии.

3708 - Диавол устрашает святого Кириака путешествием в Персию потому, что в те времена путешествие вообще были обременительны, вследствие отсутствие правильных путей сообщения.

3709 - Медиолан (ныне Милан) значительнейший город северной Италии, в области Ломбардии; основан в глубокой древности, за несколько веков до Р. Х. В истории христианской Церкви Медиолан известен как место архипастырской деятельности архиепископа Амвросия(с 374 г. по 397 г.), проявившего большое усердие в борьбе с ересью арианской (пямять его празднуется св. Церковью 7 декабря).

3710 - Остийская дорога вела к Остии, гавани города Рима, построенной при устье реки Тибра. Остатки этой гавани показываются и теперь; вследствие наноса берегового песка она удалена от берега на расстояние часа пути.

3711 - Кончина святого священномученика Маркелла, папы Римского, последовала в 310 г. Он управлял римскою церковию впродолжении пяти лет и шести месяцев (с 304 г. по 310 г.). Прочие мученики и мученицы, упоминаемые в житии святого папы Маркелла, пострадали несколько ранее, в 305 г. и 306 г.

3712 - Кесария палестинская находилась на восточном берегу Средиземного моря. В древние времена Кесария была резиденцией римских прокураторов и центром общественно-

политической жизни страны. – В истории христианской Церкви Кесария палестинская замечательна тем, что здесь впервые был открыт язычникам доступ в Церковь Христову Апостолом Петром, крестившим сотника Корнилия (Деян. 10). Здесь же происходил последний суд над апостолом Павлом (Деян. 25 – Деян.27). В Палестине была еще другая Кесария, в отличие от настоящей называвшаяся Филипповой. Она находилась у истоков Иордана.

[3713] - Кай управлял римскою Церковью с 283 г. по 296 г.

[3714] - Веста или Гестия – считалась у древних римлян и греков богиней-покровительницей семейного очага и жертвенного огня. Ей обычно приносилась жертва пред началом всякого важного дела, почему у язычников и сложилась поговорка: «начинать с Вестой». В Риме в честь богини Весты был выстроен храм в роще, на склоне Палатинского холма. В этом храме помещался жертвенник, на котором постоянно горел огонь, поддерживавшийся жрицами богини – весталками. Главный праздник в честь богини Весты отправлялся в Риме в июне месяце. – Изида – богиня плодородия. Изида – была собственно древнеегипетской богиней, но в первые века по Р. Х. культ ее проник в Грецию и Италию, где в честь ее строились многочисленные храмы.

[3715] - Кампания – местность в древней Италии, ограниченная на западе Лациумом, на севере Самниумом, на востоке Луканиею, на юге тирренским морем. В этой итальянской области впервые начали отливаться (с VIII в.) колокола, почему они в церковном уставе и называются кампанами.

[3716] - Собор этот происходил около 300 г.

[3717] - Кончина святого папы Маркеллина последовала около 300 г.

[3718] - Анастасий I царствовал с 491 по 518 г.

[3719] - Иустин I правил с 518 по 527 г.

[3720] - Ефрем патриаршествовал с 527 по 545 г.

[3721] - Несторианство основано Несторием, епископом Константинопольским (епископствовал с 428 по 431 г.),

учившим, что Иисус Христос, не есть истинный Бог, а лишь человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божией и спасающей нас не Своими искупительными заслугами, а лишь учением и примером Своей жизни. Несторианство осуждено на III Вселенском соборе, бывшем в Ефесе (в 431 г.). Несмотря на соборное осуждение несторианская ересь существовала до VII в. в Персии, Индии и Китае.

[3722] - Евтихианство было основано Константинопольским архимандритом Евтихием, учившим, что Иисус Христос имел лишь одно естество – божеское, тогда как Православная церковь всегда признавала и признает в Иисусе Христосе два естества, неслиянные и нераздельные: божеское и человеческое, евтихиане назывались еще – монофизитами (или «единоестественниками», – от греч. μονος – один и φυοις – естество). Эта ересь была осуждена на IV Вселенском соборе, бывшем в г. Халкидоне в 451 г., но существовавшая и во времена святого Ефрема (VI в.), и даже значительно позднее.

[3723] - Содом и Гоморра – палестинские города, лежавшие в долине Иорданской и известные своим нечестием, за что и были погублены Богом (см. Быт.19:1–28).

[3724] - Евфрасий патриаршествовал с 523 по 527 г.

[3725] - Иераполь находился в малоазийской области Фригии.

[3726] - Севериане – еретики, принявшие в видоизмененном виде монофизитскую ересь. Севериане, хотя и признавали, подобно еретикам монофизитам, только одну природу в Иисусе Христе – божескую, но допускали в ней различие свойств божеских и человеческих; так они утверждали, что плоть Христова до воскресения была, подобно нашей, тленною. Название свое эта ересь получила от имени Севера, патриарха Антиохийского (с 512 по 518 г.).

[3727] - Кончина святого Ефрема последовала в 545 г. Святой Симеон Дивногорец был уведомлен свыше о кончине его; в момент его смерти он видел его душу, возносившуюся Ангелами к Богу (подробнее об этом можно читать в житии святого Симеона Дивногорца, – под 24-м числом месяца мая). Патриарх

Фотий (управлял Константинопольскою церковью с 857 по 867 г.; затем вторично – с 877 по 886 г.) свидетельствует о святом Ефреме, что, хотя он и был сирийцем по происхождению и языку, но не без искусства владел и греческим языком. Почти все сочинения святого Ефрема был и написаны в защиту православного учения о Лице Иисуса Христа и соединении в Нем двух естеств – божеского и человеческого, – против монофизитов.

3728 - Город Иерихон находился на западном берегу реки Иордана, в очень плодородной долине, среди садов, изобиловавших пальмами, почему и назывался «городом пальм». Ныне на месте древнего Иерихона стоит бедная деревушка Риха.

3729 - Патриции были в Риме высшим сословием, вроде нашего дворянства.

3730 - Имеется в виду землетрясение, бывшее в Антиохии в 526 г.

3731 - Кончина святого Зосимы последовала в половине VI в.

3732 - Стратилат с греч. воин, воевода, такое наименование усвояется св. Феодору за то, что он, будучи воеводой земного царя, показал себя истинным воином Христовым, «предобрым воеводой Царя небесного», как воспевает ему св. Церковь в тропаре.

3733 - Ликиний управлял восточной половиной Римской империи с 307 по 324 г. – Мученический подвиг св. Феодора относится к 319 г.

3734 - Гераклея находилась в Понте, северной провинции Малой Азии.

3735 - Город Евхаиты находился с северной части Малой Азии, недалеко от Гераклеи; ныне – местечко Марсиван.

3736 - Дамаск – древнейший сирийский город, упоминаемый в Библии уже в истории Авраама (Быт.14:15); был расположен к северо-востоку от Палестины, в прекрасной и плодородной равнине, находившейся у восточной подошвы Анти-Ливана. В истории Христианской церкви Дамаск замечателен как место

чудесного обращения ко Христу Савла (Деян.9:1–22). В 634 году покорен арабами, с 1516 г. присоединен к Турецкой империи.

3737 - Феофил занимал Александрийскую патриаршую кафедру с 385 по 412 г. Известен в истории, главным образом, по своей вражде к Иоанну Златоусту честолюбием, он стремился подчинить своему влиянию Константинопольского архиепископа, и потому после смерти Нектария, занимавшего византийскую кафедру с 381 по 397 г., интриговал в пользу того, чтобы на эту кафедру было избрано преданное ему, Феофилу, лицо. Когда, вопреки планам Феофила, был избран в епископы столицы св. Иоанн Златоуст, бывший до этого пресвитером в Антиохии, Феофил затаил против него злобу и сделался опорою противной Златоусту партии. Он принял деятельное участие в сложной интриге против Константинопольского святителя, результатом которой было низложение последнего и двукратное изгнание из столицы. На соборе в Дубне, составленном врагами Златоуста с целью низложения его, Феофил присутствовал в качестве председателя. Вообще отношения его к Златоусту были такого свойства, что ложатся темным пятном на его имени. Но в остальном Феофил был довольно мудрым иерархом и сделал много полезного для Александрийской церкви.

3738 - Св. Кирилл занимал Александрийскую патриаршую кафедру с 412 по 444 г.

3739 - Римский император Декий царствовал с 249 по 251 г.

3740 - Фабиан, епископ римский, занимал римскую кафедру с 236 по 250 г.

3741 - Фабиан замучен был в январе 250 г., и кафедра его оставалась не занятой до июня следующего года, так как жестокости гонения не позволяли совершить избрание нового папы. Декий, будто бы, сказал, что он скорее бы согласился видеть претендента на императорский престол, чем нового епископа в Риме. В период этого годичного вдовства Римской церкви Новациан, отличавшийся красноречием и ученостью, а также суровым образом жизни, пользовался большим влиянием

и мог рассчитывать на избрание в епископы. Однако расчеты эти не оправдались.

[3742] - Св. Корнилий был папою в Риме с 251 по 252 г.

[3743] - Это было седьмое общее гонение на христиан. Оно направлялось, главным образом, против епископов и духовенства. Среди жертв гонения были Фабиан римский, Вавила антиохийский, Александр иерусалимский, при этом в жизни других святых мужей (как Киприана карфагенского, Оригена, Григория чудотворца, Дионисия Александрийского) период этот ознаменовался ссылками и другими страданиями. Главной целью гонения было, однако, же, не подвергать христиан смерти, но принуждать их к отречению. С этою целью они были подвергаемы пыткам, тюремному заключению и голоду, и при таких испытаниях твердость многих не выдержала.

[3744] - Новациан сначала не проявлял нетерпимости к падшим, Киприан, епископ Карфагенский, свидетельствует, что он был автором того письма, в котором римское духовенство признавало, что падшие могли быть допускаемы в церковь, если находились в смертной опасности. Но после избрания Корнилия он сделался вождем партии, которая проводила совершенно иное воззрение. Новациан стал учить, что хотя покаявшиеся падшие и могут быть допущены к Божественному милосердию, и потому могут быть увещаемы к покаянию, однако, же Церковь не имеет власти давать им отпущения и должна навсегда отлучать их от общения; иначе она теряет свой христианский характер и свои преимущества.

[3745] - Посвящение Новациана в епископы было произведено тремя епископами незначительных городов, которые призваны были сторонниками его под ничтожными предлогами и возложили на него свои руки вечером, после ужина.

[3746] - Новацианство находило на Западе многих последователей, и его начала сделались даже более строгими, чем были прежде. Приговор о пожизненном отлучении от общины, первоначально прилагавшийся только к тем, кто отрекся от веры, впоследствии был распространен и на всех тех, которые после крещения совершили более или менее

тяжкие грехи. При этом новациане приняли название кафаров, т.е. чистых. Они перекрещивали переходивших к ним из Церкви, считая общение с ней нечистым и ее священнослужения вследствие этого недействительными. Некоторые из новациан осуждали второбрачие, ставя его наряду с прелюбодеянием. Что же касается до главных истин Евангелия, то новациане были и постоянно оставались православными, и многие из них пострадали даже до смерти за свою веру.

3747 - Стадия равняется 87 1/2 саженям. 120 стадий составляет таким образом 21 версту.

3748 - Коноп расположен у устья Нила, называвшегося по имени его конопийским. До основания Александрии Коноп был самым значительным городом этой местности, но с возникновением этой столицы Египта значение его стало падать и ко времени введения христианства город исчез, – на его месте находилось потом незначительное селение.

3749 - Место это, по известию о перенесении мощей св. мучеников Кира и Иоанна (см. ниже, 28 числа), отстояло от Конопа на расстоянии двух поприщ, т.е. около двух верст.

3750 - Александр Великий, царь македонский, покоривший своей власти весь культурный Восток, жил в конце IV в. до Р. Х. Город Александрия, что в Египте, основан им для утверждения греческого владычества в 332 г. до Р. Х. Сделавшись одним из самых богатых и цветущих городов Востока, он вскоре же после основания своего стал привлекать предприимчивых переселенцев из других стран и, между прочим, из Палестины – из среды тогдашнего иудейского населения ее. Иудеи Александрии составляли довольно значительную колонию, и квартал иудейский был очень густо населен. Филон, иудейский писатель, живший в I в. до Р. Х., говорит, что в его время в Египетской стране, преимущественно в Александрии, было более миллиона евреев. После взятия Иерусалима, Птолемей I поселил в Александрии многочисленную колонию иудеев и дал им равные права с греками. Римляне подтверждали за ними эти права, и Август учредил особый иудейский совет для заведования еврейскими делами под властью императорского

префекта. Впрочем, при Каллигуле они лишились большинства своих привилегий.

[3751] - Синагога – место религиозных собраний иудеев. Это были открытые здания, назначаемые для отправления общественного богослужения иудеев. По закону оно должно было совершаться в скинии и потом в храме Иерусалимском. Но во время плена вавилонского храм был разрушен, и потому явилась потребность в особых местах для собраний. Так появились синагоги. Синагоги можно было устроять во всяком месте, где только находилось достаточное число истинных поклонников из иудеев. Поэтому уже во времена Иисуса Христа и апостолов они были распространены всюду, где жили иудеи. Существовало некоторое сходство между устройством синагоги храма. В центральном помещении синагоги ставился шкаф, где хранились свитки закона Моисеева, который предлагался для чтения народу. Среди синагоги возвышался низший налой или кафедра. Некоторые из мест для сидения были сделаны выше прочих и назначались для старейшин, т.е. престарелых или влиятельных лиц в общине. Старейшины составляли совет, которому принадлежало высшее управление синагогою. Председатель этого совета назывался начальником или правителем синагоги (Мк.5:22; Деян.13:15). Начальники синагоги имели власть отлучать от общины нарушителей закона и подвергать их бичеванию. В синагогах разбирались также различные судебные дела.

[3752] - Разумеется святой Александр, бывший епископом Александрии с 312 по 326 г., один из первых поборников православии, выступивший против ереси Ария.

[3753] - Грамматик – учитель. Этим именем обозначались не просто учителя грамотности, но люди в полном смысле обладавшие ведением всей греческой классической литературы, – изучавшие ее критическим путем – со стороны построения фразы и со стороны содержания.

[3754] - Феодосий II или Младший царствовал на Востоке с 408 по 450 г.

[3755] - Птолемаида, о которой упоминается здесь, находилась в верхнем Египте (Фиваиде), на берегу р. Нил.

[3756] - Кинарон – название городского квартала, близ соборной площади.

[3757] - Нитрийская гора находилась к югу от Александрии, на запад от реки Нил, близ Ливийской пустыни. Название свое гора получила от обилия нитры или селитры на озерах, примыкавших к ней. В ряду других пустынных местностей Египта Нитрийская гора была излюбленным местом обитания отшельников.

[3758] - Эллинами назывались греки. Религия их представляла собою яркое выражение антропоморфизма, т.е. обожествление человеческой природы со всеми ее достоинствами и недостатками, а также обожествление различных проявлений человеческого гения. Боги греков – олицетворение различных свойств и проявлений телесной и духовной природы человека.

[3759] - Святой Сисиний занимал епископский престол в Константинополе с 426 по 427 г.

[3760] - Св. Аттик вступил на Константинопольский престол в 406 г. и занимал его до 425 г.

[3761] - Несторий занимал Константинопольскую кафедру с 428 по 431 г. До своего избрания во епископа столицы он был пресвитером в Антиохии (см. о ней ниже). Он отличался аскетическим направлением жизни и начал свою деятельность в Церкви, постригшись в монахи. Сверх того, Несторий имел склонность к учености и славился своим плавным и звучным ораторством; но в то же время его обвиняли в гордости и честолюбии, говорили, что любовь к славе заставляла его прибегать к показной святости в его жизни и к высокопарному слогу в проповеди. Как бы то ни было, он до своего избрания на Константинопольскую кафедру пользовался хорошей репутацией. Вдобавок к его личной славе особое доверие к его имени внушало в Константинополе то обстоятельство, что он вышел из одной и той же церкви с высокочтимым Иоанном Златоустом Сделавшись епископом столицы, Несторий показал себя на первых порах ревностным поборником православия. Проповедуя в соборном храме в день своего вступления в сан,

он обратился к императору со словами: «дай мне землю, очищенную от еретиков, а я в свою очередь дам тебе Царство Небесное». Слова эти встречены были громким одобрением, но последующие обстоятельства показали, что Несторий сам был не тверд в православии и являлся волком в овечьей шкуре.

3762 - Антиохия сирийская – один из древнейших и богатейших городов Сирии, столичный ее город; лежит при р. Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море; основан за 300 лет до Р. Х. Селевком Никатором и назван так по имени Антиоха, отца его. Для христианской Церкви Антиохия имела особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства, и как мать христианских церквей из язычников. Самое имя «христиан» впервые дано было последователям Господа Иисуса в Антиохии; здесь же впервые возникли христианские миссии, потому что отсюда именно: Ап. Павел и Варнава отправились в свое первое миссионерское путешествие и туда же возвратились (Деян.13:1–4, 14:26). Их второе путешествие началось там же, хотя они уже отправились не вместе (Деян.15:39–40) Там же закончилось второе путешествие Ап. Павла и началось третье путешествие (Деян.18:22–23). В последующее время в Антиохии было немало замечательных соборов, созываемых по поводу еретических распрей. Церковь Антиохийская издревле пользовалась особыми преимуществами наряду с церквами Александрийской, Иерусалимской и Римской. С древнего времени при ней образовалась особая богословская школа, отличавшаяся трезвым рассудочным направлением, ясным изложением последовательного хода развития Божественного откровения и введением для истолкования Священного Писания историко-грамматического метода (т.е. при посредстве исторических и грамматических справок). Своим происхождением школа обязана антиохийскому пресвитеру Лукиану и его современнику Дорофею, жившим в III в. Из нее вышли впоследствии Иоанн Златоуст, Феодор, епископ Мопсуетский, Феодорит Кирский и другие. Несторий также принадлежал к этой школе, но он трезво-рассудочные начала ее

довел до крайних пределов и, в стремлении приблизить тайну воплощения к нашему пониманию, впал в ересь.

3763 - Название Пречистой Девы Марии Богородицею, подвергнутое Анастасием и Несторием нападению, употреблялось в предшествующем веке Евсевием Кесарийским, Афанасием Великим, Григорием Великим, Григорием Нисским и другими; оно не означало того, что Пресв. Дева сообщила Божественную природу Спасителю, но утверждало только единение Божества и человечества в одном лице, «потому что Сын Божий принял на себя не личность человека, но только естество человека».

3764 - Между прочим, списки проповедей Нестория обращались среди египетских монахов, и многие из них вследствие этого перестали называть Пресвятую Деву Богородицею.

3765 - Александрийский епископ Александр видел во сне явившегося Господа, на Котором была разодранная одежда. Когда он спросил явившегося: «Господи, кто разодрал Твою одежду? – то услышал такой ответ: «Неистовый и беззаконный Арий». Вскоре после этого Арий и выступил со своим еретическим учением о Лице Господа Иисуса Христа.

3766 - С таким увещеванием Кирилл обратился к Несторию в своем пасхальном послании 430 года.

3767 - Святым Кириллом были написаны два особых трактата, один – императору Феодосию Младшему, а другой – императрицам Пульхерии и Евдокии, из которых первая была сестрой, а вторая женой императора.

3768 - Целестин I был епископом в Риме с 422 по 432 г.

3769 - т.е. патриархам Антиохийскому и Иерусалимскому.

3770 - Иоанн I, патриарх Антиохийский, занимал антиохийскую кафедру с 423 по 440 г.

3771 - Указ о созыве Вселенского собора подписан был не только Феодосием, но и западным императором Валентианом III, царствовавшим с 423 по 455 г.

3772 - Ефес – главный город малоазийской провинции Иконии, близ устья Каистра (ныне Кючок-Мендерец); служил

средоточием для всей торговли передней Азии. Некогда славился знаменитым храмом Дианы. В христианской истории Ефес известен как место обитания при конце жизни своей ап. и св. Иоанна Богослова. Поэтому церковь в Ефесе пользовалась большим уважением, как шедшая от апостолов, и епископы Ефеса получили в V в. патриаршие права, которые удержались за ними, впрочем, ненадолго.

3773 - Комит – спутник. Так назывались лица, состоявшие в свите императоров. В описываемое время название комит стало почетным титулом, который давался высшим сановникам империи.

3774 - Во главе этих епископов был Мемнон, епископ ефесский, кафедра которого пользовалась в это время патриаршими правами. Впоследствии ефесский епископ, с титулом митрополита области, был подчинен Константинопольскому патриарху.

3775 - Аполлинарий был епископом лаодикийским, в Сирии (ум. 390 г.). Сначала он был одним из главных поборников никейского символа; но потом, в борьбе с ересью Ария, впал в противоположную крайность. Исходя из того положения, что совершенный Бог и совершенный человек не могут соединиться в одно Лицо, и что если бы Христос был совершенным человеком, то Он не мог бы оставаться чистым от греховности и совершить искупление, – Аполлинарий учил, что Христос имел только две части человеческого существа – тело и душу, третью же часть, дух, заступало в нем – Божество. Ересь эта была осуждена на Александрийском соборе 362 г.

3776 - Вместе с св. Кириллом и Мемноном был заключен под стражу, по повелению императора, и Несторий. Поступок этот показывает, что Феодосий думал путем устранения главных представителей двух враждебных направлений достигнуть примирения и соглашения между партиями. Более подробное знакомство с обстоятельствами дела, побудило его отменить эту меру и дать свободу Кириллу и Мемнону.

3777 - Здесь указание на известный случай, описанный в Деяниях апостольских (Деян 19:24–28). Случай происходил во

времена апостольские в том же Ефесе, где тогда был знаменитый храм Артемиды (или Дианы, богини охоты) и где имя этой богини окружено было особым поклонением. По известию Деяния, когда Апп. Павел и Варнава пришли в Ефес и проповедовали здесь о суетности идолов, художники, которые в выделке моделей храма Дианы находили выгодный промысл для себя, подняли народное возмущение против апостолов, причем толпа кричала: «Велика Артемида ефесская!» Впрочем, возмущение было остановлено блюстителем порядка.

3778 - С именем Оасима известен оазис Ливийской пустыни, расположенный на запад от Верхнего Египта (Фиваиды); он назывался также Великим Ливийским оазисом. Здесь с давнего времени существовала греческая колония, служившая также местом ссылки.

3779 - Луг духовный (по греч. Лимонар) – сочинение монаха Иоанна Мосха (ум. 622 г.); оно написано в начале VII в. и содержит в себе краткие сказания о подвижниках Палестины, Египта и Сирии.

3780 - Лаврами назывались обители, отличавшиеся большим количеством иноков и своим значением. Лавра – с греческого – часть города, переулок; так назывался обнесенный оградой или стеной ряд келий, расположенных вокруг храма или жилища настоятеля в виде переулков города. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей кельи, собираясь вместе лишь для Богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни храня безмолвие. Такой порядок иноческой жизни держали во многих лаврах и, в частности, в упомянутой лавре Коломановой. Лавра эта была расположена в пустыни Иорданской, вблизи Иордана и Мертвого моря.

3781 - Память преп. Исихия, пресвитера Иерусалимского – в субботу сырную.

3782 - Ссылка на известное место Евангелия Иоанна Богослова: (Ин.1:16), т.е. от полноты благодатных даров в Иисусе Христе мы все в изобилии восприяли в себя действие благодати Божией.

[3783] - Диптихами назывались деревянные, костяные, или металлические дощечки, связанные друг с другом шнурами и служившие у древних греков и римлян памятными книжками. В христианской церкви диптихи являлись с древнего времени поминальными книжками, в которые записывались имена епископов, мучеников и всех вообще святых.

[3784] - Разумеется, по-видимому, собор под Дубною, недалеко от Халкидона, на котором председательствовал Феофил и на котором св. Иоанн Златоуст был осужден и низложен.

[3785] - Св. Исидор Пелусиот, знаменитый подвижник, отличавшийся строгостью своей жизни, подвизался близ египетского города Пелусия. Скончался около 436 года. По своим сочинениям он был одним из великих отцов Церкви. Сочинения его состоят из писем, большая часть которых представляет собой толкование Священного Писания. Впрочем, есть много писем, написанных с целью увещания и вразумления различных современных ему лиц, а также с целью примирения враждующих. Число всех писем преп. Исидора простиралось, как пишут, до 10 000, но до нас дошло около 2090.

[3786] - Разумеется первосвященник Илий, живший во времена пророка Самуила. Он отличался добротою, но его доброта граничила со слабостью. Это в особенности обнаруживалось в его отношениях к детям, священникам – Офнию и Финеесу, которые позволяли себе разные бесчиния в скинии. Слабохарактерный Илий не обращал должного внимания на это, несмотря на неоднократные вразумления Божии. Тогда суд Божий не замедлил открыться над домом Илия. Наступила война с филистимлянами, и когда во время войны вынесен был в еврейское войско Ковчег Завета сыновьями Илия, то случилась катастрофа: сыновья Илия были убиты, ковчег взят в плен, а Илий, услышав об этом, упал с сиденья и умер (1Цар.4:1–22).

[3787] - Ионафан – сын Саула, царя еврейского. Когда Бог отступился от Саула и во время войны с филистимлянами не дал ему откровения об исходе войны, он решился обратиться к суеверию и пошел к волшебнице, жившей в Аэндоре,

небольшом городке в колене Иссахаровом. Здесь он вызывал тень Самуила и пытался узнать об ожидающей его участи. В происшедшей затем битве войска Саула потерпели поражение, и три старшие сына его были убиты на его глазах; сам же Саул упал на свой меч и закололся.

3788 - Из-за Златоуста после его смерти происходили большие разногласия. В то время, как официальные представители константино- польской и Александрийской церкви не признавали его святым, в других церквах например, Римской и Антиохийской, он был вписан в диптихи и сопричислен к сонму святых. Но и в первых двух церквах было немало сторонников Златоуста, которые не разделяли воззрений своих официальных представителей и считали его святым. На этой почве происходили споры и несогласия. В Константинополе сторонники Иоанна Златоустого иоаннитов. Раскол этот был здесь уничтожен только в 438 году.

3789 - Александрия, расположенная на самом берегу Средиземного моря, и как город греческого происхождения, здесь считается как бы находящейся вне настоящего древнего Египта.

3790 - Здесь указание на великие притеснения, которые производились во времена египетских фараонов над рабами – строителями пирамид и других египетских сооружений и, между прочим, над евреями. Истощаемые непосильной работой, они плохо кормились и не получали за свой труд никакой платы.

3791 - Предшественник Кирилла по Александрийской кафедре, дядя его Феофил, отличался корыстолюбием, как это видно из жития св. Иоанна Златоуста (14 ноября).

3792 - Выражение образное – указывающее на торжество праведного Златоуста после его смерти, признанного святым во многих церквах и имеющего большое число последователей и почитателей.

3793 - Мелхиседек, царь Салимский, священник Бога вышнего упоминается в книге (Быт.14:18) (ср. Пс.109:3; Евр.5:6, 10, 6:20, 7:1, 10, 11, 15). Когда Авраам возвращался с победы над царем Еламским и его союзниками, разграбившими Лота,

Мелхиседек встретил его с хлебом и вином и благословил именем Бога всевышнего. Авраам так высоко и так благоговейно принял это благословение, что дал Мелхиседеку десятую часть всей своей добычи. Кто был Мелхиседек, остается загадкой. Вероятнее всего, он принадлежал к племени аморреев, живших тогда в Палестине, ибо у них был царем и первосвященником. Салим, думают, то же, что потом Иевус, а затем Иерусалим (Пс.75:3). Можно догадываться, что Мелхиседек был особенный, славный во всей Палестине, служитель Бога истинного. Свящ. Писание скрыло подробности о нем, давая видеть в нем прообраз Христа. На прообразовательное значение священства Мелхиседека указывал еще царь и пророк Давид, когда говорил о Сыне Божием: «ты иерей во век по чину Мелхиседекову» (Пс.109:4). Но особенно ясно и подробно раскрыто прообразовательное значение Мелхиседека у апостола Павла в послании к евреям (Евр.7:1–28).

3794 - Сочинения св. Кирилла Александрийского по содержанию разделяются на изъяснительные, апологетические (в защиту христианства), догматические и нравоучительные. Из изъяснительных сочинений Кирилла самое лучшее – толкование на Евангелие Луки, отличающееся при краткости точностью изъяснения слов Писания. Замечательны также объяснения его на послания к евреям и Коринфянам. Из толкований на Ветхий Завет следует отметить объяснения на Песнь Песней, затем – на пророка Исаию и меньших пророков. Превосходно сочинение св. Кирилла против Юлиана, составленное в опровержение сочинения, которое Юлиан, с помощью языческих философов, написал в защиту язычества и против христианства. Большая часть догматических сочинений Кирилла написаны по делу о Нестории. Таковы пять книг против Нестория. Здесь Александрийский святитель, не называя Нестория по имени, разбирает его учение. Относительно обширного сочинения о св. Троице, известного под именем Сокровище, блаж. Фотий (патриарх Константинопольский) говорит, что оно отличалось основательностью и клонилось к ниспровержению еретического учения Ария и Евномия. Оно превосходит все другие ясностью.

Два, не очень пространные, догматические сочинения о св. Троице и сочинение о воплощении составляют вид катехизического учения: эти сочинения важны по точности изложения православного учения. Особенного внимания заслуживает здесь учение об нахождении Св. Духа. Сочинение против антропоморфизма писано св. Кириллом для некоторых египетских иноков, которые, по неведению, представляли себе Бога в человеческом образе. Св. Кирилл сочинил много бесед. Замечательно слово его об исходе души, как по глубине чувств сокрушенного сердца, так и по мыслям о состоянии душ, разлученных с телом. Оно помещено в славянской Следованной Псалтири и греческом Часослове, как весьма назидательное для христиан.

3795 - Кончина св. Кирилла совершилась 27 июня 448 года.

3796 - Каменный или Каменский монастырь находился на пустынном острове Кубенского озера в нынешней Вологодской губернии.

3797 - Дионисий, Афонский постриженник, известен тем, что ввел в Спасокаменном монастыре строгий афонский устав и примером своей жизни многих привлек в эту уединенную обитель. Преп. Александр принял от него пострижение.

3798 - Дионисий из игуменов Спасокаменного монастыря в сан ростовского архиепископа был возведен в 1418 году.

3799 - Князь Димитрий Васильевич был не ярославским, а заозерским или кубенским князем, и его резиденцией было местечко, ныне село Кубенское Устье, находившееся в 3-х верстах от обители преподобного Александра; ярославским же князем был брат Димитрия, Симеон Васильевич, скончавшийся около 1320 года.

3800 - Почитание преподобного Александра началось с 16 века. Мощи его находятся в Куштском монастыре, который в 1838 году приписан к Спасокаменному монастырю.

3801 - Лодия или Лавда находилась вблизи Медиолана (см. ниже с. 384)

3802 - Сиракузы – одна из первых греческих колоний на восточном берегу острова Сицилия, основанная за VIII в до Р.

X.; впоследствии самый большой и богатый город острова.

3803 - Из дальнейшего повествования видно, что святой Вассиан слыхал о христианах еще в детстве (житие повествует, что Вассиан, будучи младенцем, чертил на земле знамение креста); но в Риме Вассиан более обстоятельно познакомился с христианством и имел возможность лично наблюдать самую жизнь христиан.

3804 - Обыкновенно все, приступавшие ко крещению, в древней Церкви подвергались предварительно оглашению – т.е., изустному наставлению в истинах веры христианской. Оглашенным дозволялось присутствовать лишь при совершении первой (проскомидии) и второй (литургии оглашенных) частях Божественной литургии; перед третьею частью (литургии верных) оглашенные должны были выходить из церкви, о чем и оповещалось возглашением диакона: Оглашенные изыдите. Срок оглашения был различен: он продолжался от нескольких дней или недель до нескольких месяцев и даже лет.

3805 - Т. е. не зная того, что он был христианином.

3806 - Первые христиане, по примеру древних евреев, делили ночь на четыре части (по 3 часа в каждой), называвшиеся стражами. Пение петухов, бывшее в третью стражу, называлось петлоглашение или куроглашением.

3807 - Равенна находилась в так называемой Циспаданской Галлии, на берегу Адриатического моря Природа и искусство сделали из этого города сильную, почти неприступную, крепость, почему Равенна считалась оплотом Италии. Римские императоры, начиная с Гонория (395–423 гг), избирали ее своим местопребыванием.

3808 - Под именем тартара древние греки разумели темную бездну, находившуюся в глубине земли.

3809 - Император Веспасиан царствовал с 70 по 79 г.

3810 - Император Валентиниан II царствовал с 383 по 392 г.

3811 - Лигурией в Италии называлась область, населенная лигурами, – племенем кельтского происхождения. Лигурия граничила с Галлией.

[3812] - Город Команы находился в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии. Ныне на месте этого города находится селение Гуменек.

[3813] - Кончина святого Вассиана последовала ок. 409 г.

[3814] - Император Гонорий управлял Западом с 395 по 423 г.

[3815] - Император Феодосий II управлял Востоком с 408 по 450 г.

[3816] - Кончина св. Феофана последовала во второй половине IV в.

[3817] - Вифиния, Фригия и Лидия – малоазийские области.

[3818] - Гора Олимп находилась в северо-восточном углу Малой Азии, на границах Фригии, Мизии и Вифинии.

[3819] - Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 г.

[3820] - Кончина святого Тимофея последовала во второй половине IV в.

[3821] - Честные мощи святого Тимофея находились в Константинополе в храме его имени, выстроенном близ меландезийских ворот (в 12 части Константинополя).

[3822] - Город Кродамн находился в малоазийской области Фракии.

[3823] - Артемида или Диана – греко-римская богиня света и луны.

[3824] - Кончина святых мучеников последовала 3 мая 313 г., но повествование о житии их предложено под 10 июня потому, что под этим числом оно помещено в прологах. Честные мощи их впоследствии были перенесены в Константинополь и положены в монастыре Максимовом.

[3825] - Лидия и Мизия – северо-западные области Малой Азии.

[3826] - Город Иераполь (с греч. священный город) – находился в малоазийской области Фригии. Иераполь некогда имел епископа, присутствовавшего на 1 Вселенском соборе в 325 г. В настоящее время здесь одни развалины, и место это служит пристанищем для прокаженных.

[3827] - Ехидна – ядовитая змея, величиною более сажени, уязвление ее очень опасно и в большинстве случаев оканчивается скорой смертью.

[3828] - Память св. апостола Филиппа (из 12) празднуется 14 ноября

[3829] - Память святой Мариамны празднуется 17 февраля

[3830] - Пантен (жил во III веке) один из знаменитых учителей Александрийской школы, в которой получили христианское просвещение многие из отцов Церкви.

[3831] - Великая Армения – горная страна между рекой Курой и верховьями рек Тигра и Евфрата, она называлась Великой Арменией в противоположность Малой Армении – области между верховьями рек Евфрата и Галаса, которая входила в состав царства Митридата Понтийского, а с 70 г. по Р, Х. – в состав Римской империи.

[3832] - Альбан (или Албанополь, также Абарнополь) – город на западном берегу Каспийского моря – нынешний Баку.

[3833] - Святой Апостол Варфоломей скончался в 71 г. по Р. Х.

[3834] - Липара – один из золийских островов между Италией и Сицилией.

[3835] - При императоре Анастасии, около 508 г., мощи св. Апостола Варфоломея перенесены были из Альбана в город Дары (в Месопотамии). Когда, в 574 г., персы овладели этим городом, то некоторые из дарских христиан взяли св. мощи апостола и удалились с ними к берегам Черного моря, где были застигнуты врагами, которые бросили честные мощи в море; но они не потонули, а приплыли чудесно на остров Липару. Впоследствии остров был взят арабами, которые рассеяли мощи Апостола Варфоломея, но они чудесным образом были собраны воедино; св. Варфоломей явился одному монаху и указал место, где найти их. После этого мощи св. апостола были перенесены в Неаполитанский город Беневент (в IX веке), откуда их перенесли (по крайней мере часть св. мощей) в X столетии в Рим. Перенесение мощей св. апостола на остров Липару вспоминается Церковью 25 августа

3836 - Остров Кипр находился в северо-восточном углу Средиземного моря.

3837 - История обращения Савла изложена в Деян.9:1–19. Город Дамаск лежит к северо-востоку от Палестины, при восточной подошве Анти-Ливана.

3838 - Тарс – большой в древности город, находившийся в малоазийской области Киликии. Остатки этого города сохранились и теперь.

3839 - Голод, предсказанный пророком Агавом, действительно был в Палестине, в 44-м году, при кесаре Клавдии (Деян.11:28). О сильном голоде, свирепствовавшем в то время в Палестине, свидетельствуют и многие светские писатели того времени, как например, Иосиф Флавий, Светоний, Тацит и др. Впоследствии во время пребывания ап. Павла в Кесарии, он предсказал ему также заключение в узы (Деян.21:10–11). Память св. пророка Агава совершается св. Церковью 8 апреля.

3840 - Селевкия – приморский город в Сирии на берегу Средиземного моря, недалеко от устья реки Оронта, в 25 верстах от Антиохии. Город этот был основан царем Сирийским Селевком Никатором за 300 лет до Р. Х.

3841 - Город Саламин находился на восточной стороне острова Кипр. Развалины его указывают вблизи селения Фамагуста.

3842 - Город Паф находился на противоположном Саламину берегу острова Кипр. Паф был главным городом острова и резиденцией проконсула.

3843 - Икония – малоазийский город. Ныне Кония.

3844 - Ликаония – малоазийская область.

3845 - Зевс, или Юпитер, – верховный бог греко-римской религии.

3846 - Гермес или Меркурий считался у древних греков и римлян покровителем торговли и промышленности.

3847 - Город Атталия находился в малоазийской провинции Памфилии, близ Пергии, недалеко от берега Средиземного моря. Ныне здесь местечко Антали с 800 жителями.

[3848] - Деян.15:36–41, 16:1. Некоторые предполагают, что святой апостол Варнава, после проповеди на острове Кипр и в других местах, снова присоединился к св. апостолу Павлу и разделял его проповеднические труды; думают также, что именно Варнава был тем братом, посланным ап. Павлом вместе с Титом к коринфянам, который, по словам ап. Павла, прославляется по всем церквам за благовествование (2Кор.8:18).

[3849] - Медиолан или Милан – итальянский город, находившийся в провинции Ломбардии. В истории Христианской церкви известен как место архипастырской деятельности святого Амвросия, знаменитейшего отца и учителя Западной церкви, жившего в IV в. Память его совершается св. Церковью 4 декабря.

[3850] - Кончина св. апостола Варнавы последовала ок. 62 г.

[3851] - Ефес – малоазийский город, лежащий между Смирной и Милетом, при реке Каистре, недалеко от впадения ее в Икарское море.

[3852] - IV Вселенский собор происходил в 451 г. и был созван для обличения ереси архимандрита Константинопольского Евтихия, утверждавшего, что в Иисусе Христе человеческое естество было совершенно поглощено божеством, и потому признававшего в нем только одно естество – божеское.

[3853] - Халкидон, или Калхедон, – первоначально мегарская колония на берегу Пропонтиды (Мраморного моря). При христианских императорах Халкидон был столицей малоазийской провинции Вифинии.

[3854] - Аполлинарий, епископ Лаодикийский, несправедливо учил, что Сын Божий, воплотившись, принял не полное человеческое естество, но только душу и тело человеческие, ум же человеческий у Него заменяло божество. Ересь эта была осуждена на II Вселенском соборе, происходившем в г. Константинополе в 381 г.

[3855] - Зенон царствовал с 474 по 491 г.

[3856] - Честные мощи св. апостола Варнавы были обретены между 485 и 488 г.

[3857] - С точностью неизвестно, – замечает св. Димитрий Ростовский, – какой именно преподобный Пафнутий обрел в пустыне преподобного Онуфрия, ибо в Церковных историях и в Патериках встречаем нескольких святых с именем Пафнутий. Иной был Пафнутий, – епископ горной Фиваиды, одной из стран египетских, пострадавший во времена нечестивого императора римского Максимиана (305–311 гг.), причем ему был выколот правый глаз. Впоследствии он, в царствование великого Константина (306–337 гг.), присутствовал на первом Вселенском соборе, созванном в городе Никее (в 325 г.). Когда святые отцы хотели утвердить как закон то, чтобы священники и диаконы не имели жен, то он, став посреди собора, громогласно изрек: «Не возлагайте тяжкого бремени и ига на служителей Церкви». И противостоял сей Пафнутий в этом деле всем святым отцам весьма усердно, хотя сам был девственником от чрева матери своей. Никто ничего не мог сказать против него, почему и оставлен был этот вопрос на произвольное решение каждого; поэтому пресвитеры и диаконы Церкви Восточной и до этих пор принимают благословенное супружество. Об этом повествуют греческие историки: Сократ (кн. 1, гл. 8), Созомен (кн. 1, гл. 22) и Никифор (кн. 8, гл. 19). Память сего Пафнутия в римских Месяцесловах полагается в 11 день месяца сентября; в русских Месяцесловах, равно и в Прологах, о нем нигде не вспоминается. Иной был Пафнутий мученик, также подвизавшийся в египетских пустынях, пострадавший в царствование Диоклетиана (284–305 гг.), быв распят на финиковой пальме. Повествование о нем находится в Прологе 25 числа сентября месяца из Александрии, города египетского, отец преподобной Евфросинии память коей празднуется в 25 день сентября месяца. Иной был Пафнутий, также египтянин, обративший к покаянию Таисию блудницу память коей совершается в 8 день октября месяца. Иной был Пафнутий, ученик преподобного Макария Александрийского, повествующий о том, как зверь гиена принес своего слепого щенка к преподобному Макарию для уврачевания. Иной был Пафнутий, по прозвищу Кефаль, упоминаемый в книге Руфина (историка IV века) «Провещаниях отеческих», и в книге Палладия «Лавсаик»

(91 гл.), ходивший восемьдесят лет в одной одежде. В Прологах встречаются слова и еще о некоторых Пафнутиях; так 25 ноября месяца есть слово о Пафнутии монахе, как он спас разбойника, испив чашу вина; в 9 день месяца марта есть слово о Пафнутии монахе, молившем Бога известить его, кому он подобен; и получил он извещение, что подобен старейшине селения; об этом же Пафнутии под 27 числом того же месяца есть слово, что он подобен свирельщику. Относительно же того Пафнутия, который обрел преподобного Онуфрия, мы не имеем никаких известий.

3858 - Египет был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Нижнем, так и в Среднем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня Нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая вглубь страны за рекой Нилом. Внутренняя или скитская пустыня лежала на несколько суток пути далее пустыни общежительных монастырей. Эта была дикая песчаная пустыня, где только изредка встречались ключи с водой; сюда не было и проторенной дороги – путь сюда направляли по течению звезд.

3859 - Память его в тот же день.

3860 - Киновиями (от греч – общий и – жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия содержатся на счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

3861 - Или Ерати.

3862 - Миллиарий – римская миля, или, точнее, римский милевой камень, потому что в конце каждого миллиария стоял в виде знака каменный столб. Миллиарий равнялся 8 стадиям (стадия 88 саженям), что составит приблизительно 1 12 наших версты. Милевые камни были рассеяны по всей Италии; на них надписывалось обыкновенно имя строителя или императора, при котором они строились. Первый милевой камень, от которого вели начало все остальные камни и у которого соединялись все дороги, находился в Риме, у храма Сатурна. При раскопках в Риме были найдены остатки этого камня.

3863 - Кончина преп. Онуфрия последовала в IV веке.

[3864] - Следует заметить, что Египет, в особенности в местах, лежавших неподалеку от реки Нила, был весьма богат своим растительным миром. Там в изобилии росли: финиковая пальма, акации, тутовые деревья, хлопчатник, сахарный тростник, индиго, и др.

[3865] - Город Оксиринх находился в верхней Фиваиде. Он славился благочестием своих жителей; по свидетельству историка Руфина (жившего в IV веке) он заключал в своих пределах до десяти тысяч девственников и до двадцати тысяч девственниц. Ныне – селение Бенезех.

[3866] - Сирия – область на восточном берегу Средиземного моря.

[3867] - С арабами.

[3868] - В 667 году.

[3869] - Аравия – обширный юго-западный полуостров Азии, отделяемый от азиатского материка Персидским заливом и связанный с твердой землей равнинами Сирийской аравийской пустыни.

[3870] - Величайшая река Азии в соединении с Тигром, составляющая ее главнейшую водную систему.

[3871] - Ефод – верхняя одежда первосвященника, состоявшая из двух кусков материи, сотканной из золота, виссона и шерсти трех цветов: гиацинтового, пурпурового, червленного; куски материи на плечах соединялись двумя нарамниками, на которых сияли, на 12 камнях, имена колен израилевых; внизу концы ефода связывались лентами. У священников же ефод был простой льняной.

[3872] - Так назывался Рим, находящийся на реке Тибр в Италии, в отличие от Нового Рима, т.е. Константинополя.

[3873] - Афонская гора (Афон), по греч. – святая гора – узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иноческая жизнь здесь появилась в древнее время, хотя несколько позже, чем в Сирии и Палестине. Для русской церкви Афон имел ранее по XVII век большое значение. Здесь постригся отец русского монашества преподобный Антоний;

отсюда был взят Студийский устав преп. Феодосием для своего (Печерского) монастыря, потом перешедший, по словам летописца, и в другие монастыри; здесь в богатых монастырских библиотеках получали наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (например преп. Нил Сорский).

3874 - Св. Петр скончался около 734 г.

3875 - Вивлос, или Библос, город, собственно, в Финикии.

3876 - В царствование Диоклетиана (284–305 гг.) было издано четыре указа против христиан. Первый был объявлен в феврале 303 г. Этим указом предписывалось разрушение церквей и сожжение священных книг, вместе с тем христиане лишились гражданских прав, чести, покровительства законов и своих должностей; рабы христиане утрачивали право на свободу, если, получив ее по какому-либо случаю, оставались в христианстве. Вскоре был издан второй указ, которым повелевалось всех предстоятелей церквей и других духовных лиц заключать в темницы; таким образом, указ касается одних только духовных лиц; последних обвинили перед императором как зачинщиков восстания в Сирии и Армении, к несчастью для христиан начавшегося вслед за появлением первого указа. В том же 303 г. последовал третий указ: всех заключенных на основании второго указа велено было принуждать к принесению жертв под опасением пыток за сопротивление. Наконец, в 304 г. был обнародован последний четвертый указ, которым объявлялось повсеместное гонение христиан. Из-за этого указа более всего пролилось христианской крови: он действовал целых 8 лет, до 311 г., когда император Галерий особым указом объявил христианство «дозволенной религией». Гонение Диоклетиана было последним; в нем христианство почти после трехвековой борьбы одержало окончательную победу над язычеством.

3877 - Т.е. водой крещения, возрождающего к новой жизни и благодатью Святого Духа укрепляющего в ней (ср. Ин.3:5–6).

3878 - Т.е. областеначальник.

3879 - Т.е. постельничих.

[3880] - Святая мученица Акилина скончалась в 283 году, 13 июня. Святые мощи ее или часть их были перенесены в Константинополь, и память ее торжественно праздновалась в храме ее имени. Последний в 532 году, в царствование Юстиниана, сгорел, но был восстановлен. Упоминание об этом храме встречаем в стишном прологе XII века.

[3881] - Берит в древности был финикийской гаванью, затем перешел в руки египтян, а Антиохом III отнят у птолемеев; в 140 году до Р. Х. его разрушил сириец Диотос Трифон, но при римском императоре Августе город был снова восстановлен. Цезарь Клавдий чрезвычайно украсил город, а император Феодосий II сделал его митрополией. При последующих императорах Берит славился школой риторики, политики, главным образом, права. Ныне Берит – Бейрут, главный город турецко-азиатского вилайета (генерал-губернаторства) Сирии.

[3882] - Констанций, сын Константина Великого, по смерти отца получил в управление Восток, Азию и Египет; в 351 г., победив убийцу брата своего Констанса, Магнеция, он соединил под своей властью всю Римскую империю. Он разрушал языческие храмы или отдавал их христианам для обращения в церкви; несколько раз им издавался закон под страхом смерти запрещавший языческие богослужения. Но своим сочувствием ереси Ария Констанций сильно увеличил церковные раздоры того времени: он преследовал православных епископов, низводил их с кафедр и даже подвергал заточению; при нем ариане занимали высшие места в государстве. Констанций умер в 361 году во время похода против своего двоюродного брата Юлиана, провозглашенного войсками в Галлии императором, куда он сам его назначил главнокомандующим. Григорий Назианзин сообщает, что перед смертью Констанций раскаивался в своем преследовании православных.

[3883] - Антиохия, древнейший город Сирии, лежит при реке Оронте между горными хребтами Ливана и Тавра; основан за 300 лет до Р. Х.

[3884] - Остров Кипр лежит в северо-восточном конце Средиземного моря, близ берегов древней Финикии

Христианство здесь было насаждено святым апостолом Павлом в его первое благовестническое путешествие

[3885] - Никифор Каллист, монах Софийского монастыря, умер около 1350 г.

[3886] - Созомен, историк церковный V века.

[3887] - Будучи епископом Левкусии святой Трифиллий построил на средства матери монастырь; скончался глубоким старцем около 370 года. В Деяниях Сардикийского поместного собора (347 г.) есть его подпись. Блаженный Иероним, отец Западной церкви (ум. в 420 г.) говорит о святом Трифиллий: «Трифиллий, епископ Кипрский, красноречивейший в своем веке и славнейший при Констанции. Я читал его толкования на Песнь песней, говорят, он составил и многое другое, что до нас не дошло». Св. Трифиллий описал жизнь своего учителя, св. Спиридона Тримифунтского. В начале 12 века мощи святого Трифиллия видел на о. Кипре наш русский игумен Даниил, путешествовавший по святым местам.

[3888] - А по иным сказаниям он происходил из колена Манассиина.

[3889] - Город Авел-Мехола находился недалеко от реки Иордана.

[3890] - Хорив – гора в пустыне Аравийской, западная возвышенность того же горного хребта, восточную часть которого составляет гора Синай.

[3891] - Милоть – верхняя одежда, плащ.

[3892] - Цари других народов на войне употребляли коней и колесницы. Поэтому Елисей назвал великого Илию колесницею Израилевой и конником, так как его одного было достаточно для того, чтобы поразить врагов и даровать победу соплеменникам (блаж Феодор, вопр 8).

[3893] - Кармил – гора в колене Иссахаровом; здесь часто пребывал пророк Илия (3Цар.18:19).

[3894] - Руно – шерсть, шкура.

[3895] - «Возливал воду на руки Илии», т.е. был постоянным служителем пророка Илии, и поэтому является пророком,

заслуживающим полного доверия, как сказал о Елисее царь иудейский Иосафат (4Цар.3:12), видимо уже слышавший о нем.

3896 - В том, что пророк Елисей для приготовления своего духа к воспринятию откровения или для успокоения духа от гнева на царя Иорама (4Цар.3:13–14), прибегает к действию струнной музыки, после чего «была Рука Господня на нем» (ср. 3Цар.18:16; Иер.1:9), усматривается, во-первых, известный в древности обычай – прибегать к музыке (ср. 1Цар.16:16) для отвлечения духа от внешнего мира, успокоения и возбуждения; во-вторых, употребление музыки (с пением гимнов) в пророческих школах(1Цар.10:5), с которыми прор. Елисей стоял в тесной связи. По словам блаж. Феодорита, «священники по Моисееву закону, употребляли трубы, а левиты – гусли, Псалтири, кимвалы и другие музыкальные орудия. В употреблении же у них при сем было Давидово духовное сладкопение. Одного из этих певцов велел призвать пророк. И когда певец воспевал, благодать Духа назнаменовала, что делать» (вопр. 12 на 4Цар.).

3897 - 3Цар.18и след. Намерение кредитора продать в рабство детей вдовы оправдывалось буквой закона (Лев.25:39; Исх.21:2) и жестокой практикой жизни (Мф.18:25).

3898 - Город Сонам или Сунем находился в колене Иссахаровом (Нав.19, 18) против гор Гелвуя (1Цар.28:4), близ Кармила.

3899 - Болезнью сына благочестивой женщины, видимо, был солнечный удар (Иудифь. 8:2–3; Пс 120:6).

3900 - Действие пророка при воскрешении умершего ребенка очень сходны по существу с действиями прор. Илии при воскрешении сына вдовы Сарептской (3Цар.17:19–23). Пророк Елисей «собственные свои орудия чувств приложил к орудиям чувств умершего, чтобы умерший стал причастен жизни живого, очевидно, по действию духовной благодати, дарующей жизнь» (блаж. Феодор, вопр. 18). Чудо это прообразовало воскресение Господа Иисуса Христа. (Повествование 4Цар.4:8–37 читается в качестве паремии 12-й на вечерне в Великую Субботу).

3901 - Ваал-Шалиша (ср. 1Цар.9:4) – город, по предположению, в колене Ефремовом.

3902 - Проказа – это самая страшная и отвратительная, заразная болезнь; она господствует преимущественно в странах с жарким климатом, особенно в Египте, Палестине, Сирии, Аравии, Индии и вообще на Востоке. При развитии этой болезни кожа делается белой, потом пухнет, сохнет, покрывается струпьями и язвами с отвратительным запахом, далее отпадают члены тела, и по большей части в конце концов пораженные этой болезнью умирают в страшных мучениях.

3903 - Когда Нееман прибыл к дому пророка Елисея «он, храня закон, как живущие под законом, не согласился видеть Неемана, как прокаженного (по закону Лев.13:14), а приказал ему семь раз измыться в р. Иордан» (блаж. Феодор, вопр. 19).

3904 - Сирийские реки Авана и Фарфар, по общему мнению, вытекали из гор Антиливана и орошали Дамаск.

3905 - Просьба Неемана к пророку: дать ему известное количество земли из страны Израильской объясняется глубоким благоговением Неемана к Иегове – самую землю страны Его почитания Нееман считает священной, и берет часть земли, освященной благословением пророка Иеговы – Елисея.

3906 - Кроме того, Нееман Сириянин говорил о себе пророку Божию, что он, по обязанности слуги царского, должен сопровождать своего государя в капище Реммана и там преклоняться вместе с царем, который повергается на землю перед идолом, опираясь на его руку; и теперь Нееман спрашивал у Елисея, простит ли ему Господь, что он преклоняется в капище Реммана? Елисей успокоил его, и он отправился (4Цар.5:18–19).

3907 - Дофаим – город на торговой дороге из Галаада в Египет, к северу от Самарии; здесь некогда был продан Иосиф (Быт.37:17, 25).

3908 - Пророк говорит царю и старейшинам народа о предстоящей необыкновенной дешевизне хлеба именно: «у ворот Самарии» – у ворот, где на Востоке сосредоточивалась вся общественная жизнь, между прочим, и торговля.

[3909] - На вопрос: «Почему пророк Елисей возвестил будущую победу посредством лука и стрелы?» (4Цар.13:15) блаж. Феодорит (вопр. 42) отвечает: «Не столько верили словам, сколько предречениям посредством дел. В данном случае символическое действие непосредственно выражало означаемую им действительность войны и победы. Положение рук Елисея на руки царя (4Цар.13:16) могло указывать на молитвенную помощь пророка, следовательно, и Иеговы царю Израильскому в предстоящей борьбе с сирийцами. Направление выстрела к востоку относилось к сирийцам, занявшим восточно-иорданские города и области Израильского царства (4Цар.10:33).

[3910] - Св. пророк Елисеей умер в глубокой старости, около 100 лет. Он выступил на пророческое служение при Ахаве (3Цар.19:19) – около 900 года до Р. Х., а скончался при Иоасе, в тридцатых годах IX века. По блаженному Иерониму, могилу пророка указывали близ Самарии (ср. 4Цар.5:9, 6:32). Св. мощи пророка Елисея, во времена блаж. Иеронима, вместе с мощами св. пророков Авдия и Иоанна Крестителя в Севастии или Самарии изгоняли демонов, во времена Юлиана сожжены, но останки от огня сохранены верными, часть их перенесена в Александрию. В Константинополе св. пророку посвящен был храм, а в Палестине св. Иоанном Дамаскиным написан канон. Праздник в честь св. пророка Елисеея 14 июня есть древнейший и общий всем народам Востока и Запада.

[3911] - Посмертное чудо пророка, по блаж. Феодориту, имело такой смысл: «Пророк и по смерти воскресил поднесенного к нему мертвеца, чтобы и сие чудо свидетельствовало о приятой им сугубой, против учителя, благодати». Кроме того, временной целью чуда могло быть воодушевление Израиля на борьбу с врагами, а вечной и существенной: засвидетельствование истины всеобщего будущего воскресения мертвых. В частности, здесь доказывается истинность почитания Православной церковью мощей святых угодников Божиих. Так, сила Божия, которая была на пророке Елисее при жизни, сообщилась при этом чуде его мощам.

3912 - Кроме множества предсказаний, чудес и благодеяний, оказанных людям, пророк Елисей много содействовал развитию и возвышению училищ пророческих (4Цар.2:1–25, 3:1–27, 5:1–27 и др.) и без сомнения из этих училищ большею частью вышли те пророки, которых так много было во времена царей и которые частью устно, частью письменно поддерживали веру и благочестие в народе.

3913 - Иисус сын Сирахов в своей похвале пр. Елисею говорит следующее: «Исполненный духа Илии, Елисей не трепетал во дни свои перед князем, и никто не превозмог его; ничто не одолело его, и по успении его пророчествовало тело его; как в жизни своей совершал он чудеса, так и по смерти дивны были дела его» (Сир.48:12–16). В Новом Завете Сам Господь упоминает об Елисее, как о великом пророке Божием, давая видеть в чудесах и исцелениях его премудрые пути Промысла Божия. «Много было прокаженных в Израиле при пророке Елисее – говорил Он в обличение неверия своих соотечественников – и ни один из них не очистился кроме Неемана Сириянина» (Лк.4:23–27).

3914 - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря; от материка отделяется Мессинским проливом.

3915 - Лев V Армянин правил в 813–820 гг.

3916 - Апокрисиариями назывались временные или постоянные представители епископов важнейших церквей при особе государя, которые заведовали всеми сношениями своей церкви и ее представителей с верховной властью.

3917 - Рим, главный город Римского государства, находится в средней части Италии и расположен по обеим сторонам реки Тибр, при впадении ее в море.

3918 - Феодор I Касситер был патриархом в 815–822 гг.

3919 - Т.е. Царьград или Константинополь.

3920 - Михаил II Косноязычный царствовал в 820–829 гг.

3921 - Зонара Иоанн – византийский историк и канонист, современник императора Алексея Комнина (1080–1118 гг). Первое место по достоинству среди литературных трудов Зонары принадлежит его комментарию на полный текст

церковных правил. Другим крупным трудом Зонары является его «΄Επιτομη ιστοριων» – хронологическое изложение событий всемирной истории от сотворения мира до вступления на престол императора Иоанна Комнина (1118 г.) Кроме того, от Зонары остались письма, жития святых, гимн и т.п.

3922 - Вероятно, близ Акритского мыса.

3923 - Константин Копроним занимал престол в 741–778 гг.

3924 - Феофил правил в 829–842 гг.

3925 - Сарацины – иначе арабы.

3926 - Феофил приказал бить св. Мефодия по щекам, причем челюсть его была разбита до того, что на всю жизнь у св. Мефодия остался безобразный шрам. Будучи патриархом, св. Мефодий разрезал концы клобука и обвязал ими челюсть, чтобы скрыть рубец, из уважения к исповеднику и все иноки, по его примеру, начали носить клобук с разрезами.

3927 - Т.е. царя Феофила.

3928 - Т.е. св. Мефодия.

3929 - 842–855 гг. Михаил III Пьяный правил в 855–867 гг.

3930 - Лев III Исаврянин царствовал в 716–741 гг.

3931 - Был патриархом в 832–842 гг.

3932 - Был в 787 году.

3933 - Консул начальник.

3934 - Влахерны – местность в Царьграде.

3935 - Скончался в 847 году; правил Церковью 4 года и 3 месяца слишком. Святой Мефодий составил правила для обращающихся к вере, которые приняты Церковью в руководство: три чина касательно браков, покаянные правила и несколько церковных песней; после св. Мефодия осталось несколько пастырских поучений.

3936 - 789–737 гг. до Р. Х.

3937 - Т.е. прокаженным.

3938 - Иудейский историк Иосиф Флавий (ум. в II в. по Р. Х.), между прочим, сообщает, что землетрясением на западе от храма была отторгнута половина горы, которая, катясь к востоку на протяжении 4 стадий, засыпала на своем пути царские сады.

[3939] - Сикоморы или сикомор – смоковничное дерево, по плодам принадлежащее к смоковничьим низшего сорта.

[3940] - Около 783 г. до Р. Х.

[3941] - Киликия – в древности юго-восточная область Малой Азии, получившая, вероятно, свое название от семитического племени киликов и своим плодородием рано привлекавшая греческих поселенцев.

[3942] - по греч. значит раб.

[3943] - Нотарий – чиновник, на обязанности которого, между прочим, было следить за точным исполнением законов в судах, а младшие нотарии вели переписку по таким делам.

[3944] - Т.е. – до самого округа Киликийского приморского города Зефирии.

[3945] - Преториада – собственно одно из местечек Киликии, недалеко от города Зефирии.

[3946] - Аполлон, по греч. мифологии, бог света, и именно – солнечного света, со всеми его благодетельными и вредными влияниями.

[3947] - Слово Аполлон происходит от греческого глагола: …, что значит: губить, умерщвлять.

[3948] - Дафна, по греч. мифологии, дочь речного бога Ладона и Геи (земли), одновременно любимая и Аполлоном, и Левкиппом. Последний, переодетый девушкой, следовал за Дафной в числе ее подруг, но был убит Аполлоном. Тогда мать Дафны, Гея, превратила ее в лавровое дерево.

[3949] - Геркулес, или Ираклий. Гераклий – национальный греч. герой, – считался у древних идеалом физической силы и мощи.

[3950] - Литр – равнялся нашим 72 золотникам. Следовательно, на шее мученика висела тяжесть более, чем в 5 пудов.

[3951] - Афродита – греческое название Венеры – богини любви. Празднества в честь ее так назыв. – Афродизии устраивались во многих местах Греции и Малой Азии.

[3952] - Артемида – по греч. мифологии, дочь Зевса и Леты, – была богиней света и луны, почему ей, как богине света, давали в атрибуты лук и стрелы, а как богине ночи – факел.

[3953] - По греч. мифологии, родители Париса оставили его, еще ребенком, на произвол судьбы. Но его воспитали в своей среде пастухи. Однажды к нему пришли три богини – Афродита, Гера и Афина и просили его разрешить их спор, – кто из них прекраснее. Парис нашел красивейшей из них Афродиту.

[3954] - Тарс – главный город Киликии, малоазийской области; в христианской церкви особенно известен, как родина св. апостола Павла (Деян.22:3).

[3955] - На наши меры расстояние поприще равно приблизительно 690 саженям.

[3956] - Комментарисий – начальник над тюрьмами.

[3957] - Киновия – (происходит от греч. – общий и – жизнь) общее название всех общежительных монастырей, т.е. – тех, где братия не только стол, но и все необходимое вообще для жизни получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а со своей стороны весь свой труд и плату за него представляют на общую потребу монастыря.

[3958] - Параекклисиарх – пономарь, зажигающий в церкви светильники.

[3959] - Авва – отец, так на Востоке называли настоятелей общежительных монастырей.

[3960] - Било (от слова бить) – деревянная или металлическая доска, в которую ударяют или бьют, чтобы звуком или стуком созывать верующих в храм на богослужение. У нас била заменены колоколами, но в Греции они существуют до этих пор, особенно там, где много турок, которые не допускают употребления колоколов.

[3961] - Лавра – собственно часть города, обнесенная стеной. Но еще с самого древнего времени название это применялось к многолюдным и важным монастырям. Впервые лаврами такие монастыри стали называться в Палестине, где монахи вынуждены были собираться в возможно большем числе и

огораживать свои жилища стенами, из опасения нападений со стороны разных кочевников и особенно бедуинов.

[3962] - Сандалии – род обуви у древних греков и римлян. Делались они из войлока, кожи, пробки и даже дерева и были похожи на наши туфли; но отличительной особенностью их была ременная перетяжка, которая обхватывала ступню поперек ножных пальцев; к ней прикреплялся ремень, проходивший между большим и вторым пальцами.

[3963] - Император Диоклетиан царствовал с 281 по 305 г.

[3964] - Зевс или Дий – верховный бог древнегреческой религии.

[3965] - Геркулес или Геракл – национальный древнегреческий герой. Геркулесу усвоялась большая физическая сила.

[3966] - Юнона считалась у древних греков и римлян богиней-покровительницей семейной жизни.

[3967] - Минерва или Афина – богиня мудрости.

[3968] - Веста или Гестия – богиня-покровительница семейного очага и жертвенного огня.

[3969] - Аполлон с греч. – губитель; у древних греков считался охранителем светлых сил и победителем темных.

[3970] - Товит – благочестивый израильтянин, бывший со своим семейством в плену, в Ниневии, при царе ассирийском Сеннахериме. Историю исцеления его от слепоты можно читать в библейской книге его имени.

[3971] - Кончина святых мучеников последовала ок. 303 г. Мощи святого мученика Вита одно время находились в Париже (в Сен-Дени), потом были перенесены в Корвей, в Вестфалии; ныне показываются в Праге.

[3972] - Местоположение города трудно определить более точно, так как он был разрушен готами уже во дни блаженного Иеронима.

[3973] - Исследователи, занимавшиеся разрешением этого вопроса, указывают различные хронологические даты рождения блаженного Иеронима: 331 г., 342 г. и 346 г.

[3974] - Т.е. были рабами, а затем получили свободу. О богатстве родителей блаженного Иеронима говорит то обстоятельство, что он был в состоянии совершать большие путешествия по Европе и Сирии, имея при себе библиотеку избранных писателей: на все это, конечно, требовались значительные денежные средства.

[3975] - Катакомбы (catacumbae) – подземные ходы и пещеры, расположенные неправильной сетью: известны катакомбы близ Рима, в Неаполе, Сиракузах и на острове Мальте. Катакомбы в окрестностях Рима особенно обширны, так что если бы была возможность вытянуть их по одной прямой линии, то длина последней равнялась бы длине итальянского полуострова. Катакомбы служили для христиан первых веков тайным местом богослужебных собраний и местом погребения умерших: предполагают, что для этой цели христиане воспользовались старыми заброшенными подземными ходами, образовавшимися при добывании горшечной глины: христиане лишь продолжили и расширили их.

[3976] - В то время существовал обычай откладывать крещение – в большинстве случаев из желания загладить крещением грехи предыдущей жизни и отчасти из опасения, как бы не нарушить обетов крещения в ранние годы, когда воля еще не окрепла и человек восприимчив к греховным соблазнам.

[3977] - Либерии занимал кафедру римского епископа 352–356 гг.

[3978] - Аквилея – в описываемое время большой и знаменитый город Северной Италии, соединительный пункт дорог, ведущих в Паннонию, Норикум, Истрию, Далмацию.

[3979] - Вскоре после окончания образования в Риме им было написано толкование на кн. пророка Авдия.

[3980] - Епископ Лаодикийскии Аполлинарий, не ограничиваясь отрицанием арианских положений в учении о Сыне Божием (об арианстве см. ниже), стремился утвердить положения им противоположные; это стремление и привело его к ереси. Так в противоположность особенному ударению ариан, какое они, в зависимости от своего учения о Сыне Божием, как тварном

существе, делали на признании во Христе всецелочеловеческой природы, Аполлинарий уничтожал человеческую личность в Господе Иисусе. С психологической точки зрения ему казалось невероятным учение Никейского символа, что во Христе соединились совершенное божество и совершенное человечество: он рассуждал, что две сущности, с сохранением всех своих свойств, никогда не могут соединиться в одну. Немыслимой представлялась ему идея Богочеловечества и со стороны догматической: с полным человечеством связан грех, если же мыслить грех во Христе, хотя бы как и возможность, то дело искупления для него уже становится невыполнимым. Поэтому Аполлинарий, следуя греческому философу Платону в делении природы человека на тело, животную или жизненную душу (pykn) и духовную душу, дух (noys), полагал, что Христос, восприняв при воплощении тело и душу человеческую, не воспринял отличительной части человеческого существа, – человеческого духа, так как последний необходимо предполагает свободу, а с нею и наклонность ко греху, духа человеческого, по мысли Аполлинария, во Христе заменил Божественный Логос, господствовавший над всеми злыми влечениями животной души. Аполлинарий умер в 390 году. Ересь Аполлинария осуждена собором Александрийским 362 года. В 375 году, когда Аполлинарий, отделившись от церкви, начал образовывать свою секту, он был осужден собором в Риме; последнее осуждение повторено II Вселенским собором.

[3981] - Арий – еретик (ум. 386 г.), богохульно утверждавший, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий – не Бог, Отцу единосущный, а Существо сотворенное, а потому невечное, хотя и совершеннейшее из всех созданных существ. Эта ересь, известная в истории Христианской церкви под именем арианской, была осуждена на первом Вселенском соборе (325 г.) в Никее, отцы которого так изложили православное учение о единосущии Сына Божия с Богом Отцом: «веруем… во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца, т.е. из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, через Которого (Сына) все произошло, как

на небе, так и на земле»; самая же ересь отцами собора была предана проклятию. Но Никейский символ не положил конца церковной смуте, вызванной арианством: арианствующие епископы, присутствовавшие на соборе в значительном числе, скрепили соборное вероопределение своими подписями единственно из-за страха перед государственной властью, разделявшей убеждения православных членов собора; сумев же, вскоре по окончании собора, привлечь государственную власть на свою сторону, руководители ариан, при ее поддержке, вступили в ожесточенную борьбу с защитниками правой веры, в половине IV века они одержали почти полную внешнюю победу над своими противниками, объединившимися под священной хоругвью Никейского символа.

3982 - См. предыдущее примечание.

3983 - Т.е. разделявший еретическое заблуждение Аполлинария Лаодикийского, см. выше, с. 451.

3984 - Причем это слово понималось в смысле сущности – «усии».

3985 - Т.е. сущность.

3986 - Т.е. Лица.

3987 - «Как западные так и мы, – говорит святой Григорий Богослов (см. о нем ниже) – благочестиво объявляем, что существует одна сущность и три ипостаси, но так как скудость их азбуки не дает отдельного выражения для усия и ипостаси то они принуждены вводить слово просопон (лицо), чтобы не казаться признающими трисущность. Может ли быть что-либо более смешным или жалким, чем делать это предметом спора».

3988 - Дамас занимал кафедру римского епископа 366–384 гг.

3989 - Т.е. на сторонников епископов Мелетия, Павлина и Виталия

3990 - Св. Григорий Богослов – великий отец церкви и вселенский учитель – родился около 329 г. в Ариазе (местечко к югу от Назианза, незначительного городка Каппадокии). В раннем детстве св. Григорий видел сон, поразивший его и предуказывавший ему путь последующей жизни: целомудрие и чистота в образе прекрасных дев явились ему, приглашая

следовать за собой. Среднее образование св. Григорий получил в Кесарии Каппадокийской, где и встретился впервые с Василием Великим. После этого, в целях довершения образования, он предпринял путешествие в Кесарию палестинскую, Александрию и Афины. Время пребывания в Афинах, довольно продолжительное, навсегда оставило в душе св. Григория лучшие воспоминания; здесь он подружился с Василием Великим, причем два друга «знали лишь два пути – в школу и христианскую церковь»; здесь же он познакомился с будущим императором Юлианом, приобретшим впоследствии печальную известность своим отступничеством от христианства. Юлиан произвел на св. Григория отталкивающее впечатление. Около 357 года с печалью покинул св. Григорий «золотые Афины», через Константинополь прибыл на родину, где и принял крещение. В 359 г. в день Рождества Христова Григорий неожиданно для него был посвящен во пресвитера своим отцом Григорием старшим, еп. Назианза. Когда отец Григория Богослова по простоте подписал полуарианский символ и тем возбудил против себя православную паству, св. Григорий примирил ее с епископом. Между тем Василий Великий, уже еп. Кесарийский, едва не насильно посвятил своего друга Григория во епископа для местечка Сасим. Но св. Григорий в сане епископа остался при своем престарелом отце в качестве его викария и помощника до самой его смерти, последовавшей в 373 г. или начале 374 г. Вскоре скончалась и мать св. Григория Нонна; брат и сестра умерли ранее. Тогда св. Григорий удалился в Селевкию в монастырь св. Феклы, стремясь к подвижничеству, от которого ранее его отдаляли обязанности по отношению к родным. Из Селевкии св. Григорий был вызван православными в Константинополь для защиты православия, гонимого арианами. В мае 381 г., когда по воле императора Феодосия был созван Второй Вселенский собор, св. Григорий, согласно желанию императора и народа, был избран на праздную кафедру Константинопольского епископа; отцы собора утвердили это избрание. Вскоре скончался председатель собора Мелетий Антиохийский, и его место, естественно, занял вновь избранный епископ столицы, т.е. св. Григорий. Несогласия

между ним и отцами собора – главным образом в взгляде на те меры, какими следует прекратить мелетианский раскол в Антиохии, заставили св. Григория удалиться на родину, где он проводил время в уединении, занимаясь литературными трудами; здесь он и скончался в 389 г. После себя св. Григорий оставил значительное число сочинений: 45 слов, 243 письма и собрание стихотворений. Слова и некоторые письма св. Григория имели большое влияние на выяснение православного учения о Пресв. Троице и о Лице Господа Иисуса Христа.

[3991] - В 381 году при императоре Феодосии Великом.

[3992] - Как поставленный западным епископом (Люцифером, еп. с острова Сардинии), Павлин всегда находился в связи с Западом. Поэтому, когда на соборе зашла, по смерти Мелетия, речь о его преемнике, то отцы собора избрали не Павлина, поддерживаемого Западом, а пресвитера Антиохийской церкви Флавиана, ибо, справедливо говорили они: в делах Восточной Церкви должен быть господином Восток, а не Запад.

[3993] - Ориген – знаменитый учитель Александрийской церкви, чудо своего века по уму и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, был осужден как еретик на двух местных Александрийских соборах и по кончине – на Константинопольском соборе 543 года. Не высказывая своих неправославных мений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах вероучения Христианской церкви, почему некоторые считали сомнительной твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправо мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих, сотворенных духов с такой пламенной любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом или стал Его тварным носителем; это по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение

Божества, по его ошибочному мнению, немыслимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например о том, что диавол может спастись и в толковании Св. Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле, в ущерб историческому смыслу Писания. Но, во всяком случае, заслуги Оригена перед Церковью более значительны и покрывают его заблуждения. В своих школах он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из которых некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны его труды по изучению св. Писания – истолкование, а главное, – по восстановлению и очищению подлинного текста; замечательны и сочинения Оригена, направленные к защите христианства против его врагов и еретиков. В гонения Декия Ориген удостоился славы мужественного исповедника Христова, скончался семидесятилетним старцем в Тире в 254 году.

3994 - Так, например, сделанный блаженным Иеронимом по поручению папы Дамаса необходимый и полезный пересмотр латинского перевода книг Св. Писания возбудил ожесточенную вражду, потому что он лишал христиан многих привычных и любимых изречений Св. Писания, которые хотя и были ошибочно выражены по сравнению с подлинным языком св. книг, но вследствие долгого употребления сделались дорогими.

3995 - Так упрекал впоследствии блаженного Иеронима за злополучное письмо его бывший друг Руфин.

3996 - Т.е. человек благородного происхождения.

3997 - Знаменитый отец Западной церкви (ум. в 430 г.).

3998 - Секретарь при дворе государя.

[3999] - Впоследствии, по желанию императора Гонория, Марцеллин председательствовал на Карфагенском соборе 410 г., созванном для примирения донатистов с православными.

[4000] - Патриарх Иаков похоронил любимую жену свою Рахиль на дороге в Ефрафу, т.е. Вифлеем и поставил над ее гробом памятник (Быт.35:18–19). Гробница Рахили была хорошо известна и спустя многие столетия после (1Цар.10:2). Местные иудеи и магометане и доселе относятся к гробнице Рахили с большим благоговением. Арабы собираются сюда для торжественных молитв во время бездождия.

[4001] - Вифлеем в Ветхом Завете известен как родина величайшего иудейского царя Давида, а в Новом Завете как родина Иисуса Христа. Он находился в двух часах пути к югу от Иерусалима и лежит на двух холмах, склоны которых изобилуют виноградниками, а у подошвы тянутся хорошо обрабатываемые хлебные поля. От этого плодородия, вероятно, происходит и самое название «Вифлеем», с еврейского – «дом хлеба». В древности он назывался Ефрема (Мих.5:2) с еврейского – «приносить плоды». Со времени рождения Христа Спасителя Вифлеем сделался священным местом для всех христиан. До занятия Палестины османами (XVв.) Вифлеем не раз был совсем разрушаем, и к этому времени пришел в полный упадок, от которого оправился только в начале XIX столетия. Теперь это небольшой городок с населением из арабов, наполовину православных, наполовину католиков. На месте пещеры или вертепа, где родился Господь Иисус Христос, находится храм; пещера находится под его алтарем; стены и пол ее отделаны мрамором. Местом рождения Спасителя почитается углубление в пещере, освещаемое пятью серебряными лампадами. В пол вделана серебряная звезда с латинской надписью: Hic de Virginie Maria Jesus Christus natus est – Здесь от Девы Марии родился Иисус Христос. В шагах трех от этого места находится впадина, признаваемая местонахождением яслей, в которые положен был Христос. К северо-западу от пещеры тянется узкий подземный ход, с престолами и часовнями, а также пещерой, где был погребен блаженный Иероним.

[4002] - Мертвое море – внутреннее Соленое озеро в юго-восточной частя Палестины; полуостровом Лисон Мертвое море делится на два бассейна; оно лежит ниже уровня Средиземного моря на 394 м. Воды Мертвого моря насыщены солями до такой степени, что рыбы в них не могут жить, а удельный вес воды столь значителен, что органические тела, упавшие в воду, не тонут. Земля кругом Мертвого моря на значительном пространстве покрыта солью; по преданию на месте Мертвого моря находилась плодородная долина Сидимм, в которой лежали города Содом и Гомора.

[4003] - Назарет – с евр. отрасль или огражденное место – небольшой городок южной Галилеи, настолько малоизвестный до пришествия Спасителя, что о нем ни разу не упоминается в св. Писании Ветхого Завета. Но с наступлением времен новозаветных Назарет делается знаменитейшим местом Галилеи, потому что с ним связано много событий из жизни Спасителя: Назарет был родиной Обручника Божией Матери, праведного Иосифа; здесь было благовещение Пресвятой Богородице; здесь, по возвращении святого семейства из Египта, протекло детство и отрочество Спасителя; здесь же Господь пребывал и по вступлении на открытое служение человеческому роду, пока не переменил Назарета за неверие жителей на Капернаум. Как проведший большую часть Своей жизни в Назарете, Иисус Христос носил наименование Назорея (Мф.2:33).

[4004] - Море Галилейское или Геннисаретское озеро было одним из излюбленных мест проповеди Господа Иисуса Христа; оно памятно многократными посещениями его Господа (см. например Мф.4:13–17, 23–25, 8:23–24, 9:1–8, 13:1).

[4005] - Гора Фавор лежит в Галилее, северной части Палестины; предание Церкви издавна признает гору Фавор горой Преображения.

[4006] - Египет – одно из первых по времени государств земного шара, занимает узкую береговую полосу Африки по обеим сторонам реки Нил.

[4007] - Блаженный Иероним, рассказывая о событиях, происшедших во дни его детства, передает следующее о Дидиме; когда в Александрию прибыл знаменитый отшельник св. Антоний, вызванный сюда св. Афанасием для борьбы с арианами, то Дидим посетил великого подвижника: последний, удивляясь уму и знаниям Дидима в области Св. Писания, спросил его: «Скорбит ли он о том, что он слеп?» И когда Дидим сознался, что слепота для него тяжелое испытание, Антоний заметил: «Странно, что ты скорбишь о потере дара, которым обладают мухи и муравьи, и не радуешься обладанию такими познаниями, которых удостаивались только святые и апостолы».

[4008] - Нитрийская пустыня была излюбленным местом жительства иноков в Египте; лежит на юг от Скитской пустыни.

[4009] - Сульпиций Север (ум. 410 г. или 429 г.), родом из Аквитании сначала был адвокатом, а потом, по смерти жены, удалился в 392 г. в монастырь близ Безьера; отсюда в 409 году он перешел в Марсель. Известен своею близостью к св. Мартину Турскому, жизнь которого он описал подробно, но не совсем правдоподобно. Кроме того, он написал «Историю» (Historia) или «Священную Хронологию (Chronica sacra), где в двух книгах излагаются события с сотворения мира, кончая 409 годом по Р. Х.; ему принадлежат также два диалога.

[4010] - Сохранилось письмо блаженного Иеронима от 395 года к Оцеану, где он сообщает, между прочим, что весь Восток трепетал в ожидании нашествия гуннов. Блаженный Иероним вынужден был в Иоппии держать наготове суда для своих монахов и монахинь, чтобы бежать в случае нападения гуннов на св. землю. Гунны уже осаждали Антиохию, и ходила молва, что они намерены брать штурмом Иерусалим, ища в нем сокровищ.

[4011] - Пелагий (еретик V в.) отрицал учение Церкви о первородном грехе, понимая его лишь в смысле первого дурного примера, данного Адамом, а не в смысле склонности ко греху человеческой природы после грехопадения Адама; вместе с тем он отрицал и учение о благодати, как особой силе, ниспосылаемой Богом человеку; он понимал благодать как

откровение Богом всего доброго в природе и в истории, начиная с факта существования и кончая откровением высшей истины через Христа.

[4012] - Последний восставал против почитания святых и мучеников, против превозношения монашеской жизни, против почитания мощей, против чрезмерной важности, признаваемой за добрыми делами, постом и милостынею. Вообще он восставал против всех существовавших в его время форм церковно-религиозной жизни, не различая истинных от ложных.

[4013] - Приверженец Оригена.

[4014] - Апология – απολογια – защита.

[4015] - Впрочем она употреблялась только до XVI века,

[4016] - Гекзаплы Оригена представляют собой список книг Св. Писания Ветхого Завета, разделенный на шесть столбцов (откуда и название): в первом столбце помещался еврейский текст еврейскими же буквами; во втором – тот же текст в греческой транскрипции, в третьем – перевод Акилы, в четвертом – Симмаха; в пятом LXX толковников и в шестом Феодотиона. Перевод LXX был снабжен заметками, указывавшими его различия от еврейского текста.

[4017] - С 590 г. римский епископ.

[4018] - Так можно догадываться на основании того обстоятельства, что за последних девять месяцев 420 года не существует ни одного письма блаженного Иеронима: очевидно, болезнь отнимала у него возможность писать.

[4019] - Амафунт – ныне город Лимиссо на острове Кипре.

[4020] - Святой Епифаний – архиепископ острова Кипра, – скончался в 403 г. от Р. Хр.; сей святитель просиял силою Богомудрого учения и даром чудотворений и пророчества. – Память его 12 мая

[4021] - Подробные сведения (как пишет св. Димитрий Ростовский) о житии и чудесах св. Тихона до нас не сохранились, ибо по случаю многих магометанских нашествий и давности времени, как многие церкви опустели, так равно и церковные записи в них погибли.

[4022] - Песнь 7, ст. 2 и песнь 8, ст. 1.

[4023] - Святитель Тихон жил в царствование греческого императора Аркадия (395–408 гг.) и сына его Феодосия.

[4024] - Река Лух, левый приток реки Клязьмы, протекает через нынешние костромскую и владимирскую губернии и берет начало в юрьевском уезде.

[4025] - Кончина преподобного Тихона последовала 16 июня 1503 года.

[4026] - Мощи преподобного были обретены нетленными при игумене Константине около 1566 года, и с этого времени стали праздновать память его.

[4027] - Персидское государство занимало в то время громадное пространство между Тигром, Персидским заливом и Каспийским морем

[4028] - Аламундар, как царь персидский, совсем неизвестен в истории; некоторые думают, что это был один из полководцев персидских.

[4029] - Юлиан, сын Констанция, брата Константина Вел., родился в 331 г. по Р. Хр.; сначала он был обучен в христианской религии, но, став кесарем, в 355 г., он открыто отторгся от христианства, за что и получил название Отступника.

[4030] - Как думают, Тригон был собственно храм, посвященный идолам, близ Халкидона.

[4031] - Халкидон – город Вифинии, на южном конце Босфора, против Византии.

[4032] - По своим философско-религиозным убеждениям Юлиан был экклектик, т.е. – он из всех религиозных учений выбирал себе всё то, что ему нравилось и было вообще согласно с его миросозерцанием; он веровал и во единого верховного Бога, но отожествлял Его с Митрой или солнечным богом восточного культа; а персы, как известно, тоже чтили солнце, как свое главное божество.

[4033] - Как известно, Юлиан выступил в поход против персов 5 марта 363 года.

[4034] - Торжественное празднование памяти этих святых весьма древнее; спустя 30 лет после их кончины, Феодосий

Вел. 395 г. построил в честь их в Константинополе церковь, а монах Герман, впоследствии патриарх (ум. 740 г.) написал в память их канон.

4035 - Царствовал с 70 г. по 79 г.

4036 - Игемон – областной правитель.

4037 - Триполь – приморский финикийский город с гаванью; был расположен при подошве самой высокой точки Ливана.

4038 - Трибун – начальник над отрядом воинов в 1000 человек.

4039 - Спира – рота (Деян. 10:1) или полк (Деян. 21:31).

4040 - О св. мученике Леонтии упоминает Константинопольский собор, бывший при патриархе Мине (636–552 гг.); в Триполе финикийском ему была посвящена церковь. В Константинополе память св. Леонтия торжественно праздновалась в двух местах – в храме его имени и близ Камаридия.

4041 - От сей Саломии следует отличать еще старицу Саломию – жительницу Вифлеема (нареченную бабку Господа); эта Саломия была родственницей Пресв. Девы Марии и прав. Иосифа; см. о ней в сказании о Рождестве Христове, – месяц декабрь, 25-го числа

4042 - Святой Апостол Иаков, брат Господень по плоти, по преданию сопутствовал отцу своему Иосифу, Приснодеве Марии и Младенцу Иисусу, во время бегства их в Египет. По вознесении Спасителя, он был поставлен епископом церкви иерусалимской; он первый составил Божественную литургию. Скончался, будучи свержен иудеями с крыла церковного, в 61 или 62 году по Р. Хр.; ему принадлежит соборное послание, носящее его имя. Память сего св. Апостола – 23 октября.

4043 - Впрочем некоторые отличают от Иуды, брата Господня, Иуду Иаковлева (упоминаемого в Лк. 6:16 и в Деян. 1:13) и к сему Апостолу относят следующее, сообщаемое в Евангелии обстоятельство. Во время последней Своей прощальной беседы с учениками, Господь, возвестив им о Своем отшествии к Богу Отцу, в утешение им сказал: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не

увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин.14:18–21); тогда Иуда сказал Господу: «Господи! Что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?» (Иоан. 14:22). Из этого вопроса видно, что Апостол Иуда еще не расстался с любимою мыслию иудеев о Мессии, как о земном царе, и понимал обещанное явление Господа в смысле видимого, чувственного явления, во славе земного царя и завоевателя. Господь ответом Своим дал ему понять, что Он – не земной царь, и явление Его в Царстве Своем не есть явление видимое, внешнее, телесное, но внутреннее, духовное, – таинственное общение Его с верующими (Ин.14:23).

4044 - Блаженный Феофилакт, архиепископ г. Ахриды в Болгарии, известен своим толкованием на четвероевангелие, в котором он следует во многом св. Иоанну Златоусту. Скончался около 1085 г.

4045 - Император римский Домициан царствовал с 81 г. по 96 г.

4046 - Никифор Каллист – греческий историк 14 века, оставивший нам «Историю Церкви».

4047 - Сему Авгарю, по преданию, Иисус Христос послал Свой нерукотворенный образ. Едесса – город в Месопотамии.

4048 - Память сего св. Апостола Фаддея – 21 августа, а также и 4 января

4049 - Св. ап. Иуда скончался около 80 г. по Р. Х. – По месяцеслову имп. Василия ап. Иуда был в Месопотамии в Едессе, где уврачевал Авгаря, а после в городе Арате на кресте пронзен стрелою; по славянскому прологу ап. Иуда пострадал на Арадском острове. Есть город и остров Арад, но в Финикии, а не в Месопотамии. По армянскому преданию ап. Иуда прибыл в Армению около 60 года и встретился здесь с апостолом Варфоломеем в г. Арташате на Араксе; многих он просветил, и пригвожден ко кресту в 72 г. в Ормии в Великой Армении, –

ныне Урмия. В таком случае Арат следует искать около гор Араратских. (Месяц. арх. Сергия, т. 2-й, зам. под 19-м июня).

4050 - Т.е. – написатель сего жития – Иоанн Колов прозванный Колов, т. е. малорослый, – подвизался в Египте. Преставился около 430 года в пустынной келлии близ города Кольцума (ныне Суэца). – Память его 9 ноября.

4051 - Память его 16 января.

4052 - В северной части Египта, в Нильской дельте.

4053 - Начало монашеству в Нитрийской пустыне положено было св. Аммоном, современником св. Антония. В самой Нитрии св. Аммон основал монастырь, а Антоний положил начало устройству скитов. В конце IV в. тут было до 50 монастырей, устроенных по уставу св. Пахомия. К югу от Нитрии была Скитская пустыня, где обитало много иноков.

4054 - Царствовал с 89 г. по 117 г.

4055 - Писидия – область на юге Малой Азии, рядом с Киликией.

4056 - Во Фракии, у Понта; в этом городе, между прочим, находился храм в честь Аполлона, с колоссальной его статуей. В Византийскую эпоху он был известен под названием Содзополис. Ныне это – незначительное местечко Сидзеболи.

4057 - В Писидии, на пути в Персию.

4058 - Лимонарь (- луг, пажить) – весьма распространенное агиографическое сочинение греческого инока Иоанна Мосха (ум. 622 г.). Перед смертью Иоанн это свое произведение передал другу своему Софронию, будущему патриарху, который уже и распространил ее в народе. В сущности это был сборник различных повествований о жизни христианских подвижников.

4059 - Аскалон – один из древнейших городов Палестины, на берегу Средиземного моря.

4060 - Селевкия Исаврийская, – в Киликии; построена была Селевком I Никанором, основателем монархии Селевкидов.

4061 - Кандило – стеклянная чаша, в которой зажигали елей и ставили пред иконами.

[4062] - Другие известия относят рождение св. Левкия ко временам христианских греко-римских государей и именно – ко времени Феодосия Великого (379–395).

[4063] - Начальника.

[4064] - Ныне Бриндизи.

[4065] - Трибун – начальник отряда воинов.

[4066] - Некоторые известия относят кончину св. Левкия к V в.

[4067] - В Малой Азии.

[4068] - Ориген – знаменитый учитель Александрийской церкви, чудо своего века по уму и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при свое жизни, был осужден как еретик на двух местных Александрийских соборах и по кончине – на Константинопольском соборе 543 года. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, не право мыслил о многих истинах вероучения христианской Церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он не право мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих, сотворенных духов с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественных Словом или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества, по его ошибочному мнению немыслимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворения мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Не право мыслил Ориген и в некоторых

пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например о том что диавол может спастись и в толковании св. Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле, в ущерб историческому смыслу Писания. Но, во всяком случае, заслуги Оригена пред Церковью более значительны и покрывают его заблуждения. В своих школах он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из коих некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны его труды по изучению св. Писания, – истолкованию, а главное, – по восстановлению и очищению подлинного текста; замечательны и сочинения Оригена, направленные к защите христианства против его врагов и еретиков. – В гонение Декия Ориген удостоился славы мужественного исповедника Христова, скончался семидесятилетним старцем в Тире в 254 году.

[4069] - 270–275 гг. Но более вероятно предположение, что смерть св. Мефодия последовала позднее 310–312 гг.

[4070] - От св. Мефодия сохранились письменные труды, относящиеся: 1) к защищению св. веры против язычества, 2) к изложению догматов веры особенно против заблуждений Оригена, 3) к нравственному учению и 4) к объяснению св. Писания.

[4071] - Максимиан Галерий правил с 305 г. по 311 г.

[4072] - Около 306 г.

[4073] - В Месяцеслове императора Василия сказано, что сии святые мученики были родом из Скифии, из северных ее пределов, а по мнению проф. Е. Голубинского (История Русской Церкви, т. I, первая половина, изд. 2, стр. 31 и прим. 2) они происходили из Готфии дорийской, занимавшей узкую приморскую полосу земли в нынешнем Крыму между Балаклавой и Судаком.

[4074] - В славянской редакции месяцеслова императора Василия епископ этот назван Годлою, а имя Годла – готфское.

[4075] - Аликс есть нынешняя Алушта, находящаяся на берегу Черного моря в 42 верстах на северо-восток от Ялты. «Сухое

пристанище» означает морскую пристань.

[4076] - Киликия – юго-восточная римская провинция в Малой Азии.

[4077] - Тарс – большой и населенный город в южной части Киликии, при реке Кидне, недалеко от него впадающей в Средиземное море. И в настоящее время Тарс – еще довольно значительный город.

[4078] - Диоклетиан царствовал с 284 г. по 305 г.

[4079] - Игемон – правитель области

[4080] - Адамант (алмаз) – камень имеющий такую крепость, что чертит прочие камни, сам не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим святым, прославившимся твердостью своей веры.

[4081] - Эгея – один из приморских городов в Киликии.

[4082] - Антиохия – древнейший город Сирии, лежит при р. Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море.

[4083] - Святой Иоанн Златоуст – знаменитый отец Церкви IV-го и начала V-го века; память его – 13 ноября.

[4084] - То есть остров Ешна.

[4085] - Император Феодосий Младший царствовал с 408 г. по 450 г.

[4086] - Медиолан – ныне Милан – в Италии.

[4087] - По обычаю того времени, в построении церкви должны были принимать участие все случившиеся около места постройки. Проезжие, в силу этого обычая, не могли бы отказаться помочь строителям, если бы были приглашены.

[4088] - Милоть – верхняя одежда, мантия, плащ.

[4089] - Самосаты – главный город сирийской провинции Коммагены; был расположен на западном берегу реки Евфрата, ныне – Самсат.

[4090] - Арий отрицал единосущие Сына Божия с Богом Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним Божественного совершенства. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на первом (325 г.) и втором (381 г.) Вселенских соборах.

[4091] - Констанций (II-й) правил с 337 г. по 361 г.

[4092] - Евдоксий патриаршествовал в Антиохии с 357 г. по 358 г.; в Константинополе с 360 г. по 370 г.

[4093] - Савеллий, еретик III-го века, утверждал, искажая православное учение о Святой Троице, что Бог имеет Одно Лицо: как Отец, Он соприсутствует на небе, как Сын – на земле и как Дух Святой – в творениях.

[4094] - Юлиан Отступник царствовал с 361 г. по 363 г.

[4095] - Иовиан управлял рискою империею с 363 г. по 364 г.

[4096] - Император Валент правил с 364 г. по 378 г.

[4097] - Сравнение взято из 2Пет. 2:22.

[4098] - Грациан управлял западной половиной Римской империи с 375 г. по 383 г.

[4099] - Память святого архидиакона Стефана совершается 27 декабря

[4100] - Кончина святого священномученика Евсевия последовала ок. 380 г.

[4101] - По объяснению преосвященного Филарета («Жития святых», Июнь, стр. 165) Филадельфиею аравийскою называлась северная часть Переи или Заиорданской страны в Палестине и носившая название Декаполя.

[4102] - По Месяцеслову императора Василия и греческому синаксарю Зинон был воином.

[4103] - Святые мученики скончались в 304 году в царствование Максимиана Геркула, соправителя Диоклетиана с 286 г. до 305 г.

[4104] - Кипариссий или Кипарисс – местности в Константинополе.

[4105] - Император Валериан управлял римскою империею с 253 г. по 259 г.

[4106] - Кончина святой мученицы Агрипины последовала в половине III-го века.

[4107] - В начале VII века при царе Хозрое.

[4108] - Адана – незначительный город в Киликии, греческой области в Малой Азии.

[4109] - Когда не было известно приготовление бумаги, люди писали на особо выделанной коже, или на листах египетского тростника, называвшегося папирусом. Рукописи на таких кожаных или тростниковых листах назывались хартиями.

[4110] - Ср. Иез.18:21–23

[4111] - В этот день (23 июня) в Москве совершается торжественный крестный ход из Успенского собора в Сретенский монастырь с чудотворною иконою Владимирскою. Подобный крестный ход, первый по времени установления, совершается 26 августа в память избавления России от нашествия Тамерлана в 1395 году; устрашенный грозным явлением Богоматери, Тамерлан покинул пределы России в тот самый день и час, когда коленопреклоненные москвичи встречали на Кучковом поле чудотворную икону Богоматери, принесенную из Владимира в Москву по приказанию великого князя Василия Дмитриевича, в борьбе со врагом более уповавшего на силу Божию, чем на свое оружие. На месте сретения иконы в память чудесного заступления Богоматери, и был основан так называемый Сретенский монастырь, куда и совершаются помянутые крестные ходы.

[4112] - Великий князь с 1462 г. по 1505 г.

[4113] - Занимал кафедру московской митрополии 1473 г. – 1489 г.

[4114] - С января 1506 г. архиепископ ростовский, ум. 1515 г.

[4115] - Митрополит писал великому князю соборное послание в лагерь на Угру, возбуждая его к мужественному стоянию против христоненавистного врага. Но с особенною смелостью и прямотою увещевал великого князя святитель Ростовский Вассиан не заключать мира с Ахматом, как то советовали ему «некоторые прелестники», но выйти мужественно навстречу «безбожному языку агарянскому», ревнуя прародителю Димитрию, «в лице ставшему против разумного волка Мамая».

[4116] - Великий князь с 1498; ум. в 1509 году в заточении.

[4117] - «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия, – говорили об этом чуде русские летописцы, – нет, не оружие, не мудрость человеческая, но Сам Господь спас ныне

Россию». В этот день преставление святого праведного Артемия Веркольского (житие его см. под 20 октября) В этот день память святых мучеников Евстохия, Гаия, Урвана и прочих, пострадавших при Максимиане в г. Анкире, в начале IV в.

[4118] - Выражение взято из богородичного догматика.

[4119] - Хеврон (называемый теперь у арабов Ель-Халиль), – город, расположенный на юге Палестины, один из самых древнейших городов Азии. Он был известен как древний город еще во времена Авраама и, по известию Флавия (историк иудейский, живший в начале христианской эры), около его времени ему считалось уже 2300 лет. Город издавна считался у евреев священным, так как в нем находятся гробницы Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Лии. Во дни Константина Великого над погребальною пещерою Авраама была воздвигнута церковь, которая обращена мусульманами в мечеть. Самый город лежит на высоте на тысячу футов выше Иерусалима, в глубокой и узкой долине, с обеих сторон окруженной горами. Вся долина и склоны гор заняты садами, – масличными, фиговыми, абрикосовыми, гранатовыми и виноградными. В настоящее время город имеет до 10000 жителей, которые занимаются здесь выделыванием стекла, хлебопашеством, разведением фруктовых садов и виноделием.

[4120] - Под именем волхвов в древности разумелись люди мудрые, обладавшие знанием тайных сил природы, светил небесных и т.п. Волхвы, приходившие на поклонение Христу, по видимому, были из Персии. Они были астрологи, т.е. служили звездам и занимались наблюдением за светилами небесными. Очевидно, они были при этом люди добродетельные, почему и удостоились особенных откровений Божиих.

[4121] - Епарх – градоправитель, областеначальник.

[4122] - Сенатор – член сената, т.е. совета старейшин; впоследствии название сенатор стало почетным титулом.

[4123] - Комит – спутник императора, или высшей чиновной особы; этим именем обозначались лица, состоявшие у них в свите.

[4124] - Пальмира – некогда город Сирии, лежавший в одном из оазисов между Дамаском и р. Евфратом. Город этот был основан еще Соломоном. При Навуходоносоре он был разорен, но скоро, благодаря своему выгодному положению между Средиземным морем и долиною Евфрата, снова отстроился и сделался важным торговым пунктом. При Римлянах Пальмира со своею областью представляла одно время независимое государство, но потом она была покорена Римлянами: победители при этом разрушили город; но при императоре Диоклетиане он был восстановлен. Во времена Арабов город был снова разрушен и превратился в жалкую деревушку.

[4125] - Т.е. исповедовал греко-римскую языческую религию.

[4126] - Ассирия была расположена на восток от Сирии, с верхней, северной части Месопотамской равнины.

[4127] - Диаконисса – церковная служительница. Служение диаконисс состояло в следующем: они приготовляли женщин к крещению, научая, как и что должны они отвечать на вопросы крещающего и как вести себя после крещения, помогали епископу при крещении женщин и вместо него делали помазание частей тела, за исключением лба; смотрели за дверью церковною, в которую входили женщины в церковь, расставляли женщин по местам и наблюдали, чтобы они вели себя благочинно, присутствовали при беседах епископов и пресвитеров с женщинами, заботились о благотворительности по отношению к женщинам. В первые века диакониссы причислялись к клиру, а потом они поставлялись на свою должность по особому рукоположению; впоследствии рукоположение было запрещено, а затем прекратилось и самое служение диаконисс.

[4128] - Разумеются состязания в борьбе и беге, происходившие через каждые 4 года в Олимпии, городе, находившемся на юге Греции. Состязания эти имели характер греческих национальных торжеств.

[4129] - Анафема – значит отлучение. Это есть предание отлученного на суд Божий.

[4130] - Преторский дворец – дворец префекта, начальника провинции.

[4131] - Святой Петр – Давид, князь муромский, был вторым сыном муромского князя Юрия Владимировича. Он стал княжить в Муроме после старшего брата своего Владимира Юрьевича, вступив в управление княжеством 18 декабря 1203 года.

[4132] - Родоначальник муромских князей, князь Константин Святославич причислен к лику святых; память его празднуется 21 мая

[4133] - Муром в древности был центром северной ростово-суздальской области, ныне уездный город Владимирской губернии.

[4134] - Есть предание, что святая княгиня Феврония по происхождению своему была простою поселянкою, дочерью «древолазца бортника» из деревни Ласковой, Рязанской губернии.

[4135] - Мф.5

[4136] - Святые князь Петр и княгиня Феврония скончались в один день, 25 июня 1228 года, а по мнению преосвященного Филарета кончина их падает на 25 апреля 1228 года, причем 25 день апреля признается им за день их кончины, а 25 июня – за день открытия мощей. Прославление их началось в начале XVI века, а на Московском соборе 1547 года положено было местно праздновать память их. Впоследствии (вероятно с 1552 года) это празднование стало повсеместным.

[4137] - «Блаженный Давид и Евфросиния, – говорит преосвященный Филарет, – в жизни своей были образцом христианского супружества, готовые на все лишения для евангельской заповеди о нерушимом союзе. И ныне они молитвами своими низводят небесное благословение на вступающих в брак. Так показывают многие опыты загробной жизни их».

[4138] - Димитрий III Иоанович княжил на Москве с титулом великого князя с 1363 по 1389 г.

[4139] - Пимен управлял русской митрополией с 1382 по 1389 г. с перерывом (между 1385 и 1388 г.)

[4140] - Варяжским морем называлось тогда Балтийское. Название Варяжское заимствованно было от древних варягов, населявших берега нынешней Швеции.

[4141] - Озеро Нево – ныне Ладожское.

[4142] - Оять – левый южный приток р. Свири, выходящей из Онежского озера и впадающей в Ладожское с восточной стороны его.

[4143] - Поприще – мера расстояния. В древней Руси поприще равнялось почти 656 нынешним саженям.

[4144] - Тихвин – город Новгородской губернии.

[4145] - Паша – река, впадающая в Ладожское озеро при устье реки Свири. Она протекает по С.-Петербургской и Новгородской губерниям в середине между реками Оятью и Тихвинской.

[4146] - Тихвинка – приток р. Сясь, впадающей в Ладожское озеро с юго-восточной стороны.

[4147] - Т.е. на расстоянии 328 саженей (656:2).

[4148] - Купину (куст), горящую, но несгораемую, видел Моисей на горе Хориве перед своим призванием в вожди еврейского народа. Она прообразовала Пресв. Деву Богородицу, Которая и по рождении Сына не пременила своего девства.

[4149] - Василий IV Иоаннович, отец Иоанна Грозного, княжил с 1505 по 1533 г.

[4150] - Московскую митрополичью кафедру он занимал с 1542 по 1564 г.

[4151] - Царь Иоанн IV Васильевич по прозванию Грозный, впервые венчавшийся на царство и принявший титул царя, царствовал с 1533 по 1584 гг.

[4152] - Разумеется Симеон Бекбулатович, казанский хан, крещенный татарин. Одно время (в 1574 г.) Грозный посадил его на царский престол вместо себя, хотя, конечно, Симеон считался царем лишь по имени. Через 4 года он был сослан из Москвы и ему дали в управление Тверь и Торжок.

[4153] - Устье – р. Ярослав. губернии, вместе с р. Вексой образует верховье р. Которости, левого притока Волги, куда она вливается в самом Ярославле.

[4154] - Белозерская страна находилась при Белом озере, которое расположено в северо-вост. углу нынешней Новгородской губернии. Здесь было особое княжество, которое с половины XIV в. принадлежало московскому князю.

[4155] - Онежское озеро находится в пределах нынешней Олонецкой губернии на северо-востоке от Ладожского озера.

[4156] - Василий Шуйский, избранный боярами после свержения Лжедимитрия I, царствовал с 1606 по 1610 г.

[4157] - Варягами здесь названы шведы.

[4158] - Михаил Федорович Романов, избранный в цари земским собором от всей Руси, вступил на престол в 1613 г. и царствовал до 1645 г.

[4159] - Спустя около года после такой чудесной победы, прибыли в Тихвинский монастырь царские послы для заключения мира со шведами. Сняв список с чудотворной иконы Богоматери, послы отправились за 50 в. от монастыря в деревню Столбово, недалеко от города Ладоги, туда же прибыли и шведские послы. Здесь, 10 февраля 1617 г. был заключен Столбовский мир, причем главной порукой мира со стороны русских был принесенный ими список с чудотворной Тихвинской иконы. Этот список впоследствии был перенесен в Москву и поставлен в Успенском соборе, а затем вследствие усиленного прошения новгородцев, участвовавших в войне против шведов, отправлен был в Новгород и поставлен в Софийском соборе, где находится и теперь.

[4160] - Тихвинская икона Богоматери есть одна из самых известных и почитаемых икон Ее в России. Тысячи народа ежегодно стекаются в Тихвин для поклонения этому чудотворному образу. Русские князья и цари обогатили обитель своими вкладами и сами путешествовали на поклонение иконе. В обеих столицах, во многих городах и обителях и даже сельских приходских храмах имеются прославленные чудесами списки с этой иконы – В Тихвинской обители совершается 24

раза в год крестный ход по окрестностям монастыря с чудотворной иконой. Стоимость драгоценных украшений на иконе простирается до 70 тысяч рублей.

[4161] - Здесь разумеется Иоанн V Палеолог, царствовавший с 1379 по 1391 г.

[4162] - Взятие Константинополя турками совершилось в 1453 г.

[4163] - Антиохия – город в Сирии, на р. Оронте.

[4164] - Император Феодосий II Младший царствовал с 408 по 450 г.

[4165] - Влахерна – местность в Константинополе, в западном углу города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями; особенно известна была Влахерна по Богородичной церкви, построенной Львом Великим (457–474 гг.); при нем в эту церковь положены были честные ризы Пресв. Богородицы, перенесенный из Палестины; здесь же хранились в златокованном ковчеге омофор Ее и часть пояса.

[4166] - Император Ираклий царствовал с 610 по 641 г.

[4167] - Разумеется Хозрой II из династии Соссанидов; царствовал с 590 по 621 г.

[4168] - Т.е. Господа Вседержителя; обитель находилась на окраине города

[4169] - Город в Палестине, на сев. – зап. от Иерусалима, по дороге на Яффу.

[4170] - Император Тиверий царствовал с 14 по 37 г. по Р. Х.

[4171] - Юлиан Отступник занимал престол с 361 по 363 г.

[4172] - Св. Герман занимал патриарший престол в Константинополе с 715 по 730 г.

[4173] - Разумеется император Анастасий II, царствовавший с 713 по 715 г.

[4174] - Лев III Исаврянин царствовал с 716 по 741 г.

[4175] - Св. Григорий занимал престол папы в Риме с 715 по 731 г.

[4176] - Разумеется Ирод, названный Великим, бывший царем Иудеи в год рождества Христова; спасаясь от замыслов его убить новорожденного Царя Иудейского, Богоматерь вместе с Сыном Иисусом и обручником Иосифом бежали в Египет.

[4177] - Император Михаил III вступил на престол в 842 г., но начал управлять Государством самостоятельно с 855 г.; царствовал до 867 г.

[4178] - Феодора, жена императора Феофила (824–842 гг.), управляла государством, за малолетством сына своего Михаила, с 842 по 855 г.

[4179] - Разумеется папа Сергий II (с 844 г. по 847 г.).

[4180] - Халкопратия – местность в Царьграде.

[4181] - Солунь или Фессалоники – весьма значительный, древний город Македонии, лежит в глубине большего Солунского или Фермейского залива, составляющего часть Эгейского моря (Архипелага). В Солуни проповедовал христианство ап. Павел для которой им были написаны два послания. По своим торговым оборотам и богатству он был одним из самых важных городов Византийской империи. В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя первый торговый город Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[4182] - Скончался св. Давид около 540 г., в царствование Юстиниана и Феодоры.

[4183] - Греко-римский император Юстиниан царствовал с 527 по 565 г.

[4184] - Это было в 530 г.

[4185] - Соборный храм в Константинополе. При императоре Юстиниане он был заново перестроен. По прекраснейшей архитектуре и роскоши отделки он принадлежит к числу лучших зданий в мире.

[4186] - Спафарий – оруженосец; придворный чин.

[4187] - Строитель – начальствующий инок.

[4188] - Это повествование взято из книги св. Григория Двоеслова («Разговоры», гл. 12).

[4189] - Местность эта находилась в средней Италии, в провинции Валерии, между горами Реате и Аметериум.

[4190] - Эфиопами часто называются в священных книгах мрачные духи злобы, которые противополагаются светлым Ангельским силам.

[4191] - Управлял восточной половиной Римской империи с 284 г. по 305 г.

[4192] - Царствовал с 379 г. по 395 г.

[4193] - Собственно претендента на царский престол.

[4194] - Событие перенесения мощей святых угодников Божии Кира и Иоанна последовало ок. 412 г.

[4195] - Евлогий патриаршествовал с 579 г. по 607 г.

[4196] - Вероятно нечто в роде карбункулов или болезненных опухолей на коже.

[4197] - «Калос» с греч. «прекрасный».

[4198] - Маиюма – портовый город Палестины, служивший гаванью для Газы, древнего города этой страны, находившегося недалеко от Иерусалима. Известен как место епископской деятельности святого Космы

[4199] - Один из египетских городов.

[4200] - Асаил – сын сестры Давидовой Саруи, брат военачальника Иоава, – один из главных полководцев Давидовых.

[4201] - Нечто вроде ящерицы.

[4202] - Пядь равнялась 4 или 5 вершкам.

[4203] - Коринф, древнейший из городов Греции, находился в северной части древней Арголиды, на берегу Коринфского залива.

[4204] - Время кончины преподобного Павла не известно с точностью.

[4205] - Кифа – слово сирское и значит камень; то же самое значит и греческое слово Петр («петра» – скала, камень).

[4206] - Город этот был расположен близ истоков Иордана; он обстроен сыном Ирода Филиппом в честь кесаря Тиверия – отсюда его и наименование.

4207 - Здесь под камнем разумеется не ап. Петр, а вера, исповеданная им, или Сам Господь; обетование о даровании ключей Царства Небесного Господь затем, по Своем воскресении, повторил и всем Апостолам (Иоан.20:21–23).

4208 - Сатана – слово сирское, значит противник; в тесном смысле так в Священном Писании именуется начальник злых духов (1Сол.2:18); в более же широком значении слово сатана означает вообще противника воли Божией, хотя бы от некоторой простоты и неразумия, как это видим в настоящем случае со св. ап. Петром.

4209 - О Таинстве приобщения Плоти и крови Христовых. (Иоан.6:53–58).

4210 - Подобно тому как Сам Господь приближался к Своим ученикам по бушующим волнам Геннисаретского озера (Мф.14:22–27).

4211 - За тайной вечерей с учениками пред страданиями Своими.

4212 - 2Пет.1:16–18; срав. Мф. 17:1–27; Мк.9и далее, Лк.9и далее.

4213 - Лидда – город в Палестине, близ нынешней Рамлы, бывшей Аримафеи.

4214 - Иоппия – один из древнейших городов Азии на сев. – зап. берегу Средиземного моря между Кесарией и Газой.

4215 - Иакова Зеведеева, одного из двенадцати Апостолов, родного брата Евангелиста Иоанна. Св. Иаков первый из Апостолов принял мученическую смерть в гонение Ирода Агриппы, царя иудейского, в 44 году по Рождестве Христове. Память его 30 апреля.

4216 - Разумеется Кесария Палестинская, находившаяся на берегу Средиземного моря; город этот был восстановлен Иродом Великим, который назвал его Кесариею в честь кесаря Августа. Апостол Павел бывал здесь (Деян.9:29–30, 18:28, 21:8); два года пробыл здесь узником (Деян.23:33, 24:27, 25:4); здесь жил Апостол Филипп (Деян.21:8); здесь умер Ирод Агриппа, пораженный Ангелом и изъеденный червями (Деян.12:19–33).

4217 - Церковный писатель X в.

[4218] - Главный город Палестины, ныне областной город Дамасского вилайета (генерал-губернаторства) в Сирии (в Турецкой империи) у ручья Кедрона на склонах трех отрогов иудейских гор Акра, Сион и Мориа. Иерусалим дорог всякому христианину как центр великих событий ветхозаветной и новозаветной истории, – как матерь церквей христианских, откуда слово благовестия пронеслось по всей вселенной.

[4219] - Кесария Стратонийская – одно и то же с Кесарией Палестинской.

[4220] - Сидон – город финикийский на берегу Средиземного моря, вдоль которого расположена и Финикия.

[4221] - Верит или Берит – финикийский город, славившийся в древности как рассадник просвещения и образованности; ныне Берит с именем Бейрут составляет главный город азиатско-турецкого вилайета (генерал-губернаторства) Сирии, являясь важным торговым центром.

[4222] - Библос, Триполь – города Финикии.

[4223] - Лаодикия – главный город Малоазийской области Фригии.

[4224] - Сирия – область азиатской Турции на восточном берегу Средиземного моря.

[4225] - Клавдий – император 41 г. – 54 г.

[4226] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, составляющий ныне часть Итальянского королевства.

[4227] - Тавромения – значительный город на восточном берегу Сицилии у горы Тавра – откуда его и название.

[4228] - Каппадокия – область Малой Азии на границе Армении и Киликии.

[4229] - Галатия – особая страна в Малой Азии, которая граничила на западе с Фригией, на юге с Ликаонией и Каппадокией, на востоке с Понтом, на севере с Вифинией и Пафлагонией.

[4230] - Понт – северо-восточная область Малой Азии.

[4231] - Пафлагония – суровая горная область в северной части Малой Азии.

[4232] - Вифиния – область Малой Азии, прилегающая с севера к Черному морю.

[4233] - Никея расположена в Вифинии (см. предыдущ. примеч.) на восточной конечности озера Аскании; одно время цветущий торговый город и даже резиденция царей. В истории христианской Церкви замечательна тем, что в ней происходили первый (в 325 г.) и седьмой (в 787 г.) вселенские соборы.

[4234] - Фригия – область Малой Азии между Галатией к северу, Писидией и Памфилией к югу. Просвещена св. ап. Павлом.

[4235] - Никомидия – город в Вифинии.

[4236] - Геллеспонтом назывался пролив, отделявший Фракийский Херсонес от Азии (Троада, Малая Фригия).

[4237] - По свидетельству св. Иустина мученика Симон Волхв, происходивший из самарянского селения Гитты или Титтона, учился философии в Александрии, а потом прославился как маг, выдавая себя за великую силу Божию. «В то время, по Римским и греческим свидетельствам, в разных странах греко-римского мира являлось множество людей под названием магов, халдеев, математиков, заклинателей, которые, обладая некоторым знанием таинственных сил тогда еще мало объясненной природы, выдавали себя за необыкновенных людей, и исцелением некоторых болезней, заговором, гаданьями, прорицательством, чародеяниями, шарлатанской таинственностью и разными ухищрениями так действовали на невежественные народные массы, что во множестве увлекали их за собою и слыли за нечто необыкновенное». К разряду подобных людей относится и Симон Волхв.

[4238] - Рим – главный город Римского государства лежит в средней части Италии, в области Лациума, по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

[4239] - Тарс – некогда большой и населенный город на юго-востоке Малой Азии, главный в провинции Киликии, при р. Кидне, недалеко от Средиземного моря. И ныне он значительный и торговый город с 40 тысячами жителей.

[4240] - Ефес – приморский торговый и главный город малоазийской провинции Иоппии, он потом был центром деятельности ап. Иоанна Богослова; здесь был 3-й Вселенский собор в 431 г.; ныне Ефес – бедная турецкая деревня Аясалук.

[4241] - Троада – приморский город, откуда недалеко было переправиться морем в Европу. – Македония – приморская область, прилегавшая к Архипелагу с северо-запада.

[4242] - Город Филиппы, к христианам которого св. Ап. Павел написал послание, находился в Македонии, при реке Стримоне, невдалеке от Эгейского моря; был одним из знаменитейших городов этой области, почему писатель книги Деяний и называет его первым из знаменитейших городов этой области, почему писатель книги Деяний и называет его первым (16:12); церковь в Филиппах была основана св. ап. Павлом во время второго его апостольского путешествия.

[4243] - Город Македонии.

[4244] - Коринф – к западу от Афин, на перешейке, известнейший в древности по своей обширной торговле, резиденция тогда римского правителя.

[4245] - Протей – вещий морской старец, один из баснословных греческих богов, подвластных Посейдону, богу моря, пасший тюленьи стада богини Амфитриды. Местопребыванием его считался остров Форос или Корпафос, куда он выходил отдыхать из воды в тени прибрежных скал. Чтобы получить от него предсказание, его надо было поймать и удержать силою или хитростью, так как он принимал различные виды, часто ускользая таким образом от ожидавших от него предвестий.

[4246] - Егезипп – автор «Достопамятностей», сочинения в 5 книгах, не дошедшего до нас. Сведения о его жизни и сочинении, очень отрывочные, дает отец церковной истории Евсевий, еп. Кесарийский. Он сообщает, что Егезипп был христианин из евреев, живший во втором веке; совершал путешествие в Коринф и Рим, где прожил очень долго, встречаясь здесь со многими епископами и ведя с ними беседы по догматическим вопросам. Умер Егезипп в царствование

Коммода (180–192). О содержании и характере сочинения Егезиппа трудно сказать что-либо определенное; можно только заметить, что по всей вероятности оно носило характер историко-обличительный, будучи направленным против гностических ересей.

[4247] - Император 54–68 гг.

[4248] - Тарракина или Тарракон – древнее иберийское поселение на восточном берегу Испании между Пиренеями и Ибером, у реки Тульциса.

[4249] - Вероятно находившийся в Галлии.

[4250] - Под именем Британии древние первоначально разумели все острова, лежавшие к северу от Галлии между Немецким морем и Атлантическим океаном. Британией назывался преимущественно самый большой из них, носивший туземное наименование Альбиона.

[4251] - Св. ап. Петр скончался в 67 г. по Рождестве Христове в одно время со св. ап. Павлом. Св. ап. Петр был погребен на Ватиканском холме, а св. ап. Павел близ Остийской дороги недалеко от Рима. По преданию римской церкви главы обоих апостолов хранятся в Латеранском соборе в Риме; тело же св. Петра почивает в Ватиканском соборе, а св. Павла в загородной церкви его по Остийской дороге. – От св. ап. Петра св. Церковь имеет, как драгоценное наследие, два его соборные послания; из них первое написано около 65 г. в Вавилоне, а второе незадолго до кончины в Риме. В этих посланиях св. ап. Петр убеждает христиан проводить жизнь строгую, святую и воздержную, достойную их высокого звания, предостерегая от увлечения соблазнами язычества, от проповеди грядущих лжеучителей.

[4252] - Савл – еврейское имя, значит «желанный»; «вымоленный»; Павел – имя римское, значит «малый». Некоторые ученые думают, что он был долгожданный, перворожденный сын и получил оба имени при самом рождении, как римский гражданин, по отцу. А святитель Димитрий Ростовский, следуя мнению св. Златоуста, Амвросия и др., думает что Савл при самом крещении переименован был

в Павла. В книге же Деяний Апостольских нет никакого сведения, когда и по какой причине совершилась эта перемена имени.

[4253] - Тарс – некогда большой и населенный город на юго-востоке Малой Азии, главный в провинции Киликии, при р. Кидне, недалеко от Средиземного моря. И ныне он значительный и торговый город с 40 тысячами жителей.

[4254] - Дамаск – один из древнейших городов мира. Уже во времена царя Давида он был главным городом самостоятельного государства; еще до Рождества Христова подпал под власть римлян. Вера Христова утверждена была здесь рассеявшимися после убиения Стефана учениками Господа. Синагоги Дамасские были подвластны иерусалимскому первосвященнику; в религиозные дела евреев гражданская власть не вмешивалась. В Дамаске и доселе указывают дом, где Апостолу Павлу преподано было крещение, и место, откуда он был спущен по стене. В 1516 г. Дамаск присоединен к Турецкой империи, и ныне весьма торговый и богатый город, с 200 тысячами жителей. От Иерусалима он расположен к северо-востоку, в расстоянии около 200 верст, в Сирии, при подошве Антиливана.

[4255] - Тиверий – римский император, с 14 г. По 37 г. По Р. Х. При нем был распят Иисус Христос.

[4256] - Идти против рожна – народная пословица, выражающая тщету усилий противодействовать силе неодолимой, а тем более всемогущей, Божественной.

[4257] - Анания – был христианином из иудеев, потом поставлен епископом в Дамаске и скончался мученически – побит камнями в Елевферополе (между Иерусалимом и Газою). – Память его 1 октября.

[4258] - Святым твоим – так назывались в первое время христиане, по освящении их во Христа, по их непорочной жизни и любви взаимной.

[4259] - «Пред язычниками» – они поставлены на первом плане в знак того, что Павел будет проповедником преимущественно между ними. «Скажу ему» – слова Господа

успокоительные для Анании; смысл их: иди, не опасайся: теперь никто из христиан не пострадает от Савла, напротив, он сам постраждет за имя Мое.

4260 - «Возложил руки» – в знак сообщения ему благодати Господней еще до крещения: всё, касающееся Павла, хотя совершалось через человека, но Сам Бог был совершителем всего. – «Чешуя отпала»: это было лишь внутреннее ощущение Павла; ему показалось, что как бы чешуя отпала от глаз его. Немедленная после того проповедь его в Дамаске показывает пламенный дух его всецелое принятие веры во Христа.

4261 - Подробности пребывания его в Аравии совершенно неизвестны. Вероятно, он предавался изучению Писания и готовился к новой деятельности, указанной ему Господом.

4262 - «Еллинистами» назывались иудеи, жившие в разных странах языческого мира и говорившие на распространенном тогда греческом языке.

4263 - «Исступление» (иначе – экстаз) – необычайное состояние человека, не по воле его бывающее, когда в бодрственном его положении внешний мир как бы закрывается для его телесных чувств, а внутреннему чувству его открываются явления невидимого, духовного мира, какие Богу угодно даровать ему в видении; в таком состоянии был и Апостол Петр

4264 - Кесария – в древности название многих городов Римской империи. Здесь разумеется Кесария в Палестине, построенная Стратоном, в честь кесаря Октавия Августа, при Средиземном море, верст около 100 от Иерусалима, к северо-западу, бывшая местопребыванием римских правителей Иудеи; она была укреплена и украшена Иродом, некогда с превосходною гаванью; ныне – груда развалин. В Палестине была и другая Кесария, при подошве горы Ливана, построенная тетрархом Галилейским Филиппом в честь кесаря Тиверия, и называвшаяся Кесарией Филипповой (в древности она называлась Вансей).

4265 - Название «христиан» произошло не в среде последователей Господа, которые обыкновенно называли друг

друга братьями, учениками, верующими; оно употреблялось сначала вне Церкви и вероятнее всего дано последователям Господа язычниками антиохийскими, которые, встречая очень значительное число верующих, перестали считать их за секту иудейскую и придали христианству самостоятельное значение.

4266 - «Церковь в Иерусалиме», то есть: общее богослужебное собрание христиан; церкви же, как здания, явились позднее. Святые Апостолы Иасон и Сосипатр едва ли не первые воздвигли в Керкирейском острове (ныне Корфу один из Ионических островов, близ Албании) прекрасную церковь во имя св. первомученика Стефана.

4267 - Это было первое единение Церкви Христовой из язычников с церковью из иудеев, в коем торжественно выразилась братская любовь; вместе с тем это было свидетельством великой благодати Божией, действующей в церкви из язычников.

4268 - Клавдий кесарь, преемник Калигулы, занимал римский престол с 41 г. По 54 г. По Р. Хр.; в продолжение этого времени голод не раз свирепствовал в разных областях Римской империи.

4269 - Память св. Агава совершается 8 апреля

4270 - «Благоугодно было Духу Святому», т.е. в общем собрании Антиохийской церкви, когда происходило богослужение, с совершением Евхаристии, один или несколько пророков, участвовавших в богослужении, выразили внушение Св. Духа – отделить Варнаву и Савла на проповедь к язычникам. А может быть, и сами Апостолы Варнава и Павел объяснили собранию призвание их, и собрание отпустило их. Таким образом здесь начинается первое апостольское путешествие св. Павла. Он приготовлен был к нему чрезвычайным откровением – восхищением до третьего неба (2Кор.12:1–5). Для всемогущества Божия, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову из тела; но трудно (замечает св. Златоуст) усмотреть необходимость в таковом беспримерном для самых святых людей отлучении в живом человеке души от тела. «Мир духовный, куда восхищен

был Павел, как не подлежащий пространству, существует везде; а поэтому требуется только, чтобы в духе человека раскрылась способность к сообщению с ним, и он, оставаясь в теле без всякой перемены места, может быть на небе – в обществе Ангелов и блаженных душ (Иннокентий Херсонский).

4271 - Совершение при сем особого поста и молитвы показывало, что церковь иерусалимская признавала делом особой важности посольство Павла и Варнавы на проповедь язычникам.

4272 - Селевкия – небольшой портовый город при реке Оронте, при впадении реки в море.

4273 - Саламин – приморский город, где Апостолы высадились.

4274 - Паф – главный город острова Кипра, местопребывание правителя, находился на берегу, противоположном Саламину: очевидно, Апостолы прошли через весь остров и, конечно, проповедовали о Христе.

4275 - Антиохия Писидийская, римская колония; в ней Павел и Варнава впервые проповедовали Евангелие язычникам. Ее необходимо отличать от Сирийской Антиохии или Селевкийской. Последняя основана за 300 лет до Р. Х. при реке Оронте, в 30 верстах от моря, Селевком Никатором, основателем царства Селевкидов, как одна из многочисленных греческих колоний; она быстро стала одним из обширных и знаменитых городов Сирии и столицею ее. В Церкви христианской она занимала второе место поле Иерусалима; предстоятели ее получили титул патриарха, теперь их резиденция в Дамаске. А сама Антиохия ныне бедный город турецкий – Антакия.

4276 - Икония – на юго-восток от Антиохии Писидийской, в Малой Азии, при подошве горы Тавра; город, бывший некогда главным в Ликаонской епархии.

4277 - Ликаония – область Малой Азии, соседняя с Писидией; Листра и Дервия – небольшие города в ней, на юго-востоке от Иконии.

4278 - Зевс и Ермий (иначе Юпитер и Меркурий) – имена языческих богов главного и вестника воли его, иногда его

сопровождавшего, покровителя торговли, посредника между людьми с богами.

4279 - Писидия и Памфилия – области Малой Азии, к юго-западу от Ликаонии.

4280 - Ныне Адалия, прибрежный город в Памфилии, к юго-востоку от Пергии.

4281 - Тимофей был сыном иудеянки (принявшей христианство) и язычника, и сам искренний христианин, одобряемый братиями; с его согласия Павел обрезал его, «ради иудеев», так как они ни за что бы не решились слушать слово Божие от необрезанного, которого отец притом был язычником.

4282 - Фригия и Галатия – внутренние области Малой Азии; Мисия и Вифиния – северо-западные области в ней.

4283 - Действия Духа не указаны дееписателем, были ли они внешние или внутренние, но Апостолы ясно сознавали их, как непосредственные действия Духа Святого.

4284 - Троада – приморский город, откуда недалеко было переправиться морем в Европу. – Македония – приморская область, прилегавшая к Архипелагу с северо-запада.

4285 - Приморский город Фракии, первый европейский город, ныне Кавана.

4286 - Павел вознегодовал на это исповедание нечистого духа, не желая иметь опору своей проповеди со стороны врага Бога и человеков, как и сам Господь не принимал исповедания демонов (Мк. 1:24–25, 34; Мк. 3:11–12 и др.).

4287 - Амфиполь – главный город в 1-м округе Македонии, к юго-западу от Филипп; Аполлония – (ныне городок Ериссо) к юго-западу от Амфиполя, в северной части Афонского полуострова; Солунь (или Фессалоника) – главный город во 2-м округе Македонии, при заливе Эгейского моря, ныне важный торговый город Турции, складочное место Македонской торговли.

4288 - Берия – город к юго-западу от Солуни.

4289 - Афины – главный город Греции, средоточие тогдашней греческой науки, искусства и торговли. По преданию основан около 1550 г. До О. Хр., в долгой жизни своей был столицей

царства, республики, герцогства, в XV в. завоеван турками, в XIX в. освободился от них и стал столицей греческого королевства.

4290 - Коринф – к западу от Афин, на перешейке, известнейший в древности по своей обширной торговле, резиденция тогда римского правителя.

4291 - Сенека родился в Испании, вскоре по Р. Хр., прибыл в Рим, где приобрел известность как философ, сделался учителем императора Нерона, который потом приговорил его к смерти; Сенека открыл себе кровь и тем исполнил смертный приговор.

4292 - Ефес – приморский торговый и главный город малоазийской провинции Ионии, он потом был центром деятельности Ап. Иоанна Богослова; здесь был 3-й Вселенский собор в 431 г.; ныне Ефес – бедная турецкая деревня Аясалук.

4293 - Драхма – около 20 коп., следовательно книг сожжено было на сумму до 10 тыс. руб. серебром.

4294 - Милит – приморский город, к югу от Ефеса, некогда цветущий, основавший множество колоний, ныне простая деревня.

4295 - Птолемаида – древний приморский город, на юге Финикии, в пределах Палестины, ныне Сен-жан-д'Акр, в 1799 успешно выдержавший осаду Бонапарта.

4296 - Кесария, см. выше.

4297 - Иаков, брат Господень, старший сын Иосифа обручника, от первой его жены; он сопутствовал Иосифу и Пресвятой Деве Марии с младенцем Иисусом в бегстве их во Египет; по воскресении Своем, Господь удостоил его особенного личного явления Своего (1Кор.15:7); по вознесении Христовом, он поставлен был от верховных Апостолов первым епископом Иерусалимской церкви, быв предназначен к тому Самим Господом, и по духовной жизни своей пользовался высоким уважением самих Апостолов, председательствовал на апостольском соборе и всю жизнь проведя в Иерусалиме, приобрел даже от неверующих название «Праведного». – Память его 23 октября

[4298] - Асия – так назывались западные провинции Малой Азии – Мисия, Лидия, Кария, т.е. всё западное побережье Средиземного моря, состоявшее под управлением проконсула.

[4299] - Суровый упрек Апостола Павла объясняется тем, что он или не узнал первосвященника, по слабости своего зрения, или тем, что пред ним был не прежний первосвященник, известный ему когда-то. Обличив явную и неосновательную дерзость, Павел поступил по примеру Иисуса Христа, Который так же обличил несправедливость ударившего Его прежде осуждения. Сейчас нами сказано было о слабости зрения Ап. Павла, – действительно, это был недуг, на который он часто жаловался, это было именно то «жало в плоть» (2Кор.12:7), от которого он страдал. Воспалительное состояние глаз Господь оставил на Апостоле, как неизгладимый знак Своего чудесного явления ему на пути в Дамаск; Павел сам говорил, что лишился зрения от внезапной славы света того, так что с открытыми глазами он никого не видел, и если потом зрение ему было даровано, всё же слабость в нем могла остаться: полуденное путешествие под жгучим сирийским солнцем, блеск света превзошедшего даже этот полуденный свет и слепота постигшая Апостола – могли произвести воспаление и ослабление его глаз; его пребывание в пустыне и Дамаске, где многие страдают глазами, могло поддерживать эту слабость зрения, а порою и усиливало ее. Слова Павла в послании к Галатам: «вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им… Свидетельствую о вас, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» (Гал.4:14–15) достаточно ясно намекают на повреждение зрения, которое имело по временам свои припадки и сопровождалось головною болью. Вот почему, высказав упрек обидевшему его первосвященнику, Павел имел основание оправдываться, что он не мог рассмотреть, что его обидчик – первосвященник.

[4300] - Царь Агриппа – это был Агриппа II-ой, сын Ирода Агриппы I-го, последний царь из фамилии Иродов, владетель некоторых областей в Сирии.

[4301] - Мелит – нынешняя Мальта, остров на юг от Сицилии; на Мальте и доселе существует предание о пребывании там Апостола Павла.

[4302] - Сиракузы – приморский город на юго-восточном берегу Сицилии, в 18 милях от Мальты.

[4303] - Ригия – ныне Реджио, в южной Италии, против Мессины, на северо-восточном берегу Сицилии.

[4304] - Путеолы – ныне Пуццоло, приморский город близ Неаполя. Аппиева площадь – небольшой городок, около 60 верст от Рима. Три гостиницы – местечко в 15 верстах от Рима.

[4305] - Евсевий Памфил – епископ Кесарии палестинской (268–340 гг.), церковный историк, близко стоявший ко многим великим событиям своего времени.

[4306] - Симеон Метафраст – собиратель и составитель житий святых, секретарь императора Константина VII; скончался ок. 940 г.

[4307] - Никифор Каллист – греческий церковный историк; особенно замечательна его «Церковная История» в 23 книгах, из коих до нас дошли первые 18, а из остальных только отрывки; скончался в 1350 г.

[4308] - Нерон – римский император (54–68 гг.) запятнал себя своею жестокостью даже по отношении к самым близким своим родным и в особенности по отношению к христианам. Вместе с тем он был покровителем ученых, поэтов, певцов и сам участвовал в Олимпийских играх. Тщеславный, развратный, необузданный, он возбудил против себя заговор и принужден был умертвить себя.

[4309] - Св. Апостол Павел оставил нам в своих посланиях имена и других сотрудников своих. Они с такой любовью помогали ему, и сам он так был доволен ими, что в очерке жизни его следует упомянуть хотя о некоторых из них, о которых он сам с благодарностью вспоминает. Так, например, он называет Луку, по всем церквам похваляемого за Евангелие и притом избранного от церквей сопутствовать Павлу для благотворения (2Кор.8:18–19), Тимофея, который подобно Апостолу трудился для дела Господня, и Павел не имел никого

равно усердного. Тимофей служит ему в благовествовании как сын отцу (1Кор.16:10; Флп.2:19–22); называет Тихика, как возлюбленного брата и верного в Господе служителя, способного доставить сердечное утешение (Еф. 6:21–22); Прискиллу и Акиллу, сотрудников своих во Христе Иисусе (Рим.16:3); Епафраса, возлюбленного сотрудника своего и верного служителя Христова (Кол.1:7); Аристарха, Марка, Иуста, сотрудников для Царствия Божия и как свою отраду (Кол.4:10–11); Тита, истинного сына по общей вере, которому Павел поручал довершить в Крите неоконченное, который утешал его и своим прибытием, и радостью, и расположенностью к верующим: «это мой товарищ и сотрудник» (Тит.1:4–5; 2Кор.7:6, 13, 15, 8:23); Сосфена, бывшего потом епископом в Колофоне (1Кор.1:1). Вспомним, наконец, Силу, который вместе с Тимофеем остался в Берии среди всех опасностей, лишь бы утвердить братию в вере, согласно желанию Ап. Павла (Деян.17:13–15). И много их было даже по имени не названных, и только по делам любви своей памятных.

4310 - Император Карин царствовал с 283 г. по 284 г.

4311 - Каин – имя старшего сына Адама и Евы. Как первый плод чадорождения в греховном состоянии, Каин был угрюм и злобен и из зависти убил кроткого брата Авеля (Быт.4:1–16). Это событие и имеется в виду в житии.

4312 - Кончина святых безмездных врачей Космы и Дамиана последовала в 284 г.

4313 - Патрициями у римлян назывались полноправные, свободнорожденные дети коренных римских граждан. Патрицианских родов считалось в Риме около ста. Обыкновенно патриции занимали высшие государственные должности.

4314 - Константин VI (VII) Порфирородный царствовал с 780 г. по 797 г. Мать его Ирина царствовала с 797 г. по 802 г.

4315 - Никифор I царствовал с 802 г. по 811 г.

4316 - Олимпийская гора находилась в Малой Азии, на границах Фригии и Вифинии.

4317 - Кончина святого Петра последовала около 865 г.

4318 - Император Антонин Пий царствовал с 138 г. по 161 г.

[4319] - Сардиния – один из островов Средиземного моря; ныне входит в состав итальянского королевства.

[4320] - Зевс – верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов и людей.

[4321] - Арей или Марс – бог войны.

[4322] - Минерва или Афина – богиня мудрости.

[4323] - Имеется в виду знаменитый подвиг Давида в единоборстве его с филистимлянским исполином Голиафом (подробнее об это см. 1Цар.17:32–51).

[4324] - Словом Эпир у древних греков первоначально обозначался вообще материк, в противоположность островам; впоследствии именем Эпира греки стали обозначать область граничившую на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акарнанией. Ныне Эпир принадлежит туркам.

[4325] - Необходимо заметить, что проказа, от которой Кириакия была исцелена святым Потитом, – крайне злокачественная болезнь. Она распространена в жарких климатах, особенно в Египте, потом Палестине, Сирии, Аравии, Индии и др.; болезнь выражается в том, что всё тело больного покрывается злокачественными опухолями, увеличивающимися с каждым днем; при этом тело больного мертвеет и разрушается. Проказа считается неисцелимою болезнью. Ею, по попущению Божию, страдал ветхозаветный праведник Иов. Память его празднуется св. Церковью 6 мая.

[4326] - Аполлон считался у древних греков прорицателем будущего, богом судьбы, оракулов и поэзии.

[4327] - Кончина св. мученика Потита последовала в половине II века.

[4328] - Влахерна – место в Константинополе на берегу моря у корабельной пристани. Оно получило наименование от некоего известного скифского воеводы, по прозванию Влахерна, убитого на том месте, где впоследствии была устроена прекраснейшая церковь во имя Божией Матери.

[4329] - Лев I (Великий) царствовал с 457 г. по 474 г.

[4330] - Назарет – небольшой город в Галилее, дорогой для христиан по священным воспоминаниям (в этом городе провел

Свое детство Господь наш Иисус Христос).

[4331] - Геннадий патриаршествовал с 468 г. по 471 г.

[4332] - По свидетельству византийского историка Никифора (жил с 1295 г. по 1360 г.) во Влахернской церкви в златокованом ковчеге хранилась не одна одежда Богоматери, но вместе с тем омофор и часть Ее пояса. О том же свидетельствуют и русские паломники. Стефан новгородец, живший в XIV в., говорит: «идохом во Влахерну, идеже лежит риза и пояс и скуфья на главе Ея (Божией Матери), а лежит в олтаре на престоле в ковчеге запечатаны». То же подтверждает диакон Александр и диакон Игнатий, жившие в второй половине XIV в. – Влахернский храм сгорел 19 января 1434 г. Ныне виднеются только малые остатки его. Части одежд Богоматери находятся ныне в разных местах: так есть одна часть в Московском Успенском соборе (эта часть передана сюда князем Василием Голицыным), другая – в Благовещенском храме, приобретенная в XIV в. Дионисием, архиепископом суздальским; кроме того часть ризы Богоматери показывается в Латеранском соборе в Риме. Празднование в честь положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахернах установлено было, как замечено в сказании, во времена императора Льва I, следовательно в половине V в., но усугублено в 860 г., при патриархе Фотие (857–867 гг.; 877–886 гг.) и императоре Михаиле III (855–867 гг.) по случаю заключения мира с Аскольдом и Диром и отступления руссов от Царьграда. Они отступили от Царьграда 25 июня, а 2 июля во вторник после торжественной службы во Влахернах патриарх с императором установили совершать в этот день тожественное празднование в честь положения ризы Пресвятой Богородицы; при этом честная риза Богоматери была перенесена из храма, выстроенного императором Маркианом и возобновленного императором Львом I, в так называемую Великую церковь.

[4333] - Феодосий II (Младший) царствовал с 408 г. по 450 г.

[4334] - Несторианская ересь основана Несторием, епископом Константинопольским, несправедливо учившим, что от Девы Марии родился не Бог, но человек Иисус, в котором человечество соединилось с божеством благодатным образом

во время Его земной жизни. Поэтому Матерь Божию он называл Христородицею, а не Богородицею. Ересь Нестория была осуждена на III Вселенском соборе, созванном в 431 г. в Ефесе.

[4335] - Ефес – малоазийский город, лежавший между Смирною и Милетом. В истории христианской Церкви Ефес известен как место проповеднической деятельности св. Апостола Павла в его третье благовестническое путешествие.

[4336] - Кирилл (I-ый) патриаршествовал с 412 г. по 444 г.

[4337] - Император Маркиан царствовал с 450 г. по 457 г.

[4338] - Евтихий, архимандрит Константинопольский, известен как основатель ереси евтихианской или монофизитской. В противоположность несторианскому разделению в Лице Иисуса Христа божества и человечества, Евтихий учил, что человеческое естество в Иисусе Христе было совершенно поглощено божеством и потому в Нем следует признавать только одну природу – Божественную.

[4339] - Халкидон или Калхедон – первоначально мегарская колония на берегу Пропонтиды (Мраморного моря); впоследствии – столица Вифинии – малоазийской провинции.

[4340] - Четвертый Вселенский собор был в 451 г.

[4341] - Евагрий – антиохийский юрист, автор «Церковной истории», обнимающей время с 431 г. по 494 г. Жил с 537 г. по 594 г.

[4342] - Александрия – знаменитый в древности город, основанный Александром Македонским на берегу Средиземного моря, при устье реки Нила. Александрия в древности была первым городом в мире после Рима и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства – рассадником христианского просвещения. – В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море.

[4343] - Феодосий (незаконно) патриаршествовал в течение 20 месяцев (с декабря 451 г. по август 453 г.).

[4344] - Моавитяне обитали в Палестине к востоку от Мертвого моря, по обеим сторонам реки Арнон. Название это

было усвоено им по имени Моава, сына Лотова, от его старшей дочери (Быт.19:30–37).

[4345] - Синайская гора находилась в пустынях Каменистой Аравии; сюда пришли израильтяне в третий месяц по выходе своем из Египта. Здесь дан был Богом закон, выраженный в 10 заповедях. – В христианскую эпоху на этой горе подвизались многие иноки. В V-м веке весь пустынный Синайский край, несмотря на бедность своей природы, был усеян скитами. Гора Синай в настоящее время называется арабами Джебель-Тур-Сина.

[4346] - Ювеналий патриаршествовал с 420 г. по 458 г.

[4347] - Император Траян царствовал с 98 г. по 117 г.

[4348] - Каппадокия – малоазийская область.

[4349] - Кончина святого мученика Иакинфа последовала в начале II в.

[4350] - Город на севере Месопотамии, на реке Евфрате.

[4351] - Ересь Нестория состояла в утверждении, что Пресвятая Дева Мария родила не Бога, а только человека, с которым, помимо Нее, соединилось предвечно рожденное от Отца Слово Божие; причем это соединение было только нравственным. Ересь Нестория осуждена на Вселенском соборе в Ефесе в 431 году, на котором вопрос о соединении во Христе Иисусе двух естеств был решен следующим образом: «Два естества – божеское и человеческое – соединены во Христе нераздельно и неслиянно».

[4352] - Около 430 года.

[4353] - Названия епархов носили в греко-Римской империи правители областей.

[4354] - Подпруга – ремень или тесьма для подтягивания седла.

[4355] - Время кончины святых мучеников Мокия и Марка неизвестно.

[4356] - Крит (или Кандия) – наибольший из островов Средиземного моря; находится в восточной части этого моря, к югу от Эгейского моря. Принадлежит ныне Турции.

[4357] - Дамаск – древнейший сирийский город, упоминаемый в Библии уже в истории Авраама (Быт.14:15); был расположен к северо-востоку от Палестины, в прекрасной и плодородной равнине, находившейся у восточной подошвы Анти-Ливана. – В истории христианской Церкви Дамаск замечателен как место чудесного обращения ко Христу Савла (Деян.9:1–22). В 634 году покорен арабами; с 1516 г. присоединен к турецкой империи.

[4358] - Секретарем.

[4359] - В 680 г.

[4360] - Константин IV (Погонат) царствовал с 668 г. по 685 г.

[4361] - Ересь монофелитов состояла в том, что они, хотя и признавали в Иисусе Христе два естества, но допускали в Нем лишь одну волю.

[4362] - Юстиниан II царствовал с 685 г. по 695 г.

[4363] - Св. Андрею, архиепископу Критскому, принадлежит до 20 слов церковно-поучительного характера. Из числа написанных им церковных песнопений, самым важным следует считать великий покаянный канон, который поется по частям на повечериях 1-й седмицы Великого поста, и сполна на утрени в четверг на 5-ой неделе.

[4364] - Кончина св. Андрея, архиепископа критского, последовала в 712 г.

[4365] - Необходимо заметить, что святая праведная Марфа, мать святого Симеона Дивногорца, преставилась в пятый день сего месяца; но так как служба ей положена в Минеи в сей, четвертый, день, а равно также и в Прологе читается синаксарь сего дня, то по сей причине и житие ее помещено под четвертым числом месяца июля.

[4366] - Дивная гора, на которой подвизался св. Симеон Столпник, находилась вблизи Антиохии сирийской и Селевкии.

[4367] - Кончина св. Марфы последовала в 551 году.

[4368] - Император Траян царствовал в Римской империи с 98 до 117 года.

[4369] - Год кончины святых мучеников Феодота и Феодотии неизвестен, а местом их страданий был город Рим.

[4370] - Император Диоклетиан управлял Римской империей с 284 г. до 305 г.

[4371] - Город Киринея или Кирена находился в древней римской африканской провинции Киранаке и расположен был близ северных берегов Средиземного моря.

[4372] - Ливия – страна в Африке, лежавшая на запад от Египта.

[4373] - Симон Киринейский известен из евангельской истории страданий Спасителя. Когда Иисус Христос во время шествия на Голгофу от изнеможения упал под тяжестью креста, то последний был возложен на Симона, который и донес его к месту распятия (Мф.27:32; Мк.15:21; Лк.23:26).

[4374] - Игемон – правитель области.

[4375] - Под преподобными женами разумеются здесь святые мученицы Лукия и Иероя.

[4376] - Кончина святого священномученика Феодора по Деяниям святых последовала в 310 году.

[4377] - По греческому прологу память святых мучеников совершается в Регии, а не в Пергии. Регия или Региум, ныне Редонио, находится в Италии на юго-западной оконечности Апеннинского полуострова у берегов Мессинского пролива.

[4378] - Здесь разумеется Спасо-Евфимиева обитель, основанная преподобным Евфимием по желанию и на средства суздальского князя Бориса Константиновича около 1352 года по берегу реки Каменницы или Каменни близ города Суздаля. Об основании обители рассказывается в житии преподобного Евфимия, помещенном под 1 числом месяца апреля.

[4379] - Церковь эта было освящена около 1352 года, следовательно со времени ее построения прошло более 150 лет.

[4380] - Эти три камня при основании Преображенского храма преподобный Евфимий собственноручно обтесал и устроил из них место для своего гроба у северных дверей будущего алтаря, вблизи святого жертвенника, где впоследствии и был погребен.

[4381] - Билом называлась в монастырях доска, в которую били для созывания иноков в церковь или в трапезу.

[4382] - Преподобный Евфимий скончался 1 апреля в 1405 году; следовательно со дня его кончины до открытия мощей прошло более ста лет.

[4383] - Афанасий – в переводе с греческого значит «бессмертие».

[4384] - Находился в северо-восточной области Малой Азии Понте, на морском берегу, на запад от реки Гисса.

[4385] - Византия – мегарская колония, основанная в 658 г. до Р. Х. на европейской стороне Босфора; замечательная по своим удобствам бухта золотого рога и господствующее положение на узком проливе, соединяющем Черное море с Мраморным, обеспечивали за ней важное торговое и промышленное значение. Император Константин Великий, оценив выгоды положения Византии, перенес сюда (в 330 г.) столицу Римской империи, благодаря чему Византия приобрела всемирно-историческое значение; она прервала связь с прошлым и стала называться Константинополем, Новым Римом.

[4386] - См ниже, житие преп. Михаила Малеина

[4387] - Афонская гора (Афон) по греч. Агион Орос – Святая гора, – узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иночество здесь возникло в древнее время, хотя несколько позже чем в Сирии и Палестине. Для русской церкви почти с самого появления на Руси христианства и по XVII век Афон имел большее значение: здесь постригся отец русского монашества, прп. Антоний; здесь в больших монастырских библиотеках получили наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (например прп. Нил Сорский †1508 г.). Здесь находились специальные переводчики и переписчики, снабжавшие отсюда православную Русь переводными рукописными произведениями церковно-назидательного характера. – Как одно из наиболее чтимых святых мест православного востока, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев исключительно мужского

пола (женщинам вход в монастырь возбранен) из России, Балканского полуострова и азиатских владений Турции. Почти вся гора, за исключением глубоких ущелий и скал, покрыта богатою растительностью: здесь растут лимонные, апельсиновые и грушевые деревья вперемежку с ореховыми, масличными и каштанами; целые поля усажены многоразличными породами винограда, расположено до двадцати богатых монастырей, несколько скитов и множество (сотни) отдельных келий, – греческих, русских, молдавских, болгарских и др.

4388 - Вероятно из Антиохии Писидийской, названной так от области Малой Азии Писидии, где находился этот город.

4389 - Колхида – страна, находившаяся к югу от Понта Евксинского (Черного моря) между Кавказом, Иберией и Арменией.

4390 - Роман II 957–963 гг.

4391 - Евнухами назывались в древности лица, которые служили при царских дворах в качестве хранителей сокровищ, царской казны и в особенности в качестве стражи при опочивальнях царя, цариц и царевен. ПО большей части евнухи были скопцами. При византийском дворе должность евнухов была весьма почетная.

4392 - Или Архипелаг.

4393 - Никифор II Фока – император 963–969 гг.

4394 - Поприще – мера расстояния приблизительно в 690 сажен.

4395 - До времени императора Константина Великого усвоялось только лицам благородного происхождения, главным образом потомкам сенаторов; патриции в виду своего происхождения пользовались различного рода привилегиями в пользовании общественной землей и в частноправовых отношениях; император же Константин сделал патрициат личным достоинством, даруемым высшим чиновникам и не переходившим по наследству.

4396 - Солунь или Фессалоники – город Македонии.

4397 - Авва – отец.

[4398] - Лавра – с греч часть города, переулок – собственно ряд келлий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградою или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняли строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и потом в Палестине. В настоящее время имя лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

[4399] - Крит или Кандия – наибольший из греческих островов в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря.

[4400] - Литра – мера веса, равняющаяся 72 золотникам (1 золотник ≈ 4,265 грамма).

[4401] - На греческом языке известно пространное жизнеописание св. Афанасия; пространно излагают его житие и великие Минеи-Четьи.

[4402] - Роман II 957–963 гг.

[4403] - Атталия – город Памфилии, узкой береговой полосы малой Азии между Ликией и Киликией.

[4404] - Иоанн Цимисхий 969–976 гг.

[4405] - Т.е. этот инок действовал лицемерно. Ср. Быт.27:21–23.

[4406] - Ср. Быт.4:8.

[4407] - Калабрия – низменный полуостров, простиравшийся от Тарента до Япигского мыса. В средние века византийскими писателями название Калабрии было перенесено на западный полуостров Нижней Италии, прежней Бруттии.

[4408] - Амалфия – приморский город у Салернского залива в итальянской провинции Салерно; основан вероятно в IV в. Константином Великим.

[4409] - Иберия – Испания.

[4410] - Прп. Феодор Студит еще в юных летах вступил на путь иноческой жизни, подвизаясь в начале под руководством своего

дяди, прп. Платона (память его 5 апреля), защитника иконопочитания на VII Вселенском соборе. Впоследствии прп. Феодор сделался настоятелем Студийского монастыря в Константинополе; монастырь этот под его управлением достиг небывалой высоты. Прп. Феодора дважды высылали из Константинополя за обличение императора Константина Багрянородного, незаконно разведшегося со своею супругою Мариею и увеличившего тяжесть своего преступления незаконным браком с Феодотою. По возвращении из ссылки в Студийский монастырь, когда вспыхнуло гонение на святые иконы, прп. Феодор, не обращая внимания на угрозы иконоборцев, открыто совершал крестные ходы. Тогда император Лев Армянин послал его в заточение, где он содержался в сырых и душных темницах, неоднократно подвергаясь жестоким побоям. При Михаиле Косноязычном св. Феодор был возвращен из заточения, но жил недолго, изнуренный заключением. Умер 67 лет в 826 году 11 ноября (когда и совершается его память). В минуту кончины святого Феодора прп. Иларион Далматский видел сонм Ангелов, нисходящих с неба и слышал голос: «се душа Феодора, игумена Студийского, в торжестве восходит горе и ее встречают небесные силы». – Св. Феодор оставил после себя многочисленные сочинения в виде слов, оглашений, писем, канонов, стихир, эпиграмм и жизнеописаний. Наиболее полное издание сочинений прп. Феодора на русском языке предпринято редакцией журнала «Христианское чтение» в качестве приложения к этому журналу за 1907 и следующие годы.

[4411] - Последовавшей в 1000–1001 г.

[4412] - Патерик или Отечник – книга отцов или об отцах. Так называются сборники, состоящие из кратких повестей о жизни подвижников или из нравоучительных слов их.

[4413] - Кончина преподобного Сисоя Великого последовала около 429 г.

[4414] - Святая мученица Лукия производится здесь из Сицилии по смешению с другою Лукиею, память которой празднуется 13 декабря. Сказание о первой в месяцеслове

императора Василия начинается так: «Христова мученица Лукия, отличалась от Лукии сицилийской» и проч.

[4415] - Такой страны в Сицилии нет. Очевидно страна здесь названа Каппадокийской вместо Кампании, которая находилась на Аппенинском полуострове к юго-западу от Самниума, на берегах Тирренского моря, между Лациумом и Луканией.

[4416] - По Деяниям святых это был варварский царь Авцей. В греческих прологах, как и в нашем славянском, он назван Риксом от латинского слова rex царь. Думают, что нарицательное имя rex перешло в собственное Рикс.

[4417] - Это был префект города Рима Элий Дионисий. Местом мученической кончины святых Лукии и Рикса был город Рим, как о том говорится в Деяниях святых.

[4418] - В Деяниях святых поименованы следующие святые мученики, усеченные после Лукии и Рикса: Антоний, Ириней, Феодор, Дионисий, Аполлоний, Апомий, Проник, Котей, Орион, Папик, Сатур, Виктор и 9 не поименованы, так что всех кроме Лукии и Рикса замучено 21, а в синаксаристе Никодима пострадавших с Лукиею перечислено 15 лиц и имен кроме Рикса.

[4419] - Сии святые мученики пострадали в царствование Диоклетиана в 301 году.

[4420] - Фригией называлась римская провинция в Малой Азии. Она граничила на севере с Вифинией, на востоке – с Галатией и Ликаонией, на юге – с Писидией и Карией, а на западе – с Лидией и Мизией.

[4421] - Неолидой, правильнее Эолидой, называлась область в Малой Азии между Иониею и Мизиею, граничившая к востоку с Лидиею.

[4422] - Город Пергам находился близ берегов Эгейского моря на реке Каике в северо-западной малоазиатской провинции Мизии.

[4423] - Город Кимы расположен был на морском берегу в северной части малоазийской провинции Лидии.

[4424] - Святой мученик Коинт страдал в царствование императора Аврелиана (270–275 гг.), а мирная кончина его

последовала около 283 года.

[4425] - Здесь разумеется император Клавдий II, царствовавший в Риме с 268 до 284 г.

[4426] - В Риме мученически скончались и были погребены святые Апостолы Петр и Павел.

[4427] - Тибр – одна из самых значительных рек средней Италии; на ее берегах недалеко от впадения ее в море расположена древняя столица Римской империи, город Рим.

[4428] - Саларийская дорога находилась в северо-восточной части города Рима и вела на север Италии.

[4429] - Под пещерою здесь разумеются римские подземные кладбища, называемые катакомбами. Это были вырытые под землею коридоры, в стенах которых сделаны были выемки, куда и полагались тела усопших без гроба и затем заделывались камнями и покрывались мраморными плитами. Для освещения коридоров вешались у гробов лампады и проделывались в потоке отверстия, служившие вместе с тем и для освежения воздуха. Здесь во времена гонений гонимые христиане погребали святых мучеников и сходились сюда для празднования дней их памяти. Сюда же собирались они и для совершения богослужения и особенно таинства Евхаристии, причем мраморные плиты над гробами святых мучеников служили престолами.

[4430] - Трибунами сперва назывались начальники триб, или частей римского населения, а потом этим именем стали называть лиц многих государственных должностей, преимущественно же начальников войсковых частей, представлявших собою нечто среднее между нашим полковником и ротным командиром. Упоминаемый здесь святой мученик Власт был одним из таких начальников. Императорским он называется, вероятно, потому, что принадлежал к так называемому преторианскому войску, обязанному служить самому императору.

[4431] - Под гробницею в пещере здесь разумеется, вероятно, комната в катакомбах. Обычно римляне погребали умерших в стенах вдоль подземных коридоров, но люди богатые, каким

был, надо думать, и названный здесь Понтиан, устраивали иногда в стороне от ходов целые, часто очень обширные, комнаты, где и погребались все члены фамилии. Принявшие христианство богатые люди часто во время гонений погребали в этих фамильных гробницах тела пострадавших за Христа святых мучеников, считая это для себя великою честью и счастьем.

4432 - Дий или Зевс, иначе Юпитер, по сказанию греческой мифологии, был сын младшего титана Сатурна, который царствовал сперва на острове Крите, а потом присвоил себе владычество над всем миром, и сестры его Реи. Сатурн имел от Реи несколько сыновей и дочерей, но проглатывал их тотчас же после рождения, так как его матерью Геей было предсказано ему, что он будет свергнут с трона своими детьми. Из всех детей Сатурна от этой участи был спасен Реей только Зевс, который впоследствии действительно и сверг Сатурна. Зевс почитался греками и римлянами отцом богов и людей, могущественным и грозным властителем неба и всей вселенной, посылающим на землю громы и молнии, и был у них главным божеством. Греческие мифы приписывают ему плотскую связь со многими второстепенными богинями и даже с женами человеческими и усвояют ему, как и другим богам и богиням, различные человеческие страсти и пороки.

4433 - Меркурий, иначе Ермий или Гермес, сын Юпитера и сестры его Геры; почитался греками и римлянами вестником богов, исполнителем воли Зевса, посредником между богами и людьми, богом красноречия, а также богом разнообразных открытий, изобретений и ремесел, богом промышленности и торговли, которые будто бы только тогда и доставляют богатство, когда соединяются с хитростью, обманом и даже кражей, – отсюда Гермес был покровителем кражи и обмана, одобрявшим всякого рода ложь и клятвопреступление.

4434 - Епархами в греко-Римской империи назывались собственно правители областей, но иногда это название носили и начальники городов.

4435 - Город Остия находился к юго-западу от Рима, у устьев реки Тибра, на берегу Тирренского моря. Здесь была самая

большая и самая прочная гавань, построенная императором Клавдием I.

[4436] - Эти советники императора назывались сенаторами, чаще синклитиками. Они были виднейшими царскими сановниками и составляли синклит, т.е. царский совет.

[4437] - Сказание о шестидневном пребывании Даниила во рву львином находится в Дан. 14:28–42, а о посещении его пророком Аввакумом рассказывается в житии последнего, помещенном под вторым числом месяца декабря

[4438] - Теллуда или Теллус – древнеиталийское божество матери земли, призывавшееся в молитвах вместе с Церерой. Как представительница земли, Теллус противопоставлялась Юпитеру, божеству неба. Олицетворяя материнское лоно земли, воспринимающее семена и дающее новую жизнь, Теллус считалась созидательницею всего сущего и предпочтительно пред другими богинями призывалась, как мать. Кроме того Теллуда считалась устроительницею миропорядка, подательницею благоденствия и покровительницею браков подобно греческой Деметре. Как божество земли, Теллус призывалась также при землетрясениях. По случаю наступившего среди битвы землетрясения в 168 г. во время войны с Пицентами, консул П.Семпроний дал обет воздвигнуть в честь Теллус храм, который и был выстроен на западном склоне Эсквилинской горы, но храм в честь элевзинской триады, Деметры (Теллус), Диониса и Коры, был устроен в Риме еще в 486 году до Рождества Христова по греческому образцу и греческими художниками.

[4439] - Святые мученики Марин, Марфа и сыновья их скончались в 269 году. Мощи их находятся ныне в церкви святого Иоанна Кущника в Риме, а мощи святого Валентина – в церкви Пракседы.

[4440] - Мф.11:30.

[4441] - С точностью неизвестно, где находилась гора Малея, на которой подвизался преподобный Фома и от которой он получил свое прозвище. Одни ищут ее в Пелопонессе, в Лаконии, где есть мыс Малея, другие разумеют здесь гору

Малеон, находившуюся на восточной стороне горы Афона; наконец, некоторые ищут эту гору на острове Лесбосе, где также есть мыс Малея.

4442 - Гора Кармил лежала в пределах колен Асирова и Манассиина; верхним или северным концом своим она вдавалась в Средиземное море, а южным упиралась в горы самарийские. Эта гора служила местопребыванием пророков Илии и Елисея (3Цар. 18:1–46; 4Цар.2:25, 4:25).

4443 - Время жизни преподобного Фомы Малеина неизвестно с точностью. Полагают, что он жил не позднее X века.

4444 - Траян царствовал в Римской империи с 98 до 117 года В 99 году он возобновил закон, запрещавший тайные общества. А так как у язычников составилось уже мнение о христианах, как о людях принадлежащих к тайному обществу, и так как богослужебные собрания христиан происходили по ночам и тайно, то он воздвиг на них гонение, как на нарушителей упомянутого закона.

4445 - Город Диррахий, иначе Эпифамн, ныне Дураццо, находился в нынешней Албании на берегу Адриатического моря.

4446 - Память святого священномученика Астия празднуется 4 июня.

4447 - Анфипатами в Римской империи назывались начальники областей.

4448 - Время кончины этих святых мучеников в точности неизвестно.

4449 - Император Диоклетиан управлял восточною половиною Римской империи с 284 г. по 305 г.

4450 - Комитами у древних римлян назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту. Со времени Константина Великого (306–337 гг.) Это наименование стало титулом всех придворных и государственных чинов, хотя бы они и не принадлежали к императорской свите.

4451 - Мф.7

[4452] - Мф.9:20–22

[4453] - Фригия – малоазийская область.

[4454] - Откр.3

[4455] - Ныне Рамзин, на южном рукаве Дуная.

[4456] - Ахитофел – первоначально близкий друг и советник Давида; но во время восстания Авессалома перешел на его сторону и советовал ему тотчас преследовать Давида, чтобы умертвить его; но так как последствием этого совета была гибель Авессалома, то Ахитофел, оставив войско, возвратился в свой отечественных город и здесь удавился (2Цар.17:1–20). – Столь же позорно окончил свою жизнь и Иуда Искариотский, предавший Господа иудеям (Мф.27:3–5).

[4457] - Кончина святого Астиона (а также и Епиктета) последовало ок. 290 г.

[4458] - Диоклетиан управлял Римской империей с 284 до 305 года.

[4459] - Кириакия с греческого значит Господня, Господу принадлежащая.

[4460] - Гонение этот началось в 303 г. Возбудил его соправитель Диоклетиана кесарь Галерий, убедивший Диоклетиана издать общий закон против христиан. Закон предписывал разрушать христианский храмы, сожигать книги св. Писания и лишать христиан всех гражданских прав и должностей. Гонение при Диоклетиане отличалось во-первых, жестокостью мучений, а во-вторых обилием числа мучеников, умерщвляемых от 10 до 1000 и более зараз в один день.

[4461] - Митиленскою страною называется здесь остров Лесбос, находящийся на Эгейском море близ западного Мизийского берега Малой Азии и от главного города названный впоследствии Митиленой.

[4462] - Никомидия – столица восточной Римской империи, резиденция императора Диоклетиана, великолепный город в области Вифинии, на берегу Пропонтиды (Мраморного моря) в северо-восточной части Малой Азии.

[4463] - Временем кончины святой мученицы Кириакии, как полагают некоторые, был 303 год, а по мнению преосвященного

Филарета (Жития святых, июль стр. 60) она скончалась в 289 году; но принимая во внимание, что судьею св. Кириакии был Максимиан Галерий и мучения ее происходили в Никомидии, скорее надо думать, что она скончалась в 303 году, в самом начале гонения, воздвигнутого Диоклетианом.

[4464] - Император Тит царствовал с 79 г. по 81 г.

[4465] - Веспасиан управлял римскою империею с 70 г. по 79 г.

[4466] - Адриан царствовал с 117 г. по 138 г.

[4467] - Диоклетиан правил с 284 г. по 305 г.

[4468] - Александрия – знаменитый в древности город, основанный императором Александром Македонским (336 г. – 323 г. до Р. Хр.) в Египте, на берегу Средиземного моря; славился в дохристианскую эпоху как центр науки и торговли; с начала IV-го века стал одним из важнейших центров христианской жизни и резиденцией патриарха.

[4469] - Город Апамея находился в юго-западной части Сирии, при реке Оронте.

[4470] - Историю обращения Савла (впоследствии великого Апостола Павла) можно читать в Деян. 9:1–20). – Память святого Апостола Павла совершается 29 июня

[4471] - Город Скифополь находился в Малой Азии.

[4472] - Эммануил с евр. значит «с нами Бог». Это наименование усвоятся св. пророком Исаией Господу Иисусу Христу (Ис.7:14).

[4473] - Михаил и Гавриил – Архангелы.

[4474] - Агаряне – мусульмане, арабы, называвшиеся так по имени Агари, наложницы Авраама, матери Измаила, от которого и произошло племя арабов.

[4475] - Зевс – верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов и людей.

[4476] - Гера – старшая дочь Кроноса и Реи – одно из главных действующих лиц древнегреческой мифологии. Она считалась супругой Зевса и царицею богов.

[4477] - Аполлон с греч. – «губитель». Этот бог изображался у греков обыкновенно с луком, колчаном и стрелами, как враг и

победитель темных сил.

[4478] - Паллада или Афина считалась у древних греков богиней – покровительнице браков и семейного благополучия.

[4479] - Эта Кесария находилась у истоков Иордана. Ее следует отличать от другой Кесарии, тоже палестинской, но расположенной на берегу Средиземного моря.

[4480] - Мф.9:20–22.

[4481] - Дан. 3:1–100

[4482] - Прокопий – с греч. «преуспевающий»

[4483] - Оглашение – изустное наставление в истинах христианской веры, преподававшееся в древней Церкви всем, желавшим приступить к таинству св. крещения. Имея право входа в храм для слушания Священного Писания и поучений и даже присутствовать при первой и второй частях литургии («проскомидия» и"литургия оглашенных»), оглашенные пред наступление третьей, самой важной части литургии («литургии верных») должны были немедленно выходить из храма, о чем и оповещалось диаконом возгласом и доселе сохранившимся в Православной Церкви при совершении литургии. Срок оглашения был не одинаков; многие пребывали оглашенными в продолжение всей жизни. В случае необходимости срок оглашения сокращался до нескольких дней или даже нескольких часов. – Церковный обряд оглашения и доселе совершается в Православной Церкви; он состоит в прочтении известных молитв над приступающим ко крещению и произнесении заклинания на диавола; при этом приступающий ко крещению отрекается сатаны, сочетавается Христу и исповедует свою веру чтением Символа веры (при крещении младенцев это делается восприемниками).

[4484] - Эрмий Трисмегист – полу мифическое лицо древнегреческой истории.

[4485] - Сократ – знаменитейший древнегреческий философ, живший в V веке до Р. Хр.

[4486] - Асклепиад – знаменитый древнегреческий врач.

[4487] - Остров Крит (или Кандия) находится в центральной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря.

[4488] - Калабрия – дикая гористая страна, находившаяся в юго-западной части Италии.

[4489] - Сивиллами в древней Греции назывались странствующие предсказательницы, которые предлагали каждому желающему угадывать будущее и предсказывать судьбу. Деятельность Сивилл особенно процветала в VIII и VII вв. до Р. Хр., – времени сильного культурного подъема Греции. Греческие историки упоминают о сивиллах эрфрской, фригийской, геллеспонтской и др. Более всего сведений имеется о кумской Сивилле, которая, по преданию древних греков, жила тысячу лет и была современницей Тарквиния Гордого (жил за 6 веков до Р. Хр.). Эта именно Сивилла и имеется в виду в житии. Согласно древнегреческому преданию, кумская Сивилла предложила Тарквинию купить ее книги, числом девять. Три из них были куплены царем и помещены в качестве священных книг в Капитолийском храме.

[4490] - См. пред. прим.

[4491] - Житие имеет в виду прорицалище Аполлона, находившееся в Дельфах (этот город находился в юго-западной Фокиде, у подошвы г. Парнас). По сказанию греческой мифологии, Аполлон сам избрал себе Дельфы местом для святилища, предварительно убив обитавшего здесь дракона Пифона. Прорицания здесь делались, так называемыми пифиями.

[4492] - Ливия – древнейшее название Африки. Ливия состояла собственно из двух главных частей: Мармарики и Керенаики; в первой, в оазисе Сивах, и был построен упоминаемый в житии оракул (прорицалище) в честь фивского божества Аммона.

[4493] - Додона – древнейшее святилище Зевса, с оракулом и священным дубом. Оно находилось внутри греческой области Фессалии, около города Скотуза. По сказанию древнегреческих писателей здесь старые женщины истолковывали, как голос мнимого бога, шелест листьев дуба, журчание ручья, вытекавшего из-под дуба и звуки медных сосудов, о которые ударялась колеблемая ветром проволока. Это прорицалище

существовало до III в. (до Р. Хр.), когда священный дуб был срублен.

4494 - Город Пергам находился в малоазийской области Мизии, на реках Селинос и Кетейос (ныне Бергама-Чай). Житие имеет в виду находившийся здесь колоссальный жертвенник, сооруженный царем Евменом II (196 г. – 157 г. до Р. Хр.) и посвященный Зевсу в память победы, одержанной упомянутым императором над галлами. В конце 70 годов прошлого (XIX) столетия здесь были сделаны германским правительством раскопки, благодаря которым жертвенник был реставрирован (восстановлен). Судя по раскопкам, жертвенник представлял собою обширное квадратное сооружение, каждая сторона которого имела до 30 саженей длины.

4495 - Аргонавтами, по сказанию древнегреческой мифологии, были мореплаватели, отправившиеся на корабле Арго в первое морское плавание по чужим государствам.

4496 - Вероятно древнегреческий полководец.

4497 - Кончина великомученика Прокопия последовала в 303 г.

4498 - Подробные сведения о сей иконе см. в книге «Слава Богоматери, М. 1907 г.

4499 - Понт – страна, занимавшая в древности северо-восточную часть Малой Азии. Ныне на месте древнего Понта находятся два турецких вилайета (области): Трапезунт и Сивас.

4500 - Сиракузы – одна из первых древнегреческих колоний на восточном берегу острова Сицилии, основанная, по преданию, коринфянами около 753 г. до Р. Хр.; впоследствии самый большой и богатый город острова.

4501 - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, составляющий ныне часть итальянского королевства.

4502 - Фалькон, Лисипп (или Лисс) и Скамандрон – второстепенные божества древнегреческой религии.

4503 - Кончина св. священномученика Панкратия последовала в конце I в. или в начале II в. Мощи его почивают ныне в Риме, в загородной церкви, построенной в честь св.

Панкратия (память коего празднуется в западной церкви 12 мая).

[4504] - Император Юлиан Отступник царствовал с 361 г. по 363 г.

[4505] - Кончина святых преподобномучеников Патермуфия и Коприя последовала во второй половине IV века.

[4506] - Замечание об оглашении см. в житии вмч. Прокопия, 8 июля

[4507] - Кончина прп. Патермуфия последовала в IV в.

[4508] - Манихейство – еретическое лжеучение, представляющее собою смесь христианства с началами персидской религии Зороастра. Основателем манихейства был Манес, маг персидский. Манес учил, что от века существуют два независимых царства – добра и зла, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом. Человек также, по учению Манеса, состоит из соединения двух элементов – света и тьмы и имеет как бы две души – добрую и злую, которые постоянно борются между собою. – В жизни манихеи были весьма воздержны: они проповедовали безбрачие и постоянный пост. – Манихейство было довольно сильно распространено в III и IV вв.

[4509] - Кончина преподобного Коприя последовала в IV в.

[4510] - Город Едесса (нынешняя Урфа) находился в северной части Месопотамии, на реке Евфрате. – В IV в. здесь была основана святым Ефремом Сирином богословская школа. В 641 г. Едесса была покорена арабами; в 1098 г. ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Едесского; в 1144 г. она была покорена турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 г. окончательно не подпала под власть Турции.

[4511] - Феодор с греч. «богодарованный».

[4512] - Сарацины – жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а потом христианские писатели перенесли это название и на всех мусульман вообще.

[4513] - Вавилон – один из древнейших городов мира, построенный Нимродом, сыном Куша, потомком Хамовым (Быт.10:6–10). Вавилон был расположен по обеим сторонам реки Евфрата, невдалеке от Персидского залива. Вавилон стоял на большом торговом пути между Индией и Финикией и потому производил самую обширную морскую и сухопутную торговлю.

[4514] - Голгофа – гора, находившаяся невдалеке от Иерусалима (на северо-запад от него). На этой горе был распят Господь наш Иисус Христос. Голгофа – слово еврейское и в переводе на наш язык значит «череп», «лобное место». Такое название было усвоено этой горе или потому, что она имела форму черепа, или потому, что служила у евреев местом казни. Ныне на этом месте находится храм Гроба Господня.

[4515] - Намек на подобное событие в библейской истории (Быт. 39:1–23).

[4516] - Кончина св. Михаила последовала в нач. VIII в.

[4517] - Императрица Феодора управляла греческой империей с 842 г. по 855 г.; сын ее Михаил (III) царствовал с 855 г. по 867 г.

[4518] - Несторианство основано Несторием, епископом Константинопольским (епископствовал с 428 г. по 431 г.), учившим, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а лишь человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божией и спасающий нас не Своими искупительными заслугами, а лишь учением и примером Своей жизни. Несторианство было осуждено на III Вселенском соборе бывшем в Ефесе (в 431 г.). Несмотря на соборное осуждение несторианская ересь существовала в некоторых местах, особенно в Персии, Индии и Китае, до VIII в.

[4519] - Север, патриарх Антиохийский (с 512 г. по 518 г.) – основатель ереси северианской. Северианство представляет собою видоизмененную монофизитскую ересь (см. след. прим.). Севериане, хотя и признавали, подобно еретикам-монофизитам, только одну природу в Иисусе Христе – божескую, но допускали в ней различие свойств божеских и человеческих; так они

утверждали, что плоть Христова до воскресения была тленною, подобно нашей.

[4520] - Евтихианская ересь, основанная Константинопольским архимандритом Евтихием, неправильно учило, что Иисус Христос имел лишь одно естество божеское, тогда как православная церковь всегда признавала и признает в Иисусе Христе два естества, неслиянные и нераздельные – божеское и человеческое. Евтихиане назывались еще монофизитами (или «единоестественниками»). Эта ересь была осуждена на IV Вселенском соборе, происходившем в г. Халкидоне в 451 г., но существовала после соборного осуждения в ослабленном виде еще несколько веков.

[4521] - Манихейство – еретическое лжеучение, представляющее собою смесь христианства с началами персидской религии Зороастра. Основателем манихейства был Манес, маг персидский. Манес учил, что от века существуют два независимых царства – добра и зла, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом. Человек также, по учению Манеса, состоит из соединения двух элементов – света и тьмы и имеет как бы две души – добрую и злую, которые постоянно борются между собою. – В жизни манихеи были весьма воздержны: они проповедовали безбрачие и постоянный пост. – Манихейство было довольно сильно распространено в III и IV вв.

[4522] - Месопотамия – каменистая и песчаная страна, находившаяся между реками – Тигром и Евфратом и простиравшаяся от Армении на севере до Персидского залива на юге.

[4523] - Честное Древо Креста Господня было взято из Иерусалима персидским царем Хозроем II Парвезом (правил с 590 г. по 628 г.) в 614 г. во время войны с греческим императором Фокою. Древо крестное было возвращено грекам в 628 г. преемником Хозроя II Сироэсом по заключении мира с греческим императором Ираклием.

[4524] - Сарра – супруга Авраама; Агарь – его наложница. От Сарры через Исаака произошел народ Божий, от Измаила же

произошли измаильтяне, называвшиеся также сарацинами и агарянами.

4525 - Оглашение – изустное наставление в истинах христианской веры, преподававшееся в древней Церкви всем, желавшим приступить к таинству св. крещения. Имея право входа в храм для слушания Священного Писания и поучений и даже присутствовать при первой и второй частях литургии («проскомидия» и"литургия оглашенных»), оглашенные пред наступление третьей, самой важной части литургии («литургии верных») должны были немедленно выходить из храма, о чем и оповещалось диаконом возгласом и доселе сохранившимся в Православной Церкви при совершении литургии. Срок оглашения был не одинаков; многие пребывали оглашенными в продолжение всей жизни. В случае необходимости срок оглашения сокращался до нескольких дней или даже нескольких часов. – Церковный обряд оглашения и доселе совершается в Православной Церкви; он состоит в прочтении известных молитв над приступающим ко крещению и произнесении заклинания на диавола; при этом приступающий ко крещению отрекается сатаны, сочетавается Христу и исповедует свою веру чтением Символа веры (при крещении младенцев это делается восприемниками).

4526 - Кончина святого Феодора, равно как и прочих святых, упоминаемых в его житии, последовала в IX в.

4527 - Разумеется св. Владимир Равноапостольный, просветитель и крститель Руси; княжил 978 – 1015 гг. Память его 15 июля.

4528 - Любеч, находившийся в Черниговской области, – один из доисторических городов Древней Руси, существовавших еще до прибытия варягов. При Олеге он был среди тех главных городов, где сидели его «великие князи»; затем Любеч утрачивает свое важное политическое значение. В истории Любеч известен 1) сражением Ярослава с Святополком в 1016 г. и 2) большим съездом князей в 1097 г. «на устроенье мира» между ними. В настоящее время Любеч – заштатный город или местечко Черниговской губернии на московской или левой стороне Днепра, в 120 верстах от Киева.

[4529] - Константинополь.

[4530] - Афонская гора (Афон) по греч. Агион Орос – Святая гора, – узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иночество здесь возникло в древнее время, хотя несколько позже чем в Сирии и Палестине. Для русской церкви почти с самого появления на Руси христианства и по XVII век Афон имел большее значение: здесь постригся отец русского монашества, прп. Антоний; здесь в больших монастырских библиотеках получили наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (например прп. Нил Сорский †1508 г.). Здесь находились специальные переводчики и переписчики, снабжавшие отсюда православную Русь переводными рукописными произведениями церковно-назидательного характера. – Как одно из наиболее чтимых святых мест православного востока, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев исключительно мужского пола (женщинам вход в монастырь возбранен) из России, Балканского полуострова и азиатских владений Турции.

[4531] - С именем Антония, быть может выражая этим желание, чтобы Антоний был тем же для Руси, чем Антоний Великий, отец восточного монашества, для Египта. Мирское имя преподобного Антония неизвестно. Сохранилось, впрочем, не совсем достоверное предание, по которому прп. Антоний носил в миру имя Антипы.

[4532] - Прп. Антоний остановился в Киеве и не пошел на родину в Любеч, вероятно потому, что в Киеве, «наиболее успевшем в христианстве и уже имевшем монахов», скорее мог найти соревнователей в подвиге отшельничества.

[4533] - Можно думать, великие князья содержали в своем селе Берестове отряд варягов; последние и выкопали пещеры, чтобы хранить в них, как в безопасном месте, военную добычу.

[4534] - Третий сын св. Владимира.

[4535] - Летописец влагает в уста преступного князя такие слова: «Перебью всех братьев, и приму один всю власть на Руси»

[4536] - Память св. мучеников-князей совершается православною русскою Церковью дважды: 2 мая и 24 июля.

[4537] - Великий князь с 1019 г.

[4538] - Трудно определить в теперешней печерской части Киева, где именно находилось село Берестово; можно предполагать, что оно отстояло от Печерского монастыря не менее как на версту по направлению к западу.

[4539] - По свидетельству летописи Ярослав любил церковные уставы, любил священников и особенно монахов. Книги читал он днем и ночью; он собрал много писцов, которые переписывали уже готовые славянские переводы, а также нашел переводчиков, которые переводили книги с греческого языка на славянский. Об этой церковно-просветительной деятельности Ярослава летописец замечает: «Яко же бо ее некто землю разорет, другой же насеет, так и сей (Ярослав): отец бо его Володимер взора и умягчи, рекше крещением просветив, сей же посея книжными словесы сердца верных людий».

[4540] - В 1051 г. От митрополита Илариона сохранилось одно сочинение, представляющее собою в полном и точном смысле слова блестящее ораторское произведение. Произведение это носит следующее заглавие: «О законе, Моисеем данном и благодати и истине Иисус Христом бывшим, и како закон отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вера во вся языки простреся и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, от него же крещени быхом, и молитва к Богу от всея земли нашея».

[4541] - Пришедший к прп. Антонию уже пресвитером и постригавший остававшихся в пещере с преподобным для жительства с ним. Впоследствии блаженный Никон был игуменом печерского монастыря, вторым по прп. Феодосии.

[4542] - Приблизительно в 1055–1056 гг.

[4543] - В 1054 г.

[4544] - Великий князь 1054–1068 гг.

[4545] - Первый впоследствии игумен печерского монастыря.

[4546] - Скопец Ефрем был главным домоправителем у великого князя Изяслава; впоследствии он удалялся из печерского монастыря в Константинополь, где жил в одном из монастырей, из которого и был возведен на кафедру Переяславскую. Неизвестно, когда скончался; последнее упоминание о нем летописи относится к 1091 г. В сане епископа Ефрем прославился строительством церковным.

[4547] - Ср. Пс.73:19.

[4548] - Вторую пещеру прп. Антония составляют нынешние ближние или Антониевы пещеры. Холм этой пещеры отделяется от холма первой глубоким оврагом, в настоящее время от ближних до дальних пещер по галерее, перекинутой через помянутый овраг, 91 сажен. Прп. Антоний удалился во вторую пещеру с небольшим числом учеников, желавших посвятить себя строгому отшельничеству, и после принимал он к себе хотевших подвизаться с ним.

[4549] - Точные слова летописца дают несколько иной смысл: прп. Антоний братии, просившей назначить игумена, дал следующий ответ, прямо указывавший на преподобного Феодосия: «Кто болий в вас, як же Феодосий, послушливый, кроткий, смиренный, да сей будет вам игумен».

[4550] - Большую сравнительно с предшествующей церковцей; на самом же деле не великих размеров.

[4551] - По свидетельству летописца монастырь построен не прп. Феодосием, а предшественником его на игуменстве Варлаамом. Но как бы то ни было, можно сказать, что монастырь построен не позднее 1062 г. Через 11 или 12 лет после построения монастыря над пещерой прп. Феодосий начал постройку нового обширнейшего монастыря на новом месте через овраг от первого монастыря близ второй пещеры прп. Антония. В 1073 г. прп. Феодосий не успел докончить постройку нового монастыря – это сделали его преемники по игуменству: Стефан, Никон и Иоанн. Печерский монастырь до этих пор остается на этом его втором месте, почему Антониевы пещеры (вторые) и суть ближние к монастырю. Старый, или ветхий, монастырь, после переведения братии в новый, не был

уничтожен: пещера, при которой он находился, была обращена в усыпальницу для братии; для погребения ее в старом монастыре находилось несколько человек братии, в числе их пресвитер и диакон для ежедневного совершения в церкви монастыря заупокойной литургии «за умирающую братию».

[4552] - Летопись упоминает о нем под 1072–1073 гг.

[4553] - Устав этот строго общежительный, не дозволяющий монаху иметь ничего своего даже иголки. Прп. Нестор в житии прп. Феодосия указывает и другой источник получения последним Студийского устава: Феодосий, – пишет он, – послал единого от братий в Константинополь к скопцу Ефрему (см. выше, прим. 21), да весь устав Студийского монастыря (находившегося в Константинополе) исписав, пришлет ему; он же немедленно исполнил повеление прп. отца нашего и весь устав монастырский написав посла блаженному отцу нашему Феодосию.

[4554] - Позднейшие научные изыскания заставляют за несомненное предполагать, что автором «начальной Летописи» был не прп. Нестор, а какой-то другой инок Печерского монастыря, вероятно Сильвестр, впоследствии игумен монастыря св. Михаила в Киеве.

[4555] - Симон – постриженик Печерского монастыря; отсюда он был взят вел. князем Всеволодом Юрьевичем в игумены основанного им во Владимире Рождественского монастыря; затем Симон был поставлен первым епископом Владимирской епархии, отделенной от Ростовской в 1214 г. Симон скончался в 1226 г. после двенадцатилетнего правления. Поликарп, тоже постриженник Печерского монастыря, откуда дважды был возводим на место игумена и дважды возвращался с него в Печерский монастырь; впоследствии он был игуменом Печерского монастыря. (См. житие его под 24 числом настоящего месяца). Из послания еп. владимирского Симона к Поликарпу и из послания последнего к Акиндину, печерскому архимандриту, содержанием которых служит ряд сказаний о печерских чудотворцах и о чудесах, бывших в самом монастыре при построении его великой церкви, и составился знаменитый

печерский патерик (отечник, отеческая книга, т.е. книга отцов или об отцах).

[4556] - Память блаженного Агапита, «безмездного врача», скончавшегося в 1095 г., совершается 1 июня

[4557] - Половцы или куманы – тюркское кочевое племя, жившее в X-XIII вв. на юге России и отсюда делавшее набеги на пограничные города и селения Русской земли.

[4558] - Эта битва происходила в 1066 г. на реке Альте; Альта приток Трубежа, впадающего ниже Киева в Днепр с левой, московской стороны.

[4559] - В 1068 г.

[4560] - С 1067 г.

[4561] - В начале мая 1069 г.

[4562] - Всеслав был захвачен в плен путем нарушения крестного целования. Быть может прп. Антоний открыто обличал за это Изяслава, а последний мог в этих обличениях видеть причину возмущения киевлян.

[4563] - Память прп. Исаакия 14 февраля

[4564] - Чтобы скрыть местопребывание прп. Антония от Изяслава, который мог потребовать его выдачи.

[4565] - Успенский на Болдиных горах или Болдинский, в настоящее время Успенский Елецкий. Летописец не называет прямо прп. Антония основателем этого монастыря, и можно думать, что он построен учениками преподобного при его пещере.

[4566] - Мк.9:29.

[4567] - Т.е. Строителю-Богу.

[4568] - Эта молитва прп. Антония была подобна молитве судии израильского Гедеона (Суд.6:36–40).

[4569] - Как некогда св. пророк Илия (3Цар.18:36–39).

[4570] - Сказание это помещено в Минеи-Четьи под 14 числом

[4571] - Т.е. святом Иерусалиме, великом граде, нисшедшем с неба (Откр.21:10).

[4572] - Влахерны – местность в Царьграде.

[4573] - Подробнее об этом явлении Богородицы см. под 14 числом в сказании о создании печерской церкви.

[4574] - Князь киевский 1073–1075 гг.

[4575] - Вероятнее при его преемнике Михаиле VII Дука, царствование которого падает на 1074–1078 гг.

[4576] - Исх.34:29–35

[4577] - Втор.34:6.

[4578] - Память его совершается Церковью 18 июля

[4579] - См это сказание в Минеи-Четьи под 14 числом

[4580] - Блаженный Еразм полагал, что лучше бы было это золото раздать нищим. Обуреваемый такими сомнениями он впал в отчаяние и стал жить беспечно; в такой жизни его и настиг лютый предсмертный недуг.

[4581] - Память блаженного Еразма 24 февраля

[4582] - Город Сарды или Сардис находился в Лидии на левом берегу реки Гермоса. Он упоминается в Апокалипсисе в числе семи малоазийских городов, о которых св. Апостол Иоанн Богослов, живя в Ефесе, имел особое попечение.

[4583] - Лидия, римская область в Малой Азии, была расположена на берегу Эгейского моря и граничила на востоке с Фригией, на севере – с Мисией, а на юге – с Карией.

[4584] - Город Икония находился в малоазийской римской провинции Ликаонии.

[4585] - Кончина святого мученика Аполлония по Мюллеру полагается в царствование императора Валериана, управлявшего Римской империей с 253 г. до 259 г.

[4586] - Писидийская римская область находилась в Малой Азии в южной части ее и граничила на севере с Фригией, на востоке – с Ликаонией, на юге – с Памфилией и Ликией, а на западе – с Карией. Известна тем, что в ней проповедовал св. Апостол Павел во время первого своего благовестнического путешествия и в некоторых городах ее основал первые в Малой Азии христианские церкви.

[4587] - Город Исаврия находился в малоазийской римской провинции Ликаония, близ границы ее с Писидией, у верховьев

реки Каликадна.

[4588] - Предполагают (Мюллер и преосвященный Сергий), что святые мученики Вианор и Силуан скончались во время гонения на христиан при Диоклетиане, в начале IV века.

[4589] - Император Ликиний управлял восточной половиной Римской империи с 307 г. по 324 г.

[4590] - Асклипий – бог врачевания.

[4591] - Следует заметить, что древние греки наделяли своих богов не только положительными, но и отрицательными качествами. Древнегреческая мифология усвояла многим богам страсть к преступлениям разного рода, в особенности – против нравственности. Это и имеет в виду святой Леонтий, рассуждая с игемоном.

[4592] - Упомянутые императоры царствовали: Адриан с 117 г. по 138 г., Декий с 249 г. по 251 г. и Максимиан (Галерий) с 305 г. по 311 г. Все эти императоры были очень жестокими гонителями христианства. Кроме них еще запятнали свое имя в истории особенно жестоким преследованием христианства: Нерон (54–68 гг.), Траян (98–117 гг.) и Диоклетиан (284–305 гг.).

[4593] - См. притчу о работниках в винограднике (Мф.20:1–16).

[4594] - Кончина святых мучеников последовала ок. 319 г.

[4595] - Михаил Феодорович царствовал с 1613 г. по 1645 г.

[4596] - Патриаршествовал с 1619 г. по 1633 г.

[4597] - Шах Аббас I, по прозванию Великий, управлял Персией с 1586 г. по 1628 г. Аббас I был одним из самых замечательных государей Персии. Он сделал много полезных для страны реформ, преобразовал военное устройство страны, строил дороги и мосты, заботился о возобновлении и украшении городов и старался оживить торговлю с Индией и Европой. К христианам относился милостиво.

[4598] - Шах Аббас поддерживал дружественные сношения с Михаилом Феодоровичем в торговых и политических целях. Он отправлял часто послов и в другие европейские страны: Францию Англию, Испанию и Нидерланды.

[4599] - Иберия – современная Грузия. Она была завоевана (не вся, а большая ее часть) шахом Аббасом в 1613 г. Начало

христианству положено было в Грузии проповедью св. Нины равноапостольной в нач. IV в. (память ее – 14 января (323–340 гг.) учредил архиепископию в главном иверском городе Мцхете, которая была подчинена сначала антиохийскому, а потом Константинопольскому патриарху. При антиохийском патриархе Петре (493–495 гг.) состоялось соборное определение о том, чтобы церковь Иверская была автокефальною (самостоятельною). В 1783 г., когда грузинский царь Ираклий признал над собою верховную власть России, иверские первосвятители Высочайше пожалованы были званием Членов Свят. Синода, а в 1811 годя для управления Грузинскою церковью учрежден был Грузинский экзархат.

4600 - Иоан.19:23–24

4601 - Управлял римскою империей с 306 г. по 337 г.

4602 - Подробнее об этом см. под 14 числом

4603 - Ныне две части ризы Господней находятся в Петербурге: одна в Придворном соборе, другая в Петропавловском.

4604 - Событие перенесения честной ризы Господней имело место в марте месяце, во время Великого поста; но ради великопостного времени празднование перенесения честной ризы Господней перенесено на 10 июля; этот день был кануном торжественного дня коронования царя Михаила Феодоровича. Службу на день Положения ризы Господней составил Киприан, митрополит Крутицкий. В этой службе, призывая верных к поклонению Божественной и целебной ризе Спасителя, Церковь возглашает, что эта риза есть хитон, драгоценный и по силе целения, и потому, что ею облекалась святая и живоносная плоть Богочеловека. Облеченный ризою, «совершен сый по существу Бог, и человек виден бысть совершен: Богочеловеческий образ уверяя, Божественной плоти Своея ризы нам, яко стену и покров, даровал есть. Божественныя ризы Твоея приближением нас освятил еси». В день праздника Ризы Господней священнослужащий выносил ее, по подобию креста, на голове на средину храма для поклонения. Поэтому в песнопениях церковных мы слышим призывание: «Кресту

Твоему честному и ризе святей поклоняемся, Преблагий, и любовию облобызаем». Об установлении этого праздника было объявлено царскими и патриаршими грамотами. Это видно из грамоты тверского архиепископа к калязинскому игумену – Евфимию. «В нынешнем 1626 году, – пишет архиепископ, – в 24 день января, присланы к нам от Государя Царя Великого Князя Михаила Феодоровича и всея России и от Великого Государя и Отца нашего святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея России грамоты. В них написано: в прошлом 1625 году, в 11 день марта, приходил к Царю Михаилу Феодоровичу и святейшему патриарху Филарету Никитичу из Кизыл-Баш от государя Аббас-Шаха посол, Грузинец Урусамбек, и после поклона царю и святейшему патриарху поднес последнему украшенный драгоценными каменьями золотой ковчег с срачицею или хитоном Иисуса Христа. В тот же день, на своем дворе Великий Государь и отец наш, святейший патриарх Филарет, со своими сослужебниками – Киприаном митрополитом Сарским и Подонским, с Нектарием, архиепископом Греком, с архимандритами, игуменами, протоиереями и всем священным собором осматривали ковчег и видели в нем ризу полотняну, тканую, красноватую и давних лет. В 18 день марта святейший патриарх Филарет говорил с сыном своим, царем и Великим князем Михаилом Феодоровичем, что святыня, которую называют срачицею Христовою, прислана от иноверного царя Аббас-Шаха, и что без истинного свидетельства принять ее нельзя: слово неверных без испытания во свидетельство не приемлется. Поэтому собором 26 марта из патриарха, архиепископа, архимандритов, игуменов и старцев в монастырях уложили семидневный пост и молитву, а священнослужителям прочих храмов служити литургию и молитися, чтобы Господь Бог о той святыни проявил волю Свою. Благодатию и человеколюбием и неизреченною милостию Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа до исполнения седмицы совершились от ризы Господней многия исцеления; а кому именно, в который день и от какой болезни, о том подлинная роспись прислана к нам в Тверь, за печатию Великаго Государя и Филарета Никитича, святейшаго патриарха

Московскаго и всея России. Итак, тебе игумену со иеромонахами и братиею собраться в соборную церковь и велеть здесь главному диакону прочитать во услышание всем людям сию нашу грамоту и по прочтении ее совершить Господу молебствие со звоном».

[4605] - Управлял восточною половиною Римской империи с 284 г. по 305 г.

[4606] - Феодосий II правил с 408 г. по 450 г.

[4607] - Имеется в виду ересь монофизитская или евтихианская, которая, в противоположность несторианскому разделению в Лице Иисуса Христа божества и человечества, учила, что человечество в Иисусе Христе было совершенно поглощено божеством и потому в Лице Иисуса Христа следует признавать только одну природу – Божественную. Ересь эта была осуждена, как и замечено далее в повествовании, на IV Вселенском соборе.

[4608] - В 449 г.

[4609] - III Вселенский собор, происходивший в Ефесе в 431 г., был созван императором Феодосием II по поводу лжеучения Нестория, патриарха Константинопольского, учившего, что воплощение Слова Божия было простым обитанием Его в человеке-Христе, а не соединением божества и человечества в одном Лице.

[4610] - Флавиан (I-ый) патриаршествовал с 447 г. по 449 г. Причислен к лику святых. – Память его 18 февраля

[4611] - Император Маркиан управлял Востоком с 450 г. 457 г.

[4612] - В 451 г. – Это был IV Вселенский собор.

[4613] - Император Маврикий управлял Востоком с 582 г. по 602 г.

[4614] - Самсон – судия израильский, наделенный от Бога необыкновенною силою и бывший орудием Божиим против филистимлян. История его жизни и деятельности изложена в Суд. 13:16.

[4615] - Ираклий царствовал с 610 г. по 641 г.

[4616] - Ипподром – место для состязаний в бегах.

[4617] - V Вселенский собор происходил в Константинополе в 553 г. и был созван императором Юстинианом I (527–565 гг.) для решения вопроса о правоверии трех епископов: Феодора Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского, которые в своих писаниях выражали несторианские мнения. – VI Вселенский собор происходил в 680 г. в Константинополе, при императоре Константине IV Погонате (668–685 гг.), ближайшею задачею его было обличение и осуждение ереси монофелитской, признававшей лишь одну (Божественную) волю во Христе.

[4618] - Лев III Исаврянин царствовал с 716 г. по 741 г.

[4619] - Герман патриаршествовал с 715 г. по 730 г.

[4620] - Константин V Копроним царствовал с 714 г. по 775 г.

[4621] - Константин VI (Порфирородный) царствовал с 780 г. по 797 г., а Ирина – с 797 г. по 802 г.

[4622] - В 787 г.

[4623] - Тарасий патриаршествовал с 784 г. по 806 г.

[4624] - Комитами назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту. Со времен Константина Великого (306–337 гг.) это наименование стало титулом всех придворных и государственных чинов, хотя бы они и не принадлежали к императорской свите.

[4625] - На основании: 1) имени блаженной Ольги, которое есть варяжское имя от мужского Олег, 2) прямых свидетельств некоторых житий и 3) того факта, что Ольга была женою князя Игоря, которому, как варягу, всего естественнее было взять жену из своего же племени, должно за более достоверное полагать, что блаженная Ольга была варяжка. – Варяги или норманны населяли Скандинавский полуостров, и их от новгородских славян отделяли только финны. Призвание варягов летопись относит к 862 г., но вернее относить его к 852 г.

[4626] - Так говорит позднейшее предание. Весь Выбутская, – в настоящее время вело Выбутино или Лабутино, – в двенадцати верстах от Пскова вверх по реке Великой. Из

начальной же Летописи (под 903 г.) видно, что родиной блаженной Ольги был Псков, откуда и привел ее Олег Игорю и где она была, вероятно, дочерью одного из наместников или бояр.

[4627] - Умер в 879 г.

[4628] - См. прим. 2. То что Олег привел Игорю Ольгу из Пскова, подтверждает предание о ее красоте и большом уме: Олег не мог найти равной Ольге по качествам среди дочерей бояр киевских.

[4629] - В 912 г.

[4630] - Известны два похода Игоря на греков в 941 г. и 944 г.; из них первый был неудачен. В данном месте жития разумеется второй поход, когда император греческий, прислав Игорю большую дань, просил его не идти войной на Грецию; получив большую дань, Игорь с берегов Дуная возвратился обратно в Киев.

[4631] - Во время расселения восточных славян древляне заняли лесистую часть по среднему течению Днепра, севши на его притоке Припяти; отсюда и самое наименование древлян.

[4632] - Убит в 945 г.

[4633] - Когда оба войска сошлись, то малолетний Святослав бросил копье по направлению к древлянам; копье, брошенное детскою рукою, пролетело между ушей коня и ударило ему в ноги; тогда вожди киевской дружины сказали: «Князь уже начал – потянем дружина за князем», и загорелась битва.

[4634] - Две трети этой дани шли в Киев, и треть в принадлежавший Ольге Вышгород.

[4635] - Такими людьми должны быть варяги – христиане, которых много находилось среди дружины князя Игоря. «Как женщина весьма умная, – говорит известный историк Е.Е. Голубинский, – Ольга должна была обратить внимание на этих варягов новой веры; со своей стороны и сами варяги, рассчитывая на тот же ум Ольги, естественно должны были мечтать сделать ее своею прозелиткою. Проповедничество варягов-христиан и имело своим последствием то, что Ольга решилась стать христианкою. М знаем, что она была женщина

не просто с большим умом, но с умом именно государственным. Это обстоятельство должно было послужить к тому, чтобы для лиц, принявших на себя заботу убеждать ее в истинности христианства, наполовину облегчить их труд. Указание на то, что христианство стало верою почти всех народов Европы и во всяком случае есть вера народов между ними лучших, – указание на то, что и между собственными ее сородичами (варягами) началось сильное движение к нему, по примеру других народов, не могли не подействовать на ум Ольги, делая для нее необходимым заключение, что у людей лучших и вера должна быть лучшей (История Русской Церкви, т. 1, 1-ая полов., изд. 2-е, стр. 75).

[4636] - Обыкновенно полагают, что блаженная Ольга крестилась в Константинополе в 957 г. при императоре Константине Багрянородном. Но принять это предположение трудно. Дело в том, что император Константин Багрянородный оставил сочинение «Об обрядах или церемониях Византийского двора». В этом сочинении он подробно описывает, как блаженная Ольга была принимаема при дворе во время посещения ею Константинополя в 957 г., при этом император не делает даже и намека на то, что Ольга приезжала в Константинополь для крещения и была действительно крещена. Наоборот, – он ясно дает знать, что Ольга прибыла в Константинополь уже крещеною: при первом приеме Ольги во дворце уже присутствовал ее священник. Когда же она крестилась? «Представляется вероятным думать, что Ольга после смерти Игоря оставалась некрещеною до тех пор, пока была за малолетнего Святослава правительницей государства и продолжала оставаться в государстве лицом официальным, и что она крестилась после того, как, нашед возможность сложить с себя официальное регентство, отошла, по крайней мере формальным образом, в частную жизнь, после чего народ уже не имел права спрашивать с нее за ее поступки» (Е.Е. Голубинский. История Русской Церкви, т. 1, 1-ая полов., изд. 20е, стр. 78). Последнее могло случиться только по достижении Святославом гражданского совершеннолетия, которое в то время начиналось во всяком случае не ранее 10 года.

Святослав родился в 942 г., а в 957 г. Ольга была уже крещена. Считая гражданское совершеннолетие Святослава с 10 года, почитаем, что блаженная Ольга крестилась в промежуток времени между 952 (когда Святославу исполнилось десять лет) и 957 гг. И имеется определенное свидетельство, относящее крещение блаженной Ольги к одному из годов отмеченного промежутка времени. Монах Иаков, основатель и начинатель у нас частной историографии, писавший в конце правления Ярослава и начале княжения Изяслава, – писатель заслуживающий доверия, говорит в сказании о крещении Ольги и Владимира, что Ольга пожила в крещении 15 лет. Следовательно по Иакову, полагающему смерть Ольги, как и летописец, в 969 г., Ольга крестилась 954 г. (969–15954), когда в Греции императором был Константин Багрянородный (912–957 гг.), а патриархом – Феофилакт (933–956). – При путешествии святой Ольги в Царьград в 957 г. патриархом был уже святой Полиевкт.

[4637] - В 967 г.

[4638] - На Дунае.

[4639] - Печенеги – русское название народа тюркского происхождения. Некогда печенеги кочевали в степях Средней Азии и неизвестно в точности когда переселились отсюда в Европу. В IX веке они уже обитали между Волгой и Яиком (Уралом); до 60-х годов X века печенеги не тревожили Руси. Упоминаемое житием нападение печенегов на Киев и есть первое упоминание Летописи (под 968 г.) о набегах печенегов. С этого времени в продолжение с лишком полувека борьба Руси с печенегами была беспрестанная. Русь старалась оградить себя от них укреплениями и городами; таково происхождение Змиева вала в нынешней Киевской губернии. Св. Владимир строил укрепления по реке Стугне, Ярослав Мудрый по реке Роси (южнее). Последнее нападение печенегов на Русь (осада Киева) относится к 1034 г., когда они были совершенно разбиты.

[4640] - В 969 г.

[4641] - В 972 г.

[4642] - Память его 15 июля.

[4643] - В нашествие монголов мощи были сокрыты под спудом в церкви; к XVII в. снова сокрыты в неизвестном месте не по совсем ясной причине.

[4644] - Точнее села.

[4645] - Были два города Анкиры: один в Галатии, другой во Фригии. Неизвестно точным образом, около которого из них было село Калипты.

[4646] - Траян – римский император с 98 г. по 117 г.

[4647] - Касательно поклонения идолам.

[4648] - Вифиния – северо-западная область Малой Азии, лежащая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Страна эта известна с глубокой древности и свое название получила от Вифинов, переселившихся в нее из Фракии. Вифиния была живописна, плодородна и обильна скотом. В 546 г. до Р. Х. вифины подпали под власть Персов, но с 327 г. Вифиния опять стала самостоятельным государством; в 75 г. до Р. Х. Вифиния, по завещанию царя Никомида III, перешла к Римлянам, на правах самостоятельной провинции, управляемой особым проконсулом. Христианство в Вифинии появилось во времена апостольские (1Пет.1:1). Во время Плиния Младшего, правившего Вифиниею, и императора Траяна (98–117 гг.) здесь было очень много христиан не только в городах, но селах и деревнях. При Диоклетиане (284–305 гг.) в Вифинии было страшное гонение на христиан. В IV и V веках Вифиния была особенно замечательна в церковном отношении: здесь было много церковных соборов по поводу различных ересей.

[4649] - См. житие его под 5 числом настоящего месяца.

[4650] - В Ипатьевском Костромском монастыре в Троицком соборе есть придел в честь прп. Михаила Малеина, ради тезоименитства царя Михаила Феодоровича, который и взят (в 1613 г.) на царство из Ипатьевского монастыря. Икона прп. Михаила, находящаяся в приделе его имени, прославилась чудотворениями в начале XIX столетия.

[4651] - Персия занимает западную часть Иранской возвышенности. Современными границами ее являются с

запада Турция, с востока Афганистан и Белуджистан, с юга – Индийский океан и с севера – Закаспийская область. основателем Персидской монархии был Кир, царствовавший с 558 по 529 гг. до Р. Хр., известный своими завоеваниями (он покорил почти всю западную Азию).

4652 - Хозрой (или точнее Хосров) с персидского значит вообще царь Это наименование обыкновенно прибавлялось к собственному имени того или другого царя. В данном случае разумеется Хозрой I Ануширван, правивший с 531 г. по 579 г.

4653 - Под именем волхвов в древности разумелись люди мудрые, обладавшие обширными знаниями о тайных силах природы, светилах небесных. Он наблюдали явления природы, толковали сны, предсказывали будущее; большею частью они были вместе с тем и жрецами и пользовались большим уважением при дворах царских и в народе. Волхвы перешли к персам от ассиро-вавилонян; у персов сначала они встретили сильный отпор со стороны туземных жрецов. Но затем магизм привился у персов, слившись с местным жречеством; так что и самое слово маг или волхв у персов получило значение жреца или священника. Основатель религии древних жителей Ирана Зороастр во многих древних памятниках выставляется как глава и преобразователь класса магов или волхвов.

4654 - Иустин II – император 565–578 гг.

4655 - Император 578–582 гг.

4656 - Император 582–602 гг.

4657 - Дан. 2:1–49.

4658 - Хозрой II Парвез правил с 590 г. по 628 г.; он взял в Иерусалиме Животворящее Древо Креста Господня в 614 г., во время войны с греческим императором Фокою. Древо крестное было возвращено в 628 г. преемником Хозроя II Сироэсом, по заключении мира с греческим императором Ираклием.

4659 - Потир – чаша.

4660 - Т.е. вселенской.

4661 - Св. мученица Голиндуха скончалась в 591 г. По Константинопольскому типикону IX-X вв. житие ее написал

Евстратий, пресвитер великой Константинопольской церкви, – современник св. патриарха Евтихия.

4662 - Настоящий праздник появился не позднее IX века; поводом к его установлению послужило, вероятно, освящение храма в Царьграде, созданного в честь Архангела Гавриила.

4663 - Император 193–211 гг.

4664 - В месяцеслове Василия говорится, что св. Серапион, после исповедания имени Христова, был жестоко сечен, строган по всему телу и потом томим в темнице голодом; исцеленный Христом в темнице и потом выведенный из нее совершенно здоровым, он привел этим всех в удивление. Кончину его относят к 205 г., место ее неизвестно.

4665 - Кеномания – ныне Ле-Ман во Франции.

4666 - Св. Дионисий Ареопагит, член Афинского Ареопага, обращенный ко Христу проповедью Ап. Павла, которым и рукоположен во епископа Афинского; потом он был послан в Галлию на проповедь в 90 г. вместе с пресвитером Рустиком и диаконом Елевферием и пострадал вместе с ними в 96 г. при императоре Домициане. Память св. Дионисия Ареопагита 3 октября.

4667 - Кончина святого мученика Маркиана последовала в Каппадокии около 258 года.

4668 - Понтийская страна или Понт – северо-восточная область Малой Азии при Черном море.

4669 - Император 41–54 гг.

4670 - Главный город Италии, лежит по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

4671 - Древнейший, знаменитый и торговый город Ахаии, области Греции; начало христианства в нем положено св. Ап. Павлом во время его 2-го апостольского путешествия (Деян. 18:1–28). Существуют два послания, написанные св. Ап. Павлом к Коринфянам.

4672 - Приморский торговый и главный город малоазийской провинции Ионии. Ефес потом был центром деятельности св. Иоанна Богослова; здесь в 431 году был III Вселенский собор;

ныне Ефес – бедная турецкая деревня Аясалук. (Деян.18:18–21).

4673 - Главный город Палестины, у ручья Кедрона на склонах трех отрогов иудейских гор Акра, Сион и Мориа. Иерусалим дорог каждому христианину, как центр великих событий ветхозаветной и новозаветной истории, – как матерь церквей христианских, откуда слово благовестия пронеслось по всей вселенной.

4674 - Т.е. западную часть Малой Азии.

4675 - Св. Тимофей был сыном иудеянки (принявшей христианство) и язычника, и сам искренний христианин, одобряемый братиями; с его согласия, св. Ап. Павел обрезал его «ради иудеев», так как они ни за что не решились бы слушать слово Божие от необрезанного, отец которого притом был язычником (Деян.16:1–2).

4676 - По преданию вместе с женою своею, разделявшею с ним труды апостольского служения, в проповедании слова Божия. Большая часть мощей святых Акилы и Прискиллы находится в Риме в церкви св. мученицы Приски. Память св. Прискиллы 13 февраля.

4677 - Прп. Еллий скончался в IV веке.

4678 - Икония – город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра, недалеко от Листры и Дервии; некогда Икония была главою городов Ликаонских. В истории христианской Церкви Икония замечательна посещениями ее св. Ап. Павла во время его миссионерских путешествий (Деян. 13:51, 14:1–3; 2Тим.3:11). Впоследствии здесь были епископия и с 451 г. епископы иконийские именовались митрополитами Ликаонской провинции.

4679 - В царствование Диоклетиана (284–305 гг.) было издано четыре указа против христиан. Первый был объявлен в феврале 303 г. Этим указом предписывалось разрушение церквей и сожжение св. книг, вместе с тем христиане лишались гражданских прав, покровительства законов и своих должностей; рабы христиане утрачивали право на свободу, если, получив ее по какому-либо случаю, оставались в

христианстве. Вскоре был издан второй указ, которым повелевалось всех предстоятелей церквей и других духовных лиц заключать в темницы; таким образом указ касается одних только духовных лиц; последних обвинили пред императором как зачинщиков восстания в Сирии и Армении, к несчастью для христиан начавшегося вслед за появлением первого указа. В том же 303 г. последовал третий указ: всех заключенных на основании нового указа велено было принуждать к принесению жертв под опасением пыток за сопротивление. Наконец в 304 г. был обнародован последний четвертый указ, которым объявлялось повсеместное гонение на христиан. Из-за этого указа пролилось более всего христианской крови: он действовал целых восемь лет, до 311 г., когда император Галерий особым указом объявил христианство дозволенной религией. Гонение Диоклетиана было последним; в нем христианство почти после трехвековой борьбы одержало победу над язычеством.

4680 - Селевкия – город Сирии, на берегу Средиземного моря; по всей вероятности его основал царь сирийский Селевк Никатор около 300 г. до Р. Хр.; здесь Ап. Павел во время первого своего путешествия остановился для проповеди и отсюда отплыл в Кипр (Деян.13:4); в VI в. по Р. Х. город был разрушен.

4681 - Собственно этот текст из посланий к Римлянам (Рим. 12:19) имеет иное значение: «Не мстите за себя возлюбленные, – говорит Апостол, – но дайте место гневу Божию».

4682 - Тарс, город малоазийской области Киликии, замечателен тем, что здесь родился св. Апостол Павел (Деян.22:3); здесь же он готовился к благовестию Христову и отсюда был вызван Ап. Варнавою для проповеди Евангельской (Деян. 9:11, 30, 11:25). Поэтому в Тарсе рано возникло христианство (Деян. 15:23, 41).

4683 - Император с 324 г. по 337 г.

4684 - Страдание св. мчч. Кирика и Иулитты относится ко времени около 305 г. – В Константинополе был монастырь Кирика и недалеко от Иерихона в Иудее храм, как

свидетельствует Иоанн Мосх. По свидетельству русских паломников XII-XV вв. мощи Кирика были в Софии Константинопольской. Аматор, епископ оксерский (388–418 гг.) принес часть их в Оксер, где Антиохия.

[4685] - Управлял восточной половиной Римской империи с 284 г. по 305 г.

[4686] - Кончина священномученика Афиногена последовала ок. 311 г.

[4687] - Около 625 г.

[4688] - Остров Корсика находился на Средиземном море.

[4689] - Кончина святой мученицы Иулии последовала ок. 640 г.

[4690] - Ок. 763 г.

[4691] - Город Севастия, ныне Сивас, находился в малоазийской римской провинции Понте у подошвы одного из западных отрогов антитаврской горной цепи на правом берегу реки Галиса, ныне Кизил Ирмака, близ ее верховьев.

[4692] - Святой мученик Антиох скончался в царствование Диоклетиана. Год его кончины неизвестен. Память его праздновалась 16 июля еще в VI веке, как видно из жития преподобного Феодора Сикеота, воспоминаемого Церковью 22 апреля – Под этим числом помещено и житие его.

[4693] - Писидия – малоазийская область.

[4694] - Кончина св. мученицы Марины последовала в конце III в. или в начале IV в. Честные мощи ее находились в Константинополе в монастыре Пантепонта (Всевидца Христа) до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. По другим известиям, мощи ее в 908 г. из Антиохии были перенесены на Запад и положены в Монте-Фиасконе, в Тоскане; в настоящее время часть мощей ее (рука) находится в Ватопедском монастыре, на Афоне.

[4695] - Юлиан Отступник царствовал с 361 г. по 363 г.

[4696] - Литра – мера веса, равная 72 золотникам; в серебре стоила около 40 р., в золоте до 500 р.

[4697] - Кончина святого мученика Емилиана последовала в 363 г.

[4698] - Впоследствии в Константинополе была выстроена церковь в честь святого мученика Емилиана, в которую и были перенесены честные мощи мученика. Местность в Константинополе, где был выстроен этот храм, называлась Равдой (от греч. слова жезл, – т.е. Моисеев, принесенный при имп. Константине Великом в Константинополь и положенный в церкви Богоматери, близ коей был храм Емилиана).

[4699] - Египет был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Среднем, так и Нижнем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая вглубь страны, за рекою Нилом.

[4700] - Память его празднуется св. Церковью 17 января

[4701] - Память его – 11 ноября 26 января.

[4702] - Канон в субботу сырную, песнь 5 (этот канон написан прп. Феодором Студитом).

[4703] - Сократ Схоластик – греческий церковный историк, живший в V в. Он написал «Церковную историю», доведенную до царствования императора Феодосия II. – Указываемое ниже место из сочинения Сократа Схоластика находится в 4-ой книге его «Церковной истории» (глава 18).

[4704] - Память его празднуется св. Церковью в сырную субботу.

[4705] - Память его 13 ноября

[4706] - Четвертый Вселенский собор происходил в 451 г. в Халкидоне и был созван императором Феодосием II для осуждения ереси евтихианской. Основателем этой ереси был Константинопольский архимандрит Евтихий, который утверждал, что в Иисусе Христе человеческое естество при ипостасном соединении было совершенно поглощено божеским. Собор осудил лжеучителя. На этом же соборе был осужден и Диоскор, патриарх Александрийский, разделявший лжеучение Евтихия.

[4707] - Ливия находилась в Северной Африке.

[4708] - Кончина преподобного Памвы последовала в конце IV века.

[4709] - Иосиф – один из двенадцати сыновей патриарха Иакова. Отличался невинностью и простосердечием. Будучи продан братьями в Египет, не поддался соблазну жены Потифара, в доме коего находился (Быт. 39:1–23). – Потому-то в повествовании о житии Иоанна Многострадального и напоминается об особом заступничестве Иосифа за тех, кои, будучи обуреваемы блудною страстью, обращались к нему за помощью.

[4710] - Кончина св. Иоанна последовала в половине XII века.

[4711] - Город Амастрида, ныне Амастра, находился в северной части римско-малоазийской провинции Пафлагонии на самом берегу Евксинского, ныне Черного моря.

[4712] - Время кончины святого мученика Иакинфа неизвестно.

[4713] - Царствовал с 306 г. по 337 г.

[4714] - Максим Галерий управлял восточной половиной Римской империи с 305 г. по 311 г.

[4715] - Книга премудрости Соломона – библейская книга Ветхого Завета; принадлежит к числу неканонических. Содержанием ее служит восхваление Премудрости Божией.

[4716] - Начаток – первые плоды жатвы, первый испеченный хлеб из новой пшеницы, шерсть с первых овец и т.п.; всё это приносилось в Ветхом Завете в скинию для содержания ее служителей, – священников и левитов (Исх.23:19; Числ.15:19–21). Количество первых плодов не указано в законе Моисеевом, но полагают, что это была, по крайней мере, шестнадцатая честь всех произведений земли.

[4717] - Десятина, т.е. десятая часть. Этим именем в Ветхом Завете (Быт.14:20) обозначалось приношение в дар Богу десятой части произведений земли, стад и т.п. Десятина шла в пользу левитов, не имевших земельных наделов и потому нуждавшихся в средствах существования. Одну десятую часть своей десятины левиты в свою очередь вносили на содержание первосвященника (Числ.18:21–32).

[4718] - Собор происходил в 341 г. и был созван по случаю освящения храма, заложенного императором Константином (306 – 337 гг.), но доконченного уже при сыне его, Констанции. На соборе было составлено 25 правил по вопросам церковного управления.

[4719] - Т.е. диавола (ср. Быт.3:15).

[4720] - Выражение образное. Как для путника, идущего по песчаной знойной пустыне, вода является драгоценным напитком, восстанавливающим его силы, так и для путника к Царству небесному в обителях небесных уготованы неизъяснимые блага.

[4721] - Лоно – грудь. Выражение образное (ср. Лк.16:23).

[4722] - Кончина прп. Макрины последовала ок. 380 г.

[4723] - Феодосий II (Младший) управлял восточною половиною Римской империи с 408 г. по 450 г.

[4724] - Кончина преподобного Дия последовала ок. 430 г.

[4725] - Господь избрал и отделил Авраама и его потомков от прочих народов для сохранения и распространения между людьми истинной веры в Бога. Палестина, которую Бог отдал Аврааму и его потомству, наилучшим образом соответствовала назначению народа Божия. Она ограждена с севера Ливанскими горами, с востока – Сирийско-Аравийскою пустынею, с юга – каменистою Аравийскою пустынею, с запада – Средиземным морем. Такою крепкою оградою народ Божий был отделен и защищен от влияния язычников и мог служить Богу, беспрепятственно и свободно выполнять свое назначение. Не менее соответствовала назначению народа Божия Палестина своим положением на границе Азии, Африки и Европы, в средине между древними народами (Иез.5:5). Народ Божий мог быть в общении со всеми могущественными, образованными народами древности и сообщать им откровения Божии. Когда настало время просвещения народов светом Божественного учения, проповедникам его из Палестины открыты и близки были пути ко всем народам мира.

[4726] - Иеровоам происходил из колена Ефремова, был один из надзирателей над рабочими при построении храма в

Иерусалиме и был очень любим Соломоном. Когда в земле Израильской явилось много недовольных, которые восстали против Соломона за увеличение им налогов, предводителем их явился Иеровоам. Узнав об этом, Соломон велел казнить Иеровоама, но тот скрылся в Египет.

4727 - Сиким или Сихем находился в средине западной части Палестины, впоследствии образовавшей Самарию.

4728 - Город Вефиль находился в южной части Самарии, на север от Иерусалима, а город Дан на севере Галилеи.

4729 - В стране Заиорданской, в восточной половине Палестины.

4730 - Город Фесвит или Фесва находился в восточной части Галаадской страны, простиравшейся от горы Ермона до реки Арнона, – на восток от Иордана, близ Галаадских гор.

4731 - Серафимы (с евр. – пламенные, огненные существа) – ближайшие к Богу, самые высшие духовные существа, которые, окружая престол Господа славы, неумолкаемо взывают: «Свят, свят, свят Господь Саваоф (т.е. Господь воинств), вся земля полна славы Его» (Ис. 6:1–13).

4732 - Ваал считался у хананейских народов главным богом. Под именем Ваала они обоготворяли солнце, как источник плодотворной силы в природе.

4733 - Слова: «Жив Господь Бог твой, жива душа твоя» – равносильны нашей клятве: «клянусь Богом». Древние евреи, желая заверить в истинности своих слов, употребляли обыкновенно именно эти слова в качестве клятвы.

4734 - Побуждаемый гордостью Давид хотел сосчитать свой народ. За такой грех Господь послал на его царство моровую язву, от которой в три дня умерло 70 000 человек.

4735 - В Палестине, как и в других жарких странах, дождь бывает только осенью и весною, зато росы очень обильно напаяют землю. Они бывают так велики, особенно летом, что земля увлажняется ими, как после сильного дождя.

4736 - В Сирии, близ Дамаска.

4737 - Город Сарепта находился на западе Финикии, на берегу Средиземного моря, близ Сидона.

[4738] - 22 сентября

[4739] - Гора Кармил находится на северо-западе Самарии, близ Средиземного моря. Илия избрал эту гору для собрания потому, что она была главным местом служения Ваалу в Израильском царстве.

[4740] - Наравне с Ваалом почиталась Астарта или Ашера. Она была богинею неба (Иер.7:18), луны и богинею счастья, любви, плодородия, войны и охоты. Изображалась с женскою головою, украшенною лунным серпом или двумя рогами. Служение Ваалу совершалось на высотах, а Астарте в долинах, в зеленых дубравах (рощах). Дубравами в честь Астарты всегда были окружены капища Ваала, построенные на холмах и горах, и в них, у подножия холмов, ставились жертвенники Астарты. Жрецы Астарты имели название «дубравные». Ваал кроме своего значения, как бог солнца, Ваал-Зевул, бог мух, потому что Филистимляне, жившие на низком берегу моря и страдавшие от множества мух и других насекомых, молились ему об избавлении от мух. Он считался также целителем недугов и прорицателем. Ваал-Вериф бог клятв, договоров, союзов. Ваал-Фегор, бог войны. Израильтяне легко увлекались служением идолам, потому что служение истинному Богу требует добродетелей, молитвы, сокрушения о грехах, постов, а служение идолам сопровождалось плясками, пиршествами, пьянством и другими чувственными наслаждениями.

[4741] - У евреев был обычай спать в самую жаркую пору дня, с 10 или 11 часов дня до 3 полудня.

[4742] - Ниспадение огня с неба выражало, что Бог милостиво принимает приносимую Ему жертву.

[4743] - Евреи во время молитвы падали лицом ниц на землю. Этим они выражали сознание своего падения пред Богом и ничтожества своего пред величием Божиим, а также свое сокрушение о грехах.

[4744] - Поток Киссон протекал близ горы Кармила, на север от нее; впадал в Средиземное море, которое называлось «Великим» морем.

4745 - По закону Моисееву должно было подвергать смертной казни явных идолопоклонников, особенно тех, которые увлекали других к идолопоклонству (Втор. 13:1–18).

4746 - Город Вирсавия находился на юге Иудеи.

4747 - Гора Хорив находится в юго-западной части Аравийского полуострова, на север от Чермного (Красного) моря, близ горы Синая, несколько на северо-запад от нее.

4748 - Илия находил необходимым, чтобы погибли все нечестивые люди. Господь же явился Илии ни в буре, ни в землетрясении, ни в огне, но явился в тихом ветре, чтоб показать, что Он, хотя и мог бы погубить нечестивых грозными явлениями природы, но за лучшее признает управлять людьми с кротостью и долготерпением.

4749 - Из этого видно, что через помазание царей и пророков сообщается им Дух Святой, Который недосягаемо возвышает их пред прочими людьми и делает их представителями и орудиями власти Божией над людьми.

4750 - Закон Моисеев запрещал продавать наследственные владения (Числ.36:7).

4751 - Имение казненных за преступления против царя поступало в пользу царя.

4752 - Древние для выражения скорби раздирали на себе одежды свои, то есть надрывали их спереди на груди, посыпали голову пеплом или землею, надевали на себя вретище, то есть жесткую из войлочной материи, узкую, без рукавов, одежду, которая походила на мешок, постились, не мыли своего тела. не чистили и не меняли одежд, снимали с себя всякие украшения, даже башмаки и сандалии (дощечки, прикрепляемые к подошвам ремнями), и ходили босые, стригли волосы на голове и бороду. В глубокой горести садились или ложились на землю в пыль и пепел, закутывали подбородок, т.е. лицо ниже носа, в знак того, что не хотят говорить, и даже закрывали всё лицо и голову.

4753 - Во время войны с царем сирийским Венададом.

4754 - Сынами пророческими у израильтян назывались ученики пророков. Они составляли из себя школы, или

общества, – воспитывавшиеся под непосредственным воздействием пророков. Ученики пророческие занимались молитвою, назидательными беседами, благочестивыми песнопениями и музыкою, и возвышались иногда до Божественного вдохновения. «Пророчествовать», по священному Писанию, не всегда значит «предсказывать будущее» по откровению Божию; но это слово иногда означает «вести под влиянием Духа Божия вдохновенные речи, говорить назидательные, помазанные проповеди, толковать Слово Божие (1Кор.14:3–6), слагать молитвы и песнопения Богу, произносить и петь их под звуки музыки». Всё это и было целью и задачею пророческих школ. Такие школы были в Раме, Вефиле, Иерихоне, Галгале и в других местах.

4755 - Пророк Елисей видел, что даже пророк Илия, обладавший великим нравственным духом и пророческим даром, не мог обратить к истинному Богу закоснелых нечестивцев между Израильтянами; потому, ревнуя о славе Божией и сознавая свою немощь, он просил себе вдвойне пророческого и чудодейственного духа, который был у Илии.

4756 - Сила Божия, взявшая Илию на небо, явилась в виде огненной колесницы и огненных коней для того, чтобы засвидетельствовать о пламенном духе и слове Илии, чтобы прославить его, как победоносного ревнителя славы Божией и охранителя Израильтян, и чтобы показать. что он восхищен туда, где обитают духи, горящие любовию к Богу, как пламень огненный.

4757 - В 21-ой главе 2 кн. Паралипоменон о царе Иораме, управлявшем Иудеею уже по взятии св. Илии, сообщается, что «пришло к нему письмо от Илии пророка», в котором пророк обличил его беззакония, предсказывал ему злую кончину.

4758 - Сведения о жизни св. пророка Илии изложены в 3Цар. 17:1–24, 18:1–46, 19:1–21, 21:1–29) и в 4Цар. 1:1–18, 2:1–25, 3:1–27).

4759 - Здесь разумеется населенная Чудскими племенами окрестности городов Галича и Чухломы, находящихся в

нынешней Костромской губернии. От последнего преподобный Авраамий и получил название Чухломского.

4760 - Преподобным Авраамием основаны следующие обители: Успенская близ Галича на берегу Чухломского или Чудского озера, Великая пустыня Авраамиева в 30 верстах от Успенской обители на берегу небольшого озера, Вочская на берегу реки Вочи и Покровская, в 13 верстах от последней. Эти обители оказывали самое благотворное влияние на окрестных жителей, которые хотя и были христианами по крещению, но мало были знакомы с основными истинами христианской веры и, имея крайне грубые нравы и обычаи, хранили множество древних чудских суеверий.

4761 - Преподобный Авраамий скончался в основанном им Покровском монастыре. Мощи его почивают под спудом в приделе храма, посвященного его имени.

4762 - Навуходоносор – имя нескольких вавилонских царей. В данном случае разумеется Навуходоносор II, сын Набопалассара, – великий восточный завоеватель, покоривший Сирию, Персию и Египет и отведший в плен иудеев; царствовал с 605 г. по 562 г. до Р. Хр.

4763 - Вавилон – столица Халдеи, – один из древнейших и богатейших городов в мире; построен Нимвродом, сыном Хуша или Куша, потомком Хамовым. Расположенный по обеим сторонам реки Евфрата, Вавилон своею формою напоминал четырехугольник, построенный на огромной равнине. Окружность города равнялась 400 верстам; стены были толщиною в 30 аршин, так что по поверхности их могли ехать 6 колесниц рядом. На стенах высились 250 башен, с сотнею ворот, изваянных из меди. Среди города. пересекая реку, тянулся громадный мост, по восточную сторону которого возвышался царский дворец и языческий храм Бела. Впоследствии Вавилон был завоеван персидскими царями Киром, Дарием, Ксерксом и Александром Македонским и был совершенно разорен.

4764 - Седекия царствовал с 599 г. по 588 г. до Р. Хр.

4765 - Т.е. в июнь, считая от марта.

[4766] - Соответственно этому в живописи святые Евангелисты символически изображаются, – Матфей под образом человека, Марк под образом льва, Лука под образом тельца и Иоанн под образом орла.

[4767] - Адонис считался у древних греков богом посевов и вообще природы.

[4768] - Венера – богиня любви и красоты.

[4769] - Относительно других подробностей из жизни пророка Иезекииля известно, что он жил в своем собственном дому в Тель-Абибе (Иез. 3:24, 8:1), что он был женат и нежно любил свою жену, что она скончалась внезапно (Иез. 24:16–18); его пророческое служение продолжалось 22 года. Гробница его, по соседству с древним Вавилоном, до сего времени продолжает привлекать внимание паломников. Сооружение гробницы приписывают царю Иехонии. – Пророческая книга Иезекииля состоит из 48 глав; содержание ее очень богато по разнообразию материала: в ней есть видения, подобия, притчи, аллегории, пророчества и символические действия. Благодаря символически-таинственному характеру некоторых мест книги пророка Иезекииля евреи причисляли ее к сокровенным и не дозволяли читать лицам, не достигшим 30-летнего возраста.

[4770] - Св. Иустиниан I – император 527–565 гг.

[4771] - Иерусалим – древнейший и знаменитейший город земли Обетованной – лежит почти в середине последней, по западной стороне Иордана, в 12 часах пути от Средиземного моря и 8 от Иордана, на отрогах трех иудейских гор Акра, Сион и Мориа.

[4772] - 14 сентября.

[4773] - Сирия (высокая), в еврейском тексте означается словом Арат, под которым разумеется Сирия и Месопотамия вместе, – всё пространство от реки Евфрата до Средиземного моря и от Таврских гор до Аравии.

[4774] - Во время этого путешествия Симеона с Иоанном по святым местам, Симеону шел 31 год.

[4775] - Иордан – единственная полноводная, не высыхающая река Палестины.

[4776] - Т.е. Вочеловечившегося Сына Божия, Христа Спасителя. Ср. Пс. 44:1–18.

[4777] - Мертвое море – внутреннее солено озеро в юго-восточной части Палестины; длина его с севера на юг 76 км, ширина – около 3,5 – 16 км; полуостров Лисан делится на два бассейна; северный бассейн более глубок, чем южный. Вода Мертвого моря насыщена солями (около 25%) до такой степени, что рыбы не могут жить в ней. Удельный вес воды настолько высок, что попадающие в воду органические тела не тонут в ней. На значительное пространство кругом моря земля покрыта солью. На месте Мертвого моря находилась плодородная долина Сиддим с городами Содомом и Гоморрой.

[4778] - Эдесса – нынешняя Урфа, город на севере Месопотамии на реке Евфрате, с 137 г. до Рождества Христова главный город вновь образовавшегося Озроенского или Эдесского государства; в 217 г. по Р. Х. Эдесса превращена римлянами в восточную колонию; в Эдессе рано появилось христианство; в IV в. св. Ефремом Сирином здесь была основана богословская школа, в V в. склонившаяся к несторианству, в пользу которого много действовал учитель эдесской школы пресвитер Ива. В 641 г. Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 г. ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 г. Эдесса была покорена турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 г. окончательно не подпала под власть Турции.

[4779] - Т.е. проведет душу его матери невредимою среди мытарств. Мытарства – нечто в роде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к престолу небесного Судии. При них стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину или выкуп, состоящий в поставлении им на вид противоположного этому греху доброго дела. Название мытарства и мытари заимствованы из истории еврейской. Мытарями у евреев назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей. Они, обыкновенно, брали на откуп собирание этих пошлин и употребляли всевозможные меры, не

пренебрегая даже истязаниями, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Мытари стояли при особых таможнях или заставах, собирая с провозимых товаров пошлины. Заставы эти назывались мытницами, мытарствами. Христианские писатели это название перенесли и на места воздушных истязаний, при которых восходящие к престолу небесного Судии души задерживались злыми духами, старающимися уличить их во всевозможных грехах и через это низвести во ад. Сущность учения о мытарствах заключена в слове св. Кирилла Александрийского (Ум. 444 г.) о исходе души, помещаемом обыкновенно в Следованной Псалтири. – «При разлучении души с телом, – говорится здесь, – предстанут пред нами, с одной стороны воинства и силы небесные с другой – власти тьмы, воздушные мытареначальники, обличители наших дел. Узрев их, душа содрогнется, вострепещет, и в смятении и ужасе будет искать себе защиты у Ангелов Божиих; но и будучи принята Ангелами и под кровом их протекая воздушное пространство и возносясь на высоту, она встретит различные мытарства, кои будут преграждать ей путь в Царствие Небесное, будут останавливать и удерживать ее стремление к нему. На каждом из этих мытарств потребуется отчет в особенных грехах… Каждая страсть, всякий грех будут иметь своих мытарей и истязателей. При том будут присутствовать и Божественные силы и сонм нечистых духов; и как первые будут указывать на добродетели души, так вторые – обличать ее грехи… И если за благочестивую и богоугодную жизнь свою она окажется достойною (награды), то ее воспримут Ангелы, и тогда она уже небоязненно потечет к Царствию. Напротив, если окажется, что она проводила жизнь в нерадении и невоздержании, то услышит они страшный глас: да возмется нечестивый, да не видит славы Господней (Ис.26:10); тогда оставят ее Ангелы Божии и возьмут страшные демоны, и душа, связанная неразрешимыми узами, низвергнется в темницы адские». Таким образом мытарства суть не что иное, как частный суд, который совершает над человеческими душами Сам Господь при посредстве Ангелов, допуская к тому и «клеветников братий наших» (Откр.12:10), злых духов, – суд, на котором припоминается душе и

беспристрастно оцениваются все ее дела и после которого определяется известная участь. Суд этот называется частным в отличие от всеобщего, который будет совершен над всеми людьми, при кончине мира, когда Сын Божий снова приидет на землю, но уже в славе Своей.

4780 - Голгофа – лобное место или холм, на котором был распят Господь Иисус Христос. Еврейское глаголет, – откуда наше Голгофа, – означает лоб, череп, вероятно холм так назывался за свою лобообразную форму; древнее, глубоко знаменательное предание, объясняет это название тем, что здесь был погребен Адам, так что крест Христов был воздвигнут над головой покоящегося праотца рода человеческого. Во время смерти Господа Иисуса холм находился еще вне Иерусалима (Мф.27:33, 28:11; Евр.13и дал.). Восстановленный после своего разрушения Иерусалим распространился главным образом на север и северо-запад, так что Голгофа оказалась почти в середине западной части нового Иерусалима. И теперь показывают расселину в скале т.н. Голгофской горы, произведенную землетрясением в момент смерти Христа Спасителя (Мф.27:51). Св. Кирилл Иерусалимский говорил (около 350 года): «Эта св. Голгофа, видимо и доселе возвышающаяся, служит до настоящего времени свидетельством того, что в момент, когда умер Господь, расселась скала.

4781 - Север – патриарх Антиохийский (512–518 гг.), видный и горячий приверженец монофизитской ереси, состоящей в утверждении, что Господь Иисус Христос, хотя рожден из двух природ или естеств, но не в двух пребывает, так как при воплощении Сына Божия человеческая природа, воспринятая Богом Словом стала только принадлежностью Его Божества, утратила свою действительность и лишь мысленно может отделяться от нее.

4782 - Св. Маврикий – император 582–602 гг.

4783 - Город Антиохия для христианской церкви имеет особенно важное значение как второе после Иерусалима великое средоточие христианства и как первая христианская церковь из язычников. Антиохия основана была за 300 лет до

Рождества Христова сирийским царем Селевком Никатором, который основал и еще более десяти городов с именем Антиохии, чем он желал увековечить имя отца своего Антиоха. А эта столичная Антиохия, для отличия ее от прочих, называлась Антиохия Епидафна, т.е. близ храма и рощи Дафны; она также отличалась названием Антиохия на Оронте, по имени реки, на берегу которой она находилась верстах в 10 от впадения в Средиземное море.

4784 - Ориген – знаменитый учитель Александрийской церкви, чудо своего века по уму и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при жизни, был осужден как еретик на двух местных Александрийских соборах и по кончине – на Константинопольском соборе 543 г. Не высказывая своих неправославных мнений в качестве непреложных истин, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах вероучения христианской церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он не право мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих сотворенных духов, с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим тем действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Не право мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни: например, о том, что диавол может спастись, и в толковании св. Писания слишком многое

преувеличенно понимал в таинственном смысле в ущерб историческому смыслу Писания. Но, во всяком случае, заслуги Оригена перед Церковью более значительны и покрывают его заблуждения. В своих школах он воспитал много замечательных отцов и учителей Церкви, из коих некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны его труды по изучению св. Писания, – истолкованию, а главное, – по восстановлению и очищению подлинного текста; замечательны и сочинения Оригена, направленные к защите христианства против его врагов и еретиков. В гонение Декия Ориген удостоился славы мужественного исповедника Христова, скончался семидесятилетним старцем в Тире в 254 году.

4785 - Кончину святых мужей относят приблизительно к 590 году.

4786 - В православной христианской Церкви «равноапостольными» называются сотрудники и сотрудницы Апостолов Христовых и еще те праведные христиане, которые подобно Апостолам особенно ревностно проповедовали и утверждали веру христианскую. За такие особые заслуги они и сравнены почитанием с Апостолами. Слово же Апостол значит «посланник», которому дано исполнить известное поручение. Избрав из учеников Своих двенадцать, Иисус Христос назвал их «апостолами» (Лк.6:13), чтобы посылать их на проповедь (Мк.3:14) и чтобы врачевать всякую болезни и всякую немощь (Мф.10:1–42).

4787 - Святыми в Церкви христианской первоначально называли всех христиан, всех верующих во Христа, как например в посланиях Апостола Павла. А при личном упоминании праведника древние христиане избегали ставить именование «святой», потому что слово это часто употреблялось в надписях языческих, чему подражать не хотели христиане. И в календарях древних слово «святой» при имени праведника, чтимого Церковью, начали употреблять только с третьего и следующих веков. А в Евангелиях святость представляется как свойство христианина во всех его

проявлениях: «да святится Имя Твое…», «Отче Святой…», «Святи их во истине Твоей…»

[4788] - Мироносицой Мария Магдалина названа потому, что Евангелисты именуют ее первою из благочестивых жен, кои приходили ко гробу Христову для помазывания Его тела благоуханными составами по благочестивому обычаю иудеев того времени. Эти составы были из смолистых веществ мирра нардового, или смирны, ладана, алоя и прочих благоуханных растений в смеси также и с чистым оливковым маслом. Умащением или же осыпанием тела умершего такими ароматными составами выражали любовь и почесть к лицу умершего.

[4789] - Имя Мария от еврейского Мариам означает: «высокая, возвышенная, стойкая, превосходная, превознесенная»; а Магдалиною называют эту Марию по происхождению ее из города Магдалы, подобно как благочестивого члена синедриона Иосифа называют Аримафейским, по его происхождению из Палестинского города Аримафеи. И прозвание Магдалины присоединяют к имени этой Марии для отличия ее от других благочестивых жен, также как она, служивших Иисусу Христу (Лк.8:3) и имевших то же имя Марии, как, например, Мария, сестра Лазаря, и Мария, жена Клеопы.

[4790] - Магдала от еврейского слова магделайя, означающего башню, была городом на западном берегу Геннисаретского озера, недалеко от городов Капернаума и Тивериады. Магдала славилась красильным производством и изделиями тонких шерстяных материй; кроме того в ней велась обширная торговля горлицами и голубями для жертв очищений; предание приписывает Магдале триста голубиных лавок и вблизи целую долину «голубей». Богатство Магдалы было в то время столь значительно, что о подати, вносимой от города, упоминается, что она была столь велика, что отсылалась в Иерусалим целою повозкою. Нравственная испорченность жителей была также велика. Из множества городов и деревень, коими усеяны были берега Геннисаретского озера, все исчезли, кроме одной Магдалы, которая теперь называется Меджделъ и представляет группу грязных лачуг, сложенных из береговых камней, а на

плоских крышах домов сделаны верхние этажи в виде шалашей из тростника и хвороста. Но остатки древней сторожевой башни и теперь существуют и местоположение доныне прекрасно: красоты природы также торжественны и пробуждают святые восторги чудес и проповеди Христовой на дивном озере Геннисаретском или Галилейском.

[4791] - Галилейская область на севере Палестины, или Галилея (от еврейского слова «галил», означающего «область», «округ») во времена жизни Марии Магдалины составляла третью область Палестины, и сама Галилея делилась на северную, верхнюю, «языческую», и на южную, нижнюю, Галилея занимает видное место в мировой истории, как родина и место проповеди Христа Спасителя. Галилея имела около 120 верст от востока к западу и 40 верст от севера к югу. На севере она соприкасалась с Сириею и горами Ливанскими, на западе с Финикиею, на юге с Самарией, а на востоке границею ее была река Иордан. Городов и больших селений в Галилее насчитывалось более 200 и народонаселения до четырех миллионов, состоявшего не только из иудеев, а также из смешения израильтян с сирийцами, финикийцами, арабами и прочими инородцами, из коих многие приняли иудейскую веру. По чудному климату, плодородию и богатству Галилея была самою лучшею областью Палестины. Мягкий, живительный климат, самая разнообразная дивная красота природы, неистощимое обилие плодородия почвы, – всё было в Галилее. И географическое положение и масса путей сообщения также благоприятствовали Галилее: ее пересекали несколько торговых римских дорог с востока на запад в Дамаск, к финикийским берегам, Средиземному морю, в Египет и Ассирию; другие пути перерезали ее с юга на север. Промышленность и жизнь кипели в Галилее… Весьма много страниц Евангелия отражают природу и жизнь Галилеи. По родине Христа Спасителя городу Назарету, детству, юности и преимущественно там проповеди Его, Галилея была колыбелью христианской веры. А притчи, чудеса, события повседневной земной жизни Иисуса Христа, всё это образы, воспроизводящие богатства и красоты природы и нравы жизни Галилейской. Небо,

земля, море, хлебные поля, сады, цветы, виноградники, трава лугов, рыбы и птицы, – всё служило там Спасителю основой и образом дивных поучений Его Божественной проповеди… А в наше время Галилея представляет только развалины городов и сел и совершенное запустение…

[4792] - Галилейское море, озеро Геннисаретское и Тивериадское море суть названия одного и того же обширного озера в Галилее Палестинской. В книге Числ (Чис. 34:11) и Навина (Нав. 12:3) оно называется Киннерефским по внешней форме овальной. Тивериадским оно называется от имени, находящегося у его берега, города Тивериады; а Геннисаретским от имени прибрежного же города Гениссар, или Геннисарета, по красоте окружающей его природы. Простиралось это озеро в длину на 30, а в ширину на 8 верст. На северном конце его входит река Иордан, а на южном она вытекает. Кругом озера этого сосредоточен был богатый промышленный центр Палестины; по берегам озера почти непрерывной линией тянулись города и деревни с очень многочисленным населением. Вода в озере прозрачна, приятна на вкус и прохладна; ее рассекали до четырех тысяч судов разного вида: военных кораблей римлян, грубых лодок рыбаков Вифсаиды и позолоченных шлюпок Ирода. Обыкновенно тихое и спокойное озеро Геннисаретское иногда от ветров с гор делалось бурным и опасным. Оно славилось чрезвычайным обилием всякой рыбы, так что ловить ее было дозволено всем, и рыба была любимым там кушаньем до того, что на обеде для одного великого раввина было подано триста разных сортов рыб. Рыбу ели свежую, соленую, сушеную; из нее приготовляли лакомства; советами ее приготовления и какую есть, в какое время, занимались даже раввины, наставляющие мыть рыбу лучше пивом и вином. Ловлею и продажею рыбы занимались очень многие; одни из иерусалимских ворот назвались «рыбными», потому что туда доставлялась масса рыбы из Галилеи и рыбною торговлею занимались даже члены синедриона, нагружая рыбою целые корабли. Занятие рыбным промыслом было не только очень выгодным, но и почетным… У западного берега озера находилась «земля Геннисаретская»

(Мф.14:34; Мк.6:53), которая была первым и главным местом проповеди Христа Спасителя. Самое слово Геннисарет означает: «сады изобилия», и нигде не было таких красот природы и обилия всяких растений и плодов самых разных климатов, как в «земле Геннисаретской». Плоды на деревьях были в продолжение десяти месяцев. Еврейский историк того времени Иосиф Флавий, с восторгом описывая красоты озера Геннисаретского, дивный климат, пальмы, виноградники, фиги, померанцы, миндальные деревья, гранаты, – говорит, что времена года по-видимому там спорят за честь владения этою райскою местностью… А еврейский Талмуд учит, что ожидаемый Мессия явится некогда из этого озера Тивериадского или Геннисаретского…

4793 - Капернаум с еврейского значит: «селение Наума», – город, находившийся на западном берегу озера Геннисаретского. В Ветхом Завете о нем не упоминается потому, что он сравнительно позднейшего происхождения и вырос в город из рыбачьего селения, благодаря подъему торгово-промышленной деятельности. Он имел очень красивое местоположение. Ироды имели в нем дворец; римляне имели военный постой и таможню. В Евангелиях говорится о Капернауме, как о главном местопребывании Христа Спасителя после того как Он оставил Назарет, так что Капернаум стал называться «Его городом» (Мф.9:7). В Капернауме и его окрестностях Христос совершил множество чудес, произнес много притчей и поучений, но, несмотря на все Его вразумления, жители остались глухи к новому благовестию, не соответствовавшему их торгово-промышленной суете, не уверовали, и Христос произнес над Капернаумом грозный суд: «И ты Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Мф.11:23). Н ныне от Капернаума не осталось никаких следов…

4794 - Тивериада – город на том же западном берегу Геннисаретского озера, несколько южнее Капернаума; построен был в 17 году по Рождестве Христовом правителем Галилеи Иродом Антипою и назван в честь тогдашнего римского императора Тиверия. Ирод сделал Тивериаду своею столицею,

построил великолепный дворец, храм, синагогу, амфитеатр и окружил город стеною. Близ города был целебный теплый горный ручей. Так как при постройке Тивериады были срыты древние гробницы, то евреи считали город нечистым, боялись селиться в нем, и в первое время он имел вполне языческий характер. В окрестностях Тивериады Христос Спаситель проповедовал и насытил пять тысяч слушателей пятью хлебами (Ин. 6:1–71). После разрушения римлянами Иерусалима в 70 году, Иудеи устроили в Тивериаде 13 синагог и высшую школу, а тивериадский синедрион стал высшею религиозною инстанциею. Греческая императрица Елена воздвигла в Тивериаде храм с 12 престолами; а с половины V до половины VI века здесь было епископство, восстановленное потом во время первого крестового похода. На развалинах Тивериады был построен городок Табарийе, а в 1837 году он был разрушен землетрясением, и ныне видны только бедные хижины, но евреи питают к этой местности одинаково глубокое уважение, как к Иерусалиму.

4795 - Явления Господа Иисуса Христа по Его Воскресении. Жит. свят. книга восьмая (Апрель), стр. 514.

4796 - Даже Иерусалимский Талмуд свидетельствует, что галилеяне заботились более о славе, а жители Иудеи о деньгах. У галилеян вдова оставлялась в доме покойного мужа, а у иудеев наследники удаляли ее. Отзывчивость галилеян к чужой нужде простиралась до того, что, например, обедневшего старика односельчане заботливо снабжали ежедневно той живностью, которую он имел обыкновение употреблять во время своего благосостояния. Но ученых школ галилеяне не заводили и потому гордые книжники и фарисеи иудеи называли галилеян невежами и глупцами; за неясное, неотчетливое различение и произношение галилеянами некоторых еврейских гортанных букв, раввины иудейские не допускали их читать вслух молитвы от лица собрания и осмеивали их…

4797 - Слово «бес» есть перевод греческого слова демон, диавол. В Священном Писании Нового Завета «бес» обычно означает злого духа или диавола. Бесы хотя веруют и трепещут, и признают Иисуса Христа Сыном Божиим, но суть слуги сатаны.

Среди чудес Христа Спасителя особенно поразительны были исцеления одержимых бесами. Люди, подпавшие под власть бесов, называются бесноватыми, страждущими от нечистых духов (Мф.4:24; Лк.6:18). Исцеление бесноватых, по отношению к бесам, называется изгнанием (Мф.8:16), а по отношению к самим страдающим называется исцелением. Влияние бесов на одержимых ими людей обнаруживается всегда через влияние их на тело; душа человека теряет при этом свою власть над телом, между телом и душою вторгается какая-то чуждая сила, которая пагубно действует на телесные органы души. Бес сначала поражает нервную систему тела и действует через нее, производя те же самые симптомы, какие производятся и другими влияниями, нарушающими правильную жизнь тела. Бесовская сила действует не через духовную и нравственную природу, а через физическую и умственную природу. В Иуду Искариота предателя вошел диавол, то есть подвиг на предатльство, но Иуда не был одержим бесом. Бесноватость обнаруживается в ясновидении, когда одержимые бесами признавали Христа Сыном Божиим (Лк.4:34), также в безумстве, в эпилепсии, немоте, скорченности, в слепоте (Мк.5:3; Лк.8:27; Мф.9и др.). Это дало повод рационалистам утверждать, что беснование есть только телесная болезнь. Но то, что беснование сопровождается болезнями, нисколько не уясняет страшных неестественных, не физических особенностей беснования, в котором слабый физически человек, например, разрывает железные цепи или прорицает (Мк.5:4). Сходство некоторых признаков беснования с естественными болезнями тела только внешнее, обуславливаемое лишь общими законами жизни, нарушения которых всегда могут обнаруживаться одинаково, от каких бы разных причин они ни происходили. И такое учение Евангелия о бесновании нисколько не противоречит данным физиологии и психологии. Так как душа человека может подлежать влиянию даже вещественных сил через посредство тела, то тем сильнее она может подпасть под влияние сил духовных, при неспособности души противодействовать таким влияниям; это ясно подтверждается многочисленными фактами гипнотизма. И как в гипнотизме один

человек, с более сильною волею, через внушение могут влиять на другого до степени полного обладания им и лишения его способности самоопределения, так в силу того же психологического закона и злой дух, бес, может всецело овладеть душой слабого человека, который по своей личной греховности, или иной причине, делается жертвою страшного бесовского влияния. И замечательно, что бесноватых было особенно много именно пред пришествием Христа Спасителя. Это была особенность того века, и она отчасти объясняется именно тем, что к тому времени достигло высшей степени напряжения то душевное беспокойство и слабость, которые были результатом духовной неудовлетворенности и нетерпеливо тревожного ожидания перемены в этом невыносимо тяжком состоянии. Такое душевное состояние охватило в то время как еврейское, так и языческое население востока. И темные силы злых духов спешили раскинуть сети своего злобного разрушительного владычества, предвидя, предчувствуя скорое свое поражение Христом Спасителем.

4798 - Некоторые толковники св. Писания и составители житий и даже Отцы западной церкви, объединяющие Марию Магдалину с известною грешницею, которая в доме Симона фарисея покаялась и получила прощение грехов, – полагают, что Евангелисты Лука и Марк не точно выразили положение Марии Магдалины, говоря, что Христос бесов изгнал из Марии Магдалины; такие писатели полагают, что Мария Магдалина не была одержима бесами, а лишь была только грешницею и будто слова Евангелистов «семь бесов» означают много грехов и пороков (так полагает, например блаж. Иероним, Августин, Григорий Великий и проч.). Но так перетолковывать прямые слова двух евангелистов можно на основании только еврейской демонологии, по которой все самые обыкновенные страсти человеческие и все болезни раввины приписывают злым духам. И Талмуд еврейский много приписывает бесстыдных пороков, толкует о необыкновенной красоте и плетении волос Марии Магдалины и о ее богатстве… Но православная восточная Церковь не смешивает грешницу неизвестного имени, прощенную в доме Симона фарисея, с Мариею Магдалиною и

не перетолковывает прямых слов двух Евангелистов об изгнании именно бесов из Марии Магдалины. А св. Димитрий, митр. Ростовский, основательно пишет: «Аще бы Магдалина оною была блудницею, то вслед Христа и Его учеников явно грешнице, долгое время ходящей, что бы рекли ненавистницы Христовы жидове, ищуще на Него каковыя-либо вины, да Его охулят и осудят. Аще ученицы Христовы единожды узревшие Господа с Самаряныне ю беседующа, чудяхуся, яко с женою глаголаше, кольми паче враждебницы не умолчали бы, егда бы видели явно грешницу по вся дни Ему последующую и служащую…»

4799 - Назарет (слово означает отпрыск, по другим, страж, охранитель) был городком в Галилее, находился на юго-западе от Капернаума и горы Фавор. Расположен был на горе, возвышавшейся на 600 футов над уровнем моря. Вид с вершины горы по красоте и разнообразию был прекрасен на долины, горы и Средиземное море. Население было бедно, невелико и не пользовалось уважением у иудеев (Иоан.1:46). Назарет получил всемирную известность, как место Благовещения Пресвятой Деве о рождении Сына Божия Спасителя мира. В Назарете протекли детство, юность и жизнь Иисуса Христа до самого Его выступления в открытое служение спасению человеков (Лк.2:39–51). От этого Его называли Назарянином, Назореем (Иоан.19:19) и даже долго христиан называли на востоке назарянами.

4800 - Ячменный хлеб был хлебом бедняков и римским солдатам давался только в виде наказания, например, за утрату знамен. Евреи считали ячмень пищею лошадей и ослов.

4801 - Слово Сирия (высокая) в еврейском тексте означается словом Арам, под которым разумеется Сирия и Месопотамия вместе. Все пространство от реки Евфрата до Средиземного моря и от Таврских гор до Аравии составляло Сирию. Долины Сирии очень плодоносны, изобилуют пшеницею, виноградом, табаком, оливками, апельсинами, финиками и проч. Климат очень здоров и приятен. Ни одна страна не была столь известна в древности как Сирия даже своей цивилизацией.

4802 - Распятие на кресте, то есть крестная казнь, от древних времен и у Римлян служила рабскою, самою позорною самою жестокою казнью, которою предавались смерти только изменники, убийцы и величайшие злодеи. У иудеев эта казнь признавалась «проклятою» (Втор.21:22–23; 1Кор.1:23). По римскому обычаю преступление распятого писалось кратко на дощечке, прикрепленной сверху ко кресту. Смерть на кресте заключала в себе всё, что только есть самого ужасного и самого мучительного в пытках и в смерти без лишения сознания и чувств: противоестественность висения тела на гвоздях делала мучительным всякое малейшее движение, воспаленные и постоянно всё более разрываемые раны близ гвоздей разъедала гангрена; артерии особенно на голове и животе распухали и наливались кровью, производя страшный жар и невыносимую жажду. Страдания распятых были столь велики и ужасны, продолжаясь иногда по несколько дней, что у римлян обычно ускоряли приближение смерти ударами и пронзением копьем. Иудеям же в силу закона Моисея (Втор. 21:1–23), дозволено было оканчивать страдания распятых прежде солнечного заката и было в обычае давать пить распятому вино смешанное со смирною (Мк.15:23; или с желчью (Мф.27:34), которое отуманивало сознание, чтобы несколько облегчить страдания; но Иисус Христос не принял, не пил такого напитка, облегчающего страдания. Богатые иерусалимские женщины доставляли такое одурманивающее питье на свой счет, не обращая внимания на личности распинаемых. Возмутительную казнь распятием на кресте уничтожил в Римской империи только император Константин Великий, а в Римской республике распинали даже и детей…

4803 - Тьма эта не была обыкновенным солнечным затмением, по известным естественным законам движения солнца и луны. Это было явление сверхъестественное, которое, вместе с последующими особыми знамениями в природе, свидетельствовало об исключительном величайшем значении события Искупления. Необычайность и достоверность этой тьмы засвидетельствована была тремя языческими писателями того времени: римским историком и астрономом Флегонтом, Юлием

Африканом, историком Фаллом и еще непоименованным у историка Евсевия четвертым языческим историком. В их записях вполне совпадают и часы этой тьмы с апостольскими указаниями, что были видны звезды на небе. Св. Иоанн Златоуст, Феофилакт и Евфимий полагают, что тьма эта произведена была массовым сгущением облаков между землею и солнцем действием силы сверхъестественной, как знамение гнева Божия на нечестие людей. Суточный день считался с шести часов вечера до 6 вечера другого дня. Собственно же свет дня считался с шести часов утра. От 6 часов утра до 9 считалась первая часть дня, которую называли третьим часом дня; от 9 до 12 часов была вторая часть дня, которую называли шестым часом; от полудня до 3 часов была третья часть дня, называвшаяся девятым часом; от 3 до 6 часов вечера считалась четвертая часть, которая называлась двенадцатым часом дня. Ночь также разделялась на четыре стражи, каждая по три часа.

4804 - Иосиф из города Аримафеи или Рамафаима, человек богатый, твердого характера, безукоризненной жизни, был почетным членом иерусалимского синедриона, по робости нрава ранее не решался объявить себя почитателем Христа, но и не принимал участия в приговоре против Иисуса. В негодовании за распятие Его хотел почетным погребением Христа выразить свою преданность, как к мученику и жертве злоумышлений.

4805 - Никодим был знаменитым фарисеем и членом синедриона. Он посетил Христа Спасителя в Иерусалиме ночью с целью подробнее и свободнее узнать учение Христово, и Господь открыл ему главные основы учения Евангельского (Иоан. 3:1–36.). Он был очень богат, почтил Христа погребением, принеся 100 фунтов состава из смирны и алоя для помазания Тела Христова. Впоследствии принял крещение от Апостолов.

4806 - Гробом называли тогда гробницы Иудейские, или пещеры, вырытые, высеченные в скалистых холмах, внутри которых устраивали ложе для погребаемого. Близ гробницы, которую приготовил он для себя. Иудеи благоговели пред

своими гробницами, но Иосиф без колебания отдал ее Невинному Страдальцу, торопясь окончить погребение, так как наступала пасхальная Суббота.

4807 - Мирра, смирна есть благоуханная смола из бальзамного дерева, растущего в Аравии, Египте и Абиссинии. Смола эта отчасти сама собою истекала из дерева, отчасти добывалась посредством надрезания коры дерева. Она маслянистa, сгущаясь получала цвет бело-желтый; отвердев же, становилась красноватою; вкус этой смолы остро горький, запах особенно ароматичный до того, что производил кружение в голове и потерю сознания. Мирра или смола эта, по способности ее противостоять всякому гниению, у иудеев и египтян употреблялась на мазание и бальзамирование тел умерших (Иоан.19:39). В Ветхом Завете миро для священного помазания составлялось из смирны, масла (Исх.30:23–25). Этим миром, по повелению Божию, были помазаны, Скиния Завета, потом Аарон и сыновья его для священного служения Богу, а после помазывались миром и цари и пророки. Помазание миром есть внешний, видимый знак освящения предмета и сообщения помазуемому человеку даров и сил Духа Божия. И в православной христианской Церкви от времен Апостолов существует таинство миропомазания, через которое верующему при помазании освященным миром его головы, персей, глаз, ушей, губ, рук и ног во имя Святого Духа подаются дары Святого Духа, возращающие и укрепляющие в жизни духовной. Священным миром помазуются христианские храмы и цари при короновании на великое царственное их служение… – Кроме мирры, евреи при погребении умерших употребляли еще ароматические порошки, которыми осыпали пелены и самое ложе, на которое полагалось тело. Такие ароматы в порошке, кроме мира, были приготовлены для гроба Христова и мироносицами.

4808 - В описании осады Иерусалима в 70 году Титом Флавием Веспасианом, провозглашенным тогда же римским императором, гробница Иосифа Аримафейского была упомянута, устроенной по типу обыкновенных одиночных пещерных еврейских гробниц. Это и со стороны подтверждает,

что Гроб, где погребен был Христос, был высечен в природной скале, внутри невысокого холма в виде двух камер или частей: входной и еще собственно погребальной. Вход в пещеру устроен был по обыкновению на восток и задвигался, закрывался большим камнем. Место погребения во второй части пещеры высечено было в виде ложа, или прилавка к стене, или лежанки, по правую сторону от входа. Высота усыпальницы была несколько выше роста человеческого, а высота входа около трети роста человека. Расстояние гробницы Иосифа от Голгофы было около 17 саженей (или 120 фут.)… Около половины второго века римский император Адриан, решив эллинизировать иудеев, приказал засыпать все неровности местности и холмы иерусалимские и потом на месте христианских святынь воздвигнуты были языческие капища для Юпитера и Венеры. Но в 333 году, по повелению императора Константина Великого, капища эти были срыты, насыпи свезены и тогда пещера с Гробом Христовым была открыта в неприкосновенности. Великолепный богатейший храм окружил эту христианскую святыню, но внешность пещеры Св. Гроба была изменена: чтобы удобнее поместить ее в храм, самую гробницу отделили от скалы входной (вестибюльной) части, так что сохранена была только погребальная часть пещеры… Затем с седьмого столетия персы, евреи, арабы и турки, побеждая греков, употребляли все средства стереть с лица земли погребальное ложе Богочеловека и хотя большая часть стен и верх пещеры были уничтожены, но самое ложе и нижняя часть стен пещеры несокрушимо устояли до настоящих дней, как подлинные и несомненные памятники, освященные пребыванием в них Христа Спасителя. И до конца дней многогрешной земли это освященное каменное ложе будет привлекать к себе верующих, давать им отраду, успокоение, отпускать с примиренной душой припадающих к нему…

[4809] - Слово «Ангел» означает: вестник, посланник и употребляется в Священном Писании в многоразличных значениях. Но в собственном тесном смысле слово «Ангелы» в Библии означает личные, духовные существа, совершеннейшие человека и сотворенные Богом, которые возвещают людям

волю Божию и исполняют на земле Его веления. Ангелы сотворены Богом прежде творения видимого мира, они духовны и если не бестелесны, то имеют некое особенно легкое эфирное тело. Для Ангелов не существуют человеческие пространственные условия, но они не вездесущи. В совершенстве они ограничены и, несмотря на быстроту и глубину разумения, они не всеведущи; несмотря на чистоту и святость, Ангелы могут подвергаться искушениям, потому что сотворены свободными, почему могли свободно устоять в добре, как светлые Ангелы, и пасть, как Ангелы злые духи. Ангелы предстоят пред Лицом Божиим, непрестанно славят Его, исполняют Его волю и наслаждаются блаженством. Ангелов неисчислимое множество и между ними имеются разные достоинства и степени совершенства… Вся история человечества и народа Божия совершается при служении Ангелов, и они являются в важные моменты в истории ветхого и нового Завета Божия, служа Иисусу Христу и Его Церкви, для чего Ангелы принимают видимый, доступный для человеков образ. Поэтому Евангелисты Марк и Лука, повествуя о явлении мироносицам Ангелов, называют их «мужами» (Лк.24:4) и «юношей» (Мк.16:5) по форме, по образу явления, в которой созерцали этих Ангелов мироносицы. Церковью православной Ангелы почитаются как приближенные к Богу слуги и исполнители Его воли.

4810 - В тот же день, только некоторое время после первого явления Марии Магдалине, Христос Спаситель не воспретил ей же, Марии Магдалине, с прочими мироносицами, ухватиться за ноги Его, Христа Спасителя (Мф.28:9; Лк.24:10); также вечером того же дня Христос предлагал ученикам осязать Себя, показал им раны на руках и ногах Своих (Лк.24:39). Из этих обстоятельств следует заключить, – полагают отцы Церкви и толковники, – что запрещение прикосновение при первом явлении Марии имело основанием простоту тогдашних ее мыслей, с коими она устремилась к Господу. Подобно прочим ученикам, она не ожидала и не понимала воскресения Христа Спасителя и вдруг видит Его пред Собою живым. Какое смятение мыслей и возбуждение душевное должно было

произойти в ней при этом явлении умершего живым, – и она устремляется ко Христу, чтобы осязанием увериться в том, что видят ее глаза, чтобы удержать Его, столь пламенно искомого… Христос же, зная, что происходило тогда в мыслях и душе Мария Магдалины, кротко устраняет искреннейшее, но неуместное в ее мыслях, а законному желанию ее удостовериться, – Он ли пред нею, – удовлетворяет удостоверением слова и поручением возвестить о воскресении Его Апостолам…

4811 - Из таких слов Воскресшего ученики должны были понять, что Царство Иисуса Христа не земного мира. что его должно отличать от земных царств и в Христе воскресшем видеть не земного Царя, а небесного; но Апостолы даже и после разъяснения этого и предупреждения Господа все-таки еще не оставляли своих народных несбыточных надежд и спрашивали Его даже пред вознесением: «Не в сие ли время, Господи, восстанавливаешь Ты царство Израилю?» (Деян.1:6).

4812 - Св. Евангелисты умалчивают о явлении Воскресшего Матери Божией, но Церковь содержит в своем предании то верование, что Божией Матери прежде жен мироносиц сообщено было Ангелом о воскресении Христовом и что Ей, восстав из гроба, Христос явился прежде всех людей. Выражение этого верования Церкви находится в пасхальных богослужебных песнопениях.

4813 - В Иерусалиме у Апостола Иоанна Богослова был собственный дом на горе Сионе. Там находились и все прочие Апостолы. И по вознесении Спасителя там было средоточие новой христианской жизни. В этот новый Сион обращались все христиане за разрешением своих недоумений…

4814 - Даже после явления Воскресшего Христа в Эммаусе, засвидетельствованного еще двумя учениками, многие «не поверили» и им, пока в тот же вечер в самом доме Апостола Иоанна, где собрались ученики, и несмотря на затворенные двери, явился Христос и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили (Мк.16:13–14). Это обстоятельство имеет величайшую важность в повествованиях о воскресении Господа, именно как

неопровержимое доказательство истинности Его воскресения. Видно, что Апостолы не ошиблись в этой истине, не могли обмануться, и что это не мечта их, не плод восторженности или расстроенного воображения. Апостолы не верили и нужны были упреки им Самого Воскресшего и дозволение осязать себя и есть с ними, чтобы победить это неверие, и если потом Апостолы поверили и проповедовали о действительном воскресении их Учителя и Господа, то это воскресение – истина несомненная и никто уже не может упрекнуть учеников в легковерии…

4815 - Христос Спаситель сказал: Царство Небесное (Божие) подобно зерну горчичному, которое посеяно и хотя меньшее из всех семян, но, когда вырастает, становится деревом, так что прилетают птицы и укрываются в тени ветвей его… (Мф.13:31–32; Мк.4:31; Лк.13:19). Здесь Христос говорил о зерне горчицы не обыкновенной, не травяной, не нашей однолетней (синапис), но об особой восточной многолетней, изобильно растущей в Палестине и называемой в ботанике – «фитолакка додекандра», семя которой малейшее, а химические элементы те же, что и однолетней горчицы и употребляются на те же потребности, как обыкновенная травяная горчица; в северной Америке древесная многолетняя горчица фитолакка называется лесною горчицею… Евреи, когда хотели обозначить какую-либо самую малую вещь, говорили, что она, как горчичное зернышко величиною. Вышеупомянутою краткою притчею Господь показал образ распространения евангельской проповеди. Хотя ученики и ученицы Его были всех бессильнее, всех уничиженнее, но как сила в них сокровенная была велика, то проповедь их распространилась во всю вселенную. И Церковь Христова, в начале малая, для мира не приметная, распространилась на земле так, что множество народов, как птицы в ветвях дерева горчичного, укрываются под сенью ее. То же бывает с царством Божиим и в душе человека: веяние благодати Божией, в начале едва приметное, при рачительности человека, более и более охватывает его душу, которая и делается потом храмом Божиим, вместилищем, разнообразных добродетелей…

4816 - Слово предание означает рассказ, повествование, память о событии, перешедшие устно от предков к потомкам; также поученья, наставления, правила житейские, переданные одним поколением другому, – голос древности, преданья старины. – Книжники и фарисеи говорят Иисусу: «Зачем ученики Твои преступают предание старцев?» (Мф.15:2). – «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим», – поучает апостол Павел (2Фес. 2:15). И преданием, поучает святитель Филарет Московский, – можно бы было пользоваться наравне с Священным Писанием только в том случае, если бы, подобно непосредственным ученикам Апостолов, мы имели бы пред глазами непосредственное апостольское истинное предание… Но и христианские предания уже прошли через многие страны, народы, языки и через многие века. К первоначальным преданиям апостольским присоединились предания отеческие разных степеней древности и оказалось разнообразие до противоречия. Поэтому, чтобы пользоваться преданием, как источником, нужно исследование подлинности и достоинства преданий, чтобы устранить из них неправые изменения и чуждые примешения… И Церковь православная признает предание не самостоятельным, а вспомогательным источником учения христианского.

4817 - Некоторые отцы Церкви и ученые полагают и учат, что св. Евангелисты во всех повествованиях о вышеупомянутых трех женах разумеют все только одну личность, которая в молодости, вероятно была предана разврату и за ее порочный образ жизни была одержима семью бесами. Услыхав о чудесах Христа, она идет к Нему в дом Симона фарисея: за живость ее сокрушения о своих грехах, она заслужила и получила от Спасителя прощение, и вследствие этого освободилась от семи, мучивших ее, злых духов; тогда она могла оставить, с родными своими, Лазарем и Марфою, Галилею и избрать своим жилищем Вифанию, где Иисус часто удостаивал посещениями их дом. Такого мнения были, например, Климент Александрийский, св. Августин, и св. Григорий Великий и другие. Таково было до настоящего времени мнение и западной римско-католической

церкви. Но большая часть новейших и западных ученых писателей отличают уже Марию Магдалину от Марии – сестры Лазаря. Они говорят, что Магдалина не оставляла Спасителя в последние годы Его жизни и следовала за Ним из Галилеи в Иерусалим, когда Он пришел туда к последнему празднику Пасхи иудейской, тогда как сестра Лазаря, Мария оставалась в это время с братом и Марфою в Вифании, потому что ни один из Евангелистов не упоминает ее имени, перечисляя жен, последовавших тогда за Иисусом, прибывших с ним в Иерусалим. И в самом деле, эти две благочестивые жены являются в св. Писании носящими совершенно различные признаки: одна всегда именуется Магдалиною и исчисляется между женами, которые следовали за Христом из Галилеи; другая, напротив, именем сестры Лазаря из Вифании. Такое постоянно различие их в отличительном прозвании не могло быть без значения у св. Евангелистов и необходимо ведет к мысли, что их не должно смешивать. Святой Ириней, знаменитый Ориген, св. Иоанн Златоуст и многие другие отцы Церкви и ученые отличают св. Марию Магдалину от св. Марии, сестры Лазаря, но признают кающуюся грешницу, упоминаемую св. Лукою в конце седьмой главы, за одно лице с св. Магдалиной. Но и это мнение положительно ничем не доказывается… Святой же Григорий Великий и некоторые другие толкователи св. Писания, которые признают св. Марию Магдалину за одно лицо с кающейся грешницей в доме фарисея Симона (в Наине), понимают под семью бесами, изгнанными Христом из Магдалины, разные грехи, которые она прижила себе худою жизнью и которые после ее покаяния пред Спасителем, будто оставили ее. Но такое толкование слов св. Евангелия совершенно произвольно и противоречит общему значению, в котором употребляются эти выражения в Евангелии, где под ними везде прямо и определенно разумеется вселение в человека нечистых духов, которые, по допущению Божию, вторгались в тела несчастных не только в числе одного, но даже и целого легиона. Многие и позднейшие западные толкователи св. Писания принимают согласно с

восточной православной Церковью, слова Евангелистов Луки и Марка о изгнании семи бесов буквально.

4818 - Италия (Деян. 18:1–28, 27:28; Евр. 13:1–25) – общеизвестная европейская страна с городом Римом столицею государства.

4819 - Тиверий кесарь – римский император с 14 до 37 гг. по Р. Хр.

4820 - В древнем и даже современном Востоке явление подчиненных к властителю и вообще низших к высшему без подарка признается выражением невежливости и даже непочтительности. Так, например, сказано, что при избрании Саула только «негодные люди презрели его и не поднесли ему даров…» (1Цар.10:27).

4821 - Волхв – слово персидского происхождения, и волхвами назывались люди мудрые, обладавшие высокими, обширными и даже тайными знаниями в особенности астрономическими и медицинскими. Они пользовались великим уважением и были большею частью служителями религии, жрецами.

4822 - Вифлеем иудейский был небольшим городком к югу около 10 верст от Иерусалима. Слово Вифлеем значит «Дом хлеба», название данное этому месту по необыкновенному плодородию окружающей почвы. Он назывался в древности Вифлеемом Евфрафа, а в отличие от Вифлеема в Галилее, его называли иудейским; по рождению же в нем царя-пророка Давида именовался и «градом Давидовым» (Лк.2:4).

4823 - Синедрион Иерусалимский был верховным судилищем иудеев, состоял из 72 членов, преимущественно фарисеев и саддукеев, избираемых подачею голосов и отчасти жребием. Собирался Синедрион при иерусалимском храме, но в особенных случаях и в доме первосвященника, его председателя (Мф.26:3; Иоан.18:24). Решению Синедриона обязаны были повиноваться безусловно все. По покорении Иудеи римлянами власть Синедриона была ограничена и на исполнение произнесенных им смертных приговоров требовалось согласие римского правителя. По разрушении

Иерусалима Синедрион был уже не судилищем, а только училищем Закона иудейского.

4824 - Пилат назван Понтийским от болотистой итальянской Понтийской провинции, в которой он был ранее правителем. С 27 года по Р. Х. Пилат был правителем Иудеи, но ненавидел свободу, обычаи и религию иудеев; он не колебался продавать правосудие и предавал мучениям и смерти невинных без судебного разбирательства, почему десятилетнее его правление было крайне неприязненно иудеям и вызывало народные возмущения; раз он не стеснился предать смерти целую толпу Галилеян в самом храме иерусалимском даже во время жертвоприношения, так что кровь их смешалась с жертвами их (Лк.13:1).

4825 - Галлия была страною галлов или франков, покоренною римлянами; это современная Франция. Город Виенна на реке Роне, при дороге в город Марсель, окружной город изерского департамента нынешней Франции. По преданию Лазарь и сестры его Марфа и Мария посажены были иудеями в лодку и пущены в море на волю волн и ветра. Эту лодку выбросило на берег в южной Галлии, и прибывшие на ней обратили в христианскую веру жителей городов Марселя, Экса и других.

4826 - Так значится по одной из редакций «Послания Пилата к Тиверию Кесарю», составляющего часть апокрифического, так называемого, Евангелия Никодима, с добавлением, что по отсечении головы Пилату, осудивших Иисуса Христа, первосвященников Анну зашили в воловью кожу и повесили, а Каиафу убили стрелою в сердце…

4827 - Марфа и Мария – две сестры, жившие с братом своим безбрачным Лазарем при подошве горы Елеонской в Вифании. Это было благочестивое семейство, с которым был в дружбе Христос Спаситель, заходя отдыхать в их дом при посещении Иерусалима (Лк. 10:1–42; Иоан. 11:1–57, 12:1–50; Мф. 26:1–75; Мк. 14:1–72). Когда Лазарь умер, Христос Спаситель воскресил его на четвертый день, проявив полное могущество Свое над смертью, после чего члены Синедриона положили убить и Лазаря. Но по преданию он прожил еще 30 лет и был епископом

на острове Кипре, где и скончался. Память его совершается Церковью 17 октября.

[4828] - Под заглавием «Возношение или Послание Пилата к Тиверию кесарю» это донесение помещено в славянских редакциях, так называемого «Евангелия Никодима» непосредственно после первой части этого Евангелия и составляет заключение ее; но кроме того оно в виде отдельной и более подробной статьи встречается еще чаще в рукописях, чем Евангелие Никодима; также донесение это вставляется вполне в книгу называемую «Страсти Христовы» или «Страсти Господни», распространенную во множестве списков и с раскрашенными изображениями…

[4829] - Писание Пилата императору Тиверию о чудесах, смерти и воскресении Христа Спасителя неоспоримо и свидетельствуется древнейшими писателями, как долго бывшим язычником Иустином философом, начала II века, – Тертуллианом, юрисконсультом римским, во II веке и историком Евсевием Памфилом; им доступны были архивы дел государственных.

[4830] - Сенат римский признавался учрежденным самим основателем римского государства Ромулом. Сенат считался носителем народного разума и хранителем государственных традиций, был зависим от царя назначением сенаторов царем. Всякое решение народа в республиканский и царский периоды римской истории нуждалось в авторитетном подтверждении его Сенатом, свидетельствующем о соответствии решения основным религиозным и политическим устоям государства.

[4831] - Что обычай этот принят от подношения Тиверию св. равноапостольной Марии Магдалины, подтверждением того служит кроме одинаковости предания во всех христианских церквах еще и то, например, что в древнем рукописном на пергаменте греческом уставе, хранящемся в библиотеке монастыря святой Анастасии близ Фессалоники, после молитв на день св. Пасхи, написано следующее: «Читается также молитва на благословение яиц и сыра, и игумен, целуя братию, раздает им яйца и говорит: «Христос воскресе».. Так мы приняли от святых отцов, которые сохранили сие обыкновение

от самых времен апостольских, ибо святая равноапостольная Мария Магдалина первая показала верующим пример сего радостного дароприношения…»

[4832] - Рим – столица бывшей тогда великой Римской империи; город расположенный на берегу реки Тибра. По преданию был основан Ромулом в 750 году до Р. Х. Занимал сначала только одни холм, потом семь и затем 15 холмов. Народонаселение имел до полутора миллионов, половину которых составляли невольники. Языческих храмов было 420, жители были очень суеверны и самыми грубыми идолопоклонниками, а в искусствах и войнах они решительно владычествовали над всем миром. Римская империя насчитывая до ста миллионов жителей.

[4833] - Ефес был известнейшим городом в Малой Азии на реке Канстре (ныне Кучук-Мендерец), служил средоточием торговли и особенно славился знаменитым храмом Артемиды-Дианы, языческой богини, служение которой евнухами отправлялось с особенным блеском и великолепием.

[4834] - Лев VI – греческий император (с 886 до 912 гг.), прозванный философом, или мудрым, за любовь его к наукам и познанию в астрологии; был учеником патриарха Фотия.

[4835] - Константинополь, древняя Византия по народно-русскому и славянскому Цареград, – был под именем Византии основан в 658 году до Р. Х. на европейском берегу пролива греками торгового города Мегары средней Греции. Константин великий в 330 г. по Р. Х. перенес в Византию столицу с ее храмами, дворцами, произведениями искусства; он привлек в новую столицу многочисленное население и вообще сделал ее сильным центром гражданской и церковной жизни греко-римского мира.

[4836] - Крестовые походы – военные экспедиции, предпринимавшиеся христианскими народам западной Европы с конца XI до конца XIII века для отвоевания у магометан Гроба Христова и Палестины.

[4837] - Под именем мощей в св. Церкви в обширном смысле разумеется тело каждого умершего христианина. Так в чине

погребения усопших говорится: «Взявше мощи усопшаго, отходит (с ними) в храм». Но собственно под св. мощами разумеются «честные останки святых угодников Божиих». Однако и здесь слово «мощи» имеет разное значение. Мощами называются прежде всего «кости» свв. угодников.

4838 - Древний храм имени св. Иоанна в Латеране «San Giovanni in Laterani» близ Латеранского дворца пап в Риме существует со времен императора Константина Великого и называют его «матерью и главою всех церквей», разумеется Римских.

4839 - Папа (от греч. «отец») – титул, который до конца V века употреблялся, как почетное наименование епископов, затем относился преимущественно к римскому архиепископу.

4840 - Гонорий III папа Римский в XIII в.

4841 - Марсель – приморский город в древней обширной Прованской области юго-западной Франции. Расположен при восточной бухте Лионского залива. В древности Марсель назывался Массилий и был греческою республиканскою колониею, покоренною римлянами. Отсюда христианство распространилось по всей южной Галлии, ныне Франции.

4842 - Утверждали еще западные христиане, что св. мощи Марии Магдалины покоятся в Бургундии, в аббатстве Вёзле, и совершали им там поклонение, пока переменили они это мнение на открытые в южной Франции, в Провансе, мощи некоторой святой, выдаваемые прованским преданием и некоторыми церковными писателями, сливающими Марию из Вифании, сестру Лазаря, и Наинскую грешницу в доме фарисея с св. Мариею Магдалиной, за св. мощи Марии Магдалины. Но эти и подобные сведения западной римо-католической Церкви о жизни и почивании мощей св. Марии Магдалины и всё истинное и подлинное в этих преданиях западных церквей вероятнее всего относится собственно к одной из прочих святых Марий, упоминаемых во св. Евангелии, о последующей за Вознесением Христовым деятельности которых Восточная Церковь не имеет никаких несомненных сведений.

[4843] - Слова и Речи Филарета, митрополита Московского, 1848, ч. 1, стр. 35, 36 и 44.

[4844] - Клавдий – император 41–54 гг.

[4845] - Память св. Ап. Петра 29 июня

[4846] - Главный город Римской империи, лежит в средней Италии по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

[4847] - Равенна – город итальянской провинции того же имени. Равенна основана была фессалийцами; дома ее были построены на сваях, каналы частью заменяли собою улицы. 254 г. до Р. Х. не подчинена была римлянам; последние дали Равенне самоуправление и различные привилегии и льготы. В дни Римской империи Равенна была одною из важных стоянок римского флота: здесь был устроен Августом порт. С 44 г. Равенна становится местопребыванием епископа, а с 432 г. – архиепископа император Гонорий, спасаясь от Алариха, в 402 г. избрал Равенну своей столицей. По падении западной Римской империи Равенна была взята Одоакром, королем Регулов; в 493 г. после долговременной осады Равенной овладел Теодорих Великий. С 555 г. в Равенне начинается господство Византии, продолжавшееся здесь около двух веков. В 752 г. она становится достоянием лангобардов; в 754 г. Пипин Короткий подносит ее в дар папе. С 1275 г. Равенна становится собственностью знатной фамилии Полента, находившейся ранее в зависимости вассальной от папы. В 1441 г. Равенной овладевают венецианцы, из рук последних в 1509 г. она снова переходит в руки папы. В 1860 г. Равенна включена в состав Итальянского королевства. – Наравне с Римом, Константинополем и Солунью Равенна замечательна памятниками древнехристианского искусства от времени перехода его в искусство византийское.

[4848] - Военного начальника.

[4849] - Галилея – область на севере Палестины; здесь Господь Иисус Христос провел свое детство и юность; Галилея же была по преимуществу и местом Его проповеди; поэтому-то Господа Иисуса и называли Галилеянином (Мф.26:69). В IV веке греко-римский император Юлиан Отступник умер (в 363 г.) с

такими словами, обращенными ко Христу: «Ты победил меня, Галилеянин!» – отсюда и последователи Господа Иисуса носили имя Галилеян.

4850 - Иллирик или Иллирия – римская провинция, о которой св. Ап. Павел в послании к Римлянам упоминает, как о границе его апостольской деятельности (15:19). Иллирией греки называли всю страну, лежавшую к западу от Македонии между Дунаем и Адриатическим морем. Римляне различали: illyria barbara – северная горная страна и illyria graeca – приморская страна, заселенная греческими колонистами. В Иллирии проповедовали некоторые из 70 апостолов.

4851 - Геенна – место вечных мучений (Мф.10:28). Это название произошло от еврейских слов, которые означают долину Енном близ Иерусалима, где в честь Молоха сожигались дети (3Цар.11:7; 4Цар.16:3–4). Царь Иосия отменил ужасный и богопреступный обычай такого жертвоприношения; после этого в долину Енном стали сваливаться трупы казненных злодеев, падаль и всякая нечистота; для уничтожения смрада и заразы всё это предавалось огню. Отсюда и выражение геенна огненная (Мф.5:22, 29, 10:28, 23:33; Мк.9:47), геенна огнь неугасающий (Мк.9:43, 45).

4852 - Мизия – страна к северу от Македонии, смежная с Фракиею.

4853 - Миллиарий или миля (римская) равнялась восьми стадиям; стадий же – приблизительно 88 нашим саженям.

4854 - Веспасиан – император 70–79 гг.

4855 - Человек знатный в силу своего происхождения.

4856 - Св. Аполлинарий скончался около 75 г. по Р. Хр.; тело его покоится в Равенне, в церкви его имени, а честная рука находится в Риме, в храме, ему посвященном.

4857 - Царствовал с 284 г. по 305 г.

4858 - Место подвигов и страдания святых мучеников Трофима и Феофила, а также и прочих с ними мучеников, числом тринадцать, – неизвестно с точностью. Одни указывают его в малоазийской провинции Ликии; но с большею вероятностью следует считать отечеством святых мучеников

остров Крит на том основании, что канон в честь их составлен св. Андреем Критским (память его 4 июля, под каковым числом см. и житие его). – Время мученической кончины святых падает на эпоху Диоклетиановых гонений (нач. IV в.).

[4859] - Тир на острове Волсены (в нынешнем Тосканском герцогстве), впоследствии, по преданию, будто бы поглощенный водою; другие разумеют известный город Тир на Востоке, и нужно заметить, что память св. Христины издревле особенно чтилась на Востоке.

[4860] - Т. е. алмаз.

[4861] - По другим, более вероятным, известиям св. Христина пострадала около 300 года в царствование Диоклетиана.

[4862] - Поликарп в переводе с греческого значит многоплодный.

[4863] - Симон – постриженик Печерского монастыря; отсюда он был взят вел. князем Всеволодом Юрьевичем в игумены основанного им во Владимире Рождественского монастыря; затем Симон был поставлен первым епископом Владимирской епархии, отделенной от Ростовской в 1214 г. Симон скончался в 1226 г. после двенадцатилетнего правления. Поликарп, тоже постриженник Печерского монастыря, откуда дважды был возводим на место игумена и дважды возвращался с него в Печерский монастырь; впоследствии он был игуменом Печерского монастыря. Из послания еп. владимирского Симона в Поликарпу и из послания последнего к Акиндину, печерскому архимандриту, содержанием которых служит ряд сказание о печерских чудотворцах и о чудесах, бывших в самом монастыре при построении его великой церкви, и составился знаменитый печерский патерик (отечник, отеческая книга, т.е. книга отцов или об отцах).

[4864] - Ростислав Мстиславич – великий князь в 1154 г. (одну неделю); во второй раз великий князь в 1158–1167 гг.

[4865] - Иоанн IV митрополит Киевский 1164–1166 гг.

[4866] - Обычно в период домонгольский Киевский митрополит избирался и посвящался в Константинополе, и известно лишь два случая, когда митрополиты были не греки, а природные

русские, избранные и посвященные в самой Руси. В 1051 г. так поставлен был митрополит Иларион; в 1147 г. митрополит Клим или Климент. На соборе (1147 г.) епископов, созванных для избрания и посвящения митрополита, между прочим епископ Черниговский, оправдывая поставление русского митрополита, помимо патриарха Константинопольского, говорил: «Я знаю, что епископы, составляя из себя собор, имеют право поставить митрополита, – к тому же у нас есть глава (мощи) святого Климента; как греки ставят (патриархов) рукой святого Иоанна, (так и мы поставим митрополита)».

4867 - Блаженный Поликарп был избран и посвящен в архимандрита Киево-Печерского монастыря в 1164 г.

4868 - См. Житие Антония Печерского

4869 - Урочище в Киеве.

4870 - Никифор II, упоминаемый Летописью с 1182 по 1197 гг.

4871 - Феодосий Великий – император 379–395 гг.

4872 - Византия – мегарская колония, основанная в 658 г. до Р. Х. на европейской стороне Босфора; замечательная по своим удобствам бухта золотого рога и господствующее положение на узком проливе, соединяющем Черное море с Мраморным, обеспечивали за ней важное торговое и промышленное значение. Император Константин Великий, оценив выгоды положения Византии, перенес сюда (в 330 г.) столицу Римской империи, благодаря чему Византия приобрела всемирно-историческое значение; она прервала связь с прошлым и стала называться Константинополем, Новым Римом.

4873 - Литра – мера веса около фунта.

4874 - Диакониссы были уже во времена Апостолов. Апостол Павел в послании к Римлянам (Рим. 16:1) упоминает о Фиве, бывшей «служительницею церкви Кенхрейской»; в послеапостольское время о диакониссах упоминают часто соборы (I Всел., пр19; IV Всел., прав. 15; VI Всел., прав, 14), а также отцы и учители церкви и императоры в своих законах (Юстиниан, новел. 3, 6 и 123). В диакониссы сначала избирались преимущественно девы, а из вдов лишь «верные и благоговейные, бывшие замужем только один раз» (Пост. Апост.,

кн. VI, 18); но при императоре Юстиниане дозволено было избирать из тех и других и притом ранее 40 лет, хотя действительное служение поручалось им по достижении этого возраста. (IV Всел, пр. 15; Юстиниан новел. 123); лишь женщины, отличавшиеся благочестивою жизнью, сразу назначались в диакониссы без всякого испытания. Обязанности диаконисс заключались в следующем: 1) они приготовляли женщин к крещению, 2) помогали служителям церкви при самом крещении женщин, 3) исполняли разные поручения епископа касательно женщин, – посещали больных и впавших в несчастия, 4) наблюдали за благочинием в храме среди женщин и детей.

4875 - Св. Евпраксия скончалась около 413 г.: когда Евпраксия, написав царю письмо с отречением от брачного союза, избрала еще строжайшие прежних подвиги, ей было 12 лет, царь около того времени умер в 395 г.; Евпраксия же скончалась 30 лет, подвизаясь еще 18 лет, отсюда 18†395 дают 413 г.

4876 - Император 379–395 гг.

4877 - Византийский император, между прочим, носил титул «епископа внешних дел церкви»; слово епископ в переводе с греческого значит надсмотрщик, наблюдатель, надзиратель.

4878 - Т.е. заботами о спасении души.

4879 - Патриарх Константинопольский 381–397 гг.

4880 - Диакониссы были уже во времена Апостолов. Апостол Павел в послании к Римлянам (Рим. 16:1) упоминает о Фиве, бывшей «служительницею церкви Кенхрейской»; в послеапостольское время о диакониссах упоминают часто соборы (I Всел., пр19; IV Всел., прав. 15; VI Всел., прав, 14), а также отцы и учители церкви и императоры в своих законах (Юстиниан, новел. 3, 6 и 123). В диакониссы сначала избирались преимущественно девы, а из вдов лишь «верные и благоговейные, бывшие замужем только один раз» (Пост. Апост., кн. VI, 18); но при императоре Юстиниане дозволено было избирать из тех и других и притом ранее 40 лет, хотя действительное служение поручалось им по достижении этого

возраста. (IV Всел, пр. 15; Юстиниан новел. 123); лишь женщины, отличавшиеся благочестивою жизнью, сразу назначались в диакониссы без всякого испытания. Обязанности диаконисс заключались в следующем: 1) они приготовляли женщин к крещению, 2) помогали служителям церкви при самом крещении женщин, 3) исполняли разные поручения епископа касательно женщин, – посещали больных и впавших в несчастия, 4) наблюдали за благочинием в храме среди женщин и детей.

4881 - Кизик находился на полуострове Пропонтиды (Мраморного моря) Арктониссе.

4882 - Никомидия – город в области Вифинии на берегу Мраморного моря, в северо-западной части Малой Азии. Св. Олимпиада была заточена в Никомидии в 405 г.

4883 - От св. Иоанна Златоуста дошли 17 писем к Олимпиаде.

4884 - Около 409 года, 25 июля.

4885 - Сергий – первый патриарх этого имени в Константинополе в 610–638 гг.

4886 - Т.е. из Венгрии. Название угры-венгры могло явиться в русском языке приблизительно в начале IX в., когда русские славяне впервые встретились с мадьярами; очевидно тогда в русском языке еще существовал носовой звук и слово произносилось «нгр»; отсюда объясняется и нынешнее венгр.

4887 - Альта – приток Трубежа, впадающего в Днепр ниже Киева с левой, московской стороны.

4888 - В 1015.

4889 - Гривна (от санскр. «грива» – шея), собственно ожерелье, цепочка, обыкновенно золотая, носившаяся на шее в качестве украшения. Впоследствии наименование гривны стало усвояться слитку золота определенной величины (от 72 до 96 золотников), обращавшемуся в качестве монеты.

4890 - В 1017 году.

4891 - Т.е. в Польшу.

4892 - С 1018 года.

[4893] - Т.е. со дня рождения соблюл нерушимым свое девство.

[4894] - 3 апреля 1025 года.

[4895] - См. житие прп. Антония Печерского под 10 июля

[4896] - В 1043 году.

[4897] - Римский император Антонин Пий царствовал с 138 до 161 гг.

[4898] - В синаксаристе Никодима, где сказание о преподобномученице Параскеве изложено подробно, об этом чуде говорится так. Ввержeнная в котел с кипящим маслом и смолою и оставаясь невредимою, святая бросила раскаленной жидкости в глаза любопытствующему императору Антонину и ослепила его, а потом, по просьбе его, возвратила ему потерянное зрение.

[4899] - Год кончины святой мученицы Параскевы неизвестен. Мощи ее паломник Антоний в 1200 году видел в Константинополе, а церковь ее существует там и доныне. Она находится на левой стороне Золотого Рога в местности Хас-Киой.

[4900] - 305 – 311 гг.

[4901] - Вифиния – северо-западная область Малой Азии, лежащая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Страна эта известна с глубокой древности и свое название получила от Вифинов, переселившихся в нее из Фракии. Вифиния была живописна, плодородна и обильна скотом. В 546 г. до Р. Х. вифины подпали под власть Персов, но с 327 г. Вифиния опять стала самостоятельным государством; в 75 г. до Р. Х. Вифиния, по завещанию царя Никомида III, перешла к Римлянам, на правах самостоятельной провинции, управляемой особым проконсулом. Христианство в Вифинии появилось во времена апостольские (1 послание Ап. Петра гл. 1, ст. 1). Во время Плиния Младшего, правившего Вифиниею, и императора Траяна (98–117 гг.) здесь было очень много христиан не только в городах, но селах и деревнях. При Диоклетиане (284–305 гг.) в Вифинии было страшное гонение на христиан. В IV и V веках

Вифиния была особенно замечательна в церковном отношении: здесь было много церковных соборов по поводу различных ересей.

4902 - Никомидия – великолепный в древности город на берегу Пропонтиды или Мраморного моря.

4903 - Знаменитые врачи древности.

4904 - Бог врачебного искусства.

4905 - Святой Пантелеимон был усечен 27 июля 305 года. В месяцеслове Василия говорится, что истекшие при усечении святого кровь и молоко хранились до X в. и подавали верующим исцеления; об этом говорится и в греческом стишном прологе XII в. Память св. Пантелеимона издревле особенно чтилась на Востоке; церкви, во имя его построенные в Севастии армянской и в Константинополе, относятся к IV в. Мощи его перенесены были в Царьград; оттуда большая часть их перенесена в Париж в Сен-Дени, а глава якобы в Лион в 802 г., но русский паломник Антоний в 1200 г. видел главу его в Софии в Царьграде, а по свидетельству Стефана Новгородца (1350 г.) в XIV в. мощи св. Пантелеимона почивали во Влахернской церкви в Царьграде. Часть мощей находится ныне в Афонском Пантелеимоновом монастыре.

4906 - Некоторые из церковных писателей (св. Ириней Лионский, Епифаний Кипрский, блаж. Иероним и др.) считают диакона Николая основателем и начальником секты николаитов, коих обличает св. Апостол и Евангелист Иоанн Богослов в Апокалипсисе (2:6,15). Предполагают, что диакон Николай неправильно понял учение Христа о любви и свободе христианской и был проповедником несдержанной плотской любви. Впрочем Климент Александрийский свидетельствует, что диакон Николай проводил строгую и благочестивую жизнь, имел жену и детей, и его дочери состарились в девстве. Его слова: «Надобно плоть употреблять на зло», т.е. пренебрегать плотью, не дорожить ею, – обуздывать ее, – были ложно поняты сектантами; сам же Николай был, как строгий аскет, чужд таких заблуждений».

[4907] - Симеон Метафраст – знаменитейший церковный писатель X в.; родился в Константинополе; состоял секретарем при императоре Льве Философе и Константине VII; исполнял важные дипломатические поручения; спас г. Солунь от истребления, которым угрожали этому городу арабы в 904 г., убедив предводителя их взять за город денежный выкуп; к концу жизни был патрицием и магистром. За свою благочестивую жизнь причтен св. Церковью к лику святых (память его празднуется св. Церковью 27 ноября). Симеон Метафраст весьма прославился своими церковно-историческими трудами; он составил (или, правильнее, собрал) «Жития святых»; но при этом св. Симеон не ограничивался одним собиранием древних сказаний о житиях, подвигах и страданиях святых, а пересказал или переложил их; отсюда и его прозвище «Метафраст» (от греч. пересказывать, перелагать).

[4908] - По преданию, св. Прохор записал со слов св. Иоанна Богослова Евангелие.

[4909] - По мнению некоторых исследователей следует различать двух лиц с именем Прохора: 1) Прохор диакон, – спутник св. Апостола Петра и впоследствии епископ Никомидии. Это Прохор пострадал за исповедание имени Христова в Антиохии 9 августа. 2) Прохор позднее живший, ученик и спутник св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Этот Прохор считается составителем сказания о жизни и чудесах св. Ап. и Ев. Иоанна Богослова, от Успения Матери Божией и до кончины его. Полагают, что именно этот Прохор изображен на древних иконах писцом (переписчиком Евангелия). Однако с достоверностью мы не можем утверждать, что следует различать два лица с именем Прохора; быть может, Прохор диакон и Прохор спутник св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова – одно лицо, как это принимает св. Димитрий Ростовский.

[4910] - Песнь 4, 6 и 7.

[4911] - Память св. Апостола Тимона совершается еще св. Церковью 30 декабря и 4 января

4912 - По мнению некоторых исследователей, св. Апостол Пармен проповедовал Евангелие в Македонии. Мученическую кончину св. Апостола Пармена относят ко времени царствования императора Траяна (98–117 гг.) и именно к последним годам его царствования.

4913 - Город Анкира находится в малоазийской римской провинции Галатии.

4914 - Под названием Сакги здесь разумеется река Сангари. Она берет свое начало в сопредельной с Галатией провинции Фригии, протекает через Галатию и Вифинию и впадает в Евксинский Понт, ныне Черное море.

4915 - Святой мученик Евстафий скончался около 316 г.

4916 - Ликиний, управлявший с 311 года восточною частью Римской империи, был преемником жестокого гонителя христиан Максимиана Галерия. В 311 году он вместе с Константином Великим издал закон в пользу христиан, но впоследствии, когда между ним и Константином возникли неприятные отношения, в основе которых лежал вопрос, двум или одному государю быть в империи, он, подозревая христиан в сочувствии к Константину, стал сперва притеснять, а потом и преследовать их. Это продолжалось до 323 года; на войне с Константином Ликиний был убит.

4917 - Епархами в греко-римской области назывались правители областей.

4918 - Города Апамея и Апполония находились в малоазийской римской провинции Фригии близ юго-восточной границы ее с Писидией.

4919 - Трибунами назывались в Римской империи разные должностные лица, в особенности же – военные начальники над тысячью солдат.

4920 - Милет – приморский город в малоазийской римской провинции Карии.

4921 - Святой мученик Акакий скончался около 321 года.

4922 - Город Синнада находился в Малой Азии, в римской провинции Фригии.

[4923] - Антонин Пий управлял римскою империею с 138 г. по 161 г.

[4924] - Кампания – провинция в древней Италии, ограниченная на западе Лациумом, на севере Самниумом, на востоке Луканиею, на юге и юго-западе Тирренским морем. Древние авторы хвалят ее благодатный климат, так и плодородие почвы, дозволявшее трижды в год сеять и собирать жатву. Здесь было много виноградников, маслин и строевого леса. Жители Кампании (язычники) были известны своею изнеженностью и любовью к роскоши.

[4925] - Далмация – в древности римская провинция. Далмация расположена узкой полосой по берегу Средиземного моря; граничит на севере с Хорватией, на востоке с Боснией и Герцеговиной, на юге – с Черногорией. Далмация подчинена была римскому владычеству в 6 г. по Р. Х.; с этих пор она, вместе с Иллириком, стала императорской провинцией. Жители Далмации принадлежали к иллирийскому племени и занимались охотою, земледелием и скотоводством.

[4926] - Серапис – собственно божество египтян. Серапис считался у египтян верховным богом подобно тому, как Зевс считался главным богом у греков и римлян. Поклонение Серапису не ограничивалось Египтом; во II в. до Р. Х. культ (поклонение) Сераписа проник в Грецию и Рим. Культу Сераписа особенно покровительствовал император Нерон и Антонин Пий, упоминаемый в житии. В Риме существовало несколько храмов, посвященных Серапису, было также много надписей и памятников с именем этого бога.

[4927] - С точностью год кончины Иулиана неизвестен. Время кончины святого следует относить к половине II в.

[4928] - Император 98–117 гг.

[4929] - Блаженный Феодорит в толковании на послания св. ап. Павла (2Кор.1:19; 2Фес. 1:1) полагает, что упоминаемы здесь Апостол Силуан есть одно лицо с Апостолом Силою. За это говорит и то, что Сила совсем не упоминается в посланиях, тогда как он был одним из ревностнейших сотрудников святых Апостолов, Силуан же упоминается у Апостолов в таких

случаях, которые приличны Силе. Западные толковники (Визелер, Мейер и другие) и Силуана, о котором говорит Апостол Петр в первом послании (1Пет. 5:12) считают за Силу. Крискент, по 6-ой песни канона в греческой минее проповедовавший в Галлии и бывший архипастырем Кархидона, по заметке в греческих минеях, был епископом Нового Кархидона в Испании, соседней с Галлиею. В славянской минее вместо Кархидона стоит Халкидон, а слова «в Галлии тя» заменены: «помазанием радования».

4930 - Ученика.

4931 - В Греции.

4932 - Военный чин.

4933 - Декий – император 249–251 гг.

4934 - В римском мартирологе памяти святых мучеников указаны в разные дни; св. Димитрий Ростовский всех их соединил в одну дружину, как пострадавших от одного и того же Декия и как происходящих из одних и тех же стран. Мощи Авдона и Сенниса с IX века находятся в церкви св. Марка в Риме; здесь (в Риме) они были от самой кончины святых.

4935 - В прологе Амвросианской библиотеки и у Никодима говорится, что святой Иоанн был воином в полку, составленном из солдат скифского племени таифалов. Преосвященный Сергий в «полном месяцеслове Востока» (т. II, стр. 220) высказывает предположение о его славянском происхождении.

4936 - Юлиан, родной племянник императора Константина Великого, царствовал с 361 до 363 года. Отступником он называется потому, что, будучи с детства христианином, по вступлении на престол отрекся от христианской веры и стал ревностным язычником. Желая ослабить христианство и восстановить в Римской империи падавшее язычество, он употреблял против христиан сперва хитрые меры, а потом перешел и к мерам насилия, но общего гонения на христиан он не воздвигал, – были только частные случаи преследования их.

4937 - Год кончины святого Иоанна неизвестен. Известно только, что он умер и погребен в Константинополе.

4938 - Каппадокия – область Малой Азии.

[4939] - Феофил – византийский император 829–842 гг.

[4940] - Харсианская область в Малой Азии в западной части Каппадокии.

[4941] - На основании свидетельства греческих прологов предполагают, что кончина прп. Евдокима была 31 июля, а перенесение мощей 6 июля. Наш русский паломник Антоний, бывший в 1200 г. в Царьграде, говорит: «У столпа по стороне Богородицына монастыря лежит новый Евдоким в сребряне гробе, аки жив». Житие прп. Евдокима, с греческого подлинника, издано Лопаревым в 1893 г.

[4942] - Лука Хрисоверг – патриарх Константинопольский 1156–1169 гг.

[4943] - Мануил Комнин – греческий император 1143–1180 гг.

[4944] - Константин 2-ой, митрополит Киевский, прибыл в Киев из Греции в 1167 г.; упоминается в летописи еще под 1169 г.

[4945] - Нестор – шестой епископ Ростовской епархии упоминается летописью под 1149 г.; в 1156 г. Нестор, оклеветанный пред митрополитом своими домашними подпал запрещению; в 1157 г. он оправдался пред митрополитом, но в том же году из-за споров о посте в среду и пяток изгнан был с кафедры Андреем Боголюбским.

[4946] - Св. прав. Андрей Боголюбский – сын великого князя Юрия Владимировича и внук славного Владимира Мономаха – родился вероятно в 1111 г. Был убит 30 июня 1175 г.

[4947] - Сарацины – мусульмане.

[4948] - Ясных указаний на праздник Всемилостивому Спасу и Пречистой Богоматери по случаю победы над сарацинами императора Мануила нет ни у греческих историков, ни в богослужебных греческих книгах. Но в истории императора Мануила, ведшего немало войн с разными народами, находятся случаи, которые должны были возбуждать царя к особенному благодарению Бога за успешное окончание войны и избавление от опасностей. Здесь обращает на себя внимание жестокая война у царя Мануила с турецким султаном или сарацинами. Сам царь начальствовал над войском, неоднократно подвергаясь чрезвычайным опасностям. Правда победа

досталась врагу, но самое спасение царя поистине было чудом милости Божией. Это было в сентябре, поход же, конечно, начался ранее в августе. После этой войны у греков были два удачных сражения с сарацинами, и одна из них под предводительством самого царя. Эти события в соединении с известием из России о помощи Божией в войне против болгар, и могли расположить царя Мануила к установлению Спасу общего христианского праздника, начало которому уже было положено в Царьграде освящением воды 1 августа. Но службы Спасу в греческих памятниках агиологии не найдено доселе.

4949 - Становясь на строго определенную историческую почву, должно заметить, что первого августа православною Церковью совершаются два торжества, различных по своему происхождению: 1) происхождение честного и Животворящего Креста Господня и 2) празднество Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице. В греческом часослове, изд. 1897 г., так объясняется происхождение первого праздника: «По причине болезней весьма часто бывавших в августе, издревле утвердился в Константинополе обычай износить Честное Древо креста на дороги и улицы для освящения мест и в отвращение болезней. Накануне (31 июля), износя его из царской сокровищницы, полагали на святой трапезе великой церкви (т.е. св. Софии). С настоящего дня и далее до Успения Богородицы, творя литии по всему городу, предлагали его потом народу для поклонения. Это и есть предъисхождение (продос) Честного Креста». 14 августа Крест снова возвращался в царские палаты. «Этот обычай в соединении с другим обычаем Константинополя – освящать в придворной Константинопольской церкви воду первого числа каждого месяца (исключая январь, когда освящение совершается 6 числа, и сентябрь, когда оно совершалось 14) и послужил основанием праздника в честь св. и Животворящего Креста и торжественного освящения воды на источниках, которое совершается 1 августа». Уже в IX веке существовал этот обычай изношения честного древа из царских палат в церковь св. Софии пред 1 августа; канон же на предпразднство Креста 31 июля, написанный для настоящего случая (канон начинается словами: Крест предгрядый

Божественный) приписывается Георгию, еп. Амастридскому, жившему в VIII веке и дважды бывшему в Царьграде. В Обряднике императора Константина Порфирородного (912–959) находятся подробные правила, когда выносить Крест из палаты пред 1 августа не было никакой службы Кресту, которая появляется в XIV-XV вв. с введением Иерусалимского устава. Празднество Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице установлено в Греции и России около 1168 г. в память знамений от честных икон Спасителя и Богоматери во время сражений греческого царя Мануила (1143–1180 гг. с сарацинами) и князя русского Андрея Боголюбского с болгарами в 1164 г.

[4950] - Иерусалим – главный город древней Палестины.

[4951] - Антиох IV Епифан, царь сирийский 176–164 гг. до Р. Хр., захвативший престол после смерти своего брата, отличался непомерной гордостью (2Макк.5:21, 9:8); он называл себя Богом и принял прозвание Олимпийского Зевса; он повелел, чтобы все его подданные поклонялись одному только богу – Олимпийскому Зевсу, с которым он отождествлял себя; т.е. Антиох в действительности приказал поклоняться себе как Богу (2Макк.6:7). Среди иудеев находились люди, склонные к язычеству в греческой форме; они представляли из себя особую партию в Иерусалиме, которая находила поддержку у Антиоха (1Макк.1:11–15). В 175 г. благочестивого первосвященника Онию низвергнул брат его Иисус, переменивший свое имя на греческое Иасон, купивший у Антиоха сан первосвященника и получивший позволение ввести греческие игры, что еще более увеличило число изменников истинной религии. Спустя три года, Иасона низвергнул Менелай, предложивший большую цену за должность первосвященника, которую он удерживал самыми низкими способами: так Менелай убил Онию (2Макк.4:23–50). – Антиох предпринял поход на Египет и уже рассчитывал всецело покорить его, но был остановлен слухами о нападении римлян (в 168 г.). Между первым и вторым походами на Египет Антиох ограбил храм Иерусалимский (1Макк.1:21), а при окончательном возвращении из Египта он приказал отменить поклонение Иегове, обрезание, почитание субботы и различие между чистым и нечистым; священные книги он велел сжечь; велел

воздвигнуть алтари, на которых, под угрозой смерти, всякий должен был приносить жертвы Олимпийскому Зевсу (1Макк.1:41; 2Макк.5:24); 15 Кислева в 168 г. в храме был поставлен жертвенник Олимпийскому Зевсу (2Макк.6:2; 1Макк.1:54) и 25 Кислева совершено было первое жертвоприношение, на горе Гаризим установлено было поклонение Зевсу Ксению (2Макк.6:2). Но многие оставались преданными своей вере, не взирая на ужасные пытки (1Макк.52:64; 2Макк.6:7). Во главе верных стал священник Маттафия. В Модине, близ Иоппии, он убил сирийского начальника пред языческим жертвенником, и началось вооруженное восстание иудеев. Антиох решил подавить его военною силою; нужда в деньгах заставила его разделить свое войско на две части; с одною половиною он отправился сам в восточные провинции для сбора подати (2Макк.8:10; 1Макк.3:34), а другую часть отдал под начальство Лисания, который был на голову разбит Иудой Маккавеем, а иудеи овладели храмом. 25 Кислева 165 г., через три года после совершения первого языческого жертвоприношения, храм с большою торжественностью был очищен и освящен, причем было постановлено ежегодно совершать празднество в воспоминание славного дня (1Макк.4:59), получившего название «Праздник Обновления» (Иоан.10:22). Между тем Антиох имел мало успеха на Востоке; он пытался, было, ограбить богатый храм Нанеи в Елимаиде, но был прогнан жителями и умер в 164 г. в Табе вслед за получением неприятных известий из Иудеи (1Макк.6:4). В В.З. Антиох изображается противником Господа, Его народа и Завета (1Макк.1:10), в Новом – как прообраз антихриста (Откр.13:5).

[4952] - Эллинский – греческий.

[4953] - Т.е. гонение и мучение иудеев.

[4954] - Кончина святых мучеников относится к 166 г. до Р. Х.

[4955] - Артемида или Диана, дочь Зевса и Латоны, почиталась греками, как девственная богиня, покровительница дев и жен, а также как богиня луны. Особенным почитанием эта богиня пользовалась в г. Ефесе, где ей устроен был великолепный храм и куда стекалось на поклонение ей

множества народа со всех мест Римской империи. В почитании богини сосредоточивались разные языческие суеверия и совершалось в честь ее много безнравственных церемоний и обрядов.

[4956] - Год кончины этих святых мучеников неизвестен.

[4957] - Гамалиил – знаменитый законоучитель еврейский, занимавший высокое место в иерусалимском синедрионе, уважаемый всем народом, так что его называли «славою закона». Предание говорит, что он, вместе с сыном Авивом, крещен Ап. Петром и Ап. Иоанном.

[4958] - Мера расстояния, равна приблизительно 690 нашим саженям.

[4959] - Это обретение мощей совершилось в 415 году.

[4960] - Бани эти основаны Константином Великим, продолжены его сыном Констанцием и окончены в 427 году Феодосием Младшим. Ныне они называются Теукур-Хамам и находятся на 4 холме.

[4961] - В 1200 году в этом храме был наш русский паломник Антоний; он видел в нем лоб первомученика, избитый камнями и сшитый.

[4962] - Блаженный Василий родился в первые годы княжения московского великого князя Иоанна Васильевича III (1462–1505 гг.) в подмосковном тогда селе Елахове, где ныне находятся Елаховская и Басманная улицы. 16 лет отроду он принял на себя подвиг юродства и подвизался в нем 72 года. Известность он приобрел в царствование Иоанна IV Васильевича Грозного, которому стал известен через митрополита Макария (1543–1564 гг.), весьма чтившего блаженного.

[4963] - Тело блаженного Василия было похоронено близ церкви св. Троицы на Рву, где в 1554 году Иоанн Грозный приказал строить в память покорения Казани Покровский собор, известный более под именем храма св. Василия Блаженного. В 1586 году мощи блаженного Василия стали источать много исцеления и в том же году по повелению царя Феодора Иоанновича над местом погребения блаженного был построен храм во имя его (нынешний Васильевский придел Покровского

собора), сооружена серебряная, вызолоченная, украшенная жемчугом и драгоценными камнями рака и установлено праздновать память его 2 августа. Мощи блаженного до настоящего времени почивают в этом храме под спудом.

4964 - Феодосий Великий – император 379–395 гг.

4965 - Во втором гвардейском полку, которые тогда назывались схолариями.

4966 - Дочерей.

4967 - О богоугодной жизни и великой ревности по вере прп. Исаакия, подвигшей его на безбоязненное обличение нечестивого царя Валента, которому он предсказал погибель, и о блаженной его кончине достаточно сообщается под 30 числом мая месяца; желающий может прочесть там.

4968 - Прп. Исаакий умер в 383 г.

4969 - По другим, более достоверным сведениям, он был поставлен в настоятели обители патриархом Нектарием (381–397), а не Аттиком (408–425).

4970 - А затем, по принятии пищи, 43 дня до праздника Вознесения Христова он пробыл в экстазе (восхищении) и в это время удостоился Божественных видений и рассказал, в каких местах стояли трое из братий их обители, находившиеся на празднике в церкви Маккавеев, чем приобрел всеобщую славу. – Св. патриарх Прокл (434–446), еще при жизни прп. Далмата, чрезвычайно хвалит его в письме Иоанну Антиохийскому.

4971 - Еретики несториане утверждали, что Пресвятую Деву Марию не следует называть Богородицею, потому что Она родила не Бога, а только человека, с которым, помимо Нее, соединилось Слово Божие, предвечно рожденное от Отца; человек Иисус, рожденный от Марии, был лишь обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек, через наитие Св. Духа, стал Христом, т.е. помазанником и Слово Божие пребывало с ним в особом нравственном или относительном соединении. Ересь несторианская осуждена на III Вселенском соборе.

4972 - Узнав, что православию на Ефесском соборе угрожает насилие, св. Далмат, став во главе игуменов, монахов и верных

православию христиан, пошел к дворцу царя и с мужеством говорил пред императором за истину; между тем до сего он 48 лет не выходил из монастыря, хотя царь и просил его об этом, желая, чтобы великий подвижник участвовал в общих молитвах об избавлении от землетрясения.

[4973] - Время кончины его с точностью неизвестно, можно только сказать, что он жил еще при св. Прокле, патриархе Константинопольском. Св. Димитрий Ростовский говорит, что по неизданному житию Исаакия, Далмата и Фавста, св. Далмат скончался не менее 90 лет от рождения 2 августа, погребен 3 августа при патриархе Прокле, следов. после 434 г. и вероятно около 440 г.

[4974] - О жизни его не сохранилось подробностей.

[4975] - Лимонарь (от греч. лимон – луг, пажить) – очень распространенное агиографическое сочинение Иоанна Мосха, греческого инока (ум. 622 г.). Путешествуя по монастырям Палестины, Сирии, Египта, Кипра, Константинополя и Рима, Мосх собрал массу повествований о жизни христианских подвижников, собрал также много их изречений и нравоучений; все эти сведения он и изложил в своем «Лимонаре». – Известны русские переводы «Лимонаря» 1) Филарета, архиепископа Черниговского «Луг духовный» (Москва, изд. 1848, 1850, 1853 гг.) и 2) безымянного издателя: «Луг, сиречь цветник» (Москва, 1859 г.).

[4976] - Лавра – с греч. яз. часть города, переулок – собственно ряд келлий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков и обнесенных оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Палестине. В настоящее время у нас имя лавры употребляется исключительно в смысле почетного названия.

[4977] - Т.е. отец.

[4978] - Декий – император 249–251 гг.

[4979] - Карфаген – город на северном берегу Африки, давший свое имя основанному им великому западно-финикийскому государству, долго бывшему соперником Рима, пока оно в 146 г. до Р. Х. не сделалось провинцией Рима.

[4980] - Ефес – главный город Иконии в Малой Азии близ устья Каистра, – средоточие всей торговли передней Азии в древности. Славился храмом Артемиды – Дианы.

[4981] - Феодосий II – император 408–450 гг.

[4982] - По другим, более достоверным известиям, описываемое событие было при предшественнике Стефана св. Мемноне, память которого 16 декабря.

[4983] - Эта чудесная история имеет весьма сильные, неопровержимые доказательства своей достоверности: современник – описатель этого события, св. Иоанн Колов V в.) говорит об этом событии в житии Паисия Великого, сирский писатель, православный епископ Саругенский (в Месопотамии) Иаков оставил описание этого события; оно в переводе было известно Григорию Турскому (ум. 594). Сирийцы – мароните, в VII в. отделившиеся от Православной Церкви, в своей службе чтут святых отроков; они находятся в эфиопском календаре и древних римских мартирологах.; история их была известна Магомету и многим арабским писателям. Пещера отроков до этих пор показывается близ Ефеса в ребрах горы Приона. Последнее известие о мощах их относится к XII веку, когда их видел наш паломник по святым местам игумен Даниил. Дальнейшая судьба честных мощей неизвестна.

[4984] - См. ниже житие св. Фавия

[4985] - Св. Понтиан – папа римский 230–235 гг.

[4986] - Так называется Второе Лицо Пресвятой Троицы, Сын Божий, Христос Спаситель. Наименование это взято из Евангелия Иоанна (1:1–14). – Почему же Сын Божий именуется Словом? а) По сравнению Его рождения с происхождением нашего человеческого слова: как наше слово бесстрастно, невидимо, духовно рождается от нашего ума или мысли, так и

Сын Божий бесстрастно и духовно рождается от Отца. б) Как в нашем слове открывается или выражается наша мысль, так и Сын Божий по существу и совершенством Своим есть точнейшее отображение Бога Отца и потому называется «сиянием славы» Его и образом (отпечатлением) ипостаси Его» (Евр.1:3). в) Как мы через слово сообщаем другим свои мысли, так Бог, многократно глаголавший людям через пророков, наконец, глаголал через Сына (Евр.1:2), Который для этого воплотился и так полно открыл волю Отца Своего, что видевший Сына видел Отца (Иоан.14:9).

4987 - Император 240–251 гг.

4988 - Близ нынешней Ниццы.

4989 - Валериан – император 252–259 гг.

4990 - В пятом веке Валериан, епископ Кимельский (около 460 г.) в речах своих возбуждает слушателей к подражанию мученику Понтию и говорит о мощах его, украшенных усердием христиан. Впоследствии, без сомнения когда Кимела была опустошена Лангобардами и жители ее переселились в Ниццу, сюда были перенесены мощи св. мученика Понтия.

4991 - Святой Евсигний усечен мечом в 362 г.

4992 - Рим – главный город римского государства.

4993 - Максимиан I император 235–238 гг.

4994 - В 236 г.

4995 - Гордиан – император с 238 г.

4996 - Филипп Аравитянин – император 244–249 гг.

4997 - Откр. 12:15–16

4998 - Декий – император 249–251 гг.

4999 - В 250 г.

5000 - Синаксарь, слово греческое, происходит от синаксис – собрание (верующих в церковь для празднования) и значит: книга праздников, в дальнейшем – собрание исторических сведений о празднике или святом.

5001 - Город северной Палестины, лежавший у подошвы горы Ермона. Обстроен сыном Ирода Великого тетрархом Филиппом; он украсил город и назвал его Кесариею в честь

римского кесаря Тиверия; в отличие от Кесарии Палестинской или Стратоновой – город именуется Кесариею Филипповою.

5002 - Галилейская область на севере Палестины, или Галилея (от еврейского слова «галил» – область, округ) составляла во дни Христа Спасителя третью область Палестины, и делилась на северную, верхнюю, – языческую, и на южную-нижнюю. Галилея занимает видное место в мировой истории, как родина и место проповеди Господа Иисуса. Галилея имела около 120 верст от востока к западу и 40 верст от севера к югу. На севере она соприкасалась с Сириею и горами Ливанскими, на западе с Финикиею, на юге с Самарией, а на востоке границею ее была река Иордан… По родине Христа Спасителя городу Назарету, детству, юности и преимущественно там проповеди Его, Галилея была колыбелью христианской веры. А притчи Иисуса Христа, всё это образы, воспроизводящие богатство и красоты природы и нравы жизни Галилейской. Небо, земля, море, хлебные поля, сады, цветы, виноградники, травы лугов, рыбы и птицы – всё служило там Спасителю основой и образом дивных поучений Его Божественной проповеди.

5003 - Фавор – уединенная гора в семи верстах от Назарета, имеющая около 500 сажен высоты. Здесь Варак собрал свое войско против Сисары (Суд.4:6) и у подошвы ее разбил врагов (Суд.6:33). Здесь преобразился Господь наш Иисус Христос (Мф.17:1; Мк.9:2; Лк.9:28). Это славное предназначение Фавора провидел Давид (Пс.88:13): «Фавор и Ермон о имени твоем возрадуются». Этим псалмопевец означил всю землю обетования, потому что это горы земли обетованной.

5004 - Киево-Печерский монастырь основан преподобным Антонием (1054–1068 гг.).

5005 - Пострижение в иночество с древних времен совершается св. православной Церковью по особому чину над избирающими путь подвижнической жизни и всецелого предания себя Богу в молитве и покаянии. Решившемуся вступить на этот путь предлагается вопрос о том, по свободному ли произволению он избирает его, затем он обязан произнести три обета: девства, целомудрия и нищеты, после чего происходит,

во имя Святой Троицы, крестообразное пострижение его власов и возложение на него одежд монашеских. Новопостриженному дается в руки Распятие и возженная свеча.

5006 - Ключарь церковный, которому поручено хранение церковного имущества и на котором лежит обязанность наблюдения за исполнением устава церковного богослужения.

5007 - Число сорок имеет важное символическое значение. Оно означает переход от одного состояния к другому, обновление, перемену. По истечении сорока дней после рождения, младенец вносится в церковь для посвящения его Богу. В сороковой день после кончины, по верованию св. Православной Церкви, душа почившего христианина возносится на поклонение Богу. Так и при пострижении в монашество сорок дней новопостриженный должен особенно пребывать в подвиге молитвы, так как он как бы рожден для новой жизни, а для земного и преходящего как бы умер. Это же означала и зажженная свеча, данная Ангелами преподобному Пимену и горевшая сорок дней и ночей.

5008 - Мощи преподобного Антония (ум. 1073 г.) почивают под спудом в той пещере, где он подвизался (в так называемых Ближних пещерах).

5009 - Схима есть одеяние высшей степени монашеской, которая называется Великим Ангельским образом. При пострижении в схиму возлагаются на монаха и некоторые особенные одежды, а именно: куколь и аналав. Куколь есть одеяние обнимающее голову и плечи со всех сторон: он имеет верх несколько остроконечный и украшается пятью крестами, вышитыми из шнуров красного цвета; кресты эти расположены: на челе, на груди, на обоих плечах и на спине. Аналав есть четвероугольный плат со шнурками пришитыми по углам. Он, опускаясь с верху от шеи на шнурках и разделяясь на стороны, обнимает мышцы под руками и, располагаясь крестообразно на груди и раменах, теми же шнурками обвивает и стягивает одежду. И куколь, и аналав имеют духовное значение.

5010 - 11 февраля 1110 года.

[5011] - Фиваида – область знаменитого в древности города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь верхний (Южный) Египет. Область изобиловала иноческими пустынями.

[5012] - Эфиопия – страна к югу от Египта, – Нубия и Абиссиния.

[5013] - 90 лет от рождения, около 390 года.

[5014] - В Месопотамии.

[5015] - На восточном берегу Евфрата.

[5016] - С двумя учениками.

[5017] - В пределах Кирра в Сирии.

[5018] - Юлиан Отступник, племянник Константина Великого, сын его брата Юлия Констанция, родился в 331 г. В 345 г. вместе с братом Галлом был сослан в Каппадокию Констанцием, где под строгим надзором провел шесть лет. В 351 г. он покинул место ссылки и провел несколько лет в Никомидии, где увлекался изучением философии; в 355 г. был назначен Констанцием начальником войск в Галлии, где он сумел привлечь любовь войска, которое в 361 г. и провозгласило его императором. Изучение философии под руководством учителя язычника, раздоры среди христиан вследствие арианских волнений, ненависть к Констанцию возбудили в Юлиане и ненависть к религии своего притеснителя – христианству. Он задался целью восстановить язычество и уничтожить христианство. Но все его попытки потерпели полнейшую неудачу. Юлиан умер в 363 г. в походе против персов; последние его слова были обращены ко Христу: «Ты победил меня, Галилеянин!»

[5019] - В 363 году, 23 марта.

[5020] - Валериан – император 253–259 гг.; Галлиен – 260–268 гг.

[5021] - Город обстроен Филиппом, сыном Ирода, который и назвал его Кесариею в честь кесаря Тиверия. Стоял у истоков Иордана.

[5022] - Кесария Палестинская – называлась в глубокой древности городом или башнею Стратона. Это город был

восстановлен Иродом Великим, который назвал его Кесариею в честь императора Августа. Он находился на берегу Средиземного моря. Св. Ап. Павел во время своих миссионерских путешествий не раз бывал в нем (Деян.9:29–30, 18:28, 21:8) и два года пробыл в нем узником (Деян.23:23, 24:27, 25:4–6). В этом городе жил сотник Корнилий, которого св. Ап. Петр обратил ко Христу и крестил (Деян. 10:1–48); здесь жил св. Ап. Филипп (Деян. 21:8); здесь же умер Агриппа, пораженный Ангелом и изъеденный червями (Деян. 12:20–23). В Евангелии Кесария Палестинская не упоминается.

[5023] - В 250 г.

[5024] - От Рождества Христова 1314 г.

[5025] - Приблизительно на расстоянии шести верст.

[5026] - От Р. Х. 1392 г.

[5027] - Крит – наибольший из греческих островов, в восточной части Средиземного моря.

[5028] - Декий – император 249–251 гг.

[5029] - В 251 г.

[5030] - Иное передается в житии и Синаксаристе Никодима: там сообщается, что река по имени Тритон остановлена святым Мироном во время наводнения, и он, прошедши посуху по ней, после послал жезл с повелением чтобы она опять текла. В Крите еще Диодору Сицилийскому была известна река Тритон.

[5031] - Скончался св. Мирон около 350 года.

[5032] - Кизик находится на полуострове Пропонтиды (Мраморного моря) Арктониссе; город этот основан милетцами за 5 веков до Р. Хр.

[5033] - Лев V Армянин – император 813–820 гг.

[5034] - Так в 815 г. он был заточен вместе с другими епископами. На собрании епископов во главе с патриархом у царя иконоборца св. Емилиан первый из епископов начал говорить смело с Львом Армянином, твердо отстаивая права церкви. На убеждения императора, склонявшего к иконоборчеству, он сказал: «Если этот вопрос, император, есть церковный, как ты сам сказал, то пусть исследуется в церкви по обычаю. Из древности, из самого начала, церковные вопросы

исследуются в церквах, а не в царских палатах». См. житие прп. Никиты под 3 числом апреля месяца

5035 - Под Эфиопией разумеют Эфиопию Понтийскую или Колхиду, нынешнюю Мингрелию и Имеретию.

5036 - Македония – страна на Балканском полуострове, примыкающая к северо-западному углу Эгейского моря (Салоникский залив).

5037 - По греческим минеям в стихословии святому Матфию приписывается смерть на кресте. Глава св. Матфия была в Царьграде в храме св. Апостолов в 1200 г., как свидетельствует наш русских паломник Антоний. Теперь глава и часть мощей показываются в Риме, другая часть в Трире и Павии.

5038 - Город Александрия находился в Египте на берегу Средиземного моря.

5039 - Под Божественными силами здесь надо разуметь Ангелов.

5040 - Время кончины святого мученика Антония не известно.

5041 - Лев III Исаврянин – император 716–741 гг.

5042 - Св. Герман – патриарх Константинопольский 715–730 гг.

5043 - Патриарх с 730 г. по 754 г.

5044 - Из актов этих мучеников помещенных в Деяниях святых видно: 1) что главное участие в убиении воина, пытавшегося, по воле царя, низвергнуть икону Спасителя с Медных врат, принимала Мария Патрикия из знатного рода; 2) первым помощником Марии в низвержении воина был протоспафарий св. Григорий, и он пострадал мученически за свой подвиг; 3) это событие случилось 19 января; 4) мученика Фоку большая часть памятников называет Фотием. – По кончине своей, 9 августа 730 г., мученики были зарыты в местности Константинополя «Пелагиевы», близ храма св. мч. Феодора. Святые мощи их найдены нетленными, пролежав в земле 139 лет. Обретение их мощей было при патриархе Игнатии, вследствие троекратного откровения, бывшего ему во время сна.

[5045] - Имя Сикста, по другим Ксиста, производят от ксистос – выглаженный, выполированный, или ксистон – копье; другие производят от латинского sisto – твердо стоящий, твердо поставленный.

[5046] - Декий – император 249–251 гг.

[5047] - Рим – столица Римской империи, расположен в средней Италии.

[5048] - Память его 2 августа.

[5049] - Память их 30 июля.

[5050] - Обязанности архидиакона состояли в описываемое время не только в служении церковном, но и в заведовании имуществом церковным, в пособии бедным, в устроении бесприютных.

[5051] - В 258 году. Самое древнейшее свидетельство о мученической кончине св. Сикста и о почитании его, как мученика, находится у св. Киприана в письме к Сукцессу (80-е или 82-е); св. Киприан пострадал через пять с половиной недель после Сикста (14 сентября). Св. Сикст был епископом римским 11 месяцев с лишком или неполный год. Мощи св. папы Сикста II находятся в церкви его имени в Риме; мощи мучеников Фелициссима и Агапита – в Риме же, в церкви Богоматери Милостивой.

[5052] - Св. Лаврентий скончался мученически в 258 г. Место его погребения было на восточной стороне Рима, в версте от города, на Тибуртинской дороге. На этом месте, по свидетельству Анастасия Библиотекаря, святому был построен императором Константином Великим великолепный храм. Мощи, или вернее часть мощей, св. Лаврентия были положены в церкви его имени в Царьграде при Феодосии Младшем 27 сентября. В настоящее время мощи св. Лаврентия находятся в Риме, в загородной церкви во имя его по Тибуртинской дороге, а глава – в домовой церкви его имени ризничего квиринальского дворца.

[5053] - Диоклетиан – император 284–305 гг.

[5054] - Максимиан – император, соправитель Диоклетиана 285–305 гг.

[5055] - Гаий был папою от 283 г. по 22 апреля 296 г.

[5056] - Так называлась пристань близ Рима.

[5057] - В жизнеописании папы Сергия говорится о церкви в самом доме Сосанны, бывшей в 682 году.

[5058] - Святые мученики поминаемые с Сосанною, скончались в 295–296 гг. Мощи мч. Сосанны с мощами отца ее Гавиния находятся в Риме, в церкви ее имени; мощи папы Гаия также в Риме в церкви его имени.

[5059] - По другим, более достоверным, известиям святой Евпл усечен 12 августа в 304 году. Мощи его находятся в пределах неаполитанских в Тривико (теперь vico della Baronia); когда сюда перенесены из Катаны не известно; в 1656 году перенесена отсюда часть мощей обратно в Катану.

[5060] - В Малой Азии.

[5061] - Поминаемые здесь мученики пострадали в 305 или 306 году.

[5062] - Находившемся в Понте полемониакском при р. Ирисе.

[5063] - Император 284–305 гг.

[5064] - Император 249–251 гг.

[5065] - Св. мученик Ипполит и святая мученица Конкордия пострадали в 258 г. 13 августа.

[5066] - Лавра – с греч. часть города, переулок – собственно ряд келлий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе и обнесенных оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название Лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Палестине. В настоящее время имя Лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

[5067] - Симон – постриженник печерского монастыря. Отсюда он взят был великим князем Всеволодом Юрьевичем в игумены основанного им во Владимире Рождественского монастыря;

затем Симон был поставлен первым епископом Владимирской епархии, отделенной от Ростовской в 1214 г. Симон скончался в 1226 г. после двенадцатилетнего правления. Из посланий епископа Владимирского Симона к Поликарпу, тоже постриженнику и впоследствии игумену печерского монастыря и из послания Поликарпа к Акиндину, печерскому архимандриту, содержанием которых служит ряд сказаний о печерских чудотворцах и о чудесах бывших в самом монастыре при построении его великой церкви, и составился знаменитый Печерский Патерик.

5068 - Половцы или куманы – тюркское кочевой племя, жившее в X-XIII вв. на юге России и отсюда делавшее набеги на пограничные города и селения русской земли.

5069 - Это было в 1066 г. Альта – приток Трубежа, впадающего ниже Киева в Днепр с левой, московской стороны.

5070 - Объяснение этих слов см. ниже.

5071 - Гривна – старинная монета определенного веса (72–96 золотников), часто в виде слитка золота или серебра.

5072 - Влахерны – местность в Царьграде.

5073 - Прп. Антоний

5074 - Святослав Ярославич – великий князь Киевский 1073–1075 гг.

5075 - Клов – урочище близ Киева.

5076 - Преподобный Феодосий Печерский преставился в 1074 году.

5077 - Об открытии мощей прп. Феодосия.

5078 - Деревянная или металлическая доска, посредством удара в которую палкою или молотком призывались, до введения колоколов, верующие к богослужению в церковь.

5079 - Великий князь Киевский 1093–1114 гг.

5080 - Никифор – первый митрополит этого имени 1103–1121 гг.

5081 - Симон – постриженник печерского монастыря. Отсюда он взят был великим князем Всеволодом Юрьевичем в игумены основанного им во Владимире Рождественского монастыря;

затем Симон был поставлен первым епископом Владимирской епархии, отделенной от Ростовской в 1214 г. Симон скончался в 1226 г. после двенадцатилетнего правления. ИЗ посланий епископа Владимирского Симона к Поликарпу, тоже постриженнику и впоследствии игумену печерского монастыря и из послания Поликарпа к Акиндину, печерскому архимандриту, содержанием которых служит ряд сказаний о печерских чудотворцах и о чудесах бывших в самом монастыре при построении его великой церкви, и составился знаменитый Печерский Патерик.

[5082] - Гривна – старинная монета определенного веса (72–96 золотников), часто в виде слитка золота или серебра.

[5083] - Т.е. цепь, которую в виде украшения носили на шее.

[5084] - Половцы или куманы – тюркское кочевое племя, жившее в X-XIII веке на юге России и отсюда делавшее набеги на пограничные города и селения Русской земли.

[5085] - Апологет II века Мелитон, епископ Сардийский, относит успение Пресвятой Богородицы к 69 году Ее жизни, 55 от Рождества Христова и к 22 от вознесения Господня; Ипполит, епископ Римский (III век), годом успения Божией Матери называет 43 от Рождества Христова и 57 от Ее рождения; «отец церковной истории» Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской (ум. 340 г.) пишет, что годом успения Приснодевы был 63 Ее жизни, 48 от Рождества Христова и 15 от вознесения Спасителя, Епифаний Кипрский (ум. 403 г.), всех лет святого жития Богородицы насчитывает 72, причем, по его мнению, этот год был 57 от Рождества Христова. То же самое говорит и Георгий Кедрин, византийский писатель конца XI или начала XII века. Церковный историк (XIV века) Никифор Каллист приводит слова святого Евода, одного из семидесяти Апостолов, который годом успения Богородицы считает 59 Ее жизни и 44 от Рождества Христова. Св. Андрей Критский (ум. 712 г.) и св. Симеон Метафраст (X век) не определяют точно числа лет жизни Матери Божией и говорят лишь, что Она преставилась «в довольной старости».

5086 - Серафимы – с еврейского пламенные, огненные существа. Св. пророк Исаия описывает их в Ис.6:1–3). Это видение пророка показывает, что Серафимы – ближайшие к Богу, высшие духовные существа. В «Небесной Иерархии» св. Дионисия Ареопагита они занимают первое место среди чинов Ангельских.

5087 - Горний – вышний, небесный (Иез.41:7; Кол.3:3).

5088 - Сион в переводе с еврейского по одним значит открытое, палимое солнцем место, а по другим: высокое знаменитое место или крепость. Сион – юго-западная гора в Иерусалиме, на которой возвышается иерусалимская крепость.

5089 - Елеонская или масличная гора получила свое название от растущих на ней в большом количестве маслин; она лежит к востоку от Иерусалима и часто упоминается в Священном Писании, особенно Нового Завета.

5090 - Архангел – начальник Ангелов (1Фес.4:16; Иуд.1:9).

5091 - Геенна есть воспроизведение еврейского слова, означающего долина Еннома или «сынов Еннома»; под этой долиной разумеется глубокая, узкая горловина, где иудеи некогда, в период царей, приносили своих детей в жертву Молоху (4Цар.23:10; Иер.7:31). В позднейшие времена она служила местом для свалки всякого рода нечистот, причем для уничтожения последних здесь постоянно поддерживался огонь; поэтому долина Еннома сделалась символом места вечных мучений. В этом именно смысле, в смысле ада, и употребляется слово геенна в Новом Завете (Мф.5:29–30, 10:28, 18:9, 23:15; Мк.9:43,45; Лк.12:5; Иак.3:6).

5092 - Гефсимания с еврейского «масличное точило» – место подножия Елеонской горы, знаменитое тем, что тут совершилось искупительное томление Спасителя и была принесена Им Его первосвященническая молитва (Мк.14:26,32; Лк.22:39; Иоан.18:1); по преданию, восходящему к 4 веку, Гефсимания лежала в 50 саженях к востоку от моста через Кедрон.

5093 - Св. Дионисий Ареопагит, член афинского ареопага, был, по свидетельству Деяний апостольских (Деян. 17:34)

обращен св. Апостолом Павлом. По словам церковного историка Евсевия он был первым афинским епископом и запечатлел свое служение, как говорит апология Аристида, мученическою смертью при Домициане в 96 г.

5094 - Св. Иерофей тоже был членом афинского ареопага и также обращен в христианство св. Апостолом Павлом; им же он был поставлен во епископа афинского; св. Иерофей скончался в 1 веке.

5095 - Св. Тимофей, уроженец Малой Азии, Дервии или Листры (Деян.16:1, 20:4; 2Тим.3:4); своим обращением ко Христу обязан проповеди св. ап. Павла, который, поэтому называет его своим сыном (1Кор.4:17; 1Тим.1:2); он был постоянным спутником св. Ап. Павла в его путешествиях с проповедью Евангелия (Рим.16:21; 1Кор.16:10; 1Фес.3:2). Рукоположенный впоследствии, по преданию самим Апостолом, во епископа Ефесской церкви, Тимофей свое 15-летнее епископское служение окончил мученическою смертью по одним в царствование Домициана (81–96 гг.) по другим Нервы (96–98 гг.): св. Тимофея побила камнями в один языческий праздник, толпа язычников, раздраженная его обличительной проповедью.

5096 - Остров на северо-восточном конце Средиземного моря.

5097 - Нынешняя Грузия.

5098 - Афонская гора (Афон) – узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иноческая жизнь здесь появилась в древнее время, хотя несколько позже, чем в Сирии и Палестине.

5099 - Существует, достойное веры, сказание о том, что Ювеналий утверждал, на основании предания, пред императором Маркианом (450–457 гг.) достоверность распространившихся в то время сказаний о чудесном восшествии Богоматери с плотию на небо. Он даже прислал в Царьград погребальные пелены Богородицы, которые царица Пульхерия положила в построенном ею храме Богоматери во Влахернах в начале царствования Маркиана. Это предание об

Ювеналии записано 2 июля в месяцеслове Василия X века, автор коего, если не сам император, то житель Царьграда, без сомнения знал на основании достоверных источников, о погребальных пеленах во Влахернском храме. Подробно же об этом говорит историк Никифор Каллист (XIV века). Понятно отсюда, что в Царьграде при Маркиане и Пульхерии совершалось празднество Успения Божией Матери, о котором наглядно говорили погребальные пелены Ее. По стишным прологам видно, что праздник Успения совершался во Влахернском храме. Трудно представить, чтобы в Царьграде, который Константином Великим поручен покрову Богоматери, в котором Ей построен был не один храм самим Константином и три храма Пульхериею, не было празднования Успения Пресвятой Девы в IV или, по крайней мере, в V в., когда праздновались дни многих святых. Поэтому несправедливо мнение, утверждающееся на свидетельстве историка Никифора, что праздник Успения введен впервые императором Маврикием (592–602 гг.). Никифор говорит: «Император (Юстиниан) установил, чтобы во всем мире чтился как праздничный день Сретение, Юстин сделал то же в отношении к св. Рождеству Христову, а недолго спустя Маврикий повелел, чтобы Успение Пресвятой Богородицы праздновалось 15 августа». Слова Никифора надо понимать так, что Маврикий сделал сей праздник более торжественным и, главное, установил определенный день празднования – 15 августа. До этого времени некоторые праздновали Успение в январе: в древнем римском Иеронимовом мартирологе Успение Богородицы показано 18 января, а 15 августа – взятие на небо. Григорий Турский (ум. 594 г.) говорит, что преславное восшествие Богоматери на небо во Франции праздновалось в 11-м месяце, т. е. в январе (считая от марта). В коптских и абиссинских памятниках 16 января показано Успение и 16 августа – Вознесение Богоматери на небо. Затем праздник Успения находится в сакраментарии папы Геласия 1 (492– 496 гг.), целым веком ранее императора Маврикия. Он находится в IV и не позднее V в. в одном римском календаре 16 августа, а известно, что другие великие праздники, за исключением

Рождества Христова, явились на Западе с Востока, как видно из названий их в древних календарях; то же должно думать и о празднике Успения. На Востоке в начале VII в. говорил на этот праздник слово Модест, патриарх Иерусалимский (ум. 634 г.); в этом же веке или в начале VIII в. св. Андрей Критский (ум. 712 г.) говорит в 3 словах на Успение о торжественном праздновании этого дня. Праздник Успения находится в самом древнем дошедшем до нас праздничном Евангелии 715 г. и во всех других календарных памятниках VIII и последующих веков. «Без сомнения, – рассуждает вслед за вышеприведенными соображениями известный агиолог, Сергий еп. Владимирский, – вера христиан в восшествие Богоматери на небо в прославленной плоти – истинна. Если Енох из мира допотопного и пророк Илия из мира подзаконного восхищены на небо с плотью, ужели пречистая плоть Честнейшей Херувимов и Славнейшей Серафимов предана тлению? Сонмы мучеников и подвижников прославлены нетлением благоухающих мощей, изливающих токи исцелений; телеса многих из них, бывших безызвестными, после немаловременного пребывания в земле, открыты верным видениями и чудесами, а пречистое тело Богоматери, хотя бы и нетленное, где-либо сокрывается в земле в безизвестности? Нет ни в одном углу христианского мира части мощей Богоматери; это потому, что вера в восшествие (Ее) на небеса с пречистою плотью весьма древня, современна апостолам и мученикам. Пояс Богоматери, св. одежды Ее открыты для чествования миру христианскому; хранимые с благоговением, разделяемые по лицу земли на части, они творили и творят чудеса. Многочисленные иконы Ее всюду изливают столько исцелений и знамений; а святое тело Ее неизвестно где в земле. Нет, это невозможно! Св. мощи прославленных мучеников с течением времени иногда подвергаются, по грехам живущих на земле, общей участи земного: действию огня, наводнений, землетрясений, поруганию от варваров. Этого не допущено в отношении к пречистому телу Богоматери; оно не оставлено случайным переменам преходящего мира, но и не унижено пред телами святых безвестным сокрытием в земле; оно несравненно более

возвышено над ними преславным вознесением на небеса». (Полный Месяцеслов Востока, т. II. Святой Восток, Д. Б. Ариепископа Сергия. Владимир, 1901 г. Август. 15 число, с. 323–326).

[5100] - Первое сказание о сношениях Христа с Авгарем встречаем у отца церковной истории Евсевия Памфила (ум. 340 г.); по его собственным словам он занес это сказание в свою историю, основываясь не на предания только, но и на письменных документах, найденных им в Эдесских архивах. За Евсевием следуют из IV века Ефрем Сирин, из V в. армянский историк Моисей Хоренский и из VI в. – Прокопий. Армянский историк V века Моисей Хоренский описывает случай, благодаря которому Авгарь услышал об Иисусе Христе, именно: Авгарь узнал о Христе от своих послов, которых он отправлял к римскому трибуну, управляющему Финикией, Палестиной, Сирией и Месопотамией, – послы на обратном пути были в Иерусалиме и здесь видели чудеса Спасителя. Писатель X века Константин Порфирородный (ум. 959 г.), у которого встречаем наиболее обстоятельный рассказ о происхождении Нерукотворенного образа, передает, что Авгарю сообщает о Христе слуга его Анания, возвратившийся из путешествия в Египет.

[5101] - Возражают против подлинности посланий Авгаря к Иисусу Христу и Иисуса Христа к Авгарю. Говорят: 1) Евангелие молчит об этом событии. Но в Евангелии сказано: «Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей» (Иоан.20:30). По Евангелию слух об Иисусе Христе прошел до Сирии и оттуда приносили больных (Мф.4:24). 2) Писатели первых трех веков до Евсевия молчат. Но и это доказательство отрицательное, как и первое. Цицероново сочинение о Республике открыто только в 1822 году; что удивительного, что не знали об этом послании восточные греческие писатели, коих самых сочинения многие не доли. Впрочем у Георгия синкелла под 215 годом от Р. Х. говорится, что Юлий африканский говорил об Авгаре св. муже царе в Эдессе, тоже у Моисея Хоренского (5 в. кн. 2, гл. 9). 3) Блаженный Иероним молчит. Но Евсевий стоит Иеронима. Он

сам видел сии акты и обнародовал их на греческом языке в своей церковной истории. 4) Блаженный Августин говорит, что Иисус Христос ничего не писал. Это он говорит в споре с манихеями, которые опирались на сочинения, яко бы Самим Христом о Себе написанные, и вообще разумеет, что Иисус Христос не излагал и не имел намерения излагать письменно учения о Себе, а это не может относиться к краткому письму Иисуса Христа к Авгарю. Иисус Христос преклонься писал на земле пред фарисеями, приведшими к Нему жену блудницу. 5) В письме Иисуса Христа есть указание на Иоанна (XX, 29). Не на Иоанна, а на пророчество Исайи (6,9. 50. 15, 65, 2). 6) У Евсевия год кончины Иисуса Христа, по эре Селевкидов 340, падает на 30 год жизни Его (на 15 Тиверия). Евсевий приводит не свое летосчисление, а эдессян; было мнение в древности у многих, что Иисус Христос пострадал в первый год Своего служения, т.е. 30 Своей жизни. Впрочем известно, что ошибки в числах в древних рукописях дело обыкновенное. 7) Папа Геласий декретом своим признал это сочинение апокрифическим; но это значило, что оно не было внесено в число канонических писаний, однако, не все признанные апокрифическими писания не заслуживают веры. – В славянской минее сказано, что Ап. Фаддей почил в Вирите, граде финикийском. В Ипполитовом или Ипполиту приписываемом сочинении об Апостолах мученическая кончина в Вирите приписывается Фаддею из 12 Апостолов или Иуде (июня 19).

5102 - Предание, записанное Константином Порфирородным, сообщает, что когда Анания, возвращаясь на родину, достиг г. Иераполя, то он, остановившись вне города скрыл изображение Лика Христова в куче только что сделанных кирпичей. Около полночи жители города увидели огонь, окружавший это место и нашли здесь скрытую святыню; вместе с тем оказалось, что на одном из кирпичей отобразилось изображение Спасителя. Жители Иераполя удержали у себя этот кирпич, а Ананию отпустили. Константин замечает, что этот кирпич еще в его время сохранялся в Иераполе.

[5103] - Храм этот создан императором Михаилом (856–867 гг.).

[5104] - Константин Порфирородный описывает перенесение Нерукотворного образа из Эдессы и письма Христова к Авгарю в Константинополь в 944 г. Нерукотворный образ хранился в Константинополе до 1204 г. Что касается кирпича с нерукотворенным образом, то, по свидетельству Зонары (ум. 1118 г.), он перенесен императором Никифором Фокою (963–969 гг.) в 968 г. Зонара называет его иерон кэ фион ектипора (священное и Божественное изображение). – По одному сказанию Нерукотворный образ около 1362 года был отдан Иоанном Палеологом генуэзскому генералу Леонардо-де-Монтальто за избавление греческой империи от нападения сарацин, а Монтальто отдал его в монастырь св. Варфоломея в Генуе, где он и доныне. По другому, более вероятному сказанию, он во время владычества крестоносцев в Царьграде в 1204–1261 гг. похищен венецианским дожем Дандорло, но корабль, на котором он находился с другими священными предметами, потонул в Пропонтиде.

[5105] - Святой Иоанн Дамаскин – знаменитый богослов и песнописец, инок обители св. Саввы, ревнитель православия в борьбе с иконоборцами, живший в VIII веке. За свои высокохудожественные умилительные песнопения он получил наименование «златоструйный». – Память его празднуется св. Церковью 4 декабря.

[5106] - Говоря о людях, порицающих христиан, святой Иоанн Дамаскин имеет в виду иконоборцев. Иконоборческая ересь появилась в VIII веке, следовательно святой Иоанн Дамаскин был ее современником. Иконоборцы неразумно смешивали иконопочитание с идолопоклонством. Святой Иоанн Дамаскин в настоящем слове о поклонении святым иконам обличает безбожное заблуждение иконоборцев. – Основателем иконоборческой ереси считается Константин, епископ наколийский (во Фригии – малоазийской области). Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры Лев III Исаврянин (717–741 гг.) и Константин V Копроним (741–775 гг.)

Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе, происходившем в 787 г. в городе Никее.

[5107] - Св. Василий Великий – знаменитейший отец Церкви IV в. – Память его празднуется св. Церковью 1 и 30 января.

[5108] - Ной – сын Ламеха, последний патриарх до потопа. Жертва Богу принесена Ноем по выходе из ковчега (Быт.8:15–20) и была прообразом жертвы Христовой.

[5109] - Киликия – малоазийская область.

[5110] - Царствовал 284–305 гг.

[5111] - Вифиния – малоазийская область.

[5112] - Кончина святого Диомида последовала в конце III в. или в начале IV в.

[5113] - Память его 11 ноября

[5114] - Кончина святого Херимона последовала в конце IV в. или в первых годах V в.

[5115] - Император Аврелиан царствовал с 270 г. по 275 г.

[5116] - Аполлон у древних греков считался богом света; вместе с тем ему усвоялся дар предсказания будущего.

[5117] - Зевс – верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[5118] - Диана – считалась у древних греков богинею света и жизни; почиталась также как раздаятельница свежей, цветущей жизни природы.

[5119] - Император Аврелиан, как язычник, был уверен, что боги, в коих он веровал, могли предсказывать будущее; он не без намерения упомянул имя Аполлона, который считался у древних греков предсказателем будущего. Многие храмы, построенные древними греками в честь Аполлона, считались в то же время знаменитыми оракулами; более всего был известен оракул Дельфийский, оракул в Оробии, на острове Эвбее и в других местах; древние греки обращались к помощи оракула во всех серьезных и важных случаях как личной, так и общественной жизни: само собою понятно, что прорицатели, к коим обращались греки за советом, не могли предсказывать будущего, так как всегда давали сбивчивые и неясные ответы.

[5120] - В данном случае святой Патрокл имел ввиду нелепые сказания древнегреческой мифологии.

[5121] - Бес полуденный, буквально «зараза опустошающая в полдень»; быть может особая болезнь, вроде бешенства, вызываемая палящими лучами южного солнца (ср. Пс.90:6).

[5122] - Кончина св. мч. Патрокла последовала ок. 275 г.

[5123] - Всеволод Ярославич княжил в первый раз с 1075 г. по 1076 г. (шесть месяцев) и во второй – с 1078 г. по 1093 г.

[5124] - Мелхиседек, царь Салимский, священник Бога Вышнего, упоминается в Быт. 14:18. Книга Бытия, повествующая о Мелхиседеке, ничего не говорит ни о происхождении Мелхиседека, ни о конце его жизни, что, наравне с благословением Авраама, сделало Мелхиседека, по изъяснению св. Апостола Павла (Евр. 6:20) прообразом Иисуса Христа, – вечного Первосвященника и Царя. На прообразовательное значение священства Мелхиседекова указывал еще царь и пророк Давид, когда говорил о Сыне Божием: «Ты иерей вовек по чину Мелхиседекову» (Пс.109:4). Но особенно ясно и подробно раскрыто прообразовательное значение Мелхиседека у св. Апостола Павла, в послании Евр. 7:1–28.

[5125] - Владимир Мономах княжил с 1114 г. по 1125 г.

[5126] - Часть города.

[5127] - Кончина преподобного Алипия последовала в 1114 г.

[5128] - Никомидия – столица восточной части древней Римской империи, местопребывание императора Диоклетиана, знаменитый город в малоазийской римской провинции Вифинии, расположенной в северо-западной части Малой Азии.

[5129] - Поприщем у греков называлось место определенной длины и ширины с оградой для бегания. Пробежавший поприще и добежавший до конца раньше других считался победителем и в награду получал венок.

[5130] - Время кончины этих святых мучеников неизвестно.

[5131] - Ахаия – древнегреческая область, находившаяся на полуострове Пелопоннесе.

[5132] - Император Декий царствовал с 249 г. по 251 г.

[5133] - Город Кизик находился на полуострове Арктониссе.

[5134] - Кончина св. мч. Мирона последовала ок. 250 г.

[5135] - Ныне Сполето, расположен на одном из притоков реки Тибра в Умбрии. Приток это назывался в древности Клитумной.

[5136] - Требия, довольно значительный в древности город, находившийся, как и Сполитон, на большой дороге, соединявшей столицу вселенной, Рим, с одним из портов Адриатического моря; ныне не существует. Он был в Умбрии, несколько севернее Сполитона и близком от него расстоянии.

[5137] - Поприще – мера расстояния около версты (690 саженей).

[5138] - Иллирия – обширная область в северо-западной части Балканского полуострова, расположена была по берегу Адриатического моря. В настоящее время на месте древней Иллирии находятся Босния и Герцеговина, Сербия и др.

[5139] - Епархами в греко-Римской империи назывались областные начальники.

[5140] - Год кончины этих святых мучеников неизвестен.

[5141] - Здесь разумеется не соправитель Диоклетиана Максимиан Геркул, а Максимиан Галерий, зять Диоклетиана и соправитель его на востоке Римской империи. Он внушил Диоклетиану мысль издать общий закон против христиан, вследствие которого и началось повсеместное преследование их.

[5142] - Киликия – римская провинция; находилась в юго-восточной части малоазийского полуострова, на берегу Средиземного моря, на северо-восток от Сирии и граничила с последней с востока. Город Тарс был родиной св. Ап. Павла.

[5143] - Ныне Тавр – горная цепь, тянущаяся по южному берегу сканадийского полуострова и потом поднимающаяся к северу и идущая на восток. На восточной части своей она называется Антитавр. Из ледников Антитавра берет свое начало известная река Тигр.

[5144] - икону см. на golden-ship.boom.ru

[5145] - Газа расположена на берегу Средиземного моря. В древности она была одним из пяти известнейших филистимских

городов и служила пределом хананеев на юге Палестины. В Новом Завете о Газе упоминается только в истории обращения Ефиопской царицы Кандакии (Деян.8:26). С IV века Газа была уже христианским городом, а в VII в. покорена магометанами.

5146 - По месяцеслову Вершинского, святые Тимофей и Фекла скончались в 304 году в г. Газе, а святой Агапий – в 306 году в г. Кесарии Палестинской. Первый сожжен, святая Фекла растерзана зверями, а святой Агапий брошен в море.

5147 - Астарта – почитаемая у финикиян и других древних народов востока богиня. Почитатели ее для служения ей устраивали не храмы, а дубравы или рощи.

5148 - Ваал, бог солнца, был особенно почитаем древними финикиянами.

5149 - Вефхор – горная возвышенность с городом того же имени. Она находилась в колене Вениаминовом близ северо-восточной границы филистимских владений.

5150 - Т.е. дар, достойный особенного почитания.

5151 - Сии святые мученики пострадали в 304 году, при императорах Диоклетиане и Максимиане.

5152 - Эдесса, нынешняя Урфа, – город на севере Месопотамии, на реке Евфрате, с 137 года до Р. Х. главный город вновь образованного Озроенского или Эдесского государства; в 217 г. по Р. Х. Здесь был превращен римлянами в восточную колонию. – В Эдессе в IV веке св. Ефремом Сириным была основана богословская школа, в V веке склонившаяся к несторианству, в пользу которого особенно много действовал учитель Эдесской школы пресвитер Ива. В 614 г. Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 г. ей овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества эдесского; в 1144 г. она была покорена турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 г. окончательно не подпала под власть Турции.

5153 - Более подробно об этом можно читать выше, под 16 числом

5154 - См. там же.

[5155] - Месопотамия – каменистая и песчаная страна, находившаяся между реками Тигром и Евфратом и простиравшаяся от Армении на севере до Персидского залива на юге.

[5156] - Бейрут – главный город Ливана. В древности Бейрут был финикийской гаванью и носил название Беритос. Египетский король Тутмозис II завоевал этот город, а Антиох III отнял его у Птоломеев. В 140 г. до Р. Х. Бейрут был разрушен сирийцем Диотосом Трифоном, но при императоре Августе был снова восстановлен Агриппой и обращен в колонию для римских ветеранов. При позднейших императорах Бейрут славился своей высшей школой риторики, поэтики и в особенности права.

[5157] - Кончина св. Апостола Фаддея последовала ок. 44 года. – Есть известие о посольстве Нарсеса, царя ассирийского, к Авгарю, князю эдесскому, с просьбою или прислать к нему святого Апостола Фаддея, или написать ему (Нарсесу) о чудесах, сотворенных сим Апостолом. В ответ на эту просьбу Нарсеса Авгарь сообщил ему о чудесах Апостола Фаддея.

[5158] - Никифор Каллист – известнейший церковный историк XIV века, монах Софийского монастыря в Константинополе. Его «Церковная История» (в 18 книгах) доведена до кончины византийского императора Фоки (ок. 611 г.).

[5159] - Есть известие, что святой Апостол Иуда проповедовал христианство и в Персии, оттуда и написал свое соборное послание. Поводом к написанию сего послания послужило то обстоятельство, что в общество верующих вкрались нечестивые люди, которые обращали благодать Божию в случаи к беззаконию и под видом свободы христианской дозволяли себе всякие греховные дела. В этом послании содержится частью учение догматическое: о таинстве Св. Троицы, о воплощении Иисуса Христа, о различии Ангелов добрых и злых и о будущем Страшном Суде; содержится также и нравственное учение: увещание избегать нечистоты греховной, плотской, хулы, гордости, непослушания и прочих пороков; Апостол увещает всех быть постоянными в обязанностях и должностях своих, – в

вере, молитве, в любви, увещает печься об обращении заблудших и сохранять себя от еретиков.

[5160] - Более подробно об этом можно читать в повествовании о житии св. Ап. и Евангелиста Матфея, под 16 числом

[5161] - Император Максимиан управлял восточною половиною Римской империи с 305 г. по 311 г.

[5162] - Городе Эдесса находился в Македонии.

[5163] - Зевс – верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[5164] - Кончина святой мученицы Вассы и чад ее последовала в нач. IV века. В Халкидоне около 450 года существовал храм, построенный в честь святой мученицы Вассы.

[5165] - Ныне Барселона.

[5166] - Император Диоклетиан царствовал с 284 г. по 305 г.

[5167] - Кончина святой мученицы Евлалии последовала ок. 303 г.

[5168] - Память святого Филикса празднуется св. Церковью 22 августа.

[5169] - Михаил Феодорович царствовал с 1613 г. по 1645 г.

[5170] - В 1622 г.

[5171] - Нынешняя Грузия.

[5172] - Или Красногорскому.

[5173] - Грузинская икона Богоматери принесена была в Черногорский (или Красногорский) монастырь в 1629 г.

[5174] - В царствование Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) чудотворная Грузинская икона Богоматери была носима в Сибирь на реку Лену и во внутренние города России: Устюг, Вологду, Переяславль Залесский и Москву. – Чудесные знамения милости Царицы Небесной не перестают совершаться от Грузинской иконы и до настоящего времени. Так, в 1897 году (17 июня) была исцелена при этой иконе от крайне тяжелой и опасной болезни жена священника села Шуйского, тотемского уезда, вологодской губернии.

[5175] - Более подробно о чудесных знамениях, явленных при сей иконе, можно читать в упомянутой книге: Слава Богоматери (стр. 590–591).

[5176] - Никомидия – город в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Он был построен в 264 г. до Р. Х. и свое имя получил от вифинского царя Никомеда I. На месте древней Никомидии находится теперь город Исмид.

[5177] - Максимиан Геркул, носивший титул Августа, был соправителем Диоклетиана и управлял западною половиною Римской империи с 285 г. по 305 г.

[5178] - Комит – царский телохранитель, сборщик податей в царскую казну, градоначальник; в данному случае под словом комит разумеются градоначальники.

[5179] - Халкидон или, правильнее, Калхедон – первоначально мегарская колония на берегу Мраморного моря. При христианских императорах Халкидон был столицей малоазийской области Вифинии. В истории христианской Церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 г. императором Маркианом.

[5180] - Кончина святых мучеников последовала в кон. III в. или нач. IV в.

[5181] - Гностицизм – общее название многих еретических лжеучений, появлявшихся в течение первых двух веков христианской эры. Гностицизм был сильно распространен и имел многих приверженцев в разных странах. Различается гносис египетский, сиро-халдейский и малоазийский. Представителями египетского гносиса были: Керинф (современник св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова), Валентин и Василид; сиро-халдейский гносис поддерживали последователи Симона волхва и Менандра; малоазийский гносис поддерживали еретики Кедрон и Маркион. Гностики строго различали Божественное, – духовное, – и мирское, – плотское – бытие; при этом все гностические системы отвергали самую возможность общения между абсолютным (всесовершенным) бытием и относительным бытием (т. е. бытием мира). Неизбежным последствием безусловного

разделения между Божественным и мирским, духовным и плотским, в области практической явилось разделение духа и плоти. Гностики отрицали Божественное откровение и объясняли все истины христианского вероучения одними усилиями разума.

[5182] - Родоначальником арианской ереси был Александрийский пресвитер Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Богом Отцом, почитал Иисуса Христа творением и проч. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на первом (325 г.) и втором (381 г.) Вселенских соборах, причем был составлен собравшимися отцами Символ. В V в. арианство почти не имело последователей в Римской империи, но возродилось в Германии среди готов, бургундов, вандалов и лангобардов, где существовало до VII в.

[5183] - Блаженный Иероним – один из величайших учителей Западной Церкви (330–419 гг.); родом славянин (из г. Стридона в Далмации), Иероним получил в Риме блестящее для своего времени образование; в 373 году он отправился на восток, предварительно приняв крещение; за свою благочестивую жизнь Иероним был рукоположен в сан пресвитера. – Блаженный Иероним написал очень много сочинений по разным вопросам богословского знания. Сочинения блаженного Иеронима делятся на четыре главных группы: 1) истолковательные, 2) догматические, 3) нравоучительные и 4) исторические. Важнейший труд блаженного Иеронима – перевод Священного Писания, известный под именем Вульгаты. Кроме того из сочинений Иеронима заслуживают особенного внимания: «Хроника», «Жизнеописание отцов», «О знаменитых мужах», «Мартиролог» и др. Число всех сочинений блаженного Иеронима, не считая мелких писем, доходит до 180.

[5184] - В этом послании святой Ириней восхваляется как усерднейший ревнитель христианской веры.

[5185] - Мученическая кончина святого Пофина последовала ок. 177 г.

[5186] - Виктор I занимал папский престол с 187 г. по 200 г.

[5187] - Точное заглавие этого сочинения: «Обличение и опровержение лжеименного знания. Это сочинение написано было на греческом языке, но от первоначального текста сохранились лишь отрывки у восточных церковных писателей. Названное сочинение делится на 5 книг и принадлежит к числу замечательнейших полемических сочинений.

[5188] - Эти еретики получили такое название от имени своего главного основателя, – Валента.

[5189] - «Против ересей», кн. III, гл. 11.

[5190] - Там же, кн. III, гл. 11.

[5191] - Там же.

[5192] - Там же.

[5193] - Там же.

[5194] - Откр. 4:1–11

[5195] - «Против ересей», кн. III, гл. 11.

[5196] - «Против ересей», кн. III, гл. 25.

[5197] - «Против ересей», кн. I, гл. 27; ср. кн. III, гл. 25; кн. IV, гл. 28 и 40.

[5198] - «Против ересей», кн. IV, гл. 28.

[5199] - «Против ересей», кн. IV, гл. 14 и 15.

[5200] - Там же, кн. IV, гл. 4.

[5201] - Там же, кн. IV, гл. 12 и 13..

[5202] - Разумеются семьдесят толковников.

[5203] - «Против ересей», кн. III, гл. 21.

[5204] - Там же, кн. II, гл. 30.

[5205] - Там же, кн. III, гл. 4.

[5206] - Там же, кн. I, гл. 10.

[5207] - Император Севир царствовал с 193 г. по 211 г. – Кончина святого священномученика Иринея последовала в 202 году.

[5208] - Кроме сочинения «Против ересей» («Обличение и опровержение лжеименного знания») святому Иринею принадлежит еще много сочинений, дошедших до нас, впрочем, в небольших отрывках. Так ему принадлежат: «Послание к

римскому епископу Виктору» (по вопросу о времени празднования Пасхи), «О единоначалии, или о том, что Бог не есть виновник зла», «Об осмерице» (т.е. эонов; – имеется в виду опровержение гностического учения об эонах, как источниках жизни). Собрано еще около 50 небольших отрывков, надписанных именем святого Иринея, но подлинность их еще не доказана.

[5209] - Влахерна – местность в Константинополе, находившаяся в западном углу города; славилась своими святынями. Здесь находилась упоминаемая в житии церковь, выстроенная во имя Пресвятой Богородицы императором Львом Великим (457 г. – 474 г.), при котором была положена в эту церковь честная риза Пречистой Девы Богородицы, принесенная из Палестины; память этого события празднуется св. Церковью 2 июля (под сим числом можно читать и повествование о сказанном событии). – Впоследствии эта церковь сгорела; ныне виднеются только малые остатки ее.

[5210] - Император Юстиниан II царствовал с 685 г. по 695 г.; потом вторично с 705 г. по 711 г.

[5211] - Патрициями в древности назывались люди благородного происхождения; им обычно поручались важнейшие государственные должности.

[5212] - Конский бег.

[5213] - Херсонес или Херсон (древнерус. Корсунь) – древнее название теперешнего полуострова – Крыма.

[5214] - По переводу с греч – «с отрезанным носом».

[5215] - Император Тиверий III Апсимар царствовал с 698 г. по 705 г.

[5216] - Местность в Константинополе.

[5217] - С именем Аполлонии известно несколько древнегреческих городов. В данном случае разумеется, вероятно, Аполлония, находившаяся в Иллирии.

[5218] - Синклит – совет, составлявшийся из старейших, почетнейших граждан (и представителей высшей духовной власти).

[5219] - Кончина святого Каллиника последовала в 705 г.

[5220] - Иоанн VI занимал папский престол с 701 г. по 705 г.

[5221] - Император Аврелиан царствовал с 270 г. по 275 г.

[5222] - Кончина святого мученик Луппа последовала ок. 275 г.

[5223] - Авва – начальник, настоятель монастыря.

[5224] - Кончина святого Флорентия последовала в 547 г.

[5225] - Святой Евтихий скончался ок. 540 г.

[5226] - Описываемое событие случилось в 1492 г.

[5227] - Хозрой (или, точнее, Хосров) с персидского значит вообще царь. Это наименование обычно прибавлялось к собственному имени того или другого персидского царя. Хозрой Старший, т.е. Хозрой I Ануширван, царствовал с 531 г. по 579 г.

[5228] - Зороастр – персидский мудрец (маг); жил за 1000 лет до Р. Х.; основал очень сложное религиозное учение, построенное на дуалистическом принципе (т.е. на принципе строгого разделения добра и зла, как двух, непримиримых между собою, но в то же время самостоятельных начал).

[5229] - Т.е. диаволом.

[5230] - Это более пространное сказание не дошло до нас.

[5231] - Кончина святой мученицы Сиры последовала в 558 г. Вскоре же после кончины святой мученицы Сиры начала страдальческий подвиг за исповедание имени Христова ее родственница, святая Мария (по-персидски Голиндуха при том же царе Хозрое I, но продолжались и при другом царе с именем Хозроя, – внуке первого, – именно, – при Хозрое II Парвезе (590 г. – 628 г.). – Память св. Марии Голиндухи 12 июля

[5232] - С именем Севастополя (или Севастии) известно в древности несколько городов; какой именно Севастополь разумеется в данном случае, – неизвестно.

[5233] - Кончина святого Апостола Евтихия последовала в конце I-го в. или в начале II в.

[5234] - Мантиней и Клавдиополь находились в Гонориадской области северо-западной малоазийской римской провинции Вифинии. Митрополиями у греков назывались главные города провинций, а епархиями – города провинциальных областей.

Мантиней в административном отношении находился под властью Клавдиопольского игемона и Гонориадского епарха.

[5235] - Город Клавдиополь, носивший раньше название Вифиния, находился в малоазийской провинции Вифинии близ верховьев реки Биллея.

[5236] - Так как мучителем святого Татиона был префект Урбан, то мученическую кончину его относят ко времени Диоклетиана, именно к 305 году. Император Василий в своем месяцеслове называет его Татианом.

[5237] - Т.е. правитель.

[5238] - Император Нерон царствовал с 54 г. по 68 г.

[5239] - Диана считалась у древних греков богинею охоты и вообще покровительницею природы.

[5240] - Зевс считался у греков главным божеством, – родоначальником всех прочих людей и богов.

[5241] - Честные мощи святого Апостола Тита почивали в кафедральной церкви в Гортине. После опустошения острова сарацинами в 823 году от мощей его осталась здесь одна глава, которая и была принесена в Венецию в храм св. Марка. Но, по другим известиям, глава Апостола хранится в самом острове Крите, в храме его имени.

[5242] - Память св. Ап. Варфоломея празднуется 11 июня

[5243] - Ныне Баку.

[5244] - Означенное событие произошло в конце VI века.

[5245] - Император Феофил царствовал с 829 г. по 842 г.

[5246] - Честные мощи святого Апостола Варфоломея были перенесены из Липары в город Беневент около 839 г.

[5247] - Родоначальником арианской ереси был пресвитер Александрийский Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Богом Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним Божественных совершенств, – всемогущества, всеведения и проч. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на первом (325 г.) и втором (381 г.) Вселенском соборах.

[5248] - Царствовал с 337 г. по 361 г.

[5249] - С 364 г. по 378 г.

[5250] - Лат. lupus – волк.

[5251] - Кончина святых исповедников Христовых Евлогия и Протогена последовала во второй половине IV века.

[5252] - Разумеется император Юстиниан I, царствовавший с 527 г. по 565 г.

[5253] - Анфим I царствовал с 535 г. по 536 г.

[5254] - Агапит I занимал папский престол с 535 г. по 536 г.

[5255] - Св. Мина патриаршествовал с 536 г. по 552 г.

[5256] - Максимиан Галерий (305–311 гг.) был зятем императора Диоклетиана и затем его преемником.

[5257] - Никомидия – восточная столица Римской империи, великолепный город в области Вифинии, на берегу Мраморного моря, в северо-западной части Малой Азии.

[5258] - Т.е. греко-римской религии.

[5259] - Византия, впоследствии знаменитый Константинополь, или Царьград, была сначала небольшой колониею Мегарской, основанной ок. 658 г. до Р. Х. и названной по имени ее основателя Визаса, выходца из греческого малоазийского города Милета, подчиненного некогда персам.

[5260] - Василий (II) Дмитриевич княжил с 1389 по 1425 г.

[5261] - Киприан управлял московскою митрополиею с 1380 по 1385 г.; затем вторично с 1390 по 1406 г.

[5262] - В 1395 г. от Р. Х.

[5263] - Через 85 лет после описанного события было установлено второе празднование Владимирской иконе, 23 июня, в благодарность за избавление от нашествия ордынского хана Ахмата в 1480 г. «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия, – говорили в объяснение сего чуда русские летописцы. – Нет, не оружие, не мудрость человеческая, но Сам Господь спас ныне Россию». В 1521 г. опять двинулись на Россию монголы под предводительством Махмет-Гирея. Заступлением Богоматери и на сей раз Москва была спасена от врагов. Память этого события совершается св. Церковью 21 мая. В 1812 г., во время нашествия французов, чудотворная

Владимирская икона вместе с иконами Иверскою и Смоленскою была увезена в Муром 1 сентября преосвященным архиепископом Августином и по освобождению Москвы от врагов была возвращена опять в столицу 20 октября. Чудотворная Владимирская икона Богоматери находится ныне в Московском Успенском соборе (более подробное повествование о сей иконе можно читать в изданной Московской Синодальной Типографией книге «Слава Богоматери», М. 1907 г., с. 380–385).

5264 - Преподобный Пимен родился около 340 г.

5265 - Иночество Пимен принял около 355 г.

5266 - Впрочем, некоторые разумеют здесь императора Феодосия Великого, царствовавшего с 379 г. по 395 г.

5267 - Т.е. Отечники, Патерики.

5268 - Выражение образное.

5269 - Ветхий человек – человек преданный греху, не знающий пути спасения. Такое наименование святой Апостол Павел усвояет людям, еще не получившим новозаветной благодати (ср. Еф.4:22; Кол.3:9).

5270 - Преподобный Пимен скончался 110 лет от рождения. Кончина его последовала около 450 г.

5271 - Кончина святого Кукши священномученика и Пимена постника последовала ок. 1113 г.

5272 - Иулий занимал папский престол с 337 г. по 352 г. Ливерий вступил на престол римский 22 мая 352 г.

5273 - Император Констанций царствовал с 33 7 г. по 361 г. – В Риме он был в 357 году, когда народ и приступил к нему с просьбою о возвращении Ливерия из ссылки.

5274 - Ливерий возвратился в Рим в 358 г.

5275 - Кончина святого Ливерия последовала в 366 г.

5276 - Город Кордуба, ныне Кордова, находился в южной части Испании на правом берегу реки Бета, носящей в настоящее время название Гвадалквивира.

5277 - В Прологе здесь допущена ошибка или опечатка. Православные епископы были удалены со своих кафедр не

императором Константином, а сыном его, арианином Констанцием.

[5278] - Здесь разумеется святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, славный защитник православного учения о Сыне Божием против лжеучения Ария. – Память его празднуется 2 мая и 18 января.

[5279] - Преподобный Осия в 355 году был сослан императором Констанцием за защиту св. Афанасия в Сирмий. Угрозами, темницею и насилиями он принужден был подписать арианское исповедание 2-го Сирмийского собора 357 года и, возвращенный затем в Кордову, скончался в 359 г., а по Штадлеру в 358 году, но перед смертью предал арианство снова анафеме.

[5280] - Разумеется Лимонарь (или Луг духовный), т.е. собрание назидательных рассказов о подвигах отшельников (гл. 167).

[5281] - Галатия – малоазийская область.

[5282] - Кончина святого Пимена последовала в конце VI века.

[5283] - Т.е. эфиоп.

[5284] - Поприще – мера длины, равная приблизительно двум километрам.

[5285] - Кончина св. Моисея Мурина последовала около 400 года.

[5286] - По месяцеслову Вершинского, прп. Савва по происхождению был серб.

[5287] - Снятогорский Богородичный монастырь – один из древнейших монастырей Псковского края (упоминается в 1265 году); находился в местности, называемой Снятной горой, на берегу реки Великой в расстоянии 4-х верст от Пскова.

[5288] - Это был Спасо-Великопустынский монастырь на реке Толве в Псковской губернии, в 30 верстах от Пскова, основанный прп. Евфросином около 1450 года. Память прп. Евфросина празднуется 15 мая. Под этим числом помещена и память его.

[5289] - Это был управлявший Псковом князь Ярослав Васильевич Оболенский.

[5290] - В 1487 году князь Ярослав Васильевич выдал грамоту на землю для обители и приказал построить через мхи и болота мост к монастырю прп. Саввы в 1400 саженей длины. Этот мост и доныне называется Ярославовым.

[5291] - Здесь в Прологе надо предполагать опечатку, так как во всех сказаниях о преподобном Савве днем кончины его указан 28 день августа.

[5292] - Память святой Анны совершается еще 3 февраля с памятью святого Симеона Богоприимца.

[5293] - Древний, унаследованный от предков, обычай ужичества у евреев, состоял в следующем, по описанию книги Второзакония: «Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею, – и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле. Если же он не захочет взять невестку свою, то невестка его пойдет к воротам, к старейшинам, и скажет: «деверь мой отказывается восставить имя брата своего в Израиле, не хочет жениться на мне»; тогда старейшины города его должны призвать его и уговаривать его, и если он станет и скажет: «не хочу взять ее», тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лице его, и скажет: «так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему [у Израиля]»; и нарекут ему имя в Израиле: дом разутого» (Втор.25:5–10). Обычай ужичества, получивший у евреев начало ранее времени патриарха Иакова, существовал и у моавитян; он был известен также и другим восточным народам, как например персам и др. Происхождение его объясняют различно; но скорее всего объяснения его следует искать в сильном желании восточных народов иметь детей с целью увековечения своего рода и своего имени в потомстве.

[5294] - Правителей областей.

[5295] - В этом слове святой Иоанн Златоуст строго обличает так называемых «злых женщин», т.е. женщин, дошедших в

жизни до крайней степени зла и преступления. Особенно горячо восстает святой Иоанн Златоуст против тех женщин, по вине которых пострадали праведные и благочестивые люди. Но, как замечает и сам Иоанн Златоуст (в сем слове), кроме «злых», порочных женщин есть и добродетельные женщины; которых можно только восхвалять (что он и делает в конце слова). Таким образом святой Иоанн Златоуст восстает не против природы женской вообще, а против дурных проявлений в жизни этой природы.

5296 - Иезавель – жена израильского царя Ахава, отличавшаяся крайним нечестием и распутною жизнью. Слепо подчиняясь ее влиянию, Ахав превзошел нечестием всех своих предшественников и предался самому постыдному идолопоклонству. Он построил в Самарии храм Ваалу, насадил священные рощи, позволил Иезавели воздвигнуть алтари божествам Тирским и Сидонским (3Цар.16:31–33). Иезавель содержала четыреста ложных пророков, которые питались от ее стола (3Цар.18:19).

5297 - Навуфей – благочестивый израильтянин из Изрееля; он не захотел продать Ахаву своего виноградника, примыкавшего к двору царя; за это Навуфей, по наущению Иезавели, был публично оклеветан в богохульстве и измене и побит камнями (более подробно см 3Цар. 21:1–29).

5298 - Проповедник обращается к слушателям (слово говорилось в храме).

5299 - Хорепископ – сельский епископ, – епископ селений, прилежащих городу.

5300 - Митрофан патриаршествовал с 315 г. по 325 г.

5301 - Александр патриаршествовал с 325 г. по 340 г.

5302 - Святой Григорий Богослов (Назианзин) был недолго (менее года) патриархом Константинопольским; он известен своими возвышенными творениями, за которые и получил название «Богослова». Память его 25 января.

5303 - Павел (I-ый) патриаршествовал с 340 г.; в скором времени был изгнан и снова возвращен в 347 г.; управлял патриаршим престолом до 350 г.

[5304] - Тимофей (I-ый) патриаршествовал с 511 г. по 518 г.

[5305] - Император Анастасий (Дикор) царствовал с 491 г. по 518 г.

[5306] - Север патриаршествовал с 512 г. по 519 г.

[5307] - В 451 г.

[5308] - Догматик 6-го гласа.

[5309] - Иустин I-ый царствовал с 518 г. по 527 г.

[5310] - Иоанн патриаршествовал с 518 г. по 520 г.

[5311] - Никита I-ый патриаршествовал с 766 г. по 780 г.

[5312] - Иконоборческая ересь появилась в VIII в. Иконоборцы неразумно смешивали иконопочитание с идолопоклонством. Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры: Лев III Исаврянин (717–741 гг.) и Константин V Копроним (741–775 гг.). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе, происходившем в 787 г. в городе Никее.

[5313] - Лев IV (Хазар) царствовал с 775 г. по 780 г.

[5314] - Память святого Тарасия празднуется св. Церковью 25 февраля.

[5315] - Императрица Ирина царствовала с 797 г. по 802 г.

[5316] - Разумеются патриаршеские престолы: Константинопольский, римский, антиохийский и Александрийский.

[5317] - Тарасий был патриархом Константинопольским (после Павла IV) с 784 г. по 806 г.

[5318] - Павел IV патриаршествовал с 780 г. по 784 г.

[5319] - Лев III (Исавр), царствовавший с 717 г. по 741 г., был яростным иконоборцем.

[5320] - Сведения о жизни благоверного князя Александра Ярославича находятся в древних житиях его и в летописях. В Древней Руси составлено было пять житий благоверного князя, из которых первое, краткое, написано было современником Александра Ярославича, а последнее, самое подробное, уже в XVII в., на основании древнейших житий, последовательно пополнявших одно другое.

[5321] - Теперь это маленький городок Владимирской губернии (на р. Трубеже, при впадении ее в Переяславское озеро), но в то время он был главным городом удельного княжества Переяславль-Залесского.

[5322] - Благоверная княгиня Феодосия, дочь знаменитого русского князя Мстислава Мстиславича Удалого, скончалась в 1244 г.

[5323] - Император Веспасиан царствовал с 70 по 79 г.

[5324] - Новгород р. Волховом разделяется на две части: Софийскую, где находится главная святыня – храм Софии, Премудрости Божией, и Торговую, где был так называемый Ярославов двор.

[5325] - Калка – река на юге России, впадает в Азовское море.

[5326] - Сить – приток р. Молоти, протекает в Тверской и Ярославской губерниях.

[5327] - После завоевания Руси татары заняли степи по рекам Волге и Дону и здесь образовали свое татарское царство, известное под именем «Золотой Орды». Столицею Орды был Сарай, на нижнем течении р. Волги.

[5328] - Т. е. раскольников. Так называли православных латиняне за то, что русские не признавали власти папы и нововведенных Римскою церковью догматов.

[5329] - Супруга благов. князя Александра Ярославича Александра Брячиславовна получила в благословение чудотворную икону Божией Матери. Эта икона, написанная, по преданию, св. евангелистом Лукою, была прислана в дар греческим императором Мануилом благов. полоцкой княжне преподобной Евфросинии (скончав. 23 мая 1173 г.). В память своего венчания в Торопце Александра Брячиславовна оставила здесь эту святыню, которая и поныне хранится в Торопецкой соборной церкви в известна под именем Корсунской Иконы Божией Матери. Деревянная церковь Св. Троицы, в которой венчался благов. князь Александр, не сохранилась до настоящего времени. На месте ее находится теперь древняя каменная церковь во имя Св. Троицы.

[5330] - Ижора – приток р. Невы.

[5331] - В Ливонии (теперешний Прибалтийский край) немцы появились во второй половине XII в. В 1201 г. они построили здесь город Ригу – столицу Ливонии, а в следующем году был основан особый духовно-рыцарский (полумонашеский, полувоенный) Орден, поставивший себе целью не только завоевывать Ливонский край, но и силою оружия обращать местное население в католичество. В 1237 г. Орден Меченосцев соединился с другим таким же Орденом – Тевтонским, который перед этим утвердил свое господство по нижнему течению р. Вислы.

[5332] - Новгородские земли разделены были на пять частей, или пятин. Водскую пятину составляли земли, расположенные около Ладожского озера.

[5333] - Чудское озеро находится недалеко от Пскова. Другое название его – Пейпус. Проливом, который называется Теплым озером, оно соединяется с Псковским озером. Длина Чудского озера – 90 верст, ширина – 47 в.; длина Псковского озера – 50 в., ширина – 20 в.

[5334] - Урочище это расположено при повороте из Чудского озера в Псковское. Свое название оно получило от множества кружившихся там ворон.

[5335] - В древности так называлось Балтийское море.

[5336] - В это время северо-восточная Русь почти не могла оказать поддержки и помощи в борьбе Александра Ярославича с такими сильными врагами, как шведы, немцы и литовцы.

[5337] - Ярослав Всеволодович был оговорен перед ханом какими-то недоброжелателями князя. Татары его отравили.

[5338] - О трудности этого путешествия можно судить по описаниям среднеазиатских пустынь у современных путешественников. «Мрачное, тяжелое впечатление наводят на душу путника необозримые пространства степей, лишенные всякой растительности. Животные бегут из этих страшных пустынь. Даже ящерицы и насекомые встречаются редко. Под ногами то и дело попадаются кости погибших лошадей, мулов и верблюдов. Почва раскаляется от невыносимой жары, солнце немилосердно жжет от восхода до заката. Ветерок не колышет

воздуха, не дает хотя бы минутной прохлады. Лишь изредка промчится горячий вихрь, который гонит перед собой крутящиеся столбы соляной пыли. Во время бури эта соляная пыль засыпает путников и слепит им глаза».

[5339] - Впоследствии благ. кн. Александр примирил кн. Андрея с ханом. Андрей возвратился на родину и получил в управление Суздаль.

[5340] - Емь – финское племя.

[5341] - В это время готовился поход вглубь Азии, в котором должны были принять участие все подчиненные хану народы.

[5342] - Городец на Волге – село Нижегородской губернии.

[5343] - Родоначальником князей московских был младший сын св. Александра Невского Даниил Александрович.

[5344] - Великий князь Московский Димитрий Иванович Донской княжил с 1363 по 1389 г. Знаменитая Донская битва с татарами, за которую великий князь и получил название Донского, произошла в 1380 г. 8 сентября.

[5345] - Императрице Екатерине II в 1783 г.

[5346] - Андрей Юрьевич, великий князь Владимирский (1169–1174 гг.).

[5347] - Всеволод III, вел. кн. Владимирский (1176–1212 гг.)

[5348] - Георгий или Юрий Всеволодович, дядя бл. кн. Александра, вел. кн. Владимирский (1219–1238 гг.).

[5349] - Ярослав Всеволодович, отец благ. кн. Александра, вел. князь Владимирский с 1238 по 1246 г.

[5350] - Св. Петр, царевич Ордынский, племянник хана Берке, тронутый речами Ростовского епископа Кирилла, бывшего в Орде, тайно от родных уехал в Ростов и крестился. Он скончался в 1290 г., приняв перед кончиною иноческое пострижение. Память его празднуется 29 июня.

[5351] - Преподобный Александр родился в 1448 г. 15 июня.

[5352] - Территория Великого Новгорода занимала обширный угол северо-западной Руси, доходя на севере до Белого моря и переходя на востоке за Уральский хребет. Она охватывала нынешние губернии: Новгородскую, С.-Петербургскую, часть

Олонецкой, Архангельскую, Пермскую, часть Вятской, Вологодскую, часть Ярославской, часть Тверской и Псковскую и до нач. XVIII в. делилась на 5 частей, или пятин.

5353 - Здесь разумеется Обонежье или Обонежская пятина, самая обширная из всех новгородских пятин. Она тянулась на север и северо-восток от Новгорода с одной стороны между рекою Волховом и Ладожским озером, а с другой – между озером Ильменем и реками Метою и Мдою. Так как она обнимала Онежское озеро со всех сторон, то отсюда и получила свое название.

5354 - Река Оять составляет левый приток реки Свири и находится в нынешней Олонецкой губернии.

5355 - Введенский Богородичный монастырь находился на реке Ояти. В 1581 г. его совершенно выжгли «немецкие люди», так что 6 человек братии жили за монастырем в пустоши, на острове.

5356 - У родителей преподобного Александра преждевременно прекратилось рождение детей, и они молились Богу о возвращении им способности чадорождения, после чего и родился у них сын Амос, впоследствии преподобный Александр.

5357 - Валаам – остров на Ладожском озере вблизи северных берегов его, известный ныне знаменитый на севере России по благоустройству монастырем своим.

5358 - Это озеро носило название Рощнесского.

5359 - Храм этот был освящен в 1526 г. по благословению архиеп. Макария.

5360 - Преподобного Александра чтили как святого с 1547 г. и тогда же ему составлена была служба, а в 1559 г. в Москве был устроен придел в честь его. Мощи его были открыты 17 апреля 1641 г., и в 1643 г. царь Михаил Феодорович устроил для них серебряную раку, в которой они покоятся и теперь.

5361 - Преподобный Христофор подвизался в V в.

5362 - Калабрия, древняя римская область, находилась в южной части Апеннинского полуострова.

[5363] - В одном Прологе сказано, что преподобный Фантин поступил в монастырь в 8 лет.

[5364] - Сарацины – собственно жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее в Аравии разбойническое племя, а потом христианские писатели перенесли это название на всех арабов и мусульман вообще. Африканские сарацины напали на Сицилию и Калабрию ок. 828 г.

[5365] - Пелопоннесом в древности называлась южная часть Балканского полуострова По месяцеслову императора Василия, преподобный Фантин отправился из Калабрии в Фессалию и, посетив Афины (и, вероятно, Коринф) довольно продолжительное время проживал в главном городе ее Лариссе у гроба святого Ахиллия, память которого празднуется 15 мая.

[5366] - Коринф – знаменитый город в древней Греции. Он находился в древней Арголиде близ берегов Коринфского залива.

[5367] - Город Афины – столица древней Греции – находился в Аттике, близ берегов Средиземного моря.

[5368] - Солунь – город в Македонии. Он был расположен на самом берегу Эгейского моря.

[5369] - Преподобный Фантин скончался в к. IX или в начале X в.

[5370] - Киприан родился, как полагают, около 200 г.

[5371] - «Письмо к Донату», гл 4.

[5372] - Временем обращения Киприана в христианство считают обыкновенно 246-й г.

[5373] - Киприан был знаком с «Апологией» Тертуллиана.

[5374] - «Письмо к Донату», гл. 3 и 4.

[5375] - Оглашение – изустное наставление в истинах веры христианской.

[5376] - «Письмо к Донату», гл. 4 и 5.

[5377] - Сии дни в древней Церкви, по своей торжественности, считались особенно удобными для крещения обращающихся язычников.

[5378] - Диакон Понтий оставил жизнеописание святого Киприана.

[5379] - В сан епископа Киприан был рукоположен, вероятно, в конце 248 г.

[5380] - «Книга о падших», гл. 6.

[5381] - «Книга о падших», гл. 6.

[5382] - Император Декий царствовал с 249 по 251 г.

[5383] - «Книга о падших», гл. 4.

[5384] - Письмо 40-е.

[5385] - Собор этот происходил в 251 г.

[5386] - Новациан – пресвитер Римский, он писал ранее Киприану от имени всего римского клира по делу о принятии в Церковь падших.

[5387] - Разумеется изгнание бесов, поселявшихся в людей.

[5388] - Император Валериан царствовал с 253 по 259 г.

[5389] - Курубис отстоял в нескольких днях пути от Карфагена.

[5390] - Кончина святого Киприана последовала в 258 г.

[5391] - В Ефесе происходил III Вселенский собор, в Халкидоне – IV.

[5392] - Письма 71 и 73.

[5393] - Письмо 73.

[5394] - Письмо 62.

[5395] - Письмо 71.

[5396] - Письмо 6.

[5397] - «О добродетели терпения», гл. 15.

[5398] - Анатолий патриаршествовал с 449 по 458 г.

[5399] - Лев Великий царствовал с 457 по 474 г.

[5400] - Киновиями (от греч. xoinos – общий и bios – жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия содержатся за счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

[5401] - Память его совершается св. Церковью 10 января

[5402] - Зевс считался у древних греков верховным богом и родоначальником прочих богов (и людей).

5403 - Святой Геннадий патриаршествовал с 458 по 471 г. Святому Геннадию приписывается несколько богословских сочинений. Геннадий Мессалийский замечает о святом Геннадии: «Муж красноречивый, острого ума, так был обогащен чтением древних, что до слова объяснил пророка Даниила, сочинил и много бесед». Все эти сочинения ныне неизвестны; до нас дошло только окружное послание его против симонии, утвержденное на соборе 459 г.

5404 - См. Дан.2:21. – Времена – продолжительные периоды времени; лета – года, краткие сроки.

5405 - Всесожжение – библейское название для особого рода жертвоприношений. Тогда как от других жертв сжигалась лишь одна часть, а остальное поступало в пользу священнослужителей или самих жертвователей, – жертва, приносимая во всесожжение, сжигалась вся. Жертва всесожжения означала собой, что человек, ее приносящий, всего себя, и душу и тело свое, приносит в жертву Богу, и была прообразом жертвы Христовой (сн. Евр. 9:9–14).

5406 - Лев. 23:3; Втор. 5:13.

5407 - Осень была началом нового года с древних времен. Основания для этого можно находить и в самой природе. С окончанием лета обыкновенно оканчиваются жатва и труды целого года (Исх. 23:16). По собрании плодов, как по достижении цели природы и земледелия, наступает новый кругооборот дел и новых надежд на будущее плодородие.

5408 - О Ное, последнем патриархе допотопного мира, и всемирном потопе повествуется (Быт. 5:29–32, 6–9). Св. ап. Петр в спасении людей от потопа в ковчеге Ноевом дает видеть указание на наше спасение через крещение во Христа. (1Пет. 3:19–22). – Арарат – высочайшие горы Армении, поднимающиеся на границе России, Турции и Персии, с двумя вершинами: Большой Арарат, который у персов называется гора Ноя, и Малый Арарат.

5409 - Скрижали – каменные доски, на которых Самим Богом начертаны были 10 заповедей.

5410 - Скиния (куща, палатка) – это походный храм иудейский. Он был построен по образцу, показанному Богом Моисею на горе Синае (Исх 25:8–9, 40), и назывался скинией собрания, потому что сюда собирался народ для богослужения, и скинией откровения или свидетельства, потому что здесь Бог открывал людям Себя и Свою волю.

5411 - Святое Святых – третья, внутренняя часть скинии. Здесь находился ковчег завета, в котором хранились скрижали закона, золотой сосуд (стамна) с манной и жезл Аарона. Сюда входил только первосвященник, в день очищения, совершаемого однажды в год, с кровью жертвенного животного и кропил этой кровью над ковчегом завета, для очищения грехов народа (см. Лев. 16:29–34). Смысл и значение этого священнодействия раскрыты ап. Павлом в посл. к Евреям (Евр. 9:3–7, 8–15, 24–28, 10:1–39).

5412 - Это совершалось в 10-й день, который назывался Днем очищения или умилостивления. В этот день первосвященник поставлял пред Скинией двух козлов и по жребию одного из них закалывал и приносил в жертву за грехи всего народа, а над другим исповедовал грехи народа и повелевал изгнать его в пустыню (Лев. 23:26–32. Ср. Евр. 11:11–14).

5413 - Год у евреев состоял из 12 лунных месяцев. Месяц авив или нисан (Неем. 2:1, Есф. 3:7), соответствующий нашему марту, был началом священного года (Исх. 12:2, 13:4), а месяц тисри, по счету седьмой, соответствующий нашему сентябрю, считался первым месяцем гражданского года. Он весь был праздничный. 1-й день, начало нового года, назывался Праздником труб (Исх. 23:24); 10-й день – день очищения; 15-й день – Праздник кущей, установленный в воспоминание покровительства Божия во время странствования евреев по пустыне, когда они жили в шатрах или палатках (Лев. 23:33–34; Чис. 29:12–39). В этом же месяце начиналось празднование каждого седьмого, или Субботнего, года и пятидесятого или, Юбилейного, года (Лев. 25:9) Поэтому седьмой месяц и назван субботой суббот, т.д. праздником праздников.

5414 - Сентябрь с лат. означает седьмой.

[5415] - Октавию, римскому кесарю или императору († 14 г. по Р. Х.), когда он сделался единым властителем всей Римской империи, сенат поднес титул Августа. Слово это значит величество, великий, досточтимый, священный. Этот титул усвояем был потом и прочим императорам римским.

[5416] - С 42 по 31 г. до Р. Х. Римским миром правили три полководца: Октавий, Антоний и Лепид, называвшиеся триумвирами. Они разделили между собой верховную власть и римские провинции; Октавию достался запад, Антонию – восток, а Лепиду – Африка. Лепид, однако, вскоре был устранен от участия в делах государственных, а затем возгорелась борьба из-за власти между Октавием и Антонием. Последний находился в полном подчинении у царицы египетской Клеопатры, прельстившей его своей необыкновенной красотой, и проводил время в празднествах и удовольствиях. Этим воспользовался Октавий и объявил Антонию и Клеопатре войну В морской битве при Акциуме (в 31 г. до Р. Х.) Клеопатра обратилась в бегство и окончила свою жизнь самоубийством. Также поступил и Антоний, лишившийся господства над миром. Египет был обращен в римскую провинцию и Октавий сделался единодержавным правителем.

[5417] - Индиктион, или индикт – слово римское и означает объявление, назначение, налог. Индиктом называлось первое число месяца сентября; это название сохранилось до этих пор в нашем церковном уставе и служит для обозначения начала церковного года. Христианский индикт состоит также из 15 лет.

[5418] - Небольшой городок Назарет находился в северной части Палестины, которая называлась Галилеею. Население его было бедно и не пользовалось уважением в глазах других иудеев (Ин. 1:46). Но здесь было отечество Иосифа, обручника Святой Девы; здесь было Благовещение Богородице; здесь протекло детство и отрочество Иисуса Христа; здесь Он воспитывался; здесь пребывал и в начале Своего открытого служения, отчего и назывался Назарянином. С этого времени Назарет, бывший дотоле неизвестным, сделался знаменитейшим местом во всей Галилее. Но в 1263 г. он был обращен турками в совершенные развалины. Через несколько

столетий он был построен вновь и долго был беднейшим селением. Ныне Назарет имеет около 6 000 жителей, состоит под особенным покровительством христианских консулов и служит местом паломничества со всех концов христианского мира.

5419 - Синагога (значит собрание, по-славянски сонмище) – место религиозных собраний у иудеев. По закону богослужение должно было совершаться в скинии и потом в храме Иерусалимском. Но во время плена иудеев храм иерусалимский был разрушен и иудеи собирались для богослужения в частные дома. Эти частные собрания мало-помалу получили определенные места и времена, известный чин и порядок и таким образом дали начало синагогам. Во времена Иисуса Христа и апостолов синагоги распространены были всюду, где жили евреи, и в больших городах было по нескольку синагог. Собрания в синагогах происходили по субботам и по праздникам.

5420 - В собраниях синагогальных читались обыкновенно определенные части из закона, т.е. книг Моисеевых, и пророков, т.е. из пророческих книг Ветхого Завета, причем эти чтения и объяснялись, т.е. произносились речи по поводу прочитанного и слышанного. Читать и объяснять имел право всякий желавший того, с соизволения начальника синагоги (архисинагога) и старцев. Желавший читать вставал, когда заявлял свое намерение, и стоял, когда читал определенное место из священных книг. Когда Господь дал знак, что Он хочет читать и говорить поучение, чтение из закона, как видно, было уже окончено и предстояло чтение из книг пророческих.

5421 - От лица Мессии пророк изображает цель Его пришествия в мир – устроить новый период в жизни человечества, блаженное время для тех, кто верой примет учение Иисуса Христа и будет в жизни исполнять великие заветы этого учения. – Лето Господне приятно – так назывался у евреев юбилейный, или пятидесятый год (см. выше), который, вследствие объявления всеобщей свободы, был радостнейшим годом и взят пророком для изображения счастливого для искупленного человечества времени Царства Христова.

5422 - Мессия слово еврейское и означает то же, что и греческое Христос – т.е. помазанник, и происходит от помазания священным миром. Через это помазание лицам избранным или призванным Богом к известному служению сообщались дары Св. Духа. Помазанниками назывались цари, пророки и первосвященники. Но в особенности это наименование принадлежит Иисусу Христу, потому что на Него налиты все дары Св. Духа (Ис. 11:1–2). Ему в высшей степени принадлежат святость первосвященника, который непричастен злу и имеет священство непреходящее (см. Евр. 7:10) и ведение пророка, просветившего мир высшим небесным учением (см. Лк. 1:79, 2:32; Мф. 4:16; Ин. 1:4–10, 8:12, 9:5, 12:35–36, 46) и власть и могущество царя, обладающего всеми силами неба и земли и все направляющего к великим целям спасения человеческого (см. Мф. 28:18; Лк. 1:33; 1Кор. 15:25–26).

5423 - I Вселенский собор был созван св. Константином Великим (память которого 21 мая) в 326 г. против пресвитера Ария и его сообщников, проповедовавших еретическое учение о том, что Иисус Христос не есть Бог. Собор, состоявший из 318 епископов, осудил арианскую ересь, утвердил догмат о единосущии Сына с Богом Отцом и составил первые семь членов Символа веры, который и поныне использует православная церковь. – Никея – город в Малой Азии, в древности богатый и цветущий, теперь бедный и малонаселенный. Завоевав его (вторично) в 1330 г., турки разрушили лучшие здания, а церкви обратили в мечети.

5424 - Максенций – римский император (306–312 г.). Он преследовал христиан и отличался жестокостью. Выведенные из терпения римляне пригласили себе на помощь Константина, который под спасительным знамением креста одержал победу над войсками Максенция, погибшего в волнах Тибра. В 313 году императоры Константин и Ликиний (правивший восточной частью) издали указ, которым религия христианская была объявлена государственной, наравне с древней языческой. Но Ликиний вскоре, однако, начал преследовать христиан. Тогда Константин обратил свое оружие против Ликиния и, окончательно победив его в сентябре 323 года, сделался

единым властителем Римской империи. Это событие и было ближайшим поводом к установлению празднования в сентябре новолетия.

5425 - Слово благодать весьма часто встречается в Св. Писании и употребляется в различных смыслах (благоволение, милосердие, любовь), но в особенности означает спасительную силу Божию, которая, сообщаясь нам по заслугам Иисуса Христа, возрождает нас в жизнь духовную и совершает наше освящение и спасение. Она называется благодатью, потому что есть благой дар Отца Небесного. (См. Еф. 2:8). – Противоположность между ветхозаветным законом и благодатью раскрыта св. Ап. Павлом в послании к римлянам, галатам и евреям. Главное отличие: закон Моисеев предписывал заповеди неудобоисполнимые во всей их полноте и поражал преступника проклятием, не давая ему, однако, же достаточно сил для достижения законной праведности (Гал. 3:10); Христова благодать снимает с человека проклятье законное, оправдывает пред Богом, примирив с Ним (Гал. 3:13; Рим. 5:9–10), прощает и очищает грехи и дает силы исполнять новозаветный закон так, что он кажется игом благим и бременем легким (1Ин. 1:9. Мф. 11:30).

5426 - Сн. Иез. 11 и Евр. 8:10.

5427 - Скиния, по объяснению Филарета, митроп. Московского, представляла Церковь, постепенно устрояемую в роде человеческом вообще и в каждой душе верующей в особенности. Двор, открытый для всего народа, означал внешнюю церковь и всеобщее к ней призвание, а жертвенник и умывальница прообразовали христианские Таинства крови и воды, которые входят в нее и запечатлевают союз с ней. Святилище, предоставленное священникам, представляло внутреннюю Церковь, в которой Христос есть и истинный свет, и хлеб животный, и алтарь, возносящий к Богу возлагаемый на него верующими молитвы и благодарения. Святое святых, доступное только одному Архиерею, означало самый престол и владычество Мессии Богочеловека, Которого прообразовали здесь и скрижали закона, и манна, в жезл Аарона прозябший, и Который служит для нас нашим искуплением, оправданием,

очищением и освящением. В отношении к душе нашей, тремя частями своими, скиния означала три степени приближения нашего к Богу; внешнего очищения, внутреннего просвещения и таинственного соединения со Христом.

5428 - См. 1Кор. 6:19. Апостол говорит, что христиане находятся в духовно-таинственном единении со всей Св. Троицей, так как Бог Отец, Владыка всех Его созданий, послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы Он драгоценною кровью Своею искупил грешных людей от рабства диаволу, а Дух Святой как домостроитель проводит заблудших рабов в дом Божий, сочетает их с Христом и через благодатные Свои дары, подаваемые в святых таинствах, душу каждую созидает в духовное жилище для служения Богу всеми силами души и тела.

5429 - Т.е. Ты, Господи, ни в чем не имеешь нужды; если кто сделает доброе, сам получает от того пользу; Тебе же нет никакого приобретения.

5430 - Т.е. оправдание через Христа Спасителя достигается твердой, сердечной верой в Него и всецелой преданностью убеждению в Его нисшествии на землю для нашего спасения и в Его живоносном воскрешении из гроба.

5431 - Увещевая к терпению и вере, Ап. Павел объяснил, почему вера так необходима христианину; она делает действительным то, что ожидается, и видимым невидимое, она произвела великих праведников и действовала в них, делая их непобедимыми в опасностях и побуждая их к страданиям. В частности, слова: заградиша уста львов относятся к пророку Даниилу (см. Дан. 6:1–28); угасиша силу огненную – к трем отрокам в печи вавилонской (Дан. 3:1–100); избегоша острия меча – к Давиду и прор. Илии; возмогоша от немощи – к Иову и Езекии (4Цар. 20:1–21).

5432 - Сион – гора, на которой построен Иерусалим.

5433 - Слова Божии чисты от всякой примеси лжи и обмана, как чистое серебро, очищенное через огонь.

5434 - От христианина требуется для его спасения не только вера, но и ее выражение, которое в преизбытке веры является

(исповедуется) само собой.

5435 - Изображение воина Христова и его оружия (Еф. 6:10–18).

5436 - Песнопения 3-го гласа на вечерни в среду.

5437 - Апостол отдает предпочтение любви, как добродетели, совмещающей в себе и корень веры и плоды упования, но вместе с тем, ставя рядом с ней веру и надежду, он показывает и их великое достоинство.

5438 - Апостол заповедует не притворную любовь, любовь на словах только, а чистую и истинную, которая свидетельствуется самим делом.

5439 - Слово премудрость, по употреблении в Св. Писании, имеет весьма обширное значение и иногда означает Самого Христа, предвечное и присносущное Слово Божие (см. Притч. 8:1–22, 36; и 1Кор. 1:24, 30 и др.).

5440 - Ветхозаветный закон, как буква, без всякой внутренней силы, только связывает человека своими предписаниями, не давая силы для исполнения их, теперь же, когда явился дух жизни, мы должны служить Богу сообразно этому новому духу жизни, служить свободно и радостно с надеждою на помощь Божию.

5441 - Эти слова Св. Писания читаются при богослужении в день индикта в одной из паремий, которых положено три. 1Ис. 61:1–9, – пророчество об Иисусе Христе, как Помазаннике, Учителе, Спасителе и Восстановителе всех страждущих на земле, о распространении Церкви Его среди народов, о блаженстве и славе принадлежащих к ней. Это именно пророчество, как мы видели выше, было прочитано Самим Спасителем в Назаретской синагоге. – 2-я паремия (из Лев. 26:3–12, 14–17, 19–20, 22, 33, 40–41) содержит обетования Господа исполнителям Заповедей Господних и угрозы нарушителям; ревностное исполнение этих заповедей есть главное условие благоденствия на земли, которого мы обыкновенно желаем при наступлении новолетия себе и ближним. – 3-я паремия (из Прем. 4:7–25) имеет отношение к памяти преп. Симеона Столпника, осуществившего в жизни

своей уроки истинной мудрости и явившего торжество благочестия, прославляемое в книге Премудрости. – В VIII в. св. Иоанном Дамаскиным написано много песнопений на 1-й день сентября.

[5442] - Каппадокия – область в Малой Азии. Каппадокия была прежде самостоятельным государством. С 363 по 370 г. до Р. Х. сначала находилась под властью персов, а затем македонян. Потом до 16-го г. по Р. Х. опять имела своих царей. В 17 г. при императоре Тиверии соединена была с Понтом и Малой Арменией и обращена в римскую провинцию. В конце XI в. (1074 г.) Каппадокия подпала под власть турок и до этих пор принадлежит им. Во времена преп. Симеона христианство здесь процветало. Великие учители Церкви: св. Григорий Назианзен, друг его св. Василий Великий, брат св. Василия св. Григорий Нисский – были родом каппадокиане.

[5443] - Т.е. над ним было совершено таинство св. Крещения, которое в Св. Писании называется банею (см. Тит 3:5; Еф. 5:26).

[5444] - Преп. Симеон не был на самом деле пастырем овец словесных, т.е. не имел священнического сана, и называется так потому, что самой жизнью своею и учением (беседами) направлял людей к спасению.

[5445] - На Востоке скот до этих пор пасется круглый год и не выгоняется только в сильный снег и бурю, оставаясь тогда в особых загонах.

[5446] - Евангельские заповеди блаженства находятся у евангелистов: Матф. 5:3–12, и Лк. 6:20–23.

[5447] - Древние христиане во время молитвы падали лицом на землю, изображая собою крест, т.е. простирая руки в стороны; через это выражалась вера в распятого Господа и сознание человеческой греховности.

[5448] - Т.е., что он докопал до твердой (материковой) земли.

[5449] - Блаженный Феодорит, епископ Кирский, живший в одно время с преп. Симеоном, сам посещал его во время пребывания его на столпе. Он пишет: «о деяниях его хотя могу свидетельствоваться всеми, но страшусь приступить к повествованию, чтобы не показались они потомкам

баснословными и недостоверными, так как превышают человеческую природу».

[5450] - Игумен (с греч. – вождь) – начальник монашеской обители.

[5451] - Лавра (с греч., часть города, переулок) – ряд келий, расположенных в ограде, вокруг жилища настоятеля, в виде переулков в городе. В первый и последний день недели отшельники собирались вместе для Богослужения; в остальные дни хранили безмолвие. Жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавра применяется к многолюдным и важным монастырям. Впервые появилось оно в Египте, а затем в Палестине.

[5452] - Т.е. от ведра, которым доставали воду из колодца.

[5453] - Веревка из пальмовых ветвей – вроде нашей мочальной.

[5454] - Власяница – нижняя одежда, сплетенная из конского волоса и носимая подвижниками на голом теле.

[5455] - Келии с латинского означает собственно сотовая ячейка.

[5456] - Локоть, или лакоть – мера длины, равная 10,5 вершкам.

[5457] - Возношения взимающиеся на разум Божий – это дерзкие мысли против истин Откровения и определений Церкви. Пленить всяк разум в послушание Христово – значит заставить разум покориться истине Христовой, признать ее высоту и силу.

[5458] - Иберия – нынешняя Грузия.

[5459] - Моченое сочиво – размоченные или разваренные сухие плоды, рис, пшеница и т.п.

[5460] - Ограды эти сооружены были приходившим народом из сухих камней. Такие огражденные места назывались мандрами и так как в них поселялись желавшие подвизаться под руководством преп. Симеона, то он называется архимандритам (например, в Минее Служебной).

[5461] - Св. Мелетий был патриархом Антиохийским с 358 по 381 год, а Домн II, или Домнин – с 441 по 448 г.

[5462] - Антоний был учеником св. Симеона и написал его житие.

[5463] - Сарацины – жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а затем христианские писатели перенесли это название на всех и мусульман вообще.

[5464] - Пард, или леопард – хищный зверь, похожий на тигра, но с пятнистой, а не полосатой кожей и менее ростом.

[5465] - Во время жизни преподобного было несколько городов с этим именем; ближе всего к месту, где спасался он, была Антиохия Селевкийская (близ города Селевкии Пиерии).

[5466] - Растерзание преступников дикими зверями – вид казни – происходило обычно в особых зданиях, которые назывались цирками, и было по наследию от времен языческих всенародным зрелищем.

[5467] - Измаильтяне – потомки Измаила, сына патриарха Авраама от Агари: см. Быт 25:12 и след.

[5468] - Скифы жили преимущественно по северному берегу Черного моря.

[5469] - Царствовал с 408 по 450 г.

[5470] - Евтихий, осужденный IV Вселенским собором, учил, что Иисус Христос имел одно естество – Божеское, тогда как св. Церковь всегда признавала и признает в Иисусе Христе два естества неслиянные и нераздельные – Божеское и человеческое.

[5471] - Царствовал с 450 по 457 г.

[5472] - Мартирий был патриархом Антиохийским с 456 по 468 г.

[5473] - Стадия – мера длины, около 88 саженей; семь стадий – около 1,25 версты.

[5474] - Халкидонский собор – 4-й Вселенский – был в 451 г.

[5475] - Вифания – селение к юго-востоку от Иерусалима, верстах в 2-х с небольшим, при подошве горы Елеонской.

[5476] - Великими церквями на Востоке называются храмы, находящиеся в патриархиях и назначенные для совершения в

них Богослужения именно самими патриархами.

[5477] - Лев Великий царствовал с 457 по 474 год.

[5478] - Здесь разумеется Антиохия Сирийская, некогда великолепная столица Сирийского государства, а ныне бедный городок азиатской Турции.

[5479] - Некоторая часть от мощей святого Симеона потом перенесена была к преподобному Даниилу Столпнику, по его молитвам, как о том пишется в житии этого святого – 11 декабря.

[5480] - В VIII в. св. Иоанном Дамаскиным сложен канон преп. Симеону, а от патриарха Германа Церковь приняла священные песнопения в честь преподобного.

[5481] - Евагрий Схоластик, живший в VI в., записал «Церковную Историю».

[5482] - Никифор Каллист, живший в XIV в., написал «Историю Церкви».

[5483] - «Луг духовный» – сочинение монаха Иоанна Мосха, содержит в себе сказания из жизни восточных отшельников.

[5484] - Раифа – селение на восточном берегу Синайского полуострова.

[5485] - Селевкия – приморский город Сирии, на берегу Средиземного моря к западу от Антиохии и при устье реки Оронта.

[5486] - Событие с диаконом Миною может быть понимаемо таким образом. По неизвестной причине Мина самовольно оставил монашество и диаконство и проводил время как мирянин. Это своеволие с его стороны, конечно, было тяжким грехом, но в то же время без суда церковного над ним, он не мог еще почитаться лишившимся благодати диаконства. Соответственно этому, и совершенное над Миною, по повелению преподобного, пострижение, равно как и произнесение Миною молитвы, т.е. ектений, было только образным, видимым напоминанием Мине об оставленном им своевольно иноческом житии и диаконском служении; через это напоминание преподобный, очевидно, хотел возбудить в Мине раскаяние и, кроме того, быть может, – избавить братию

монастыря от сомнений в возможности для Мины продолжать диаконское служение. Что же касается излияния у Мины глаза, то оно означало, что Мина наказан за свой грех Самим Богом и, следовательно, более наказанию (по монастырскому уставу и правилам церковным) не подлежит.

5487 - В этом повествовании замечательно, что отлученные пресвитером по клевете хотя и безвинно лишены были причащения Св. Таин, однако, подверглись тяжкой болезни, причем и сами они, как бы забыв о своей невиновности, молились о выздоровлении отлучившего их, чтобы, получив от него прощение, иметь возможность приобщиться Св. Тайн. Такова, следовательно, сила Св. Таин, что лишение их, хотя и не по вине лишенного, не бывает для него бесследно!

5488 - Город Иерихон находился на западном берегу реки Иордан, в плодоносной долине, среди садов, изобиловавших пальмами, почему и назывался городом пальм Это был царский город земли Ханаанской, богатый и укрепленный, обнесенный широкою стеною. При вступлении евреев в землю обетованную он первый подлежал их завоеванию и взят был ими чудесным образом. Ныне поблизости древнего Иерихона стоит небольшая, бедная и грязная деревенька Риха, с несколькими бедными хижинами и жалкими обитателями.

5489 - Повествование о чудесном продолжении дня, по молитве Иисуса, см. Нав 10:12–14

5490 - Деятельность прав. Иисуса Навина в качестве вождя народа еврейского изложена подробно в принадлежащей ему «Книге Иисуса Навина». Она помещается в Библии вслед за Пятикнижием Моисеевым и, составляя продолжение истории, начатой в книгах Моисея, повествует о завоевании земли обетованной, о разделении ее между коленами Израилевыми и о кончине Иисуса, и обнимает период времени с 1556 г. по 1550 до Р. Х. Книга Иисуса Навина имеет значение и прообразовательно-пророчественное. Ап. Павел называет Иисуса Навина прообразом Иисуса Христа (см. Евр 4:8–9). Как он ввел Израиля в землю обетованную, так и Христос вводит верующих в Него в наследие в Царстве Небесном. Переход евреев через Иордан – вот прообраз нашего крещения. Раав –

язычница, ставшая праматерью Спасителя (см. Мф 1:5) – прообраз язычников, вступивших в Церковь Христову. В церковном богослужении из кн. Иисуса Навина читаются 3 паремии (5 января, в Великую Субботу и в праздники в честь Ангелов).

5491 - Еретики, отвергавшие и преследовавшие иконопочитание. считая его идолослужением, равно как и почитание св. мощей. Иконоборческая ересь возникала в Восточной Церкви в начале VIII столетия и долгое время господствовала на Востоке, пока, наконец, не была осуждена в 787 г. на VII Вселенском соборе в Никее. Окончательно иконопочитание было восстановлено на Константинопольском соборе 842 г.

5492 - Царствовал с 716 по 741 г.

5493 - Поприще равнялось приблизительно 690 саженям, следовательно, 18 поприщ составляют около 23 верст.

5494 - Построен римским императором Траяном; главный город страны того же имени, находившейся в Каппадокии, составлявшей некогда часть Малой Армении.

5495 - Супруга византийского императора Феофила иконоборца. По смерти последнего, в царствование сына ее Михаила III (царствовал с 842 по 867 г.), на Константинопольском соборе 842 г. было восстановлено иконопочитание и установлено торжество православия, совершаемое в первую неделю св. Четыредесятницы.

5496 - Это событие праздновалось даже в Константинополе в Халкопратийском храме Богоматери. Время обретения иконы в рукописных и печатных славянских святцах XVII в. означено годом 6364. От сотворения мира до Рождества Христова по общепринятому летосчислению протекло 5508 лет, но так как в исторической летописи печатных святцев XVII в. от С. М. до Р. Х. чаще считается не 5508 лет, а ровно – 5500, то здесь должно разуметь 864, а не 856 г. от Р. Х. Царица Феодора в это время (855–867) вела уже частную жизнь.

5497 - Пострадали при императоре Ликинии, соправительствовавшем Константину Великому от 311 по 324 г.

по Р. Х.

[5498] - Македония – провинция Византийской империи на север от Греции. Адрианополь основан первоначально императором Адрианом и назван по его имени; находится недалеко от Константинополя, в нынешней Восточной Румелии. В последнее время этот город, прежде весьма значительный, находится в упадке. Половина населения болгары и сербы.

[5499] - Ираклия – город на берегу Мраморного моря.

[5500] - Пострадали в Никомидии, в северо-западной части Малой Азии, резиденции императора Диоклетиана. Время кончины этих святых точно неизвестно. Некоторые относят его к Диоклетианову гонению (началу IV в.) – В студийском уставе патр. Алексия XI века говорится, что мощи их находились в Студийском монастыре и им 1 сентября совершалась служба.

[5501] - Пафлагония – провинция Римской империи, находившаяся на юге Малой Азии.

[5502] - Высшее сословие в Римской империи, соответствующее нашему родовитому дворянству, называлось патрициями.

[5503] - Гангра – главный город Пафлагонии.

[5504] - Имя Кесарии носили несколько городов. Кесария, главный город Римской провинции Каппадокия, был впоследствии разрушен землетрясением.

[5505] - Император Аврелиан царствовал с 270 по 275 гг.

[5506] - Серапис – языческое божество, изображавшееся в виде мужчины на троне, со скипетром в руках и орлом у ног; на голове – корзина, символ обилия. Оно олицетворяло собою мужественную и производительную силу природы. Во времена мч. Маманта почитание этого идола в Римской империи было особенно распространено.

[5507] - Город Эги находился в провинции Киликии, в Малой Азии, при Исском заливе.

[5508] - Голиаф – известный библейский великан, филистимлянин, считавшийся непобедимым и павший в единоборстве с Давидом (1Цар. 17:1–58).

[5509] - Цирком называлась площадь, огороженная рядом скамей или стеною Там происходили состязания бойцов между собою и со зверями. На эту площадь или арену бросали и христиан и потом выпускали сюда хищных зверей, которые содержались при цирке в особых клетках.

[5510] - Мамант скончался в 275 г.

[5511] - Император Юлиан царствовал с 361 по 363 гг. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачею своей жизни восстановление язычества. Поэтому он и называется Отступником.

[5512] - Константинополь – столица Византийской империи, ныне Стамбул; основана Константином Великим городка Византии.

[5513] - Юстин II младший – восточно-римский император, царствовал 565–578 гг.

[5514] - Тиверий – преемник Юстина II; царствовал 578–582 гг.

[5515] - Преемник Тиверия; царствовал 582–602 гг.

[5516] - Евтихий был патриархом в первый раз 552–565; затем патриархом был после него в продолжение 5 лет Иоанн III Схоластик; потом Евтихий снова был возведен на патриаршество и патриаршествовал до самой смерти своей, последовавшей в 582 г., когда был возведен на его место св. Иоанн IV Постник.

[5517] - Газа расположена на берегу Средиземного моря; в древности была одним из пяти известнейших Филистимских городов и служила пределом хананеев на юге Палестины. В Новом Завете о Газе упоминается только в истории обращения вельможи Ефиопской царицы Кандакии (Деян.8:25). С IV века Газа была уже христианским городом, а в VII веке покорена магометанами.

[5518] - Это было 2 сентября 595 года по Р. Х.

[5519] - В 284 году римская империя разделилась на восточную и западную: первою управлял Диоклетиан, а второю друг его Максимиан; царствовали с 284 по 305 гг.

[5520] - Никомидия – столица восточной империи, резиденция императора Диоклетиана, великолепный город в области

Вифинии на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), в северо-западной части Малой Азии.

[5521] - Никомидия – столица восточной империи, резиденция императора Диоклетиана, великолепный город в области Вифинии на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), в северо-западной части Малой Азии.

[5522] - Здесь разумеется не соцарствовавший соправитель Диоклетиану Максимиан, а зять первого – Максимиан Галерий, соправитель первого на востоке Римской империи, и после его преемник (305–311 гг.). Гонение на христиан при Диоклетиане началось в 303 г. Причиною гонения был Галерий, убедивший Диоклетиана издать общий закон против христиан. Закон предписывал – христианские храмы разрушать, сожигать книги св. Писания и лишать христиан всех гражданских прав и должностей. Гонения при Диоклетиане отличались, во-первых, жестокостью мучений, во-вторых, обилием числа мучеников, умерщвляемых за раз от 10 до 100 и более в один день.

[5523] - Дорофей – препозит (чиновник); Петр и Горгоний – сановники двора. Мощи Горгония перенесены в Рим. Мигдоний носит название по месту происхождения: Мигдонский, т.е. Фригийский или Масийский (в западной и северо-западной части Малой Азии). Индис – евнух. См. о них далее в этом же житии.

[5524] - Церера или Деметра – римская и греческая богиня плодородия, земледелия и брака. Безнравственные обряды в честь этой богини особенно были распространены во Фригии, лежавшей рядом с Вифинией.

[5525] - Т.е. епископ.

[5526] - Мученическая кончина св. Анфима должна быть отнесена к 303 году: в этом году Диоклетиан велел сжечь в Никомидии храм со всеми бывшими там христианами, издал указ, воспрещавший христианам собираться для богослужения и потом другой указ, повелевавший заключать епископов, пресвитеров и диаконов в темницы и требовать от них принесения жертвы языческим богам, в случае же отказа – пытать и убивать. – Византийский император Юстиниан (527–565 гг.) построил в честь священномученика Анфима

великолепный храм на берегу Золотого Рога, украсив его мрамором и золотом. Император Лев Великий создал ему храм близ Ксиропирка. В X веке глава св. Анфима находилась в Никомидии, где от нее происходило много чудес и постоянно произрастали власы на ней.

5527 - Римский император, царствовал с 283 до 284 гг.

5528 - Римский император, второй сын Константина Великого до 361 г.

5529 - Юлия Констанция, брата Константина Великого. Эти соправители назывались цезарями.

5530 - Аполлон – бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии и музыки, богом прорицателем, врачевателем болезней и хранителем всякого гражданского порядка.

5531 - Т.е. здесь находился так называемый оракул, место, где, по верованиям древних греков и римлян, боги шумом листьев священных деревьев, журчанием воды и т.д., предсказывали людям будущее. Предсказания эти имели характер темных изречений, а истолкователями их являлись жрецы, который ради своих выгод поддерживали в народе грубые суеверия и заблуждения.

5532 - Юлиан Флавий, римский император, наименованный Отступником.

5533 - Галилеянами именовались последователи Христа, Коего называли «Иисусом Галилеянином» (Мф.26:69), потому что детство и отрочество Свое Он провел в Назарете, незначительном городе Галилеи.

5534 - Смерть патриарха Иосифа следует относить приблизительно к 1923 году до Р. Х. Пребывание израильтян в Египте продолжалось около 398 лет, начиная с переселения туда Иакова с его семейством.

5535 - Амрам, происходил из колена Левия (сына патриарха Иакова) и был сыном Каафа, сына Левия (Исх.6:20; Числ.3:29, 26:58–59). Иохаведа была дочь Левия (Исх.6:20; Числ.26:59).

[5536] - Т.е. дочь царя египетского. Цари египетские назывались фараонами.

[5537] - Здесь разумеется Нил, – величайшая река земного шара. Длину Нила полагают в 6000 верст; протекает он на северо-востоке Африки, начиная от Эфиопии и впадает в Средиземное море.

[5538] - Иосиф Флавий, еврейский историк (родился в 37 году по Р. Хр.), автор «Иудейских древностей», где он передает некоторые сказания о Моисее, коих нет в священных библейских книгах.

[5539] - Сказание об этом передается Георгием Кедрином, византийским писателем конца XI или начала XII в., автором т.н. «Исторического синопсиса», или собрания летописных сказаний от сотворения мира до 1059 года по Р. Хр.

[5540] - Под именем волхвов в древности разумелись люди мудрые, обладавшие высокими и обширными знаниями, особенно знаниями о тайных силах природы, светилах небесных, священных письменах и т.п. Они наблюдали естественные явления, толковали сны, предсказывали будущее; они были большею частью вместе с тем и жрецами, и пользовались великим уважением при дворах царских и в народе. Таковы были в особенности волхвы египетские.

[5541] - Иосиф Флавий в «Древностях Иудейских», кн. 2, гл. 10.

[5542] - Мадианитяне, или Мадиамитяне, были потомками Мадиама, четвертого сына Авраама от Хеттуры; это был многочисленный народ разных Аравийских племен, который вел кочующий образ жизни. Мадиамская земля, где они имели главное местопребывание, представляла из себя пустынную местность при Еланитском заливе Чермного (Красного) моря, по восточной стороне его, в Аравии. Как потомок Мадиама, сына Авраама, Иофор и его семейство были чтителями истинного Бога.

[5543] - Хорив – гора в пустыне Аравийской, западная возвышенность того же горного хребта, восточную часть которой составляет Синай.

[5544] - По-славянски: Купина – тернистая акация Аравийского полуострова, особенно обильно растущая при горах Хориве и Синае, представляющая собою небольшой кустарник с острыми колючками. Явившаяся Моисею горящая, но не сгорающая купина, прообразовала собою, по учения св. Церкви, Богоматерь – Деву, пребывшую нетленною по воплощении и рождении от Нее Сына Божия.

[5545] - Под землею ханаанскою в некоторых местах разумеются обширные земли, лежащие на западе Азии по восточному побережью Средиземного моря – в частности земля по эту сторону Иордана, Финикия и земли филистимлян, причем от земли ханаанской отличается страна заиорданская. В новейшее время под землею ханаанскою разумеется обыкновенно вся Обетованная земля, – все земли, занимаемые израильтянами по обе стороны Иордана. Ханаанская земля отличалась необыкновенным плодородием, обилием пастбищ, удобных для скотоводства, и в этом смысле называется в Писании землею текущею млеком и медом. Хананеи – это первоначальные жители земли ханаанской, потомки Ханаана, сына Хамова, разделившиеся на 11 колен, из которых пять: евеи, иевусеи, амореи, гергесеи и хеттеи жили в той стране, которую после заняли израильтяне, или в собственном смысле землю Обетованную. Евеи, многочисленное племя ханаанское, обитали в средине земли ханаанской и частью на юге; амореи, – наиболее сильное при Моисее племя ханаанское, – широко распространились и в самой земле ханаанской, по эту сторону Иордана, занимали середину этой земли и гору аморейскую и распространились далеко, и на север и на юг; хеттеи обитали в нагорных странах около амореев и были также племенем сильным и многочисленным; иевусеи во времена Моисея занимали южную часть земли Обетованной; гергесеи обитали на западе Иордана. Ферезеи были народом, принадлежавшим к древним, природным обитателям Палестины, и не происходили из ханаанского племени; жили, главным образом, в середине Палестины, или земли ханаанской.

[5546] - Сущий, или по еврейский Иегова, – одно из имен Божиих, которым выражается самобытность, вечность и

неизменяемость Существа Божия.

5547 - Избравши Авраама для сохранения веры на земле и заключивши завет Свой с ним, Бог повторил потом обетования Свои Исааку и Иакову. Отсюда патриархи эти часто поставляются в Св. Писании вместе, не только как родоначальники народа еврейского, но и как преемники и хранители Божественных заветов и обетований, как великие подвижники веры и благочестия, и как ходатаи и заступники пред Богом, своею верою и добродетелями приобретшие особенную благодать у Бога. Поэтому имена их повторяются и упоминаются в Св. Писании и при явлениях и откровениях людям Божиим, причем Бог в этом смысле называется Богом Авраама, Исаака и Иакова.

5548 - Проказа – это самая страшная и отвратительная, заразная болезнь; она господствует преимущественно в странах с жарким климатом, особенно в Египте, Палестине, Сирии, Аравии, Индии и вообще на востоке. При развитии этой болезни кожа делается белой, потом пухнет, сохнет, покрывается струпами и язвами с отвратительным запахом, далее отпадают члены тела, и по большей части в конце концов пораженные этою болезнью умирают в страшных мучениях.

5549 - О явлении Бога Моисею и о призвании последнего см. Исх.3:1–4:17.

5550 - О казнях египетских см. Исх.7–12.

5551 - Род больших бесхвостых лягушек. Сами по себе жабы безвредны и не опасны, но очень гадки и отвратительны; мириадами покрывая нередко землю Египетскую и наполняя болота, каналы Нила, поля и дворы и вползая в дома, спальни, на постели, в печи и квашни, они делались настоящею язвою для жителей.

5552 - Под скнипами большинство толкователей разумеет здесь комаров, которых на востоке и вообще в теплых странах, особенно близ рек, бывает бесчисленное множество, так что они нередко являются бичом страны. По другим толкованиям, это – разного рода паразиты человеческие и скотские.

5553 - Песьи мухи – род язвительных мух или насекомых, будто бы особенно вредных для собак. Но здесь еврейское слово, заменяющее это выражение, означает собственно смесь, множество, и потому здесь нужно разуметь множество вредных насекомых вообще.

5554 - Некоторые разумеют под седьмою казнью – хамсин, южный палящий ветер, приносящий на Египет из пустыни целые груды песка, нередко соединяющийся с опустошительными грозами и в то же время сильным градом. Хамсин сопровождается страшными бедствиями для обитателей Египта.

5555 - Саранча – насекомое, принадлежащее к разряду прыгающих и травоядных. Отличается своею прожорливостью, и потому считается одним из самых ужаснейших бичей Божиих на Востоке. Она прилетает всегда тучами с восточным ветром, на своем пути пожирает всю растительность, и ничто не может противостоять ей, пока тот же ветер не загонит ее в море, где она и гибнет. Писание часто указывает на саранчу, как на особенное орудие Божиего гнева. – Гусеница – один из видов саранчи в своей личинке, до развития у нее крыльев.

5556 - По-еврейски – месяц Авив, или Нисан, соответствующий второй половине нашего марта и первой – апреля.

5557 - Пасха – в переводе с еврейского – значит прехождение, прохождение чего-либо, избавление, и отсюда жертва прехождения, избавления. Пасха – величайший из ветхозаветных иудейских праздников, установленный в память чудесного избавления евреев от рабства египетского. Ветхозаветная Пасха служила прообразом искупления рода человеческого от греха страданиями и смертью Божественного Агнца – Христа, и была великим таинством веры для евреев (Евр.11:28).

5558 - Об установлении праздника Пасхи см. Исх. 12:1–51, 13:1–16.

5559 - Израильтяне в это время стояли станом при Пи-Гахирофе пред Ваал-Цефоном (Исх.14:9). Ваал-Цефон – египетский город при Чермном или Красном море, по западной

стороне северного края его. Пи-Гахироф – местность при конце северного (Иерополитанского) залива Чермного моря, к востоку от Ваал-Цефона, так называемая Агируд или Агруд; ныне – крепость с источником столь горькой воды, что даже весьма неприхотливые верблюды едва могут пить ее.

5560 - Исх.15:1–18. Слова всей этой благодарственной, хвалебной песни преисполнены благоговейного восторга и носят печать священного величия. Эта торжественная песнь израильтян Господу в нашей Православной Церкви занимает первое место в числе девяти священных песней, служащих основанием известных песненных канонов, ежедневно воспеваемых Церковью во славу Бога и святых Его.

5561 - Тимпан – один из древнейших музыкальных инструментов, который и в настоящее время в большом употреблении на всем востоке, отчасти и на западе. Это деревянный или металлический круг шириною в ладонь, обтянутый кожей, по краям которого обыкновенно навешиваются разные металлические кружки, кольца, бубны. И теперь, как в древности, инструмент этот преимущественно есть инструмент женщин, которые при пении и танцах, держа его в левой руке, потрясают им, а правой рукой ударяют в него в такт.

5562 - Чермное, или так называемое Красное, море представляет собою длинный узкий пролив Индийского океана, отделяющий Аравийский полуостров от Египта и Азию от Африки. Чермное море весьма глубоко, даже на самом незначительном расстоянии от берега.

5563 - Сур – пустыня между Палестиной и Египтом, между заливом Чермного моря и Средиземным морем, до юго-западной границы Палестины. Ныне так называемая пустыня Ел-Джифар.

5564 - Исх.15:22–25. Мерра (в переводе значит – горечь) – место в пустыне Сур, на восточном берегу Чермного моря. Ныне полагают эту местность на пути от Айюн-Муза к Синаю в минеральном источнике Говаре или Гаворе, где вода столь неприятна, горька и солена, что считается кочующими Арабами самым дурным источником.

5565 - Исх. 16:1–36. Это было в пустыне Син в Аравии близ Синая. – Манна – в переводе с еврейского значит: «Что это такое?», ибо евреи в первый раз увидев ее сходящею с неба в роде чего-то мелкого, снеговидного, с недоумением вопрошали друг друга: «Что это такое?» Под манною здесь нельзя разуметь ни одного из всех известных родом манны натуральной, выделываемой из маленьких зерен особого злачного растения. Это была особенная чудесная пища, которую Бог с неба посылал израильтянам. Вкус манны Моисей уподобляет вкусу муки, смешанной с медом или елеем; она была при этом удобна и к составлению разных снедей.

5566 - Исх. 17:1–7. Это было в Рефидиме, в пустыне Аравийской, при горе Хориве. После чудесного изведения воды из скалы, Моисей нарек имя месту тому: Масса и Мерива (т.е. «искушение и укорение»), по причине укорения сынов израилевых, и потому что они искушали Господа, говоря: «Есть ли Господь среди нас, или нет?»

5567 - Исх.17:8–16. Амаликитяне – кочевой народ, живший на юге Палестины в каменистой Аравии, между Идумеей и Египтом, в пустынях Син и Фаран, на севере Синайского полуострова.

5568 - Гора Синай представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами; у арабов ныне называется горой Тур или Джебель-Тур-Сина; лежит почти посредине известных рукавов Чермного моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Собственно гора Сина, при которой израильтяне вступили в завет с Богом и получили от Него заповеди закона, представляет самую высшую юго-восточную вершину среднего хребта, низшую же, северо-западную вершину представляет собою гора Хорив.

5569 - Т.е. каменные доски.

5570 - Иисус Навин – преемник Моисея, вождь израильский, введший евреев в землю обетованную. Память его 1 сентября.

5571 - Нельзя, конечно, полагать, что израильтяне из металла думали сделать бога и ему приписать свое избавление из Египта, тогда как недавно Бог изрекал им закон Свой; нет, они хотели служить Иегове (Исх.32:5), но, в противность ясному запрещению Божию (20:4), увлеклись примером язычников, поклонявшихся божествам в чувственных образах, ближайший пример чего представляли им египтяне, почитавшие черного быка Аписа, изображавшего собою божества Озириса, и отливавшие из металла его изображение. При всем том преступление их являлось идолослужением и заслуживало строгого наказания.

5572 - Кивот или, с греческого, Ковчег Завета величайшая святыня Скинии представлял собою ящик, сделанный из дерева ситтим (лучший род кедра).

5573 - Стамна, в переводе с греческого, – кувшин или вообще сосуд. В сей золотой стамне хранилась часть манны, которою израильтяне чудесно питались в продолжение сорокалетнего странствования своего по пустыне Аравийской.

5574 - О происхождении сего жезла Ааронова повествуется в книге Чисел. Однажды против Моисея и Аарона открылось опасное возмущение, во главе которого был левит Корей и двое рувимлян Дафан и Авирон, к которым присоединились еще 250 начальников общества. Корей, завидуя Аарону, сам домогался верховного священства и вместе со своими сообщниками стал говорить, что всё общество свято, и напрасно Моисей и Аарон ставят себя выше всех. Виновные были судом Божиим наказаны: их поглотила рассевшаяся земля; но возмущение продолжалось, и гнев Божий поразил еще 14700 человек. Для предотвращения споров о том, кому должно принадлежать право священства Бог повелел взять у каждого из двенадцать начальников колен израильских по жезлу и положить в скинии, обещая, что у избранного Им жезл расцветет. На другой день Моисей нашел, что жезл Ааронов дал цветы и принес миндальные орехи. Тогда Моисей положил жезл Ааронов пред ковчегом завета на сохранение, в свидетельство будущим поколениям о Божественном избрании во священство Аарона и потомков его.

5575 - Изображение Херувимов в образе человеческом, но с крыльями, и поставление этих изображений над ковчегом завета выражало, что они как высшие духовные существа удостоены особенной близости к Богу, предстоят престолу Его и благоговейно служат Ему, приникая в тайны нашего спасения.

5576 - Праздники сии были следующие: субботы, Пасха и праздник опресноков, Пятидесятница (установлен в память Синайского законодательства и для принесения благодарения Богу за новые плоды земные), праздник труб, день очищения, праздник кущей, новомесячия – начало каждого нового месяца, освящавшееся жертвоприношениями. Кроме того, особенными празднествами для израильтян были: субботний год, или седьмой, и юбилейный, или 50-й год.

5577 - Числ.3:5–13, 8:5–22, 1:5–53. Сначала Аарон и его сыновья получили особенное посвящение для священнослужения пред Богом в Скинии; после к ним присоединено всё колено Левиино. Священнослужение собственно принадлежало Аарону и сыновьям его и их потомству; первосвященство принадлежало старшему в роде его; прочие потомки его были священниками, а прочие из колена Левия назывались вообще левитами, которые служили при скинии, исполняя низшие обязанности: носили скинию и ее принадлежности, охраняли их, помогали священникам при богослужении, некоторые из них были певцами и музыкантами, книгочиями и судьями по гражданским делам и т.д.

5578 - Кадис, или Кадис-Варни – местность на границе земли обетованной, близ горы Сеир, на юге Палестины.

5579 - Числ.21:4–9. Вознесенный в пустыне змей, – по выражению св. Григория Нисского, – есть знамение крестного таинства, чему ясно учит Слово Божие, когда говорит: «как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому» (Иоан.3:14).

5580 - Аварим представляет собою собственно цепь гор, идущих против Иерихона по ту сторону Иордана, в земле Моавитской. Моисей видел землю обетованную с вершины горы Нево; вершина эта носила наименование Фасги.

[5581] - Гора Ор находилась на границе Идумеи и Палестины, близ Кадиса, к югу от Мертвого моря. – Аарон умер еще за год до кончины Моисея.

[5582] - Галаадской страной называется страна Заиорданская – от горы Ермона до реки Арнона. Город Дан – на севере Палестины и был северным пределом земли Обетованной. Земля Неффалимова занимала самую северную часть земли ханаанской. Колено Ефремово при разделении земли Обетованной заняло самую средину ее. Манассиино – северную ее часть рядом с Галаадом, который впоследствии был занят им же. Иудино колено заняло обширнейшую и важнейшую часть ханаанской земли от Средиземного моря до Мертвого, и от потока Египетского до пределов Ефремовых. – Под Западным морем разумеется здесь Средиземное. – Полуденная страда, т.е. южная. Сигор – город в долине Сиддим, на юге пустыни Иудейской, по восточной стороне Мертвого моря. Таким образом Моисею была показана вся страна, которую по воле Божией должны были занять евреи.

[5583] - Веф-Фегор – один из городов Сигона, царя аморейского на восточной стороне против Иерихона.

[5584] - Под Максимианом здесь разумеется Максимиан Галерий. Кандавла – селение близ Никомидии. Страдания и смерть святых мучеников последовали между 305 и 311 гг. по Р. Хр.

[5585] - Асия – провинция Римской империи, на западе Малоазийского полуострова, с главным городом Ефесом.

[5586] - Т.е. взял его живым на небо.

[5587] - Траян, римский император, царствовал с 98 по 117 г.

[5588] - Геркулес – герой древнегреческих преданий, олицетворявший собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый древними греками как один из наиболее излюбленных богов.

[5589] - Кончина св. мученицы последовала около 117 г. по Р. Х. В жизнеописании мц. Миропии при императоре Декии, в половине II века, говорится, что св. Миропия имела особенное

усердие к гробу св. Ермионии в Ефесе и от мощей ее не иссякало целебное миро.

5590 - Ирод, называемый в истории Великим, сын Антипатра, царя иудеев, сначала был правителем Галилеи, но при первом римском императоре Октавие Августе, еще до воцарения его, в 40 г. до Р. Х., получил титул иудейского царя и управлял всей Иудеей, которая тогда была подчинена Римскому государству.

5591 - Слово «Иоанн» с греч. означает «благодать Божия»; (греч. ф-ма [Иоаннес] евр. имени Иоханан, «Яхве милостив»).

5592 - Т.е. с той же несокрушимою ревностью и нравственным могуществом, с какими некогда действовал великий ревнитель по Боге пророк Илия.

5593 - Иис.Нав.21:13; 1Пар.6:65. Хеврон был одним из древнейших городов земли ханаанской. Он существует и доселе и имеет до десяти тысяч жителей, которые занимаются торговлею, хлебопашеством, разведением фруктовых садов и виноделием. город лежит на тысячу футов выше Иерусалима в глубокой и узкой долине, с обеих сторон окруженной горами, в богато возделанной и плодоносной местности. Все окрестности города покрыты масличными, гранатовыми, фиговыми, фисташковыми деревьями; особенно же славится Хеврон большими и превосходными виноградниками.

5594 - Валент – римский император 364–378 гг. после Р. Хр., правивший восточной половиной империи, ревностный покровитель ариан.

5595 - Епарх – греческое слово, обозначающее «начальник». Так назывались правители римских областей.

5596 - Это было в 370 г.

5597 - Святой мученик Авдий пострадал в царствование персидского царя Издигерда (408–420 гг.).

5598 - Пострадали в начале II века в царствование императора Траяна.

5599 - Глеб – младший сын св. равноапостольного князя Владимира Великого, от христианского супружества его с греческою царевною Анною. Был князем древнего Мурома, центра северной ростово-суздальской области (ныне довольно

незначительный уездный город Владимирской губ.). Борис – родной брат св. Глеба от той же матери, князь Ростовский (Ростов – ныне уездный город Ярославской губернии); братоубийственно умерщвлен подкупленными убийцами, вскоре по смерти Владимира в 1015 году, на реке Альте, где стоял станом, возвращаясь с похода на печенегов. Святополк – сын Владимира от вдовы брата его Ярополка; за свое злодеяние остался в истории с именем «Окаянного» По убиении Бориса и Глеба, он был побежден Ярославом Мудрым, изгнавшим его из Киева, бежал в Польшу и впоследствии погиб «злою смертью» в пустыне между Польшею и Богемиею.

5600 - Смядынь – маленький приток Днепра, при Смоленске.

5601 - Торки – один из кочевых народов азиатского происхождения4 в древней удельно-вечевой Руси обитали преимущественно на юго-западе ее.

5602 - Кончина св. благоверного князя Глеба последовала в 1015 году. Во св. крещении Глеб именовался Давидом.

5603 - О прославлении честных мощей святого первомученика Стефана в Четьих Минеях, между прочим, повествуется: «Ночью над мощами святого являлся свет, и сильное благоухание исходило от ковчега (раки мощей) и воздухе слышалось Ангельское пение». См. 2 августа.

5604 - Вышгород – древний и прежде значительный русский город, в 15 верстах от Киева вверх по Днепру; служил сильным укреплением для Киева с севера и был излюбленным городом великих Киевских князей, особенно Владимира Великого. – В Вышгород мощи св. князя Глеба были перенесены и положены вместе с мощами св. князя Бориса в княжение в Киеве Ярослава Мудрого в 1019 году. В 1072 году в честь свв. князей установлено празднество. Мощи их утрачены во время нашествия на Киев Батыя, хана монгольского, в 1240 году.

5605 - Юстиниан Великий – знаменитый византийский император, царствовал с 527 по 565 гг.

5606 - Город Афира или Афир находился при впадении реки Афира в Мраморное море и назывался иначе Порос; он находился в 24 тысячах шагов от Константинополя.

[5607] - Колоссы – город в юго-западной части Фригии, при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В 10 год царствования Нерона (64 по Р. Х.) Колоссы были разрушены землетрясением; после снова были выстроены, но уже никогда не достигали прежней славы. Впоследствии назывался Хоны. Ныне это небольшая деревенька на одном из скатов горы Хонас, при которой сохранились еще развалины древнего города Колоссы. Одно из посланий Ап. Павла написано к жителям этого города. – Церковь св. Архистратига Михаила с древних времен существовала в этом городе.

[5608] - Иераполь (с греч. священный город) – город в Малой Азии, во Фригии. Он стоял недалеко от г. Колоссы и Лаодикия, почти при соединении рек Меандра и Ликуса. Новейшее название города: Рамбук-Калеси (город хлопчатой бумаги). Иераполь некогда имел епископа, присутствовавшего на первом Никейском соборе в 325 г. В Иераполе, между прочим, как видим из предлагаемого здесь повествования, учил и мученически скончался св. Ап. Филипп.

[5609] - Силоам – источник или водоем Силоамский, и устроенная при нем купальня Силоамская находились на юго-восточной стороне Иерусалима при подошве гор Сион и Мориа. Об источнике Силоамском в Св. Писании упоминается 3 или 4 раза, и между прочим у евангелистов Иоанна и Луки. (См. Иоан.5и 9:7–11; Лк.13:4).

[5610] - Ехидна – ядовитая змея, величиною около 12 футов и более. Уязвление ее очень опасно и большинстве случаев оканчивается скорою и неизбежною смертью. В Св. Писании змеи вообще представляются страшными и опасными животными, с которыми человек постоянно должен жить во вражде. Они служат образом всего того, что, по природе своей, причиняет вред и погибель (Еккл.10:11; Притч.21:31–33; Мф.7:10).

[5611] - Ефес, при Эгейском море, был важный торговый город в Малой Азии.

[5612] - Артемида – иначе Диана – известная языческая богиня у греков, олицетворяла собою луну и считалась

покровительницею лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с большим великолепием и блеском; особенно чтили ее в г. Ефесе.

5613 - В этом месте прор. Исаия указывает на те великие последствия, которыми будет сопровождаться пришествие в мир Спасителя. тогда «целыми потоками потечет (пробьется) вода в пустыне, и поэтому в земле сухой появится дебрь или долина», и тогда «безводная местность превратится в озера и на земле сухой появится источник воды: (так что) там будут веселиться птицы, там будет расти тростник и будут луга».

5614 - Лаодикия – главный город Фригии, на юго-западе ее, недалеко от города Колосс, при реке Ликусе. Церковь Лаодикийская была одна из семи знаменитых Малоазийских церквей, упоминаемых в Апокалипсисе. В церковной истории Лаодикия известна по бывшему там собору (около 365 г.), оставившему подробные правила касательно порядка Богослужения, нравственного поведения клира и мирян, и различных заблуждений того времени.

5615 - Вретище – мешок из дерюги или веретья, – рубище, власяница.

5616 - Адамант (алмаз) – камень, имеющий такую крепость, что чертит прочие камни, сам не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим отцам и учителям Церкви, прославившимися твердостью своей веры или характера.

5617 - Ликия – провинция Малой Азии. Она граничит к северу с Писидиею, к востоку – с Памфилиею, к югу – с Памфилийским или вообще с Средиземным морем, к западу с Кариею. Из городов Ликии в Св. Писании упоминаются Патара и Миры. В Патаре ненадолго останавливался Ап. Павел, возвращаясь после третьего своего путешествия в Иерусалим (Деян.21:1). Города Патара и Миры особенно известны верующим по истории святителя Николая, архиепископа Мирликийского. Патара Ликийская была его родиной, а в Мирах он был епископом.

5618 - «Хонас» (греч.) – отверстие, впадина, расселина.

[5619] - Гарган – известковая гора на восточном берегу Средней Италии. Гора Гарган упоминается у древних дохристианских писателей: Страбона, Мелы, Виргилия и др.

[5620] - Стопа – мера расстояния; по нашему около 4 вершков. 12000 стоп составляют около 2-х верст.

[5621] - Т.е. жителя Неаполя. Неаполь, главный город провинции Итальянского королевства с тем же названием, расположен по северному берегу Неаполитанского залива.

[5622] - Афонская гора – узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг. Афонская гора (иначе Афон) – одно из наиболее чтимых святых мест восточного православного мира и ежегодно посещается тысячами богомольцев. В настоящее время на Афоне расположены 20 больших монастырей, несколько скитов и множество отдельных келлий.

[5623] - Солунь (иначе Фессалоники) – столица одной из областей Македонии. В Солуни Апостол Павел проповедовал Евангелие; два из его посланий написаны для жителей означенной области и города.

[5624] - Екклисиарх (греч. начальник храма), обязан был наблюдать за церковным зданием и чистотой в нем, а также порядком богослужения в монастыре, по указаниям церковного Устава.

[5625] - Траян – римский император, царствовал с 98 по 117 г. по Р. Х. Один из лучших римских императоров. Однако и он преследовал христиан и издал два закона, немало повлиявшие на начало открытых гонений на христиан: один из них запрещал всякие тайные собрания, вторым – узаконялось предавать казни всех, оказавших упорное нежелание принести жертву языческим богам, по причине исповедания христианской веры.

[5626] - Иверы – нынешние грузины. Савроматы или сарматы жили по соседству с иверами от Кавказа и Каспийского моря и далее на восток; арабы – на Аравийском полуострове.

[5627] - Блаженная кончина святого мученика последовала около 107 года или 115 года, в то время когда император Траян находился со своими войсками на востоке.

[5628] - Пустыня Ермопольская находилась в Египте и получила свое наименование от древнеегипетского города Ермополя.

[5629] - Здесь разумеется священник Захария, отец св. Иоанна Предтечи. См. Лк.1:11–22.

[5630] - Жил и скончался в VI в.

[5631] - Декий – жестокий гонитель христиан; царствовал с 249 по 251 г.

[5632] - Александрия – знаменитый по своей образованности, политическому значению и торговле город, основанный Александром Великим в Египте около 333 г. до Р. Х.

[5633] - Св. Фабиан – папа римский в 236–250 гг.

[5634] - Св. Александр – патриарх Александрийский в 212–250 гг.

[5635] - В некоторых древних месяцесловах (имп. Василия и других) вместо «Максимиан» стоит «Максим». Полагают, что это был Нумерий Максим, состоявший правителем Киликии в 304 г.

[5636] - В месяцеслове имп. Василия место рождения мученика Созонта названо Ликиею, в Прологе, как и в Четьих-Минеях, Ликаонией; по актам мученическим это – Киликия, где был приморский город Помпеополь, в древности Солы.

[5637] - По греческому синаксарю святогорца Никодима страдания и смерть св. мученика Созонта последовали в 288 году. По другим известиям, это происходило около 304 года.

[5638] - Никифор Каллист.

[5639] - Мартирологи, или мученические акты – это сборник древнейших известий о страданиях мучеников. Началом и первыми основаниями мученических актов являются известия о допросах, осуждении и казни мучеников языческим начальством. Со времени гонения римского императора Деция Траяна (250 года по Р. Х.) стали вести в Риме и в других местностях формальные церковные акты о судьбе мучеников, но от них до нас дошли лишь незначительные отрывки.

[5640] - Веспасиан – римский император, царствовал с 70-го по 79 год по Р. Х.

[5641] - Блаженная кончина святого Евода последовала в 66 году по Р. Х.

[5642] - Колофон – древний город Лидии, в северо-западной части Малой Азии. В недавнее время открыты развалины этого города.

[5643] - Адриан – римский император, царствовал с 117 по 138 год по Р. Х. Он хотя и не воздвигал на христиан особого продолжительного гонения, однако, при нем пострадало много мучеников христианских, и сам он имел склонность к суеверию и таинственным учениям языческим.

[5644] - Есть известие, что Иоанн принимал участие в одном из соборов, где он «великие исправления показал».

[5645] - Иначе на 345 сажени, или на 2/3 версты с небольшим.

[5646] - 7 сентября 1186 г.

[5647] - В 1439 году, во время архиепископства Евфимия, обретены были мощи св. Иоанна. С течением времени граждане позабыли о святом архиепископе, не знали даже и гробницы его. В этом же году небольшой камень в притворе Софийского храма оторвался со своего места и упал на гробницу преподобного, так что большая каменная надгробная плита разбилась. Это показалось удивительным; потому сняли разбившуюся плиту и под нею обрели нетленные мощи сего угодника Божия; но никто не знал, как зовут сего подвижника. Тогда Иоанн сам явился во сне архиепископу Евфимию и назвал себя. С того времени и началось местное почитание святого Иоанна; общее же празднование памяти сего подвижника было установлено митрополитом Макарием в 1547 г.

[5648] - Соломон – израильский царь, младший сын и преемник царя – псалмопевца Давида, царствовал с великою славою с 993 по 953 год до Р. Х. Он укрепил границы государства, подавил внутренние смуты, завел оживленную торговлю с соседними государствами. Век Соломона был самым блестящим для наук и искусств. Слава о его богатствах и еще более о его мудрости распространилась далеко за пределы царства израильского. Имя Соломона стало впоследствии

синонимом мудреца. Боговдохновенные писания его (книга Притчей, Екклесиаст, Песнь Песней) навсегда останутся училищем мудрости и добродетели для всех людей. – Конец жизни Соломона был омрачен его падением; но при самом закате дней своих он познал суету всего земного.

5649 - С именем Хирама в библейской истории известны два лица, оба имевшие ближайшее отношение к построению храма Иерусалимского: 1) Тирский царь, находившийся в дружеских отношениях с Соломоном, прославивший себя замечательными постройками; он присылал Соломону кедры и кипарисы, плотников и мастеров для постройки храма, и 2) Тирский зодчий, про проекту которого были сделаны сосуды для храма Соломонова. Здесь естественнее разуметь сего последнего. Он владел искусством и умением производить всякие изделия – из золота, серебра, меди и железа, и из камней и дерев, и из пряжи, и виссона, и багряницы. См. 3Цар.7:13–40 и 2Пар.2:13–14, 4:11, 16.

5650 - Ливан – горный хребет в северных пределах Палестины на границе между Иудеею и Сириею, отделяет от последней Финикию, по всему протяжению которой он тянется; славится своими прекрасными деревьями, особенно кедровыми, кипарисовыми и дубовыми.

5651 - Мориа – гора подле Иерусалима. Гора эта представляет один из холмов, на которых построен Иерусалим; лежит к северо-востоку от Сиона.

5652 - В сем событии свв. отцы: Ефрем Сирин, Августин и др. видят прообразовательные по отношению ко Христу черты: Давид умертвил Голиафа камнем, брошенным из пращи – «в образе Христа; Голиаф – в образе диавола: диавол был поражен глаголом Божиим и смирением, наконец, на Голгофе был сокрушен вконец».

5653 - Слово св. Иоанна Дамаскина на Рождество Пресвятой Богородицы.

5654 - Из службы на Введение Пресвятой Богородицы. Канон, ирмос 9.

5655 - Капернаум – город на северо-западном берегу Геннисаретского озера или Тивериадского моря, принадлежащий к Галилее, на границе между коленами Неффалимовым и Завулоновым. Он лежал на мысе, недалеко от впадения Иордана в море. Во время земной жизни Спасителя Капернаум отличался цветущим благосостоянием и богатством. В войнах с римлянами Капернаум был совершенно разорен, и ныне остаются здесь только несколько рыбачьих хижин и одни жалкие развалины.

5656 - Вифлеем – небольшой, незначительный городок в колене Иудином, недалеко от Иерусалима, около 2 часов пути к югу, названный так, вероятно, по плодородию земли, – место Рождества Христова.

5657 - По слову Самого Спасителя, который говорил о себе: «Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек» (Иоан.6:51).

5658 - Назарет, в переводе с еврейского, может означать или отпрыск, отрасль, ветвь, кустарник, или огражденное, сокровенное место.

5659 - Акафист Пресвятой Богородице, кондак 13.

5660 - Акафист, икос 5.

5661 - Из молитвы Богородице «Достойно есть».

5662 - Слово на Рождество Богородицы.

5663 - Там же.

5664 - Октоих, мученичен на стиховне в пяток, гл. 8.

5665 - Служба на Рождество Богородицы, 1 стихира на «Господи воззвах».

5666 - Дионисий Ареопагит – член Ареопага Афинского, обращенный к христианству ап. Павлом (Деян.17:34); был первым епископом Афинским и писал послания ко многим лицам и церквам. Свое служение он запечатлел мученическою кончиною около 96 г. в царствование Домициана. Память его 3 октября.

5667 - Литургия св. Василия Великого, из песн. «О тебе радуется».

[5668] - Еще патриархам израильского народа неоднократно было дано Богом обетование о размножении потомства их; поэтому израильтяне на многочисленное потомство смотрели как на высшее счастье и благословение Божие. С другой стороны, по древнему обетованию Божию, израильтяне надеялись в своем потомстве обрести обетованное Богом «Семя жены» – Мессию. Вот почему бесчадие считалось у евреев тяжким несчастьем и наказанием Божиим за грехи, и на людей, не имеющих детей, евреи смотрели как на великих грешников.

[5669] - Память преставления праведной Анны церковь совершает 25 июля.

[5670] - Церковь ежедневно по окончании Божественных служб, на отпусте, испрашивает исходящим из храма помилование и спасение от Господа молитвами Богородицы и св. праведных Богоотец Иоакима и Анны, и ежегодно совершает память их на другой день Рождества Богородицы, ибо после праздника Рождеству Богоматери прилично славить и св. Ее родителей.

[5671] - Севастия – город в Армении.

[5672] - Мученики Севастийские пострадали в 320 г. Память их 9 марта. В житии их повествуется, что они за непреклонное исповедание веры были мучимы, затем осуждены были пробыть ночь в озере, покрывшемся льдом, при северном пронзительном ветре, и на другой день после новых тяжких мучений сожжены.

[5673] - Пророческое слово разумеет здесь бичи и язвы, какие злочестивыми мучителями наложены на победоносных мучеников.

[5674] - Смысл выражения тот, что св. мученик, подобно ап. Павлу, чувствуя еще в своей плоти недостаток страданий и скорбей, какие перенес Христос, ищет случая восполнить оный, и радуется, что нашел такой случай в страданиях за исповедание имени Христова.

[5675] - Мученическая кончина Севириана последовала в 320 году, в одно гонение с 40 мучениками Севастийскими, но только

спустя полгода.

[5676] - Перенесение св. мощей мученика последовало через 15 лет по его кончине.

[5677] - Хартулариями назывались в греческой церкви письмоводители при должностных лицах церкви. – Жизнь и подвиги блж. Никиты, тайного угодника Божия, относятся к XII столетию.

[5678] - Здесь разумеется величественнейший великолепный собор во имя св. Софии – Премудрости Божией, построенный императором Византийским Юстинианом Великим в Константинополе в 537 г. В 1453 году, по завоевании Константинополя турками, Софийский собор обращен в мечеть.

[5679] - Влахерны – местность в Константинополе на западном углу города – во времена Византийской империи славились по всему Востоку своими святынями. особенно известны были Влахерны Богородичною церковью, построенной императором Львом Великим, при котором в этой церкви в 474 г. положены были честные ризы Пресвятой Богородицы, принесенные из Палестины.

[5680] - Феодосий II или Младший – восточный римский (византийский) император, внук Феодосия Великого, царствовал с 408 по 450 г. – III Вселенский собор был созван с 431 г. – Ефес – ионический город на западном берегу Малой Азии, бывший первоначально центром малоазийских греческих колоний, а во время владычества римлян – главный город Азии проконсульской; славился обширною торговлею, науками и искусствами и великолепным храмом в честь языческой богини Дианы. Впоследствии Ефес быстро пришел в упадок. В настоящее время от этого некогда знаменитого и блестящего города остались одни развалины.

[5681] - Несторий был патриархом Константинопольским с 428 по 431 г.

[5682] - Павел Самосатский (Самосат – древний город в Сирии) – епископ Антиохийский (260 г.), учил об Иисусе Христе, как о человеке, достигшем Божественности и о Духе Святом, как о силе Божией; осужден на Антиохийском соборе 269 г. –

Диодор, епископ Тарсийский (Тарс – главный город Киликии – юго-восточной римской провинции в Малой Азии) – один из известных христианских богословов IV века, отличался благочестием и ученостью. Но он признавал в Иисусе Христе соединение двух естеств Божеского и человеческого лишь нравственное, а не по существу – неслитное и нераздельное, почему многие не без основания видят в нем прямого предтечу несторианства.

[5683] - Кирилл Александрийский – замечательнейший – и ученейший богослов христианской Церкви в V в., ратоборец за Православие и обличитель различных ересей, особенно же – несторианства; оставил после себя многочисленные творения; скончался в 444 г.

[5684] - Св. Целестин I – папа римский с 422 по 432 г.

[5685] - «Волок Ламский», иначе называвшийся просто «Волоком», нынешний уездный город Московской губернии Волоколамск, первоначально основан был Новгородскими колонистами при реке Городенке, притоке Ламы, и существовал еще в 1135 г. В древности Волок Ламский был очень обширен, многолюден и богат.

[5686] - Прп. Иосиф, в мире Иван Санин, родился в 1439 или 1440 г.

[5687] - Прп. Иосиф обучался грамоте в Воздвиженском монастыре.

[5688] - Боровск – ныне уездный город Калужской губернии – расположен на правом берегу крутой излучины реки Протвы, в 80 верстах от Москвы и в таком же приблизительно расстоянии от Калуги. Город существует с XIII столетия и получил название от крупных сосновых лесов (боров), окружающих его и по настоящее время.

[5689] - Это было около 1459 г.

[5690] - Это было около 1479 г.

[5691] - Ересь «жидовствующих» возникла во второй половине XV в. в Новгороде, где распространителем ее был приезжий жид Схария, и отсюда перешла в Москву, получила широкое распространение и угрожала Православной Церкви великими

смутами. Самым выдающимся и энергическим борцом против ереси явился прп. Иосиф Волоколамский, который написал против них так называемый «Просветитель», сочинение в 16 книгах, подробно изобличающее их лжеучения. Ересь «жидовствующих» заимствовала многое из иудейства, откуда и получила свое наименование; «жидовствующие» отрицали Боговоплощение и Божество Иисуса Христа; отрицали монашество и духовную иерархию, таинства, почитание святых и икон, отрицали загробную жизнь и т.д. Собор 1504 г. предал проклятию еретиков, осудил некоторых еретиков на сожжение и прекратил дальнейшее распространение ереси.

5692 - От Рождества Христова в 1515 г.

5693 - Мощи прп. Иосифа Волоколамского в настоящее время почивают под спудом в его обители.

5694 - Кар, Нумериан и Карин – преемственно царствовавшие императоры римские: Кар с 282 по 283, а Нумериан и Карин, сыновья Кара, вместе с 283 по 284 гг.

5695 - Кончина прп. Феофана последовала около 300 г.

5696 - Волхвы были родом из Персии и принадлежали к почетному сословию мудрых и ученых людей. По преданию, они были народными вождями и потому здесь названы царями.

5697 - Состояние людей до обращения их ко Христу Апостол сравнивает с состоянием рабства. От рабства можно было освободиться выкупом; от рабства же греху и суетной жизни искупила нас кровь непорочного Христа, называемого в Св. Писании Агнцем.

5698 - Познание об Иисусе Христе, распространяемое в мире проповедью о Нем, Ап. Павел Как в Ветхом Завете сосуды священные и служители скинии, помазываемые миром, распространяли вокруг себя благоухание, так в Новом Завете апостолы, будучи как бы сосудами благовоннейшего мира – познания Христа, были исполнены благоухания и, проповедуя о Христе, распространяли это благоухание повсюду.

5699 - Вифиния была в то время северо-западной провинцией Малой Азии; она лежит по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива.

5700 - О Дине упоминается в книге Бытия (Быт. 30:21, 34:1, 48:15). Во время пребывания Иакова в стране Сихемской, Дина из любопытства пошла посмотреть на тамошних девиц. В это время сын Сихемского князя, плененный ее красотою, самовольно похитив ее, увел к себе и обесчестил.

5701 - Апостол увещевал христиан не любить мира и не прилепляться к нему. В мире действуют три страсти – похоть плоти, похоть очей и похоть ума или гордость житейская.

5702 - Два поприща – около 3 км.

5703 - Так называлась местность близ города Никомидии. Впоследствии здесь имп. Юстиниан (527–565) построил дворец, больницу и храм во имя Архангела Михаила.

5704 - История странствования евреев по пустыне аравийской изложена в книге Числ. 11:21.

5705 - Т.е. слезы мои сделались для меня как бы всегдашнею пищею. См. Пс.41:3–4.

5706 - Слова Спасителя, сказанные Им Апостолам (Мф.5:14). Это значит, что душа, украшенная добродетелями, приблизившаяся к Богу, не может укрыться от внимательных очей.

5707 - Идолы – дело рук человеческих, и сами идолопоклонники делаются подобными идолам, – лишенными ума, бесчувственными, как и их идолы.

5708 - В честь святых мучениц есть служба, канон составлен преподобным Иосифом песнописцем (ум. 883 г.).

5709 - Здесь, очевидно, разумеются те пять мудрых дев, о которых говорится в притче Спасителя (Мф.25:1–13).

5710 - Царствовал с 395 по 408 г.

5711 - Несториан и евтихиан, о них смотри ниже.

5712 - Титул этот перешел к христианским греческим императорам от языческих римских, которые все назывались, в прибавление к собственному имени, Августами – в честь первого римского императора, носившего это имя; отсюда наше слово «Августейший».

5713 - Т.е. в патриаршей.

[5714] - Местность в Константинополе.

[5715] - Город в Греции, теперь столица.

[5716] - Философ – мудрец.

[5717] - Еллинский – греческий; иногда это слово значит языческий; ко времени Рождества Христова греки были самым образованным народом древности.

[5718] - Царствовал с 423 по 455 г.

[5719] - Здесь разумеется Валентиниан III, современник Феодосия II.

[5720] - Феодосий сделал было Нестория архиепископом Константинопольским.

[5721] - Евнух с греч. языка значит «хранитель постели»; так назывались в Византии особые придворные чиновники, заведовавшие царскою спальнею; вместе с тем обычно это были самые приближенные к царю лица.

[5722] - Св. Флавиан патриаршествовал с 447 по 449 г.

[5723] - Хрисафий был евтихианин.

[5724] - Диаконисса – с греч. языка значит служительница. Учреждение диаконисс восходит ко временам апостольским (см. Рим.16:1). На должность диаконисс избирались пожилые (не моложе 40 лет) девственницы или вдовы. Обязанностью их было наблюдать за благочинием и порядком среди женщин во время богослужения, наставлять женщин, обращающихся в христианство, – как те должны держать себя при крещении, прислуживать при крещении женщин епископу и, вместо него, совершать помазание частей тела, кроме чела и т.д. Относительно диаконисс есть несколько канонических постановлений, а именно: IV всел. 15, VI всел. 14 и Вас.Вел. 44. – диаконисса, вступившая в брак, подлежала анафеме вместе с мужем; таким образом, св. Пульхерии, в случае вступления ее в диакониссы, совершенно закрывался путь к царскому престолу.

[5725] - Город в Малой Азии, на берегу Константинопольского пролива (на другой стороне против него – Константинополь).

[5726] - Область в Византийской империи в северо-восточной части Балканского полуострова.

[5727] - Город в западной части Фракии.

[5728] - Вандалы – народ, живший сначала в южной Испании, а потом в северной Африке; принадлежали к германскому племени и во времена св. Пульхерии исповедовали арианство.

[5729] - Область Византийской империи на юго-западе Малой Азии.

[5730] - Диоскор, патриарх Александрийский, и Евтихий учили, что в Иисусе Христе – одна Божественная природа, ибо человечество в Нем было поглощено Божеством. Последователи их назывались евтихианами или монофизитами (от греческих слов, означающих «один» и «природа»). IV Вселенский Халкидонский собор был к 451 году.

[5731] - Кончина св. царицы Пульхерии последовала в 453 г. – Память ее вскоре после кончины стал праздновать царь Лев (457–474 г.).

[5732] - Подвизались в X веке.

[5733] - Монемвасия – город на о. Миноа, на Аргосском заливе, бывший сильным укреплением и главным центром торговых сношений Византии с Востоком. Ныне незначительный городок с развалинами крепостных сооружений.

[5734] - Мученическая кончина св. Варипсава и его подвига относятся ко II веку.

[5735] - Смирна – знаменитый торговый город Ионии, в восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага), верстах в 56 от Ефеса, при устье реки Мелес, один из древнейших городов Малой Азии; церковь насаждена была в Смирне св. Апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает православная христианская вера. Город остается и теперь одним из самых цветущих и очень населенных городов империи.

[5736] - Лаодикия Сирская – главный некогда город Фригии, на юго-западе ее, в Малой Азии, при реке Ликус; славился широкой торговлей. В настоящее время только одни развалины на одном невысоком холме при опустошенном селении Эски-Гассара служат памятником этого древнего города.

[5737] - Сардика – древний Сардис, или Сарды, богатый город Лидии, в северо-западной части Малой Азии, бывший некогда столицею и резиденциею известного своим богатством царя Креза; во времена апостольские был еще значительным городом; рано возникла там и христианская церковь. В X в. Сардика азиатским завоевателем Тамерланом была разрушена до основания. теперь здесь – лишь ничтожная деревенька, и только развалины свидетельствуют о прошлом величии этого города.

[5738] - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 года до Р. Х. на мысе, выдающемся в южный берег Средиземного моря (несколько южнее нынешнего города того же наименования); был некогда центром науки и первым торговым городом на земле; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

[5739] - Октодека – с греч. значит восемнадцать. Отсюда монастырь и получил свое наименование. Нужно заметить, что в первые века Египет славился подвижничеством иноческим, которое там первоначально и возникло, и изобиловал иноческими обителями, как то явствует и из дальнейшего повествования настоящего жития, почему некоторые монастыри и получали наименование по расстоянию своему от ближайшего более или менее крупного центра.

[5740] - Громадное ящерообразное пресмыкающееся с окостенелыми кожаными щитами на спине, громадною пастью и острыми громадными зубами. Крокодилы пожирают не только крупных рыб, падаль, но даже животных и людей. Величайшая река в мире – Нил, орошающая весь Египет, изобиловала ими и они приносили весьма значительный вред. Несмотря на это, древние египтяне обоготворяли их и часто содержали в прудах, где их кормили мясом животных и людей. Поэтому появление этого речного гада в озере неудивительно, равно как и то, что власти, быть может, из боязни язычников, которых было еще много в Александрии, не решались изловить и уничтожить это опасное животное. Под озером можно предполагать озеро Мореотис, или Мариут, отстоявшее недалеко и от Александрии и от Нила, куда крокодил мог и сам довольно легко переползти.

[5741] - Правитель области в греко-Римской империи.

[5742] - Византийский император, царствовал с 474 по 491 год.

[5743] - Пустыни египетские, как и вообще африканские, особенно изобилуют множеством свирепых львов. Под именем зверя, о котором повествуется далее, следует разуметь льва.

[5744] - Вероятно около самого города, – даже, как показывает греческое наименование монастыря, в расстоянии одной версты.

[5745] - Жил и подвизался в IX веке в странах Амморейских, в Палестине, близ Иордана.

[5746] - Визад – город в главной области персидского царства.

[5747] - Сапор II, известный под именем Великого, – персидский царь, царствовал с 310 по 381 г. по Р. Хр.; известен счастливыми войнами с римлянами; был жестоким гонителем христианства.

[5748] - Мученическая кончина св. Ии относится к 362–384 г.

[5749] - Вифиния – область в Малой Азии. – Сореос, или Сореи – находилась на правой руке у судов, входивших в залив Никомидийский или Астаценский.

[5750] - Ликаония – область Малой Азии, рядом с Исаврией, также малоазийской областью, с городом того же имени. Исаврия принадлежала ранее то Фригии, то Писидии, то Ликаонии.

[5751] - Евксинское море, или Понт – древнее название Черного моря, которое по преданию называлось ранее «Аксинским», т.е. негостеприимным, по причине бурь; когда же берега его, начиная с VII века, стали покрываться греческими колониями, то оно стало называться «Евксинским», т.е. гостеприимным.

[5752] - Асия – римская провинция, заключавшая в себе западную часть Малой Азии, иначе «Проконсульская Азия».

[5753] - Кончина священномученика Автонома последовала около 312 года, вскоре после гонения Диоклетиана.

[5754] - Это было около 430 года; обретение же нетленных мощей святого Автонома последовало лет через 60.

[5755] - Византийский император Зинон царствовал с 474 по 491 год.

[5756] - Симеон Метафраст – известный церковный писатель X века (ум. 940 г.), составитель и собиратель Житий Святых: его труды в этой области послужили впоследствии главным источником для Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Метафраст повторяет здесь свидетельство другого лица, жившего через 200 лет по смерти святого Автонома и называющего себя современником императора Юстина (518–527 гг.).

[5757] - Икония – город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда главным городом Ликаонии, ныне – Кония, главный город Малоазийской турецкой области Карамания.

[5758] - Мученическая кончина св. Корнута последовала в царствование римского императора Декия (249–251 гг.).

[5759] - Галатия – небольшая гористая, но плодородная провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией. Страдания и мученическая кончина св. Иулиана происходили в весьма древнем городе Анкире – ныне Анкара.

[5760] - Кончина св. Иулиана и с ним 40 других мучеников Христовых последовала в первые годы IV века.

[5761] - Этот праздник называется Воскресением словущим, т.е. так называемым воскресением. Название указывает, что это не светлое воскресение и не воскресный день, но особый праздник, который хотя случается и не в воскресный день, но слывет или в народном словоупотребление именуется воскресением, потому что принадлежит храму Воскресения Христова.

[5762] - Тит – римский император с 79 по 81 гг. Иерусалим был завоеван Титом в 70 г., в царствование отца его Веспасиана.

[5763] - Адонис – древнегреческое божество, служившее олицетворением солнца, зимою умирающего и весною воскресающего; поклонение ему было весьма распространено и

сопровождалось пышными торжествам, с безнравственными обрядами и играми.

5764 - Макарий I был патриархом Иерусалимским с 313 по 333 г.

5765 - Св. Кирилл Иерусалимский предвидел и место Воскресения, называемое Мартирион. Ибо по какой причине сие место Голгофы и Воскресения не церковью называется. как другие церкви, но Мартирион? Вероятно на основании слов пророка: в день воскресения Моего во свидетельство (в мартирион)».

5766 - Елеонская или Масличная гора – одна из иудейских гор к востоку от Иерусалима, от которого отделяется долиною Кедронскою; наименование свое получила по множеству произраставших на ней масличных деревьев. Она выше других близлежащих гор, например Сиона и Мориа; с вершины ее открываются великолепные виды во все стороны. С вершины Елеонской горы Иисус Христос в сороковой день по воскресении Своем вознесся на небо. Великолепный храм, построенный здесь царицею Еленою, впоследствии обращен турками в мечеть.

5767 - Гефсимания – селение или место за потоком Кедрским, при подошве горы Елеонской, где был предан Иудою (Мф.26:36; Ин.18:1–3). Гефсимания – по-русски значит: место маслин, или точило для выжимания сока из маслин. Сад Гефсиманский и теперь еще показывают при подошве горы Елеонской – с южной ее стороны; в саду указывают и место Гефсиманской молитвы Господа пред Голгофскими страданиями, равно и погребальный вертеп Богоматери, где теперь находится гроб Ее.

5768 - Смерть царицы Елены последовала в 327 году.

5769 - Область Римской империи, к северо-востоку от Македонии. В настоящее время Фракия под именем Румынии.

5770 - Кесария – большой город в Палестине, при Средиземном море, где пребывали римские прокураторы. Спира италийская – полк, составленный из природных римлян.

[5771] - Иоппия (в переводе с еврейского значит: красивая, возвышенная местность) – древнейший город финикийский, по завоевании земли обетованной доставшийся колену Данова, лежит при Средиземном море на высоком холме, на юге цветущей равнины Саронской, в 12 часах пути от Иерусалима. Город сей во все времена был весьма важным портовым и торговым гордом; ныне – Яффа.

[5772] - Иудеи обыкновенно удалялись для молитвы в верхнюю горницу, устраивавшуюся на кровле дома (род нашего мезонина). Петр же оставался на самой кровле под открытым небом. Шестой час соответствует нашему 12-му дня.

[5773] - Т.е. стремление к слышанию истинного учения о Боге и спасении.

[5774] - Город в западной малоазийской провинции Мисии.

[5775] - Древние христиане молились, обращаясь к востоку, откуда восходит солнце, которое было символом Солнца Правды – Христа.

[5776] - Древние разрывали свои одежды в знак печали.

[5777] - Все трое пострадали за Христа и причислены к лику святых; память их празднуется 11 сентября.

[5778] - Троада – область древнего города Трои, в западной малоазийской провинции Мисии. Епископ Троады Силуан скончался в 425 г.

[5779] - Греческое название странноприимного дома.

[5780] - Пострадали в начале IV века. Каппадокия и Пафлагония – области Малой Азии. Под Скифией разумеются, вероятно, ее колонии на черноморском побережье. Г. Томы – ныне Кюстендже, морской порт Румынии.

[5781] - Галис – река северо-западной Малой Азии, протекает через Каппадокию и Галатию и впадает в Черное море. Под Атроею должно разуметь неизвестный ныне город в Малой Азии. Преподобный Петр подвизался при патриархе Константинопольском Тарасие (784–806 88.) и при византийском императоре Никифоре (802–811 гг.).

[5782] - Мученичество их относится к III веку. Кронид, Леонтий и Серапион, после многих мук, потоплены в море в Египте,

около 237 г., в Александрии при Максимине I, Стратоник пострадал в Никомидии Вифинской (память его празднуется еще 9 сентября).

[5783] - Память Артемия 20 октября, мученическая кончина его последовала в 363 г.

[5784] - Сие событие последовало 28 октября 312 года.

[5785] - Византия, впоследствии знаменитый Константинополь, или Царьград, впервые возвышенный Константином Великим основанной около 658 года до Р. Х. и названной по имени главного ее основателя (основана выходцами из греческого малоазийского города Милета, подчиненного тогда персидскому царству).

[5786] - Скифы – дикий кочевой народ, пришедший из Азии и первоначально кочевавший в южных степях нынешней России, откуда после они двинулись далее на запад к Дунаю, беспокоя опустошительными набегами придунайские области Римской империи.

[5787] - Греко-римская богиня любви, красоты, сладострастия и нечистых похотей. Пещера Гроба Господня, за два до сего столетия, была завалена по приказанию римского императора Адриана, с целью сделать неузнаваемым совершенно самое место распятия и погребения Христа. Это было в 119 году по Р. Хр.

[5788] - Св. Димитрий Ростовский Слово о Воздвижении Креста Господня (в примечании) сопровождает следующими подробностями: «О чуде том, через который был узнан истинный Крест Христов, многие говорят несогласно. Некоторые говорят, что мертвая девица была несена на погребение и силою крестною была воскрешена. Другие говорят об умершей вдове, которая через Животворящее Древо ожила. Иные повествуют, что вдова некая лежала дома больной и была близ смерти, но вот, к ней пришел патриарх (Макарий) с царицей (Еленой) и, принесши кресты, возлагал их на больную, и когда возложен был Крест Господень, немедленно встала здоровой. Другие передают, что (в то время) на кладбище несен был мертвец, но через прикосновение Кресту Господню он воскрес.

Никифор Каллист (кн. VIII, гл. 29) говорит, что оба чуда были совершены тогда Крестом Господним: и вдова, лежавшая дома больною и уже умиравшая, от врат смертных была возвращена к жизни и здравию, и мертвец, которого несли для погребения, был воскрешен».

5789 - По исследованиям агиологов, это было приблизительно в конце мая 326 года. С 335 года, когда совершено было освящение храма Воскресения Христова 13 сентября, положено было праздновать Воздвижение Креста Господня на другой день, 14 сентября.

5790 - Память Кириака празднуется 28 октября

5791 - Адриатическое море – заливообразная часть Средиземного моря, омывающая Аппенинский полуостров и запад Балканского. Св. царица Елена из Иерусалима прежде направилась, вероятно, в Рим, а отсюда уже в новую столицу империи – Константинополь.

5792 - И доселе сохранился в Константинополе остаток этой «пурпурной колонны», перевезенной некогда Константином Великим из Рима. Остаток этот известен под именем «горелой колонны», каковую он из себя действительно и представляет.

5793 - Нижеследующее повествование переведено из Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского со слов Феофана, исповедника и творца канонов (ум. в первой половине IX века), и Георгия Кедрина, византийского церковного историка конца XI и начала XII века.

5794 - Византийский император Фока царствовал с 602 по 610 г. – Хозрой II, царь персидский, объявил войну грекам под предлогом отмщения за смерть императора Маврикия, его союзника, и его детей, бесчеловечно умерщвленных императором-узурпатором Фокою.

5795 - Ираклий царствовал с 610 по 641 год.

5796 - Тигр – река, протекающая в Персии по Месопотамии; в конце своего течения соединяется с Евфратом и впадает в Персидский залив.

5797 - Это было в 629 году по Р. Х. Патриархом Иерусалимским был в то время св. Захария с 609 по 633 г. (с

614 по 628 г. был в плену персов).

[5798] - Т.е. христианам.

[5799] - Св. Папий пострадал в конце III или начале IV века. Родом был из Ликаонии (область Малой Азии, граничащая к северу с Галатией, к западу – с Фригией и Исаврией, к востоку – с Каппадокией, к югу – с Ликией) из города Ларанды, где начал свои страдания, кои продолжал потом в Диокесарии и кончил в Селевкии Исаврийской.

[5800] - Никита – по переводу с греческого «победитель».

[5801] - Готская страна простиралась от нижней Вислы до Черного моря; главным образом готы жили в нынешней Румынии, по Дунаю.

[5802] - Истр – старинное название Дуная.

[5803] - Ум. около 340 года.

[5804] - Император Валент царствовал с 364 по 378 гг.

[5805] - Урфил или Ульфилла – первый готский епископ и ревностный проповедник христианства среди готов; жил от 311 до 383 г.

[5806] - Город Мопсуестия был расположен на равнине, на берегах реки Пирама.

[5807] - Кончина св. Никиты последовала 15 сентября 372 г.

[5808] - Епископ Авксентий II жил в половине V века; участвовал в 451 году на IV Вселенском соборе в Халкидоне.

[5809] - По переводу с греческого, где стоит: «Мирмикс», – что значит муравей; отсюда – Муравьево, или Мравино. Селение сие находилось в Малой Азии, в области Вифинии.

[5810] - Кончину святого Филофея полагают около X века.

[5811] - Св. мученик Порфирий пострадал в царствование Юлиана Отступника в 361 году в Малой Азии, в городе Ефесе.

[5812] - Святые мученики Феодот, Максим и Асклиада (иначе – Асклипиодота) пострадали в начале IV века, когда на Востоке Римской империи царствовал Галерий Максимиан. Под Мизией разумеется здесь не северо-западная область, а римская придунайская провинция, делившаяся на западную – верхнюю и восточную – нижнюю. Маркианополь – город в нижней Мизии по

дороге из Константинополя к Дунаю, впоследствии – Преславль, ныне селение Праводы в Болгарии. Адрианополь (по-турецки Эдирне) – известный город, основанный в первой половине II века римским императором Адрианом. Филиппополь – древний укрепленный город во Фракии, ныне в Восточной Румелии, на р. Марице; доселе весьма значителен по своей промышленности и численности населения.

5813 - В начале III столетия.

5814 - Главный город римской провинции Вифинии, на южном берегу Пропонтиды (Мраморного моря) напротив Византии.

5815 - Проконсулами назвались наместники императора в провинциях или областях.

5816 - Арей или Марс – языческий бог; считался богом войны, а вместе и охранителем людей и полей от всего вредоносного.

5817 - Канон на Сретение Господне, песнь 3, ирмос.

5818 - Т.е. считаем, по сравнению с благами, приобретаемыми через Христа, простым сором, который выметается из комнаты.

5819 - Здесь разумеется притча Спасителя о мудрых девах (см. Мф.25:1–13).

5820 - Т.е. силы Божией, которая укрепляет немощных людей.

5821 - Т.е. не постигнут бедствия и рана не отягчит тела тех, которые Бога сделали своим прибежищем (Пс.90:9–10).

5822 - Здесь впоследствии был выстроен храм в честь великомученицы Евфимии. В этом храме состоялся четвертый Вселенский собор (Халкидонский) в 451 г. по Р. Х. В V веке великомученице были построены храмы в Риме и Медиолане. Мощи ее при Феодосии Великом были принесены в Александрию, а после возвращены в Халкидон. После взятия Халкидона персами (617 г.), мощи св. Евфимии были перенесены в Константинополь, где сохраняются и доселе.

5823 - Домициан – римский император, царствовавший с 81 г. по 96 г., жестокий гонитель христиан.

[5824] - Маркианополь – город в нижней Мизии по дороге из Константинополя к Дунаю, впоследствии – Преславль, ныне селение Праводы в Болгарии.

[5825] - Ираклия или Гераклея – часто встречающееся имя городов. Здесь следует разуметь город Фракии с этим именем на Пропонтиде (Мраморном море), с превосходною гаванью. Это древняя колония самосцев – ныне Эрегли. В Гераклее мучителем Севастианы был правитель Помпиан.

[5826] - Тело ее, по греческим прологам, было брошено в море, но три Ангела отнесли его в Ризист (Редест – во Фракии при Мраморном море, ныне Родосто).

[5827] - Римский император Антонин Пий царствовал с 138 по 161 г.

[5828] - Лемнос – один из самых больших островов Эгейского моря, причислявшийся к Фракийской территории, в 87 милях от Афона.

[5829] - Блаженная Людмила, супруга христианского князя Чехии Боривоя, жила в конце IX и начале X века. Она была бабкою св. князя Вячеслава (926–935 гг., сын герцога Вратислава и язычницы Драгомиры: был святой жизни, любим народом и по смерти стал почитаться патроном страны); святое крещение приняла вместе со своим супругом от св. равноапостольного Мефодия соседственной с Богемией Моравии; по смерти супруга, живя в столице Чехии Праге, тщательно воспитывала в истинах веры внука своего кн. Вячеслава. Мученическую кончину св. Людмила прияла по наветам невестки своей Драгомиры, возвратившейся к язычеству, в 927 году. При гробнице ее совершались знамения и чудеса; молва о них понудила князя Вячеслава торжественно перенести нетленное тело ее в Прагу в сооруженную его отцом церковь св. великомученика Георгия считается покровительницею Чехии.

[5830] - Святитель Киприан сначала совершал иноческие подвиги на Афоне, где, как свидетельствует послание Терновского патриарха Евфимия к иноку Киприану на Афон, своими трудами приобрел известность.

[5831] - Своею образованностью, любознательностью и начитанностью в священных книгах он был известен еще на Афоне, откуда обращался к вышеупомянутому патриарху Евфимию с просьбою написать ему о неких «церковных вещах», именно на вопросы: о поклонах во дни Пятидесятницы и в 12 дней между Рождеством Христовым и Богоявлением и о причащении Св. Таин в отсутствие священника в пустынях. Его образованность, равно как и святая жизнь, обратили на себя особенное внимание Константинопольского патриарха Филофея, который приблизил его к себе и сделал лицом доверенным, а потом рукоположил в митрополита первоначально Киева и Литвы; по смерти же святителя Алексия, Киприан стал митрополитом всея России, вступив в управление русскою церковью в 1390 году, после двух лет церковно-иерархических смут.

[5832] - Памятниками его учительства остались, между прочим, различные его послания, проникнутые духом истинного христианского любомудрия и ревностной пастырской заботливости о духовных нуждах вверенной ему паствы. Из таких посланий особенно заслуживают внимания: послания к игумену Афанасию и к Псковскому духовенству.

[5833] - Голенищево – подмосковное село, расположенное на живописном, высоком месте за Воробьевыми горами, в Московском уезде; существует и поныне. В другое время святитель удалялся на так называемое «святое озеро» во Владимирскую волость, где также построен был им храм во имя Преображения Господня.

[5834] - Так, св. Киприаном переведены были с греческого – Требник, Служебник, которые при сем в некоторых отдельных частях отчасти приспособлены к потребностям русской церковной практики; каноны и молитвы, а также Кормчая, которая в XVI в. хранилась еще в Московском Успенском соборе. Св. Киприану приписываются и некоторые мелкие статьи литургического характера, частью переводные, частью самостоятельные. Святитель собирал также канонические статьи русских святителей и князей, рассылал списки литургии и других священнодействий, предлагал объяснения

священнодействиям, обличал произволы в их совершении и т.д. Вообще в истории Русской церкви митрополит Киприан занимает важное место, особенно как деятель на поприще исправления церковно-богослужебных книг и церковных обрядов. Древнее известие о св. Киприане говорит, что он «многие святые книги с греческого языка на русский переложил (перевел) и довольно писаний к нашей пользе оставил».

5835 - Составленное св. Киприаном житие св. митр. Петра дышит живым благочестием и есть плод благодарности за избавление от бед и тяжкого недуга, о чем засвидетельствовал сам Киприан. – Киприану принадлежит еще несколько исторических сочинений, дошедших до настоящего времени, из коих некоторые вошли в так называемую «Степенную книгу»; сохранилось известие, что св. Киприан написал многие жития русских святых.

5836 - По отзывам летописи, он был «всякого любомудрия и разума» исполнен и «вельми книжен и духовен зело и книги своею рукою писаше и в молитвах часто упражняшесь и в почитании Божественных Писаний».

5837 - Прощальная, или духовная, грамота св. Киприана была прочтена, согласно его воле, при его погребении, равно как после была читаема и при погребении преемников его. Она исполнена любомудрия христианского, проникнута духом глубокого благочестия и с трогательным красноречием говорит о тленности, суете и ничтожестве всего земного и о памяти смертной.

5838 - В 1406 г. от Р. Х. – Мощи его были обретены в 1472 году и почивают в Московском Успенском соборе под спудом (память обретения и перенесения мощей его празднуется 27 мая). – Во время управления св. Киприана русскою церковью достойно особенного внимания чудесное избавление Москвы и всей России, защитою Богоматери, от страшного нашествия азиатского завоевателя Тамерлана, совпавшее с перенесением из Владимира в Москву чудотворной Владимирской иконы Богоматери, совершенным по распоряжению и желанию святителя Киприана.

[5839] - Фиваида – область знаменитого в древности города Фивы; этим же именем назвался вообще весь Верхний (южный) Египет по имени главного города Фивы. Кельями отшельническими называлась одна из пустынь египетских, на западной стороне реки Нила.

[5840] - Палладий Еленопольский (368–430 гг.), ученик прп. Дорофея, уроженец Галатии, в 388 году прибыл в Александрию, откуда потом удалился в близлежащую пустыню, где подвизался и прп. Дорофей, и потом переселился в Вифлеем. В 399 году избран в епископа Еленопольского в Вифинии в Малой Азии. После того император Аркадий сослал его, как сторонника св. Иоанна Златоуста в Верхний Египет, откуда в 408 г. он перемещен в Антиною, а в 412 г. составил собрание жизнеописаний святых и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком».

[5841] - Аспид или василиск – одна из самых ядовитых змей, яд которой смертоносен; обычна в песчаных пустынях Аравии, Египта, Сахары.

[5842] - Лавсаик, гл. 2. – Прп. Дорофей преставился в конце IV века в царствование Феодосия Великого (379–395 гг.).

[5843] - Апостол сравнивает мудрость земную, мирскую с мудростью, которая свыше, т.е. нисходящею от Бога и указывает свойства последней: она свободна от всякой греховности и страстности, миролюбива, любит мир сама и любит умиротворять всякую вражду; чтобы не нарушать мира, она сама кротко переносит всякие несправедливости; в ней отсутствует страсть к спорам и прениям и даже в других стремится она подавить эту страсть покорностью (послушлива), она полна милосердия и добрых дел.

[5844] - «Род Его кто изъяснит?» – сказано в кн. прор. Исайи (Ис. 53:8); т. е. происхождение или рождение Иисуса Христа (Его предвечное рождение от Бога Отца и временное – от Пресвятой Девы Марии) никто не в силах достойно изобразить. Эта великая тайна не вполне открыта даже Ангелам (см. 1Пет.1:12).

[5845] - См. Филип.2:10. Здесь разумеется имя Сына Божия, вследствие коего Христу должны поклоняться все роды

существ, небесных и земных, и даже обитателей преисподней, злых духов.

5846 - Рождение детей в болезнях было наказанием для женщин за грехопадение Евы, но в этом же заключается и условие их спасения. Поэтому ап. Павел говорит: «спасется (жена) через чадородие» (1Тим.2:15), впрочем, «если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». Такова и была св. София.

5847 - Т.е. мудрость языческую обратили в безумие. Ср. Ис.33и 1Кор.1:20, 3:16.

5848 - Арий, Александрийский священник, отрицал предвечное существование Сына Божия, равенство и единосущие с Богом Отцом, утверждая, что Сын Божий не рожден прежде век Богом Отцом, а сотворен. Ересь эта осуждена на 1 Вселенском Никейском соборе в 325 году.

5849 - По греческим минеям, Павлина была отступницей от христианства и поклонялась идолам. – Время страданий и кончины св. мученицы точно неизвестно.

5850 - Александр Север – римский император, царствовал с 222 по 235 год.

5851 - Понтийская страна, или Понт, – северо-восточная провинция Малой Азии при Черном море.

5852 - Ливисий – домашний секретарь игемона.

5853 - Никея (ныне Исник) – в древности богатый и цветущий город Вифинии в Малой Азии, ныне весьма бедный и малонаселенный.

5854 - Около 230 года.

5855 - Слово «маммона» – халдейского или сирийского происхождения – означает имение, богатство, блага земные, поскольку человек полагает в них свою надежду и таким образом выражает не только богатство, но и любовь и привязанность к нему. В Новом Завете маммона представляется как бы неким божеством, покровительствующим богатству (см. Мф.6:24).

5856 - Гортина, или Гортин, – в древности значительный город на острове Крите, при р. Лефее (Ныне Иеропотамо).

Развалины древнего города сохранились и доныне.

[5857] - Евмений, в переводе с греческого, значит: благосклонный, доброжелательный, милостивый.

[5858] - Здесь следует разуметь под именем Рима Константинополь, получивший наименование нового, или второго Рима; такое толкование наиболее соответствует смыслу всего жития и ходу описываемых в нем событий.

[5859] - По словам церковных песнопений, св. Евмений отправился в Фиваиду не добровольно, а сослан был туда врагами православной веры (канон, песнь 7, тропарь 2). Сослан он был за то «что умалил мрачныя ереси» (седален) монофелитов, признававших во Христе одну только волю – Божественную.

[5860] - Деятельность и кончина св. Евмения относится к VII столетию.

[5861] - Кончина святой мученицы последовала в конце царствования Адриана.

[5862] - Фригия – большая область Малой Азии, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того позднее причислявшийся к Мизии южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта (Дарданеллы). Границы ее: на западе – Мисия, Лидия и Кария, на юге – Ликия, Писидия и Ликаония, на востоке – Каппадокия, на севере – Галатия и Вифиния.

[5863] - Римский император Проб царствовал с 276 по 282 г.

[5864] - Фригия – область Малой Азии.

[5865] - Синад, или Синнада, – город на севере Фригии близ горной цепи, где находились знаменитые Синнадские мраморные ломки. Ныне – развалины близ Ескикары.

[5866] - Кастор и Поллукс, по верованиям греков и римлян, были сыновьями властителя неба и высшего из богов Зевса (иначе Дия), почему назывались Диоскурами; по смерти они, по этим верованиям, живут и через день снова умирают, пользуясь лопонесскими божествами света. В то же время они почитались как покровители государства. В честь их совершались особые праздники, называвшиеся «Диоскуриями» (по их имени), а

также «Анакиями» (праздниками властителей и правителей, как в некоторых местностях назывались Кастор и Поллукс).

5867 - Страдания св. Зосимы относятся к началу IV века ко временам царствования римского императора Диоклетиана. Память св. Зосимы пустынника совершается еще 4 января с св. Афанасием комментарисием (смотрителем за узниками, ведшим им запись), который, увидев Зосиму невредимым после страшных мучений, уверовал во Христа и после молитвенных подвигов предал дух свой Господу в пустыне. Св. Зосима, по минейным сказаниям, кратко передаваемым и св. Димитрием Ростовским, не умер от претерпенных от Дометиана мучений, а мирно предал дух свой Господу там же в пустыне, вместе со св. Афанасием, в расщелине одной скалы.

5868 - Год рождения св. благоверного князя Феодора точно определить нельзя, но, несомненно, это было между 1240 и 1245 гг. – По свидетельству его жизнеописателя (иеромонаха Антония, 2-й половины XV в.), он от юных лет воспитан был в благочестии и научен Божественным догматам, коими с любовью наполнялось его сердце, как губа, напояемая чистою водою; отроком он уже уклонялся детских игр и обычаев, прилежа наипаче чтению священных книг и соблюдая чистоту душевную и телесную.

5869 - Можайск (ныне небольшой уездный город Московской губернии) был тогда еще очень юным, бедным и малонаселенным городком с небольшою округою и прилежащими селами. Но Феодор принял удел, по выражению составителя его жития, безропотно, помышляя паче всего о стяжании сокровища некрадомого, нетленного, вечного. В короткое время умный и добрый князь сумел сделать свой удел и людным и не бедным и заслужил благоговейную любовь народа.

5870 - Ярославль находится при впадении р. Которосли в Волгу, в 244 верстах от Москвы; один из самых древних русских городов; зависел сначала от Ростова, но потом стал управляться своими князьями. – Св. Феодор вступил в брак с княжною ростовскою Мариею Васильевной около 1267 года и тогда же вступил в управление Ярославским княжеством.

[5871] - Это было в 1279 году. Впрочем, сам благоверный князь Феодор в Смоленске не жил и только титуловался князем Смоленским, хотя некоторое время писал туда грамоты, вершил разные судные дела и заботился о благе смольчан, как их князь; вскоре он уступил Смоленск племяннику своему Александру Глебовичу.

[5872] - Путешествие князя Феодора в Орду было совершено отчасти и по другим обстоятельствам: хан Золотой Орды Менгу-Темира, вместе с другими князьями русскими, вызвал и Феодора для усмирения Яссов и Камских Болгар, не хотевших платить дань татарам. В Орде при хане св. Князь провел около трех лет.

[5873] - Хан сам взял на себя ходатайство пред Константинопольским патриархом о разрешении сего брака и отправил для этого посольство во главе с епископом сарайским Феогностом; патриарх дал разрешение под условием принятия дочерью хана христианской веры.

[5874] - Хан дал при сем своему зятю с дочерью на содержание несколько городов: Чернигов, Болгары, Куманы, Корсунь, Арск, Казань и др., – всего до 36 городов. Князь Феодор испросил у хана позволение выстроить в Орде несколько церквей, всеми мерами распространял христианство и покровительствовал духовенству.

[5875] - Св. Феодор управлял княжеством кротко, мудро, беспристрастно, заступаясь за обиженных, вдов и сирот, милосердствуя о нищих и убогих. Летописи отличают особенно его искреннее и смиренное благочестие, усиленные посты и молитвы, многотрудные подвиги и попечения касательно храмоздательства и церковного благолепия, а также его почтение к епископскому и священному сану, – в чем подражали ему и его благочестивые сыновья: Давид и Константин, из коих младший скончался впоследствии безбрачным, а старший 23 года мирно управлял Ярославским княжеством.

[5876] - Предсмертное завещание св. благ. князя Феодора весьма трогательно и назидательно. Оно помещено полностью на древней иконе в Спасском монастыре (излюбленная обитель

его и его семейства, сооруженная благочестивою супругою его Анною); на иконе св. Феодор изображен во весь рост в иноческой одежде, посреди своих сыновей, со свитком в левой руке.

[5877] - Это было 19 сентября 1299 года. Сын и преемник св. Князя Феодора князь Давид ум. 1321 года, а год кончины князя Константина в летописях не означен. Тела их, согласно выраженному при жизни желанию, были положены возле тела их отца, в склепе под сводами храма, не в земле, а поверх ее в гробницах. Обретение нетленных мощей святых благоверных князей Ярославских Феодора, Давида и Константина, вызванное и сопровождавшееся многочисленными дивными исцелениями, последовало спустя почти 200 лет, в 1467 году. В 1658 году последовало перенесение мощей их, подавшее повод к установлению местного праздника 13 июня. В 1704 году св. Димитрием, митрополитом Ростовским, устроена была для св. мощей Ярославских чудотворцев кипарисная рака, в которую святитель и переложил мощи 22 июня, установив навсегда праздновать сей день. Впоследствии кипарисная рака со св. мощами угодников вложена была в новую серебряную раку и тогда же последовало перенесение св. мощей в новоустроенную церковь во имя свв. Ярославских чудотворцев, кн. Феодора, Давида и Константина, в которой они и почивают и доныне близ левого клироса.

[5878] - Траян был одним из лучших римских императоров: много заботился о благе своего народа, вполне преобразовал государственное правление, расширил пределы империи счастливыми войнами, основал новые города. Однако и он преследовал христиан.

[5879] - Языческое имя св. Евстафия, точнее по римскому произношению «Плациды», от латинского слова placidus, означающего «тихий», «ровный», «спокойный», «мягкий», «кроткий». Наименование, прекрасно характеризующее высокие нравственные качества св. Евстафия еще до обращения его в христианство.

[5880] - Тит – римский император, сын и преемник императора Веспасиана, царствовал с 79 по 81 год. В царствование своего

отца был послан с многочисленным войском в Иудею, для наказания иудеев, возмутившихся против римской власти. Об этой именно войне здесь и упоминается. Война окончилась в 70 году разрушением Иерусалима и храма Соломонова.

5881 - Т.е. – по направлению к Средиземному морю, которое нужно было переплыть на корабле, чтобы достигнуть Египта. Египет – страна, лежащая в северо-восточной части Африки. В описываемое время Египет находился под властью римлян, которой подпал окончательно в 30-м году до Р. Х.

5882 - В житии он называется «варваром». Так греки, а вслед за ними и римляне называли всех вообще чужестранцев. Это была презрительная кличка, обозначавшая грубость и невежество других народов. Вместе с тем наименованию сему усвоено в Писании и понятие вообще человека бесчеловечного и свирепого. Вероятно, это был один из тех морских разбойников, которые тогда еще нередко наводили ужас на побережья Средиземного моря, уводили и продавали красивых женщин и девушек в рабство, бесчеловечно умерщвляя тех, кто им в этом препятствовал.

5883 - Здесь разумеется известный подобный же пример из жизни ветхозаветного патриарха Авраама и жены его Сарры вскоре после переселения их в землю ханаанскую. Когда Авраам во время наступившего голода пришел в Египет, фараон за красоту Сарры хотел было взять ее себе в жены, но Господь не попустил сего и поразил за Сарру тяжкими казнями и царя и двор его (Быт. 12:11–20).

5884 - Это было незадолго до смерти Траяна, как видно из самого повествования. Из истории видно, что в это время возмутились против римского владычества различные азиатские народы, подвластные Риму, и император готовился к походу на Месопотамию.

5885 - Т.е. Плакиде был устроен, по обычаю римскому, так называемый триумф, или торжественная блестящая встреча, как увенчанному славой полководцу – победителю.

5886 - «Великие Четьи-Минеи» митр. Макария прибавляют здесь еще следующие подробности, коих нет у св. Димитрия

Ростовского. Когда св. мученики приближались к месту страшной казни, то, воздев руки свои к небу, вознесли пламенную молитву Господу, как бы созерцая какое-то небесное явление, как это видно из первых слов их молитвы. Молитва сия была следующая: «Господи Боже сил, всеми невидимый нами же видимый! Вонми нам, молящимся Тебе и приими нашу последнюю молитву. Вот мы соединились, и Ты сподобил нас участи святых Твоих; как три отрока, ввержённые в Вавилоне в огонь, не были отринуты Тобою, так и ныне сподоби нас скончаться в сем огне, дабы Ты благоволил восприять нас, как жертву благоприятную. Подай же, Господи Боже, всякому поминающему память нашу участи в Царстве Небесном; ярость же огня сего преложи на холод и сподоби нас в нем скончаться. Еще молимся, Господи: сподоби, да не разлучатся тела наши, но да вкупе лягут». В ответ на сию молитву раздался с неба Божественный глас: «Да будет вам так, как вы просите! И более вам будет, ибо вы претерпели многие напасти и не были побеждены. Идите в мире, приимите венцы победные за страдания свои, почивайте во веки веков».

[5887] - Мощи св. Евстафия и его семейства находятся в Риме в церкви его имени.

[5888] - Батый – внук великого Чингис-Хана, хан татарский. Батый основал свое пребывание на берегах р. Волки, назвав столицу свою «Сараем». Здесь кочевала Орда его (Орда – стан татарский), известная под именем Золотой или Кипчакской. Но сам Батый не был полновластным повелителем: он в свою очередь зависел от великого хана, наследника Чингиса, который кочевал с большой Ордою в пустынях Средней Азии, куда ходили многие русские князья для выражения покорности великому хану.

[5889] - Это нашествие татар на Русскую землю было в 1238 году.

[5890] - Всеволод, по прозванию Чермной, князь Черниговский, сын великого князя Киевского Святослава Всеволодовича. С 1210 по 1214 г. Всеволод владел Киевом; умер в 1215 году.

[5891] - Венгрия (слав. – Угрия) – королевство, главная из земель Австро-Венгерской монархии. Сын Михаила Черниговского, Ростислав, был женат на дочери венгерского короля Белы. Думая найти в родственнике верного союзника, князь Михаил упрашивал короля совокупными силами восстать против общего врага, но не убедил ни его, ни других, к кому обращался за помощью.

[5892] - В этом месте пр. Исаия призывает к терпеливому перенесению тяжких бедствий, так как бедствия сии являются следствием гнева Божия за нечестие народа. «Скройтесь, – говорит пророк, – на некоторое непродолжительное время, доколе не минует вас гнев Господень».

[5893] - Киево-Печерская Богородичная церковь была основана преподобными отцами – Антонием и Феодосием Печерскими в 1073 году, при епископе Михаиле, во дни благоверного князя Святослава Ярославича. Строение храма, начатое при разных чудесах и знамениях, продолжалось в игуменство прп. Стефана и прп. Никона и окончилось при игумене Иоанне. Красота и великолепие этого храма изумляли современников. Внутренность его блистала золотом и мозаикою и привлекала взоры иконною живописью. Помост устроен был мозаически из разноцветных камней, расположенных красивыми узорами. Верхи церкви были позолочены; крест, поставленный на главном куполе, был выкован из чистого золота; неудивительно поэтому, что современники называли Печерскую церковь «небеси подобною» и говорили, что она составляет славу и украшение всей земли Русской.

[5894] - Всех приходящих к хану татарские жрецы проводили между огнями: по их убеждению через это уничтожалось всякое злое намерение у лиц, шедших к их повелителю. Огонь, по их верованию, был «чистилищем для всяких злых умыслов» и отнимал даже силу у скрываемого яда.

[5895] - Борис Василькович (Васильевич) – князь Ростовский, внук Михаила Черниговского, старший из двух сыновей Василька Константиновича, от брака его с Марией Михайловной, княжной Черниговской. По смерти отца, убитого татарами близ Ростова, в Щереньском лесу, в 1238 году, Борис

получил в удел Ростов. Князь этот известен в истории как печальник земли русской пред ханом Золотой Орды. Он побывал в Орде более 8 раз, – по приказу Батыя ездил даже в Великую Татарию, к хану Сартаку (1245 г.). Умер Борис в Орде в 1277 г. Погребен в Ростовском Успенском Соборе.

[5896] - Святые мощи благоверного князя Михаила и боярина его Феодора были перенесены из Орды богобоязненными христианами сначала во Владимир, а затем в родной город князя Михаила – Чернигов. Затем, в 1572 г. 14 февраля, по воле царя Иоанна Васильевича Грозного, св. мощи были перенесены в Москву, из опасения, чтобы они не подверглись поруганию со стороны католиков, по переходе Чернигова под власть польскую. Они были положены под спудом в соборной церкви Черниговских чудотворцев, находившейся в Кремле, близ Тайницких ворот. Когда же упразднен был этот собор, тогда св. мощи, по повелению императрицы Екатерины II, торжественно перенесены, в 1770 г. августа 25-го, в Сретенский собор, что во дворце на «Сенях»; отсюда, в 1774 г. ноября 21-го, перемещены в Архангельский собор, где почивали сначала в великолепной серебряной раке, устроенной в память мира с Турцией, а после 1812 года (когда эта рака похищена была неприятелями) доныне покоятся в медной посеребренной.

[5897] - Т.е. без принуждения, добровольно.

[5898] - Магнезия – восточный полуостров и область Фессалии.

[5899] - Лидия – область на западном берегу Малой Азии.

[5900] - Император Лев III Исавр от 717 до 741 года.

[5901] - Финикия – древняя страна к северу от Палестины; она представляла собой узкую береговую полосу между морем и Ливанскими горами; из городов этой области самые замечательные – Тир и Сидон.

[5902] - Св. Исакий был епископом Кипрским и умер на Кипре (большой остров в северо-восточной части Средиземного моря); Мелетий умер позже, неизвестно в каком городе.

[5903] - Макаров – ныне местечко Киевской губернии и уезда – в то время принадлежал к владениям гетмана Литовского.

[5904] - Кирилловский монастырь в Киеве основан кн. черниговским Всеволодом Ольговичем в XII в.; разорен Батыем; возобновлен в XVII в. и в 1786 г. упразднен.

[5905] - Диарий (дневные записки святителя) под 29 марта 1689 г.

[5906] - Киевская Братская школа (ныне Киевская Духовная Академия) открыта в 1615 г. в одно время с Богоявленским Братским монастырем и при этом монастыре; преобразована митрополитом Петром Могилою (1633–1647) и с того времени надолго стала средоточием духовной и светской науки в России. Из Киевской школы вышло много просвещенных пастырей и ревностных защитников православия.

[5907] - Иоанникий Галятовский († 1688 г.), сначала учитель, потом ректор Киевской школы (1657–1665), много сделавший для ее процветания, был одним из знаменитейших богословов – полемистов и проповедников своего времени. Многочисленные сочинения Иоанникия, направленные против латинян и униатов, свидетельствуют о его ревности к защите православной истины.

[5908] - Иосиф (Нелюбович – Тукальский) с 1661 г. архиепископ Могилевский, затем митрополит Киевский; был в плену у поляков и скончался в Чигирине в 1676 г.

[5909] - Лазарь Баранович († 1693 г.) был архиепископом Черниговским с 1657 г. Бывший воспитанник и ректор Киевской академии (1650–1656), Лазарь славился проповедованием слова Божия и содействовал Московскому правительству в подчинении Малороссии. Св. Димитрий называл его «великим столпом церковным».

[5910] - До конца XVI ст. в России проповеди редко сказывались изустно: большей частью читались переводные поучения св. отцов или жития святых. Со времени же возникновения училищ в юго-западной России стали появляться образцы собственного проповедования и вместе с тем образовалась особенная должность проповедников, которую отправляли при соборах, монастырях и братствах духовные лица, получившие образование.

[5911] - Новодворский монастырь, основанный для борьбы с унией в 1618 г., находился в Литовских пределах (в нынешнем Пинском уезде) и был подведомствен Виленскому Свято-Духову монастырю.

[5912] - Город Слуцк – Минской губернии. Преображенский монастырь, основанный около 1600 г., принадлежал Слуцкому братству, которое подобно прочим братствам охраняло Православие от притеснений католиков и униатов.

[5913] - Иван Самойлович, сын священника, избран в гетманы в 1672 г.; в 1687 г. отрешен от гетманства и умер в Тобольске в 1690 г.

[5914] - Батурин – ныне местечко при реке Сейме, в 27 верстах от уездного города Конотопа – был основан в 1575 г. королем польским Стефаном Баторием, который назвал его своим именем (Баторин). Царь Алексей Михайлович по присоединении Малороссии назначил Батурин гетманской резиденцией.

[5915] - Гетман (предводитель казаков) был главной и самостоятельною властью в Малороссии.

[5916] - Основан в XV ст., разорен крымскими татарами, возобновлен в XVI ст. Монастырь наименован Крупицким от крупиц, падавших близ монастыря во время голода. Предание об этом записано собственною рукой св. Димитрия на престольном Евангелии.

[5917] - Ныне женский единоверческий монастырь, находится в Сосницком уезде, близ города Борзны, на берегу реки Десны.

[5918] - 1 сентября 1681 года (Диарий, под 1681 г.).

[5919] - О Ясинском, Могиле и Гизеле – см. в предисловии к этой книге.

[5920] - Св. Димитрий особенно чтил св. великомученицу Варвару. Еще в 1678 г., когда он находился в Слуцке, игумен Мелетий прислал ему в дар часть мощей св. Варвары. А через несколько лет после описанного видения, именно 13 января 1691 г., св. Димитрий совершил торжественное перенесение части мощей той же великомученицы, хранившейся после смерти Тукальского в Батуринской казенной палате «как бы под

спудом», в Николаевский монастырь – и установил каждый вторник совершать святой Варваре молебное пение.

[5921] - Диарий, под 1689 г.

[5922] - Гедеон Четвертинский († 1690) избран в Киеве в июле 1685; посвящен в Москве 8 ноября того же года. Возвращаясь из Москвы, митрополит Гедеон и останавливался в Батурине.

[5923] - Иван Степанович Мазепа – Колединский († 1709 г.) воспитывался при дворе польского короля Яна Казимира, окончил образование за границей. После низвержения Самойловича был избран в 1687 г. в гетманы и принимал участие во втором крымском походе Голицына. В 1708 г. изменил царю Петру и России, за что предан анафеме.

[5924] - Кн. Василий Васильевич Голицын (1643–1714) был первым государственным деятелем в течение семилетнего правления царевны Софьи (1682–1689). Здесь разумеется поход его в Крым в 1689 г., такой же неудачный, как и первый в 1687 г., но доставивший Голицыну награды, как победителю.

[5925] - Иоаким (1674–1690), девятый патриарх Всероссийский, относился сначала к св. Димитрию с недоверием, как и ко всем ученым юго-западной Руси.

[5926] - Адриан (1690–1700) – последний патриарх Всероссийский.

[5927] - Глуховский Петро-Павловский монастырь, Черниговской губ., основан неизвестно кем и когда. Он существовал уже в половине XVII в. Св. Димитрий построил в монастыре каменный собор.

[5928] - Елецкий Успенский монастырь на Болдиных горах, за Черниговом, основан по совету преп. Антония Печерского кн. Святославом Ярославичем в 1069 на месте явления иконы Богоматери; разорен татарами, возобновлен в 1500 г.; с 1635 по 1649 находился во власти униатов; восстановлен в 1671 г.

[5929] - Этот монастырь, находившийся в самом Новгороде Северском, построен был архиепископом Лазарем Барановичем в половине XVII в.

[5930] - Иоасаф Кроковский состоял архимандритом Печерской лавры в 1697–1708 гг.

[5931] - Спасо-Яковлевский Ростовский монастырь основан в конце XIV в. епископом Ростовским Иаковом († 1392 г.); в нач. XVII в. во время литовского нашествия был опустошаем. Соборный храм во имя Зачатия св. Анны, в котором покоятся мощи св. Димитрия, существует с 1691 г.

[5932] - Занятия в училище начались с 1 сентября 1702 г. Однако школа, открытая святым Димитрием, существовала недолго; в 1705 г. она прекратила существование.

[5933] - Дремучие Брынские леса тянулись по реке Брыни, впадающей в Жиздру, приток Оки, в Калужской губернии. В этих лесах скрывались раскольники. Отсюда происходит название раскола «Брынская вера».

[5934] - В то время Петр Великий издал указы, которыми повелевалось брить бороды.

[5935] - Розыск о раскольнической Брынской вере, напечатан в первый раз в Москве в 1745 г. Сочинение это разделяется на три части. В первой святитель решает два вопроса: «есть ли вера раскольников правая?» и «есть ли вера их старая?» Отвечая на первый вопрос, св. Димитрий доказывает, что у раскольников нет истинной веры, ибо вера их ограничивается старыми книгами и иконами, восьмиконечным крестом, своим перстосложением в крестном знамении и семеричным числом просфор на литургии, – что не составляет веры. Решая второй вопрос, святитель говорит, что вера раскольников новая или обновившая старые ереси и заблуждения. Во второй части Розыска автор говорит, что учение раскольников, происходящее от учителей самозванцев, 1) ложно, 2) еретично и 3) богохульно. В третьей части – о делах раскольников – доказывается, что добрые, по-видимому, дела их испорчены самонадеянностью, тщеславием и лицемерием, а затем перечисляют злые, явно беззаконные дела раскольников.

[5936] - Об этом намерении святителя известно из его «Епистоляра», т.е. собрания писем.

[5937] - Слово «хронограф» греческое (xroyos – время, grapo – пишу) значит – погодная летопись. Так назывались в Византии различные сборники исторического содержания, в которых

излагалась также и библейская история. Из Византии перешли они и к нам.

[5938] - Письмо при Диарии 1708 года.

[5939] - Из многочисленных творений святого Димитрия одни имеют содержание догматическое, другие – духовно-нравственное, третьи – историческое. – I. К догматическим относятся: 1) «Вопросы и ответы краткие о вере»; 2) «Зерцало православного исповедания» (оба сочинения представляют собой катехизическое изложение вероучения и нравоучения Православной Церкви); 3) «Двенадцать статей о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа»; 4) «Розыск о Брынской вере». – II. К духовно-нравственным относятся: 1) «Врачевство духовное на смущение помыслов» (извлечено из Лествицы, Патерика, житий святых и т.п.); 2) «Апология во утоление печали человека сущего в беде» (разговор между скорбящим и утешающим); 3) «Внутренний человек в клети сердца своего уединен поучающся и молящся втайне» (цель этого сочинения приучить христианина к молитве); 4) «Поклонение Св. Троице»; 5) «Поклонение Пресв. Богородице»; 6) «Молитва исповедания к Богу повседневного»; 7) «Исповедание грехов генеральное»; 8) «О причащении Св. Таин» (размышление о том, как достойно приступать к Св. Тайнам и молитвы перед причащением и по причащении); 9) Молитвенные размышления о страданиях Господних (с разными заглавиями); 10) Два пастырских послания (о достодолжном совершении св. таинств покаяния и причащения); 11) «Алфавит духовный» (краткие духовно-нравственные правила, расположенные по славянскому алфавиту, по примеру Лествицы Иоанна Лествичника); 12) «Духовные псальмы или песнопения» и пр. – III. К историческим принадлежат: 1) «Диарий» (дневные записки с 1681 г. по 1703 и письма, относящиеся к ученым трудам святителя); 2) «Руно орошенное» (сказание о 24 чудотворениях от иконы Божией Матери в Ильинском Черниговском монастыре); 3) «Летопись, указующая деяния от начала миробытия до Рождества Христова»; 4) «Каталог Киевских митрополитов» и 5) «Минеи-Четьи».

[5940] - Из проповеднической деятельности святителя в Малороссии известно пять поучений. Всего же поучений св. Димитрия напечатано около 100.

[5941] - Здесь разумеются крестные язвы Христа на Его пречистых руках, ногах и ребре.

[5942] - Так писал св. Димитрий к другу своему монаху Феологу, справщику Печатного Двора в Москве.

[5943] - Мшелоимство значит – корысть.

[5944] - Оставшаяся большая библиотека ученого архипастыря Ростовского, состоявшая из греческих, латинских, польских и славянских книг, рукописных и печатных, поступила в Московскую Патриаршую (ныне Синодальная) Библиотеку. Несколько книг, принадлежавших св. Димитрию, находятся в Библиотеке Московской Синодальной Типографии.

[5945] - Мелкая монета.

[5946] - Стефан Яворский (1658–1722) митрополит Рязанский, местоблюститель патриаршего престола, был один из самых видных деятелей Петровского времени; известен как проповедник. С св. Димитрием он познакомился в 1684 г.

[5947] - Вдовствующая супруга царя Иоанна Алексеевича, скончавшегося в 1696 году.

[5948] - Празднование в честь Толгской иконы Божией Матери совершается 8 августа. Толгский монастырь находится в 9 верстах от Ярославля на Волге; основан в 1314 г. Ростовским епископом Прохором (в схиме Трифоном) на месте явления ему иконы.

[5949] - Св. Димитрия часто посещали царица Параскева Феодоровна и дочери царя Алексея Михайловича и дарили ему рясы. Из этих подношений святитель приготовил себе архиерейское облачение и завещал похоронить себя в этих одеждах.

[5950] - 22 апреля 1757 г. св. Димитрий причислен к лику святых. По поручению Св. Синода, Арсений, митрополит Ростовский, тогда же написал жизнеописание святого, а служба ему составлена Амвросием, епископом Переяславским, впоследствии архиепископом Московским.

[5951] - Город Синоп – на южном берегу Черного моря.

[5952] - Кончина священномученика Фоки последовала в 117 году.

[5953] - 22 июля празднуется перенесение его честных мощей из Понта в Царьград.

[5954] - Вертоградарь – содержатель сада или огорода, садовник.

[5955] - Сие было около 320 года.

[5956] - Здесь разумеются магометане – турки. В 1214 г. Синоп подпал власти сельджукских турок, а спустя 2.5 столетия он снова был завоеван (в 1461 г.) магометанами (османскими турками), именно Магометом II, завоевавшим Константинополь и основавшим на развалинах Византийской империи Турецкую (магометанскую).

[5957] - Ион.1:1; 4Цар.14:25. Гафхефер, по свидетельству книги Иисуса Навина, при разделении земли обетованной между сынами Израилевыми по жребию достался колену Завулонову и лежал в северной части Галилеи (северная часть Палестины), по пути к Тивериаде, выше Назарета.

[5958] - 3Цар.17:14–23. Сарепта Сидонская – город финикийский, отстоявший недалеко от Сидона.

[5959] - Елисей – знаменитый пророк израильский, ученик и преемник пророка Илии

[5960] - 4Цар.9:9–22. – Сынами пророческими назвались у израильтян ученики пророков, которые составляли из себя общества, воспитывавшиеся под непосредственным их воздействием. Хотя это и не были в собственном смысле училища, но в них, тем не менее, юноши, к тому призванные, подготовлялись к пророческому служению, и из этих средоточий распространялось религиозное образование и в народе.

[5961] - 4Цар.14:25. Отсюда определяется и время пророческого служения Ионы, относящееся к царствованию Иеровоама и предшественника его Иоаса. Следовательно Иона был одним из древнейших пророков Израиля и жил в IX в. до Р. Х.

5962 - Город Ниневия был главным городом ассирийцев, с которыми евреи тогда находились во враждебных отношениях. Город лежал на восточном берегу Тигра в Месопотамии. Это был многолюднейший и богатейший город в древнем мире и имел около 84 верст в окружности, что вполне соответствует библейскому определению ее в книге пр. Ионы мерою трехдневного пути (Ион. 3:3), ибо путь одного дня восточных народов соответствует нашим 25–30 верстам.

5963 - Фарсис или Тартес – древняя финикийская колония в юго-западном углу древней Иберии (Испании) на р. Бэтис (Гвадалквивир).

5964 - Трехдневное пребывание пророка Ионы во чреве китовом прообразовало собою трехдневное пребывание Христа Спасителя в земле. Сам Иисус Христос так свидетельствует о прообразовательном значении пророка Ионы: «как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф.12:39–40). Спаситель сравнивает Себя с Ионою: «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы» (Мф. 12:41). Так Иона в своем служении и жизни прообразовал смерть, воскресение и проповедь Иисуса Христа. Отцы церкви говорят об этом так: «Бегущий пророк взошел на корабль, Христос взошел на древо; на море восстала сильная буря, сие волнение моря есть неверие иудеев. Выпал жребий пророку быть свергнутым в море; сей жребий обозначает волю Отца, по которой Христос нисходит в пучину скорбей и смерти. Иона добровольно соглашается быть ввергнутым в море; Иисус Христос добровольно восходит на крест. Иона сходит в море с корабля; Христос нисходит со креста в гроб и в преисподнюю земли. Иона жертвует собой, чтобы спасти претерпевавших бурю; Христос умирает для спасения рода человеческого, обуреваемого волнами греховными. Пророк, взятый зверем, но не съеденный им, молится во чреве его; Иисус Христос, пораженный смертью, но не обладаемый ею, молится за всех людей. Иона невредим пребывает в чреве кита; тело Иисуса Христа неврежденно пребыло во гробе. Иона пребыл во чреве

кита три дня и три ночи; три дня и тря ночи был Иисус в сердце земли. Иона в третий день извергается невредженным из чрева китова; Иисус Христос силою Божества Своего нетленным восстает из гроба в третий день. После чудесного избавления от смерти Иона идет проповедовать покаяние ниневитянам; после воскресения Христа учение Его проповедуется язычникам. До времени бедственного плавания Ионы Ниневия не слышала проповеди покаяния и навлекла на себя гнев Божий, но после того пророк избавил своею проповедью ниневитян от гнева Господня; так единственно смертью и воскресением Христовым род человеческий, погруженный в бездну греховную, избавлен от греха, проклятия и смерти и примирен с Богом.

5965 - Молитва Ионы во чреве китовом положена в основание 6-й песни канонов. Святая Церковь в плавании Ионы видит не одно прообразование страданий и пребывания во гробе Спасителя, но и подобие нашей жизни. Кораблю Ионы, застигнутому бурей и погруженному волнами, она уподобляет нашу душу, обуреваемую волнами житейского моря, потопляемую грехами, уловляему духовным зверем – диаволом. Спасительному берегу, на который выброшен был Иона, она уподобляет тихое пристанище, которое душа наша обретает в Боге. С этою мыслию она каждодневно на утрени в 6-й песни канона напоминает нам его покаянную песнь и, влагая ее в уста, возбуждает нас также пламенно молиться, как молился Иона во чреве китовом, чтобы Бог возвел от духовного тления жизнь нашего духа.

5966 - Это были обыкновенные у восточных народов выражения печали и сокрушения.

5967 - В еврейском тексте здесь стоит слово «кикайон», что обозначает собою особое тенистое дерево, в роде плюща, или, как некоторые переводят, клещевину, которая в несколько дней вырастает до высоты тенистого дерева; но также быстро может и засохнуть, так как нередко подтачивается в самом корне своем червями.

5968 - Под сим именем вероятнее разуметь детей первого возраста, и в таком случае число жителей Ниневии обыкновенно полагают в 645 000 человек.

[5969] - Ум. около 800 г. до Р. Х. – О последующей за проповедью жизни пророка Ионы известно лишь из преданий, из коих древнейшие повествуют, что он скончался в отечественном своем городе, где доселе указывают его гробницу и где мусульмане построили в честь его великолепную мечеть. По другому преданию, пророк остался в Ниневии, среди развалин которой около Моссула также указывают его гробницу, составляющую предмет всеобщего благоговения христиан, евреев и магометан. Первое мнение подтверждается свидетельством 3-ей книги Маккавейской, где говорится, что Бог «Иону, когда он безнадежно томился во чреве кита, обитающего во глубине моря, невредимым показал всем его присным» (3Макк.6:6).

[5970] - Именем пророка Ионы надписывается пятая из книг малых пророков, предметом которой служит посольство Ионы в Ниневию с проповедью покаяния. Поводом к посольству Ионы послужило не только спасение Ниневии, но и назидание самим евреям, у коих развилась тогда нетерпимость к иноплеменникам. Господь вразумляет пророка, что спасение есть достояние и язычников, и предостерегает евреев, чтобы они исправились, ибо и они могут погибнуть, если не раскаются, а место их займут язычники. Отсюда новое прообразовательное значение проповеди Иониной, предъизображавшей собою новозаветную апостольскую проповедь, призывающую в Церковь Христову все народы. На такое значение книги пророка Ионы и его самого можно находить указание в словах Самого Спасителя, Который, упрекая иудеев и особенно фарисеев в нераскаянности, неверия и невнимательности к проповеди Иоанна Крестителя о покаянии, говорит: «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы» (Мф.12:41). – Книга пророка Ионы читается вся сполна за богослужением на вечерне в Великую Субботу наравне с другими пророчествами Ветхого Завета о воскресении Спасителя.

[5971] - Память прп. Феодора Начертанного празднуется церковью 27 декабря «Начертанными они названы потому, что, среди истязаний, коим они подверглись от византийских

императоров-иконоборцев за иконопочитание, на них были начертаны позорные стихи об их безумии, мучительным начертанием коих посредством раскаленных игл им были выжжены лица до самых век. Прп. Феофан известен еще как писатель и творец канонов.

5972 - Таковы императоры византийские из современных прп. Ионе: Лев V Армянин (813–820 г.), Михаил II Балба (820–829 г.) и Феофил (829–842 г.). Иконоборческая ересь возникла в Византии в первой половине VIII века и продолжалась до половины IX (842 г.).

5973 - Прп. Иона пресвитер скончался в первой половине IX века.

5974 - Мытарь – сборщик податей.

5975 - Мытница – место, где собирались пошлины или подать.

5976 - Святой скончался в VI веке в Царьграде.

5977 - «Иоанн» значит благодать.

5978 - Взятие Сиракуз было в 868 году.

5979 - Главного дворецкого.

5980 - Святая Ираида скончалась около 308 г. Вторично память ее с именем Раисы празднуется еще 5 сентября.

5981 - Память преподобной Ксантиппы празднуется в тот же день.

5982 - Сие происходило в 45–46 году по Рождестве Христове во время первого путешествия св. Апостола Павла. Город Икония находился в Ликаонии, области Малоазийской к юго-западу от Каппадокии. О первом путешествии св. Апостола Павла повествуется в книге Деяний Апостольских с 13 по 14 гл. В Иконию св. Апостол прибыл из Антиохии Писидийской.

5983 - Цата – монета, равная 10 коп.

5984 - Сие свидетельство о Фекле находится в 25 беседе св. Иоанна Златоустого на Деяния Апостольские.

5985 - В 4 беседе на Песнь песней.

5986 - Крин – лилия.

[5987] - Св. Епифаний – современник св. И. Златоуста; был епископом на о. Кипре в течение 36 лет.

[5988] - Города Листра и Дервия находились в Ликаонской области в Малой Азии, недалеко от Иконии.

[5989] - Предместье Антиохии.

[5990] - Сии слова находятся в беседе св. Киприана о мучениках.

[5991] - Об обеих этих женах упоминается в Римских месяцесловах под 10 ноября, а именно: «Память святых жен Трифены и Трифосы, живших в Иконии Ликаонской; наставляемые проповедью святого Павла и назидаемые примером святой Феклы, они много успели в христианском учении».

[5992] - Сии слова Златоуста заключаются в беседе о слепорожденном.

[5993] - Святой епископ Медиоланский Амвросий известен победоносной борьбою с арианами и заботами о благе своей паствы. Он скончался в 397 г. Память его 7 декабря. О св. Фекле упоминается во 2-й книге о девстве.

[5994] - Селевкия – на юг от Ликаонии и на север от Антиохии.

[5995] - Имя Коприй греческое от «копра» – гноище, навозная куча.

[5996] - Святой Коприй скончался около 530 года.

[5997] - Князь Василий Иоаннович 1505–1533 гг.

[5998] - Ныне уездный город Псковской губернии.

[5999] - Блаженный Николай Псковский преставился 28 февраля 1576 года.

[6000] - Уж или ужевник – дикая горчица, другое название этого растения – брылена.

[6001] - Келарь (от греческого «келлариос») обязан был хранить монастырские припасы.

[6002] - Память преподобного Антония Великого, который доблестно вел брань с духами злобы, празднуется 17 января.

[6003] - Тимпан – музыкальное орудие, обтянутое кожей и состоящее из двух металлических тарелок, по бокам

прикреплены погремушки. Свирель – духовой инструмент.

[6004] - Стефан Баторий был королем Польским с 1576 по 1586 гг.

[6005] - Благовещенская Никандрова пустынь, ныне заштатная, в 20 верстах от Порхова.

[6006] - Преподобная Евфросиния подвизалась в половине V века.

[6007] - Евнухами назывались в древности лица, которые служили при царских дворах в качестве хранителей сокровищ, царской казны и в особенности (как это бывало при дворе) в качестве стражи при опочивальнях цариц и царевен. По большой части, евнухи были скопцами. При византийском дворе должность евнухов была весьма почетная.

[6008] - Здесь разумеется Феодосий II (408–450 гг.).

[6009] - Т.е. возжелав получить жизнь небесную, ты поспешила оставить земные наслаждения.

[6010] - Составлено на основании жития прп. Сергия, написанного учеником преподобного Епифанием в XV веке, и других пособий.

[6011] - Год рождения преподобного Сергия в точности неизвестен, вероятно оно было в 1314 году.

[6012] - На месте древнего Радонежа находится ныне село Городище или Городок; оно расположено между Москвой и Троице-Сергиевой Лаврой, в 12 верстах от последней.

[6013] - Монастырь сей имел в то время два отделения – одно для иноков, другое для инокинь.

[6014] - Феогност был митрополитом с 1328 до 1353 г.

[6015] - Переяславль Залесский – ныне уездный город Владимирской губернии.

[6016] - Авва – отец.

[6017] - Филофей был патриархом от 1354 г. до 1355 г., и во второй раз с 1362 до 1376 г.

[6018] - Параманд – небольшой четвероугольный плат с изображением Страстей Господних.

[6019] - Покровского уезда Владимирской губернии.

[6020] - Память святого Стефана, просветителя Перми, празднуется 27 апреля; его мощи почивают в Московском соборе Спаса на Бору.

[6021] - В память сего и доселе сохраняется в Троице-Сергиевой лавре такой обычай: перед последним блюдом, по звуку колокольчика, все монашествующие встают, очередной иеромонах произносит: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас», – после чего все опять садятся оканчивать трапезу.

[6022] - Князь Владимир Андреевич Серпуховский, в пределах которого находилась Троицкая лавра, сподвижник Димитрия Иоанновича Донского в Куликовской битве.

[6023] - 16 августа празднуется перенесение из Едессы в Константинополь нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа, бывшее в 944 г.

[6024] - Спасо-Андроников монастырь был основан в 1361 г.

[6025] - Начало Симонова монастыря – около 1370 года.

[6026] - Сначала Коломенский Голутвин монастырь, основанный около 1385 года, находился в 4 верстах от города Коломны при впадении реки Москвы в Оку; но в XVIII веке сей монастырь перенесли в самый город, почему он и стал называться «Новоголутвиным».

[6027] - Высоцкий монастырь, прозванный так потому, что расположен на высоком берегу реки Нары, был основан в 1374 году.

[6028] - В то время российская церковь была еще подчинена патриарху Константинопольскому.

[6029] - Он был митрополитом с 1354 по 1391 год.

[6030] - Куликово поле находится в Епифановском уезде Тульской губернии.

[6031] - Тогда была установлена Димитриевская суббота (в октябре) – день для поминовения павших в сей битве воинов и вообще всех усопших.

[6032] - Дубенский монастырь, построенный в 40 верстах от Лавры на реке Дубенке, впадающей в Дубну, ныне не существует.

[6033] - Нашествие Тохтамыша было в 1382 году.

[6034] - Кончина прп. Сергия последовала 25 сентября 1392 года.

[6035] - Князь Звенигородский.

[6036] - Описание посмертных чудес преподобного Сергия составлено по Четьим-Минеям митрополита Всероссийского Макария, по житиям Сергия, составленным митрополитами Платоном и Филаретом, на основании сказания о посмертных чудесах Симона Азарьина; описание чудес при осаде Лавры поляками взято из «Сказания об осаде Троицкого монастыря» – келаря Аврамия Палицына; приняты во внимание также старопечатные жития преподобного Сергия и другие исторические источники.

[6037] - Освящение сего храма было 25 сентября 1412 года.

[6038] - Иоанн Васильевич Грозный царствовал с 1533 до 1584 года.

[6039] - Свияжск ныне уездный город Казанской губернии.

[6040] - Черемисы – финское племя, рассеянное главным образом в Вятской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Костромской и Нижегородской губерниях.

[6041] - Иоасаф был архимандритом с 1608 по 1610 г.

[6042] - Действительно, оба главные предводители поляков – Сапега и Лисовский вскоре погибли; Сапега умер в 1611 г. в Москве, а Лисовский в 1616 году 25 сентября – в день памяти преподобного Сергия, внезапно был поражен смертью, упав с лошади.

[6043] - Цинга – болезнь, при которой опухают десны и появляются язвы на ногах.

[6044] - Василий Иоаннович Шуйский царствовал с 1606 по 1610 г.

[6045] - Гермоген, известный своей мученической кончиной, был патриархом с 1606 г. по 1612 г.

[6046] - Келарь, от греческого «келлариос», обязан был хранить монастырские припасы. Аврамий Палицын, оставивший

сказание об осаде Троицкой Лавры поляками, скончался в 1625 году.

6047 - В память сего совершается в ближайший к 12-му числу воскресный день крестный ход в Лавре.

6048 - Дионисий был архимандритом в Троицком монастыре с 1610 г. и скончался.

6049 - Святая родилась в 1212 г.

6050 - Святая Евфросиния преставилась в 1250 г.; ее честные мощи почивают в Суздальском Ризоположенском монастыре.

6051 - Родиной Иоанна Богослова была Вифсаида. Родители его были люди благочестивые, жившие ожиданием Мессии. Еще в отрочестве они обучили Иоанна закону Моисееву. Из детства же святой Иоанн был помощником отцу своему и в его трудах по рыболовству и торговле. Товарищами и единомышленниками Иоанна были жители той же Вифсаиды, св. братья Петр и Андрей, впоследствии также св. Апостолы. Когда вышел на проповедь святой Иоанн Креститель, все сии благочестивые юноши охотно сделались его учениками, хотя не оставляли еще ни своего дома, ни своих занятий. Всё это они оставили лишь тогда, когда Господь сделал их Своими учениками.

6052 - По сказанию блж. Иеронима Иоанн был совсем еще юношей, когда Господь призвал его в число Своих учеников. Благочестивые родители не препятствовали Иоанну, как и брату его Иакову, сделаться учениками Божественного Учителя.

6053 - Название «Воанергес» (сын громов), кроме сего, указывало и на некоторые особенности характера св. Апостола. Будучи чистым, добрым, незлобивым и доверчивым, он в то же время был полон сильной ревности о славе Божией. Он полюбил Господа со всею силою своего невинного сердца. Оттого и Господь более всех других учеников Своих любил Иоанна. Уже через год после своего призвания Иоанн избран был Господом из множества учеников Его в число 12 Апостолов.

6054 - В 50-м году по Р. Х., т.е. через два года после Успения Богородицы, святой Иоанн всё еще пребывал в Иерусалиме, так как известно, что он присутствовал на происходившем в сем

году соборе апостольском в Иерусалиме. Только после 58 года по Р. Х. святой Иоанн избрал себе местом для благовестия страны Малоазийские, где до него проповедовал св. Апостол Павел.

6055 - Приморский город в Сирии.

6056 - Первые начала веры христианской положены были в нем учениками Иоанна Крестителя; уже Апостол Петр нашел здесь христиан, но главным образом Евангелие проповедано здесь Апостолом Павлом; потом ученик его Тимофей был здесь епископом; наконец, Ефес был местопребыванием Апостола Иоанна, который тут и скончался. Плодом неусыпных попечений Апостола Иоанна было то, что в Ефесе сохранялось чистое Евангельское учение, так что Церковь Ефесская, по словам святого Иринея, была истинною свидетельницею апостольского предания.

6057 - Эскулап – сын Аполлона, сказочный врач, после смерти ставший, по мнению язычников, богом врачевства, изображался с посохом, обвитым змеею.

6058 - Предание рассказывает, что однажды Иоанн, вместе с учеником своим Прохором, уединился из города в пустынную пещеру, где и провел 10 дней вместе с Прохором, а другие 10 дней один. В сии последние 10 дней он ничего не ел, а только молился Богу, прося Его открыть, что ему надо делать. И был голос к Иоанну свыше: «Иоанн, Иоанн!» Иоанн отвечал: «Что повелеваешь, Господи?» И говорил голос свыше: «Потерпи еще 10 дней, и будет тебе откровение многого великого». Иоанн провел там еще 10 дней без пищи. И совершилось тогда дивное: Ангелы от Бога сошли к нему и возвестили ему много неизреченного. И когда Прохор возвратился к нему, он послал его за чернилами и хартиею и потом два дня говорил Прохору о бывших ему откровениях, а тот записывал их.

6059 - Климент Александрийский – один из знаменитейших христианских ученых первых веков христианства, скончался около 217 года.

6060 - Последние годы своей жизни Иоанн проводил суровую жизнь аскета: питался лишь хлебом и водой, не стриг своих

волос и одевался в простые полотняные одежды. От старости он не имел уже сил проповедовать Слово Божие даже и в окрестностях Ефеса. Теперь он только поучал епископов Церкви и воодушевлял их неустанно учить народ слову Евангельскому, а особенно помнить и проповедовать первую и главную Евангельскую заповедь, заповедь любви. Когда, рассказывает блаженный Иероним, святой Апостол дошел до такой немощи, что ученики его с трудом лишь приносили его в церковь, и он не мог уже произносить продолжительных поучений, то он ограничивал свои беседы непрестанным повторением такого наставления: «Детки, любите друг друга!» А когда однажды ученики спросили его, зачем он непрестанно повторяет им это, Иоанн ответил следующими достойными его словами: «Сия есть заповедь Господня, и если ее соблюдете, то и довольно». На закате дней своих святой Апостол пользовался особенною любовью всего христианского мира. Он был в то время единственным Апостолом – самовидцем Господа, так как все другие Апостолы уже скончались. Весь мир христианский знал о том, что святой Иоанн был любимейшим учеником Господа. Поэтому многие искали случая видеть Апостола и считали за честь и счастье коснуться его риз. Кроме великих трудов по распространению христианской веры среди язычников, св. апостол Иоанн послужил Церкви Христовой еще и трудами письменными. Он написал св. Евангелие, три послания и Апокалипсис, или книгу откровений.Евангелие написано Иоанном уже в глубокой старости, в самом конце I века по Р. Х. Епископы Ефеса и всей вообще Малой Азии, опасаясь умножившихся в то время лжеучений о Лице Господа нашего, Иисуса Христа, и предвидя скорую кончину св. Апостола, просили его дать им свое Евангелие (новое, сравнительно с тремя уже имевшимися). Это Евангелие они желали иметь у себя руководством в борьбе с еретиками, отвергавшими Божество Христа. Иоанн удовлетворил просьбу епископов и дал им написанное им по внушению Духа Святого Евангелие, отличное от Евангелий Матфея, Марка и Луки. В своем Евангелии св. Иоанн говорит главным образом о том, о чем нет речи у тех евангелистов. Он дополняет их, опуская то, что

передано у них, и рассказывая о том, что у них опущено. Все события земной жизни Спасителя, о которых упоминает Иоанн, переданы у него с самою обстоятельною точностью. За свое Евангелие св. Иоанн получил название Богослова, т.е. такого повествователя, который в своем Евангелии излагает главным образом не события земной жизни Господа, а возвышенные и глубокомысленные речи о Боге, Боге-Слове, т.е. Сыне Божием, и беседы Спасителя о духовном возрождении в Духе Святом (Ин. 3:1–36), о живительной влаге (вода живая), удовлетворяющей духовную жажду людей (Ин. 4:1–54), о жизненном хлебе, питающем душу человека (Ин. 6:1–71), о таинственной дороге, ведущей к истине, о двери, через которую мы входим и выходим (Ин. 10:1–42), о свете и теплоте и т.п. Под всеми этими именами святой Иоанн всегда разумеет Самого Господа Иисуса Христа, так как только Он один действительно есть вода живая, хлеб духовный, свет, дверь нашего спасения, истина, правда, Бог. Он – наш Спаситель, от века сущий с Богом, в Боге, и Сам будучи Бог. А Бог – это есть Высочайшая Любовь, так возлюбившая мир, что Она и Сына Своего не пощадила, но послала в мир на страдания для искупления людей и спасения их от греха, проклятия и смерти. За такое возвышенное содержание Евангелия Иоанна оно названо Евангелием «духовным», а святой Иоанн Богослов изображается на иконах с орлом: подобно тому как орел высоко парит в небесах, так Иоанн в своем Евангелии поднимается до самых высоких религиозных истин. «Реки богословия из честных твоих уст истекаша, Апостоле», – воспевает св. Церковь в своих песнопениях св. Иоанну; там же она называет его богодвижимою цевницею небесных пений, тайнописцем, богосказанными устами, самовидцем неизреченных таин, таинником неизреченного, на высоту богословия взошедшим и т.п. Такие же мысли раскрывает св. Иоанн и в трех своих посланиях. Все эти послания написаны им в городе Ефесе. В них он также опровергает лжеучения еретиков, защищает достоинство Иисуса Христа, как Спасителя мира, действительность Его воплощения и истинность Его учения, а также убеждает верующих быть христианами не по имени

только, но и на самом деле. Так как в то время появились еретики, которые отвергали явление Христа во плоти, то апостол Иоанн предостерегает верующих от такого лжеучения и говорит, что только «Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1Ин. 4:2). Затем и в посланиях своих он повторяет, что «Бог есть любовь» (1Ин. 4:16), а потому и люди должны любить Бога. Только «пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1Ин. 4:16). Но что такое любовь к Богу? – «любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его» (2Ин. 1:6). А заповеди Господа сводятся к заповеди любви (1Ин. 4:7–8). Любить же нужно не «словом или языком, но делом и истиною» (1Ин. 3:18). «Кто говорит: «я познал Его (т.е. Бога), но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины» (1Ин 2:4), как нет истины и в том, кто «говорит «я люблю Бога», а брата своего ненавидит» (1Ин. 4:20). «Любящий Бога любит и брата своего» (1Ин. 4:21). Апокалипсис, или книга откровений, изображает будущую судьбу Церкви Христовой, борьбу Христа с антихристом в поражении антихриста. Будущие судьбы Церкви Христовой изображены здесь наиболее полно, чем где бы то ни было в другой книге Св. Писания.

6061 - В память сего чудесного события установлено ежегодное празднование св. Ап. Иоанну 8 мая

6062 - Т.е. разумных существ – людей, которых Христос охраняет, как пастырь охраняет овец.

6063 - Церковь воинствующая – это Церковь, заключающая в себе христиан, живущих на земле, а торжествующая – это общество прославленных верующих, обитающих на небе.

6064 - Карфаген – город в северной Африке.

6065 - Здесь следует разуметь Византию, которая, сделавшись восточною столицею римского царства, стала именоваться Новым Римом. В старом Риме почитание св. Каллистрата не имело места. Кроме того, упоминаемый здесь Рим, как видно из последующего, стоял на самом берегу моря, тогда как от старого Рима море находилось в далеком расстоянии (около 4-х верст).

[6066] - Познать имя Божие – значит познать Божественные свойства и совершенства, открывающиеся в управлении миром и жизнью человека.

[6067] - Т.е. храм, в котором мученики – воины будут почитаемы верующими.

[6068] - Дельфины – хищные морские млекопитающие.

[6069] - Солнце язычники почитали за бога, именуя его Аполлоном.

[6070] - Указывается на крещение, которое совершалось с древности в особых купелях или купальнях. – В крещении человек возрождается в новую, святую жизнь и делается чадом Божиим.

[6071] - Ветхий человек – человек, не получивший христианского крещения и состоящий еще под грехом Адамовым. (См. Кол.1:12).

[6072] - Св. Каллистрат и дружина его пострадали около 304 года по Р. Х.

[6073] - Т.е. Господь Иисус Христос.

[6074] - Митрополит Фотий, родом грек из Мореи, занимал кафедру с 1408 по 1431г.

[6075] - Кирилло-Белозерский монастырь в г. Кириллове Новгородской губернии, к югу от Белого озера, основан в 1397 г. преподобным Кириллом († 9 июня 1427 г.).

[6076] - Первоначальное название Ладожского озера, из которого вытекает река Нева, носящая названии по древнему имени Ладожского озера.

[6077] - В северной части Ладожского озера. Спасо-Преображенский монастырь на Валааме основан преподобными Сергием и Германом в начале XIV в. Когда последовала блаженная кончина обоих подвижников, точно неизвестно.

[6078] - Соловецкие острова на Белом море, Архангельской губернии, числом шесть, находятся в 150 верстах от берега Кемского уезда и в 400 верстах от г. Архангельска. Главный из них – Соловки, длиной от севера к югу 23 версты, а шириною 18 верст; окружность острова по береговой линии 175 верст.

[6079] - Как опытный в подвижнической жизни, преподобный Савватий, пребывая в Валаамском монастыре, состоял старцем новоначальных иноков, которых руководил в подвигах. Среди его учеников был Геннадий, впоследствии архиепископ Новгородский, управлявший кафедрой с 1484 по 1504 год.

[6080] - Река Выг протекает Олонецкой и Архангельской губерниями и вливает свои воды в Онежскую губу Белого моря. Место, где остановился преподобный Савватий, находится на устье р. Выга (теперь волость Сороки, на Карельском берегу).

[6081] - Преподобный Герман Соловецкий скончался в 1479 году, память его 30 июля.

[6082] - Преподобные Савватий и Герман прибыли на Соловецкий остров в 1429 году.

[6083] - В 12 верстах от нынешней обители, близ горы Секирной; на этом месте впоследствии сооружена пустынь с часовней преподобного Савватия.

[6084] - Мотыга – особый вид заступа.

[6085] - Река Онега в Олонецкой и Архангельской губерниях; впадает в Онежскую губу.

[6086] - В 1435 году. Мощи преподобного в 1465 году были перенесены с места его кончины при реке Выге на остров Соловецкий.

[6087] - Спутник Апостолов Павла и Варнавы в первом их апостольском путешествии; во втором апостольском путешествии Апостола Павла, Ап. Варнава, отделившись от Апостола языков, предпринял вместе с Иоанном Марком отдельное апостольское путешествие.

[6088] - Апамея Сирийская находилась в юго-западной Сирии, при самой большой реке Сирии Оронте, который около этого города вытекает из-под земли, образуя собою большое озеро. Апамея в древности была главным городом области Сирии Апамены и получила свое наименование по Апаме жене Селевка I Никатора, правителя Сирии, которому город этот и был обязан своим значением.

[6089] - Св. Зина был ученик и сотрудник Ап. Павла. Около 64 года по Р. Х., когда Ап. Павел писал свое послание к Титу, он

трудился на Крите вместе с Титом. Законниками (иначе – книжниками) назывались ученые люди, составлявшие из себя среди грубой и простой черни класс особенно привилегированных людей, сведущих в законоведении и ведавших юридические дела в церковных судилищах.

6090 - Диосполь – город по северной дороге от Иерусалима к Иоппии (Яффе).

6091 - Это было в начале IV в.

6092 - Никифор II Фока, византийский император, царствовал от 963–969; Иоанн Цимисхий, его преемник, – от 969 по 975 г.

6093 - 1Цар. 1:1–28

6094 - Обитель Спаса Глубокой реки; основана в начале IX в. по Р. Х., находится в Малой Азии, на берегу Мраморного моря, близ Царьграда.

6095 - Аммория находилась во Фригии, в Малой Азии, и была цветущим и многолюдным городом.

6096 - Ликаонская провинция и вместе ликаонская епархия, в Малой Азии, заключала в себе 18 городов. Икония – главный город Ликаонской епархии. В нем был собор по вопросу о крещении еретиков (Евсевия Цер. Ист. кн. 7, гл. 6-я).

6097 - Исповедниками в древней церкви назывались христиане, которые не отрекались от веры Христовой, когда их призывали на суд язычников и предавали мучениям, не оканчивавшимся, впрочем смертью. Кроме того, этот титул прилагался и к тем христианам, которые вели в высшей степени добродетельную жизнь, борясь с миром и его соблазнами и этим свидетельствуя о своей преданности Христу Спасителю.

6098 - Ученик – в смысле последователя, ибо действительным учеником прп. Феклы, современницы Апостолов, прп. Харитон быть не мог: он жил во второй половине III века и в первой половине IV века.

6099 - Несколько измененный текст из Рим.8:35, где Апостол Павел выражает свою преданность Христу Спасителю.

6100 - Геенна – то же, что ад.

6101 - Обитель Фаре или Фарус отстояла к югу от Иерусалима на шесть миллиариев, или на 60 000 шагов.

[6102] - Пострижение – это особый богослужебный чин принятия в иноки, которому дано такое название потому, что в древности пострижение волос было первым внешним знаком посвящения в иноки. Только уже вслед за пострижением посвящаемый облачался в монашеское одеяние.

[6103] - Т.е. речь его была приправлена мудростью, как бы солью, без которой кушанья не вкусны. См. Кол.4:6.

[6104] - Т.е. хорошие обычаи и нравы часто портятся от участия в дурных обществах и праздных разговорах. См. 1Кор.15:33.

[6105] - Т.е. полевые, дикие лилии.

[6106] - Дебрь – долина, низина, покрытая густым лесом, или же пространство, стесненное скалами.

[6107] - Т.е. сколько обыкновенно пешеход проходит в день.

[6108] - Вероятно, в пустыне иудейской.

[6109] - Ангелы, по слову Св. Писания, славословят Бога непрестанно. Пс.21:4.

[6110] - См. притчу о сокровище, сокрытом в поле. Мф.13:44.

[6111] - Фекуя – древний иудейский город, находившийся недалеко от Вифлеема.

[6112] - Спуд – мера сыпучих тел, которою иногда покрывали на ночь светильник, не желая тушить его; под спудом – сокровенно.

[6113] - Здесь, очевидно, разумеются те деревянные башенки, какие палестинские пастухи устраивали для наблюдения за стадами своими, рассеянными по обширному пастбищу.

[6114] - Стоять одесную – значит быть оправданным Богом. Мф.25:33.

[6115] - Т.е. всё принадлежит Богу, всякий кусок земли. Пс.23:1.

[6116] - Мощи – тело умершего христианина вообще, а затем, в особенности, святые останки прославленных угодников Божиих.

[6117] - Около 350 года по Р. Х.

[6118] - Пророк Варух преставился в Египте, вероятно в 12 году по разрушении Иерусалима Навуходоносором, след. в 595 г. до Р. Х. С именем сего пророка известна в Св. Писании особая книга. Цель написания этой книги, как можно видеть из ее содержания заключалась в том, чтобы показать иудеям, что все бедствия, постигшие их, Господь послал на них за грехи предков их и их самих и через то вызвать в них чувство сердечного сокрушения и раскаяния; вместе с тем дать им среди постигших бедствий утешение обетованием предстоящей свободы от плена и еще более наступлением благодатных времен мессианских. Книга пророка Варуха считается как бы дополнением или прибавлением к книге пророка Иеремии и отдельно от нее нигде не встречается. У свв. отцов церкви она нередко прямо соединяется с книгою пророка Иеремии под одним названием последней. Даже паремия, положенная из этой книги в навечерие Рождества Христова (Вар.3:36–38, 4:1–5) читается под именем пророчества Иеремии, а не Варуха.

[6119] - В начале IV века по Р. Х.

[6120] - Чехия занимает среднеевропейское плоскогорье, окруженное со всех почти сторон горами и орошаемое рекой Лабой (Эльбой) с ее притоками. В отдаленной древности эта страна была занята Кельтским народом – бойями, от которых она носит другое название – Богемии. Незадолго до Р. Х. бойи были изгнаны германцами, маркоманами, ведшими долгие войны с римлянами и окончательно исчезнувшими в половине V в.; вскоре после этого, вероятно, поселились в опустевшей стране славянские племена чехов, по которым и страна прозвалась Чехией. Когда святые братья, Кирилл и Мефодий в славянских странах – Моравии и Паннонии, тогда ими же были крещены и чехи, и у них введено было богослужение на славянском языке; христианство у чехов распространилось очень сильно и скоро у них появились святые подвижники; в Православной Церкви известны: блаженная Людмила, святой Вячеслав и преподобный Прокопий, живший уже в XI веке (память его празднуется 16 сентября). Но еще до крещения чехов святыми первоучителями славян появились в Чехии и немецкие миссионеры, которые стали распространять

богослужение на латинском языке, а так как они при этом пользовались покровительством могущественных немецких государств, соседних с чехами, то им с течением времени удалось совершенно вытеснить славянское богослужение, которое уже в XI в. приходилось защищать святому Прокопию, хотя местами оно продолжало сохраняться и позже.

6121 - Вступил на княжеский чешский престол в последних годах IX в.

6122 - Князь Вратислав умер в 920 году по Р. Х.

6123 - В 1015 году.

6124 - Столица Чехии, находится на р. Влтаве, приток Лабы.

6125 - Славянское племя, живущее по берегу Адриатического моря и по рекам Саве и Драве, притокам Дуная, к югу от Чехии.

6126 - Мученическая кончина святого Вячеслава, князя чешского, произошла в 935 г., в 28 день сентября.

6127 - Коринф – древнейший, знаменитый и богатый город древней Греции, лежал на Коринфском перешейке, соединяющем Пелопоннес (южную Грецию) с остальною Грециею, в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морями. Начало христианства в Коринфе положено было Апостолом Павлом – В настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто и имеющего лишь около 5000 жителей.

6128 - Около 448 года по Р. Х.

6129 - Быт.5:24: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его». Выражение это обыкновенно понимается в смысле взятия Еноха на небо. «Должно думать, – говорит митрополит Филарет, – что в Енохе, по достижении внутреннего человека его в предопределенную меру благодатного возраста, смертное поглощено было жизнью (2Кор.5:4), некоторым благороднейшим образом, нежели тот, который мы называем смертью телесною».

6130 - Искрой человечества Ной может быть назван, как потому, что, при всеобщем растлении рода человеческого пред потопом, в нем одном лишь как в искре среди пепла,

сохранялось истинное богопознание и праведность, так и потому, что после потопа от него произошло многочисленное потомство, подобно тому как от одной искры разгорается большое пламя.

6131 - Самое имя «Авраам» означает: «отец множества». Это наименование Господь дал Аврааму, до того времени называвшемуся Аврамом, пред рождением от Сарры Исаака.

6132 - Мелхиседек, царь Салимский, был в то же время священником Бога Всевышнего, соединяя в своем лице и царское и священническое достоинство, и прообразовал священство и царское служение Господа Иисуса Христа. Евр. 7:1–28.

6133 - Св. Лев I, византийский император, царствовал с 457 по 474 г. Св. Анастасий I патриаршествовал в Иерусалиме 458–478 гг. Прп. Кириак тайно от родителей отправился в Иерусалим около 465 г.

6134 - Сион – юго-западная гора Иерусалима, на которой построен Иерусалим и на которой возвышается крепость Иерусалимская. В Священном Писании Сион называется горою святою, жилищем и домом Божиим и весьма часто принимается за самый Иерусалим, в каковом смысле это наименование употреблено и в настоящем случае.

6135 - Лавра прп. Евфимия находилась недалеко от Иерусалима.

6136 - Евфимий Великий не принимал в свою Лавру очень молодых монахов, как неподготовленных еще к суровой лаврской, пустынной жизни и недостойных посвящения в «великую схиму», обязательного для отшельников лаврских, для коих в то же время был обязателен строгий затвор в монастыре; в общежительных же монастырях жизнь была в некоторых отношениях менее сурова.

6137 - ангельский образ – посвящение в сан иноческий, в котором люди должны как бы уподобляться бесплотным Ангелам, посвящая всё свое время богомыслию, молитве и различным высоким подвигам духовным, направленным к препобеждению плоти.

[6138] - Под епископом здесь должно подразумевать Иерусалимского патриарха Мартирия, патриаршествовавшего с 478 по 486 г.

[6139] - Тимофей II Салофакиил – патриарх Александрийский в 460–482 г.

[6140] - Эфиопия – древнее наименование обширной страны, лежавшей к югу от Египта. Здесь следует подразумевать главным образом Абиссинию, где христианство распространилось еще в IV в.

[6141] - «Канонарх» – значит начинатель установленного пения. В древности, по причине бедности монастырей, не дозволявшей иметь богослужебные книги в нужном количестве экземпляров, а также по причине малого числа грамотных между певцами, вошло в обычай пение священных песнопений под диктовку. Один из монахов, имея в руках книгу, произносил громогласно фразу за фразой, а прочие клиросные пели эти фразы, по мере произнесения каждой из них. «Канонархание» существует в монастырях доселе.

[6142] - Било – металлическая или деревянная доска, которая в древности, а по местам и доселе заменяет колокола для призыва верующих к богослужению.

[6143] - Комитами назвались царские телохранители. Впоследствии этот титул стал прилагаться к официальным лицам, составлявшим свиту вообще высших должностных лиц – проконсулов, областеначальников, губернаторов; на обязанности комитов стал впоследствии лежать и сбор податей в государственную казну.

[6144] - Мелагрия – малоизвестное пустынное растение Палестины горьковатого вкуса. Под тростником здесь следует разуметь так называемый тростник благовонный – растение, отличающееся ароматическим и приятным, но горьким на вкус корнем.

[6145] - 90 поприщ по нашему счету около 124 верст.

[6146] - Ифамские – в переводе с еврейского значит: непроходимые, глубокие и быстрые.

[6147] - Ориген – знаменитый христианский учитель Александрийской церкви (ум. 254), – чудо своего века по громадности своего ума и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, на двух местных Александрийских соборах и, по кончине, на местном Константинопольском соборе 543 г. был осужден, как еретик. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах христианской церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах.

[6148] - На обязанности псальтрий лежало чтение псалмов при богослужебных собраниях христиан.

[6149] - Прп. Кириак ум. в 556 г.

[6150] - Т.е. ежегодно празднует твою память.

[6151] - Страдания и кончина святых мучеников Дады, Гаведдая и Каздои последовали около половины IV века.

[6152] - Газа – значительный приморский город Малой Азии, в южной Сирии, некогда принадлежавший филистимлянам, – один из древнейших городов мира.

[6153] - Армения – горная страна между рекою Курою и верховьями рек Тигра и Евфрата; была населена армянами, названными так по царю Араму, и управлялась царями из своего племени от II в. до Р. Х. до V в. по Р. Х.; она называлась Великою Арменией в противоположность Малой Армении – области между верховьями рек Евфрата и Галаса, которая входила в состав царства Митридата Понтийского, а с 70 года по Р. Х. – в состав Римской империи. Страна эта была второю колыбелью человеческого рода, ибо ковчег Ноя остановился на горе Арарате (Быт.8:4), лежащей в Великой Армении. Существующие доселе названия местностей подтверждают библейский рассказ об обстоятельствах жизни патриарха Ноя после потопа, например: Эривал «явление», – место, где Ной впервые увидал землю; Акорри – «насаждение виноградной

лозы» (на горе Арарате), где Ной впервые насадил виноградную лозу; Аррнойтон – «при ногах Ноя», т.е. место погребения Ноя и др. Страна эта находилась большею частью в подчинении у других народов (ассирийцев, вавилонян, мидян, персов, македонян, византийцев, турок). Начало христианства в Армении относится, по преданию, ко времени земной жизни Иисуса Христа и Апостолов: Фаддея, Варфоломея, Симона Кананита и Иуды Леввея. Несомненные следы христианства здесь можно находить уже во II в., а в IV в. страна сделалась вполне христианской и была первым христианским государством. Григорий Просветитель и был первым Апостолом Армении (родился около 257 г., поставлен епископом в 302 г.).

6154 - Парфяне жили в Парфии, – стране, занимавшей в древности приблизительно область нынешней иранской провинции Хорасана. Население первоначально подчинено было персам, но с 156 г. до Р. Х. по 299 г. по Р. Х. жило независимо, образовав самостоятельное царство, после чего вновь было покорено персами.

6155 - Готы – германское племя, которое первоначально жило к юго-востоку от Балтийского моря. В эпоху великого переселения народов (V в.) племя это разделялось на восточных – остготов, царство которых находилось (в IV в.) в нынешней южной России и простиралось на восток до реки Дона, и западных – вестготов, живших по соседству с восточными.

6156 - По толкованию св. Иоанна Златоуста это место псалма относится к иудеям, уведенным в Вавилонский плен. «Как сеющие после трудов пользуются плодами; так и вы, говорит пророк, когда отошли в плен, были подобны сеющим, испытывали различные лишения и проливали слезы. Что дождь для семян, то слезы для страждущих. Но вот, говорит, за эти труды получили воздаяние». В применении к святому Григорию это место псалма надо понимать так: святой, тяжко страдая от мук, утешал себя надеждою на будущее мздовоздаяние от Господа.

6157 - Вероятно, здесь должно разуметь современный Аккори, – место, славившееся своими виноградниками и

разрушенное землетрясением в 1840 г.

[6158] - По толкованию святого Афанасия оружием и рукою псов изображает Господь злобу и безумие иудеев. «Единородную» – т.е. одинокую, оставленную всеми, душу. Молясь такими словами, святая Рипсимия просила Господа об избавлении ее от поругания со стороны царя Тиридата.

[6159] - Описываемое здесь событие относится к началу IV в.

[6160] - Кончина св. Григория относится к 335 г.

[6161] - Уездный город Костромской губернии.

[6162] - Макариевский Желтоводский монастырь около озера Желтые воды, на левом берегу Волги, Нижегородской губернии, основан преподобным Макарием, скончавшимся 25 июля 1444 г.

[6163] - Юрий Дмитриевич Галицкий, сын Димитрия Донского.

[6164] - Брат Юрия, сын Димитрия Донского, умер в 1425 г.

[6165] - Прп. Дионисий Глушицкий, основатель монастыря его имени, в Вологодской губернии, скончался 1 июня 1437 г.

[6166] - Василий Васильевич Темный, сын Василия Дмитриевича, княжил с 1425 года по 1462 год, в 1 раз был изгнан из Москвы своим дядею, Галицким князем Юрием Дмитриевичем.

[6167] - Димитрий Шемяка, сын Юрия Дмитриевича.

[6168] - Преподобный Григорий скончался 30 сентября 1441 г.

[6169] - Корсунь – иначе Херсонес Таврический – древний греческий город на юго-западном берегу Таврического полуострова или Крыма, вблизи нынешнего Севастополя. После него остались развалины.

[6170] - Все это произошло в 988 году. Византийскими императорами в то время были Василий II Болгаробойца и брат его Константин VIII, сыновья императора Романа II. Почти все время они царствовали совместно: Василий с 975 по 1025 г., Константин с 979 по 1028 г., но настоящим правителем был Василий – наиболее способный и деятельный.

[6171] - Св. Николай II Хрисоверг управлял Константинопольской церковью с 983 по 996 г.

[6172] - В данном месте и в нижеследующих приводятся слова из службы святителю Михаилу.

[6173] - Новгород стоит на реке Волхове при выходе его из озера Ильмень; ныне губернский город. Ростов, при озере Неро, в настоящее время уездный город Ярославской губернии.

[6174] - Добрыня – родной дядя Владимира по матери. Анастас Корсунянин – грек, предавший Корсунь Владимиру. Впоследствии он был старейшим священником при Десятинной церкви.

[6175] - Десятинная церковь получила свое название от десятины (10-й части имения), определенной на ее содержание князем Владимиром; построена мастерами, вызванными из Греции, в продолжение семи лет (с 989 по 996 г.). До ее освящения мощи святого Михаила, вероятно, помещались временно где-нибудь в другом месте; впрочем, возможно, что были погребены и в недостроенном храме.

[6176] - Память святого Михаила первоначально праздновалась 15 июня, по преданию, в день его кончины С 1730 года она перенесена на 30 сентября.

[6177] - Лев VI Мудрый – византийский император с 886 по 912 год.

[6178] - Влахерны – местность в Константинополе на западном углу города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями.

[6179] - Знамение сие было в первой половине X века, в конце жизни св. Андрея Юродивого (ум. ок. 936 г.). Самый праздник Покрову Богоматери установлен в Церкви Русской не позднее половины XII века. Замечательно, что видение было святому Андрею – славянину родом и праздник установлен и совершается в славянских землях. В самом же Константинополе хотя не было сего праздника, но помнили видение св. Андрея. Во Влахернской церкви была икона Божией Матери в том виде, как Она явилась св. Андрею.

[6180] - Епифаний – знатный юноша, ученик св. Андрея, по мнению некоторых, – впоследствии принявший иночество с именем Полиевкта и бывший Константинопольским патриархом.

[6181] - Сказание о Покрове Пресвятой Богородицы заканчивается следующими подробностями. Когда св. Андрей с Епифанием созерцали сие дивное видение, Богоматерь молилась на долгий час, обливая слезами Свое Боговидное и Пречистое лицо. Окончив здесь молитву, подошла к престолу, молилась и здесь за предстоящий народ. По окончании молитвы, сняла с Себя блиставшее наподобие молнии великое и страшное покрывало, которое носила на Пречистой главе Своей и, держа его с великою торжественностью Своими Пречистыми руками, распростерла над всем стоящим народом. Чудные сии мужи довольно время смотрели на сие распростертое над народом покрывало и блиставшую наподобие молнии славу Господню; и доколе была там Пресвятая Богородица, видимо было и покрывало. По отшествии же Ее, сделалось и оно невидимо. Но взяв его с собою, Она оставила благодать бывшим там.

[6182] - Под образом апокалипсической жены, облеченной в солнце, большинство разумеет Церковь, а под солнцем – Иисуса Христа. В то же время сия жена могла изображать собою облеченную в Божественную, небесную славу Пресвятую Богородицу.

[6183] - Столп Давидов, увешанный победоносными военными орудиями и щитами, прообразовал собою Пресвятую Богородицу, о чем речь далее. Об этом знаменитом столпе Давидовом ничего более неизвестно из Священного Писания, кроме того, что он был воздвигнут на какой-то горе, и что он создан в Фалпиофе, каковое наименование обозначает собою также укрепления.

[6184] - Сион – юго-западная, самая обширная и высокая из четырех возвышенностей, на коих построен Иерусалим – почиталась у евреев священною и первоначально служила религиозным центром и твердынею Иерусалима. Поэтому Писание часто именует Иерусалим дщерью Сионовой, например см. Пс.9:15; Ис.1:8, 67:11; Иер.6:23; Мф.21:5.

[6185] - Т.е. различные земные обстояния и искушения: в особенности же огненные стрелы лукавого, нападения со

стороны диавола, – сего исконного, страшного врага рода человеческого, попаляющие нас как бы смертоносным огнем.

6186 - В беседе на Пс.119 Амвросий Медиоланский (Миланский, в Италии), – знаменитейший отец Западной церкви и христианский писатель IV в. (ум. 397). Память его совершается 7 декабря

6187 - Служба Покрову Богородицы, 3 стихира на «Господи воззвах».

6188 - Акафист, икос 2.

6189 - «Господь, – говорит по поводу сего прообраза св. Иоанн Дамаскин, – соорудил Себе одушевленную лествицу, которой основание утверждено на земле, а верх касается самого неба, и на которой утверждается Бог. лествица духовная, т.е. Дева, утверждена на земле: потому что Она родилась на земле; глава Ее касалась неба: потому что глава Ее был Бог и Отец».

6190 - Служба Благовещению, стихира 1 на «Господи воззвах».

6191 - Выражение кондака Успению Пресвятой Богородицы.

6192 - Богоматерь справедливо уподобляется кивоту. В Ветхом Завете в Скинии, а после в храме Иерусалимском находилось внутреннее святилище, «Святое Святых», доступное одному лишь первосвященнику, и то лишь один раз в год. В сем святилище хранился кивот завета – ящик, покрытый золотом внутри и снаружи, вмещавший в себе самые священные для богоизбранного народа предметы. По бокам его осеняли «Херувимы славы», золотые изображения этих высших и ближайших к Богу Небесных Сил. Сей кивот и прообразовал Божию Матерь, вместившую в Себе Самого Бога, почему и воспевается Церковью «одушевленным Божиим кивотом» (канон Благовещению, песнь 9). Как неотступная молитвенница за род человеческий пред престолом славы, Она является для нас кивотом, окруженным сонмом Херувимских сил, охраняющих нас своими молитвами от всяких бед и обстояний.

6193 - Во время странствования своего по пустыне Аравийской израильтянам пришлось вступить при Рефидиме в

сражение с хищническим кочевым народом – амаликитянами. Моисей, Аарон и Ор взошли на вершину холма. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал их, одолевал Амалик. Когда же руки Моисеевы отяжелели, тогда посадили его на камень, а Аарон и Ор поддерживали руки его, кои и были подняты до захождения солнца. Тогда израильтяне, во главе с Иисусом Навином, низложили Амалика и народ его погубили острием меча. – Поднятие при сем рук Моисея изображало образно для Израиля силу молитвы. Смысл сравнения понятен: в молитвах неусыпающая Богородица, силою их, как бы поддерживаемая свв. Иоанном Предтечей и Иоанном Богословом, низлагает, подобно Моисею, невидимого врага христиан – диавола со всеми его силами, нападающего на нас в сем мире, уподобляющемся пустыне.

6194 - Из тропаря на малом освящении воды.

6195 - Богородица вообще и в Писании, и в церковных песнопениях именуется облаком (мглою): из Нее «возсия нам солнце праведное»; во-вторых, потому что она «источает жаждущим воду живу оставления» (грехов) и одождила нам «тучу нетления Христа», в-третьих, потому что Она Своим Божественным покровом и теплым предстательством покрывает и ограждает нас от всяких зол и напастей.

6196 - Этот пророческий прообраз не ограничивается лишь сим смыслом. Как утренняя заря, рассеивающая ночной мрак, предшествует лучезарному солнцу, заимствуя от него свой свет; так и Пресвятая Дева непосредственно предварила «Солнце правды» – Христа и от Него получила Свою славу Богоматери. С рождением же Христа исчезла тьма идолопоклонства и многобожия и настал невечерний день Боговедения и благочестия.

6197 - В день гнева, т.е. Второго Пришествия Христова и последнего Страшного Суда.

6198 - Дамаск – главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире; лежит к северо-востоку от Палестины, при р. Бараде, протекающей через него, в

прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Антиливана.

6199 - Тарс – большой населенный город Киликии (юго-восточная провинция Малой Азии), в южной части ее, в плодоносной равнине при р. Кидне, недалеко от него впадающей в Средиземное море. И ныне это – еще довольно значительный торговый город.

6200 - Среди других памятников древности, Дамаск доселе сохраняет в себе место обращения св. Апостола Павла к вере Христовой, так называемую прямую улицу, дом Иудин, где ему возвращено было зрение и преподано крещение, и дом Апостола Анании, а также – место, откуда он спущен был по стене и таким образом избежал своих гонителей.

6201 - Сонмища или Синагоги (с греч. – собрания) – места религиозных собраний иудеев, представлявшие собою открытые здания для совершения общественного богослужения и поучений, для решения спорных церковных вопросов, ведения судебных дел; эти здания служили также местами собраний для прений, школами для детей и библиотеками. Учреждение синагог восходит ко временам Вавилонского плена.

6202 - Елевферополь – город в южной Палестине, на дороге между Иерусалимом и Газою. В настоящее время здесь расположено селение, лежащее при выходе из равнины Сефельской в нагорную землю Иудину. Недалеко от него лежат развалины древнего Елевферополя.

6203 - Т.е. подобно тому, как незадолго пред сим евреи за исповедание Христа побили камнями первомученика христианского, св. архидиакона Стефана. (Деян.7:59).

6204 - Впоследствии мощи св. Апостола Анании были перенесены в Константинополь, где покоились еще в начале XIII в.; около 1200 года их видел Русский паломник инок Антоний.

6205 - Эмеса – город в Сирии на восток от реки Оронта, впадающей на северо-западе Сирии в Средиземное море.

6206 - Пономарь, или правильнее, парамонарь – приставник для охранения храма и священных мест и наблюдения за их чистотою; на его же должности, по уставу церковному,

полагалось: звонить к богослужению, зажигать и гасить богослужебные светильники, приготовлять и подавать кадильницу.

[6207] - Берит – нынешний Бейрут – древний город Финикии на берегу Средиземного моря, в V в. процветал и славился своей высшей школой риторики, поэтики и права; ныне – главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья, с населением до 80 000 жителей.

[6208] - Анастасий I – византийский император с 491 по 518 г.

[6209] - Кир – знаменитый поэт и префект столицы при императоре Феодосии Младшем, потом епископ Смирнский и песнопевец православной восточной церкви († 470 г.) – подарил столице памятник вкуса и благочестия своего – великолепный храм Богоматери, который от него и получил свое наименование и после него назывался Кировым. Впоследствии при храме сем возникла обитель. Был ли монастырь при Кировом храме во время Романа – неизвестно; но греческий подлинник жития его дает понять, что Роман не только служил при Кировом храме, но и жил в зданиях, принадлежавших сему храму.

[6210] - Главный великолепный собор Константинополя во имя Софии-Премудрости Божией, первоначально создан Константином Великим Впоследствии этот собор был великолепно возобновлен и расширен императором Юстинианом Великим в 537 г.; в 1453 г. по взятии Константинополя турками, обращен в мечеть. Юстиниановский храм Св. Софии представляет и поныне замечательнейший, величественнейший памятник христианской архитектуры византийского стиля, самой цветущей эпохи его развития.

[6211] - Ср. 1Кор. 3:18–19. Это потому, что премудрость человеческая, предоставленная только себе, не привыкши прислушиваться к голосу откровения и разума Божия, впадает в заблуждения, отвергает высокие, спасительные истины, о всем судит кичливо и разрушительно. Напротив, буйство о Христе ничего не испытывает, а все смиренно принимает верою, оно

кажется безумием в глазах мира сего, но оно-то и есть истинная премудрость, которая, по апостолу, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна (Иак. 3:17). Эта премудрость некнижных делает премудрее ученых мира сего.

[6212] - Св. Евфимий – патриарх Константинопольский с 490 по 496 г.

[6213] - Под клириками здесь разумеются церковнослужители, посвященные на то через особое архиерейское благословение, через т. н. церковный обряд «хиротесии» – чтецы и певцы. Очевидно, что Св. Роман до того времени не принадлежал к их числу.

[6214] - Амвон (с греческого – возвышение) начинается от средины другого предалтарного возвышения – солеи и выступом выдвигается вперед в храм. В древних церквах амвоны значительно выдвигались над солеёй, и на них вели даже иногда лестницы. Амвоны предназначались прежде не только для проповеди и молитв священнослужителей, но и для певцов и чтецов, принявших священное пострижение, чтобы они удобнее были видимы и слышимы молящимися, впоследствии для этого устроены клиросы. Но низшие непосвященные церковнослужители не имели даже права входить на амвон.

[6215] - По гречески – kontakion, т.е. тонкий сверток исписанного с обеих сторон пергамента; этим именем назывались в частности свертки с церковными песнями или службами.

[6216] - Кондак на праздник Рождества Христова.

[6217] - Таким образом Роман Сладкопевец первый начал писать кондаки и справедливо признается отцами Церкви творцом кондаков. Самое название кондаков носит на себе воспоминание о творце их и получило свое начало от греческого наименования того пергаментного свитка, который Богородица повелела Роману в сновидении проглотить. Под сим именем с тех пор стали разуметься в церкви краткие церковно-богослужебные песнопения в честь Господних и Богородичных праздников, а также в честь святых и в память усопших,

излагающие сущность праздников и составляющие как бы тему для всего богослужебного их чинопоследования.

[6218] - Св. Роман остался в истории христианского песнотворчества с именем «Сладкопевца» и песнописцем, как по богатству мыслей, содержащихся в его песнопениях, так по их поэтической вдохновенности, одушевлению, глубине чувства и возвышенности языка. Церковь в своих песнопениях воспевает его гуслей сладковещанной, сладкогласной цитрой Божественного Духа, свирелью церковною, соловьем Божественных песней, струной преславных слов Духа и т. д. (Стихиры). Кроме кондаков, Св. Роман Сладкопевец считается творцом и икосов, которые, по свидетельству «Марка Ефесского, вместе с кондаками петы были в одних прекрасных тех покоях (по греч. oikos – дом, покой), где священный муж имел обыкновение проводить ночи в бдении; отсюда-то они и получили такое название». «Икосами» называются в Церкви пространнейшие песнопения в честь и память праздника или в память усопших. По своему содержанию они сходны с кондаками, пишутся одним размером и поются на один глас. Икос всегда следует за кондаком, так как представляет развитие последнего.

[6219] - Жизнь и деятельность Св. Романа Сладкопевца относятся ко 2-й половине V века. Кончина его последовала в конце сего века.

[6220] - Кашин – ныне уездный город Тверской губернии, в 188 верстах от Твери, на реке Волге – входил в состав Тверского княжества, некоторое время был самостоятельным, самым сильным уделом в нем и очень значительным городом, но потом потерял свое прежнее значение.

[6221] - Преп. Савва был второй из восьми сыновей кашинского боярина Ивана Васильевича Борозды, из рода славного, отличавшегося в боях воинскими доблестями (откуда произошло и фамильное имя этого рода: борозда – древневоенное название окопа, траншеи).

[6222] - Тверская Саввина (Сретенская) пустынь была основана преподобными Саввою и Варсонофием Тверскими,

современниками Саввы Вишерского (память их празднуется 2 марта), в 1397 г. и находилась в 20 верстах от Твери, там, где ныне – село Саввино.

[6223] - О жизни преп. Саввы на Афоне ничего неизвестно, равно как нельзя с точностью определить, долго ли он там пребывал, но, по некоторым историческим указаниям из раннейших и позднейших событий жизни преподобного, можно думать, что он ушел на Афон около 1411 г. и что пребывание его там продолжалось не более трех лет. Из дальнейшей жизни преподобного видно, что впечатления Афона надолго остались в его душе. Известно также, что он принес с собою с Афона в Россию список Кормчей книги, которым пользовался потом Вассиан, архиепископ Ростовский.

[6224] - Вишера – река Новгородской губернии, левый приток Волхова. – Как видно из настоящего местоположения Савво-Вишерского монастыря, преп. Савва поселился на левом берегу Вишеры, в 10 верстах к северо-востоку от Новгорода. Поселение Саввы на Вишере было не позже 1414 или 1415 г.

[6225] - Крест этот и теперь стоит в часовне при монастыре. В настоящее время крест лишь обложен досками и с лицевой стороны литыми из алебастра изображениями святых.

[6226] - Небольшая речка, рядом с Вишерой, протекавшая среди соснового бора, от которого получила свое название.

[6227] - Архиепископ Иоанн управлял Новгородскою святительскою кафедрою с 1387 по 1415 г.

[6228] - О сем чуде воспоминается и в службе преподобному. Канон, песнь 6, тропарь 3.

[6229] - Ефрем – любимый ученик преподобного Саввы; по кончине его, удалился на берега озера Ильмень, где основал Перекомский монастырь († 1492 г). Память преп. Ефрема совершается 16 мая и 26 сентября.

[6230] - Новгород Великий делился на две стороны: Торговую и Софийскую, которые в свою очередь делились на так называемые концы. Славянский конец находился на юге Торговой стороны. Стороны и концы имели свое управление и заведовали ближайшими к Новгороду округами Новгородской

области. Округа, где протекала в том месте Вишера и расположен был Лисичий монастырь, находилась в ведении Славянского конца. Известна печать с крестом в средине и с надписью вокруг: «печать Славянского конца», а на обороте с изображением святого в венце и с надписью: «Павел исповедник», откуда видно, что в Славянском конце было свое управление.

6231 - Церковь с келиями была построена в обители преп. Саввы в 1418 г. по благословению Св. архиепископа Новгородского Симеона († 1421 г.). Память его совершается 10 февраля и 15 июня.

6232 - Воспевая столпнические подвиги преп. Саввы, церковь уподобляет его «Симеону великому», т.е. Св. Симеону Столпнику. Столп как бы заменил преподобному пустынный великий Афон.

6233 - О сем чуде церковь воспевает в службе преподобному. Стих. 3 на «Господи воззвах».

6234 - О преп. Ефреме см. на с. 282. О другом ученике преп. Саввы, Андрее, известно, что он до того изнурил тело свое постом в бдением, что у него остались только кожа и кости. Вскоре, однако, по смерти преп. Саввы настоятелем Саввиной обители был уже игумен Геласий.

6235 - Св. архиепископ Новгородский Иона управлял Новгородской церковью с 1458 г. до самой кончины своей, последовавшей в 1470 г. Память его совершается 5 ноября в Саввиновишерскую обитель должно относить к 1461 г.

6236 - Сия древняя икона преп. Саввы хранится в обители его доселе. Ранее она лежала на раке святых его мощей; ныне же находится в монастырском Вознесенском соборе, в приделе во имя преп. Саввы.

6237 - Составление жития преп. Саввы приписывают известному агиографу 2-й половины XV века Пахомию Логофету, современнику святителя Ионы. Но некоторые списки жития, называющие автором его Пахомия, оканчиваются припиской, по которой «списано бысть и изобретено блаженного Саввы житие священноиноком Геласием, бывшим тогда игуменом тоя

обители, в лето 6972-е», – из чего можно заключать, что житие первоначально написано в 1464 г. игуменом Геласием и после уже исправлено Пахомием Логофетом.

[6238] - Это было в 1523 г.

[6239] - Праздник в честь преп. Саввы установлен в Русской церкви соборным определением 1549 г. С того времени преп. Савва стал известен с именем Новгородского чудотворца. В 1570 г., в царствование Иоанна Грозного, во время Новгородского погрома, «государевы ратные люди разрушили гроб чудотворца»; на следующий год мощи преп. Саввы были положены в новую раку и помещены в новом каменном Покровском храме обители. В настоящее время мощи преподобного почивают под спудом в Покровском пределе Вознесенского собора монастыря. Во имя его в обители – два храма.

[6240] - Максимиан Галерий, римский император с 305 по 311 г.

[6241] - Солунь или Фессалоники – весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского или Фермейского залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот известен под именем Салоники в Греции.

[6242] - Константин VI Порфирородный – римский император с 780 по 797 г. Царица Ирина мать его и супруга императора Льва VI, ревностная защитница иконопочитания, в продолжение 10 лет управляла государством вместо сына и после него царствовала по 802 г.

[6243] - Здесь разумеется Севастия Армянская, на северо-востоке Малой Азии.

[6244] - Агаряне или иначе Сарацины – аравийские бедуины. наименование агарян, означавшее первоначально это кочующее разбойничье племя, впоследствии распространено было христианскими писателями на всех арабов, а затем стало означать вообще мусульман. Агарянами аравийские бедуины назывались от того, что, по еврейскому преданию, они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой. Эмирами

(с арабского значит «князь») назывались все независимые, мнимые наследники Магомета по происхождению от его дочери, предводительствовавшие отдельными племенами и отдельными разбойничьими шайками арабов.

[6245] - Декий – римский император с 249 по 251 г.

[6246] - Антиохия – часто употребляемое имя городов. Здесь, вероятнее всего, разумеется Антиохия Финикийская, между Сирией и Палестиной, или же Антиохия Писидийская, на границе с Фригией, в западной части Малой Азии.

[6247] - Т.е. языческий мудрец, в смысле ложного мудреца.

[6248] - Под именем «волхвов» или «магов» в древности разумелись люди мудрые, обладавшие высокими и обширными знаниями, особенно знанием тайных сил природы, недоступными обыкновенным людям. Вместе с тем, с этим именем соединялись понятия волшебства, колдовства, ворожбы, заклинаний и разных обманов и суеверий. Волшебство у язычников с древнейших времен было сильно развито; против него говорится во многих местах Священного Писания. По мнению многих учителей Церкви, языческие волхвы совершали свои, иногда замечательные, чародейства под влиянием и при помощи духов тьмы.

[6249] - Карфаген – древнейшая, знаменитая колония финикийцев, на севере Африки, достигшая в древней истории высшей степени могущества и разрушенная в 146 г. до Р. Х.; на развалинах древнего Карфагена при первых римских императорах возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени. В Карфагене весьма сильно был развит языческий греко-римский культ, со всеми его суевериями, чародействами и «магическим искусством».

[6250] - Аполлон – один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца и умственного просвещения, а также благополучия общественного и порядка, охранителем закона, божеством предсказания будущего. Одним из главных мест его культа была, между прочим, долина Темпейская, в Северной Греции,

расстилавшаяся у подошвы знаменитой в древности горы Олимпа.

6251 - Олимп представляет собою собственно целую (юго-восточную) ветвь цепи гор, составляющей границу между Македонией и Фессалией, в Северной Греции. Олимп у древних греков почитался местопребыванием их языческих богов.

6252 - Аргос – древняя греческая столица восточной области Пелопоннеса (южной Греции) – Арголиды; недалеко от него находился знаменитый храм языческой богини Геры.

6253 - Гера (Юнона) почиталась древними греками и римлянами сестрой и женой главного их бога Зевса, наиболее возвышенной и почитаемой между богинями; считалась богиней земли и плодородия и покровительницей супружеств.

6254 - Таврополь – собственно храм в честь богини Артемиды (Дианы – богини луны, почитавшейся также покровительницей свежей, цветущей жизни природы) на острове Икаре, в юго-восточной части Эгейского моря (Архипелага). Наименование этого места происходит от того, что греки приравнивая к Артемиде богиню древних обитателей Таврического полуострова – Тавров Орсилоху, называли ту и другую безразлично Таврополой.

6255 - Лакедемон или Лакония – юго-восточная область Пелопоннеса (Южной Греции). Частнее это наименование обозначало главный город Лаконии, иначе Спарту, от которой сохранились теперь лишь небольшие развалины.

6256 - Мемфис – древняя могущественная столица всего Египта – находился в Среднем Египте у Нила, между главной рекой и ее притоком, омывавшим западную сторону города. От блестящей столицы древнего Египта ныне сохраняются лишь самые ничтожные, скудные остатки при деревнях Метрасани и Моганнан.

6257 - Халдеями назывались Вавилонские мудрецы и ученые, занимавшиеся науками, особенно астрономией и наблюдением светил небесных; они же были жрецами и магами, занимавшимися тайным учением, гаданием, толкованием снов и т.д. Впоследствии этим именем назывались, особенно на

востоке, вообще всякого рода волхвы, волшебники и гадатели, хотя бы они были и не из халдеев, т.е. происходили не из Вавилона.

6258 - По учению Священного Писания, в темном царстве злых отпадших духов есть свой главный начальник, которого Писание часто называет «князем бесовским», а также веельзевулом, велиаром, сатаною и т.д., явно отличая его от других бесов, которые изображаются как бы подвластными по отношению к нему. Вообще Писание различает злых духов по их степеням и силе их власти.

6259 - В смысле – нового злочестивого волхва, чародея и послушного служителя диавола. Под именем Замврия здесь очевидно разумеется знаменитый древний египетский маг, о котором известно от древних классических писателей, прославившийся своими необычайными чарованиями и находившийся, по мнению отцов Церкви, в сообществе с темными бесовскими силами.

6260 - Под именем «оглашенных» в древней церкви разумелись взрослые, желавшие принять крещение и приготовлявшиеся к нему через ознакомление с учением Церкви. Имея право входа в храм для слушания Священного Писания и поучений и даже присутствовать в начале Литургии (на Литургии оглашенных), они пред наступлением самой важной и существенной части Литургии – Литургии верных – должны были немедленно выходить из храма, о чем они громко и оповещались диаконом через возглас, и доселе сохраняющийся в Церкви при совершении Литургии.

6261 - Асклипий, или Эскулап, – греко-римский бог врачебного искусства.

6262 - Никомидия – город в Малой Азии. – От древней цветущей Никомидии доселе сохраняется много развалин, свидетельствующих о ее славном прошлом.

6263 - Римский император Клавдий II царствовал с 268 по 270 г. – Кончина свв. Киприана, Иустины и Феоктиста последовала около 268 года.

[6264] - Византийский император Лев VI Мудрый царствовал с 886 по 912 г.

[6265] - Василий Македонянин, его отец, царствовал с 867 по 886 г. и начал собою т.н. Македонскую династию.

[6266] - Во всех славянских житийных списках св. Андрей Юродивый называется славянином, по греческому подлиннику – скиф; но так в продолжение долгого времени греки ошибочно называли и восточных славян, смешивая их с обитавшим прежде в восточной Европе диким кочевым народом – скифами.

[6267] - Юродство – значит собственно безумие. – Юродство о Христе представляет собою особый, высший вид христианского подвижничества. Одушевляемые горячею ревностью и пламенною любовью к Богу, юродивые Христа ради, не довольствуясь всеми другими лишениями и самоотречениями, отрекались от самого главного отличия человека в ряду земных существ – от обычного употребления разума, добровольно принимая на себя вид безумного человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, – дозволяющего себе иногда, по видимому соблазнительные действия. […] – При всей трудности, подвиг юродства требовал от святых подвижников и высокой мудрости, чтобы бесславие свое обращать во славу Божию и в назидание ближним, не допуская в смешном ничего греховного, в кажущемся неблагопристойным ничего соблазнительного, или обидного для других. – Первые подвижники юродства о Христе явились весьма рано, в колыбели первоначального иночества – Египте, во второй половине IV века.

[6268] - Здесь необходимо все-таки четко сознавать Апостольское понимание юродства – что мир воспринимает самопожертвование Христа и Его последователей как безумие, юродство. Поэтому приводить эти слова в объяснение образа жизни юродивых не совсем правильно «ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью» Прем.7(прим. иер. Наф.).

[6269] - Здесь очевидно разумеется знаменитая пурпуровая римская колонна, воздвигнутая Константином Великим, в

благодарную память о победе, одержанной им над Максенцием силою Креста Христова, и им же перевезенная впоследствии в Константинополь.

6270 - В греческом подлиннике жития св. Андрея юродивого, в заключении, писатель говорит: «Я, Никифор, милостью Вседержителя Бога, причисленный к иереям Великой церкви царствующего града, именуемой Премудрости (Софии) Божией (т.е. Софийского собора), написал чудную и достославную жизнь честного во святых отца Андрея, как видел своими собственными очами и узнал от славного Епифания, бывшего после архиерея».

6271 - Св. Андрей юродивый скончался 66 лет от роду. Кончина его последовала около 936 г.

6272 - Ареопагит – член верховного Афинского государственного совета и судилища – Ареопага.

6273 - Афины – столица древнегреческого государства; славилась своими постройками, статуями, развитием торговли и промышленности, и особенно школами. Здесь до позднейших времен (VI в. до Р. Х.) находились знаменитые философские училища, в которых получали образование жители древних стран.

6274 - Еллинский – греческий; иногда это слово значит языческий; ко времени Рождества Христова греки были самым образованным народом древности.

6275 - Илиополь – город в Африке; находится на правом берегу реки Нила, на одном из его восточных рукавов, – на юге нижнего Египта.

6276 - Астрономия – наука, изучающая законы движения светил небесных. Египетские ученые, именно жрецы, в особенности славились изучением этой науки.

6277 - Во время второго великого путешествия Апостола Павла с проповедью Евангелия, – около 54 г. по Р. Х.

6278 - Подробно об этом повествуется в книге Деяний Апостольских: 17:15–34.

6279 - Кронос или Хронос – бог времени, сын Урана (Небо). Греки думали, что он произвел на земле золотой век,

существовавший в первый период жизни рода человеческого. – Афродита или Венера – богиня женской красоты и любви. – Зевс (или Юпитер – у римлян) почитался у греков главным божеством, отцом богов и людей, повелителем неба и земли, грома и молнии, ветров и дождей. – Гефест – бог огнедышащих гор и покровитель кузнечного искусства. – Гермес – бог, покровитель торговли и всякого рода сношений между людьми и богами, – вестник воли богов. – Дионисий или Вакх – бог вина и веселья. – Артемида или Диана, известная языческая богиня у греков, олицетворяла собою луну и считалась покровительницею лесов и охоты.

6280 - О Дамаре упоминает и книга Деяний Апостольских: Деян. 17:34.

6281 - «Таинственное богословие», – как иначе называется это сочинение, – рассуждает о том, что все человеческие представления и определения Бога не выражают Его сущности и что Боговедение должно состоять в таинственном созерцании непостижимого Божественного Существа.

6282 - Святой Апостол Иаков (Младший) был сын Алфея (Клеопы) и Марии, сестры Богоматери (Иоан. 19:25; Мк.15:40, 47, 16:1; Лк.24:10; Мф.13:55; Мк.6:3). Он особенно заботился об устройстве церкви во Иерусалиме и претерпел мученическую кончину в 62 г. по Р. Х. После него остался составленный им древнейший чин литургии.

6283 - Нерон – римский император (54–68 гг. по Р. Х.) – был первым жестоким гонителем на христиан. В 66 или 67 г., во время этого гонения, претерпел мученическую кончину св. Апостол Павел, осужденный на смерть через усечение мечом.

6284 - Святой Климент, третий епископ города Рим (с 92 по 101 г.). Претерпел мученическую кончину при императоре Траяне (в 101 г.). Памятником его деятельности на пользу церкви осталось его послание к Коринфянам.

6285 - Галлия – нынешняя Франция.

6286 - Париж – ныне столица Франции, на реке Сене; в древности называлась Лютеция.

[6287] - Впоследствии здесь был знаменитый монастырь «Сен-Дени», усыпальница древних французских королей.

[6288] - Домициан царствовал с 81 по 96 г.

[6289] - У римлян были те же боги, что и у греков, только с другими именами.

[6290] - Аспид – род ядовитого змея. Этим словом в богослужебных книгах иногда называется диавол.

[6291] - Псалмопевец говорит в данном стихе псалма о слове Божием, заповедях Божиих, которые он возлюбил боле всего. Претерпевая огненные мучения, святой Дионисий как бы забывает о них, а имеет на устах лишь слово Божие.

[6292] - Ареева, т.е. Марсова. Арей или Марс – языческий бог войны.

[6293] - Поприще – мера расстояний; оно равнялось нашим 690 саженям. Два поприща таким образом составляют 1380 саженей или 2,75 версты.

[6294] - Дионисию Ареопагиту, кроме вышеозначенного, принадлежат еще следующие сочинения: а) «О небесной иерархии», в котором излагается учение о девяти чинах Ангельских, с объяснением свойств и обязанностей каждого; б) «О церковной иерархии», – где излагается учение о степенях церковной иерархии с таким же объяснением; в) «Об именах Божиих»; здесь Дионисий разъясняет значение имен Божиих, употребляемых в Священном Писании и г) «Десять писем к разным лицам».

[6295] - Под «сосудом избранным» здесь разумеется св. Апостол Павел, просветивший светом христианства святого Дионисия.

[6296] - Т.е. Апостола Павла (2Кор.12:2).

[6297] - Послание сие, как видно из «Великих Четий-Миней», написано к Демофилу по поводу изгнания им из храма некоего священника, который принял в общение церковное одного брата, находившегося в то время в отлучении от церкви.

[6298] - Остров Крит (называемый иначе Кандия – от главного города того же имени), находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. По своей

обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Христианство здесь началось еще во времена апостольские; первые начала его положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на Апостолов, ибо при сем были и Критяне (Деян.2:11). Затем оно было здесь утверждено и распространено Апостолом Павлом, как это можно видеть из послания его к Титу, коего Апостол поставил в Крите епископом для довершения того, чего не мог окончить сам и для рукоположения пресвитеров (Тит.1:5). В XVII веке о. Крит перешел во владение турок, сейчас – Греция.

6299 - Святой Карп (Апостол от 70) был учеником и сотрудником св. Апостола Павла, что видно из воспоминания о нем первоверховного Апостола в послании к Тимофею: «Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные.» (2Тим.4:13). Карп переносил послания Апостола Павла по его назначению; был епископом в Македонском городе Берии и ревностно заботился о распространении веры Христовой. Память св. Апостола Карпа празднуется 26 мая

6300 - Преподобный Иоанн получил прозвище Хозевита от лавры Хузинской, в которой он провел большую часть своего иноческого жития. Эта лавра находилась в пустыне Хузиев или Хозева, между Иерусалимом и Иерихоном, вправо от большой дороги и недалеко от спуска в низменную долину Иорданскую. Лавра эта была расположена в дикой местности. Церкви и келлии монахов находились в глубине оврага и, вися на высоте 50 сажен, были как бы прилеплены к каменистым утесам. Хузивская лавра возникла в V веке. Имя первого ее основателя неизвестно. Время особенного процветания лавры Хузивской: VI, VII и VIII века, когда она особенно славилась строгостью жизни своих подвижников. Лавра эта существовала еще в XII веке. О дальнейшей судьбе ее ничего неизвестно.

6301 - Молчание составляет важный христианский подвиг для духовного совершенствования. Святые подвижники сознавали всю важность сего подвига и любили молчание. Св. Амвросий Медиоланский пишет: «Уметь молчать труднее, нежели говорить. Я знаю, что многие говорят потому, что не

умеют молчать. Поэтому тот мудр, кто умеет молчать. Итак, хорошо сказано в Писании: «Мудрый человек будет молчать до времени» (Сир. 20:7)".

6302 - Повесть о св. Исихие находится у св. Иоанна Лествичника, игумена Синайской обители (Слово 6-е), который был современником св. Исихия. Блаженный Исихий жил в VI веке и подвизался на горе Хорив, откуда и получил название Хоривита.

6303 - Радонеж – находился в 54 верстах от Москвы по направлению к Ростову и в 10 верстах от нынешней Троицкой лавры, по направлению к Москве.

6304 - Иосифовский монастырь находится в 18 верстах от Волоколамска. Основан прп. Иосифом Волоколамским. В честь него монастырь и получил свое название Иосифовский.

6305 - Троицкий Селижаров монастырь – на реке Селижаровке, в 44 верстах от г. Осташкова, Тверской епархии; основан в XV веке.

6306 - Казань покорена русскими в 1552 году.

6307 - Макарий – митрополит Всероссийский (1542–1564 г.) – занимает видное место в истории русской церкви и литературы. При нем был знаменитый Стоглавый собор (1551 г.); при нем открыта была первая типография для печатания священных книг; по его желанию и при его непосредственном участии составлены так называемые «Великие Минеи-Четии».

6308 - Рукоположение св. Гурия происходило 7 февраля 1555 года.

6309 - В помощь святителю Гурию назначены были, по его указанию, два достойные священноинока: Герман, бывший архимандрит Старицкого монастыря (Тверской епархии), живший на покое в Иосифовском монастыре, и Варсонофий, игумен Песношский.

6310 - На самых первых порах управления Казанской епархией св. Гурий озаботился устройством монастырей в Казанском крае с миссионерскими целями. Он хотел, чтобы будущие иноки Казанских монастырей всё время употребляли на проповедь слова Божия среди неверных и занимались

обучением малолетних детей. В этих видах св. Гурию казалось необходимым обеспечить монастыри имениями («вотчинами); свои намерения он выразил в письме к царю, – письме, содержание которого известно из ответа на него Иоанна Грозного. – «Писал ты ко мне, – пишет царь святителю, – что в городе Казани устрояешь монастырь («Зилантов»), и другие намереваешься строить. Доброе дело ты предпринимаешь: помоги тебе Бог за то… Блага речь ваша, чтобы старцам детей обучать и неверных в веру обращать. Учить же младенцев не только читать и писать, но читаемое право разумевать и да могут и иных научать и басурман. О Боже! Сколь счастлива была бы Русская земля, если бы все владыки старцы были, как преосвященный Макарий и ты». Труды св. Гурия не были бесплодными – инородцы (главным образом татары) в значительном числе обращались в христианство.

6311 - «Все настоящее время, – говорил св. Гурий, – есть время трудов. Вознаграждение получается в жизни будущей. Небесные радости дарованы будут только тому, кто на земле подвизается, и для получения благ нетленных оставляет тленные. Должно подвизаться, несмотря ни на какие трудности и неудовольствия, «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас»" (Рим.9:18).

6312 - Схима – принятие великого Ангельского образа, великой схимы, схимничества – есть совершеннейшее отчуждение от мира, вящее желание разрешиться от мира и со Христом быть. (Фил. 1:23). (Схима – слово греческое, означает образ, вид, сан).

6313 - Основана прп. Варсонофием в 1556 г., который и был первым архимандритом этой обители.

6314 - Серпухов – уездный город Московской губернии.

6315 - Крым – полуостров в южной части Европейской России. Завоеван татарами в 1237, в 1783 покорен русскими.

6316 - Андроников или иначе «Спасо-Андрониев» монастырь находится на берегу р. Яузы в Москве. Основан около 1360 г.

иждивением св. митрополита Алексия и трудами прп. Андроника, ученика прп. Сергия.

6317 - Песношский (или Пешношский) Николаевский-Мефодиев монастырь находится в 26 верстах от г. Дмитрова, Московской губернии, – при впадении речки Пешноши в р. Яхрому. Основан в 1301 г. учеником св. Сергия Радонежского прп. Мефодием, который и был здесь первым игуменом. – Игуменом Пешношской обители прп. Варсонофий назначен в 1544 г.

6318 - Архимандритом в Казань Варсонофий был назначен в 1555 году, куда и отправился вместе со святителем Гурием.

6319 - Тверским епископом св. Варсонофий был назначен в 1567 году; рукоположен митрополитом Московским Филиппом.

6320 - В сан митрополита Казанского Гермоген был поставлен в 1589 году. В Казани он проявил большое усердие в деле обращения в Православие местных инородцев. В 1606 году, при царе Василие Шуйском, Гермоген сделан Всероссийским патриархом. За свое противодействие полякам и мятежным боярам был подвергнут тяжелому заключению в Чудовом монастыре и там умер голодною смертью 17 февраля 1612 г. – В бытность свою митрополитом Казанским Гермоген составил подробное житие свв. Гурия и Варсонофия.

6321 - Иов – первый патриарх Всероссийский с 1589 г. По распоряжению Лжедимитрия, в 1605 г. Иов был лишен патриаршества; умер в 1607 году.

6322 - Долго почивали св. мощи Гурия и Варсонофия в приделе новой церкви, устроенном в честь этих святителей, пока митрополит Матфей не перенес их в 1630 году из обители Преображенской в кафедральный собор Благовещения. Перенесение совершено было торжественно в 20 день месяца июня. Впоследствии св. мощи были переложены из деревянной раки в серебряную. Святым Гурию и Варсонофию есть служба: написана она (см. Минею Служебную под 4 октября) св. Димитрием Ростовским.

6323 - Нитрийская гора находится в нижнем Египте, в 70 милях от г. Александрии.

6324 - Довольно часто встречающееся название для быстрых рек.

6325 - Т.е. из Нитрийской пустыни, где подвизался св. Аммон.

6326 - Блаженная кончина прп. Аммона последовала около 350 года. – Прп. Аммон написал 19 «увещательных глав», исполненных опытной духовной мудрости.

6327 - Св. Антоний Великий, первый учредитель монашеского жития, родом египтянин, подвизался на восточном берегу реки Нила, около Фиваиды. Там, нося власяницу, питаясь только травами и кореньями, он, в постоянных трудах и молитве, прожил 20 лет в неизвестности, поборая, благодатию Божиею, духа соблазнителя, тревожившего его искушениями и страхом. Наконец, святость жизни и чудеса привлекли к Антонию в пустыню многих подвижников; они поселились близ него и приняли за образец жизни правила, данные Антонием, что и было началом монашеского жития. Преставился св. Антоний 105 лет, в 356 году. Память его празднуется 17 января.

6328 - Лакоть или локоть – мера длины, равная 10,5 вершкам (полметра примерно).

6329 - Т.е. на таком расстоянии от своей келье, на какое можно камнем перебросить четыре раза.

6330 - Чермное, или, так называемое, Красное море, представляет собою длинный, узкий пролив Индийского океана, отделяющий Аравийский полуостров от Египта и Азию от Африки. Через это море евреи переходили при Моисее на пути из Египта в Обетованную землю, т.е. Палестину (Исх. 14:1–31).

6331 - («Багряное», т.е. темно-красное). Т.е. смою с вас те греховные пятна, совершенно очищу вас от них (ср. Пс.50:9). Бог, по милосердию Своему к людям, прощает их грехи, но под условием только чистосердечного раскаяния и нравственного исправления.

6332 - Прп. Павел скончался в IV веке.

6333 - Фавст, Евсевий и Херимон, по свидетельству самого их учителя св. Дионисия, были диаконами. Евсевий (церк. историк) прибавляет, что Евсевий диакон после был епископом в Лаодикийской церкви в Сирии, а Фавст, маститый старец,

скончался при его жизни мученически, быв обезглавлен. – Скончались в 2-й половине III века.

6334 - По греческим памятникам Давикт называется Адавктом.

6335 - Ефес – главный город Малоазиатской провинции Асии; расположен на реке Каистре. В настоящее время на месте древнего г. Ефеса находится бедная турецкая деревушка, называемая Айся Солюк.

6336 - Мелитина – область в северной части Малой Армении, недалеко от р. Евфрата. При императоре Траяне (98–117) здесь разрослось до размеров значительного города селение того же имени, что и область.

6337 - Фракия – область в Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова.

6338 - Капетолия – город на пути из Иерусалима в Дамаск между Гадарою и Адраою.

6339 - Бостра – город в Аравии.

6340 - Время кончины св. Петра полагают в III или начале IV века.

6341 - Император римский Диоклетиан царствовал с 284 по 305 г. по Р. Х.

6342 - Святая мученица Харитина пострадала около 304 г. по Р. Х в городе Амисии, в Понте, на южном берегу Черного моря.

6343 - Прп. Дамиан преставился в 1070 г. Его мощи почивают в Антониевой пещере в Киево-Печерской лавре.

6344 - Крещение Русской земли было при князе Владимире святом в 988 году.

6345 - В 1074 году.

6346 - Свв. Антония и Феодосия

6347 - В 1088 году.

6348 - В Антониевой пещере.

6349 - По некоторым спискам Пролога, Мамелхфа была первоначально жрицей греческой языческой богини Артемиды, почитание которой особенно было распространено на востоке.

[6350] - В древности христиане носили белые одежды, в коих крестились, в течение 8 дней после крещения. Вероятно, сия белая одежда послужила в глазах язычников явным признаком принадлежности Мамелхфы к христианскому обществу и была причиною столь скорой мученической кончины Мамелхфы. По более подробному сказанию о сем, язычники, вскоре после крещения Мамелхфы, приступили к ней, требуя, чтобы она принесла жертву Артемиде; но она отказалась и мужественно объявила себя христианской, за что предана была многим мучениям, во время коих и скончалась.

[6351] - Время мученической кончины св. Мамелхфы можно предположительно относить к V веку. Византийский император Феодосий II Младший, в 422 году, заключил с персами мир, который продолжался до 502 года; этим и объясняется, почему персидский царь позволил христианскому епископу разрушить вышеупомянутое языческое капище, очевидно из желания поддержать добрые, мирные отношения с могущественной Византийской империей.

[6352] - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Македонскими в 331 г. до Р. Х. на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. Александрия после Рима была первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства рассадником христианского просвещения. Христианство принесено было сюда, по преданию, евангелистом Марком около 59–60 гг. В настоящее время Александрия, (по-турецки и арабски – искандеры), принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением до 230. 000 с лишком жителей.

[6353] - Св. Дионисий Александрийский родился около 195 года.

[6354] - Т. е. преподавал науку об ораторском искусстве, которое в то время достигло высшей степени процветания и дорого ценилось не только в языческом, но и христианском

мире и имело большое религиозное, политическое и воспитательное значение.

[6355] - В Александрии, центре языческой образованности, где издавна был знаменитый музей наук словесных, математических и философских, в противовес язычеству, еще со времен апостольских, возникло и христианское, так называемое «Огласительное», или «Катехизическое», училище, влияние которого на будущность христианства было многосторонне и неизмеримо. Предание с благоговением приписывало основание этого училища самому апостолу и евангелисту Марку. В начале в нем преподавались только первоначальные наставления для желавших получить крещение, на что указывает уже самое наименование Александрийского училища «Огласительным», а вместе с тем приготовлялись и сами огласители. Но потом Огласительное Александрийское училище, по своему положению в центре всемирной образованности и учености, приняло характер богословско-ученого образовательного заведения. Этому особенно способствовал один из его катехетов (учителей), знаменитый Пантен (180–191 г.), и не менее замечательный ученик и преемник его, Климент Александрийский, одобрявший слушателям своим философию как руководство к вере. Еще более цветущего состояния Александрийское Огласительное училище достигло при Оригене.

[6356] - Иеракл – известный христианский учитель – сначала был помощником Оригена по преподаванию в Александрийском Огласительном училище. В 231 году Иеракл наследовал Оригену в заведовании «Огласительным училищем; в 233 г. был возведен на епископию Александрии, † 246 г.

[6357] - Ориген – ученик Климента Александрийского, знаменитейший христианский учитель III века, первоначально был выдающимся из преподавателей Александрийского Огласительного училища, но впоследствии подвергся нападкам со стороны Александрийского епископа и других представителей Александрийской церкви и, по обвинению в некоторых развиваемых им еретических воззрениях и добровольном скопчестве, лишен пресвитерского сана и выслан

из Александрии, с запрещением ему церковного учительства, после чего основал свое пребывание в Кесарии Палестинской, где им было устроено новое училище, в которое со всех сторон стекались слушать знаменитого учителя; после того некоторое время был в заточении в темнице, потом ревностно и успешно боролся против еретиков своего времени, затем во время гонения Максимиана скрывался от гонителей, в гонение Декия удостоился славы мужественного исповедника Христова и скончался в Тире в 254 г., на 70-м году своей жизни. В своих многочисленных сочинениях Ориген проводил некоторые мнения неправославного и еретического характера, за что они и осуждены были, как еретические, хотя Ориген не высказывал своих неправославных мнений, как непреложные истины, и не был еретиком в собственном смысле. Даже замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена. В своих школах он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из коих некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны также труды его по изучению Священного Писания, по истолкованию его и особенно по восстановлению и очищению его истинного текста, а также сочинения, направленные к защите христианства против еретиков и врагов христианства. Вообще он весьма много сделал не только для своего, но и для последующих времен, и все великие учители Церкви IV века значительно пользовались трудами Оригена.

6358 - Св. Дионисий обращен в христианство сравнительно уже в зрелых годах. Крещен он был самим Александрийским епископом Димитрием (189–231 г.).

6359 - Так Дионисий писал письмо к Оригену, когда сей был заключен в темницу при Декие. Сохранилось известие, что Дионисий по смерти Оригена писал письмо к Феотекну, епископу Кесарийскому в похвалу его.

6360 - Главою знаменитой Александрийской школы св. Дионисий сделался в 233 году и занимал это положение в течение 14 лет.

[6361] - Император Римский Декий царствовал с 249 по 251 г. Он был жестоким гонителем христиан; при нем было первое общее гонение на христиан.

[6362] - Так поступил, между прочим, и св. Киприан Карфагенский, мужественно приявший за Христа мученическую кончину († 268 г.). Так же, ранее Дионисия и Киприана, поступал одно время св. Поликарп Смирнский (мученически скончался в 167 г.) и после них св. Афанасий Александрийский († 373 г.). В своих письмах к Домицию и Дидиму (251 г.), а также к Фабию, епископу Антиохийскому, св. Дионисий передает весьма трогательный рассказ об Александрийских мучениках, которые погибли во время первого Декиева гонения от побоев, огня или меча, причем себя самого он относит к числу тех, для которых весьма продолжительная жизнь не оказалась достаточным обеспечением для благоугодности их Господу, хотя он и веровал, что Христос сохранил его для другого удобного времени. Некий епископ, по имени Герман, по-видимому, упрекал его, как упрекаем был и св. Киприан Карфагенский в трусости и оставлении своей паствы. В ответ на сие (258–259 г.) Дионисий призывает Бога во свидетели, что он бежал не по собственному желанию, и (подобно Киприану) ссылается в оправдание сего на Божественное внушение.

[6363] - Единодушно и вполне согласно с св. Дионисием действовал по отношению к таковым падшим и знаменитый современник его, св. Киприан, епископ Карфагенский. Прежде чем допустить падших к общению, они требовали от них доказательства покаяния и не колебались прощать их, вопреки крайним мнениям многих своих современников, слишком энергично восстававших против падших, как совершивших смертный грех. Ходатайство мучеников и исповедников Христовых за падших в практике Церкви того времени имело также большое значение.

[6364] - Новациан был выдающимся красноречивым римским пресвитером во время гонения Декия, хотя по соборным правилам не мог быть рукоположен, ибо получил только клиническое крещеное (т. е. крещение на смертном одре), без последующего миропомазания; впоследствии сильно добивался

епископского престола в Риме, но, обманувшись в расчете, отделился от Церкви, сделавшись епископом новациан и тем положил начало гибельному расколу в Церкви, получившему его имя и угрожавшему Церкви великими смутами и бедствиями. Новациан особенно восставал против вторичного благосклонного принятия в Церковь отпадших от нее. По мнению новациан, Церковь есть общество святых; поэтому все падшие и соделавшие смертные грехи после крещения должны быть извергаемы из нее и ни в каком случае не могут быть принимаемы обратно; Церковь, будто бы, не имеет права прощать тяжких грешников; если же она их прощает, то сама делается нечистою и перестает быть святою. Свое общество, в которое не принимались тяжкие грешники, а отщепенцы от Православной Церкви принимались не иначе, как через перекрещивание, новациан называли, поэтому, «кафарами», т. е. обществом чистых. Новацианские общества широко распространились в Карфагене, Александрии, Сирии, Малой Азии, Галлии и Испании.

6365 - Так Дионисий написал Новациану кроткое, миролюбивое послание, из которого заимствованы вышеприведенные слова Александрийского святителя о том, что мученичество, понесенное с целью воспрепятствовать расколу, столь же славно, как и мученичество за отказ поклониться идолам. Вместе с тем он отечески увещевал Новациана, что если он не может склонить своих последователей отказаться от сделанного ими ложного шага, то, по крайней мере, он мог бы спасти свою собственную душу; если же, как говорит в свою защиту Новациан, он посвящен во епископа против своей воли, то должен доказать искренность своего заявления добровольным отказом от сана, «чтобы избежать раздрания Церкви Божией». Несмотря на это миролюбивое послание, Дионисий, по его собственными словам, враждебно был настроен к Новациану за то, что «он разрубил Церковь на куски и увлек некоторых из братьев к нечестию и богохульству, ввел самое нежеланное учение о Боге и ложно представлял милосердого Господа безжалостным» и т.д. Против новациан святитель написал несколько посланий и

энергично боролся против них. Но хотя, трудами его и некоторых других представителей Церкви, мир в ней был восстановлен, новациане имели многих последователей, и общества их существовали даже до VII века.

6366 - Галл царствовал с 251–253 г., отличался миролюбивым характером и снисходительностью к христианам.

6367 - Непот был епископом города Арсиноэ, или Арсинои, в среднем Египте. – Хилиазм появился очень рано и в конце II века имел уже много последователей. В половине III века энергичным представителем его является Непот, имевший много приверженцев, тем более, что его учение являлось как бы ближайшим утешением христиан в гонениях и пытках. Непот учил, что, согласно словам Апокалипсиса (Откр.20:2–6), скоро должно наступить тысячелетнее царствование Иисуса Христа на земле, где живущими явятся верующие и благочестивые; царствование это хилиасты представляли в чувственном, вещественном смысле земного царства с земными удовольствиями. Еретическое учение Непота стало известным уже после его смерти.

6368 - Обширное сочинение «Об обетованиях», из которого сохранилась в целом виде лишь 2-я часть и небольшие отрывки из первой. В своем сочинении св. Дионисий объяснял, что обетования о Царствии Христовом надобно понимать не в чувственном виде, а в духовном и доказал это превосходно как из Откровения, так и рассмотрением природы человеческой; там же он рассуждал и по поводу Апокалипсиса вообще.

6369 - Для этого Дионисий поспешил в Арсиною, где потребовал совещания с последователями Непота и провел три дня в разборе его книги, причем старался говорить о нем с любовью и почтением, называя его своим отцом и собратом и похваляя его за веру, трудолюбие, прилежное изучение Св. Писания, равно как и за его великие успехи в псалмопении, коим услаждались многие из собратий. «Я глубоко люблю этого человека, – говорит св. Дионисий, – еще и за то, что он отошел к своему покою прежде нас. Тем не менее истина должна быть ценима и почитаема выше всего». Результатом совещания было то, что святитель успел убедить хилиастов и получил сердечную

благодарность за вразумления от их начальника, пресвитера Коракиона. Последний настолько был убежден, что отказался от своего мнения и просил не обращать далее на него внимания, не рассуждать, не упоминать и не учить о нем. Остальные из присутствовавших собратий также были весьма довольны этим собеседованием, а также и тем примирительным духом и общим согласием, которые обнаруживаемы были всеми. С этого времени хилиазм почти совсем заглох в Восточной Церкви.

6370 - Климент, Тертуллиан, св. Киприан Карфагенский и некоторые другие учители Церкви, а также некоторые поместные соборы, при обращении еретиков, требовали их перекрещивания; только в Риме их принимали через одно покаяние. Дионисий по своим воззрениям примыкал к последнему мнению и в сохранившихся отрывках некоторых посланий решительно отрицает перекрещивание тех еретиков, которые крещены во имя Св. Троицы, каковое мнение впоследствии и принято на 1-м Вселенском соборе (325 г.). Но прежде всего при этом ожесточенно обсуждавшемся вопросе он опять выступил в прекрасной роли посредника. Он писал по этому предмету нисколько писем папе Римскому Стефану. В одном из сохранившихся писем он говорил ему об общем мире церквей; но когда Стефан отказался иметь общение с епископом Каппадокийским Фирмилианом, защищавшим противоположный взгляд, он увещевал его принять во внимание серьезные последствия своего образа действий. По смерти Стефана, Дионисий писал о том же предмете его преемникам Сиксту II и Дионисию Римскому и подробнее рассматривал сей предмет в книге «О покаянии».

6371 - Савеллий, выходя из христианского понятия о единстве Божием, впал в крайность, которая и привела его к еретическому учению, противному самым главным основам и догматам христианского вероучения. Он учил, что если Бог един по существу, то и не может быть совместной Троицы Божественного Существа, и Троицу нужно понимать лишь в смысле последовательного откровения одного и того же Лица по отношению Его к миру и человеку; по учению Савелия нет трех лиц Божества: Отец, Сын и Дух Святый это только известные

формы, в каких Бог является людям: в Ветхом Завете, как дающий законы им, является Отцом, в Новом, как спасающий людей, явился Сыном и продолжает являться, как освящающий их Дух. – Савеллианизм, возникнув в половине III века, к концу его уже ослабел, хотя имел еще приверженцев и в IV веке.

6372 - Римский император Валериан царствовал с 253 по 259 г. Воздвигнутое им гонение на христиан отличалось особенною, чрезмерною жестокостью.

6373 - Максим тайно был посылаем в Александрию для утешения гонимых христиан. Впоследствии он был преемником Дионисия по кафедре (†282 г.).

6374 - Емилиан был префектом Александрии, т. е. правителем ее, представителем и наместником Римского императора. Но в действительности он управлял независимо и был одним из так называемых «тридцати тиранов», которые в то время захватили императорскую власть в Египте.

6375 - Ливийская пустыня – восточная часть громадной Африканской пустыни Сахары – представляет собою страну довольно низменную и изобилует оазисами с городами и селениями. Местность, куда сослан был св. Дионисий, нельзя понимать в собственном смысле пустыни, а лишь в смысле пустынности, отдаленности и дикости этого места.

6376 - Но при этом по соседству с дорогой, так что св. Дионисия и сосланных с ним собратий легко можно было схватить во всякий момент.

6377 - Галлиен – Римский император с 260 по 268 г. Он остановил начатое Валерианом гонение на христиан и издал повеления, которыми ссыльные были возвращены и объявлена свобода вероисповеданий.

6378 - Письмо св. Дионисия к Александрийской Церкви с утешением в бедствиях голода; оно приведено в церковной истории Евсевия.

6379 - Православие св. Дионисия заподозрено по тем самым письмам, которые он писал к разным лицам в защиту православного учения против Савеллия. Святого отца стали укорять в неправомыслии, будто он неправильно учит о Сыне

Божием, ибо в своих письмах Дионисий употребил неосторожные выражения о Св. Троице, за что обличал его современный и соименный ему папа Римский. Тогда Дионисий Александрийский поспешил в свое оправдание написать Дионисию Римскому послание, указывая на неправильность толкования его слов в выражений, отчасти отрекаясь от того, что считал ошибкою и необдуманными выражениями, и излагая строго православное учение о Сыне Божием. После этого всякие сомнения в православии св. Дионисия исчезли, и он, напротив, еще более прежнего стал считаться столпом и опорою православия.

6380 - Павел Самосатский (по месту рождения), епископ Антиохийский, проповедовал злую ересь о Св. Троице и главным образом – о Сыне Божием. По его учению, в Божестве нет различия лиц: Бог – Слово и Св. Дух находятся в Отце таким же образом, как разум и дух в человеке. Сына Божия, сшедшего с небес, он не признавал и считал Иисуса простым человеком, в котором Божество обитало, как и в пророках, только в большей степени, и который только поэтому и называется Сыном Божиим. При своих еретических воззрениях, Павел внес еще тем большую смуту и соблазн в Церковь, что отличался порочными наклонностями, проводил роскошную жизнь, отменил в своей епархии древние церковные напевы, песнопения в честь Спасителя заменил гимнами в честь самого себя, позволял себе неприличные для церковной кафедры телодвижения, требуя рукоплесканий и т. п.

6381 - Антиохийский собор против Павла Самосатского собрался в 264 г. – из епископов Сирии, Азии и Аравии. На этом соборе Павел, однако, успел навеять туман на свои еретические заблуждения и успокоил членов собора, высказавшись в примирительном духе и обещая воздержаться от всяких соблазнов, но обещания этого не исполнил. Поэтому составились в Антиохии впоследствии еще два собора (в 267 и 269 гг.), и на последнем он лишен был епископства; учение его признано ересью, и крещение, им совершавшееся – недействительным, так как названия Лиц Св. Троицы он употреблял не в православном смысле.

[6382] - В своем послании, которое не сохранилось до настоящего времени, св. Дионисий высказал, по свидетельству церковного историка IV века Евсевия Памфила строгий суд над еретическими мнениями Павла Самосатского и осуждал его заблуждение с решительною ясностью.

[6383] - Древность единогласно усвоила св. Дионисию имя Великого; современник его, св. Афанасий Александрийский, называл его учителем Вселенской Церкви, а Церковь усвоила ему имя священномученика, ибо хотя он и не приял мученической кончины за Христа, но всю свою жизнь мужественно и доблестно боролся и трудился за Христа и Его святую Церковь и претерпевал осуждения, нарекания, опасности, гонения, странствования, затруднения и всякого рода бедствия и злоключения не менее святых мучеников. – Сочинения св. Дионисия имели первостепенное значение в истории развития христианской мысли, по своему влиянию на богословов IV века. Дионисий отличался высокою образованностью и коротко знаком был как с предметами веры, так и с предметами учености общей. Предметами его сочинений, которые дошли до нас лишь в отрывках и притом далеко не все, служат преимущественно догматы, изъяснение Св. Писания и благочиние церковное, которое он старался утверждать не только в церквах египетских, но и в Риме, в Армении и в др. местах. Кроме вышеупомянутых его посланий в защиту Православия против еретических учений его времени, заслуживают особенного внимания его глубокомысленное догматическое сочинение «О природе» и т. н. Пасхальные послания, писанные в силу древнего обычая, по которому на епископе Александрии, где процветала астрономия и математика, лежала обязанность определения для всей Церкви времени празднования в каждом году Пасхи; к известиям об этом дне Дионисий всегда присоединял догматические и нравоучительные размышления о Воскресшем Спасителе; послания эти обязательно прочитывались пред собранием верующих в храмах.

[6384] - Фома – в переводе с еврейского, значит: близнец; иначе он именовался Дидим – греческое слово, обозначающее

то же самое.

6385 - Галилея – северная часть Палестины. Панеада – город Северной Палестины, при подошве горы Ермона, при восточном истоке Иордана, на северной границе колена Неффалимова, получивший свое наименование от Панион, местечка и пещеры при подошве южного склона Ливана. Сыном Ирода, царя иудейского, Филиппом город этот переименован, в честь кесаря (императора Римского) Тиверия, Кесарией (Кесария Филиппова). Теперь этот некогда цветущий город находится в развалинах, и на его месте возвышается только небольшая деревенька.

6386 - Индией в современном географическом смысле называется южная часть Азиатского материка, заключающая средний из трех южных полуостровов материка и соседнюю часть материка до громадных горных цепей, отделяющих ее от центральной Азии. Но древние писатели нередко называли общим именем Индии все южные богатые страны Азии, о которых имели лишь смутные понятия. Мидяне жили по соседству с Персией, в западной части Ирана, к югу от Каспийского моря и были покорены впоследствии персами. Парфяне жили также по соседству с персами, в обширной стране от Евфрата до Окса и от Каспийского моря до Индийского; в III в. до Р. Х. были покорены Римлянами. Персы обитали в южной части Ирана. Гиркане жили по берегам Евфрата и Тигра и были покорены Персами. Бактряне обитали на северо-востоке Ирана. Брахманы – жители собственно Индии, преимущественно индийские жрецы.

6387 - В древности, как у иудеев, так и у других народов, был обычай не сидеть, а возлежать за трапезою.

6388 - Такое превознесение девства нисколько не свидетельствует о том, чтобы и при брачном общении невозможно было спасение супругов. Но, по учению древних отцов Церкви, девственники получат в Царстве Небесном высшую награду, согласно и апокалипсическому изображению (Откр. 14:1–5). Поэтому Господь, по Своему Божественному предведению, зная духовные силы и способность к целомудренной жизни вышеупомянутых молодых супругов,

посвященной исключительно Богу, и убеждает их сохранять свое девство. При сем, по греческому подлиннику мученических актов св. Апостола Фомы, Господь указывал молодым супругам и на то, что дети, которые бы родились от них, были бы больные, злые и несчастные.

6389 - Успение Богоматери было в 15 году по Вознесении Господа, или в 48 году по Р. Хр., по древнему, общепринятому преданию.

6390 - Гефсимания – селение или место около Иерусалима, за потоком Кедрским, при подошве горы Елеонской, где был сад, в котором Господь молился пред Своими страданиями, и где Пречистая Богородица завещала положить Свое пречистое тело. Название свое это место получило от росших там во множестве масличных деревьев, из коих выделывалось много оливкового масла (в переводе с еврейского, Гефсимания значит: место маслин, или точило, тиски для выжимания сока из оливковых маслин). Сад Гефсиманский и теперь показывают при подошве горы Елеонской – с южной ее стороны, где находится погребальный вертеп Пресвятой Богородицы, в котором находится и ныне гроб Ее.

6391 - Мелиапор или Малипур – город на восточном (Коромандельском) берегу полуострова Индостана. – У христиан этой части Азии издревле существовало предание, что у них вера Христова первоначально насаждена Апостолом Фомою или его учениками. Когда Португальцы в первый раз в 1500 г. прибыли к берегам Индии, то нашли в Малипуре поселение христиан, которые говорили, что они приняли веру от Апостола Фомы, и этот город в конце прошедшего столетия называли городом св. Фомы. Вообще индийские христиане издревле называют себя христианами ап. Фомы и начало своей церкви возводят к сему Апостолу.

6392 - Стадия – около 88 сажен, след. 10 стадий – около 1 14 версты.

6393 - По учению св. Апостола Павла (1Кор. 7:12–14), это не должно препятствовать продолжению супружеского общения христианки с мужем – язычником, но по отношению к Мигдонии

и Синдикии ап. Фома предъявил более строгое требование, или, лучше сказать, сами они были более строги и не пожелали брачного сожительства с языческими супругами. Это обстоятельство объясняется, без сомнения, тем, что только при исполнении этого требования могло состояться обращение их мужей в христианство, что и подтверждается самым исходом всего дела.

6394 - Во всех древнейших языческих религиях обоготворение солнца играло весьма важное значение. В частности поклонение светилам небесным (так называемый сабеизм) было распространено в древности у всех восточных народов по преимуществу.

6395 - Место мученической кончины св. Апостола Фомы указывают в Калурмине – на одной высокой скале, отстоящей верстах в 6 от Малипура, куда Апостол часто ходил для молитвы.

6396 - По свидетельству церковных писателей, мощи святого Апостола Фомы впоследствии (в 385 г.) перенесены были из Индии в Месопотамию в город Эдессу (ныне Орфа). В древних западных мартирологах под 3 июля положена память перенесения его мощей в сей город. Но так как известно, что и в Индии есть еще мощи св. ап. Фомы, то известие о перенесении их в Эдессу нужно понимать в смысле перенесены из Индии лишь части их. В Эдессе над мощами св. Апостола была построена великолепная церковь, куда из отдаленных стран стекались богомольцы. Впоследствии часть мощей ап. Фомы была перенесена в Константинополь, где во имя его был создан храм при императоре Анастасие (490–518 г.) царским сановником Аманцием. Во время четвертого крестового похода (1204 г.) крестоносцы среди множества других святынь нашли правую руку св. Апостола, которую, после пятого крестового похода, Венгерский король Андрей II привез с собою в Венгрию.

6397 - В житийном подлиннике Сергий называется «примикаром», т. е. первым начальником «гентилийского полка», – состоявшего из союзников (которые назывались: gentilles) римлян, а Вакх – «секондоторием», т.е. вторым начальником сего полка.

[6398] - Зевс, или Юпитер – греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех, богов и людей.

[6399] - Т.е. Иисуса Христа, Коего еще современные Ему евреи называли «Сыном Тектоновым» (Матф. 13:55), считая Его сыном обрученника Пресвятой Девы Марии, Иосифа, занимавшегося плотничьим мастерством («тектон» – с греческого: плотник, строитель). Это наименование усвоили потом и римские язычники, прилагая его ко Христу, в виде насмешки и глумления над Царем христиан.

[6400] - Т. е. к правителю восточных, Азиатских провинций Римской империи.

[6401] - Варвалиссо – город в Месопотамии, на западной стороне от реки Евфрата.

[6402] - Претория – высшее судебное место в центральных городах Римских провинций, где дела решались наместниками Римских императоров, т.е. игемонами или правителями нескольких провинций.

[6403] - Сура – город на западной стороне Евфрата.

[6404] - Тетрапиргий – город между Сурою и Розафою близ Евфрата.

[6405] - Розаф или Резаф, впоследствии переименованный по основанному в нем знаменитому монастырю в честь святого мученика Сергия Сергиополем, – город, отстоявший от Суры в 6 верстах.

[6406] - Память святых мучеников Сергия и Вакха издревле весьма чтилась на всем востоке, и к мощам их многие совершали благочестивые путешествия. О ежегодном праздновании мученику Сергию известно еще с начала V века. В том же веке иерапольский епископ Александр выстроил великолепную церковь в честь этих мучеников. Их честные, нетленные главы хранились некоторое время в Константинополе, где видели их русские паломники: инок Антоний (1200 г.) и Стефан Новгородец (ок. 1350 г.). Византийский император Юстиниан Великий (527–565 г.) укрепил г. Розафу, где пострадал св. Сергий и где были мощи

его, и еще в начале своего царствования построил близ своего дворца в Константинополе великолепную церковь во имя свв. Сергия и Вакха за спасение его ими из темницы еще до воцарения его. Когда Персидский царь Хозрой (532–579 г.) подступил к Розафе, переименованному уже Сергиополем, малочисленные жители, укрепившиеся в сем городе, выдали ему все драгоценные вещи, дабы он пощадил город, кроме мощей св. мученика Сергия, почивавших в продолговатой, обложенной серебром, раке; узнав о сем, Хозрой двинул все войско к городу, но на стене явилось несчетное число вооруженных щитами и готовых к защите воинов; Хозрой понял, что это чудо творит мученик, и, пораженный страхом, удалился от города. Известный франкский летописец VI века – Григорий Турский пишет, что в его время на западе весьма чтился сей святой за многие чудеса и благодеяния, являемые притекавшим к нему с верою.

6407 - Тарракиний – ныне Террацина – приморский город Италии южнее Рима, в 92 верстах от него.

6408 - Этим именем назывались лица, состоящие на службе у «ипатов» или царских наместников. Упоминаемый здесь Леонтий, по-видимому, был на службе у князя, или правителя той страны Локсория, бывшего тогда наместником императора.

6409 - Капуя – город и крепость в южной Италии на левом берегу р. Вольтурно, главный город древней области Италии – Кампании, один из древнейших во всей Италии.

6410 - Мощи св. мученика Кесария почивают в Риме в церкви Креста Господня, а честная рука его в церкви Святая святых.

6411 - Область Гамфанидская принадлежала к тому же диоцезу или округу, к которому принадлежал и Константинополь.

6412 - Св. Полихроний пострадал около половины IV в., в царствование сына Константина Великого Констанция II (337–362 г.), покровительствовавшего арианам и преследовавшего православных.

6413 - Афонская гора – узкий гористый полуостров на юге Европы, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море). Иноческая

жизнь на нем имеет древнее происхождение, но позже чем в Сирии и Палестине. Издавна на Афоне было несколько славянских обителей (Хиландар – основанный в XII в. Сербским царем Симеоном и сыном его Саввою, монастырь св. Пантелеимона – основанный в XI в. русскими, и др.). Афонские монастыри служили центром духовного просвещения славян; оттуда приходили к славянам иноки, отличавшиеся образованием и подвижническою жизнью, там переписывались и переводились с греческого на славянский язык книги. Связь Руси с Афоном началась очень рано – с основателя Русского монашества св. Антония Печерского (и 1073 г.). Хождения на Афон и пребывания там русских продолжались во все века; с XI в. до этих пор. Особенно усилились сношения с Афоном с XV в., к которому относятся первые сказания русских паломников об Афоне. Как одно из наиболее чтимых святых мест восточного православного мира, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев из России, Балканского полуострова и Азиатских владений Турции. В настоящее время на Афоне расположены 20 больших монастырей, несколько скитов и множество отдельных келий, числом до 700.

6414 - На месте древнего Радонежа находится ныне село Городище или Городок, оно расположено между Москвой и Троице-Сергиевой лаврой, в 12 верстах от последней. (Прим. начала века).

6415 - Братия стали собираться к преподобному Сергию Радонежскому приблизительно в половине XIV века. Скончался преподобный Сергий в 1392 году 25 сентября.

6416 - Река Нурма (в Грязовецком уезде Вологодской губернии) – приток реки Обноры, которая протекает по Вологодской и Ярославской губерниям и впадает в реку Кострому.

6417 - Преподобный Павел Обнорский преставился в 1429 году 10 января.

6418 - Адамант (алмаз) – камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим отцам и

учителям Церкви, прославившимся твердостью своей веры и характера.

6419 - Преподобный Павел так уважал преп. Сергия, что провожал его после посещения более, чем на две трети расстояния от своего жительства. Место, до которого обыкновенно доходили святые, ознаменовано устройством часовни.

6420 - Обитель преп. Сергия, отстоявшая в 60 верстах от Вологды (закрыта в 1764 г.), находилась в 4 верстах от Павловской обители, ниже по течению реки Нурмы.

6421 - Ныне мощи преподобного почивают во храме.

6422 - До 1584 года записано было до 80 чудес преподобного.

6423 - Илиополь Палестинский, находившейся на севере Палестины, в Келесирии, в нынешней Сирийской области Азиатской Турции, в глубокой древности был центральным пунктом для всего языческого востока, но в IV в. стал рассадником христианства и имел своих епископов; впоследствии город этот был постепенно разрушен.

6424 - Антиохия Сирийская – один из древних и богатейших городов Сирии, столичный ее город; лежит при р. Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за 300 лет до Р. Х. Селевком Никатором и названа так по имени Антиоха, отца его. Для христианской церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства, и как мать христианских церквей из язычников. Знаменитая церковь Антиохийская насаждена первоначально свв. Апп. Павлом и Варнавою, а впоследствии утверждена еще и ап. Петром. В Антиохии было немало замечательных соборов пастырей церкви во время еретических (Арианских и Несторианских) распрей, Церковь Антиохийская издревле пользовалась особенными преимуществами, наравне с церквами: Александрийскою, Иерусалимскою, Константинопольскою и Римскою; настоятели ее имели титул и преимущества патриарха, почему и в настоящем месте жития

преп. Пелагии следует разуметь не архиепископа, а патриарха. В настоящее время Антиохия находится под Турецким владычеством и представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до 10 тысяч жителей.

6425 - Тавеннский монастырь был первым общежительным монастырем. Находился в Тавенне, в Верхнем (Южном) Египте, к северу от древней столицы его – Фив, на берегу Нила; основан около 340 г. преп. Пахомием Великим, память его 15 мая, устав, быстро распространившийся в христианском мире. Тавеннский монастырь имел такое громадное значение в истории древнехристианского иночества и успех устава Пахомия был так велик, что еще до его смерти в Тавенне и ее окрестностях собралось около 7000 монахов. И впоследствии Тавенна, – наименование которой принадлежавшее сначала одному острову, на р. Ниле, впоследствии перешло и на береговые окрестные места реки, где поселился преп. Пахомий и его ученики, – славилась своими монастырями.

6426 - Нонн был избран прежде епископом на Едесскую кафедру, в 448 году, на место низложенного Ивы; когда же Халкидонский собор в 451 г. возвратил Иве Едесскую кафедру, то Нонн занял кафедру в Илиополе.

6427 - Выражение, заимствованное из Апокалипсического таинственного изображения (Откр.19:7), под видом брака, торжества Победителя Христа и Его св. Церкви, после окончательной победы над сатаною, антихристом и их слугами, в конце времен.

6428 - Мытарями назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей с иудеев. Они, обыкновенно, брали на откуп собирание этих пошлин и употребляли всевозможный меры, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Как корыстолюбивые и наглые агенты языческой державы, мытари считались иудеями за предателей и изменников своей стране и Господу Богу. Грешник, язычник и мытарь – у них значили одно и то же, говорить с ними почиталось грехом, обращаться с ними – осквернением, хотя и среди них были добрые и богобоязненные люди. Но Христос не гнушался и их, за что нередко подвергался укоризнам (Мф.11:19; Лк.5:30, 7:34, 15:1–2).

[6429] - Диаконисса – с греч. языка: служительница. Так назывался особенный род служебных лиц в Церкви, учреждение которых восходит к временам апостольским (Рим.16:1; ср. 1Тим.5:3–10). На должность диаконисс избирались пожилые (не моложе 40 лет) девственницы или вдовы. Обязанностью их было наставлять обращающихся жен и девиц, как они должны держать себя во время крещения, прислуживать епископу при их крещении и вместо него совершать помазание других частей тела, кроме чела и т.д., наблюдать за порядком и благочинием среди женщин во время Богослужения, посещать больных, бедствующих, заключенных в темницах, служить исповедникам и мученикам, содержимым под стражей, помогать неимущим и т.п. Относительно диаконисс есть несколько канонических правил а именно: IV-го Вселенского собора правило 15-е, VI-го – правило 14 и св. Василия Великого правило 44-е.

[6430] - Маргарита, в переводе с греческого, значит – жемчужина.

[6431] - В начале V века язычество все еще было довольно сильно распространено в Илиополе, но трудами святого Нонна влияние его здесь было окончательно подорвано. – Под сарацинами разумеются арабы, которых святой Нонн во время пребывания на Илиопольской кафедре обратил ко Христу в количестве до 30000 человек.

[6432] - Под опустелым, потерянным для диавола жилищем здесь разумеется Пелагия. По воззрению библейскому, как благочестивый человек есть храм Духа Святого (1Кор. 6:19), так злочестивый – храм духа злобы. Поэтому диавол и называет Пелагию своим прежним жилищем, которое опустело для него после обращения ее ко Христу.

[6433] - Т. е. с христопродавцами и богоубийцами – евреями. (Лк.23:21).

[6434] - Т. е. храму Воскресения Христова, построенному на месте Воскресения Господа, Гробу Господню и другим находящимся там величайшим христианским святыням.

[6435] - Евнух – человек, неспособный к половым страстям, в высшем, духовном смысле – умертвивший себя, умерший для

страстей.

6436 - Гора Елеонская или Масличная – одна из гор иудейских, и называется так по множеству произраставших на ней масличных деревьев, кроме разных других дерев. Она лежит к востоку от Иерусалима, отделяясь от него долиною Кедронскою, и выше других близлежащих гор; с вершины ее открывается великолепный вид во все стороны. Елеонская гора освящена в новозаветной истории различными знаменательными событиями из земной жизни Спасителя, особенно же вознесением с нее Воскресшего Господа на небо. Ныне эта столь замечательная гора, со всеми ее окрестностями, представляет самый печальный вид и лишена прежней богатой растительности. Пещеру преп. Пелагии, находившуюся вблизи самого места Вознесения (средней вершины горы) в XII в. видел русский паломник, игумен Даниил. Западный паломник Анзельм в 1509 г. писал: «ниже места Вознесения, сходя ступеней 20 или около того, – место или келейка, где святая Пелагия совершила покаяние».

6437 - Кончина преп. Пелагии последовала, когда Нонн, по житию, был епископом Илиопольским, а он был епископом с 451 до 458 г. Обращение Пелагии совершилось за то же время управления его Илиопольской церковью, след. кончину ее должно относить к концу пребывания его в Илиополе, около 457 года.

6438 - Отечество и город, который был свидетелем печальных побед Таисии во время ее блудной жизни, неизвестны.

6439 - Под преп. Пафнутием здесь разумеется настоятель Гераклейского монастыря. У греков Гераклея, у евреев – Ганес, у арабов – Анас, – один из городов Гептаномской провинции, расположенной между Нижним и Верхним Египтом, причислявшийся к Верхнему Египту. По свидетельству Руфина в его истории монашества (гл. 16) и Палладия в его Лавсаике (гл. 57), Пафнутий был столь высокий подвижник, что на него смотрели, как на Ангела Божия. Ревнуя о спасении душ, он многих заблудших мирян обратил на путь спасения.

[6440] - Антоний Великий – первый учредитель монашеского жития.

[6441] - Согласно слову Спасителя: «Аминь, аминь глаголю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф.21:31). – Кончина преп. Таисии последовала около (не позже) 340 г., так как ее подвиги и кончина происходили при Антонии Великом († 356 г.) и Павле Препростом († 340 г.).

[6442] - Св. Пелагия была ученицей священномученика Лукиана, пресвитера Антиохийского (†312 г.), память которого празднуется 15 октября.

[6443] - Св. Пелагии было всего 15 лет, когда она, для сохранения своего девства, так добровольно пострадала. Это было в начале IV века. Св. Амвросий св. Пелагию, хотя она и не успела потерпеть от гонителей мучений за Христа, поставляет в пример мученичества. У св. Иоанна Златоуста есть о ней два слова, в которых прославляется сия юная блаженная мученица.

[6444] - Вместе с прочими апостолами Иаков Алфеев был послан Господом на проповедь. Мф.10:3.

[6445] - По вознесении Господнем Иаков Алфеев пребывал вместе с другими апостолами в Иерусалиме в Сионской горнице (Деян.1:13), также как и некоторое время после сошествия Св. Духа (6:2).

[6446] - Ап. Иаков Алфеев совершал апостольское служение сначала в Иудее, потом сопутствовал ап. Андрею Первозванному в Едессу (Едесса – нынешняя Орфа – древний знаменитый город Месопотамии на р. Евфрате), проповедовал учение Христово в Газе (один из самых древнейших городов Филистимских на границе с царством Иудейским, во времена апостольские принадлежавший Сирии) и Елевферополе (город Южной Палестины на дороге между Иерусалимом и Газою) и сопредельных им местах, откуда отправился в Египет и здесь в городе Острацине (приморский город на границе с Палестиною) запечатлел апостольские труды свои мученическою смертью на кресте.

[6447] - Феодосий Великий – Римский император с 379 по 395 г. В его царствование вера христианская была окончательно

утверждена в Римской империи

[6448] - С греческого «афанасиа» – бессмертие.

[6449] - Скит – египетское слово – значит: весы, испытание сердца. Другие производят от греческого …. – кожа, каковое словопроизводство указывает на то, что первоначальные скитники – подвижники не имели правильно устроенных домов, а довольствовались устройством кожаных прикрытий из шкур диких зверей. В настоящем случае здесь разумеется не известный особый вид иноческих обителей, в смысле отдельных келлий для одиноких отшельников, а известная местность, в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от горы Нитрийской, в северо-западной части Египта. Это была безводная каменистая пустыня, излюбленное место Египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков. От сей местности впоследствии и получили наименование скита иноческие пустынные обители, в коих ревностнейшие иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия – ради пребывания в Боге Едином.

[6450] - Лавра – с греч., часть города, переулок – собственно ряд келлий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для Богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте, а затем в Палестине. В настоящее время имя Лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

[6451] - Память преп. Даниила Скитского совершается Церковью в субботу сырную.

[6452] - Фиваида – область знаменитого в древности Египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь верхний (южный) Египет.

[6453] - Среди других обителей здесь славился строгим подвижничеством и женский Тавеннисиотский монастырь.

[6454] - Монастыри Скитской пустыни различались по номерам, соответственно расстоянию своему от Александрии («Октодекатский» – восемнадцатый).

[6455] - Скончался в первой половине V века.

[6456] - Событие это отожествляют со временем рождения у патриарха Евера сына Фалека, получившего в память сего события свое имя (Фалек – с еврейского – значит рассечение, разделение); т. е. приблизительно почти за 2600 лет до Р. Х.

[6457] - Фарра – десятый патриарх, от Ноя. Авраам родился почти за 2000 лет до Р. Хр.

[6458] - Ур Халдейский – один из царственных городов Халдеи, в Месопотамии, невдалеке от устья Евфрата; он был главным складочным местом торговли. Теперь имя Ура дают развалинам, находящимся к западу от русла Евфрата (в шести милях), на высоте соединения его с Хатч-ель-Хие (рукав Тигра, впадающий в Евфрат).

[6459] - Сие Божественное обетование имеет Мессианское значение, как то ясно показывает св. ап. Павел, ссылаясь на эти слова Божии к Аврааму. «Познайте же, – пишет он, – что верующие суть сыны Авраама, и Писание, провидя, что Бог верою оправдывает язычников, предвозвестил Аврааму, что в нем благословятся все народы. И так верующие благословятся с верным Авраамом» (Гал.3:9).

[6460] - Харран – город в северо-западной части Месопотамии, между Хавором (приток Евфрата) и Евфратом, на широкой, окруженной горами равнине, к юго-востоку от Едессы; в древности был важным торговым пунктом на большой торговой дороге между Средиземным морем и востоком. Ныне – это незначительный и небольшой городок Месопотамии.

[6461] - Некоторые учители Церкви смерть Фарры в Харране объясняют премудрым устроением Промысла Божия; ибо Богу не угодно было, чтобы виновный в идолослужении Фарра внес заразу суеверия в отделяемое от него поколение. Поэтому-то Писание так точно и отмечает это событие.

6462 - Под землею Ханаанской в теснейшем и собственном смысле разумеется земля по эту сторону Иордана, Финикия (северная часть Ханаана) и земля Филистимская; – в новейшее время под землею Ханаанской часто разумеют всю Палестину, всю землю обетованную, которую заняли потом израильтяне, по обе стороны Иордана. Сихем – древний город земли Ханаанской, в Самарии, на горе Ефремовой, в 18 часах пути от Иерусалима; Авраам прошел землю Ханаанскую собственно не до Сихема, которого тогда еще не было, а до места, где после построен был Сихем. Море – дубрава близ Сихема.

6463 - Вефиль – древнейший город Ханаанский, при Аврааме называвшийся – Луз, к северу от Иерусалима в гористой местности колена Ефремова, при горе, получившей от города имя Вефильской; место это необыкновенно дико и в настоящее время представляет собою не иное что, как пастушеское кочевье на грудах развалин. Гай – древний город Ханаанский, в северной части колена Вениаминова, на восток от Вефиля.

6464 - Долина Иорданская, которую выбрал себе для жительства Лот, и в которой находилось русло Иордана, была довольно широка; Мертвого моря, как предполагает большинство ученых исследователей, тогда еще не существовало, а Иордан разливался несколькими рукавами и, вероятно, достигал посредством долины до залива Аравийского, или Красного моря.

6465 - Исполнение Божия обетования относится к потомству Аврама не по плоти только, но и по вере, и потому обетование сие названо вечным. Исполнение всех этих обетований – во Христе, Который кровию Своею соделал сию землю священною и приобрел для всех верующих, соделав ее отчизною души христианина. Вот почему, независимо от неисчислимых остатков избранного и потом рассеянного по всему земному шару народа, – Аврам по вере имеет еще другое потомство, для которого Палестина есть земля спасения, поистине – земля обетования.

6466 - Мамре – собственно имя Аммореянина, союзника Авраамова (Быт. 14:24). Дубрава Мамре была расположена при

Хевроне, древнейшем городе Ханаанском, находящемся на дороге к Иерусалиму, в плодородной и красивой местности.

6467 - На цветущей долине Иорданской, где поселился Лот, находились пять следующих городов: Содом, Гоморра, Адама, Севоим и Бела (иначе – Валака).

6468 - Еламиты – народ, происходящий от Елама, первенца Симова. Страна их лежала по соседству с землею Ханаанскою, в Месопотамии.

6469 - Мельхиседек, вероятно, происходил из Ханаанского народа – Аморреев, живших тогда в Палестине, ибо у них был и царем, и священником; в то время между Ханаанскими племенами могло еще сохраняться благочестие, и мера грехов Аморрейских тогда еще не исполнилась. Под Салимом разумеют то же, что потом Иевус, а после Иерусалим (Псал. 75, 3). Своим наименованием священника Бога Всевышняго Мельхиседек отличается не только от чтителей ложных богов, но и от прочих царей, и даже от Авраама, и потому в нем нельзя было не видеть особенного, прославленного по всей Палестине служителя истинного Бога. Св. Писание скрыло подробности о нем и его роде, давая видеть в нем прообраз Христа Спасителя. Еще в Ветхом Завете царь и пророк Давид в необычайном священстве Мельхиседека видел прообраз священства Мессии, когда говорил о Сыне Божием: ты иерей во век по чину (т.е. подобию) Мелхисидекову (Пс.109:4); особенно же ясно и подробно раскрыто прообразовательное значение Мельхиседека у ап. Павла в послании к евреям (Евр. 7:1–28). Мельхиседек, по значению имени, есть царь правды; по званию – царь Салима, т.е. царь мира, и вместе священник Бога Всевышняго; он представляется без отца, без матери, без рода; его священство вечное; ибо не видим ни его предшественников, ни его преемников; его благословение – высшее, ибо от имени Всевышняго низводит он благословение на отца верующих, и сам Авраам высоко оценил и благоговейно принял это благословение, как низший от высшего. Все эти высокие черты и преимущество соединяются только в Сыне Божием, Иисусе Христе.

6470 - Сие обетование Божие Моисею нельзя ограничивать лишь буквальными, пониманием в смысле происхождения от Авраама многочисленного еврейского народа. Обетование это имеет Мессианское значение и стоит в неразрывной связи с другими обетованиями Божиими Аврааму.

6471 - «Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность», – говорит Апостол (Рим.4:3) и доказывает, что Авраам обязан своим оправданием одной только своей вере (слово правда, ПРАВЕДНОСТЬ здесь разумеется и в смысле оправдания). Авраам поверил Богу, т. е. уверовал в Его истинность, святость, мудрость, могущество и вечность, когда с верою принял, несмотря на свой столетний возраст, обетования Божия о рождении от него сына, – и сия вера Авраама была зачтена ему за то, чем она не может быть по своему существу – именно за праведность. Праведность обозначает здесь совершенное послушание воле Божией, которого Авраам в то время еще не достиг; тогда Бог принял в счет его веру, как имеющую одинаковую цену с послушанием. – Митрополит Филарет делает замечание, что вменение в праведность веры Авраама произошло после медленного постепенного откровения. «Вера, – говорит он, – была следствием и концом таинственного руководительства Божия: она же была началом и основанием Божия благоволения».

6472 - Сие было видимым знаком Завета Божия с Авраамом или договора в том, что Бог действительно исполнит Свое обетование о потомстве Авраама и наследии им всей земли Ханаанской. У древних вступающие в союз лица, обыкновенно, проходили между рассеченными половинами животных, в знак того, что как эти части составляли прежде одно живое существо, так и они с этих пор будут составлять одну душу одну жизнь, будут водиться одним духом и составлять одно общество. – Животные указаны здесь те, которые издавна по обычаю употреблялись при жертвоприношениях, ибо Авраам здесь совершает настоящее жертвоприношение, и именно такое, которое было употребляемо при совершении торжественных договоров.

6473 - Хищные птицы многими принимаются здесь за пророческое изображение неприятелей потомства Аврама: они изображают собою все идолопоклоннические племена, которые старались или истребить народ Израильский, или же помешать исполнению завета, увлекая его в идолопоклонство.

6474 - Здесь разумеется порабощение евреев в Египте. Круглое число 400 лет поставлено вместо 405, потому что столько прошло лет от рождения Исаака до исхода евреев из Египта. Исаак, как первый странник и пришелец из потомства Аврама, родился в 1901 г. до Р. Хр., а евреи вышли из Египта в 1496 г.

6475 - Если считать примерно, то сменившиеся четыре рода или поколения могут представлять собой Левий, сын Иакова, Кааф, Амрам и Моисей, в пределах 268 лет.

6476 - Аморреи – народ Ханаанский – от Аморрея, сына Ханаана, сына Хамова, – постоянные, упорные враги евреев; прежде жили на западной стороне Мертвого моря, но потом распространились и по другим местам – по восточной стороне Мертвого моря и Иордана; они занимали преимущественно средину земли Ханаанской и представляли из себя несколько сильных царств. – Под наполнением меры беззакония разумеется в Писании окончательное духовное разложение и смерть обществ и народов, оставление их Богом, суд над ними и их разрушение.

6477 - Аврам не проходил между рассеченными животными; проходил только видимый образ Господа, т. е. это был договор милости, благодеяние обещанное и подтвержденное осязательно обрядом договора. Дым и пламя – два символа, изображавшие потомство Авраамово, среди искушений и тягостей рабства, и Самого Господа, откровение и обетование Которого есть свет и отрада во мраке скорби. Таким образом, дым означал страдания Израиля, пламя – избавление.

6478 - Река Египетская, т. е. Нил. Евфрат – большая река Месопотамии, вытекающая из гор Армении и впадающая в Персидский залив. Обозначенная здесь страна была бы вся достоянием Израиля, если бы он оставался верным завету с

Богом. Но и несмотря на то, что упадок народа препятствовал исполнению предначертанного, все страны, заключавшаяся между восточными устьями Нила и Евфратом, были временно во владении потомства Аврама.

6479 - Бесплодие всегда считалось между евреями поношением, а плодородие означало особое благословение Божие. Поэтому-то Сара и предложила мужу свою служанку, чтобы скорее исполнилось обетование. Авраам же, по законам востока, не имея прямого указания от Господа, что именно от Сары он будет иметь сына, мог взять вторую жену, даже не прибегая к разводу с первой, хотя развод не только был допущен обычаем, но даже вошел в закон Моисеев.

6480 - Измаил – с евр.: услышанный Богом – назван так потому, что Господь призрел на страдание Агари, когда она, беременная, бежала в пустыню от притеснений Сары, повелел ей вернуться и даровал ей сына.

6481 - Наименование Аврам есть почетное название, означающее: «отец высоты», «высокий отец». Авраам же – имя, выражающее исполнение обетования, означающее: «отец множества», или «отец многих народов». Митрополит Филарет замечает, что переименование употреблялось на востоке царями, когда они возвышали кого-либо. Применительно к сему и здесь, Бог, возвышая Авраама, переименовывает его.

6482 - Вечный завет заключается в лице Авраама не только с плотским потомством его, с народом израильским, но еще более с целым человечеством, разумея под этим именем воспривших верою обетование, и потому и назван заветом вечным в Мессианском смысле.

6483 - Вечное наследие земли Ханаанской нужно понимать в таинственном, прообразовательном смысле, разумея под нею Царство Божие и св. Церковь Христову.

6484 - Обрезание (крайней, сокровенной плоти) служило знамением завета между Богом и Авраамом и его потомством и было печатью, отделявшею ветхозаветных верующих от язычников. В высшем, таинственном смысле, обрезание служило прообразом христианского крещения. Такое значение

обрезания изъясняет апостол Павел, когда обрезание Авраама называет печатию правды веры (Рим.4:11), а наше нерукотворенное обрезание называет обрезанием Христовым (Кол.2:11). В первом обещание, – во втором – исполнение, причем в последнем обрезуется внутренний человек, отрицающийся диавола и всех дел его; это – обрезание, которое, по слову апостола, совершается в сердце, по духу, а не по букве. Как через обрезание человек вступал в общество верующих, так через крещение человек вступает в общество верующих во Христа (Иоан.3:5; 1Кор.12:13); и как обрезание имело свое великое значение, под условием верности Богу и точного исполнения Его заповедей, так и крещение спасает нас не омытием плотской нечистоты, но отложением грехов или, по апостолу, совлечением греховного тела плоти, обещанием доброй совести, воскресением Христовым (1Пет.3:21; Еф. 5:26–27; Филип.3:3,9–11; Кол.2:11–13; Рим.6:2–14). И поелику апостол поставляет нерукотворенное обрезание (крещение) в тесную связь с воскресением Спасителя, то уже в самом назначении Богом для ветхозаветного обрезания осьмидневного срока отцы Церкви видят прообразование, – указание на день воскресения Христова, которое произошло по седьмом субботнем дне в осьмой, воскресный предвозвестивший наше оправдание во Христе и отложение плотской скверны в крещении. Поэтому в первые века христианства крещение над младенцами часто совершалось в осьмой день по рождении.

6485 - Первое имя Сара означает «господство», т. е. госпожа, и представляет общий почетный титул. Сарра же означает «княгиню», или «высокую жену»; в самом имени этом заключается пророчество, высказанное далее, что от нее произойдут цари.

6486 - В древности путники носили только сандалии (деревянные или кожаные подошвы, прикреплявшиеся к ногам ремнями), и омовение ног после пути было первым делом гостеприимства, особенно на востоке.

6487 - Дуб Мамврийский, под сенью которого Авраам удостоился принять Самого Господа, по свидетельству блаженного Иеронима, существовал еще до времени

императора Констанция (т.е. приблизительно до половины IV в.) и во все времена указывался благоговейным поклонникам святых мест. В настоящее время эта священная местность с уцелевшим на ней деревом принадлежит Русской Иерусалимской миссии.

6488 - Одним из этих странников, во образе которых явились Аврааму Ангелы, был Сам Господь – Иегова, Который в этом месте книги Бытия (Быт. 17:9) ясно отличается от прочих Ангелов. В явлении трех Ангелов некоторые видят явление великого таинства Святой Троицы, почему для изображения сего таинства нередко прибегают к изображению явления Аврааму трех странников.

6489 - Рим.4:18–22. О значении сей веры Авраамовой см. выше. «Правда» – оправдание; «паче упования во упование верова», т.е., не имея основания для надежды, все-таки уверовал, будучи возбуждаем надеждою, которая основывалась на том, чего глаз не видел и разум не понимал, – на Боге и Его обетовании.

6490 - Под горою разумеются горы Моавитские. Сигор, в котором Лот нашел себе убежище от погибели, по еврейскому тексту Цоар – прежде Бела – был одним из пяти союзных, городов, расположенных в долине Иордана и был самым южным городом этой страны, на полпути к горам Моавитским.

6491 - Соленое или Мертвое море находится в южном конце долины Иорданской, окруженной острыми, голыми скалами. Соленым оно называется потому, что заключает в себе много соли; кроме того, здесь множество асфальта или горной смолы, которая и доселе, поднимаясь со дна озера, всплывает на поверхность и производит испарения в воздухе. Мертвым это море называется потому, что никакое животное не может существовать в водах его. Даже берега его, покрытые соляными кристаллами, представляют зрелище совершенного отсутствия жизни; самые пни, пропитанные соляным щелоком, делаются окаменелыми. Таким образом, Мертвое море служит разительным памятником Божеского проклятия и наказания на нечестивые города. Мертвое море имеет продолговатый вид и от севера к югу простирается на 20 часов пути; глубина его в

северной части достигает 1.318 футов или около 190 сажен, южная же часть очень мелка.

6492 - Исаак с еврейского значить: смех. Исаак назван так потому, что Сарра, мать его, смеялась, слыша обетование о его рождении; но он назван так еще и потому, что в нем заключается таинственное прообразование явления дня Христова, о котором Сам Спаситель сказал: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Иоан.8:56).

6493 - Как подробно излагает сие ап. Павел в послании к Галатам, Агарь и Сарра служат прообразами двух заветов: Ветхого и Нового, равно как Измаил и Исаак – членов Церкви Ветхозаветной и Новозаветной (Гал.4:22–31). Агарь – рабыня – образ Церкви Ветхозаветной, подзаконной, имевшей рабский характер. Таким образом, Измаил, сын рабы и Авраама по плоти, предъизображал иудеев, считавшихся до Христа единственными обладателями Божественных обетований. Сарра предъизображала собою Новый Завет, равно как Исаак – христиан, свободных чад Нового Завета, сынов обетования, как и Исаак, а не плотского происхождения; ибо в таинстве крещения, вступая в Церковь Христову, мы рождаемся не по естеству, а по обетованию Божию. И как Агарь с Измаилом были изгнаны Авраамом, – так и синагога еврейская, с явлением Нового Завета, отвержена, и рабское иго закона удалено от чад свободной Церкви Христовой; наследие благодати и всех обетований о вечной жизни во Христе получат сыны свободы христианской и лишены иудеи, сыны рабства, которые хотели присвоить оное исключительно себе. Как Сарра была прежде неплодной и потом родила сына обетования, так и церковь ново-заветная, до Христа неплодная, породит, согласно словам пророка (Ис.64:1), более сынов, нежели имущая мужа, т.е. синагога иудейская; ибо обетование Божие распространяется на все народы и, по силе благодати, все приемлются в Новозаветную Церковь Христову.

6494 - Действительно, от Измаила произошло многочисленное потомство. Двенадцать сыновей его были родоначальниками двенадцати племен Аравийских, которые

доселе остаются кочующими, сохраняя независимость и дикий характер своего родоначальника. Живя в Аравии, они смешались потом с другими кочевыми народами под общим именем арабов или аравитян.

6495 - Иевусеи – народ Ханаанский, ведущий начало свое от Иевусея, сына Хамова – принадлежали к древнейшим обитателям земли Ханаанской. Страна их находилась в той же местности, где впоследствии был построен Иерусалим, на месте их города Иевуса на горе Сион. Мориа – с еврейского: место, указанное Богом; так называлась земля иевусеев и гора в ней, на которой, Авраам по указанию Божию, хотел принести Исаака в жертву Богу. Ефрем Сирин передает древнее предание, по которому принесение Исаака в жертву произошло на вершине той же горы, на которой совершена была святейшая крестная жертва Христа – Сына Божия.

6496 - Принесение Авраамом Исаака в жертву Богу по учению Церкви, таинственно прообразовало собою крестную жертву Спасителя, Его смерть и воскресение. Как Авраам, предав себя всецело воле Божией, не пожалел своего сына единородного принести в жертву Богу, так и Бог «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (Рим.8:32) на крестныя страдания и смерть. Отцы и учителя Церкви видят прообразовательные Мессианские черты в самих подробностях жертвоприношения Исаака. Исаак исходит из дома отца своего к месту, назначенному для жертвоприношения: Христу надлежало выйти из Иерусалима и пострадать вне врат его (Евр.12:11). Когда Исаак шел на заклание, вслед его шли осел и рабы его: так и Христос, когда имел идти на страдание, воссел на жребя осле, показуя призвание язычников; за ним следовали и ученики Его с ваиями. Но Исаак отделился от отроков своих, когда шел на гору для заколения: отторжен и Христос от учеников Своих, когда шел на Голгофу на смерть нас ради (Кирилл Александрийский). В том, что на Исаака возложены дрова для жертвы, и что он нес их на раменах своих до места жертвоприношения, отцы Церкви видят образ крестоношения Христова. Во всей истории жертвоприношения Исаака видна совершенная его покорность отцу своему; в истории страданий

Иисуса Христа мы видим беспредельную покорность Его Отцу Своему, Которому Он был «послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Филип.2:8). Исаак приносится в жертву, не совершив никакой вины: Христос страдает, терпит поношение, связывается, распинается – Безгрешный. «Исаак, – говорит святой Ефрем Сирин, – взошел на гору, подобно агнцу незлобивому, – и Спаситель возшел на Голгофу, да заколется ради нас, яко агнец. Видя там нож, разумей копие. Смотря на жертвенник, разумей лобное место. В связке дров – заметь крест. Видя огнь, объемли умом любовь и ревность». – Но Исаак закалается только намерением отца, как замечает Златоуст; вместо него, приносится в жертву овен. Но здесь, перестав быть образом Христа страждущего, Исаак делается образом Христа воскресшего, а недостаток образа страдания восполняет овен, в котором отцы Церкви единогласно признают образ закалаемого Агнца – Христа, пострадавшего плотию (овен), но не страдавшего по Божеству (прообразованному Исааком). И как Исаака на третий день мать его Сарра увидела живым, так и Церковь на третий день после крестной смерти Спасителя видит Его воскресшим и невредимым. – Наконец, как после жертвоприношения Исаака Бог изливает обильное благословение на Авраама и все его потомство: так и жертва Христова низводит бесчисленные благословения на весь род человеческий.

6497 - Вирсава – с еврейского: колодезь клятвенный – получила свое название от того, что в той местности (в южной оконечности Палестины на границе земли Филистимской) Авраам вырыл колодезь и здесь же заключил клятвенный союз с Авимелехом, царем Филистимским (Быт.21:32). Здесь Авраам потом насадил рощу и долгое время обитал. Впоследствии здесь был построен город.

6498 - Махпелу, против Мамре в Хевроне, Авраам купил у Ефрона Хеттеянина для погребения там Сарры. Здесь потом погребены, кроме Сарры, и Авраам, и Исаак с Ревеккою, и сын их Иаков с женою Лиею. Впоследствии в этой пещере воздвигнут памятник, составляющий главную

достопримечательность Хеврона и обращающий на себя внимание всех путешественников.

[6499] - Феофил – Византийский император от 829 до 832 г., известный иконоборец.

[6500] - Галатия – небольшая гористая провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией.

[6501] - Комитами назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту. Со времен Константина Великого это наименование стало титулом всех придворных и государственных чинов, хотя бы они и не принадлежали к императорской свите.

[6502] - Монастырь сей находился около Антиохии Сирийской и получил свое наименование от предместья города Дафны, где был расположен.

[6503] - Ольвия – ныни Астак – город в северо-западной области Вифинии.

[6504] - Здесь разумеются, главным образом, места Палестины, освященные жизнью, учением, страданиями и крестною смертью Спасителя.

[6505] - Под Лаодикией здесь, вероятно, разумеется главный, некогда цветущий город Фригии, при р. Ликусе. Атталия – ныне Адалия – прибрежный город Памфилии.

[6506] - Василий Македонянин – Византийский император с 867 по 886 г.

[6507] - Монастырь св. священномученика Фоки находился в Константинополе.

[6508] - В древней Церкви, еще до появления женских иноческих обителей и в первое время их существования был особый класс дев, посвящавших себя всецело служению Богу и дававших обет девства. Такие лица назывались девственницами, и они пользовались в Церкви большим уважением и считались ее украшением. Они собирались для подвигов безмолвия, Богомыслия и молитвы в частных домах под руководством опытных в духовной жизни стариц –

наставниц. Весьма часто Церковь поручала их руководству и надзору наиболее уважаемых из диаконисс.

[6509] - † в начале 2-й половины IV века.

[6510] - Аспид – особый вид змеи, яд которой весьма силен и причиняет смерть. Иносказательно это наименование употребляется для обозначения крайне злого, вредного человека.

[6511] - Марс или Арей – греко-римский бог войны.

[6512] - Блаженная кончина святых мучеников последовала в 303 году. Святой Феофан «Начертанный», живший в IX в., написал в честь их канон; в его время от мощей святых Евлампия и Евлампии совершались исцеления.

[6513] - Тивериополь – город в Македонии; теперь – Струмица.

[6514] - Лев Исаврянин – Византийский император, царствовавший с 714 до 741 г.

[6515] - Синклит – правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

[6516] - Кончина св. мученика относится к концу III или началу IV века.

[6517] - Маркиан – император Византийский, – царствовал с 450 до 467 г.

[6518] - † в конце V века.

[6519] - Кесария – город Палестинский на восточном, берегу Средиземного моря, построенный царем иудейским Иродом на месте древнего города Стратон и названный так в честь Кесаря Августа (Римского императора Октавия Августа). Город сей подвергался неоднократным разрушениям и в настоящее время на его месте только развалины, покрытые дикими растениями.

[6520] - Святой Апостол Филипп принадлежал к числу семи диаконов, на которых было возложено Апостолами заботиться о вдовах и сиротах и служить при общественных христианских трапезах. Деян.6:1–5.

[6521] - Самария, как страна или область Палестины, занимала середину Палестины, на запад от Иордана. Границы ее к северу – Галилея, к югу – Иудея, к востоку – Иордан, к

западу – Средиземное море. Самария, главный город страны Самарийской и некогда столица царства Израильского, находилась в расстоянии почти трех верст на север от Иерусалима. В настоящее время от древнего славного города не осталось камня на камне; на месте его стоит одна бедная деревенька Сабустие (прежде город Севастия).

6522 - Газа – один из самых древнейших Филистимских городов, служивший пределом Хананеев на юге Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял все свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал некогда великий город. Недалеко отсюда расположен новый город позднейшего происхождения того же имени.

6523 - Кандакия – царица Ефиопии или Мерое, государства, находившегося в древней Ефиопии, в Африке, к югу от Египта. Имя Кандакии было общим названием цариц Ефиопских. Евнух – страж царского гарема на востоке; впоследствии это наименование сделалось общим титулом царедворцев. Обращенный святым Филиппом евнух был прозелит, т.е. обращенный в иудейскую веру из язычества; как благочестивый чтитель сей веры, он приезжал в Иерусалим на поклонение.

6524 - См. повествование об этом в Деян. 8:26–39.

6525 - Азот – древний известный город филистимский, на восточном берегу Средиземного моря, недалеко от Газы. Ныне здесь – небольшое селение Ездуд.

6526 - Траллия – лидийский город на северо-западе Малой Азии.

6527 - Память преподобномученика Феодора, брата св. Феофана, совершается Церковью 27 декабря потому, что на лицах их после жестоких истязаний, коим они были подвергнуты, как защитники иконопочитания, император Византийский Феофил велел начертать позорные стихи, мучительным начертанием которых, посредством раскаленных игл, были выжжены лица исповедников до самых веждей.

6528 - Философ – с греческого значит: любитель мудрости, т.е. ученый, посвятивший себя исследованию высших вопросов

бытия: о Боге, о начале и законах мира и человека, о предназначении человека и конечных целях существования мира и т. п.

6529 - Иконоборческая ересь и гонения на иконопочитателей возникли в Византии в первой половине VIII века и продолжались почти до средины IX века, с царствования Льва Исаврянина (714–741) до Михаила III и матери его императрицы Феодоры.

6530 - Патриархом был св. Никифор, сосланный впоследствии за защиту православного иконопочитания в заточение. Память его совершается 13 марта.

6531 - Лев V Армянин – Византийский император – иконоборец, царствовал с 813 – 820 г.

6532 - Михаил II Балба, или Косноязычный, царствовал с 820–829. Феофил царствовал с 829 – 842.

6533 - Около 840 г.

6534 - В первое время по восшествии на престол царский (в 842 г.) Михаила III государством управляла мать его св. Феодора. Восстановление иконопочитания состоялось на Константинопольском соборе 842 года, и в память сего тогда же был установлен в Церкви особый «Чин Православия», совершаемый и ныне в первый воскресный день святой Четыредесятницы.

6535 - Св. Мефодий I – патриарх Константинопольский с 842 по 846 г.

6536 - Никея (ныне Исник) – в Малой Азии, город в древности и в средние века богатый и цветущий, теперь бедный и малонаселенный. Никея пользовалась особенным вниманием Римских, а потом Византийских императоров, и митрополичья кафедра Никейская считалась одною из виднейших. В сем городе происходили I и VII вселенские соборы.

6537 - Феофан оставил после себя много сочинений в защиту православия и в особенности известен, как писатель канонов, число коих достигает до 148. Лучшие каноны его – канон в неделю православия, все каноны Апостолам и об усопших. Кроме того, св. Феофан писал и стихиры на некоторые дни.

[6538] - Около 850 г.

[6539] - Деметриада – город Киликийский, на севере от Тарса, получивший свое название от греческой языческой богини Деметры, считавшейся покровительницей растительного мира, хлеба, земледелия и плодородия.

[6540] - Берит, – ныне Бейрут, – очень древний приморский город на Финикийском берегу при истоке реки Магары. В настоящее время главный город азиатско-турецкой области Сирии и важнейший торговый пункт сирийского побережья.

[6541] - Уксус, смешанный с желчью. Этот одуряющий напиток, притупляющий чувство, давали осужденным на казнь пить, чтобы уменьшить несколько мучительность страданий.

[6542] - Чудо сие совершилось около 765 года.

[6543] - Папа Григорий II написал два послания к императору. В первом своем послании Григорий разъяснил все места св. Писания, с одной стороны повелевающие, а с другой как будто и запрещающие делать священные изображения и затем приводит свидетельства древности. «В бытность Христа во Иерусалиме, пишет он, Авгарь, тогдашний князь и владыка Едесский, услышав о чудесах Христа, написал к Нему послание и Христос послал ему собственноручный ответ и святое славное изображение Лица Своего. Пошли за этим нерукотворенным образом и посмотри. Туда стекаются во множестве народы Востока и приносят молитвы». Познакомив императора с подобными свидетельствами, папа наглядно рисует всю ненависть, которую вызывают императорские указы среди западного православного населения: «Всюду стали бросать твои портреты на землю, – пишет он, – попирать их ногами и уродовать твое лицо» и т. под. Свое послание он оканчивает пламенною молитвою, чтобы «Бог, сошедший с небес, даровал мир всем христианским церквам во веки веков». Император отослал с угрозою ответ, на который папа Григорий II написал свое второе послание, с прежнею твердостью убеждая императора оставить задуманное им дело.

[6544] - Константин Копроним царствовал с 741 по 775 г.

[6545] - Собор происходил в 754 г. Место заседаний его несколько раз изменялось: то они происходили в царском дворце, так называемом Гиерея, на Азиатском берегу Босфора, то во Влахернском храме Богоматери в самом Константинополе. Немало пришлось услыхать проклятий от лица этого собора всем тогдашним ревнителям православия. Немало было возведено на них ложных обвинений. В основу своих ложных иконоборческих мудрований собор положил вымышленные сказания и подложные изречения Отцов церкви.

[6546] - Лев IV царствовал с 775 по 780 г.

[6547] - Императрица Ирина была воспитана в благочестивом семействе иконопочитателей, а свою ревность к святым иконам обнаружила еще при муже своем, Льве IV, за что подвергалась опале и даже была удалена из дворца.

[6548] - Св. Тарасий патриаршествовал в Константинополе с 784 по 806 г. Память его совершается февраля 25-го.

[6549] - Синкелл – название клириков, живших в одних кельях с епископом. Обыкновенно епископы выбирали в синкеллы людей более образованных, которые могли бы им содействовать в решении важнейших вопросов

[6550] - Кроме свидетельств из глубокой древности о почитании святых икон, в этих посланиях находятся выдержки из святоотеческих творений. Например, там приведены следующие выдержки: 1) Слова Василия Великого к Юлиану Отступнику: «Приемлю и св. Апостолов, пророков и мучеников, которые возносят молитвы к Богу. Поэтому почитаю и изображения их на иконах и открыто поклоняюсь им. Это предано св. Апостолами и не должно быть воспрещаемо, поэтому во всех церквах своих мы изображаем историю их». 2) Слова св. Стефана, епископа Бострийского: «Относительно икон исповедуем, что они, как и всякое дело во имя Божие, дело благое и святое, потому что иное дело икона и иное дело идол или статуя. Всякое изображение, сделанное во имя Господа или Ангелов, пророков или Апостолов, мучеников или праведников, свято потому, что поклонение воздается не дереву, но тому, что созерцается на дереве и что воспринимается. Все мы почитаем

начальников и с любовью приемлем их, хотя они и грешники, отчего же мы не должны почитать рабов Божиих? Почему в память их не устроять изображений, чтобы они не были преданы забвению?.. Мы в воспоминание о святых пишем иконы их, чтобы всякий, видя их на иконе, вспоминал о них и прославлял Господа, прославившего их».

[6551] - Тетрапил – местность в Константинополе, где находились мощи и икона святого и где строилась в то время во имя его церковь.

[6552] - Евагрий – церковный историк VI века.

[6553] - Нападение на Едессу Персидского Царя Хозроя I относится к 545 году.

[6554] - Апокрисиариями назывались временные или постоянные представители епископов важнейших церквей при особе государя, которые заведовали всеми сношениями своей церкви и ее предстоятелей с верховною властью.

[6555] - Первобразных т. е. тех, кто изображены на иконах.

[6556] - Ипостась по переводу с греческого значит сущность, существо; по отношению к иконе означает того, кому посвящена икона.

[6557] - Если 11-е октября случится в один из дней седмицы, то служба отцам VII Вселенского собора совершается в ближайшее воскресенье.

[6558] - Помпеополь – иначе Солы – значительный древний город Киликии; в настоящее время от него остались лишь развалины.

[6559] - Приведенные ниже сказания о страданиях св. мучеников – подлинные акты мучеников, которые, как видно из письма христиан города Аназарва (в Киликии), где претерпели кончину св. мученики, к христианам города Иконии, приобретены аназарвскими христианами через одного посредника за 200 динариев.

[6560] - Виктор с греческого – значит победитель.

[6561] - Клавдиополь – город Исаврии, составлявшей часть Киликии.

[6562] - Пергия – город в Малой Азии.

[6563] - Второй допрос св. мучеников происходил в Мопсуестии – городе области Киликии в Малой Азии.

[6564] - Указание относительно кончины св. мучеников находится также в Послании аназарвских христиан.

[6565] - Амфитеатр – овальное, открытое здание, предназначенное для боя зверей и людей. В самой средине помещалась, усыпанная песком, арена (место, где происходили сами побоища). Кругом арены шла ограда. Позади этой ограды возвышались ступеньками ряды скамеек для публики.

[6566] - Речь идет от лица христиан.

[6567] - Кончина святых мучеников относится к 304 году.

[6568] - Велика была слава мучеников в древности. Епископ Мопсуестии Авксентий II, в половине V века, выстроил в этом городе храм во имя этих святых мучеников и, получив из Аназарва части мощей их, положил их в этом храме.

[6569] - Св. Иоанн Дамаскин – замечательнейший христианский песнописец и богослов, умер в 776 г. Память его совершается Церковью 4 декабря.

[6570] - Т.е. у арабов, происходивших, по преданию, от Измаила, сына Авраамова от Агари.

[6571] - Обителью сею был знаменитый монастырь св. Саввы Освященного. В пустыне св. Косма разделял ученые труды Дамаскина и, как говорит Иоанн Иерусалимский, ревностно подражал Дамаскину в любви к духовным песням, составил для Церкви сладкие стройные песни, неутомимыми подвигами представляя из себя самого стройную Псалтирь Господу. Замечательно, что в древнейшем издании песнопений свв. Космы и Иоанна, равно как и в древних рукописях, песни св. Космы постоянно называются песнями Космы Иерусалимского, – что подтверждает мысль того же Иоанна Иерусалимского, что песнопения свои св. Косма писал в обители св. Саввы.

[6572] - Кроме песнопений на неделю Ваий, воскрешение Лазаря и страданий Христовых, по справедливости считающихся самыми лучшими и торжественными творениями сего замечательнейшего песнопевца православной христианской Церкви, от св. Космы сохранились вдохновенные

каноны на Успение Богоматери, Рождество Христово, Воздвижение Креста Христова, Сретение Господне (со стихирами), Крещение Спасителя, Преображение Господне (со стихирами), Пятидесятницу, трипеснцы на понедельник, вторник, среду и пятницу страстной недели. При сем известный церковный историк XIV в. Никифор Каллист пишет, что святой Косма первый начал писать трипеснцы «во образ Св. Троицы». Св. же Косме Маиюмскому принадлежит составление вдохновенной песни в честь Богоматери: «Честнейшую Херувим», канона на великий четверток, четверопеснцев на великий четверток, икоса и 14 кондаков на Успение Богоматери, канонов Иосифу обручнику, Давиду царю, великомученику Георгию, Григорию Богослову, и некоторых других церковных песнопений. По поводу известнейшего Богородичного песнопения: «Честнейшую Херувим»; сохранилось церковное предание, по которому Пречистой весьма благоугодна была сия песнь, и Она, явившись преподобному, с радостным лицом сказала: «приятны Мне песни твои, но сия приятнее всех других; приятны Мне те, которые поют духовные песни, но никогда Я столько близка не бываю к ним, как когда поют они сию новую песнь твою». При этом Никифор Каллист замечает, что способные к созерцанию духовных предметов, неоднократно видели потом Пречистую благословлявшею певших песнь сию. Предание сие оправдывается и тем вседневным употреблением, какое предписывается в устах касательно сей песни. Во всех песнопениях св. Космы Маиюмского речь всегда полна мысли и вместе сжата, благогласна, исполнена торжественного величия, благоговения и высокохудожественного христианского вдохновения. В греческой службе св. Косме читаем: «Вот духовная цитра, лира священная, созывает всех к тайной трапезе: Косма священный и славный предлагает медоточные, священнозвучащие песни… Начальника песнопевцев, равного учителям, правый образ духовных песней гармонических, трубу доброгласную, прекрасный исток песней мелодических, ревнителя песнопения Ангельского, Космы песньми хочу я украшать». Песнопения св.

Космы Маиюмского издревле всегда были в самом высоком и глубоком уважении Церкви.

6573 - Маиюма – портовый город Палестины, служивший гаванью для Газы, значительного, древнего города этой страны, недалеко от Иерусалима. – Во епископа Маиюмского св. Косма был избран, против своей воли, собором и поставлен Иерусалимским патриархом Иоанном V около 735 года. И после поставления своего во епископа, он не оставлял братских сношений своих с св. Иоанном Дамаскиным.

6574 - Св. Косма Маиюмский † около 787-го года.

6575 - Паннония – одна из значительных придунайских областей Римской империи; ныне составляет часть Венгрии. Сабария – ныне Штейн на Ангере. Святой Мартин родился в первой половине IV века.

6576 - Т. е. до чина начальника известного отдельного полка в войске.

6577 - Тицин – ныне Павия, значительный город северной Италии при р. Тичино, недалеко от впадения ее в По.

6578 - Так назывались у римлян во времена империи старые солдаты, еще не уволенные в отставку; они были свободны от всяких работ и призывались к строевой службе только для защиты отечества от внешних врагов.

6579 - Галлия – нынешняя Франция.

6580 - Амьен – ныне главный город французского департамента Соймы, на берегу реки сего имени, в 124 верстах на север от Парижа.

6581 - Алеманны – дикий народ германского племени, живший между реками Дунаем, Майном и верхним Рейном, рядом с пограничными провинциями Римской империи, на которые производил частые опустошительные набеги. Походы императора Констанция против алеманнов относятся к 354–355 годам.

6582 - Т. е. помощником и соправителем императора, который мог рассчитывать со временем сделаться преемником его. Под Юлианом разумеется двоюродный брат и преемник

Констанция, оставшийся в истории с именем Юлиана Отступника.

6583 - Св. Иларий, епископ Пуатьерский, знаменитый отец Церкви и защитник Православия, † 368 г. Память его в Римской церкви совершается 14 января. В нынешних месяцесловах греческой церкви нет его имени, хотя святость жизни его несомненна и оправдана чудесами. Пуатье – главный город французского департамента Виенны, в 340 верстах к юго-западу от Парижа.

6584 - Это была особая должность в составе клира в древнехристианской церкви, состоявшая в чтении особых молитв над одержимыми злыми духами, бесноватыми, страдающими падучею болезнью и подобными больными. В настоящее время такой особой должности в церкви не существует.

6585 - Альпы – высочайшие горы Европы, которые дугообразно тянутся вокруг всей верхней (северной) Италии, отделяя Апенинский полуостров со всех сторон от материка.

6586 - Медиолан – ныне Милан – значительнейший город Северной Италии, в области Ломбардии; основан в глубочайшей древности и всегда имел большое значение.

6587 - Галлинария – остров на Тирренском море, в Лигурии в верхней (северной) Италии. Капрария – небольшой остров на том же море.

6588 - Монастырь св. Мартина был расположен верстах в 8 от Пуатье. Это был первый правильно устроенный монастырь на Западе, и Мартин является одним из главных основателей монастырей на Западе.

6589 - Среди них был богатый человек, по имени Сульпиций Север, один из наиболее образованных древних писателей Западной церкви, впоследствии ставший жизнеописателем Мартина, и один из ближайших и лучших учеников святого – Галл, со слов которого Сульпиций записал многое из жизни Мартина.

6590 - Тур – город в Галлии, на левом берегу Луары в 238 верстах к юго-западу от Парижа.

[6591] - Монастырь Мармутье впоследствии приобрел громкую славу и имел великое значение в истории монашества не только в Галлии, но и на всем Западе.

[6592] - Амбуаз – город в 22 верстах от Тура.

[6593] - Страна Эдуанская находилась на юго-восток от Парижа, между реками Луарой и Соной.

[6594] - Августодон – главный город эдуев, населявших страну Эдуанскую; ныне – Отюн в департаменте Луары и Соны, со множеством развалин.

[6595] - Мученик Симфориан, чествуемый Римскою церковью, † при императоре Марке Аврелии в 178 г.

[6596] - Сарон – баснословный царь Галлии, которого эдуи чествовали, как бога – покровителя своей страны.

[6597] - Друиды – высшее жреческое сословие, с незапамятных времен господствовавшее в Галлии и пользовавшееся среди галлов огромным уважением и влиянием.

[6598] - Лепроза – ныне Левру, небольшой город около 250 верст на юг от Парижа.

[6599] - Карнот – ныне Шартр, город в 84 верстах к юго-западу от Парижа.

[6600] - В память сего чуда в Шартре впоследствии создана была церковь во имя «святого Мартина Милостивого, дающего жизнь».

[6601] - Секретарий – особое отделение при храме.

[6602] - Туника – обыкновенное нижнее одеяние римских граждан – представляла собою род рубашки и делалась большей частью из шерсти.

[6603] - Брикций был избран после Мартина епископом Турским, но через 33 года был изгнан народом с позором, по одному ложному обвинению, и только через 7 лет тяжкого изгнания был возвращен на свою епископскую кафедру, где и умер, наконец, в мире. Брикций настолько изменился нравственно и прославился своею добродетельною жизнью, что Римскою церковью был впоследствии причислен к лику святых (память его там совершается 13 ноября).

[6604] - Валентиниан I – император Западной Римской империи – царствовал с 364 по 375 г.

[6605] - Трир или Тревы – многолюдный, цветущий главный город северной области Древней Галлии (так называемой Белгики).

[6606] - Грациан – император Западной Римской империи с 375 по 383 год.

[6607] - Предсказание святого Мартина с точностью исполнилось: сначала действительно Максим вытеснил в 387 г. Валентиниана II из Италии. Но император Восточной Римской империи Феодосий II Младший, еще ранее принявший Валентиниана II во время его малолетства под свое покровительство, в следующем же году победоносно вновь восстановил последнего в его правах. Максим потерпел поражение, был приведен к Феодосию и казнен.

[6608] - Город при слиянии Луары и Виенны.

[6609] - Св. Мартин скончался 11 ноября около 400 г., имея около 80 лет от рождения.

[6610] - Епископ Перпетуй воздвиг над гробницею св. Мартина великолепную церковь. Части мощей его разнесены были впоследствии по разным церквам. Протестанты в 1562 г. разграбили его гробницу и сожгли мощи его в Туре. Оставшиеся части мощей были положены и доныне хранятся в кафедральном соборе Тура. Многие из посмертных чудес св. Мартина были первоначально описаны в VI веке Григорием Турским, причисленным на Западе к лику святых, который сам испытал на себе дивную чудотворную силу угодника Божия.

[6611] - Об этом свидетельствует еще св. Кирилл Иерусалимский, живший в IV веке (в том самом, в котором был обретен и Крест Господень). В одном из своих «Огласительных слов» он говорит, что вся вселенная уже в его время имела части древа крестного. И даже в самом сказании об обретении Креста Господня упоминается о том, что святая царица Елена отделила часть от обретенного Креста и отослала ее к сыну своему Константину на благословение его царства. В V веке частицы Креста Господня были уже не только достоянием

многих церквей Востока, но, как свидетельствует св. Иоанн Златоуст, даже из частных лиц «многие, обложив золотом частицу Креста, носили ее при себе на шее».

[6612] - Особенно замечательны в этом отношении ополчения Западной Европы в конце XI века, известные под именем крестовых походов. Имя, данное им, ясно свидетельствует о том, что побуждало Западных христиан несчетными полками переправляться через неизвестные земли, моря и пустыни: побуждало их к тому желание видеть древо Честного Креста не поруганным. Наиболее значительных походов было восемь: первый – в 1096 г., второй – в 1147, третий – в 1190 г., четвертый – в 1202 г., пятый – в 1217 г., шестой в 1228 г., седьмой в 1248 г., восьмой – в 1270 г.

[6613] - Орден Иоаннитов возник в 1047 г. Основателем его считается богатый купец Мавр, из Амальфи, который вместе с некоторыми другими добился у египетского халифа разрешения построить в Иерусалиме для паломников убежище и церковь.

[6614] - Раймунд де-Пюи был избран начальником ордена Иоаннитов в 1118 г.

[6615] - Халиф или Калиф – титул преемников Магомета, обладавших высшею духовной и светской властью у мусульман.

[6616] - Птолемаида – город Финикии, к югу от Тира; Кипр – остров на северо-востоке Средиземного моря, близ берегов Малой Азии; Родос – самый восточный остров Эгейского моря; Мальта – остров на Средиземном море, между Сицилией и северным Африканским прибрежьем.

[6617] - Одигитрией – Путеводительницей – Божия Матерь называется потому, что Она направляет людей на путь спасения.

[6618] - В 626 г., в царствование Византийского императора Ираклия, Сивар, полководец Персидского царя Хозроя, обложив с моря и суши совершенно беззащитный Константинополь (император с войском был в далеком походе). И когда патриарх Сергий погрузил ризу Богородицы в воды залива, – поднявшаяся буря взволновала воды залива и потопила стоявшие там неприятельские корабли. В память сего события,

была составлена благодарственная песнь Божией Матери, которую молящиеся должны были выслушать стоя, почему она и получила название «неседальной песни» или акафиста.

6619 - Сарацины или иначе арабы.

6620 - Мф.14:12. По свидетельству некоторых писателей, во время Юлиана Богоотступника, мощи св. Иоанна Крестителя, почивавшие в Севастии, были сожжены в прах и развеяны по ветру.

6621 - Севастия – главный город Самарии. Такое название этот город получил после того как был подарен Августом Ироду Великому, который совершенно восстановил его и украсил, и в благодарность Августу, назвал его Севаста, или Севастия, что значит – город Августа.

6622 - Дафна – предместье Антиохии.

6623 - Халкидон – город вблизи Константинополя.

6624 - Падение Константинополя было в 1453 г.

6625 - Это было в 1484 г.

6626 - В 1798 г. 29 ноября.

6627 - Гатчина – город в Царскосельском уезде С.-Петербургской губернии.

6628 - Стихира на стиховне.

6629 - Освящение храма было в 1852 г.

6630 - Стихира праздника.

6631 - В наименовании святых мучеников столпами и основаниями Церкви выражается та мысль, что они много послужили к утверждению Христовой Церкви – и примером своей доблестной жизни и благодатью Божией, которая подается через них верующим. В Священном Писании краеугольным камнем и основанием Церкви называется Совершитель нашего спасения, Господь Иисус Христос (Псал. 117, 22; Ис. 28:16; Матф. 21, 42; 1Петр. 2, 4; 1Кор. 3, 11 и др.). Мученики Христовы, равно как пророки и апостолы, могут быть названы основаниями Церкви только в условном смысле, – как сами утверждающиеся на Христе. Это – как бы первый ряд камней в здании Церкви Христовой, положенный на великом и

вечном основании ее – Христе. Следующие ряды камней в этом здании – мы, верующие во Христа, о котором апостол пишет: «быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным [камнем]» (Еф. 2:20).

6632 - Пергам – город в великой Мизии (в северо-западной части Малой Азии), был столицею Пергамского царства. В древности он славился богатством, роскошью и обширной библиотекой, также изобретением, или, вернее усовершенствованием обработки Пергамента (что заменяло теперешнюю писчую бумагу). Впоследствии этот город был присоединен к Римской империи. О нем упоминается в Апокалипсисе (Откр. 2:12). В Постановлениях апостольских (7, 46) упоминается о первом епископе Пергамском Гае, рукоположенном ап. Иоанном. Это – тот Гай, к которому ап. Иоанн написал свое 3-е соборное послание (3Ин. 1:1).

6633 - Фиатира – город в Лидии, на границе с Мизией, на юго-востоке от Пергама; первоначально входил в состав Сирийской монархии, потом подпал под власть римлян. Христианство стало здесь распространяться еще в век апостолов. О Фиатире упоминается в кн. Деян.16:14; Апок.1:11, 2:18, 24.

6634 - Декий царствовал с 249 по 251 г. по Р. Хр.

6635 - Т.е. людей образованных. Греки и римляне считали всех прочих людей, не принадлежавших к ним по рождению и не знавших их языков, людьми грубыми и необразованными и называли их варварами.

6636 - Сардис или Сарды – город в Лидии (в западной части Малой Азии), на юг от Пергама и Фиатиры, – был столицею Лидийского царства и славился своим богатством. Во времена апостолов здесь было много христиан. О Сардийской церкви упоминается в Откр. 1:11, 3:1–4.

6637 - Расстояние между тем и другим городом было около 33 миль.

6638 - Т. е. – на суетных и ложных богов, которые в действительности не суть боги.

6639 - Галин, иначе Гален, – знаменитый ученый врач. Он родился в 131 г. по Р. Х. в Пергаме; много учился, много путешествовал; был придворным врачом при современных ему римских императорах, умер в самом начале III века. Он имел громадное влияние на врачей всего мира, и авторитет его был непоколебим в глазах их вплоть до XVI века.

6640 - Гиппократ – другой знаменитый греческий врач с острова Коса, живший много ранее Галена (с 460 по 356 г. до Р. Хр.). От него осталось несколько сочинений, на которых воспитывался и Гален.

6641 - Св. равноапостольная царица Елена построила в Константинополе монастырь во имя Карпа и Папилы, наподобие Гроба Господня. Паломник Антоний в 1200 г. говорит: «святые Карп и Папила в женском монастыре в едином гробе лежат; а ту (т.е. в Царьграде) поставил церковь царь Константин».

6642 - Святой Флорентий был учеником апостольским

6643 - В начале III века.

6644 - Исповедниками назывались в древней христианской Церкви те лица, которые во время гонений на христианство, открыто объявив себя христианами и претерпев мучения, были пощажены мучителями и остались в живых. Такие лица пользовались особенным уважением в христианском обществе: так им было предоставлено право воссоединения с церковью падших.

6645 - Святой Никита родился около 763 года. – Пафлагония – суровая горная область в северной части Малой Азии, пограничная с Понтом и Вифинией.

6646 - Лев IV Хазар царствовал с 775 по 780 г. Жена его, Ирина, управляла государством в царствование малолетнего сына Константина VI Порфирородного и потом после него царствовала с 797 по 802 г.

6647 - Остров Сицилия в то время находился под Византийским владычеством, продолжавшимся от половины VI века до 827 года, когда остров завоеван арабами.

6648 - Византийский император Никифор I царствовал с 802 по 811 год. Сын его Ставракий царствовал после него всего

лишь 2 месяца и шесть дней.

6649 - Император Михаил I Рангав царствовал с 811 по 813 год.

6650 - Пострижение святого Никиты в монашество полагают около 813 года. В это время ему было уже 50 лет от роду.

6651 - В Азиатской части Константинополя, на месте древнего города Вифинии Хризополя, которое составляло как бы пригород Константинополя.

6652 - Т. е. до 820 года.

6653 - В 829 году.

6654 - Антоний I, иконоборец, был патриархом с 821 по 832 год.

6655 - Около 838 года.

6656 - Персидский царь Издигерд I царствовал с 399–420 г. При нем мученически страдал учитель и епископ Вениамина диакона, св. Авда (в 418 г.). Память его 3 (16) марта.

6657 - Святой Вениамин диакон пострадал спустя три года после мученической кончины св. Авды, уже при преемнике Издигерда, сыне его Варахране V, в 421 году.

6658 - Св. епископ Лин был первым епископом Римской церкви непосредственно после св. апостола Петра; принадлежал к лику 70 апостолов. Память его совершается 5 ноября и 1 января вместе с другими апостолами.

6659 - Нерон (54–68 гг. по Р. Хр.) – один из наиболее жестоких, тщеславных и развратных римских императоров. Им было воздвигнуто первое в Риме гонение на христиан, во время которого пострадали апостолы Петр и Павел.

6660 - Т.е. – людей не знавших Истинного Бога и погибавших духовно. Образ речи заимствован из кн. Исх. 9:2; ср. Мф.4:16.

6661 - Мелия или Кимелла – один из галльских городов, близ нынешней Ниццы, на юге Франции.

6662 - Выражение заимствовано из Фил.1:23.

6663 - Тимир – иначе Трир, многолюдный, цветущий город в северной Галлии.

6664 - Моравы – славянское племя, живущее теперь в пределах Австро-Венгрии.

6665 - Т.е. – под сокрытием, в сокровенном месте.

6666 - Аркадий – сын и преемник Феодосия Великого, управлявший восточной половиной империи (395–408 гг.). Гонорий также сын и преемник Феодосия Великого управлявший западной половиной империи (395–422 гг.).

6667 - Лк. 21:18. В этих словах Иисус Христос дал апостолам и всем вообще исповедникам христианской веры обетование об особом промышлении о них Божием.

6668 - Эти слова были сказаны Иисусом Христом о вечных и нетленных благах небесных (Мф.6:19), которые христианин должен приуготовлять себе добродетельною жизнью.

6669 - Туне – даром, бесплатно, без особой заслуги (ср. Мф.10:8).

6670 - Город с гаванью при Адриатическом море, находился на северо-восточном берегу Апеннинского полуострова. Император Август сильно укрепил его, и он считался оплотом Италии. Императоры, начиная с Гонория, имели здесь свое местопребывание. Равенна существует доселе и представляет главный цветущий город Итальянской области того же имени.

6671 - Сильван почитался у римлян как бог лесов, – откуда и самое наименование его, – полей и стад. Этому богу посвящались три статуи, одна у дома, другая среди поля и третья на месте владения, почему, можно думать, Валерия и не могла миновать праздничного сборища в честь этого бога.

6672 - Обретение мощей свв. мучеников было в июне 395 или 396 года.

6673 - Ср. слова Пс. 88:16.

6674 - Мирское имя Параскевы было – Петка. В Петке-Параскеве рано открылось пламенное желание жить для Господа. Слова Евангелия: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя» (Мк. 8:34), слышанные Параскевою в храме, как стрела пронзили ее сердце, и она, при выходе из храма, отдала богатое свое платье встретившемуся бедняку, выменяв на его лохмотья. Через некоторое время Параскева опять отдала свою

одежду нищенке и потом не один раз повторяла то же самое. Ее бранили за это, но она отвечала, что иначе не может жить.

[6675] - Епиват (Пиват, Турецкий Баядос) – местечко, на взморье, между Селимвриею и Константинополем.

[6676] - Мадит – морская гавань в Херсонесе Фракийском.

[6677] - По сведениям, собранным святогорцем Никодимом, Параскева, прежде чем удалилась в Иорданскую пустыню, в Палестине, посетила Царьград и обошла святые места его; здесь выслушивала она наставления ревностных подвижников. По их совету она поселилась в предместье Ираклийском при уединенном храме Покрова Богоматери, где провела в молитвах, посте и слезах пять лет. А затем, исполняя давнее желание свое, она отправилась в Палестину и, поклонившись св. местам, освященным жизнью Спасителя, осталась жить в Иорданской пустыне.

[6678] - Это было в первой половине XI-го столетия.

[6679] - Иоанн Асан или Асень 2-й, сын Асеня 1-го (царствов. с 1221 по 1241 г.) – знаменитейший из государей Болгарского царства; он прославил и просветил Болгарское царство больше всех царей, прежде него бывших; построил много монастырей и украсил их золотом и драгоценными камнями; все церкви он одарил многими дарами, а духовенство их наградил великими почестями, Иоанн Асень был любим не только своими болгарами, но и греками.

[6680] - Тернов – главный город Болгарии, на реке Етре или Янтре, впадающей в р. Дунай, – ныне Тырново.

[6681] - Баязет I, турецкий султан, вступил на престол в 1389 году. Воспользовавшись раздорами между Византийским императором Иоанном, и сыном его Андроником, Баязет поставил Византийскую империю в полную от себя зависимость; он завоевал Болгарию, Македонию, Фессалию и многие другие земли. В 1402 г. Баязет был взят в плен монгольским завоевателем Тамерланом, где и умер в 1403 г.

[6682] - Валахия – юго-западная часть нынешнего Румынского королевства.

[6683] - Белград, главный город Сербского королевства, в месте соединения р. Дуная с р. Савою.

[6684] - Царствование Сулеймана II-го заключает собою период расцвета турецкого могущества. Турки чтят в нем величайшего из своих государей.

[6685] - Василий-Лупул – господарь (т.е. государь) молдавский, с 1634 по 1654 г.

[6686] - Парфений I – патриарх Константинопольский, с 1639 по 1644 г.

[6687] - Яссы – главный город Молдавии, одного из придунайских княжеств, составляющих в настоящее время вместе с Валахией королевство Румынию.

[6688] - Там святые мощи пребывают и ныне.

[6689] - Святослав Святоша (названный так за свое благочестие) при крещении был назван Панкратием, а в иночестве Николаем. Он был сыном Черниговского князя Давида Святославича и внуком Киевского и Черниговского князя Святослава Ярославича, основавшего святую, Богом созданную, Печерскую церковь.

[6690] - Это было в 1107 году.

[6691] - Т. е. рассеять тоску сердечную и печаль в жизни. Выражение взято для соответствия с известною историей из жизни пророка Елисея.

[6692] - Это было 14 октября 1143 года. Мощи преп. Николы Святоши нетленно почивают в пещере преподобного Антония.

[6693] - Город в Палестине, около которого находилась рудокопня.

[6694] - Скончался в 311 г. Память его совершается еще 4 мая называется еще епископом Кесарийским.

[6695] - Галатия – небольшая гористая, но плодородная провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией. Название получила от Галатов – воинственных племен Галльского или Кельтского происхождения. – Анкира был один из замечательных, городов Галатии.

[6696] - Олимп – гора в Малой Азии, на границе между Фригией и Вифинией.

[6697] - Киновиями – (от греч. – «кинос» общий, и «виос» – жизнь) – называются общежительные монастыри в которых братия не только стол, но и одежду и т. п. получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а со своей стороны весь свой труд и его плоды предоставляют обязательно на общую потребу монастыря.

[6698] - Т.е. великую схиму.

[6699] - «Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают» (Пс.48:13).

[6700] - Т.е., так как непосвященным не позволено брать Христовы Тайны своими руками, то святой Евфимий принял диаконское рукоположение, чтобы ему можно было самому приобщаться в пустыне Запасными Дарами.

[6701] - Т.е. – Грецию.

[6702] - Поэтому преп. Евфимий Новый и называется Солунским или Фессалоникийским, – хотя отечество его было селение Опсо, находившееся в далеком расстоянии от Солуни; город Солунь пользовался покровительством и заступничеством преп. Евфимия, как при жизни его, так и по кончине, и в нем совершалось много чудес от св. мощей преподобного.

[6703] - Самосаты – главный город Сирийской провинции Коммагены, на западном берегу реки Евфрата; в настоящее время называется Самсат.

[6704] - За свою благочестивую жизнь Лукиан, как повествует его житие, был удостоен особенного дара Божественной благодати, так что когда ходил по городу, то некоторые видели его, а другим он был невидим (Пролог 15 октября).

[6705] - Здесь он занимался также перепискою книг Священного Писания, в чем достиг большого искусства; этим трудом Лукиан питал и себя, и нищих.

[6706] - Самым знаменитым ученым трудом Лукиана был пересмотр и исправление греческого текста Библии. Блаженный Иероним пресвитер церкви Антиохийской, столько трудился над Св. Писанием, что доселе некоторые экземпляры называются

«Лукиановыми». Св. Лукиан нашел в священном тексте ошибки, внесенные не только временем, но и людьми злонамеренными, и потому решился употребить труды и сведения свои на то, чтобы передать Церкви текст исправнейший. Св. Афанасий говорит так о трудах св. Лукиана: «Лукиан рассмотрел прежние переводы и еврейские книги и обращал тщательное внимание на то, чего недоставало, или что было лишним, и все исправил в своем месте». Труд св. Лукиана, в предохранение от врагов веры, во время исповеднического подвига его, сохранен был в стене, где ящик с рукописью залит был известью и здесь найден был при императоре Константине Великом пересмотренный св. Лукианом, начал входить во всеобщее употребление.

6707 - Память св. Анфима совершается 3 сентября, а св. Петра Александрийского – 26 ноября.

6708 - В 308 году, при императоре Диоклетиане, Лукиан был в числе исповедников веры в Никомидии, где тогда было сильное гонение на христиан; оттуда он извещал Антиохийскую Церковь о мученической кончине св. Анфима Никомидийского; но в этот раз он был, сверх чаяния, освобожден и возвратился в Антиохию, где и продолжал свою прежнюю христианскую деятельность.

6709 - Память ее 8 октября.

6710 - Церковный историк Евсевий писал, что св. Лукиан, представленный к императору Максимиану за веру, возвестил Небесное Царствие Христово сначала словом через Апологию, потом и делами. Говоря в своей Апологии о Воскресении Христовом, Лукиан пишет: «Воспользуюсь свидетельством самого места, где сие случилось: само место соглашается со мною. Голгофская гора, рассевшаяся под славою Креста, та пещера, которая по отверстии входов преисподней, снова возвратила одушевленное Тело, чтобы более светлым вознеслось Оно на небо… Привожу вам во свидетели самое небо, которое, узрев, что делают нечестивые на земле, в полдень сокрыло свет свой. Поищите в ваших летописях и вы найдете, что при Пилате, когда страдал Христос, день прерывался солнечным затмением». – Кроме этих трудов, св. Лукиан оставил после себя Символ веры во Св. Троицу.

[6711] - Св. Лукиан скончался в 312 году по Р. Хр., 7 января, как сие видно из слова св. Иоанна Златоуста на день памяти его: «Итак, вчера Господь наш крестился водою, а ныне раб Его крещается кровию». В греческой церкви день памяти св. Лукиана впоследствии перенесли на 15-е октября, отделив 7-е января для празднования Собору св. Иоанна Предтечи

[6712] - Этот великолепный храм был сооружен св. равноапостольною царицею Еленою в 326 году (в Вифинии, в городе Дрепане, названном в честь св. царицы Елены – Еленополем). При римском императоре, Карле Великом, св. мощи Лукиана перенесены из Еленополя в г. Арль, во Францию.

[6713] - Император римский Траян царствовал с 98 по 117 год.

[6714] - Едес – город в Киликии – юго-восточной области Малой Азии.

[6715] - Скончался в начале II-го века.

[6716] - Катана – древний город на восточном берегу Сицилии; в настоящее время цветущий по своей образованности и торговле, многолюдный город с более чем 100 тысячным населением.

[6717] - Скончался около 760-го года.

[6718] - Изложено на основании жития, составленного во второй четверти XVII века иноком Спасского Евфимиева монастыря Григорием, который пользовался местными преданиями и письменными источниками.

[6719] - Борис – праправнук Андрея, сына св. Александра Невского

[6720] - Церковь сия построена в первые времена христианства в Суздале и перестраивалась несколько раз. Каменная церковь была заложена в 1221 году великим князем Георгием Всеволодовичем, обновлена в 1528 году. В церкви находятся раки с нетленными мощами святителей и чудотворцев Иоанна и Феодора, епископов суздальских. В алтаре церкви, за жертвенником, стоит крест, в подножии коего в серебряном ковчеге имеется часть животворящего древа Креста Господня. В церкви находится чудотворный образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, именуемой Смоленскою.

Образ сей был перенесен сюда во время епископства святого Иоанна из Городца.

6721 - 1Кор. 3:12.

6722 - Есть известия, что святой Иоанн усердно сеял семя слова Божия между мордвою, которая частью была покорена отцом великого князя Бориса, Константином.

6723 - Святой Дионисий Суздальский – основатель Печерского монастыря, в 5 верстах от Нижнего Новгорода. Святой Алексий митрополит поставил его во епископа Суздаля (первый или второй епископ после святого Иоанна). От патриарха Константинопольского святой Дионисий был посвящен во архиепископа и через два года в митрополита Киевского. Скончался в 1384 году; память его празднуется 26 июня.

6724 - Святой Григорий, епископ города Агригента в Сицилии, прославился таким обилием даров духовных, что одним прикосновением руки исцелял болезни. Память его празднуется 23 ноября

6725 - На покрове, положенном на гроб святого Иоанна, в 1578 году княгинею Евпраксиею, супругою удельного князя Владимира Андреевича, вышит тропарь, в коем сказано: «Злоумышленным церковником молитвою скоро прозрети повеле и научи, яко же прежде св. Леонтий, – связа и паки благослови».

6726 - Преподобный Евфимий предсказал славу сей обители. Здесь впоследствии приняла пострижение супруга великого князя всея России Василия Иоанновича, Соломония, нареченная в иночестве Софиею. Пробыв в монастыре 17 лет, она скончалась в 1542 году, декабря 16. Мощи ее лежат в раке под спудом, под папертью Покровской церкви.

6727 - Девичий монастырь св. мученика Александра, по преданию основанный св. Александром Невским, в честь тезоименного ему святого.

6728 - После смерти князя Андрея Константиновича в 1365 году открылись сильные споры между братьями его, князьями

Борисом и Дмитрием. Тогда Суздаль, Нижний Новгород и Городец были причислены к митрополичьей кафедре.

6729 - Близ города Владимира.

6730 - О сем событии евангелист так говорит: «Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем… устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые» (Мф.28:2, 4).

6731 - Тиверий царствовал с 14 по 37 г. При нем распят Господь Иисус Христос.

6732 - По древним известиям, это были Исавр и Афродисий; память их 19 апреля.

6733 - О чудесах от мощей св. Лонгина говорит прп. Феофан в службе мученику (см. Минею октябрь, 16-е число). – Честная рука св. Лонгина Сотника находится в Риме, в Ватиканском соборе апостола Петра.

6734 - Писателем жития святого Лонгина был св. Исихий, пресвитер Иерусалимский († 434 г.), который нашел акты мученика в библиотеке св. Воскресения и по ним составил свое описание, из которого видно, что мученик усекнут 16 октября.

6735 - Название Константина Копронимом происходит от греч. слова «копрос» – навоз, нечистоты.

6736 - Продолжительное царствование императора Константина Копронима (741–775 г) было временем, когда иконоборство достигло своего высшего развития и силы в Греческой церкви. Сам император Константин Копроним был ревностнейшим иконоборцем. Пример его отца, Льва Исаврянина (716–741 г.), и воспитание в строгих иконоборческих началах сделали его неумолимым врагом иконопочитания. Ревностные иконопочитатели должны были бежать за границу, – в особенности в Рим, – или скрываться в местах уединенных. Самыми смелыми, решительными и мужественными противниками мер и распоряжений императора были иноки, явившие себя неустрашимыми ревнителями православия. Ревность иноков оказывала в то время сильное влияние на умы христианского общества. До чего доходила жестокость в преследовании иноков, это видно из тех казней, каким

подвергали их. Так случалось, по словам церковного историка того времени – Никифора, что инокам разбивали головы на тех самых иконах, на защиту коих они выступали. И из мирских людей более мужественные в исповедании православия, также немало претерпели гонений в царствование Копронима. Вообще гонение на православных при Копрониме было так сильно, что оно напоминало собою жесточайшее из гонений языческих императоров на христиан – Диоклетианово.

[6737] - Святой Андрей скончался в 767 году; через 100 лет св. Иосифом песнописцем написан ему канон (см. Минею Октябрь, день 17-й).

[6738] - Здесь разумеется остров Крит, изобилующий массой гор и отличающийся крутыми, а по местам и неприступными, берегами.

[6739] - Т.е. соименному или тождеименному с мужеством. Имя Андрей в переводе с греч. значит – мужественный.

[6740] - Пророк Осия жил в царстве Израильском и пророчествовал во дни Осии, Иоафама, Ахаза и Езекии, – царей Иудейских, и во дни Иеровоама II-го, царя Израильского (Ос.1:1). Из, так называемых, малых пророков его современниками были Михей и Амос; из больших – Исаия. По указаниям у свв. Ефрема Сирина, Дорофея и Епифания, пророк Осия был родом из Веельмофа, города в колене Иссахаровом.

[6741] - В пророчествах Осии содержится: 1) обличение современного нечестия, идолопоклонства и нравственного развращения, также обличение союзов евреев с языческими народами в надежде на их силу, и призыв к покаянию и исправлению; 2) угрозы Ассирийским пленом; 3) утешение через предсказание об освобождении из плена и о наступлении Царства Мессии, которое сообразно с младенческим состоянием народа, изображается под образом земного величия.

[6742] - Пророчество о возвращении Мессии из Египта находится в 11 гл. книги пророка Осии. Перечисляя милости Свои евреям, Господь говорит: «Из Египта вызвал Сына Моего» (Ос. 11:1). На это именно место указывает евангелист Матфей,

когда говорит: «да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего» (Мф.2:16). Как вообще Еврейский народ был прообразом Мессии, так и частные события из жизни народа имели прообразовательное «Мессианское» значение. Евреи поселились в Египте, Спасаясь от голода при Иакове. Когда же эта опасность миновала, евреи выведены были оттуда Богом для осуществления своего назначения в Палестине. Так и Мессия-Христос удалился, по определению Божию, в Египет спасаясь от злобы Ирода. Когда же опасность миновала, по смерти Ирода, Мессия вызван был Богом из Египта в Палестину, для исполнения здесь Своего назначения.

6743 - Пророчество о тридневном воскресении Мессии содержится в Ос. 6:2. В 1-м послании к Коринфянам Апост. Павел относит сие пророчество к воскресшему Христу, когда говорит, что Христос «воскрес в третий день, по Писанию» (1Кор.15:4).

6744 - В 14 стихе 13-й главы у пророка Осии проводится мысль (в форме вопроса) о бессилии ада пред Богом: «От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! Где твое жало? ад! Где твоя победа?» Апостол Павел говорит: «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! Где твое жало? ад! Где твоя победа?» (1Кор.15:54–55). Таким образом, исполнение пророчества Апостол относит к окончательному торжеству над смертью в день всеобщего воскресения мертвых.

6745 - Пророческое служение Осии продолжалось более 60 лет.

6746 - Память их совершается 1 ноября

6747 - Фереман находился в Азии, на два дня пути от Амида (по-турецки – Диар-Бекира) и разрушен турками при первых завоеваниях их.

6748 - Они пострадали при императоре Карине в 284 году; память их совершается 1 июля

6749 - Память их празднуется в тот же день, 17 октября.

6750 - Иоан.11:17–44. Воскрешение Лазаря вспоминается Церковью в субботу 6-й недели (Лазареву субботу) Великого поста. Сие чудо было одним из величайших чудес Господа Иисуса Христа: оно яснейшим образом свидетельствовало о Божественном Его всемогуществе и владычестве Его над смертью, и вместе служило живым знамением общего нашего воскресения и прообразом воскресения Самого Господа.

6751 - По преданию, Лазарь, будучи епископом, удостоился посещения Божией Матери и получил от нее омофор, сделанный Ее Пречистыми руками.

6752 - Китий – город на южном берегу острова Кипра, близ нынешнего местечка Ларнока. Это – один из 9 старинных финикийских городов. По нему и весь остров назывался у евреев Хетим. Впоследствии, как и другие города Кипра, он был занят греками.

6753 - Это имя – «Лукан» – находится в некоторых древних рукописях латинского перевода Евангелия от Луки. Пример подобного сокращения имени можно видеть в имени Силы, которое сокращено из Силуана. (Деян.15:22; 2Кор.1 и др.).

6754 - Язычники, принимавшие иудейскую веру, назывались пришельцами врат, а кто из них, вместе с верою иудейскою, принимал и обрезание, тот назывался пришельцем правды. Таковы были в первенствующей церкви: вельможа ефиопской царицы Кандакии, крещенный апостолом Филиппом (Деян.8:27–40); таков был римский сотник Корнилий (Деян. 10:1–3); таков был один из семи диаконов – Николай, родом, подобно Луке, – антиохиец (Деян. 6:6) и многие другие (Мф. 23:15; Деян.2:10).

6755 - Ап. Павел называет Луку прямо врачом возлюбленным: «Целует вы – говорит он, – Лука, врач возлюбленный» (Кол. 4:14).

6756 - Лк.10:1–24. – Сему преданию не противоречат слова самого Луки, в которых он как бы исключает себя из числа Апостолов – самовидцев Слова (Лк.1:2). Этими словами св. Лука хочет сказать только, что он не принадлежал к лику 12 апостолов, которые, конечно, видели гораздо больше

евангельских событий, чем 70 учеников Господа, которые шли, во время проповеди Христа, впереди Его.

6757 - Лк 24:13–32. Хотя сам Лука в Евангелии своем не называет при этом себя по имени, но самая подробность его повествования показывает, что он сам был тот другой ученик, имени которого не упомянул. Об этом говорит и церковное предание. И в церковной молитве собирающимся в путь читаем: «Луце и Клеопе в Эммаус спутьшествовавый Спасе сошествуй и ныне рабам твоим путьшествовати хотящим».

6758 - Еммаус – селение, отстоящее на 60 стадий (около 12 верст) к западу от Иерусалима.

6759 - Слова Самого Христа Спасителя, Иоан.14

6760 - Древние иудеи не сидели. а возлежали за трапезою

6761 - Севастия – главный город Самарии.

6762 - Это апостольское путешествие продолжалось с 52-го по 55-й год по Р. Хр.

6763 - Деян. 20:6. – Македония находилась к северу от Греции, между Иллириею, Фракиею, Егейским морем и Гетом или Балканом. Некоторое время она составляла независимое государство, которое особенно возвысилось и прославилось при царе Александре Великом; впрочем оно также быстро пало, как быстро возвысилось. Во времена апостолов Македония входила в состав Римской империи. Теперь она во власти турок. – Филиппы – македонский пограничный город, названный так в честь македонского царя Филиппа, который возобновил и укрепил его.

6764 - «С ним послали мы также брата (апостолом Титом), во всех церквах похваляемого за благовествование, и притом избранного от церквей сопутствовать нам для этого благотворения, которому мы служим во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию» (2Кор.8:18–19). Древние толкователи под «братом» разумеют апостола Луку. Святой Иоанн Златоуст видит здесь указание на посвящение святого Луки во епископа (в слове освящен) по греч. – «хиротонифис».

6765 - Бедствия этого продолжительного путешествия святой апостол Лука описал в 27-й и 28-й глава, книги Деяний.

6766 - Это ясно видно из написанных в то время посланий апостола Павла к Колоссянам и Филимону.

6767 - Судя по тесной связи между сим Евангелием и книгою Деяний Апостольских (Лк 1:1–4; Деян.1:1), написанною после Евангелия и появившеюся в Риме около 63 года, необходимо признать, что между написанием той и другой книги протекло очень немного времени, и что Евангелие явилось также в Риме около 61-го или 62-го года. Тоже подтверждается и подписями, находящимися на некоторых рукописях. – Как Евангелие свое, так и книгу Деяний апостольских, св. Лука написал для некоего «державного» Феофила (Лк.1:3; Деян.1:1). Древнее предание говорит, как о некоем знатном христианине – Феофиле антиохийце, под которым и разумеют того, для которого написаны были св. Лукою Евангелие и Деяния Апостольские.

6768 - Лк.1:2. – «По сравнению с другими писателями Евангелия святой Лука отличается, – как говорит св. Иоанн Златоуст, – большею полнотою, с какою он объемлет новозаветные события, начиная от рождества св. Иоанна Предтечи, о котором он один только и говорит. Равным образом и последнее евангельское событие – вознесение Иисуса Христа на небо, – у Матфея и Иоанна вовсе не упомянутое, а у Марка упомянутое неподробно, – святой Лука один рассказал подробно». – Св. Евангелие от Луки, по уставу Православной Церкви, – кроме особенных случаев, – читается на литургии во все дни с 17-ой до 29-ой недели по Пятидесятнице; с 29-ой же недели до недели Мясопустной – только во дни субботние и воскресные, и в понедельник, вторник и четверток недели Мясопустной.

6769 - В книге Деяний св. апостолов Лука подробно описал сошествие Св. Духа на апостолов и подвиги их, совершенные ими по вознесении Господнем для распространения и утверждения веры христианской в Иудее и других странах вселенной. «Преимущественно же св. Лука, – как говорит св. Иоанн Златоуст, – описал здесь деяния св. апостола Павла, любимым учеником и ближайшим сотрудником которого он был».

[6770] - 2Тим.4:6, 10. – Может быть, св. Лука, как прежде, так и в сие время своим врачебным искусством облегчал болезни апостола – узника, страдавшего, как говорит церковное предание, головною болью и другими телесными недугами, и за сие заслужил от апостола имя «врача возлюбленного».

[6771] - Далмация – южная часть Иллирийской провинции, которая граничила на севере с Паннонией, на западе с Италией и Адриатическим морем. – Галлия заключала в себе земли, лежащие между океаном, Пиренеями, Средиземным морем, Альпами и Рейном. Ахаия – область на юге Греции, занимала северную часть полуострова Мореи.

[6772] - Ливия – провинция в северной Африке. Там было немало греческих колоний (у греков, впрочем, вся Африка иногда называлась Ливией).

[6773] - Беотия – область средней Греции.

[6774] - Как свидетельствует св. Григорий Богослов в первом слове на императора Юлиана.

[6775] - Как бы в ознаменование врачебного искусства апостола Луки, Господь ниспосылал дождем на место погребения святого апостола целительный «каллурий», т.е. лекарственную примочку от глазной болезни.

[6776] - Перенесение мощей св. Луки Церковь воспоминает 22 апреля.

[6777] - Православная Церковь, чествуя святые иконы Богоматери, взывает к Ней так в своих песнопениях: «Первее написавшейся твоей иконе, Евангельских таин благовестником, и к тебе; Царице принесенней, да усвоиши Тя, и сильну соделаеши спасти чествующыя Тя, и порадовалася еси, паки сущи милостива, спасения нашего содетельница». (Стихира из службы Казанской иконе Богоматери, 22 октября). – В Москве, в Успенском соборе, хранится (Владимирская) икона Божией Матери, которую, по преданию церковному, написал также св. Лука.

[6778] - Пустыня эта простиралась от Парфянской страны до берегов реки Евфрата.

[6779] - Смерть Юлиана последовала в 363 г.

[6780] - Положение православных было тягостным главным образом потому, что на императорском престоле в то время был арианин Валент (364–378 г.), который старался разными стеснительными мерами распространить арианство.

[6781] - Преподобный Иулиан скончался в конце IV века

[6782] - Так называет себя сам пророк Иоиль (Иоил.1:1).

[6783] - Из колена Гадова или Рувимова.

[6784] - Вефорон (Беф-Орон) – город на границе колена Ефремова и Вениаминова

[6785] - Пророческое служение свое Иоиль проходил в царстве Иудейском, и вся его деятельность относится к первым 25 годам царствования Иоаса, т.е. к 868–843 годам до Рождества Христова.

[6786] - Иегова (по славян. Сущий) – одно из имен Божиих. Оно означает самобытность, вечность и неизменяемость Существа Божия, и постоянно употребляется в Св. Писании об одном истинном Боге.

[6787] - Как на существенный и главный момент исполнения сего пророчества, апостол Петр указывает на сошествие Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы (Деян.2:14). Когда народ, – в день сошествия Св. Духа, слыша апостолов, говорящих иными языками, с недоумением спрашивал: «что это значит»? – св. апостол Петр обратился к окружающим с речью, в которой сказал, что это чудесное явление было предсказано еще Иоилем, и буквально привел все пророчество последнего. Указав затем на исполнение пророчества Иоиля, апостол Петр продолжал: (после того как слушающий его народ обратился к апостолам с вопросом: «что же нам делать, мужи, братия»?) – «покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Св. Духа, ибо вам принадлежит обетование и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» (т.е. и язычников) (Деян.2:37–39). Итак, исполнение предсказания об излиянии Св. Духа, т. е. о богатом подаянии Его даров, началось со дня первой христианской Пятидесятницы и будет продолжаться во все время, пока не войдет в Царство Христово полное число

язычников («исполнение языков» – Рим.11:25). – Глава 2-я из кн. прор. Иоиля читается в церкви на паремии в день Пятидесятницы.

6788 - «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Иоил.2:32). Апостол Павел сии слова прор. Иоиля прилагает к язычникам. «Здесь (т.е. в христианстве), – говорит он, – нет различия между иудеем и язычником, потому что один Господь у всех богатый для всех призывающих Его, ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Рим.10:12–13).

6789 - Позор был – когда сделался предметом внимания.

6790 - Т.е. отшельников, у которых приходили искать наставлений христиане-миряне.

6791 - Доска деревянная, в которой были сделаны отверстия для рук, ног и даже головы и которая надевалась на заключенных в темнице, чтобы воспрепятствовать их побегу.

6792 - Т.е. пролили за Христа кровь свою.

6793 - Точнее (с греческого): из Тианской когорты (часть полка). Тиана – город в Египте (Tyanis). Когорты римские носили имена городов, из жителей которых они набирались.

6794 - Т.е. от глупого можно услышать только глупые речи.

6795 - Кончина св. Уара последовала в 307 году.

6796 - В этом возрасте юноши обыкновенно зачислялись в военную службу.

6797 - И в настоящее время, при устроении православных храмов, соблюдается этот древнейший обычай – воздвигать престолы на костях мучеников.

6798 - Средец – в древности Сардика. Ныне этот город называется София и представляет столицу Болгарского княжества.

6799 - Петр правил Болгарией с 927 по 968 г. – Константин VII Порфирородный правил Византией с 912 по 959 г.

6800 - Название свое получила от реки Рыло, в округе города Раслога

6801 - Это было так: овцы внезапно от какого-то страха побежали по стремнинам до тех пор, пока не добежали до

места, где жил отшельник. Пастухи, бежавшие за ними, с изумлением увидели пустынника. «Вы пришли сюда голодные: – рвите себе горох мой и кушайте», – сказал отшельник. Они ели и насытились; только один напрятал себе много стручьев в запас, без благословения пустынника, и когда на дороге дал товарищам, то в украденных стручьях не оказалось ни зерна. Они возвратились к доброму старцу с раскаянием. Старец простил их и с улыбкою сказал: «видите, дети, – эти плоды назначены Богом для пропитания пустынного».

6802 - Многие приходили к преподобному Иоанну и приносили своих больных, которые получали здравие молитвами святого. Человек, несколько лет одержимый нечистым духом, увидя шедших в Иоаннову пустыню, последовал за ними. Не дошел он еще версты до Рыльской пустыни, как упал на землю и стал кричать: «не могу идти далее: палит меня огонь». Спутники, связав бесноватого, понесли его к преподобному и просили исцелить его. «Дети мои, – сказал он, – это – не по моим силам, я немощный человек, как и вы; один Бог может исцелить его». Те неотступно просили его, и отшельник помолился о нем: внезапно больной стал здоровым, и все прославили Бога.

6803 - Св. Иоанн скончался 18 августа 946 г., на 70 году своей жизни.

6804 - Остригом, – город в Венгрии, на правом берегу реки Дуная, против устья р. Грана. Город очень древний и был колыбелью христианства в Венгрии. Жители – римско-католического исповедания. Остригомский архиепископ есть вместе с тем князь-примас всей Венгрии. (Примас – титул католического архиепископа, приравниваемый на Западе к званию патриарха на Востоке). Преподобный снова положен был в святой своей церкви в 1097 году по Р. Хр.

6805 - Окоп – городской вал.

6806 - Перенесение мощей преподобного Иоанна происходило в 1238 году. Сие перенесение и вспоминается Церковью 19 октября.

[6807] - Константин выступил против своего сильного соперника Максенция. Он не знал, кого ему молить о помощи, и вот, когда солнце склонилось к западу, Константин увидел на небе сияющий крест и под ним надпись: «сим побеждай»; это знамение видели и войска его. Во сне ночью, Константину явился Сам Христос и повелел устроить знамя в виде креста и изобразить крест на щитах и шлемах своих воинов. Константин исполнил это – и вскоре совершенно разбил войска Максенция. После этого он открыто заявил о своем сочувствии христианству.

[6808] - Царствовал с 337 до 361 г.

[6809] - Провинция в Греции.

[6810] - Дукс – военачальник. Августалий – титул, равный современному титулу: Высочество.

[6811] - Юлиан, племянник Константина Великого, еще при жизни Констанция, был соправителем сего императора, управляя западными провинциями Римской империи.

[6812] - Город на севере Палестины (иначе – Кесария Филиппова).

[6813] - Галл, брат Юлиана, был сделан императором Констанцием – не имевшим детей – наследником престола, но потом возбудил против себя гнев Констанция тем, что явно стал стремиться к ниспровержению с престола Констанция. Последний послал доверенных своих людей, чтобы лишить Галла власти над восточными провинциями, а эти посланные, из желания угодить своему государю, умертвили Галла.

[6814] - Дафне – пригород Антиохии. Это была чрезвычайно красивая местность, где росло множество всяких деревьев, где повсюду струились прозрачные ручьи, и где стояло изображение бога солнца, Аполлона, которого Юлиан почитал больше всех других богов.

[6815] - Пояс – особое отличие военачальника.

[6816] - Руки и ноги истязуемых привязывали к четырем кольям, вбитым в землю, чтобы наказываемые не могли помешать наказанию.

[6817] - В этом месте идет речь об евреях, для которых пребывание в плену Вавилонском было тем же, чем пребывание серебра в раскаленной печи или пребывание птицы в сети. Скорби на хребте, – побои по спине. Человеки на главы, – мучители, имеющие в своей власти нашу жизнь.

[6818] - Пророк собственно говорит о будущих страданиях Спасителя, но его слова могут быть прилагаемы и к верующим, которые берут на себя иго страданий Христовых.

[6819] - Оасим – один из оазисов в Аравии. Оазисами в Аравийской пустыне называются места, снабженные растительностью и водою.

[6820] - Память их 19 февраля

[6821] - Как важна была должность верховного жреца – видно из того, что название «верховный жрец» было одним из титулов римского императора. Этот жрец имел право обрекать непослушных ему низших жрецов на смертную казнь. Жил он в старинном царском дворце Нумы.

[6822] - Император западной империи Максимиан Геркул царствовал с 284 до 305 г. по Р. Х. – Констанций, прозванный Хлор, его преемник, был женат сначала на Елене (св. равноапостольная Елена), потом, по требованию императора Диоклетиана, развелся с нею и женился на Феодоре, дочери Максимиана Геркула. Константин Великий, все-таки, как старший его сын, был сделан наследником престола.

[6823] - У Константина Великого было три сына: Константин, Констанций и Констанс. Старший взял себе верхнюю Галлию, Британию, Германию и Испанию, младший – нижнюю Галлию, Италию, Иллирию и Африку, а средний – страны востока и Египет. Скоро Константин был убит на войне, а Констанс был умерщвлен своим приближенным Магненцием, во время охоты.

[6824] - Этот военный поход против Римского императора Максенция был предпринят Константином в 312 году.

[6825] - Сивиллами назывались у римлян в древности прорицательницы. Их предсказания были соединены в три книги, которые хранились в храме Юпитера Капитолийского, а потом в храме Аполлона на Палатинском холме. На их

предсказания обращали внимание и христианские писатели, находя в них некоторые намеки на наступление Царства Христова. – Вергилий Марон – знаменитый римский поэт (род. в 70-м г. до Р. Хр.). – Артемий имеет в виду здесь, очевидно, его стихотворения – «Буколики».

6826 - Язычники думали, что боги, по своей заботливости о людях, желают открывать им свою волю. Поэтому они верили в сны, которые им будто бы посылали боги. Кроме того у язычников существовали особые оракулы – места и храмы, где говорили от лица богов жрецы или лица, способные приходить в особое состояние исступления и произносившие затем разные слова, из которых жрецы составляли более или менее связные изречения. Бог Аполлон по преимуществу считался руководителем этих оракулов.

6827 - Память священномученика Вавилы празднуется 4 сентября

6828 - Юлиан искажает, смысл текста из Мф.18:22. Здесь идет речь не о возмездии или каре, а о прощении согрешившего брата до седмижды семидесяти раз.

6829 - Т.е. погибель твоя будет необыкновенная и произведет большие толки в людях.

6830 - Т.е. «Ты, Господи, поставил меня на скалу, как на безопасное место; Ты сделался для меня крепким столпом или башней, где я мог найти спасение.

6831 - Исправить стопы – поставить на настоящую, прямую дорогу.

6832 - Флп.1:23. Разрешиться – отойти из земной жизни.

6833 - Персидский город на левом, берегу р. Тигра; во времена римского владычества это была сильная крепость, которая несколько раз, однако, подпадала во власть римлян.

6834 - Кармания – нынешняя Персидская область Керман. Северная ее часть (степная Кармания) была почти вся бесплодною пустынею, а южная – очень песчаная, хотя в последней и протекало несколько рек.

6835 - Юлиан умер в 363-м г. по Р. Хр.

[6836] - Юлиан по смерти был похоронен в языческом капище, впоследствии же тело его было перенесено в Константинополь и положено в церкви св. апостолов рядом с телом его супруги, но без отпевания, как тело отступника.

[6837] - Кончина св. Артемия последовала 20 октября 363 г. Мощи его впоследствии были положены в храме св. Иоанна Предтечи, построенном императором Анастасием, который и стал называться храмом св. Артемия.

[6838] - Составлено по разным спискам древнего жития.

[6839] - Пинега – река Вологодской и Архангельской губернии, Сольвычегодского и Пинежского уездов, правый (судоходный) приток Северной Двины. Кеврола или Кевроль – главное селение волости, получившей от нее свое имя, теперь – село Воскресенское, откуда впоследствии уездное управление было переведено в погост Волок-Пинежский, переименованный потом в город Пинегу.

[6840] - Кончина прав. Артемия последовала 23 июня 1545 года.

[6841] - Мощи праведного Артемия были обретены в 1577 году.

[6842] - Макарий был митрополитом Новгородским с 1619 по 1626-й год. По его же благословению и распоряжению, составлено было житие Артемия с сказанием о посмертных чудесах его, которые с 1605 г. записывались со слов самих исцеленных.

[6843] - Мангазея – урочище Енисейской губернии в Туруханском крае, на правом берегу р. Таза, где ныне стоит часовня св. мученика Василия Мангазейского. Мангазея – первый русский город в восточной Сибири, основан в 1601-м году, но через 60 лет совершенно запустел; теперь от него сохранились лишь одни следы.

[6844] - Память праведного Артемия, Веркольского чудотворца, совершается 23 июня и 20 октября. В Иконописном подлиннике под 20 октября значится: «иже со отцом своим Козьмою земледельцем изшед на поле, умре от грома велика, млад отрок 12 лет, в рубашке, в руке лоза, колени голы». – В

настоящее время мощи св. Артемия почивают под спудом в упраздненном Веркольском монастыре.

[6845] - Наименование родителей преп. Илариона Великого еллинами здесь нужно разуметь главным образом в смысле образованных язычников, преданных греко-римской религии. Отсюда и получает значение дальнейшее сравнение их с шипами.

[6846] - Преп. Иларион был крещен св. Петром, епископом Александрийским (скончавшимся в 311 году).

[6847] - Преп. Иларион пришел к Антонию Великому в 306 г., будучи 15 лет от Роду, и сделался одним из первых учеников его по времени, и по духу, хотя пробыл у него только около двух месяцев.

[6848] - Смоква у нас известна под именем винной ягоды; растет на смоковницах или смоковничных деревьях, из семейства тутовых деревьев и принадлежит тропическому климату. Смоквы составляют на востоке обычную пищу, особенно у христианских аскетов.

[6849] - Власяница – жесткая одежда из конского волоса, которую подвижники носили прямо на теле.

[6850] - Брань – монашеское аскетическое выражение, означающее упорное и продолжительное искушение, которому диавол подвергает сопротивляющихся ему иноков. По причине сей борьбы с диаволом, иноки на языке аскетов часто зовутся духовными воинами.

[6851] - Древние христиане падали для молитвы на землю, распростерши руки, и изображая своим положением крест.

[6852] - Исх.16:1–2. Эту песнь воспели по переходе через Красное море Моисей и Израильтяне, когда Господь избавил их от погони фараона: «Коня и всадника ввергнул в море. Ты простер десницу Твою: поглотила их земля». Фараоном у древних отцов Церкви и христианских писателей – образно назывался диавол, преследующий верующих в земной жизни, которая на языке тех же писателей часто называется пустыней.

[6853] - Бес, очевидно, намекал на прозвище, данное св. Иларионом своему телу. См. выше.

[6854] - Это наступало через 22 года пустынных подвигов его, начиная с 328 года.

[6855] - Елевферополь – город южной Палестины, на дороге между Иерусалимом и Газою. В настоящее время здесь расположено селение, близ коего лежат развалины древнего города

[6856] - Марнас почитался язычниками богом города Газы и владыкою дождей; во время засухи для умилостивления его совершались торжественные религиозные процессии. Храм Марнаса в Газе разрушен был только в 401 г. по Р. Х.

[6857] - Айла – крайний южный город Палестины, находившийся в глубине залива Красного моря.

[6858] - 4Цар.5:20–27. Гиезий, ученик пророка Елисея, взял плату от Неемана Сириянина, исцеленного пророком от проказы, за что пророк поразил его и его потомство проказой Неемана.

[6859] - Мемфис – древняя могущественная столица Египта – находился в Среднем Египте у Нила, между главной рекой и ее притоком, омывавшим западную сторону города. От блестящей столицы древнего Египта ныне сохраняются лишь самые ничтожные остатки при деревнях Метрасани и Моганнан.

[6860] - Асклипий или Эскулап – греко-римский бог врачебной науки и исцелений от всякого рода недугов. Почитание его впоследствии перешло и в Египет. Христиане разумели под этим именем одного из бесов.

[6861] - Кадис – иначе Кадес – пустыня на самом юге Палестины.

[6862] - Елуса – ныне Ель-Куласа – город на юге Палестины, на севере пустыни Кадис, близ Аравийской границы на юго-запад от Мертвого моря.

[6863] - Афродита – греческая богиня любви и красоты. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

[6864] - Епарх – правитель города или области.

[6865] - Вефилия – иначе Ветулия – город Палестины, лежащий к югу от Газы.

[6866] - Пилусия, или Пелуза, а также упоминаемые дальше: Лихнос, Фаваст, Вавилон (Египетский; ныне часть Каира), Афродитополь и Брухия – города и местечки нижнего (северного) Египта.

[6867] - Драконтий – епископ Ермопольский (в Египте), ученик преп. Памвы.

[6868] - Филон – епископ Киринейский (Киринея – область верхней Ливии по сверному берегу Африки на запад от Египта)

[6869] - Это было в 359 году.

[6870] - Оасим – или Великий Ливийский Оазис лежит к западу от пустыни Фиваиды; – древняя греческая колония, служившая также местом ссылки: так сюда был сослан еретик Несторий.

[6871] - Паретон – приморский город нижнего Египта.

[6872] - Пихон – мыс на юге острова Сицилии.

[6873] - Мф.10:8. «Даром получили, даром давайте» Этими словами Спаситель запретил продавать полученную от Св. Духа благодать.

[6874] - Пелопонес – южная часть Греции на Балканском полуострове.

[6875] - Епидавр – город на берегу Адриатического моря, разрушенный в VI веке. Ныне – Рагуэа.

[6876] - Около сентября 365 года.

[6877] - Пафа – приморский город Кипра, ознаменовавшийся проповедью апостола Павла. Здесь, он поразил слепотой сопротивлявшегося ему волхва Елиму. Кн. Деяний Ап. гл. 13.

[6878] - Куколь – монашеская шапочка, служившая символом чистоты и незлобия. Иногда на куколь нашивался крест.

[6879] - Скончался 371 или 372 года, 21 октября.

[6880] - Калоиоанн был вторым преемником Иоанна Асеня (1186–1196). Он был убит в 1207 г. своим племянником Борилом, после которого стал царствовать сын Асеня – Иоанн II (1218–1241), бывший во время злодеяния Борила в России.

[6881] - По мнению некоторых, это тоже что древняя Едесса: другие же Едессою считают славянскую Водену, от которой

Меглина находится на северо-восток в 30 вер. Теперь этот город не существует.

6882 - Преподобный Иларион происходил от богатых и знатных родителей. Получив христианское воспитание, он на 18 году оставил мир и удалился в монастырь, где вскоре за свою строгую жизнь он был сделан настоятелем. Заботливый о спасении порученных ему душ, он побуждал их не терять дорогого времени, назначенного для спасения. Особенно он не терпел нетрезвости. В 1134 году он был посвящен Евстафием, архиепископом Болгарским, в епископа Меглинского. В это время в Болгарии была сильно распространена богомильская ересь, разделявшая дуалистическое учение, по которому зло и добро представляют собою два самостоятельных начала, между коими происходит борьба. Святой Иларион вооружился апостольскою ревностью и усердными молитвами, чтобы отвратить жителей от этого лжеучения. Он неутомимо обличал нечестие богомилов, снимая с них личину лицемерной благости, которою они обманывали других. Предводители ереси отважились вступить в открытый спор со святителем Иларионом. Опровергнув возражения богомилов, святитель закончил свою речь такими словами: «Зачем вы, богомилы, обманываете себя и других, называетесь христианами, когда вы вовсе не христиане, – враждуете против креста Христа Спасителя, не признаете Бога единого, как веруют христиане, поносите древнее откровение, чтимое по слову Господа христианами? Простых людей обманываете вы лицемерною кротостью, когда дышите гордостью. Быть не может истинного благочестия в тех, кто не признает в себе сердечной порчи и не испрашивает благодати Божией молитвою и смирением! К чему посты ваши? Проверьте себя искренно – и увидите, что злые мысли, зависть, тщеславие, суетность, коварство, ложь, обманы – не дело в нас злого вещества и не побеждаются постом, а они – плод испорченного самолюбия и потому требуют для себя духовных подвигов». Внимая пастырскому увещанию, многие из богомилов умилились сердцем и, осудив прежнее нечестие свое, соединились с Церковью Христовою. В таком же духе боролся св. Иларион и с Армянами, придерживающимися

монофизитства, признающего во Христе одну природу – Божественную. Блаженный Иларион мирно почил в 1164 году.

6883 - Тернов – один из значительных городов Болгарии, в древности бывший даже столицею.

6884 - Святые претерпели мученическую кончину в царствование Диоклетиана в 303 году.

6885 - Царствовал с 161 по 180 г.

6886 - Иераполь – богатый город в Фригии, области Малой Азии

6887 - Часы считались от восхода солнца так, что 9-й час соответствовал нашему 3 часу пополуночи.

6888 - Ветхий деньми – так называется Первое Лицо Св. Троицы. Наименование это употреблено пророком Даниилом при описании одного из таинственных его видений в Вавилоне: «видел я, наконец, – говорит св. пророк, – что поставлены были престолы и воссел Ветхий деньми».

6889 - Проконсулы – лица, управлявшие провинциями Римского государства.

6890 - Ипподром – место конских скачек и состязаний в езде на колесницах.

6891 - Парфяне – занимали области Азии, лежавшие между Евфратом и горными странами на Инде. Парфяне были кочевниками и в позднейшее время не утратили этого характера, отличаясь во всех войнах, как превосходные и храбрые всадники, в совершенстве владевшие стрелой и копьем. Война о парфянами была счастливо окончена в 165 г. Луцием Вером.

6892 - Апамея – один из городов Сирии.

6893 - Маркиониты – еретики II века, признававшие два начала: благого Бога и материю, находящуюся под владычеством диавола, или лукавого существа, вечного и злого.

6894 - Низибия, или Низибида – большой и многолюдный город провинции Мигдонии, в Месопотамии.

[6895] - Киликия – юго-восточная береговая страна Малой Азии.

[6896] - Писидия – область Малой Азии.

[6897] - Синад или Синнады, город на севере Фригии, близ горной цепи, где находились знаменитые Синнадские мраморные ломки. Ныне развалины близ Ескикари – Гассаф.

[6898] - Скончался около 167 года.

[6899] - Святые пострадали в Адрианополе в III веке.

[6900] - В основу изложения положена здесь «Повесть о Борисоглебском монастыре от коликих лет и како бысть его начало, еже испервa от древних старец слышахом и мало писания обретохом», написанная в XVI веке в самом Борисоглебском монастыре и сохранившаяся в рукописи XVI-го века в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, в сборнике за № 782. – Борисоглебский второклассный монастырь существует и теперь и находится в Ярославской губернии в Ростовском уезде в 18 верстах от Ростова по дороге (теперь шоссейной) из Ростова в Углич, на реке Устье, которая, соединившись в девяти верстах от Ростова с вытекающею из Ростовского озера рекою Версою, образует реку Котрость, впадающую в Волгу в г. Ярославле.

[6901] - Димитрий Иоаннович Донской княжил с 1363 г. по 1389 г. – Ростовский князь Константин III Васильевич княжил в Ростове по смерти брата своего Феодора Васильевича с 1331 года по 1365.

[6902] - Епископ Игнатий II занимал Ростовскую кафедру с 1356 по 1364 г.

[6903] - Это было в 1363 г. – Из г. Ростова происходили родители преподобного Сергия.

[6904] - Роман и Давид – имена Бориса и Глеба, данные им при святом крещении.

[6905] - Устье р. Ковжи находится в 40 верстах от Белоозерока.

[6906] - Ковженский Никольский монастырь, приписной к Борисоглебскому, имел деревянные строения; по ветхости и

бедности он был упразднен до введения монастырских штатов 1764 года.

6907 - Василий Васильевич Темный был великим князем с 1425 г. по 1462 с промежутками.

6908 - По вкладным и кормовым монастырским книгам, видно, что Василий Васильевич пожаловал монастырю село Шулец (в шести верстах от монастыря), с деревнями, на поминовение своих родителей и прародителей, великих князей.

6909 - Знаменитого впоследствии великого князя Ивана Васильевича III.

6910 - Правил с 1505 по 1533 г.

6911 - Занимал кафедру с 1520 по 1526 год.

6912 - Кирилл III занимал кафедру с 1526 по 1529 г.

6913 - Место, где стояла эта деревня, и поныне зовется Кочарка, в семи верстах от монастыря; и доселе видны ямы, где рыли известь. – Зобенка – старинная мера сыпучих тел. Существует предание, что известь теряла свою силу, если кто брал ее украдкою для своих потреб. Когда при преемниках Феофила закончены были каменные монастырские постройки, запас извести истощился.

6914 - Чудо об обретении извести поведал составителю древней повести о Борисоглебском монастыре зодчий Борисоглебских храмов, «Ростовец, мастер церковный, каменный здатель» Григорий Борисов, которому рассказал о видении св. Бориса и Глеба сам игумен Феофил, заповедавший не открывать сего никому до его смерти. – Этот знаменитый Ростовский зодчий Григорий Борисов закончил в 1543 г. построение Успенской Церкви в Спасокаменном монастыре (на Кубенском озере, Вологодской губ.), заложенной ростовцем же, зодчим Пахомием Горяиновым.

6915 - О вкладах царя Ивана Васильевича подробно говорится в древних вкладных и кормовых книгах Борисоглебского монастыря.

6916 - Память преп. Иринарха празднуется января в 13 день.

6917 - Память св. праведного Иосифа, обрученника Пресвятой Девы Марии совершается 26 декабря (Мф.13:55;

Мк.6:3; Гал.1:17), Церковь, вопреки мнению некоторых толкователей явно отличает святого апостола Иакова, брата Господня по плоти, от принадлежащих к лику 12 апостолов Иакова Зеведеева, память которого празднуется 30 апреля, и Иакова Алфеева, память которого совершается 9 октября. Иаков, брат Господень по плоти, именуется так, как сын Иосифа от первой жены. Он был родным братом апостола Иуды, который получил наименование Иаковлева, и Иосии из лика 70 апостолов, и известен также под именем Иакова «малого» или «меньшого» (Мк.15:40).

6918 - Св. апостол Иаков от самого рождения был назореем, т. е. лицом, посвященным Богу, давшим Ему добровольно обеты строгого воздержания от всякого вина и вообще крепких напитков, от стрижения волос и пр. Обеты назорейства служили выражением чистоты и святости жизни, какая должна принадлежать всему народу Израильскому, как народу богоизбранному и потому священному.

6919 - Предание к сему прибавляет, что в продолжение страстей Христовых св. апостол Иаков скрывался в одной пещере, в долине Иосафатовой, дав обет не вкушать пищи, до тех пор пока Господь не воскреснет из мертвых, и что Господь, по воскресении Своем, удостоил его Своего особенного явления в сей самой пещере. Поэтому, впоследствии, в первые века христианства, пещера эта была обращена в храм, и теперь еще ее показывают благочестивым поклонникам.

6920 - По словам древних писателей, ближайших ко времени апостольскому (Климента Александрийского, Евсевия Кесарийского и др.), по вознесении Спасителя, апостолы Петр, Иаков Зеведеев и Иоанн, хотя и предпочтенные от Господа, не стали спорить о чести, но избрали св. Иакова епископом и предстоятелем Иерусалимской Церкви – матери христианских церквей, когда ему было 34 года от рождения, согласно предъизбранию его и назначению к сему служению Самим Христом.

6921 - Божественная литургия, составленная св. апостолом Иаковом, братом Господним, доселе совершается в Иерусалиме в день памяти сего апостола.

6922 - Соборное послание написано св. Иаковом около 59 года по Р. Х. к христианам из Иудеев, живших в рассеянии, во время гонения на христиан, заставившего их удалиться из Иерусалима. Послание сие исполнено высокого учения и евангельского духа. Оно состоит из различного рода нравственных наставлений и, по общему содержанию своему, может быть названо увещанием к терпеливому перенесению страданий. За богослужением Православной Церкви соборное послание апостола Иакова прочитывается все, не только в качестве рядового апостольского чтения за литургией, а и за другими молитвословиями (например во время елеосвящения, на молебне во время бездождия и даже за всенощным бдением, в качестве паремии).

6923 - Всеобщее благоговейное уважение к апостолу Иакову верующих, во главе с самими апостолами, особенно сильно выразилось на апостольском соборе, бывшем в Иерусалиме около 60 года по Р. Х. для решения вопроса: должно ли обращающихся к Церкви из язычников принуждать к обрезанию и соблюдению ветхозаветного закона обрядового. Апостол Иаков председательствовал на сем соборе и, после долгих споров и рассуждений, после речи апостола Петра и рассказа апостолов Павла и Варнавы об успехах их проповеди среди язычников, заключил соборные рассуждения своею речью, в которой в определенных чертах предложил свое суждение поднятому вопросу, полагая «не затруднять обращающихся к Богу язычников», а написать им, чтобы они воздерживались от осквернённого идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе» (Деян.15:13–20). Это суждение всеми уважаемого праведного Иакова принято было всем собором и утверждено явным для всех изволением Св. Духа (28 ст.). Около того же времени апостол Павел, желая проверить чистоту своего учения, обратился к апостолам: Петру, Иоанну и Иакову, которых почитал столпами Церкви Христовой, поставляя первым из них Иакова (Гал.2:10), – и те признали в нем великое достоинство учителя языков. С таким глубоким уважением относился апостол Павел к св. Иакову и впоследствии. Когда перед первыми узами своими он прибыл в

Иерусалим, то первым долгом счел отправиться к св. Иакову и рассказал ему, как столпу Церкви Христовой и предстоятелю старейшей Церкви Иерусалимской, о том, что сотворил Бог у язычников его служением (Деян.21:18–19).

6924 - «Святое Святых» представляло собою внутреннюю, самую священнейшую часть храма Иерусалимского, куда входил один лишь первосвященник, и при том только раз в год, в день очищения, поставлял свою кадильницу с фимиамом и кропил жертвенною кровью над очистилищем для очищения грехов народа. Но ковчега завета с его святынями (жезлом Аарона прозябшим, златым сосудом с манною, скрижалями закона, данными Богом через Моисея) в храме в это время уже не было. Здесь находился только один камень от первого храма Соломонова, а завеса, отделявшая Святое Святых от следующего отделения храма – святилища, во время крестной смерти Иисуса Христа разодралась надвое, сверху донизу.

6925 - По-гречески: «овлиас» – защита или оплот народа и правда.

6926 - Анания – первосвященник еврейский, сын Неведея, получивший первосвященническое достоинство от Ирода Агриппы II; был упорным врагом христиан и вообще человеком дерзким, жестоким и несправедливым и принадлежал к секте саддукеев, отвергавших предания, Промысл Божий, духовность и бессмертие души, бытие Ангелов, – и утопавших в чувственных наслаждениях и пороках и земных интересах. Будучи виновником смерти апостола Иакова, Анания впоследствии несправедливо судил также апостола Павла и желал погубить его (Деян.23:2, 14–15, 24:1–9), но за свои неправды сам испытал самую горькую участь: тем же царем Агриппою лишен первосвященства и, наконец, был убит во время восстания иудеев против Римлян.

6927 - Фест, по прозванию Порций, – Римский правитель Иудеи, управлявший ею не более трех лет и скончавшийся около 62 года по Р. Хр.; он заботился о восстановлении порядка в Палестине, употребляя для этого и строгость, и правосудие.

[6928] - Мученическая кончина апостола Иакова последовала около 63 года по Р. Х. Он скончался в престарелом возрасте. На месте кончины его и погребли; над его могилою подле храма и доселе стоит памятник. По свидетельству Оригена, церковного писателя III века, смерть Иакова праведного, случившаяся незадолго до войны Иудейской, произвела такое впечатление на Иудеев, что следовавшие за нею бедствия войны и разрушение Иерусалима почитались ими наказанием Божиим за убиение сего праведника. – В XI веке св. Феофан песнопевец, архиепископ Никейский, блаж. Георгий Никомидийский и впоследствии Византий написали многие песнопения в честь св. ап. Иакова, ныне поемые в день его памяти. Мощи св. ап. Иакова были в Константинополе при русском паломнике Антонии в 1200 году в приделе Халкопратийского храма, а глава – в храме святых апостолов. В настоящее время мощи его, по свидетельству некоторых, находятся в Риме в Церкви 12 апостолов. В Москве на Старо-Иерусалимском подворье сохраняется часть мощей его, присланная Александрийским патриархом Иерофеем в 1853 году.

[6929] - Есть известия только о том, что блаженный Иаков был простой, но усердный делу, судовщик и принял на себя суровое юродство; скончался же – убитый громом, около 1540 г.

[6930] - Мста – река, вытекает из озера Мстина, в Тверской губ.; впадает в озеро Ильмень, в Новгородской губ.; длина ее 412 верст.

[6931] - В 1770 году село Боровичи переименовано в город.

[6932] - Порогами называется группа скал, преграждающих течение реки и образующих ряд невысоких водопадов или водоворотов.

[6933] - Михаил Рангав царствовал с 811 по 813 г.

[6934] - Феофил – царствовал с 829 по 842 г.

[6935] - Это было сделано по приказанию императора Льва Армянина (813–820 г.), который свергнул отца Игнатия – Михаила с престола.

[6936] - Это было в 846 году.

[6937] - Игнатий в 867 г. был свержен с престола за то, что отказался выполнить желание Варды, – который управлял империей за малолетством Михаила, – постричь в монашество Феодору, мать Михаила, которая во многом стесняла действия Варды. Игнатий не только отказался выполнить это, но даже самого Варду отлучил от св. Причащения.

[6938] - Память его 6 февраля.

[6939] - Протоспафарий – знатный и великий чин, бывший при дворе греческого царя. Протосинкрит – начальник придворных, который имел право входить в ложницу царскую.

[6940] - Изгнание Фотия было в 867 г.

[6941] - Вторичное низложение Игнатия относится к 877 г.; в этом году последовала и смерть Игнатия.

[6942] - Память его 17 мая.

[6943] - Юстин – дядя Юстиниана, царствовал с 518 по 537 год.

[6944] - Ефиопия – в Африке, соответствует нынешней Абиссинии. Она находилась в верховьях р. Нила и граничила с Фиваидскою областью Египта на севере, с Ливиею на западе, с южною Ефиопиею на юге и с Аравийским заливом и Чермным морем на востоке. Столичный город ее – Авксумы. В первые века христианства Ефиопия была могущественною империею; ей принадлежала и часть Аравии. Христианскою верою она была просвещена в VI-м веке Едесием и Фрументием. В VII-м веке Ефиопляне были покорены арабами. С 727 года здесь начинается Коптская иерархия.

[6945] - Омириты – жители южной Аравии, обитавшие близ Аравийского залива. В первые века христианства Аравию населяли 11 племен. Из них только Омириты и Савеи были христианами; остальные племена, находясь в частых сношениях с Иудеями, держались большею частью иудейской религии. Омириты были просвещены христианством Феофилом Индийским, вторым епископом Ефиопской столицы Авксумы. В VI веке у них были три знаменитые епископа: Павел, убитый Дунааном царем, Иоанн, поставленный при Юстиниане, и св. Григорий, ревнитель православия.

6946 - Царь Ефиопский потому выступил на защиту христиан – Омиритов, что самое христианство они получили из Ефиопии и, по всей вероятности, находились в церковной зависимости от Авксумской митрополии.

6947 - Награн, или Анагран, город у Аравийского залива, смежный с владениями Дунаана. Этот город, покоренный Элием Галлом, военачальником императора Августа, в 25 году по Р. Хр., находился под покровительством Римских императоров. Потому-то, может быть, он был более независим в религиозном отношении, чем города Омиритов.

6948 - Савеи и Омириты, жившие в близком соседстве по Аравийскому побережью и родственные между собою по происхождению, языку и религии, в VI-м веке сливаются в одно племя и нередко называются безразлично то тем, то другим именем.

6949 - Еллинами до Христа назывались греки, а в Св. Писании этим именем называются язычники вообще, как греки, так и другие народы, потому что многие из них говорили по гречески (Ср. Деян.11:20, 16:1–3).

6950 - Еретик – заблуждающийся в догматах Церкви, произвольно искажающий христианскую истину (2Пет.2:1; Тит.3:10).

6951 - Так гонители христиан называли Господа Иисуса Христа – с целью уничижения, – тем более, что крестная смерть считалась у римлян самой позорной казнью.

6952 - Дунаан повторяет хуления на Господа, произнесенные иудейскими архиереями, книжниками, фарисеями и старцами, а равно одним из разбойников, повешенных на кресте (Мф.27:41–43; Лк.23:39).

6953 - Рапсак, военачальник Сеннахирима, царя Ассирийского, был послан с многочисленным войском для покорения Иудеи при царе Езекии. Но войска Ассирийские в одну ночь были поражены Ангелом (185 тыс.), а остатки их со стыдом должны были возвратиться в свою землю (4Цар.18:13–37; Ис.36,37).

6954 - По мнению некоторых, епископ Павел был убит по приказанию Дунаана. Спрашивая о нем, царь обнаруживает неуверенность: подлинно ли исполнено его приказание?

6955 - Клирики – члены причта церковного.

6956 - Несторий – с 429 г. епископ Цареградский. Следуя учению Феодора, епископа Мопсуестского, он утверждал, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а – человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный, за святость жизни, особенной благодати Божией, и спасающий нас не искупительною смертью, а наставлениями и примером жизни. За сию ересь Несторий отлучен от Церкви на 3-м Вселенском соборе и умер в Фиваиде в 436 году.

6957 - По определению четвертого Вселенского собора (451 г.), в Иисусе Христе два естества соединены «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

6958 - Господь проповедовал Евангелие в Галилее чаще, нежели в других областях Палестины. Из Галилеи он предпринимал путешествия в Иерусалим, из Галилеян избрал Своих Апостолов, в Галилее явился Он и по Своем воскресении из мертвых. Прочие иудеи не любили Галилеян, и само название «Галилеянин» было презрительным (Мф.13:64–67; Иоан.7:41–62). Дунаан в данном случае следует примеру иудеев и Юлиана Отступника, называвшего Господа Иисуса Христа – Галилеянином

6959 - Так называли иудеи Господа Иисуса Христа, потому что Он большую часть Своей земной жизни провел в этом небольшом и бедном городке (Мф.2:23).

6960 - Порфира – пурпуровая дорогая одежда, в виде длинной мантии, которую носят государи в торжественных случаях. Диадема – царский венец.

6961 - Под этим словом разумеется Господь Иисус Христос, Жених Церкви Своей и всякой души христианской (Песн.4:9; Иоан.3:29; Мф.25– 13).

6962 - Дунаан считал Господа Иисуса Христа простым человеком, сыном Марии и Иосифа.

6963 - Гедеон – судия Израильский (1245 г. до Р. Х.). Призванный Богом к избавлению Израиля от Мадианитян, он с 300 безоружных воинов окружил ночью неприятельский лагерь и привел их в такое смятение, что они, поражая друг друга, обратились в бегство и затем были истреблены (Суд.7:1–25). Мадианитяне жили в Аравии. Происходя от Мадиама, сына Авраама от Хеттуры, они были родственны Омиритам. Потому о них и упоминает св. Арефа.

6964 - (3Цар.18:17–18). Ахав, сын Амврия, царь Израильский (924–903 г. до Р. Х.). Он ввел в Израиле поклонение Ваалу и Астарте. Пророк Илия Фесвитянин грозно обличал нечестивого царя (3Цар.17–19).

6965 - Скипетр – короткий посох, знак верховной власти. При венчании на царство государи держали его в правой руке.

6966 - Фараон – общее название древних царей Египетских. В Св. Писании имя фараон встречается большею частью одно, без собственного имени. Здесь разумеется фараон по имени Тутмозис, или Аменофис, царствовавший во время исхода евреев из Египта (Исх. 5–14). Он погиб со всем своим войском в Чермном море (Исх.14,15:1–21).

6967 - (Пс.8:3). Псалом прообразует хвалу из уст младенцев при входе Господнем в Иерусалим (Мф.21:16).

6968 - Персия граничит с Аравией на северо-востоке. Под царем здесь разумеется Хозрой Нугиирван, современник Иустина Греческого.

6969 - Сарацины – Аравийское племя, обитавшее южнее Каспийского моря и Кавказа, и простиравшееся до Сирии и Палестины. Самое название их производят или от Сарры, жены Авраама, или от Тюркского слова Шаракюн, т. е. восточный.

6970 - К югу от Александрии находилась Нитрийская пустыня, где проводили подвижническую жизнь аскеты Египта – ферапевты. Начало монашеству здесь было положено святым Аммоном, современником святого Антония (III в.). В самой Нитрии святой Аммон основал монастырь, а святой Антоний положил начало устройству скитов. В конце IV-го века тут было до 60 монастырей, устроенных по уставу святого Пахомия. К

югу от Нитрии была Скитская пустыня, где обитало много иноков.

6971 - Под «нижней» Эфиопией разумеется северная низменная. Сухопутные войска были направлены Елезвоем через Фиваиду и Египет на север Синайского и Аравийского полуостровов. В северной части того, или другого (с точностью неизвестно), войска заблудились в пустынях и горах и в большинстве погибли.

6972 - Здесь разумеется город Скилис при входе в Аравийский залив, служивший портом для торговли с Индией.

6973 - Ладан был естественным произведением прибрежной Ефиопии, которым вместе с смирной и корицей жители страны вели обширную торговлю.

6974 - (Рим.12:19). Смысл текста: одному Господу принадлежит право наказывать людей за дела их.

6975 - Стадия равняется 87 1/2 саженям. Узкий проход, о котором идет речь, таким образом гораздо меньше 1/2 версты.

6976 - (Пс.106:23–24). Сии слова имеют такой смысл: Бог во всех обстоятельствах жизни руководит судьбами людей и направляет их пути, устраняя препятствия и опасности.

6977 - Золотые копья были знаком достоинства первого оруженосца царя.

6978 - (Исх.15:15) Переход евреев через Чермное море и гибель фараона с его войсками вызвали страх у всех Хананейских народов, увидевших в этом событии помощь и покровительство Божие народу избранному.

6979 - Полоцк – ныне уездный город Витебской губернии, был стольным городом Полоцкого княжества.

6980 - Святой Арефа скончался не поздние 1190 года.

6981 - Македоний был основателем новой ереси. Духа Святого он не признавал Богом, а считал Его тварным существом, не имеющим участия в Божестве и славе Отца и Сына. Ересь Македония была осуждена на 2-м Вселенском соборе при Феодосии Великом, в 381 г.

6982 - Минея служебная, октябрь, 25-й день, песнь 4.

[6983] - Нотарий – собственно значит скорописец. В первые века по Р.Х. так назывались императорские секретари, скреплявшие акты. При Константине Великом была учреждена тайная канцелярия нотариев, которые вели протоколы самых важных государственных совещаний. В это же время и секретари Константинопольского патриарха также назывались нотариями.

[6984] - Св. Анастасий был валяльщик сукон. Явившись из Аквилеи (гор. в сев. Италии) в Салону, приморский город в Далмации, он исповедал Христа, за что и претерпел мученическую кончину в царствование Диоклетиана (284–305).

[6985] - Эта благочестивая женщина – богатая матрона Асклепсия – обещала награду тому, кто извлечет святые мощи. Когда святые мощи были найдены африканцами, слуги госпожи принудили отдать их только тем, что хотели донести на них начальникам. Африканцы при этом взяли часть мощей, думают, главу, и отправили ее в Африку.

[6986] - Под именем сарматов известны разные племена, населявшие юг нынешней России, отчасти Германию и Австрию

[6987] - Вандалы – народ германского происхождения, живший главным образом по берегам Балтийского моря.

[6988] - Кончина святого была около 306 года.

[6989] - Леонтий занимал видную должность в Иллирике, к которому принадлежала тогда и Солунская область.

[6990] - Одним из самых дивных чудотворений, коими Бог благоволил прославить Своего великого угодника было истечение мира от его честных мощей. Сие истечение – дивное знамение благодати Божией. Истечение мира началось с VII века. Целый ряд писателей и историков свидетельствуют об этом непостижимом явлении. Приведем Свидетельство одного из писателей, именно Димитрия Хризолога, жившего во второй половине XIV века: «оно (т.е. миро) по свойству своему не вода, но гуще ее и не походит ни на одно из тел на земле ни из жидких, ни из твердых и ни на одно из приготовленных искусственно… оно удивительнее всех благовоний, не только приготовленных искусством, но и по естеству созданных

Богом». Много исцелений произошло через помазание этим миром; даже народы, неверующие во Христа, дорожили сим дивным током. Так при разорении Солуни Турками в 1429 г. благоразумные из врагов намеревались взять с собою некоторое количество сего мира, про цельбоносную силу коего они так много слышали. Святая Церковь, именуя святого Димитрия мироточивым, так восхваляет Христова подвижника: «мира благовонно и честна, Димитрие, отверзенный источниче (Канон, песнь 1-я). Твоего проливаются мира источницы приснотекущии».

6991 - Это была река Дунай.

6992 - Маврикий царствовал с 582 до 603 г.

6993 - Авары, данниками которых были непросвещенные еще тогда светом Христовой веры славяне, жили на Дону, около Каспийского моря.

6994 - Сие чудо произошло в 547 г.

6995 - Юстиниан царствовал от 527 до 566 г

6996 - Голиаф – филистимский великан – необычайного роста, которого убил Давид пращою (1Цар.17).

6997 - Преподобный Нестор в 17-летнем возрасте постригся в Киево-Печерском монастыре, в 1091 году участвовал при открытии мощей преподобного Феодосия Печерского, трудился в составлении Русской летописи, жизнеописании Киевских и Печерских угодников. Из его творений, кроме летописи, дошли до нас: житие преподобного Феодосия Печерского и житие святых Бориса и Глеба. Преставился около 1114 г. 27 октября.

6998 - Каппадокия – восточная часть Малой Азии.

6999 - При допросах о роде св. Капетолина производила себя от одного рода с Фирмилианом, архиепископом Каппадокийским (жившим в половине III века). По другим сказаниям, она считала себя только его духовной дочерью. Блаженная кончина ее относится к 304 году.

7000 - Св. Кириак, до крещения Иуда, указал св. царице Елене Св. царица Елена, желая найти святой и животворящий крест, призвала Иудеев и упрашивала их, чтобы они показали ей то место, где скрыт ими святой крест. Они только после угроз

указали на одного старого еврея, по имени Иуда, который мог указать место св. креста, но и Иуда отказывался исполнить желание царицы, за что и был ввержен в ров. Пробывши в нем некоторое время, он обещался сказать. Тогда, по указанию Иуды, отправились на то место, где Адриан, царь римский, задумал построить храм богини Венере; здесь и был обретен честной Крест (Подробнее смотри сентября 14

7001 - Святые приняли мученическую кончину в царствование Декия (249–251г.).

7002 - Выражение заимствовано из Пс. 112:9.

7003 - Тении, близ Лампсака, значительного города Мизии (северо-западной области Малой Азии).

7004 - Это селение находилось на берегу Геллеспонта (Дарданельский пролив между Мраморным морем и Архипелагом).

7005 - Наверное, один из учеников преподобного.

7006 - Она удалилась в город Асс, близ Лампсака.

7007 - Это было около 360 года.

7008 - Жизнь преподобного Аврамия Ростовского излагается здесь по древнейшему «житию», которое с сокращениями пересказано в Прологе и с некоторыми позднейшими добавлениями в Великих Минеях-Четьих митр. Макария. Древнее житие преподобного Аврамия впоследствии дважды дополнялось, главными образом в начальной части, где рассказывается о жизни Аврамия до пришествия его в Ростов.

7009 - В первичном дополнении сообщается, что Аврамий родился в пределах Галицких, в городе Чухломе (ныне Костромской губернии), отправился в Новогородские пределы для ознакомления с иноческим подвижничеством в тамошних обителях и принял пострижение в Валаамском монастыре на Ладожском озере. Во вторичном дополнении говорится, что родители Аврамия, в Чухломе, были еще язычники. Аврамий назывался сначала Иберик и до семнадцати лет лежал на одре болезни в расслаблении и не мог ходить. Новгородские захожие купцы сообщили ему первые начатки христианского учения. Иберик после глубокого размышления уверовал во Христа,

внезапно получил исцеление от болезни, отправился в Новогородские пределы и на Валааме принял крещение с именем Аверкия, а потом и пострижение в иноки с именем Аврамия.

[7010] - Здесь разумеется древний Ростов, называвшийся Ростовом Великим; теперь это уездный город Ярославской губернии на шоссе и при железной дороге из Ярославля в Москву; Ростов стоит при озере, которое называется Ростовское или Неро.

[7011] - Под Чудским концом нужно разуметь часть города по левую сторону дороги из Ярославля. – Языческий бог древних русских славян Велес иначе называется Волосом, который, по летописям, считался покровителем скота.

[7012] - Река Ишна пересекает дорогу из Ростова в Москву при своем впадении в озеро Неро близ самого города Ростова, в четырех верстах от того места, где стоял идол Велеса.

[7013] - Основанный преподобным Аврамием Богоявленский монастырь существует и в настоящее время на том же месте, в одной версте от Ростовского кремля, при въезде в Ростов от Ярославля, по левую сторону дороги.

[7014] - Преподобный Аврамий погребен был в основанном им монастыре. Святые мощи его в настоящее время почивают открыто в серебряной раке в приделе его имени при главном монастырском каменном храме во имя Богоявления Господня, построенном по повелению и на средства царя Ивана Васильевича Грозного и освященном в его присутствии 2 октября 1553 года. Царь Иван Васильевич не раз бывал в Ростове и поклонялся тамошним святыням. В одно из посещений Аврамиева монастыря, еще до взятия Казани, он взял хранившийся при гробнице Аврамия жезл, которым преподобный сокрушил идола. Медный крест, служивший рукоятью жезла, до этих пор хранится в отдельной киоте в арке при входе в придел преп. Аврамия.

[7015] - Эги – город в Киликии (юго-восточной области Малой Азии), военный морской пункт во времена Римского владычества.

[7016] - Святая кончина их последовала 30 октября 285 года.

[7017] - Скончалась в Александрии около 260 г.

[7018] - Память его 10 ноября и 4 января

[7019] - Такое название имели в древности несколько городов: город в Сицилии, в Иллирии, жители которого назывались Аполлониаты, во Фракии, на Халкидоне и др.

[7020] - Листры – один из городов Ликаонии; здесь апостол Павел исцелил хромого, и язычники, видев это чудо, признали его и Варнаву за богов.

[7021] - Сицилия – один из больших островов Средиземного моря, около Аппенинского полуострова; Сиракузы – одна из первых греческих колоний на восточном берегу острова, основанная по преданию Коринфянами около 746 г.до Р. Хр., впоследствии самый большой и богатый город острова.

[7022] - Св.Маркиан, прибыв на остров Сицилию, поселился в пещере около г.Сиракуз и успешно распространял веру Христову. Мощи почивают ныне в Гаэт (гавань и крепость в Италии).

[7023] - В нижнем Египте, недалеко от реки Нил.

[7024] - Мученическая кончина святого была около 250 г.

[7025] - Аргирополь, ныне Фундукли, предместье Константинополя, близ Перы и Галаты.

[7026] - Диосполь находился в Палестине к северо-западу от Иерусалима.

[7027] - Их блаженная кончина последовала около половины XII в. Мощи их почивают в Антониевой пещере.

[7028] - Азия, иначе Асия – это наименование употреблялось в древности не в одинаковом смысле. Первоначально оно означало небольшую, обильную водами, болотистую равнину в Лидии, т.е. средину западной части нынешнего малоазийского полуострова, на восточном берегу Эгейского моря. Римляне делили упомянутый полуостров на две приблизительно равные, части: одну, северо-восточную, лежащую при Чермном море называли Понтом, другую, юго-западную, называли собственно Асией; каждая часть делилась на несколько (не всегда одинаковое число) провинций; по утверждении христианства,

каждая из последних делилась, в свою очередь, в церковном отношении, на несколько епископий (еще в Апокалипсисе упоминается о 7 Асийских церквах – Откр. 1:4–11). С течением времени наименование Азии стали прилагать ко всему нынешнему малоазийскому полуострову, наконец, – ко всей вообще части света, лежащей на востоке от нашей Европы, на одном с нею материке.

7029 - Слово «туне» и означает даром, без платы.

7030 - Фереман находился в Месопотамии на два дня пути от Амида (по-турецки называемый Диар-Бекира, в верховьях р.Тигра) и был разрушен Турками при первых завоевания их; при этом мощи свв. Космы и Дамиана перенесены были в Амид, где почивают и доныне.

7031 - Дамаск – главный, богатейший торговый город Сирии; лежит к северо-востоку от Палестины, при р. Барад, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Ант-Ливана. В настоящее время Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, один из богатейших городов Азии и имел до 150 000 жителей.

7032 - Святые пострадали при взятии г.Дамаска магометанами (VII в.). Имена пострадавших со святыми Кесарием и Дасием следующие: Савва, Савиниан, Агриппа, Адриан и Фома.

7033 - Готы жили на востоке от Дуная и разделялись рекою Днестром на остготов и вестготов. С III в. по Р. Х. они стали входить в сношения с Римлянами, на которых делали беспрестанные нападения, и постепенно стали принимать от них христианство. Во 2-ой половине IV в., теснимые выходцами из Азии Гуннами, Вестготы получили позволение поселиться во Фракии, в пределах Римской империи, под условием обязательного принятия всеми ими христианства. Последнее распространилось у них в форме арианства. По удалении из пределов Римской империи, Вестготы перенесли арианство в Испанию, где основали в 415 г. свое государство. Здесь происходили впоследствии излагаемые в настоящем житии события.

[7034] - Царствовал во 2-ой половине VI в. Он сделал своего сына, св. Ерминингельда, своим соправителем, причем местопребыванием ему назначил Севилью, а сам жил в Толедо (испанские города).

[7035] - Название ереси происходит от имени Ария, Александрийского пресвитера, жившего в IV в. Желая устранить из христианского учения о троичности Лиц в Боге все непостижимое для разума, Арий учил, что Сын Божий не рождается предвечно из существа Бога Отца, а сотворен Им из небытия во времени, не единосущен Ему и не равночестен. В этой ереси скрытно заключалось решительное отрицание Божества Иисуса Христа и нашего искупления им, короче – ниспровержение всего христианства. Арианство имело большое распространение и на христианском востоке и на западе. Оно долго волновало умы и производило смуты в церкви, – даже и после того как было осуждено на 1-м Вселенском соборе в Никее в 325г. Эта ересь встретила наиболее сильного и ревностного противника себе, на соборе и после него, в лице св.Афанасия Александрийского.

[7036] - Св. Ерминингельд умер мученическою смертию в 586 году, а в 589 году, на соборе Толедском, готы отказались от арианства и приняли Православие.

[7037] - Здесь разумеется Максимиан Галерий, бывший сначала соправителем Диоклетиана, а затем императором восточной части Римской империи с 305 по 311 г.

[7038] - Тарс, древняя столица Киликии, юго-восточной области Малой Азии, теперь Тассо или Терсус. Этот город был родиной Апостола Павла. Россон или Рос – немного севернее Антиохии Сирийской.

[7039] - По месяцеслову Василия св. Кириену возили нагою на осле, и затем праздные дети били ее палками. Но святая, по ее молитвам, не представлялась людям нагою.

[7040] - Сапор II, известный под именем Великаго, – Персидский царь, царствовал с 310 по 381 г. по Р. Х.; известен счастливыми войнами с римлянами; был жестоким гонителем христианства.

[7041] - Персы в Свящ. Писании называются Еламитами, как происшедшие от Елама, сына Симова. Они жили в Азии, близ Персидского залива (заключенного Аравийским полуостровом и материком). Упоминаемый здесь царь Сапор, – вероятно, Сапорес II, жил в IV в. В подданных-христианах он склонен был видеть тайных союзников своих врагов – римлян. Смерть мучеников Акиндина, Пигасия, Анемподиста и других, последовала по одним в 330 г., по другим – в 345-м г.

[7042] - Персы почитали верховным богом Митру, или солнце. Они поклонялись также огню и признавали два божества: творца всего доброго – Ормузда и виновника всякого зла – Аримана. Основателем этой религии считается Зороастр, главная священная книга персов – Зенд-Авеста.

[7043] - Плащ пурпурового цвета, иначе порфира. Краскою для этой ткани служила кровь некоторых раковин или улиток, которых находили в Средиземном море. Это была одежда царей, символ власти и величия их. Иногда, впрочем, одевались в такой плащ и частные лица – роскошествующие богачи.

[7044] - Серебро, через расплавление на огне, освобождается от примесей и получает чистейший вид. Подобно сему, и добродетель мучеников, через испытание огнем, возвысилась и получила совершеннейший вид.

[7045] - С еврейского: «положил оковы на чресла наши» (иначе: «на бедре нашем»). В настоящем случае это означает мучение от ожогов.

[7046] - Т. е. «посадил верхом на нас» – образ поноснейшего рабства. Этим выражением указывается здесь на крайнюю степень унижения, которому были подвергаемы св. мученики.

[7047] - Со временем, под влиянием соседних народов, Персы стали соединять с культом солнца и огня и служение иноземным богам.

[7048] - Зевс почитался греками величайшим из богов (у римлян – Юпитер), управлявшим молниями, отцом богов и людей.

[7049] - Это – с тою целью, чтобы развести более сильный огонь, ибо днища и стенки лодок, во избежание пропуска ими воды, обыкновенно густо покрываются смолою, особенно – с наружной стороны.

[7050] - Вероятно, царь, слыша о трех Лицах Божества, полагал, что и христиане почитают несколько богов и между ними одного – главного.

[7051] - Онгия – двенадцатая доля фунта или 8 золотников.

[7052] - Святой Флавиан патриаршествовал 381–404 гг. Память его 18 февраля.

[7053] - Кончина преп. Маркиана относится к 388 году. Память его еще совершается 18 января.

[7054] - Один из малоизвестных городов; в церковном отношении был, вероятно, подчинен митрополии Мосульской (Мосуль – на реке Тигре) или Ниневийской.

[7055] - Селение недалеко от Наессона.

[7056] - Под именем волхвов, иначе магов, в древности разумелись мудрые люди, обладавшее высокими и обширными знаниями, особенно знаниями тайных сил природы, светил небесных, священных письмен, иероглифов и т. п. Они наблюдали естественные явления, толковали сны, предсказывали будущее; большею частью они, вместе с тем, были и жрецами и пользовались большим значением и уважением, как при царских дворах, так и в народе. О персидских волхвах упоминается в книге пр. Даниила (Дан. 2:1–49 и далее), из Персии же, вероятно, приходили волхвы для поклонения родившемуся Спасителю (Мф. 2:1–23). Волхвы были и в других странах, наприм. в Вавилоне, Ассирии, Мидии (см. кн. пр. Даниила; ср. Числ. 22:1–41, 23:1–30) и в Египте (Быт.41:8. Исх.7:11). Слово «волхв», первоначально однозначущее с словом «мудрой», впоследствии стало прилагаться к волшебникам, чародеям, чревовещателям, вызывателям умерших и т. п.

[7057] - Слово «евнух» означает собственно скопца. Таковыми были на востоке смотрители над царскими гаремами; с этой должности они нередко, в древности, переходили на высшие

государственные должности. Впоследствии слово «евнух» употреблялось иногда вообще в значении лица, занимающего высокую государственную должность, царедворца, вельможи, хотя бы это лицо и не было скопцом.

7058 - Разумеется небесная обитель, куда вступают истинные последователи Христа, по заповеди Его Самого (Ин.14:2–3). Слово «горний» означает вышний, верхний, небесный (ср. Иез.41:7, Колос. 3:2).

7059 - Арбела – город на одном из притоков реки Запата (иначе Забата), представляющего собою, в свою очередь, левой приток р. Тигра. Город этот находится недалеко от Ниневии, замечателен тем, что в 12 милях к западу от него, близ Гавгамелы, произошло сражение, в котором Александр Великий во 2-й раз победил Дария Кодамана, сделавшись после того обладателем всей Персидской монархии.

7060 - В этих словах заключается богохульная насмешка, ибо казнь через распятие считалась позорной, и ей подвергались наиболее преступные и презренные люди.

7061 - Разумеется смерть, иначе – то, что все люди по природе смертны.

7062 - Иосиф был пресвитером из Бет-Кетубы в Адиабене.

7063 - Аифал – диакон из приевфратской местности в Вавилонии.

7064 - На востоке за начало дня считалось, по нашему часосчислению, время от 6 часов утра. Отсюда 3-й час дня – по нашему 9-й час утра, 6-й – 12-й дня.

7065 - Выражение заимствовано из Деян.17:28.

7066 - Т. е. – устрашающим примером того, как наказываются ослушники царской воли.

7067 - Здесь разумеются мулы и ослы, на которых ездили и перевозили тяжесть. Для перевозки более значительных тяжестей и на большие расстояния употреблялись верблюды.

7068 - Манихейство – ересь, которая образовалась в Персии под влиянием попытки объединения христианства с началами Персидской религии Зороастра, проповедовавшей дуализм, т. е. существование от века двух самостоятельных начал или царств

– доброго и злого. Основатель манихейства, Манес (ж. в III в.), сначала был магом, потом принял христианство, сделался даже пресвитером, но вскоре был отлучен от Церкви за свою склонность к языческой Персидской религии и впоследствии, при Персидском царе Варане I, был казнён. По его учению, Христос есть лишь светлый эон (дух), происшедший от Отца света через истечение. Одна половина Его была поглощена материей и составила душу видимого мира, т. н. Страждущего Иисуса, вторая, с помощью другого зона, Животворящего Духа, освободилась от материи и поместилась в солнце; это – т. н. бесстрастный Иисус. Воплощение Христа – это есть сошествие с солнца бесстрастного Иисуса для освобождения страждущего Иисуса, светлые частицы которого сатана, будто бы, собрал и, для большего удобства обладание ими, заключила в лице человека. По этому учению, воплощение Христа было только призрачным (докетизм). В нравственном отношении оно проповедовало борьбу с материей, для освобождения от нее света, через постепенное умерщвление в себе плоти. Ересь манихеев была особенно распространена в IV и V вв.

7069 - Это селение находилось в Бет-Нугардской области. Нугарды – город с епископией, подчиненной митрополии Мосульской.

7070 - Мерсина – мирт, миртовое дерево. Оно растёт в Азии, в тропических странах Америки, в Африке – в Египте и в южной Европе, по берегам Средиземного моря. Дерево это достигает 3-х сажень высоты, имеет красноватую кору и длинные крепкие ветви с постоянно зелёными мелкими листьями и с распускающимися в мае белыми душистыми цветами. Миртовое дерево было самым любимым у древних, его разводили в садах, им в праздники украшались жилища, миртовые венки надевали на голову во время пиршеств, особенно – свадебных. Мирт почитался у древних вообще символом любви, тихого счастья, изображением радостных обстоятельств в настоящем и светлых надежд в будущем.

7071 - Рамла – город в Палестине, недалеко от Иоппии.

7072 - Феодосий Великий – Римский император с 379 по 395 г. В его царствование вера христианская была окончательно

утверждена в Римской империи.

7073 - Декий – Римский император, жестокий гонитель христиан; царствовал с 249–251 г.

7074 - Под этим именем известно несколько городов. Здесь говорится о Севастии Армянской.

7075 - Вифиния была северо-западной провинцией Малой Азии. Ныне она занимает северную часть Анатолии. Христианство в Вифинии появилось еще при Апостолах. Ныне в Вифинской епархии находится 12 епископских кафедр, подведомых архиепископу Никомидийскому.

7076 - Селение Марикати находилось к северу от Аполлонии, известной колонии на берегу Понта, во Фракии.

7077 - Лев IV царств, с 775 до 780 г. по Р. Х. Иконоборцы – еретики, восстававшие против почитания святых икон. Гонение на иконы началось при императоре Льве Исавре в 626 г.

7078 - Гвардейские солдаты, охранявшие царский дворец.

7079 - Олимп – гора в Вифинии, привлекавшая своею уединенностью и дикостью многих пустынников.

7080 - Фракия – (в обширном смысле) в древности обнимала собою нынешнюю восточную часть Венгрии, Трансильванию, Бессарабию, Молдавию, Валахию, Болгарию, Сербию и восточную часть Румелии. Но в собственном смысле Фракией называлась только восточная часть нынешней Румелии. – Болгары, жившие к северу от Греции, в те времена делали частые нападения на Греческую империю.

7081 - Царские чиновники имели особые дневники, в которые заносились все важнейшие события, совершавшиеся в империи.

7082 - Т. е. считая простым сором, которой выметается из дома. Филип. 3 – «Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа»;

7083 - Ефес. 6– «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против

мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной».

[7084] - Геллеспонт – нынешний Дарданелльский пролив. Геллеспонтом назывался также и округ на восточном берегу этого пролива.

[7085] - Эта молитва преп. Иоанникия употребляется и ныне в богослужении церковном, именно в конце повечерия.

[7086] - На западе Малой Азии.

[7087] - Вероятно, это часовня. Часовни или молитвенные дома строились пустынниками, которым далеко было ходить в церковь, или же частными лицами, особенно на тех местах, где скончались и были погребены их родители.

[7088] - Тяжелые оковы, кои подвижники надевали на себя для умерщвления плоти.

[7089] - Локоть – 10,5 вершков.

[7090] - Никифор I царствовал с 802 по 811 г. Сын его, Ставрикий, царствовал только два месяца, а через три месяца, по своем низложении, умер.

[7091] - С именем Евстафия соединяется воспоминание о нескольких мучениках (именно 7 июля, 20 августа, 27 сентября, 24 октября и др.). Какой мученик имеется в виду здесь, – неизвестно. Вероятнее всего здесь разумеет Евстафия, епископа Кийского, или Прусиадского, пострадавшего за святые иконы. Иоанникий в то время жил на горах, стоящих недалеко от Пруссиады.

[7092] - Лев V Армянин царств, с 813 до 820 г.

[7093] - Михаил II косноязычный царствовал с 820 до 829 г.

[7094] - Халкидон – город в Вифинии. Там был 4-й Вселенский собор. Никея – город в той же области. Там был 1-й Вселенский собор.

[7095] - Студиты – монахи Студийского монастыря в Константинополе, построенного в половине V-го ст. консулом Студием в честь Иоанна Крестителя «неусыпающими», потому что, будучи разделены на три отделения, поддерживали постоянное богослужение в церкви.

[7096] - Иез. 3:9; Иер. 7:18–19.

[7097] - Феофан исповедник, заключенный в темницу Львом Армянином за исповедание истинной веры. Он был игуменом в Сигрианской области, около Кизика, в Малой Азии. Память его празднуется 11 октября

[7098] - Остров Фас или Фазос – остров на Эгейском море. Плодородие этого острова вошло у древних в пословицу.

[7099] - Т. е. переселится в небесные обители,

[7100] - Так назвал диавола Господь Иисус Христос (Иоан. 8:44), потому что он был первым виновником духовной и телесной смерти людей, искусивши их в раю.

[7101] - Клувийский – от греческого слова клувос – клетка. В некоторых монастырях общежительных были и отдельные помещение, или клети, для желавших вести уединенную жизнь.

[7102] - Начальники и начальницы монашеских обителей имели знаком своего достоинства жезл.

[7103] - С 829 по 842 г.

[7104] - Т. е. особенно не бойтесь, когда вам придётся говорить пред сильными и знатными людьми, ибо Я дам вам способность говорить мудро. Мк. 13и Лк. 21:15.

[7105] - Император Византийский Михаил III, с 842 до 867 г.

[7106] - Измаильтяне, иначе Арабы, потомки Измаила, сына Авраамова. Арабы в то время составляли могущественное государство.

[7107] - На востоке чрезвычайно много диких собак, которые отличаются чрезвычайною лютостью.

[7108] - Эллинами назывались собственно Греки; но в житиях святых этим именем иногда обозначаются вообще язычники.

[7109] - Комит – градоначальник.

[7110] - Под хлебом небесным можно разуметь или действительную пищу, которая чудесно посылаема была святым мученикам в темнице, или вообще подкрепление их свыше, при котором они не нуждались и в пище.

[7111] - Плес – ныне заштатный город Костромской губернии Нерехотского уезда, на берегу реки Волги.

[7112] - Финикия – узкая полоса земли, тянущаяся вдоль восточного (азиатского) берега Средиземного моря к северу от Палестины. Страна эта была известна с древнейших времен и первоначально населена была народом, родственным народу еврейскому и вместе первым морским и торговым народом древнего мира, основавшим свои колонии и склады в различных местах земного шара. В глубокой древности главные города Финикии представляли из себя отдельную самостоятельную общину, а затем они образовали союз, во главе которого стал город Тир. В VIII веке до Рождества Христова Финикия была покорена ассириянами и потом последовательно переходила под власть различных народов: вавилонян, персов, греков, римлян, арабов, турок-сельджуков, и турок-османдисов, каковым принадлежит до настоящего времени. Начало христианства в Финикии относится ко временам апостольским.

[7113] - Епарх – начальник области.

[7114] - Т. е. языческого.

[7115] - Артемида – греческая языческая богиня луны и охоты. О великолепном храме её в Ефесе, в Малой Азии, упоминается в книге Деяний Апостольских (Деян.19:24–29).

[7116] - Галилеянами именовались последователи Христа, Коего называли «Иисусом Галилеянином» (Мф. 26:69), потому что детство и отрочество Свое Он провёл в Назарете, незначительном городе Галилеи.

[7117] - Лик – сонм, собрание.

[7118] - Гора Пуплион, или Публион, по свидетельству Симеона Метафраста, находилась близ горы Синая.

[7119] - Подвигоположник – перевод греческого слова, означавшего у древних Греков весьма почётную должность распорядителей состязаний (в беге, в управлении конями, борьбе и пр.). Здесь, разумеется Господь Иисус Христос, как положивший Своею крестною смертью основание и начало подвигам умерщвления плоти и духовного совершенствования, в котором христиане сраспинаются Христу, т. е. как бы

приемлют участие в Его страданиях, и в то же время как Судия этих подвигов и раздаятель наград за них.

[7120] - Как овча на заклание. Эти слова заимствованы из Ис. 53и заключают в себе собственно пророчество о крестных страданиях Спасителя (именно, о безропотном перенесении Им этих страданий).

[7121] - Его память 11 марта

[7122] - Василий Темный был великим князем от 1425 до 1462 г., а его сын Иоанн III от 1462 до 1505 года.

[7123] - Неаполь, главной город провинции Италианского королевства с тем же названием; расположен по северному берегу Неаполитанского залива. Путеолы – приморский город в средней Италии.

[7124] - Филиппополь – древний укрепленный город во Фракии, ныне в Восточной Румелии, на реке Марице.

[7125] - Ефес, при Эгейском море, был важный торговой город в Малой Азии. Первые начала веры христианской положены были в нем учениками Иоанна Крестителя; уже Апостол Петр нашел здесь христиан, но главным образом Евангелие проповедано здесь Апостолом Павлом; потом ученик его, Тимофей, был здесь епископом; наконец, Ефес был местом пребывания Апостола и Евангелиста Иоанна, который тут и скончался. В настоящее время на месте древнего г. Ефеса находится бедная турецкая деревушка, называемая Айся Солюк.

[7126] - Синоны, город на южном берегу Черного моря.

[7127] - Лев Армянин – с 813 по 820 г. Феодор Студит так описывает те несчастья, которые Церковь испытывала в это царствование: «О страшно слышать! Досточтимая икона Спасителя, которой и бесы страшатся, подвергается поношению и унижению, не только в царствующем граде, но и во всех местах и городах, жертвенники истреблены, святыни осквернены. Умолкли все уста благочестивые от страха смерти, открылся противный и богохульный язык».

[7128] - Синклит – правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

[7129] - Император Констанций царствовал с 337 по 361 год.

[7130] - Солунь – русская переделка греческого названия города Фессалоники, по современному произношению Салоники. Город этот, первоначально называвшийся Фериа, находится в европейской Турции на северной оконечности Салоникского залива (Средиземное море). Христианская вера проповедана была здесь впервые святым Апостолом Павлом Х. – См. 1Фессал. 1:1). Святым Апостолом Павлом написаны два послание к жителям Солуня, которые толкователями признаются за первые по времени писания сего Апостола.

[7131] - Здесь разумеется Антиохия Сирийская, некогда великолепная столица Сирийского государства, а ныне бедный городок Азиатской Турции.

[7132] - Ср. Матф. 5:14.

[7133] - Святой папа Юлий управлял Римскою церковью с 337 по 352 год.

[7134] - Констант царствовал с 337 по 350 год.

[7135] - Слово «ирини» с греческого означает: «мир», «тишина».

[7136] - Коринф – один из самых знаменитых городов древней Греции; находится на Пелопонесском полуострове (южная оконечность Балканского полуострова) при заливе Коринфском; в древности славился своею просвещенностью и обширною торговлею, но вместе – и легкостью нравов жителей. Христианство насаждено было здесь впервые святым Апостолом Павлом и Аполлосом. Апостол Павел написал два обширных послания к Коринфским христианам. В настоящее время этот древний город принадлежит Греческому королевству, называется Куронто.

[7137] - Киликия – юго-восточная область Малой Азии. Фракия – Византийская провинция в юго-восточном углу Балканского полуострова; ныне Турецкая провинция – Румелгя, Халкидон – город на Малоазиатском берегу Босфорского залива против Константинополя, известный в истории церкви по бывшему в нем 4-му Вселенскому собору; Сирия – провинция на северо-востоке от Палестины.

[7138] - Сардика – город Мизийской провинции (в средине Балканского полуострова).

[7139] - Средец – теперешняя София, главной город в Болгарии.

[7140] - Филиппополь Македонский или Филиппы – город, названный по имени Филиппа, царя Македонского, отца Александра Великого. (в половине IV в. до Р. Х.). Македония – некогда могущественное государство, а впоследствии – провинция Византийской империи. Святой Апостол Павел (в сопровождении Луки, Тимофея и Силы) проповедал здесь христианство, положил начало знаменитой в древности церкви Филиппийской и неоднократно посещал этот город (Деян.16:12–40).

[7141] - Армения – провинция Римско-Византийской империи, находившаяся в северо-восточной части Малой Азии. До 70 г. до Р. Х. Армения входила в состав Понтийского царства, а затем была завоевана Римлянами.

[7142] - Пафлогония – древняя область Малой Азии, на средней части южного берега Черного моря. До 64 г. до Р. Х. принадлежала к царству Каппадокийскому, а с указанного времени перешла к Римской провинции Вифинии – Понту и затем вошла в состав Византийской империи.

[7143] - Мантина – небольшой город в Пафлагонии.

[7144] - Здесь разумеется император Феодосий Великий, царствовавший с 379 по 395 гг. по Р. Х.

[7145] - Здесь разумеется бывший при императоре Феодосии Великом 2-ой Вселенский собор (381 г.) в Константинополе, осудивший арианство и все возникшие из него ереси – главным образом ересь Македония, нечестиво учившего о Святом Духе.

[7146] - Старица – уездный город Тверской губернии на реке Волге.

[7147] - Блаженной Максим Грек, вызванный из Святой горы для исправления богослужебных книг, оставил много сочинений. После продолжительного заключения, скончался в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в 1656 г.

[7148] - Свияжск – уездный город Казанской губернии на реке Свияге.

[7149] - Зилантовский мужской монастырь близ Казани был основан по повелению Иоанна Грозного на месте погребения воинов, павших при взятии Казани.

[7150] - Церковь св. Николая Мокрого находится в Москве в Китай-городе, в Зарядье.

[7151] - Тавромения – значительный город на восточном берегу Сицилии.

[7152] - Вторая или Великая Каппадокия – весьма обширная область в средине восточной части Малой Азии, к западу от верховьев реки Евфрата. Некогда Каппадокия была одним из значительных государств Азии, но затем потеряла самостоятельность и в конце концов вошла в состав Римской империи, как ее провинция (в 17 или 18 году по Р. Х.).

[7153] - Тиана – город в юго-западной части Каппадокии. Ныне – Нигры или Нигдели.

[7154] - Мелитина – город в Армении, теперь Малатие.

[7155] - В то время городские ворота, т. е. входы, сделанные в стене, окружавшей весь город, запирались с заходом солнца, и после того нельзя уже было проникнуть в город.

[7156] - Слова Спасителя. Повредить душе значит сделать ее пристрастною к мирской суете и неспособною к вечно блаженной жизни, а, следовательно, подвергнуть ее вечному мучению в аду.

[7157] - Ответ мученика Лизию основан на словах: «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32:6).

[7158] - Писидия – внутренняя малоазийская провинция Рима к юго-западу от Каппадокии. Здесь проповедовал христианство святой Апостол Павел

[7159] - Анкира – главный город малоазийской провинции Рима Галатии, ныне Ангора. Галатия занимала самую средину малоазиатского полуострова, Анкира же находилась на северо-западной окраине провинции.

[7160] - Что называлось Вадисаномт – неизвестно. Предполагают, что это – то же, что Васадон или Валвадон – город в Каппадокии.

[7161] - Юлиан царствовал с 361 по 363 г.

[7162] - Анкира главный город Фригии (западная область Малой Азии).

[7163] - Город в восточной Македонии.

[7164] - Магнезия – Лидийский город на северо-западе Малой Азии, при реке Герме.

[7165] - Обыкновенно иноки уходили из монастыря на святую Четыредесятницу в неделю сыропустную, перед чем совершали обряд прощания, от чего это воскресение и получило название «прощальное». Собирались иноки обратно в монастырь в Лазареву субботу.

[7166] - Константин Мономах царствовал с 1042 по 1054 г.

[7167] - Блаженная кончина его относится к 1053 г.

[7168] - Относительно указанных еретиков святой Епифаний Кипрский в книге «о ересях» сообщает следующее: «они назывались саторнилианами – от Саторнила, родоначальника этой ереси. Саторнил жил в Сирии, близ Данфиса, где впервые распространил свое учение. Деятельным помощником у него был Василид, который распространял это учение в Египте. Учение их об Ангелах сводилось к следующему: семь Ангелов создали мир и всё, что в мире. Творение человека произошло так: Ангелы, собравшись вместе, замыслили и сообща создали человека, по подобию приникшего свыше светлого образа… Но, когда был сотворён человек, Ангелы по бессилию своему не могли довершить его творение. Человек, лежал на земле и был принижен наподобие пресмыкающегося червя до тех пор, пока Всевышняя Сила, приникнув и умилосердившись, ради собственного Своего образа и вида, из милости послала искру Своей силы и таким образом ею восстановила и оживотворила человека. Эта искра – душа человека, которой непременно должно спастись».

[7169] - Колоссы – многолюдный город в древней Фригии (в Малой Азии) при реке Ликусе (приток Меандра). В 65 г. по Р. Х.

этот город вместе с соседними городами Лаодикией и Иераполисом был почти совершенно уничтожен страшным землетрясением, но впоследствии был возобновлен и процветал до XII стол. Впоследствии назывался Хоны.

[7170] - Как видно из 35 правила Лаодикийского собора, этим правилом осуждаются еретики молящиеся не Богу, а только Ангелам, как бы творцам и правителям мира.

[7171] - Поместный Лаодикийский собор, на котором 35-м правилом было отвергнуто нечестивое почитание Ангелов и установлено правильное их почитание и празднование Собору их, был во времена святого Сильвестра, папы Римского, за несколько лет до первого вселенского Никейского собора. Этот Лаодикийский собор был в 319 г., а по мнению других, в 320 и 321 г.; епископов на том соборе было 32; председательствовал на нем митрополит Лаодикийский Нунехий.

[7172] - «Престолы земных судей» – образное выражение относительно пределов власти земных судей.

[7173] - Учение о том, что каждый народ и каждое царство имеют своего Ангела, основывается на словах пророка Даниила (Дан. 10:13), где говорится об Ангелах царства Персидского и Иудейского.

[7174] - Святый Григорий Двоеслов. Толкование 4 на Евангелие.

[7175] - По значению слова, Михаил есть Ангел, обладающий необыкновенною, беспримерною духовною силою. У пр. Даниила он представляется особенным защитником и покровителем народа Иудейского (Дан.10:13, 21, 12:1). В откровении св. Иоанна Богослова (по-гречески Апокалипсисе) Архистратиг Михаил показан защитником христиан и низложителем дракона с его Ангелами: «была война на небе; Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и низвержен был великий дракон, змий древний, называемый диаволом и сатаною, с его Ангелами на землю»; тогда в злобе своей он начал вредить Церкви Христовой и продолжает вести брань со святыми (Апок.12:1–17); но, в утешение верующим дается видеть в Откровении, что это исконная борьба с врагом нашего

спасения окончится совершенною победою Агнца (Откр. 19:1–21, 20:1–15), и что в борьбе с змием мы имеем высших защитников и покровителей, во главе со святым Архангелом Михаилом. Почитание святого Архангела Михаила в Православной Церкви восходит к самым древним временам.

[7176] - Денница – заря утренняя. Здесь под денницею разумеется отпадший Ангел, сатана, который был сотворен Богом прежде мира видимого светлым духом, как бы восходящей, ясной утренней зарёй, но, возгордившись и восстав против Бога, низпал в бездну и подвергся вечному осуждению.

[7177] - Святый Григорий Двоеслов. Толкование 4 на Евангелие.

[7178] - Перга – город в Памфилии в южной части Малой Азии, на правою, берегу Кестра с знаменитым в древности храмом языческой греко-римской богини Артемиды; в позднейшую римскую эпоху Перга была административным центром провинции. В настоящее время на этом месте находится турецкий город Бергамо.

[7179] - Очевидно, здесь рассказывается о втором обретении честной главы Предтечи, которое относится к 452 году.

[7180] - Берит – древнейший приморский город на Финикийском берегу Малой Азии.

[7181] - В притче Христовой о десяти женах. Мф.25:1.

[7182] - Св. Лев I (Великий) – Византийские император, царств, от. 457 по 474 г.

[7183] - Прп. Матрона ум. 492 г.

[7184] - Эгейское море – ныне Архипелаг. Парос – один из крупных Кикладских островов на Архипелаге.

[7185] - Илиотропион – подсолнечник.

[7186] - Лезвия – Лесбос, – остров на Эгейском море, впоследствии названный по имени главного города Митиленой. На северной стороне острова находится гор. Мефимна, ныне Моливон, с обширными гаванями, пришедший вт. упадок еще во времена Пелопонесской войны (406 г. до Р. Хр.).

[7187] - К рассказу об этом св. Димитрий Ростовский «В настоящее время некоторые из христиан удивляются, что Божественные Тайны были вручены тому охотнику нести их в пустыню и что он, мирянин и непосвященный, дерзнул носить оные Тайны, которые подобает носить одним только иереям. Но пусть они не удивляются этому – таков был обычай первенствующей Церкви: в то время и непосвященным дозволялось брать в руки Божественное причастие и носить с собою и в отстоящие далеко от церкви дома и в дальний путь… Но потом святые отцы запретили непосвященным принимать в руки и выносить из церкви Тело Христово, а в особенности запретил это св. Иоанн Златоуст и запретил по следующей причине. Во время его патриаршества в Константинополе некоторая знатная женщина, приняв в церкви часть пречистого Тела Христова, принесла оное домой и смешала с каким-то снадобьем для волхвования. Узнав об этом, св. Златоуст с того времени повелел по всем церквам, чтобы части Тела Христова не влагались в руки, но чтобы вместе с Божественною, под видом вина, Кровью преподавались посредством лжицы в уста. До этого времени в Церкви лжицы не употреблялось, но части Тела Христова полагались прямо в руки христианам, а св. Кровь подавалась из чаши. С этого же времени, по повелению св. Златоуста, Божественное причастие стало преподаваться посредством лжицы и дозволено носить его только посвященным, а непосвященным не позволено никоим образом касаться, дабы не было какого-либо бесчестия Святым Тайнам».

[7188] - Преп. Феоктиста ум. 881 г. после 36-летних подвигов на о. Паросе.

[7189] - Рыба эта называется реморою, потому что она, собираясь около корабля большими стаями, задерживает ход корабля.

[7190] - Преп. Иоанн Колов подвизался в первой половине V-го века.

[7191] - «Колов» в переводе с греческого: малорослый.

[7192] - Скитская Египетская пустыня, именовавшаяся также просто «Скитом» находилась на расстоянии дневного пути (25–

30 верст) от горы Нитрийской, в северо-западной части Египта. Это была безводная, каменистая пустыня, излюбленное место Египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков. От сей местности впоследствии получили наименование скита и другие иноческие пустынные обители, в коих ревностнейшие иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия в Боге Едином.

7193 - Это дерево видел современник Иоанна в 402 году. Древо послушания и теперь еще цело, изобилует плодами и одето отличною зеленью.

7194 - Память преподобного Арсения Великого 8 мая

7195 - Святые мученики Онисифор и Порфирий пострадали в начале IV столетия. Селение Пангианское, иначе Панкеан, лежало в Македонии, около горы Пангей, от которого и получило свое наименование. О пребывании святых мощей из в этом селении и об истекавших от них чудесах есть упоминание в 9-ой песни канона, составленного Иосифом Песнописцем (тропарь 3-й).

7196 - Маврикий царствовал с 582 по 602 г.

7197 - Блаженная Сосипатра уже прежде того начала приучать себя к евангельской жизни. Тетка её Дамиана была игуменией Иерусалимской обители и потом жила затворницей. Сосипатра путешествовала в Иерусалим для поклонения святым местам его и год прожила у тетки, выслушивая уроки её о духовной жизни. «В одно время, говорит блаженная Дамиана, (см. «луг духовный» Иоанна Мосха) пришла в святый город племянница моя, дочь императора Маврикия, и провела целый год здесь. Однажды, взяв ее с собою, пошли мы к св. Косме и Дамиану. Стоя в храме, говорю я племяннице: «Смотри госпожа, когда придет старица и будет давать тебе два нумула (полушка), возьми их, не гордись». Она со вздохом сказала: «Как это приму я?» Я сказала ей: «Прими; эта жена велика пред Богом. Каждую неделю она раздает свои нумулы находящимся в храме. Прими лепты; приняв, отдай ты другому; только не отвергай усердие старицы».

[7198] - Кончина св. Евстолии относится к 610 г., св. Сосипатры к 625 г.

[7199] - Апамея Сирийская находилась в юго-западной Сирии, при самой большой реке Сирии Оронте. Апамея в древности была главным городом области Сирии Апамены и получила свое наименование по Апаме, жене Селевка I, правителя Сирии.

[7200] - В начале IV в.

[7201] - Тианы, древний город Каппадокии, у подножия Тавра, близ Киликийских ущелий.

[7202] - Пядень – древняя мера длины. Она равнялась пространству от конца большего пальца до конца мизинца.

[7203] - Кончина мученика Ореста последовала около 304 года. Память его празднуется еще 9 июля.

[7204] - Поприще – мера расстояний, равняющаяся нашим 690 саженям. Следовательно, двадцать четыре поприща составляют тридцать три версты с небольшим.

[7205] - Т.е. Св. Димитрий Ростовский

[7206] - Память коих празднуется Церковью 13 декабря

[7207] - Из области Рахизинской.

[7208] - Научное образование св. Милий получил в Бет-Лапете, в 80 верстах от Испагани, одного из значительнейших городов Персии.

[7209] - Еламская страна или область лежала по ту сторону Тигра, между южною Месопотамиею, Мидиею, Вавилониею и Ираном. Сузы – древнейший город Персидский, бывший богатою столицею Сузианы и резиденцией первоначально Еламских, затем Персидских царей.

[7210] - Здесь разумеется Персидский царь Сапор II.

[7211] - Селевкия-Ктезифон – двойной город на р. Тигре, один из важнейших древних торговых пунктов на Востоке.

[7212] - Это было в 334 году. Церковной раздор произошел из-за того, что один епископ Папа, еще за десять лет до этого отказавшийся от кафедры, заявил незаконные притязания на власть в Церкви.

[7213] - Это было в 341 году 12 ноября, но ради св. Иоанна Златоуста память их перенесена на 10 ноября.

[7214] - Патры, ныне Патрас – богатый торговый город в королевстве Греческом, на берегу Патрасского залива.

[7215] - Блаженная кончина Апостолов Олимпа и Родиона последовала в 67 году.

[7216] - Провинция в Греции.

[7217] - Икония – город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда главным городом Ликаонской области; ныне – Коние, главный город Малоазийской Турецкой области Карамании.

[7218] - В I веке, на о. Корфу, где он вместе с Ап. Иасоном, проповедовал христианство

[7219] - Город на севере Палестины.

[7220] - Берит – нынешний Бейрут – древний город Финикии, на берегу Средиземного моря. В настоящее время столица Ливана.

[7221] - Вместе с сими святыми Апостолами Церковь воспоминает в сей день и Апостола Тертия, память и изображение коего см. 30 октября свв. Апостолов.

[7222] - Котуан – древний город во Фригии. Фригия – большая область Малой Азии, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того Южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Гелеспонта (Дарданелы), позднее причислявшийся к Мизии. Границы её: на западе – Мизия, Лидия и Кария, на юге – Ликия, Писидия и Ликаония, на востоке – Каппадокия, на севере – Галатия и Вифиния.

[7223] - Оба императора царствовали вместе с 284 по 305 г. – Диоклетиан – на Востоке, Максимиан – на Западе.

[7224] - Мученическая кончина святого Мины последовала в 304 году. В церковной службе этого дня вместе с мучеником Миною прославляются и свв. мученики Виктор, Викентий и Стефанида, но большинство церковных песнопений посвящено мученику Мине.

[7225] - Александрия – знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 года до Р. Х. на мысе,

выдающемся в южный берег Средиземного моря, (несколько южнее нынешнего города того же наименования); был некогда центром науки и первым торговым городом в мире; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

[7226] - Исаврия – небольшая, мало исследованная и скрытая в горах, местность древней Малой Азии, граничившая на востоке с Ликаониею, на севере с частью Фригии, на западе с Писидиею. В Исаврии главный город был Исавра (ныне Улубуиар), весьма богатый и многолюдный.

[7227] - Антонин – римский император, более известный под именем Марка-Аврелия Философа, царствовал с 161 по 180 г.

[7228] - Августополь (т. е. город Августа) получил свое наименование от Римского императора Октавиана – Августа, который в 27 году до Р. Х. основал здесь военную Римскую колонию из своих ветеранов. Августополь известен также под именем Сарагоссы. В настоящее время Сарагосса, – главный город Испанской области того же имени и столица бывшего королевства Аррагонии, на правом берегу реки Эбро, – имеющий около 100.000 жителей.

[7229] - Валенсия – главный город Испанской провинции того же наименования. Он был заложен Брутом, основавшим здесь Римскую колонию, после одержанной победы над лузитанцами, в 138 году до Р. Х. Находясь посреди замечательно плодородной долины, Валенсия принадлежит к прекраснейшим и замечательнейшим городам Пиренейского полуострова.

[7230] - Блаженная кончина мученика Викентия последовала в 304 году. Мощи святого почивают в Риме, в церкви его имени, в загородном монастыре.

[7231] - Фотин, отец преп. Феодора Студита, был сборщиком царских податей.

[7232] - Константин V Копроним, Византийский император-иконоборец, царствовал с 741 до 775 г.

[7233] - Лев IV Хазар царствовал с 775 по 780 г.

[7234] - Св. Ирина, супруга Льва Хазара, управляла по его смерти государством, за малолетством сына своего,

Константина Порфирородного, с 780 по 797 г. и потом после него самостоятельно по 802 г.

[7235] - «Ирини» – с греч. значит «мир».

[7236] - Никея (ныне Исник) – на северо-западном берегу Малой Азии, на берегу Асканиева озера, в древности богатый и цветущий город Вифинии, ныне весьма бедный и малонаселенный. VII Вселенский собор происходил под председательством самого Тарасия. Воспоминание VII Вселенского собора совершается 11 октября

[7237] - Олимп – гора в Мизии на Фригийско-вифинской границе в Малой Азии. Здесь находился славившийся подвижничеством своих насельников монастырь, именовавшийся «Символами», где и подвизался преп. Платон исповедник. Память его совершается 5 апреля

[7238] - Как сам преп. Феодор упоминает о том в одном из своих сочинений, он был прежде женат, но на 22 году жизни посвятил себя иноческой жизни, равно как и супруга его Анна.

[7239] - Сакудион – впоследствии знаменитый монастырь, недалеко от Вифинской горы Олимпа.

[7240] - Обитель монашеская была основана преп. Платоном в 782 году.

[7241] - Впоследствии причислен к лику святых; память его совершается 26 января

[7242] - Св. Василий Великий был сам строгим подвижником и ревнителем иноческого аскетизма. Он поучался богоугодной жизни христианских подвижников в Египте и др. странах, процветавших иночеством, и потом сам основал в пустыне Понтийской обитель, ставшую образцом для других обителей. Впоследствии он составил устав иноческий, т. н. «Большие и малые монашеские правила», в руководство иноческой жизни, принятые и распространившиеся на востоке в качестве законоположений для иноческих обителей.

[7243] - Это было в 794 году.

[7244] - В октябре 790 года, когда Константину было двадцать лет.

[7245] - Первой супругой Константина была Мария, внучка прав. Филарета Милостивого (на северо-востоке Малой Азии), Армянского племени; Константин вступил с нею в супружество по воле своей матери. Второй брак императора с Феодотией, бывшей до того времени придворной дамой, был заключен в 795 г.

[7246] - Должность «Эконома великой», т. е. Константинопольской, «церкви» была одною из самых значительных должностей при Константинопольском патриархе; «эконом великой Церкви» заведывал всею патриаршею казною и имел большое влияние на церковные дела.

[7247] - Босфор – Константинопольский пролив, между Чёрным и Мраморным морями. Готы обитали в то время по Нижнему Дунаю.

[7248] - Это было в 796 году. – Солунь или Фессалоники – весьма значительный древний город Македонии лежал в глубине большого Солунского или Фермейского залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, с весьма многочисленным населением.

[7249] - Т. е. обитавшие на Крымском или Таврическом полуострове (в западной и восточной его частях), где в то время было много греческих колоний, основанных в глубокой древности.

[7250] - Папою Римским был в то время св. Лев III (796– 816 г.).

[7251] - Это было 19 августа 797-го года.

[7252] - Агаряне, т. е. мусульмане-арабы, которые назывались так по имени Агари, матери Измаила, от которого и произошло племя Арабов. Арабы в то время, пользуясь частыми смутами при Византийском дворе, делали опустошительные набеги на пределы Византийской империи.

[7253] - Патрициями назывались в Римской и Восточный, Византийской, империи лица высшего сословия, соответствующего нашему родовитому дворянству. Проконсулами назывались наместники императора в провинциях и областях.

[7254] - Монастырь «Неусыпающих» был основан в V веке в Константинополе преп. Александром – 430 г.), по смерти которого иноки этой обители переселились в Вифинию, северо-западную область Малой Азии, где основали свой монастырь и откуда впоследствии возвратились опять в Константинополь. «Неусыпающими» иноки этих монастырей назывались потому, что в них богослужение совершалось непрерывно, в течение целых суток.

[7255] - Преп. Феодор Студит был поставлен игуменом Студийского монастыря в 798 году; по имени монастыря сего, он и остался известным под именем «Студита».

[7256] - Екклисиарх – с греч. начальник храма обязан был наблюдать за церковным зданием и чистотой в нем, а также порядком Богослужения в монастыре, по указаниям церковного устава.

[7257] - В настоящее время по спискам известны следующие сочинения преп. Феодора, касающиеся устава и чина церковного: «Изображение постановления обители Студиевой», эпитимии для всей братии и определение о сыропустной седмице. Студийский устав отличается от других уставов монастырских, и в том числе Иерусалимского, более правилами монашеской жизни, чем богослужебными. Но при этом церковный устав обязан преп. Феодору и значительным дополнением, касающимся состава и округленности церковных служб. Служба по Студийскому уставу была несколько короче и не так торжественна, как по Иерусалимскому. Позднее, в конце XI века, он был введен в руководство Русскою Церковию и держался в ней до половины XIV в., когда начинает уступать Иерусалимскому, но по местам оставался в силе гораздо дольше, а в некоторых монастырях русских он действовал даже до последнего времени.

[7258] - Кроме устава, преп. Феодором Студитом написано много других сочинений, главное направление которых – назидание души во спасение. Преп. Феостерикт, один из близких к Феодору по времени учителей Церкви, наименовал его «пламенным учителем Церкви». Преподобный писал слова, оглашения, письма к разным лицам, эпиграммы,

жизнеописания. К числу догматических его сочинений относятся: догматическая книга об иконах против иконоборцев, семь глав против них же и многие из писем, изображающие историю иконоборства. Затем сочинения преподобного заключают в себе увещание вести жизнь христианскую, из каковых сочинений известны два катихизиса, большой из 264 наставлений и малый из 134. Эти наставления и увещания преподобный произносил сам братиям, каждое приспособляя ко дню. Кроме того, от преп. Феодора остались: книга с похвальными словами на Господские праздники, на празднование Богоматери, Иоанна Предтечи подвижнической несколько глав, эпиграммы и ямбические стихи, коими написаны: книга о сотворении и падении Адама, братоубийстве Каина, о Енохе, Ное и его детях, и гимн св. Иоанну Предтече. Далее следуют каноны и трипеснцы со стихирами, включенные в состав Постный Триоди (на субботу мясопустную о Страшном Суде Христовом, на субботу сырный недели всем отцам, на третью неделю Великого поста св. Кресту, трипеснцы со стихирами на все дни, за исключением страстной седмицы, четверопеснцы на 2, 3, 4 и 5 седмицы Великого поста и др.), умилительный канон Господу Иисусу «для пения в нощи».

7259 - Никифор I царствовал с 802– 811 г. В царствование Ирины он был хранителем государственной казны.

7260 - Преемник св. Тарасия, св. Никифор I (Исповедник) кафедрою с 806–815 г. Ум. в 826 г. Память его 2 июня

7261 - Это было в 809-м году.

7262 - Фракия – область Византийской империи, в северо-восточный части Балканского полуострова.

7263 - Под варварами, которые далее называются Скифами, здесь разумеются Болгары, в 809-м году сделавшие, под начальством Крума, нападение на северные пределы империи.

7264 - Михаил I Рангав, свояк Ставрикия, царствовал с 811 до 813 г.

7265 - Киропалатами назывались при Византийском дворе начальники дворцовой стражи.

7266 - Прп. Платон (ум. 814 г.)

[7267] - Авгарь – князь Едессы, – города, лежащего на одном из левых притоков верхнего Евфрата, по преданию, еще при жизни Спасителя, услыхав о Его чудесах, отправил к Нему послание с просьбою прийти и исцелить от болезни. Спаситель послал к Нему убрус (полотенце) с изображением Своего Лика; прикоснувшись к убрусу, Авгарь получил испеление. Так явился Нерукотворенный образ Спасителя, впоследствии- 16 августа 944-го года – перенесенный из Едессы в Константинополь.

[7268] - Св. патриарх Никифор Исповедник был сослан 1 марта на остров Проконис (нынешняя Мармара на Мраморном море); на его место на патриарший престол был возведен один из придворных чиновников, Феодот, иконоборец.

[7269] - Тропарь Нерукотворенному образу Спасителя.

[7270] - Аполлония – часто встречающееся название древних городов. Здесь разумеется древний город в Иллирии, известный, как один из видных центров римской образованности. Метопа – крепость Аполлонии.

[7271] - Вонита, или Бонит – в Анатолии, иначе Малой Азии.

[7272] - Т.е. нынешние временные страдания ничего не значат в сравнении с тою славою, которая откроется в нас в будущей жизни.

[7273] - Св. Пасхалию, бывшему Римским папою с 817– 824 г.

[7274] - Иерусалимскому патриарху Фоме I (ум. после 820 г.).

[7275] - Александрийскому патриарху Христофору (805– 836 г.).

[7276] - Под Асией разумеется Малая Азия, или точнее – западная часть ее.

[7277] - Это было в 819 году. Смирна – древний знаменитый торговый город на западном берегу Малой Азии; в настоящее время представляет из себя один из самых цветущих городов Малой Азии, с населением свыше 120.000 жителей.

[7278] - Михаил II Травлий или Валвос, т. е. козноязычный, царствовал с 820– 829 г.

[7279] - Халкидон – главный город Вифинии, на северо-западном берегу Малой Азии, на южном конце Константинопольского пролива, против Константинополя.

Халкидон известен в истории Церкви тем, что в нем происходил IV Вселенский собор (451 г.).

[7280] - Название «магистра» означало при Византийском императорском дворе одну из высших придворных должностей, с которою соединялось звание более высшее, чем патриция.

[7281] - Местность эта находилась недалеко от Константинополя.

[7282] - В декабре 821 г. самозванец Фома, называвший себя сыном императора Константина VI и еще к концу царствования Льва Армянина провозгласивший себя императором в Малой Азии, подступил к Константинополю. Опасаясь, как бы православные не перешли на его сторону, Михаил Косноязычный обещал созвать собор для примирения их с гонителями св. икон. По сему случаю и Феодор Студит явился в Константинополь. Но собор не состоялся, так как самозванец был убит своими же сообщниками, и опасность для императора миновала.

[7283] - Акрит – мыс в Вифинии, близ, Никомидии, против Константинополя.

[7284] - Софроний был игуменом Студийской обители с 861–864 г.

[7285] - Пафлагония – область на севере Малой Азии.

[7286] - Сардиния – большой остров на Средиземном море, к западу от Италии.

[7287] - Известны и сохранились до настоящего времени два жития св. Стефана Дечанского: одно написано современником, продолжателем труда сербского архиепископа Даниила, писавшего Родослов, или Цареставник, т. е. жития кралей и архиепископов Сербских; другое написано позднее, лет через шестьдесят, игуменом созданной св. Стефаном Дечанской обители Григорием Цамвлаком, бывшим впоследствии митрополитом Киевским. Эти жития и положены в основу настоящего изложения.

[7288] - Милутин правил Сербией с 1282 по 1320 г.

[7289] - Правил с 1243 по 1276 г.

[7290] - Св. Стефан Первовенчанный преставился в 1224 г., правил с 1195 г.

[7291] - Св. Стефан (Симеон) Неманя правил с 1159 г. по 1196 г.

[7292] - Андроник Старший Палеолог был императором в Царьграде с 1281 г. по 1332 г.

[7293] - Город в Македонии на реке Вардаре; теперь по-турецки называется Ускюб.

[7294] - Город Призрен находится в Старой Сербии, принадлежащей теперь Турции, близ реки Белаго Дрина, на его небольшом левом притоке Марице.

[7295] - Область на юге теперешней Греции.

[7296] - Михаил Бдинский или Виддинский (от города Виддина на Дунае) был болгарским царем с 1323 г. по 1330 г.

[7297] - Валахия – юго-западная часть нынешнего румынского королевства.

[7298] - Молдавия – севернее Валахии. Вместе с последнею она составляет Румынское королевство.

[7299] - София – город в Болгарии, теперешняя столица Болгарского княжества.

[7300] - Вардар протекает в Турецкой области Македонии мимо города Калканделен.

[7301] - Неродимля находится на р. Неродимке, притоке верхнего Вардара, близ водораздела между Эгейским морем, куда течет Вардар, и Дунаем, куда течет начинающаяся здесь река Ситница через знаменитое Косовское поле в реку Ибар, впадающую в сербскую Мораву, текущую в Дунай.

[7302] - Скадар, на юге Скадарского озера, близ истока из него реки Бояны, текущей в Адриатическое море.

[7303] - Фессалия находится теперь в Турции по соседству с Греческим королевством, на северо-восток от него.

[7304] - А. Ф. Гильфердинг; см. собрание его сочинений, том третий: Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Спб. 1873 г. стр. 129.

[7305] - Замок Звечан, развалины которого существуют и теперь, находился на северо-запад от Косова поля, за городом Митровицей, на левом берегу реки Ибра.

[7306] - Мученическая кончина св. Стефана Дечанского последовала 11 ноября 1331 г.

[7307] - Кипр – остров в северо-восточной части Средиземного моря. – Епифаний был главным военным начальником на острове. Св. Иоанн родился в городе Ама-Фунте, в южной части острова Кипра.

[7308] - Александрия – город в Египте, при западном рукаве р. Нила; основана Александром Македонским в 331 г. до Р. Хр.

[7309] - Император Ираклий царствовал с 610 по 641 гг.

[7310] - В Константинополе, во время епископства святого Прокла (434–447 гг.), ученика Иоанна Златоустого сильное землетрясение, и весь народ пришел в ужас. Христиане крестным ходом обходили город, моля Бога прекратить бедствие и восклицая со слезами: «Господи, помилуй!» Вдруг во время молебствия, один отрок был поднят невидимою силою на воздух, и когда потом опустился на землю, рассказал, что видел лики Ангелов, воспевавших: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!» Как только это пение было повторено, то землетрясение прекратилось. Эту священную Ангельскую песнь было поставлено после того употреблять при богослужении. Но во время распространения ереси монофизитской, утверждавшей, что в Иисусе Христе пребывало тайно одно естество Божеское, поглотившее природу человеческую, некто Петр Фуллон, он же Кнафей, что значит валяльщик сукна, так как в молодости он занимался этим ремеслом (Фуллон – название валяльщика латинское, а Кнафей греческое), еще будучи пресвитером, прибавлял к Трисвятому – «распныйся за ны». Впоследствии этот Петр был патриархом в Антиохии (в девятидесятых годов V века). Так как он был монофелит, то этою прибавкою хотел выразить, что в страданиях Спасителя страдало не только Его Божество, но даже и вся Святая Троица. Последователи Петра составили особую секту, под именем Феопасхитов, сильно волновавшую

православный мир; много этих последователей было в Александрии в патриаршество Иоанна Милостивого (609–620 гг.).

7311 - Экономы заведывали церковным хозяйством. Эконом при патриархе ведал церковные доходы патриархии.

7312 - Ираклий вёл страшную войну с Хозроем II, царем Персидским. Хозрой взял Сирию и Палестину; один из его отрядов завоевал Египет, а другой проник до Халкидона, находившегося на противоположном берегу Константинополя. Война была до того жестока, что, например, при взятии Иерусалима, Хозрой разрушил церкви, осквернил св. места. При этом, по преданию, избито было 90000 христиан, и многие из них были куплены иудеями с нарочной целью избиения их. Это было в 614 г. Во время этих тяжелых бедствий патриарх Иоанн Милостивый и явился истинным целителем скорбей христиан. Война кончилась миром после побед над Хозроем Ираклия. Мир заключен был в 628 г. уже сыном Хозроя, царем Сироем, который захватил пленных и Честный Животворящий Крест Господень.

7313 - Литра – фунт, византийская мера веса, равная 72 золотникам, в серебре стоила до 42 р., а в золоте до 606 р. Эту меру нужно отличать от литра – меры сыпучих и жидких тел.

7314 - Британия иди нынешняя Англия, в древности славилась обилием олова.

7315 - Декаполь или Десятиградие – в северной части Палестины, – города, заселенные Греками.

7316 - Здесь разумеется нашествиё Персов на Египет, бывшее в 618 г., под предводительством Хозроя.

7317 - В 4 кн. Царств повествуется о том, как пророк Елисей исцелил Сирийского военачальника Неемана от проказы, не взяв за то денег. Слуга же Елисея Гиезий, пожалев, что господин его ничего не взял от Неемана, выманил у него много серебра и две перемены одежд. Узнав о сем, Елисей сказал Гиезию: «Пусть проказа Неемана пристанет к тебе и к твоему потомству на век». И вышел от пророка Гиезий белый от проказы, как снег (4Цар. 5:1–27).

[7318] - Остров на юге Италии на Средиземном море, славившийся плодородием своей почвы, и почему считавшийся в древности житницею Италии.

[7319] - Кувикуларий – постельник при царском дворе.

[7320] - Адриатическое море между Аппенинским и Балканским полуостровами.

[7321] - Так писал Апостол Петр христианам Малой Азии, увещевая с радостью переносить скорби (1Пет. 1:6), дабы испытанная вера оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота (1Пет.1:7).

[7322] - Газа – город в Палестине, на восточном берегу Средиземного моря, к юго-западу от Иерусалима.

[7323] - Тир, древняя столица Финикии, был расположен на восточном берегу Средиземного моря, к северу от Палестины.

[7324] - Блаженный Иоанн преставился в 619 г., ноября 11-го. Память же его празднуется 12 ноября потому, что 11-го в Египте торжественно праздновалась память муч. Мине, а в Константинополе Феодору Студиту. Мощи св. Иоанна Милостивого первоначально перенесены были в Константинополь (23 января), а позднее в г. Пресбург, в Венгрии, где находятся и в настоящее время.

[7325] - Преп. Нил родился во второй половине IV века и был учеником св. Иоанна Златоустого

[7326] - Одно из самых высших должностных лиц, заведывавшее высшим полицейским управлением города.

[7327] - Это было около 390 г.

[7328] - Синайская гора в северо-западной части Аравии, на восточном прибрежье Красного моря. Синай – почти с самого начала происхождения христианского монашества был излюбленным местом восточного подвижничества и славился подвигами своих иноков.

[7329] - Это было в 405 г.

[7330] - Здесь разумеется племя влеммидов, принадлежавших к арабскому племени и обитавших в Аравии.

[7331] - Емес – город в Сирии, на восток от реки Оронта, впадающей на северо-западе Сирии в Средиземное море.

[7332] - Кончина преп. Нила Постника последовала около 450 г. В пустыне провел он всего 60 лет.

[7333] - Преп. Нил, подобно великому учителю своему, св. Иоанну Златоусту, много занимался толкованием Св. Писания, также изъяснением догматов веры и особенно известен аскетическими творениями. Лучшее подвижническое сочинение его – книга о молитве. Далее следуют: сочинение об Аскетах, о самовольной бедности, о преимуществах уединенной жизни, наставления для Евлогия с прекрасными размышлениями об уклонении от мира, о твердости в борьбе, о терпении в скорбях и борьбе со страстями и т. д., «Ручная книжка Эпиктета» с изложением правил практической мудрости, извлеченных из сочинений этого языческого писателя, измененных в некоторых местах христианскими мыслями; письма преп. Нила, посланные к разным лицам и по разным поводам, – нравственного содержания. Все сочинения преп. Нила, при высоком достоинстве содержания их, отличаются чистотою и изяществом языка, дышат искренностью чувства и исполнены силы мысли, всегда ясной, как свет Божий.

[7334] - Силом – город в колене Ефремовом, почти в самой средине Земли Обетованной. Здесь, по переходе через Иордан и завоевании Земли Обетованной, поставлена была Скиния Моисеева с ковчегом, отчего город и получил свое наименование («Силом» – мир, покой). Город этот имел великое значение для Израиля, но впоследствии Господь отринул Свое жилище в Силоме за грехи сынов Израиля.

[7335] - Соломон, сын Давида третий царь Израильский, мудрейший и славнейший из царей Израильских, впоследствии омрачивший свое царствование падением и идолослужением, за что Бог и исторг царство Израильское из его рода, отдав 10 колен во владение Иеровоаму, бывшему прежде рабом Соломона, но потом ставшему, по разделении царства Соломонова, первым царем царства Израильского. Деятельность прор. Ахии относится таким образом к 1010– 963 г. до Р. Хр.

[7336] - Правил Ростовскою митрополиею с 1605 года, но во время смуты удален был с кафедры и вновь вступил на нее в 1612 году, когда Пожарский и Минин шли на освобождение Москвы. Митрополит Кирилл присутствовал при кончине царя Бориса Федоровича Годунова и встречал под Москвой и венчал на царство новоизбранного после смуты царя Михаила Федоровича Романова.

[7337] - Исцеление митрополита Кирилла относится к 1618 году.

[7338] - Сказание «о чудесах блаженного Иоанна Милостивого Власатого, Ростовского чудотворца», с XVII века составлявшееся и пополнявшееся в Ростове, не раз было напечатано по двум редакциям в Яросл. Епарх. Вед. (в 1860 и 1877) и отдельными брошюрами (1877 и 1884 г.).

[7339] - Софистами назывались учителя красноречия и адвокаты. Ливаний как учитель красноречия пользовался большою известностью; у него учился Юлиан Отступник, а из отцов церкви – Василий Великий известен как один из глубокомысленных и серьёзных философов того времени.

[7340] - Афины – главный город Греции, в юго-восточной части Балканского полуострова. Во времена Златоуста он славился своими философскими школами и школами красноречия. Здесь училось богатое и образованное юношество. Между прочим, здесь учились и некоторые отцы церкви: Василий Великий, Григорий Богослов и др.

[7341] - Этого Василия не следует путать со знаменитым отцом Церкви Василием Великим, который был уроженцем Каппадокии и имел уже высокий сан, когда Иоанн был еще отроком; в 370 г. он был уже епископом, умер в 379 г.

[7342] - Монастырь этот находился недалеко от Антиохии, в смежных с нею горах.

[7343] - Слова о священстве написаны Златоустом по следующему поводу. Когда святой Иоанн жил со своим другом Василием вдали от мирских дел, собравшиеся в Антиохии епископы вознамерились поставить их обоих в епископы; слух об этом дошел до Иоанна и Василия. Иоанн, считая себя

неприготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастырей Христовой Церкви, скрылся тайно от всех, и даже от своего друга Василия, в пустыню. Василий же был возведен в епископы г. Рафаны, близ Антиохии. Встретившись затем с Иоанном, он дружески стал упрекать его за уклонение от священного сана. В ответ на эти упреки св. Иоанн написал шесть слов о священстве, в которых красноречиво говорит о высоком достоинстве пастырского служения. Послание к Феодору написано по такому поводу: Феодор, будучи другом Иоанна, назначал себя к подвижнической жизни, но потом изменил своему решению, оставил отшельничество и женился. Огорченный этим, Иоанн написал Феодору два чрезвычайно сильных послания, в которых, описав яркими чертами суетность мира, призывает друга к иноческой жизни. Послание подействовало на Феодора: он снова возвратился к иноческой жизни, а потом сделался епископом Мопсуетским (в юго-восточной части Малой Азии).

7344 - Т. е. святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов.

7345 - В указанном месте Господь обращается к Своим ученикам с увещанием не прилепляться к земному, а искать прежде Царствия Небесного. Малое стадо – ученики, прежде всего, а затем и все последователи Христа, предызбранные Богом к Царству Небесному.

7346 - Адамант – алмаз, самый крепкий камень, который разрезает другие камни.

7347 - Брение – глина, грязь, персть земная.

7348 - Рассуждения: «О девстве» и «К вдове» исполнены самых возвышенных мыслей. В них святой Иоанн выступает ревнителем телесной чистоты и указывает средства к укреплению духа в борьбе с искушениями плоти. В сочинении против Юлиана он рассуждает, главным образом, о Промысле Божием и обличает богоотступничество императора Юлиана, который, быв просвещен святым Крещением, изменил вере Христовой, сделался язычником и врагом христиан. В истории Юлиан Отступник и известен, как ревностный покровитель язычества, стремившийся дать ему перевес над христианством.

[7349] - Святой Флавиан занимал кафедру Антиохийскую по смерти Мелетия с 381 по 404 г.

[7350] - Сирией называется береговая страна на восток от Средиземного моря, ограничиваемая Тавром, верхним Евфратом и Аравийскою пустынею.

[7351] - На пергаменте, кожаных листах, папирусе и других материалах, употреблявшихся тогда для письма.

[7352] - Маркионитская ересь получила название от Маркиона, жившего во II в. по Р. Х. Маркион учил, что вечен не один Бог, но и вещество, из которого сотворен мир (материя), с его властителем сатаною. Сотворение мира Маркион приписывал не Богу, но низшему существу – Демиургу, который представляет собою нечто среднее между Богом и материею. Душа человека – тоже творение Демиурга и отличается всеми свойствами его, т. е. она несколько духовнее видимого мира. Но материя стала постепенно поглощать душу. Все старания Демиурга спасти человечество от такого поглощения не привели ни к чему. Тогда благой Бог снисшел на землю, принял призрачное тело и открыл себя людям как Бог милосердия и любви. Но Демиург, завидуя его славе, возбудил против него иудеев, которые и распяли Спасителя, но страдания Его были призрачны, потому что тело Его было духовно. Таким образом, Маркион не признавал искупительных страданий Спасителя и все Его дело заключал в одном научении людей Божественным истинам.

[7353] - Святой Нектарий управлял Константинопольской церковью с 381 по 397 г. Пред избранием на епископскую кафедру он был сенатором и только готовился к крещению. После избрания он был немедленно крещен. Память его совершается в субботу Сырную.

[7354] - Феофил занимал Александрийскую кафедру в 385–412 гг.

[7355] - Давид отнял у Урии, воина, находившегося в походе против Аммонитян, жену его Вирсавию. Этот грех Давида изобличил пророк Нафан, который так повлиял на еврейского царя, что тот раскаялся в своем грехе, составив известный

псалом, начинающийся словами: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей».

7356 - Финикия – узкая и длинная полоса земли, лежащая вдоль восточного берега Средиземного моря, к северу от Палестины. Здесь, несмотря на запрещения правительства, язычество пользовалось большою свободою.

7357 - Кельтами назывался обширный народ, живший в древнее время в западной Европе, в нынешней Англии, Испании, Италии, Швейцарии и особенно во Франции. Обитали они и в Малой Азии (в области Галатии, где они назывались галатами). Со временем кельты слились частью с германцами и древними римлянами (французы, испанцы, итальянцы, англичане), частью сохранили свою народность и доныне (ирландцы, шотландцы).

7358 - Скифы – греческое название многочисленного народа, жившего в Азии и Европе, по берегам Черного моря, и особенно в нынешней южной России.

7359 - Хиротония (с греч.) – рукоположение или посвящение в какую-нибудь должность.

7360 - Ефес – один из крупных торговых городов на западном берегу Малой Азии; в древности славился знаменитым храмом Дианы (языческой богини луны и плодородия). Здесь проповедовал христианство и жил святой Апостол Павел; здесь же долгое время проживал и святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов; здесь в 431 г. происходил Третий Вселенский собор. Кафедра Ефесского митрополита пользовалась, как кафедра Апостольская, особым значением на Востоке.

7361 - Симония – святокупство, когда одни дают, а другие восхищают священную степень не по достоинству, но за деньги. Название симонии произошло от Симона волхва, который хотел купить у Апостола Петра дар Св. Духа, чтобы творить чудеса.

7362 - Творения Иоанна Златоустого во всем христианском мире хранились, как драгоценность, в царских чертогах и писались золотыми буквами. До нашего времени многие из его творений не дошли; тем не менее от него сохранилось столько

творений, сколько не осталось ни от одного отца и учителя Церкви. По греческому часослову всех творений Иоанна Златоустого, дошедших до нашего времени, насчитывается до 1447 и писем до 244. Больше всего осталось от Иоанна Златоустого и церковных бесед. Проповеди святого Иоанна поражают своею стройностью, глубиною мысли и разнообразием содержания. «Не говорю о других, – писал о Златоустом св. Исидор, – сам Ливаний, столько известный по красноречию, изумлялся языку знаменитого Иоанна, изяществу его мыслей и силе доказательств». Лучшими из проповедей Златоустого справедливо считаются его беседы к антиохийскому народу о статуях, слова о Евтропии, слово за нищих, слово по удалении из столицы и по возвращении в столицу, похвальные слова Апостолу Павлу. В своих проповедях Иоанн Златоуст говорит обо всех частных предметах деятельности христианской. Сверх того, во все продолжение общественного служения своего святой Иоанн объяснял в беседах Священное Писание. Каждая из объяснительных бесед его состоит из двух частей: в одной он занимается объяснением текстов слова Божия, в другой – нравственным состоянием своих слушателей, предлагает нравственные наставления. Занимаясь объяснением Священного Писания, св. Иоанн оставил, впрочем, немного толкований на Ветхий Завет, по сравнению с толкованиями на Новый. Кроме бесед и слов на книгу Бытия, на 8 глав Исайи и на 36 псалмов, немногих бесед на историю Самуила и Саула, ныне известны с именем Златоустого толкования на книгу пророка Даниила и на книгу Иова. В толковании Нового Завета самое первое место занимают антиохийские беседы на Евангелие от Матфея. Наравне с ними, по общему суду, стоят беседы на послание к Римлянам. По точности объяснения слов Апостола высокое место занимает объяснение послания к Галатам. После этого к лучшим толкованиям Златоустого надо отнести беседы на 1-е послание к Коринфянам и на послание к Ефесянам. Собственно догматических сочинений Златоустого немного и все они дышат заботливостью его о нравственном состоянии верующих. Среди них мы отметим книгу к Стагирию,

где Иоанн решает вопрос: почему, если есть промысл, страждут праведники? Заслуживают также внимания 6 слов о непостижимом, сказанные в обличение еретиков аномеев, которые стремились на основании собственных умствований уяснить отношение Бога-Отца к Богу-Сыну и учили, что Сын Божий есть тварное существо и сотворен Отцом из ничего. В словах о непостижимом Иоанн разрушает попытку аномеев уяснить тайну Триединого Божества и текстами Священного Писания доказывает непостижимость Божию; в 7 других словах доказывается единосущие Сына Божия с Богом-Отцом. Кроме того, замечательна еще книга Иоанна Златоустого о Св. Духе, по учению об исхождении Духа Святого от Отца. В сочинении против иудеев и язычников доказывается Божественность учения христианского исполнением пророчеств и действиями христианского благовестия на сердца людей, а в 8 словах против иудеев показывается, что обряды иудейские отменены, и потому совершать их теперь значит поступать вопреки воле Божией. Известный своими творениями, Иоанн Златоуст славен еще и тем, что учредил особый чин литургии, который и теперь носит его имя. Св. Прокл, ученик Златоустого и впоследствии один из его преемников по Константинопольской кафедре, так пишет об этом установлении святого: «св. Василий (Великий) поступая с людьми как с больными, представил литургию в сокращенном виде. Спустя немного времени, отец наш, златый по языку Иоанн, с одной стороны, как добрый пастырь, ревностно заботясь о спасении овец, с другой – взирая на слабость человеческой природы, решился исторгнуть с корнем всякий предлог сатанинский. Потому он, опустив многое, учредил совершение литургии сокращеннейшее, чтобы люди мало-помалу вовсе не отстали от Апостольского и Божественного предания». Сокращенная Иоанном литургия первоначально не имела всех песнопений, какие она имеет теперь. Некоторые из них вошли после св. Иоанна, но они не изменили существенного состава Златоустовой литургии, потому что относятся или к первой части литургии (известной под названием литургии оглашенных), или к той, которая следует за совершением Евхаристии. В настоящее время

литургия Иоанна Златоустого чаще других совершается в христианских церквах православного Востока.

[7363] - У евреев было шесть городов убежища: три на восточной стороне Иордана, три на западной. В эти города убегали невольные убийцы, а также и те, которые мстили за кровь убитого родственника. У христиан древней Церкви право убежища принадлежало сначала некоторым храмам, а затем и всем. Оно состояло в том, что если осужденный находил убежище в церкви, то был неприкосновенен, пока дело его не было рассмотрено вновь.

[7364] - Тем не менее своим ходатайством пред императором, несмотря на противодействие императрицы Евдоксии, Иоанн Златоуст спас Евтропия на этот раз от заслуженной кары. Впоследствии Евтропий, однако, был сослан и подвергнут смертной казни.

[7365] - Гевал – город в Финикии, при Средиземном море. Он находился в теперешней Сирии между Бейрутом и Триполисом.

[7366] - Этот титул давался высшим начальникам областей в отличие от второстепенных.

[7367] - Ос.6:9. Этими словами изобличаются священники народа еврейского, которые вместо того, чтобы указывать народу прямые пути жизни, скрывали их от народа.

[7368] - Беррея – город в Сирии, теперь Алеппо.

[7369] - Птолемаида – город в Сирии, на восточном берегу Средиземного моря.

[7370] - Нитрия к югу от Александрии, на запад от реки Нила, близ Ливийской пустыни. Название горы получилось от обилия нитры или селитры в озерах, примыкавших к горе.

[7371] - Этого Диоскора, епископа Гермопольского и мужа благочестивого, следует отличать от Диоскора-еретика, который жил несколько позднее и с 444 по 451 гг. занимал Александрийскую кафедру. Последний был монофизит, т. е. учил, что в Иисусе Христе одно естество, что Божественная природа в Нем поглощена человеческой. Гермопольская епархия находилась в северо-западной части Египта, к югу от Александрии; в состав этой епархии входила и Нитрийская гора.

[7372] - Ориген (род. около 180 г. по Р. Х., умер в 254 г.) – наставник Александрийского училища, один из величайших ученых своего времени. Сами языческие философы отзывались об Оригене, что он превосходит их своею мудростью. Ориген оставил после себя много сочинений, из которых некоторые дошли до нас в отрывках. Главным образом он известен своими толкованиями Священного Писания. Известно также его сочинение против Цельса, где он отстаивает истины христианской веры. К сожалению, в своих сочинениях Ориген иногда допускал произвольные мысли, не разделяемые Церковью, хотя высказывал их не как положительное учение Церкви, а как свои личные предположения. Так, он не совсем точно учил об отношении Лиц Святой Троицы; говорил, что диавол, если бы захотел, мог бы спастись, что души человеческие созданы прежде творения видимого мира и проч. Горячие последователи Оригена, которых у него было очень много и в Александрии, и в Палестине, часто развивали эти мысли до крайности. Эти последователи назывались оригенитами, а их мнения – оригеновскою ересью.

[7373] - За Нитрийскою горою к западу начиналась обширная Ливийская пустыня (теперь Сахара), в которой находились келлии иноков. Отсюда и пустыня эта носила название Келлиотской.

[7374] - Омофор (греческое слово) – буквально наплечник, раменосник, одно из облачений епископских, возлагаемое на рамена и спускаемое спереди и сзади.

[7375] - 32-е Апостольское правило гласит, что отлученному каким-нибудь епископом «не подобает в общение приняту быть иным». То же требование высказывает и 6-е правило 1-го Вселенского собора.

[7376] - Папа Иннокентий управлял Римскою церковью с 402–417 гг.

[7377] - Остров Кипр находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Малой Азии. Епифаний занимал Кипрскую кафедру с 365 по 402 г. Это был человек обширной начитанности, владел языками: греческим, еврейским,

сирийским, египетским и латинским. Он пользовался большим уважением за свою святость, а по смерти сопричислен к лику святых. Память его совершается 12 мая.

[7378] - Иезавель – супруга израильского царя Ахава, дочь царя Сидонского (в Финикии); отличалась злым и властолюбивым нравом, а также приверженностью к язычеству. Она, между прочим, несправедливо завладела виноградником одного израильтянина, по имени Навуфея, и погубила последнего.

[7379] - Стадия – древняя мера расстояния, греческая стадия была не менее 100 сажен.

[7380] - Каноны – правила, установленные Церковию относительно веры, нравственности и церковного благочиния.

[7381] - 35-е правило Апостольское гласит: «Епископ да не дерзает вне пределов своей епархии творить рукоположения в градах и селах, ему не подчиненных. Если же обличен будет, что сотворил сие без согласия имеющего в подчинении грады оные или селы: да будет извержен и он, и постановленные от него». Сравни правило 16-е Первого Вселенского собора, послание Третьего Вселенского собора, 33-е правило собора Анкирского, 15-е Сардикийского.

[7382] - Слова эти представляют измененный текст из 3Цар.18:19–21 и принадлежат пророку Илии, по поводу собрания на гору Кармил израильтян, а также и жрецов Ваала для принесения жертв Господу и Ваалу. Целью этого собрания было доказать истинность Бога Израилева и ложность Ваала. Когда народ собрался, Илия сказал: «До каких пор вы будете хромать на обе ноги ваши?», т.е. доколе будете вы служить Богу и Ваалу? Если Господь есть Бог, то почитайте Его, а не Ваала, а если Ваал, то его почитайте. Затем Илия предложил испытание посредством жертвоприношений, причем жрецы Ваала были посрамлены.

[7383] - Халкидон находился против Константинополя, на азиатском берегу Босфора.

[7384] - Фракийское море – теперь Мраморное.

[7385] - Главный соборный храм Константинополя.

[7386] - Иродиада – жена Ирода-младшего. Она погубила Иоанна Крестителя.

[7387] - Разумеется 22-е правило Антиохийского собора от 341 г., составленного арианами против Афанасия Великого. Правило гласит, что если какой епископ, будучи осужден собором и низложен, снова займет кафедру по распоряжению светской власти, то окончательно лишается права на восстановление в сане.

[7388] - Осуждение было незаконно не только потому, что канон, составленный еретиками, был необязателен для Златоуста, но и потому, что, по возвращении Иоанна из ссылки, с него было снято осуждение Халкидонского собора большим собором, состоявшим из 65 епископов.

[7389] - Т.е. язычником.

[7390] - Деревня Кукуз находилась в Малой Армении (к востоку от Малой Азии), в одной из глухих долин дикого Тавра, где находилось разбойничье племя исаврийцев, совершавших набеги на окружавшия селения.

[7391] - В юго-восточной части Малой Азии.

[7392] - Город Пифиунт лежал на южном берегу Черного, или Понтийского, моря, в северо-восточной части Малой Азии, в нынешней Абхазии.

[7393] - Команы – город в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии, теперь Гуменек.

[7394] - Здесь разумеется Максимиан Галерий, зять Диоклетиана и его соправитель на Востоке; впоследствии, по смерти Диоклетиана, он сделался восточным императором (305–311). К последним годам его жизни и относится время смерти Лукиана и Василиска.

[7395] - Память священномученика Лукиана празднуется 15 сентября; память Василиска 22 мая.

[7396] - Ради праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня не в 14-й день сентября, когда святитель преставился, но в 13-й день ноября. Сверх того память его совершается еще 27 января, в день перенесения мощей святого, и 30 января он

чествуется вместе со святителями: Василием Великим и Григорием Богословом.

[7397] - Златоуст умер 60 лет от роду, в 407 году. Архиепископом был шесть с половиною лет, в заточении провел три года и три месяца.

[7398] - Гонорий, брат Аркадия и сын Феодосия Великого, царствовал в Риме с 395 по 423 гг.

[7399] - Это тот самый Прокл, который был раньше келейником святого Иоанна; впоследствии он сделался патриархом Константинопольскими. Кизик – город в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[7400] - В начале IV в.

[7401] - Вифсаида Галилейская находилась на северо-западной стороне Галилейского озера (в северной части Палестины), близ городов Капернаума и Хоразина.

[7402] - Море Тивериадское – другое наименование того же Галилейского озера, усвоенное последнему по имени Тивериады – Галилейского города на юго-восточном берегу Галилейского моря.

[7403] - Динарий – древняя еврейская монета, стоимостью около 21,5 копейки. 200 динариев таким образом равнялись приблизительно 43 рублям.

[7404] - Дафан и Авирон рувимляне, сыновья Елиава были изменниками, составившими заговор против Моисея, за то наказаны от Бога страшною казнью: земля разверзлась и поглотила их. (Чис. 16:1–50).

[7405] - Азот – с еврейского: укрепленное место, крепость – в глубокой древности богатый и укрепленный город Филистимский, находился на восточном берегу Средиземного моря. При Маккавеях он был сожжен и разрушен, потом восстановлен, но уже не имел прежней силы. Ныне здесь небольшое селение Ездуд.

[7406] - Иераполь – наименование нескольких городов древности. – Иераполь Сирийский, после у Греков Бамбика; со времен Константина Великого – главный город Евфратской

провинции; теперь сохранились от него одни развалины у нынешнего Мембидж.

[7407] - Лидия и Мизия – северо-западные области Малой Азии.

[7408] - Иераполь Фригийский находился в южной части Фригии (в средней части Малой Азии), между реками Ликусом и Меандром, в древности довольно значительный город, особенно славившийся ломкою мрамора и теплыми источниками. Ныне носит турецкое название Памбук-Калеси (город хлопчатой бумаги) по сходству с кипами хлопчатой бумаги белых на вид скал, бугров, утесов, равнин, берегов реки и каналов от осадки воды с спускающихся с высоты гор ручьев. Ныне здесь одни развалины, и место это служит пристанищем для прокаженных.

[7409] - К сему сказанию о мученической кончине св. Апостола Филиппа древние повествования присоединяют еще, что за 7 дней до кончины он сам предсказал свою смерть. Апостол Филипп мученически скончался в царствование римского императора Домициана в 90 г. по Р. Хр., будучи 87 лет от роду. Мощи его около 560 г. были перенесены в Рим, где и ныне почивают в церкви 12 Апостолов. Одна рука св. Апостола хранилась в Константинополе в храме Богородицы Всенепорочной. Византийский император Мануил Комнин даровал ее, как святой и драгоценный залог, племяннице своей Марии, когда выдавал ее, в 1167 году, в замужество за Иерусалимского короля Амория. В 1204 году святыня сия перенесена была во Флоренцию.

[7410] - В Азии, на границе с Кавказом.

[7411] - Ликаония – одна из серединных областей Малой Азии, граничащая с Фригией.

[7412] - Св. Григорий Палама жил в XIV веке.

[7413] - Фессалоника, иначе Солунь – весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского или Фракийского залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый и

мануфактурный город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[7414] - Афон – узкий гористый полуостров на юге Македонии, вдающийся в Эгейское море и омываемый Стримонским и Сингитским заливами, знаменитый рассадник православного монашества, заселенный одними только иноками, святыня Востока и главный центр восточного монашества. – Ватопедский монастырь находится на северо-восточном склоне Афона, близ моря. Основание его преданием приурочивается к первым временам существования монашества на востоке (к концу IV в.) и связано с именем императора Феодосия Великого. С X века Ватопед приобрел первостепенное значение на Афоне, которое сохраняет и до настоящего времени.

[7415] - Агаряне – арабы, магометане.

[7416] - Память его совершается 26 октября

[7417] - В это время ему было с небольшим 30 лет.

[7418] - Есфигменский монастырь – один из древнейших святогорских монастырей; находится на северо-восточном склоне Афона.

[7419] - Во время Преображения Господня.

[7420] - Калабрия – низменный полуостров в южной Италии.

[7421] - Согласно с всеобщим верованием Церкви, ясно выраженном в тропаре на Преображение Господне: «Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный».

[7422] - Св. Григорий и его сподвижники Афонские учили и доказывали самою жизнью, что постоянным очищением души, совершенным безмолвием чувств и помыслов, непрестанным упражнением в богомыслии и молитве, умным деланием человек может достигнуть озарения свыше, но может зреть не сущность Божества, которая, обитая во свете неприступном, недоступна для ограниченной, греховной природы человека, а лишь проявление Божественной сущности, открывающееся безмолвствующим в образе света, который можно видеть иногда и телесными очами, как это было на Фаворе при Преображении Господнем и при всех явлениях и откровениях Божества в виде света и огня, например, Моисею и Илии, или древним

христианским подвижникам, например, Антонию Великому; все боговидцы видели и телесными и умными очами свет Божественный, отблеск Божества. Этот свет Фаворский и все проявления Божества называются у них несозданными и Божественными, как несозданно само существо Божие. Учение это, по своему существу таинственное и непостижимое для ума естественного, в то же время убедительно и непреложно для верующего сердца.

[7423] - Иоанн XIV Апрен патриаршествовал с 1332–1347 г.

[7424] - Андроник III Палеолог, Византийский император, царствовал с 1328–1341.

[7425] - Собор этот происходил в 1341 г. Впоследствии ересь Варлаамитов была обличена и последователи ее преданы анафеме еще на нескольких соборах в 1347, 1351, 1352 и 1368 гг. (последний состоялся уже по кончине св. Григория Паламы).

[7426] - «Напыщенные мирскою и тщетною мудростью, – говорил святитель Божий, – и невнимающие мужам опытным в духовном учении, когда слышат о свете, осиявшем Господа на горе Преображения и виденном Апостолами, думают видеть в нем нечто чувственное и сотворенное, – почему и сей вещественный, незаходимый и вечный свет, превышающий не только чувства, но и самый ум, низводят до чувственного и сотворенного света, хотя и Сам, Просиявший светом на Фаворе, ясно показал, что свет не сотворен, назвавши его Царством Божиим (Матф. 16:20). Царство же Божие ужели есть что-либо сотворенное и служебное? Ужели Господь восприял на горе какой-то иной свет, которого дотоле не имел? – Да удалится от нас сие хуление, потому что кто думает так, тот должен признать во Христе три естества, т. е. Божие, человеческое и оного света. Итак, веруем, что Он явил в Преображение не другой какой-либо свет, но только тот, который скрыт был у Него под завесою плоти; сей же свет был – свет Божеского естества, поэтому и несотворенный, Божественный. Так и по учению богословствующих отцов Иисус Христос преобразился на горе, не восприявши что-либо и не изменившись во что-либо новое, чего дотоле не имел, но показавши ученикам Своим только то, что у него было… Свет Фаворский был свет Божества».

[7427] - Вдова императора Андроника III Палеолога, который в это время уже умер.

[7428] - Исидор I – патриарх Константинопольский с 1347–1349 г.

[7429] - Иоанн VI Кантакузен – Византийский император с 1341–1356 г. Вследствие возникших из-за царского престола смут, он принужден был разделять царство с Иоанном V Палеологом.

[7430] - Сербский краль Стефан Душан (1336 – 1355 г.), которому была подчинена и Болгария.

[7431] - Лемнос – остров Эгейского моря (Архипелага), к востоку от Афона, в 6 квадратных миль величиной.

[7432] - Иоанн V Палеолог – Византийский император, царствовал с, 1341–1376 г. См. прим. 3 на стр. 395.

[7433] - Т.е. магометанами.

[7434] - Память св. Иоанна Златоуста совершается 13 ноября.

[7435] - Св. Григорий Палама скончался 14 ноября около 1360 г., 63 лет от роду. – После себя он оставил более 70 сочинений.

[7436] - Выражение современника св. Григория Паламы Константинопольского патриарха Филофея 1376 г.) в Синаксаре на неделю 2-й седмицы св. Четыредесятницы. – Служба св. Григорию была составлена патриархом Филофеем вскоре по его кончине. В ней Палама прославляется, как «богословия труба», «огнедухновенные уста благодати», «честное Духа приятелище», «столп Церкви непоколебимый», «река премудрости» и т.д. – На соборе 1368 года, на котором Варлаам и его сторонники были окончательно анафематствованы, среди других статей, была провозглашена «вечная память святейшему митрополиту Солунскому Григорию Паламе», который «низверг» этих еретиков. – За необычайные великие заслуги православной вере, св. Церковь, кроме дня памяти св. Григория Паламы 14 ноября, установила ему еще празднование во вторую неделю Великого поста, называемою неделею «светотворных постов». Совершив в предшествовавшую неделю празднование торжества православия над всеми ересями (неделя Православия), Церковь в эту неделю празднует торжество

православного подвижнического учения над всеми противными ему лжеучениями; первое торжество – общее всех православных христиан, второе – по преимуществу подвижников, иноков,

[7437] - Из посмертных чудес св. Григория Паламы особенно замечательно следующее чудо, запечатлевшее и засвидетельствовавшее Православие и силу благодатного учения святителя Божия. На острове Сатурнине, в день памяти св. Григория, во вторую неделю Великого поста, Франки разгулялись, – набрали с собою мальчиков и стали плавать на лодках по морю, при совершенной тишине и ясной погоде. В то время, как они таким образом веселились, демон внушил им злую мысль, на собственную погибель: всплескивая руками, как неистовые, они, вместе со своими детьми, вопили: «Анафема Паламе! анафема Паламе! Если свят Палама, – пусть утопит нас»! И Божественный Григорий Палама, по их собственному суду, испросил им у Бога желаемое ими отмщение. Пучина разверзлась, – и несчастные вместе с лодками погрузились в море и потонули.

[7438] - Василий Иоаннович занимал великокняжеский престол от 1505 до 1533 года.

[7439] - Память преподобного Корнилия Комельского – 19 мая.

[7440] - Наименование «Одигитрии» т. е. «Путеводительницы» было усвоено Смоленской иконе Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Это наименование одни объясняют тем, что сия святая икона сопутствовала греческим императорам в походах; другие объясняют это тем, что святая икона Одигитрии первоначально была в монастыре «Путеводителей» на берегу Мраморного моря: отправляющиеся в плавание моряки молились пред сей святой иконой. Существует, еще третье объяснение: два слепца, по указанию самой Богоматери, были приведены к сей иконе и получили исцеление. Память Пресвятой иконы Божией Матери Одигитрии 28 июля.

[7441] - Кубенское озеро находится в юго-западной части Вологодской губернии.

[7442] - Андога – река в Новгородской губернии.

[7443] - Красноборская-Троице-Филиппо-Ирапская пустынь, ныне заштатная, находится в пределах Новгородской епархии в 52 верстах от города Череповца.

[7444] - Средец – теперь София, столица Болгарии.

[7445] - Основатель ереси был Несторий, Константинопольский патриарх IV века с 428–431 г.

[7446] - В настоящее время песнь эта поется за литургией пред малым входом.

[7447] - Феодор Мопсуетский – епископ Мопсуетсии – города в области Киликии в Малой Азии; Феодорит епископ города Кирры, в средней Греции; оба жили в IV в.; последний написал несколько сочинений в опровержение Кирилла, епископа Александрийского, который был противником Нестория. Впоследствии от своих несторианских мыслей Феодорит отказался и умер в мире с Церковью. Ива, пресвитер города Едессы, был современником Феодора Мопсуетского и Феодорита Киррского.

[7448] - Собор этот был созван по следующему поводу. Монофизиты, после осуждения их на IV Вселенском соборе, возбуждали волнения в Церкви, обвиняя представителей православия в несторианстве. Основанием для такого обвинения послужило то обстоятельство, что на IV Вселенском соборе не были осуждены несторианские мысли Феодора Мопсуетского, Феодорита Киррского и Ивы Едесского, из отрицания которых (мыслей) выходили сами монофизиты. Чтобы отнять у монофизитов повод к обвинению православных в сочувствии несторианам и был созван собор для решения вопроса о правоверии указанных отцов. На соборе было произнесено проклятие на учение и лицо Феодора Мопсуетского безусловно; но относительно Феодорита и Ивы осуждение ограничилось только некоторыми их сочинениями; сами же они, как отказавшиеся потом от своих еретических мыслей, не были подвергнуты анафеме.

[7449] - Это было 14 ноября 565 г.

[7450] - Едесса – город в Македонии.

[7451] - Дий или Юпитер, по верованию язычников римлян был высочайшим из богов и отцом богов.

[7452] - Выражение «пение петуха» употребляется для определения времени. Оно означало одну из четырех страж времени, на которые делилась ночь, и именно третью стражу, т. е. ту, которая была на равном расстоянии от полночи до утренней зари.

[7453] - Мученическая кончина святых Гурия и Самона относится к 293 по 306 г. Мощи и церковь во имя свв. муч. Гурия, Самона и Авива видел в Константинополе в 1200 г. русский паломник Антоний.

[7454] - Ликиний – правитель Восточной половины Империи с 307 по 324 г., когда он, по повелению Константина, был убит.

[7455] - Мученическая кончина св. Авива последовала в 322 году.

[7456] - Ефалиты – так называлось племя гуннов, живших в нынешних Мерве и Афганистане.

[7457] - Готфы или готы – самое восточное и многочисленное Германское племя, обитавшее в придунайской низменности.

[7458] - Гора Кармил расположена в средней части Палестины; верхним концом вдается она в Средиземное море, а южным упирается в Самарийские горы.

[7459] - Св. мученики Елпидий, Маркелл и Евстохий пострадали около половины IV в.

[7460] - Это было в 307 году от Р. Х.

[7461] - Капернаум – небольшой город на северо-западном берегу Геннисаретского озера или Тивериадского моря, принадлежащий Галилее. Ныне развалины этого города известны под названием Тель-Гум.

[7462] - Мытарями назывались лица, назначаемые Римлянами для сбора податей с Иудеев. Они обыкновенно брали на откуп собирания этих пошлин и употребляли всевозможные меры, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Как корыстолюбивые и наглые агенты языческой державы, мытари считались Иудеями за предателей и изменников своей стране и Господу Богу. Грешник, язычник и мытарь – у них значили одно и

то же; говорить с ними почиталось грехом, обращаться с ними – осквернением, хотя и среди них были добрые и богобоязненные люди.

[7463] - Фарисеи – одна из сект Иудейских, появившихся во II и III в. до Р. Х. Свое наименование фарисеи (особенные, отделенные) получили от того, что старались отличиться особенною ревностью к закону.

[7464] - Мытница – место сбора пошлин и податей с проходивших по приморской дороге караванов и по морю – лодок с товаром.

[7465] - Книжниками назывались у Иудеев люди сведущие вообще в книжном деле, как то: ученейшие из Иудеев, которые объясняли закон и публично учили и наставляли народ в законе, так называемые раввины и законоучители; законоведцы, занимавшиеся решением спорных вопросов, сомнительных случаев и дел, требующих знания закона и практической опытности; писцы и нотариусы, служившие в синагогах и синедрионах. Ученые эти Иудеи представляются в Новом Завете и особенным сословием, различным от фарисеев; но в то же время часто соединяются с фарисеями, и поставляются в связь с архиереями. Большая часть их были привязаны к одним преданиям и, не понимая духа Закона, ложно толковали его и были слепыми вождями народа, лицемерно лишь исполняя заповеди напоказ, ради славы человеческой, и возлагая на других тяжкие бремена, коих сами не исполняли.

[7466] - Лк. 5:27–32. Мф. 9:9–13. Мк. 2:14–17. Таким образом, Господь обличает здесь самомнение и самодовольство книжников и фарисеев, которые, держась только внешних обрядов закона и строго по внешности исполняя их, почитали себя праведниками и не чувствовали нужды в покаянии и исправлении. Господь дает им видеть, что внешние обряды и жертвы имеют значение только тогда, когда служат выражением внутреннего чувства, милости, любви к ближним, а без этого они теряют свое значение и могут только прогневлять Бога (Ис. 1:11–18).

[7467] - Евангелие было написано Апостолом Матфеем около 41 г. по Р. Х. Это – первая по времени священная книга из всех книг Нового Завета и занимает, потому, между ними первое место. Евангелие было написано на еврейском языке или на употреблявшемся тогда Сиро-Халдейском, иначе Арамейском наречии, и было предназначено первоначально для палестинских христиан из Иудеев. Сообразно с этим, повествования в Евангелии от Матфея направлены преимущественно к тому, чтобы показать, что Иисус есть истинный Мессия, обетованный праотцам еврейского народа, что особенно нужно было показать евреям, уверовавшим во Христа, неузнанного их соотечественниками и распятого. Поэтому в Евангелии от Матфея чаще, чем в других Евангелиях, сносятся и сличаются события из жизни Христовой с ветхозаветными пророчествами и прообразованиями и из всей истории Христа Спасителя избираются повествования особенно важные и нужные для Иудеев. Потому же Евангелие свое Матфей начинает родословием Мессии, как сына Давидова и Авраамова, и вообще в своем Евангелии говорит преимущественно о воплощении и человечестве Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Эта отличительная особенность Евангелия св. Матфея выражается и на его иконах, на которых он изображается вместе с ангелоподобным человеком, символически характеризующим особенности его Евангелия.

[7468] - Македония находилась к северу от Греции, от северо-восточной области ее Фессалии. Сирия – западная область Азии, тянувшаяся от Средиземного моря до Евфрата. Персия находилась в южной части Иранского плоскогорья, между р. Тигром, Персидским заливом и Каспийским морем. Мидия – западная часть Ирана, к югу от Каспийского моря, на границах к западу – с Ассирией и Великой Арменией, к югу – с Персией, к востоку с Парфией. Парфия – большая страна в Азии, к юго-востоку от Каспийского моря и далее на восток до Индейского моря. Эфиопия лежала в Африке на юг от Египта, где ныне Нубия и Абиссиния.

[7469] - Кончина св. Апостола и Евангелиста Матфея последовала по преданию около 60 г. по Р. Х.

[7470] - Неокесария, – нынешний Никсар, знаменитая по своей красоте, уже сравнительно поздно выстроенная столица Понта Полемониака, на севере Малой Азии, на р. Ликусе; особенно известна по происходившему там (уже по смерти св. Григория) церковному собору (в 315 г.).

[7471] - Под еллинской премудростью разумеется здесь языческая ученость, языческое образование. Отец св. Григория Неокесарийского был язычник и воспитал сына в язычестве. Отец подготовлял из него адвоката, а потому св. Григорий (в мире Феодор) изучил хорошо законы и тогдашний язык законов – латинский, и решился, наконец, ехать в Рим, чтобы там более ознакомиться с римским правом. Но Промысл Божий устроил жизнь его иначе: он должен был вместе с братом сопровождать сестру свою в Кесарию; оттуда он после отправился для изучения законоведения в Берит, а оттуда отправился в славившуюся тогда своею образованностью Александрию.

[7472] - Александрия – знаменитая столица Египта, в то время славилась своей широкой цветущей образованностью. Особенно в то время процветала философия и медицина. Наравне с образованностью языческою, процветала и богословская образованность христианская. Знаменитая Александрийская школа, считавшая в своих рядах множество замечательнейших ученых того века, привлекала в свои стены массу слушателей не только из христиан, но и из язычников.

[7473] - Крин – лилия белая – прекрасный цветок из семейства луковичных. Красоту лилии Сам Господь восхваляет и ставит ее выше всех великолепных одежд Соломона (Мф.6,28–29. Лк.12:27). Поэтому в св. Писании лилия весьма часто служит образом высоких нравственных совершенств, соответственно сему и здесь добродетельная жизнь юного Григория уподобляется прекрасной лилии, растущей среди терновника, который служит в Писании образом нечестия и греха.

[7474] - Ориген – знаменитейший христианский учитель Александрийской церкви 254 г.), – чудо своего века по

громадности своего ума и глубине учености – в то время был выдающимся катехетом Александрийского огласительного училища. Он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из коих некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны труды его по изучению Священного Писания, по истолкованию его и особенно по восстановлению и очищению его истинного текста, а также сочинения, направленные к защите христианства против еретиков и врагов христианства. Вообще, он весьма много сделал не только для своего, но и для последующих времен, и все великие учители Церкви 4-го века относились к Оригену с величайшим уважением и значительно пользовались его сочинениями. Ориген привлекал в огласительное училище массу слушателей, среди которых было множество и языческих юношей, ревностно искавших высшего просвещения. С ним то и познакомился в Александрии св. Григорий и стал ревностным его учеником. Ориген, по словам самого Григория, заставил его сперва искать разбросанные семена истины в системах философов и пробудил в нем любовь к истине; потом стал излагать начало веры христианской и объяснял св. Писание. После восьмилетнего пребывания у Оригена, Григорий принял у него св. крещение и, поблагодарив своего наставника публичным словом, возвратился в свое отечество со скорбью о разлуке с ним. «Я думаю, так писал Григорий о учителе своем, – он говорил это не иначе, как по внушению Духа Божия: для того чтобы быть пророком и изъяснять пророка, нужна его сила. И никто не может разуметь пророка, если Сам Дух Божий не сообщит разумения Своих слов. Сей человек получил от Бога величайший дар – быть переводчиком слова Бога к людям, разуметь слово Божие, как Бог Сам его употреблял, и изъяснять его людям, как они могут разуметь».

[7475] - Творения св. Григория Нисского, рус. пер., т. VIII, стр. 143. – Впрочем, св. Григорий чудотворец принял высшую церковно-иерархическую власть, по свидетельству того же Григория Нисского, лишь по совершении на нем всех узаконенных священнодействий и испросив у избравшего его на

епископскую кафедру, святителя Федима, малое время для уразумения в точности таинства веры.

[7476] - Служба св. Григорию, Канон, песнь 5, тропарь 2.

[7477] - Савеллий и Павел Самосатские неправильно учили о таинстве Пресв. Троицы. Первый утверждал, что Бог есть одно Лицо: как Отец, Он – на небе, как Сын – на земле, как Дух Святый – в тварях. По учению Савеллия, это только – известные формы, в каких Бог является людям: в Ветхом завете, как законодатель, является Отцом, в Новом, как Спаситель, явился Сыном и продолжает являться, как освящающий их Дух. Павел Самосатский (по месту рождения), епископ Антиохийский, неправо учил, что Сын и Св. Дух находятся в Боге-Отце, также как ум и сила (разум и дух) в человеке. Признавая Христа простым человеком, исполненным Св. Духа и мудрости Божественной, Павел запретил в церкви Антиохийской петь стихи в честь Иисуса Христа, как Бога, и крестить во Имя Его. Последователи этой ереси назывались патрипассианами, так как, не отделяя Лиц Божества они приписывали воплощение и страдания Богу-Отцу.

[7478] - Св. Григорий Нисский, рассказав о чудесном происхождении этого символа веры, прибавляет: «если кто хочет увериться в том, пусть выслушает Церковь, в которой он проповедовал и в которой доныне хранится подлинник, писанный блаженною рукою». Блаженная Макрина, бабка Василия Великого и Григория Нисского, слушавшая самого чудотворца, принесла символ его в Каппадокию и учила по нему внуков, в том числе и Василия Великого. Григорий Богослов также руководствовался этим символом. Руфин поместил его в своем переводе церковной истории Евсевия Кесарийского. И пятый Вселенский собор (623 г.) одобрял его. – Символ Григория чудотворца представляет собою один из самых драгоценных памятников древности. Он не пространен; но заключает точное учение о Трех Лицах Божества, о Их единосущии, Личных качествах и действиях по отношению к человеку, – и потому вполне достоин точного изучения.

[7479] - «После этого чуда, – говорит св. Григорий Нисский, – этот человек, тотчас уверовав слову (Григория) и оставив род,

дом, жену, детей, друзей, жречество, имущество, вместо всех принадлежащих ему благ предпочел сообщество с оным великим мужем и соучастие в трудах его и в Божественном оном любомудрии и учении. Да умолкнет при этом всякая искусственная изобретательность дееписателей, красноречием преувеличивающая размеры дивных деяний, ибо не таково вышесказанное чудо, чтобы сила красноречия, повествующего о нем, сделала его большим или меньшим, нежели каково оно есть. Кто, сказавши что-нибудь сверх сказанного, увеличит это чудо?.. Камень отвергается от камней..., камень делается проповедником Божественной веры и путеводителем неверных ко спасению, не каким-либо голосом, не словом проповедуя Божественную силу, но тем, что сделал, показывая, что возвещаемый Григорием есть Бог, Которому одинаково подчинена и повинуется вся тварь, – не только одна чувствующая, живая и одушевленная, но и кроме сей, всякая другая так раболепно служит Ему, как будто не лишена была чувств»…

[7480] - Множество чудотворений, совершенных Св. Григорием Неокесарийским, вскоре же усвоили ему наименование чудотворца и другого Моисея, как свидетельствует о нем св. Григорий Нисский в своем слове о жизни св. Григория чудотворца.

[7481] - Рассказ об этом чуде сокращенно изложен по повествованию св. Григория Нисского в его слове о жизни св. Григория чудотворца.

[7482] - Ликос – с греческого: волк – река в Понте, на севере Малой Азии, вытекающая из гор Армении; получила свое наименование за быстроту, неукротимость и вред, причинявшийся ею окрестным жителям.

[7483] - «Для реки, – говорит св. Григорий Нисский, – это дерево послужило пределом течения, а для жителей того места оно служит зрелищем и предметом исторического рассказа; ибо когда оная река, переполняясь от дождей и ручьев, несется с быстрым стремлением и страшным шумом, то ударяясь поверхностью волн о ствол сего дерева, опять поднимается вверх и направляет стремление вод к средине (русла), и как бы

боясь коснуться сего дерева, косвенным течением обходит сие место. Такова сила великого Григория, лучше же, – совершающего им чудеса Бога! Ибо природа стихий, как бы какая-нибудь невольница, является изменяющеюся как угодно соответственно приказаниям, – так что озеро переменяется в сухую страну, и затопляемое водою место заселяется, потому что жезл сделал его безопасным для жителей. Имя этому дереву даже доныне- жезл, и оно во все время сохраняется местными жителями на память благодати и силы Григория»...

7484 - Комана (или Конаны) Понтийская, на севере Малой Азии, на р. Ирное в древности знаменитый богатый город, ныне развалины – Гюменек.

7485 - Впоследствии св. Александр, епископ Команский, прославился святостью своей жизни, вполне оправдав возлагаемые на него надежды, и, добре упасши стадо Христово, запечатлел свое достойное служение мученическою кончиною, в начале IV века, во время гонения римского императора Диоклетиана. – Память его совершается Церковию 12 августа

7486 - Декий – римский император, жестокий гонитель христианства, царствовал с 249 по 251 гг.

7487 - Память св. мученика Троадия совершается 2 марта.

7488 - О сем чуде подробно повествует св. Григорий Нисский в своем слове о жизни святого Григория Чудотворца.

7489 - Блаженную кончину св. Григория Неокесарийского полагают между 266– 270 гг. Незадолго до смерти (в 264 г.) он вместе с братом своим Афинодором, епископом Понта, присутствовал на соборе Антиохийском, против Павла Самосатского. – Кроме чудесного по своему происхождению символа веры, св. Григорию Неокесарийскому принадлежат «Каноническое послание» (по поводу нападения на Понт и на всю Малую Азию Борейцев и Готов и «похвальное слово Оригену». – Мощи св. Григория Чудотворца первоначально находились в Неокесарийском храме, им созданном; глава святого в 1587 г. была перенесена в Улиссипону (Лиссабон).

7490 - Изложено по рукописям Троице-Сергиевой Лавры, по житию прп. Никона, составл. митр. Московским Филаретом, и

другим пособиям.

[7491] - Юрьев Польский – в 86 верстах к северо-западу от г. Владимира. Основан князем Юрием Владимировичем, от которого и получил свое наименование; название же Польский дано ему от полей, его окружавших, и в отличие от Юрьева Лифляндского; ныне – уездный город Владимирской губернии.

[7492] - На месте древнего Радонежа находится ныне село Городище или Городок; оно расположено в 12 верстах от Троице-Сергиевой Лавры, по направлению к Москве.

[7493] - «Несообразным находил прп. Евфимий – к собору, составленному преимущественно из старцев подвижников, приобщить юношу по возрасту, требующего иногда отдельного руководства. Так, вероятно, рассуждал и прп. Сергий о юном Никоне. Он решился испытать его в подвиге послушания и смирения. Предвидя же его будущую судьбу, он хотел, чтобы тот, кому суждено младшему начальствовать над старейшими подвижниками Лавры, явился им по крайней мере не юношею, а уже в пресвитерском сане». (Житие прп. Никона, сост. Филаретом, митр. Московским, стр. 4).

[7494] - Преп. Афанасий Высоцкий, строитель Серпуховского Высоцкого монастыря, был одним из самых любимых учеников преп. Сергия.

[7495] - Кончина преподобного Сергия последовала 26 сентября 1392 года.

[7496] - Савва Дубенский (впоследствии Звенигородский или Сторожевский). Память его – 3 декабря.

[7497] - Нашествие Эдигея было в конце 1408 года.

[7498] - При Никоне Сергиева обитель приобрела несколько земель, то вкладами, то покупкою. Заботливостью Никона обитель богатела и духовным богатством. При нем и по его указаниям, в Сергиевой обители, кроме нескольких Богослужебных книг списаны были: два списка «Лествицы» с главами Григория Синаита, поучения Аввы Дорофея, «Диоптра» Филиппа пустынника с ответами Аввы Варсонофия и с наставлениями Исихия. (Опис. Серг. Лавры, стр. 155, 156 и др.).

[7499] - Обретение мощей преподобного Сергия последовало спустя 30 лет по преставлении святого – 5 июля 1422 года; в память чего и было установлено празднование.

[7500] - Деревянная церковь, стоявшая над мощами преп. Сергия, была перенесена на новое место (где теперь церковь Сошествия Св. Духа), и в ней были поставлены святые мощи, пока строилась каменная церковь.

[7501] - Эта каменная церковь во имя св. Троицы, построенная преподобным Никоном и есть доныне существующий Троицкий собор.

[7502] - Преподобный Никон построил Троицкий собор при содействии почитателей памяти преп. Сергия между князьями и боярами. Главным между этими почитателями, наиболее содействовавшим Никону в построении церкви, был крестный сын или крестник преп.Сергия – князь Звенигородско-Галичский Юрий Дмитриевич (сын Донского). [Начав строить церковь в 1422-м или 1423-м году, преп. Никон строил и устроял ее почти до самой своей кончины].

[7503] - Даниил Черный и Андрей Рублев – иноки Московского Андроникова монастыря – были знаменитыми иконописцами того времени. Иконы, писанные ими, пользуются большою известностью и до нашего времени. Из числа сохранившихся образцов их кисти особенно замечательна храмовая икона в Троицком соборе Сергиевой Лавры.

[7504] - Преподобный Никон погребен вне Троицкого собора, у южной его стены против того места, на котором в самом соборе погребен был преп. Сергий. Преп. Никон был причислен к лику святых на соборе 1547 г., но служба ему и житие его написаны были Пахомием Логофетом почти за сто лет ранее, по воле митрополита св. Ионы. Церковь над гробом преп. Никона была поставлена в 1548 году. В 1623 г., т. е. спустя 76 лет, на место этой первой церкви поставлена новая, большая. Эта вторая церковь и существует до настоящего времени. [Рака преп. Сергия отделяется одною каменной стеной от раки ученика его – преп. Никона. В северо-западном углу церкви, вдоль северной

стены, стоит рака – надгробие – над мощами преп. Никона, которые находятся в земле или под спудом].

[7505] - Осада Троицкого монастыря Поляками, под начальством Лисовского и Сапеги, началась 23 сентября 1608 года; окончилась же сия осада 12 января 1610 года.

[7506] - «Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря», соч. Авраамия Палицына. М. 1822 г., стр. 157.

[7507] - Монастырские письма, М. 1863 г., стр. 69–71. Письмо 19-е, от 18-го Ноября, 1846г.

[7508] - Император Феофил царствовал в 829–842 гг.

[7509] - Царица Феодора известна в истории своими заслугами в пользу православия. Когда, по смерти Феофила, царица, за малолетством сына своего Михаила, сделалась управительницею империи, то она восстановила иконопочитание. В столице иконы с особенною торжественностью были поставлены на свое место для поклонения в первое воскресенье Великого поста. День этот назван днем «торжества православия» и ежегодно воспоминается церковью.

[7510] - Император Михаил III царствовал с 842– 877 гг

[7511] - Папа Венедикт III управлял римскою церковью с 866–868 гг.

[7512] - В 1200 году мощи преподобного Лазаря видел в Константинополе русский паломник Антоний, впоследствии архиепископ Новгородский.

[7513] - Галатия – небольшая гористая, но плодородная область Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией, в центре Малоазийского полуострова. Христианство здесь было насаждено св. Павлом, который основал церковь Галатийскую и впоследствии писал к Галатам, которые слушали его, как Ангела Божия (Гал. 4:14), послание. – Анкира – ныне Ангора – один из главных городов Галатии.

[7514] - Сии пророческие слова во всей полноте своей относятся к спасительным страданиям Господа нашего Иисуса Христа. Но они по справедливости могут до некоторой степени

относиться и к мученикам Христовым, поскольку они своими страданиями приобщаются страданиям Христовым.

[7515] - Философ – с греческого значит: любитель мудрости. Так называются ученые, посвятившие себя исследованию высших вопросов бытия: о Боге, о начале и законах мира и человека и конечных целях существования мира и т. п. – Платон – знаменитейший и величайший философ древности (конца V и начала VI в., до Р. Хр.), оставивший по себе множество замечательнейших по глубине мыслей сочинений.

[7516] - Мученическая кончина св. Платона последовала около 306 г. – По кончине его, многие, обращавшиеся к нему с молитвою, получили его чудодейственную помощь. Так, на VII Вселенском соборе (787 г.) читано было из письма св. Нила ученика Иоанна Златоуста о чуде св. мученика Платона.Сын одного инока из Галатии взят был в плен внезапно напавшими варварами. Старец со слезами молил соотечественного ему мученика Платона о помощи в сем заключении. И вот является сыну его всадник на коне, приведший и другого коня, и велит юноше садиться. Юноша узнал в нем мученика, ибо часто видал его таким на иконе; юноша сел на коня; святой же, доставив его отцу, стал невидим. В Константинополе император Анастасий I (491–518 г.) построил во имя этого мученика храм, а император Юстиниан (цар. с 527–565 г.) возобновил его.

[7517] - Это было 17 ноября 303 года, при соправителе римского императора Диоклетиана, Максимиане Галерии.

[7518] - Ум. в 303 г.

[7519] - Город Гадара был расположен на юге восток Геннисаретского озера, на южном берегу реки Иеромакса.

[7520] - Елевферополь расположен был в южной части Палестины, в прежней Иудее.

[7521] - Это было в 303 году.

[7522] - Сихем – ныне Наблус – один из древних городов Палестины – лежал в Самарии на горе Ефремовой, в 18 часах пути от Иерусалима, в высокой и богатой, плодородной долине между горами Гаризин и Гевал. В настоящее время город потерял свое прежнее первостепенное значение: богат во

множестве сохранившимися древнейшими своими памятниками.

[7523] - Ахав, сын Амврия, нечестивейший царь Израильский, царствовал с 924–903 г. до Р. Хр.

[7524] - Ваал, с еврейского: «господин», «владыка», почитался финикиянами верховным богом, которому поклонялись и изменившие своей вере израильтяне. В образе его язычники обоготворяли солнце и мужскую производительную силу, действующую через жену свою Астарту, в образе которой обоготворялась луна. Поклонение им отличалось крайнею гнусною развращенностью и чувственными, безнравственными обрядами.

[7525] - Иезавель, дочь царя – жреца сидонского, жена Ахава, отличалась крайним нечестием и беспутными нравами. Слепо подчиняясь ее влиянию, Ахав превзошел нечестием всех своих предшественников и предался самому постыдному идолопоклонству. Он построил в Самарии храм Ваалу, позволил Иезавели воздвигнуть на своей земле алтари божествам сирским и сидонским и содержать при себе множество ложных пророков языческих. Наконец, Иезавель воздвигла гонение на пророков Бога Истинного, и они все погибли бы, если бы Авдий, домоправитель царский, не скрыл их от ее неистовства (3Цар. 18:4).

[7526] - Охозия – царь израильский, преемник Ахава, умер на втором году своего царствования, еще при жизни своего отца, оставив престол брату своему Иораму.

[7527] - Авдий был похоронен в Самарии; жил и действовал в конце X и в начале IX века до Р. Хр.; оставил по себе пророческую книгу, которая занимает четвертое место в ряду книг т. н. малых пророков и состоит из одной главы. Его пророчества почти все направлены против адомитян, или идумеев. В конце книги есть мессианское пророчество о спасении от Сиона и об открытии царства Господня, которое ясно указывает на Церковь Новозаветную.

[7528] - (Чис. 22:1–41, 23:1–30, 24:1–25). Валаам – пророк из города Пефора, близ Харрава, в Месопотамии. О нем была

такая молва, что кого он благословит, тот будет благословен, и кого проклянет, тот будет проклят. Валак, царь Моавитский, устрашенный победами Израильтян, призвал Валаама, чтобы он проклял их, но, вразумленный Богом, Валаам вместо проклятия произнес слова благословения.

[7529] - Св. мученик Варлаам ум. в 304 г. в Кесарии Каппадокийской.

[7530] - Палестра – площадь, на которой у Греков и Римлян производились гимнастическая игры, или сражения.

[7531] - Адамант – алмаз, – камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая оттого вреда. Это название в церковной литературе придается, многими, святым, прославившимся твердостью своей веры и характера.

[7532] - Изяслав Ярославич, сын великого князя Ярослава Мудрого, внук св. Владимира великого, княжил в Киеве с 1054–1068 г. – Вышата – воевода Киевского ополчения, отправившегося при Ярославе, с сыном его Владимиром в 1042 году на Греков. – Остромир – Новгородский посадник; с его именем сохранилось Евангелие- один из древнейших памятников церковно-славянской письменности.

[7533] - Ум. 1065 года.

[7534] - Исаврия – небольшая область на юге Малой Азии.

[7535] - В начале IV века.

[7536] - Аврелиан – римский император, царствовал с 270–276 г.

[7537] - Памфилия – область на юге Малой Азии.

[7538] - Около 273 года.

[7539] - Десятиградие – по-гречески Декаполь – союз 10 городов в Исаврии, небольшой области в горах Малой Азии, на юге ее; Иринополь – один из этих городов. По имени этого союза городов преподобный Григорий и получил наименование Декаполита.

[7540] - Проконис – ныне Мармара, остров в западной части Мраморного моря.

[7541] - Лев III Исаврянnн (716–741 г.), в особенности сын его Константин Копроним (741–775 г.) и сын и преемник последнего Лев IV Хазар (775–780 г.).

[7542] - Энос – приморский город-гавань на юге нынешней Румелии, на запад от Константинополя.

[7543] - Христополь – иначе Емволы, город в Македонии на реке Стримоне, протекающей в 50 верстах от Солуня на северо-востоке.

[7544] - Ригий – город в юго-западной части Италии, на берегу Сицилийского пролива.

[7545] - Сарацины-наименование Арабов, кочующего разбойнического племени Аравии; впоследствии это наименование распространилось на всех магометан вообще.

[7546] - Григорий с греческого значит: бодрствующий.

[7547] - Здесь разумеется гора Олимп Вифино-Мизийский, на севере Малой Азии, на границах Вифинии и Мизии, где процветало тогда монашество.

[7548] - Это было в царствование императора Льва Армянина (813–820 г.). Этот император, будучи не в состоянии склонить патриарха Константинопольского Никифора к ереси иконоборческой, послал его в марте 816 года в заточение, равно и других епископов, игуменов и монахов, с дерзновением защищавших почитание св. икон, заточил в темницы в Константинополе или отправил в ссылку.

[7549] - Папа Лев III с 795–816 г.

[7550] - Кончина прп. Григория Декаполита последовала в 826 г. – преп. Иосиф не застал в живых своего учителя. Возвратившись через шесть лет из заточения в Константинополь, он имел лишь утешение осязать руками нетленное тело преп. Григория и поселился с учеником его Иоанном при гробе его. По кончине же Иоанна, Иосиф, оставив это место, поселился при храме св. Иоанна Златоустого и положил в нем прославленные нетлением и чудесами мощи преп. Декаполита и ученика его Иоанна; спустя некоторое время недалеко от этого храма он основал обитель иноков во имя св. Николая Касульского и в нее перенес мощи преподобных.

Иосиф же Песнописец написал и службу в честь преп. Григория. Мощи преп. Григория нетленные и целые находятся в настоящее время в Румынии в монастыре Быстрица, Рымнинской епархии.

[7551] - Св. Прокл был при св. Иоанне Златоусте диаконом, потом иеромонахом и в то же время синкеллом, т. е. келейным служителем патриарха, жившим в одних с ним покоях, и в то же время ближайшим его учеником.

[7552] - Аркадий, сын Феодосия Великого, император Восточной Римской империи, царствовал с 395 по 408 год.

[7553] - Сисиний был патриархом Константинопольским от. 426–427 г.

[7554] - Кизик – небольшой город на северном берегу Малой Азии. Поставление св. Прокла в епископы последовало в 426-м году.

[7555] - Св. Максимиан был патриархом с 431 по 434 год.

[7556] - Это было в 434 году.

[7557] - Феодооий II младший царствовал с 408 по 450-й год.

[7558] - Команы – город в Армении, где умер, на пути в ссылку, и погребен был первоначально св. Иоанн Златоуст.

[7559] - Вифиния, Геллеспонт и Фригия – малоазийские провинции Византийской империи.

[7560] - Св. Прокл скончался в 446 году. – Св. Прокл был выдающимся церковным витиею. В красноречии его видят важность св. Василия Великого, соединенную с приятностью Златоуста; речь разнообразная, живая, ясная и притом краткая. Кроме того, известны его послания, в том числе Армянам о вере и о предании Литургии.

[7561] - Никомидия (теперь Немид) – главный город малоазийской провинции Вифинии, находится к юго-востоку от Босфорского пролива. Здесь имели местопребывание византийские императоры Диоклетиан и св. Константин Великий

[7562] - Галатия – провинции Византийской империи, занимавшая самую средину малоазийского полуострова.

[7563] - Город этот замечателен по бывшему в нем поместному собору (340 г.), правила которого почитаются Церковью за канонические.

[7564] - Память его 5 сентября.

[7565] - От времен Апостольских в христианской Церкви сохранился и долгое время держался обычай устроять богослужебные собрания в верхней, необитаемой, части дома (ср. Деян. 1:13, 14, 20, 8) и только при Константине Великом, когда христиане избавились от гонений, то для общественного Богослужения стали устрояться храмы (впрочем в малом числе они были по местам и ранее).

[7566] - Запад – место захождения солнца и как бы царство тьмы; поэтому название этой страны света можно понимать, как образ царства диавола, который, очевидно виден был святым Евстафием.

[7567] - Колодки – приспособление, назначенное для того, чтобы преступник не убежал. По виду своему это был обрубок толстого бревна или доски, расколотых вдоль пополам; в обеих половинах вырубались две приходящиеся друг к другу выемки для помещения ног; вложив ноги преступника в выемки одной половины, накладывали другую и в оба конца обрубка закрепляли на глухо.

[7568] - Манною (слово еврейское, означает вопрос: «что это") называлась собственно пища, чудесно посылавшаяся Богом израильтянам во время сорокалетнего странствования их в пустыне, взамен хлеба, которого им негде было достать, и имевшая вид мелкого семени; семя это мололи или толкли в ступе, варили и делали из нее лепешки (см. Исх. 15:15–34; Числ. 11:7); в более широком смысле под манною можно разуметь всякую вообще пищу, чудесно посланную Богом.

[7569] - Цирк – здание, в котором происходили конские бега у римлян и греков; самое название (цирк – круг) указывает на их круглое устройство. Самые состязания происходили внутри круга, а зрители помещались на особых местах по краю этого круга. В цирках христиане во времена гонений предавались на

съедение зверям или убивались особыми для того назначенными людьми.

7570 - Пс.2:22–23. Эти слова Псалмопевец изрекает о себе самом и от своего лица (спаси меня…, поведаю… и т. д.). Единорог – дикое и опасное животное с одним рогом на лбу, но не носорог, так как считалось чистым и жертвенным; что это за животное, – точно неизвестно. Под церковью здесь разумеется вообще многолюдное собрание.

7571 - Максенций впоследствии был императором – с 306 по 312-й год.

7572 - Комит – градоначальник.

7573 - Святые мученики Евстафий, Феспесий и Анатолий пострадали около 312 г.

7574 - Доростол, нынешняя Слистрия, расположенный при реке Истре (Дунае) в древней Мизийской области, недалеко от берегов Черного моря.

7575 - Кронос, он же Сатурн, по языческим преданиям, является жесточайшим среди богов. В умилостивление его язычники приносили ежегодно человеческие жертвы.

7576 - В начале IV в.

7577 - Это гонение на христиан в Персии было около половины IV-го столетия.

7578 - Святые Нирса и Иосиф были схвачены и посажены под стражу в Персидском городе Сциагаркадате в четвертый год гонения, воздвигнутого Сапором (около 343– 347 гг.), и усекнуты мечом 20 ноября.

7579 - Ормузд – имя высшего божества у древних персов. Он почитался ими мудрым богом, творцом всего мира, который создал солнце, луну, звёзды, небо, землю, воду и человека; он, по их верованиям, друг и охранитель добра, враг лжецов, мститель за неправду. Ариман в религии персов является олицетворением зла. Он находится в постоянной борьбе с добрым богом Ормуздом и в его творение старается заронить семя зла. Поэтому Ариман является источником вредных сил природы, болезней, неурожая и прочих бедствий.

[7580] - Маги у Персов – члены замкнутой жреческой общины. Они первоначально были хранителями всего научного образования и религиозных обрядов; они выдавали себя за людей, умеющих определять будущее по положению звёзд, и пользовались громадным почётом в народе и большим политическим влиянием.

[7581] - Припев на девятой песни канона.

[7582] - Кивот, ковчег – деревянный ящик, обитый снаружи золотом. В нем находились: скрижали Завета, манна и жезл Ааронов. Он был прообразом Божией Матери, отчего Святая Дева и называется Кивотом и Ковчегом.

[7583] - Стихира праздника на великой вечерне.

[7584] - Орган – духовный инструмент, вероятно в роде свирели (музыкальное орудие пастухов).

[7585] - Псалтирь- струнный инструмент, в роде арфы или лиры. Преимущественно игрою на нем сопровождалось пение священных песней или гимнов.

[7586] - Кимвал – бряцательный инструмент, состоящий из двух широких металлических кружков, которые, будучи ударяемы один о другой, издавали громкий звук.

[7587] - Гусли – струнный инструмент, имевший форму треугольника.

[7588] - Кондаком называется священная песнь, вкратце выражающая сущность праздника.

[7589] - Стихира на великой вечерне.

[7590] - Канон, песнь 4.

[7591] - Под Великим Архиереем, прошедшим небеса, разумеется Иисус Христос. Евр. 4:14.

[7592] - Это, по преданию, тот самый Захария, который был отцом Иоанна Крестителя. Евангелие называет его священником, Авиевой чреды (Лк. 1:5).

[7593] - Эти пятнадцать ступеней находились при входе во святилище, куда никто не мог входить, кроме священников и первосвященника. Священники, при восхождении во святилище, на каждой ступени пели по псалму; переступая со ступени на

ступень, они пели всего 16 псалмов; отсюда эти псалмы называются «песнями степеней» или «степенными». По счету это 119–133 псалмы (Пс. 119:1–7, 133:1–3).

7594 - Святое Святых – самая важная и священнейшая часть храма. В нее мог входить один только первосвященник, и то раз в год.

7595 - Т. е. притвором священников, в котором приносились жертвы и по сторонам которого были жилые комнаты для посвященных Богу, – и святилищем.

7596 - Храм Соломонов был разрушен Навуходоносором, царем Вавилонским. Новый храм был построен Зоровавелем спустя 62 года после разрушения первого.

7597 - Жил в I в. по Р. Хр.

7598 - Назореи были лица, давшие обет Богу не вступать в брак, воздерживаться от употребления вина и всяких опьяняющих напитков и не стричь волос. Обыкновенно назорейство продолжалось известное время, было принимаемо добровольно, по разным побуждениям; но иногда родители давали обет назорейства за своих детей: и именно в том случае, когда они, не имея детей, желали получить их от Бога.

7599 - Живший в VIII ст.

7600 - Израильтяне считали часы дня от восхода солнца так, что 3-й час соответствовал нашему 9-му утра; конец 6-го часа – нашему полудню; с 9-го часа. День клонился к вечеру.

7601 - Т. е. о даровании ей плода чрева.

7602 - В то время каждый желал иметь потомство, чтобы память о нем дольше сохранилась на земле и чтобы, если не он сам, так его потомки могли бы сделаться участниками благ в царствии ожидаемого Мессии-Избавителя.

7603 - В воспоминание введения Пресвятой Богородицы во храм Иерусалимский древле учрежден Церковью праздник, 21 ноября. Указание на этот праздник можно находить в IV веке – в преданиях христиан Палестинских, кои доселе указывают на бывшую древле церковь Введения Богородицы и построение этой церкви приписывают св. царице Елене. В IV веке указание на этот праздник находят также в словах Григория Нисского. В

VIII веке, как указано выше, Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские, произносили в этот день поучения.

[7604] - Имя Кикилия есть переделка римского имени Цецилия, которое означает слепая.

[7605] - Аппиева дорога вела из Рима в южную Италию; названа по имени строителя, некоего Аппия Клавдия Слепого в IV веке до Р. Х.; остатки ее сохранились доныне.

[7606] - Юпитер – главный языческий бог Римлян.

[7607] - Феникс – баснословная птица древности. По верованию древних народов (египтян), птица эта (одна во всем мире) через каждые 500 лет сама себя сжигала и вновь возрождалась из пепла. О ней упоминают и некоторые христианские писатели, например, Св. Климент Римский, св. Кирилл Иерусалимский и другие, которые в языческом сказании о ней видели доказательство того, что у язычников была вера в возможность воскресения тела. На древних христианских памятниках можно встретить изображение феникса, как образ бессмертия.

[7608] - Император Нерон, известный своею бесчеловечною жестокостью, царствовал с 54 по 68-й год.

[7609] - Колоссы – город в малоазийской области Фригии, находившейся в западной части полуострова; в средние века город этот переименован был в Хоны (теперь Хонас или Конус). К жителям Колосс Апостол Павел написал послание. Город этот известен в истории церкви чудом Архистратига Михаила 6 сентября

[7610] - Житохранитель – начальника над запасами хлеба, принадлежащими какому-либо городу, области или государству. Ефес – один из знаменитейших городов древней Малой Азии, на западном берегу полуострова. К жителям его Апостол Павел, который проповедовал там Евангелие, написал послание.

[7611] - Память этих святых празднуется еще 19 февраля

[7612] - Житие изложено на основании во-первых, славянского синаксарного сказания, древние тексты коего были зданы преосвященным архиепископом Филаретом и академиком А.Н. Веселовским; тоже сказание с некоторыми отличиями вошло в

печатный славянский Пролог; во-вторых – Похвального слова Михаилу Воину, написанного Евфимием, патриархом Терновским (1375–1393), и изданного в числе творений Евфимия г. Калужницким в Вене в 1901 г.

7613 - Византийский император Михаил III умер в 867 году.

7614 - Полагают, что это нынешний Батак, в пределах города Пловдива или Филиппополя.

7615 - Вероятно, разумеется здесь война императора Михаила III с арабами в 865 г.

7616 - Место чуда со змеем в печатном Прологе названо Раифским, и преосвящ. Филарет полагает, что здесь разумеется известная Раифская пустыня в двух днях пути от Синая. Но в рукописных древних житиях говорится не о Раифском месте, а Стыранском или Тиранском. Может быть, под «Тиранским местом» разумеется, по мнению акад. Веселовского, Тиранна, город и область близ Дураццо и Алессио на Балканском полуострове близ Адриатического моря.

7617 - В XIV в. при последнем терновском патриархе Евфимии, составившем святому Михаилу похвальное слово, мощи почивали в Тернове в патриаршем соборном храме. В начале XIX столетия они перенесены в Валахию.

7618 - Здесь разумеется Кесария Палестинская – город на восточном берегу Средиземного моря; по разрушении Иерусалима (в 79 г.), была главным городом Палестины и местопребыванием епископа, которому подчинен был некоторое время и Иерусалим. Впоследствии Кесария была разрушена и ныне представляет совершенную пустыню с грудами развалин.

7619 - При императоре Диоклетиане (294–305).

7620 - Император Диоклетиан разделил власть над империей с Максимианом, которому уступил восточную половину. При этом каждый император имел своего соправителя: Диоклетиан имел соправителем Максимиана Галерия, который по смерти Диоклетиана стал императором востока; а на западе империи правил Максимиан Геркул с Констанцием Хлором. Таким образом, во время мученичества святого Прокопия в 303 году, были четыре правителя в Империи. А цари почитались

язычниками наравне с богами и в честь их ставились жертвенники и статуи и им приносили жертвы. Этому заблуждению язычников и не хотел послужить мученик Прокопий.

7621 - Геллеспонт – северная область Малой Азии, по берегу Черного моря.

7622 - Декий – римский император, царствовал с 249–251 г.

7623 - Время подвигов и преставления преподобного Агаввы относят к V в.

7624 - Икония – город на восточной плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда главным городом Ликаонской области; в средние века был главным городом сельджуских султанов (1096–1308 гг.). Ныне – турецкий город Кония. Христианство здесь было насаждено первоначально Апостолами Павлом и Варнавою.

7625 - Память праведной Нонны совершается 5 августа.

7626 - Это было в 372 г.

7627 - Император Валентиниан (на западе) царствовал с 364 по 375 г. Валент (на востоке) – с 364–378 г. Поставление св. Амфилохия во епископы последовало в 373-м году.

7628 - Арий, осужденный 1-м Вселенским собором, учил, что Сын Божий есть не Бог, а только высшая тварь, через которую Бог сотворил весь мир.

7629 - 2-й Вселенский собор (1-й Константинопольский) был в 381 году. Македоний, осужденный собором, учил, что Дух Святой есть тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына.

7630 - Св. Амфилохий неоднократно путешествовал в Кесарию к св. Василию Великому. В одно из таких путешествий он упросил Василия Великого написать о Св. Духе для обличения духоборцев. Кроме личного совещания по различным церковным вопросам Амфилохий не раз просил Василия Великого и на бумаге разрешить сомнения его о благочинии церковном. По просьбе Амфилохия, великий отец написал, между прочим, известное «каноническое послание». В 375 г. св. Василий Великий, приглашая еще к себе Амфилохия, поручал

ему, по причине болезни, Кесарийскую церковь; но Амфилохий, сам будучи болен и в то же время не зная о болезни Василия, приглашал его в Иконию на собор. Однако болезнь Василия не прекращалась и вместо себя он послал на собор (376 г.; на соборе этом духоборцы были осуждены) книгу о Св. Духе. После того св. Амфилохий для успешной борьбы с евномианами – крайними арианами просил св. Василия разрешить несколько вопросов евномианской диалектики, и св. Василий, невзирая на тяжкую болезнь, написал ему свои ответы. В таком же близком дружественном общении был св. Амфилохий с родственником своим св. Григорием Богословом, по убеждению которого первоначально удалился в пустыню, и который посылал ему туда письма, а также запасы хлеба.

7631 - Феодосий Великий царствовал с 379–395 г.

7632 - Мессалиане, иначе евхиты, отрицали Троичность Лиц в Боге, таинства, посты, внешние подвиги и все церковные установления. Для борьбы с демоном, во власти которого, по их мнению, находится каждый человек, достаточно только усиленной молитвы, после которой в молящемся поселяется Всесвятой Дух. Они предавались созерцаниям, мистическим пляскам и уверяли, что телесными очами видят божество. – Ересь мессалиан возникла в IV в., была осуждена в 431 г. на 3-м вселенском Ефесском соборе, но окончательно исчезла уже в VII веке.

7633 - Памфилия – южная область Малой Азии. Собор происходил в Сиде, значительном городе Памфилии.

7634 - Св. Амфилохий Иконийский ок. 395 г. – Св. Амфилохий оставил после себя весьма много разнообразных богословских сочинений: он писал книги, стихи, письма, слова. Самыми значительными из них были творения апологетические, написанный в защиту православного учения и в обличение еретиков. Такова его книга о Св. Духе и книга против евхитов, до нас не дошедшие, книга «о рождении Господа по плоти», которую читали на Вселенских соборах, и которая сохранилась лишь в отрывках, и книга на прор. Исаию, до нас также не дошедшая. До нас дошло обширное письмо св. Амфилохия к Селевку, племяннику св. Олимпиады и внуку военачальника

Траяна, в 333 стихах, педагогического характера. Известны также послание св. Амфилохия к Селевку, внуку военачальника Траяна о Св. Троице и воплощении Сына Божия и некоторые другие письма и послания, преимущественно о Св. Троице и в частности о Св. Духе. Кроме того, св. Амфилохий оставил по себе много слов и поучений – преимущественно догматического характера.

[7635] - Остров Сицилия лежит в Средиземном море у южной оконечности Аппенинского полуострова, от коего он отделяется проливом Мессинским.

[7636] - Город Акрагант – ныне Агригент – находится на юго-западном берегу острова Сицилии.

[7637] - Слово архидиакон от греческого означает, начальник диаконов, т. е. старший, или высший служитель. В настоящее время этим именем называются первенствующее в служении диаконы из монашествующих (первенствующие же диаконы из белого духовенства именуются протодиаконами). Но в древней церкви архидиаконы стояли в непосредственной близости к епископу и помогали ему в управлении церковью; иногда как например, на соборах, они являлись даже его представителями.

[7638] - Карфаген – город на северном берегу Африки; ныне представляет собою одни развалины.

[7639] - Т. е.: О если бы я также свободен был от грехов, как и ты.

[7640] - Смысл Евангельской притчи тот, что раскаяние и обращение к Богу никогда не бывают поздними.

[7641] - Макарий II был патриархом Иерусалимским с 663 по 674-й год.

[7642] - К востоку от Иерусалима через долину, называемую Кедронскою. Здесь Господь предрек кончину мира, Иерусалима и храма и отсюда же вознесся на небо. Гора Елеонская на 2600 футов выше уровня Средиземного моря.

[7643] - Внутренняя пустыня находится между Иерусалимом и Иерихоном; это – скалистое, дикое и бесплодное место.

[7644] - Панормия, ныне Палермо, – город на северо-западном берегу о. Сицилии.

[7645] - Лаодикийский (во Фригии) собор был в конце IV века, незадолго до II Вселенского собора. Правила его (60) касаются различных подробностей чина богослужебного, дисциплины клира, семейной жизни и нравов мирян, пороков и заблуждений того времени и еретических учений, и в этом смысле представляют немало характеристических указаний на церковную обрядность и жизнь тогдашних христиан.

[7646] - Экзарх – епископ, подчиненный только одному папе и не зависевший от областного епископа, куда бы ни явился.

[7647] - Хартофилакс значит хранитель бумаг. Так называлось особое должностное лицо при патриархе Константинопольском; на его обязанности лежал, между прочим, и суд по делам духовным.

[7648] - Равенна – город с гаванью и крепостью при Адриатическом море, на северо-восточном берегу Аппенинского полуострова. Равенна существует доселе и представляет главный цветущий город Итальянской области того же имени.

[7649] - Тибр – одна из самых значительных рек средней Италии; на ней стоит столица Италии – Рим.

[7650] - В конце VI или в начале VII века.

[7651] - Кизик – город на одном из полуостровов Пропонтиды, в Греции.

[7652] - Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 г.

[7653] - Дафна – предместье Антиохии.

[7654] - Максимин царствовал с 306 по 313 г.

[7655] - Александрия – город в Египте, при западном рукаве реки Нила; основана Александром Македонским в 331 году до Р. Хр.

[7656] - По своей национальности Екатерина принадлежала к Александрийским грекам. Об этом можно догадываться по древнейшим спискам ее жития; да и самое имя великомученицы греческое (всегда чистая). Екатерина – уже несколько видоизмененное наименование.

[7657] - Диодор Сицилийский – известный языческий писатель, историк и философ, отличавшийся своим беспристрастием и глубокою наблюдательностью.

7658 - Плутарх Херонейский – знаменитый греческий историк. Херонея – город в Средней Греции.

7659 - Гермес (Ермий) или Меркурий считался вестником богов, покровителем торговли и ораторов и был одним из популярнейших языческих богов. Так, невежественное народонаселение городов Листры и Ликаонии было настолько поражено чудесами Апостолов Павла и Варнавы, что назвало Варнаву Зевсом, а Павла Эрмием, потому что он начальствовал в слове. (Деян.14:12).

7660 - Богини, считавшиеся покровительницами наук и искусств.

7661 - Платон – известный греческий философ IV века до Р. Хр., современник и учитель известного греческого философа – Аристотеля. Платон – ученик знаменитого и славного философа Сократа. Замечательно то, что в своих философских воззрениях Платон, особенно в учении о Боге, творении мира, загробной жизни, близко подходит к христианскому учению.

7662 - Здесь разумеются Гомер, Виргилий и другие поэты. Вообще, сказания о своих богах язычники, главным образом, почерпали из поэтических произведений.

7663 - Гомер – один из ученейших и славнейших поэтов греческих, живший задолго до Р. Х. Написал знаменитые поэмы: «Илиаду» и «Одиссею».

7664 - Зевс (или Юпитер) греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

7665 - Орфей – легендарная личность, которая пользовалась особым уважением у язычников.

7666 - Аполлон или Феб, сын Зевса и Латоны, один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца и умственного просвещения, а также благополучия общественного и порядка, охранителем закона, божеством предсказания будущего.

7667 - Особенно дико казалось язычникам, что христиане поклонялись Распятому, так как казнь на кресте считалась позорною. Поэтому-то и Апостол Павел говорит, что проповедь

о распятом Христе есть для эллинов (т. е. язычников) безумие (1Кор.1:23).

7668 - Гера (Юнона) почиталась древними Греками и Римлянами сестрой и женой главного их бога Зевса, наиболее почитаемой между богинями; считалась богиней земли и плодородия и покровительницей супружеств. Посейдон считался богом морей. Афина считалась богиней мудрости, преимущественно военной. Вышеприведенное место заимствовано из «Метаморфоз» римского поэта Овидия. Вообще, боги Римлян и Греков, по их верованию, отличались теми же страстями и преступными наклонностями, как и люди.

7669 - Сивиллами назывались у Римлян в древности прорицательницы. Их предсказания были соединены в три книги, которые хранились в храме Зевса (Юпитера) Капитолийского, а потом в храме Аполлона на Палатинском холме. Эти «Сивиллины книги» пользовались глубоким уважением в языческом мире. На их предсказания обращали внимание и христианские писатели, находя в них некоторые намёки на наступление Царства Христова.

7670 - Аполлоний Тианский – языческий мудрец, творивший ложные чудеса и привлекший много последователей (III в.). Его изречения, записанные в особую книгу, особенно пользовались глубоким уважением в Александрии, где такая книга хранилась в самом потаенном, священном месте одного языческого храма.

7671 - Это было 17 ноября, 307 года.

7672 - Багряница – длинная, окрашенная в пурпуровый, кровянистый цвет одежда, очень дорого ценившаяся в древности и считавшаяся принадлежностью царского сана.

7673 - Артемида – иначе Диана – известная языческая богиня у Греков и Римлян, пользовавшаяся особым поклонением у них; (она считалась богиней луны, и изображалась прекрасной, светлой девой-охотницей).

7674 - Память св. царицы Августы (или Василиссы) совершается Церковию 24 Ноября; тогда же воспоминаются Церковью Порфирий и 200 воинов, усеченные за исповедание Христа.

[7675] - Адамант (алмаз) – камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим святым (особенно отцам и учителям Церкви), прославившийся твердостью своей веры и характера.

[7676] - И доселе в Александрии показывают благочестивым путешественникам место убиения великомученицы Екатерины, которое всегда пользовалось особым благоговейным почитанием со стороны местных христиан. Некоторые из граждан Александрии, озаренные верою в распятого Господа, сохранили даже до настоящего времени небольшую мраморную колонну, на которой, по преданию усечена честная глава святой великомученицы. Колонна эта и теперь с благоговением хранится в Александрийской православной обители святого Саввы и стоит в левом пределе храма, посвященного имени сего святого.

[7677] - Долгое время святые мощи Екатерины пребывали в неизвестности в земле, и были открыты лишь спустя 200 с лишком лет. Это случилось следующим образом. Однажды, приблизительно в 30–40 годах VI столетия по Рождестве Христовом, братия Синайской обители, основанной Византийским императором Юстинианом, за 800 верст от Александрии, чудесно были извещены свыше, что мощи святой великомученицы Екатерины почивают нетленно недалеко от них, и при сем получили повеление перенести их в новосозданный храм Синайского монастыря. Благочестивые старцы с радостью поспешили к горе, указанной им недалеко от обители. Эта возвышенность достигала до 1200 сажен; но отшельники, движимые религиозным одушевлением и вспомоществуемые благодатиею Божиею, победили все трудности пути и скоро достигли ее вершины, где и обрели святые мощи великомученицы Екатерины нетленными и благоухающими. Их положить сюда только и могли Ангелы. – Мощи святой Екатерины были обретены не полностью, а только глава ее и левая рука. Эти части нетленного тела достохвальной мученицы Христовой, тогда же торжественно перенесенные в Синайскую обитель, и доселе почивают в этом,

замечательном по своей древности, монастыре. В 1689 году русский император Петр Великий пожертвовал в Синайскую обитель для мощей святой Екатерины среброкованную раку. Но этот дар хранится в ризнице. «Страх от жадности мусульман, от огласки путешественников, – замечает известный епископ Порфирий, бывший на Синае, – приучил синаистов таить эту драгоценность». В настоящее время св. мощи великомученицы Екатерины сохраняются в небольшой мраморной раке в алтаре великого храма Синайской обители во имя Преображения Господня, на правой стороне престола. Святую главу невесты Христовой покрывает ныне золотой венец, а на одном пальце надето драгоценное кольцо, в память таинственного обручения св. Екатерины с Небесным Женихом – Христом. В раке святые части мощей покоятся на серебряном подносе, под которым лежит толстый пласт ваты, проникнутый благоуханием святыни. Когда же части мощей выносятся для поклонения братии, то они поставляются среди храма, вместе со многими другими останками святыни, на столе, нарочито для этого приготовленном. Мощи св. Екатерины для дальнего поклонника открываются во всякое время, но для братии и ближних пришельцев – только по окончании утрени в Господские праздники.

7678 - Память святой Екатерины чествуется во всем православном мире с особым благоговением и торжественностью. В честь ее созидаются церкви, многие монастыри называются ее именем; весьма многие из православных и инославных христианок носят ее имя. Слава этой мученицы была велика и в древности. Павла, знаменитая римлянка, основавшая монастырь в Вифлееме в 386 году, посвятила в нем храм муч. Екатерине, о которой св. Епифаний говорил Павле, что Екатерина родилась на острове Кипре, в гор. Саламине, в его епископии, оттуда перешла в Александрию, была в св. местах в Иерусалиме, пред яслями в Вифлееме дала обет девства и получила от Христа перстень. На Западе она считается покровительницею учащегося юношества, особенно философии. Святую великомученицу

почитают даже некоторые из язычников, например: монголо-буряты забайкальские.

[7679] - Т.е. Августу, жену Максимиана.

[7680] - Что касается службы великомученице и церковных песнопений, в честь ее составленных, то они относятся к глубокой древности. в IX веке Феофан Никейский, известный христианский песнопевец, и неизвестный монах Вавил написали многие песни в честь великомученицы Екатерины, которые ныне православною Церковью и поются 24 ноября, в день ее преставления. Преподобный Феофан написал в честь св. великомученицы канон, краестрочие которого заключает следующую мысль: «Екатерину приснопамятную песньми пою».

[7681] - Декий царствовал с 249 по 251 г. Валериан единолично царствовал несколько позднее (253–260 гг.). Настоящее житие представляет его принимавшим участие в управлении империей еще при Декии.

[7682] - Капитолий – храм верховного бога Юпитера и богинь Юноны и Минервы, на одном из холмов, на которых был раскинут древний Рим, столица Римской империи. Холм этот, вместе с храмом, был главным святилищем и назывался Капитолийским.

[7683] - Варварами греки и римляне называли иноплеменников. Самое название указывает на людей с непонятною речью. Здесь разумеются, вероятно, Готы, на войне с которыми Декий, несколько позднее, был убит.

[7684] - Собственно Армения граничила на севере с Колхидою, Иберией и Албанией, на западе с Малой Азией, на юге-востоке и востоке с Мидиею и Ассириею. Первоначально она находилась в зависимости от Ассириян, Мидян и Персов, потом служила предметом раздора между парфянами и римлянами, затем, между римлянами и персами, и попеременно зависела то от тех, то от других. Армения первая лежала близ восточной части южного берега Понта Евксинского (Черного Моря), Армения вторая и третья на юго-запад, четвертая – на юг от первой.

[7685] - Трибун – римское название начальника войсковой части, среднее между нашим полковником и ротным командиром.

[7686] - Образ речи заимствован из Евангелия (ср. Лк.23:31, Иоан. 15:1–6). В этих словах святой Меркурий выражает ту мысль, что хотя отец его был христианином, сам он оставался, однако, же, до этих пор язычником, не заботившимся о просвещении христианскою верою.

[7687] - Еф.4:24. Это выражение указывает на совершившуюся в святом Меркурии, через крещение, силою благодати Христовой, перемену мыслей и чувств. Вместо прежнего пристрастия к языческому образу жизни, он был преисполнен теперь готовности к совершению подвигов христианского самоотвержения.

[7688] - Здесь святой Меркурий выражается словами многострадального Иова (Иов. 1:21), в которых тот выразил свою преданность воле Божией, после того как диавол, по попущению Божию, лишил праведника всего имущества. Смысл слов такой: не имеющим ничего я родился в мире, ничего из мирских благ мне не нужно будет, когда я буду умирать.

[7689] - В смысле насмешки, выражение: «честь» употреблено вместо – бесчестия».

[7690] - Святой, пользуясь вышеприведенным выражением мучителя, утверждает ту мысль, что в мучениях за имя Христово заключается для него не бесчестие, а, напротив, великая честь.

[7691] - Т. е. – что имеет значение для человека только на время его краткой земной жизни, каковы: богатства, слава, почести и т. п. Всё это оставляет человека, погибает для него, при наступлении смерти.

[7692] - Т. е. – духовные, небесные блага. Образ речи заимствован из Мф. 6:19–20.

[7693] - Скифы – древний народ, который жил частью в северных пределах западной Азии, до Каспийского моря, преимущественно же по северным берегам Черного моря,

причем северные границы расселения скифов были неизвестны древним.

[7694] - Т. е. – Царство Небесное. Выражение заимствовано из Посл. к Евр. 12:22.

[7695] - Так Христос называется потому, что Он через Свою земную жизнь, в особенности через крестные страдания и смерть, дал на все времена высочайший пример подвига послушания воле Божией и самоотверженного служения людям.

[7696] - Каппадокия – восточная область Малой Азии.

[7697] - Здесь нужно разуметь мула или осла, на которых ездили и перевозили небольшие тяжести. Для перевозки более значительных тяжестей служили верблюды.

[7698] - Имя Кесарии носили несколько римских городов. Здесь разумеется Кесария- столица Каппадокии, названная так императором Тиверием (ранее называлась Мазана).

[7699] - Выражение 2Тим. 4:8. Течение – путь земной жизни, в особенности – мученических страданий и смерти; венец подвига – венец славы в Небесном Царстве, заслуженный мученическим подвигом.

[7700] - Выражение заимствовано из Филип. 1:23. Апостол выражал желание скорее умереть, чтобы, освободившись от тела, теснее соединиться душою со Христом в Его Небесном Царствии.

[7701] - Св. Василий Великий родился в 330 г., в благочестивом семействе, в Каппадокии, получил обширное светское и духовное образование. Первоначально, вместе со своим другом св. Григорием Богословом, проводил отшельническую жизнь, потом был поставлен сначала пресвитером, а затем в 370 г. епископом Кесарийским. Подобно св. Афанасию Александрийскому, был ревностным защитником православия в эпоху арианских смут и написал для защиты и раскрытия православного учения много замечательных сочинений, за что Церковь и дала ему название Великого. Умер в 379 году.

[7702] - Император Юлиан царствовал с 361 по 363 г. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и

поставил задачею своей жизни восстановление язычества. Поэтому он и называется Отступником.

7703 - Персы жили в Азии, близ Персидского залива. В разное время границы страны были разные. С воцарением среди них династии Сассанидов (в 226 г. по Р. Хр.), вели неоднократно войны с римлянами. Персидская война, во время которой был убит Юлиан, относится к царствованию персидского царя Сапореса II.

7704 - Спасо-Преображенская-Сойгинская или Соежская пустынь, ныне погост Сойгинский-Преображенский, находится в Вологодской губернии Сольвычегодском уезде в 82 верстах от Сольвычегодска, на правом берегу реки Сойги, при впадении ее в реку Вычегду. Эта пустынь в 1791 году была совершенно упразднена и обращена в приходский храм.

7705 - Христос Спаситель, научая Своих последователей побеждать дурные страсти, сказал «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мк.9:47). Святая же Мастридия лишила себя глаз, по ревности ко Христу, чтобы, удалив причину соблазна для юноши, тем самым и его подвигнуть ко спасению.

7706 - Октавиан Август – 1-й римский император после уничтожения в Риме республики, царствовал с 30 года до Р. Х. по 14-й по Р. Х. Тиверий, пасынок его, царствовал с 14-го по 37-й г.; в царствовании его пострадал и приял крестную смерть Господь наш Иисус Христос.

7707 - Асией называлась у римлян провинция, расположенная в теперешней Малой Азии (Анатолийский полуостров), по берегу Средиземного моря в состав ее входило несколько городов с их областями; столицей же ее считался Пергам.

7708 - Городов с именем Кесария или Цезария в древнее время было много. Под именем Кесарии Стратонийской нужно подразумевать палестинский город на восточном берегу Средиземного моря, известный более под именем Кесарии Палестинской. Город этот построен иудейским царем Иродом на

месте древнего города Стратон и назван Кесарией в честь Кесаря Августа (римского императора Октавия Августа). В настоящее время на месте его одни только развалины, покрытые дикими растениями.

[7709] - Драхма – древнегреческий вес и серебряная монета ценностью в 21 коп.

[7710] - Антандрос – город при Адрамитском заливе в Мизии, северо-западной области Малой Азии. Развалины этого древнего города существуют и поныне.

[7711] - Лаодикия – главный город древней Фригии на западе Малой Азии. Лаодикийская церковь принадлежала к числу семи знаменитых малоазийских церквей, упоминаемых в Апокалипсисе. Сейчас одни только развалины на одном невысоком холме, при опустошенном селении Эски – Гиссара, служат памятником древнего города. В Церковной истории Лаодикия известна по бывшему там в 365-м году собору, оставившему подробные правила касательно порядка Богослужения, нравственного поведения клира и мирян и различных пороков и заблуждений того времени.

[7712] - 29 июля 67 года.

[7713] - Святой апостол Климент управлял Римской церковью с 91 по 100 г.

[7714] - Нерва – римский император, царствовавший с 96 по 98 г. по Р. Х.

[7715] - Комитами (лат. слово) назывались у римлян сотрудники и свита правителей провинции.

[7716] - Траян – римский император с 98 по 117 г.

[7717] - Херсонес – город в Тавриде, полуострове Черного моря (ныне Крым); находился близ теперешнего Севастополя. В нем принял христианскую веру русский князь, равноапостольный Владимир.

[7718] - Поприще – первоначально – ристалище, место для состязаний; затем это слово стало означать то же, что стадия, т.е. мера длины в 125 шагов.

[7719] - Византийский император Никифор царствовал с 802 по 811 г.

[7720] - Святые Мефодий и Кирилл

[7721] - Хазары – народ туркменского происхождении, обитавший около Каспийского моря в низовьях Волги и в Предкавказьи. Они были частью язычниками, частью магометанами, частью же исповедовали еврейскую веру.

[7722] - Византийский император Михаил III царствовал с 855 по 867 г.

[7723] - Святой Игнатий управлял Константинопольской церковью с 847 по 857 г. потом после Фотия с 867 по 877 г.

[7724] - Святая София – соборный храм Константинополя.

[7725] - Известно, что святые Кирилл и Мефодий часть мощей святого Климента взяли с собой и отправили в Рим при папе Адриане II (867 г.); все же тело святого вместе с честной главой оставалось в Херсонесе до того времени, когда этот город был взят русским великим князем, святым Владимиром. Последний, приняв в Херсонесе святое крещение, взял с собой и мощи святого Климента «на благословение себе и на освящение всем людям» и положил их в Киевской Десятинной Церкви Пресвятой Богородицы. Здесь мощи священномученика находились до нашествия татар. Куда девались эти мощи во время татарского нашествия, сокрыты ли верующими или перенесены в другое место, – не известно. Сейчас можно встретить только частицы этих мощей, например в одном напрестольном кресте Александро-Невской Лавры, в Петербурге.

[7726] - Население Рима с древнейших времен делилось на несколько частей, которые назывались трибами. Начальниками или старейшинами триб и усвоено было название трибунов. Со временем это название стало прилагаться ко многим государственным должностным лицам, преимущественно же – к воинским начальникам, вроде наших полковников. В настоящем месте разумеется один из таких начальников.

[7727] - Здесь заключается указание на видение пророка Исайи; см. Ис 6 и др.

[7728] - Это было в 311 году. Известный церковный историк Евсевий, епископ Кесарийский, современник св. Петра Александрийского, называет последнего «священным

украшением епископов и по святости, и по упражнению в священных глаголах». По его увещанию целые сонмы верующих александрийцев увенчались венцом мученическим. Слабость некоторых, не выносивших жестокости мучений, побудила его в 306 г. разослать правила покаяния, которые с древних времен приняты в состав правил Вселенской Церкви и дышат христианской любовью и утверждаются на изречениях Св. Писания. При этом он всего более старался о том, чтобы возвратить падших в недра Церкви, разделяя падших на роды, обращая внимание на обстоятельства падения, призывая всех к покаянию и объявляя одно только преступление непростительным – нераскаянность. Кроме того, известно его сочинение о Пасхе и в извлечениях книга «О Божестве», прекрасные места из которой, относящиеся до воплощения Сына Божия, были читаны на III (Ефесском) и IV (Халкидонском) Вселенских соборах, сочинение «О пришествии Спасителя» и некоторые другие философско-богословского характера.

7729 - Память святого Петра Молчальника совершается еще 1 февраля.

7730 - Пафлагония – провинция Римской империи на севере Малой Азии с главным городом Гангрой.

7731 - Память святой Анны пророчицы празднуется 3 февраля.

7732 - Евхаит – город на севере Малой Азии ныне Мереиван.

7733 - Гробами обыкновенно были тогда пещеры в горах, иногда природные, иногда вырытые, или высеченные искусственно, в которых и полагали тела умерших, завернутые в особые пелены или простыни.

7734 - Преподобный Алипий скончался при императоре Ираклии (610–641 гг.) близ Адрианополя Пафлагонского. Честная глава его в настоящее время находится на Афоне в монастыре Кутлумуш.

7735 - Преп. Иаков отшельник, подвизался близ Кира в Сирии, в V веке. Кончина его относится к 457 г.

7736 - От Георгиевской церкви не уцелело до настоящего времени никаких остатков.

[7737] - Тиун – управитель от князя, низший судья; а здесь – как надсмотрщик при княжеской стройке.

[7738] - Ногата – род древнерусской монеты, равнявшейся половине четвертака, т. е. 12,5 коп.

[7739] - Иларион – первый митрополит на Руси из природных русских. Он избран был самим князем и собором епископов и почтен саном митрополита за свою подвижническую жизнь и учительность; управлял Русскою Церковию с 1051–1054 г. Им написано «Слово о Законе и Благодати», «Исповедание веры», а также сохранились и другие поучительные послания его и слова.

[7740] - Этот же праздник святому Георгию 26 ноября существовал, как и доселе существует, и в Греции, также по случаю освящения в честь сего святого одной греческой церкви.

[7741] - Издигерд I царствовал с 399 по 420 г.; сын его Варахран царствовал с 420 по 438 г.

[7742] - Спекуляторами в Римской империи назывался отборный отряд преторианцев, обязанных служить самому императору. Здесь под именем спекуляторов нужно разуметь воинов, находившихся при Персидском царе. Осудив святого Иакова на усечение всех членов, Варахран исполнение этой казни естественно поручил находившимся при его особе воинам.

[7743] - Разумеется притча Христова о 5 мудрых и 5 юродивых девах. (Мф.25:1–13)

[7744] - Господь Иисус Христос был пригвожден ко древу в шестой день недели, начиная счет с воскресенья, и в шестой час дня (по нашему 2-ой).

[7745] - Когда Господа Иисуса Христа вознесли на Кресте, то Он был пригвожден четырьмя гвоздями, вбитыми в две кисти рук и в две ступни ног. Так образовалось у него четыре язвы или раны; пятая нанесена была воином после Его крестной смерти, когда воин копием пронзил Ему ребро.

[7746] - Имеется в виду притча о талантах, под образом которых разумеются духовные дарования людей. (Мф.25:14–30).

[7747] - Разумеется диавол, растливший грехом природу человеческую.

[7748] - Левая сторона знаменует погибель вечную потому, что Сам Господь в Своем изображении Страшного Суда говорит, что Сын Человеческий поставит грешников по левую сторону Себя.

[7749] - Кончина св. Иакова мученика последовала в 421 г. Когда впоследствии издан был указ в Персии сожигать св. мощи мучеников, христиане отправили мощи Иакова в Иерусалим, откуда при императоре Маркиане (в половине V в.) они перенесены были Едесским епископом Петром в Тавенну, что в Египте. По другому сказанию, они перенесены были из Персии в Италию, где глава святого мученика хранится доныне в Ватиканской базилике. Есть мощи его и в Браге, в Португалии, где перенесение их празднуется 22 мая.

[7750] - Рос, – город в Сирии, недалеко от Антиохии.

[7751] - Время жизни и подвигов прп. Романа относится к V веку.

[7752] - Древнего жития св. Иакова не сохранилось. В Ростовском Яковлевском монастыре еще в сороковых годах девятнадцатого столетия имелось старинное житие, из которого и заимствованы подробности жизни святителя в книге: «Описание ростовского Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря», Спб. 1849; эти подробности повторяются здесь. Служба святому Иакову встречается в древних, не позже XVI столетия, рукописях и находится в печатных служебных минеях под 28 октября. Содержание службы святому Иакову и изображения с подписями на древних иконах согласны со сказаниями старинного жития.

[7753] - Это было в 1386 г.; святой Иаков поставлен был в ростовские епископы после епископа Матфея, грека.

[7754] - Сюда же за триста с лишком лет удалился из города Ростова святый Леонтий, изгнанный язычниками. Основанная святым Леонтием церковь Архистратига Михаила находится теперь в 30 саженях от ограды Яковлевского монастыря.

[7755] - Св. Иаков скончался в 1392 г.

[7756] - Галатия – небольшая гористая, но плодородная область Малой Азии.

[7757] - Это было в 388 г.

[7758] - Пустыня Нитрийская – излюбленное место подвижничества древнехристианских отшельников, в Нижнем Египте, в 70 милях от Александрии.

[7759] - Пустыня Скитская находилась в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от горы Нитрийской, в северо-западной части Египта. Это была безводная каменистая пустыня – излюбленное место Египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков. От сей местности впоследствии и получили наименование «скита» иноческие пустынные обители, в коих ревностнейшие иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия – ради пребывания в Боге Едином.

[7760] - Вифиния – северная область Малой Азии.

[7761] - С апреля 404 г.

[7762] - В 405 г.

[7763] - Сиена – город в Верхнем (Северном) Египте, на границах с Ефиопией, лежит на северной стороне первого нильского водопада, на восточном берегу Нила, у его порогов; существует и доселе под именем Ассуана.

[7764] - Антиноя – довольно значительный в древности город в Среднем Египте.

[7765] - Лавсаик был составлен в 420 году. Ввиду назидательности и поучительности этого сборника, церковным уставом полагается производить чтения из него на утренях святой Четыредесятницы.

[7766] - Святый Палладий Еленопольский скончался в 430 году.

[7767] - Знаменитый Влахернский храм находился во Влахернах, местности Константинополя, почти на самом берегу Мраморного моря. Здесь была чудотворная икона Пресв. Богородицы и риза Ее, хранимая в особом ковчеге, которая была привезена в Низанию в V веке.

[7768] - Император Византийский Зенон царствовал в 474–491 гг. После него вступил на престол Анастасий I, царствовавший в 491–518 гг.

[7769] - Здесь разумеется император Анастасий II (713–715 гг.)

[7770] - Патриарх Герман I, управлял Византийскою церковью с 715–730 г.

[7771] - Это было в 715 г.

[7772] - Разумеется Феодосий III Адрамитен, царствовавший с 715–716 гг.

[7773] - Император Лев III Исаврянин царствовал в 716–741 гг. Исаврянином он назывался потому, что был родом из Исаврии, провинции, расположенной на юге Малой Азии.

[7774] - Лаодикия финикийская была расположена на самом берегу Средиземного моря, несколько южнее Антиохии Сирийской.

[7775] - Аравия – довольно большой полуостров на юге Азии, между Красным или Черным морем и Персидским заливом. Население Аравии – семетического происхождения и ведет преимущественно кочевой образ жизни. При этом Аравия делится на множество мелких княжеств, в главе которых стоят шейхи. Христианство в Аравию проникло очень рано (как можно заключать из Деян. 2:11; Гал. 1:17), и предание говорит, что там проповедовал Христианство Апостол Варфоломей

[7776] - Титул патрициев принадлежал первоначально лишь детям сенаторов, которые назывались по-латыни раигез. Потом это название стало прилагаться ко всем лицам благородного римского происхождения. Но император Константин сделал титул патриция личным достоинством, которое даровалось высшим чиновниками, но не переходило по наследству.

[7777] - Спафарий – оруженосец, телохранитель царский. Впоследствии наименование спафарий сделалось одним лишь почетным титулом, даваемым лицам военным, – с которым не соединялись обязанности охранения царя.

[7778] - Константинопольский патриарх Анастасий управлял Церковью с 730–753 гг.

[7779] - Выражение мерзость запустения взято из книги Дан.9:27, ср. Мф.24:15; к Анастасию оно приложено для указания его недостоинства быть заместителем святителя Германа.

[7780] - Авксентиева гора находилась против Константинополя, у Никомидийского залива.

[7781] - Это было в 756 г. от Р. Хр.

[7782] - Император Константин V Копроним царствовал с 741–775 г.

[7783] - Разумеется Константинопольский патриарх Константин II, который управлял Византийскою Церковью с 754–766 г.

[7784] - Разумеется Константин VI Порфирородный, царствовавший с 780– 797 г. Царица Ирина, мать его и подруга Льва VI, ревностная защитница иконопочитания, в продолжение 10 лет управляла государотвом вместо сына и после него царствовала по 802 г.

[7785] - Арий, Несторий, Евтихий и Диоскор – были ересиархами. Арий учил о том, что Сын Божий есть тварное существо, не одинакового достоинства с Богом Отцом. Несторий учил о том, что Иисус Христос не есть истинный Бог, но человек, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божией. Евтихий и Диоскор были представителями монофизитской ереси, учившей об одной природе божеской в Иисусе Христе, которая поглотила в нем человеческое естество. Первый эту мысль высказал Евтихий – архимандрит одного из Константинопольских монастырей. Диоскор же (бывший Александрийским патриархом, с 444– 451), явился ревностным защитником этой мысли.

[7786] - Финики – плоды пальмовых деревьев, имеющие ягодообразный вид; величина их разнообразна: у одних пальм плоды бывают в горошину, у других – больше человеческой головы. Когда плоды пальмовых деревьев созревают, то их или срывают рукою, или же трясут дерево, так что плоды падают на разостланные циновки. Употребляются в пищу финики одинаково и в свежем виде и в сухом. Смоквы – плоды смоковницы, дерево хорошо известного из книги Священного

Писания. В естественном виде эти плоды походят на грушу. Мигдалы – миндальные орехи, плоды миндального дерева (по-славянски «амигдал»).

[7787] - В 763 году.

[7788] - Здесь имеются в виду следующие слова пророка Исайи (Ис. 5:20): «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!»

[7789] - Стихира на праздник перенесения Нерукотворного Образа Христа Спасителя.

[7790] - Скифы – дикий народ, обитавший на севере от Черного моря, в пределах нынешней южной России, и в низовьях Дуная.

[7791] - Кувикуларий – царский постельничий, по большей части одно из самых приближенных лиц к царю.

[7792] - Иоан. 19:9; ср. Мф. 26:63, 27:12–14; Мк. 14:61, 15:5; Лк. 23:9.

[7793] - Выражение взято из книги пророка Исайи, где оно приложено к Мессии-Избавителю (Ис. 53:7).

[7794] - Новоначалие – подготовленный искус, без которого не постригают в иночество; лица, находящиеся в этом положении, известны под названием послушников.

[7795] - Иппоком – царский конюшенный; одна из придворных должностей.

[7796] - Хризополь – предместье Константинополя, на противоположного берегу Босфора, в Вифинии; ныне Скутари.

[7797] - Это было в то время, когда Господь стоял на суде Пилата (Иоан.19:15).

[7798] - Проконнис – остров на Мраморном море, ныне Мармара. Геллеспонтские страны – земли, расположенные посредине Мраморного моря, которое в древности называлось Геллеспонтом.

[7799] - Темница эта находилась в самом городе.

[7800] - Анфипат – начальник области, в состав которой входило несколько провинций; игемон – начальник провинции.

[7801] - Юлиан Отступник – римский император, царствовавший с 361 по 368 гг. Рожденный и воспитанный в христианстве, он отвергся Христа и сделался ревностным язычником.

[7802] - Врумалии или брумалии – языческое празднество, которое происходило в день зимнего солнцестояния (по-латыни брума). Празднество это начиналось в древнему Риме жертвоприношением пред храмом Сатурна (римского бога земледелия и посевов), отчего называлось также сатурналиями, затем устраивалось пиршество, в котором принимали участие сенаторы и все сановники.

[7803] - Это было в 768 г. от Р. Х.

[7804] - Житие святителя Феодора имел намерение составить знаменитый Епифаний Премудрый, написавший жития преподобного Сергия Радонежского и святого Стефана, епископа Пермского: но сие намерение Епифания не было осуществлено. Древнего жития святого Феодора не отыскано. Существует в рукописи пространное житие Феодора, составленное по разнообразным источникам в XVII столетии (по указанной синодальной рукописи это житие издано в 1877 г. в Ярославле отдельной книжкой под заглавием: «Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Ростовского, чудотворца и основателя Симонова монастыря»). Сие житие и положено в основание настоящего изложения с проверкой по летописям и документам.

[7805] - Святой Феогност занимал митрополию с 1328 г. по 1353 г.

[7806] - Симеон Иванович Гордый княжил о 1340 г. по 1353 г.

[7807] - Димитрий Иоаннович Донской княжил с 1363 г. по 1389 г.

[7808] - Василий Димитриевич княжил с 1389 г. по 1425 г.

[7809] - Нил был патриархом с 1378 г. по 1388 г.

[7810] - Память святого Иакова празднуется 27 ноября

[7811] - Антоний патриаршествовал с 1388 г. по 1395.

[7812] - Митрополит Пимен скончался 11 сентября 1389 года в Малоазийском городе Халкидоне, лежащем почти против

Константинополя, и там погребен.

[7813] - Память его празднуется 14 июля.

[7814] - Преподобный Ферапонт скончался в глубокой старости в 1420 г. мая 27; под сим числом его житие.

[7815] - О сем повествуется в житии святого Леонтия, Ростовского Чудотворца.

[7816] - О занятиях святого Феодора иконописанием говорится в «Сказании о святых иконописцах» (Буслав. Истор. Очерки II, 379).

[7817] - В лике святых Феодор встречается в агиографических памятниках с XV столетия. В рукописях встречаются написанные в честь его тропарь и кондак.

[7818] - Здесь разумеется Севастия в Армении, называемая Севастией Армянской, – в отличие от Севастии Каппадокийской.

[7819] - Константин Копроним царствовал с 741–776 г. Это был один из жестоких императоров иконоборцев. Так как во время гонений на святые иконы главными защитниками их являлись иноки, то Константин Копроним приказал жечь монастыри, а православным инокам разбивать головы теми самыми иконами, на защиту коих они выступали, или же предавал их иным жестоким казням. Воины, исполнявшие волю нечестивого царя, видя твердость православных и многие знамения от поругаемых икон, часто из гонителей обращались в православных и становились ревностными чтителями святых икон. За это ярость мучителя обращалась на них, и им приходилось претерпевать жестокие казни, мучения и самую смерть.

[7820] - Дафна – предместье в Константинополе.

[7821] - Иоанн Лествичник – происхождения неизвестного, 20 лет принял иночество, последние четыре года своей жизни был игуменом Синайской обители; скончался 80-летним старцем в конце VI века; память его 30 марта.

[7822] - Скончался в первой половине VI века.

[7823] - Декий – римский император с 249 по 251 г.

[7824] - Валсативские воды, при устье реки Тибра, находятся в Вифинской области.

[7825] - Посейдон, у Римлян Нептун, – языческий бог морей и водных источников.

[7826] - Аврелиан Домиций царствовал с 270–275.

[7827] - Ликаония – древняя страна Малой Азии. С 25 г. до Р. Х. страна эта вошла в состав римской провинции Галатии. Столицею ее был первоначально фригийский город Иконион (нын. Кония).

[7828] - Анкира – один из городов Галатийской провинции.

[7829] - Поприще – мера расстояний на ристалище, где состязались в беге. Одно поприще равнялось нашим 690 саженям. Следовательно, 30 поприщ более 40 верст.

[7830] - Кончина св. муч. Филумена последовала около 274 г.

[7831] - Вифсаида – город на сев. западном берегу Тивериадского озера, родина святых Апостолов: Петра, Андрея и Филиппа, на берегу, близ которой было совершено чудо насыщения 5-ю тысячами хлебов (Лк.9:10).

[7832] - Иордан – главная река в св. земле, протекающая вдоль ее, с севера на юг; она берет свое начало в отрогах Ливанских и Антиливанских гор и впадает в Мертвое море.

[7833] - Иоан.1– наименование Иисуса Христа Агнцем Божиим указывало на то, что Он воплотился для принесения Себя в жертву за род человеческий.

[7834] - Галилейское море или озеро называлось иначе Геннисаретским или Тивериадским; оно находится в северной части Палестины (в Галилее), имеет в длину около 30 в., в ширину около 8 в., через него протекает р. Иордан.

[7835] - Вифиния – страна, лежавшая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. С 75 г. до Р. Х. она вошла в состав Римской империи и разделилась на две провинции, с главными городами: Бруссой (в древ. Прузиада) и Никомидией.

[7836] - Т.е. – страны, лежавшие по берегам Мраморного моря.

[7837] - Халкидон – город на Азиатском берегу Константинопольского пролива, ближе к Мраморному морю.

[7838] - Византия – близ входа в Костантинопольский пролив, на Европейском берегу. С 330 г. император святой Константин Великий сделал этот город столицей своего царства и дал ему свое имя (Константинополь). Ныне – столица Турции.

[7839] - Фракией называлась часть Балканского полуострова к северу от Македонии, Эгейского моря (Архипелаг) и Мраморного, где ныне следующие земли: восточная часть Венгрии, Трансильвания, Бессарабия, Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия и восточные части Румелии.

[7840] - Страна к юго-западу от Фракии, по северо-западному берегу Эгейского моря.

[7841] - Часть Средиземного моря – между Балканским полуостровом и Кавказскими перешейком, южным краем России и северным берегом Малоазийского полуострова.

[7842] - Одна из величайших рек в Европе, берет начало в Средней части Европы, затем протекает через Австрию и по северной границе Балканского полуострова, с запада на восток, и впадает в Черное море.

[7843] - Фессалия – страна на западном берегу Эгейского моря, отделявшаяся на север от Македонии цепью Олимпийских гор.

[7844] - Еллада находилась в южной части Балканского полуострова, соединяющейся с ним Коринфским перешейком (ныне-Морея); на западе граничила с Ионическим морем, на востоке-с Ахаией и Аркадией

[7845] - Ахаия – страна по южному берегу Коринфского залива.

[7846] - Имея в виду местоположение называемых далее городов, нужно думать, что здесь разумеется Аминс или Амия, на южном берегу Черного моря, в провинции Понт, между устьями рек Галиса и Ириса; ныне он называется Самсун.

[7847] - Город в провинции Понт, лежавшей по южному берегу Черного моря, между Пафлагонией и Арменией. Трапезунт находился при море, значительно восточнее Амиса.

[7848] - Было несколько городов с этим именем в разных местах. Здесь нужно разуметь Ираклию на южном берегу

Черного моря, несколько западнее упоминаемой далее Амастриды.

7849 - Город в Пафлагонии, лежавшей по южному берегу Черного моря, между Понтом и Вифинией, Амастрида – иначе Амастрис.

7850 - Город, входивший первоначально в состав Пафлагонии, потом Понта; он лежал на южном берегу Черного моря, на узком перешейке, который соединяет с берегом образуемый здесь морем небольшой полуостров

7851 - Город в Понте, где родился и около 240 г. был первым епископом св. Григорий Чудотворец.

7852 - Самосаты, иначе: Семисат, Симасат – Сирийский город при р. Евфрате, в верхней части ее.

7853 - Аланы – страна, населенная Сарматским народом того же имени, находившаяся в нынешнем северном Кавказе, между Черным и Каспийским морем, ближе к последнему.

7854 - Абаски – племя, жившее на запад от Аланов, ближе к Черному морю, и сообщившее название нынешней Абхазии.

7855 - Зиги жили по берегу Черного моря, в непосредственном соседстве с Абасками, к северу от них.

7856 - Здесь нужно разуметь Босфорское царство, на нынешнем Таврическом полуострове, близ Босфора Кимерийского (ныне Керченский пролив)

7857 - Т.е. – переплыл через Черное море к Фракийскому Босфору, где находилась Византия.

7858 - При Нероне (в 1 в.) Понт был обращен в римскую провинцию и разделен на три части: Галатийский, Полемонийский и Каппадокийский.

7859 - Скифией назывались земли, лежавшие частью на юге теперешней России, частью вокруг Каспийского моря. Точный границы Скифии на севере и востоке были неизвестны древним.

7860 - Наименование Херсонес прилагалось в древности ко многим местам. Здесь нужно разуметь народы, населявшие Таврический Херсонес (нынешний Крым).

[7861] - Протекает по югу теперешней России и впадает в Черное море.

[7862] - Это – позднейшее наименование, происшедшее от славянского племени Русь.

[7863] - Т.е. – поднялся вверх по Днепру до некоторого гористого места, на котором потом возник город Киев.

[7864] - Пророчество это исполнилось: Русские приняли крещение от Греков и просвещены были церковными учителями, присланными из Константинополя.

[7865] - Один из древнейших русских городов, на р. Волхове. Указывается предел движения Апостола на север от Киева.

[7866] - Столица древнего Римского царства и нынешнего Итальянского королевства, при р. Тибре.

[7867] - Эпир – греческая область по берегу Ионического моря, простиравшаяся на восток от горной цепи Пинда.

[7868] - Нынешняя Морея, соединяющаяся с Балканским полуостровом Коринфским перешейком.

[7869] - Иначе Патрас, – город при входе в Коринфский залив.

[7870] - Т.е. – не имеющими за собой добрых дел.

[7871] - Казнь через распятие считалась самою позорною; ей подвергались только рабы и вообще самые презренные и преступные люди.

[7872] - Т.е. – будешь распят.

[7873] - Т.е. – людей праведных, угодивших Богу.

[7874] - Т.е. – спасете душевное. Образ речи заимствован из (Мф.16:25–26).

[7875] - Иначе: находят.

[7876] - Иначе: потеряно, пропало.

[7877] - Разумеется древо познания добра и зла (Быт.2:16–17); называется оно так потому, что, вкусив от запрещенных Богом плодов этого дерева, человек совершил преступление.

[7878] - Разумеется древо крестное, на котором Христос пострадал и умер, смертью (Своею) смерть поправ.

[7879] - Сок одного растения, чрезвычайно горький на вкус и производящий одуряющее действие. Желчь, смешанную с

уксусом, во исполнение пророчества (Пс.68:22), давали пить распятому на кресте Господу (Мф.27:34–48).

7880 - Т.е. – на жертвеннике, основанном по силе искупительных крестных страданий Господа.

7881 - Т.е. – осуждения на Страшном Суде.

7882 - Т. е. – вечных мучений грешников в аду.

7883 - Т. е. – обращаться ко Христу; когда будешь не в силах – перед самою смертью, при наступления смерти.

7884 - Выражение заимствовано из (1Тим.2:4).

7885 - Разумеется св. Константин Великий (324–337 гг.), впервые сделавший христианство господствующей верой в Римской империи.

7886 - Под ловлением разумеется привлечение свв. Апостолами людей к вере во Христа.

7887 - Под тростью здесь нужно разуметь удилище.

7888 - Пища-приманка, надеваемая на крючок при ужении рыбы (червь, насекомое, кусочек хлеба и т. п.).

7889 - Рыболов с удочкой садится обыкновенно на каком-нибудь камне, на берегу реки, близ воды.

7890 - Т. е. – благодатную.

7891 - Т.е. – восставшее против самого себя (образ речи заимствован из (Мф.12:25–26)). Здесь разумеется убиение Каином своего брата Авеля по зависти (Быт.4:1–12); в братоубийстве человеческая природа совершила преступление против самого себя.

7892 - Разумеется подвиг веры Авраама – принесение им, по слову Божию, в жертву своего сына Исаака (Быт. 22:1–13).

7893 - Разумеется благословение первенства, принадлежавшее по рождению Исаву, но полученное, при посредстве обмана, Иаковом (Быт. 27:1–40).

7894 - Разумеется явление Бога патриарху Иакову в виде Таинственного Борца, для ободрения его в виду предстоявшей встречи с братом Исавом (Быт.32:24–32).

7895 - Разумеется зависть к Иосифу старших братьев его из-за преимущественной любви к нему отца (Быт.37и дал.).

7896 - Разумеется пребывание Иосифа в Египетском рабстве, в конце которого он возвысился до звания высшего царедворца – первого, после фараона, лица в царстве (Быт.39–41).

7897 - Иосиф возвысился в Египте через истолкование, по особому откровению Божию, снов фараона (Быт. 41:1–37).

7898 - Братья Иосифа приходили в Египет из земли Ханаанской, для покупки хлеба (Быт.42,43).

7899 - Жезл Моисея, который, особою силою Божиею, то обращался в змия, то возвращался к прежнему виду (Исх.4:1–5).

7900 - Купина- терновый куст.

7901 - Разумеются казни Египетские (Исх.7–12).

7902 - Разумеется чудесный переход евреев через Чермное море (Исх. 14:1–31).

7903 - Столп огненный и облачный, шедший впереди евреев во время их странствования, указывал им путь (Исх.13:21–22).

7904 - Жезл Аарона, чудесно прозябший в скинии в одну ночь, в знак Богоучрежденности священства Аарона (Чис. 17:1–13).

7905 - (Исх.16:1–36).

7906 - Молитвою Иисуса Навина, желавшего удлинить день для окончательного поражения Хананеев (Нав.10:12–13).

7907 - Зачатие прор. Самуила (Самуил означ. «испрошенный у Бога») по молитвам бесплодной ранее его матери Анны (1Цар. 1:1–28).

7908 - У Сарептской вдовицы, по слову прор. Илии (3Цар.17:10–16).

7909 - Разумеется взятие пр. Илии в огненной колеснице живым на небо (4Цар. 2:8–12).

7910 - Разумеется воскресение мертвеца через прикосновение к костям умершего ранее прор. Елисея (4Цар.13:20–21).

7911 - Так называется в Св. Писании Иисус Христос (Иоан.1:1–14; Апок.19:13; Иоан.5:7). Основание такого

наименования главным образом в том, что Иисус Христос сказал людям волю Божию (Иоан.15:16).

[7912] - Т.е. – с Иисусом Христом, Божественная природа Которого непостижима и неизобразима.

[7913] - По Божеству.

[7914] - Сорная трава, встречающаяся на окраинах полей и между хлебными растениями (Иов.31:40).

[7915] - Капищами назывались собственно языческие храмы, где стояли идолы. Но так как язычники любили строить их в тенистых рощах и лесах, то здесь ближайшим образом разумеются эти священные рощи.

[7916] - Т.е. – воссиявшие над Апостолами в день св. Пятидесятницы (Деян.2).

[7917] - Т. е. – помни, что ветхозаветное обрезание само по себе не может дать спасения человеку.

[7918] - Рубища закона – ветхозаветный закон, изветшавший с пришествием Христа, т.е. утративший прежнее значение.

[7919] - Иго письмен – т.е. постановления и предписания закона Моисеева, представлявшие из себя тяжелое иго для человека, в особенности потому, что закон не давал ему никаких благодатных сил для исполнения их, подобно тому как, например, такие силы подаются в христианстве (2Пет.1:3), называемом поэтому, игом благим и бременем легким (Мф. 11:30). При такой тяжести ига писанного закона, он, однако, не давал человеку радостного сознания спасения через него, не удовлетворял духовного глада человека (почему далее и говорится о гладе писмени).

[7920] - Разумеются ветхозаветные прообразы, с большею или меньшею ясностью указывавшие на Христа, наприм., принесение Авраамом Исаака в жертву, явление Моисею неопалимой купины, пасхальный агнец, столп облачный и огненный, манна, прозябший жезл Аарона, медный змий, трехдневное пребывание прор. Ионы во чреве китовом и т.п.

[7921] - Моисей пожелал видеть славу Божию. Но Господь сказал ему, что он не может видеть Лица Божия; затем поставил его в расселине скалы, покрыв пророка десницей Своею, и,

когда прошел мимо, отнял ее; и Моисей увидел задняя Божия, т. е. – увидел Бога под каким-либо внешним образом или символом (Исх.33:18–23 и дал.).

7922 - Обычное в Ветхом Завете обозначение времени пришествия Иисуса Христа (Чис.24:14; Исх.2:2; Мих.4:1 и мн. др.).

7923 - Слово Христос употреблено здесь в общем смысле лица помазанного, т. е. призванного Богом к особому служению.

7924 - Под Индией здесь разумеются вообще страны, лежащие по берегам Чермного моря и Индийского океана. Под этим общим названием разумелись: Ефиопская, Арабская и Браминская Индия. Поэтому в Прологе святой Фрументий назван архиепископом Индийским, будучи просветителем Индии, собственно Ефиопской, расположенной на юг от Египта. Точнее это теперь Нубия и Абиссиния.

7925 - Т.е. церковному отлучению (1Кор.5:5).

7926 - Нынешняя Абиссиния, составляя часть древней Ефиопии, является таким образом преемницей веры Христианской, принесенной туда святым Фрументием. Абиссинская церковь находилась в тесной связи с церковью Александрийскою, патриарху которой подчинен был Абиссинский епископ. Поэтому, во время арианских смут и споров, она, верная преданиям святого Афанасия Великого, оставалась православною, несмотря на то, что, приверженный к арианскому учению, император Констанций употреблял различные средства для распространения арианства среди Абиссинцев. Но, вследствие той же связи с церковию Александрийскою, Абиссинская церковь, в V веке, вместе с нею, уклонилась в монофизитскую ересь, во всем остальном вероучении и богослужении оставаясь верною православному учению.

7927 - Почему пророк и называет себя Елкошеянином или Елкосеянином (Наум. 1:1). По славянскому и другим переводам пророк Наум значится сыном Елкесиевым; но большинство толковников (например, блаженный Иероним, св. Кирилл Иерусалимский, Епифаний и другие) принимают еврейское

слово Елкоши (переведенное по-славянски «сын Елкесиев») за наименование места рождения Наума. По преданию, записанному блаженным Иеронимом, селение Елкоша находилось на севере Галилеи, в царстве Израильском.

7928 - Ниневия была главным городом Ассирийцев, с которыми евреи тогда находились во враждебных отношениях. Ниневия лежала на восточном берегу реки Тигра в Месопотамии. Это был многолюднейший и богатейший город в древнем мире; имел около 84 верст в окружности.

7929 - Сеннахирим – царь Ассирийский, сын и преемник Салманассара, разрушившего царство Израильское.

7930 - Иегова (по слав. Сущий) – одно из имен Божиих. Оно означает самобытность, вечность и неизменяемость Существа Божия, и постоянно употребляется в Священном Писании об одном Истинном Боге.

7931 - Это пророчество о погибели Ниневии от воды и огня исполнилось буквально. Ниневия, осажденная врагами (Циаксаром, царем Мидийским и Набопалассаром, царем Вавилонским около 600 г. до Р. Хр.), три года стойко выдерживала осаду, и только разлив реки Тигра, подмывший городские стены, дал возможность врагам, прежде чем Ниневитяне успели воздвигнуть новую стену, войти в город и разрушить его до основания (Наум. 3:14). Царь Ниневийский Сарданапал, отчаявшись в своем спасении и боясь плена, велел сложить в самом дворце большой костёр, собрал сюда все свои сокровища и сжёг себя вместе со всеми наложницами. Так исполнились грозные слова Наума и другого великого пророка Исайи (Ис. 30:33)

7932 - Кроме пророчества о падении Ниневии в книге пророка Наума можно находить и мессианские черты: «Наум изрекает, – говорит блаж. Феодорит, – гибель Ниневии, ее войску и городу за то, что они, хотя и покаялись после проповеди Ионы, но вскоре забыли о ней и пошли с оружием на Израиля, но – продолжает он – есть в книге и пророчество о Спасителе такое: «Поднимается на тебя разрушитель: охраняй твердыни, стереги дорогу, укрепи чресла, собирайся с силами» (Наум. 2:1)

(по-славянски: «взыде вдыхаяй в лице твое»), ибо как в Адама Бог вдунул дыхание жизни, так и Владыка Христос, возобновляя сей образ, «дунул" на Апостолов «и говорит им: примите Духа Святаго» (Иоан.20:22). Поэтому и под всем сокрушенным царством Ассириян, в книге Наума, мы разумеем власть диавола, побежденную Владыкою Христом, а под ликующим Иудою разумеем ликующую о спасении вселенную». – За богослужением Православной Церкви книга прор. Наума не употребляется.

7933 - Пафлагония – область на севере Малой Азин, на восток от Вифинии.

7934 - Амния – селение, расположенное на живописных берегах реки того же имени.

7935 - Мф. 25:10. – Все сделанное человеком в земной жизни для ближних или последователей Христовых Господь относит к Себе, и награждает как бы за сделанное Ему Самому.

7936 - Т. е. ветхозаветному библейскому патриарху Аврааму. В своей жизни Авраам представляет нам образец весьма многих и самых поучительных добродетелей, как например: человеколюбия, кротости, правоты, терпения, миролюбия, великодушия, бескорыстия, гостеприимства, и особенно – благочестия, твёрдой и непоколебимой веры и упования на Бога, глубочайшего смирения и благоговения пред Ним, совершенной покорности Ему и всецелой преданности в волю Его. – См. (Быт. 11:1–32) и далее.

7937 - Под Измаильтянами (т. е. потомками Измаила) здесь разумеются Арабы – магометане, могущество которых в VIII столетии по Р. Х. было в полном расцвете. Быстрый и необычайный рост магометанского могущества был несчастием для Византии. Магометане вели с Греками непрестанные и опустошительные войны. Знаменитый халиф Арабский – Гарун-аль-Рашид восемь раз предпринимал опустошительные походы против Византии; от этих набегов прежде всего страдали всегда области Малой Азии, где жил праведный Филарет. При приближении свирепых врагов, жители спешили укрыться в горные ущелья, в леса, оставляя на произвол судьбы свои дома

и хозяйство. Нередко, по уходе врагов, цветущие области обращались в пустыни. Так это именно и было во времена праведного Филарета.

7938 - «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всем этом не согрешил Иов устами своими» (Иов 2:10) – т. е. не произнес никакой хулы на Бога.

7939 - По поводу этих слов Спасителя святой Иоанн Златоуст говорит: «Христос сими словами не богатство порицает, но тех, кои пристрастились к нему.

7940 - Императрица Ирина – супруга императора Льва 4-го Хазара, иконоборца. За свое ревностное иконопочитание она потерпела гонение от своего мужа. После его смерти, Ирина вступила на престол вместе с малолетним сыном Константином (780 г.). При ней было восстановлено иконопочитание и, по ее настоянию, созван был VII Вселенский собор, на котором провозглашена истина иконопочитания и осуждено иконоборство. [Собор происходил в Никее в 787 г.] Сын Ирины и Льва 4-го Константин царствовал под именем Императора Константина VI, Порфирородного – до 797 года. Ирина царствовала и после сына- до 802 года.

7941 - Титул патрициев принадлежал первоначально лишь детям сенаторов, которые назывались по латыни рангеа. Потом это название стало прилагаться ко всем лицам благородного римского происхождения. Но император Константин сделал титул патриция личным достоинством, которое было даруемо высшим чиновникам, но не переходило по наследству.

7942 - Лонгобарды – один из народов Германского племени.

7943 - Спафарий – оруженосец, царский телохранитель.

7944 - Литра – фунт, византийская мера веса, равная 72 золотникам; в серебре стоила до 42 руб, а в золоте до 606 руб. Эту меру нужно отличать от литра – меры сыпучих и жидких тел.

7945 - В этом стихе псалма Давид свидетельствует пред Богом, что он ни сердца высокомерного, ни очей надменных не имел, но как был смирен сердцем, так и очами показывал смирение. – Ходить в великих и дивных означает тоже, что

хвалиться великими и славными делами. Псалмопевец смиренно признается, что он, стоя на высокой степени достоинства, утверждался более на смирении, нежели на гордости; и потому ни словами, ни делами не превозносился выше себя.

7946 - «Милость и суд воспою Тебе, Господи»

7947 - Святой Филарет жил после брака внучки, бывшего в 788 г., четыре года, – следовательно скончался в 792 году.

7948 - Блж. Епифанием Кипрским и св. Исидором Испалийским.

7949 - Аввакум – с еврейского значит собственно обнимающий, обхватывающий, а потом-сильный борец, подвижник.

7950 - Начало пророческой деятельности Аввакума нужно отнести к тем годам царствования Манассии, когда сей нечестивый царь, взятый в плен Асаргаддоном, смирился и покаялся в заточении. Пророчества Аввакума относятся к периоду времени с 660 г. и захватывают собою годы царствования преемника Амона, благочестивого царя Иосии, до 611 г.

7951 - Кн. прор. Аввакума (Авв. 1:6–12). Об этом же наказании, за нечестие народа в царствование Манассии и его сына, говорится в 4Цар. 21:12–14.

7952 - Халдеи – по-еврейски: хасидим, произошли от Хеседа, сына Нахорова, брата Авраама (Быт. 22:22). Происходя от семитического корня, Халдеи первоначально жили в северной гористой стране Месопотамии, ближе к Армении, на юг от озера Ван. Из этой древней местности Халдеи расселились по течению Евфрата, на юг и восток по всей Месопотамии и Вавилонии и вскоре сделались народом господствующим. В период владычества Ассириян, они с последними сделали многие завоевания и, по отделении Вавилонии от Ассирии, при Набополассаре особенно при Навуходоносоре, победили многие народы и царства. Всюду, при завоеваниях, Халдеи отличались крайнею жестокостью и воинственностью.

[7953] - (Авв. 2:1). Образ речи взят от обычая устраивать сторожевые башни на горах и высоких местах для того, чтобы стражники благовременно узнавали об опасности для селений, возвещали бы о близости неприятеля, о победе и поражении. Свв. пророки были стражи, поставленные Богом как бы на некоторой высоте для наблюдений и возвещение воли Его. На этой Божественной страже святой пророк Аввакум, отрешившись от всего земного, бодрствовал духом и пламенно молился Богу об открытии воли Его о Своем народе. Находясь в таком состоянии, он благоговейно ожидал, когда луч света Божия проникнет в его ум, озарит душевные его очи, и что возглаголет ему Господь.

[7954] - Здесь не только предрекается избавление Евреев из плена Вавилонского, но и спасение рода человеческого. Таким образом, это пророчество – мессианского характера. Указывая на южную страну по отношению к Палестине, где и была гора Фаран, покрытая тенистым лесом, Аввакум открыл евреям, что они получат избавление от рабства Вавилонского через народ, пришедший с южной стороны. Действительно, Кир, царь Персидский, привел Мидян и Персов с юга, по отношению к Палестине и, покорив Вавилонян, освободил евреев. Но взор пророка провидел избавление еще от другого рабства – греховного рабства всего рода человеческого в его обновлении. По объяснению блаж. Феодорита, Аввакум сими словами «предвозвещает вочеловечение Бога и Спасителя нашего, совершившееся в Вифлееме, который лежит к югу от Иерусалима». Св. Церковь, под горою приосененною, разумеет Божию Матерь, как бы некую гору добродетелей, осененную Святым Духом. «Гору Тя благодатию Божиею приосененную прозорливыма Аввакум усмотрив очима», – воспевает Церковь в каноне, – «из Тебе изыти Израилеву провозглашаше Святому, во спасение наше и обновление». «Христос грядый явственно Бог наш, приидет и не закоснит, от горы приосененныя чащи, Отроковицы раждающия Неискусомужныя, пророк древле глаголет» (4-я песнь канона в неделю Ваий). «Христе от Девы прозябл еси, из горы хвальный, приосененныя чащи» (4 песнь на Рож. Хр). Вообще, в основание 4-й песни всех церковных

канонов положено пророчество Аввакума о пришествии Господа во спасение людей Своих «спасти помазанныя своя». Ввиду такого ясного мессианского значения пророчества Аввакума, Церковь христианская усвоила ему наименование «Богоглаголивого». (похвальный канон, песнь 4-я, ирмос). – Вышеприведенная молитвенная песнь Аввакума служит основанием 4-й песни церковных канонов, изображающей всемогущество Бога и непостыдную надежду на него.

7955 - Остракина – город на границе Аравии, Палестины и Египта.

7956 - Кончина прор Аввакума последовала приблизительно за 600 лет до Р. Х. По сказанию церк. историка IV века, Евсевия Кесарийского, гробницу пр. Аввакума указывали в Кеиле, или в Киле, в колене Иудином. По свидетельству церк. историка V в. Созомена, мощи сего св. пророка, по Божественному Откровению, были обретены вместе с мощами св. пророка Михея в царствование Феодосия II младшего (408– 450 г.). Тела обоих пророков указаны были Божественным сновидением Зевенву, бывшему в то время епископом церкви Елевферопольской.

7957 - Ефес – главный город Малоазийской провинции Асии; расположен при реке Каистре, недалеко от Эгейского моря, на западном берегу Малой Азии. Ефес славился, как торговый центр. Здесь же был знаменитый языческий храм Артемиды или Дианы. Христианство проникло сюда еще во времена Апостолов: сначала ученики Иоанна Крестителя учили здесь, потом проповедовал Евангелие Апостол Павел, написал после к жителям этого города свое послание; затем там проповедовал и жил св. Евангелист Иоанн Богослов. Поэтому церковь Ефесская, по словам святого Иринея, была истинной свидетельницею Апостольского предания. В настоящее время, на месте древнего Ефеса, находится бедная Турецкая деревушка Айя-Солюк.

7958 - Декий – римский император, царствовал с 249–251 г.

7959 - Хиос – остров в Эгейском море (Архипелаге), против города Смирны.

[7960] - Кончина св. Миропии последовала около 251 г, при императоре Декии.

[7961] - Блаженный Афанасий почил о Господе около 1176 г. Мощи его почивают в Антониевой пещере

[7962] - Св. Симон – сначала инок Киево-Печерского монастыря, впоследствии епископ Владимирский, 1220 г.; известен, как автор 8 повестей о 8 печерских иноках, писанных к его другу, печерскому иноку Поликарпу и «Повести об основании Печерской обители». Память его 10 мая

[7963] - Житие составлено по старинному сербскому житию, церковной службе, помещаемой в «Сербляке» (печатном сборнике служб сербским святым) и сербским летописям.

[7964] - Стефан Душан правил с 1331 г. по 1355 г.

[7965] - Год рождения его – 1337.

[7966] - Петрич находился выше Неродимля в Езерской платине, т. е. горном хребте, отделяющем Подринье, край, прилегающий к городу Призрену, от Косова поля.

[7967] - Она была дочерью валашского воеводы Александра Бассарабы.

[7968] - В среднем Египте, на левом берегу реки Нила.

[7969] - Т. е. Фиваидскую. Фиваидская пустыня находилась в верхнем (южном) Египте и была излюбленным местом подвигов древних пустынников.

[7970] - В IV веке.

[7971] - Разделение пророков на больших и малых основывается не на личных, душевных качествах их, а на краткости написанных ими книг.

[7972] - Колено Симеоново, где находилась гора Саравае, занимало юго-западную пограничную часть Палестины.

[7973] - Это можно утверждать на том основании, что Софония перечисляет в начале книги своих предков. По тогдашнему обычаю, это могли делать только люди знатные по происхождению.

[7974] - Так толкуется имя Софонии (тайнозритель), происходящее от еврейского глагола «цафа» – наблюдать,

сторожить, или же от глагола «цафан», что значит – таить, укрывать.

[7975] - Филистимляне – соседний евреям народ, занимавший западную часть Палестины, по самому берегу Средиземного моря. Они произошли от Фаслухима и Кафторима, сынов Мицраима, сына Хама, родоначальника Египтян (Быт. 10:14; Втор. 2:23; 1Пар. 1:12; Иерем. 47:4; Амос. 9:7). Они – не природные жители Палестины, но пришельцы, переселенцы, как то показывает самое слово Пелиштим (Филистимляне) – странствовать, переселяться. Происходя от Каслухеев и Кафгореев, которые жили в какой-либо части Северного Египта, Филистимляне еще в глубокой древности переселялись сначала на остров Крит, а потом в Палестину. Моавитяне – народ Семитического племени, потомки Моава, незаконного сына Лота от старшей дочери его (Быт. 19:30–37). Они занимали гористые, но прекрасные плодоносные земли по восточной стороне Мертвого моря. С запада границею их было Мёртвое море, а с Востока-пустыня. Аммонитяне – народ, родственный Моавитянам, происшедший от Аммона, сына Лота, и его младшей дочери Бен-Аммя (Быт. 19:38). Они жили на восточной стороне Иордана, около гор Галаадских, между реками Иавоком и Арноном. Ефиопляне или Кушиты, произошли от Куша или Хуша, сына Хамова. В древности название Ефиопов давалось всем народам смуглого цвета (северо-восточной Африки и юго-западной Азии); но потом это название стало усвояться жителям собственно Ефиопии, лежавшей к югу от Египта, между Чермным морем, Ливийскою степью и Абиссинскою возвышенностью. Ассирияне – народ семитического племени, происшедший от Ассура, сына Сима, сына Ноева. Их царство, одно из самых могущественных во всей Азии, занимало области по реке Тигру, между Арменией, Месопотамией, Мидиею и Вавилониею.

[7976] - Соф.2:1. Пророчества эти исполнились при Навуходоносоре, царе Вавилонском, который покорил, вместе с Иудеями, и Моавитян, и Аммонитян, и Филистимлян. Ассирия же погибла при отце Навуходоносора – Набопаласаре.

[7977] - Наказание, действительно, не замедлило постигнуть нечестивых. Еще при Иосии вторглись сильные тогда враги Египтяне. Царь их, Фараон Нехао, в битве при Меггедоне, в долине Ездрелонской (на Юге Палестины) разбил Иудеев. Благочестивый Иосия пал в этой битве. С этого злополучного дня началось наказание Иудеев и исполнение угроз пророческих. Вскоре после смерти Иосии Иудеи были порабощены Египтянами и обложены тяжкою данью, а потом Вавилоняне стали вторгаться в Иудею. В 607 г. до Рож. Хр. царь их Навуходоносор взял Иерусалим, разрушил его, а народ отвел в плен, где он пробыл 70 лет. Так исполнились пророчества о наказании Иудеев за нечестие.

[7978] - Соф. 3:9–14. Пророчество Софонии об остатке Израилеве Блаж. Феодорит относит к Апостолам, которые были кротки и смиренны сердцем.

[7979] - Молчальниками или безмолвниками назывались преподобные мужи, давшие и исполнившие обет добровольного безмолвия. Из строгих хранителей безмолвия, кроме преподобного Иоанна, известен еще преподобный Исихий, основатель афонского скита исихитов, безмолвствовавший в течение 12 лет (память его 3 октября словесного воздержания см. в Мф. 1:36, Ефес. 4:29, 5:3–4, Иак. 3и др.

[7980] - Армения – область, находящаяся к западу от Малоазийского полуострова, к югу от Иберии, или Кавказа, к северу от Тигра и Евфрата. Никополь – один из главных городов Армении

[7981] - Маркиан, восточно-римский император, царствовал с 450 г. по 457. Следовательно, Иоанн родился в 454 году.

[7982] - Колония – город в Римской Армении.

[7983] - Севастия – главный город Армении, находившийся недалеко от истоков реки Галион.

[7984] - (Быт. 3:7, 10, 11) Сознание наготы явилось у Адама следствием грехопадения; потомкам Адама оно служит вместе с тем напоминанием о грехе праотца и о печальных последствиях этого греха для всего человечества.

[7985] - Зенон, греческий император, царствовал с 474 по 491 г.; Анастасий – с 491 по 527 г.

[7986] - Юстиниан Великий царствовал с 527 по 566 г.

[7987] - Речь идет о существовавшем в древности праве преследуемых и осужденных искать убежища в церквах.

[7988] - Евфимий – патриарх Константинопольский с 490–496 г.

[7989] - Саллюстий – патриарх Иерусалимский с 486–494 г.

[7990] - 4Цар. 4:27. У одной женщины из Сомана, оказывавшей гостеприимство пророку Елисею, умер сын. Пораженная горем, она отправилась к пророку на гору Кармил. Увидав ее издали, Елисей послал слугу своего Гиезия встретить ее и спросить о здоровье мужа и детей. Когда она подошла, и, не говоря ни слова, в великой скорби упала к ногам Елисея, а Гиезий хотел отстранить ее, – Елисей обратился к нему с приведенными выше словами, показывавшими, что пророк видел скорбь женщины, но не знал о причине ее.

[7991] - Киновиями – (от греч. общий, жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия не только стол, но и одежду и т. п. получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а со своей стороны весь свой труд и его плоды представляют обязательно на общую потребу монастыря. Жизнь в этих монастырях не так трудна, как жизнь в пустыне, связанная с полным отречением от всяких удобств.

[7992] - Стадия – мера длины у греков, равняющаяся приблизительно 88 нашим саженям.

[7993] - С 494–517 г.

[7994] - Скифополь – город лежавший в 620 стадиях от Иерусалима. В то время он был в цветущем состоянии и назывался Воротами рая, городом пальм и маслин. Теперь это – бедная деревня среди бесплодной пустыни.

[7995] - Иудейская пустыня, в которой спасался Иоанн, разделялась на несколько частей. Внутренняя часть ее у северо-западных берегов Мертвого моря называлась Рува.

[7996] - Мелагрия – малоизвестное пустынное растение Палестины горьковатого вкуса.

[7997] - Поприще – немного более нашей версты.

7998 - Сарацинами обыкновенно называются арабские разбойнические племена, кочующие в Аравии. Иногда же этим именем означаются все вообще мусульманские народы.

7999 - Аравия занимает обширный юго-западный полуостров Азии, омываемый водами Персидского залива.

8000 - Аскалон – палестинский город с гаванью, лежавший на Восточном берегу Средиземного моря, в 520 стадиях от Иерусалима.

8001 - Авва – отец; это наименование присваивалось преимущественно начальникам монастырей.

8002 - Преподобный Савва преставился в 532 г.

8003 - Вифлеем – город, в котором родился Иисус Христос, к югу от Иерусалима.

8004 - Ливиада – местность на восток от Иордана.

8005 - Иерихон – один из самых древних городов Палестины – находился в расстоянии 6 часов пути от Иерусалима, на западном берегу Иордана.

8006 - Память его сентября 29-го Лавра Сукийская (по Сирскому наименованная, а по-гречески – Старая Лавра) была основана преп. Харитоном в первой половине IV в., и находилась в дикой отдаленной местности в пустыне Иудейской.

8007 - Каппадокия – самая восточная провинция Малой Азии, родина великих отцов и учителей Церкви: Григория Назианзина епископа Неокесарийского.

8008 - Диаконисса – с греч. языка. Так назывался особый род служебных лиц в церкви, учреждение которых восходит ко временам Апостольским (Рим. 16:1; 1Тим. 5:3–10). На должность диаконисс, избирались пожилые (не моложе 40 л.) девственницы или вдовы. Обязанностями их было наставлять обращающихся жен и девиц, как они должны держать себя во время крещения, прислуживать епископу при их крещении и вместо него совершать помазание других частей тела, кроме чела, и т. д., наблюдать за порядком и благочинием среди женщин во время богослужения, посещать больных, бедствующих, заключенных в темницы, служить исповедникам и

мученикам, содержимых под стражей, помогать неимущим и т. под. При Константинопольской церкви полагалось до 40 диаконисс. Относительно диаконисс есть несколько канонических правил, а именно: 4-го Вселенского собора правило 15, 4-го правило 14 и св. Василия Великого правило 44-е.

[8009] - Север – патриарх Антиохийский с 512–518 г. – один из умеренных представителей монофизитской ереси, признававший во Христе только одну природу Божественную, которая будто бы совершенно поглотила в Нем человеческое естество. Но Север, настаивая на единой природе Христа, допускал, однако, в ней различие свойств божеских и человеческих и признавал, что плоть Христова до воскресения была, подобно нашей тленной.

[8010] - Смоковница – очень распространенное в Иудее дерево, с широкими листьями, дававшее очень вкусные плоды – смоквы.

[8011] - Преп. Иоанн Молчальник скончался в 558 году. Мощи его, как бы живого, видел русский паломник игумен Даниил в монастыре Саввы Освященного в начале XII века.

[8012] - Когда святой достиг глубокой старости, ученик его отворил его келью, чтобы служить ему. «Тогда я – повествует он, – вошедши к нему и видя страшное чудо с растением, внимательно обдумывал, как оно укоренилось, и нет ли трещины в камне, но не мог ее найти, так что в удивлении сказал: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11:33), ибо долгое время живущие в лавре знают, что ни на открытом, ни на закрытом месте не растет смоковница или какое-либо другое дерево, по причине большого жара и сухости воздуха лавры. Если кто укажет на деревья малой киновии лавры, что при дороге, тот да знает, что они суть дело молитвы блаженного Саввы, нашедшего глубокую землю и обильные воды зимнего потока, равно и дело отцов киновии, доныне во всю зиму напояющих эти деревья водою из потока; притом многие старались над деревьями у потока, где была глубокая земля и, напояя их в продолжение целой зимы, едва в год

могли получить произрастание, по причине сухости и большого жара».

[8013] - Князь Звенигородский, младший сын великого князя Московского Димитрия Донского.

[8014] - В 1407 году.

[8015] - Здесь разумеется Максимиан Галерий, зять и соправитель императора Диоклетиана в восточной половине Римской империи и затем его преемника с 305 по 311 г.

[8016] - Здесь разумеется Илиополь Финикийский, к северу от Палестины, в Келесирии, в нынешней Сирийской области Азиатской Турции, в глубокой древности бывший главным местом почитания языческого финикийского бога Ваала и центральным пунктом для всего восточного язычества, но в конце IV в. ставший рассадником христианства; впоследствии город этот был постепенно разрушен.

[8017] - Псаломское изречение Ср. Пс 101

[8018] - И баня с тремя окнами, строенными во образ Святой Троицы, и мраморный камень при источнике с изображением креста, и след ног святой Варвары – все это сохранялось в целости до времен Симеона Метафраста, который, после Иоанна Дамаскина, описал страдания сей святой мученицы. В своей истории он говорит об этом так: «До сего дня существует сей источник, исцеляющий всякие болезни у христолюбивых людей, если бы кто захотел сравнить его со струями Иордана или источником Силоамским, или с Вифездою, тот не погрешил бы против истины, ибо и в этом источнике одинаково много чудес совершает сила Христова».

[8019] - Финикияне главным образом обоготворяли светила небесные. Главными божествами своими они признавали Ваала, или Молоха, в лице которого обоготворяли солнце, и Астарту, в лице которой обоготворяли луну.

[8020] - Разумеются Три Ипостаси или Лица Единого, в Троице славимого Бога.

[8021] - Выражения, заимствованные из Св. Писания: ср. Пс. 146:9; Иов 38:10.

[8022] - Выражения Св. Писания: ср. Пс. 103:2, 135:6; Мф.5:45.

[8023] - Блаженная кончина св. великомученицы Варвары и Иулиании последовала в 306 г.

[8024] - Так св. равноапостольный князь Владимир взял себе в жены царевну Анну, сестру греческих императоров Василия и Константина. Его внук, сын Ярослава, великий князь Всеволод, который княжил в Киеве, после старшего брата Изяслава Ярославича, также имея женой дочь греческого императора Константина Мономаха, от которой у него родился сын Владимир Мономах, впоследствии великий князь Киевский.

[8025] - Михайловский Златоверхий мужской монастырь, по древнему преданию, построен в первые годы по введении в России христианства первым митрополитом Киевским и всея Руси Михаилом, крестившим киевлян в Днепре на том самом месте, где стоял главный идол Перун. Но, по первым летописным сказаниям, он основан в 1108 г. великим князем Киевским Святополком Изяславичем.

[8026] - Феодосий Сафонович – учитель и проповедник Киевский, с 1665 г. игумен Златоверхого Михайловского монастыря.

[8027] - Святополк Изяславич – внук Ярослава Мудрого и правнук св. равноапостольного князя Владимира – княжил в великом княжестве Киевском с 1093 по 1114 г.

[8028] - Алексий I Комнин, византийский император, царствовал с 1081 по 1118 г.

[8029] - В Златоверхом Михайловском монастыре, где мощи св. великомученицы Варвары почивают и доныне, положенные в 1847 г. в богатую сребропозлащенную раку.

[8030] - Нашествие Батыя было в 1240 г.

[8031] - Петр Могила, знаменитый поборник православия, был митрополитом Киевским с 1631 по 1646 г.; известен своею борьбою за Православие с католиками и униатами, устройством Киеве-братской школы, изданием богослужебных и душеполезных книг, своими проповедями и др. сочинениями.

[8032] - Сильвестр Коссов – митрополит Киевский – святительствовал в Киеве с 1647 по 1657 г.

[8033] - Иосиф Нелюбович-Тукальский – с 1663 г. митрополит Киевский, известный поборник православия, впоследствии заточен был поляками и скончался в Чигирине.

[8034] - Канев – уездный город Киевской губернии на реке Днепре.

[8035] - Батурин – город Черниговской губернии Конотопского уезда.

[8036] - Макарий, патриарх Антиохийский с 1648 по 1672 г.

[8037] - Лазарь Баранович – архиепископ Черниговский с 1647 по 1693 г., деятель Русской Церкви, известный своею полемикой с иезуитами и другими сочинениями, а также своей проповеднической деятельностью.

[8038] - Eleos – с греческого значит «милость, милосердие».

[8039] - Луцк – уездный город Волынской губернии. Гедеон святительствовал в Киеве с 1685 по 1690 г.

[8040] - Кроме того, часть мощей св. великомученицы Варвары – палец – хранится в Москве, в церкви имени св. великомученицы, на Варварке; есть также на Афоне некоторые части мощей святой Варвары. К вышеприведенным чудесам по молитвенному предстательству ее должно присовокупить и чудеса позднейшего времени. Так по чудесному заступлению ее в 1710 г. во время более десяти месяцев свирепствовавшей и страшно опустошавшей Киев и всю Малороссию чумы – смертоносная язва не коснулась Златоверхого Свято-Михайловского монастыря, где почивают мощи святой Варвары, и ни один из иноков обители не умер от этой болезни, хотя ворота монастыря и были постоянно открыты для всех желающих молитвенного утешения. То же благодатное и чудесное заступление было явлено святою великомученицею Варварою и в 1770 г. при вторично опустошившей Южную Россию чуме, и несколько раз в наше время при холерных эпидемиях. Ежегодно – 4 декабря – в день, посвященный празднованию святой великомученице, ее честные мощи торжественно обносятся вокруг церкви Михайловского монастыря при многочисленном стечении народа. В начале XVIII в. Киевским митрополитом Иоасафом Кроковским (1708–

1718 гг.) составлен акафист св. великомученице Варваре, который и поныне поется пред св. мощами. По народному верованию, св. великомученице Варваре дана от Бога особая благодать – спасать от неожиданной и напрасной смерти, от мора, и других внезапных бедствий. Такое верование основывается отчасти на самом житийном сказании о ней, по которому она молила Бога избавлять от внезапной болезни и нечаянной смерти всякого человека, который будет молитвенно воспоминать ее и ее страдания, отчасти – на вышеприведенных чудесах ее в Свято-Михайловском монастыре во время эпидемических болезней. В римско-католических церквах св. Варваре приписывается, кроме дара спасать от внезапной и насильственной смерти, еще дар спасать от бури на море и от огня на суше; она считается католиками также покровительницею артиллерии.

[8041] - Дамаск – главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире; лежит к северо-востоку от Палестины, при реке Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Анти-Ливана. И в настоящее время Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, – один из богатейших городов Азии, с населением свыше 150 000 чел. жителей.

[8042] - Св. Иоанн Дамаскин родился около 680 г. Родовое прозвание его было Мансур.

[8043] - Быт 41:37.

[8044] - Дан 2:48.

[8045] - Агаряне, или иначе сарацины, – аравийские бедуины. Наименование агарян, означавшее первоначально это кочующее племя, впоследствии распространено было христианскими писателями на всех арабов, а затем стало означать вообще мусульман. Агарянами аравийские бедуины назывались оттого, что по еврейскому преданию они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой.

[8046] - Отец св. Иоанна Дамаскина, Сергий Мансур, исправлял при калифе Дамасском Абд-Альмалике (686–705 гг.)

должность главного логофета, т.е. распорядителя казною, казначея.

[8047] - «Иоанн», в переводе с еврейского значит «Божия благодать».

[8048] - Стагир – город на Халкидонском полуострове, где родился греческий философ Аристотель (IV в. до Р. Х.), названный поэтому Стагиритом. Сыном Аристона здесь назван греческий философ Платон (IV в. до Р. Х.). Философия – наука, занимающаяся исследованием высших вопросов бытия, о Боге, о начале, сущности и законах мира и человека, о предназначении человека и конечных целях существования мира и т. п. Риторика и диалектика – науки, исследующие законы мышления и способы их выражения.

[8049] - Евангельское выражение из притчи о талантах. Мф. 25:16.

[8050] - Пифагор – знаменитый греческий философ VI в. до Р. Х.; Диофан – Александрийский математик IV в. по Р. Х.

[8051] - Евклид – математик III в. до Р. Х.

[8052] - Высшей власти при дворе св. Иоанн Дамаскин достиг при калифе Велиде (705–716 гг.), у которого он был ближайшим советником и министром. Но, приняв на себя обязанности нового звания, он никогда не забывал своего высшего служения – Иисусу Христу и всегда старался быть верным истине Христовой и полезным Св. Церкви. Возвещение истины Христовой и обличение лжеучений стало для Иоанна главным делом жизни. И он, с первых же пор своей деятельности, выступил на борьбу с еретиками того времени: с пользовавшимися покровительством в Сирии несторианами, разделявшими человеческое и Божеское естество в Иисусе Христе и учившими, что от Девы Марии родился человек Иисус, с Которым, с момента зачатия Его, соединился Бог Слово Своею благодатью и обитал в Нем, как в храме, и с монофизитами или яковитами, признавшими во Христе одно Божественное естество, которое будто бы поглотило в Нем человеческое естество. Против последних Иоанн Дамаскин написал довольно пространное, основательное сочинение в

защиту чистой православной веры. Кроме того, он боролся с выродившимся из монофизитства монофенитством, признававшим в Христе одну только волю Божественную, и с остатками древних учений гностических, соединенными с лжеучениями манихейскими – с ересью т. н. «павликиан», признававших, кроме благого Бога, сотворившего чистого духа и открывшегося в христианстве, еще злое начало – демиурга, сотворившего видимый мир и тело человеческое и открывшегося в иудействе и язычестве. Воплощение Сына Божия, по учению павликиан, было только кажущимся: все обряды и внешние учреждения Церкви они отрицали. Наконец. Иоанн Дамаскин написал также апологию против магометанства, которое в то время господствовало в Сирии.

8053 - Лев Исаврянин царствовал в Византийской империи с 716 по 741 г.

8054 - Св. Иоанн Дамаскин написал сочинение в защиту св. икон и послал его в Константинополь, где, между прочим, писал: «Сознавая мое недостоинство, без сомнения я должен бы молчать и только оплакивать грехи мои перед Богом, но видя, что Церковь Божия волнуется жестокою бурею, думаю, что теперь не время молчать, боюсь Бога более, чем государя земного, между тем власть государя так велика, что легко может увлекать народ». Но оскорбительного в этом сочинении по отношению к императору Льву св. Иоанн ничего не сказал. По просьбе друзей своих Иоанн написал еще одно за другим два послания в защиту св. икон. Послания Иоанна с жаждою читали в Константинополе и в других местах, немощные поддержаны были ими в православии, а сильные укреплялись в силе.

8055 - Остен, остна, осн – остроконечная трость, употреблявшаяся для побуждения ослов и волов идти скорее.

8056 - По уставу св. Саввы Освященного каждый новопоступающий поручаем был для испытания, надзора и вразумления старцу, опытному в духовной жизни. Так поступили и с Иоанном, несмотря на то что его благочестивая жизнь и обширная ученость были известны по всему Востоку.

8057 - Скрижали – каменные доски, служившие в древности для начертания письмен; на скрижалях были начертаны на Синае десять заповедей закона Божия. В переносном смысле скрижали означают сердце человеческое.

8058 - Таковы, например, «Где есть мирское пристрастие», «Помянух пророки вопиюща: аз есм земля и пепел», «Плачу и рыдаю» и другие, так называемые, «самогласны». Все они отличаются необыкновенною трогательностью, естественно и с силою при гробе сынов Адамовых изображаются в них участь сына персти и суета и тленность всего земного, и возносятся к Богу умилительные моления о упокоении усопшего. Все они вошли в последования погребения усопших и употребляются в Православной Церкви до настоящего времени.

8059 - «Епитимия», с греческого значит «возмездие, наказание, запрещение». Епитимия установлена в церкви для кающихся в глубокой древности и основывается на словах апостола Павла, который, давая коринфянам совет или правило (канон) прощать грехи кающемуся и принимать его в свое общение, говорит: «Довольно таковому запрещение» (epitimia), – и присоединяет, что если они примут его в любовь свою, то и он также. В требнике епитимия называется «каноном (правилом) удовлетворения». Таким образом, по указанию апостола, епитимия состоит в запрещении согрешившему на время иметь общение с Церковью, почему она и есть наказание. Но в то же время она не имеет значения меры карательной, лишения прав члена церкви; она является лишь «врачевством духовным». На языке церковных канонов епитимия означает добровольное исполнение исповедавшимся, по назначению духовника, тех или иных дел благочестия (продолжительная молитва, милостыня, усиленный пост, паломничество и т.п.).

8060 - Чис. 20:11. Здесь говорится о воде, чудесно изведенной Моисеем из скалы ударом жезла.

8061 - 2Цар. 23:15.

8062 - Ин. 4:14. Господь обещал Самарянке воду живую, текущую в жизнь вечную, т.е. благодать Святого Духа.

[8063] - Исх. 20. Как известно, песнопения Моисея и Мариами по переходе израильтян через Чермное море вошли в состав многих песнопений Иоанна Дамаскина и, между прочим, послужили основанием 1-й песни канонов.

[8064] - Орфей – певец, герой греческих мифов, сила пения которого была столь велика, что он приводил в движение деревья и скалы, укрощал диких зверей.

[8065] - 1-й ирмос 1-го гласа в октоихе. Октоих был одним из первых песненных трудов св. Иоанна Дамаскина. По словам патриарха Иерусалимского Иоанна, св. Дамаскин, непоколебимый исповедник и страдалец за почитание св. икон, воодушевленный чудесным исцелением руки его, отсеченной врагами веры, воспел эту торжественную песнь: «Твоя победительная десница благолепно в крепости прославися», в основание которой положена была победная благодарственная песнь Моисея при переходе израильтян через Чермное море, после чего следовали ряды других священных песен, составивших из себя октоих, или осмогласник (воскресные службы, разделенные на 8 гласов), появление которого произвело перемену во всем составе церковной службы. Еще при жизни св. Дамаскина октоих его принят был по всему Востоку, а через некоторое время перешел и на Запад; впоследствии октоих был умножен песнопениями других христианских песнотворцев, но и в настоящем виде службы на воскресные дни в главном своем составе принадлежат св. Иоанну Дамаскину. Октоих содержит в себе службу на каждый день седмицы, совершаемую по одному из осьми гласов, или напевов, чинопоследования вечерни, повечерия, утрени и литургии для будничных дней, а для воскресных, кроме того, малой вечерни и полунощницы. Пение октоиха начинается в будни после воскресенья (недели) Всех святых и оканчивается перед субботою недели Мясопустной; в воскресные же дни начинается с воскресенья, следующего за неделей Всех святых и продолжается до 6-й недели Великого поста. Не употребляется октоих при богослужении, кроме указанных промежутков, еще в двунадесятые праздники и в предпразднства их, случающиеся в будни. Октоих придал

церковной службе большую определенность и единообразие. Сообщив церковному пению и правильное единообразие, и чувства, достойные христианского служения, св. Дамаскин тем самым положил своим октоихом преграду господствовавшему до него в церковном пении неустройству. Из многоразличных мелодий он избрал для церковных песнопений преимущественно такие, которые способны выражать чувствования, приличные христианам, и не употреблял те, которые могут возбуждать чувствования, несообразные с важностью христианства. Он ограничился восемью гласами для того, чтобы молящиеся не развлекались разнообразием и частою переменою напевов и чтобы определенное число мелодий, удерживая внимание на достойных и вместе понятных для каждого напевах, возбуждало определенные и достойные качества и утверждало в общем внимании дух и содержание воспеваемых молитв. Та же определенность напевов положила конец произвольным вымыслам изысканного, рассеянного, неблагоговейного искусства, а простота напевов осмогласника, выражая смиренную простоту молитвы христианской, располагает душу к такой же молитве и, исторгая ее из шума суеты, как бы возносит к престолу Божию. В то же время восемь гласов как бы указывают на восемь голосов небесной иерархии, непрестанно славословящей Бога: Божию Матерь, Ангелов, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных и праведных, и поэтому пение октоиха может духовно и таинственно знаменовать немолчное молебное пение по подобию святых, вечно ликующих на небеси пред престолом Божиим. Музыкальные знаки октоиха св. Иоанна Дамаскина были крюковые.

[8066] - Впоследствии сия торжественная песнь в честь и прославление Пресвятой Богородицы вошла в состав литургии Василия Великого в качестве задостойника. Среди других многочисленных песнопений св. Иоанна Дамаскина вообще особенно много им было составлено песнопений в честь Богородицы, под особым благодатным покровительством и заступлением Которой он находился. Таковы, например, его каноны на Благовещение, Успение, Рождество Богородицы,

«Милосердия двери отверзни нам», «Преславная Приснодева, Матерь Христа Бога, принеси нашу молитву Сыну Твоему», «Все упование мое на Тя возлагаю» и другие. Вообще, как церковный песнопевец Дамаскин более высок, чем во всех других отношениях, и положительно неподражаем, почему за свои песнопения и назван Златоструйным, и это имя вполне принадлежит ему: все его песнопения заслуживают наименования песней образцовых. Во всех них видно замечательное одушевление, свойственное высокому певцу. Из 64 составленных им канонов самый возвышенный, торжественный и светлорадостный – канон на св. Пасху. Св. Иоанном Дамаскиным составлена и вся Пасхальная служба, после которой в образцах человеческого творчества нельзя найти другой песни, более полной чувствованиями столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Каноны на Рождество Христово, Богоявление Господне, Вознесение Господне со стихирами приближаются к Пасхальному. Воскресные службы его столько же превосходны по поэтической силе, сколько и по догматическому содержанию. Дамаскиным же написан прекрасный тропарь «Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий». Замечательны также его антифоны и песни надгробные – образцовые и трогательные песни кающейся души. Дамаскиным же составлено было много стихир и других церковных песнопений. Вообще Дамаскин – такой песнописец, выше которого ни прежде, ни после не было в церкви.

8067 - Кроме своих песнопений, св. Иоанн Дамаскин прославился своими богословскими сочинениями, которые дают ему почетное место между великими отцами Церкви. Тщательное изучение философии греческого ученого Аристотеля образовало в нем мыслителя отчетливого, точного в своих понятиях и словах. Св. Иоанн первый из отцов Церкви изложил в стройном, систематическом порядке богословское учение Православной Церкви, в чем его неотъемлемая слава. В своих сочинениях Дамаскин является догматиком и полемиком, историком и философом, оратором и поэтом церковным. Трем главнейшим своим сочинениям: «Диалектике», «Книге о ересях»

и «Изложению веры», совершенно различным по предмету, он дал одно общее название «Источник знания». Важнейшим из них является «Изложение православной веры», составляющее стройно и последовательно изложенное систематическое учение о созерцательных истинах Откровения, служившее образцом для богословов восточных и западных. Кроме того, в таком же строгом порядке св. Иоанном написаны «Священные параллели» – сличение изречений Св. Писания об уставах веры и благочестия с изречениями отцов и учителей Церкви; предметы здесь расположены по алфавиту для того, чтобы быть ближе к общему разумению; «Руководство» – объяснение важнейших богословских выражений, неправильное понимание которых в древности было причиною ересей; несколько небольших сочинений по догматике: «О правильном размышлении» – с объяснением учения шести Вселенских соборов; «О св. Троице», «Об образе Божием в человеке», «О природе человека» и проч. Между сочинениями св. Иоанна против еретиков первое место занимают три слова его против порицающих иконы; ему же принадлежит апология против магометан и сочинения против несториан, монофизитов, монофелитов и манихеев. Далее должно отметить краткие толкования на Послания апостола Павла, обширное воспоминание о св. мученике Артемии и его проповеди, например на Преображение Господне, Рождество и Успение Богородицы, Слово об усопших в вере, наставление о восьми злых помыслах и т. д. Наконец, важную услугу Дамаскин оказал чину богослужения, пересмотрев и дополнив устав Иерусалимский, составленный преп. Саввою Освященным, и составив месяцеслов.

[8068] - Святой Иоанн Дамаскин скончался около 777 г., 104 лет от роду, и был погребен в лавре Саввы Освященного подле раки св. основателя Лавры. При императоре Византийском Андронике II Палеологе (1282–1328 гг.) св. мощи его перенесены были в Константинополь.

[8069] - В Асийской Фригии, в VIII веке.

[8070] - Царствовал с 717 по 741 г.

[8071] - Во Фригийской области.

[8072] - Феодосий II или Младший, внук Феодосия Великого, Византийский император, царствовал с 408–450 г. Рождение преп. Саввы Освященного относится к 439 году.

[8073] - Каппадокия – восточная область Малой Азии. Кесария – главный город Каппадокии. Муталаска – ныне Таласи – селение в 8 верстах от Кесарии.

[8074] - Александрия – приморский город в Африке на северном берегу Египта, ведший обширную торговлю и бывший оплотом языческой учёности, а затем средоточием христианского богословия.

[8075] - Селение Сканда отстояло от Муталаски на три стадии, т е. немногим более 12 версты (римская стадия равнялась 86 саженям)

[8076] - Ныне монастырь св. Иоанна Предтечи на краю скалы.

[8077] - Псаломское выражение. Пс. 83:11.

[8078] - Маркиан – Византийский император, царствовал с 450–467 г. Св. Ювеналий с 420–458 г. Удаление преп. Саввы Освященного в монастырь аввы Пассариона последовало в 456 г. Преп. Пассарион – основатель одной из иерусалимских обителей, епископ и наставник преп. Евфимия Великого совершается 11 августа и в субботу Сырной седмицы.

[8079] - Память преп. Евфимия Великого, скончавшегося в 473 году, празднуется 20 января в пределах иерихонских: первая, которую Евфимий передал в управление друга своего и сподвижника преп. Феоктиста, находилась в 14 верстах от Иерусалима, на северо-востоке; вторая была основана преп. Евфимием в 4 верстах от первой и состояла под его собственным управлением.

[8080] - Память преп. Феоктиста, спостника преп. Евфимия Великого, празднуется 3 сентября; преп. Феоктист преставился в 467 году.

[8081] - Память преп. Дометиана Палестинского совершается в субботу сырную.

[8082] - Пустыня Рува находилась у северо-западных берегов Мертвого моря, между сим последним и нынешнею Иерусалимскою дорогою и Лаврою преп. Саввы Освященного.

[8083] - В 473 г. Анастасий I – патриарх Иерусалимский с 468–478 г.

[8084] - Сарацины – иначе Арабы, обитавшие в Аравийском полуострове и в Сирии, частью и в Палестине.

[8085] - Мелагрия – малоизвестное пустынное растение Палестины горьковатого вкуса. – Под тростником здесь следует разуметь так называемый тростник благовонный – растение, отличающее ароматическим и приятным, но горьким на вкус корнем. Оно употреблялось обыкновенно для составления благовоний фимиама, для богослужений, а также целебных ароматических масел и мазей; но пустынники свежие побеги и мягкую сердцевину этого растения употребляли и в пищу.

[8086] - Память его 12 декабря.

[8087] - Агаряне, иначе сарацины, – аравийские бедуины. Агарянами они назывались от того, что, по еврейскому преданию, были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой. Наименование это, означавшее первоначально это кочующее племя, впоследствии распространено было христианскими писателями на всех арабов, а затем стало означать вообще мусульман.

[8088] - Холм сей – нынешний Мунтар.

[8089] - Императрица Евдокия, жена Феодосия Младшего, скончалась в 460 году в Иерусалиме.

[8090] - Силоам – источник или водоем Силоамский и устроенная при нем купальня Силоамская находились на юго-восточной стороне Иерусалима при подошве гор Сион и Мориа.

[8091] - Это было в 478 году. Мартирий – патриарх Иерусалимский с 478–486 г.

[8092] - Зенон – Византийский император с 474–491 г. В 475 г. Василиск отнял у него императорскую власть и царствовал до конца 477 года, когда был заключен Зеноном в крепость, где и умер голодною смертью со всем своим семейством.

[8093] - Епташ, в переводе с греческого значит «Семиустнов». 16 стадий – около 4 верст.

[8094] - Т. е. диких иноплеменников, каковыми в настоящем случае были кочующие Сарацины.

[8095] - Такое наименование монастырь получил от своих укрепленных башен, от греч слова яорт-башня, крепость. Пиргион значит монастырь с башнями.

[8096] - Нынешний Михмас.

[8097] - Монастырь в Варихе или Карпавариха – ныне Бени-Наим, к югу от Хевроиа Все эти иноческие обители были расположены в пустыне по течению реки Иордана, неподалеку от него.

[8098] - Нынешняя Лавра преп. Саввы Освященного. – Что касается наименования обители его Лаврою, то значение его представляется в следующем виде. Лавра – с греческого – часть города, переулок-собственно ряд келлий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для Богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название Лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Падеотипе. В настоящее время имя Лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

[8099] - Списатель жития преп. Саввы, монах Кирилл, описывавший жизнь Саввы со слов его учеников, прибавляет к сему: «Поэтому даже и доныне находится вода посреди Лавры: она доставляет великое утешение отцам, и ни зимою не умножается, ни летом не умаляется, хотя почти все ее черпают».

[8100] - Саллюсиий – патриарх Иерусалимский с 486–494 г.

[8101] - Т. е. Иуда Искариотский.

[8102] - 4Цар. 5:20–27. Получив обманом два таланта серебра и две перемены одежды за исцеление Неемана прор. Елисеем от проказы, Гиезий сам был наказан за корыстолюбие проказою и удален от пророка.

[8103] - Отсюда он и получил наименование «Освященного», т. е., по нынешнему словоупотреблению, иеромонаха: ибо в те времена монахи и игумены вообще в редких случаях принимали священство.

[8104] - Анастасий I Дикор или Фракиец, Византийский император, царствовал с 491–518 г.

[8105] - Это – единственный остров на Мёртвом море, недалеко к западу от устья Иордана.

[8106] - Исаврия – небольшая гористая область на юге Малой Азии.

[8107] - Иерихон – город на западном берегу Иордана, недалеко от Иерусалима.

[8108] - Кастеллий – нынешний Хирбет Мирд, в расстоянии около 3 1/2 верст от Лавры Саввы Освященного

[8109] - Т. е. Господь Иисус Христос. Который, среди жесточайших искушений, явился преп. Антонию Великому в виде светлого облака и укреплял его, ободряя Божественным гласом, что Он всегда с ним.

[8110] - Вифлеем – небольшой городок в колене Иудином, в 2 часах пути к югу от Иерусалима, – место Рождества Христова.

[8111] - Амафунт – город на о. Кипре, ныне Палео-Лиисоо. Аила – крайний южный город Палестины, находившийся в глубине залива Красного моря, ныне – развалины близ Акабьи.

[8112] - Кафисматная церковь, в переводе с греческого, значит «Седалищная»; была устроена одной благочестивой вдовой в честь Пресвятой Богородицы на месте, называемом «Ветхое седалище», в окрестностях Иерусалима. Место это получило свое наименование от «Седалища» или возвышения, устроенного на нем Константином Великим, где долгое время потом совершался обряд Воздвижения Креста Господня.

[8113] - Илия II-патриарх Иерусалимский с 494–517 г.

[8114] - Златица – золотой, червонец.

[8115] - Башня Давидова лежит на северном углу Сиона, где последний горною цепью соединяется с северными холмами, близ Яффских ворот, где ныне цитадель ель-Калаа, состоящая

из нескольких башен различной величины и неправильного вида.

[8116] - Во время распространения монофизитской ереси (во 2-й половине V в.), утверждавшей, что в Иисусе Христе пребывало тайно одно естество Божеское, поглотившее природу человеческую, некто Петр Фуллон, он же Кнафей, что значит валяльник сукна, так как в молодости он занимался этим ремеслом (Фуллон – латинское название валяльщика, а Кнафей – греческое), еще будучи пресвитером (впоследствии он был лжепатриархом Антиохийским), прибавлял к «Трисвятому» («Святой Божий, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас») – «распныйся за ны». Так как он был монофелит (т. е. признавал во Христе не две, но одну волю Божественную), то этою прибавкою хотел выразить, что в страданиях Спасителя страдало не только Его Божество, но даже и вся Св. Троица. Последователи Петра составили особую секту Феопасхитов, сильно волновавшую православный мир. Впоследствии эта прибавка, к соблазну православных Церкви Восточной, проникла вследствие недоразумений и непонимания греческих терминов и слововыражений и в оставшуюся верною православию Армянскую церковь, где и доселе употребляется при богослужениях.

[8117] - Скифополь, ныне Бейсан, город Палестинский, лежал на большой древней караванной дороге из Дамаска в Египет, шедшей по восточной стороне Геннисаретского озера, переходившей через Иордан и тянувшейся дальше по направлению к Египту Скифополь находился в рассвтоянии 100 верст от Иерусалима

[8118] - В Заиорданье, близ нынешнего Мкеса при реке Ярмуке, ныне Шериат ель-Менадире, недалеко от города Гадары при Геннисаретском озере.

[8119] - Нынешний Амвас, по дороге из Ромля в Иерусалим.

[8120] - Рожковое дерево или рожечник, весьма известное в Сирии и на Востоке, имеет шероховатый и толстый ствол с пепельно-серою корою и множеством кривых развесистых сучьев и ветвей, покрытых толстыми листьями; плоды его

известны у нас в сушеном виде под именем цареградских стручков.

[8121] - Сукийская Лавра была основана преп. Харитоном (память его 28 сентября) при пещере, где он сначала подвизался в уединении, к югу от Вифлеема; ныне – могарет Харейтун. Сукийская Лавра – Сирское ее наименование, по-гречески же она именовалась Старою Лаврою.

[8122] - Фекойский поток протекал по Фекойской пустыне, составлявшей часть великой пустыни Иудейской, к югу от Сукийской Лавры.

[8123] - Литра – фунт, византийская мера веса, равная 72 золотникам; в золоте она стоила до 506 р.

[8124] - Ныне Хирбет ел-Кусеир, при соединении потоков воды Мухта ел-Жусс и Вади Муаллен. Основание сей обители относится к 507 году.

[8125] - Это было в 514 году. По сказанию списателя жития преп. Саввы Освященного, инока Кирилла, сей Иоанн был чудотворец. Память его совершается в субботу Сырную.

[8126] - Иначе в монастыре в Варихе, или Карпарварихе.

[8127] - В своих сочинениях Ориген придерживался некоторых неправославных мыслей, не высказывая их, однако, как непреложные истины; но крайние последователи его учения, настойчиво проповедуя и распространяя их, смущали православных и волновали Церковь Христову. Так, Ориген неправо мыслил о Христе: развивая неправославное учение о предсуществовании душ и полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, он далее высказывал, что один из этих сотворенных духов с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом и стал его тварным носителем, и что это, будто, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества, будто бы, немыслимо. Далее, Ориген в неправославном смысле понимал и крестную смерть Христову, представляя ее чем-то духовно повторяемым в духовном мире и имеющим там действие на

освобождение Ангелов и приписывая в деле спасение слишком многое действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например, о том, что диавол может спастись, и в толковании Св. Писания слишком многое преувеличенно понимал в мистическом, таинственном смысле, уничтожая через то истинный исторический смысл Писания.

[8128] - Манихейство – ересь, которая образовалась в Персии под влиянием попытки объединения христианства с началами Персидской религии Зороастра, проповедовавшей дуализм, т. е. существование от века двух самостоятельных начал или царств – доброго и злого. Основатель манихейства, Манес (жил в III в.), сначала был языческим магом, потом, приняв христианство, сделался даже пресвитером, но вскоре был отлучен от Церкви за свою склонность к языческой Персидской религии. По его учению, Христос есть лишь светлый эон (дух), происшедший от Отца света через истечение; одна половина Его была поглощена материей и составила душу видимого мира, т. н. страждущего Иисуса, вторая, с помощью другого эона, Животворящего Духа, освободилась от материи и поместилась в солнце; это-т. н. бесстрастный Иисус. Воплощение Христа, по учению манихеев, есть сошествие с солнца бесстрастного Иисуса для освобождения страждущего Иисуса, светлые частицы которого сатана, будто бы, собрал и, для большего удобства обладания ими, заключил в лице человека. По этому учению, воплощение Христа было только призрачным (докетизм). В нравственном отношении оно проповедовало борьбу с материей, для освобождение от нее света, через постепенное умерщвление в себе плоти. Ересь манихеев была особенно распространена в IV и V вв.

[8129] - Дидим и Евагрий не были собственно еретиками, хотя в своем учении и придерживались некоторых неправославных мнений.Дидим – древний замечательнейший богослов IV века, – несмотря на свою слепоту, был одним из величайших ученых своего времени и более 50 лет заведывал знаменитым Александрийским огласительным училищем. По своим знаниям

в грамматике, риторике, диалектике, географии, астрономии, в Св. Писании и Богословии он был чудом века. В то же время он был строгим подвижником. Дидим боролся против ариан и манихеев. Но он был ревностным последователем Оригена, за что и подвергся нареканиям; при этом он придерживался некоторых неправославных мнений Оригена.Евагрий – ученик Дидима-Слепца, диакон при св. Григории Богослове, позднее египетский подвижник, и пустынник. Это был муж весьма ученый и строгий; он в иноческих подвигах писал много полезного, преимущественно аскетические сочинения; но потерял многое в мнении многих за свое уважение к Оригену.

8130 - Ныне – Бир ел-Кетяр.

8131 - Патриаршествовал в Иерусалиме под именем Иоанна III с 517–524 г.

8132 - Это была самая высочайшая гора по всей восточной пустыне. Ныне – Мунтар.

8133 - Несторий, бывший одно время патриархом Константинопольским (с 428–431 г.), учил, что от Девы Марии родился человек Иисус, с которым, с момента зачатия Его, соединялся Бог Слово Своею благодатью и обитал в нем, как в храме; поэтому Пресвятую Деву он называл Христородицею, а не Богородицею. Таким образом Несторий разделял в Христе божеское и человеческое естество. Ересь Нестория была осуждена Церковью на 3-м вселенском (Ефесском) соборе в 431 г.

8134 - По имени озера Гептастома, или Семиустного.

8135 - Нынешний дейб ес-Сенне против бейт Саур ел-Атика, на левой стороне дороги из Иерусалима в лавру преп. Саввы Освященного.

8136 - Память преп. Афродисия Палестинского 24 декабря.

8137 - Ныне – Медеба в Заиорданье.

8138 - На сем соборе осуждена была ересь Евтихия (монофизитская), признававшая во Христе одно божеское естество и утверждавшая, что человеческое естество в Иисусе Христе при ипостасном соединении поглощено Божеским.

8139 - Евфимий – патриарх Константинопольский с 490–496 г.

[8140] - Флавиан – патриарх Антиохийский с 506–512 г.

[8141] - Это было в конце 511-го года. – Сидон – древнейший город Финикии, на берегу Средиземного моря, недалеко от горного хребта Ливана с прекрасною гаванью. Христианство появилось в Сидоне весьма рано, и еще при земной жизни Иисуса Христа у Него было там много учеников. Впоследствии Сидон был несколько раз разрушаем, потом восстановляем и, наконец, окончательно упал; в настоящее время известен под именем Саиды, с 10.000 жителей, преимущественно мусульман.

[8142] - Представители и ересиархи монофизитов: Евтихий – настоятель и архимандрит одного из Константинопольских монастырей, Диоскор – с 444–451 г. Александрийский патриарх.

[8143] - Самые ревностные и изуверные последователи монофизитства, особенно иерапольский епископ Филоксен, по прозвищу Ксенайя, силою заставивший местное население, через преданных ему шаек фанатических монахов, принять монофизитскую ересь, причем православный Антиохийский патриарх был замучен до смерти.

[8144] - В 513 году.

[8145] - Областеначальника. Палестинские епархи пользовались большею властью сравнительно с другими и назывались иначе еще игемонами (греческое наименование) или прокураторамн (римское).

[8146] - Патриаршествовал под именем Иоанна III с 517–524 г.

[8147] - Это было в начале 517 года.

[8148] - В храме св. первомученика и архидиакона Стефана, к северу от нынешних Дамасских ворот. Храм сей был избран для этого случая архиепископом, вследствие своей обширности, так как соборная церковь не могла вместить множества собравшихся.

[8149] - Разумеются Вселенские соборы: 1 (Никейский) в 325 г., 2-й (Константинопольский) в 381 г., 3-й (Ефесский) в 431 г. и 4-й (Халкидонский) в 461 г.

[8150] - Выражение Апостола. См. Флп. 4

[8151] - Это было в 518 году.

[8152] - По еврейскому счислению, оставшемуся и в христианской богослужебной практике, девятый час равнялся трем часам пополудни.

[8153] - В двенадцатом.

[8154] - 20 июля 517-го года.

[8155] - Юстин – Византийский император с 518–527 г. Когда означенное определение Юстина было привезено в Иерусалим, то собралось бесчисленное множество монахов и мирских, прибыл также святой Савва, и много епископов, и 6 августа в праздник Преображения Господня определения четырех (Вселенских) соборов, по замечанию списателя жития прп. Саввы Освященного, внесены были в священные постановления. «Таким образом, – заключает писатель жития, – пророчество Божественного старца исполнилось на императоре Анастасии».

[8156] - Здесь разумеется Кесария Палестинская.

[8157] - Патриарх Иерусалимский Иоанн скончался в 524 году. Преемник его, патриарх Петр, патриаршествовал с 524–544 г. Елевферополитский, он назван по своей родине – городу Елевферополю в Южной Палестине.

[8158] - Юстин еще при жизни своей, по причине старости и телесной слабости, по согласию всего Сената, при рукоположении от Константинопольского патриарха Епифания, возвел на императорский престол своего племянника Юстиниана, еще ранее того управлявшего государственными делами. Юстиниан царствовал с 527–565 г.

[8159] - В 529 году, 12 января.

[8160] - Самаряне – жители Самарии, срединной области Палестины, на запад от Иордана, получившие свое имя от столичного города Самарии. Самаряне представляли из себя враждебную Иудеям секту, признававшую из священных книг лишь одно Пятикнижие Моисеево за истинное Откровение Божие, отвергавшую, все прочие книги Писания и Иудейские предания и утверждавшую некоторые неправильные мысли о Мессии, об Ангелах, о воскресении мертвых и будущей жизни и т. д.

[8161] - Неаполис – ныне Наблус – древний Сихем, город в долине между горами Гаризин, где был храм Самарянский, и Гевал, в прекрасно цветущей доныне местности.

[8162] - Св. Епифаний – патриарх Константинопольский с 520–535 г. Память его – 25 августа.

[8163] - Виттиг – один из последних королей Остготского государства в Италии, основанного Теодорихом Великим в 493 г. Виттиг царствовал в 537–538 г Остготское королевство было завоевано знаменитыми полководцами Византийского императора Юстиниана Велизарием и окончательно Нарзесом в 564 году.

[8164] - Гелимер – последний король Вандальского государства в Северной Африке, на месте древнего Карфагена. Вандальское королевство было разрушено и завоевано Византийским полководцем Вирдизарием в 531 году. Взятый в плен, Гелимер отослан был в Константинополь, где сопровождал Велизария в его триумфальном шествии.

[8165] - Царский указ касался, главным образом, уничтожения ересей арианской, монофизитской, Несториевой и Оригеновой и Самарянских лжеучений и об утверждении православия.

[8166] - Преп. Савва Освященный преставился в 532 году.

[8167] - О мощах преп. Саввы писатель его жития, инок Кирилл, много времени спустя, писал: «Тело его до настоящего дня сохранилось во гробе в целости и нетлении. Это я сам своими глазами видел в прошедший индиктион. Когда открыли драгоценный гроб, дабы положить в него останки блаженного Кассиана, то я сошел в него, чтобы поклониться мощам Божественного старца, и увидел, что они были целы и нетленны». Мощи преп. Саввы, как живого, видел в его Лавре русский паломник начала VII(?) в., игумен Даниил. Обитель его доселе стоит у потока Кедрона, около 13 верст на восток от Иерусалима и пользуется широкою известностью на Востоке и славой строгой, подвижнической жизни своих иноков. Впоследствии мощи преп. Саввы перенесены были латинянами в Венецию, где ныне почивают в церкви св. Марка.

[8168] - Литра, византийская мера веса, равная 72 золотникам, стоила в серебре до 42 р.; таким образом сто литр серебра равнялись слишком тысяче рублей.

[8169] - Киновия св. аввы Маркиана находилась около Вифлеема.

[8170] - Прп. Савва Освященный написал первый Устав последования церковных служб, известный под именем Иерусалимского и принятый всеми Палестинскими монастырями. По свидетельству Симеона Солунского, «Божественный отец наш Савва изложил устав, приняв его от преподобных Евфимия и Феоктиста (бывших первыми наставниками Саввы в подвигах пустынных), а они приняли от бывших прежде них и от исповедника Харитона», скончавшегося в 270 году, т. е. короче по преданию Апостольскому. Впоследствии Устав Саввы Освященного обогащен был многими необходимыми и важными дополнениями, согласно требованиям благочестия; еще позднее он затерялся и был возобновлен Софронием, патриархом Иерусалимским.

[8171] - Египет – северо-восточная страна Африки, по реке Нилу.

[8172] - Скит – египетское слово – значит весы, испытание сердца. Другие производят от греческого «скитос» – кожа, каковое словопроизводство указывает на то, что первоначальные скитники-подвижники не имели правильно устроенных домов, а довольствовались устройством кожаных прикрытий из шкур диких зверей. Скитом назывался особый вид иноческих обителей в смысле отдельных келлий для одиноких отшельников. Это имя, прежде всего, прилагалось к известной местности, в расстоянии 25–30 верст от горы Нитрийской, в северо-западной части Египта.

[8173] - Фиваида – область знаменитого в древности Египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь Верхний (южный) Египет. Пустыня Фиваидская была одним из самых излюбленных мест подвижничества древне-христианских иноков,

[8174] - Преп. Захария скончался в конце IV века по Р. Хр.

[8175] - Патара был приморским торговым городом в Мало-Азийской провинции Ликии (ныне Анатолия). Основан Финикиянами; ныне в развалинах.

[8176] - Это была небольшая церковь на Сионской горе, единственная в то время во всем городе Иерусалиме, населенном язычниками и носившем название Элии Капитолины. Церковь эта, по преданию, была построена в том доме, где Господь Иисус Христос установил таинство причащения и где потом было сошествие Святого Духа на Апостолов.

[8177] - Миры (ныне Мири, у турок Дембре) были главным городом древней Ликии и находились близ моря, на реке Андрак, у устья которой была гавань Андриаке.

[8178] - Императоры Диоклетиан и Максимиан (с 284 по 305 г.) были соправителями первый – царствовал на Востоке, второй – на Западе, Воздвигнутое Диоклетианом гонение отличалось особенною жестокостью. Оно началось в городе Никомидии, где в самый день Пасхи было сожжено в храме до 20 000 христиан.

[8179] - Артемида – иначе Диана – известная греческая богиня, олицетворявшая собою луну и считавшаяся покровительницей лесов и охоты.

[8180] - Арий отвергал Божество Иисуса Христа и не признавал Его единосущным Богу Отцу. Созванный равноапостольным царем Константином, Первый Вселенский собор состоялся в 325 году под председательством самого императора и ввёл в церковное употребление Символ веры, впоследствии дополненный и законченный на втором Вселенском соборе, бывшем в Константинополе в 381 году.

[8181] - По свидетельству А. Н. Муравьева, в Никее доселе сохраняется, даже среди турок, предание о сем. В одной из бойниц этого города показывают темницу св. Николая. Здесь он, по преданию был заключен за то, что поразил на соборе Ария, и содержался в узах, доколе не был оправдан свыше по небесному суду, который ознаменовался явлением Евангелия и омофора, как это пишется на иконах святителя (Письма с Востока, СПВ. 1851, ч. 1-я, 106–107).

[8182] - Год кончины святителя Николаа в точности неизвестен: по одним, Угодник Божий умер в 341 году, а по другим, год его кончины полагается между 346–352 годами.

[8183] - Это было в половине VIII века, при царе Льве Исаврянине.

[8184] - Михаил Керулларий с 1043 по 1058 год.

[8185] - Разумеется Константин Мономах, царствовавший с 1042 по 1060 год.

[8186] - Мощи святых Бориса и Глеба находились тогда еще в Вышгороде Киевском. Чудо, о котором идет речь, было между 1087 и 1091 годами.

[8187] - Амвросий Медиоланский родился около 340 года в городе Трире, где жили тогда его родители.

[8188] - Под именем Галлии в древнем мире известна была обширная страна, обнимавшая собою, кроме нынешней Франции, еще и Бельгию, часть Нидерландов, Зарейнские области Германии и большую часть Швейцарии. Сверх того, отец св. Амвросия Медиоланского, по имени также Амвросий, был наместником также Испании. У него были и другие дети, старше Амвросия – дочь Марцеллина и сын Сатир, западною церковью также причисленные к лику святых.

[8189] - По выражению составителя жития св. Амвросия, диакона и секретаря его Павлина, в этом случае «в нем говорил дух Господень, который приуготовлял его к священству».

[8190] - В Риме, недалеко от Капитолия, доселе еще показывают дом, в котором воспитывался св. Амвросий. Дом обращен в церковь и монастырь дев его имени.

[8191] - Лигурия – страна, границы которой на западе со стороны Галлии составляли: река Варус и приморские Альпы, на юго-востоке со стороны Италии р. Макра, на севере – р. Падус, на юге – лигурийский залив. Таким образом эта страна обнимала нынешнюю южную Францию, пограничную с Италией и часть северо-западной Италии, Ниццу, Геную, Южный Пьемонт и западную часть Пармы и Пьяченцы.

[8192] - Эмилия – провинция Галлии, расположенная между Лигурией и Фламинией, приблизительно в средней части

нынешней северной Италии.

[8193] - Медиолан – древний город т. н. Цизальпинской Галлии или нынешней северной Италии, – центр процветания наук и искусств; ныне – главный цветущий город Итальянской области Ломбардии, с многочисленным населением.

[8194] - Эти слова как бы пророчески предзнаменовали будуще славное святительское служение св. Амвросия в сем городе.

[8195] - Тицин – древний город в Цизальпинской Галлии, на главной дороге из Рима в Галлию, – ныне Павия, значительный город северной Италии при р. Тичино, недалеко от впадение ее в По.

[8196] - Валентиниан I или Старший-император Западной Римской империи, царствовал с 364–375 г.

[8197] - Это было 7 декабря 374 г. Св. Амвросию в это время было всего 34 года. Посвящение Амвросия одинаково одобрили епископы как восточной, так и западной церкви, считая его дело исключительным. Правда, это рукоположение не было строго каноническим, но канон Никейского собора делал исключение, когда наречение обусловливалось высшим Божественным указанием, как это и было в настоящем случае. Св. Василий Великий, в ответ на извещение его о посвящении Амвросия, написал письмо, в котором благодарил Бога за избрание. «Бог, соделавший пророка из пастуха Амоса, – пишет вселенский учитель в этом письме, – теперь соделал епископа из Амвросия, человека благородного происхождения, высокого сана, возвышенного характера и изумительного красноречия, который тем не менее презрел все эти земные отличия, чтобы приобресть Христа... Мужайся же, о муж Божий».

[8198] - Феодорит, епископ Киррский, – церковный историк V века.

[8199] - Дамас 1-й – Римский папа с 366–384 г.; известен в истории Церкви своими ревностными трудами в защиту православия в борьбе с арианством и другими ересями.

[8200] - Святой Амвросий слушал устные наставление сего Симплициана, которого любил, как своего отца, который имел

огромное влияние на образование Амвросия в деле веры и впоследствии сделался его преемником по епископской кафедре в Медиолане (Милане). Кроме того, Амвросий ревностно читал и изучал творения знаменитого Оригена, Дидима, святого Василия Великого, с которым находился в близком дружественном общении, святого Григория Богослова и других выдающихся отцов и учителей Церкви. По словам блаженного Августина, впоследствии епископа Иппонийского и знаменитого учителя Церкви, обращенного из язычества в христианство святым Амвросием, последний сидел в своем доме в течение коротких промежутков непрерывных занятий, устремив свои глаза на книгу и забывая о всем, что происходило вокруг него. При таких ревностных занятиях, обладая высокими способностями и знанием светских наук, особенно же греческой литературы, Амвросий оказал в короткое время удивительные успехи и в христианской науке.

8201 - Сатир среди этого подвига и скончался – по одним в 378 году, по другим позднее (Римская церковь чтит его в святых 17 сентября, равно как и сестру святого Амвросия Марцеллину под 17 июля). – Сам же Амвросий, немедленно по вступлении на епископскую кафедру, освободился от всякого мирского попечения должным распределением своих имений. Серебро и золото он предоставил в пользу бедных, имение были отданы Церкви, причем сестре своей он предоставил пожизненное пользование ими.

8202 - Усвоив своим умом и сердцем Святое Писание и истины святой веры, Амвросий с великим усердием стал проповедовать народу, не оставляя его ни в воскресный ни в праздничный день без поучения и пользуясь всяким случаем к тому, а иногда не один раз в день восходил на церковную кафедру; слово его было удобопонятно для слуха, голос его тих, и потому в храме, во время его проповеди, царствовала удивительная тишина, и народ, любивший префекта Амвросия, еще более слушал слова епископа Амвросия. Особенную ревность также он имел в деле наставления оглашенных ко святому крещению.

[8203] - В древней Церкви, еще до появления женских иноческих обителей и в первое время их существовал особый класс дев, посвящавших себя всецело служению Богу и дававших обет девства. Такие лица назывались девственницами, и они пользовались в Церкви большим уважением и считались ее украшением. Они собирались все для подвигов безмолвия, Богомыслия и молитвы в частных домах под руководством опытных в духовной жизни стариц – наставниц. Весьма часто Церковь поручала их руководству и надзору наиболее уважаемым из диаконисс. Общины девственниц во времена святого Амвросия Медиоланского были в полном развитии, и сама Марцеллина, сестра его, была девственницей, ибо иноческие женские обители в то время только что стали возникать.

[8204] - Плаценция – ныне Плаченца – римская колония в Цизальпинской Галлии (нынешней Северной Италии) на правом берегу Пада, неподалеку от впадения его в Требию. Значение ее основывалось, главным образом, на том, что она лежала на дороге из Медиолана в Парму.

[8205] - Болонья – главный город итальянской провинции того же времени, основана в глубокой древности и доселе имеет большое значение, как один из центров Итальянской образованности и торговли, благодаря своему выгодному географическому положению на дороге из Северной в среднюю Италии.

[8206] - Мавритания – ныне Фец, Марокко и западная часть Алжирии – римская провинция на севере Африки.

[8207] - Тибр – река, на которой стоит г. Рим, вытекает из Аппенинской горной цепи на северо-востоке древней области Италии – Этрурии.

[8208] - Во времена святого Амвросия Медиоланского допускалось еще, по обычаю времен Апостольских, совершение литургии в частных домах. Святые Апостолы, как видно из кн. Деяний Ап. (гл. 20, ст. 7–8), собирались для совершение евхаристии в горнице. Христиане времен гонений не могли иметь общественных храмов, а собирались в частных домах, в

подземных пещерах – катакомбах, при гробах мученических. Церковный историк Евсевий передает о том следующее свидетельство святого Дионисия Александрийского: «во время гонения всякое место, как то: поле, корабль, гостиница, темниица – были нам хвалебным вместилищем».

[8209] - Грациан, старший сын и преемник императора Валентиниана 1-го, с 367-го года соправитель отца, царствовал с 376–388 год.

[8210] - Готы – многочисленный народ Германского племени, обитавший за Дунаем и разделявшийся на Остготов (восточных) и Вестготов (западных).

[8211] - Сочинение святого Амвросия Медиоланского «О вере» состояло из 5 книг.

[8212] - Сирмий – древний главный город в Нижней Паннонии у реки Саввы, притока Днепра, в нынешней Иллирии.

[8213] - Это было в 383 году.

[8214] - Это было в 385 году пред праздником Пасхи. Другой подобный же случай повторился в следующем 386 году, когда Юстина убедила Валентиниана издать закон в пользу ариан и потом около Пасхи воздвигла столь жестокое гонение на святого Амвросия, что он, заключившись в церкви и простершись пред алтарем, просил о помощи свыше. Народ, боясь, чтобы его не взяли силою, окружил его и днем и ночью молился с ним в храме. Святитель Божий занимал в это время народ чтением Святого Писания, изъяснением его и пением псалмов и гимнов. С этого времени и вошло в Медиоланской церкви введенное в употребление святым Амвросием в Западной церкви, по примеру Восточной, так называемое антифонное пение, т. е. пение на два лика. Между тем воины, посланные Юстиною, стали впускать в храм народ, а выходить из церкви не дозволяли. Они так поражены были пением православных, что сами снаружи вторили ему. В это время возглашаемы были и возвышенные гимны самого Амвросия во славу Пресвятой Троицы. Молитвы верных были услышаны, и святитель оставлен при своей пастве.

[8215] - В том же 386 году.

[8216] - Фессалоника или Солунь – значительный древний город Македонии у Солунского или большого Фермейского залива. Фессалоника была средоточием христианской общины, основанной святым Апостолом Павлом. Ныне Салоники, после Константинополя первый торговый город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[8217] - Феодосий Великий – император Восточной Римской империи, впоследствии присоединивший под свою власть и западную; царствовал с 379–395 год.

[8218] - В 388 году.

[8219] - В древнейшей христианской Церкви существовала особая низшая церковная должность заклинателей. Эта обязанность изгонять злых духов из одержимых ими возлагалась на низших церковнослужителей с тою целью, чтобы показать презрение Церкви Христовой к суетной силе диавола. Заклинатели должны были произносить запретительные или заклинательные молитвы также и над оглашенными, т. е. приготовлявшимися к принятию таинства св. крещения. Ныне эти заклинательные молитвы, предшествующие таинству святого крещения, читаются самим священником, совершающим крещение. В требнике Петра Могилы имеется особое последование об изгнании нечистых духов из одержимых ими.

[8220] - Аквилея – значительный торговый город на реке Натисоне, недалеко от берега Адриатического моря.

[8221] - Ботерих – правитель Фессалоники, друг императора Феодосия Великого.

[8222] - В то время и миряне, когда приобщались Св. Христовых Таин, получали тело Христово в руки. См. Житие прп. Феоктисты Лезвийской под 9 ноября.

[8223] - Св. Нектарий патриаршествовал в Константинополе с 381–397 г.

[8224] - Виенна – ныне Виенны – древняя римская колония и потом столица различных государств, основанных германскими племенами, расположена на левом берегу Роны. В настоящее время город богат остатками римских древностей.

[8225] - Евгений – незнатного происхождения – был секретарем императора Валентиниана II, по умерщвлении которого был возведен Арбогастом на престол. Но Феодосий Великий выступил со своим войском против Арбогаста, победил его и велел казнить Евгения.

[8226] - Бонония – весьма известный город, в верхней Италии, в Цизальпинской Галлии, на т. н. Эмилиевой дороге; ныне – Болонья, главный город Итальянской провинции того же имени, известный своею образованностью и обширною торговлею, с весьма многочисленным населением.

[8227] - Туския – иначе Этрурия-древняя область средней Италии, на западе, граничившая между Тирренским морем и Аппенинскими горами, на север от Рима. – Флоренция, на р. Арне, населенный город Италии, славящийся развитием наук и искусств.

[8228] - В 395 году. Св. Амвросий почтил память Феодосия Великого словом.

[8229] - Аркадий – император Восточной Римской империи, царствовал с 390–408 год.

[8230] - Гонорий – император Западной Римской империи, царствовал с 390–423 год.

[8231] - Маркоманы – германское племя, обитавшее в Богемии и нередко производившее опустошительные набеги на пограничные провинции Римской империи.

[8232] - Стилихон – знаменитый полководец Западной Римской империи при дворе Гонория, несколько раз спасавший ее от падения, – родом Вандал, но впоследствии, несмотря на свои услуги государству, вследствие придворных интриг, убитый по приказанию Гонория за мнимую измену

[8233] - Лавд – народ в Северной Италии, между Медиоланом и Креионом. Ныне – Лоди Веккио.

[8234] - Верцеллы – город недалеко на запад от Медиолана.

[8235] - Это было 4 апреля 397 года. Св. Амвросий скончался 67 лет. Жизнеописатель его, пресвитер Павлин присоединяет к этому, что многие крещенные тогда (в пасхальную ночь) дети, после того как вышли из воды, видели Амвросия – одни

сидящим на кафедре, другие показывали пальцем своим родителям на него, как на ходящего, но те, видя, не видали его, не имея очищенных очей; многие говорили, что они видели звезду над телом его. Церковь совершает память его 7 декабря, в день постановления его в епископа, потому, вероятно, что день кончины его совпадает с днями поста или пасхальными. – Св. Амвросий Медиоланский оставил после себя множество сочинений; одни из них относятся к изъяснению Св. Писания, в других раскрываются догматы св. веры, в некоторых преподаются высокие нравственные наставления и т. д. Таковы его толкование на Евангелие Луки, шесть книг на шестоднев, пять книг о вере, изъяснение символа веры, книга о воплощении, 3 книги о Св. Духе, книга о Таинствах, 2 книги о покаянии, учение о воскресении, изложенное в 2 книгах о смерти своего брата и в двух словах на смерть императоров Валентиниана и Феодосия Великого, об удалении от мира, о девстве, о вдовцах, о патриархе Иакове и о блаженной жизни, об Илие и посте с похвалами воздержанию, о патриархе Иосифе, как образце целомудрия и др. добродетелей и т. д. Между всеми сочинениями Амвросия 3 книги его «о должностях» (пресвитеров церковных) занимают первое место. Весьма важны также труды св. Амвросия для устройства Богослужения; он устроил чин как литургии, так и других служб для своей церкви, распространявшийся по всей Северной Италии. Чин этот соблюдается в Милане и доселе, и Миланская литургия и поныне отличается от Римской многими особенностями, кои обнаруживают в Амвросии явное желание сближения с обрядами Церкви Восточной. В чине службы, св. Амвросий ввел следующее: 1) Лекционарий, где означил начала и окончание чтением из Евангелия, Апостола и Пророков; 2) чин совершения Евхаристии с молитвами, предисловиями; 3) Антифонарий, бывший вполне нововведением, принятым с востока. Св. Амвросий написал как ноты, так и гимны для антифонария. Между подлинными гимнами св. Амвросия следует отметить особенно гимн: Тебе, Бога, хвалим. Эта благодарственная, торжественная песнь, доселе повторяющаяся при каждом торжественном благодарении

Господу, была составлена св. Амвросием по одержании совершенной победы над арианами.

[8236] - Пятины – так назывались пять частей, на которые делилась Новгородская область. Они носили название: Вотская, Шелонская, Обонежская, Деревская и Бежецкая.

[8237] - Что ныне в Валдайскои уезде, Новгородской губернии. Погост сей и ныне находится в Новгородском округе; в память же того, что преподобный Нил был родом из сего погоста, в нем и теперь есть придельный храм во имя преподобного Нила.

[8238] - Монастырь этот упразднен; на его месте находится ныне погост, называемый «Рожек».

[8239] - Река Черемха или Серемха находится в Валдайском уезде и принадлежит Ниловой пустыни. Доныне часовня и келлия его, окруженные группою вековых деревьев, остаются памятником пребывания преподобного Нила на р. Черемхе, составляя предмет благоговейного уважения для окрестных жителей.

[8240] - Эти «крюки» или костыли были вбиты в стены келлии преподобного Нила; они служили ему вместо кресел; опираясь на них он и пользовался кратковременным отдыхом.

[8241] - На месте подвигов преподобного Нила, в 1594 году, иеромонахом Германом основан Нилов Столобенский монастырь. – Обретение мощей преподобного Нила совершилось 1667 года 27 мая, каковый день и постановлено праздновать каждогодно. Ныне святые мощи преподобного почивают в серебряной раке. При мощах преподобного хранятся: келейная его Владимирская (т. н. Селигерская) икона Богоматери, а также, известная по чудесам, схима его, лежавшая в земле 112 лет. В 27-й день мая, в день открытия мощей, каждый год бывает крестный ход из г. Осташкова в Нилову пустынь, при многочисленном стечении народа.

[8242] - Сирская Месопотамия – Междуречье – обширная страна между реками Тигром и Евфратом, от Армении, Палестины и Финикии до Персидского залива.

[8243] - Около 304 года.

[8244] - «Повинник» тоже, что «послушливый», – наименование, данное преподобному Павлу за его глубокое смирение и полное отречение от своей воли.

[8245] - Фивы – древняя столица Верхнего (Южного) Египта.

[8246] - Влахерны – местность в Константинополе на западном углу города; во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями.

[8247] - Евангельское выражение. Мф.5:14.

[8248] - Выражение Евангельской притчи. Мф.14:44.

[8249] - Разумеется Господь наш Иисус Христос, Которому евреи, а вслед за ними язычники усвоили это наименование.

[8250] - Преп. Патапий скончался в начале VII века. У св. Андрея Критского о чудесах и успении его. Жизнь его написана св. Андреем вследствие явления ему Патапия во сне, так как св. Андрей сначала слыша много чудесного о Патапии, с пренебрежением и недоверием относился к сему.

[8251] - Коринф – древнейший, знаменитый и богатый город древней Греции – в Ахаии, на Коринфском перешейке, соединяющем Пелопоннес (Южную Грецию) с среднею Грециею, в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морями. Начало Христианства в Коринфе положено Апостолом Павлом близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто и имеющего лишь около 5.000 жителей.

[8252] - Синагоги (с греч. – собрание) – места религиозных собраний Иудеев, представлявшие собою открытые здания для совершения общественного богослужения и поучений, для решения спорных церковных вопросов, ведения судебных дел; эти здания служили также местами собраний для прений, школами для детей и библиотеками.

[8253] - Галлион – римский проконсул (наместник) Ахаии при императоре Клавдии, брат римского философа Сенеки.

[8254] - Колофон – древний город Лидии, в северо-западной части Малой Азии. В недавнее время открыты развалины этого города.

[8255] - Акила – еврей, родом из Понта, Прискилла – жена его; жили, занимаясь деланием палаток; в христианство обращены Ап. Павлом и были его верными учениками, много содействовавшими успехам Евангелия. Впоследствии они переселились в Коринф, оттуда в Ефес. Акила причислен к лику 70 Апостолов.

[8256] - Крит – большой остров Средиземного моря в восточной части его, к югу Эгейского моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Первые начала Христианства положены были очевидцами события Сошествия Св. Духа на Апостолов, ибо при сем были и Критяне (Деян. 2:11); потом Христианство было здесь утверждено и распространено Апостолом Павлом. В 15-м веке Крит перешел во владение Турок.

[8257] - Кесария – город Палестинский, на восточном берегу Средиземного моря. Начало Христианства здесь было положено св. Апостолом Петром с сотника Корнилия со всем домом его (Деян. 10:1–48). По разрушении Иерусалима, Кесария была главным городом Палестины и местопребыванием епископа, которому подчинен был Иерусалим, пока, наконец, на IV Вселенском Халкидонском соборе (451 г) Иерусалим сделался независимою патриархией. – В настоящее время от древней Кесарии не осталось даже и развалин.

[8258] - Адрия или Адриака – город во Фракии при Чермном море, недалеко от Филипп, города Македонского, лежавшего на границе с Фракией.

[8259] - Диррахия – город в Беотии, древней области Средней Греции.

[8260] - Вместе с сими святыми Апостолами Церковь воспоминает в сей день и Апостола Онисифора коего см. 7 сентября. В церковной службе ныне воспеваются все семь свв. Апостолов.

[8261] - Зенон – Византийский император с 474–491 г.

[8262] - Гензерих – король и основатель Вандальского королевства в Северной Африке. Гуннерих, сын его, царствовал

с 477–485 г. – Вандалы – народ Германского племени, пришедший с берегов балтийского моря, после перешедшие в Паннoник, на правый берег Дуная, затем завладевший Пиринейским полуостровом и, наконец, обосновавшийся в Северной Африке.

8263 - Подробное сказание о зачатии и рождении Пресвятой Богородицы находится в житии святых Богоотец Иоакима и Анны 9 сентября. Веселие праведных Богоотец Иоакима и Анны в храме Иерусалимском и живая благодарность их Богу, разрешившему их неплодство и отнявшему от них поношение между ближними, и было собственно началом празднования Зачатия. В Зачавшейся не только Ее праведные родители, но и весь мир имел верный залог искупления, потому что зачатие Ее было по особенному благодатному смотрению Божию. Но начало собственно церковного празднования Зачатию Богородицы с точностью определить трудно, по недостатку письменных памятников, но можно с доверенностью полагать, что это празднование началось с древних времен; ибо все обстоятельства жизни Богоматери для христиан древних в православных были важны и священны. Преп. Андрей Критский в VII в., на день Зачатие Богоматери написал канон и беседу. День Зачатия отнесен к 9 декабря, потому что этот день бывает за 9 месяцев до дня Рождества Богородицы. В Константинополе празднество в честь Зачатия Богородицы в сей день было совершено в Евораниях, по другому чтению Уранах, близ храма св. Софии. Здесь храм Богородицы построен был одним сенатором еще при Константине Великом

8264 - Армафем, иначе Рама – город в области Цуф, прилегавший к уделу колена Вениаминова. В этом городе имел свой дом Самуил, когда был судиею Израильского народа; здесь он и проживал тогда и помазал Саула на царство (1Цар.7:17, 9:5–27, 10:1–2).

8265 - Колено Левия не имело своего удела; левиты жили среди других колен (Втор. 18:1–2).

8266 - Чадородие у евреев знаменовало благословение Божие, а бесчадство, наоборот, почиталось знамением неблаговоления Божия и поношения среди людей.

[8267] - Силом – город в колене Ефремовом, почти в средине земли обетованной, по эту сторону Иордана. Здесь, по переходе через Иордан и по завоевании земли Обетованной, поставлена была скиния Моисеева (походный храм Иудейский); здесь евреи молились, справляли свои праздники и имели свои совещания. Ныне остались одни развалины древнего города.

[8268] - Илий – первосвященник и вместе судия Израильский, из рода Ифамара, младшего сына Ааронова, первый соединивший в своем лице и духовную и светскую власть, Он имел кроткий характер, внушавший к нему любовь и доверие и нелицемерное правосудие, за которое народ благословлял его; но доброта его доходила до слабости, что особенно обнаружилось в его отношениях к своим сыновьям – Офни и Финеесу, которые, будучи священниками, позволяли себе разные бесчиния в скинии, почему Господь, после неоднократного вразумления, наказал их позорною смертью в плену.

[8269] - Согласно закону Моисееву, см. Исх. 23:17.

[8270] - С еврейского языка: «услышанный Богом», «выпрошенный от Бога».

[8271] - Эта чудно-возвышенная, полная пророческого созерцания таин Промыслительного домостроительства, проникнутая глубоким смирением, песнь изложена во 2-й главе первой книги Царств и читается так: «Возрадовалось сердце мое в Господе; вознесся рог мой в Боге моем; широко разверзлись уста мои на врагов моих, ибо я радуюсь о спасении Твоем. Нет столь святого, как Господь, ибо нет другого, кроме Тебя; и нет твердыни, как Бог наш; не умножайте речей надменных; дерзкие слова да не исходят из уст ваших; ибо Господь есть Бог ведения, и дела у Него взвешены. Лук сильных преломляется, а немощные препоясываются силою; сытые работают из-за хлеба, а голодные отдыхают; даже бесплодная рождает семь раз, а многочадная изнемогает. Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит; Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Из праха подъемлет Он бедного, из брения возвышает нищего, посаждая с вельможами, и престол славы дает в наследие; ибо

у Господа основание земли, и Он утвердил на них вселенную. Стопы святых Своих Он блюдет, а беззаконные во тьме исчезают; ибо не силою крепок человек. Господь сотрет препирающихся с Ним; с небес возгремит на них. Господь свят. Да не хвалится мудрый мудростью своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатством своим, но желающий хвалиться да хвалится тем, что разумеет – и знает Господа. Господь будет судить концы земли и даст крепость Царю Своему и вознесет рог Помазанника Своего». Имя Мессии произнесено в первый раз; оно соответствует наименованию Царя, и означает Помазанника, получившего свыше особенные дары Святого Духа. Царем-Мессиею, или Христом, здесь назван Тот обетованный Избавитель, Которого Иаков, в благословении Иуде, предрек под именем Примирителя, Которому должны покориться народы (Быт. 4:10), и Сам Бог в беседе с Моисеем нарек Пророком из среды братьев его (Втор. 18:18–19).

8272 - За 1100 лет до Рождества Христова.

8273 - Новосиятелем преп. Стефан назван потому, что сиял, подобно древним подвижникам, святою жизнью.

8274 - Священномуч. Антипа, епископ Пергама Асийского, скончался в 95 г., память его (11 апр.) была особо чтима в Царьграде, куда при Феодосии Великом (379–395 гг.) был перевезен из Пергама бык, в коем сожжен был св. Антипа

8275 - Василий Македонянин, т е. в 879 г.

8276 - В 912 году.

8277 - В VI веке.

8278 - С 305–312 год.

8279 - Максимин Даза – император восточной половины империи с 305 по 313 год.

8280 - Т. е. Иисуса Христа, Которому язычники присвоили это наименование, ошибочно полагая, что Он родился в Назарете Галилейском, в котором Он провел все Свое детство.

8281 - Еллинами до Христа назывались Греки, а в Св. Писании этим именем называются язычники вообще, как Греки,

так и другие народы, потому что многие из них говорили по-гречески

8282 - Т. е. в веру Христову.

8283 - В это время, вследствие гонений, епископы Церкви, смотря по нуждам ее, не всегда оставались среди своих пасомых, а иногда, для их же блага, дабы не лишить их своего духовного руководства, укрывались по пустыням, лишь изредка являясь для назидания паствы и укрепления ее. Но когда надлежало укрепить падающий дух пасомых собственным примером, тогда святители предавали себя мучениям истязателей.

8284 - Этот вид. св. крещения (через обливание, а не погружение) не был обычным в древней Церкви, он употреблялся (и доселе употребляется) лишь в тех исключительных случаях, когда нельзя достать потребное количество воды, особенно для большого числа людей, как в настоящем случае, и при других подобных крайних затруднениях. – Выражение: «получает баню возрождения» совершенно равнозначуще с обычным выражением «крещается». Оно заимствовано из послания Апостола Павла (Тит. 3:5) и означает ту мысль, что вода крещения, омывая тело, вместе с тем возрождает человека и духовно, уничтожая его грехи, подобно тому как баня телесная омывает нечистоту телесную.

8285 - Синклит – правительство воинское и гражданское из самых важных и влиятельных советников и сановников.

8286 - Святые мученики прияли мученическую кончину около 313 г. – Обретение мощей св. мученика Мины (послед. в XI в.) празднуется 17 февраля. Святой Мина, за свое красноречие, известен еще под именем Калликелада (Красноглаголивого). – В IX веке Иосиф Песнописец написал канон в честь этих мучеников, где говорится и об исцелениях от мощей их.

8287 - Пафлагония – древняя область Малой Азии, на южном берегу Черного моря.

8288 - Император Юлиан царствовал с 361 по 363 г. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и

поставил задачею своей жизни восстановление язычества, почему и известен под именем Отступника

8289 - Анкира – главный город Малоазийской области Галатии, – ныне Ангора, значительный город Малой Азии с 30.000-м населением. Галатия занимала самую средину Малоазийского полуострова; Анкира же иаходилась на северо-западной окраине провинции.

8290 - Едес – город Киликии, – юго-восточной области Малой Азии.

8291 - Мученическая кончина святого Гемелла последовала около 361 года.

8292 - Это было прозвище, данное преподобному Фоме.

8293 - Вифиния – северо-западная область Малой Азии, лежавшая по берегам Чёрного моря, Босфора и Константинопольского пролива.

8294 - Лев VI Мудрый, сын Василия Македонянина. Византийский император, царствовал с 886–911 г

8295 - Преп, Фома Дефуркин скончался в X веке.

8296 - Месопотамия (в переводе с греч. – междуречье) – страна, лежащая между реками Тигром и Евфратом. Здесь именно, по библейскому сказанию и преданию других народов, находился рай, обиталище первозданных людей.

8297 - Самосаты – главный город сирийской провинции Коммагены, на западном берегу реки Евфрата.

8298 - Стадия – около 88 сажен, 20 стадий – несколько более 3,5 вёрст.

8299 - Так называется пострижение в иноческий сан, ибо главное назначение иночества – уподобление бесплотным чинам через молитву и подвижничество.

8300 - Антиохия Сирийская – один из древних и богатейших городов Сирии, столичный ее город; лежит при р. Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за 300 лет до Р. Х. Селевком Никатором и названа так по имени Антиоха, отца его. Для христианской Церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие

Христианства, и как мать христианских церквей из язычников. Знаменитая церковь Антиохийская насаждена первоначально святыми апостолами Павлом и Варнавою, а впоследствии утверждена еще и Ап. Петром. В Антиохии было немало замечательных соборов пастырей Церкви во время еретических (арианских и несторианских) распрей. Церковь Антиохийская издревле пользовалась особенными преимуществами, наравне с церквами: Александрийскою, Иерусалимскою, Константинопольскою и Римскою; настоятели ее имели и до настоящего времени имеют титул и преимущества патриарха. В настоящее время Антиохия находится под Турецким владычеством и представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до 10 тысяч жителей.

8301 - Анапл – предместье Константинополя.

8302 - Это было в царствование Византийского императора Льва 1-го, во второй половине 5-го века.

8303 - Анатолий – патриарх Константинопольский с 449–458 г.

8304 - Кукуль – в переводе с греч. Шапочка – первоначально был общемонашеским головным покровом, служившим символом безмолвия, чистоты, и незлобия, молчаливого пребывания в богомыслии и тщательнейшего к себе внимания; иногда на кукуль нашивался крест. Впоследствии, как и теперь, кукуль стал принадлежностью исключительно одних схимников, принявших великую схиму. Он употребляется вместо клобука, который в первоначальном пострижении в монашество возлагается на камилавку и отличается от клобука тем, что кругом покрывает голову и плечи; наглавник его – остроконечный с пятью крестами.

8305 - Общежительный монастырь т. п. «Неусыпающих» был основан в конце IV века преп. Александром; сначала он находился в глубоком уединении при р. Евфрате, но впоследствии был перенесен в Константинополь. Чиноположение и иноческое житие насельников этого монастыря отличалось особою строгостью. Свое наименование монастырь получил от того, что братия его, разделяясь на 24

чреды по числу 24 часов дня и ночи, непрерывно на два лика славословили Господа, поя протяжно псалмы Давидовы, так что богослужение в этом монастыре совершалось непрерывно и никогда не прекращалось.

[8306] - Фракия в древности обнимала собою нынешнюю восточную часть Венгрии, Трансильванию, Бессарабию, Молдавию, Валахию, Болгарию, Сербию и восточную часть Румелии.

[8307] - Кир – знаменитый поэт и песнописец христианский, градоначальник Константинополя при императоре Феодосии Младшем (в первой половине 5-го века), впоследствии епископ Смирнский.

[8308] - Св. Лев I – император Византийский с 467–474 г.

[8309] - С 408–450 г.

[8310] - Аксиос – «достоин» – возглас, коим обозначается согласие верующих на посвящение рукополагаемого.

[8311] - Местности, получившие наименование по императорам: св. равноапостольному Константину Великому, Юлиану Отступнику.

[8312] - Выражение Пс.33:18.

[8313] - Впоследствии император Византийский – с 474 по 491 г.

[8314] - Царствовал с 474–477 гг.

[8315] - Собор Халкидонский – 4-й Вселенский собор; происходил в 454 г.; на нем осуждена ересь Евтихия, иначе – монофизитская, признававшая во Христе лишь одно Божеское естество, будто бы поглотившее собою естество человеческое.

[8316] - Акакий патриаршествовал с 471–489 г.

[8317] - Анфипат – областеначальник, иногда – правитель города.

[8318] - Анкира – ныне Ангора, древний город Галатии (небольшой срединной области Малой Азии), – ныне столица одной из областей Малой Азии с 30 000 жителей.

[8319] - Св. Евфимий – патриарх Константинопольский с 490 по 496 г.

[8320] - Прп. Даниил Столпник преставился 11 декабря в 489 или 490 г. На столпе он подвизался более 30 лет. Мощи его видел в Константинополе в 1200 году русский паломник, инок Антоний.

[8321] - Это нашествие половцев на Киев под предводительством хана Боняка произошло в 1096-м году. – Половцы – кочевой народ Тюркского племени, пришедший во множестве в южно-русские степи из Закаспийских степей во 2-й половине XI века и с того времени до 20-х годов XIII века производивший постоянные опустошительные нападения на Русь, особенно южную.

[8322] - Преп. Евстратий был продан половцами одному Херсонскому еврею, который со своими единоверцами, посредством страшных мучений, заставлял его отречься от Христа, но, не успев в том, распял его на кресте, на котором св. мученик и предал Богу душу, пронзенный копьём евреев.

[8323] - Разумеются евреи, требовавшие от Пилата смерти Спасителя (см. Мф. 27:26).

[8324] - Блаженная кончина преп. Никона Сухого Печерского последовала в начале 12-го века.

[8325] - Город в Персии, – нынешний Эрбил, в Малой Азии.

[8326] - Тенестия или Теннес, на севере от Таниса, приморский город на пути из Аравии в Александрию.

[8327] - Амира сарацинский был, как можно думать, Амвру, посланный Омаром в 639 году для завоевания Египта и взявший в 643 г. Александрию. Амиром или Эмиром назывались и вообще правители Египта.

[8328] - Поясу христиане всегда усвояли символическое значение благодатной силы, укрепляющей их в борьбе с духовными врагами. (Ефес. 4:14)

[8329] - Т. е. магометанство (т. е. Агарян, – собственно потомков Агари от сына ее Измаила – Арабов, впоследствии усвоено было всем вообще магометанам).

[8330] - Выражение Евангельской притчи о раскаявшемся блудном сыне. (Лк. 15:17).

[8331] - Около 640 года.

[8332] - Роман I Лакапен царствовал с 919–944 г.

[8333] - Константин VII Порфирородный царствовал с 912–959 г.

[8334] - Лев VI Мудрый, царствовал с 886–911 г.

[8335] - Феофилакт – патриарх Константинопольский с 933–956 г.

[8336] - Болгарский царь Симеон, умерший в 927 году, воевал с Греками и едва не сокрушил греческую империю в 917 году.

[8337] - В Вифинии, северо-западной области Малой Азии.

[8338] - Халкидон – город в Малой Азии, на берегу Константинопольского пролива, против Константинополя.

[8339] - Около 970 года.

[8340] - Кипр – большой остров в восточной части Средиземного моря, к югу от Малой Азии.

[8341] - Св. Митрофан 315–325 г. Св. Александр преемник его, патриаршествовал с 325–340 г.

[8342] - Перипатетиками назывались последователи Аристотелевой философии. Эта философская школа (направление) появилась в конце IV в. до Р. Хр., и просуществовала около восьми столетий; это философское направление впоследствии имело последователей и среди христиан. Свое наименование перепатетики получили от того, что основатель этой школы Феофраст подарил школе сад с алтарем и крытыми ходами (Перипатон – колоннады, крытые галереи).

[8343] - Нужно заметить, что император Констанций благоволил к еретикам-арианам.

[8344] - Жители Ликаонского города Листры (в Малой Азии) приняли Апостолов Павла и Варнаву за языческих богов – Зевса и Гермеса. (Деян. 14:13.)

[8345] - Павел в этих словах разумеет собственно то, что нечистота язычника-отца как бы изглаждается чистотою матери – христианки и не передается родившимся от такого брака детям. Но при этом само собою разумеется, что брак с христианкою (или христианином) для язычника (или язычницы)

есть естественная ступень к полному освящению, т. е. к принятию им самим веры Христовой.

[8346] - Никифор Каллист – церковный историк жил в XIV веке. Его «Церковная история», в 18 книгах, доведена до смерти Византийского императора Фоки (611 г.)

[8347] - Созомен – церковный историк V века, написал историю Церкви от 323 до 439 года.

[8348] - Берит – нынешний Бейрут – древний город Финикии на берегу Средиземного моря; особенно процветал в V веке и славился своей высшей школой риторики, поэзии и права; ныне – главный административный город Азиатско Турецкой Сирии и важнейший пункт Сирийского побережья с населением до 80.000 жителей.

[8349] - Св. Спиридон скончался около 348 года.

[8350] - Честные мощи св. Спиридона, благодатию Божиею, сохранились нетленными и, что особенно замечательно, кожа плоти его имеет обычную человеческим телам мягкость. В Тримифунте мощи его покоились до половины VII века, когда, по причине набегов варваров, они были перенесены в Константинополь. В конце XII или в самом начале XIII века, по свидетельству новгородского архиепископа Антония, странствовавшего по святым местам, честная глава святителя находилась в церкви святых Апостолов в Константинополе, а рука и мощи его покоились под алтарем храма св. Богородицы Одигитрии. Русские же паломники XIV и XV веков: Стефан новгородец (1350 г.), диакон Игнатий (1389), дьяк Александр (1391–1395) и иеродиакон Зосима (1420) видели св мощи Спиридона и лобызали их в Константинопольской церкви святых Апостолов. В 1453 году 29 мая один священник Георгий, по прозванию Калохерет, отправился с мощами святителя в Сербию, а оттуда в 1460 году на остров Корфу. В первой половине XVIII века русский паломник Барский видел их на этом острове, в городе того же имени в храме св. Спиридона, мощи были в полном составе, кроме десной руки, которая находится в Риме в церкви во имя Божией Матери, называемой «Новой», близ площади Пасквино.

[8351] - Климент Александрийский – один из замечательнейших и знаменитейших христианских ученых первых веков – в 217-м году, катехет (учитель) знаменитого Александрийского т. н. «Огласительного» училища, по своему положению в центре всемирной образованности и учености принявшего характер богословско-учёного образовательного заведения, привлекавшего в свои стены массы образованных слушателей.

[8352] - Ориген – ученик Климента Александрийского, знаменитейший христианский учитель III века, первоначально бывший выдающимся из преподавателей Александрийского «Огласительного» училища. Св. Александр впоследствии, когда управлял уже Иерусалимскою церковью, по уважению и дружбе к Оригену, позволил ему говорить поучение в своем присутствии в церкви Иерусалимской и за это позволение мирянину поучать в церкви в присутствии епископа подвергся осуждению Димитрия, епископа Александрийского, врага Оригенова, но св. Александр указал ему на пример других церквей, после он даже рукоположил Оригена в пресвитера, через что опять возгорелся спор между ним и Димитрием.

[8353] - Каппадокия – обширная область в восточной части Малой Азии. Флавия – один из городов Каппадокии.

[8354] - Около 209–210 года. – Септимий Север – римский император – царствовал с 193–211 г.

[8355] - Это было в 212 году.

[8356] - Наркисс патриаршествовал ок. 196 года и потом вторично в 212 году.

[8357] - С 212–250 год.

[8358] - Этой библиотекой, между прочим, пользовался в свое время (в IV веке) и знаменитый церковный историк Евсевий, который и сохранил в своей истории сведение о жизни св. Александра Иерусалимского.

[8359] - Кесария Палестинская – на восточном берегу Средиземного моря, один из богатейших и великолепнейших городов Палестины; получила свое наименование в честь Кесаря (Октавия) Августа от царя Иудейского Ирода,

строившего повсюду города и храмы в честь Кесаря и украсившего Кесарию. Ныне – на месте прежнего великолепного города расстилается совершенная пустыня с одними грудами развалин.

8360 - Св. Александр Иерусалимский преставился в 251 году.

8361 - У римлян он называется Синезий; у греков Синетос – разумный.

8362 - Разумник был чтецом при папе Сиксте (257–258 г); пострадал же при царе Аврелиане (270–275 г.). – Мощи его в 830 г. перенесены из Рима в остров и аббатство Рейхенау.

8363 - Здесь разумеется так называемая Малая Армения – римская область между верховьями рек Евфрата и Галаса, называвшаяся так в отличие от Великой Армении – обширной горной страны к западу от Малоазийского полуострова между рекою Курою и верховьями Тигра и Евфрата, управлявшейся от II до V в. до Р. Х. царями из своего племени. – Каппадокия – весьма обширная область в средине восточной части Малой Азии к западу от верховьев р. Евфрата; некогда была одним из значительных государств Азии, но потеряла самостоятельность и в конце концов вошла в состав Римской империи, как ее провинция (в 17 или 18 году по Р. Хр.). Каппадокия граничила с Малой Арменией, и последняя прежде долгое время причислялась к первой.

8364 - Саталион – иначе Сатала – город в Армении.

8365 - Севастия – город в Армении, на северо-восток от Малой Азии.

8366 - Никополь – часто встречающееся в древней истории наименование городов. Здесь разумеется город в Малой Армении на границе Понта, при Ликусе, притоке Ириса, – ныне Эндерес.

8367 - Сия молитва св. мученика Мардария читается в заключение 3 часа и на полунощнице, в следующем виде: «Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный Иисусе Христе, и Святый Душе, едино Божество, едина Сила, помилуй мя грешнаго, и имиже веси судьбами,

спаси мя недостойнаго раба Твоего: яко благословен еси во веки веков, аминь».

[8368] - Зевс, или Юпитер – греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей. Аполлон – один из наиболее почитаемых древними Греками и Римлянами языческих богов, считавшийся богом солнца и умственного просвещения, а также общественного порядка, охранителем закона и божеством прорицания будущего. Посейдон (Нептун) почитался братом Зевса и полновластным повелителем морей, рек и всех источников и водовместилищ.

[8369] - Платон – знаменитый греческий философ IV века до Р. Хр., ученик знаменитого и славного философа Сократа. Замечательно то, что в своих философских воззрениях Платон, особенно в учении о Боге, творении мира и загробной жизни, близко подходит к христианскому учению. – Аристотель – известный греческий философ, ученик и современник Платона, воспитатель Македонского царя Александра Великого; ум его обнимал все известные древнему миру науки. – Гермес, так называемый Трисмегист (т. е. трижды величайший) – вымышленный автор известного древнего философского языческого, так называемого теософического, учения, возникшего в III веке по Р. Хр.; представлялся язычниками мудрым мужем, получающим высшее Божественное откровение и через трех сыновей сообщающим его людям.

[8370] - «Тимей» – одно из выдающихся сочинений Платона, в котором он в форме беседы с Тимеем – учеником знаменитого, уважаемого философа Пифагора, которого он отыскал для того, чтобы познакомиться с учением последнего, излагает свои собственные мысли о многих высших вопросах бытия.

[8371] - Агриколай ссылался при этом на то, что премудрый Платон нарочито ходил в Пирею (в Фессалию) на поклонение одной языческой богине; но хотя мнение и верование Платона не были чужды языческих заблуждений, – во всяком случае, общий характер их далеко возвышался над ними и иногда даже довольно близко подходил к христианскому учению.

[8372] - Гомер – знаменитый древнейший народный поэт Греции, о личности которого сохранились лишь одни баснословные сказания, – автор двух величайших поэм древне-классической литературы: Илиады и Одиссеи, в которых ярко отобразились верование древних Греков – Эсхил – древнейший из великих греческих трагических писателей, стяжавший своими произведениями заслуженную всемирную славу.

[8373] - Гезиод – знаменитый древний греческий поэт, который, по всеобщему мнению древних, жил одновременно с Гомером или даже раньше его. В оставшихся отрывках его произведений сохранилось много языческих басней и сказаний о богах древних греков.

[8374] - Хаос, по верованию древних Греков, был зияющим неизмеримым мировым пространством, существовавшим прежде всего, – темным животворным первоисточником всякой жизни в мире, породившим Эреба – первичный мрак и Ночь, и через первого впоследствии день, после чего уже возникли земля (Гея), небо (Уран) и т. д. Всё это древние представляли в образе божеств; но и в этих своих верованиях, затемненных грубыми языческими суевериями, они несколько подходят к истинному учению о сотворении мира.

[8375] - Т. е. диавол, сатана.

[8376] - Так называлось в древности внутреннее помещение военачальника в лагере, а также судьи.

[8377] - Эта предсмертная молитва святого Евстратия принята в церковное употребление и читается на полунощнице субботней, в следующем виде: «Величая величаю тя Господи, яко призрел еси на смирение мое, и неси мене затворил в руках вражиих: но спасл еси от нужд душу мою. И ныне, владыко, да покрыет мя рука твоя, и да приидет на мя милость твоя: яко смятеся душа моя, и болезненна есть во исхождении своем, от окаяннаго моего и сквернаго телесе сего: да не когда лукавый сопостата совет срящет, и препнет ю во тьме, за неведомыя и ведомыя в житии сем бывшия ми грехи. Милостив буди ми Владыко, и да не узрит душа моя мрачнаго взора лукавых демонов: но да приимут ю Ангели твои светлии и пресветлии.

Даждь славу имени Твоему святому, и Твоею силою возведи мя на Божественное Твое судище, внегда судитися ми, да не приимет мя рука князя мира сего, еже исторгнути мя грешника во глубину адову: но предстани ми и буди ми Спас и Заступник, телесная бо и сия мучения, веселия суть рабом Твоим. Помилуй Господи осквернившуюся страстьми жития сего душу мою, и чистую покаянием и исповеданием приими, яко благословен еси во веки веков, аминь».

8378 - Свв. мученики Евстратий, Авксентий, Евгений, Мардарий и Орест скончались в начале 4-го века. Впоследствии в родном их городе Аравраке, где были погребены честные мощи их, в честь их сооружена была церковь и от мощей их творились чудеса. Перед вратами Цареградскими была обитель в честь этих мучеников, по имени Олимп. Здесь каждогодно служил патриарх в день памяти их. В настоящее время мощи их почивают в Риме, в церкви св. Аполлинария Равеннийскаго.

8379 - В бедной Олимпской обители конечно не было всего нужного для благолепного служения патриаршаго, и патриарх, если желал служить там, естественно должен был посылать туда церковные сосуды, облачение и проч. от себя.

8380 - Кафизмы входят в непременную принадлежность утреннего Богослужения и состоят из чтения псалмов с присоединением кратких славословий. Вся Псалтирь, содержащая в себе 150 псалмов, разделяется на 20 кафизм, из коих каждая делится на три славы. Это разделение произошло в древние времена.

8381 - Сиракузы – одна из первых греческих колоний на восточном берегу о. Сицилии, впоследствии самый большой и богатый город острова.

8382 - Катана – древний город на восточном берегу острова Сицилии; в настоящее время процветающий образованностью и торговлею, многолюдный город более чем с 100 тысячным населением.

8383 - Т. е. указов римских императоров о том, чтобы все римские граждане приносили жертвы языческим богам.

[8384] - Под прелюбодейством на языке церковном разумеется не только беззаконный союз мужа с чужою женою, срамные действия противные седьмой заповеди, скверные помыслы, но иногда (как и здесь главным образом) и нечестие и идолопоклонство.

[8385] - Св. мученица Лукия прияла мученическую кончину в 304 году. Мощи ее из Сиракуз сначала перенесены в Италию, потом в Мец (прежде значительный французский город в Лотарингии; ныне – первоклассная крепость в немецкой Лотарингии); часть мощей, бывшая в Царьграде, перенесена в Венецию.

[8386] - Патрициями называлось высшее сословия в Римской и после Византийской империи, соответствующее нашему родовитому дворянству.

[8387] - В Карии, – юго-западной области Малой Азии.

[8388] - Гора Латра – собственно Лаимос, горная цепь в Карии, отделяющая береговую полосу у Средиземного моря от внутренних областей Малой Азии близ городов Милета и Амисона, наименование Латрос, что значит «Гора службы», получила от того, что здесь находилось 11 православных монастырей, управлявшихся в средние века одним архимандритом. Под турецким владычеством монастыри были уничтожены.

[8389] - Аспид – особый вид змеи, яд которой весьма силен и часто смертоносен.

[8390] - В Карии, на юго-западе Малой Азии

[8391] - Время жизни преп. Арсения Латрского точно неизвестно; приблизительно предполагают его между VIII–X веками.

[8392] - Вифиния – провинция римского государства, на северо-западе Малой Азии.

[8393] - Здесь разумеется Кесария Палестинская.

[8394] - Царствовал с 249 по 251 год по Р. Х.

[8395] - Никомидия – город в Вифинии. Позднее, во времена Диоклетиана и Константина Великого, был местопребыванием римских императоров.

[8396] - Никея – город в западной части Вифивии; здесь были 1-й и 7-й Вселенские соборы (325 и 787 гг.)

[8397] - Т. е., невозможно заставить его принести жертву идолам.

[8398] - Апамея – город в Вифинии в четверти часа пути от южного берега Кианийского залива, с гаванью.

[8399] - Стадия – мера длины, равная приблизительно 88 саженям; 30 стадий – немного более 4 верст.

[8400] - Геркулес – по верованию древних Греков, один из богатырей греческих, отличавшийся необычайною силою и мужеством, совершивший множество подвигов и по смерти сделавшийся полубогом.

[8401] - Асклипий (Эскулап) – греческий врач, живший в глубокой древности; по верованию Греков, он по смерти, подобно Геркулесу, причислен был к сонму богов.

[8402] - Римский император, царствовавший с 284 по 305 год.

[8403] - Фиваида – область в южной части Египта.

[8404] - О сем чуде подробнее сообщается в Минеях Четьих под 20 мая святого мученика Аскалона. Чудо состояло в том, что, по молитве Аскалона, лодка с правителем дважды, силою Божиею, останавливалась, не допуская его переехать через реку, когда он не соглашался исполнить требования святого – исповедать Единого Истинного Бога; и только тогда, когда Арриан подписал сие на бумаге, хотя и против воли, лодка двинулась с места, и правитель переплыл на другой берег.

[8405] - Т. е., оба уже крещены – один обычным, а другой чудесным образом.

[8406] - Серапис – языческое божество древнего Египта, почитался богом умерших душ и призывался как спаситель от болезни и смерти, и поэтому многими отожествлялся с Асклипием,

[8407] - Плащаница – большая полотняная ткань, в которую завертывалось тело умершего.

[8408] - Благовониями (маслами) умащалось на востоке тело усопшего, как это сделали например, Иосиф и Никодим с Пречистым Телом Господа.

[8409] - Протиктор – оруженосец.

[8410] - Фаменоф соответствовал нашему месяцу марту.

[8411] - Дельфины – морские животные из семейства млекопитающих.

[8412] - Святые мученики пострадали около 287 г. За стеною Константинополя ок. 397 года был построен Флавием Кесарием великолепный храм Фирсу и в нем были его мощи. Потом он являлся в видении царице Пульхерии, повелевая положить около него мощи свв. 40 мучеников Севастийских (память их 9 марта), которые были сокрыты в земле и, по его указанию, открыты в 450 году. Другой храм был построен ему императором Юстинианом Великим, – недалеко от так называемого рынка Феодосия.

[8413] - Адриан – Римский император, царствовал с 117–138 год по Р. Х. Он хотя и не воздвигал на христиан особого, продолжительного гонения, но был ревностным служителем языческого нечестия, и при нем пострадало много мучеников христианских.

[8414] - Св. Анаклет – папа Римский с 79 по 91 год.

[8415] - Иллирик или Иллирия обнимала всё восточное прибрежье Адриатического моря с лежащими за ним местностями (теперешняя Далмация, Босния и Албания).

[8416] - «Мужи кровей» – выражения Псалмопевца (Пс. 5:7, 54, 54; 58, 3 и т. д.), обозначающее людей кровожадных и свирепых.

[8417] - Святой священномученик Елевферий и мать его Анфия пострадали около 120 г. Мощи священномученика Елевферия в настоящее время находятся в Риме, в церкви мученицы Сосанны. В конце IV столетия был сооружен при императоре Аркадии храм во имя его в Константинополе близ Ксиролофа (Василием Патрикием). Св. Иосифом песнописцем составлен в честь св. мученика канон, в восьмой песни которого говорится, что рака его изливает реки исцелений и чудес.

[8418] - Феодосий III Адрамитен – Византийский император с 715 по 716 г.

[8419] - Сурож, или Сугдея – древний греческий город на южном берегу Крыма, ныне Судак – поселок Таврической губернии.

[8420] - Византийский император Лев, род коего происходил из Малоазиатской области Исаврии, царствовал с 717 по 741 г. Против иконопочитания он выступил особенно в 726 году. Это вызвало народное восстания против него.

[8421] - При этом патриарх Герман отказался подписать повеления императора против иконопочитания, говоря, что не может вводить что-нибудь новое в делах веры без Вселенского собора.

[8422] - Св. Стефан скончался около половины VIII века.

[8423] - Элей – город в Мизии – северо-западной области Малой Азии близ Пергама.

[8424] - Фригия – большая область Малой Азии, обнимавшая первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того позднее причислявшийся к Мизии южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта (Дарданеллы).

[8425] - Константин VII Порфирородный – Византийский император, царствовал с 912 по 959 г.

[8426] - Здесь разумеется папа Агапит II, занимавший Римскую кафедру с 946 по 955 г.

[8427] - Самос – один из главных островов Эгейского моря (Архипелага), вблизи западного берега Малой Азии.

[8428] - Преподобный Павел Латрский скончался 16 декабря, 956 года.

[8429] - Кувикулярий – царский постельничий.

[8430] - Т. е. диавола.

[8431] - В своем имении на азиатском берегу Босфора, в Вифинии, при р. Сангаре.

[8432] - Местом погребения святого Елевферия признается его имение в Вифинии. Св. мученик пострадал при Максимиане в начале IV века.

[8433] - Преподобный Пард подвизался в VI веке, в Палестине.

[8434] - Левий – третий сын Иакова от Лии.

[8435] - Царь Халдеев Навуходоносор в 587 г. до Р. Х. взял Иерусалим и разрушил его. Лучшие граждане с семьями (от 14 до 18 тысяч человек) были отведены пленниками в столицу Халдеев – Вавилон. В пленении Вавилонском Иудеи пребывали до 538 года, когда царь Мидян и Персов Кир, ниспровергнувший Халдейское царство, возвратил пленных Иудеев (около 40.000 мужей) на родину.

[8436] - Агг. 1:2–15, 2:1–9, 10–19, 20–23. Аггей был одним из 12 т.н. малых пророков; книга его, состоящая из двух глав, занимает 10-е место в ряду книг этих пророков.

[8437] - Имя пророка Аггея встречается еще в Св. Писании в надписании некоторых псалмов (Пс. 137:1–8, 145:1–10, 147:1–9), в первой кн. Ездры (1Ездр. 1:1, 5:1, 6:1, 14:1) и в послании св. Апост. Павла к евреям (Евр. 12:26).

[8438] - Так назывались в Византии высшие сановники при царском дворе.

[8439] - Форакия – местность в Константинополе.

[8440] - Василий I Македонянин – Византийский император, царствовал с 867–886 г.

[8441] - Лев VI Мудрый, преемник Василия Македонянина, царствовал с 886–911 г.

[8442] - Афины – столица древнегреческого государства, славилась своими постройками, произведениями искусств, развитием торговли и промышленности, и особенно школами и философскими училищами. Афины находились на восточном выступе средней Греции при Архипелаге.

[8443] - Виссон – драгоценная, тонкая и мягкая, блестящая льняная ткань.

[8444] - Багряница – торжественная одежда, багряного цвета, царская порфира – необходимая принадлежность Византийских царей и знак их царского достоинства.

[8445] - Блаженная царица Феофания скончалась ок. 893 г. Она погребена в церкви всех святых, построенной ее мужем,

близ храма свв. апостолов, где после был устроен женский монастырь. Русский паломник Стефан Новгородец в 1342 году называет сей монастырь монастырем св. Константина, а иеродиакон Зосима (1420 г.) – монастырем, Филостратоса; оба в нем видели мощи св. царицы Феофании с мощами мч. Климента Анкирского, память которого празднуется Церковью 23 января. В настоящее время мощи Феофании почивают в патриархии Константинопольской.

[8446] - Карин – римский император с 282 по 283 г.

[8447] - Синклитиками назывались одни из самых важных царских советников и сановников, составлявшие собою синклит (царский совет).

[8448] - Св. Марин пострадал ок. 283 г.

[8449] - Навуходоносор – сын Набополассара, царь Вавилонский (от 607 до 564 до Р. Х.), один из знаменитейших завоевателей, о которых говорит история. Он разбил войско египетского царя Фараона Нехао и положил конец Египетскому могуществу в Азии (Иерем. 45:2; 4Цар. 24:7). Потом он обратил внимание на данника его, царя Иудейского, Иоакима. После краткой осады взяв Иерусалим, он оставил Иоакима царем, сделав его своим данником; взял часть сосудов из храма и отправил в Вавилон, также велел выбрать красивых и даровитых отроков из царского и княжеского рода и переселил в Вавилон, чтобы там воспитать их для служения при дворе. И так как Иоаким, через три года, отрекся от покорности ему, то он снова сделал нападение на Иудею и переселил из нее более трех тысяч Иудеев (597 г.), а в следующем году взял в плен и самого царя (Седекию) и заключил в оковы (2Пар. 36:6).

[8450] - Вавилон – один из древнейших городов мира; построен Нимродом, сыном Хуша, потомком Хамовым, который город этот сделал столицею своего царства (Быт. 10:6–10). От имени этого города и вся земля эта стала называться Вавилонскою или Вавилониею. Она называется также землею Халдеев (Иер. 24:5; Иез. 12:13) – от господствующего здесь племени Халдеев, с давних времен пришедших сюда с севера, с гор Армении, и давших свое имя земле этой. Земля эта

находилась в плодоносной равнине Сеннаарской, в бассейне рек Тигра и Евфрата. Вавилон был расположен здесь по обеим сторонам Евфрата, в 15 милях от Багдада, в 40 от Персидского залива и в 130 от Иерусалима. Богатства стекались в Вавилон со всех сторон, – и таким образом он принадлежал к величайшим, знаменитейшим и богатейшим городам Востока. По смерти Навуходоносора, царство Вавилонское быстро стало клониться к упадку. Ныне на месте древнего Вавилона остаются только развалины.

8451 - В славянском под терновым – греч. «схинос» (мастиковое дерево).

8452 - Слав. под черемухой – греч «мринос» (т. н. каменный дуб).

8453 - Это сказания о Сусанне находится в гл. 13й книги прор. Даниила и относится к неканоническим местам Библии.

8454 - Переименованы они были в знак зависимости своей от Навуходоносора.

8455 - Сказания о воспитании при царском дворе Даниила, Анании, Азарии и Мисаила находится в Дан. 1:3–20.

8456 - Обаятели (русск. – тайноведцы), волхвы (русск. – гадатели), чародеи, халдеи. Это различные наименования людей мудрых, обладавших высокими и обширными знаниями, особенно знанием тайных сил природы, священных письмен (иероглифов), а также в области астрономии и медицины. Главным занятием их было изучения природы, наблюдения за явлениями небесными, толкования снов, угадывания будущего; вместе с тем они были большею частью и жрецами. Таковы волхвы, современные Иосифу (Быт. 41:8) и Моисею (Исх. 7:11), и волхвы, приходившие на поклонение Иисусу Христу (Матф. 2:1–2). Сюда же можно относить Валаама (Числ. 22:5) и Симона (Деян. 8:1). Многие из них были людьми мудрыми и учеными в лучшем смысле этого слова и даже удостаивались иногда особенных откровений от Бога, как например Валаам и волхвы, приходившие на поклонения Иисусу Христу, а другие несомненно к научным занятиям присоединяли и низкое ремесло волшебства, ворожбы, заклинания, разные обманы и т.

п. Поэтому то, вероятно, они и называются между прочим обаятелями и чародеями

8457 - Это царство не называется у пророка по имени, но, по мнению толковников (блаж. Иероним), это царство – Македонское, которое хотя уступало в блеске предыдущим, подобно тому как медь уступает золоту и серебру, за то превосходило их силою, насколько медь прочнее золота и серебра. Такое понимание подтверждается и другими местами книги пр. Даниила, где первым царством после мидоперсидского указывается именно царство греческое, сменившее его (Дан. 8:31–22, 11:2–4)

8458 - Под 4-м царством следует разуметь царство сиро-египетское. Контекст речи дает основания разуметь здесь то именно царство, которое в историческом порядке следовало за македонским и предшествовало мессианскому царству, а таковым было сиро-египетское. Царство македонское, как известно, по смерти своего основателя Александра Великого, распалось на четыре: Сирийское, Фракийское, Македонское и Египетское. Эти царства, выделившиеся одно из другого, существовали параллельно друг другу, подобно ногам статуи, никогда не соединяясь друг с другом. На эту особенность 4-го царства и указывает несоединимость железа с глиною. Другая, указанная пророком черта, которая ближе всего подходит к царству сиро-египетскому, это особенная враждебность этого царства в отношении к народу Божию (Дан. 7:21–25, 11:28). Действительно, история показывает, что злоба языческих царей к евреям достигла особенного ожесточения в период зависимости от царей сирийских и египетских. Особенно же враждебно было царство сирийское, а из царей его – Антиох Епифан.

8459 - Камень, отпавший от горы без содействия рук и разбивший истукана, – это, по учению церкви – Христос, Сын Божий, Который родится от Чистой и Неискусобрачной Девы, без мужа. Он, сокрушив и разрушив все временные царства, воздвигнет царство, которое не сокрушится вовеки, и царство это будет духовное.

8460 - Сон, виденный Навуходоносором, не был простым сновидением, но был откровением ему воли Божией. В такой же форме получали откровения от Бога другие языческие цари, например Авимелех, царь Герарский (Быт. 20:3), Фараон, царь Египетский (Быт. 41:1–9), Елифаз, царь Феманский (Иов. 42:12–18). Что языческие цари получают небесное откровение, это не должно казаться странным. Языческие цари, управлявшие судьбами народов, были исполнителями воли Божией, орудиями всемогущества Божия, от Бога получали свое высокое звание, Богом же невидимо были руководимы и поддерживаемы в своих действиях (Ис. 44 и друг.). Этим-то и объясняется, почему они удостаивались иногда непосредственных откровений от Бога.

8461 - Сказания о сне Навуходоносора и изъяснении этого сна пророком Даниилом находится в его же книге: Дан. 2:1–49 (Из второй главы читается паремия на Рождество Христово: Дан. 2:31–36, 44–45).

8462 - Какое значение усвоялось этой статуе, у пророка не сказано: может быть это был идол одного из богов, которым служили Вавилоняне, а может быть эта статуя была поставлена в честь самого Навуходоносора.

8463 - Сатрапы – высшие верховные сановники при Персидском дворе, управлявшие отдельными областями царства.

8464 - Эта хвалебная песнь находится в той же книге: Дан. 3:52–90; песнь эта служит основанием 7 и 8 песней церковных канонов. Сказания о трёх отроках в пещи Вавилонской в богослужебных песнопениях нашей церкви понимается, как прообраз нетленного пребывания Спасителя во гробе. Поэтому-то глава 3-я из кн. прор. Даниила и читается в церкви – на вечерне в Великую Субботу

8465 - Это чудо с очевидностью свидетельствовало для Навуходоносора и его вельмож, оклеветавших пред ним праведников, равно свидетельствует и для всех во все времена, что для охраняемых Богом праведников, надеющихся

на Него, не страшны никакие опасности (Ис. 43:2; Пс. 90:1–7 и друг).

8466 - Т. е. лет.

8467 - Сказания о наказании Навуходоносора за его гордость находится в Дан. 4:1–34.

8468 - Видение Даниила о большой брани (Дан. 10:1–21, 11:1–45, 12:1–13.), по объяснению самой книги, относится к Антиоху Епифану – этому злейшему врагу Иудеев и означает гонения его на Иудеев и конечную погибель его самого. По мнению некоторых толкователей, это пророчество, в некоторых частностях своих неприложимое к Антиоху Епифану, прообразовательно говорит об антихристе, его гонениях против верующих и погибели. И Апост. Павел, предсказывая явления в мир антихриста, изображает его чертами (2Сол. 2:4), сходно с теми, какие у прор. Даниила усвояются Антиоху (Дан. 8:9–12, 11:28–31, 36–39).

8469 - Дан. 7:9–10. Ветхий днями т. е. Вечный (след. Бог).

8470 - Подобное человекообразное представление невидимого, беспристрастного и Страшного Суда Божия над грешниками находится и в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова (Откр. 4:1–4 и др.). Самое ясное и точное мессианское пророчество заключается в третьем пророч. видении Даниила (Дан. 9:1–27.) о 70 седминах, имеющих пройти со времени издания указа о построении второго храма (в 453 г. до Р. Хр.) до явления Христа и совершения Им Нового завета. По смыслу данного Даниилу арх. Гавриилом объяснения, со времени указа Кира должно пройти 7 седмин до создания храма; после следующих 62 седмин убит будет Помазанник, утвердится Новый Завет и упразднятся жертвы и затем мерзость запустения станет на месте святом. Черты, какими обрисован здесь этот Помазанник, вполне приличествуют именно Иисусу Христу (Ср. Дан. 7:24–27 с Деян. 20:43; Лк. 3:24; Мф. 11:16; Лк. 24:25–27, 21:20). Под седминами можно разуметь только семилетия; ибо только при таком понимании их, между пророчествами Даниила и позднейшей историей будет полное соответствие. Именно 7 первых седмин вполне соответствуют

49 годам, протекшим от указа Кира до окончания построения города и храма Иерусалимского; следующие 62 седмины 434 годам, которые в соединении с 49 годами первой седмины – 483 годам вполне соответствуют периоду до явления Иисуса Христа на дело служения роду человеческому, в 15 год Тиверия. По пророчеству убиения Христа должно совершиться в половине последней седмины, т. е. Через 3,5 г года после того явления, как действительно и было то по сказанию Евангелистов. После этой полседмины должна наступить мерзость запустения на месте святом, т. е. разрушения Иерусалима, что в свою очередь, указывая на слова Даниила, предсказал и Спаситель (Мф. 24:15); так действительно и совершилось все это при разрушении Иерусалима Титом и Веспасианом.

8471 - Т. е. первым после царей Набонида и Валтасара.

8472 - Сказания о пире Валтасара, о погибели его и падении царства Вавилонского находится в Дан. 5:1–31.

8473 - Экбатаны, – главный город Мидии и летняя резиденция персидских, а впоследствии парфянских царей. Город был очень древний, славился своим укрепленным замком и необыкновенною роскошью.

8474 - Вил или Бел – (финикийский Ваал) названия главного Вавилонского бога солнца.

8475 - Сказания о Виле и драконе находится в Дан. 14:3–23; сказание это относится к неканоническим местам книги.

8476 - Сказание о 6-дневном пребывании Даниила во рву львином находится в Дан.14:28–42.

8477 - Камбиз – царь Персидский, сын Кира (529–522 г.), отличался жестокостью.

8478 - Гевал – гора в колене Ефремовом, на северной стороне города Сихема.

8479 - По свидетельству Евангелиста Матфея, при смерти Господа нашего Иисуса Христа «гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град и явились многим» (Мф. 27:52–53).

[8480] - Св. царица Елена принесла мощи прор. Даниила в Царьград и положила их близ церкви св. Романа. Их видели русские паломники Антоний в 1200 г., Стефан новгородец в 1342 г., дьяк Александр в XIV веке и иеродиакон Зосима в 1420 г. Гроб его доселе показывают в Сузах, столице Персидского царства; он чтится даже и язычниками.

[8481] - Исправление – успех, подвиг.

[8482] - Сказания о чудесном спасении Даниила во рву львином находится в Дан.6.

[8483] - Гадира – Кадикс на юге Испании, близ Гибралтара.

[8484] - Роман I Лакапен – Византийский император с 917–944 г. Константин VII – Византийский император с 912–959 г., царствовавший одновременно с Романом

[8485] - Христофор или Христодул был патриархом Иерусалимским с 947 по 967 г.

[8486] - Нарбон – ныне Нарбонна – цветущий, торговый город древних Галлов, впоследствии (в начале 2-го века) ставший римской колонией, в юго-восточной Галлии при реке Атаке; ныне довольно незначительный город Франции, недалеко от Лионского залива, на канале того же имени, соединяющем Средиземное море с Атлантическим океаном.

[8487] - Медиолан – ныне Милан – значительный город древней Цизальпинской Галлии или нынешней северной Италии.

[8488] - Диоклитиаи и Максимиан – соимператоры Римской империи, царствовавшие с 284–305 год.

[8489] - Такими же образными чертами изображается рай и в богослужебных песнопениях, в других минейночитейных сказаниях (например видения рая святым Андреем Юродивым) и в творениях святых отцов Церкви, например Ефрема Сирина, причем последний присоединяет, что все эти черты и образы райского блаженства, носящие характер чувственных описаний, нужно понимать в духовном смысле, и что будущее блаженство не может быть описано на человеческом языке и недоступно человеческим чувствам и земным ощущениям.

[8490] - Протоскриниарий – придворный казнохранитель, имевший большую силу при епархе (правителе области), почему ему оказывалось особенное царское доверие и поручались разные ответственные обязанности.

[8491] - Комментарисий – начальник над тюрьмами в Римской империи и делопроизводитель при судебных процессах, производивший предварительные расследования над обвиняемыми, особенно над христианскими мучениками.

[8492] - Выражение Пс. 102:5. – Этим выражением показывается здесь, что старец Транквиллин, после, исповедывания веры Христовой, стал силен и бодр, как бы юноша. Сравнения этого обновления с обновлением орла может основываться на живучести, зоркости, силе и высоте полёта орла.

[8493] - Древние греки веровали, что раньше почитаемых ими богов, в мире владычествовали другие: Крон и прочие титаны – полубоги полулюди, которым Греки приписывали более человеческие свойства. Крон или Сатурн, по их верованиям, был младшим титаном, сыном Урана (неба) и Геи (земли), царствовал на острове Крите и потом присвоил себе владычество над всем миром; сочетавшись браком с сестрою своею Реею, имел от нее нескольких сыновей и дочерей; но так как ему было предсказано от Геи, что он будет свергнут с трона своими детьми, то он проглатывал их тотчас по рождении, за исключением Зевса, спасенного Реей, который впоследствии сверг Крона и заставил его извергнуть проглоченных им детей. Зевс или Дий почитался Греками отцом богов и людей, могущественным и грозным властителем неба и всей вселенной, посылающим на землю громы и молнии. Гера, по верованию Греков, была высшей богиней, супругой и вместе сестрой Зевса, похвалявшейся своим высоким достоинством и супружескими правами. Но, кроме того, греческие мифы приписывают Зевсу плотскую связь со многими другими второстепенными богинями и даже с женами человеческими. В таких же грубо чувственных чертах изображаются и другие греческие боги и богини, которым Греки усвояли все человеческие свойства, страсти и пороки. Вообще в религии

древних Греков и Римлян все содействовало развитью нечестия, все указывало образцы для преуспеяния в нем.

[8494] - Здесь разумеется Тит Ливий – величайший римский историк конца I-го века до Р. Х. и начала I-го по Р. Х. История его состоит из 142 книг, из которых до нас дошло только 35.

[8495] - Капитолий – внутренняя крепость Рима. Под Франками разумеются Галлы, обитавшие в Цизальпинской Галлии (Северной Италии). Нашествия Галлов было во 2-й половине IV века до Р. Хр. и окончилось первоначально полным поражением Римлян и разорением римской республики, от которой она долгое время не могла оправиться.

[8496] - Св. Гаий был папою Римским с 283 до 296 года, в котором пострадал за веру Христову 11 августа.

[8497] - Кампания – приморская область древней Италии, к югу от Рима, на западном берегу Аппенинского полуострова.

[8498] - Арей (римский Марс), по верованиям древних Греков и Римлян, был богом войны.

[8499] - Венера (греческая Афродита), дочь Зевса и Дианы, – языческая богиня любви и красоты; в период упадка Римской империи, к которому относится страдания мученика Севастиана и дружины его, считалась богиней и нечистого сладострастия, возбуждающей плотские похоти; изображалась на статуях в бесстыдно обнаженной форме, и в честь ее совершались буйные празднества, сопровождавшиеся безнравственными обрядами.

[8500] - Ермий – иначе Гермес (римский Меркурий) почитался древними Греками и Римлянами сыном Зевса и Маии, глашатаем богов, гонцом, исполняющим волю Зевса, посредником между богами и людьми, а также богом разнообразных открытий, изобретений и ремесл, богом промышленности и торговли, которые будто бы только тогда и доставляют богатство, когда идут рука об руку с хитростью и обманом, даже кражей и ложной клятвой, лишь бы всё это прикрывалось известного рода благовидностью; отсюда Гермес – иногда покровитель даже кражи и обмана, одобряющий всякого рода ложь и клятвопреступления.

[8501] - Стихия – основное вещество всех тел, например, огонь, земля, воздух, вода.

[8502] - Эта дорога шла на юго-восток от Рима в город Беневент.

[8503] - Гелиогабал – римский император, царствовал с 218–222 по Р. Х. Он построил себе, как богу, храм на одном из холмов Рима, Палатинском, рядом с императорским дворцом. Ступени Гелиогабала – ступени его храма.

[8504] - Ипподром – ристалище, место, где происходил бег коней, состязания с дикими зверями и т. н. гладиаторов друг с другом, что было любимым развлечением Римлян. Сюда же цари-мучители выводили христиан на съедение диким зверям.

[8505] - Тело святого Севастиана было брошено в ров, предназначенный для стока городских нечистот, называвшийся клоакой Максима и находившийся около ристалища, называвшегося: «Циркус Максимус», т. е. Величайший цирк. – Кончина святого мученика Севастиана последовала 18 декабря 287 года.

[8506] - Катакомбами назывались подземные ходы и пещеры, которые были вырыты первыми христианами в окрестностях Рима (также в Неаполе, Сиракузах и во многих других городах) для погребения усопших. Ранее назывались они иначе, и впервые имя катакомб утвердилось за местом погребения святого Стефана в IV в. В стенах этих ходов были сделаны выемки, куда и полагались тела усопших без гроба и затем замуравливались камнями. Реже в них строились отдельные гробницы. Освещались катакомбы лампадами и отверстиями в потолке. Сюда к могилам родных, друзей, святых и мучеников сходились верующие праздновать дни их памяти, воссылать к Богу общие молитвы и совершать таинство Евхаристии, соединявшееся с общею вечерею, в подражания вечери Иисуса Христа. Мраморные плиты над могилами святых и мучеников служили престолом при совершении таинства Евхаристии.

[8507] - Мощи св. мч. Севастиана почивают в загородной церкви его имени в Риме.

[8508] - Здесь разумеется Севастия Каппадокийская, на востоке Малой Азии, на границе с Арменией.

[8509] - Хозрой II, царь Персидский, царствовал с 590–628 г. по Р Хр. Нашествия его на Сирию и Палестину было в 614 году.

[8510] - Св. Захария патриаршествовал в Иерусалиме с 609 года по 633 г., в том числе в плену у Персов был с 614 по 628 год.

[8511] - Это было в 628 году, при Византийском императоре Ираклии и при преемнике побежденного им Хозроя, персидском царе Сироесе,

[8512] - В 633 году.

[8513] - 18-го декабря 634-го года.

[8514] - Императоры византийские – Иустин II с 565–578 г.; Тиверий с 578–582 г. святой Маврикий с 582–602 г.

[8515] - Патриций – довольно высокий чин византийской служебной иерархии, дававший право на звание синклитика или сенатора.

[8516] - Анапл – предместье Царьграда.

[8517] - Город Аминс или Амис – в Каппадокии, восточной области малой Азии.

[8518] - В начале VII века.

[8519] - Феодор и Феофан – так называемые начертанные – родные братья – близнецы носили тогда сан иеромонахов; память первого 27-декабря

[8520] - Патриарх Иерусалимский Фома I.

[8521] - Синкелл – член патриаршего совета, заведывавшего делами церковного управления. Синкеллы исполняли разные поручения патриархов, были непосредственными свидетелями их жизни, находившимися постоянно при них, и после смерти нередко их преемниками.

[8522] - Иконоборческая ересь явно обнаружилась при императоре Льве Исаврянине (717–741 г.), который был первым гонителем св. икон; ему наследовали императоры-иконоборцы Константин Копроним (741–775 г.) и Лев IV Хазар (775– 780 г.). Ересь эта осуждена была вторым Никейским седьмым

Вселенским собором (787 г.) в царствования Константина Порфирородного, когда управляла делами, по малолетству царя, его мать – Ирина; но и после соборного осуждения ересь эта еще долго существовала, до окончательного восстановления иконопочитания в 842 г.

[8523] - Лев Армянин, царствовал с 813–820 год. Преподобный Михаил синкелл послан был в Константинополь в 817 году. Еще ранее он заявил себя ревностным поборником православия в борьбе с другими еретиками того времени, как то: павликианами, монофизитами и несторианами.

[8524] - Феофил царствовал с 829–842 года.

[8525] - Отселе усвоено им названия начертанные.

[8526] - Адамант – (алмаз) – камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая оттого вреда. Это название в церковной литературе придается многим отцам и учителям церкви, прославившимся твердостью своей веры и характера.

[8527] - Феодора царствовала с 849–855 г., а Михаил, прозванный «пьяным», с 855– 867 г.

[8528] - Восстановление иконопочитания состоялось на Константинопольском соборе 842 года, и в память сего торжества православия тогда же был установлен в Церкви особый «Чин православия», совершаеиый и ныне в первый воскресный день св. Четыредесятницы.

[8529] - Иоанн VII, прозванный за свою ученость Грамматиком, патриаршествовал с 832–842 год.

[8530] - Преподобный Михаил Синкелл преставился 18 декабря ок. 845 года. Св. мощи его в Константинопольском монастыре Пантократора видели русские паломники: Стефан новгородец в 1342 году, и иеродиакон Зосима в 1420 году. После преподобного Михаила Синкелла осталось несколько сочинений, лучшее из которых «Исповедание веры»; прочие его сочинения представляют собою несколько похвальных слов и несколько песнопений, между прочим – на восстановление иконопочитания.

8531 - Киликия – юго-восточная римская провинция Малой Азии. – Тарс – большой и населенный город этой провинции, в южной части ее, в плодоносной равнине, при реке Кидне, недалеко от него впадающей в Средиземное море, – доселе довольно значительный торговый город.

8532 - Св. мученик Вонифатий пострадал и скончался 19 декабря 290 г.

8533 - О должности и обязанностях комментарисиев см. на с. 987. прим. 1.

8534 - Стадия – мера длины в 88 саженей; след. 50 стадий равняются без малого 9 верстам. Голову св. Вонифатия видел впоследствии в Константинополе в 1200 г. русский паломник Антоний. Над храмом святого Вонифатия в Риме, построенного ему еще Аглаидою, после сооружен более обширный храм во имя св. Алексия, человека Божия из нижней церкви в новую верхнюю, в ризнице которой в настоящее время честные головы их хранятся отдельно.

8535 - По римским актам свв. мучеников и греческому синаксарю святогорца Никодима, Аглаида после подвигов удостоилась даже дара чудес и изгнания демонов, она причислена к лику святых, и память ее празднуется вместе с св. мучеником Вонифатием.

8536 - Святой Вонифатий Милостивый жил в VI в.

8537 - Туския – иначе Этрурия – древняя область средней Италии, расположенная между Тирренским морем и Аппенинскими горами, на севере от Рима.

8538 - Хитон – греческое название нижней одежды (рубашки), у восточных народов – свита или свитка – верхняя, простая, грубая одежда.

8539 - Ферентин – город в древней Этрурии, в Италии, ныне развалины Ференто.

8540 - Точило – яма, в которой давили созревший виноград для приготовления вина из его сока, давили виноград или посредством особого снаряда, или же просто ногами.

8541 - Кимвал – древний ударный музыкальный инструмент, состоящий из металлической тарелки, посреди которой

прикреплялись ремень или веревка для надевания на правую руку. Кимвал ударяли о другой кимвал, надетый на левую руку, отчего и получался звук.

8542 - Ковчежец – ящик небольшого размера.

8543 - Фелонь – одно из священнических облачений, риза. В древности фелонь надевалась при совершении богослужений как священниками, так и епископами. Ныне в нее облачаются лишь одни пресвитеры.

8544 - Равенна – город с гаванью при Адриатическом море, находился на северо-восточном берегу Аппенинского полуострова. Император Август сильно укрепил его, и он считался оплотом Италии. Императоры Западной Римской империи, начиная с Гонория, имели здесь свое местопребывание. Равенна существует доселе и представляет главный цветущий город Итальянской области того же имени.

8545 - Поприще – мера расстояния, оно равнялось нашим 690 саженям. Тридцать поприщ составляют расстояние приблизительно в 41 версту.

8546 - Схимник – монах, восприявший схиму. Схима – слово греческое (sxiya) означает образ, вид, сан. Схимой называется высшая ступень монашества, соединенная с новыми, строжайшими обетами самоотвержения и служения Христу, – есть совершеннейшее отчуждение от мира, вящее желание разрешиться и со Христом быть (Флп 1:2).

8547 - Омириты – жители южной Аравии, обитавшие близ Аравийского залива. В первые века Христианства Аравию населяли одиннадцать различных племен, из которых только два: омириты и савеи исповедовали христианскую веру. Остальные племена, находясь в постоянных сношениях с иудеями, держались большею частью иудейского закона. Омириты были просвещены христианством Феофилом Индийским, вторым епископом Ефиопской столицы Авксумы. – Награн или Анагран, – обширный и многолюдный город на берегу Аравийского залива, жители которого все без исключения исповедовали христианскую веру.

[8548] - Омофор – (греч. «раменоносник») одно из семи архиерейских облачений, возлагаемое на рамена и спускаемое спереди и сзади, притом имеющее четыре креста. В символическом смысле омофор являет заблудшая овца, то есть человечество, обретя которое, Господь взял на рамена Свои и сочетал его со Своими овцами, т.е. Ангелами. Крестами же показует архиерей свое произволение последовать Страстям Христовым: как Он носил на раме крест Свой и распялся, так и архиерей взимает на рамена свои крест Христов, не отрицаясь злострадания: ибо крест есть символ злострадания.

[8549] - Карфаген – древнейшая, знаменитая колония финикиян, на севере Африки, достигшая в древней истории высшей степени могущества и разрушенная в 146 г. до Р. Х., на развалинах древнего Карфагена, при первых римских императорах, возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени. В Карфагене весьма сильно был развит языческий греко-римский культ, и как прямые последствия его в продолжение долгого времени держались суеверия, чародейства и были развиты, так называемые, «магические искусства».

[8550] - Иустин I, византийский император, царствовал с 518 по 527 г.

[8551] - Император византийский принял горячее участие в судьбе жителей города Награна ввиду того, что этот город, как покоренный в 25 г. по Р. Х. римским полководцем Элием Галлом, находился под покровительством римских императоров.

[8552] - Царь ефиопский считал своим долгом выступить на защиту христиан – омиритов потому, что самое Христианство они приняли из Ефиопии и, по всей вероятности, находились в церковной зависимости от Авксумской митрополии.

[8553] - Хиротония – рукоположение, посвящение в какую-нибудь священную степень.

[8554] - Порфира – пурпуровая, дорогая одежда, обычно составлявшая верхнюю, торжественную одежду государей.

[8555] - Диадема – повязка, которую древние цари носили на голове, – царский венец.

[8556] - Кончина блаженного Елезвоя, царя Ефиопского, последовала около 553–555 гг. Память его совершается церковью 24 октября.

[8557] - Раввин – иудейский учитель.

[8558] - Об этих прениях, – как пишет святой Димитрий, – в Минеях-Четьих Макария находится особая книга, которая у него не изложена, вследствие многочисленности речей, предложенных вопросов и ответов и вообще по обилию чтения.

[8559] - Числ. 14:24, 30; Числ. 26:65; Числ. 32:1; Втор. 1:36.

[8560] - Вторая заповедь Десятословия.

[8561] - Милоть – овечья кожа, овчина; – верхняя одежда, мантия, плащ.

[8562] - Скиния – походный храм евреев, построенный ими во времена странствования по пустыне, по повелению и указанию Господа, и существовавший у них до построения Соломоном великолепного храма в Иерусалиме.

[8563] - Ковчег Завета – ящик, сооруженный Моисеем Завета составлял святыню еврейского народа. Он был устроен из кедрового дерева и окован, как внутри, так и снаружи чистейшим золотом. В нем хранились скрижали (каменные доски), на которых были написаны заповеди Десятословия, золотой сосуд с манною, которою питались евреи во время странствования по пустыне и жезл Аарона, давший цветы.

[8564] - Стамна – сосуд, имевший форму кувшина

[8565] - Манна – чудесная пища, которую Бог сниспосылал с неба евреям во время их сорокалетнего странствования по пустыне.

[8566] - Нотарий – скорописец, этим именем назывались как императорские секретари, которые вели протоколы самых важных государственных совещаний, так и секретари патриархов.

[8567] - Купель – сосуд, употребляемый при совершении таинства крещения.

[8568] - Т.е. причислил к высшему сословию, соответствовавшему нашему родовитому дворянству.

[8569] - Святой Григорий скончался около 552 г.

[8570] - Киликия – юго-восточная береговая область Малой Азии.

[8571] - Аскалон – древний город Филистимский, в Палестине, при Средиземном море.

[8572] - Все сии мученики пострадали в 308 г.

[8573] - Здесь разумеется Кесария Каппадокийская, в восточной части Малой Азии.

[8574] - Мавритания – римская побережная провинция на севере Африки.

[8575] - Святые мученики Полиевкт и Тимофей диакон пострадали в начале IV в.

[8576] - Император Траян царствовал с 98 по 117 г.

[8577] - О месте и времени рождения св. Игнатия и о его первоначальном воспитании нет определенных сведений. Родом он был сириец, сирийское его имя Нуроно означает «огненный», то же значит и Игнатий, имя считающееся производным от латинского слова ignis – огонь.

[8578] - Название Богоносец (Θεοφόρος), которое придавали святому Игнатию другие и сам он употреблял о себе в посланиях, по его собственному объяснению, означало человека, «имеющего Христа в сердце». Сказание о том, что Иисус Христос держал святого Игнатия на руках, встречается впервые у Симеона Метафраста, откуда перешло и в Четьи Минеи святого Димитрия. Этим сказанием прозвание святого Игнатия Θεόφορος, т.е. носящий Бога, изменено в Θεοφόρος, т.е. носимый Богом.

[8579] - Святой Григорий Двоеслов пишет о святом Игнатии, что он был также слушателем Апостола Петра, другие – Апостола Павла. Святым Иоанном Златоустом апостолов и в речах и в том, что неизреченно». (См. 42-ю беседу о святом Игнатии).

[8580] - Поставленный святым Апостолом Иоанном во епископа Смирнского, святой Поликарп находился в тесной

дружбе со святым Игнатием и делил заботы его о церквах Божиих, а по смерти его остался «вождем целой Азии». Память св. Поликарпа празднуется 23 февраля

8581 - В Деян. 11 сказано об Ап. Варнаве в Антиохию, «целый год они собирались в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами».

8582 - О сем свидетельствует церковный историк Сократ. Это так называемое антифонное пение, употребляемое и ныне на церковных богослужениях и состоящее из ветхозаветных псалмов или известных их частей, исполняемых попеременно двумя хорами, стих за стихом.

8583 - В продолжение сорокалетнего правления церковью, святой Игнатий был, по словам св. Иоанна Златоуста, образцом добродетелей. В гонение Домицианово (95–96 гг.) он, как пишут ученики его, «кормилом молитв и поста, неутомимостью в учении, ревностью духа противодействовал волнению, чтобы не потонул кто-либо из малодушных или неопытных»… Во время бедствий и после того «священник Божий просвещал душу каждого объяснением Писания».

8584 - Это было в 106 г.

8585 - Начиная отсюда, рассказывается о мученическом подвиге святого Игнатия. Подробные сведения об этом сохранились в записках о его мученичестве, написанных очевидцами – спутниками, сопровождавшими его из Антиохии в Рим. По общему мнению, это были диаконы – Филон и Агафонид, о которых святой Игнатий упоминает в посланиях к смирнянам и филадельфийцам.

8586 - Дий, он же Зевс и Юпитер, главный языческий бог греков и римлян.

8587 - См. послание святого Игнатия к ефесянам.

8588 - Это объясняется тем, что осужденных отправляли не на особом, нарочитом корабле, а на таком, который представлялся случайно, и, плывя по своим надобностям, останавливался в том или другом месте.

8589 - Т.е. лжеучения

[8590] - Те. на поприще этой жизни.

[8591] - Святой Игнатий говорит здесь о славе умереть за Христа.

[8592] - Намек на подарки, которые делали стражам Игнатия христиане, для смягчения строгости.

[8593] - Вода живая, т.е. Дух Святой, возбуждающий и укрепляющий в мученической смерти. См. Ин. 4:10; Ин. 7:3.

[8594] - Т.е. с такою любовью, как бы Игнатий был их собственный епископ.

[8595] - Так считалось по римскому календарю.

[8596] - В 107 г.

[8597] - Из Смирны в Рим было два пути – один морской через Архипелаг и Средиземное море, другой сухопутный – через Македонию. Игнатий был веден последним путем, ефесские же христиане могли отправиться на корабль и доставить послания Игнатия в Рим ранее его прибытия. Но и сухим путем им естественно было прибыть в Рим ранее Игнатия, удрученного старостью и замедлившего в Смирне. Из Смирны святой Игнатий отправил три послания к ефесянам, магнезийцам (город Магнезия близ Меандра в Ионии) итраллийцам (в Азии), прислaвшим в Смирну для приветствия святого узника своих епископов с пресвитерами и диаконами. В этих посланиях святой Игнатий благодарит церковь за оказанную ему любовь, увещевает их паству блюсти единение духа и повиноваться епископам и пресвитерам и предостерегает от ложных учителей – христиан иудействующих, почитавших Христианство только дополнением к иудейству, и докетов, отвергавших истину рождения, страдания и воскресения Спасителя и вообще не признававших в Нем ничего человеческого.

[8598] - Итак, всех посланий св. Игнатия сохранилось семь. Написаны они были первоначально на греческом языке, впоследствии же переведены на сирский, армянский, позже на славянский и в недавнее время на русский языки. Содержание этих посланий главным образом состоит из увещаний христиан к соблюдению внутреннего и внешнего единства церкви, почему справедливо можно назвать святого Игнатия учителем

единения, как и сам он сознавал себя человеком, предназначенным к единению (в посл. к филадельфийцам). Затем большинство их направлено против современных лжеучений.

8599 - Эти зрелища и игры были так называемые «сатурналии», продолжением и заключением коих служили «сигиллярии»; они продолжались семь дней, начиная с 17 декабря, в память золотого века, бывшего, по мнению римских язычников, во время царствования бога их Сатурна.

8600 - В Четьих-Минеях святого Димитрия Ростовского житием святого Игнатия помещено следующее повествование. «О святом Игнатий Богоносце некоторые повествуют и сие. Когда его вели на съедение зверям и он непрестанно имел на устах имя Иисуса Христа, нечестивые вопросили его, зачем он то имя непрестанно повторяет. Святой отвечал, что имеет в сердце своем имя Иисуса Христа начертанным и исповедует устами Того, Кого в сердце всегда носит. Когда святой был пожран зверями, при оставшихся его костях изволением Божиим сохранилось его сердце, нетронутое зверями. Найдя его, неверные вспомнили слова святого Игнатия и разрезали сердце его надвое, желая убедиться, истинно ли сказанное им. И нашли они на обеих внутренних сторонах разрезанного сердца надпись золотыми письменами: «Иисус Христос». Так святой Игнатий был Богоносец по имени и в действительности, всегда нося в сердце своем Христа Бога, богомысленным умом как тростью написанного».

8601 - Перенесение мощей св. Игнатия празднуется 29 января

8602 - Филогоний, после смерти жены своей, народом насильно был взят с судебного места и за справедливость поставлен епископом в 318 г.

8603 - Последние гонения на христианскую веру были при императорах Максимиане и Галерии (305–311 гг.) и Ликинии (307–324 гг.). И в это время Филогоний, по своей любви к истине и справедливости, с успехом защищал Христову веру и гонимых христиан и явил себя исповедником. Когда же гонимая вера

восторжествовала над язычеством со времени равноапостольного Константина, то новые козни врага Христовой Церкви, диавола, породили ересь Ария. Но Филогоний, избранный народом в епископы и от юности получивший хорошее образование, ревностно обличал ложные еретические мудрования.

8604 - Похвальное слово Филогонию произнес св. Иоанн Златоуст в 386 г.

8605 - Скончался в мире около 323 г.

8606 - Милутин правил с 1262 по 1320 г.

8607 - Год и место рождения и мирское имя Даниила неизвестны.

8608 - Сапоча, Сапочане находятся при истоках реки Рашки, в трех часах езды от Нового Пазара в Старой Сербии, теперь от Троицкого монастыря, задушбины Неманичей, остались одни развалины.

8609 - Евстафий II был сербским архиепископом с 1286 по 1304 г.

8610 - Монастырь Жича (Житьча, Жидьча), существующий до настоящего времени, находится на правом берегу реки Ибра, недалеко от впадения ее в Сербскую Мораву, в пределах теперешнего Сербского королевства.

8611 - Епархия Холмская или Захолмская находилась в нынешней Герцеговине.

8612 - 6 января 1321 г., см. житие св. Стефана Дечанского под 11 ноября.

8613 - Подробнее обо всех сиих делах см. в вышеуказанном житии св. Стефана Дечанского под 11 ноября в этих Минеях-Четьих.

8614 - См. то же житие.

8615 - Этот труд Даниила, называемый иногда то Родословом, то Цароставником, напечатан с позднейшими дополнениями, к коим принадлежит и житие Даниила, написанное одним из его учеников, напечатан Даничичем в издании, указанном в примечании на с. 1016.

[8616] - О Никомидии см. на с. 954, прим. 7.

[8617] - Аполлон – один из наиболее почитаемых древними греками и римлянами языческих богов, считавшийся богом солнца и умственного просвещения, а также общественного порядка, охранителем закона и божеством прорицания будущего. Артемида – иначе Диана – известная языческая богиня у греков, олицетворяла собою луну и считалась покровительницею лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с большим великолепием и блеском.

[8618] - Св. Иулиания девица и с нею 500 мужей и 130 пострадали в 304 г.

[8619] - Волынь – юго-западная часть России.

[8620] - Родители св. Петра были люди – состояния достаточного и принадлежали к сословию боярскому, или же купеческому, почему св. Петр впоследствии и имел возможность соорудить на свои средства монастырь.

[8621] - По свидетельству древнего жития, св. Петр обучился искусству иконописания в такой степени, что стал «иконник чуден». Памятниками сего доселе служат находящиеся в Московском большом Успенском соборе две иконы Богоматери, им написанные: Успение Божией Матери и другая, по его имени, нарочито известная под именем Петровской.

[8622] - Это место было расположено на север от столицы Галичско-Волынского княжества – Львова; река Рата протекает в нынешней австрийской восточной Галиции и впадает с левой стороны в верхний западный Буг. – Монастырь св. Петра, построенный во имя Спаса (Преображенский), в настоящее время не существует, на его месте стоит теперь село, с приходскою церковью также во имя Спаса.

[8623] - Св. Максим, грек по происхождению, управлял русскою церковью с 1283 по 1304 г.

[8624] - Один из игуменов Владимирских.

[8625] - Здесь разумеется Галицко-Волынский князь Юрий Львович, который негодовал на самоволие Геронтия тем более, что на Волыни недовольные удалением кафедры из Киева в дальний Владимир желали видеть митрополита где-либо на юге;

особенно же князь Юрий хотел, чтобы митрополия была в Галиче. Князь Юрий был могущественный, владея всею Галициею, он именовался даже царем Руси.

[8626] - Афанасий II – патриарх Константинопольский с 1303 по 1311 г.

[8627] - Св. Петр был поставлен в митрополиты всея Руси в 1308 г., на третий год после кончины митрополита Максима.

[8628] - На другой год после своего посвящения, св. митрополит Петр переехал во Владимир, где предшественником его поставлена была кафедра митрополита всея России. Вслед за тем он отправился осматривать епархии: так он был в Новгороде, в Брянске и других городах, и областях.

[8629] - Тверской епископ Андрей происходил из дома князей Литовских. Он возымел намерения занять кафедру митрополита. Знатность рода его и неудовольствия некоторых на избранного югом митрополита поддерживали в нем мечту о высшем сане. Впоследствии он, по удалении с кафедры, скончался в построенном им ранее Богородицком монастыре, на реке Шоше (правом притоке Волги) в 1323 г.

[8630] - Собор созван был в 1310 г. или в начале 1311 г. – Переяславль Залесский – ныне уездный город Владимирской губернии.

[8631] - Сеитами, по летописям, постоянно называются учители магометанства, которое в то время так ревностно распространял хан Узбек между татарами, но название еретика и отлучение от церкви, произнесенное св. Петром на означенного Сеита, показывает, что это был христианин, сильно извращавший христианское учение, название же Сеита дано ему за увлечение некоторыми воззрениями магометанства. По некоторым известиям, Сеит был новгородским протоиереем, увлекшимся магометанскою страстью к чувственной жизни и проповедовавшим против монашеского девства с такою силою, что многие из монахов оставили монашество и вступили в супружество. Обличение Сеита было во время обзора святителем епархий.

[8632] - Здесь разумеется Великий князь Московский Иоанн I Даниилович Калита, внук св. Александра Невского св. Даниила, основателя Московского княжества; княжил с 1328 по 1340 г.; назван был Калитою, потому что, отличаясь любовью к нищим, постоянно носил с собою для раздачи им калиту (мешок) с деньгами.

[8633] - Святитель Петр, просвещенный благодатью, провидел великую будущность Москвы, хотя тогда это был город малолюдный, он видел, что Москва соберет под свою сень раздробленные и истерзанные области России, и решился навсегда остаться в Москве и быть в ней похороненным, вместо Владимира. Таким образом митрополия была перенесена из Владимира в Москву, что послужило к возвышению Москвы и к прочному основанию мира (при тогдашних междоусобиях удельных князей) и величия России.

[8634] - Т.е. Успенского собора, впоследствии на месте его построен в княжение великого князя Иоанна III Васильевича существующий в настоящем виде собор, освященный в 1470 г.

[8635] - Св. митрополит Петр скончался 21 декабря 1326 г.

[8636] - Св. мощи митрополита Петра были положены в начатой, но не оконченной им церкви Успения, которая была окончена и освящена уже в следующем 1327 г. При нашествии Тохтамыша татары разорили гробницу св. митрополита Петра, думая найти в ней сокровища, тогда же Успенский собор подвергся опустошительному пожару. В 1471 г., когда сломали старый Успенский собор и стали строить новый, созванный Освященный собор решил вынуть мощи святого. Гроб его был найден истребленным от пожара, но св. мощи угодника Божия сохранились целыми и невредимыми. Совершено было перенесение мощей его, в память чего установлено было празднование этого перенесения 24 августа. Мощи первосвятителя Московского почивали открыто, но после нашествия поляков, похитивших драгоценную серебряную раку, положены под спудом и оставались в этом положении до 1812 г. В этом году Наполеон раскрыл гробницу святителя, вероятно, с таким же умыслом, как и Тохтамыш. По удалении французов из Москвы Московский архиепископ Августин торжественно открыл

нетленные мощи митрополита Петра, причем они были обносимы вокруг Успенского собора при освящении его 30 августа 1813 г. От святителя Петра осталось два поучения, имеющие вид окружных посланий.

[8637] - Ликия – южная приморская область малой Азии – входила в состав Памфилийской префектуры. Император Феодосий отделил ее от Памфилии, причем столицей ее сделались Миры. После 395 г. Ликия стала областью Византийской империи, с VI в. находится во власти мусульман.

[8638] - Память св. Диоскорида в тот же 21 день декабря месяца.

[8639] - Св. Фемистоклей скончался в 251 г.

[8640] - Аквилея – город в верхней Италии, образовавшийся из римской колонии. Он находился при речке Натисоне, на небольшом расстоянии от Адриатического моря. Вскоре же после возникновения своего Аквилея сделалась большим торговым городом, через который проходили военные дороги на север и в восточные страны, вокруг Адриатического моря. Во времена империи она составляла преддверие Италии, и потому здесь часто собирались войска. Впоследствии город был совершенно разрушен диким варварским народом – гуннами, и часть жителей его бежала в лагуны реки По, где приняла участие в основании Венеции.

[8641] - Сократ – древний греческий мудрец-философ, живший в Афинах в V и начале IV вв. до Р. Х. Отличался возвышенным мировоззрением, значительно опередившим современников. Между прочим, он не веровал во многих языческих богов и был монотеистом, т.е утверждал, что существует только Единый Бог. Ввиду этого Сократ был обвинен в безбожии и за это, а также за то, что он будто бы развращал юношей (что было несправедливо), осужден был на смерть через отравление. В мае 399 г. до Р. Х. Сократ выпил кубок цикуты и скончался, окруженный учениками и почитателями. Из учеников этого философа наиболее известен Платон, который, подобно своему учителю, был тоже монотеистом.

[8642] - Здесь разумеется Адриатическое море, которое представляет собою залив Средиземного и находится между Италией и Балканским полуостровом.

[8643] - Впоследствии честная голова св. Хрисогона была перенесена в Рим, где уже при папе Симмахе (498–514 гг.) существовала церковь во имя мученика и там хранилась голова его. Тело же святого находится в Венеции.

[8644] - Македонией называлась страна, находившаяся на севере от Эллады (Греция), между морями Адриатическим и Архипелагом. Теперь здесь находятся две провинции, входящие в состав Европейской Турции: одна – на востоке, носящая древнее название Македонии, другая – на западе, называемая Албанией.

[8645] - Комитами назывались спутники (свита) высшей чиновной особы в провинциях, позднее и спутники императоров.

[8646] - Никея – город, находившийся недалеко от Вифинии.

[8647] - Иллирия занимала восточное побережье Адриатического моря, ограничиваемое на северо-западе рекою Савою, а на юго-востоке – Дриною. В настоящее время здесь находятся Далмация и Босния с Герцеговиной, а также незначительная часть Албании. Иллирия находилась рядом с Македонией, так что св. Анастасия, благотворя заключенным в темницах по Македонии, могла зайти и в иллирийские пределы, почему она и была отведена к иллирийскому игемону.

[8648] - Капитолий – центральная крепость Рима, находившаяся на Капитолийском холме, где сосредоточены были высшие правительственные учреждения империи. Здесь находился храм Юпитера Капитолийского, который считался главным святилищем Рима и в котором часто происходили заседания сената, как по религиозным, так и по государственным делам. Храм этот дважды был истребляем, и оба раза возобновлялся с большим великолепием. В последний раз он был возобновлен императором Домицианом (в 62 или 70 г. по Р. Х.). Верховный жрец при храме Юпитера Капитолийского в языческом Риме пользовался большим почетом и громадным значением в государстве.

8649 - Монисто – шейное украшение, состоявшее из цепочки или шнура, с монетами в виде ожерелья. Любопытный образец монисты находим в Равенне (в Италии), в церкви святого Виталия, на мозаике, изображающей императрицу Феодору в сопровождении женщин; на всех женщинах надеты монисты, более или менее богатые и состоящие из нескольких рядов украшений.

8650 - Аминь – слово еврейское и значит: истинно, верно, да будет. Это слово часто встречается в священных книгах как Ветхого, так и Нового Завета, и один раз оно прилагается даже к Самому Сыну Божию, Который есть вечная истина (Откр. 3:14). С древнейших времен слово «аминь» употребляется и в христианском богослужении.

8651 - Анфипат – наименование высшего областного начальника, под властью которого находилось несколько провинций с их правителями, называемыми игемонами.

8652 - Местом страданий и мученической кончины св. Феодотии с ее сыновьями был город Никея, в Вифинии.

8653 - Это было около 304 г., 22 декабря.

8654 - В северной части Малой Азии.

8655 - Протовестиарий – одна из должностей императорского Константинопольского двора. Протовестиарий имел главный надзор за царскою одеждою (гардеробом).

8656 - Здесь разумеется святая мученица Анастасия Узорешительница память которой празднуется 22 декабря

8657 - Ср. 1Кор. 8:8.

8658 - Выражение Пс. 21:1.

8659 - Дискос (греч. – блюдо, тарелка) – блюдо, на котором полагается агнец, т.е. та часть просфоры, которая на Литургии, по призывании Святого Духа, претворяется в истинное тело Христово. Во время проскомидии, при изъятии агнца из просфоры и положении его на дискос, вспоминается Рождество Господа, и дискос знаменует собою ясли, в которые был положен младенец Иисус. Поэтому на дискосе иногда изображается младенец Богочеловек, лежащий в яслях. Но, вместе с тем, на проскомидии, при надрезывании агнца на

дискосе и по перенесении даров с жертвенника на престол, вспоминается страдание Господа на кресте, Его смерть, положение во гроб, и дискос знаменует Голгофу и гроб Спасителя.

8660 - Т.е. в Константинополе.

8661 - Святой Александр был патриархом в Александрии с 312 по 326 г.; память его празднуется 29 мая.

8662 - Святой Афанасий Великий, – патриарх Александрийский с 326 г.; сей великий святитель был ревностным защитником православия против еретиков ариан. Святой Афанасий оставил много сочинений, представляющих собою вековечный памятник несокрушимости православия никакими врагами. Скончался в 373 г. Память его празднуется церковью 18 января

8663 - Остров Крит (иначе Кандия) находится в восточной части Средиземного моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Христианство здесь началось еще во времена апостольские; первые начала его положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на Апостолов, ибо при сем были и критяне (Деян. 2:11). Затем оно было здесь утверждено и распространено Апостолом Павлом

8664 - Гортина, или Гортин – в древности значительный город на о. Крит, при р. Лефее (ныне Иеропотамо). Развалины древнего города сохранились и доныне.

8665 - Киос, Епиней, Кидония и Ираклия – различные города на о. Крит.

8666 - О Дие или Зевсе, Гере и о Рее см. прим. 1, на с. 989.

8667 - Это было в половине II в.

8668 - Блаж. Феодорит именует Павла епископом Неокесарии – крепости, лежащей на берегах Евфрата.

8669 - Ликиний царствовал с 307 по 324 г. в восточной половине Римской империи, сначала – как соправитель императора Галерия, а потом самостоятельно. В то время как Константин Великий стал императором на западе, Ликиний – язычник сначала относился почти благосклонно к христианам,

но когда Константин решительно объявил себя покровителем христианства, Ликиний сделался яростным гонителем Церкви Христовой, подозревая Константина в намерении завладеть и востоком, а своих подданных – христиан в сочувствии Константину и желании подчиниться ему.

[8670] - В 325 г.

[8671] - По примеру Апостола Павла, который в послании к Гал. 6:17, восклицает «ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем».

[8672] - Марк Аврелий, римский император, царствовал с 161 по 180 г. Коммод, сын его, царствовал с 180 по 192 г.

[8673] - Сократ, Платон (ученик его), Аристотель (ученик Платона), Эпикур – известные греческие философы, жившие в IV в. до Р. Х.

[8674] - Илиополь – город в нижнем (северном) Египте.

[8675] - Евгения в переводе с греческого означает «благородная», «мужественная».

[8676] - Меланфия в переводе с греческого означает – «черноцветная».

[8677] - Римсий император Септимий Север (с 193 по 211 г.) имел соправителем сына своего Антонина.

[8678] - Древний город на севере Африки. Ныне на его месте расположен Тунис.

[8679] - Св. Корнилий, папа Римский, управлял Римскою церковью с 251 по 252 г.

[8680] - Т.е. богослужебные книги, которые в то время были редкостью и имелись не у многих.

[8681] - Валериан – римский император, царствовал с 253 по 260 г. Галлиен, сын его, царствовал с 260 по 268 г.

[8682] - Кончина святых Евгении, Клавдии, Василлы, Прота и Иакинфа последовала около 262 г. Гробы Прота и Иакинфа были открыты при папе Дамасе в 366 г. и над ними выстроена была вскоре церковь. В настоящее время мощи Прота почивают в Риме в церкви Иоанна Предтечи у флорентинцев, мощи

Иакинфа в церкви Апостола Павла Остийской, мощи Евгении в церкви 12 апостолов, мощи Василлы в церкви Пракседы.

[8683] - По месяцеслову блажен. Иеронима и некоторым другим, свят. Евгения пострадала 25 декабря.

[8684] - Византийский император Никифор I царствовал с 802 по 811 г.

[8685] - В древности для охранения жилищ и городов от нападений врагов и других угрожающих опасностей разделяли на несколько смен сторожей, чтобы правильной сменой стражи предотвратить ее утомление. Поэтому и время считалось по стражам – первая стража, вторая стража и т. д.

[8686] - Св. Григорий Нисский, брат св. Василия Великого, епископ города Ниссы в Каппадокии, один из знаменитейших отцов церкви IV в., известный своею ревностною борьбою с арианством и многими сочинениями – богословскими, философскими и проповедническими, из которых самые замечательные следующие: Великое Огласительное слово, в котором св. отец представляет образец того, как убеждать иудеев и язычников в истине христианства; разговор о душе и воскресении между св. Григорием и его сестрою преп. Макриною, по смерти их брата, св. Василия Великого; затем много творений против разных еретиков и немало бесед на Св. Писание и проповедей. Св. Григорий скончался в 394 г. Память его совершается церковью 10 января.

[8687] - Св. Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, знаменитый поборник православия против арианской ереси, доблестный исповедник и страдалец за истину, который претерпел в течение своего долгого управления Александрийскою церковью пять изгнаний и, наконец, после многих трудов и гонений, преставился в 373 г. Он много писал в защиту православного учения о Сыне Божием. Известнейшие его сочинения следующие: «Против эллинов» (Kata 'Ellinon), в котором он опровергает язычество, затем многие творения, направленные к опровержению учения Ария и к защите православного учения о единосущии Сына Божия с Богом Отцом. Также некоторые истолковательные сочинения,

например толкование на Псалмы и некоторые другие творения. Память св. Афанасия церковь совершает 2 мая и 18 января.

[8688] - Известно, что у иудеев, до явления Мессии, девство было скорее в поношении, и только супружество почиталось вполне благословенным состоянием.

[8689] - Св. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, один из величайших святителей IV в., удостоившийся, вместе со святым Григорием Богословом и святым Иоанном Златоустом наименования «вселенского учителя». Получив истиннохристианское воспитание в среде своей благочестивой семьи и потом всестороннее научное образование в кесарии палестинской и афинской школах, он начал свое служение церкви в самое трудное для нее время, когда арианские споры сильно волновали и раздирали ее. После долгого пребывания в понтийской пустыне, где он проводил самую строгую подвижническую жизнь, принял он пресвитерский сан в 364 г., а в 370 г. занял место Кесарийского архиепископа. В этом сане он твердо защищал Православие против арианства и, несмотря на усиленные старания тогдашнего императора Валента, ярого приверженца Ариевой ереси, привлечь его на свою сторону, неуклонно стоял на страже православной веры. Из его многочисленных творений особенно известны: Беседы на шестоднев, беседы на прор. Исаию, беседы на псалмы, многие сочинения против ариан, правила монашеские, Литургия, много слов, писем и молитв и др. Скончался св. Василий в 379 г. Память его празднуется 1 января.

[8690] - Св. Иоанн Дамаскин, сначала правитель г. Дамаска, а потом инок знаменитой Иерусалимской лавры св. Саввы Освященного, знаменитый защитник православия против иконоборческой ереси, автор точного изложения Православной веры (первой Догматики), также многих церковных песнопений. Скончался в конце VIII в. Память его празднуется 4 декабря.

[8691] - Из службы предпразднства Рождества Христова, тропарь на первом царском часе.

8692 - Блаженный Феофилакт, архиепископ Ахриды в Болгарии, известный своим толкованием на Четвероевангелие, в котором он следует во многом ее Иоанну Златоусту. Скончался около 1085 г.

8693 - Сей псалом есть один из пророческих или мессианских псалмов, так как в нем говорится о торжестве Мессии-Христа над Своими врагами и о прославлении Его святого человечества.

8694 - Еретики, отрицавшие приснодевство Пресвятой Девы Богородицы, были следующие во-первых, так называемые антидиномарианиты в Аравии, в IV в, против которых писал св. Епифаний Кипрский, затем, в концов IV в., Гельвидий, монах Иовиниан и епископ Сардийский Боноз. Против Гельвидия и Иовиниана писал блаж. Иероним.

8695 - Этот рассказ содержится в апокрифическом Евангелии Иакова (т. н. «Первоевангелии Иакова»), в главах 15 и 16. Он же повторяется и во многих др. апокрифических сочинениях, например в «Истории рождения Марии и детства Спасителя», хотя с некоторыми вариантами.

8696 - Здесь разумеется известный обряд, который, по закону Моисееву (Числ. 5), совершался в случае подозрения супругом своей жены в прелюбодеянии. Подозреваемое лицо приводилось к священнику, который, после жертвоприношения, брал священной воды в глиняный сосуд, положив в нее пыль с полу скинии или храма (когда он заменил скинию), обнажал голову жены и затем, положив в ее руки хлебное приношение, и, сам в своей руке держа воду, произносил на нее торжественное заклинание такого рода, что в случае ее невинности эта вода не будет для нее наказанием, но в случае виновности будет таким для нее проклятием, от которого ее бедра иссохнут и чрево ее вспухнет. После некоторых других обрядов, священник давал жене пить эту воду. Замечательно, что по сказанию апокрифического Евангелия, первосвященник сам (а не священник) совершил этот обряд, притом не только над Девой Марией, но и над Иосифом.

[8697] - Август, первый римский император (15 г. до Р. Х. – 14 г. по Р. Х.) Полное его имя было: Каий-Юлий-Цезарь-Октавиан-Август. Он был сын Октавия и Акции, дочери Юлия, сестры Юлия-Цезаря. Битва при Акциуме. в которой он победил Марка-Антония, сделала его единовластным правителем обширнейшей Римской империи. В его царствование произведена была по всей империи та перепись, о которой говорится в Евангельской истории (Лк. 2:1), и которая побудила св. Иосифа и Пресвятую Деву Марию идти в Вифлеем.

[8698] - Предание, что Рождество Христово произошло именно 25 декабря, весьма древнее. Еще в Апостольских Постановлениях (Кн. V, гл. 12) говорится: «Храните, братия, дни праздничные, и, во-первых, день Рождества Христова, которое да празднуется вами, в 25 день десятого месяца (decembri)». И Климент Александрийский во II в. указывает на 25 декабря, как на день Рождества Христова. Впрочем, в первые три века, когда гонения стесняли свободу христианского Богослужения, в некоторых местах востока праздник Рождества Христова соединялся с праздником Богоявления, в январе. Эта практика продолжается у армян и доселе.

[8699] - Стихира 2-я Благовещения Пресв. Богородицы, на «Господи воззвах».

[8700] - Стихира на стиховне, глас 2-й.

[8701] - Св. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, знаменитый отец церкви конца IV и начала V в., прославившийся особенно своими многочисленными проповедническими трудами. За свое необыкновенное красноречие он и получил имя Златоуста. Сначала (и большую часть своей жизни) провел он в сане пресвитера в Антиохии, а в самом конце IV в., занял кафедру Константинопольского архиепископа. За этот последний период своей жизни он претерпел много гонений со стороны императрицы Евдоксии, супруги импер. Аркадия, и кончил жизнь в ссылке, в Армении (в 407 г.). Память его празднуется 13 ноября и 30 января. Ему принадлежит Литургия, совершающаяся в Православной Церкви большую часть года.

8702 - Догматик 2-го гласа.

8703 - Догматик 5-го гласа.

8704 - Это сказание взято из «Первоевангелия Иакова».

8705 - Преп. Иосиф Песнописец, творец канонов, родом из Сицилии, а затем подвижник одной Солунской обители. Во время иконоборческого гонения при импер. Льве Армянине, много пострадал за Православие. При другом иконоборческом императоре Феофиле сослан был в Херсонес, откуда возвращен был императрицею Феодорою. Скончался в 883 году. Память его празднуется 4 апреля много песнопений, особенно много канонов (около 48).

8706 - Служба предпразднства Рождества Христова 23 декабря, трипеснец на вечерни, песнь 9-я.

8707 - Это сказание также извлечено из апокрифических Евангелий. Например, его можно найти в «Истории детства Спасителя».

8708 - В этих словах, очевидно, имеются в виду два места Св. Писания: Дан. 2(где св. пророк Даниил объясняет царю Навуходоносору его сон об истукане, и где в несекомой горе, от которой оторвался камень без рук прообразована была Пресв. Дева и сверхъестественное рождение от Нее Христа), а также 1Кор. 10:4, (где Апостол Павел Камнем.

8709 - VI Вселенский собор, созван был в 680 г., в царствование императора Константина Погоната, против ереси монофелитов, учивших об одной воле в воплощенном Христе Спасителе, и осудивший эту ересь. Собор происходил в Константинополе.

8710 - Это место из книги Премудрости Соломоновой (Прем. 18:14–15) имеет в виду, собственно, ту ночь, когда всемогущим действием Божиим поражены были первенцы египетские, а первенцы еврейские были пощажены Ангелом- истребителем. Святитель Димитрий приводит это место, как пророчество о благодатной ночи Рождества Христова, – вероятно, на том основании, что, подобно тому, как та ночь (египетская) была спасительна для народа Божия, так эта ночь (вифлеемская) принесла спасение всем людям.

[8711] - Вероятно, эти сказания заимствованы были св. Димитрием Ростовским западных сказаний о Рождестве Христовом, из которых некоторые перешли и в наши древне-русские рукописные и печатные сборники.

[8712] - Сивиллы – были прорицательницы у язычников. Некоторым из них, например сивилле кукейской, сивилле эритрейской и др., древними христианским писателями приписывались предсказания и о Спасителе, и вообще о временах Нового Завета.

[8713] - Буквально это место из Пс. 18 относится к солнцу, которое Псалмопевец сравнивает с женихом и исполином, выходящим из своего чертога. Святитель Димитрий видит здесь пророческое указание на явление в мир Мессии-Христа.

[8714] - Перикл – известный государственный муж древних Афин, живший в V в. до Р. Х.

[8715] - Т.е. знаменитый Александр Македонский, славный завоеватель почти всего востока, живший в IV в. до Р. Х.

[8716] - Юпитер или Зевс – главное божество древних греков и римлян (Юпитер – римское его наименование; Зевс или Зевес – греческое).

[8717] - Мид или Мидас – полумифический фригийский царь, о котором сохранилось много легендарных рассказов.

[8718] - Блаженный Августин, епископ г. Иппона, в северной Африке, знаменитый отец Западной церкви, оставивший много сочинений по догматическим вопросам, а также и немало толкований разных книг и отдельных мест Св. Писания. Скончался в 430 г.

[8719] - Икос 4-й.

[8720] - Здесь излагается повеление, данное Господом пророку Исайи, чтобы он дал своему сыну имя «Скоро плени́, напрасно (внезапно) испроверзи» (слав., на часах в сочельник). Такое имя должно было послужить для современников пророка знамением скорой победы иудейского народа над Сирийским и Израильским царством. Некоторые толкователи видят в этом таинственном наречении имени сыну пророка как бы прообраз

славы и могущества Мессии. В этом смысле его и приводит в данном месте святитель Димитрий.

8721 - Сампсон, один из судей израильских, известный своею необычайною силою. История Сампсона изложена в Суд. 13; Суд. 14; Суд. 15; Суд. 16.

8722 - Старость была символом вечности Божией. В данном месте Святитель Димитрий, именуя Богомладенца ветхим денми, хочет указать на Его предвечное существование, как Бога.

8723 - Приведенный текст взят из Песн. 1:1, в которой невеста, пламенно желающая получить лобзание жениха своего, изображает род человеческий, пламенно желающим скоре узреть Спасителя и получить от Него спасение.

8724 - Св. Амвросий, епископ Медиоланский, который имел, можно сказать, такое же значение для Западной половины Вселенской церкви, какое св. Василий Великий для Восточной; потому что и св. Амвросий, подобно св. Василию, особенно прославился как ревностный поборник и защитник православия против арианства. Много он оставил и писаний, в которых частью объясняет слово Божие, частью излагает учение веры, частью поучает христианским добродетелям. – Скончался св. Амвросий в 397 г. Память его празднуется 7 декабря

8725 - Здесь указанное пророчество Иеремии берется как изображение непостижимости воплощения Сына Божия.

8726 - В пророчестве Амоса, приведенном здесь, св. отец видит предсказание о Божественном могуществе Мессии.

8727 - Евфимий Зигабен (или Зигаден), Константинопольский инок первой половины XII в., известный догматист и истолкователь Св. Писания. В своих толкованиях он не самостоятельный писатель, но только собиратель прежних святоотеческих толкований.

8728 - Ср. Лк. 1:79.

8729 - Ср. Мф. 20:28; Мк. 10:46.

8730 - Т.е. Ирод Агриппа, который получил от римского императора Калигулы в управление Иудею. Он для того, чтобы понравиться иудеям, воздвиг гонение на христиан и казнил св.

ап. Иакова Заведеева, а Ап. Петра заключил в темницу, откуда св. апостол был чудесно избавлен Ангелом. Смерть Ирода Агриппы произошла вскоре после того как он явился в Кесарии всенародно, на площади, в царской одежде, и когда льстецы стали называть его богом (см. Деян. 12:21–23),

8731 - Есфирь, благочестивая иудеянка, сделавшаяся супругою царя персидского Ассуира (вероятно, Артаксеркса Лонгимана) и спасшая свой народ от избиения, которое задумал против этого народа злой вельможа Аман. Это описано в книге Есфирь.

8732 - Преподобный Исидор Пелусиот, подвижник египетский V в., автор 200 писем, в которых объясняет многие места Св. Писания. Память его празднуется 4 февраля.

8733 - Фабиола, знатная римлянка, ученица блаж. Иеронима, с которою он вел переписку.

8734 - Блаженный Феодорит, епископ Киррский в Сирии, известный особенно своими толкованиями на Св. Писание. Он жил в V в.

8735 - Персия – страна, лежащая между Аравией, малой Азией – с одной стороны и Индией и Туркестаном – с другой.

8736 - Это искусство состояло в том. что по движениям звезд и др. небесных светил и по их такому или иному положению определялась судьба людей, а также делались предсказания о будущих событиях.

8737 - Аравия, обширная страна, на юго-западе Азии, занимающая полуостров к югу от Сирии и Палестины.

8738 - Св. мученик Иустин Философ, прежде язычник, а потом обратившийся в Христианство и соединивший занятие философией с званием христианина. Из его сочинений особенно замечательны две защитительные речи (или апологии), поданные им императорам Антонину Пию и Марку Аврелию в пользу христиан, также беседа с Трифоном иудеем. Св. Иустин пострадал мученически в гонения Марка Аврелия. Память его празднуется церковью 1 июня.

8739 - Ливан – род благовонной смолы, употреблявшейся при богослужении, для воскурения. Смирна- благовонное

вещество из царства растительного (сок из коры мирры), употреблявшееся при погребении умерших и предохранявшее тело умершего от тления.

[8740] - Эфиопия, страна в Африке, у берегов Красного моря, нынешняя Абиссиния.

[8741] - См. 3Цар. 10:1–13.

[8742] - Валаам – пророк, которого призвал из Месопотамии моавитский царь Валак, чтобы он проклял евреев, но который, по внезапному действию Духа Божия, изрек еврейскому народу благословение и при этом предрек явление Мессии (пророчество Валаама о звезде от Иакова). См. Числ. 22:23–24.

[8743] - Не совсем точно, что Персия находится от Палестины за морем, потому что Персидский залив отделяет Персию только от Аравии.

[8744] - Философы – люди занимавшиеся исследованием вопросов о происхождении мира и человека, также вопросом о добродетели, о конечной цели всего существующего, о смысле человеческой жизни и о многом другом.

[8745] - Никифор Каллист, греческий историк XIV в., оставивший нам «Историю Церкви».

[8746] - Метеоры – по новейшему мнению, части одной рассыпавшейся планеты (планета – звезда, имеющая движение), иногда падающие на земную поверхность.

[8747] - Комета – светило Небесное, не имеющее правильного движения по небосклону, но появляющееся после долгих периодов. По древним представлениям, кометы в разные времена предвещали различные бедствия и несчастия.

[8748] - Сивилла Эритрейская, т.е. из города Эритреи, который находился, вероятно, на берегу Красного моря, в Эфиопии, нынешней Абиссинии. Здесь Сивилла Эритрейская неточно названа индийскою. – Впрочем, были и еще три Эритреи: одна в Греции, в Беотии, другая в Малой Азии, третья – в Этолии.

[8749] - Медиолан, нынешний Милан, город в Сев. Италии, столица древней Лигурии.

[8750] - Кельн (древ. Колоний Агриппина), древний город на Рейне, в Германии, знаменитый своим величественным

собором, в котором, по благочестивому верованию западных христиан, покоятся части мощей свв. трех волхвов. Святитель Димитрий также считает Кельн обладателем этой святыни.

8751 - На стиховне стихира 2-я.

8752 - Фиваида – область знаменитого в древности Египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь верхний (южный) Египет. Ермополь – один из значительных городов древнего Египта, служивший видным религиозным центром язычества.

8753 - Палладий Еленопольский (с 368 по 430 г.) был уроженец Галатии; в 388 г. прибыл в Александрию, оттуда потом удалился в близлежащую пустыню для подвигов безмолвия, а потом переселился в Вифлеем; в 399 г. избран в епископа Еленопольского, в Вифинии, в Малой Азии. После того император Аркадий сослал его, как сторонника св. Иоанна Златоуста, в Верхний Египет, откуда в 408 г. он перемещен в Антиною, а в 412 г. возвращен на свою кафедру, в Еленополь. По просьбе Каппадокийского префекта Лавса, в 420 г. он составил собрание жизнеописаний святых подвижников и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком». – Память Палладия Еленопольского субботу сырную.

8754 - Все подробности о путешествии Пресвятой Девы с Богомладенцем Иисусом и с прав. Иосифом в Египет и о пребывании их там так же, как и мнение подробности о рождестве Христовом, заимствованы из апокрифических Евангелий, в особенности из так называемого «Евангелия детства Спасителя» также и из апокрифического сочинения, известного под заглавием «История рождения Марии и детства Спасителя», – Предание о падении идолов египетских при въезде ее семейства в Египет упоминается и в акафисте Спасителю, где говорится «идоли бо Спасе наш, не терпяще Твоея крепости, падоша» (Икос 6-й).

8755 - Илиополь – город в Нижнем (северном) Египте.

8756 - Память праведных Давида царя, Иосифа Обручника в неделю по Рождестве Христовом, которая поэтому и называется неделей Богоотец. Если эта неделя случается 1 января, т.е. по

отдании Рождества Христова, то служба упомянутым святым отправляется 26 декабря.

8757 - Филистимляне – потомки Месраима, сына Хамова; народ этот родственный египтянам жил в юго-западной части Палестины, по берегу Средиземного моря в долине Сефельской.

8758 - Сокхоф, ныне Шувейке, город в холмистой местности, верстах в 24 к юго-западу от Иерусалима. Азек, теперешний Дэир-Эл-Азбек, верстах в 13 севернее Сокхофа. Ефес-Даммим (предел крови) был на месте нынешнего Беид-Фазеб (дом кровопролития) – верстах в двух южнее Азека.

8759 - Сынов Энака еврейские соглядатаи назвали исполинами (Чис 13:34); о Проживании их в Гефе, см. Нав 11:22.

8760 - Еврейские меры длины: локоть равен 12 вершкам; пядень – 6 верш.

8761 - Еврейский сикль весил 3 зол. 34, 40 дол.

8762 - Ахимелех, когда Давид, во время своих странствований, пришел к нему, дал ему священных хлебов и меч Голиафа. До Саула достигло известие об этом, почему он и заподозрил первосвященника в сочувствии Давиду.

8763 - Моавитяне были потомки Манна, сына Лотова, они жили к востоку от Мертвого моря.

8764 - Амалекитяне – потомки Исава, этот народ населял земли между страною филистимскою и Египтом.

8765 - Горы эти с юга огибают долину Эздрелонскую, которая разделяет Галилею от Самарии.

8766 - Хеврон – один из древнейших городов Палестины: он расположен верстах в 20 к югу от Вифлеема, в нем находятся гробницы праотцев Авраама, Исаака и Иакова с их семействами (кроме Рахили, погребенной в Вифлееме).

8767 - Это было около 1055 г. до Р.Х.

8768 - Ныне деревня Эль-Джиб, в двух часах пути от Иерусалима на север.

8769 - Кариаф-Иарим – ханаанский город вблизи Гаваона.

8770 - Пс. 33; Пс. 51; Пс. 53; Пс. 55; Пс. 56; Пс. 58; Пс. 14.

[8771] - Пс. 1; Пс. 11; Пс. 13; Пс. 14; Пс. 18; Пс. 23; Пс. 28; Пс. 35; Пс. 63; Пс. 103; Пс. 104; Пс. 121; Пс. 144.

[8772] - Пс. 132.

[8773] - Пс. 9; Пс. 19; Пс. 20; Пс. 32 и др.

[8774] - Пс. 14; Пс.36 и др.

[8775] - Поток этот протекал с восточной стороны Иерусалима.

[8776] - Пс. 6; Пс. 31; Пс. 37; Пс. 38; Пс. 142.

[8777] - Закон ужичества или левират состоял в том, что, если муж умирал, не оставив детей, то брат, переживший его, по древнему обычаю (Быт.38 и дал.), должен был, как деверь (jabam, levir), вступить в брак с овдовевшею женою брата (снохою). Этот закон изложен у Моисея во Второзаконии (Втор.25:5–10). Интересно здесь отметить, что левират существует и у многих народов Востока, например у персов, индийцев, афганцев, друзов, у большей части кавказских племен и др. По закону левирата, дети от левиратского брака считались детьми того лица, чью вдову взял по этому закону деверь себе в замужество, это и значило «восстановить семя брата своего».

[8778] - Здесь кстати будет заметить, что в грузинских святцах, в числе свв. жен Мироносиц, почитается и св. Фамарь (под именем Тамары). Очевидно, предание, сохраняемое Грузинскою церковью, сходно с тем известием, по которому Фамарь могла быть и дочерью Иосифа, и впоследствии мироносицею, вместе с сестрою своею, Саломиею (другою дочерью праведного старца).

[8779] - Это предание о 110-летнем возрасте прав. Иосифа сходно с известием, что он преставился 111 лет, о чем мы находим упоминание в апокрифической «Истории плотника Иосифа».

[8780] - Шеол – ад, жилище мертвых.

[8781] - Константин и Ирина царствовали: первый с 780 по 797 г., вторая с 797 по 802 г.

[8782] - Св. Евфимий был епископом Сардийским (в Мизии, в Малой Азии).

[8783] - Собор этот против иконоборцев был в 787 г.

[8784] - Никифор царствовал с 802 по 811 г.

[8785] - Паталарея остров между Сицилией и Тунисом, ближе к Африке.

[8786] - На самом же деле за обличение беззаконного царя, который возвел гонение на всех тех, которые, вместе с студийскими монахами, не хотели иметь общения с отлученным, но императором Никифором восстановленным, экономом Иосифом за совершение брака императора Константина VI с Феодотией при жизни первой его супруги.

[8787] - Лев V Армянин – император Византийский, царствовал с 813 по 820 г.

[8788] - Св. Евфимий столп церкви, находясь и в ссылке, по свидетельству преподобного Феодора Студита был светильником, просвещающим многих и приводящим к Богу медоточивым учением своим и таким образом причинял беспокойство еретику-царю. Вызванный из заточения к допросу в 815 г., святой Евфимий, вместе с патриархом Никифором и другими православными епископами, ревностно обличал царя за иконоборство.

[8789] - Асс – укрепленный город в Мизии же при Адрамитском заливе.

[8790] - По иным известиям св. Евфимий заточен был в Акрите на Чермном море.

[8791] - Скончался св. Евфимий около 840 г., при сыне Михаила II Косноязычного Феофиле. Мощи св. исповедника Евфимия, по свидетельству Никодима, находятся в Анхиале, городе во Фракии, на берегу Черного моря, и источают многие чудеса.

[8792] - Император Михаил II Косноязычный вступив на престол в 820 г. вызволил из заточения патриарха Никифора, преподобного Феодора Студита и других православных, пострадавших за иконопочитание при Льве Армянине, но он не восстановил иконопочитания, дозволив только частое почитание икон в домах.

[8793] - Болгары дикий народ разгромили, около 817 г., город Адрианополь, захватили в плен архиепископа Мануила (память

его и пострадавших с ним 377 мучеников празднуется 22 января), потом они вынуждены были заключить мир с греками и даже дать заложников, в числе коих была сестра болгарского князя Бориса. Она получила тогда в Константинополе христианское воспитание и была крещена с именем Феодоры. После 850 г. она возвратилась в Болгарию и располагала своего брата к христианству. Благодаря ее, между прочим, влиянию князь Борис принял христианство, был крещен в 864 г. и назван Михаилом.

[8794] - Скупель – Скопла – местность в Албании, на Балканском полуострове.

[8795] - Студийский монастырь в Константинополе – основан при императоре Льве Великом в половине V в., при импер. Константине Копрониме во второй половине VIII столетия много пострадал от иконоборцев, наибольшей славы достиг при препод. Феодоре Студите, стоявшем во главе православных в борьбе с иконоборцами – в середине XV в. турки уничтожили монастырь и церковь обратили в мечеть.

[8796] - Преп. Еварест скончался около 825 года. Погребен он был в Коккоровийском монастыре.

[8797] - Синад или Синнады – город на севере Фригии, близ горной цепи, где находились знаменитые Синнадские мраморные ломки. Ныне развалины близ Ескикара – Гассаф.

[8798] - Исх 13:21. Место, до которого дошел преподобный, была гора Сина в Сирии, где подвизались святые отшельники уже в III в.

[8799] - Олимп гора в Малой Азии, в окрестностях которой находились славные в то время монастыри, в коих подвизались великие подвижники, например Иоанникий Великий и т. д.

[8800] - Атталия, прибрежный город Памфилии, основанный за полвека до Р.Х. Атталом II Филадельфом и названный по его имени.

[8801] - Атроя – город, отстоящий недалеко от Олимпа.

[8802] - Преп. Константин жил и подвизался в VIII в.

[8803] - Еллинами назывались иудеи, жившие в разных странах языческого мира и говорившие на очень

распространенном еллинском (греческом) языке, на праздник они приходили в Иерусалим и подолгу жили в нем.

8804 - Киликия – приморская область на юго-востоке Малой Азии. Тарс – главный город Киликии, и поныне цветущий город.

8805 - Все это – провинции прежних могущественных царств, впоследствии подчиненных Римской империи; они лежали между Каспийским морем и Персидским заливом. Парфия – большая страна к юго-востоку от Каспийского моря. Мидия – западная часть Ирана, к югу от Каспийского моря. Елам – страна, лежавшая за Месопотамией, по ту сторону Тифа и вдоль этой реки к югу до Персидского залива.

8806 - Киринея – область верхней Ливии, по северному берегу Африки, к западу от Египта.

8807 - Либертинцы (с латинского – свободные, или вольноотпущенники) – иудеи, побежденные римлянами во время войн их с ними, особенно при Помпее, лет за 60 до Р. Х.

8808 - Помпей – знаменитый римский полководец и завоеватель, впоследствии, по уничтожении в Риме республики, в качестве одного из триумвиров, самовластно управлявший третьей частью государства.

8809 - По слову Спасителя. См. Ин 12:26.

8810 - Гамалиил – знаменитый законоучитель еврейский, занимавший высокое место в Иерусалимском синедрионе, уважаемый всем народом, так что его называли «славою закона». Предание говорит, что он, вместе с сыном Авивом, крещен был Апостолами Петром и Иоанном.

8811 - Около 3 1/2 верст.

8812 - Феодосий II, или Младший, царствовал с 408 по 450 г.

8813 - Церковь освящена в 460 г.; она была так обширна, что в ней помещалось до 10 000 человек.

8814 - Изображение св. Феофана см. в Октябрской книге «Жития святых», на с.245.

8815 - Отцом преподобного был пресвитер Иона коего празднуется 5 декабря. Память пресвитера Ионы совершается 22 сентября.

[8816] - Разумеется тот же самый монастырь Саввы Освященного, где впоследствии скончался отец святого Феодора.

[8817] - Внешняя мудрость – то же, что мудрость мирская, которая называлась так в отличие от религиозного знания, именуемого мудростью духовною, внутреннею.

[8818] - Лавра или монастырь св. Саввы.

[8819] - Император Лев Исаврянин (717–741 г.) был первым иконоборцем, издавшим повеление выбрасывать св. иконы из церквей и уничтожать их.

[8820] - Император Константин Копроним (с 741 по 775 гг.) сильно поддерживал иконоборческую ересь. Он созвал в Константинополе собор, названный им Вселенским, на котором отвергнуто было иконопочитание.

[8821] - Император Лев, по прозванию Хозар, царствовал с 775 по 780 г. Он поддерживал иконоборчество, но слабо.

[8822] - VII Вселенский собор был созван в Никее в 887 г. Он утвердил иконопочитание, а собор, бывший при Константине Копрониме, признал еретическим.

[8823] - Св. царица Ирина, супруга Льва Хозара, сначала, по смерти мужа, управляла империей за малолетством сына своего, императора Константина Порфирородного (с 780 по 792 г.), от его имени, а потом от своего (с 797 по 802 г.).

[8824] - Император Лев Армянин царствовал с 813 по 820 г.

[8825] - Император Никифор I царствовал с 802 по 811 г.

[8826] - Император Михаил I Рангав царствовал с 811 по 813 г.

[8827] - Индийские ароматы – ароматы, привезенные из Индии. Индия – страна, находившаяся на большом южном полуострове восточной Азии, издавна славилась своими благовонными растениями.

[8828] - Мелисса – город во Фригии, которая обнимала всю среднюю часть западной половины малоазийского полуострова.

[8829] - Проконисс – остров на Мраморном море, ныне Мариара; служил местом ссылки для многих исповедников во время иконоборческих смут.

[8830] - Разумеется св. Феофан, сын Константинопольского вельможи, постригшийся в иночество по смерти императора Льва Хозара, при котором он занимал высокое положение. Память его совершается 12 марта в лесистых горах Сигрианских, на берегу реки Ривдака.

[8831] - Феодор Студит – настоятель знаменитого Студийского монастыря. Память его празднуется 11 ноября

[8832] - Влахерны – местность в Константинополе на западной стороне города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями. Особенно известны были Влахерны по Богородичной Церкви, построенной императором Львом I Великим (с 457 по 474 г.), при котором в эту церковь в 474 г. были положены честные ризы Пресвятой Богородицы, перенесенные из Палестины. Здесь же, вместе с одеждою Богородицы, хранились в златокованном ковчеге головной покров Ее (омофор) и часть пояса.

[8833] - Наименование: Травлий – латинское, а Валвос (Балба) – греческое. По-русски то и другое значит: Косноязычный. Этот Михаил сделался впоследствии императором и царствовал с 820 по 829 г.

[8834] - Аморея – город в малоазийской провинции – Фригии.

[8835] - Здесь разумеется Иоанн Грамматик, воспитатель царя Феофила, впоследствии (с 832 по 842 г.) патриарх Константанопольский; умер в заточении.

[8836] - Сосфений – местность в окрестностях Константинополя.

[8837] - Император Феофил царствовал с 829 по 842 г.

[8838] - Памятниками этой просветительной деятельности св. Феодора являются поучения, оставшиеся от него. Ему же приписывается «Размышление о почитании икон» и книга «О православной вере».

[8839] - Афусия, иначе Офиусса, – остров близ Царьграда.

[8840] - Кизик – город в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[8841] - Моавитская страна находилась в Палестине, на восточном берету Мертвого моря. Границами ее были – на

запад – Мертвое море, на север – колено Рувимово, на восток – Аравийская пустыня, на юг – Идумея.

[8842] - Так назывались у христианских писателей все мусульмане, в особенности же – аравитяне.

[8843] - Апамея Вифинская так называлась в отличие от Апамеи Сирской. Вифиния – северо-западная область Малой Азии.

[8844] - Император Михаил III (с 842 по 867 г.) вступил на престол 4-х лет, а потому государством до 855 г. управляла мать его, св. царица Феодора

[8845] - Это было 19 февраля, 842 г. День этот был назван днем торжества православия и его положено было праздновать ежегодно в первое воскресение Великого поста.

[8846] - Феофан оставил после себя много сочинений в защиту православия, в особенности известен, как писатель канонов, число коих достигает до 148. Лучшие каноны его – канон на неделю православия, все каноны апостолам и об усопших. Кроме того, св. Феофан писал и стихиры на некоторые дни.

[8847] - Халкидон – находился против Константинополя, на малоазийском берегу Босфора.

[8848] - Это было еще при жизни брата его Феофана, который написал св. Феодору канон с акростихом: твои, брат, истинные сплетаю хвалы.

[8849] - Т.е. собора св. Софии.

[8850] - Синкелл – член патриаршего совета, заведовавшего делами церковного управления. Синкеллы исполняли разные поручения патриархов, были непосредственными свидетелями их жизни, находившимися постоянно при них, и после смерти нередко их преемниками.

[8851] - Скевофилакс – сосудохранитель, ризничий.

[8852] - Это было в 676 г.

[8853] - Св. Феодор был низвержен с патриаршего престола в 678 г. и восстановлен в 683 г.

[8854] - Св. Феодор скончался около 686 г.

[8855] - Максимиан II Галерий – зять и соправитель Римского императора Диоклетиана, впоследствии его преемник (с 305–311 г.).

[8856] - Никомидия – цветущий город Малой Азии на берегу Мраморного моря, столица восточной половины Римской империи при Диоклетиане и его преемниках

[8857] - Оглашением называлось предварительное испытание готовившихся к принятью св. крещения и обучение их истинам веры. Оно длилось от 40 дней до 3 лет, иногда же, по обстоятельствам, сокращалось до нескольких дней.

[8858] - Евнух собственно значит – скопец. В древности был обычай окружать знатных женщин, услугами евнухов, которые при царском дворе занимали выдающееся положение.

[8859] - Согласно евангельскому выражению См. Мф. 3:5.

[8860] - У христиан первых веков был обычай причащаться ежедневно св. Таин; но так как не было возможности служить Литургию ежедневно, то св. Тайны выдавались верующим на дом.

[8861] - Клавдиополь – один из городов Малоазийской области Киликии.

[8862] - Это было в 303 году по Р.Х.

[8863] - Т. е. Анания, Азария и Мисаил (Дан. 3), память которых совершается 17 декабря

[8864] - Церера или Деметра – греко-римская богиня земледелия и плодородия. Очень распространенные празднества в честь ее отличались безнравственностью.

[8865] - Мощи св. мч. Горгония впоследствии перенесены были в Рим.

[8866] - По закону Моисееву мать младенца (если младенец был мужского пола через 40 дней, и через 80 дней, если младенец был женского рода), должна была прийти в храм к священнику и принести в жертву Богу агнца однолетнего или двух голубей. Этот обряд назывался очищением. (Лев.12:2–5)

[8867] - Евфимий Зигабен, византийский богослов XII века; написал историю ересей и толкования на четвероевангелие, псалмы и книгу Песнь песней.

[8868] - Синедрион – верховное судилище иудейское, заведовавшее также и государственными делами; оно состояло из 70–72 членов и собиралось под главенством первосвященника.

[8869] - Ироду были известны пророчества о рождении Мессии из семени Давидова. Поэтому он и старался истребить всё современное ему потомство Давида, не щадя даже своих родственников.

[8870] - Повеление это, к счастью, не было исполнено.

[8871] - Память его 23 февраля. Авва – с еврейского языка значит отец; так называли на Востоке наставников иночества.

[8872] - Вифиния – область Малой Азии, лежащая на берегу Черного и Мраморного моря, с главным городом Никомидией.

[8873] - Сосфений – городок, расположенный в окрестности Царьграда.

[8874] - Еретик Македоний не признавал Духа Святого Богом, а считал его тварью, не имеющей участия в Божестве и славе Отца и Сына. Ересь Македония осуждена на 2-м Вселенском соборе в 381 году.

[8875] - То есть, из Рая первых людей. Из него вытекали 4 реки: Фисон, Гихон, Тигр в Евфрат (см. Быт. 2:10–14).

[8876] - Один сребренник (серебряный динарий) равнялся 22 копейкам.

[8877] - Талант равнялся приблизительно 1500 рублям.

[8878] - Большая река, впадающая в Персидский залив, истоки ее находятся в горах Армении.

[8879] - Теперь – Черное море. Раньше оно называлось Аксинским, т. е. «Неблагополучным», по причине бурь; когда же берега его стали понемногу заселяться греками, то они прозвали его Евксинским, т. е. «гостеприимным».

[8880] - Златник (золотой динарий) равняется 25 сребренникам, т. е. около 5 р. 60 к.

[8881] - Анкира, ныне Ангора, древний город малоазийской области Галатии.

[8882] - Халкидон – город Малой Азии, на берегу Мраморного моря, прославившийся как место IV-го Вселенского собора.

[8883] - Готфы или готы, – германское племя, жившее первоначально к юго-востоку от Балтийского моря. Впоследствии они разделились на восточных и западных, и расселились почти по всей Европе. Готы приняли Христову веру, но в искаженном виде – от ариан.

[8884] - Царствовал с 457 по 474 год.

[8885] - Ипподром – место, где происходят конские состязания; оно служило также для всех многолюдных собраний.

[8886] - Зинон царствовал с 474 по 476 г.

[8887] - Преподобный Маркелл скончался около 486 года.

[8888] - У иноков Печерского монастыря был обычай удаляться в пещеры для уединенной молитвы. Для этого вырывали в стенах пещер углубления, которые и доселе можно видеть в пещерах.

[8889] - Как это можно видеть из слов Господа Иисуса Христа об изгнании бесов: «сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17:21).

[8890] - Т. е. всегда желающего противного духу (Гал. 5:17).

[8891] - Т.е. положившим начало воскресения, первым воскресшим.

[8892] - Мытарство собственно значит: мытница, где собирались пошлины; отсюда, далее, – место лихоимства, притеснений. В духовном смысле под именем мытарств разумеются истязания души по исходе из тела, прежде Суда Божия над нею, производимые в воздушном пространстве злыми духами.

[8893] - Исповедниками называются те лица, которые во время гонений за веру, открыто исповедали себя христианами и претерпели мучения, но остались в живых. Они пользовались особым уважением среди христиан: так им было предоставлено право воссоединения с Церковью падших и отрекшихся.

[8894] - Преподобный Фаддей Исповедник скончался в 818 г.

[8895] - Император Максимиан царствовал с 284 по 305 год.

[8896] - Солунь или Фессалоника – весьма значительный, древний город Македонии, лежавший в глубине большего Солунского или Ферлийского залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый и мануфактурный город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[8897] - Служба св. Анисии, 2-я стихира на «Господи воззвах».

[8898] - Тьма – десять тысяч.

[8899] - Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы и Ангелы – чины Ангельские, которых святая Церковь считает всего девять.

[8900] - Максимиан II Галерий, зять и преемник императора Диоклетиана, царствовал в восточной половине Римской империи с 306–311 года.

[8901] - Проконнис – остров на Мраморном море, ныне Мармара.

[8902] - Сигрианская страна – гористая местность около Кизика, в Малой Азии.

[8903] - Память св. муч. Еввиота 18 декабря.

[8904] - Кончина св. мученика Филетера последовала в 311м году.

[8905] - Это было в 330 г., когда последовало торжественное освящение города, который получил названия Нового Рима вместо прежнего – Византии. Впрочем, это название редко прилагалось к Византии, которая по имени Константина Великого преимущественно называлась Константинополем, т. е. городом Константина.

[8906] - Магистр – собственно учитель; но при Византийских императорах это имя означало одну из высших придворных должностей, нечто в роде нынешнего Министра Двора.

[8907] - Император Констанций царствовал с 337–361 гг.

[8908] - Это было около половины IV века.

[8909] - Лев III Исаврянин царствовал в 717–741 г; ему наследовал сын его Константин V Копроним (741–775 г.), эти императоры были первыми иконоборцами.

[8910] - Тиридат царь Армянский был в дружбе с императором римским Диоклетианом; последний избрал было Рипсимию христианку себе в жены, но она убежала и скрылась в одном из монастырей Армении. Диоклетиан просил Тиридата найти ее и прислать к нему, или же, если пожелает, взять ее себе в жены. Узнав об удивительной красоте Рипсимии, Тиридат воспламенился страстным желанием овладеть ею и послал за ней; но посланные – с богатыми подарками – были поражены громом и возвратились в страшном ужасе. Разгневанный царь отправил целый воинский отряд; Рипсимия была приведена к царю и введена в его опочивальню. Царь пытался сделать над нею насилие, но – победитель готов и персов – оказался не в силах одолеть деву – невесту Христову.

[8911] - Скифией называлась страна, лежащая на северо-востоке и Византии и побережья Понта (Черного моря).

[8912] - Кончина преподобной Феодоры последовала во второй половине VIII века.

[8913] - Император Роман I Лакапен царствовал в Византии с 919–944 г.

[8914] - Эта перемена в жизни Мелании произошла в 401 г.

[8915] - Верина – супруга императора Гонория, управлявшего западною половиною Римской империи с 396–423 г.

[8916] - Сицилия – большой остров на Средиземном море близ юго-западной оконечности Апенинского полуострова (Италии).

[8917] - Разумеются готфы, народ германского племя, которые осаждали Рим в 408, 409 и 410 годах и, наконец, разграбили его.

[8918] - Лот – племянник родоначальника евреев – Авраама. Отделившись от дяди, он поселился с семейством в Содоме – городе, находившемся в долине, на месте которой образовалось Мёртвое море. Когда содомляне своими грехами прогневали Бога и Бог осудил Содом на уничтожение, то Лот,

предъуведомленный о том Ангелом, вместе с женою и дочерьми, бежал из Содома.

[8919] - Город Нола находился на юге Италии, в Кампании. Св. Павлин был епископом в Ноле с 409–431 г. Память его месяца января в 23й день,

[8920] - На севере Африки, почти против Италии.

[8921] - Алипий избран был на епископскую кафедру в Тагасте в 391 г

[8922] - Нитрия – гора к югу от Александрии, на запад от реки Нила, близ Ливийской пустыни. Названия горы получилось от нитры или селитры в озерах, примыкавших к горе.

[8923] - Анфипат – начальник области, в состав которой входило несколько провинций.

[8924] - Императрица Евдокия – супруга восточного императора Феодосия II, царствовавшего с 408–450 г.

[8925] - Елевферополь – город в южной Палестине, на дороге между Иерусалимом и Газою. В настоящее время здесь расположено селение, лежащее при выходе из равнины Сефельской в Нагорную землю Иудину. Недалеко от этого селения лежат развалины древнего Елевферополя.

[8926] - Это было 31 декабря в 439 году.

[1] - *В данном случае составитель жития свт. Димитрий Ростовский ошибочно помещает город Альбан на территорию Великой Армении. Альбан (современный Баку), где находится место мученической кончины апостола Варфоломея, исторически никогда не находился на территории, входящей в состав Великой Армении, а был городом Кавказской Албании, о чем говорит и само название. – Примечание «Азбуки веры».

1*

В Комиссии состоят следующие лица: протоиерей Смирнов П. А., священники: Арсеньев И. В., Арсеньев Н. В., Белячев М. И., Миловский Н. М., Муре- тов С. Д., Полозов А. А., Пятикрестовский А. М., Пятницкий П. И., Соловьев И. Р., Страхов С. В., Фудель И. И. – Господа: Богоявленский С. К., Вержболович М. О., Дорофеев В. П., Зверев А. В., Италинский А. Д., Кедров Н. И., Погожев Е. Н., Погорелов В. А., Розанов Н. П., Струженцов М. И., Труш К. А., Ушаков Д. Н. – Господа: Касаткин С. В., Молчанов С. И., Покровский А. А., Сахаров С. Н., Сергиевский Н. Ф., Соболев А. М., Ставровский С. И., Троицкий Н. И. (последние восемь принимают участие в редакционных работах).

2*

С давних времен принято считать, что всех гонений на христиан было десять, именно со стороны следующих императоров: Нерона (54–68), Домициана (81–96), Траяна (98–117), Марка Аврелия (161–180), Септимия Севера (193–211), Максимина (235–238), Декия (249–261), Валериана (253–259), Аврелиана (270–276) и Диоклетиана (284–305). На самом деле общих, повсеместных гонений было меньше десяти, а частных и случайных гораздо больше. Причину гонений все древние христиане видели в злобе диавола, который боролся с христианскою Церковью и старался гонениями на христиан, как одним из наиболее действенных средств, остановить ее распространение. Этот взгляд высказал в своей «Истории» Евсевий Кесарийский. Что касается Римского государства, то, с его точки зрения, причин для гонения на христиан было множество. Христиане были оскорбителями цезарского величества, отказываясь чтить императорские изображения возлияниями и курениями; они были отступниками от государственных божеств и исповедниками недозволенной законом религии. Чудесные исцеления язычники считали делом запрещенной законом магии. Христианство являлось полным отрицанием языческого строя: религии, государства, быта, нравов, общественной и семейной жизни. Императоры и правители считали христиан заговорщиками и мятежниками, колеблющими основы государства и общества; жрецы возбуждали вражду против них, так как христиане подрывали доверие к ним: люди образованные, почитавшие науку и искусство, видели в христианстве дикое и опасное суеверие; необразованная чернь, слепо привязанная к идолам и языческим праздникам, почитала христиан за безбожников и с усердием помогала выполнению кары и языческого закона над ними.

3*

Евсевий (268–340), долгое время занимавший епископскую кафедру в Кесарии Палестинской и близко стоявший ко многим великим событиям своего времени, известен как отец церковной истории и вообще богослов, сочинения которого высоко ценились в христианской Церкви. Он отличался обширной ученостью, на что имел большое влияние друг Евсевия, пресвитер Кесарийской Церкви Памфил. Дружба их была такая тесная и искренняя, что в память о своем друге Евсевий присоединил его имя к своему и стал известен под наименованием Евсевия Памфила.

4*

По-гречески мученик называется μάρτυς, что значит *свидетель* (за истину), отчего записи о мучениках носят названия *мартирологов*.

5*

Патерик (πατερικόν – подразумевается βιβλίον) по-русски значит *отечник*, то есть книга отцов или об отцах. Так называются сборники, состоящие из кратких повестей о подвижниках или из нравоучительных слов их. – *Синаксарь* (от греческого συνάγω – собираю, свожу) – сборник для чтения на церковных собраниях христиан, содержащий в себе краткие рассказы о подвигах святых и о страданиях мучеников, а также целые жизнеописания, позже получившие название пролога.

6*

Лимонарь – от греческого слова λειμών – луг, пажить.

7*

Император Константин 7 царствовал с 912 по 959 год и отличался любовью к ученым трудам. При нем в 957 году в Константинополе приняла святое крещение великая княгиня Ольга.

8*

За это Симеон и получил наименование Метафраста, что значит: пересказчик, перелагатель. Симеон родился в Константинополе, получил высшее светское и богословское образование, состоял секретарем при императоре, исполнял важнейшие дипломатические поручения, был великим логофетом Константинопольской церкви, патрицием и магистром империи. В Греческой Церкви Симеон Метафраст причтен к лику святых.

9*

Кондак – кратко передает в повествовательной форме основные черты деятельности святого; *икос* на основании этих черт излагает похвалу святому, начиная каждую черту возгласом: «радуйся». Древнейшие жития русских святых по своему построению суть распространенные кондаки и икосы.

10*

Самые древние списки первого вида следующие: 1) *Лобковский* (в библиотеке Московского Единоверческого монастыря), содержащий в себе сентябрьское полугодие; его относят к 1262 году; 2) *Софийский* (в библиотеке Петербургской Духовной академии) написан до 1250 года, содержит также сентябрьскую половину; 3) *Типографский* (в библиотеке Московской Синодальной Типографии) 13– 14 века, содержит в себе сказания и памяти с 24 марта по 25 августа. Наибольшее собрание (более 30 №№) славянских пергаменных прологов находится в той же библиотеке Московской Синодальной Типографии. Древнейший список второго вида – *типографский* 14 века; древнейший список стишного Пролога – *сербский* 1370 года (в библиотеке Московского Единоверческого монастыря). Печатный Пролог был составлен по всем трем вышеупомянутым видам. Первое его издание вышло в 1641 году – одно сентябрьское полугодие; полностью Пролог издан впервые в 1642–1643 годах. В печати он был подвергнут несколько раз исправлениям и дополнениям.

11*

Минея 11 века – месяц март – найдена в Супрасльском монастыре близ города Белостока Гродненской губернии и потому называется обыкновенно «Супрасльской рукописью»; Минея 12 века – месяц май – находится в библиотеке Московского Успенского собора.

12*

Триодный торжественник был издан в 1647 году («Книга, глаголемая Соборник»). В 1700 году это издание было исправлено с греческих и славянских книг.

13*

Лугу Духовному, Лавсаику, Азбучному патерику и др. Древнейшая рукопись Печерского патерика – 1406 года; она была списана для Арсения, епископа Тверского, и ныне хранится в Императорской Публичной Библиотеке.

14*

Святой Симон, монах Печерского монастыря, игумен Рождественского монастыря во Владимире, с 1215 года – епископ Владимирский и Суздальский, скончался в 1226 году. Мощи его почивают в Киевских пещерах; память его – 10 мая.

15*

Во время своего многовекового существования Киево-Печерский патерик подвергался многочисленным переработкам, исполненным деятелями Печерской лавры. Наиболее важные из них: 1) в 1460 году статьи его были дополнены и приведены в порядок повелением клирошанина, а затем уставника Печерского монастыря, Кассиана; 2) в 1847–1866 годах патерик был переработан и дополнен летописными статьями повелением архимандрита Киево-Печерской лавры Иосифа Тризны; 3) в 1661 году, по благословению Иннокентия Гизеля, архимандрита той же Лавры, он был напечатан; этот вид патерика представляет собой ряд вполне законченных житий Печерских подвижников, почему послания и повествования древнего патерика были разделены на части, заключающие сведения о том или другом подвижнике, и взаимно восполнены; 4) но ранее русского издания 1661 года Киевский патерик был издан в сокращенном виде по-польски Сильвестром Коссовым, епископом Мстиславским, Ошанским и Могилевским, в 1635 году, согласно желанию митрополита Петра Могилы, с целью противодействовать латинопольским писателям, которые возражали против святости печерских подвижников и утверждали, что Киев просветился христианской верой от папы, а не от восточных патриархов.

16*

Епифаний Премудрый, ученик преподобного Сергия, жил в конце 14 – начале 15 века; был в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме; скончался в 1420 году в сане иеромонаха и духовника Троице-Сергиевой лавры.

17*

Пахомий был родом серб, инок Афонской горы, появился в Москве около 1440 года. Двадцать лет провел в Троицкой лавре, где работал над составлением житий и списыванием книг. Архиепископ Новгородский Иона вызывал его к себе для составления житий новгородских святых.

18*

Макарий (1482–1564) – митрополит Всероссийский, ученик преподобного Пафнутия Боровского, в 1526 году из архимандритов Можайского Лужецкого монастыря поставлен был архиепископом Новгородским, а в 1542 году возведен на престол митрополита Московского. Он пользовался любовью Иоанна Грозного и уважением всех своих современников, к какой бы партии они ни принадлежали. Макарий занимает видное место в истории Русской Церкви и литературы. Важнейшие события в его управление Московской митрополией: 1) церковные Соборы 1547 и 1549 годов, 2) Стоглавый собор 1551 года и 3) открытие в 1563 году первой типографии в Москве. Для собирания древних и составления новых житий русских святых Макарий собрал вокруг себя многих деятелей, среди которых и сам был не только руководителем и редактором, но и ревностным сотрудником.

19*

То есть 1529–1541 годы. Приводимые здесь слова Макария находятся в так называемом Летописце, приложенном к Минеям. Из того же Летописца видно, что один из епископов Миней внесен в Успенский собор в 1552 году и, вероятно, около этого времени был окончен. Полагают поэтому, что составление Миней продолжалось по крайней мере двадцать лет.

20*

Второй вид пролога, составленный у славян, и стишный.

21*

Из числа известных списков Макарьевских Миней главнейшие следующие: 1) *Царский*, поднесенный Макарием царю Иоанну Грозному и хранившийся, вероятно, первоначально в царских палатах, находится в Московской Синодальной библиотеке. 2) *Успенский*, данный Макарием в Успенский собор, находится там же; 3) *Софийский*, данный Макарием в Новгородский Софийский собор в 1541 году, находится в библиотеке Петербургской Духовной академии. Из этих списков совершенно полный только один – именно Успенский. В царском недостает марта и апреля, а в Софийском только семь месяцев (сентябрь – ноябрь, февраль, май – июль). Макарьевские Минеи издаются ныне Археографической Комиссией при Министерстве Народного Просвещения.

22*

Чудовские и Милютинские Минеи хранятся в Московской Синодальной Библиотеке, а Тулуповские – в библиотеке Троице-Сергиевой лавры.

23*

Петр Могила (1596–1647), сын господаря Молдавии и Валахии, в 1627 году был избран Киево-Печерским архимандритом, а в 1633 году посвящен в сан митрополита.

24*

Иннокентий Гизель, родом из Пруссии, в молодости переселился в Киев, принял Православие, был потом ректором Киевского училища, а с 1656 года до своей смерти архимандритом Киево-Печерской лавры.

25*

Варлаам Ясинский, воспитанник Киевского училища и затем его ректор и настоятель Киевской лавры, был человек ученый. В 1690 году он был посвящен в сан митрополита Киевского.

26*

См. в этой книге житие святого Димитрия 21 сентября.

27*

Лаврентий Сурий, монах Кельнский, издал впервые свой труд: Vitae Senetorum Orientis et Occilentis, в 1569–1575 годах. В 1618 году появилось уже 4-е издание.

28*

Болландисты – ученые монахи в Антверпене, занимавшиеся исследованием и изданием житий святых, которое начало было в 1643 году Иоанном Болландом. В состав издания (Acta Sanctorum) Болландистов вошли повествования о всех святых Восточной и Западной Церкви. Болландисты большей частью издавали первоначальные и древние памятники о жизни и деяниях святых. Сначала они помещали греческие повествования только в латинском переводе, а затем стали присоединять и самые греческие подлинники. Изданию актов обыкновенно предпосылаются обширные критические исследования о начале празднования в честь святого, о времени жизни и кончины его, о времени перенесения мощей. Как видно из пометок на полях принадлежавшего святому Димитрию Пролога, хранящегося в библиотеке Московской Духовной академии, он пользовался первыми шестью томами издания Болландистов (месяцы январь – май).

29*

Справщик Печатного Двора в Москве.

30*

Учитель Киевской, потом Московской академии и, наконец, иеромонах Александро-Невской лавры.

31*

Арсений Мацеевич (1697–1772), управлял Ростовской епархией с 1742-го по 1765 год.

32*

Это обстоятельство, между прочим, побудило святого Димитрия приступить к новому труду под заглавием *Сокращенное мученикословие*. В предисловии к нему он говорит: «Собирающе убо от различных мест жития святых в четыре потримесячнии книги вократце, умыслихом еще сокращеннее тыя по чину месяцесловному собрати в эту малую книжицу и нарещи ю по древнему обычаю мученикословием». Труд этот, по неизвестным причинам, остановился в самом начале.

33*

Знаменская икона Богоматери находится в Курском Знаменском монастыре; иначе называется "Коренною», потому что была чудесно обретена при корне дерева, где после была основана, в 1597 г., Рождество-Богородицкая (ныне общежительная) пустынь, в 27 верстах от Курска. Торжественные празднества в честь чудотворной Коренной иконы Знамения Божией Матери совершаются 27-го ноября и 13-го сентября, в день возвращения в Знаменский монастырь из Коренной пустыни, куда она ежегодно препровождается к 9-й пятнице по Пасхе, оставаясь там до 12-го сентября.

34*

Саровская мужская пустынь, Тамбовской губ., Темниковского уезда, находится в 37 верстах от г. Темникова; основана в 1770 году иеросхимонахом Иоанном при впадении р. Саровки в р. Сатис на месте татарского города Сараклыч. Место это было освящено еще ранее подвигами добродетельных подвижников: первоначально инока Феодосия и потом Герасима, которые оба были свидетелями разных благодатных знамений, явно предсказывавших будущее значение этой местности (напр., в виде исходящего свыше огненного луча, громкого благовеста многих колоколов и т. д.). Спустя шесть лет по основании обители, под день, назначенный для воздвижения креста на главе первого воздвигавшегося в Сарове храма, на горе, где расположена обитель, раздался ночью громкий колокольный звон между тем как ни одного колокола не было; то же повторилось перед полуднем причем работавших осветил необыкновенный свет. Из преемников иеросхимонаха Иоанна особенно замечателен своею подвижническою жизнью и благоустройством монастыря строитель Ефрем. Саровская пустынь издавна славилась строгим соблюдением иноческих уставов и подвижническою жизнью своих пустынников. В настоящее время Саровская пустынь принадлежит к числу благоустроеннейших и обеспеченнейших русских обителей. В ней находится до 7 храмов; ризница её замечательна по выдающейся ценности, красоте и изяществу хранимых в ней богослужебных принадлежностей. Обитель обладает большими угодьями.

35*

Таковы, например, были знаменитый игумен и возобновитель Валаамского монастыря Назарий, начавший свое иноческое житие в Сарове и проведшей там же последние годы своей жизни, иеромонах Досифей и, особенно, прославившийся своими подвигами, схимонах Марк долгое время бывший молчальником.

36*

По примеру св. Псалмопевца, который, среди скорбей и болезней, взывал: слезами моими омочаю постель мою. (Пс. 6:7).

37*

Выражение: *нашего рода*, очевидно, указывает на то, что преп. Серафим был особенно усердным молитвенником пред Божией Матерью и потому сам находился под особенным её покровом и заступлением, что ясно и подтверждается многочисленными примерами из самого жития преподобного.

38*

об этом впоследствии старец весьма часто и весьма многим сам говаривал. Престол, сооруженный преп. Серафимом, был освящен 17-го августа 1786 го года в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и доныне стоит на своем месте. Верхний престол был посвящен во имя Преображения Господня. – Во время трудного подвига сборщика на это построение, Серафим был и на своей родине в Курске, но уже не застал благочестивую мать свою в живых; брат его, оставшийся после матери полным хозяином родительского достояния, оказал Прохору, с своей стороны, щедрое пособие для строенья монастырской церкви.

39*

Еврейское слово "Серафим» значит: пламень, горение; дальнейшее значение, по некоторым толкованиям – возвышенный, благородный. Это собственно Ангельское имя, коим именовались и именуются светлые духи, принадлежащие к одному из ближайших Богу чинов небесной иерархии, занимающие пред престолом Всевышнего первое место в первом лике. – Имя сие было дано Прохору при пострижении его в иноческий образ без его ведома и изволения, и на это можно смотреть, как на выражение понятий о нем монастырского начальства, видевшего ревность Прохора к богоугодной жизни и прозорливо предусматривавшего в нем ещё больший пламень по Боге.

40*

Это было в декабре 1787-го года.

41*

Примечательно при сем то обстоятельство, что благодатное видение преподобного Серафима последовало в такое время литургии, когда вход священнослужителей в алтарь изображает шествие их как бы в самое небо, и священник в тайной молитве просит Господа: Владыка, Господи Боже наш, устанавливающий на небесах чины и вышинства Ангелов и Архангелов, для вославления Тебя, сотвори со входом нашим вход святых Ангелов для служения нам и прославления Тебя, когда поется и Ангельская Трисвятая песнь: Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. Таким образом видение это воочию показало, что не всуе мы веруем, что во время Божественной литургии Силы Небесные с нами невидимо служат и что с нами в это время соприсутствует Сам Царь Славы – Христос

42*

Тамбовским епископом Феофилом 2-го сентября 1793-го года, по представлению монастырского начальства, ясно видевшего, что о. Серафим по своим подвигам неизмеримо выше других братий и потому заслуживает преимущества при возведении в высшие степени церковного служения.

43*

Это было 20-го ноября (день прихода преподобного в Саровскую пустынь) 1794-го года. Доселе хранится в Саровской обители один экземпляр билета, выданного преп. Серафиму для беспрепятственного проживания в пустынной кельи, за подписью строителя, старца Исайи. Вот текст этого билета: «Объявитель сего, Саровский пустыни иеромонах Серафим, уволен для пребывания в пустыне, в своей (т. е. монастырской) даче, по неспособности его в обществе, за болезнью (от непрестанного келейного бдения, постоянного пребывания на служениях в церкви и стояния в течение многих лет на ногах с небольшим лишь отдыхом во время ночи, Серафим пред своим отшествием в пустынножительство впал в недуг; ноги его опухли, и на них открылись язвы, так что он лишился на некоторое время способности священнодействовать. Болезнь сея была немалым побуждением к избраний им себе пустыннической жизни) и по усердию (разумеются его особливые, исключительные иноческие подвиги, требовавшие безмолвия и уединения), и после многолетнего искушения (искуса, иноческого испытания) в той обители и в пустыне, уволен единственно для спокойствия духа Бога ради, и с данным ему правилом согласно святых отец положениям и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в одном месте и оное утверждаю – строитель иеромонах Исаия, 1797, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем.

44*

Рождественское славословие Ангелов пастырям Вифлеемским. (Лк. 2:14).

45*

В саду Гефсиманском пред крестными страданиями.

46*

Богородичен воскресный на вечерне (Догматик)-1-го гласа.

47*

Воскресный антифон 2-й, 1-го гласа, на утрени

48*

Ирмос 3-й песни канона воскресного, 3-го гласа.

49*

Ирмос 3-й песни канона воскресного, 8-го гласа.

50*

Таковыми были в особенности аскетические святоотеческие творения, как-то: преподобных Иоанна Лествичника и аввы Варсонофия, Ефрема и Исаака Сириных, Маргариты (составленный главным образом из творений св. Иоанна Златоустого) и другие

51*

Распространенное в России травянистое растение, обильно размножающееся подземными корнями, большею частью – сорное и плохопитательное, но употребляется в народной медицине от некоторых болезней, а молодые листья иногда употребляется в качестве овощей в щах.

52*

Первый из них бывал у него раза два в месяц, а последний – однажды. Преподобный Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах.

53*

Благословляя преподобного Серафима, Исаия заметил с недоумением: «Да как же я могу за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?» Но Серафим на это с верою и убеждением заметил: «Вы только благословите, и уже никто из них не взойдет на мою гору».

54*

Празднуется сей иконе, наименованной согласно евангельскому выражению (Лк. 11:27): «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие», в неделю Всех Святых и 26-го декабря, когда именно старец Серафим испрашивал у строителя обители Исайи благословения, чтобы женщинам не было входу на его пустынную гору.

55*

Так, преп. Серафима предназначили было настоятелем в г. Алатыр (уездный город Симбирской губернии), с возведением в сан архимандрита; ибо с одной стороны Саровская пустынь неоднократно давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители, с другой – духовное начальство знало старца Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввой – настоятелем какой либо обители. В другой раз Серафима предназначали строителем в Краснослободский Спасский монастырь. Но в обоих случаях по усердной просьбе старца и по взаимной любви, и согласию братии, его заменили другими иноками Саровскими.

56*

Брань – монашеское аскетическое выражение, означающее упорное и продолжительное искушение, которому дьявол подвергает сопротивляющихся ему иноков. По причине сей борьбы с дьяволом, иноки на языке аскетов часто зовутся духовными воинами.

57*

В бумагах обители сохранился сей отзыв Игумена Нифонта в черновике.

58*

Камни, на которых подвизался преп. Серафим доселе сохраняются и некоторое время после кончины его оставались на своих местах, где лежали. Братия обители и богомольцы ходили смотреть на них так, что в пустынь Серафимову, вместо прежней тропинки, впоследствии открылась просторная дорога, по которой ездили экипажи. Многие отбивали и брали себе частицы камня с изображением на них старца Серафима, стоящего на камнях в молитвенном положении, так что от того большого камня, на котором преподобный молился в глубине леса, остался один обломок, сохраняющейся в Дивеевской обители; там же хранится и тот камень, на котором старец молился в своей кельи.

59*

Кукуль – монашеский головной убор в виде клобука о спускающимся на плечи крепом; в древней Церкви обычная принадлежность монашеского облачения.

60*

«Умной» молитвой на языке аскетов называется созерцательная богомысленная молитва, когда подвижник всей душою погружается в нее в безмолвии.

61*

Преподобный Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться примером, преподобного Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания, Архиепископ Александрийский, Феофил желая придти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Арсений отвечал: «если для тебя отворю, то и для всех отворю». Тогда Феофил сказал: «лучше мне не ходить к нему».

62*

Старчество представляет собою один из самых высших подвигов иночества, на который способны только немногие избранные люди. Это – духовное руководительство и врачевание "старцами» иноков и всех приходящих, имеющих нужду в духовном утешении и совете. Добровольные ученики, приходя к старцу, раскрывают пред ним всю свою душу и отдаются в полное его послушание, а старец берет на себя труднейший подвиг любви христианской и великую ответственность пред Богом за их души.

63*

Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между «освященными», т.е. имеющими степень священства аввами.

64*

Мотыка – кирка, заступ железная лопатка.

65*

На вечерне вторника Страстной седмицы, из стихиры на «Господи воззвах». 4-го гласа.

66*

Впоследствии известный наместник Троице – Сергиевой Лавры.

67*

27 июля 1842 года был получен указ Св. Синода об утверждении общежительной Дивеевской обители в составе обоих отделений. В 1861 году Дивеевская община возведена в третьеклассный женский монастырь, и в настоящее время представляет собою одну из самых многолюднейших и благоустроеннейших женских обителей на Руси, вмещающую в себе до 1000 и даже свыше сестер.

68*

В 1861 г. Покровская Ардатовская община, основанная около 1800 года мещанкой Василиссой Дмитревой Пахомовой, возведена на степень третьеклассного монастыря.

69*

Ныне Спасо-Зеленогорский третьеклассный общежительный женский монастырь.

70*

Антоний, в мире А. Г. Медведев, известный сотрудник и сподвижник Филарета, митрополита Московского, наместник Троице-Сергиевой Лавры с 1831 – 1877 г., был избран на этот пост по личному желанию святителя и за продолжительное время своего наместничества привел Лавру в цветущее во всех отношениях состояние.

71*

См. Минеи-Четьи, под 19 ноября.

72*

Благоговейные иереи и архиереи Православной Церкви, отличавшееся подвигами и духовною жизнью, питали к преподобному Серафиму глубокое уважение и веру, писали к нему письма, спрашивая его советов. Особенно уважение питал к нему Антоний, архиепископ Воронежский, известный своею святою жизнью и иноческими подвигами. Вскоре после блаженной кончины угодника Божия, он говорил про него: Мы – как копеечные свечи, а он как пудовая свеча, всегда горит пред Господом, как прошедшею своею жизнью, так и настоящим дерзновением пред Пресвятою Троицею.

73*

Случай этот был засвидетельствован княгинею Е.С.Ш. со слов исцеленного преподобным ее расслабленного сына. При сем старец, заметив, что болящий видел это, строго поведал ему «оградиться молчанием» и не говорить о том до его смерти, что тот и исполнил.